ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Орган Федерации Об'единений Советских Писателей РСФСР

МОСКВА 4 ЯНВАРЯ 1937 г. № 1 (100)

РЕДАКЦИЯ: Тверской бульвар, 25. Дом Герцена. Тлф. 2.80.12

ГОРЯЧИЙ ПРИВЕТ БЕЛОРУССКИМ ТОВАРИЩАМ, НАШИМ СОРАТНИКАМ В КУЛЬТУРНОЙ РЕВОЛЮЦИИ!

РАЗВЕРТЫВАЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ НАСТУПЛЕНИЕ,

УДАРИМ ПО ВЕЛИКОДЕРЖАВНОМУ ШОВИНИЗМУ И МЕСТНОМУ НАЦИОНАЛИЗМУ

С-162734

„НЕДЕЛЯ СОВЕТСКОЙ БЕЛОРУССИИ" НАЧАЛАСЬ

Вчера поезд из Минска доставил в Москву делегацию белорусских товарищей, прибывших для участия в декаде белорусской культуры. Идеологи буржуазного национал - демократизма, эти агенты зарубежного фашизма, стремились ориентировать развитие белорусской культуры на ИНОЙ маршрут. Культурный разрыв с народами СССР, строящими свою культуру, — пролетарскую по содержанию и национальную по форме, и курс на буржуазно-фашистскую культуру Запада, — вот этот маршрут.

На крепнущей материальной базе, на основе всеобщего обязательного обучения и ликвидации неграмотности, в условиях бурного роста производительных сил в стране происходит социалистическое наступление пролетариата СССР на всех участках культурного фронта. Успехи и перспективы этого наступления становятся особенно наглядными, если их сравнить с положением дел в культуре капиталистического Запада.

У НАС — культурная революция развертывается и вширь и вглубь. Ее непосредственной задачей является сейчас не только достижение уровня БУРЖУАЗНОЙ культуры, но и поднятие на ступень, которая явится НОВЫМ шагом в культурном развитии человечества. У НИХ — происходит кризис и распад культуры во всех ее областях — в науке, искусстве, философии. У НАС — пролетариат, подтягивая к себе массы идущего по пути коллективизации крестьянства, берет и критически перерабатывает богатейшее культурное наследство, созданное человечеством. У НИХ — буржуазная мысль, не находя выхода на протяжении капиталистического мира, пытается обрести этот выход на пути реакции, становясь тормозом культурного развития. У НАС — расцвет национальной по форме культуры обеспечивает интернациональное сотрудничество народов СССР в культурной революции. У НИХ — культура господствующих классов утверждает себя на принципе шовинистического угнетения классов и угнетения национальностей.

Проблема развития национальной культуры приобретает в СССР такое большое значение потому, что разрешение этой проблемы является предпосылкой для приобщения к социалистическому строительству народов, угнетавшихся царизмом. Лозунг национальной по форме культуры не имеет ничего общего с национализмом и является лозунгом культурной революции пролетариата. Вот почему необходимо дать непримиримый отпор как попыткам отрицания или умаления значения этой проблемы, так и попыткам дать ей буржуазно-феодальную трактовку. Вот почему и великодержавный шовинизм и местный национализм выступают как формы проявления враждебной пролетариату идеологии.

Белорусские товарищи-писатели, кинематографисты, колхозники, рабочие-ударники — приезжают в Москву не только как ГОСТИ, но и как ХОЗЯЕВА, как участники и бойцы социалистической революции. Декада Белоруссии не есть только декада демонстрации культурных и хозяйственных достижений одной из союзных республик, — она есть вместе с тем декада укрепления интернациональных связей народов СССР и проверки итогов борьбы с великодержавничеством и местным национализмом.

Белорусские товарищи начали серьезную борьбу с местным национал-демократизмом. Работники великорусской по форме культуры обязаны проверить, все ли ими сделано для того, чтобы нанести сокрушительный удар по великодержавному шовинизму. Борьба в ним ведется еще недостаточно. Здесь речь идет не только о творцах и лозунгах открытого или замаскированного великодержавничества, но и об инерции великодержавных тенденций в практике писательских организаций, издательств и иных органов, связанных с литературным движением. Русский читатель встречает белорусскую декаду малоподготовленным, ибо он не имел почти никакой возможности познакомиться в переводах с белорусской литературой, — и разве один этот факт не свидетельствует о силе великодержавной инерции в нашей издательской и переводческой работе? Разве не в том же говорит отсутствие на русском языке журнала литературы народов СССР?

МЫ ТРЕБУЕМ, чтобы белорусская декада явилась одним из решающих толчков для развертывания наступления на теорию и практику великодержавничества в области литературы. Мы ТРЕБУЕМ, чтобы — по линии укрепления культурных связей с Белоруссией — декада явилась НАЧАЛЬНЫМ звеном. МЫ ТРЕБУЕМ, чтобы Всесоюзное объединение ассоциации пролетарских писателей (ВОАПП), пикой которого в вопросах белорусской литературы в частности оправдалась целиком и полностью, на деле возглавила борьбу НА ДВА ФРОНТА с уклонами в вопросах национально-культурного строительства.

Горячий привет нашим товарищам, строителям пролетарской культуры и активным бойцам культурной революции в Белоруссии!

ДНИ ПЕРЕД „НЕДЕЛЕЙ"

ДЕЛЕГАЦИЯ ФОСП В СОВЕТСКОЙ БЕЛОРУССИИ

(От нашего специального корреспондента)

У Наркомпроса БССР тов. А. Платуна

На снимке: — Стоят И. Лимановский (отв. секретарь БелАПП), сидят — А. Сенкевич (ЦК КП(б)Б), Б. Рест (специальный корреспондент „Литературы"), М. Хорсов, В. Кириллов, А. Платун (Наркомпрос БССР), Ф. Гладков и А. Богданов

...От Москвы до Орши — Красной столицы Советской Республики часовой перегон. Час ночной езды проходит незаметно, как одна ночь...

Четыре писателя — ответственные работники литературной общественности РСФСР. Делегация ФОСП — Федор Гладков, Владимир Кириллов, Марк Колосов, Александр Богданов — 21 октября выехала в Минск, чтобы практически ознакомиться с белорусской литературой, с Минском, на «Неделе советской Белоруссии».

«Неделя советской Белоруссии» должна углубить и обогатить наши творческие и деловые связи с писателями Белоруссии, укрепить культурные связи белорусского и русского народов, обычный акт пребывания ответных писателей в Москве. Дружеских бесед было больше, чем торжественных речей. Приезд делегации ФОСП в БССР превратился в смычку двух литературных отрядов красной армии социалистического наступления.

***

Основным вопросом, обсуждавшимся на деловых встречах писателей и на приеме у наркомпроса БССР — тов. Платуна,—было укрепление постоянной творческой связи национальных культур, в частности национальных литератур народов, входящих в Союз Советов.

Намечались формы этой связи: издание Всесоюзного журнала, который бы освещал литературную жизнь всех советских республик, рассчитанный о творческом опыте и творческой практике начинающих писателей; поездки писательских бригад на работу в союзные республики—на заводы, в колхозы; совместная работа писателей национальных республик в писательских бригадах.

На совещаниях указывалось, что сейчас назрел вопрос о создании на ряду с БелФОСП и Всесоюзной Федерации объединений советских писателей. ФОСП СССР должна стать центром литературной жизни всего Союза, который содействовал бы сплочению писательских рядов для борьбы на фронте социалистического строительства. Отмечалась и необходимость реорганизации «Литературной газеты» ФОСП РСФСР во всесоюзную «Литературную газету».

***

Дом писателя переполнен белорусскими писателями, литературоведами, работниками искусств. Ответственный секретарь БелАПП т. И. Лимановский приветствует делегацию ФОСП РСФСР.

Белорусские товарищи демонстрировали показать использовать для своих целей великодержавные вкусы писателей всего бывш. русской литературы для обучения и великодержавным шовинизмом всю русскую литературу.

БелАПП будет с этим беспощадно бороться. Привет делегации ФОСП — начало нового периода сближения советских писателей РСФСР и БССР. Мы будем вместе бороться и с великодержавным и с национальным шовинизмом.

— Наша ближайшая задача—построить единый авангард пролетарской культуры. Писатели должны быть сугубо бдительны, зорки, чтобы не пропустить ни одного выстрела классового врага, ни одной вылазки троцкистско-бухаринской агентуры, — говорит Тишка Гартный («Письмо»). — Отдадим все силы, чтобы белорусская культура в тесном взаимодействии с культурой русского народа, с культурой всех братских республик, в том числе и украинской, поднялась на высшую ступень развития.

Белорусская литература, — говорит Тишка Гартный («Письмо»), — отдала должную дань белорусскому буржуазному национализму, сбросила со своих плеч русофобские и украинофобские отношения, стала на братские, дружественные отношения с русской и украинской литературами, приобрела большой опыт творческой работы.

Перед нами весь стоит вопрос не о том, с кем мы хотим идти, и с кем мы пойдем. Мы решительно и безоговорочно с пролетариатом. Перед нами только стоит задача: найти тот способ, тот метод, при помощи которого мы сможем пойти с пролетариатом в нашей литературной работе. Пример делегации ФОСП в Минск, белорусская неделя в Москве, широкий взаимный обмен опытом безусловно помогут нам разрешить эту задачу. Писатели национал-демократам не удастся оторвать Советскую Белоруссию от великого отечества пролетариата—Советского союза.

Отвечая на приветствия, председатель делегации Ф. Гладков заявил:

— Наша делегация приехала в Белоруссию, чтобы учиться у вас, чтобы ознакомиться со всем культурным и хозяйственным достижениями Советской Белоруссии.

Мы с большим удовольствием сообщаем, что Президиум ЦИК БССР наградил группу писателей, работников искусства орденами и почетными грамотами. Среди награжденных — Якуб Колас, Янка Купала, Кондрат Крапива, Тишка Гартный, Михась Чарот, Петрусь Бровка, Кузьма Чорный, Михась Зарецкий, Иван Мележ, Иван Гаврилкин, Василь Быков, Ефим Пермитин, Ефим Гольцман, Ефим Кацнельсон, Ефим Ратнер, Ефим Шапиро, Ефим Шапиро, Ефим Шапиро

ТВОРЧЕСКОЕ ЛИЦО БелАПП

I

Рост и успехи пролетарской белорусской литературы характеризуются органической слитностью разрабатываемых проблем с задачами пролетарской революции. Наиболее и центральное место в художественной практике пролетарских писателей занимает—на первом периоде развития белорусской пролетарской литературы—героика гражданской войны, массовое перевоспитание людей. На ряду с этим стоят проблемы художественного отображения процесса изменения белорусской—со сложными национальными переплетениями—действительности.

Белорусская пролетарская литература выдвинула ряд имен: **Чарот, Александрович, Головач, Лыньков, Кобец** (драматург), **Труе** и др., которые завоевали себе массового рабоче-крестьянского читателя Белоруссии, а часть из них стала известна читателю и других советских республик.

При общем пролетарском направлении, при наличии ведущей группы определившихся пролетарских писателей БелАПП имеет в своих рядах и крестьянских писателей и мелкобуржуазные попутнические элементы. И это определяет чрезвычайную пестроту творческого лица белорусской литературы.

Пролетарское литературное движение Белоруссии, несмотря на свои громадные творческие достижения (произведения М. Чарота, А. Александровича, повесть «Адзін з многіх» Лыньков, «Гута» (драма) Р. Кобеца, повесть Головача «Сполох на загонах» и др.), констатирует, однако, отставание темпов развития пролетарской литературы от задач реконструкции.

Отставание это выражается и в том, что белорусская литература еще не научилась, как следует, в художественных образах показывать основную тенденцию более развития по социалистическому пути.

Несмотря на то, что БелАПП фактически «Молодняк» своей публицистической продукцией боролся против национал-демократизма, отдельные беллитераторы не преодолели окончательно его своеобразного национал-демократического «творческого метода». Идеалистическая сущность этого творческого метода заключается в бесконечных «чаці-бай-вакуитычна», в поисках за бесконечностью «міфуитычных», сентиментальной лиричности, психологической экзотичности и в бессюжетности. Это сказывается также и теперь, в переходе на позиции практических тем дня.

Крестьянские писатели, находящиеся в рядах Белорусской ассоциации пролетарских писателей, имеют колоссальные достижения. В лице своих наиболее выдающихся представителей они пришли в свой тематике на разработку проблемы социалистической перестройки деревни. Однако мелкобуржуазная природа крестьянских писателей создает возможность влияния на них творческого метода правого крыла крестьянской литературы Белоруссии. Это сказывается в отрицании человека, как «совокупности общественных отношений», в рассматривании человека исключительно с биологической и физиологической стороны и создает опасность ухода крестьянских писателей с фронта борьбы за социалистическую переделку крестьянских масс.

II

В белорусской пролетарской поэзии определилась тенденция выравняться и стать в ногу с задачами социалистического строительства.

В основном белорусские пролетарские поэты прошли свой путь от периода воспевания «Віхур-навальніц» гражданской войны до периода воспевания достижений рабочего класса в области социалистического строительства.

Михаил Чарот дал наиболее полное, наиболее глубокое художественное отображение движения полупролетарских масс Белоруссии за Октябрьскую революцию в своей поэме «Косы на вытачке», а также в ряде стихотворений о гражданской войне и о комсомоле. В своей чрезвычайно интересной поэме «Карчма» поэт ушел далеко за рамок материала белорусской национальности. Однако с задачами реконструктивного периода Чарот полностью не справился. К этому времени он реже печатается, и только последние стихотворения, одно из которых посвящено пятнадцатилетию Октября, а другое раскрытию контрреволюционной организации национал-демократов, свидетельствуют о переломе в громадных творческих возможностях Чарота.

В поэзии **А. Александровича** отображен процесс социалистического строительства, особенно в городе (книга «Угрунь»). Отображению достижений советской Белоруссии за десять лет посвящена «Поэма імя вызвалення».

Александрович в своем творческом пути отзывается на задачи партии сегодняшнего дня. Его стихи—это боевой лозунг о достижениях социалистического строительства, беспощадное бичевание (особенно сатирой) национал-демократизма. Многие стихи его переведены на русский и иностранные языки.

К сожалению, последнее произведение Андрея Александровича «Поэма імя вызвалення» показывает, что он в творчестве сбочился на поверхностное, временами грубо-схематическое, не продуктивное, упрощенческое трактование актуальных проблем пролетарской литературы Белоруссии.

Более глубокое отображение процесса индустриализации советской Белоруссии дано в поэме пролетарского поэта **Пилипа Труся** «Дзесяты падмурак». Чрезвычайно неровным и сложным путем пришел к пролетарской литературе покойный поэт Пилип Труе. Будучи представителем крестьянской литературы, Труе усиленной работой над своим мировоззрением смог одним из первых в Белоруссии сказать о художественных отношениях очень убедительное и полное лирической глубины... слово о «Краіне фабрык, дымных і вышняй». Пилип Труе только вступил на творческий путь пролетарской литературы, но смерть помешала ему развернуть свой громадные силы.

Из революционных поэтов БелАПП, наиболее близко стоящих к пролетарской литературе, следует отметить **Петрусь Бровку** с его произведениями «Гады, их шторы» и «Песовые будні» **Алеся Звонака**, который тематически держится в кругу гражданской войны (поэма «Баліз»), поэта **Алеся Сингуба**, который в формальном отношении имеет значительные недостатки, но с политической стороны чрезвычайно тематически насыщен, поэта **М. Хандорина** и других.

Очень четко выражаются и мелкобуржуазные шатания в среде внутреннего попутничества в БелАПП. У поэта **Василя Мархвы** в его книгах «Пелесці», «Вершні жалезнай» жизнь сне уплощение настроения. Поэт **Владимир Хадыко** стоит далеко от пролетарской поэзии и только в последних стихах у него намечается перелом. Эти мелкобуржуазные шатания выражаются в опытах культивирования чисто «психологической поэзии» (**Юлия Таубина**).

Характерно, однако, то, что все близко стоящие к пролетарской литературе попутчики стремятся отразить процесс величайшей стройки в нашей стране. Но у каждого из них в этом отображении свои специфические срывы: схематизм, преобладание внешнего в фразеологии над глубиной и всесторонностью показа.

III

Пролетарская художественная проза является ведущим звеном не только в белаппповской литературе, но и всей белорусской литературы. Глубина и постановке и разрешении актуальнейших проблем значительно отличает ее от тематической и идейной узости художественной прозы попутчиков. Ведущий ряд в белорусской пролетарской литературе составляют такие писатели-беллитераторы, как **Михась Лыньков, Рыгор Кобец, Пилип Головач** и другие.

В творчестве Михася Лынькова одной из основных проблем является формирование нового человека в процессе классовой борьбы пролетариата.

Во всем творчестве Лынькова эта проблема встает с чрезвычайной остротой и художественной яркостью.

В таких произведениях, как «Над Бугам», «Апошні Зьверагавец», «Андрэй Лягун» и «Мапчжур»—этот рост и формирование нового человека идет чрезвычайно противоречивым, тяжелым и сложным путем. Михась Лыньков острых углов пробдем нигде не стирает. Наоборот, в этом противоречивом и сложном развитии, в освобождении человека от гнета старого, капиталистического общества он показывает и становление нового человека.

От Лынькова нить этой проблемы идет к молодому пролетарскому драматургу Рыгору Кобецу (рабочий-кочегар). В пьесе «Гута» Р. Кобеца проблема формирования и переработки личности в рабочем коллективе переходит в качественно более широкую проблему—проблему переработки рабочего коллектива. Эта перестройка рабочего коллектива происходит в борьбе за рационализаторство. В борьбе за замену ручного труда рабочих машинным, в ожесточенной борьбе с вредителями и т. д. В пьесе Кобеца нет никакого противопоставления коллектива личности. Личность у него не замерзает. Вместе с ростом идейной сплоченности всего рабочего коллектива отчетливо ощущается рост сознательности каждого рабочего в отдельности (Семка Цынк, изобретатель К. Морел).

Проблема личности коллектива четко выдвигается и в творчестве Платона Головача. Его повесть «Вінаватыя» и есть по существу бунт против противопоставления личности коллективу, против игнорирования личности. В повести «Дзяцюры» Головач показывает влияние мелкобуржуазного окружения на отдельных членов рабочего коллектива членов партии.

Однако и в творчестве Лынькова и Кобеца имеются некоторые срывы. Срывы эти, между прочим, у Лынькова идут по линии отступлений от реалистического показа в сторону романтизма, или по линии сказочной романтичности и элементов сентиментализма. У Рыгора Кобеца—по линии фетишизации машины.

Безыменский писатель **Р. Мурашко** написал большой роман из эпохи 1905 года в Белоруссии «Сыч». Основная заслуга этого писателя в том, что он первый начал разработку этой огромнейшей темы. Мурашко в основном удержа и смог воплотить в образы сущность революции в деревне. Мурашко узонких исторгнутость, стихийность революционных брожений крестьянства. Однако революционный город у него получается чрезвычайно слабо. У Мурашко своеобразная эклектичность в творческом методе: здесь сочетается идеалистическая замкнутость с натуралистической тенденцией. К тому же роман чрезвычайно портит часто прилипший сплавянофильский сентиментализм.

Безыменские пролетарские и крестьянские писатели вплотную подошли к актуальнейшей проблеме сегодняшнего дня, проблеме социалистической реконструкции деревни. И на этом пути безыменские пролетарские и крестьянские писатели уже имеют громаднейшие достижения.

Крестьянский писатель безыменец **Сымон Барашков** написал чрезвычайно интересную повесть «Межы» отображающую процесс коллективизации. В своем показе процесса коллективизации С. Барашков далеко ушел вперед от схематизма и штампованности. Коллективизацию он показывает так, что за повести органично следует идея победы и коллективных форм земледелия над индивидуальными.

В творчестве С. Барашкова борются две тенденции: одна из них идет по линии частичного усвоения им метода пролетарской литературы, а другая тенденция так называемого «естественно-научного материализма».

Показанные тенденции мешают приближению писателя к пролетарской литературе и окончательному переходу на ее рельсы. В более широких образах и здесь более глубокой постановке проблема социалистической перестройки деревни и путей ее разработки даны в замечательном произведении пролетарского писателя **Пилипа Головача** «Сполах на загонах».

Головач показывает весну 1930 года, колхозы и единоличников в колхозах, головокружение от успехов в рядах низовых партийных работников. Резкий в отличие от С. Барашкова показывает ру-

БелАПП

В. Кензель
М. Федорович
М. Никифорович

ководящую роль рабочих города и партии. Притом, интересным является то, что проблема соотношения руководителей колхозным движением— рабочих города и рядовой массы колхозников—показана, как процесс повседневной работы рабочей бригады и руководителей колхозов.

Белорусская крестьянская литература имеет в своих рядах талантливого писателя **Василя Каваля**. У него глубокая лиричность и любовь к природе. Земля и мужик—он вокруг обстоятельств. Единственный критерий человеческого счастья—земля. Как же «философская платформа» заставляет, между прочим, Каваля временами идеализировать патриархальную старину деревни и мешает ему переключиться на новое колхозного строительства.

Перед белорусской крестьянской литературой стоит серьезная задача усвоения диалектико-материалистического творческого метода, сделать свое творчество более полнокровным и соответствующим задаче социалистической реконструкции деревни, новых колхозного и совхозного строительства.

В условиях БССР перед пролетарской литературой ближайшей стоит проблема национальной формы пролетарской литературы. Эта проблема чрезвычайно острой актуальности и трудности. Разрешение ее должно итти в ожесточенной борьбе с национал-демократическим подмалевкой пролетарского содержания, «буржуазным содержанием в пролетарской форме» и вульгаризаторскими извращениями, отражающими белорусский национальный вопрос.

Разрешение этой проблемы позволит белорусской литературе окончательно освободиться от влияния на некоторых его членов национал-демократического творческого метода, о котором мы говорили выше. Под руководством коммунистической партии, на основе громадных достижений белорусской пролетарской литературы небывалый взлет и завоевания советской Белоруссии.

А. БЕНДЭ
Ап. КУЧАР

ЕВРЕЙСКАЯ ПРОЛЕТЛИТЕРАТУРА В БССР

Еврейская секция БелАПП ведет большую массовую работу и за последний период обогатилась рядом новых методов, вытекающих из политических и хозяйственных задач, выдвинутых партией перед страной, и том числе и перед литературными организациями, в связи с реконструктивным периодом.

Последний год работы секции характерен приливом ряда товарищей, главным образом, из рабочих от станка. Но все же приходится отметить, что не части всех секции за счет рабочих-ударников, рабкоров и утвержденной рабочей молодежи не все сделано. Так же недостаточна работа по организации литкружков на предприятиях и еще неудовлетворительна работа членов секции на предприятиях.

Члены секции дали целый ряд произведений, показывающие творческий рост писателей, повышение их квалификации и все большее приближение их к актуальным задачам пролетарской литературы. Мы имеем ряд значительных произведений, отражающих гражданскую войну (**Харин, Долгопельский** и др.).

Мотивы гражданской войны также нашли свое отражение в ряде произведений молодых еврейских пролетарских поэтов (**Лявицкий, Каменецкий, Витензон** и др.). Новый советский быт нашел свое отражение в произведениях **Э. Кагана, Долгопольского, Майзеля** и др. Ряд произведений дает картину перехода еврейских трудящихся местечек к коллективному сельскому хозяйству. За последний период усиливается производственная и актуальная печатная тематика в произведениях наших еврейских пролетарских писателей. Так, например поэт Харин, в настоящий момент работает над большой поэмой об этой поэме уже напечатаны), центральной темой которой является реконструкция нашего хозяйства и сопутствующая этой реконструкции ревельция в быту (борьба с остатками религиозного быта и связи с непролетарской и т. п.). В этой же плоскости — индустриальной тематики — находится новая поэма **И. Юдельсона** — «Комбинат». Центральной темой творчества **Ш. Гореликa** — рабочего-ударника — также является фабрика, завод, рабочая жизнь, профдела. Эта тема становится за последнее время преобладающей в творчестве членов секции БелАПП. Группа молодежи самого последнего «призыва» — **Ласнер, Тапилай, Рейзен, Дехтяр, Боровский, Воремыкин** — главным образом в своем творчестве обращается к предприятию, к тематике социалистического строительства.

Творческий рост организации и отдельных ее членов выразился также в увеличении разнообразия жанров. Наряду с поэмой, стихотворением и повестью, появились более обширные повести, напечатан ряд драматических произведений — **(Оршанский, Долгопольский)**.

Заметен также рост марксистской критики. Выросла группа членов секции БелАПП, работающая в этой области. В настоящий момент находится в печати ряд работ по области литературной критики **(Оршанский, Бронштейн, Дунец)**.

***

Отмеченные выше положительные моменты в работе секции БелАПП должны заставить перед нами не отрицательные стороны. Надо сказать, что творческий рост и количество произведений не могут быть признаны удовлетворительными, недостаточно быстро развертывает свои силы писательская молодежь, недостаточна работа с этой молодежью по линии творческой учебы. В отдельных произведениях членов секции имели место проявления националистического уклона, отражение упадочнических настроений. Борьба с этими явлениями должна быть усилена, также должна быть усилена борьба с примиренческим отношением писателей к этим отрицательным явлениям. Оторванность от рабочих масс в повседневной жизни сне, к сожалению, является характерным для части членов секции БелАПП.

Секция БелАПП, занимающая членов БелАПП, должна максимально **поднять темпы** своей работы. Она имеет для этого все необходимое условие. Строя свою работу на базе максимального вовлечения в свою работу и укрепления их творчества, секция добьется новых достижений в своей работе, помня, что перед ней стоят огромной важности задачи борьбы за социалистическое строительство, за большевистское воспитание еврейских рабочих и трудящихся, борьбы против классового врага и его идеологии — против правого и «левого» оппортунизма, против национализма и шовинизма.

Х. ДУНЕЦ

Мак Харин

ЗОЛОТЫЕ ПОХОРОНЫ

Диковинные похороны! Странная процессия!
Ни слез, приличных случаю, ни скорби
нет во взорах.
Не больно был покойничек, повидимому, дорог
Рабочим да работницам, шагающим так
весело.
Что ж не слышно плакальщиц? Где же
носилки черные?
Что так разухабисто музыка оркестра?
Товарищи, спокойнее! Сбавьте пыл, маэстро!
Труп не разбудили б вы музыкой
задорною.
Кто же тот покойничек? Звали как
сердечного?
Видно, был персоною он весьма известною?
— Умер был субботник, умер был
воскресный...

Гряньте ж, товарищи, память ему
вечную!
Кони в белых такелях выступают
чинные.
Торжественно колышутся пышные
попоны.
За санями шествуют бодрые колонны
Сами же нагружены всякой чертовщиной.
Но очередь мордатых извозчиков, бричатых
самоваров,
Сережек да браслетов, колечек
обручальных,
Лампадок да подсвечников, да иконостасов
синагогальных,
Да «таны-бары», растабары—прах всей
жизни старой.
С языками вырванными, рыжие,
пузатые
Туши колокольные распластались грузно.
А к ним, в пасхальном тракте, робко
так и грустно,
Чарочки чеканные жмутся пересталыш.
Все это пахнет поганом, синагогальной
плесенью
Да бранчливостью празничным, да
благочестьем пестрым,
Провинцией домовитостью, печным уютом
косным,
О «минданях с пиламы» — давно
протухший песенной.
Рухлядь эту старую сбросят в крымские
торфы,
Где печи расплавленные гудят от
натерпенья.
Обретет покойничек там успокоенье
В тракторной громозвучности, в реве их
моторов.

Фыркают моторы,
Кичеса тарахтят,
Грон и рев
Грузных тракторов.

Тридцать три трактора проходят тракт,
Тридцать три трактора взрывают тракт,
Пласт за пластом.
Рушат чернозем —
Так богатырски
И сжато так.

Перевод с еврейского
ЛЕВ ПЕНЬКОВСКИЙ

„УЗВЫШША" НА ПЕРЕЛОМЕ

Петро Глебка
„Узвышша"

Уже с самых первых дней организации белорусского литературно-художественного объединения «Узвышша» в нем наметились два течения. С одной стороны — крайне попутническое с тенденцией к идеологии кулачества, выливавшееся впоследствии в формы контрреволюционного национал-демократизма; с другой стороны — левое попутничество, все более и более воспринимающее идеологию пролетариата. Понятно, что, работая в одной организации, левые «узвышэнцы» испытали влияние правых. Это выразилось и том, что отдельные товарищи из левого крыла «Узвышша» допустили в своей литературной практике ряд грубейших ошибок. Однако, полного слияния правого и левого попутничества в «Узвышше» никогда не было.

Правые попутчики в «Узвышше» начали с проповеди политической нейтральности художественной литературы, общечеловечности искусства, с проповеди «тернистой работы над формой, над словом», историзма и забвения при этом содержание. Их теоретик **Адам Бабарека** говорил, что «самою природою слова должны уже определяться течения искусства и науки о нем», ибо «гармоническое единство отмеченных сторон слова (звуковой и смысловой П. Г.) — это уже условие как художественности произведения, так и его жизнеспособности и удачности».

Теории Бабарека быстро привились среди его сторонников и проводились на практике его сотрудниками — **Дубовкой** и **Пущей**.

Таким образом, с игнорированием, с замалчиванием классовости искусства начался отход назад части «Узвышша» в сети буржуазии, а впоследствии и контрреволюции. Последние произведения Дубовки (*«І пурпурових ветрацей уміліц»*), Пущи (*«Обеты до сабакі»*) являются уже явно враждебными пролетариату.

Левое крыло «Узвышэнцев», преодолевая ряд трудностей, все время упорно стремилось приблизиться к пролетарской литературе. Об этом свидетельствуют ряд произведений **Зьмитрока, Бядули, Кузьмы Чорного, Крапивы** и других товарищей. Однако и левое крыло «Узвышша» не было свободно от влияния мелкобуржуазной идеологии — Дубовки, Бабареки и др. Большим недочетом в работе объединения «Узвышша» и вообще попутничества в «Узвышше» является замалчивание перед общественностью своих чтений. Это давало возможность Бабареке и другим напирать-демократам проповедовать свои враждебные пролетариату теории и на страницах журнала «Узвышша» враждебные пролетариату теории и взгляды. Только год назад, когда большевистская критика полностью раскрыла национал-демократическую внеклассовую сущность творчества Дубовки, Пущи, Бабареки и их «Узвышша» заявило о своих ошибках, вынесло их на суд широкой пролетарской общественности.

С этого момента начался еще более решительный и быстрый процесс превращения левых «узвышэнцев» в литературных спутников пролетариата. Именно прошлый год подвел «Узвышша» вплотную к сегодняшнему перелому на пути к пролетарской литературе. Непосредственное участие в социалистической стройке, общественная работа на производстве, работа с начинающими писателями—сказались и в творчестве «узвышэнцев», и на журнале «Узвышша». Такие же произведения, как роман **Чорного** «Дзі, ідаі», сказки **Крапивы**—«Хвалюе-Чырвоны нос», поэма **Лужанина** «Вешаліцены рахунак», поэма **Кляшторного**—«Палі загамаліні» и ряд других произведений говорят о решительном повороте в творчестве большинства «узвышэнцев». Прибывшие от станков молодые литературные силы вышли в журнал «Узвышша» свежую струю рабочей поэзии.

Переход попутчиков к пролетариату сопровождается еще колебаниями. Это объясняет «Узвышшу» особенно нужно следить за тем, чтобы этих колебаний было как можно меньше и чтобы ни в какой мере не допустить повторения членами «Узвышша» своих прежних ошибок.

П. ГЛЕБКА

М. ЛЫНЬКОВ

БЕНЯ БАЛАГОЛ

Беня сидит на передке своего «дизи-жанса» и тихо посвистывает. А конь хоть бы что — ни взад ни вперед. Опустил голову, уставился глазами в землю и ни с места. Даже хвостом не шевельнет, когда Беня осторожно похлопывает его кнутовищем.

— Н-но... но... вороной!

Вороной ни с места. Беня слезает с сиденья, неизвестно зачем делает пять шагов вперед, потом возвращается назад, почему-то у седока, щупает супонь, снова посвистывает, но все это ни к чему не приводит.

Из рогожного плетеного, кое-как прилаженного на деревянных обручах с телега, высовываются истертые лаптями пассажиры, потерявшие надежду когда-нибудь хоть на пол вперед.

— Что ты смотришь да удивляешься, ты его по ногам, по ногам его, сразу пойдет... А то, видишь ты, убежает конь — ты так с ним вовек не сдвинешься с места.

— Зачем животное бить?.. Животное само знает, когда ему надо итти. И зачем бить, а может быть животное простужено живот и не может итти.

— Какой там живот, может ли конь простудиться живот! В вообще ты, Беня, жулик! Ты же уверял, что через три минуты мы будем на месте и что конь твой—ветер.

— Ну, три минуты, ну, два часа. Но причем тут я, когда животное не хочет итти.

Между пассажирами и Беней завязывается долгий спор о конской простуде, о разных конских болезнях и упрямстве, о плохой дороге и прочих вещах. Беня спорит неохотно и по всему видно, что ему все равно, и пассажиры, в этот спор, и брань.

Наконец, Беня совсем умолкает и, присев у дорожной канавы, медленно свертывает цыгарку. Молчание закуривается и Беня становится на придорожный камень.

Вороной, которому надоело, должно быть, стоять, вдруг, тряхнув ушами, тронулся с места и медленно двинулся вперед.

— Ну, что, не говорил я вам: животное знает, когда надо итти...

Но Беня успел только усесться на передке, как «животное» остановилось.

— Э, холера на него! — неожиданно обозлился Беня. — животное не любит лишней тяжести.

Беня слезает с передка и идет вперед коня.

Вороной вдруг поворачивает назад и выражает иное намерение броситься во всех ног назад в город.

— Держите... Держите вожжи, крепче, крепче... Стой, стой, тпр-р! дорогой!..

Все-таки остановили коня, и вороной, рассудив, должно быть, что от дороги все равно не отвернуться, медленно поплелся по прежнему шоссе. Возможно, что в голове вороного копошились и другие мысли, — может быть о вечерней мерке овса и об утреннем хлебе, либо еще о чем-нибудь ином, что приключилось его, наконец, пойти вперед. Как бы там ни было, — все были довольны. И пассажиры, снова развалившиеся на соломе, и Беня, который прочно уселся на передке и запел под свою какую-то тихую песню без слов.

Рогожный плетеный качался из стороны в сторону, скрипел поломанными обручами, усиливая ветер, от которого бедные пассажиры кутали носы в воротники и забирались с ногами в солому. Сквозь пронзительную рогожу, сквозь изорванный холст плетеного усмехались звезды. Плетеный качался—и в рогожных дырках прыгали звезды, и месяц путался среди обручей.

Мысли уносились далеко, и казалось, что это не телега скрипит по дороге, а плачут по еврейским дорогам в пыли веков похоронные дроги еврейские. Шатры качаются, а внизу дорога неимоверная и долго нескончаемая. И под шатрами шагут надежды и мечты жизнь, и кажется даже, что раздаются песни из-под белых шатров.

— ...Ничего себе. Четверо!.. Слава богу. До самого Глуска...

Точно сквозь сон услышал голос Бени. Я в самом деле он немного задремал. Рядом с нами еще с полдесятка таких же «дилижансов», которые нас по дороге нагнали. Беня разговаривает с балагулами, его голос слышен где-то позади.

— Ну, как дела?—спрашивает чей-то голос.

— А так себе, лучше, чем порожняком.

Балагулы едут в кучке по краю шоссе. Громко разговаривают, размахивают руками, над чем-то смеются. Один рассказывает:

— ...И только это я под золотую горку, под сухой дуб под'ехал, как из-за куста—шмыг—двое.

— Стой,—говорят,—руки вверх...

Я как ел колбасу, так она и вышла на рот, и чуть было не подавился. Вот тебе, думаю, и заработок на шабас. У небольшое там у меня богатство было—всего два мешка муки в кооперативе, ну ни мелочей там то-се... Ну, да и в кармане немного было денег.—да и то чужие... Я это быстро руки вверх, а сам дрожу, смотрю и жду... Жду и думаю: убить, может, и не убьют, потому что за последнее время не было таких случаев, а что оберут на милую душу—это уже как пить дать два и вскаких—не отвертишься. А что, думаю, если и коня отнимут, без ног останусь. А они—парели это на меня обрезн.—важность большая.—и что-то мнутся, дела не начинают. Один и спрашивает, между прочим:

— Кто у тебя там на возу?

Тут будто черт меня толкнул, спрыгнул я с воза да к ним.

— Ах, вы, говорю, так вас за нос... Кто вам что: яблоки у меня воровать или за морковью в огород залезли?.. Что ж вы это выдумали...

Ну и пустились наутек, по болоту. Как встрем смело, и след простыл...

— Однако ж и хулиганы ты, я вам скажу,—не выдержал один балагул.

— А вот я пойду... Почему—что ж делать? Последнего коня отнять? А, кроме того, без петровок они были, и это сразу сигнул по речку каждому поведению.

Балагулы дружно хохочут.

— А ты б гаперо-нибудь с них за поросенка, да на рынок...

— Вот было бы дело...

— Мне-то было не до дела. Слабый на нос, да чуть меня не свалил с перепугу. Как погнался я за ними—ни о чем не думал, а как вернулся на воз, да подумал—весь как в поте лежу. И долой тряхнул — усталь. Только за третью ночь, как рассказал до сих пор и ничего нечего не сердца...

— Ого, я такого нарешусь... Я тут в Слуцк один на товаром, так у нас хуже тоже было...

Рассказы плывут один за другим под однообразный скрип колес. Только Беня не принимает участия в общем веселье, он сидит один, сжавшись весь, держит в руках кнут, но не машет, не стегает коня, а только держит, держит в руках кнут, и кажется, что он ничего не видит, ничего не слышит, что ему все равно, что будет с ним, с конем, с балагулами, с пассажирами, с дорогой, с Глуском, с Слуцком, с Минском, с Москвой, с Америкой, с Палестиной, с Биробиджаном—с чем угодно.

Предрассветным холодом повеяло, и все, продрогшие, ждут чего-то. Кто-то спит за весь город, укутав ноги в одеяло, обувшись на ночные работы. Сквозь утренний ветер под нами. Над головой на мокрой, грязной рогоже дрожат капли воды и никак не может сорваться вниз, где спят, зарывшись в соломе, усталые пассажиры. Вороной плетется медленно, шаг за шагом, и только одна спокойная слабая вера вместе под седелкой.

У некоторых, просыпающихся с первыми лучами, которых не на шутку трясет, Беня спрятался на передке, берет вожжи. Он спрятался в сторону от конской головы, на узкую конскую лестницу. Сразу сотня глаз

ПРИВЕТ ДЕЛЕГАТАМ ПЛЕНУМА ЦС ВОКП

КРЕСТЬЯНСКОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ДВИЖЕНИЕ В ПЕРИОД СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО НАСТУПЛЕНИЯ

Пленум ВОКП собирается в момент, требующий исключительной энергии и ответственности.

Страна вступила в 3-й решающий год пятилетки. Победоносное социалистическое наступление пролетариата развивается во всех областях хозяйственного и культурного строительства во все возрастающих темпах. Необходимо величайшее напряжение литературных организаций и всей писательской массы, чтобы поднять литературное движение на высоту этих стремительных темпов социалистического строительства и сделать художественное слово крепким и верно направленным оружием классовой борьбы.

В области социалистического переустройства сельского хозяйства пятилетние задания выполнены и значительно перевыполнены в пятилетние 2 года. На 3-й год пятилетки партия и правительство, опираясь на растущий трудовой подъем пролетариата и крестьянства, дали исторические директивы: завершить в основном сплошную коллективизацию и ликвидацию кулачества как класса в крупнейших зерновых районах СССР и в среднем по Союзу по всем отраслям сельского хозяйства обеспечить в 1931 г. коллективизацию не менее половины крестьянских хозяйств (из резолюций декабрьского объединенного пленума ЦК и ЦКК ВКП(б).

Свыше половины крестьянского населения Союза превратится в тонну за из бедняков и середняков-единоличников в колхозников, в действительную и прочную опору советской власти в деревне. Около 2 с половиной миллионов пролетариев будут работать на совхозных полях. Огромное количество новых промышленных предприятий вырастет в луще крестьянских земледельческих районов.

Каким же образом организовать, по какому пути направить, как перестроить литературное движение, объединенное ВОКП, чтобы отразить в литературе великие процессы, происходящие в области переустройства экономики, быта, идеологии многомиллионных крестьянских масс, идущих к социализму под руководством партии и рабочего класса? Как должно работать ВОКП, чтобы максимально содействовать подъему новой полосы коллективизации, культурному росту колхозных масс, сокрушительному отпору кулацкой идеологии и практике, полному выкорчевыванию остатков капиталистов в нашей стране?

На эти вопросы должен дать ответ пленум ВОКП, в повестку дня которого включаются: разработка новой платформы и устава общ-ва, вопросы творческого метода, создание Всесоюзного объединения пролетарских писателей.

Одним экономических и социальных отношений в стране, бурные темпы социалистического строительства, конечно, не могли пройти мимо крестьянской литературы. Она росла и развивалась. Вместе с этим росли роль и значение ВОКП в системе наших литературных организаций. Недавно прошедшие Московская и Ленинградская конференции ВОКП являются подведением итогов и высоким литературно-политическим уровнем ВОКП. Ленинградская конференция провела в обстановке запрещенной троцкистской оппозиции и оппортунистической практики «единства» с ней, явилась конференцией общественного подъема, на ряд крупнейших проблем, касающихся путей развития классовой направленности и творческого метода советской литературы. Пожалуй, еще более показательна была Московская конференция, собравшаяся после также недавно, обнищенного и руководителя МОКП и в работе этого большого по значению отряда крестьянской литературного движения. Одновременно открытие вышек старого правления МОКП были открыты при почине московской парторганизации и линии решения ЦС ВОКП. Большевистское смелое решение ЦС ВОКП о роспуске всего старого правления МОКП и решительной перестройке организации сделало обстановку, благоприятствующую всестороннему самокритику и энергичной ликвидации прорыва. Московская конференция прошла с исключительным одушевлением и была чрезвычайно плодотворна. Сотни пролетарских писателей, вступивших в МОКП, прислали своих представителей на конференцию. Голос рабочих и колхозников-ударников — писателей было прежде всего голосом пришедших на Московскую и Ленинградскую конференции. Новые писатели, идущие в литературу, несут с собой неисчерпаемый запас общественно-политической активности, жажду культуры и учебы, творческую энергию. Они предъявляют свои требования к классовому движению. Дальнейшая перевозка этих кадров и их воспитание должны стать в центре внимания правления ЦС ВОКП. Это тем более необходимо, что ни Центральный совет, ни московские организации на местах еще далеко не справились с проблемой привлечения в литературу ударников из колхозов, совхозов, машинотракторных станций и предприятий, непосредственно связанных с деревней. Прорывы и оппортунистические тенденции подобного типа, как то имело место в МОКП, тормозят работу в ряде районов и организаций ВОКП. Центральному совету и пленуму ЦС ВОКП необходимо будет провести непримиримую борьбу с опортунистическими, мещанскими и индивидуалистическими настроениями внутри организации, направляя беспощадный огонь по правой идеологии и практике в литературе и политике. Только в борьбе с правой опасностью (как с главной) и «левыми» мелкобуржуазными лозунгами ВОКП сможет выковать формы и методы массовой литературно-политической работы и перестроиться силами лозунгу, соответственно требованиям периода развернутого социалистического наступления по всему фронту.

Опасность кулацких влияний остается главной опасностью в крестьянской литературе. Все силы ВОКП должны быть мобилизованы для отпора этой опасности и ликвидации кулачества как класса и в области идеологической.

Борьба с «бесклассовыми» теориями Исбинского о крестьянской литературе явилась прекрасной школой для критиков крестьянского литературного движения. Игнорируя классовую дифференциацию крестьянства, фетишизируя различия между крестьянской и пролетарской литературой, защищая идеологическую «независимость» крестьянской литературы от пролетарской, этот горе-марксист играл по существу в кулацкую дудку, лил воду на кулацкую мельницу классовых, языческих и подобных им. «Подлецины» была разгромлена очень еще молодой критикой ВОКП точно так же, как был разгромлен и троцкистский сверхиндустриализм «схема индустриализма», разоблаченного как контрреволюционная группа и изгнанного из рядов ВОКП. Но, конечно, и правая «подлецина» и «левый» сверхиндустриализм в обстановке обостренной классовой борьбы будут пытаться ожить, прикрываясь тем или иным архиреволюционным жестом, модной фразой, хитрушной маской. К быстрой ликвидации всякой такой попытки все организации ВОКП должны быть готовы. Повышение большевистской классовой бдительности — одна из боевых задач ВОКП.

Лучшим залогом правильной литературно-политической линии и успешной работы ВОКП является постоянный контакт ВОКП с пролетарским литературным движением, об'единяемым и руководимым РАПП. Однако на нынешнем этапе обычного «контакта» недостаточно. Московская конференция была совершенно права, когда сформулировала требование крепкого литературно-политического союза ВОКП и РАПП. Именно крепкий литературно-политический союз нужен этим двум основным организациям, имеющим перед собой общие задачи борьбы с буржуазной литературой, борьбы с уклонами от марксистско-ленинских установок в области литературоведения и критики, борьбы за гегемонию пролетарской литературы. В тесном союзе с РАПП должны быть изжиты недопустимые вспышки некоторой части крестьянских писателей по отношению к РАПП. Точно так же должны быть изжиты явления недооценки роли и значения крестьянской литературы, до сих пор нередко встречающиеся в пролетарских литературных кругах. Именно, что под лозунгом «крепкого литературно-политического союза с РАПП» пройдут работы пленума ЦС ВОКП.

Центральному совету необходимо будет учесть изменение задач ВОКП на нынешнем этапе. В период социалистического наступления ВОКП становится организацией, объединяющей и направляющей литературные движения крестьянских колхозных масс, социалистического преобразования и связанных с деревней слоев промышленного пролетариата.

Следует твердо помнить указания И.В. Сталина о роли крестьянской литературы:

«Борьба, происходящая внутри сегодняшней литературы, кроется в конечном счете в классовых особенностях старых и новых слоев, создающих и питающих пролетарской стране писателей и литературных групп, неизбежно чуждые или менее близкие, наконец, враждебные. В этой борьбе особое внимание должно быть уделено крестьянской литературе, которая является союзником и значительным резервом для пролетарской литературы.

Из кадров колхозников, главным образом, из представителей бедноты и середняков и среднячества должны расти и пролетарские писатели — рабочие, недавно ушедшие из крестьян, или имеющие связи с землей. Естественно поэтому, что здесь мы встретим различные оттенки и тенденции, принесенные в литературу от деревни своими литераторами, и от деревни своими читателями, и от деревни своими любителями-писателями. На изживание остатков чуждой собственнической крестьянами психологии, на усвоение писателями марксистских методов художественного творчества и высоких пролетарской идеологии должны быть направлены новые усилия» («Правда» № 91 23/III-29 г.).

Классовый характер периода — обострительство наступления — это прежде всего повышение сознательной и активности. От людей находящихся на гораздо более высоком уровне классового сознания, политической активности, идеологической зрелости, чем это было до сих пор, отныне будет вырастать массовое движение сочувствующих, семеновцы социалистического переустройства деревни. Ведущая роль руководящего пролетарского ядра ВОКП еще более повышается. Количественный и качественный состав начинающих писателей ВОКП должен и может быть еще более увеличен. Только быстрый и планомерный рост пролетарских кадров общества может в необходимой мере ускорить переход на путь пролетарской идеологии всех писателей, стоящих на платформе Московской конференции.

Писатели-ударники из совхозов и колхозов должны быть поставлены в центр внимания ВОКП. Нарождающаяся колхозно-совхозная психология и отношение писателей к ней должны проявляться умелой агитационной и общественно-политической работой. Борьба за последовательно марксистско-ленинское мировоззрение — основная работа ВОКП с писателями-колхозниками и колхозницами.

Перед сравнительно небольшой «попутнической» прослойкой писательской массы ВОКП стоит задача постепенного приближения к позициям пролетарской литературы. Осторожная, но настойчивая политика ВОКП по отношению к «попутчикам» будет всей своей тяжестью против «попутничества» внутри организации, и через органы ФОСП следует значительно усилить и упорядочить. Пассивательское отношение к «попутчикам» следует ликвидировать, от кого бы оно ни исходило. Умело расширять прием в общество «попутчиков», близких ВОКП по социальному и идеологическим установкам, с целью облегчения перевода этой категории «попутчиков» на рельсы пролетарской идеологии.

«Изобличителям» и певцам единоличного хозяйства трубадурам кровопийственной деревни нет места в рядах ВОКП. Этих подкулачников в литературе надо безжалостно разоблачать и дезинфицировать от писательской массы. ЦС ВОКП должен провалить так и раньше, в этом отношении большевистская бдительность.

*

Задачи, стоящие перед ВОКП, изменение обстановки и соотношение классовых сил требуют перестройки и реорганизации ВОКП в бо'евое единое пролетарско-колхозных писателей.

Рост же пролетарско-колхозного литературного движения во всех республиках СССР и стремление отдельных литорганизаций к наиболее тесному контакту — показывает, что пленум ЦС сможет положить начало всесоюзному об'единению пролетарско-колхозных писателей СССР.

М. АЛЕКСЕЕВ
ИВ. БАТРАК
А. БОГДАНОВ
Ник. СИМИН

УМЕР ПИСАТЕЛЬ И. И. ЯСИНСКИЙ

В Ленинграде 1 января после тяжелой болезни скончался на 64 году жизни писатель Иероним Иеронимович Ясинский.

С ФРОНТА БОЕВ ЗА МЕТАЛЛ, УГОЛЬ И ХЛЕБ

ИДУТ НОВЫЕ СИЛЫ В ПРОЛЕТАРСКОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ДВИЖЕНИЕ

ПОБОЛЬШЕ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Второй год пятилетки ознаменуется огромными событиями на литературном фронте: в пролетарскую литературу вступили и вступают тысячи рабочих-ударников. Успехи социалистического строительства сопровождаются широчайшим движением в рабочих массах, переходящим в развернутое социалистическое наступление и выступающим как решающий фактор социалистической перестройки литературного фронта.

Однако еще многие не только не поняли существа и политического смысла этого крупнейшего события, как признак социального ударничества в литературу, но и пытаются истолковать этот приход, как «затею», не имеющую под собой реальных оснований.

Простое знакомство такого рода литературных скептиков свидетельствует о том, что даже в литературной среде нет ясного понимания закономерности таких явлений, как приток тысяч рабочих-ударников в литературу на новом этапе культурной революции, без правильного представления о перспективах пролетарского литературного движения, которое всеми своими корнями глубоко уходит в пролетарские массы.

Движение сумело вынести вперед тысячи новых пролетарских выдвиженцев из лучших элементов рабочего класса — рабочих-ударников. Вот цифры... В Московской области призвано в пролетарскую литературу 1.500 рабочих-ударников. В Ленинграде — 545. В Ивановской промышленной области — 400. В Западной области — около 400. На Урале — свыше 100. На Северном Кавказе — 150 и т. д.

Но нам могут скептически сказать: «А сколько из этих часто будет писателей?». Бесспорно заниматься арифметическим подсчетом цифр без их качественного анализа (и сомнения, что не все вчерашние, что призвано сегодня, придут рабочей пролетарии до 50—60 проц. в составе Автодарения и удовлетворительно сделают «высокий процент»). Всякому ясно, что в литературу нельзя рассматривать как однородную: здесь мы имеем и десятки таких рабочих, которые уже пишут отдельные произведения, а также и сотни таких, которые еще не овладели элементарными приемами художественного творчества, но они хотят творить и пытаются творить, и только таких, которые еще не стремятся «свою меть» в литературе, но которые внимательно следят за процессами в литературе, читают художественные произведения и складывают о них свое определенное мнение.

Из всей этой массы призванных в пролетарскую литературу ударников, передовиков своего класса, пролетарское литературное движение должно выковать новые кадры пролетарских писателей, отличных от старых, отличных своей перспективой перед глазами ударника, отличных своей способностью овладеть всеми богатствами культуры, всем наследством прошлого, чтобы создать новую пролетарскую литературу, которая по своему качественному уровню была бы выше всей предшествующей литературы, которая по своему качественному уровню была бы выше всей предшествующей литературы, которая по своему качественному уровню была бы выше всей предшествующей литературы

СВЕТ И ТЕНИ

В РАБОТЕ ВСЕРОССКОМДРАМА

О ЧЕМ ГОВОРИЛОСЬ НА ПЛЕНУМЕ СОВЕТА

Доклад т. А. Афиногенова на очередном пленуме Совета Всеросскомдрама был посвящен текущим задачам общества. Но прежде чем наметить дальнейшие пути дискуссия самокритически остановилась на пройденном пути, на двухмесячную работу нового Всеросскомдрама. Темы этой работы—подчеркнул А. Афиногенов—недостаточны, все еще тянутся наследства старых авторских организаций, решения же первой всесоюзной авторской конференции большинству драматургов и композиторов еще неизвестны.

А. Афиногенов
ответственный секретарь Всесоюз. ордена

— Всеросскомдрам, говорит А. Афиногенов,—должен нести полную ответственность за продукцию своих авторов. Производственно-творческая работа—одна из основных задач, которая и в какой мере не овладевают «кабинетные» чтки новых пьес, проводимые иногда Всеросскомдрамом. Методы широкого творческого отчета пока что обществом совершенно не практикуются. —Кажись более вопрос о связи автора с производством, т. А. Афиногенов отмечает, что такой органической связи, которая помогла бы работе на основе взаимопомощи, еще нет. Методы консультирования часто вульгаризируются авторами, качество заменяется количеством; были факты дискредитации некоторыми авторами и идеи контрактации. Мало сделано и в области подготовки кадров, хотя возможности здесь значительно увеличены. Наркомпрос ассигновал для этой цели 100 тысяч рублей. Премия ударников в драматургии, проводимый Всеросскомдрамом совместно с РАПП, должен дать новые кадры рабочих авторов. Всеросскомдрам вместе с тем должен заняться политическим перевоспитанием авторов-профессионалов.

Первые результаты конкурса ударников в драматургии фактами иллюстрировал в прениях т. Гольдберг. Уже работают пять творческих бригад рабочих-ударников, которыми написаны инсценировки и т. д. Об огромном значении прорыва ударников для Всеросскомдрама говорили и т. Россовский. Другие товарищи, выступившие в прениях по докладу А. Афиногенова, конкретизировали отдельные предложения по перестройке Всеросскомдрама и подготовке авторских кадров. В частности —предложено было организовать драматическую и композиторские факультеты по типу литфака.

Оживленные прения вызвал доклад композитора т. Белого—о положении на музыкальном фронте. — Нелепы утверждения, — говорит т. Белый, — что музыка существует только как искусство, без всякой идеологической нагрузки. Группа ВОСМ, например, декларирует урбанистическое направление музыки, не подводит под это лозунга идеологического базиса. Платформа ВОСМ, по мнению т. Белого, является чисто формалистической. Примерчески относятся к чуждым пролетариату явлениям в музыке и группировка «Современная музыка». Единственная группа музыкантов, ведущая борьбу за пролетарскую музыку, — заявляет т. Белый, — это ВАПМ. Однако и это ассоциация до последнего времени не являлась массовой организацией. Только теперь влилается в нее 15 рабочих кружков, развертывающихся прежде всего на рабочих и ВАПМ. Относясь т. Белого пытались доказать, что в творчестве композиторов отсутствуют элементы пролетарской музыки и обвиняли ассоциацию в отталкивании от себя лучшей части попутчиков.

Представитель ВАПМ—Либединский, Давиденко и др.—в свою очередь выступили в защиту композитора. Характеризуя общий итог прений как сдвиг в сторону отсебятины, т. Либединский заявил, что ВАПМ относится все же к крупной организации на музыкальном фронте. А. Афиногенов предлагает провести широкую дискуссию о пролетарской музыке.

Единой линии по любым вопросам о самостоятельности искусства, начиная общим и кончая конкретными возможностями подлинно художественной самодеятельности масс, Всеросскомдрам ряд решений и решений, не требующих широкой пролетарской общественности, которые учреждения и организации продолжают проводить с спорщиками и косность.

— До сих пор, — говорит тов. Чичеров,—нет репертуара, который отвечал бы идеологической творческих работ глубоко самостоятельного толка. Из-за материальных соображений драматурги не пишут для кукольной сцены. Всеросскомдрам, вместе с соответствующими организациями, надо воспитать новые кадры кукольных авторов.

Прения, открывшиеся после сообщения т. Оношко (Дом им. Горького) и т. Оленина, ничем докладов не дополнили. Доклад о кинокадрах, имеющий большое значение, принимая во внимание катастрофическое положение на кинофронте, с известия пленума был снят из-за отсутствия... докладчика от Совкино.

БЕЗР

ПЕРВЫЙ ВЫПУСК ЛИТФАКА

30 декабря 1930 г. состоялся торжественный вечер в честь первого выпуска Литературного факультета I МГУ. После доклада декана факультета т. Житы, с приветственными выступали представители Наркомпроса, Института ЛИЯ и местных партийных и профессиональных организаций.

Заметно было отсутствие представителя РАПП. Выступил с приветственным словом от имени МБЛР т. Майзель Гонд.

С. К.

ПАНЕНКА В ЛАПТЯХ

Недавно вышла книга стихов «Своей предшественнице Карсавиной». Ее автор — революционный поэт. Здесь не место разбирать ее по существу — следует лишь отметить, что она наглядно демонстрирует силу буржуазных влияний на советскую поэзию и что Карсавин в своем последующем творчестве эти влияния преодолевает. По одне из стихотворений в книге приобретает особую актуальность в связи с дискуссией о белорусской культуре.

В стихотворении «Посол в Белоруссию» дама изящно-эстетного балетного воспитания экзотикой вчерашней, бриллиантовой, нашей, сермяжной, деревянной и болотной Белоруссии. Беспечные московского полета любуется на очень милые «диковинки лаптями лапо», «плетеными» поленьями, «соломенными» стенами, которые искоро (в ту пору) сменят каменным сельцем.

Тесом, щепкой кроет хата
Привольно меду корчага.
Тепла деревянная миска.
Христос пошедший всех.

Как не можно не умилиться при виде «самобытной» и «оригинной» страны с ее столь необычайным для московского жителя говором?

Чудесный топор провосека,
Панёнка в рядне и лаптях...
(Прирезка?), Аный и дзенй.
За дымом и свистом леса!).

Имея Белорусь пр... просвещенное внимание рабочих... как на Сургут... ? Белорусь рядне, лаптей, «панёнок»... самая, уходящая в прошлое Белорусь... ты отсталости которой идеализировали эстетские Пушкин и Дубовик. Белорусь, бывшая объектом национал-демократических вожделений. Белорусь, ликвидируемая социалистическим наступлением, колхозами, Октябрем. Эта—Белорусь.

Не сигнализирует ли карсавинский «Посол в Белоруссию» о еще сильных реликтовых настроениях, проявляющихся порой в творчестве даже беспорочно-пролетарских писателей, заложивших рабочего класса и переходящих на путь активной самокритики?

А. СЕЛИВАНОВСКИЙ

СЕГОДНЯ ЛИТЕРАТУРНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ

М. А. Алексеев

На второй областной конференции МОКП избран председателем Московского областного общества крестьянских писателей.

Автор романов: «Большевики», «Зеленая радуга», «917», «Атаманщина» и др.

❖ Секретная более месяца назад в клубе ФОСП выставка «Писатель и колхоз» не сумела развернуть массовой работы и привлечь к себе внимание общественности. Вместилом оказался в этом отношении совершенно беспомощны. Секретариат ФОСП, обсудив вопрос о работе выставки «Писатель и колхоз», отметил, что выставка в нынешнем ее виде является неудовлетворительной и не соответствует предъявляемым к ней требованиям. Секретариат создал специальную комиссию в составе тт. Н. Гильярди, А. Богданова, Б. Кириллова, А. Эфроса и представителя «Литгазеты» Д. Кальма, для исследования работы выставки «Писатель и колхоз» и выяснения вопроса о возможности ее реорганизации и дальнейшего использования.

Оценка, данная секретариатом ФОСП работе выставки «Писатель и колхоз», подтверждает правильность оценки летней выставки в свое время «Литературной газетой».

❖ Секретариат ФОСП приступает к организации творческой... первомайской... бригады. В состав бригады... Вс. Ивановым, В. Киршоном, А. Афиногеновым, Л. Никулиным, композитором Р. Гинзером и др. Бригада в... Донбасс... предприятиях и... в... в рудниках...

❖ Общее собрание членов «Молодой гвардии», посвященное т. Г. Гаузу, принимает новый метод литературной проверки, основанный на принципе творческого соревнования между отдельными бригадами, в виде отдельных тем: «Пролетку» — 25 бригад рукописей новой, «Кузню» — 25 бригад рукописей новой, «Кузню» — 25 бригад рукописей новой, «Кузню

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Орган Федерации Об'единений Советских Писателей РСФСР

МОСКВА 9 ЯНВАРЯ 1931 г. № 2 (101)

РЕДАКЦИЯ: Тверской бульвар, 25, Дом Герцена. Тлф. 2.80.12

НА КРУТОМ ПОВОРОТЕ

6 января открылся расширенный пленум Центрального Совета Всероссийского общества крестьянских писателей.

На пленуме стоят доклады о платформе ВОКП, о творческом методе крестьянской художественной литературы в реконструктивный период и ряд других важных вопросов. Огромные успехи в области социалистического преобразования деревни и коренное изменение в связи с этим социальной базы крестьянской литературы выдвигают вопрос о переименовании Общества крестьянских писателей.

Сама постановка этих вопросов показывает, что ВОКП находится на резком историческом повороте. Огромные успехи коллективизации, достигнутые на основе неуклонного проведения генеральной линии партии, развитие крупного общественного машинного земледелия, тысячи совхозов с большим кадром сельскохозяйственного пролетариата и десятки миллионов колхозников—вот та обстановка, в которой живет в настоящее время Общество крестьянских писателей. Эта обстановка требует решительной перестройки рядов крестьянской литературы. Между тем, как указано в декларации Центрального Совета ВОКП от 26 октября 1930 года, еще имеется значительная часть крестьянских писателей, «в творчестве которых гнездятся пережитки мелкособственнического индивидуализма и мелкобуржуазной революционности, анархизма и народничества в разных формах. В произведениях этих писателей находят свое отражение иллюзии всех слоев единоличко-середняцких масс, которые еще рассчитывают на коренное улучшение своей жизни в рамках единоличного хозяйства».

Вот почему так остро стоит вопрос о новых кадрах крестьянской литературы. ИЗ ПЕРЕДОВЫХ СЛОЕВ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО ПРОЛЕТАРИАТА, ИЗ СРЕДЫ СОВХОЗНЫХ И КОЛХОЗНЫХ УДАРНИКОВ, ИЗ СРЕДЫ СЕЛЬКОРОВ—ВОТ ОТКУДА ДОЛЖНО ПРИЙТИ В КРЕСТЬЯНСКУЮ ЛИТЕРАТУРУ НОВОЕ ПОПОЛНЕНИЕ. Общество крестьянских писателей уже стало на этот путь. Совместно с ЦК союза сельхозрабочих оно проводит, по примеру РАПП, призыв ударников. Во многих совхозах и колхозах созданы и создаются литературные кружки.

Жестокая классовая борьба в стране и в литературе в связи с развернутым социалистическим наступлением по всему фронту, опасность проникновения в ряды крестьянской литературы контрреволюционной идеологии Кондратьевых и Гредиков, правый оппортунизм, имевший место не так давно в практике московской организации ВОКП,—все это диктует необходимость укрепления пролетарского ядра в Обществе крестьянских писателей. Необходимо усилить классовую, большевистскую бдительность и повысить роль пролетарских писателей в крестьянской литературе. Вопросы развития крестьянской литературы должны занять гораздо больше места в системе работы РАПП. ПРОЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ СОЮЗ РАПП И ВОКП — ОДНА ИЗ ВАЖНЕЙШИХ ПРЕДПОСЫЛОК УСПЕШНОГО СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО НАСТУПЛЕНИЯ НА ФРОНТЕ ЛИТЕРАТУРЫ.

НА РЯДУ С ЭТИМ ЧРЕЗВЫЧАЙНО ВАЖНО ОСУЩЕСТВИТЬ ШЕФСТВО ЗАВОДОВ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО МАШИНОСТРОЕНИЯ НАД ОБЩЕСТВОМ КРЕСТЬЯНСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ.

Общество крестьянских писателей, как, впрочем, и все литературные организации, должно в большей степени повернуться ЛИЦОМ К ТВОРЧЕСКИМ ВОПРОСАМ. Больше внимания тем процессам, которые имеют место в практике крестьянских писателей; влиять и направлять творческие поиски крестьянского писательства и особенно писательского молодняка; настойчиво собирать и воспитывать кадры литературной критики; обеспечить учебу и правильное литературно-политическое руководство низовыми кружками в совхозах, машино-тракторных станциях; развернуть обсуждение методологии творчества крестьянских писателей, учитывая богатый опыт творческой дискуссии РАПП; дать произведения, которые показали бы крестьянским массам преимущества социалистических форм хозяйства; вскрывать на конкретных произведениях всякое проявление кулацкой идеологии; разоблачать классового врага и его агентов в литературе,—таковы важнейшие задачи ВОКП.

ПЛЕНУМ ВОКП ПРОХОДИТ ПОД ЗНАКОМ УСИЛЕННОГО ВНИМАНИЯ К ЛИТЕРАТУРАМ БРАТСКИХ РЕСПУБЛИК. На пленуме были заслушаны доклады о белорусской и украинской литературе. В работах пленума принимают участие представители крестьянской и пролетарской литературы Украины, Белоруссии, Закавказья и других советских республик. ЭТО ДАЕТ ВОЗМОЖНОСТЬ ПРАКТИЧЕСКИ ОБСУДИТЬ ВОПРОС О СОЗДАНИИ ВСЕСОЮЗНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ КРЕСТЬЯНСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ. Пленум по существу и представляет собой всесоюзную конференцию крестьянских писателей.

Пленум должен двинуть вперед дело перестройки ВОКП. Перестроиться надо таким образом, чтобы крестьянская литература стала действительно боевым отрядом на фронте социалистического преобразования деревни.

Горячий привет пленуму ВОКП!

НЕДЕЛЯ СОВЕТСКОЙ БЕЛОРУССИИ

3 ЯНВАРЯ

Большой зал Комакадемии.

Операторы приспосабливают об'ективы кинохроникеров.

— Торжественное собрание, посвященное «Неделе советской Белоруссии», об'является открытым.

Вспыхивают «юпитеры».

Феликс Кон говорит:

— Приезд белорусских делегатов — исторический момент в жизни народов Советского Союза. В Союзе Советов Белоруссии является тем фронтоном, которому предстоит принять первый удар врага. Но мы спокойны. Мы помним героизм рабочих Белоруссии в 1920 году, в борьбе с белополяками. Мы уверены, что и впредь, в случае нападения на Советский Союз, трудящиеся Белоруссии вместе с нами отразят общего врага. «Неделя советской Белоруссии» ознакомит с колоссальными достижениями нашей братской республики. У Белоруссии нам есть чему поучиться!

Члены президиума садятся.

Из-за кулис выходят делегаты.

Раздаются аплодисменты.

Делегаты рассаживаются.

Вспыхивают блицы.

Щелкают аппараты.

Делегаты встают.

Снова аплодисменты.

Делегаты садятся.

Снова вспышки блицев.

Снова щелканье аппаратов

В БОРЬБЕ
ЗА БЕЛОРУССКОЕ НАПОСТОВСТВО

К концу восстановительного периода обостряется классовая борьба в белорусской литературе. В 1926 году из единой тогда литературной организации «Молодняк» отпочковался кружок, который создал литературное объединение под названием «Узвышша». Эта группа, подготовив заблаговременно свой выход, маскируется стремлением дать нечто высокого качества литературной продукции и «внешним» сохранить пролетарскую идеологию.

Какими же средствами группа стремится достичь создания пролетарской литературы на базе высокого художественного качества? В тезисах объединения мы читаем: «Беря на себя такую трудную задачу, какое белорусское литературное - художественное объединение «Узвышша» знает, что ее разрешение возможно, прежде всего, силами культурных кругов и читателей в условиях культурного окружения и при благоприятных обстоятельствах для их развития вообще и развития их художественного творчества». Видимая за первый план культурность поэтов и писателей и культурное окружение, объединение фактически сегодня за создание таких благоприятных условий, при которых более успешно можно было бы развивать и пропагандировать национал-демократические идеи. Оговоримся здесь, что «благоприятные» условия в этом смысле часто нарушались БелАПП.

В 1927 году еще одна группа, на этот раз руководящее ядро группы, выходит из «Молодняка», делая заметный шаг вправо. Освободившись, в результате расколов, от национал-демократического ядра и имея в своем составе уже таковым образом писателей «старого послеоктябрьского призыва», «Молодняк» решительно выступает на борьбу за пролетарскую литературу.

В 1928 году созывается первый белорусский с'езд пролетарских писателей. Основная его задача сделать из «Молодняка» и секции пролетарских писателей поценьшинстве Белорусскую ассоциацию пролетарских писателей. Платформа пролетарской организации должна закрыть доступ в организацию непролетарским элементам. Год напряженной работы перед с'ездом дает множественные результаты. «Молодняк» огрел внимание со стороны пролетарской общественности к нему возрастает. Однако, трудности еще не исчезают.

Уже на самом с'езде второй секретарь ЦК ВКП(б) тов. **Васильевич** определяет задачи «Молодняка» и вновь создаваемой БелАПП, главным образом, как подготовку молодых писательских кадров, считая литорганизацию «Молодняк» наиболее ближкой партии.

Этим выступлением тов. Васильевич, вопреки мнению ЦК ВКП(б), дезориентирует «Молодняк», определяя фактически его роль как полезного семинара для существующих уже литорганизаций «Узвышша» и «Пралеткульт».

Национал-демократические элементы накладывают на «Молодняк» за его вхождение в ВОАПП. Так, М. Зарецкий, выступая от группы «Полымя», говорит: «Пока что я не берусь не приветствовать вас, ни высказывать вам симпатии... Безыдейство национальных секций является лишь подчастью общей русской пролетарской литературы. Дело не в том, что вас кустят в Москву и, быть может, вы там пробудете некоторое время... Я не уверен даже в том, что ВОАПП проведет свою мудрую политику народов СССР».

Разумно, открыто и культурно национал-демократизм, устами Эренкова, культовал один из принципиальных вопросов пролетарской литературы, ее интернациональное единство.

Следует отметить, что на самом с'езде сказалась группа, которая под видом желания менять названия организаций — «Молодняк» — противодействовала созданию БелАПП. Эта группа представляла считать «Молодняк» белорусской секцией, наравне с другими секциями в общей федерализации организации писателей Белоруссии. Потребовалось постановление бюро ЦК, давшее соответствующие указания, чтобы устранить все трудности при создании БелАПП. Следует отметить, что упомянутую группу идейно поглавлял тот же Зарецкий и другие писатели, вышедшие тяжелые из «Молодняка» в результате борьбы против ВОАПП и руководства БелАПП.

Создание БелАПП значительно усилило позиции пролетарской литературы в БССР. В условиях, когда еще национал-демократам держался довольно прямо и проявлял воинствующую активность, в условиях, когда национал-интернационализм, засевший в культурных учреждениях, ставился дезориентировать БелАПП — последний объявил борьбу национал-демократизму, бил по вылазкам национал-демократов и сигнализировал пролетарской общественности о появлении классового врага на литературном фронте.

К одним из наиболее ярких фактов вылазки национал-демократизма в белорусской литературе следует отнести книгу **Л. М. Клейнборта** под названием: «Молодая Белоруссия», изданную на русском языке Белгосиздатом. Книга определяется автором как очерк современной белорусской литературы (1905 по 1928 год).

Грустно то, что эта случившаяся книга на русском языке, всесоюзный конгресс развития белорусской литературы. Пошлая и культурная в тех местах, где автор пытается рассуждать о марксизме, она вся написана в соответствии со взглядами белорусского национал-демократизма. Ее задача приклеить ярлычок марксизма к реакционности выразителям национал-демократических идей в белорусской литературе, запушевать классовое сознание. И хотя резкое осуждение этой книги со стороны БелАПП некоторым показалось концизмом, тем не менее успеха в БССР она не имела.

Начало реконструктивного периода и еще большее обострение классовой борьбы в стране усилило дифференциацию в белорусской литературе; следует отметить, что национал-демократам удалось использовать для своей контрреволюционной деятельности даже отдельных членов БелАПП, правда, из числа тех, которые в БелАПП не играли никакой роли и которые находились в рядах БелАПП только благодаря тому, что не была своевременно проведена чистка.

Имел в рядах БелАПП некоторый процент непролетарского, колеблющегося элемента, перешедшего по наследствах от прежнего «Молодняка», влияние национал-демократизма на этих элементах давало себя иногда чувствовать. Например, во время опору редакции журнала «Молодняк» Сергей БелАПП в нем был напечатан очерк тезиса БелАПП **З. Бондариной**, оканчивающий в марксистских местах, но национал-демократически, жизнь белорусских гезонистов-крестьян в Сибири.

Что касается руководства БелАПП и его основного ядра, то они без колебаний провели борьбу с белорусским национал-демократизмом и аполитризмом, борьбу со всякими уклонами за белорусское напостовство. В этой борьбе росли и укреплялись кадры белорусских напостовцев. Как в БССР, так и в их выступлениях и высказываниях ВОАПП, руководство БелАПП проводило принципиальную, четкую напостовскую линию. Сильно-нибудь серьезного идейного противодействия при проведении напостовской линии внутри БелАПП руководству БелАПП не пришлось встретить.

В настоящее время БелАПП перестраивает свои ряды. Прикрепление членов БелАПП к постоянной работе, к производственным предприятиям, как равно и организация рабочих литературных кружков и приема рабочих-ударников в литературу, являются образом начало лицо БелАПП, возникает БелАПП на новую, высшую ступень своей работы за гегемонию пролетарской литературы.

И. ЛИМАНОВСКИЙ

Общество марксистов-литературоведов
БЕЛОРУССИИ

В минском Доме писателя состоялось 31 декабря учредительное собрание белорусского общества марксистов-литературоведов. Общество ставит своей задачей создание **марксистской** истории белорусской литературы и противовес существующим ныне национал-демократическим; критику современной белорусской литературы; издание сборника.

Против национал-демократизма в белорусской литературе; теоретическую разработку проблем стиля пролетарской и крестьянской литературы, проблемы жанров, проблемы динамики литературного развития, проблемы национальной формы.

В число учредителей общества вошли тт.: **А. Сенкевич, И. Лимановский, О. Кононотки, П. Галавач, Л. Бэндэ, В. Сербанта, Гальперина, Я. Секерская, Бронштейн, А. Некрашевич, Х. Дунец** и др. Председателем общества избран т. **А. Сенкевич.**

О ЧЕМ ПЕЛИ БЕЛОРУССКИЕ НАЦДЕМЫ

Контрреволюционная деятельность национал-демократических элементов, проводящих антисоветскую вредительскую работу во всех областях социалистического и культурного строительства БССР, нашла значительное отражение в художественной литературе. Некоторые писатели и поэты сделались выразителями контрреволюционного национал-демократизма, активными его борцами, сообщниками предательской контрреволюционной работы. Такими писателями являются: **Пуща, Дубовка, Зарецкий, Гарецкий, Грамына** и др. В произведениях этих писателей и поэтов нашли свое яркое отражение все основные воззрения национал-демократизма, все его контрреволюционные «теории».

Интересно проиллюстрировать контрреволюционной поэмы **Дубовки «Комбайны»**, суть которой была своевременно раскрыта и не была допущена к печати. В этой поэме Дубовка дает в художественной форме разговор в поезде между кондуктором, в лице которого Дубовка подразумевает коммунистическую партию, и крестьянином, представляющим собой «белорусский народ». Дубовка хочет показать, как коммунистическая партия (кондуктор) как бы силой тянет крестьянина в коллективизацию, а крестьянин упирается, не хочет. Вот выдержки из этой поэмы:

Да, все оно хорошо в дороге,
Когда ты ленивый на ногах,
Когда ты не знаешь тревоги,
Нет никакой грозы.
А нет, когда в избе и хата,
Как единица на серые стены, —
Вспоминаешь отца и деда,
Родных до десятого поколения.
Тогда не очень и привлекательно,
Тогда не очень и подсчитаешь,
Хоть горько, когда пошлешь,
Хоть хочешь ты или не хочешь.
Сделка давать указания.
Назерное, не очень тяжко.
И сказка кажется, как правда,
И правда кажется, как сказка.
Белые головки, человечье,
До этой деревенской хаты,
Когда надвинется вечер,
Когда рождается темь...

Ты думаешь, легко покинуть
Все, что в столетьях собиралось?
Не выгонишь его клином,
И будут незакрывающаяся раны.
Мне каждый комочек знаком,
Смеется мне каждый листочек.
Так что ты мне советуешь для слома,
Так что ты мне советуешь, бракочек?
Должен я бросить, отречься
От всего, что мне мило с детства?

Весьма характерно, что антипартийнее острие этой поэмы направлено против социалистической реконструкции сельского хозяйства. Дубовка хочет доказать, что у белорусского трудового крестьянства, которому знакомы каждый «свой» поселок, которому семеется каждый листочек», так прочны мелкобуржуазные традиции, что их не выгонишь «клином», что ему идеи коллективизации совсем чужды. Коллективизация, конечно, чужда кулаку-эксплоататору, идеологом которого является Дубовка, а бедняцко-середняцкие массы крестьянства под руководством и пролетариата и его коммунистической партии превращают свои индивидуальные хозяйства в крупные колхозы и успешно строят социализм.

Писатель **Зарецкий** в произведении **«Путешествие на Новую землю»** также выступает против коллективизации и стремится доказать невозможность коллективизации с. х. в Белоруссии. В другом своем произведении **«Кривичи»** Зарецкий показывает подпочву национал-демократического восстания против советской власти и как следует собирать все силы против «гастролеров большевиков». Критикуя советскую Белоруссию, автор пропагандирует известную «автономию белорусско-литовского княжества», которая должна притягивать к себе так западных, так и восточных белорусов.

«Автономное белорусско-литовское княжество, основанное историческими традициями, является бы центром, который бы мог притянуть к себе так западных, так и восточных белорусов... к литовцев...

...Поднимайся с низов, обездоленная семья,
Нет крестьянам отдел, над кургашом».

Совсем линией комментировать смысл этих контрреволюционных размышлений. Далее певець удостоил весьма значительное место критике нашей национальной политики, белорусской — социалистической по содержанию и национальной по форме — культуре.

Остеклянные ненавистью к пролетарской диктатуре, контрреволюционные национал-демократы не хотят видеть величайшего подъема социалистического строительства в Белоруссии. Для национал-демократов — кулацких приспешников — стройка Осиповской электрической станции, Гомельского целлюлозного, Витебской шелковой фабрики, Могилевской фабрики искусственного шелка и других крупных промышленных предприятий, как равно и ликвидация безработицы, проведение всеобщего начального обучения, величайшие успехи в деле ликвидации неграмотности, значительно возросшая сеть средних и высших учебных заведений, различный подъем культуры национальных меньшинств, — все это для национал-демократов не является разрешением национального вопроса в Белоруссии. Для национал-демократов это — «хитрая, ой, хитрая штука».

«Белорусское возрождение, — пишут они, — будет пять из корней белорусского народа. Всякие искусственные формы, в которые захотел бы кто-нибудь уложить его, отпадут, рассыпятся в прах. Всякие попытки белорусского движения, кто бы они ни были, отмечутся историей. Снизу, с земли, вырастет наш ренессанс... и он растет уже, вздымается, он будет такими могучими волнами, какие много чего могут сметя на своем пути... и смоет все, смоет... Положите только».

Такие же крокодиловы слезы о «поруганной Белоруссии льют и другие «из стан славных». Поэт Пуща о современной советской Белоруссии говорит:

В поле на кургане ветер дико воет.
Крыльями хлопает черных птиц стая;
Вихри на кургане пляшут «мертвецов пляс».
Тело в экстазе, в бешеной взволнованности.
Сегодня осень—дрома, сегодня ветер — рыкарь.
Кто с креста страну распятую снимет?

Вызовы, усобья и трезвой единости.

Национал-демократические мотивы о реставрации национал-демократизма в Белоруссии хорошо знакомы пролетариату и трудовым массам крестьянства.

Национал-демократическая «самобытность» в лице своих поэтов вспоминает далекие минувшие дни Белоруссии, когда «Беларусь» как будто был хозяином сам над собою и своей славой был известен всему миру. Поэт Гаруй об этом золотом веке Белоруссии пишет следующее:

В старину белорусс, никому не подчиненный,
Хозяйничал сам над собой
И далеко по миру был известен
За литовской и польской землей.

Каков же это белорусс был «хозяином над собой»? Быть может белорусс—рабочий или бедняк, или середняк крестьянин? Нет. О том, каких белоруссов прославляли национал-демократы, ясно видно из следующего четверостишья:

С горной дружиной князь на престоле
Всякому судит законы грозы,
Сеймами князь, а что князь сам не
Указал,

Он скучал, что вечевой колокол звенел.

Князья, вольная дружина, помещики-феодалы, славная шляхта — являлись героями поэтического творчества национал-демократических поэтов. Уже в этих немногочисленных выдержках видно, как часть белорусских писателей постоянно и настойчиво служили контрреволюционному национал-демократизму.

Национал-демократы стремились (и частично им удавалось) привлечь на службу контрреволюции не только литературу, но и все виды искусства: театр, кино, музыку, живопись и т. д. В целом ряде белорусских пьес и кинофильм реакционная теория «белорусской самобытности» находила яркое отражение.

Перед пролетарской и всей советской общественностью, в частности перед писателями и работниками искусств БССР, стоит боевая задача — ликвидировать прорыв на фронте литературы и искусства. Надо проверить отряды бойцов литературного фронта и укрепить кадрами рабочих-ударников ведущий отряд — ассоциацию пролетарских писателей.

Успехи белорусской пролетарской литературы, растущей вместе с социалистическим строительством, с новыми заводами, фабриками, электростанциями, совхозами и колхозами БССР, рушат последнюю опору контрреволюционных национал-демократов и обеспечат победу пролетарского искусства — «национального по форме и социалистического по содержанию».

А. ЧАРНУШЕВИЧ

НА ТВОРЧЕСКИХ ВЕЧЕРАХ

ОБСУЖДЕНИЕ ТВОРЧЕСТВА
Вс. ИВАНОВА

ФОСП давно уже намечала проведение широкой дискуссии по творческим вопросам. Вечер, устроенный 3 января в клубе ФОСП, должен был положить начало творческой дискуссии в ФОСП. Он был посвящен творчеству **Вс. Иванова.**

Докладчик тов. **Ленович** подошел к анализу творчества Вс. Иванова с точки зрения того расслоения, которым характеризуется движение попутничества за годы революции.

В первый период творчеству Вс. Иванова свойственно умение показывать стихию при неумении показать большевистское руководство этой стихией.

Позднее Вс. Иванов выступает певцом иррационализма. Это время, когда ряд писателей переходит из язык художественных образов на то, что в экономике представлено Кондратьевым; именно — «мелкобуржуазная стихия поборет плановое начало социалистического государства».

Вс. Иванов берется за революционную тематику. Но в «Бронепоезде» перед нами под видом гуманизма проходит «содержание» иррационализмом». **Реакционный художественный метод калечит революционную тематику.**

Последнее произведение Вс. Иванова—«Записки бригадира Синицына» — несмотря на актуальную тематику: автор рассказывает о жизни железнодорожного совхоза, о разработках изобретателя и рабочем движении. В рассказе введены физические данные. Но все это — и актуальная тематика, и публицистика — внутренно и эстетически резко «рвутся». Автор-рассказчик — полудраматический бригадир Синицын, — от имени которого ведется повествование. Анекдот является и средством развязки, двигателем сюжета. Таким образом, порочный художественный метод окончательно характеризует положительную тематику.

Это случилось с Вс. Ивановым потому, что он хотел дать вещи актуальные и не казенные. Но если он кто-нибудь захочет написать пародию на нашу хрональность, он применил бы точно такой же метод.

— Чтобы превратиться из «попутчика» в действительного союзника пролетариата, Вс. Иванову нужно провести свой художественный метод в полное соответствие с новой тематикой. **Думается, что Вс. Иванов сумеет это сделать,** — говорит в заключение тов. Ленович.

В прениях приняли участие тт.: **Гроссман-Рощин, Машбиц-Веров** и др.

Т. Семенченко, собравшись было дать анализ творчества Вс. Иванова, **писатель не пришел на дискуссионный вечер, посвященный его творчеству.** Выступавшие товарищи, выражая удивление по поводу отсутствия Вс. Иванова, принуждены были расценить это, как **боязнь широкой общественной критики, как пассивное признание всех упреков и обвинений.**

Если писатели, чье творчество будет предметом обсуждения на следующих вечерах ФОСП, проявят к ним такое отношение, творческая дискуссия, организуемая Федерацией писателей, будет обречена на неудачу.

В. Б.

В „НАПОСТОВСКОЙ СМЕНЕ"

Творческий отчетный вечер группы писателей МАПП, объединенных в «Напостовской смене», устроенный 4 января в клубе ФОСП, прошел очень оживленно.

— «Напостовскую смену» знают не по теоретическим декларациям, а по конкретной творческой работе, по литературным произведениям, — справедливо говорит в своем докладе т. **Корабельников.** — Члены «НС» не представляют собой обособленной группировки, они стоят на рабочих рядах и тесно связаны с новыми кадрами рабочих-ударников, идущих в литературу.

Художественной платформой «Напостовской смены» является то требования, которые дало нам т. Калинина представил своему подшефному РАПП.

После доклада тт.: **Ставским, Митрофановым, Медынским и Шведовым** были прочитаны отрывки из их произведений. Вечер закончился постановкой Арбузова.

АФ

М. ФЕДОРОВИЧ

ЭСКИЗЫ
ПО ОРГАНИЗАЦИИ КОЛХОЗОВ

I. РАБОЧАЯ БРИГАДА В ПУТИ

Черная ночь. Ни села, ни двора.
Черт его знает, какая пора!
То ухаб впереди,
То пень торчит...
И ночь!?
И ни звука, товарищ, в ночи.
Едем. Опять перекресток вог.
Мы сбились с пути, мы не знаем дорог...
Ни снег, и ни дождь,
Лихолетье, мгла...
Как же, дорогие, добраться до села?
— Гони по ухабам,
по ямам
вчи!
Гони!
Пусть тамнает ночь,
пусть где-то надрывно
кричат сычи,
И дальше ехать не в ночь..
. . . . . .
Лошади выневели
На улицу села.
Дорожная мгла,
А сколько тепла!
— Приехали, товарищи,
Спать!

II. ОРГАНИЗАЦИОННОЕ СОБРАНИЕ

Море голов.
На весь сельский мир
Громко говорит рабочий-бригадир.
— Долго ль мы будем
В плену у земли
Ростить сорняки
Да мах.
На нивах наших
Следы пролегли
Гнилых прадедовских сох.
Вечная бедность
Ходит, как вор,
Около крестьянских хат.
Землю деря,
Точит тепор
На брата родной брат.
На узких полосках
Трудно жить —
Каждый знает в том,
Но мало повозки
Руки сложить
И судьбу проклинать потом.
Голоса: Сегодня свечки,
Завтра свечки,
Слезешь с печки —
Гоны плечики.
Общая цель у нас —
Нищета
Мы даем бой,
Товарищи!
Против кулаков,
Против богов,
За колхозы
Стой!
Голоса: Соберем все полоски
В один поясок.
И даст тот кусок
Ядреный колосок.
Горячей речи нестройный гул
Взмахнул тяжелым крылом.
Вековечное гора
Крестьянскую тучу
Имело штурмовать село...
С белорусского перевел

Г. БЕРЕНКО

ТРИ ГЛАВЫ
ДЕСЯТИЛЕТНЕЙ ИСТОРИИ
СПРАВКА О БЕЛОРУССКОМ ТЕАТРЕ

I

Первые страницы истории белорусского театра относятся к 1922 г.,—году освобождения Белоруссии от белополяков и начала строительства советской культуры в Белоруссии. Десять лет роста белорусского театра прошли в упорной борьбе за пролетарское искусство, против национал-демократов и национал-оппортунистов.

Первая глава истории театра Белоруссии—наиболее продолжительная по времени (1926—1927 гг.) и слабая по содержанию. Первый гостеатр БССР—сегодня один из сильнейших отрядов советского искусства, и то время был типичным «провинциальным театром» без какого бы то ни было художественного лица, без ясной школы, со случайным актерским составом. Такой же случайный репертуар, часто с определенной нацдемовской установкой.

Второй гостеатр БССР, организованный в конце «собирательного» периода белорусского театра — в 1926 г. — из белорусской труппы в Москве, тоже оказался под руководством национал-демократов. Это руководство, а также неудовлетворительный состав студийцев, правда в тому, что молодой театр вперед на белорусскую сцену далеко не лучше из старых театральных традиций. Ряд его постановок, формально высоко качественные, в то же время идеологически удовлетворяют запросам лишь реакционных слоев интеллигенции. Постановка же белорусской пьесы «Антагиста», встретившая сочувствие нацдемов и протест пролетарской общественности, чуть было не привела к полному бойкоту театра работами.

Первый белорусский передвижной театр, также возникший в этот период (1921 г.), не мог при нацдемовском руководстве Наркомпроса получить надлежащего развития. Без поддержки Наркомпроса он влачил жалкое существование. Идеологическая и художественная ценность его постановок была ничтожна. И только в настоящее время этот театр стал одним из лучших передвижных театров не только в БССР, но и СССР.

II

Вторая глава истории советского белорусского театра (1925—29) ознаменована усилением борьбы пролетарских сил за национальный по форме и пролетарский по содержанию театр. В этот период Первый государственный театр ставит своей единственной целью—обслужить рабочего-зрителя. Репертуар его обогащается пьесами «Междубурья» Курдина, «Мост» Ромашкина и др. Ставятся также переводные пьесы «Бронепоезд», «Нига», «Ярость», вызвавшие негодование нацдемов. Развертывается большая театральная дискуссия, в процессе которой последние пытаются направить развитие белорусского театра на занятый буржуазный путь. Но работы общественность уже в этот период выращивает линию театра в его борьбе за пролетарское искусство.

После смены руководства во Втором государственном театре ставятся: «Разлом», «Рельсы гудят», «Простые сердца», «Город ветров» и др. современные пьесы. Правда, в репертуаре, под влиянием нацдемов, мы находим еще пьесы Громыко и Глебы, снятые впоследствии со сцены.

Решительный поворот белорусского театра обозначился в последний период, составляющий третью главу его истории. Первый государственный театр ставит весь рабочего стекольщика тов. Кебеда «Путь» и этой постановкой вплотную подходит к пролетарской тематике. Второй государственный театр также середняет острых нацдемовских постановок ...Первой ...кинематографическим спектаклем, связанным театр с рабочими массами. Перестраивается и передвижной театр, в репертуар коего входят содержательные советские пьесы—белорусских, украинских и русских авторов.

III

История белорусского театра—это не только история Первого и Второго гостеатров и передвижного театра, возникшего народным артистом Голубом. Это—история и Госета БССР—одного из передовых советских театров, хорошо известного рабочим-зрителям крупнейших центров РСФСР и УССР. Это—история и передвижных театров—пальчевского и еврейского, а также рабочего передвижного театра-студии БСПС.

Третья глава заканчивается созданием Белорусского трама, фактически начавшего существовать в 1929 году, но из-за оппортунизма б. руководства Наркомпроса не занявшего подлинного места в пролетарском искусстве. Лишь последние дни он является говорить во весь голос. Мы верим, что театр рабочей молодежи неуклонно займет комсомольской «легкой кавалерией» в борьбе белорусского национального театра за пролетарское содержание.

Б. Р.

ВЕРА ИНБЕР

ЛАМПОЧКА ПЕРЕГОРЕЛА

Трах!.. лампочка перегорела. Мы кинулись ее из патрона, разглядываем ее, трогаем: «У-у, черт!» Мы даем ей подзатыльники: «Вэр, проклятый проклятый!» Мы браним ее, как дурное яйцо. Мы бранем завод, этот гнилостный наследник тухлых земель. Но лампочку мы знаем очень мало: так, небольшой комплект из стекла Эдисона, вольфрамовой нити, абажура и интересов.

Один западный журналист писал, что, ознакомившись с изумительным производством, он совершенно изменил взгляд на автомобильную езду. Красная лента была теперь для него олицетворением: окутанным деревом, рабочим-гуттаперчем, белым мясником, цветом через океан, желтой хризантемой европейских и американских бирж, своей сложностью и стоимостью колониальной политики.

Точно так же и я. У меня открылись глаза на лампочку. И хотя лично я не участвую в ее производстве, но я подошла к ней слишком близко, мне хочется, чтобы не судить о ней, как судит потребитель. И когда я слышу, что в нашем обществе остроумный автор в веселой песне рифмует «лампочка» и «тухлы почтн», и не видит на все остроумие этой рифмы и относительную справедливость содержания, все же не могу воздержаться веселой песней: слишком много я вижу сквозь нее.

Для меня лампочка—это длинный ряд причин и следствий, предметов, людей и действий, начиная от плохо залеченного крючевого автомата и кончая работницей Зоей с десятилетним стажем, единственной на весь цех земмовой врачихи, своего рода хирурга плохорожденных ламп. Зоя сидит над тем, что плохо, но не безнадежно: над окончательным браком. Так велит у нас стеклянный голод, что стоит кинуть все, что имеет хоть какой-нибудь шанс на горение. Где-нибудь в Америке, в «Джонсервис электрик компани», такая Зоя была бы немыслима. Стоит ли возиться с бедняцкой лампой в стране, где хорошо развита стеклодувная промышленность? Где гораздо выгоднее сделать новую лампу, чем корпеть над браком.

Но у нас иначе. У нас Зоя лечит всевозможные ламповые болезни: «кривые горла», треснутые купола, стершиеся электроды. Она разыскает огнем так называемые «синие» и «красные» лампы, т. е. такие, в которые при отключке проник воздух и которые при горении вместо белого света дают синеватый и красноватый. Зоя распаивает стеклянный черев лампы и вводит туда трубку, после чего лампа снова идет в завод и отключается, но уже не с нижней стороны, которая теперь закрыта, а со стороны цоколя. И тогда на цоколе остается пипочка. Мы все знаем такие лампы, но мало кто знает, что многие из этих ламп были тяжко больны, что они были оперированы той или иной Зоей. И что пипочка—шов после трепанации.

«Болезней много, а здоровье одно», говорит старая поговорка и, как водится, лжет. Здоровье так же различно у ламп, как и у людей. Наиболее здоровые лампы—это экспортные. На них положена почетная, но нелегкая обязанность — доставлять нам валюту, которая в свою очередь доставит нам машины. Экспортные лампы подвергаются пристальному освидетельствованию. У них должно быть «прямое горло», правильное строение ножки внутри и хороший прогрев цокольной мастики, чтобы цоколь не отваливались. Увы! Иногда они все же отваливаются. И жалобы на это, «рекламации» клиентов текут на завод от Украины до Аргентины: прекрасный размах, если бы он не касался лампового брака.

Борьба за качество труда, утомительная, но, по существу, довольно простая. Иное дело—борьба за качество. Здесь все гораздо сложнее. Здесь идет мобилизация всех особенностей машины и человека, сортировка характеров и других, точечные подборка движений и навыков. Здесь вскрывается отношение рабочего к труду, проникновение в самую глубь трудового процесса. «Дай организации ударной бригады необходимые изменения отношения рабочего к своему труду и рабочих друг к другу, было сказано на недавнем с'езде по изучению поведения человека. Все сказанное в полной мере относится и к борьбе за качество. Рабочий должен изменить точку зрения на свой труд. Он должен понять, что он сам является своим заказчиком и контролером, а если себя обмануть невозможно. «Я тебя знаю, ты гель с ленцой», говорили сам себе рабочий. «Я тебя не посмотрю, что ты с десятилетним стажем. Я тебе работать». И разбивает. От такого не спрячешься.

Но даже с'ест по изученью поведения человека не может наперед учесть всех своих трудностей. Поведение человека—сложная вещь. Вот образец одного поведения.

В ламповом отделе, предположим, в цехе электрических» лампы за целое сидят, предпосылки, молодой парень жаждущий труд, именуемый, предположим, Иванов. Иванов. Она делята тем, что, прогрев в камере восьмиминутным нагревом напостатичные лампы и выкачав через трубочку (штенгель) воздух, она наполняет лампы смесью аргона и азота. Если что останавливает покупный уже конец штенгеля у горла. Иванова—комсомолка, ударница, умница, физкультурница и вообще молодчина. Иванова работает прекрасно. Но в данную минуту ей, как бы это сказать, не вполне безразличен парень из «обмотки», тоже комсомолец, ударник, бригадир производственной коммуны, физкультурник, как и она сама, и, кроме того, лыжник-ухажер: танцитьный, черт.

Иванова рада: чудесный день. Идет снег и загибаются лыжи. Но самое главное то, что прошло ее, Ивановой, «рабочее» предложение касательно увеличения сопревательного режим.

Иванова рада: чудесный день. Идет снег. Одной рукой Иванова берет за горло сразу четыре готовых лампы, еще теплых (она чувствует это даже сквозь перчатку) и хочет положить их на решето. Но слишком радостные со пальцы не удерживаются в сетке, они ускользают, скользят, они прыгают. И тут две лампы, немыслимо прогретые, летят на пол. И кривая брака на данный день в ламповом цехе поднимается вверх.

Вернувшись этим сухим румянцем, ближе исчезающего Иванова к кассе. Пальцы ее больше не играют. Но зато они приобрели стальную большую сухость в размахе движений: досада выжала из них всю влажность. Пальцы как бы налили сухие потребления, а стекло это не любит. Иванова крепко напрягает тайный рожок на затылок. Эй, Иванова, не горячись! Горе... штенгель ломается вместе с горлом. В горле дырка, в лампе воздух: опять брак. «Сколько еще мы будем терпеть от ухажеров,—со стоном кричит Иванова. — Дело нечаянное стекло, а мне отвечай. Такое может ушибительно отразиться... Господи... Господи...» И, не глядя потому на пустые ладони, она плачет.

Отплакавшись, она работает с молчаливой и холодной быстротой. Каждое движение ее точно, наверное, легко. И нельзя долго смотреть за пальцы Ивановой, как будто это—не руки, а ноги на канате над бездной. Смена кончается. Иванова, уже пружина, отпрядает от стола. Она уходит. Ее работа кончена. Достаточно. На другой день она узнает, что оставила в силой на закрытых камер лежать лампы, которые при включении мотора для новой смены взорвались маслом и цоколи.

Таким образом, бедняжка Иванова, преисполненная лучших намерений, все же натворила бед. Производство это вследствие выделяет ее из трудового ритма. А это в свою очередь отключает связи от участия трудовых заимок. Со старой работницей этого бы не произошло.

В спиральном цехе есть умнейший автомат, обвивающий электроды. С двух катушек он сматывает и перевивает медную проволоку и кладет с боков эти стержни. Туда же ложатся из среднего тщательно откуканные кусочки изолюды. Все три черена скрепляются и клеммы, выходя оттуда готовыми электродами. Нет ничего точнее этих трех в совершенстве сочлененных движений. Но таких автоматов немного: два или три, если не ошибаюсь. Их недостаточно. Поэтому здесь за рядом стоят две девушки, «сортирующие электроды вручную. Все, что делает хитрая машина, производят человеческие руки. Работа сверхчистая мельчайшая. Инструменты—точные пинцеты, которыми ухватываются концы спиральных проволок и прижимают их одна к другой. Нет под ложечкой, когда смотришь на это.

И вот, работая такую работу, одна из сварщиц рассказала мне про своего ребенка, который не так давно вывал из окна и убился. «Он, знаете, у меня очень часто любил. Увидит и говорит: чиж, чиж. Как птица. (Настоящая пауза производственного характера: девушки приближаются друг к другу). Стоят это они в очке, а рама одна была. И выбежу открывалась. Производственная пауза). Был вечер. Иншу, на ужин, большие свои оживились. И еще хотела по ним за работу идти. Он увидал, тыркнулся об стекло, открыл окно и пошел к чижам. (Производственная пауза). Я на работе была. А сестренка моя не углядела. Мало ему лет было. Во время этого рассказа электродов было слышно, сколько колоялось. Руки дрожали, как по было надо, а ноги не знали под собою. Смена кончается. Иванова, уже пружина, отпрядает от стола. Она уходит. Ее работа кончена. Достаточно. На другой день она узнает, что оставила в силой на закрытых камер лежать лампы, которые при включении мотора для новой смены взорвались маслом и цоколи.

Таким образом, бедняжка Иванова, преисполненная лучших намерений, все же натворила бед. Производство это вследствие выделяет ее из трудового ритма. А это в свою очередь отключает связи от участия трудовых заимок. Со старой работницей этого бы не произошло.

В спиральном цехе есть умнейший автомат, обвивающий электроды. С двух катушек он сматывает и перевивает медную проволоку и кладет с боков эти стержни. Туда же ложатся из середины тщательно откуканные кусочки изолюды. Все три черена скрепляются и клеммы, выходя оттуда готовыми электродами. Нет ничего точнее этих трех в совершенстве сочлененных движений. Но таких автоматов немного: два или три, если не ошибаюсь. Их недостаточно. Поэтому здесь же

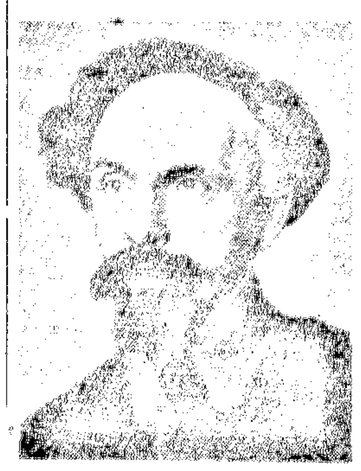
ТРИБУНА ПИСАТЕЛЯ

НИЖНЕЕ ЧУТЬЕ

В последние месяцы почти во всех журналах появились в отношении меня неслужебные выпады, увенчанные недавней статьей тов. Григорьева в «Литературной газете». «Пришвин, апологетика и «Перевал». Все эти статьи исходят из неверного факта и потому неверны во всем остальном. Неверный факт — это связь меня с «Перевалом». Несколько лет назад, когда «Перевал» был для всех хорошим, ко мне в Сергиев приехали отличные молодые люди, охотники. Настроенный добродушно, я подписал предложенную мне бумагу с иным пестрым движением вперед, любви к ближнему и чистоты русского языка. Молодые люди уехали, и больше я их не видал у себя, и лишь уже был ни на одном перевальском собрании. И вот теперь, в одном журнале заложу свое имя между Губером и Зарудиным с рассуждением о реакционности биологизма и прогрессивности антропологизма (!). Мне удалось дознаться, что автор статьи был уверен в моем перевальстве, считал меня за иного и вовсе не знал, что я четверть века без перерыва даже для своего обилия работал в литературе и еще до войны мои книги переводились на иностранные языки. Больше же всего общее, что во всех статьях мне инкриминируется разъединенность с общественной жизнью. По правде говоря, не знаю, признак ли это общественности, если писатель торчит в редакции или же в какой-нибудь организации занимается своим собственным распадом надвое, как, говорят, происходит теперь в «Кузнице». И потом я же не вчера, а современник Максима Горького. Я завоевал себе право, как он, на собственный образ жизни, помогающий мне экономить свою энергию для фактического строительства жизни. Ведь это же и есть мой основная идея, что литература ничем не отличается от всякого иного творчества жизни. Из-за этого в оппозиции я и оставался всю жизнь приколанным к очерку и в этой скромной форме похоронил все свои романы, поэмы и песни. Когда после первых лет революции начала возрождаться литература, ведь это я был единственным писателем, который явился в Госплан и предложил себя в сотрудники, как исследователь жизни. Мне поручили кустарей, которыми особенно интересовались в то время, и по общему мнению самых деловых людей в своей работе «Башмаки» я хорошо доказал, что художник может быть исследователем нисколько не хуже ученого. Точно так же не я ли два газетных работника многочисленные премии возможность оставаться художником, работая в газетах над повседневными темами. Скажите, почему мы читаем многих наших работников во всех учреждениях и первым из них тов. совершенно незнакомых критиков? Отсечем сам, мы видим литературных работников потому, что ждем смены. Но если не с такой классификации, то во всяком случае с добросовестности критика, пускающего статьи в массы, мы все должны предъявить требования...

Я не признаю никаких рубежей, потому, что они относятся к личности автора всегда, как упрек. Умру сосед, тогда, пожалуйте, забирайте. И вот, если так, насколько же противно мне сейчас перечислять свои гражданские заслуги. Но много писать... Все уже давно тем и конструкцией особенную тревогу и своей гражданской совести, бросил высокую литературу и снова перелистал опытам исследования жизни, пуская в ход даже фотографию. Так, в журнале «Октябрь» была напечатана мною работа о беспризорниках, в «Новом мире» вот-вот появится работа, имеющая отношение к производству драгоценной теперь для нашего экспорта пушнины, в «Федерации» представлена большая книга, посвященная исследованию очерка, как литературной формы, господствующей в бурные эпохи жизни. Должен сказать еще, что для всех этих работ я не прочту ожидаемых командировок и обхожусь самым дешевым путем. Возьму в пример Загорск, в котором живу. Вдоль железной дороги у нас и в сторону Хотькова и Бужанинова происходит корчевка для нового зернового хозяйства, если не ошибаюсь, в 40 тыс. га. Монастырские пруды у нас становятся базой для искусственного разведения рыбы: роют к этому еще двадцать прудов. Гипрозем тресту создает сметы. Неподалеку строится Зеленый город, к которому из Москвы уже почти подогнана электрическая железная дорога. Рядом вырос один из величайших в мире аэропортов, где уже теперь находятся до полутора тысяч серебристо-черных лисиц. Колония имени Калинина тоже не шуточное учреждение. Я чуть не забыл о колхозах, в которые писатели обыкновенно едут. Перед моим окошком тузлуки роют колодец, перед этим они рыли во всех колхозах. От них можно узнать о колхозах, сравнить их между собой, выбрать который получше и просто пойти туда всего за какие-нибудь верст пять—восемь. Я все это делаю достоверно и по мере сил своих пишу. Но скорый критик едва ли обратит внимание на мои прошлые детские рассказы, хотя в них починная моя правдивость получается гораздо больше, чем в очерках: детская литература настолько загружена произведениями тех писателей, которые пишут детские рассказы только потому, что не могут написать недетские, что в мой и настоящему критику очень трудно отыскать потинов творческой жизни.

Недавно перелистывая свои сочинения, я горевал о том, что много попусту истратил времени, и вдруг мне попался рассказ о еже, о говорящем грачике и т. д. Тогда внезапно я нашел себя самого в своих сочинениях и оценил себя и как человека современного и универсального. Выделив эти маленькие рассказы для детей, как бессознательное творчество жизни не всего написанного мной, очень литературного, но жизненно сомнительного, я написал заявление в «Молодую гвардию» о том, чтобы вернены мной ударником по детской литературе до конца пятилетки с определенным заданием. После пламенной встречи с молодежью вскоре оказалось, что практически мы не можем заключить трудовой договор при существовании авторского права. Конечно, мне



МИХАИЛ ПРИШВИН

устроили все: помесячную выдачу гонорара, совершенно как заработную плату, и в то же время так получилось, что этот договор почему-то не менял я мог попрежнему торговать своим собственным, всем, кроме детских рассказов. Некто в сером при этом сказал, улыбаясь: «так вам будет удобнее, и выходит».

Вот Белинскому «Перевал» говорить не перебил бы чутье, потому, что не чувствительно писателей не нижним чутьем по следам, а прямо непосредственно по воздуху брал, как мы, охотники, говорим **верхним чутьем**. Не отрицаю, конечно, что и нижним чутьем по следам рано или поздно можно добраться до самой дичи, но только надо быть добросовестным и работать не после времени, как работал бывало Семен Афанасьевич Венгеров. Всех дальше от меня самого ушел, вероятно, тоже из-за «Перевала», тов. Григорьев. Он зарылся в моих отдаленных, совсем окольных следах, что даже навлек меня символом символистов, хотя во всей литературе мало найдется разных мне антиподов и реалистов. «Перевал» в этом был лишь поводом, темой заданной ранее, основная же причина в обыкновенном, чрезвычайно распространенном учительском зазнайстве: люди в футляре уже не чуют простой язык, как не чуют живую жизнь, и потому, когда приходит к ним сама жизнь, они засыпаются, читают живым языком напечатанные строчки, ищут символы между строчками. Не зная, где это разумел тов. Григорьев, что я всех намерение описать богоискательство в третьей части Кащеевой цепи. Это верно, и хотел. Но я не верю, будто тов. Григорьев знает, почему я не написал. Он думает, будто в наше время рационалиста мне трудно было бы раскрыть свои мистические симпатии. Нет, дорогой товарищ, я и тогда и теперь никаким мистицизмом не страдал. Я не написал, потому, что у меня на богоискательства выходил фельетон, а не Кащеева цепь. У меня не было при этом писания того подъема, когда чувствуешь в написанном всю жизнь и предлагаешь себе весь мир как органическое целое. Без этого чувства универсальности жизни и в то же время своей современности, я писать совсем не могу. Когда мне это не захватит, я делаю эксперимент, зарываюсь в исследование жизни до тех пор, пока накопленные знания не начинают пульсировать в крови. Иногда я делаю экскурсы также в область чужих идей, и вот тогда получается у меня «символическим». Таких неудачных я, если хотите, «символических» произведений у меня два: одно «Иван Осляндяев», напечатанное в «Записках», другое «Трезина» — в «Летописи». Дальше журналов эти сочинения я никуда не пускал. Некоторые прослойки наивности, остатки разбитой мечты сделаться профессором-доцентом по химии, можно найти и в других моих произведениях, но всегда, как несчастье.

В заключение просьба к товарищам-перевальцам не обижаться на меня, что приходится говорить об организации: подумайте сами, не виноваты ли в этом и вы, если целый ряд лет вы пользовались моим именем, не прислав ни одной повестки на ваши собрания, и мне было у вас хуже, чем генералу у Чехова, которого все-таки раз позвали на свадьбу. И еще у меня просьба к тов. Григорьеву, написавшему статью: «Пришвин, апологетика и «Перевал», не писать больше «апологетика», потому что есть молодой писатель Аплатов, Лев, автор «Сахалина», ему это полезно. Не рекомендую писать тоже «пришвинщина», потому что нет ее, это выдумка, и если бы действительно такая дрянь завелась, то, чтобы со уничтожить, я способен устроить грандиозный скандал. Подумайте только, вся жизнь боролся с засильем жрецов, и, неужели же для того только, чтобы сделать попа из себя самого!

Загорск.

МИХАИЛ ПРИШВИН

От редакции.

Редакция не может согласиться с третированием критика только на основании того, что он не обладает тем выражением сов. Пришвина, «сверхним или нижним» чутьем: критик должен владеть марксистским методом, что позволяет ему определить объективную сущность произведений художника, независимо от того, что сам художник о них думает. М. Григорьев, исходя из анализа образов Пришвина, приходит к выводу об апологетичности его творчества и космических мотивах, маскирующих эту апологетичность. Если бы М. Пришвин подвергнул разбору доводы критика и опровергнул их, спор можно было бы продолжать. Вместо этого, М. Пришвин остается на свои личные жизнь, и на свои личные права, которые не имеют отношения к критике и потому, естественно, критикой не затрагивались. Что касается работ М. Пришвина очеркового характера (в частности, «Башмаков»), то эти работы всем известных и замечательных не отрицается, но наличие их ни в какой мере не может ослабить того факта, что писатель обладающего мастерства пройдя и проходит мимо современных грандиозных исторических проблем, проблем революции.

К определению социологического эквивалента творчества т. Пришвина эмпирическая принадлежность т. Пришвина к «Перевалу» имеет очень малое значение — у редакции нет никаких оснований сомневаться, что отношения т. Пришвина к «Перевалу» были именно такими, как т. Пришвин об этом пишет, но подлинная принадлежность т. Пришвина к «Перевалу» определяется обязательным совпадением многих его высказываний, в частности и высказываний настоящей его статьи, с высказываниями «Перевала». Поэтому редакция не видит оснований к упрекам по адресу критика в недобросовестном отношении к изучаемым материалам.

ПОЭЗИЯ
УГНЕТЕННЫХ НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ

ЛЭНГСТОН ХЬЮЗ

МУЛАТ

Я сын твой, белый человек,
В Георгии сумрак
Сикоморно-сосновых лесов,
Колонны сосновой обрушенный брус...

Ты — сын мой,
Мулатка!

Месяц горит в сикоморном настое
лесов.

Южная ночь,
Полная звезд,
Крупных, крупных, желтых звезд.

Негритянские
Сочное тело
У черни забора
Сине черного

Незаконный мой, беспутный!
Или тело — только забава?
Запах сосновый распирает воздух
ночной,
Поиграли телом матери твоей!
Все леса покрыты серебряной пургой,
Поиграли телом матери твоей!
Острый запах хвои в тишине ночной.

Негритянская ночь,
Негритянский зной,
Маленький, беспримерный
Мулатик мой.

Нет им, ты не мать мне!
Негры — мне не братья,
Нет, нет,
Негры мне не братья!

Южная ночь,
Полная звезд,
Крутых, крупных, желтых звезд.

Но
Земли слаще,
Сумрака краше,
Тепла наши
Маленьких, желтых мулатов
родящие!

Эту ночь разве позабыть?
Никогда
Тебе белым не быть!

Крупные звезды разбросаны кругом,
Запах сосновый в воздухе ночном.
Негритянская ночь,
Негритянский зной.
Я сын твой, белый человек,

Маленький желтый мулатик твой...

ПЕСНЯ СТРОИТЕЛЬНЫХ РАБОЧИХ

Я строю дорогу
Для авто,
Чтоб им летать;
Строю дорогу
Через зеленый пальм
Для цивилизации —
Чтобы путешествовала;
Строю дорогу
Для богачей, старых, белых,
Чтоб в больших авто летать им,
А мне стоять вот здесь.
Ну,
Дороги, прежде, нужны всем;
Белым — ехать,
Мне — смотреть, как едут...
Я никогда не видел, чтоб
Ехали так шикарно.
Эй, ты,
Смотри:
Это я
Строю дорогу.

НЕГР ГОВОРИТ О РЕКАХ

Я знал реки..
Я знал реки древние, как мир, и
Древний поток человеческой крови в
жилах...
И стало сердце глубоким, как реки.
Я в древнем Евфрате купался,
Когда рассвет был молод,
На Конго строил хижину
И слышал баюканье вод его.
Я видел Нил; над ним воздвигал
пирамиды;
Я слушал, как пел Миссисипи, когда
Линкольн шел в Новый Орлеан,
И я видел, нам ни на груди у реки
стал совсем
Золотым в свете заката.

Я знал реки,
Древние, смутные реки,
И стало сердце глубоким, как реки.

ПЕСНЬ

Железнодорожный мост
Висит словно грустная песнь.
Железнодорожный мост
Висит словно грустная песнь.
И когда там идут поезда —
Не могу оставаться здесь.
И тогда я иду на вокзал
И сердце, как ком во рту,
И тогда я иду на вокзал
И сердце как ком во рту,
И тогда я ищу вагон,
Который идет на Юг.
Тоска по родине — это, знать,
Очень тяжелый груз,
Тоска по родине, это, знать,
Очень тяжелый груз.
И тогда, чтобы слезы сдержать,
Открываю рот и смеюсь.

Перевел Юлиан АНИСИМОВ

Э. С. СИЛЬВЕРА

ЕСТЬ СТРАННАЯ ГРУБОСТЬ

Есть странная грубость
В песнях людей,
Грубая, как песнь
Морей.
Есть тоскливая странность
В песнях черных людей,
Но не кажется странной
Для моих ушей.

И красота
У черных женщин есть,
— Дикунтой красота,
— Тайны,
— Тьмы смутная красота
У черных женщин есть,
Понятная только
Для черных людей.

Перевел Юлиан АНИСИМОВ

ОБЗОР ПЕЧАТИ

ПРИЗЫВ
УДАРНИКОВ В ПРОВИНЦИИ

Вслед только судить о первых черновых статьях призыва по тем немногочисленным литературным и отдельным статьям, посвященным призыву, то придется констатировать ряд опасных симптомов. Первое, что приходится отметить,—это погоня многих АПП за внешним эффектом.

Создаются новые кружки без реального учета наличных сил, без тщательной проработки вопросов учебы. За безобразность, которая существует в вопросах методической работы с новым пополнением пролитературы, несет серьезную опасность — **растерять значительную часть нового поколения** и подорвать дело призыва.

Газета Ленинградской АПП «За кадры» от 25 декабря бьет тревогу:

«Литературная учеба в рабочих кружках не налажена, темпы в призыве рабочих-ударников в литературу значительно снизились».

«В учебе получается разнобой. Некоторые кружки провели по четыре, пять занятий (фабрика им. Халтурина) и в то же время есть такие кружки, которые с трех попыток смогли собраться по одному разу («Большевик». Балтийский завод).

Некоторые кружки распались из-за отсутствия руководителя.

Не лучше положение и на «Электросиле», где на днях бригада «Резца» обследовала положение с призывом ударников в литературу в учебой. На заводе только 9 ударников, командных в литературный кружок. Где остальные, неизвестно. Такая же обезлички и на «Красном треугольнике». Этому безобразному положению должен быть положен конец».

Да, погоня за внешним эффектом, поверхностность, непродуманность — явления в практике рационной работы не случайные. Качество—основное условие, обеспечивающее успех всего дела призыва.

Нельзя не отметить противоречия в предварительных итогах призыва по Ленинграду между той же газетой ЛАПП «За кадры» и «Красной газетой».

Если по мысли автора заметки «**Рабочие-ударники идут в литературу**» («Красная газета» от 15 декабря) положение с призывом отличное, рабочие идут в литературу, растет число кружков, то цифры и выводы бригады «За кадры», опубликованные на 10 дней позже, говорят более самокритично.

Что положение с программами и руководством новыми кружками не так уже благополучно, говорит другая статья в том же номере «Красной газеты». Отлив, правда, не дает тех выводов, которые мы видели выше. Но она отмечает, что с учебой в ЛАПП на все благополучие.

Но если в ЛАПП основные затруднения идут по линии учебы, в других ассоциациях положение более серьезное. Усилия некоторых АПП гибнут от того, что эти АПП **не сумели привлечь широкую пролетарскую общественность к этой кампании, не разработали оперативного плана призыва, не обеспечили опорные точки призыва рапповскими силами.**

«Подготовительная работа по призыву рабочих-ударников совершенно неудовлетворительная», — пишет «Нижегородская коммуна».

На телефонном заводе, на заводах «Двигатель революции», «Красное Сормово», «Балахна», Ижевском, т.-е. на основных крупнейших предприятиях Нижегородского края, ничего, или почти ничего не сделано для призыва. И в тот момент, когда срывается призыв, ограничиваться одним «поставить на вид», как это делает секретариат НАПП, это примиренчески относиться к конкретному злу.

Не так давно в Муроме была расширена литорганизация. Прошло несколько месяцев, и вот читаем:

«Положение в муромской литгруппе требует немедленной смены руководства, требует развертывания работы.

19 ноября на основании постановления Нижегородской ассоциации пролетписателей литературная группа была распущена и тут же создана ударная бригада из 4 товарищей для проведения призыва на Паровозоремонтном заводе. Но напились товарищи, которые все же на завод не пошли, заявили:

— Ну что мы там будем делать?»

Несмотря на решение секретариата НАПП, оздоровления в Муромской литгруппе не наступило, призыв провален.

Совершенно «оригинальную» постановку вопроса мы имеем во Владикавказе (Сев.-кавказский край). В литгазете от 1 декабря об'явлено начало призыва. Тут же помещена резолюция собрания Владикавказской литгруппы. Собрание «приветствует» призыв ударников в пролетарскую литературу и тут же... приветствует образовавшуюся внутри РАПП творческую группу «Литфронт». Литфронтовцы одними из первых осуществили на практике лозунг: **«РАПП—на предприятия».**

И дальше:

«Собрание литгруппы полиграфистов солидаризируется с творческими лозунгами «Литфронта». Право на существование творческой платформы «Литфронта» уже завоевала.

Мы за творческие лозунги «Литфронта», за социалистическую реконструкцию литературы, за генеральную линию партии в пролетарской литературе».

В тот момент, когда перед всей советской общественностью раскрылось полное идейно-политическое банкротство «Литфронта», когда обнаружилось полное неумение и нежелание включиться в дело призыва, что было признано в резолюции самой группой «Литфронт» (Москва), находятся простачки, подтявшие, что «Литфронт» одним из первых осуществил на практике лозунг «РАПП—на предприятия». И подобную чушь печатает газета. Остается только задать вопрос: а знает ли секретариат ЦКАПП, что у него делается на периферии?

В заключение приходится отметить, что очередная кампания призыва страдает общим недостатком — много дезинтегративности, общих мест, таких фраз: «Нужно усилить, углубить», и мало конкретности, мало новых советов, что надо сделать, чтобы исправить серьезные недостатки призыва, как помогать местным АПП в этой кампании и т. п.

Одновременно надо отметить, что многие газеты, даже краевого масштаба (например, «Рабочий край», Ин.-Волжск.), до сих пор игнорируют призыв.

В. ЗАЛ—КИЙ

НА ФАБРИКАХ КНИГИ

● Белгосиздат переводит издание журнала «Уладыслаў» на ежемесячный выпуск. (Раньше журнал выходил 10 раз в год). К участию в журнале привлечен ряд рабочих авторов.

● Правление ОГИЗ утвердило членами правления ГИХЛ: т.т И. Свистунова, А. Фадеева, Л. Леонова, О. Колесникову и Д. Павлова.

● Белгосиздат издал на белорусском языке **переводы произведений русских писателей**: А. Безыменского («Выстрел»), Ф. Гладкова («Цемент», «Голодающий человек»), Д. Бедного и др. В производственный план на 1931 г. включено 35 переводов.

● За последнее время значительно улучшилось качество внешнего оформления книжно-журнальной продукции ОГИЗ. Правление ОГИЗ решило созвать широкое совещание издательств и предприятий, на котором будут обсуждены вопросы качества продукции. ОГИЗ предложило управлению полиграфпредприятиями образовать постоянное совещание с участием директоров предприятий и представителей издательств для систематического наблюдения и контроля за качеством внешнего оформления литпродукции. С конкретными предложениями по улучшению качества бумаги ОГИЗ обратится в президиум ВСНХ и НК РКИ.

ВСЕРОССИЙСКИЙ СОЮЗ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ
ЗА РАБОТОЙ *

Прошло больше года с тех пор как «Всероссийский союз писателей» прекратил свое существование. 15 сентября 1929 года на чрезвычайном общем собрании старому правлению пришлось сложить полномочия и уступить место временному правлению Всероссийского союза **советских** писателей. Вместе с изменением самого названия союза началась коренная перестройка его, не прекращающаяся до сих пор.

В течение трех месяцев временное правление в период обострившейся классовой борьбы и сложной дифференциации литературных сил приступило в этом направлении большую и трудную подготовительную работу. Прежде всего был произведен перерегистрация и чистка членов союза, в результате которой число их значительно сократилось. Был выработан документ исключительной важности — «Основы декларации ВССП». Впервые за все время существования союз заявил свое **политическое лицо**. Отбросив старые догмы об аполитичности, о «нейтральном» отношении писателя к действительности, союз четко и определенно поставил вопрос о необходимости принимать активное участие в общественной жизни Советской страны, в великом социалистическом строительстве.

Новому правлению ВССП, избранному год назад 30 декабря 1929 года, предстояло продолжить и углубить ту перестройку союза, которую начало временное правление. Перед руководством открывался себе полный отчет в предстоящих трудностях. Не приходилось отрицать, что, несмотря на произведенную реорганизацию и чистку, довольно значительное число членов союза оставалось не только не вовлеченными в общее дело социалистической реконструкции, но и не принимающими фактически никакого участия во внутренней работе союза.

С первых же шагов нового руководства стали сказываться малейшие колебания и тем, что реорганизация союза — дело безотлагательное и даже нужное, что приближение событий приведут не к обострению его, а ведь к полному распаду. Однако в настоящее время едва ли кто-либо станет утверждать вторым, что ВССП является ненужной организацией.

Что же представляет за год работы нового правления? Произошли ли в жизни ВССП существенные перемены? На этот вопрос мы с полной уверенностью отвечаем: да, произошли.

Но с самого начала надо оговориться: темпы и результаты работы далеко не на всех участках можно признать удовлетворительными. Многие мероприятия, в корне меняющие направление и характер деятельности союза, лишь только стали проводиться в жизнь.

Одним из положительных фактов в жизни секции было привлечение на собрание литгрупповцев, проявивших живой интерес к работе. В настоящее время организуется Кабинет Запада, одной из основных целей которого будет ознакомление при посредстве клуба ФОСП рабочей аудитории с литературой жизнью Западной Европы и Америки.

Можно ли считать проделанную в этом направлении работу достаточной? Конечно, нет. Налицо—отсутствие системы в работе и заметное отставание от литературно-общественной жизни. Наименее развернутыми остались секции литературоведения и критики. Центральные детские издательства нуждаются в авторитетной оценке их выпускаемых книг. «Проблема кадров» здесь стоит весьма остро; для оживления работы союз привлек ряд молодых критиков-марксистов. Разрабатывается план работы секции. Было бы очень важно, чтобы ее начинаниям помогала такая компетентная организация, как Комакадемия. От нее следует ожидать товарищеской помощи и руководства.

Детской секции удалось широко развернуть работу. На многочисленных собраниях детской секции зачитывались и обсуждались произведения детских авторов.

Секцией краеведения была организована ВССП совместно с центральным бюро краеведения, где ее и велись занятия. На десяти собраниях были заслушаны доклады о методах краеведческой работы писателя, а также сообщения о результатах поездок. Члены секции приняли участие в шести экспедициях, организованных Академией наук СССР. В ближайшее время будет проведен ряд краеведческих вечеров в Доме Герцена. Подготовляется устройство выставки «Писатель и краеведение».

Нельзя пройти мимо музейно-выставочной работы ВССП. Долгие годы она велась чрезвычайно вяло и академично. Единицы много внимания уделялось прошлому русской литературы. Вместе с реорганизацией всего союза изменилось и направление деятельности музея. Основной задачей было поставлено систематическое устройство выставок, отражающих важнейшие моменты литературно-общественного движения наших дней. В конце 1929 года была организована выставка «Писатели и гражданская война». В связи с нею был устроен вечер-воспоминаний членов ВССП—участников гражданской войны. В ноябре 1930 года, в дождь обороны, небольшая выставка аналогичного характера была устроена на заводе «Каучук».

Особый интерес представляла собою другая выставка «Писатели и социалистическое строительство», привлекшая большое общественное внимание. Надо сказать, что, несмотря на ряд дефектов в работе, ВССП опередил здесь все остальные литорганизации. В то время как в клубе ФОСП лишь в конце 1930 года была устроена неудачная выставка «Писатель и колхоз», ВССП свою выставку организовал еще весною, а летом перенес ее в Парк и культуры и отдыха. Следует отметить это начинание ВССП в области массовой музейной работы. Помимо огромного количества книжек, выставку посетило свыше 12.000 организованных рабочих. В настоящее время приступлено к устройству новых выставок: «Писатели на прорывах» и «Писатели на маневрах». В порядке самокритики надо признать, что в отношении **шефства** над N-ским химкомом, сделано было мало. Правда, союз пополнил библиотеку полка, отпустил средства на культработу. Весною 1930 г. в гостях у союза побывало свыше 200 красноармейцев. После приветственных речей **Н. Огнева, В. Кириллова, Ф. Анульшиным** и др. писателями были прочитаны свои произведения. Кроме того, красноармейцам была показана выставка «Писатели и гражданская война». Представители союза должны выступали в клубе полка. Но все-таки, постоянной, органической связи с ним не была так следует назвать.

В настоящее время вместо переходы нефтяного поста в другой город ВССП принял недавно шефство над N-ским комполком, прикрепил для постоянной работы в нем группу членов, устроил специальный вечер, посвященный 1905 году.

Совершенно неудовлетворительно обстояло дело с работой на производстве. Правда, многие члены ВССП уже давно вели работу на фабриках и заводах, но в нее не вносилось никакой плановости.

Союз откликнулся на чрезвычайно важное постановление ВЦСПС о привлечении рабочих-ударников в литературу. Вслед за ведущей литорганизацией — РАПП, ВССП должен реально стать «лицом к ударнику», начать работу в литкружках на производстве. Среди членов ВССП имеется много высококвалифицированных писателей, которые обязаны поделиться опытом с новыми кадрами начинающих писателей-рабочих, помочь им войти в литературу. Поэтому надо удвоить особое внимание организации союзом литературного кружка рабочих типографии ПО «Правда» и регулярно устраивать в рабочем клубе выступления писателей.

На призыв ЦК ВКП(б) принять активное участие в ликвидации прорывов промфинплана на производстве ВССП отозвался очень живо. В сентябре была избрана специальная мобилизационная комиссия, которая разработала обязательство правления совместно с литгруппами, на которое обязывались члены писательской работы. По сообщениям в Совбумагой, 7 писательских бригад было отправлено на отдающие бумажные фабрики: Балахнинскую, Кондопожскую, «Сокол», «Вотодорец», Знаменскую, Добрунскую и Слеевскую. Бригада провела на производстве немаловажную работу, приняли активное участие в ликвидации прорывов промфинплана: выступали на производственных совещаниях, редактировали и составляли стенгазеты, выпускали специальные листовки, читали свои произведения и т. д. Эта работа бригад ВССП была одобрена Совбумагой.

В Москве в первый день ударника (1 октября) 25 членов союза было направлено по путевкам на выступления по фабрикам и заводам. Представители ВССП вошли в организованный ФОСП штаб.

В настоящее время мобкомиссия ВССП преобразована в бюро кадров, которому поручено разработать к ближайшему общему собранию план дальнейших работ на производстве.

Одним из проявлений возрастающей активности членов союза было деятельное участие в осенних маневрах Красной армии и флота. Большинство писателей, отправленных ФОСП на маневры, являются членами ВССП. Можно было бы привести также длинный список членов ВССП, совершивших в этом году поездку чуть ли не по всему СССР, работавших в колхозах и на заводах.

В работе клуба ФОСП члены союза принимают активное участие. На собраниях, посвященных процессу «вредителей» и неделе обороны, ВССП присоединил свой голос к общему голосу протеста и возмущения против преступной деятельности вредителей, пытавшихся сорвать великую реконструкцию страны, и против интервентов, готовящих нападение на СССР. Ряд вечеров, имеющих общее литературное значение, решено устраивать не в Доме Герцена, а в клубе. На первом из этих собраний, 28 декабря, **Вл. Лидин** поделился своими впечатлениями о поездке в Западную Европу.

В начале 1931 года правление ВССП решило созвать первую всероссийскую конференцию членов союза. В основной план работ конференции, намеченный оргкомиссией, входит: политический и организационный доклады правления ВССП, доклады об участии писателей в соцстроительстве, о пролетарской литературе и выдвижении ударников, затем — широкая дискуссия о творческом методе, а также критическое рассмотрение и «показ» продукции членов союза. Огромное общественное значение подобной конференции едва ли можно отрицать.

Оглядываясь назад и учитывая развертывающуюся работу, мы убеждаемся в том, что «Декларация» ВССП вовсе не осталось документом, не подтвержденным реальной действительностью. Дурные традиции старого союза писателей оказались в значительной мере уже преодоленными. За истекший год — своей деятельностью, продуктией членов — ВССП доказал, что он имеет право называться Союзом **советских** писателей.

Однако процесс расслоения среди писателей нельзя признать закончившимся. Необходимо углубить дальнейшее размежевание членов союза по политическим признакам. Весь далеко не все литературные «попутчики» (термин не дело заработали право называться союзниками. Не приходится закрывать глаза и на то, что «правая опасность» изжита еще далеко не полностью. Мы полагаем, что подготовляемая конференция будет способствовать необходимой дифференциации писательских сил и даст мощную зарядку для всей дальнейшей работы.

Мы знаем, что настоящая работа союза только еще началась. Поэтому руководству должно время не удалось сплотить вокруг себя достаточного количества активных членов. Произведенной чистки недостаточно, ибо «балласт», затрудняющий работу союза, еще велик.

Вообще, достижений все-таки еще мало. Те ударные темы, которые удалось поднять при мобилизации писателей на ликвидацию прорывов, должны быть распространены на всю деятельность ВССП. Но уже сейчас, накануне общего собрания членов союза и перевыборов правления, можно с уверенностью сказать, что, несмотря на все ошибки и упущения, Всероссийский союз советских писателей стал одним из литературных органов пролетарской революции, участником великого социалистического строительства.

ЛЕОНИД ЛЕОНОВ
ВИКТОР ГОЛЬЦЕВ

Председатель ВССП
ЛЕОНИД ЛЕОНОВ

* Настоящая статья носит, преимущественно информационный характер. Подробное очередных творческих проблем будет посвящена другая статья. **Л. Л. и В. Г.**

ПИСАТЕЛЬ
и Щанской интеллигенции

С. Юрин выпустил в издательство «Федерация» две книги: «Любовь и коммуна», сборник рассказов, и роман «Гайданцы».

Первая книга Юрина представляет собою поиски отдельных эпизодов, которые впоследствии вошли составными частями в его роман «Гайданцы».

Это как бы подготовительные этюды к большому полотну. Именно, как отдельные этюды, рассказы первой книги даны с настолько невинным социальным звучанием. По ним трудно прокупить социальную базу творчества. Трудно, но все-таки не невозможно.

В сборнике крестьянская тематика представлена тремя маленькими рассказами: «Деревенская невеста», «Сентябрьский заводик», «Мирон», остальные рассказы: «В ночном саду», «Петушок», «Один день» и повесть «Любовь и коммуна» — не крестьянской тематики.

Но и то, что может быть отнесено к изображению крестьянства, вызывает серьезные сомнения в своей объективности. В рассказе «Деревенская невеста» автор рисует небольшой бытовой эпизод о том, как деревенский парень Сенька, задумавшись жениться на девушке Дуньке, сначала делает оплошность с сватовством, следуя устарелым обычаям, а затем справляет красную деревенскую свадьбу.

Рассказ не идет дальше бытовых отношений деревни. Этот быт в своей неповоротливости и архаичности стеснивается с новыми веяниями — с разгаром советского города и теории товарищества. Произведение явно культурно-реакционное, противительное. Самые обычные происшествия лишены подлинной живой жизни, — это плоские бытовые зарисовки, сильные изображением стороннего наблюдателя деревенской жизни.

Сложные противоречия мелкобуржуазной крестьянской психологии представляются художнику в неполных и неопределенных формах проявления. «Сентябрьский заводик» — рассказ о крестьянине-собственнике Кандыбе. По собственническим чертам этого образа дать только в одном его высказывании. Все остальные штрихи сюда не имеют с собственническими чертами героя. Кандыба — в сущности какой-то малоопределенный условными уголовный преступник. Эти черты преступности заполнили остальное. Одним словом, дальше, весьма поверхностного представления о мужике писатель из идет. Неудачны мужские лица почти со самые небольшие. Поэтому вместо полной психологии, он дает только внешнее в мужике.

В рассказе «В ночном саду» дан один периферийный образ «крестьянина» сада. Он дан вместе с рассказом со случайной целью: его задача рассказать историю изнасилования Дуни. Образы Парфила и Якова рисуют интеллигенствующих в иного времени. Этот мещанин изображен сатирически, или хочет быть современным, любит интересные «романтические» и романтические приключения, сам не прочь принять участие в этих приключениях. Он крайне любопытен. Но сатирическое его не исчерпывается любопытностью. В результате двойственных отношений этот мещанин только по прямых найти «любовь и коммуна» завершает эту группу рассказов.

Андрей Сидоров, Слива Писаревный и Инна, жена Андрея — из производственно-бытовой практики в коммуне. Коммуна представлена ее вождем, «батраком» Иваном Генриховичем и его дочкой Эммой.

Андрей и Инна мучаются от взаимного недоверия, ревности. В этом их основное, но в то же время они пытаются нашто обрести в коммуне разрешение своим любовным драмам. Собственно для этой только цели и введена коммуна. Это своего рода любовное пуэтичество.

Любовные происшествия не любят неприкрашенных картин. И коммуна — верх совершенства. Иван Генрихович — умнейший сознательный хозяин. Его усадьба и усадьба мещанской парочки и ее молодого друга студента Письменного, этого старого знакомого из «Дрой нашей жизни» Л. Андреева.

Общественная и хозяйственная жизнь коммуны дает размеренно, гладко там, где-то в туманной дали от ее гостей и даже... от Ивана Генриховича. Зато Эммочка и покойная усадьба с ее мещанским уютом на первом плане играют «всеми цветами радуги».

Юрин потому показал коммуну «глазами Иночкиными», что все произведение не что иное, как коммуна, «глазами мещанина», если воспользоваться выражением одного из рецензентов книги Юрина.

Но все эти произведения приобретают ясный смысл и четкую общественную функцию в романе «Гайданцы», куда внесены эти рассказы, как составные части. Уже самый факт внесения рассказов в состав романа показывает, что писатель отлично понимает социальное единство своих художественных сюжетов.

Роман «Гайданцы» со всей отчетливостью и полнотой раскрывает некрестьянскую природу творчества Юрина.

Автор попытался дать «широкое полотно» изображаемой им действительности, и пальто оказалось, что ее убогие и художественно дополнил мещанские черты своего творчества и явно больше снизил до неудовлетворительности крестьянские мотивы.

Роман «Гайданцы» — роман интеллигентно-мещанских переживаний. Все переживания этого романа локализуют и варьируют на разные лады мещанские образы первых рассказов Юрина.

Судьба Сидоров показал, как отец, муж, любящий семьянин и почти не изображен как общественный работник. Между тем об занимает крупные посты—председателя губернского суда. Попытка автора показать своего героя в его специальной практике явно не удается, или точнее явно вызывает мещанскую сущность Сидорова.

Он занят главным образом поисками почти «таинственно» исчезнувшей своей возлюбленной и другими столь же любопытными вещами. Когда ему приходится заговорить о строительстве в советском государстве, он не идет дальше удивления широкому размаху этого строительства.

И хотя автор дает революционное «Fetgeschichte» своего героя, сие мне сколько не убеждает в правдоподобности того, что Иван Иванович — большевик, крупный губернский работник. Не еще более интересным представляется Александр Федорович, секретарь завкома. Ему почуть никогда от огромной общественно-политической работы на заводе. Но какова эта работа, автор не в состоянии сказать. Работает, мол, по-своему — и все тут.

Многих, быть может, недоумевает, что герои Юрина много говорят о перспективах строительства. Отсюда они решают, что автор изображает энтузиастов строительства. Но это только вся суть, что «энтузиасты» Юрина вовсе ничего не строят. Они подвержены, потрясены строительством, которое протекает на их глазах. А это совсем другое дело.

Так же разрешается вопрос и о новой крестьянской тематике.— она просто написана на крестьянскую. Потому что и сам писатель — писатель мещанской интеллигенции.

Г. ФЕДОСЕЕВ

МЕМУАРЫ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Поток мемуарной литературы не прекращается. Некоторые группы ученых усердствуют в переиздании старых памятников литературного быта, далеких от интересов современности и потому мало нужных как для современного передового читателя, так и для ученого.

Во имя чего тратятся над переизданиями ученые редакторы? Разного рода побуждения кроются здесь. В предисловиях к переиздаваемым мемуарам некоторые редакторы указывают те принципиальные соображения, какими они руководились. «Мы ищем, — пишет видный представитель формальной школы Б. М. Эйхенбаум, — в прошлом опыта и влияний, чтобы таким образом разобраться в современности». Какие же мемуары представляются «воскрешать» формалисты, через которые возвратится читателем наша современность. Это дневник Кюхельбекера, литературные воспоминания Л. В. Григоровича, Алексеева и пр. Несомненно, что эти мемуары имеют определенно историческую характеристику они рисуют прошлое и воспитывают его у таких крупных классовых групп, идеология которых абсолютно чужда современному передовому рабочему-читателю.

Однако эти мемуары рассматриваются и переиздаваются многими их редакторами не как исторический материал, полезный исследователю, а как предмет чтения и пропаганды такого, который дает ответы на современные вопросы. Самой сильной и весьма странной должна считать оценку мемуаров, относящихся 20-е, 30-е, 40-е годы и относящихся при том с точки зрения отсталых и для того времени групп. Но, очевидно, есть в наших днях такой читатель, которой пользуется этими книгами именно с таких качеств. Вот как Е. М. Бескрилан и Т. Ю. Хмелевская—составители книги «Пушкин в воспоминаниях и документах» («Academia», 1930 г.)—характеризуют вкусы своего читателя, а тем самым и аттестуют качество своей работы. «Появилось, — пишут они, — почти обязательное (а почему же не прямо обывательское?) любопытство к мелким и повседневным фактам... Момент подслушивания и подсматривания играет немалую роль». Отсюда только в расчете на этот «вкус» был переиздан в целом виде «Дневник Вульфа», посвященный исключительно кабинетному культу, культу мелкого разврата, разврата от сытости и безделья—дворянина-фата.

Понятно, задача не в том, чтобы все мемуары признать ненужными для передового читателя наших дней, а в том, чтобы найти и дать такие мемуары, которые бы помогли массам рабочего-читателя в нашего молодняка освоить современную действительность. Лежит ведь: «Пусть каждый познавательный отдыхания и работой, которую случится прожить в данное под влиянием тяжелых условий жизни или чрезвычайной медленности нашего государственного строительства, напомнит недавнее прошлое с господством капиталистов и применяет. Такое воспоминание зарядит ему бодрость в работе» (т. XVIII, ч. 2, стр. 77).

С этой точки зрения мужны такие мемуары, как: «По пути к марксизму» Н. Панковлова, «Повесть» Л. Фелинтеева, «История одной работницы» С. Марковской прибавим еще воспоминания Н. А. Мещерякова «Как мы жили в ссылке», Я. Коробова «На заре», «На острие ножа» (изд. 1930 г.).

Некоторые из них, напр., «Повесть» А. Фелинтеева, рисуют путь типографского рабочего через кружок в партию, — показывают процесс перерождения пролетария, идущего к своей классовой цели.

С. Марковская хорошо знакомит с революционным бытом (см. «Каторга и ссылка», 1930, № 2, стр. 196). Воспоминания О. Каплинской-Крамаренко рисуют тяжелые страдные жизни его отца и дяди, жизнь тех, кто героически подготовлял октябрьский переворот,—дают материал, чтобы сравнить свет нынешней и их жизнью (из предисловия Вл. Бонч-Бруевича). Здесь дана захватывающая картина роста молодого рабочего—деревенского парня в сознательного революционера. Картина политического и культурного его роста.

Все эти воспоминания о революционном прошлом, о большевистском подполье, о ссылке, помимо исторического значения, дают интереснейший материал для современного рабочего-читателя. В них нужно только смениться с современностью, в них, пристально-то, читатель найдет ответ на вопросы, откуда и куда растет революция. Эти мемуары повернутся современностью, большими задачами общественно-политической жизни.

Такие мемуары не только материал по истории рабочего класса, истории его партии, но и богатый материал для художественного творчества.

Но таких мемуаров мало: их еще надо искать, создавать заставить. Пусть ударники-рабочие, тесно связанные с фабричами, заводами, с рабочим классом, могут быть такими авторами, по которым потянет мемуар из глубин рабочих недр в массы рабочих-читателей. Они помогут собирателю таких мемуаров, чем занимается редакционная бригада историков из Комакадемии, из «Серпа и молота», бригады литературоведов из РАПМИХИЗ, они могут стать авторами этих мемуаров.

Н. БЕЛЬЧИКОВ

СТРЕЛЬБА ПО СВОИМ

Тов. Селивановский счел актуальным обратить внимание нашей общественности на мое стихотворение «Поезд в Белоруссию», написанное в 1927 году и помещенное в заиздевшей вышедшей книжке «Слово предоставляется Кирсанову». Это стихотворение представляет собой обрывки впечатлений из окна вагона, ряд поэтических сравнений, и, как мне кажется, не претендовало на полноценное описание советской Белоруссии. Однако тов. Селивановский «в связи с декадой белорусской культуры» ухватывается за эти стихи с целью проанализировать на моей спине о «сильных великодержавных тенденциях», имеющихся в мое творчество, и хочу же «правилах на руку национал-демократизма».

Тов. Селивановскому, очевидно, неизвестно, что через два дня после «Поезда в Белоруссию» мною было помещено в центральной газете советской Белоруссии «Звезда» второе стихотворение, представляющее собой продолжение моих путевых впечатлений от Белоруссии. Кроме, ознакомившись в литературой о Белоруссии, очевидно, только в тех соответствующих делах, этого стихотворения и в глаза не видал. Вот оно:

«В МИНСКЕ

Проносится поле,
равнина
и лес...
железнодорожная
грусть...
И поезд блестит,
мимо Смоленск,
в Советскую Белорусь.
От светлых деревьев,
бегущих бегом,
мы сходим
у стоящих стадий,
и двоим,
ахая,—
входит в пятом
с мешками в руках
колоннады.
И сильно
под грохот колесный мне
с ребятами разговориться
о братьях,
живущих
на той стороне
границы...
Про школы,
про песни,
про урожай...
Но вдруг удивленье:
«Что вы?..»
— Качаясь на рельсах,
скрипя
и дрожа—
к Минску
подходит почтовый.
Я в Минске?
Иль-нет, погоду клиня,
на юбку
за руки замаешен.
И тихая пара
выводит меня
на даль
бесконечной Советской.
А город
приемист,
спокоен и низок.
Мостки деревянные
тут еще.
Но мне
начинает
мерениться Минск.

Ясно, что в этом отрывке, написанном мною на втором году моей поэтической работы, нет еще полного представления будущей советской Белоруссии. Но ясно, что она мне представлялась не «наивной и пятнистой», как утверждает мне тов. Селивановский, рисующий жизнь:

«Какая Белоруссия привалила к себе прославленное внимание революционного поэта Кирсанова? Белоруссия рисует «наивной» (!), т.-е. та самая, уходящая в прошлое Белоруссь, черты отсталости которой идеализировали эсаковские Цвирки и Дубовики...».

Было бы вернее, если бы тов. Селивановский, мало просвещенный в моем творчестве, информировал нашу общественность о том, что и в 1927 году четыре года до белорусской декады, русская революционная поэзия мечтала о Белоруссии, обрезанной советскими врагами, о Белоруссии, подымающей «зеркально-бетонную высоту» мог. о ее городах, залитых неоновым. Тов. Селивановский мог бы это не упоминать, что автор этих строк в поезд уже думал о братьях советской Белоруссии, живущих на той стороне границы». Это было бы лучше, чем швырять в лицо революционному поэту бирки тов. Селивановского) политический упрек в великодержавности.

СЕМЕН КИРСАНОВ

ОТ РЕДАКЦИИ. Редакция отмечает, что некатарная защита поэта С. Кирсанова не является ответом по существу на статью А. Селивановского «Ошибка в лагере «Леваков» за 4 января 1931 г.). Указания А. Селивановского на великодержавные тенденции стихотворения «Поезд в Белоруссии» С. Кирсанов сводит молчанием, тем самым подтверждая их. Что же касается цитирования С. Кирсановым стихотворения «В Минске», написанного через два года после «Поезда в Белоруссию», то это стихотворение, во-первых, не вошло в сборник «Стихи», предоставленный Кирсановым, а во-вторых, дополнительно свидетельствует о неуспешных мистификациях, отражающих в книге «Стихи» предоставленных.

Редакция отмечает, что в статье А. Селивановского речь шла не о великодержавном характере лирики Кирсанова, а о великодержавных тенденциях в ней и притом — я прошел. С. Кирсанов неправильно прочитал, если он этот факт прочел.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

В ответ в письмо НК ВКП (Литературный № 4 января С. за) редакция вновь поднимает вопрос о «Правде» и «Известиях» как основных органах, отражающих работу советских писателей. Письмо подписано рядом писателей, в том числе Ф. Гладковым, Вс. Ивановым, Вс. Вишневским, Ю. Либединским, Ю. Олешей, Ю. Германом, Н. Тихоновым, Вс. Рождественским, Н. Асеевым, Б. Пастернаком, Н. Заболоцким, Н. Чуковским, Ю. Тыняновым, Ю. Слезкиным, Ю. Анненковым, Н. Никитиным, Ю. Крымовым

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Орган Федерации Об'единений Советских Писателей РСФСР

МОСКВА 14 ЯНВАРЯ 1931 г. № 3 (102)

РЕДАКЦИЯ: Тверской бульвар, 25, Дом Герцена. Тлф. 2.80.12

ЗВЕНО БРАТСКОЙ СВЯЗИ

Закончилась «неделя» советской Белоруссии. В январские дни пролетарская столица Союза советов была украшена лозунгами и транспарантами, посвященными достижениям БССР. Советской Белоруссии посвящались вечера в рабочих клубах, митинги на предприятиях, выставки, деловые совещания. На клубных подмостках, на сцене МХТ гастролировали белорусские театры, в кино демонстрировались белорусские фильмы. Советская Белоруссия рапортовала пролетариату всего Союза о социалистических победах на хозяйственном и культурном фронтах, о победах, завоеванных под руководством ленинской коммунистической партии. Доклады руководящих работников, выступления рабочих-ударников и колхозников, писателей и научных работников, выставочные экспонаты, театральные постановки и концерты говорили о стремительном росте народного хозяйства и культурного строительства на белорусском форпосте Советского союза, свидетельствовали о правильности национальной политики ленинской партии. Восторженная встреча, оказанная пролетарской общественностью Москвы представителям БССР, стала крепким ударом по великодержавному шовинизму, дрожь национал-демократические цепи, которыми контрреволюционеры и предатели пытались возрожденный при диктатуре пролетариата край связать с буржуазным Западом, с фашистской Польшей. Участие в белорусской делегации, на ряду с красноармейцами, представителей белорусской — национальной по форме и социалистической по содержанию — культуры: писателей, научных работников, артистов и ударников социалистической стройки — рабочих и колхозников БССР — превратило «неделю» в подлинную смычку трудящихся братских советских республик.

В этом — громадное положительное значение «недели». Эта «неделя» — только одно из звеньев братской связи союзных республик, связи, которая должна крепнуть в дальнейшем общении, в дальнейших встречах и смычках народов СССР. Подводя итоги «недели» советской Белоруссии, необходимо отметить и ее недочеты, шероховатости, промахи, чтобы не повторить их и в дальнейшей работе по сближению национальных отрядов советского пролетариата и работников культурного фронта национальных республик. Общую характеристику этим недочетам дает публикуемая нами сегодня резолюция расширенного секретариата ВОАПП с участием представителей БелАПП. В результате недостаточно четкой работы организационного комитета при Комакадемии мы были свидетелями нечеткой работы и подкомиссий комитета, в частности, — комиссии при ФОСП РСФСР. Это привело к тому, что смычка между писателями Белоруссии и РСФСР свелась в конце концов к нескольким вечерам, встречам и совещаниям, в то время как базой для товарищеской смычки и знакомства должны были быть все дни «недели», каждое выступление белорусских писателей в рабочем клубе, на каждой фабрике и заводе. Вина в такой «растрате возможностей» ложится и на РАПП, которая недостаточно руководила работой по обслуживанию литературного раздела «недели». Ведущие отряды культурной армии РСФСР слабо участвовали в проведении белорусской «недели». Совершенно недостаточное отражение получила она на страницах большинства массовых газет и журналов, которые не попытались организовать во время «недели» боевой атаки на великодержавный шовинизм, еще притаившийся кое-где в наших культучреждениях. Все это создало благоприятную почву для выступлений великодержавного характера. Правда, эти выступления имели место лишь в отдельных случаях и не в пролетарской среде. Резолюция ВОАПП правильно подчеркивает актуальность борьбы с великодержавным шовинизмом и требует расследования имевших место отдельных его проявлений.

Положительным итогом «недели» является то, что выкованное ею крепкое звено братской солидарности связало не только две советские республики—БССР и РСФСР. В эти дни оживилась, активизировалась и связь писателей РСФСР и БССР с украинскими литорганизациями. Заложен фундамент и для организации постоянной и плановой связи с литорганизациями других союзных республик. В частности, поставлен вопрос об организации федераций писателей в республиках, где литературные организации еще не об'единены, где пролетарские и советские писатели еще не сплотились в тесные ряды для совместного социалистического наступления на фронте литературы.

«Неделя» советской Белоруссии закончена. Задача литературной общественности РСФСР—проследить, чтобы постановления, решения и резолюции, вынесенные в дни «белорусской недели», были в ближайшее время осуществлены: от этого в значительной степени зависит успех борьбы литературной общественности всех республик Союза советов за пролетарскую художественную литературу... национальную... по форме, социалистическую по содержанию.

ИТОГИ „НЕДЕЛИ" СОВЕТСКОЙ БЕЛОРУССИИ

РЕЗОЛЮЦИЯ РАСШИРЕННОГО СЕКРЕТАРИАТА РАПП С УЧАСТИЕМ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ БелАПП

1. Секретариат ВОАПП отмечает, что белорусская неделя показала огромный интерес пролетарской общественности Москвы к социалистическому строительству в культурной революции в Белоруссии, содействовала укреплению братского интернационального сотрудничества трудящихся РСФСР и БССР и нанесла серьезный удар идеологии великодержавничества и национал-демократизма. Состав белорусской делегации, включивший в свои ряды и работников культурного фронта, и рабочих-ударников, и колхозников, обозначил возможность значительно расширить границы проведения белорусской «недели» и превратить ее из недели культуры в неделю социалистического строительства и культурной революции в Белоруссии. Несомненным достижением недели (по сравнению с украинской неделей в 1929 г.) является установка на обслуживание рабочих масс, организация ветеров на предприятиях и пр.

2. Учитывая, с одной стороны, необходимость закрепления успехов белорусской недели и продолжения дальнейшей работы по сближению с культурой Белоруссии, а, с другой—необходимость организации в будущем подобных недель, все более входящих в практику пролетарской общественности, секретариат ВОАПП считает необходимым отметить ряд недочетов в проведении этих недель.

Эти недочеты выразились, главным образом, в:

а) недостаточно удовлетворительной работе, как перед неделей, так и во время ее проведения, комитета при Комакадемии и отсутствии руководства с его стороны подобными комиссиями (например, комиссией при ФОСП РСФСР;

б) слабом участии писательских организаций в обслуживании литературного сектора недели в недостаточном руководстве последним со стороны РАПП;

в) плохом освещении недели в печати.

3. Большинство органов печати, за редким исключением («Литгазета» и др.) не использовали белорусской недели для развернутого наступления на великодержавный шовинизм и для выявления конкретных носителей последнего. Между тем, в ходе проведения недели обнаружились в отдельных случаях и в периферийных клубах великодержавные тенденции, как явные, так и скрытые, дополнительно доказывающие актуальность борьбы с великодержавным шовинизмом. Все факты подобного рода должны быть собраны и расследованы.

4. Одним из положительных результатов недели является активизация ФОСП РСФСР и УССР по установлению органической связи с литературными организациями других союзных республик.

Организациям ВОАПП должно поставить вопрос о всем жизненном опыте ФОСП в тех союзных республиках, где ФОСП еще не создан. Секретариат ВОАПП должен непосредственно руководить этой работой и связаться с комитетом, созданным по совещанию при ФОСП РСФСР, помогая ему в налаживании взаимной связи и информации между организациями советских писателей в союзных республиках.

5. Секретариат ВОАПП:

а) поручает органам рапповской печати продолжить и усилить освещение вопросов белорусской культуры и литературы;

б) считает целесообразным и своевременным организацию в ближайшее время писательских делегаций в Белоруссию (а также в другие союзные республики);

в) ставит в порядке дня вопрос об организации интернациональных писательских групп для поездок по СССР.

УМЕР ИВАН ВОЛЬНОВ

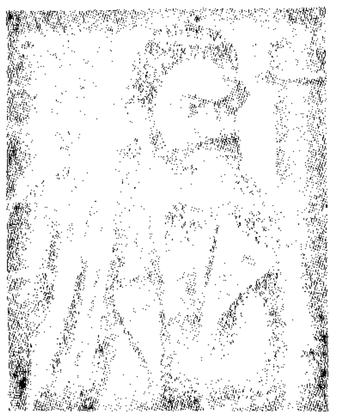
В с. Курилино (Орловского района) умер 9 января писатель Иван Егорович Вольнов.

Ив. Вольнов родился в 1885 г. в Орловской губернии в семье крестьянина-бедняка. С юных лет батрачившему Вольнову с большим трудом удается попасть в школу. С 1903 г. он принимает участие в революционном движении и примыкает к эсерам. После нескольких арестов за участие в террористических выступлениях Вольнова предают военному суду. Дальше — побег за границу, где Вольнов остается до революции 1917 года.

Еще до революции И. Вольнов, автор крестьянских хроник «Повесть о днях моей жизни» и «Юность», получил известность как крестьянский бытописатель. Он начал печататься в 1911 г. в «Современном мире», «Северных записках» и «Современнике». В годы революции, в повести «Встреча» Вольнов дал обоих революционера, уяснившего предательскую роль эсеров и понимающего, что единственный путь крестьянина-бедняка и середняка — это путь Октябрьской революции.

ЗА РАЗВИТИЕ МАТЕРИАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ БАЗЫ КУЛЬТУРНОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Выступление т. А. Б. Халатова на третьей сессии ЦИК СССР V созыва



Седьмого января на вечернем заседании Союзного Совета выступил с большой речью т. А. Б. Халатов, охарактеризовавший успехи социально-культурного строительства СССР и положение нашей бумажной и полиграфической промышленности.

— Социально - культурное строительство в нашем Советском Союзе сделало уже и сделает в наступающем 1931 г. огромный, решающий шаг вперед, — сказал т. Халатов. — Этот год может быть назван годом великого культурного перелома.

Развернутые контрольные цифры Госплана дают прекрасную иллюстрацию огромного небывалого масштаба культурной работы, проводимой Советской страной.

Эти гигантские количественные сдвиги с огромной силой выдвигают перед нами вопросы качества нашей культурно - идеологической работы. 1931 г. должен явиться годом развернутого наступления на культурно - идеологическом фронте.

Мы должны отметить, что развитие всей нашей работы на идеологическом и научном фронте еще сильно отстает от сегодняшних задач, от требований социалистического строительства. В этой области мы должны предъявить к нашим наступным молодым научным силам, и прежде всего к новым коммунистическим кадрам, определенное задание, определенный творческий план на 1931 г.

Такое же задание мы должны будем предъявить к нашим литературным кадрам и сказать им, что они должны будут создать в текущем 3 году пятилетки новые образцы хороших художественных произведений, отражающие успехи развернутого строительства социализма и мобилизующие массы на это строительство.

Говоря о перспективах развития печати на 1931 г., — т. Халатов подверг критике контрольные цифры по разделу печати.

— Производственно - техническая база печати пришла в явное и тяжелое противоречие с потребностями страны и произведениями печати. На капитальное строительство и развитие бумажной промышленности в этом году намечено около 60 млн. руб. вместо исчисленной потребности в 215 млн. руб. при цифре производимых вложений в 60 млн. Если в 1930 г. мы имели расход бумаги 211 тыс. тонн, то по контрольным цифрам 1931 г. мы должны будем получить 232 тыс. тонн — рост на 10 проц. И это в тот момент, когда во втором году пятилетки мы получили почти 50 проц. рость народного хозяйства против предыдущего года. Сейчас бумага лихорадит и приходится искусственно резать тираж газет, журналов и книг.

Тираж «Правды» сегодня достигает 1.300 тыс. экз. По уточненным потребностям необходимо 1.500 тыс. Тираж «Известий» на сегодня превышает 1 млн. экземпляров. Тираж ограничивается. Тираж «Комсомольской правды» в сентябре 1930 г. не превышал 250 тыс., а сейчас он равен 550 тыс.

Таково же положение дела и с учебниками.

В момент решительного перелома на фронте культуры, в момент, когда потребность в периодических печати выражается в миллионах экземпляров, в этот момент планируется увеличение бумажной промышленности только на 10 проц.

Бумажная и полиграфическая промышленность сделалась тормозом, задерживающим развитие нашей печати. Наша задача — мобилизовать все силы для того, чтобы в кратчайший срок направить неизбежно отсталую производственно - техническую базу, в которой мы сегодня находимся.

— На настоящей сессии ЦИК, — говорит в заключение т. Халатов, — мы должны отметить необходимость решительной борьбы за немедленное развитие материально - технической базы культурной революции.

ПРОТИВ ПРОВОКАЦИЙ ВРАГОВ СОВЕТСКОЙ РОССИИ

Выступление т. Сталина на совещании руководящих работников

Тов. Сталин в своей речи остановился на вопросе о провокационных выступлениях врагов Советской России.

Он указал, что эти выступления являются результатом усиления капиталистического окружения СССР, усиления классовой борьбы в стране, усиления сопротивления остатков разбитых эксплуататорских классов.

Тов. Сталин указал, что эти выступления являются также результатом ослабления капиталистического окружения, ослабления сопротивления капиталистических стран, ослабления их военной интервенции

ОБОРОТНАЯ СТОРОНА РОМАНТИКИ

О НОВЫХ СТИХАХ ВИССАРИОНА САЯНОВА

«Меньше всего я склонен отрицать свои собственные ошибки», — писал Саянов в конце 1929 года, говоря о «Музее новой западной живописи» и «Картонажной Америке». «В настоящее время я чувствую необходимость перейти к новым методам работы».

В этом заявлении, несмотря на всю его неопределенность, все, кого волновала творческая судьба Саянова, увидели осмысление новых задач, разрешить которые значило бы — решительно перевооружиться. Необходимость перевооружения декларировалась в ту пору всеми, начиная от Иосифа Уткина и кончая конструктивистами.

Следует прямо признать, что та поэтическая продукция, которую дал за последний год Виссарион Саянов, свидетельствует о глубочайшем творческом кризисе, о величайшей растерянности поэта перед новыми задачами, выдвинутыми эпохой реконструкции. На последнем этапе своего творческого развития Саянов все больше становится носителем эстетского перерождения некоторых звеньев пролетарской поэзии.

Следует, наконец, указать и на то, что возглавляемая Саяновым ленинградская бригада поэтов является не передовым отрядом пролетарской поэзии, а конгломератом весьма разнородных поэтических элементов, известная часть которых полностью сбезпечено неприемлемому эстетическому перерождению. Опасность поэтических тенденций, носителем которых является Саянов, потому и представляется нам столь реальной и ощутимой, что некоторая часть нашего политического молодняка склонна считать Саянова — автора «Семейной хроники» — ведущим пролетарским поэтом, а творческий метод Саянова, — ведущим методом пролетарской поэзии реконструктивного периода.

С полной ответственностью мы можем сказать, что декларированный Саяновым переход на новые методы работы не состоялся. Произведения, опубликованные Саяновым за истекший год («Семейная хроника», «Встреча братьев», «Московские эклоги», «Надпись на фартовых годах», «Четыре стихотворения», «Семья», «Возвратимся в 1903 году», «Сентябрь 1917 года», «Старость», «Песня», «Женщины», «Надпись на книге символов» и др.), являются весьма яркими тому доказательством. От «Картонажной Америки» новые стихи Саянова отличаются прежде всего своей тематической направленностью. Этот момент не играет, однако, никакой положительной роли, ибо тематический поворот ряда стихов поэта имеет знак минуса; он, этот поворот, устремлен не вперед и назад, не в будущее, а в прошлое. Вместо того, чтобы перешагнуть через «Картонажную Америку» и подойти, наконец, к тематике реконструктивного периода, Саянов предпочел избрать путь наименьшего сопротивления. В новых стихах Саянова читатель не найдет ни одной попытки изжить тематическую перестройку; творческое внимание поэта целиком поглощено эпохой гражданской войны.

Остановимся, к примеру, на «Встрече братьев». Три всадника — три брата — с трех сторон подъезжают к трактиру «Край ветров». Иван:

> С юга голову мою на плаху
> На дощатый тесный шафот,
> Топором шарахая с размаху,
> Небывалым заревом ведет.

Сергей:

> С запада — сожжен другой обычай,
> На старинной казни обиход,
> Пули рвутся оторопью птичьей
> Сквозь глухую заколодь пехот.

В этих кратких набросках, строках, как в фокусе, сосредоточена сегодняшняя поэтическая установка Саянова.

Худшей вид бесчинной и бесшабашной романтики, составленной с откровенно эстетским суровым пуризмом эстета от пролетарской поэзии, — такова творческая позиция Виссарионa Саянова на нынешнем этапе поэтической эволюции. Вычурные риторические стихи, насыщенные тонкими романтическими абстракциями, — таков ответ Саянова на новые требования новой эпохи. «Семейная хроника», под знаком которой идет поход всей творческой различи Саянова, знаменует полную отгороженность поэта от новых задач нового времени. Задачи «одомашнивания» пролетарской поэзии, задачи создания политической поэзии пролетариата, насквозь проникнутой классовой действенностью и непримиримостью, идут мимо Саянова, который предпочитает романтический бред «трех братьев» творческому воспроизведению сложнейшей производственной борьбы рабочего класса.

Отмечая абстрактно-романтический характер поэзии Саянова, мы не искрылы идеологического состава абстракций, эту поэзию наполняющих. О прошлом — для будущего — так можно было бы охарактеризовать сегодняшнюю идейно-творческую установку Саянова. Решающим моментом в этом плане является умение видеть прошлое в его действенном значении для нынешнего дня будничной борьбы за социализм. Для Саянова же повидимому не стоит вопрос о работе на осуществление «реальных интересов» класса. «Реальным интересом» класса в стихах Саянова — хочет он этого или не хочет — противопоставлена ориентация на историю, на «общие идеалы». Именно в этом смысле пикла стихов «Семейная хроника» («Прадед», «Дед», «Дядя», «Сын», «Анкета младшего брата»). Попытка классово переосмыслить историю парализована узким зрения. История воспринимается как предмет любования. «За этою далью недавней пропадалась кержацкая Русь». — строки весьма характерны; восприятие Руси, как монолитной исторической структуры, без учета ее социальной дифференциации, очень показательно для всех последних стихов Саянова. Весьма любопытно также, что история, рассматриваемая, как объект эстетического любования, делается иногда поводом для поэтических ассоциаций следующего, например, порядка. «Спектакль истории, — пишет Саянов о 1914 годе, — идет уже без антрэ»... «Нам декорации, кровавятся крыши банков», «акт этой сценой блиста галерея аплодисменты пули и ножа». В итоге перед нами развернутый эстетско-бутафорский образ, который сделал бы честь даже Павлу Антокольскому — величайшему из поэтических бутафоров.

В полном соответствии с этим неумением видеть классовые противоречия истории Саянов не видит и будней нашей революции. Показательно в этом смысле стихотворение «Сын», где поэт говорит сыну: «Пусть руки ослабнут, пусть голос сорвется, будь первым в строю и бросайся вперед»; этот батально-героический жест звучит, как апроприирование строительных будней класса. Подобная лакировщина действительности установки поэта приводит Саянова к таким настроениям:

> Я люблю иногда,
> Может статься, что это нелепо,
> Постоять на заре
> У ограды старинного сквера,
> Клен в глухом сентябре
> Неприкроет, туманен, багрян,
> И одно к одному
> Там лежит поколенья дворян.

Пронизанные строки не нуждаются в комментариях, настолько бьет в нос трупный запах, расточаемый ими.

Со всем наложенным тесно связана романтическая направленность поэзии Саянова. Не пытаясь перенести свой романтический метод на изображение современности, поэт стабилизируется на уровне исторических тем, разрешаемых в сугубо отвлеченном плане. Здесь как нельзя лучше раскрывается сущность романтизма, которую Ленин видел в «игнорировании реальных интересов», в полном соответствии с Марксом, считавшим, что романтический метод всяких профессий способен лишь «мистифицировать действительность». С этой точки зрения становится ясна ущербленность таких стихов, как «Анкета младшего брата», которые, будь бы прибликались с тематике наших дней, повидимому остается на уровне романтического мировоспринятия. Патетические заверения в том, что, каким для поколения поэта «настанет время таинств» и «смертный час расстелется, как «тьма», эсфира, взятая из рук отца», будет передана сыновьям, еще раз показывают, как мстит за себя мистифицирующая манера изложения, канонизированная в качестве творческого метода. Отправляясь от этой установки, Саянов логикой событий был приведен к пилигерству, т.-е. к индивидуализму, к «прекращению личности в [упор духа времени» (Маркс). В «Встрече братьев» и другие стихи, составляющие цикл «Семейной хроники», является ядром романтической личности, вырисовывающейся на батально-героическом фоне революционных событий. Интеллигентская жертвенность, экзотика героического подвига, лирически пафос дворянски надстроенного мелкого буржуа — таковы главные черты романтической гладкописи, характеризующей «Семейную хронику». Свое законченное выражение эта тенденция саяновского творчества нашла в прославутой «Встрече братьев», которая не только выходит за пределы пролетарской поэзии, но и является по своему творческому методу враждебной пролетарскому писателю. Означая крен в сторону индивидуализма и «прекращения личности в рупор духа времени», «Встреча братьев» должна быть охарактеризована, как идеалистический срыв, угрожающий поставить поэта вне пролетарской поэзии и знаменующий правую опасность на поэтическом фронте. На борьбу с этой главной опасностью, равно как и на борьбу со всеми «лево»-приспособленческими фразами, должна быть мобилизована широкая рапповская общественность.

Нужно немедленно дать беспощадный отпор всем, кто покрывает сегодняшние ошибки Саянова его прежними заслугами. Нужно открыто заявить, что задача сохранения Саянова для пролетарской поэзии может быть разрешена лишь при условии жесточайшей критики семенящих творческих ошибок поэта. Нужно, наконец, дать отпедь тем, кто за высокой поэтической культурой Саянова не хочет видеть вредных тенденций, все более прогрессирующихся в творчестве автора «Семейной хроники». Нельзя недооценивать опасность этих тенденций. Нельзя замалчивать враждебного пролетарскому писателю характера саяновских ошибок. Нельзя забывать о том, что «не великий, кто был пролетарским писателем в прошлые годы, может остаться им в реконструктивный период».

ЛЕВ ЛЕВИН

ОБСУЖДАЕМ „ДЕКЛАРАЦИЮ ПРАВ ПОЭТА"

ВОЗЬМИТЕ МОИ ТАЛАНТ!*

> «Это нам, товарищи, не пьеса,
> Не поэзия и не театр!
> Это крик, товарищи,
> Тревога!
> Иоганн Бехер

I ИЗ АРМИИ

Хорошо ж, бойцы,
Что зиму скончали,
Что весну дожали,
Хорошо ж, бойцы,
В добрый час начаты
Весну выкликати.

Придай, придай, весна,
Придай, придай, красна!
Приноси нам здоровья
На колхозны поля!
Принеси нам металл
На заводы, —
Рыбной икрой
Напитай
Воды!

Вязель, вязель, весна,
Вязель, вязель, красна,
Ясные денечки,
Чистые подсолнечки!
Ой, гудут на труд
Трубы труб.
Нутряной гнев
Фонтанит нефты!
Набегает соль,
Набухает россыпь,
Вынюхать на сев
Чарбинны обозы!

Громи́т, грыва́т руби́льная,
Мне́т мета́лл, зубьё как!
Дымит доска под пи́лами
Пальцами опи́лками!
Жуко́м жужжи́т жужжа́льная,
Узко́м лежи́т ужа́ленным,
Лучо́м на со́лнце прянула
Стружка серебря́ная.

Ой, весна, весна,
Да яка ж ты красна!
Погляди-ка, так зайчата
Глазна разбегаются!

Пока ж — поем мы песенки,
Рассказываем басенки,
От гора... к гору... городу.
Крупна пятой массивы,
Бежим с посатой гордостью,
Красивые, спесивые!

В это время: раз! и на!
Грохнуло оружие.
Это группа Рамзина
Взломщиком оружует!
В это время р-раз! и па!
Под ложечку, под шейку, —
Трёпат в Поволжьи Разина
Кулацкие подпевки!
В это время: р-р-раз! и на!
Сбирая отщепенцев,
Ползут дорогой грязною
Тайки интервенций!

А мы о том — ни зву́ка мы!
А мы о том — ни сло́ва мы!
Заняты очи сукнами,
Труба тревоги сломана!

И только крепкой партии
Обязаны мы тем, —
Что я́рою ина́рою
Восходит темп!
И только классу нашему
Дан порыв:
Энергии вынашивать,
Фабрики выращивать,
Молотом и граблями
Кленать прорыв!
Строй, стремись, стропилами

Растй! Растй! Растй!
Песня торопливая
Трогает стих!

Я счастлив, — не кагаром я
Год протопал в армии,
Страна стремит: — «Смотря!
Грянет нам оружием,

Тебе о том ору́ же я,
Красный командир!

Войны секретный допуск
Заготовил враг!
А ты уходишь в отпуск, —
Как же так?»

А мы о том, ни зву́ка мы,
А мы о том, ни сло́ва мы!
Заняты очи сукнами,
Труба тревоги сломана.

— Да я ж... кричу... не сиду я
Да я ж кричу к писателям!
С поэтами своем мы
Защитные поэмы!
Войне об'явим войны
Пером и рукьем.
Писатели и воины,
Эх! Хорошо!

. . . . . .

II В ДОМЕ ГЕРЦЕНА **

III НА УЛИЦЕ ***

IV МИТИНСКИЙ РАЗГОВОР

> «Кого ягно на подпасегали?
> Да чтушь с тобой допригали»

1. Вам противна поза поэта,
Страдающего высокой бронзовой болезнью,
В животе вынашивающего поэтому
Свою биографическую лестницу.
Ах! Больно подумать...
2. Вы не были... увы!.. ни стекол, ни армии...
Не громыхали в Парижах матерщиной русскою,
Не влезали ни в желтую нефту, ни в армии,
Не спали со знаменитыми старушками!
Ах! Больно и грустно...
3. Вас в ту пору, когда прокалывается ус,
Соответствующий дрессировщик
Не выводил на эстраду под узцы
В роли дрессированного зверя!
Ах! Больно подумать...
4. Вы думали, что вы — авангардное перо
Солдат революции! Гип! Гип!..
на деле —
Мудро взвесив все «за» и «про»...
Конструктивно реконструкцию
наделали!
Ах! Больно и грустно...
5. Ваш дорога́ была страсть коммуниста,
Алая, неистребимая страсть!
До ребер обдираться в штурмах каменистых —
Только б привычками не обрастать!
6. Ах! Больно подумать...
Что это, все? Ошибки, кажись?
И мы закричали баритоном шёпотко:
— Ах, больно подумать, что вся моя жизнь
Была лишь каталогом сложных ошибок!
7. Вы причислили себя к лику святых,
В должности мецената Иуса!
Вы обрызгали себя угольком с ко́ды
И начали вещать «вечное искусство!
8. Ответьте, по сердцам, на один вопрос,
Вы, вот, шествуя холод христным —
Не собирается, слонив Исус Христос —
Пострадав для приличия — воскреснуть?
9. Вы начали бить в пробитую мишень,
Оглохнув от воя лягающих критик!
Вы распустили своих белых мышей,
А надобно было убить их!
10. Они расплодились! Амбары грызут!
Они затопляют город!
Бойтесь! Обратно они приползут —
И вам перекусят горло.
11. Ваша храбрость падает под уклон
Обессиленно другие колени...
Вы мечетесь, как Наполеон
На острове святой Елены.

Растй! Растй! Растй!
Песня торопливая
Трогает стих!

12. Вы бро́сили корабль, помяр учи́нив,
Какой к оправданию повод?
И вот — ваш любимейший ученик
Рвет обгорелый повод!
13. Я смотрю кругом, — хороша жизнь!
Воздух со́довый! Сердце ра́но!
Хорошо, старик, всю жизнь
Перепрыгивать через преграды!
14. Чуть повышенно сердце бьет,
Недоверчиво брови сво́дит,
Через год нуля пробьет
Молодую грудь комзавода!
15. Я не смерти боюсь! В глазах —
Не грядущей войны ножик!
Я боюсь — не успею сказать
Того, что сказать должен!
16. Ах, старик, имейте в виду!
Грядет бой, вы уйдете с завода!
Я уверенно вас поведу
За собою в колонне взвода!

V ВО ВЕСЬ ГОЛОС

Грянь,
Грянь-ка врубальная!
Ву́бы!
Ве́зубы!
Мнет металл, зубьё как —
Дан!
План!
Дымит доска под пилами
Опилками опылена,
Они́лена, распи́лена,
Дымит она,
В распил она!
Чугунные!
Литейные!
Цеха! Цеха!
В компании
Комбайна
Сохнет соха!
Жуко́м жужжи́т жужжа́льная,
Узко́м полжат ужа́ленным,
Лучем на солнце прянула
Стружка серебря́ная.
Ой, весна, весна!
Да яка ж ты красна!

Сорвал сиарлупу стиха,
Пригнув метафоры колос,
Я обращаюсь к ЦК
Во весь голос:
Мне стройка страны, как план, ясна,
Праздник глядит из щелей будня,
В республике — партия, как весна,
Тоскает, бодрит, будит!
Я выдвигаю встречный план,
Веленью не хочу подчать!
Возьми, партия, мой талант,
Возьми его! Исполью́й!
Я буду до ребер стараться
Светить, как пакал тока!
Я готов заключить контрпитацию
До последнего своего вздоха!
Я не из-за денег пишу романы,
Не в славу свою влюблен я —
Я кричу, как Ромэн Роллан:
«Джиоконда не стоит миллионов!»
Я вопсе не думаю жить в палатах,
Резать купоны, вырезывать акции —
Я предлагаю бесплатно
Высокую свою квалификацию!
Не я один! Нас много таких —
К горлу подсевших лезвие —
Самоотверженных и наги —
Пролетарских студентов поэзии!
Мы куем железо поэм,
Сытой славою не пообедан!
Мы уверенно, партия, поем
О твоих победах!
В ночах непризнаний и неудач,
Под чужим скалившись оном,
Мы воспитали из рифмованных кля́ч —
Буденовских скакунов!
Возьми нас, партия, на учет!
Используй, попробуй нас ты!
Мы ж, понимаешь... Эх! чорт!
Боематые энтузиасты.
Нам давно причать бы пора б,
Что мы можем? — Любое гра́ды!
Когда другие идут на штурм —
Мы охотно пойдем в наряды!
На посту стоять, готовить обед,
В разведке пластаться инфлрней,
Ибо тот и ранг время рост,
Кто вождь и слуга трудящихся!
Мы взволнованно шинтаи и гопй,
Хвастаем не сказком!
Мы окончательно воспитали себя
В рядах Красных казарм!
Возьми нас, партия, на учет!
Используй, весенняя, нас ты!
Мы ж, понимаешь! Эх, чорт!
Боематые энтузиасты,
Мы начали работ тюки,
Отчаянье не емелется!
Мы поведем за собою стих,
Как в атаку красноар... гев!
Голос, не привычный ... жью ...т
Узнал по хрипоте... ... по ...ас!
Возьми, партия, мо́ тала́ т,
Возьми его и испо́ льзу́й!!

Ноябрь 1930 года.

К. МИТРЕЙКИН

---

* Поэма печатается в сокращенном виде.

** Глава описывает Дом Герцена, как дом литературной правды.

*** Глава протестует против «правды» Сельвинского и призывает поэтов к совместной творческой работе.

ТЕОДОР ДРАЙЗЕР

БЕЗРАБОТНЫЙ НЬЮ-ЙОРК

Настоящая статья получена редакцией «Литературной газеты» непосредственно от Теодора Драйзера. Она является наглядным свидетельством того, что лучшие писатели Запада не могут не видеть противоречий капиталистического общества, что они вынуждены признавать успехи нашего социалистического строительства. Драйзер до этой статьи выступил в Америке с заявлением, что будет голосовать на выборах за коммунистическую партию.

В Нью-Йорке в настоящее время около двух или трех сот тысяч безработных, и в связи с этим идет обычная болтовня о том, что же делать с бедными, с теми, кто голодает и мерзнет.

Взглянув на первую страницу любой утренней или вечерней газеты и вы заметите нелыкло-венную заботливость, на сей раз, конечно, о безработных со стороны политических деятелей, партийных лидеров, хорошо оплачиваемых чиновников, банкиров, финансовых магнатов и т. д. Не трудно, право допустить, что они сами болтся, как бы тех, кому холодно и голодно и у кого нет работы, не стало слишком много и как бы они сами не стали изыскивать путей, чтобы число их уменьшилось.

Мистер Гувер и мистер Вудс, оба весьма обеспеченные почтенные джентльмены, занимающие хорошие посты с хорошими окладами, совещаются по вопросу о безработице. Они намереваются повести борьбу с нуждой. Вас, может быть, интересует, что они для этого предполагают делать? Так вот — они собираются обратиться к добросердечным женщинам сел и городов с просьбой помочь несчастным, оставшимся без работы. Больше того, лица, возглавляющие американскую промышленность, устраивают собрания, чтобы вовлечь колоссальное количество людей в торговлю, после которого все жизнь пойдет по-хорошему и безработица сама собою будет ликвидирована. Словом, милостыня и подаяние — вот все, что находит для армии безработных людей, которые могут и хотят работать и только теперь по вине экономической и социальной разрухи, созданной самим правительством, оказались без работы. Но нигде и никто не заикнулся еще о пятидневной неделе, существующей в СССР, о введении семи- или шестичасового рабочего дня на каком-либо предприятии или хотя бы в самих правительственных учреждениях — с целью уменьшения безработицы.

Ни один банкир, ни один трест не желает таким путем поступиться хотя бы частью своей прибыли. Ведь это же будет коммунизм! Нет, пускай лучше безработные подохнут все до одного!

Итак от двух до трехсот тысяч человек, как я уже говорил, сидят без дела или бродят по улицам Нью-Йорка в поисках работы. По работы нет. Из шести миллионов жителей Нью-Йорка только два с половиной миллиона работают, остальные либо не могут найти работы, либо бездельничают, потому что слишком богаты. Однако, работа — это тот стержень, на котором держится жизнь. А людям не дают работы и доводят их до ужасного состояния, до болезненных душевных потрясений.

Во многих районах Нью-Йорка безработица со всеми ее ужасами прочно вошла в жизнь. В октябре 1930 г. я проходил по Бауэри и видел молодых парней и крепких мужчин, которые сидели на тротуарах, толпились вокруг уличных фонарей или спали на деревянных помостях перед складами. Я заметил, что у многих из них волосы отросли на целый вершок. А ведь в этом районе подвригнуть стоит всего пятак. Но у этих людей нет пятака, они кормятся в бесплатных кухнях и в молочных лавках армии спасения.

В Бауэри ищет прибежища только часть безработных. Кварталы по обеим сторонам Манхаттана, недалеко от порта, тоже полны безработными Грузчики, носильщики работают всего один день в неделю. И на железных дорогах тоже

Шарж на Теодора Драйзера американского художника Вонарулласа

нает того спроса на рабочих, какой был несколько месяцев назад.

Сейчас в Нью-Йорке бедственные кризисы и безработицы кусуют тысячи квартир и торговых помещений. Семьи, прежде жившие в довольстве, теперь высчитывают каждый цент. Врачи говорят, что нередко, даже в случаях серьезных заболеваний детей, матери не зовут врача, так как не могут заплатить за визит. Доктор Уайт, делающий публичными николами Нью-Йорка, утверждает, что в Манхаттане, где имеется 75.000 школьников, больных туберкулезом, дети все чаще и чаще недосыпают. Я недавно видел очередь в 800 человек, которые оживляли кусок хлеба и чашку кофе, бесплатно выдававшиеся в госпитале св. Винцента.

Сейчас около 3.000 рабочих, входящих в интернациональный союз истопников, объявили забастовку. А рабочие, занятые изготовлением детского платья, только-что закончили стачку, передав на решение третейского суда вопрос о повышении зарплаты.

Я хочу остановиться здесь на одной стороне забастовок, а именно на том, насколько полиция пользуется рабочим использовать это единственное средство защиты своих интересов.

Забастовщики не имеют права называть штрейкбрехеров штрейкбрехерами, — это наказуемо, неизвестно согласно каким законам.

Когда же я захотел заговорить с рабочим пикетом, полицейские немедленно велели мне «проходить дальше». Полиция не разрешает забастовщикам раздавать листовки, в которых говорится о забастовке, — позицейские тотчас же отбирают эти листовки и рвут их.

Со времени биржевого краха в городских почтовых домах почует сейчас втрое больше людей. По сведениям профессиональных союзов 20 проц. их членов ходит без работы.

Правительство организовало ряд агентств для подыскания работы безработным. Но найти сейчас работу также немыслимо, как открыть золотые россыпи на Бродвее. В сентябре эти агентства ежедневно осаждались семью-восемью тысячами безработных, а получило ее не больше двухсот человек.

Вообще все меры, какими пытаются облегчить безработицу, носят неорганизованный и стихийный характер. Да никто и не представляет себе эту помощь иначе, как в виде подачек, в то время как нам нужен полный пересмотр всей нашей экономической системы и государственного строя.

Правительство по обыкновению организует громадные комитеты по борьбе с безработицей. Заседающие в этих комитетах лица получают теплые местечки и хорошие оклады и должны искать работу для безработных там, где этой работы ни в коем случае не может быть. По обыкновению правительство увеличивает сооружение общественных зданий и проведение дорог, но ни плана, ни подлинной действительной помощи нет, и это лучше всего знают сами безработные.

Коммунисты требуют от городского самоуправления — и требования их весьма разумны, — чтобы в фонд помощи безработным были перечислены следующие средства из городской кассы: семь миллионов долларов, ассигнуемых на усиление полиции, тридцать миллионов из внутреннего фонда и кассовую наличность американизированного капитала или хотя бы часть ее. Все же меры, какие фактически принимаются городским самоуправлением, ни в какой степени не могут разрешить общего кризиса и безработицу.

Я же хочу сказать по этому поводу следующее. Народ должен знать, каковы подлинные причины нынешней депрессии: легко доставшиеся деньги, рискованная игра на бирже и никем не контролируемое производство и труд. В связи с кризисом следовало бы использовать многие мероприятия Советской России, как например, шестичасовой рабочий день и пятидневную неделю.

Коммунизм? Угроза нашему строю?

Великий иной путь более знает.

Автогризованный перевод с английской рукописи. И. К.

ТРИБУНА ПИСАТЕЛЯ

САТИРА, КОТОРАЯ НАМ НУЖНА

О ТВОРЧЕСТВЕ ЕФИМА ЗОЗУЛИ

I.

Широкий замысел, оригинальная и острая фабула, наконец, интересная форма — чередование диалога с ритмическими строками. — все это выгодно выделяет новый роман Зозули «Мастерская человеков».

«Мастерская человеков» — сатирическая эпопея большого размаха. В предлагаемом первом, предыдущем томах, Зозуля характеризует его как «опыт реалистического вымысла — вымысла, основанного на реальном».

Для «Мастерской человеков» Зозуле приходится прибегнуть к очень сметной фабуле. Некий человек, по фамилии Латуда, находит способ искусственно создавать людей, больше того, раненых, изувеченных, он с помощью особого человека-теста чинит, заклеивает, восстанавливает, оживляет сердце. Вот основная линия фантастики в сатирическом романе Зозули. Читатель должен поверить в изобретение Латуда, и все пойдет как по маслу. И читатель верит. Это главное. Это основное.

Чего хочет автор «Мастерской»: «угадать нового общественного человека, увидеть хотя бы его контуры, почувствовать его дыхание, услышать его первые шаги. Он хочет окончательно скомпрометировать все, решительно все, что может помешать родиться, расти и развиваться новому человеку».

Уже в этих немногих строках выявляется основная тенденция автора, очень серьезная, очень значительная: он хочет собрать в романе обширный материал о процессах переделки человека, конечно, психической, а не физической, материал о создании нового человека, рождающегося в новом обществе, и связи с новыми производственными отношениями. Для этой большой цели, могущей дать блестящее количество тем, особенно для такого меткого наблюдателя, как Зозуля, сразу оправдывается средство — фантастическая предпосылка к роману: «чудодейственное» создание искусственных людей. И предложение второе, в котором выражая ряд интересных мыслей об изобретательстве и категориях изобретателей, сразу входит в суть вещей. Появление Латуда на втроме и оживление им трупа уже воспринимается читателем как нечто реальное, осмысленное.

И в своих прежних фантастических сатирах Зозуля точно также материалистичен, как здесь. Но он старается рассматривать вещи не в их отдельных и разрозненных проявлениях, а в первоосновах, он стремится во что бы то ни стало вскрыть корни явлений — больших и малых, заурядных и важных, веселых и трагических. Поэтому фантастика Зозули не имеет ничего общего с той фантастикой, которая старается подменить нашу жизнь уходом от нее или искаженным путем уродливых отображений в лучинах больной психики.

Рассказы «Об Але и человечестве», «Жизнь мебели», «Студия Любви к Человеку» — все эти, ставшие «классическими» сатиры Зозули по-своему фантастичны, т.-е. допускают некоторую гротескную неправдоподобность. Все они оперируют с обобщениями, синтезированными людьми. Очень удачно сказал по этому поводу Мих. Кольцов: «Если большинство наших беллетристов запечатлевает эпоху живописно в натуралистических картинах, Зозуля обобщает ее своеобразными аналитическими продольными и поперечными разрезами».

Предлагаемое творчество Зозули, сколь разнообразно и значительно оно ни было, явилось лишь фундаментом для обширного замысла «Мастерской человеков».

II

Фабула сама по себе не является для Зозули самоцелью. Она является лишь фоном для развертывания того большого психологического материала, который единственно интересует писателя. Сатирический роман «Мастерская человеков» очень психологичен. Другими словами, в этом романе показываются психика самых разнообразных людей. Изобретатели, ученые, третьестепенные авантюристы, сентиментальные девушки, подхалимы, альфонсы, приспособленцы, дураки, дуэлянты, бюрократы — трудно даже перечислить огромную галерею человеческих разновидностей представленных в романе. Весь роман написан для того, чтобы разворотить перед читателем эпизодическую современного человека — нашего друга и нашего врага.

Замечательное дело: показ этот, несмотря на психологичность замысла, выполнен очень действенно, увлекательно, без излишнего копанья в нутре человеческом.

Зозуля — живописец. На его автобиографии мы знаем, что он был маляром, писал вывески. И его повести, рассказах, новеллах, и его романе есть часто живописная плакатность. Нет ничего ненужного, лишнего, загромождающих деталей.

Истине Зозули не поверхностна. Он всегда не профессионально психологический писатель, который ставит своей целью смешить читателя. Он не замалчивает смехачеством, он не кунсткамерует пройлую силу прошлого. Его юмор ведет к сатирическому разбору, к анализу жизненных явлений то основе. Поэтому, Зозуля сам указывает что «Мастерская человеков» — сплав аналитической сатиры, — сатиры, борющейся не только смехом, но и анализом».

Первые главы романа происходят на Западе. Здесь острые сатиры направлены против капиталистического общества — против авантюристов всех родов спекулянтов, мелких мещан, предприимчивых стяжателей, карьеристов. Вот в мастерскую человеков приходит девушка, она заказывает себе жениха, чтобы глаза у него были «как васильки» или как «звездочки». Затем приходит фабрикант. Ему нужен тихий, покорный, обременённый семьей и нерушимый работник. Представитель молодого религиозного общества нужен проповедник, почти святой, но с шелковой бородой и всем, что требуется для успеха у дам. Вот «социальные заказы» спилы, вот люди, которых хотят искусственно, да надо делать для того, чтобы держались устои капитализма. Попутно очень метко изображается волокита в комитете по изобретениям. Впрочем, и изобретения носят здесь специфический характер: они направлены к усовершенствованию правящих классов. Один изобретатель предлагает сделаться в темноте женские полезности, незаменимую принадлежность для любовников. Другой изобрел «музыкальный перпетуум-мобиле», а третий — машинку для перебрасывания шпица. Выполняя этой машинке больше избавляется от необходимости заниматься таким трудным делом, как переваривание поглощенных ими яств.

Можно было бы придраться до бесконечности к отдельным эпизодам из этого романа, но и приведенных примеров достаточно, чтобы показать, что роман не написан в аподептичных, холодных тонах, в духе сатиры на «человеческие вообще», вне времени и пространства. В романе именно цепка глубокая, непосредственная связь с сегодняшним днем.

Несомненно, наиболее значительной частью «Мастерской человеков» являются главы, изображающие пребывание Мастерской человеков с ее штатом в Советском Союзе.

Здесь сатира Зозули принимает другой характер. В его конце как бы есть два этажа. Одно на них, направленное против старого косного мира, закрывает прорывы и трещины язвы буржуазного строя, роняя их до конца неумолимым хирургическим скальпелем. Другое острее более любовное. Оно не замазывает недостатков, оно скоблит не только по поверхности, но оно действует метко и мягко, направляемое внешней рукой. Это, когда Зозуля приступает к показу СССР, где развертывается небывалая еще в мире стройка. Куда же отправиться изделиям человеков, как не в Советскую Страну? Работник советского импорта Кумбецкий объясняет мастеру: «Можно сказать с уверенностью, новый человек — это основная тема, основная наша задача и основное стремление. О, новый человек для нас сейчас — все! Кто умеет с срочком порыше создавать у нас новых людей, тому обеспечены и почет, и уважение, и всевозможные льготы».

Интересна сцена в'езда в СССР, где работники Мастерской человеков постепенно начинают знакомиться с удивительным для них бытом Советской Страны. Ясно, что и стражу, в которой рассказывают на Западе всякие ужасы, надо послать особенно злых людей. Туда отправляют специально отмеченного человека-приспособленца. У бывшим комрол Зозуля рассказывает, как постепенно первое бичи-н принимает другой вид, как знакомятся в поезде с советскими гражданами, как старается проникнуть в тайны советского «служебизма». Чем держаться на службе — изученной политэкономии, мало делать, ни за что не решаться, ретировать, со всеми сойтись и, наоборот, быть в дружбе со всеми?

Тут опять-таки перед читателем открывается энциклопедия советских работников, хозяев и плутов, трудных и вредителей. Наблюдательность Зозули дает возможность дать нам в «Мастерской человеков» ряд колоритных образов из героев нал московскими прохожими. Быть может, никто еще из советских писателей не изобразил с такой красочностью виды московских окрестностей.

Дальше пить романа уводит зрителя — на грандиозную стройку Турксиба. Чистящий взор читателя видит немало человека, романтиков, как говорится в пресловутом, «в грязи, с кровью, в слезах, в резкой смене температур».

От Турксиба — к великим задачам коллективизации деревни, к теме, давно волнующей Зозулю — о возникновении чувства собственности, о том, каким безумием полнит социальным отношением это чувство.

Судя по опубликованным главам романа, «Мастерская человеков» охватит еще многочисленные стороны нашей жизни. Скажу, пожалуй, пить фабулы мы уже имеем определенные указания на это. Но и того, что мы уже имеем, достаточно, чтобы сделать вывод о несомненном росте Зозули как писателя. Нет этом нетрудно указать что Зозуля пошел, оставаясь самим собой давно в богатом сатирическом романе смотря своего предыдущего творчества с новой острой наличием злободневнейшие социальные и этические проблемы сегодняшнего дня. Роман написан языком простым и понятным. Это дает ему возможность проникнуть в широкие массы читателей и завоевать их.

«Мастерская человеков» — сатира современная, такая, какая нам теперь нужна.

АЛ. ДЕЙЧ

ПРОИЗВОДСТВЕННЫЙ ПЛАН

БЕЛОРУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ НА 1931 г.

● Поэт Микола Хведорович (БелАПП) работает над поэмой «Пикколаз». В поэме показывается война капиталистических стран 1930 г. Выходит из печати новая, третья, книга стихов М. Федоровича, — «Темны-контрасты».

● Писатель Василь Сташевский («Полымя») заканчивает повесть «Мумит березка» из жизни детей Западной Белоруссии. Сташевским собран материал для романа «Симфония Принятия», над которым будет работать в 1932 г.

● Писатель Михась Лыньков (БелАПП) работает над повестью «Бацькощина». В издании ГИХЛ выходит сборник рассказов Лынькова в русском переводе.

● Поэт Михась Чарот («Полымя») пишет поэму о сельстроительстве в БССР. В издании ГИХЛ вышел сборник переведенных на русский язык рассказов М. Чарота.

● Поэт Изи Харик (еврейская секция БелАПП) заканчивает большую поэму «Пещерняки». Работает над пьесой для Еврейского государственного театра Белоруссии. ГИХЛ издаст сборник стихотворений и поэм И. Харика в русском переводе.

● Поэт Юдельзон (еврейская секция БелАПП) заканчивает поэму «Комбинат». Им приготовлен к печати сборник стихотворений.

● Поэт Алесь Звонак (БелАПП) подготовил к печати первую книгу стихов.

● Писатель Рыгор Мурашка (БелАПП) работает над трилогией «Человек маска».

● Крестьянский писатель Сымон Баранович (БелАПП) окончил новую повесть «Дым». Недавно вышла из печати повесть С. Барановича «Мужик».

● Поэт Андрей Александрович (БелАПП) заканчивает роман в стихах. Из произведений к печати первый том стихотворений. В этом году исполнится девятилетие литературной деятельности Андрея Александровича. В ГИХЛ выходит книга стихов Александровича в русском переводе. В Белгосиздате вторым изданием выходит поэма «Дети на солнце» и третьим изданием — сборник стихов «Угрунь».

В БОЙ ЗА ПРОЛЕТАРСКУЮ ДЕТСКУЮ КНИГУ

ВКЛЮЧИМ ДЕТСКУЮ КНИГУ В ОБЩУЮ КОЛОННУ ПРОЛЕТАРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ЗА МАССОВУЮ СОВЕТСКУЮ ДЕТСКУЮ КНИГУ

РАБОЧИЕ О ДЕТСКОЙ КНИГЕ

Изучить запросы детских читателей

Наша детская литература еще отражает мещанскую идеологию. У нас в библиотеке очень мало книжек для детей среднего и старшего возраста, поднимающих вопросы пятилетки, социалистическому строительству, жизни и быту заводов и фабрик, мало и художественной приключенческой литературы, которой интересуются читатели юношеского возраста.

Издательства мало учитывают и изучают интересы детских читателей. А интерес к хорошей, высокой по качеству и содержанию книжке растет у нас, читателей с каждым днем.

Современные пролетарские писатели мало пишут для ребят и юношества. Надо подготовить новые кадры пролетарских детских писателей, которые сумеют создать действительно советскую детскую книгу.

Мы предлагаем провести обсуждение детских книг и юношеской литературы на широких собраниях рабочей молодежи, на специальных литвечерах.

Николаев, Егоров, Белов — ученики школы ФЗУ завода «АМО».

Против классово-чуждых влияний

До сих пор на книжном рынке еще нет хорошей детской литературы, особенно для детей младшего возраста. Мы, работницы-матери, совершенно не можем достать хорошую книжку для своих детей. Книжки большей частью бессодержательны и не удовлетворяют запросам ребенка. Надо отметить плохие по качеству, бессмысленные по содержанию стихи, помещаемые в детских книжках.

Для ребенка писатели должны создавать книги, написанные простым, понятным языком. В книжках надо больше отражать современную советскую тематику, чтобы оградить наших детей от классово-чуждых влияний.

Цейтлина — наладчица 7-й типографии «Искра Революции».

Книга — орудие коммунистического воспитания ребенка

Детская книга еще не стала орудием коммунистического воспитания ребенка.

В нашем фабричном книжном киоске Госиздата имеются только детские книжки авторов тт. Маршака, Чуковского и др., которые никак не могут удовлетворить запросов юного читателя.

Например, издательство «Красная газета» в 1929 г. выпустило книгу Я. Ларри и А. Лившиц «Пятилетка» для детей старшего возраста. В этой книге отмечено много вопросов, связанных с пятилетним соцстроительством, но все это изложено непопулярно, книгу трудно осилить и 14-летним ребятам. Родители-работницы приносят эту книгу назад, указывая на ее непонятность для детей.

Нельзя огородить фронт детской литературы. Надо на ряду с подготовкой новых кадров пролетарских писателей, выявить и подготовить кадры детских авторов из рабочих-ударников.

В детской литературе еще очень слабо отражены жизнь и быт производства, жизнь детей рабочих и пионеров за рубежом. Писатели должны создать новую детскую книгу, чтобы на ней воспитывались наши дети.

Холмогоров

Рабочий-ударник 13 фабрики Москвошвей.

Требуем советскую детскую книжку

Раньше детские книжки забивали умы ребенка всякой ерундой: религиозными стихами, сказками о царях и принцессах. К сожалению, наша советская детская литература еще и теперь пичкает всякой ерундой наших детей. Для ребят младшего возраста нет понятных книжек, в которых бы освещалась жизнь наших фабрик и заводов, колхозов и совхозов. В книжках не отражена жизнь деревенских ребят колхозников.

В нашей фабричной библиотеке мало детской литературы. Мы, работницы, требуем создания хорошей советской детской книжки для наших детей.

Сорокина, Сотникова, Моисеева, Трофимова — работницы 13 фабрики Москвошвей.

Создадим детскую книгу силами рабочих-авторов

Наша советская детская книжка еще далеко не удовлетворяет требованиям социалистической стройки. В детской литературе очень мало освещается наше строительство—Днепрострой, Тракторстрой, с которым необходимо ознакомить ребят. Нет художественной детской книжки, которая бы в популярной форме рассказала детям о революционном движении, о революции 1905 года и роли детей в этой революции.

Оформление детских книг никуда не годится. Надо дать хорошую и по содержанию и по художественному оформлению книжку. Об этом должны подумать издательства.

Детские писатели должны научить производству и причины прорывов на предприятиях. Они должны отразить в детских книжках жизнь фабрик и заводов, борьбу за промфинплан. **Мы ждем детских писателей и ими на фабрики и заводы. Пусть они свои произведения зачитают перед массовой аудиторией детских читателей. Пусть они нам помогут выявить новые кадры детских писателей из ударников-комсомольцев и пионеров и организуют для нас специальные литкружки.**

Я предлагаю конкурс на лучший детский рассказ о жизни и быте рабочих молодежи, пионеров. К участию в конкурсе привлечь взрослых рабочих—начинающих авторов, и комсомольцев-студариков и знатоков-профессионалов. Кроме того, предлагаю провести конкурс на лучшего детского читателя и помочь трехгорцам написать силами рабочих и комсомольцев-ударников коллективную детскую книгу о том, как боролись трехгорцы на баррикадах в 1905 г., как теперь ударники-трехгорцы борются на фронте соцстроительства за промфинплан.

А. Кириллов

Рабочий отдаточного отд. Трехгорной М—ры.

Перестроить детские журналы

Мои дети читают «Искорку» и надо сказать, что журнал этот очень мало политически воспитывает ребят. Там помещаются разные детские игры, но очень мало пишут о жизни зверей, а ребенку это очень интересно. Он бывает в зоопарке, видит там разных животных и естественно хочет прочесть о них.

Рисунки даются часто такие мелкие и так их много, что внимание ребенка на них не задерживается. Нужно давать четкие, ясные рисунки, чтобы ребенок мог их срисовать и по ним учиться рисовать сам.

Необходимо давать небольшие, интересные рассказы, знакомить ребят с вождями пролетариата.

Чарина

Рабочий 5-го автозавода.

Помогите ребенку

Я выписываю своему ребенку журнал «Еж» и должна сказать, что журнал этот дает очень мало интересного. **Политические темы поданы слишком сухо и непонятно для ребенка.** Нет ничего, что могло бы развивать детскую изобретательность. Ведь каждый ребенок любит строить и придумывать.

О. Самсонова.

Секретарь завкома з-да «Шарикоподшипник УНР».

ЗА ОБ'ЕДИНЕНИЕ РАБОТНИКОВ ДЕТСКОЙ КНИГИ

Детская литература реконструктивного периода должна явиться мощным фактором классового воспитания подрастающей смены.

Между тем, в настоящий момент мы должны констатировать жалкое отставание детской литературы от запросов и требований реконструктивного периода, от той огромной работы, которую проводят пионеры и школьники, участвующие в строительстве социализма.

Детская книга в лучшем случае подводит итоги пройденному уже этапу работы, редко, очень редко соответствует ей и почти никогда не идет впереди.

Виной этому не только общее хроническое отсутствие внимания к детской литературе со стороны общественных и литературных организаций, не только полное отсутствие серьезной критики детских книг, но — и это главное — отсутствие достаточной организованности среди работников детской книги: редакторов, писателей, библиотекарей, педагогов, работников книжного прилавка.

Существующие секции при литературных объединениях, работающие в настоящее время последовательские учреждения и институты, комиссии и подкомиссии Наркомпроса, детские литкружки и литконсультации живут вне всякой связи друг с другом, понятия не имеют о том, что и как в этой области делается в других организациях.

Отсюда полнейший разнобой и в определении формы и тематики детской книги и в оценке имеющейся на рынке детской литературы, отсюда неуверенность писателя в нужности проводимой им работы и еще не искоренившийся взгляд на детскую литературу как на проходной двор или прихожую общей литературы.

Будущий год принесет детской литературе централизованную работу. Детсектор «Молодой гвардии» фактически становится центральным издательством детской и юношеской литературы. Это обещает ликвидацию издательского разбоя, долгое время тормозившего установление ясно выраженной политической и художественной линии.

Мы надеемся, что централизация издательской работы сильно двинет вперед качество детской литературы. Но мы предвидим все же затруднения, которые неминуемо возникнут, когда централизованное издательство столкнется в своей работе с раздробленностью и разрозненностью основных кадров, творящих, распространителей и проводников детской книги.

Вопрос о создании широкого об'единения работников детской книги уже давно назрел. Инициативная группа товарищей, подписавших это письмо, обращается ко всем писателям, библиотекарям, педагогам, критикам, журнальным, газетным и издательским работникам и к работникам прилавка с предложением—**создать единую ассоциацию работников детской книги** и организовать широкую кампанию по вовлечению в ассоциацию всех лучших советских писателей.

За подлинно пролетарскую детскую литературу!

За превращение детской литературы в реальный фактор классового воспитания растущих кадров!

Мих. АЛЕКСЕЕВ, НИКАНДРОВ, А. ЯКОВЛЕВ, И. ЕВДОКИМОВ, А. ИРКУТОВ, И. РАЗИН, Л. ЛАРИНА и А. ЛЕБЕДЕНКО.

НУЖЕН ЛИ ДЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ?

1. ПРИЗЫВ ВАРЯГОВ

Был такой случай. Детский сектор «Молодой гвардии» обратился со специальными письмами к ряду «взрослых» писателей. В них взрослые писатели приглашались в детскую литературу.

Как нам известно, только один писатель пожелал откликнуться на этот призыв, только один из числа ожидавшихся варягов явился овладеть детскую литературу.

Но дело не в этом. Анализ причин, помешавших взрослым писателям идти работать для детей, не составляет предмета настоящей заметки. Для нас гораздо интереснее причины, побудившие издательство организовать этот неудавшийся призыв варягов.

Призыв варягов! Мы настаиваем на такой терминологии, ибо неоднократно слышали на официальных собраниях из уст официальных руководителей детской литературы, что спасение ныне в писателях взрослых; что детская литература вообще не имеет права на самостоятельное существование; что детский писатель никому и ни для чего не нужен и что детскую книгу не только не хуже, но значительно лучше могут писать писатели взрослые.

Такая постановка вопроса породила в среде детских писателей дезорганизационные настроения и в кулуарах литературы создала логически из нее вытекающее убеждение, что:

«Детский писатель—это писатель, не сумевший еще войти в литературу взрослую или не сумевший в ней удержаться».

Все это мало способствует продуктивной работе товарищей, желающих посвятить свои силы и сознательное детской литературе. Вопрос необходимо поставить прямо и открыто, и на вопрос надо получить прямой и открытый ответ:

«Нужен ли детский писатель?».

2.. А ПОРЯДКА В НЕЙ НЕТ

Товарищи, ставящие вопрос об участии взрослых писателей в детской литературе, ожидают от них установления того порядка, который явно отсутствует в этой области литературного творчества. От взрослого писателя ждут хорошего и решительного разрешения вопроса и о содержании, и о форме, и о качестве детской книги. Работники издательств, ратующие за привлечение писателей-варягов, совершенно уверены, что книги, написанные ими, будут именно теми книгами, которых давно ждет детская читательская аудитория. Взрослый писатель упорядочит, улучшит детскую литературу, сделает ее настоящей литературой. Вот формула.

Забывают об одном. Забывают о том, что во взрослой литературе тоже нет порядка. Что там в той же, если еще не в большей степени, царит первобытный хаос в вопросах формы и даже и в вопросах содержания. Забывают о том, что варяги взрослой литературы придут из «единственной», в котором также нет порядка, в котором процент халтуры не меньше, а процент тематически не созвучных нашей эпохе вещей даже больше, чем в литературе детской.

Забывают, что варяги, все-таки, должны будут учиться чуждому им языку, ибо — да простит меня товарищ Разин! — детская литература имеет свои языковые особенности, и плохо не то, что мы стараемся специализироваться в них, а то, что специализируемся в них слишком мало и поверхностно.

3. А СПЕЦИАЛИЗИРОВАТЬСЯ НАДО

Можно пожимать плечами и снисходительно улыбаться нелишкам не только создать, но и укрепить специально детскую литературу, с писателями **специалистами**, пользующимися в своем творчестве **специальными** формальными и языковыми приемами.

Но никто не станет улыбаться и плечами пожимать, узнав о существовании в Коминтерне специального **детбюро** и о наличии в нем работников-специалистов, как равно никто не усомнится в праве на существование **специальной** организации ЦБДЮ, або такому сомневающемуся будет доказано, что детское движение имеет свои специфические особенности и что в работе среди детей должны применяться специфические методы.

И, наконец, самое наличие внутри издательства, занимающегося выпуском **специально** молодежной литературы, **специального** детского сектора не оставляет как-будто места для неясности и недоговоренности.

В наших условиях много занимания уделяется созданию **специально** детских организаций. Мы горлимся тем, что **специально** для наших детей создаются никогда до сего времени невиданные и неслыханные учреждения.

Надо специализироваться. Надо научиться детского писателя-специалиста, детского писателя, знакомого с новейшей педагогикой, разбирающегося в вопросах детского движения, постоянно находящегося в курсе общественной, бытовой и политической жизни ребят. Надо каждому, входящему в детскую литературу, сказать, что здесь не свалка и не приходная литературу взрослый, что детскую книгу нельзя писать между прочим и между делом, что детская книга — орудие классового воспитания нашей смены и что только человек, тщательно изучающий особенности детской аудитории, может создать нужную и полезную вещь.

И неважно, откуда придет детский писатель. Мы думаем, что его у нас еще нет и что настоящего полезного детского писателя даст само подрастающее поколение. Важно, чтобы детский писатель, откуда бы он в детскую литературу ни шел, с первых же шагов своей работы понимал, что от него требуется огромная специализация и сознательное закрепление себя за детской аудиторией.

Так должен стоять вопрос!

АНДРЕЙ ИРКУТОВ

УДАРНИК ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Открытое письмо М. Пришвина на-ву „Молодая Гвардия"

Всякого писателя в настоящее время внутренно обеспокоивает способ общественной реализации своего труда, стоящий в вопиющем противоречии с целями пятилетнего плана переустройства всего производства. Подрежиму практикуются удобнейшие методы добывания гонорара, бесконтрольное разбазаривание, сопровождающееся явлением бесчисленных пятунов в производстве книги. С другой стороны, многие решают противоречие тем, что чисто внешним образом без всякого внутреннего средства занимаются колхозами и фабриками, превращаясь из писателей в простых описателей.

Я решил выйти из этого противоречия, предоставив свое дарование и мастерство для использования с той стороны, которая мне самому наиболее близка.

Исследуя написанное мной за 35 лет литературного труда, я нахожу бесспорную ценность в том, что написано мною для юношества и детей: в советской прессе не раз давались блестящие отзывы моему «Колобку», «Башмакам» и многим книжкам, изданным детским отделом Госиздата. В настоящее время Госиздат выпускает мою большую книгу **«Записи охотника»**, в которой юношество призывается к бодрому воздействию на природу. Получив биологическое образование, и чувствуя обязанность свою в деле охраны природы, и в этом направлении много готовится в настоящее время книга, в которой для сближения с природой рекомендуется не ружье, а фотокамера. Считаю не лишним сказать здесь, что для создания этой книги я полтора года учился художественной фотографии.

Усматривая, таким образом, свое дарование и мастерство особенно ценным в применении к детской и юношеской литературе, я обращаюсь в «Молодую Гвардию» со следующим предложением.

Объявляя себя ударником в области создания детской литературы, я прошу «Молодую Гвардию» до конца пятилетки закрепить меня исключительно на производстве детско-юношеской литературы с определенным ежемесячным заработком.

МИХАИЛ ПРИШВИН

Вызываю последовать моему примеру и пойти в детскую литературу писателей:

М. Горького, Алексея Толстого, В. Шишкова, А. Чапыгина, Н. Огнева, Ф. Гладкова, А. Яковлева, Вс. Иванова.

СЛОВО ДЕТЯМ

Услышать слово многомиллионного читателя не только поучительно, но и практически нужно. Поучительно — потому что в спорах о детском чтении слишком много говорят за детей и приписывают детям многое, чего они никогда не говорили и не могли бы сказать. Практически нужно потому, что наши дети год от году растут, как читатели и могут сказать то, чего взрослые еще не видят и еще не могут сказать.

Не все дети, конечно. Есть активная, организованные читатели, которые хватаются за новую книжку, знают и любят ее и критически подходят к ней. Есть и другие, которые умудряются до сих пор не знать новой книжки, для которых до сих пор книга Чарская, которые не идут дальше Майн-Рида.

И таких посущать тоже небесполезно.

Они напоминают нам о том, что детский читатель еще далеко не завоеван.

А если вы спросите у активистов почему? они скажут вам много интересного.

Они скажут, что виновата не только среда, но и сама книжка. Старая, потому что она хорошо сделана, новая, потому что сделана плохо.

Формулировка: **«напишите нам о пятилетке так же интересно, как писал Жюль Верн»**, — это повсеместная детская формулировка. Это лейт-мотив требований всех конференций детей-читателей. Но они это требование обосновывают и углубляют.

На экскурсии-конференции активы детских библиотек (Москва, октябрь 1930 г.) ребята спорили не о Майн-Риде, а о «майнридовщине» и предъявили книге Лебеденко «Четыре ветра» обвинение в литературной фальши. Они брали «Рассказ о великом плане» Ленина и расценивали его как лучшую из книг о пятилетке, упрекали в сухости и подробно разбирали, как лучше, интереснее можно дать в такой книжке цифры.

«В книге Ильина, — говорят дети, — написано:—«На Днепре будет установлено сначала 4 турбины, потом еще 4, каждая будет мощностью в 80 тысяч лошадиных сил». Это очень сухо. Нельзя ли так сделать, чтобы был спор? И знаешь по опыту, когда в книге написан спор, то это захватывает. И вот между таким спором можно дать и официальные цифры».

Приводя пример за примером, ребята доказывали, что язык детской обществено-политической книжки сух, газетен, что словарь ее труден для читателя. Они спрашивали, почему не издается книжка специально для подростков, и подробно аргументировали необходимость таковой.

Они разбирались не только в самой книжке, но и в книжной политике.

Делегат из провинции говорил:—«У вас в Москве и книжку много новых книг, а у нас их нет и не будет. Книги сдают Москва и Ленинград, а думаете ли вы о том, что нужно снабжать книгой колхозы и новые индустриальные центры? Лучше издавайте меньше книг, но печатайте их большим тиражом».

— Надо в Москве поменьше оставлять книг и побольше посылать в провинцию. Иначе терпенья нехватает. Дети рабочих остаются без книг.

Они указывали на тематические прорывы: «Нет ни одной книги о том, что собою представляет Лига Наций. Наши ребята не знают, угрожает нам война или нет, защищает нас Лига Наций или нет».

«Теперь о юморе. У нас на юмористическом фронте именно юмористическое положение, потому что какую книгу ни возьмешь, — она не юмористическая... Наш юмор должен быть злободневным. Нам нужна хорошая советская сатира».

В этой детской критике бросается в глаза ее целеустремленность. Ребята активисты не критикуют «вообще». Они сейчас же делают принципиальные и практические выводы, потому что они не только читают книгу, но и работают с нею. Они несут ее более слабому читателю. Они читают ее октябрятам. Они вербуют сверстников в библиотеки.

Они берут нечутко над дискредитировавшими свою непригодность рабочими и обсуждают их как книгоношу. Они брошюры отправляются в село и, пропагандируя книгу, в то же время организуют пионеротряд и агитируют за колхоз. Для них книга не только предмет для чтения, но и оружие в борьбе за культурную пятилетку, — борьбе, которую они ведут со всем пылом, со всей жаждой и энергией своего возраста.

Вот почему все недостатки новых книг так раздражают их.—«С этими книжками трудно работать».—Их суждения о книгах имеют производственную конкретность. Это суждения рабочего о своем инструменте.

К голосу читателей-детей надо прислушиваться гораздо больше, чем это делается сейчас. За последние два года вошли в детскую общественную жизнь конференции читателей. Материал этих конференций огромен по своей значимости и интересу.

Но он большею частью не фиксируется и гибнет. Дело писательских организаций и издательств—сохранить этот материал и через рупор печати сделать слышными детские голоса.

ЖЕЛОВОВСКИЙ

Наркомпрос и издательство «Молодая гвардия» извещают, что КОНФЕРЕНЦИЯ ДЕТСКОЙ КНИГИ ОТКРОЕТСЯ 2 ФЕВРАЛЯ 1931 Г. В МОСКВЕ.

ПОВЕСТКА ДНЯ: 1. Детская книга в реконструктивный период. Докладчики: тт. КРУПСКАЯ и РАЗИН. 2. Детская книга и политехнизм—докладчиков. РОЗАНОВ. 3. Учебники и детская литература в школе—докладч. тов. СВЕРДЛОВА.

На конференции будут работать секции: дошкольной книжки, изучения читательских интересов, продвижения книги, национальной детской литературы и оформления.

НА ФАБРИКЕ ДЕТСКОЙ КНИГИ

Беседа с зав. сектором детской литературы ОГИЗА т. РАЗИНЫМ

Вся организационная работа по об'единению издания детской литературы в «Молодой Гвардии» закончена.

Разработанный на 1931 год редплан детской литературы отпечатан в количестве 500 экз. и разослан на места для широкого обсуждения на массовых собраниях детей, педагогов и вожатых. Основное внимание в редплане уделяется темам нового социалистического отношения к труду, политехнического образования ребят, широкого показа социальных и культурных сдвигов, которые характеризуют вступление СССР в период социализма. **Я считаю наиболее отсталым участком детской литературы дошкольную книжку. Здесь нужно пересмотреть не только практику работы последнего года, но и наши принципиальные позиции в вопросах дошкольной книжки.**

На детскую книгу в 1931 г. отпускается всего 88 миллионов оттисков бумаги. Это не обеспечивает даже самых минимальных потребностей детского читателя и грозит нанести большой удар всему делу коммунистического воспитания.

Среди других задач сектора детской литературы «Молодой Гвардии» особое значение имеет развернувшаяся массовая работа. Мы не мыслим себе никаких успехов в предстоящей работе в 1931 г., без самой тесной связи с широкой писательской средой и в первую очередь с РАПП и МАПП.

В настоящее время издательство занято подготовкой пятидневки детской книги (25—30 января с. г.). В течение этой пятидневки во всех отрядах, школах, клубах будут проводиться вечера детской книги, встречи читателей и писателей, карнавалы на катках и т. д. Пятидневка закончится открытием выставки «Советская детская литература за 10 лет». Пятидневка должна приблизить советскую общественность к созданию пролетарской детской литературы.

И. РАЗИН

Куда направить огонь

Заметки о детской литературе

Задача коммунистического воспитания подрастающего поколения состоит в том, чтобы подготовить совершенно новый тип человека, — политехнически образованного, общественника, интернационалиста, коллективиста и безбожника. В борьбе за выполнение этой грандиозной задачи воспитания миллионов юных ленинцев отстает школа, отстает внешкольная работа, отстает и пионерское движение. Но больше всего **отстает детская книга.** Это отставание идет и по линии количественной и больше всего по линии качественной.

Несомненно, что в детской литературе наметился поворот в тематике, на страницах детских книг уже находят свое отражение актуальные вопросы современности. Выпущено большое количество книг о пятилетке и соцстроительстве. Об этих заметных достижениях детской литературы можно и нужно говорить. Но совершенным комчванством является разговоры о том, что в детской литературе уже произошел поворот. Выпустить 20—30 актуальных книг еще не значит разрешить те грандиозные воспитательные задачи, которые стоят перед советской детской литературой. По существу говоря, детская литература еще только переживает свой восстановительный период, с большим опозданием она переживает сейчас те явления, которые остались позади себя пролетарская литература нашей страны. Становятся ясными общие установки детской литературы, но еще туманно выглядят конкретные методы и формы осуществления этих установок. Идут дискуссии и разговоры по поводу детской книги, но нет анализа самих детских книг, нет даже попыток разработки марксистских принципов детской литературы и ее творческих проблем. Мы работаем наощупь, мы не знаем по-настоящему сегодняшнего ребенка с его новыми запросами и потребностями, не знаем реакции детей различных социальных прослоек на ту или иную тематику... Нет марксистской теории детской литературы как орудия коммунистического воспитания в как одного из важнейших отрядов советской литературы.

***

Где главная опасность в детской литературе?

Некоторым «наивным» людям кажется, что в связи с выпуском ряда книг на социальные темы и с прекращением печатания новых книг Чуковского, правая опасность перестает быть основной и главной опасностью в детской книге. Стоит ли доказывать чистейший вздор и политическую вредность этакого арифметического подхода. Правая опасность остается главной опасностью в детской литературе, потому что нельзя отделить детскую книгу от борьбы мнений на различных фронтах культурного строительства, от общего дела коммунистического воспитания, потому что в детской литературе борются те же классово-враждебные силы, потому что в этой борьбе еще сильны традиции старой буржуазной детской книги и классово-чуждых нам взглядов на воспитание детей. Правая опасность является главной еще и потому, что корни ее довольно глубоко зарыты в практике повседневной работы над детской книгой.

Правая опасность — еще не померкнувшая чувствительность, элементарность, обход актуальных тем сегодняшнего дня.

Правая опасность — психологизирование, уход детей в мир их внутренних переживаний, возвеличение беспечальных традиций Чарской.

Правая опасность — примиренческое отношение к буржуазным традициям в детской литературе, некритическое отношение к старому культурному наследству, попытки сочетать великолепным бытом новую тематику с арсеналом старых жанров, несущих враждебные нам социальные функции.

Правая опасность — погоня за голой формой, еще господствующая ныне среди некоторых ленинградских авторов, стремление к беспредметной книжке, к эстетизированию в тексте и в рисунке.

Правая опасность — делячский подход к освещению политических явлений, неумение связывать отдельные факты соцстроительства с общими задачами борьбы рабочего класса, смазывание политической сущности описываемых фактов и явлений нашей жизни.

Борьба с правой опасностью — есть борьба за правильную партийную линию, за большевизацию детской литературы, за повышение социальной актуальности детских книг.

***

Одной из разновидностей правого оппортунизма в вопросах воспитания является делячество. И в школе и в пионерском движении делячество представляет сейчас большую опасность.

Делячество — это неумение подчинить интересы сегодняшнего дня общим задачам нашей борьбы, неумение и нежелание подчинить каждый маленький и больной шаг работы школы и отряда общей борьбе за передвиг людского материала, за создание новых кадров индустрии и сельского хозяйства.

Делячество находит своеобразное отражение и в детской литературе.

Мы говорим хотя бы о неудавшейся детской книге, по поводу которой в был поднят шум в прошлом году. Жизнь целиком и полностью подтвердила правильность тех опасений, какие уже тогда имелись в этом отношении. Большое количество детских писателей, повернувшись лицом к социально-значимой тематике, заняли по существу спекулянтскую на социальные темы.

Красная халтура, барабанная поэзия завоевали себе широкое место на страницах детских книг. Даже лучшие книги, о пятилетке и соцстроительстве, носят чересчур информационный характер. Не давая читателю волевой зарядки, не только не [illegible] новым поступкам и действиям, они информируют только о той гигантской стройке, которая происходит в стране, но они не вскрывают всех процессов, сопровождающих эту стройку.

Детская книга (даже лучшие ее образцы) умеет пока показывать только вещи, машины, но не людей и новые социалистические отношения между ними, а если и показывает людей, то в плане сухой регистрации фактов, вне всякого отношения к ним. Тщетны будут поиски образа ударника, для которого «труд является делом чести, делом славы, делом доблести и геройства» (Сталин). Тщетны будут поиски такой книги, которая бы дала детям волевую зарядку и пафос трудового героизма.

Детская литература, как правильно определила Н. К. Крупская, чрезвычайно бледнеет. Есть книги о новых фабриках и заводах и нет книг о коллективизации на этих фабриках, нет книг, воспитывающих у детей чувство интернационализма и братской солидарности, нет книг, разрешающих те или иные воспитательные проблемы.

Между тем воспитание наших детей проходит в чрезвычайно трудных условиях.

Новое в реконструктивный период состоит в том, что классовый опыт детей находится в постоянном соприкосновении со всей окружающей их кипучей общественной жизнью, и надо суметь направить этот классовый опыт в должное русло, надо беспощадно бороться с попытками классового врага влиять на детей.

Помогает ли этому детская литература? Приближает ли она детям эту ненависть к классовому врагу, «ту готовность жертвовать собой для общего дела рабочего класса?

Трудность в том и состоит, что детей окружает старый быт, что дети в семье видят нередко пьянство, полную распущенность, они видят иногда частную лавочку, наполненную товарами, и пустующий магазин кооператива, они слышат в школе и в отряде о строительстве новой жизни и сталкиваются с большими очередями в магазинах. Растолковать все это детям, вскрыть причины наших трудностей, выбить всякую почву из-под ног классового врага — разве не это важнейшая задача детской литературы?

Новое в реконструктивный период состоит и в том, что старому, отжившему и отживающему уже противопоставляется новое. Строятся дома-коммуны, передельваются быт трудящихся. А среди наших сегодняшних детей не мало растет мещан, обывателей, философски мечтающих о вкусной жизни, не мало растет из ребят хлестаковых, помпадуров, тупых чеховских чиновников.

Детская литература обо всем этом упорно молчит!

***

«С детьми надо говорить только по-сергеевскому», — писал в прошлом году один педагог.

Под этой р-р-революционной вывеской скрываются очень часто все те же оппортунистическое отношение к воспитанию детей.

Немало педагогов и вожатых сейчас пренебрегают детскими запросами и интересами, механически переносят в детскую среду, забывая о ее специфичности, формы и методы работы взрослых.

Эти люди тоже не знают сегодняшних детей. Над этими людьми давно издевался Чернышевский в своей статье: «О том, что можно читать детям».

Живое, детское, бодрое, жизнерадостное, свойственное детскому организму, пытаются эти люди придушить. В этих «левых» попытках сказывается полное непонимание задач коммунистического воспитания, они отражают в детской литературе худшие тенденции нефомщины.

Нам нужно так организовать воспитание детей, чтобы око гармонически сочетало детские интересы с задачами классовой борьбы. Нам нужна такая детская книга, в которой бы новое содержание было органически слито с новой формой. **Нам не нужна и вредна книга, в которой новое содержание преподносится скучно, сухо, неинтересно,** потому что такая книга будет бить мимо цели, потому что действие такой книги будет подобно движению бумеранга: она обязательно ударит по лбу пославшего ее.

На одном собрании пионеротряда ребята заявили: «Дайте нам книги о пятилетке, чтобы они были так же интересны, как Жюль Верн». Эти ребята целиком правы! Беда детской литературы состоит в том, что книги о путешествиях в африканских дебрях пишутся увлекательно, художественно, а книги о строительстве Турксиба или Днепростроя — скучно и неинтересно.

Засушивание детской литературы — есть величайшее зло, оно тем более опасно, что прикрывается шумной новой, социальной тематики. Тут надо, конечно, отличить попытки спекуляции на соц. темах от хороших начинаний **молодых пролетарских писателей**, тут надо борьбу за высоко-художественную и социально-насыщенную книжку противопоставить бессодержательному эстетству. Надо с исключительной бережностью относиться к каждой искренней попытке писателя писать детям на соц. темы, помогать писателям в разрешении этой трудной задачи.

Нужно суметь раньше всего вооружить писателей методом диалектического материализма, научить детского писателя показывать факты в их связи и зависимости со всеми окружающими явлениями, научить давать этим фактам социальную направленность.

Писатель должен быть не информатором социальных идей, не стоящим в стороне от описываемого им соцстроительства человеком, а участником этого строительства. Читатель должен чувствовать точку зрения самого автора, его отношение к описываемым фактам и явлениям. Авторам, политически безграмотным, разнодушно относящимся к нашей борьбе, не место в детской литературе.

Творческий путь детской литературы определяется, конечно, общими задачами культурной революции, но было бы в высшей степени смешным и наивным ждать какого-то стихийного процесса создания нужных нам форм детской книги.

Надо прямо сказать, что совершенно нестерпимым становится отрыв детской книги от общелитературного движения. Если в предреволюционные годы развитие детской литературы находилось в прямой зависимости от развития литературы общей, то в последние годы мы стали свидетелями их полной разобщенности. Образовались своеобразные ножницы, лезвия которых стоят друг от друга под углом в 90°. Детская книга стала каким-то захолустьем, забытым, заброшенным, лежащим в стороне от общего пути современной литературы.

Разве горячие споры, которые идут сейчас по вопросам творческих методов пролетарской литературы, не являются в то же время спорами о творческих методах детской книги? Да, конечно! И поэтому, в разрешении всех вопросов, стоящих перед детской литературой, надо подойти раньше всего с точки зрения генеральной линии пролетарской литературы, правильно осуществляемой РАПП.

***

К какому вопросу детской литературы ни подходить, мы упираемся в дефицит авторских кадров. Надо прямо сказать, что детская книга делается еще в значительной части руками неудачников общей литературы или просто случайными людьми. Все пишут привычным к писателям взрослой литературы, к крупным пролетарским писателям, раньше всего чрезвычайно плохим замерениям, которыми, как известно, мостят ад. Никто, абсолютно никто из наших критиков не пророс за последние годы ни одного слова о детской литературе.

Многие из современных писателей считают для себя недостойным писать для детей, а если пишут для детей, то это для них отходная пробыкел с недобровольческой неудачей.

Так дальше продолжаться не может. Не может быть особого детского писателя, не пишущего в общей литературе, и наоборот—не может быть писателя общей литературы, не пишущего для детей.

Колючие, писать для детей труднее и сложнее, чем для взрослых. Гете давно говорил, что «только самое лучшее может быть хорошим для детей».

Писатели детской литературы должны укладываться в рамки педагогических требований к детской книге, но все же создание детской литературы является неотъемлемой частью общелитературного дела.

«Призыв» взрослых писателей и ударников в детскую литературу должен поснужить поворотным пунктом во всей нашей работе по созданию детской книги.

Большие, трудные задачи стоят сейчас перед детской литературой, и осуществить эти задачи можно только тогда, когда пролетарские писатели займут в ней командные высоты.

Слово за пролетарскими писателями, за пролетарскими писательскими организациями.

Шире фронт борьбы с оппортунизмом в детской литературе, с попытками увода детей от культурно-общественной жизни в мир букашечьих тем; со всеми открытыми и замаскированными проявлениями буржуазных и приспособленческих тенденций!

За подлинную советскую детскую литературу! За книгу, воспитывающую борца и строителя новой жизни. За гегемонию пролетарского детского писателя!

ЧТО ГОВОРЯТ НА ЗАПАДЕ О НАШЕЙ ДЕТСКОЙ КНИГЕ

Первая выставка передвижной выставки детской советской книги произошла в Ревеле в августе на эстонской выставке школьной реформы, связанной с происходившим в это время с'ездом эстонских педагогов.

Деятельную помощь при организации русского отдела оказали учащиеся эстонских школ, работавшие до конца выставки с необычайным увлечением. Посещаемость была очень велика. Основным контингентом, преобладавшим выставку, было учительство, с'ехавшееся на педагогический с'езд, художники, составители хрестоматий, издатели и книгопродавцы, все ведущие представители министерства народного просвещения и участники детских экскурсий.

На самой выставке тов. **Мекеин** сделал два доклада: «Об опыте музейно-выставочной работы с детьми» и «Чему научили нас выставки немецкой и японской детской книги». Кроме того, по предложению Педагогического музея тов. Мекеин прочитал публичную лекцию на тему. «Принципы оформления детской книги». Доклады собирали много народа и вызывали огромный интерес.

Наиболее распространенная в Ревеле газета «Пяэвалеэт» от 30 августа 1930 г. писала.

«На выставке школьной реформы отдел советской книги привлек к себе особое внимание. Советская детская книга уже побывала в Германии, Франции, Америке, Швеции, Норвегии и т. д. Всегду отмечалось, что она ищет новых путей, ценных в жизненных».

Немецкий журнал «Osteuropa» (№ 1, от 1928 г.) пишет: «В общем можно сказать, нет ни одного уголка советской жизни, который не нашел бы своего отражения в советской детской книге. У русских более молодые глаза. Русские книги живее, ярче, динамичнее наших. Может быть, наши печатники и возьмут на них с'ысла, но наши дети примут их с восторгом».

Американский профессор Томас Вуди пишет, что советские книги сильно разнятся от дореволюционных: «Позолоченые, иллюстрированные сказки о королях и принцах, о королевах и принцессах, занимавшие центральное место в старых книгах, здесь совсем отсутствуют. По своему основному направлению советская детская литература более гуманна, более современна и более интимно связана с детской жизнью и окружающей средой, чем дореволюционная книга. И это в значительной степени зависит от физической и умственной деятельности молодого поколения, так тесно связанного с новой, развертывающейся вокруг него жизнью. У русских детей слишком мало времени, чтобы тратить его на сказочный мир: все окружающее гораздо более интересно для них».

Газета **эгарпее «Баба-Мая»** от 28 августа 1930 г. пишет: «Техническая и художественная сторона детских книг хороши. Содержание их касается разных отраслей труда, Октябрьской революции, пятилетки и т. д. Советская Россия умеет ценить значение воспитания. Само собой разумеется, чтение дупи о разных лет обрабатывается в коммунистическом духе».

Белогвардейская газета «Сегодня» дала ряд интересных заметок. Одна из них в номере от 32 августа 1930 г. помещена под заголовком «Как в СССР разлагают детскую душу». Хотя заметка пресмыкается иной враждебностью к нам, она принуждена была дать Агитпроп для нас выводы: «Большевики тратят воспитанию детей в духе коммунизма огромное значение. С точки зрения пропаганды обсуждения советских детей книгой дело поставлено, безусловно, блестяще».

Не обгонясь, конечно, и без инсинуаций. 27 августа 1930 г. в той же белой газете «Сегодня» появилась следующая заметка:

«На эстонской границе, в Нарвском районе, задержаны два русских мальчика 17 и 18 лет, пытавшихся нелегально перейти на Эстонию в СССР. Характерно, что эта попытка ревельских юношей бежать в советскую Россию совпала с советской педагогической выставкой, которая была в Ревеле. На выставке представлялась СССР, привезший экспонаты из Петербурга, давал объяснения с исключительным умением, сел эстонцы в полку советской школы. Выставку посещали также учащиеся, и повидимому, она произвела на некоторых из них известное впечатление».

Вторая показательная выставка детской советской книги произошла в Риге. Помощь при организации выставки оказали латышский Учительский союз, Союз библиотек и Об'единение родителей.

Третья выставка была произведена в Берлине. Выставку обслуживала группа детей из СССР в немецких школьниках.

Посещаемость была очень велика—до 850 человек в день: иностранские экскурсии, дети эмигрантов, учащиеся, художники, учителя, рабочие, служащие, работники издательств.

Немецкая буржуазная печать так же, как и эстонская отметили достоинства выставки в области новому активного метода организации юных зрителей (самодеятельность, доступность экспонатов и т. п.).

«На ней нет,—пишет «Фоссише Цейтунг», — той бездельной пестроты и напыщенности, которые была на выставке «Дети должны играть», организованной одной из немецких книжных фирм». Корреспондент вынужден признать, что «самым приятным, однако, на выставке были меты Советского союза, привезенные с выставкой, и то обстоятельство, которые они давали».

«Вельт ам Абенд», отмечая принципы, по которым строится детская книжка в Совете, пишет:

«Дети с радостью интересом знакомились с новыми играми, организованными на выставке. Они (игры) приучают коллективно работать и сильно способствуют критическому отношению ко всем вещам».

«Можно спорить, — продолжает газета, — как старые и молодые воспитатели-мещане копят: «Воспитывая так ребенка, его лишают самого красивого — его наивности, его иллюзий». Конечно, у него нет это отнимают и готовят ребенка к тому, чтобы он вступал в жизнь, познавая действительность без иллюзий и романтики. Ребенок, будучи так воспитан, окажется более подготовленным к жизни, чем тот, кто битком набит иллюзиями»... «Выставка, — заявляет газета, — весьма поучительна для каждого воспитателя, а также для детей, и дает наглядное представление о том, какими простыми путями воспитывается ребенок в Советском союзе».

Католическая газета «Германия» от 4 ноября, подробно информируя читателя об «интересных отличительных особенностях» выставки и воспитания советской детворы, не обошлась, конечно, без злой проповеди на обычную тему:

«Но нельзя сочувствовать — пишет газета — той горькой, жестокой практике советской России, о которой мы узнали из отчаянных писем иностранцев. Красивые слова идеалиста (речь идет о докладе тов. Мекеина на выставке) плохо вяжутся с этими письмами. С грустью приходится возможность о том, что никакая министерская рука не сожжет об огромной армии беспомощных и беспородных детей советской России, которая проклятье творцов и поклонников».

Такова отзывы о нашей детской книге. Совершенно понятно, что буржуазная пресса проклинает в своих статьях писательницу и клевету на воспитание детей в советской стране, но и она не могла не отметить огромных достижений нашей детской книги.

А.

ЦИТАДЕЛЬ ХАЛТУРЫ

ТРЕБУЕМ ВМЕШАТЕЛЬСТВА КОМСОМОЛА И ПИОНЕРОРГАНИЗАЦИИ

ТО И ЭТО

Перед праздником великим
Октября
Суматоха, говор, крики
У ребят.
ТО и ЭТО ...ли детская
раздобыть ужасно надо.
Как же быть? Как же быт?
Где и ТО и ТО добыть?

В самом деле, где раздобыть таинственные ТО и ЭТО?

Не обратиться ли за ними в журнал «Мурзилка», на страницах которого напечатаны эти интригующие стихи? Попробуем.

ХАЛТУРНЫЙ ДЕДУШКА

Отрежем наугад любую книжку вышедшую текущего года. На титуле красуется внушительная надпись: 7-й год издания. Семь лет — солидный стаж. Быть это без малого возраст всей нестарой пионерской детской литературы. «Мурзилка» среди детских журналов — дедушка.

Отдел переписки — лучший показатель направления журнала.

ЮРОЧКА И КУРОЧКА

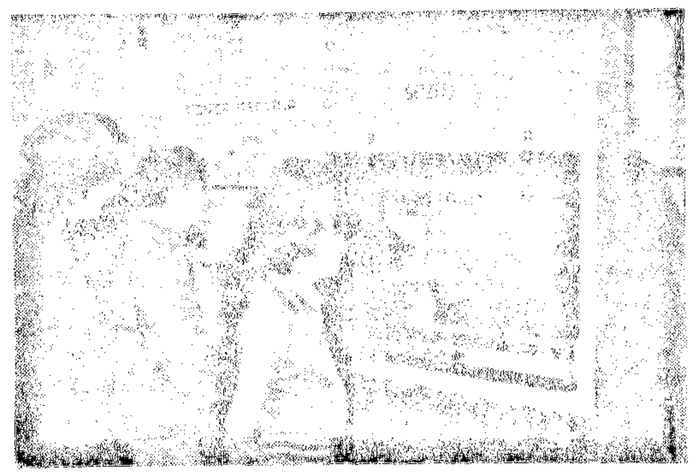
Вкусы читателей «Мурзилки» вполне гармонируют с именами авторов, которых печатает из того же «задушевного слова»:

Маленького Юрочку
Обижает курочка.
Унесла петрушечку
Сладкую ватрушечку.
Унесла со скамеечки
Для цыплят и маленьких.
Нажа этой курочки
Без ватрушки Юрочка.

Вакой Юрочка, воспитанный на таких стишках, не напишет бездарного, бессодержательного письма о копеечках и курочках?

Что ни отчего-горе-то, то отзвук чего-то давно-давно слышанного. Не знакомы ли вам, например, такие стихи?

Над горой ледяной
Мы от стаи лебяжьей,
точно пух...



Макеты детской библиотеки оснащенной выставку советской детской книги

Мы в салазках сидя
И с горы мы летим
во весь дух.
Вот и конец нам бег,
Мы свалялись в снег.
Ух...

Знакомы, не правда ли?

Но кроме перепевов дореволюционной халтуры, образцы которой приведены выше, «Мурзилка», особенно в последнее время, культивирует и новую «красную» халтуру.

Этот вид халтуры — самый злостный, самый зубодробительный.

ДОБРЫЕ ДЕТИ И ГАДКИЕ БУРЖУИ

«Дети и дети играли в санках. Буржуек, которые не допускают наших пионеров на снег. Шлем свой привет сестрам.

12 детей в 4 года.

Откуда это — из плохого рассказа о детях? Из пародии? Нет. Это из документа, публикуемого «Мурзилкой» на видном месте.

«Дарю по трактор 30 коней и мильон привет всех детей наших народных комиссаров и вождей ВКП(б).

Вова Хомутов».

Что это — анекдот?

Нет, это всерьез, с гордостью публикуемое «Мурзилкой».

«Мы, Толя и Сережик Мальковы, я и Боба, сын кулацкого вида Витя Кисиев и Коля Сивков, что живет сбор из трактористов колхоза «Передовой», так мы сильно хохотали, когда Боба, кулацкий сынок, играет и в такое недавно, в особенности, в подарок трактористу колхоза имени «Мурзилки» от нас, маленьких ребят, которые будут на нем участвовать в строительстве социализма».

Какого бы явления современности, какого бы участка строительства ни коснулась «Мурзилка» — она опошлит его, исказит.

Особенность Мирмальова была в том, что каждую свежую идею, носящуюся в воздухе, он подхватывал и моментально снижал ее в книжке — пошло, грубо, дискредитируя самую идею. В этом — особенность целой «красной халтуры». Но этим столам идет и «Мурзилка».

Каким вздохом облегчения вздохнула она 3-й пионерский слет!

Вот обращение:

— Долой, ребята, немытых буржуек, — кричал Юра в заключение.

— До-о-лой! — подхватили малыши на разные голоса.

— Ура! — кричалось в ответ.

— Вместе, [illegible] — предложил один белокурый мальчик, — давайте соберемся, обедем туда и посмотрим их квартиры.

— У них животики и ушки, они будут в нас стрелять.

— Меня мама не отпустит, — сказала Соня, — и денежек, чай, нет...

Вот другой пример:

«Много Вова не понимал. Уяснил чуть-чуть и спереди. Что это такое очередь? Мама говорила, что все много, много людей и стоят они и покупают масло и молоко.

Теперь все крутом говорят про выборную книжку.

Вова знает, что такое книжки. — их можно читать. И знает, что такое набор.

А что такое выборная книжка, он всегда не знает.

«Стоишь у сарайчика в длинном саду перед домом. Прибежал Костя Бровин, запыхавшийся, свежий, раскрасневся:

— Дружок, фруктовый продали мы.

— Что такое? Рассказывай.

Чего рассказывать? Мой отец и твой отец и моя мать и «ударники» записались. Понятно дело.

— Почему?

— Не понимаешь, разве? Ударники, они ударники и есть. Как начнут ударять...

В конце обоих рассказов добрые тети разбивают бедных пионеров-детей, что такое выборные книжки и что такое ударники.

По таким пошлым анекдотам песет от этих заборостых рассказиков!

ЗА СКРОМНЫМИ ИНИЦИАЛАМИ

Не только читатель воспитывает журналы, он воспитывает и авторов.

Теперь, когда дело детской литературы — большое почетное дело, когда Маяковский, Багрицкий, Асеев дали ряд полновесных детских книг, — для большинства авторов «Мурзилки» детская литература является чем-то заборным, постыдным; под собственными произведениями они стесняются поставить свои фамилии.

Что может послужить более веским доказательством халтуры, чем эти бесчисленные «Б. А.», «К. С.», «П. Л.» вместо инициалы, скромно скрывающие застенчивых авторов?

На молодых авторов «Мурзилки» действует разоружающе. Школа «Мурзилки» — земельная школа, от навыков которой очень трудно отучиться. Рассказывает атмосфера этого журнала таковы, что авторы, печатающие в других изданиях добросовестный материал, неизменно снижают качество своей продукции, как только попадают в «Мурзилку».

***

Ну, что же, нашли мы в «Мурзилке» то и это?

***

Да, как видно из всех вышеприведенных примеров, в «Мурзилке» есть, к сожалению, и «то» и «это»: тошнотворная смесь из халтуры двух сортов — нисколько квалифицированной халтуры «болтливых слов» и самой свежей «красной» халтуры.

Читатель халтуры красна. Но ее успех не так уже крепок, чтобы стоящая пионерская критики, общественная критики не смогла разрушить ее!

Нам нужны новые журналы, умеющие по-боевому откликаться на все окружающие ребят явления жизни.

Нам нужны журналы, создающие подлинно-культурную заинтересованность с высоким качеством литературой и художественного материала. ЭМДЕН

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОЗИЦИИ СОВЕТСКОГО ПИСАТЕЛЯ

ДОЛЖНЫ БЫТЬ ЧЕТКИМИ

В ЧЕМ ОБВИНЯЮТ Т-Я ЕЛЕНА БОБИНСКАЯ

В фашистской Польше вышла книга Елены Бобинской под названием «Тайна Ромека», — книга о счастливом мальчике, благоденствующем на Западной Украине.

В 1926 году Отделу детской и юношеской литературы ГИЗ Елена Бобинская предложила для напечатания перевод своей повести «О счастливом мальчике», в дальнейшем переименованной в «Мать-мачеху и в Польше названной «Тайной Ромека».

Отдел детской и юношеской литературы ГИЗ уступил направил в ГУС. ГУС рекомендовал рукопись для издания. Она пошла в печать и... вышла в январе 1930 г. повесть в границах вернулась в ГИЗ. «Счастливый мальчик» из производства был взят, как повесть [illegible] монументального, даже пресная.

Но одновременно книга печаталась в Польше, вышла в свет и... Елена Бобинская начала видеть это вплоть до настоящего времени.

***

Перед нами протокол ГУС № 39 от 17 VIII —28 г.

Рецензент т. Шапет.

«...трудно представить себе более счастливые условия, в которых протекало детство живого, впечатлительного, любознательного мальчика: довольство, культурное, внимательные и чуткие родители, живописная природа.

Кроме небольших, маловажных огорчений, на его долю выпадали только радости и удовольствия...».

Однако рецензент замечает:

«Содержание повести далеко от нашего бурного времени и в особенности не только от нашего пионерства, но и от школьного и украинского. Русского много читателей повесть может решить в заблуждение — он может вообразить, что такие «мальчики» существуют еще и теперь, притом она так красиво и красиво написана. В этой отдаленности от нашего времени основной дефект повести»...

«Если взвесить дефекты повести и несомненные ее достоинства, — делает вывод рецензент, — приходишь к заключению, что повесть следует напечатать».

Видимо в совершенном согласии с рецензентом тогдашний редактор принимает рукопись и отправляет ее в набор.

Однако, к счастью, с этим не согласилась редколлегия отдела детской литературы ГИЗ, которая, просмотрев гранки повести, в феврале 1929 г. изъяла повесть из производства.

***

Повесть Елены Бобинской характерна по своей политически-либеральной направленности. Между первоначальным написанием повести — 1915 г. и последующим исправлением ее — 1928 г. прошло тринадцать лет. И каких лет! Это достаточный срок, чтобы автор мог дать верную оценку своему произведению.

Чем объяснить замалчивание в течение десяти месяцев издания «Тайны Ромека» в Польше, после того как книга за идеологическую вредность была изъята из производства в СССР?

Елена Бобинская объясняет это невозможностью приостановить издание книги в Польше. Это вполне возможно. Но советский писатель, в тем более член Ассоциации пролетписателей, согласившись с мнением рецензентов советского издательства о вредности своей книги, должен был немедленно публично признать свою ошибку.

Признание же ошибке, после того как в польской печати в СССР было высказано справедливое возмущение поступком Елены Бобинской,—признание запоздавшее, хотя и в нем и говорится:

«...Моя книга «Тайна Ромека» является политически вредной и идеологически [illegible] мальчиков, учитывая, что признание ошибок дает Е. Бобинской возможность снова войти в МАПП после того, как она за [illegible] работе делает [illegible] своих политических [illegible] ошибок.

Секретариат ВОАПП считает, что [illegible] книги Бегапп должны в [illegible] правильное освещение [illegible] Е. Бобинской, [illegible] ошибку, квалифицировав [illegible] Е. Бобинской, [illegible] [illegible] [illegible]

ПЕРЕКЛИЧКА ЗАВОДСКИХ ЛИТКРУЖКОВ

ТРИ ВОПРОСА ПРИЗЫВА

Призыв рабочих-ударников в литературу есть новая и высшая форма работы РАПП. Именно потому само проведение и работа с призывом требуют новых форм, в корне отличных от старых методов работы. Создав массовое литературное движение с большой сетью ячеек на предприятиях, надо уметь во-время нащупывать и ставить основные вопросы, тем самым поднимая движение на высшую ступень.

После первичной работы по призыву перед Московской ассоциацией стоят сейчас три основных вопроса, требующие немедленного разрешения.

1. Создание квалифицированных кадров руководства. Призыв мы начали проводить с большим недостатком кадров. Ясно, что за несколько дней или недель мы не в состоянии были подготовить достаточное количество руководов.

И если первый организационный этап призыва был проведен главным образом молодыми членами ассоциации, «кружковцами», то при начале учебы и практической работы призыва отсутствие квалифицированных кадров станет наиболее ощутимо в связи с теми большими требованиями, какие сейчас предъявляет призыв. Этот вопрос стоит тем более остро, что волна призыва всколыхнула целый ряд предприятий, ныне не охваченных, где призыв проводился собственными силами и довольно успешно. А у нас сейчас нет возможности обеспечить большинство этих «диких» кружков руководами. Поэтому задача создания кадров руководов требует сейчас немедленного разрешения в районах, в области. И те из АПП, в которых работа по призыву только начинается, должны это учесть и сейчас же заняться подготовкой руководов.

2. Сейчас уже на целом ряде кружков выявилось много рабочих-ударников, довольно успешно занимающихся творческой работой еще до призыва. Эти товарищи, раньше не втянутые в наши кружки, представляют сейчас энтузиазм нашей организации. Эти товарищи требуют уже сейчас более высоких форм учебы и работы, чем те, какие существуют у нас в первичных кружках на предприятиях. Поэтому сейчас надо заняться созданием творческого актива, районных кружков рабочей критики, втягивая в них активных и выявившихся в творческой работе кружковцев и тем самым создавать кадры руководов.

3. Работа по призыву потребовала новых форм работы в кружках. Эти новые формы уже созданы. Мы знаем целый ряд прекрасных примеров: Сокольническое райбюро выпустило сборник «На штурм 3-го года пятилетки»; на заводе «Красная Пресня» кружок работает бригадным порядком, где каждая бригада, прикрепленная к определенному цеху, прорабатывает наиболее острый вопрос в этом цехе. Например, бригада механического цеха борется против брака, в другом цехе бригада борется с прогулами.

Мы не собираемся канонизировать хорошие методы работы одних кружков для всех остальных. Наоборот, чем больше многообразия различных форм, тем больше движения будет расти. Но все же необходимо сейчас установить обмен опытом работы. На страницах наших газет и журналов нужно организовать перекличку между кружками, включиться в соцсоревнование на лучшее культурное обслуживание предприятий, на лучшую учебу, для действительного и подлинного роста и продвижения вперед.

Н. БОРОВОЙ

ГОД РАБОТЫ ЛИТКРУЖКА „ШТУРМ"

Еще до призыва рабочих-ударников, еще до перестройки Московской ассоциации пролетарских писателей целый ряд молодых рабочих литкружков уже строили свою работу соответственно задачам реконструктивного периода. И это больше всего относится к кружку «Штурм», возникшему на новых (не в пример старым кружкам) основах общественной активности, на основах наилучшего производственного и культурного обслуживания предприятий. Ставя своей главной целью борьбу художественным словом за выполнение промфинплана, кружок «Штурм» всегда твердо стоял за генеральную линию РАПП и всегда отбивал атаки разных литературно-политических групп (Бак, Тоом, Кирилов, «Литфронт»).

«Штурму», активному организатору областного слета рабочих литкружков; «Штурму», активному участнику перестройки и призыва рабочих-ударников в литературу; кружку «Штурм», взявшему подшефному знамя соцсоревнования между литкружками, — боевой напостовский привет!

СЕКРЕТАРИАТ МАПП

ИСТОРИЯ „ШТУРМА"

Ему — год, но силами он может поменяться с любым литкружком. Когда МАПП распустил районные кружки, оставшийся на «Штурме», — его решили оставить. Когда МАПП в своей резолюции осудил «Литфронт», признав его фракционным блоком, «Штурм» первым из всех кружков поддержал решение МАПП.

Основной состав «Штурма» — рабочие с производства (35 человек). Штурмовцы тоже на предприятиях в стенном, боевом, эстрадном, участием в стенных газетах, бегают за показателями профдвижения. Когда пятался призыв ударников в литературу, литкружковцы стали появляться на всех предприятиях и во время обеденных перерывов, на субботниках, на собраниях, — везде, где можно кучку рабочих, — читали стихи и агитировали за призыв ударников в литературу. Организовали кружки на Трехгорной мануфактуре и других предприятиях Красной Пресни. «Штурм», как кружок повышенного типа, взял шефство над низовыми кружками Красной Пресни. Шефство выражается в выездах на предприятия, где проводятся занятия сразу с двумя-тремя кружками.

История «Штурма» небольшая. Он создан был при Доме комсомола Красной Пресни в начале 1930 г. Пережил several руководителей: Санникова, Казина, Гусева и других, вплоть до Бела, Тоом, которые проходили с разными попытками вести элементы фракционности в кружок. По «Штурм» независимая цель их прихода и легко освободился от таких руководителей. Кружок шагает. Его путь — путь производства, соединенный с теоретической учебой, путь борьбы за генеральную линию МАПП, за платформу пролетарской литературы. Это определило продвижение кружковцев. Если раньше кружковцы приходили с темами о «любвях», с «милыми куплями», с меняющимися схемами, то теперь продукция переродилась в актуальную тематику, связанную с соцсоревнованием, с ударничеством, с борьбой за темпы, с тематикой сегодняшнего дня. Выпущен сборник «Смена», литгазетка «Рабочей газеты», готовится к печати альманах.

19 января кружок проведет в Доме комсомола вечерний вечер и совместно с низовыми кружками наметит путь дальнейшей работы, движения вперед.

Е. Ц.

ПО ПЛАНУ ГОЭЛРО

из поэмы

...Захороненная в лесах
Таежных пут,
Истаскалась Ангара
По подрогшим скалам
В бураньем реве
Оплевывала Иркутск
Ожиревшая
Мощностью Байкала.

Набатом бьют
«ДОГНАТЬ И ПЕРЕГНАТЬ».
...Днепрострой
Пятилетку мостит.
А здесь,
В тайге,
Ангарьи берега
Стране дадут
Невиданные мощности.

Затянет мостами,
Не не держит быстрина,
А дни кричат:
«Довольно течь
В простое!
Сегодня мощная
Турбинная стена
Войдет и загремит
АНГАРОСТРОЕМ!

Сегодня шеф придет
Он выставит жерло
На бой с Байкалом
Прорывать перу.
Пора. Пора.
По плану ГОЭЛРО
Поймать
«Двенадцать
днепростроев» —
Ангару.

ЕР. ЦИГАЛЬНИЦКИЙ
(Литкружок «Штурм»)

КАК РАБОТАЮТ КРУЖКИ

В ОРЕХОВО-ЗУЕВЕ

Орехово-Зуевская АПП к настоящему времени имеет пять вновь организованных рабочих литкружков. Привязано к пролетлитературе по городу и району более 100 рабочих-текстильщиков.

ОЗАПП совместно с «Молодгвардией» и Подпрофсоветом обязала эти очень организованных кружков литературных конкурс на темы: **борьба за промфинплан, организация ударных бригад, история фабрики, реконструкция в быту.**

ОЗАПП, в результате призыва, стала действительно пролетарской боевой организацией. Удельный вес Ассоциации в городе сильно вырос.

Секретарит ОЗАПП, немобилизованный рабочими-текстильщиками, сосредоточивает почти все силы на закреплении рабочих литкружков. Хорошо поставленная учебно-творческая работа кружков на предприятии — лучший залог, что кружок не перерастет будет втягивать в себя все более и более пятилетие слои рабочих.

Кружок на стебельно-красильной фабрике (ОЗЛФ) провел уже четыре занятия: были обсуждены программы РАПП, проведена беседа на тему **«Задачи литкружка на предприятии»**, обсуждался брошюру рабочего-автора Святенко «Старый и новый мастер». Брошюра вызвала глубокий интерес кружковцев. Кружок поставил послать т. Святенко коллективный отзыв о его книжке с просьбой отвлать кружку, как он, т. Святенко, работал над брошюрой и что ему помогло в этой работе.

Таким образом, налаживаются живые взаимоотношения с рабочими писателей со своими темами по работе и на литучебе.

Брошюра т. Святенко многих рабочих воодушевила на участие в конкурсе, объявленном ОЗАПП.

Н. К.

НА СЕКРЕТАРИАТЕ ФОСП

ОСУЩЕСТВИТЬ ПОДЛИННОЕ ШЕФСТВО

МЕЖДУ ЗАВОДАМИ И ЛИТОРГАНИЗАЦИЯМИ

Расширенный секретариат ФОСП при участии белорусских пролетарских писателей обсудил вопрос о шефстве над литературным фронтом Белоруссии.

— В 1926 году была создана ВУСПП. Только после укрепления организации пролетписателей, можно было поставить вопрос о создании федерации советских писателей Украины — ФОПУ — говорит т. **Пилипенко**. — Но и весь 1930 г. ФОПУ фактически практической работы не развернул. Аппарат ФОПУ конструируется только сейчас.

На Украине имеется и литорганизации. Основателями ФОПУ являются — ВУСПП, «Пролитфронт», «Молодняк», «Плуг». Кроме того, в Федерацию входят — литгруппа «Нова Генерация» (ЛЕФ), почти уже распавшаяся и называющая себя теперь «Организация пролетписателей Украины» (ОПУ), литгруппа «Западная Украина» и недавно возникшая на Украине организация «Группа А» — объединение писателей, включившее в свой состав и инженеров-изобретателей, называющее себя группой левой технической интеллигенции и, наконец, УкрЛОЦАФ (ЛОКАФ Украины). В Киеве имеется объединение русских писателей «Коммуна», ведущее переговоры о вступлении в ФОПУ.

Центром ФОПУ является Харьков. В ближайшее время намечено организовать отделения ФОПУ в Киеве и Одессе. Вся основная работа ФОПУ до последнего времени производилась через местечки писателей и «Дочь литературы», существующие в этих городах. С 20 декабря 1930 г. в Харькове начал выходить орган ФОПУ — «Литературная газета». Кроме того издаются журналы: «Червоный шлях» (Харьков), «Жизнь и революция» (в Киеве) и «Металлические дни» (в Одессе).

ФОСП РСФСР, совместно с представителями ФОСП Украины и издательствами, разработают план переводов новейших произведений украинских и русских писателей.

ФОСП РСФСР и Украины постановили заключить договор на социалистическое соревнование.

Секретарь БелАПП т. Лимановский осветил положение на фронте белорусской литературы и возможности создания ФОСП в БССР.

— В настоящее время позиции БелАПП укрепились и имеются все предпосылки для создания ФОСП Белоруссии.

Тов. **Коннектин** (БелАПП) отметил, что организация ФОСП в Белорусской ССР необходима для установления единого фронта в белорусской литературе.

Дифференциация писателей Белоруссии, с одной стороны, и укрепление ведущей роли БелАПП — с другой, а также рост литературного движения в Белоруссии и идущие новые кадры писателей, — отмечает в своем постановлении секретариат ФОСП, — создают необходимые предпосылки для организации Федерации советских писателей в Белоруссии. ФОСП РСФСР совместно с ФОСП УССР должны создать общую комиссию содействия организации ФОСП Белоруссии. Комиссия в ближайшее время должна приступить к работе и выехать в БССР. Одновременно необходимо оказать самое широкое содействие созданию Федерации писателей в Закавказьи и других союзных республиках, имея в виду в конечном итоге — создание Всесоюзного объединения советских писателей.

т. Г. **Коренев**. На писательских организаций на первое обращение рабочих завода Ильича пока откликнулся только РАПП. Некоторые достижения в этой области имеются и у ВОКП. Остальные литорганизации и ФОСП в целом пока практически слабо реализовали обращение рабочих завода Ильича о шефстве и еще полностью не перестроились в соответствии с задачами реконструктивного периода. ФОСП решило помочь в работе своих руководящих органов рабочих завода. Но это не удалось провести, так как и рабочие не выполнили своих обязательств по шефству.

Выступавшие в прениях на заседании расширенного секретариата ФОСП т. т. **Тарасов-Родионов, Конюктин (БелАПП), С. Городецкий, Смирнов (Ленотдел ФОСП), И. Гильярди** и др. отметили большое политическое значение второго обращения рабочих завода им. Владимира Ильича, которое ставит задачу — усилить писательскую работу с заданиями 3 года пятилетки. Уже ряд писателей прикреплен и работает на крупнейших заводах. Правда, этого далеко не достаточно в деле реализации шефства со стороны ФОСП, но и шефрабочие завода Ильича еще не включились в общую работу ФОСП.

Тов. **Павлов** (ГИХЛ) предложил ФОСП совместно с ГИХЛ провести в ближайшее время слет писателей, рабочих-литударников и издательских работников для разрешения ряда вопросов в деле создания и продвижения массовой книги.

Тов. Г. **Коренев** зачитал проект ответа ФОСП на второе обращение рабочих завода им. Владимира Ильича. Ответ, отвечающий значению расширенным секретариатом ФОСП, будет опубликован в ближ. номере «Литгазеты».

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ФРОНТЫ БРАТСКИХ РЕСПУБЛИК

Секретариат ФОСП заслушал информационные доклады представителей Украинской федерации советских писателей и БелАПП о положении на литературном фронте Украины и Белоруссии.

— В 1926 году была создана ВУСПП. Только после укрепления организации пролетписателей, можно было поставить вопрос о создании федерации объединений советских писателей Украины — ФОПУ — говорит т. **Пилипенко**. — Но и весь 1930 г. ФОПУ фактически практической работы не развернул. Аппарат ФОПУ конструируется только сейчас.

На Украине имеется и литорганизаций. Основателями ФОПУ являются — ВУСПП, «Пролитфронт», «Молодняк», «Плуг». Кроме того, в Федерацию входят — литгруппа «Нова Генерация» (ЛЕФ), почти уже распавшаяся и называющая себя теперь «Организация пролетписателей Украины» (ОПУ), литгруппа «Западная Украина» и недавно возникшая на Украине организация «Группа А» — объединение писателей, включившее в свой состав и инженеров-изобретателей, называющее себя группой левой технической интеллигенции и, наконец, УкрЛОЦАФ (ЛОКАФ Украины). В Киеве имеется объединение русских писателей «Коммуна», ведущее переговоры о вступлении в ФОПУ.

Центром ФОПУ является Харьков. В ближайшее время намечено организовать отделения ФОПУ в Киеве и Одессе. Вся основная работа ФОПУ до последнего времени производилась через местечки писателей и «Дочь литературы», существующие в этих городах. С 20 декабря 1930 г. в Харькове начал выходить орган ФОПУ — «Литературная газета». Кроме того издаются журналы: «Червоный шлях» (Харьков), «Жизнь и революция» (в Киеве) и «Металлические дни» (в Одессе).

ФОСП РСФСР, совместно с представителями ФОСП Украины и издательствами, разработают план переводов новейших произведений украинских и русских писателей.

ФОСП РСФСР и Украины постановили заключить договор на социалистическое соревнование.

Секретарь БелАПП т. Лимановский осветил положение на фронте белорусской литературы и возможности создания ФОСП в БССР.

— В настоящее время позиции БелАПП укрепились и имеются все предпосылки для создания ФОСП Белоруссии.

Тов. **Коннектин** (БелАПП) отметил, что организация ФОСП в Белорусской ССР необходима для установления единого фронта в белорусской литературе.

Дифференциация писателей Белоруссии, с одной стороны, и укрепление ведущей роли БелАПП — с другой, а также рост литературного движения в Белоруссии и идущие новые кадры писателей, — отмечает в своем постановлении секретариат ФОСП, — создают необходимые предпосылки для организации Федерации советских писателей в Белоруссии. ФОСП РСФСР совместно с ФОСП УССР должны создать общую комиссию содействия организации ФОСП Белоруссии. Комиссия в ближайшее время должна приступить к работе и выехать в БССР. Одновременно необходимо оказать самое широкое содействие созданию Федерации писателей в Закавказьи и других союзных республиках, имея в виду в конечном итоге — создание Всесоюзного объединения советских писателей.

Рабочий Путиловского завода тов. Каупов читает свое первое литературное произведение среди членов Ленинградской ассоциации писателей в доме печати

БРИГАДА РАПП В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Письмо из Новосибирска

РАПП совместно с ГИХЛ и издательством ВЦИКС командировал в промышленные районы 21 писателя с тем, чтобы они организовали проведение призыва ударников в литературу. С бригадами выехали тт.: М. Голодный, М. Шагинян, Ник. Богданов, И. Рахилло, В. Гусев и др.

Мобилизация писателей специальным корреспондентом тов. Виктор Гусев, выехал с бригадой на Кузнецкстрой (Кузбасс).

*

На Кузнецкстрое в результате призыва создано 2 литкружка, которые плохо работают. Они взяли на буксир Прокопьевск, в котором призыв по существу проводен не был. В бригаду РАПП включен один секретариата Запсиб АПП тов. Г. Павлов.

3 января было проведено общее собрание Новосибирской АПП. Тов. Гиршлякович выступал с сообщением о ходе призыва, отметил, что после первых успехов (организация литкружка на «Сибкомбайне» и т. д.) работа по призыву в Новосибирске сильно ослабла.

Затем ваш корреспондент сделал доклад об опыте призыва в МАПП. По докладу принята резолюция, в которой намечены конкретные меры для развертывания призыва по Новосибирску: установлен ряд контрольных точек призыва, и вся организация объединена мобилизационной; решено взять на буксир Анжеро-Судженскую АПП (Кузбасс).

В Запсиб ЛОКАФ входит 25 человек. Проведен призыв ударников-красноармейцев в литературу, в результате которого в красноармейских частях Новосибирска создано 3 кружка.

Имеются кружки ЛОКАФ в городах: Томске и Омске. Созданы орбюро имеющие недостатки: полное отсутствие руководства со стороны Центрального совета ЛОКАФ. Необходимы программы, без них не могут работать кружки, а программы РАПП никого не удовлетворяют. Необходим обмен опытом.

ВИКТОР ГУСЕВ

Новосибирск.

ЛИТРАБОТА НА РУДНИКЕ

На руднике им. Кагановича, насчитывается около 1.600 шахтеров. До сих пор на руднике не велось никакой литературной работы. В связи с призывом рабочих-ударников в литературу по инициативе самих ударников здесь организован литературный кружок.

Пока литкружок «Ударник» сегодня еще не носит массового характера; в нем числится лишь 15 шахтеров. Но за время своей трехмесячной работы «Ударник» имеет уже ряд достижений. Литкружок своими силами регулярно выпускает литературно-художественный журнал «Ударник», отпечатанный на пишущей машинке. Выпущены 3 номера журнала.

Конечно, рабочие еще недостаточно грамотны, пишут слабо, но материал очень интересен по содержанию. Дальнейшая работа в литкружках, коллективная обработка материала научит кружковцев литературному письму. И тогда ударными кадрами мы пополним ряды писателей, строящих пролетарскую литературу. П. ОКСАРИЧЕНКО

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРИЗЫВ НА СЕЛЕ

На призыв Центрального совета ВОКП в ряде совхозов и колхозов ударники организовали литкружки при стенгазетах и библиотеках. В совхозе «Хуторок» (Северный Кавказ) литкружок издает свою совхозную газету. Литударники совхоза «Хуторок» работают в окрестных селах, уже ведется большое плановое колхозное и культурное строительство.

В совхозе «КИМ» и колхозе «Коммунар» создан объединенный литкружок. Сельхозрабочие и колхозники занялись литучебой, чтобы итти в литературу подготовленными в политически, и технически.

Чтобы литкружки были жизненными, ЦС ВОКП необходимо закрепить организаторов на длительный срок в тех совхозах и колхозах, где литучеба уже началась.

ПЕТР ЛЬВОВ

ОБЗОР ПЕЧАТИ

ПРОЖЕКТОРА И ХРОНИКИ

— «Комсомольская правда» 3 января сообщила о приезде в Москву 17 белорусских писателей литературного объединения «Пелаг» с польской и европейской секциями «Полымя» и «Узвышша» (заметка перепечатана из «Известий»).

— «Вечерняя Москва» 3 января поместила портреты белорусских писателей Платона-Головача и В. Ташневского, зачисленного, кстати, редакцией в члены БелАПП.

В «Литературной газете» также было упомянуто о реакционном белорусском писателе Изе Крушинском.

Описки?

Опечатки?

— Конечно, не «Пелаг», а БелАПП; конечно, «Полымя» и «Узвышша» не «европейские» (?) секции, а пролетарские литорганизации в БССР.

— Конечно, не Платон-Головач, а Платон Головач и В. Ташневский — писатель, в БелАПП не входящий.

— Конечно, «Язь Крушинский» — название романа.

И, конечно, если все это — описки, то описок не случайные. Это — иллюстрации того, что наша массовая печать недостаточно осведомлена, слабо ориентируется в вопросах литературы народов СССР.

Ликвидировать нашу малограмотность в области национальной культуры народов СССР, продемонстрировать социалистические успехи во всех областях хозяйственного и культурного строительства советской Белоруссии входило в задачи закончившейся «недели советской Белоруссии».

В Москву, в составе белорусской делегации, приехала крупнейшие пролетарские и советские писатели, критики, лучшие артистические силы БССР. Они выступали с докладами, с чтиком произведений, с театральными постановками, кинофильмами, концертными номерами на площадках в рабочих клубах, в театрах. Печать должна была оказаться мощным рупором, который разнес бы голоса докладчиков, писателей и артистов с московских подмостков по всему Союзу советов. Печать должна была семь белорусских дней в Москве превратить во всесоюзный смотр белорусских отрядов армии культурной революции, армии культурного наступления; превратить «неделю» во всесоюзную демонстрацию великолепных иллюстраций ленинской национальной политики партии.

Справилась ли наша печать с этой ответственной ролью в «неделе»?

Ответ дают декабрьские и январские номера газет: «Правда», «Известия», «Комсомольская правда», «Рабочая газета», «Труд», «За коммунистическое просвещение», «Рабочая Москва», «Вечерняя Москва», «Голос текстилей», «Сельхозрабочий».

Просмотрим комплекты.

Из всех газет только «Правда» и «Известия» наиболее внимательно отнеслись к «неделе советской Белоруссии». «Правда» еще в конце декабря поместила подвальную статью Я. Секерской, В. Сербента и З. Поташа (Минск) «О белорусском национал-демократизме на литературном фронте БССР». В январе газета дает ряд статей руководящих работников БССР, беседы, информацию и т. д. К сожалению, вопросы белорусской литературы и искусства еще не нашли отражения на страницах «Правды».

«Известия», пропитанные БССР, в день приезда делегации целую страницу, дали среди прочего материала и статью А. Сенкевича «Классовая борьба в белорусской литературе». (Остальные положения этой статьи были изложены А. Сенкевичем в «Литгазете» от 24 декабря 1930 г., в статье «В борьбе за пролетарскую литературу Белоруссии»). В следующих номерах «Известия» поместили несколько статей (в том числе и о белорусском театре), заметок, отчетов о вечерах.

Но если со счетов общественной оценки снять материалы двух центральных газет, в остатке ничего значительного мы не найдем.

Газеты бюрократически отписались от политических заданий «недели советской Белоруссии». Отписались хроникой, зарисовкой, стишком.

Даже в боевой и всегда изобретательной «Комсомольской правде», газете, активно участвующей в литературной жизни, — мы не нашли ничего более, чем скупые строчки официальной информации. «Рабочая газета» приветствовала открытие «недели» своей первой страницей. В ней было напечатано обращение представителей белорусской промалы и заметка рабкоров советской Белоруссии. Но далеко «Рабочая газета» вскрыла на «интернациональной доле» хроники. Хроника на последней странице ограничилась и «Рабочая Москва».

«Труд» 4 января поместил отчет о торжественном открытии «недели» в Комакадемии и только перед «закрытием», 8 января, под рубрикой «Декада Белоруссии» дал отзыв о вечерах в ФОСП и возьском клубе, телеграммы о «неделе комсомола БССР» и делегации Витебской автономной области, хотя как будто последние два события с «внешней Белоруссии» никак не связаны. «Сельхозрабочий» ни строчкой не обмолвился о «неделе».

«Голос текстилей» в горячке «недели» дал подборку с «иголкой», в которой между прочим говорилось:

«1 января 1919 г. образована БССР, 3 января началась «неделя советской Белоруссии».

Предоставляем читателям догадываться: запоздала ли газета с информацией на несколько дней или... на 12 лет. «Голос текстилей» в редакционной статье уделяет парочку абзацев и белорусской культуре.

«Все культурное строительство советской Белоруссии проходило национальной белорусской культурой».

К сведению редакции «Голоса текстилей»: Все культурное строительство, вся национальная по форме культура советской Белоруссии трудящихся БССР в действительности пронизывается пролетарским, интернациональным содержанием; к буржуазно-национальной культуре, культуре не только национальной по форме, но и враждебной буржуазным национализмом, стремились контрреволюционные национал-демократы, сокрушаемые рабочим классом советской социалистической Белоруссии.

«Царское правительство, — говорится в той же статье, — запрещало белорусский язык. Национальной белорусской литературы не существовало. Но в советской Белоруссии все низшие и высшие школы ведутся на белорусском языке».

Каковы же судьбы национальной белорусской литературы в период диктатуры пролетариата, об этом редакция своим читателям не сообщает. И почему все школы «ведутся» на белорусском языке? А еврейские, польские школы? Основная загадка. И очень мало политической грамотности.

Пьяной, познакомимся с газетами «За коммунистическое просвещение» и «Вечерняя Москва». Эти газеты имеют постоянные отделы «Фронт литературы и искусства», «На фронте литературы и искусства». Но, увы, на фронтах в связи с «неделей» особенных перемен не произошло. «Звезда», кроме как сухим политическим грамотной передовой 3 января, честно печатала отчеты о театрах, напечатала и несколько обзорных статей (наркомпроса т. Платуна и др.), информационную статью о белорусском театре; «Вечерняя Москва» почетила две статейки о театре, статейку о кино. И на общей статье о белорусской литературе.

Читатели «Вечерней», «Звезды», «Комсомолки» и большинства московских газет знали: в Москву приехали белорусские писатели (имена писателей все же часто приводились и не в ложном виде), но не знали творчества белорусских писателей, не знали положения на фронте белорусской литературы.

Были освещающие прожектора на торжественных заседаниях.

Была слепая хроника о заседаниях.

Прожекторы погасли: «неделя» закончилась. И белорусская хроника исчезла с газетных страниц.

«Белорусская неделя» — звено крепкой и нестоящей интернациональной связи братских республик. Нашей печати надо исправить в ближайшие декады, месяцы, годы ошибки «недели».

Б. РЕСТ

НА ВТОРОМ РАСШИРЕННОМ ПЛЕНУМЕ ЦС ВОКП

За подъем всего пролетарско-колхозного литературного движения на высшую классовую ступень на основе решительной большевизации и повышения политического и творческого веса ВОКП

За идейную консолидацию пролетарско-колхозных писателей с основным ведущим отрядом советской литературы — РАПП

В предыдущем номере «Л. Г.» мы осветили открытие пленума ВОКП, на котором выступили с докладами тт. **И. Батрак** (ЦС ВОКП), **Бэндэ, Головач** (Белоруссия), **Пилипенко и Савченко** (Украина).

На следующих заседаниях пленум подвел итоги прениям по этим докладам. В заключение представитель Белоруссии тов. **Лимановский** охарактеризовал дореволюционную Белоруссию, которая стояла под пятой царской России.

— Позорный приход крестьянских писателей в литературу Белоруссии вызван капиталистическим развитием социально-экономических процессов в белорусской деревне, — говорит тов. Лимановский. — Но теперь кадры для белорусского объединения крестьянских писателей есть и БелАПП возьмет над ними руководство.

Тов. **Пилипенко** — представитель делегации крестьянских писателей Украины — считает, что писатели на фронт при призыве ударников в литературу должны быть сельскохозяйственные рабочие. Останавливаясь на вопросе о создании Всесоюзного объединения общества крестьянских писателей, т. Пилипенко заявил, что для создания такого объединения должны быть предварительно созданы республиканские организации с писсекциями.

Тов. **Симмен**, заключая прения вместо заболевшего тов. Батрака, заявил, что по широте затронутых проблем пленум очень важен и свидетельствует о полнокровности крестьянской литературы. Оценивая литературно-политическую линию ЦС ВОКП, т. Симмен находит ее в основном правильной, но считает, что ее надо активизировать. Нам надо усилить массовость работы, надо вести работу с попутчиками и добиться такого положения, когда при обсуждении основных литературно-политических вопросов никто бы не игнорировал выступление ВОКП и РАПП. Надо объединить все движение под общим знаменем коммунистической партии, — заключает тов. Симмен.

Большое внимание отдали пленум и тов. Сталин. Действительность требует от пролетарско-колхозного писателя овладения методом диалектического материализма, методом, вне которого нельзя объективно раскрыть современную действительность, — заключает т. Ревякин.

Содокладчицы тт. **Низовцева, Астахова, Беккер, Бойчевского, Красильникова, Федосеева, Мочалина и Богданова** по творческим вопросам подвели итоги истекшего литературного сезона. К сожалению, докладчики удалили больше внимания теоретическим вопросам и поделились с тов. Ревякиным, чем конкретной критике.

Тов. **Низовцов** останавливается на характеристике художественных образов.

— Герои Васильева, — говорит он, — несомненно, действенны и живут в наше время. Образы Пермитина произведены диалектикой. Образы Лесковского неубедительны потому, что втиснуты в заранее приготовленную схему.

Тов. **Астахов** дает оценку произведениям Чистякова, Яровой и Никитина. Выводы его доклада по совсем убедительны: герой Чистякова оторваны от действительности, Яровой дает газетные отчеты, а не художественные произведения, Никитин рисует внешне издержанного большевика с чуждой нам психологией.

М. Беккер дал оценку жанру очерка в крестьянской литературе.

В докладе тов. **Бойчевского** была дана оценка произведениям Ивинской, Дорогойченко и Дубина.

Б. Красильников дал краткие критические отзывы о «Левином доле» Замойского, оценивая его, как произведение социалистического жанра; о «Непокорном» Карпова, о «Чайной» Горбунова, о «Земле в плену» Брыкина, «Атаманщину» М. Алексеева т. Красильников расценивает, как крепкое пролетарское произведение.

Докладчица о крестьянской драме, т. Федосеев приходит к неутешительным выводам о том, что крестьянской драмы, за исключением трех—четырех вещей, еще нет.

Касаясь творчества начинающих писателей, т. Мочалин говорит, что они констатируют факты, не умея разобраться в них.

— На фронте детской литературы — прорыв, — говорит т. Богданов. — Туда идут все неудачники, реакционные силы, изгнанные из «большой» литературы. Писателям совместно с издательствами и рабочей общественностью надо создать детскую литературу, отвечающую задачам социалистического строительства. Эта работа уже начата. Крестьянским писателям надо принять в ней самое деятельное участие.

Творческая дискуссия закончилась заключительным словом тов. Ревякина.

— Мы только приступаем к разработке творческого метода, — заявил он. — Развертывая творческий метод, мы должны четко осознать, что правильность диалектико-материалистического метода проверяется практикой классовой борьбы. Он проверяется практикой социалистического строительства и генеральной линией партии.

— Наша дискуссия должна многое подчеркнуть из рапповской дискуссии, — заканчивает тов. Ревякин. — Мы должны основываться в творчестве и теоретическом опыте пролетарской литературы и работать в тесном контакте с научно-методологической секцией РАПП.

*

Итоги пленума подвел т. Батрак в своем заключительном слове.

— Наш пленум проходил в очень сложной обстановке, — сказал тов. Батрак. — и решал чрезвычайно важные вопросы. Нужно было подготовить переход нашей организации на новые рельсы, дать ей новое название. Призыв ударников был основным и центральным вопросом на пленуме. Если бы этот призыв не был проведен во-время, нашей организации грозил бы распад. Теперь заложен ее новый, крепкий фундамент.

— Только умелая максимум внимания призыву ударников в литературу, — заканчивает тов Батрак, — мы сможем выполнить задачи, которые ставит перед нами партия.

О. АФАНАСЬЕВА

ДНЕВНИК ПЛЕНУМА

● Пленум послал делегацию на Либерецкий завод для ликвидации очереди. В делегацию вошли тт. Кавалеров, Пермитин и представители от Ленинграда, Украины, Белоруссии и рабочих-ударников.

● Пленум послал приветствие ЦК ВКП(б).

● Пленум ЦС ВОКП постановил переименовать ВОКП во Всероссийскую организацию пролетарско-колхозных писателей (ВОПКП).

● На заключительном заседании пленум избрал новый секретариат ВОПКП, в который вошли тт.: Карпинский, Кавалеров, Батрак, Г. Корнев, М. Алексеев, Н. Анесов, Исаков (газета «Сельхозрабочий»), Жига, Егорашвили, Дорогойченко, Замойский, Карпов, Субботин, Завалишин, Корнев, Гаврилов, Брынин, Медведев, Михайлов (культпроп ЦК), Ревякин, Ильинский (Острогорский, представители РАПП и рабочих-ударников. Кандидаты тт. Зуев, Шульц, Румер, Киселев, Трусов, Гаврилин, Ильин, представители МОПР и представители рабочих-ударников.

● Генеральным секретарем ВОПКП утвержден тов. Батрак.

● В редколлегию журнала «Земля советская» вошли тт.: Карпов, Замойский, Дорогойченко, Карпинский, Симмен, Завалишин, Острогорский, Ревякин, Медведев, М. Алексеев, Брынин, ответственный редактор РАПП и один от украинцев.

■ В комитет по созданию Всесоюзного объединения организаций пролетарско-колхозных писателей выделены от украинских пролетарско-колхозных писателей «Плуг» — С. Пилипенко, А. Панов, Г. Фихтнер, от БелАПП — Батрак, А. Богданов, Егорашвили; от белорусских крестьянских писателей — Головач, Барашка, Барановых; ответственным секретарем оргкомитета избран т. Пилипенко.

● Рабочий секретариат ВОПКП избран в составе: тт. М. Алексеев, И. Батрака (отв. секретарь), А. Суботина (зам. секретарь), Егорашвили и Н. Симмена; кандидаты — Л. Ильинский и Г. Тарпан.

О ТВОРЧЕСКОМ МЕТОДЕ ТЕАТРА МЕЙЕРХОЛЬДА

ДИСКУССИЯ В ГАИС

Заканчивавшаяся в Секторе театроведения Государственной академии искусствоведения (ГАИС) дискуссия по докладу тов. **В. А. Павлова — О творческой методологии театра им. Мейерхольда** (отчет о докладе см. «Литературная газета» № 54) сыграла поистине исключительную роль в том смысле, что немедленно были вскрыты основные линии, преобладающие на театральном фронте различных буржуазных рецидивов — в роде формализма и механистического материализма. Кроме того, дискуссия дала и значительные практические уроки.

Наиболее показательный урок дает нам общественно-творческая и теоретическая деятельность самого Вс. Мейерхольда. В лице этого выдающегося мастера-революционера — первого, кто начал ожесточенную борьбу с аполитичностью в театре и смело повернул его лицом к революции, — мы видим в то же время пример, как неустойчиво оказывается творческая позиция художника, не имеющего законченной правильной марксистско-ленинской теоретической базы. Зазорничавшие формалистско-механистические влияния его творческой методологии сбивают на ложные позиции. Мейерхольд не преодолел еще «груза прошлого».

Положительным надо признать то, что Мейерхольд **решительно отмежевался** ,наконец, от своего прошлого (книга «О театре») и от своих недавних соратников — идеалистов и формалистов — Гвоздева, Монюшкого, А. Слонимского и др.—Дискуссия обнаружила, далее, отставание театральных практиков от достижений современной теоретической мысли.

*

Выступавшие в прениях конкретизировали основные положения доклада.

И. С. Туркельтауб развил вопрос о мейерхольдовском «традиционализме», констатируя формально-механистическое перемещение театра им. Мейерхольда приемов старых театров на новую сцену. На этой же теме подробно остановился **Н. Л. Бродский**, закрывший недостаточное понимание театром им. Мейерхольда классово-исторического содержания «театра масок».

Н. И. Челпанов развил положение докладчика о механистическом формально-эстетическом применении Мейерхольдом музыки в спектакле.

На механистичность ряда положений театра им. Мейерхольда указывали тт. **Звильеличинская, Гурштейн** и **Г. Лелевич**, который кроме того, отметил генеральную линию театра им. Мейерхольда в революцию в постановках «Земля дыбом», «Рычи Китай» и «Выстрел».

О наличии в творческой концепции Мейерхольда рецидивов его буржуазного прошлого напомнил тов. **А. А. Зарухи**, приведший ряд мыслей Мейерхольда, высказанных им до революции, и сопоставивший их с отдельными моментами его нынешнего творчества, в котором «старые» идеи все еще имеют свое отражение, а частности—элементы мистико-символического театра.

С. И. Амагобели, отмечая большие заслуги театра им. Мейерхольда в процессе формирования революционного театра, в то же время подробно остановился на формалистическом понимании этим театром проблемы спецификации конструктивизма с техницизмом.

Об ошибках и буржуазных отголосках в творческой концепции Мейерхольда говорил и тов. **Р. Пельше**. Речь его в целом была главным образом направлена на подчеркивание положительных моментов творческой деятельности театра им. Мейерхольда.

Рабочие тт.т. **Яковлев** и **Карец**, которых дискуссия не допустила фигуры, сказали ряд ценных замечаний для современности работ театра им. Мейерхольда. Они подчеркнули важность и своевременность развернувшейся дискуссии без всякой самокритики.

— Нам кажется, — сказали они, — чтобы были исправлены ошибки театра, который, несмотря на свою близость к революции, все еще со многим не идет вместе с нами.

Вс. Мейерхольд выступил четыре раза с обширнейшими речами. Однако, в многочасовых своих речах он обнаружил недопустимую опасность допущенных им ошибок. Он то оправдывался от них, то вновь отрицал. Традиционализм, «театр масок», конструктивизм и проблема формы и содержания в основном все еще не получают у него правильного разрешения. Интереснейшие практические опыты Мейерхольда являются поэтому той методологической застрахованностью, которая делала бы их объективно ценными, кажутся субъективно тем, чем кажутся самому Мейерхольду.

В заключительной речи докладчик т. В. А. Павлов остановился на вопросе о понимании театра им. Мейерхольда проблемы формы и содержания. Примерами он иллюстрировал наличие в тимозной концепции мотивов эклектизма (например,—в переоценке значения формы и технических приемов, доходящей до самодовлеющего противопоставления содержанию) и стремления рассматривать искусство, как «особенное» содержание. Напомнив о письме Энгельса к Мерингу, докладчик считает, что настало время, когда надо рассматривать и творить искусство, как конкретную художественную диалектику соответствующей общественной практики. Если театр им. Мейерхольда хочет и дальше быть на передовых позициях, —заключил докладчик, — он должен творить новые художественные формы, как определенные социальные функции, на основе объединения содержания и бережного сохранения с ним формы.

Закрывая дискуссию, председатель Сектора театроведения ГАИС тов. **С. И. Амагобели** суммировал предпринятую работу. Отмечая большие заслуги театра им. Мейерхольда, он считает, что в театре им. Мейерхольда, отображении революционный пафос в период военного коммунизма, уже в восстановительном периоде наметились механистические тенденции, особенно ярко обнаружившиеся в периоде реконструктивном.

Задача театра заключается в преодолении всех противоречий — через самокритику, в интимной увязке своей работы с театроведами-марксистами и с представителями драматургии, на базе РАПП, а также в освобождении своего творчества от односторонности биомеханики, как основного источника механистичности в системе им. Мейерхольда.

ОТ РЕДАКЦИИ.

Редакция приглашает тов. Мейерхольда высказаться на страницах «Литературы» по тем вопросам, которые были поставлены на дискуссии о театре им. Мейерхольда в ГАИС.

1905 ГОД НА МОСКОВСКИХ СЦЕНАХ

ЮБИЛЕЙНЫЙ СПЕКТАКЛЬ ТЕАТРА им. МОСПС

К. Гандурин, автор пьесы «1905 год», показанной в Театре им. МОСПС, не дает объяснения, стержнем каждого, кто хочет сочетать художественный показ исторических событий с их обобщением и публицистической оценкой. Это не беспристрастная **метрическая хроника** и не **патетическая ода**, воспевающая героев. По жанру — это сочетание **исторической мелодрамы** с современным сценическим конферансом, воплощенном в фигуре **«ведущего»**. В пьесе т. Гандурина этот ведущий возникает перед зрителем — на помосте в средине зала. Он вводит зрителя в смысл событий 1905 года и исчезает. Но это только театральный обман. В действительности он присутствует в продолжении всего спектакля, но только его функции переходят к самому автору, **комментирующему события**, развертывающиеся на сцене не монологами и обращениями в публику, и тем «профессором расстояния», который оценивает 1905 год с точки зрения года 1930. Это дает пьесе исторический воздух, перспективу **и протягивает живые нити между тогдашними событиями и современной эпохой**, вкладывая смысл ленинских слов «о генеральной репетиции».

Драматург смотрит на эти события с вершины 1917-1930 гг. Вот почему в его характеристике врожденных революционных сил — губернатора, капиталиста, приставов, полицмейстеров — так много **презрения, а не гнева**; по отношению же к городовым — так много веселой иронии. Именно так смотрит **победитель**, для которого все эти когда-то живые враги превратились в кость истории. Отсюда же и несколько **хулиганящееся** отношение к революционерам — отношение умудренного опытом старого политического бойца, вспоминающего свою молодость... Здорово дрались тогда, черт возьми, но то ли дело в семнадцатом!..

И все же, несмотря на эту перспективу времен, типические черты 1905 года выявлены в пьесе достаточно четко, несколько поверхностным, но воздействующим приемами изображения. Экономическая стачка, переходящая в политическую, испуг и растерянность властей, рост влияния партии и рабочего авангарда на рабочую и крестьянскую массу, предательский расстрел манифестирующей толпы, формирование боевых дружин — все эти эпизоды проходят перед зрителем статными кричными сюжетным парадом.

Но есть и крупные недочеты в пьесе. Схематична сцена совещания фабрикантов у губернатора. Статична сцена подпольной типографии, а сами полицейские не выявлены в характерах, в образе. Центральная сцена на фабрике — в момент стачки — загружена «переживаниями» фабриканта Коноплева и медленно раскручивается в действии. Пролог и эпилог слишком газетны, митинговы.

Поставлена пьеса Б. О. Любимовым-Ланским в той манере бытовизма, которая, вопреки намерениям режиссуры, не обобщает событий пьесы, а их разрабатывает на мелкие жанровые эпизоды. В сцене стачки режиссура не только не помогла автору вытянуть его ошибку, но дала ложное впечатление о нерешительности рабочих и испуге их перед хозяином. В установке художника Цапока нет стиля, целеустремленности, метода. **Это та смесь натурализма и условности, которая не дает ни подлинной фактуры материала, ни удобной площадки для построения мизансцен, ни трансформации отдельных частей для быстрой смены действия.**

Прекрасно играет **Вакин** молодого рабочего Костылева — естественно, правдиво, без аффектаций, напряженно, на хорошей манере художественного реализма. Героизм здесь преломлен несколько юмор и получается очень живой, теплый, полнокровный образ. Радует и артист **Отрадинский** — в роли городового Сучкова. Авторская ирония взяла удачное воплощение в фигуре толстого глуповатого и трусливого российского «полисмена», высмеиваемого на языках всех народов. Отрадинский прекрасно нашел природу этого образа.

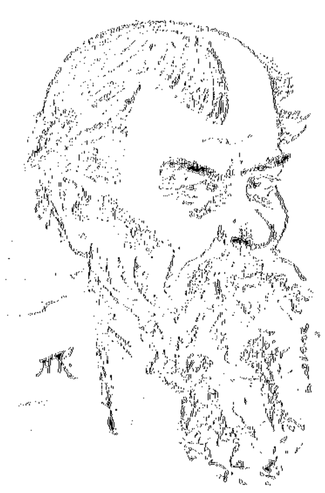
В очень остром, отточенном и злом рисунке ведет роль полицмейстера артист **Далидовский**. Несколько смягчает фигуру фабриканта артист **Дорошевич**. Из остального состава запоминаются **Бахметьев, Звягинцева, Демонтьева**, развернувшие свои роли — на очень небольшом материале — в рельефные образы.

М. ЗАГОРСКИЙ

Рисунок К. Костомолоцкого

Полицмейстер — Далидовский, губернатор — Петин, пристав — Болховской

Рисунок К. Костомолоцкого



Фабрикант Коноплев — А. Дорошевич

Театральное совещание РАПП

Российская ассоциация пролетарских писателей открывает широкую творческую дискуссию о драматургии и театре. Началом этой дискуссии явится назначенное на 25 января производственно-театральное совещание РАПП, в котором, помимо основных рапповских литературных и драматургических сил, примут участие: Сектор искусств Наркомпроса, Центральный комитет Рабиса, Всерокомдрам, Комакадемия, Государственная академия искусствознания, творческое объединение «Пролетарский театр» и представители центральной общественности и критики.

Основной доклад — о состоянии современной драматургии и задачах РАПП сделает С. С. Динамов. Затем последуют доклады А. Афиногенова, Вс. Мейерхольда, А. Таирова, И. Шарова и Н. Соколовского на тему о творческом методе пролетарского театра.

Ленинская выставка Гаис

Государственная академия искусствознания организует в помещении государственного Музея изящных искусств выставку на тему **«Ленин в изобразительном искусстве»**, которая будет открыта к ленинским дням. На ней будут показаны хранящиеся в московских и местных музеях произведения станковой живописи, графики и скульптуры, отражающие облик В. И. Ленина. На выставке будут экспонированы также отдельные предметы художественной промышленности (текстиль, фарфор и т. п.) с изображением В. И. Ленина. Разделы — Ленин в творчестве национальностей СССР и в творчестве детей, а также в плакате, в лубке — также найдут свое место на выставке.

ЧЛЕНАМ ФОСП'а, УДАРНИКАМ, ЛИТКРУЖКАМ

Редакционная коллегия альманаха ФОСП сообщает, что материал для альманаха поступает в нужном количестве. Рукописи получаются из разных концов Союза—из Орла, Ленинграда, Самарканда, Донбасса, городов Сибири.

Однако, от **ударников, красноармейцев** и особенно **колхозников** материал поступает в недостаточном количестве, и редакционная коллегия просит этих авторов будущих участников альманаха поторопиться с присылом рукописей.

Просьба ко всем членам ФОСП, фабрично-заводским, красноармейским и колхозным литкружкам энергично этому содействовать.

Адрес: Издательство «Федерация», Москва, Центр, Пл. Свердлова, Копьевский пер., 8. На конвертах надписывать: «Для альманаха ФОСП».

КОНКУРС НА ДЕТСКУЮ АНТИРЕЛИГИОЗНУЮ ПЬЕСУ ПРОДЛЕН

В конце октября прошлого года был объявлен **конкурс на детскую антирелигиозную пьесу отдельно для городской сцены и отдельно для сельской школы. Пьесы будут** смотреться рейгами: играть не будут сами авторы; оформление не может быть сложным.

В пьесе надо показать, с одной стороны, вред религии для дела коммунистического воспитания детей и сознательного гражданства, с другой—ту большую работу, какую проводят наши юные безбожники в борьбе против религии.

Детских антирелигиозных пьес почти нет. Этот недостаток должен заполнить конкурс. Вполне естественно, что конкурс вызвал большой интерес со стороны писателей. В жюри конкурса поступило много писем с просьбой о продлении срока конкурса. Жюри нашло возможным удовлетворить эти просьбы и удлинает срок представления рукописей до 20 февраля.

Работа по рецензированию пьес будет начата теперь же, чтобы ускорить конкурсную работу жюри по присуждению премий.

Условия конкурса были опубликованы в «Известиях» от 17 октября, в газете «За коммунистическое просвещение» от 17 октября, в «Вечерней Москве» № 66 от 20 октября и в журнале «Красная нива» от 10 ноября.

ЛЕЧЕБНАЯ ПОМОЩЬ ПИСАТЕЛЮ

На последнем заседании президиума Литфонда был заслушан доклад т. **С. Беляева** о работе организованного с 1 октября сектора профлечебной помощи. К обслуживанию писателей привлечен ряд врачей-специалистов. На дому помощь на дому заболевшим писателям в экстренных случаях. Имеются договорные отношения с рядом лечучреждений о предоставлении членам ЛФ льготного лечения. В кабинете санкультуры клуба ФОСП регулярно работает врачебная консультация ЛФ, начало первичное диспансерное обследование членов ЛФ. Намечена организация Дома творчества ЛФ в Зеленом городе и сезонное дома отдыха. Московские рейдеранты предоставили ЛФ льготные условия в районных диастоловых.

В секторе лечебной помощи ЛФ в настоящее время работают, в общественном порядке следующие врачи: Аяекевидр, Н. Беляев, В. Винников, А. Дудор, И. Казанский и М. Савичева.

Приемные часы в лечебной консультации ЛФ: 10—12 ч. утра по 5, 9, 13, 19, 23 и 29 числам в клубе ФОСП.

ОБЩЕЕ СОБРАНИЕ ВССП

17 января 1931 г. — в 1½ ч. — в Доме Герцена состоится общее собрание членов ВССП. В случае неприбытия к указанному часу законного числа членов, **на 19 ч. назначается вторичное собрание, действительное при любом числе присутствующих.**— Порядок дня объявлен в повестках.

КАЛЕНДАРЬ РАБОТЫ КЛУБА ФОСП

14 ЯНВАРЯ — 20 ч. Концерт В постановке Баха и Моцарт. Участвуют артист Ак. Б. Фаминцын, проф. Д. Ф. Николаевский, Н. И. Фаминцына и начинающий концертант Игумнов. Вступительное слово—И. А. Аксенов. 19 ч. МАШП. Производственное совещание одного из отделов.

15 ЯНВАРЯ— 12 ч. Комсомольский семинар Всероскомдрама. 19 ч. Кружок чтения Джека Лондона. Участвуют артист Ак. Б. Фаминцын. Руководитель Д. Ревм. 19 ч. Производственное совещание отделения МАШП. 20 ч. 30 м. «Перчатка».

16 ЯНВАРЯ — 20 ч. Доклад Р. Пикеля «Южная Америка и 30-м году». 19 ч. Творческая секция МАШП. 19 ч. Кружок переплетчиков. Руководитель Д. Ревм. 18 ч. Кружок стереотипов. Руководитель Шершевский. 19 ч. Красный уголок.

17 ЯНВАРЯ — 20 ч. Вечер чтения с участием А. Шварца. «Молодая гвардия» (комсомольцы, пионеры). «Чудотворец» Ленина (Ленин и дети). 20 ч. Комсомольский семинар Всероскомдрама. 20 ч. «Никитинские субботники».

18 ЯНВАРЯ — 20 ч. Вечер творческой дискуссии. Ц. А. Цявловская читает доклад на тему: «Пушкин и Гоголь». 18 ч. Общее собрание ячейки пролетарских писателей. 19 ч. Третье творческое совещание МАШП. Доклад Е. Тростина о поэтической тематике — пролетарской поэзии. 20 ч. Шахматный кружок. Начало шахматно-шашечного турнира.

ИЗВЕЩЕНИЯ

❖ **14 ЯНВАРЯ**-19 ч. в Дворцовом зале клуба «Молодая Гвардия» (Новая пл., 6/7) —расширенное заседание редколлегии детского сектора. Доклад о детской литературе. Докладчики — представители РАПП, МАПП, ВОКП, художники, писатели и все работающие в области детской книги.

❖ **14 ЯНВАРЯ**—18 ч.—клуб ФОСП—собрание СРЗ. Доклады—т. Заславского «О массовой работе ГСДа и т. Михайлова.

❖ **15 ЯНВАРЯ**-19 ч. **литобеседование в «Кузнице»** (Арбатский б., 25). А. Новиченков читает отрывки из романа «Металлургия».

❖ **15 ЯНВАРЯ**-19 ч.-в клубе ФОСП на общем собрании кандидатов МАПП—доклад т. Селивановского «Литературная политика и творческие задачи РАПП».

❖ **16 ЯНВАРЯ**—18 ч.—в клубе ФОСП расширенное собрание напостовского кружка «Рост», с докладом «Напостовцы». Доклад производит Горбатов «Напостовцы». Участвуют: Ермилов, Авраамов, Гроссман-Рощин и др.

❖ **16 ЯНВАРЯ**—20 ч.—в клубе ФОСП — детская секция МАПП. Обсуждение плана и конференции детской книги. Перерыв встала секция. Разбор книги Сафронова «Мишка и ватага Юханы».

❖ **16 ЯНВАРЯ**-19 ч. в Доме Герцена — собрание детской секции ВССП. Содержание — сегодня из книги Ромена Роллана «Жан Кристоф».

❖ **17 ЯНВАРЯ** 19 ч.—литобеседование «Рабочей весны» (Тверской б., 25). Читают произведения Киселев, Рунеберг. Руководитель Сурков и др.

❖ **18 ЯНВАРЯ**—20 ч.-диспетчер МТП. Читает пролетарии Н. Лобанов-Лесняк и И. Трифонов (Одоев). Вход свободный.

❖ **18 ЯНВАРЯ**—19 ч.-комиссия клуба ФОСП обсуждает доклад т. Шнейдера: «Оратор и аудитория». Вход свободный.

ПОПРАВКИ

В статье И. Ломакинского «К борьбе за пролетарское напостовство» («Литературная газета» № 2 [40]—выше, где напечатано ВК РКП(б), следует читать КПСС.

В том же номере газеты в отделе ВОКП напечатано: «В Всероссийского общества революционных писателей имени Всеволода Иванова, с отделом быта» от Всероссийского и республиканских обществ крестьянских писателей ко Всесоюзному обществу пролетарско-колхозных писателей».

Ответственный редактор: С. ДИНАМОВ

РЕДКОЛЛЕГИЯ: Н. Асеев, С. Динамов, И. Жига, Л. Ильинский, И. Катаев, Г. Корнеев, Н. Огнев, А. Селивановский, И. Сельвинский, М. Слонимский.

ИЗДАТЕЛЬ Акционерное Изд. О-во «Огонек».

БИБЛИОТЕКА ОГОНЕК

Как и в прошлые годы, 72 книжки „Библиотеки Огонек" дадут лучшее из того, что есть в советской и международной литературе.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

„ОГОНЕК" с приложением „БИБЛИОТЕКИ ОГОНЕК": год—10 рублей, 6 мес.—5 руб. 50 коп., 3 мес.—3 руб. За доплату в 17 р. 75 к. все подписчики могут получить в 1931 году большую иллюстрированную библиотеку „ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ" в 24-х книгах и 2 больших художественных исторических картины.

Подписку сдавайте на почту или в киосковым. Переводы в Издательство посылать не следует

Акц. Изд. О-во «ОГОНЕК»

Литературная газета

Орган Федерации объединений советских писателей.

Выходит каждые 5 дней.

Широко освещает вопросы литературы и жизнь писательских организаций. В газете регулярно печатаются отрывки из наиболее значительных произведений современной литературы: нужна всем интересующимся вопросами литературы и искусства.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1931 г.

Подписная цена:
12 мес.—3 р. 50 к.,
6 мес.—1 руб. 75 коп.;
3 мес.—90 коп.

Подписку сдавайте в почту или в киосковым. Переводы в Издательство посылать не следует.

Акц. Изд. О-во „ОГОНЕК"
Москва, 6 Страстной бул., 11.

НА 1931 ГОД ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛ

Книга и Революция

В 1931 г. „Книга и Революция" реорганизуется в двухнедельный массовый журнал

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР П. М. КЕРЖЕНЦЕВ

ОСНОВНЫЕ ЗАДАЧИ ЖУРНАЛА:

Решительная борьба со всякими проявлениями антимарксистских тенденций в области науки, литературы и искусства, помощь читателю в использовании книги и журнала, как оружия социалистического строительства.

Журнал рассчитан на широкий читательский актив партии, комсомола, профессионалов и советских органов, культурно выросшие слои рабочего класса и колхозников, учащуюся молодежь и комсостав, армию-читателей, агитаторов, библиотекарей и пр.

Журнал издается при ближайшем участии институтов Коммунистической академии, Института красной профессуры, профессорских литературных объединений и Библиографического института.

РАЗДЕЛЫ ЖУРНАЛА:

1. НОВЫЕ КНИГИ по вопросам политики, экономики, философии, культурного строительства, советского строительства, истории, естествознания, антирелигиозной пропаганды, истории литературы и критики, художественной литературы и искусства.
2. КНИГА И ЖУРНАЛ В БРАТСКИХ РЕСПУБЛИКАХ.
3. БЮЛЛЕТЕНЬ НА ЗАВТРА. — Лучшее из готовящихся новых публикаций по всем отраслям марксистской науки.
4. НОВОЕ В ЖУРНАЛАХ. — Советские журналы за декаду.
5. ЧТО ЧИТАТЬ? — Указатель книг по отдельным темам в помощь активисту (по ленинизму, по истмату, по политэкономии, по технической книге, по массовым кампаниям и т. д.).
6. К МУСОРНЫЙ ЯЩИК. — Книжный брак.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

Год . . . . . 10 руб. — коп.
6 месяцев . . . . . 5 руб. — коп.
3 месяца . . . . . 2 руб. 50 коп.

Акц. Изд. О-во «Огонек»
Москва, 6, Страстной б., 11

Подписку сдавайте исключительно на почту или письмоносцам.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ОТКРЫТА ПОДПИСКА 1931 Г.

НА МАССОВЫЙ ЖУРНАЛ МАРКСИСТСКОЙ КРИТИКИ

На литературном посту

ПОД РЕДАКЦИЕЙ: Л. Авербаха, В. Ермилова, В. Киршона, Ю. Либединского, Ф. Панферова, А. Селивановского, В. Сутырина, Л. Фадеева и П. Шушанова.

5-й год издания. Выходит 36 номеров в год.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: на год (36 номеров) — 10 р., на 6 мес. — 5 р., на 3 мес — 2 р. 50 к.

Цена отдельн. ном-ра 50 к.

Подробный проспект высылается бесплатно.

НА ЛИТЕРАТУРНОМ ПОСТУ

будет боевым органом за **ГЕНЕРАЛЬНУЮ ЛИНИЮ ПРОЛЕТАРСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ДВИЖЕНИЯ**, органом текущей литературно-политической, публицистической критики, откликом на все основные вопросы литературного дня.

НА ЛИТЕРАТУРНОМ ПОСТУ

должны читать рабочие ударники, работники культурного фронта, партийный и советский актив, работники клубов, профсоюзов и отделов народного образования, библиотекари и работники массового пролетарского литературного движения, писатели и критики, аспиранты и студенты ВУЗов, преподаватели литературы на рабфаках, фабзавучах и в трудовых школах и ВСЕ интересующиеся современной литературой и искусством.

В НОМЕР ПЕРВЫЙ журнала войдут статьи: Л. Авербах.—Призыв ударников и задачи журнала, Д. Бедный.—О писательском труде. К. Бухер.—О военной опасности. Гливинский.—Этапы напостовской борьбы. Либединский—О задаче содействовать. О «Пятилетке» С. Мячеславова. Статьи О. Брика и И. Виноградова В. Ермилов, Ив.—Почему легко живется Пете Чужинину и легко пишется Виссариону Иванову? Обзор печати (процесс «Промпартии» и литература). К. Зелинский.—Что делать или о новой теории социальной обреченности. Статьи, посвященные приему ударников. Юмор. Хроника и ряд других статей.

Подписка принимается: в Периодсекторе Книгоцентра ОГИЗ (Москва, Ильинка 3), в магазинах и в отделениях Книгоцентра и на почте.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1931 ГОД НА ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И НАУЧНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

КРАСНАЯ НОВЬ

Государственное Издательство Художественной Литературы

ПОД РЕДАКЦИЕЙ: М. М. Бесталова (отв. ред.), Вл. Вальтьевского, Вс. Иванова, С. И. Канатчикова.

Журнал рассчитан на партийный, комсомольский, профессиональный, комсомольский актив и советскую интеллигенцию.

ОТДЕЛЫ ЖУРНАЛА: 1. Художественная проза. 2. Поэзия. 3. Публицистика. 4. Наука. 5. Жизнь СССР и жизнь за рубежом в художественных очерках. 6. Искусство. 7. Литературная критика и библиография.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА: Мобилизация внимания на задачах социалистического строительства, приближение писателей и художественному разрешению этих задач и воздействие наших писательских кадров.

Освещение всех крупных событий политической и экономической жизни и всех значительных достижений и открытий в области науки.

Помощь рукописями марксистской критике по вопросам художественной литературы и библиографии всех наиболее значительных книжных новинок.

В 1931 г. БУДУТ ПЕЧАТАТЬСЯ НОВЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ.

РОМАНЫ

Вс. Бахметьева — Наступление.

В. Дмитриева и Н. Иванова — Вождь с Арбата.

Во. Иванова—Бар-Ако-Бак, знаменитого фокусника и дорошка, подобранного возле мавзолея—девять тетрадей.

Б. Кушнера—Армагеддон.

Ю. Олеши—Список благодеяний. Пьеса.

Льва Сейфуллина—Фрейлина и русалка.

ПОЭМЫ

А. Безыменского

Г. Санникова—Элегия.

И. Сельвинского—Электролес.

ОЧЕРКИ,

РАССКАЗЫ,

СТИХОТВОРЕНИЯ.

ПОВЕСТИ

И. Бабеля—Марийка красного дня, Вс. Вишневского—Чкаловск; Вс. Иванова—Двухдюймовый шрапнель; А. Караваевой—Молоко; В. Инбер—Подземелье; Н. Зарудина—Новая повесть; Б. Агапова—Уборщик; М. Никитина—Заговор энергии; Н. Олейникова—Третий год; Ю. Олеши—Капли; П. Павленко—Пустыня; С. Малашкина—Происхождение нефти; В. Ставского—Перекрестки разлук; М. Зощенко—Одна компания; И. Сельвинского—Новая повесть.

В 1931 году журнал „КРАСНАЯ НОВЬ" будет иметь наиболее современный материал и привлечет к участию художественно одаренных писателей.

В ЦЕЛЯХ НАИБОЛЬШЕГО ПРИБЛИЖЕНИЯ ЖУРНАЛА К ШИРОКОМУ ПРОЛЕТАРСКОМУ АКТИВУ ПОДПИСНАЯ И РОЗНИЧНАЯ ЦЕНА В 1931 ГОДУ ЗНАЧИТЕЛЬНО СНИЖЕНА

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

на год—12 номеров — 12 руб., на 6 мес. — 6 номеров — 6 руб., на 3 мес.—3 номера—3 руб.

Отдельный номер 1 руб. 10 коп.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ

в Периодсекторе Книгоцентра ОГИЗ'а Москва, центр, Ильинка, 3) в сети магазинов и отделениями Книгоцентра и на почте.

Изд-во МОСКОВСКОЕ ТОВАРИЩЕСТВО ПИСАТЕЛЕЙ

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Вышли из печати:

Н. БЕЛОУСОВ. — Писательские гнезда. Воспоминания. Ц. 1 р. 30 к.

Н. ЛЯШКО. — Рабочие сказки. Ц. 1 р. 50 к.

А. ЛУНАЧАРСКИЙ. — Оноре Бальзак. Роман. Ц. 2 р. 10 к.

И. ЖИЛКИН. — Барбос и люди. Басни. Ц. 1 р. 75 к.

А. ЛИНЕЦКИЙ. — За пятилетку. Очерки. Ц. 30 к.

А. АЛТАЕВ. — Дударь. Исторический роман. Ц. 2 р. 10 к.

В. ИАУЧЕВ. — Записки военного врача. Рассказы. Ц. 1 р. 75 к.

И. ГРИНЕВСКИЙ (Шкапа). — Жалко и мало. Очерки. Ц. 1 р. 60 к.

Е. СОКОЛОВ-СТРАХОВ. — В горных долинах Афганистана. Очерки. Ц. 80 к.

А. ЛИНЕЦКИЙ. — Мельница в Карлавице. Роман. Ц. 2 р. 30 к.

А. АЛТАЕВ. — Разоренные гнезда. Истор. роман. Ц. 2 р. 25 к.

А. КОСТЕРИН. — Когда Волга стонет. Повесть. Ц. 1 р. 50 к.

М. РОЙЗМАН. — Хорошие знакомые. Очерки. Ц. 40 к.

М. СИВАЧЕВ. — Федор Быльников. Роман. Ц. 2 р. 10 к.

Д. ФИБИХ. — Кинокадр из колхоза. Очерки из кустарям. Ц. 50 к.

П. НИКАНДРОВ. — Мирные жители. Повесть.

А. ЯКОВЛЕВ. — Хутинет. Рассказы. Ц. 2 р.

П. ПАРФЕНОВ-АЛТАЙСКИЙ. Борьба за Дальний Восток. Ром. хроника. Ц. 3 р.

Находятся в печати:

И. РУДИН. — Галилей. Роман.

В. ПУПКОВ. — Весна трех. Роман.

И. СЕЙ и М. КОЛЬРЕВ. — Город энтузиастов. Роман.

М. ПЕТРОВ - ГРУЗДЕВ. — Трагический корабль. Рассказы.

П. ЛОГИНОВ. — Лесняк. Повесть.

Н. СМИРНОВ. — Тонкий стан. Рассказы.

М. ЕВЕРСКИЙ. — Четыре волны солны. Роман.

Д. КРЕНТОВСКИЙ. — Стель зовет. Очерки.

С. ШИЛОВ. — В байгуше падди. Рассказы.

П. ОДОЕВ (Трушин). — Полесий ход. Повесть.

ГУДОК-ЕРЕМЕЕВ. — Донбасс героический. Очерки.

М. РОЙЗМАН. — Золотая руда. Очерки.

В. ГОМОНОВ. — Голыш. Роман.

Н. ДРУЖИНИН. — Счастливый картуз. Стихи.

АРТЕМ ВЕСЕЛЫЙ. — В боях. Рассказы.

П. ПАРФЕНОВ - АЛТАЙСКИЙ. — У истоков Октября. Повесть.

А. СУБЛОТИН. — Кружева. Рассказ.

Д. ФИБИХ. — Дикое мясо. Рассказы.

Готовятся к печати:

С. МАЛАШКИН. — Хлеб. Роман.

П. ОРЕШИН. — Живая жизнь. Роман.

И. ГРИНЕВСКИЙ (Шкапа). — Рассказы о коммуне. Повесть.

И. ЛАЗАРЕВ. — Гулена. Рассказы.

А. НОВИКОВ-ПРИБОЙ. — Два друга. Роман.

М. РОЙЗМАН. — Тэя ямы. Повесть.

П. ШИРЯЕВ. — Чудище Обло. Роман.

П. АПУХИН. — Живой Щукин.

К. ЛОКУНИН. — Воронежская сталь. Повесть.

Е. СОКОЛОВ-СТРАХОВ. — Плюс семьдесят. Очерки.

М. КИРПИЧЕВ. — По казачьим колхозам. Очерки.

А. ЯКОВЛЕВ. — Инвалид. Роман.

А. ФАТИН. — Жизнь партизана. Воспоминания.

П. ПАРФЕНОВ - АЛТАЙСКИЙ. — Личное и общественное. Роман.

П. НИЗОВОЙ и М. НЕФЕДОВ. — Рассказово. Очерки.

И. СКЛЯРОВ. — На рельсах. Рассказы.

А. ГЕРАСИМОВА. — Записки партизанки.

И. ЖИЛКИН. — Гвоздик. Романы.

С. БАЛАЙТИС. — Лягушки. Очерки.

Любую книгу без получения задатка высылают наложен. платежом

Заказы направлять: склад изданий Московское Т-во Писателей: Ветошный пр. 11, пом. 36

Главлит А. 09332. Типография им. газеты «Известия», ул. Свердлова-Огнежка, д. 1.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Орган Федерации Об'единений Советских Писателей РСФСР

МОСКВА 19 ЯНВАРЯ 1931 г. № 4 (103)

РЕДАКЦИЯ: Тверской бульвар, 25, Дом Герцена. Тлф. 2.80.12

УКРЕПЛЕНИЕМ ОРГАНОВ ПРОЛЕТАРСКОЙ ДИКТАТУРЫ—СОВЕТОВ, НЕОСЛАБНОЙ БОРЬБОЙ С ОППОРТУНИЗМОМ ВСЕХ МАСТЕЙ ОБЕСПЕЧИМ РЕШАЮЩИЕ УСПЕХИ В ТРЕТЬЕМ ГОДУ ПЯТИЛЕТКИ

ВСЯ ПИСАТЕЛЬСКАЯ ОБЩЕСТВЕННОСТЬ ДОЛЖНА ПРИНЯТЬ ДЕЯТЕЛЬНОЕ УЧАСТИЕ В КАМПАНИИ ПО ПЕРЕВЫБОРАМ СОВЕТОВ

ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ СОВЕЩАНИЯ—МЕТОД ТВОРЧЕСКОЙ РАБОТЫ ПИСАТЕЛЕЙ

Период развернутого социалистического наступления ставит перед литературными организациями ОТВЕТСТВЕННЕЙШИЕ ЗАДАЧИ, основной из которых является СОЗДАНИЕ НОВОГО ТИПА ПИСАТЕЛЯ. Одновременно обнаруживается отставание литературы от общих темпов социалистической реконструкции.

Пролетарское литературное движение, являющееся ведущим отрядом советской литературы, первым, хотя и с некоторым запозданием, выступило на борьбу с этим отставанием, одновременно ведя решительную борьбу и со всякого рода фракциями и группировками, которые, спекулируя на трудностях перестройки, пытались разрушить единство рядов пролетарских литературных организаций. Прикрывая правой и «левой» фразой свое капитулянство перед неизбежными трудностями, эти группировки выступали против перестройки на основе генеральной линии пролетарской литературы,—против линии руководства РАПП.

Разгал этих беспринципных группировок позволил пролетарскому литературному движению с еще большей устойчивостью приступить к непосредственно-творческой работе, к осуществлению своих исторических задач, в частности, К ПРИЗЫВУ УДАРНИКОВ В ЛИТЕРАТУРУ.

Российская ассоциация пролетарских писателей действительно повертывается ЛИЦОМ К ПРОИЗВОДСТВУ — К ТВОРЧЕСТВУ, К ПИСАТЕЛЬСКОЙ РАБОТЕ, — практика ее организационной работы становится опытом всего литературного движения.

Создаются НОВЫЕ ДЛЯ ЛИТЕРАТУРЫ ФОРМЫ ТВОРЧЕСКОЙ РАБОТЫ, литература по - своему осваивает производственный опыт рабочего класса.

ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ СОВЕЩАНИЯ РАПП — ВОТ НОВАЯ ТВОРЧЕСКАЯ ШКОЛА ПИСАТЕЛЯ, вот те новые формы совместной работы писателей, которые превращают художника в критика и теоретика, осмысливающего свое творчество, сознательно ставящего творческие задачи, решающего проблемы искусства в тесной связи с практикой.

Совещание очеркистов, совещание по вопросам поэзии, наконец, предполагаемое совещание о положении в области драматургии, — вот те ВАЖНЕЙШИЕ УЧАСТКИ ЛИТЕРАТУРЫ, которые охватываются производственными совещаниями РАПП.

Положительным фактом является привлечение к работе производственных совещаний работников местных ассоциаций пролетарских писателей и ряда художников, не входящих в РАПП. Производственные совещания РАПП перерастают рамки организации пролетписателей, они становятся одним из средств воздействия пролетарского литературного движения на другие отряды литературы и искусства.

Еще рано подводить итоги. НО ПУТЬ ВЕРЕН.

Поменьше заседательской суетни. Поменьше трёскотни. Поменьше разговоров «по поводу» литературы. ПОВОРОТ ЛИЦОМ К ТВОРЧЕСТВУ — вот задача всех литературных организаций, в первую очередь ФОСП, в работе которой тоже намечается безусловный перелом.

ПРОИЗВОДСТВЕННО - ТВОРЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ—НА ПЕРВЫЙ ПЛАН.

Опыт РАПП должен быть использован всем литературным движением.

ПОЧЕМУ ОТСТАЕТ ПОЭЗИЯ

В связи с открывающимся 25 января Всероссийским производственным совещанием поэтов РАПП редакция «Литературной газеты» обратилась к ряду пролетарских поэтов со следующими вопросами:

1. **Отвечает ли сегодняшний идейный уровень и тематика пролетарской поэзии (и советской поэзии) задачам реконструктивного периода?**

2. **В чем вы видите причины отставания поэзии?**

3. **Какой путь творческой перестройки вы считаете наиболее отвечающим тем задачам, которые поставлены перед поэзией?**

Ниже мы печатаем первую серию ответов, полученных редакцией «Л. Г.».

Ал. СУРКОВ

1. К сожалению, на первый вопрос приходится дать отрицательный ответ. Не вдаваясь, ни тематически советская поэзия (и пролетарская в том числе) не поднялась на уровень задач реконструктивного периода. Чтобы в этом убедиться, надо перелистать журналы за прошлый год, внимательно прочесть выходящие книжки стихов. Они лучше всего показывают отставание, недодуманность поэта к ответам на сложные вопросы борьбы и строительства в реконструктивный период. За редкими исключениями стихи последнего года показывают или топтание на месте, или попытки без предварительного идейного перевооружения итти на штурм новой тематики.

Одни идеалистически «уплотняют явный» реакционными лирическими излияниями, другие, без тени нелепой простоты у станка, маскируют старых кляч конструктивизма под белых коней и грозятся повезти за этими «конями» всю поэзию. Третьи, пользуясь малой подготовленностью некоторых редакций по вопросам поэзии, манифестируют непроходимую безграмотность (и простую, и литературную), выдавая вздор за конкретизацию лозунга «семьянинизации пролетарской поэзии».

Вообще в декларациях и манифестах недопроизводства не ощущается. Даже наоборот. Зато острейший дефицит боевой, прицельно нацеленной идейным содержанием наших дней стихотворной продукции налицо. Только немногие поэты начинают думать на этого выхода для себя (я имею в виду «Гренадерские ноты» Безыменского, пользующие намного большего перелома в его творчестве, последние стихи Луговского и кой-кого других). Остальные же под видом «перестройки» занимаются четвертованной «оценкой», которая умирает, не прожив и трех дней, или, как это делает Кирсанов, под шумовой маской «гэпизует» «Интернационал». Есть группа перестраивающихся «молча». О ней будем судить по результатам.

3. Корни отставания надо искать: 1) в неключительной безответственности поэтов перед рабочей читательской аудиторией, 2) в поразительно низком идейном уровне поэтов, помноженном на благодушно-беззаботное отношение к вопросам идейного вооружения и перевооружения, 3) в невнимательном отношении критики и творческого руководства РАПП к постановке и разрешению вопросов поэзии, 4) в атмосфере нетерпимой разобщенности, групповщины, «одиночества» и беспардонной конкуренции, царящей в неблагоустроенном «поэтическом районе» и 5) главное, в почти полном отсутствии по-настоящему рабочего, поэтического ядра.

3. **Что делать?** Скорее, решительнее, последовательнее вести работу по вовлечению и воспитанию рабочих кадров. Призыв ударников и дни поэзии означает начать решительный перелом. Надо только заставить «метров» заниматься молодняком, крепко помня, что из рабочего ударного молодняка в первую очередь и главным образом выйдут кадры поэзии реконструктивного периода.

Посадить всех вынешних «генсеков» на школьную скамью марксистской учебы. Заставить учиться у жизни, на работе «эзопического порядка». Заставить войти в работу так крепко, чтобы люди почувствовали себя не только в роли «одевающих» революцию, но и ведущих ее своими руками. Тогда стихи будут звучать крепче и убедительней. Заставить и поэтов и критиков вершок рваться, на основе накопленного опыта, повседневной работой по переводу лозунгов «семьянизации» и «диалектико - материалистического творческого метода» на язык практики.

И (это будет в конечном счете решающим приходом рабочих кадров) скорее и последовательнее вынечь каленым железом все элементы чванства, групповщины, «гениальничания» и взаимного захваливания.

Без дружной творческой среды, без здорового творческого соревнования внутри пролетариата, при крепком едином фронте, обращенном к сегодня классово враждебных поэтических групп, все хорошие разговоры о перестройке останутся разговорами.

И еще: надо заново идейно перекалифицировать нынешние кадры, устроить критическую чистку, чтобы разоблачить всех замаскировавшихся «под пролетария» мелко-буржуазно-эстетских казанш.

Примечание. Особняком стоит творчество Демьяна Бедного, единственного, чья поэтическая работа развивалась и развивается в ногу с развитием нашей борьбы и стройки.

С. ЩИПАЧЕВ

1. Не вполне. Тематика стихов только внешне созвучна с сегодняшним днем. Темы разрабатываются вглубь. Получается критицизм, неубедительно. Еще хуже с производственными стихами. Они схематичны, надуманны. В них почти отсутствуют живые художественные детали. Чувствуется, что стихи идут не от «куска». Нет сопровождающей поэтической теплоты.

Длинный, скучный и в общем риторичной получилась «Пятилетка» С. Кирсанова.

Интересна поэма А. Кудрейки «Чабаш», но она так же «длинно» растянута. Нет динамики, нарастающего волнующего действия.

Не с большим восторге я и от своих производственных стихов.

Нравятся ценные стихи А. Суркова и «Октябрю» из последних стихов В. Луговского: «Большевикам пустыни и весны» и др.

Ближе всех к задачам реконструктивного периода подошел А. Безыменский. Нет бед бы на этом пути, посвященных перед поэзией сегодняшним днем, если бы ему удалось избежать элементов того самого схематизма, которыми страдают многие поэты, если бы он разрабатывал темы не только в плане узкой злободневности, а в плане глубокой актуальной значимости.

2. В том, что многие поэты организационно не слиты с сегодняшней действительностью. Не умеют видеть социалистического строительства во всей широте и сложности, недостаточно вооружены диалектическим методом Маркса, без которого невозможна нужная для реконструктивного периода творческая целеустремленность, творческий анализ событий и процессов.

3. Поэты должны стать ближе к жизни, ближе к производству. Они должны хорошо знать то, о чем они пишут.

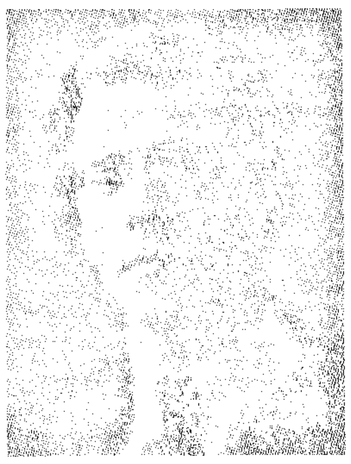
Реконструктивный период требует конкретных знаний. Одним «нутром» не возьмешь.

Поэтому надо, насколько это возможно, создать условия, которые бы позволили ему вести серьезную творческую работу, серьезную учебу. Мы иногда слишком «верчем людей».

Если наша партия повела большую борьбу за качественные показатели производительности, то это в большей мере должно относиться к качественным показателям поэтической продукции.

ПОЭТЫ СОВЕТСКОЙ УКРАИНЫ

ПАВЛО ТИЧИНА



ТРИ СЫНА

Приехало к матери да трое
сыновей,
Трое пояк, да каждый — инак:
Один за бедных,
Другой за богачей.
У третьего от сипушки кровь
бурлит, —
Просто бандит.

— Ой, мама! — молвил первый
карооки, —
Какой же свет широкий!
Не только тут с нуждою бой,
Не только мы тут с горем, —
Страдают люди и за морем:
Везде богач — проклятый, злой!

— Ой матушка! — второй
промолвил чернолицый,—
Зачем нам слушать эти небылицы,
Когда природа нам дала
И хлеб, и уголь, и вола.
Пускай же висельником на суку
повиснет
Чужое, что мне ненавистно.

— Ой, старая! — промолвил третий
низкобровый,
Выгони ты их из хаты.
Пусть не смешат меня, пускай не
сердят,
Кулак здоровый —
Есть воля, братство, счастье края:
Кто бедный, кто богатый, — я не
различаю.

Блеснула сабля первого
Хрустнула второго,
У третьего клинок...
«Ой, сын, сыночек мой, сынок.»
Лежит бандит готовый.
А двое дальше бьются —
Никак их не разнять.

МИКОЛА ТЕРЕЩЕНКО

Двенадцатый

Взволнованный — один — стою
сутулясь,
Как будто бы на площади фонарь...
Вот-вот и мостовые улиц
Запьет рабочая волна.
Вот-вот и полотно рассвета
Разрежет острый нож гудка...
Оглядываюсь.

Синий ветер
Прислушивается исподтишка...
Вдали ощерились штыками
Ряды построек сквозь туман.
Железо, дерево и камень
Распустили лесов аркан.
Цепя рабочее усердье,
Простерли руки выше облаков,
Стремительно строительное сердце
В артерии страны накачивает
кровь.
Стремительнее птиц крылатых...
Годов и этажей полет...
Четвертый...
пятый...
И десятый,
И вслед двенадцатый встает.
Встает и солнце в блеске мудром
Обводит горизонт кругом
Осеннее хрестнуло утро
Высоким кованым гудком.
Заговорили водопады;
грудей,
шагов,
очей,
и щек.
Не остановит их преграды, —
Плечо в плечо,
Плечо в плечо.

МИКОЛА ТЕРЕЩЕНКО

Вгибая поступью батальной
Бурыжный фартук мостовой,
Пошел в поход индустриальный
Рабочий, неразрывный строй.
И я задет содворотом
Мясистых рук, пружинных ног.
Леса — в полон берут высоты,
Везде воюет молоток,
Вдали ощерились штыками,
Ряды возведенных колонн.
Железо, дерево и камень —
Лихой строительный разгон...
— Держися левого барьера!
— Проворнее!
— Смелей!
— Наддай!
Бегут разгневанным барьером
Стропила, этажи, года...
Стремительнее птиц крылатых
Годов и этажей полет...
Четвертый
Пятый...
и десятый,
И вслед двенадцатый встает.

ТЕРЕНЬ МАСЕНКО

СЕЛО КОМСОМОЛЬЕ

Пугали палубу мы шарканьем шагов,
Был воздух над Днепром,
Как спирт,—тугой, прозрачный...
— Как эти скалы высоки и мрачны!—
Задумчиво сказал Валерий Мараков.
Мутнела кровь заката,
Как вода на дне,
Разлегся Днепр задумчиво и вольно...
— Вот с этих скал
Бросали комсомольцев в Днепр;
Мы проезжаем, белорусский друг,
Трипольe...
Зеленая вода,
Зеленый лес
И ял,
Склонила листья верб
Вечерняя истома.
Кругом, Валер,
Украина моя!
Раскинувшаяся в степях
На сене, на соломе.
Такая, как вот здесь, она стара,—
За новую мы боремся отчаянно.
Крестили тут вторично у Днепра
В крови,
В огне
Вишневую Украину.
О комсомольцах
Старый дед узнал
И поделился
Вестью с Черным морем.
Легендами встают
Иные времена,—
Победа за историей.
Ветрами банды не гудят в степях
И мертвецы не корокчут копья.
Кровавый бой,
Как сон,
Как дым,
Как прах,
И над Трипольем
Встало
Комсомолье...
Перевел с украинского
Иосиф КИСЕЛЕВ

ПИСАТЕЛИ ВКЛЮЧАЮТСЯ В КАМПАНИЮ ПО ПЕРЕВЫБОРАМ СОВЕТОВ

На объединенном заседании коллегий ФОСП и месткома писателей по проведению перевыборной кампании в советы разработан план участия литературных организаций в перевыборах советов.

В этом году от литературных организаций должны быть избраны три депутата в один городской и в Моссовет и два депутата в районный.

Вопросы содержания перевыборной агитации писателей необходимо увязать с общими темами агитации, которые будут выдвинуты Всеросскомдумом в работе агитбригад Моссовета и МОСПО по художественному обслуживанию перевыборной кампании. В литературно-агитационные бригады ФОСП, месткома писателей и Всеросскомдума выделяется ряд квалифицированных. Комиссия выделяет тт. Киреева и Бобовича для связи с группой художественного обслуживания перевыборной кампании при Моссовете.

Организуется сбор писательских предложений к новому наказу Московского и районного советов. С предстоящими перевыборами советов увязывают собрания литорганизаций и вечера в клубе ФОСП.

В комиссию содействия перевыборам советов от ФОСП и месткома писателей избраны: тт. Коронев, Гипьярди, Эфрос, Беляев, Жига, Парфенов, Кириллов, Бобович, Грудская и И. Иванов. Комиссия начинает работу с начала февраля созывает перевыборное собрание членов писательских организаций.

***

Всеми средствами мобилизовать свои силы для художественного обслуживания перевыборной кампании Советов.

Мобилизовывает члены литературно-эстрадной, клубной и драматургической секций в количестве 50 человек привлечены к московским театрам. Драматурги и клубные авторы окажут помощь авто-художественным бригадам театров для срочного составления репертуара малых форм (интермедии, песенки, сценки, частушки) на темы—«Перевыборы в Советы».

ЛОЗУНГИ В ДНИ ПЕРЕВЫБОРОВ

Всю середину января Ленинград жил под сплошным выбором в советы. В эти дни он увидел в стихах «Прожекторных» лозунги сжато по-новому, чем сухословных. До самомалейших почти подробностей стихотворение Ума были освещены и обсуждены улицы, стены заводов.

Не всегда блестящие стихи. Четко специальное приспособление к случаю, чувство момента, умение передать чувства всех людей. Но за всем этим чувствуется и живая заинтересованность, обращенность к массам. Вот, например:

«Этой ночью в домовых не ваткать,
Расширим всеобщую сеть»
— призывают выпускницы из женских общежитий. Молодежь в помощницах не нуждается, она сама готова помочь всем.

Мотив «Смело мы в бой пойдем» другой поэт поет:

«Наши выборы—ответ
Господам и Парижу:
Чем активнее совет,
Тем коммуна ближе».

Были лозунги и менее удачные. Например:

«И семье для детского ума
Устои очень знатки,
Давай сюрре лендома
И детские площадки.

Тут сразу очень видно, что надо сделать, чтобы это лозунг стал более четкой формулировки и ритма. Надо было и великолепные слова, и стиль, экономные, точные:

Семья здорова и оба глаза
За выполнением наказа.

В. П.

ЗА ПЕРЕСТРОЙКУ ТВОРЧЕСКОЙ РАБОТЫ ПИСАТЕЛЯ

«Литература отстает от жизни, от общих темпов социалистического строительства! Необходимо мобилизовать прорыв! Наш писатель перестроиться, надо создать новый тип писателя и т. д.

Уже давно встречаешь подобными обращениями-призывами в письмах литературные статьи и доклады. Теоретически они давно уже в достаточной мере освоены пролетарскими писателями. Не мало сделано за последний год и практического и приближения писателя к массам: поездки в рабочие районы, на фабрики и заводы, экскурсии, походы и т. п.

Но эта перестройка шла главным образом по линии накопления материала, изменения тематики, перестройки самого писателя. Но шагов еще не сделано по линии перестройки самого метода творческой работы писателя. Всюду с огромными изменениями в области производственных отношений и нашей сфере низовой поэта старых производственных отношений в писательской среде не произошло.

В целом пролетарские писатели возможность повернуть фронт с предусмотренным таким образом обществом от использования подобственнических продуктов. Литература же до сих пор стоит в стороне от такого творческого пролетарского контроля.

Необходимо в этом исчезновению начать перестройку! Эта перестройка должна итти по линии максимума творческих темпов и максимума качества. Темпы и качество — вот лозунги, которые должны быть положены в основу всей работы писателя. Лозунги эти должны быть положены в основу всей работы писателя. Лозунги эти должны быть положены в основу всей работы писателя. Лозунги эти

ПОД ЗНАКОМ **ФОРМАЛИЗМА**

О ТВОРЧЕСТВЕ В. КАВЕРИНА

Одну из повестей своей первой книги «Рассказов» — «Хроника города Лейпцига за 18... год» — Каверин посвящает памяти формальной школы Тынянову и Шкловскому. Он мог бы им посвятить и всю книгу: настолько последовательным проведением принципов формальной эстетики она является. Как известно, формальная эстетика утверждает, что сущее искусства является особым замкнутым идеальным бытием, независимым от законов действительности. Именно этой замкнутостью обусловлено эстетическое впечатление: то, что является средством передачи практического значения, тем самым не может быть эстетическим. «Приемы» обработки материала есть приемы извращения из материала всего значимого. Когда удается так организовать материал, что обнажается самозначащая эстетическая структура и материал служит лишь средством реализации, ни в какой мере не мешая восприятию структуры, только тогда получается предельно эстетическое впечатление. Материал сам по себе для художника безразличен. Великий материалист тогда лишь бы он был в состоянии реализовать эстетическую структуру.

В стихах формальную эстетику осуществляли футуристы-заумники, изгнавшие смысл, чтобы ничто не мешало эстетическому восприятию ритма, мелодии и тембра. В прозе — по словам формализма неприятного идет Каверин: иногда кажется, что сам он, особенно первые, от шел по линии «Теории прозы» Шкловского, потому и производит он впечатление литературных эпигонов.

Что же интересует Каверина, на что обращает он свои творческие усилия? Его интересуют «приемы» — в значении формальной эстетики, на их показания направлены его творческие усилия. Материал для них Каверин имеет везде — и в жизни, и в литературе. Чаще всего в литературе-литературными реминисценциями нападнены вещи Каверина, и вам за всем этим нет невыносимой «литературщины». Во славу обнажения «приема» Каверин готов собрать материал откуда угодно, поэтому так эклектичны вещи Каверина: в них вы существуете и Салтыкова-Щедрина, и Замятина, и Лескова, и Вонлярлова, и Гофмана, и Гоголя, и А. Дюма, и Стивенсона, и О. Генри и пр. и пр. Весь этот разнородный материал объединяется только стремлением щегольнуть приемом. Какова же эта «прием»?

Стилистика у Каверина — не средство лучшей передачи образа, но нечто, самое само по себе. Поэтому Каверин — сторонник «орнаментированной», разукрашенной прозы, сторонник «сказа». Повесть «Скитальцы» начинается со сказа под Салтыкова-Щедрина или Замятина (история города, стр. 7), а сюжет стилизован под Гофмана (стилизация искусственного сказа на дереве). Но так как однако Салтыкова-Щедрина или Замятина Каверину мало, то в середине повести он заставляет своего деревенского героя влезть в окно и отсутствовать. (Здесь конечно Каверин выделывает трюк под Бокаччио: на вопрос слушания, зачем спокойно лезет деревенский герой, делая слушанку, говорит, что «забивать гвоздик»: «и она уже не стала его обратно (17), к слушанке, слушающей у мастера, чтобы дать возможность мастеру все-же продолжить сладострастное занятие текста:

„Vis fatui miscum et non vis mecum lavari Domine!" „Inter feces et urinam nascimur".

Но и этого Каверину мало: в конце рассказа деревенский «герой», неизвестно почему и зачем, появляется в зал, где стоит краморное статуя царя Ирода и его бояр. Т.-е. неизвестно с точки зрения логики сюжета, а вообще-то ясно для чего: статуя, конечно, оживает, и царь Ирод говорит речь, стилизованную под приказной прозы-боярский язык: «Се убо, говорит он, явленно есть вам изменное умышление от конца и до конца. К сему же и вечная брань учинилась вашего» изменного и недоброхотством и неразделным бесчестьем. Иное же по ведомо ж, и к чему сие. Сей камень вокруг меня и ежемодшая сия нерадивость» (32).

Когда «мавр» (стилист) сделал свое дело, (т.-е. дело обнаружение «приема»), Каверин заставляет его уйти: деревянный столяр разбирается, тоже ни с того, ни с сего, вне всякой сюжетной диалектики. Таким образом, один только рассказ является целой выставкой «приемов» (мы не все их перечислили: здесь еще имеются комические приемы (Comedia delle arte и пр.).

Другие рассказы дают ту же самую картину. «Шпага и свечи» построены с установкой на бытовую многозначность (вот почему мы не взялись бы эту новеллу пересказать). Но если у Блока эта многозначность имеет смысл, то у Каверина это прием ценный сам по себе. «Инженер Шварц» начинается как будто пятая из Гоголя, с концентрацией на коротком отрывке гоголевских стилистических приемов, как будто осмеянных через улицу В. Виноградова —«биологии русского натурализма». «Хроника города Лейпцига за 18... год» (посвященная Шкловскому — Тынянову) — явная иллюстрация «обнажения приема». Автор, в роли конферансье, все время имеющегося в ход действия, все время подчеркивает литературный характер рассказываемого и тем безвозмездно заучивает и без того заученную вещь, придает ей пудный, надуманно-книжный характер, самые остроты при этом могут вызвать улыбку разве лишь при посторонним воздействии. «Обнажение приема» встречается и в «Пляжном Шварц», где оно мотивируется и в духе вновь изобретенной формалистами «теории» литературного быта: в 5 главе — «Бог» — автор говорит, что он написал эту главу для увеличения гонорара. Мы же не сомневаемся, что и здесь Каверин только иллюстрирует теорию литературного быта для полиоты коллекции «приемов».

Не следовало бы так долго останавливаться на первой книге «Рассказов» Каверина, если бы можно было рассматривать ее, как первоначальную «неудачу», естественно сразившую рядом недостатков. Но все дело в том, что «Рассказы» вовсе не литературный опыт, не литературно-художественное произведение, а иллюстрация теории формалистов, а следовательно, «литературщина», и, что главное, в следующих своих вещах — «Бубновая масть», «Конец Хазы» и «Девять десятых судьбы» — Каверин работает тем же самым формалистическим методом, на любом материале, иллюстрируя только несколько иные «приемы».

*

Каверин, как известно, принадлежал к литературной группе — «Серапионовы братья». Теоретик этой группы Л. Лунц в своем литературном манифесте, написанном формальном и идеалистическом, объявляет войну классикам — Толстому, Бальзаку, Достоевскому. Новые имена нашими на стягах «Серапиона»: А. Дюма (отец), Гофман, Стивенсон — автор разбойничьих романов. Мотивировка небезынтересна: если нарезести ее на современную наших дней, то она представляет собой выклад против психологизма и историзма за антиисторизм. Это сочетание антиисторизма и антиисторизма не случайно: художник, который поставит задачу изображения психологии героя, если эта задача будет решаться правильно, волей неволей перейдет к изображению эпохи — а тут уж и с ними с жизнью и зависимость от жизни, чего больше всего и боится издевается Л. Лунц. Ему кажется, что как только литература станет писать на бытовые и современные темы, так сие сделается чтивом, чтивом и сдохнет она.

В «Бубновом тузе», в «Хонде Хазы» и в «Девяти десятых судьбы» Каверин ярким выполняет предписания манифеста «Серапионовых братьев». Первый рассказ «Бубнового туза» — «Кухумение человеческих» можно рассматривать, как этюд к авантюрно-разбойничьему «Хонду Хазы». Если сюжет этой вещи сделан четко и внимательно, то наиболее слабой частью является характеристика персонажей, которые выполняют функции сюжетных пунктов и стилистика. То и другое — схематично, и даже при поверхностном взгляде ясны те литературные элементы, из которых этот синтетизм получился: Сема Крамп — смесь Хлестакова с Чичиковым, Дора и Ю. Брапс — персонажи не то Зощенко, не то Бабеля, еще вернее стилизация — тут в диалогах вы отчетливо Бабеля, в натуралистических остротах—Зощенко, в описаниях—опять Салтыкова-Щедрина. Еврейская бытовая среда взята автором лишь для того, чтобы дать оригинальное стилистическое звучание—жаргон. Следующие три рассказа «Бубнового туза» — «Сегодня утром», «Скорость света» и «Голубое солнце» — построены по одному типу, с установкой на О. Генри, Моэма повеллы О. Генри, как известно, характеризуются неожиданным финалом: нет никакой возможности его предусмотреть, потому что автор не только не помогает нам предугадать, чем дело кончится, но наоборот, подпихивает к ложным догадкам для того, чтобы тем неожиданнее обрушиться на читателя с действительным финалом. Но у О. Генри не всегда неожиданный финал является «самодельным приемом»: иногда у него из неожиданности конца можно извлечь «мораль» — персонажи освещаются новым светом. У Каверина же в перечисленных рассказах, кольцовые О. Генри кончающихся неожиданно, никакой «морали» извлечь из неожиданности нельзя.

«Конец Хазы», «Девять десятых судьбы» — не только авантюрно-разбойничьи, но и явно антиисторичны, немотря на то, что в первом романе действие происходит в Ленинграде после Октября, а во втором — как будто даже описывается сама Октябрьская революция. Но весь «историзм» этих вещей таков, что его совершенно легко заменить другим, и от этого ничего не убавится и ничего не прибавится: исторический материал так же, как и всякий другой, здесь отдан на потребу «приемов» авантюрно-разбойничьего сюжета. О революционном Ленинграде в «Конце Хазы» Каверин по привычке, говорит, как о городе Гоголе, ленинградский сюжет Каверина почеркивается названием улиц и ресторанов, известных лишь только ленинградцам,—из 130 страниц текста вряд ли в общей сложности можно выкроить 1½ страницы, хотя бы отдаленно относящихся к революции. Но это в эту и позволяет сказать «рамку» включено все, что полагается для авантюрно-разбойничьего бульварного романа: похищения, переодевания, дуэли, драки, ошибочные убийства, бандитские нападения, избиения, тайны, узнавания, неожиданные встречи, пьяные сцены, благородные порывы и пр. и пр., весь рест нарезсыщена блатным (полровским) жаргоном, орнаментирующим стилистику.

«В девять десятых судьбы» Каверин еще не вышел из власти литературщины. С этой точки на первый взгляд больше сигналов, указывающих на современность: здесь как будто попытка дать развернутую картину Октябрьской революции: здесь и гибнущая знать Смольного, долгополая и жгущая Зимнего дворца, заседание Временного правительства, движение женского батальона, работа Петроградской крепости, борьба за Гатчину и Пулковские село. Но, конечно, на социальных законах революции не найдете: все перечисленное тоже материал, и левый материал, позволяющий оживить архаическую авантюрную схему, строящуюся по всем законам сюжетного напряжения и постепенного удовлетворения сжигающего любопытства читателя. Читаешь об Октябрьской революции, а все время вспоминаются незабвенные «Три мушкетера», местами старого считанные с отстающим Достоевским. Следишь за личной судьбой революционера Шахова (чуть не напоминающего «благородного» героя «Записок Лекаря») и получаешь все полагающееся романтическому герою по штату авантюрного романа: неожиданную и отважную героиню, влюбчивую, вымогателя-зайца, многочисленные переодевания, тюремное заключение, опасности, спасение (с замедлением, когда читатель, как в кино, готов только покрыть и торопить: скорее, а то будет поздно!), благородное признание, открытие и пр., и пр.

*

Так все особенности творчества Каверина вытекают из эстетики формалистов, являясь ее иллюстрацией, а эстетика формалистов — типичный образец идеалистического мышления в области вопросов искусства. Следовательно, анализируя метод творчества Каверина, мы говорили не об особенностях технической манеры, а о чем-то более важном и значительном.

Но, что кажется Каверина, то было бы неправильно поставить здесь на нем точку. Талантливый писатель стремится, повидимому, сбросить из схем литературщины. Даже и в упомянутых произведениях («Конец Хазы», «Девять десятых судьбы») все же показательно это в какой-то мере тяготение к современности.

В последнем большом романе «Скандалист» — мы имеем уже определенный перелом. Автор идет в своих наблюдениях и выводах уже от жизни, а не от литературной схемы. Очер, который так слабо удавался Каверину в предыдущих вещах и превращался измученное писательское, здесь, местами, весьма сочный и действенный. Конечно, нельзя говорить, что В. Каверин крепко встал на путь освобождения от своего формализма, но начало этому освобождению—потожение. Надо пожелать Каверину, чтобы он последовательно шел в новом направлении, на этом пути преодолевая новые трудности, которые перед ним возникнут, трудности правильного социального осмысления современных событий.

М. ГРИГОРЬЕВ

ПРОИЗВОДСТВЕННЫЙ ПЛАН

БЕЛОРУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ НА 1931 Г.

● Писатель **Янка Лимановский** (БелАПП) работает над известно «Сталь-нев снег». Тема повести — коллективизация белорусской деревни и участие комсомола в коллективизации.

● Поэт **Сергей Фомин** (БелАПП) написал поэму «Праз кроу и огонь». Выходит из печати сборник стихов С. Фомина «К солнечным дням».

● Писатель **Платон Головач** (БелАПП) работает над романом «Ей». Выходит из печати повесть «Сполох на загонах».

● Поэт-сатирик **Крапива** («Узимница») оканчивает сказку-сатиру «Хвалько-чорнильный нос». Готовит к печати сборник избранных басен.

● Писатель **Кузьма Чорный** («Узимница») пишет роман «Раскрижаванье» («Перекресток»).

● Поэт **Глебко** («Узимница») пишет поэму «Ардлянка». Подготовлена к печати большая поэма «Дуб над окном».

Выпал из печати сборник стихов Глебки «Уралистые дни».

● Писатель **Ив. Барашка** (БелАПП) написал повесть «Фабрика». Повесть издается в Белгосиздате. Начата новая повесть «И сам великой партии».

● Критик **Бемдя** (БелАПП) подготовил к печати сборник критических этюдов о современной белорусской литературе.

● Критик **Дунец** (еврейская секция БелАПП) сдал в печать книгу очерков и статей о современной еврейской литературе под общим названием «В борьбе».

● Поэт **М. Мысливский** (польская секция БелАПП) пишет поэму об ударничестве. Пишет повесть из жизни рабочих Польши.

● Критик **Алесь Некрашевич** работает над очерками о белорусском театре. Недавно вышла из печати книга о первом белорусском государственном театре.

СИНКЛЕР ЛЬЮИС

АМЕРИКА И **ЛИТЕРАТУРА**

Мы печатаем речь американского писателя Синклера Льюиса, произнесенную им в Стокгольме после присуждения ему нобелевской премии. Наш читатель хорошо знает романы С. Льюиса, в которых он дает критику капиталистической Америки («Главная улица», «Бэббит», «Эрроусмит», «Эльмер Гентри и др.). Однако, решительность С. Льюиса никогда не переходит известных границ, он всегда остается в пределах мелкобуржуазного радикализма, он выступает лишь против отдельных «недостатков» капиталистической системы. Эти черты мелкобуржуазного радикализма в полной мере выступают и в речи С. Льюиса в Стокгольме, которую мы печатаем, как документ. Отметим, что уже после этой речи Синклер Льюис в интервью заявил, что Америка — это лучшая страна в мире. Радикализм С. Льюиса не идет дальше невинных пожеланий.

— Я не стыжу вернуть в своих чувствах то живое тепло, которым они мне удостоены,—но, прежде, позвольте мне сказать несколько слов о причинах, которые, по-моему, позволили мою благосклонность простых господ.

В этой своей речи я хотел бы сделать лишь несколько замечаний о современной американской литературе.

Чтобы говорить обо всем этом с полной откровенностью, мне придется быть очень невежливым по отношению к отдельным лицам и некоторым учреждениям моей любимой родины. Однако, я прошу вас не думать, что я своим таким путем оказываю честь.

Что касается меня, то мне абсолютно не за что извиняться, но что касается американской литературы в целом и ее положения в стране, то тут мне есть за что извиняться. Как известно, к моим словам я хочу прислать здесь об инциденте, имевшем за несколько лет до моего отъезда из Нью-Йорка и рассмотренном как Шведской академии, так и мне.

Есть в Америке один ученый и чрезвычайно любезный старый джентльмен, бывший редактор, университетский профессор и критик. Американская академия художественной литературы, а также ряд университетов избрали его своим почетным членом.

Как известно он является главным образом как автор очерков о принятых родной почве. Мальчиком я узнал из этих очерков, что ужасно бы-

СИНКЛЕР ЛЬЮИС. Шарж

ли, если мы занимаемся им не из-за чувств, чрезвычайно высоких и духовное занятие. Так вот этот ученый джентльмен публично заявил, что, присудив нобелевскую премию человеку, так часто высмеивавшему американские учреждения, Нобелевский комитет и Шведская академия оскорбили Америку.

Я остановился на этой критике не потому, что она сама по себе имеет какую-либо важность, а потому, что она служит прекрасной иллюстрацией положения вещей в Америке, где огромное большинство не только читателей, но и писателей все еще боится литературы, которая не просто имеет тех американских и не восхваляет наши недостатки наравне с нашими качествами.

Для того, чтобы роман пользовался успехом и симпатиями американской публики, надо утверть, что в Америке все чудесно, богаты, не бывает голодных смертей и, кроме того, выдающиеся играют в гольф; что во всех провинциальных городах люди только о том и думают, как бы им хорошо отвечать с своим ближним; что дети американских деревень и сельских местностей являются примерными детьми и материально; географически же доказано, что Америка состоит из одного Нью-Йорка, которым населен исключительно миллионер, что Запад покрыт небоскребы, миллионами мелькают автомобили, а урожай исчисляется в огромных буквосей, что в этой стране он не в счет. Не существует никакой организации, никакой общественной группы, с чьей правкой он мог бы считаться и чья похвала бы за бы ценна для него.

Рассмотрел, нельзя требовать, чтобы Американская академия художеств и литературы включала в себя всех лучших писателей Америки, но академия худа же входит из одних из них и потерял, таким образом, сама себя скомпрометировала.

Недавно в Америке на недр наших университетов появилось необычайное течение, называющее себя «новым гуманизмом» *.

Поскольку я смог разобраться в этой новейшей секте, она утверждает духовным человеческой души и бога, что души и ада, при этом как бог, так и дьявол непременно должны быть облачены и древне-греческое одеяние. Это учение самой первой реакции получило большую популярность среди университетских профессоров и более, чем когда-либо отгородило от них писателей.

Но так было всегда. У Америки никогда не было своего Бреддеса, своего Тэна или Гёте. Критикой у нас занимались заплесневшие старые девы, репортеры и прокисшие профессора.

Перевод с английского.

Н. К.

* См. статью в «Литер. газете» № 60, от 19 декабря 1930 г.

ГЕРМАНСКИЙ АРХИТЕКТОР

ГАННЕС МАЙЕР

В МОСКВЕ

15 января состоялось заседание Группы по изучению рабочего жилища секции пространственных искусств ГАНС совместно с Иностранной ВОКС, на котором был заслушан доклад германского архитектора Ганнеса Майера, бывшего директора Баухауза Дессау о «Внутреннем оформлении рабочего жилища».

Профессор Майер прежде всего подчеркнул опытом, проделанным им в Германии, по выработке специального типа рациональной мебели, причем заявил, что в Германии его дальнейшая работа в этой области стала невозможна, поскольку буржуазные предприятия отнюдь не заинтересованы в производстве дешевой мебели и улучшении рабочего жилища. Профессор Майер считает, что единственная страна, которая сейчас является полем для вопросу о рационализации быта и выработке более здоровых условий рабочего жилища, — это СССР. Он поэтому покинул Германию и приехал к нам в Союз, чтобы включиться в работу социалистического строительства, где он не вынужден будет идти на компромиссы и применяться к меркантильным требованиям буржуазных предпринимателей.

БОРИС ГУБЕР

НЕНАСТЬЕ

В первый раз за всю весну бороздицы мелко накопил холодный сентябрь.

Казалось, уже ничто не может помешать им. За последние дни удалось наверстать по крайней мере большинство, что было упущено в начале сева. Все было налажено, выправлено, проверено... Оставался посевной комплекс работала без единого перебоя — и так точен, размерен был ее ход, что даже директор совхоза Косьо решился оставить свой капитанский пост и вместе с делегацией Барвенковского района уехал в Омск на открытие окружной партконференции.

Поверяя с утра и Нецита, заместитель директора по производственной части.

Я встретил его вечером после ужина. Он раньше обычного вернулся с поля и только что отвел свой автомобиль в гараж. Вечер был жаркий, малиновое солнце опускалось в густую пыльную мглу. На усадьбе рабочий день давно кончился и отдыхающие люди лениво двигались по горячему двору, среди белых мелких, вскопанных клумб. Веселые девушки в мужских сапогах, вымешивая глубокую грязь, шли по вязкой дороге, неизбежной автомобильными следами. Черпала неизменная тонна пред глазами. Плотники в комсатых фуражках громко спорили с печником о каких-то неправильно выложенных часах... Нецита, щурясь, смотрел на это приятное оживление. Он имел старательно-твердой походкой, как человек, две суток не спавший с седла, и худое лицо его, сброшенное густой черной щетью, сияло не свойственной ему чрезмерной улыбкой.

— Двинуть третьего ночью кончим, — сказал он, на чеканий лад пересыпая русские ударения. — Последний срок!

Его крупные мясистые губы сверкали и розовели под сединой. Он махнул мне рукой, ключично стуная, поднял палочек, как всегда и застегнутая на все пуговицы тешком полыть, в шинель, надвинутой на уши...

Ночью, когда угомонились усадьба и уже начала работу на участках вторая смена, загрохотали в дупном безветрии отдаленные раскаты грома.

Рачоча, блистая серебристыми голубыми огнями, гроза продолжала мимо, не уронив ни одной капли дождя. Но она вела за собой целые полчища туч, и перед рассветом сторожевые, как прежде, заметили, замерцали первые едва заметные капельки... А утром небо было уже обложено со всех сторон, сразу похолодало, барометр упал в какое-то безнадежные провести — и пошло...

К полудню пришлось прекратить работу на всех участках.

— Что же это? — растерянно говорил завуч Александровским Кузнецов. — Ведь у нас и работы-то всей на одну смену осталось... Еще один бы день!

Он жаловался и сокрушался, — а дождь, как бы подвечеч мел им, крепчал все сильнее, мокрые перелески металась под ветром, страшными хлыстами развернись поля, и чудилось, так видно, глубоки они, что зачем, сейчас, мерзнет ветер вдоль можжевеля тяжелые черные валы...

Так прошел день, другой, третий.

Огромная, еще недавно могущественная машина беспомощно остановилась, распалась на части. Как табун, застигнутый непогодой, жались друг к другу ее верные и серые трактора. Загнанные в свои тесные полевые вагончики, люди засыпали, слушая, как бьет по крыше над их головами ливень, и просыпались для того, чтобы снова услышать все тот же шорох и плеск воды. Холодная, серая пустыня простиралась на сотни километров, и казалось загнан опустел мир, и вечно будут клубиться над землей эти водяные тучи, свистеть ветер потоками струиться вода...

Отмерло все и на центральной усадьбе... Уже не произлет Иосиф Иванович Нецита, как бывало, целыми сутками на участках. Его без труда можно отыскать в конторе часто выбритого, в кителе и галифе, — и точно пользуешь этим, и нему на стол собираются бесконечные бумажные дела — черновые планы предуборочного дорожного строительства, проекты передачи обслуженного крестьянского хоть в трактерную тележку, списки трактористов, которых предполагается мобилизовать на курсы комбайнеров... Сухо сжав коричневые губы, сидит Иосиф Иванович в своей темноватой комнатенке, неторопливо и внимательно разбирает цифры, делает пометки на полях бумаг... Потом он снимает пенсне — два больших крутых стекла без оправы—кладет его поверх проектов и списков и идет в директорский кабинет.

В заслеженном коридоре холодно, сыро, беспрерывно визжит пружиной и хлопает хлопая дверь, тянутся мокрые люди, наносят на ногах опметки грязи... Косьо все еще не вернулся из Омска, и в кабинете одинаково работает его заместитель по административно-хозяйственной части т. Быстрых.

Нецита склоняется на пустое директорское место и молча барабанит по краю стола своими волосатыми пальцами, поглядывая в окно, за которые клубятся грязные тучи, оловянно поблескивают лужи и изредка перебегают от общежитий к столовой серые фигуры с накинутыми на голову капюшонами плащей. Молчит и Быстрых. В своем потертом, неожиданном фронте защитного цвета и таких же штанах, заправленных в сапоги, он походит на военного завхоза. Это пристальный, веселый и очень не простой человек. Он выписывает кроме шест семь журналов и успевает прочитать все. С прозорливостью и легкостью необычайной он влезает в любое дело и, кажется, запоминает его навсегда. До самых краев он наполнен какой-то спокойной жадностью к жизни — я не раз отмечал, как он, доведя ход своей полуторки до шестидесяти километров в час, гнется в восторженном восхищении, как нагибая, мчащий в рекордному финишу грузовичок в особых рывках... Но сейчас его белобрысое угловатое лицо с острым носом и узкими глубоко запавшими глазами мрачно насупилось.

— Кузнецов рассказывал, у них на Александровском на неделя работы, — язвительно говорит он после долгого молчания, и похоже, что ему доставляет злорадное удовольствие разжигать себя этими злыми словами.

Нецита молчит. Его нерусское лицо, широкое в скулах и книзу книзу, совершенно неподвижно. Все у него черный, красный от солнца, клювом. Зеленые глаза в крупных коричневых веках смотрят спокойно и в них нет даже тени того волнения, которое мучает его собеседника.

— Если бы не дождь, — продолжает Быстрых с тем же злобным наслаждением, — Славянский и Александровский кончили бы вчера утром, и мы бы сегодня сеяли сверх плана.

Толстые губы Нецита криво уголом поднят кверху. Его гладко выбритый подбородок по-женски слаб и округл, кажется чужим... Он произносит всего одно слово:

— Знаю.

Быстрых умолкает, долго рассматривает прижатый стеклянный надстольной доской кусок клеенчатки с выдернутыми из нем диаграммами. Аккуратные стелбики, раскрашенные в красный и синий цвет, наглядно показывают, сколько земли засеяно каждым участком и сколько еще остается посеять.

— План выполнен на шестьдесят пять процентов, — бормочет он.

— Знаю, — односложно повторяет Нецита.

Быстрых продвигает к себе груду писем и ордеров. Он склоняет над ними свое белобрысое лицо и говорит совсем тихо:

— Провалим мы, Иосиф Иванович, посевную...

Нецита отвечает:

— Мы выполним план, как намечено, в двенадцать дней.

За окном льет дождь. Красные крыши домов блестят холодным голым блеском. Нецита встает.

— Нет, мы кончим в одиннадцать дней, — упрямо говорит он.

Дождя не прекращались до 21 мая.

В этот день ветер внезапно разогнал тучи. Степь вязкая, лоснящаяся просохла бледной водянистая синева, и жидкий свет солнца пролился на землю, опустошенную, как после потопа.

Было совсем не похоже на весну. Размокшие поля чернели по-осеннему уныло, точно их осилила под зябь, в низинах стояли длинные кусалые лужи, ветер дул густой и холодный, как в октябре... Стебель лежал замертво. Но все уже становилось на свои места. На полосках суевые пол командой бригадиров осматривали и смазывали машины. Ожили и усадьба — заволновались на востройке плотники и кровельщики, строгий трауно-черный Опель Нуль готовился мчаться с утятами и кетками на ремонт дорог, перед конторой появился забрызганный грязью автомобиль Нецита...

Весь день весь день и всю ночь. Земля твердела, просыхала, и к вечеру от обмежений к столовой уже пролегала плотная утоптанная тропочка... А на следующее утро, когда ясно и безоблачном небе горячее солнце, и умытые, вымытые перелески зеленели сплошь как подмосковная березовая роща, можно было подумать, что вовсе не было долгих ненастных дней — так все сияло, обтерлось, сгинуло.

Чудов с двенадцати дня сеялки выехали в поле.

Земля была еще мокрая, и, как самой ранней весной, «Интернационалам» пришлось ограничиться одной сеялкой. Но только в этом и сказывалось сходство с первыми днями сева!... Сейчас сменно было даже вспомнить о них и о том бессмысленном топтании на месте, которое почему-то казалось тогда вполне естественным и неизбежным.

С тех пор все так изменилось, что новые порядки выглядели уже обычными — к ним привыкли. Там, где раньше тратились часы, теперь обходились минутами. Там, где машины беспомощно елозили чуть ли не на каждых ста метрах и бригадиры едва успевали перезжать от одной поломки к другой, сейчас установился размеренный порядок, достигший той отчетливости и своеобразного щегольства, с которыми работа ложится легкой и ладной игрой... Не останавливаясь, описывали упряжки спираль за спиралью, и бригадирам нечего было делать. Лениво присутствуя, к наплывающему со всех сторон гуденью моторов, они просиживали всю смену на мешках с зерном и, умываясь, говорили подъехавшему из своем колубом лимузинчике директору:

— Как часы работают, товарищ Косьо, вот посмотрите...

Так вошел день.

К вечеру закончили работу — все свои посевные тысячи гектаров—«женские» Александровские участки. Еще до наступления темноты его победившие тракторы перешли на поля соседней коммуны им. Тельмана.

Борисовцы узнали об этом только ночью — во время сменщины, связанного на рассветной Обойтовской колонне и отличавшегося от обычных тем, что на нем кроме завучей присутствовали рулевые-экспедиторы.

Совещание продолжалось на этот раз меньше часа. Без всяких споров были намечены последние улучшения и уточнения в работе, больше касающиеся мелочей, позабытых или упущенных раньше. Но это было не тех. Выполнить план к ночи 27 мая — в одиннадцать рабочих дней вместо двенадцати, намеченных по плану — можно было только в том случае, если колеи-ны добьются результатов еще больших, чем сегодня, и работа достигает предельного напряжения, какое ни доступного вообще и людям, и машинам.

Каждый из участников совещания понимал это — все посвященные на экспедиторов, работа которых должна была решить участь обоих отстающих участков, Южного и Северного, а вместе с ними и всего совхоза. Казалось, что все ждут от этих безусых чумазых парнишек какого-нибудь необычайного проявления энтузиазма — пламенных речей или торжественных клятв... Но трактористы сидели молча, совсем смирно, и только после вопросительность трактора до тысячи десятых в смену, один из них сказал, наконец, самым будничным образом:

— Чего там... взимшко будет, так сделаем.

После этих слов говорить было больше не о чем.

В начале двенадцатого все разъехались. Полуторочный грузовичок повез экспедиторов на смену товарищам, и они заняли места у рулевых рычагов, чтобы не покидать их до двенадцати часов следующего дня...

*

Заведующий Сталинским участком Дедов, в свое время хвастливейший чем, что за минуту душу обозлился бы без всяких калькуляций и планов, усевшись к себе на колонну и чрезвычайно возбужденный, огорченный и разобиженный.

Понять причины его дурного настроения было не так уж трудно. До самой последней минуты он был твердо уверен, что его участок закончит работу первым. И вот, оказалось, что его опередили — кто! — александровцы, к которым он чувствовал нечто среднее между снисходительностью и пренебрежением по одному тому, что они засеяли не 3.500 гектаров, а всего 1.500. Женщины, которые в холодную погоду не способны были даже завести самостоятельно мотор, обогнали отборных славянских трактористов, а шестнадцать жалких десятисильных тракторов, которым изору было тягаться разве только с «Фордзонами», оказались сильней и прославленных двадцати шестерок большевиков «Интернационалов»!.. Недоставало одного, чтобы кроме александровцев вымазались мазутом еще и мосталенцы — тогда бы Сталинский участок остался на третьем, предпоследнем месте... От одной мысли о подобном конфузе можно было умереть самообладание и почувствовать себя опозоренным на всю жизнь.

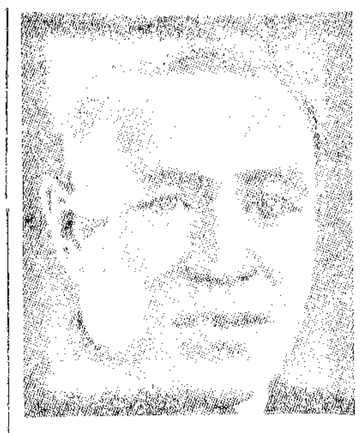
Все это было совершенно нестерпимо, и Дедов, не задерживаясь на колонне ни на минуту, отправился в поле. Он знал, что его присутствие не ускорит работы, но все равно не мог бы усидеть в своем шалашике. Чтобы избавиться от докучливых мыслей, ему нужно было хоть чем-нибудь занять себя и найти хоть подобие дела.

Был уже первый час. Холодный почкой ветер дул в лицо, пахло сыростью и землей. Вверели деловито жужжали моторы. Огни фонарей дрожались и двигались в темноте — то сходились вместе, то расходились по сторонам, и казалось, что в этом суетливом мелькании нет никакого смысла.

Дедов сердито смотрел вперед. Ему мерещилось, должно быть, что именно в эту минуту москаленцы доезжают последнюю клетку. Правда, Афанасьев говорил, что им осталось еще около двухсот гектаров... Но ведь он смог сделать и нелепицу! Разве сам Дедов не преуменьшал в сведениях результаты дневной работы и не утаивал постоянно несколько десятков га «про запас»?..

Тракторы между тем перекликались гудком, и при всем своем возбуждении Дедов не мог не заметить в их движении какой-то странности. Они двигались уже не вразброд, а правильной цепочкой, точно упряжка или рулем... Жужжание моторов становилось все явственней. Уже можно было различить в ночном дымном свете полуторы сеялок... И через минуту уже не могло быть никакого сомнения — они шли по межнику, на хорошем ходу, они возвращались к стану, — а это могло обозначать одно: они кончили работу!

Я не берусь говорить в точности, что чувствовал Дедов в ту минуту, когда головной трактор поравнялся с ним и вся колонна на третьей скорости прошла мимо. Вернувшись к стану, где вокруг машин теснился рулевые первой смены, он не мог даже удержаться от краткой речи, которую вымечательный случитель имел бы все основания назвать несколько старомодной.



БОРИС ГУБЕР

— Спасибо, братцы! — так начинала эта речь... Затем следовали перечисления трудностей, преодолены участком, хотя никто и не помогал ему, как помогали, например, москаленцам михайловские «Интернационалы», а в заключение прославлялась сторой, поскольку вернувшейся смене ложиться спать, а первой — немедленно вести колонну на Южный Джалтырь.

— Там мы им покажем, какая бывает настоящая ударная работа!— прочел Дедов, нельзя неумело жестикулируя. — Вы можете спать спокойно, мы...

Но шум и неподходящие ирики не дали ему договорить.

— Что?

— Спать бы сам!

— Что, мы хуже других, что ли?

— Ехать, так всем!

И Дедов, поняв, что нет такой силы, которая удержала бы этих людей на месте, только рукой махнул...

Через минуту колонну нельзя было узнать. Точно ветром сдуло медлительную тишину и мрак. Ручные переносные фонари мерцали рядом с тупыми лучами тракторных фар. В полсотне сеялок метались и суетились люди, на перекрестках собирались в путь, торопливо смазывали, заливали в горлотки бензина вагонки, сеялки и телеги, собирали и грузили целый склад. Откуда-то появились на стенах намалеванные плакаты: «Идем и помощь отстающим!», «Южный Джалтырь, подтянись!».. И не прошло и часа, как все было готово, табор сполз с места. — и с ревом людей, с ревом моторов и пронзительным скрипом колес самодельного вагончика кухни, которая трогалась по ночной дороге, чтобы немедленно стать в борозду соседей.

ТРИБУНА ПИСАТЕЛЯ

ФИЛОСОФИЯ „ВОЙНЫ И МИРА"

До сих пор, говоря о «Войне и мире» Толстого, недостаточно учитывают то, что роман этот менялся в процессе работы и даже не был окончательно сведен. Весь **одного** окончательного текста «Войны и мира» так и нет: в издании 1868 г. есть философские главы и отсутствуют, а в издании 1873 г. многие из них совсем выброшены.

Первые части писались без всякой мысли о философии истории. Даже позднее материал должен был быть только одним фоном — как в «Ярмарке тщеславия» Теккерея. Роман должен был называться **«Все хорошо, что хорошо кончается»** — заглавие тоже в духе английской семейно-бытовой хроники. В связи с злободневными вопросами и настроениями 60-х годов план и жанр стали меняться. Семейная хроника стала превращаться в историческую «поэму» — Одиссея в Наталью. Явились рассуждения об исторической закономерности и причинности — темы, характерные для тогдашней журналистики.

Ключевая и самый смысл философско-исторических отступлений «Войны и мира» остались до сих пор невыясненными. Сопоставление с Боклем было неубедительным — и дело, действительно, стоит не в Бокле.

В 1868 г. вышла книга С. С. Урусова «Обзор кампаний 1812 и 1813 годов». Б. Чичерин пишет о ней в воспоминаниях: «Именно из этой брошюры Толстой почерпнул все те исторические теории, которые он внес в свой роман». Это не совсем так. Но близко к действительности. С. Урусов, математик-артиллерист, был не только близким другом Толстого (еще со времен Севастополя), но и главным помощником его в разработке военных сцен и философско-исторических рассуждений. Идеологическая связь Толстого с Урусовым была хорошо известна историкам-современникам. Тургенев писал П. В. Анненкову в 1869 г.: «С нетерпением ожидаю 2-го тома «Войны и мира», авось успеет немного **разруситься** и вместо мучного философствования даст нам понюх чистой ключевой воды своего великого таланта». Известно было, значит, что Толстой **обрусился**.

П. Бартенев говорит в одном из своих примечаний: «Он (Урусов) и Страхов внесли графу Л. Н. Толстому что-то не славянское и натворили ему, что без философской подкладки его «Война и мир» не будет иметь настоящей цены». Статья из Страхова **выброшена** — на его место надо поставить М. Погодина, по само указание Бартенева характерно. Урусов в свой «брошюре» противопоставляет Погодина Боклю: «Мало кому известно, что гораздо прежде, чем знаменитый Бокль **изложил** свое мнение об этой истории... наш профессор М. П. Погодин высказал **весьма** глубокий взгляд по **сему** вопросу». Из писем Толстого к Погодину видно, что Погодин тоже помогает ему в работе, философия Толстого **оказывается** связанной не только с брошюрой Урусова, но и с книжкой Погодина «Исторические афоризмы». Если к именам Урусова и Погодина прибавить имена Ю. Самарина и С. Юрьева, то перед нами целый кружок, из недр которого рождается философия «Войны и мира».

Это — кружок авгалетов, дилетантов и чудаков, тесно связанный с славянофильством. Здесь философия **об'единяется** с математикой для открытия об'ективных и окончательных законов природы и истории. Вся математическая и физическая терминология «Войны и мира» (дифференциал истории и пр.) идет оттуда. В одном письме 1868 г. Урусов сообщил Толстому, что Юрьев нашел возможность открыть универсальный принцип физической природы — это зависит только от интегрирования одного уравнения: «остается перевести решение с языка математического на простой: если это удастся, то природа будет в наших руках. Вы понимаете, как меня задевает за живое ваш дифференциал истории: если это правда, что мы его найдем, то и нравственно-физические законы будут в наших руках».

Толстой, борясь с идеей прогресса и вообще с воззрениями передовой (разночинной) интеллигенции, **об'единяется** с архаистами-славянофилами и вместе с ними, а отчасти под их руководством, разрабатывает философско-историческую часть своего романа. Кружок Толстого — это кружок «самобытно-мыслящих людей, кружок своеобразных гениев». Среди них Толстой — главный ученик и ударник. «Война и мир» превращается в освободительный агитационный роман. Математика играет здесь особую идеологическую роль — как наука, противопоставленная естествознанию с его «вечными» тенденциями.

Но кроме этого, философский и военно-теоретический материал нужен был Толстому и как материал конструктивный, стилевой. Вместе с переломом от жанра хроники к жанру «эпопеи» Толстому необходимо было ввести в роман элемент более возвышенный. Необходимость этого элемента особенно сказалась в основных **разделах** романа — там, где начинался новый том или новая часть. Жанр военно-исторической эпопеи требовал «гомеровских» отступлений, которые служили бы конструктивными и стилистическими вехами. Философские и военно-теоретические отступления были введены Толстым не только как идеологический материал, но и как элементы жанра — как **знак эпопеи**. Роман, написанный на сравнительно небольшом историческом материале, заполненный семейными эпизодами, с историей и с эпохой 1812 г. не имеющими никакого отношения, становится благодаря этим отступлениям и рассуждениям якобы историческим и даже сугубо историческим — не просто романом, как у Зотова или Загоскина, а эпопеей. Жанровыми и стилистическими приемами элиминируется недостаток историчности как такового. Отступления играли роль исторического эквивалента. На их фоне семейные сцены **казались** тоже историческими.

Так, антиисторический по первоначальному замыслу роман, выдвинувший «домашность» против историчности, силою вещей превратился в роман-эпопею, в эпопею. Кутузов, первоначально, в ранней редакции, «характеризовал» «спасителобивым, хитрым и пезорным», потом, под влиянием Урусова, превратился в мудреца, устами которого говорит русский народ.

Философия «Войны и мира» была итогом борьбы Толстого с «шестидесятниками». Погодин и Урусов были главными вдохновителями и помощниками Толстого в этом деле.

Б. ЭЙХЕНБАУМ

НА ТВОРЧЕСКИХ ВЕЧЕРАХ

В еврейском рабочем клубе «Коммунист» состоялся 11 января вечер еврейского пролетпоэта Белоруссии т. Изи Харик. С докладом о творческом пути И. Харика выступил редактор еврейской газеты «Дер эмес» т. А. Литваков. Аудитория горячо принимала т. Харика, выступившего затем с чтением стихов.

*

На последнем литературном **собеседовании** молодой «Кузницы» т. А. Кожевников читал отрывки из нового романа «Магистраль», рисующего борьбу за строительство Турксиба на последнем участке (перед смычкой).

Высказавшиеся в прениях признали, что роман является произведением, которое по-настоящему ликвидирует отставание литературы от жизни (т. Жига, Черевков), отмечали широту и знание материала автором (тт. Замошкин, Натан, Галэу). Выполнение вещи признано хорошим, но не лишенным стилистических недостатков.

СЕГОДНЯ ЛИТЕРАТУРНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

АНАТОЛЬ ГИДАШ

К творческому вечеру 19 января в клубе «ФОСП»

○ Культотдел ЦК КП(б)У предложил всем городским и районным партийным комитетам промышленных центров УССР усилить руководство призывом ударников в литературу и оказывать всемерное содействие бригадам ВУСПП — основной организации, которая проводит призыв ударников на Украине.

○ На секретариате ФОСП был обсужден вопрос о развертывании работы по призыву ударников в литературу, который тормозится ныне отсутствия средств. ФОСП ассигновал 3.000 р. на проведение литпризыва.

○ При Всеукраинском союзе писателей «Плуг» организована литературная мастерская для начинающих писателей. Под эгидой **немецкие писатели** Украины **организовали секцию** при «Плуге». Для проведения литпризыва в немецкие районы Украины командирован ряд немецких писателей. В Молочанске организована литературная мастерская-студия для начинающих немецких писателей — членов «Плуга».

○ Первая Ореховo-зуевская районная **конференция пролетписателей**, обсудив доклад т. Суркова о задачах пролетарской литературы в реконструктивный период, разработал ряд конкретных мероприятий по развертыванию работы и вовлечению новых ударников в литературу. **Орехово-зуевская конференция пролетписателей послала приветствие «Литературной газете».**

● В связи с перестройкой творческой работы в методой «Кузнице» организованы 3 новых творческих бригады.

● А. Герман («Кузница») организует при МАПП секцию цыганских писателей, в связи с чем в МАПП перешли члены «Кузницы» — цыганские писатели: Р. Лебедев, Н. Пляков, И. Ром-Лебедев.

● Наркомпрос созывает 2 февраля **всероссийскую конференцию по детской книге.** Между тем, РАПП слабо готовится к конференции. До сих пор РАПП уделял недостаточное внимание вопросам детской литературы и подготовке кадров детских пролетписателей. Перед всероссийской конференцией по детской книге РАПП созовет 22 января в Москве совещание московских и ленинградских детских писателей. Секретариат РАПП выделил комиссию для подготовки и проведения совещания в составе тт.: **Анны Караваевой, Грудской и Кожевникова.**

● Объединенное собрание членов центрального правления и актива **эриванской организации АПП Армении**, секции молодежи и рабочих-литкружковцев единогласно резолюцию, в которой приветствует постановление об укреплении Татулова и его группы от руководящей работы ЗАПП и считает необходимым еще решительнее развернуть борьбу со всякими проявлениями влияния литературной агентуры Ломинадзе—Талуховa, выкорчеванной все ее перехлесты в Закавказьи и Армении.

● В **Ленинградском отделении ВССП** состоялось торжественное заседание, посвященное **40-летию литературной работы** старейшего члена союза и бессменного члена правления **переводчицы А. В. Ганзен.** Делегат ВССП возбудил ходатайство о назначении А. В. Ганзен персональной пенсии. Кроме того, участники заседания уполномочили ЛОП ВССП и ФОСП ходатайствовать перед Наркомпросом о присвоении А. В. Ганзен звания заслуженного деятеля литературы.

В БОЯХ ЗА КУЛЬТУРНУЮ РЕВОЛЮЦ"Ю

РОЗЫГРЫШ ЛОТЕРЕИ „КНИГА ВМЕСТО ВОДКИ"

— Один из самых больших завоев Владимира Ильича — «книгу»—в массы, — сказал т. **Арт. Халатов** на торжественном открытии Всероссийского книгоцентрика, состоявшемся 15 января в Октябрьском зале Дома союзов.— ОГИЗ и Общество борьбы с алкоголизмом осуществляют под этим лозунгом важнейшую общественно-политическую кампанию—книжную лотерею — «Книга вместо водки».

Третий, решающий год пятилетки, будет годом великого перелома и на фронте культурной революции. Ряд существенных культурных начинаний — несобуч, ликбез, подготовка новых пролетарских кадров—все говорит об этом. В деле борьбы за построение нового коммунистического быта, за пролетарские кадры, за социалистическую культуру — большим тормозом является алкоголь. Одним из важнейших культурных мероприятий в борьбе с алкоголизмом надо считать первую Всероссийскую книжную лотерею.

Культурно-общественные мероприятия такого порядка, как продвижение книги в массы посредством книжной лотереи,—говорит в заключение тов. Халатов,—**имеют громадное значение в деле социалистического переустройства страны.**

— Из 2 млн. билетов книжной лотереи, 950 тысяч было распространено на фабриках и заводах московским и ленинградским комсомолом и около 700 тыс. билетов—в колхозах и совхозах,— сообщает т. Малкин (от долгожителя). Книгоразыгрышу предшествовала массовая работа с книгой и рабочим читателем: устройство книжного карнавала в Москве, проведение декады «Книга вместо водки» в Ленинграде организации массового действа «Баррикады культфронта» в Севастополе, и «вечеров книги» на предприятиях.

От имени рабочих завода «АМО», придающих большое значение продвижению книги в массы, т. **Титов** предлагает организовать вторую Всероссийскую книжную беспроигрышную лотерею.

После приветствий представителей заводов и фабрик, МК комсомола, пионеров состоялся тираж первой Всероссийской беспроигрышной книжной лотереи. В течение 15, 16 и 17 января было разыграно до 2.000.000 книжных выигрышей на сумму 600.000 рублей.

Выигрыши будут выдаваться любыми книгами из всех книжных магазинов ОГИЗ и потребкооперации по всей территории РСФСР.

На вырученные от книжной лотереи средства Общество борьбы с алкоголизмом организует культурные чайные, радиоустановки, кинопередвижки, антиалкогольные выставки, будут издавать антиалкогольную литературу.

НОВОЕ ПРАВЛЕНИЕ ВССП

Годичное **общее собрание членов ВССП**, состоявшееся третьего дня в Доме Герцена, заслушало политический отчет правления, сделанный т. П. Павленко, и доклады комиссий и секций ВССП об их работе за 1930 г.

В правление ВССП избраны тт.: **Леонов, Огнев, Лидин, Павленко, Скосырев, Гольцев, Вера Инбер, Фадеев, Метелевский, Малышкин, Сметов, Кириллов, Селивановский и Будищев.** Кандидаты: **Островер и Большаков.**

В ревизионную комиссию избраны тт.: **Шульц, Яковлев, и Шилер.**

Подробный отчет о собрании будет напечатан в следующем номере «Л. г.».

РОСПУСК «НОВОЙ ГЕНЕРАЦИИ»

ХАРЬКОВ, 15. (Наш корр.). Общее собрание членов украинского литературного об'единения «Нова генерация» («Новое поколение») постановило считать организацию распущенной.

**

По этому поводу председатель ФОРПУ (ФОСП УССР) т. Речицкий сообщил нашему корреспонденту следующее:

— Весной прошлого года лефовской организацией «Нова генерация» была сделана попытка влиться в ВУСПП, но «Нова генерация» заявила вступить в ВУСПП, одновременно критиковала литературно-политическую линию союза пролетарских писателей и не отказывалась от своих лефовских установок. Подобная двурушническая позиция «Новой генерации» еще больше отделила ее от ВУСПП. И, действительно, «Нова генерация» начинает развиваться как рупор мелкого буржуа. Последние номера журнала «Нова генерация» оказались антикварийными документами. После нескольких предупреждений со стороны ФОПУ писатели «Новой генерации» признали свои ошибки и постановили распустить об'единение.

**

Надо отметить, что в опубликованной недавно в печати декларации о роспуске «Новой генерации» четко признаны ошибки тт. Роспуск мотивируется тем, что, не получая пролетарского пополнения, организация должна была бы превратиться в замкнутую интеллигентскую группировку, стать рупором классово-враждебных сил.

СОВЕЩАНИЕ «ЛИТЕРАТУРНЫХ ГАЗЕТ»

В Харькове состоялось совещание редакций органов ФОСП УССР и РСФСР — украинской и московской «Литературных газет». В совещании участвовали представители украинской «Литгазеты» тт. **А. Речицкий** (отв. редактор), **И. Минитенко** и **П. Лисовый** и нашим представителем—тт. **А. Селивановский** (член редколлегии «Л. Г.») и **Б. Рест.** Совещание наметило ряд мероприятий по укреплению связи литературных газет: в частности—систематический обмен материалом, опытом массовой работы" совместное проведение ряда кампаний и т. д.

РУКИ ПРОЧЬ ОТ М. ГОРЬКОГО

К протесту советских писателей по поводу выступления зарубежной печати против М. Горького (см. «Литературная газета» № 3 от 14 января) присоединились: **И. Батрак, А. Богданов, П. Замойский, А. Дорогойченко, Ив. Никитин, Л. Ильинский, Г. Тарпан, Н. Брыкин, А. Борьян, К. Зличченко, М. Инберг, С. Чижевский, Айкуни.**

ВЕЧЕР АНАТОЛЯ ГИДАША

Сегодня в клубе ФОСП, состоится ВЕЧЕР, ПОСВЯЩЕННЫЙ ТВОРЧЕСТВУ А. ГИДАША, — в пользу политзаключенных Венгрии.

Вечер устраивается «Литературной газетой» и ОГИЗ. Вступительное слово скажет БЕЛА КУН. О творчестве поэта Гидаша сделает доклад И. АНИСИМОВ.

Произведения венгерского поэта исполнят: ИРМА ЯУНЗЕМ — четыре венгерских народных революционных песни. ЛЕБЕДЕВ — из цикла «Зво». Е. А. РОЗИНЕР — из книги «Венгрия пикует». И. А. ЦВЕТАЕВ — из цикла «Колония кричит». ХОР РАДИОТЕАТРА — три марша.

Вечер состоится под председательством т. А. КАЛАТОВА.

Билеты от 50 к. до 1 р. 50 к.—в клубе ФОСП, Доме Герцена, Доме печати, Комакадемии, на Электрозаводе и на заводе им. Ильича.

ОБЗОР ПЕЧАТИ

ЛИТЕРАТУРНАЯ ПРОДУКЦИЯ ЖЕНСКИХ ЖУРНАЛОВ

«Делегатка», «Крестьянка», «Красная сибирячка», «Работница»... уже сами названия говорят о том, чья жизнь пульсирует на страницах этих журналов.

Включена ли художественная продукция в круг задач важного из них? И да, и нет! Художественная продукция и здесь представляет собой борьбу классово-противоречивых стилей. Можно наметить четыре основных направления, по которым идет литпродукция женских журналов:

Пролетарское.

Полутитское.

Ложно - пролетарское (своеобразная мимикрия стиля и творческого метода).

Классово-чуждое пролетариату и «нейтральное», то-есть в общем враждебное ему.

Разумеется эти направления распределяются по разным журналам неравномерно.

По качеству литпродукции на одном из первых мест стоит «Делегатка». Ее материал всегда актуален. Здесь ударничество и соцсоревнование являются главными темами и главными двигателями творчества.

Близка к «Делегатке» «Сельскохозяйственная работница».

Крайне противоречив литматериал «Работницы». Прежде всего бросается в глаза почти полное отсутствие произведений из жизни рабочих. Женщина на производстве должна быть бесцветной тенью журнала. И сказано это тем не разрабатывается почти ни в одном произведении. В журнале женщин-производственниц преобладает деревня. Большое место отводится описанию быта женщин национальностей и колониальных стран. Но авторов тянет не Кавказ, а Узбекистан, а Индия, а Китай не стремление показать рост социалистических элементов труда, быта и психологии, не стремление показать борьбу классов — их тянет туда экзотика.

Произведения, более или менее отвечающие задачам журнала, составляют явное меньшинство. К ним относятся ряд произведений **Н. Лебедева-Кургана, Дуси Пантилеевой** (товарка завода «Красный пролетарий»), постоянный отдел «Всем на-показ» (баба рецензица) и другие.

В произведениях о социалистическом строительстве в большинстве случаев преобладает любование внешней стороной.

Несоответствие между задачами журнала и его литматериалом имеется также в ленинградском журнале «Работница и крестьянка». Если в «Работнице» преобладают крестьянские темы, то здесь, наоборот, их нет. Жизнь крестьянки проходит мимо страниц журнала, не оставляя на них следа. Новая классовоотношений женщины города с женщиной деревни отсутствует совершенно.

В журнале иногда можно встретить «чистую», «нейтральную» поэзию:

«Люблю я осень с пьяными ветрами,
Люблю шальной осенний листопет,
Люблю сентябрь, враждующий с цветами,
Люблю грачей встревоженный полет.

Когда к листву взлетает зарь,
Окрашенная цветом вишни,
Нам кажется, что прожили не зря,
Что в жизни не бывает лишних».

(Е. Тихомирова «Осень»).

«Пьяные ветры», «шальной осенний листопет» — словом этот «лирический пейзаж» незаметно пропитывается явно реакционным утверждением: «В жизни не бывает лишних». Иначе говоря — да здравствуют все человеки, невзирая на классы.

В большинстве женских журналов (и не только женских) до сих пор не может особой вид произведений, который можно назвать **кратко-рассказом**. Герои в этих произведениях — необычайно лживые субъекты в кожаных куртках, с револьверами в руках, преодолевающие самые опасные трюки. В таком виде изображают коммунистов и их революционную деятельность. Кратко-рассказом в первый выступает пятидесятилетний старик, перо же, коим автор не слишком вдумывается. (Например, «Варька» **Мирошниченко** в «Работнице и крестьянке»).

Резко выделяется отрицательностью своей художественной продукции «Женский журнал». Если в других журналах наперекор недоброкачественному материалу движется струя здорового, нужного творчества, то в «Женском журнале» было беспрепятственное засилье мещанских тем. «Женский журнал» проходил мимо важнейших тем современности. В нем не нашли себе места ни ударничество, ни соцсоревнование, ни участие женщин в создании социалистических форм труда и быта.

В тех журналах, где пишут рабочие-ны, материал всегда актуальнее и интереснее (вышивальщица **Брагинская**, ткачиха **Мольнева** в «Делегатке», токарь **Д. Пантилеева** в «Работнице»). Материал правда, но всегда художественно грамотен, и в нем часто сказывается чуждое влияние. Неграмотность — большое зло, но зло поправимое. Гораздо худшим является грамотно, а порой и искусно написанные классово-враждебные произведения вроде тех, которые бесцеремонно выпекают «Женский журнал». Что это — сознательная близорукость редакторов, или просто малограмотность в вопросах художественной литературы? Что бы это ни было, вывод таков: необходим резкий перелом в сторону оздоровления художественной продукции женских массовых журналов. Больше отчетливости при отборе материала, больше грамотности в вопросах художественной литературы!

Н. С.

НА ФАБРИКАХ КНИГИ

* К VIII с'езду комсомола Украины государственное издательство «Молодой большевик» (УССР) выпустило сборник «Молодник», составленный из произведений комсомольских пролетарских писателей—членов литобъединения «Молодник». Комсомольскому с'езду посвящен также и 12-й номер журнала «Молодняк», выходящий в изд-ве «Радянське село».

* Правление ОГИЗ, признавая большое значение новой организации библиотечной работы на основе единой библсети, решило заключить договор о взаимной помощи между ОГИЗ и Ореховo-зуевской библиотекой. Профсоюзная и заводоуправлением фабрики «Пролетарская диктатура».

* Ударные писательские бригады ВССП, выезжавшие на бумажные фабрики для участия в инвентаризации прорывов на производстве, выпускают в издательство «Федерация» книгу очерков о работе писательских бригад.

* Библиографическому институту поручено к концу марта закончить разработку и внести на обсуждение правления ОГИЗ обзор литературы, выпущенной издательствами ОГИЗ за 1930 год.

* К «Неделе советской Белоруссии» Ленинградским отделением ЦИХЛ выпущен на белорусском языке альманах белорусской секции ЛАПП. «Цагліна у Падмурак» («Кирпич в фундаменте»). Это — первая литературно-художественная книжка на белорусском языке, изданная в Ленинграде.

КОРНЕЛИЙ ЗЕЛИНСКИЙ

ПРОФЕССОРСКАЯ МОСКВА И ЕЕ КРИТИК

Недавно вышла вторым изданием книга воспоминаний Андрея Белого «На рубеже двух столетий». Многие страницы этой книги по ряду причин сегодня приобретают характер злободневного документа. А. Белый непревзойденный мастер в изображении всех оттенков: смятений, философий, недугов умирающего класса. Дело «Прохвартина» было одной из заключительных сцен этого класса — «у последней черты». Белый же воспроизводит в своей книге этот мир буржуазных бредящих жрецов «науки» в его сравнительном расцвете, три—четыре десятилетия назад. Еще «красавец» Муромцев произносил тосты, еще витийствовали о всечеловеческих идеалах Стороженки и Янжулы; сеятели «разумного, доброго, вечного» еще пользовались народу, держа в руках цилиндры, стоя в собственных колясках.

И что же: фальшь, дичь, бессилие, перекуп, «социальный идиотизм», потрясающий разрыв между словами и делами, мучительная обреченность всего этого мира были налицо, были ясны и тогда, и это с большой художественной силой вскрыто Белым. «Профессорская Москва» конца прошлого и начала нашего века запечатлена «знатоком» и мастером тонкой гравюрой причудливых типов, зарисовала это, страстно, подчас с предвзятостью, желательно, но всегда метко, характерно, с удовлетворяющей рельефной черты. Гротескная манера портретирования, свойственная Белому, здесь весьма у места. «Нарки» и «карикатуры», профессорши и интеллектуальные сцены режима возникают под пером Белого разоблачительными фигурами Домье. Этот лабиринт из профессорских квартирочек, «быта и бытиков» подчас Белым на степень психологического, философского и социального обобщения. И над всем этим, точно головы социальной Горгоны,—чудовищный образ «зрелой матери» писателя М. П. Лясковской, «профессорши», бытички, хранительницы устоев — «символ» самой буржуазии.

«То и дело я слушал», — пишет Белый:

— Мы, мы...

«Соль земли или — сволочи, — мы: мы — Москва, соль России (то—знал от отца); в Петербурге — чинуши за «лобовыми»; профессора знают все; им подай лист бумаги и дай карандаш: жизнь мгновенно урегулируется из листа этом в правилах высшего света; и вот они: борьба за существование у животных, у нас, у людей, есть гуманность прогресса: а форма ее — конституция».

Сам «профессорский сынок Боренька», старший потом писателем Андреем Белым, наблюдал этих «карикатур» из фронтона режима не с парадной, «архитектурной» стороны, а изнутри, в их научно-семейных призраках, сам взмыкал поздравы весь потрясающий «шаркунчатых и пышь средне-арифметической профессорской квартирки».

Чутьем художника он рано раскрыл истинную сущность этого мирка. И немудрено, что «конституция,—пишет Белый, — представлялась не столько мне в определениях посредством понятий, сколь в выездах Муромцева, Ковалевского. Чупрова, Иванюкова во фраках; с какой-то трибуны сказать нечто витиеватое, что говорилось у Стороженок и что говорилось М. М. Ковалевским у нас за обедом, под рябчиком».

«Общественность этой квартиры, — признается Белый. — была резко приподнята над прозой надеждами,—эта жизнь в двух планах—«мыслен» научном и в «низшем» рядом с «духовным попом и дурным городовым»—была, однако, — пишет Белый, — в предохранение от всяких «революций» крепко закручена «Спенсером» и круговой порукой:

«Не колебать устоев».

Подобно «кулеческой Москве» Островского или «разночинной интеллигентской» Москве" Гершензона, «профессорская Москва» Андрея Белого,—наумительный свидетельский документ эпохи, развернутой с блеском и большой глубиной. Вчитываясь в него, начинаешь многое понимать более отчетливо и в последующей эволюции некоторых героев «профессорской Москвы», докатившейся впоследствии до дела «Промпартии». Правда, мир, изображаемый Белым, дан в несколько ином разрезе. Это не преимущественно «гуманитарная интеллигенция», а также круг ныне записался — крупного математика Н. В. Бугаева. Но этот мир все же непосредственно смыкался с той «деловой» интеллигенцией, инженеров и мануфактурщиков, непосредственных подруг иных буржуазии. И недаром гос-кто из «сынка Белого» непосредственно попадает в «список Рамзина». Разглядывая, я говорю, этот документ, начинаешь более ясно понимать психологические батовые корни такой фигуры, как, скажем, Федотов.

Что же противопоставляет Андрей Белый этой «профессорской Москве»? Как же объяснит писатель свой злейший и творческий путь в этом окружении, превращение из «Боренькн» в «Андрея Белого»? С этой стороны книга тоже весьма «злободневна» и характерна. Оказывается, что революционной силой, которая вызрела в недрах этой «профессорской Москвы», выступившее впоследствии с обличением и разоблачением ее, был... **символизм.** По Белому выходит, что символизм был течением вполне революционным, возникшим из «подполья», почти полупролетарским, едва ли **«предтечей Октября».** Сами символисты, оказывается, не только не имели никаких связей с интересами промышленного капитала, но были все **«марксистами».** Маркса внимательно изучали. С особенным возбуждением отрецензировал Андрей Белый от общений с «мистике» Вересница страниц посвящена превосходнейшим доказательствам, что он не «мистик» и что его времена «мистицизм» был не чем иным, как тактическим приемом, **«тактической мистикой».**

«Мы, не разделяя позиций Канта, но еще более ненавидя «позитивный эмпиризм» (кажется, выражение Ленина), (великолепно здесь это «кажется». — **Н. Э.**), в шику Стюарту Миллю, тайно-явно поддерживали лозунги «назад к Канту»... Некогда мы готовы были согласиться на что угодно: на Ницше, на Ульдэ, даже на... Якова Беме, только бы нас освободили от Скабичевского, Кареева и Алексея Веселовского».

Довольно странная для нас с вами «пролетарская логика»: не нравился Скабичевский или тем Потапенко (серы и пошлы, больно), пошел в обитель Якова Беме, Рудольфа Штейнера или даже римского. Но Белый **не замечает этой «странности».** Самые рассовременнейшие термины — «революционное подполье», марксизм, деборинцы и механицисты то и дело мелькают на страницах книги. «Подполье» — это убежище символистов по выступлении на арену борьбы с «профессорской Москвой». Деборинцем был отец писателя Н. В. Бугаев в спорах со своими противниками, которые были «механицистами». Деборина Белый приводит как пример «ортодоксального диалектика» (кстати, любопытная рекомендация для Деборина).

Все это знаменательно во многих смыслах. **Знаменательно, что даже такой писатель, как Андрей Белый, хочет «ощутить» себя марксистом,** чувствует непереезжее превосходство идеологических позиций победившей революции и хочет с этих позиций переосмыслить свое прошлое. Ощущение катастрофы раздавленного класса витает над книгой, и Андрей Белый изо всех сил хочет выкарабкаться из-под его обломков и укрыться под сенью революции. Наивно и трагикомически звучит вся система самооправданий, построенных Белым. Чего стоит одна защита о происхождении символистов и доказательство их «небуржуазности». Согласно анкеты, один только Брюсов был сын купца, да и то его дед—крепостной крестьянин. Конечно, было бы продолжением этой наивности вступать в спор с Белым и приводить анкеты, которые знает каждый пузовец, что вовсе не нужно самому быть мелким лавочником, чтобы являться идеологом буржуазии.

Русский символизм возник на прожках предмерсова девяностых годов. Но наша «отечественная» капиталистическая культура начала занимать, еще не успевши «расцвести». И снижением как литературно-идейное течение вобрал в себя все эти противоречивые элементы: мотивы «великих завоевательских планов» и одновременно мотивы смерти, мотивы классицизма и мистики, декадентства и коллективизма. Конечно, дело не обстояло так грубо, что, скажем, надоело Рябушинскому читать Потапенко, стошнило его и потребовал он Метгерлинков. Символизм тут как тут: «Пожалуйста». Но суть, увы, медалена отлита. **Исторически, символизм выполнил свою роль — именно приобщения русской буржуазии** «к мировому пантеону европейской культуры», когда товары этой буржуазии начали стучаться на внешний рынок. Да и сам Андрей Белый должен был признать в другом месте, что социальная среда, которая складывалась вокруг «Весов» и «Скорпионов», «шла по линии интересов крупного купечества к новой литературе». **Марксистская критика** в свое время в лице Плеханова, Воровского, Каменева и других резко выступала против символизма, справедливо усматривая в его деятельности выполнение в основном социального заказа промышленной буржуазии.

Но Андрей Белый не только замалчивает все это, но пытается изобразить дело так, что «кулеш славы» символизма — дело происков... белогвардейских «Николаев», «профессорских нападений» и «шпионских списков». Это они будто бы «налоложили» на Белого, что он «мистик», «антропософ», «декадент», «симфонщик», «замучил личность». Это либералы «сводили счеты». «Непрошл,—хочет доказать Белый,—я естественным (следует перечисление прочитанных книг и прослушанных лекций), я знаток математики и философии (следует то же самое), я «подпольник», я «критик быта», я «их писатель».

«Среди кого я рос, — спрашивает Андрей Белый, — у кого сидел на коленях? У Максима Ковалевского сидел: и поражался мягкости его живота; и я нырялся... под животом Жижула; Жуковский, Поплов, Усов, Стороженко, Лаучин, Веселовский, Иванюков, Хронцкий, Грот, Умов, Горожанин, Зернов и прочие, прочие из стан сильных родились вокруг меня.

— Штаны вы им только обмочили, семейный человек, вот и вся ваша революция: скажет ему, допустим, обиженная «Галочка» (Т. Щепкина-Куперник), которую «Боренька» обливает холодным презрением за недостаток «революционности».

И нечего будет ответить человеку, который был «Боренькой», кроме истошного угрозы:

«Я и впоследствии пропну, — пишет Белый, — чтобы при ОГПУ было открыто отделение суда и кар за передержки, имеющие тенденций дискредитировать».

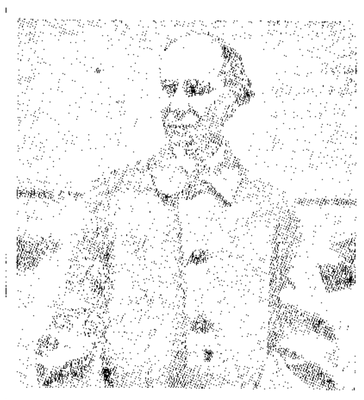
Что ж, повторю опять, весьма знаменательна эта сторона книги Белого. Я начуть не хочу ее «общупать». Воображаю, какое слюнобрызгательство вызовет это место в белой эмиграции у «Николаш», у которых одно имя карающего органа революции вызывает от приливов кровяные тромбы в мозгу. Разве нет в том победы революции, что даже такой человек, как Белый, по-своему протягивает руку к часовому революции:

— Так мол и так мол, товарищ, защити. Обижают.

Но не обязывает ли это обращение? А какие сундуки воветь защищать? Чье добро-то? К сожалению, у Белого и здесь осталось, ну что ли... такта поставить перед собой этот вопрос. И плохо скрываемый паникой звучит задиристое обращение к Мяскову: «Теперь видно уже: профессор, выходящий гулять без зонта к «Константинополю и проливам», оказался мокрым, теперь он сводит счеты с символизмом, его предупреждавшим двадцать девять лет назад о том, что на бывшем получится спенсеровской эволюции больших прогулок строить нельзя было». Во-первых, «предупреждение» было сделано в интересах самого же предупреждающего. Это главное. А во-вторых, будем откровенны, — оказался «мокрым» и символизм, несмотря на свои защитительные «зонтики» из «научного» оккультизма пресловутого Рудольфа Штейнера (ради бога, не подумайте, что он «мистик»).

Книга Андрея Белого в своей критической части — блестящий художественный протокол распада, дегенерирования историческим обреченного класса. Белого — художника—хватило на то, чтобы «отомстить» этим разоблачением социальной среде, его породившей, его вырождающейся, его «умирающей» и вместе с тем «не умирающей». Но Белого — публициста-идеолога **недостало на то, чтобы подняться над своим классом.** Он неизбежно остается критиком изнутри своего класса, и «критикует» в интересах его самого. Ноты поражения, обозленной неудачи, что не удалось в свое время подправить, построчить, облагородить, окультурить (вообще предупреждал же!), звучат в книге. **Публицистические метания** Белого, жалкие трагикомические попытки как-нибудь защититься за революционные позиции — **тот же зной страшного удара, который революция нанесла классу Белого,** знак опустошения, признания своей полной и моральной несостоятельности. Самооправдание Белого — форма сопротивления его класса социалистическому наступлению. В этом смысле книга Белого имеет также и другую сторону, нам политически резко-враждебную.

Все это подсознательно ощущает и сам Белый. В недавно вышедшем сборнике «Как мы пишем» Андрей Белый сообщает, что свои мемуары «На рубеже двух столетий» он «на-ни-сал» «настрочил», 26 печатных листов в два месяца, что это «добавленная халтура», ради хлеба насущного. Он противопоставляет эту «публицистику», которую заключает в презрительные кавычки, своей настоящей художественной прозе. От слова строит знакомый нам «комикос утешенного». Через головы всех нас, своих современников, кроме



АНДРЕЙ БЕЛЫЙ

тарната он обращается к будущим «товарищам-потомкам», которые оценят и оправдают его теперешнее поведение.

Вялое, в сущности говоря, надо иметь барское презрение к людям (а эти люди с неменьшим духовным и физическим напряжением, с каким Белый пишет свои романы, строят это самое будущее социалистическое государство), чтобы, повернувшись к ним в ноябороте, заявить: «Вы мне денег не дасте (конечно, это просто не соответствует действительности) на настоящее творчество», так и сейчас тогда халтуру, «публицистику». Облик «спорщика», пронзительного и изобличающего, всегда готового ужалить в спину и никогда не принимающего боя в лоб скрывающегося тотчас в свой «духовно-монизм», когда нужно самому пройти сквозь огонь, великом самопожертвованию своими болями и интересами, — отсюда встает со страниц книги. Это облик не только личный—«писатели Андрея Белого». Это — социальный облик той ветви «профессорской Москвы», некорчевной буржуазной, но раздираемой ее противоречиями, облик того социального слоя, который хочет выпустить два жала: одно в своих — так они проглядели, как они довели их до жизни такой, — а другое жало — в пролетариат, которому они классово не могут простить своего исторического поражения.

МАСКИ И ЛИЦА

М. ЗАРЕЦКИЙ. «Раковые жернова». ГИЗ. 1930. Стр. 232. Ц. 1 р. 80 к. Тир. 3.000. **Н. ВЕНКСТЕРН. «Чужой». «Федерация».** 1930. Стр. 308. Ц. 3 р. 50 к. Тир. 4.000.

Перед нами сборник рассказов, изданный на русском языке, под названием «Раковые жернова». Чрезвычайно поучительно разобрать эти рассказы, как пример явно кулацкой идеологии, облеченной в художественные образы. В этой книге нет политической платформы,—ее он дает только в своем последующем романе, вложив в уста героя речи о «хитрых большевиках», которые учатся белорусскому языку, «чтобы легче обманывать мужиков»; эта книга—пока только жизненная платформа и руководство к повседневному действию для всякого классового врага.

Поражает исключительная духовная бедность и умственная ограниченность героя Зарецкого. Основная тема последнего — это как бы получше устроиться, как бы побольше получить от жизни какою бы то ни было ценою. Зацепиться, вормазаться («Двое Жировских»), а там в звериной борьбе за существование вырваться зубами в горло всему, что мешает его «счастью». Идеальнее в том, чтобы забраться в глухую конуру и там торжественно служить брюху и полу. «...Скрыться от всех, кто будет пытаться так или иначе войти в его жизнь»,—волнуется Зарецкий за своего героя. Кулак-хуторянин, берлогий человек никому не разрешит войти в свою жизнь. И очень выдержанно Зарецкий проводит эту хуторскую идеологию через всю книгу. В буре гражданской войны, в классовых стычках с помещиками (интересно, что только эту форму классовой борьбы он признает), в стройке завода (все фонды, призванные **замасиировать** кулацкую сущность героев) Зарецкий только умилительно скрывается под тихую сень интимного одиночества, лишь бы уйти от слишком бурной общественной жизни. Больше того, вся общественная жизнь существует только в намеках. Так пасует перед жизнью кулак, создавая себе собственный мирок.

Но пасует он не всегда. Бывает так, что кулак свирепеет, зверет и, забывая свою трусость, выступает в роде того «сильного человека», которым столь восхищаются эмигранты. Зарецкий показывает и эту сторону кулацкой натуры. Бывает это тогда, когда дело касается **чувства собственности.** В том плане, в каком Зарецкий описывает своих героев, это чувство собственности целиком концентрируется на отношениях к женщине. Редко можно встретить более поплое отношение к вопросу пола, какое встречается здесь. Подлинное средневековье в привычках и взглядах. Когда отнимают у кулака его имущество — женщину, он начинает рычать: «Я сильнее тебя, я могу тебя задушить». И он душит и убивает. Но сколь жалок он даже в своей ненависти. Он убивает из-за угла и смертельно боится, что его накроют.

Редкая обнаженность цинизмов, всей убогости мировоззрения кулака находят в Зарецком своего достойного художника. Дикий эгоизм, инзкосортный героизм, звериное собственничество — таков «герой» Зарецкого.

***

Но если Зарецкий в своих писаниях кроет, как кулацкий образ, то Н. Венкстерн значительно сложнее.

«Чужой» — это исторический роман эпохи Николая I. Противоречивое впечатление остается по прочтении этого романа. Перед нами как будто картина жестокой реакции николаевской эпохи, но исключительным чувством обиды за прошлое звучит он. В рассказательно-иронической стиле Н. Венкстерн изображает идиллических дворян, безобидных и жалких. Они «сахарные телепочки», они устали от светской жизни и борьбы. Они хотят мира и уюта, эти кроткие помещики, неспособные ни к какой борьбе за власть. И именно поэтому они жалки. А царь — «гигант с лицом Зевеса», «вблизи которого дышется, как на вершине горы, разреженным чистым воздухом», трагедия которого в том, что у него нет поддержки. «Доверия, доверия—где взять его?» Царь-гигант, божественный император; дворяне же вместо помощи ему, проживают жизнь в балах и пепонятках или же, как декабристы, «эти пылкие мальчики, играющие в заговоры и в революцию», бессильны, но заранее обречены на провал.

Такова реакционнейшая суть этой типично шумпиповской книги. Упреки истории и нарисние сожаления о том, что все могло быть не так, как оно было, если бы русское дворянство было иным. Книга извлекает исторический урок: надо было начинать сверху, чтобы не допустить начала снизу. И поэтому для автора глубоко трагична судьба Николая I, поэтому с такой болью описывает он Россию, страну, в которой нет доверия между царем и «народом». «Как это все плохо вышло»,—растерянно повторяет Венкстерн свой своей книгой.

«Внутренняя эмиграция», пытающаяся осознать исторические причины «случившегося», таков социально-политический смысл рецензируемой книги. Может быть и не стоило бы останавливаться на ней, если бы она не выражала известных социальных настроений, если бы ее не выпустила в роскошном издании «Федерация» на девятнадцати с половиной листах.

С. КАРЛИН

ПИСАТЕЛИ НА ГАСТРОЛЯХ

ЮЛИЙ БЕРЗИН. Путешествие. Факты и лирика. Из-во писателей в Ленинграде. 1931 г. Стр. 136. Цена 1 р. 30 коп. Тир. 1.200 экз.

«Путешествие», — так озаглавил Юлий Берзин свою книгу очерков о Средней Азии. К сожалению, очерки настолько поверхностны и несерьезны, что поездка автора в Ташкент и Самарканд **[illegible]** читателя, как денная про-

его путешествия по Средней Азии (Ташкент, Самарканд, Бухара, Фергана, Ферганская долина, Голодная степь, Кара-Кумы, Ташкентский железнодорожный узел, Турксиб, Ташкентский хлопковый завод, Ташкентский текстильный комбинат, Ташкентский завод имени Ленина, Ташкентский завод имени Куйбышева, Ташкентский завод имени Фрунзе, Ташкентский завод имени Ворошилова, Ташкентский завод имени Сталина, Ташкентский завод имени Кагановича, Ташкентский завод имени Молотова, Ташкентский завод имени Микояна, Ташкентский завод имени Калинина

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Орган Федерации Об'единений Советских Писателей РСФСР

МОСКВА 24 ЯНВАРЯ 1931 г. № 5 (104)

РЕДАКЦИЯ: Тверской бульвар, 25, Дом Герцена. Тлф. 2.80.12

ЗА ВОИНСТВУЮЩУЮ ЛЕНИНСКУЮ ТЕОРИЮ

Семь лет прошло после смерти Ленина. Семь лет огромных исторических успехов на всех фронтах социалистического строительства. За эти годы ленинская культурная революция стала делом миллионов трудящихся масс. Социалистическая реконструкция всего народного хозяйства, ликвидация кулачества как класса на базе сплошной коллективизации, выкорчевывание последних корней капитализма создали новые основания для ленинской культурной революции, она стала боевым орудием развернутого социалистического наступления.

Каждая наша победа на фронте борьбы за социализм становится новым этапом роста культурной революции и ликвидации неграмотности, темноты и отсталости.

Успехи социалистического строительства определили подлинно-массовый характер культурной революции на данном этапе (исключительное развитие рабкоровского движения, создание заводвузов, успехи всеобщего обучения, общий рост народного образования, огромный рост книжной и журнально-газетной продукции, новые явления в литературном движении, призыв ударников и т. д.). Огромные слои трудящихся стали сознательными строителями культурной революции.

Культурная революция в СССР стала международным явлением, опыт нашего культурного строительства есть опыт рабочего класса всего мира, в условиях капитализма, создающего свою культуру.

Рабочий класс в союзе с лучшими представителями дореволюционной интеллигенции перешел в решительное наступление по всему фронту науки и искусства, выковал новые культурные кадры. Последние годы были годами преодоления эклектизма, механичности и враждебных пролетариату влияний на основных участках теоретического фронта. Дискуссии: историческая, философская, экономическая и литературоведческая проходили под знаком борьбы за ленинскую ортодоксию, за марксизм-ленинизм. Эти дискуссии не были делом узкого кадра ученых-специалистов, в теоретическую борьбу были вовлечены широкие слои трудящихся. Пролетариат, все больше и больше овладевая вооружением марксистско-ленинской теорией, ею руководится в своей борьбе с извращениями марксизма. Эта борьба особенно необходима именно теперь, когда теория стала все больше и больше охватывать социалистическую практику. Всякое отступление от марксизма-ленинизма в теории превращается неизбежно и в борьбу с практическим строительством социализма. Для ленинца теория неразрывно связана с практикой. Для ленинца практика есть осуществление теории, а не бесплодное чудачество теории.

Годы без Ленина были временем борьбы со всякого рода извращениями ленинизма и в вопросах культуры. Ведущую роль в этой борьбе играло организованное пролетарское литературное движение, выдвинувшее кадры теоретиков ленинской культурной революции и опередив в этом остальные отряды фронта теории. Пролетарское литературное движение, проводя линию партии, боролось с троцкизмом, отсадившим пролетариату, в полном согласии с Каутским, лишь роль потребителя буржуазной культуры, отрицавшим возможность создания пролетариатом своей классовой культуры и литературы, отказывавшимся от классовой борьбы в области искусства и литературы, оставлявшим буржуазию гегемоном культуры. Пролетарское литературное движение проводя линию партии, боролось с бухаринскими концепциями «анархической свободой конкуренции» в культуре и с вытекающими отсюда положениями о «затухании» классовой борьбы, о врастании кулака в социализм, что означало ликвидацию ведущей роли пролетариата в культурной революции. Пролетарское литературное движение, проводя линию партии, боролось со всякого рода теориями «бессознательности» и «стихийности» художественного творчества ибо искусство для рабочего класса есть средство познания и изменения действительности, ибо пролетарский художник не только воспроизводит мир, но и воздействует на него и выносит своим искусством приговор над действительностью. Пролетарское литературное движение на деле становится массовым движением, оно увлекло в свои ряды сотни и тысячи передовых борцов рабочего класса — ударников. Пролетарское литературное движение показало пример того, как нужно соединять практику с теорией, как нужно пропитывать практическую работу ленинизмом, как нужно воспитывать художника-большевика. Ленинская культурная революция была для пролетарского литературного движения не «теорией», не догмой, — нет, оно пропитывало идеями ленинизма всю свою практику. Пролетарское литературное движение в основном правильно осуществляло партийную линию в искусстве, именно оно с наибольшей полнотой проводило в жизнь ленинскую культурную революцию в области литературы. Именно поэтому опыт пролетарского литературного движения есть опыт всей нашей литературы и в первую очередь литературы колхозно-крестьянской. Именно поэтому пролетарское литературное движение является лучшей школой для каждого теоретика литературы. Именно поэтому пролетарское литературное движение является ведущим отрядом всего фронта искусств.

Сделаем ленинскую теорию оружием всего литературного движения!

Будем дальше бороться за ленинскую культурную революцию, за ленинизм под боевыми знаменами коммунистической партии, под руководством ленинского ЦК!

Семь лет... и строги, и суровы
И плавок грек, и грозен тукман
Есть в каждом ленте свой завет
И в этом скорбном семилетье
Есть радость ленинской борьбы.

П. ПАНЧЕНКО
А. ШПИРТ

БУЛАТ

ВОЖДЬ

Ленин...
Имя его, как солнце в ночи.
Имя его, как восстанье звучит...

*

В диком буране, захватывающем дух,
В пустынях, где к солнцу тайга ушла вода;
В медвежьих лесах, где с бурею борется дуб,
Где лисьей тропой человек не ходил никогда,
В дорогах больших, где по вехам бегут прогоны,
В дорогах глухих, где людей настигала беда,—
Слышали звезды прикладов бессонного стук,
Образ его с нами стоял на посту...

*

Мы были солдатами самой хорошей войны,
И каждый, как сердце, заветное знамя берег,
Мы были солдатами непримиримой страны,
И так, где мы шли,—врагу не хватало дорог.
Знамена сочили на землю горячую кровь,
И в реках рекла людская горячая кровь;
Ночи знамен вставали, кострами горя,
И в диких буранах, и круговороте ветров
Рождался неистовый, юный народ Октября...

*

Земля на дыбы поднималась в дыму и огне,
Стонала нужда, и по улицам голод бродил,
Но нас насыщали мечты о победе и гнев,
Единое сердце у нас клокотало в груди.
Мы, как ветер, летали в долины, леса и поля,
Мы переходили бурливое множество рек;
Мы шли на разведку, и долго гудела земля,
И в долгой ночи не выдуманный снов человек.
Обходными путями мы гнали врагов за Урал,
Шрапнели и трупы оставили мы позади,
И каждым снарядом, который мостя разрывал,
Указаны были победные наши пути...

*

Отстрелялись года...
Но в памяти сердца живет
Большое биение
Горячих и взрывчатых дней —
Чапаев динамо
Верной рукой ведет,
Ватага Кашкрина *
Диких седлает коней...

*

Отстрелялись года...
Но снова вздымается дым.
Трудом пропахла,
И в тысячу топов гудя,
Страна вырастет,
Ведомая словом живым
Умершего
Вождя...

*

Ленин...
Имя его — как солнце в ночи,
Имя его — как восстанье звучит...

С башкирского.

АЛЕКСАНДР ШПИРТ
ПАВЕЛ ПАНЧЕНКО

* Кашкрин — красный башкирский партизан.

ДОЛОЙ ПОЛЬСКИЙ ФАШИЗМ!

ВОЗЗВАНИЕ КО ВСЕМ ПИСАТЕЛЯМ МИРА

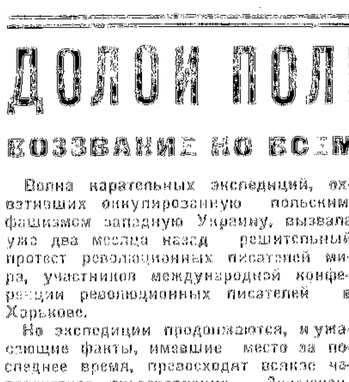
Волна карательных экспедиций, охватившая оккупированную польским фашизмом западную Украину, вызвала уже два месяца назад решительный протест революционных писателей мира, участников международной конференции революционных писателей в Харькове.

Но экспедиции продолжаются, и ужасающие факты, имевшие место за последнее время, превосходят всякое человеческое представление. Заключенные в Луцкой тюрьме украинские общественные деятели подвергаются нечеловеческим пыткам: их прижигали раскаленным железом, били резиновыми палками, подвешивали за волосы, вбивали под ногти иголки, вливали через нос в легкие воду с керосином, а женщин насиловали и избивали до потери сознания. Три человека умерло от пыток, один убит и брошен в реку Стыр, несколько истязуемых сошло с ума. Среди заключенных в Луцкой тюрьме два пролетарских писателя западной Украины, члены украинской пролетарской литературной группы «Горно»—Антонина Матулевича и Владимир Шаин. Матулевич, известная писательница и режиссер, доведенная до отчаяния нечеловеческими мучениями, пыталась перерезать себе горло. Она лежит сейчас при смерти в тюремном госпитале в Луцке.

Международное об'единение революционных писателей вновь обратилось с воззванием ко всем писателям мира, в котором между прочим пишет:

«Тот, кто перед лицом подобных зверств молчит, прикрываясь тем, что не вмешивается в «политику», становится тем самым в ряды польского фашизма, который плетью и пытками пытается заглушить освободительное движение порабощенной страны. Само существование государства, где происходят подобные ужасы, является позором для всего человечества и для всякого, кто претендует на звание культурного человека. Писатели всего мира! Ваша задача, ваша обязанность мобилизовать население вашей страны для борьбы за освобождение из рук польских бандитов невинных жертв фашистского произвола».

Воззвание от имени международного об'единения революционных писателей подписали: Иоганнес Р. БЕХЕР, Эрист ГЛЕЗЕР, Э. Э. КИШ, Людвиг РЕНН, Анна ЗЕГЕРС, Иоганн МАРХВИЦА (Германия), Анри БАРБЮС, Луи АРАГОН (Франция), Боб ЭЛЛИС, Гарольд ХЕЗЛОП (Англия), Эптон СИНКЛЕР, Майкл ГОЛД, Джон Дос ПАСОС (Америка), Бела ИЛЛЕШ, Анатоль ГИДАШ (Венгрия), Томаш ДОМБАЛЬ, Збуню ЯСЕНСКИЙ, Витольд ВАНДУРСКИЙ (Польша), Василь БОБИНСКИЙ-МЕРЧАН (Западная Украина), НОВОМЕССКИЙ, В. КЛЕМЕНТИС (Чехо-Словакия), М. КАХАНА (Румыния), Линзод ЛАЙЦЕН (Латвия), Тонуизага КАССИ, Фудзимори СЭЙКИТИ (Япония), ГО-МА-ЖО, СЯО (Китай), ЛАХУТИ (Персия), Хамди СЕЛЛЯМ (Египет), Л. АВЕРБАХ, Ф. ГЛАДКОВ, Ю. ЛИБЕДИНСКИЙ, И. МИКИТЕНКО, А. СЕРАФИМОВИЧ, А. ФАДЕЕВ (СССР).



Ленин на III конгрессе Коминтерна, записывая выступления ораторов для ответной речи, уселся на корточки среди ламп для микрос'емки, чтобы не мешать операторам

ОЛЕСЯ БЛИЗЬКО

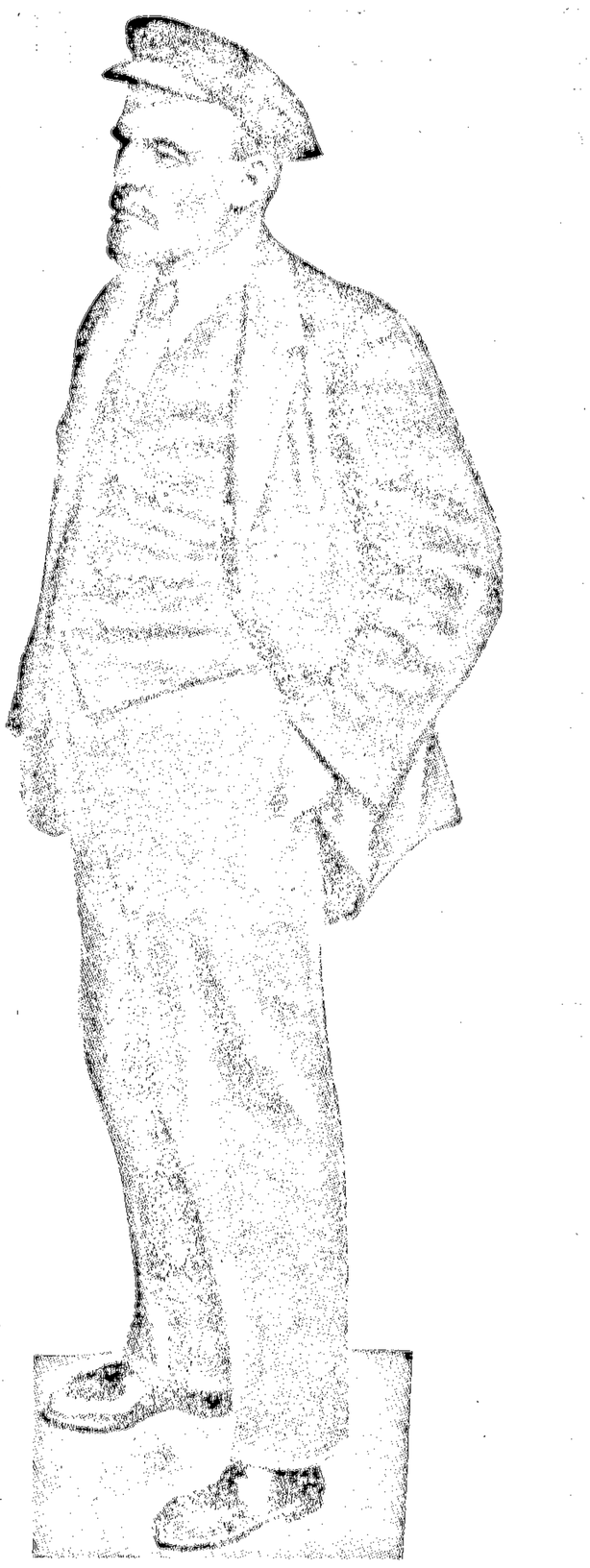
ЮБИЛЕЙНОЕ СЛОВО

Пусть с Запада летит:
— Вы разорвали струны
Культурной жизни!
Но Восток —
Живет!
Пусть с Запада летит:
— Вы хамы, скифы, гунны!—
Восток в ответ:
— Спокойно принимаем!
И злобою своей, и клеветой,
и бранью
Нас не привяжешь, враг,
К позорному столбу.
Мы обращаемся —
Как за своею данью:
Дорогу дай —
Вчерашнему рабу!
Мечом нас не пугай,
И не пугай крестами,—
Привыкли к ним,
Разбивши лица в кровь, —
И смысл терпели свой.
Молясь перед крестами
Века
И годы,
Чтя и имея в «любовь».
Довольно разбивать
Свои сердца надеждой.
Не ждите молока «обещанных»
наров.
Довольно нам ходить
В потрепанной одежде—
Без ропота
Послушных всем рабов.
Нас гимном не пугай —
Пред ним не дрогнут мои,
Ведь где, как не у вас,
Учились мы ему?
Обтай же, враг, не «хамы» —
Человека —
Ведь «хам» уже не «хам» —
Он грый враг врагу...
Кричи нам с Запада:
— Вы разорвали струны
Культурной жизни!
Мы в ответ:
— Живем!

С помойницы кричи:
— Вы хамы, скифы, гунны!
А мы—с горячих солнц:
— Что сыти?—признаем!

Перевел с украинского

Иосиф КИСЕЛЕВ



«Ежели не наше мнение об искусстве. Ежели такие не то, что дает искусство тысячным сотням, даже миллионным толщам общего количества населения, исчисляемого миллионами.

ИСКУССТВО ПРИНАДЛЕЖИТ НАРОДУ

Оно должно уходить своими глубочайшими корнями в самую толщу широких трудящихся масс.

Оно должно быть понято этими массами и любимо ими.

Оно должно об'единять чувство, мысль и волю этих масс, подымать их.

Оно должно пробуждать в них художников и развивать их.

Должны ли мы небольшому меньшинству подносить сладкие утонченные бисквиты, тогда как рабочие и крестьянские массы нуждаются в черном хлебе? Я понимаю это, само собой разумеется, не только в буквальном смысле слова, но и фигурально, мы должны всегда иметь перед глазами рабочих и крестьян. Ради них мы должны научиться хозяйничать, опять-таки это относится также и области искусства и культуры».

ЛЕНИН

АНДРЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ

ЛЕНИНСКАЯ ПЕСНЯ

Теперь мы жизнь как никогда
Творим безудержно пажей.
Вздымайся выше, стяг труда!
Грядущему — привет и слава!

Силой несметной,
Пятидневным вспененным
Рухлядь былого долой!
С песней победной
Под знаменем Ленина
За социализм
В бой!

И день и ночь гуди, завод!
В поход, рабочие шеренги!

Уж близок час — и средь бойот
Услышим гул электростанций.

Силой несметной и т. д.

Рядом машин, колхозов шир —
Страны советской достиженья.
Под стягом Ленина весь мир
Добьется дня освобожденья

Силой несметной и т. д.

Пер. с белорусского

МАКАР ПАСЫНОК

ЛЕНИНСКАЯ ПРАВДА

Это было весной 1919 года. Питер умирал от голода. Мы получали по фунту овса на неделю. Этот овес рубили в мясорубках, прибавляли картофельной шелухи, кофейной гущи, горсть отрубей и пекли лепешки: горькие, колкие, не проснешь в горло. Жмыхи — это было сытное кушанье. Но два-три дня приходилось ничего не есть. Но неделю ничего не выдавали, даже не было и овса. И в это время мы «грабили» Питер. Все, что было жалкое, хлоровое, посылали на фронт. Но, конечно, и в самом Питере от этого спасающимся не легче. Лучшая часть работников уходила на фронт, передовые рабочие отправлялись в Сибирь, на Украину на Дон, с семьями и со всем своим скарбом. Питер опустошался, и в Питере начинались забастовки. Меньшевики и эсеры тогда пользовались случаем, проторялись заштатниками рабочих и затирали бузу. На что Путиловский завод и тот не выдержал, забастовал. И вот в такой «веселый» момент приезжает к нам Ленин.

Помню дворец Урицкого. Собрались мы, представители районных и красноармейских организаций, — 3—4 тысячи человек. Зал был набит доотказа. Я стоял у самой трибуны внизу, так, что Ленин был аршина на два выше моей головы, и я отчетливо видел его, видел плотно сложенного человека, в костюме темного цвета, клетками, в немецком рубашке, с галстуком.

Когда он появился на трибуне, мы все захлопали и ладоши, а он, не обращая внимания, деловито и быстро разделся, повесил пальто на спинку стула, сел, опершись руками на колени, внимательно, как-то озабоченно смотрел на нас, на рабочих, работниц и красноармейцев. Мне кажется точно, что ему хочется увидеть и понять, что мы чувствуем, что переживаем, что осталось в нас революционного, кроме этих хлопушек по его адресу. И когда это установилось, когда Зиновьев объявил, что слово предоставляется тов. Ленину, он также быстро встал и, сделав приседание к работе, прошел на трибуну. Зал сразу разразился аплодисментами, и он не протестовал против них. Он как будто доволен был этим. По его быстрым взглядам можно было понять, что ему хочется не самому начинать, а побольше, поглубже ознакомиться нас. Ведь давно он не был среди петроградских рабочих. Знал он, что мы голодаем, и те три-пять минут аплодисментов нужны ему были для того, чтобы охватить эту массу целиком, определить ее настроение настроение, и не аплодисментов, а по этой лучшей части петроградских рабочих — составить себе мнение о всем Петрограде. А есть никто так должно быть не любил петроградских рабочих, как он. Не Питер, а Петроград, с пролетарии всего рабочего класса, не Питер он судил о рабочем и устроил маге. Питер для него был барометр, по которому он определял движение революционной атмосферы. И это был великолепный барометр. Если, скажем, в Питере рабочие устали, то где же еще будут бодры?

И помню, когда он начал говорить, когда зазвучал в зале его сдержанно-страстный глуховатый голос, когда на наши головы полетели немножко картавые, как неотесанные камни, слова, — эти слова не были митинговой агитацией — красивого в них ничего не было, не было и зажигательного пафоса. Была только стпарная неприкрытая правда. Помню, начал он свою речь с того, что страна переживает неслыханный голод». Он не говорил, что вы, мол, питерцы, переживаете голод, он не жалел нас. Он как будто говорил не нам, питерцам, которые приняты сюда с желудками, в которых вместо хлеба — вата. Он говорил «страна переживает голод». И это казавшееся на первый раз обидное для нас, питерцев, сразу же толкало на мысль:

— А разве только мы голодаем?

И помню, когда он нарисовал нам голод страны, когда без всякой утайки рассказал, что у нас ничего нет, что правительство вынуждено было предоставить населению такое положение, чтобы освободить паровозы для подвозки хлеба, что нам грозит ужасная голодная катастрофа, мне тогда становилось странно. Слова эти звучали ясно, звучали жуть. Казалось, так мог говорить только какой-нибудь меньшевик или эсер, и в крайнем случае, об этом можно было говорить только в тесном партийном, надежном кругу. А он, не стесняясь, во упоение нашего отчаянного положения, говорил с ужасающей прямотой, и немело, по коже драл мороз от таких слов, как например, «если мы не сумеем отвоевать хлеб у белогвардейцев, — мы погибнем». Но он тут же спрашивал у собрания:

— Кто виноват в этом голоде?

И отвечал:

— Помещики и капиталисты всех стран, которым испугалась наша советская страна, которые нас хотят задушить во что бы то ни стало. Наша революция таким образом потерпелась самым серьезным испытанием на деле и борьбе, в огне. И если ты устоял (помню, это слово Ленин сказал как-то по-особенному, так что сердце всколыхнулось), если ты устоял и думаешь о том, чтобы скинуть власть угнетателя, если ты решился довести дело до конца, то должен знать, что тебе придется выдержать натиск угнетателей всего мира. И если ты готов этому натиску дать отпор, если готов пойти на новые жертвы, чтобы устоять в борьбе, тогда ты революционер, и если ты не сумеешь пойти на новые жертвы, если ты не сумеешь выдержать, тебя раздавят и скажут: «Голодная работа, ничего не дала». Вот как историей поставлен вопрос.

И Ленин продолжал:

— Но есть ведь такие мерзавцы, которые после года советской работы, вместо того как советская власть отдала крестьянам все что она имела, есть мерзавцы, которые все же кричат: «Крестьяне, вас грабит советская власть».

Это в то время, как рабочего называли в городах и нигде нет такого мучительного голода, как в городах, тогда как крестьяне взяли все помещичьи земли и взяли себе хлеб, в то время как крестьяне в массе — мы это знаем — зачастую работали на себя, а не на барина, на купца — в это время находятся такие перерожденцы в меньшевистские и эсеровские шкурнические карманы, и смеют говорить: «как грабить». Это агенты капитализма, и никак иначе, как с агентами капитализма, с ними мы обращаться не будем и не должны.

Помню, кто-то в это время выкрикнул:

— А где свобода?

Ленин встрепенулся, как от удара, и со всей силой обрушился на крикуна:

— «Свобода» — хорошее слово, на каждом шагу «свобода». Свободе торговать, продавать, продаваться. И находятся меньшевики и эсеры, жулики, которые это прекрасное слово «свобода» склоняют и спрягают в каждой газете, в каждой речи; но все это сплошь обманщики, проститутки капитализма, которые тащат народ назад.

Как сейчас помню, стоит он надо мной, крепко схватившись руками за край трибуны, говорит быстро, без передышки, страстно. Лысая голова его полукругом охвачена волосами, белый высокий лоб, скулистое, упругое разгоряченное лицо и глубокие лучистые глаза.

Я видел, как у многих рабочих так же горели глаза, горели желанием разгадать этих жуликов, которые мешают нам победить врага и вырваться из этого кошмарного сегодня, чтобы начать жить в новой жизни, которая вот тут, совсем близко, перед нами, только надо еще раз сделать усилие, чтобы ее схватить.

А он, как будто зная наше настроение, говорил:

— Мы послали на Украину наши лучшие советские силы. И уже получили сообщения: «Запасы хлеба громадные, но всего сразу вывезти нельзя, нет аппарата». Немцы разорили Украину. Там полный хаос. Вопль несется от помещиков, от городской буржуазии, что нет людей, что некому строить советскую власть, что нет никакого аппарата, нет такого пролетарского центра, как Питер или Москва. А украинские пролетарские центры в руках неприятеля. Киев — не пролетарский центр. Донецкий бассейн, измученный голодом, не освобожден от казаков. Мы говорим поэтому от лица украинских товарищей питерским рабочим: «дайте еще, напрягите еще ваши усилия!» Мы можем теперь и мы должны помочь украинским товарищам, потому что им приходится строить аппарат советской власти на месте, опустошенном страданиями так, как нигде не терпели и не страдали. И мы говорим себе: «При всех трудностях, при всех невероятных условиях мы все-таки рассчитываем на сознательность честных рабочих, и они будут за нас, они придут к нам и они нам помогут».

Дворец Урицкого превратился после этого в бурлящий котел, готовый лопнуть от напряжения человеческой воли, подъема, решимости. Это был результат ленинской правды. Пафос его — правда и ясность, и эта ясность словно открывает перед тобой запертые врагом двери, и ты видишь там другую жизнь, более счастливую, более радостную и не можешь не броситься в эту дверь, в эту жизнь с сознанием: пусть хотя бы ты и погиб, но другие через тебя прорвутся, раздавят врага и завоюют эту жизнь.

И когда он кончил говорить, когда вся речь его от начала и до конца слилась в сущности к двум словам — «победить или умереть»,— рабочие, интересные рабочие, голодные, с овсом и кофейной гущей в желудках, старые, худые от голода рабочие, с бледными, опухшими лицами,—эти рабочие, за несколько часов перед тем может быть руганные советскую власть, и быть может некоторые из них крыли по-матушке самого Ленина, эти рабочие, вымолвили теперь из дворца Урицкого, крепче подтянули ремнями животы и с песнями пошли по улице, с песнями решили выдержать, вынести еще на себе, вошли победить или умереть.

И. ЖИГА

КАК ПРОХОДИТ ПРИЗЫВ УДАРНИКОВ

НА СОВЕЩАНИЯХ РАПП

Секретариат РАПП совместно с представителями ВЦСПС заслушал доклад т. В. Ильенкова о состоянии и результатах первого этапа призыва рабочих-ударников в литературу. Отметив положительные стороны практики призыва, т. Ильенков указал и на ряд недостатков. Если пятидневник удачно начал внимание призыву, то другие организации, в том числе и ВАПКС игнорировали его. ВЦСПС отказался от посылки своих представителей в бригады РАПП и РПКП, командированные на места для содействия проведению литпризыва.

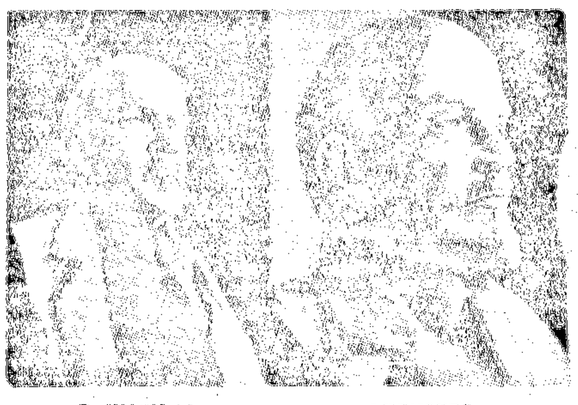
РАПП еще слабо руководит работой по призыву ударников в литературу. Ряд разделов необходимо прикрепить к местным АПП. РАПП должна перестроить работу с призывом, втянуть в руководство этими органы РАПП и местных организаций новые кадры ударников. Необходимо ускорить темпы в чистке рядов РАПП, проведя его перед пленумом. Специальное совещание издательств (ОГИЗ, ГИХЛ, «Федерация» и др.), спец рабочих-ударников должны разработать вопрос о работе с начинающим рабочим писателем, о помощи в его творческой работе и положить начало перестройке наших журналов.

В заключение т. Ильенков подчеркнул, что центральная печать («Правда», «Известия», «Комсомольская правда» и др.) очень слабо освещает вопросы литературы. Недостаточно широко уделяет место призыву и «Литературная газета». Провинциальная печать также не считает нужным освещать призыв. Периодика «Звезда», например, отказалась напечатать обращение ВЦСПС и РАПП о призыве ударников в литературу.

Выступивший затем т. Виталов подчеркнул, что с самого начала литпризыва между ВЦСПС и РАПП не было полной договоренности в задачах и установке призыва. Надо добиться единства точек зрения в этом вопросе и исправить недочеты в организации работы по проведению литпризыва.

Товарищи Тарасов-Родионов, Нибак, Грудская, Анна Караваева, Сурков, Ставский, Боровский внесли ряд деловых предложений, имеющих целью исправление ошибок, допущенных при проведении литпризыва, и усиление участия разделов в его проведении.

ОБЛИК ВОЖДЯ



В. МУХИНА

АЛЕКСЕЕВ

БАРЕЛЬЕФ В. АНДРЕЕВА

ЛЕНИН В СКУЛЬПТУРЕ

С. МЕРКУЛОВ

М. ЭПШТЕЙН

ЛИТЕРАТУРНОЕ ДЕЛО ДОЛЖНО СТАТЬ ЧАСТЬЮ ОБЩЕПРОЛЕТАРСКОГО ДЕЛА (ЛЕНИН)

ОЧЕРЕДНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

Наша наука еще в очень малой степени отвечает требованиям, которые предъявляет ей современность. Сейчас марксистское литературоведение переживает кризис, кризис роста, связанный с преодолением всех ложных, чуждых, внедрившихся в его организм, долгое время задерживавших и искривлявших его развитие методологических инфекций. На ряду с другими науками оно пытается утвердиться на позициях подлинной материалистической диалектики. Это требует отказа от многого, что иной раз сходило за марксизм. Вплоть до последнего времени в работах литературоведов, мнящих себя марксистами, нередко элементы марксизма эклектически сочетались с антимарксистскими концепциями, порою вовсе уступая им место (достаточно указать на школы Воронского, Переверзева, «формалистов-социологов» и др.).

Извращая марксистское понимание литературы бросая ложный свет на литературную действительность, названные школы все же поставили ряд проблем, которые не могут быть просто удалены с пути научного зрения, но должны быть так или иначе (вернее, не так, а иначе) разрешены. Имея в виду молодость нашей науки, необходимость учиться даже на ошибках, следует поставить проблему критической разработки и преодоления литературоведческого наследства. Само собой разумеется, что критика наша должна быть глубокой, принципиальной и категорической. Нельзя ограничиваться частичными поправками, оставляя непродуктивными мировоззрительные основы критикуемых построений. Нельзя совмещать диалектический материализм с непреодоленными предпосылками формализма, механизма и пр.

Показательно, что формалисты, стремясь приблизиться к марксизму, но не отбрасывая формалистического понимания своего предмета, становятся в лучшем случае «фрейдистами», замыкающими лишь поверхностные связи литературы с общественной практикой, или эклектически сочетают формализм с биографизмом и бытовизмом. Как трудно совместить тяготение к марксизму с формализмом показывает, например, книжка И. Берковского «Текущая литература», претендующая на планирование пролетарской литературы. Берковский мечется между пониманием искусства как самоценной игры и пониманием его как чисто-технического выполнения стороннего социального заказа, не замечая, что и то и другое противоречит марксистскому подходу к литературе, как к специфической социальной идеологии в ее исторической закономерности. Не менее показательна и другая из вышедших в этом году книжек—«Проблемы литературной науки», автор которой—И. Бескинов, стремясь к диалектическому материализму, сохраняет многие положения механистической теории Переверзева, и в результате приходит к совершенно немарксистскому толкованию и литературного объекта и процесса литературного развития.

II

В связи с общим вовлечением науки и искусств в дело социалистического строительства, в связи с потребностями литературного движения, все в большей степени назревающегося не стихийным, а планомерным путем, чрезвычайно остро встает неизбежная проблема приближения литературоведения к конкретной литературной практике современности. Литературная наука, литературная теория должна разрабатываться не в стороне от литературной практики, а в непосредственном соприкосновении с ней, указывая пути литературному творчеству, обосновывая литературную политику, давая методологические директивы литературной практике.

Не следует думать, что это сближение с практикой—какая-то иная проблема, органически не связанная с проблемой разработки марксистской диалектики. Нет, это одно и то же, одно вытекает из другого. Только владея материалистической диалектикой, можно научно осознать конкретный литературный факт и только при условии разработанной методологии познания и оценки литературного факта возможно какое-либо участие литературоведения в литературной жизни. Абстрактное схематизирование без ориентации на конкретную историческую действительность, механическая трактовка действительности, — все это неизбежно ведет к вульгаризации марксизма, к превращению его в догму, в мертвую схему. Если воронщина отрицала участие мировоззрения в восприятии художником жизненной действительности, то для переверзевских характеров та же ошибка в толковании самого художественного выражения. Художественное творчество по их мнению,—стихийные самовыражения данного социально-психологического бытия или социального характера. Однако, художник выражает не только свою психологическую природу, но и определенную конкретную идею. Он не просто воспроизводит реальный объект (хотя бы этим объектом был он сам творческий субъект), но активно выявляет его суть, выражает отношение к нему, возникшее в процессе общественной практики.

Образным системам художественного произведения проникнуты определенным смыслом, воплощают определенную идею, определенное понимание художником изображаемых им явлений. Сквозь художественный образ нашим воспитанным жизненной деятельности, к Переверзеву, и Бескинову, при всем своем «реализме», скатывались на позиции чистейшего субъективизма. Переверзев ограничился пределами его собственного внутреннего мира, заставляя его видеть в объектах окружающей действительности лишь проекцию своего «я». Воронский принимал за объективную действительность субъективно-идеологические, далекие и исключительные противопоставленные практике) моменты нашей жизни. Объективное познание предполагает не слепое следование своим переживаниям и непосредственным впечатлениям от действительности, а сознательную их обработку на основе выработанного в общественной практике мировоззрения. Только при этом условии можно говорить об искусстве как мышлении образами, как идеологии, своим способом познающей действительность и воздействующей на нее (в другой сторону, пользы и отвлекать искусство от конкретных впечатлений к чувственного опыта, вне которого невозможно ни создание, ни восприятие художественного образа).

IV

Определяя литературу как общественную идеологию нельзя забывать о специфичности этой идеологии, занимающей свое определенное место в ряду других явлений. Часто эту проблему не только разрешали, но и ставили совершенно неправильно, безотносительно к единству общественной практики, не учитывая взаимосвязи и взаимозависимости отдельных сторон общественного сознания, хотя бы и своеобразных. Особенное трактовалось как совершенно особое, автономное, самозначимое, никак не связанное с единством общественного процесса. Так ставился вопрос буржуазной эстетической эстетика, а вслед за нею формалисты с их сакраментальными художественными приемами, Горбов, заявляющий, что искусство не лукавляется в сращивании с общественной действительностью и логизирующийся до особого мира действительности эстетической, идеальной и др.

Выдвигавшая себя на маркизм теория Переверзева также не существу лишала искусство за связи практической жизни, рассматривая его как игру, бесцельное и бессмысленное самовыражение социального характера. Идеалистически отрывая искусство от реального общественного процесса, переверзевцы, с другой стороны, механистически отождествляют художественное сознание с бытом, рассматривая его как прямое и адекватное выражение социального бытия (сводимого к производственному базису). Не учитывается специфическое отношение художественной идеологии как к базису, так и к другим надстройкам, ее специфические опосредствования, интерпретирующие формы возникновения и развития художественной надстройки.

Современные вефокстеющие теоретики также забывают о специфичности данного вида общественной практики, растворяя искусство в публицистике и науке. В разъяснении этой проблемы нельзя ограничиться указанием как на специфику художественной литературы—на образ (а в сущности к этому сводятся последние статьи В. Полонского «Проблема специфичности художественной литературы»), надо уяснить, что же такое художественный образ, каково его специфическая структура и значение, в чем коренится социальная необходимость этого рода идеологического освоения действительности.

V

Подлинный материализм отличает в себе партийную точку зрения и действенное отношение к действительности,—перед нами встает проблема оценки литературных явлений и методов этой оценки. Для переверзевцев был характерен «объективизм», т. е. чисто «созерцательный», классифицирующий и объясняющий подход к литературе, без всяких попыток оценить изучаемый материал, определить его значение для современности. Таким образом наука о литературе в значительной мере утрачивала свой социальный смысл и возможность практического применения. Нелепо думать, что оценка не выходит в явления науки, которая, якобы, должна ограничиться беспристрастным анализом объекта, этим последним путем мы не придем к полному пониманию социальной значимости и классовой активности изучаемых явлений. Разумеется, наша оценка основывается не на абсолютном и абсолютном критерии, а на историческом действительности и тенденциях ее развития. Действенная оценка вовсе не противостоит объективному познанию, а является другой его стороной.

Анализ литературных явлений прошлого приобретает практическое значение лишь в том случае, если современная литература рассматривается не как стихийный процесс, а как планированное строительство. Сама литературная жизнь поставила сейчас проблему художественного метода, т.-е. путей сознательно-целесообразного построения художественного объекта. В то же время перверзевская школа, отождествляя от литературной практики, занимаясь лишь вопросами стихийного соответствия литературного стиля определенному классовому бытию и классовой психологии и не пыталась оценивать изучаемых произведений с точки зрения верности их методов, правильности путей образного освоения действительности. Между тем, сейчас, в период планирования общественной жизни, нас интересует не только «социальная диагностика» литературных явлений прошлого, но и такие вопросы, как напр., ложность или истинность (относительная) социальной идеи, мировоззрения, лежащего в их основе, отношение к действительности и степень ее раскрытия, соответствие или несоответствие художественной формы выражаемому ей содержанию и пр.

Перед литературоведением, проникшимся материалистической диалектикой, большие трудности, но зато и огромные перспективы.

А. ПРОЗОРОВ

СОВРЕМЕННЫЕ ЗАДАЧИ МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКОЙ ФИЛОСОФИИ

Из резолюции президиума Комакадемии

Президиум Коммунистической академии в резолюции, вынесенной по докладам тт. Милютина и Деборина, отмечает, что недостаточные темпы развития теоретической работы марксистско-ленинских научно-исследовательских учреждений и кадров научных работников-коммунистов в ряде важнейших областей осложняются совершенно недостаточной разработкой и применением к конкретных научных областях методологии марксизма-ленинизма, материалистической диалектики.

— Разработка теории материалистической диалектики, — говорится в резолюции, — является важнейшей задачей не какой-либо отдельной группы специалистов-философов, но всей системы наших марксистско-ленинских научных учреждений и всех кадров научных работников-коммунистов.

В настоящих условиях отрыв теории от практики, отрыв формы от содержания приобретает совершенно ясный, определенный классовый политический смысл, враждебный, в конечном счете, против самой диктатуры пролетариата. Уход от практики в пустые, абстрактные мысли теории, мертвящий академизм, «эмиграция» от действительности в схоластическое теоретизирование, от конкретных проблем переходного периода — все это есть не что иное, как одна из утонченных форм влияния буржуазной идеологии на наши ряды.

Современную философскую дискуссию нельзя рассматривать изолированно от последних событий внутри партийной жизни. Образование право-троцкистского двурушнического, предательского блока, принявшего в основном марксово-правую платформу, которая прикрывается «левыми» фразами, особенно ясно освещает политический смысл и значение современной философской дискуссии.

В процессе дискуссии тт. Карев, Стэн, чтобы бороться за «своеобразие» философии, продолжали отстаивать ошибочные взгляды о самостоятельности философии от политики, от партии, обнаружили полное непонимание сути ленинского подхода к проблемам философии — именно партийности философии.

Достижения последних лет в области работы по философии марксизма заключаются:

в начавшейся разработке ряда новых опубликованных материалов, документов и работ Маркса, Энгельса и Ленина. Они должны создать в прямом смысле слова новую эпоху в области философской теоретической работы;

в значительной популяризаторской работе по философии марксизма-ленинизма;

в разоблачении ревизионистских, оппортунистических взглядов механистов, отрицавших по существу философию марксизма-ленинизма.

Необходимость дальнейшей систематической критики и окончательного разоблачения ошибок механистического направления обусловливается в настоящее время в первую очередь тем, что это направление служит в основном теоретической базой правого оппортунизма;

в критическом разборе ряда философских течений современного идеализма и меньшевизма.

На ряду с достижениями необходимо констатировать целый ряд крупнейших прорывов на философском фронте.

Основным прорывом является совершенно недостаточная разработка философского наследства Ленина.

Далее приходится констатировать известный эклектизм указанных философских учреждений, выразившийся почти в полном отсутствии борьбы с рядом течений, имевших буржуазный и мелкобуржуазный характер с ярко выраженным антиленинским направлением. В особенности совершенно отсутствовала борьба с теорией троцкизма.

Подобного рода эклектизм не был случайностью. Указанное вложение в философских учреждениях, призванных играть руководящую роль в теоретической работе, должно быть квалифицировано как проявление или примиренчества к антимарксистским направлениям (рубинщина), или непонимание всего значения борьбы с ними.

Совершенно недостаточно было применение методологии материалистической диалектики в различных областях общественных наук. Крупнейшим прорывом в философской работе следует считать почти полное отсутствие внимания к проблемам исторического материализма.

Ряд существенных ошибок мы имеем и в собственно философско-теоретической работе, усугубляемых их защитой и дальнейшим их напромсследованием. Сюда относятся ошибки, связанные с недостаточно критическим отношением к идеализму Гегеля, в созерцательному в основном материализму Фейербаха, их ошибки Плеханова вообще и в особенности к тем, которые подвергались критике Ленина.

Резолюция констатирует, что ряд критических выступлений в центральных партийных органах (в «Правде», в «Большевике») по поводу философского руководства в основном был правильным. Группа же товарищей из философского руководства, выступившая в журнале «Под знаменем марксизма», и редакция этого журнала недооценили значения этих выступлений, и занятая ими политическая и теоретическая позиция означала неправильный подход к критике и отказ от постановки актуальных проблем, стоящих на философском фронте.

Далее резолюция отмечает, что должен быть произведен пересмотр всей работ философских учреждений, увязка этого плана с актуальными проблемами социалистического строительства; должны быть приняты действенные меры борьбы за проникновение материалистической диалектики в различные области знания.

В целях мобилизации всех сил для выполнения поставленных задач резолюция считает необходимым:

а) созвать философскую конференцию в 1931 году; б) организовать широкую популяризаторскую работу, в частности, выпуск серии популярных работ по философии; в) войти в соответствующие органы с предложением включить в состав учреждений Комакадемии Общества воинствующих материалистов-диалектиков; г) сделать журнал «Под знаменем марксизма» органом института философии Комакадемии и Института красной профессуры философии и естествознания, присвоив ему название «Под знаменем марксизма-ленинизма»; д) обратить особое внимание Института на необходимость более быстрого и решительного выдвижения новых кадров работников в области философии и естествознания, и особенности из имеющих партийно-политический опыт рабочих.

А. Сулруниян
Рабочий ударной коммуны типографии Госиздата Украины

ЛЕНИН СЕГОДНЯ

Мосты пошатнулись, взорвался туман
В сонную хмурь набоскова,
Ударил чугунного рева бурам —
Железные глотки заводов.
Вставай! Подымайся! В призыве гудков
Мятежная свежесть рассвета.
Горячее утро ударных цехов
Встает над Страной Советов.
Пружинятся тросы и в корпуса,
В израненный горнами воздух,
Взметается, ртуть человечью всосав,
Чеканная сталь паровозов.
Тяжелая бронза на мускулах рук
Натянута до-отказа.
Концы рычагов накаляются, жгут,
Но боль узнается не сразу.
Сегодня суровей слова и глаза
В ослепительной радуге вольт,
Многоликий выплеснет зал
Самую жгучую боль.
Нет! Этой боли не спрячешь...
Но Ленин в Кремле не стих —
Это ленинской кровью горячей
Будет молодость мира цвести!
Вот почему не плачем,
Шаг к коммунизму шире.
Ленин сегодня — значит
5 за 4!

Харьков.

УКР СЬКИЙ КЕРИВ:

ПРО ЛЕНІНА

В море любви обмакнув перо,
В айвах[1]) рассекаем о завоевайных благах,—
Не о каких-нибудь волшебниках-магах:
О человеке, приносящем добре.
В Москве, на Кавказе,
В далеких аулах,
Познали мы гений ленинского ума.
Слова его приветным гулом
Звучат-отзовутся — заря сама.
Уходит луна, о себе оставляя
Имя одно.
Ты же — солнечный луч.
Малые звезды только мигают,
Ленин — звезда из звезд: он могуч!
Он, вырвав из рук богатеев знамена,
Нам, лишь одним бедным, передал.
Мы пронесем их по рощам зеленым
И утвердим на высоте из скал.

[1]). В стихах.

Ленин летал, ломая бусурман[2])
Чином[3]) скитался в лихих лесах,
Счастье неся пострелым и попым,
Тем, кто в работе тяжелой зачах.
Ночами не спал он,
О бедных заботясь,
И жемчуг, из моря добытый, им дал.
Учение Ленина — светлый колодезь,
Слова его—лучший сверкающий лал[4])
Когда уходил, то пути нам наметив,
Чтоб в горах мы построили новую жизнь.
Знаем, что завтрашний день будет светел:
Со знаменами радость—социализм!

С украинского перевел А. ЧАЧИКОВ

[2]). Наиболее сильная птица
[3]). Зверь
[4]). Мак

ПЕВЕЦ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМА

НА ТВОРЧЕСКОМ ВЕЧЕРЕ АНАТОЛЯ ГИДАША

Редакция «Литературной газеты» и Союз организовали 13 января в клубе писателей вечер творчества революционного венгерского поэта Анатоля Гидаша.

Вечер открыл т. Арт. Халатов.

— На этом литературном вечере, посвященном революционному венгерскому поэту, — сказал т. Халатов, — даже не будучи профессиональным историком, нельзя не вспомнить, как своеобразно переплеталась на протяжении последнего столетия история России и Венгрии.

В замечательных «Письмах» к тетеньке» Салтыков-Щедрин приводит приходо-расходные записи одного немецкого: «На памятник Пушкину — 15 копеек, на усмирение венгров — 1.000 рублей». В этих двух записях — вся царская реакционная Россия, которая не только задушила венгерскую революцию в 1849 г., но и еще спустя 70 лет оставалась для всего мира жандармом, душившим революционное движение.

Во второй раз судьбы обеих стран сплелись после Октября, когда взволнованный героическим примером русских рабочих и крестьян венгерский пролетариат провозгласил Венгерскую Советскую республику.

Гидаш — один из лучших творцов мировой пролетарской поэзии. Октябрист тот из поэтов, который вздумает в стихах Гидаша найти пессимистические настроения в связи с поражением, которое потерпела венгерская революция. Ак. Гидаш сумел их расплавить в непоколебимой уверенности в будущей победе. Характерная черта творчества Гидаша — его подлинный интернационализм, звучащий в его стихах ярче и сильнее, чем у кого-либо из пролетарских поэтов других стран.

С докладом о творчестве А. Гидаша выступил Ив. Анисимов.

— У поэта венгерской революции—Гидаша много общего с пролетарскими поэтами Запада, особенно с поэтами Германии. Его поэзия носит характер политический и массовый по форме: песни и марши, которые составляют музыку пролетарских колонн.

Поэт стремится охватить исторический опыт венгерской революции, и это устремляет действенность его мирпей. Обращаясь к широким обобщениям, Гидаш сохраняет обнаженную, бурную активность своего стиля.

В таких вещах, как «Под знаменем Интернационала», Гидаш стремится дать изображение классовой борьбы в большом историческом масштабе. Простота ясность, динамичность — вот характерные черты для лирики Гидаша, — черты, делающие его произведения интернационалом огромной силы. Он поет и марша, сохраняя массовый активный характер поэзии, творчество Гидаша развивается в большие исторический полотна.

Ан. Гидаш — интернационален. Он связывает венгерскую революцию с русской и со всем движением пролетариата. Венгерская революция потонула в крови. Пролетариат сломлен диктатурой фашизма. Но Гидаш писковой оптимистичен. Он говорит о страшных вещах, не страшась их. Он с колоссальной энергией борется за новый революционный под'ем.

— Мы видим, — говорит т. Аникимов, — что поэт, живущий в СССР уже шесть лет, целиком захвачен борьбой венгерского пролетариата. «Там голгофа мук», формулирует он сам. Данный период его работы характеризуется пристальным вниманием поэта к нашей действительности. Он сидел в Донбассе и в Кузбассе и готовит о них произведения.

Новый этап, связанный с творческим ростом поэта, конечно, не будет отвлекать его отходя от венгерской революции, но указывает на вступление Гидаша в строй пролетарской литературы Советского Союза, как поэта социалистической реконструкции.

*

В художественной части вечера выступали: Ирма Яунзем с циклом венгерских народных революционных песен; В. Лебедев читал стихи Гидаша из цикла «Эва»; Е. Розинер—из книги «Венгрия дышит»; Н. Цветаев — из цикла «Колония кричит». Хор Радиоцентра исполнил несколько мирпей поэта.

О. АФАНАСЬЕВА

Над миром,
будущее плавя,
Все выше
ленинское пламя.

П. ПАНЧЕНКО
А. ШПИРТ

ЛИЦОМ К ТВОРЧЕСТВУ

ВСЕРОССИЙСКИЙ СОЮЗ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ К ТРЕТЬЕМУ ГОДУ ПЯТИЛЕТКИ

НА ГОДИЧНЫХ СОБРАНИЯХ В. С. П.

В МОСКВЕ

В доме Герцена состоялось 17 января под председательством М. В. Морозова годичное общее собрание членов ВССП. После вступительного слова Л. Леонова с политическим отчетом правления ВССП выступил П. Павленко.

Рассматривая работу Союза советских писателей в свете больших социальных событий пролетарских за последний год, т. Павленко подчеркнул, что отчетный год явился годом чрезвычайного усиления и качественного улучшения пролетарского сектора в литературе. Одновременно он характеризовался и рядом ряда попутнических проявлений.

— Мы были свидетелями распада «Перевала», мы были свидетелями борьбы пролетарской литературы с организациями, прикрывавшими буржуазные тенденции, мы были свидетелями дискуссий о творческом методе и появления в литературе первых рабочих-ударников.

— К сожалению, во многих случаях мы оставались при этом именно только свидетелями, а не участниками этих событий, — признает П. Павленко.

Приток ударников в литературу многие писатели не как создание новой литературной среды для писателя, какого литературного окружения, не как средство оплодотворения литературной атмосферы и организации читателя, но как смерти и безработицы писателя. Так некрасовцы никогда не ставили, никто по заявлял уничтожения профессионалы, о писателя.

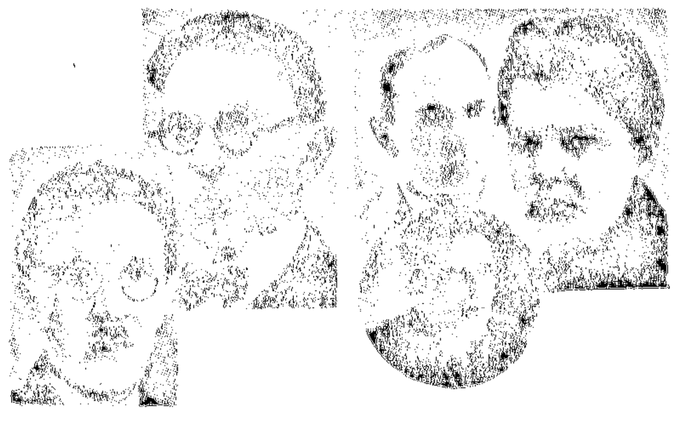
В смысле художественной продукции этот год дал не много: писатели ощутили необходимость сначала творчески перестроиться политически, а затем уже, на обновленной основе тесного слияния с современностью, — перейти к творческой работе.

За этот год усиленная дифференциация в рядах ВССП привела к тому, что лучшие его силы, основной отряд литературных попутчиков заметно приближались к теме, чтобы стать подлинными союзниками революции. Одновременно отошли и представители правого крыла и, наконец, одиночки, обречены на отмирание.

Вместе с тем, П. Павленко отмечает, что процесс расслоения в рядах ВССП задерживается беспринципным болотом, еще не совсем покинувшим с правыми настроениями и еще не разделившим новой программы Союза. Эта левая и большая прослойка состоит из людей, которые не имеют достаточно твердых взглядов, чтобы защищать их, и выбирают, как им кажется, самый «мудрый»: они ходят на заседания, сотрудничают с линией правления, а за углом резолюций не возмущаются, чтобы дискредитировать ВССП.

П. Павленко останавливается и на другом явлении: узко цеховых настроениях. Некоторые писатели, поставленные в необходимость войти на общественную работу и не имея смелости отказаться от нее, — стремились перенять из своей общественной деятельности «пользу»: заработать политически и материально на явно критических и халтурных произведениях.

НОВЫЙ ПРЕЗИДИУМ ВССП



Слева: Н. Огнев, П. Павленко, В. Лидин, Л. Сосыура, Л. Леонов

В прениях, Н. Огнев указывает на отсутствие программы ВССП и говорит о необходимости положить профессиональный признак в основу будущей деятельности союза.

— Всероссийскому союзу советских писателей, — говорит т. Огнев, — настукала пора стать Всероссийским союзом советских писателей-профессионалов.

— Литература — это книжная полка, — говорит С. Буданцев, — и если мы ее пополним, мы что-то сделаем в фонд социалистического строительства. Наш долг заключается в том, чтобы писать вещи, которые двинули бы советскую культуру, организовывали социалистическое строительство. И нужно сказать, что, ничего большого не выполнив из этой задачи, мы в истекшем году бежали от своего долга. Такое же организованное бегство от своего долга совершила и литературная критика, не давая ни обзоров журналов, ни конкретной критики.

К этому мнению присоединяется и Г. Коренев, считая, что у нас замалчивается целый ряд значительных литературных явлений:

— Если вы просмотрите литературно-художественные журналы («Новый мир», «Сибирские огни»), «Литературную газету, вы убедитесь, что вопросы конкретной литературы совершенно исчезли с их страниц. Наши литературные организации больше походят на профсоюз, или, в лучшем случае, на «Общество друзей литературы», а не на организацию писателей. Наступающий год должен быть годом поворота лицом к литературе.

В прениях приняли также участие тт. Городецкий, Эфрос, Гумилевский, Евдокимов, Лавидов, Лавров, Парфенов, Шильцирет.

Собрание избрало новое правление и ревизионную комиссию ВССП, состав которых опубликован в предыдущем номере «Л. Г».

**

На заседании нового правления ВССП председателем правления избран Леонид Леонов; заместителями председателя — В. Лидин, Н. Огнев и П. Павленко; секретарем — П. Сосыура.

Д. К.

В ЛЕНИНГРАДЕ

В Ленинграде состоялось 5 января годичное общее собрание Ленинградского отделения ВССП. Собрание заслушало отчетные доклады представителей союза писателей в Ленсовете и годовой доклад — организационный и политический.

Членом союза М. Слонимский и О. Форш работали в Ленсовете по секции народного образования. М. Слонимский доложил о работе Ленсовета в целом, а О. Форш — о работе секции народного образования.

В организационном докладе ответственный секретарь союза Н. Баршев указал, что в результате недавней перестройки союз значительно оживилась работа. В союзе произошел ряд организационных размежеваний. Из ВССП в ФОСП ушли переводчики, ушли из союза и те, кто не ведет творческой работы. В результате осталась компактная творческая группа. Сейчас союз растет за счет молодежи, среди которой много лишенцев.

С большим политическим докладом выступил М. Козаков.

— Декларации союза о перестройке не остались только декларациями. Они реализовались настолько, что сейчас с полным правом можно говорить о значительно возросшем авторитете ВССП. Происходящие внутри союза процессы говорят о готовящемся переходе значительной части «попутчиков» к овладению не только современной тематикой, но и к овладению методами работы пролетарских писателей. Наступает сближение «попутчиков» с отрядами пролетарской литературы. Это сближение будет углубляться все дальше и дальше.

Сейчас главной задачей союза является борьба с правыми настроениями, имеющими место в отдельных группах, и разработка боевых вопросов современности (призыв ударников в литературу, разработка вопросов творческого метода и т. д.). Тов. Козаков отмечает максимальность лишенцев — членов ВССП, которые не принимали никакого участия в реконструкции союза, в то время как их помощь значительно облегчила бы работу правления и ускорила бы процесс перестройки. В особенности пассивны были критики-марксисты.

— Окончание процесса размежевания дает возможность сосредоточить все внимание на творческих вопросах. За организационного и реконструктивного периода союза, — заключает тов. Козаков, — мы должны войти в творческий период.

В прениях тт. Богданович, Лавренев, Чумандрин, Саянов, Оксенов, Уксусов, Садофьев, Либединский и др. с указанием отметили перестройку работы союза.

Общее собрание избрало новое правление, в которое вошли: М. Козаков, М. Слонимский, Б. Лавренев, И. Груздев, О. Форш, Е. Данько, Н. Брауп, Н. Тихонов, А. Ганзен, М. Фроман, Н. Баршев, С. Семенов, Ю. Либединский, М. Черненов и В. Каверин. Кандидатами избраны: Л. Раковский, Н. Слепнев, И. Садофьев, Е. Тагер, А. Старчаков, и Е. Полонская.

В ревизионную комиссию избраны Г. Сорокин, И. Уксусов, А. Прокофьев, Н. Вагнер и Брусиловский.

*

На организационном заседании нового правления Ленотдела ВССП в обновленный президиум Ленинградского и Московского отделов ВССП избраны М. Слонимский и М. Козаков.

Секретариат составлен из М. Черненова, А. Ганзен и И. Баршева.

Делегация ЛО ВССП в ФОСП утверждена в составе: М. Фроманта, Н. Тихонова, В. Каверина, Л. Раковского, Е. Полонской, И. Баршева и Г. Сорокина.

Ю. П.

НАКАНУНЕ ТЕАТРАЛЬНОГО СОВЕЩАНИЯ РАПП

ЧТО ЖДУТ ОТ НЕГО ТЕАТРОВЕДЫ, ДРАМАТУРГИ, РЕЖИССЕРЫ?

ЗА ДИАЛЕКТИЧЕСКИЙ МЕТОД НА ТЕАТРЕ

Раньше театр играл роль развлечения. Значение театра таким образом принижалось: он играл подчиненную роль — давать приятное времяпровождение.

Сейчас ясно, что этот театр нам не нужен. Мы теперь, при социалистическом строительстве, требуем от всех его форм решительного участия в этом строительстве.

Может ли театр быть участником в деле построения социализма?

Мы отвечаем — может.

Театр, освещающий окружающее, диалектически вскрывающий сущность процесса вокруг нас, указывая пути выработки новых форм жизни, быта, труда, предугадывая новые человеческие типы, рисуя картины будущего, — является чрезвычайно важным, идеологической формулировки начало в общем потоке нашей жизни. Только такой театр, спектакли которого меняют людей, делая их более осведомленными и лучше приспособленными для общего дела, может быть признан полезным для существования.

Если это так, то драматург — не может быть больше кустарем, черпать сюжеты, методы, тенденции из собственного нутра. Он оказывается столь ответственным потому, что вооружен гигантской силой искусства, может быть более ответственным чем журналист или ученый. Раз так, он сам должен быть горячим и глубоко осведомленным участником нашего строительства. Он должен знать те методы драматургии и сценического воздействия на массы, которые могут привести к желанному эффекту.

Драматург должен быть общественником человеком, активным современником до еще мастером в общем творческом процессе. А таковым нельзя быть, не будучи марксистом. Притом для драматурга недостаточно просто хорошего знакомства, а необходимо усвоение принципов марксизма и ленинизма. Ему предстоит проделать новую самостоятельную работу.

Применение этих принципов и сводится к особой задаче: мало понять ту или иную сторону действительности в ее соотношении в целом, надо еще найти диалектико-материалистические методы театрального воздействия, при изображении этой действительности, на сознание и волю зрителя.

Можно заранее сказать, что и драматургические методы, и сценические приемы будут иными, чем в буржуазном театре. Резервуарами тех и других пойдет, вероятно, многими путями, как многоветвистое дерево. Развернутся различные сценические приемы, различные жанры, вероятно, даже различные виды театрального зрелища.

Отсюда ясно, что перед драматургами стоит две задачи: подвести под свою работу общественную базу, сделать себя художниками-агитаторами — участниками в общественной работе и, во-вторых — подвести марксистско-ленинскую научную базу под свое художественное творчество.

Я думаю, что ни один драматург в отдельности по сюжет сделать этого. То и другое достижимо лишь при интенсивной, планомерной, коллективной работе драматурга. Да и этого еще недостаточно. К такой работе должны быть привлечены литераторы и театроведы, режиссеры, артисты, декораторы, музыканты и театральные критики. Кроме широких форм сотрудничества, я думаю что надо организовать нечто в роде института, быть может при Всероссекомдраме, который установил бы систематическую связь, позволил, дополнительных быть решенными, чтобы обеспечить успешную современную драматургию, а потом приступить к их интенсивному, планомерному, коллективному разрешению.

Я полагаю, что предстоящее производственное совещание РАПП будет развертываться приблизительно по этим линиям и вероятно придет приблизительно к этим же решениям. Нельзя не приветствовать внимание пролетарских писателей к театру, что, впрочем, является их прямым долгом, но вместе с тем — нельзя их и не упрекнуть, что они довольно поздно занялись этим вопросом.

А. В. ЛУНАЧАРСКИЙ

* 25 января — в клубе ФОСП.

ВОПРОС О ФОРМЕ НЕ МОЖЕТ БЫТЬ НИ ЗАБЫТ, НИ ОТЛОЖЕН

Перед театросовещанием РАПП стоят сложные творческие вопросы — о методе и о положении репертуара. И это в то время, когда достаточно, казалось бы, белого батиста на сводную эфиопу, чтобы убедиться в победоносном захвате всех сцен советской тематикой. Но размышления можно даже признать, что общее качество пьес как бы повышается из года в год. Как будто бы мы имеем и огромные сдвиги, и даже отчетливое благополучие.

Между тем — на театре неблагополучно! Неблагополучно с репертуаром, неблагополучно со спектаклями. В то время, как сама жизнь — во всех ее гранях — становится с каждым годом интенсивнее все более и более «захватывающей, многогранное в произведениях непосредственной строительской энергии и неистребимой инициативы, на театре происходит явный процесс нивелировки, обезличения тех театральных организмов, на которых еще недавно скандировалась бурная и пестрая толпа московских театров. Скоро мы перестанем отличать пьесы одного автора от пьес другого, спектакли одного театра от спектаклей другого. Нужны большие усилия, которых, повидимому, не всегда хватает, чтобы противодействовать отвратительному своей серостью штампу: бесконечные комбинации нескольких масок (коммунист настоящий, коммунист сбившийся, спец-вредитель и честный спец, кулак с поцем и гельгор); благополучные по-американски концовки, которые зритель угадывает уже в середине второго акта; составление тематического плана театрами по одинаковой схеме: колхозная + военная + о 1905 годе + о кадрах.

Считаю, что перелом, дающий себя чувствовать на каждой почти сцене, заключается в том, что, поставив содержание во главу угла (на настоящий отрезок времени это правильно), все — руководящие организации, драматурги, сами театры забывают о форме вовсе (а это никак неправильно). Между тем, форма — не рама для содержания, форма — тоже содержание. Забыть это, значит иметь дело с бесформенностью текстов, обрывов, постыдностей и литературных нечистот.

Четкая интрига, стремительно развивающееся действие, заостренность характеристик, театральная меткость реплики и звонкий поединок диалога, острое мышление и горький глаз автора и исполнителя, страстная взволнованность борьбы, поиски новых средств выражения даже для не новых идей должны оживить театр.

При решении вопроса о методе драматурга и методе театра вопрос о форме не может быть ни забыт, ни отложен. Он неотделим от вопроса о содержании, о сути нашей драматургии потому, что он тоже ее суть.

Заведующий художественной частью Студии Малого Театра.

Гл. режиссер Ф. КАВЕРИН

ГНАТЬ ИЗ ТЕАТРА ХАЛТУРУ

— Когда я думаю о том, как написана какая-либо из пьес последнего периода, я не думаю о творческом методе, по которому она написана, а думаю о том, что она написана плохо. Много спорят о творческом методе, и очень мало следят за качеством продукции. Между тем, оно снижается. Когда-нибудь, будет установлено, какой метод полезней всего для советского художника, но вдруг появится истинный советский художник — долгожданный Гюго восходящего класса — и окажется, что у этого художника свой собственный, никем не продиктованный метод.

Изменение покупателей на установившиеся единого метода. Да здравствует разнообразие творческих приемов на единой непоколебимой базе диалектического материализма!

Гнать на театре и литературе приспособленчество, халтуру и всех тех, кто сделал для себя творчество легким занятием! Писать должно быть трудно. Создавать театр трудно поистине, управлять им гораздо легче.

Ю. ОЛЕША

ЗА СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ТЕАТР

— Поворот РАПП лицом к театру для нас, работников Московского рабочего театра Ленсовета (б. Замоскворечья), обозначает усиление наших позиций на осуществлению театра как боевой единицы на фронте социалистического строительства.

Практически это должно выразиться:

1. В вытеснении пролетарской драматургией смешанного репертуара, пытающегося ответить на запросы рабочего зрителя, но зачастую только поверхностно удовлетворяющего его социальное любопытство.

2. В руководстве драматургической мастерской при театре, составленной из числа рабочего молодняка района — литкружковцев, — прорабатывающей и подготовляющей репертуар театра.

К этому надо добавить, что стоящее перед совещанием драматургов при РАПП вопросы творческого метода будут активизировать стремление театра овладеть мировоззрением пролетариата.

Надо пожелать, чтобы, при обсуждении вопросов творческого метода (по докладам театров), не был упущен ни трамп, ни молодых профессиональных рабочих театров, ни самодеятельных драмкружков.

А. ГРИПИЧ

ВЗЯТЬ НА БУКСИР ВСЕ УЧАСТКИ ИСКУССТВА

— Это хорошо, что предстоящая дискуссия о задачах театра и драматургии в реконструктивный период возникает по инициативе РАПП и будет проведена под его руководством.

Пора ведущему отряду современной советской литературы взять на буксир другие участки искусства и помочь изжить бесперспективный эклектизм и кустарщину в области теоретических установок.

Пора начать конкретную работу по утверждению основ диалектико-материалистического творческого метода на театре.

Заслуженный режиссер

НИК. ВОЛКОНСКИЙ

ОБЗОР ПЕЧАТИ

ЛІТЕРАТУРНА ГАЗЕТА

Орган Федерації Об'єднань Радянських Письменників України (ФОРПУ)

Адреса редакції: Харків, Клочківська 4, буд. Літератури та Мистецтва, тел. 10-14. Передплатна ціна на місяць 0,5 карб.

Федерация объединений советских писателей Украины (ФОРПУ) начала издавать в Харькове «Литературную газету».

Вышли три номера.

В первом номере украинской «Литгазеты» дана программная передовая. Она говорит о задачах Федерации, за которые должна будет бороться газета — орган ФОРПУ. О равнении литературного фронта по фронтам социалистического наступления.

В этой передовой встречаются такие утверждения:

> «Пролетарский писатель не должен в процессе самого творчества определять для самого себя свое отношение к фактам и явлениям жизни и строительства, которые он отображает. Ибо он имеет заранее определенное классовое партийное отношение ко всем проблемам жизни, которые он познает и отображает на основе марксистско-ленинского мировоззрения методом диалектического материализма».

Явственное эхо лефовских теорий Кушнера, если не переключив с упомянутым «теоретиком». К тому же приведенный абзац обусловлен «левацким» акцентом всей — определенно неудачной — передовой первого номера украинской «Литературной газеты».

Судя по этой передовой, на литературном фронте мы имеем, с одной стороны, пролетарскую литературу, с другой — литературу буржуазную, классово-враждебную.

Проблемы крестьянской и попутнической литературы выпадают из декларативной передовой газеты.

Газета Федерации объединения советских писателей обязуется:

> «на нашей (украинской. Б. Р.) «Литературной газете» сделать боевой орган пропетарской литературы (подчеркнуто нами. Б. Р.) и марксистской критики».

Мы приветствуем желание украинской «Литературной газеты» вступить в ряды бойцов за пролетарскую литературу, но перед органом ФОРПУ стоит задача стать руководящим органом всей революционной литературы, помочь не только объединению пролетарских литературных сил с ведущим отрядом — ВУСПП, но и мобилизовать и другие литературные отряды: крестьянских писателей, советских писателей-попутчиков — на борьбу за социализм.

*

Первые номера мы рассматриваем как пробные выступления.

Что характерно для этих номеров?

Прежде всего, у газеты еще недостаточно боевой газетный облик. Она похожа на академически-литературный журнал, а газета — только по формату.

Газета не может похвастаться обилием статей, охватом большого числа и разносторонних тем. Это происходит, отчасти, потому, что газета из номера в номер дает больше журнального типа, статьи, не умещающиеся даже в одном газетном подвале и переползающие со страницы на страницу.

Поскольку декадная газета хотя бы по техническим причинам охватывает минимум тем, она не отражает (и, тем более, не организует) литературную жизнь УССР. Сегодня на украинском литературном фронте мы имеем ряд чрезвычайно важных событий. Ведь росписи лефовской «Новой генерации», консолидация пролетарских сил украинской литературы — все это не нашло отражения.

Огромный недочет,—что газета еще не вполне созвучна литературному «сегодня». Другой недочет газеты — неумение заставить по-настоящему звучать помещаемый материал.

Статья Ц. Корика, например, малоинтересная (чуть ли не на половине газетной страницы) возмутительные факты протаскивания в программах Наркомпроса УССР, под маской академизма, буржуазных тенденций, помещена под скромным (хотя и иронического) заголовком «Vivat academia». Никакой «шапки», никаких подзаголовков, мобилизующих внимание к этим фактам, дающих им политическую квалификацию.

Или другой пример: во втором номере газеты помещена статья Кушнарева-Примера, в следующем номере другая статья, т. Багмута, громит Кушнарева-Примера. «Кто виноват, кто прав» — читатель так и не знает: своего мнения редакция не излагает и этим дезориентирует читателя.

Призыв ударников в литературу с первого взгляда занимает почетное место и газете. По фактически газета дает декларативные статьи о значении призыва, возвания по поводу призыва информацию о формировании новых бригад и штабов. И почти нет сообщений и заметок от призывников, от рабочих-ударников, с заводов и фабрик.

У газеты имеется и много положительных черт.

Интересен ряд статей, например, Н. Гирича — о национал-демократизме в белорусской литературе и некоторые другие. Газета регулярно информирует о работе писателей союзных республик и зарубежных стран. В последнем номере введен и обзор печати, который, судя по первому опыту, очевидно, станет ударным отделом газеты. В первом обзоре («По столбцам с карандашом») взяты под обстрел «великодержавные описки» А. Зорича. Речь идет о фельетоне в «Прожекторе» к десятилетию ГОЭЛРО. В этом фельетоне А. Зорич путает понятие СССР с понятием «Россия», национальные республики он называет «окраинами», а карта «России» простирается у него... от Мурманска до Терека!

У газеты имеются все возможности развиваться в подлинный боевой орган украинской литературы. Но это развитие тормозится недопустимо сокращенным тиражом (5—6 тысяч?), декадным выходом и возмутительным распространением, при котором газета если и доходит до массового читателя, то с большим трудом и с большим опозданием.

Мы считаем, что советская общественность должна отторопить рост украинской «Литературной газеты». В частности, необходимо изыскать бумажные ресурсы для перехода газеты на пятидневный выпуск и увеличения тиража, и улучшить распространение с тем, чтобы газета доходила до массового рабочего читателя. С другой стороны, необходима и внутригазетная перестройка, политическая четкость и газетная оперативность. «Литературная газета» — не только трибуна квалифицированного писателя и критика, но прежде всего массовая политическая газета, рассчитанная на широкие читательские и читательские круги. И на рабочего-ударника. И на пролетария совхозов. И на колхозника-литкружковца.

Б. РЕСТ

ПРОБЛЕМЫ ДРАМАТУРГИИ

НА ПРЕЗИДИУМЕ ВСЕРОССКОЖДРАМА

Расширенный президиум Всероссекомдрама — с докладом О. С. Литовского «Итоги и перспективы театрального сезона» — привлек большое количество драматургов и театроведов — теоретиков и практиков. Прав был докладчик, когда предупреждал, что трудно производить оценку, да еще делать выводы, располагая данными одной только половины сезона, тем более, что по его предположению вторая половина сезона должна оказаться значительно более яркой, нежели первая. Но суть и самого доклада, и, в особенности, больших и оживленных прений, которые вокруг него развернулись, вовсе не в театральном сезоне, не в анализе его, а в той сумме кардинальных проблем, которые давно уже выдвинуты жизнью в сейчас ясно, в концентрированном виде, поставлены на Президиуме Всероссекомдрама.

Общее мнение, что драматургия отстает от жизни, что драматургическая продукция, а вместе с нею и театры, слабо служат или, вернее, вовсе почти не служат задачам социалистического строительства, как эти задачи вырисовываются эпохой вступления в полосу социализма. Поэтому, естественно, основными вопросами являются: где причины такого отставания и как ликвидировать прорыв на драматургическом участке?

Ответ на все вопросы дан общими усилиями докладчика и выступавших товарищей (Залкаревский, Афиногенов, Россельский, Подольский, В. Иванов, Успенский, Рейч, Бинар и др.) и сформулирован А. В. Луначарским.

Причины отставания драматургии сводятся к трем моментам: 1) драматурги или вовсе еще не овладели или пока еще слабо владеют методом диалектического материализма; 2) драматурги мало или плохо знакомы с сущностью социалистического строительства; 3) драматурги до сих пор еще далеки от самого театрального производства.

Естественно, должен быть разрыв между драматургической продукцией и жизнью, если, по правильному замечанию А. В. Луначарского, рядом с гигантским плановым строительством хозяйства и культуры идет анархическое творчество одиночек. Это строительство от всех требует планомерности. «Нельзя больше от своей отщепенской индивидуальности черпать мотивы для творчества». А между тем, это имеет место у драматургов в полной мере. Отсюда — либо писатели выступают в своих произведениях «отсутствующими», либо они создают свои произведения искусственно. Драматургам надо сделать участниками общей стройки. Нам нужны инженеры от драматургии. Театр — кузница, «где переделываются, перековываются и выковываются люди». Драматург в таком театре тоже должен быть как-то урегулирован, чтобы он совпадал с общей линией класса и партии.

Короче говоря, активным участием в стройке, близостью к массам и общей с ними борьбой драматург должен выработать в себе мировоззрение пролетариата и проникнуться его мироощущением. А органическая связь с производством поможет драматургу легче овладеть и формой.

В этих ответах на вопрос о причинах отставания драматургии кроется, в большой мере, и обучение того, как выйти из современного состояния в дальнейшем.

Вопросом большой принципиальной важности является и отношение к тематике. Здесь нужно целиком поддержать позицию т. Литовского, настаивающего на том, чтобы драматурги перестали видеть актуальность в текстовой злободневности, чтобы они не писали пьес в последнюю неделю — в погоне за мнимой актуальностью, — чтобы давали глубокое и художественно завершенное произведение, уходя от штампа и однообразия форм выражения.

Особенно стоит выдвинутая т. Литовским проблема драматургии для самодеятельного театра. Тут, с одной стороны, широкий поток непосредственного творчества масс, а с другой — немеющий поток широкой профессиональной писательской халтуры. Самодеятельный театр насчитывает тираж своих спектаклей сотнями тысяч, а зрителей — десятками миллионов. Помимо мер, призванных поднять драматургию вообще, применительно к самодеятельному театру, как, впрочем, и ко всей драматургии в целом, придется ставить и ряд вопросов чисто организационного порядка: разумеется, целесообразность, когда автор пьесы для деревенского театра, имеющей тираж в 275.000 спектаклей, получает авторского гонорара в р. 20 к. в месяц, в то время, как заработок драматурга профессиональной сцены иногда переваливает за 5.000 р.

На совещании категорически необходима точка зрения, что пора уже драматурги встать на путь серьезной учебы, — вооружиться марксистско-ленинской философией, как необходимо вообще поднять научное состояние нашего театроведения. Поднятие теоретического уровня тех-работников — актуальнейшая задача дня. Отставание практиков от теории и самих теоретиков театра от общефилософского уровня времени служит существенным тормозом в деле развития советского театра, сказая, в частности, уровень тех-критики.

Совещание по Всероссекомдраме было подготовительным к тех-совещанию РАПП. Тех-работники придают этому последнему огромное значение. Надо думать, что тех-совещание РАПП быстро поднимет вперед разрешение ряда проблем, затронутых во Всероссекомдраме и давно уже ждущих своей очереди.

Н. ТУРКЕЛЬТАУБ

ПОЭТИЧЕСКОЕ СОВЕЩАНИЕ РАПП

Первое всероссийское производственное совещание РАПП по вопросам поэзии открывается 28 января 1931 года, в 18 часов, в клубе ФОСП (ул. Боровского, 52).

На повестке дня совещания: доклад А. Селивановского «Творческие пути пролетарской поэзии»; содокладчики тт. Безыменского, Жарова, Саянова, Кирсанова, Безыменского и Брика и доклад о массовой песне.

Материалы к поэтическому совещанию РАПП будут напечатаны в следующем номере «Л. Г.» от 29 января.

ФИЛОСОФСКОЕ СОВЕЩАНИЕ РАПП

29 января в клубе ФОСП состоялось продолжение философского совещания. В прениях выступило 6 человек, среди них тт. Гроссман-Рощин, Стебний, Сенкевич и др. Список ораторов еще далеко не исчерпан.

Прения развертываются под знаком резкой самокритики. Выступающие подчеркивают отставание теории от практики не только на философском фронте, но и на литературном. Как на большой недостаток философского крыла, некоторые ораторы указывают на отсутствие массовости в его работе.

ВСЕУКРАИНСКИЙ СОЮЗ ПРОЛЕТАРСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

НА НОВОМ ЭТАПЕ

ЧЕТЫРЕХЛЕТИЕ ВУСПП

Четырехлетний путь ВУСПП — это тяжелый путь упорной борьбы за генеральную линию пролетарской литературы в условиях советской Украины. Резко противопоставляя себя всем непролетарским течениям и школам, которые имели и имеют место в современной украинской литературе ведя решительное наступление на классового врага на культурном и литературном фронтах — ВУСПП под руководством коммунистической партии достиг больших успехов.

С первых дней своего существования ВУСПП провел развернутую борьбу против неоклассиков (Зеров, Филянович, Рыльский и др.), против литературного троцкизма, окрашенного буржуазным национализмом («Вальлите»), против разных лево-интеллигентских литературных группировок, которые в условиях Украины носили более консервативный характер, чем, скажем, в РСФСР.

В этой борьбе идейно и творчески рос и классово закалялся ВУСПП, который на сегодня является основной, самой боевой частью партии организованной пролетарской литературы на Украине.

Это положение ВУСПП ко многому обязывает организацию и целом и каждого ее члена в отдельности.

Ударные большевистские темпы в социалистической перестройке страны поставили новые, ответственные задачи перед пролетарской литературой.

Нужно было быстро перестроить ряды пролетарских писателей, нужно было еще более органично включить их в практику классовой борьбы и строительства социалистического общества.

Нужно было преодолеть весьма заметное отставание литературы от жизни.

Нужно было и литературное движение вовлечь новые сотни и тысячи лучших рабочих-ударников, чтобы литературное дело стало поистине делом всего рабочего класса. По этой линии некоторые достижения уже имеются.

ВУСПП, который с первых же дней своего существования был формой массового пролетарского литературного движения, в основном успешно перестраивает свою работу согласно задач реконструктивного периода.

Вся организация объявила себя мобилизованной на борьбу с прорывами и металлургических и угольно-рудных районах Украины, принцип ударничества и соцсоревнования на сегодня стал основным принципом в работе вусповцев.

Во время особого квартала — почти вся организация перенесла свою работу на заводы, шахты, рудники. Полутно следует отметить, что мы уже имеем благодарные результаты этой перестройки. Большинство вусповцев работает сейчас над произведениями, отображающими нашу героическую борьбу за построение социализма в кратчайший исторический срок.

Но задачи третьего штурмового года пятилетки требуют от нас еще большего напряжения и ударных темпов в работе и эти задачи прекрасно осознали почти все вусповцы.

Призыв ударников, как новая эпоха в истории пролетарской литературы, проходит на Украине немного слабыми темпами, чему виной профсоюзные и общественные организации, до сих пор не уделяющие должного внимания этому важному вопросу.

Тем не менее в Донбассе, Днепропетровске, Криворожье, Николаеве, Киеве и других производственных центрах Украины — ВУСПП призвал в литературу сотни рабочих-ударников. Развернулась также плановая работа по призыву ударников и на заводах Харькова, на Тракторстрое, Днепрострое и т. д.

Считая большевизацию литературного движения своей боевой задачей, ВУСПП консолидировал в своих рядах основные коммунистические силы украинских критиков и литературоведов, установил тесную связь и контакт в работе с кафедрой литературы и критики Украинского института марксизма и ленинизма и на основе диалектического материализма углубляет свою творческую и идейно-воспитательную работу.

Художественная продукция вусповцев, вышедшая в свет за последний год, ярко свидетельствует о творческом росте пролетарских писателей членов ВУСПП. Такие книги, как «Крылья» В. Кузьмича, «Роман Межигиры» Ив. Ле, «Голубь мира» — Ив. Микитенко, «Коммунары» К. Гордиенко, «С фронта» Л. Первомайского и др. — убеждают и том, что эти пролетарские писатели поднялись на высоту понимания задач партии и вышли в классе и успешно помогают осуществлению этих задач своей литературной продукцией.

Огромную идеологическую борьбу провел ВУСПП и на театральном фронте. Решительно выступил против идеалистического, формалистического метода театра «Березиль», ВУСПП за последние два года дал пьесы, которые легли в основу репертуара всех украинских государственных театров, и были тепло встречены рабочим зрителем.

Я имею в виду «Диктатуру», «Калры» («Светите звезды», Ив. Микитенко», «Комсомольцы», «Невідомий» солдаты» — Л. Первомайского, «Камінний острів», «Корнійчука» пьесы М. Ирчана) и др.

М. Кириленко

Все эти литературные факты ныне наличие мощного творческого ядра в нашей организации — дает нам полную возможность во всю ширь и глубь ставить вопросы творческого метода пролетарской литературы, который (метод) мы себе мыслим только на основе диалектического материализма.

Нельзя сказать, что до сих пор ВУСПП игнорировал вопросы творческого показа. Наоборот, в наших печатных органах («Горт», «Красное слово», «Литературная газета» «Овен», «Пролiт», «Забой» и др.) широко обсуждались вопросы стиля, жанров, формы и т. д. Но только на данном этапе мы видим в основном ВУСПП правильно проводит линию национальную и классовую.

Четкая и последовательная борьба ВУСПП за линию партии в вопросах художественной литературы выливалась в основном работе в форме, социалистическую по содержанию, — большие творческие достижения вусповцев — свидетельствуют о том что ВУСПП на деле завоевал себе положение основной организации пролетарской литературы.

Но это положение не дает нам никакого права успокаиваться на достигнутых успехах. Классовый враг в украинской литературе не дремлет. Более того, в связи с обострением классовой борьбы в стране — активизируются и литературные агенты классового врага, сопротивляющегося нашему победному социалистическому наступлению.

На сегодня ВУСПП объединяет в своих рядах все основные силы пролетарской литературы. Процесс консолидации сил в рядах ВУСПП и дальше успешно продолжается. Такие организации как «Пролiтфронт», называющий себя пролетарской организацией и имеющий для этого некоторые основания, сегодня ставит вопрос о вхождении в ВУСПП. Как победу линии партии в литературе мы расцениваем и самоликвидацию группы футуристов «Новая Генерация», которая в последние дни стала скатываться на рельсы мелкобуржуазного бунта против гегемонии пролетарской литературы. Писатели из «Новой Генерации» признали и осудили свои ошибки. Но этого недостаточно. Только глубокая самокритика даст право некоторым из них более быстрыми шагами приблизиться к пролетарской литературе.

Наконец заявляет о своем желании организационно связаться с ВУСПП и некоторые пролетарские писатели-одиночки и целые попутчики и даже отдельные мелкобуржуазные писатели. Эти факты которые безусловно свидетельствуют о росте авторитета нашей организации, одновременно требуют от ВУСПП еще большей классовой бдительности, с одной стороны и умелого тактического отношения к тем писателям, которые искренно хотят работать в плане задач пролетарской литературы.

Четырехлетний опыт ВУСПП, который работал под руководством коммунистической партии, глубокая пролетарская самокритика в рядах ВУСПП — дает право надеяться, что в к новом высшем этапе развития украинской пролетарской литературы — ВУСПП будет боевым литературным отрядом рабочего класса Украины в борьбе за полную гегемонию на культурном и литературном фронтах.

Иван КИРИЛЕНКО

ЗАВОЮЕМ ТЕАТР

Состояние рапповских сил на театральном фронте — далеко не соответствует тому значению, которое все более и более приобретает театр в период культурно-подъема миллионных масс рабочего класса и коллективизируемого крестьянства.

Основные рапповские кадры никак не повернулись лицом к театру; низовые литкружки на предприятиях, местные ассоциации пролетарских писателей не уделяют вопросам театра должного внимания.

Совещание должно дать четкие директивы о самом тесном контакте местных рапповских организаций с профсоюзами по линии руководства низовым самодеятельным движением. Отвлечь не умалчивать Трама в области обслуживания учителя самодеятельного театра мы, тем не менее, не можем считать проблему руководства самодеятельным искусством снятой с повестки дня.

Совещание должно намечать конкретные меры по подготовке новых кадров рабочих-драматургов, по решительной борьбе с криксивщинами и халтурщиками, тянущимися в самодеятельном репертуаре и, наряду с этим, развернуто поставить проблему рапповской работы в области подготовки новых кадров пролетарских театральных деятелей (в первую голову — руководителей драмкружков).

А отсюда — вопрос о создании в системе РАПП такого центра, который мог бы широко развернуть эту практическую работу центра, где наряду с практической, критической и теоретической работой велась бы конкретная работа по выработке и утверждению основ диалектико-материалистического творческого метода в творческой театральной практике.

А. АФИНОГЕНОВ

ОБ ОЧЕРЕДНЫХ ЗАДАЧАХ ТЕАТРОВЕДЕНИЯ

Последовательное распространение влияния РАПП на театр является ныне неотложной задачей. Именно с позиции РАПП должны быть найдены основные вехи театра реконструктивного периода, намечены участки ближайших идеологических боев и, наконец, четко обнаружены важнейшие прорывы в этой области, требующие немедленной ликвидации.

К ряду таких «узких мест» театрального фронта необходимо отнести резкую недостаточность теоретического осмысливания тех грандиозных процессов, которые происходит в нашей творческой практике, отрыв от нее театроведческой мысли, запоздалое разоблачение враждебных концепций, а также недостаточное внимание к науке о театре со стороны органов просвещения и профессионального культурного фронта. Недооценка в этой области значения связи между практикой и теорией, качественная пассивность в научным кадрам, выражающаяся в вопиющей недостаточности материальной базы, в отсутствии возможности систематически публиковать научные труды и тем самым популяризировать театроведческие достижения — все эти вопросы должны быть поставлены со всей остротой и во всей широте на театральном совещании РАПП.

Центральной задачей встает упорная борьба за диалектико-материалистический метод в творческой практике театров, борьба за решительную методологическую перестройку практиков, а также борьба за последовательное срывание масок со всяких завуалированных «практических» теорий, по существу своему не дающих нужного теоретического осмысливания творческих процессов, а скрывающих бегство от теоретической мысли и непонимание сути диалектического метода. Решительный огонь марксистской критики должен быть направлен против всех, кто, выступая под флагом якобы предостережения от механического переключения общих законов диалектики в художественное творчество, по сути своей откровенно насаждает кокаинизаторство и способствует практическое делячество. Пора понять, что «применять» диалектико-материалистический метод к театральному творчеству — это значит пользоваться открытыми уже законами движения и развития в данной конкретной области.

Выдвинутый тов. Сталиным на конференции аграриков-марксистов лозунг о том, что нужно, «чтобы теоретическая работа не только поспешала за практической, но и опережала ее, вооружая наших практиков в борьбе за победу социализма», несомненно должен быть в сжатой форме и с такой же силой отнесен и к театроведческому участку.

Особенность задач, встающих в связи с тем перед театроведением на данный отрезок времени, состоит в том, чтобы ни на минуту не ослабить работы по вооружению тех-практиков (которым, говоря словами т. Сталина, теория должна дать «силу ориентировки, ясность перспективы, уверенность в работе, веру в победу нашего дела») и одновременно закрепить это вооружение энергичным разоблачением вскрываемых прежде всего марксистско-ленинской критикой враждебных и не марксистски-окрашенных влияний на отдельные театры. Война за уничтожение врагами, во всех его общих и частных выражениях, как основной опасности для современного искусства, должна стать важнейшим боевым лозунгом дня.

Необходимо учесть, что откровенно враждебные марксизму теоретики не всегда осмеливаются действовать открыто. В подавляющем большинстве выступления их завуалированы, прикрыты «марксистской внешностью». То же самое наблюдается и на театроведческом участке. Особенно характерно это для современных эклектиков и ядейно-беспринципных эклектиков типа ленинградской театроведческой «школки» профессора А. А. Гвоздева или московских театроведов-эстетов, эпигонствующих с нашивной социологией, вроде Н. Волкова, В. Волькенштейна и др. Самую решительную и окосточенную борьбу с подобными внемарксистскими течениями надо считать важной очередной задачей, равно как и с идеалистическими влияниями на отдельных марксистов в марксистских.

Необходимо сказать, что отсутствие достаточно развернутой самокритики в рядах марксистского театроведения, замалчивание и всякое покрывание целых коренных методологических и политических ошибок приводит к обрастанию и внутри этих рядов застойных «течений» и способствует пятилетнему проникновению в них буржуазных влияний.

Объективное положение театрального фронта настойчиво заставляет сосредоточить решительный огонь по группировке театроведов с сильным формалистическим креном, однако пытающихся действовать «от имени» ортодоксального марксизма.

Правда, работы представителей этой группы (Э. Бескин, А. Глебов, П. Новицкий и др.) помимо всего страдают значительной долей элементарного вульгаризаторства и дилетантизма. Но поскольку все они склонны выдавать себя за представителей марксистской ортодоксии в театроведении, допуская одновременно ряд крупнейших ошибок формалистически-механического порядка, постольку решительный огонь самокритики должен быть сосредоточен на данном звене театроведческого участка.

Между тем эта группа до сих пор оставлена вне достаточно развернутой критики и продолжает навязывать своими «мудростями» наши столичные вузы, техникумы и научные учреждения под видом марксистской ортодоксии.

Одновременно необходимо отметить, что, несмотря на достижения в области театральной практики и теории, все же ошибки были допущены и отдельными работниками РАПП, что было констатировано в письме секретариата РАПП «О развертывании творческой дискуссии».

Актуальнейшие задачи театроведения в данный момент: борьба за деловое сотрудничество театральных практиков и теоретиков, решительное уничтожение «безынициативности» в этой области, борьба за чистоту теоретического оружия и за необходимость теоретического осмысливания практиками творческих процессов, борьба со всякими ошибками, которые, в условиях развернутого социалистического наступления, приобретают особенную опасность.

За консолидацию марксистских сил театроведческого участка — на базе РАПП — и смелое переключение внимания теоретической мысли к основным практическим задачам театра эпохи осуществления социализма!

Государственная академия искусствознания:

С. АМАГЛОБЕЛИ, В. А. ПАВЛОВ, Р. А. ПЕЛЬЦЕ, Н. И. ЧЕЛЯПОВ

Перец Маркиш и его первая драма „ЗЕМЛЯ“

П. Маркиш — один из крупнейших представителей современной еврейской литературы. Он прежде всего — поэт. Как драматург выступает впервые, причем его драма «Земля» является парафразой его же поэмы «Nit gedajgt» («Не тужи»). Эта поэма — дальнейшее развитие двух предшествующих книг П. Маркиша: поэмы «Братья» и романа «Из века в век», которые являются художественной разработкой темы: «Еврейские массы и революция».

Показывая в поэме «Братья» еврейскую трудовую семью — судьбу двух погибших братьев-рабочих, поэт дает широкую картину Октябрьской революции: бои на всех фронтах — от Перекопа до Кеслы, участие еврейских масс в революционных событиях. Основными персонажами поэмы являются еврейские рабочие-революционеры. Основной мотив — активное участие еврейских рабочих в революционном движении.

В вышедшем почти одновременно с поэмой «Братья» романе «Из века в век» (русский перевод — 1930 г.) в своем целом прозаическом произведении П. Маркиш раскрывает драму еврейской местечковой бедноты — в годы империалистической и гражданской войн. В центре у него ремесленническая, мещанская масса, которая является объектом исторического процесса, его пассивной жертвой, а не субъектом, не активным творцом. Из этой массы выделяются отдельные революционеры-рабочие. «Герои-одиночки», студент Эзра. Они являются той силой, показу которой в основном посвящена была поэма «Братья». В романе же они даны лишь в той мере, в какой это необходимо, чтобы показать погибающую в огне войны и революции массу, чтобы вскрыть трагизм ее погромной гибели. Над всей этой массой поднят еврей Мендель — отец революционера Эзры. В нем изумительным образом переплетаются старая религиозная вера с верой в то, что значителен новый путь его сына. Жертвенная гибель самого Менделя весьма отцовской преданностью жертвенным путям его сына-революционера. П. Маркиш показывает, что Мендель — лучшее выражение прошлого, которое погибает, уступая место тому качественно новому, что представляет собой революционер Эзра.

Роман «Из века в век» заканчивается картиной освобождения красноармейским отрядом, с Эрой во главе, разоренного еврейского местечка от погромных банд. Заключительный аккорд поэмы «Братья» — торжество разгромившей врагов революции.

Поэма «Не тужи», как и вышедшая из нее драма, показывает процесс социального возрождения до конца обездоленных империалистической войной и белогвардейскими погромами еврейских масс, возрождения в результате национальной политики нашей партии. Маркиш дает борьбу в местечке двух тенденций: старой, торгашеско-спекулянтской еврейской буржуазии, представленной Кизой, и трудовой бедноты, наиболее ярким выразителем которой является водовоз Мендель. С большой художественной убедительностью развертывает он в поэме этап за этапом: уход из местечка в Крым, оседание на земле, все трудности приспособления к земельному труду не привыкших к нему местечковых еврейских масс; борьбу с преодолением стихии, с отсталостью, с засухой; усложнение социальной борьбы — этими трудностями преодоления стихии. Наконец, благодаря организованному руководству партии, выдержке и самоотверженности партийцев, поддерживаемых той группой, которую представляет Мендель, — победа колхозного строительства, решительное улучшение материального состояния масс и поднятие их культурного уровня, когда даже старуха — жена Менделя — ликвидирует свою неграмотность.

В драме, озаглавленной по-русски «Земля», все эти этапы даны в более сжатом виде. То, что в поэме раскрывается как процесс, в драме получает характер хроники, но хроника эта — художественно яркая. Ряд концентрированных эпизодов рисует последние дни в местечке, уход из местечка, все этапы борьбы со стихией, вскрытые как «внутренние моменты социальной борьбы», победу пяти стихией — в результате выдержанной партийной классовой линии.

Сохранив особенности еврейской речи, состоящей из вязких местечковых ростовщиков, имевших еврейских кулаков, и бывших местечковых мастеров и мелких ремесленников образующих сейчас в деревне крестьянских середняков и бедняков, забыв то характерное, что отличает борьбу в этой деревне от борьбы в современной русской или украинской деревне, Маркиш в то же время раскрывает по существу единый социальный процесс, типичный для всей нашей советской деревенской действительности.

На русской сцене еврейский материал часто приобретал экзотический характер. Здесь перед вами чаще всего выступал «местный жид», а не обыкновенный еврей, герой богоборческой трагедии, а не персонаж социальной драмы. Экзотика эта была различной. В зависимости от социальных запросов и культурного уровня, она колебалась между «еврейским королем Лиром» Я. Гордина и «Беней Криком» И. Бабеля.

Постановка драмы «Земля» в Театре б. Корш выгодно выделяется отказом от экзотики, от «атмосферизма». Драма воспроизведена на сцене в реалистических тонах. Актерам удалось создать ряд убедительных запоминающихся фигур.

Кива (Зражевский) вырастает в яркий социально-психологический образ, раскрывающий сущность классового врага. В выдержанных мягких тонах дан Мендель (Мекинский). Образы Кивы и Менделя сделаны так, что они составят предмет соревнования для артистов ГОСЕТ, поставившего сейчас эту же пьесу. Хорошей старушкой, достойной женой Менделя, дана Менделиха (Блюменталь-Тамарина), но специфика этого образа ею не раскрыта. Менделиха дана так, что она напоминает скорее старушку из старой либерально-демократической еврейской драмы, чем советскую еврейскую крестьянку, жену бывшего водовоза. Комсомолка Сурич не в пример Роздолю (Леонтьев), сыгранному в весьма четких тонах, полнее сейчас напоминает кокетничающую своей советской преданностью сознательных, чем доподлинную комсомолку.

Молодой режиссер Брянь дал свежий спектакль, удачно скомпоновал ряд массовых сцен, но на режиссуру падает ответственность за ряд значительных дефектов спектакля. К ним относим: сцену появления евреев в степи. Она их должна пугать своей пустынностью, заброшенностью, нетронутостью. Им жутко. Так вскрыта в поэме встреча местечковых евреев со степью, между тем на сцене дан почти радостный голубой пейзаж. Далее — любовь комсомолки Сурич и Роздоли показана в поэме как символ не только доживающего свои дни старого поколения местечковых евреев, но и как символ начала новых поколений коллективной трудовой жизни. На сцене же — их любовь дана как вариация любовных идиллий из старых украинских мелодрам. Эта трактовка губит значительную сцену. И еще: на первом плане радуются своему счастью молодожены, а в глубине сцены — согбенные люди тащут на себе тяжелые мешки с зерном. Нам говорят, что это красный обоз, а показывают крестьян, работавших на господ. Эта сцена должна быть реконструирована.

Перевод Дымы, в основном грамотный, не преодолел, однако, основной трудности художественного перевода, не нашел языка адекватного по своей значимости языку оригинала. Это уже сказалось в самом заглавии. «Nit gedajgt», обозначает: «Не тужи, преодолеем все трудности...

Выразительность этого заглавия, его действенность и волеустремленность пропала в русском обозначении — «Земля».

И. НУСИНОВ

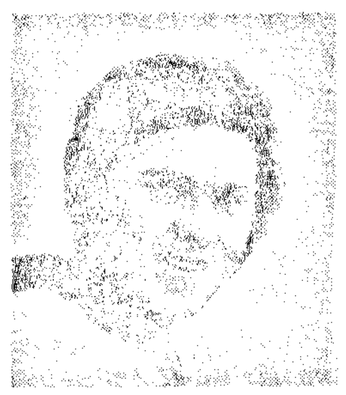
Кива — артист Зражевский

Девятое января

Прижимает хапуга-хозяин,
Полицейский царит произвол...
Стонут люди фабричных окраин,
Плачут избы ограбленных сел...
Где отыщется злу опроверженье?
Как избавить от гнета народ?
Призывают иные к восстанью,
А иные — наоборот.
— Царь не знает нужды нашей...
Миллионы:
Стоит только покланяться перед ним,
Он проявит монаршую милость
К верноподданным детям своим.
Агитирует рьяно-незыблемо
Сумасшедший фанатик Гапон,
Что идти надо прямо к Зимнему,
К царю-батюшке на поклон.
И, чуть свет, из окраинных улиц,
Крепко веря, что царь не злодей,
На Дворцовую потянулись
Изнуренные толпы людей.
Колыхались хоругви, иконы...
Слезно мухи, кружились шпики...
Шли рабочие, дети и жены,
Молодые и старики...
Много было в сердцах у них света
В этот сумрачный день января:
Ждали мудрого люди ответа
От немудрого своего царя.
Но ответили быстро-быстро им
Из нахмурившегося дворца
Огнекрылые царские выстрелы
Огневым языком свинца.
Огневою тоской томились
Умирающие на снегу,
Что они за такую милость
Остаются навек в долгу.
Но товарищи дали своим им
Погасить этот долг с лишком,
Когда будут с врагами свинцовым
Разговаривать языком.
И тогда же, сквозь гул глумлений,
Сквозь восторженный вопль царю,
Ленин
Намечал путь к Октябрю...

ПАВЕЛ ДРУЖИНИН

СЕГОДНЯ ЛИТОРГАНИЗАЦИИ



А. Грудская

* А. Грудская избрана вторым секретарем МАПП. Таким образом, секретариат МАПП утвержден в составе: В. Кирпотин (ответ. секретарь), А. Грудской и Н. Борового.

* Московская группа «Кузницы», возглавляемая В. Бахметьевым, Ф. Гладковым и др., заключила с секретариатом РАПП соглашение о вхождении этой группы «Кузницы» в РАПП. Группа принимает название «Московская творческая группа РАПП «Кузница» и существует внутри РАПП как творческое объединение, проводя четку своих рядов под руководством комиссии МАПП в составе тт. Панферова, Саянкова, Суркова, Мерзлякова и Титова (завод им. Владимира Ильича).

* Ленинградское отделение ЛОКАФ посетили генеральный секретарь ЛОКАФ т. Матэ Залка и начальник отдела печати НУР т. Рейзин. Приехавшие раньше к «Литфронту» руководители лекотделения ЛОКАФ тт. Свирин, Дмитриева и Либерман, на последнем пленуме ЛАПП отмежевались от Горбачева, Родова и других и дали твердое обещание покончить с линией РАПП. Лекотделение ЛОКАФ является мощной организацией. Оно об'единяет литгруппы «Красная звезда» и «Балтфлот» и 36 красноармейских литкружков. Основной недостаток в его деятельности — слабое вовлечение поэтучков в работу ЛОКАФ.

* 25 января исполняется четырехлетие Всероссийского союза пролетарских писателей (ВОПП).

* В г. Покровске состоялось организационное совещание об'единения пролетарских и крестьянских писателей Немреспублики. После информационного доклада Г. Вербак собравшиеся обменялись мнениями о значении художественной литературы в процессе общей классовой борьбы и в социалистическом строительстве.

Избранному оргбюро поручено: развернуть широкую оргработу, не позднее середины февраля созвать конференцию писателей Немреспублики, выработать идеологическую платформу.

* На Электрозаводе состоялось расширенное заседание секретариата МАПП с участием представителей райбюро МАПП и литгруппистов под председательством В. Кирпотина. Заслушаны доклады о работе литгрупп на Электрозаводе и Первой образцовой типографии. Секретариат МАПП отметил, что оба вузника еще не отвечают современным политическим задачам и не нащупали правильных методов работы. Райбюро МАПП слабо руководит этими литгруппками.

● При «Производственном журнале» (ныне НИРЖ СССР и ВЦСПС) организуется литературное об'единение рабочих-ударников. С февраля в «Производственном журнале» будет еженедельно выходить литературная страница, в которой будут печататься произведения рабочих-ударников членов об'единения.

25 января в 6 часов вечера, в редакции «Производственного журнала» (Солянка, 12, Дворец труда, комн. 311) состоится организационное собрание об'единения, на которое приглашаются рабочих-ударников членов об'единения.

Умер П. Е. Щеголев

В последнюю минуту получено известие о смерти историка, публициста и драматурга П. Е. ЩЕГОЛЕВА, последовавшей в ночь на 23 января в Ленинграде.

Писатели — на перевыборы советов

● Заслушав информацию Г. Кореневa об участии писателей в кампании по перевыборам советов, секретариат ФОСП отметил, что литературные организации недостаточно развернули работу по участию в кампании. Литорганизациям предложено немедленно включиться в эту работу. Создана комиссия в составе тт. Гильярди, Киреева и Иванова, на которую возложена ответственность по проведению перевыборной кампании.

● По предложению Моссовета МАПП в течение двух дней мобилизовал 15 мастеров (10 — в «Рабочую Москву» и 5 — в «Вечернюю Москву») для освещения в печати перевыборной кампании советов. Мобилизованные члены МАПП прикреплены к московским фабрикам и заводам и будут освещать в сводках ход перевыборной кампании советов на крупнейших предприятиях.

● Райбюро МАПП Сокольников в днях выпускает сборник, посвященный перевыборам советов в Сокольническом районе.

Построим санитарный самолет „Советский Писатель“

Бюро писательской ячейки РОКК обращается ко всем советским писателям с призывом начать сбор средств на постройку санитарного аэроплана «Советский писатель». Этот подарок Красной армии писатели могут сделать путем процентного отчисления с договоров, с гонорара, за очерки, рассказы, стихи. По заявлению авторов редакции и издательства должны переводить гонорар в Типическое агентство Госбанка на текущий счет Краснопресненского райкома РОКК № 100145 на санитарный аэроплан «Советский писатель». Особое значение при этом имеет, чтобы при напечатании депертированного в этот фонд литературного произведения было указано о пожертвовании гонорара или части его на указанную цель. Бюро ячейки РОКК вызывает ленинградских писателей организовать в Ленинграде ячейку РОКК и открыть кампанию за постройку санитарного самолета.

*

Согласно постановлению писательской ячейки РОКК отчисляю десять процентов с моего договора с издательством «Федерация» (в 1929 рублей) и с гонорара за рассказ «Земная радость» (в № 1 журнала «Мол. работница») — на постройку санитарного аэроплана «Советский писатель».

Напоминаю т. Л. Островеру об его обязательстве дать из его 250 рублей 100 рублей и т. А. А. Демидову — об его обязательстве дать из его 250 рублей 100 рублей.

Напоминаю всем товарищам, выразившим желание пожертвовать часть своего гонорара на постройку санитарного аэроплана «Советский писатель».

Напоминаю также, что по моей автобиографии отмечались неправильно два места. На странице 150 сказано: «Я полнял многие мелкие конторские работы», а надо: «конторские работы», т. е. работы по электропроводке. Во-вторых, возмутительная опечатка на стр. 151. Там сказано: «После того, как думская фракция большевиков была арестована и выгромлен подпольный ЦК, меня выдвинули представителем в ЦК от 1 городского района». В ЦК в это время работали... «Кроме того, был отпечатан № 1 «Пролетарского пути» (Орган ЦК РСДРП(б)». Ну, так вот, нужно: не ЦК, а ПК, т. е. Петербургский Комитет нашей партии, где я занимался в то время подпольной типографией.

Ив. БАТРАК

Письмо в редакцию

В недавно вышедшей «Антологии революционной художественной литературы», в моей автобиографии отмечались неправильно два места. На странице 150 сказано: «Я полнял многие мелкие конторские работы», а надо: «конторские работы», т. е. работы по электропроводке. Во-вторых, возмутительная опечатка на стр. 151. Там сказано: «После того, как думская фракция большевиков была арестована и выгромлен подпольный ЦК, меня выдвинули представителем в ЦК от 1 городского района». В ЦК в это время работали... «Кроме того, был отпечатан № 1 «Пролетарского пути» (Орган ЦК РСДРП(б)». Ну, так вот, нужно: не ЦК, а ПК, т. е. Петербургский Комитет нашей партии, где я занимался в то время подпольной типографией.

Ив. БАТРАК

Извещения

24 ЯНВАРЯ — в 19 ч. — в Центральном Доме комсомола Краснопресненского района (Звенигородская, 13) — торжественный вечер, посвященный первой годовщине районного кружка «Штурм».

24 ЯНВАРЯ — в 19 ч. — в Центральном Доме б-ва армии тов. Коммуны, 2) очередное собрание центрального литературного кружка имени Демьяна Бедного. Доклад т. Бескинского на тему: «Новые книги». Доклады читает поэтесса Обольянинова.

25 ЯНВАРЯ — в 19 ч. в клубе ФОСП (ул. Воровского, 52) — расширенное собрание белорусской секции МАПП, с участием писателей-ударников. Читка новинок своей и Шкляревской литературы. Разбор работы «Маркитанты» Кулеша и др.

25 ЯНВАРЯ — в 19 ч. в помещении МАПП (Клуб ФОСП) состоится очередное собрание детской секции МАПП. 1. Отчеты комиссий и выделенных органов о разборе детской литературы. 2. Обсуждение решений оргбюро всероссийской конференции детской книги. 3. Обсуждение статей, предложенных членами секций по [illegible]

25 ЯНВАРЯ — в 20 ч. — в клубе «Красная Пресня» (Большая Грузинская, 27) — вечер творческого актива рабочих-литкружковцев Фрунзенского района. Доклад т. Полферова о своем творческом методе. В прениях выступят тт. Гусев-Оренбургский, Ермилов, Ильинский, Кербабаев, Пимен и другие рабочие литераторы.

26 ЯНВАРЯ — в 19 ч. 30 м. — в Доме Герцена (Тверской б., 25) — творческий вечер детской секции ВССП. Читка новых произведений участников 3-го всесоюзного слета юных писателей.

27 ЯНВАРЯ — в 19 ч. — Редакция журнала «Звезда» (Тверской б., 25) — очередное литобъединение. Прочтет свою повесть Борис Бобов, студент ВИЖа.

29 ЯНВАРЯ — в 19 ч. 30 м. — Комиссия по делам ВАПП (Воровского, 18) — вечер художественного чтения «О Ленине». Вступительное слово Ленинча «Ленин и литература». В музыкальном отделении Бетховен, Шопен и фрагменты из опер Римского-Корсакова, Чайковского, Мусоргского и Глинки. Выступят артисты Государственного Академического театра имени Вахтангова.

29 ЯНВАРЯ — в 20 ч. — литературный вечер МТИ. Со своими произведениями выступят: Одоевцева-Гинцева и Ремизов-Ус.

Ответственный редактор: С. ДИНАМОВ

РЕДКОЛЛЕГИЯ: Н. Асеев, С. Динамов, И. Жига, Л. Ильинский, И. Катаев, Г. Кореньев, Н. Огнев, А. Селивановский, И. Сельвинский, М. Слонимский.

ИЗДАТЕЛЬ: Акционерное Изд. О-во «Огонек».

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

НОВЫЕ КНИГИ

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

КРИТИКА

МАЛАХОВ. — Перекрещенцы на практике. Критика теории. ГИХЛ. 1931. Стр. 80. Ц. 70 к.

Против меньшевиствующих в литературоведении. О теориях проф. Переверзева и его школы. Сборник статей: Л. Авербах, Ю. Лебединский, С. Щукин, Б. Ермилов, В. Сутырин, А. Гурштейн. (Критич. 6-ка «На литературном посту»). «М. Рабочий», 1931 г. Стр. 207. Ц. 1 р. 75 к.

КЛАССИКИ

ШЕВЦОВ, Ф. — Кому на Руси жить хорошо. Изд. 2-е. (Детлит. 6-ка классиков. Ш-я серия). ГИХЛ. 1931. Стр. 287. Ц. 50 к.

ТОЛСТОЙ, Л. — Война и мир. Роман в 4-х томах. Предисл. К. Истомина. Комментарии А. Гречишкого. Изд. 2-е, т. II. ГИХЛ. 1931. Стр. 319. Ц. за 4 тома 3 р. 75 к.

ПУШКИН, А. С. — Борис Годунов. Изд. II. ГИХЛ. 1931. (Детская 6-ка классиков). Стр. 153. Цена 25 коп.

ОСТРОВСКИЙ, А. Н. — Бедность — не порок. Комедия в трех действиях. Изд. 4-е. ГИХЛ. 1931. (Детская 6-ка классиков). Стр. 76. Ц. 15 к.

СОВРЕМЕННАЯ ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ПРОЗА

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

БАУТИН. — Пылающая Пресня. Повесть о декабрьских днях 1905 года. «М. Рабочий». 1931. Стр. 125. Ц. 40 к.

ОКУЛОВ, Камо. Вологодская республика. ГИХЛ. 1931. Стр. 86. Ц. 70 к.

ТАН (В. Г. БОГОРАЗ). — Колымские рассказы. ГИХЛ. 1931. Стр. 333. Ц. 2 р. 50 к.

ЧАРОТ М. Рассказы. Перев. с белорусского М. Зинкевича. Предисл. З. Жилуновича. М.—Л. ГИХЛ. 1931. (Серия белорусской литературы). Стр. 127+1 портр. Ц. 1 р. 25 к.

ХВИЛЬОВЫЙ М. Жизнь. Этюды. Автобиография. Перев. с украинского И. Очеретенко и Л. Жуковой. ГИХЛ. 1931. (Серия украинской литературы). Стр. 252. Ц. 2 р. 50 к.

ЗАРУБЕЖНАЯ ЛИТЕРАТУРА

БЕЛОСТАТНИЙ, А. — Бай Ганю. Пер. с болгарского О. М. Гончаруженко. Ред. вступительная статья и прим. Г. П. Бакалова. ГИХЛ. 1931. Стр. 199. Ц. 1 р. 40 к.

ГОТОЛЬ А. Буркас «Ни Г. Ф. Ш». Роман. Авторизованный перевод с немецкой рукописи Д. Усовой. Предисловие Э. Мюллера. ГИХЛ. 1931. Стр. 256. Ц. 1 р. 60 к.

БЯДУЛЯ З. Хлеб. Рассказы. Книга I. Перев. с белорусского К. Яковчика. Предисл. Г. Бересько. М.—Л. ГИХЛ. 1931. (Серия белорусской литературы). Стр. 303. Ц. 2 р. 30 к.

ПРОДАЖА ВО ВСЕХ МАГАЗИНАХ КНИГОЦЕНТРА И В КООПКНИГАХ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

КНИГОЦЕНТР

ВЫХОДИТ ИЗ ПЕЧАТИ СПЕЦИАЛЬНЫЙ НОМЕР ЖУРНАЛА

ЛИТЕРАТУРА МИРОВОЙ РЕВОЛЮЦИИ

(б. «ВЕСТНИК ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ»)

Номер посвящен целиком 2-й Всемирной Конференции Революционных писателей, состоявшейся в г. Харькове

В НОМЕРЕ ВОЙДУТ:

Доклады: т. БЕЛА ИЛЛЕША, генерального секретаря МОРП (Международного Объединения Революционных Писателей); т. СЕРЫШИКА — культотдел ЦК ВЛКСМ; председателя Всесоюзного Комитета по делам искусств т. ГОЛЬЦЕР — О вопросах литературной политики; т. ХАЛАТОВА — Культотдел ЦК ВЛКСМ; т. МИЛЛЕНКО — О вопросах литературы Украины; все резолюции Конференции по вопросам про старой литературы и отдельных стилях; все речи иностранных делегатов 22-х стран и все приветствия.

НОМЕР БОГАТО ИЛЛЮСТРИРОВАН снимками с конференции и портретами всех участников конференции и всех революционных писателей.

Номер выходит одновременно четырьмя параллельными изданиями на 4-х языках: русском, немецком, французском и английском.

Об'ем книж. № — 20 печатных листов. Цена 1 руб. 50 коп.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1931 г. НА ЖУРНАЛ

ЛИТЕРАТУРА МИРОВОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Ежемесячный орган Международного Объединения Революционных Писателей (МОРП)

(т. «ВЕСТНИК ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ»)

ЕДИНСТВЕННЫЙ В СССР ЖУРНАЛ, ЦЕЛИКОМ ПОСВЯЩЕННЫЙ КУЛЬТУРНОЙ и ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ ЗАПАДА и ВОСТОКА.

КАЖДЫЙ ИНТЕРЕСУЮЩИЙСЯ современной иностранной литературой должен быть подписчиком на журнал

„ЛИТЕРАТУРА МИРОВОЙ РЕВОЛЮЦИИ“

В каждом номере печатается целиком, без продолжения, роман какого-либо из виднейших иностранных и революционных писателей.

ПОСТОЯННЫЕ ОТДЕЛЫ ЖУРНАЛА: художественная проза, стихи, быт, статьи и обзоры, хроника и книжное обозрение.

В ОТДЕЛЕ БИБЛИОГРАФИИ даются обзоры не книги, еще не появившиеся на русском языке, имеется отдел: ПИСЬМА ИЗ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН.

ЖУРНАЛ снабжен многочисленными иллюстрациями и портретами иностранных писателей.

В 1931 году в журнале будут напечатаны новые романы: МОГАННЕС БЕХЕРА, КУРТ КЛЕБЕРА, БРУНО ЯЗЕНСКОГО, Г. МАРХВИЦА, А. ГИДАШ, МАЙКА ГОГДА, АНРИ БАРБЮСА, З. СИНКЛЕРА.

В 1931 году журнал берет на себя руководство над пролетарскими читателями в ВЫБОРЕ НУЖНОЙ ИМ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Подписчикам „В. И. Л“. 1930 г. СПЕЦИАЛЬНЫЙ номер будет разослан вместо № 7—8.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: на год — 12 №№ — 10 р., на 6 м. — 6 №№ — 5 р., на 3 м. — 3 №№ — 2 р. 50 к. Цена отдельн. № — 1 руб.

Подписка принимается Бюро распространения Книгоцентра ОГИЗа (Москва, Неглинная, 3), всеми магазинами и отделениями Книгоцентра и всеми почтами.

ВЫШЕЛ И ПОСТУПИЛ В ПРОДАЖУ № 1 журнала

РОСТ

Цена номера 15 коп. ТРЕБУЙТЕ ВСЮДУ

В НОМЕРЕ:

Большой, богато иллюстрированный РАДИО-МИТИНГ;

Изд-во „Известия ЦИК СССР и ВЦИК“ МОСКВА, Страстная площадь

ПРОДОЛЖАЕТСЯ подписка на 1931 год

НА ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

НОВЫЙ МИР

Под редакцией Г. И. Крумина, А. В. Луначарского, А. Г. Малышкина, В. Л. Яковлевского и В. И. Соловьева

7 печ. л.

При ближайшем участии Ф. Гладкова, Вс. Иванова, Ф. Гладкова, И. Гольдберга, Б. Лавренева, И. Леонова и Юрия Олеши

ЖУРНАЛ „НОВЫЙ МИР“ ВЫХОДИТ С ИЛЛЮСТРАЦИЯМИ

В 1931 г. в журнале „Новый Мир“ будут напечатаны:

Романы, повести, рассказы.

А. ВЕСЕЛЫЙ. — Россия, кровью умытая (главы из романа). Н. ВЕРЕСАЕВ. — Главы из романа «Сестры». Ф. ГЛАДКОВ. — Новый роман. ВВ. КАТАЕВ. — Повесть. А. КИРСТЕН. — Дела и люди (повесть). Л. ЛЕОНОВ. — Новая повесть. А. МАЛЬГИНКИН. — Тревога (повесть). Г. НИКИФОРОВ. — Творчество (роман). Ю. ОЛЕША. — Смерть Занда (пьеса). Л. СЛОНИМСКИЙ. Город (повесть). АЛ. ТОЛСТОЙ. — Черное золото (роман). А. ЧАПЫГИН. — Осколок того же зеркала. (Из жизни моя). М. ШАГИНЯН. — Гидроцентраль (роман. 2-я часть). А. ЯКОВЛЕВ. — Главы из романа «Повороты».

РАССКАЗЫ
МЕМУАРЫ
СТИХИ И ПОЭМЫ
ЛИТЕРАТУРА и ИСКУССТВО
ПОЛИТИКА, БЫТ, ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ
ЛИТЕРАТУРНЫЙ АРХИВ
НАУКА и ТЕХНИКА
КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

№ 1 Заканчивается печатанием первая (юнгерская) книга журнала „НОВЫЙ МИР“ № 1

СОДЕРЖАНИЕ:

АЛ. ТОЛСТОЙ. — Черное золото (роман). С. БУЛАНЦЕВ. — Дом с выходом в мир (рассказ). А. АЛЕНИН. — Вступление (очерк). А. ЯКОВЛЕВ. — Повороты, главы из романа. М. ПРИШВИН. — Зооферма (очерк с фотоиллюстрациями автора). А. АРОСЕВ. — На боевых путях (воспоминания). И. ЗАРУБИН. — Неизвестный капитан (рассказ). ВЯЧ. ПОЛОНСКИЙ. — Конны и начала. А. АГРАНОВСКИЙ. — Почему вымрет. ВС. ЛЕБЕДЕВ. — Земля и коммуна. Л. СТОНОВ. — На Сухонских фабриках. В. ГОЛЬЦЕВ. — Адекватен ли Блок, как литературный критик. ЕВГ. ЛАНН. — Томас Гарди. Н. КАЛЯЗИН. — Из новой литературы о Толстом. Н. ИЗГОЕВ. — Хлебец. С. ГАЛЬПЕРИН. — По всему свету. СТИХИ: Н. Тарусского, Н. Браун, Б. Пастернака, Вс. Рождественского, Ив. Приблудного. КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ.

Подписная цена на 1931 г. 12 м. | 9 мес. | 6 мес. | 3 мес. | 1 м. 10 р. | 30.35к. | 5р.50к. | 2р.85к. | 1 р.

Цена отдел. книги в розничн. продаже 1 р. 00 к.

Требуйте всюду

Подписку оставайте ПОЧТЕ, организатору подписки, письмоносцу

ОБЩЕСТВО ИСТОРИКОВ-МАРКСИСТОВ ПРИ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ ЦК ВКП(б) БУДЕТ ВЫПУСКАТЬ в 1931 году НОВЫЙ, ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ МАССОВЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ, ИЛЛЮСТР. ЖУРНАЛ

БОРЬБА КЛАССОВ

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР М. Н. ПОКРОВСКИЙ

Журнал явится первым большевистским органом, основная задача которого — пропаганда марксизма-ленинизма и генеральной линии ВКП(б) и Коминтерна на основе исторического опыта классовой борьбы. Журнал ставит своей задачей систематическое ознакомление широких читательских масс (рабочие, колхозный актив, комсомольцы, рабочее студенчество, низовое учительство и т. д.) с историей классовой борьбы преимущественно XIX и XX веков. Вместе с тем журнал поведет решительную борьбу со всякими попытками ревизии марксизма-ленинизма в области истории, с различными буржуазными и мелкобуржуазными течениями исторической мысли и, в частности, с великодержавным шовинизмом и местным национализмом.

На страницах журнала будет вестись живое, занимательное чтение по следующим основным отделам исторических знаний: история классовой борьбы и революций, международного рабочего движения, ВКП(б) и Коминтерна; история народов СССР и народов колониальных и полуколониальных стран; история народного хозяйства, материальной культуры и техники; история общественной мысли; методология исторической науки (теория истмата) на конкретно исторических примерах.

В журнале будут помещаться небольшие статьи и очерки, воспоминания, художественные произведения исторического содержания, новые документы прошлого, заметки на темы революкалендаря, дискуссионные материалы, переписка с читателями и консультации, указатели литературы и критические обзоры новых книг, хроника научной и учебной жизни и т. д. Журнал должен быть богато иллюстрирован. Журнал будет выходить ежемесячно, размером до 10 печатных листов. Содержание первого номера и условия подписки будут опубликованы в ближайшие дни.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Орган Федерации Об'единений советских писателей

Широко освещает вопросы литературы и жизнь писательских организаций. Газета регулярно печатает отрывки из наиболее значительных произведений современной литературы, нужна всем интересующимся вопросами литературы и искусства

ВЫХОДИТ КАЖДЫЕ 5 ДНЕЙ

Подписная цена:
12 мес. 3 р. 50 к.
6 мес. 1 р. 75 к.
3 мес. — 90 к.

Все подписчики «Литгазеты» могут получить от РЕСМИРНУЮ ИСТОРИЮ в 24 книгах и ДВЕ картины за 1 рубль (с пересылкой 1 р. 25 к.) по ОБЫЧНОЙ ОТОЧКЕ и 12-15 книжек за доплату в 1 р. 75 к. Подписку сделайте немедленно. Переходы в Издательство посылать не следует.

Адр. Моск. Отд. «ЛИТГАЗЕТЫ» — Москва.

Главлит А 35327. Типография «Печатник», ул. Сапунова-Степанова, д. 2.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Орган Федерации Об'единений Советских Писателей РСФСР

МОСКВА 30 ЯНВАРЯ 1931 г. № 6 (105)

РЕДАКЦИЯ: Тверской бульвар, 25, Дом Герцена. Тлф. 2.80.12

ПОЭЗИЯ— НА ЛИНИЮ ОГНЯ!

Производственное совещание РАПП, посвященное вопросам поэзии, имеет громадное значение. Оно является в существе первым широким общественным центром поэтического фронта. Ни для кого не секрет, что именно поэзия является наиболее отстающим участком общего фронта пролетарской литературы. Отставание это, однако, требует своей расшифровки. Отставание это надо понимать в смысле характеристики всего поэтического движения в целом. У целого ряда поэтов мы имеем ряд значительных достижений, которые стоят на уровне требований реконструктивного периода. Мы имеем творчество Демьяна Бедного, которое на всех этапах революции, как и сегодня, является примером талантливого и яркого служения боевым задачам рабочего класса, его борьбе за построение нового социалистического общества.

Значит, не рискованно ли начинать обсуждение проблем пролетарской поэзии с тезиса о ее теперешнем отставании? Нет, не рискованно. Отставание есть, и первая задача поэтического совещания РАПП—установив этот факт, расчистить пути для общего наступления. Потому что, за исключением имени Демьяна Бедного, нельзя опереться ни на одну группу, которая творчески завоевала бы право на водительство в пролетпоэзии. За исключением одного Демьяна Бедного линия поэтического фронта почти сорвана, зигзаги и в целом протянулась назад. Недаром лозунг «одемьяниванья» стал самым боевым и насущным. Причины, обусловившие такое положение, будут предметом обсуждения совещания. Мы считаем только необходимым подчеркнуть, что одной из главных причин было отсутствие у пролетарского поэтического движения именно настоящей теоретической базы, отсутствие должного внимания к вопросам поэзии со стороны нашей марксистской критики (в том числе и руководящей критики РАПП). Отсюда полная нечистость в вопросах диалектико - материалистического творческого метода в применении к поэзии, формалистическая путаница в проблеме жанров и т. д.

Ряд важнейших дискуссий, имевших огромное значение для дальнейшего развития пролетлитературы, для завоеваний ее марксистско - ленинских позиций (разоблачение меньшевистских концепций Переверзева, разгром «Литфронта» и разъяснение его творческих лозунгов и т. д.), — все это прошло в основном мимо поэзии, мимо самих поэтов, не принимавших в этой борьбе почти никакого участия. Низкий идейный мировоззренческий уровень большинства пролетпоэтов—вот теория, сдерживающий их движение.

Именно этот низкий уровень требований, который предъявляют сами поэты, обусловливают чрезвычайно вульгарное упрощенческое понимание одним лозунга о политической актуальности поэзии. Схематизм, взамуты, брошенные громкими словами, холуйское патетическое воспевательство часто приравнивают у поэтов этой линии идейную художественную пустоту, мелкобуржуазную самобытность, отказ от разрешения сложности нашей действительности поэтическими средствами. Но гораздо большую опасность представляют попытки охранить свое «поэтическое первородство» и под предлогом органического роста сохранить привычную дистанцию между «музами» и эпохой. Здесь, в скрытой форме, мы наблюдаем прямое давление классово-враждебных нам сил и интересов. Этот процесс неизбежно захватил и ряды пролетарской поэзии. Целый ряд поэтов, бывших на линии огня в известный период, теперь по сути дела переходит на положение «попутчиков» и союзников пролетлитературы.

Наконец, еще одно обстоятельство до сих пор чрезвычайно затрудняло здоровое развитие пролетпоэзии. В поэтической среде до сих пор еще чрезвычайно сильны мелкобуржуазные настроения богемства, глухого чванства, мещанского соревнования друг с другом. Еще сплошь и рядом дискуссии то и дело сбиваются на откровенное мещанское заушательство и политическую демагогию. Это стремление одних выступать с широковещательными «Декларациями» и «Литературными манифестами», стремление каждого непременно «вести за своим конем» и стремление других чуть ли не физически уничтожить за это и коней и всадников — все это тревожный сигнал мелкобуржуазных настроений, в значительной степени еще господствующих в поэтической среде.

Поэтическое совещание РАПП призвано также раз навсегда оздоровить и эту атмосферу. Призыв ударников, проводимый РАПП совместно с ВЦСПС, творчество рабочего ядра РАПП—вот та почва, которая дает новые побеги и явится основой будущего широкого пролетарского поэтического движения. Буржуазная опасность зеника в поэзии. Она является главной опасностью, ее следы мы видим в творчестве целого ряда пролетпоэтов. Но нельзя также не видеть удорес, которые революция нанесла буржуазному и мелкобуржуазному поэтическому флангу.

«Мы вступили в период социализма» — под знаком этих слов всемирно - исторического значения должно пройти поэтическое совещание, пересмотр поэтами своего оружия, борьба за творческий метод. В борьбе на два фронта против певцов буржуазного культурничества и упрощенчества и против главной опасности буржуазного перерождения и сливания с классовых позиций пролетарская поэзия придет на линию огня борьбы за социализм.

ПИСАТЕЛИ— НА ПЕРЕВЫБОРЫ СОВЕТОВ

Комиссия содействия перевыборам советов при ФОСП и местное писательство пока слабо содействуют перевыборам. Отсутствует инициатива и четкость в работе.

Местом писателей выделены 16 писателей для выступлений на предприятиях. Центральное бюро иностранных ФОСП предложило в связи с художественным обслуживанием перевыборов при Моссовете списки в 30 писателей. Всероскомдрам составил ряд перевыборных инсценировок и частушек для агитбригад театров.

Но посылаемые местному писателю командировки с предприятий чаще всего, так как из-за организационных неувязок перевыборные собрания не проводились. ИКВ только спрашивает данный список писателей в Моссовет и не удосужился установить связь с исполкомом МОССПС, Всероскомдрам и ФОСП по обязательным встречам или предварительным совещаниям составителя драматургии: литераторов.

Массовая отметил, что ФОСП и Всероскомдрам еще не включились в перевыборную кампанию.

Только Кирп и Дорогой и перевыборах советов и в самой ФОСП и в местном писателей. Обер писательского предложения по новому закону Моссовету и районному еще не проводится. Литературные произведения по вопросам перевыборов отсутствуют. Литературная продукция не должна носить характер агитационных призывов, а должна быть художественно-политическим и практическим перевыборам.

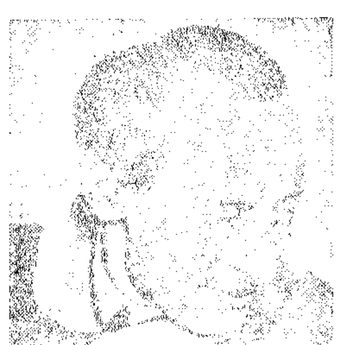
Массовая писателей предложено к 1 февраля выполнить проекты списков избирателей и отдельно списков. Секретариат ФОСП — выяснить состав избирателей по линии литорганизаций. Клубу ФОСП предложено широко организовать предстоящее перевыборное собрание и немедленно установить в клубе в Доме Герцена ящики для предложений к списку Моссовету.

Все литературные группы должны немедленно представить общественность, немедленно списочный к перевыборному списков.

Перевыборное собрание в Московский и районный советы от ФОСП, месткома писателей и Всероскомдрама состоится 4 февраля.

Писатели и драматурги, готовьтесь к перевыборам советов!

СЕГОДНЯ ЛИТЕРАТУРНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ



БРУНО ЯСЕНСКИЙ

● В секции переводчиков ФОСП тов. Бруно Ясенский сделал доклад об итогах Второй международной конференции революционных писателей в Харькове. Подробно остановившись на истории развития пролетарской литературы на Западе, Б. Ясенский сказал, что харьковской конференции впервые удалось подытожить огромные достижения пролетарской литературы, которая скрывает собой новую эру в истории мировой литературы. Харьковская конференция дала блестящее опровержение троцкистским идеям о судьбах пролетлитературы в пределах буржуазного общества.

● ВОКП издает ударный литературно-художественный сборник «Большевистская весна», посвященный весенней посевной кампании. В этом сборнике примут участие т. т. Зимойский, Дорогойченко, Батран, М. Карпов и др. В нем будут помещены рассказы, очерки, стихи, частушки о ходе весенней посевной кампании. Редактирует сборник редколлегия в составе т. т. Субботина, Михайлова и Тарпана.

● Секретариат БелАПП постановил выпускать орган БелАПП—журнал «Молодняк». Журналу дано название «Наступ» («Наступление»).

● Выделен рабочий секретариат БелАПП, в который вошли И. Лиманский, П. Головач, Ил. Барашка, М. Мысливинский и Х. Дунец.

● Для участия в весенней посевной кампании на местах ЦО ВОКП командирует ряд писателей в различные районы РСФСР: Л. Колоса (Средняя Волга), И. Батрака (ЦЧО), Остроторского (Сибирь) и др.

● В районах Москвы и области (Тула, Орехово-Зуево, Подольск, Рязань, Тверь и др.) с 1 по 8 февраля будут проведены расширенные пленумы районных бюро МАПП и местных АПП. В плане этих пленумов стоит отчет руководящих групп, а также партийные и профессиональные организации. Докладчик — т. Авербах.

● Пленум МАПП откроется 10 февраля на заводе им. Владимира Ильича с участием рабочих завода и актива литгруппы. На пленуме МАПП будет присутствовать до 200 делегатов от Москвы и области. Это будет первый пленум МАПП, на 90—95 проц. состоящий из делегатов рабочих-ударников.

● При МАПП организована белорусская секция, в которую вошли пролетписатели: Бондаренко, М. Гольдберг, Ул. Прибытковский, Губаревич и П. Шунайко.

● 2 февраля в Москве открывается первая Всероссийская конференция по детской литературе.

Доклады по ему—«Детская книга в реконструктивный период» сделают т. т. Крупская и Рахья. Доклад о политической книге сделает т. Рязанов, о книге и учебнике—т. Свердлова.

Конференция открывается в Доме театра. В остальные дни конференция будет работать в клубе ФОСП.

Подготовка к конференции в Москве заканчивается литературной детской книги, организуемой издательством «Молодая Гвардия» с 29 января по 2 февраля.

Сегодня открывается общемосковская конференция читателей. Завтра в московских детских библиотеках организуются специальные вечера.

Писательские организации принимают чрезвычайно слабое участие в подготовке конференции.

В оставшиеся дни необходимо обеспечить максимальное участие широкой писательской общественности в обсуждении вопросов детской литературы.

ПИСАТЕЛЬСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ НА ПОСЕВНУЮ КАМПАНИЮ

Секретариат ФОСП разработал практические мероприятия по привлечению писательской общественности к участию в проведении весенней посевной кампании.

В районы весеннего сева будет послан ряд писательских бригад. Издательству «Федерация» и литорганизациям предложено выпустить литературный сборник для колхозов и совхозов.

Все местные газеты будут снабжаться через ТАСС литературным материалом из зоны посевкампании.

ЗА РУБЕЖОМ

ИТАЛИЯ И ПРОЛЕТАРСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Художественная литература в фашистской Италии находится в упадке

Здоровое течение пролетарской литературы развивается в среде рабкоров нелегальной революционной печати и в среде политэмигрантов

Согласно данным Международного общества защиты авторских прав Италии, которая в 1913 году в пределах за последние годы перед войной выпускала в среднем 11.000 названий в год, в 1928 году снизила свою книжную продукцию наполовину, что она едва достигала 6.000 названий.

Но каково сейчас положение пролетарской литературы?

До войны у нас были поэты и писатели, которые в стихах и в прозе отражали нужды трудящихся. Дж. Берта, переведенные на русский язык, писал о жизни рабочих Сицилии. Стекетти и Брунетти — два поэта, первый из Болоньи, второй из Рима, написали целую обличительную сатирическую эпоху против господствующих классов. Что же касается романов и рассказов, то все они лежали на старой лад. Свободы в Италии касались социалисты, но войны вообще разоблачали их крайне мало и все, как большинство писателей, один верной второй седьмой Империи Семенуто Н. И. социалистической партии были сознательно неоднократно арестованы Лидо Бефанини в Риме Сальваторе, но его книги очень отвлеченны, отвлеченные себя, часто пишет в том и чем, чтобы занять определенную позицию по отношению к русской революции.

Остроты, которые вносит немецкую армию и правительство литературу, и сатирик, который... представляет старое литературное искусство, понимая, как этого и должно ожидать, весьма низкого.

После войны забил фонтан сплошной ереси и пошлости. Появился новый ряд автобиографических книг и мемуаров. Десятки писателей писать романы, где действующими лицами были трудящиеся. Но авторы их редко старались проникнуться их жизнью и побороться их борьбы.

В качестве примера мы можем привести: «Мой сын маленький ребенок» — «Мятеж и «Хочешь это я?»—Пиранделли. Что до книги, такие как и прежде, выпускаются так называемой итальянской секции Интернационала—«Дьявол в Пентедроне», были помещены итальянскому революционному движению, выпускать представить его с синим задом.

Марио Маркези, тоже переведенный на русский язык,—причем с русским изданием его книга рекламировалась, как написанная коммунистом, в то время как Марио Маркези является простым противником коммунизма,—до известной степени проскакивал своим «Белым Христом».

Маркези писал много и сейчас конкурирует порнографией. Пользовавшийся успехом «Белый Христос» не является пролетарским романом, хотя в нем и описывается жизнь пролетариев. Маркези, высланный «либеральным» бразильским правительством, вновь вернулся в Бразилию вместе с «революционными» романами.

Молодая наша литература при сравнительной слабости ее изобразительных средств отличается широтой охвата действительности. Десятое лет — довольно много! И все же не за них десять лет, которые после гражданской войны, находясь рядом дала множество книг, которые сочетают жизнь даже самых далеких и отдаленных от центров культуры «медвежьих углов».

Мы имеем отличные книги, мастерски рисующие жизнь и быт даже тех имен, которые жили безвестно, немо, и только что разбудили советской революцией от тех земель.

Уманцу из романа Милых Бирюзова из быта самоедов, на «Поморах солнце» — прекрасную повесть Всеволода Лебедева о жизни поморов, из романа Носкова «Тайга», мастерски изображающий этапы одного из языков Кавказа. Можно указать и еще несколько книг такой же высокой формы и все они—вещи, которого нельзя было ожидать так скоро.

Сверкнет читатель — и с радостью отмечаю в каждых литературах умение проникать глубже в быт и психику тех людей, которых «государственный гений» Муссолини загоняет на окраины фашистской литературной империи!

Помимо перечисленных имеется лишь немало писателей, которые пишут романы, посвященные пролетарской массе.

Можно упомянуть имя Собреро и Карло Маджаротти.

Первый, будучи редактором сперва либеральной газеты в Турине «Вечерней газете», а потом газеты «Мир и Новость» деятельное добровольческое общество в Турине и построил рабочие в виду захвата фабрик. В романе хорошо описана техника такого труда фашистской партии, руководимого Францией, позиции реформистов и положение турецкой мелкой буржуазии. Во всем он в этой вещи за борьбе занимал «нейтральную» позицию, и это книге отражает все слабости и колебания мелкой буржуазии.

Ворри, в недавнее время тоже переведенный на русский язык, является известен на Сицилии. Во время войны он был почтовым служащим. Я знал его лично. До войны это был исследователь Мадзини и фашистов. Во время войны он стал открытым врагом войны. Италии в войну, в начале войны стал почти... социалистом! Сейчас он свою группу «Мемориалы» из рабочих литературную группу. Литературную премию за фашистских учреждений можно получить только будучи фашистом. Под псевдонимом «Альбертино» Ворри написал книгу «Замок-мальчик». Книга эта очень интересна и Ворри пришлось пластинки, когда фашисты узнали, что он является ее автором. Он был уволен, несмотря на то, что прослужил 20 лет и занимал крупную должность в почтовом ведомстве.

Книга эта представляет собой историю того, как возник фашизм в Ломбардии—крупной сельскохозяйственной зоне в Верхней Италии. Написана книга живо и интересно. Я читал ее в Милане, получив экземпляр рукописи, написанной на машинке непосредственно ее автором, до того, как она была сдана в печать.

Недавно я прочел эту книгу в напечатанном виде. Она исправлена настолько, что вполне соответствует духу фашистской литературной премии!!!

Обратимся теперь к Коммунистической партии. Широкую сеть наших рабочих, создаваемых вокруг наших ежедневных и еженедельных изданий, пока они еще были легальны, а от которой сейчас в Италии осталась лишь небольшая группа, сконцентрировавшаяся вокруг нашего нелегального журнала «Большевик» и работы наших подпольных изданий, и рабочих издаваемых в эмиграции идет к журналов, выходящих на итальянском языке в Северной и Южной Америке, Швейцарии Франции и Бельгии в силу трудных условий, в которых они находились, не смогли дать из своей среды писателей революционных романов и новелл.

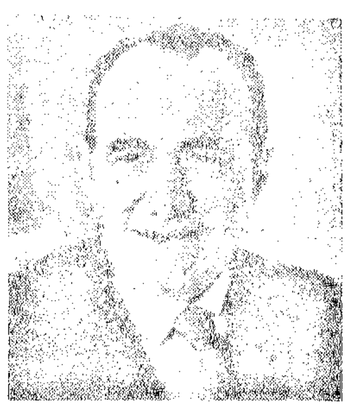
И только в России вышло несколько книг. Дж. М. Сората написал роман, в котором была была дать описка жизнь Муссолини в эмиграции. Но он сам написать лишь незначительную часть ее. После его смерти на русском языке вышла книга, написанная «Ученицей» Сората.

Кроме того, на русском языке благополучно, пользовавшаяся успехом книга Гастев. Это были преимущественно детские книги, из которых одна: «Чижик и Дедка против фашистов» выдержала несколько повторных изданий и была переведена на украинский язык. Недавно вышел перед Эдмондо Недзо вышла книга «Гражданин мира», изданная «Федерацией». В книге имеется ряд интересных эпизодов действительных фактов и личных воспоминаний.

Другие говорящие, эмигрировавшие в России, как например: Росси, Малатеста, Марабини написали ряд брошюр о борьбе итальянского пролетариата. Но все же сделано очень мало. Борьба и порабощение итальянского пролетариата богаты эпизодами. Они могут помочь пролетариату других стран избежать целого ряда ошибок.

Итальянский пролетариат может и должен создать свою литературу. Обостряющаяся борьба против фашизма, опасность войны, интернациональная подготовка нападения на Советскую республику, заставляют нас мобилизовать все наши силы во всех областях, в том числе и в области революционной литературы.

ДЖИСЕППИ ДЖЕРМАНЕТТО.



Тов. ДЖЕРМАНЕТТО — пролетарский итальянский писатель, написавший ряд очерков и рассказов из рабочего и революционного движения Италии. В русском переводе в издательстве «Земля и фабрика» вышли его «Записки цирульника», выдержавшие четыре издания. Переводы этой книги появились одновременно на немецком, французском и польском языках.

М. Г. РЫНИН

О ЛИТЕРАТУРЕ

Каковы и в чем выражаются наши достижения в области художественной литературы?

Утверждают, что крупных мастеров словесно-художественного искусства молодая наша литература не создала. Вменяем поправку: не успела создать. Это — естественно. Живет она всего десяток лет, а в таком возрасте великаны — явление ненормальное. Согласимся с тем, что мастерство молодых писателей еще не высоко, но не станем и понижать оценку его, ибо у нас есть уже не мало литераторов отлично талантливых; мы имеем право назвать их основоположниками новой советской литературы. Да и вообще, в массе, молодые писатели весьма и даже капитально одарены. Если б они учились так же усердно, как героически пишут, — их дарования развивались бы гораздо более быстро и ярко. Но при всех недостатках молодая литература наша обладает достоинством, которое очень редко и выгодно отличает ее от литературы старших.

«Вероятно историки литературы и критики обидятся на меня, но я должен сказать, что, на мой взгляд, старая наша литература была по преимуществу литературой московской области. Почти все классики и многие крупные писатели были уроженцами Тульской, Орловской и других, соседних с Московской, губерний. Жанр и пейзаж — быт и природа. — в которых литераторы вечитывались, довольно однообразны. Религиозные влечения детства были ограничены действительностью Московской области, и это часто было побудителей определение отразились впоследствии на творчестве классиков. Можно привести не мало доказательств ограниченного знакомства классиков с общерусской жизнью.

Молодая наша литература при сравнительной слабости ее изобразительных средств отличается широтой охвата действительности. Десятое лет — довольно много! И все же не за них десять лет, которые после гражданской войны, находясь рядом дала множество книг, которые сочетают жизнь даже самых далеких и отдаленных от центров культуры «медвежьих углов».

Мы имеем отличные книги, мастерски рисующие жизнь и быт даже тех имен, которые жили безвестно, немо, и только что разбудили советской революцией от тех земель. Уманцу из романа Милых Бирюзова из быта самоедов, на «Поморах солнце» — прекрасную повесть Всеволода Лебедева о жизни поморов, из романа Носкова «Тайга», мастерски изображающий этапы одного из языков Кавказа. Можно указать и еще несколько книг такой же высокой формы и все они—вещи, которого нельзя было ожидать так скоро.

Сверкнет читатель — и с радостью отмечаю в каждых литературах умение проникать глубже в быт и психику тех людей, которых «государственный гений» Муссолини загоняет на окраины фашистской литературной империи!

Помимо перечисленных имеется лишь немало писателей, которые пишут романы, посвященные пролетарской массе.

Можно упомянуть имя Собреро и Карло Маджаротти.

Первый, будучи редактором сперва либеральной газеты в Турине «Вечерней газете», а потом газеты «Мир и Новость» деятельное добровольческое общество в Турине и построил рабочие в виду захвата фабрик. В романе хорошо описана техника такого труда фашистской партии, руководимого Францией, позиции реформистов и положение турецкой мелкой буржуазии. Во всем он в этой вещи за борьбе занимал «нейтральную» позицию, и это книге отражает все слабости и колебания мелкой буржуазии.

Ворри, в недавнее время тоже переведенный на русский язык, является известен на Сицилии. Во время войны он был почтовым служащим. Я знал его лично. До войны это был исследователь Мадзини и фашистов. Во время войны он стал открытым врагом войны. Италии в войну, в начале войны стал почти... социалистом! Сейчас он свою группу «Мемориалы» из рабочих литературную группу. Литературную премию за фашистских учреждений можно получить только будучи фашистом. Под псевдонимом «Альбертино» Ворри написал книгу «Замок-мальчик». Книга эта очень интересна и Ворри пришлось пластинки, когда фашисты узнали, что он является ее автором. Он был уволен, несмотря на то, что прослужил 20 лет и занимал крупную должность в почтовом ведомстве.

Книга эта представляет собой историю того, как возник фашизм в Ломбардии—крупной сельскохозяйственной зоне в Верхней Италии. Написана книга живо и интересно. Я читал ее в Милане, получив экземпляр рукописи, написанной на машинке непосредственно ее автором, до того, как она была сдана в печать.

Недавно я прочел эту книгу в напечатанном виде. Она исправлена настолько, что вполне соответствует духу фашистской литературной премии!!!

Обратимся теперь к Коммунистической партии. Широкую сеть наших рабочих, создаваемых вокруг наших ежедневных и еженедельных изданий, пока они еще были легальны, а от которой сейчас в Италии осталась лишь небольшая группа, сконцентрировавшаяся вокруг нашего нелегального журнала «Большевик» и работы наших подпольных изданий, и рабочих издаваемых в эмиграции идет к журналов, выходящих на итальянском языке в Северной и Южной Америке, Швейцарии Франции и Бельгии в силу трудных условий, в которых они находились, не смогли дать из своей среды писателей революционных романов и новелл.

И только в России вышло несколько книг. Дж. М. Сората написал роман, в котором была была дать описка жизнь Муссолини в эмиграции. Но он сам написать лишь незначительную часть ее. После его смерти на русском языке вышла книга, написанная «Ученицей» Сората.

Кроме того, на русском языке благополучно, пользовавшаяся успехом книга Гастев. Это были преимущественно детские книги, из которых одна: «Чижик и Дедка против фашистов» выдержала несколько повторных изданий и была переведена на украинский язык. Недавно вышел перед Эдмондо Недзо вышла книга «Гражданин мира», изданная «Федерацией». В книге имеется ряд интересных эпизодов действительных фактов и личных воспоминаний.

Другие говорящие, эмигрировавшие в России, как например: Росси, Малатеста, Марабини написали ряд брошюр о борьбе итальянского пролетариата. Но все же сделано очень мало. Борьба и порабощение итальянского пролетариата богаты эпизодами. Они могут помочь пролетариату других стран избежать целого ряда ошибок.

Итальянский пролетариат может и должен создать свою литературу. Обостряющаяся борьба против фашизма, опасность войны, интернациональная подготовка нападения на Советскую республику, заставляют нас мобилизовать все наши силы во всех областях, в том числе и в области революционной литературы.

ДЖИСЕППИ ДЖЕРМАНЕТТО.

Я не очень обвиняю критику в неосведомленности и, часто, в поспешности суждений. Я знаю: мы плохо умеем и, что еще хуже, не любим читать. Это было необходимо теоретически, но все-таки мы немножко зазнаемся и, чувствуя, что себя в силах создавать почти чудеса, требуем, чтобы чудеса были созданы сегодня же. Это — признак большевизма, она вполне оправдывается фактами творчества во всех областях работы по организации социалистического государства, практическим успехами науки, ростом индустрии, превращением «рабы природы» — крестьянства в хозяина земли, в работающего машинами. Все это — так. Дальше я скажу, что, на мой взгляд, не так. Здесь же скажу два слова против возможного упрека мне в том, что я не говорю ничего о пролетарской литературе. Действительно, понятно «пролетарий» по отношению к работе-крестьянской массе Союза Советов выцвело из моего лексикона. Это потому, что — на мой взгляд — как-то неудобно и неправильно именовать пролетариатом класс, который тратит миллиарды золота на строительство своего, рабочего государства. Ведь есть уже неоспоримое различие между пролетариатом мира и рабочим классом Советов, который, изучая и осваивая его дедовский быт, вековые навыки его. Иными словами: молодая литература наша энергично служит делу обновления всего трудового народа в единую культурно-революционную силу. Это — задача совершенно новая, важность ее не требует доказательств и, само собою разумеется, что старая литература такую задачу перед собой не ставила, не могла поставить.

Указывают, что «советская литература не создала крупных произведений». Совершенно бессмысленно требовать от молодых советских писателей, чтоб они немедленно создавали монументальные произведения, равные, скажем, «Войне и миру». Но некоторые умники требуют именно таких подвигов. Иногда думается, что под этим требованием скрыто провокационное желание заставить молодежь разработывать темы, пока еще непосильные для нее, когда тот или иной автор берется, скажем, проанализировать сложную тему, исторически выяснить и все, и, кстати, всю советскую литературу. Недавно помнить, что о французской революции конца XVIII века начали писать в половине XIX, после того как не только горы ее были, но и умы покрывали холодные пеплом монархического благодушия.

Требования «крупных» и «совершенных» произведений сегодняшнего искусства не только преждевременны, но и вовсе было намеренно вредными. Советская литература не может создать «Войны и мира», потому что она вместе со всей массой творческих сил Союза Советов живет в состоянии войны со старым миром и в напряженном строительстве мира нового. На войне великим неуместен. На войне только разнодушный цинизм может оказаться эстетом. Но мы имеем право сказать, что никогда еще в нашей литературе не шла она «плоть в плоть с жизнью», как она идет в наши дни, у нас. Мы можем законно похвастаться, что в целом ряде наших молодых наших писателей давно уже успели и сумели хорошо изобразить войну 1914—1918 гг. со всеми ее ужасами. Широко и многими весьма талантливо использован героический и трагический материал гражданской войны. Немало оставлено и бытовой эпохи литературы: ярко работы Всеволода Иванова, Зазубрина, Фадеева, Михаила Алексеева, Юрия Либединского, Шолохова и десятков других авторов, — вместе они дали широкую, правдивую и талантливейшую картину гражданской войны.

И странно промахом критики нашей тот факт, что она не дала должной и необходимой оценки той массе книг, посвященных теме войны гражданской, той работе писателей над этим материалом. Это следовало и следует сделать не только в интересах литературы, но и читателей, которых должна связать в исполнительной оценке книг этого рода опередили критики. Критика берет отдельную книгу и оперирует над ней более или менее хирургически. Но говорить о литературе, это еще не значит говорить о литературе и далеко не все болезни излечиваются хирургии.

Мне кажется, что было бы весьма полезно, если бы критика наша давала читателю — массе — ежегодные обзоры литературы по темам, которые литература разрабатывала за год. Это очень серьезная, ответственная и необходимая обязанность критики, социально-педагогическое значение таких обзоров не требует доказательств. Обзоры эти убедили бы читателя в том, что так же, как во всех областях строительства со-

*. Статья печатается в сокращении.

ФИЛОСОФИЯ И ЛИТЕРАТУРА

Философское совещание, проводимое сейчас редколлегиями журналов «РАПП» и «На литературном посту» совместно с научно-методологическим сектором РАПП, имеет чрезвычайно серьезное значение. Диктуется оно вперед без широкого философского осмысливания богатой практики пролетарского литературного движения невозможно. Ряд важнейших вопросов, встающих перед пролетарским литературным движением, требующим образом связан с коренными проблемами марксистской философии. До сего времени отношения между литературой и философским участками нашего идеологического фронта носили явно ненормальный, недопустимый характер. В течение десяти лет «под боком» у наших философов росло, боролось и работало широкое массовое движение, дрались за марксистско-ленинскую методологию на своем участке, пытаясь разрешить все свои проблемы с общими проблемами марксистско-ленинской теории. Борьба за ленинизм в теории культурной революции, борьба с идеализмом в различных его видах—формализм, обособление — с механистическим теоретизмом в правой и «левой» форме — пролетарствующим, большевизмом, буржуазным, непролетарским, проблемы материалистической диалектики в вопросах разработанной, немного теоретически «защищенной» области, — казалось бы, есть над чем поработать марксизму-философу. Но увы! В отличие от пролетарского литературного движения, боровшегося за новый тип писателя, не было выдвинуто задачи борьбы за **новый тип философа**, связанного с практикой своего класса на конкретных участках его борьбы. В течение восьми лет рабочими философами—читателями и рядом не обратили внимания на нашу критику ошибок, а если и обращали на нее внимание, то не на пользу, а во вред продвижению литературного движения.

Известно, что пролетарское литературное движение все свои задачи всегда стремилось определять в прямой связи с общими задачами культурной революции. Но всех недостатках, слабостях, ошибках, имевшихся у пролетарского литературного движения, все же нельзя не признать, что именно оно поставило ставило вопросы культурной революции, пролетарской и социалистической культуры, борясь за классовое, пролетарское содержание культурной революции, против троцкистского вопросительного сведения ленинской культурной революции и буржуазному культуртрегерству, против буржуазного отказа от культурной гегемонии пролетариата по отношению к крестьянству, против кулацких теорий буржуазных ученых, предпочитавших понятию пролетарской культуры оппортунистическое понятие культуры социально-экономической формации.

Где были наши философы во время борьбы?

Иные просто отмалчивались. И это было лучше, чем, например, ученик т. Луначарского, сегодняшний пролетарий-меньшевик Фриче, который по-бухарински стоял на ортодоксальных позициях представителя бухаринской «школы» в вопросах культуры, или другой «оборотень» — т. Бобровинский, «переживший» своей борьбой против «вредных физически-классовых пролетарских черт» в культурной революции и против самого понятия классовой культуры (см. статью т. Авербаха, посвященную разоблачению прямо-оппортунистической сущности теории Луначарского и Бобровинского). Мы не знаем ни одного выступления наших философов, несущественного критико этих теорий, — и несомненно, что деборинская группа имеет за эти теории не менее ответственность, такую же как несет она ответственность за статью т. Рязанцева, бывшего (1923 г.) тогда в деборинской группе, в защиту Переверзева,—за это предательское выступление, стоит поименованная начавшейся тогда борьбе РАПП с меньшевистской перерожденческой школой.

Но, оказывается, дело не сводится к тем или иным прибавкам логическим, — а, следовательно, и теоретическим, — ошибкам, совершенным бывшим «вышедшим» руководством. Речь идет о целой системе взглядов. Борьба, происходящая сейчас на философском фронте, имеет самое непосредственное отношение к пролетарскому литературному движению. Последнее может только приветствовать тот поворот, который, наконец-то, намечается у философов.

Предстоящий пленум РАПП должен пройти под знаком борьбы за новый, ленинский этап в развитии марксистской критики и литературоведения. Практика пролетарского литературного движения каждый день ставит новые проблемы, она выдвигает новые научные категории, — к ним принадлежит также, неизвестная нашим буржуазным и мелкобуржуазным методологам литературы, научная категория, как категория творческого метода. Самое введение этой категории в обиход литературной науки по новому ставит вопросы стиля жанра, самую проблему художественности, столь актуальную сейчас для пролетарской литературы, призванной сделать, употребляя выражение Ленина, шаг вперед в художественном развитии человечества. Социальная и умелая борьба за материалистическую диалектику в художестве немыслима без борьбы за ленинизм в литературной науке, без решительной критики механистического наследства, часть которого войдет в золотой фонд марксистско-ленинской литературной науки только при условии ясного понимания ошибочности и вредности, имеющихся у Плеханова.

Между тем, схематическая недооценка Лениным как теоретика и методолога и переоценка Плехановым чрезвычайно затормозили борьбу за ленинский этап марксистской литературной науки. Совершенно показательно было со стороны РАПП на определенном этапе дискуссии с переверзевской меньшевистской школой противопоставлять ей элементы противоположного марксизма у Плеханова. Не вместе с тем нельзя не видеть, что только Ленин дал необходимый базис для правильной постановки вопросов творческого метода пролетарской литературы и теории литературы. В ленинизм с переверзевским пониманием образа, например, не так легко опираться на Плеханова, которому что из ряду с ортодоксальными марксистскими положениями о многих идей, содержавшихся в искусстве, у Плеханова нель высказал и значительная теория мимезиса. А между тем, только об образе можно было правильно поставить только на основе ленинских положений о мышлении, как **об отражении** объективной действительности. Нельзя не видеть, что из ряду с положениями вульгарными звучали марксистская эстетика, ее узко художественной **оценки** произведений искусства, неправильно связанной с публицистической оценкой, у Плеханова имелись и обобщающие моменты, направленные против «социального» подхода к искусству. А между тем, только на основе ленинских положений о материализме, **имеющем** в себя момент партийности, только на основе ленинской борьбы с субъективизмом возможно на основе изучения самой **проблемы оценки** в произведениях Ленина можно успешно строить нашу науку, исходя, по словам Маркса и Ленина, обязана давать «лозунг борьбы, лозунг науку, которая «дает практикам уверенность и победу» (Сталин). Нельзя не видеть, что на ряду с блестящими образцами применения материалистической диалектики к вопросам литературы Плеханов в ряде важнейших случаев не умел подойти к явлению как единству противоположностей, скатывался к метафизике (ср., например, Ленина и Плеханова о Толстом). А между тем только при данном неизбежно появлении единства противоположностей можно строить литературу.

Нельзя не видеть и отзвуков кантианства в рассуждениях Плеханова о «незаинтересованности» восприятия искусства.

Борьба за ленинизм в литературе требует не только борьбы с механицизмом, представляющим собою основную опасность и в этой области. Нужно бороться и с тенденциями меньшевиствующего идеализма в области литературы,—ярким выражением этих тенденций является, в примеру, книжка т. Бескинова «Проблемы литературной науки», соединяющая переверзевский вульгарный материализм с чистой теоретической, с метафизической самодовлеющих категорий—стиля, отторгнутого от всякого конкретного выполнения образа как «шелуха» вечной сущности и пр.

Тенденции абстрактного теоретизирования проявляются и в области непосредственной литературной критики. У нас часто охотно разглагольствуют о сложнейших категориях материалистической диалектики по поводу литературных произведений, даже не потрудившись поставить вопрос о данном произведении и его специфической конкретности. В результате — анекдотические поиски «случайности, как формы необходимости», «отрицания отрицания», «единства противоположностей» там, где следовало бы просто и ясно показать, например, эпизодическую ограниченность произведения, безразличность автора и против простые вещи. В результате — дискредитируется и самая постановка вопроса материалистической диалектики и применение ее в художественной литературе. У нас часто не умеют отличить диалектики самой действительности от сознательного применения художником методов материалистической диалектики в творчестве, в результате чего происходит часто то же дискредитация.

Проблемы материалистической диалектики в художественной литературе далеко еще не поставлены в их конкретности. Это возможно лишь при условии борьбы за ленинизм на этом марксистской литературной теории и критики. Философы должны помочь в этом работникам пролетарской литературы, не практикам и теоретикам, для чего необходимо серьезное ознакомление с особенностями данной области, а не те или иные несомненно случайные высказы. Философы должны помочь художникам в их борьбе за материалистическую диалектику в творчестве, должны помочь марксистско-ленинскому воспитанию новых рабочих кадров, сотен и тысяч ударников, идущих в литературу.

Думается, что в результате поворота на философском фронте мы добьемся совместной плодовой работы философского и литературного участков идеологического пролетарского фронта.

В. ЕРМИЛОВ.

*. Статья печатается в сокращении.

О ЛИТЕРАТУРЕ

(Начало на стр. 1)

нятий газеты, полным властелином величайшей и богатейшей страны Советов.

Молодая литература наша с каждым годом все более мощно и быстро растет. Никогда еще искусство слова не служило так успешно и так успешно делу познания людьми. Это особенно хорошо видно на очерках.

Очерк всегда считался критиками низшей формой литературы, что вообще неверно и несправедливо. В нашем хотя бы только двух мастеров очерка, совершенно не сродных по характеру талантов и мировоззрений: Глеба Успенского и Гея де Монассана. Может быть следует указать, что «Записки охотника» И. С. Тургенева по форме своей не что иное, как очерки, что этой формой пользовались Салтыков-Щедрин, Писемский, Лесков, Семенов, Новиковский, Короленко и целый ряд очень крупных, иногда прекрасных литераторов.

Молодая наша литература выдвинула из своей среды массу талантливых очеркистов, и они постепенно придают очерку формы высокого искусства. Гуржиевские «Записки танкиста», Ляшко, Ленитов, Мартынов, Фетисов, Лухманов и еще десятки авторов создали и продолжают развивать своеобразную литературу, явно и явно стремясь придать ей именно советскую форму. Все они — как мне кажется, не на словах чувствуют социально-педагогическое значение своей работы, ценные стилевые черты все есть. Следует несколько ревниво относиться к тому, что иногда в литературных кругах высказывается пренебрежительное отношение к очерку, как к «низшей форме искусства». Это — неверно. Очерк нужен, очерк всегда будет нужен, и его значение будет расти, ибо он является одним из наиболее быстрых и действенных способов воспитания людей, создания у них правильного отношения к явлениям жизни

ЗА ДИАЛЕКТИКО-МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКИЙ ТВОРЧЕСКИЙ МЕТОД ПРОЛЕТАРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ СОВЕЩАНИЯ РАПП—
МОЩНОЕ ОРУДИЕ ТВОРЧЕСКОЙ ПЕРЕСТРОЙКИ ПИСАТЕЛЯ

СМОТР ПОЭТИЧЕСКОГО ФРОНТА
ПРОЛЕТАРСКАЯ ПОЭЗИЯ—
НА ЛИНИЮ ОГНЯ БОЕВЫХ ЗА СОЦИАЛИЗМ

В связи с Всероссийским производственным совещанием поэтов РАПП редакция «Литературной газеты» обратилась к ряду пролетарских поэтов со следующими вопросами:

1. Отвечает ли сегодняшний идейный уровень и тематика пролетарской поэзии (и советской поэзии) задачам реконструктивного периода?

2. В чем вы видите причины отставания поэзии?

3. Какой путь творческой перестройки вы считаете наиболее отвечающим тем задачам, которые поставлены перед поэзией?

Ниже мы печатаем ответы, полученные редакцией «Л. Г.».

ПУТЬ ПЕРЕСТРОЙКИ

Идейный философско-политический уровень нашей поэзии (советской, пролетарской) не соответствует тем огромным реконструктивным, по всякой эпохе пролетарской диктатуры с нашей. Некоторые из наших товарищей-критиков, не удовлетворяясь таким качеством идеологической продукции, видят его в «отставании» поэзии от темпов социалистического строительства. Вдумываясь в это «отставание», я представляю, что оно видят это дело таким образом:

Если техника нашего хозяйства перешла с лошадки на трактор, то поэту необходимо перейти в машинисту в экспресс; если техника нашей тяжелой индустриальности быстрой своего рода напоминает экспресс, то поэту тоже надо стать пилотом, и если, наконец, в это не помещается, то поэта надобно привлечь к участию в нашей встречной кометы в пучинах мечтаний о пространствах, в полете из фактами действительности.

Так ли это, и нужно ли это? Я думаю, что это не так, что это излишне не нужно. Дело не в том, чтобы писать о перестройке или доклады темами действительности, а дело в том, чтобы уметь художественно, на высоте сегодняшнего мировоззрения, обобщать факты, а не разобщать, отмечать из них частное, личное, случайное, а не материальное, не это в скучное регистрирование всего из общих мест.

Всем известно, что партийная фантазия сделали все возможное, чтобы познать и перенять наше строительство. Но в чем известно, что обычно вспоют, они вернутся в метр (именно с теми деталями вопрос встречи, на стыке с которыми они стоят) — в период реконструкции в том смысле, что философско-политическая грубость не чрезвычайно убог, качество сделан и рядом вызывает обратное действие, т.-е. разрушает идею, профанирует социализм или сам в себе не осознан, не созрел, не выплыл, да и вообще не имеет.

2. Перестройка. Это прежде всего литературу рабочих - ударников и эстетической осознания культурного уровня рабочего класса. Пока плохие начала на деле свидетельствуют низкой культуре работы.

Исследователи за границей, по их мнению, не знают, что такое «Взятие моря в тетрадке»

В быть просто вывести.

Литературного нужно брать, бросать и т. д., а как это? и такие — все.

Н. ПОЛЕТАЕВ

ОТОРВАННОСТЬ ОТ МАТЕРИАЛА

1. Реконструктивный период дал поэзии большие права и увеличение ответственности. Поэты говорят с трибун партийных и комсомольских клубов. Скоро — и уверен в этом — поэзия завоюет трибуны Домов ученых. В школах ФОС Кузнецкстроя митинг протеста против истерической провинции начинается чтением стихов Безыменского, Жарова, Алтаузена.

Тем более странен разрыв между возможностями поэзии реконструктивного периода и тем, что пишут поэты этого периода. Если судить о социалистическом строительстве по стихам, его отражениям, оно покажется однообразным. Магнитострой, Днепрострой, Тракторострой встают в стихах абстрактными схемами, лишенными социальной крови и плоти. Если «кошмары» космического отражали штурм революции, то мы «кошмарно» подошли к строительному этапу.

2. Основных причин две. Первая — главная — оторванность рабочих-поэтов. Пролетарскую поэзию до сих пор создают главным образом люди, более или менее переходные из крестьян пролетариата. Вторая причина в том, что наличные поэтические кадры, не владея методом диалектического материализма, не овладели и материалом нашего строительства во всей его немедленности и значимости. Публицистическая лирика большого стиха почти не имеется у нас рифмованной публицистикой. В этом «кошмарно» хорошо, первой бочечкою работает Кириллов, но этот же кошмар сделал его «Пятилетку» беспомощной и неубедительной. Отсюда-то от материала сознается большинство поэтов, но некоторые это приписывают плохого с дальнему обилию литературных манифестов и деклараций.

3. Основное в перестройке — смена поэтических кадров, выдвижение и почитание рабочих-поэтов. Но и наличные поэтические кадры еще многое могут сделать. Для них основное средство перестройки — вработать на перестройках и каком-нибудь не поэтическом качестве культработником, массовиком, организатором рабкоров. Бывало горлобесталься, итак к ставу и замедлять работу своим перемещением. Включиться организатором в стройку, можно и по той линии, по которой сгруппирует их и отнимет фронт пробуксовки литературы не только практика и крупные наши неполитические праки.

МИХАИЛ ГОЛОДНЫЙ

ПИШУТ МНОГО И ЛЕНИНГРАДСКИ...

1. Вот в Ленинграде открыли на отлично. Снова хорошее место Маяковского висит в прихожей. Пишут на месте в галерее. Прав Маяковский:

«Нет не громы канонад,
Неистовствует на стол стол.
Пишут усердствуют...

2. В том, что подлинные работы не участвуют в поэзии, — согласен. Так говорить, но я так плохо принимал в поэзии слабое участие. Большинство, если не все, — хорошие поэты — перешедшие, находные из чуждой среды, не видящие в ваше происходящем. Они стараются перестраиваться, но кого из этого ничего не выходит, да и выйти не может.

3. Перестройка. Это прежде всего литературу рабочих - ударников и эстетической осознания культурного уровня рабочего класса. Пока плохие начала на деле свидетельствуют низкой культуре работы.

Исследователи за границей, по их мнению, не знают, что такое «Взятие моря в тетрадке»

В быть просто вывести.

Литературного нужно брать, бросать и т. д., а как это? и такие — все.

Н. ПОЛЕТАЕВ

Вместо анкеты

ПРОБЛЕМА ФОРМЫ

«Сильные мира сего сердятся на стихи».

А. Пушкин.

Люби.
Понимай.
Дорожи.
Для мастерства,
а не для поэта.
Пусть частная рифма
дрожит,
Как тросами взятая
плосизет
Сваливать
архаический мыс
Дворянского стиля
и вкуса.
Заденье,
о может быть —
смысл
Подводников стихонесущества.
И я
не случайно учусь
Глаголу напечать
ключицы.
Нет,
новая пиксиса чувств
В отличную рифму
напечатал!..
Нам трудно
фарватер менять —
Старинны,
печальны,
снегопады
И вот он —
идет на меня
Свежак молодого прилива!
С гайнтами
на перевес
Ударников — дружная горка.
Не в стойке
советских поэз
Придется им трудно
и горько
Не только —
в томатики нудь,
Им надо вернуться —
и в слово
И слово о слово
стопинуть,
Чтоб
искры посыпались снова!..
Поэзия русского дть
любила,
книга,
рекомендна.
Текла.
не рискуя поднять
Грелазды
девятого вала.
А нам не положено
вброд
Плюститься
по сердечным пустоши
Когда современность
берет
Девятый
в батом Днепрострое
Мы ищем
и слово
в тон
Такого высокого класса,
Которым бы вторил
бетон
Конструкций
и поступи класса.
И, правда,
осластной строги,
Пишут
на всемирный воскресник.
С глубокими дыхальем строки
Дальнего плавания песни.
И если вечастно
тон
Песняк подается
и гибнет,
То значит:
подводный глагол
Пробил его
классовым бивнем.
И значит
не зря я
учусь
Глаголу напечать
ключицы.
Нет,
новая пиксика — чувств
В отличную рифму
напечатал!
Сегодня
он слишком
притих;
Эстетом
и сукуб
приистан.
Он
слишком
грасирует стих,
Одетый в мундир
писчества.
Строчей
без кровинки в лице,
Стихом
до костей просеринным
Гордится
двуполый лисей
Деманьевых висаргинов
Плеяда
сырых графинят.
Где зубы партийных укусов?
Их нет.
Их говрал
рафинад
Дворянских традиций
и вкусов).
Но мы
голосов не сорвем
Из мудростях древних,
нам совм.
Мы вышли
с отличным сырьем
В предместьял
добытого слова
Мордуя
эстетскую знать
Инструментом
классовых формул,
Сегодня
беремся познать
Литейную физику
формы
Согретью
домен огнем.
Сегодня
воремся
и в слово
И слово с слого
стоянием
Аж искры посыпятся снова!

ИОСИФ УТКИН

1958 г.

РЕДАКЦИЯ:

Все знаком печатаются в качестве дискуссионных материалов и совещанию. Редакция вернется к ним в связи с освещением работы поэтического совещания.

НА ТЕАТРАЛЬНОМ СОВЕЩАНИИ
РЕЧЬ В. М. КИРШОНА

—Мы должны заявить, что этим совещанием мы откроем начало боевой демонстрации наступления на театральном фронте.

Так заявил сам третью тов. В. Киршон, открывая 25 января первое производственное театральное совещание, созванное секретариатом РАПП.

И дальше он, — совершенно в нормальных темпах оратор, — бережным отношением, свойственным по этому поводу нормальной тех месяцев.

Таким образом, огромный интерес к творческим проблемам, поставленным практикой пролетарского театра, вполне понятен. Но для этого интереса нужно было еще и другое: нужно было, чтобы театр был не кустарным, а крупным, чтобы он был не только театром, но и культурным фактором, чтобы он был не только театром драматургии, а другом молодых драматургов, чтобы они могли не только ставить свои пьесы, но и учиться на них, чтобы театр был не только театром драматургии, а театром драматургии, театром драматургов, театром драматургии.

И вместе с тем, — говорил тов. Киршон, — мы должны заявить, что этим совещанием мы откроем начало боевой демонстрации наступления на театральном фронте.

Так заявил сам третью тов. В. Киршон, открывая 25 января первое производственное театральное совещание, созванное секретариатом РАПП.

И вместе с тем, — говорил тов. Киршон, — мы должны заявить, что этим совещанием мы откроем начало боевой демонстрации наступления на театральном фронте.

— Разговоры, выступления, статьи, всего этого накопилось так много за последние годы, что выразить в одном докладе, в одной речи все вопросы невозможно. Поэтому я хочу остановиться на одном вопросе, который, по-моему, является центральным, основным, — на вопросе о творческом методе.

Для нас, для советских писателей, для пролетарских драматургов, для театров, для всех, кто работает в области театрального искусства, для всех, кто работает в области театрального искусства, для всех, кто работает в области театрального искусства

Пять лет Литфонда

Работа Литфонда стала недавно сильно занимать внимание советской литературы. Раньше Литфонд напоминал, зачастую относясь чрезвычайно внимательно к задачам улучшения насущных потребностей работников пера, к вопросам реконструкции известного труда и быта на новых социалистических основах. Это объяснялось не только недостаточным задором и силой организации, но и незнанием ее специфики и сложной общественно-политической роли.

Рабочий состав правления, работающий уже четыре месяца, резко изменил стиль и характер работы. Правление выправляет классово-политическую линию организации, участвует лично во всех проверках работы, существующего аппарата, расширяет состав секций.

Сейчас имеется в правлении Литфонда из рабочих производственной писательской работает сильно 50 человек активистов. Президиум и значительная часть Литфонда. Председатель правления тов. Авербах.

До частки было всего членов Литфонда 565. В процессе частки осталось действительных и не имеющих отношения к художественной литературе 207, осталось проверенных 358.

Таким образом ушло балласта, чуждого организации, но организация стала от этого более однородной и социально отборной. Поэтому и перуги последнее время и несколько замедлился за счет работы вуза (на 7 процентов), роста партийной прослойки (на 5 проц.), прослойки (на 4 проц.) и увеличения рабочих (на 15 проц.).

Было принято 175 членов, что дало рост организации на 48,1 процента. В настоящий момент организация насчитывает 1700 человек. Такая же работа проделана и в Ленинграде, где отток составил около 50 проц., а рост — больше 50 проц.

Если в 1928—29 г. при бюджете Литфонда в 100.000 рублей было выдано ссуд 40.155 рублей 23 копейки, то в 1929—30 г. при том же бюджете выдано ссуд возврата до 75.102 рублей 90 копеек.

Пособий и беззаимовых ссуд было выдано 2.015 рублей 80 копеек, в прошлом—11.529 р. 24 к. (рост сравнен на 500 проц.). Ежемесячно выдано видов за 50 проц., увеличено в несколько раз норма пособия. Около 6.000 рублей было израсходовано на бытовое обслуживание художественных в литературе.

Но расширяем за их [illegible] средствами хотя бы на работе с [illegible] для ревизионной [illegible] новых организаций Литфонда. В [illegible] будет дано около 200.000 рублей. [illegible] Литфонда, утвержденная [illegible] комиссиями при Госплане СССР, [illegible] в 1930 году распределена в 1.200.000 рублей. Это есть тот минимум, который позволил бы Литфонду обслужить тысячи работников художественного слова.

Кто может помочь Литфонду, кроме организационных организаций? Назначение культурных и литературных организаций, по своему прямому прямому назначению. Отчисления ОПО оценил по достоинству вопрос перестройки труда писателя и отпустил лишнюю рублей в отпустил лишнюю рублей [illegible].

Помощь в помещении тех Литфонда постановил отпустить лишнюю 15.000 рублей, обещала почти столько же [illegible] Реперировать. Но [illegible] помещения разрешения [illegible] нет.

[illegible] Литфонд, уже имеет большой актив [illegible], правда, не всех одинаково [illegible] [illegible] Бюро хорошо [illegible] [illegible] [illegible]

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Орган Федерации Об'единений Советских Писателей РСФСР

МОСКВА — 4 ФЕВРАЛЯ 1931 г. № 7 (106)

РЕДАКЦИЯ: Тверской бульвар, 25, Дом Герцена. Тлф. 2.80.12

ЛУЧШИХ ПИСАТЕЛЕЙ-ОБЩЕСТВЕННИКОВ В СОВЕТЫ!

ОТРАЗИТЬ РАБОТУ СОВЕТОВ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

ОДНА ИЗ ВАЖНЕЙШИХ ЗАДАЧ ПИСАТЕЛЯ

ВСЕ ПИСАТЕЛИ—НА ВЫБОРЫ

Мы вступили в третий, решающий год пятилетки. Этот год должен быть и будем годом завершения фундамента социалистической экономики, годом новых побед генеральной линии партии.

В 1931 году народный доход достигнет огромной цифры—в 49,8 миллиардов рублей (прирост по сравнению с 1930 г. на 38,9 процентов); удельный вес социалистического сектора в народном доходе возрастет до 81,8 проц. Валовая продукция промышленности увеличится на 45 проц.; валовая продукция обобществленного сектора промышленности составит 97,5 проц.; на капитальное строительство в обобществленном секторе ассигновано 17 миллиардов рублей. 50 проц. крестьянских хозяйств должно быть коллективизировано.

Выполнение этой программы будет великой победой пролетариата всего мира, победой всемирно-исторического значения.

Значение перевыборной кампании в Советы становится понятным в свете гигантских задач, стоящих перед нами в 1931 году.

Укрепив органы пролетарской диктатуры—Советы, ведя неслыханную борьбу с оппортунизмом всех мастей, повышая творческую активность широчайших масс трудящихся, повышая роль советов в проведении генеральной линии партии, мы обеспечим новые победы развернутого социалистического наступления по всему фронту.

Резолюция декабрьского пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) отмечает:

«ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ НОВЫХ ВЫБОРОВ В СОВЕТЫ ЗАКЛЮЧАЕТСЯ В ТОМ, ЧТО НАСТОЯЩИЕ ПЕРЕВЫБОРЫ ДОЛЖНЫ СТАТЬ ВАЖНЕЙШИМ СРЕДСТВОМ КОРЕННОЙ ПЕРЕСТРОЙКИ НА ДЕЛЕ ВСЕЙ РАБОТЫ СОВЕТОВ, ПЕРЕСТРОЙКИ В СООТВЕТСТВИИ С ЗАДАЧАМИ РЕКОНСТРУКТИВНОГО ПЕРИОДА».

Перевыборная кампания в литературных организациях и в самом ФОСП началась со значительным опозданием. Писательская общественность проявила некоторую инертность, которая особенно заметна на фоне огромной творческой активности в рабочем классе и широчайших трудящихся массах деревни, в связи с перевыборами советов.

Некоторые литературные организации не сумели во-время мобилизовать свои силы для обслуживания перевыборов на предприятиях, в совхозах и колхозах.

Только в последние дни наметился сдвиг во всей этой работе. Литорганизации зашевелились, и вся работа, связанная с проведением перевыборной кампании, развернулась ударным темпом. Следует особо отметить инициативу МАПП, сумевшей с необходимой быстротой выпустить специальный сборник, посвященный перевыборам Советов.

Значительную общественную активность проявили в период выборов в Советы Ленотдел ФОСП и большинство литературных организаций Ленинграда. Они показали ряд примеров литературного участия в массовой, политической кампании, создавая стихотворные лозунги, выступая на рабочих предприятиях и т. д.

Уроки перевыборной кампании должны быть учтены в дальнейшей общественно-политической работе ФОСП и всех литературных организаций. Необходимо найти наиболее целесообразные формы и методы участия писателей в работе Советов и в советском строительстве вообще.

ВЫБОРЫ ДЕПУТАТОВ В МОСКОВСКИЙ И РАЙОННЫЕ СОВЕТЫ СОСТОЯТСЯ 4 ФЕВРАЛЯ. ЭТИ ВЫБОРЫ В СТОЛИЦЕ СОЮЗА БУДУТ ЭКЗАМЕНОМ ПОЛИТИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ СОВЕТСКОГО ПИСАТЕЛЬСТВА, ПОКАЗАТЕЛЕМ ЕГО ПРЕДАННОСТИ ДЕЛУ ПОСТРОЕНИЯ СОЦИАЛИЗМА.

ВЫБОРЫ В СОВЕТЫ — БОЕВАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЗАДАЧА ФОСП И ВСЕХ ЛИТОРГАНИЗАЦИЙ.

ЛУЧШИХ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ-ОБЩЕСТВЕННИКОВ—В СОВЕТЫ!

ВСЕ ПИСАТЕЛИ—НА ВЫБОРЫ!

НАКАЗ ДЕПУТАТАМ

Помимо обязательного посещения пленумов Моссовета, помимо защиты в советском аппарате специфически писательских интересов,—вновь избранным писателям-депутатам предстоит серьезная работа. В секциях-широчайший простор деятельности как в советском плане, так и в часто литературном. Работая в любой секции,—военной, здравоохранения, финансово-плановой, жилищной,—писатель сталкивается с самыми разнообразными группами населения, окунается в гущу жизни, стоит, иногда в соприкосновение с новым пластом творческого материала.

Сельскохозяйственное строительство Московской области находит отражение в работе с.-х. секции Моссовета. А проследить за тем, как меняет свое лицо московская деревня, деревня Подчаева и Вольнова,—исключительно благодарная задача в любом писательском плане.

Следует, однако, помнить, что материал сам не полезет в руки, это писатель, вступивший в секцию, должен умело и активно работать в ней и добиваться ощутимых, конкретных результатов своей работы. Только тогда писательская работа может стать творчески-полноценной.

Вот, например, транспортная секция. Все московское население, в том числе и писатели, страдает от транспортной неразберихи. Пригородные поезда, трамвай, автобус,—все это требует немедленного и радикального лечения. Вскрыть причины болезни и устранить их может как раз транспортная секция Моссовета. Дело это большое и сложное. Новый состав Моссовета, несомненно, за это дело возьмется и его выполнит. Но писатель, который войдет в секцию транспорта и будет участвовать с начала до конца в этой ответственнейшей работе, наберет такой литературный материал, какого не найти в двадцати гастрольных поездках по колхозам. Само собой разумеется, что одними секционными заседаниями обойтись нельзя. Придется иметь дело с людьми, ведущими наш транспорт... А ведь это материал замечательный.. Думаю, что книга о московском трамвае имела бы потрясающий успех.

Здесь следует, однако, сделать оговорку. Из практики ясно, что работа секций может стать плодотворной только в том случае, если секции смогут влиять на деятельность отделов Московского и районных советов.

Аппарат должен принимать к руководству решения секций.

Это и есть мое дополнение к наказу. Без этого основного условия вся работа секций будет происходить на холостом ходу.

От всего сердца советов я жду активного проведения в жизнь решений 16 съезда ВКП(б), успешного руководства выполнением заданий третьего года пятилетки.

А это мыслимо лишь при условии широко развернутой и планомерной работы секций.

Н. ОГНЕВ

ОТРАЖАТЬ В ТВОРЧЕСТВЕ РАБОТУ СОВЕТОВ

Я, думаю, что работа в совете является одной из наиболее ответственных и почетных общественных обязанностей советского писателя. Работая в совете, писатель не должен забывать о своей профессии. Конкретную, повседневную борьбу советов за социализм и создание нового общества, за скорейшее выполнение пятилетнего плана и дальнейшее развертывание культурной революции он должен как можно полней освещать в своем творчестве. Буржуазная литература дала не мало произведений, показывающих природу государственной власти буржуазии. Задача пролетарской литературы—глубоко показать сущность работы и деятельности органов пролетарской диктатуры—советов.

Как и все пролетарские писатели страны, я жду от советов прежде всего борьбы за темпы социалистической стройки, обращения внимания широчайших масс вокруг вопроса о военной опасности, все большего и большего сплочения трудящихся вокруг коммунистического авангарда рабочего класса.

В. САЯНОВ

ОПРАВДАТЬ ЗВАНИЕ ДЕПУТАТА

Каковы задачи, выборного в совет писателя? Вся работа писателя в совете должна проходить по двум основным линиям: практическое постоянное участие в секциях, советах и накопление материала—изучение работы совета, как единственного в мире органа пролетарской диктатуры.

Без практической работы, без творческого труда писатель не оправдает своего назначения в совете.

М. ПЛАТОШКИН

ЗДЕСЬ ПИСАТЕЛЮ И КНИГА В РУКИ

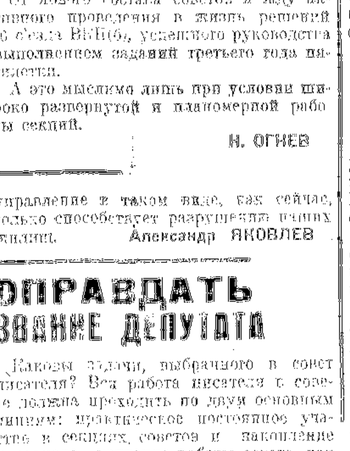
Наши депутаты должны принять самое энергичное участие в работах культурно-бытовых комиссий и, главным образом, жилищной и просветительных (школьной, библиотечной, музейной),—здесь писателю «и книги в руки». К этой работе наши депутаты должны привлечь общую печать. Как это ни странно, но работа Моссовета освещается в печати чрезвычайно скупо, нужно не только больше, но и второстепенные вопросы выносить на суд советской общественности, при чем не только надо эти вопросы решать «сверху», но и чутко прислушиваться, что говорят сами население. Надо, чтобы депутат никогда не терял связи с населением. А то иногда бывает: депутат встречается со своими избирателями на выборах, потом на отчетном собрании перед новыми выборами—и все.

Как дополнение к наказу, я бы имел пункт: «Депутат должен добиться скорейшего расформирования домовых кустов». Годовая работа «кустов» показала, что они не только не нужны, они просто вредны. Москвичи рискуют, действительно, очутиться под кустом—в прямом смысле, потому что кустовое управление в таком виде, как сейчас, только способствует разрушению очных жилищ.

Александр ЯКОВЛЕВ

ПИСАТЕЛИ — ЧЛЕНЫ МОССОВЕТА

Рабочие Одесского трамвайного парка избрали почетным членом Московского совета румынского пролетарского писателя М. Каханэ.



Тов. Каханэ — член коммунистической партии Румынии с 1920 г., бывший командир Красной армии Венгрии в 1919 г.

В феврале 1926 г. тов. Каханэ был арестован в Румынии и приговорен к 12 годам каторги.

*

Михаил Коньцов избран членом Моссовета от коллектива трех издательств: «Огонька», Сельхозгиза и издательства Мособлисполкома.

МАКСИМ ГОРЬКИЙ

ПОЧЕТНЫЙ ЧЛЕН МОССОВЕТА

Транспортный цех завода «Серп и молот» на своем перевыборном собрании в Моссовет и районные советы избрал действительным и почетным членом Московского совета А. М. Горького, которому послано открытое письмо, от имени десяти с половиной тысяч рабочих—«серпомолотцев».

— Мы послали депутатами в Московский и районные советы лучших пролетариев-ударников и преданных бойцов за социализм,—говорится в этом письме.—В числе их рабочие завода цехов поставили послать тебя, Алексей Максимович, первым депутатом, действительным и почетным членом Московского совета.

У нас нет никаких сомнений, что ты, Алексей Максимович, теперь уже, как наш депутат в Московский совет, попрежнему, с еще большей энергией поведешь борьбу за строительство социализма в нашей стране.

Мы сейчас решительно перестраиваем наши советы лицом к производству, ударничеству и колхозному движению, к конкретному руководству дальнейшим ростом и улучшением культурно-бытового обслуживания рабочих. Мы рассчитываем на твою конкретную помощь в творческую работу в этом деле.

Наш завод имеет больше армию рабкоров, у нас имеется ряд начинающих рабочих-писателей, имеется ежедневная горячо любимая заводская газета «Мартеновка» с 10.000 тиражом.

Просим тебя, как нашего депутата в Московский совет, стать активным рабкором нашей заводской газеты.

*

Собрание студентов Института цветных металлов, в ответ на грубую травлю буржуазией Максима Горького, единогласно избрало его почетным членом Московского совета. Студенты послали приветственную телеграмму Горькому, в которой клеймят позором участников этой травли.

ЗА СОВЕТСКУЮ ДЕТСКУЮ КНИГУ!

Наша литературная общественность, в большинстве своем состоящая из людей, пишущих для взрослых читателей, до последнего времени безучастно проходила мимо вопросов детской книги.

Проблемы теории, критики, литературоведения понимались на материале «взрослой литературы».

И если в «большой» литературе мы за последний год имели такие победы, как решительное укрепление пролетарского крыла, как идейный разгром воронщины, перверзианства и либерденщины,—то в области детской книги—перед нами еще много незавоеванных позиций.

Традиция буржуазных «Задушевных Слов», аполитичная бесчисленная, бытовые темы, пинкертоновская авантюрность, экспериментаторское авангардничество, развязная красная халтура—все это еще живо и ощутимо в детской литературе сегодня.

В ней часто попытки смазать значение классовой борьбы, право-оппортунистические тенденции и примиренческое отношение к ним.

Если во «взрослой» литературе—пусть не всегда достаточно и успешно мы делаем ряд попыток идеологически и творчески подковать писателя, вовлекая в дискуссии, творческие дискуссии, производственные совещания, то детские писатели остаются у нас в большинстве случаев «внеорганизованными анархистами». И в результате—«лагерь» общественность подменяется в их среде группировкой и кружковщиной, личные счеты значат больше, чем принципиальные разногласия.

Ужасающая политическая безграмотность писем и речей многих литературных — «профессионалов» пугает многих и многих детских писателей. В их рядах много чуждых людей, много людей случайных, много и таких, которые, потерпев неудачу в области взрослой литературы, с легким сердцем пошли работать над детской книгой.

Проблема гегемонии пролетариата в подготовке писателей и перевоспитании писателей-попутчиков—встает с особой остротой на детском участке нашей литературы.

Задачи овладения методом материалистической диалектики в литературе—является серьезной задачей и в области литературной работы с детьми, в области идейного воспитания будущих часов социалистического общества.

Открывшаяся третьего дня первая всероссийская конференция по детской литературе есть первая значительная веха на пути к решению огромных задач, которые в период развернутого социалистического наступления стоят перед работниками детской литературы. В работах конференции по детской книге вместе с пролетарской общественностью и юными читателями должны принять участие и «взрослый» советский писатель, критик, литературовед. Учтя и использовав опыт пролетарской литературы и марксистской критики, советская писательская общественность должна принять активнейшее участие в создании подлинно советской детской книжки.

ОТКРЫЛАСЬ КОНФЕРЕНЦИЯ ПО ДЕТСКОЙ КНИГЕ

В Государственном педагогическом театре 2 февраля состоялось открытие I Всероссийской конференции по детской литературе. Конференцию открыл вступительным словом тов. А. С. Бубнинский:

— Культурный фронт предъявляет наиболее злобную ненависть классовых врагов. Именно на этом фронте им удобнее маскироваться и вступать под личиной формальной дружбы. Поэтому борьба здесь наиболее сложная и ответственная.

Мы должны дать такую детскую книгу, которая была бы сегодняшним оружием в борьбе за социализм.

Группа пионеров-делегатов областной конференции пионеров и школьников привез наказ писателям.

Затем с приветствиями конференции выступали тт. А. Богданов (ФОСП), А. Караваева (РАПП), А. Иркутов (ВССП), А. Грудская (МАПП), Зелли (ЦК ЮПП), делегация пионеров-ударников Иваново-Вознесенска, П. Львова-Марсианин (ВОПКП), Юланов—от рабочих-ударников Москвы.

ВНИМАНИЮ ПИСАТЕЛЕЙ МОСКВЫ

Чтобы обеспечить 100-проц. явку писателей на перевыборное собрание в Моссовет и Райсовет, чему не отвечает помещение клуба ФОСП — перевыборное собрание писателей откладывается на несколько дней.

О дне и месте перевыборного собрания будет об'явлено особо.

ФОСП ВСЕРОССКОМДРАМ МЕСТКОМ ПИСАТЕЛЕЙ

РУКОВОДИТЕЛЮ СЛАВНОЙ КРАСНОЙ АРМИИ, ВЕРНОМУ УЧЕНИКУ ЛЕНИНА

К. Е. ВОРОШИЛОВУ ГОРЯЧИЙ ПРИВЕТ!

Климент Ефремович родился в 1881 г. в бедной рабочей семье в Екатеринославской губернии. С раннего детства ему пришлось уже самостоятельно зарабатывать.

В 1903 г. он вступает в партию социал-демократов большевиков. В революции 1905 г. он принимает активное участие, организуя в Донбассе забастовки и боевые отряды. Он избирается председателем Совета рабочих депутатов в Луганске. Полиция арестовывает его, но по требованию рабочих освобождает. В 1906 г. он ведет боевую работу партии, организуя рабочие отряды, доставку оружия, принимая участие в организации лаборатории для изготовления бомб.

В эти же годы он избирается делегатом на стокгольмский и лондонский с'езды социал-демократической партии, где впервые лично знакомится с Лениным, который произвел на него неключительное впечатление.

В 1917 г. он принимает активное участие в организации революционного пролетарского движения в Луганске.

Немедленно после захвата рабочим классом власти в Петербурге Ворошилов назначается комендантом города Петербурга, а затем возвращается в Донбасс для руководства борьбой против калединских шаек.

К. Е. принимает участие в борьбе против немцев.

В 1919 г. по освобождении Украины он назначается народным комиссаром внутренних дел Украины и принимает участие в борьбе против григорьевщины и деникинщины. При организации конной армии Ворошилов назначается членом Реввоенсовета Первой конной, неоднократно принимает в боях оперативное руководство.

По окончании гражданской войны Ворошилов назначается командующим Северо-Кавказского, а затем Московского военных округов и входит членом Реввоенсовета СССР, помогая Михаилу Васильевичу Фрунзе в его большой работе по реорганизации Красной армии и по созданию системы обороны Советского Союза.

После смерти Михаила Васильевича Ворошилов назначается народным комиссаром по военным и морским делам. Под общим руководством К. Е. Ворошилова завершена работа по созданию новых уставов и наставлений Красной армии, проведено единоначалие, на большую высоту поднято коммунистическое воспитание Красной армии, выросла ее боевая мощь. Под его руководством Красная армия блестяще выдержала боевое испытание на полях Дальнего Востока.

МЫ НА-ЧЕКУ!

Луганскому пролетарию, верному ученику Ленина, руководителю вооруженных сил пролетарского государства К. Е. Ворошилову привет от Федерации об'единений советских писателей.

Мы знаем, что военная опасность остается одной из главных опасностей пролетарского государства. Мы на-чеку!

Литературная общественность создала ЛОКАФ как форму практического участия писателей в укреплении обороны Советского Союза.

Развивая ЛОКАФ, устанавливая крепкую связь с Красной армией, принимая участие словом и делом в практике социалистического строительства, оказывая всемерную помощь партии в проведении ее генеральной линии, писательская общественность будет крепить оборону СССР.

Да здравствует победа социализма!

Да здравствует великая партия большевиков и ее ленинский ЦК!

Да здравствуют славные мужественная Рабоче-крестьянская Красная армия!

Слава ее вождю—Ворошилову!

СЕКРЕТАРИАТ ФОСП

От Всесоюзного об'единения АПП и Российской ассоциации пролетарских писателей закаленному ленинцу-большевику, неуклонно проводящему генеральную ленинскую линию партии, вождю Красной армии К. Е. Ворошилову в день его пятидесятилетия пламенный привет! ВОАПП и РАПП

Литературное об'единение Красной армии и флота в день 50-летия со дня вашего рождения горячо приветствует вас, дорогой Климентий Ефремович как вождя и руководителя Красной армии и флота, как старого большевика-ленинца, испытанного в тяжелых боях против царского самодержавия, против российского и мирового капитализма.

Недавно сорганизовавшееся Литературное об'единение Красной армии и флота, в которое вошли как виднейшие советские писатели, так и литературные кружки Красной армии и флота, ставит своей задачей бороться против империалистических войн, крепить оборонноспособность социалистической страны. Мы обязуемся приложить все наши силы и способности для усиления военной мощи и политической сознательности Красной армии и флота, для пропаганды ее как защитницы социализма среди рабочих и трудящихся всего мира для разоблачения подготовки империалистами новых войн, для разоблачения их клеветы на наше социалистическое строительство, на Красную армию и флот.

Смеем вас уверить, товарищ Ворошилов, что в тот день, когда вопреки настойчивой политике мира, которую осуществляет советское правительство, на нашу страну обрушится меч войны, вся масса членов нашего Об'единения встанет в ряды Красной армии для того, чтобы и винтовкой и художественным словом защищать социалистическое дело первой пролетарской революции. Под вашим руководством, под руководством ленинского ЦК, Красная армия и флот—непобедимы.

ПРЕЗИДИУМ ЛОКАФ

«Самоубийство путем войны является логическим завершением капиталистической системы», — писал Лесли Уайт.

Японские фабрики искусственного шелка блестяще справились с пробной мобилизацией—в 48 часов они перестроились на выработку ядовитых газов; жители самого крупного европейского автомобильного завода «Ситроен» перешли в руки военных дел мастеров Шнейдер-Крезо, и гранаты, которые будет вырабатывать этот завод, окажутся не менее действенными, чем машины «ситроены»; на фабриках фашистской Европы идет усиленная чистка рабочего состава — остаются только верные; Бриан и с ним часть интеллигенции пытаются доводами от бога, культуры и справедливости расколоть Европу на две части: капиталистический мир и СССР; мелкие страны: Польша, Финляндия, Латвия и Румыния пребывают в воинственном негодовании.

Таково состояние современной Европы.

Но наш Союз спокойно отмечает в эти дни предпразд ничное пятидесятилетие. Подчеркиваем спокойно. Это не спокойствие близорукости или беспечности, это спокойствие мышцы, уверенных в своей правде и силе коллектива.

ВССП, присоединяя свой голос к голосу миллионов, вместе с приветствиями шлет вам, Климентий Ефремович, заверение:

когда наша страна вынуждена будет взяться за оружие, чтобы помочь капиталистической системе «покончить самоубийством», советские писатели займут свои места в общей шеренге бойцов за социализм.

ВСЕРОССИЙСКИЙ СОЮЗ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Центральный Совет Всероссийской организации пролетарско-колхозных писателей «Кузница» приветствует тебя, дорогой Климентий Ефремович, по случаю твоего пятидесятилетия, как стойкого большевика-ленинца, вождя рабоче-крестьянской Красной армии и флота. Красная армия и флот под твоим опытным руководством, когда ударит час последней схватки с мировым империализмом, так же блестяще выполнит свой коммунистический долг, как и раньше, и поможет мировому пролетариату водрузить красное знамя труда на всем земном шаре.

Пролетарско-колхозные писатели отдадут все свои силы на укрепление Красной армии и флота и для защиты завоеваний Октябрьской революции.

ЦС ВОПКП

Дорогой Климент Ефремович!

В день вашего пятидесятилетия местком писателей шлет вам горячий привет и желает вам еще на много лет сохранить ту энергию и твердость, с которой вы, испытанный вождь героической Красной армии и флота, в старый большевик, прошли до сих пор на всех фронтах: подполья, революционной гражданской войны и социалистического строительства.

МЕСТКОМ ПИСАТЕЛЕЙ

Советские драматурги, композиторы и сценаристы приветствуют закаленного большевика, вождя рабоче-крестьянской Красной армии.

Мы, активные участники социалистического строительства, бойцы на фронте искусства, обещаем приложить все силы, все умение для того, чтобы своим творчеством мобилизовать массы для борьбы за социализм, для борьбы с врагами советов.

СЕКРЕТАРИАТ ВСЕРОССКОМДРАМА

НЕ СОТРЕТ ВРЕМЯ

из воспоминаний бывшего комбрига I-й Конной армии

Время шагает днями, месяцами и годами.

Каждый новый шаг, как мокрой губкой с грифельной доски, стирает с памяти то, что было вчера, третьего дня, год, пять, десять лет назад.

Жалко терпимых переживаний, настроений, больших и маленьких приятностей, неприятностей, дел и людей.

Но остановить шага и бега времени, не закрепить в памяти всех черточек, мазков и картин прошлого.

Уходит с прошлым и жизнь по часам, по дням, по годам.

Но бесспорно время. Не вытравить ему из памяти картин борьбы прошлого.

Проскочило одиннадцать — больше лет, но достаточно на секунду закрыть глаза—и как живые встают Дон, Украина, Волынь и Таврия в двадцатом году.

Сброшен с плеч десяток лет: устает борьбы каждого дня за каждый вершок стройки, за каждый камень, горсть зерна, за каждого человека, за большое общее и за мелкое личное. Вновь горят глаза, переливает кровь, играет мускул и зашумел под седлом верный конь.

Вспоминаешь дни и ночи, ночи и дни. Версты, леса, поля, села, города и снова версты: снег, холод и грязь, тепло, зелень и яркое солнце.

Вспоминаешь тысячи бойцов, сотни боев, смерть и кровь.

Много стерлось в памяти, но не забыто ни одного слова и шага того, кто вел тысячи, десятки тысяч от Ростова к Львову, от Львова к Перекопу; от хат к городам, к областям, к республикам, к миллионам всего мира, в борьбе и бою.

Ким Ворошилов в памяти сотен тысяч бойцов не стерт временем.

Ворошилов боец

Под Радзивиллами вскочил в бронепоезд и вырвался на встречу польскому бронепоезду и подошедшим ценным противника. Дрался у станции Радзивиллов и смотрел на бойниц бронепоезда на лавину смерти в языках взбушевавшейся от снарядов земли. Части Особой бригады, прикрывавшие отдыхавшие дивизии Конной, удержали Радзивиллов.

В Отраде смерть подлетела в трехгранном острее—пики техника и... запуталась в бурке Клима.

Смерть остановилась в вершке от сердца большевика.

Бой с глаза на глаз.

Смерть проиграла стажку.

Кружила она сотнями рикошетов под Бродами, гналась под Львовым, ловила у Комарова и... не поймала.

Ворошилов вождь

У Ломатинов остановим бегущие полки. Разогнал панику сотен, бросил их в атаку и дрался, пока не сломил врага.

Под Новоград-Волынском расплескал море порыва по эскадронам и полкам, вметнул тысячи и сломал оборону врага.

У Збранны Замостья, в польском тылу, разодрал эскадронами Конной тисски свинца и штыков.

Под Бродами в блеске польских клинков учил командиров Конной выполнению приказов.

Ворошилов беспредельный авторитет

Слова достигают до тысяч. Врываются в сознание, сметая плесень накопичества, подхалимства, бюйства. Сбрасывают винтовки и клинки с сотен бойцов и командиров. Прижимают к земле красные знамена, кумачные кровью. Краской стыда заливают лица воинов и дивизий.

Особый полк в Умани, шестая дивизия перед Врангелевским фронтом и сотни больших и малых примеров.

Ким товарищ

Из сотен хранящихся под его руководством нет ни одного, кто-бы не чувствовал на себе личное товарищеского отношения Ворошилова.

У Климентия Ефремовича даже в разносе (кто из нас, старых ворошиловцев, не знает этих разносов) выступает прежде всего старший товарищ-учитель.

Ворошилов умеет понять минутную слабость человека. Он никогда не перегнет во взыскании, но использует промах подчиненного ровно настолько, чтобы раз и навсегда устранить возможность повторения промаха.

Крепко, по-большевистски учил Ворошилов Пархоменко, Тимошенко, Бахтурова, Морозова, Апонасенко, и сотни других.

Ворошилов большевик

Первая Конная армия стала вооруженным оплотом диктатуры пролетариата, целиком под руководством ленинца Ворошилова.

Климентий Ефремович по одиночкам собрал и вырастил партийную организацию Конной, провел ее от безалаберщины героизма, чуть ли не из подполья, в сотни закаленных коммунаров, политбойцов массы.

Ворошилов буквально выращивал коммунистов в исключительно тяжелых условиях своеобразной боевой работы Конницы.

Лучшим методом работы был личный пример.

Всегда спокойный, уверенный, внимательный, отзывчивый, всегда готовый к борьбе, на самых ответственных, тяжелых и опасных местах.

Шагает и бежит время.

Уходит с часами и днями жизнь.

Тускнеют и стираются в памяти картины прошлого.

Облик бойца, вождя, товарища и большевика Климентия Ефремовича Ворошилова сотрет в памяти тысяч его бойцов только смерть.

Николай РАКИТИН

ПАМЯТИ БОЛЬШЕВИКА

28 января скончался старый большевик, правдист и литератор Константин Степанович ЕРЕМЕЕВ.

Писательская общественность вместе со всей партией скорбит об утрате славного солдата ленинской гвардии.

К. С. Еремеев родился в 1874 году в одном из глухих углов Олонецкой губернии. Учился в городской школе столярно-токарному и резному делу, а затем стал матросом-рулевым. С 1891 — 95 гг. — военная служба, где и начинается пробуждение в нем революционного сознания. Уже в 1896 году тов. Еремеев становится членом социал-демократической организации, а в 1897 году первый раз подвергается аресту за участие в организации стачечного движения. Просидев два года в цитадели в Варшаве, он высылается в Вятскую губернию. Вернувшись из ссылки, Константин Степанович едет в Петербург и поступает на Семянниковский завод, но его скоро вновь высылают в Саратов. Здесь за участие в социал-демократической организации его арестовывают и снова высылают уже в один из медвежьих углов Уфимской губернии.

В 1904 году он бежит из ссылки, нелегально переходит границу. Он жил в Швейцарии, в Париже, Брюсселе, в Голландии, Германии и т. д. В 1905 году тов. Еремеев заболевает в Париже и пишет только в 1906 г. возвращается в Россию, где сидеть до 1909 года — нового ареста — живет нелегально и ведет революционную работу.

В 1910 году вместе с группой большевиков организует легальную прессу и становится первым редактором-издателем большевистской газеты «Звезда». В 1912 году он принимает активное участие в качестве одного из редакторов в большевистской газете «Правда» и работает там вплоть до ее разгрома накануне империалистической войны.

Во время войны тов. Еремеев нелегально работает в различных военных учреждениях и, находясь в Юрьеве, участвует в военной организации «Северо-балтийская организация с.-д. большевиков». В 1917 году тов. Еремеев — один из организаторов Красной гвардии—снова берется затем за организацию газеты «Правда», работает в ней до ее разгрома в июльские дни, когда арестовывается отрядом георгиевских кавалеров. Затем Константин Степанович работает на фронте в военных организациях. В октябре возвращается с фронта и принимает участие в революционной борьбе как член военно-революционного комитета, член полевого штаба, руководит обложением Зимнего дворца и обороной района боевых действий (Троицкий мост —Синий мост), командуя Павловским, Кексгольмским полками, артиллерией и отрядом Красной гвардии.

Впоследствии был редактором первой нашей военной газеты «Красная армия и флот», а также организатором 1 корпуса Красной армии. Во время восстания левых эсеров тов. Еремеев ведает охраной прикремлевского района, захватывает броневик левых эсеров, главный почтамт и арестовывает в нем отряд эсера Попова. За активное подавление мятежа левых эсеров последние организуют на него покушение, которое не удается.

Тов. Еремееву принадлежит инициатива в организации «Рабочей газеты» и сатирического журнала «Крокодил», редактором которых он являлся продолжительное время. В 1923 году тов. Еремеев был назначен членом Реввоенсовета Балтфлота, а в 1924 году был также назначен членом Реввоенсовета СССР. Был членом ЦКК.

В 1926 году демобилизуется и направляется на работу во Францию главным агентом советско-торгового флота. В конце 1928 года тов. Еремеев возвращается в СССР и работает в литературных организациях, являясь редактором журнала «Красная нива».

У ИСТОКОВ ПРОЛЕТЛИТЕРАТУРЫ

С Константином Степановичем я встретился в 1909 г. в маленьком городке Хрущеве, Вятской губернии, куда приехал навестить семейных товарищей, а затем, в начале 910 гг., в г. Саратове. Но зиду это был еще мальчик, просто «Костя», как его называли; живой, энергичный и вечно далекий от малейшего пессимистических настроений. Он любил литературу и искусство и в Хрущеве зиц, кажется, вместе с семейным Андреевым, который писал пьесы и портреты.

Условия прошлого были таковы, что на первом плане для всех нас стояли революционные практические задачи,— искусство отодвигалось на второй план.

В 1911—1913 гг., в эпоху газет «Правда» и «Звезда», Константин Степанович не мало поработал над объединением вокруг редакции пролетарских поэтов и писателей из рядов корреспондентов газеты.

В 1917 году, после революции, возрождается «Правда» стала во главе пролетарского литературного движения. Тогда же, по инициативе Константина Степановича, было создано первое пролетарское литературное объединение.

Кружок переименовался в «Общество пролетарских искусств». За короткий период работы, май—июнь, был подготовлен и издан сборник «Под знаменем Правды» и проведена широкая выборная кампания в городские думы. После разгрома газеты «Правда» деятельность общества на некоторое время ослабла. После Октябрьской победы, в начале зимы 1917 г., общество по инициативе комиссии культотделов фабрично-заводских комитетов было переименовано в Пролеткульт.

Сам Константин Степанович был человеком скромным, и товарищи-писатели хорошо знают его работу. Желательно было составить и выпустить в ближайшее «Федерацию» сборник памяти этого неутомимого борца на фронте пролетарской литературы.

А. БОГДАНОВ

КОНСТАНТИНУ СТЕПАНОВИЧУ

[illegible] 2/XI на заседании [illegible] Федерации [illegible] Степанович [illegible] Еремеев. [illegible] были отмечены [illegible] [illegible] [illegible]

НА ВСЕРОССИЙСКОМ ПОЭТИЧЕСКОМ СОВЕЩАНИИ

СМОТР ПОЭТИЧЕСКОГО ФРОНТА

РАЗВЕРНУТОЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ НАСТУПЛЕНИЕ ТРЕБУЕТ РЕШИТЕЛЬНОЙ ПЕРЕСТРОЙКИ ПОЭТИЧЕСКОГО ОТРЯДА ПР ЛЕТЛИТЕРАТУРЫ

Пожалуй, за все время существования клуба ФОСП он ни разу не видел в своих стенах такого количества людей.

В смежных залах одновременно шли в эти дни производственные совещания РАПП — театральное и поэтическое.

Особое внимание литературных кругов естественно приковало к себе производственное совещание по вопросам поэзии, ибо именно здесь, в области поэзии, наша литература ощущает особый прорыв, особую чрезмерную приязненность, и производственное совещание РАПП является первой организованной попыткой работников пролетарской поэзии коллективно обсудить практические вопросы, снизить процент брака поэтической продукции.

***

Совещание поэтов открыл генеральный секретарь РАПП тов. **Леопольд Авербах**. Его вступительное слово развернулось в большую речь, посвященную политической оценке положения на фронте поэзии.

С большим докладом о творческих путях пролетарской поэзии выступил затем тов. **А. Селивановский**. Он констатировал значительный кризис на участке пролетарской поэзии. В то время как на любом участке жизни, деятельности, борьбы рабочего класса, как в капле воды можно искрить, понять, художественно выразить «особенности нашего периода социализма,— значительное большинство наших пролетарских поэтов не умеет творчески предвидеть их.

Другой упрек, который можно адресовать пролетпоэтам, состоит в том, что пролетарская поэзия еще не имеет того **накала классовой ненависти**, без которого не может быть настоящей пролетарской поэзии.

Классовая борьба развивается и обостряется и на поэтическом фронте. Период социализма, к которому мы вступили, вносит большие изменения для различных классовых отрядов поэзии. И если буржуазия будет еще в течение известного времени рождать сильные художественные произведения, их творчество будет питаться пафосом обреченности при огромном идейном оскудении поэзии. Примером такой идейно оскудевшей буржуазно-кулацкой поэзии может служить книга С. Клычкова — «В гостях у журавлей».

Попутническая поэзия с особенной остротой переживает творческий кризис, ибо наше время — есть время кризиса всех идеологий в нашей стране, кроме идеологии пролетариата. Тем из попутчиков, которые хотят стать подлинными союзниками рабочего класса, приходится перестраивать свое мировоззрение.

Одна из крупнейших отраслей попутнической поэзии — бывшие конструктивисты — несомненно сделали шаг вперед на пути приближения к пролетариату. Существенным субъективного явления перестройться является и «Декларация прав поэта» **Сельвинского**, но ряд крайних черт конструктивизма — эстетизм, эгоцентризм, общественный фатализм — еще налицо и здесь. И объективно — жизнь идет быстрее, чем перестройка Сельвинского. Результат: новое отставание. Противоречивость группы бывших конструктивистов особенно ярко раскрывается во встречной тенденции, проявившейся в имажинистской книге **Л. Лаврова** «Улетное жилье».

Пережил значительный распад и ЛЕФ, стремящийся встать на путь пролетарской поэзии, но не осталось преодолевший свои прежние ошибки, служившие основой творческих установок «Литфронта». Основной ошибкой лефовцев является попытка в сегодняшних условиях канонизировать черты раннего Маяковского. Последняя книга **Н. Асеева** «Самовар» характерна крайне внешней агитационностью, формалистическое лефовское прошлое господствует в ней. «Пятистопный» **С. Кирсанова**, который еще не овладел пролетарским мировоззрением и допустил ряд серьезных ошибок в поэме, являющейся для поэта все же значительным шагом вперед.

Реконструктивный период привел к значительным изменениям и в рядах пролетарских поэтов. Многие из тех, кого мы могли называть пролетарскими на прежнем этапе революции, превращаются во внутренних попутчиков; некоторые внутренние попутчики совсем уходят от пролетарской поэзии.

В этом смысле очень серьезные опасения вызывают формалистско-эстетские тенденции в «Семейной хронике» **В. Саянова**, низкий идейный уровень «Соли» **Е. Никарева**, творческое вырождение **А. Кудрейко**, эстетское беспредметничество иркутского крестьянского поэта **Непомнящих**, длительное молчание так называемой романтической группы — **М. Светлова** и **М. Голодного**.

«Медленно, с трудом, неповоротливо» перестраивается и **Э. Багрицкий**, обнаруживая затягивающиеся отклонения. Наоборот, пример революционной переделки, пролетарского перерождения видим мы в творчестве **В. Луговского**.

Серьезной критике подвергает А. Селивановский и творчество группы поэтов «Комсомольской правды» — **А. Жарова, Д. Алтаузена, И. Уткина,**— которые не сумели по настоящему включиться в практику классовой борьбы на участке комсомольской поэзии. Штамп в значительной степени заклеймивает их отвлеченные, бессодержательные, скользящие по поверхности произведения.

А. Безыменский сумел стать одним из ведущих пролетарских поэтов, если преодолеет ряд серьезных недостатков: схематичность и рассудочность «Выстрела», фальшивую риторику книжки «Стихи делают сталь», и если эти недостатки не будут прикрываться. «Трагедийная ночь» — начало действительной творческой перестройки Безыменского.

Это — большое настоящее произведение, которым наша пролетарская поэзия может гордиться.

Переходя к сегодняшним конкретным задачам пролетарской поэзии, А. Селивановский расшифровывает лозунг «одемьянивания» поэзии, который заключается в том, чтобы **насытить пролетарскую поэзию большевистской идейностью и облечь ее в художественную форму, доступную и понятную миллионам.** Лозунг одемьянивания теснейшим образом связан и с задачей создания нового типа пролетарского писателя, его органического включения в практику социалистического строительства.

— Осмыслив и подытожив — пусть еще небольшие — достижения пролетарской поэзии, развернутым самокритику, преодолевая колебания, которые свойственны отдельным прослойкам пролетпоэзии,— заканчивает А. Селивановский,— мы должны поставить перед собой в качестве основной задачи борьбу за **большое искусство пролетариата, которое перерастет в социалистическое,** — на то искусство, о котором Ленин говорил как о новом этапе художественного развития человечества.

***

С содокладами должны были выступить на совещании **А. Безыменский, А. Жаров, И. Зелинский, В. Саянов, О. Брик** и представитель «Коммуны поэтов».

Но А. Безыменский, полтора месяца назад извещенный о том, что ему предложат выступить на совещании с содокладом, в открытии совещания выехал в семидневный отпуск на отдых. К. Зелинский и А. Жаров не смогли выступить по болезни. Таким образом, половина содокладов отпала.

Другая их половина, как и большая часть прений, длившихся три дня, были посвящены ряду разнообразнейших вопросов современной поэзии, начиная с «каталога сложных ошибок» И. Сельвинского и кончая ломоносовским стихосложением, о засилии которого в современной поэзии говорил **О. Брик**.

«Декларация прав поэта» Сельвинского вызвала особое внимание участников поэтического совещания и, по выражению **В. Инбер**, вызвала целую гамму высказываний от сравнительно мягких нот, которые слышались в речах **Л. Авербаха** и **А. Селивановского**, до более суровых, взятых по отношению к Сельвинскому **А. Сурковым** и **И. Новичем**. Самой резкой нотой в этой гамме было выступление **Л. Овалова**.

Защищая Сельвинского от слишком резких нападок некоторых ораторов, В. Инбер подчеркивает, что к писателям-попутчикам, в частности, и бывшим конструктивистам, зачастую предъявляются такие же требования, как к вполне идеологически выдержанным пролетарским писателям. Такого экзамена попутчики, естественно, не могут выдержать.

С другой стороны, нужно отметить, что и выступавшей в прениях **И. Сельвинский** вместо признания своих серьезных ошибок посвятил выступление критике работы других поэтов.

Немало внимания уделено было совещанием и поэтической работе **А. Жарова, И. Уткина и Д. Алтаузена**. Она подверглась резкой критике со стороны почти всех товарищей, выступавших на совещании. Группе комсомольских поэтов ставилась в вину крайняя легковесность их творчества, плакатная агитационность, обилие штампов, эстетство, маскируемое под лозунгом одемьянивания.

Единодушно расценивали участники совещания и огромную значимость работы **Демьяна Бедного** и высокие качества боевой поэзии **Анатолия Гидаша**, которого А. Сурков правильно назвал прямым продолжателем революционной лирики времени революции 1847—48 гг.

Немало говорилось и об **А. Безыменском**. Отдавая должное его заслугам по линии активного участия в практике социалистического строительства,— на «Красном Путиловце», на заводах Днепростроя, высоко расценивая его «Трагедийную ночь», совещание не раз возвращалось к критике его газетной и лозунговой работы, политическая вигилантность которой в большинстве случаев плет в ущерб художественному качеству стихов.

В качестве яркого примера такой linkой по качеству стихотворной продукции Безыменского указывали на его книжку «Стихи делают сталь», которая состоит из рифмованных лозунгов, использованных на ряде заводов.

Их издание отдельной книжкой равносильно «коллекционированию использованных трамвайных билетов» — находит М. Светлов.

Особое внимание уделил на поэтическом совещании вопрос о массовой песне. Ей был посвящен специальный доклад секретаря ВАПП тов. **Л. Лыбединского**, с помощью музыкальных иллюстраций развернувшего перед поэтами неприглядную картину чрезвычайного засилья безграмотных, мещанских, халтурных текстов массовой песни, к работе над которой должны быть привлечены лучшие из наших пролетпоэтов.

***

Третьего дня, после заключительного слова **А. Селивановского**, первое Всероссийское производственное совещание поэтов закрылось.

Его работой намечены подведены итоги, учтены силы, намечены перспективы дальнейшего развития пролетарской поэзии, призванной воспеть наступающий социализм.

Чтобы справиться с этой гигантской задачей, впервые в истории мировой культуры встающей перед поэтом, поэт должен прежде всего выполнить то, к чему недавно со страниц «На Литпосту» его призывал **Демьян Бедный**:

Подчинись трудовому режиму суровому,
Осознав, как под'ем наш спасен и крут,
Окультурим и обпагородим по-новому
Боевой, пролетарский писательский труд!

Д. КАЛЬМ

НА ТЕАТРАЛЬНОМ СОВЕЩАНИИ РАПП

МЫ СОЗДАДИМ ТЕАТР,

НАСЫЩЕННЫЙ ИДЕЯМИ ЗАДАЧ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

ДИНАМИЧЕСКИЙ РЕАЛИЗМ ТАИРОВА

Шесть заседаний заняли содокладчики т. Афиногенова и оппоненты.

А. Я. Таиров определяет искусство «как творческий образ сущего». Исходя из наличия статического и динамического восприятия действительности, он утверждает, что только динамическое восприятие создает творческое понятие о ней, во всех ее взаимосвязях. Объективная действительность двусторонняя: реальная действительность и та, которую субъективно воспринимает художник. В результате органического развития — у театра вырабатывается

Шарж Э. Кадмиловича

ТАИРОВ

свой индивидуальный метод. Камерный театр возник под знаком футуристического искусства. В революцию театр шел без органической связи с пролетариатом. Отсюда и своеобразное восприятие действительности Камерным театром. В частности — неудача с «Натальей Тарповой» — результат того, что вобрал действительности» театра не совпадал с образом действительности драматурга. Камерный театр выдвигает сегодня **динамический реализм** как метод «универсальный, единственно возможный для развития нового пролетарского театра и целом». Таиров кладет в основу метода—структуру при функциональной зависимости частей от структуры целого. Настаивая на синтетичности театра, он считает, что стабилизирующееся разделение пьес на жанры (драма, комедия и т. д.) и фабульное деление их на акты и эпизоды—себя изживают.

ОШИБКИ И ДОСТИЖЕНИЯ ТРАМА

М. Семпвановский указывает, что—как в практике Трама имеется целый ряд ошибок и достижений, так и в драматических принципах и теоретических формулировках есть правильные положения и ряд ошибок. Приветствуя РАПП от имени Ленинградского Трама, он заявляет, что основные принципиальные разногласия сняты после призыва ударников в литературу, что—это также Трам, как не призыв ударников на театральную работу. Отмечая профессионализацию Трама на нынешнем этапе, т. Соколовский подчеркивает, что нельзя изолированно рассматривать методы Трама от его специфики—бытового и производственного окружения. Трам первый провозгласил лозунг диалектического материализма на театре. Трам категорически отрицается от «диалектики» Пиотровского. Трам допустил ряд существенных ошибок, противопоставляя себя профессиональному театру, отрицая взаимодействие с ним. Трамовское движение находится ныне на стыке с профессиональным театром, который подходит к трамовскому движению. Трам велит об'ективное познание действительности и коллективном опыте рабочего класса, выраженном в генеральной линии партии. Вот почему Трам против старого тезиса Сутырина о том, что художник должен самостоятельно, на об'ективном опыте проверить и познать об'ективную действительность. Трам не знает деления на драматурга, режиссера, актера. Трам сам выращивает драматургов. Режиссер в Траме—организатор коллектива. Трам возражает против того, что единственным носителем художественного образа является актер. Спектакль есть система ряда образов. Могут быть образы завода, станка, машин. Овеществление образа с актером—механистично. Образ создается в результате отношения художника к тому или иному предмету. Образ, создаваемый актером, конкретизируется в свете, декорациях, мизансе и пр. На пути определения и создания образа у Трама было много ошибок, в частности—по вопросу об учебе у классиков. Трам признает теперь, что учиться есть чему, но учиться надо в конкретной обстановке. Были и ошибки механистические, были формалпзы.

ПОЛЕМИКА МЕЙЕРХОЛЬДА

Вс. Мейерхольд, продолжая свою полемику с критиками из ГАИС, восстает против злоупотребления словами «идеология». Он ссылается на М. П. Покровского, который якобы не считал применимым слово «идеология» к воззрению пролетариат. Мейерхольд не хочет отрываться в «коридорчик идеологии», чтобы уходить от технологии. Определяя понятие технологии на основании книжки Акимова «Технология дерева», М. подчеркивает отсутствие там какого бы то ни было упоминания... об идеологии и заявляет: «Правильно, что об идеологии ничего не сказано». Когда мастер двинет ящик и надсаст рабочую блузу, тогда мы смотрим, на что он способен как технолог. Когда идет речь о строительстве, вопрос о качестве привлекает ныне вопросом количественным. Столяр или краснодеревщик, желая заниматься обработкой сырых материалов, не окунается в мир идеологии.—Критикуя систему Станиславского, М. подробно обосновывает свою био-механическую систему, «как букварь», как базу тренировки актерского тела. Тренаж же, который актер обязан производить и над своей мозговой деятельностью, должен вестись в другой лаборатории, ибо «тренаж физический не должен путаться с тренажем его мозговой работы». Био-ме-

Шарж Э. Кадмиловича

ВС. М. МЕЙЕРХОЛЬД

ханическая система устремлена на два фронта: с одной стороны—путем уяснения, уточнения всех точек мировоззрения, с другой стороны—почерпания себе теоретического материала, чтобы он со сцены не казался косным.

ПРЕНИЯ

Е. О. Любимов-Ланской констатирует, что режиссеры, театральные работники и художники слабы теоретически. РАПП необходимо организовать вокруг себя все силы пролетарского театра. Критикуя позицию Таирова, т. Л. Л. называет пролетарским тот театр, который глубоко рассматривает явления жизни и берет их диалектически. Пролетарский театр — театр социальной правды. Вопросы стиля дискуссионны. Нельзя всем плясать под одну дудку. Есть опасность нивелировки: «слишком много идеологии». Много ошибок сделано в Театром им. МОСПС. Работникам театра необходимо серьезно взяться за учебу.

Б. Рейх, признавая ряд своих ошибок, в частности — позицию никвидации старых театров, критикует идеалистические позиции Вольконштейна и др. В порядке самокритики он говорит об ошибках А. Глебова. Упрекая РАПП в излишней тяге к МХТ, отмечает, что социалистическое наступление в области театра обозначает его пролетаризацию. Возражая против некоторых положений доклада т. Афиногенова, он анализирует установку Таирова, считая ее реакционной.

Майзель (Пролеткульт) признает правильность политической и творческой линии РАПП, хотя по линии театральной у РАПП есть еще недостатки: недооценка самодеятельного театра, неправильное отношение к Пролеткульту после того, как тот провел борьбу с Богдановщиной и Троцким. Правда в Пролеткульте мы имеем некритическое усвоение старой культуры, но это объясняется отсутствием сил.

Ф. Каверин, подтверждая наличие сдвигов в театре, недоволен тем, что РАПП не дает конкретных указаний, как практически применить метод диалектического материализма в театре. Не нравятся ему и «медлительные темпы» в творческом методе пролетарских писателей, разглагольствующих свои произведениям.

СПОР С РЕЖИССЕРАМИ

И. Гроссман-Рощин в большой речи дает отповедь выступавшим режиссерам.—Каверин,—говорит он,—не удовлетворен темами беллетристики. Почему такое требование ускоренных темпов к беллетристике и почему для себя—освобождение от этих темпов? Если мы делаете два шага вперед, а жизнь делает 30 шагов вперед, то расстояние между нами и жизнью не сокращается, а увеличивается. Вопрос стоит ясно и четко: если вы не включитесь в эпоху, не пойдете ее, то вы—мертвецы. Когда от драматургов требуют «конкретнее», мы говорим: «А где же ваша знаменитая самодеятельность, почему вы сейчас хватаете шпаргалки?» Ставя вещи прошлого, режиссеры превращают происшествия в события, а когда они ставят наших драматургов, то великие события революции превращаются в происшествия. Восставая против «структуры» Таирова, оратор замечает, что теория формы, содержания и структуры вообще нелепа. Таиров на основной вопрос ответа не дал. Мы поступаем правильно, когда вместо того, чтобы дать театру шпаргалку, ставим основной вопрос — именно проблему мировоззрения. Тот, кто в нашу эпоху не осознает проблему свободы и необходимости так, чтобы он почувствовал, что историческая необходимость не есть кричащий контраст, а есть радость его свободы, тот никогда ничего не создаст в области искусства и театра.—По поводу выступления Мейерхольда, И. Гроссман-Рощин заключает: «Если снять пушный декорум, всю сценическую терминологию, то получится почти дословно упрощенно: актер должен уметь владеть только своим телом. Если далее мы обратим внимание на метод критики Станиславского, то убедимся, что Мейерхольд не дал в своей аргументации ни классовых, ни каких-либо иных такого рода моментов, которые он противопоставил бы Станиславскому. «Левые» заявления против показа личности о желании укрыться от идеологического финансистера».

ГОД ОГНЕМ САМОКРИТИКИ

Ан. Глебов, комментируя Каверина и его требования практического руководства, старательно отбеливает прошлые ошибки руководства РАПП. Ан. Глебов утверждает, что РАПП в области театра нисколько не отстает от своей творческой линии в литературе и уходит от пролетарской линии.

С. Амаглобели дает резкую критику механистическо-формалистской концепции Глебова в вопросе о национальном театре. Сличением писаний Глебова с высказываниями грузинских писателей т. Амаглобели устанавливает ориентацию Ан. Глебова на грузинских националистов и других реакционеров. Обличитель попадает в положение изобличенного.

Соколов (Московский Трам), давая резкую оценку выступлениям Таирова, Каверина и Любимова-Ланского, обрушивается на Мейерхольда за его формалистам по вопросу о технологии. Он упрекает РАПП в нелепом самодеятельного театра.

А. Гриневич, подтверждая слабый теоретический уровень практиков, подчеркивает значение драмлита в практической работе театра.

ЛИЦО СОВЕТСКОГО ТЕАТРА

В. Сутырин указывает, что ныне существующий театр, пассивно отсиживаясь в переделке своего собственного существа, должен стать в один ряд с ведущей общественной тенденцией. Театр, который мы имеем сейчас, это совсем не тот театр, с которым мы вступили в революцию. Перед театром—задача изменения своего социального качества. Лицо советского театра, в частности МХТ, достаточно воспринимает такую возможность, которая дает ему право не только поставить проблему перехода в иное качество, но дает ему некоторые основания на способность разрешения самой проблемы. Анализируя систему МХТ и его прошлое, В. Сутырин находит в деятельности театра стихийно-материалистические элементы. Выступление Мейерхольда — это попытка деидеологизировать искусство. Мейерхольд, являющийся мастером безусловно революционного театра, находится в плену у такой теоретической концепции, которая не дает возможности на этой основе победить буржуазный театр. А ведь проблема реконструкции советского театра есть не что иное, как полная и окончательная победа пролетарского театра над театром буржуазным. Мейерхольдовская теория создает почву для бунта против идеологии, против искусства как идеологии создает увеличенный техницизм. Это—теория, которая нас разоружает и самом существе дела. Усматривая в пролеткультовской практике огрызку прошлого, т. Сутырин говорит, что в массовом театральном пролетарском движении, которое оформляется главным образом Трамом, в свое время неизбежно были заложены и сейчас непреодолимые пролеткультовские традиции. Разоблачая «глебовщину», т. Сутырин окончательно добивает «идеолога» группы «Пролетарский театр». Касаясь МХТ, т. Сутырин выражает мысль, что огромный по своему значению для нас опыт мхатовской культуры выскальзывает даже из рук Станиславского, который пытается испытать свой огромный театральный опыт и не может его испытать, зачастую противореча сам себе в своей книге. Метод художественного мировоззрения МХТ не может быть раскрыт теперь не только его работниками, но даже и авторами его метода. Он может быть раскрыт тем, кто в совершенстве владеет оружием диалектического материализма.

Вс. Вишневский говорит о том, что драматург не должен ориентироваться на какой-нибудь один театр, а выбирать. Сейчас, когда мы делаем попытки приблизить к себе тот или иной театр, мы наталкиваемся на колоссальное сопротивление старых театров. Нас давит старая эстетика и философия. Для того, чтобы сорвать, сбросить с себя это, нужны неимоверные усилия и над собой очень много работать. За нами громадный опыт, который открывает великий горизонт. В основу нашей эстетики мы кладем [illegible] ность, утилитарность. Мы уже сейчас легко снимаем противоречия, потому, что мы знаем, что нам нужно делать. Если нам сегодня нужны агит-пьесы, мы их пишем, но мы умеем ставить и философские проблемы и знаем, как их разрешать. Драматург является сейчас ведущим началом, и это бесспорно. Необходимо ставить вопрос и о решительной перестройке театральной коробки.

И. Туркельтауб, устанавливая в стилевых течениях отражение классовой борьбы и анализируя театр по группам, усматривает объединение «Пролетарский театр» в механистическом подходе и идеалистических извращениях, находя, в частности, предложенные Глебовым требования к РАПП несостоятельными. Оратор призывает театральные организации сомкнуться вокруг РАПП, как боевой, ведущей классовой организации.

ЭВОЛЮЦИЯ МХТ

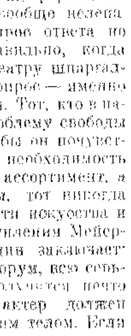
П. Марков в своем докладе объясняет эволюцию МХТ. Он находит, что об этом театре нельзя разговаривать вне анализа его прошлого. Речь должна итти применительно к сегодняшнему дню—не о наследии, а о той большой внутренней борьбе, которая происходит среди работников театра. Одним из самых основных признаков, который должен быть положен в основу актерской игры, является единство образа и актера. Когда взаимоединства образа и актера, взаимомонистического толкования взаимоотношений актера и образа возникает прелестный игра в отношении, тогда Художественный театр вопит и протестует. Говоря о единстве образа и актеров, МХТ не отрицает необходимости выразить отношение актера к образу. Нельзя себе представить ни актера, ни театр, ни режиссера, который был бы безразличен, нарисован к изображаемому образу. МХТ переживает сейчас революцию, которая происходит с ним сейчас чрезвычайно органически. Каковы бы ни были ошибки и некрасивости, которые театр признает, новое мировоззрение и новая техника дадут то, чего ждет общественность от МХТ.

БОРЬБА ЗА ИДЕЙНОСТЬ ТЕАТРА

В. Ермилов, анализируя явления современных творческих настроений на театре, замечает, что ряд выступлений на совещании показывает, как многие еще не разбираются в том, насколько отстает театр и как много нужно сделать, чтобы реально перестроиться. Основной лозунг на сегодня—это борьба за идейный театр, за театр, глубоко насыщенный идейным содержанием, который ставит и решает проблемы. Говоря о Камерном театре, тов. Ермилов замечает, что театр не защищался в стремлении перестроиться, за то, за что мог бы защититься.

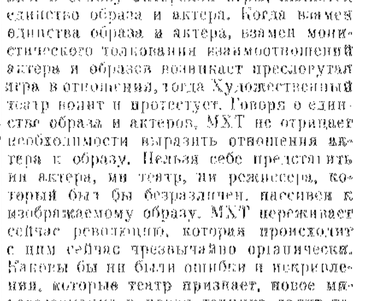
Когда выдвигается ведущее значение драматургии, это не что иное, как борьба за идейность театра. И если мы всерьез выдвигаем борьбу за подлинный театр, мы должны жестко отнестись к тому, что есть сейчас в области драматургии. Несомненно, что драматургия должна реально помогать перестройке театра. Такой драматургии еще нет. В. Ермилов спрашивает, есть ли в домах хоть одна пьеса, которая в какой-либо мере показывала бы громадную и сложную жизнь нашей молодежи. Надо со всей откровенностью сказать, что ТРАМ еще до сих пор ходит по верхам, что спектакли его поверхностны, что он еще не сумел охватить основных проблем, стоящих перед комсомолом. ТРАМ должен быть на уровне того резервуара, из которого он черпает свои силы, на уровне того комсомола, агитпропом которого он хочет быть.

Шарж Э. Кадмиловича



СОКОЛОВСКИЙ

Шарж Э. Кадмиловича



ЛЮБИМОВ-ЛАНСКОЙ

А когда Соколовским ставятся иформалистически эти моменты, когда он сводит значение драматургии к такому моменту, как свет, жест и движение, то это есть не что иное, как «купцеватость», тормозящая литературу на приспособленчество. Театр, насыщенный всей сложностью той мысли, которой задан сейчас пролетариат, такой театр мы создадим при условии осознания всеми необходимости готовиться к этой ответственнейшей и крупнейшей роли.

ГОДОВЩИНА КРУЖКА „ШТУРМ“

В Краснопресненском доме комсомола — оживление.

Районный литкружок «Штурм» отмечает сегодня свою годовщину.

В фойе работа рассматривает юбилейный номер стенгазеты. Он носит отчетливый характер: здесь показана история кружка, представлена печатная продукция, помещены газетные вырезки, рассказывающие о работе «Штурма».

Районный штаб призыва ударников, Дом комсомола, литпоручения районных фабрик и заводов приветствуют «Штурм», отмечая большую работу, которую проделал кружок за год и которую он проводит сейчас.

В районе около двадцати литературных кружков, которые ведут большую работу по фабрикам и заводам Красной Пресни. «Штурмовцы» должны закреплять и развивать эту работу.

Дальнейшая работа «штурмовцев» должна проходить в тесной связи с низовыми литкружками.

Нужно обратить внимание на вопросы подготовки, на привлечение руководителей, которые помогали бы кружку развиваться дальше.

Кружковец т. Цитальницкий, отвечая на приветствия, говорит:

— Не все наши работы работают должным образом. Наша задача сейчас, — итти на производство, связаться с низовыми кружками и вместе с ними бороться за ликвидацию прорывов, за выполнение промфинплана. Мы должны вместе провести призыв ударников, вместе работать, и тогда мы сумеем влить в нашу литературу настоящих борцов за пролетарскую поэзию и прозу.

Дружными аплодисментами встречает собрание предложение послать приветственные письма М. Горькому и секретариат РАПП и МАПП.

Во второй части вечера «штурмовцы» и ребята из низовых кружков читают свои произведения. В заключение, Театр комсомольской смычки покажет пьесу кружков на Пятницкой.

***

На вечере не было представителя МАПП, хотя МАПП и была заблаговременно извещена о вечере. Вряд ли такое отношение со стороны МАПП сможет помочь кружку в его дальнейшей работе.

В. В.

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО ПРОИЗВОДСТВЕННОМУ СОВЕЩАНИЮ ПОЭТОВ

Дорогие товарищи!

К сожалению, не имею возможности на данном производственном совещании развернуть свою точку зрения по вопросам поэзии. Думаю, что это отчасти делают мои произведения, доставляющие столь много неприятностей подымавшей голос ермильщине. Думаю, что это не плохо делают произведения товарищей-поэтов, разделяющих творческую платформу 16 ленинградских кружков, ибо только произведения, выросшие на основе этой творческой платформы, смогли приблизиться к задаче ликвидации отставания пролетарской литературы от задач, чем и проблем реконструктивного периода. В ближайшее же время постараюсь развернуто высказаться, чтобы выполнить общую с вами задачу — разбить неправильные творческие установки попутчиков, явно стремящихся таким образом «приласкать» лозунг «одемьянивания», чтобы от него ничего не осталось. «Действенный самоанализ» для них бесспорно более родной и близкий объект теоретических и творческих устремлений.

Кроме практические предложения. Третий год пятилетки — действительно решающий год, призванный завершить кладку фундамента социализма. Стоит только вдуматься в эти великие слова, вдуматься в их необъятный исторический смысл, чтобы сразу определить задачи, встающие перед всей пролетарской литературой и в частности перед ее поэтическим сектором. Вся страна мобилизована. Тот, кто не чувствует себя, как на войне, ничего не понимает в эпохе. **Делом, работой будут проверяться** любые слова.

Предлагаю об'явить себя мобилизованными на третий год пятилетки в том, чтобы выдвинуть план мобилизации всей РАПП.

Предлагаю отдать себя в распоряжение партийных органов, чтобы выполнять своим родом оружия любые задания, которые партия, класс, страна возложат на нас.

Кроме обычных методов посылки бригад и индивидуальных поездок, кроме любых методов, которые смогут предложить товарищи, предлагаю метод создания литературных бригад политического жанра, подобно той, которая создана при «Правде». Эта бригада стачит себе целью стихами, новеллами, лозунгами, эпиграммами, песнями и т. п. обслуживать текущие политические задачи дня, понимая, что увянущий, политический день задевает проблемы эпохального размаха. Бригада идет от политики, через политику, для нее. Прежде всего, политический доклад — потом уже литературные вопросы (история, теория и практика лозунга, новеллы, романа, песни), подчиненные первому пункту. Проблемы и темы дня дают необычайную творческую зарядку товарищам. Для от политических проблем к работе художника, совершается дело ликвидации разрыва между недостаточно закаленным мировоззрением писателя и грандиозными задачами времени. При этом необходимо дать жесткий отпор оппортунистическим теориям (вроде высказываний тов. Фадеева), что **только этим разрывом** объясняется отставание пролетлитературы.

Работа кружков РАПП неверхушечным и производственным. Но по заслугам их кружков еще достаточно много сугубой недоработанности и устремленности работы. Слишком часто кружок ударников, только-только пришедших в литературу, портит в классе перепевно-ермиловско - лефовско - бергомазовской капелькой. Вопросы литературной политики ставить надо, рабочие кружки несомненно будут основой всяческой (в том числе и организационной) политики РАПП, но о проворотах тоже забывать не следует. Творческую работу кружков надо—в плане мобилизации—спокойно повернуть лицом к производству, лицом к проблемам и темам третьего года пятилетки на основе конкретных требований производства. Надо добиться такого положения, чтобы ячейка, завком, культкомиссия, любая общественная организация на предприятии делали доклады на кружках — чтобы от них двигаться в своей работе. Только так (особенно в рабочих кружках) вырастут и большие произведения. Приносит явный вред тот, кто думает, что нужен только лозунг, только эпиграмма, только многотомный роман, только песня. Нельзя фетишизировать ни одного жанра. Но стократно принесет вред тот, кто умаляет значение лозунга, песни, частушки, распевки; тот, кто, издеваясь над злободневностью, протаскивает старые тенденции к перхоловщине, столь дорого стоившие пролетарской литературе; тот, кто иронически брезгливо третирует лозунг, как это делал в частности тов. Сырков. Указывая на все опасности, которые влечет за собой стремление к быстрому отклику на вопросы дня, надо бить **по всем линиям тенденций уйти от дня**, бить неумолимо сильно. Акцент имеет огромное значение, товарищи! Акцент политически звенит всеми аккордами завершенной отставания.

Тов. Авербах сказал, что моя «Трагедийная ночь» могла быть еще лучше, если бы я не торопился. Это совершенная правда,—говорю это без тени издевательства. Несомненно, что и «Последний из Удэге» мог быть гораздо лучше, если бы товарищ Фадеев не торопился.

Но мы с товарищем Фадеевым торопимся по-разному. При темпе моей спешки можно пропустить много хороших образов, удачных строчек, такое-то количество блестящих рифм. При темпе спешки тов. Фадеева — можно проглядеть социализм.

Надо мобилизовать себя товарищи! Надо мобилизовать всю РАПП! Это основное. Это главное. Мы будем спорить-собираться на пленум, конференции. Но давайте, товарищи, помнить, что пролетарская революция даже простит нам отсутствие такого-то числа резолюций, но не простит плохой работы в третьем решающем году пятилетки, завершающем постройку фундамента социализма.

Творческая дискуссия переплет на более высокий этаж. Произведениями будут проверяться декларации. Методом творческого соревнования давайте погонять партии, чьи лозунги лучше служат делу партии и класса. Я убежден, что творческие позиции напостовцев будут биты, как были биты жизнью реконструктивного периода. Широкое массовое пролетарское литературное движение будет работать наиболее эффективно на основе декларации 16 ленинградских кружков, несмотря на литературные и не литературные ловушки ермиловщины, старающейся взять реванш. Но прежде всего — мобилизация на службу третьему году пятилетки! Полный простор творческому соревнованию!

Я, помимо, имею кое-что возразить тов. Либединскому, заявившему на пленуме Ленинградской АПП, что пора пресечь дурное влияние Безыменского на поэтов. Но не буду спорить. Дело каждого из вас дать на это ответ. Но, если это даже верно, давайте мобилизуемся. Пусть не каждый будет значиться в святцах Либединского — не страшно! Страшно, если мы будем не на высоте требований третьего года пятилетки. Страшно, если мы не все наши сделаем, чтобы по мере всех своих сил участвовать в незабудных боях первого периода социализма.

Мобилизуйтесь, товарищи! Мобилизуйся, РАПП!

Об'являю себя мобилизованным.

А. БЕЗЫМЕНСКИЙ

От редакции

Печатая письмо тов. Безыменского, редакция «Литературной газеты» с сожалением отмечает, что уроки «Литфронта» ничему не научили автора письма. В то время, когда творческие производственные совещания РАПП обсуждают вопросы о том, каким образом пролетарская литература должно совершить (и совершает) творческую перестройку, тов. Безыменский ограничивается голым призывом к мобилизации РАПП (как будто призыв рабочих-ударников в производственные совещания не являются одними из важнейших проявлений мобилизации).

В то время, когда пролетарская литература выдвигает как важнейшие, лозунги борьбы за повышение своего идейного уровня, за мировоззрение, за качественные показатели, тов. Безыменский фактически умалчивает об этих лозунгах.

В то время, когда пролетарская литература борется с «кущеверщиной», тов. Безыменский варьирует кущеверские утверждения.

В то время, когда производственные совещания проходят под знаком жестокой самокритики, письмо тов. Безыменского является блестящим образцом бегства от самокритики.

„ПОСЛЕДНИЙ, РЕШИТЕЛЬ БЫ“

Премьера новой пьесы Вс. Вишневского «Последний, решительный» состоится в театре им. Мейерхольда 7 февраля. Общественный просмотр—6 февраля. Автор спектакля—Вс. Мейерхольд. Режиссеры-ассистенты: С. Бирман, П. Четвериков, А. Нестеров, Зинаида Райх. Музыка В. Шебалина. Вещественное оформление С. Вахтангова, по плану и под руководством Мейерхольда. Танцы поставлены А. Мессерером. Кинооформление В. Немоляева и А. Лемана. В центральных ролях заняты: Боголюбов, Гарин, Зайчиков, Нг. Ильинский, Штраух, Зинаида Райх, Ремизова, Серебряникова, Тинкина и др. В спектакле участвует вся труппа и все студенты экспериментальной мастерской.

К премьере театр организует выставку на тему пьесы: «Оборона СССР».

СЕГОДНЯ ЛИТОРГАНИЗАЦИИ

● Политсектор литературного руководства Иваново-Вознесенской АПП привлек организацию к отрыву от современных политических задач. Поэтому ударников в литературу был проведен Иваново-Вознесенской АПП формально, бюрократически. На этом экзамены, после решительной смены перестройки руководство Иваново-Вознесенской АПП приняло курс. Иваново-Вознесенская АПП отстранена и от рабочего-заводской жизни. Состав ассоциации растет. Чистка ее крепко недостаточно слабо.

Секретариат ГАПП заслушал доклад тов. **Корабельникова** о положении в Иваново-Вознесенской АПП, постановил — **секретарь... и правление Иваново-вознесенской ассоциации распустить.** Решено послать в Иваново-Вознесенскую АПП бригаду в 5 человек для обследования Иваново-вознесенской ассоциации и мероприятия по работе. После бригадного обследования, будет обновлено руководство Иваново-вознесенской АПП.

● От литературных писателей в **Ленсовет** избраны **Б. Лавренев** и **А. Фадеев.** Кандидатом — **Н. Никитин.** В райсовет избраны **Н. Тихонов, А. Чапыгин,** комментатор **Дешевов** и рабочий-ударник **Ломоносов;** кандидатом — **Волжанин.**

Б. Лавренев (сидит слева) среди рабкоров завода „Красный Треугольник"

● Завод «Красный Треугольник» подписал договор о внешнем шефстве с Ленинградским отделом ВССП. Писатели обязуются вести культурно-политическую работу в цехах завода, насчитывающего до 25.000 рабочих. ВССП выделяет ряд писателей для руководства литературными кружками завода, для периодического чтения книг ударникам и обязуется создать ряд книг о заводе, в частности: историю завода за 40 лет. Заводские организации «Красного Треугольника» дают обязательство помогать Ленинградскому отделу ВССП в его организационной работе.

● Бюро литературной части Ленинградского театра драмы **А. Ирий** управляющий сектором ЛАПП исключен из литературной ее ЛАПП. Характерно для метод ЛАПП украинского научного общества, как революционно и оторванное от задач социалистического, А. Ирий, исключен из ЛАПП снова принадлежность к нашему обществу, оставаясь чуждым его принципам.

● Секретариат ФОСП заслушал доклад ответственного секретаря **А. Эфроса** о работе первичных групп писателей и положении национальной литературы. Общей неудовлетворительностью работы и положения признано: 1) слабое развертывание работы в массовых организациях, 2) слабая связь с рабочими кружками, 3) недостаточное внимание к вопросам национальных меньшинств. В органы ФОСП включены представители секции переводчиков: в оргбюро секретариат ФОСП—тт. **Ингбер и Эфрос,** в редколлегию газеты «Федерация»—тт. **Дейч и Раковская,** в «Литфронт» РСФСР—т. **Зускинович** и в правление клуба ФОСП—т. **А. Ромм.**

● На днях состоялась летняя конференция юных читателей Калининского района. В докладе о литературе на фронте детской книги **А. Грудская** охарактеризовала роль книги в детской среде и сегодняшние задачи детского писателя. В последовавших затем прениях с мест ребята критиковали книги, выпускаемые издательствами, занимающимися книгой. На основе этих пожеланий конференцией выработан общий наказ городской конференции по детской книге.

● 7 февраля состоится расширенный пленум райбюро МАПП Пролетарского района. В порядке работ пленума: доклад **В. Кирпотина** об очередных задачах по литературе; доклад **Серебрянского** о творчестве рабочих-ударников; отчет двух бригад («Большевик» и литкружка вагоностроительных мастерских) этой чистки литкружка «Вагранка».

● В районном Доме комсомола 4 февраля открывается 1-й расширенный пленум **Замоскворецко-Ленинского Райбюро МАПП** (Ново-Кузнецкая, № 40, в 18 часов). В работах пленума примут участие заводы-ударники, занимающиеся литературой. На повестке дня пленума доклады: задачи пролетарской литературы (**А. Исбах**). Творчество рабочих-ударников (**С. Кирьянов**). О работе «Ночной сменой» (**т. Карабельников**).

В клубе ф-ки б. Ливера 6 февраля открывается пленум райбюро МАПП **Фрунзенского района.**

● Еврейская секция МАПП устраивает сегодня в еврейском клубе «Коммунист» **творческий вечер пролетарского еврейского поэта Х. Фефера** (ЕКУБО). С докладом о творчестве т. Фефера выступит т. **Литваков.** Тов. Фефер прочтет свои неопубликованные произведения.

● 2 февраля, в Районном Доме комсомола открылся рабочий клуб пролетписателей Сокольников. Первым посетителем клуба был **ЦК ВКП(б), тов. Сталину, тов. Ворошилову, Максиму Горькому, МОРП и редакции журнала «На литпосту».**

Пятилетие Литфонда РСФСР

Вечером 30 января закончился пятилетний юбилей Всероссийского Литературного Фонда РСФСР, длившийся три дня. На юбилейное торжественное заседание в помещение Ленинградского Татарского, Сибирского и других отделений Литфонда.

Чтение приветствия Литфонда **Мих. Алексеев, А. Богданов, С. Беляев** и коллективная отличная оценка перед членами работу Литфонда в помощь на местах.

Литфонд РСФСР существует пять лет. В первые два года его были разгромлены, обезличенные, обезличенные, обслуживавшая писательский круг издателей и не имевшая начала массовой работы.

Новый состав правления работу коренной перестройки работы. Теперь Литфонд ведет большую массовую работу с писателями, обслуживая их семьи, ведет работу с молодыми кадрами, в частности, с ударниками, привлекшими в литературу.

Основная задача Литфонда — реконструкция труда и быта писателей на новых, социалистических началах, организация Домов творчества, почетная помощь писателям.

Дома творчества писателей должны быть не санаторно-курортными мастерскими, куда писатель мог бы приехать, чтобы работать в удобной обстановке. Большинство писателей живет сейчас в северных жилищно-бытовых условиях. По данным лечебного сектора, только незначительный процент имеет сносные условия для работы. Подавляющее большинство не имеет даже письменного стола. Но положение московских писателей можно считать блестящим по сравнению с жилищными условиями Сибири.

Писатель Сибири чрезвычайно лучше живущий в центре Литфонда, и его Сибирским отделению предстоит огромная работа.

Вслучае отказа предоставлять бывшие помещения и поставили обращение на этот участок особое внимание. Обсудив предложение Ленинградского отделения о передаче всей работы Литфонда профессиям, наиболее приняв его существенно, ибо задачи Литературного фонда отнюдь не параллельны задачам профсоюзов.

В частности, задачи Литфонда сейчас значительно расширяются, в связи с тем, что к нему переходит от Федерации писателей весь комплекс материально-бытовых проблем советского писательства РСФСР.

*

В почетный президиум Литфонда избраны тт. **Арт, Ханатов, Максим Горький и Магидов.** В рабочий президиум — тт. **М. Алексеев, А. Богданов, Л. Сейфулина, В. Кириллов, Г. Коренев, П. Парфенов, С. Беляев, К. Филимонов, Яблонов.**

О. Аф.

НА ЛИТЕРАТУРНЫХ ВЕЧЕРАХ

Очередное заседание кружка рабочей критики «РОСТ» было посвящено разбору романа Горбатова «Наши».

Докладчик Симхович и содокладчик Зубковский основную ошибку автора видят в отсутствии диалектического показа действительности.

Темой романа является близкое перерождение отдельных элементов пролетарского руководства.—Перерождение это, — говорит докладчик, — не дано в обстановке классовой борьбы; перерождение и рабочая масса противопоставлены друг другу механически. Вредность такого явления усиливает на наш зрения читателя. Поэтому, несмотря на актуальную и нужную тематику «Наши»—**неудавшаяся книга.**

Выступившие в прениях товарищи, соглашаясь в основном с докладчиком, отмечали и крупные достижения автора. Так **И. С. Гроссман-Рощин** находит, что по сравнению с «Ячейкой», в этом романе мы видим громадный сдвиг в творчестве Горбатова. Чрезвычайно интересны даны, по его мнению, образы Глухарева и Звонцова.

В. Ермилов находит правильными основные положения доклада.

— Именно в абстрактном противопоставлении пролетариата и рабочей массы,—говорил оратор,—и заключается ошибка автора. Если бы автор показал всех тех силы в их взаимной борьбе, показал бы, что в условиях диктатуры пролетариата крупнейшая сама обрекает себя на гибель, тогда мы имели бы действительно хорошую книгу.

Собрание постановило написать о романе коллективную статью.

В. Б.

● На заводе им. Владимира Ильича состоялся диспут, организованный литкружком участников и посвященный разбору книг **А. Исбаха «Крушение»** и **Б. Горбатова «Наши».** Выступление рабочей завода тт. **Астахов, Павлов, Непомнящий, Цыбульский** и др., а также **Ф. Панферов,** подтвердили положительное значение обоих произведений, указали и на отдельные недостатки этих книг. **А. Исбах** рассказал рабочим-литкружковцам о том, как он работал над своей повестью. Литвечер закончился выступлениями поэтов **В. Луговского, В. Наседкина** и рабочих поэтов-литкружковцев.

*

В клубе ФОСП вечером в Москве был организован большой литературный вечер, посвященный 25-летию со дня смерти Антона Павлова.

В свою программу он включил все лучшее, что было создано им за 25 лет. Первое отделение программы было отдано символистам. Чтец с большим мастерством читал символические стихи Андрея Белого, Блока и Сологуба. Это, вовремя ушедшее от символизма и от символической трясины времени, когда «царила под Русской звездою страшно и нарядно печаль» и комнате с яркими плакатами, зовущими писателей мобилизоваться на земных революционных и ударных дела.

Первая часть программы была прекрасно исполнена Пильяком. Вторую часть зритель начал с ранних стихов Есенина. Умело составленная стихами он показал развитие личности Есенина, стоившего одной ногой в старом, другой—в новом мире.

Дальше программа была построена несколько странно. Тов. Шварц читал сначала пролетарских поэтов, затем лефовцев и затем конструктивистов, как бы считая их новейшим литературным течением.

Он смешал против здорового Гармонии, не уже «Гренадина» нечто Великанского осталась желать лучшего. Московский чтец совсем не удался. И отрывок из «Двенадцати», и «Во весь голос» — звучали как декламация. Лучше всего удались символисты, конструктивисты и отчасти Жаров.

А. Ф.

К пролетарским писателям

Имеющиеся литературные произведения из жизни хозяйственников «Окись-азота», Лаврентьева — «Гранада на дереве», Никольского — «У фонаря», Лачкова — «Гидроэлектростанция» и др., взяты в узкой мере достаточно полно освещают исследовательские приемы и литературно-художественное применение хозяйственной терминологии, описания и характеристики действующих лиц, как это сделано в «Гидроцементе» и «Гранаде», предприятий, как и в среде работников и сотрудников трестов и производственных объединений.

Писатели, приступающие к выполнению договоров, должны изучить специфику производства, с которым они будут иметь дело. Они обязаны ознакомиться с историей своего предприятия.

Изучение производства может быть различными методами: посещение цехов, экскурсии, индивидуальные и групповые беседы с рабочими, инженерно-техническими работниками, изучение документов, специальной литературы, отчетов, сводок, справок, а также и личное участие в производственной работе.

Для выполнения этих требований правление клуба рабочего писателя хозяйства им. Ф. Э. Дзержинского организует всесоюзный конкурс на лучшее литературно-художественное произведение из жизни хозяйственников и обращается к литературным силам с предложением принять участие в конкурсе. С своей стороны, оно обещает всемерное содействие в предоставлении нужных писателям материалов.

Об условиях конкурса и первоначальном составе жюри будет сообщено дополнительно.

За всеми справками обращаться к тов. Кошелеву, телеф. 2-13-05.

ПРАВЛЕНИЕ КЛУБА РАБОТНИКОВ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА ИМ. Ф. Э. ДЗЕРЖИНСКОГО

Гихл издает полное собрание сочинений Н. А. Добролюбова

ГИХЛ, приступая к изданию ПОЛНОГО СОБРАНИЯ СОЧИНЕНИЙ Н. А. ДОБРОЛЮБОВА, в связи с столетием (в 1836 году) со дня его рождения, просит всех имеющих у своих распоряжения рукописи, письма, воспоминания и другие материалы, касающиеся жизни и литературно-критической деятельности Н. А. Добролюбова, ПАПРАВЛЯТЬ ТАКОВЫЕ В ПОДЛИННОМ ВИДЕ ИЛИ В КОПИИ В РЕДАКЦИЮ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ ГИХЛ тов. **П. И. Лебедева-Полянского (комиссия по изданию сочинений Добролюбова). В случае невозможности прислать таковые в подлинном виде или в копии ГИХЛ просит уведомить комиссию о характере материалов с указанием условий использования таковых для данного издания ГИХЛ. Материал посылать по адресу: Москва, Никольская, 18 а, Государственное издательство художественной литературы, Редакция литературоведения.**

ПИСАТЕЛИ и подоходный налог

В нынешнем году ИЗМЕНЕН ПОРЯДОК ИСЧИСЛЕНИЯ ПОДОХОДНОГО НАЛОГА С ПИСАТЕЛЕЙ. На основании особого распоряжения Наркомфина РСФСР Московский областной финотдел установил новые нормы исчисления производственных расходов писателя во всех случаях, когда эти расходы документально не подтверждены, ПРИНИМАЮТСЯ К ИСКЛЮЧЕНИЮ В КАЧЕСТВЕ ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ РАСХОДОВ 50 ПРОЦ. ВАЛОВОГО ДОХОДА ЗА ОКЛАДОМ ПЕРВОГО С. Это распоряжение относится к доходу, полученному как за 1928-30 год, так и за особый квартал.

В виду того, что многим писателям оклад подоходного налога исчислен фининспекторами без учета этого постановления, в этих случаях ПРИДЕТСЯ ПРОИЗВЕСТИ ПЕРЕРАСЧЕТ ОКЛАДА НАЛОГА.

Такое же распоряжение Наркомфина РСФСР было послано и в Ленинградский Областной Финотдел.

Кроме того, в нынешнем году писатели БУДУТ УПЛАЧИВАТЬ НАЛОГ РАВНЫМИ ДОЛЯМИ ЕЖЕМЕСЯЧНО КАЖДОЕ ПЯТНАДЦАТОЕ ЧИСЛО, начиная с 15 МАРТА 1931 ГОДА, в течение 10 месяцев, с тем, чтобы последний взнос был сделан 15 ДЕКАБРЯ 1931 ГОДА.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Весной 1928 года отдел детской художественной литературы ГИЗ предложил мне издание старой моей книги «О счастливом мальчике, каштане и Вареньке, в 1917 году». Детские организации в нескольких городах в 1919 году и Бирючьих горах, близ Краснодара, повесть в Поволжье, а не в Закарпатье, где сообщалось в печати. Сознательно я решила было ленинградскими и старыми книгами и начала переделку в старую книгу. В августе 1928 года я сдала книгу в ГИЗ и она в исправленном виде, в том составе, в каком ГУС, N 29 от 17 VIII 28 года, была в печати в 1924 г. (1-е, 2-е, 3-е переработанное издание в Москву последние дополнительные книги в детской книге этого издания). Я сообщила, что книга будет выпущена в 1929 году, в 1928 году, в 1929 году, в 1930 году, в 1931 году, в 1932 году, в 1933 году, в 1934 году, в 1935 году, в 1936 году, в 1937 году, в 1938 году, в 1939 году, в 1940 году, в

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Орган Федерации Об'единений Советских Писателей РСФСР

МОСКВА 9 ФЕВРАЛЯ 1931 г. № 8 (107)

РЕДАКЦИЯ: Тверской бульвар, 25, Дом Герцена. Тлф. 2.80.12

ПИСАТЕЛИ И РАБСЕЛЬКОРЫ

Завтра открывается всесоюзное совещание рабселькоров. Достаточно бегло просмотреть порядок дня совещания, чтобы оценить его громадное значение. Фабрично-заводская печать в проведении задач третьего, решающего года пятилетки; колхозно-совхозная и деревенская низовая печать в проведении второй весны сплошной коллективизации; ударничество и роль печати—таковы основные вопросы, подлежащие обсуждению всесоюзного рабселькоровского с'езда. Мобилизовать громадную армию рабселькоров рабочего класса и совхозно-колхозного крестьянства на выполнение важнейших хозяйственно-политических задач, поставленных партией перед страной, повысить роль печати в разрешении этих задач — вот для чего собирается совещание рабселькоров.

С каждым годом рабселькоровское движение показывает все более бурный рост. От единичек рабкоров подпольной «Правды» до десятков тысяч рабселькоров восстановительного периода, и миллионам в третьем году пятилетки — таков путь рабселькоровского движения. С каждым годом увеличивается значение рабселькоровского движения, ибо оно собирает в себя лучшие элементы рабочего класса и бедняцко-середняцкого крестьянства. Сегодня ударник и колхозник ЖЕ СТАЛИ ведущими фигурами рабселькоровского движения.

На прошлом всесоюзном совещании антипартийными развивались теории о кризисе рабселькоровского движения, принижалась его политическая роль. Жизнь блестяще опровергла эти оппортунистические установки. Разве может речь идти о кризисе, когда такое широкое развитие получила низовая фабрично-заводская и колхозная печать, когда создались сотни районных газет? Конечно, нет! Но задачи рабселькоровской работы чрезвычайно усложнились, и проявилась необходимость в новых формах движения, достойных ударничества и темпов пятилетки. Эти формы создаются, понятно, не без ошибок, не без трудностей, обусловленных в первую очередь обострением классовой борьбы, одним из участков которой является и рабселькоровское движение.

Нам, писателям, судьбы рабселькоровского движения особенно близки, ибо с этим движением самым тесным образом связана проблема массовости литературы. Из рабселькоров в писатели, — таков путь многих. Демьян Бедный был одним из первых рабкоров «Правды». На протяжении всего послеоктябрьского движения, рабселькоры посылали своих представителей в литературу, и многие заняли в ней почетное место (Ставский, Жига, Платошкин и др.). Сейчас такое «представительство» во много раз увеличилось. Призыв рабочих ударников, несомненно, в значительной своей части идет за счет рабкоров, так как, как правило колхозников—за счет селькоров. Рабочий-писатель, естественно, начинает с рабкоровской заметки.

Рабселькоровское движение также воспитывает и кадры новых читателей и критиков, рабселькор-передовик, участник практики социалистической стройки, может и должен сигнализировать писателю об актуальности его творчества, о том, насколько он, писатель, верно отражает и помогает социалистическому строительству.

Все это требует от всех литературных организаций и каждого писателя в отдельности большего внимания к рабселькоровскому движению, большей и лучшей связи с ним. В первую очередь такая связь должна итти по линии помощи низовой печати. Кое-какие достижения в этом деле уже имеются. Писательские бригады, побывавшие в прошлом году на предприятиях и в колхозах, те из них, которые с пользой провели там время, помятко, участвовали в низовой печати. Однако, того, что сделано, совсем недостаточно. Между тем совершенно ясно, каков огромное значение для работников низовой печати имеет помощь квалифицированного литератора. Но какая помощь?

Этот вопрос — основной, который следует поставить в дни всесоюзного совещания рабселькоров. Мы уверены, что на этом совещании будет брошен не один справедливый упрек по адресу писателей «налетчиков», «гастролеров», пренебрегавших работой в низовой печати или раз-два появившихся в рядколлегии, много наобещавших и мало сделавших. Такая помощь не нужна. Нужно повседневное участие писателя в работе низовой печати. И не только во время его пребывания на предприятии, но и после. Нужно закреплять связь, сохранять ее на все время. Низовая печать может и должна стать мощным фактором связи писателя с массой.

Рабселькоровское движение дает ударников литературе. Литература обязана дать писателей-ударников низовой печати!

ПИСАТЕЛИ— НА БОЛЬШЕВИСТСКИЙ СЕВ

ЗАПИСЫВАЙТЕСЬ В БРИГАДЫ ФОСП

Подготовка к посевной кампании, ко второй большевистской весне налагает на каждого советского писателя большую и ответственную задачу. Вторая большевистская весна — это не просто очередная политическая кампания, это — решающий бой за сплошную коллективизацию и ликвидацию кулачества как класса.

Партия и советская власть поставили задачей коллективизировать к нынешнему году не менее половины крестьянских хозяйств. В ее разрешении решающую роль будет играть весенняя посевная кампания.

Особенность этой кампании заключается еще и в том, что она происходит на базе законченного районирования. Это — величайшее достижение советской власти. Оно означает большое приближение советского аппарата к массам и включение в него мощной энергии коллективизирующихся бедняцко-середняцких масс. В результате мы имеем невиданный, ни с чем несравнимый рост районной печати и местных культурных учреждений, развернувшихся под знаком всеобщего обязательного обучения и коммунистического воспитания.

Перед каждым советским писателем стоит задача понять, осмыслить это величайшее историческое событие и дать такие художественные произведения, которые бы звали и будили на борьбу за социализм.

Но чтобы понять всю эту сложную ситуацию, понять все новое, бьющее горячим ключом, каждому писателю необходимо быть непосредственным участником этих событий, бойцом на социалистическом фронте. Только тогда он справится со своей художественной задачей.

Сейчас уже литература становится частью общепролетарского дела, становится достоянием масс. И всякий писатель, который не сумеет стать обеими ногами на стороне бойцов за социализм, будет безжалостно отброшен в сторону.

Вторая большевистская весна явится серьезной проверкой для каждого писателя (едущего или не едущего на посевкампанию, безразлично). Вот почему каждый писатель так или иначе должен включиться в эту кампанию, ибо это основной участок классовой борьбы на ближайшее время.

Писательские организации РАПП, ВОПКИ, ВССП и др. должны принять самое активное участие в этой кампании мобилизацией своих сил в помощь районным газетам, для непосредственного участия в работе бригад, едущих на посевкампанию и пр.

ВОПКИ, которое об'явило всю организацию мобилизованной на посевкампанию, должно воспитательную работу с литературным молодняком, ударниками совхозов, леспромхозов, МТС и колхозов построить под углом зрения непосредственного и практического участия в посевной кампании.

Формы работы писателя различны, но все они должны быть в одну точку:

под руководством партии поднимать выше волну коллективизации и беспощадно ликвидировать на этой основе кулачество как класс;

беспощадно разоблачать явных и тайных подкулачников, вредителей, рвачей и вредителей;

вести непримиримую войну с право-«левым» оппортунизмом.

ИВ. БАТРАК

***

* Разверстка ФОСП между литорганизациями по мобилизации писателей для участия в весеннем севе выполнена более чем на 100 процентов.

* Секретариат ФОСП связался с Колхозцентром, Хлебоцентром и другими организациями для направления мобилизованных писателей на места. Разработана инструкция-памятка для писателей, мобилизованных на посевную кампанию. Выезд писателей на места предположен 10—15 февраля.

* МОПКИ мобилизовал 42 писателя на посевную кампанию.

* ВССП срочно мобилизует писательский актив для участия в посевной кампании. До 30 писателей будут посланы в районы. На сегодняшнем заседании правления ВССП будет утвержден список писателей, направляемых на весенний сев.

* Местком писателей перевыполнил разверстку ФОСП: помимо намеченных 7 кандидатов, трое писателей по собственной инициативе изъявили желание участвовать в проведении весенней посевной.

ФОСП в 1931 ГОДУ

ПЛАН РАБОТЫ ФЕДЕРАЦИИ—НА СУД ПИСАТЕЛЕЙ

«ЛИТГАЗЕТА» БЕРЕТ НА СЕБЯ ЗАДАЧУ СОЗДАНИЯ ВСТРЕЧНОГО ПИСАТЕЛЬСКОГО ПЛАНА

В клубе писателей 3 февраля на заседании исполбюро ФОСП с писательским активом обсуждался план работы ФОСП на первое полугодие (январь—июнь) 1931 г.

ФОСП должна повернуться лицом к литературе, к вопросам творчества, должна повысить свой политический и литературный авторитет и руководящую роль в отношении всех литорганизаций.

Каковы же основные элементы плана ФОСП?

В литературно-политической работе ФОСП большое место уделено вечерам творческой дискуссии с обсуждением конкретных произведений писателей-попутчиков. Одновременно ФОСП проведет дискуссии о задачах литературно-художественных журналов в период социалистической реконструкции и развернет обсуждение промфинплана ГИХЛ. Журнал «Красная новь» намечено перестроить, превратив его в орган ФОСП.

Интересным новшеством является устройство ФОСП так называемых «литскандалов» — бесед крупных политических и культурных деятелей с писателями по основным вопросам политики партии. На ряду с этим, ФОСП проведет ряд вечеров товарищеских встреч писателей с работниками различных научных культурных учреждений и театров. На президиуме ФОСП будут заслушаны доклады ЛИЯ Комакадемии, Рапмимирк и др. В клубе ФОСП намечено создать семинарий марксистского литературоведения и провести дискуссию о состоянии и задачах литературной критики.

Для изучения и обобщения опыта участия писателей в социалистическом строительстве ФОСП созовет конференцию ударных писательских бригад.

По линии развертывания нацработы ФОСП РСФСР, помимо участия в создании Белорусской ФОСП, свяжется с национальными литорганизациями. ФОСП проведет всероссийскую конференцию национальных советских писателей.

Чтобы приблизить советских писателей к ударникам, призванным в литературу, организуется добровольное прикрепление крупных советских писателей к определенной группе рабочих-литударников. ФОСП примет меры к облегчению положения писательского молодняка в деле продвижения произведений.

Ряд мероприятий будет проведен для реализации шефства рабочих завода им. Владимира Ильича над ФОСП.

План ФОСП предусматривает также широкое участие писательской общественности и текущих общественно-политических кампаниях и ряд практических мероприятий по улучшению материально- и социально-бытового положения писателей.

***

Надо отметить довольно слабую активность членов исполбюро, обсуждавших большой полуголовой план работы ФОСП. На заседании исполбюро ФОСП присутствовало до 50 писателей, между тем в прениях по докладу Г. Корнеева выступало только два товарища.

— Главный недостаток плана ФОСП, —сказал т. К. Зелинский,—его формальность. Все литорганизации как бы равны в своих творческих установках, в то время как ряд литорганизаций распались, а другие выросли. Прошлый год работы ФОСП характерен тем, что в нем работали только одна литорганизация—РАПП. Между литорганизациями нет еще обмена опытом. Опыт работы РАПП должен быть учтен другими литорганизациями. Формальность в плане ФОСП можно избежать, дав анализ современному состоянию положения на литературном фронте.

Необходимо подвергнуть широкому обсуждению план ФОСП в литорганизациях и на активе литкружковцев-ударников.

ОТ РЕДАКЦИИ

Редакция не может пройти мимо того факта, что принятие плана ФОСП на исполбюро свелось только к механическому принятию одобрительной резолюции.

Сейчас планирование работы литературных организаций имеет подобно планированию работ научно-исследовательских институтов особо важный политический характер. Построение плана ФОСП должно опираться на политически-конкретный анализ литературной обстановки. Истекший год много изменил во взаимоотношениях литературных организаций. Обострение классовой борьбы на фронте литературы, «дело» Пильняка—Замятина, преобразование ВСП в ВССП, распад одних организаций, уход с линии огня других — все это факты, мимо которых не может пройти ФОСП при составлении своего плана. Также в плане совершенно отсутствует учет опыта РАПП, имевший первостепенное значение для жизни всех литорганизаций. Разгром меньшевиствующих установок в литературоведении (дискуссия с Переверзевым), разгром литературно-политических установок «литфронта», наконец, опыт производственных совещаний, призыв ударников в литературу—на основе анализа всего этого должен строиться и ФОСП.

Имеет ли план ФОСП эти предпосылки?

Мы считаем необходимым, чтобы план был подвергнут самому широкому обсуждению писательской общественности. Мы предлагаем писателям выдвинуть встречный план работы ФОСП. Лозунг «Лицом к литературе» должен быть проведен в жизнь прежде всего самими литераторами. Все вопросы литературы, начиная от творческого метода, должны стать предметом обсуждения самих писателей, входящих в ФОСП.

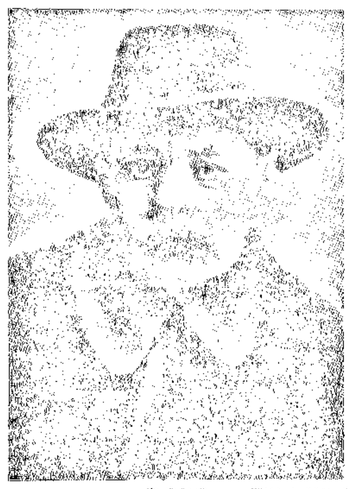
ПО-НАСТОЯЩЕМУ ВКЛЮЧИТЬСЯ В СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО

ПИСАТЕЛИ НА ПЕРЕВЫБОРНОМ СОБРАНИИ В СОВЕТЫ

МАКСИМ ГОРЬКИЙ И РОМЕН РОЛЛАН ИЗБРАНЫ ПОЧЕТНЫМИ ЧЛЕНАМИ МОССОВЕТА

Писательская общественность Москвы 6 февраля выбирала в театре Оперетты своих депутатов в Моссовет и Красно-Пресненский райсовет.

В почетный президиум перевыборного собрания ФОСП, Месткома писателей



МАКСИМ ГОРЬКИЙ

и Всероскомдрама, под гром аплодисментов избирается—колитбюро ЦК ВКП(б), Наркомпрос РСФСР А. С. Бубнов, Максим Горький и Ромен Роллан.

Собрание писателей Москвы послало приветствие т. К. Е. Ворошилову.

В. Сутырин во вступительном докладе будет говорить о задачах перевыборов советов и участия писательской общественности в советском строительстве:

— Мы должны послать в советы таких товарищей, которые проводили бы в советах генеральную линию партии.

Основная масса советского писательства представляет тот отряд революционной интеллигенции, который под руководством партии активно участвует в социалистической стройке.

В течение последнего года ФОСП идет по пути перестройки своей работы. Новые ударные формы работы ФОСП и литорганизаций,—работа писательских бригад на заводах, в колхозах и совхозах,—говорят о том, что советские писатели постепенно, но неуклонно приближаются к позициям пролетариата.

Но если сравнить нашу перестройку и наши темпы с темпами хозяйственного строительства,—мы обнаружим наше отставание от общего процесса социалистического строительства.

В специальных пунктах наказа, — говорит в заключение т. Сутырин, — мы должны сказать, как нашим депутатам-писателям нужно повести работу в советах, чтобы на советской работе полностью был использован огромный культурный резервуар, который представляет собой писательство.

Новый наказ депутатам, рекомендованный МОК ВКП(б), единогласно при-

РОМЕН РОЛЛАН

нят общим собранием писателей.

—Какие имеются добавления к наказу? —спрашивает представитель райизбиркома т. Кравчук. Писатели вносят свои предложения.

— Выпустить второй заем Моссовета для усиления средств на культурно-бытовые нужды.

— Привлечь писателей к культурной работе в домах-коммунах, ЖАКТ и жилтовариществах.

— Расширить сеть библиотек.

— Установить социальное страхование писателей.

Но если сравнить нашу перестройку и наши темпы с темпами хозяйственного строительства,—мы обнаружим наше отставание от общего процесса социалистического строительства.

В специальных пунктах наказа, — говорит в заключение т. Сутырин, — мы должны сказать, как нашим депутатам-писателям нужно повести работу в советах, чтобы на советской работе полностью был использован огромный культурный резервуар, который представляет собой писательство.

Новый наказ депутатам, рекомендованный МОК ВКП(б), единогласно принят общим собранием писателей.

—Какие имеются добавления к наказу? —спрашивает представитель райизбиркома т. Кравчук. Писатели вносят свои предложения.

— Выпустить второй заем Моссовета для усиления средств на культурно-бытовые нужды.

— Привлечь писателей к культурной работе в домах-коммунах, ЖАКТ и жилтовариществах.

— Расширить сеть библиотек.

— Установить социальное страхование писателей.

Единогласно принимаются дополнения писателей к наказу.

Писательская общественность избирает своих представителей в советы.

Почетными членами Моссовета писатели избирают Максима Горького и Ромен Роллан.

В Московский совет единогласно избраны: тт. Л. Авербах и А. Малышкин; П. Замойский—кандидатом в члены Моссовета.

В Красно-Пресненский райсовет единогласно избраны тт. Вера Инбер, П. Арский и В. Кириллов; кандидатами—В. Луговский и В. Герасимова.

— Общее собрание писателей г. Москвы полностью одобряет и приветствует наказ депутатам в советы, — отмечает принятая резолюция.—Собрание писателей обязывает своих представителей в Московском и районном советах, во всей своей практической работе неуклонно проводить в жизнь этот наказ. Мы поручаем своим депутатам

Л. АВЕРБАХ

твердо отстаивать и проводить генеральную линию ВКП(б). Мы обязуемся мобилизовать все свои силы для выполнения великих заданий третьего, решающего года пятилетки.

КР.

МЫ ПОДНЯЛИ ГОЛОС

ВПЕЧАТЛЕНИЯ ИЗБИРАТЕЛЯ

Деревенщина, специфика писательского труда, это выдумка, обособление, что тайное производство без каких бы то ни было секретов и сюжетов, если не считать шекспировских перьев и сюжета зубного. Все это вместе взятое превращало старого писателя в существо антиобщественное. Это северные, ценные мамонты, хотя и недостаточно быстро, но все же вымирают. Доказательством этому могут служить последние перевыборы в советы.

Надо прямо сказать, что организатор перевыборов—ФОСП, не только не пришел на помощь писателю в этом деле огромной общественной важности, а, наоборот, запутал своих избирателей отменой уже раз назначенного дня и неполной информацией в новом сроке. Информация, помещенная в «Вечерней Москве», была такова, что потребовала дополнительной устной информации. И все же, несмотря на эти привходящие и дезорганизовывающие обстоятельства, писатели явились на перевыборы в количестве 50 душ.

К назначенному часу среди снежных деревьев центрального сада замелькали темные писательские спины. Спины были разнообразны и красноречивы. Круглая и сутулая спина—это ВССП. Уверенно подпоясанные плечи—это РАПП. Прямые юношеские лопатки—молодые писатели с производства.

Все эти течения сначала соединялись в фойе театра, а потом разместились в партере. Театр «Аквариум» очень велик. Он рассчитан на хорошо организованную массу избирателей со стопроцентной явкой, что является, кстати сказать, немаловажным моментом для правильного использования помещения.

Любопытно, что писательская масса не любит голосовать по всему списку в целом, даже если этот список предложен самой независимой организацией. Так было на выборах правления ВССП, повторилось и здесь. Эта непримиримость к списку, т.-е. к сочетанию тщательно подобранных и продуманных кандидатур, эта тяга к персональным выборам, все это идет из той эпохи, когда писатель (иные «попутчики», как мамонт, еще одиночки).

Были названы дополнительные кандидатуры. Но так как все кандидаты оказались, то собрание опять же осталось при намеченном списке. Убедившись в этом, собрание необычайно дружно голосовало за списки. Ряды рук поднялись над креслами. И когда один из присутствующих предложил благодарить счетчиков за «плодотворную и быструю работу», собрание единогласным смехом одобрило эту шутку.

Кроме кандидатов, предложенных списком, были избраны в почетные члены Моссовета Максим Горький и Ромен Роллан. Товарищ Ромен Роллан. «Да, товарищи,—сказал предложивший эту кандидатуру член президиума. — Несмотря на всю необычность этого французского имени с таким русским словом «товарищ», несмотря на то, что Ромен Роллан далеко от нас территориально, он, этот человек, так мужественно поступивший на нашу защиту перед всей Европой, он настоящий наш товарищ и заслуживает того, чтобы вместе с Горьким быть почетным членом Моссовета».

Аплодисменты покрыли его слова.

Новые кандидаты проследовали в комнату администрации для оформления своего нового звания. Звание это не только на бумаге. Оно не только и право входа в трамвай с передней площадки. Это трудная и почетная обязанность помощи стране в деле управления. Надо надеяться, что новые депутаты не запятнают своих избирателей.

В.

ДОСТОЕВСКИЙ и ПИСАТЕЛЯ

I

Достоевским в наше время легко увлечься.

Во-первых, вообще мало писателей, столь увлекательных, как Достоевский.

Во-вторых, увлекательность его неистовская, а наши все и наши писатели все еще до крайности нервны, и хотя новый класс, выступивший на первый план, обладает нервами довольно крепкими, но не может же он сразу «заразить» ими все остальные классы и группы; а самое время наше отнюдь не обладает способностью не очень крепкие нервы успокоить.

В-третьих, Достоевский не просто нервически увлекателен, а он еще увлекателен тем, что доводит до раздирающих противоположностей реальные противоречия, существующие в жизни. Он остро, больно, кричаще ярко отражает действительные раны, которые носит время на своей груди. «Посмо,—скажете вы, — весило время Достоевского, время, когда сокрушительной поступью капиталистический строй ринулся на русскую жизнь». — «Нет, — отвечу я,—носит». Носит и сейчас, когда молодой, стройный, но еще не до конца созревший социализм начинает приводить в порядок этот самый буржуазный хаос. К тому же Достоевский пленяет не только сотни тысяч читателей у нас, но также сотни тысяч за границей, в особенности в Германии. Он пленяет там по тем же причинам и тем привлекает он прежде всего как изобразитель глубоких зол бытия. Уже на этом плане влечет он к себе или пленить этих зол, целитель напряженный, по-своему огромно сильный и все-таки явно неудачный.

II

Закономерно ли, однако, с точки зрения интересов нашего великого строительства увлечение писателей (в такой же степени и увлечение читателей) Достоевским? Поскольку дело идет об «увлечении», оно незакономерно и нецелесообразно. Из этого не следует, однако, что с Достоевским не нужно знакомиться, что изучение его, умение чувствовать его—бесполезно.

Разделим грубо писателей нашего времени на два лагеря: один—по ту сторону грани, отделяющей будущее от прошлого, а другие—по ту сторону.

По ту сторону—пролетарские писатели, строители будущего, крепко в него верящие. К прошлому у них отношение отрицательное, часто непримиримое.

По ту сторону—люди, для которых это прошлое, хотя они, может быть, и сознают его недостатки, многим мило, для которых настоящее тем-то и плохо, что оно есть переход к будущему, которое им не любо или в которое они не верят, считая, что картина его есть просто обман или самообман.

Конечно, между теми и другими есть еще группа «ни тех, ни других», между горячими и холодными — группа теплых. Но о этих мы сейчас особо говорить не будем. Для простоты отнесем их лучше к людям прошлого. Итак, может ли Достоевский быть полезен (в порядке изучения и познавания, а не в порядке увлечения) людям будущего, нашему лагерю?

Да, он может быть им полезен. От ядов его они предохранены, разложить их сознание он не может, но это не значит, что они к нему равнодушны. Напротив, они не могут не признать в нем изумительной силы свидетеля тех процессов или тех путей мысли и чувств, которые как раз свойственны людям прошлого.

«А для чего это?» — спросите вы. — По отношению к людям прошлого у нас могут быть только чувства презрения, если не ненависти. Допустим на минуту, что это так. И тогда надо знать врага. Мы раздавили рамганство, но рамганство—это разновидность достоевщины, и не нужно нам комганцам знать, что не стоит-де изучать анатомию червяка, которого мы сейчас вдавили в землю каблуком. Нет, рамганцина и все ее разновидности вовсе не такое слабое существо. И даже если брать все, в ее нераскаянном, непримиримом виде, то и тогда изучить врага, знать его «душу» («чужая душа—потемки»), знать, как в нем растут соответственные ядры, готовые потом прорваться наружу, очень не мешает. Но мы знаем, что даже худшие формы рамганщины далеко не всегда отличаются нераскаянностью и что по отношению к ним может быть поставлен вопрос: при каких условиях можно извлечь из этой «достоевской меновины» некоторую пользу, парализовав ее зло. Да, даже по отношению к достоевщине рамганского пошиба нам нужна своеобразная техника: и во-время поймать, и во-время утратить, и привести во-время к чистосердечному «раскаянию», может быть, такому, при котором даже использование человека, человека-врага, не является утопией, — все это очень важная техника, человеко-техника, главная той большой науки, которая когда-то создастся и для которой я предлагал имя Антропатоники.

Но ведь люди прошлого не все принадлежат к этому типу. Мелкая буржуазия—это люди прошлого, но мы знаем, что из этой среды выходит иногда прекрасные союзники для нас. Ленин говорил, что мы не только боремся с мелкой буржуазией, но что мы боремся с ней также за нее. Нам нужно отбросить возможно большее количество мещанства, а еще больше среднего крестьянства от чужого влияния, и из людей прошлого сделать людей будущего, а это уж прямо-таки гигантская задача антропатического характера. Никто из современных писателей (несмотря на Федина, несмотря на Оренбургского) не заглянул еще достаточно глубоко в недра интеллигенции, не показал нам без упрощенной карикатуры гражданина Кислякова, приготовленного на манер Гоголя, не в литературном тигле Ромашова,—те мутные, запутанные процессы, при которых в одну сторону выделяется контрреволюция, а в другую—порою восторженная готовность отдаться коммунистической стройке. Я думаю, что даже сейчас еще для писателя, который захотел бы нырять туда, в этот иногда не совсем опрятный омут, чтобы исследовать его, Достоевский может служить лучшим руководителем, чем наши современники. Но как хорошо поймете, что об «увлечении» тут не может быть речи. Увлекаться Достоевским—это значит получить жерновом на шею, который заставит вас, нырнув в омут тьмы и остаться. Изучить же Достоевского и понять его—это значит уметь достать до самого дна омута и потом вынырнуть из него, оборотив свой опыт в опыт общественный.

III

Если это так по отношению к людям будущего, то как быть с людьми прошлого или колеблющимися? Увлекаться Достоевским для них есть признак безнадежной болезни—раздвоенности, терзаниями, мистикой, исповедью и т. д. Ну, а вот изучение и понимание?

Тут все зависит от меры процессов, происходящих в сознании тех из наших сограждан, которые еще барахтаются в болоте, не добрались до нашего твердого берега. Для них, у которых положительные процессы уже преобладают, для выкарабкивающихся—изучить и понять Достоевского важно и целительно. В его зеркале они увидят свою болезнь и ее чудовищность и удручающую слабость величайшего гения в его попытках внутри этой болезни найти исцеление или одни стороны болезни прославить за счет других. Все это оттолкнет их от старого порядка и заставит их сосредоточенней хвататься за спасательные круги, которые им бросают с берега. Но для тех, от кого выздоровление еще далеко, изучение и познавание Достоевского превратится в увлечение, может быть, скорбное, смешивающееся с проклятием, но все-таки в увлечение, которое только усугубит ни-во их сумасшедше-горделивую веру в то, будто их болезнь есть алкание, и-во их суетную надежду найти исцеление от этой болезни в мистицизме, натурализме, самохвалении, самообожествлении или самоуничтожении.

Вот как, коротко говоря, расценивает и ценность Достоевского для писателей нашего времени.

А. ЛУНАЧАРСКИЙ

ОБЗОР ПЕЧАТИ

ЗАВОДСКИЕ ГАЗЕТЫ: „АМОВЕЦ" И „МАРТЕНОВКА"

Заводская печать прочно завоевала себе место в жизни предприятий. Рабочий любит и ценит свою газету, как два десятка лет назад он любил листки подпольной ленинской «Правды». Рабочий поэт т. Сальников в газете «Мартеновка» так заключает свое стихотворение «Рабочая печать»:

А вот теперь, когда Октябрь
Прошелся яд страной,
Ты пишешь повсе не шутя
В «Мартеновке» родной.
Горда от мыслей голова,
Склонившись над листом,
Твои рабочие слова
Для многих точно гром.
Ты призван властью трудовой,
Тебя рабкором звать...
Ты новый, смелый часовой—
Рабочая печать...

Тиражи газет 2 крупнейших московских заводов—«Серп и молот» и «АМО» доходят до 10 тысяч. «Мартеновка» выходит ежедневно, «Амовец» — через день. Но оформлению и содержанию они часто превосходят наши провинциальные газеты.

Внимание газет естественно сосредоточено вокруг грандиозной, героической и вместе с тем кропотливо будничной темы—укрепления своего производства. Но они умеют выходить и далеко за пределы своего завода. Так, например, сейчас «Мартеновка» и «Амовец» печатают путевые очерки премированных ударников, ездивших за границу.

***

Если говорить в частности о литературно-художественном материале газеты «Амовец», то этот материал можно разделить на два периода: до призыва ударников в литературу и после него.

В первом периоде «Амовец» не имел литстраницы, материал помещался разбросанно, случайно и носил кампанейский характер.

После призыва картина резко меняется. Литматериал систематизируется и собирается в литстраничках. Газета с гордостью называет своих молодых писателей: Платошкина, Тарасевича, Салова и др. Литматериал всецело отражает жизнь завода, говорит о том, чем он в настоящий момент живет и дышит.

Коротенькие рассказы, стихи, очерки показывают, как идет соцсоревнование с заводом «Серп и молот» (отрывок из книги «Догоним» Тарасевича). Как сорезинуются отдельные бригады, какие трудности приходится преодолевать заводу в борьбе за промфинплан (Демин, Салов, Андрей и т. д., и т. д.).

«На бой
За пятилетку
Все как один в ударные
бригады!»

— призывает рабочий Демин в одном из своих стихов.

***

Литматериал газеты «Мартеновка» завода «Серп и молот» мало чем отличается от «Амовца», но он несколько иначе располагается. Отдельные стихи, очерки, частушки являются как бы иллюстрацией для тех или иных отделов газеты. Они указывают на прорывы по отдельным цехам, дают картинки из жизни ударников завода, призывают к выполнению промфинплана и пятилетки и четыре года. Интересно отметить такое начинание, как использование «Крокодила» на производственном материале своего завода, и не менее интересный расширк. Но количество стихотворений, очерков, рассказов, сравнительно с «Амовцем», небольшое. Во-первых, потому, что «Мартеновка» не располагает достаточным местом, во-вторых, она больше, нежели «Амовец», помещает отрывков из произведений известных писателей (отрывок из романа В. Иллеша «Тисса горит», стихи Жарова, Асеева, фельетон Кольцова и др.).

Произведения рабочих не всегда блещут отточенностью рифм, образов, но зато у них нет надуманности, взятого лоска и слащавой революционности. Слабым местом литматериала обоих газет является недостаточное отражение связи завода с деревней, подшефным колхозом.

Общим недостатком является и то, что литературная продукция газет не результат массового участия рабочих: в литстраницах участвуют немногие.

У «Амовца»—это Тарасевич, Платошкин, Салов, Демин; в «Мартеновке»—Свинарев, Голубков, Михалев, Тюльпаков.

Существенным недочетом нужно признать и отсутствие руководства читателями. Нет рекомендательных списков художественной литературы. Почти отсутствуют критические статьи о художественной литературе рабочих-критиков.

Весьма характерной, положительной чертой обоих газет, их боллистрического материала является подчиненность содержания задачам укрепления своего производства и текущим событиям. Нет пустых рифмосплетений о луне, весне, а где и дается весна, например, так она служит фоном, на котором вырастает завод.

«В огнях мартенов,
В машинном реве
Победный слышится
Напев.

(Солдатов).

Со столбцов заводских газет в литературу идет рабочий-ударник.

А. Е. и П. В.

В АКАДЕМИИ НАУК СССР

* На торжественном годичном собрании Академии наук СССР почетным членом Академии наук избран Н. К. Крупская.

* В действительные члены Академии наук избраны: автор многочисленных статей и очерков по истории русской литературы проф. Н. С. Державин и известный историк русской литературы, специалист по древнерусским надписям проф. А. С. Орлов.

* Членом-корреспондентом Академии наук избран проф. Н. К. Пиксанов, автор многих работ по литературоведению и истории литературы, долголетний сотрудник Госиздата по редактированию капитальных изданий классиков.

К ПЯТИДЕСЯТИЛЕТИЮ СО ДНЯ СМЕРТИ ДОСТОЕВСКОГО

ЗА КЛАССОВУЮ ПЕРЕОЦЕНКУ ТВОРЧЕСТВА ДОСТОЕВСКОГО

ДОСТОЕВСКИЙ И РЕВОЛЮЦИЯ

Когда в начале 70-х годов вышел в свет злобный памфлет Достоевского за революционное движение, за авторов «Бесов» прочно закрепилась репутация политического ренегата. Как мог Достоевский, автор первого опыта у нас социального романа (Белинский), писатель-гуманист и восторженный участник кружка Петрашевского, превратиться на исходе своего творческого пути в ожесточенного и яростного противника революции? Понять это возможно в том лишь случае, если мы обратимся к социальной идеологии класса, выдвинувшего Достоевского, и попытаемся установить на протяжении тридцатилетия направление и этапы ее политической трансформации.

Те группы мелкой буржуазии, которые представлялись в 40-х годах Достоевским, существенно разнились от радикально-социалистического ее крыла, руководимого Белинским, Добролюбовым и Чернышевским. Устами Достоевского говорили наиболее забитые и покорные слои дореформенного городского мещанства, сдавленные железной рукой военно-крепостнического строя николаевской монархии, бесправные и в то же время бессильные отречиться от пережитков патриархальной психики и вступить на широкую дорогу политического протеста. Сравнительно слабое развитие в эту эпоху промышленного капитализма не создавало еще такого буржуазного спроса на разночинский труд, как это сказалось после «реформ» 60-х годов. А между тем приложение труда было велико—капитализм оборачивался к этой патриархальной части дореформенного мещанства своими отрицательными сторонами, пауперизируя ее, вынуждая итти на службу в бюрократический аппарат бесчисленных департаментов и покорно подчиняться там жестокой эксплоатации. Как и множеству его собратьев по классу, Достоевскому не раз приходилось узреть глубину пропасти, отделяющей его идеалы от печальной действительности бесправного и материально-тяжелого существования. Примириться с действительностью достоевские не желали — слишком беспросветно тяжела была для них эта действительность, найти в себе силу для решительной борьбы за реализацию своих идеалов они не могли—неоткуда нашлось нужной политической закалки. Оставалось найти ее равнодействующей этих двух сил.

Ею и явился мещанский гуманизм его раннего творчества.

Произведения Достоевского, написанные им в 40-х годах, насыщены глубочайшей симпатией к низшим городским, к задавленным нуждою и бесправием своим мансард и подвалов, к обитателям столичного дна. Но при этом неизменно бросается в глаза упорное нежелание Достоевского касаться социальных предпосылок, обусловивших тягостное существование его «бедных людей». Социологическому анализу молодой Достоевский всегда предпочитал сентиментальный психологизм.

И когда разражается апрельская катастрофа 1849 года, когда Достоевского арестовывают, заключают в Петропавловскую крепость, судят и за прочтение на собрании у Петрашевского письма Белинского к Гоголю присуждают к смертной казни через расстреляние, «всемилостивейше» смягчая ее каторжными работами,—Достоевскому не приходится сознаваться в каких-либо революционных потрясениях. «Фурьеризм—система мирная; она очаровывает душу своей изящностью, обольщает сердце тою любовью к человечеству, которая воодушевляла Фурье, когда он составлял свою систему, и удивляет ум своею стройностью» (из его показаний на допросе). Революционность романиста не шла далее известных границ, которые могли показаться широкими только действительным деятелям Третьего отделения.

Мечты о перестройке вселенной, согласно рецептам Кабэ и Фурье, оказались пустыми и бесплодными. На каторге будущий автор «Мертвого дома» пришел к твердому убеждению, что «народ» (в подавляющем большинстве случаев—уголовные) «их», революционеров, не знает и не желает знать, что в их планах общественных реформ отведено или равнодушно, или прямо враждебно, как к легкомысленному буяну «барчуку». Единственное средство для интеллигента, оторвавшегося от народной почвы—спастись в возврате к ней, в безмыслием искоренении в себе идеи социалистических утопий. Всегда последовательный и строгий, Достоевский после каторги действительно был готов рабски служить тому самому режиму, который стал его не уничтожать,—ведь этот режим наказанием только исцелил его от неизлечимой социальной болезни.

Когда в 1860 году после девяти лет каторги и ссылки Достоевский возвращается наконец к литературной деятельности, Россия обитта политической борьбой. Крымский разгром сломал хребет помещичье-крепостнического государства. Буржуазия энергично атакует власть и добивается реформ суда, управления и т. п., которые открывают ей дорогу к широкому торгово-промышленному предпринимательству. Крестьяне «освобождаются» от крепостной зависимости и вместе с тем... от земли. Начинают волноваться западные окраины и в особенности Польша, которая два года спустя выливается в мощное национального восстания. Наконец, широкую популярность завоевывает революционно-социалистическая «разночинная интеллигенция» в «Искре», «Современнике», в «Русском слове», ведущая борьбу против старых и новых гегемонов за обманутый народ. Достоевский с увлечением бросается в этот политический водоворот. Критико-публицистические статьи его бьют в эту пору по дворянской эстетике (отнет «Русскому вестнику»), по барскому славянофильству, по мелкотравчатому либерализму буржуазной интеллигенции («Некстлавый вопрос») и всего резче направлены против нигилизма. Две группы мелкой буржуазии противостоят отныне друг другу, и в этой борьбе, развернувшейся в атмосфере острых политических антагонизмов, Достоевский силой вещей вынужден все более и более отходить «вправо», смыкаясь с реакционным дворянством, и публично отказываться от того, что было для него бесспорной истиной в 40-х годах. Ибо «чернышевщина» была окрашена на первых порах сильным воздействием утопического социализма, к которому Достоевский теперь относится со жгучей злобой отступника.

На всем протяжении 60-х годов развертывается этот поход реакционного мещанина против радикально-социалистической интеллигенции. В критических спорах с «Современником» и «Русским словом» Достоевский пытается перекрасить гражданскую эстетику разночинцев, якобы предпочитающих «яблоко натуральное яблоку нарисованному» и «отвергающих» на этом основании искусство («спорю во всяком случае лучше Пушкина»). В «Записках из подполья» он издевается над прекраснодушными теориями о «хрустальных дворцах» и волшебных птицах утопических фаланстер. В «Преступлении и наказании» огонь открыт по этим пигмеям, и бедный студент Родион Раскольников, задумавший убить «вошь»-ростовщицу, чтобы ослабить ее деньгами нищету мещанских трущоб капиталистического Петербурга, в результате мучительнейших разочарований должен притти с покаянием перед «народной правдой». В «Крокодиле» Достоевский высмеивает трагическую участь Чернышевского (по повести—обманутого своею женою и чванливого мужа) сосланного в Сибирь (по повести—«человека известных лет и известной наружности, проглоченного крокодилом», но не унывающего в его чреве: «Только теперь могу на досуге мечтать об улучшении судьбы всего человечества. Из крокодила выйдет теперь правда и свет. Несомненно, изобрету новую собственную теорию новых экономических отношений и буду гордиться ею... опровергнув все и буду новый Фурье»). Эта карикатура на великого революционера 60-х годов, к тому времени уже безвинно-го, вызвала общее возмущение читателей и критики. За осмеянием Чернышевского скоро последовали карикатуры на рядовых представителей демократической молодежи.

Но наиболее сгущенным выражением ненависти Достоевского к революции явился «Бесы» (1870—72). По своей антинигилистической тенденции это произведение неотделимо от множества реакционных романов той поры—от «Бабы-лягушечного жора» Писемского (1863), от «Некуды» (1864) и «На ножах» (1871) Лескова, от «Марева» Клюшникова (1864) и «Панургова стада» Крестовского (1869). В «Бесах» действуют те же традиционные маски антинигилистической литературы, разоблачавшиеся те же мотивы кровавой революционной «интриги». Но написанный рукою мастера, роман Достоевского возвышается над этой тенденциозной продукцией и по своему стилю, и по амплитуде своих обличительных тенденций. С самого начала задуманный как памфлет (То, что пишу—вещь тенденциозная, хочется высказаться погорячее. Вот заколят-то проклятые нигилисты и западники, что ретроград! Да черт с ними, я и до последнего слова выскажусь»), роман Достоевского бьет едва ли не по всем главным прослойкам тогдашнего русского общества. Образ либерала 40-х годов списан с Грановского, но как не похож Степан Трофимович на своего реального прототипа, как жестоко высмеян его прекраснодушный либерализм, как беспощадно обнажены барские корни его идеалов. Писатель Кармазинов списан с Тургенева, но с каким презрением клеймит памфлетист этого сибарита с его политическим дилетантизмом перед революционерами. В Ставрогине воссоздан внешний портрет Бакунина, но изменный темперамент вождя анархизма в «Бесах» обездушен и омертвел. Но всего яростнее обрушивается Достоевский на революционную молодежь. В Петре Верховенском, по признанию самого романиста, изображен Сергей Нечаев, но из беспочвенного фанатика революции и непримиримого врага всяких компромиссов, только мещанских со успеху. Нечаев сделан «мелким бесом», бездарным мастером бунта, направляемого сладострастными мечтами о будущей великой расправе хотя бы ценою «ста миллионов голов». Во имя этих «разбойничьих» идеалов сестра интригана и убийцы-ется «цыперкой» строгачий Шатов. (он также списан с реальной жертвы нечаевского дела, но вместо идейного убийства предателя изображена расправа с безвинной жертвой; характерно, что в этой части романа Достоевский полностью воспроизводит данные процесса нечаевцев, черпая их из стенографических отчетов «Правительственного вестника» и консервативной прессы).

Спой творческий и жизненный путь Достоевский кончает на крайне правом фланге тогдашнего общества. Из его записной книжки конца 70-х годов, где и блеет самая циничная апология самодержавия («Царь русский есть царь и повелитель всего мусульманского Востока. Пусть приучаются к этой мысли в Константинополе»). Им проповедуется примат православия над прочими христианскими учениями («русский народ весь в православии и в идее его... Православие есть церковь, а церковь—уже не здание и уже вовсе не канон»). Во внутренне-политических делах Достоевский юдофоб и полонофоб («немцы, поляки, жиды—корпорации и себе помогают. В одной Руси нет корпорации, она одна разделена»). Во внешне-политическом плане Достоевский—ярый защитник империалистической экспансии России на Восток («Народы бы возродились с пребыванием в России в Азии, и началась бы торговля, спрос и промышленность»...). Будущее социализма по Достоевскому безотрадно и жалко: «Нет у нас социализма, совсем нет. Есть только несколько атомов гнезда Петрова. Здоровая же часть России не двинется, а она бесчисленна». Удивительно ли после этих «афоризмов», что публицистические высказывания Достоевского сделались настольной книгой идеологов русского черносотенца, начиная от «Московского сборника» Победоносцева и кончая «Словарем к творениям Достоевского» Митрополита Антония?!

Глубочайшим образом неверен взгляд на Достоевского как на революционера и реакционера, в одно и то же время как на писателя, удобочайшей противоречивого отделенного от реакционеров 60-х годов, как на пророка современной нам революции (Переверзев—предисловие к кн. «Творчество Достоевского»). Арсеньку, Крестовского и Лескова с Достоевским об'единять (а не раз'единять) бешеная ненависть к революции, которая только получила у последнего гораздо более острое и художественное выражение. Глубоко ошибочна и теория о социальной двуликости мелкой буржуазии. На примере 60-х годов мы видели, какая пропасть разделяла радикальное разночинство от реакционного мещанства—это были две группы мелкой буржуазии, глубоко различные по составу и по тенденциям развития, и Достоевский все время был идеологом второй группы, ни на минуту не ставшись в ряды первой. И, наконец, не выдерживает никакой критики и политически ущербно переодевание Достоевского Переверзевым в тогу «пророка» пролетарской революции («Все сбылось по Достоевскому»...) Гениально изобразив в своем творчестве психологию мелкобуржуазного отступничества, разоблачив в своих произведениях историю ренегатства, Достоевский в его социальным идеалам, и не мелким их достижением остается клубочайшим образом враждебным тем, кто совершил Октябрь и кто в настоящее время строит фундамент социалистического общества.

Автор «Бесов» еще ждет своего исследователя и в плане детального анализа стиля (хотя пролетарской литературе наших дней в противоположность Андрееным, Арцыбашевым и Эренбургам нечему учиться у Достоевского, кроме общих приемов романической техники), и особенно в плане идеологическом. Исследование логики социального развития творчества виднейшего вождя реакционного демократизма должно стать одной из самых очередных и боевых задач современного литературоведения. «Достоевщина» не умерла, она еще живет и у нас, зачастую чрезвычайно затруднив политическое перевоспитание попутчиков, она еще пользуется колоссальной популярностью на Западе. Необходимо истребить этого врага во всеоружии фактов, отразить его напор отточенным оружием марксистско-ленинского метода. Растление обветшалого стиля должно уступить место частому и меткому огню не ярко реакционным тенденциям его творчества.

АЛЕКСАНДР ЦЕЙТЛИН

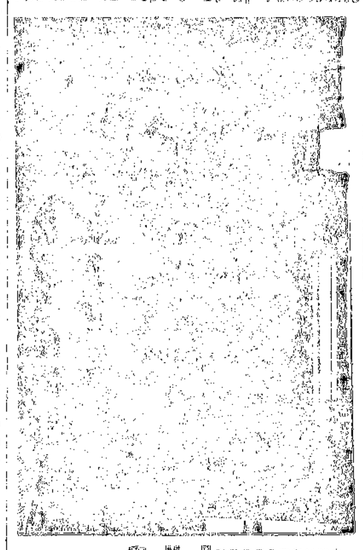
ПОДПОЛЬНЫЙ БОЙ ДОСТОЕВСКОГО ПРОТИВ ЧЕРНЫШЕВСКОГО

Публикуемые отзывы из записных книжек Достоевского имеют первостепенный историко-литературный и политический интерес. В этих неизвестных до сих пор страницах вскрываются новые, мало освещенные в биографии Достоевского черты — политические мимикрирования его. Прямота, страстность, злобность тона этих записей для себя, этих дневниковых набросков затаенных дум и желаний,—только резче подчеркивают их обнаженный классовый смысл. До таких вынужденных, ослепленных ненавистью наподобие их социализм, на революцию и на благоговевшего и почитаемого представителя революционного движения того времени Чернышевского — не договаривались даже открытые классовые враги Чернышевского—Катковы и пр. В эти годы, к которым относятся записи (1861—63), Достоевский еще не решается открыто выступить против любимого вождя молодого революционного поколения. Но здесь, наедине с собой, Достоевский дает волю своей мятущейся ненавистью изменника, „предателя" по сущности. Публикация отрывков еще раз в новом свете подчеркивает классово-враждебный нам смысл всяких попыток в „реабилитации" Достоевского. Эти отрывки из записных книжек прежде всего бьют жалкенианскую концепцию Переверзева пытавшегося „дегероизировать" творчество и публицистику Достоевского, изобразившего Достоевского „революционером своей реакционности" и „записные книжки" бьют по теориям последователей Переверзева, в частности Бескапова, метафизически развивающего мракобесствующего и мороцущенства.

НЕИЗДАННЫЕ МАТЕРИАЛЫ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

До сих пор не были опубликованы записные книжки Достоевского, относящиеся к 1861—63 годам. Но значение их для определения политического лица писателя исключительно. Реакционная идеология выступает тут необычайно ярко. ЗАПИСНЫЕ КНИЖКИ — ЭТО ПОДПОЛЬНАЯ РАБОТА ДОСТОЕВСКОГО ПРОТИВ ЧЕРНЫШЕВСКОГО, «последовательного и боевого демократа, от сочинений которого весит духом классовой борьбы» (Ленин). По журнальным статьям Достоевского, которые он печатал в редактируемом им «Времени» (1861), мы знали его отзывы об идеологе революционной демократии, стоящем во главе «Современника», как об «авторитетном» журналисте, опасном для «кудахтающих доктринеров» из либерального лагеря, где злобствовали против «самостоев», «нигилистов» Катков, редактор «Русского Вестника» и мн. др. Но классово враждебные статьи защитников дворянства и буржуазно-капиталистического строя МЕРКНУТ перед ЭТОЙ ЖГУЧЕЙ НЕНАВИСТЬЮ, ПЕРЕД ТЕМ ОБНАЖЕННО НЕПРИМИРИМЫМ ОТНОШЕНИЕМ К ЧЕРНЫШЕВСКОМУ, ЧТО НАСЫЩАЕТ ЭТИ ОСТАВШИЕСЯ БЕЗВЕСТНЫМИ СТРАНИЧКИ ДОСТОЕВСКОГО. Страх перед опасным журналистом, за которым стояли *многочисленные ряды читателей*, хотели, хотя давно уже ежились. Но вы нам были дороги, мы вам сочувствовали, и мы решились лучше молчать, хотя и уже и не знаю, как у нас иногда щемило в душе, читая ваше

Гравюра на дереве В. А. Фаворского



Ф. М. Достоевский

шутовство, но теперь, мы начали, и теперь мы очень желели бы высказать вам все, хотя не как прежде, чуть-чуть.

Я высказал все; вы жаловались, высмеивно разнуздались и развернулись. Чернышевский говорит, что он семинарист.

***

Чернышевскому. К чему это слишком выделение высокомерие и надменность в ваших статьях, чтобы предпочесть?

... и с малосовестной скоростью разрешать вопросы.

***

Чернышевскому. Г. Чернышевский, что-нибудь вычитает и ужасно обрадуется новому знанию—до того обрадуется, что ему тотчас же покажется, что другие еще ничего не знают из того, что он узнал. Он так и сыплет незнакомым и учит всех без-ба. Это, разумеется, простительно, если только от радости, простительно и хвастовство его. Все это из доброго источника. Падение Запад. Рима (той империи).

***

В ряде статей:

— Гоголь гений исполинский, но ведь он и туп, как гений. У господина Чернышевского все значат книжки и, прежде всего, книжки, он сам праздности. Об жизни он понятия не имеет.

***

— Вы похожи на петрового, которого, наконец, обтянули руками и который все еще продолжает махать своими руками и кричит.

— Во многих статьях своих вы походили на человека, у которого недостает аргументов в споре и который с досады начинает плеваться.

Вы удивились в путешествию; это новый прием. Великий скажет: что же, ведь тут, свистун, что взять с свистуна; пишет он зано забавно. Вы, действительно, пишете забавно.

***

— В полемику.

...Мы ведь этому, хоть бы нигилистическому или естественно-научному направлению даже рады. Оно приучает некоторую смелость мысли рутинно-чиновничьей забитости (хотя и очень-односторонюю). Но не беспокойтесь, все это, перейдя через некоторую смелость мысли, придет на почву их народным началам. Да и единственный ведь это путь. Нигилисты стали быть отсталя. Ничего, догонят.

***

Наши либеральные тупицы провозглашают Пушкина отсталым сравнительно с Рылеевым. Рылеев был только Карамзин в стихах—и только. А Пушкин был русский человек и отыскал Белкина.

***

У них великий аргумент, что наука общечеловечна, а не национальна. Вздор. Наука везде и всегда была и высшей степени национальна, можно сказать наука есть в высочайшей степени национальна.

2×2=4 не наука, а факт. Факты—не наука, а работа над фактами есть наука и т. д.

***

Куда вы торопитесь? (Чернышевский). Общество наше решительно ни к чему не готово. Вопросы стоят перед ним. Вопросы созрели, они готовы, но общество наше отнюдь не готово. Оно раз'единено.

NB. С иронической откровенностью говорить о вопросах и как они принимаются обществом (вопрос в женщине, все в голове, а не в теле).

***

Революционная партия тем лучше, что напрягает больше, чем реально стоит, вплоть крови горячо больше, чем стоит все полученные выгоды. (Впрочем кровь у них дешева). Всякое общество может получить (временно) только ту степень прогресса, до которой оно доразвилось и начало понимать.

К чему же хватать дальше, с неба-то звезды? Этим все можно погубить потому, что всех можно испугать. В сорок восьмом даже буржуа согласился требовать прав, но когда его напрягли было дальше, где он ничего понять не мог (и где и в самом деле было глупо), то он начал отбиваться и победил. В настоящее время в Европе нужно только возможно больше самоуправления и свободы прессы. Но там и этого не достигнуто. Общество подготовительно и не в состоянии нынесть свободы. Вся эта кровь, которою бредят революционеры, весь этот гвалт, и вся эта полезная работа ни к чему не приведут и на их же головы обрушатся.

***

— Теоретикам и нигилистам можно сказать: вы проповедуете социализм, но сами же по верите в опыт. Знайте же, что никогда вам не убедить никого в социализме путем голословного убеждения. Нужен опыт. А, следовательно, нужно хлопотать только об усилении и о прогрессе в теперешней жизни, которую вы презираете, а между тем этим учением вы будете приобретать все более и более опытов, через которые народы сами собой дойдут до социализма, если только правда, что он представляет лекарство всему обществу.

***

Социалисты хотят переродить человека, освободить его, придержать его без бога и без семейства. Они заключают, что, изменив несколько экономический быт его, цели достигнут. Но человек изменился не от внешних причин, а не иначе как от перемены нравственной. Раньше не остроят бога, как уверились математически, в семейства, прежде чем мать не захочет быть матерью, а человек не захочет обратить любовь в глубинную. Можно ли достигнуть этого внешним? И как сметь сказать нарочно прежде опыта что в этом спасение. И это, — высшее всех человечеством. Заносчивая дерзость.

ОТРЫВКИ ИЗ ЗАПИСНЫХ КНИЖЕК Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

***

Чернышевскому

— Вы хотите, чтоб вас не слушали, а слушались.

— Всеобщими гражданами мы не сделаемся. Стертые пятиалтынные. Да ведь как и скучно-то.

— Если кто с вами согласен, что Каюр был человек довольно порядочный, так это мы *.

***

— Положим, вам позволено подписаться, потому что вы заинтересуетесь против тех, которые вам говорят, что вы ничего не знаете, не нельзя же быть шутом.

***

— В основе мы с вами согласны; но вы построили на этой основе все вздор.

***

— Вы хоть и шут и пересажа, но вы честный и в основании верны. Мы не успели себя особенно заявить в политической экономии; но мы не помешаем статей пол. экон. хоть бы потому только, что и у вас уж их слишком много.

— У нас есть убеждения, и мы тоже вас не боимся.

***

Начало:

Вы начали первый. Мы начинать не

* В «Современнике» 1861, № 6, в статье «Граф Кавур» Чернышевский так отзывался об этом итальянском государственном деятеле, противнике революционной демократии Гарибальди: «Он принадлежал к партии рутины, к людям, совершенным обществу не выходить далеко ни вперед, ни назад!» По поводу его смерти написал большую статью Добролюбов («Современник», 1861, № 6 и 7).

ОТРЫВКИ ИЗ ЗАПИСНЫХ КНИЖЕК Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

***

Чернышевскому

— Вы хотите, чтоб вас не слушали, а слушались.

— Всеобщими гражданами мы не сделаемся. Стертые пятиалтынные. Да ведь как и скучно-то.

— Если кто с вами согласен, что Каюр был человек довольно порядочный, так это мы *.

***

— Положим, вам позволено подписаться, потому что вы заинтересуетесь против тех, которые вам говорят, что вы ничего не знаете, не нельзя же быть шутом.

***

— В основе мы с вами согласны; но вы построили на этой основе все вздор.

***

— Вы хоть и шут и пересажа, но вы честный и в основании верны. Мы не успели себя особенно заявить в политической экономии; но мы не помешаем статей пол. экон. хоть бы потому только, что и у вас уж их слишком много.

— У нас есть убеждения, и мы тоже вас не боимся.

***

Начало:

Вы начали первый. Мы начинать не

* В «Современнике» 1861, № 6, в статье «Граф Кавур» Чернышевский так отзывался об этом итальянском государственном деятеле, противнике революционной демократии Гарибальди: «Он принадлежал к партии рутины, к людям, совершенным обществу не выходить далеко ни вперед, ни назад!» По поводу его смерти написал большую статью Добролюбов («Современник», 1861, № 6 и 7).

ЛИЦА О ДОСТОЕВСКОМ

РАЗРОЗНЕННЫЕ МЫСЛИ

Если нам сейчас чем-либо и близок Достоевский, то, полагаю, не содержанием своего художественного творчества, а своим отношением к творчеству как к средству, не как к самоцели. Ведь отношение Достоевского к своей работе—это как будто самое блестящее опровержение принципов «искусства ради искусства». Публицистичность, благодаря которой творчество Достоевского должно писать обязательной и для романиста, «Те, что я пишу—вещь тенденциозная, хочется высказаться погорячее. (Вот смешно-то про меня защитники и материалисты, что я ретроградал!). Да черт с ними, а я до последнего слова выскажусь»,—пишет он в письме Майкову о романе «Бесы». «На вещь, которую я теперь пишу в «Русский Вестник», я сильно надеюсь, но не с художественной, а с тенденциозной стороны; хочется высказать несколько мыслей, хотя бы погибла при этом моя художественность, но меня увлекает накопившееся в уме и сердце; пусть выйдет хоть памфлет, но я выскажусь». (Письмо Страхову). Весьма характерно, что два таких в корне различных по мировоззрению своему писателя как Добролюбов и Страхов сходились в оценке публицистичности творчества Достоевского. «Достоевский смотрит совершенно на свои произведения как мы все, обыкновенные люди—не как на несокрушимый памятник для потомства, а просто как на журнальную работу...»—совершенно отмечает Добролюбов. «Для него главное было поделиться со читателя, заявить свою мысль, произвести впечатление в известную сторону... В этом смысле он был вполне журналист и отстаивал теорию чистого искусства», говорит Страхов.

Вопрос как будто ясен до последней степени ясности. Публицист в своих романах, мыслитель с прочно выработанным мировоззрением, человек с твердыми принципами и убеждениями—таковым предстает Достоевский. А чужд он нам потому, что мировоззрение его реакционно, и в корне враждебны нам его принципы и убеждения. И об этом спорить не приходится.

Но—ученый как будто вопрос: каково, в сущности говоря, мировоззрение Достоевского?

***

Не знаю, отмечен ли где-либо в критической литературе о Достоевском нижеследующий небезынтересный факт.

В «братьях Карамазовых», в процессе Мити состязаются адвокат и прокурор. И не найти того читателя, который не был бы убежден, прочтя их речи, что адвокат одержал *победу* в судебном поединке: настолько ярко, убедительной, проникнутой духовной диалектикой и *прост о талантливой речь защитника* Мити.

Но однако Митя был оправдан. «Мужички за себя постояли», и Достоевский-мыслитель свел концы с концами.

Но—нескромная мысль: почему романист Достоевский не участвовал в этом сведении концов с концами, которым так упорно занимался мыслитель Достоевский! И почему бы романисту не помочь мыслителю, не снизить чуть-чуть хотя бы речь защитника! Ведь тогда у читателя не возникла бы та некая неудовлетворенность разочарованность даже, которая появляется, когда читаешь он, что все же осужден был Митя... И скромный вывод напрашивается: не *ушелся ли Достоевский-романист*, отказался на залний план мыслителя, не ушелся ли он «диалектикой защиты» как самодовлеющим литературным приемом?

«Диалектика защиты» вообще занимает у него немалое место. Занимается почти все главные его персонажи, защищаются с изумительной силой, со сверкающим блеском, и по временам одерживают победу даже те из них, кто казалось бы явного права на нее не имеют. Даже Свидригайловы, Верховенские, Верховенские, не говоря уже о Раскольникове и Иване Карамазове. Против кого защищается, над кем одерживают победу? Над ним, над прокурором, над мыслителем Достоевским, над общей концепцией его мировоззрения. Коротко говоря: все «своевольные» (Переверзев) или «хищные» (А. Григорьев), в романах Достоевского, к которым мыслитель, пуглящийся Достоевский обращался с своим излюбленным доводом мировоззрения своего—«Смирись, гордый человек, потрудись, праздный человек», оценно и не смирялись. Правда, Достоевский сводил концы с концами, он наказывал их жестоко, выручали каждый раз «мужички», но очень неубедительно звучали всегда эти «мужички».

Может быть однако этот разлад между мыслителем-публицистом и художником и многозначительное торжество художника над публицистом—это и есть непреложный закон литературы

буржуазной эпохи? Не подтверждается однако этот закон на примерах художественное слова, которые хотели быть публицистами, людьми воинствующего мировоззрения. Байрону, Шиллеру, Диккенсу, Гюго, этим типичным публицистам от искусства, не приходилось сводить концы с концами и выводить на сцену «мужичков». Чайльд-Гарольд, Карл Моор, Сидней Картер, Гуинплан пусть в жизни и побеждены, но авторский замысел они полностью выполнили, произвели впечатление в известную сторону, не пропали зря «кровь сердца и сок деревьев», тут полная гармония между мировоззрением и творчеством, в этих случаях «бессознательное» и бесцельное творчество было на самом деле «безусловно невозможным». Да и у Тургенева Базаров, пусть он умер нелепой смертью, «отцом» все-же разгромил... Нет, разница между мировоззрением и художественным творчеством быть не должно, если... если у писателя есть мировоззрение, т. е. стройный комплекс идей о мире, если он знает, что он требует от мира и что мир требует от него.

А каково же, в существе говоря, мировоззрение Достоевского?

***

«Сей за богатую идею... прямо касается самого важного современного вопроса» (Письмо к Майкову от 12/II 1870). «Идея соблазнила меня, и полюбил я ее ужасно, но слажу ли...» (Письмо от 2/III 1871).

А вот говорит Достоевскому Страхов: «Обычно, по содержанию, обилию и разнообразию идей, вы у нас первый человек... но мне все кажется, что вы до сих пор не упражняете вашим талантом, не приспособляете его к наибольшему действию на публику». И Достоевский в ответе Страхову смиренно с этим соглашается. И может ли не согласиться? «Одним словом, бросаешь в воздух пучок—весь с головой, все разом, на карту, что будет—то будет!» «Но лучше пусть совсем провалюсь, чем уклонюсь от своего и не выскажусь». Правда, Достоевский сводил концы с концами, «но половину» (письма Майкову).

Взаимоотношение между творчеством и мировоззрением, или какой писатель, выпускающий из этих отношений и признаний, не напоминает ли оно взаимоотношение между слабым человеком и сильной, но мудрой судьбой, во власть которой он безраздельно отдается? Не чувствуется ли здесь... игрок?

Почти все герои Достоевского связаны с какой-то идеей. Но все они—исключения тут нет—связаны с ней лишь двумя способами: либо они ее владеют, либо она ими владеет, либо они ее оседелали, либо она их оседлала. Они их оседлали, и они как автономные личности с волей и разумом не существуют, она несется на них, куда знает лишь она, идея станции судьбой. (Раскольников, Верховенский, Кириллов, Митя, Мышкин). Они ее оседлали, и она, как автономная идея, имеющая собственное бытие не существует, она не знает, куда, и какой тупик они приведут ее, они стали ее судьбой (Свидригайлов, Версилов, Иван Карамазов, Смердяков, Ставрогин). Не напоминает ли и тот и другой случай взаимоотношение лаврского игрока и его судьбы?

Поразительное дело: во всей литературе нет более опытного провокатора к вопросам и темным душевного быта, нежели Достоевский. Но есть ведь в духовном быту широкая прямая дорога, завоеванная людьми с мировоззрением, гармонизирующим с личностью, у которых идеи неотделимы от человека-носителя ее, являются одновременно и содержанием собственной жизни, и оружием в борьбе за перестройку окружающего мира. Вот эта широкая, прямая, и в 60-х годах 19 века такая доминирующая дорога для Достоевского была заказана. Он—«гениальный психолог, великий сердцевед» сколько и не знал о ее существовании, сколько и не видел людей, которые, вступив на нее, строят сильную, целеустремленную в своей целеустремленности жизнь. Эту дорогу теоретически он знал, людей, вступивших на нее он видел, но не понимал ни пути, ни людей. Не понимал потому, что не было у него таланта и мировоззрения.

***

Не было таланта и мировоззрения, т. е. не было и мировоззрения. У действующих лиц его романов было «содержание, обилие и разнообразие идей», и некоторые из них, и не наиболее интересные и значительные пользовался сам Достоевский в своих личных высказываниях, брал их сколько нибудь как у Шатовых, Иванов Карамазовых и т. д. Но сам, вызученные из контекста романа, насильственно оторванные от тех, где их держали или они были держали, лишая в малое пользование так сказать Достоевского, теряли краску и блеск, безнадежно линяли они, становились стертой, разменной монетой. Когда Шатов «зашевелил себе хрясть» в трагических муках—ему нельзя не верить, тут художественная правда, но когда умирал Достоевский, что этим же самым делом был занят и он всю свою жизнь, то ему никак не поверишь, ибо не чувствуешь подлинной нужды его в этом, и видишь тут не жизненную правду его личности, а некое надуманное самочувствие. Так называемое мировоззрение Достоевского, т. е. обильные и разнообразные идеи героев романов его—в художественной концепции романов играли вспомогательную роль: они являлись частичным сюжетным приемом, литературной конструкцией, рычагом, сдвигающим фабулу,—не не более того. И в этом смысле нет качественной разницы между бесовщиной Ивана и, скажем, толщиной и неуклюжестью Пьера Безухого: и то и другое—некая сюжетная слабина. И наоборот—некалывания Андрея Волконского или Левина, например, сюжетно никак неуязвимые, композиционно излишние—это серьезно, это сам Толстой, это его мировоззрение. Но в том то и дело, что у Толстого было подлинное мировоззрение, за которое он страстно боролся, а у Достоевского была богатая постоянная идеей, из которой он заимствовал некоторые костюмы для личного пользования. Вот, например, мы знаем, что Толстой борется с идеей государства, и привыкли думать, что Достоевский борется с идеей атеизма. Но мог бы Толстой воскликнуть о своей борьбе. «В Европе такой силы атеизма за государство, как у меня, нет и не было». Не мог, конечно. А Достоевский заявил: «В Европе такой силы атеистических мнений нет и не было». Правда, тут же он оговаривается, что эта «сила» необходима была для того, Достоевского «Великих», ко нам явилей, и мы видим, что она нужна была только для того, чтоб сделать Ивана сюжетно значительней, композиционно сложней. И совершенно естественно, что было в русском духовном быту толстовство и толстовцы, но не было «достоевства» и «достоевцев».

***

И конечно не было писателя с могучим, не детским мировоззрением, которым хотел он завоевать человечество. Не было пророка, проповедника, мыслителя, публициста. Это—один из мифов русской литературы.

Был человек, одаренный небывалой громадным художественным талантом, бессознательным в том смысле, что он им никак не управлял, в была полоса—не единственная в истории литературы—помимо всех своих почтенной создать еще одно — самого себя...

«Человек всю жизнь не живет, а сочиняет себя, самосочинитель» (Курсив Достоевского). Это говорит Достоевский о Катерине Ивановне из «Карамазовых». Но не с меньшим правом можно это сказать и о нем самом.

МИХ. ЛЕВИДОВ

ОТ РЕДАКЦИИ

Достоевский не раз становился свежего рода «переходящим знаменем» для различных мелко-буржуазных и буржуазных группировок. Мы знаем, что одно время из Достоевского хотели сделать едва ли не защитника знаменитой формулы: «Православие, самодержавие и народность». Из Достоевского хотели, наконец, сделать «пророка русской революции» (концепция богоискателей Д. Мережковского, Л. Шестова, Бердяева и др.). И то и другое, конечно, не верно. Но сложный гений «переходящего мещанина» дает художественный и психологический материал грандиозной впечатляющей силы для (в первый момент самых противоположных) обобщений буржуазного ума.

Статья тов. М. Левидова является своеобразной попыткой «спасения» Достоевского для революции, своеобразной защитой его враждебной нам идеологии. М. Левидов как бы хочет сказать «Достоевский идеологически нейтрален, у него ни на что не было точки зрения. Весь Достоевский — его романы, дневник, даже переписка—только «материал идей». «Публицистичность» Достоевского—это миф.

Попытка «формализировать» Достоевского спасать идеологию в «художестве»—это есть попытка по сути дела буржуазной контрабанды. Естественно, что М. Левидов совершенно «увлекся» даже от намека на социологическое облачение творчества Достоевского. В этом смысле статья сама по себе является любопытным примером маскирующегося сопротивления мелко-буржуазного сознания перед наступающей революцией.

НА ПЕРВОЙ ВСЕРОССИЙСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ ПО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

ПРОТИВ АПОЛИТИЧНОЙ „БЕССМЫСЛИНКИ“, ПРОТИВ ПРИСПОСОБЛЕНЧЕСКОЙ КРАСНОЙ ХАЛТУРЫ!

ЗА ДЕЙСТВЕННУЮ КОММУНИСТИЧЕСКУЮ ДЕТСКУЮ КНИЖКУ

Деловая часть конференции началась с доклада Н. К. Крупской.

— Наши ребята растут быстро,—говорит Надежда Константиновна,—и нередко удивляешься той самостоятельности мысли, которая у них наблюдается, и тем вопросам, которые они задают, это требует особого подхода в вопросам о детской литературе.

— У ребят громадная потребность к самостоятельной учебе, и здесь им должна помочь книга. Наша же современная литература мало содержательна, независимо от того, какого она направления. Дается какая-то халтурка, отдельные эпизоды, но все это мало увязывается между собой.

— Отчасти это объясняется тем, что до сих пор не умеют найти новых форм. Многие из старых писателей не знают, как быть: если они будут говорить по-старому — Главлит не пропустит, а по-новому говорить — нет умения.

Нам надо учиться художественным приемам, изучать наших ребенка, думать над тем, какие приемы для него нужнее. Рисунки в наших детских книжках большей частью скверные. Но иных случаях это зависит от содержания. Чем более расплывчато содержание, тем более расплывчат и рисунок. У нас мало хороших книг, отвечающих задачам интернационального воспитания. Наши детские книжки часто не свободны от тенденций великодержавного шовинизма.

— Только громадная работа писателя над собой, над стилем, над умением отобрать самое ценное и нужное и дать этот материал по-коммунистически может осуществить тот сдвиг, который необходим в этой области,—заканчивает т. Крупская.

С большим докладом о детской книге в реконструктивный период выступил затем т. Н. Разин.

— Вступление нашей страны в период социализма ставит новые задачи перед всей системой коммунистического воспитания детей. Опыт пионердвижения является той платформой, от которой мы должны отталкиваться при разрешении всех проблем и приемов коммунистического воспитания детей.

Мы должны констатировать сдвиги, намечающиеся в тематике детской литературы, но все же основная книга нашей продукции—средняя книга, т.-е. книга с актуальной тематикой, но плохо сделанная в художественном отношении. С количественной точки зрения книжек о соцстроительстве много, но по качеству они неудовлетворительны. В них слишком много избитых фраз и приемов, фальшивой обрядности, сложных диаграмм. Наиболее сносным литературным среди этих книжек является книжка Ильина «О великом плане», но и она имеет много недостатков. Там есть вожди, но нет человека, есть новые фабрики и заводы, но нет новых социалистических отношений между людьми.

Очень плохо отражена в детской литературе проблема интернационального воспитания. Антирелигиозный фронт тоже слабо обслуживается. Есть книги антипоповские, но не антирелигиозные. Книги о пионердвижении, долженствующие разрешить проблему коллективизма, пишутся по трафарету. Пионеры в них являются чем-то вроде добрых фей. Новаторским пунктом является здесь книжка Грезнова «Искатели жемчуга». Автор сумел показать пионерский коллективизм в самом широком смысле этого слова. Школа тоже еще не удостоилась освещения в детской литературе.

— Главной опасностью в детской литературе является правая опасность, заключающаяся не только в чуковщине, но и в елкинщине, в попытках увести ребят от сегодняшнего дня, в пропаганде идей индивидуализма. Причины ошибок детской литературы заключаются в том, что над ней нет общественного контроля, что она не была во время взята на буксир, пролетарской общественностью. Реконструктивный период требует активно действенной книги, требует овладения методом диалектического материализма.

Тематика детской литературы должна определяться задачами коммунистического воспитания детей. Нужно развить в детях грамотность, чувство общественности, сделать их всесторонне развитыми людьми.

Переходя к больному вопросу детской литературы — недостатку кадров, т. Разин разделяет всех детских писателей на четыре группы:

К первой из них—лучше буржуазных писателей—он относит К. Чуковского, С. Федорченко. По отношению к ним, заявляет Разин, мы ни на какие идеологические уступки не пойдем и не пойдем.

Вторая группа писателей—С. Маршак, В. Бианки, Б. Житков—писатели-попутчики, которые идут к нам навстречу, идейно к нам приближаются. Их надо окончательно привлечь к нам.

Третья группа—это попутчики разного уровня и мастерства. Сюда входят Н. Смирнов, И. Ермолаев и др. Это писатели интеллигенты, которые стараются писать на наши темы, и наша задача—помочь им работать.

Положение дел с четвертой группой — пролетписателями — обстоит из рук вон плохо. Их очень мало. Значительная доля вины за это ложится на пролетарские писательские организации, которые очень мало внимания уделяют детской литературе.

Заключая, т. Разин призывает детских писателей, работающих в стране строящегося социализма, создать детские книги, достойные нашей страны, достойные наших ребят и нашего времени.

***

После обширных прений, развернувшихся по докладу т. Разина конференция заслушала доклады т. Розанова «Политехнизм и детская книга» и доклад т. Свердловой «Детская книга в учебнике в школе».

***

— Политехнизм—основа нашей современной советской школы,—говорит тов. Розанов.—Поэтому сейчас как никогда нужна нам политехническая книжка. На рынке сейчас наблюдается чисвычайное обилие технической книжки, но нет книги политехнической, такой, которая бы показывала техническое развитие, в связи с социальной экономикой.

Наиболее широко проникла в детские библиотеки, в школы, в пионеротряды — книжка-рецепт, дающая голые технические указания, — как сделать тот или иной предмет, модель, но не дающая или дающая в очень малой степени образовательный материал. Но все же мы имеем ряд книг, которые приближаются к книжке политехнической.

Здесь на первое место нужно поставить книжку Сахарнова-Стенделова об электрификации, которая к семилетию с 1925 года не переиздавалась. Несколько неплохих книжек было выпущено к IX с'езду комсомола, но все это — единицы. В основном на фронте политехнической книги—пробел, который, следует восполнить материалом, имеющимся в наших газетах и журналах, особенно—в заводских газетах. Необходимо обратить внимание и на оформление и на язык политехнической книжки, которые до сих пор стоят на невысоком уровне.

***

Тов. Свердлова говорит о том, что в прошлом от учебника не требовалось художественного оформления. Между книгой для чтения и учебником существовал большой разрыв. Эти старые пережитки до сих пор не искоренены. Новый педагог должен помочь строить новый учебник. Практически мы уже подошли к этому делу: изменены формы учебника, автором учебника является коллектив. Появился и совершенно новый вид пособий: журнал-учебник, который успешно применяется в практике педагогической работы.

Школа, построенная на политехнической основе, в корне изменяет вопрос о политехнической книге. Еще большие требования предъявляет к учебнику всеобуч. Нашего нового педагога мы должны вооружить хорошим инструментом. Нужно привлекать к работе над учебником писателей, которые до сих пор отмахивались от этой работы, как от чего-то докучливого. Учебник должен быть сейчас не только идеологически выдержанным, но и художественно сделанным.

— Ассоциация пролетписателей, — говорит в заключение тов. Свердлова,— должна организовать ударные бригады в помощь тем коллективам педагогических работников, которые непосредственно связаны с фабрикой и заводом. Необходимо повести и серьезную научно-исследовательскую работу над новым типом детской книги. Для этого тов. Свердлова предлагает создать специальный научно-исследовательский институт.

По докладам развернулись обширные прения.

Тов. А. Грудская (МАПП) останавливается на вопросах дифференциации детских писателей и превращения писателей-попутчиков в союзников пролетариата.

А. Грудская считает, что объединению детских писателей должно предшествовать их размежевание под углом зрения того или иного творческого метода. До тех пор детских писателей должны объединять те организации, которые созданы всем предыдущим развитием советской литературы.

— Кадры детских пролетписателей сейчас чрезвычайно малы. Большим подспорьем в работе по подготовке новых кадров и в работе наших издательств могло бы служить изучение интересов детей-читателей и тесная связь с пионер-организациями. На этот участок работы нам надо обратить серьезнейшее внимание.

К высказываниям т. Грудской присоединяется и А. Карпинская.

— В детской книге, — говорит она,— мы должны бороться за коммунистическое мировоззрение: книжка должна быть не схематичной, она должна быть интересной и полнокровной, должна показывать, как наши ребята преодолевают ту среду, в которой они выросли и живут.

— Содержанием нашей детской книги, — говорит заведующая Ленинградским отделом просвещения т. Энкгейн, — должны быть вопросы социалистического строительства и классовой борьбы. Эти вопросы нам во интересуют ребят. Тов. Энкгейн приводит пример из опыта своей работы в области Коми. На сотни километров кругом нет фабрик и заводов,—и все же любимейшей темой для ребят является тема индустриализации страны.

Характеризуя работу ОГИЗ в области издания детской литературы, тов. Арт. Халатов признает справедливость многих упреков, которые высказывались по адресу наших издательств.

— Конференция, имеющая большое общеполитическое значение, должна выработать ряд принципиальных установок, по которым пойдет дальнейшая работа над детской книгой. ОГИЗ и другие издательства приложат необходимые усилия для того, чтобы обеспечить необходимые темы и дело создания детской книги.

***

Много внимания конференция уделила вопросам национальной литературы.

Выступавшие представители Татарии, Урала, Сев. Кавказа, Алтая указывают на неудовлетворительное состояние детской национальной литературы, на недостаточное руководство со стороны РАПП.

— За недостатком кадров мы покрываем наши пробелы переводами с русского, — говорит представитель Чувашии тов. Агаков.

Лучше обстоит дело на Украине, в ЦЧО и Белоруссии, но и здесь отмечается недостаток внимания к вопросам детской литературы.

Надо решительно повернуть ОГИЗ и Центриздат лицом к национальной детской литературе, надо создать для нее материальную базу; только тогда будет возможно всестороннее развитие этой — одной из важнейших — отрасли нашего культурного строительства.

***

Итоги работам детской конференции подвел в заключительном слове тов. Цезарь.

Конференция приняла основные резолюции и решения, ставящие на новому ряд вопросов детской литературы.

— Детская литература сильно отстала от всех участков литературного фронта. До сих пор мы не умели сплотить все силы, работающие над созданием детской книги. Конференция положила этому начало, объединив писателей, редакторов, издательских работников, библиотекарей, педагогов, пионервожатых и поставив перед ними ряд конкретных задач.

Конференция впервые поставила вопрос о творческом методе. Показательно, что два противоположных одновременно с рапповскими производственными совещаниями, включались таким образом в общее пролетлитературное движение.

— Пионердвижение должно лечь в основу всей работы над детской книгой,—заканчивает тов. Цезарь. — Решающего успеха на этом фронте должен добиться и комсомол.

АФ. БОР.

НА ТЕАТРАЛЬНОМ СОВЕЩАНИИ РАПП

ПРОДОЛЖАТЬ БОРЬБУ ЗА СОВЕТСКИЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ТЕАТР

ДИАЛЕКТИЧЕСКИЙ МЕТОД ТЕАТРА

ВЫСТУПЛЕНИЕ А. В. ЛУНАЧАРСКОГО

В первый раз в такой систематической форме мы подходим вплотную к вопросу диалектического метода в театре.

Я хотел бы сделать несколько замечаний относительно некоторых положений доклада А. Афиногенова, которые мне показались неправильными. Афиногенов говорит, что каждая пьеса может быть дана на театре только в том стиле, в котором она написана. Если бы это было так, то высококачественная пьеса не могла бы мигрировать, переходить из класса в класс, не могла бы быть использована по другому. Но это неверно.

Авторы-творцы, которые стоят на гребне своего времени и дают классическое выражение эпохе того или другого класса, несомненно перекликаются с дальнейшим классом. Вот почему романтическая и реалистическая литература может быть нами использована как значительный материал в для построения нашего театра.

Но должны ли мы такие произведения брать в том стиле, в каком они были задуманы. Ведь происходит перерастание двух стилей. Мы знаем, что стиль определяется целевой установкой. Отношение театра к такой пьесе будет как к полуфабрикату, и произойдет известный конфликт между исполнительным стилем и тем, который дает режиссер. Мы будем брать иногда пьесы западно-европейского мелкобуржуазного писателя и переделывать их. Это вполне возможно.

Товарищу Афиногенову кажется, что театр сделает не то, что он, как автор, задумал. Он охраняет себя: «я сделал в этом стиле — извольте доделывать в том же стиле!». Такую точку зрения я считаю по совсем правильной. По словам докладчика, оказывается, что драматург остается целиком определяющим, а театр — определяемым. Бывают случаи, когда пролетарский драматург, более или менее зрелый и крепкий, должен по отношению к мелкобуржуазному театру отстаивать свои права, командовать, но мелкобуржуазный драматург должен позволить пролетарскому театру передвигать свое произведение. Если же мы имеем хороший пролетарский театр и хорошего пролетарского драматурга, то и тут сотрудничество должно итти в том смысле, что театр может переделывать.

Теперь о положениях Афиногенова, которые кажутся чрезвычайно важными и будут нуждаться в длительной проработке. Я имею в виду то, что говорил Афиногенов о психологии. Рождение нового человека—весьма мучительный и сложный процесс, который нужно снять нашей социальной педагогике, проводимую нами через партию, советы, выборы... Но как сможем мы это делать, если не будем иметь представления о том, как происходит этот процесс. Нельзя ссылаться на то, что чуждая душа — потомки или «мусорный ямы». То, что происходит в человеческом сознании, не всегда выражается во внешних жестах. Именно художник, дает поведенческие выводы, умело приучает нас к тому, чтобы понимать, что происходит в творческом сознании. Это такой огромной важности игра, которая должна сделать нас искусными и в настоящей борьбе.

По вопросу об актере—прокуроре, актере—адвокате, или актере, который входит в образ, проникается им и т. д., нужно сказать, что здесь у нас будут если не два стиля, то два стилевых метода, различных по существу. Если мы идем по линии гротесковых комедий, актер должен давать карикатуру. Мы были бы крайне ограниченными людьми, если бы заявили, что карикатура не нужна. Если актер, создавая героический образ, может удариться в пафос, то совершенно непонятно, почему пролетариат не может прибегнуть к гиперболе, карикатуре. Нам нужно играть не на правде, а на стилизации правды. Почему, разрушив обычные сочетания и явления ради наших целей, нельзя их изменять в известном направлении пролетариату — гигантскому субъекту, который не капризничает, а подчиняется гигантским силам и нем живущим, своему революционному инстинкту, пониманию правды, истины и своей морали. Гигантской силой является правдоподобие. Толстой—проповедник, обольститель, лукавый собеседник читателя—знает, что нет лучшего метода чем правдоподобие, когда действительность компануется так, что она ведет туда, куда хочет автор. Этой убедительностью мы не должны пренебрегать. Она наиболее близка к диалектическому методу.

Об общих наших исканиях диалектического метода в театре. — Сама жизнь развивается по законам диалектики. Мы — диалектики не подходим к жизни с каким-то вымыслом, мы искрываем действительную сущность человеческих взаимоотношений. Драматург, который умело изображает жизнь, должен быть диалектиком, иначе он окостенеет.

Снимок фото-кооператива ФОСП.

ПРЕЗИДИУМ И ДОКЛАДЧИКИ ТЕА-СОВЕЩАНИЯ РАПП

ПРОЛЕТАРСКАЯ ДРАМАТУРГИЯ И ТЕАТР

РЕЧЬ В. КИРШОНА

Останавливаясь на вопросе о месте драматурга в театре и возражая против теории так называемых «пьес-каркасов», В. Киршон заявляет:

— Мы за злободневный жанр. Мы за работу агитбригады, за то, чтобы наши литературные кружки работали на заводах, строили пьесы, волнующие зрителей заводов. Мы за то, чтобы коллективизировать пьесу.

Но мы беспощадно будем бороться со всеми людьми и идеологами, которые предлагают нашей драматургии заменить «каркасами» пьесу, — дать форму, в которую можно было бы вставлять, что угодно. Здесь лишая попытка заменить искусство драматургии публицистикой. У нас есть фанатеры, которые думают, что все наше искусство нужно свести к непосредственным злободневным утилитарным задачам. Мы стоим на такие произведения, которые ежедневно, ежечасно помогают пролетариату и его борьбе за строительство социализма.

Но нужно строить произведения на злободневной тематике, на тематике современности, чтобы оно было нужно не только сегодня, чтобы оно не было набыто завтра. Противопоставление современной тематики общей здесь есть вульгаризация явления.

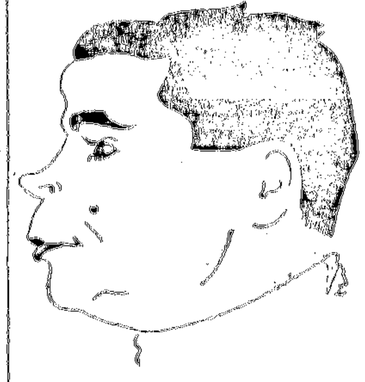
Касаясь психологии, В. Киршон указывает, что есть опасность показать психологию человека отстранно от классовой борьбы. Есть опасность скатиться к полнейшему идеалистическому психологизму. Мы же говорим, что психологизм должен быть действенным и выявляться в классовой практике. К такому психологизму, к такому показу общественных отношений через раскрытие психики человека мы и ловем.

Вопрос о взаимоотношениях драматургии и театра оратор ставит в плоскость взаимоотношений драматурга и режиссера. Идя по этому пути, надо прежде всего решить, является ли драма законченным произведением. Драма—безусловно законченное художественное произведение, имеющее собственную специфику. Те, кто хотят на основании этого утверждения сделать вывод, что роль режиссера сводится только к показу драмы, делают большую ошибку. Режиссер такой же художник, как и драматург, который дает законченным произведением любое качество в спектакле.

Чем совершеннее образ сделан у автора, тем легче играть актеру. Поэтому мы отстаиваем положение: чем со ершеннее пьеса, тем больше материала для подлинного творчества режиссера и актера.

Отсюда вытекает и важнейший вопрос о том, как нужно работать драматургу. Качество работы—самое главное. Нечего бояться вульгаризаторов, которые толкают к созданию «каркасов», к поспешности.

Шаю Э. Бордиловичи



В. КИРШОН

На кардинальный вопрос, может ли актер старого театра без всякой перестройки играть в белогвардейца, в чуждого пролетариату человека, и коммуниста, тов. Киршон отвечает отрицательно. Спектакля, которые мы имели до сих пор, не должны нас ни в какой мере успокаивать. Старые актеры нуждаются в коренной перестройке.

О биомеханической системе Мейерхольда тов. Киршон утверждает, что эта система отнюдь не жалет и для Мейерхольда только подсобной, а вообще—основой работы театра. Неправильна и система Таирова.

В отношении трамов вопрос ставится так: «либо трам просто агитрам, т.-е. публицистическая организация бригад, либо организация, строящая подлинный театр на основах профессиональная». В последнем случае он должен работать методами искусства.

Чтобы внутри рапповского движения сосредоточить основное внимание на преодоления формально-механистических теорий, выражающих реакционную правую сущность. 3. Дискуссия показала правильность рапповской линии и в отношении борьбы за марксистско-ленинское мировоззрение и мироощущение художника и в стремлении давать не рецепты, а диалектическое понимание действительности с тем, чтобы действительность изменять. РАПП должна возглавить по-этому творческое формирование трамовского самодеятельного движения. Для этого необходима борьба с приспособленцами и механистами, тенле усевшимися в нашем движении. 4. Продолжать борьбу за отбор всего лучшего, что есть в системах предшествовавших. 5. Взять курс на дальнейшую углубленную разработку диалектического метода в театре. Отсюда последует преодоление разрыва между теоретической мыслью и практической театральной работой.

РАЗРЫВ БУДЕТ ПРЕОДОЛЕН

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО А. АФИНОГЕНОВА

Громадный материал развернувшейся дискуссии дает основание А. Афиногенову упрекнуть оппонентов в трезвучанной культуризации самой сути театрального, в результате чего дискуссия сошла с правильного пути. Многие далеко неверные, плохие и просто вредные формулировки.

Вульгаризация работы прежде всего проявилась в том, что выступавшие неправильно поняли ведущую роль драматургии. Она понимается нами лишь как ведущая роль мировоззрения. Второе возражение сказалось в том, что многие из выступавших требовали от представителей рапповского направления дать им вместо творческого метода конкретный рецепт, как играть диалектически, в то время как борьба за основу творческих методов вовсе не означает раздачу рецептов. Далее: понятие органичности спектакля было подменено вопросом о передаче и трактовке пьесы. Реконструкция театра понималась как реконструкция театральной техники. Вульгаризация шла по линии понимания проблемы образа, как и в понимании проблемы самодеятельного театра. Когда мы поднимаем вопрос о творческом методе профессионального театра, это совершенно не значит, что для профессионального театра должен быть один творческий метод, а для самодеятельного—другой, похуже и подешевле. Самодеятельный театр—часть общепролетарского театра.

Подробно проанализировав ошибки группы «Пролетарский театр», трамовцев, системы Мейерхольда и др., А. Афиногенов разрушает версию Таирова о том, что так называемая «генеральт-теория», на которую опирается в своем методе Камерный театр, поддерживается марксистами.

Оратор приходит к следующим выводам: 1. Несомненно, наличие дифференциации художественных сил, которое идет по линии определения своего творческого метода в период реконструкции. 2. Необходимо продолжать борьбу и разоблачение идеалистической и мелкобуржуазной сущности ряда систем, чтобы внутри рапповского движения сосредоточить основное внимание на преодоления формально-механистических теорий, выражающих реакционную правую сущность. 3. Дискуссия показала правильность рапповской линии и в отношении борьбы за марксистско-ленинское мировоззрение и мироощущение художника и в стремлении давать не рецепты, а диалектическое понимание действительности с тем, чтобы действительность изменять. РАПП должна возглавить по-этому творческое формирование трамовского самодеятельного движения. Для этого необходима борьба с приспособленцами и механистами, тенле усевшимися в нашем движении. 4. Продолжать борьбу за отбор всего лучшего, что есть в системах предшествовавших. 5. Взять курс на дальнейшую углубленную разработку диалектического метода в театре. Отсюда последует преодоление разрыва между теоретической мыслью и практической театральной работой.

КУДА ВПАДАЕТ ВОЛГА?

Роман Б. Пильняка «Волга впадает в Каспийское море» наделен всеми атрибутами буржуазного романа. Пильняк так раздельбается со своими десятью главными героями, что в живых остается только четверо. Остальные шесть умирают на протяжении одних суток. Это срок, в который и уложен весь роман.

Иногда история французской буржуазии Тьер уверяя свой класс, что «от социализма может спасти только катехизис». Но то, что понимал Тьер, не может или не хочет понять Пильняк, давший одного из своих героев — умного Полетику — как пристанствующего социалиста, как некое благородное примирение катехизиса с социализмом. Сменой большевик, зачитывающийся четьими-минеями, но Пильняк не боится смешного, и его Полетика восхищается чистотами Домостроя. Не плох «старый большевик» в своем прежнем быту. «Все лелеялось в семье: спорился труд мужа, строилась его слава, росли хорошие дети». Какая трогательная мещанская идиллия! Полетика носится с «великими» планами изменения географии земли, поворачивания вспять рек, чтобы спасти Европу от засухи, надвигающейся с Востока, несущей убийственный климат сухоносов и песков.

В одной немецкой басне царь смеется над пчелой, принужденной собирать мед с разных цветов, в то время как он, царь, ткет свою ткань из оригинальных ниток, вынуждаемых им из самого себя. В образе Полетики, под прикрытием большевистского звания, дан реакционный обыватель, сделанный Пильняком из материала, вынутого из самого себя.

Сапыков, лаконично сообщивший профессору новость, послужившую завязкой романа, тоже коммунист. Но коммунист совсем другого толка. Это—инженер от станка», «правящий волею Московского Кремля». Это — «человек крайних движений и прямых действий», который в «ходит геометрическими фигурами». Угловатость и прямолинейность, враждебная жестокость—свойственны Сапыкову. Он не только расстреливал людей на фронте, родителей своей будущей жены Марии и многих других, он продолжает заниматься уничтожением людей и сейчас, своей грубостью, резкостью и отсутствием всякой чуткости.

Узнав, что его жена любит другого, этот машиноподобный большевик спокойно замечает: «Старая мораль умерла», прошло время, когда «люди дрались из-за женщины и страдали от ревности». И по всему своему поведению, Сапыков для окружающих «настоящий коммунист, честно реализующий». Но Пильняк ведь понимает, что это только «большая жестокость первобытно средневекового рыцарства».

И поэтому Сапыкову противопоставляется истинное чувство и рыцарство Ласло. Ласло тоже инженер, тоже коммунист, но интеллигент, привезший в инвентарем длинной дорогой классической гимназии и клик. Его «чувство к жене—это «тлетное любви, куцее, который нельзя рассекать». Отношения их даны в форме героической баллады. Ночью, когда она приходит к нему, они говорят о Гете, Мариэе. Но «тлетное любви» к жене не мешает Ласло закулисно общаться с Марией, женой Сапыкова. Это, однако, не портит рыцарского портрета удивительного коммуниста. «Однолюбость не есть закон биологии,—говорит Пильняк в оправдание Ласло. По по темноте своей, чертовый Сапыков законов биологии не знает, и он ставит Ласло перед необходимостью переехать с Марией на новую квартиру. Новая жизнь не удается. Она не находит общего языка с Марией, и тоска по старой семье заполняет Ласло. Но рыцарь-коммунист героически несет свой крест... и, по мнению Пильняка, это—великий крест для коммуниста. Мария же чувствует себя никому ненужной. Она любит Ласло, но он с ней кончит, а ей остается один выход—повеситься.

Самоубийство Марии служит сигналом забастовки «баб» на всем строительстве. Живется им адски тяжело. Мужчины их пилят, «рут мясо с костей», насилуют, потом бросают с детьми. Каждая женская доля — вдоль слез. Солидарность пола подменяется классовая солидарность, и это-то особенно интересует Пильняка.

И тут снова следует таинственная картина трагических встреч. Ласло, истрепанный происшествием, уходит к Монзанту, чтобы застрелиться. Туда же является инженер Полторак, приехавший из Москвы, чтобы взорвать строительство. Но тут, после длительных рассуждений, Полторак приходит к печальному заключению, что он, Полторак, собственно, порядочный человек и что ему следует скорее убить себя, чем заниматься подрывом строительства...

За определением такой «идеологической базы» под свое смеять их ведет третья жертва большевика—старик Скуратов. Он тоже участвует в заговоре, сам заложил динамит в пригоговленное отверстие, но в последнюю минуту, узнав, что дочь его беременна, убил ее и отправился умирать к тому же Монзанту, где собрались уже герои-смертники—Ласло и Полторак. Почему Скуратов убивает дочь, почему он сам осуждает себя на смерть — необъяснимо. Вообще поступки своих героев Пильняку не надо обосновывать. Все это лишь фон, который он использует для своих мистических, призван служить вспомогательным средством для удержания в памяти читателей ряжих псевдо-научных рассуждений и клеветнических измышлений на диктатуру пролетариата.

В уста старика Скуратова, Пильняк вкладывает оригинальную «теорию пролетариата», которая при ближайшем рассмотрении, оказывается не чем иным, как «теорией инженерии». Какой удивительный рабочий этот Скуратов! Вот послушайте, например, его «пролетарские» речи: «Вся революция из-за чего, ошибки истории, кто, ошибочки-с на наших горбах. Маркс написал свою теорию при мышечном труде, решив, что мышечный труд останется навсегда. Оказывается же, что мышечный труд заменяется машинами, скоро около машины останутся очки инженеры»... Так-таки один инженеры и останутся?

Этот самый «пролетарий» Скуратов лишь открыто высказывает то, о чем Пильняк говорит мимоходом. Для него строительство—гранитно-бетонная громада, на которую больше всего было выжито «инженерных мозгов»... А инженеры-гидростатики, например,—это какие-то волхвы, а не инженеры. «Они знают силу воды и они знают, что с этими силами можно бороться, никак не нарушая, никак не противореча им, не координируя их». Почему, спрашивается, такая ласка вокруг инженерии?

«Правительство инженеров», — говорит капитан Рамзин, — «господство инженерии» — заувалированно говорит представитель буржуазии. Но представить пролетарскую часть коммунистической партии сидоть вороми или разбойниками, убивающими явно и тайно, Пильняку невыгодно. Не поверят. Он находит и здесь выход. Есть и идейные, честные. Но они не выдержали, сошли с ума, бродяжные и одержимые, их «власти продержаще заставляют жить в подземели, использовывая сумасшедший фанатизм, заставляя работать на себя, так как, мол, русский человек верит юродивым, принимая их слова за пророчество».

По традиции старых романов юродивые титулуются в зависимости от их чудачества: Ологов. Пожаров, Огнев, Подлогов — имена долженствующие изображать уничтожение.

Охломоны—словечко-то какое придумано особенное!—бывшие красноармейцы, рабочие, есть среди них и крестьяне.

Руководитель охломонов—Ожогов. Он «чудесный советской Руси, спровецированный ради, мирская коломенская совесть, молец за коммунизм»: «Он говорил каменные речи о коммунизме, сумасшедшие слова, и на базарах мякие плакали от его речей».

В своем подземелье охломоны «установили строжайший коммунизм». Затем эти сумасшедшие пошли работать на строительство, утверждая, что «идея строительства их идея».

Но интересны пункты их помешательства.

«Огнев имел своим «пунктом» переписку с Марсом, куда человечество с земли должно кинуть ракету»... т.-е. попросту говоря, помешался человек на международной человеческой солидарности.

«Пожаров предлагал выловить всю зараспую рыбу Оки и Волги, и расплачиваясь этой рыбой, строить по проселкам для мужиков железные мосты». Т.-е. этот «сумасшедший» предлагал улучшить быт деревни, связав ее с городом. Для Пильняка, конечно, это такое же живое сумасшествие, как и вообще вся «идея» строительства, помешся охломонами.

Эти одержимые, бесноватые фанатики вновь пытались проводить свои «идеи»—хотят сделать Пильняк. (Какой реализм! Слова Пильняка точь в точь повторяет Пунякаре и ясно, кто из них эхо?)—«Они снова взялись за свою фанатику,—пугает немыслящее мещанство, сам перетрусивший перед лицом победоносной революции т. Пильняк, рассматривающий период военного коммунизма, период восстановительный, период реконструктивный оторванно, каждый отдельно, а не как части единого целого-стратегии и тактики коммунистической партии, проводящей в жизнь величайшую науку классовой борьбы—марксизм-ленинизм.

Политическое лицо Пильняка становится еще ясней, если собрать из всей книги умело вкрапленную в крайне вычурную экспозицию романа, описание обстановки, в которой происходит действие.

«Москва, как и весь СССР, пила сталью мышцами военного похода в социализм. Россия шла серая и стальная в командах лозунгов и плакатов, в корпусах профсоюзов, пехоте государственных учреждений, в артиллерии и танках коммунистической партии». Люди падали от усталости, поднимались и снова шли. Оказывается, что только «артиллерия и танки коммунистической партии «гонят в историю» стопятидесятимиллионное население! Ну, разве не душу раздирающая картина?

Эта теория эскортирования людей в историю, как некий бессловесный скот, может своей «научностью» соперничать только с «теорией пролетариата» Скуратова-Пильняка. Победоносно шествие миллионов, героическая передышка мира, изменение страны пищей, страны голод, в страну высочайшей техники, страну людей свободного труда, «движение самих масс»—разве может понять нечто подобное «немыслящее механистер»?

По мнению, всем руководит Кремль. «Под Кремлем лежала Москва, нечеловечески напряженная до сухорог... Москва жила в этот год бытом военного лагеря, в героических приказах, в крепостном продовольствии очередей». «По Тверской на цепи зели медведи. Он уширался. Страстная площадь взывала плакатами. Пушкин безмолствовал»... Дальше Тверского бульвара Пильняк Москвы не видит. И какая в самом деле значительная историческая картина: «По Тверской вели медведя».

Культурные силы уничтожаются, — вещает Пильняк.— нужно остановить военный поход миллионов хищных и сознательно вооруженных и беспощадных! И это должна сделать та Европа, о спасении которой беспокоится в свое время «старый большевик» Полетика. Поистине, услуга за услугу!

«Инженеры-гидравлики знают законы воды, которую надо координировать так, чтобы река изменила свое направление».

Как «инженеры-гидравлики» желали все, чтобы изменить течение революции, весь мир услышал на их «объективных» уст. А Пильняк продолжает их дело.

«Волга впадает в Каспийское море»— пасенарь буржуазии на героический пролетариат Страны советов, активней в период социализма, волею и энтузиазмом миллионов опрокидывающей границы нищеты—строящей и творящей первую свою пятилетку.

Слуги умирающего класса не могут подняться до высоты настоящего творчества. Даже в своей злобе их ослабевшие беззуб. лжи и бездарен. Их удел—лакейское «служение» двором по указке своего господина.

Попытки последних дней показали тьмами слугами была небольшая группа верхушечной части буржуазной интеллигенции, написавшая себе приют в наших учреждениях, пытающаяся вредительству социализма в Стране советов.

Вскрытие вредительства многому научило колебающихся, до сих пор политически не оформившихся, слои интеллигенции. Начался процесс перерождения крайне попускающих буржуазных вечностей. Есть признаки, указывающие на перелом настроения предателей-одиночек, к которым принадлежит и Пильняк. Анализируя его писанину на диктатуру пролетариата, искажая классифицируя сущность его последнего «художественного» произведения, мы все же будем всячески помогать показать в каждой его попытке несостоятельность своей крайне легковесный идеологический багаж и с радостью встретим каждый шаг Пильняка и стопроцентного признания советской общественности. Такие шаги для художника реальны только путем сжигания тех, отвлекающих великому времени, художественных подлогов. Ему он жить.

РАИСА АЗАРХ

Оппортунисты и профбюрократы
мешают ударнику итти в литературу
Практика Урала внушает тревогу

Ряд местных АПП и литорганизаций подошел к призыву поверхностно, недооценив его большого общественно-политического значения. Со стороны отдельных руководителей наблюдается проявление своеобразного личничества по отношению к призыву рабочих-ударников в литературу.

Профсоюзная и партийная общественность на местах зачастую остается в стороне от литпризыва. Местная печать ничего не делает для мобилизации пролетарской общественности вокруг вопросов призыва.

В этом отношении особенно характерна практика литпризыва на Урале.

В Свердловске, «под боком» у секретариата уральской АПП, призыв ударников проходит очень слабо. Посланные на предприятия писательские бригады все еще раскачиваются и никак не могут приступить к практической работе по призыву. Не развернут литпризыв в крупнейших рабочих центрах —Миассе, Карабаше, Лысьве, гигантах-заводах Надеждинске и Березниках.

Существовавшая в Тагиле литгруппа Уральской АПП распалась, так как ее руководитель т. **Бондин**, уехал лечиться в Ленинград. Не менее «активно» ведут себя и другие члены УралАПП, прикрепленные к писательским бригадам, работающим на «Уралмашстрое», и «Монетке»: тт. Цам (руководитель бригады) и Тиняпин даже не являются на предприятия для проведения литпризыва. «Пролетарский» писатель т. Шмаков, «работающий» в литбригаде на Верх-Исетском заводе, был прикреплен к динамному цеху для проведения призыва литударников. После первого посещения цеха т. Шмаков заявил:

— Я крестьянский писатель, завода и цеха не видел. Замез я в цех, а там все гремит. Не пойду больше!.. Вдруг мне на голову что-нибудь свалится?

Больше в динамный цех «пролетарский» писатель т. Шмаков не заглядывал. Да, пожалуй, лучше его туда и не пускать.

По мнению некоторых членов УралАПП, литпризыв вообще затея праздная. Стоит ли его проводить?

Вот что пишет товарищ **Буров** (Пермь), обращаясь к УралАПП:

«Старики-рабочие в литкружки не пойдут, а молодые не учатся»...

Оказывается призывать в пролетлитературу некого?!

*

Профсоюзная, партийная и комсомольская общественность Урала не только не содействует, но исподволь тормозит проведение литпризыва. Рабочая бригада, обследовавшая все обкомы профсоюзов Урала, обнаружила, что для проведения литпризыва они не ударили пальцем о палец.

Писательская бригада, приехавшая по договоренности с завкомом Верх-Исетского завода для проведения доклада о призыве ударников и литературного выступления, членом бюро партколлектива т. **Скудельским** не была допущена к рабочим. Обругав бригаду, он запретил ей выступать.

Бюро комсомольской ячейки этого же завода вынесло следующее постановление о молодом начинающем писателе-комсомольце т. Докучаеве:

«Если тов. Докучаев будет ходить к писателям—исключить его из комсомола».

Ни больше, ни меньше!

*

Подобные явления говорят и об отсутствии авторитета у писательских организаций (в частности—УралАПП), об отсутствии серьезной литературно-политической работы.

Даже наркультпромом Уральского обкома ВКП(б) т. **Гольцшев**—рассказывает руководитель уральской АПП—продержал у себя полтора месяца проект обращения УралАПП и обкома ВКП(б) о призыве ударников в литературу, и в конце концов, почему-то отказался его подписать.

Областная печать Урала («Уральский рабочий», «Колхозный путь») не считает нужным освещать вопросы и задачи литпризыва, месяцами держит под сукном произведения рабочих-ударников. Сплошь и рядом эти произведения попросту теряются в редакционных архивах.

Подобное отношение к призыву ударников даже со стороны органов печати, которая в первую очередь обязана оказать ему всемерную поддержку, вызывает самые серьезные опасения на успешное проведение призыва на местах.

А. КРУПНОВ

Успокоение на процентах

Болезнью первого этапа призыва была погоня за цифрами, за наибольшим числом ударников-кружковцев, часто сводившая большую политическую работу по призыву — к поверхностной кампанейской вербовке. Болезнью данного этапа призыва надо признать «успокоение на процентах».

Например, ЗапАПП, в свое время усвоившая контрольные цифры призыва, увеличившая процент пролетарского ядра ассоциации до 80, сейчас, прикрываясь этим высоким процентом, бездействует, не проводит никакой работы с призванными рабочими-ударниками.

*

На недавнем заседании секретариата РАПП т. В. Ильенков, анализируя цифры призыва, показал, что почтенные данные отчетов ЗапАПП, в которой числилось 400 призывников, попросту состоят из пустых цифр.

На большое число не всегда знаменует большую работу. Уже на первой обследованной фабрике — Хлудовской мануфактуре, текстильном гиганте с 6.000 рабочими — в литкружке, вместо 50 рабочих-кружковцев оказалось... 8.

Конечно, здесь дело не в подлоге: вероятно все 50 ударников были действительно завербованы в кружок, но ЗапАПП не сумела закрепить их на литературной работе.

Вопросы «второго дня», будничного дня учебы и практической работы, которые обычно наступает готовое же после торжественных заседаний и вечеров, эти вопросы остаются сейчас наиболее острыми.

На заседании секретариата РАПП докладчик пробовал подсчитать выполненные пособия для литружковцев-ударников: счет получился печальный. Мы имеем совершенно неудовлетворительную программу кружков, падающую кружковым сектором РАПП; затем следуют брошюры А. Селивановского и А. Суркова, и, наконец, брошюра М. Юрина, которую В. Ильенков охарактеризовал как неглубокую книжку, дающую ряд неверных установок.

Если программа кружкового сектора РАПП начинается с литературоведческих концепций Переверзева, то местные руководители литкружков, в порядке собственной инициативы занимаясь с начинающими литружковцами, «отталкиваются от... Аристотеля!» (с таким фактом пришлось мне столкнуться на Украине Б. Р.).

Подготовкой новых кадров руководителей литкружков в какой-то мере занялись только МАПП и ЛАПП. В других ассоциациях мы имеем в этой области пустое место. И... пустующие кружки.

В организационных недочетах, срывающих закрепление результатов призыва, виноваты прежде всего сами местные ассоциации, не сумевшие во-время перестроиться, повернуться лицом к заводу и фабрике.

По призыву проводится РАПП совместно с ВЦСПС. ВЦСПС, имеющий в своем распоряжении мощный аппарат профсоюзов, богатые резервы кадров, тоже ответственен за практику литпризыва. Однако, работа по линии ВЦСПС ведется только его редакционно-издательским отделом. ВЦСПС в целом не принимает участия в призыве и вообще «вопросами литературы не интересуется».

ВЦСПС до сих пор не дал никаких указаний о призыве на местах, отказался выделить своих представителей в бригаду РАПП и ГИХЛ по проведению призыва.

На секретариате РАПП приводились примеры оппортунистической недооценки значения призыва ударников в литературу со стороны местных организаций.

Западный Облпрофсовет до сих пор «согласовывает» резолюции о призыве; на Иваново-Вознесенском заводе «Красный Профинтерн» зав. культсектором вообще отказался содействовать проведению призыва. В других профорганизациях ограничиваются «принятием к сведению» и обещанием «содействия».

Недооценка призыва — налицо и в ряде местных организаций комсомола. Работу в литкружке, например, некоторые комсомольские бюро не считают общественной нагрузкой.

*

С одной стороны, мы имеем оппортунистическую недооценку политических задач призыва, отсутствие конкретной помощи со стороны профсоюзов и общественных организаций; с другой стороны — полную разрыв между торжественными заявлениями о значении и важности проведения призыва ударников в литературу и практической работой отдельных АПП на местах. На ликвидацию организационных прорывов должны быть немедленно мобилизованы все рапповские силы, подкрепленные новыми кадрами рабочих-ударников, пришедших в литературу.

Б. РЕСТ

На пленумах Райбюро МАПП

Сокольнический район

● Сокольнический район является лучшим районом Москвы по призыву рабочих-ударников в литературу. Первый пленум райбюро МАПП в Сокольническом районе (2—4 февраля) был представлен до 150 рабочими-ударниками.

● Год назад в Сокольниках был только 1 литкружок «Зажал», в котором состояло не более 10 рабочих. В настоящее время сокольническая организация МАПП имеет 130 литкружковцев, из которых 50 прол. рабочих-ударников.

● Первый день пленума был посвящен и докладу т. Г. Корабельникова об очередных задачах пролетлитературы и отчетам трех крупнейших рабочих литкружков района — завода «Богатырь», имени Маленкова и ф-ки им. Бабаева. Организаторы литкружков тт. **Самышев, Венецианов и Ашанин** в своих отчетах отметили, что литкружковцы увлекались жизнью заводов, но работа их страдает из-за отсутствия руководителей.

● От имени 70 рабочих кружков Ленинграда пленум приветствовал представитель ЛАПП тов. **Файвилович**.

● 3 февраля на пленуме выступили с приветствиями ответственный секретарь МАПП **Б. Киршон** и генеральный секретарь РАПП **Л. Авербах**.

● **Б. Киршон** в своем выступлении отметил, что год назад МАПП имел по Московской области 200 человек, из них 40 прод. рабочих. Теперь в результате литпризыва МАПП насчитывает по области 1.500 человек, из них 96 прод. рабочих.

● Каждый литкружок на заводе должен превратиться в литературный цех. Литударники не должны быть в стороне от производства, а обслуживать общеполитические задачи, стоящие перед рабочим классом.

● **Л. Авербах** в приветственном слове говорит, что было бы ошибкой предполагать, что из всех ударников, призванных в литературу, выйдут высококвалифицированные писатели. Значительная часть отсеется, другая часть превратится в настоящих работников критики, в которых мы ощущаем большую нужду.

● Рабочие литкружки должны вести борьбу за повышение художественного качества литпродукции. Надо уделить должное внимание начинающему писателю. Мы должны решительно бить по всем проявлениям барского пренебрежения к массовому рабочему писательскому движению.

● После отчетного доклада тов. **Беляева** о работе сокольнического райбюро МАПП с большим докладом о творчестве ударников выступил **М. Колосов**. Он отметил, что произведения ударников еще страдают рядом недостатков. Но наличие и ценные качества: творчество ударников отражает мысли и чувства людей, непосредственно участвующих в производственных процессах и соцстроительстве. В произведениях литударников почти отсутствуют элементы узко личного характера.

● После основных докладов на пленуме развернулись прения. Выступившие рабочие-ударники тт. **Муравьев** (завод Рапид), **Клитин** (ф-ка им. Бабаева) **Канунникова** (з-д им. Маленкова) и др. отметили, что райбюро еще недостаточно контролирует работу литкружков. Необходимо обеспечить литкружки руководителями, которые должны дать систематическую литературную учебу.

● Пленум выделил в новый состав сокольнического райбюро МАПП тт.: **М. Колосова, В. Беляева, Л. Ошанина** (завед. им. Маленкова), **Скачкова** (ф-ка «Буревестник»), **Самошева** (з-д «Богатырь»), **Венецианова** (ф-ка им. Бабаева), **Рудинина** (Центральная агробиостанция).

● На предстоящий пленум МАПП выделено 30 товарищей, в том числе тт.: **Л. Авербах, М. Колосов, Н. Боровой, Г. Корабельников** и другие.

Замоскворецкий и Ленинский районы

● Об'единенный пленум мапповских кружков Замоскворецкого и Ленинского районов занял два дня.

● С докладом «О путях пролетарской литературы» выступил **А. Исбах**.

Подчеркнув, что наступление социализма вызывает жестокое сопротивление классового врага и на литературном фронте (таковы чуждые нам произведения: «Товарищ Кисляков» П. Романова, последние рассказы Сергеева-Ценского, произведения «серапионов», и другие), докладчик переходит к задачам, стоящим перед пролетарской литературой, считая задачу действенного познания общественных явлений основной.

● В прениях по общим вопросам выступают **И. С. Гроссман-Рощин, Ф. Панферов, В. Киршон, А. Грудским** и другие.

● Особенно оживленные прения развертываются по докладу райбюро МАПП. Оказывается, из 24 организованных кружков работает 10 — 12. Тов. **Кирьянов**, докладчик от райбюро, характеризуя работу кружков, говорит об известной замкнутости и групповщине, о старых навыках в их работе. Кружок еще не включился в производственную жизнь. Но вместе с тем имеются и интересные факты, свидетельствующие о качественном росте кружков: на шестой фабрике Москвошвей, например, литературный кружок заключил с фабзавкомом договор на соцсоревнование.

● Выступающие в прениях предлагают организовать издание журнала (хотя бы в виде приложения к «Рабоче-крестьянскому корреспонденту») для печатания лучших произведений ударников.

● Районный комитет партии уделил особое внимание пленуму. Тов. **Ромм** (РК ВКП(б), ознакомившись с произведениями рабочих-ударников, предостерегает начинающих от увлечения мещанскими образами, штампованными рифмами вроде «слезы» — «грезы», «кровь» — «любовь», которые свойственны творчеству некоторых начинающих.

● **Ф. Панферов** говорит о сущности лозунгов борьбы за метод диалектического материализма—«срывание масок», «против лакировки».

● Все выступления по теоретическим вопросам вызывают исключительный интерес у собравшихся.

● После заключительного слова **А. Исбаха, В. Киршон** в краткой речи призывает делегатов к большевистской борьбе с теми трудностями, которые стоят перед литударниками, и выражает уверенность в их успешном преодолении.

СЕГОДНЯ ЛИТОРГАНИЗАЦИИ

❖ На последнем заседании секретариата РАПП были подведены первые итоги рапповских производственных совещаний. Секретариат РАПП отметил, что на поэтическом совещании были слабо представлены рабочие-литударники. Совещание уделило мало внимания их продукции и не поставило как следует вопрос о классовой борьбе на литературном фронте. Совещание показало, что критические кадры не работают над вопросами пролетпоэзии.

❖ Секретариат РАПП осудил выступление М. Светлова на поэтическом совещании и считает необходимым в особой резолюции дать соответствующую оценку этому выступлению в письму А. Безыменского, адресованному производственному совещанию РАПП и представляющему собой продолжение старой литфронтовской линии.

❖ Секретариат РАПП создал две комиссии для выработки резолюций об итогах производственных совещаний поэтов и очеркистов РАПП.

❖ Секретариат РАПП отметил, что организованная при «Прозе» бригада политического жанра встречает инертное отношение со стороны рапповцев. Поэты-рапповцы должны принять активное участие в работе бригады.

❖ На 20 февраля созывается пленум правления РАПП, а в мае — Всероссийский с'езд пролетарских писателей.

❖ Секретариатом РАПП намечено проведение двух новых производственных совещаний—прозаиков и по заплитературе.

❖ Общее собрание научных сотрудников, действительных членов, аспирантов и служащих Института ЛИЯ Комакадемии обратилось к И. Е. Ворошилову с приветствием по случаю его 50-летия.

❖ К ХП годовщине РККА в Институте ЛИЯ организуется выставка, посвященная годовщине Красной армии и пятидесятилетию К. Е. Ворошилова.

❖ В поселке ликвидации прорыва на Люберецком заводе с.-х. машин организована об'единенная бригада пролетарско-колхозных писателей из представителей ВОПКП и МОПКП. В бригаду вошли: Л. Ильинский, Ив. Касаткин, Л. Потомка, А. Ревякин, Егорошкин, Сосланн и литкружковцы — Аверьянов, Резинкин, Трушков и Бирюзов.

❖ Постановлением правления ВССП Корнелий Зелинский кооптирован в члены правления ВССП и введен в президиум критико-творческой секции ВССП.

❖ Члены ЛОКАФ тт. Матэ Залка, С. Шипачев и В. Вашенцев главным руководством маневрами эпического отделкового корпуса награждены грамотами за активное участие в проведении маневров.

Календарь работы клуба ФОСП

9 ФЕВРАЛЯ—20 ч. Союз революционных драматургов.

9 ФЕВРАЛЯ—17 ч. Бюро секретариата МОПКП.

9 ФЕВРАЛЯ—20 ч. Эсперантисты. Семинар.

8 ФЕВРАЛЯ—18 ч. Ячейка РОКК.

10 ФЕВРАЛЯ—19 ч. Научно-показательный сеанс гипнотизера И. А. Орнальди.

10 ФЕВРАЛЯ—19 ч. МАПП. Напостовская смена.

10 ФЕВРАЛЯ—18 ч. Собрание альманаха «Вчера и сегодня».

11 ФЕВРАЛЯ—19 ч. Совещание на тему «Как читать Маяковского». Доклад Н. Н. Асеева, содокладчик О. М. Брик и А. Б. Шнейдер. Приглашаются поэты, чтецы, артисты.

11 ФЕВРАЛЯ—12 ч. дня. Редколлегия журнала ЛОКАФ.

11 ФЕВРАЛЯ—19 ч. Собрание актива МОПКП и чистка организации.

12 ФЕВРАЛЯ—19 ч. Собрание детской секции МОПКП.

17 ФЕВРАЛЯ—19 ч. 30 м. Кабинет самодеятельности. Социалистсектор МКП.

12 ФЕВРАЛЯ—20 ч. Зрительный зал. Диспут кустовый кино-просмотр.

12 ФЕВРАЛЯ—19 ч. 30 м. Секция переводчиков. Доклад т. Рыка «Типы переводов».

12 ФЕВРАЛЯ—19 ч. Кружок РОСТ.

12 ФЕВРАЛЯ—18 ч. Кино-сектор ВОПКП.

12 ФЕВРАЛЯ—17 ч. Бюро секретариата МОПКП.

13 ФЕВРАЛЯ—20 ч. Шахматный кружок.

13 ФЕВРАЛЯ—19 ч. Кружок переводчиков. Рук. Гроссман.

13 ФЕВРАЛЯ—19 ч. Кино-сектор МОПКП.

13 ФЕВРАЛЯ—20 ч. Творческий вечер тов. Павленко читает новую повесть.

Извещения

13 ФЕВРАЛЯ, в 18 час., в клубе ФОСП (ул. Воровского, 52), состоится продолжение совещания РАПП по вопросу «Философия и литература».

В повестке дня продолжение прений и заключительное слово тов. Ральцевича.

Вход свободный.

❖ 10 февраля, в 19 ч. в помещении радиоуправления (Тверская, 17, комн. 1) назначается очередное собрание радиосекции РАПП.

❖ 12 февраля, в 18 час., в зале заседаний заводоуправления завода «Динамо» состоится расширенный пленум районного МАПП Пролетарского района. В повестке: 1. Очередные задачи пролетлитературы — т. Киршон; 2. Творчество рабочих-ударников — т. Серебрянский; 3. Доклад райбюро — т. Афиногенов; 4. Итоги чистки «Вагранки»; 5. Отчет кружков «Вальцовка» и Вагоностроительных мастерских. Творческие выступления кружковцев. Билеты—в райбюро МАПП Пролетарского района.

Комакадемия Института Литературы (Волхонка, 14). Назначенные на 9 февраля прения по докладу т. Яшень отменяются. О дне доклада будет объявлено особо.

Письмо в редакцию

В № 33 «Вечерней Москвы» помещался отчет о моем докладе «Современная драматургия и наши задачи». В нем не точно освещено то место доклада, где я говорил о драматурге И. Чекине. Приведенный мною случай с появлением в первом акте одной пьесы ее автора на сцене в «сезанновской» обстановке не имеет к П. Чекину никакого отношения.

С. ДИНАМОВ

Поправка

В № 7 (106) «Литературной газеты» от 4 февраля вкралась неточность в статье «Пять лет Литфонда». Вместо слов «прибылей издательства» надо читать «прибылей издательства».

Ответственный редактор: С. ДИНАМОВ

РЕДКОЛЛЕГИЯ: Н. Асеев, С. Динамов, И. Жига, Л. Ильинский, И. Катаев, Г. Коренев, Н. Огнев, А. Селивановский, И. Сельвинский, М. Слонимский.

ИЗДАТЕЛЬ: Акционерное Изд. О-во «Огонек».

Государственное издательство «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

ПОСТУПИЛ В ПРОДАЖУ И РАССЫЛАЕТСЯ ПОДПИСЧИКАМ

литературно-художественного, общественно-политического и м. учпз-популярного журнала

№ 1

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

Орган ЦК ВЛКСМ и ЦК ВЛКСМ.

Выходит 2 раза в месяц

Содержание № 1

СТИХИ: В. Луговской — Четыре стихотворения.

РАССКАЗЫ: В. Ильенков — Краткий; В. Герасимова — Преподаватель математики; Марк Этарт — Комсомолец Дед Пихтовый.

ИЗ ПРОШЛОГО: И. Трайнин—Кровавый четверг в Риге; Ф. Самойлов — Первый совет рабочих депутатов (Иваново-Вознесенск в 1905 году)

СТАТЬИ И ОЧЕРКИ: С. Виноградов — Всеобуч и комсомол; Матэ Залка — На пленуме всемирной рев. литературы; А. Гинзбург — 25 дней с буксирной бригадой; В. Сапарин — 1905 год в искусстве; Л. Кагановль — На футбольном матче.

КРИТИКА и БИБЛИОГРАФИЯ.

Цена отдельного №—60 коп.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1931 ГОД

Подписная плата: на 12 мес. (21 №№)—11 р. 50 к., на 6 мес (12 №№)—5 р. 75 к., на 3 мес. (6 №№)—2 р. 90 к.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ Периодсекторами КОГИЗ'ОЦЕНТРА (Москва, Неглинная, 3), магазинами и отделениями Книготорга и на почте.

ГИХЛ КНИГОЦЕНТР

НОВЫЕ КНИГИ

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА

БОРИСОГЛЕБСКИЙ М. Америка в Керчи. Стр. 132. Ц. 95 к.

ВОЛГИН В. Строители. Очерки. (ЛАПП. Совр. пролетарская литература). Стр. 104. Ц. 70 к.

ГОРЬКИЙ М. В. И. Ленин. Стр. 48. Ц. 12 к.

ИЛЬЕНКОВ В. Аносов. Рассказы. (РАПП. Новинки пролетарской литературы). Стр. 148. Ц. 85 к.

КАЛИНИН Л. Кануны. По районам сплошной коллективизации. (Дневник бригадира). (ЛАПП. Соврем. пролетарская литература). Стр. 168. Ц. 1 р. 40 к.

РАХМАНОВ Л. Племенной бог. Роман. Стр. 136. Ц. 1 р. 10 к.

РЕЙЕТОВ А. Так мы живем. Стихи. (ЛАПП. Современная пролетарская литература). Стр. 87. Ц. 1 р., в пер. 1 р. 26 к.

САВИН Л. Юнга в тылу. Стр. 249. Ц. 2 р. 15 к., в п. 2 р. 45 к.

СЕРГЕЕВ Л. Медный колчедан. Повесть. («Кузница». Современная пролетарская литература). Стр. 107. Ц. 90 к.

ФИСЛЕР И. Гренландские гости. Стр. 120. Ц. 95 к.

ПЕРЕИЗДАНИЯ

ИЛЬФ И. и Е. ПЕТРОВ. 12 стульев. Роман. Изд. 4-е. Стр. 418. Ц. 2 р. 40 к., в п. 2 р. 75 к.

ПАНФЕРОВ Ф. Бруски. Роман. Часть II. (Дешевая б-ка Огонек). Стр. 352. Цена 60 к., в п. 75 к.

ШОЛОХОВ М. Тихий Дон. Роман. Книга 2. Изд. 5-е. ГИЗ. (Лесная 6-ая Гиза). Стр. 416. Ц. 70 к.

ПЕРЕВОДНАЯ

РЕЙЗЕН А. Собрание сочинений. Том III. На чужом берегу. (Американские рассказы). Перевод С. Карлина. Под ред. М. Кана. Стр. 77. Ц. 60 к.

СБОРНИК ТАТАРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. (Дореволюционной). Под. ред. П. Радимова. С предисл. Н. Когана. (Серия татарской литературы). Стр. 160. Цена 1 р. 25 к.

ЭС-САИБ-ВАФА. Пути. Авториз. перев. с индустани А. Кочеткова. Предисловие А. Селивановского. Стр. 85. Ц. 1 р., в п. 1 р. 25 к.

КЛАССИКИ

ГЕТЕ. Лирика. Переводы русских поэтов. Редакция и вступ. статья В. В. Гиммельфарба. (Дешевая б-ка классиков). Стр. 127. Ц. 25 к.

ФРАНС А. Полное собрание сочинений. Под общ. ред. и с предисл. А. В. Луначарского и портретом автора. Том XIII. Боги жаждут. Перев. с франц. Б. Лившица. С предисл. А. В. Луначарского. Стр. 372. Ц. 1 р. 45 к.

Продажа во всех магазинах Книгоцентра и в «Колхкнигах».

ГИХЛ ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ КНИГИ

РАБОЧИЙ ПРИЗЫВ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ РАБОЧИХ-УДАРНИКОВ

Под редакцией А. НИЗОВЦЕВА.

1931 г. Ц. 50 коп.

БОЛЬШОЙ ВОСТОЧНЫЙ ПЕРЕЛЕТ

Сборник под редакцией Г. М. Алексеева, Мих. Кольцова и Н. Б. Семашко

1931. Стр. 103. Ц. 2 р., в перепл. 2 р. 25 к.

ТОЛЬКО на почту или письмоносцем сделайте подписку на 1931 г. на изд. 6-го Изд. 6-ая «ОГОНЁК» «Всемирная история» «Искры науки» «За рулем» «ИЗОБРЕТАТЕЛЬ» «СОВЕТСКОЕ ФОТО» «Журналист» «РОСТ» «Литературная ГАЗЕТА»

Переводы в Издательство направлять не следует. Посылка переводов в Издательство затрудняет и замедляет исполнение подписки

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА НОВЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ МАССОВЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ ОБЩЕСТВА ИСТОРИКОВ-МАРКСИСТОВ ПРИ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ ЦИК СССР

БОРЬБА КЛАССОВ

Главный редактор М. Н. Покровский.

Журнал является боевым большевистским органом пропаганды марксизма-ленинизма и генеральной линии ВКП(б) и Коминтерна на основе исторического опыта классовой борьбы. Журнал поведет решительную борьбу со всякими проявлениями извращения марксизма-ленинизма и различными буржуазными и мелкобуржуазными течениями в области истории, как-то: великодержавный шовинизм и местный национализм.

Ставя своей задачей систематическое ознакомление широких читательских масс (члены партии, комсомольцы, рабочие, студенчество, колхозный актив) с историей классовой борьбы, журнал будет помещать небольшие статьи, очерки, воспоминания, художественные произведения исторического содержания, новые документы прошлого, дискуссионные материалы и т. д.

Журнал богато иллюстрирован.

ПРИЛОЖЕНИЕ: Впервые издаваемая в СССР большая популярная иллюстрированная библиотека

«ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ»

в 24-х книгах, которые осветят основные вопросы мировой истории. «Всемирная история» выходит под общим руководством М. Н. Покровского.

Подписная цена: «Борьба классов» без приложений: год—10 р., 6 мес.—5 р. 50 к., 3 мес.—3 р. «Борьба классов» с марта до конца года с приложением «Всемирной истории» в 24-х книгах — 26 руб. Допускается рассрочка: при подписке—8 р., к 1/V—5 р. 50 к., к 1/VII—5 р., к 1/IX—5 р. 50 к., к 1/XI—4 р.

Подписчики на «Борьбу классов» с приложением «Всемирной истории», внесшие все взносы, получат бесплатно 2 художественно-исторические картины.

Подписку сдавайте исключительно на почту.

Переводы в изд-во посылать не следует.

Акц. Изд. О-во «Огонек» Москва.

В ОТВЕТ ВРЕДИТЕЛЯМ И ИНТЕРВЕНТАМ

ДАДИМ 25.000.000 РУБЛЕЙ НА ОБОРОНУ СССР

С января 1931 года начались реализация билетов Всесоюзной Лотереи Осоавиахима. К продаже выпускается 5-я —35.000.000 билетов на сумму 25.000.000 р.

Все билеты разбиваются на 10 разрядов. Каждый из 10-ти разрядов имеет свой самостоятельный тираж. Все 5-я Лотерея Осоавиахима разыгрывается 340.872 ценных выигрыша на общую сумму 4.010.000 руб.

ГЛАВНЫЕ ВЫИГРЫШИ:

3 ВЫИГРЫША — кругосветное путешествие, сроком на 4 мес., на 3-мачтовой яхте с трактором и с.-хоз. оборудованием (по выбору) стоимостью по 10.000 рублей каждый.

1 ВЫИГРЫШ — кругосветное путешествие сроком на 2 мес.: туда и обратно с с.-хоз. оборудованием, автомобиль (по выбору), стоимостью по 5.000 рублей каждый.

22 ВЫИГРЫША — моторная лодка, мотобот-полуглиссер (по выбору) стоимостью по 1.000 руб.

104 ВЫИГРЫША — мотоцикл с приводом, рабочая лошадь, оборудование для столярной мастерской (по выбору), стоимостью по 500 руб. каждый.

380 ВЫИГРЫШЕЙ — путевка в санаторий сроком на 1 м-ц, путевка в пионерлагерь, велосипед 8-скоростной, винтовка (по выбор.), стоимостью по 200 руб. каждый и ряд других денежных выигрышей от 10 до 100 руб. каждый.

Купленный билет всех десяти разрядов участвует во всех десяти тиражах. Цена билетов с 1 по 7 разр. по 50 к., с 8 по 10 разр. по 1 р. за билет.

Тир. № билет 1-й и 2 разряда состоится в марте 1931 г. Помни, что, купив билет 5-й всесоюзной лотереи Осоавиахима — ты укрепляешь оборону СССР. Каждый трудящийся в ответ империалистам и предателям — должен иметь билет 5-й лотереи.

Билеты продаются во всех крупных Сберкассах, Госбанке, Сберкассах и почтово-телеграфных отделениях. ПРОЛЕТАРИЙ! БУДЬ АКТИВНЫМ В РЕАЛИЗАЦИИ БИЛЕТОВ 5-й ЛОТЕРЕИ — КРЕПИ ОБОРОНУ С. С. С. Р.

Вышел новый № 3-й массового литературно-художественного и культурно-бытового журнала

РОСТ

В НОМЕРЕ:

О. БЕНАРИО —На демонстрацию.

М. БРАГИН —Комсомольцы—к моторам.

Н. ПОЛУЯНОВ —Путь ударной бригады.

Е. КОРТИН—Фабрика нового человека.

МУРАТОВ—Коммуна Переходникова.

М. ГОЛЬДБЕРГ —Горбатый мост.

М. ВАЩЕНКО —Москва в кольце.

Е. ЗОЗУЛЯ —Ударник.

М. ЧУМАНДРИН—В стране Ленина.

Н. КЛЯЗМИНСКИЙ —Сушилка.

Л. БОРИСОВ —Внимание молодежной тематике, и др.

Номер богато иллюстрирован.

Цена номера—15 коп.

Требуйте в городских и железнодорожных газетных киосках.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1931 ГОД.

Подписная цена: год—3 р., 6 мес. — 1 р. 50 к., 3 мес.—75 коп.

Подписку сдавайте исключительно по почту, или письмоносцам.

Акц. изд. о-во «Огонек» Москва.

Журналист

ЖУРНАЛ ПО ПОЛИТИЧЕСКИМ, ПРОИЗВОДСТВЕННЫМ, ПРОФЕССИОНАЛЬНЫМ И ХОЗЯЙСТВЕННЫМ ВОПРОСАМ ПЕЧАТИ

ВЫХОДИТ КАЖДЫЕ ДЕСЯТЬ ДНЕЙ

Журналистам, редколлегиям фабрично-заводских и колхозных газет, рабкорам, селькорам и всем интересующимся вопросами печати необходим

Подписная цена на «Журналист»:

с приложен. Библиотека (4 книги в год): 12 м.—10 р., 6 м.—5 р. 50 к., 3 м.—2 р. 75 к.

«Журналист» без приложений: 12 м.—8 р. 50 к., 6 м.—3 р. 50 к., 3 м.—2 р.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ ВСЮДУ НА ПОЧТЕ И ПИСЬМОНОСЦАМИ.

Акц. Изд. О-во «Огонек»— Москва Страстной бульв., 11.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Орган Федерации Об'единений Советских Писателей

ВЫХОДИТ КАЖДЫЕ 5 ДНЕЙ

Подписная цена: 12 мес. . 3 р. 50 к. 6 мес. . 1 р. 75 к. 3 мес. . — 90 к.

Все подписчики «Литгазеты» могут получить за «ВСЕМИРНУЮ ИСТОРИЮ» в 24 книгах и ЦИК картины за доплату 17 р. 75 к. и 6) «Библиотеку «ОГОНЁК» в 72-х книгах за доплату 6 р. 75 к. Подписку сдавайте письмоносцам. Переводы в Издательство высылать не следует.

Акц. Изд. О-во «ОГОНЁК» —Москва

Тираж А 28832. Центральная (2) типография Мосполиграф», ул. Свердлова-Степанова, д. 2.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Орган Федерации Об'единений Советских Писателей РСФСР

МОСКВА 14 ФЕВРАЛЯ 1931 г. № 9 (160)

РЕДАКЦИЯ: Тверской бульвар, 25, Дом Герцена. Тлф. 2.80.12

НАШИ СОЮЗНИКИ НА ЗАПАДЕ

Успехи социалистического строительства в Советском Союзе, экономический кризис, потрясающий страны капиталистического Запада, решительное обострение классовых противоречий приводят к тому, что представители мелкобуржуазной интеллигенции должны расстаться с нейтралистскими иллюзиями. Один за другим распадаются фетиши, созданные идеологами мелкой буржуазии, проповедники «духовной свободы» и «воздержания» от политической борьбы вовлекаются в поток самой напряженной классовой борьбы. Мелкобуржуазная интеллигенция переживает сейчас глубокий кризис, и если часть ее, наиболее тесно связанная с капиталистическими отношениями, отказывается от «вещанского нейтрализма», переходя в фашистский лагерь (пример «активизирующегося» Дюамеля во Франции или «новых гуманистов» в Америке), то лучшие, передовые элементы мелкобуржуазной интеллигенции поднимаются до революционной критики капитализма и связывают свою судьбу с рабочим классом.

Мы имеем дело с новой, широкой волной попутничества — многочисленные мелкобуржуазные писатели, до сих пор оставшиеся в границах распыхивающего, беспочвенного мещанского радикализма, решительно перестраиваются. Лучшие из них переживают глубокий перелом, приводящий к революционному осознанию момента. Во время последних выборов в германский рейхстаг,—выборов, как известно, протекавших в настоящей обстановке гражданской войны, к пролетарскому лагерю присоединились Эрнст Глезер, лучший из молодого поколения немецких писателей, Оскар-Мария Граф и другие. Ромен Роллан, как это ясно из последних его выступлений, решительно пересматривает свою пацифистскую, примиренческую позицию, признавая ошибочной свою прежнюю тактику, — он обращается к Ленину и у него ищет ответ на вопрос об отношении к новой империалистической войне. Теодор Драйзер, один из крупнейших художников современности, заявляет о своей близости к взглядам коммунистической партии, он выступает в защиту революции. В своей последней статье, напечатанной в органе американской компартии, Драйзер пишет о «праве на революцию». Эта реплика старого Драйзера многозначительна. Еще недавно проповедовал он «воздержание» от политики, теперь вязывается в самую гущу не, занимая революционную позицию.

«Имеет ли право, — пишет Драйзер, — страна совершить революцию или не имеет, это всецело зависит от того, кто именно хочет перемены правления. Так толкуют у нас. Революцию наподобие той, которая недавно произошла в Панаме, где ее сделали американские банки и тресты, недовольные панамским правительством,— такую бутафорскую революцию, разумеется, можно разыграть. Однако, если американец, работающий на заводе по 10—12 часов в сутки, позволит себе критиковать правительство Соединенных штатов, где рабочий за свой наторжный труд получает только голодную зарплату, он считается бунтовщиком, и его сажают в тюрьму иногда на срок до 40 лет. Правое ли дело революция или неправое, защищает ли она интересы большинства населения или только небольшой кучки его,—все это не причисляется во внимание, когда речь идет о праве на революцию. Последнее, по-видимому, составляет привилегию власть имущих».

Драйзер защищает право на революцию американского пролетариата. От Эрнста Глезера и Ромен Роллана до Драйзера, который в Америке совсем не одинок в своем революционном прозрении (назовем хотя бы Джона Дос Пассоса, очень близко стоящего к нам), протягивается единый фронт, новая высокая волна попутничества, приходящая на помощь пролетарскому литературному движению, дело которого есть политическое, революционное дело рабочего класса. Революционный под'ем среди лучших элементов мелкобуржуазной литературы есть глубоко значительное явление — это признак близящегося революционного потрясения. Вступая на революционный путь, наши новые союзники с необходимостью встречаются с затруднениями, они должны будут преодолеть ограниченность своего мышления, «освобождаться от сковывающих иллюзий», как говорит Ромен Роллан. Нет оснований сомневаться в том, что победа над этими иллюзиями, победа над мелкобуржуазной ограниченностью будет одержана лучшими из наших новых союзников. Связывая свою судьбу с революционным движением пролетариата, они находят твердую, надежную опору своего творческого развития, огромную перспективу своего творческого роста.

ПИСАТЕЛИ на БОЛЬШЕВИСТСКИЙ СЕВ

● ФОСП закончила в основном мобилизацию писателей на весеннюю посевную кампанию, которая прошла вполне успешно. Ряд литорганизаций выполнил развертку, данную ФОСП, более, чем на 100 проц.

● Мобилизованные писатели будут посланы в ближайшие полтора-два месяца в бригадах ЦК сельхозрабочих, Центрального Дома самодеятельного искусства им. Крупской, Всекомзема и «Крестьянской газеты».

● Сегодня и завтра при «Крестьянской газете» для уезжающих на посевную кампанию писателей организуются четыре-семинары по массовой работе, организации стенгазет и пр. «Крестьянская газета» организует для писателей посылаемую корреспонденцию по вопросам фермы и методов массовой работы в период посевкампании.

● Секция самодеятельного театра Всероскомдрама создала агитпередвижной фронт к посевной кампании. Фонд будет использован для постановок профпетухов и клубных пружков, выезжающих на художественное обслуживание весеннего сева.

● МАПП мобилизовала 13 пролетписателей на посевкампанию и примет участие в составлении сборника ФОСП и ВОПКП, посвященного весеннему севу.

● ЦС ВОПКП проведет на местах районные и областные слеты ударников, призванных в литературу. На слетах будет поставлен вопрос о привлечении литударников к участию в весеннем севе.

● Секретариат ФОСП, заслушав информацию литорганизаций о проведенной мобилизации писателей на весенний сев, отметил необходимость форсирования выпуска сборника ФОСП и ВОПКП. Писатель должны своевременно обогатить этот сборник, посвященный посевкампании, художественным материалом.

● ВОПКП посылает шесть писателей для помощи местным отделениям в развертывании и организации кампании по привлечению пролетарско-колхозных писателей к участию в весеннем севе.

● Ближайший номер журнала «Резец» посвятит весенней кампании и участию в ней пролетарско-колхозных писателей и ударников, призванных в литературу из колхоза и совхоза.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ДЕНЬ РАБОЧЕГО ТЕАТРА

Берлинская артистическая агитпробригада „Алярм" в библиотеке клуба ФДСП
Об'яснения дает председатель клуба Н. Огнев

СЕГОДНЯ ЛИТЕРАТУРНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

● Мих. Лузгин избран ответственным секретарем тенинтрального отделения ФОСП.

● При ВССП создана секция научной библиографии. В президиум секции избраны тт.: Шишко (председатель), Яницкий и Палей.

● В секретариат ЛАПП нового состава вошли: Лузгин (ответственный секретарь), Кадатис (оргсекретарь), Владимиров, Васильев, Слепнев, Аникич, Черненко и Файвилович.

● Секция краеведов лентотдела ВССП и лентотдел ФОСП объединены в единую секцию краеведов, которая должна стать массовой литорганизацией, объединяющей членов писательских обществ, работающих в области краеведения, и начинающих писателей-краеведов из среды рабочих и колхозников. Создано временное оргбюро под председательством К. Фадина.

● ЛАПП созывает 20 февраля Ленинградское театральное совещание.

● Зав. ГИХЛ т. Чагин введен в президиум ЛенФОСП.

● В совхозах, колхозах и при районных газетах, по неполным данным ЦС ВОПКП, организовано по РСФСР 250 литкружков, в которые вовлечено более 3.000 человек. Местные отделения ВОПКП ощущают нужду в работниках для развертывания работы по литкружкам. Профорганизация с.-х. рабочих и отделения Колхозцентра не уделяют должного внимания литкружкам.

● Секретариат БелАПП созывает на 1 марта расширенный пленум правления БелАПП. В повестку дня включены: политический доклад ЦК КП(б)Б; отчет правления БелАПП (докладчик Я. Лиманский); итоги творческой дискуссии (докладчики Бронштейн и Гальперина); творческое лицо БелАПП (докладчик Бемдэ, содокладчики Алексинович и Дунец).

● Московская группа «Кузница» послала особую литбригаду для проведения месячника борьбы с прорывом на заводе «Котлоаппарат». В бригаду вошли писатели: В. Ясенев, Г. Никифоров, А. Новиков-Прибой, И. Макаров, П. Ершов, А. Фролов, Н. Якименко. Бригада работает в тесном контакте с редколлегией заводской газеты «Компрессор».

● Секретариат БелАПП создал группу очеркистов при БелАПП. Основное ядро группы составляют тт. С. Знаменный, Ц. Зарецкий, А. Липневой, А. Мяжевич, Шмит, Вайнгауз, Каган и др. В группу очеркистов включаются и рабочие-ударники — члены литкружков БелАПП.

● Редакция журнала «Комбайн» провела недавно литературный вечер и товарищеский суд над первым номером журнала в Клементьевском молочном совхозе-гиганте. Литкружковцы Клементьевского совхоза дали обещание в ударном порядке написать для «Комбайна» коллективный очерк о своей совхозе.

● Секретариат ВУСПП созывает в конце февраля в Харькове всеукраинский слет призванных в литературу рабочих-ударников.

● Секретариат БелАПП заслушал отчетный доклад секретаря Минской филии БелАПП т. Ив. Барашка. За последний год заметно творческое оживление пролетписателей Минска. Широко развернута массовая работа — выступления на предприятиях и рабочих клубах. В Минске организовано 12 литературных рабочих кружков, работает центральная рабочая литературная студия. В последнее время при филии создана секция очеркистов. Сейчас филия реорганизуется в Минскую ассоциацию пролетарских писателей.

● А. Архангельский, Вера Инбер, В. Ардов и В. Типот читали литературное обозрение «Вечер воспоминаний об истекшем литературном сезоне». Обозрение будет в ближайшее время поставлено в клубе ФОСП.

23 ФЕВРАЛЯ — XIII ГОДОВЩИНА КРАСНОЙ АРМИИ

* ЛОКАФ готовится к XIII годовщине Красной армии. Всем своим организациям на местах ЛОКАФ предложил принять участие в подготовке к годовщине. Созданное при ЛОКАФ прессбюро собирает у писателей в Москве и на местах литературно-художественный материал, которым будут снабжены газеты и журналы.

* Литературно-творческий вечер ЛОКАФ, назначенный на 17 февраля в Центральном Доме Красной армии, отменяется. Вечер, посвященный XIII годовщине Красной армии, состоится в клубе ФОСП 23 февраля. Все товарищи, которые должны были выступить в ЦДКА, выступят в клубе ФОСП.

* ЛОКАФ выделил 5 групп писателей для выступлений в красноармейских частях московского гарнизона. Выступления членов ЛОКАФ состоятся в красноармейской радио-газете.

* В клубе ФОСП намечено провести диспут на тему «Красная армия мирного времени в художественной литературе».

* ФОСП и ЛОКАФ организуют 23 февраля в клубе писателей большой литературно-художественный вечер, посвященный 13-й годовщине РККА.

ВНИМАНИЕ ВОПРОСАМ БЫТА

В августе прошлого года, по инициативе месткома писателей, была организована секция по улучшению быта литераторов. Секубит замечая организовать закрытый распределитель для снабжения писателей и их семей продуктами и промтоварами, открыть общедоступную столовую, организовать дешевый буфет в клубе ФОСП, развернуть культурно-бытовую работу — открыть детскую площадку, детский сад и т. д., и т. п.

Но вместо закрытого распределителя была открыта продуктовая палатка. Кооперация снабжала эту палатку из рук вон плохо. Писатели и их семьи, прикрепившись к продуктовой палатке Секубита, снабжались продуктами хуже остального населения, в виду неполного ассортимента товаров в палатке.

Неудача постигла и организованную Секубитом столовую. Секубит ничего не сделал для улучшения питания писателей и их семей. Качество обедов оставляло желать много лучшего. Об этом ярко свидетельствовала чрезвычайно низкая посещаемость писателями столовой Секубита.

Буфет в клубе ФОСП, переданный правлением клуба Себубиту, установил повышенные цены, которые, конечно, были недоступны ударникам-литкружковцам, да и многим из писателей, посещающих клуб.

При всех хороших планах Секубит не справился с поставленными задачами. Секубит не сумел привлечь к своей работе писательскую общественность. Не была развернута и культурно-бытовая деятельность. Надо отметить, что и литорганизация не содействовала успешной работе Секубита.

Секретариат ФОСП, обсудив вопрос о Секубите, отметил, что его работа имеет большое общественно-политическое значение, и признал желательным перенесение всей работы Секубита в Литфонд РСФСР с привлечением к этой работе представителей месткома писателей и Всекомдрама.

Перед Облторготделом возбуждается ходатайство об организации закрытого распределителя. Мособлотдел союза печатников считает неправильным отторжение Секубита от месткома писателей и передачу его в ведение Литфонда. По его мнению, Литфонд, также обслуживающий нужды писательства в финансовом и материальном отношении, должен находиться под непосредственным контролем профорганизации.

Не вдаваясь пока в существо вопроса о том, где быть Секубиту — при профсоюзе, который до сих пор ничем не проявил своей заинтересованности в работах Секубита, или при Литфонде, — мы считаем необходимым коренную реорганизацию Секубита, который должен на деле заняться вопросами снабжения и культурно-бытового обслуживания писателя.

КР.

ФОСП — ВСЕСОЮЗНОМУ РАБСЕЛЬКОРОВСКОМУ СОВЕЩАНИЮ

Федерация об'единений советских писателей горячо приветствует всесоюзное совещание по вопросам рабселькоровского движения.

В борьбе за генеральную линию партии, за большевистские темпы социалистического строительства два миллиона рабселькоров идут разведчиками и застрельщиками, каленым пером выжигая косность и старье, организуя боевые отряды строителей-ударников через печатные и стенные газеты на всех участках нашей работы.

Бурный рост заводской и совхозно-колхозной печати, а вместе и рабселькоровских рядов,—лучший показатель того, что рабселькоровское движение идет по верному ленинскому пути.

В нашей борьбе за растущие кадры писателей из рабочих и крестьян многолетний опыт рабселькоровского движения дает ценнейшие указания и большую помощь в работе. Рабселькоры, выросшие на боевой работе революции, закаленные ударной будничной борьбой за социалистическую новь, должны дать литературному движению нашего Союза новые ценнейшие силы.

Желая всяческого успеха в работе, Федерация об'единений советских писателей, выражает уверенность, что рабселькоровское движение и впредь будет важнейшим источником новых кадров литературы.

СЕКРЕТАРИАТ ФОСП

ПЛЕНУМ ПРАВЛЕНИЯ РАПП

Пленум правления РАПП, назначенный на 20 февраля, состоится 18 ФЕВРАЛЯ в 6 час. вечера в Доме Герцена (Большой зал).

Повестка дня: 1. Доклад Секретариата РАПП. 2. Подготовка к с'езду.

ОБСУЖДАЕМ ПЛАН РАБОТЫ ФОСП
ПИСАТЕЛИ ВЫДВИГАЮТ ВСТРЕЧНЫЙ ПЛАН

ЛЕОНИД ЛЕОНОВ

БОРОТЬСЯ ЗА ВЫСОКОЕ КАЧЕСТВО СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ФОСП как руководящая организация советской литературы должна учитывать умением и потребности читательства. Необходимо, чтобы работа ФОСП не ограничивалась только вынесением резолюций и писанием приветствий.

Основную линию работы ФОСП должно определить в клубе писателей. На ряду с широкими вечерами, предусмотренными планом ФОСП, надо провести курс лекций по отдельным циклам. Лекции не следует делать слишком популярными. На этих лекциях вопросы и ответы для небольшой аудитории квалифицированных писателей и должны осуществляться встречи писателей с руководящими работниками в области политики и экономики. Путем этих собеседований в темой товарищеской обстановке писатели сумеют повысить квалификацию, расширить свой кругозор. Писатель не может пользоваться только материалом газет, ему необходимо специальное восприятие вещей. Если даже в результате этих бесед появится хотя бы одно настоящее произведение— затея уже будет оправдана сработавшего вечера.

Для работы с удлинителями, привлеченными в литературу, тов. Леонов считает нужным организовать с группами литературных бесед собрания писателей по творческим вопросам и по вопросам техники писательского труда.

ФОСП должна перестроиться, перевести свою работу на практические рельсы. Если есть смысл чит ту программу, которую она наметила, она сумеет повысить качество советской литературы, даль стране ряд новых, квалифицированных произведений.

Касаясь вопроса улучшения работы «Литературной газеты», тов. Леонов отмечает, что «Литгазета» еще недостаточно широко ставит актуальные вопросы, интересующие писательство. Она должна уделить внимание большой литературе, чутко относиться к процессам, происходящим в писательской среде. Самое серьезное внимание должно быть уделено попутнической литературе. Здесь нужна дружественная поддержка и товарищеская помощь со стороны «Литгазеты».

В «Литгазете» должны помещаться статьи и фельетоны, касающиеся лучших книг, вышедших за месяц. Нужны статьи и с старых писателях, статьи по теории литературы и т. д. «Литгазета» должна стать коллективным органом федерации советских писателей, стать мозгом советской литературы, бороться за ее высокое качество.

ИЛЬЯ СЕЛЬВИНСКИЙ

ВСТРЕЧНЫЙ ФОСП'У

1. Основные ошибки плана ФОСП — это, во-первых, изоляция попутников от пролетписателей и, во-вторых, абсолютная незаинтересованность вопросами поэзии.

Эти две ошибки вытекают уже из раздела «о литературно-политической работе»: среди основных писателей, творчество которых должно стать предметом дискуссии, нет ни одного поэта вообще, и ни одного пролетарского писателя в частности.

В отношении пролетписателей предлагаю существенно дополнить список; в отношении поэтов внесу предложение: создать автономную секцию поэтов при ФОСП с правом голоса в секретариате.

2. По сектору кадров:

а) организовать при клубе ФОСП литмастерскую, где часть занятий с ударниками, призванными в литературу.

б) Организовать такую же мастерскую при литфаке МГУ.

3. По литературно-теоретической работе:

Ввести пункт 5—провести дискуссию о диалектическом методе в поэзии.

4. По разделу шефской работы:

Полезно шефству «Электрозавода» и «Красного Пролетария» над рядом писателей добиться распространения рабочего шефства на большинство писателей, налаживая таким образом связь писателя с рабочей массой и литературой.

5. В области материально-бытовой:

а) Открыть фонд дотаций для обеспечения материальной возможности работы писателя над крупным произведением, требующим длительного труда и подробного изучения материала.

Эта возможность будет лучшим средством против системы продажи романов «на корню», против предварительных контрактаций, дезорганизующих халтурное отношение к задуманному произведению и тяжело отражающихся на психике писателя.

б) Осуществить идею премирования лучших вещей начинающих авторов на конец ударников, и в частности выдающихся произведений современной безработицы и голода.

в) Принять во внимание совершенно исключительно глубокое производственное значение путешествий для писателя, выделить специальный аппарат для разработки и осуществления планомерных бригадных поездок писателей по СССР и за границу.

6. По издательству «Федерация»:

а) Открыть серию литературных портретов с массовым тиражом, ценою в 20—25 копеек.

б) Открыть серию серьезных монографий как по отдельным жанрам и видам литературы, так и по творчеству того или другого писателя.

в) Приступить к изданию небольшого ежемесячного журнала, посвященного исключительно проблемам поэзии.

* * *

Предложения «Литературной газеты» подвергнуть плану работы ФОСП широкому обсуждению писательской общественности и выдвинуть встречный план обсуждаемый на-днях правлением ВССП и встретило с его стороны полную поддержку.

Правление союза решило предложить всем членам ВССП принять активное участие в обсуждении плана работ и выработке встречного плана советских писателей.

ДА ЗДРАВСТВУЕТ СМЫЧКА ТЕАТРА СССР С РАБОЧИМ ТЕАТРОМ В СТРАНАХ КАПИТАЛИЗМА
НА ПОМОЩЬ РАБОЧЕМУ ТЕАТРУ ЗА РУБЕЖОМ!
МЕЖДУНАРОДНЫЙ ДЕНЬ РАБОЧЕГО ТЕАТРА

Любительские драматические кружки, музыкальные и театральные союзы в обществах существуют в разных странах Европы и Америки очень давно, точно так же, как и зрительские театральные организации наподобие немецкой «Фрай-Фолксбине».

Чаще всего, в тех случаях, когда в этих организациях участвовали рабочие, движение находилось в руках социал-демократов.

Лишь в самое последнее время, под давлением общей перестройки рабочего класса влево, дух революционной классовой борьбы ворвался в эти спокойные воды мирного культуртрегерства. «Фрайе Фолксбине» в Германии устало сотрясаться от внутренних варывов; народились оппозиции внутри движения и, наконец, произошел раскол. Образовалась «Юнге Фолксбине» — «Молодая народная сцена». Это в области организации зрителей.

Что касается театральных обществ, то здесь создание новых революционных организаций имеет отрицательную важность. Руководство **Рабочим театральным союзом в Германии** было вырвано из рук социал-демократии уже три года назад. Теперь союз насчитывает 300 рабочих кружков и агитпропгрупп, ведущих прямую политическую борьбу средствами театра. Германский союз является ведущим в этом отношении. Его активное участие в политических событиях последних месяцев — в стачке берлинских металлистов, в выборной кампании в рейхстаг — общеизвестно (сотни выступлений, сотни тысяч зрителей, вербовка в компартию, сбор средств и т. п.). Германский союз работает в трудных, но сравнительно «благоприятных» полицейских условиях: он работает относительно легально. В других странах — ряд рабочих организаций, которые принуждены или совсем уклоняться в подполье или конспирировать часть своих мероприятий.

В настоящее время, после образования **интернациональной театральной организации** — международного рабочего театрального об'единения, дело консолидации сил рабочего театра продвинулось вперед. К международному об'единению уже примыкает 15 секций, сегодня или — недавно оформившаяся **французская секция**, насчитывающая в одном Париже 18 рабочих самодеятельных и профессиональных театров с 400 участниками.

Всего во всех примыкающих к МРТО странах, кроме СССР (где, к слову сказать, секция все еще не оформилась), мы насчитываем не менее полутора тысяч рабочих кружков и театров. Здесь, однако, не значено еще фактическое количество. Впереди — огромная работа по собиранию сил.

Этому собиранию сил и средств посвящен первый международный день рабочего театра, который проводится во всем мире 15 февраля.

День этот установлен первой конференцией МРТО, в которой участвовали представители 11 стран, среди них — Германия, Англия, Швейцария, Чехо-Словакия, Франция и ряд других.

Задача дня — укрепление связей рабочего театрального движения в массового революционного рабочего движения, вербовочная кампания в ряды национальных секций МРТО и мобилизация сил в предстоящих и проводимых в настоящий момент международных и политических кампаниях.

Основные лозунги дня: концентрация всех сил рабочего театрального движения на выполнение политических задач. Превращение рабочих театров и агитпропбригад в действенное орудие борьбы против надвигающейся империалистической войны. Пропаганда международного революционного значения социалистического строительства в СССР. За боевой революционный интернационализм рабоч. театра всего мира.

Международный день рабочего театра должен помочь интернациональной консолидации сил рабочего театра, а профессиональный и самодеятельный театр СССР должен усилить свою помощь рабочему театру за рубежом.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЛЕНИНГРАД

От нашего корреспондента

1. Почтовая связь... с массами. — Самопроверка нацсекций ЛАПП. — Перестройка „Стройки". — Писатели и фабрики книги. — „Голосуем за колхоз" — Смотр завздских литстраниц. — Первый залп

«Московский прорыв», правооппортунистическую практику старого руководства МОКП, в свое время ленинградская организация крестьянских писателей расценила как сигнал к пересмотру и учету работы и деятельности всей организации. ЛОКП поставило вопрос о проверке рядов крестьянских писателей, их отчистки от классово-чуждых элементов. Постановления областных конференций и последнего пленума ВОКП подтвердили решения о чистке общества.

Чистка в ленинградской организации началась. Но с самого начала застопорилась теми же тормозами, которые мешали и многочисленной перестройке МОКП: бюрократически канцелярскими методами работы.

Первое открытое заседание комиссии по чистке справлялось на-ас... двухсотенной марки.

— На разосланных повестках были поставлены трехсотенную марки, вместо полагающихся пятисотенных: большинство повесток к адресатам не дошло, — так заняв на слишком малолюдном собрании председатель комиссии, отнявшая часть.

Можно негодовать против формально-бюрократического подхода органов связи. Но еще большей критики заслуживает формально-бюрократическая связь комиссии по чистке ЛОКП с пролетарско-колхозными местами, с литературной общественностью. Почтовые повестки — как будто единственная «форма» мобилизации общественного внимания к конкретным задачам чистки; избранная комиссией даже ЛАПП, находящаяся в том же Доме печати, в соседней комнате, была извещена о чистке все той же злополучной почтовой повесткой. Никакой подготовительной работы по делу. К примеру ленинградского отделения ЛОКП не привлечены литкружковцы — рабочие совхозов и колхозников. Только на несостоявшемся собрании, — нет худа без добра, — по предложению секретаря ЛенФОСП И. Смирнова в комиссию были введены представители литкружка и одного из районных отделений.

Четыре стены комнаты ЛОКП взмыкнули общественную чистку крестьянских писателей. Такой «кабинетности» должна по возможности избегнуть проводимая ЛАПП самопроверка национальных секций. О своевременности этой самопроверки говорят такие факты, как позднее исключение из украинской секции ЛАПП двурушников Криворучко и Ирия и выход в свет творческого сборника белорусской секции, свидетельствующего об отдельных вылазках правых в нацсекции ЛАПП. Пролетарская общественность должна дать им решительный отпор.

***

Новое правление лентотдела ВССП включило в свой рабочий календарь ряд вопросов литературно-производственного порядка. Среди них — доклады представителей союза в редакциях издательств и журналов. На последнем расширенном заседании правления и актива **М. Слонимский** сделал доклад о своей работе в редколлегиях ГИХЛ и «Стройки». Предстоят доклады **М. Козакова** («Ленинград») и **Н. Тихонова** («Звезда»).

Оживленному обсуждению подверглась часть доклада т. М. Слонимского, посвященная «Стройке». Как известно, задачей этого журнала было содействие срабатыванию актива ВССП с активом ЛАПП. Но докладчик, оглядываясь на за вышедших номера, констатировал, что в «Стройке» почти не сотрудничали видимейшие пролетарские писатели. Срыв плана произошел и на критическом участке Литфронтовская борьба с рапповским большинством была перенесена на страницы журнала. — Отдельные группы не только сработались,—рассказывает М. Слонимский, — но и сговорились. Линия «Литфронта» для меня как члена редколлегии была неприемлема. Журнал же боролся с напостовцами, эпизодами литфронтовцев, попутчики совершенно выпадали. После того, как из состава редколлегии были вычеркнуты тт. Слепнев и Козаков, я вообще почувствовал себя в редколлегии заложником, я не представителем литорганизации.

В прениях выступили тт. **Штейман, М. Козаков, В. Каверин, Н. Тихонов, Ю. Полетика, Н. Браун, Ник. Чуковский, Груздев** и др. Отмечая правильность линии М. Слонимского в «Стройке», писатели и критики указывали на необходимость регламентирования роли представителей литорганизаций в редакциях: до сих пор мы имели здесь какую-то кустарщину. Был сделан и ряд конкретных предложений по перестройке «Стройки», которая сейчас становится органом ВССП.

***

Без каких-либо «трений» проходит работа М. Слонимского в редколлегии ГИХЛ. По заявке союза в издательский план включено издание около 400 печатных листов прозы, поэзии и критики, принадлежащих перу членов ВССП. Издаются: роман **Ольги Форш** — «Сумасшедшие», очерки и рассказы писательницы о текстильной фабрике; повесть **В. Каверина** — «Дэ Кихот в совете»; повесть **Н. Никитина** — «Лагерь энергии»; собрание сочинений **И. Федина** и **М. Слонимского**; **«Петры великие»** — **Д. Четверикова**; **И. Садофьева** — «Моя республика» (проза); **Л. Грабаря** — «Реконструкция человека»; книга повестей **М. Зощенка** и др.

— Но раздел советских писателей в плане ГИХЛ, — считает т. М. Слонимский, — все же нельзя считать полным. Многие из писателей отнеслись к нашим вопросам «как к очередной повестке», не дали заявок на издание своих произведений.

М. Слонимский в своей дальнейшей работе по ГИХЛ обещает обратить особое внимание на необходимость улучшения производства книги, которое в последнее время резко ухудшилось. Многочисленные опечатки становятся обычным явлением, свидетельствуя о недопустимой небрежности. В книгу Б. Каверина вверстали недавно 2 листа... из Синклера.

Вопрос о необходимости вмешательства литорганизаций в производственную жизнь фабрик ставит и ЛОПКП.

Писатели ЛОПКП обвиняют ГИХЛ в недостаточно внимательном отношении к оформлению книг крестьянских писателей и к работе издательства с крестьянскими писателями, которые, по словам членов ЛОПКП, ставятся в худшие условия, чем, например, члены ВССП. В ближайшие дни ЛОПКП созывает производственное совещание писателей ГИХЛ. На совещании будут выяснены и причины, мешающие выполнению генерального договора, заключенного в прошлом году ГИХЛ и ЛОПКП. Выполнение этого издательского плана тормозится писателями, медленно представляющими рукописи.

В связи с недочетами писателей работой наборщиков, корректоров и др. работников типографии, **Лидия Сейфуллина** — член ЦК профсоюза бумажников и печатников — выдвинула интересное предложение.

— Наборщики так же ругают писателей, — говорит Л. Сейфуллина, — как и писатели наборщиков. Чего стоит наша авторская корректура. Вместо корректуры авторы часто шлют... новые книги. Вместо того, чтобы говорить о «провалистах» наборщиков, Л. Сейфуллина предлагает писателям наладить культработу с печатниками и бумажниками.

***

Писатели ЛОПКП ставят в вину ГИХЛ и невнимание литературы для деревни во время ударного квартала. Зато в ударные месяцы выпустили сборник писатели совхозов и колхозов — призывники в литературу. В сборнике «Голосуем за колхоз», изданном двенадцатью районными отделениями ЛОПКП, отражен план экономического развития данного района в третьем году пятилетки, очерки и стихи агитируют за колхозное строительство, рисуют преимущества и достижения коллективного хозяйства. В сборнике нет ни одного вымышленного лица, факта. Это делает его действенным оружием пропаганды. Некоторые очерки («Красновальевская быль» и др.) достаточно сильны и в формальном отношении. Они будут перепечатаны в журнале «Резец».

Призыв ударников в литературу оживил и литературные страницы заводских газет Ленинграда. Правда, эти страницы — творчество ударников — до сих пор почти не учитывались. Предварительное обследование показало, что литстраницы нуждаются в глубоком исследовании и в устранении ряда организационных помех.

Президиум ЛАПП решил провести широкий смотр заводских литстраниц. Предполагается организация совместно с ФОСП конкурса и выставки. Создан штаб смотра; в него введен и член корреспондент как представитель «Литературной газеты».

***

Вышел первый номер журнала «Залп» — органа ленинградского и балтийского отделения ЛОКАФ. Сейчас еще рано давать оценку локафовскому журналу. Трудно судить о «вкладании» интересов первого «Залпа». Но кое-каких замечаний журнал заслуживает уже теперь.

Выстрелами разит врагов. Выстрелами салютует и героям. Книжка «Залпа», вышедшая к 60-летию К. Е Ворошилова, должна была салютовать юбиляру «главнокомандующего от станка».

Залпов салюта не было. А локафовскому журналу не следовало бы таиться в обозе ежемесячников, завтра говорить о сегодня.

Журналом в первом номере сделана интересная новинка: в нем напечатана неоконченная повесть С. Михайлова — «Выход на бой», затрагивающая острую проблему: может ли оставаться в РККА сын кулака, хотя и показавший себя в армии отличным бойцом и общественником. Решить эту проблему должна рабочая общественность, редакция предложила самим читателям. Таким образом, в журнале предстоит литературно-оформленная дискуссия.

Ленинград.

Б. РЕСТ.

ЛУЧШИЕ ПРЕДСТАВИТЕЛИ ЗАПАДНОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ ПОДНИМАЮТ СВОЙ ГОЛОС

В ЗАЩИТУ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

ОНИ ПРИХОДЯТ К ПРИЗНАНИЮ, ЧТО

СТРАНА СОВЕТОВ—ЕДИНСТВЕННЫЙ ОПЛОТ МИРОВОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

ПИСЬМА ИНОСТРАННЫХ ПИСАТЕЛЕЙ

РОМЕН РОЛЛАН

Ф. ГЛАДКОВУ, И. СЕЛЬВИНСКОМУ

Федор Гладков, Илья Сельвинский — дорогие товарищи, вы обо мне написали с дружеской сердечностью. Благодарю вас. Вы знаете так же, как знают, надеюсь, и все ваши собратья в СССР, что я — ваш верный друг и защитник нашего Союза на Западе. Я приветствовал нашу вторую революцию с минуты ее рождения, в 1917 г., и с тех пор я неустанно выступал за и против тех, кто ее ненавидит и клевещет на нее. Всего несколько дней назад я беспощадно сорвал лицемерную маску с так называемых «пан-европейских». Я борюсь в СССР и буду отстаивать его дело до последних сил.

Следовательно, все за то, чтобы между нами царило согласие и чтобы мы этому согласию радовались.

Но мы вправе также ценить и признавать свое право, каждый на свой лад, на свою долю участвовать в общем деле. Вы, Гладков, — «коллективист»[1], Сельвинский — «индивидуалист». Я, как и вы, — «историчен», и я, как и вы, — «человечен». Вы, Гладков, — «историчен», и я, как и вы, — «человечен». Вы, Сельвинский, — «индивидуалист», и я, как и вы, — «индивидуалист». Да, я тоже «историчен» и «человечен». И этот «индивидуалист», этот «верующий в человечество» борется за нас. Вместо того, чтобы кричать: «Нет, этого не может быть!» — не следовало ли нам скорее подправить себя и тем, что это так и что наш СССР сумел привлечь на свою сторону лучших борцов за «индивидуализм» и «гуманизм».

Вы говорите, дорогой Илья Сельвинский, что «индивидуальной свободы не существует», что «интеллигент не был и никогда не может быть свободным». Вся моя жизнь служит доказательством обратного. Я жил свободным. Среди братьев всего, что я любил, за что я боролся, чем я был сам, но всегда оставался свободным. И я купил эту свободу ценой почти полного одиночества мысли, окруженной к тому же атмосферой яростной враждебности. Нет нужды вам напоминать о том, насколько это было тяжело, особенно тяжело для сердца, подобного моему, которое никогда не стремилось создать себе из бесчувственности профессию, которое любило любить и быть любимым. Но я сохранил всем — и смелым, и честолюбием, и мягкой рати того, чтобы быть и остаться свободным. И я им остался. Свободным и одиноким на всю жизнь. Я был чужой среди европейских умеренностей, чьих горных догматов и «догматов» сверхчеловеческих я никогда не мог разделить, одинок и своей родной стране, с национализмом которой я так боролся, одинок и первые дни 1914 г., когда я разоблачал братоубийственную войну.

И я стал еще более одиноким со времени заключения мира, того ложного, рабовладельческого мира, который я непрестанно обличал и пересмотра которого требую. И вот единства, всего лишь с небольшой горсткой единомышленников стою я на Западе, чтобы защищать СССР, и бороться бок-о-бок с ним.

Не говорите же, Илья Сельвинский, что «нельзя быть свободным». Свободен тот, у кого хватает мужества пожертвовать всем ради свободы своей души. И если я настоящее время на свете мало людей, имевших подобное мужество, то, что ж, тем более необходимо, чтобы я служил таким примером. И я не изменю себе до самой смерти.

Что же касается той «человечности», о которой «именно», по-вашему, Федор Гладков, «говорить в наши дни» грели бы слабой эгоистической и простой сказки, то мне кажется, что именно теперь-то и следует встать на защиту этой «человечности» в этом больше риска. Теперь «человечность» — знамя, и притом в ту минуту борьбы, когда ему грозит быть растоптанным. И его выставляю во-под нос осторожному дерущихся людей. Точнее меня, если ни этого хотите...

Рассмотрите, когда речь идет о том, чтобы обличать злодеяния преследователей «человечности» и «мира», мы вместе. И это же делал это более жестко и неуклонно, чем я — автор «Пилюль»? Не знаю, чем я — автор «Пилюль»? Не знаю, чем я — автор «Пилюль»? Не знаю

СОВРЕМЕННАЯ СОВЕТСКАЯ ДРАМАТУРГИЯ и НАШИ ЗАДАЧИ

ДОКЛАД тов. С. ДИКАМОВА НА ТЕАСОВЕЩАНИИ РАПП

1. ПОПУТНИЧЕСКАЯ ДРАМАТУРГИЯ

Проблема драматургии — это и проблема театра, ибо драматургия имеет ведущую роль в развитии театра. Реконструкция всего театрального движения в нашей стране невозможна без реконструкции драматургии. Пролетарское литературное движение должно уделять исключительное внимание вопросам драматургии.

— Мы обязаны продолжать решительную борьбу с буржуазным наступлением в драматургии, нашедшим свое выражение в «Днях Турбиных», «Багровом острове», в «Союзе честных людей» и т. д. Одновременно необходимо усилить борьбу с «красной» халтурой — наиболее отвратительной формой приспособленчества, часто встречающейся в области драматургии. Жестокая борьба с «красной» халтурой есть в то же время борьба ЗА советскую драматургию, за попутчика и союзника на театральном фронте.

Мы мало занимались этой двусторонней борьбой, и театсовещание РАПП должно стать поворотным в этом отношении. Пролетарское литературное движение боролось и будет бороться за превращение «попутчиков» в подлинных союзников рабочего класса.

— Попутничество есть исторически сложившаяся форма переделки мелкобуржуазного художника в художника революционного, хотя для некоторой части попутничества эта форма движения стала формой застоя, а некоторые, перестав быть попутчиками рабочего класса, превратились в литературную агентуру буржуазии.

— Попутничество есть явление переходное. Из этого вытекает и генеральная тема попутнической драматургии: «принять» или «не принять» революцию. Попутник-драматург вынужден здесь основное свое внимание сосредоточить на психологии и революция охватывает огромное большинство пьес («Человек с портфелем» — Файко, «Огненный мост», «Воздушный пирог», «Смена героев» — Б. Романова, «Кто идет» — Шкаренкин, «Заговор чувств» и «Список благодеяний» — Олеши, «Унтиловск» — Леонова и др.). Но правильного решения этой темы у драматургов-попутчиков не получается. Для ряда авторов она остается чисто внешней темой, они берут ее в отрыве от общего развития, обескровливают, схематизируют ее, давая случайное разрешение стоящихся вопросов.

Творчество Б. Романова — пример такой схематизации, обусловленной тем, что художник бессилен понять нашу действительность во всей ее полноте.

Л. Леонов и Ю. Олеша «психологизируют» тему отношения интеллигенции к революции. «Осложненность» их пьес — чисто индивидуалистическая. Ю. Олеша влияние кажется художником движения, он обращается к потрясенным расщеплением людям, он воспроизводит их в наиболее трагические моменты, но это «движение» есть исключительно индивидуальное, оно есть особая форма покоя, неподвижности, ибо Ю. Олеша все еще не может прорваться к революции, он не обращается к тем процессам, которые действительно ведут мелкобуржуазную интеллигенцию к пролетариату. Огромный мастер, лучший драматург нашего времени, Ю. Олеша должен преодолеть эту ограниченность и тогда он получит новые творческие возможности, чтобы сделаться ближним союзником пролетарской революции.

Второй главной темой попутнической драматургии — это гражданская война. «Любовь Яровая» К. Тренева и «Разлом» Б. Лавренева характерны для того цикла пьес о гражданской войне, в которых последняя является фоном для решения моральных проблем. Тема гражданской войны становится «личной» темой.

«Бирюзов» Л. Леонова дает новое качество, художник обращается преимущественно к общественному, но он не в состоянии воспроизвести гражданскую войну в ее объективности.

«Бронепоезд» Вс. Иванова — новая линия отношения к гражданской войне: художник пытается наметить ЦЕЛИ борьбы. Пьеса — резкий скачок вперед, художник активно приближается к своей теме, он видит в ряде случаев подлинную природу борьбы. К сожалению, в «Блокаде» Вс. Иванов отходит от этого,—он обращается главным образом к внешнему, к случайному, к индивидуальному.

Тема гражданской войны по-настоящему еще не разработана, она очень широка. Ее нужно «локафицировать», осмыслить в свете задач сегодняшнего дня. Тогда тема гражданской войны будет и темой периода социалистической реконструкции. Мы категорически отвергаем «навязывание» попутническим писателям только тем о сегодняшнем дне, ибо существенно отношение художника к изображаемым явлениям, а не внешняя злободневность. Но одновременно мы боремся за глубокое изображение писателем именно сегодняшнего дня, ибо только в этом случае писатель-попутчик может перевооружиться, только в этом случае он может по-настоящему воспроизвести и прошлое.

Следует приветствовать наметившийся перелом попутнической драматургии в сторону современной тематики. Но и в этих пьесах со всей очевидностью выступают все идеологические-творческие недостатки попутнической драматургии. Основные из них — неумение воспроизвести новые общественные отношения, индивидуальным и схематым, выначиванье второстепенного и случайного.

На ряде пьес т. С. Динамов показывают эти недостатки, особо останавливаясь на пьесах, в которых имеются положительные моменты («Земля» Дм. Щеглова, «Мгла» Прозоровского, «Выпа» М. Шкапскаича, «Ярость» Яновского). «Авангард» Б. Келина—двойственная пьеса: с одной стороны—художник не идет по линии «лакировки» явлений, он пытается вскрыть противоречия колхозного строительства, а с другой — дает этим противоречиям случайное разрешение, тем самым связывая их.

> **«Линия огня» Н. Никитина—свидетельство того, что попутническая драматургия действительно перерастает в союзническую. Мастерство здесь находится в единстве с идейной устремленностью пьесы, актуальная тематика (социалистическое строительство) в пьесе не есть только внешнее, но спаяна со всем ее содержанием. «Линия огня»—пьеса подлинного близкого союзника рабочего класса.**

В попутнической драматургии намечается безусловный сдвиг. Нашей обязанностью является внимательно следить за ее развитием и бороться за идейное перевооружение попутчиков и союзников, за актуальную тематику.

2. ПРОЛЕТАРСКАЯ ДРАМАТУРГИЯ

Пролетарская драматургия ставит основные вопросы своего класса. Ее основная тема — социалистическое переустройство страны. Совершенно закономерно, что пролетарские драматурги обращаются здесь, с одной стороны, к рабочему классу, а с другой — к крестьянству. «Рельсы гудят» Киршона, пьесы Виль-Белоцерковского, «Быстрей» Безыменского, «Шпана» Колосова и В. Герасимовой, «Ударники» И. Чуркина и пьесы тракторских авторов дают новое качество тематики: драматурги воспроизводят работу ударных бригад. Коммунистическое отношение к труду—для них основная тема. «Двор» А. Караваевой, «Хлеб» Киршона, тракторская «Целина» — пьесы о социалистической переделке крестьянства.

Пролетарский драматург вместе со своим классом борется за интеллигенцию. Так изображают «Спецов» Гладкого, «Чудака» Афиногенова, «Инга»—Глебова. Пролетарская драматург обобщает исторический опыт своего класса: так возникает пикл пьес о гражданской войне. Киршон в «Городе ветров» обращается к опыту борьбы своего класса в исключительно трудных условиях, хотя не овладевает темой в полной мере. Тематике грядущей войны посвящены и две пьесы Вишневского «Первая Конная» и «Последний решительный». Кулиш в «Мамуре» берет тему о строительстве Красной армии.

> **Пролетарская драматургия развивается в борьбе с буржуазным искусством, ему противостоит искусству капиталистических классов. В пролетарском искусстве развиваются и противоречия,—в нем обнаруживаются буржуазные влияния. Ряду пролетарских авторов свойственны крупные недостатки.**

Пролетарские драматурги не всегда видят явления в их целостности, воспроизведением одной из сторон явления они часто подменяют изображение целого, разрывают закономерную связь явлений. Либединский в «Неделе» с некоторой степени отрывает психологию своих героев от социальных классов. Это же свойственно «Чудаку» Афиногенова.

Не умея вскрыть классовой связи явлений, писатели скользят по поверхности часто весьма интересных фактов. Обман «ведущего» в «Первой Конной»—это вегетарианство авторского неумения видеть отдельное в связи с общим. Вс. Вишневский в «Последнем решительном» также не подошел к тому, чтобы задеть действительность в ее классовой закономерности. У ряда авторов связь событий идет по «авантюрной линии», зачастую как «мышление по-Дюма» есть прямое выражение буржуазного влияния.

Схематизм попрежнему остается основным недостатком пролетарской драматургии, не позволяя воспроизвести действительность со всей необходимой полнотой. «Выстрел» Безыменского — яркое выражение схематического похода к действительности. А. Караваева в пьесе «Двор» упрощает процесс социалистической перестройки деревни, она берет субъективные устремления крестьянства вне связи с процессом коллективизации.

Схематизм — неизбежный этап в развитии пролетарского стиля—нужно считать исторически пройденной ступенью. Всякое вторжение схемы и закон должно встретить решительный отпор. «Страх» Афиногенова, «Хлеб» Киршона и др. — политический театр. Но политическое у них перерастает в искусство, и тем сильнее оно воздействует на зрителя.

Нашими задачами является: воспитание новых кадров пролетарской драматургии, без чего невозможна реконструкция театра. Это обязывает РАПП обратить серьезнейшее внимание на самодеятельную рабочую и крестьянскую драматургию. Необходимо включиться тракторским движением. Повышение идейного уровня пролетарских драматургов тесным образом связано с вопросами тематики. Необходима длительная работа по овладению тематикой социалистической реконструкции. У нас почти нет пьес, обобщающих исторический опыт борьбы рабочего класса. Мало занимается пролетарская драматургия и темами, связанными с оборонной службы. Наконец, интернациональная тематика совершенно отсутствует, хотя РАПП и является ведущим отрядом мировой пролетарской литературы. Не занимался РАПП и крестьянской драматургией.

Необходимо усиление внимания попутнической драматургии.

При продолжении борьбы с буржуазными влияниями, при решительной борьбе с антропологическими теориями схематизма и «лакировки» действительности, при неустанной работе над повышением идейного уровня пролетарских драматургов, эта задача, стоящие перед Российской ассоциацией пролетарских писателей, будут выполнены.

„ХЛЕБ" В. КИРШОНА НА СЦЕНЕ МОСКОВСКОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕАТРА

Надлома известно, что драма так же, как и комедия, может быть направлена по преимуществу на ситуации или по преимуществу на характеры. Однако, для того, чтобы выявить характеры, нужны определенные ситуации. Только в драме характеров очевидно сразу, что центр тяжести не в этих ситуациях, не в социальной обстановке, а в анализе личностей. А в драме ситуаций очевидно, что автору не кажется нужным вскрывать то, что происходит в сознании действующих лиц. Личности здесь являются фигурами-игры, они могут быть сведены почти к маскам. Но во взаимоотношениях их есть нечто большее, чем они сами. Те или другие конфликты интересы и характеры сами по себе. Мы, конечно, совершенно отбросим такие драмы и комедии положений, которые сводятся к внешним патетическим или комическим случайностям. Такими пустяками могут заниматься только классы или эпохи, требующие от театра легкого и поверхностного развлечения. Поэтому для нас пьеса ситуаций это — театральный спектакль, дающий отражение некоторой общественной комбинации сил, с которой мы считали нужным познакомить широкую публику путем непосредственного участия ее в динамическом развертывании этой комбинации на сцене. Точно так же в наше время выбрать своей задачей расшутывание каких-нибудь усложненных и оригинальных характеров мне отношения их к увлекающим нас всех бурным потокам общественных событий,—значило бы уйти от основного пути нашего искусства. Нас может интересовать только такой характер, который является для нашего времени либо источником силы, либо источником слабости. Характер интересует нас как энергетический элемент в общественной жизни. Из этого, однако, можно сделать вывод: драма ситуаций может быть у нас небрежной по отношению к психологии, а характеристика есть часть психологии. Я автор может быть небрежной, но не должна быть такой. Можно представить себе пьесу, широко изображающую общественную комбинацию сил, но вместе с тем дающую зрителю возможность присмотреться к отдельным персонажам, «действующим лицам» всей комбинации. Но с другой стороны — врядли умеснно представить себе в настоящее время драму характеров, в которой эти характеры были бы показаны вне связи с общественной деятельностью.

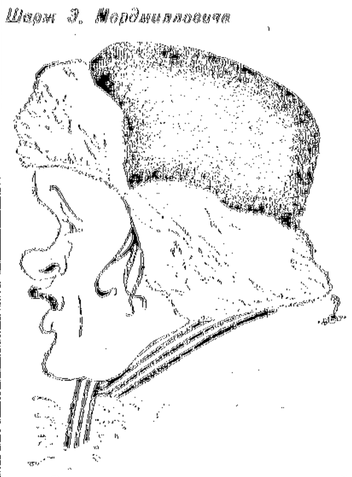
Пьеса Киршона построена так, что ее можно характеризовать как драму ситуации: художественно-типичной изображении процесса хлебозаготовок в моменту острого соприкосновения диктатуры пролетариата с различными сословными деревни. Но ее можно характеризовать также как драму характеров: противопоставления того, что в нашей был генеральным типом большевика — этакому внутриинтеллигентскому попутнику, против генеральный тип и внутриинтеллигентский канон сегодня не как маски, а как «живые люди». Это совершенно вполне закономерно, и оно представляет собой шаг вперед в развитии нашей драматургии.

Я слышал голоса, которые упрекают Киршона в том, что его деревня уже не наша деревня. В настоящий момент над всем нашим колхозным сектором, а у Киршона этот вопрос затрагивается весьма косвенно. Это было сказано, в 1929 г. Время наше бежит быстро. Нисколько не отрицая существа задачи уплотнить время путем его театрального «ледникования», я обязан обратить внимание на то, что, если мы будем считать недостатком комедии художественное освещение вчерашнего дня, то мы вообще никакой художественной беллетристике иметь не будем.

Некоторые физики пришли к выводу об индетерминированности внутриатомных элементов на том основании, что электрон движется слишком быстро, что в так называемого момента акта познания измерения, как бы кратки он ни был, он перемещается. Так и мы часто бы пришли к выводу, что у явления нет подлинно глубоких корней и нет определенного рельефа физиономии, потому что пока накладишь сажу с него действительную копию — он уже меняется.

Может случиться, что моментальная зарисовка будет вместе с тем художественна, но, вообще говоря, надо помнить, что без труда настоящих художественных результатов не дается, а труд требует тщательности, следовательно, — и длительности. Если бы даже Киршон просто хотел нам потверже зарисовать черты хлебозаготовки, какой она является в деревне по преимуществу единоличнической, то и тогда было бы смешно его упрекать. Ему эта деревня нужна как фон для его социально-психологической, партийно-характерологической задачи. При таком условии он целиком оправдан. Сама комбинация в указанных рамках дана верно, хотя мы не узнаем при этом ничего особенно нового. Художественный театр вольется крестьянскую личность в крестьянскую массу в живых, тонких образах. Это даст возможность сотням тысяч людей, не имеющих подлинной хлебозаготовки, пережить ее через посредство сцены.

Шарж З. Мордвиновича



Секретарь комсомольской ячейки Зотова—Бендина

Характеристическая часть построена на довольно резком противопоставлении двух основных типов. Для характеристики Михайлова — генерального большевистского типа — Киршон дал достаточный материал. Этот материал оказался при этом не только в руках артиста-мастера (**Добронравов**), но еще и артиста, обладающего специфическим обаянием, родственным этому типу своей огромной внешней простотой, при огромном внутреннем переживании. А это и есть основной тезис большевизма. В генеральном типе большевика нет позы, нет фразы, нет рисовки, нет романтики, есть бы некрепкой, но нервической. Генеральный тип большевика спокоен. Он ведомый, в поэтому «Ольги», которых так много среди нашей интеллигенции, склонны считать этот тип деловым и скучным, что и выказывается на сцене Ольга своему мужу. Между тем, это спокойствие, эта деловитость, эта постоянная занятость делами, которые иной раз могут показаться мелочами, сиранизуются тем постоянным огромным внутренним напряжением, тем клубящимся сплошь стоящей впереди гигантской цели, которое каждый отдельный поступок, как бы он ни был мал, подчеркивает, выкрашивая его из заурядного, делая его частью небывалой в истории реально творимой новым социализмом.

Киршон не ограничивается картиной героического делового поведения своего героя для того, чтобы разбить вдребезги слишком речи о незаконности и сухости большевика. Он показывает еще более глубокое чувство и нем: чувство его социальное и индивидуальное. Социальное его чувство в прекрасно проявляется в великолепной фразе о «бирстве и о колонии, которую он бросает Раевскому, исступающемуся перед крестьянством. Вы сразу чувствуете, что этому холодному Михайлову мужики дороги. Ему приходится иной раз нежно суровою подходить к ним, когда они поддаются влиянию кулака. Но вообще он чувствует себя не только слугой рабочих, но и крестьян: все идет к одному единству, к общему строительству. Не нравится ему только кулак. Это та же музыка, которая звучит в некоторых фразах последней речи Сталина, читая которую каждый большевик с необыкновенной яркостью ощущает это обязательство, взятое на себя перед рабочими и крестьянами СССР.

У Ленина было необыкновенно много такого горячего чувства, полного братской симпатии ко всем трудящимся, не только к рабочим, но и к крестьянам и к какому-нибудь дальнему кули.

Михайлов — в пьесе Киршона,—кроме того, лично сердечен. Скупо в тонко отмечается его величие по поводу отхода от него Ольги. Видно, как крепко может любить этот человек.

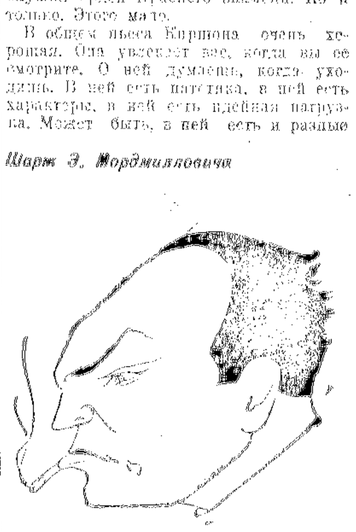
Многие говорят, что Киршону не нужно было придумывать слабовной фабулы», строить треугольник из Михайлова, Раевского и Ольги. Треугольник действительно сам по себе не на удалых. История, если ее кратце рассказать, весьма банальна. Но в этом треугольнике есть одна сторона, которая была необходима. Через упреки Ольги Михайлову — в бесчувственности — и реплики Михайлова из ее слова и поступки— мы глубже проникаем во внутренний мир этого человека. Он ведь не любит нукать туда в этот внутренний мир, он и сам туда редко входит. В сущности он знает, что там все благополучно. Ему нечаем, как Раевскому, ежеминутно растравлять свой инструмент, с виду его «инеструментность» и недоброкачественность струн. Михайлов знает, что инструмент вообще и вообще, и смело играет на его клавиатуре.

Ольгу, понятному, надо играть не так, как играет **Тарасова**. Так не выходит. У артистки симпатичный и здоровый женский облик, к тому же у нее умное лицо, которое она делает еще более умным при помощи целой гаммы точных движений. Если Ольга — человек разума, наблюдательница (в то, что есть в том-то, подкрепляет такое понимание), то она вместе с тем всякому глупа, ибо быть умной и наблюдательной и не понять довольно быстро, чего стоит знаменитый хвост Раевского и какое одновременно скрывается под серой шинелью Михайлова — это безмузительно. Публика не может не возмущаться, не может не пожимать плечами над таким парадоксом. На самом деле Ольга не такова. Она—интеллигентка-истеричка, и надо давать ее на истерике. Временные умных улыбок, побольше острых внезапных кризисов, капризничания, смятения, стремления немедленно к чему, органической неудовлетворенности. Вы спросите — да откуда же это? Ведь Ольга — долголетняя, дорогая подруга Михайлова. Вот именно оттуда. Михайлов сам говорит, что ему недоставало присматриваться к Ольге. Человек большой и с любовью сердцем, он привязался к подруге своей жизни, и она долгое время томилась, скучала, сдерживалась. Перед таким человеком было неудобно истерничать: среда не располагает к этому. Но явился Раевский, сжатою интеллигентским дымом, букетом несомненно острого индивидуализма, романтики, и взрыв прорвался. Удивленными глазами смотрит на это Михайлов. Он почему и говорит о болезни. Ольга вдруг повернулась своей блестящей стороной, выявила свою истерику. Только так надо играть Ольгу, только так она будет приемлема.

Я присоединяюсь также к Раевским. Я не могу хорошенько разобраться — Киршоном я недоволен или Хмелевым. Кажется мне, что Киршон дал достаточно краски для Раевского. И вообще нечего, что линия его поведения весьма разнообразна: есть что вынграть. Принимаю также, что линия эта по-своему логична и логичности своей. Она отражает внутренний характер Раевского. Я только спрашиваю себя: достаточно ли дано у Киршона блестящих красок? Михайлов, например, говорит в первой картине Раевскому: «Красиво рассказываете». Хмелев действительно старается рассказывать красиво, но текстуально мало художественно. Разве так может пораскажет о чудесах большой европейской столицы кот такой красноречивый! Тут надо было, очевидно, дать что-то вроде подлинного художественного очерка берлинских улиц. Текст тут не превышает заурядного, обывательского повествования. Тут уже, очевидно, Киршон виноват, но это только маленький момент, а вот в общем — достаточно ли для Киршон увлекательности фейерверка, внешней зарисовки, которые оправдывали бы увлечение Ольги, которые родили бы Раевского с теми интеллигентскими темами в нежной партии, про которых наши «Ольги» в юбках и панталонах не устают повторять, что партия их снижает, что она обрежет их лучшие перья, чтобы приблизить их к среднему уровню. Обаяния в Раевском мало, того внешне-декоративного обаяния, сквозь которое должна проступать его первичная мелочность, его внутренняя пустопаетность. У Михайлова фасад — красноармейская шинель, а внутри — гигантский мир мыслей, энергии, социальной ценности. У Раевского внутри — перечень, настроенице, самообольщение, самоснисхождение и вот то фаталистическое примирение с партийным «железным обручем», о котором говорится в первой картине, а внешне должно быть больше рутинного красноречия, больше пошлого ума, должна быть какая-то будто бы срединая или льняная отдача. По-моему, не надо было скупиться на внешнего позолоту. Тем смелее был бы удар по «пошлячам». А пакпины, нынче разукрашенные внутренними попутчиками особенно вредны. Ходили слухи, будто бы Раевский сперва показался самому театру столь обязательным, что чуть было не вычеркнулась вся система раскрашивания, чуть было Раевский не оказался «человеком» в пропитке Михайлову, как «чабретистом». Построено, мне кажется, бояться этого не надо было, а надо было и Киршону, и особенно Хмелеву подбавить внутреннего блеску. Его было мало. Раевский на сцене просто несимпатичен, просто мелковат. Да, пожалуй, личная сложность есть у него, как воспоминание о тех днях, когда он заслужил орден Красного знамени. Но и только. Этого мало.

В общем пьеса Киршона очень хороша. Она увлекает все, когда вы ее смотрите. О ней думаешь, когда уходишь. В ней есть пластика, в ней есть характеры, в ней есть здоровая патрунка. Может быть, в ней есть и разные

Шарж З. Мордвиновича



Раевский—Хмелев

драматургические приемы, более или менее мелкого характера. Язык — иногда очень удачный: первый разговор кулака — снижается порой, становятся белым, серозатым.

Но все драматические эффекты — сами по себе удачные — логически подготовлены. Есть лишние сцены и т. д.

Но мы сейчас не задаемся целью подробного анализа драмы. Мы хотели только подчеркнуть самое важное, и, пожалуй, самое важное то, что в пьесе есть это самое важное.

С этим можно поздравить и драматурга, и театр. У нашей публики, у близкой нам публики, пьеса будет иметь хороший, глубокий успех.

А. В. ЛУНАЧАРСКИЙ

ЛЕОНИД ГРОССМАН

В КАБИНЕТЕ ДУБЕЛЬТА

ГЛАВА ИЗ РОМАНА О ДОСТОЕВСКОМ

Он сидел в глубоком кресле с высокой спинкой, тонкий, легкий, сложно весь изощренный, проницательно-холодный, чуть улыбающийся, большие очки-пенсне при этом зеленым своим глазами и розовым оскалом белоснежных длинных зубов под полуседыми и пушистыми усами, в каких изображают обычно Мефистофеля. Достоевскому мгновенно и сразу представилась вдруг вся жизнь его страшной детской галлюцинации: материй, остромордый, белесоватый волк с наглухо пылающими глазами несся на него, желая своими сверкающими клыками.

Генерал любезно наклонился и указал ему на стул перед самым бюро. Под восьмилучевой золотой звездой, полубоко мундира, казалось, отливало нежным эфиром или лазурными волнами Адриатики и солнечной ласке эмигрантского Кале Людовик Бурбонский. Блистание парадного убора (Дубельт только-что вернулся из зимнего дворца, куда он сопровождал Орлова для высочайшего доклада о «большом деле» в третьем отделении) осенило непосвященный взгляд. Одновременно знали тяжелой неприятной грозы скопали с высокой вершины, словно сказочные вишуганы серебряными обручами. Казалось, крест и медали были недро брошены целей пригоршней на эту доблестную грудь верноподданного государственного стража.

Несколько мгновений, откинувшись на спинку кресла, он молча оглядывал своего гостя фосфоресцирующими глазами, взором, с неизменным выражением любезности.

— Нас беспокоило опасение, — начал он серьезным, но не лишенным некоторой вежливости тоном, — что писатель с таким именем, как Федор Достоевский, окажется замешанным в это печальное и конечно недоброе дело. Но мы не терпимся с обвинениями, — сказал он, — следствие еще не сказало своего последнего слова, и вы, может быть, сможете свою непричастность к преступным замыслам (он как-то сразу выпрямился в кресле) наглядным против жизни нашего обожаемого государя.

Он резко обрывал фразу и пристально вглядался в лицо собеседника. Достоевский сделал невольное движение: этого он никак не ожидал.

— Ну вот видите, — продолжал Дубельт, поворачивая в кресле свою фигуру, — вы словно уже готовый против этого обвинения, и я, поверьте, буду первый ликовать, если вам действительно удастся доказать со всей неопровержимостью, что вы не были участником гнусно-преступного заговора...

— Но никакого заговора я не было,— с глубочайшим убеждением и почти возмущенно протестовал арестованный.

— О, не будьте так убеждены в этом, — вежливо, хотя и с легкой протестующей строгостью, возразил Дубельт. — Но если вы ни в чем не замешаны против жизни нашего августейшего монарха, или это, разумеется, и не будет поставлено в вину. Ошибок у нас не бывает.

— Я смету доказать, что принимал участие лишь в литературных и экономических прениях. Жизнь мирные беседы...

— О, я не собираюсь расспрашивать вас о частных делах, о лицах, о именах, о разговорах.

От даже чуть-чуть покорщился как, мол, противна эта следственная кухня с ее придирками и мелочами!—Меня интересует более общий вопрос — о вашем отношении к некоторым событиям.

Он на мгновение задумался. Лоскутами должна была утонуть внезапное от сказанного. Он словно хотел подчеркнуть перед Достоевским свое особое отношение к делу — какую-то высшую точку зрения, безупречную позицию верховных руководителей, быть может, чистейшей идейность и высоты принципиальности. Он как бы стремился отчетливей отграничить от всей этой мелочной полицейской процедуры с агентами-провокаторами, сыщиками, письмами, приставами следственных дел. Он пребывал где-то несравненно над ними, парил в лазури, среди светил—в какой-то астральной сфере, словно возвышенной беспорочным цветом его мундира, серебряными блестками эполет и солнечными лучами алмазной звезды.

Было известно, что Дубельт считал себя отпрыском каретушной католической фамилии и любил выказывать себя — особенно с литературной публикой — благосклонным потомком древних, аристократических сиятельных и безобразно привилегиями. Его бешеную ругань, когда из-под личины этого потомка властительных князей вечно выскакивал нахтер полицейского ведомства звали клизмы низшего сорта, линейные возможности означались на бумаге, хотя бы в отдаленном будущем, черты и жесты жандармского генерала.

Все это было достаточно известно. Достоевского не удивил этот неожиданный благожелательной границ величаво-ласковый тон. Не верховный истребитель гремолы, не глава тайной полиции — артист и мечтатель, почти единомышленник, беседовал в своем кабинете с молодым писателем Достоевским.

— На следствии вы сможете во всех подробностях доказать ваших непричастность к злодейской конспирации. Тем отраднее будет установить вашу непричастность в покушении на подобное отвратительное, смею так выразиться (Достоевский вздрогнул), — тем отраднее, говорю я, что его величество в неизреченном милосердии своем признает нас своим ближнего-прапорщиком и выразил свою высочайшую надежду, что и сем чине вы так достойно и прилежно поступить будете, как то верному и доброму офицеру надлежит..

— Слабость здоровья и склонность к литературным занятиям побудили меня выйти в отставку.

— Это не было поставлено вам в вину.—С успокоительным и сочувственным движением, хотя и не без некоторого затаенного недоверия, отвечал генерал. — Его величество никого не лезет. Если же самого первого известно вы с таким блеском доказали свою способность служить перу отечеству, государь император соизволил благосклонно отозваться о вашем сочинении (Глухая укоризна крепла и звучала все настойчивее). Перед вами открывался, быть может, широкий и славный путь, по которому не гнушались шествовать Карамзин и в наши дни Жуковский...

— О, если бы я смог стать придворным писателем.

— Почему же? Разве вам не дорога великая Россия? Разве вы не хотите видеть ее мощной и грозной? Прекрасной и славной? Вы ведь русский писатель, а не иностранец, как эти полячишки, французики и немчики, которых согнал к себе господин Булгарин вич.

Он брезгливо покачивал в руке какой-то канцелярский листок.

— Чего только стоят эти имена: Мопбелле, Де-Пуст, Балле-Оглы (Даже тупой жандармский!) Ястржембский, ну, конечно, la reseptcion de la Pologne, так кажется требуют в Париже? — Оль-де-Коп, Эдуонсус.

Он декламировал с недоуменным отвращением, не совсем правильно произнося эти иностранные имена, словно забыв о своей собственной заморской фамилии.

— Так вот вы, спасители нашей святой Руси! О, я знаю, что все эти иностранщины вам глубоко чужды, что вы, слава создателю, не «европеусе», а настоящий русский душою и сердцем...

— Судьбы моей родины мне были всегда дороже всего. Но, сознаюсь, я не закрывал глаза на темные стороны нашей жизни на эту вечную подозрительность властей, на продажность наших судейских канцелярий, на удручающую нищету столицы, на приниженность и рабство нашего крестьянства. Неужели же мне, мыслящему человеку, надлежало молча принимать все это неустройство нашей жизни?

— Никоим образом,—почти с предупредительной любезностью отозвался Дубельт. — Ведь для борьбы с тем злом, на которое вы указываете, и существует третье отделение собственной его величества канцелярии.

Он встрепенулся и прикоснулся своей костлявой рукой к большому стеклянному колпаку. Под ним на легком постаменте покоился кожаный футляр, украшенный коронованным вензелем «Н» в одном из уголков.

— Под этой хрустальной шапкой—вся программа нашей деятельности. Этот пакет передал наш великодушнейший государь незабвенному графу Александру Христофоровичу Бенкендорфу с золотыми словами: «Утирай им как можно больше слез,—вот моя инструкция». И мы свято выполняем ее.

Он с видом умиления поднял к потолку свои круглые веселые глаза лесного хищника. Удержав несколько мгновений молитвенный взлет на полногрудой нимфе плафона, он с кроткой покорностью перевел его на Достоевского.

— Верьте мне, вы пошли неправильным путем. Разве ваше желание помочь бедным людям, учащим и угнетенным можно встретить подлежку в этих низких сборищах грубых полуневежественных людей, неудачников и проходимцев всякого сорта, бесильных и беспомощных болтунов, лишенных всяких средств и влияния? Не изгоните бесов силою Вельзевулова князя бесовского! Только руки в руку с правительством, только в согласии с его широкими планами и всесторонними возможностями, всею отличить себя от всех этих бессмысленных фразеров, вы могли бы по-настоящему выполнить долг честного любящего писателя, одновременно служа пером благожелательнейшим продетарпиям верховной власти.

— Я всегда считал, что дело писателя только указать на зло, изобразить его сильно и эразительно, а действовать будут другие.

— Однако, вы все же должны в тайное общество с революционными целями, где изволили неоднократно выступать в качестве деятельного оного сочлена. (Глубочайшая укоризна начинала звучать отдаленной угрозой.) Вас, кажется, особенно занимал так называемый крестьянский вопрос, эмансипация рабов, которые, кстати сказать, нисколько не жалуются на отеческую опеку просвещенного дворянского сословия, возглавляемого священной особой его императорского величества.

— Я ни перед кем и никогда не скрывал, что являюсь сторонником скорейшего освобождения крестьян от помещичьей власти.

— Вы, стало быть, полагаете, что наш народ уже вполне созрел для самостоятельной жизни и свободной деятельности без указующего и направляющего надзора наиболее цивилизованного сословия страны?

Он нетерпеливо сжал свои сухие и длинные пальцы и почти приложился к ним губами, пытливо глядя исподлобья на допрашиваемого. Тот поторопился скрыть решительной репликой непреодолимое овладевавшее им смущение.

— Я в этом совершенно уверен, генерал.

Дубельт встрепенулся.

— Не сообщите ли мне, в таком случае, от чего скончался ваш почтенный батюшка?

Достоевский побледнел. Призрак старца с обнаженными грудями, казалось, повис между ним и генералом. Ему захватило дыхание...

— Вероятно, не придется, отца вашего, сколько известно, убили его собственные крепостные. Странно, не серого, видеть вас в числе сторонников этого темного простонародья, из недр коего вышли убийцы вашего достойнейшего родителя, отца царя, коллежского советника и кавалера трех орденов.

— Но... может быть... все эти убийства крестьянами своих помещиков сильнее всего свидетельствуют о вреде самого института.

— Допустим. В вашем лице мы, стало быть, имеем убежденного защитника прав закрепощенного народа. Вы помните, что обуздание этой многомиллионной черни крепких поместных властью лишило основания? Это может быть и благородно, но...

Перед ним лежала стопка бумаг, и он легко, небрежно и быстро с поразительной безошибочностью извлекал из кипы нужный листок, бросал на него беглый взгляд и, роняя документ, задавал вопрос.

— Если не ошибаюсь, у покойных родителей ваших состояло имение, кажется в Тульской губернии с угодьями, отложими пустошами, пахотной землей, что-то еще трехсот десятин, не так ли?

— Однако, вы все же должны в тайное общество с революционными целями, где изволили неоднократно выступать в качестве деятельного оного сочлена. (Глубочайшая укоризна начинала звучать отдаленной угрозой.) Вас, кажется, особенно занимал так называемый крестьянский вопрос, эмансипация рабов, которые, кстати сказать, нисколько не жалуются на отеческую опеку просвещенного дворянского сословия, возглавляемого священной особой его императорского величества.

— Я ни перед кем и никогда не скрывал, что являюсь сторонником скорейшего освобождения крестьян от помещичьей власти.

— Вы, стало быть, полагаете, что наш народ уже вполне созрел для самостоятельной жизни и свободной деятельности без указующего и направляющего надзора наиболее цивилизованного сословия страны?

Он нетерпеливо сжал свои сухие и длинные пальцы и почти приложился к ним губами, пытливо глядя исподлобья на допрашиваемого. Тот поторопился скрыть решительной репликой непреодолимое овладевавшее им смущение.

— Я в этом совершенно уверен, генерал.

Дубельт встрепенулся.

— Не сообщите ли мне, в таком случае, от чего скончался ваш почтенный батюшка?

Достоевский побледнел. Призрак старца с обнаженными грудями, казалось, повис между ним и генералом. Ему захватило дыхание...

— Вероятно, не придется, отца вашего, сколько известно, убили его собственные крепостные. Странно, не серого, видеть вас в числе сторонников этого темного простонародья, из недр коего вышли убийцы вашего достойнейшего родителя, отца царя, коллежского советника и кавалера трех орденов.

— Но... может быть... все эти убийства крестьянами своих помещиков сильнее всего свидетельствуют о вреде самого института.

— Допустим. В вашем лице мы, стало быть, имеем убежденного защитника прав закрепощенного народа. Вы помните, что обуздание этой многомиллионной черни крепких поместных властью лишило основания? Это может быть и благородно, но...

Перед ним лежала стопка бумаг, и он легко, небрежно и быстро с поразительной безошибочностью извлекал из кипы нужный листок, бросал на него беглый взгляд и, роняя документ, задавал вопрос.

— Если не ошибаюсь, у покойных родителей ваших состояло имение, кажется в Тульской губернии с угодьями, отложими пустошами, пахотной землей, что-то еще трехсот десятин, не так ли?

Шеф жандармского корпуса отечески смотрел на него ласковыми зрачками.

— Если же дальнейший ход следствия и суда обнаружит,—чего, впрочем, я не хотел бы допустить, — с вашей стороны некоторую настойчивость, упорство, преступность, порядочность, самообольщение, (Смои мол убеждения! «службу вольное и добровольное»! и прочие свойственные молодости, но в настоящих условиях совершенно недопустимые безрассудства), то я вынужден предупредить вас, что я возложено на плечи, в которому, по несчастью, вы причастны, поручено его императорским величеством особой следственной и военно-судной комиссии, облеченной высшими полномочиями. О, русский царь достаточно силен, чтоб растопить в крови измену.

Все это было сказано внушительно, даже с оттенком вежливой в зеленых зрачках, но какого-то вида оттенки, отчасти даже между прочим, слегка в нарушение главного предмета собеседования. И словно в подтверждение тому Дубельт быстро изменил этот на мгновение зазвучавший угрозою тон.

— Порядок дальнейшего никто не может изменить кроме государя,—прибавил он не без некоторой сладости.— Примите же смиренно свою участь: вам придется некоторое время пробыть в крепости. О, пусть это вас не пугает, —генерал Набоков—отец родной всем заключенным. Со своей же стороны я отдам распоряжение, чтобы вам были предоставлены книги, бумага, возможность работать и переписываться с родными.

Он позвонил. В кабинете мгновенно появился нечаянной порутчик в сопровождении двух жандармов.

— Арестованного отправить немедленно в генерал-Набоков под строгую расписку,—сухо произнес Дубельт, вручая офицеру за запечатанный пакет.

Он встал. Достоевский тоже поспешно направился к выходу. Дубельт быстро приблизился к дверям.

— А знаете ли, что я вам скажу на прощанье?

Он произнесл уходящего своими присадистыми и помещиком плечами.—Я никогда не ошибаюсь в людях: рано или поздно, вы будете наш. Чем скорее это случится, тем лучше для вас. Помните, это совершенно необходимо вы —наш, наш, наш!

Достоевскому стало как-то не по себе от этого неожиданного и настойчивого проникания.

Карнальные уже распахнули двери кабинета. Генерал Дубельт позволил себе последнюю дальнозоркую любезность к уходящему писателю. Он немного как-то исказил своей сухой и длинной рукой, но то прошлось, не то благословляя, не то грозя.

— Обдумайте же все! До скорого свидания в следственной комиссии.

На литературных вечерах

И. Фефер в Москве

В центральном еврейском рабочем клубе «Коммунист» 4 февраля состоялся творческий вечер еврейского пролетарского поэта И. Фефера.

С докладом о творческом пути поэта выступил редактор газеты «Дер эмес» **М. Литваков.**

— Первая книга стихов Фефера «О себе и мне подобных» (1924 г.) явилась значительным этапом в еврейской послеоктябрьской поэзии. Тематика гражданской войны, восстановительного периода, а также мотивы реконструктивного периода нашли отражение в целом ряде сборников стихов и поэм Фефера. В еврейской пролетарской поэзии Фефер—ведущая фигура.

Выступивший в прениях И. Нусинов отметил, что творческая практика И. Фефера является достижением не только еврейской пролетарской поэзии. Стиль и метод Фефера резко отличают его от его предшественников.

О Фефере—поэте и борце за пролетарскую поэзию говорил поэт А. Кушнирев. Писатель А. Рабин рассказывает о большой популярности Фефера среди рабочей читательской культурии. Далее выступали еврейские писатели Годинер, Кац, Тайч, и другие. Поэт Михаил Голодный, выступивший с приветствием от имени РАПП, указал на конкретность тематики Фефера.

В заключение И. Фефер прочел ряд новых произведений. Остановившись на творческих задачах, выдвигаемых в настоящий момент РАПП и ВУСПП—большевизации и одесятиванию поэзии—т. Фефер указал на необходимость вести борьбу против вошедшения этих лозунгов приспособленцами и противниками пролетариата.

Стихи И. Фефера

*

Сибирь,
Урал,
Калуга и Таганрог,
В горячем теле кровь моя хлещет—
И я везде—
Горячий комсомолец,
Везде мой шаг
О юности поет.

В полях и в шахтах,
В дымном окруженьи,
Где каждый угол счастием прекрасен!
Я—самый пылкий—с цацикой,
средь сражений,
Я—самый пылкий—
С молотом в цехах.

И дни так молоды,
И так чудесна этим
Здесь каждая земли огромной
пядь—
Лишь мне, лишь нам—
Босым и взрослым детям—
Вчерашнее
Досталось расстрелять.

Перев. с евр. **Д. БРОДСКИЙ**

„Соль Сванетии"

Госкинпром Грузии

Картина молодого грузинского режиссера Калатозова «Соль Сванетии»—несомненно значительное явление на кинофронте. Это одна из первых картин, срывающая экзотические маски и говорящая суровую правду о патриархальном горце.

Велико значение «Джим Шванта» и для решения споров о так называемой «культур-фильме». «Джим Шванта»—киноочерк. Это—подлинный художественный фильм. Это — удар в лефовский «фактографизм», отрицающим образную переработку жизненного материала, ибо язык «Шванта» — несомненно язык полнокровных художественных образов. Фильм — удар по барским эстетам, считающим очерк вообще и кино-очерк, в частности, какими-то низким, каким-то «не настоящим» жанром искусства. «Джим Шванта»—сильный аргумент в пользу создания художественного кино-очерка как равноправного жанра художественной кинематографии.

Ошибочно было бы, однако, замалчивать и существенный недостаток фильма. Пафос картины—пафос технической реконструкции, пафос преодоления разумной дикости и отсталости. Исходя материалистически обусловленность варварского быта примитивным способом производства, вскрывая в ярких образах кажущуюся ненависть к отсталому и реакционным патриархальному укладу, в конечном счете от природы. Задавшись за cумел показать диалектику социальной реконструкции. Сильные намеки на классовые противоречия в самой Сванетии в стали же бегло указания на освободительное влияние индустриальной «равнины», не спасают положения, ибо они не развиты, не спрессованы за ярких живых и впечатляющих образов. Сценком фрагментарно и статично дана и конфликт—прокладывание дороги. Все это позволяет говорить об известном крене режиссера в сторону техницизма, о лефовском искривлении его художественного метода. На эти недостатки надо указать т. Калатозову—в интересах его дальнейшей творческой работы.

Несмотря на этот существенный недостаток «Джим Шванта» — крупное достижение советской кинематографии. В особенности заметно это достижение на фоне основной продукции Госкинпрома Грузии, питавшего до последнего времени советского кино-зрителя остатком, напоминающим, в силу» и рядом и просто натурным репертуаром (были отдельные исключения, но не они давали общий тон). Режиссер Калатозов проделал свою работу без всякой поддержки, при пренебрежительном барском отношении старого руководства Госкинпрома. Следует понимать, что для Госкинпрома Грузии «Джим Шванта» означало начало перелома и перехода на рельсы показа революционной кинематографии, а для Калатозова—шаг на путях к новым творческим успехам, развивающим сильные стороны его художественного метода и преодолевающим его слабые места.

По поручению работников кино-секции Института ЛИЯ Комакадемии и Государственной Академии Искусствознания (ГАИС)
С. АМАГЛОБЕЛИ
Г. ЛЕЛЕВИЧ
И. ЛЕБЕДЕВ

За новые кадры пролетписателей

На пленуме кружков МАПП Фрунзенского р-на

* 9 февраля открылся пленум молодежных кружков Фрунзенского района.

* С докладом о задачах пролетарской литературы выступил А. Сурков. Останавливаясь на общих вопросах пролетарской литературы, т. Сурков уделил особое внимание практическим сторонам работы по Фрунзенской районе, подчеркнув, что время ее ухода от действительности, выхолащивания жанра «искусство для искусства» прошло.

* От имени рабкоров выступил т. Каменский, сообщив, что в районе имеется 12 кружков, насчитывающих номинально 250 человек, а фактически — человек 100.

* В прениях выступили: два рабкора особо указали на барские настроения кружковцев. Не было сделано попыток вскрыть рабкору, работая только средствами. Выступающие главное внимание уделяют тому, как наладить работу кружков.

* Тов. Ватин (рабочая Лингре) говорит о необходимости внедрения новых методов работы в молодежных. т. Полуэктова, критикуя докладчика, при котором недостаточность литературной организации никогда

* АПН ЦЧО готовит к печати небольшой сборник, в котором будут собраны стихи рабочих-ударников с заводов ЦЧ области.

* С 1 января 1931 года АПН ЦЧО приступила к изданию ежемесячного литературно-художественного и общественно-политического журнала «Поэт», который ставит своей целью: выявление и организацию творческих сил области, отображение социалистического строительства и борьбу за идеи ленинской культурной революции. Кроме произведений местных пролетписателей, в журнале будут напечатаны новые рассказы: А. Караваевой, В. Ставского, Ф. Панферова и др.

* За последний месяц в издательстве «Молодая Гвардия» вышли следующие книги: Медынский—«Самстрой», Безыменский — «Поколение социализма», Маяковский — «Стихи к комсомолу», Корсанов — «Ударный квартал», Каменский — «Емелькин Пугачев» Новоселов — «Земля зацветает», Аргутинская—очерки «Стрекача большой книги», Герман — «Рафаил на парикмахерской», Ката — «Под пятном зонта» (о японском).

Находятся в производстве: Виноградова — роман о жизни Стендаля, Ренар — «Рыжик» (с французского), Кассиль — «Кондуит», Воспоминания рабочего Иванова о революционном движении в 1905 году «Земля пожарищ», Шабанин — «20 лет моей жизни» (записки бывшего беспризорного), Хайд—«Штрейкбрехер» и др.

* В отделе детской книги ОГИЗ за январь выпущено 46 названий. В том числе Маяковский — «Что такое плохо и что такое хорошо», Езерский—«Озорной мячик», Асеанов—«Домна», Шиповский — «Турксиб», Кассиль — «Пеппелина» и «Кондуит», Каротти — «Его первая мозгка», Шер — «Чадра Гюльзарчи», Сетон-Томпсон — «Рыжее ушко», Мамин-Сибиряк — «Сказка про комара, мухи и зайца» и др. В производстве находится сборник произведений В. Маяковского для дошкольников.

РАПП и „КУЗНИЦА"

Соглашение

РАПП и московская группа пролетписателей «Кузница», имеющая в своем составе отдельных творческих групп организаций, начали переговоры о консолидации для концентрации пролетарской литературы для повышения идеологического воздействия на литературную среду, скрытыми и явными врагами пролетарской литературы и классовой работы по идеологическим вопросам, усиления борьбы с правооппортунизмом и примиренческими настроениями в отношении к попутчикам и реальной борьбы с классовыми врагами пролетариата—за диктатуру.

Для скорейшего объединения пролетарских писателей РАПП и московская группа «Кузница» считают необходимым в дальнейшей своей работе:

Я числу этого и за основании решения расширенного пленума президиума ВОАПП в мае 1930 г. московская группа «Кузница» приступает к немедленной реализации дела консолидации путем вхождения группы в ряды РАПП.

Московская группа «Кузница» существует внутри возглавляет пролетарских писателей как творческое объединение, принявшее участие — Московская творческая группа РАПП «Кузница» в дальнейшем, согласно устава РАПП, будет для руководства творческой и культурно-бытовой работой группы.

Московская группа активно и вопросов творческого и культурно-бытового обслуживания членов, включая года работу Дома писателей имеет группы, литературных и т. п.

«Кузница» производит чистку своих рядов под руководством комиссии МАПП в составе т.т. Панферова, Сашникова, Сутырина, Гусева (гл. секретарь комсомольской ячейки Ал. Иванов) и Металликова.

Секретариат РАПП принимает меры к обеспечению активной творческой группой «Кузница» периодической печати над руководством решения, постановлений творческой секцией по ее работе и совместно с секретариатом РАПП.

О порядке включения организационных групп «Кузницы» в местные ассоциации пролетписателей (РАПП и ВУСПП) будет в ближайшее время опубликовано в печати для сведения.

По поручению секретариата РАПП:
В. ИЛЬЕНКОВ, П. ЮШКАНКОВ, А. ИСБАХ, В. СТАВСКИЙ, А. СЕЛИВАНОВСКИЙ, В. КИРШОН.

По поручению московской группы «Кузницы»: В. БАХМЕТЬЕВ, Ф. БЕРЕЗОВСКИЙ, Ф. СЛАДКОВ, П. ЛИНИКО, Г. САШНИКОВ, Д. КАЗАКОВ, С. ПИКУЛЬСКИЙ, А. КАРПОВ.

НА ФАБРИКАХ КНИГИ

* АПН ЦЧО готовит к печати небольшой сборник, в котором будут собраны стихи рабочих-ударников с заводов ЦЧ области.

* С 1 января 1931 года АПН ЦЧО приступила к изданию ежемесячного литературно-художественного и общественно-политического журнала «Поэт», который ставит своей целью: выявление и организацию творческих сил области, отображение социалистического строительства и борьбу за идеи ленинской культурной революции. Кроме произведений местных пролетписателей, в журнале будут напечатаны новые рассказы: А. Караваевой, В. Ставского, Ф. Панферова и др.

* За последний месяц в издательстве «Молодая Гвардия» вышли следующие книги: Медынский—«Самстрой», Безыменский — «Поколение социализма», Маяковский — «Стихи к комсомолу», Корсанов — «Ударный квартал», Каменский — «Емелькин Пугачев» Новоселов — «Земля зацветает», Аргутинская—очерки «Стрекача большой книги», Герман — «Рафаил на парикмахерской», Ката — «Под пятном зонта» (о японском).

Находятся в производстве: Виноградова — роман о жизни Стендаля, Ренар — «Рыжик» (с французского), Кассиль — «Кондуит», Воспоминания рабочего Иванова о революционном движении в 1905 году «Земля пожарищ», Шабанин — «20 лет моей жизни» (записки бывшего беспризорного), Хайд—«Штрейкбрехер» и др.

* В отделе детской книги ОГИЗ за январь выпущено 46 названий. В том числе Маяковский — «Что такое плохо и что такое хорошо», Езерский—«Озорной мячик», Асеанов—«Домна», Шиповский — «Турксиб», Кассиль — «Пеппелина» и «Кондуит», Каротти — «Его первая мозгка», Шер — «Чадра Гюльзарчи», Сетон-Томпсон — «Рыжее ушко», Мамин-Сибиряк — «Сказка про комара, мухи и зайца» и др. В производстве находится сборник произведений В. Маяковского для дошкольников.

Как читать Маяковского

Вопрос о том, как читать стихи Маяковского, выливается из более общей проблемы—как читать стихи вообще.

Нужно ли читать стихи, как читают свои газеты, выявляющие, главным образом, ритмику стиха, и заглушая при этом конструирующие его смысловую сторону, или как авторы, делающие чтение главным образом на содержание, или как чтецы-профессионалы, которым может быть удастся найти какую-то среднюю рационалистическую?

Все это служило за последнее время предметом частого обсуждения на специальных совещаниях этого вопроса нередко.

Решение вопроса о том, как, в частности, читать стихи Маяковского, наталкивается на особые трудности, так как обыкновенно единственный, где как следует учат читать стихи Маяковского,—это сам Маяковский. И по-настоящему стихи Маяковского должны бы фиксироваться не только на бумаге, но и на грампластинках пластических. К сожалению, имеются граммофонные записи лишь очень немногих произведений Маяковского.

Вопросу о том, как читать Маяковского, был посвящен 11 февраля вечер в клубе ФОСП.

В своем докладе Н. Асеев затронул не только вопрос о том, как читать стихи Маяковского, а коснулся и вопроса, непосредственно связанных с творческой природой Маяковского.

Н. Асеев указывает, что Маяковский пришел к стихотворению до его традиции классические чтения стихов, которое ритмически скучновато и Асеевым. По его мнению, ритмизированная напевность стихий привела ухудше деятельных читателей и вместе с тем признак ухудшения общественной анатомии стиха.

Об своеобразной «декламацией прав стихи» выступил А. К. Шпейдер, указав на то, что чтецы должны избегать всякой подражания, дабы таким образом, как чтение самого Маяковского. Каждый чтец имеет право на индивидуальную окраску своей передачи стиха. Чтец—только правый художник, учитель.

При чтении Маяковского нужно прежде всего учить передать поэзию его содержания, учитывая при этом двухплановость Маяковского, ибо один и тот же стих Маяковского имеет в виду две аудитории: друзей и врагов.

Из всего сказанного, как и из последующего затем чтения Н. Асеевым «Про это», аудитории не удалось получить представления о том, как же надо читать стихи Маяковского.

Надо думать, что прения, отложенные на поздним временем, окажутся продуктивнее и конкретизируют вопрос.

В. К—й

Письма в редакцию

Сказы отрицательным образом относясь к постановке ГОСТИМ «Последний и решительный», горько сетуется в письме, бывшей на общественном просмотре 6 февраля в спектакле «Последний и решительный», что, начиная, по общему отношению к этому спектаклю, конечно, не мысли и имеет их местах.

О грубо провокационных методах, все время применяемых в борьбе с линии П. Э. Мейерхольдом (слепых совета Всероссомдрама, тенденциозное Ф. И. Кона и самой постановке «Последний и решительный», и, наконец, на общественном просмотре 6 февраля, когда Мейерхольд сейчас же после спектакля зрителей за своего места: «Это спектакль организации пролетарских музыкантов», —мы в настоящее время разбираемся дела в соответствующих организациях.

ФРАКЦИЯ СЕКРЕТАРИАТА НАПП

В № 24-25 «Рабочей газеты», изгедением под названием «Вечера рецензента», в разделе «Литературная хроника», помещены четыре мелкие стихотворения.

Считаясь обязанным выбрать из них наименее самое незначительное, самое второстепенное, и при этом неправильно оценив его, Рабочую газету не разбирать мои стихи по существу и какой степени не определяет основной линии моего творчества.

Что касается стихотворения «Шубе», написанного в тон на номере «Комсомольцы», то оно полностью выражает определенную роль капиталиста. Смысл стихотворения от этой ситуации совершенно искажен. Поэтому за «Шубу» я также ничем и особого из него части никакой ответственности.

МИХАИЛ ИСАКОВСКИЙ

В № 70—72 Ленинградского театрального журнала «Работник театра» за прошлый год помещена статья со ругательными заметок под заглавием «Призовщина».

После подписи этой заметки, имеющей мне сенсационные обвинения политического характера (отчасти обвиняемое «Звезда» отрицательной позиции газеты МОПР и моей руководящей роли в руководстве МОПР), много, кроме статьи заключается в состав, членах МК РКП(б) и в конференции ПЕВОПИ, подано заявление в ЦКК ВКП(б) для выяснения правильности выдвинутых против меня обвинений, которые до сих пор не были мне предъявлены никакой партийной организацией и заявления МОПР'овского прокурора.

Л. ЭРЛИХСКИЙ

Календарь работы клуба ФОСП

14 ФЕВРАЛЯ:

20 ч. Союз революционных драматургов. Вузовые впечатления т. Лурье, участника периодического рейса на пароходе «Марианна».

19 ч. МОПКИ. Собрание актива и чистка организаций.

15 ФЕВРАЛЯ:

20 ч. Дискуссионный клуб-просмотр.

20 ч. Перевал.

19 ч. Белорусская секция МАПП.

18 ч. Кружок переводчиков. Рук. Ромм.

19 ч. 30 м. Кружок переводчиков. Рук. Габричевский.

19 ч. Заседание МК вспомагатистов.

16 ФЕВРАЛЯ:

20 ч. Вечер эстетов театра «Современник» Владимира Яхонтова. Композиция «Пушкин».

18 ч. Тверская секция МАПП.

18 ч. Кружок переводчиков. Рук. Шершеневич.

18 ч. Совещание редколлегий МОПКИ по выпуску ударных сборников.

19 ч. Заседание правления клуба.

17 ФЕВРАЛЯ:

20 ч. Пинчинские субботники.

19 ч. Секретариат МОПКИ.

18 ФЕВРАЛЯ:

19 ч. Продолжение совещания на тему «Как читать Маяковского», с участием Н. Н. Асеева, Э. М. Бриг, А. К. Шпейдера, В. Б. Шкловского и интерпретаторов стихов Маяковского.

15 ч. Секретариат ЛОКАФ.

20 ч. Шахматный кружок.

19 ч. МОПКИ. Собрание актива и чистка организаций.

Извещения

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ
ИНСТИТУТ ЛИТЕРАТУРЫ, ИСКУССТВА И ЯЗЫКА

* 16 и 20 февраля, в 18 ч.—состоится продолжение дискуссии об искусствоведческом отношении т. Малея.

* 17 февраля состоится дискуссия о пьесе и спектакле «Последний и решительный». Вступительное слово—С. Динамова.

* 19 февраля Институт ЛИЯ, совместно с научно-методическим сектором Наркомпроса, организует в 6 ч. собрание преподавателей рабфаков г. Москвы. В порядке дня: «Марксистский анализ художественных произведений»—доклад С. Динамова. «Программа рабфаков по литературе»—доклад М. Добрынина.

* 21 февраля, в 19 ч.—состоится дискуссия о пьесе и спектакле «Хлеб». Вступительное слово—А. В. Луначарского.

* 25 февраля, в 19 ч. Институт ЛИЯ, совместно со Всероскомдрамом, организует чтение новой пьесы Афиногенова «Страх».

АЛЬМАНАХ ВССП

Издательство «Федерация» в ближайшее время выпустит первый альманах Всероссийского союза советских писателей. Этот альманах, посвященный исключительно художественной прозе, будет состоять из нескольких рассказов до 2 печатных листов каждый—и критических статей, посвященных современной литературе. Издательство просит всех членов ВССП незамедлительно направлять материал или сообщить о таковом в издательство «Федерация» Кобелевский пер., 3.

* 14 ФЕВРАЛЯ—в 18 ч.—собрание литбригады политического жанра (Тверская, 48. «Правда»-клуб рабкоров. Повестка дня: «Посевная кампания»—доклад т. Тетерина—Чита впечатлений.—Там же в субботу с 18 до 20 ч. дежурства членов бригады. Просьба к литкружкам обращаться за всякими справками, сведениями и т. п.

* 15 ФЕВРАЛЯ—в 19 ч.—в клубе ФОСП—большой творческий вечер Белорусской секции МАПП, с участием художников. Вечер организуется для членов Белорусского клуба и белорусского землячества.

* 16 ФЕВРАЛЯ—в 19 ч. 30 м.—в Доме Герцена—собрание детской секции ИССП. 1. Доклад об итогах конференции. 2. Плановые работы.

* 17 ФЕВРАЛЯ—в 18 ч.—в редакции «Пролиткритического журнала» (Гоголевск. 12, Дворец Труда, комната 31) творческое собрание литературного объединения рабочих писателей при «Производственных журналах». Присутствуют участники и литконсультанты.

* 17 ФЕВРАЛЯ—в 19 ч.—литературное собеседование «Новой кузницы» и «Работой Весны» (Тверской бульвар, 25). Т. Никифоров читает начало романа «Творчество». Автобиографии «Новой кузницы» и «Работой Весны» будут прослушать 7, 17, 27 каждого месяца.

* 18 ФЕВРАЛЯ—в 20 ч.—литературный вечер МТП. Читают произведения И. Рашков и М. Одоев.

* 18 ФЕВРАЛЯ—в 19 ч.—комиссия живого слова ГАИС (Волхонка, 12) устраивает доклад А. Пешкового «Проблемы орнаментальной речи».

* 19. Групповая-Рапшн просит делегата поэтического совещания РАПП вернуть взятую во время совещания книгу «Отарность», издания 1925 г., со статьей психиатра Мишо о Пушкине. Адрес: Новинский бульвар, 18, кв. 64.

Поправка

В переводах Иосифа Киселева, напечатанных в «Литературной газете», допущены опечатки: автор «Новейшего стиха» является не Олеко Близько, а Олекса Ильзько. В конце же стихотворения вместо «на восток жинет»,—надо читать: «на восток жинем». В стихотворении М. Терешенка вместо «опирались пятыками» и «распустили лесов эркин»—надо читать: «опирались пятыкамы» и «распустили лесов эркин».

Ответственный редактор: С. ДИНАМОВ

РЕДКОЛЛЕГИЯ: Н. Асеев, С. Динамов, И. Жига, Л. Ильинский, И. Катаев, Г. Корнеев, Н. Огнев, А. Селивановский, И. Сельвинский, М. Слонимский.

ИЗДАТЕЛЬ: Акционерное Изд. О-во «Огонек».

ГИХЛ
КНИГОЦЕНТР

НОВЫЕ КНИГИ

ГАШЕК Я. Бравый солдат Швейк готовится к войне (юмористические рассказы). Перев. с чешского М. Скальона. Стр. 175. Ц. 1 р.

ГОНЧАРОВ, И. Сочинения. Т. I. Обыкновенная история. Роман в 2-х частях. Со вступит. статьей В. Десницкого. Стр. LII+313+1 портр. Ц. 1 р. 50 к.

КОЗАКОВ М. Избранные сочинения. Т. I. С портретом автора. Мещанин Адамейко. Повесть. 3-е изд. Стр. 329. Ц. 2 р., в пер. 2 р. 27 к.

МИНИТЕНКО И. Ураганы. Перев. с украинск. Э. Григорьева. Со сказкой С. Щупака «На рельсах пролетарского творчества» (Вместо предисловия). (Серия украинской литературы). Стр. 243. Ц. 1 р. 90 к.

ФИШ, Г. Дома за ними. Стихи. (ЛАПП. Современная пролетарская литература). Стр. 72. Ц. 35 к., в пер. 1 р. 15 к.

ЭРЛИХ В. Арсенал. Стихотворения. Стр. 71. Ц. 35 к., в пер. 1 р. 05 к.

Продажа во всех магазинах и отделениях Книгоцентра и в «Ко.пнигах»

ГИХЛ
КНИГОЦЕНТР

ДЕСЯТИДНЕВНЫЙ МАССОВЫЙ ЖУРНАЛ МАРКСИСТСКОЙ КРИТИКИ

На литературном посту

ВЫШЛИ И ПОСТУПИЛИ В ПРОДАЖУ
№№ 1, 2 и 3

СОДЕРЖИТ
№ 1

Л. Авербах. Новое задание «На литературном посту». Демьян Бедный — О писательском труде. Н. Бухер — Животрепещущие задачи революционных писателей. А. Селивановский — О художественных текстовых книгах (письмо в редакцию). А. Сурков — Десятилетие пролетарской сатиры. А. Безыменский, Вл. Гиляровский — Бригада в художественной сатире. О. Брик — Стихи Маяковского. К. Виноградов — Пенсионерская «литература». С. Кирсанова, И. Бродин — Почему поэт молчит. Нота Чуковского и ответ поэта Безыменского. Справки. А. Гурвич — Приказ командования. Л. Тимофеев — Встречный профессиональный план литературы. Предсезонье промышленности и литературы. Новые книги. Генералы различных армий—статьи Кукрыниксов, стихи А. Архангельского, С. Шервинского, карикатуры.

СОДЕРЖИТ
№ 2

А. Фадеев — Вместо об отсталости. В. Бонч-Бруевич — Автор «Бесприданницы». Удушение — т.т. Пильняк, Юшкин, Тарасевич — о своих книгах. Враг в литературе. Е. Елисеева — Борьба в наших литературах. Л. Литературный архипелаг. В. Кричевский — «Самсон». Г. Маслинский. С. Сергеев — Рассказы В. Ильенкова. Ф. Гладков «Печальная» В. Гербачева. К. Зелинский — Земля, ее и новой поэзии. О событиях обороны. Б. Бор — Не пасечник, а скульптор или тот. Р. Мухарика — О борьбе с халтурно-формалистическими тенденциями в литературе. Новые книги. Стихи—А. Архангельского и С. Шервинского. Карикатуры — Кукрыниксы.

СОДЕРЖИТ
№ 3

М. Горький — О литературе. М. Гельфанд — Данковские упражнения в литературу. Рабочая литературная общественность. Б. Пронин — О пионерских авторах. Обзор печати. Заметки.

Л. Авербах — Наброски А. Архангельского. М. Юрин — Татьяна Алексеева. И. Бернер — О таких мальчиках. ОБ Ив. Вечерами. Итоги белорусской недели. М. Бочер — Литературная хроника. М. Сивоконь — Работа библиотек и пролетлитературы. Замечания. Б. Михайлов — За пересмотр и перестройку литературы в школе. Новые книги. Хроника. Стихи — А. Архангельского. Шаржи—Кукрыниксы.

Журнал «НА ЛИТЕРАТУРНОМ ПОСТУ» ПЕЧАТАЕТСЯ В ТВЕРДОМ ТИРАЖЕ, поэтому в розничную продажу, особенно в провинцию, журнал поступает в крайне ограниченном количестве. Все лица, желающие аккуратно и систематически получать журнал «На литературном посту» ДОЛЖНЫ ПОДПИСАТЬСЯ.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: на год (12 №№)—12 р., на 6 мес.—6 р. 50 к., на 3 мес.—3 р. 50 к.
Цена отд. номера 35 к.

ПОДПИСКУ НАПРАВЛЯТЬ в Первый сектор Книгоцентра (Москва, Ильинка, 9), во все магазины и отделения Книгоцентра и на почту.

ГИХЛ
КНИГОЦЕНТР

НОВЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ МАССОВЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ ОБЩЕСТВА ИСТОРИКОВ-МАРКСИСТОВ ПРИ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ ЦИК СССР

БОРЬБА КЛАССОВ

Главный редактор М. Н. Покровский.

Журнал является боевым большевистским органом пропаганды марксизма-ленинизма и генеральной линии ВКП(б) и Коминтерна на основе исторического опыта классовой борьбы. Журнал поведет решительную борьбу [illegible] марксизма-ленинизма [illegible] с различными буржуазными и мелкобуржуазными течениями в области истории, как-то: великодержавной идеологии и местной национализму.

Ставя своей задачей систематическое ознакомление широких читательских масс (члены партии, комсомольцы, рабочие, студенчество, колхозный актив) с исторической классовой борьбы, журнал будет помещать небольшие статьи, очерки, воспоминания, художественные произведения исторического содержания, новые документы прошлого, дискуссионные материалы и т. д.

Журнал богато иллюстрирован.

ПРИЛОЖЕНИЕ: Впервые выпускаемая в СССР большая популярная иллюстрированная библиотека

«ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ»

в 24-х книгах, которая осветит основные вопросы мировой истории. «Всемирная история» выходит под общим руководством М. Н. Покровского.

Подписная цена: «Борьба классов» без приложений: год—10 р., 6 мес.—5 р. 50 к., 4 мес.—3 р. «Борьба классов» с марта по конец года с приложением «Всемирной истории» в 24-х книгах — 26 руб. Допускается рассрочка при подписке—6 р., к IV—5 р. 50 к., к VII—5 р., к VIII—5 р. 50 к., к IX—6 р.

Подписчики на «Борьбу классов» с приложением «Всемирной истории», внесшие все деньги, получат бесплатно 2 художественно-исторические картины.

Подписку сделайте немедленно на почту.

Переводы в адрес посылать не следует.

Акц. Изд. О-во «Огонек» Москва.

ГИХЛ
КНИГОЦЕНТР

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА НОВЫЙ ЖУРНАЛ МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКИ и ТЕОРИИ

РАПП

Год издания первый — *Выходит 6 книг в год*

РЕДКОЛЛЕГИЯ: Л. Авербах, А. Афиногенов, М. Гельфанд, С. Динамов, В. Ермилов, М. Селивановской, Е. Тверитина и А. Фадеев.

РАПП — журнал руководящим теоретическим органом массового пролетлитературного движения. Все боевые вопросы практики литературной политики, повседневной борьбы и работы пролетарского литературного движения будут разрабатываться в журнале с точки зрения борьбы за марксистско-ленинскую линию РАПП.

РАПП — будет ставить все проблемы литературы и искусства в связи с проблемами культурной революции.

РАПП — будет вести борьбу за диалектико-материалистический творческий метод пролетлитературы, за боевую марксистско-ленинскую ударно-большевистскую критику, за марксистско-ленинскую литературную науку, за широкую пролетлитературную среду, за новые кадры пролетарских писателей из передовиков рабочего класса-ударников, за новые кадры критиков и литературоведов, за новые кадры читателей, активно участвующих в борьбе и работе пролетлитературного движения.

РАПП — будет бороться за новый тип писателя—профессионального революционера, сознательно обрабатывающего в практике своего класса, владеющего марксистско-ленинским методом,

за новый тип критика — борца за марксизм-ленинизм в литературе, организатора масс, руководителя массового читательского движения,

за новый тип читателя — не созерцательного потребителя, а активного участника пролетарского литературного движения.

РАПП — ведет непримиримую борьбу с буржуазными и мелкобуржуазными теориями из области искусства со всех направлениями марксизма-ленинизма, со всеми врагами пролетариата и ленинизма, за ленинскую партийность литературы.

РАПП — будет разрабатывать следующие основные проблемы:

I. Проблемы культурной революции. II. Основные проблемы текущей литературной политики. III. Методология литературной науки. IV. Борьба за диалектико-материалистический творческий метод. V. Борьба за публицистическую критику. VI. Современная литература (постоянный большой отдел конкретно-критических статей о всех наиболее существенных явлениях современной литературы) VII. Борьба за новый тип читателя VIII. Вопросы международного пролетлитературного движения. IX. Идеологический фронт X. История пролетарской литературы.

РАПП — имеет кроме этих основных отделов еще следующие постоянные большие отделы: библиография, сатиры и юмора, переписка с читателем, консультация по вопросам литературы и искусства.

РАПП ДОЛЖНЫ ЧИТАТЬ:

рабочие-ударники, все работники культурного фронта, партийный и советский актив, заводские и колхозные газет, рабкоры, стенгазетчики и всем интересующимся вопросами печати необходимо.

Подписная цена: на год—5 р., на 6 м.—2 р. 50 к. Отд. №—1 р.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ в Первом секторе Книгоцентра ОГИЗ'а (Москва, Ильинка, 9), во все магазины и отделения Книгоцентра и на почту.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1931 г.

ГИХЛ НА ЖУРНАЛ

ОКТЯБРЬ

6-й ГОД ИЗДАНИЯ

Ежемесячный литературно-художественный и общественно-политический журнал Всероссийской и Московской ассоциаций пролетписателей.

Редактируется коллегией: А. ИСБАХ, А. КАРАВАЕВА, А. ФАДЕЕВ, М. ШОЛОХОВ.

ОКТЯБРЬ группирует вокруг себя пролетарских писателей, растущий литературный молодняк и ближних революции писателей советской интеллигенции.

ОКТЯБРЬ печатает лучшие произведения пролетарской литературы, освещает важнейшие явления политической и культурной жизни страны, сосредоточивая свою работу на создании школы пролетарской литературы.

В 1931 ГОДУ В ЖУРНАЛЕ БУДУТ НАПЕЧАТАНЫ РОМАНЫ, ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ.

Д. МИРОНОВ—Хлеб. Повесть.
М. ШОЛОХОВ—Тихий Дон. Роман, кн. III
А. ФАДЕЕВ—Последний из Удэге. Роман, кн. II.
Ф. ПАНФЕРОВ—Бруски. Роман, кн. III.
М. ЧУМАНДРИН—Ленинград. Роман.
В. СТАВСКИЙ—Станица. кн. III.
АРТЕМ ВЕСЕЛЫЙ—Роман.
И. ПИВЕДОВ—Повесть о волчьем времени.
А. КАРАВАЕВА—Кама. Повесть.
ВВ. УКСУСОВ — Голубые земли. Рассказ.
М. ПЛАТОШКИН—Роман.
МАРХЛЕВСКИЙ—Штурм Ресенз. Роман. (Перевод с немецкого).
МАЙКЛ ГОЛД—Рассказы (перев. с анг.).
И. БАБЕЛЬ—Повесть.
Ю. ОЛЕША—Няцкий. Роман.
М. СЛОНИМСКИЙ—Повесть.
Л. КОПЕЛЬОВА—Роман.
Л. ОВАЛОВ Роман.
В. ИЛЬЕНКОВ—Повесть.
П. ЛЕНИН—Жили два товарища. Повесть.
Б. ГАЛИН—Производственная повесть.
ЭК. ИЛЬИН — Производственная повесть.
В. ГЕРАСИМОВА—Рассказы.
М. КОЛОСОВ—Повесть.
А. ИСБАХ—Рассказ.
А. МИТРОФАНОВ—Рассказы.

ЖУРНАЛ РАССЧИТАН на партийный и комсомольский актив, передовых рабочих, учащихся, на широкие читательские массы и всех интересующихся

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:
на год (12 №№)—12 р., на 6 мес. 6 р., на 3 мес.—3 р.
Цена отдельного номера 1 р. 10 к.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ в Первом секторе КНИГОЦЕНТРА ОГИЗ'а (Москва, Ильинка, 9) в магазинах и отделениях КНИГОЦЕНТРА ОГИЗ'а и на ПОЧТЕ.

Журналист

ЖУРНАЛ ПО ВОПРОСАМ ПЕЧАТИ, ПРОИЗВОДСТВЕННЫМ, ПРОФЕССИОНАЛЬНЫМ и ХОЗЯЙСТВЕННЫМ ВОПРОСАМ ПЕЧАТИ

ВЫХОДИТ КАЖДЫЕ ДЕСЯТЬ ДНЕЙ

Журналистам, редколлегиям фабрично-заводских и колхозных газет, рабкорам, стенгазетчикам и всем интересующимся вопросами печати необходим

Подписная цена на «Журналист»:

с приложен. Библиотеки 13 книги в год:
12 м.—10 р., 6 м.—5 р. 50 к., 3 м.—2 р. 75 к.
«Журналист» без приложений:
12 м.—6 р. 50 к., 6 м.—3 р. 50 к., 3 м.—2 р.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ ВСЮДУ НА ПОЧТЕ И ПИСЬМОНОШАМИ.

Акц. Изд. О-во «Огонек»
Москва Страстной бульв., 11.

Главлит А 23606. Центрполиграфкомбинат (бывш. т-ва И. Д. Сытина), ул. Свердлова, д. 8.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Орган Федерации Об'единений Советских Писателей РСФСР

МОСКВА 19 ФЕВРАЛЯ 1931 г. № 10 (109)

РЕДАКЦИЯ: Тверской бульвар, 25, Дом Герцена. Тлф. 2.80.12

ЛУЧШИЙ ОТВЕТ

Капитализм не может остановить мировой экономический кризис, ибо периодические, все более и более обостряющиеся кризисы для него неизбежны. Капитализм не может дать работу и хлеб десяткам миллионов безработных. Капитализм до основания потрясен все более и более расширяющейся мировой хозяйственной депрессией. Усиливается революционное движение, рабочий класс и крестьянство все решительнее начинают выступать против мирового рабовладельца — капитализма. Поднимаются рабы колонии, Индия и Китай охвачены революционной борьбой. Социалистическое строительство СССР вызывает бешеную ненависть империалистических хищников, являясь в то же время делом рабочего класса всего мира и оплотом мировой революции.

Наши успехи—это поражение капитализма. А эти успехи вынуждена признать капиталистическая пресса, буржуазные ученые и специалисты. «Успехи энергетического хозяйства в советском хозяйстве поистине изумительны», — заявляет инженер Кеппен (Берлин). «Днепрострой является величайшим по трудности инженерным сооружением, когда-либо предпринятым в мире»,—говорит инженер Купер, глава американской консультации на Днепрострое. «В стремлениях обратить электрическую энергию на службу народу Советский союз сделал огромные успехи», — признает бывший министр народного хозяйства фон-Раумер (Германия). «Пора понять, что Советский союз—не патриархальная деревушка, — говорит директор об'единения германских инженеров проф. Мачос. — Может быть, нигде в мире нет такого уважения к технике и нет таких крупных денежных ассигнований на научно-исследовательские институты, как в Советском союзе».

Практика социалистического строительства полностью доказала правильность ленинского положения, что «коммунизм есть высшая ступень против капиталистической производительности труда добровольных, сознательных, об'единенных, использующих передовую технику, рабочих». Труд в СССР—это соединение последнего слова науки и капиталистической техники с массовым об'единением сознательных работников, творящих крупное социалистическое производство» (Ленин). Не поэтому ли капиталистическая пресса и политиканы кричат о «рабском» труде в СССР?! Нам нет необходимости опровергать эти измышления: мы должны лишь помнить, что крики о «рабском труде» есть новый поход против СССР, есть один из этапов подготовки интервенции.

Новые попытки блокады и бойкота СССР — новое свидетельство кризиса капитализма. Наши друзья на Западе поднимают голос протеста.

Лучшие писатели Запада заявили о своей готовности бороться за социализм и против капитализма: последние выступления Ромена Роллана и Теодора Драйзера — это огромная победа социализма и новое поражение капитализма. Заслуживает внимания обращение немецких писателей, художников, ученых, архитекторов, режиссеров и редакторов газет, опубликованное в «Ди Вельт ам Абенд» в прошлом году и выражающее настроение значительных масс западной интеллигенции.

— Колоссальный экономический кризис свирепствует в Германии,— читаем мы в воззвании. — Три миллиона безработных с их семьями голодают. В нашем «народе мыслителей и поэтов» работники умственного труда спустились до уровня жалких парий... Где же выход. Его показала нам советская страна. Победоносный пролетариат, в союзе с миллионами крестьян, развития там социальную проблему. Пролетарская революция устранила безработицу и повысила заработную плату рабочих. Она создала достойные человека социальные условия и поднимает культурный уровень миллионов трудящихся.

Мы призываем вас, работников свободного, умственного, творческого труда: гоните фашистов и так называемых защитников революции.

Боритесь с ними под руководством коммунистической партии за хлеб и свободу. Защищайте Союз советских социалистических республик против злобствующей ненависти всех наци-листов и демократических, социал-демократических, церковных и фашистских рабов.

Растут и крепнут ряды друзей СССР на Западе и Востоке. Наши культурные достижения, успехи нашего социалистического строительства воспринимаются ими как их успехи, как их победы, как их гордость. Нужно добиться, чтобы наши зарубежные друзья знали более полно о нашем искусстве и литературе, чтобы культурная связь с Западом и Востоком приняла более закономерный и широкий характер. Литературное движение обязано проявить инициативу в осуществлении этой связи. Художественное изображение нашей борьбы и строительства — это лучший ответ писателей на буржуазные измышления об СССР.

НАКАНУНЕ 13-й ГОДОВЩИНЫ КРАСНОЙ АРМИИ

На заводах, фабриках, в красноармейских частях, колхозах и совхозах 22 и 23 февраля будут проведены об'единенные вечера с участием рабочих, колхозников, красноармейцев и населения, посвященные 13-й годовщине РККА. В цехах состоятся короткие митинги, посвященные международному положению и задачам Красной армии.

Писательская общественность включается в кампанию к 13-й годовщине РККА, в работу по укреплению обороны страны.

В Центральном Доме Красной армии ЛОКАФ и Театр Красной армии организуют 16 февраля общественный просмотр новой пьесы Глеба Алексеева «Удар в спину» на тему об участии Красной армии в мирном времени в реконструкции сельского хозяйства. После просмотра в ЦДКА состоялась дискуссия, посвященная обсуждению пьесы Глеб. Алексеева и вопросу участия Литературного об'единения Красной армии и флота в деле создания Театра Красной армии. На дискуссии выступали писатели и драматурги тт. Матэ Залка, Вс. Иванов, Л. Леонов, С. Буданцев, Ив. Евдокимов, Л. Никулин, Л. Дегтярев, Ф. Вагрямов, Н. Равич, Папировский (начальник Театра Красной армии) и др.

Ряд писателей-драматургов тт. Матэ Залка, Е. Яновский, Ф. Вагрямов, П. Арский, Э. Микулин, М. Пустынин, В. Бобович, П. Цаплин, Архипов, Д. Угрюмов обязались написать для Театра Красной армии свои пьесы. В заключение писатели ознакомились с работой ЦДКА.

* В клубе ФОСП 21 февраля состоится расширенное собрание ячейки ВКП(б) Дома Герцена с писательским активом, посвященное 13-й годовщине Красной армии.

* Литературное об'единение Красной армии и флота и Клуб ФОСП организуют 23 февраля в клубе писателей большой творческий вечер ЛОКАФ, посвященный 13-й годовщине РККА.

В вечере примут участие: народный поэт Демьян Бедный, А. Серафимович, народный артист Республики В. С. Мейерхольд, Раиса Азарх, Н. Асеев, Э. Багрицкий, И. Батрак, А. Безыменский, К. Большаков, А. Гидаш, М. Голодный, Л. Дегтярев, Матэ Залка, Е. Зозуля, Бела Иллеш, А. Исбах, С. Кирсанов, В. Киршон, Л. Леонов, В. Луговской, С. Метелевский, Ю. Олеша, Ф. Панферов, М. Светлов, И. Сельвинский, А. Сурков и С. Щипачев. Начало вечера в 19½ часов.

* Центральное бюро выступлений ФОСП организует на предприятиях и в воинских частях литературно-художественные вечера, посвященные 13-й годовщине Красной армии.

СЕГОДНЯ ЛИТЕРАТУРНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

* **Началась чистка** Ленинградской областной организации ВОКП. Чистку проводит специально выделенная комиссия в составе писателей: Вс. Никулина, П. Журбы и Г. Сергеева.

* **ЛОПКП отправляет три писательских бригады на лесозаготовки в Карелию.** Писатели примут участие в борьбе за выполнение лесозаготовительного плана и проведут среди лесных рабочих призыв ударников в литературу.

* **ЛОПКП приступило к изданию трехмесячного бюллетеня,** в котором будут помещаться статьи руководящего характера, планы работы Ленинградской организации ВОПКП и программы для низовых кружков.

* **Кружок очеркистов «Кузницы»** создал две творческие бригады в составе Л. Прозорова, Д. Кузнецова, А. Сытьского, С. Сибирякова, Г. Сушкина, Л. Амурского, И. Зарубина. Бригады очеркистов «Новой кузницы», кроме творческой работы, ставят своей задачей повышение связи с заводами и подготовку лесных кадров очеркистов из состава рабочих-ударников и рабкоров заводских газет.

* **Ленинградский отдел ФОСП мобилизовал 15 писателей на весеннюю посевную кампанию.** Ленинградские писатели выедут с бригадами в районы весеннего сева.

* **При клубе ФОСП создано бюро библиографического кабинета,** руководимого Е. Наумовой. Задача кабинета—собирание монографий писателей. Наличие книг, альбомов, сборников пародий, эпиграмм, библиографического словаря писателей устройство читален и т. д. Кабинет имеет около 20.000 папок материалов, охватывающих жизнь и творчество трех с половиной тысяч писателей. В участию в работе кабинета приглашается издательство «Федерация».

* **Об'единенное бюро жалоб НК РКИ РСФСР и СССР ознакомилось с работой Секубюлита.** Вопрос о работе Секубюлита будет поставлен на рассмотрение заседания бюро жалоб НК РКИ, при участии всех заинтересованных организаций. Секубюлит ФОСП, литорганизаций, Всероссомпьюза и «Литературной газеты».

ПИСАТЕЛИ на БОЛЬШЕВИСТСКИЙ СЕВ

НА СОБРАНИИ ПИСАТЕЛЕЙ, МОБИЛИЗОВАННЫХ НА ПОСЕВНУЮ КАМПАНИЮ

В ближайшие дни на посевную кампанию в различные районы выезжают десятки мобилизованных ФОСП писателей.

Писателя ждет на месте ответственная работа. Перед ними его задача — проверить готовность к весеннему севу и оказать широкую содействующую помощь колхозникам. Не менее важна — борьба за коллективизацию. Писатель должен быть мобилизатором трудящихся колхозников, помогать им в организации социалистического соревнования.

Методы работы писателя в колхозе,— отвечал выступавший затем тов. Кореев. В работе по весеннему севу писатель должен найти свое место и как общественник и как художник.

— Поездки писателей в колхозы, совхозы и МТС должны быть проведены в тесном ударничестве и соревновании,— говорит Ив. Батрак. Надо через радио «Федерации» установить производственную переписку, предварительно изучив ее качество, представленных писателями.

Комитет листовок «Писатель и колхоз», председатель которого Л. Авербах, выступил на собрании, по сумел организовать широкого товарищеского обсуждения материалов, представленных писателями. Между тем как опыт этой работы должен быть использован каждым писателем, отправляющимся сейчас на посевную.

Общее собрание писателей, мобилизованных ФОСП на посевную кампанию, обязало себя оказать широкую помощь Дальневосточной армии. Собрание постановило: 1) Послать в Дальневосточную армию бригаду писателей в составе Ивана Катаева, Ивана Рукавишникова, Ивана Соколова, Ивана Макарьева, Ивана Гронского, Ивана Ерошина, Ивана Вольнова, Ивана Ильинского, Ивана Доронина, Ивана Гольцева, Ивана Ивановского, Ивана Ивановского, Ивана Ивановского

ТЕМПЫ САМОРАЗОБЛАЧЕНИЯ

о ТРОЦКОМ, о МАЯКОВСКОМ, о ПОПУТНИЧЕСТВЕ

Тонны его надоим пропорциональны темным подъемам нашей страны. Чем выше идем мы, тем ниже скатывается он. Впрочем, куда дальше? Основное он уже пройдено, дальнейшее будет естественным завершением.

Речь идет о Троцком.

Долго носить маску трудно. Самообнажение неизбежно приходит и ощущается с самого начала. Истинное лицо открывается более или менее быстро, более или менее наглядно, более или менее типично.

Типичное в политике—наиболее социально острыми. Судьба личности предстает примером логики классовых групп и классов. Судьба Троцкого—типична. Размах его колебаний подчеркивает определенность его социальной базы. За бесконечными политическими метаниями — каждый раз под новой принципиальностью! — перебежками, — каждый раз во имя принципиальности! — трусливыми маневрированиями и блефами, — каждый раз под барабанный бой и треск о необходимости принципиальности! — безличным видел отдельного из мелкобуржуазных попутчиков пролетарского движения.

Компенсация туманности линии Сокольниковым фразерства, надлинно исторического мужества, бахвальской противоположности, противопоставление количественному пролетарской революции скрытых мелкобуржуазной идеологии, будет против воли исключенной дисциплины на основе непременных понятий «оборотничество», «перебежничество», как одна из причин ухудшения окружающим, — прекрасно тем Сталинским, чем прекрасно умение отвечать к этому Сталину-Ленину, которому теперь легче всего подражать из всех попутчиков пролетарского движения.

Естественно, это идет полным ходом и большевиками. Неплохо, почему большевик не мог бы хорошо выражать в стихах предательство, как это делал Демьян Бедный на страницах враждебной печати.

Естественно, это идет полным ходом и с попутчиками. Вот, например, Воронский. Он, как и Троцкий, был крайней левой той мелкобуржуазной интеллигенции, которая более захватчиво спасла социалистического переворота. Многие из таких были переоценивания партией—не без забот и не без труда. Многие отставали в прямом соответствии со все более развертывавшимся ходом развития диктатуры пролетариата. Карикатурно преувеличенной тенью колебаний кратковременных членов большевистской партии, стала судьба Троцкого.

Именно в этой связи интересна его статья «О положении писателя» в Советском союзе, написанная вскоре после самоубийства Маяковского*.

Известно, что Маяковский шел от мелкобуржуазной революционности к большевизму. Известно, что он честно, истинно и мужественно шел по попутчика пролетариата хотел стать рядовым его авангардом. Известно, что он надломился на этом трудном пути, не выдержав последнего, оступился, когда тяжесть осознанной самоотверженно понижавшись на болезненную надорванность организма.

Выворачивание корней капитализма в СССР требовало от Маяковского, желавшего быть пролетарским поэтом и становившегося им в настоящем смысле этого обязывающего определения, полутинного и окончательного выворачивания корней капитализма во всем его личном существе. Тяжесть самопеределки увеличивалась — пролетарское искусство требовало органического участия в ее практике для творчески-органического служения ей. Маяковский испытал, как трудно это даже Маяковскому.

Как же мелкобуржуазный попутчик, стоящий рефлексом, против с мелкобуржуазным попутчиком, пресмыкающимся в подсознательного революционера?

Ответ на всей позиции Троцкого дает заключение его статьи: «Маяковский не является основоположником пролетарской литературы и не мог им сделаться не по тем же основаниям, по каким безоговорочное построение социализма в отдельной стране».

В основу оценки Маяковского Троцкий кладет свои знаменитые утверждения. Нужно против пролетарской литературы их механически сопоставляется с отрицанием строительства социализма в одной стране.

Реставрация на удобье—со сумрачной печалью Маяковский, не сумевший, дождаться своего октября, или предвкушение скорой Октября. Нота Маяковского в РАПП Троцким противопоставляется своя нота — из далекого далека Алма-Ата. Он пишет: «В январе прошлого года Маяковский, подвергнувший самым жестким нападкам, говоривший обо мне вещи, которые я не решаюсь повторить, прислал мне записку с просьбой устроить ему свидание со мной». Троцкий, продолжая, сообщает, что Маяковский «был очень удручен», жаловался на «травлю» и «клевету» в РАПП—за два или три месяца до своего самоубийства. Это все, что нам дано по этому поводу. Это очень лаконично и очень значительно по внутренней ценности.

Даже бывалый лоск посмертной статьи не может скрыть недоброжелательства ее автора по отношению к пути Маяковского от индивидуализма к большевизму. Можно ли бросить камень в Маяковского более тяжелое обвинение?

Троцкий обвиняет его, по сути дела, в предательстве, объявляя пятнание Маяковского в РАПП жалкой болезнью немых нападок.

С большевизмом у Троцкого были временами довольно близкие отношения, но никогда не было органической связи. Троцкий

БЫТЬ „ЛИЦОМ К ЛИТЕРАТУРЕ“— ЗНАЧИТ ВЕСТИ БОРЬБУ ЗА СОЦИАЛИЗМ В САМОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Помещенные ниже отзывы принадлежат библиографическому Институту Одиза. Редакция взяла их из бюллетеня, который издает Институт для библиотек-читален. Таким образом эти сведения, давая идеологическую оценку книге, преследуют, кроме того, практическую цель дать библиотекарю ориентировочный указатель при покупке книг и рекомендации их читателям. Писательская общественность страны должна самым непосредственным образом заинтересоваться работой Института. Одновременно с ознакомлением с новыми книгами, выходом этих отзывов, редакция оставляет за собой окончательное суждение по поводу метода и стиля характеристик книги и позволяет самим писателям высказаться по этому же вопросу.

ПОЗОРНАЯ КНИГА

ДОБЫЧИН. Портрет. Над-во писателей в Ленинграде. 1931.

Портрет? Написание его обязывает и даже не располагает к доводам. Из истории (рассказов) этой позорной книги предстают, собственно говоря, разговоры ни о чем. Кулаки, попы, деникины, лесом, церковным благовоз, изуверство, увечные герои и угнетенники наводнили книгу. Рядом с ними, под их нашептывания вейсбизм, пребывают «идеи» и люди. Чем же вас хочет «удивить» уездный фотограф советской действительности?

Казалось же, речь идет об обывателях, мещанах, остатках в обидах мелкобуржуазии, для чего пира по Добычину мир заполнен исключительно злобием, болотью и страхом, составляющим печать очех. где международный женский день знаменуется хождением в баню, 1 мая — стиркой, а 7 ноября — двумя объявлениями в газете — о выборе комсомольских взносов (от участника) и о торжественном благодарственном молебне (от очковтир.). «Понимаете какое теперь время?» (Это говорится о военном времени).

Автор, очевидно, желая подчеркнуть «чуждость» обывателя к внешним отображениям советской яви, упорно называет красноармейцев—солдатами, долгу комсомольца—Красной Пасхой, лодку — Сун Ят-Сеном, а растратчика — Митькой-Дебоширом; при этом в красноармейском батальоне одновременно стоят пьесу «Гоша в дом, все вверх дном», и антирелигиозную, в часовне на постах зевают.

«В канцелярии (советского учреждения) висел портрет Михайловой, которая выстрелила 100.000», писатель изволит восхищаться Сувагина, что его «рассказы» будут цитироваться. Вот этот «рассказ». «Белые банды заперли начальника линии Виноградова в сарай. Настя Голубкова, не теряя времени, сбегала за Красной армией. Бандитов расстреляли. Начлин уехал, а Настя выкинула из избы иконы и записалась в РКП(б)». Как видите содержание рассказа указывает, что Ефычин не плохой ученик нашего автора.

... «Трудящиеся всех стран, — мечтательно говорил Кукину кассир со станции. — ждут своего освобождения. Посмотрите, пожалуйста, достаточно порванного у меня между лопатками?» Не спеша, мужественно листает дальше: «Действительно нет красивее романа рабочего Петрова». «Жизнь без потуги» — замечательно, цитировал рабочего Петрова» (Вот и все о рабочих). Так «фиксируется» герой Добычина.

На площади жертв (где «похоронены капустинская бабушка и отдельно т. Русевич») произносит речь, должностное лицо, очевидно, призвано показать героическую исключительность. Эта книга, насыщенная безумной злобой мещанина, достойна самого суточного ареста на полке новобуржуазной литературы.

По улицам Ленинграда проходят различные люди, большинство из них здоровое, жизнерадостные и энергичные строители социализма, но автор видит: «Толкались молекулы. Прибывали — сплошь долларократно толкались и продолжают толкаться в советскую литературу, проникал сквозь плохо прикрытые двери некоторых издательств.

Товарищи ленинградцы, проверьте хорошие замки и установите необходимую охрану.

О. РЕЗНИК

ФОРМАЛИСТИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

СЕВЕРНАЯ БРИГАДА. Георгий Куклин, Сергей Спасский, Ел. Тагар, Николай Чуковский. Нед. писателей в Ленинграде. 1931. Стр. 273. Ц. 2 р. 25 к. 10.000 экз.

Книга составлена бригадой писателей, обследовавшей ряд пунктов по линии Мурманской железной дороги и Кольского полуострова. Очерки Мурманск, Колы, Кандалакши, Кеголя, Хибин и острова Кильдина. В книге даны зарисовки бытовой и производственной жизни края, первое издание которых вышло в 1930 году. Очерки «Путь бригады» С. Спасского и «Во дни головокружения» Чуковского, где рабочие, изображенные в этих очерках, рассказывают об опыте своей работы на потухском фронте и т. д.

Каждый такой очерк, стихотворение или рассказ полезны всего «лучего очерка», как говорит Горький. Какой энергии рабочего класса, труд чем-нибудь-нибудь в героизм, в оружие наступления, большевистское вооружение — все это как бы бьется между строк, все это движет героя книги Куклина. В этом смысле сборник — лучший документ подлинных взглядов рабочего класса, документ, лишний раз опровергающий классовую сущность меньшевиствующего блока в «подсознательности» и безынициативности пролетариата.

Это одна замечательная сторона сборника. Но с другой стороны — со стороны художественного качества — сборник свидетельствует, что авторы его еще плохо овладели литературой тех-

ФОРМАЛИСТИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

И. ФЕЛИСТАК. На новом заводе. Рассказ. М. и Л. изво «Молодая гвардия». 1930. Стр. 135. Ц. 1 р. 10 к. Тираж 5.000.

Судя по заглавию и отдельным сценам и производственным деталям, автор пытается нарисовать картину ближайшего будущего СССР, когда все страна уже покрыта гигантскими заводами и жизнь рабочих, особенно рабочей молодежи, протекает в условиях особого типа комфорта. Автор не жалеет розовых красок, описывая рекордную заселенную молодыми рабочими общежитие, где комсомольцы щеголяют шелковыми костюмами» и т. д. Если изучить жилищную любовную историю, которой уделено много страниц, и остановиться на идеологии героев, то отчетливо выявится, что герои-комсомольцы обладают многими чертами прежних (мелкобуржуазных) в изнывающихся индивидуалистах, а не будущих коммунистических людей. Внешняя обстановка «будущих дней» содержит очень много аксессуаров типичной буржуазной жизни, а весь словарь автора взят напрокат из третьесортных дореволюционных романов.

Основная тема: выдвижение молодежи — превращается по воле автора в ожесточенную борьбу между молодежью и взрослыми рабочими. Молодежь изящно презирается и безжалостно осуждается старшее поколение.

Идея «будущей» молодежи — машинизм. Автор выхолащивает социальный смысл труда, сводя его к «машинной мудрости».

Идеологическая направленность книги не оставляет сомнения. Положительную программу автора, его ставку только на молодежь, на антагонизм поколений следует признать политически вредной.

Привлеченный большим количеством повестей, романов не отвечает минимальным условиям, позволяющим говорить о нем, как о художественном произведении. Книга пресноболтливая. Нет даже актуальной тематики протаскивается сугубо меньшевистское чтиво.

Издание книги следует признать крупной ошибкой.

О „КЛАССОВОМ“ ЧУТЬЕ СОБАКИ И ОБ ОТСУТСТВИИ ЧУТЬЯ У ИЗДАТЕЛЬСТВА

И. ЖИЛКИН. Барбос и люди. М. «Московское товарищество писателей». 1930. Стр. 252. Ц. 1 р. 75 к. Тираж 3.000 экз.

Последние два рассказа датированы 1911—12 гг. и охватывают эпизоды из быта далекого прошлого. «Побег» — рассказ о первом побеге на тюрьмы внешне-революционера. «Отец» — история молодого сельского учителя из кулацкой старообрядческой семьи, который всю жизнь не мог отделаться от детского болезненного страха перед деспотом-отцом.

Первые два рассказа — ближе к современности и они-то, главным образом, и создают путаницу идеологии автора. В рассказе «Егор и Митя» художественная среда во время войны и революции. В противовес приспособленцу, рачку и халтурщику Егору Волосатову — слабых идеалистов расхлябанного, растерянного интеллигента-недоучки Митя, особая «честность» которого выявила его как жалкого.

«Барбос и люди» — довольно нелепая попытка изобразить революцию через психологию... «дворового пса». «Классовый подход» в этой повести выражается в том, что Барбос сочувствует солдатам и ненавидит офицеров. Дальше, когда Барбос попадает в усадьбу, он со своей «собачьей» пролетарской чуткой время точно различает классовых врагов даже в пределах одной семьи. В этой повести — та же, свойственная автору, буржуазно-гуманистическая установка: кровавое отражение и даже возвышенное страдальческого интеллигента, оказался подпольщик, презираемый в

ПРОЧТИТЕ ЭТУ ИНТЕРЕСНУЮ КНИГУ

ФИНК, В. — Евреи в тайге. М. «Федерация». 1930. Ц. 1 р. 50 к. Стр. 293. 10.000 экз.

Очерки Финка посвящены вопросу переселенчества евреев на Дальнем Востоке — в Биробиджане. Эта начинается с зарисовки гнилой хасидской природы и не менее дикой и бытовом отношении «сыто-дешевой» жизни хасидов, которыми 70 лет назад царское правительство заселило этот район; их до жути темная жизнь — наследие колонизаторской политики царизма, не десять лет ни в какой мере не подняшей культуру края.

Автор показывает, как новая советская политика переселенчества, принципы построения коллективного хозяйства с высокой машинной техникой, носителями которых, в данном случае, является передовая часть евреи-колонистов, начинает менять лицо края и производит сдвиг даже в застывшем в ледовских обычаях казацком населении.

Книга Финка проникнута бодростью и оптимизмом, но совершенно свободна о привкуса хвалебного благополучия.

На ряду с изображением упорного труда, энтузиазма, преодолевающие неимоверные трудности, сопряженные с здоровой, нормальной жизни чахлых и запуганных «портных, маклеров и маклаков», Финк вскрывает и на крупнейшие недостатки, дефекты. Отсутствие плана, неподготовленность к приему переселенцев, неумение подобрать пригодный для переселения человеческий материал, перегибы, возбуждение национальную рознь, — все это безжалостно вскрывается автором, который не только изучает постановку переселенческого дела, но и делает актуальные выводы о дальнейших его перспективах. Эту проблемную интересную книгу, написанную умно и просто, пронизанную тонким юмором, следует рекомендовать широкому читателю.

О УЛИЦЫ В ЖИЗНЬ

БЕЛЫХ Г. Дом веселых нищих. Повесть. Л. Изд-во «Прибой». 1930. Стр. 240. Ц. 1 р. 75 к. (ЛАПП. Современная пролетарская литература). 5.000 экз.

Повесть из жизни ребят-обитателей дома на Литейной окраине, населенного шумной мастеровщиной и прозвищного «Домом веселых нищих». Действие повести развивается в годы с 1911 по 1918 гг. Империалистическая война, Февральская и Октябрьская революции, наступление Юденича на Красный Петроград,—все эти события затронуты в повести, поскольку она отражалась на судьбе предприимчивого и набалованного мальчугана Романа и других ребят из «Дома веселых нищих». Автору удалось правдиво и убедительно показать, как совершавшиеся общественные события преломлялись в сознании детей. Предоставленные сами себе и влиянию улицы, ребята с жаром предаются драмам, азартной игре в карты, увлекаются сомнительными кинофильмами и бульварной литературой, на те же ребята дружно помогают скрывающемуся от ловушки дезертиру царской армии, сознательно тянутся к революции и большевикам.

Главная ценность книжки в том, что в ней убедительно показано, как в результате скрещивания различных влияний у подростков растут и оформляются трудовые и общественные навыки. Особый интерес книга представляет для педагогов, но ее охотно прочтут и прочие читатели.

ВРЕДНАЯ ПОВЕСТЬ

А. ДОЛГИХ. Кривая. Повесть. М. «Федерация». 1931. Стр. 191. Ц. 1 р. 10 коп. Тираж 5.000.

«Кривая»—это путаный, тенистый путь, которым идет герой повести молодой Михайло, обладатель большого художественного таланта. Повесть ставит весьма актуальную проблему—путь рабочего в искусстве. Эта проблема разрешена автором крайне неудачно. Вся повесть занята индивидуалистическими, эстетскими блужданиями героя в поисках настоящего искусства; искусству не приписывается какая-то жреческая и надсознательная сущность и сила. Автор в плену идеалистического представления о том, что художник—непременно «не от мира сего», что он противопоставлен действительности, как носитель возвышенного и прекрасного. (Даже дом, окрашенный по рецепту Михайлы, становится прозрачным и таинственным). В среде художников-профессионалов автор не нашел ничего, кроме пьянки и фактрота. Большое количество страниц отведено протоке, воплощенной в образе «богемной львицы», и в отношениях героя к ней. Сюда же привлетена также барская философия о белой и черной кости (стр. 159). Под маркой рассуждений об искусстве и о путях к нему привлекается чистейший идеализм, эротика и реакционная пошлость. Страницы, посвященные заводу, а также финальный возврат Михайлы в лоно пролетарщины представляют собой схему и являются попыткой «поправить» идеологию сюжетной концовкой, идущей вразрез со всей линией книги.

ВЗГЛЯД И НЕЧТО

И. ВАГНЕР. Человек бежит по снегу. Л. Издательство писателей в Ленинграде. 1930. Стр. 267. Ц. 2 р. 40 к. Пер. 30 к. Тир. 5.200.

Путевые заметки-впечатления о путешествии автора по р. Колыме в 1929—1930 г. Пятнистая пейзажная лирика морд, саатов и пр., обильно быта чукчей, якагиров, якутов, подслушанные разговоры, отрывки из собственного дневника интимно-личного характера, из писем неизвестной читателю Тальге и пр. Материал сырой, разбросанный без цели, без отбора, без оценки. Любительство, гнобим, обывательского гурманства окрашивает систему отрывок лимона и моря, зевок вагонной спутчицы, горячий загар причалившейся чукчанки — все дает повод для претендующих на глубокомысленное рассуждений о жизни, о любви, о женщине, о «настоящей правде» примитивного существования и даже о революции, которая странным образом ассоциируется с образом бара, напившегося в стельку иностранцами. Впрочем такие «политические» вкрапления по части, для книжки скорее характерно отвлечение от политической действительности. Только по недостроенным примечаниям и случайным упоминаниям даты, можно понять, что автор путешествовал в советское время.

Фальшиво и неубедительно выглядит в книге парадная глава об «индустриальных вопросах» и об экспрессе революционного времени, настигающем лихаря в его одиноком беге по снежной пустыне. Попытка изложив социальных отношений выражается у автора только в установлении имущественных категорий бедняков — середняков и зажиточных среди местного населения.

Пустая книга.

„ПОСЛЕДНИЙ РЕШИТЕЛЬНЫЙ“ Вс. ВИШНЕВСКОГО

Шарж Э. Кердимлиевича

Вс. Вишневский

«Последний решительный» — пьеса о том времени, когда границы СССР станут под угрозу наступления империализма. Тематика — актуальная, талантливость автора — безусловна, поставлена пьеса мировым мастером. И все же — **поражение...**

Ибо метод Вс. Вишневского не есть метод пролетарской литературы. Вишневский пытается создать политическую пьесу, непосредственно связанную с основными вопросами обороны СССР. Но политическая активность пьесы направлена не в ту сторону — искусство революционной борьбы подменяется в пьесе проблемой революции... на сцене «самого больного» оперного театра. Вишневский издевается над этим театром, «оперный мотив» вспыхивает на всем протяжении пьесы, вплоть до самой последней картины, но эта нарядийность пьесы — лишняя, вредная, ибо к «последней, решительной» борьбе она имеет самое отдаленное отношение. Таким образом, случайное становится одной из основных сторон, тема интернационального столкновения двух классов мирно уживается рядом с неимоверно расплывшейся театральной темой (да и что-то тема не в полноте, ибо не в опере сейчас главная опасность на театре, тем более, что проблему художественной культуры прошлого тов. Вишневский решает упрощенно-нигилистически). Вполне случайная сопровождается устранением ряда основных для пьесы моментов. Увлекшись сражениями с оперными героями, Вс. Вишневский выбросил из пьесы интернационалов из своей пьесы о «последней решительной» борьбе пол знаменами Коминтерна.

Одновременно тов. Вишневский технически-верная линию борьбы с империализмом, ибо она и его представления — нечто батальное, военно-техническое. Красная армия и флот берутся В. Вишневским изолированно от борьбы классов и стране. «Тыл» и «фронт» в революционной войне — **трудно** различимые понятия, ибо тогда каждый завод и колхоз являются оазисами борьбы с классовым врагом. Это значит, однако, что именно поэтому нельзя давать только фронт или только тыл вне всякой связи между собою. Вс. Вишневский, насаждая-сознательно разрывая эту закономерную связь, тем не менее обращается к «тылу». Но этот «тыл» — квартира простая, чуток. Усилиями тов. Мейерхольда эпизоды с проститутками расценены до впечатлительной зрелищной яркости, но эта «яркость» есть лишь обратная сторона бессилия автора показать революционный тыл. Вс. Вишневский мыслит своеобразными антитезами: или герои — матросы или проститутки, при чем сценам героизма чередуются со сценами «разложения» двух матросов в квартире проституток. Международное столкновение двух классов сближается этим до известного предела.

Схематизируя действительность, не вскрывая ее действительных противоречий (ибо два «разоблачительных» матроса и скучающая проститутка ни в какой степени не выявляют этих противоречий), Вс. Вишневский в то же время скатывается к субъективному нейхолтингианству (образы Кармен и Самушкиной).

Не будучи в силах понять действительность во всей ее полноте, тов. Вишневский не воспринял специфических особенностей борьбы с мировым империализмом, он так и не смеет показать СССР в момент этой борьбы, ограничивая тему сделал чрезвычайно узкой, ограниченной в линейной конкретно историческом содержания.

Три проблемы ставит т. Вишневский. Первая, культурное наследство прошлого и революция. Метод решения — нигилизм. Вторая: личное и общественное. Метод решения — субъективный нейхолтизм. Третья: борьба двух систем — капиталистической и социалистической. Метод решения — схематизм.

Пьеса «Последний решительный» — решительное и, хочется думать, последнее поражение Вс. Вишневского. Он должен пересмотреть свои идейные и творческие позиции.

НИК. ПРОКОФЬЕВ

ОТ РЕДАКЦИИ. В ближайшее время мы дадим оценку работы режиссера и актеров над пьесой тов. Вишневского.

„ПОЭМА О ТОПОРЕ“ В ТЕАТРЕ РЕВОЛЮЦИИ

Шарж Э. Кердимлиевича

Стенли—Орлов

История открытия нержавеющей и кислотоупорной стали малограмотным рабочим переведена с окислительного языка очерка на вразумительный язык театра, вся забота о напряженной заводке, неожиданной разделке и выигрышных местах вообще. Автор не ошибся в расчете — он абсолютно сознал поэму. Не поэму даже, а сказку, «волшебную сказку о топоре». Сказочности даже слишком: изменение цеха, будто бы расположенного в горах под землей,—впечатление, создаваемое конструкцией Шлезингера,—слишком «волшебно». Но в таком случае были скрыты от невооруженного глаза моменты, которые и создали этот диалектический скачок. Диалектики здесь нет.

Нас могут упрекнуть в чрезмерном внимании к недостаткам молодого драматурга. Но мы подчеркиваем их потому, что достоинства его очевидны, потому, что накопленный богатейший материал—фактический материал борьбы за пятилетку — требует большого продумывания не только художественного, но и социологического,—т.-е. классового, пролетарского—и философского—т.-е. материалистического, диалектического.

Высокого внимания заслуживает прекрасная постановка А. Попова.

Каждый из многочисленных эпизодов дан сжато и каждый раз по-новому. Но самое важное это тем спектакля, верное ритм. Действительно—стихотворный ритм. Этом же цели служит конструкция Шлепянова, вызывающая при своем появлении единодушную овацию зала. В основном она представляет завод. Ее превращение: улицы с деревьями, частные квартиры, рабочая столовая, переулок с кооперативом и т. д. Единственная конструкция в спектакле, она в то же время единая, создает единый, всеохватывающий дух заводской жизни и борьбы.

Актерское исполнение, если не считать некоторых неудач, на уровне всего спектакля. Законченный, очень цельный образ мастера создал Орлов: скупость его внешних проявлений при большой углубленности в себя и, в то же время, огромная простота, неумение и нежелание выпячивать себя на массы,— подлинно пролетарская трактовка образа.

Шарж Э. Кердимлиевича

Анна—Бабанова

Одно из самых ярких впечатлений от спектакля — это, конечно, Бабанова. Она запоминается надолго, но — забавно — запоминается не столько как образ Анки, сколько как актриса. Много, порой, изумительных красок дает в этом спектакле Бабанова, много психического обаяния, какой-то нежности в движениях, чуткости в интонациях, внутренней легкости, вообще. Но ведь в жизни Анка куда угловатее,—еще не изобрел Хребет истеблишмену Аньку такому мату, вьюгой демонстрации, рожденному бескультурием хаосу и нищете. Зачем с трудом, точно барыня Неждана. Вся смелость на фактуры, так, мол было в действительности. Возможно. Но в таком случае были скрыты от невооруженного глаза моменты, которые и создали этот диалектический скачок. Диалектики здесь нет.

Нас могут упрекнуть в чрезмерном внимании к недостаткам молодого драматурга. Но мы подчеркиваем их потому, что достоинства его очевидны, потому, что накопленный богатейший материал—фактический материал борьбы за пятилетку — требует большого продумывания не только художественного, но и социологического,—т.-е. классового, пролетарского—и философского—т.-е. материалистического, диалектического.

Высокого внимания заслуживает прекрасная постановка А. Попова.

Каждый из многочисленных эпизодов дан сжато и каждый раз по-новому. Но самое важное это тем спектакля, верное ритм. Действительно—стихотворный ритм. Этом же цели служит конструкция Шлепянова, вызывающая при своем появлении единодушную овацию зала. В основном она представляет завод. Ее превращение: улицы с деревьями, частные квартиры, рабочая столовая, переулок с кооперативом и т. д. Единственная конструкция в спектакле, она в то же время единая, создает единый, всеохватывающий дух заводской жизни и борьбы.

Актерское исполнение, если не считать некоторых неудач, на уровне всего спектакля. Законченный, очень цельный образ мастера создал Орлов: скупость его внешних проявлений при большой углубленности в себя и, в то же время, огромная простота, неумение и нежелание выпячивать себя на массы,— подлинно пролетарская трактовка образа.

ЛИТЕРАТУРА ПРИЗЫВНИКОВ И КРИТИКА

НАСУЩНЫЕ ВОПРОСЫ

Первые книжки рабочих-ударников, которые Горький назвал «звучными, как огонь», были единодушно встречены всей советской общественностью. В литературе зазвучали голоса переломного отряда рабочего класса, развалинов социализма. Мы остановимся сейчас в стороне целого ряда вопросов, связанных с призывом ударников в литературу. Призыв не только перешагнул на новую, высшую ступень всю работу РАПП (как организации), которая призыв проведет, но под новым углом зрения, как правильно пишет тов. А. Вишдов (зав. кадрами ВЦСПС), «ставит вопрос о содержании литературы, о лице ее авторов, о читателях и критиках, о работе библиотек и издательств, о перестройке рабочего читателя в общественного критика литературных произведений». Поэтому, литература здесь уже приобретает содержание более качественное. Она становится «орудием социалистического соревнования».

Мы сейчас считаем необходимым поднять один вопрос, который имеет первостепенное значение для правильного направления всей работы призывников-ударников в литературе. **Это вопрос о призывной и систематической критике.** Прежде всего, **сами рабочие-ударники придают вопросу о налаживании серьезной руководящей критики очень большое значение.** В № 2 журнала «На литпосту» т. Вишдов (автор книги «Бригада лабораторов») говорит: «Критика должна дать указания, чтобы помочь лучше писать, а раз критик не удовлетворяет читателей и говорит, что все хорошо, то все недостатки починающего писателя будут повторяться». Тов. Кольцов (рабочий фабрики «Ленинец») пишет, что литературная критика (в отношении рабочих авторов) должна иметь свой «специальный» журнал. Тов. Кольцов (рабочий книги «За пролетку») ставит проблему «задачу литературной критики «учить авторов, давать указания, как писать следующие книги».

Этот «производственный» подход рабочих авторов к критике понятен. Начинающий автор, часто не успевший литературно - художественной азбуки, имеет нужду, прежде всего, в этой стороны. Но самое важное на примерах

ЛИТЕРАТУРА ПРИЗЫВНИКОВ И КРИТИКА

НАСУЩНЫЕ ВОПРОСЫ

рассказов и старается ближнюю диалектическую связь формы и содержания. Самое важное научить «призывников» творческой литературе, не идеологическим и политическим задачам. Самое важное—бороться за диалектико-материалистический творческий метод. А вместе с тем, мы уже имеем ряд примеров не только переделать художественные качества некоторых книжек рабочих-ударников, но и вскрыть время противопоставления и техники.

Вот, например, только что вышедший с ГИХЛ сборник рабочих-ударников «Рабочий призыв». В сборнике участвуют 15 авторов по преимуществу рабочих - москвичей фабрик и заводов (тт. А. Васильков, А. Безуглов, А. Безуглов. В. Богатырев, П. Воробьев, А. Дамин, П. Дунаев, С. Ежин, М. Зотов, Г. Котьмин, С. Подольский, Д. Сангайский, С. Терасским). В сборник вошли очерки, рассказы и стихи как из заводской, так и из колхозной темы. Здесь в рассказе (Воробьева) о старом мастере, влюбленном в машину, после которой прошло несколько десятилетий его жизни, здесь очерк «На штурм» (Васильева), рассказывающий героическую историю ликвидации прорыва на фронте, здесь очерки «Путь бригады» С. Ежина и «Во дни головокружения» Подольского, где рабочие, изображенные в этих очерках, рассказывают об опыте своей работы на потухском фронте и т. д.

Каждый такой очерк, стихотворение или рассказ полезны всего «лучего очерка», как говорит Горький. Какой энергии рабочего класса, труд чем-нибудь-нибудь в героизм, в оружие наступления, большевистское вооружение — все это как бы бьется между строк, все это движет героя книжки книги. В этом смысле сборник — лучший документ подлинных взглядов рабочего класса, документ, лишний раз опровергающий классовую сущность меньшевиствующего блока в «подсознательности» и безынициативности пролетариата.

Это одна замечательная сторона сборника. Но с другой стороны — со стороны художественного качества — сборник свидетельствует, что авторы его еще плохо овладели литературой тех-

ЛИТЕРАТУРА ПРИЗЫВНИКОВ И КРИТИКА

НАСУЩНЫЕ ВОПРОСЫ

никой, еще не всегда умеют правильно и ярко передать то, что хотят сказать. Например, тов. Воробьев пишет: «Братья в железобетон, учителя на всех углах двигатель «Отто Дейц». Получается явное противоречие. Братать предполагает нахождение на месте, медленное движение вперед, где изменяется положение тела в пространстве. Это правильно. Это хороший образ. Значит — «братается» не только». Или «из прошлого остает его первая молодость». Разве в прошлом бывает две молодости? Автор должен быть внимательнее к выбору слов. Отсюда зачастую мы видим неправильный образ, мирный, или например смешивать классовую сущность наших боев.

Таких примеров в сборнике можно найти сколько угодно. В короткой газетной статье нельзя подробно разобрать каждое произведение (это надо сделать в другом месте). Но можно не замалчивать эти срывы и ошибки, можно ли замалчивать необходимость самой настоящей литературной учебы для начинающих авторов?

А вместе с тем в предисловии к сборнику редактор его А. Низовцев не только замалчивает все недостатки в произведениях сборника «Рабочий призыв», но, напротив, **как бы похваляется бескультурием.** На этом предисловии необходимо остановиться. Что представляет собой самый возмутительный образчик «крепкой любви к рабочему» (по удачному выражению Ф. Панферова). Разумеется, специалисты-литературоведы, — горделивым тоном заявляет А. Низовцев, — найдут в произведениях этого сборника много недостатков. На вопрос на это, мы и т. д.». Что это—не вызов на специалистов-литературоведов? О каких литературоведах идет речь? Разве рабочий класс не воспитал в вузах и комвакадемиях своих литературоведов? А если так, то именно нужно «говорить» на них, чужно приступаться к их голосу «производственной» критики, потому что эта критика как раз дает рабочему-ударнику то, чего ему не хватает — литературные знания. Во А. Низовцев идет дальше. Он пишет, что коллы-профессионалы в художественном отношении не так далеко ушли от коллов-рабочих. «Если же принять во внимание, — пишет он, — что все произведения последних освещены красным светом Октября, то нужно сказать, что общественная принадлежность их роль неизмеримо выше худо-

Такие заявления вырваны из всякой связи с рабочим ударником, незнающим литературного приема и очень бы писать в редакцию о всех вопросах, которые возникают начинающих авторов. В ближайшее время редакция созовет совещание призывников-ударников, где поставит вопрос об организации систематической критики произведений и постоянной консультации при газете.

Из литературного прошлого

Нигилистка и офицер

Неизданная пародия Ф. М. Достоевского

Достоевский редко, по все же прибегал к стихотворному жанру. Патриотические славянофильские мысли и весь сочувственный интерес к русскому классово-враждебному ему нигилизму нашли свое выражение в пародии, скрытой за внешне (внешне) журналистские рецензии (статьи). В одной из записных книжек Достоевского мы нашли черновой набросок пародии на самое читательное его движение среди радикальной молодежи—так называемый нигилизм, в котором писатель признавал необходимость коренной ломки политического строя, социально-бытовых форм, научный позитивизм и практические основы новых форм в различных областях жизни, в частности, в семейной жизни. Содержание диалога между девушкой и офицером делает вероятным вывод, что автором пародии и пародируемого текста является сам автор.

Н. БРОДСКИЙ.

Н. Куда стремишься офицер?
Ф. Стремлюсь освободить Россию.
Н. Давно ты ротный командир и влюбился в сию стихию?
Ф. Давно-ль азазы остригли ты?
Н. С тех пор, как в вопросе женском познала первые мечты.
Ф. Ф. Служа при Бахтышь-Каменском.
Средь деревенской простоты
Не мог познать я сих вопросов;
Во всем полку один лишь Носов,
Поручик «Сына»[1], получал,
Но о вопросах «Сын» молчал.
Спрошу теперь, как истый Русс,
Что значит женский сей вопрос?
Н. Мне кажется, что ты не рус.
Ф. Я Г...с?!
Н. Но ты меня не понял,
Я говорю, что ты не рус,
Лишь в смысле том, что не дорос.
Ф. Твой каламбур меня не понял.
Н. Но я сейчас тебя пройму.
Представь сознанью своему,
Что лучше резать нам лягушек
И этим обществу служить,
Чем лишь в печении ватрушек,
Иль рабски время проводить.
Вы нас учили рукоделью,
И танцовать, и приседать,
И ретроградно, от безделья,
Вам каждый год[2] детей рождать.
Я учить хочу по убежденьям,
Хочу учиться и считать[3],
Служить по земским учреждениям
И в парламенте заседать.
Когда же мне таков природы
О поже врачебном известит,
Тогда хочу одной свободы,
Пради хоть сам митрополит!
Не верю я всем этим штукам,
Из вас вы сделали — теперь...
Поверь естественным наукам,
И Благовестлозу[4] поверь!
В природе есть ли кринолины?
Иль предрассудком дорожа[5],
Идет ли гусь на именины?
Ну есть ли тетки у ежа?
Ну где увидишь ты в природе,
Семейных уз семейный гнет[6]
Кто узы брака в нашем роде,
Между животными найдет?[7]
Ну где увидишь ты в природе,
У птиц, у рыб семейный строй,
И где отыщешь в нашем роде,
В лесу звериный домострой?
Скажи, зачем же ты поверил
И предрассудкам и долгам,
Зачем всю жизнь ты лицемерил?
Скажи, зачем всю жизнь ты верил
Каких обязанностей бремя
Ты на себя наворотил?
Какие мысли президил?
Какие блага возлелеял?
Чего ты ждал, теряя время?
Какие мысли президил?
Каких долгов ненужных бремя
Ты на себя наворотил?
Сыдысь!
И за то, что было, да прошло,
И истреблять себе подобных
Латышь со шпагой иногда!
Ф. О, боже мой, чему я верил!
Идем! Скорей мажи дорогу!
Н. Вперед! За мной!
Ф. Иду с тобой.

[1] «Сын отечества», газета выходила с 1862 года.
[2] Вариант: «Послушно вам».
[3] Вариант: «Мешу загнуть в лесу».
[4] Сверху: «У рыбы и птиц».
[5] Вариант: «Между зверями в лесу».

Из литературных бесед

О жемчужной раковине и ровном дыхании

Писатели на производстве — это перестало быть только лозунгом: это вошло в наш литературный быт. Писатель в колхозе — уже не редкий гость, хотя большей частью эти наезжают в колхозы летом, и назады его не всегда свободны от гастролерского оттенка.

Не вот парадокс: среди читателей, где еще чаще всего о них говорят, где больше всего читают его книги, — в библиотеке—писатель бывает раз в год по обещанию. А иногда он приходит и несмотря на обещание И. Сельвинского и Н. Адуева напрасно ждали, например, на днях две сотни читателей в библиотеке имени Гоголя, на Красной Пресне.

Зато честно ждалась Вера Инбер. И занимательно рассказал читателям «О том, как я работаю».

***

Вера Инбер цитирует Гейне и Ольгу Форш. И горячо спорит с обоими.

Ольга Форш отвечала на вопрос одной записки: «Ничего не могу сказать о том, как я пишу. Весь я курящий весет яйца в полное тайги, когда ее никто не видит».

— Я не согласна с Ольгой Форш,—говорит Инбер. Мои тайны, мои производственные секреты я не скрываю. Если кто-нибудь может извлечь из них пользу для себя, я буду только довольна.

И она рассказывает о своих достижениях и о своих трудностях.

***

Гейне сказал, что сколиоз, — это болезнь души, подобно тому, как желтуха — болезнь человека.

Что характерно для жемчужной раковины? Ее совершенная замкнутость, ее совершенное одиночество. В буржуазном обществе писатель большей частью одинок. Он находится в разрыве с обществом. Чем более чуток писатель, тем он более одинок. Не чтобы он капризно и одиночествовал, он прекрасно свое чувствует и необходимость, и свой писательский аппарат. Одиночество становится обстоятельством и материалом для творчества.

В наше время, в какой стране дело обстоит совершенно иначе. Никогда еще писатель не был так связан с жизнью, как у нас. Писатель «монтируясь в поезду строек», он на ней не порожняк, что и его чувствуют. Сообща они делают гигантское дело перестройки общества. Отсюда столь твердое единство писателя, его отличие от «столь»—все это выглядит из быта писателя. Оно—уже не материал для творчества, а нежить, обреченная на отмирание. Весь вопрос в том, как ускорить этот процесс.

***

— Трудности моя заключаются в тенденциозно-интеллигентской напряженности психики, с чрезмерной восприимчивости ко всяким посторонним влияниям, в то время когда в них,—рассказывает Вера Инбер.

Иногда сильно хочет услышать обрывок песни, вокальный гудок, плеск воды, ощутить запах, увидеть цвет. Не успеешь опомниться—и тебя отнесло за тысячу километров от нужной семьи.

Если при писании допускаешь об удаче или неудаче мысли, — потеряешь дыхание и начнешь захлебываться. Дышать на время работы надо ровно, как при плавании. Стоит подумать о чем-нибудь постороннем и настроение почувствовать—сейчас же образуется пустота. Как вещи предсказуются по внешней вид, а сама вещь оказывается сухой и мертвой.

Производя личный учет излишек собственного производства, стараясь их сократить, В. Инбер внесла ряд коррективов в свою работу, выработала целую систему производственных навыков.

— Прежде всего, надо работать каждый день, — говорит она. Работа должна сделаться составной частью дня, правилом, а не исключением. Научившись писать каждый день, при всех обстоятельствах, при грусти и радости, при всякой душевной погоде, вы заключаете становящееся привычкой, необходимым необходимое равновесие и устойчивость.

***

Сейчас идут дискуссии о новом типе писателя. Новый писатель будет прежде всего отличаться более здоровой устойчивой психикой, свободной от созерцания собственных переживаний. Новый писатель не в какой степени не будет напоминать жемчужную раковину, отгородившую от реального мира, практически разобщенную с ним. Вас окружает НАША страна. Нам остается только широко раскрыть психику для всего того огромного, что происходит кругом.

— Новый писатель должен научиться работать в тесе с коллективом. Д. К.

Подоходный налог с писателей

Ленинградский финотдел должен исправить свою ошибку

Еще в ноябре прошлого года Наркомфин по хозтайскому ФОСП предложил Московскому и Ленинградскому финотделам установить способ учета производственных расходов писателей в процентном отношении к полученному авторскому гонорару. В Москве финотдел предложение Наркомфина было выполнено. Обследование особенностей писательского труда, Московский финотдел отказался от обычного требования, согласно которому необходимо представлять список производственных расходов и справочные документы. По постановлению от 26 января с. г. московские писатели пользуются правом получать скидку на производственные расходы в размере 50 проц. годового дохода, если, конечно, они сами не заявили о фактических других размерах производственных расходов.

Это постановление было вывешено довольно поздно, когда в некоторых районах окладные листы были уже разосланы. Поэтому многим писателям, не успевшим во время подачи декларации с внедрением нового порядка, приходится подавать жалобы на присланные им начисления, оказывается из них пользу для себя, и будут только довольны.

И она рассказывает о своих достижениях и о своих трудностях.

***

Гейне сказал, что сколиоз, — это болезнь души, подобно тому, как желтуха — болезнь человека.

Что характерно для жемчужной раковины? Ее совершенная замкнутость, ее совершенное одиночество. В буржуазном обществе писатель большей частью одинок. Он находится в разрыве с обществом. Чем более чуток писатель, тем он более одинок. Не чтобы он капризно и одиночествовал, он прекрасно свое чувствует и необходимость, и свой писательский аппарат. Одиночество становится обстоятельством и материалом для творчества.

В наше время, в какой стране дело обстоит совершенно иначе. Никогда еще писатель не был так связан с жизнью, как у нас. Писатель «монтируясь в поезду строек», он на ней не порожняк, что и его чувствуют. Сообща они делают гигантское дело перестройки общества. Отсюда столь твердое единство писателя, его отличие от «столь»—все это выглядит из быта писателя. Оно—уже не материал для творчества, а нежить, обреченная на отмирание. Весь вопрос в том, как ускорить этот процесс.

***

— Трудности моя заключаются в тенденциозно-интеллигентской напряженности психики, с чрезмерной восприимчивости ко всяким посторонним влияниям, в то время когда в них,—рассказывает Вера Инбер.

Иногда сильно хочет услышать обрывок песни, вокальный гудок, плеск воды, ощутить запах, увидеть цвет. Не успеешь опомниться—и тебя отнесло за тысячу километров от нужной семьи.

Если при писании допускаешь об удаче или неудаче мысли, — потеряешь дыхание и начнешь захлебываться. Дышать на время работы надо ровно, как при плавании. Стоит подумать о чем-нибудь постороннем и настроение почувствовать—сейчас же образуется пустота. Как вещи предсказуются по внешней вид, а сама вещь оказывается сухой и мертвой.

Производя личный учет излишек собственного производства, стараясь их сократить, В. Инбер внесла ряд коррективов в свою работу, выработала целую систему производственных навыков.

— Прежде всего, надо работать каждый день, — говорит она. Работа должна сделаться составной частью дня, правилом, а не исключением. Научившись писать каждый день, при всех обстоятельствах, при грусти и радости, при всякой душевной погоде, вы заключаете становящееся привычкой, необходимым необходимое равновесие и устойчивость.

***

Сейчас идут дискуссии о новом типе писателя. Новый писатель будет прежде всего отличаться более здоровой устойчивой психикой, свободной от созерцания собственных переживаний. Новый писатель не в какой степени не будет напоминать жемчужную раковину, отгородившую от реального мира, практически разобщенную с ним. Вас окружает НАША страна. Нам остается только широко раскрыть психику для всего того огромного, что происходит кругом.

— Новый писатель должен научиться работать в тесе с коллективом. Д. К.

На пленумах райбюро МАПП

Пролетарский район

● На пленуме напостовских кружков Пролетарского района с докладом «О задачах пролетлитературы» выступил А. Сурков.

Целую также заслушал доклад тов. Серебрянского о творчестве рабочих-ударников района, который в своих выступлениях продемонстрировал литературных от творческого ухода от современности, отрыве от производства и неумение механизированно-плакатной творческой продукции, которая является явлением вынужденного сосуществования.

● С докладом о работе Райбюро МАПП Пролетарского района выступил тов. Афанасьев, отметивший малые количественные результаты литературных в Пролетарском районе. Сейчас имеется в районе 13 литкружков, которыми охвачено 130 человек. Фактически, в кружках работает, несмотря на наличие гигантов-заводов в районе, только 80 ударников.

● Выступившие в прениях по докладам рабочие тт. Янцин (Завод «Серп и молот»), Сидоров (Завод «Динамо»). Баранов (завод «Амо») и др. отметили плохое отношение ряда фабричных заводских газет к творчеству ударников, а также на необходимость углубленной литературной учебы.

● Литкружок завода «Динамо» вызвал на социалистическое соревнование литкружок завода «Амо», который принял этот вызов тут же на пленуме. Литкружки двух заводов-гигантов обязались: написать коллективные книги об истории завода, написать свою заводскую песню, улучшить литературную учебу и еще больше увлечься в жизнь производства. Кроме того, литкружки решили научить жизни иностранных рабочих, работающих на этих заводах, и отразить их в своих произведениях.

● Пленум райбюро МАПП Пролетарского района решил просить секретариат РАПП выпустить для ударников серию брошюр по истории рапповского движения и по изучению творчества ударников.

Бауманский район

● 11—14 февраля проходила первый пленум кружков МАПП Бауманского района.

— Очередные задачи пролетлитературы,— говорит докладчик тов. Грудская,—заключается в том, чтобы за кипучей работой на самой творческой группировки, вырабатывая новые художественные формы, овладеть диалектическим методом в литературе. Творческое соревнование — вот лозунг РАПП.

Докладчик отмечает, что районный кружок «Ностройка», возникший одновременно с линией РАПП, не вел никакой борьбы с ошибками отдельных литературных групп и в частности с лит. фронтовскими тенденциями.

● Рецидивом литфронтовщины явились в выступления на пленуме представителей «Постройки», во главе с ее руководителем Мих. Алексеевым. С новыми нападками против РАПП выступил А. Безыменский.

● Решительный отпор беспринципным вопиткам столкнуть литературную работу района с позиций РАПП—ведущего отряда пролетарской литературы — дают в своих выступлениях тт. В. Ильинов и В. Кирпин.

● О работе Райбюро рассказал тов. Марков. В кружках района 270 активно работающих членов. 80 проц. ударников. Основной недостаток — беспринципность, отсутствие достаточно зрелого идеологического и организационного руководства кружками.

О творчестве рабочих-ударников обширный доклад сделала тов. Кропенко.

● Ряд товарищей, выступавших в прениях, обвинили Райбюро МАПП в плохом руководстве призывом ударников и в недостаточном развертывании самокритики.

М. Б. Вольфсону

присвоено звание заслуженного деятеля науки

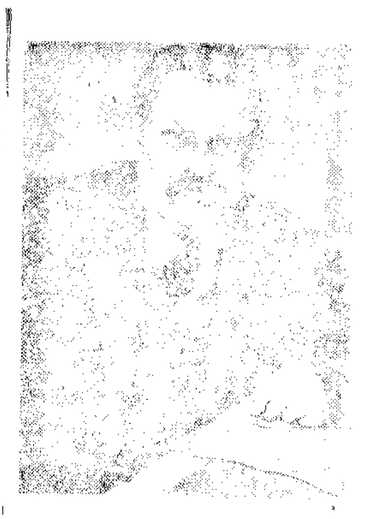
Совнаком РСФСР, учитывая научную и общественную деятельность профессора М. Б. Вольфсона, а также его заслуги в области советского книгоиздательства, присвоил ему звание заслуженного деятеля науки.

50-летие одного из выдающихся в Советском союзе книжных рабочих-марксистов т. Вольфсона совпало с его 25-летней работой в книгоиздательском деле.

Старый большевик-подпольщик, ученый историк, активный участник трех революций, т. Вольфсон за 25 лет является членом правления ГИЗ, где он руководит ответственным участком работы.

Товарищ Вольфсон — не только выдающийся редактор, но и автор многих работ, популяризирующих учение Маркса-Энгельса-Ленина в широких рабочих массах и среди молодежи. Так, например, его первая работа «Основы общественного знания» выдержала 12 изданий и переведена на разные языки. Его курсы «СССР в капиталистической кольце», «Учебник политического языка» и «Краткий курс политической экономии», «Экономические формы СССР» и многие другие хрестоматии учением Маркса и Ленина.

М. Б. Вольфсон ведет также большую научно-педагогическую и общественную работу в 1 и 2 МГУ.



Возмутительное отношение к советскому писателю

Тов. Перепплетчикова должна получить жилплощадь

Приставленная к журналистике, постоянный сотрудник женской периодической печати, секретарь редакции журнала «Работница» М. Перепплетчикова поставлена бюрократическими придирками бумажного РУНП в безвыходное положение.

До 1928 г. т. Перепплетчикова была прописана на площади своей матери в Бауманском районе. После приезда мужа с двумя детьми ей пришлось вести кочевой образ жизни, почуя то у знакомых, то у матери.

Летом т. Перепплетчикова переехала в Братовщину, где стала работать ее муж, по болезни они жили в Москве, так как после поздно кончающейся редакционной работы невозможно было попасть на поезд.

В январе 1930 г. мать Перепплетчиковой умерла, а ее комнату (печатало бауманское РУНП. лишив Перепплетчикову, что она прописана в Братовщине, а не в Москве, и никакого права на жилплощадь не имеет.

По просьбе писательницы, ФОСП обратился к ком. прокурору и в РУНП. Но до сих пор нет никакого результата. Инспектор же РУНП т. Голубев очень резко заявил, что т. Перепплетчикова этой площади не получит.

Мы требуем расследования этого возмутительного случая и предоставления площади т. Перепплетчиковой.

Поправка

В заметке «Как читать Маяковского», напечатанной в № 6 «Н. Г.», предпоследний абзац следует читать:

«На вышеуказанную заочную читку Н. Асеевым «Про это» аудитория удалось получить гораздо более представление о том, как надо читать стихи Маяковского, чем на всех теоретических выступлениях».

Календарь работы клуба ФОСП

15 ФЕВРАЛЯ.

20 ч. Большой концерт. Квартет им. Московской консерватории, в составе: Д. Цыганова, В. Ширинского, В. Богословского и С. Ширинского. Пение—Н. М. Весина. В программе—Бетховен и Шуберт.

20 ч. Совещ. революционных драматургов.

20 ФЕВРАЛЯ.

19 ч. Новостроевская смена.

18 ч. Альманах «Вчера и сегодня».

21 ФЕВРАЛЯ.

19 ч. Открытое партийное собрание, посвященное Красной армии.

20 ч. К. И. Чуковский. Доклад «История одной коммуны» (из книги «шестидесятников»).

22 ФЕВРАЛЯ.

20 ч. Пискусственный кино-просмотр.

23 ФЕВРАЛЯ.

22 ч. Вечер ЛОКАФ, посвященный 13-й годовщине Красной армии. В вечере участвуют: чтец-народный поэт Демьян Бедный, народный артист В. Мейерхольд, Р. Хлумов, В. Асеев, Б. Большаков, И. Батрак, А. Безыменский, Э. Багрицкий, А. Гитович, М. Голодный, Л. Дегтярев, М. Зайка, Б. Земляк, Б. Пастер, А. Нобах, С. Кирсанов, В. Кириллов, Л. Леонов, В. Луговской, С. Малашкин, Ю. Олеша, Ф. Панферов, М. Светлов, А. Сурков, А. Серафимович, С. Щипачев.

24 ФЕВРАЛЯ.

19 ч. Бюро цензенской ЯАПП.

20 ч. Секция научной библиотечистики.

Зверинец

✻ СЕГОДНЯ, в 19 ч., в помещении «Прожектора» (Страстной бульвар, 12, вход с улицы Горького) состоится совместное заседание бригады писателей при «Прожекторе» Известия ЦИК Советов и Ленинского совета — «Красная армия и задачи художественной литературы».

✻ Детская секция ВОСП передала в распоряжение ячейки ВОСП при 1-й Образцовой типографии 10 билетов на 15 янв. на М. Пришвина. Начало в 8 ч. веч. Явка обязательна.

✻ 20 февраля в 17 ч.—в помещении «Дома Герцена» (Никитский бульв., 6) состоится совместное заседание Комиссии по детской литературе ЦК Союза работников просвещения и Секции детской литературы ЯАПП. Доклад т. Лидина.

✻ 20 февраля—19 ч.—продолжение прений по докладу т. Ермилова ЦИМ. Выступ. 10 мин.

✻ 21 февраля—19 ч.—тема для открытого диспута о книге Кирпина «Клёв» в постановке МХАТ. Вступительное слово А. Луначарского.

✻ 22 февраля—20 ч.—в клубе ФОСП (ул. Воровского, 52) очередное занятие кружка рабочей критики «РОСТа». Обсуждение плана работы кружка «На литпосту».

✻ 24 февраля—19 ч.—в помещении «Безбожника» (Орликов., 10) совещание представителей пролетарских литкружков объединенных Райбюро МАПП.

День международного рабочего театра в Москве

В клубе им. Зуева состоялся интернациональный вечер, посвященный международному рабочему театру.

С докладом о роли рабочего театра в классовых боях международного рабочего театра выступил председатель ЦК рабис т. Бородкий.

Указав на огромные трудности, которые встречает рабочее театральное движение на Западе, т. Бородкий призывает рабочие самодеятельные кружки установить постоянную связь с зарубежными товарищами, по примеру художественной агитбригады завода им. Воровского, принявшей шефство над немецкой рабочей агитбригадой «Алярм».

В художественной части вечера выступили: с немецкими песнями — агитбригада «Алярм», художественная самодеятельная бригада железнодорожников-профсоюзников и оркестр духовых инструментов.

✻

23 февраля, в день международного рабочего театра, в Малом театре состоится митинг московских театральных работников. Поздравление от своим организациям бригада «Алярм» выполнит прямо с трибуны митинга.

В помещении Малого театра в антрактах рабочими кружками говорил председатель секретариата Профинтерна т. Лозовский.

— Нейтральных среди нас нет. Их нет сознательно одних капиталистов, рабочих. Рабочих искусства должны сумеет выбрать и уметь за собой вести.

Рабочий театр — один из боевых отрядов пролетарского движения и в частности нашей борьбы он на нашем секторе.

Далее выступили гости — делегаты из немецких рабочих театров.

В заключение митинга выступили: Всеволод Мейерхольд, заявивший о своей готовности отдать все свои силы в борьбе против капитализма, переключиться полностью, пересмотрев творческие методы, на выполнение задач социалистического строительства.

Выступление в заключение бригады «Алярм», имела большой успех у товарищей по искусству.

Д. К.

МАССОВЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И КУЛЬТУРНО-БЫТОВОЙ ЖУРНАЛ

РОСТ

МАССОВЫЙ ОРГАН ПРОЛЕТАРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ВЫХОДИТ ДВА РАЗА В МЕСЯЦ

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1931 год

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: 12 мес. — 3 р., 6 мес. — 1 р. 50 к. 3 мес. — 75 к.

Подписку сдавайте на почту в киоски, агентам. Перед отъездом в командировку не забудьте внести.

Адм. Изд. О-во «ОГОНЕК» Москва, 9, Страстной б., 11.

ГОСУД. ИЗДАТ «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

Поступает в продажу и рассылается подписчикам

№ 2 ЖУРНАЛА

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

В НОМЕРЕ:

ПРИЗВЕДЕНИЯ МОЛОДЫХ АВТОРОВ СОВЕТСКОЙ БЕЛОРУССИИ

Михась ЛЫНЬКОВ — Андрей Сте а.
А. АЛЕКСАНДРОВИЧ — ..омсомол.
Петро ГЛЕБКА — С ова победы.

Н. СИДОРЕНКО — Рубе (из поэмы).
А. ИЛЬЯХ — Порода (пьеса из пьесы).
С. ВАШЕНЦЕВ — Сера и ее есть (с ... ик на зар ... сенних дней ...матов).
О. ВЛЫЗЬКО — Тевье (отдых ...ренин).

Читки: Федор МАЛОВ — Встреча ко хозяйственным в борьбе за ко хоз). Андрей ГАБО? — Ударная бригада Шарденина и ... ...ада весенних (организационное ...ево).
ПЬЕСЫ: А. МОЛАРЕВ — 3 дня отчетности. М. КАНТОР — Пом ...ол на фронт снабжения. А. ЗВЕЗДИЧ — На ...ственную ...ть на хозяйственном строительстве.
ИСКУССТВО: Б. ЛЕОБ АЛЕРС — На большом пути (кинобизнес).

Цена отдельного № — 60 коп.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1931 г.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА: на 12 мес. (24 №) — 6 р. 50 к., на 6 мес. (12 №) — 3 р. 75 к., на 3 мес. (6 №) — 2 р. 00 к.

Подписка принимается Переподготовителем Книгоцентра (Москва, Пятницкая ...), магазинами и отделами Книгоцентра и на почте.

ЛИТЕРАТУРНАЯ УЧЕБА

Под редакцией М. Ю. БЫКОВ

Вышел в продажу:

В НОМЕРЕ: № 7

М. ГОРЬКИЙ — Гумилятам. М. ГОРЬКИЙ — Беседа о языке. Л. ЯКУБИНСКИЙ — Каковы в основе современные русского языка. М. КЛЕМАН — Тезисы тов. Эмиля Золя о теории научного романа. В. РЫБАКОВА — Как работал Гоголь. Д. ТАМАРЧЕНКО — Основные вопросы марксистской... критики. П. КОРЫХАЛОВ — Литературная работа в школе. А. СМИРНОВ — Французская литература. В ЛИТЕРАТУРНОЙ КОНСУЛЬТАЦИИ. Читатели, готовьтесь к следующему номеру.

Выйдет в ближайших № 8

В НОМЕРЕ: № 8

В. УДРИС — Краткий очерк истории ... диалектики. Д. ТАМАРЧЕНКО — Основные вопросы марксистской критики. О. ФОРШ — Письма в редакцию. Е. ДЕСНИЦКИЙ — Тургенев. Неизвестная... М. КЛЕМАН — Тезисы литературной работы Эмиля Золя. В. ВИШНЕВСКИЙ—Как я учил Ленину. Беседу вел ... А. СМИРНОВ—Организуется литературный ... (рассказы). В ЛИТЕРАТУРНОЙ КОНСУЛЬТАЦИИ. Читатели готовятся к следующему номеру.

Выйдет в ближайших № 9

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА на сокращенный двухмесячный курс (№ книг) 1 руб. На однодневный курс (10 книг)—3 руб. Цена отдельного номера—60 коп.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ Переподготовителем КНИГОЦЕНТРА (Москва, Пятницкая 39), магазинами и отделами КНИГОЦЕНТРА и на почте.

ТРЕБУЙТЕ ВСЮДУ

НОВЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ МАССОВЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ ОБЩЕСТВА ИСТОРИКОВ-МАРКСИСТОВ ПРИ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ ЦИК СССР

БОРЬБА КЛАССОВ

Главный редактор М. Н. Покровский.

Журнал является боевым большевистским органом пропаганды марксизма-ленинизма и генеральной линии ВКП(б) в Коминтерне на основе исторического опыта классовой борьбы. Журнал поведет решительную борьбу [illegible] марксизма-ленинизма и различными буржуазными и мелкобуржуазными течениями в области истории, каково антисоветский троцкизм и местный национализм.

Ставя своей задачей систематическое ознакомление широких читательских масс (члены партии, комсомольцы, рабочие, студенчество, культурный актив) с историей классовой борьбы, журнал будет помещать небольшие статьи, очерки, воспоминания, художественные произведения исторического содержания, новые документы прошлого, дискуссионные материалы и т. д.

Журнал богато иллюстрирован.

ПРИЛОЖЕНИЕ: Впервые издаваемая в СССР большая популярная иллюстрированная книга под заглавием

«ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ»

в 24-х книгах, которые охватят основные вопросы мировой истории. «Всемирная история» выходит под общим руководством М. Н. Покровского.

Подписная цена: «Борьба классов» без приложения: год—18 р., 6 мес.—5 р. 50 к., 3 мес.—3 р.

«Борьба классов» с книгой до конца года с приложением «Всемирной истории» в 24-х книгах—26 руб. Допускается рассрочка при подписке: 6 р., к 1/V—6 р. 50 к., к 1/VII—5 р., к 1/IX—6 р. 50 к., к 1/XI—4 р.

Подписчики на «Борьбу классов» с приложением «Всемирной истории», внесшие все деньги, получат бесплатно 2 художественно-исторических картины.

Подписку сдавайте исключительно на почте.

Переводы в ин-ие посылать не следует.

Акц. Изд. О-во «Огонек» Москва.

ВЫХОДИТ ПЯТЬ РАЗ В МЕСЯЦ

Подписная цена: 12 мес. — 3 р. 50 к. 6 мес. — 1 р. 75 к. 3 мес. — 90 к.

Все подписчики «Литературной газеты» могут получить из «ВСЕМИРНОЙ ИСТОРИИ» в 24 книгах и ПЯТЬ картин за доплату 27 р. 75 к. и 61 библиотеку «ОГОНЕК» в 72-х книжках за доплату 6 р. 75 к. Подписку сдавайте письменно. Переводы и безадресные почтовые не следует.

Акц. Изд. О-во «ОГОНЕК» — Москва

ВНИМАНИЮ ПОДПИСЧИКОВ ЖУРНАЛОВ „ОГОНЕК" и „ИСКРЫ НАУКИ" С ПРИЛОЖЕНИЕМ КНИГ „ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ"

★ Первая книга «Всемирной Истории» печатается и в начале марта будет разослана.

С 1 марта прекращается высылка изданий подписчикам, не уплатившим ВТОРОГО ВЗНОСА: по «огоньку» с «Всемирной Историей»—4 р. 50 к. Искры Науки» с «Всемирной Историей» 4 р. 50 к.

По возможности, наступающим с опозданием, высылка журналов не гарантируется

Взносы следует направлять только на почту

Акц. Изд. О-во „ОГОНЕК"

ГИХЛ

ВЫШЕЛ ИЗ ПЕЧАТИ ЖУРНАЛ

Литературная учеба №1

Под редакцией М. Горького.

Зам. ответственного редактора А. Фадеев.

Редакционная коллегия:

М. Горький, К. Радек, О. Дзенис, А. Фейнберг, М. Рубинштейн.

НОМЕР ПОСВЯЩЕН МЕЖДУНАРОДНОМУ ДНЮ БОРЬБЫ ПРОТИВ БЕЗРАБОТИЦЫ

В НОМЕРЕ: М. Горький — О старых. Л. Никулин—Потерянный час. К. Умяновский — «У каждого страдания свой Париж». Г. Субботинский—Безработица. А. Курелла—23.968 и один. Т. Рингельблюм—В цехах и на улицах. Эд. Фальковский — Ручного дела мастер. С. Гольцберг — «Школа доброты». И. Сергеев—В заколдованном круге. Фреда Этли—Видели, молоды и годны. Т. Васенский — Индивидуальный рабочий коридор. Гарт Смит—Черный Глаз. Ф. Моррисон—В Антверпенском порту. Т. Нэш — Под дождем нашлись. И. Эльвин—Бедные и молодые. Г. Пигулов — Клебуш и отверстие. В. Томпсон — Я стра и подземелья. М. Маддалена — Гамбург может гордиться. Б. Брентано — Дэйн У. Дж. Редмор—За колючей проволокой. Мильвар Хуссе — Под арестом этом. Лео Нит—Альгарт. А. Тумченко—У нас принцессы Джоконды. А. Кассиль—Для бомбового прицела. Лицо бывшего мира.

Журнал БОГАТО ИЛЛЮСТРИРОВАН.

Журнал рассчитан на широкие круги партийного и комсомольского актива, на передовую часть рабочих и советской интеллигенции.

Подписка на 1931 г. продолжается

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА УДЕШЕВЛЕНА: на 1 год (12 номеров)—6 р.; на 6 мес.—3 р., на 3 мес. 1 р. 50 к.

Отдельный номер 60 коп.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ в Переподготовителе Книгоцентра (Москва, Пятницкая, 39), во всех отделениях и магазинах Книгоцентра и повсеместно на почте.

ДЕШЕВАЯ НОТНАЯ БИБЛИОТЕКА МУЗГИЗА

БЕСПЛАТНО

Издание художественных произведений: революционных, народных, классических

для фортепиано: пьесы с сопровождением фортепьяно, пьесы с сопровождением других инструментов: гитары, мандолины, 4-й струнной домры, балалайки, гармоники (2-х рядной овсяной и «Баяна»).

для ДУХОВЫХ ИНСТРУМЕНТОВ с сопровождением фортепьяно

для ДЕТСКИХ МУЗЫКАЛЬНЫХ И НАРОДНЫХ ИНСТРУМЕНТОВ «БАЯН» и т. д.

Цена отдельного номера—от 6 до 10 коп.

Каталоги бесплатно.

Адресовать: Ленинград, Центр. Пятницкая, 14 — МУЗГИЗ—КНИГОЦЕНТР, а также во все отделения и магазины Книгоцентра.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Орган Федерации Об'единений Советских Писателей

НОВЫЕ КНИГИ

ГИХЛ КНИГОЦЕНТР

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ДИСКУССИИ. Библиографический выпуск № 1. Перепечатано из творческих пути пролетарской литературы. Изд-во Коммунистической Академии (Ком. Академии. Кабинет пролетарской литературы Института литературы, искусства и языка). Стр. 23. Ц. 20 к.

ТОМАШЕВСКИЙ Б. Теория литературы. Поэтика. Изд. 6-е. ГИХЛ. Стр. 243. Ц. 1 р. 30 к.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА

БЫТОВОЙ С. К больной земле. В кулаках ОЗЕТ. Очерки. ГИХЛ (ЛАПП). Современная проза и литература. 1931. 95 к.

ПРИШИН М. Земля. ГИХЛ. 1931 г. (ЛАПП. Современная пролетарская литература). Стр. 95. Ц. 1 р., в пер. 1 р. 20 к.

КОСТАРЕВ П. Китайские дневники. Пол. 3-е. М.—Л. ГИХЛ. 1931. (Дешевая б-ка). Стр. 319. Ц. 90 к., в пер. 65 к.

ДЮЗИ В Стихи. Объявление войны. ГИХЛ. 1931. (ЛАПП. Современная пролетарская литература). Ц. 55 к., в пер. 1 р. 15 к.

Продажа во всех магазинах Книгоцентра и в „Кооперативах"

Ответственный редактор: С. ДИНАМОВ

РЕДКОЛЛЕГИЯ: Н. Асеев, С. Динамов, И. Жига, П. Ильинский, И. Катаев, Г. Коренев, Н. Огнев, А. Селивановский, И. Сельвинский, М. Слонимский.

ИЗДАТЕЛЬ: Акционерное Изд. О-во «Огонек».

Уполномоченный (№) типография «Полиграфик», ул. Свердлова Степанова, д. 8.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Орган Федерации Об'единений Советских Писателей РСФСР

МОСКВА 24 ФЕВРАЛЯ 1931 г. № 11 (110)

РЕДАКЦИЯ: Тверской бульвар, 25, Дом Герцена. Тлф. 2.80.12

КРЕПНИ И СЛАВЬСЯ В БИТВАХ ВЕКОВ,
КРАСНАЯ АРМИЯ БОЛЬШЕВИКОВ!

ЗА ЛОНАФИЗАЦИЮ ЛИТЕРАТУРЫ

Забота рабочего класса об обороне социализма выражается, между прочим и в том огромном интересе, который рабочие массы и трудящиеся проявляют к тематике Красной армии, к ее героическому прошлому, далеко еще недосказанному, и жизни и учебе Красной армии в настоящее время. И этим об'ясняется огромный успех всякой пьесы, кино-картины, повести или рассказа о Красной армии, необычный успех так называемого ансамбля красноармейской песни Центрального дома Красной армии.

Этим же прежде всего об'ясняется и огромный успех идеи организации литературного об'единения Красной армии и флота. Среди советских писателей уже наметился психологический перелом в отношении к тематике о Красной армии. Разговоры отдельных товарищей в том, что жизнь Красной армии якобы неинтересна, так как она работает по приказам, что тематика гражданской войны исчерпана, теперь сама себой отпала. Ряд советских писателей уже повернулись лицом к вопросам обороны. Из рядов Красной армии и флота начинают выдвигаться новые кадры. Десятки других советских писателей обязуют в ближайший год—два дать ценные крупные произведения о Красной армии.

Задача ЛОКАФ в дальнейшей борьбе за оборонную тематику — стремиться к охвату не только тем Красной армии, но всего круга вопросов обороны страны в целом, всего круга вопросов, связанных с защитой социализма, с борьбой против империалистических войн, с предупреждением их в гражданские войны пролетариата против капитализма.

Главная наша задача — борьба за классовое, пролетарское содержание.

В связи с этим вопрос о привлечении писучиков для освещения жизни и работы Красной армии ставится совершенно так же, как он поставлен и в отношении к вопросам социалистического строительства в период, когда страна завершает постройку фундамента социализма.

Советские писатели единодушны в своем стремлении в ряды ЛОКАФ, в демонстрации своей преданности советской власти и готовности защищать социализм, но не все они еще ясно поняли, что есть только один путь, для того, чтобы успешно выполнить взятые на себя обязательства. Путь этот — к пролетарской революции, к социализму. По этому пути надо пойти безоговорочно и без колебаний.

ЛОКАФ и эта путь ряда советских писателей — один из этапов к пролетарской литературе.

Жертвы суровы, маршрутные сигналы с социалистическим строительством. Успешность защиты СССР зиждется на ускоренных темпах социалистической индустриализации страны, сплошной коллективизации сельского хозяйства, укреплении пролетарской диктатуры в стране.

Писать о Красной армии можно, только полностью уяснив ее классовую природу, связку ее коммунистического воспитания в ней и роль пролетарского авангарда — коммунистической партии. Вот почему мы должны в настоящее время вести наши требования в отношении социально-политического содержания художественной литературы о Красной армии.

Не малые трудности предстоит преодолеть писателю-попутчику для того, чтобы справиться с этими требованиями. Восьмой такого большого писателя, как Всеволод Иванов, который вырос в значительной степени за счет тематики гражданской войны. В его литературной деятельности были большие колебания и провалы, которые ставили под угрозу самый вопрос о том, остается ли он в рядах СОВЕТСКИХ писателей. В последнее время, позвидимому, Вс. Иванов начинает серьезно повернуть в сторону социализма. Ему предстоит пройти огромный путь. Теперь от «баррикады» и «Гибели железной» мало вернуться к «Бронепоезду» — надо пойти дальше, проникнуть в классовую суть Красной армии, как армии пролетарской диктатуры.

Осенью прошлого года ЛОКАФ проделал опыт привлечения писателей на маневры. Он показал, что многие попутчики еще не знают, как подойти к Красной армии. В своих очерках некоторые писатели отметили лишь внешнюю обложку Красной армии — ее техническую оснастку, другие сумели заметить красноармейца, но не поняли той системы политического воспитания и руководства, которые превращают подлое отсталого крестьянина в передового бойца за социализм. Они не сумели с полной силой выразить ту принципиальную разницу, которая существует между Красной армией и всякой иной капиталистической армией. Лишь часть писателей, бывших на маневрах, непосредственно подошли к основной сути Красной армии.

Опыт участия советских писателей на маневрах с особой силой подчеркивает необходимость большой работы их над собой, чтобы суметь правильно выразить художественным словом социальную суть Красной армии и охватить многообразные и красочные типы командиров, политработников и красноармейцев. Никакая политическая консультация не сторонья не сможет ПОЛНОСТЬЮ заменить недостаток собственного мировоззрения, недочеты собственной политической подготовки.

Роль РАПП и работа ЛОКАФ должна быть особенно значительной. РАПП обязан принимать прямое непосредственное участие в работе ЛОКАФ и по линии руководства, и по линии помощи, и показа художественных образцов и, в особенности, по линии пролетарской критики.

Работа ЛОКАФ может быть успешной только на основе защиты генеральной линии партии и в борьбе против правого оппортунизма и «левого» уклона. В отношении тематики Красной армии это означает, что мы должны одновременно бороться против клеветы на Красную армию, против мелкобуржуазного предательства о ней, против недооценки ее интернациональной роли, против недооценки ее социалистического воспитания, ее политической крепости, и в то же время мы должны бороться против поверхностного отношения к армии пролетариата, против приплюсти, «маниловщины» и замазывания действительных недочетов, мешающих ускорению темпов боевой подготовки Красной армии.

Особенно политической четкости мы должны потребовать в работе литературных кружков Красной армии, в работе наших молодых, выдвигающихся из писательской среды, писательских кадров. В отношении к нашим молодым красноармейским кадрам, которым имеем возможность пройти ту школу коммунистического воспитания, какой является вся Красная армия, мы должны быть особенно требовательны в отношении идейной чистоты их политической советскости.

ЛОКАФ будет упорно бороться за повышение художественных требований к продукции начинающих красноармейских писателей, за доведение их мастерства до наиболее высоких образцов — против примитивизма, халтуры, приспособленчества; ЛОКАФ должен всячески помогать в этом отношении начинающим писателям, используя опыт всей советской литературы, в первую очередь — пролетарской.

Самокритика — вот то основное орудие, которое должно помочь ЛОКАФ справиться с теми большими задачами, которые возложены на него.

Процесс «промышленной партии» наглядно вскрыл конкретных зачинщиков военной интервенции против СССР. Международный капитал отвечает на разоблачение подготовки новой подлой вылазки новым взрывом антисоветской кампании. Самозванцы вокруг несуществующего советского демпинга, вокруг мифического принудительного труда в Советском союзе говорят о том, что реальная угроза против СССР усиливается.

Советский писатель к защите социализма—будь готов!

ТВОРЧЕСКАЯ МОБИЛИЗАЦИЯ ЛОКАФ

ПРОИЗВОДСТВЕННЫЙ ПЛАН ПИСАТЕЛЕЙ КРАСНОЙ АРМИИ И ФЛОТА

● В настоящее время ЛОКАФ проводит творческую мобилизацию членов объединения для создания крупных художественных произведений, отображающих Красную армию в гражданской войне и период мирного строительства. По этому плану ЛОКАФ уже отозвались 40 писателей, которые включаются в плановую работу. Члены ЛОКАФ обязались к 15-летию Красной армии написать целый ряд произведений.

● В. Иванов работает над романом из эпохи гражданской войны на Урале и в Сибири (Сегодняшняя утренняя), рассказ Батыгина и детство (Четвертая армия). В романе будет отражен жизнь уральских рабочих и частей Красной армии, реорганизации Колчака.

● С. Буданцев работает над романом о Красной армии и флоте в 1918 г. В романе будут отражены история Елисаветграда, борьба с немецкими войсками на Украине, продажа их Германии, начало борьбы Красной армии с Деникиным, героический поход в Перекоп и Крым и поход по степям.

● А. Новиков-Прибой заканчивает второй роман «Цусима», часть которого начал работать над романом о современном Красном флоте.

● С. Метлицкий приступает к работе над романом о гражданской войне на Украине (Киев).

● Э. Осьмин приступает к работе над романом, в котором будет отображен город в борьбе с белыми. Изучение в 1931—32 году собирает материалы о дне советских на Урале, Красная армия периода 1918—20 гг. в уральских армиях за Это-Речинской ж. д.

● А. Караваева пишет пьесу «Последний Ковш на тему о роли Красной армии в деле спасения вагонов для деревни.

● А. Жаров работает над поэмой о тов. Т. К. Пархоменко.

● Р. Акарх приступает к работе над романом о гражданской борьбе в армии в Сибири в 1920 г.

● А. Исбах работает над сборником красноармейских рассказов — Красная армия периода мирного строительства.

● Мато Залка работает над большим произведением о роли интернационалистов в гражданской войне.

● В. Луговской работает над сборником красноармейской песни.

● Л. Дегтарев работает над большим произведением, в котором будет отражена 11 армия.

● И. Ракитин заканчивает повесть «Записки военкомбрига» — воспоминания участника 1 Конармии.

● Илья Сельвинский работает над поэмой об участии Кавказской армии в гражданской войне на Кавказе.

● Глеб Алексеев приступает к работе над произведением об истории Красного вагонного флота.

● К. Большиков работает над романом о социалистической этап гражданской войны —Перекоп, Крым, начало мирного строительства Красной армии и реформа Красной армии, начатая М. В. Фрунзе.

● Еф. Зозуля пишет реально-фантастический роман — Красная армия будущего. Красная армия завоевала пролетариата — занятие им Парижа, Берлина, Лондона.

● М. Алексеев приступает к работе над произведением о боевых операциях в Средней Азии и 28 Алтайской дивизии.

● Линман работает над повестью из жизни и борьбы одного из полков ОГПУ. В повести будет показан контрреволюционная борьба Красной армии, борьба конфликта и перерождения на мирном учебе.

● А. Бабунов работает над романом о борьбе рабочих и частей Красной армии на Дону и Кубани и двумя книгами очерков о новой работе Красной армии мирного времени.

● Е. Чарнявский работает над романом о [illegible] революционная война, выступления [illegible] революции. В романе будет отражена борьба за приход Парижа. Заводской район — борьба с Новым [illegible] 1905 года.

● А. Новиков работает над романом-[illegible] о [illegible] военной войны.

● И. Кульянинский работает над сценарием [illegible] РККА.

● Д. Петровский начал художественную [illegible] 1905—15 гг.

● С. Бобров работает над сборником очерков — [illegible] авиации в гражданской войне и строительстве [illegible] Военно-Воздушных Сил РККА.

● Н. Гаприндашвили работает над романом о Красном флоте наших дней.

● Окунев начал писать на тему о [illegible] Красной армии в [illegible] [illegible] в [illegible] [illegible] [illegible].

● Я. Ершов [illegible] над повестью — [illegible] об [illegible] частей [illegible] Красной армии на Урале.

● Б. Губер собирает материалы для [illegible] о политической работе в Красной армии, красных партизанах и ревкомах Сибири.

● Л. Славин приступает к работе над романом «Фронтовик в тылу» (название еще условно), романом о [illegible] [illegible] [illegible]

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ХИЩНИКИ, ПРИКРЫВАЯСЬ БАСНЯМИ О „ДЕМПИНГЕ“ И „ПРИНУДИТЕЛЬНОМ ТРУДЕ“, ГОТОВЯТ ВОЙНУ ПРОТИВ СССР

ОТВЕТИМ УКРЕПЛЕНИЕМ ОБОРОНОСПОСОБНОСТИ НАШЕЙ СТРАНЫ. ПИСАТЕЛИ—В ЛОКАФ!

ВСЕ ТВОРЧЕСКИЕ СИЛЫ—СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМУ СТРОИТЕЛЬСТВУ!

ЛИТЕРАТУРА И ВОЕННАЯ ОПАСНОСТЬ

В 1922 году в своих «Замечаниях о задачах нашей делегации в Гааге» Ленин писал:

«Никакого действительно жизненного представления о том, как война может надвинуться и задавить нас, мы все еще по-детски массам... Надо почаще людям со всей конкретностью еще и еще раз, как обстоит дело во время последней войны... показать реальную обстановку того, как велика тайна, в которой война рождается».

Роль художественной литературы, показывающей реальную обстановку возникновения империалистических войн, чрезвычайно важна. Причем надо подчеркнуть, что роль эта отнюдь никак не исчерпывается отвлеченными антивоенными декламациями или изумлением изображением военных ужасов в войне. Прекрасные художники, которых пропаганда против империалистической войны сводит к сентиментальным устремлениям, ни в какой мере не выполнили своих антимилитаристских обязательств. «Сентиментальность бьет всегда преступнейшим художником, ее инструментом»,—справедливо говорил Ленин.

«Мне всегда думать о правых и бесхитростных, когда перед моим стеклом людского справедливости» — так писал славный мелкобуржуазный пацифист Дюамель. «Когда гнешься под ужасом войны, не имеешь возможности размышлять о ней»,—прибавляет по-своему давно Ремарк. Пролетарский художник, в отличие от мелкобуржуазных, должен помочь каждому трудящемуся—«рубашке» империалистических войн—не гнуться, а классово ощетиниться, даже под тяжестью военных ужасов. Не злоупотребляя натуралистическими зловещих, ужасных картин,—этим «батализмом для батализма»,—он должен прежде всего помочь уяснить своему читателю классовые корни империалистической войны, показать ее не как «случай-месть», не как «грех», а как неизбежную судьбу капитализма, на которую бурлящего строя выступает в наиболее отвратительном виде.

«Если буржуазная критика войны,—справедливо писал Франц Меринг (в «Военных исторических гешпрехах»), ограничивается проклятиями и жалобами по адресу войны, подобно тому, как средневековые монахи старались оградиться от чумы заклинаниями, то пролетарская художественная критика войны прежде всего должна изучить ее как врач, который сначала изучает причины болезни, а потом указывает на методы ее лечения... С этой точки зрения каждый вклад в истинно-пролетарское изучение войны для нас гораздо ценнее, нежели просто возмущенные возгласы по ее адресу.

Каков же вклад революционных и пролетарских писателей в конкретное изучение военных вопросов? Надо признаться, что до сих пор он очень незначителен. Огромная часть художественной литературы Запада о войне проникнута пацифистским и эстетским духом, и нигде в ней не найдем острого анализа социальных условий ее возникновения. Немногие исключения, вроде повести немецкого пролетария Альфа Шарера «Без отечества» или творчества Бехера,—еще слишком мало.

Между тем надвигающаяся военная опасность, угроза самой опустошительной войны, какая зачинается против страны строящегося социализма, ставят особенно актично мобилизовать внимание революционных писателей и критиков всего мира не только на общие, но и на конкретные методологические вопросы художественной техники изображения и обличения современных империалистических войн.

Прежде всего должна быть сорвана пацифистская маска, в которой укрываются литературные агенты современного империализма на Западе. Не только для военной, но и для литературной действительности современной буржуазной Европы чрезвычайно характерно наличие совершенных, утонченных методов маскировки,—т. н. «камуфляжа». Задача пролетарского художника развернуть «завесу» этой идеалистической фразеологии современных западных беллетристов, показав трущимся читателям в аэросалях пацифистской зелени те орудия «человеколюбивой промышленности» (выражение Маркса), которые в первую очередь направлены против Советского союза.

Разве не характерно для этого «камуфляжа», что мелкобуржуазные пацифисты вроде Герберта Уэллса с одним из его последних романов «Мистер Блетсуорси на острове Рэмполь» чрезвычайно американо культивируют мысль о том, что минувшая империалистическая война—война последняя. Эту «чрезвычайно мещанскую мифологию о последней войне», пропагандирует не только Уэллс, но и целый ряд социал-демократических художников вроде пресловутого Макса Бартеля. Отсюда—чрезвычайно важное задание для пролетарских писателей Запада и СССР (о котором напоминает день Красной армии) показать на примере минувшей войны обстановку «внезапного» возникновения империалистических войн, иллюстрировать их миф о «немыслимой» войне моментально смеяться мифом о войне священной.

Вот почему пролетарский художник, ставящий своим заданием активное участие в обороне СССР, должен, как правильно указывал Бехер (в «Лицемере»), «занимательно следить за прогрессом военной техники всех стран, чтобы, с одной стороны, конкретным описанием дать пролетариату отвратную и праздную картину грядущей войны, а с другой—давать возможно более крепкие позиции в борьбе с войной».

«Техника в период реконструкции решает все»,—говорил т. Сталин в своей последней речи. Библейское отношение к военно-техническим проблемам недопустимо для пролетарского художника, желающего своим творчеством участвовать в обороне Союза. Корифей марксистской мысли от Энгельса до Меринга, придавая значение технику военного дела, изучавшие вопросы военной стратегии до мельчайших деталей,—лучший образец для каждого пролетарского художника-баталиста.

В достаточной ли мере наши пролетарские писатели вышли с состоянием военной науки буржуазии, знакомы ли они с учением военных Фуллера, с научными «вдохновенными» статьями сторонника танков и химической войны капитана Лиддель-Гарта или с теориями немецкого фашистского офицера Георга Зольдана, с методологией француза Де-ля Битти, известны ли им методы той военной пропаганды, которая ныне разрабатывается в идеологических лабораториях буржуазии? Пролетарский писатель должен знать врага, знать его оружие. Увы, к сожалению, многие наши художники—авторы батальных повестей—до сих пор меньше любого активного осоавиахимовца разбираются в вопросах военной техники. День Красной армии должен напомнить каждому колхозному художнику о необходимости энергично ликвидировать этот «прорыв».

Параллельно с этим пролетарский писатель не должен игнорировать методологию буржуазной военной пропаганды. Знакомы ли наши пролетписатели с работами маршала-исследователя ф. Бернгарди «О буржуазной политработе во время войны»?—пролетписатели, в каждом из которых мы видим потенциальных политработников грядущих антиимпериалистических армий Европы.

Здесь-то выступает роль марксистской критики, которая должна бросить свои силы на изучение методов военной художественной литературы,—на разработку практических вопросов включения литературы в дело обороны СССР.

А. ЛЕЙТЕС

КРАСНОАРМЕЙСКАЯ УДАРНАЯ ЛИТЕРАТУРА

1929 год был годом новой, частичной пробы империализмом своих и советских вооруженных сил на нашей восточной границе; империализм сделал «разведку боем». Советская литературная общественность, как и вся общественность СССР, на резкое обострение военной опасности ответила еще большим напряжением в социалистической стройке, мобилизацией сил в помощь Красной армии. В 1930 году эта мобилизация на литературном фронте получила оформление в организации ЛОКАФ. Одновременно активизировалась и красноармейская литература, назревавшая, накоплявшая молодые силы внутри Красной армии.

Если значительной части советской литературы первых лет (в том числе и литературе, имевшей красноармейскую тематику—пример, хотя бы стихотворения Булакова, Александровского, Образцовича, посвященные Красной армии) в гражданскую войну был присущ, как недостаток, космизм, налет романтики, отсутствие конкретности, то и в молодой красноармейской литературе мирного периода сказался в несколько иной форме тот же недостаток. Основные, искомые ее качества были прекосходные: бодрое и активное отношение к миру, преданность и готовность служить делу рабочего класса, отдать служению революции все силы; любовь к Красной армии и флоту, молодость, энтузиазм. Но эти ценнейшие качества долгое время не получали четко выраженного целевого выражения. Литературные произведения не были устремлены на конкретное, на ближайшие задачи боевой подготовки. Бодрость и активность получали отвлеченное, общее выражение. Тематика прозы была в значительной мере случайна, прохватки злободневного не сумели охватить самое существенное в текущей жизни и боевой подготовки частей—самое важное, острое, горячее и нужное в данный момент. Стихи в большинстве были описательными и пейзажными.

Если недостатком пролетарской литературы было известное отставание от социалистического строительства, от его текущих задач, удобных темпов и ударной работы, то недостатком красноармейской литературы (начинающейся лишь частью литературы пролетарской) было отставание от задач и темпов боевой подготовки, от ударной работы бойцов и командиров. Красноармейской литературе нужен был решительный поворот лицом к боевой подготовке, со конкретным задачам, лицом к ударнику. Теперь мы наблюдаем начало этого поворота. Если он еще далеко не закончен, то уже значительно более дружно звучат новые мотивы, новые голоса.

«Это — отряд
из ударных бригад
К новым победам
в ремонте шагает»...
(Г. Ефросс, стих. «Ремонт», газ. «Красный черноморец», 27/XII—30 г.).

Эта непосредственная связь с жизнью, с практической работой служит мощной основой дальнейшего расцвета красноармейской поэзии и ее активной роли, не утратив ни одной из тех превосходных своих черт, о которых говорили мы выше, не теряя связи с социалистической стройкой, она сумела правильно их акцентировать. Конкретные моменты боевой подготовки, важные для данной части—роты, эскадрона, корабля и т. д.—борьба за изобретение и рационализацию ее (соцсоревнование), «профобучение», консорсирование — все чаще являются содержанием поэтических произведений.

«От сельского то поселка
Знают всё новый лозунг полка:
«За отличного пулеметчика,
За испытанного стрелка!»...
(А. Кемпин. «Красная звезда», ЛВО, 19/XII—30 г.).

Красноармейская проза (основной жанр, поэт очерк) успешно совершает передвижку в сторону такой же тематики. Она еще слаба, слабее поэзии, в смысле художественной формы, но также полна молодого задора, энергии, здоровой ненависти к классовому врагу, любви к красноармейскому долгу и делу. В кратком сводном обзоре нет возможности ни перечислить ее темы и сюжеты с полнотой, ни показать выдержками их выполнение. В ней (и в поэзии тоже) многие строки отданы боевому прошлому Красной армии и ее лучших людей. Из таких работ хороши: очерк Ю. Крутовского о М. В. Фрунзе «Комната комфронта» («Красная звезда», Средн. Азиатск. воен. окр., 2/XI—30 г.); воспоминания А. Кузьмичева «До последнего патрона» (газ. «Тревога»); очерк М. Масейчука «Листовки» («Красная армия», УВО, 15/XI—30 г.); очерк В. Горелова «Кожаночки» («Красный черноморец», 25/XI—30 г.). По центру очерковой тематики—сегодняшний день Красной армии и флота, боевая подготовка, ударничество и соревнование, борьба с прокравшимися в казарму или на корабль классовым врагом.

В. Горбачев в очерке «Кулак на флоте» («Красный черноморец», 5/XI—30 г.) живо рисует приемы кулака, прокравшегося на корабль и пытающегося разложить матросов; изобличенный, он убирается из флота. Гребенщиков в очерке «Два неравца» («Красный воин» Кав Краснознам. армии, 30/XII—30 г.) дает две яркие фигуры: прикидывающегося активистом-передовиком, а на деле подрывавшего спайку бойцов, мелкобуржуазного Штефко и действительного героя красноармейца Кривцова.

Мы далеко не исчерпали тематики красноармейской прозы, мы не могли назвать достоинства и недостатки ее художественной формы. Но из сказанного видно, что она на верном пути. Ей надо много и быстро совершенствоваться в выборе темы, развертывании сюжета, обрисовке персонажей. И в ней достаточно сил для этого совершенствования, для учебы, для роста. Ей нужна помощь пролетарской литературы и хорошей товарищеской критики.

Красноармейская литературная критика так же молода, как и поэзия и проза, они—ровесники. Но она уже не плохо справляется с главными своими задачами, с литературно-политическим руководством. Под этим именно руководством совершает красноармейская литература поворот лицом к боевой подготовке, к ударнику. Под этим руководством идет призыв бойцов-ударников в литературу, развертываются литературные кружки, литературная учеба. Но это — хотя и главное — но и единственное пока достижение критики. Перед ней стоит неразрешенными множество задач. Совершенно не разработаны и не освоены, прежде всего, проблемы тематики красноармейской литературы. Молодой красноармейский писатель не имеет указаний, что из громадного, имеющегося вокруг него жизненного материала лучше всего выбрать для художественного воплощения, что сделать основным центральным в произведении, как «подать» художественную деталь. Он нуждается в разработке и освещении часто самых элементарных вопросов творческой работы, писательской техники.

В происходящей перестройке красноармейской и краснофлотской литературы в первую очередь и быстрее всего должен перестроиться ее руководящий критический фланг.

Задача всей пролетарской литературы, к сожалению, не слишком внимательной к оборонной и красноармейской тематике, — помочь красноармейской литературе, мобилизовать в помощь ей силы местных литературных организаций, занять в их органах место для произведений красноармейских поэтов и прозаиков, для критических обзоров красноармейского литературного творчества.

И. ДАНИЛОВ

КРАСНЫЙ ФРОНТ

ОТРЫВОК ИЗ ПОЭМЫ

ЛУИ АРАГОНА

Псы, псы, лизоблюдки—псы!
Как бледная спирохета ускользает от глаз микроскопа,
Пуанкаре надеется стать невидимкой.
Порода танцоров с кинжалами! Царские сутенеры!
Великие князья — манекены
второсортных притонов, на прокорм обреченные!
Осведомители по двадцать сантимов за строчку,
Болотная гниль эмиграции
Медленно кристаллизуются в эмигрантском почечном горшке.
Польские сонди и румынские агенты,
Бабочки всей вселенной,
подползают ко всем горизонтам
страны,
где строится социализм.

Радуются голозадики,
забыли видят себя
в орденах, —
Депутаты, быть может, даже министры!
Грязные воды, не пытайтесь, не пытайтесь!
Сточные воды, вы—не реки!
Сточные воды, вы возвратитесь
в сточную яму;
гнилые воды, не затопить нам равнины,
где произрастает чистая рожь человечества!
Грязные воды, сточные воды —
не загрязнить вам поросей будущего!

Ступней пятилетки не осквернить!
Вы умрете на раскаленном пороге
диалектики, —
диалектики с сотнями башен — знамением злого пламени,
С сотнями тысяч башен, бросающих
пламя тысяч и тысяч орудий.
Пусть услышит мир
голос, оружий славу материалистической диалектике.
Они стоят на своих, на тысячах ног,
обутых в военные сапоги.
На своих ногах, прекрасных, как весенние,
протягивая множество вооруженных рук,
к сиянию победного коммунизма.
Сила материалистической диалектике,
и слава ее полководцам —
Красной армии!
Слава
Армии красной!

Звезда родилась для земли!
Звезда ведет к пылающей бреши.
Бойцы Буденного,
Вперед, буденновцы, в бой!
Вы — вооруженная совесть пролетариата!

Вы знаете, смерть принесь,
к какой прекрасной жизни прокладывается дорогу!
Каждый ваш взмах — летящий взмах!
Каждый ваш шаг — знаменное пламя!
Можешь ваших винтовок — отступать заставляют сволочь!
Франция во главе!
Ничего не щадите, солдаты Будденного!
Каждый ваш крик обладает горячим дыханием,
мировой революции!
Каждое ваше дыхание несет
Маркса и Ленина миру.
Вы красны, как заря;
вы, красны, как ярость,
красны, как кровь!
Месть за Бабефа и Либкнехта!
Пролетарии всех стран, соединяйте ваши голоса, зовите их, приглашайте дорогу им, которые присоединят к вашим винтовкам свои.
Пролетарии всех стран!

Перевод с франц. С. Кирсанова

ИНОСТРАННЫЕ ПРОЛЕТПИСАТЕЛИ О ВОЙНЕ И РЕВОЛЮЦИИ

Пролетарское литературное движение в странах капитала за последние годы, несмотря на преследования и травли его со стороны фашистских и социал-фашистских правительств, превратилось в массовое движение, в действительную реальную силу классовой борьбы пролетариата.

За последние годы мы наблюдаем появление таких выдающихся произведений западно-европейских пролетарских писателей, как: А. Шаррер—«Без отечества», Б. Келлер — «Песа горит», Е. Гронберг—«Пылающий Рур»

*

Адам Шаррер, германский рабочий, бывший слесарь написал прекрасную книгу «Без отечества». В ней наиболее четко с классовой точки зрения пролетарская художественная осознана и разрешена проблема отношения рабочего класса к империалистической войне и революции.

А. Шаррер рассказывает о том, что он видел, пережил, перечувствовал и продумал.

Книга его автобиографична, но ведется везде рассказ от лица рабочего Ганса Бетцольда. Такой манерой изложения достигается огромная простота.

Ганс Бетцольд проходит через все стадии империалистической войны. Находясь в рядах армии германского империализма он побывал на фронтах против Франции и России, пережил все ужасы и лишения фронтовой обстановки.

Интернационализм, международная солидарность пролетариата является идейным стержнем романа.

Интересно, что в начале романа Бетцольду и его личным переживаниям уделяется много внимания, но к дальнейшем повествования Бетцольд уходит на задний план.

Личность оттесняется событиями, показывается в ее классовой функции, в классовом окружении. Она тем самым—типичная.

Обычная книга среднего роста, напечатанная, но ни капли не похожа на трехтомного мастера языка. Скорей, фермер, трудящийся очень примерно маленький клочок морали. Только необычная для земного шарика местность: зеленовато-светлых оттенков сама. Даже розовато-красного тона. Видно, что этот человек день за днем ухаживал и растил злаки на определенных. Я чувственно забываю о самом деле лучше и растительном оттенке, смотря на него.

— Владеете вы бурки живо тут, на диване. Идите разберем. Вы в первый раз на корабле? Плачете?

Ну, ват... Во мне вспыхивает гордость.

— Я «старый моряк». Только очень давно «в отставке». Вот Берлин невыбранен.

Комиссар смеется.

— Новобранец? Ну и море спокойное.

Чемодан на диване. Я вот-вот мыть руки, не разбирая лиц. Я рассматриваю их после.

— Пойдемте на стенку. Сейчас будет занятие перед походом,—говорит комиссар.

Опять дребезжание мостки, я чуть не бегу. Я вижу, как со всех эсминцев конвейером текут краснофлотцы и строятся черной качкой на узкой полоске дамбы, между водой и зеленым откосом.

У каждого группа командиров. Комиссар знакомит меня.

— Командир дивизиона С-ч. Командир дивизиона С-ч.

С-ч высок и худ. Остроскулая, белая, как лен, борода, пухлые детские губы. Он похож на очень молодого Дон-Кихота, еще не читавшего рыцарских романов. С-ч щурится, видимо утомлен.

Внезапно раскалывается команда «смирно». Встречают командира бригады. Он обходит фронт. После обхода краснофлотцы обливаются ледяной водой посредством подземного крана.

Комиссар и комбриг по очереди говорят о задачах предстоящих маневров, о необходимости самого строгого отношения к ним. Ревизионист разоблачает, что краснофлотцы покажут неплохие достижения в боевой подготовке и маскировании судов.

После комиссара и комбрига на постаменте показывается рядовой краснофлотец с эсминца «Х», выговаривает взыскание по время прошлогодних маневров и уже весь вспотевший и страшно смущается моряков. Краснофлотец очень смущается, тычет слова, но говорит он хорошо. Он доходит до сведения командования, что экипаж обязуется добиться отличных результатов на маневрах, что за время похода не будет ни одного взыскания, ни одного штрафа.

Опять взвод черта в лице друга. Рядом с ним стоит Лаврентьев и улыбается. Он тоже краснофлотец, но у него то же безразличие и желание, чтобы фотограф показал себя в лучшей стороне по время маневров.

Перед походом экипажу был устроен рабочими-судостроителями на кораблях. Сейчас начинается трудная страда морская.

Комиссар бригады зовет меня выпить чаю перед походом. Но у командного мостика захватывает вдруг фотограф.

— Товарищ Лаврентьев... сниматься!

Фотограф-профессионал с деревянной выправкой на ремне, бывший военный моряк. Мы разговариваем группой у трапа и вокруг каюты, в обнимку, хохочем.

Чья-то рука сзади захватывает меня дружеским объятием, и я чувствую мягкое мокрое лицо друга. Приветствие Аникеев шепчет. Готово.

Я вспоминаю, чтобы взять в кают-компанию, но фотографии не оказалось.

— Как... Где все отсюда? Не умеете.

Пришлось начать на месте и стать братцы... Безукоризненный разбор сигнальных флагов, не вешай носа! Гляди—на боевой палец!

Снят снимок мой «боевой» снимок от дневной торжественности.

Кочегарка с трубой провожают в кают-компанию. Против дверей в нее я вижу на доске только-что вывешенный «Пылающий Рур».

В кают-компании понадает ближайший мой сосед.

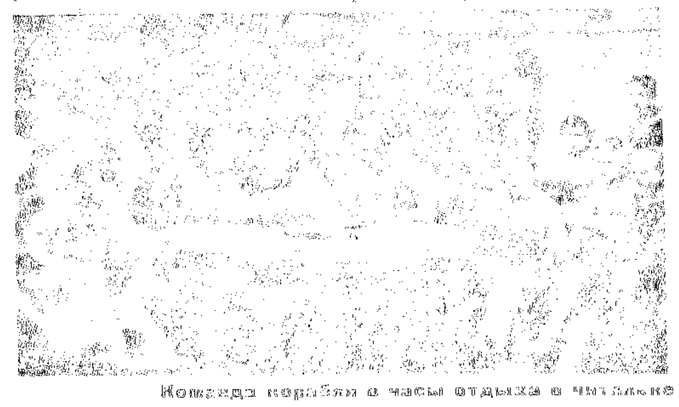
«Дозор на соревнование во время маневров между эсминцами по штурманской части.

1) Умение читающий
2) Умение быстро делать вывания по соответствующим описательным предметам и названию по ним.
3) Безукоризненное знание поправок своих приборов.
4) Своевременная смена вахт (снятие их после каждого хода).
5) Доведение до всего личного состава особенностей района плавания (работа с картой).
6) Тренировка вахтенных начальников по прокладке.

Штурман эсм «Х» Ар...в».

Нажет — Моряки эсм «Х» вызывают на соревнование штурманов эсминцев своих. Пункты соревнования такие».

Остальные семь пунктов вызывают на соревнование всех сигнальщиков и штурманов эсминцев своих.



Командир корабля в часы отдыха в читальне

Предложение принято. Мы выпиваем по стакану чаю и выходим на палубу. Ночь. Ветер. Мостки, ведущие на берег, уже убраны. Мы отходим от стенки. Эсминцы, стоявшие у стенки, отходят. Мы выходим в море.

ЛИЦОМ К ТВОРЧЕСТВУ, ЛИЦОМ К РАБОЧЕМУ-УДАРНИКУ

ДЕМОНСТРАЦИЯ ЕДИНСТВА И СПЛОЧЕННОСТИ ПРОЛЕТЛИТЕРАТУРНОГО ДВИЖЕНИЯ

ПЛЕНУМ ПРАВЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ АССОЦИАЦИИ ПРОЛЕТАРСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Происходивший 19—20 февраля пленум правления РАПП явился наглядной демонстрацией подлинного единства и сплоченности рапповской организации. Это был первый пленум РАПП, на котором отсутствовала какая бы либо оппозиция.

Пленум прошел под основным лозунгом — лицом к творчеству, и критике, лицом к рабочему-ударнику.

Пленум показал, что РАПП идет по пути решительной перестройки, по пути преодоления отставания пролетлитературы, что она является массовой пролетарской литературной организацией.

Программа работ этого, исключительно делового пленума, ограничилась отчетно-политическим докладом тов. Л. АВЕРБАХА, обсуждением этого доклада, вопросами предстоящего с'езда и организационными.

НЕ ЗАЗНАВАТЬСЯ—ПОМНИТЬ О ВЕЛИЧАЙШЕЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ И РАСТУЩИХ ТРЕБОВАНИЯХ

ЕЩЕ БЫСТРЕЕ И ЭНЕРГИЧНЕЕ ПРОДОЛЖАТЬ ПЕРЕСТРОЙКУ РАБОТЫ РАПП

Доклад тов. Л. Авербаха

Абсолютно деловой практический характер пленума подчеркнул своим докладом и т. Авербах. Десятый пленум не увлекался ни от него громких деклараций и общих рассуждений. Тов. Авербах подвел итоги последнего периода пролетлитературного движения и столь же четко, практически остановился на моментах, намечающих новые вехи пролетарской литературы.

Докладчик ставит перед делегатами пленума основной вопрос: как РАПП встретила реконструктивный период, как она перестраивалась, как перестраивается сейчас в стране, вступившей в период социализма.

> — Мы обязаны, — говорит т. Авербах, — добиться в этом вопросе полной ясности, ибо на нашей ассоциации в целом, на ее руководстве, лежит величайшая ответственность перед партией и рабочим классом за один из важнейших участков идеологического фронта.

Мы прошли громадный путь от кружка к руководству массовой организацией. Мы росли и крепли во время этого пути, не сорвались, не сдали благодаря тому, что РАПП никогда себя не ставила в положение литературной школки, потому, что мы всегда имели перед собой конкретную задачу борьбы за генеральную линию партии в литературе, потому, что рапповское движение было прежде всего движением массовым.

Сейчас, анализируя положение, мы можем смело, без бахвальства сказать, что идем вверх, перестраиваемся, начинаем преодолевать кризис отставания. И вот именно потому, что это так, нам нужно особо тщательно взвесить наши ошибки и колебания при перестройке, преодолеть все то, что этой перестройке мешает.

На протяжении всей истории пролетлитературного движения мы вели беспощадную борьбу как с правыми уклонистами, так и с «левыми» фразерами. Мы боролись с ликвидаторскими установками Троцкого, правыми теориями Бухарина, мы боролись с Горбовым, Воронским, мы, наконец, полностью разгромили беспринципный «левый» блок.

— Чем был «Литфронт»? —спрашивает т. Авербах.—Заменой реакцией на наши темпы, на наши недостатки при ростании и новых вещей,— в этих недостатков было чрезвычайно много,— или отражением мелкобуржуазных колебаний в нашей ассоциации, отражением классовой борьбы и борьбы за генеральную линию партии? Безусловно— второго. Недаром вся ассоциация, широкие массы нашего движения отвергли наскоки «Литфронта», обеспечили своей подлинной твердость руководства в борьбе с ними. Рапповские массы сумели отделить правильную критику от противоположной линии, от тех позиций, которые занимал «блок». И не случайно, что как только мы полюбили нашу практическую работу, мы отбили от «Литфронта» всех тех, кого он мог завоевать, эксплоатируя наши слабости и недостатки.

> «Литфронта» не существует. Однако, это не значит, что уже нет опасности рецидивов, что нам не нужно бороться с остатками «Литфронта», с мелкобуржуазным «левым» фразерством, а также мамаевско-меньшевистским неверием линии РАПП (Тоом, Бек, Кокодзе).

Почему мы выдержали все эти драки? Потому, что мы правильно направляли основной удар направо. И в «левом» «Литфронте» были сильны правые элементы (Безпалов, Гозбчев и др.). Одновременно мы вели борьбу с правыми ошибками, которые были у наших товарищей (Ермилов, Селивановский, Сутырин и др.). Вместе с этими товарищами мы исправляли эти ошибки, ошибавшиеся товарищи стали на путь подлинной самокритики и тем сохранили себя для нашего движения.

Вслед за разгромом «блока» мы имеем усиление под'ема в нашем движении, бесспорным подтверждением которого является прежде всего призыв рабочих-ударников, а также харьковский с'езд рабселькоровских писателей мира, наши производственные совещания и т. д. Правильно будет сказать, что до сих пор мы имели претенциозную массового пролетлитературного движения, а теперь началась его история. На этом фронте нова диалектическая сущность теоретиков, вроде Кушнера и литфронтовцев, которые кричат о кризисе искусства ведущей к его омертвению. Вступая страны в период социализма, в период обострения классовой борьбы, роста нового и выкорчевывания корней старого, приводит не к уничтожению искусства, а, наоборот, форсирует развитие искусства. Вступление в период социализма требует большого искусства. Большевизм имеет право на настоящее подлинное искусство, достойное эпохи социализма. Что значит отставание? Отставание означает недостаточную, по сравнению с необходимой, роль искусства в классовой борьбе. Преодолеть отставание значит увеличить роль искусства в борьбе за социализм. Наша обязанность — обратить сейчас главное внимание на качество художественной продукции, не генерализируя какой-либо один творческий акт или тот или иной жанр. К малым жанрам мы подходим с требованием большой художественности, к «романам» мы подходим под углом зрения их социальной утилитарности.

Критерием художественности для нас должно быть соответствие формы и содержания.

В свете этих задач особое значение приобретает вопрос о роли мировоззрения, о том, чтобы перестали «формы» понимать как, в основном, следствие неразвитости или неверности содержания.

> У нас очень плохая критика. Она не поспевает за ростом нашего движения, она не выполняет своей роли в борьбе с буржуазной и мелкобуржуазной литературой, а на этом фронте нужна особая бдительность, ибо есть такие писатели, которые выступают под маской друзей, а на деле отрицают возможность построения социализма в нашей стране или пакируют, смазывают наши трудности. («Волга», Пильняка, «Товарищ Кисляков» Романова).

Очень большое количество книг остается не только без статей, но даже без рецензий. Мы не следим за творческим ростом наших товарищей, не знаем, как обстоит дело. Прорыв на фронте критики мы должны ликвидировать во что бы то ни стало.

В плане борьбы за качество, за художественность, под общим лозунгом борьбы за пролетарское искусство, огромное значение имеет сталинский лозунг: «Лицом к технике». Это лозунг и содержания пролетарской литературы, а не только необходимого углубляющегося овладения специфической областью.

Пленум должен задать себе такой вопрос: углубляется или преодолевается у нас отставание? Мне кажется, что мы,—пока еще слабо и недостаточно,— но уже начали преодолевать это отставание, начали находить пути, чтобы справиться с болезнями роста. Главные стрелы и главные писатели делают это по-разному. От нас требуется большая чуткость, умение подходить к каждому в отдельности, но в целом у нас имеется значительное движение вперед. И самое важное то, что это движение идет не по внешней поверхностной линии.

> Мы должны знать, как идет каждый отряд, ибо теперь особенно четко обнаруживается наша внутренняя неоднородность. Важнейшей задачей в частности является найти новый критерий подхода к внутреннему попутничеству.

В деле преодоления отставания особенно для нас важно рабочее ядро. Это важнейший вопрос из всех вопросов нашего движения. Проблема освоения рабочих ударников в форме призыва представляет собой историческую эпоху нашего движения, и упирание на рабочее ядро, на работу с ним мы должны сделать совершенно ясно. И здесь не должно быть никакого упрощенчества, никакого барского снисхождения.

Для рабочего-ударника также стоит проблема борьбы за качество, за художественность.

Важнейшее дело здесь—создание новой пролетарской литературной среды, возможно больше развертывание творческих дискуссий, действительный поворот лицом к творчеству. У нас осталось еще большое количество мелкобуржуазных навыков, широко распространено «качество» и т. д. Мы обязаны создать атмосферу самокритики внутри пролетарской литературной организацией.

Программа работ этого, исключительно делового пленума, ограничилась отчетно-политическим докладом тов. Л. АВЕРБАХА, обсуждением этого доклада, вопросами предстоящего с'езда и организационными.

Пленум прошел под основным лозунгом — лицом к творчеству, и критике, лицом к рабочему-ударнику.

Пленум показал, что РАПП идет по пути решительной перестройки, по пути преодоления отставания пролетлитературы, что она является массовой пролетарской литературной организацией.

Программа работ этого, исключительно делового пленума, ограничилась отчетно-политическим докладом тов. Л. АВЕРБАХА, обсуждением этого доклада, вопросами предстоящего с'езда и организационными.

Абсолютно деловой практический характер пленума подчеркнул своим докладом и т. Авербах. Десятый пленум не увлекался ни от него громких деклараций и общих рассуждений. Тов. Авербах подвел итоги последнего периода пролетлитературного движения и столь же четко, практически остановился на моментах, намечающих новые вехи пролетарской литературы.

Докладчик ставит перед делегатами пленума основной вопрос: как РАПП встретила реконструктивный период, как она перестраивалась, как перестраивается сейчас в стране, вступившей в период социализма.

— Мы обязаны, — говорит т. Авербах, — добиться в этом вопросе полной ясности, ибо на нашей ассоциации в целом, на ее руководстве, лежит величайшая ответственность перед партией и рабочим классом за один из важнейших участков идеологического фронта.

Мы прошли громадный путь от кружка к руководству массовой организацией. Мы росли и крепли во время этого пути, не сорвались, не сдали благодаря тому, что РАПП никогда себя не ставила в положение литературной школки, потому, что мы всегда имели перед собой конкретную задачу борьбы за генеральную линию партии в литературе, потому, что рапповское движение было прежде всего движением массовым.

Сейчас, анализируя положение, мы можем смело, без бахвальства сказать, что идем вверх, перестраиваемся, начинаем преодолевать кризис отставания. И вот именно потому, что это так, нам нужно особо тщательно взвесить наши ошибки и колебания при перестройке, преодолеть все то, что этой перестройке мешает.

На протяжении всей истории пролетлитературного движения мы вели беспощадную борьбу как с правыми уклонистами, так и с «левыми» фразерами. Мы боролись с ликвидаторскими установками Троцкого, правыми теориями Бухарина, мы боролись с Горбовым, Воронским, мы, наконец, полностью разгромили беспринципный «левый» блок.

— Чем был «Литфронт»? —спрашивает т. Авербах.—Заменой реакцией на наши темпы, на наши недостатки при ростании и новых вещей,— в этих недостатков было чрезвычайно много,— или отражением мелкобуржуазных колебаний в нашей ассоциации, отражением классовой борьбы и борьбы за генеральную линию партии? Безусловно— второго. Недаром вся ассоциация, широкие массы нашего движения отвергли наскоки «Литфронта», обеспечили своей подлинной твердость руководства в борьбе с ними. Рапповские массы сумели отделить правильную критику от противоположной линии, от тех позиций, которые занимал «блок». И не случайно, что как только мы полюбили нашу практическую работу, мы отбили от «Литфронта» всех тех, кого он мог завоевать, эксплоатируя наши слабости и недостатки.

> «Литфронта» не существует. Однако, это не значит, что уже нет опасности рецидивов, что нам не нужно бороться с остатками «Литфронта», с мелкобуржуазным «левым» фразерством, а также мамаевско-меньшевистским неверием линии РАПП (Тоом, Бек, Кокодзе).

Почему мы выдержали все эти драки? Потому, что мы правильно направляли основной удар направо. И в «левом» «Литфронте» были сильны правые элементы (Безпалов, Гозбчев и др.). Одновременно мы вели борьбу с правыми ошибками, которые были у наших товарищей (Ермилов, Селивановский, Сутырин и др.). Вместе с этими товарищами мы исправляли эти ошибки, ошибавшиеся товарищи стали на путь подлинной самокритики и тем сохранили себя для нашего движения.

Вслед за разгромом «блока» мы имеем усиление под'ема в нашем движении, бесспорным подтверждением которого является прежде всего призыв рабочих-ударников, а также харьковский с'езд рабселькоровских писателей мира, наши производственные совещания и т. д. Правильно будет сказать, что до сих пор мы имели претенциозную массового пролетлитературного движения, а теперь началась его история. На этом фронте нова диалектическая сущность теоретиков, вроде Кушнера и литфронтовцев, которые кричат о кризисе искусства ведущей к его омертвению. Вступая страны в период социализма, в период обострения классовой борьбы, роста нового и выкорчевывания корней старого, приводит не к уничтожению искусства, а, наоборот, форсирует развитие искусства. Вступление в период социализма требует большого искусства. Большевизм имеет право на настоящее подлинное искусство, достойное эпохи социализма. Что значит отставание? Отставание означает недостаточную, по сравнению с необходимой, роль искусства в классовой борьбе. Преодолеть отставание значит увеличить роль искусства в борьбе за социализм. Наша обязанность — обратить сейчас главное внимание на качество художественной продукции, не генерализируя какой-либо один творческий акт или тот или иной жанр. К малым жанрам мы подходим с требованием большой художественности, к «романам» мы подходим под углом зрения их социальной утилитарности.

Критерием художественности для нас должно быть соответствие формы и содержания.

В свете этих задач особое значение приобретает вопрос о роли мировоззрения, о том, чтобы перестали «формы» понимать как, в основном, следствие неразвитости или неверности содержания.

> У нас очень плохая критика. Она не поспевает за ростом нашего движения, она не выполняет своей роли в борьбе с буржуазной и мелкобуржуазной литературой, а на этом фронте нужна особая бдительность, ибо есть такие писатели, которые выступают под маской друзей, а на деле отрицают возможность построения социализма в нашей стране или пакируют, смазывают наши трудности. («Волга», Пильняка, «Товарищ Кисляков» Романова).

Очень большое количество книг остается не только без статей, но даже без рецензий. Мы не следим за творческим ростом наших товарищей, не знаем, как обстоит дело. Прорыв на фронте критики мы должны ликвидировать во что бы то ни стало.

В плане борьбы за качество, за художественность, под общим лозунгом борьбы за пролетарское искусство, огромное значение имеет сталинский лозунг: «Лицом к технике». Это лозунг и содержания пролетарской литературы, а не только необходимого углубляющегося овладения специфической областью.

Пленум должен задать себе такой вопрос: углубляется или преодолевается у нас отставание? Мне кажется, что мы,—пока еще слабо и недостаточно,— но уже начали преодолевать это отставание, начали находить пути, чтобы справиться с болезнями роста. Главные стрелы и главные писатели делают это по-разному. От нас требуется большая чуткость, умение подходить к каждому в отдельности, но в целом у нас имеется значительное движение вперед. И самое важное то, что это движение идет не по внешней поверхностной линии.

> Мы должны знать, как идет каждый отряд, ибо теперь особенно четко обнаруживается наша внутренняя неоднородность. Важнейшей задачей в частности является найти новый критерий подхода к внутреннему попутничеству.

В деле преодоления отставания особенно для нас важно рабочее ядро. Это важнейший вопрос из всех вопросов нашего движения. Проблема освоения рабочих ударников в форме призыва представляет собой историческую эпоху нашего движения, в упирание на рабочее ядро, на работу с ним мы должны сделать совершенно ясно. И здесь не должно быть никакого упрощенчества, никакого барского снисхождения.

Для рабочего-ударника также стоит проблема борьбы за качество, за художественность.

Важнейшее дело здесь—создание новой пролетарской литературной среды, возможно больше развертывание творческих дискуссий, действительный поворот лицом к творчеству. У нас осталось еще большое количество мелкобуржуазных навыков, широко распространено «качество» и т. д. Мы обязаны создать атмосферу самокритики внутри пролетарской литературной организацией.

Наши успехи обязывают нас к равнению самой широкой самокритики. Мы должны самым решительным образом бороться с зазнайством, комчванством и т. п.

Следующая задача — борьба за качество, а отсюда большее внимание теории и практике. Нам нужно взять все, что есть ценного в теоретических кадрах, и влить в наше движение.

Нам нужно усилить наступление на литературном фронте. Нужно взяться за выкорчевывание всякой буржуазной идеологии.

О фронте культурной революции в целом. Сейчас мы неимоверно отстаем на этом фронте. Происходит гигантский под'ем культурной революции, а мы неможно в стороне от гигантского культурмейского движения.

Надо помнить, что мы живем в обстановке все увеличивающихся трудностей, все увеличивающихся требований к нашему движению. Мы ведем теперь работу гораздо большего масштаба, чем прежде, гораздо большей ответственности. И мне думается, что наш пленум пройдет под знаком гораздо большей самокритики, даст лозунг борьбы за высокое качество, за наступление на литературном фронте и наметит дальнейшие перспективы нашего движения.

Но что является основным, что будет на этом пленуме всех нас исподволь объединять — это величайшая ответственность, которая на нас лежит.

Никогда мы, РАПП, не были так на глазах у всей страны, никогда мы не пользовались таким широким общественным вниманием. Это ко многому обязывает.

И пленум РАПП должен пройти под знаком величайшей мобилизации, не в плане словесной трескотни Безыменского, а в плане углубления качества нашей работы, укрепления нашей ассоциации, поворота ее лицом к рабочему-ударнику.

РАПП была, есть и будет передовым большевистским отрядом нашего искусства.

Бывшим литфронтовцам разоружиться до конца

Большая часть речи тов. ГЕЛЬФАНДА на пленуме РАПП была посвящена разоблачению прежних позиций «Литфронта» и освещению процесса загнивания осколков литфронтовцев.

Тов. Гельфанд осветил тот момента, ярко характеризующие всю несостоятельность позиций «Литфронта», который на практике оказался организацией, созданной фактически не для защиты тех или других творческих лозунгов, а для об'единения в беспринципном блоке всех правых и «левых» элементов в пролетлитературе, недовольных рапповским руководством и литературно - политической линией РАПП. У «Литфронта» были не только гнилая литературно-политическая установка, но и гнилой теоретический тыл. Этот момент тов. Гельфанд иллюстрировал на некоторых примерах из книги И. Беспалова «Стиль как закономерность».

— Даже в своих творческих установках, — говорит тов. Гельфанд, — «Литфронт» не был единым. В результате, «Литфронт» оказался об'ектом особых вожделений со стороны право-«левацкого» двурушнического блока и агентуры классового врага в партии.

Основное, в чем выражается процесс загнивания осколков «Литфронта», поплывших ряды Горбовых и Лежневых—это то, что эти люди перестали интересоваться пролетлитературным движением в целом и вопросами перестройки РАПП. Все утверждения о каком-то кризисе пролетарской литературы, являются явно капитулянской, ликвидаторской, оппортунистической позицией.

Это в известной мере относится и к позиции А. Безыменского, в его отношении к пролетлитературному движению. Тов. Безыменский усиленно призывает к мобилизации РАПП. На тов. Безыменский не дает стратегического плана этой мобилизации. Политжир, но есть этот план.

— У нас есть все основания говорить, —отмечает тов. Гельфанд, — что Безыменский, — когда пролетлитература, действительно мобилизуется и перестраивается для решения определенных задач и, именно, в порядке этой мобилизации переживает огромнейший под'ем, свидетельством чего является литпризыв, к которому Безыменский относится также чрезвычайно легкомысленно и поверхностно, — своими внешне чрезвычайно боевыми лозунгами проявляет паникерство, растерянность и капитулянство.

Внимание пленума привлекли основные заявления тов. Гельфанда о его теоретических взглядах.

После выступления тов. М. Гельфанда, с согласия пленума РАПП, тов. Л. Авербах задал Гельфанду три вопроса.

Вопросы тов. Авербаха сводились к следующему: считает ли тов. Гельфанд, что в той дискуссии, которая происходила, было противопоставление друг другу различных линий и что творческая линия, которую вела РАПП в противовес «Литфронту», была оппортунистической. Считает ли тов. Гельфанд, что нет никакой связи между творчеством и политикой «Литфронта» и его творческими лозунгами, и третий вопрос— совершен ли РАПП поворот к новым задачам или не совершен.

Тов. Гельфанд в своих довольно туманных ответах заявил, что двух линий не было и что в «Литфронте» не было творческого единства. Литфронтовцы в целом ряде случаев, выдвигали правильные положения. Линия «Литфронта» была эклектическая и следовательно в основном неправильная.

Выступавший вслед за тов. Гельфандом тов. В. Киршон отметил, что тов. Гельфанд в своей речи дал такую установку, которая не дает нам достаточного основания сказать, что его позиция удовлетворительная. Тов Гельфанд идет значительно дальше Безыменского, но так же как и тов. Безыменский он хочет нас уверить в том, что у «Литфронта» не было связи между литературной практикой и творческими лозунгами. Но сам же тов. Гельфанд, не желая этого, демонстрирует, противоположное, говоря об ошибках литфронтовцев, и блестяще доказывает, что из творческих позиций вытекает литературная практика. Тов. Гельфанд был неправ, — говорит Киршон,- когда отвечая на вопросы тов. Авербаха сообщил, что не было двух линий. Именно было две линии — линия РАПП — линия пролетлитературы, линия борьбы за овладение методом диалектического материализма и применения его в литературе. И была линия механистическая, эклектическая, построенная в основном на неправильной политической установке и механистических ошибках теории.

Касаясь поведения тов. Безыменского, тов. Киршон отметил, что нельзя давать Безыменскому возможность протаскивать осужденным всем нашим движением, ошибочные взгляды и в политике, и в творчестве, и в теории. Поведение Безыменского по отношению к пролетлитературному движению совершенно недопустимо и надо дать этому поведению четкий отпор.

Об этом же говорил в своем выступлении и тов. М. СЕРЕБРЯНСКИЙ, который отметил, что тов. Безыменский— член секретариата и правления РАПП, не участвует в работе пленума. Выступление Безыменского на пленуме Бауманского райбюро МАПП говорит об игнорировании им работы РАПП и о том, что он не отходит от литфронтовских позиций.

И. ГРОССМАН-РОЩИН в своем выступлении коснулся подробно вопросов попутничества, а также подробно разобрал свои ошибки.

Тов. В. СУТЫРИН отмечает необходимость перехода РАПП на новую высшую ступень в своем росте. РАПП необходимо в ближайшее время провести ряд производственных совещаний по смежным областям литературной работы, в частности по вопросам кинематографии.

Тов. А. ГРУДСКАЯ отмечает, что РАПП не уделяет должного внимания детской литературе.

А. ИСБАХ подчеркивает, что задачей пролетписателей является — показать в своих произведениях вопросы техники, новой организации социалистического труда и производственных отношений. Наша критика не уделяет должного внимания последним произведениям пролетписателей, вышедшим из печати. Об этом же говорил и Ф. ПАНФЕРОВ, который заявил, что наша критика не сумела в основу своего метода положить метод диалектического материализма. Писатель должен овладеть техникой, для чего необходимо организовать для писателей тематические беседы руководящих работников-хозяйственников в крупнейших строительствах.

Изменения в составе руководящих органов РАПП

Пленум правления РАПП решил вывести А. Безыменского из состава членов секретариата РАПП и одновременно опубликовать развернутую резолюцию, оценивающую деятельность и поведение Безыменского.

Из состава правления РАПП пленум решил вывести тт.: ЩУКИНА, ГОРБАЧЕВА, ШАРА, ОБАЛОВА, КАМЕГУЛОВА, НАГУЛЕВИЧА и СКОРИНКО.

*

НОВЫЕ ЧЛЕНЫ ПРАВЛЕНИЯ РАПП

Пленум ввел в состав правления РАПП 17 товарищей: В. ИЛЬЕНКОВА, Ф. ГЛАДКОВА, И. ЖИГУ, Л. ЛИБЕДИНСКОГО, Н. ШУШАНОВА, С. ДИНАМОВА, ВАГАЛОВА, ГРУДСКУЮ, ГРИНА, МИТРОФАНОВА, БОРОВОГО, ОРЛАНСКОГО, ГЕРЬКОВА, ЧЕРНЕНКО, УКУСОВА, ГРУДИНИНА, ЕВСЕЕВА и ФАЙВИЛОВИЧА.

**

Бюро правления РАПП избрано из 25 членов тт.: Л. АВЕРБАХ, В. КИРШОН, В. ИЛЬЕНКОВ, А. ФАДЕЕВ, Ф. ПАНФЕРОВ, В. ЕРМИЛОВ, А. СЕЛИВАНОВСКИЙ, М. ЛУЗГИН, С. ДИНАМОВ, ВАГАЛОВ, ГРИН, МАКАРЬЕВ, МИТРОФАНОВ, ГРУДСКАЯ, СЕРАФИМОВИЧ, АФИНОГЕНОВ, КОРАВАЕВА, ИСБАХ, КАРАВАЕВА, СТАВСКИЙ, СУРКОВ, Ю. ЛИБЕДИНСКИЙ, В. СУТЫРИН, М. ЗАЛКА, Б. ИЛЛЕШ, ФАЙВИЛОВИЧ и двух кандидатов тт. СЕРЕБРЯНСКОГО и НОВИЧА.

**

В секретариат РАПП избрано 11 товарищей: АВЕРБАХ, КИРШОН, ИЛЬЕНКОВ, ФАДЕЕВ, ПАНФЕРОВ, ГРИН, ВАГАЛОВ, ЕРМИЛОВ, СЕЛИВАНОВСКИЙ, ЛУЗГИН, МАКАРЬЕВ и два кандидата в члены секретариата тт. МИТРОФАНОВ и ГРУДСКАЯ.

*

ГЕНЕРАЛЬНЫМ СЕКРЕТАРЕМ РАПП ИЗБРАН Л. АВЕРБАХ.

**

В ревизионную комиссию РАПП, которая явится одновременно и комиссией исполнения, избраны тт.: М. ЮРИН, ШУШАНОВ, М. КОЛОСОВ, А. ГИДАШ, Р. АЗАРХ, ПЛАТОШКИН.

**

Делегация РАПП в Совете ВОАПП.

Пленум выделил делегацию РАПП в Совет ВОАПП в составе следующих товарищей: Авербах, Серафимович, Ю. Либединский, Фадеев, Селивановский, Панферов, Ставский, Ермилов, Киршон, Афиногенов, Караваева, Чумандрин, Макарьев, Ильенков, Кавы-Нендми (Тангистан), Ишемгулов (Башкирия), Алексеев (Урал), Бусыгин (С. Азиат.), Гладков, Жига, Великин, Лузгин (ЦАПО), Сурков и Ошанский, и кандидатами тт. Исбах, Корабельников, Джафтобели (Крым), Резчикова (МАПП), Вешоцкая (Сибирь), Виргинская (Карелия) и одного представителя от Калмыцкой АПП.

Представителями РАПП в секретариате ВОАПП выделены: тт. Авербах, Селивановский, Макарьев, Жига, Ошанский, Ильенков, Афиногенов и кандидатом — Сурков.

ВСЕРОССИЙСКИЙ С'ЕЗД ПРОЛЕТАРСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ.

Пленум РАПП решил созвать всероссийский с'езд пролетписателей в мае текущего года. Повестка дня с'езда намечена следующая: «Культурная революция, вопросы искусства и задачи пролетлитературы», доклад правления РАПП и содоклад о национальных литературах, отчет делегации РАПП в ВОАПП, доклад международного об'единения революционных писателей (МОРП), об итогах производственных совещаний и задачи дальнейшего развертывания творческой дискуссии, о рабочем ядре в РАПП и выборы.

В работах всероссийского с'езда пролетписателей примут участие около 200 —250 делегатов. Решено обеспечить в составе с'езда 50 проц. ударников.

ПРЕНИЯ ПО ДОКЛАДУ тов. Л. АВЕРБАХА

26 товарищей, выступавших в прениях по докладу Л. Авербаха, конкретно ставили очередные проблемы работы РАПП, заостряя внимание на недостатках в работе ассоциации и вопросе о ликвидации отставания пролетлитературы от темпов социалистического строительства.

Внимание процессам, происходящим в среде попутничества

И тов. М. ЛУЗГИН (ЛАПП), в своем выступлении, осветив опыт производственного совещания очеркистов РАПП, подвергнул самокритической оценке работу ленинградской ассоциации. Слаба организационная работа и на налажен аппарат ЛАПП. Не создано достаточно творческой обстановки для работы рапповцев. Ленинград не проводил еще творческих производственных совещаний, которые имели место в Москве.

Задача ЛАПП — перенести к себе опыт московских производственных совещаний, закрепить призыв рабочих-ударников, на основе его СОЗДАТЬ ТАКУЮ ТВОРЧЕСКУЮ АТМОСФЕРУ В ОРГАНИЗАЦИИ, В КОТОРОЙ БЫ РОС ЛИТУДАРНИК И ВСЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ДВИГАЛАСЬ ВПЕРЕД.

Касаясь процессов, происходящих в среде ленинградских писателей-попутчиков тов. Лузгин отметил существенные сдвиги по линии внутренней творчества. Такая писательница как Л. СЕЙФУЛЛИНА, написала в сборнике «Решающий год», очерк, отличающийся подлинной искренностью, отсутствием всякой фальши. Ее очерк свидетельствует о том, что она идет по правильному пути, стремясь превратиться в нашего союзника. Творчество писателей М. СЛОНИМСКОГО, Н. ТИХОНОВА, Н. БРАУНА, свидетельствует о существенных сдвигах среди ленинградского писательства.

Это относится также и к К. ФЕДИНУ.

Но, на ряду с этим, ряд попутнических писателей, как, например, Б. ЛАВРЕНЕВ, О. ФОРШ, не делают дальнейшего шага вперед. Тем более это можно сказать о ШИШКОВЕ, который застыл на бытовщине и зубоскальстве.

Наконец, третья тенденция, наблюдающаяся в среде ленинградских писателей — тенденция поправения, которая выводит их за пределы того, что укладывается в нашем понятии — союзника. Это видно из глубоко идеалистического произведения Ю. ТЫНЯНОВА «Восковая персона». Поправение обнаруживает и Ю. БЕРЗИН. Роман М. Казакова «Десять точек», представляет собой, не что иное, как уход от действительности.

Нельзя забывать и о явно враждебных нам элементах. Такой писатель как Е. ЗЕМЯТИН не молчит, он находит способы для своих выступлений, например, «выход» его в книге «Как мы работаем»?

Мы должны больше уделять внимания процессам, происходящим среди писателей-попутников, изучить их, организовать широкую критику творчества этих писателей.

За подлинное руководство национальными АПП

Выступавшие представители национальных АПП тов. ГАЛИЕВ (ТатАПП), и тов. ИШИМГУЛОВ (Башкирская АПП) отметили слабость руководства РАПП национальными литорганизациями.

— В письме секретариата РАПП, не было ни слова сказано о задачах, стоящих перед национальными пролетарскими литорганизациями. Мы не получали директив в связи с развертыванием творческой дискуссии в РАПП.

При обострении классовой борьбы, в нацлитературах, об'единяются крайние «левые» и правые элементы. Если бы ТатАПП и БашАПП лучше работали, если бы РАПП лучше руководила ими и оказывала своевременную помощь, мы бы легче ликвидировали, например, контрреволюционную литгруппу «Джигдиян». У нас нет теоретических кадров. ДО 90 ПРОЦ. ВСЕЙ ТАТАРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ОСТАЕТСЯ ВНЕ ВСЯКОЙ КРИТИКИ. РАПП должна усилить руководство нацлиторганизациями и следить за работой местных АПП в нацреспубликах.

Обеспечить творческий рост литударника

АННА КАРАВАЕВА подробно останавливается на первом этапе призыва ударников в литературу.

Сейчас идет первоначальное освоение основных моментов в развитии пролетлитературы, идет большая работа над мировоззрением ударника — будущего пролетписателя.

Самая серьезная опасность — это УПРОЩЕНЧЕСТВО И ПОПЫТКИ СУЖЕНИЯ ПРОЛЕТЛИТЕРАТУРНОГО ДВИЖЕНИЯ.

Значительное место в своей речи уделил литпризыву и В. КИРШОН.

— Основная проблема—это проблема руководства кружками. Надо обеспечить подготовку литкадров. Мы берем курс на организатора кружка, умеющего участвовать во всей общественно-политической работе завода. Важнейшая задача РАПП — обеспечить подготовку заочное обучение литударников. Надо организовать выпуск пятидневной или ежедекадной печатной газеты, которая явилась бы популярным пособием для кружковца и руководов.

Организация районных бюро МАПП, приблизила руководство к литкружкам. Но еще до сих пор во всей организации РАПП есть СЕРЬЕЗНАЯ НЕДООЦЕНКА ЛИТПРИЗЫВА. В рапповской печати, «Литгазете» не отражается литпризыв. Необходимо всем организациям, в первую очередь печати, повернуться лицом к ударнику.

Тов. А. СУРКОВ отмечает игнорирование литпризыва МОСПС, а также приводит факты перегибов, когда литкружки на заводах стремятся превратить в рабселькоровские кружки.

Тов. ПОДОБЕДОВ (АПП ЦЧО) указывает на необходимость усиления творческой работы РАПП и выдвижения новых пролетписателей. Надо конкретизировать руководство РАПП низовыми организациями. Здесь следует продолжать систематическое прикрепление работников РАПП к местным организациям. Журналы местных АПП нуждаются в руководстве и помощи. Тов. Подобедов предлагает каждому члену РАПП повести практическую, теоретическую и творческую работу с группой литударников, передавая им свой опыт.

— Практика показывает, что работа с литкружками ведется недостаточно, — говорит тов. ИСАКОВСКИЙ (Зап. АПП).—Надо бороться за повышение качества продукции литударников и продвигать их произведения.

Руководство РАПП уделяет недостаточное внимание провинциальной литературе, которая уже значительно выросла. РАПП также уделяет мало внимания вопросам крестьянской литературы, а между тем сейчас, когда крестьянская литература как-то перестраивается, надо больше руководить и помогать ей.

Тов. ПАНОВ (Уральская АПП) в своем выступлении подчеркивает, что призыв ударников в литературу поднял на большую высоту пролетлитературное движение, по-новому заставил работать. На Урале в кружки привлечено свыше 300 человек. Главное сейчас — это зайфлить результаты литпризыва.

В связи с призывом ударников настоятельно встает вопрос о перестройке работы всей рапповской организации. Мы работники мест чувствуем, что это перестройка в секретариате РАПП уже началась. В частности, огромнейшим достижением является реорганизация журнала «На литературном посту» в массовый журнал.

Обследование РАПП уральской организации показало наличие в ней многих недостатков и прорывов. РАПП должен проводить обследования систематически и оказывать нам практическую помощь. Надо повернуться лицом к Уралу, который превращается в один из основных промышленных центров.

Тов. ШЕСТЕРИКОВ (Нижегородская АПП) считает необходимым: поставить вопрос об углубленной литературной учебе ударников.

Н. БОРОВОЙ (МАПП) предлагает всемерно активизировать работу секторов РАПП. Рапповские журналы должны решительно перестроиться и развернуть массовую работу с литударниками.

В связи с призывом ударников в литературу были опасения о снижении художественного качества, — говорит тов. ВИГАЛОК (ВЦСПС). — Наоборот, сами ударники при обсуждении наших книг, в своих выступлениях отмечали необходимость критического подхода к литературе и требовали художественности в произведениях.

В пролетлитературу пришли широкие рабочие массы, им надо в популярной форме разъяснить основные вопросы пролетлитературного движения. Между тем, нет еще достаточного внимания призывникам.

МЫ ДОЛЖНЫ ДРАТЬСЯ ЗА РАБОЧЕГО-УДАРНИКА, ДОЛЖНЫ ЕГО ВОСПИТАТЬ, ОГРАДИТЬ ЕГО ОТ ВЛИЯНИЙ ЧУЖДЫХ НАСТРОЕНИЙ, А МЫ ЭТОГО НЕ ДЕЛАЕМ.

Сейчас необходимо обеспечить широкое внимание и участие всех организаций в закреплении результатов литпризыва.

В. ИЛЬЕНКОВ говорит о том, что перестройка в РАПП уже началась, но она еще недостаточно широко развернулась. В отдельных звеньях организаций РАПП, есть еще кустарничество, любительский подход к работе.. Обследование РАПП местных организаций Сибири, Урала, Крыма, Нижней Волги и др. показало, что в работе АПП не изжиты еще элементы косности, отрыва от рабочих масс, слабо проявляется самокритика, трудности нередко не преодолевают, а отступают перед ними. Наиболее яркое проявление всех этих недостатков мы имеем на примере Иваново-Вознесенской АПП. Все организации должны заняться ЧИСТКОЙ своих рядов.

Особенно слабо мы осуществляем свою перестройку в отношении работы в национальных литорганизациях.

Решительно бороться с буржуазными тенденциями в литературе

В. ЕРМИЛОВ в своем выступлении дал подробную оценку причин отставания нашей критики.

— Мы разоблачили буржуазную суть воронщины, переверзевщины, но мы еще полностью не добили их теории. Колоссальные кадры рабфаковцев, массы, обучающиеся в трудовой школе, в ФЗУ, еще не освобождены от переверзевского влияния. До сих пор в методической и методологической литературе протаскивается и пропагандируется переверзевщина, в совершенно законченном и открытом виде.

Воронщина и горбовщина являются выражением прямой буржуазной опасности в литературе. Ее представители смыкаются в своих теориях об искусстве с таким откровенным представителем буржуазной культуры в области идеологии, как Лосев. Со всеми этими проявлениями буржуазных тенденций в литературе наша критика должна вести решительную борьбу.

Тов. Ермилов отмечает, что еще недостаточно изучено творчество ударников, оно не ставится в связь с общей постановкой вопросов творческого метода. Между тем, творчество ударников подтверждает правильность нашего творческого метода.

Основной недочет в творчестве ударников — это то, что они не умеют ту борьбу, которая идет на заводе, в цеху, взять как функцию классовой борьбы, происходящей в стране — это недостаток

„Нашествие Наполеона“ в МХТ 2

Наполеон Бонапарт, сбежавший из музея восковых фигур в Париж спасать от Америки безработицу Европу, получил от автора совсем другие полномочия. Романтически воодушевленный, со свойственным ему упорством и властностью, он шел в современный мир контрреволюционировать дорогие авторскому сердцу идеи «человечества» «свободы», «истины», «красоты», «справедливости», с пылом бурно протестовать против их умаления.

На вершине общества, среди властителей мира, он слышит знакомые слова о «справедливости» и «человечестве». Не присмотревшись, обнаруживает спекулянтов, продающих оптом и в розницу то самое человечество, во имя которого они властвуют.

Не все еще потеряно. Ведь есть еще на свете и ласка матери, и любовное смущение, и женская нежность. Увы — Жозефина, «прекраснейшая женщина Франции», взамен этих давно уже выдохшихся чувств, предлагает ему науку рассчитанной страсти и усталый разврат.

— Мир искусства! Вот, куда надо бежать, чтобы увидеть наконец, утерянную в жизни истину. Напрасно. И в искусстве—подлость.

Где же «оскорбленному есть чувству уголок?» В сумасшедшем доме?! — хочет крикнуть Газенклевер. Увидите: и там ложь, и там во имя справедливости тиранты продают человечество.

Как же в этом мире разочаровываться, творить, утверждать себя, искать славы. Славы, которой рукоплещет лицемерие, чванство и разврат!!

И вот—по поручению Вальтер Газенклевера—Наполеон, возмутившийся в музей после обследования Парижа, произносит горьким афоризмом, заключающим вывод:

— Есть нечто, что выше славы. Это — быть непонятым. Это—бессмертие.

Это пессимистический гадок мелкобуржуазного интеллигента сегодняшней Европы видит его полную растерянность и отчаяние. Он пытается укрыться от них в традиционной «башне из слоновой кости», в одиноких покоях собственного «я», которым он ограничил свои горизонты.

Об этом гордом одиночестве, укрывающем от подлости и пошлости, писал недавно Ромэн Роллан. Но он делает шаг вперед к тому миру, где он будет понятым, где ему действительно обеспечено бессмертие. Газенклевер не делает еще этого шага. Из своего убежища, забарикадировавшись Наполеоном, он делает вороватые вылазки в окружающий его мир, чтобы бросить ему в лицо пачку саркастических монологов.

Схематичные ситуации, в которых очутился Наполеон, ему навязаны; это не его дело, это — общепризнанная профессия Дон-Кихота.

Не лучше Наполеон знаком и такой женщиной. Поэтому автор, описав как бы ее разлады его в Наполеоне, спешит навести своему герою не слишком острые иронические уколы, чтобы отвести от себя подозрение. Разгадать его все же не трудно, это дело одной минуты.

Заслуга авторов переделки—А. Дейча и А. В. Луначарского— в главным образом, ярлыге Азарина и том, что они без стеснения разоблачают «Наполеона», обрасывают его с шельтерзала.

Вспомним пушкинское толкование Чацкого, чей еще один исторический вариант предложен в пьесе Газенклевера. Пушкин сомневался в большом уме Чацкого, воодушевленно мечущего бисер перед Фамусовыми и Репетиловыми. Под влиянием такого рода сомнений модернизированный газенклеверский «Наполеон» превратился на сцене МХТ 2 в задорного петушка, в крикливого крамуна.

Естественно, от такой операции драматизм газенклеверской иронии огромительно снижен, как был бы снижен иронический пафос «Горе от ума» при подобном же толковании Чацкого. Автора и театр отводят этот упрек. Если важно вымести Фамусова от капитала, то не менее важно вымести Чацкого от мелкобуржуазной революционности. От этой основной установки авторы шли к пересмотру текста и сцене дипломатической конференции: закабаление Европы во имя человеколюбия, замешено интервенцией СССР — под тем же соусом человеколюбия. Вставленная сцена в сумасшедшем доме, где действуют помещанные на литературных боги и бонапарты, авторами и режиссером остро подана, но требует большого иронического использования. Новый финал, сменяющий газенклеверскую пессимистическую сентенцию о бессмертии, задумал интересно: Наполеон цитируется в актера Азарина и рассуждает «по поводу», но рассуждения его слишком беспечны и наурядны.

В общем должен был получиться веселый спектакль. Драматизм улетучился, ирония стала легче, легкомысленнее, что ли, а стирающее мелькание реплик и непрерывный бег придуманных ситуаций должны были создать спектакль полный, как говорили в старину, огня и экспрессии.

Не случилось этого. Спектакль движется не сильно, чего-то торопишься—этак с перебоями. Могут возразить, что темп в театре—дело важнейшее и как кипяток во французской поговорке, приходит во время пира. И все это комедийного этюдства актеры никак не обнаруживают, за исключением Азарина, который вправе сказать по поводу своего исполнения этой роли: «спектакль это—я».

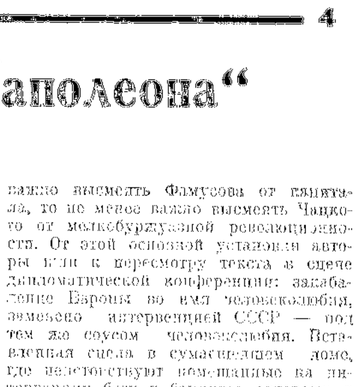
Беда все-таки в том, что в спектакле нет стиля, ни-к-чему. Взять хотя бы декорации, которые не могут оставаться равнодушными свидетелями сатирического спектакля. Неудобно как-то повторять, что их роль обвинять, высмеивать, «подтрунивать». Декорация спальни Жозефины, в каком они, собственно, смысле... неужели в ироническом? Возможно у художника была здесь мефистофельски - язвительная мысль. Но проходимый зритель принимал ее как недорогой и удлиненный проект мещанской спальни. «Геркулесовая» бутафория в сцене кампании не звучит иронически; безвкусно хоть отбавляй.

Не было стиля—сатиры! сатиры! — даже в сальвиниевской переделке. Жозефина Дельмар, например,—блестящий образ. Классик ее интонация это шедевр ума и хищности, обаяния и цинизма. Она действительно «одна из прекраснейших женщин Франции»... но пока только у Газенклевера. Смутный образ создала артистка Бромлей. Порой кажется, будто Жозефину Дельмар она связывает с исторической Жозефиной. Порой—будто историческую Жозефину с исторической же... мадам Сан-Жен. Впрочем, может быть и здесь дело заключается, так же как тем, как оформление, как образы?

Будем терпеливы.

Ю. ЮЗОВСКИЙ

Шарж Э. Машкиллейсона



Наполеон—арт. Азарин

Д. Митрейкин

Рассказ красноармейца

— Это все шутки,—
Паровик коновод Уткин,—
У меня, мои братцы,
Другая была операция.
В деревне «Уласки»
Молочка напьэя ли?
«Будь ласков»,
Говорит хозяин...
С виду покровка
Совсем бедный...
Рожа не багровая,
Наоборот—бледная.
Ну, думаю, если так...
Или середняк,
Или беднял,
В общем и целом не враг.
Балакаю о том, о сем,
Хлеб запиваю молоком...
Тот говорит—«Советская власть —
Прямо, крестится, власть».
— Кушай, говорит, милый брат,
Сам, говорит, был солдат,
Знаю, говорит, жизнь какая!—
И между прочим вздыхает.
— Трудно, говорит, вам печальцев—
Каждый грозится, каждый начальник.—
Смотрю на него так сурово,
Он же ласково смотрит тоже...
Что за чорт? Рожа не багровая,
Наоборот, даже тощая.
А тот пристает со своим молоком.
А в глотке моей ком.
— Спасибо, говорю, за фураж!
А сам за фуражку...
Деньги даю, не берет.
Что за чорт?
А у меня, как на грех, трояк,
Чорт, думаешь, с трояком...
Бросил на стол нос-как
И прусь из избы раком.
Вылез на воздух. Глядь — политрук.
— Что, говорит, делаешь друг?
Говорю ему — так и так.
Как, говорю, кулак?
— Определенно, говорит, кулак!
— Эх, мать его так.
Пропал трояк.
Да еще как!
На усиление капитализма...
Да за что ж драпись мы?
Вернулся обратно—тот, как на дыбе,
Доливает мое молоко...
Стукнул с размаху об стол кулаком
«Давай, говорю, ссс... сдачи!»

Как работал Маяковский над поэмой „Про это“

Так был озаглавлен доклад Н. Асеева, состоявшийся 20 февраля в правлении ГИХЛ. По не официального, технического, рассчитанного только на мастеров, — доклад перерос в характеристику этапа творчества Маяковского, переломного «Про это» социально-бытовых условий, способствовавших появлению этой поэмы, и в характеристику писательского пути Маяковского возвще. Критика встретила «Про это» жестокими нападками, не замечая, что оно было не только литым. Оно было протестом против обывательщины и пошлости уюта, протестом против мещанства, с которым Маяковский боролся всю жизнь.

Перед Маяковским было два пути: путь горлого, отъединенного, разочарованного одиночки, — по с ним Маяковский — поэт масс, поэт класса никогда не мог примириться, и второй путь — если это не самый отвратительный для него — это превращение в сладкоголосый цветник мировой лирики в живую великую историю искусства. «Про это» было криком против трагедий прошлой богемщины. Двухмесячное добровольное заключение, которому подверг себя Маяковский, когда писал «Про это», было, как теперь можно понять, периодом жесткой внутренней борьбы. Тема самоубийства, как показывает черновики, должна была войти в поэму, но, очевидно, по той причине, что Маяковский тогда вышел победителем из внутренней борьбы, эта тема совершенно выпала из печатного текста.

К сожалению, Н. Н. Асеев мало останавливается на самой психологии творчества Маяковского. Его больше всего интересует обработка образа, конкретная работа над поэтической речью. Из материала, представленного Н. Н. Асеевым (он работал только над черновиками, имеющимся трех черновиков, который представляет колоссальный интерес), становится ясной та «огромная внутренняя фабрика», по выражению докладчика, какую представлял собой Маяковский. Его работа над речью идет по линии наибольшего уточнения образа, наибольшей сжатости языка (выбрасывание союзов, замена местоимений), наибольшей энергизации речи (замена безличных глаголов — действенными).

Те примеры, какие приводил Н. Асеев в своем докладе, говорят о том, что колоссальное мастерство Маяковского, сопровождалось колоссальной его работой над собой.

СЕГОДНЯ ЛИТОРГАНИЗАЦИИ

* С 1 апреля в ГИХЛ будет выходить литературно-художественный и общественно-политический ежемесячный журнал «Советская страна» под редакцией **А. В. Луначарского**, при ближайшем участии ВОАПП.

* Литературный Музей при библиотеке им. Ленина организовывает выставку, посвященную творчеству рабочих-ударников. Выставка приурочивается к конференции МАПП. Цель выставки — показать общий ход движения ударников и недостатки и которые этого движения; показать лицо рабочих ударников, а также работы ударников, принесших в литературу помимо кружка.

* В дальнейшем, основываясь на собранном и систематизированном материале, при музее будет развернута агитационно-выставочная и методическая база по движению ударников в литературу.

* Секция переводчиков устраивает 26 февраля в клубе ФОСП вечер, посвященный **Ром. Роллану**, в котором примут участие А. В. Луначарский и предст. всех литер. организаций.

* На последнем заседании правления ВССП было принято решение — поставить вопрос перед секретариатом ФОСП о посылке писательской бригады для обследования работ библиографического института, образцы критических заметок которого были показаны в последнем номере нашей газеты.

* АПП ЦЧО ведет подготовительную работу к созданию отделения ЛОКАФ в ЦЧО. Ассоциация за последние два месяца провела 7 литвечеров в частях РККА, при активном участии местной АПП организовала краснодармейские литкружки. Из начинающих писателей-красноармейцев организована небольшая творческая группа.

* Нижегородская АПП организовала в результате литпохода 6 кружков: на Сормовском автозаводе, Выксинском заводе, заводе им. Ленина, в Балахне, Княгинине и Дзержинске. В кружки вовлечено до 100 рабочих.

* Создано литературное объединение горняцких писателей при журнале «Горнорабочий». Задача объединения — сконцентрировать вокруг журнала писателей-ударников и литгруппы Донбасса, Кузбасса, Урала и Подмосковного бассейна. Избрано бюро литобъединения горняцких писателей в составе: П. Шахтера, А. Воздрина, В. Хмары, Кизнера и Г. Безкоровайного.

* В приказе по первому танковому отряду Осоавиахима им. Молотовских металлистов за подписью командира Калинина и комиссара отряда объявлена от лица бойцов и командиров благодарность сотрудникам журнала «Рост» писателю т. **Сахарову**, т. **Гинзбургу** и фотокорреспонденту т. **Микулиной** помогавшим в работе по налаживанию боевой учебы молодых металлистов.

* Академия наук СССР совместно с Огиз приступает к переиздании всего комплекта журнала А. И. Герцена «Колокол». Издание рассчитано на несколько лет и будет снабжено примечаниями и дополнениями Л. Б. Каменева.

Пусть говорят факты

В 10 номере «Литературной газеты» появилась статья тов. Серафимовича «Отчего я ушел из Госиздата».

Больше всего надо пожалеть о том, что т. Серафимовичу ничто не подсказало необходимости проверить все «подобранные» для него факты, если не путем открытой встречи со мной, то хотя бы через документы и путем опроса других незаинтересованных лиц.

К сожалению, не смогу сказать обо всех фактах, так как многие меня миновали, поэтому остановлюсь на тех только, которые имели место за время моей работы.

Так вот. «...Колесникова стала рвать и метать, источник причи, что работа т. Нередова возмутительна, статьи никуда негодятся, все нужно выбросить вон»...

В действительности ко мне поступило на подпись одно предисловие т. Нередова, которое я не сочла возможным подписать к набору. Без всякой «истошности» и перешла его на отзыв т. Калатчикову (это не работавшему в Гиже), от него последовал совершенно уничтожающий отзыв о предисловии, как о безграмотном не только марксистски, но и литературно («Стиль ротного фельдшера»).

Еще не приняв никаких решений, я дала текст предисловия председателю редколлегии всего Гиза т. Бермину, которого направила в отдел официальное отношение и еще более уничтожающим отзывом и с предложением расторгнуть весь договор с Нередовым, как с редактором, дезертирным произведении Серафимовича. Еще до того, как распоряжение председателя редколлегии было приведено в исполнение, от т. Серафимовича последовала телеграмма с категорическим требованием сохранить Нередова. В ответ на нее т. Бермин предложил мне перестать предисловие на заключение РАПП. Тов. Авербах, читавший это предисловие, заявил мне, что если бы оно появилось в печати, издательству «были бы характерные скандалы на каждом перекрестке». И посоветовал договориться по этому поводу с товарищем Серафимовичем лично.

На этом мое участие в этой «истории» оканчивается, так как я уезжаю в отпуск, не дождавшись возвращения с курорта т. Серафимовича.

Распоряжение отдела о снятии всех предисловий и примечаний т. Нередова и о расторжении договора с ним происходит з мое отсутствие 19 сентября на редакционном совещании под председательством т. Самойловского (протокол хранится в делах издательства).

Таким образом, Колесникова задержала только то предисловие, о котором совершенно единодушно высказались и т. Канатчиков, и т. Берман, и т. Авербах, а потому основанный на этом вывод о бездарности, отсутствии художественного чутья и прич. неожиданно для т. Серафимовича распространяется и на всех этих товарищей.

На упомянутого постановления отдела явствует, что опять-таки не Колесникова поставила перед фактом расширенного набора, к тому же текст самого Серафимовича никогда не рассылался.

Кстати сказать, никогда не было при мне также случая рабора в нового издания произведений Д. Бедного. Необходимо также обратить внимание на то, что впоследствии по настоянию т. Серафимовича были выпущены отнюдь не «забракованные» предисловия, а значительно переработанные по предложению самого т. Серафимовича (беседа с т. Халатовым) и при его активном участии.

В неловкое положение ставит т. Серафимовича ссылка на контрольного редактора т. Шахсвальяна, ибо спата она была отнюдь не за отрицательное отношение к работе Нередова, а вазду того, что по указанию тт. Канатчикова, Яковлева (зам. Халатова) и самого т. Халатова оказалась непригодной к работе редактора литературно-художественного отдела. Поэтому лучше было бы т. Серафимовичу не ссылаться на ее «авторитет» и не противопоставлять его фактически авторитету тт. Канатчикова, Бермана, Усиевой («эта в фаворе») и Авербаха.

Что хотел сказать т. Серафимович о моем «рвении да еще с присными (?)», никак не пойму, так как т. Серафимовичу, как и всякому другому автору, хорошо известно, что на распространение отмеченных книг, в прежней системе, редакция не имела влияния. Что же касается задержки с набором, то в делах издательства хранится достаточно материалов, показывающих, как настойчиво отдел добивался срочного выпуска произведений Серафимовича и как обращался к т. Халатову с просьбой об его активном вмешательстве в это дело.

Вот те подлинные факты, которые мне непосредственно известны, которые могут быть подтверждены документами и опросом упомянутых мною лиц.

Хочу думать, что если бы т. Серафимович знал о них не от третьих и весьма заинтересованных лиц, он не позволил бы себя до столь недерзаемых личных выпадов и оскорблений.

О. КОЛЕСНИКОВА

Письма в редакцию

Когда я писал мою статью «Вторая специализация» и не имел случая принять писателя т. Гладкова и Сельвинского к т. Розанову и даже не знал, что это было открытое письмо. Теперь, прочтя их, я убедился, что в своем возражении Р. Розанов сгущает те, что сказано в этих письмах об литературизме и подражании. Но самый тон статьи, с которым Р. Розанов отвечает нашим писателям, заставляет меня, как автора неизвестных нам пока коллективную точку зрения, любой читатель отнестись к статье и тенденциозно. Я тоже, как тт. Гладков и Сельвинский не оказались жертвой такого упрощенного марксизма, но считаю, что тем не менее, моя статья против него и против такого понимания Розанов нашего марксизма-ленинизма-поэзии.

А. ЛУНАЧАРСКИЙ

Т. Никифоров обратился в секретариат РАПП со следующим письмом: «Находя мое сотрудничество в организации писателей «Кузница» бесполезным, прошу секретариат РАПП о зачислении меня в свои ряды. Никифоров».

Говорят за свой очерк «Декабрьские дни на Пресне», отмеченный в «Литературной газете» от 21 декабря 1931 года, № 61, в пользу в фонд МОПР.

Н. НОВИКОВ

Заявляю, что я вступаю в РАПП, не примыкая ни к одной из существующих внутри РАПП творческих группировок, не исключая и обоих крыльев «Кузницы».

Ф. ГЛАДКОВ.

„Писатель у актера“

25 февраля, ровно в 8 ч. 30 м. вечера в Студии им. Станиславского состоится вечер «Писатель у актера», устраиваемый студией совместно с ФОСП. Читают свои произведения: Р. Акульшин, В. Лялин, Н. Романов, М. Светлов, К. Сельвинский.

Памяти поэта Ф. Е. ПОСТУПАЕВА

15 февраля 1931 г. умер один из немногих пролетарских поэтов и беллетристов Федор Емельянович Поступаев.

Покойный Ф. Е. по характеру своего творчества примыкал к таким поэтам как Егор Исаев, Ф. Шкулев, Аннинг Пазухин, А. Дитлаков. Современная советская литература его. Он всех периода 1914-1905 г. г. работал на юге России, где он был ссыльным-поселенцем. Две книги стихов «Мои признания и мечты» и «У печки и в пути» вышли в 1905 и 1906 годах, характеризуют творчество поэта. Стихи Поступаева были очень сложной. Работая на земле и в деревенской среде, он всей революционную работу и неоднократно был арестован как политический преступник. Творчество поэта отдел добивался срочного выпуска произведений Серафимовича и как обращался к т. Халатову с просьбой об его активном вмешательстве в это дело.

Календарь работы клуба ФОСП

25 ФЕВРАЛЯ—20 ч. 1-й слет работников полиграфосепфальмы.

25 ФЕВРАЛЯ—20 ч. «Перевал».

25 ФЕВРАЛЯ—19 ч. Белорусская секция МАПП.

26 ФЕВРАЛЯ—20 ч. Вечер, посвященный Ромэну Роллану. Доклад А. В. Луначарского. Приветствия литорганизаций. Литературно-артистическая часть. Участвуют Давай, Лиланов, Ромов, Тамарич, Эфрос и др.

26 ФЕВРАЛЯ—19 ч. Слет работников литпросветработы.

26 ФЕВРАЛЯ—18 ч. Тюркская секция МАПП.

27 ФЕВРАЛЯ—19 ч. Вечер «Как читать Маяковского». Продолжение прений по докладу И. И. Аксенова, с участием О. М. Брика, В. В. Шкловского и А. К. Нинейгера. Речевой квартет им. Сережникова. Чтение стихов Маяковского.

27 ФЕВРАЛЯ—20 ч. Пинтинские субботники.

Извещения

* 24 февраля — 18 ч. — в клубе ФОСП (ул. Коровенского, 52) экстренное расширенное собрание секции МАПП. Читка произведений К. Маслова, Смирнова и Ваганова — рабочих-ударников, написанных в ответ на клеветническую кампанию зарубежной печати против СССР.

* 24 февраля в 19 ч. 30 м.—собрание актива литкружков МАПП Кр.-Пресненского района (Васильевская, 13). Повестка дня: 1) Итоги читки. 2) Новая форма работы.

* 24 февраля — 19 ч. — в клубе ФОСП—общегородское собрание асеприятелей. Доклад тов. Чижевского о формировании Дальневосточной трудовой рабочей-армии.

* 24 февраля — 20 ч. — в клубе ФОСП—собрание Союза революционных драматургов. Доклад т. Мурзина «Творческое лицо литературной и театральной клубной пьесы». Содокл. т. т. Дорогов и Шапиро продукции Сруда.

* 25 февраля, в 19 ч. 30 м., в Институте ЛИЖ Комсомола (Волхонка, 14) состоится продолжение диспута о «Последнем решительном» и постановке Мейерхольда. Вход свободный.

* 25 февраля — 18 ч. — «Комсомольская правда» (М. Черкасский п., 3/4) организует встречу-собеседование Демьяна Бедного с рабочими-ударниками пролетарской литературы.

* 26 февраля, в 19 час., в Институте ЛИЖ Комсомола состоится продолжение диспута о «Хлебе» в постановке МХТ 2. В прениях выступают тт. Луначарский, Дацков (рабочий завода Серп-и-Молот), Марков, Залесский, Аксенов, Афиногенов, Малиновский, Киршон, Ермилов. Вход свободный.

* 27 февраля — 19 ч. — литературный вечер Московского тюза писателей А. Платонова, отрывки из романа «Чевенгур».

* 27 февраля — 19 ч. — в ГАИС (Волхонка, 14) состоится заседание правления театральной секции ГАИС. Читка пьесы Клейнера «Не переходя дыхания». Обсуждение проблемы пролетарской драматургии.

* 27 февраля — 24 ч. — в Доме Гоголя (Сивцев-Вражек, 25) состоится вечер, посвященный Достоевскому.

* 28 февраля комиссия живого слова ГАИС устраивает вечер художественного чтения Антона Шварца. После исполнения — обсуждение.

Ответственный редактор: С. ДИНАМОВ

РЕДКОЛЛЕГИЯ: Н. Асеев, С. Динамов, И. Жига, Л. Ильинский, И. Катаев, Г. Коренев, Н. Огнев, А. Селивановский, И. Сельвинский, М. Словинский.

ИЗДАТЕЛЬ: Акционерное Изд. О-во «Огонек».

НА ФАБРИКАХ КНИГИ

* ЛенГИХЛ заключил 11 договоров с писателями и литературу художниками совхозов и колхозов Ленинградской области. Печатаются книги Никандрова «Записки избача» и Тарасенко «20 дней в центральном».

* Облиздаты районных газет Ленинградской области дают в 1931 году в качестве приложения литературно-художественный журнал «Пионер» — орган Ленинградского областного отделения ВОКП.

* В издании ГИХЛ вышли в феврале: Ф. М. Достоевский — «Крейцерова соната», Л. Н. Толстой—«Война и Мир», с предисловием И. Нусинова.

* В серии «Современной художественной литературы» выходит: Демьян Бедный — полное собрание сочинений том XVII (стихи последних двух лет); В. Маяковский — собрание сочинений том VIII. В том войдут последние стихи, поэма «Хорошо», комедия «Клоп» и др.; Н. Асеевым — «Густь радыгчего» — роман, посвященный расказу старой школы, И. Сельвинский — «Рекорд»— стихи и повесть, Р. Эйдеман — «На заре» — рассказы (перевод с латышского).

* В серии «Новинки пролетарской литературы» выходят отдельной книжкой стихи: В. Луговского о Туркмении — «Большевистская пустыня»; В. Ставский — «Разбег» (II том «Станицы»)— о Кубанской станице в дело и осень 1930 года; Е. Фарбер — «Штурм Пластов» — стихи и очерки (борьба за уголь); Я. Шведов — повесть «Обидчик».

* В серии современной переводной художественной литературы выходят: А. Барта — «Пусть пятьдесят тысяч» — роман-хроника о вечных событиях 1848 года, Гаспар Гарелья — «За бортом жизни» - роман, посвященный проблеме безработицы и капиталистических отношениях. В той же серии выходит новый роман Эптона Синклера — «Мультон Сити» (Город в горах) — яркий памфлет на американскую плутократию и продажную буржуазную науку; XIII том сочинений Ан. Франса — «Боги жаждут», с предисл. А. В. Луначарского.

* Переиздаются: I и III тт. собрания сочинений А. Кераэасской, Е. Кораблев —«Созерцатель скал», И. Макаров — «Стальные рабы». А. Тверин — «Две судьбы». Р. Эйдеман — «Восстание камней».

* В серии «Новинки пролетарской литературы» выходят отдельной книжкой стихи: В. Луговского о Туркмении — «Большевистская пустыня»; В. Ставский — «Разбег» (II том «Станицы»)— о Кубанской станице в дело и осень 1930 года; Е. Фарбер — «Штурм Пластов» — стихи и очерки (борьба за уголь); Я. Шведов — повесть «Обидчик».

* В серии современной переводной художественной литературы выходят: А. Барта — «Пусть пятьдесят тысяч» — роман-хроника о вечных событиях 1848 года, Гаспар Гарелья — «За бортом жизни» - роман, посвященный проблеме безработицы и капиталистических отношениях. В той же серии выходит новый роман Эптона Синклера — «Мультон Сити» (Город в горах) — яркий памфлет на американскую плутократию и продажную буржуазную науку; XIII том сочинений Ан. Франса — «Боги жаждут», с предисл. А. В. Луначарского.

* АПП ЦЧО ведет подготовительную работу к созданию отделения ЛОКАФ в ЦЧО. Ассоциация за последние два месяца провела 7 литвечеров в частях РККА, при активном участии местной АПП организовала краснодармейские литкружки. Из начинающих писателей-красноармейцев организована небольшая творческая группа.

* Нижегородская АПП организовала в результате литпохода 6 кружков: на Сормовском автозаводе, Выксинском заводе, заводе им. Ленина, в Балахне, Княгинине и Дзержинске. В кружки вовлечено до 100 рабочих.

* Создано литературное объединение горняцких писателей при журнале «Горнорабочий». Задача объединения — сконцентрировать вокруг журнала писателей-ударников и литгруппы Донбасса, Кузбасса, Урала и Подмосковного бассейна. Избрано бюро литобъединения горняцких писателей в составе: П. Шахтера, А. Воздрина, В. Хмары, Кизнера и Г. Безкоровайного.

ОГОНЬКО
на почту или письмоносцам сдавайте подписку на 1931 г. на жур. Изд. Изд. О-ва «ОГОНЕК»
все вам в «Огоньке»
«Искры науки»
«За рулем»
«Изобретатель»
«Следопыт»
«Журналист»
«РОСТ»
«Литературная ГАЗЕТА»
Переводы в Издательство «Огонек» высылать не следует. Подписка производится в экспедиторстве Издательства и в магазинах Изд. О-ва «Огонек»

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗД ВО „МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“
КНИГОЦЕНТР
ЮНЫЙ ПРОЛЕТАРИЙ, ФАБЗАВУЧИК!!!
„Пароль комсомольца— МАГНИТОСТРОЙ“,
„НОЧЬ-ПОЛИ-ЧЬ“ отрывок из повести Шведова,
ПОЛЕТНЫЙ ХОД (очерк о ростовском Сельмаше)
ТЫ ПРОЧТЕШЬ в № 4 журнала
Смена
Требуй во всех киосках и магазинах Книгоцентра Цена 1 отдельного номера — 15 коп.
ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1931 г. на массовый, иллюстрированный, общественно-политический журнал рабочей молодежи „СМЕНА“. Выходит 3 раза в мес. В год 36 №№
ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: (с приложен.) на год — 7 р., на 6 мес. — 3 р. 50 к., на 3 мес.—1 р. 75 к., (без приложен.) на год—4 р., на 6 мес.—2 р., на 3 мес—1 р.
ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ Периодсектором Книгоцентра—Москва, Ильинка, 3, всеми магазинами и отделениями Книгоцентра и на почте.

ЧИТАЙТЕ № 9—10 журнала
ИЗОГИЗ
ПРОЛЕТАРСКИЙ МУЗЫКАНТ
ОРГАН СЕКЦИИ МУЗ. ПРОЛЕТАРСКИХ МУЗЫКАНТОВ
В НОМЕРЕ:
В наступающий эклектизм передовая. — Наш музыкальный быт по докладу тов. Лебединского о плане задания. Ю. Колдыш — Творческая работа и борьба за пролетарское искусство. Л. Лебединский — Здравствуйте, подголоски, вы также за ем дальше. — Проблемы музыкальных издательств. Обмен мнений. — К реорганизации музыкально-издательского дела. — РАБОТА ВНА ТЕМА МУЗЫКАЛЬНОЙ РАБОТЫ. — МУЗЫКАЛЬНАЯ НАУКА, МЕТОДИКА и ПЕДАГОГИКА. — ОБЗОР ПЕЧАТИ. — ХРОНИКА. — НОТЫ и КНИГИ
Цена двойного номера 2 руб
Продолжается подписка на 1931 год
ПОДПИСНАЯ ЦЕНА на год за 10 номеров — 6 руб., на 5 мес. — 3 руб.
ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ Периодсектором КНИГОЦЕНТРА (Москва, Ильинка 3, магазинами и отделениями КНИГОЦЕНТРА и на почте.

ВНИМАНИЮ ПОДПИСЧИКОВ ЖУРНАЛОВ „ОГОНЕК“ и „ИСКРЫ НАУКИ“ С ПРИЛОЖЕНИЕМ КНИГ „ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ“
По взносам, поступившим с опозданием, высылка журналов не гарантируется
ПЕРВАЯ КНИГА „ВСЕМИРНОЙ ИСТОРИИ“ ПЕЧАТАЕТСЯ и в начале марта будет разослана.
С 1 марта прекращается высылка изданий подписчикам, не уплатившим ВТОРОГО ВЗНОСА: по «Огоньку» с «Всемирной Историей»—4 р. и по «Искрам Науки» с «Всемирной Историей» 5р.
Взносы следует направлять ТОЛЬКО НА ПОЧТУ
Акц. Изд. О-во „ОГОНЕК“

ПОВЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ МАССОВЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ ОБЩЕСТВА ИСТОРИКОВ-МАРКСИСТОВ ПРИ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ ЦИК СССР
БОРЬБА КЛАССОВ
Главный редактор М. Н. Покровский.
Журнал является боевым большевистским органом пропаганды марксизма-ленинизма и генеральной линии ВКП(б) и Коминтерна на основе исторического опыта классовой борьбы. Журнал ведет решительную борьбу со всеми видами и разновидностями марксизма-ленинизма и различными буржуазными и мелкобуржуазными течениями в области истории, самого великодержавного шовинизма и местного национализма.
Ставя своей задачей систематическое ознакомление широких читательских масс членов партии, комсомольцев, рабочих, сознательного актива с методом классовой борьбы, журнал будет помещать небольшие статьи, очерки, воспоминания, художественные произведения исторического содержания, новые документы прошлого, дискуссионные материалы и т. д.
Журнал богато иллюстрирован.
ПРИЛОЖЕНИЕ: Впервые издаваемая в СССР большая популярная иллюстрированная библиотека
ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ
в 24-х книгах, которые осветят основные вопросы мировой истории. «Всемирная история» выходит под общим руководством М. Н. Покровского.
Подписная цена. «Борьба классов» без приложения: год—10 р., 6 мес.—5 р. 50 к., 3 мес.—3 р.
«Борьба классов» с начала по конец года с приложением «Всемирной истории» вышлется в 24-х книгах—26 руб. Допускается рассрочка: при подписке—6 р., к IV—5 р. 50 к., к VII—5 р., к IX—5 р. 50 к., к XII—4 р.
Подписчики на «Борьбу классов» с приложением «Всемирной истории», внесшие все взносы, получат бесплатно 2 художественные исторические картины.
Подписку сделайте исключительно на почту.
Переводы в из-во посылать не следует.
Акц. Изд. О-во «Огонек» Москва.

Издательство „ФЕДЕРАЦИЯ“ выпускает ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ А. С. СЕРАФИМОВИЧА
ИСПРАВЛЕННОЕ, ПЕРЕРАБОТАННОЕ С ВКЛЮЧЕНИЕМ НОВЫХ ТЕКСТОВ В 12 ТОМАХ
Редакция Н. Н. Нередова
В МАРТЕ ВЫХОДИТ „ЖЕЛЕЗНЫЙ ПОТОК“
Заказы направлять в книжные изд-ва Москва, Кузнецкий 15.

Издательство „ФЕДЕРАЦИЯ“ в ближайшее время выпустит из печати ПЕРВЫЙ НОМЕР ЖУРНАЛА „ЛЕФКА Ф“
В содержании:
Ив. А. ТАРАСОВ-РОДИОНОВ — Работа барона Бодэна. Б. СТАВСКИЙ—Дружба (рассказ). И. РАХИЛЛО — Сельскохозяйственная кампания 1931 г. С. ПАНФИЛОВ — В поисках почитателя (из переписки). М. ЗАЛКА — Кузьмичев изменяется (повесть). А. ИСБАХ—Премьер.
СМЕСИ: В. ЛУГОВСКОЙ — Дерибасовская. Ст. ЩИПАЧЕВ — Весенняя прививка. Ан. ГИЛЬДИН — 30-е сентября. Ал. СУРЬОВ — Военное издательство. Арк. СИТКОВСКИЙ — Кавалерийская и конница. ЗАМЕТКИ О КНИГАХ: Л. ЛЕГУТИЧЕВ — Производственный роман. (О Гайстере и Е. Воронковой). И. ЖИЗА — Лечение. И. РАКИТИН — Из записок литературного. П. ЧИБИСОВ — Повесть о «Страдных» и не.
ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: 12 руб. в год, 7 руб. на 6 мес. и 4 р. 20 к. за номер.
Подписка принимается во всех почтовых учреждениях.

КРАСНЫЙ СТРОИТЕЛЬ! СЛОВАРЬ (ПОЛИТИЧЕСКИЙ)
Около 5-ти п. пр. изд. 1930 г. 423 стр. в коленкор. перепл. Ц. 1 р. 45 к. с пересылкой.
ЧТО НАДО ЗНАТЬ НАЧИНАЮЩЕМУ ПИСАТЕЛЮ
А. БРАЙСКИЙ. Новое изд. 1930 г. Ч. I. II. III и IV. II. по все 4 части 2 р. 40 к., свыше 300 стр.).
КУЛЬТУРА ВОЛИ СИСТЕМА ВОСПИТАНИЯ ЗДОРОВОЙ ЛИЧНОСТИ.
Ч. I—Тов ин, с. II.—Поактись 2-е дополн. изд. с 40 рис. и меню диетическо-вармон питания 1929 г. Ц. 1 руб Проф. П. НАЗАРОВА.
В цены учеников не включены пересылки заблаговременно. Все книги высылаются наложенным платежом только по предварительной оплате. Предзак. обяз. «Время обМосква, ГСИ, 10, Б.Харитон. 26
СЛЕДИТЕ ЗА ОТДЕЛОМ „ЛЕЧЕБНИЦЫ“

МАССОВЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И КУЛЬТУРНО-БЫТОВОЙ ЖУРНАЛ
МАССОВЫЙ ОРГАН ПРОЛЕТАРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ВЫХОДИТ ДВАРАЗА В МЕСЯЦ
РОСТ
ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1931 ГОД
ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: 12 месяцев — 3 р. 6 мес. — 1 рубль 50 коп., 3 месяца—75 коп.
ПОДПИСКУ СДАВАЙТЕ НА ПОЧТУ И ПИСЬМОНОСЦАМ. ПЕРЕВОДЫ В ИЗДАТЕЛЬСТВО ПОСЫЛАТЬ НЕ СЛЕДУЕТ
АКЦ. ИЗД-ВО «ОГОНЕК»

Главлит А 89339.

Литературная (39) типография Мосполиграф», ул. Скворцова-Степанова, д. 8.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Орган Федерации Об'единений Советских Писателей РСФСР

МОСКВА 4 МАРТА 1931 г. № 12 (111)

РЕДАКЦИЯ: Тверской бульвар, 25, Дом Герцена. Тлф. 2.80.12

КОГО СУДЯТ?

Судят меньшевиков. Судят «Союзное бюро РСДРП(м)», контрреволюционное охвостье, агентуру 2-го Интернационала в СССР. Судят тех, кто, вместе с Рамзиным и Кондратьевым, получая подачки от Тоггирома и выполняя волю мирового империализма, захотел сорвать социалистическое наступление пролетариата, восстановить капиталистический строй, призвать интервентов. Лишний раз и с полной наглядностью вскрывается обострение классовой борьбы в стране, не оставляющее места для промежуточных позиций, для политической межеумочности, для «нейтральности».

Они—Сухановы, Громады, Рубины — пользовались доверием диктатуры пролетариата. Рассчитывая на КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЕ ПЕРЕРОЖДЕНИЕ советской власти, они—до поры до времени — «лойяльно» работали на ответственнейших постах. Их «лойяльность» выражалась в попытках «ЛЕГАЛЬНО» помочь силам капитализма. Но ставка за ставкой была бита. Рухнули надежды на троцкистов, на правых оппортунистов в партии, на возможность использования органов советской власти. Началась социалистическая реконструкция, началось вынорачивание корней капитализма, победила генеральная линия партии, победили идеи ленинизма. Так зародился курс на ИНТЕРВЕНЦИЮ, на организованное ВРЕДИТЕЛЬСТВО, на Рамзиных.

От 1903 года, когда второй с'езд РСДРП раскололся на большевиков и меньшевиков и когда меньшевизм был еще оппортунистическим крылом рабочего движения, и до 1931 года, когда пролетариат судит меньшевиков как пазучиков врага, как продажных пажеев контрреволюции,—такова ДВАДЦАТИВОСЬМИЛЕТНИЙ ПУТЬ РЕНЕГАТСТВА, ИЗМЕН, ОКОНЧАТЕЛЬНОГО КОНТРРЕВОЛЮЦИОННОГО ВЫРОЖДЕНИЯ РОССИЙСКОГО МЕНЬШЕВИЗМА. Этот путь отражает общую эволюцию интернационала. Дозревший социал-ОППОРТУНИЗМ превратился в послевоенный социал-ФАШИЗМ. Империализм на только ТЕРПИТ социал-фашистов,—он ПООЩРЯЕТ их и ПОМОГАЕТ им, в ряде случаев непосредственно ПЕРЕДОВЕРЯЯ им работу по удушению освободительного движения мирового пролетариата. Промпартия не зря платила деньги Сухановым и Рубиным: сколь ни смехотворно-ничтожны были их силы, в их преданности нельзя было сомневаться: господа умеют ценить верность своих пажеев.

Судят не только четырнадцать человек, сидящих на скамье подсудимых, и даже не только Второй интернационал. Перед судом пролетариата предстает ВСЯ СУММА ИДЕЙ МЕЖДУНАРОДНОГО СОЦИАЛ-ФАШИЗМА. Знамя Маркса было затоптано в грязи Вторым интернационалом и вновь высоко поднято Лениным. Каутские и Гильфердинги сделали все для того, чтобы — путем фальсификаций и передержек—превратить Маркса в предшественника социал-демократических попчей-президентов и шуцманов. Нечего и говорить об их бешеной классовой ненависти к Ленину, который восстановил ортодоксальный марксизм и поднял его на новую, высшую ступень. Коммунизм и социал-фашизм противостоят друг другу не только в непосредственно-политической деятельности. Они противостоят друг другу НА ВСЕМ ФРОНТЕ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ как внутри СССР, так и за рубежом—в том числе и на литературном участке.

Империализм сажает за решетку, преследует, притесняет наших товарищей за границей СССР—пролетарских и революционных писателей,—он подвергает моральной изоляции Ромэна Роллана,—он организует репрессии против таких радикально-буржуазных писателей, друзей СССР, как Вольф. Но он ценит услуги социал-фашизма И В ЛИТЕРАТУРЕ, ибо социал-фашистские писатели помогают ему укреплять его влияние на политически-отсталые слои пролетариата, дурманить их сознание, тушить пробуждающуюся в них классовую ненависть. В Германии и во Франции, в Англии и в других странах социал-фашизм создает свою литературную агентуру, смыкающуюся с откровенным фашизмом. Она, эта агентура, делает свое дело сейчас,—она пригодится в момент приближения решающих классовых схваток!

Российский меньшевизм также попытался укрепиться под защитной маскировкой на ряде решающих идеологических участков. Пользуясь НЕДОСТАТОЧНОСТЬЮ большевистских теоретических кадров в некоторых областях науки, используя либеральную ТЕРПИМОСТЬ некоторых товарищей, попадавших иной раз в плен враждебной пролетариату идеологии, опираясь на услуги таких ИЗМЕННИКОВ коммунизма как Д. Рязанов,—меньшевизм производил фальсификацию марксизма. Чем, к примеру, была РУБИНЩИНА в политэкономии (разоблаченная задолго до того, как Рубин попал на скамью подсудимых), как не своеобразным идейным вредительством, — подобно «научной» деятельности Суханова, или Базарова (или Кондратьева—Чаянова)? Борьба с различными проявлениями меньшевизма в идеологии есть борьба за идеи ленинизма, за пролетарскую культуру, за культурную революцию.

Пролетарская литературная общественность в СССР под руководством РАПП не так давно разоблачила разновидность ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО меньшевизма—ПЕРЕВЕРЗЕВЩИНУ, создавшую свою «школу» и пользовавшуюся большим влиянием в деле подготовки теоретических кадров литературной науки. Острие борьбы марксо-ленинской мысли в прошедших теоретических дискуссиях было направлено не только против ОТКРОВЕННО БУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ но и против МЕНЬШЕВИСТСКОЙ разновидности последней. Разоблачение всех и всяческих проявлений идеологического меньшевизма, для которого внешний «об'ективизм» и «академичность» служат в условиях диктатуры пролетариата только формой воинствующего наступления, необходимо прежде всего для того, чтобы обеспечить идеологические позиции развертывающейся культурной революции от проникновения к этим позициям классового врага.

Пролетариат не знает чувства жалости и разоблаченной, обнажившей во всей своей мерзости гадине меньшевизма. Не знает этого чувства и советская литература, идущая в рядах строителей социализма. Будем же на страже интересов пролетариата на своем литературном участке, будем непримиримы ко всем идеям, течениям, влияниям, враждебным социализму!

ЕСТЬ НАМ ДЕЛО до ВСЕОБУЧА!

Он—некий известный писатель—часто приходит к нам в редакцию. В тесной редакционной комнатке над аккуратными типографскими гранками, над жестоко исчерченными рукописями мы беседуем о книгах, о политике, о литературных новостях.

Третьего дня, после озорной филиппики по адресу издательства, которое задерживает выпуск его новой книги, он, как всегда, поинтересовался:

— Что вы дасте в следующем номере?

Я показал ему план номера.—Вот хорошо, — добавил я, — написали бы вы нам статью о всеобуче.

— О всеобуче?—удивился писатель.— Зачем нам статья о всеобуче? Какое отношение это имеет к литературе? Нет уж, увольте!

Надо сказать, что наш гость выразил возмущенное удивление не только от своего имени: если можно так выразиться, он удивился от имени значительной прослойки нашего населения.

Цеховая замкнутость, литературное чванство, предрассудки барства еще часто проявляются среди советских писателей. Своеобразный литературный снобизм нередко приводит их к искреннему непониманию того, что важнейшие массовые кампании, крупнейшие культурно-политические мероприятия, проводимые в советской стране, не могут не вызвать—в той или иной форме—отклика, вмешательства, помощи со стороны писателей. Во многих случаях писатели готовы спросить, как сейчас:

— Какое нам дело до всеобуча?

*

На происходящем сейчас XV Всероссийском с'езде советов председатель наркома РСФСР т. Сулимов в докладе правительства РСФСР привел несколько интересных цифр, характеризующих состояние народного просвещения в республике.

В 1928—29 г. начальной школой было охвачено около 6 миллионов детей; в 1931 г. в начальных школах будут учиться больше 11 миллионов ребят.

В 1928 году на дело народного просвещения было затрачено по РСФСР 929 миллионов рублей. В 1931 году эти затраты достигают 2.039 млн. рублей. Эти цифры недостаточны по сравнению с потребностями страны в области народного образования. Но они разительны при сопоставлении с той суммой, которую расходовало на народное просвещение царское правительство вместе с земствами. Эта сумма в среднем колебалась от 200 до 211 миллионов в год. При сравнении с нашими 2.039 миллионами, как тяжелы ни были условия, которых царизм и капитал достало в деле народного просвещения.

Но вот еще несколько цифр, которых не назовешь случайными, если задуматься в их значении.

В Англии закон о всеобщем обучении был издан в 1888 году, но сейчас из общего числа зарегистрированных в школе 5 000 тысяч учащихся фактически школу посещает только 98 проц. В Бавгарии закон о всеобуче был издан раньше—в 1879 году, но сегодня там насчитывается 20 процентов неграмотных мужчин и 40 процентов неграмотных женщин. В Италии закон о всеобщем обучении появился шестьдесят лет назад, но неграмотные составляют сейчас 25 процентов населения. В САСШ закон о всеобуче впервые издан в 1852 году. В 1900 году он был повторен. И, на сегодня в отдельных штатах неграмотных в возрасте 20—25 лет насчитывается до 12 процентов.

В области народного просвещения введение всеобуча ставит Советский союз в ряд передовых стран мира.

*

План всеобуча утвержден правительством полгода назад.

— В этом плане я усматриваю пять основных составных частей, — сказал А. С. Бубнов на закончившемся недавно в Москве Первом всероссийском с'езде по всеобучу.

Первая: Охват начальной школой к нынешнему году всех ребят 8—10-летнего возраста.

Вторая: Охват всех переростков от 11 до 15 лет специальными школами-курсами.

Третья: Обязательный переход IV и V групп для всех промышленных городов, рабочих поселков и фабрично-заводских районов, (что является началом введения в этих районах обязательной школы-семилетки).

Четвертая: Расширение школ колхозной молодежи, всей основной массы которой должна быть охвачена школой к концу пятилетки.

Пятая: Борьба за качество школ и ее перестройка на политехнической основе.

Эта схема не может, конечно, обрисовать всего значения всеобуча, но достаточно бегло просмотреть ее, чтобы понять, какое ближайшее, непосредственное отношение к писателю имеет введение всеобуча в нашей стране.

Ведь за рядом с лихбезом всеобуч несет с собой грандиозный рост читательской аудитории. Миллионы и десятки миллионов людей в ближайшие же годы ставят потребителями газеты, журнала, книги. Меняется культурный профиль страны.

Касается это советского писателя или не касается?

*

Но «борьба за всеобуч — это не только борьба за количество школ, это борьба и за качество школы». (Н. К. Крупская).

— Мы строим не школу «вообще», — подчеркнул т. Бубнов в недавней беседе о с'езде по всеобучу,—а школу коммунистического воспитания и политехнического образования, где каждый шаг учебы умелся с трудом и борьбой рабочих и крестьян.

И вот это качественное замечание школы, ее органическая связь с практикой социалистического строительства, также не может не привлечь внимания советского писателя, ибо она придает школе новую роль в нашем быту, уделяет в нем школе значительно большее место.

*

Практика работы наших литературных кружков в 1930 году показала, что многие товарищи склонны к чрезвычайной вульгаризации лозунга об участии писателя в практике социалистического строительства. Эти товарищи склонны были превратить писателя в культурника и полностью загрузить его работой в разного рода бригадах, культурчерезвычайках, стенгазетах и т. п. Это, разумеется, нелепо. Это надо считать выразителем идей лучшей части передовой интеллигенции Европы.

И. С. Коган прочел несколько отрывков из писем Роллана к его московским друзьям в подтверждение основного тезиса своего доклада, что принятие идей революции Р. Ролланом логически вытекало из идеи общечеловеческой свободы, к которой он всю жизнь стремился и которая легла в основу цикла его романов — «Жан Кристоф».

В краткой заключительной речи Гросман-Рощин сказал, что драма Роллана, в которой он разделил участь большей части романтически настроенной буржуазной интеллигенции Запада, заключалась в том, что он хотел разрешить идеи человеческой свободы в буржуазном обществе. Говоря об общечеловеческом он забывал о классовом. Только принял идею пролетарской революции, он обрел, наконец, тот путь, который дал ему возможность по-настоящему разрешить все волновавшие его вопросы.

В заключение собрание, на котором присутствовало около тысячи человек, решило послать Ромэну Роллану приветственную телеграмму за его мужественную защиту СССР.

ГИХЛ ЗАДЕРЖИВАЕТ ВЫХОД ЖУРНАЛА РАПП

С января 1931 года в ГИХЛ должно было начаться издание нового двухмесячного журнала марксистско-ленинской теории и критики — «РАПП».

По сообщению с издательством первая книжка журнала должна была выйти 1 — 15 февраля. После этого производственный отдел ГИХЛ без ведома редакции выработал календарный план работ, по которому срок выхода журнала намечался на 26 февраля. Но и этот срок оказался невыполненным. Сегодня — 4 марта— журнал еще не вышел, несмотря на громадное политическое значение, которое имеет своевременный выход теоретического журнала «РАПП» в сегодняшних литературных условиях, и в частности—перед намеченным весной этого года всероссийским с'ездом пролетарских писателей.

М. БЕХЕР

СМЕРТЬ БЕЗРАБОТНОГО

Был поздний час. Еще раз вышел он из дому.
Бродил по темным улицам устало, но спеша.
Остановившись, вдруг, бессмысленно глядел кругом он.
— Теперь конец! — шептал, замедлив шаг.
Плакат кричащий: «В бой, рабочий, скорей!»
Опять медленно читать слова он по слогам.
...Я слишком слаб... Вертелся так он голова...
Простите, братья... Да... Я понимаю сам...
О, как тепло! Какой прекрасный вечер!
Светило солнце ярко так с утра.
Кафе... Огнями пышный зал расцвечен.
Фокстроты... Их не устают играть.
Придя домой, закрыл окно заботливой рукой.
Заплакали вдали дети, проснувшиеся от сна.
Работа стала жать... Хотелось успокоить...
— Шш, — прошептал. — Я ухожу.
Пусть будет тишина.
Открыл он газовый рожок. Газ вструился,
Пекла и хлудя, как мира огромный зал.
Как ветер в чаще леса, он забился...
Лес... Море... О, их никогда он не видал.
Он сел и жизнь вытянул устало.
Почувствовал в висках дрожь, — конец.
Взглянул наверх — там что-то черное мелькало.
Ах, это потолок висел — и мгла!
Вздохнул глубоко. И склонился тотчас набок.
...Он в детстве так любил мандарин...
За дверью шум. Что означать могла бы
Весна там? Ах, шаги! К нему? Но шум умелся вдаль.
Вдруг борода так выросла, казалось.
И голова на ворота тянулась вверх.
Повисли руки вяло и печально, как мочала,
И, будто отрезались. Взор померк.
А утром во-дворе все лаяла собака,
И солнце выше. Ерасило лучи в окно.
Мертвец как будто рот раскрыл.
Однако —
Глаза—сплошной белок — белы, как полотно.

Перевод с немецкого

М. КИЗОВА

МИТИНГ СВИДЕТЕЛЕЙ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО РАБСТВА

Третьего дня во втором ГОТОБ состоялось собрание свидетелей капиталистического рабства, созванное редакцией «Комсомольской Правды» и МОСПС.

Один за другим поднимались на эстраду представители рабочего класса Германии, Южной Америки, Индии, Китая, Африки, чтобы с возмущением опровергнуть очередную клеветническую кампанию, поднятую капиталистами всех мастей против Союза Советов.

От имени советских писателей выступил Н. Асеев, прочитавший новое стихотворение на тему о готовящейся интервенции. От имени Международного об'единения революционных писателей выступил т. Мато Занка.

Собранием единогласно принято обращение к трудящимся Запада и колониальных и полуколониальных стран, призывающее их к борьбе с капитализмом и к защите СССР. Собранием послана также телеграмма специальному присутствию Верховного суда СССР, с выражением протеста против предательства меньшевиков и требованием в отношении их суровой кары.

СЕГОДНЯ ЛИТЕРАТУРНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯ

* Орсекретарем РАПП избран тов. Ив. Макарьев (Северо-Кавказская АПП). Тов. Макарьев введен и в редколлегию журнала «На Литературном посту».

* Секретариат РАПП утвердил новую редколлегию журнала «Октябрь» в составе: Ф. Панферова (ответственный редактор), В. Ильенкова и А. Сурпова (заместители редактора), Ив. Макарьева, В. Ермилова, М. Шолохова, В. Ставского, И. Платошкина, А. Исбаха, Виталина (ВЦИК) и рабочего-ударника тов. Резчикова.

* Пленум совета ВОАПП созывается 17 апреля в Москве. На повестке дня: литературно-политический отчет секретариата ВОАПП (А. Селивановский); итоги и перспективы творческой дискуссии (доклады РАПП, ВУСПП, БелАПП, ЗакАПП), сообщение об организации Всесоюзного общества пролетарско-колхозных писателей; доклады Среднеазиатского бюро АПП, и о всесоюзном с'езде пролетписателей.

* Институт литературы, искусства и языка Коммунистической академии устраивает серию докладов на политические темы в связи с вопросами литературы и критики. 9 марта состоятся доклады тт. Аникимова и Динамова на тему: «Лицо капиталистического рабства» (на материале художественных произведений французских, немецких, английских и американских писателей).

* Секретариат ВОАПП решил провести Всесоюзное совещание еврейских пролетарских писателей в начале июня в Харькове. На совещании будут заслушаны: доклад МОПР и содклад о еврейской зарубежной литературе, доклад ВОАПП, доклады о положении еврейской пролитературы, о творческой дискуссии, о призыве рабочих-ударников в литературу, о еврейском театре, об издательской работе и по организационным вопросам. Избрано оргбюро по созыву всесоюзного совещания под председательством т. Оршанского и представителей от еврейской ВУСПП и БелАПП.

* ФОСП приступает к организации «литературных декадников». В марте по «литдекадникам» намечены творческие выступления Л. Леонова, Б. Пастернака, И. Сельвинского, и А. Афиногенова. Первый «литдекадник» состоится 10 марта.

* Комиссия по чистке Московской творческой группы «Кузницы» проверила и приняла 27 февраля с. г. в ряды РАПП 47 членов «Кузницы» из числа 50, проходивших проверку.

* При секретариате ЛОКПП создан штаб для руководства и проверки исполнения по весенней посевной кампании. В штаб входят: Н. Брынин (отв. секретарь ЛОКПП), Гуляев, Яцинов, Чагин (ГИХЛ) и Б. Рест («Литературная газета»).

ВЕЧЕР РОМЭНА РОЛЛАНА

Секцией переводчиков ФОСП был организован 26 февраля вечер, посвященный Ромэну Роллану, на котором выступили: А. В. Луначарский, П. С. Коган, И. С. Гроссман-Рощин и с чтением отрывков из произведений Ромэна Роллана в русском переводе С. Я. Парнок, А. М. Эфрос, А. И. Дейч.

Открыл собрание отв. секретарь секции М. А. Нитбер, который приветствовал Ромэна Роллана от имени всех литературных организаций ФОСП, указал на то огромное политическое и литературное значение, которое приобрели за последнее время выступления Роллана в защиту СССР.

С основным докладом о творчестве Ромэна Роллана выступил А. В. Луначарский. Наметив основные вехи его развития, он показал с какой логической последовательностью Ромэн Роллан постепенно перешел от интеллигентского пацифизма к идее революции и принятию единственно правильной теории ленинизма. А. В. Луначарский подробно остановился на своих личных встречах и переписке с Ролланом и в блестящей форме дал исчерпывающую характеристику Роллана, как мыслителя, художника, музыкального критика и общественного деятеля, которого по-

Печать сообщает, что известный немецкий режиссер Пискатор в ближайшее время приступит к постановке в своем театре пьесы Ромэна Роллана «Робеспьер».

Вот по существу в чем корень злобы для фашистской позиции и «дедо» об аборте только лишь повод, к которому они придрались. Фридрих Вольф активный Друг СССР и в этом его главное преступление. Нам нужно раскрыть это лицемерие социал-демократического фашизма и все революционные и пролетарские писатели должны со всей энергией поднять свой голос протеста против этого возмутительного ареста.

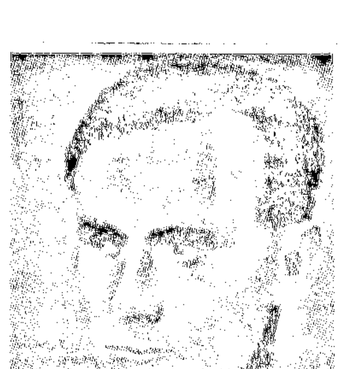
ТЕЛЕГРАММА ПРОТЕСТА.

«С большим негодованием мы узнали о возмутительном аресте известного революционного драматурга Фридриха Вольфа. Усматриваем в этом ничем неприкрытое нападение на успешный рост германской революционной литературы и попытку затемнить рот мужественному борцу против параграфа кровавого 218 (карающего за аборты). Призываем всех революционных и сочувствующих писателей и художников всего мира немедленно организовать единый фронт протеста с целью освобождения Вольфа.

МОРП, РАПП, ВУСПП, ЗакАПП, БелАПП, ВСЕРОССКОМДРАМ, ФОСП»

ВЕСТИ ИЗ-ЗА РУБЕЖА

АРЕСТ НЕМЕЦКОГО ДРАМАТУРГА ФРИДРИХА ВОЛЬФА



Известный немецкий радикальный писатель и врач Фридрих Вольф арестован и привлекается к ответственности за аборты.

Наш сотрудник обратился в ответственному секретарю ЗОРП т. Белл Иллешу с вопросом об отношении секретариата к этому факту.

— Мы отправили сейчас телеграмму протеста против этого возмутительного ареста. Эти приемы фашистской социал-демократической полиции напоминают мрачные нравы средневековья. В данном случае обвинение строится не на фактах и проверенных доказательствах, а только на предположении: Фридрих Вольф врач, стоящий принципиально против запрещения аборты,—следовательно, он сам ими занимается.

Как известно, Фридрих Вольф один из наиболее популярных драматургов Германии. Он один из немногих, который сумел с большим мастерством претворить пропаганду революционных и социальных проблем в драматическое действие. Его пьеса «Цианистый калий» (идущая в Москве в театре б. Корш) явилась мощным обвинительным актом против хищнической буржуазного законодательства, запрещающего аборты. Фридрих Вольф подвергается нечеловеческому террору, чтобы прекратить его революционную практику своих революционных идей. Он энергично выступал в защиту СССР против подготовки империалистической войны и даже заявил в телеграмме, посланной писателю Горькому, что человечество избавится от опасности империалистической войны только под руководством коммунистической партии.

Вот не существу в чем корень зла для фашистской позиции в «деле» об аборте только лицемерный повод, к которому они придрались. Фридрих Вольф активный Друг СССР и в этом его главное преступление. Нам нужно раскрыть это лицемерие социал-демократического фашизма и все революционные и пролетарские писатели должны со всей энергией поднять свой голос протеста против этого возмутительного ареста.

ТЕЛЕГРАММА ПРОТЕСТА.

«С большим негодованием мы узнали о возмутительном аресте известного революционного драматурга Фридриха Вольфа. Усматриваем в этом ничем неприкрытое нападение на успешный рост германской революционной литературы и попытку затемнить рот мужественному борцу против параграфа кровавого 218 (карающего за аборты). Призываем всех революционных и сочувствующих писателей и художников всего мира немедленно организовать единый фронт протеста с целью освобождения Вольфа.

МОРП, РАПП, ВУСПП, ЗакАПП, БелАПП, ВСЕРОССКОМДРАМ, ФОСП»

„ВОЙНА и МИР"

Под таким заголовком опубликована во французском журнале «Эроп» анкета о военной опасности, вызванной недавним выступлением Томаса Манна, который призывал Францию и Германию к совместному сотрудничеству против войны. Томас Манн заявляет, что война при теперешнем социальном кризисе Европы, должна неизбежно окончиться гибелью капиталистической системы, которая и теперь, как он сам торжественно напоминает, держится в Германии только благодаря усилиям социал-демократов.

Но французские писатели, как тот требуют традиции мелкобуржуазного гуманизма, как-будто не замечают, от чьего имени выступает Манн и прибегает к единению «интеллигентской» культуры и классовой Европы. На отпущенных выступлениях писателей, как Вильдрак, Дюртен, Барюс, Брегье, Кесель и др., только один Кесель в какой-то степени раскрыл существо вопроса, указав, что призыв к об'единению Франции и Германии под видом сохранения мира в Европе направлен фактически против СССР. Уверения, что миру угрожает главным образом французско-германская война, кажутся особенно «наивными» и горячие заботы о мире ожидания оказываются прикрытием, за которым происходит подготовка к войне против Советского союза.

**

Людвиг Ренн, германский революционный писатель, должен был выступить в Вене с докладом о пролетарской литературе и чтением отрывков из своих произведений. На границе он был задержан по распоряжению премьер-министра Реннер запрещен в'езд в Австрию без указания причин.

Австрийский союз пролетарских писателей организовал по этому поводу кампанию протеста. Вечер Ренна, на котором с докладом от ССР и чтением отрывков выступили вместо Ренна члены союза, превратился в митинг протеста против произвола австрийской демократии.

**

На выставке советского фото в клубе в Лондоне Бернард Шоу выступил с речью, посвященной советскому кино и в частности советскому кино. Сравнивая советские фильмы и продукцию Голливуда, Шоу говорит: «Я не знаю, сохранил ли еще Голливуд способность краснеть и уверен, что британских неудачников Голливуд не научило не может заставить краснеть. Но когда увидишь русскую фильму и подумаешь о том, что русским не на минуту не приходится прибегать к вранью—к этому позорному убежищу разлагающегося искусства,—приходится пожелать, чтобы советы гризли к нам и привили на себя руководство нашим кинобизнесом». «Мне кажется, продолжал Шоу, говоря об отношении Англии к СССР, что в тех кошках, по которым на нее особенно нападают, советская власть поступает правильно. Мы ведем себя по отношению к России бестактно, мы распространяем о Союзе самые чудовищные слухи. Если бы у нас было умение на два пенса, мы должны были бы в качестве воспитательного средства и предлагать в распоряжение России наличный финансов для развития ее промышленности».

МАСКИ ДОЛОЙ

Третья грань триединого контрреволюционного заговора предстала перед пролетарским судом. Рамзин-Кондратьев-Громан—три различения единой организации, отличающиеся друг от друга по названию, но совершенно одинаковые по целям и средствам их достижения. Низвержение советской власти, разгром завоеваний пролетариата, восстановление власти капиталистов и помещиков, превращение СССР в иностранную колонию, а 160 миллионов ее населения в рабов титанический удар по международному революционному рабочему движению,—вот их цель. Вредительство для срыва нашего социалистического строительства и обострения наших затруднений, организация расстройства снабжения населения товарами и продовольствием, подготовка восстаний и диверсионных действий навстречу вооруженной иностранной интервенции,—вот их средства. А деньги для этой работы они получали и от иностранных военных штабов, и от некоторых иностранных консультов в Москве, и от белогвардейских эмигрантов, и от II «социалистического» интернационала. Можно ли найти больше доказательство полного единомыслия между Лукомским, Жевачем, Рамзиным, Громаном, Ларом и Абрамовичем? Обвинительное заключение является убийственным документом не только для сидящих на скамье подсудимых, но для меньшевиков и соглашателей всех стран и мастей, для всего II интернационала.

Но если Рамзины являлись представителями крупного капитала, если Кондратьевы были выразителями антитезов кулачества, то на какие же слои населения пытались опереться меньшевики? Это вопрос, на который не сумели ответить подсудимые по той простой причине, что таких слоев населения нет. Громан и компания пекутся о служащих, о среднем техническом персонале, но эта категория не является ни классом, ни группой, а расслоившимися единицами, не представляющими социальной силы. Разгадка в другом. «Скажи мне, кто тебе платит, и я скажу, что ты делаешь». И если меньшевики называют себя членами Российской социал-демократической рабочей партии, а получают деньги для своей деятельности от капиталистов и от II интернационала, то это с исчерпывающей полнотой лишний раз доказывает, что и социал-демократическая «рабочая» партия, и II интернационал кликом и палкой стали агентурой капитализма и сохранили старые этикетки только для лучшего сбыта контрреволюционного товара: азохн подделка удастся. Является меньшевистский «Социалистический вестник», разъясняя Абрамовича и кричит о том, что они являются защитниками рабочего класса, а в кармане их незримо лежит золото, полученное от махрово-черносотенных капиталистов.

В деле окончательного разоблачения корней капиталистического предприятия с торговой расточно и на выпос. существующего под вывеской «II социалистический интернационал» и его секции — «Российская социал-демократическая рабочая партия меньшевиков, — начавшийся процесс сыграет крупную роль не только для нас, но и для всего мирового рабочего революционного движения.

Громан, Суханов, Гинзбург, Шер, Якубович, Сокольников, Вальцин, Войков, Истомин, Фидлер-Елизаветский, Берлацкий, Инов, Тейтельбаум, Рубин, Дан, Абрамович и компания пришли к ногам белогвардейского и иностранного капитала свой подлинный стаж бывших революционеров и измазанные ими грязью и позором, когда-то славные знамя РСДРП. Они поступили на службу буржуазии, стали шпионами и провокаторами в нашей стране, подготовляли иностранную интервенцию, распределяли с Рамзиным и Осадчим министерские портфели во «временном правительстве» и выторговывали часть их себе, причем опору для себя, в качестве министров, видели в штыках вооруженной банды и карательных отрядах генерала Лукомского... Чего еще нужно для того, чтобы без всяких колебаний опустить тяжелый меч пролетарского правосудия на головы предателей, чтобы перед лицом пролетариата всего мира заклеймить позором весь II интернационал?

Для нас в этом процессе есть и еще один очень важная сторона. Белогвардейские шкурники-меньшевики с чрезвычайным вниманием и с величайшей симпатией относились к «левому» и правому уклонам в нашей коммунистической партии большевиков. Они авторитетно заявляли уже троцкистов в числе своих злейших сторонников. Они видели помощь своей предательской работе в стараниях правых уклонистов исказить генеральную линию партии. Они правильно учли, что как «левый», так и правый уклоны льют воду на их мельницу. И это служит лишним доказательством тому, что твердость, о которой ленинское руководство ВКП ведет борьбу с уклонами и извращениями генеральной линии партии, не может быть ослаблена. В эпоху обострения классовой борьбы, в период мощного развертывания социалистического строительства в СССР и жесточайшего кризиса капитализма во всем мире, во время быстрой дифференциации классов, приближающей час последних и решительных боев между пролетариатом и буржуазией со всеми ее прихвостнями, нет места мягкости и полусочувствию в рядах рабочего класса. А больше, чем когда бы то ни было должны существовать монолитность и тесное единство всех трудящихся в деле защиты СССР от всех врагов, от иностранного нападения и на фронте нашего социалистического строительства.

Дм. СВЕРЧКОВ

От нашего корреспондента

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЛЕНИНГРАД

4 Чистка ЛОКПП. — Чуждые идеологии и „случайные мировоззрения". — Перед большевистской весной. — Бумажное шефство бумажной фабрики

Максим Горький в известном письме к небезызвестному поэту, посетившему Алексея Максимовича в Италии, отметил, что и писателю не мешает быть грамотным. Другого мнения — критик и поэтесса З. Нарежная.

На чистке ленинградского отделения ЛОКПП она, продемонстрировав полную политическую и литературную безграмотность, заявила, что в этом ничего необычайного нет.

— В нужный момент я могу подготовиться по любому вопросу.

Критик З. Нарежная, до самой чистки скрывавшая свое дворянское происхождение, занимала пост «литературного часового». Она должна была следить за идеологической выдержанностью и формальным качеством крестьянской и пролетарско-колхозной литературы.

Впрочем, некоторые члены ЛОКПП считали, что качество и идеологическая выдержанность в художественном произведении несовместимы. Например, драматург Д. Щеглов (автор «Нурии», «Перед-чата» и др.) проповедывал такую «теорию»: в идеологических срывах обвиняют тех, кто... хорошо пишет. Д. Щеглов выдвигал поэтому такие лозунги: «Будем писать плохо, не будем писать». Другой писатель — Н. Кузнецов (б. дворянин) писал «безотносительно к своей идеологии». Н. Кузнецов выступал в 1914 году с ура-патриотическими рассказами; сейчас он описывает советскую действительность, опять-таки, независимо от своего мировоззрения.

— Мировоззрение у меня случайное, —заявляет Н. Кузнецов.

Он вступил в ЛОКП в декабре 1930 года. Его прием в организацию призвал ошибкой. Комиссия по чистке эту ошибку исправила, исключив Н. Кузнецова вместе с З. Нарежной, Д. Щеглозым и другими чуждыми, случайными людьми из рядов пролетарско-колхозных писателей.

Из 66 писателей ЛОКПП, прошедших чистку в Ленинграде, исключены 16 человек. Кандид, подлежали всех 16 писателей. На границе их не задержали. Чистка ЛОКПП не должна закончиться. Проверка своих рядов, очищение их от всего чуждого и тормозящего, пополнение рядов пролетарско-колхозных писателей новыми кадрами ударников совхозов и колхозов — вот задачи, возведенной работы ЛОКПП. Чистка ставит перед ним и другую важную и неотложную задачу. Несколько вечеров в Доме печати, посвященные открытым собраниям по чистке, показали низкий политический и литературно-теоретический уровень большинства писателей — членов ЛОКПП. Даже писатели-коммунисты иногда затруднялись отвечать на элементарный вопрос политической и литературной грамоты. Литполитликбез — в первую линию не только для «попобращенцев» пролетарско-колхозной литературы, но и для писателей-ударников.

**

Призыв колхозников и совхозников к литературу в Ленинградской области принимает конкретные формы. С каждой почтой из районов получаются сообщения о новых литкружках в коммунах и колхозах. Литературно-творческие силы коммун и колхозов готовятся к большевистской весне.

Секретариат ЛОКПП предложил 30 районным отделениям и 76 литкружкам принять участие в весенней посевной кампании. Кружковцы и писатели должны выступить не только как летописцы ударной весны, но и как организаторы — вдохновители большевистского сева.

Большое место в «посевном плане» ЛОКПП занимает творческий раздел. Сему будут посвящены все литстраницы районных газет и мартовский, апрельский и майский номера органа ЛОКПП «Перелом»: в журнал включаются произведения призывников-ударников, построенные на местном фактическом материале. Вместе с ГИХЛ ЛОКПП выпускает творческий сборник и многотиражную литературную газету, посвященную посевной кампании. Районные отделения выпустят 15 типографских творческих сборников с общим тиражом до 100.000 экземпляров.

Для проведения кампаний предполагается выезд 20 бригад ЛОКПП.

Посевные планы ЛОКПП должны быть выполнены. Большевистский сев, лучшие ударники которого будут присланы в пролетарско-колхозную литературу, — первый политический экзамен ЛОКПП.

Директивы даны, дело в проверке исполнения. Мы знаем, что часто хорошие решения остаются пунктами протоколов.

**

Очень много хороших пунктов имелось в шефском договоре, заключенном в ноябре прошлого года между писчебумажной фабрикой им. Зиновьева и ленинградским месткомом писателей. Шефство фабрики для месткома означало пролетарский букинар, который должен был ускорить поворот лицом к производству профессиональной ячейки писателей. Рабочие фабрики должны были создать пролетарскую среду, промтарское влияние в профессиональном коллективе, обслуживающем сейчас только трудовую интеллигенцию — работников пера. На шефство бумажной фабрики пока что выливалось лишь на бумаге шефского договора. Свои обязательства по встречному культшефству месткома писателей более или менее выполняет. Партийные же и профсоюзные организации фабрики им. Зиновьева ограничиваются в лучшем случае обещаниями. Представители фабрики не участвуют в работе месткома. Даже во время перевыборной кампании, когда рабочие фабрики были привлечены к работе месткомского избиркома, никто из представителей фабрики не явился ни на одно заседание.

Местком писателей собирается сейчас через областной отдел союза печатников-бумажников предъявить рабочим фабрики им. Зиновьева общественный иск.

Б. РЕСТ.

Ленинград.

ЗА ПРАВДУ СОЦИАЛИЗМА, ПРОТИВ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЙ ЛЖИ

Силы капиталистической реакции и их агенты Рамзины, Кондратьевы, Громаны стягиваются для новой попытки организовать наступление против СССР. Кампания о „советском демпинге", „принудительном труде" и т. д. является предварительной подготовкой интервенции. Бесстыдство, лицемерие, цинизм этих „обвинений", которым выдвигает против нас классовый враг, очевидны каждому, и внутри Советской страны басни о „рабстве" не нуждаются в опровержениях. Но советские писатели не могут остаться равнодушными к самому факту интервенционистской кампании против СССР. Наша задача — мобилизовать правду социализма против капиталистической лжи. Показ достижений социалистического строительства — вот наш ответ. И навстречу — разоблачение действительного рабства, существующего в капиталистических странах. Произведения не только пролетарских, но и мелкобуржуазных писателей Запада дают огромный документальный материал, рисующий потрясающие картины капиталистического рабства. Мы зовем революционных писателей всего мира на отпор интервенционистам, на встречное наступление — за социализм!

„СВОБОДА" ТРУДА В АНГЛИИ

АНГЛИЙСКИЕ ПИСАТЕЛИ ИЗОБЛИЧАЮТ РАБОВЛАДЕЛЬЦЕВ

Английскую буржуазию охватила священная тревога за «рабское» положение пролетариата в СССР. Твердолобые чувствуют себя мессиями, призванными спасти цивилизованный мир от «ужасов» социализма. Но каковы «прелести» капиталистического труда? Не потому ли вопят новые спасители человечества, что коммунистический труд в стране социалистического строительства явственно отрицанием труда капиталистического, подневольного, рабского.

Да, именно поэтому! Это подтверждают не только факты экономики и политики, но и факты художественные. Английская литература есть величайшее обвинение английского капитализма и тем, что он есть основа рабского ужасающего труда, что рабочий класс Англии поставлен в условия невыносимой эксплоатации. Английские писатели выступают обвинителями английского капитализма.

Мы намеренно не обращаемся к писателям-коммунистам, хотя именно они с наибольшей объективностью изображают общественные условия Англии. Мы берем художественные документы социал-реформистских писателей, мелких деятелей лейбористской партии или членов этой последней. Не менее любопытные материалы дают буржуазные и мелкобуржуазные художники.

Джемс Уэлш — видный работник лейбористской партии, член парламента. Он утверждает, что все, о чем он пишет — не выдумка, но результат опыта; Джемс Уэлш с 12-ти лет спустился в шахту и знает быт рабочих. Несмотря на свой реформизм, Джемс Уэлш вынужден показать всю тяжесть капиталистического труда. Шахта для него — это какое-то страшное чудовище, пожирающее людей.

Вот описание, которое он дает в романе «Подземный мир».

«Огромные колеса с бесконечным рядом на вышке, над шахтой, казались страшными чудовищами в своем движении: они с шумом вертелись, и из черных глубин поднимались все новые и новые грузы угля. Зияющая черная пасть с колеблющимся проволочным канатом, быстро убегающим вниз, в бездонное черное жерло, притягивала и пугала детей. Колеса вертелись, трещали, стрекотали, стонали, рычали, иногда они вдруг замолкали на секунду, как бы собираясь с новой силой, и снова начинали кричать и рычать в бешеной злобе.

Роберту казалось, что это кричит и стонет членистое чудовище гигантской силы, которое было во сне опутано и связано и, проснувшись, увидало себя бессильным бороться со своим покорителем — лилипутом-человеком».

В том же романе Уэлш дает образ девочки Мизи, вынужденной тяжело работать в шахте за шесть шиллингов и шесть пенсов в неделю (около 3-х рублей!).

«Мизи не слышала: «шесть шиллингов и шесть пенсов в неделю» — сильно напряженно у нее в голове и все собой заполнило. Монотонное скрипение платформ с углем, двигавшихся мимо вниз и вверх, походило на непрерывно повторяющийся припев: «шесть и шесть пенсов в неделю»; «шесть и шесть пенсов в неделю» — слышалось в каждом скрипе колес, в пыхтенье и шуме машин, в гуденье канатов. И каждый раз, когда ее маленькие руки, уже окровавленные, через отделенные промежутки поднимали камни и отбрасывали их в сторону, неизменно звучал припев: «шесть и шесть пенсов». Она сама была частью припева, одной ногой в фортепьянно-промышленности».

Прекрасная иллюстрация к «человеколюбию» твердолобых! И главное, сделанная одним из их лейбористских друзей. Не случайно бывшая работница, социал-реформистка Этель Холдсуорте дала своему роману из жизни рабочих название «Рабство».

В свое время Аристотель провел такое различие между рабом и рабочим: «Работать на отдельного человека — значит быть рабом; работать для публики — значит быть каменщиком и рабочим». Работать на капиталиста — это значит быть и каменщиком, и рабом». Вот она страница из романа Этель Холдсуорте **о рабстве рабочего класса в Англии:**

«Пожар на фабрике Варстока увеличил на несколько сот человек ту армию **рабов**, которая ежедневно осаждала ворота других фабрик города в тумане, пронизанные изморозью утра зимы. Как свое имя и адрес, эти несчастные плелись домой, чтобы, сидя у тлеющего огня, сознавать собственную ненужность. Агенты по страхованию жизни пересилали закладывать в некоторые дома. Кое-где пивную перетерло из одних рук в другие, из рук рабов без работы в руки **рабов**, задавленных ею. Общее состояние внутри фабрика и требования к рабочим достигли такой напряженности, что работающие счастливчики выходили оттуда с вечерним гудком похожими на обезумленное и совершенно сонливое стадо. Все оскорбления переносились с крепко стиснутыми зубами. Проснуть и проснуться во время последнего гудка на работу значило, задыхаясь, выскочить полуодетым в сырую тьму, без крошки еды, без капли питья, и страшным призраком маячил в смертельном ужасе свисток тускло освещенную завесу измерял».

Вот другая жуткая страница «Из записной книжки шахтера» Роджера Дагхаллера, помеченная 2 марта 1923 г. (за восемь лет положение стало не лучше, а хуже):

«Вас полтора миллиона.

Что вы на это скажете? Мы такие же люди, как вы. Когда вы нас голите, разве у нас не течет кровь? Когда вы нас щекочете, разве мы не смеемся? Если вы нас отравите, разве мы не умрем? И если вы нас угнетаете, разве мы не отомстим?

Кто вы, читатель этих строк? Какими вы сведениями располагаете? Неужели мы все еще колотим жен, оправдываемся и пьяными дрыхнем? Неужели мы хищные кондотьеры кино-прессы? Или же мы имеем сказочные суммы, промотали свое богатство на шумную жизнь, на дорогие роли и мех? Вот что говорят буквально, что говорит воскресная пресса. И позабавьтесь изучением, как такие вещи попадают в печать. Неужели вам, имеющие такие мерзости, верят писатели сами? Возможно.

Вглядитесь в них внимательно и допустим, что верят».

Маркс говорит в «Капитале», что в капиталистическом обществе «средства производства превращаются в средства поглощения и эксплоатации производителей, уродуют рабочего, делая из него неполного человека, понижают до роли придатка машины, с тяжелого труда отнимают его содержательность, отчуждают от рабочего духовные силы процесса труда». Рабочий превращается в придаток к машине, капиталистический труд есть условие их ненормального человеческого существования. Произведения социал-реформистских писателей (как вышеприведенные, так и многие и романы Джо Керра, Роуленды Конин, Стасея Хайнз, Орма Агнеса) дают этому полное подтверждение.

Карлейль в одном из своих памфлетов дал очень злое и очень верное изображение буржуазного общества. Насколько верное, что оно целиком может быть применено и к теперешнему капитализму. Карлейль пишет:

«Предположим, говорит он, что свиньи (я имею в виду четвероногих свиней), получив дар чувствительности и высоких умственных способностей, усвоил известную культуру, сумели бы после опытов и размышлений изловить, подобно нам, на бумаге, свои мысли относительно желудков, относительно своих интересов и обязанностей; эти идеи могли бы заинтересовать публику, способную, подобно нашей публике, к сужению, и к грубой форме сводились бы к следующим отдельным положениям:

Вселенная, — насколько позволяет судить здравая логика, — есть огромное корыто для свиней, она состоит из влажных и жидких тел и других контрастов и видов, а в особенности из достижимых и недоступных помоев, причем последние встречаются бесконечно чаще для большинства свиней.

Поэзия жизней заключается в прославлении похлебу в мире превосходства помоев и молотого ячменя, а также счастья свиней, имеющих хорошие корыта и сытые желудки. Хрю.

Свинья знает погоду. Она должна держать нос по ветру, чтобы знать, какая будет погода.

Кто создал свинью? — Неизвестно. Может быть, колбасник».

Определите все обязанности свиней. Миссия свиного рода во всем мире и долг всех свиней во все времена — уменьшить количество недостижимых и увеличить количество доступных помоев. Все знания и вся промышленность, все усилия должны быть направлены к этой цели, — притом исключительно к этой цели. Свиная наука, свиной энтузиазм, свиное самоотверженье, могут иметь только эту цель! Таков список свиных обязанностей».

Английские рыцари «свободного труда» весьма напоминают этих пресвятых Карлейля. Их «поэзия» — в прославлении капиталистического труда, «в прославлении преимущества помоев» буржуазного общества. Наше социалистическое строительство отрицательно

ТРИБУНА ПИСАТЕЛЯ

О НЕКОТОРЫХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ИДЕЯХ*

Об искренности

«Автор «Анны Карениной», несмотря на свой огромный художественный талант, есть один из тех русских умов, которые видят ясно лишь то, что стоит прямо перед их глазами, а потому и шут их знает, чтобы повернуть же перо направо или налево, чтобы разглядеть и то, что стоит в стороне, они, откинувши, не имеют способности: им нужно для того повернуться всем телом, всем туловищем. Вот тогда они, пожалуй, заговорят совершенно противоположное, так как во всяком случае они всегда строго искренни»...

Оставим в стороне, насколько правильно это мнение Достоевского о Толстом, высказанное к тому же устами «знакомого», но обратим внимание на самую постановку вопроса. У нас с некоторого времени стали раздаваться голоса в защиту искренности в искусстве, голоса справедливые, но всей полноты вопроса не затрагивающие. Хотя Достоевский и показал себя во многом в «Дневнике» и мракобесом, но многое нам и правильно. К числу этого принадлежат и вышеприведенные слова. В чем слабая сторона требований / «искренности»? И есть ли она? Она есть и заключается в переоценке той основы, которую дает, в данном случае, художнику его внутреннее чувство. Как же иначе можно было бы понимать «искренность»? Внутреннее же чувство может совсем художника так далеко, что нет таких людей и положений, которые бы им не оправдались. Значит ли это, что художник должен занять какую-то обратную позицию? Конечно, нет. И некоторые критики справедливо заявили, что с этой точки зрения вопрос о «искренности» является просто пустым местом, так если бы кто-нибудь стал утверждать, что писать нужно на бумаге. Очевидно, защитники «искренности» не это имели в виду. И здесь мы должны прямо сказать, что насколько не жертвуя собой, не поступая иной раз в разрез со своими непосредственными и, казалось бы, самыми сильными ощущениями, художник должен сознательно оценивать характер и направление своего творчества, и если бы это оказалось в результате такой оценки нужным, добиться внутреннего перелома в своем творчестве.

Проблема трагического

О легкой руке Д. Горбова у нас заговорили о трагическом. Вернее о «трагедийном». На этот счет мы тоже приведем цитату. «Не пробуя заниматься дерзновым анализом сих... было бы только тогда возможно, если бы он сказал на эту тему что-нибудь больше, чем только пустую фразу... Действительно, если гениальное «Учение о сущности» начинается до глупой фразы о движущихся в противоположных направлениях, до бессмыслицы, силах, то самое лучшее, конечно, избегать какого-либо признания этого общего места». К сожалению, эти слова Энгельса целиком можно отнести на подмышку Горбова. Он «не» человек хочет признать литературное изображение жизни и таких человеческих противоположностей, которые ничем не разрешаются. Откуда и неожиданная «трагедийность». И так просто было сказать в другом случае Энгельсу, подробно всем авторам можно было бы заниматься, если бы здесь было сказано нечто большее, чем только пустая фраза. Но будем гадать, что подразумевал за это Горбов, но об себя заметим: наше время богато трагическим, прежде, не для пролетариата, конечно, тема которого героична, а для находящихся классов. Было бы наивно удивляться, что эта трагедия старого общества нередко отображается, по крайней мере, как трагедия, смысл чего, так или иначе, в личной развязке. Нельзя все отдельные противоположности — они бегу сюжета, ни чорту кочерга.

Мещанство

О мещанстве сказано немало. Одно время как обычно творческой психологии профессионалов «мещанство». В результате сюда вмещалось все, что угодно, вплоть до этого ярлыка, что, например, сказано и авторы его. Все же, к сказанному, нам думается, есть что прибавить. «Мещанство» выросло, как известно из самого термина, на почве литературной аналогии. Смысл же его

* Поскольку здесь участвуются о тех или иных выступлениях переводчиков, следует ради вежести указать, что автор в данном — один из членов этой группы.

в защите, опять-таки, непосредственности творчества против эмпиризма, выражением Сальери. Но литературная аналогия в данном случае не спасает, а губит дело. Пушкин — противоположность Моцарта и Сальери, как равные величины. Моцарт дан на высшей точке своего развития, но вместе с тем, и на грани падения. Он потерял бы все равно, если бы Сальери не погубил его: именно прививка эмпиризма не хватало ему. Не в защиту Сальери, разумеется, говорим все это, а... Пушкина. Ибо, если нужен соответствующий термин, мы не за «мещанство» и не за «сальеризм», а за «пушкинизм», художественно разрешающий это противоречие.

Гуманизм и отношение к вещам

Из общесоветских задач продолжала говорила все основоположники марксизма. В этом смысле мало нового прибавили к старым утверждениям те, кто хотя бы и в условной форме говорит о гуманизме в наших рядах теперь. Но Ленин, например, постоянно подчеркивал, что орудие этого гуманизма—первоначальное, понятно—вооруженное восстание, гражданская война. Теперь положение изменилось. Есть более мощные орудия, сказем. Красная армия. Имело ее раньше являются теперь первыми последними гуманизма, хотя бы в том смысле, что охраняют границы Советского союза.

В тесной связи с этим вопросом стоит другой — о человеческих отношениях и об отношении к вещам. В пресловутой декларации, например, говорится: «Сфера искусства, прежде всего, отношения между людьми. Искусство революция обязано сосредоточить внимание на новом общественном человеке, на ростках новых отношений между людьми, на препятствиях, которые им мешают, на противоречиях внутри человека». Это также не «что», а потому и неверно. Весь этот абзац направлен против «фетишизма вещи», о чем говорится в предыдущих строках декларации». «Фетишизм вещи» положение, конечно, отрицательное, что в свете последующего, что сказано в декларации — вопрос представляется новому. Вещи, продукт творчества людей, столько же выражают человека, как и все другое. Можно, наоборот, говорить о фетишизации человеческих отношений, ибо сами по себе они имеют, голый, физиологически действующий закон. Ту утверждать, что сфера искусства—«прежде всего отношения между людьми», колеблющая неустойчивое значение «вещи», подчеркивая «как», а не «что», значит человеческое творческое делать жертвой биологии. Не отношения между людьми являются, прежде всего, предметом искусства, а весь мир человеческих отношений — от природы просто до той «второй» природы, которую создает человеческий гений, в чем — то-есть в вещах не творимых — и заключается подлинная сила его.

В заключение еще об одном. В той же декларации приведены слова Гете, как «великий завет» для всякого художника. «В чем начало и конец всякого писания?» спрашивает Гете и отвечает: «Воспроизведение мира, окружающего меня, через внутренний мир, который претерпевает, охватывает, заново создает, дает в снова воспроизводит в собственной манере и форме». Спору нет — хорошая схема. Но ко времени ли она? Подарком над «веймарским художником благородным» так ею воспользовался в другое время другой поэт...

И те же готовые слова можно было бы повторить так: художник — это тот, кто свое умение, свой «специфизм отдает окружающему его миру, который все это «изучает, охватывает, заново создает» и только тогда — то-есть, по-своему пересоздав — «воспроизводит в собственной манере и форме». Думается, что это более по плечу искусству — в наше, по крайней, и первую очередь, жизнерадостное время. Сложит: каждому делу — время его. Но и времени — также. А в наше время в этом и жертвы никакой нет.

М. БАРСУКОВ

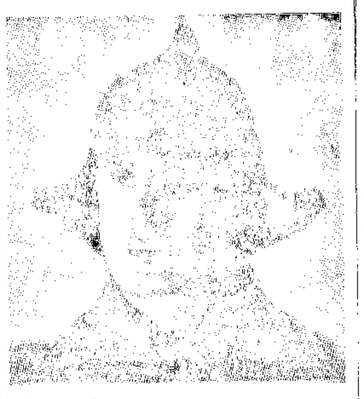
---

1 Недавно в одном из критических выступлений было высказано, что именно вещь (трактор, комбайн) может быть героем произведения. Это в такой же мере правильно, как соответствующее переводческое рассуждение. Разумеется, критик предполагал не изолированную вещь, что было бы абсурдом, а во всей ее связи.

РОМАН КЛАССОВОГО ОПЫТА

Роман Бела Иллеша «Тисса горит» необходимо рассматривать в связи с получившей широкое развитие в пролетарской литературе Запада формой, которую можно назвать романом классового опыта.

Основной особенностью такого романа является то, что исторический опыт революционной борьбы пролетариата берется не отвлеченно, не в порядке рассудочного отображательства, а практически. Пролетарский художник ставит своей задачей воспроизвести отдельный момент исторического опыта революции так, чтобы история была обращена к современности, чтобы роман вооружал рабочий класс в его сегодняшней борьбе. Это означает, что художник не ищет никаких исторических «аналогий», его задача — вскрыть логику исторического процесса, подчеркнуть прошлое критике, извлечь из него актуальнейшие уроки.



Бела Иллеш

Роман классового опыта является прежде всего политическим романом. Внимание художника сосредоточено на том, чтобы выявить движущие моменты исторического опыта, чтобы вскрыть основное в этом опыте, осознать политическое значение его. Мы видим, как неизбежному воспроизведению в связи с этим подлежит личное в романе — люди, выступающие как активные выразители общественного процесса, они всегда органически связаны с классом — художник всегда остается от мелкобуржуазного, индивидуалистического фетишизма.

«Тисса горит» Иллеша — суд сегодня и интересное явление романа классового опыта. В двух книгах воспроизводится два момента революционного движения в Средней Европе. Первая книга показывает установление советской власти в Венгрии, вторая — события в 1920 году в Прикарпатской Руси, восстание против убежавших в период нашего наступления на Варшаву.

Сознательная две книги романа Иллеша, необходимо отметить, что первая из них имела ряд характерных недостатков, в значительной степени преодоленных второй книгой. Иллеш последовательно осуществляет «Тиссу» в духе эпического романа, вскрывающего ложку исторических событий, освещающего события под углом зрения данного этапа пролетарской борьбы; ему удается дать развернутую, связную, идущую вглубь картину событий венгерской революции. Но в его романе удерживаются еще черты автобиографического эмпиризма, как и все другое. Можно, наоборот, говорить о фетишизации человеческих отношений, ибо сами по себе они имеют, голый, физиологически действующий закон. Ту утверждать, что сфера искусства—«прежде всего отношения между людьми», колеблющая неустойчивое значение «вещи», подчеркивая «как», а не «что», значит человеческое творческое делать жертвой биологии. Не отношения между людьми являются, прежде всего, предметом искусства, а весь мир человеческих отношений — от природы просто до той «второй» природы, которую создает человеческий гений, в чем — то-есть в вещах не творимых — и заключается подлинная сила его.

В заключение еще об одном. В той же декларации приведены слова Гете, как «великий завет» для всякого художника. «В чем начало и конец всякого писания?» спрашивает Гете и отвечает: «Воспроизведение мира, окружающего меня, через внутренний мир, который претерпевает, охватывает, заново создает, дает в снова воспроизводит в собственной манере и форме». Спору нет — хорошая схема. Но ко времени ли она? Подарком над «веймарским художником благородным» так ею воспользовался в другое время другой поэт...

И те же готовые слова можно было бы повторить так: художник — это тот, кто свое умение, свой «специфизм отдает окружающему его миру, который все это «изучает, охватывает, заново создает» и только тогда — то-есть, по-своему пересоздав — «воспроизводит в собственной манере и форме». Думается, что это более по плечу искусству — в наше, по крайней, и первую очередь, жизнерадостное время. Сложит: каждому делу — время его. Но и времени — также. А в наше время в этом и жертвы никакой нет.

М. БАРСУКОВ

---

1 Недавно в одном из критических выступлений было высказано, что именно вещь (трактор, комбайн) может быть героем произведения. Это в такой же мере правильно, как соответствующее переводческое рассуждение. Разумеется, критик предполагал не изолированную вещь, что было бы абсурдом, а во всей ее связи.

на ТЕАТРАЛЬНЫХ ДИСПУТАХ в КОМАКАДЕМИИ

„ХЛЕБ" В. КИРШОНА в МХТ

Два вечера посвятила секция марксистско-театроведения Комакадемии обсуждению пьесы В. Киршона «Хлеб»—в постановке МХТ.

Дискуссия была открыта вступительным словом т. С. Динамова, который, характеризуя положение на драматургическом фронте, констатировал отставание драматургии от требований, предъявляемых периодом «существования социализма в нашей стране.

— До сих пор на театре не были показаны подлинные герои классовой борьбы в деревне. Киршон впервые сделал попытку дать в художественных образах настоящих, живых людей. Его образы написаны в то же время публицистичностью, отнюдь не разрушавшей их художественного качества, что мы видим часто у практиков «Литфронта». К каждому своему герою автор «Хлеба» подходит как партиец, как большевик. Каждый его образ выполняет свою задачу, вскрывая одну из сторон класса.

— Пьеса настолько действенна,—заключает т. Динамов,—что могла бы давать своего рода директивы работникам, занимающим на хлебозаготовки.

В прениях с вступительным т. С. Динамову выступили тт. Чарный, Дайреджиев и Кикодзе. По мнению т. Чарного, автор «Хлеба» упростил свою задачу тем, что взял главными героями своей пьесы интеллигентов, «переносы, таким образом, город в деревню».

Дайреджиев и Кикодзе в одинаковой степени ошибочно уверены, что В. Киршон хотел затронуть в «Хлебе» проблему партийных кадров. И этого он, по уверению ораторов, сделать не сумел. Дайреджиев, кроме того, не усмотрел в пьесе образом Михайлова, заявляя, что в нем «слишком много пафоса и мало мировой революции». Кикодзе пытался довольно неудачно доказать, что Раевский в «Хлебе»—просто интеллигент-романтик, тип, которого мы давно знаем по русской литературе.

Выступившие в числе ораторов, дали абсолютно положительную оценку пьесы «Хлеб»,—тт. Афиногенов и Ермилов остановились главным образом на идее пьесы В. Киршона.

Афиногенов считает, что идея пьесы «Хлеб» не в хлебозаготовках и даже не в генеральной линии партии. Автор ставит философскую проблему о «свободе» и необходимости. Решение этой идеи он проводит не только в образе Раевского, но и в образе Михайлова.

Основным недостатком пьесы т. Афиногенов считает ее конструкцию, допускающую не только замену одних лиц другими, но и «вымарку» некоторых персонажей.

Много внимания участниками дискуссии было уделено обсуждению и оценке постановочной работы театра над пьесой.

— Справился ли со своей задачей Московский Художественный Театр? Сумел ли он на основе своего метода правильно раскрыть большевистскую пьесу и дать тип настоящего коммуниста?—вот те основные вопросы, которые ставили почти все выступавшие ораторы, говоря о спектакле.

Если суммировать высказывания представителей театра, то получается, что последний вполне справился с пьесой, вышел в то же время этой своей работой на новую дорогу. Правда, т. Гейтц отмечал, что некоторая часть работников театра противилась постановке «Хлеба». Несколько иного мнения об отставании театра от современности придерживается режиссер спектакля т. Судаков. В этом отставании он винит драматургов, заявляя, что театр всегда был и будет «рупором эпохи» в том смысле, что, если драматург даст нужную, актуальную вещь, то театральный коллектив всегда сумеет ее хорошо показать. Тот же драматург, по мнению Судакова, должен помочь театру в его исканиях новых форм, новых методов работы.

Таким образом, если согласиться с Судаковым, театру должна быть отведена пассивная роль, против чего большинство правильно возражало.

Пункт все выступавшие ораторы сходились на том, что МХТ, поставивший «Хлеб» В. Киршона, вступил в новый этап своего развития. По этим вопросу о новых путях театра не исчерпывается. МХТ, несмотря на весьма благодарный материал, данный ему драматургом, с этим материалом не вполне справился. На основе метода и системы Станиславского нельзя с необходимой полнотой раскрыть идею большевистской пьесы пролетарского драматурга. Театр и значительной степени правильно политически донес автора до зрителя, но целый ряд образов большевистской пьесы чужд исполнителям МХТ. Целый ряд постановочных моментов говорит о том, что «спектакль как бы спорит с самой пьесой». На этой же почве ряд образов, которые автором не были окончательно доработаны, не получили своего разрешения и на театре, который не сумел их доработать сценически. Получились бледные образы. Вполне удовлетворительным, в то же время, следует признать показанный театром образ большевика Михайлова—в исполнении Добропрахова.

К какому выводу приводит развернувшаяся во время дискуссии критика спектакля МХТ? Вывод—один: перед театром стоит актуальнейшая проблема—приступить к углубленной проработке нового метода, такого метода, который целиком заменил бы собой эвристическую систему Станиславского.

Л. ЕЛИНА

„ПОСЛЕДНИЙ РЕШИТЕЛЬНЫЙ" Вс. ВИШНЕВСКОГО В ТЕАТРЕ МЕЕРХОЛЬДА

Драматургическая попытка Всеволода Вишневского воплотить в пьесе «Последний решительный» творческие лозунги «литфронта», отвергнутые пролетарской литературой, естественно привлекла к этой пьесе и поставленное ее в Театре им. Мейерхольда особое внимание.

Очень оживленно поэтому прошла в Комакадемии дискуссия о «Последнем решительном». Дискуссия, принявшая многочисленных ораторов, выступивших с резкой, но в то же время обстоятельной и углубленной большевистской критикой пьесы Вс. Вишневского и спектакля Вс. Мейерхольда. В числе выступавших были и защитники творческого метода драматурга и театра.

*

Первым в прениях выступил т. Залесский («Вечерняя Москва»), поставивший вопрос о методе пьесы, написанной по рецептуре «Литфронта». Оратор считает пьесу «превзойденной» и этот провал он объясняет «распадом метода над автором».

В противоположность т. Залесскому, следующий оратор т. Тарасенков сделал попытку оправдать пьесу Вс. Вишневского. Но свою защиту он построил на оправдании таких частностей и случайностей, которые не дали ему возможности подойти по оценке пьесы в целом с точки зрения заложенной в ней основной идеи и ее содержания. Тарасенков считает неправильным обвинение автора в психологизме, так как психологизм, по его мнению, «никогда не бывает обличающим». Вишневский же в своей пьесе—обличает. Тарасенков утверждает, что пьеса удалась автору потому, что она написана «литфронтовским методом».

Тарасенкову «как бы возражает» тов. Бочачер. Он считает пьесу, по уяснению Вишневскому, а не удалась пьеса потому, что она не «литфронтовская». Порок пьесы оратор видит не в схематизме ее, а в том, что в ней нет центральной идеи.

С защитой пьесы выступил затем т. Петровский (завод «Геофизика»). Основываясь на «впечатлениях», вынесенных им из зрительного зала, и на руководящих зрителей, т. Петровский считает, что пьеса достигает своей цели. Доводы т. Петровского выразили аналогичную правильное замечание Начархитектора ПУР т. Родионова о том, что зритель уходит не спектакля, как такового, а своей собственной веры и любви в Красной армии.

От имени «просто зрителей», как он назвал, роль защитника пьесы взял на себя и артист Театра им. Мейерхольда т. Мологин. Речь его сводилась преимущественно к формальной оценке спектакля. Оратор, называя пьесу «легкой и прозрачной», говорит о гениальных достижениях режиссера в области экономии средств и приемов ее сценического воплощения. Мологин «возражает» против того, что пьесу, якобы критикуют за то, чего в ней нет, в том числе и за отсутствие в ней психологии.

Это утверждение т. Мологина встретило достойный отпор со стороны тов. В. Киршона.

— В чем основная порочность пьесы?—спрашивает т. Киршон.—Существовала старенькая теория «термидора», утверждавшая, что теперь, мол, у нас обывательщина, перерождение... А вот, когда вновь грянет война, тогда, мол, мы все стряхнемся... Вот и в пьесе—в тяжелой гнетущей обстановки кризиса и разложения показано наше сегодняшнее. И на таком фоне — вдруг взлет, вихрь войны, начало «настоящего». Содержание пьесы оторвано от нашего строительства. И надо прямо сказать, что «последний решительный» без пятилетки—это ложь, это фальшь.

Л. Лебединский критикует мелкобуржуазные черты пьесы: безволие, колебание, психологизм. Героика в пьесе перекрыта в истерике. Но для всякого мелкого буржуа героика вообще—нечто отдаленное, нечто истеричное.

— В пьесе незнакома концепция войны, сформулированная Лениным. — говорит следующий оратор т. Подольский. —В ней дана концепция войны, весьма характерная для мелкой буржуазии. Сущность вопроса заключается в том, что наша армия—это наш вооруженный авангард. Спектакль же создает впечатление, будто в момент войны, классовая война у нас исчезнет. Вопрос, таким образом, сводится к мирообразованию.

И. Анисимов выясняет, насколько мелкобуржуазным по существу является драматургия Вишневского. Еще в «Первой конной» можно было проследить, как революционные художники возникали в борьбе с меньшевиками традициями. Но уже в «Последнем решительном» меньшевик побеждает революционное. Поэтому творчество Вишневского заканчается в эклектизме развернутых веером эпизодов, расчлененных на «впечатления». Чем пестрее и эксцентричнее — тем лучше. Именно в этом весь смысл такой «героической» темы, как народная на «большой» оперный театр. Вишневский стремится вообще освободить театр от реалистической основы, сводя театр к карточной эстетизированной игре. Вишневский—эмпирик. Отсюда—его внеклассовый батализм, который мало чем отличается от манеры такого мелкобуржуазного экспрессиониста, как Георг Кайзер.

С резкой критикой пьесы выступил председатель президиума ЛОКАФ — т. Дегтярев.

— Когда я шел на спектакль,—говорит он, — я думал, что он покажет какая будет последний решительный бой капиталу, а оказалось совсем не то. Взамен славного героя, Самушкина, который у Вишневского предчувствует флот. Весь это типичный анархо-бандит, а не краснофлотец. Пьеса Вишневского — небольшая пьеса. Большевикам учит, как побеждать в войне, а пьеса показывает лишь, как умирают. Только пролетарская большевистская самокритика может спасти Вишневского, — говорит т. Дегтярев.

После него выступил представитель ТРАМ т. Чичеров, занявший своего рода буферную позицию в споре: с одной стороны, нельзя не признать, что... «пьеса Вишневского повредает в цель», а с другой стороны, нельзя не сознаться, что она имеет элементы... «разухмененно-пролетарские». Самушкинщина, — говорит т. Чичеров,—есть в армии и ее изобразил Вишневский.

Горячую отповедь довелось выслушать т. Чичерову из уст т. Родионова:

— Как,—говорит он, — даже не отголоски Самушкины, а «самушкинщина»! До какой же политической несуразицы можно договориться и пьесу полемики!

— Когда напишешь пьесу о Красной армии нужно давать вечное отображение ее жизни. Вишневский этого не сделал. Он до сих пор живет «братанием» и «хрущовщины». — Нет ничего более подлого, чем подобное представление о марксистской критике, и я думаю, — говорит т. Динамов,—что Вишневский должен отказаться от ней без ложной защиты «Последнего решительного», которую мы здесь слышали!

НАР

АРТЕМ ВЕСЕЛЫЙ

ГУЛЯЙ ВОЛГА

ОДНА ИЗ ПОСЛЕДНИХ ГЛАВ РОМАНА

Сибирь, Сибирь — страна мехов, великих рек, дорога народов.

Сказал, удел Иртыш водою, славен пашнями... Играя плесами, свившись в кольца, вокруг лежен Иртыш по своим кыргызским, катит мутную воду через топи белот Барабинских, гремит и тонет по дну обкатанные камни в ущельях Алтая.

Текла вода
за водою текла жизнь.

Старые доживали век в беседах в моленье. Молодые, скалы зубы и языка, ходили в битву. Мудрый славился мудростью, богатый богатством, бедняк кормился от трудов своих. Кости стариков таяли в земле, обитых молодых были крепкими, стены славетные и слезы горячи. Ночью на осторожный посвист любовницы, как лисица, выбегала любовница: свет звезды каменел и струился в их глазах.

Туманы кочевали в долинах.

Чели рыбака скользили по реке, бегало весло, взметал брызги. Крапивная сеть волокла на желтые пески трепещущую рыбью орду. Скупастый сеяр трудился на поле, вспарывая чрево земли словым суком. По зарослям у берегу озера, колебли метелки камыша, крался охотник: легок глаз его, легка нога, легка певучая стрела. В тайге у костра на разостланных шкурах дремали зверобои. Над вечерней синеючей стеной лился древний плач пастушьего рога. Брели стада и тучные быки, багровеющей в закатных лучах.

Над конными ордами вился дым. В юртах рождались и умирали, смеялись и плакали.

Широко раскинулось тундра. Реки и речки, озера и озерца, многядные болота, кочки бурых мхов и полины светло-зеленого лишайника.

По мохочинам, выбирая мель, бродили олени — их рога качались, как лес.

Кидая копытами отметки мерзлой грязи, мчался лось и в погоню за ним

отскакась стая хранящая острорылых волков.

На вой волков и на лай лисицы из далекого моря с плывущей ледины хриплым ревом отзывался белый медведь.

На озере дальнем лебедь с лебедушкой кружились в брачном танце.

По горам, по долам гулило много зверем на счастье каждой руке, несущей лук и копье.

Богато жил Кучум.

В травных долинах, меж озер, нагуливались тучнеющие отары бараты его, косяки коней, табуны верблюдов. Бедняки кочевали во след царских юрт и пасли стада его.

Разлив степей, зеленое раздолье, дали звериные. Сильный ветер колыхал траву, гнал ковыльную волну. Сверкали, пронятые светом, синие потоки. По раздолью, волною жарких цветов, скользила тень облака. Напрягая четиву легкого лука, скакал Кучум по своим землям, и пролетный стон зверя вселялся его стрелою в сердце.

В женах он бодрил, как в фруктовом саду. Старые жены с детьми жили все вместе на большом дворе, молодые жены жили каждая в отдельном дворе, и юная Сузге жила против города, на другом берегу Иртыша в своем урочище.

Меча Кучума были легче орлов, славой своей он перешагнул за пределы недостижных мечтаний. Дикие кочевые племена, приобские остяки, конгинские и табаринские вогулы, ишимские и барабинские кочевники, сургутские самоеды и таежные охотники, тюменские и нерубленые русские села и далекие киргизкайсацкие аулы страшились меча его и ярлыка.

Дань подвластных народов отовсюду стекалась в царев котел. Бедняк давал царю пебелку с жеребенком, богач все ему нечто от богатств своих, рыбак всю за лодкой на привязи сазанного осетра, охотник метал на шпорах царю дорогие шкуры бобров карих и рыжих, лисиц черных и красных, соболей голубых и куниц прекрасных.

В усадах сидели подручные мурзы. У мурз в подчинении были витязи, у князьков — старшие и сотники.

Кучум-царь, а с ним и все его послуги и угодники с женами, детьми и собаками, волнуя хвалу богам, кормились меж рук народа своего.

Весною, по просухе, к низовьям Иртыша скорили караваны купцов алтайских, китайских и бухарских. Ветер вздымал косматые верблюжьи гривы, яркие полы халатов. Звучащая песнь и крики погонщиков, — лица их были запылены, как придорожные камни,— и резкие хлопки витого из волоса кнута:

— Ала-ав-ча...

По степи, дремлющей в зеленом полузвоне, далеко разносился трубный рев верблюдов, мерно плывущих под тюками товаров. Материи великие и кафтаны стеганые, и сафьян, и холсты, вытканные затейливыми рисунками, и ковры из кавалинных узоров, и полосяные южным солнцем бухарские шелка и афганские ковры столь ярких цветов, что от взгляда на них слезятся глаза. Писаная посуда, цинно сарацинское, лакированные сладости в коробках и листах, самоцветные камни, янтарь, масла и сласти, и китайский табак столь мелкой резки, что мельчою своей он мог поспорить с рубленым мелоческим волосом. Табуны прядущих арамаков и диких карабаиров, толпы половецких с колодками на шеях, да привозили гунцы узких лев в обмен на меха.

Наведовались промышленники и с русской стороны. В лубяных коробах и в переметных сумах привозили они оловянные пуговицы и берестяные солонки, топоры и огниво, сковороды и котлы, бубенцы и перстни, прядь невидную и веревки смоленые, чарки и зеркальца, чулки шерстяные и пояса узорные, вражеские прянки и железа ножевые, сукна серпянные и потом ливно ременные, пригодные резве лишь на то, чтобы им гозно делать. Охотники и кочевники жили в первобытном непорочии. За иголку с ниткой купцы вымени кабалу с жеребенком, за пестрые платки и рубаху выбирали лучших соболов и песцов, железный наконечник для стрелы шел в одну цену с соболем.

Казаки плыли в лодках и на плотах.

Первую весть подели бабы Бабасанова урочища. Старуха Самуха, зимо которой было подобно тому заскорузлой грязи, на рассвете пошла на реку за водою и вернулась в аул с сумятошным криком:

— Алла, алла!... Там люди, много чужих людей! — показала она на полдень.

Аул насторожился.

На реке густо плыли свежие пеньки, ключи рыжей соломы и птичьи перья.

Шептались, хмуря лохматки бабы, степенные старики глядели на воду и перешептывались:

— Да, к нам плывут люди.

— Дальнозоркие.

— Беду за собой ведут.

— Купцы?

— Нет, то не купцы. Купцам не время.

— Война будет.

И всю ночь чуткое ухо татарина ловило далекий стук топоров, лай псов и все слышные в песенном разливе голоса.

Урочище высилось на яру и с приступной — степной — стороны было обнесено рвом и бревенчатой стеной. Тогда лепились избы из глины, мазанки и землянки. С весны все от сада до мала откочевывали в степь и жили в юртах.

От дыма к дыму и от табуна к табуну на взмыленных конях мыкались посланцы:

— Тамаша!... Тамаша!... (Тревога).

По дорогам, тропами и целиною на телегах и верхами скакали татары, направляли бег коней к урочищу.

Лишь на восходе забрезжила заря и на воду от реки столь просыпись первые лучи солнца, как возы мига держась средины реки, вышли обережной, кавалерный отряд, а за ним сперо показалась и вся дружина.

На стругах бронзой бубен, на разных ладьях заливались гармони и дико выла костомза труба.

Бабасан, чтобы устрашить казаков, выставил по бровке крутояра все войско свое — и дуганков, и конебойников, и коновников. Сам же, выйдя вперед, поставил перед собой лук, упер один рог его в землю, и пустил первую стрелу.

Струги плыли к берегу.

Иные казаки наводили пушки, иные, опираясь на пищали, стояли в стругах стойми, гайкали и по-татарски матюкали татар с плечали.

Со шмельным жужжанием летели, любовные косому дождю, частые стрелы.

Казаки подняли вопцали
зали.

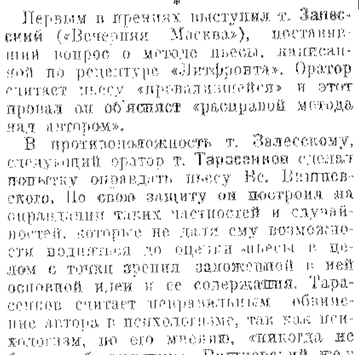
С обрыва свалилось несколько, и вместал рыхлую пыль, устремились по откосу и шлепнулись внизу у самой воды.

Зали.

Орда взвыла и шарахнулась прочь от дымящих огнем и смертью невиданных пушпанов.

На телегах и верхами рванулась орда в степь, тоны перед собой барапту, кочей и верблюдов. Подхватила в старуха Самуха, бросив за собой упирающуюся старую козу с обгорелым боком.

Артем ВЕСЕЛЫЙ



Артем Веселый

Матэ Залка, говоривший от имени ЛОКАФ, подчеркивает «халатное отно-

Попутничество
на фронте живописного искусства
Во власти старых методов

Выставка «Социалистическое строительство в советском искусстве», устроенная всероссийским кооперативным товариществом «Художник» была показательна в целом ряде отношений. Но основной вопрос, который она выдвигает, — это о попутничестве в области ИЗО, его идеологии и конкретной практике. Надо сказать, что проблема попутничества в ИЗО нередко ставится весьма упрощенно: достаточно взять «советскую», индустриальную тему, чтобы проследить попутчиков. Вот в этом отношении выставка и поучительна. Самые различные творческие группировки, представители очень далеких друг от друга течений встретились на ней, объединенные установкой на тематику социалистического строительства. В этом смысле выставка имеет выдержанный характер: здесь нет той натюрмортной и пейзажно-натюрмортной тематики, которая характерна быта двух годов назад для выставок таких объединений, как «ОХР», «Цех живописцев» и др., которая еще недавно была представлена на отдельных выставках. Но, ознакомившись с выставкой, остаешься однако неудовлетворенным. И когда начинаешь анализировать материал, то становится понятным, почему не удовлетворяет выставка, почему она не может явиться выражением, демонстрацией подлинного попутничества в ИЗО, представленного лишь отдельными художниками, но не всей выставкой в целом.

Дело в том, что установка на тематику социалистического строительства не соединяется с адекватной ей идейной направленностью, идейной глубиной, не соединяется с мышлением и развертыванием такого художественного метода, который позволил бы избежать чисто внешнего, поверхностного, регистрирующего и протокольного отношения к теме.

Идейно-творческой глубины и оправданности, вот чего недостает выставке.

В самом деле. Возьмем, например, Ир. Грабаря. Его картины: «Склосовление». «Большая корова», «На скотном дворе», «Тракторная вспашка» берут отдельные моменты из жизни коммуны «Геройд» настолько внешне и случайно, что ни о какой идейно-творческой глубине этих произведений, соответствующей взятым темам, говорить не приходится. Почему, спрашивается, нужно изображать больную корову? Какую идею хотел здесь выразить художник? Разве не нашел он более значительного в колхозной жизни? Также случайно в внешне выбирает темы и у ряда других художников. Например, Малютин выставил картину «Дойка молодой коровы». Почему эта картина должна агитировать за социализм, а не за единоличное хозяйство? Совершенно неизвестно. Она также была бы закончена и 50 лет назад. И уж, конечно, никакого отношения к строительству не имеют такие произведения, как например, «Медь» Малютина, где художник живописует заботливо собранные кастрюли, тазы и прочие медные изделия с одной единственной целью — найти особую «фактуру», особый «тон». Ясно, что здесь мы имеем дело с чистейшим формализмом. В этом же плане отметим и работы В. Н. Яковлева, который продолжает свое «фламандизирующее» стилизаторство на тематике рыбных промыслов.

Все эти примеры говорят лишь о том, что ряд художников темы соцстроительства **приспособляют** к таким творческим установкам, которые имеют мало общего с классовой подлинного попутничества. Другими словами — в ряде случаев вместо этого попутничества мы имеем объективно или приспособленчество, или использование темы как прикрытия для старых творческих установок, характеризующих буржуазное и мещанское искусство. Значительное место занимает на выставке и тот пассивный натурализм, который уже давно осужден пролетарскими художниками и близкими к ним попутчиками. Целый ряд индустриальных пейзажей, «интерьеров», видов и эпизодов строительства, данных в этой манере, также красноречиво свидетельствует об отсутствии той идейно-творческой углубленности, которая позволила бы художникам пойти дальше чисто внешнего, созерцательно-пассивного отношения к изображаемому. (Здесь можно назвать, как примеры этого, работы **В. Н. Яковлева, Федореза, Покаржевского, Сидоренко, Шегаля, Романдина, Рыбченкова, Перельмана и мн. др.**). Статичность, созерцательность, поверхностное восприятие действительности, несмотря на всю виртуозность, вот что характеризует подобные вещи.

Если далее проанализировать работы таких известных мастеров, как **Кончаловский, Машков, Кузнецов, Лентулов и др.**, то и у них мы найдем отсутствие идейно-творческой перестройки. Те же приемы, тот же метод, которыми они пользовались, будучи в «ОМХ», «4-х искусствах» и др. буржуазных группировках, для создания вещей, весьма далеких от соцстроительства, они показывают и здесь. Это обстоятельство ведет в конце концов к тому, что и у них тематика выступает лишь как внешнее оправдание их старых идейно-творческих установок. Когда под картиной П. Кузнецова читаешь «Мать в колхозе», то недоумеваешь, почему эта мадонна, изображенная Кузнецовым, должна олицетворять колхозницу?

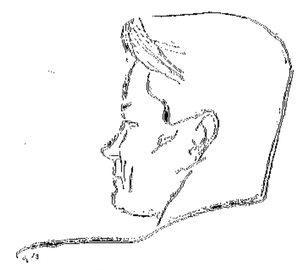
Были на выставке попытки и более активного овладения новой тематикой, попытки выразить более значительное содержание. В этом плане надо отметить **Соколова-Скаля**. Но при всей значительности его замыслов, их осуществление не удовлетворяет. В картине «Прорыв» Соколов-Скаль намеревался в показе ликвидации прорыва на керченской домне № 1 «противопоставить энтузиазм рабочих растерянности администрации и, может быть, вредительству спецов» самой композицией вещи. Однако задача разрешена слишком механично, упрощенно, через разделение «опущо» и «одесную»: через внешне-утрированное акцентирование у одних — работы, у других — растерянности. На всей композиции вредно сказывается тот чисто внешний пафосный, ходульно-романтический эффект, который свойственен Соколову-Скалю. Он не только не помогает углублению идейного содержания, но напротив, разменивает его на внешние эффекты, ложный драматизм и т. п.— Другая из более значительных вещей выставки «В колхозе» — Федорченко — также страдает рядом недостатков. Ее крупный масштаб отнюдь не помогает достичь подлинной монументальности, а нарочитая композиция скомпрометирует действенность. Самые приемы живописной детализации приходит в противоречие со стремлением к монументальности.

Таким образом, в этих и подобных им попытках большей идейной углубленности художники или встают на ложный путь символической нарочитости, внутренне бессодержательной пятетики или остаются во власти старых методов работы.

Часто поверхностное отношение большинства участников выставки к темам соцстроительства сказывается также и в том, что действительность не взята ими как действительность классовой борьбы. За индустриальными пейзажами, «дойной коровой», «бодающими коровами» и т. п. — нами совершенно пропадает классовая борьба, пропадают те социальные, психологические сдвиги, которые должны составить основное содержание практики художников. Дать образ ударника, колхозника, показать элементы социализма, борьбу за социализм — вот задачи подлинного попутничества в ИЗО. Но эти задачи не будут разрешены, если дело ограничится поверхностным приспособлением новой тематики к старым идейно-творческим установкам. Борьба за новые идейно-творческие установки, за действенный классовый подход, за новые методы работы, соответствующие задачам пощучника в период развернутого социалистического наступления, — вот что надо противопоставить тому приспособлению тематики соцстроительства к буржуазным и мещанским творческим установкам, которые мы видели на выставке.

А. МИХАЙЛОВ

Выставка художника Ф. Богородского



1 марта, в Музее изящных искусств открылась выставка первоклассной по заграничной поездке молодого художника Ф. Богородского.

На ней представлено около 250 рисунков, акварелей и эскизов, свидетельствующих о большой напряженной работе, продолжавшей за это время. Заграничная поездка оказалась для Богородского не праздной экскурсией, а претворением очень ценных живописных достижений. Вместе с большим мастерством, которое он приобрел, его живописи выразительность стала мужественнее и бодрее и звучание цвета полноценнее. Молодое пролетарское искусство обрело в Богородском очень талантливого мастера и творчество его заслуживает самого серьезного внимания. Мы к нему вернемся в ближайшем номере.

Местком писателей не справился
с руководством Секублита
Реорганизовать Секублит на общественных началах

Слова и дела секублита

Долой старый быт! Долой индивидуальное хозяйство писательской семьи! Мы заканчиваем строительство для перестройки быта писателей и их семей на новых социалистических коммунальных началах.

Так громогласно заявил Местком писателей, оформив создание секции по улучшению быта литераторов в Облегчилке союза печатников—11 июня.

Отсюда и ведет свою немалую историю Секублит.

В клуб ФОСП, где помещался Секублит, повалили десятки писателей и членов их семей. Записывались. Вносили вступительные и паевые взносы от 5 до 50 рублей.

Каждый уходил с сияющим лицом. Закрытый распределитель, коммунальная столовая, доставка продуктов на дом, детский сад, ясли...

Это ли не идеал нового быта писательской семьи?

*

Первое и единственное общее собрание членов Секублита, состоявшееся 31 июля 1930 г., взорвало праздник от 16 человек и разоблачило из 11 человек.

И точка. На этом и кончается участие широкой писательской общественности в практической работе Секублита.

Правление Секублита, которое не сумело опереться на писательскую и пролетарскую общественность, допустило целый ряд ошибок в своей работе.

Секублит вызвал паевые взносы. Собрались, таким образом, 9.761 руб. Незаконно израсходовано 1.370 р.) ухалили на совершенно аппарата Секублита. Из использованных до сих пор на действительное улучшение быта писателя и работника литературы молодежи 15.000 рублей, вырученные Всероскомдрамом Секублиту и 3.700 рублей, данные Секублиту Литфондом и ФОСП.

А воз и ныне там

Ревизионная комиссия Секублита, обследовавшая работу секции 5 ноября 1930 г. (после этого ревизий не было), нашла ряд недостатков в ведении денежной отчетности, констатировала отсутствие приходно-карточек, в результате чего в кассе Секублита получали продукты и не члены секции и т. д. Правлению Секублита было предложено обновить его руководящий состав, провести перерегистрацию членов Секублита, созвать в декабре общее собрание.

Но «воз» Секублита не сдвинут с места, о его перестройке и не думают.

С приходом в Секублит Всероскомдрама и обновлением правления и ревизионной комиссии Секублита (кстати, созданных без утверждения общим собранием членов секции) дела Секублита не поправились. Фактически, из 15 членов правления работало только 2—3 человека. Хозкомиссия Секублита бездействовала.

В конце ноября правление Секублита получило от Месткома писателей 130 ордеров на промтовары. Закупив промтовары, руководство Секублита разбазарило на них 10 проц. стоимости и распределило эти ордера. Правда, была избрана специальная комиссия, но распределение ордеров носило довольно случайный и не общественный характер. Любопытно, что в результате бесхозяйственного распределения ордеров, несмотря на колоссальное количество поданных заявлений, еще сейчас на складе Секублита имеются промтовары: 10—12 пар парусиновой обуви, 6 шерстяных платьев, 10—11 женщин и др. Такое распределение ордеров вызвало злобное негативное общее возмущение писателей.

Кроме того, Секублит распределил 35 ордеров на детские промтовары и 350 ордеров на дрова, причем некоторые товарные получили по 2 ордера на дрова, в то время как другие—ни одного. Параллельно с Секублитом Местком Госкосткомдрама организовал свое коопбюро, которое снабжает ордерами членов ВССР, являющихся одновременно и членами Секублита.

Хождение по мукам

Вместо организации планового снабжения, вместо закрытого распределителя, Секублит открыл в своем клубе палатку. Снабжался он Фрунзенским РПОТ из рук вон плохо. Домашние хозяйки—жены писателей и драматургов, приходившие отовсюду, сюда ни с разу не получали продуктов, полагавшихся им по норме. Обслуживание палатки продавцы грубо обращаются с посетителями. Жены писателей указывали в заявлениях на факты обвешивания их продавцами.

Особенно небрежно подошло правление Секублита к открытию писательской столовой, избрав для столовой помещение бывшей пивной на Тверском бульваре. Писатели и их семьи, принужденные были первые 15 дней питаться вместе со случайными посетителями столовой Моссельпрома, которая попрежнему носила характер пивной. Это ли не издевка над идеей общественной писательской столовой!

Правда, с 15 января столовая Моссельпрома передана на положение столовой закрытого типа. Через несколько дней обеды в столовой значительно ухудшились, несмотря на повышение цен, и понятно, посещаемость ее резко упала. Этого только и ждала руководители столовой Моссельпрома. Не дождавшись окончания месячного испытательного срока, согласно разрешения члена правления Моссельпрома тов. **Викильина**, столовая была открыта для широкой публики. Писатели перестали посещать столовую. Любопытно, что правление Секублита, незаконно взяло при этом с писателей по рублю за пользование обеденной карточкой в столовой Моссельпрома, собрав таким образом, 465 рублей.

Секублит бездействует, — занимают его работники. Никакого руководства и контроля со стороны Месткома писателей Секублит не чувствует. Местком писателей ограничился только формальным заслушиванием докладов о работе Секублита. В составе Секублита 800 человек, а с семьями писателей и драматургов—до 3.000 человек. Комиссия, просматривавшая список членов Секублита на распределение промтоваров, нашла, что из 500 человек членами Секублита может состоять только 582 человека. Необходимо провести чистку его рядов.

Секублит бездействует

Секублит замер. Столовую закрыли. Вопрос о закрытом распределителе висит в воздухе. Наконец ФОСП решает: Секублит передать Литфонду. Литфонд, боясь ответственности, дела Секублита не принимает. Местком писателей прибег к помощи авторитета: Облотдел союза печатников запрещает передать Секублит кому бы то ни было.

Наконец парторганизация Дома Герцена на-днях взялась на это дело. Выделенному райкомом ВКП(б) работнику и партколлегии ФОСП поручено в течение 5 дней ставить дело Секублита с мертвой точки.

Мы предлагаем:

Провести коренную реорганизацию Секублита.

Вместо обычной кооперативной палатки организовать закрытый распределитель, который Облторготдел должен обеспечить бесперебойным снабжением продуктов, прикрепив писательский распределитель к рабочим распределителям.

Новому руководству Секублита необходимо поставить перед ВССП и ФОСП вопрос об организации единой писательской столовой (по примеру Ленинграда) и буфета в клубе ФОСП, которые могли бы обеспечить писательской массе действительно хорошее питание.

К работе правления Секублита нужно привлечь представителей рабочей общественности.

Организовать выезд группы нового правления Московского Секублита в Ленинград для ознакомления с опытом работы Ленинградского Секублита.

Секублит должен быть не только хозяйственно-кооперативной организацией, но подлинно общественной писательской организацией, борющейся за новый быт советского писателя.

Бригада «Литературной газеты»: **Е. МАНЦВЕТОВА** (картонажная фабрика), **МАТЭ ЗАЛКА** (комиссия ФОСП), **А. КРУПНОВ** («Литгазета»)

Письмо в редакцию

В № 31 — 32 журнала «Смена» напечатан очерк «Атакующие небо», за подписью «Всеволод Иванов». За этой же подписью появлялись и еще очерки и «Комсомольская правда». Пятнита на свое имя я не давала и поэтому не могу принять к ответственности моих тезок, которые носят имя аналогичное моему и любят иным именем украшать страницы газет и журналов. Я вынуждена настоящим письмом обратиться с просьбой ко всем Всеволодам Ивановым, которые есть и могут появиться, пожалеть меня и сделать на своей подписи какие-нибудь особые отметки, так как мне и без того много приходится платить налога фининспектору, а платить за всех Всеволодов Ивановых мне будет неполезно, буде же один Всеволод Иванов отказывается удовлетворить мою просьбу, то я им предлагаю отмечать вместе со мной перед общественным мнением в заявлении «Особинка» и «Тайного тайных».

ВСЕВОЛОД ИВАНОВ.

Календарь
работы клуба ФОСП

4 марта 20 ч. Зрительный зал. Просмотр кино-фильма «Военная война». Выпуск 1931 г. Стоимость.

4 марта 15 ч. 30 м. МАПП. Заседание комиссии по организации вечера памяти тов. Фурманова.

4 марта 17 ч. Собрание партактива МОПКИ.

4 марта 18 ч. Эсперантисты. Рабочий кружок при МК.

4 марта 17 ч. Секретариат МАПП.

4 марта 20 ч. Сбор революционных драматургов.

4 марта 19 ч. Президиум правления клуба.

5 марта 20 ч. Вечер делегатского чтения Антона Шмидта. В программе Одоева, Бабеля, Багрицкий, Казаки, Сельвинский.

5 марта 13 ч. Эсперантисты.

7 марта 20 ч. Вечер творческой дискуссии. Л. Леонов, отрывки из произведений «Сотое» и «Evolutia».

7 марта. МАПП. Детская секция.

8 марта 20 ч. Вечер, посвященный международному дню работницы. Вступительное слово К. Инбер. Концерт с участием В. Дуганова, Г. Шпаковского, Б. Инбер, Р. Зеленой, А. Каринцевой, М. Марич, Михалкова и Бегой.

Извещения

4 марта, в 12 ч., в помещении Всероссекомдрама (Тверской б., 25) секретарша Всероскомдрама с секретарем искусств Наркомпроса обсуждает с писателями вопрос о заключении договоров и перемонтаже комитетах.

5 марта, в 18 ч., в помещении редакции журнала «Молодая гвардия» (Б. Черкасский, 6) состоится производственное совещание актива литературной Сокольнического района.

5 марта, в 19 ч., в клубе Наркомпроса (Чистые пруды, 6) состоится об'единенное заседание Главреперткома и президиума Всероскомдрама с активом драматургов и театральников по вопросу о репертуарном плане на 1931—32 г.

5 марта, в 19 ч. 30 м., в Комакадемии (Волхонка, 14) состоится открытый пленум центрального сектора Государственной академии искусствознания. Доклад Аматлобеля «Театр народов СССР». В прениях тт. Чужимов, П. С. Коган, Нолинг, Келенич, Айзенштейн, Бродский, Марков, Павлов.

5 марта, в 19 ч. 30 м., в Доме Герцена (Тверской б., 25, комната 16) состоится собрание детской секции ВССП. Тов. Экатерина читает пьесу.

6 марта, в 18 ч. в Литературном об'единении рабочих писателей ЛОРП при «Художественном журнале» (Солянка, 12, Дворец труда, ком. 210) состоится очередное творческое собрание.

7 марта, в 19 ч. «Поэты кузницы» и «Рабочая весна» (Тверской б., 25) организуют очередное литобследование. Тов. Косцинцин — доклад «Творческое лицо» старой Кузницы».

7 марта, в 19 ч. 30 м., в Доме Герцена состоится литературный вечер. Сергей Клычков прочтет героическую поэму «Мазурка-Вальс» (Вокульский край).

8 марта исполняется 5 лет со дня смерти Д. Фурманова. В связи с этим Центральное бюро пионерклубов ФОСП устраивает в марте ряд вечеров в рабочих клубах и красных уголках фабрик и заводов.

С 3 марта в помещении библиотеки Рабфака комсомола (Русаковская, 29) открывается литературная секция Сокольнического райбюро МАПП. Работа по нечетным числам, кроме 1, 9, 11, 19, 21, 29—от 17 до 20 час.

Поправка

В № номере газеты под стихотворением «Рассказ красноармейца» ошибочно напечатано Д. Митрейкин. Нужно Е. Митрейкин.

РЕДАКЦИЯ.

От редакции:

В связи с письмами тт. Серафимовича и Колечицкого, напечатанными в №№ 16 и 17 «Литературной газеты», в редакцию поступили личный ряд откликов как в защиту т. Колечицкой, так и против нее, так как ФОСП создана комиссия по разбору этого дела и редакция от печатания писем воздерживается.

Ответственный редактор: С. ДИНАМОВ

РЕДКОЛЛЕГИЯ: Н. Асеев, С. Динамов, И. Жига, Л. Ильинский, И. Катаев, Г. Коренев, Н. Огнев, А. Селивановский, И. Сельвинский, М. Слонимский.

ИЗДАТЕЛЬ: Акционерное Изд. О-во «Огонек».

ГИХЛ КНИГОЦЕНТР

НОВЫЕ КНИГИ

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА

ЛИТЕРАТУРОЗЕДЕНИЕ
КРИТИКА

АФИНОГЕНОВ А. Творческий метод театра. Диалектика творческого процесса. (Критическая б-ка «На литературном посту»). Стр. 141. Ц. 1 р. 15 к.

ФАДЕЕВ А. За художника материалистического. Изд. 2-е доп. (ГАХН. Современная пролетарская литература). Стр. 66. Ц. 1 р.

МЕМУАРЫ
ИЗДАТЕЛЬСТВО «АКАДЕМИЯ»

СОЛЛОГУБ В. А. Воспоминания. Редакция, предисловие и примечания С. П. Шестеринина. Вступительная статья П. К. Гудера. Отп. 654 + 4 портр. Ц. 4 р. 20 к., в пер. 5 р.

АРЦЫБАШЕВСКИЙ А. Передумье. О Баболе, Гладкове, Жарове, Зорине, Зощенко, Нечер, Клычкове, Крестьянском поэте, Луговском, Никифорове, Олеше, Оренгине, Романове, Радимове, Спегалове, Ольшанском, Третьякове, Ушакове, Шкловском, Гасуцком М. Куприяновой, П. Кривалом, Пит. Сиволапе (КУКРЫНИКСЫ). Стр. 46 + 1 портр. Ц. 1 р. 50 к., в п. 1 р. 80 к.

СПЕГИРЕВ В. Потерпевшие крушение. В стране шелка и роз. Историческое повествование. Со статьей проф. И. И. Бороздина: «Путешественники Запада в Персии XVI—XVII вв.». С 22 иллюстр. из книги Олеария «Путешествие голштинского посольства», изданной 1727 г., 10 разрод. старинных гравюр и с картографией карой. Стр. 511. Ц. 3 р. 25 к., в пер. 4 р. 65 коп.

НИКИТСКАЯ М. Вода и ветер. (Дальний Восток). Стр. 264. Ц. 2 р. 50 к.

ПРОКОФЬЕВ А. Полдень. Стихи. (ЛАПП. Современная пролетарская литература). Стр. 66. Ц. 40 к., в п. 60 к.

КЛАССИКИ

ДОСТОЕВСКИЙ Ф. Сочинения. Под общей редакцией А. В. Луначарского. Стр. XXXIX + 739 + 1 портр. Ц. 4 р. 50 к.

ПЕРЕИЗДАНИЯ

ГРЮНБЕРГ К. Пылающий Брур. Роман из времен пятсот Кампа. Полный авториз. перев. с нем. В. Мининой. (Детская б-ка Остена). Стр. 281. Ц. 50 к., в п. 65 к.

ДОС ПАССОС Д. Манхаттен. Роман. Перев. с англ. В. Стенича. Изд. 2-е. Стр. 356. Ц. 2 р. 25 к.

ОСТРОВЕР Л. Конец Ключевгорма. 2-е изд. Стр. 232. Ц. 2 р.

С ЗАКАЗАМИ ОБРАЩАТЬСЯ В МАГАЗИНЫ И ОТДЕЛЕНИЯ КНИГОЦЕНТРА и «КООПКНИГИ».

МУЗГИЗ КНИГОЦЕНТР

ЧИТАЙТЕ ЖУРНАЛ

ЗА ПРОЛЕТАРСКУЮ МУЗЫКУ

Орган Российской ассоциации пролетарских музыкантов

ВЫХОДИТ 2 раза в месяц

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ №№ 3 и 4

ТРЕБУЙТЕ в киосках и во всех магазинах КНИГОЦЕНТРА

ПОДПИСКА ПРОДОЛЖАЕТСЯ: годовая цена: на год (24 ном.)—3 р., на 6 мес.—1 р. 80 к., на 3 мес.—75 коп. Цена отд. ном.—15 к.

Содержание № 3

Армия с методными средствами. ● О педсовете, «весенней музыке» и Аникимове (из доклада т. Люсинского). ● Успехи и производственного поэтического совещания РАПП о массовой песне. ● О горячем муалате, Мари и пламенном мосторе. ● Рабочая бригада об Анисимове. ● Борьба с «реакционной» пластинкой в Германии. ● Пролетарская общественность протестует против издания Авиамарша Хайта. Отпор по халтурщикам (письма с мест). Ноты: Эд. Коваль — «Гуляем в коммуне».

Содержание № 4

Против недооценки культурно-политического значения музыки (передовая). Как слушать музыку. Брусок ВАПМ на предприятия (вторая статья). Диспут о музыкальных хулиганствах. 3-я конференция рабочих кружков МАПМ. Огонь по халтурщикам (письма с мест). Перестроим муз. работу (письма с мест). На обсуждение (письма с мест). Петля Маршала Конде и исполнение Сарры Крыловой. Что играть. Вечер Электрозавода. НОТЫ: Бетховен — Сонатина для мандолины.

Подписка принимается: Периодсектором Книгоцентра (Москва, Ильинка, 3), магазинами и отделениями Книгоцентра и на почте

НОВЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ МАССОВЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ ОБЩЕСТВА ИСТОРИКОВ-МАРКСИСТОВ при Коммунистической академии ЦИК СССР

БОРЬБА КЛАССОВ

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР М. Н. ПОКРОВСКИЙ

ЖУРНАЛ ЯВИТСЯ БОЕВЫМ БОЛЬШЕВИСТСКИМ ОРГАНОМ ПРОПАГАНДЫ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА НА ОСНОВЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ОПЫТА КЛАССОВОЙ БОРЬБЫ

Ставя своей задачей систематическое ознакомление широких читательских масс (члены партии, комсомольцы, рабочие, студенчество, колхозный актив и т. д.) с историей классовой борьбы, преимущественно XIX и XX вв., журнал будет помещать небольшие статьи, очерки, воспоминания, дискуссионные материалы, художественные произведения исторического содержания, новые документы прошлого и т. д.

ЖУРНАЛ БОГАТО ИЛЛЮСТРИРОВАН

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: год—10 руб., 6 мес.—5 р. 50 к., 3 мес.—3 руб.

С приложением большой популярной иллюстрированной библиотеки

ВСЕМИРНОЙ ИСТОРИИ

в 24 книгах, которые в целом осветят основные вопросы мировой истории, с марта по конец года—24 руб. Допускается рассрочка: при подписке—8 руб., к 1 мая—5 р. 50 к., к 1 июля—5 руб., к 1 октября—5 р. 50 к., к 1 ноября—4 руб.

Подписку сдавайте только на почте письмоносцам.

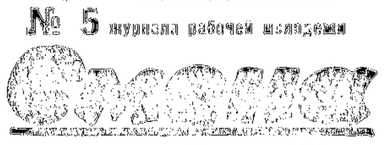
Акц. Изд. О-во «ОГОНЕК»

ГОС. ИЗД-ВО „МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ"

ФАБЗАВУЧЕНИК, ЮНЫЙ ПРОЛЕТАРИЙ, ЧИТАЙ

Роман фабрично-заводской ученической жизни «Детища ленинского комсомола» — ячейкам по сущему сезонной кумпанией вещи рабочего спроса.

№ 5 журнала рабочей молодежи



ПРОСВЕЩЕНСКИЙ Х-ЛЕТИЙ ФЗУ.

Выходит из-дних. Цена отдельн. номера—15 к.

ПРОДПИСКА НА ЖУРНАЛ на 1931 г.

На приложения:

С приложен. на г.—7 р., на 6 м.—3 р. 50 к., на 3 м.—1 р. 75 к.

Без приложения: на год—4 р., на 6 м.—2 р., на 3 мес.—1 р.

Каждый фабзавученик — подписчик «СМЕНЫ».

ГИХЛ КНИГОЦЕНТР

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ

НА СТРАЖЕ

Рассказы, стихи, очерки о Красной Армии (массовая библиотека)

Стр. 207, к. 60 к.

В СБОРНИКЕ УЧАСТВУЮТ: П. Асеев, Д. Бедный, К. Большаков, Вс. Вишневский, Б. Галин, С. Диковский, А. Исбах, С. Кирсанов, М. Кольцов, Н. Костерев, Н. Лапшин, А. Новиков-Прибой, А. Сурков и др.

МАЯКОВСКИЙ В. ГОТОВЬСЯ! ЦЕЛЬСЯ!

Сборник стихотворений на мотивы о Красной Армии и гражданской войне. С предисл. Ф. Кона (массовая библиотека). Стр. 158, п. 40 к.

СОДЕРЖАНИЕ: Десятилетняя поэма. Левый марш. Возьмем винтовки поплюе. Марш обороны. Потьма. На Западе все спокойно. Прочь руки от Китая. Из поэмы «Хорошо». Из поэмы „У Интеграционал". Сказка о дезертире и мн. др.

ВСЕ ЖУРНАЛЫ ОЛЬКО

на почту или письмоносцам сделайте подписку на 1931 г. на изд. Гид. Каз. О-ва

«ОГОНЕК»
«Всемирная история»
«Искры науки»
«За рулем»
«Изобретатель»
«Советское фото»
«Журналист»
«РОСТ»
«Литературная ГАЗЕТА»

Подписка в Издательство направлять не следует. Высылка переводов в Издательство затрудняет и замедляет исполнение подписки

МАССОВЫЙ литературно-художественный и культурно-бытовой журнал

РОСТ

МАССОВЫЙ ОРГАН ПРОЛЕТАРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ВЫХОДИТ ДВА РАЗА В МЕСЯЦ

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1931 год

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: 12 мес. — 3 р., 6 мес. — 1 р. 50 к., 3 мес. — 75 к.

Подписку сдавайте на почту и письмоносцам. Деньги в Редакцию посылать не следует

Адрес: Москва, Тверской бульвар, 6, Страстной б., 11

ВНИМАНИЮ подписчиков журналов „ОГОНЕК" и „ИСКРЫ НАУКИ" с приложением книг „ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ"

С 1 марта прекращается высылка изданий подписчикам, не уплатившим ВТОРОГО ВЗНОСА: по «Огоньку» с «Всемирной Историей»—4 р. 800 — Искрам Науки» с «Всемирн. Историей» 5р.

Взносы следует направлять ТОЛЬКО НА ПОЧТУ

Изд. Изд. О-во „ОГОНЕК"

По взносам, поступившим с опозданием, высылка журналов не гарантируется

ПЕРВАЯ КНИГА „ВСЕМИРНОЙ ИСТОРИИ" ПЕЧАТАЕТСЯ и в марте будет разослана.

Государственное Издательство „МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ"

Книгоцентр

РАБОТНИКИ комсомольской печати и ячеек ВЛКСМ, читален, библиотек, красных уголков и изб-читален, клубов, культотделов, фабзавкомов и месткомов

ЧИТАЙТЕ и ПОДПИСЫВАЙТЕСЬ на ежемесячный журнал по вопросам молодежной печати

КНИГА МОЛОДЕЖИ

Орган ЦК ВЛКСМ

Борется за нужную комсомолу и рабочей молодежи книгу, мобилизующую молодежь на активное участие в строительстве социализма

„КНИГА МОЛОДЕЖИ" учит, как надо работать с книгой, как надо пользоваться книгой, журналом, газетой в работе и учебе.

„КНИГА МОЛОДЕЖИ" указывает, что необходимо прочесть по актуальным вопросам социалистического строительства, чтобы быть подготовленным для выполнения боевых заданий партии и комсомола, чтобы получить теоретическую зарядку по всем вопросам практической работы.

„КНИГА МОЛОДЕЖИ" воюет с халтурой, с вредными и плохими книгами и учит, как комсомол и молодежь должны продвигать в массы книгу, журнал, газету. Обучает практическими навыкам молодежных кадров, работающих в молодежной печати, борется за низкий комсомола и рабочей молодежи в литературу, борется за рабочие кадры авторов молодежной книги.

С 1 января журнал „КНИГА ДЕТЯМ" влился в журнал „КНИГА МОЛОДЕЖИ".

С 1 января журнал „Книга молодежи" освещает также ВОПРОСЫ ДЕТСКОЙ ПЕЧАТИ.

„КНИГА МОЛОДЕЖИ" беспощадно борется с аполитичностью в детской книге, с плохим оппортунизмом в детской литературе. ЗА НОВУЮ, ДОЛЖНУЮ СОВЕТСКУЮ ДЕТСКУЮ КНИГУ, дает развернутую критику детской литературы, борясь за новые жанры и стиль, созвучные великой эпохе социализма.

В ближайших номерах журнала будут освещены следующие вопросы: смотр молодежной книги, редакционные планы на 1931 г., как проработать решения IX с'езда комсомола, производственно-техническая книга, смотр национальной молодежной и детской книги (в первую очередь комсеты УССР), итоги I Всесоюзной конференции по детской книге.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: На год (12 номеров)—3 р. 40 к., на 6 мес.—1 р. 70 к., на 3 мес.—85 к. Отдел. номер—30 к.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ Периодсектором Книгоцентра (МОСКВА, Ильинка, 3), магазинами и отделениями Книгоцентра и на почте.

Уполном. Главлита В 29516

Типография (№ 6) треста Мосполиграф, ул. Свердлова-Степанов, д. 1.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Орган Федерации Об'единений Советских Писателей РСФСР

МОСКВА 9 МАРТА 1931 г. № 13 (112)

РЕДАКЦИЯ: Тверской бульвар, 25, Дом Герцена. Тлф. 2.80.12

В ПОХОД ЗА ОВЛАДЕНИЕ ТЕХНИКОЙ

„ПОРА ПОКОНЧИТЬ С ГНИЛОЙ УСТАНОВКОЙ НЕВМЕШАТЕЛЬСТВА В ПРОИЗВОДСТВО, ПОРА УСВОИТЬ ДРУГУЮ, НОВУЮ, СООТВЕТСТВУЮЩУЮ НЫНЕШНЕМУ ПЕРИОДУ УСТАНОВКУ: ВМЕШИВАТЬСЯ ВО ВСЕ"

И. СТАЛИН

ЛИТЕРАТУРА И ТЕХНИКА

Выступление Сталина на совещании хозяйственников начало поход рабочего класса за овладение техникой.

Лозунг «лицом к технике» выдвинут и формулирован И. Сталиным как один из важнейших лозунгов развернутого социалистического наступления и классовой борьбы пролетариата. Успехи социалистической индустриализации, рост пролетарских кадров на всех участках хозяйственного и культурного строительства, успешное выполнение и перевыполнение пятилетки,—все это создает возможность и необходимость такого положения, при котором пролетариат руководил бы ВСЕМ, отвечал бы за ВСЕ, ВМЕШИВАЛСЯ БЫ ВО ВСЕ.

Советская литература должна включиться в поход рабочего класса за овладение техникой. Публикуемые нами сегодня материалы — беседы с хозяйственниками, воззвание партийного комитета и завкома АМО, сообщение о работе, намечаемой в РАПП — свидетельствуют о том, насколько назрела потребность поворота литературы лицом к технике. Было бы, разумеется, неправильным полагать, будто ОСНОВНАЯ причина трудностей перестройки литературы в реконструктивный период заключается в ТЕХНИЧЕСКОЙ МАЛОГРАМОТНОСТИ писателей. Но нет сомнения и в том, что эта малограмотность является серьезной ПОМЕХОЙ в перестройке,—помехой, препятствующей художественному охвату действительности во всем ее многообразии и пониманию своеобразия нового этапа революции во всей его полноте. Русская литература — в силу хозяйственной отсталости старой России — за редким исключением никогда не интересовалась вопросами техники. Последние годы не произвели в этой области КОРЕННОГО перелома, хотя и наметили некоторые СДВИГИ. Попрежнему в среде писательской профессионалов преобладает тип писателя-«гуманитария»,—попрежнему литература в большинстве случаев рассматривает область производственных сил как «ВНЕЛИТЕРАТУРНЫЙ материал»,—попрежнему писатель беспомощен и растерянно стоит перед вопросами технической реконструкции народного хозяйства.

С этой точки зрения весьма показательны результаты поездки писательских бригад на промышленные предприятия. Такие поездки, во многом содействовавшие перестройке советской литературы, не могли дать необходимого и желательного результата в числе прочего и потому, что большинство писателей не имело ТЕХНИЧЕСКОЙ КВАЛИФИКАЦИИ. От сохи и кользаму, от предприятия с допотопным, архаическим оборудованием, до Днепростроя, Кузнецкстроя, Магнитогорска, — этим измеряется сейчас размах реконструкции технических основ народного хозяйства. Новая техника требует иной квалификации рабочих и управляющего персонала, она порождает новые трудовые навыки, она закладывает фундамент новых производственных отношений. Но здесь литература особенно запаздывает и отстает. Она в большинстве случаев не понимает этого процесса, либо подходит к нему поверхностно.

Что же означает поворот лицом к технике для советской литературы? Прежде всего—овладение необходимым МИНИМУМОМ ТЕХНИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ. Писательские организации и Федерация об'единений советских писателей в целом обязаны использовать обращение завода АМО для начала длительной кампании по включению советской литературы в поход рабочего класса за овладение техникой. Связь писательских организаций с научно-техническими учреждениями и об'единениями, создание специальных серий в планах литературно художественных издательств, устройство особых совещаний и собраний, поездки писателей на предприятия, — все это должно быть использовано для того, чтобы ликвидировать техническую отсталость советской литературы.

Поворот литературы лицом к технике означает художественную ПОПУЛЯРИЗАЦИЮ ТЕХНИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ. Но к этому задачу СВОДИТЬ нельзя. Речь идет о БОЛЬШЕМ — О РАСШИРЕНИИ ТЕМАТИКИ, об овладении литературой тем «материалом», который оставался для нее запретным и «внелитературным». Само собой разумеется, что вопросы техники могут быть правильно поставлены советским писателем лишь в тесной связи с вопросами КЛАССОВОЙ БОРЬБЫ И ПОЛИТИЧЕСКИМИ ЗАДАЧАМИ рабочего класса. Нужно дать решительный отпор ПРИСПОСОБЛЕНЧЕСТВУ И ХАЛТУРЕ, спекулирующим на «техническом голоде» в литературе. Нужно дать решительный отпор попыткам использовать технику в качестве ТРАМПЛИНА ДЛЯ ПРОВЕДЕНИЯ РЕАКЦИОННЫХ ИДЕЙ под маской приспособленчества (роман Б. Пильняка «Волга впадает в Каспийское море» служит одним из примеров таких попыток). Нужно дать решительный отпор ДЕЛЯЧЕСКОМУ подходу к технике, тенденциям деляческого ТЕХНИЦИЗМА, буржуазным теориям и практике, отводящим человеку роль ПРИДАТКА к машине. Нужно, иными словами, дать отпор всем и деяческим попыткам ИСКАЖЕНИЯ, ВУЛЬГАРИЗАЦИИ И ОПОШЛЕНИЯ лозунга овладения техникой.

В реализации этого лозунга огромную роль могут сыграть РАБОЧИЕ-УДАРНИКИ, призванные в пролетарскую литературу. Они, работая на предприятии, могут явиться НИЗОВЫМИ ОРГАНИЗАТОРАМИ литературного похода за овладение техникой, - они могут одними из первых, используя опыт издательства ВЦСПС, создать серию массовых художественно технических книг.

И, наконец, лозунг овладения техникой имеет еще одно, специфическое для литературы, значение. Художественное творчество имеет СВОЮ—литературную — ТЕХНИКУ. Борьба за художественное качество, как борьба за мировоззрение и творческий метод, не исключает, а предполагает повышение качества литературной техники. В литературной общественности есть немало людей, которые ограничивают свою литературную деятельность разговорами «ОКОЛО» литературы, «В СВЯЗИ» с литературой, «ПО ПОВОДУ» литературы, — разговорами о литературе «ВООБЩЕ». Только тот может быть активным участником литературного движения, кто умеет «вмешиваться» во все области литературного процесса,—кто умеет охватить этот процесс и в его общем значении, и в его специфике.

Капитализм не только создавал пропасть между умственным и физическим трудом. Он также обособлял одну группу работников умственного труда от другой, он делал технику монополией особой группы технической интеллигенции. Выдвигая перед советской литературой лозунг овладения техникой, мы боремся за политическую квалификацию советского писателя.

В. М. СВЕРДЛОВ

Ответственный секретарь ВАРНИТСО

ПОКАЖИТЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКУЮ ТЕХНИКУ

Лозунг т. Сталина об овладении техникой имеет решающее значение в период развернутого социалистического наступления. Мы должны вооружить техникой широкие массы рабочих и колхозников, чтобы они стали еще более сознательными участниками социалистического строительства.

Огромным пробелом художественной литературы является недостаточное внимание, уделяющееся перестройке технической базы нашего хозяйства и овладению социалистической техникой. Совершенно недопустимым является также встречающееся подчеркивание неправильности, а порой и безграмотность в описании производственных процессов, аппаратов и машин, в произведениях наших писателей. Этими недочетностями страдают в очерках, которые слишком мало занимаются сбором из точности описания технических процессов, увлекаясь порой внешней формой, замечая мелочи и не концентрируя внимания за основном, главном и решающем на данном производстве. Кроме того, не подчеркивается в достаточной степени различие между технической капиталистической и социалистической. В конструкция машины и в ее применении, кроме признаков технической целесообразности и получения высокой эффективности, мы ставим себе еще одну задачу — приспособления машины к условиям свободного творческого труда. Это часто ведет не только к упрощению конструкции, но и делает рабочего не придатком машины, автоматом, как это имеет место в капиталистических странах, — в сознательным участником строительства социализма.

Надо, чтобы эта сторона получила широкое освещение с нашей художественной литературе. Надо, чтобы свежая мысль в технике, то исключительное сегодня, которые открывают новые формы свободного труда, получили яркое художественное оформление в нашей литературе. Надо не забывать, что мы не только применяем новейшие достижения западноевропейской и американской техники, но что мы эти достижения и завоевания человеческой мысли должны передавать, приспособляя их к нашей организации труда и к нашей плановой социалистической системе хозяйства. Это изменяет и приспособление капиталистической техники к условиям советского строительства представляет также широкое поле для художественного творчества.

Вот, например, факт, который несомненно составляет бы широко известен, ибо он является чрезвычайно показательным.

Года два назад одна конструкторская группа взялась за постройку советских кранов американской системы «Деррик». Вместо того чтобы слепо копировать американскую конструкцию, работающую на Днепрострое, конструкторы решили переделать в корне всю конструкцию для того, чтобы обеспечить безопасность труда рабочих. В американской конструкции управление всеми тремя движениями крана: «подъем», «спуск», «поворот», централизовано, и рукоятки управления этими движениями сосредоточены в одном месте. Вследствие этого иногда случается так, что при напряженной работе рабочий берется не за ту рукоятку, и в результате груз, вместо того чтобы подниматься вверх, летит вниз, на рабочего, не ожидавшего падения груза. Наши конструкторы приспособили систему управления, разбили ее на три отдельных агрегата и тем самым обеспечили безопасность работы «Деррика».

Или, например, другое: при проектировании строительства металлургических гигантов американцы часто создают проекты, почти полностью игнорирующие безопасность труда. Особенно это имеет место в американских проектах сверхгигантов, горячих цехов, и т. д. Мы, разумеется, эти проекты переделываем и умеем сохранить жизнь рабочих.

Возьмем другой пример из области работ так называемой поточной системы. В Америке, естественно, при этой системе рабочих превращают в автомат (известным значением этой формулы).

Мы, естественно, должны стремиться к тому, чтобы уничтожить утомительность и «однообразие в работе», и наша комсомольская молодежь на Сталинградском тракторном заводе придумала метод «живого» конвейера, когда бригада рабочей молодежи у конвейера сталкивается каждый день передвигается на одно конвейерное место, благодаря чему каждый рабочий периодически меняет свою работу, освежая себя, тем самым получая свежий приток энергии. На одном американский организатор, которому нет никакого дела до самочувствия рабочего, прикованного к конвейеру, не мог найти на что-либо подобное.

Я привел эти примеры для того, чтобы показать, что нельзя описывать производственные процессы, работу машин без условий труда при социалистической плановой системе хозяйства, что техника не является нейтральной; что при художественном оформлении необходим не только показ полного человека, вынужденного в условиях строительства социализма, но и при описании машин, описании техники необходимо исходить из условий, отличных от применяемых при капитализме и при социализме. Разумеется, при всем этом не должны пострадать формальные и художественные достоинства литературных произведений.

К ПРОЛЕТАРСКИМ ПИСАТЕЛЯМ

Обращение парткома и завкома завода „АМО" к РАПП и НАПП

Выполняя директиву партии, заводы «Амо» и «Красный путиловец» начали внутризаводской поход за освоение техники, за подготовку кадров.

Рабочие заводов «Красный путиловец» и «Амо» обратились с письмом ко всем рабочим, колхозникам и совхозникам СССР о включении двух заводов-гигантов — 31.000 «краснопутиловцев» и 12.000 «амовцев» в массовой поход за овладение техникой. «Красный путиловец» вызвал завод «Амо» на социалистическое соревнование по техучебе и подготовке кадров. Социалистический договор обсужден и одобрен на групповых и цеховых собраниях обоих заводов и утвержден общезаводской конференцией ударников завода «Амо» совместно с делегацией «Красного путиловца».

Только тот может быть активным строителем социализма, кто вооружен техническими знаниями. Амовцы и краснопутиловцы призывают все предприятия СССР включиться в этот массовый поход, чтобы социалистическое соревнование за освоение техникой охватило всю страну.

Советские писатели, и в первую очередь пролетарские писатели должны включиться в боевой поход амовцев и краснопутиловцев.

Пролетарский писатель должен своим художественным словом пропагандировать среди рабочих техническое знание, должен сам овладеть техникой.

Мы предлагаем:

Московской областной ассоциации пролетарских писателей принять участие во внутризаводском походе «Амо», оказать ему практическую помощь путем выделения бригады пролетписателей на наш завод и вызвать ЛАПП на социалистическое соревнование для включения ЛАПП в аналогичный внутризаводский поход «Красного путиловца».

Пролетарский писатель должен помочь двум первым гигантам-заводам, вступившим в боевой поход за технику. Мы ждем от пролетписателей Москвы и Ленинграда художественных произведений (очерков, рассказов, стихов), популяризующих этот поход рабочих за овладение техникой и передачу этого опыта всем заводам СССР.

ПАРТКОМ ВКП(б) ЗАВОДА «АМО»
ЗАВКОМ «АМО»

Ф. ПАНФЕРОВ

РАПП ВКЛЮЧАЕТСЯ В ПОХОД ЗА ТЕХНИКУ

Без знания техники невозможно отразить в художественной литературе борьбу за социалистическую стройку. Отставание пролетарской литературы от современности в значительной мере объясняется именно тем, что пролетписатели мало и плохо знакомы с техникой, управлением промышленности, колхозным сектором, очень слабо знакомы с вопросами организации социалистического труда. В этой области РАПП должен провести упорную и длительную работу.

РАПП организует специальную комиссию по вопросам техники, в которую вошли тт. Ильенков, Ермилов, Ильин, Галин, Панферов, Исбах, Зингалов (ВЦСПС) и Клушина (газета «За индустриализацию»). В ближайшее время РАПП организует ряд бесед для пролетписателей силами работников ВСНХ, Промакадемии и Комакадемии. Вот перечень первых тем этих бесед с пролетписателями: Днепрострой его значение в СССР, история борьбы за Днепрострой; Кузбасс; Свирьстрой; Баку—нефть, Донбасс и др.

Организация тематических бесед ставит основную задачу—привлечь внимание пролетписателей к этим вопросам. Пролетписатели, заинтересовавшись одним из видов строительства, будут связаны с соответствующими хозяйственными организациями для поездки на места и непосредственного ознакомления с процессом строительства. Когда определятся группы писателей, изъявивших желание выехать на строительство, РАПП организует для этих групп ряд специальных лекций руководителей этих строительств.

По этой же схеме РАПП предлагает всем своим организациям провести ряд аналогичных бесед и лекций. При РАПП будет организована консультация с привлечением профессоров и специалистов, близко стоящих к литературе. Эти же вопросы в более популярной форме надо поставить во всех организациях РАПП и пользовать доступные формы для литкружковцев-ударников, чтобы включить их в общее движение за овладение техникой. Литредакциям должны будут предложить участие в работе своего предприятия, т. е. его походе за овладение техникой путем освещения этих процессов в заводских газетах, участия в бригадах и изучении того как они практически овладевают техникой.

Для этого РАПП предполагает договориться с рядом издательств о производстве имеющихся у них тем для произведений, отражающих научно-технические вопросы. Темы для произведений будут розданы литкружковцам, чтобы они коллективно написали брошюры на ту или иную тему.

В ближайшее время выходит из печати рапповский сборник, в котором будет освещено наше строительство и наши достижения на научно-техническом фронте. Журнал «Октябрь» с ближайших номеров будет уделять широкое внимание вопросам техники. Например, в № 3 журнала «Октябрь» будет помещен роман Б. Полевого «Баку» на тему о внедрении техники в социалистическую нефтяную промышленность и роман В. Ильенкова «Ведущая ось» на тему об овладении техникой на машино-строительном заводе.

Н. А. КИБИЗОВ

Председатель культполитсовета завода „АМО"

ОРГАНИЗОВАТЬ ПИСАТЕЛЬСКИЕ СЕМИНАРЫ

Пролетарский писатель должен овладеть техникой. Помимо работы по изучению производства — необходимо организовать для пролетписателей, которые будут посланы на наш завод в помощь внутризаводскому походу, семинар по автоделу (и такие же семинары по другим отраслям производства).

Посредством этих семинаров писатели сумеют изучить основы нашего производства, усвоить нашу производственную терминологию, чтобы язык писателя, в произведениях, освещающих процессы производства, был ясен и понятен рабочему читателю.

МАПП, которой мы предлагаем выделить бригаду пролетписателей на завод «Амо», сумеет это провести, связавшись с инженерно-технической секцией нашего завода; ИТС сможет руководить семинаром для писателей, организовав серию лекций и бесед.

Писатели должны изучить, какие новые процессы происходят в рабочей среде, в связи с реализацией призыва тов. Сталина, об усвоении техники. Путем научных бесед писатели сумеют выявить, чем живет сейчас рабочий в связи с общезаводским походом за технику. Изучив эти процессы, овладев минимумом технических знаний, пролетписатели получат основной материал и критерий для создания художественных произведений о героическом походе рабочих за технику.

На заводе «Амо» сейчас уже организовано 20 бригад — учебных «кружков техники» им. т. Сталина. Писатели должны помочь выявить из числа этих бригад рабочих - авторов технической книги, помочь им овладеть писательским мастерством, творчески оформить новую волну энтузиазма рабочих-ударников в борьбе за технику.

Н. М. ФАДЕЕВ

Пом. директора завода „АМО"

ИЗУЧИТЕ ПРОЦЕССЫ ПРОИЗВОДСТВА

Надо приветствовать почин «Литературной газеты», выдвинувшей вопрос о практическом включении советских и пролетарских писателей в поход за овладение техникой.

Пролетарским писателям необходимо теснее связаться с ударниками нашего завода и перенять от них ударные темпы работы. Пролетписатели должны ознакомиться с процессом производства, научить его, принимать участие в наших деловых и общезаводских производственных совещаниях.

На нашем заводе бригада Пономарева первой объявила себя «бригадой техники» имени тов. Сталина. Пролетписатели должны теснее связаться с этой и другими такими же бригадами, научить их опыт и перенять его всем рабочим и художественным произведениям. Это будет ценным мероприятием в деле популяризации производственного опыта квалифицированных рабочих, мастеров и бригадиров новым кадрам рабочих.

Наш литкружок ударников, призванных в литературу, также включается во внутризаводской поход за технику. Пролетписатели должны помочь литкружковцам в этой работе. Очень желательны выступления пролетписателей в цехах во время обеденных перерывов с чтением стихов, рифмованных лозунгов, написанных в связи с внутризаводским походом амовцев.

10 марта мы устраиваем общезаводскую конференцию ударников-амовцев. Как одно из мероприятий по конференции техники, мы обсудим на этой конференции вопрос об изучении быта на заводе.

Было бы очень полезно присутствие писателей на этой конференции.

ВЕРА ИНБЕР

ПРИВЕТСТВУЮ ВАС

Нечаянно, нежданно,
Берусь за твой портрет,
Далекая гражданочка
Одиннадцати лет.
Идет она по улице,
Не улица, положим,
Тупичок, тупик.
За спиной сутулится
Из тетрадей книги
Ранец, полный книг.
Облака опущены
Нежно.
Дождик брызжет,
Круглый, как слеза.
На лице всклокоченном
Созершенно рыжие
Быстрые глаза.
Я неисповедимо
Сластена. Шутка ли,
В первый раз
Я на конке первую
Женщину-кондуктора
Видела сейчас.
Значит, мы недаром
Будущая сила.
Что же, подождем»
И на тротуаре,
При участьи ранца,
Я изобразила
Нечто вроде танца
Под дождем...

Ранец. Танец. Дождь плеснул.
Станция по соседству.
Какое пустое, по существу,
Воспоминанье детства.
Но и сейчас, годами шурша,
Близка мне эта кондукторша.
Она, сведя деловую бровь,
Властвует над трамваями
Она, как первая любовь,
Просто незабываема.
Вы не видели, жаль, ее лица,
Но она ваша родная мачеха,
Трактористки, шоферши,
Пролетарки советской земли!
Вы, чьи руки все творче
Берутся за руля.
Архитекторши, инженерши,
Дети трудовых пятилетий,
Вам не мешает вздохнуть
О тех, быть может уже умерших,
Для которых бесправьем
И страшен был бабий путь.
Зря они свою силу тратили.
А теперь поворот мной —
Наравне с мужьями и братьями
Владейте вы страной.
Приветствую вас. И затем еще я
Посторю на сегодня: «Да здравствует
Кухарка, умеющая
Управлять государством!»

СЕГОДНЯ ЛИТЕРАТУРНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

⁂ В связи с задачей овладения техникой, секретариат ФОСП решил организовать встречу писателей с ВАРНИТСО. На вечере выступит один из руководителей ВАРНИТСО с докладом по научно-техническим вопросам.

⁂ Обсудили состав редакционной коллегии журнала «Красная новь». В новой редколлегии: А. Фадеев, Л. Леонов, В. Иванов, Герасимов. Редакцией разрабатывается новый производственный план, который будет на-днях обсужден в ФОСП.

⁂ В Москву приехал немецкий революционный писатель Курт Клебер.

⁂ Президиум Мособлотдела профсоюза бумажников и печатников организует 14 марта в клубе ФОСП выездное заседание, посвященное работе Месткома писателей. На заседание приглашается писательский актив. После доклада Месткома писателей бригада Облотдела союза сообщит о результатах проведенного ею обследования Месткома.

⁂ ЛенФОСП направляет на посевную кампанию ряд писательских бригад. В распоряжение ФОСП РСФСР выезжает бригада в составе тт. Уксусова, Мартынова, Тарасенко, Каверина и Ирчина. Выехала в составе М. Зощенко, Виткевича, Прокофьева, Тощакова и Покровского выезжает по путевке Сельхозиза. На-днях выезжают писатели Чернонов, Молчанов, Мелковская и Остров.

⁂ ЛОКАФ провел на-днях в клубе ФОСП совещание, посвященное вопросам творческой работы об'единения. С докладом о литературно-политических требованиях, предъявляемых ЛОКАФ к произведениям о Красной армии, выступил т. Л. Дегтярев. После доклада развернулись прения, в которых приняли участие локафовцы, обнаружившие свой творческий мобилизованными для создания произведений на военные темы. Надо отметить, что из 30 локафовцев, включившихся в творческую мобилизацию, около 20 человек, главным образом высококвалифицированные писатели, не явились на это важное совещание.

⁂ Секретариат МАПП в данное время уделяет на приемке ударников летнее на техучебные кадров рабочей критики из рабочих читательских кружков. Для популяризации этого дела разборы МАПП созвали рабочие собрания актива литкружковцев.

⁂ Для ознакомления с работой в помощь МОПКИ организована меньшевская бригада в составе тт. Галецкого (бригадир), Изаницкого (ПАРП), Аксанова (Фил Москвошвей), Стегалина (Завокперсонала Моссукна) и Шапкина (Пролетарский райбюро МАПП, Москва (Бауманское райбюро) и Шапкина (Ленинское районное бюро).

⁂ Секретариат БОАПП утвердил Б. Ковалевского секретарем БОАПП. В рабочий секретариат БОАПП входят, таким образом, А. Сидельковский, Л. Дабагян и Б. Ковалевский.

К ПЯТОЙ ГОДОВЩИНЕ СО ДНЯ СМЕРТИ Д. А. ФУРМАНОВА

15 марта исполняется пять лет со дня смерти т. Дмитрия Фурманова.

МАПП организовал комиссию по проведению годовщины.

На собраниях литкружков будут организованы доклады, посвященные жизни и творчеству Д. А. Фурманова. Организуются радио-вечер и радио-передача «Рабочий подлеток» памяти Фурманова. Литумолей и уголковые откроет выставку, посвященную творчеству Д. А. Фурманова.

11 марта в Театре им. МОСПС для литкружковцев-ударников устраивается вечер памяти Фурманова. Аналогичный вечер будет проведен 15 марта в Центральном Доме Красной армии. На этом вечере, после доклада Л. АВЕРБАХА, с воспоминаниями о т. Фурманове выступят тт. В. КИРИЛЛОВ, А. ФУРМАНОВА, МАТЭ ЗАЛКА, А. ИСБАХ и др. В заключение вечера Театр им. МОСПС покажет отрывок из пьесы Фурманова «Мятеж», артисты прочтут также отрывки из произведений Д. Фурманова.

НЕИЗВЕСТНАЯ СТАТЬЯ М. ГОРЬКОГО

В ленинградском отделении Центрархива обнаружена неизвестная статья Максима Горького, написанная в декабре 1914 года для газеты «День» и запрещенная к печати царской цензурой. Статья называется «Несвоевременное». Максим Горький выступает в ней против неуместных шовинистических речей писателей, в частности, против Леонида Андреева.

М. Горький опровергает мнение Андреева о том, что «еще сегодня нам кричал К. Либкнехт: «Варвары, вас надо вышвырнуть за Урал». Могу это (Андрееву) сказать — заявляет Горький, — это он (Гейне) с забулдыгами альманаха «Сатирикон». Карл Либкнехт не сказал и не мог сказать подлых этих слов». И чем больше чувствует «любезнейший М. Горький — в нем русские серьезные свойства,—наш мужик,—относятся к своему праву честно, благородно, чем культурные люди—русские писатели».

От нашего корреспондента

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЛЕНИНГРАД

5 План, догоняющий работу.—Доклад Юр. Либединского.—За локафизацию! В чем отстает РАПП.—„Лучшие традиции" ВСЕКП.—„Линия принципиальной защиты".—О чертеже писательской психики

В нашему рабочему корреспонденту в Ленинградских литорганизациях и помещений определенный подъем литературной общественности в вопросам творчества, связанным с ЛенФОСП (разработка производственный плана на 1931 год). В основе — это план ФОСП РСФСР, но с определенным «ленинградским акцентом». Последний, прежде всего, сводится до стыка с учетом специфических особенностей литературного Ленинграда, сколько имеется в виду московских писателей и названий московских журналов — централизация печатания в ленинградскими надписями. Некоторый формализм, в свое время отмеченный «Литгазетой» в плане ФОСП РСФСР, сказывается и в ленинградском плане.

***

В истории ЛенФОСП, до последнего времени оставлявшего каких-то внезапным «упрощением», кажется, впервые подводится политический баланс литературного сезона. Доклад Юр. Либединского носящим «точки» над многими «и».

В чему сводились основные положения в докладе Юр. Либединского? Прежде всего, к категорическому опровержению разговоров о кризисе советской литературы.

Именно сейчас, когда приближается час последней схватки труда с капиталом, когда весь мир с напряжением следит за строительством социализма в СССР — один — с готовностью нам помочь, другие — с ненавистью, — особенно резко общемировое значение работы советского писателя. Белла советского писателя, немедленно перешедшая, жадно читаемая за рубежом, становится крупным фактором защиты СССР.

Другое дело, что наша литература еще недостаточно «локафизирована», еще не приняла знамени обороны Советского союза, страдающего социализм. Этим задачам в последнее время был посвящен ряд конкретных политических выступлений писателей, в частности Максима Горького — писателя, у которого мы должны учиться защищать нашу страну; им писан интересные письма к иностранным писателям в «Литературной газете» — но этого мало.

Связи писателей мы вправе ждем прямых пособников международной буржуазии (выступления Бенеша в Байонне, Серра, контрреволюционные настроения отдельных крестьянских писателей, выражающих кулацкую идеологию): таких писателей, правда, очень немного, но их нельзя скинуть со счетов.

***

Констатируя неоднородность советской литературы, Юр. Либединский характеризует расстановку сил на литературном фронте. Разгром «Литфронта», собравшего в «последний и решительный» раз все враждебные пролетарские литературные силы для нападения на РАПП (политический эквивалент «блока» с замечательной благополучно был сразу установлен напостовским руководством организации), жестокая самокритика, решительный поворот к производству, — все это укрепило пролетарский отряд советской литературы, дало ему ведущее положение. Но и в АПП темпы перестройки не всегда достаточны. В ленинградской ассоциации, например, еще полностью не закреплен призыв участников в литературу, сюда не перешел московский опыт реальных производственных секций.

***

На последних перевыборах правления ВССП группа членов союза голосовала против кандидатур коммунистов. Кто-то назвал Юр. Либединский прямо одним из вождей, противников на пленумах тов. Сталина, об усилении техники.' Путем научных бесед писатели сумеют выявить, чем живет сейчас рабочий в связи с общезаводским походом за технику. Изучив эти процессы, овладев минимумом технических знаний, пролетписатели получат основной материал и критерий для создания художественных произведений о героическом походе рабочих за технику.

На заводе «Амо» сейчас уже организовано 20 бригад — учебных «кружков техники» им. т. Сталина. Писатели должны помочь выявить из числа этих бригад рабочих - авторов технической книги, помочь им овладеть писательским мастерством, творчески оформить новую волну энтузиазма рабочих-ударников в борьбе за технику.

Надо приветствовать почин «Литературной газеты», выдвинувшей вопрос о практическом включении советских и пролетарских писателей в поход за овладение техникой.

Пролетарским писателям необходимо теснее связаться с ударниками нашего завода и перенять от них ударные темпы работы. Пролетписатели должны ознакомиться с процессом производства, научить его, принимать участие в наших деловых и общезаводских производственных совещаниях.

На нашем заводе бригада Пономарева первой объявила себя «бригадой техники» имени тов. Сталина. Пролетписатели должны теснее связаться с этой и другими такими же бригадами, научить их опыт и перенять его всем рабочим и художественным произведениям. Это будет ценным мероприятием в деле популяризации производственного опыта квалифицированных рабочих, мастеров и бригадиров новым кадрам рабочих.

Наш литкружок ударников, призванных в литературу, также включается во внутризаводской поход за технику. Пролетписатели должны помочь литкружковцам в этой работе. Очень желательны выступления пролетписателей в цехах во время обеденных перерывов с чтением стихов, рифмованных лозунгов, написанных в связи с внутризаводским походом амовцев.

10 марта мы устраиваем общезаводскую конференцию ударников-амовцев. Как одно из мероприятий по конференции техники, мы обсудим на этой конференции вопрос об изучении быта на заводе.

Было бы очень полезно присутствие писателей на этой конференции.

ВЕРА ИНБЕР

ПРИВЕТСТВУЮ ВАС

Нечаянно, нежданно,
Берусь за твой портрет,
Далекая гражданочка
Одиннадцати лет.
Идет она по улице,
Не улица, положим,
Тупичок, тупик.
За спиной сутулится
Из тетрадей книги
Ранец, полный книг.
Облака опущены
Нежно.
Дождик брызжет,
Круглый, как слеза.
На лице всклокоченном
Созершенно рыжие
Быстрые глаза.
Я неисповедимо
Сластена. Шутка ли,
В первый раз
Я на конке первую
Женщину-кондуктора
Видела сейчас.
Значит, мы недаром
Будущая сила.
Что же, подождем»
И на тротуаре,
При участьи ранца,
Я изобразила
Нечто вроде танца
Под дождем...

Ранец. Танец. Дождь плеснул.
Станция по соседству.
Какое пустое, по существу,
Воспоминанье детства.
Но и сейчас, годами шурша,
Близка мне эта кондукторша.
Она, сведя деловую бровь,
Властвует над трамваями
Она, как первая любовь,
Просто незабываема.
Вы не видели, жаль, ее лица,
Но она ваша родная мачеха,
Трактористки, шоферши,
Пролетарки советской земли!
Вы, чьи руки все творче
Берутся за руля.
Архитекторши, инженерши,
Дети трудовых пятилетий,
Вам не мешает вздохнуть
О тех, быть может уже умерших,
Для которых бесправьем
И страшен был бабий путь.
Зря они свою силу тратили.
А теперь поворот мной —
Наравне с мужьями и братьями
Владейте вы страной.
Приветствую вас. И затем еще я
Посторю на сегодня: «Да здравствует
Кухарка, умеющая
Управлять государством!»

СЕГОДНЯ ЛИТЕРАТУРНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

⁂ В связи с задачей овладения техникой, секретариат ФОСП решил организовать встречу писателей с ВАРНИТСО. На вечере выступит один из руководителей ВАРНИТСО с докладом по научно-техническим вопросам.

⁂ Обсудили состав редакционной коллегии журнала «Красная новь». В новой редколлегии: А. Фадеев, Л. Леонов, В. Иванов, Герасимов. Редакцией разрабатывается новый производственный план, который будет на-днях обсужден в ФОСП.

⁂ В Москву приехал немецкий революционный писатель Курт Клебер.

⁂ Президиум Мособлотдела профсоюза бумажников и печатников организует 14 марта в клубе ФОСП выездное заседание, посвященное работе Месткома писателей. На заседание приглашается писательский актив. После доклада Месткома писателей бригада Облотдела союза сообщит о результатах проведенного ею обследования Месткома.

⁂ ЛенФОСП направляет на посевную кампанию ряд писательских бригад. В распоряжение ФОСП РСФСР выезжает бригада в составе тт. Уксусова, Мартынова, Тарасенко, Каверина и Ирчина. Выехала в составе М. Зощенко, Виткевича, Прокофьева, Тощакова и Покровского выезжает по путевке Сельхозиза. На-днях выезжают писатели Чернонов, Молчанов, Мелковская и Остров.

⁂ ЛОКАФ провел на-днях в клубе ФОСП совещание, посвященное вопросам творческой работы об'единения. С докладом о литературно-политических требованиях, предъявляемых ЛОКАФ к произведениям о Красной армии, выступил т. Л. Дегтярев. После доклада развернулись прения, в которых приняли участие локафовцы, обнаружившие свой творческий мобилизованными для создания произведений на военные темы. Надо отметить, что из 30 локафовцев, включившихся в творческую мобилизацию, около 20 человек, главным образом высококвалифицированные писатели, не явились на это важное совещание.

⁂ Секретариат МАПП в данное время уделяет на приемке ударников летнее на техучебные кадров рабочей критики из рабочих читательских кружков. Для популяризации этого дела разборы МАПП созвали рабочие собрания актива литкружковцев.

⁂ Для ознакомления с работой в помощь МОПКИ организована меньшевская бригада в составе тт. Галецкого (бригадир), Изаницкого (ПАРП), Аксанова (Фил Москвошвей), Стегалина (Завокперсонала Моссукна) и Шапкина (Пролетарский райбюро МАПП, Москва (Бауманское райбюро) и Шапкина (Ленинское районное бюро).

⁂ Секретариат БОАПП утвердил Б. Ковалевского секретарем БОАПП. В рабочий секретариат БОАПП входят, таким образом, А. Сидельковский, Л. Дабагян и Б. Ковалевский.

К ПЯТОЙ ГОДОВЩИНЕ СО ДНЯ СМЕРТИ Д. А. ФУРМАНОВА

15 марта исполняется пять лет со дня смерти т. Дмитрия Фурманова.

МАПП организовал комиссию по проведению годовщины.

На собраниях литкружков будут организованы доклады, посвященные жизни и творчеству Д. А. Фурманова. Организуются радио-вечер и радио-передача «Рабочий подлеток» памяти Фурманова. Литумолей и уголковые откроет выставку, посвященную творчеству Д. А. Фурманова.

11 марта в Театре им. МОСПС для литкружковцев-ударников устраивается вечер памяти Фурманова. Аналогичный вечер будет проведен 15 марта в Центральном Доме Красной армии. На этом вечере, после доклада Л. АВЕРБАХА, с воспоминаниями о т. Фурманове выступят тт. В. КИРИЛЛОВ, А. ФУРМАНОВА, МАТЭ ЗАЛКА, А. ИСБАХ и др. В заключение вечера Театр им. МОСПС покажет отрывок из пьесы Фурманова «Мятеж», артисты прочтут также отрывки из произведений Д. Фурманова.

НЕИЗВЕСТНАЯ СТАТЬЯ М. ГОРЬКОГО

В ленинградском отделении Центрархива обнаружена неизвестная статья Максима Горького, написанная в декабре 1914 года для газеты «День» и запрещенная к печати царской цензурой. Статья называется «Несвоевременное». Максим Горький выступает в ней против неуместных шовинистических речей писателей, в частности, против Леонида Андреева.

М. Горький опровергает мнение Андреева о том, что «еще сегодня нам кричал К. Либкнехт: «Варвары, вас надо вышвырнуть за Урал». Могу это (Андрееву) сказать — заявляет Горький, — это он (Гейне) с забулдыгами альманаха «Сатирикон». Карл Либкнехт не сказал и не мог сказать подлых этих слов». И чем больше чувствует «любезнейший М. Горький — в нем русские серьезные свойства,—наш мужик,—относятся к своему праву честно, благородно, чем культурные люди—русские писатели».

От нашего корреспондента

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЛЕНИНГРАД

5 План, догоняющий работу.—Доклад Юр. Либединского.—За локафизацию! В чем отстает РАПП.—„Лучшие традиции" ВСЕКП.—„Линия принципиальной защиты".—О чертеже писательской психики

В нашему рабочему корреспонденту в Ленинградских литорганизациях и помещений определенный подъем литературной общественности в вопросам творчества, связанным с ЛенФОСП (разработка производственный плана на 1931 год). В основе — это план ФОСП РСФСР, но с определенным «ленинградским акцентом». Последний, прежде всего, сводится до стыка с учетом специфических особенностей литературного Ленинграда, сколько имеется в виду московских писателей и названий московских журналов — централизация печатания в ленинградскими надписями. Некоторый формализм, в свое время отмеченный «Литгазетой» в плане ФОСП РСФСР, сказывается и в ленинградском плане.

***

В истории ЛенФОСП, до последнего времени оставлявшего каких-то внезапным «упрощением», кажется, впервые подводится политический баланс литературного сезона. Доклад Юр. Либединского носящим «точки» над многими «и».

В чему сводились основные положения в докладе Юр. Либединского? Прежде всего, к категорическому опровержению разговоров о

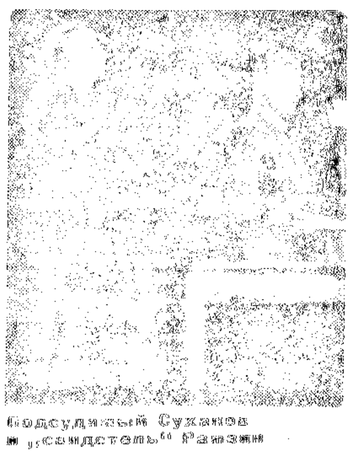
ГНЕВ И ПРЕЗРЕНИЕ МЕНЬШЕВИСТСКИМ АГЕНТАМ ИНТЕРВЕНЦИИ

ИКОВЫ И СУХАНОВЫ ХОТЕЛИ УКРЫТЬСЯ ЗА ЗВАНИЕМ „ЛИТЕРАТОРОВ“

МЫ ДОЛЖНЫ ПРЕВРАТИТЬ СВОЮ ЛИТЕРАТУРУ В БОЕВОЕ ОРУЖИЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

СУХАНОВ
НА ЛИТЕРАТУРНОЙ ТРИБУНЕ

Летом 1928 г. «идеолог» интервенции Гарин выступил в «Социалистическом вестнике» со статьей: «На новом переломе», в которой теоретически провозгласил о новом «крахе» большевизма: «Большевики снова замаршировали перед пропастью». — писал Гарин. — В лицо ударила крестьянской стихии большевизм столкнулся с железными законами политической экономии, со стихией капитализма, выразителем и носителем которой является крестьянство.



Подсудимый Суханов в „последнем слове“ перед расстрелом

Вторично за время своего господства большевики сделали попытку универсального подчинения производства, обмена и распределения единому хозяйственному плану. И вторично эта попытка потерпела крушение».

Так вещал Гарин изза рубежа. Так формулировал меньшевизм свое отношение к социалистической реконструкции сельского хозяйства. А в декабре того же 1928 г. ныне представший перед пролетарским судом Н. Суханов эту «установку» развил применительно к литературе. Несмотря на краткость своего выступления в Коммунистической академии по докладу тов. Фриче «Буржуазные тенденции в современной литературе и роль критики», Н. Суханов успел развить «стройную» меньшевистскую концепцию.

Гарин в упомянутой статье столкло заявлял, что советскую деревню характеризует все социальное и политическое разделение крестьянства, а, наоборот, внутренняя его спайка. Литературный контрагентами международного капитализма Гарин тешился довольно, что сеткой этой «внутренней спайки» было «сопротивление советской власти», в котором, оказывается, «объединились» вместо «бедняки, середняки и кулаки». Н. Суханов в своем выступлении обнажил «научной» подоплеку тов. Фриче, указывавшего, что нет деревни, как целого, что крестьянство классово расслоилось, что реакционная кулацкая литература, с одной стороны, захватывает классовую борьбу в деревне, а с другой — делает кулацкую литературу «деревенской литературой вообще». Суханов выступил как кулацкий идеолог, когда определял Клюева и других кулацких писателей, как тех, кто «выражает, что есть «деревня, как таковая», без классовой борьбы». Этот кулацкий адвокат выступил с этим тезисом, конечно, не случайно: уже в начале 1927 г. меньшевикам стало ясно, что капиталистические элементы в нашем хозяйстве усиленно питаются государственным кредитом. С полной откровенностью и гораздо раньше меньшевиков друзья: что меньшевизм не имеет никакой базы в рабочем классе и бедняцко-батрацких массах деревни. Защита Н. Сухановым права писателя на изображение деревни, как целого, без классовой дифференциации, создание им представления о кулачестве было продолжением общей линии меньшевизма.

Защита Н. Сухановым капиталистических элементов деревни, его намерение всеми правдами и неправдами протащить в литературу вместо классовой борьбы в деревне, вместо изображения классовой борьбы в литературе, — все это было не случайно. Суханов, как и Гарин, выступил в «Социалистическом вестнике» со статьей: «На новом переломе», в которой теоретически провозгласил о новом «крахе» большевизма: «Большевики снова замаршировали перед пропастью». — писал Гарин. — В лицо ударила крестьянской стихии большевизм столкнулся с железными законами политической экономии, со стихией капитализма, выразителем и носителем которой является крестьянство.

Вторично за время своего господства большевики сделали попытку универсального подчинения производства, обмена и распределения единому хозяйственному плану. И вторично эта попытка потерпела крушение».

Так вещал Гарин изза рубежа. Так формулировал меньшевизм свое отношение к социалистической реконструкции сельского хозяйства. А в декабре того же 1928 г. ныне представший перед пролетарским судом Н. Суханов эту «установку» развил применительно к литературе. Несмотря на краткость своего выступления в Коммунистической академии по докладу тов. Фриче «Буржуазные тенденции в современной литературе и роль критики», Н. Суханов успел развить «стройную» меньшевистскую концепцию.

Гарин в упомянутой статье столкло заявлял, что советскую деревню характеризует все социальное и политическое разделение крестьянства, а, наоборот, внутренняя его спайка. Литературный контрагентами международного капитализма Гарин тешился довольно, что сеткой этой «внутренней спайки» было «сопротивление советской власти», в котором, оказывается, «объединились» вместо «бедняки, середняки и кулаки». Н. Суханов в своем выступлении обнажил «научной» подоплеку тов. Фриче, указывавшего, что нет деревни, как целого, что крестьянство классово расслоилось, что реакционная кулацкая литература, с одной стороны, захватывает классовую борьбу в деревне, а с другой — делает кулацкую литературу «деревенской литературой вообще». Суханов выступил как кулацкий идеолог, когда определял Клюева и других кулацких писателей, как тех, кто «выражает, что есть «деревня, как таковая», без классовой борьбы». Этот кулацкий адвокат выступил с этим тезисом, конечно, не случайно: уже в начале 1927 г. меньшевикам стало ясно, что капиталистические элементы в нашем хозяйстве усиленно питаются государственным кредитом. С полной откровенностью и гораздо раньше меньшевиков друзья: что меньшевизм не имеет никакой базы в рабочем классе и бедняцко-батрацких массах деревни. Защита Н. Сухановым права писателя на изображение деревни, как целого, без классовой дифференциации, создание им представления о кулачестве было продолжением общей линии меньшевизма.

Защита Н. Сухановым капиталистических элементов деревни, его намерение всеми правдами и неправдами протащить в литературу вместо классовой борьбы в деревне, вместо изображения классовой борьбы в литературе, — все это было не случайно. Суханов, как и Гарин, выступил в «Социалистическом вестнике» со статьей: «На новом переломе», в которой теоретически провозгласил о новом «крахе» большевизма: «Большевики снова замаршировали перед пропастью». — писал Гарин. — В лицо ударила крестьянской стихии большевизм столкнулся с железными законами политической экономии, со стихией капитализма, выразителем и носителем которой является крестьянство.

Подсудимый Суханов в „последнем слове“ перед расстрелом

К МЕЖДУНАРОДНОМУ ЖЕНСКОМУ ДНЮ

ПИСАТЕЛЬНИЦА „8 МАРТА"

АЛЕНУШКА НОВИКОВА

Двадцать пятый год. Небольшая комната отдела работниц московского комитета. За письменным столом работает «кружок пролетарских писателей 8 марта». Среди них самая старшая по возрасту и самая юная по настроениям Аленушка Новикова.

Однажды она заявила: «Я хочу написать книгу «Маринкина жизнь» в 15 печатных листов». Я сказала ей: «Если ты хочешь описать жизнь Маринки со дня ее рождения до нынешних дней,— ты должна написать три таких книги». С удивлением посмотрела на меня Аленушка — написать целых три книги, когда из под ее пера выходили только маленькие брошюрки, повествующие о том, как тетка Дарья узнала о МОПР, как советская власть помогает работницам и крестьянкам, как преображаются они, побывав в домах отдыха.

И вот вышла в конце 30 года книжка Аленушки Новиковой-Ванищевой не в 15, а в 18 печатных листов.

Об этой книжке Алексей Максимович Горький пишет: «Тяжелый труд дан ее, по замечательный факт в нашей изумительной действительности советской. Пусть книга написана недостаточно хорошо с точки зрения литературного искусства, но у нас есть еще миллион таких же баб, как Новикова-Ванищева, и для них пример ее может послужить толчком на новый путь, на путь к свободе. Есть еще много людей, которые, не чувствуя сурово требовательного веяния свободы, считают рабство законным. Надо хорошо понять и помнить, что без женщины невозможно осуществление социализма, поэтому очень полезным будет, чтобы вы знали именно со слов Новиковой-Ванищевой, как жила одна из миллионов наших женщин».

Мы не совсем согласны с характеристикой А. М. Горького. Книга Новиковой не только «замечательный факт нашей изумительной действительности советской», книга Новиковой — это крупный вклад в нашу крестьянскую литературу. В этой книге есть изумительные по яркости страницы описания тяжелого бабьего быта с пьяными побоями мужа, с поркой вместо разумного отдыха, — там есть значительно больше. Если бы даже было написано только это, то картина, данная Ванищевой, настолько ярка, что она должна каждого сознательного человека заставить бороться всеми силами против уже сложившихся, и переделать, которые до сих пор владеют умами русских крестьян и крестьянок, некоторо выносивших столетиями гнет помещиков и их издевательства над своей личностью.

В сочинении Ванищевой-Новиковой есть яркий образ отца ее Петра — рабочего фабрики Морозова. Это — прообраз наших революционных рабочих, который сознавал уже весь капиталистический гнет, который по-своему уже стремился к новому. Замечательна в Петре его любовь к знаниям, к науке; он самоучкой научился читать и стремится обучить свою девочку Маринку, несмотря на попреки своей «бестолковой» жены Марьи.

Очень сильно описание факта самоубийства Морозова, который разрушает в отсутствии Петра построенную Петром модель новой машины и прогоняет его с фабрики и из казармы, обрекая целую семью на голод.

Каким-то своим особым языком описывает Аленушка Новикова психологию Маринки, в которой, начиная с ее детских лет, виден какой-то особый человек. Замечательна чуткость Маринки, ее особенная любовь к природе, ее наблюдательность, ее самостоятельные мысли по поводу людских отношений. Маринка уже в детстве обещает стать «Аленушкой Ванищевой», бытописательницей с большим талантом.

В заключение несколько слов об авторе книжки. Ей уже очень много лет: пошел уже семьдесят первый год. Она заканчивает второй том жизни Маринки. С величайшим трудом достается ей каждая глава, которую она перерабатывает по нескольку раз. За последние годы ее здоровье сильно пошатнулось. Ее нужно окружить особым вниманием, создав для нее условия для работы.

Этого до сих пор союз крестьянских писателей не сделал. Но это его обязанность, потому что самое главное, то, что она может написать, еще впереди. Надо сохранить ее силы, окружить вниманием ее творческую работу, потому что она не только даст нам книгу бытописания о прошлом, но и потому, что она нам даст прекрасные страницы роста женщины в дни октябрьских бурь и побед.

Л. СТАЛЬ

КАК Я УЧИЛАСЬ ПИСАТЬ

Родилась я в 1890 году. С 12-ти лет — на фабрике Морозова работница-мотальщица, бесправная бабья раба в раба своей жизни. 28-ти лет замужем за крестьянином маленькой деревушки Гаврикова, раба своего мужа. 33-х лет я осталась мужа, существовала поденной работой.

Темной страшной тучей нависла царская война. Мне 38 лет. Я работала в Киеве санитаркой в больнице для сыпно-тифозных солдат фронта, слушая стоны и проклятия искалеченных людей, проклятия войне-царизм и богу. Я поняла: бога нет, и в 63 лет всей душой приобщилась к большевикам. В 1923 году, работая на Московской таможне с грузчиками, на общем собрании грузчиков и работниц меня выбрали делегаткой и женотдел. Я испугалась своей старости, своей неграмотности. Советская власть широко открыла для женщин окно к свету и знанию. Началось мое «омоложение». Я — делегатка — записалась в рабкоровский кружок. Стала понимать, что пишут в книжках. Наряд моих малограмотных заметок были напечатаны в центральной газете.

В начале 1924 года меня сняли с работы на пенсию. Дел нет. Перечитывая журнал «Делегатка», я задумалась над одной картинкой: женщину-работницу при советской власти считают за человека и делают она в светлом родильном покое. А я нашем старом быту в таких случаях — бабу спихали, что скотину погнали». Ди слез стало обидно. Загорелось желание самой написать о старом быте. С чего начать, как выложить слова на бумаге — не умею. И карандаш погрызу, и в голове почешу, и слезу даже выроню. А желание пуще одолевает. Несколько дней промучилась — и все же написала, что хотела, под заглавием: «Что мне вспомнилось, читая «Делегатку». И журнале моя заметка оказалась лучшей. Затем написала на больном листе «Старый быт». Напечатали все до словечка и переименовали «Горе горькое — горе женское».

С этого и формально отравилась писательством. — Надо учиться, — подумала. Добыла себ. книжку-грамматику, записалась в библиотеку брать книжки. И так, в своей комнатушке, сама одна, училась лучше учиться — писать и писательству. С 1924 г. по 25-й, кроме моих рассказов в женских журналах, Госиздатом издано несколько моих книжечек. Перед смотрю и на свои книжечки и мне не верится, что я их написала. Воронок и бунгало, зерновиках. Да! Это мое карманье. мои книжечки. Простые немудрелые, но они чему-то учили малограмотных женщин.

С самого начала моего писательства у меня зародилась мысль написать такую книжку о женщине с рождения до нынешних дней.

На столе бумага, в руке карандаш, в голове деревенская, фабричная жизнь тянется длинной, длинной дорогой по кускам, отрагам. по колючему кустарнику проклятого старого быта, с темнотой, обидой, побоями и с горькой бабьей долей в слезах и упражнениях.

Истерзанное в настойчиво, все годы, с 1924, понемногу писала, писала, училась писать повесть «Маринкина жизнь». Литературную мудрость, насколько возможно, я постигла, и толстая первая моя книжка вышла из печати в конце 1930 года. В 1931 году, во мне работницу, 8 марта, мне исполнилось 70 лет. Не я «омоложена» советской властью и дана мне комсомольская. Ковеп жизни непонятен, и я надеюсь, что повесть «Маринкина жизнь» окончу печатной книжкой. На память молодому поколению, строящему грядущую светлую жизнь. Старость моя красива и светла. Умру самой счастливой старухой.

Ныну это, чтобы доказать, наскольки Октябрь разбил капиталистические устои в женщине. Нет того дела, тех трудностей, которые бы женщина, при своем желании и твердой воле, не одолела под руководством коммунистической партии, при советской власти.

А. НОВИКОВА

ПРОРЫВ В ГИХЛ

Промфинплан не выполняется.—5 тысяч рублей на литературный брак.—Творчеством рабочих-ударников не интересуются.—На „Роман-газету" не оказалось бумаги.—На 40 процентов повысилась себестоимость книги

Художественная литература играет важнейшую роль в культурной революции. Огромно значение наших литературно-художественных издательств в организации социалистического наступления на идеологическом фронте.

Между тем,

ЧТО МЫ ИМЕЕМ СЕГОДНЯ В ГИХЛ—

основном издательстве художественной литературы?

Тут **глубокий прорыв** во всем лишним. Вот факты.

Государственное издательство художественной литературы было создано путем объединения издательства «Земля и фабрика», художественного отдела ГИЗ, художественного отдела «Молодая гвардия». При слиянии всех этих издательств у ГИХЛ образовался огромный редакционный портфель на 50 процентов из такой плохой как по качеству, так и по идеологии литературной продукции, которая никогда не увидит (и не должна увидеть) света. Но эта продукция передана в ГИХЛ и уже заключенными договорами, и издательство должно уплатить авторам определенную сумму, в результате чего **ГИХЛ выплатил 500.000 рублей за такие рукописи, которые не будут напечатаны.** Эти деньги выброшены на ветер.

Из рук вон плохо обстоит дело в ГИХЛ **с выполнением промфинплана.** За ударный квартал промфинплан был выполнен всего на **65 процентов,** за январь месяц — на **13 процентов,** а до 15 февраля **ГИХЛ не сдал тиража ни одной книги.**

По линии **тематики** за январь промфинплан выполнен **на 15 процентов,** да и то этот процент падает на тематические программы, хотя бумагой и ударный квартал, и январь были обеспечены, и бумага осталась лежать без движения.

В связи с таким глубоким прорывом мы имеем огромный рост себестоимости книги и рост процента на содержание аппарата издательского аппарата. Так, например, **по сравнению с 1930 годом книга повысилась в цене на 40 процентов.** Содержание издательского аппарата **с 14 процентов поднялось до** 22 процентов к реальному обороту.

В чем же корень зла?

В издательстве до сих пор царила расхлябанность и безответственность аппарата. Плохо дело обстоит с производительностью труда. Не лучше — с трудовой дисциплиной. Мы имеем теперь до 25 процентов прогулов по издательству. **Никто не несет ответственности за производственный план,** нет никакого учета в выполнении. Доходит дело до того, что **решения правления отменяются управделом издательства.**

Для характеристики такого положения приведем несколько примеров. Сектор «Помощи пролетарской литературы» сдал в производство брошюру-статью т. Авербаха о В. Маяковском. Статью, перед тем напечатанную в «Правде». Заведующий художественной частью т. Гилилтатер отказался оформить эту брошюру, мотивируя свой отказ тем, **что он не согласен с установкой т. Авербаха.**

Укажем на факт набора для «Роман-газеты» книги т. Стальского «Разбег» и разбора ее по тем мотивам, что книга не является романом и потому не может быть выпущена в «Роман-газете». Укажем, наконец, на решение о закрытии «Роман-газеты» по мотивам отсутствия бумаги и на включение в издательский план таких поэтов, как Анна Ахматова. Все это говорит о бесхребетности руководства ГИХЛ.

Во всей работе издательства **плохо чувствуется и партийное руководство.** На весь огромный аппарат ГИХЛ имеется **всего четыре процента партийной прослойки** да и те тянут главным образом на техническую часть. А важнейшая идеологическая работа — редакторская — проходит зачастую мимо партийного контроля.

В таких важнейших секторах, как сектор литературы народов СССР, сектор критики и методологии, сектор поэзии — нет ни одного партийца. Неудивительно, что секторы **не интересуются творчеством рабочих-ударников.**

Все минимальное количество фактов, которые сами говорят за себя.

Мы ставим вопрос о положении в ГИХЛ перед пролетарской общественностью и требуем немедленного вмешательства соответствующих организаций.

А. МИТРОФАНОВ, МИХ. ЮРИН

От редакции: Статья тт. Митрофанова и Юрина сигнализирует неблагополучное состояние фабрики художественной книги — ГИХЛ.

Редакция считает необходимым, чтобы положение в ГИХЛ было обсуждено в литературных организациях, со своей стороны создает специальную бригаду для обследования.

ПО ПОВОДУ СТАТЬИ Л. АВЕРБАХА

„ТЕМЫ САМОРАЗОБЛАЧЕНИЯ"

Несколько лет назад, когда о нем еще много говорили и много думали, мне пришлось наблюдать следующую сцену в кино-Арсе, что на Тверской. Шла драматическая картина «Адъютант Наполеона». В этой картине рассказывалось, как некий адъютант Наполеона попал в провинцию, потерял меру подлостей, которая дозволялась для его типа, и готов был совершить «непозволительное» преступление. Красивый, молодой, смелый, он уже на краю «ужасной» пропасти... но тут распахивается портьера, и на пороге, карающий и все исправляющий, появляется Наполеон. Обыватели, понимавшие, фрондеры, весь этот жалкий сластолюбивый блеск Тверской, вся эта гниль зала, все эти сытые читатели Фоли ответили на появление Наполеона громом аплодисментов. Император! Завоеватель и раздаватель лавров! Гордость мещанства!!. Дальше, в хронике, показывалось открытие какой-то электрической станции. И хотя привезли его от показа не места торжества в машине, и хотя было тепло и не верилось, он, взрослой и великий» появился на сцене в валенках, полушубке нараспашку и вышел с мужиками. С благоговейной и умеренной простотой, которой так гордятся актеры МХТ и которая только след большой усиленной работы, а главное безмозгового тщеславия,—прошел он мимо зрителей. Молчком, даже как бы нечаянно, назвали они за обитателя, на зрителя Тверской. Зрителя опять стошнил ему громом аплодисментов.

Уфы, уже нет обывателей—вернее уменьшились и попрятались обыватели, — а император Неудачников, минуя Эльбу и Сто Дней, сразу попал на Святую Елену и сразу засел за «Мемориал». И потекли слова...

«Попутчики»—слово это теперь произносится всеми несколько конфузливо,— хотя бы и потому, что мы, его добрей, пустил в ход Л. Троцкий. Это не совсем верно, потому что применил его и гел. Людендорф по отношению к социал-демократам с эпоху империалистической войны, и применял его, наверное, еще Аграфена, когда он приближался к флотом своим к Карфагену. Приближаясь, он опубликовал приказ, согласно которому все солдаты, боящиеся смерти, могут возвратиться на родину с обозом. Услышав приказ, многие изжелали возвратиться назад,—но Агафона догнал их и перебил их всех, как трусов и изменников! Поэтому-то мне и думается, что слово «попутчики» произносится несколько конфузливо не оттого, что слово это применил Л. Троцкий по отношению к некоторым частям советской интеллигенции, а оттого, что стало ясно, что возвращаться с обозом нельзя и что нужно, важно и необходимо из **попутчика** превращаться, сделаться и почувствовать себя—**агитчиком!**

ВСЕВОЛОД ИВАНОВ

„ПОСЛЕДНИЙ РЕШИТЕЛЬНЫЙ"

В ПОСТАНОВКЕ МЕЙЕРХОЛЬДА

Пьеса имеет «Последний решительный», как правильно отмечала критика, законное детище «Литфронта» и обнаруживает непролетарский метод ее автора, то надо сказать, что такая оценка в одинаковой мере должна быть отнесена и к ее театральному постановщику—Вс. Мейерхольду.

Тенденция узаконения элементов рассудочного схематизма, противопоставления личности и класса, психологии и действия, элементы лефовского нигилизма, столь характерные для всех представителей «Литфронта», в одинаковой степени характерны и близки по стилю также и Мейерхольду. Поэтому появление в репертуаре Т. им. М. именно этой пьесы для творчества Мейерхольда вполне закономерно и является лишь новым подтверждением, что его метод тяет сильный крен в сторону формализма-механицизма.

Но театр пытается доказать, что он многое добавил к пьесе, что он своим «чисто» театральным языком, якобы, значительно прокорректировал текст автора. И вправь: Мейерхольд эстетически усилил впечатляемость пьесы, и его редакция пьеса внешне выросла и даже расцвела. Но заслуга ли это театра? Не дало-ли все это объективно обратного результата? Увы!.. Внешне эффектный и мастерской спектакль оказывается в результате отрицательнее по своему содержанию, нежели технически сравнительно слабый текст самого автора. Почему? Потому что Мейерхольд корректировал Вишневского не в части его идейных ошибок, а только **в области усиления формы;** потому, что автор постановки поверхностней, чем автор пьесы, понимает идейную сущность темы о «Последнем решительном».

В чем **особенность** театрального воплощения этой пьесы на подмостках Т. им. М.?

Прежде всего в том, что **постановка явилась лишь формальным усилителем пьесы.** Идейное содержание пьесы, как известно, об'ективно снижает вопрос об обороне СССР, причем самый вопрос этот подменен... революцией в искусстве, а идея последнего решительного боя с империализмом — военно-техническим батализмом.

Поэтому, если в пьесе Красная армия и флот даны изолированно, если налицо разрыв между «фронтом» в «Тылом», а тыл если и показывается, то исключительно в области эротики и разложения, то у Мейерхольда такой искусственный разрыв, такое насильственное однобокое выпячивание элементов эротики и, наконец, такая подмена проблем получают уже активно **извращающее** в мастерски законченное завершение.

Ведущей идейной **направленностью извращения** оказывается именно революция в искусстве, фетишизация военного техницизма и устойной дисциплины, а также эротики и разложения. Короче — налицо определенное **поверхностно-напрасольное** восприятие революционной действительности. Отсюда систему образов предстают перед нами узким кругом, в котором образы переплетаются, заранее с «вещными» образами, механически делятся на две группы — отрицательных и положительных. Так в группе «отрицательных» образы персонажей встают полуплакатными образами «разлагающегося Запада» (пролог), злорадствующих мелкобуржуазных матрасов (Самуилов), «богемной львицы» (Кармен), а «вещные» образы —мотивами фокстрота, экспрессионистской расцветкой света и красок (например — пролог или сцена у Кармен) и эксцентрических трюков. В группе «положительных» — схематизированные образы-персонажи (батально-установочные массы (краскофлотцы с Вушуевым), «вещные» образы — военной техники, внешней динамики сконструирования (эпизод «экспорт идет») и... отрывки «героических» мелодий из музыкальных произведений символиста Скрябина.

Другими словами — перед нами знакомый галерея образов Т. им. М., подданная в новом варианте. Особенно ясно выступает такая специфичность творчества Т. им. М. в характере структуры данного спектакля. Здесь примат техницизма, фетишизации вещи обнаруживается с наглядной убедительностью. Театр упорно развертывает свои образы по принципу эмпирического об'ективизма, который в последнем счете неизбежно приводит его к элементам откровенного субъективизма и тем самым мешает дать правильное изображение образа революционной действительности. Т. им. М. с одной стороны реализует лефовскую теорию фиксации фактов (фактически произвольно монтирует личные впечатления от действительности), отдельное искусственно отрывает от общего, а с другой стороны — бросается к элементам эротики (например — Кармен или сцены с городничихой в «Ревизоре») и, наконец, к экспрессионизированному психологизму (последние моменты Бунчуева или, например, Оконный в «Командарме 2», последняя сцена Пряшленцова в «Выстреле» и т. д.).

Поэтому не удивительно, что в творческом методе спектакля нагляднее выступает преследуемый «литфронтовский» тезис, сводящийся к тому, что «в наше время хорошее и плохое, положительное и отрицательное резко разграничено. На одной стороне революция и сы-

Шерэ Э. Мобилизация

Самуилов — Ильинский

лы, способствующие ей, на другой — реакция и ее помощники». Но поскольку этот тезис, как известно, неизбежно ведет к снятию в настоящий момент всего комплекса «трений и психических мазков», ведет к лакировке действительности и притупляет оружие для вскрытия величких сторонней приспособленчества и проникновения буржуазных влияний в пролетарскую среду, постольку, вполне понятно, что и данная постановка предстает перед нами, как один из вариантов «литфронтовского» кредо, которое в основе своей питается настроением мелко-буржуазной революционности и которая, постепенно, способна дать лишь поверхностное и формалистско-механистическое изображение действительности. Поэтому в постановке много «политической трескотни», «лемых» жестов, лозунгов и всяких благих намерений и нет самого основного—революционно-пролетарской идейной направленности художественных образов. Здесь лозунги сами по себе, а диалектика поведения и развертывания образов и действия сама по себе, причем логическая мысль часто подменяет образное мышление.

«Последний решительный», как заявляет театр, построен на музыкальной канве. Это верно. Но все дело в том, что сама основа этой канвы порочна: музыка здесь фигурирует так же, как и ряд других приемов, лишь как чисто технический атрибут с пыхошением сценизации.

Связанное в значительной мере предопределяет стилевую особенность и актерского исполнения. Игра актеров в такой же мере формально механистична и в своей области носит в такие же крайности: то балаганная эксцентрика или клишная схема, то полное субъективных переживаний. Разрыв между формой и содержанием в данном случае приводит актеров данного спектакля и для актеров данного спектакля. Никогда отчетливо выступает это в сцене пролога, претендующей на сатиру по адресу оперы и балета. Но что получается? Я утверждаю, что указанный эффект достигается там, главным образом, актером Мартыновым и именно в тот момент, когда он, изображая в резких штрихах эксцентрики и балагана именинного матроса, немного снижает. Таким образом на всего длящегося пролога зритель фактически всерьез воспринимает и смотрит только формальному приему—ширму.

ТИМ и его сотрудники всегда гордились и гордятся тем, что в вопросах взаимоотношений между драматургом и театром первенство всегда принадлежит Т. им. М. В значительной мере это справедливо. Но в данном случае это как раз и ухудшило положение. Пролетарский драматург Вишневский дал «литфронтовскую» пьесу, а театр не поправил ее, а еще больше закрепил за ней позицию. Таким образом — в «Последнем решительном» налицо не выявление пролетарской литературы на полуформалистски механической ТИМ, не преодоление последним своих ошибок, а наоборот, появление элементов стабилизации Т. им. М., а также факта отрицательного влияния его на пролетарского драматурга.

Тимошам и их вождю т. Мейерхольду надо серьезно взяться за ревизию своего пересмотр своих творческих позиций.

В. А. ПАВЛОВ.

О ВЫВОДЕ т. БЕЗЫМЕНСКОГО

ИЗ СОСТАВА СЕКРЕТАРИАТА РАПП

Резолюция президиума правления РАПП, принятая единогласно

Решительное наступление пролетариата на всех участках идеологического фронта привело к разоблачению ряда враждебных марксизму-ленинизму теорий. Ценный разгром антиленинских течений и группировок в политической экономии, философии, литературоведении свидетельствует об успешном преодолении буржуазных и мелкобуржуазных влияний и об укреплении на этих участках позиций пролетариата. Эти влияния проявлялись и внутри пролетарского литературного движения. Не так давно разоблачена противопоставлявшая себя пролетарскому литературному движению группировка «Литфронт», состоявшая в основном из последователей меньшевистской литературной системы профессора Переверзева, из так называемого «левого рапповского меньшинства», продолжавшего отстаивать линию троцкистской оппозиции в литературе, и из антипартийных элементов, пытавшихся использовать группу как орудие в борьбе против партии.

Имея свою собственную литературно-политическую платформу, в ряде важнейших моментов созвучную с линией право-левацкого антипартийного блока, группировка «Литфронт» замыкалась, однако, в существовании только теоретических разногласий. Эта маскировка литфронтовцев была разоблачена не только фактом наличия в их руководящем ядре антипартийных элементов, но и их собственными декларациями и платформами, в которых творческие лозунги являлись прямым выражением борьбы с литературно-политической линией и художественно-теоретической теорией литературоведения (см. декларацию «За что и против чего мы боремся» в газете «Литературная правда»). Один из ведущих руководителей группы «Литфронт» был член секретариата РАПП т. Безыменский.

Занятие в «Литфронте» наиболее непримиримое по отношению к РАПП позицию, т. Безыменский и после ресурсации этой группы продолжает борьбу против линии РАПП с рапповского руководства, используя всякую возможность для систематического проведения себя организованно в борьбе с нею. Находясь в правлении и секретариате РАПП, в рапповской деятельности в ФОСП, в делегации РОАПП в Международном объединении революционных и пролетарских писателей и имея полную возможность активно работать в РАПП, активно отстаивая свои творческие лозунги, т. Безыменский тем не менее не принимал никакого участия в работе этих организаций. Начиная с мая 1930 г. т. Безыменский не появлялся ни одного заседания секретариата РАПП. За полную бездеятельность т. Безыменский был выведен из состава делегации РАПП в ФОСП.

Вместе со всем «Литфронтом» т. Безыменский не только не участвовал в работе по призыву рабочих-ударников, но фактически мешал этой работе продолжавшимися и усиливавшимися атаками на руководство РАПП. В рапповских производственных совещаниях, которые являются наиболее важной формой творческой дискуссии, т. Безыменский опытами не принимал участия. Вместо этого т. Безыменский послал политическому производственному совещанию письмо, где не только не признал свои литературно-политические и творческие ошибки, но по существу повторил прежние литфронтовские наскоки на генеральную линию пролетарского литературного движения. На вечере из одного районного клуба МАПП, т. Безыменский снова не явился в Бауманский район, где руководство кружка «Постройка», поддерживавшее группировку Теом-Бек-Бикбая, выступило в качестве литфронтовского подголоска.

Тов. Безыменский не только не дал до сих пор своей квалификации ошибок «Литфронта», не подверг своей собственные действия как руководителя «Литфронта» большевистской критике, но напротив, в ряде своих выступлений (Московская конференция комсомола) смазывает литературно-политические ошибки «Литфронта», одновременно утверждая, что «Литфронт» выбыл из дела творческий. Вместо того, чтобы (как это сделал некто; не товарищ из «Литфронта») показать глубокое отрицательное связи между литературно-политической и творческой линией «Литфронта», тянуть большевистской мобилизации пролетарского литературного движения, тов. Безыменский фактически уклоняется бороться с троцкистскими и антипартийными установками «Литфронта».

Творчество т. Безыменского представляет собой ценный вклад в пролетарскую литературу. Тов. Безыменский более десяти лет работает на почту пролетарского класса, и совсем недавно, в связи с его десятилетним литературным юбилеем, секретариат РАПП отмечал заслуги Безыменского перед пролетлитературой и мобилизовал всю организацию пролетарских писателей для активного участия в юбилее (хотя секретариат РАПП вовсе не является сторонником организации юбилеев маститых писателей). Резкая классовая направленность, активное стремление к тому, чтобы служить своим творчеством рабочему классу,—таково одно из наиболее ценных свойств поэзии тов. Безыменского.

Тов. Безыменский еще далеко не освободился в своем творчестве от своих прежних пролеткультовско-«рапповских» тенденций. Отмечая положительные стороны творчества Безыменского, следует видеть и серьезные недостатки его творческого метода, связанные с литфронтовскими установками и часто приходящие Безыменского к неверностям, к упрощенчеству и беспринципности, к неумению понять и воспринять сложность новых форм классовой борьбы, к схематическому упрощению и «спрямлению» действительности, к неумению вести борьбу вместе со всем пролетлитературным движением за подлинно художественные и художественно-зрелые произведения пролетарской литературы.

Указанные недостатки, связанные с теми или иными литфронтовскими тенденциями, однако, не могут опорочить, на зрителя Тверской. Зрителя опять стошнил ему громом аплодисментов.

Уфы, уже нет обывателей—вернее уменьшились и попрятались обыватели, — а император Неудачников, минуя Эльбу и Сто Дней, сразу попал на Святую Елену и сразу засел за «Мемориал». И потекли слова...

«Попутчик»—слово это теперь произносится всеми несколько конфузливо,— хотя бы и потому, что мы, его добрей, пустил в ход Л. Троцкий. Это не совсем верно, потому что применил его и гел. Людендорф по отношению к социал-демократам с эпоху империалистической войны, и применял его, наверное, еще Агафон, когда он приближался к флотом своим к Карфагену. Приближаясь, он опубликовал приказ, согласно которому все солдаты, боящиеся смерти, могут возвратиться на родину с обозом. Услышав приказ, многие изжелали возвратиться назад,—но Агафона догнал их и перебил их всех, как трусов и изменников! Поэтому-то мне и думается, что слово «попутчик» произносится несколько конфузливо не оттого, что слово это применил Л. Троцкий по отношению к некоторым частям советской интеллигенции, а оттого, что стало ясно, что возвращаться с обозом нельзя и что нужно, важно и необходимо из **попутчика** превращаться, сделаться и почувствовать себя—**агитчиком!**

ВСЕВОЛОД ИВАНОВ

„ПОСЛЕДНИЙ РЕШИТЕЛЬНЫЙ"

В ПОСТАНОВКЕ МЕЙЕРХОЛЬДА

Пьеса имеет «Последний решительный», как правильно отмечала критика, законное детище «Литфронта» и обнаруживает непролетарский метод ее автора, то надо сказать, что такая оценка в одинаковой мере должна быть отнесена и к ее театральному постановщику—Вс. Мейерхольду.

Тенденция узаконения элементов рассудочного схематизма, противопоставления личности и класса, психологии и действия, элементы лефовского нигилизма, столь характерные для всех представителей «Литфронта», в одинаковой степени характерны и близки по стилю также и Мейерхольду. Поэтому появление в репертуаре Т. им. М. именно этой пьесы для творчества Мейерхольда вполне закономерно и является лишь новым подтверждением, что его метод тяет сильный крен в сторону формализма-механицизма.

Но театр пытается доказать, что он многое добавил к пьесе, что он своим «чисто» театральным языком, якобы, значительно прокорректировал текст автора. И вправь: Мейерхольд эстетически усилил впечатляемость пьесы, и его редакция пьеса внешне выросла и даже расцвела. Но заслуга ли это театра? Не дало-ли все это об'ективно обратного результата? Увы!.. Внешне эффектный и мастерской спектакль оказывается в результате отрицательнее по своему содержанию, нежели технически сравнительно слабый текст самого автора. Почему? Потому что Мейерхольд корректировал Вишневского не в части его идейных ошибок, а только **в области усиления формы;** потому, что автор постановки поверхностней, чем автор пьесы, понимает идейную сущность темы о «Последнем решительном».

В чем **особенность** театрального воплощения этой пьесы на подмостках Т. им. М.?

Прежде всего в том, что **постановка явилась лишь формальным усилителем пьесы.** Идейное содержание пьесы, как известно, об'ективно снижает вопрос об обороне СССР, причем самый вопрос этот подменен... революцией в искусстве, а идея последнего решительного боя с империализмом — военно-техническим батализмом.

Поэтому, если в пьесе Красная армия и флот даны изолированно, если налицо разрыв между «фронтом» в «Тылом», а тыл если и показывается, то исключительно в области эротики и разложения, то у Мейерхольда такой искусственный разрыв, такое насильственное однобокое выпячивание элементов эротики и, наконец, такая подмена проблем получают уже активно **извращающее** в мастерски законченное завершение.

Ведущей идейной **направленностью извращения** оказывается именно революция в искусстве, фетишизация военного техницизма и устойной дисциплины, а также эротики и разложения. Короче — налицо определенное **поверхностно-напрасольное** восприятие революционной действительности. Отсюда систему образов предстают перед нами узким кругом, в котором образы переплетаются, заранее с «вещными» образами, механически делятся на две группы — отрицательных и положительных. Так в группе «отрицательных» образы персонажей встают полуплакатными образами «разлагающегося Запада» (пролог), злорадствующих мелкобуржуазных матрасов (Самуилов), «богемной львицы» (Кармен), а «вещные» образы —мотивами фокстрота, экспрессионистской расцветкой света и красок (например — пролог или сцена у Кармен) и эксцентрических трюков. В группе «положительных» — схематизированные образы-персонажи (батально-установочные массы (краскофлотцы с Вушуевым), «вещные» образы — военной техники, внешней динамики сконструирования (эпизод «экспорт идет») и... отрывки «героических» мелодий из музыкальных произведений символиста Скрябина.

Другими словами — перед нами знакомый галерея образов Т. им. М., подданная в новом варианте. Особенно ясно выступает такая специфичность творчества Т. им. М. в характере структуры данного спектакля. Здесь примат техницизма, фетишизации вещи обнаруживается с наглядной убедительностью. Театр упорно развертывает свои образы по принципу эмпирического об'ективизма, который в последнем счете неизбежно приводит его к элементам откровенного субъективизма и тем самым мешает дать правильное изображение образа революционной действительности. Т. им. М. с одной стороны реализует лефовскую теорию фиксации фактов (фактически произвольно монтирует личные впечатления от действительности), отдельное искусственно отрывает от общего, а с другой стороны — бросается к элементам эротики (например — Кармен или сцены с городничихой в «Ревизоре») и, наконец, к экспрессионизированному психологизму (последние моменты Бунчуева или, например, Оконный в «Командарме 2», последняя сцена Пряшленцова в «Выстреле» и т. д.).

Поэтому не удивительно, что в творческом методе спектакля нагляднее выступает преследуемый «литфронтовский» тезис, сводящийся к тому, что «в наше время хорошее и плохое, положительное и отрицательное резко разграничено. На одной стороне революция и сы-

Шерэ Э. Мобилизация

Самуилов — Ильинский

лы, способствующие ей, на другой — реакция и ее помощники». Но поскольку этот тезис, как известно, неизбежно ведет к снятию в настоящий момент всего комплекса «трений и психических мазков», ведет к лакировке действительности и притупляет оружие для вскрытия величких сторонней приспособленчества и проникновения буржуазных влияний в пролетарскую среду, постольку, вполне понятно, что и данная постановка предстает перед нами, как один из вариантов «литфронтовского» кредо, которое в основе своей питается настроением мелко-буржуазной революционности и которая, постепенно, способна дать лишь поверхностное и формалистско-механистическое изображение действительности. Поэтому в постановке много «политической трескотни», «лемых» жестов, лозунгов и всяких благих намерений и нет самого основного—революционно-пролетарской идейной направленности художественных образов. Здесь лозунги сами по себе, а диалектика поведения и развертывания образов и действия сама по себе, причем логическая мысль часто подменяет образное мышление.

«Последний решительный», как заявляет театр, построен на музыкальной канве. Это верно. Но все дело в том, что сама основа этой канвы порочна: музыка здесь фигурирует так же, как и ряд других приемов, лишь как чисто технический атрибут с пыхошением сценизации.

Связанное в значительной мере предопределяет стилевую особенность и актерского исполнения. Игра актеров в такой же мере формально механистична и в своей области носит в такие же крайности: то балаганная эксцентрика или клишная схема, то полное субъективных переживаний. Разрыв между формой и содержанием в данном случае приводит актеров данного спектакля и для актеров данного спектакля. Никогда отчетливо выступает это в сцене пролога, претендующей на сатиру по адресу оперы и балета. Но что получается? Я утверждаю, что указанный эффект достигается там, главным образом, актером Мартыновым и именно в тот момент, когда он, изображая в резких штрихах эксцентрики и балагана именинного матроса, немного снижает. Таким образом на всего длящегося пролога зритель фактически всерьез воспринимает и смотрит только формальному приему—ширму.

ТИМ и его сотрудники всегда гордились и гордятся тем, что в вопросах взаимоотношений между драматургом и театром первенство всегда принадлежит Т. им. М. В значительной мере это справедливо. Но в данном случае это как раз и ухудшило положение. Пролетарский драматург Вишневский дал «литфронтовскую» пьесу, а театр не поправил ее, а еще больше закрепил за ней позицию. Таким образом — в «Последнем решительном» налицо не выявление пролетарской литературы на полуформалистски механической ТИМ, не преодоление последним своих ошибок, а наоборот, появление элементов стабилизации Т. им. М., а также факта отрицательного влияния его на пролетарского драматурга.

Тимошам и их вождю т. Мейерхольду надо серьезно взяться за ревизию своего пересмотр своих творческих позиций.

В. А. ПАВЛОВ.

ЛОКАФ

О „ПОСЛЕДНЕМ РЕШИТЕЛЬНОМ"

РЕЗОЛЮЦИЯ ПРЕЗИДИУМА

1. Проблема обороны СССР, тесней образом связанная с социалистической реконструкцией всего народного хозяйства, стоит перед нашей художественной агитацией и пропагандой целый ряд новых и сложных требований. Искрить кричины неизбежности ряда «самых ужасных столкновений между Советской республикой и буржуазными государствами» (Ленин) и конкретные планы подготовки к новой империалистической войне, терпеливо против СССР, развивать и укреплять постоянную революционную бдительность и боевую готовность трудящихся масс Союза, содействовать пониманию особых форм обостренной классовой борьбы, которые будут сопровождать вооруженное выступление империализма против Советского союза, изложены, всеми доступными средствами знакомить широкие массы трудящихся с интернационально-классовой природой, учебой и боем вооруженных сил СССР, являющихся надежной опорой пролетарской диктатуры, — таковы, в основном, задачи пролетарской драматургии и театра в области оборонной тематики.

2. Президиум ЛОКАФ констатирует, что вопреки росту военной опасности не нашли до сих пор должного отражения как в советском театре, так и в среде советской драматургии. Попытка т. Вишневского дал пьесу о Красной армии и растущей опасности войны, само по себе заслуживающая одобрения, разрешен однако им совершенно не революционно.

3. В трактовке темы автор допустил ряд принципиальных ошибок:

а) в качестве характерного недочета современного Красного флота взял тип анархо-бандитата Самуилкина, давно уже вычеркнутого из рядов Красного флота;

б) автор не сумел художественными средствами полностью разоблачить Самуилкина, как врага пролетарской диктатуры;

в) автор не сумел мобилизовать всех художественных средств для показа классово-выдержанных и социалистически воспитанных краснофлотцев, ударников социалистического соревнования, энтузиастов боевой подготовки, составляющих основную массу Красного флота;

г) таким образом автор об'ективно дал уродливое изображение современного Красного флота, не доведенных силы социалистического воспитания и энтузиазма краснофлотцев не сумел вскрыть действительного изменения недочеты Красного флота.

4. В результате, пьеса по-большевистски не разрешает проблему обороны социализма, не показывает лица как действительных врагов, так и друзей СССР в будущей войне за социализм и скатывается в показ лица войны в своеобразному ремарковскому (Кастана-).

Такое изображение войны не воспитывает чувств международной братской солидарности и уверенности в победоносной защите социализма, не осуществляет большевистского задания — «наша задача не только не учить умирать, но учить побеждать» (Ворошилов).

ТАКИМ ОБРАЗОМ ВЫЗВА «ПОСЛЕДНИЙ РЕШИТЕЛЬНЫЙ

Из литературного прошлого

Октябрьская революция открыла доступ к многочисленным частным архивам, хранившим рукописи и литературные документы. Эти литературные документы, зачастую представляющие большой общественный интерес, раньше были достоянием лишь отдельных коллекционеров. С другой стороны, богатейшие музейные хранилища за годы революции увеличились новыми ценными приобретениями. Редакция «Литгазеты» открывает на своих страницах новый отдел «Из литературного прошлого», где будет публиковать наиболее интересные из новооткрытых архивных документов. Традиция этой публикации — литературно-общественная значительность документа, политическая актуальность его, которую он может иметь до сегодняшних дней. Целый ряд новооткрытых писем, рукописей, воспоминаний, иногда по многим причинам исторически сложившийся облик известных писателей, особенный интерес представляют материалы, характеризующие демократическую революционную линию русской литературы, задавленную и часто совершенно замолчанную в жестоких условиях царской цензуры. Здесь, несомненно, может быть открыт ряд новых «имен» крупных писателей. Редакция обращается ко всем работающим над разборкой архивных литературных документов или знающим о существовании документов, представляющих историко-литературный и политический интерес, писать о них в отдел «Из литературного прошлого».

Неизданная переписка

И. С. Тургенева с П. В. Анненковым

Конец 1855 года. Тургенев под влиянием резких отзывов, близких к «Современнику» лиц (особенно В. П. Боткина) меняет одну за другой редакции только что написанного романа «Рудин». Он ждет не дождется своего литературного советчика П. В. Анненкова, адресовав его в Петербургскую канцелярию с новыми литераторами, особенно с Л. Н. Толстым, — молодым офицером, автором «Детства», «Севастопольских очерков», присланным 21 ноября прямо из Севастополя в Петербург и остановившимся у Тургенева.

Письмо, раскрывающее идиллическую обстановку петербургских литераторов, далеко не соответствует подлинным отношениям в кружке «Современника». Тургенев не говорит своему приятелю о той трещине, которая уже образовалась между дворянской группой сотрудников журнала и разночинцами Чернышевским и Добролюбовым, по адресу которых, особенно первого, летом 1856 года один из сотрудников, Дружинин, писал Боткину: «Этот хладей мимо нет к тому, чтобы перессорить журнал со всеми сотрудниками. Его надо время от времени бить по голове палкой, тогда он будет послушен, ибо имеет сведения, работает быстро и видит, что с голоду». Идейный единомышленник Тургенева, П. В. Анненков, конечно, и сам знал о назревшей классовой дифференциации среди сотрудников «Современника». Но Тургенев в своем письме ни звука не говорит о той борьбе, которая велась против либеральной группы писателей феодально-аристократом Л. Толстым. Именно «это время приносящим скорбь, крючочки, сестрой Григорьича, описанные в воспоминаниях фет», как Тургенев радующимся поздравив кричал по адресу Тургенева: «Я не покидаю ему ничем делать вне на зло. Это что за тарочно теперь ходит взад и вперед имею вся и видит своими демократическими ликами». Письмо Тургенева фиксирует момент примирения, покоя в дворянской группировке сотрудников «Современника». Некрасов еще не решил окончательно своего пути, в его поэзии стихотворения характерный отзвук идейного разложения, призыв «молчать» «музе мести и печали». Оба — Толстой и Тургенев — восхищаются Некрасовым — поэтом и человеком. Толстой, по его позднейшему признанию, сразу запомнил это стихотворение наизусть: оно ему понравилось потому, что он увидел в нем отказ Некрасова от гражданской тематики, от поэзии борьбы. Червонной взрыв приведенного в письме стихотворения Некрасова замечателен, между прочим, тем, что входит в историю театра знаменитого стихотворения восемь стихов, до сих пор неизвестных исследователям Некрасова (они набраны курсивом). К Тургеневу на квартиру сходятся и не принадлежащие к сотрудникам «Современника». В. Соллогуб в 50-х годах писал повесть в «Отечественных записках» и в «Библиотеке для чтения» и собирал у себя в салоне разнопёструю светскую и имущую публику, не играя существенной роли в литературных кругах. Эпизод с «зрелищной назимской» — еще один из штрихов к типичному в эти годы образу жизни дворянского круга; прославленный «однолюб» Тургенев среди «детей» выбрал полячку, а Лев Толстой, не слюбя того же Тургенева, «нерусся» на Севастополя и пустился во все тяжкие. Кутежи, пьянки и карты все ночь, а затем со двух часов спит, как убитый».

Пройдет немного лет: общественные события разъединят весь тот круг, в котором читаем и письме Тургенева: Некрасов вместе с Чернышевским и Добролюбовым станет во главе «Современника», откуда Тургенев уйдет к Каткову, в «Русский Вестник». И. П. Отарев эмигрирует в Лондон; между Толстым и Тургеневым лежит «овраг» (по выражению Тургенева в письме к Л. Толстому 14—25 сентября 1856 г.)

4 Н. ГРОДЗЕНСКИЙ

И. С. Тургенев — П. В. Анненкову

С.-Петербург.
9 декабря 1855.

Это просто ни на что не похоже, любезный Анненков, что Вас до сих пор нет в Петербурге (я-то чем это, может быть, не от Вас зависит) и главное, что Вы даже восточки от себя никому не шлете! С тех пор как я здесь, я каждый день собираюсь Вам писать — и все откладывал, в надежде, что либо Вы сами вдруг явитесь ко мне в комнату с сдвоем и руке (помните, как в Парижской?) Такое это было для меня приятное зрелище! Ведь Вы вместе, я чувствую к Вам влечение, род нежности), либо, что получу от Вас систематической бумаги, вечнозеленый Вашими любезными каракулями. Но от Вас ни слуху, ни духу — и решил наконец писать Вам!.. О, друг мой, П. В.! Ваше отсутствие очень неприятно всем нам, и Вам самим оно будет неприятно.—Воображаю: вот уже более двух недель как у меня живет Толстой (Л. Н. Т.)—я что был я нам, чтоб увидать вас обоих вместе! Вы не можете себе представить, что это за милый и замечательный человек — за ним дикую ревность и упорство буйно-добрейшую ласку! от меня название Тришлата. И его подобия каким-то странным чувством, похожим на отеческое. —Он нам читал начало своей «Юности» и сказал другого романа. О — есть вещи неописанные! Вообще литература здесь теперь на краю семей. Между прочим Отарев здесь — личная небезынтересно. Вам, неглупый человек, подшипенную сому —Заный путь, ученый сын своего», в котором он совместил чем свою сознание, в чем себя он сей своей задумчивой и задумчивой простоты. — Мы с Толстым уже три раза ушивались этим Нектаром. Некрасов уже более трех месяцев не выходит — он слаб и хандрит по временам — но ему лучше — а как он весь просветлел и умилчился под влиянием болезни, что из него вышло! какой приветный, оригинальный ум у него выработался — это надобно видеть, слышать этого нельзя. — Присылает Вам стихотворение, написанное им вчера — и еще сделано не обделанное. — Посмотрите! Остальные все стихотворения очень милы в своем роде у меня есть в любо — но только что-то сказать — даже Соллогуб приносит ко мне свои вещи

3. «Отрывки русского сочинения».
2. В полном сборе. 3. Образцы искусства.
4. Нейтральная почва.
5 Речь идет о романе «Рудин», напечатанном в «Современнике» 1856, № 1, 2.
6. Вариант последнего текста.
К и му хандрить, оплакивать потери?
Когда б хоть легче было от того!
7. В печатном тексте:
Всему конец! Исчезнем в грозе
Мой темный путь не даром омрачен.
8. В печатном тексте:
Я звал тебя, теперь уж не зову!

чающиеся ноги, палец за жилетом, и вижу умный и цепкий — и стараюсь опять добрым малым. Новые лица, которых Вы знаете мало, или не знаете вовсе — показались — один князь Долгорукий, музыкант и пр., и пр.—Даже с лорнетками я сошелся—и по мне ходит премилая полячка, в которую Вы бы влюбились, непременно. А я-то сам? За что же Вы меня покинули и обиделся? Вот я теперь принудил себя писать самую новую вещь, и не прочти ее Вам — разве это хорошо? — Опасно, по крайней мере, Боткину (он недавно осмотрел сюда прибудет из Москвы в Петербург—они мне много помогли... Ах, обезьянка П. В.—коли уж нал Вами такая беда стряслась, и Вы приехать не можете ль долго, хоть отпуск возьмите на праздники—и во всяком случае не упорствуйте в своем тупом молчании.

Мое здоровье все время было очень не дурно—да вдруг у меня сел на живот какой-то поганый чирей в роде карбункула—я подвергся ужасно-мучительной операции—прячал под ножом, как зверь и кубах у собаки,—однако мне теперь лучше, хотя и все еще не выхожу. Однако у меня еще осталось место для стихотворения Некрасова — повторяю—оно очень не обделано:

Замолчи, Муза мести и печали!
Я сам чужой тревожить не хочу,
Довольно мы с тобою проклинали —
Отдай и умираю и молчу.
Довольно нам оплакивать потери,
Хандрить, грустить, и, больше ничего...
Что самому, как скрип тюремной двери,
Противны стоны сердца моего.
Умы! Зачем пичаться и грозою
Мои младые годы омрачил?
Не просветлеет небо надо мною,
Не брызнет в душу теплого луча!—
Зачем к тюрьму с тяжелыми цепями
Не поступится ласково любовь,—
Где мысль моя, пробитая стилетом,
Закованная в цепи, точит кровь?
Когда в мои утомленные очи
И на душу сошел желанный мир—
Нашел бы я тогда другие звуки,
Другую Музу позвал бы на пир...
Волшебный путь любви и вдохновенья!
Я звал тебя не раз и на зову—
В страде, и борьбе, на рубеже падений
Я звал тебя... но больше не зову...
Ты, бездны сам я не хотел бы видеть—
Которые тебя могли осветить...
То сердце не научится любить,
Которое устало ненавидеть.—

Последние восемь стихов порядочно.—Пишите мне. Мой адрес тот же у Аничкова моста, на Фонтанке, в доме Овощникова.

Обнимаю Вас.

Ваш ИВ. ТУРГЕНЕВ

P. S. Пишу Вам в Симбирск, хотя может быть Вы в Нижнем—но если письмо мое не дойдет до Вас, то пошлите сами на себя.

На отчетной выставке Ф. БОГОРОДСКОГО

Ни в одной области советского искусства переключение на социально-значимую и политически насыщенную тематику не проходило и таким тяжелым напряжением и с такими переломами, как в живописи. Но если вместе с освобождением от буржуазных влияний краски темы и сюжета нами здесь почти ужасают, то нигде, кажется, как именно в этой области «красивая халтура» и политическое приспособленчество не нашли себе такого широкого применения.

Мастерство живописи, ее приемы, ее техника имеют за собой богатейшую историю. Овладение ими и критическая переработка являются для советского художника задачей первостепенной важности.

Отчетная выставка молодого художника Федора Богородского вернувшегося из заграничной поездки, является в этом плане весьма показательной и поучительной.

Отделять форму от содержания и оценивать формальные достижения художника независимо от их тематической ограниченности было бы непоправимой ошибкой. Но поскольку Богородский большинство своих работ выставляет в качестве лабораторных изысканий, мы вправе рассматривать их преимущественно с точки зрения формальных достижений, как опыты овладения живописным мастерством, которыми он сознательно ограничил свою выставку.

Богородский проделал огромную работу и в смысле овладения цветом и разрешении целого ряда фактурных и композиционных трудностей, но в своем стремлении все познать и все в себя вобрать он подался слишком разнородным влияниям. Отсюда эта эклектичность, идущая от влияния образов Помпеи, воспринятых сторонней от Дерена, и замечательная у Дюфи, и у Утрилло, и помпезная торжественность итальянского романтизма, и схематичность немецкой плакатной живописи.

Богородский еще не успел освоить все многообразные уроки, которые дал ему Запад и на которые он с такой жадностью набросился. Он должен дать им устояться и сохранить только то, что больше всего подходит его темпераменту и его мировосприятию. Он должен также все осознать смысл некоторых фактурных приемов и строго определить их применение в соответствии со строгим разграничением между объемной и плоскостной живописью, между линейным и цветовым разрешением пространства.

У Богородского еще нет пока своего лица, своего стиля. Между центральным портретом Горького и, например, «Гамбургскими плотниками-коммунистами» такая разница в приемах, живописной трактовке и разрешении композиции, как будто их делили два различных художника. В этой последней работе особенно ярко сказалось, как форма неотделима от содержания. При более вдумчивом отношении Богородский должен был по-другому к этой последней картине подойти и по-другому ее оформить. При данной же трактовке «плотники-коммунисты» кишат у него только «красивыми» пятнами.

То же самое следует сказать о другом большом холсте «Фашисты и разбойники».

Европа

При несомненно любопытном и интригующем разрешении пространства и арабесковом построении композиции, сюжетный стержень повис в воздухе, оказался за пределами холста и каким-то «литературным» инородным придатком. Контраст при противопоставлении между одной и другой группой фашистов и рабочих никак не дан: ни в пластическом образе их в цвете. Группа рабочих, стилизованная под какой-то примитив, ничем здесь не оправдала, так же как не оправдали все фактурные ухищрения, которыми это полотно изобилует. На этом же холсте, в перспективе, наверно от фашистов, показана маленькая фигура с корзинкой на плече. Она изображена так, что графический и красочный образы даны оторванно друг от друга, как будто краска не сознала с контуром, не заполнила его. Являясь в практике кубистической живописи остроумным приемом, иллюстрирующим относительность живописного выражения или самостоятельность линейного и цветового образов, он здесь никак не нашел себе применения и показан только как виртуозный трюк. От этих «трюков» следует дружески предостеречь талантливого молодого художника. Виртуозностью никак не подменишь мастерство. Это — пережитки буржуазного искусства. А за многих недостатков и особенно в рисунках Богородского этой виртуозности хоть отбавляй. Но напрасно он ею щеголяет. Она ему не нужна. Это особенно шокирует в его зарисовках нашего быта и производственных моментов нашего строительства. Он прекрасный рисовальщик: меткий глаз, легкая рука, эмоциональный штрих и оригинальная композиция листа. Есть у него и изобретательность и большое творческое воображение. Зачем же фокусничать?

Искусство, которое мы несем на службу пролетариату, требует к себе более четкого, серьезного и вдумчивого отношения. Его идеи должны быть ясны и все грани строго определены. Богородский, верно, это сам великолепно ощущает. Но соблазн был слишком велик. Интригующая новизна отдельных живописных приемов соблазнила его. Это — болезнь роста.

Как художник, зарекомендовавший себя общественником, Богородский вправе требовать к себе доверия. Он талантлив и это дорого, надежен, украшает, как украсил его он для своих первых выступлений в АХР. Поставив себе целью способствовать строительству социализма, он сумеет овладеть технической живописного мастерства для создания советской картины. Отдельные попытки, представленные на этой выставке, несмотря на их недочеты, показывают, что он этим стилем полнящей советской картины пытается овладеть. К чим надо отнести «Европу» и «Стройку СССР». На недостатках первой не хочется особенно останавливаться, поскольку придется повторить отдельные замечания, уже высказанные выше. Что же касается второй, то помимо ее общей схематичности она несколько засушена и лишена той эмоциональной насыщенности цвета, которая свойственна отдельным его работам и особенно его итальянским пейзажным этюдам.

Для установления своего стиля, Богородскому придется выбирать между одной или другой трактовкой этих двух картин или найти какой-то объединяющий их синтез. Но следует все же отметить, что из всей выставки особенно выделяются два—три итальянских этюдных пейзажа, которые по звучанию цвета и эмоциональной насыщенности оказывают наибольшее впечатляющее действие. Они-то и утверждают Богородского как талантливого живописца, который имеет все возможности подняться до подлинного мастерства.

СЕРГЕЙ РОМОВ

Оздоровить работу месткома

В клубе ФОСП состоялось 6 марта открытое собрание партячейки Дома Герцена. По докладу прокурора Верхсуда СССР т. Субботского собранием принята печатаемая нами сегодня резолюция о борьбе с меньшевизмом.

Далее собрание заслушало доклад Л. Ильинского о работе месткома писателей. Признавая слабость работы месткома, т. Ильинский упрекает партячейку и Облгосиз союза печатников и бумажников в том, что ими не уделяется достаточно внимания работе месткома писателей. Это привело к значительному ослаблению работы месткома, который необходимо перестроить.

На необходимости срочного перестройки месткома настаивают в выступлениях и прениях тт. Коренев, Наседкин, Ингбер, в основном соглашающиеся с докладчиком.

Собранием принята резолюция, в которой указывается, что причинами неудовлетворительной работы месткома являются: отсутствие обычного на предприятиях «треугольника», отсутствие внимания к работе месткома со стороны партячейки и литорганизаций и недостаточный авторитет месткома писателей, являющийся результатом слабого состава месткома.

Резолюция считает необходимым проведение ряда практических мероприятий. Местком писателей и секция писателей ФОСП должны совместно рассмотреть планы работы и правильно распределять функции. Представители месткома писателей должны быть введены в руководящие органы ФОСП. Перед секретариатом ФОСП ставится вопрос о перевыборе кворума ФОСП месткому писателей. Должна быть развернута самая широкая самокритика за слабое участие писателей в профсоюзе. В резолюции отмечается необходимость немедленно провести перевыборы месткома писателей, руководство которым должно быть усилено путем регулярной заслушивания докладов месткома на бюро и общих собраниях партячейки.

На литературных вечерах

Еврейская литература в СССР и на Западе

В помещенном этой теме докладе, читанном в марта в Коммунистической аудитории, проф. И. Цинберг изложил основные черты развития еврейской литературы у нас и на Западе.

Еврейская литература на Западе имеет черты оригинальности, питается только своими источниками. Образцами классической литературы являются произведения Мендели Мойхер-Сфорим, Шолом-Алейхем. Частью сохранились буржуазные еврейские писатели Шолом Аш и Анатолий не создали ничего оригинального. Последние годы Шолом Аша представляет собой образчик отсталой литературы.

Переходя к развитию еврейской литературы в СССР, И. Цинберг отмечает, что новая еврейская литература зародилась только после революции. Характерным ее признаком является появление пролетарских писателей и быстрый переход писателей из позиции мелкобуржуазной литературы. Наиболее зрелыми из пролетарских писателей можно считать Фефера и Харика. Среди молодежи т. Нусинов отмечает Гордона, Лурье и Гарфинкеля. В поэтической литературе нужно было отметить пьесу «Нет сомнения» Маркиша, которая идет сейчас в Еврейском камерном театре.

СКАЗ

Необоснованное обвинение

Во фракцию ВКП(б) Всероссомдрама поступило заявление молодого драматурга тов. Волошина, в котором он обвиняет тов. Мизитенко (Украинское пролетарское писатель, автора «Диктатуры», «Светите звездыми», «Буранщик и др.) в плагиате, что будто бы выразилось в заимствовании т. Мизитенко в его пьесе «Светите звезды» отдельных персонажей и положений из пьесы тов. Волошина «Чужак».

Выслушав сочинителя тов. Мизитенко, Бюро фракции Всероссомдрама, тщательно ознакомившись с материалами, представленными тов. Мизитенко и тов. Волошиным, и пьесой «Чужак», вынесли следующее постановление:

«На представленных материалов видно, что тов. Мизитенко работал над пьесой задолго до беседы с тов. Волошиным — автором пьесы «Чужак». Разработка отдельных персонажей пьесы «Светите звезды» началась, судя по записям в Мизитенко, с 1924 г. Беспорядочный Коля из «Светите звезды» является по сути карикатурой типа беспризорного в рассказе Мизитенко «Вурканчик». Таким образом, пьеса «Светите звезды» написана тов. Мизитенко совершенно самостоятельно. Отдельные совпадения, имеющиеся все же в пьесах Мизитенко и Волошина, являются понятными, результатом общности темы и общности социальной среды, в которой создавали пьесы Мизитенко и Волошин. Обвинение Мизитенко в плагиате, таким образом, отпадает».

Аналогичное постановление вынесено фракцией ВУГПП, совместно с представителями комфракции ЛОКАФ и комсомольской литорганизацией «Молодняк», также рассматривавших заявление тов. Волошина.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Как известно секретариату ВОАПП, руководители группы узбекских писателей «Сыр-Калям», вышедшие сторой контрреволюционной националистической группировки и ныне ликвидированной, заявили о том, что «Сыр-Калям» входит в ВОАПП.

Секретариат ВОАПП сообщает, что группа «Сыр-Калям» в ВОАПП никогда не входила и что секретариат после отделения этой группы пролетарской в 1925 году все время прямо вел борьбу за создание Узбекистанской ассоциации пролетарской, отстаивавшей линию пролетарской литературы.

Такая ассоциация в настоящее время создана и ее вхождение в ВОАПП будет оформлено на пленумном в апреле пленуме совета ВОАПП.

По поручению секретариата ВОАПП
А. СЕЛИВАНОВСКИЙ
И. САБАШНИ

Календарь работы клуба ФОСП

8 МАРТА — 20 ч. Вечер 3 группы кл. литературы.

9 МАРТА — 19 ч. Совещание [illegible] по Тверскому, 42, клуб рабочих, 2 этаж, собрание «Литературных [illegible] по докладу тт. Л. Зорина — «Творческие [illegible] Бориса и Маяковского. 2. Обсуждение [illegible] Маркиша. Материал в [illegible] 19 до 20 ч. (8 этаж, вход [illegible] Спиридоньевский, 13).

— 9 марта, в 21 ч., в помещении [illegible] комдрамы «Пионер и сумерки», 3 [illegible] цена). 3 акта Н. Погодина. [illegible] А. В. Луначарского [illegible] заседание Общества [illegible] Театр [illegible] ра, противодействию [illegible] театрального дела. [illegible] Театральное [illegible] о его смете.

— 9 марта, в 19½ ч., в ГАИК (Пушкинская, 19) — продолжение [illegible] по докладу т. Аматуни «Театр народов СССР».

— 9 марта, в 19 ч., в Доме [illegible] (Васильевская, 15) — совещание [illegible] руководителей литературных [illegible] Краснопресненского района. В повестке: 1. Подготовка к областной конференции МАПП. 2. О работе в районном летнем.

— 9 марта, в 20 ч., в помещении редакции «Пролетарский авангард» (Дубининская набережная, дом [illegible] 60) — очередной [illegible] ческий вечер Московской [illegible] РАПП «Кузница».

11 марта, в 19 ч., в клубе ФОСП (ул. Воровского, 52) — очередное собрание «Литературной группы. Обсуждение [illegible] дения т. Воронского и Зозули.

—11 марта, в 19 ч., в комнате 201 (Волхонка, 14) состоятся доклады тт. И. Анисимова и С. Динамова на тему: «Лицо капиталистического рабства». (По материалу иностранной художественной литературы). Вступительное слово — А. Луначарского.

Билеты, разосланные на 9 марта, действительны.

— Доклады тт. Запровской и Шиллера на тему: «Социал-фашистская литература и критика Германии» [illegible] перенесены на 11 марта, перенесенные на 16 марта. Билеты, разосланные на 11, действительны 13 марта.

12 марта, в 19 ч., в клубе ФОСП — [illegible] ширенного занятия кружка рабочей критики РОСТ с актом [illegible] ситуациями. Доклад В. Ермилова — «Очередные задачи пролетарской критики».

13 марта, в 18 ч., в клубе ФОСП (ул. Воровского, 52) секретариат МАПП совместно с московский актив с рабочими-художниками, [illegible] и литературу. Повестка дня: 1. Итоги [illegible] 2. Подготовка к Московской областной конференции.

Извещения

Сегодня в Доме [illegible] состоялся вечер стихотворных [illegible] Н. Бычкова (Сущевского).

— 9 марта, в 18 ч., в помещении «Новый дом», Тверская, 48, клуб рабочих, 2 этаж, собрание «Литературных [illegible] по докладу тт. Л. Зорина — «Творческие [illegible] Бориса и Маяковского. 2. Обсуждение [illegible] Маркиша. Материал в [illegible] 19 до 20 ч. (8 этаж, вход [illegible] Спиридоньевский, 13).

— 9 марта, в 21 ч., в помещении [illegible] комдрамы «Пионер и сумерки», 3 [illegible] цена). 3 акта Н. Погодина. [illegible] А. В. Луначарского [illegible] заседание Общества [illegible] Театр [illegible] ра, противодействию [illegible] театрального дела. [illegible] Театральное [illegible] о его смете.

— 9 марта, в 19½ ч., в ГАИК (Пушкинская, 19) — продолжение [illegible] по докладу т. Аматуни «Театр народов СССР».

— 9 марта, в 19 ч., в Доме [illegible] (Васильевская, 15) — совещание [illegible] руководителей литературных [illegible] Краснопресненского района. В повестке: 1. Подготовка к областной конференции МАПП. 2. О работе в районном летнем.

— 9 марта, в 20 ч., в помещении редакции «Пролетарский авангард» (Дубининская набережная, дом [illegible] 60) — очередной [illegible] ческий вечер Московской [illegible] РАПП «Кузница».

11 марта, в 19 ч., в клубе ФОСП (ул. Воровского, 52) — очередное собрание «Литературной группы. Обсуждение [illegible] дения т. Воронского и Зозули.

—11 марта, в 19 ч., в комнате 201 (Волхонка, 14) состоятся доклады тт. И. Анисимова и С. Динамова на тему: «Лицо капиталистического рабства». (По материалу иностранной художественной литературы). Вступительное слово — А. Луначарского.

Билеты, разосланные на 9 марта, действительны.

— Доклады тт. Запровской и Шиллера на тему: «Социал-фашистская литература и критика Германии» [illegible] перенесены на 11 марта, перенесенные на 16 марта. Билеты, разосланные на 11, действительны 13 марта.

12 марта, в 19 ч., в клубе ФОСП — [illegible] ширенного занятия кружка рабочей критики РОСТ с актом [illegible] ситуациями. Доклад В. Ермилова — «Очередные задачи пролетарской критики».

13 марта, в 18 ч., в клубе ФОСП (ул. Воровского, 52) секретариат МАПП совместно с московский актив с рабочими-художниками, [illegible] и литературу. Повестка дня: 1. Итоги [illegible] 2. Подготовка к Московской областной конференции.

Ответственный редактор: С. ДИНАМОВ

РЕДКОЛЛЕГИЯ: Н. Асеев, С. Динамов, И. Жига, Л. Ильинский, И. Катаев, Г. Коренев, Н. Огнев, А. Селивановский, И. Сельвинский, М. Слонимский

ИЗДАТЕЛЬ: Акционерное Изд. О-во «Огонек».

ЛЕНИНГРАД

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ВЫШЕЛ ИЗ ПЕЧАТИ № 2

С ОТЗЫВА ПОМЕРОМ ГОТОВЫ ПОДПИСЧИКАМ РАССЫЛАЕТСЯ ПРИЛОЖЕНИЕ: КНИГА П. КОСТАРЕВА—«ИГАЙСКИЕ ДНЕВНИКИ»

Стихи: В. Рождественский „Котлован". С. Городецкий. Поэма в прозе и д. Проза: Дм. Остров.— [illegible] Мартыно печатают. Л. Борисов Николаша и др.

Что «Ленинград» сделал в 1931 г.: ПОДПИСАЛ И ПАЛ: без приложения на 1 год 6 руб., на 6 мес.—1 руб., на 3 мес.—50 коп. С приложением на 1 год 12 руб., на 6 мес. 6 руб., на 3 мес. 3 руб. Цена отдельного номера 75 коп. Сборные экземпляры высылаются с наложенным платежом. Подписка принимается во всех почтовых отделениях и у почтальонов.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: Москва, ул. Горького, 25, Дом Печати, ул. Ленина, 26, Ленинградское Отделение Книгоцентра, Ленинград, Невский, 28, Книжный магазин Книгоцентра и магазины.

Д-р Нифонтов

ПАМЯТЬ

ЕЕ НЕДОСТАТКИ И МЕРЫ К ИХ УСТРАНЕНИЮ

Изд. 3-е, изд. 1931 г. [illegible], медицинский проф. [illegible]. Л. 1. в. 25 к.

Книга выдержала пять изданий только без [illegible]. Предприятия, обр. ПРОСВЕТДЕЛО Москва, РСФСР, 11, Моховая, 36.

Библиотека книгой

О ПУШКИНЕ

М. А. ЦЕЙТЛИН и ИВ. ГИНЗБУРГ. Книга незаменимая в подарок. Цена в папке 2 руб. 50 коп.

С. М. БОНДИ. Чтение страницы Пушкина стихи проза, письма. Цена в папке 1 р. 50 к.

Т. Г. ЗЛАТОВ. Социология творчества Пушкина. Изд. 2-е, переработ. и доп. Цена в папке 2 р. 50 к.

А. О. СМИРНОВА-РОССЕТ. Автобиография подлинные записки, воспоминания.

А. Б. ДЕРМАН. Творческая история Чехова. Цена в папке 2 р. 50 к.

Кооп. изд-во «МИР», Москва, Пятницкая 10.

Английский и немецкий ЯЗЫКИ

ПЕРВЫЕ ЗАОЧНЫЕ КУРСЫ Моск. 53, отд. 158.

Цикл Пушкинский чит. в пятницу 15.6 [illegible] нояб. вых. за 20 к. марк. Лимп. пр 10—4 ч.

НОВЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ МАССОВЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ ОБЩЕСТВА ИСТОРИКОВ-МАРКСИСТОВ ПРИ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ ЦИК СССР

БОРЬБА КЛАССОВ

Главный редактор М. Н. Покровский

Журнал является боевым большевистским органом [illegible] марксизма-ленинизма и генеральной линии ВКП(б) и Коминтерна на основе исторического опыта классовой борьбы. Журнал ведет решительную борьбу [illegible] всеми видами марксизма-ленинизма в различных буржуазными и мелкобуржуазными течениями в области истории, [illegible] великодержавный шовинизм и местный национализм.

Ставя своей задачей систематическое ознакомление широких читательских масс (членов партии, комсомольцев, рабочих, будет [illegible] колхозных актив) с историей классовой борьбы, журнал будет помещать не только статьи, очерки, воспоминания, художественные произведения исторического содержания, новые документы прошлого, ценный фактический материал и т. д. Журнал будет широко иллюстрирован.

ПРИЛОЖЕНИЕМ: Впервые издаваемая в СССР большая популярная иллюстрированная библиотека

ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ

в 24-х книгах, которые осветят основные вопросы мировой истории. «Всемирная история» выходит под общим руководством М. Н. Покровского.

Подписная цена: «Борьба классов» без приложения: год—10 р., 6 мес.—5 р. 50 к., 3 мес.—3 р.

«Борьба классов» с марта по конец года с приложением «Всемирной истории» в 24-х книгах—26 руб. Допускается рассрочка: при подписке—6 р., к 1/V—5 р. 50 к., к 1/VII—5 р., к 1/IX—5 р. 50 к., к 1/XI—4 р.

Подписчики на «Борьбу классов» с приложением «Всемирной истории», внесшие все взносы, получат бесплатно 3 художественные исторические картины.

Подписку сдавайте исключительно на почту.

Переводы в из-во посылать не следует.

Акц. Изд. О-во «Огонек» Москва.

КИНО

К УЧАСТИЮ В ГАЗЕТЕ ПРИВЛЕКЛИСЬ:

СУЛУКУАН, Б. ЭЙМИЙСКИЙ, ИОФФЕ, ФЕЛИКС КОН, КАРЛ ГАНЕК, А. ЛУНАЧАРСКИЙ, П. ЭЛЬСКИЙ, ШУТКО, ФОМИН, МАТЕ ЗАЛКА, МИХ. КОЛЬЦОВ, А. ЭЛЬЯШ, ЭЙСЕ, Н. ОГНЕВ, РООМ, Л. ЗАРХИ, ОБЕРГЕЙМ, ГЕРАСИМОВИЧ, С. ФОМИН, С. ЭЙЗЕНШТЕЙН, ЭРМЛЕР, А. ГИЦАЙ, Г. АЛЕЙН, Б. ВАЙСМАН, ЗОГАРОВИЧ, НИКОЛАЕВ, ПЕТРОВ, ШИРТОЛЬ, СУТЫРИН, ФАФЕЙН и др.

ВНИМАНИЮ КИНО-ФОТО-ОБЩЕСТВЕННОСТИ И ЧИТАТЕЛЕЙ КИНО-ГАЗЕТЫ

В связи с реорганизацией ОДСКФ и общественная газета реорганизуется в политическую и творческую газету

КИНО

ОРГАН ЦЕНТРАЛЬНОГО СОВЕТА ОБЩ. „ЗА ПРОЛЕТАРСКОЕ КИНО И ФОТО"

ГАЗЕТА БУДЕТ ВЫХОДИТЬ В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ «ОГОНЕК». ДРУЖЕСКИЕ УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ БУДУТ СООБЩЕНЫ ДОПОЛНИТЕЛЬНО

Акц. Издат. О-во „ОГОНЕК"
Москва, Страстной бульвар 11

ВНИМАНИЮ

ПОДПИСЧИКОВ ЖУРНАЛОВ „ОГОНЕК" и „ИСКРЫ НАУКИ"

С ПРИЛОЖЕНИЕМ КНИГ „ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ"

ПЕРВАЯ КНИГА „ВСЕМИРНОЙ ИСТОРИИ" ПЕЧАТАЕТСЯ И В МАРТЕ БУДЕТ РАЗОСЛАНА

С 1 марта прекращается высылка изданий подписчикам, не уплатившим ВТОРОГО ВЗНОСА: по «Огоньку» с «Всемирной Историей»—4 р. и по «Искрам Науки» с «Всемирн Историей» 5 р.

Взносы следует направлять ТОЛЬКО НА ПОЧТУ

Акц. Изд. О-во „ОГОНЕК"

КИТАЙГОРОД БЕСПЛАТНО

ДЕШЕВАЯ НОТНАЯ БИБЛИОТЕКА

СОБРАНИЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ РЕВОЛЮЦИОННЫХ НАРОДНЫХ КЛАССИЧЕСКИХ

для ФОРТЕПИАНО, вокальных с сопровождением фортепиано, пения с сопровождением народных инструментов: гитары, мандолины, 4-х струнной домры, балалайки, гармоники 3-рядной и 2-рядной и

для ДУХОВЫХ и СТРУННЫХ оркестров с сопровождением фортепиано,

для АМБУЛАТОРНЫХ и РОДНЫХ ИНСТРУМЕНТОВ

Цена отдельного номера — от 5 до 10 коп. С заказами обращаться в Москве, Центр. Неглинная, 14—МУЗГИЗ—КНИГОЦЕНТР, а также во все отделения и магазины Книгоцентра

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ОРГАН ВСЕРОССИЙСКОГО, МОСКОВСКОГО И ЛЕНИНГРАДСКОГО СОВЕТОВ ОДН

„ДРУГ ДЕТЕЙ"

Ответ. редактор О. Д. КАМЕНЕВА

Журнал, как и Общество Друг детей, является центром мобилизации сил и средств пролетарской общественности на помощь делу коммунистического воспитания и просвещения детей.

Журнал рассчитан на широкие круги членов общества «Друг детей» и Детскомиссии, комсомольцев и пионеров-организаторов, работающих среди детей и т. д.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: 1 год 2 руб. 40 к., 6 м.—1 руб. 20 к., 3 мес.—60 коп.

Подписку сдавайте только на почту и письмоносцам

Уполном. Главлит В 1670

Типография «Моспечатник», ул. Семашко-Свобода, д. 2.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Орган Федерации Об'единений Советских Писателей РСФСР

МОСКВА — 14 МАРТА 1931 г. № 14 (113)

РЕДАКЦИЯ: Тверской бульвар, 25, Дом Герцена. Тлф. 2,80.12

ФУРМАНОВ И ЛИТЕРАТУРНОЕ СЕГОДНЯ

«Художественная правда заключается в том, чтобы без утайки рассказывать все необходимое, но рассказывать все правильно, то-есть под определенным углом зрения». Эти слова Дмитрия Фурманова сегодня звучат с особой силой. Фурманов умер пять лет назад. За прошедшее пятилетие не умалило действенного значения фурмановского наследства для советской литературы. Не превратило это наследство в литературный архив. И сегодня мы вновь обращаемся к автору «Чапаева» и «Мятежа», чтобы увидеть в нем нашего современника, который поможет нам разрешить ряд острых вопросов, встающих перед советской литературой.

Путь роста Фурманова как писателя есть путь его вызревания как большевика. К большевизму Фурманов пришел путем органической самоопределки, путем преодоления ряда мелкобуржуазно-интеллигентских иллюзий, путем разрыва со своим прошлым. Он начал с неопределенных революционно-попутнических (если тут уместен этот термин) настроений, он прошел через этап анархических блужданий, он нашел себя в рядах коммунистической партии. Он, которому было чуждо самобичевание интеллигентского хлюпика, обладал величайшим мужеством, он умел видеть правду как она есть и рассказывать эту правду для своих читателей и для самого себя под «определенным углом зрения». Его дневники, опубликованные после его смерти, показывают, как трезво он смотрел на трудности самоопределки и какие максимальные требования выдвигал он перед самим собой. Он был непримиримым врагом всякой панировки, всякой успокоенности, всякого сглаживания углов. Из попутчика рабочего движения он превратился в пролетарского революционера. Разве это не служит великолепным примером для многих попутнических писателей, становящихся литературными союзниками пролетариата, то есть одним из будущих резервов пролетарской литературы?

Фурманов особо подчеркивал решающее значение мировоззрения. Он не был книжником, схоластом, кабинетчиком. Для него мировоззрение было неразрывно связано с действием, с классовой практикой. Фурманов вошел в литературу так, как сейчас входят рабочие-ударники: им руководило желание передать опыт класса, борющегося за социализм. Он был одним из первых представителей нового типа писателя, рожденного Октябрьской революцией. Составление партийных воззваний и работа над большим художественным произведением были для него различными формами классового действия.

Когда кончилась гражданская война, он отложил в сторону винтовку и взялся за перо, он был готов в любой момент снова вернуться к оружию Красной армии. Таков был Фурманов, как представитель нового типа писателя, рожденного пролетарской революцией, в революции переделавший себя и сжегший мосты мелкобуржуазных иллюзий.

«Чапаев», «Мятеж» и ряд других произведений Фурманова прочно вошли в железный инвентарь советской литературы как один из ее лучших образцов. Но вокруг фурмановского наследства уже насчитались легенды, которые необходимо рассеять. К числу таких легенд относится прежде всего легенда, отводящая Фурманову роль одного из основоположников «литературы факта». Произведения Фурманова действительно документальны, в их основу легли подлинные события, участником которых был сам автор. Однако, нужно ничего не понимать в значении Фурманова для литературы, чтобы «Мятеж» и «Чапаев» назвать обычными мемуарами, экспонатами «литературы факта». Художественная сила, правдивость и убедительность фурмановских произведений вызываются тем, что их автор сумел осветить и об'яснить изображаемые им факты «под определенным углом зрения»—под углом зрения пролетарского революционера; что он, владея пролетарским мировоззрением, сумел подняться на большую высоту обобщения; что он не ограничился механическим регистрированием фактов, а отделил в последних значительное и основное от незначительного и случайного, раскрыв закономерность событий. Невозможно принципиальное противопоставление Фурманова другим пролетарским писателям, пользующимся так называемым «вымыслом» (тем более, что и сам Фурманов в последние годы своей жизни отходит от «документальности» «Мятежа» и «Чапаева»). И, наоборот, существует резкое принципиальное отличие между творческим методом Фурманова и творческим методом писателей, отстаивающих позиции «литературы факта».

Мы начали статью словами Фурманова, дающими краткое выражение сущности его творческого метода. Эти слова как нельзя более своевременны в свете закончившегося разгромом «Литфронта» этапа творческой дискуссии в пролетарской литературе. Генеральная творческая линия пролетарской литературы складывалась в борьбе на два фронта. Она складывалась в борьбе с отрицателями ведущей роли мировоззрения, с предшественниками художественного об'ективизма и бездейственного созерцательства. Она складывалась, с другой стороны, в борьбе с «лакировщиками» действительности, с мелкобуржуазными суб'ективистами, с проповедниками «идеализации» одних сторон действительности и «критиканства» других. В той формуле, которую дает Фурманов, содержится ответ на вопрос о месте Фурманова в творческой дискуссии. Эта формула целиком укладывается в ту формулу, которую диктует и уточняет основное ядро пролетарской литературы. Характерно отметить, что Фурманов не отделяет «позиционности» художественной литературы от «угла зрения», для него — об'ективное познание действительности немыслимо без партийности и, с другой стороны, партийность не исключает, а предполагает это об'ективное познание.

При поворотах к новым задачам пролетарская литература еще долгое время будет обращаться к Фурманову, разрабатывая его наследство и оттачивая в последнем ответы на «злобу дня». Фурманов был связан со организаторами и руководителями пролетарского литературного движения СССР. Но он был современником и предшественником другого движения, которое теперь нашло свое организационное завершение в создании ЛОКАФ. Он должен также приблизить к себе усилиями писателей тех отрядов попутнической литературы, которые в реконструктивный период превращаются в отряды литературного союзничества.

Большевик, комиссар Красной армии, писатель, создавший огромные по своей значительности произведения, — таким вошел Фурманов в историю.

И перед ним, перед «Мятежом», советская литература и миллионные читательские массы обнажают головы в пятилетнюю годовщину его смерти.

АН. ГИДАШ

ФУРМАНОВ

Тебя не знал я,
Товарищ Фурманов.
Печально и строго
Все же стоял над тобой
В карауле,
Оберегал тебя,
Кто нас оберегал при жизни.
Так я стоял над тобой в карауле,
Хотя и без движенья.
Ты, изможденный, лежал.
Близилась полночь — немногих минут не хватало.

Над нами, в клубе,
Сидели комсомольцы.
Входя в дом,
Они прочитали твое имя,
И я слышал: притихнув,
Поднялись к себе.

А полчаса спустя
Уже смеялись
Сладко,
Споря во все молодые глотки.
Ты же покоился внизу
В нескончаемой тишине.
Но, не в пример другим,
Ты первый —
Я знаю —
Сказал бы:
«Ну, что ж! Они правы!»
Ведь каждое утро
Встает солнце,
И март вступил
В последнюю фазу.
Обо всем этом ты уже не знаешь,
Товарищ Фурманов.
Завтра весна
Взломчатит поля
И сердце магнетит
Свежей, горячей кровью,
Чтоб на исходе немногих недель
Зеленными стали деревья,
А на бульварах
Ночами
Опять зашуршала листва—
И наступило первое мая.

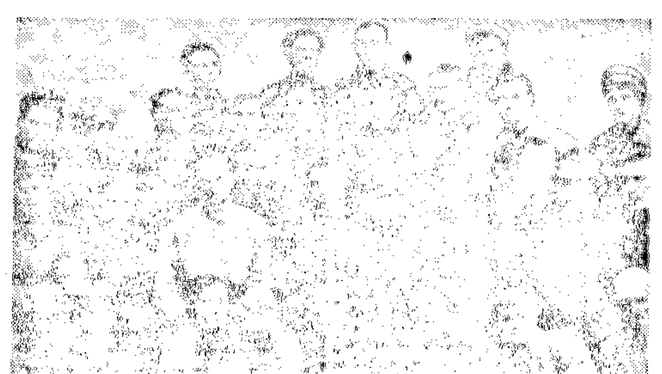
В типографиях шепчет свинец,
Мастер отливает строчки,
И машина послушно кладет в его ладонь
Хрустящие листы.
И нагнетаются теплом
Комнаты коммуны.
Обо всем этом ты уже не знаешь:
Что продолжается борьба,
Что пролетарские писатели идут вперед—
Только ряды их поредели...
Обо всем этом ты не знаешь.
И потому
Так тяжело
У нас на сердце.

Утром,
В доме,
Где я живу,
Встретил я маленького пионера.
Погладил его по голове,
И он поднял на меня глаза.
А ты лежал в великой тишине —
Там.
И в глазах пионера я увидел тебя:
Для новой жизни воскрес ты
Вместе со всеми
Погибшими
С простым сердцем
За наше дело.

Перевел А. КОЧЕТКОВ

(1926. Март).

Туркестанский фронт



Дм. Фурманов среди работников политуправления фронта

СЕГОДНЯ ЛИТЕРАТУРНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯ

❖ В номере «Л. Г.», от 10 ноября 1930 г. была напечатана заметка, в которой указывалось на неудовлетворительную работу **И. Сельвинского** в Моссовете. По полученным редакцией сведениям в опубликованной заметке неправильно охарактеризована деятельность т. Сельвинского, энергично работавшего в жилищной секции совета. Бюро военной секции Моссовета вновь в составе поставило **т. Сельвинского, зарекомендовавшего себя как активиста, закрепить за военной секцией Моссовета на 1931 год.** Местком писателей, куда бюро секции обратилось с соответствующим предложением, согласен с предложением поэта продолжать работу в Моссовете.

❖ В издательстве «Федерация» выходит **полное собрание сочинений А. С. Серафимовича.** Комментировать и редактировать это собрание будет **Г. Нерадов.** Собрание состоит из 12 томов. Издание будет отличаться от госиздатовских изданий лучшим внешним оформлением: будет четким шрифтом, лучшей бумагой и шрифтом.

❖ В ближайшее время в «Федерации» выйдет новое иллюстрированное издание **«Железного потока»** А. Серафимовича. К работе над его оформлением привлечена группа художников во главе с т. **Пискаревым.**

❖ ФОСП отправил на весеннюю посевкампанию свыше 50 писателей, которые уехали в различные районы СССР. Писатели получили задания как по линии ФОСП, так и от других организаций: ЦК с.-х. рабочих, Газвиасусева, «Крестьянской газеты» и др. ФОСП организовал средства на премирование трех лучших произведений писателей о посевкампании.

❖ Секретариат ФОСП сдал в издательство «Федерация» сборник «Большевистский сев», который содержит ряд очерков, рассказов, стихов, лозунгов предпосевной для колхозов, совхозов и рабочих клубов. Через ТАСС разослан литературный бюллетень ФОСП, который снабдит всю местную печать литматериалом, посвященным весеннему севу.

❖ Секретариат ФОСП выделил комиссию по разбору материалов в связи с опубликованным письма тов. Серафимовича в «Литературной газете». В комиссию вышли тт. Соловьев, Коренев, Макарьев, Сосырев, Егоршевин и Зелинский («Литгазета»).

❖ **Ленинградские писатели до сих пор не имеют клуба.** Массовая культурно-политическая работа литературной секретаричей в Доме печати. Однако, секретариат ЛенФОСП, заслушав доклад представителя правления Дома печати (т. Баршева), констатировал, что фактически никакой работы среди писателей Дом печати не ведет. Решено провести кампанию по вербовке писателей в клуб работников печати. ФОСП принимает на себя литературный раздел работы клуба и переносит туда массовую работу Федерации.

❖ На собранном общегородском **активе ЛАПП т. М. Лузгин** сделал доклад о февральском пленуме правления РАПП. Выступавшие в прениях единодушно одобрили работу и решения пленума.

❖ На 5 апреля созывается **областная конференция МАПП.** Начата подготовка к конференции: для изучения состава организации и обследования ее работы созданы 2 бригады из представителей литкружков «РОСТ» и «Пролетарская смена». На всем разборе МАПП привлекаются члены РАПП для оказания помощи работе литдружков.

ВЕСТИ ИЗ-ЗА РУБЕЖА

❖ Выбор последней премии французского романа «Академии Гонкуров» особенно симптоматичен, поскольку он с большой четкостью устанавливает ее политические тенденции. Премия присуждена Анри Фоконье за его роман «Малаэн» (Малайка), повествующий помесью авантюрного колониального романа и сентиментальной исповеди. Нового он ничего не дает, если не считать экзотической обстановки Малайского архипелага, где развертывается действие. Жизнь и быт малайцев автора мало интересуют, поскольку он туземцев рассматривает как сырой инвентарь, который ему нужен только для разработки каучуковых плантаций. Как один из крупнейших плантаторов Малакки, Анри Фоконье не только не пытается раскрыть неприглядного рабского положения туземцев, но старается тем, под весьма замысловатой эстетской маскировкой, оправдать свое преступление против туземцев.

Книга в целом является таким образом оправданием империалистического гнета и зрелище белого расширяться судьбой колониальных народов, видеть за предоставленную ему права на убийство.

❖

❖ Под давлением протестов политических и литературных организаций немецкий драматург Фридрих Вольф временно освобожден из тюрьмы. В связи с его арестом во всех городах Германии состоялись собрания протеста и образована комиссия по подготовке плебисцита против § 218 закона о запрещении абортов. В работе принимают участие многие представители радикальной буржуазной интеллигенции. Еще будучи в тюрьме, Фридрих Вольф послал заявление в Центральный комитет о своем вступлении в коммунистическую партию Германии, обосновав это тем, что «мы должны бороться не только с § 218, а со всей капиталистической строем».

Бела Иллеш получил от Фридриха Вольфа телеграмму, где он благодарит Международное об'единение революционных писателей за его помощь и просит передать свой сердечный привет всем пролетарским писателям и драматургам Советского союза. Как только он несколько освободится от хлопот по процессу, Фридрих Вольф посетит Советский союз.

❖

❖ Борис Пильняк проездом через Париж в Нью-Йорк дал два интервью в журнал «Монд», редактируемый Анри Барбюсом и в центральный орган французской компартии «Юманите». Говоря о литературе, Пильняк, между прочим, сказал, что сейчас нельзя больше говорить об одной русской литературе, а приходится думать о необычайных возможностях, которые таит в себе национальные литературы всех советских республик.

❖

❖ Пьеса Валентина Катаева «Квадратура круга» проходит сейчас с большим успехом на сцене парижского театра «Ателе».

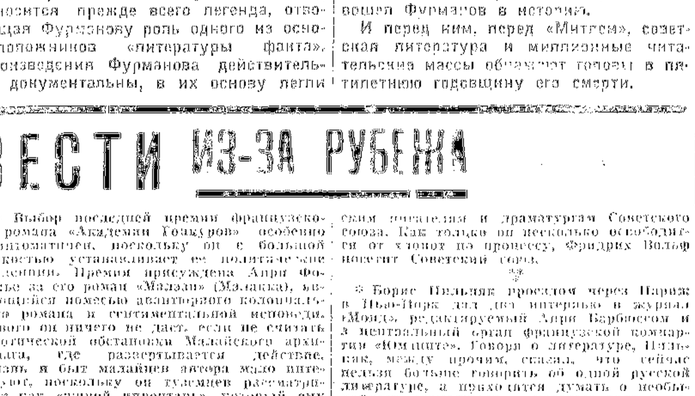
ПРОТИВ ЗАПРЕЩЕНИЯ ЛАТВИЙСКОГО ЖУРНАЛА „ЛЕВЫЙ ФРОНТ"

Преследование латвийскими властями революционного движения обозначено новым актом произвола. Единственный революционный журнал «Левый фронт», редактируемый тов. ЛИНАРДОМ ЛАЙЦЕНОМ, запрещен полицией, за помещение в нем рассказа, рисующего тяжелое положение рабочих и крестьян в латвийской армии, готовящейся к войне против СССР.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ РЕВОЛЮЦИОННЫХ ПИСАТЕЛЕЙ поднимает свой голос протеста против произвола латвийской реакции и призывает всех революционных писателей мира присоединиться к этому протесту.

В Париже после представления новой пьесы «Дело Дрейфуса» толпа набросилась на актера, играющего роль Анатоля Франса, выступающего в пьесе в качестве горячего сторонника Дрейфуса, и избила его до полусмерти.

В СТРАНЕ „СВОБОДНОГО" ИСКУССТВА



Спектакли в «Театре Амбигю» в Париже проходят ежедневно под охраной наряда полиции

В ПОХОД ЗА ОВЛАДЕНИЕ ТЕХНИКОЙ!

ПРЕЖДЕ ВСЕГО ЛИКВИДИРОВАТЬ ТЕХНИЧЕСКУЮ НЕГРАМОТНОСТЬ ПИСАТЕЛЯ

Г. Е. КОРЕНЕВ
ФОСП

ЕДИНЫМ ФРОНТОМ

ФОСП наметил ряд мероприятий в целях вовлечения писателей в борьбу за овладение техникой.

В конце марта состоится встреча ФОСП с ВАРНИТСО. Этот вечер должен положить начало систематической работе по ознакомлению писателя с основами современной науки и техники, сблизить писательскую общественность с научно-техническими кругами. В программе вечера — доклад представителя ВАРНИТСО о генеральном плане электрификации СССР (в связи с опубликованием в печати приказа по Госплану).

Предполагается наладить постоянную связь деятелей науки с писательскими организациями. Связь эта будет выражаться в том, что писатель или группа писателей, которая работает над темой, требующей известных технических знаний, будет прикреплена к тому или иному ученому, работающему в соответствующей области. Кроме того, на «литературных декадниках», организуемых ФОСП, предположено устроить ряд бесед деятелей науки и техники с писателями.

ФОСП проводит сейчас прикрепление писателей к фабрикам и заводам. В ряде очерков, статей, рассказов писатели должны рассказать о том, как идет овладение техникой на предприятиях. Предположено начание сборника на эту тему.

Наконец, перед федерацией писателей в целом стоит задача, выходящая за пределы «плана»: это — борьба за то, чтобы в современной литературе была отражена проблема освоения техники в нашей стране. Надо, чтобы художник показал, как бывшая аграрная страна превращается в страну индустриации и передовой техники; как новые кадры техников из рабочих и крестьян справляются с первоклассной техникой Тракторстроя и Днепростроя. Это должно быть показано на конкретных фактах того или иного предприятия.

В этом деле большая роль падает на «Литературную газету» и на всю печать в целом как по линии РАПП, так и по линии ФОСП.

Очень много могут дать в этом отношении ударники, пришедшие в литературу. На любом старом заводе отражалась вся история нашей революции: разрушение этого завода после империалистической и гражданской войны, затем восстановительный период, реконструктивный период и борьба за технику.

Если на каком-нибудь предприятии мы сумели бы от одного ударника или группы ударников получить такое произведение, это было бы большим достижением нашей литературы. Для большего успеха в этом деле нужно, чтобы писатели уже знакомящиеся писатели взяли шефство над ударниками, которые будут работать в этой области. В частности ФОСП, который является шефской организацией завода Ильича, думает провести там первый такой опыт.

Е. А. КОРОВИН
Профессор 1 МГУ

ПРОТИВ ГОЛОГО ТЕХНИЦИЗМА

Основным недостатком отображения техники в современной художественной литературе я считаю, во-первых, увлечение голым «показом» технологических процессов (я тому же не всегда достаточно технически грамотным) и, во-вторых, «профессиональные» техники, характерные для писателей, стоящих вне производства, и своим «хождением на производство» напоминающих народнические «хождение в народ».

Социальный эффект того и другого минимален; по-моему, он менее всего доходит до тех, кто является непосредственным участником производственных процессов и кого советская художественная литература должна обслуживать в первую очередь.

Между тем, боевой лозунг об овладении техникой, выставленный тов. Сталиным как одно из важнейших условий успешного осуществления всей пятилетки социалистической реконструкции, открывает благодарнейшее поле деятельности для художественной литературы. — Показать на доступных массам художественных образах, какое место занимает данный технический процесс в общем плане социалистической стройки и борьбы за социализм, показать, какие ослепительные горизонты открывает пролетариату овладение техническими знаниями, вскрыть все значение этого невиданного в истории человечества пафоса боев за технику и заразить им массы, — таков подлинно исторический «социальный заказ» третьего года пятилетки художникам слова СССР. От его выполнения зависит определение их социальной ценности и собственного места в рядах великой армии борцов за социализм.

Е. М. ЗАВАДОВСКИЙ
Профессор 1 МГУ

ЗА ТЕСНЫЙ КОНТАКТ ПИСАТЕЛЕЙ И НАУЧНЫХ РАБОТНИКОВ

Каждый пролетарский писатель должен принять непосредственное участие в осуществлении директивы партии об овладении техникой. Место писателя в этом походе за технику — весьма ответственное.

На литературных произведениях приходится убеждаться в том, что писатели не знакомы с теми производственными процессами, о которых они пишут. Для писателя, помимо умения художественным словом отобразить производство, необходимо овладеть техникой. В этом отношении правилен путь, избранный писателями по линии прямого перехода на производство и овладения процессами производства на заводах и колхозах.

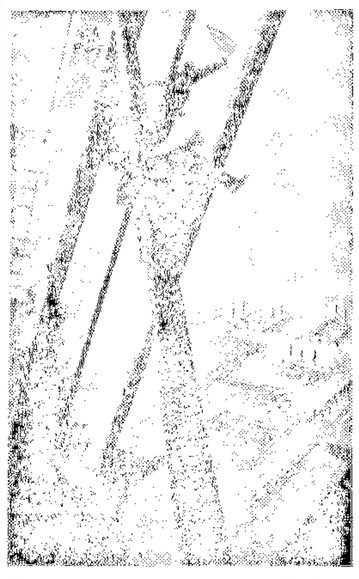
Лозунг об усвоении техники, выдвинутый тов. Сталиным, требует конкретизации, заметки об'ектов изучения. Писатель, при своей подвижности и знании жизни, сможет художественным словом помочь и подсказать эти об'екты, помочь найти формы реализации этой задачи.

Писатель должен преодолеть те неправильные понятия, которые возникают в связи с имеющимися представлениями о технике. Обычно, усвоение техники понимается слишком узко; при этом подразумевается только производственные процессы, связанные с использованием машины. Между тем столь же ответственная задача и овладение техникой сельскохозяйственного производства.

Писатель должен содействовать более глубокому пониманию лозунга «усвоения техники: он обращен не только к инженерам и техникам, но и к каждому строителю социализма.

Писатель может в художественных образах отобразить и перечеркнуть в области освоения техники: это будет иметь большое значение.

Ф. Богородский



«Да здравствует стройка СССР»

Перед нами стоит и другая большая задача — приблизить научно-исследовательскую работу к рабочей массе. Это тем более необходимо, когда мы ставим проблему подготовки кадров. Между тем научно-исследовательские работники не владеют популярным языком, искусством передачи научно-исследовательских процессов в простой форме, понятной широким массам читателей. Вместе с тем их труднее всего объяснить овладеть и охарактеризовать производственный процесс научной власти с той именно стороны, которая наиболее интересна и понятна широкой рабочей общественности.

Научно-технические силы должны оказать активную поддержку этой важной работе писателя. Помимо устройства лекций и докладов видных работников науки и техники на шефских собраниях писателей необходимо организовать посещение писателями научно-технических институтов для изучения процессов производства. Сейчас этими музеями производится большая работа по внедрению техники в массы. Было бы очень желательно ознакомление этих процессов в очерках. Например, хорошо было бы провести смотр того, что дает Политехнический музей в области выполнения лозунга — «техника—массам». Писатель как художник сумеет оказать нам большую помощь на этом важном фронте.

ГАСТРОЛИ ВМЕСТО ОСВОЕНИЯ ТЕХНИКИ

Четыре месяца назад рабочие завода «Красный пролетарий» взяли шефство над **А. Жаровым, А. Безыменским, Й. Уткиным, Г. Никифоровым, Ю. Олешей и В. Катаевым.**

Рабочие завода «Красный пролетарий» обещали овладеть всемерно советской техникой, **изучить свое производство и предложили подшефным писателям включиться в жизнь завода,** в его кульурную работу, в реальную борьбу за выполнение пятилетки в 4 года.

Через месяц в торжественной обстановке был оформлен договор и разработан план работы подшефных писателей на производстве. Писателя были распределены по цехам, им были выданы расчетные книжки.

❖

В цехах завода «Красный пролетарий» к шефству над писателями отнесились с большим интересом.

Вот, что писали «краснопролетарцы» в заводской газете «Двигатель».

«Взятие шефства—очень важный и замечательный факт. Необходимо напрячь усилия на то, чтобы не скомкать его, чтобы не получилось бумажного шефства. Наши поэты и писатели должны включиться в жизнь завода, чаще бывать в цехах, беседовать с рабочими, передать им свой творческий опыт».

(Т. НУХАРЕВ)

Что сделано писателями за эти месяцы их пребывания на заводе?

❖

— Джек Алтаузен по-настоящему включился в жизнь завода, — говорит секретарь заводской партийной т. Ершов.—В меньшей мере участвуют в работе завода А. Жаров и И. Уткин.

Формально отнесились к шефству А. Безыменский, Г. Никифоров, Ю. Олеша и В. Катаев. А. Безыменский после заявления директора — с 3 декабря — не разу не был на заводе, — отмечает т. Ершов. В. Катаев, Ю. Олеша, Г. Никифоров по три раза были на заводе, беседовали с рабочими,—и только. В повседневную практическую работу завода эти писатели не включились.

— Мы начали поход за овладение техникой. На заводе «Красный пролетарий» выделен день технической учебы, организованы курсы мастеров. Наш завод начинает переходить на новые усовершенствованные заграничные станки. Мы впервые выдвинули опыт производственного снабжения ударников, принятый ВЦСПС для распространения на другие заводы. **Но писатели-подшефные еще не включились в поход за технику, не отражают его в своих произведениях, не помогают нам в этом отношении.**

— Надо перевести шефство на практические рельсы,—заявляет в редколлегии заводской газеты «Двигатель» тт. Федулов и Айзинь. Писатели после должны ограничиться «гастрольными» приездами на завод, а участвовать в повседневной работе цехов. Они могли бы и должны были принять самое непосредственное и активное участие в походе за овладение техникой.

АНАТ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЛЕНИНГРАД

ТВОРЧЕСКИЙ СМОТР—БОЕВАЯ ПРОВЕРКА

Кампания призыва рабочих-ударников в литературу в Ленинграде закончена. Некоторым кажется, что тем самым отходит на второй план, если не отпадает совсем, задача дальнейшего вовлечения в ряды пролетписательского движения рабочих, тяготеющих к литературному творчеству. Им кажется также, что раз кампания окончена, стало быть, все сделано, стало быть, можно успокоиться, ничего больше делать не нужно. Те, кому это кажется, люди случайные в нашем движении, которым чужды его задачи, чужда его сущность, в классах которых призыв есть некая показная шумиха, парадный костюм по торжественным дням. Такие люди рано или поздно будут разоблачены, рано или поздно будут изгнаны из наших рядов.

Да, проделана большая работа, вовлечены десятки и сотни людей. Но как немного это по сравнению с тем, что нужно еще сделать. И как надо быть оторванным от жизни, движения, чтобы не понимать того, что вся основная работа—впереди.

Движение рабочих-ударников в литературу, рожденное культурной революцией, тем качественно новым, что происходит в рабочем классе, новым коммунистическим отношением к труду в стране строящегося социализма,—нельзя обеднять, нельзя сводить к ограниченности только литературного значения. Такова известная ошибка т. Авдеенко, которому казалось, что если он не обнаружит в тех первых слабых творческих шагах рабочих-ударников, которые мы имеем в настоящее время, по крайней мере, нового жанра, то этим будет принижено, умалено принципиальное значение этого творчества. На самом деле, он этим принизил его.

Но из того, что в борьбе за пятилетку, за социализм, в обмене опытом этой борьбы родилось массовое движение рабочих-ударников в литературу, никоим образом не вытекает фаталистический вывод—«ничего не делать, смотреть и ждать, что будет дальше», — вывод, провозглашенный Перцовым на очередной производственной конференции в Москве, вывод, представляющий собою оборотную сторону лефовского функционализма тов. Перцова.

Авдеенко стремился не замечать слабых сторон в творческой работе ударников, поэтому любое проявление этой слабости расценивалось им как особенность, сторона последовательно осуществляемого метода диалектического материализма. Не существу, это — сервилизм, отрицание необходимости и значения революционной теории, обожествления рабочего пупа. Тем, что присуще самой действительности, нельзя подменить вопрос о том, как это присущее действительности понято, осмыслено, вскрыто в произведении, отражающем ее. Но сервилизм худшего вида является и утверждение внешне обратного порядка, утверждение, очень нравящееся некоторым критикам, что элементы материалистической диалектики, обнаруживаемые в произведениях ударников, есть диалектико-материализм, присущий отображаемой действительности, произведение же, автор, мировоззрение его — здесь решительно ни при чем. Иначе—рабочий-ударник—медиум, чудесно вещающий истину с закрытыми глазами и выключенной головой. Будьте последовательны, будьте мужественны, дорогие «критики», спешащие помочь рабочему-ударнику советами такого порядка.

Мы отбрасываем все эти «советы», все эти «теорийки». Мы знаем, что только на определенной стадии развития культурной революции, на определенном уровне развития мировоззрения широких рабочих масс могло возникнуть такое явление, как творчество рабочих-ударников, и этот уровень, еще очень невысокий, есть тот, на котором находятся произведения рабочих-ударников; есть тот, на котором опосредствована отраженная в них действительность.

Мы знаем, что задача повышения уровня мировоззрения рабочего-ударника, пришедшего в литературу, углубление его, задача помочь ему овладеть революционной теорией есть важнейшее дело, которому мы должны отдавать все наши силы, жестко ударяя по всем тем, кто вздумал бы этому помешать. Мы знаем, что не все, не каждый, пришедший в наше движение, станет и должен стать пролетарским писателем-художником, но мы знаем, что нужно сделать все возможное для того, чтобы облегчить пришлецу его творческий рост, помочь ему в кратчайшие сроки овладеть спецификой художественного творчества, овладеть диалектико-материалистическим творческим методом, усвоить весь опыт, накопленный движением.

Кампания призыва закончена, но вся работа — впереди. Творческий смотр, проводимый ЛАПП в марте месяце, ударном по смотру, есть тот рычаг, который должен на деле повернуть ЛАПП к этой работе. Он должен создать условия закрепления привлеченных в литературу в движении. Он должен вынять все наши слабые стороны, в частности слабости организационные, с тем, чтобы устранить их, должен создать такую творческую атмосферу в организации, которая, активизируя творческие интерес призванного к литературе, обеспечивала бы его творческий рост, укрепляла рабочее ядро, рост всей организации. Без этого призыв рискует стать призывом на бумаге, без этого оппортунистам, затаившимся литфронтовцам, лакировщикам и приспособленцам и в самом деле могло бы удаться кое-что в отношении срыва призыва, срыва результатов его.

Смотр есть экзамен всему ЛАПП, есть проверка того, насколько мы действительно перестраиваемся, находимся на уровне задач, выдвигаемых историей. Смотр есть также экзамен и проверка всему активу ЛАПП, каждому активисту, насколько он действительно работает, насколько он действительно достоин быть организатором, членом массового пролетписательского движения, и не случайно ли его пребывание в наших рядах. Великая педагогика смотра будет рассматриваться, как оппортунизм на практике, как срыв работы, как свидетельство о том, что такому «организатору» нечего делать у нас.

Смотр укрепит организацию, обеспечит ее поворот лицом к творчеству, не может извести весь мусор, всю нить, тянущую к нам, как к основному, ведущему отряду в литературе.

Смотр соревнования будет проводиться, начиная с заводского кружка, на слетах нескольких кружков, на районных слетах, и закончится общегородским слетом, на котором будут подведены итоги. Лучшие кружки, лучшие руководители и секретари кружков, наиболее проявившие себя творческой работе-ударники, лучшие литературные будут премированы подпиской на журналы «Октябрь», «Звезда», «Ленинград», «Резец», «РАПП», «На литпосту», библиотеками и творческими отпусками.

Какой кружок будет считаться лучшим?

Тот, который в своей учебе в практике тесно связан с жизнью производства, активно участвует в борьбе за ком-финплан за пятилетку, связан со стенновкой, с печатной газетой, ведет литстражду, участвует в живой газете и т. д. и т. п., который в постановке своей работы на деле осуществляет лозунг: «Лицом к цеху».

Тот, который отдает себе полный отчет в решающем значении для пролетарского писателя марксистско-ленинского мировоззрения, понимает необходимость всемерного повышения уровня его, понимает необходимость усвоения кружковцами ленинской революционной теории, политической грамоты, который умеет строить работу в кружке так, чтобы она опиралась, была связана с системой ленинских кружков и школ на производстве, который знает уровень каждого своего члена, руководит его развитием в этом отношении.

Тот, который ориентируется в основных вопросах литературной политики (известные постановления, «Литфронт»), понимает роль напостовства в таком движении, понимает связь вопросов литературной политики с вопросами творчества (тактические лозунги напостовства, лозунги «Перевала», лозунги «Литфронта»).

Тот, в котором наиболее широко развернута конкретная творческая дискуссия, в котором действительно критически перерабатываются произведения членов кружка, в котором перерабатывается все наиболее значительные для творческого развития нашего движения произведения пролетарской и попутнической литературы.

Вот такой кружок мы будем считать лучшим. Вот опыт таких кружков, опыт работников этих кружков считает в результате смотра общим достоянием всей организации, будет перенесен на те участки, где работа отстает и хромает.

Смотр не может быть проведен успешно без руководства и помощи со стороны парт. и комсомольской и профорганизаций без широкой дискуссии со стороны массовой и общей печати, со стороны всей работы общественности. Нужна материальная помощь смотру по линии премирования со стороны издательства, со стороны профорганов. Не должно быть такого положения, которое, к сожалению, нередко еще бывает, когда дело касается литературы, рассматривается как чисто-литературные, как чьи-то «частные», «домашние» дела. Нелепо думать, что такого положения на этот раз не будет. Значение художественной литературы в социалистической стройке теперь никому не приходится доказывать. Смотр получит ту помощь и внимание, на которые он вправе рассчитывать.

МИХ. ЛУЗГИН
ЮРИЙ ЛИБЕДИНСКИЙ

ПАМЯТИ ДМИТРИЯ ФУРМАНОВА 1926—1931

Дм. Фурманов.—Кубань. 1920—1921 г.г.

СТРАШНЫЙ ПУТЬ

НЕОПУБЛИКОВАННЫЙ ОТРЫВОК ИЗ ДНЕВНИКА ДМ. ФУРМАНОВА 1920 Г.

Еду сейчас по линии Изюм-Ямы, Ямполь, Никитовка. В этих местах свирепствуют крупнейшие шайки бандитов — человек по 500—1000. Они почти ежедневно налетают на поезда и первым делом кричат:

— Жиды, комиссары и коммунисты — выходи!

Тех, которые выходят, уничтожают на месте, остальных выбирают потом и уводят расстреливать в станицу. Окрестные станицы дают главные кадры в бандитские шайки, они их всем снабжают, они же помогают бандитам уничтожать нашего брата. Вот мы уже проехали Святогорск, скоро подедем к Лиману. Говорят, что главная опасность еще впереди, именно за Лиманом. Таким образом положение мне страшно опасное. В Лимане думаем взять для *сопровождения* броневик, но я это может не спасти, если будет нападение. Уже ночь кругом, не видно ни зги, а за Лиманом мрут глухие леса. Здесь-то именно бандиты обычно и делают свои налеты. Они как сигналами останавливают поезд или через машинистов, им сопутствующих, заводят поезда в тупики и там совершают свое подлое дело.

Недавно они разграбили товарный поезд, а 30 матросов, которые его сопровождали, раздели донага и зарубили. Бандиты обычно не расстреливают, а рубят. Это ужасно. Следует сказать, что матросы были отлично вооружены — и все-таки ничего не смогли поделать. У нас в составе 10—12 вагонов, почти сплошь набитых делегатами, ответственнейшими работниками, возвращающимися с VIII с'езда. Бандиты знают, кто едет, и прилагают все усилия к тому, чтобы нас поезд уничтожить. Это бесспорно. Их изменить может только бронепоезд поезд, который мы думаем взять с собой в Лимане.

Украина бурлит, волнуется, негодует. Мы едем в эту глушь и почти каждый ожидаем смерти. Мы уже подготавливаем свои документы и в первую очередь партийные билеты. Мне из Иваново-Вознесенска выдан был документ как «сотруднику Нарпроса IX». Этот документ я и решил использовать, назвавшись артистом. Я скажу, что ездил на с'езд театральных деятелей, а на билете, на удостоверении я уже приписал карандашом, что «артисту Фурманову разрешается закупать театральные руководства и журналы». Этот документ я оставил в кармане, все же остальное убрал в денежный мешок. Важно обмануть и протести только первый момент, а потом «авось, небось, да как-нибудь». Только бы сразу не зарубили.

Итак, положение смертельно опасное. И все-таки я твердо верю, что останусь жив. Каким путем — не знаю, но останусь жив. Может быть бандиты вообще не сделают нападения, может быть побоятся броневика, или даже будут им расстреляны. Затем, если даже нас и ограбят, может быть и проведу бандитов и себя-лу за артиста, я там и скроюсь. Может быть, плевых отстреливаясь, мы и прорвемся чрез полосу хаоса.

Самый страшный путь — это путь от Лимана до Бахмута. Мы решили попытаться в Лимане потребовать, чтобы один из двух стоящих там бронепоездов отправился сопровождать нас до Бахмута. Поезд остановился, и мы направились к коменданту. Дежурный по управлению сообщил, что здесь бронепоездов нет, оба на участке, а есть тот бронеплощадка. Мы выразили комендантом броневичонки, но тут — ничего, так как они только-что возвратились из рейса и не имеют паровоза. Если же запрашивать новый паровоз, как сообщил дежурный комендант управления, — потребуется почти 4 часа. Мерзла этого дежурного мне показалась подозрительной, а еще более я насторожился, когда узнал, что один из бронепоездов стоит здесь, в Лимане, и дежурный заметно нас обманул. И приставил к нему караул, пообещав ему администрации оторвать голову, если только что-нибудь с нашим случится и если не примут мер к отправке с нами бронепоезда или броневика.

Вызвали мы к себе в комнату для боевого участка, в распоряжение которого числились оба бронепоезда. Он состоит в чистой Рев. трибе, окрашенной весь путь на значительном участке. Он так же бесшабашен, как и комендант и все его сослуживцы. Мы не выразили ему можно довериться, с кем можно договориться, так как в каждом видели только местного украинца — и не больше. А ж.-д. администрации, особенно местная, находится в непосредственной связи с бандитами. Комендант бронепоезда сообщил, что мы уже миновали один из опаснейших пунктов, отстоящий теперь от нас на 6 верст позади, куда теперь и отправляется броневик. Вроде-вик должен обеспечить расположение банд, которые сюда переселились из района Изюма и Ямы. Утверждение коменданта было голословное, вражеских сил никто не знал, и если частичка ту пресечать в Бахмут.

«Мятеж» в Театре им. МОСПС

показалась по другую сторону Лимана — это совсем не значит, что они бросили район Изюма. Наконец, видя, что наверняка броня у нас ничего не выйдет, мы решили ехать без охраны.

Сели и поехали. Я уже все документы убрал в мешок, а теперь снял кобур, спрятал и его, револьвер же, крошечный револьвер-браунинг, подарок Ван положил в карман. И рассуждал так: удастся спрыгнуть и скрыться — скроюсь, а не удастся — выпущу шесть пуль, а седьмую себе в висок. Даваться живым в руки бандитам не следует, т. к. они, по сведениям, рубят своих пленных. Когда я подумал про эту 7-ю пулю — мне сделалось не по себе — жаль стало молодой, цветущей жизни, жаль стало. Я и верил и не верил тому, что пущу себе в висок эту седьмую пулю. Нервы тронулся. О, как еще много опасных станций, как все еще долог путь.

Часы поезд ранения ход верст на 30—40, мне становилось легче, я знал, что на таком ходу подсесть с нами ничего не смогут, и устранять крушение не выйдет в лапы бандитов. Вот потянулись земли, показались белые мелочи, избы — это разъезд Ямполь. Мамо—мяме.

Поезд действительно не остановился, только замедлил ход. Мы увидели разрушенный вокзальный домик, ряд деревьев и больше ничего. Едем дальше: леса и кустарники миновали, поляны равнины, пересеченная сильно оврагами, ямами, рытвинами. Недаром тут и не всех станциях говорится про Ямы: Ямполь, Ямы.

Здесь стояли минут 30. Мы торопимся, торопим других. Я заявил, что поезд наконец выключился место возле кодес, где, пожалуй, можно скрыться, если только поезд будет стоять. Я все примечаю, все сею на память. Идем мимо сзади вагона — спереди и сзади, на буферах, на лесенках, на площадках разместились какие-то темные фигуры. Как полагается. Бандиты обычно делают так, что еще в пути, до нападения, закупоривают все выходы, а потом, остановив поезд, окружают его, остают у дверей и никого не выпускают.

Тронулись из Ямы. Еще миновали одно опасное место. Дальше. Скоро Соль. На этой Соли несколько дней назад бандиты *обобрали* поезд и расстреляли 30 матросов. Скверное место, что и говорить. Машинист остановил поезд. Что такое — станция? До Соли есть осталось еще добрых 10 верст? А, сволочи, нар нет. Нас снова берет сомнение. Кругом глухая степь. У самого полотна дороги огромная рытвина. Мы выходим из вагона, бродим возле него и ждем, все ждем, что вот-вот выныр-нут сначала головы коней, а потом насчитаем несколько сот всадников, заблестят шашками и кинутся к нам. Всматриваюсь то тьму, но ничего не вижу, кроме одиноких кустиков по краям рытвины. Здесь простояли мы еще мучительных полчаса. И когда мы бросили возле вагонов все помещавшиеся нам фигуры казались подозрительными. Ночь делала особенно жутким наше положение и состояние.

Весь поезд спит, спят все 300 делегатов, только мы героем, знающие весь ужас, ходим целую ночь и дежурим. Обидно, что такая масса ответственнейших работников может погибнуть. Нас в Харькове никто и ни о чем не предупредит, никто не снабдил оружием, не дал надежной, достаточной охраны. А ведь 300 человек. И все это — цвет Республики. А погибнуть могут все до единого ни за понос табаку. Обидно.

На Соли стояли новых полчаса. Тронулись. Перед Бахмутом сверх недосительная станция в степи. Сию минуту

ОТ СИЛЬНОГО НАЖИМА СЛОМАЛСЯ КАРАНДАШ...

ЗАМЕТКИ

В кино-фильме «Мятеж» есть такой кадр: Фурманов и его товарищи, схваченные мятежниками, сидят в тюрьме. В перспективе — расстрел. Жить осталось считанное время. Фурманов лихорадочно спешит записать в свою записную книжку последние события. Надо записать полнее. Надо успеть. Ведь враги за ними могут каждую минуту. От сильного нажима ломается карандаш. Неожиданно и досадно прерывается запись.

Этот кадр не вымысел. В архивах Дмитрия Фурманова среди других сохранилась и эта записная книжка и эти страницы, которые своим обычным твердым почерком Дмитрий записал в тюрьме в ожидании смерти. И в середине страницы, там, где сломался карандаш, идет жирная обрывистая черта.

Тогда смерть была предотвращена. Тогда, и в десятках других случаев, когда, казалось, выхода нет, Митяй умел отточить свой карандаш и сумел по материалам своих записных книжек, своих походных тетрадей дать пролетарской литературе «Чапаева» и «Мятеж».

Карандаш окончательно сломался пять лет назад. Записные книжки, дневники, вставочки и памятки беседы, в которых он делился с нами планами своих будущих работ, говорят о том богатейшем опыте, об интереснейших записях писателя-большевика, о планах, которые осталось не реализованными.

Мы мало учимся у Фурманова. Мы мало используем то наследство, которое он нам оставил. А между тем, именно сейчас, когда все наше пролетарское движение подымается на высший уровень, когда новые рабочие писатели-ударники приходят в пролетарскую литературу, когда мы говорим о создании нового типа писателя, писателя борца, писателя, активно участвующего в строительстве, именно сейчас особо выразительна фигура Фурманова, подлинного ударника пролетарской литературы.

Фурманов был большевиком и на фронтах гражданской войны, и в боях за пролетарскую литературу. В своих книгах он обобщал опыт своей горячей большевистской жизни.

В одной из анкет на вопрос, откуда черпаете материал для наблюдений, Фурманов ответил:

«Идешь по улице, сидишь ли на заседании, собрании, говоришь ли с отдельным человеком, все воспринимается как материал для художественной обработки. Многое и наиболее характерное успеваю записывать».

С трудом можно себе представить, как мог этот человек всегда, во всех обстоятельствах, почти не прерывая, вести свои дневники. Для этого нужны были большая сила воли, выдержка и целеустремленность. Сам Фурманов на вопрос, что является необходимым для творческой работы, писал:

«И чтение, и общественная работа, вдумчивая наблюдательность ежесекундно и во всем — самосовершенствование, умение забывать (на время) ненужное и сосредоточиваться на главном».

Все, кто соприкасался с Фурмановым, знают, что для него все это не было только словами.

Приехав в МАПП, Фурманов быстро выдвинулся в руководящее ядро. Всегда твердый, решительный, строгий к себе и к другим и в то же время чуткий и отзывчивый товарищ, следящий за рабочей других, — он был глубоко принципиален, резко восставал против всякого попустительства, жестоко разбивал родовщину во всех ее проявлениях. И этой принципиальности и честности коммуниста он требовал от всех. Он зверски много работал, писал, редактировал книги в Госиздате, руководил МАПП. К своему творчеству он относился очень строго, с чувством огромной ответственности. Сам активный, непосредственный участник и руководитель напряженной жизни, он, приступая к работе над книгой, далеко не удовлетворялся своими записями. Он вооружался и детальным изучением материала. В первые дни работы над «Чапаевым» в августе 1922 года он записывает в дневник:

«Хочу собрать решительно весь материал по «Чапаеву». Как он создается, что особенно волнует, что удается, что нет, какие меры и ради чего принимаю? Это интересно и полезно. Прежде всего — ясна ли мне форма, стиль, примерный объем, характер героев и даже самые герои? Нет. Не вторых, пытая ли свое дарование на вещах более мелких? Нет. Имеешь ли имя, знают ли тебя, ценят ли? Нет. Приступать почему всему трудно... ...Материал главнейше прочел весь. Буду читать еще и еще, буду группировать. Пойду в редакцию «Известий» читать газеты того периода, чтобы ясно иметь перед собой всю эпоху в целом, для того чтобы не ошибиться и для того чтобы натолкнуться еще на что-то, о чем не думаю теперь и не подозреваю. Вопрос: Дать ли Чапая действительного, с мелочами, с грехами, со всей человеческой требухой или, как обычно, дать фигуру фантастическую, т.-е., хотя и яркую, но во многом шаблонную. Сипонюсь больше с первому».

Через месяц он записывает: «Читаю про Чапаева много. Материала — горы. Происходит борьба с материалом, что использовать, что оставить... ...Встаю, думаю про «Чапаева», ложусь — все о нем же. Хожу, сижу, лежу, каждую минуту, если не занят срочным, другим, — только про него, про него...».

Окончив «Чапаева», он называет книгу «очерком». Конечно, он очень любит эту свою первую книгу, книгу, которая зажигает и организует читателя, книгу, которая показывает и самого Чапая в его развитии и весь процесс роста чапаевцев и их борьбу. Ведь кроме всего прочего, эта книга напоминает ему о тех днях, когда он был вместе с Чапаем. И он показывает Чапая не как иконописного Георгия победоносца — показывает «с мелочами, с грехами, со всей человеческой требухой», ничего не сглаживая и не лакируя, создает книгу, показывающую, почему побеждала Красная армия и не могла не победить.

И тут же, вычитав книгу, он старается практически подойти к ней. Он пишет в дневнике: «I. Конечно, очень охота, чтобы произведение было прекрасное, действительно, и тогда пусть и отзывы будут хорошие, если же... 2. Много недостатков... Не буду рад, коли о них станут некоторые умалчивать хотя бы из вежливости, товарищеских ко мне чувств и т. п...».

И это знать не пустые слова. Он был прежде всего человеком дела. Он растет. Он видит, что в «Чапаеве» есть срывы, *недоработанности*, нормальные места. И несмотря на сплошь благожелательные и даже восторженные отзывы, несмотря на выход в короткое время трех изданий, он знать борется за самую жестокую переработку «Чапаева». Это стоило успел переработать Дмитрий. Каждое слово он еще раз перечитывал. Это действительно огромная работа. Он не смог окончить ее, «От чрезмерного нажима сломался карандаш». Уже больной, с высокой температурой, он участвовал в работах съезда пролетарских писателей в борьбе с еще сильной тогда рапповщиной. В стенах.

С тех пор уже пять лет. Новые кадры пришли и идут в пролетарскую литературу. Они должны узнать всю историю борьбы за качественность. Они должны узнать, как работал писатель-большевик Дмитрий Фурманов, один из лучших ударников пролетарской литературы.

АЛ. ИСБАХ

ВЕЧЕР ПАМЯТИ ФУРМАНОВА

Завтра, 15 марта, в 7 часов вечера, в Красноармейском зале Центрального Дома Красной армии состоится вечер памяти краснознаменца—пролетарского писателя Дмитрия Фурманова. В программе вечера: Доклад Авербаха. Воспоминания: Киршона, Матэ Залка, Исбаха, А. Фурмановой, чапаевцев и др. Выступления артистов и постановки Театра им. МОСПС «Чапаев».

ЧЕМУ УЧИТ НАС ФУРМАНОВ

О гражданской войне написано очень много романов и повестей, рассказов и стихов. Некоторым даже кажется, что написано слишком много. Это — неверно. Гражданская война имеет еще много неосвещенных углов. Некоторые сложнейшие вопросы военного периода пролетарской революции еще вовсе не разработаны нашей художественной литературой.

Характерной особенностью целого ряда произведений, посвященных гражданской войне, является то, что они написаны, в сущности, по поводу или в связи с гражданской войной. Каждое событие придумано как некое специальное положение. Это становится совершенно очевидным при первой серьезной попытке разобрать эти произведения с точки зрения действительных событий, имевших место в период гражданской войны.

Фурманов не придумывал событий гражданской войны. Наоборот, гражданская война придумала Фурманова как писателя и борца.

Гражданская война дала основной материал для творческой деятельности Фурманова. Но это не главное, что определило незначительный успех его произведений и что обеспечило ему столь выдающееся место в пролетарской литературе.

Фурманова с волнением читали, читают и еще долго будут читать передовые массы. Тиражи фурмановских произведений достигли огромной цифры. Чем это объяснить? Объясняется это одним обстоятельством, которое кажется все-кому трафаретным, — тем, что боец-Фурманов писал Фурманова-писателя.

Биография Фурманова, его боевая работа, его материал и метод работы над материалом заслуживают по-той лишь (сейчас быть может больше, чем когда бы то ни было) самого пристального внимания наших писателей. Пример Фурманова представляет для нас особый интерес.

Нельзя низводить писателя-художника до уровня простого фотографа, но нельзя и придумывать события и людей, как это вынуждены делать некоторые писатели, оторванные от живой жизни. Нельзя и не к чему: самый талантливый художник, самое богатое воображение не придумает явлений более величавых, более напряженных, людей, более сложных и героических, чем дает сама жизнь...

Будущее принадлежит тем людям, которые научат, поймут и доскажут всю глубину событий, происходящих ныне в нашей стране.

Будущее принадлежит тем писателям, которые свяжут свою жизнь и свое творчество с практикой борьбы и строительства рабочего класса преобразующего мир.

Этому учит опыт Фурманова.

Г. КОРЕНЕВ

ПОСЛЕДНИЕ ЧАСЫ

Пять лет назад, *напрягая* в борьбе с болезнью свои поломанные фронтом силы, умер Д. А. Фурманов.

Три недели тянулся поединок со смертью, и в ночь на 12 марта смерть победила Фурманова.

У постели Фурманова сходились друзья и враги на литературном поле. У всех была одна мысль — вырвать его из когтей смерти. Со всех концов СССР и заграницы телеграммы, запрашивающие о состоянии здоровья. Телефон не переставал звонить, и часто я не знала имен тех, кто справлялся о здоровье Дмитрия.

Дом походил на вооруженный лагерь. Люди с забинтованными в борьбе лицами, с орденами беспомощно опускали головы, выходя из комнаты, где лежал Фурманов.

Никто не мог верить, что Фурманова не станет.

Писать о нем, как о мертвом, страшно. Слишком любил он жизнь, людей, умел чутко относиться к их горестям, обидам, он нежно желал успокоения.

Фотографии его довольно точно определяют его характер.

Умные, пристально - внимательные глаза, твердый, ласковый склад губ, немного упрямый наклон головы, высокий открытый лоб. Не могли только фотографии передать жизнерадостности человека, живого напряженной интеллектуальной и общественной жизнью, человека, борющегося и творящего, бурно радовавшегося от ощущения правильно найденного пути.

Его жизнь была очень загружена, и он не в состоянии был бы сделать и половины того, что сделал, если бы жил, не регламентируя свою жизнь.

Он был требователен к себе, но того же требовал и от других.

Наша квартира была центром для всех спорящих напостовцев.

Он не созерцал революцию. Он был активнейшим ее участником.

Он—боевой комиссар дивизии, он — редактор газеты... Но что бы он ни делал, где бы он ни был, над пулями ли белого казачества в Уральских степях, в тылу у Врангеля или в административном кресле работника Наркомпроса, он ни на одну минуту не выпускал из рук записной книжки. Наблюдая себя и других, он фиксирует действия и настроения людей, и на этих материалах возникли многие страницы «Чапаева» и «Мятежа» и все другие его произведения.

Чапаев его—это не только живой Чапаев, это—собирательный тип целой революционности крестьянских полководцев, порожденных эпохой гражданской войны.

Многого осталось у него недописанным, многое осталось недосказанным, и сам Фурманов, точно сознание в ночь на 12 марта, сказал:

— Пустите меня, пустите я еще все-все сказал, мне так много надо сказать...

Писатель-большевик, писатель-боец оставил большое литературное наследство, в котором отражены не только его простой скромный облик, но и великие дни революционных боев.

АННА ФУРМАНОВА

ПАМЯТИ ПИСАТЕЛЯ-РЕВОЛЮЦИОНЕРА

ДМ. ФУРМАНОВ—НА ТЕАТРЕ

Когда в 1927 году московские театры лихорадочно искали пьесу, которой можно было бы ознаменовать день десятилетия Октябрьской революции, наш театр, Театр им. МОСПС, остановился на Дм. Фурманове.

Нас привлек тот революционный пафос, которым насыщены произведения, всегда волнующие нас, организующие сознание, укрепляющие и вызывающие волю на борьбу с трудностями, на создание новых социалистических основ.

Нас привлекло в «Мятеже» Дм. Фурманова полотно широкого охвата, дающее возможность показать гражданскую войну с ее динамикой и острой социальной насыщенностью. Показать массу — еще не вполне организованную, но целеустремленную.

Мы ставили себе задачей, на основе конкретного материала, имеющегося и взятого в плане любимого Дмитрия Андреевича, создать такое воспроизведение гражданской войны, которое—с одной стороны воспитывало бы массы Красной армии в процессе ее роста и укрепления, выявляло бы героизм и преданность идее социализма ее рядовых бойцов, а с другой стороны — захватило бы зрительный зал волной сочувствия и энтузиазма.

Прошло четыре с половиной года со дня постановки «Мятежа», и неизменно этот спектакль не перестает пользоваться успехом и любовью у пролетарского зрителя. Вслед за «Мятежом» мы показали «Чапаева». Тот же прием, тот же успех.

Фурманов до тонкости владел секретом воздействия на ум и сердце пролетария.

Литература и театр потеряли в его лице крупного революционного художника.

Е. О. ЛЮБИМОВ-ЛАНСКОЙ

ПЕТР и АЛЕКСЕЙ

Удивительная вещь. Петру «не везло» в русской литературе. Не получалось. Лев Толстой, ведь, собирался писать о нем роман. Собирал уже материалы. А вместо «Войну и мир». Если не считать гениального героизма Пушкина, в сущности только Д. Мережковский возвысил этой темы ей grand, не лишь затем, чтобы вместить ее под ложноклассические декорации «исторической трагедии». Остальное — частности, фрагменты. Столь «деловая» фигура «преобразователя России» не укладывалась ни в дворянский либерализм, ни в народническую интеллигентщину второй половины XIX века... Но здесь не место развивать эту тему.

И вот «Петр Первый» Алексея Толстого. В широкой рамке, в темпераменте, в философии эпохи. Первое впечатление — захватывающая книга, счастливая удача писателя. Да, этот роман сделан настоящим мастером. Говорите вы себе, закрывая книгу. Потом вы хотите дать себе отчет в этом чувстве. В чем заключено притягивающая сила романа и какова его центральная идея?

Сила эта — в языковом ритме, в соответствии его внутренним жестам героев, в обильных реалистических красках. Эпоха Петра с ее плевелами, бытом, говором и страстями действительно развернута в необъятной, бытовой манере. Прежде всего роман Толстого несколько отступает от обычной композиции исторических романов. Это не роман с действующей интригой и ведущими героями. Это скорее историческая хроника, литературная фильма, которую можно назвать «люди и нравы XVII века». И сам Петр встает здесь лишь как носитель «духа времени», его идеи. Какой — мы увидим потом. Если вы сопоставите с исторической литературой, мемуарами, выбор Толстым материала, то первый вывод какой надо сделать, что автор находится в обычном русле исследований буржуазной науки (главным образом Кизеветтер). Но все это претворено в художественно-синтетические отливки. Старая Русь дана петрю. энергической, «рембрандтовской» кистью. Голодные дети, экономика крепостного двора, бревенчатая московская улица, разбойники в лесах, царская свадьба, истошные застенки, боярство, цепляющееся на «думах и тяжелых шубах, пуская «злого духа» — все это написано ярко и во многом верно. Безмерные злоупотребления верхушки выбраны и воспроизведены в том же характерном для эпохи разрезе. Например, Василий Васильевич Голицын, любимец Софьи, ее калигер, один из замечательнейших людей того времени. Первый русский либерал составивший проекты отмены крепости, уменьшил в целях самосохранения «разделения труда» двух сословий, на которые опирается государство: «кормящего и служащего» — членов палаты, обнаживший нелепости заморской жизни, сочувствующий в своих дневниках всем хорошим чего была в Оксфорде и Сорбонне, — вовсе не «сопротивления всех делать общее благо»...

Но вернемся теперь не помешал бы выше романа Сенкевича или даже Зеленина, если бы Алексей Толстой отразился только статистическим зеркалом или фотографическим аппаратом. Но в том-то и дело. Острота романа, его темперамент вскрыты именно отсюда, что Толстой увлекся исторической плотью для которой разворачивание бытового материала есть своего рода «обратительный процесс». Тема эта дана в форме размышления «деятельной эпохи Петра». Почему именно должен был появиться над российской низиной этот полотнищий деспот, с беспечной бродягой жестокостью истерзавший Русь на европейский салтык? И в чем был исторический смысл его деятельности? И вот здесь мы должны будем решительнейшим образом отвергнуть философию эпохи, которую развивает Толстой. Для Толстого это решение сразу: Толстой видит весь смысл деятельности Петра в «европеизации России», то есть идет по пути давным-давно определенным марксистской исторической наукой, как путь буржуазной мысли (здесь корениться между прочим и заблуждение Щеглова в части объяснения сущности русского исторического прогресса). И второй ложный мотив романа — игра на философемах созвучных с современностью». Тоже типичный для идеалистического ума ход размышлений. Откуда же ведет начало этот ход мыслей?

Петр всегда был своеобразно «современен». Этому причиной была исковой (до наших дней во многом сохранившейся) отсталость России. Ведь в «истории старой России заключалась в том, что ее непрерывно били за отсталость» (И. Сталин). Именно это «наследственная» ситуация делала личный образ Петра всегда злободневным. Это он первой в древней, полуфеодальной России поставил задачу «догнать» буржуазную Европу. И его поведение — так поставлялись его сохранить в истории — было поведением человека, дерзновенно ломавшего, отрезать с кровью у феодально-земледельческой полуварварской страны ее «культурное», буржуазно-капиталистическое будущее. В этом смысле сама разрушительность поэзии Петра в отношении старой, «грязной и дикой» России, его беспощадная критика словом и железом «матушки-горницы» — не раз становились опорным пунктом для либеральной оппозиции. Недаром Чаадаев, первый западник, поступивший на самодержавный чиновничий Россия и объявивший за это «безумным», защищался в своей знаменитой «Апологии сумасшедшего» этим русским «знанием» от Петра:

— Я не научился любить свою страну с закрытыми глазами, с покорно опущенной головой, с бессмысленным ухарством. И любить родных, как Петр Великий научил меня ее любить. Прежде всего, родине нужна правда.

Роман Алексея Толстого дает характерологическое зарождение этого Петра. Бунт стрельцов, убийство Матвеева — это вырывают из детства. Это Петр — молодой волчонок, пробующий зубы на потенциях. Петр, идущий далеко к власти. Петр, сверставший Софью. И, наконец, «Бом Бар Дир Пикер», «царь-плотник», странный для своих, исполатный для иностранцев. Толстой — искусный художник. Тенденция нигде не дана онтуитно. Он мог бы смело повторить за Андре Жидом, что «ничего нет в искусстве, чего бы нельзя было положить средствами самого искусства». И психология складывания характера Петра постепенно «переходит» в идеологическую линию романа.

Толстой рисует Петра растущим в соприкосновении двух миров: дедовской, консервативной Руси, и толковой, веселой «Европы», представленной в деловитой слободе Немецкой слободой — Кукуем. Еще при отце Петра Алексее Михайловиче (на ту эпоху марксистская наука относит «петровский» перелом), повелением широкую торговлю с Западом, эта слобода процвела, разрослась, укрепилась. Порядки и весь быт этого «иностранного сеттльмента» разительнейше контрастировали с дикой, сирадной, азиатской жизнью тогдашней России. На этом контрасте Толстой строит воспитание Петра. Здесь сцена, тисуние обезьян, мясницкий кадавр, издевки сестры и боль, тухлая жизнь. Там «мягкая немчинка», любовь, «гоже, прелесть». Это создавало необычайную остроту.

Любил Петр подносить и злую «шутку» своим собутыльникам «ерша». Это русский «коктейль» XVII века, чудовищная смесь мужицкой скаски и немецкого пива, от которой люди валились с ног. Такого идеологического «ерша» подносил ему история. В разности температур двух миров — вот в чем ищет Толстой психологическое объяснение лихорадочных черт в характере Петра, его пиратским желваком на скулах, его яичному бешенству и беспредельному упрямству не только интересов, но и жалкой отдельных человеческих личностей с дороги его замыслов. И Толстой делает все, чтобы подчеркнуть разрыв между этими двумя мирами:

«За окнами шумел сетер. лета через весь карет, — равнины, глушь, болота, — ямы, где-нибудь задерет сохому на курной избе, позалит пышного мужика и сгорел — сколевать от безделья, да зазвонит мерзлым колоколом на покосившейся колокольне...»

«А здесь вылохмачены пожни, красные зяпца, посчитал стриженые под горшок головы, дым валит из длинных трубок, трещат речи». А здесь вызывает презрение иностранцев к дикой стране, здесь человеческие, усыпанные песком дворики, занавески на окнах, добродушное кольцо слепящего дистанций, уважение науки, политеса, и, наконец, щемящее сердце, «прельстительные юбочки Анхен», розовые ее открытые плечи...

И этой жалкой «позавить хоть крупинку золотой пыли, окутывающей заокеанские страны», Толстой заклинает Петра. И когда деятельный, сильный Петр возмущается в своей стране, то уже не ярко обидны или алчности, не стон отсталости, замордованного татарским игом, дикого русского властелина прорывается у него, а скрежет, напряжение лютой воли, готовой зубами хватать «непозорное бытие». «Какими силами расшевелить людей, пронять им глаза»... «Чтобы на своих, русских, и зависть и самодовольным кунштам, — расчесуете вольные паруса, поспешут домой в дальние страны...» — схватывала сердце Петра.

И вот Толстой открывает его «лик», повернутый к своим, к России. Это ненависть. Ненависть и месть.

«Сидят на старине,—жилы тянет... Земля за тысячу лет пахать не научилась... Отчего сие? — Поголи, Александра, вернусь, — дух из Москвы вышибу...

— Только так и можно...

— Указ, что-ли, какой-нибудь дать странный? Перевешать, перепороть... Но кого, кого? Враг — поэтому, враг — в нем самом».

Конечно, Толстой не ограничивается только этим «культурно-психологическим» объяснением деятельности Петра. Напротив, достоинство романа в его реализме. Купцы, торговли, пути сообщения — все это Толстой стремился дать как колоссальную историческую панораму и отдельные верные картины (напр., участие купечества в Азовском походе), к сожалению, не идут дальше «прогрессивных» еще Ключевским или Платоновым путей и перерываются в целом обычным ложным построением.

В общем, верный исторической правде Толстой отступает от нее, когда надо укрепить излюбленную перспективу романа. И все, естественно, у Толстого Петр оказывается больным «замалчиком», чем даже был на самом деле. Он говорит у Толстого:

— Лучше быть подмастерьем в Голландии, чем царем в России.

Мы знаем целый ряд исторических свидетельств о гораздо более «трезвом» отношении Петра к Западу. «Европа нужна нам еще несколько десятков лет, а потом мы можем повернуться к ней задом», — говорит Петр, — «а впрочем и Париж возлюет». — подмигивал он приближенным.

У Толстого механические блага цивилизаторства берутся всюду даны в привлекательных, сравнивших тонах. И всюду, где возможно, подчеркнуто, что «наши дворяне — мужичье сиволапое. — сеют, жнут, да молятся...» «что не звериному — вся страна (недаром «звериный» — любимый эпитет романа). Даже на приемах в Европе у своих приближенных Петр приклывал на всякий случай запивать карманы — сперут какую ценную мелочь, осрамят Расею. В чем смысл в выдвигании наперед этой «культурно-бытовой» антитезы?

Повторяемость или длительность некоторых исторических ситуаций не может не вызывать удивлений. Сто лет назад Стендаль (в «Пробинце Корнете») иронизировал так же, как сегодня какая-нибудь французская газета о толпах праздных туристов-англичан, заполняющих летом Париж. Больше двухсот лет назад Лейбниц писал в письмах Петру, что Россия не должна догонять Европу, повторять на своем пути всех форм, пройденных Европой (мысль, потом поднятая снова Герценом). Ситуация — «Восток и Запад», одна из тех, чье «постоянство» обязано с тоску не мало годов. Когда Алексей Толстой выходит со дна Петровой психологии, она

ПРЕДПРИЯТИЯ, ОРГАНИЗАЦИИ И ЧАСТНЫЕ ЛИЦА ПОДПИСЫВАЙТЕСЬ НА ЖУРНАЛ «ЛИТЕРАТУРА ФАКТА»

превращается. как мы знаем, в новую концепцию романа, развернутую в духе обычных либерально-западнических, буржуазных представлений.

Толстой далек от «прогрессивного» изображения личности Петра. Это не Пушкин: «Выходит Петр. Его взгляд сияет. Лик его ужасен. Движенья быстры. Он прекрасен. Он весь, как божия гроза». Петр Алексея Толстого — это вершина с вольными пятнами спящий под водой, а узкодушный пузырь, заранее спящей снаружи. Историки-марксисты (например М. Н. Покровский) изображали Петра в гораздо более «разоблачительных» тонах (не без тактического умысла перевести ключевско-соловьевскую линию), подчеркивая его «варварское» высокомерие, «фигуральную» разнузданность и т. д. Но опять, как спор Толстой от Петра переходит на почву более широких исторических обобщений, он идет мимо марксистской исторической науки, и не только мимо Покровского, но и мимо Павлова-Сильванского. Сейчас единственная петровская фабрика, описанная в романе, это скважный завод Льва Кирилловича в Туле с рабочими из крепостных и крестьян (совсем как Медокоуе).

Можно сказать так: Толстой изображает Петра во многом, как он включил Алексея (неполно, не целиком изображенной, неспасаемой «тенью»), а (Алексея) старую Русь, что нам симпатична она в глазах у немногочисленного в будущее Петра. Так и можно себе объяснить небольшой калейдоскоп, заключенный в заглавия статьи. Разница двух миров (Азия и Европы) остается и в романе внутренне философски такой же преодолимым и не обществом. Он показал, как судьбы, так трагическая тема — вопрос, как бы обращенные к нам, к сегодняшним дням, к самому автору. Как же он делает это? В основе мы находим ряд разбитых на строфические так, чтобы они были симметричные доты у нас. Мы обязательно найдем в романе сцены пьянок, которую концепцию романа, развернутую в духе обычных либерально-западнических, буржуазных представлений.

Толстой далек от «прогрессивного» изображения личности Петра. Это не Пушкин: «Выходит Петр. Его взгляд сияет. Лик его ужасен. Движенья быстры. Он прекрасен. Он весь, как божия гроза». Петр Алексея Толстого — это вершина с вольными пятнами спящий под водой, а узкодушный пузырь, заранее спящей снаружи. Историки-марксисты (например М. Н. Покровский) изображали Петра в гораздо более «разоблачительных» тонах (не без тактического умысла перевести ключевско-соловьевскую линию), подчеркивая его «варварское» высокомерие, «фигуральную» разнузданность и т. д. Но опять, как спор Толстой от Петра переходит на почву более широких исторических обобщений, он идет мимо марксистской исторической науки, и не только мимо Покровского, но и мимо Павлова-Сильванского. Сейчас единственная петровская фабрика, описанная в романе, это скважный завод Льва Кирилловича в Туле с рабочими из крепостных и крестьян (совсем как Медокоуе).

Можно сказать так: Толстой изображает Петра во многом, как он включил Алексея (неполно, не целиком изображенной, неспасаемой «тенью»), а (Алексея) старую Русь, что нам симпатична она в глазах у немногочисленного в будущее Петра. Так и можно себе объяснить небольшой калейдоскоп, заключенный в заглавия статьи. Разница двух миров (Азия и Европы) остается и в романе внутренне философски такой же преодолимым и не обществом. Он показал, как судьбы, так трагическая тема — вопрос, как бы обращенные к нам, к сегодняшним дням, к самому автору. Как же он делает это? В основе мы находим ряд разбитых на строфические так, чтобы они были симметричные доты у нас. Мы обязательно найдем в романе сцены пьянок, которую

ПОКАЗАТЬ ЛУЧШИХ УДАРНИКОВ СТРАНЫ СОВЕТОВ

ОБЕСПЕЧИМ НОВОМУ ПОПОЛНЕНИЮ ПРОЛЕТАРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ НЕОБХОДИМЫЕ УСЛОВИЯ ДЛЯ ТВОРЧЕСКОЙ И ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ УЧЕБЫ

ЧЕГО МЫ ЖДЕМ ОТ ОГИЗ и РАПП

ВСТРЕЧНЫЙ ПРОМФИНПЛАН СМОЛЕНСКИХ ЛИТУДАРНИКОВ

Группа смоленских рабочих-ударников, призванных в литературу, курсанты курсов по подготовке руководителей литературных кружков обратились с письмом к заведующему ОГИЗ тов. АРТ. ХАЛАТОВУ и в секретариат РАПП к тов. Л. АВЕРБАХУ.

Авторы письма, которое мы печатаем ниже, поднимают ряд вопросов, имеющих огромное значение для успешного проведения призыва ударников в литературу.

ЗОАПП насчитывает сейчас вместе с 5 кружками ВОКП до 30 литературных кружков, не считая военных кружков, охватывающих 400 рабочих-ударников и 50 военкоров и селькоров. Работа с ударниками пишется по области до 20 книг об опыте предприятий, за них в одной Бежице 10 книг, 2 книги клинцовских рабочих и рабочего-выдвиженца тов. Фейгина уже сданы в печать, в ближайшее время сдаются и печать книги тт.: Фынина, Зюмана и Маркина в Бежице.

В журнале «Воспитание» ведется специальный отдел «Записки ударника». Темник роста призыва чрезвычайно велики. Так, литгруппа завода «Красный Профинтерн» из 30 человек в августе 1930 г. превратилась в ассоциацию «Красный Профинтерн», число кружковцев в которой достигает 180—200 чел.

Такой колоссальный размах литературного движения требует изучения руководства им, систематического закрепления, серьезной учебы. Между тем в местных организациях и областные недостаточно руководят нашей повседневной работой. ЗОАПП еще не поспевает за запросами призыва, остальные организации не удовлетворяют никакого внимания, а иногда даже ставят бюрократические рогатки. Это выразилось, например, в возмутительном отношении со стороны облпрофсовета, сославшегося к курсам руководителей литкружков (отсутствие части курсантов без общежития, «вымораживание» курсантов из занятого ими помещения, отказ обеспечить им зарплату и т. д.). Это выразилось также в ряде случаев прямого отказа профорганизаций работать по призыву.

Чрезвычайно плохо обстоит дело с руководящей учебой. Критической литературы в помощь никому почти нет, за исключением двух книжек **Селивановского, Суркова** и др.

Журнал «Литературная учеба» в настоящем своем виде не может помочь ударнику, приходящему в литературу, так как он слишком труден, не имеет определенной целевой установки. Неизвестно, на кого рассчитаны вопросы по практическим вопросам литучебы. «Литературная газета» тоже мало помогает ударнику. В журналах «Рефлектор» и «Рост» **более подходящих по своему содержанию**, слабо поставлены отделы критики и информации. **Мы считаем, что необходимо коренным образом перестроить «Литературную учебу»**, больше разрабатывать вопросы критики и шире освещать опыт призыва в других наших журналах и в «Литературной газете». Нужно систематично выпускать специальную популярную памятку ударника, состоящую из пособия по работе важных вопросов

ДЕЛО ЧЕСТИ

Мы говорим о перестройке РАПП. То, что рапповские организации перестраиваются в соответствии с огромными задачами социалистического строительства, бесспорно. Но также бесспорно и то, что темпы перестройки еще недостаточно удовлетворительны. Элементы литературщины в жизни организаций, непонимание ими новых новых задач и методов работы, отрыв отдельных литкружков и целых ассоциаций от конкретных вопросов практики социалистического строительства, все это — то мертвое, что мешает осуществлению решений руководящих органов РАПП.

Перестройка работы возможна лишь в процессе самой работы. Новое содержание и новые методы могут быть проведены лишь в практике конкретного, живого дела.

Одним из крупнейших недостатков прошлого в жизни РАПП является общность, отвлеченность руководства.

Именно поэтому последний пленум РАПП решительно поставил задачи большей конкретности в руководстве литературным движением.

Сегодня мы хотим предложить всем ассоциациям, всем литкружкам, объединяемым нашей организацией, одну вполне конкретную задачу. Разрешение этой задачи будет иметь большое значение во всем деле социалистического строительства. Работа над ней сыграет не малую роль в ускорении темпов перестройки РАПП.

Мы предлагаем писателям-профессионалам, мы предлагаем рабочим-ударникам, пришедшим в литературу, показать в своих книгах и очерках лучших рабочих, инженеров, советских администраторов, выделившихся своей исключительной преданностью делу революции, давших образцы героизма в борьбе за нее. Мы предлагаем показать тех, кто удостоился высокого отличия пролетарской диктатуры — награждения орденами Ленина и Красного трудового знамени.

Ленин придавал огромное значение гласности в социалистическом соревновании, показу лучшего опыта, показу героев соревнования. Ленин говорил о величайшем значении силы примера в условиях социалистического общества. Ведь лучшие это — тоже те, кому должны равняться остальные. Передовик это — тот, который показывает образцы нового коммунистического отношения к труду, дает его более высокую производительность.

«Имена лучших рабочих, лучших специалистов, лучших хозяйственников, агрономов, названия заводов и шахт, лучших совхозов и колхозов должны стать известны всей стране», — сказала XVI конференция ВКП(б).

Вешний поток клеветы буржуазии на вдрыг Советского союза, их выступления о якобы принудительном труде у нас в СССР не может скрыть их бессилия, их против перед тем фактом, что в условиях пролетарской диктатуры создается совершенно новые трудовые отношения, невозможные ни при каком ином социальном строе, дающие высшую производительность труда, возможность развития всех производительных сил общества в интересах всего общества.

Силой подъема производительности труда, вместо конкуренции и эксплоатации, становится соревнование. Оно помогает раскрываться тем творческим силам, которых так много в рабочем классе, в массе трудящихся.

Мы одерживаем исключительные победы в осуществлении лозунга рабочего класса «Пятилетка — в четыре года». Они стали возможны в результате развития социалистического соревнования. В нем же неисчерпаемые источники новых успехов, новых достижений.

Какое еще большее ускорение всего дела социалистического строительства может произойти в результате более быстрого, чем сейчас, переноса опыта лучшей работы во все предприятия Советского союза. Какие огромные дополнительные ресурсы мы получим, если добьемся более быстрого подтягивания отстающих к передовым, лучшим. Сколько новых сил даст нам более решительное выявление лучшей инициативы, более быстрая реализация ее в практике нашей работы. И какую огромную роль может и должна сыграть здесь печать.

Исключительно благодарная задача для пролетарского писателя, для рабочего-ударника, борющегося за промфинплан, отметить крупицы инициативы, рассыпанной на фабриках и заводах, подхватить лучшие начинания, воспеть передовиков героев. Причем описать, отметить так, чтобы заинтересовать, увлечь, научить своими книжками, своими очерками миллионы.

В буднях социалистического строительства — героизм нашей эпохи. Нужно видеть его в рационализаторских предложениях рабочей массы, в организационно-общественной работе по созданию бригад, встречного промфинплана, в том походе за овладение техникой, который развертывается в широкое движение всего рабочего класса нашей страны. Пусть пролетарский писатель покажет все это художественно, ярко, правдиво. Такая работа не может не дать своих огромных результатов. Она реально поможет партии в рабочему классу в их борьбе.

Фабрики, заводы, шахты выдвигали своих кандидатов на премирование. Списки лучших из этих кандидатов, тех, кто ЦИК Союза награжден орденами, были опубликованы в печати. Пусть же о каждом таком ударнике будет написана книга, где было бы показано, что выдающаяся товарища в число лучших и передовых. Каждая ассоциация может и должна знать таких передовых ударников на предприятиях своей области, своего района. Эти ударники широко известны рабочим их фабрик и заводов. Так пусть же рабочие литкружки, правления ассоциаций возьмутся, как за свое кровное дело, за создание книжки об этих ударниках. В этой работе глубочайшим образом заинтересованы и партийные, и комсомольские, и профсоюзные организации. Они должны обеспечить помощь в этой работе.

В книгах о лучших ударниках последние должны быть показаны возможно полнее. Нам нужно видеть ударника на производстве, в общественных организациях, в быту. Уже доказано, что ударное движение, родившееся на наших фабриках и заводах, перевоспитывает психологию рабочего, отражается в общественной жизни, в быту, вносит в него новое, ломая старые отношения между людьми. И в жизни лучших ударников мы видим не только образцы исключительного отношения к труду, отношения нового, коммунистического, но и новое в его семейной жизни, в его отношении к коллективу, к товарищам по работе.

Мы считаем, что работа ассоциаций и рабочих литкружков должна быть поставлена на началах социалистического соревнования. Вся общественность должна знать о том, как работает пролетарская литература над поставленной задачей, как она с нею справляется. Мы предлагаем освещать на страницах «Литературной газеты» ту практическую работу, какую будут вести ассоциации по составлению указанных книжек. Как к этой задаче они подошли, как работают литкружки, кто прикреплен к ним для помощи, как эти прикрепленные работают, каковы успехи и трудности в процессе работы. Соревнуясь в выполнении указанной задачи, кружки покажут каждый себя. Мы увидим лучших, мы увидим весь фронт нашего движения.

Поставленная задача — задача исключительно благодарная для всей армии пролетарских писателей, для всех организаций пролетарского литературного движения. Она вместе с тем — их обязанность, дело их пролетарской чести в социалистическом строительстве.

А. ВИГАЛОК

ОГИЗ ОТВЕЧАЕТ

Среди вопросов, поднятых в письме смоленских ударников, имеется ряд конкретных предложений к ОГИЗ, который принял соответствующие решения по оказанию помощи литударникам.

**

ОГИЗ ассигновал 20.000 рублей на организацию областного литературного «Кабинета ударника-писателя и читателя».

**

Книгосектору отдано распоряжение о срочном передаче смоленскому литературного кружка». Эти библиотечки составлены из следующих книг:

Книга рабочих - ударников, издаваемая ВЦСПС.

Краткая библиотечка «На литературные темы» (все напишем).

Л. Авербах — «Перестроимся».

М. Юдин — «Литературный кружок на предприятиях».

Программа РАПП для низовых литкружков (в печати).

ОГИЗ обратил внимание редакции журнала «Литературная учеба» на необходимость перестроить содержание журнала в целях оказания действительной помощи рабочему-ударнику, призванному в литературу.

Письмо секретариата РАПП «О развертывании творческой дискуссии в РАПП.

«С кем и почему мы боремся». Сборник под редакцией Л. Авербаха.

«Творческие пути пролетарской литературы» сб. I и II.

«За генеральную линию РАПП», сборник.

Ф. Панферов — «Бруски» (т. I и 2).

Д. Бедный — Собрание сочинений в 1 томе.

Д. Бедный — «Слезай с почты».

В. Ильенков — Рассказы («Аноха» и др.).

А. Фадеев — «Разгром».

В. Маяковский — Избранные стихотворения.

А. Безыменский — «Трагедийная почва».

А. Безыменский — «Выстрел».

Л. Авдеев — «Болотная».

Ю. Либединский — «Неделя».

В. Кирпичев — «Хлеба».

Против меньшевизма в литературоведении. — Сборник.

ОГИЗ обратил внимание редакции журнала «Литературная учеба» на необходимость перестроить содержание журнала в целях оказания действительной помощи рабочему-ударнику, призванному в литературу.

х-х. Это плохо, конечно, но сильно преувеличено так, что они сами себя. Эти «открытия» не надо искать в лучших учебниках. Петр блестяще объяснил в «Кавалерах» страшному начетчику разбойнику эрикла Ромодановскому и Лубинку, Петр принуждает [illegible] кирпичную больше на постройку Ладожского канала, Петр выписывает иностранцев из-за границы и т. д. Алексей Толстой достаточно художественно талантлив, чтобы быть застрахованным от попыток «обыкновенных» таких вещей. Нет дело глубже. Дело, по Толстому, в странной симметрии начала и времени, где снова звучит лозунг — догнать и перегнать.

И роковым как бы доносит слова автор все тем же видом Петра. Он дик и страшен. От пяти Азии, державшей вымучиться ныне Европы. Темной жестокостью сверкает его глаза. Но он держит в руках орудия труда. Его рука тверда. Через жестокости, через безумные жертвы его путь все же оправданы, ибо как впереди, куда ведет он — неизвестно, милая женщина...

Так и заканчивается последняя страница. Тысячи трупов стрелецких начинает на московских улицах. Кончилась византийская Русь. В мартовском ветре чудились за балтийскими побережьями призраки торговых кораблей». Ничего, конечно, Толстой не делает прямых «сопоставлений». Но зато, посмотрите, какая любопытная симметрия получается между фермой «приятия» Толстым Петра и сегодняшним приятием социалистической революции. Ведь сегодняшние «принимали» резолюции через «смерть больничных», несмотря на жестокости реакции, и прочее в виду прилучего «кардинала». Правда, как впоследствии разъяснила революция все, речь шла о разных парадизах. И мы поймем теперь роль в романе «западно-настоящего типажа», цепочкующих [illegible] с позиций [illegible] для контрастов, жестокостей Петра и т. д. Это есть философская форма нового своеобразного «осовременивания» Петра через историческую конъюнктуру Запада и Востока, идущим во встречном кипении нового уровня человеческой культуры. И эта книга, идущая от автора, «от Алексея», — является дейтвитном этого замечательного романа.

От чаянья с подъемом и блеском. Но плечо не чуждо нам. В нем Толстой художественно пытался доверить то, что не было дорвано его классом на протяжении всей русской истории XIX века и его смешеховскими идеологами уже после Октября. Отсюда в романе и ненависть, и любовь к России. Он заражает и «великодержавными» настроениями (например, в картине осады Азова). И вместе с тем он написал замечательно (причем замечательно русским), который сочувственно смотрит на это варварское время, как Петр «ослабляет Россию», потому что Россия эта лика сама, жить в ней все равно так нельзя: нельзя и... вообще «так бы и сжег ее»...

«Нечаянно в пространствах, нечаянно,
Россия, Россия, мое»...

«Набат торгового капитализма» по «строимому определению М. Я. Покровского петровой эпохи не лежало пастали Россия лапала XVIII века. Вместе, в бытовых формах он, может быть, недалеко отличался от набегов татар. Кавалеры, этот мерзкие выбрей любы, И вот гуманных просвещенного европейца Толстой клеймит нет всем этим, как светил философии и морали:

— Тогда ночью Лефорт сказал ему: «Русская страна страшная, Петер... Ее, как шубу,—вывернуть, строить заново.

Эту мысль хотел бы автор оставить звучать в ушах сорок веков.

Да, строить заново. Но уже не как «Россия», а как страну социализма, великий колхоз народов. А что касается «гуманных», то это от гуманных того класса, который борется за всякое оружие, лишь бы

К. ЗЕЛИНСКИЙ.

ИЗ ПОСТАНОВЛЕНИЯ СЕКРЕТАРИАТА ВЦСПС

1. В целях показа лучших образцов труда и поощрения примерной работы на социалистических предприятиях предложить издательству ВЦСПС совместно с профсоюзными организациями приступить к изданию специальной серии брошюр и книг — «Герои ленинского и трудового знамени».

2. Выявление и передача опыта работы героев социалистического труда — обязанность профессиональных организаций.

Вся работа по составлению указанной серии должна быть поставлена на широких общественных началах. К составлению книг должны быть привлечены в качестве авторов рабочие-ударники и лучшие силы из рядов пролетарских писателей.

Книжки о героях труда должны обсуждаться на рабочих собраниях и профсоюзных организациях.

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА ВЦСПС

Надо ВЦСПС просит фабрично-заводские организации, рабочие литкружки и отдельных пролетарских писателей все свои предложения и запросы, в связи с указанной серией книг направлять в издательство ВЦСПС (Москва, Дворец труда, комн. № 256).

Издво сообщает, что по постановлению секретариата ВЦСПС из премиального фонда выделены специальные суммы для премирования авторов лучших книг. Секретариат же утверждает специальная редакционная серии.

Надо обратилось в секретариат РАПП с просьбой организовать работу писателей и литкружков по составлению указанной серии, а также выдвинуть своих представителей в ее редакционную коллегию.

НА КОНФЕРЕНЦИИ ЛЕНИНГРАДСКО-БАЛТИЙСКОГО ЛОКАФ

Конференция ленбалтЛОКАФ началась четыре дня и явилась центром внимания литературного Ленинграда.

В общеполитическом докладе т. **Гринберг**, комиссар военного стрелкового корпуса, таким образом сформулировал очередные задачи ЛОКАФ.

— Советская литература должна разоблачать «Тайну рождения войны», должна противопоставить клеветнической, пацифистской литературе буржуазии четкую и правдивую классовую сущность задач вооруженного рабочего класса и его армии.

Развернутая программная речь тов. **Дегтярева** была основана на практике полуторалетней работы ЛОКАФ. Тов. Дегтярев указал, что советская художественная литература еще не полна и не совершенно ставит и разрешает вопросы военной политики.

— **Писателей ЛОКАФ объединяет общая тематика.** К сожалению, многие писатели до сих пор не понимают, что военная тематика—это очень большой круг тем. Материалы творческой мобилизации ЛОКАФ, опубликованные в «Литературной газете», показали, например, что большинство писателей немонопольно писать о гражданской войне, только 5 писателей пишут о Красной армии сегодняшнего дня и всего один — о войне будущего — фантастический роман. Борьба против капиталистических войн, мобилизация общественного мнения нашей страны и всего мира против интервенции, овладение военной техникой и т. д., и т. д.—все эти темы не входят в суженный круг военной тематики.

**

Как известно, в свое время значительная часть руководства ленбалтЛОКАФ допустила целую политическую ошибку, вошла в «Литфронт» и вступила затем в литературно-политическую борьбу с напостовским руководством РАПП. Руководители ленбалтЛОКАФ бывшие «литфронтовцы»—тт. **Свирин, Либерман** (выступавший с большим докладом о работе ленбалторганизации) и **Дмитриев**, признали и решительно осудили свои ошибки.

Конференция закончилась докладом т. **Мессер** о творчестве красноармейских и краснофлотских писателей.

**

На конференции вступили в ряды ЛОКАФ **Алексей Толстой** и другие советские писатели. Конференция ЛОКАФ явилась политической демонстрацией преданности советских писателей социалистическому строительству. Этим успешно и кончилась конференция, почти не отличавшаяся работу конференции.

Издающееся солдатской «Красная звезда» — орган РВС ЛВО.

Ленинград. **Б РАПП.**

ПРОРЫВ в ГИХЛ

Найти конкретных виновников срыва промфинплана.
За прорыв ответственно прежде всего правление издательства
Возьмем под строгий контроль общественности работу ГИХЛ

НА ЛИКВИДАЦИЮ ПРОРЫВА

Реорганизация издательского дела, начатая по постановлению Совнаркома РСФСР осенью прошлого года, протекала в условиях обостряющегося бумажного кризиса и уже намечавшейся к тому времени опасности недовыполнения издательских планов.

Реорганизационный период, затянувшийся вследствие необходимости объединения портфелей различных издательств, особенно неблагоприятно отразился на работе ГИХЛ. Кроме издательства ЗИФ, ГИХЛ должен был включить в свой состав литредотделы Гиза, «Московского рабочего», «Пролетария», «Прибоя» Ленгиза. Техникопечати, тщательно проверять состояние портфелей этих издательств, очень многое забраковать, заново организовать редакционно-издательский аппарат, начать издание двух десятков новых журналов.

Эта огромная организационная работа продолжалась до 15 февраля. Только к этому сроку был окончательно сформирован портфель неперiодических изданий, установлен ластаж ГИХЛ (кстати, оказавшийся урезанный в сравнении с потребностью) и составлен **промфинплан**, **механически отразивший полное отсутствие практической работы в течение половины 1 квартала т. г.**

Положение, создавшееся к средине февраля, должно было бы мобилизовать весь аппарат ГИХЛ на борьбу с прорывом, особенно опасным в отношении периодических изданий. Этого, однако, не произошло.

За очень небольшими исключениями, аппараты редакций журналов не проявили необходимой активности и систематически опаздывали со сдачей материала в набор. Это явление, недопустимое само по себе, служило оправданием для типографий, работа которых оставлена в этом году из рук вон плохо. В результате, к средине марта не вышли многие из январских журналов, что дает все основания говорить о глубоком прорыве в издательстве.

На лучше обстоит дело и с книгой. Если в отношении периодики некоторая доля ответственности падает на редакции журналов, то з отношении книги вся вина лежит на предприятиях Управления полиграфической промышленности ОГИЗ'а из Производственном секторе издательства.

В то время, как в типографиях лежит двухмесячный запас готовых к печати рукописей, **выполнение плана в** феврале было равно 15 проц. Мрачную картину дополняет Книгосектор, который уже изготовленную продукцию не вывозит из типографии по месяцам.

Все это привело к острому дефициту художественной литературы, к отставанию на этом важнейшем идеологическом участке; немало рецензий вызывает десятки тысяч жалоб подписчиков, а издательство стоит перед серьезными хозяйственно-финансовыми затруднениями.

Для ликвидации прорыва в издательстве создан штаб из представителей правления, ячейки ВКП(б) и месткома. Но штаб и весь коллектив ГИХЛ не смогут ликвидировать прорыва без активной помощи широкой, и в частности, писательской общественности.

Штаб ГИХЛ обращается к общественности ОГИЗ, Книгоцентра, типографий, УПП и ко всей писательской массе, повседневно связанной с аппаратом ГИХЛ, с призывом содействовать улучшению его работы и со своей стороны точно выполнять свои обязательства по отношению и издательству.

Улучшением работы всех организаций, изготовляющих и распространяющих книгу, активной помощью писателей мы добьемся ликвидации прорыва и обеспечим книге то место в социалистической стройке, которое ей должно принадлежать.

Штаб ГИХЛ по ликвидации прорыва.

ОБЩЕСТВЕННОСТЬ МОБИЛИЗУЕТСЯ

ПРИСТУПИЛА К РАБОТЕ БРИГАДА „ЛИТГАЗЕТЫ"

8 марта в ГИХЛ для ликвидации прорыва в промфинплане издательства был создан штаб в составе тт. **Свистунова** (председатель), **Баранова** и **Лотова**. На другой день штаб выпустил № 1 бюллетеня «За ударные темпы» под редакцией **М. Юрина.**

**

Штаб ГИХЛ мобилизовал актив сотрудников для участия в работе по ликвидации прорыва. 10 бригад начали обследование работы аппарата ГИХЛ и типографий.

Штаб по ликвидации прорыва поставил своей задачей ликвидировать прорывы и выполнить на сто процентов мартовский план.

**

Глубокий прорыв, образовавшийся в ГИХЛ, об'ясняется также и срывом плановых заметок по выпуску продукции полиграфбазы ОГИЗ, и в первую очередь полиграфпредприятиями Москполиграфа. Отсутствие планомерности в работе типографий, приведшее к тому, что при наличии в типографиях на 1 марта 17 миллионов листов оттисков отпечатанной продукции ГИХЛ выпуск книг типографиями чрезвычайно незначителен.

**

«Литературная газета» организовала бригаду по обследованию работы всех отделов ГИХЛ и помощи штабу ГИХЛ по ликвидации прорыва. В бригаду вошли тт. **Л. Никулин, Е. Габрилович, Бубен** (завод «Серп и молот», член рабочего редсовета ГИХЛ), **А. Крупнов,** («Пятилетка») и представитель МАПП. Бригада приступила к работе.

***

В связи с прорывом, общее собрание работников ГИХЛ постановило создать при издательстве товарищеский суд и предать ему всех виновных в срыве промфинплана издательства.

***

Сегодня выходит № 2 бюллетеня штаба по ликвидации прорыва. В нем помещены подробные отчеты о проделанной бригадами работе.

Надо отметить, что писательская общественность принимает недостаточное участие в ликвидации прорыва в ГИХЛ.

ПРИНУДИТЕЛЬНЫЙ ТРУД И ЛИТЕРАТУРА

Институт ЛЕНИ Комакадемии в ответ на клеветническую» кампанию о «принудительном труде» в СССР поставил 11 марта транслировавшееся по радио доклады тт. И. Анисимова и С. Динамова: «Лицо капиталистического рабства в отражении буржуазной литературы».

— Они не хотят показывать нам, что делается в их «цивилизованном» обществе,—говорит т. А. В. Луначарский в своем вступительном слове,—заставим же рассказать нам об этом буржуазную литературу.

— Литература очень ярко отражает подлинную действительность буржуазного общества,—отмечает т. Анисимов в своем докладе и цитирует отрывки таких архибуржуазных писателей и идеологов империализма, как Пьер Ами, Жорж Лефевр, Поль Моран и других.

Несмотря на стремление оправдать капиталистическую систему, Пьер Ами в своих производственных романах показывает жестокую эксплоатацию пролетариата и подлинный лик капиталистического рабства.

В своем докладе т. Динамов говорит о пролетарской литературе Японии, разоблачавшей японский фашизм, рабство на шелковых работах, торговлю девушками. Но буржуазная пресса замалчивает такие романы, как «Кровавый документ» Тэрао Хояси и др. Им слишком невыгодно говорить об этих вещах.

Переходя к литературе Америки, т. Динамов рассматривает о преследовании петров в этой «цивилизованной» стране и приводит большой литературный материал из пролетарской литературы.

— Буржуазия делает все возможное, чтобы удушить революционную пролетарскую литературу,—говорит т. Динамов,—и лучшие умы, наиболее талантливые люди, оказавшись в этих тяжелых тисках, обращаются к нам, единственной стране, где стоится социализм, где рабочие не рабы, а хозяева.

Л. ЕЛИНА

ПОЛИТИЧЕСКИЙ НЕКРОЛОГ

(Н. Н. СУХАНОВ)

Врачи с абсолютной точностью могут установить физическую смерть.

Прекращается деятельность сердца, врачок не реагирует на свет, появляются трупные пятна,—это и есть смерть. Но смерть политическая не сопровождается этими общеизвестными признаками: сердце работает, желудок тоже, нервная система в относительном порядке, но человек мертв, политически мертв, безнадежно мертв. Это не летргия, не временное омертвение, а смерть,—в смысле политическом мы имеем дело с конченым человеком. Он может по разному принимать свое положение: писать покаянные письма в редакции, мемуары, вести переписку с друзьями (шифровщую и простую), издавать бюллетени в количестве ста экземпляров, но это будет искусственная жизнь, жизнь гальванизируемой лягушки, отрезанной собачьей головы в лаборатории физиолога. И думаю, что все эти соображения имеют непосредственное отношение к людям, превратившимся в политических мертвецов на протяжении последних лет. Но среди 14 осужденных меньшевиков есть человек, который менее всего может примириться с обыкновенным, обывательским, растительным существованием. Н. Н. Суханов—один из наиболее юных меньшевиков в смысле партийного меньшевистского стажа. Он, если бы они существовали как партия, могли бы его зачислить в категорию так называемых «мартовских» сеяев. Сравнительно юный стаж и отсутствие меньшевистских партийных регалий ставили Николая Николаевича в несколько двусмысленное и щекотливое положение. И, может быть, именно это обстоятельство определило всю гастрольную, премьерную линию и амплуа Суханова во всей его политической карьере. Шульгин, мировой первосеятель, юго-западный зубр в своей китре трубо говорит о нем, как о человеке с внешностью провинциального кулачества. У самого Шульгина была внешность уездного благородного собрания. Но дело не во внешности, а в том, что Н. Н. Суханов действительно стремился к тастрольной позиции, работе вне ансамбля, так сказать, сольным номером. В своей политической жизни он выдумал себе особый род солистки, полупету «контакта». В семнадцатом году он пробовал соконтактировать большевиков и меньшевиков. Несколько дней он числился кандидатом в министры без портфеля. Через двенадцать лет он налаживал контакт меньшевиков с Леонидом Рамзиным.

«Есть контакт? «Есть», как выражался матрос. Да, это был любопытный и странный человек. Еще не кончилась гражданская война, Врангель и Пилсудский делали последние усилия, пробуя задавить революцию, а Суханов успел уже выпустить первый том своих мемуаров. Его сумел опередить только профессор Павел Николаевич Милюков «Историей русской революции». Было очень суровое время. Подстрекатели Главкита за отсутствием времени недостаточно вникали в произведение Суханова. Но даже тогда, в сумятице фронтовых и тыловых забот, некоторые люди ощущали дальнее место мемуарам Суханова. Не такой это был человек, чтобы торопиться

и подумать над своей ролью в 1917 году. Что такое самовлюбленность? Что такое поза первого любовника (первого «гиланта», так он назывался в театре Гольдони). Все это вы узнаете из воспоминаний Суханова. Десять, сто имен, среди них есть имена людей, на вечные времена вписанные в историю человечества, есть имена умерших за революцию, но зад всеми над семьюдесятью томами сидит одно лучистое имя, играет один ум, пылит один, не знающий ошибок, гений — Н. Н. Суханов. Трудно писать мемуары. Кто только не изобличал себя в мемуарах? Л. Д. Троцкий «литератор и теоретик», легче и свободнее Суханова владевший пером и стилем, обнаружил склонность и самовлюбленность в книге «Моя жизнь». И потому критика этой книги, написанная диже твердолобым из твердолобых Ульяновым Черчилем, убийственна для автора «Моей жизни».

Был 1919 год. Н. Н. Суханов диктовал страницу за страницей машинистке и в свободное время посещал театры, обличал и пророчествовал. Он принадлежал к РСДРП, об этом все знали. Когда Деникин подходил к Орлу, Н. Н. Суханов в панике запечатал об Учредительном собрании. «Краснодарные большевики», якобинцы времени Суханова, некоторые из них даже спорили с Сухановым, мысленно налаживали контакт между учредиловцами и якутянами, водянами, генералом Жилинским, Черновым. «Теоретик и литератор» открыто и непринужденно проповедовал меньшевизм в то время, когда былые не брали пленных и мечтали укрепить деревня Петрограда и приготовлял наряд темам единой партии и рабочих. Пленных красноармейцев ставили под пулеметы и комиссаров, комиссары и коммунисты, выходит, а в обозе, в дальнем тылу у белых на целый случай имелись генерал Гарин и прекраснодушные учредиловцы. Однажды автор этих строк присутствовал при полемической стычке покойной Ларисы Михайловны Рейснер и Суханова. Ларисе Рейснер обрушилась на него с академической строгостью, желчью и ядом; в искусстве спорить у нее было не слишком много соперников. И вот свидетелем этой стычки, показалось, что она была не совсем права в своей беспощадности. Теперь, вспоминая эти годы, позавидуешь в себе чувству старой злости и досады, иногда разобраться в этой противной смеси сухановской самовлюбленности, незнайства, позерства. Как не противно пользоваться фразеологией Шульгина, но провинциальный кулеватист как избирательный тип не особенно далеко отстоял от члена РСДРП Суханова. Необременительный духовный багаж меньшевизма в общем начинающей гражданскую скорбь кулеватист, который «против крепостного права, за городское благоустройство и фонари на окраинах». И при скудном идейном багаже, при половинчатом, компромиссном разрешении важнейших социальных проблем, все та же гомерическая ложь, фальшивая идейка, с которой тут не два века носится буржуазная интеллигенция. «Культура дело избранных». Конечно, об этом открыто не говорят, но разве не избранником, призванным творить (вот) культуру, чувствовал себя Суханов. В Октябрьскую революцию тысячи людей, не колеблясь, не задумываясь, порывали с этой интеллигентской самоуверенностью и «чистотой», поставивши на кон жизнь и существование и вели с винтовкой на белых и интервентов. В бою и лишениях они разговаривались с пролетариатом, они еще раз убеждались в том, что классовое чувство пролетариата помогало ему верно и быстро разбираться в самых сложных вопросах. Этих сограждан пролетариата отвергала их среда, с ними порывали друзья, люди вроде Суханова, клеймили их мужество и верность словами: «авантюризм». Не в 1931 году это слово «авантюризм» было обращено государственным обвинителем против Суханова.

Пьеса «1917 год», сочинение Суханова, поставленное Малым театром в двадцатилетие Октября, написано очевидно, до окончательного вступления его в уголовщинскую партию («Чем РСДРП (меньшевики) с 1929 года»). Эта убийственная дата «контактировалась» у Суханова с другой датой, с тем самым юбилеем его публичных лекций о Ленине, которые имели такой успех в 1917 году у обывателя. Очень возможно, что он писал юбилейную пьесу в честь Октябрьской революции в то время, когда уже был отвлечен готов принять «меньшевизм со всеми его поправками установками, интернационал и предательством». И это комическое в литературе противоестественное двурушничество не кажется нам парадоксальным, если принять, что одна и та же рука писала «массовую контрреволюционную литературу» и письма в высший партийный орган по вопросам текущей политики, письма с элементами советской установкой. Эта политическая смердяковщина, немалантное и ревнивое падение, конечно, достойно пера Достоевского. Если поискать в меньшевизм и явную контрреволюцию можно объяснить вечной жаждой меньшевиства, стремлением «сожить» во что бы то ни стало, заключая, каникой, нерезким «пиром» в результате колоссальной политики, то как и чем объяснить приспособленство и политическое двурушничество, что же это—«ошибка» или преступление?

«Я не понял очевидно, чего-то самого главного в революции...»

«... центральная и основного не понимал, того, что понимали миллионы».

Это непонимание и есть политическая смерть. И хотя отбегает жив и здоров, но ему уже ничего не помогут: ни знания ученых и профессоров под прицелом, ни то, что «Абрамович помещал статьи в «Форвертс». Дан в шведской печати». Политическая смерть есть смерть, и политического мертвеца не воскресит Дан в австрийской печати и Абрамович в «Форвертсе». Мертвый может читать и писать в думать, делать безнадежные вороташки, но он мертв.

«Дипломатический корр». Дайли телеграф сообщает со слов очевидца процесса, что обвиняемым было прочитано падеть белые крахмальные воротнички, которые в [illegible] арест только накрахмалены. Вероятно должны показать, что обвиняемые враги народа и всеми силами старались тащить из [illegible] них.

На этом мрачно и позорно политический некролог поэтому Н. Н. Суханова.

Л. НИКУЛИН.

Библиография

Очерк и пятилетка

I.

«Солнце лезет все выше и выше». Хорошо в такое время вырваться из душного города и ехать в деревню».

Слов нет: хорошо и дышать здоровым деревенским воздухом, повозиться с деревенскими ландшафтами, вспомнить «деревенский быт». Но так как нет воздуха, эти люди и этот быт совершенно невозможно отделять от массового колхозного движения, а колхозным движением нас могут очень интересовать — если они достаточно ответственно и полезно — дачную поездку для написания колхозного очерка.

Мы не хотим целиком обвинять М. Булатова (из книги которого «Ветхозаветные очерки» взята вышеприведенная цитата), в таком поверхностном подходе, на очерк о коммуне «Путь Ленина» очень глубок и ценному очерку. Автор с восторгом описывает хозяйственное благополучие коммуны, не замечая, что он лакирует действительность, упуская классовую борьбу, упуская трудности и препятствия, упуская наконец, сложнейший процесс перестройки единоличников в коммунаров. Будучи не в силах дать классовую борьбу. Подобное отношение к очерку («Подъем») недалеко отстоит от отношения к борьбы с кулаками. Но в этом-то и заключается основная ошибка автора: он механически отделяет учет, друг от друга неотделимые. В одном очерке он дает картину колхозного хозяйства, в другом — эпизоды ожесточенной борьбы, в третьем — делает упор на «явной колхозе» (все очерки написаны о разных колхозах). Но подлинное познание колхозной жизни возможно лишь при учете всех ее элементов: экономических и общественных отношений, соотношения классовых сил, изменения в культурного уровня крестьян и т. д., и т. д.

II.

Борис Аннибал выпустил книгу фабричных очерков под многообещающим заголовком «Время, дела и люди». Однако и время, и дела, и люди Аннибала — не характерны, не типичны и часто даже вредны. Здесь мы опять встречаем дегтярный нагар, механистическое подразделение явлений. Автор показывает людей в «высокоторжественные» моменты: в доме отдыха, на показательном суде.

Борис Аннибал впадает в восторг по поводу того, что работница снижает расценки или волнуется за судьбу своего цеха, отставшего в соревновании. А надо бы не впадать в восторг и не просто констатировать факт, а показать, какими сложными путями шла эта работница, отбросившая рабское отношение к труду и ставшая активной участницей строительства.

Несмотря на то, что Аннибал все свои очерки посвятил одной небольшой фабрике, эта фабрика остается непонятой, она скрывается за беспредельным нагромождением мелочей, нехарактерных эпизодов, случайностей.

Противоположное мы наблюдаем у Ар. Мгедлика («Биография завода»), в книжке о «Красном Треугольнике». Мгедлик пытается дать обобщенную картину одного из крупнейших заводов республики. Он сосредоточено не останавливается на деталях, он не показывает отдельных людей. Поэтому, несмотря на обилие интереснейшего материала революционной и производственной истории «Треугольника» (а отсюда и потому, что этот громадный материал вписан в узкие рамки крохотной книжечки небольшого «Огонька»), очерк Мгедлика не идет дальше сухого перечня фактов.

«Четкой сознательностью и классовой сплоченностью треугольниковцы под руководством коммунистической партии сумели восстановить свой завод». — пишет Мгедлик. Но опять-таки процессы восстановления, как и процессы формирования в цеху «четкой сознательности» и «классовой спаянности», не вскрыты.

Вывод:

Тяга к очерку как начинающих работников писателей-ударников, идущих в литературу с обильным материалом, так и писателей, стремящихся обновить свое творчество и повернуться лицом к живому строительству, — эта тяга приносит нужные результаты лишь в том случае, если писатель сумеет на хаосе деталей отобрать важнейшие факты и марксистски их обобщить, подчинив свое творческую задачам пролетариата

Т. ТРИФОНОВА

Рассуждения досужего спецкопа

Имеющая в 50-тысячном тираже «Красной газетой» книга Нук. Пожарского «Особая Дальневосточная», является лучшим образцом того, как не надо писать о Дальнем Востоке и об особой Дальневосточной Краснознаменной армии.

С самого начала наталкиваешься на перлы. Краевой свой разговор с одним из командиров ОКДВА, Пожарский начинает: «Вот мы говорили всей разведкой, там служит мой близкий товарищ...»

Мучительно знакомо Пожарский обидел — есть, что, проезжая из Ленинграда в Хабаровск, ночевать на 8-й разведбазе нельзя, так как 8-й разведбазы вообще-то на 330 километре.

Далее:

«... тела неизвестной семьи зрелости лет» (3 стр.). А мы до сих пор по-прежнему считали, что таких — это основная рабочая часть клуба... и не трактора.

Но это еще цветочки, неточности можно было бы не обратить внимания, если бы Пожарский писал то, что было в не то, что он видимал. Получаются такие исторические несуразицы: «У нас вдоль и поперек всей нашей границы много недоверенных людей перебывало и хунхузы, и генералы с атаманами (речь идет о ст. Гродековке, Уссурийской ж. д.). Здесь ведь когда-то была столица известного жандарма Калмыкова». Это говорит Пожарский бывший партизан. теперь — охотник. Если бы такой разговор был в действительности, то Пожарский узнал бы, что в Гродеково пытался основать свою столицу генерал Хорват, объявивший себя царем всея Руси, а Калмыков оперировал в Хабаровске, где и сейчас хорошо помнят его бронепоезда смерти.

О каждом абзаце книги Пожарского «Особая Дальневосточная» можно было бы писать особо, но не стоит тратить бумагу и время. Остановимся только на главе «Под Лахасусу» (стр. 61—70). Она замечательна тем, что смазывает роль амурской военной флотилии так же, как глава «Стальные люди», смазывает роль воздушных сил и, в частности, эскадрильи «Дальневосточный ультиматум».

Если верить Пожарскому, то флотилия, разбив китайский флот у Лахасусу, высадив десант и приняв участие в занятии города Лахасусу, ушла на зимовку, оставив перед надвигающимися с Сунгари и верховьев Амура льдами.

История говорит другое: амурская военная флотилия проведя операцию у Лахасусу, высадила десант, который и разгромил крепость Футдин — это гнездо «опорный пункт белокитайцев по пути из Харбина к Сахалину, к Благовещенску и Хабаровску.

Книга Пожарского не только не заслужает злой ненависти против тех, кто отнял тысячи жизней лучших детей страны, кто китайского крестьянина и рабочего толкал на убийство русского крестьянина и рабочего, не только не дает картины дикого разгула китайской военщины, грабежей мирного населения белокитайцами, не дает картины самоотверженной борьбы частей ОКДВА за мир, но смазывает все это, преподносит все в незначительном и размагничивающем освещении.

Кроме вреда от нее ничего ждать нельзя.

С. ПОГОДИН

На спектаклях

Театра Красной армии

„Междубурье“—„Удар в степь“

Командир Дыбов отрицает науку стратегии и техники — во имя партизанской удали. Его пацифистский взгляд на науку, романтическое предпочитание «подвига» имеет определенные социальные корни. Вскрыты ли эти корни, обоснованы ли идеи Дыбова — в пьесе Курдика и Всеволжского «Междубурье»?

Вспомним карпинский «Хлеб», где тоже есть Дыбов—Раевский, превращенный «полотовку» ради возвеличения «геройской личности». «Хлеб» идет дальше «Междубурья», в специальных сценах вскрываются социальные корни чуждости: мелкобуржуазная реваншистская идеология.

Впрочем, авторы «Междубурья» как будто бы дают попытки и социальных мотивировок. Дыбов, ушедший из армии, попадает на завод: пролетарское окружение должно воспитать Дыбова, вытравить его мелкобуржуазную закваску, отучить от бунтных проявлений его личности. Интереснейший замысел — показать в художественных образах процесс классовой переделки... Но — только замысел. Дыбов в очередях, среди стычек, улучив удобную минуту, прикладывается к бутылке. Мастер, пробовавший его устыдить, отступает под градом ругательств.

Авторская задача заключается, между прочим в том, чтобы художественно опровергнуть Дыбова, показать вздорность его идей, разубедить Дыбова, если допустить, что таковой находится в зрительном зале. Но вряд ли авторы разубеждали. Плохой это аргумент — субъективный психологизм. Боевой командир, попав на ложный политический путь, сворачивает с верной бытовой дороги: пьет, теряет человеческий облик, пьяный валяется на полу в кабаке... Его дела, акты и он конгениальны белой горячкой. Этим разубеждал Дыбов-зритель? Разрешите сформулировать. «Белая горячка — тот путь великого, игнорирующего науку и технику в будущей войне».

Поскольку нам известно, этот забракованный и недействительный прием. Но авторов уже не останавливает. Им мало Дыбова, они выводят и его подругу, жену командира полка, бывшую партизанку.

Если в «мужчине» Дыбове авторы не могли особенно разойтись с «переживаниями», то сейчас они устраняют формующую форму. Тем более, что «партизанка»—тема в пьесах и крепчение, с породистым лицом светской дамы — тоже против танков.

Она тоже пьет. Мало! Она окружает себя чуждым буржуазным обществом. Мало! Убегает от мужа с классово-чуждым элементом. Мало! Закатывает пьяные оргии с вином и переживаниями. Наконец, возвращается к мужу. Возвращение обозначает поражение и капитуляцию. Какого рода капитуляцию? Двух мнений нет: политическую. Иначе — к чему эта бурная гамма страстей и душевных порывов? Зачем лучшие художественные краски наложены в этом месте? Зачем даже на боевые, интересные и нужные части пьесы падает «роковая» тень «прекрасной партизанки»?!

*

«Удар в степь» Гл. Алексеева — попытка беллетриста, наивно познавшего переход к драматургии. Оказывается, это простая операция: обычный беллетристический текст разбивают на абзацы и закрепляют за отдельными людьми. Что получается при этом на сцене? Грохочет лента посредственной повести «Удар в степь» чтецами-профессионалами. Комедия характеров или комедия положений. — безразлично, — должна иметь в основе движущую событий пружину. Такой пружины и «Удар в степь» нет. поэтому — и действия нет, нет, значит, и пьесы. Даже диалог, такой будто обильный у Гл. Алексеева, — не есть драматический диалог. Простая реплика в пьесе — синоним действия. она двигает интригу или раскрывает характер. Диалог Гл. Алексеева литературен, в целом же — это декламация.

Не хотим подозревать режиссера Волкова в коварных умыслах против автора. Но сам того не замечая, режиссер безжалостно разбивает Гл. Алексеева, поставив в обеих удачно-скучные... две трибуны. Настойку героя только орнаментируют, основная конструкция для них... трибун.

Если бы автор набрал для своих экспериментов любую кампанную тему, скажем, батрацкую, не следовало бы особенно горячиться. Но Гл. Алексеев работал на ответственном материале, колхозной тематики.

В дальнюю степь красноармейцы переселяют своих родных и строят коммуну. Содержание пьесы, цель пожалуй, стройка коммуны. Но «Удар в степь» — информация о стройке коммуны. Стройки нет. Собственно, даже информации нет. Все действие сводится к тому, что крестьяне декламируют на тему: «Не хотим степей, хотим домо-ой». А председатель декламирует на тему: «Не уходите домо-ой, а оставайтесь в степ-и». Вопрос — «кто кого?» — решает **горло**. Кто кого переговорит. Ясно кто переговорит. Председатель.

Какой выход сделает из пьесы многочисленный красноармейский зритель, в ближайшем будущем — строитель колхоза. Учит его пьеса? Помогает строить колхоз, бороться с трудностями, избегать ошибок? Бороться, строить, избегать... К чему вся эта канитель? По рецепту Гл. Алексеева, наш красноармеец просто произнесет пламенную речь. И... провалится. Кто будет в ответе? Да, т. Гл. Алексеев, огромную политическую ответственность берет на себя автор колхозной пьесы. Не чувствуем мы этой ответственности в «Ударе в степь». Легкомысленно, **литераторски**, понял автор свою задачу. Тема обязывает, суровая тема, не допускающая смягчающих вину обстоятельств.

**

На писательском собрании, обсуждавшем «Удар в степь», многие голоса пытались смягчить критику автора упреками по адресу театра. Вежливцу — не лучше ли «на себя оборотиться». Актерское исполнение, оставляющее желать лучшего, несравненно выше драматургического материала, с которым мы имеем дело.

Актер Благонравов, например, в роли Рощина разоблачил классовое происхождение рощинских взглядов: внешне безупречный облик красного командира то и дело имеет барское высокомерие к «хаму», к «низкому типу». **Актер Ильченко** нашел разнообразнейшую гамму красок для фигуры Дыбова.

Коллектив Театра Красной армии заслуживает более квалифицированного материала. Находящимся разнообразным нашим художественным организациям в театру мы обязаны его включения посредственный репертуар. Обидно ведь напоминать о гигантском военно-агитационном значении искусства. В дни декады обороны на эту тему сказано и написано было много. Мы не можем, например, не вспомнить замечательно смелого и оригинального предложения, сделанного на большом собрании одним из руководителей московской армии искусства.

Предложение это, принятое бурными, переходящими в овации аплодисментами, заключалось в необходимости взяться, наконец, за создание... Театра Красной армии.

Ю3

Проблема театра народов СССР

Дискуссия в Академии искусствознания

Докладом С. М. Амаглобели началась в РАНИ дискуссия о приёмах национального в искусстве.

Докладчик указал, что главной опасностью в данный момент является великодержавный шовинизм, смыкающийся с местным национализмом. Последний, взяв своей корни в отживающих классах бывших порабощенных народов, стремится взять новый феодально-буржуазные стили, замаскируясь в художественных рамках, используя пролетарское содержание, обосновать вражду народов СССР. Этого рода национализм ориентируется на буржуазный Запад. Все эти тенденции находят свое выражение и на местах, и в центре СССР. Проблема национальной формы в театре, в условиях диктатуры пролетариата и строительства социализма и задачи театре, должна решаться под углом зрения ленинской национальной политики, которая вскрывает классовую сущность каждой национальной культуры.

Проанализировав ошибки в концепциях ряда искусствоведов (т. Мала, Керженцева, Эм. Бескина и др). и охарактеризовав показанному развитию национально-культурного строительства народов СССР, т. Амаглобели устанавливает предмет нашей у театров различных национальностей тенденции отказаться от того бы то ни стало отвлеченную национальную форму, данной национальности присущую. Нужна не эта национальная форма, а та, которая максимально раскрыла бы пролетарское содержание.

*

Отсюда перед театрами народов СССР встают следующие задачи:

1. Создание реалистического театра на языке данного народа средствами особой национальной формы, адекватной данному содержанию.

2. Диалектическая переработка театрального культурного наследства данной народности, как и вообще всей театральной культуры.

3. Поднятие театра над узким национальным материалом, использование пролетарской драматургии народов СССР и Запада.

4. Критическое использование классического репертуара.

5. Изучение языковых — этнографических форм и создание новых пролетарских форм для пролетарского содержания.

По докладу широко развернулись прения, замечание уже два заседания.

Н. Туркельтауб, признавая методологическую ценность доклада, указал отдельные его положения книжным и поэтому ущербного театра, отметил, что приемом специфики национальной формы в театре осталась в докладе неуточненной и упрекнул докладчика в том, что он не вскрывал в некоторых пройденных своих этапах формалистических.

Б. Орлинский иллюстрировал положения доклада разбором формалистических устремлений Госета и дополнил этого театра творчества Антонова.

М. Рафальский, останавливая тезис докладчика о зависимости особой национальной формы, противопоставил национальную данную Московского Госета пролетарскую линию Госета Белорусии.

Г. Зеленин рядом иллюстраций из советской литературы продемонстрировал наличие и вой национальных тенденций и стремление изложить революционное содержание в рамки стиля «рас». Оратор считает пуканом в искусстве не национальную форму, а национальный характер, вскрытие которой формы, базирующейся на учете особенностей каждой национальности.

И. Лойтер говорит о путанице и разброде, существующих у практиков театра и мешающих правильной ориентировке.

В. Пакуш находит, что увлечение локальностью и неизбежность более национальной формы остановит широкий простор стилейшего и настаивает на необходимости для т. Амаглобели отмежеваться от ряда ошибочных положений, высказанных им и его книге о грузинском театре.

Литературная бригада „Правды“

При редакции «Правды» 9 марта состоялось очередное собрание «бригады политического жанра». Выступивший с докладом зав. культотделом «Правды» т. **Резников** подчеркнул, что бригада является не самостоятельной литературно-творческой организацией, а только газетной бригадой «Правды». Сейчас бригада будет работать под непосредственным руководством культотдела «Правды» и перед ней поставлен ряд практических задач: обследование работы печати в связи с лозунгом овладения техникой, создание культурных буксиров на различных строительствах и т. д.

На собрании, между прочим, отмечалось, что до сих пор работа бригады в результате слабого руководства не выполняла своих задач; кроме того, в ней наблюдались рецидивы «литфронтовщины».

КАЛЕНДАРЬ РАБОТЫ КЛУБА ФОСП

14 МАРТА — 20 ч. Вечер художественного рассказа Л. Н. Шумской. В программе — Ильф и Петров, Катаев, Маршак, Чехов, Зощенко и др. Вход свободный.

14 МАРТА — 16 ч. Заседание выездного президиума Облотдела союза печатников и бумажников и Месткома населений.

15 МАРТА — 15 ч. Секретариат ЛОКАФ.

15 МАРТА — 19 ч. Белорусская секция МАПП.

15 МАРТА — 20 ч. «Перевал».

16 МАРТА — 20 ч. Театр «Современник». «Шестерка» (Советский «Белые ночи», Городецкий — «Шинель», Пунины — «Медный всадник»). Автор — В. Жонтов, постановка С. Вахтангерского.

16 МАРТА — 18 ч. Философское совещание РАНИ.

17 МАРТА — 20 ч. Доклад С. Богуславского «Эволюция музыки» с музыкальными иллюстрациями.

17 МАРТА — 18 ч. Актив МАПП.

18 МАРТА — 20 ч. Дом МОПР. Вечер, посвященный Парижской Коммуне. Торжественная часть. Концертный концерт при участии И. М. Москвина, М. М. Блюменталь-2. Подготовка к 1 мая.

ИЗВЕЩЕНИЯ

КО ВСЕМ ЧЛЕНАМ МАПП

Секретариат просит и литературный кружок сообщить свой адрес организационным и местожительном виде (Москва, улица Воровского, 52).

* 14 марта, в 18 ч. — собрание литературной бригады «Правды» (Пресненский, 48, клуб газетчиков, 2 этаж). В повестке: 1. Обладение техникой» — доклад т. Ильина. 2. Подготовка к 1 мая.

* 14 марта, в 19 ч. — литературно-художественное объединение рабочих-писателей при журнале «Красный Арбалет» (Зубовский бульвар, комната 69). Текущие вопросы. Читает т. Ленько и С. Мальцкин.

* 15 марта, в 19 ч., РАПП и Институт Лий Комакадемии (Волхонка, 14) организуют доклад — «Классовое сущность меньшевизма и литературная критика». Вступительное слово А. В. Луначарского. Докладчики: т.т. Авербах, Авдеенко, Бескинов, Динамов, Добрынин, Нусинов, Волин и др.

* 15 марта в 18 ч., в секции литературы и искусства народов СССР (Волхонка, 14) — продолжение прений по докладу т. Лабузина «Современная литература Армении». Вход свободный.

* 15 марта, в 19 ч., в помещении «Пролетарского Авангарда» — общее собрание московской творческой группы РАПП «Кузница». Доклады Бахметьева и Лунько «О творческих указаниях работе «Кузницы» как творческой группы РАПП.

* 15 марта, в 19 ч. 30 м. — собрание детской секции ВССП. Комната 16. Там же в 17 ч. — экскурсия по учебной книге.

* 16 МАРТА, в 17 ч., в помещении школы им. Радищева (ул. Радио, д. 19, трам. 28 и 29) состоится ОТКРЫТИЕ ЛИТЕРАТУРНОГО ЦЕХА ЛАПП. Приглашаются тт. Авербах, Бирюков, Грудская, Воронов, Луговской, Багрицкий, Жаров, Уткин, Безыменский.

* 17 марта, в 19 ч. — «Новая Кузница» и «Рабочая Весна» (Тверской б., 25). И. И. Дегтярев прочтет сатирический роман — «Абиссинские куранты».

* Секретариат МАПП доводит до сведения районных бюро Московской и областной организаций, что выделенные на литературный рабфак учащихся из нашей организации не позднее 20 марта должны представить материалы и характеристики товарищей, выделенных организациями на рабфак. Районов г. Москвы должны выделить по 4 человека каждый. Кандидатуры должны быть согласованы с местными партийными и комсомольскими организациями. Кандидатуры посылаемых должны быть обсуждены на кружках. Направляются только рабочие-ударники, имеющие производственный стаж не менее 4 лет. Пять человек должны являться членами литературных кружков МАПП. Все организации в области должны подобрать по 2 человека.

СЕКРЕТАРИАТ МАПП

14 марта в ГИХЛ (Никольская, 10/2), в кабинете председателя правления Общее решение современной поэмы организует ЧТЕНИЕ РОМАНА БОРИСА ПАСТЕРНАКА «СПЕКТОРСКИЙ». Читает автор. Начало в 7½ часов.

Ответственный редактор: С. ДИНАМОВ

РЕДКОЛЛЕГИЯ: Н. Асеев, С. Динамов, И. Жига, Л. Ильинский, И. Катаев, Г. Коренев, Н. Огнев, А. Селивановский, И. Сельвинский, М. Слонимский

ИЗДАТЕЛЬ: Акционерное Изд. О-во «Огонек».

На литературных вечерах

„Мадур-Ваза“

На чтке поэмы С. Клычкова

Мадур-Ваза—так зовут сказочного героя вогулов. Много веков рос эпос о Мадуре. Миф о нем вобрал в себя образы дикой северной природы, старинные верования, обычаи, обряды. Но наиболее широко развился он в XV—XVI веках, когда к вогулам проникли русские. Под «мудрым» скипетром русского царизма народ вогулов стал быстро вымирать: их осталось всего около 5.000 человек. И в эпос проникли мотивы борьбы и возмущения воинственным игом.

В поэме «Мадур-Ваза», отрывки из которой С. Клычков читал на днях в Доме Герцена, он дал большую обработку материала, пользуясь переводом Плетникова. Но при этом, по мнению фольклористов, поэма Клычкова представляет для изучения более ценный материал, чем точный лингвистический перевод.

Слушателей — не специалистов несколько смущают, что по размеру и по строению стиха поэма Клычкова чрезвычайно напоминает «Гайавату». Это объясняется тем, что Клычков и Бунин имели перед собой один и тот же образец—Калевалу в переводе Бельского.

В поэме Клычкова наиболее интересны те страницы, в основу которых легли вогульские мифы, создавшиеся уже в последнее время вплоть до наших дней.

Выступившие после чтика С. Клычкова профессор **Ю. Соколов** и **И. Евдокимов** отметили, что поэма о Мадур-Ваза представляет собой большую ценность, она является самостоятельным художественным произведением, занимающим очень значительное место в творчестве С. Клычкова, и представляет собой интереснейший материал о народе почти неизвестном, из существования создать огромные поэтические ценности.

СКАЗ

На творческом вечере Л. Леонова

— Трудно найти среди наших писателей, — говорит докладчик И. Нусинов, — художника, так глубоко установившего судьбу прошлого и в то же время более требовательного к себе в искании новых путей.

И. Нусинов видит три периода в творчестве Л. Леонова. В первый период перед Леоновым возникла проблема борьбы стихии и революционной организованности («Барсуки»). Здесь за мрачной пропастью дней России Леонов не увидел дверей в светлое будущее, открытых Октябрем. Но в какой мере не являлась идеология мещанства, начинавшая его, Леонов все же не выведет выхода из тупика и на втором этапе своего творчества, пытаясь занова поставить проблему личного человека в «Записках покойника». И только на третьем, сегодняшнем, этапе Леонов выплотную подошел к советской действительности, увидел ее грандиозные перспективы.

Поэтому произведения Л. Леонова — «Сотъ» и «Саранчуки» — в смысле идеологическом являются огромным шагом вперед.

Эта характеристика творчества Леонова, данная И. Нусиновым, была проиллюстрирована отрывками из повести «Саранчуки», прочитанными артистом ШИТАЕВЫМ. Сделанные с большим мастерством, они ярко рисуют героям работников, поставших на борьбу со стихийным врагом урожая—саранчой. Отрывки из «Сотъ» прочел затем сам автор.

Е. Я.

8-е марта в клубе ФОСП

В клубе ФОСП состоялся 8 марта вечер, посвященный женскому труду, быту.

Доклад о роли советской женщины в трудовой, общественной и творческой жизни сделала т. ИЕВА ИНБЕР.

На вечере выступали тт. В. ИНБЕР, Е. СЕРГЕЕВА, МАРИЧЕВА и артистки К. САРАТЖИНА, РИНА ЗЕЛЕНАЯ, И. МИХАЛОВСКАЯ, ПОЛОВНИКОВА и ГАРТАКОВА.

САМЫЙ РАСПРОСТРАНЕННЫЙ В СССР ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ

ОГОНЕК

Редактор Мих. КОЛЬЦОВ.

В 1931 г. «Огонек» углубит перестройку журнала в сторону еще большего отражения в снимках, очерках, рассказах и других материалах всех видов нашего социалистического строительства.

«ОГОНЕК» знакомит с достижениями полного строительства и с недостатками прочитывает и прорывает, мешающих его росту. В каждом номере печатаются заметки, статьи, очерки, рассказы и снимки ударников, рабкоров, селькоров и фотокоров, отображающие разнообразную, порою и пламенную картину жизни, быта и выполнения промфинплана пятилетки.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: «ОГОНЕК» без приложений: год—3 р. 25 к., 6 мес.—1 р. 75 к., 3 мес.—90 коп., 1 мес.—30 коп.

Подписку сдавайте исключительно на почту или письмоносцам.

Переводы в издательство посылать не следует.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА С 1 АПРЕЛЯ НА

ЖУРНАЛИСТ

ЖУРНАЛ ПО ПОЛИТИЧЕСКИМ, ПРОИЗВОДСТВЕННЫМ, ПРОФЕССИОНАЛЬНЫМ И ХОЗЯЙСТВЕННЫМ ВОПРОСАМ ПЕЧАТИ

ВЫХОДИТ КАЖДЫЕ 15 ДНЕЙ

Журнал массово-редакционным фабрично-заводских и колхозных газет, селькорам, стенгазетчикам и всем, интересующимся вопросами печати. «Журналист» необходим как руководящий политический компас газетной работы, как пособие к повышению своей квалификации.

ПОДПИСЫВАЙТЕСЬ на 1931—1932 гг.

	12 мес.	6 мес.	3 мес.
«Журналист»	7.50	3.50	2.—
«Журналист» с приложением Библиотеки «Журналиста»	10.—	5.50	2.75

Подписку принимаются ТОЛЬКО на почте и письмоносцами

Акц. изд. о-во «ОГОНЕК». Москва, Страстной бульвар, 11.

НОВАЯ КНИГА

БОРЬБА ЗА МЕТОД

К ТВОРЧЕСКИМ РАЗНОГЛАСИЯМ В РАПП'е

ГИХЛ Книгоцентр

Сборник литературных статей о творчестве писателей Д. Фурманова, Ю. Либединского, А. Безыменского, Ф. Панферова, В. Маяковского, Л. Авдеенко, А. Суркова, О. Эрдберга, В. Вишневского, Б. Кушнера. С портрета. Л. Авербаха. Стр. 330. Ц. в р. 50 к.

ВЫШЛА ИЗ ПЕЧАТИ И ПОСТУПИЛА В ПРОДАЖУ.

ИЗОГИЗ Книгоцентр

НОВАЯ КНИГА

А. Тихомиров

ГУСТАВ КУРБЭ

Художник Парижской Коммуны

Его жизнь и творчество

С многочисл. иллюстрациями

Стр. 192. Ц. 1 р. 50 коп.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА с 1 апреля на 1931-1932 гг.

СОВЕТСКОЕ ФОТО

ФОТО-АППАРАТ на службе культурной революции, на выполнение пятилетки в 4 года

ПРИЛОЖЕНИЯ: «Фотографическая библиотека». «Фотографические альманахи на 1931 г.» «Календарь-справочник фотографа».

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: «Советское фото» с приложением библиотеки «Советское фото» — 12 мес.—7 руб.; 6 мес.—6 р. 50 к.; 3 мес.—3 р. 50 к. «Советское фото» без прилож.—12 мес.—6 р.,—6 мес.—3 р. 25 к., 3 мес.—1 р. 75 к.

Массовый двухнедельный журнал советского фотолюбительства и фоторепортажа. Освещает вопросы современной фототехники, информирует о зарубежных достижениях в области фото, дает бесплатную консультацию по всем вопросам фотографии и фотокружковой работы.

Годовым подписчикам «СОВЕТСКОГО ФОТО», внесшим подписную плату сразу, бесплатно высылается «КАЛЕНДАРЬ-СПРАВОЧНИК ФОТОГРАФА». Остальным за доплату в 1 руб. 50 коп.

Всем подписчикам за доплату в 1 р. 50 к. «ФОТОГРАФИЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ».

Подписку сдавайте на почту или письмом сим. Переводы в издательство посылать не следует.

Акц. Изд. О-во «ГИЗ НЕФТЬ». Москва, Страстной б., 11.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА с 1-го АПРЕЛЯ на

ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ

орган Федерации об'единений советских писателей

ВЫХОДИТ КАЖДЫЕ 5 ДНЕЙ

подписная цена: 12 мес.—3 р. 50 к., 6 м.—1 р. 75 к., 3 м.—90 к.

Подписку сдавайте на почту

ПОДПИСКА на КОМПЛЕКТЫ ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ за январь, февраль и март месяцы НЕ ПРИНИМАЕТСЯ

ГИХЛ ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1931 г. на журнал

ОКТЯБРЬ

6-й ГОД ИЗДАНИЯ

Ежемесячный литературно-художественный и общественно-политический журнал Всероссийской и Московской федераций пролетписателей.

Редакционная коллегия А. ВЕСЬ, А. КАРАВАЕВА, Г. КОРАБЕЛЬЩИКОВ, Ф. ПАНФЕРОВ, М. СВЕТЛОВ, А. ФАДЕЕВ, М. ШОЛОХОВ.

ОКТЯБРЬ

группирует вокруг себя пролетарских писателей, растущий литературный молодняк и близких революции писателей советской интеллигенции.

ОКТЯБРЬ

печатает лучшие произведения пролетарской литературы, освещает важнейшие явления политической и культурной жизни страны, сосредоточивает свою работу на создании школы пролетарской литературы.

ВЫШЕЛ ИЗ ПЕЧАТИ

№ 1

В НОМЕРЕ:

П. ФРОВЕЛЬСКИЙ — Записки ударника. ❖ В. КИРШОН — Хлеб (Пьеса). А. ГИДЕШ — Из цикла «Эа». Стихи ❖ Б. ЛЕЖЕН — Жили два товарища (Из сети) ❖ В. РЕЗНИКОВ — Два стихотворения ❖ А. СВИРСКИЙ — История моей жизни Повесть. Часть II. ❖ ЯР. СМЕЛЯКОВ — Баллада о числах. Стихи

ЗАПИСКИ ПИСАТЕЛЯ:

А. МИТРОФАНОВ — От автора.

ПЕРЕЖИТОЕ:

СЕН-ЯТАНИ — Пройденный путь. Ч. II.

ЖИЗНЬ НА ХОДУ:

О. ФУЛЬЯ — Образы рабочей Германии. Очерк.

А. КРОНГАУЗ — Интеллигенты у станка. Очерк.

БИБЛИОГРАФИЯ:

Г. БЕРЕЗИН — Белорусская литература в русских переводах.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: на год за 12 №№—12 руб., на 6 мес.—6 руб. на 3 мес.—3 р. Цена отдельного номера 1 р. 10 к.

Подписка принимается: в Периодсекторе Книгоцентра ОГИЗа в Москве, Ильинка, 3, и магазинах и отделениях Книгоцентра и на почте.

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ОРГАН ВСЕРОССИЙСКОГО, МОСКОВСКОГО И ЛЕНИНГРАДСК. ОБЛСОВЕТОВ О.Д.Д.

ДРУГ ДЕТЕЙ

Ответств. редактор О. Д. КАМЕНЕВА.

Журнал, как и общество «Друг Детей» является центром мобилизации сил и средств пролетарской общественности на помощь делу коммунистического воспитания и пионердвижения.

Журнал рассчитан на широкий актив членов общества «Друг Детей» и Детсекции, комсомольские организации, работники матерей и т. д.

С 1-го номера 1931 г. журнал выходит в издании Акц. Изд. О-ва «ОГОНЕК».

Подписная цена: 1 год—2 р. 40 к., 6 мес.—1 р. 20 коп., 3 мес.—60 коп.

Подписку сдавайте только на почту или письмоносцам.

Издательство „ФЕДЕРАЦИЯ“

НОВЫЕ КНИГИ:

Ив. Абабков
ЗОРЬКА 131 стр., ц. 80 к.

Яков Ганзбург
КУСТЫ И ЗАЙЦЫ т. 2 Романа 260 стр., ц. 1 р. 80 к. пер. 20 к.

Василий Дьяконов
ЗАБУРУННЫЙ КРАЙ
Роман. Кн. 2
300 стр., ц. 1 р. 80 к. пер. 20 к.

Серия «Соц. строительство»

Даниил Ерофеенков
СТЕПНЫЕ ВСХОДЫ
очерк о колхозах
Второе издание доп. издание
222 стр., ц. 1 р. 20 к.

Серия «Соц. строительство»

Павел Кофанов
СТАНИЦЫ В ОГНЕ
Повесть. 110 стр., ц. 90 к.

Федор Наседкин
ВОЛЧИЙ ЛОГ
Повести. II. 4 р. ц. 20 к.

Милий Езерский
ЗОЛОТАЯ БАБА
Роман. 324 стр., ц. 2 р. перепл. 25 к.

Вл. Лидин
ОТСТУПНИК
Роман. Издание второе 320 стр., ц. 2 р., переплет 20 к.

Н. Незлобин
МОСТ. 76 стр., ц. 95 к.

Георгий Пасков
ЭПОПЕЯ ПЕТРА КУНИЦЫ
320 стр., ц. 1 р. 35 к.

Иван Приблудный
С ДОБРЫМ УТРОМ
Лирика—Сатира: 1925—1929
82 стр., ц. 1 р.

М. Шошин
АСТРАБАТ
Героические рассказы
252 стр., ц. 1 р. 75 к.

Заказы направлять в Книгоцентр ОГИЗ'а Москва, Кузнецкий, 16

Уполном. Главлит В 1892.

Центрполиграф (38) типография «Полиграф», ул. Свердлова Степанова, д. 3.

250

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Орган Федерации Об'единений Советских Писателей РСФСР

МОСКВА 19 МАРТА 1931 г. № 15 (114)

РЕДАКЦИЯ: Тверской бульвар, 25, Дом Герцена. Тлф. 2.80.12

ПЕРЕГРУППИРОВКА СИЛ

Некоторые критические «стратеги»,—иногда выступающие под прикрытием «левой» фразеологии, а иногда лишенные такого прикрытия, — продолжают говорить о «КРИЗИСЕ» пролетарской литературы, и даже о кризисе советской литературы вообще.

Есть ли основания для подобных разговоров? Нет сомнения в том, что советская литература еще далеко НЕ ПРЕОДОЛЕЛА своего ОТСТАВАНИЯ от практики социалистического строительства. Нет сомнения в том, что—в разной мере и в разных формах—отряды советской литературы стоят перед НЕРЕШЕННЫМИ задачами перестройки. Нет сомнения в том, что вылазки классового врага на литературном фронте и буржуазные влияния в литературе далеко не всегда своевременно и последовательно разоблачаются, что значительные отряды литературного попутничества еще не преодолели идеологических шатаний и колебаний. Но бесспорно и то, что успехи социалистического наступления пролетариата и развертывание культурной революции масс создают НЕОБХОДИМЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ДЛЯ УСПЕШНОГО ЗАВЕРШЕНИЯ ПЕРЕСТРОЙКИ советской литературы. Уже сейчас налицо ПРИЗНАКИ ПЕРЕЛОМА. Разговоры о «кризисе», выражая собою панику перед трудностями перестройки (а иногда маскируя откровенно-реакционные теории), обнаруживают непонимание действительного состояния советской литературы сегодняшнего дня. В ней нет «кризиса». Но в ней происходит ПЕРЕГРУППИРОВКА СИЛ. «Кризис» переживают лишь отдельные звенья ее, чьи мировоззренческие установки пришли в полное противоречие с новым периодом социалистической революции.

Наиболее НАГЛЯДНО признаки намечающегося перелома в преодолении отставания от практики социалистического строительства обнаружились в ПРОЛЕТАРСКОЙ литературе. Успешное проведение призыва рабочих-ударников, дальнейшая конкретизация генеральной линии пролетарского литературного движения, развертывание творческой дискуссии и творческого соревнования, перенесение опыта пролетарской литературы в смежные области искусства, — все это свидетельствует о том, что пролетарская литература уже реализует НАИБОЛЕЕ ТРУДНЫЙ период, совершающейся ею перестройки. Одним из примеров этого является создание латвийской Московской ассоциацией пролетарских писателей 17 марта, показавшее, какой огромный шаг вперед сделала за последние полгода МАПП в деле большевизации своих рядов.

Точно так же нет никаких оснований для утверждений о «кризисе» КРЕСТЬЯНСКОЙ литературы. Реорганизация общества крестьянских писателей в общество ПРОЛЕТАРСКО-КОЛХОЗНЫХ писателей не сводится к перемене названия. Она требует решительного изменения прежних форм и методов работы, перенесения центра тяжести из города в село, повышения внимания к массовому, начинающему писателю, ударнику колхозного наступления, значительно более полного теоретического осмысливания опыта движения. Крестьянская литература приступает к этой работе. Но ее кадры еще малочисленны. Она требует к себе усиленного ВНИМАНИЯ и прежде всего со стороны РАПП, до сих пор не повернувшейся лицом к крестьянской литературе.

Что же касается ПОПУТНИЧЕСКОЙ литературы, то достаточно сравнить ее нынешнее состояние с положением дел в ней год — полтора назад, чтобы констатировать значительное ДВИЖЕНИЕ ВПЕРЕД. Стали отчетливее линии классового размежевания в ней. Проблема литературного союзничества стоит сейчас как проблема СЕГОДНЯШНЕГО дня. Несомненно, усиление тенденции в среде значительных групп попутничества к органическому включению в практику социалистического строительства,—хотя еще сильные обратные тенденции, сводящиеся к примиренческому отношению к буржуазной идеологии, — хотя некоторые группы попутчиков, сопротивляясь перестройке, тем самым приближаются к лагерю буржуазной литературы; хотя еще много отвлеченной, не подкрепляемой творческими делами, декламации о перестройке. Предстоящая в ближайшие месяцы ВСЕРОССИЙСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ВССП должна явиться переломным моментом в движении от литературного попутничества к литературному союзничеству,—она будет для ВССП историческим экзаменом.

Есть все предпосылки для успешной ликвидации отставания советской литературы от жизни. Намечаются признаки преодоления этого отставания. С тем большей силой должны мы развернуть САМОКРИТИКУ, тем более настойчиво должны мы указать на АБСОЛЮТНУЮ НЕДОСТАТОЧНОСТЬ уже совершенной перестройки, тем более отчетливо должны мы сказать всем отрядам советской литературы, что они пока в самой малой мере справляются с теми задачами, которые возлагает на них начальный период социализма.

Подлинная перестройка писательства должна быть выражена в творческой практике, вырастающей на базе борьбы за мировоззрение диалектического материализма, на базе борьбы за новый быт писателя.

МЕНЬШЕВИЗМ В ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКЕ

НА ВЕЧЕРЕ ДОКЛАДОВ В КОМАКАДЕМИИ

В Комакадемии состоялся 14 марта устроенный РАПП и ЛИЛЯ Комакадемии вечер докладов о классовой сущности меньшевизма и литературной критике. После вступительного слова тов. А. В. Луначарского с докладами, широко развернувшими картину меньшевистской крестьянской методологии в теории и практике литературного движения, выступил ряд товарищей.

Об истории «фирсовской» морали меньшевистской литературной критики говорил И. Нусинов.

— В свое время, после смерти Толстого, меньшевики в лице Базарова и Неведомского возвеличили наиболее реакционные стороны толстовского творчества. Они провозглашали учение Толстого «единством цели и средств», тем самым оправдывая и присоединяясь к его непротивленчеству.

Что вся методология меньшевизма есть действительно своего рода непротивленчество, нецротивление «ату обществу», превалирование стихийное движения при отказе от сознательного овладения им — показал в своем выступлении В. Ермилов. Он выяснил, насколько тождественна методология меньшевистского планирования Громана—Суханова—Базарова с методологией меньшевистского литературоведения Переверзева.

Уже начиная с учения о разнородности генезиса и функции (у Громана—телеология), учения, социальный смысл которого состоял в том, чтобы обезоружить науку, лишив ее классового остроя и заинтересованности,—Громан, смыкается с Переверзевым. Громан также отрывал субъективное от объективного и под маской «объективизма» протаскивал определенно враждебный классовый субъект. Обожествление, мистифицирование производительных сил, было характерным и для теории Переверзева и у Базарова нашло свое отражение в его «тройственном постулате», по которому все может быть изменено и принесено в жертву, единственно достойному—абстрактному росту производительных сил. Даже переверзевская методология истории литературы, изучения классовую природу стилей по вертикали, в порыве от конкретно-исторической классовой борьбы—у Громана—Базарова нашла свое выражение в теории «симбиоза», «сосуществования» двух укладов нашего хозяйства. Вот почему В. Ермилов говорит, что их «переверзивство не было марксизмом, хотя некоторые и старались представить дело так, что в борьбе с формалистами, с кубиковщиной оно имело свои заслуги».

Тов. Серебрянский, говоривший о Кубикове и кубиковщине на множестве примеров вскрыл объективистский характер «ухо-онтологической» «Аулы» Кубикова, которая далее в литературно-политических вопросах противопоставляет себя марксизму и ленинизму. Так, взяв на щит создание рабочим классом собственной литературы, Кубиков выдвигает задачу демократизации старого искусства.

Выступлением тов. Волох внимание аудитории было переключено на «дела заграничные». Тов. Волох рассказал о новом меньшевистском критике В. Александровой, которая в «Социалистическом вестнике» дает комментарии на тему о развитии нашего литературного движения. О Габрухе по «Наталье Тарповой»—В. Александрова пишет, что это все десятеричные отсталых спецов», которого большевизм не может использовать; Угрюмова из леоновской «Сути» она объявляет образом «коммуниста, эксплоатирующего рабочих, и бросает упрек советской критике в том, что критика начала превращаться в «служанку» коммунизма...

Меньшевизм имеет свои отвлечения и на национальной почве. «Бунд», например, сейчас стал откровенной социал-фашистской организацией. О его официальной идеологии, нашедшей себе отражение в литературе, говорил тов. Оршанский.

Вечер закончился выступлением тов. Власова, остановившегося на гносеологической сущности философской концепции Базарова, сваливающейся в махизм и в богдановщину.

КАР

ПЕРВЫЙ ПИСАТЕЛЬ ЛОКАФ

ВЕЧЕР ПАМЯТИ ДМ. ФУРМАНОВА

Несколько месяцев назад в стенах этого же дома — Центрального дома Красной армии — оформилась организация ЛОКАФ.

Не идея, из которой возникло ЛОКАФ, идея мобилизации писательского пера на службу обороне революции — жила и раньше. Свое творческое выражение она впервые с особой яркостью получила в книжках Дмитрия Фурманова—красноармейского комиссара Чапаевской дивизии, ставшего секретарем московской ассоциации пролетарских писателей.

*

— Скрещенные меч и перо изображены на могиле Фурманова, — говорит в своем вступительном слове И. С. Гроссман-Рощин. Там механически перо положено сверх меча. По в творчестве Дмитрия Фурманова перо и меч сращены не механически: они слиты в диалектическом единстве.

— Когда историки литературы об социалистического будущего будут оглядываться на наше время, творчество Фурманова займет в их особое место, — сказал выступавший затем Л. Авербах.

Дмитрий Фурманов — один из наиболее характерных, показательных, образцовых представителей нового типа писателя, писателя-большевика. Мы можем равнять по нему наши новые кадры, в частности, рабочих-ударников, идущих в литературу.

Мы по-хозяйски его творчества в наших, ибо пролетарская литература, пойдет дальше в своих достижениях, (и надо всегда помнить о том, что в своем художественном развитии мы должны превзойти не таких писателей, как Пильняк, а таких, как Толстой и Шекспир). Но Дмитрий Фурманов воспитывал себя как большевика и на своем пути к большевизму стал классическим типом пролетарского писателя, участвующего в практике своего класса.

Он был не только одним из лучших пролетарских писателей, он был и одним из лучших организаторов пролетарского литературного движения.

— В нашей старой напостовской группе мы иногда горячо спорили с Митяем, — говорит Л. Авербах, — но всегда видели в нем одного из первых и лучших настоящих большевиков, пришедших на литературную работу.

А. Иевах, как и ряд выступавших товарищей, призывает начинающих писателей учиться у Фурманова его упорному труду на слове, его большой требовательности к себе. От имени пролетарских писателей Германии выступил с горячей речью о Фурманове немецкий писатель Курт Клебер. С воспоминаниями выступили А. Фурманова, Мата Залка и человек-соратники Фурманова по дивизии — т. Булыжкин и т. Вязов.

— Фурманов прекрасно описал Красную армию эпохи гражданской войны, — сказал представитель ПУР т. Родионов. — Сегодня перед писателем стоит задача так же хорошо показать Красную армию в период мирного строительства. Путь писателей ЛОКАФ — это путь Дмитрия Фурманова.

Д. К.

К ПРИЕЗДУ МАКСИМА ГОРЬКОГО

Литературный музей публичной библиотеки СССР имени В. И. Ленина и Общество содействия музею открывают 1 мая к приезду М. Горького в СССР большую выставку, посвященную его творчеству и революционной деятельности. Особое внимание при развертывании выставки будет уделено роли М. Горького как неутомимого защитника СССР, своим авторитетным словом разоблачавшего клевету, распространяемую об СССР зарубежными империалистами.

Выставка собирает материалы, относящиеся к поездкам М. Горького по Союзу, а также все материалы, характеризующие связь Горького с различными участками нашего строительства: фотографии, письма, рукописи с правками Горького, воспоминания, протоколы и т. п.

Горьковская комиссия Литературного музея обращается ко всем организациям, учреждениям и лицам с просьбой о присылке соответствующих материалов. В частности, просьба дать сведения об отзывах на юбилей Горького в 1928 году, на его приезды в 1928 и 29 гг., а также о приветствиях, избраниях членом совета, наименованиях учреждений и других фактах проявления общественного внимания к писателю.

Фотографии и материалы могут быть оплачены. При невозможности получения оригиналов могут быть сделаны фотоснимки с писем, рукописей и других документов. Материалы следует высылать по адресу: Москва, ул. Маркса и Энгельса, 18.

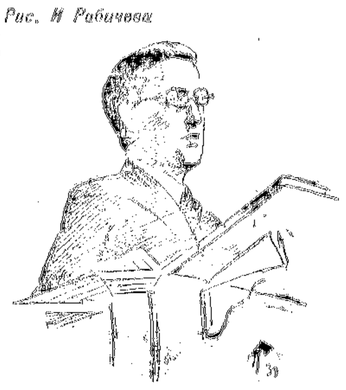
М. ГОРЬКИЙ—ЧЛЕН СОЮЗНОГО СОВЕТА ЦИК СССР

Шестой С'езд советов Союза ССР избрал Максима Горького членом Союзного совета ЦИК СССР.

„СОКРЫТЫЙ СОЦИАЛИЗМ" И БОРЬБА С БЮРОКРАТИЗМОМ

ВЫСТУПЛЕНИЕ МИХ. КОЛЬЦОВА НА VI ВСЕСОЮЗНОМ С'ЕЗДЕ СОВЕТОВ *

Рис. И Рабичева



— Когда я слушал доклад т. Молотова и видел всю грандиозную картину огромнейшего социалистического строительства, которая развернулась на шестой, советской, части света, казались ошеломляющими не только те цифры, которые приводились в этом докладе, не только отдельные великие достижения, но особенно те методы, те способы, которыми эти достижения получены. Единственная страна, единственная часть света, где громаднейшие успехи в индустрии и в сельском хозяйстве достигнуты не рабским, не принудительным трудом, а добровольным и радостным трудом громаднейшего коллектива, трудом стимулированного товарищества рабочих и крестьян.

На фоне этой самодеятельности, этого массового похода по ленинскому пути не хотелось бы обобщать и забывать об отдельных нежелательных спутниках, о непрошенных попутчиках, которые, правда, все больше отстают от нас, но все-таки идут за нами.

Ленинской традицией является не забывать на наших съездах о борьбе с бюрократизмом, о пламенных остатках старых типовничьих порядков, которые еще цепляются за нас. Нужно ли говорить и здесь, на этом съезде, о бюрократизме? Конечно, нужно. Бюрократизм еще сопровождает нашу работу. Сейчас бюрократ имеет уже другое лицо, чем раньше, он приспособляется к нынешнему времени.

Если, например, вы сейчас пойдете на двери кабинета дощечку с надписью «без доклада не входить», — вы такой дощечки не найдете нигде. Бюрократы знают теперь, что вывешивать такую дощечку на двери — не годится.

Одну из нынешних разновидностей бюрократизма я бы назвал «уравнительным столбняком». Этот уравнительный столбняк проявляется в том, что у нас часто при выполнении большой работы подходят ко всем отдельным частям этой работы с одинаковой меркой, с одинаковым масштабом. Если, скажем, какая-нибудь область, или край, или район должны выполнить хлебозаготовки на 100 проц., то вся энергия, все старание идет на то только, чтобы выполнить самую цифру в 100 проц. И если 100 проц. уже есть, — значит беспокоиться больше не о чем. А вот если взять эти 100 проц. да посмотреть, из чего они состоят, — то и выяснится, что один район выполнил хлебозаготовки на 120, а другой только на 50 проц. И вместо того, чтобы хороший район выделить, отметить, а плохой район взять под особое наблюдение, подхлестнуть его, — у нас в порядке «уравнительного столбняка» говорят: выполнили сто процентов, ну и ладно, можно всех амнистировать!

«Уравнительный столбняк» рождает циркулярщину. Если в какой-нибудь области есть 100 районов, то один и тот же циркуляр рассылается по всем этим ста районам. Возьмите Среднюю Волгу. Здесь как водится, идут хлебозаготовки; одни районы выполняют их лучше, другие хуже. Есть на Средней Волге Больше-Глушицкий район, который выполнил плана на 116 проц. И вдруг они получают телеграмму от крайколхозсоюза: «Требуем немедленного об'яснения вашего позорного отставания по хлебозаготовкам». Откуда, зачем такая бумага? Оказывается, крайколхозсоюз взял да разослал всем районам одну и ту же циркулярную телеграмму о позорном отставании. Или, например, Бутурлинский район того же края получает телеграмму: «Запоздалый перелом». Откуда перелом в Бутурлинском районе? Почему? Неизвестно. Попал переломный циркуляр. А вот Пензенский район — он известен давно как производитель пеньки, но на плана заготовки пеньки этот район почему-то вышел.

Другую разновидность бюрократизма следовало бы назвать «канцелярским футболом». Люди, сидящие в кабинетах, в канцеляриях, не имеют возможности заниматься физкультурой, так они заводят футбол на работе. Всякое важное ответственное дело они ставятся от себя отпихнуть, перебросить в другое место.

Секретарь того же Бурлинского района получает телеграмму от треста «Заготпевод»: «Под вашу личную ответственность предлагаем оперативно проследить за случкой овец» (смех). Вы представляете себе этого секретаря в зерновом районе? Занят он и коллективизацией, и семенами, и тракторами, и чем угодно, да еще извольте следить за случкой овец, да еще оперативно. Зачем посылается такая телеграмма? А для того, чтобы потом Заготтрест мог в отчете своем сказать, что мы-де в своей работе связались с партийной общественностью (смех, аплодисменты).

Вот другой пример «канцелярского футбола». Харьков, который всегда был большим заводским центром, сейчас превращается в гигантский индустриальный узел. Там электростанция начинает задыхаться с подачей энергии. Во втором году пятилетки потребность Харькова на энергию возрастет на 60 проц. В этом году она возрастет на 67 проц. И в этот момент на электростанцию, которая и так не может увеличить своей энергопродукции, начинают при паровых котлах взрываться резолюторы. Это — специальные приспособления к паровым котлам.

Электростанция обращается к харьковским заводам, машиностроительным и другим, говорит — «почините нам резолюторы». Резолюторы эти — заграничная штука, но их легко можно изготовить, а тем более починить на заводах Советского Союза и в частности в Харькове. Тресты и заводы отвечают: «Нет, обратитесь куда-нибудь в другое место». Электрики начинают молить: «Товарищи, почините нам резолюторы, ведь положение такое, что рабочие уже боятся стоять около них». Руководители заводов непреклонны. И выходит так, что металлические резолюторы ходят один за другим, а вокруг них ходят двуногие, человечьи резолюторы и не хотят побеспокоиться о том, чтобы как-нибудь делу помочь.

Занимается канцелярским футболом и в центре.

Вот вам московский автосборочный завод. Он собирает автогрузовики для промышленности и для сельского хозяйства. Для этих грузовиков нужны деревянные кузова. Раньше эти кузова делались на заводе «АМО» в Москве и на заводе «Спартак». Автосборочный завод просит эти заводы — «сделайте нам кузова». «Нет, не хотим, отправляйтесь куда-нибудь в другое место». И вот автосборочный завод с высунутым языком мечется по всей стране, ищет, кто бы согласился изготовить эти кузова. Наконец, Одесса согласилась. Говорит: «ладно, мы изготовим эти кузова». И получается такое безобразие: из Архангельска гонят для кузовов лес, а мелкие кованные части, которые в Одессе изготовить нельзя, делают в Таганроге. Из Архангельска лес и из Таганрога бежты свозятся в Одессу, а оттуда кузова волокут в Москву. Когда вмешались в это дело РКИ, то выяснилось, что и завод «АМО», и завод «Спартак» совершенно свободно могут изготовлять эти кузова. Все вернулось в исходное положение. Но мы потеряли на-за этого ряд.

А вот еще пример совершенно нелепого «канцелярского футбола»: это переписка и волокита по поводу одного кило белого хлеба.

Здесь на Всесоюзном с'езде советов говорилось о миллионах тонн хлеба. Стоит ли говорить об одном кило. Да, товарищи, стоит. Стоит покупать это кило хлеба, ибо это симптом еще живого у нас бюрократизма, невыкорчеванных, старых, возмутительных методов работы. Есть город Калуга. Есть там бактериологический институт, который охраняет город от эпидемий. В этом бактериологическом институте, как полагается, есть медицинские мыши. Для этих мышей институту понадобилось одно кило белого хлеба. Он обращается в Калужский Горпищеторг с просьбой отпускать ему одно кило белого хлеба в месяц. Горпищеторг заявляет: «Мы этого кило хлеба не можем выдать без разрешения МОСПО (смех). Калужский бактериологический институт пишет вот эту длинную слезницу в МОСПО. Рассказывает, какую институт ведет полезную работу, как бережет он Калугу от эпидемий и почтительно просит, нельзя ли отдать распоряжение на счет кило хлеба. МОСПО протянул, перепугался. Может быть, есть какая-нибудь секретная директива, которая запрещает кормить мышей белым хлебом. (Смех). Начинают наводить справки. Результат: «согласно справки отдела регулирования, белый хлеб на корм мышей отпустить можно (смех). Подождите еще, товарищи. МОСПО, заготовив все нужные справки, чтобы не очутиться в дураках,—пишет в Калугу: «Прекратите волокиту, отпустите одно кило белого хлеба». Но Калуга не сдается. Калуга пишет ответ, в нем она сообщает, что отдел промпредприятий МОСПО не уполномочен разрешать вопрос об одном кило белого хлеба; этот вопрос относится к компетенции отдела регулирования. А еще пишет Калуга Москве: «Ежели вы хотите, чтобы мы отпустили одно кило белого хлеба для института, то, товарищи, увеличьте нам лимиты показатели потребности на необходимую институту норму хлеба и включите его в план снабжения». Вы видите, товарищи, какой феерически бездушный, отсталый бюрократизм еще сохранился у нас!

Остатки бюрократизма еще есть, имеются у нас еще и в довольно старой, по сохранившейся форме — в форме «административного восторга», который так сильно громил Владимир Ильич. Вы помните, как Ленин боролся с разными ненужными комиссиями, как он их разгонял, а они опять собирались, и он снова жестоко их разгонял. Эти комиссии еще в большей мере сохранились до сих пор. Они иногда даже принимают форму лже-рабочих бригад. Я только что из деревень и там мне воочию приходилось видеть, как эти комиссии бесконечно терзают и часто меняют низовым работникам своими бесконечными обследованиями.

Наш председатель сельсовета привык уважать высшие власти. Он не разбирается, не знает, что не каждые три человека с портфелями суть рабочая бригада. И когда к нему один за другими по три штуки на день наезжают комиссии и тормошат его, — он всем оказывает полное содействие. И сам наблюдал: приезжает комиссия... Вынозят,—бригада. Входит, спрашивает строгим голосом: «Как у вас насчет коллективизации?» — Так-то. «Какой процент?» — Такой-то. «Рабочий скот есть?» — Есть. «Запасные части есть?» —Есть. И потом, сразу более мягким голосом: «А нельзя ли самоварчик поставить? А насчет лишенки — нельзя ли?». Председатель сельсовета в свою очередь спрашивает: «Нельзя ли, товарищи, через вас колесной мази для колхоз достать?»—«Нет!» Отвечают: «За нами следом едет другая бригада, вы к ней обратитесь. А нам поскорее дайте лапидей, как сегодня еще много сел надо об'ехать» (смех, аплодисменты).

Попытки администрировать над общественностью, подменивать рабочую инициативу бумажным приказом бывают не только в селе, не только в захолустье. Вот вам Ленинград. Вновь назначенный заведующий областным здравотделом т. Ламкин вступает в должность и об'является в приказе за № 17: «Приказываю в порядке содействования и ударничества снизить заболеваемость на промпредприятиях не менее, чем на 10 проц. (смех).

Повидимому, т. Ламкин руководился благим пожеланием — бороться с симулянтами на заводах.

Товарищи, рабочие массы и колхозники не нуждаются в таких казенных бумажках. Наш рабочий класс и наши колхозники, бедняки, середняки выросли, они требуют не казенного, не бумажного, а подлинного, разумного, конкретного, оперативного, настоящего большевистского руководства строительством социализма. Мы теперь все знаем, что за бюрократизмом, за казенщиной, за канцелярским футболом, за «уравнительным столбняком» часто скрывается классовый враг.

Чтобы со всем этим бороться, нужно еще больше, чем до сих пор, орабочивать нашу советскую систему. Владимир Ильич в своей брошюре: «Удержат ли большевики государственную власть» писал:

«Силы сопротивления пролетариев и крестьян мы еще не видали, ибо эта сила выпрямится во весь свой рост лишь тогда, когда власть будет в руках пролетариата, когда десятки миллионов людей, раздавленных нуждой и капиталистическим рабством, увидят на опыте, почувствуют, что власть в государстве досталась угнетенным классам, что власть помогает бедноте бороться с помещиками и капиталистами, ломает их сопротивление. Только тогда мы сможем увидеть, какие неполитые еще слои города капиталистам тайся в народе, только тогда проявится то, что Энгельс называет «скрытым социализмом».

Теперь, после кампании перевыборов советов, которая увенчается настоящим с'ездом, после этой громадной подлинно-демократической проверки всего нашего государственного аппарата, теперь, когда центральной фигурой в совете стал рабочий-ударник и колхозник, после того, как обновлено руководство нашего Союзного советского правительства, — у нас наметился еще более бурный подъем творческой активности масс и потому надо ждать решающих успехов в преодолении бюрократизма. Мы верим, что Советское правительство, избранное на этом всесоюзном с'езде, еще больше вызовет и извлечет громадные запасы энергии, активности, которые есть у трудящихся масс.

Тот «скрытый социализм», о котором говорили Энгельс и Ленин, еще больше вылезет наружу и разольется широкой волной. На гребне трудового творчества рабочих и крестьян мы не только достроим фундамент социализма, мы теперь закончим все здание до самой верхушки. (Бурные аплодисменты).

ЕТОПИСЬ ЛИТЕРАТУРНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

* Секретариат РАПП созывает в ближайшие два производственных совещания писателей и критиков. Производственное совещание критиков созывается 5—10 апреля. В повестке дня: вступительный доклад Л. Авербаха, доклад В. Ермилова о состоянии рапповской критики, содоклады—о положении на методологическом фронте (тт. Гельфанд и Дерманов), о массовой рабочей критике, об опыте работы МАПП, доклады редакторских журналов о работе их критических отделов. На производственном совещании выступят представители редакций: «Красная новь», «Новый мир», «Октябрь», «Сибирские огни», «Литературная учеба» и др. с информацией о работе их критических отделов. В совещании примут участие представители местных АПП, рабочих критических кружков, а также АПП ВССР, УССР и УзАПП.

Производственное совещание прозаиков состоится в Москве 20 апреля.

* ВССП созывает в Москве в ближайшие месяцы Всероссийскую конференцию советских писателей. На конференции будут сделаны доклады: «Пролетарская литература и попутчики», «Мы и Запад», «Писатели и социалистическое строительство», «О творческом методе», «О поэзии», «О критике», «О детской литературе» и «О краеведческой литературе». Конференция откроется политическим и организационным докладом правления ВССП. Из числа комиссий по подготовке к конференции в составе тт.: Гольцова (председатель), Павленко, Шульца, Островского, Эфроса и Шкляр.

* Секретариат РАПП и бюро московской творческой группы РАПП «Кузница» созывают 30 марта совещание с представителями местных литгрупп «Кузницы». На совещании будут заслушаны доклады Вл. Бахметьева—о порядке вхождения местных литгрупп «Кузницы» в ряды РАПП и ВУСПП, и Н. Ляшко — о творческой установке «Кузницы».

* На общем собрании писателей московской творческой группы РАПП «Кузницы» избрано бюро группы в составе: Г. Санникова (пред.), А. Карцева (отв. секретарь), Н. Ляшко, Дм. Касимова, Б. Вадецкого, Г. Максимова, Н. Якименко. В художественный совет «Кузницы» избраны: Вл. Бахметьев, Ф. Березовский, С. Малашкин, С. Обрадович, Т. Дмитриев и др.

* В Ленинграде создано Об'единение советских писателей-краеведов (ЛОСПИК). Председателем об'единения избран Конст. Федин, отв. секретарем — Е. Лаганский.

* Секретариат ФОСП заслушал доклад представителей ТАПП и ЛОКАФ Татреспублики тов. Кавы-Наджми о работе татарских литорганизаций. В Татреспублике работают: ТАПП, об'единяющая — вместе с ударниками, призванными в литературу — 400 человек, Татарский ЛОКАФ в составе 192 красноармейских писателей, Татсоюз советских писателей (28 человек). Организуется общество татарских пролетарско-колхозных писателей. Это создает предпосылки для образования федерации писателей Татреспублики. ФОСП РСФСР оказует литорганизациям Татреспублики немедленную помощь и содействие; в Татреспублику командируется специальный представитель ФОСП РСФСР.

* При ЛОКАФ создана киносекция, которая ставит своей задачей содействие военной фильме путем широкой мобилизации кинработников и ведения массовой работы.

* В Архангельске на днях состоялась бригада писателей ФОСП в составе тт.тт. И. Сельвинского, Б. Лезина, В. Герасимовой.

* Музейная комиссия ВССП организовала в Доме Герцена выставку, посвященную участию писательских бригад в осенних маневрах РККА и в ликвидации прорывов на промпредприятиях. На выставке широко развернут отдел, иллюстрирующий производственные процессы и работу писателей на крупнейших бумажных фабриках — Балахне, Кондопоге, Сясьстрое, Добруше.

* Литературный Музей Публичной библиотеки СССР им. Ленина и Общество содействия литературному музею приступили к организации выставки, посвященной творчеству Демьяна Бедного. Образована специальная комиссия по организации выставки, под председательством т. А. Ефремина. Комиссия обратилась ко всем литературным организациям и лицам с просьбой предоставить в распоряжение выставки имеющиеся у них материалы, касающиеся дней-лет или литературной деятельности Демьяна Бедного. Материалы следует направлять в адрес Литературного музея библиотеки им. Ленина.

* Секция переводчиков ФОСП устраивает завтра для иностранных рабочих вечер в клубе писателей, посвященный 60-летию Парижской коммуны и 12-летней годовщине Венгерской коммуны. На вечере выступят Анатоль Гидаш, Мата Залка, Ян Матейка (Венгрия), Кюмпер (Франция), Курт Клебер, Эгон Эрвин Киш (Германия) и Куниц (САСШ).

* Актив МАПП на собрании, состоявшемся 17 марта в клубе ФОСП, заслушал доклад тов. А. Селивановского об итогах пленума правления РАПП.

По докладу развернулись прения, в которых приняли участие тт. Л. Авербах, А. Груденая, В. Ермилов, Н. Боровой, а также ряд призывников-ударников, составляющих в настоящее время основное ядро актива МАПП.

В принятой резолюции актив МАПП единогласно подтвердил решения пленума правления РАПП, сделал из них ряд выводов для работы МАПП.

Подробный отчет будет дан в следующем номере «Литературной газеты».

* 15 марта на VI с'езде советов СССР в прениях по докладам о колхозном строительстве большую речь в стихах произнес тов. А. Безыменский. Позднее эта речь напечатана в газетах «Правда» и «Известия ЦИК СССР» от 16 марта с. г.

* Сбор материала для альманаха ФОСП проходит весьма успешно. В портфеле редакции имеется ряд рассказов, очерков, стихотворений лучших пролетарских и советских писателей. Редакции также удалось получить литературный материал от рабочих-ударников, среди которых есть вещи, большой художественной ценности. Редакция альманаха просит поторопиться со сдачей материала. Последний срок сдачи — 25 марта.

* Драмсекция Всероскомдрама образовала подсекцию национальных авторов и переводчиков, ставящую своей целью установление производственной связи с драматургами национальных республик. Товарищеская связь будет также установлена с зарубежными пролетарскими литературными организациями. В бюро подсекции вошли: С. Амаглобели, П. Заикович (ответсекретарь), П. Маркиш, Пикулин (ответст. секретарь), Усманов.

* Актив МАПП на собрании, состоявшемся 17 марта в клубе ФОСП, заслушал доклад тов. А. Селивановского об итогах пленума правления РАПП.

По докладу развернулись прения, в которых приняли участие тт. Л. Авербах, А. Груденая, В. Ермилов, Н. Боровой, а также ряд призывников-ударников, составляющих в настоящее время основное ядро актива МАПП.

В принятой резолюции актив МАПП единогласно подтвердил решения пленума правления РАПП, сделал из них ряд выводов для работы МАПП.

Подробный отчет будет дан в следующем номере «Литературной газеты».

* 15 марта на VI с'езде советов СССР в прениях по докладам о колхозном строительстве большую речь в стихах произнес тов. А. Безыменский. Позднее эта речь напечатана в газетах «Правда» и «Известия ЦИК СССР» от 16 марта с. г.

* Сбор материала для альманаха ФОСП проходит весьма успешно. В портфеле редакции имеется ряд рассказов, очерков, стихотворений лучших пролетарских и советских писателей. Редакции также удалось получить литературный материал от рабочих-ударников, среди которых есть вещи, большой художественной ценности. Редакция альманаха просит поторопиться со сдачей материала. Последний срок сдачи — 25 марта.

* Драмсекция Всероскомдрама образовала подсекцию национальных авторов и переводчиков, ставящую своей целью установление производственной связи с драматургами национальных республик. Товарищеская связь будет также установлена с зарубежными пролетарскими литературными организациями. В бюро подсекции вошли: С. Амаглобели, П. Заикович (ответсекретарь), П. Маркиш, Пикулин (ответст. секретарь), Усманов.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЛЕНИНГРАД

ОТ НАШЕГО КОРРЕСПОНДЕНТА

Творческий смотр ЛАПП.—Слет литкружковцев-колхозников.—Повторенные ошибки.—Оппортунистическая практика секции переводчиков.—„Специальность—Шекспир".—Монополисты новинок.—„Что это есть"

Идет творческий смотр рабочих литкружков ЛАПП. Первая «подготовительная» декада закончена. И уже «организационные дни» дали интересные данные. Если раньше мы только констатировали частичный отлив ударников из литкружков, районные тройки, в процессе подготовительной работы, зафиксировали конкретные случаи развала кружков по тем или иным, вполне устранимым причинам: смотр бесспорно устранит эти причины и восстановит кружки. Обнаружен и ряд «диких» литкружков, возникших в результате роста массового пролетарского литературного движения, но не охваченных еще политическим руководством ЛАПП.

Все это — первые достижения смотра. Но все же первую декаду смотра нельзя признать удовлетворительной. Районные тройки недостаточно развернули свою работу; в ряде районов, например, отсутствует связь с партийными и общественными организациями; план смотра не доведен до каждого заводского литкружка (на «Красном треугольнике» до последних дней вообще не знали о смотре); вся масса писателей и литкружковцев, об'единяемых ЛАПП, не охвачена «генеральной проверкой всей организации в каждого члена в отдельности».

Необходимых темпов, четкости, планомерности, конкретности—еще нет. Их надо добиться во что бы то ни стало. И не для того, чтобы подогнать смотр к календарным срокам. Дело, в конце концов, не в календаре, а в глубоком и серьезном изучении, в тщательной проверке работы кружков, в творческом смотре, который действительно закрепит результаты призыва ударников в литературу.

Значение смотра — эквивалентное первым ударным декадам призыва ударников в литературу — рассматривается руководством ЛАПП как политический экзамен всему активу организаций. Для проверки исполнения и помощи общегородскому штабу ЛАПП, ленинградское отделение редакции «Литературной газеты» организует ряд рабочих бригад.

***

Мы уже сообщали, что призыв ударников развертывается и по линии ЛОШКП. И здесь уже встают во всей остроте вопросы укрепления совхозно-колхозных кружков. Опыт РАПП может дать ЛОШКП много возможностей избежать ряд ненужных и вредных ошибок.

Но ЛОШКП предпочитает учебе на новом опыта — учебу... на ошибках.

Кружковый сектор РАПП заранее выпустил неудачную программу для заводских кружков: она была немедленно осуждена секретариатом тов. Авербаха, раскритикована и «Литературой». Программа ЛОШКП отличается от провокационной «университетской» программы РАПП тем, что если ударник завода посылался в «тайны, скажем, литературоведческих концепций Переверзева и Воронского на пятом занятии кружков-колхозников о темп их вооружил Переверзева и Воронского с «лефовщиной, как ликвидаторством искусства», ЛОШКП спешит познакомить уже на... первом занятии.

Сугубый академизм, формализм, схематизм — характерные черты покинутой программы. И... «лефовщиной, как ликвидаторством искусства», пожалуй, очень быстро ликвидируешь колхозный кружок.

Поэтому товарищам из ЛОШКП надо быстро изменить свою программу для низового кружка и увязать ее с политической и конкретно-творческой работой совхозно-колхозного кружка.

***

Для закрепления результатов призыва ударников в пролетарско-колхозную литературу ЛОШКП созывает областной слет ударников-литкружковцев совхозов и колхозов. Такой слет созывается впервые в СССР. Он даст наиболее полную картину прохождения литературного призыва на село. Литературно-политические доклады, учебно-инструктивные занятия позволят использовать участников слета за руководящей работе в низовых совхозно-колхозных кружках. Созыв слета предполагается 15 апреля.

***

При ЛенФОСП существует секция переводчиков. Существует более года, но только недавно, новое руководство Ленсекции Федерации политрепсообщества, чем занимается эта секция, начинается одним из важных звеньев нашей связи с мировой литературой.

Мы не будем останавливаться на докладе тов. Брешковской (секция переводчиков), сделанном на заседании секретариата ЛенФОСП и носившем скорее статистический характер, чем политический: «столько-то членов состоялось, столько-то числится». Достижением секции тов. Брешковская считает, например, то, что из 90 с лишним переводчиков — 16 приняты в профсоюз и обслуживаются месткомом писателей!!! Представление о секции дают факты, сообщенные тов. В. Владимировым (комиссия по обследованию секции переводчиков). Полнейшая аполитичность, замкнутость, академичность — характерные черты этой работы. Единственное политическое мероприятие секции—работа с иностранными рабочими (интернациональные бригады Дома печати) — комиссия по обследованию считает даже вредным, так как переводчики оказались абсолютно политически неграмотными. О социальном составе секции говорит наличие 16 процентов бывших дворян и полное отсутствие пролетарских элементов.

В секции нет ни одного коммуниста и комсомольца.

Связи с филиалами ЛАПП не поддерживает. Переводы пролетарских и революционных пис

60-ЛЕТИЕ ПАРИЖСКОЙ КОММУНЫ

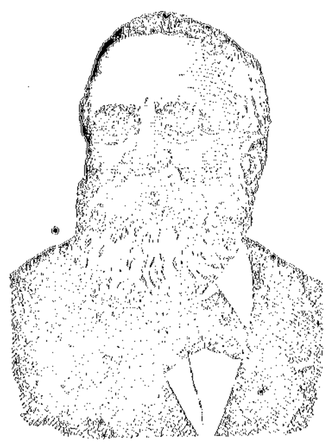
„ПРИ ВСЕХ СВОИХ ОШИБКАХ КОММУНА—ЭТО ВЕЛИЧАЙШИЙ ОБРАЗЕЦ ВЕЛИЧАЙШЕГО ПРОЛЕТАРСКОГО ДВИЖЕНИЯ XIX ВЕКА" ЛЕНИН

ПОЭТ—КОММУНАР ЭЖЕН ПОТЬЕ

После разгрома Парижской Коммуны, ее участником и баррикадным бойцом Эженом Потье создана песня, ставшая гимном первого в мире рабоче-крестьянского государства — «Интернационал». Автором этого одного произведения Потье остается в представлении не только интернациональных масс, но и читающей, близко стоящих к литературе. На отсутствие литературы и подробных сведений о Потье недавно указывала Вл. Бонч-Бруевич в статье о русском переводе «Интернационала» («На литературном посту», № 2). Довольно прочно забыт Потье и во Франции, — это несмертная месть буржуазной республики ненавистнику ее «гражданину Потье». Потье, таким образом, приходится «открывать».

Творчество Э. Потье неотделимо от революционной борьбы французского и международного пролетариата. Он родился в 1816 году в Париже в семье рабочего-упаковщика и с 13 лет занимался тем же тяжелым физическим трудом, что и его отец; в дальнейшем он переменил профессию, сделавшись разрисовщиком тканей.

В 1830 году, четырнадцати лет он написал свою первую песню «Да здравствует свобода!», а следовавшая затем июльская монархия с ее лозунгом «обогащайтесь», недвусмысленно призывавшим финансовую и торговую плутократию душить мелкую буржуазию и беспощадно эксплоатировать пролетариат, измученный восемнадцатичасовым трудом, дала молодому революционному поэту достаточно тем и мотивов. Некоторые его песни этой эпохи, например, «Пришло время, чтобы каждый получил должное» (1840 г.), получили огромное распространение.



В феврале 1848 года Потье был среди тех, кто поднял над баррикадой красное знамя. Этот год надо отметить, как критический в мировоззрении Потье. В эти дни, когда республиканский хмель затуманил в сознании инсургентов враждебность интересов борющихся в революции классов, Потье написал «Всеобщее голосование», искрящееся изумительной игрой слов и рифм. Этой песни Потье не перепечатывал в своих книгах, т. к. очень скоро—уже в марте—слившие пестрящие на домах лозунги «свобода, равенство и братство»,—республика буржуазии сняла маску и показала рабочим свою чудовищную харю. Стало ясно, что не республика с «всеобщим голосованием», а вооруженное восстание и революционная диктатура являются единственным путем раскрепощения пролетариата. Уже в том же 1848 г. в творчестве Потье прозвучал голос класса.

Молят кому вся планета.
Стынь, муза бытия!
Горда молодой, разодета
«Гора» и «канцея»!
Мощи ее спину и чудесной
Спешите ко в пепл!
О песни,
Спешите ко в пепл!
«Есть армия и власть над ним.
Умеет генерал
Свернуть кому угодно шею,
Чтобы народ дрожал.
Не ведь солдаты с ними вместе...
Спешите в кремень!
О песни,
Спешите в кремень!

В поэзии Потье точно вырисовываются профили подлинных врагов пролетариата,—всех тех социальных сил, опираясь на которые президент республики принц Луи-Наполеон произвел 2 декабря 1851 года монархический переворот. Эту дату—«декабрьское преступленье» — поэт вспоминал неоднократно, и его революционная оппозиция Наполеону III длилась все время существования империи.

Естественно поэтому, что Потье принял участие в событиях, которые развернулись в 1870 году. 10 июня его подпись была на манифесте, адресованном немецким социалистам и направленном против войны, которой монархическая реакция хотела восстановить свой утраченный авторитет. Он остался в Париже во время Седана, был делегирован в Центральный Комитет, был избран в члены Коммуны. Весь период Коммуны Потье работал в комиссиях по делам, затрагивавшим интересы парижской бедноты — разрабатывал декреты оломбарде и о квартирной плате, участвовал в организации Комитета общественного спасения. Избежав случайно расстрела Галлифе в майскую неделю, Потье эмигрировал в Англию и оттуда в 1873 году—за океан, в Соединенные Штаты, где продолжал, с повышенной злобой к правящему делу Коммуны, свою революционную и политическую работу в «Социалистической рабочей партии». Опыт Коммуны дал поэту еще большую остроту социального зрения, с которой мы встречаемся в американских стихах Потье—по поводу Всемирной выставки в Филадельфии» в 1876 году (поэма выпущена «социал-демократической партией рабочих Северной Америки»), в «The workingmen's party * в поэме «18 марта», в сонетах. Эти произведения, а также стихи, написанные после амнистии и возвращения в Париж (1880), пожалуй, превосходят все раннее созданное; мастерство поэта-социалиста в эти годы достигает полной зрелости. Так в песне, «Жак-бедняк», которой открывается сборник «Революционные песни», он поднимается до большой высоты — ему удается несколькими штрихами дать синтетический образ капитализма с его неизменным спутником — церковью:

От веры воронам доход,
Стервятникам золото сутаны.
Их бог нас за руки берет,
Пока нам выворачивают карманы.
. . . . . .
Грязь и неумолимый труд.
Окопезай или работай.
И с нами в стачку не войдут
Те, что в фуражках с позолотой.
Пример их нам глаза слепит:
Хранят семью и чистят дула.
На их войне мой сын убит,
Их роскошь дочь мою свихнула.

Для характеристики американского периода мы дадим хотя бы один отрывок — начало „The workingmen's party", который придана форма диалога символического мистера «Кофра» — несгораемого шкафа — с рабочей партией по поводу основных лозунгов: „tools belong to toil" — орудия производства принадлежат рабочим и „Production balon à l'ouvrier", — продукции принадлежит производителю.

„The workingmen's party" рождается во мраке,
Она растет, и пусть газетные писаки —
Два лишка — строчка! — все цепные псы пера,
Как свора гончая, срывается с утра.
Да, мистер Кофр взбешен — железный и упрямый,
Циничный бог, кому курятся фимиамы.
В Европе он и здесь хозяин всех морей,
И миром правит он, как фабрикой своей.
— Что? — прохрипел и близится и приседку —
Так это ты, босяк, бросаешь мне перчатку?
Кто ты осмелился? Обратно, в конуру!

Под красным знаменем затеял ты игру!
Утопиями пьян, болтаешь о прогрессе?
Предполагаете собраться на конгрессе?
И выбрать Комитет? — Все кассы — на запор!
Да, я — стальной мешок и т. д.

Поэма кончается призывом:

Война всем палачам рабочих наших масс.
— Но это коммунизм! — Что ж, он устроит нас!

Особый интерес в творчестве позднего Потье представляют вышедшие в 1884 году его «Социально-экономические сонеты», которые характеризуют самое название. К сильнейшим из них, (наряду с «Бланки», «Гражданской войной» и др., главным образом, антирелигиозными стихотворениями) относится «Святая троица»:

Начнем с Религии: — Старуха, чьих гримас,
Чьих догм убожество пленит вас, простофили!
Сулит вам чудеса и пжет, скопляя вас,
И распростерты вы, подобно сирой пыли.
И — Собственность: — Не труд — мои источник масс,
Домов, усадеб! — Да, твоей дивлюсь я силе!
Отчаянье труда, твоих на тронет глаз.
Тобой ограблен он — его всего лишили.
И Государственность — монарх иль генерал
Он внутренних врагов — и стене и — напоказ!
Когда ж война, он сам не переедет порога.
Святая Троица! Мы все в твоей петле!
Поп, ростовщик, жандарм — их трое на земле.
Ложь, воровство и смерть — вот триединство бога.

Потье бросал в массы свои песни, отписанные на маленьких листочках с четким почерком. Они становились популярными, мобилизовывали массы на восстание, но мало кто знал об их авторе. Только благодаря случайности (встреча с поэтом Надо) в 1884 году был издан первый небольшой сборник стихов Потье, и только благодаря заботам и на средства товарищей-коммунаров были выпущены его «Революционные песни» (1887 г.), обратившие на себя внимание влиятельных тогда литераторов А. Рошфора, Сарсея, Е. Дрейфуса и др. Это «успех» был предсмертным. 7 ноября 1887 г. Потье скончался.

За гробом Потье шли все коммунары и около 10.000 парижских пролетариев.

Литературное наследство Потье до сих пор не обследовано; книги его стали редкостью; на руках имеется, несомненно, много его неизданных стихов; не собраны также его речи, произнесенные в Америке в годовщины Коммуны, в комиссиях, воспоминания и прочие «сырые», необходимые для исследования, материалы. Вся эта работа еще впереди и представляет не мало трудностей для осуществления. Но их стоит преодолеть, т. к. Потье действительно может считаться, наряду с Фрейлигратом и Вестом, которого недавно «открыл» Ф. Шиллер, подлинным предшественником пролетарской поэзии и одним из ее родоначальников.

АЛЕКСАНДР ГАТОВ

* Обычное написание „Socilis ie Ialoz rat.y" — „Социалистической рабочей партии". Прим. Потье

БИБЛИОГРАФИЯ

ПАРИЖСКАЯ КОММУНА
В СОВЕТСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

В советской литературе почти отсутствуют полноценные произведения о Парижской коммуне. Как правило, советские и пролетарские писатели не уделили Коммуне внимания. В итоге — произведения советских писателей, посвященные Коммуне, не только неизмеримо ниже французских произведений того же рода в художественном отношении, но редко превосходят их и в смысле идеологическом. Коммуна эпизод на растерзание мелким халтурщикам и графоманам.

Примеры:

Повесть **Екатерины Замысловской** «1871 год». В каталоге издательства читаем: «Классовая борьба в Парижской коммуне». Массовой борьбы, сказано, в книжке нет и помину. Пшеворок. Перед нами сладенькая повесть о том, как в мире и дружбе жил старый мариз с рабочими, как племянник этого марша добрый доктор, проповедывавший справедливость, хотел под пулями в дни Парижской коммуны.

Выпущенная в 300 томов эпопея «История одного коммунара» принадлежит к литературе легкого чтения. Обычный любовный треугольник — он, она и третий, причем он и она парижские рабочие, участники коммуны, а третий — версальский солдат, перебежавший к коммунарам, конечно, из любви к ней. Все трое, конечно, умирают на баррикадах.

Очень плоха повесть Феличе «Изгнанники новой Каледонии», посвященная жизни участников коммуны и изгнания.

Автор рисует безнадежную, чуть ли не лубочную жизнь изгнанников коммуны на острове, в стиле Робинзона Крузо. Попутно автор пытается разрешить и колониальный вопрос. Оказывается, жить туземцев на острове нельзя,—от восстания под знаменем Парижской коммуны. Коммунары спорят: поддерживать ли восставших негров, которые, если верить автору, «пламенеют от восторга перед красотами европейской музыки».

Во всех этих книгах нет, конечно, и попытки серьезного политического, экономического, классового анализа Парижской коммуны. Обычные литературные штампы обрамлены здесь знаменами, пожарами, баррикадами — только и всего.

Драматические произведения и инсценировки на тему о Парижской коммуне чрезвычайно многочисленны. По качеству их стоит тоже низко. Вот, например, пьеса Я. Окунева «Парижская коммуна». Главным героем пьесы является... история — женщина седая и величественная, на голове которой сияет диадема с яркой пятиконечной звездой. В пьесе А. Гидони «Земля коммуны» некая загуринка созывает своих любовников и вместе с ними погибает, защищая форт Коммуны, и т. д. и т. п.

Стихи, посвященные Коммуне, достаточно обильны. Особенно много вещей на тему о Коммуне мы встречаем у поэтов «Кузницы». Образович, Кириллов, Герасимов, А. Александровский посвящали Парижской коммуне по нескольку стихотворений. Как и вся продукция рифмой «Кузницы», эти строки отличаются рапсодичностью, трескучим комизмом, этакой революционностью и в наши дни никого удовлетворить не могут.

Поэты же младшего поколения (за незначительным исключением) проходят мимо Коммуны.

В последние годы художественные произведения, посвященные Коммуне, почти вовсе исчезают. Эта тема окончательно выпадает из «планов» наших писателей. Напрасно. Выпадает политически и идеологически актуальнейшая тема. Выпадает одна из самых увлекательных исторических коллизий.

И. БЕР.

„КОММУНА" ТЬЕРА ДОМИНИКА *

По существу исторически установленных и исследованных фактов книга Доминика ничего нового не дает. Беллетристическая форма и некоторый динамизм сцен в отличие от обычного несколько дискурсивного исторического повествования, вместо того, чтобы сделать чтение книги более занимательным, придали ей только легковесный характер. Не скупясь на отрицательные эпитеты по отношению к большинству коммунаров, автор необдуманно подчеркивает, что в дни парижских событий был только один человек, который знал, чего он хочет, и этим человеком был Тьер. Несмотря на ироническое к нему отношение, Тьер вышел у Доминика каким-то большим стратегом и политическим провидцем... Указывая вскользь, что классовая борьба имела для парижских событий доминирующее значение, он все же старается выделить основную роль личности Тьера, приписывая ему какое-то макиавелевские планы.

Доминик как будто намеренно забывает, что в борьбе буржуазии против коммунаров роль Тьера было чисто эпизодической и что весь вопрос тут заключается в объективных условиях и в отсутствии классового и целеустремленного руководства.

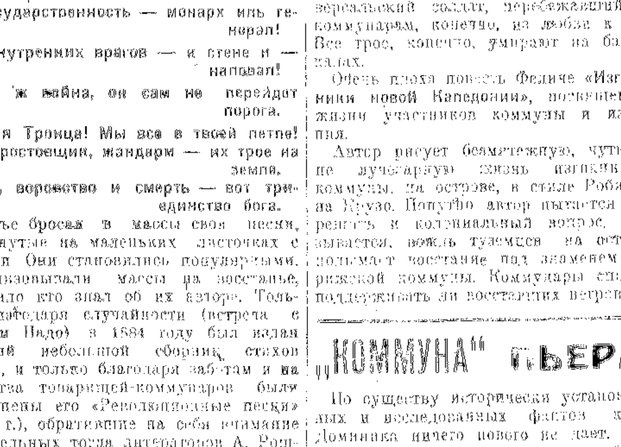
А между тем, вся первая часть книги, вернее, все три книги Доминика фактически посвящены роли этого маленького Наполеона в мещанском решете, и только с момента занятия Парижа версальцами ему частично удается создать подлинную атмосферу классовой борьбы. Перед ужасом казней, перед жестокостью и зверством, с которыми буржуазия и французская военщина расправлялись с парижским пролетариатом, он нашел настоящий выразительный язык и сумел набросать несколько потрясающих по своей патетичности картин уличных боев, сцен террора и расстрелов. Перед этим количеством жертв он заговорил человеческим языком. 40.000 расстрелянных для одного Парижа — это понятие нарисованная цифра, которую не знала ни одна революция во Франции. Буржуазия восторжествовала на ужасающей груде трупов.

Но Доминик (может быть, не столько ренегатом количеством крови, пролитой парижским пролетариатом, сколько напуган призраком наступающей социальной революции. И если он не скупился на краски и дешевый сарказм по отношению ко всем коммунарам, за исключением, быть может, Варлена, Фарже и Домбровского, то от преемников Французской революции и Парижской коммуны, от Маратов на тракторах и Делеклюзов на самолетах, пронесся не отделаешься: они его как будто по-настоящему пугают. Недаром он свой эпилог книги посвятил вождению Ленина.

И этот страх буржуазного писателя перед надвигающейся социальной революцией, несмотря на его либеральное сердолюбие за падших коммунаров, сквозит на многих страницах его книги. В этом, пожалуй, основной интерес книги Доминика.

Б. В.

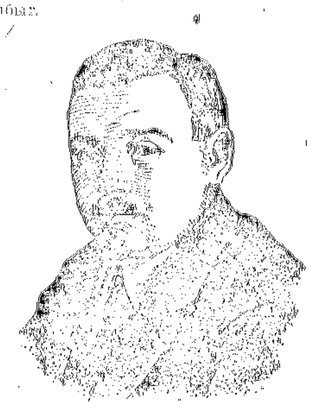
* На французском языке. Изд. Грассэ. Париж. 1930.



Пленные коммунары в погребах Версальской тюрьмы

ЛИТЕРАТУРА
ВЕНГЕРСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ
К 12 ГОДОВЩИНЕ ВЕНГЕРСКОЙ СОВЕТСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

После того как империалистическим державам удалось затопить в крови молодую венгерскую революцию, вслед за этим немедленно хлынул поток черносотенной литературы, которая всячески старалась очернить всю революцию и ее деятелей. Но эта клеветническая литература не имела никакого успеха. Даже знаменитый роман известной черносотенной писательницы Цемилия Тормай «Бегающая книга», переведенный на все европейские языки, давно забыт.



Бела Кун

Чрезвычайно характерно, что со стороны буржуазных писателей, за все 12 лет, отделявших нас от провозглашения советской власти в Венгрии, не было ни одного серьезного опыта создания хоть сколько-нибудь ценного произведения. Только изредка мелькают описания «кровавых личностей»: Белы Куна или Самуэли. И это — все...

Еще самоизмаинее молчание социал-демократов. И то и другие имеют для этого достаточно оснований. Зато эти причины замалчивания легко установить по любому из произведений венгерских писателей.

Первая повесть о венгерской революции «Красные и белые» покойного Иоганна Лекая (Дьянош Лассан), появившаяся в 1920 г., была сплошным обвинением против неслыханного предательства социал-демократов.

Через три года появился рассказ Йозефа Гетаи «Один день», где автор красочно описывает трусость и мерзость предавшего класса Венгрии, который только на силком «венского врача» — румынских оккупантов — посмел начать на Красную армию.

Кроме этого, о периоде разгула белого террора, имеется еще дневник комсомолца Петера Моора «Не сон, а явь».

Нельзя сказать, что названные произведения повлекли за собой какие-нибудь большие политические последствия. Левый, рано умерший организатор венгерского комсомола и один из основателей КИМ, пробравшийся потом в Америку, где он в отчаянной борьбе с Ку-Клукс-Кланом «нажил» себе смертельную болезнь. Он был настоящим революционером-профессионалом, и временами для писания у него оставалось очень мало, отсюда некоторая аншлагная грубость формы и художественная беспомощность, от которых ему удалось освободиться только в его позднем романе из американской жизни «Рабы и господа». Гетаи, который находился под сильным влиянием Либединского, безусловно питался механически приспособить русскую жизнь к венгерской действительности. Третий из них, Моор, хотя и имел некоторые успехи, но его тематическая узость и несовершенство обработки материала, при журналистически схематической фактуре, значительно ограничили его политически действенный кругозор.

И только с появлением Анатоля Гидаша венгерская пролетлитература обрела мощный поток свежести и вошла по подлинной целеустремленности и ударности политического * фактора. Его первый сборник стихов «В стане контрреволюции» обозначает крутой переворот в пролетлитературе Венгрии. Для того чтобы полностью понять политическую значимость появления Гидаша, надо себе всесторонне представить действительность венгерскую: шесть лет беспрерывного издевательства над революционным пролетариатом, — и вдруг, маленькая книжечка, написанная совершенно новым языком, с неведомым со времен венгерского Петефи размахом и силой воздействия на массы.

Первый роман о венгерской революции увидел свет только в 1929 году по русски и лишь год спустя вышел на венгерском языке. О нем и о первом томе «Гнев горит» Бела Иллеша. Эта книга, являясь пролетарским эпопетическим произведением венгерской литературы, приобрела уже мировое значение. Впрочем, еще до появления Гидаша, Мадарас написал несколько хороших пролетарски насыщенных стихотворений (например, «Человек») и по сей день остается в рядах венгерской компартии, Мадарас не отстает от темпов пролетлитературного движения.

В конце 1930 года появился еще один интересный роман о Венгерской революции «Героический район» рабочего Лайоша Киша. Его правдивое описание событий, богатый материал, коммунистическое мировоззрение, несмотря на некоторые длинноты, заслуживают гораздо большего внимания, чем то, которое было уделено ему нашей печатью.

Этим кончается перечень значительных произведений, посвященных первой Венгерской революции. Но, как справедливо замечает т. Бела Кун в предисловии к «Гнев горит».

«На полях, всюду... наших плугом нашего советского правительства, орошенных кровью нашей Красной армии, уже зреют семена новой революции... И вот поэтому миссия наша, пролетарских писателей, очень благодарна. Мы должны писать о нашей революции для мировой революции. Венгерская пролетарская литература уже участвует в классовом руководстве нашей революцией, и с таким сознанием мы должны продолжать писать».

Венгерские пролетарские писатели этот долг выполняют.

Тут следовало бы остановиться и на тех писателях, которые живут в условиях теперешней Венгрии, но, к сожалению, там слишком много «пролетарских» писателей, на которых стоило бы остановиться особо.

Анатоль Гидаш в своей, к сожалению, по русски еще не переведенной поэме «Второй полюсе» спасает и поддерживает с необыкновенной силой борьбу с ликвидаторами и оппортунистами.

Недавно освободившийся из тюрьмы Мелеш Кахана пишет по рукописи и находит время, чтобы уделить внимание борьбе за освобождение рабочего класса Венгрии.

Аладар Комяти, поэт дореволюционного венгерского пролетариата. Ласло Варга, Янош Балог, Иван Дьердеи, Елизавета Уйвари, Шандор Шарло и другие, — вот целая плеяда писателей, которые, каждый по мере своих сил и умения, способствуют торжеству пролетарской революции и победе над венгерской буржуазией.

ГЕЙНЦ КАГАН

А. Л ЖИЕВ

ЯВЛЕНИЕ ФАБРИКИ *

Чем больше вы ходите по Бобруйску, тем более осложняется ваше первое впечатление. Перед вами как бы два города. Один — безумный, созданный фантазией торговца и жандарма, тихое сумасшествие кирпичных коробок, сексуальная геометрия сортиров, дифференциальных и жилые дома, синагоги, магазины, гимназии, брег каменицы и лавочнической бездарности. Другой — грустная и бедная старина яблоневых садов за дощатыми заборами, широких немощеных улиц, золотых от пыли, когда на закате возвращается стадо, лирика маленьких домиков со ставнями. — провинциальная, скудная, немящая сердце игрушка затишного и тихого существования. На заре, ни вечерами, ни мыслью! Вы отрываете новые кварталы, сплошь тихие и сплошь деревянные. Гусь и свинья тощутся у подворотни. Люди сидят на скамеечках и грызут семечки. Бабы курят табунками. Улица Розы-Люксембург уходит в поле и там незаметно сходит на нет. Сильна она обернется деревней, потом хутором; отойдя хутор — глухой, — и вы уже нет хуторов, нет улицы: молодой песчаный песок Белоруссии, расплавленный серый песок, в котором ни ног нет. Один песок проводит вас за город, как вежливый хозяин провожает до двери гостя.

Дома и сады дают тон широким кварталам Минских планов и Берлинских фортштадов, растекающихся по плоскому блюду подлесной равнины. Здесь не жалеют пространства: его много. Но здесь знают только два вида сооружений: кирпич и глину. Высота отсутствует. Город стелется вдаль по земле, как змея. Это — город предместий, немощеных верст, деревянных тротуров, рассчитанных для дождя и луж. «Планы» и «фортштаты» — от кривости. Но от кривости — только пазанки. В самих улицах нет ничего строгого, ничего сознательного. Они домыслы и импровизации. Им хочется крикнуть: подбери живот! В их робкой и грустной неопределенности — все прошлое захолустной, захудалой страны. Они любили о целом свете и хотели бы, чтобы и о них никто не помнил. Посмотрите, как они застенчивы: все жилые дома, и ни одного здания для потребностей общественного человека, которые молчаливо признаются несуществующими. Мы не можем уже себе представить живого квартала без клуба, библиотеки, театра. Мы с трудом понимаем как это люди могли жить столь расплывчато в растительно. И когда мы встречаем эти лоскутные костяки городов, мы глядим на них с недоумением. Как же нужно было систематически отучать у человека его простейшие социальные инстинкты, чтобы получился такой обрубленный? со всех сторон обязательно тупичок, личинка, которая бы своей охотой зарезала в эти глухие деревянные раковины!

Мир «планов» и «фортштатов» завершался в себе. Прошлое Белоруссии замечательно в нем может быть лучше, чем в каких Минска и Полоцка, именно в силу его бесчинственности, его глухой, безлорожной, тупиковой грусти и забитости, которая рассказывает самым веским и выразительным языком о судьбе этого обездоленного, угнетенного края. За своими стенами жили — и отчасти еще живут — ремесленники, огородники, мелкие домовладельцы, учителя гимназий и синагоги,— однообразно-пестрое население городской бедноты и служилой интеллигенции. Теперь за Минским шлазом, за краем окраины, возник лесокомбинат. Тишина улиц нарушена автобусом и грузами леса, мешающих на работу для возвращающихся с нее. О, она еще не сделать эта деревянная, гулкая тишина! эта линзалась в боковые проулки, она перелезла за заборы и закопалась на ветках садовых яблонь, у нее еще нет ни единого зацепка, — за круг их встретится существенное. Но нарушен не только покой улиц, а и стиль жизни: с ним появился ритм работы, работы сторонней, чуждой их медленности.

Дома "согласно. Они лгут своими фасадами и ставнями, заборами и скамеечками. Они лгут систематически и планомерно. Они застенчиво лгать деревни и кустарники, покрывая их мечтательной лаской своей кущие мысли. Надо иначе учидеть город.

В Бобруйске, городе плодовых садов, вместо городского сада — фруктовый сад. Низкие деревья расстилают над травой широкие кроны. Тонкие, светлые стволы чередуются в педантическом и наивном порядке. На ветках висят яблоки. Освещение и тепла делают это зрелище чудным.

Но напрасно вы мечтаете пробиться. Плотная пробка людей закупорила вход. Толпа напилла на музыку, нависла на ней, как пчелиная гроздь, как огромный, сверстанный рой. Забит не только тротуар, но и мостовая. Вблизи вы видите, что рой весь находится в беспрерывном движении своих молекул, — он кипит, образуя пузыри и мелкие вихря.

Вы обходите его, делая большой круг. Вы снова попадаете в полосу мрака. Почему здесь люди так толкаются? Вот сейчас эту паротку чуть не сшибли с ног, а ведь на тротуаре места было достаточно. Ни у кого не возникает мысль посторониться, держаться правой стороны, избежать столкновения. Каждый толкает другого так, как будто хочет доказать какое-то свое право толкаться. Бобруйчанин сейчас не спешит на работу: он гуляет. Ему незнакомо чудовищное перенасыщение столпи. Ночь, залутавшаяся в листве каштанов и простенков домов, темна и тепла почти по-южному. Казалось бы, ничто не способствует разражению. А голоса резки, а доводы остры. Но это — не разражение. Это — другое. Вы прислушиваетесь к голосам: в них злоба и молодечество. Вы начинаете понимать: молодой бобруйчанин, толкая вас, показывает свою удаль, утверждает свое достоинство, делает заявку на взрослость. Он нарочно говорит слишком громко, чтобы ведь было, какой он молодец, — вы слышите это «вырвать, что надо». Он старается быть непринужденным и развязным. Ваша память вдруг отчетливо воспроизводит его образ. Это — старый знакомый. Он и прежде заливал свои печной улице. Если русский город, в числе прочих продуктов, вырабатывал хулигана, то еврейский — «босяка». Босяк в еврейском понимании — босяк особого рода. Это — человек, сошедший с рельс нормальной жизни, нарушитель норм, пустошит. Его звание рождается в бильярдной и пивной. Он бегает за девочками, он отлынивает от работы, он нахален в обращении. Это — босяк, как моральная категория. Это — то, что кажется предосудительным человеку старого закала и чем тот измеряет разложение устоев. И действительно, он возникает там, где «устои» стали расшатываться. Он — живой знак распада традиций еврейского мещанства.

Но как же еще жалуча старина, если мог сохраниться, форсить и кому-то импонировать теперь уже вовсе разнузданный и обессмысленный «босяк»! Прежде чем вывод этот предстанется нам со всей определенностью, вы вступаете в какой-то второй сад, тоже фруктовый, как все сады здесь, и расположенный в ограде бывшей церкви. Теперь он открыт для публики и в нем поставлены скамейки. На скамейках симметрично расположились парочки — по две на каждой. Темнота и условность опускают между ними занавес: они одни. Тишина, сложенная из множества шорохов и поцелуев, шепота, сырората, классическая летняя тишина свиданий и любовных стихов. Вы ориентируетесь, следуя течению дорожек, — и вот за поворотом, за тишиной и влажностью встают торжественные, как алафемы, ярко освещенные окна. Они совсем близко, наготове, надо только перейти мостовую. На темной улице с ее редкими фонарями они да еще оставленный вами позади городской сад — единственный очаг света. Как будто бы весь свет, который полагался на большую улицу, выплеснули в эти два пункта, резкая остальное досуха, до темноты. И после мрака свет звучит великолепно и патетически. Вы идете на его трубный глас — и вы оказываетесь перед двухэтажным зданием шелевой фабрики. Окна раскрыты от духоты. Электрические лампочки ослепительны. Тот же голос, который вначале гонял вас, призвал сюда на тротуар десятки людей. Положенная на уровне человеческого роста, и вы можете видеть все до мельчайших деталей, как будто бы вы находились внутри помещения. Вы не можете сказать, что больше останавливает ваше внимание: то ли, что делается за окнами фабрики, или эта толпа, прилипшая к окнам? Они беспумна в созерцательстве. Нарядна только какой-нибудь рабочий перекинется словами с ненадежным или как знакомым и устоится о встроение. Это — не толпа, это — любопытные, а заинтересованные люди.

Вредине захватывает их и, вероятно, кажется немного фантастичным. Вольнобалый пока одним движением производит то, на что несколько поколений понадобилось бы, по крайне мере, несколько часов. Он моделирует, как глину, огромную кипу материи: несколько десятков брюк или пальто вымываются сразу к бытию. Скольжения его легки и великолепны, ему это не стоит никакого труда. Сопротивление материала уничтожено, инерция и плотность перестали существовать. Это рождает уважение и зависть.

Ничто не имитирует так, как усердение обученных, хорошо знакомых процессе труда. Когда работа, в которой участвуется движения пальцев, суть искусных, но незаметно ограниченных в своей быстроте и точке, когда труд, которому как будто сама природа велела быть ручным и медленным, становится механическим и получает эту легкую, несоизмеримую ни с чем живым стремительность, редко кто удерживается от возгласа удивления. Показание этим же людям работу ремешочек или мелкинный набор, — они поразят их гораздо меньше, потому что большая часть из них никогда не видела типографии и не знает, как производится набор вручную. У них нет масштабов для сравнения. Грандиозность химического завода или электростанции внушительная и для человеческого, не имеет пробела в ручном труде. Она воспринимается так же, как астрономические цифры, потенциальность которых не может быть ничем представлена. Расстояние до Венеры кажется нам больше, чем расстояние до луны, потому что оно конкретнее: 10.000 км. и две недели пути на морском борте.

Работа паровой мощи кажется, а вовсе не ту стоящей в веках. В каждом еврейском городе едва ли не каждый четвертый сын занимался портняжным делом: ведь это серьезный город, город портных в шике.

Он говорит о том, что ремесленник с радостью пойдет на фабрику, потому что у него нет будущего, да и настоящее непригляднее. Он говорит об скромной тяге в город из глухих углов Полесья, о людях, которые годы сидели без работы, о ремесленниках, занимающихся земляникой, о бывших мелких лавочниках, согласившихся на самую черную работу, лишь бы остаться в городе. Он говорит о нашем советском правительстве, орошенных кровью нашей Красной армии, уже зреют семена новой революции... И вот поэтому миссия наша, пролетарских писателей, очень благодарна. Мы должны писать о нашей революции для мировой революции. Венгерская пролетарская литература уже участвует в классовом руководстве нашей революцией, и с таким сознанием мы должны продолжать писать».

Венгерские пролетарские писатели этот долг выполняют.

Тут следовало бы остановиться и на тех писателях, которые живут в условиях теперешней Венгрии, но, к сожалению, там слишком много «пролетарских» писателей, на которых стоило бы остановиться особо.

Анатоль Гидаш в своей, к сожалению, по русски еще не переведенной поэме «Второй полюсе» спасает и поддерживает с необыкновенной силой борьбу с ликвидаторами и оппортунистами.

Недавно освободившийся из тюрьмы Мелеш Кахана пишет по рукописи и находит время, чтобы уделить внимание борьбе за освобождение рабочего класса Венгрии.

Аладар Комяти, поэт дореволюционного венгерского пролетариата. Ласло Варга, Янош Балог, Иван Дьердеи, Елизавета Уйвари, Шандор Шарло и другие, — вот целая плеяда писателей, которые, каждый по мере своих сил и умения, способствуют торжеству пролетарской революции и победе над венгерской буржуазией.

ГЕЙНЦ КАГАН

Чем больше вы ходите по Бобруйску, тем более осложняется ваше первое впечатление. Перед вами как бы два города. Один — безумный, созданный фантазией торговца и жандарма, тихое сумасшествие кирпичных коробок, сексуальная геометрия сортиров, дифференциальных и жилые дома, синагоги, магазины, гимназии, брег каменицы и лавочнической бездарности. Другой — грустная и бедная старина яблоневых садов за дощатыми заборами, широких немощеных улиц, золотых от пыли, когда на закате возвращается стадо, лирика маленьких домиков со ставнями, — провинциальная, скудная, немящая сердце игрушка затишного и тихого существования. На заре, ни вечерами, ни мыслью! Вы отрываете новые кварталы, сплошь тихие и сплошь деревянные. Гусь и свинья тощутся у подворотни. Люди сидят на скамеечках и грызут семечки. Бабы курят табунками. Улица Розы-Люксембург уходит в поле и там незаметно сходит на нет. Сильна она обернется деревней, потом хутором; отойдя хутор — глухой, — и вы уже нет хуторов, нет улицы: молодой песчаный песок Белоруссии, расплавленный серый песок, в котором ни ног нет. Один песок проводит вас за город, как вежливый хозяин провожает до двери гостя.

Дома и сады дают тон широким кварталам Минских планов и Берлинских фортштадов, растекающихся по плоскому блюду подлесной равнины. Здесь не жалеют пространства: его много. Но здесь знают только два вида сооружений: кирпич и глину. Высота отсутствует. Город стелется вдаль по земле, как змея. Это — город предместий, немощеных верст, деревянных тротуров, рассчитанных для дождя и луж. «Планы» и «фортштаты» — от кривости. Но от кривости — только пазанки. В самих улицах нет ничего строгого, ничего сознательного. Они домыслы и импровизации. Им хочется крикнуть: подбери живот! В их робкой и грустной неопределенности — все прошлое захолустной, захудалой страны. Они любили о целом свете и хотели бы, чтобы и о них никто не помнил. Посмотрите, как они застенчивы: все жилые дома, и ни одного здания для потребностей общественного человека, которые молчаливо признаются несуществующими. Мы не можем уже себе представить живого квартала без клуба, библиотеки, театра. Мы с трудом понимаем как это люди могли жить столь расплывчато в растительно. И когда мы встречаем эти лоскутные костяки городов, мы глядим на них с недоумением. Как же нужно было систематически отучать у человека его простейшие социальные инстинкты, чтобы получился такой обрубленный? со всех сторон обязательно тупичок, личинка, которая бы своей охотой зарезала в эти глухие деревянные раковины!

Мир «планов» и «фортштатов» завершался в себе. Прошлое Белоруссии замечательно в нем может быть лучше, чем в каких Минска и Полоцка, именно в силу его бесчинственности, его глухой, безлорожной, тупиковой грусти и забитости, которая рассказывает самым веским и выразительным языком о судьбе этого обездоленного, угнетенного края. За своими стенами жили — и отчасти еще живут — ремесленники, огородники, мелкие домовладельцы, учителя гимназий и синагоги,— однообразно-пестрое население городской бедноты и служилой интеллигенции. Теперь за Минским шлазом, за краем окраины, возник лесокомбинат. Тишина улиц нарушена автобусом и грузами леса, мешающих на работу для возвращающихся с нее. О, она еще не сделать эта деревянная, гулкая тишина! эта линзалась в боковые проулки, она перелезла за заборы и закопалась на ветках садовых яблонь, у нее еще нет ни единого зацепка, — за круг их встретится существенное. Но нарушен не только покой улиц, а и стиль жизни: с ним появился ритм работы, работы сторонней, чуждой их медленности.

Дома "согласно. Они лгут своими фасадами и ставнями, заборами и скамеечками. Они лгут систематически и планомерно. Они застенчиво лгать деревни и кустарники, покрывая их мечтательной лаской своей кущие мысли. Надо иначе учидеть город.

В Бобруйске, городе плодовых садов, вместо городского сада — фруктовый сад. Низкие деревья расстилают над травой широкие кроны. Тонкие, светлые стволы чередуются в педантическом и наивном порядке. На ветках висят яблоки. Освещение и тепла делают это зрелище чудным.

Но напрасно вы мечтаете пробиться. Плотная пробка людей закупорила вход. Толпа напилла на музыку, нависла на ней, как пчелиная гроздь, как огромный, сверстанный рой. Забит не только тротуар, но и мостовая. Вблизи вы видите, что рой весь находится в беспрерывном движении своих молекул, — он кипит, образуя пузыри и мелкие вихря.

Вы обходите его, делая большой круг. Вы снова попадаете в полосу мрака. Почему здесь люди так толкаются? Вот сейчас эту паротку чуть не сшибли с ног, а ведь на тротуаре места было достаточно. Ни у кого не возникает мысль посторониться, держаться правой стороны, избежать столкновения. Каждый толкает другого так, как будто хочет доказать какое-то свое право толкаться. Бобруйчанин сейчас не спешит на работу: он гуляет. Ему незнакомо чудовищное перенасыщение столпи. Ночь, залутавшаяся в листве каштанов и простенков домов, темна и тепла почти по-южному. Казалось бы, ничто не способствует разражению. А голоса резки, а доводы остры. Но это — не разражение. Это — другое. Вы прислушиваетесь к голосам: в них злоба и молодечество. Вы начинаете понимать: молодой бобруйчанин, толкая вас, показывает свою удаль, утверждает свое достоинство, делает заявку на взрослость. Он нарочно говорит слишком громко, чтобы ведь было, какой он молодец, — вы слышите это «вырвать, что надо». Он старается быть непринужденным и развязным. Ваша память вдруг отчетливо воспроизводит его образ. Это — старый знакомый. Он и прежде заливал свои печной улице. Если русский город, в числе прочих продуктов, вырабатывал хулигана, то еврейский — «босяка». Босяк в еврейском понимании — босяк особого рода. Это — человек, сошедший с рельс нормальной жизни, нарушитель норм, пустошит. Его звание рождается в бильярдной и пивной. Он бегает за девочками, он отлынивает от работы, он нахален в обращении. Это — босяк, как моральная категория. Это — то, что кажется предосудительным человеку старого закала и чем тот измеряет разложение устоев. И действительно, он возникает там, где «устои» стали расшатываться. Он — живой знак распада традиций еврейского мещанства.

Но как же еще жалуча старина, если мог сохраниться, форсить и кому-то импонировать теперь уже вовсе разнузданный и обессмысленный «босяк»! Прежде чем вывод этот предстанется нам со всей определенностью, вы вступаете в какой-то второй сад, тоже фруктовый, как все сады здесь, и расположенный в ограде бывшей церкви. Теперь он открыт для публики и в нем поставлены скамейки. На скамейках симметрично расположились парочки — по две на каждой. Темнота и

„СТАРИК ОБОЖАЛ ИСКУССТВО"

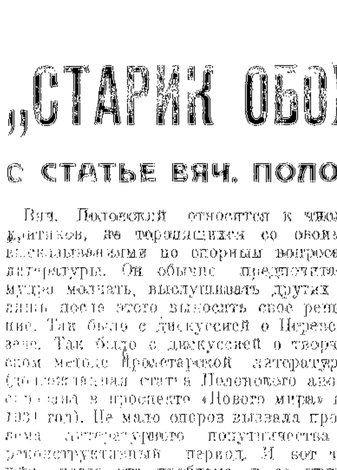
С статье Вяч. Полонского „КОНЦЫ И НАЧАЛА"

Вяч. Полонский относится к числу критиков, не торопящихся со своими высказываниями по острым вопросам литературы. Он обычно предпочитает много молчать, выслушивать других и лишь после этого выносить свое решение. Так было с дискуссией о Перевале. Так было с дискуссией о творческом методе пролетарской литературы (достаточно сказать, что статья Полонского вышла в журнале «Нового мира» лишь в 1931 году). Не мало опозов вызвала проблема литературного попутничества в реконструктивный период. И вот теперь, когда эта проблема—в ее принципиальной постановке — немного прояснена, Ив. Полонский выступает в № 1 «Нового мира» со статьей под интригующим заголовком: «Концы и начала». Заметки о реконструктивном периоде советской литературы.

Однако, медлительность Вяч. Полонского в обогащении своей точки зрения на страницах печати, мешает

Рис. К. Елисеева

„МУЗЫ РЕВОЛЮЦИИ"



„Их голос груб, руки мускулисты, а кожа покрыта загаром и пылью"...

быть объясненной различными причинами (например, тем, что Полонский—«старого медицинского по темпу», как формулировала анекдотическая анкета одного из кабинетов при клубе ФОСП), в малой мере напоминает вылет небезызвестной совы Минервы при наступлении сумерек. Как известно, почтенная птица отличалась вескостью выводов и правильностью доводов. Этого, к сожалению, нельзя сказать о Полонском.

Первое впечатление, которое получает читатель от «Концов и начал», сводится к тому, что Полонский вступил в свой реконструктивный период. Он взялся,—пусть не ново для читателя, но необычно в таком жанровом контексте,—мыслить по поводу реконструктивного периода и высочайшего права корней капитализма. Нарушив свои традиции, он изложился классово-решительно и классово-не примиримо, он отказывается от свойственного ему либерально-меценатского подхода к литературной действительности, — «третьего не дано,—заключает он свою статью критиком к попутнической литературе. Рафинированное гурманство и снобизм как будто покинуты им. Он пишет о «музах эпохи» так: «их голос груб, руки мускулисты, а кожа покрыта загаром и пылью". Образ «мускулистых рук» рефреном проходит через всю его статью. Нетрудно догадаться, как думает сам Полонский. Поэтому можно было бы простить некоторую... неуклюжесть ряда определений, например: «В корне изменилось положение женщины. Из объекта «страсти нежной» она превращается в деятельного субъекта этих страстей». Заявления о том, что Октябрьская революция «непосредственно не затронула глубоких и коренных установок интеллигентского мировоззрения», можно было бы объяснить... нелепостью пера. К таким же нелепостям пера можно было бы отнести определение поэзии Клюева, как «тихого (!) ублажительства (!!)». Многое можно было бы простить Вяч. Полонскому, если бы... если бы внимательный читатель не различил за «мускулистыми руками» наскоро ложной, лишь переводящей на площадку, прежней концепции Полонского.

Вяч. Полонский поставил перед собою задачу дать широкий литературно-политический разрез нашего литературного сегодня, обнажить основные тенденции литературных явлений и определить для всех генеральные прогнозы. Очень внимательно вам автор уделил времени буржуазной и попутнической литературе. На них-то мы и остановимся, обязав на сей раз молчанием и на попутчиков места замечания Полонского, посвященные литературе пролетарской и крестьянской.

Определить «концы» и «начала» в попутнической литературе, — это и значит определить тенденцию классовой борьбы в ней, схватку старого и нового, сопротивление капитализма и социализма. Нельзя сказать, что Полонский качество забывает о классовой борьбе. Нет, он помнит о ней, но помнит «в меру»—в меру необходимости дать те или иные антитетические детали и создать «классово-нейтральную» фразеологию.

Всегда всего, крайне примечательно определение Полонским роли и места искусства в период развернутого социалистического наступления. Интересно тут еще раз подчеркивает, что есть «вечное» искусство, что не все музы изменяют при разводе пушек, что некоторые музы предлагают товарищу и даже союзу в борьбе (музы с «мускулистыми руками»). По такое заключение есть лишь дань фразеологии. Общий тон у Полонского—явно расслабленный и извиняющийся. «Что я могу поделать? Искусство страдает, но таков закон революции»,—как бы бормочет он. «Когда говорят пушки, молчат музы», — приводит он известный афоризм, а тут же заявляет: «поправляет его: «до» в нем—время пик». И в другом месте: «Когда стоит вопрос о всеобщей мере, «шепот, робкое дыхание» могут подождать. От этого не страдают лирики и даже сама конъюнктура? Что ж делать. Закон революции—высший закон». Что же касается приведенных примеров, то «в каждую эпоху Ф. Тютчев был бы несчастным человеком. Фет умел бы в молчание».

Мы не думаем, чтобы переживающий в наши дни Фет «умел бы в молчание». Его «муза» обращена к «роблому дыханию» жизни этим своим лицом, которого не различил критик. Такие «музы» могут петь тогда, когда им одет на рот «намордник» самодержца. В практических случаях они говорят — и еще как! Эмигрантское творчество М. Цветаевой и Бунина дают тому блестящие образцы. Вот почему никакого ущерба для искусства диктатура пролетариата не приносит. Искусство революции (если пользоваться этим расплывчатым и условным термином) не терпит, а выигрывает от выпадения из него эпигонов Фета, ибо только оно, это искусство, подлинно в революционную эпоху. Отмирает не сословная часть искусства,— отмирают рудиментарные отростки его, бесполезные и даже вредные для искусства в условиях осуществляющегося социализма. Следуя логике Полонского, следовало бы сказать: «Страдает сама наука,—что же поделаешь? Страдает сама философия. Но таков закон революции». А между тем ни наука, ни философия, ни искусство отнюдь не «страдают»: они лишь очищаются от Кольцовых, от Лосевых, от Марии Цветаевых. Экая беда!

Однако, типичный вид Полонского никак не случаен,—он закономерно вытекает из его общего представления о ходе литературного развития. Полонский не может не понимать, что искусство одного класса сменяется искусством другого класса, одна классовая идеология в искусстве — другой, но у него нет понимания того, что в определенные эпохи один классовый отряд искусства представляет линию прогрессирующего вырождения и распада, в то время как другой отряд единственно представляет восходящую линию, подготовляющую «новый шаг в художественном развитии человечества» (Ленин). Не понимая этого, Полонский дает извращенное представление о принципах классовых действий в советской литературе, об отличии буржуазной литературы от попутнической.

«Тема о старом и новом человеке — центральная тема советской литературы... Именно по этой линии нетрудно провести разграничительные черту между литературой буржуазной (и новобуржуазной), попутнической и пролетарской».

1. «Буржуазная и новобуржуазная литература целиком на власти старого человека. Она живет не новым опытом, но запасом давних впечатлений, инерцией, традициями ушедшей эпохи».

2. В попутнической литературе «уже происходит борьба с традицией».

3. И, наконец, в пролетарской литературе, «традиция» преодолевается.

Чем же характеризуется старый человек в определении Полонского?

«Старый герой был индивидуалистом... Любил продаваться размышлениям... Стремился познать мир... Говорил: мир и я, противопоставляя себя миру... Много времени отдавал личным чувствам, личной жизни, поискам личного счастья... Старик любил удариться в сентиментальность, всплакнуть над книжкой... Вселенский разум, поглощенный вместе с тем бессознательному, загадочному, тайному, незнакомому... Был эстетом... Обожал искусство независимо от того, куда оно шло»... Таков этот старый человек, старый герой литературы, модернизированный Карамзин, мечтатель-индивидуалист. «Часы его сочтены. Он сходит со сцены как центральная фигура литературы,— вещает Полонский.—А рядом с ним, приемля течений плеток с князьями, уходит и старая героиня», его подруга жизни».

Какой «текучайший» образ! Но какое отношение он имеет к классовой борьбе в литературе? Разве этот герой живет в буржуазной (и новобуржуазной) литературе? Разве этот герой вдохновил урканского контрреволюционера Иванчина в романе «Чьи силы», или Замятина и «Мы», или Пильняка в «Красном дереве»? Разве буржуазная знать-ность в литературе—в том, что писатель отстаивает право на сентиментальность, а не в том, что буржуазная литература, активизируясь, является агентурой мирового империализма, организационной идеологических диверсионных актов, трибуной контрреволюции? Протестатят ли бы своей поверить защиту своих интересов в литературе... Полонскому, если бы в ней врагом социализма был сентиментальный старик, безобидный чудак, от которого пахнет нафталином и который грустно («Тончайший платок!») уходит в историческую сцены. Разумны, интервенты, кредиторы—это в политике. А в литературе их соответствуют «старики», «обожающие искусство» и «любящие всплакнуть над книжкой». Так изображает дело Полонский.

Но может быть мудрая схема Полонского поможет нам разобраться в попутнической литературе? Мы усталости, какие черты присущи «старику». Установим теперь, чем характеризуется «молодой»?

Ну, конечно, новый герой лишен «вкуса к индивидуализму», он хочет перестроить мир, он «не знает, что такое сентиментальность. Он суховат, жестокосат, не любит отрываться от действительности, хотя раздвигает ее пределы дальше тех, о которых мечтал его предшественник... Он рационалист по преимуществу... Он «относится к искусству критически». Иными словами, «там, где его предшественники ставили знак плюс, он ставит минус». Именно он входит в творчество попутчиков, единоборствуя со «старичком», и целиком воплощается, по утверждению Полонского, в пролетарской литературе.

Забудем на минуту, что у него нет «вкуса к индивидуализму», и постараемся припомнить, кого из героев попутнической литературы он напоминает. Сомнений нет. Это—купец Савелий из «Трансвааля» Федина. Восставший теперь его антииндивидуализм. «Молодой» становится делягой Бабичевым из «Самого» Олеши. То, что Полонскому показалось «новым героем», было лишь проекцией буржуазных влияний на попутническую литературу. От былых своих либерально-эстетических увлечений Полонский повернулся на сто восемьдесят градусов, и «жестокосатого» и «суховатого» дельца преподнес в «новом герое». Сложный переплет классовых сил, воздействующих на литературу, «вырван» из поля зрения Полонского.

Возьмите, например, разобраться при помощи этого мерила в таких произведениях, как «Средний Проспект» М. Слонимского или «Авдотьино» Н. Тихонова. И немудрено поэтому, что Полонский рассматривает процессы, происходящие в советской литературе в реконструктивный период, под углом зрения мифических «традиций», «гуманизма», «психологизма» и т. д., якобы существующих и нужных и держащих в плену добрую долю попутчиков,—да и не только их. Даже на «Разгроме» Фадеева, утверждает Полонский, еще чувствуется влияние этих традиций. Возможно ли, однако, сравнить гуманизм Белинского с «гуманизмом» защитника кулака или интервента? Можно ли без тени юмора говорить здесь о наличии преемственной линии развития?! Можно ли всерьез заявлять о том, что борьба классов в литературе сводится к борьбе двух тенденций — продолжения «литературных традиций» и отталкивания от них? Полонскому может казаться, что подобная концепция основана на учете специфики литературы, которую якобы забывают «молодые пролетарские критики». Но никакого понимания литературной специфики тут нет, а есть лишь дилетантская барская болтовня.

Попутничество переживает сейчас наиболее трудный период перестройки. Думающие, что путь превращения попутчика в литературного сознательного может быть пройдет «в два счета», ошиблись. Участие в писательских бригадах и современной тематике само по себе ничего не решают и могут стать отпиской и отговоркой, если работа по перестройке не сопровождается глубоким переосмысливанием своего отношения к миру, переделкой всего мировоззрения. Мы вошли в такой период литературного развития, когда стабилизация попутнических колебаний («не то, мол, я попутчик, чтобы колебаться») начинает означать уход в лагерь буржуазной литературы. Различные оттенки левого крыла попутничества различными дорогами приходит в лагерь литературных союзников. Но к счастью для советской литературы, не один из этих отрядов не движется по «суховатому» и «жестокосатому» маршруту, намеченному Вячеславом Полонским.

Рассыпав перед попутчиками букет любезностей, Полонский кончил тем, что оставил их перед разбитым корытом. Проблема будущего очень остро стоит перед ними. Две исторические перспективы тут возможны: переход на позиции пролетариата и врастание в литературу социализма, либо уход из литературы вообще. Есть все основания утверждать, что основной массой попутнической литературы—без попутчиков прежнего периода, эволюционирующих в сторону буржуазии, без приспособленцев и приспособленцев — пойдет по первому пути. Другого взгляда придерживается Полонский. «Иные из попутчиков могут бесконечно близко подойти к пролетариату. Для некоторых возможен даже переход на пролетарскую точку зрения». И—для крепости—он повторяет слова: «для некоторой части попутчиков — наиболее талантливых, наиболее честных, наиболее искренних революция и пролетариату — не невозможна перспектива окончательного перехода на точку зрения пролетариата».

Не невозможна! Для некоторых! Для иных! В порядке исключения! А как же быть с основным ядром левонопутнической литературы? Какая же уготована для него печальная судьба!

Печальная? Нашего подобного! И тут мы возвращаемся к началу статьи, к «новому и рабочему дыханью». Сейчас не до того,— утверждает Полонский,— сейчас говорят пушки. Готтен был бы глубоко несчастен. «Не пробил час, когда пролетариат может сделать из «звуки сладкие и молитвы») литературным орудием своего наступления». Такой час пробьет. И тогда к месту придутся и «покой», и «робкое дыханье». Вы еще пригодитесь!—вспомнает сверхчувственное робкое дыханье, говорит Полонский попутчикам, сопротивляющимся перестройке, угрожая им в этом от противления.

Таков объективный, независимый от самых лучших намерений Полонского, вывод из его рассуждений.

***

«Никакого нового искусства не будет и не может быть вне того и помимо того нового, что приносит с собой революция. «Концы» и «начала» непримиримы. Третьего не дано».

Так заканчивает свою статью Вяч. Полонский.

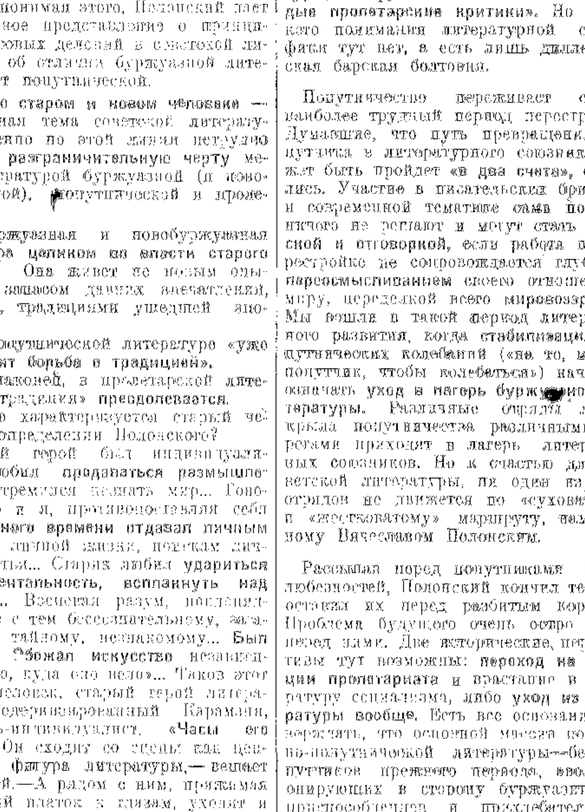
Мы уже видели, о каком «покое» и о каком «старом» шла речь.

Мы—словами Полонского—определили сущность «концов» и «начал».

Мы установили, что отщепенцам в вопросах литературы (и в анализе литературы попутнической в частности) спутывает все действительные перспективы и линии размежевания, пролетариат переходит к наступлению, сметающее все, что мешает ему. Сомнений нет. Это—купец Савелий из «Трансвааля» Федина. Восставший теперь его антииндивидуализм. «Молодой» становится делягой Бабичевым из «Самого» Олеши. То, что Полонскому

Рис. К. Елисеева

„КЛАССОВЫЙ ВРАГ"



„Старик обожал искусство"...

„СПЕКТОРСКИЙ" Б. ПАСТЕРНАКА

Как известно, Б. Пастернак работает над «Спекторским» несколько лет. Он закончил его прошлым летом, после значительной переделки.

На днях, после авторской читки, «Спекторский» был обсужден на собрании, созванном в ГИХЛ редакцией отдела поэзии.

Новая вещь Пастернака, которую И. Уткин называет романом в стихах, автор — стихотворной повестью, а Мих. Светлов — не романом и не повестью, а «большим количеством хороших стихов на одну тему», — вызвала много сомнений на внутриредакционных совещаниях в ГИХЛ. Много разноречивых оценок вызвала она и на этом совещании.

*

И. Уткин отмечает в «Спекторском» наличие импрессионистских элементов, слишком нервную, психологичную поэтическую сферу, движение вглубь, которое дезорганизует. Изощренный язык «Спекторского» — лексика рафинированной интеллигенции — выдвигает вопрос:

— Куда пойдет эта вещь, по какому сердцу она ударит?

*

— У Пастернака никто ничего не может украсть, — говорит Виктор Шкловский.

— У него строка держится за строку; в следующей строке использован второстепенный признак образа из предыдущей строки и это цементирует всю вещь, держит ее внутренними скрепами. А если поэма в 1.200 строк «держится», как единое целое, — значит налицо высокое качество произведения.

*

— Вещь не должна быть только хорошей, — напоминает Михаил Светлов,—она должна быть интересной.

— «Спекторский», — говорит он Пастернаку, — это наиболее хорошая, но наименее интересная ваша вещь, она не энергична, как обычно.

И в этом смысле «Лейтенант Шмидт» — значительно выше.

*

Задачу, которую ставил себе, Борис Пастернак, работая над «Спекторским», он формулирует как стремление

— изобразить перелом очевидности, дать общую сводную картину времени, «естественную историю быта».

Нужно признать: эта задача — показать «воздух эпохи» — не решена в «Спекторском».

«Спекторский» — поэма бесспорной, очень больной, поэтической ценности. Но от изощренной вязи ее стихов веет упадком, ущербом, осенними мотивами: и не случайно давлют в «Спекторском» образы осенней природы — камель, сырость, дождь.

И этот стиль не в силах передать «воздуха» нашей эпохи.

Д. КАЛЬМ

УДАРНИК ПРОЛЕТАРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В ПОМОЩЬ УДАРНИКАМ СОВЕТСКОГО ТРАНСПОРТА

ЛИТБРИГАДА ТУЛЬСКОЙ АПП НА ТРАНСПОРТЕ

Транспорт болен. Транспорт мешает выполнению поставленных задач. Больны пути, паровозы, составы, цехи, депо. И люди больны, не умеющие перестроить транспорт. Страна забила тревогу. Брошены лучшие силы партии и рабочего класса на ликвидацию прорыва на транспорте. Пролетарии Тулы бросили ударные бригады из ударников оружзавода, патронзавода и других. Штурмовые бригады брали приступом депо, насыпи дороги, товарные дворы и тупики. Бригады овладевали сердцем транспорта — паровозом. Прорыв под натиском бригад сдавал одну за другой позорные позиции. В этом штурме участвовала первая литературная бригада тульской АПП. В бригаду вошли рабочие-писатели тульских заводов. Для бригадников, работа на транспорте была первым творческим опытом.

Опыт удался. Бригада после ряда выездов на транспорт дала местной печати четкий рабкоровский материал о прорыве в штурме. Бригада стихами, лозунгами, частушками и эпиграммами дралась за здоровый транспорт. Бригада поставила себе задачей выступления на рабочих собраниях, в клубе в цехах и проведение призыва ударников в литературу.

Ниже мы печатаем материал бригады. Опыт тульской бригады должен стать достоянием всех рапповских организаций.

Лучшие силы ударников-рапповцев должны быть брошены на транспорт.

ПЕЧАЛЬНЫЙ ФАКТ

1 марта поезд с маршрутом на Москву был, несмотря на протесты машиниста, направлен начальником станции ТУЛЫ в... Ясную Поляну.

Путь в атаку штурм берет,
Мы побеждаем бездорожье,
Но... кто-то там опустую бьет,
И штурм — трудней, дороже.

Какой-то глупый гравмастак,
По злобе, сдуру, или спьяну,
Прочев «в Москву», сказал: «Ах, так,
Катитесь в... Ясную Поляну».

Печальный факт, хоть прямо плачь,
Но спим не втоит пить тут много:
Коль дураком гуляет «нач»,
Так... поумнеть должна дорога.

ЛИТБРИГАДА ТАПП НА ТРАНСПОРТЕ

О БОЛВАНКАХ

В токарном цехе депо ст. Тулы рабочие получили чертежи деталей без указания размеров.

Шпиндель вместо готового литья делается из... болванок.

— Да чертань, Вась, такой чертеж?!
— Да чертань, Митрич, нажамеры?!
— Ни капли... мать, не разберешь!
— Ну, дело... мать, да где ж размеры?!
— Вот муки, братец. «Шпинделек
Точить придется из болванки»...

Кто транспорту наносит рамы
Болванки, или же... болваны?!

ЛИТБРИГАДА ТАПП НА ТРАНСПОРТЕ

ТРЕВОГА

Крик разорвался
взрывом фугаса,
Красной тревогой
руда бездорожья:

— «Откройте ворота
углю Донбасса,
Ворота откройте
руде Криворожья».

Горы угля
на полуночных шахтах,
Рыжей руды
в эстокадах завал...

Транспортник, ты
большевистскую вахту,
Ты пятилетку
два года проспал.

Рвется
в вокзальные двери тревога,
Мечется в строчках
газетной заметки:

— «Дайте дорогу,
дайте дорогу
Мощному транспорту
пятилетки»...

Транспорт сутулит
строительству плечи,
Домны бросает
и в холод, и в жар...
Видишь, как плохо
и медленно лечит
Наши составы
ремонтный пар?
Видишь, как горы
прекраснейшей стали,
В длинный черед
из-за транспорта встали?
Рвется тревога
разрывом фугаса:
— «Откройте ворота
руде Криворожья,
Ворота откройте
углю Донбасса».

ЛИТБРИГАДА ТАПП НА ТРАНСПОРТЕ

„ХАТА С КРАЮ"

БИБЛИОТЕКИ НЕДООЦЕНИВАЮТ ТВОРЧЕСТВА РАБОЧИХ УДАРНИКОВ

РАПП перестраивает свою работу, ставя во главу угла воплечение рабочего ударника в литературу; растут творческие литературные кружки на производстве; хозяин страны—пролетарий—смело входит в мало знакомую до сих пор область.

Издательством ВЦИКС выпущена дешевая серия первых книжек рабочих-ударников, которым посвящена уже не одна критическая статья, не один десяток решений. Задача библиотек широко популяризировать книги рабочего читателя эту серию книжек, но большинство московских библиотек пробывает в невежестве относительно значения книжек ударников, в самого признания.

Так клубе металлистов завода имени Калинина и завода «Металлоштамп» литературой заведует исправно работает уже несколько месяцев, а библиотека лишь собирается устроить полку литкружковцев, где будут выставлены и книжки ударников.

Зав долго роется на полках и в своей памяти. Он радостно извлекает сборник «Донбасс ударный» и... воспоминание о том, что «при организации выставки как будто фигурировали и книжки ударников».

Иначе работает библиотека клуба «Каучук». Библиотека привлекла активное участие в организации литкружков, широко популяризуя книжки ударников. Серия, названная ВЦИКС, была закуплена библиотекой в большом количестве и благодаря своей доступности быть бесплатно розданы по цехам.

Меньший размах работы имеет библиотека фабрики «Москвошвей № 3», но и здесь книжкам ударника оказывается должное внимание.

В библиотеках районного масштаба сложнее и рядом по масштабу знают о книжках ударников. Так обстоит дело и в Арбатском филиале Московской областной библиотеки. Оказывается отсутствие связи с производством, с рабочими литкружками. На полках и в шкафах библиотеки им. Ключевского (Пречистенский район) книжки ударников имеются, но дальше индивидуального обслуживания читателя работа не идет. Рекорд побила библиотека Краснопресненского районного дома комсомола. Заведующая «не знала» о существовании серии книг, выпущенных ВЦИКС, несмотря на то, что в этой же комнате против стола зава помещается районный штаб по призыву ударников в литературу!

Вывод ясен: недооценка библиотеками литпродукции рабочего ударника, является тревожным симптомом. Библиотечным работникам следует обратить самое серьезное внимание на литпродукцию этого прорыва.

М. Б.

ПРОРЫВ В ГИХЛ

ОБ'ЕКТИВНЫЕ ПРИЧИНЫ НЕ УМАЛЯЮТ ВИНЫ ПРАВЛЕНИЯ

БЕЗОТВЕТСТВЕННОСТЬ И БЮРОКРАТИЗМ НА ФАБРИКЕ КНИГИ

С каждым днем увеличиваются кадры читателей, расширяется кругозор рабочего читателя и его потребность в идеологически близкой, грамотно изданной и технически хорошо оформленной книге. Издание, продвижение и пропаганда книги — это ответственный участок фронта культурной революции.

Конь процентов промфинплана

Создание объединения государственного издательства художественной литературы должно было немедленно улучшить работу фабрики книги.

Что же мы имеем в ГИХЛ? Не только прорыв в планировании, но и тяжелый кризис, в связи с урезкой бумажной нормы, проведенная ОГИЗ. Конечно, ссылкой на «объективные причины», ни в какой мере нельзя оправдать прорыв ГИХЛ. В самом аппарате издательства не умеют бюрократизм, формализм, безответственность, отставание от темпов и задач реконструктивного периода.

На 1931 г. ГИХЛ имеет на книжную продукцию 160 млн. листов-оттисков, в отдел современной русской литературы — 7,3 млн. В то же время, в первый редакционный план на 1 января 1931 г. 25 млн. листов-оттисков. От Книготреста имелся уже заказ на перевыполнение 5.815 тыс. листов современной русской литературы (это только 30 проц. плана заказов).

При такой годовой бумажной норме отдел современной русской литературы абсолютно лишен возможности реализовать намеченный у него редакционный и производственный портфель, что ставит издательство перед необходимостью расторгнуть ряд договоров с авторами. Ведущая линия возможности печатать новые рукописи и, наконец, вопрос о переиздании даже наиболее ценных произведений откладывается на неопределенный срок.

По серии «Библиотека» редакция должна прекратить дальнейшее издание лучших изданий Пушкина, Л. Толстого, Чехова и др. И здесь ГИХЛ, не выполнив обязательства перед подписчиками, ничего не убавит.

В таком же положении находятся и школьная серия современных писателей.

Наиболее серьезный прорыв — на фронте ликбеза. За 1931 г. ГИХЛ выпустит только 30 книг художественной литературы для малограмотных, которыми удастся удовлетворить только 300 тысяч читателей-малограмотных, что составляет ничтожный процент по отношению к общему количеству малограмотных в СССР.

В результате редакция отдела современной русской литературы фактически почти не может заключить договора с авторами на новые произведения. Ряд писателей в виду невозможности печататься в ГИХЛ уходят в другие издательства («Федерация» и др.) и ставят перед редакцией вопрос о расторжении договоров.

Редакция отдела современной русской литературы, не сумев превратить ся в организационный центр писательских кадров художественной литературы, стоит перед очевидной угрозой закрытия — таков вывод даже самих работников ГИХЛ (ученого секретаря редколлегии ГИХЛ, т. Херсонской). ОГИЗ, до сих пор никак не реагировал на это.

Самый аппарат издательства до сих пор не сумел перестроиться. Об этом говорят первые сводки о выполнении редакционного плана ГИХЛ по отделу современной русской литературы за январь и февраль 1931 г. По сериям школьной библиотеки современных писателей, библиотеки малограмотных, собраний сочинений и новинок иностранной революционной литературы за январь и февраль выполнение значительно ниже 1/24 части годовой суммы. По заказам промышленной литературы выполнение за эти два месяца только 1/6 производственного задания—11 проц.

В особенно постыдное дело я с переиздавниями. В то время как школы-десятилетки, тысячи малограмотных взрослых буквально остаются без нужных им учебников и книг по литературе, издательство шлет отмеченным неоднократно рад книг, помимо обычных изданий, и в Ленинскую библиотеку ОГИЗ (5.0) и в массовой библиотеке. Это особенно подчеркивается на массовых работах редакции ГИХЛ, обследовавшего план переиздания ГИХЛ по пяти с этим, в плане переиздания ГИХЛ по заявленным числа рабочие редколлегии т. Терпсихина, нет ни одной книги из серии творчества народов СССР.

Задерживают выпуск проекта термометра

Надо отметить ненормальное отношение работников ГИХЛ к работе сектора пролетарской литературы. Здесь был на месяц задержан выпуск книг Л. Авербаха, В. Киршона, А. Афиногенова, В. Луговского и др. В частности, редакция литературоведения и критики по плану издания на 1931 год из 1.075 авторских листов предусматривает выпуск только 214 листов библиотеки «На литературном посту». Все это говорит о недооценке руководством ГИХЛ значения ведущей роли пролетарской литературы.

„Роман-газета" должна выходить

Совершенно недопустимое положение с «Роман-газетой», которая с 1931 года прекратила свое существование. Издательство «Московский рабочий» выпускало «Роман-газету» в количестве 24 номеров в год с тиражами до 100.000, а в некоторых случаях и до 250.000. «Роман-газета» располагала возможностью, в ней печатались лучшие произведения художественной литературы. Она не пускала правильные и интересные формы работы и связи с массовым читателем и имела многочисленные одобрительные отзывы рабочих.

Сокращение Госпланом бумажной нормы ГИХЛ в первую очередь ударило по «Роман-газете». Несмотря на то, что в производстве уже находятся три произведения: Ф. Гладков «Новая земля», Л. Леонов «Соть» и Г. Мелинский—«Сам-строй», ни одна из этих книг не выпущена из печати.

Рабочий редактор ГИХЛ ограничился пока только протестом против закрытия «Роман-газеты» и предпочитает поставить этот вопрос на секретариате РАПП.

«Роман-газета» должна выходить. Этого требует рабочая общественность. ГИХЛ должен провести жесткий пересмотр листажа своих изданий и найти сумму для выпуска «Роман-газеты».

Безобразный прорыв в ГИХЛ и по линии выпуска периодических изданий. За первые три месяца января-марта из 22 названий журналов ГИХЛ вышло только 4 журнала (вместо 6, а 2 журнала не вышли совсем). Из 4 журналов, вышедших в марте, только журнал ГИХЛ «Литературная учеба» вышел с февраля и остальные журналы вышли... Не лучше обстоит дело и с выпуском газет. Из 4 газет, которые должны были выйти в марте, вышла только одна газета «Литературная газета».

Наблюдается факт безответственного отношения работников ГИХЛ к печатанию. Например, книга К. Петрова «12 стульев» печатается уже третий раз. В первом случае вышла книга, во втором случае — несколько экземпляров, а в третьем случае — ни одного экземпляра. Вместо того чтобы отбивать матрицы, можно же издание уменьшить соответственно книги.

Неблагополучно в ГИХЛ на важнейшем участке — в области подбора редакторов и рецензентов.

Два года бесплодной работы

Наличие на рынке книг литературы неполноценной. Типичная книга—«Как научить ребенка читать» Ушинского, выпущенная ГИХЛ в 1930 году, не имеет ни одного рецензента, ни одного рабочего выдвиженца. Сектор совершенно не связан с рабочим редсоветом издательства. Единственное участие рабочего редсовета в работе сектора заключалось в том, что его заинтересовало предложение было несколько уже выпущенных книг.

Отсутствие партийного руководства является причиной того неблагополучия, в котором находится сектор.

Выдвинуть на руководящую работу в ГИХЛ рабочих-ударников

Все эти прорывы ГИХЛ должен ликвидировать в ближайшее время при активном участии рабочей общественности. Аппарат ГИХЛ необходимо проверить, очистив от чуждых советской общественности людей, бюрократов и формалистов и влить рабочих-ударников в его руководящие отделы.

Бригада «Литературной газеты»:
А. БИДИН (Эпилог «Соли и молот»), А. БУБЕН (автор «Соли и молот»), В. ДМИТРОВ (МАПП), Л. НИКУЛИН, Е. ГАБРИЛОВИЧ, А. КРУПНОВ («Литгазета»).

ОБЗОВИТЬ РУКОВОДСТВО СЕКТОРА „ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ СССР"

Огромный интерес представляет выработка производственного плана сектора.

Вместо того чтобы подчеркнуть тесную и плодотворную связь с РОСПП, ГИХЛ пользуется своим работником из Советских секций с целью дать представление самым приблизительным ориентировочным цифрам для составления своего плана, для включения в план книг.

Вместо того чтобы [illegible] ГИХЛ [illegible] в [illegible] ГИХЛ [illegible] в [illegible] ГИХЛ [illegible] в

Послеоктябрьская армянская литература

На докладе Н. Дабагьяна в Комакадемии

Свой доклад тов. Дабагьян построил на громадном материале, и это отразилось на стройности изложения и на четкости выводов. По-видимому все же удалось воссоздать картину исторического развития армянской литературы и состояния современной литературы Армении.

Армянская пролетарская литература, возникновение которой можно отнести к концу XIX века, когда в лице Акоп Акопяна пролетариат выступил уже как «класс в себе», смогла получить массовое развитие только после Октябрьской революции. Создание журнала «Мурч», сгруппировавшего вокруг революционную пролетарскую литературу — было в истории армянской литературы эпохой, аналогичной в роду «Звезды» в русской литературе.

Во время эпохи оживляется буржуазная литература. Писатели, которые встретили революцию резким отрицанием (Нерсесьян, Исаакьян), организуют символический «союз армянских писателей», по своей идеологии смыкающийся с устрялизацией.

Об'ективно буржуазным течением была и так называемая армянская зарубежная, этически ушедшая от русской тем, что она отрицала возможность создания пролетарской литературы будто бы только в Армении.

Рост пролетарской литературы, — от символизма и кластеризма «Мурча», — переходящей в реалистическому показу действительности, к «набирающей строго-местных, создает возможность организации группы напостовства (журнал «На литературном посту»).

Н. Дабагьян

Проблемы, которыми заняты пролетарские писатели (Акоп Акопян, Александр Араке, Ашот, Виткун, Мкртич Армен, Овик Мелкоян, Наири Зарян и др.) чрезвычайно разнообразны. Тема о революции и гражданской войне, тема нового Востока, тема новой деревни, семьи быта, тема строительства и т. д. — все это интересует и занимает пролетарскую литературу. На примере одного из крупнейших армянских писателей «армянского Маяковского» — Эгише Чаренц, который является революционным поэтическим, перестающим в пролетарского писателя, докладчик показывает, как революция часто воспринимается как разрушительная стихийная сила, что является не пролетарской трактовкой темы.

Точно так же, если сейчас в изображении Востока, армянская литература далека от буржуазного ориентализма дореволюционного периода (Рафи) и если, несмотря на некоторые формальные влияния передовой литературы, она с особым интересом относится революционному и национальному Востоком, пронизана духом интернационализма, — то многое все же, — например, в романе того же Чаренца «Страна Наири» заметен элемент к тоска по уходящей старой культуре.

Темы строительства начинают входить в литературу Армении (роман Айвазяна «На пути» — большой шаг вперед в литературе Армении), но все же рабочий еще не стал центральной фигурой армянской литературы.

В рядах выступали пролетаризации Мартин Армен, Сирав, О. Меликвян и др. М. Армен делал ряд ошибок, давая вождя в лице мелкобуржуазной группы «Ноябрь», считая ее пролетарской. О. Меликвян, говоря о Чаренце, допустил перегиб при определении его социального лица. Заключительное слово уточнило и использовало вопросы, поставленные в докладе и обсуждавшейся в прениях.

С. КАР.

Пролетлитература Узбекистана на новых путях

На секретариате ВОАПП

Пролетлитературное движение Узбекистана начало развиваться только с 1930 года. До этого времени в литературе Средней Азии были особенно сильны антисоветские буржуазно-националистские элементы. Эти элементы опирались на литературу прошлого. «Кизил-Узбекистан» — Пакет литературы этой контрреволюционной литературы и была создана узбекская АПП.

В настоящее время УзАПП об'единяет 5 местных организаций — свыше 200 человек. Принято в ряды УзАПП 82 рабочих от станка. В Ташкенте организовано 13 кружков, из них 7 узбекских.

Об этом сообщил в своем докладе на пленуме ВОАПП представитель УзАПП тов. Голодович. Выступление и прениях тт. А. Селивановский, М. Юрин, Ив. Макарьев, А. Сурков, Дабагьян отметили, что ВОАПП должен обратить серьезное внимание на работу в Средней Азии. Поставлен вопрос о широком развертывании работы УзАПП и создании Средне-Азиатской АПП.

Поэзия узбекских бакши

Зарождение на Узбекистане научный работник т. Зарифов сделал недавно в фольклорной комиссии ГАНИ доклад о печатных нам нигде Хорезмистах. Это так называемые Бакши-сказатели. Их осталось всего 27 человек. Они все неграмотны, но за последние годы научным отделом узбекской Наркомпроса и научно-исследовательским узбекским институтом записано с их слов до 60 печатных листов.

Бакши являются не только хранителями народного эпоса. В наши дни они продолжают, труппа в традиционной манере, создавать большие эпические произведения на современном материале.

Особенно интересен сказатель Отель-Пулькан. Во время империалистической войны он был мобилизован и создал затем очень интересную поэму «Мехды-Кадр Наемный работник». Ее темой послужил и ныне кулачества во время империалистической войны и местного конечных народов в 1916 году и отказ их обложенную эвакуацию. Второе произведение Отель-Пулькана «Камбеналем» (от табельщик-барака) описывает уже полную жизнь Средней Азии, — исчезнувшую эпоху, раскрепощение женщины, отношение кулачества как класса.

Другой бакши — Фани взял темой своего произведения «Отель-Хамал», победу советской власти над басмаческим движением, возглавляемым баями и духовенством. Наконец, бакши Иргаш в настоящее время создает поэму «Владимир Ильич Ленин».

Все эти произведения чрезвычайно интересны среди трудящихся Узбекистана. Было бы крайне интересно перевести на русский язык хотя бы отрывки из них.

СКАВ

Не смешно... «ВОПРОС РЕБРОМ» в Московском Театре Обозрений

Публика в «Театре Обозрений» очень снисходительна и благодушна: если смеется, то больше из вежливости, если хлопает, то чтобы поддержать падающего духом актера. Возможно, — это из уважения к тем лучшим дням на Пятницком бульваре, когда в тесном зале «Дома печати» театр показывал отличные пародии, щедрой рукой разбрасывая со вкусом отобранные шутки и остроты.

Как же так случилось, что по дороге с Никитского на Тверскую театр растерял все свои драгоценности? Мы не хотим сказать, что товарищи из Театра Обозрений вовсе лишены дарования, вкуса и выдумки. Все это, пожалуй, есть, но мелькает случайно и неожиданно, как огонек в лесу, чтобы опять потонуть в дремучей чаще скуки и безрадостности. Не надо быть гурманом от искусства, чтобы почувствовать в спектакле густой капустный запах кустарщины. Не надо быть зорким, чтобы заметить унылый дух ремесленничества, вместо творческой находчивости, легкости, свежести. Впечатление такое, что театр решил во что бы то ни стало, все три часа под гнд смешить публику. Поэтому у спектакля такая вытянутая талия, принужденное и холодное веселье. Если хотите — «три часа глазная беда театра вообще». «Театру Обозрений» пора догадаться, что он во власти «смешить» целый вечер, горазду ему хватает только на полчинку, на полтора часа, на два одиночных сезона, авансец, — увы! — театр по-детски упрямится: «Хочу быть большим!»

Во всяком случае, это очень мало со стороны театра, что он тоже отмахнулся на вопрос о кадрах, запальчиво требуя ставить этот вопрос ребром.

Публика, правда, недоумевает, где, например, связь с сатирическим монологе над отсталой школой. «Были тогда безобразные залеты: купец купил помещика продал, за края льется вино»... В чем сатирический смысл простого перечисления залет Евтушенской? Есть, товарищи, этот смысл, но для обнаружения его требуется актерское горение, не оказавшееся в Московском Театре Обозрений и оказавшееся в... Ленинграде.

Да, в ленинградском Мюзик-Холле нам довелось видеть обозрение... «Вопрос ребром» — только над другим названием. Актер Утесов сопровождает текст богатой гаммой интонаций: каждая из них — намек. «Купец купил — это взлет восторга и умиления. Зритель, начинающему уже ощущать «сель» монотона, ленинградский текст приходит на помощь. «Такие сейчас изменились нравы» — с двусмысленной иронией произносит Утесов. — «Где (саркастический залив и жест горечи) купец губит?! Сколько... заплатил»...

Есть, как видите, сатирический смысл, только направленный совсем по другому адресу.

Допустим, что это случайная обмолвка актера, после чего он снедаемый ревностью «стыдом бросать уже недосмысленное слово». Все это за них, сказанное, так сказать, вслух.

Звучная дама предлагает зрительницам, разборчиво писать в любовных письмах «твой Зина» или «твой Маня». Потуги дамы переборчиво написала в любовном письме свое имя. Ветренник не сумела впоследствии доказать свое право на алименты.

Впрочем, из уважения к столетней давности этой остроте в публике всеобщее почтительное молчание.

А вот другая острота — на тему о художественных кадрах. Художник эло высмеивает приемы «кубиста». Приятель так увлекается кубами, что не признает ничего круглого, даже блинов, потому что они — ха-ха — круглые! Блины!! Убийственная издевка над кубизмом!

Упрямый каприз «быть, как все», заставляет, конечно, нынешнего, надувшись, всячески протянуть роковые «три часа». В той же мастерской художника, мастер, еле сдерживаясь, чтоб не умереть со смеху, сует приятелю под сидение палитру с красками, но забывается, сам садится и — ха-ха-ха — начинает брюзжать. Ребром поставлен здесь вопрос о негодности наших художественных кадров!

Кстати, самое глупое и бессмысленное в пирке, когда Бим пытается выдернуть из под Бома стул, но забывается, и сам шлепается на землю. Пожалуй, автор возражает, что он не первый в мировой драматургии занимается заимствованием. До него Шекспир заимствовал у Марло, Мольер же заимствовал всему сразу у Плавта и Боккаччо, принадлежит знаменитая фраза: «Я везде беру свое добро». Театр Обозрений смело может защищаться этой фразой: он действительно берет свое добро.

В начале обозрения (и не только в начале) полторы дюжины серьезных людей изрядное время бессмысленно вертят ногами и руками. Допустим, что это такой. Может быть в чем есть какие-либо сатирические идеи? Не приметили. Вероятно, сами движения создают художественное впечатление? Никак. В таком случае, это демонстрация красивого и здорового тела? О, нет. В чем же дело? — почти сердится зритель. Все в том же: в претензии на — «целый вечер».

Критика наших недостатков в обозрениях производится почему-то всякого рода чуждыми элементами. Кто-кто, — мы не питаем уважения к этим непробным прокурорам. Пусгай критикуют «свои». В обозрении есть «школа Бридерлендова», где обучают бюрократизму, рвачеству, подхалимству: без них, оказывается, не сделать сознательной карьеры. Глупый факт, вопиющую буржуазный молодой человек добросовестно и успешно обучается подхалимству... Странно, странно. Получается, что молодой человек — благородно горд, независим, но — что поделаешь, — советская жизнь! — приходится быть подхалимом. Дурной, политически подозрительный душок в этом месте.

Порой, нет — нет, а мелькает что-то незаурядное. Маленькая девочка, бессмысленно хлопая глазками, лепечет сказку. Сатира над детскими перлами создана только актрисой — непосредственной имитацией Рины Зеленой — и режиссером Лебедевым-Кумачем, вырубившим актора... Лебедева-Кумача. В историческом музее построена дама, демонстрирует шпицы, [illegible] в старину дергали козлов противных, добавляет: «но, обратите внимание, какая филигранная работа!». Это — настоящее, это — пародия. Только почему в таком остро-дефицитном количестве? Например, эта сценка свежа и под'емна: рыцарь в блестящих кухонных доспехах, доларах и предлинных копьях («пленка плакарских колпаков»), живописные кармелиты-домохозяйки с вениками вместо кастальет... Вот почти весь актив обозрения. Жидковато. На четверть сезона, пожалуй, хватит.

Театру следует экстренно задуматься над своим будущим. Предыдущее обозрение, почится, было не лучше нынешнего. Еще два таких спектакля и придется ставить о театре... вопрос ребром.

Ю. ЮЗОВСКИЙ

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Комиссия по изучению смежных жанров Академии наук СССР (КСАН) приступила к организации специального кабинета, где предполагается сосредоточить материалы по теории и истории сатирических жанров как в мировой литературе, так и в других видах искусства.

Кабинет собирает, приобретает и берет на учет: специализированные коллекции, отдельные монографии, сборники, комплекты и отдельные номера иностранных сатирико-юмористических журналов (Lustige Blätter, Le Charivari, L'Assiette, Punch, Simplicissimus, Kladderadatsch, Ulenspiegel (1848-49-х гг.), альбомы, плакаты и пр.

Просьба ко всем учреждениям и лицам, имеющим у себя указанные материалы, поставить в известность Комиссию по адресу: Ленинград, Академия наук, КСАН, А. А. Морозову.

Академик А. В. ЛУНАЧАРСКИЙ

1931. 6 марта. Ленинград.

Извещения

* 16 марта, в 17 часов вечера, в помещении зимнего Электротеатра состоится первое заседание Комиссии МАПП по просмотру кружка «Постройки».

Явка членов кружка «Постройки» — обязательна.

* 18 марта, в 18 ч. — собрание литературы при газете «Правда» (Тверская 48, клуб рабкоров).

* 19 марта, в 19 ч., в помещении МАПП (клуб ФОСП, ул. Воровского, 52) очередное заседание Секции детских писателей МАПП. Подготовка выездного заседания секции в Бауманском районе. Творческие планы. Разбор книги Ониковой — «Мишка».

* 19 марта — в 19 ч. в помещении совместно творческого актива литкружков Советского района и редакции журнала «Молодая гвардия» (Б. Черкасский 6). К повестке дня: «Задачи поэзии в итоги производственного поэтического совещания РАПП» — доклад А. Суркова.

* 20 марта, в 19 ч. Детская секция ВССП (Дом Герцена, комната № 16).

* 21 марта, в 19 ч. в клубе ФОСП (ул. Воровского, 52) — очередное творческое об'единение МАПП «Вылостоемая смена». Об'суждение нового романа М. Шагинян «Гидроцентраль фронтом».

* 22 марта, в 19 ч. в клубе ФОСП (ул. Воровского, 52) разширенное заседание рабочего редсовета РИКП с МАПП, МОКП, ЛЕФАП и писателями. Повестка дня: 1. О правом ударчиках в литературе (доклад т. Кирпотин). 2. О работе рабочего редсовета ГИХЛ (доклад т. Панферов). На заседание приглашаются рабочие литкружков, писатели и представители редакций.

* 22 марта, в 19 ч. в ГАНИ (Волхонка, 16) — продолжение прений по докладу т. Аматлобели «Театр народов СССР». Вход свободный.

* 23 марта, в 18 ч. — вводный семинар МАПП на заводе № 1 (Лефортовское шоссе, клуб им. Авиахима).

В Сокольническом Райсоюзе комсомола (Русаковская 23) работает литературная консультация по 8, 5, 7, 13, 15, 17, 24, 25 и 27 каждого месяца с 17 до 20 ч.

ПОПРАВКА.

В № 14 «Литературной газеты» из рецензии т. Юзовского о спектаклях Театра Красной армии выпал ряд абзацев и отдельных фраз, весьма важных для понимания критической установки автора.

Ответственный редактор: С. ДИНАМОВ

РЕДКОЛЛЕГИЯ: Н. Асеев, С. Динамов, И. Жига, Л. Ильинский, И. Катаев, Г. Коренев, Н. Огнев, А. Селивановский, И. Сельвинский, М. Слонимский

ИЗДАТЕЛЬ: Акционерное Изд. О-во «Огонек»

Накануне всесоюзного производственного совещания сценаристов

За новые кадры авторов кино

Киносценаристы никогда не могли похвастать вниманием к ним со стороны кинорганизаций и советской общественности.

За последнее время в связи с сокращением программы выпуск фильм, недостаточное внимание к сценаристам заменялось их игнорированием — с одной стороны, и нашептываниями направо и налево в среде определенных групп киносценаристов, — с другой.

Мы не можем согласиться с утверждениями, будто имеется избыток сценаристов. Достаточно указать на положение в Белоруссии, где нет киносценарных кадров, где до последнего времени сценарным делом «управляли» нацмелы-демократы и... великодержавные шовинисты (см. «Рабочий театр» № 5, выступление директора кинофабрики Белгоскино), где нужно создавать кадры киносценаристов.

Москва и та не может похвастать особым обилием собственно-сценаристов. Из общего числа членов и кандидатов московской киносекции Всеросскомдрама «чистых» сценаристов (т.-е. сценаристов, пишущих только сценарии), всего 34 человек. Если учесть крайнюю необходимость специализации кинеработников, отказа от универсализма в этой области, то станет ясно, что о перепроизводстве сценаристов говорить нельзя.

Мы утверждаем, что даже сейчас, при суженном плане выпуска кинофильм, фабрики далеко не обеспечены сценариями. Сценаристов, могущих выполнить производственные планы фабрик, очень мало. Об этом много говорилось на производственных совещаниях сценаристов Ленинграда и Белоруссии.

Старое оппортунистическое — «ротинское» — руководство Союзкино тормозило развитие кинопромышленности. Новое руководство приступило к создание широкой базы для развития кино. Постройка двух фабрик кинохроник и трех фабрик кинолитературы и запасных частей к ней открывает широчайшие перспективы для развития кино. Уже сейчас требуются громадные кадры работников кинематографии, в том числе и сценаристов.

Существовал, да и существует вредный взгляд, будто «кинематографистом может стать всякий». Грубое заблуждение! Не то, что «всякий», но даже не каждый писатель-драматург может стать сценаристом без соответствующей подготовки. Сценарист должен обладать не только качествами литератора, но и специфическими знаниями. Нигде не требуется такой органической связи писателя с производством, как в кино.

Подготовка новых кадров сценаристов из призванных в литературу рабочих ударников и колхозников, переподготовка и перевоспитание старых киносценарных кадров, привлечение в кино писателей — вот очередные неотложные задачи.

Проблема творческого метода в кино ставится по-настоящему только сейчас, только теперь мы подошли к постановке вопроса об усвоении сценаристом диалектико-материалистического метода в искусстве. Говоря конкретнее, требуется марксистско-ленинское перевоспитание киносценариста.

Нельзя писать о нашей эпохе крушения капиталистического мира и строительства социализма, нельзя в будних социалистической стройки увидеть социалистическое завтра, не будучи марксистом-ленинцем, не проникнись философией пролетариата, не владея методом Маркса-Энгельса—Ленина, методом диалектического материализма.

Всесоюзное производственное совещание киносценаристов, созываемое Всеросскомдрамом, в центре внимания станет проблему киносценарных кадров. Под этим основным углом зрения будут рассматриваться стоящие на совещании вопросы.

Кино в реконструктивный период, эпохи диалектического метода в киносценарном творчестве, место сценариста на производстве, проверка выполнения решений партсовещания по делам кино, правовое положение сценаристов — все эти вопросы сводятся к одному.

— каким образом обеспечить переквалификацию старых киносценарных кадров, подготовить новые сценарные кадры из рабочей и колхозной молодежи, каким образом обеспечить кинопромышленность такими сценаристами, которые смогут дать подлинно пролетарские фильмы, которые смогут превратить кино в мощное орудие большевистской агитации, в меткое оружие культурной революции.

М. РОССОВСКИЙ

КАЛЕНДАРЬ РАБОТЫ КЛУБА ФОСП

19 МАРТА. — 20 ч. Концерт артистов радиосцентра О. Аматлобели (пение), А. Габричевской (скрипка), А. Вибернса (рояль). В программе: Вагнер, Григ, Шопен, Лист, Паганини и др.

18 МАРТА. — 19 ч. Президиум совета ОРД.

19 МАРТА. — 19 ч. Эсперантисты. Семинар пропагандистов.

20 МАРТА. — 20 ч. Вечер, посвященный юбилею Парижской коммуны и 12-летию Венгерской коммуны. Докторы: А. Гедали, В. Иллеш, М. Залка, Л. Матейка, Колонер, Клебер, Кич, Кунгач и др.

20 МАРТА. — 19 ч. Альманах «Вчера и сегодня».

20 МАРТА. — 19 ч. Эсперантисты. Вечер разговорной практики.

21 МАРТА. — 20 ч. Вечер творческой лаборатории Афиногенов «Страх».

22 МАРТА. — 19 ч. Кружок «РООП».

22 МАРТА. — 19 ч. утра. Президиум правления клуба.

22 МАРТА. — 19 ч. Кино-секция ВОПИР и МОПКИ.

23 МАРТА. — 19 ч. Всесоюзное совещание сценаристов. Всеросскомдрама.

23 МАРТА. — 18 ч. Актив МОПКИ.

23 МАРТА. — 19 ч. Выездной президиум МАПП на завод № 1.

ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ

О ПИСАТЕЛЬСКОМ ТРУДЕ

ПРИМЕЧАНИЯ А. ЕФРЕМИНА

(МАССОВАЯ КРИТИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА „НА ЛИТЕРАТУРНОМ ПОСТУ“

Тираж 25.000 Стр. 64 П. 25 к.

ГИХЛ НОВАЯ КНИГА

МАССОВЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И КУЛЬТУРНО-БЫТОВОЙ ЖУРНАЛ

РОСТ

Массовый орган пролетарской литературы

Выходит два раза в месяц. Продолжается подписка на 1931 год.

Подписная цена: 12 мес.—3 р., 6 мес.—1 р. 50 к., 3 мес.—75 к.

Подписку сдавайте на почту и письмоносцам. Переводы в Изд-во направлять не следует. Акционерное О-во «Огонек», Москва, Б. Страстной бульвар, дом № 11.

ГИХЛ КНИГОЦЕНТР

НОВЫЕ КНИГИ

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА

БЕДНЫЙ Д. Полное собрание сочинений. Редакция, примечания и заключительная статья А. Ефремина. Том. XVII. Стр. 275. П. 1 р. 75 к.

ЛУГОВСКОЙ В. Большевикам пустыня и песнь. Стихи. (РАПП. Новинки пролетарской литературы). Стр. 71. П. в пер. 1 р.

САЯПОВ Б. Собрание стихотворений. В двух томах. Том 1. Стихотворения (1925—30). (ЛАПП. Современная пролетарская литература). Стр. 160. Ц. 1 р. 10 к., в пер. 1 р. 70 к.

СЕЛЬВИНСКИЙ И. Рекорды. Стихи и новеллы. Стр. 104. Ц. 2 р., в пер. 2 р. 25 к.

АНЦ И. Днепрострой. Очерки. Стр. 101. Ц. 90 к.

ДОБРИЦЫНСКИЙ Г. Владимир Равноапостольный. Исторический роман. Стр. 349. Ц. 2 р. 65 к.

ПРОТИВ Н. Где сходятся берега. Повесть (ЛАПП. Современная пролетарская литература). Стр. 146. Ц. 1 р. 50 к.

САПШИКОВ Г. Тропический рейс. Стр. 84. Ц. 60 к., в пер. 1 р.

ЧУМАНДРИН М. Дела и люди. Очерки. (На фронтах пятилетки). Стр. 61. Ц. 12 к.

ПЕРЕИЗДАНИЯ

БЕДНЫЙ Д. Темы. Редакция и примечания А. Ефремина. Изд. 2-е. Стр. 72. Ц. 60 к.

ВЕНУС Г. Война и люди. Семнадцать месяцев с дроздовцами. Предисл. Б. Лавренева. 4-е изд. Стр. 238. Ц. 2 р.

ЛАВРЕНЕВ Б. Собрание сочинений. Т. II. Седьмой спутник. Рассказы. Стр. 352. Ц. 2 р. 70 к., в пер. 3 р. 15 к.

МАКАРОВ Н. Стальные ребра. Роман. Стр. 240. Ц. 2 р. 50 к.

ПЕРЕВОДНАЯ

БАРТА А. 350.000. Рассказ-хроника из жизни страны электромарксизма. Перевод с чеш. А. Зеленковой. (Новинки иностранной революционной литературы). Стр. 64. Ц. 60 к.

ГОЛД М. Еврейская бедность. Авторизир. перев. с англ. (с рукописи) М. Волосова. Стр. 308. Ц. 2 р. 10 к.

УЛИТ А. Рассказы о пастырях. Перев. с латышского Э. Сельвина. Стр. 224. Ц. 1 р. 80 к.

ЭЙДЕМАН Р. На заре. Рассказы. Перев. с латышского О. А. Эйдеман. Под ред. автора. Стр. 136. Ц. 1 р.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

ПОРЬБА ЗА МЕТОД. Сборник двенадцати статей о творчестве Д. Фурманова, А. Серафимовича, Ф. Гладкова, Ю. Либединского, А. Сурова, В. Маяковского, Ф. Панферова, Ю. Олеши, И. Вольпянского, Б. Чумандрина. Стр. 340. Ц. 2 р. 50 к.

ГОРБАЧЕВ Г. Пименов. Стр. 175. Ц. 2 р.

МАЙЗЕЛЬ М. Краткий очерк современной русской литературы. Ц. 1 р. 65 к.

ИЗДАНИЯ „АКАДЕМИЯ“

РУССКИЕ И НАРОДНЫЕ СКАЗКИ. Пан и мужик. Под ред. и с предисл. Ю. М. Соколова. (Сокровища мировой литературы). Стр. 212. Ц. 1 р. 50 к.

С ЗАКАЗАМИ ОБРАЩАТЬСЯ В МАГАЗИНЫ И ОТДЕЛЕНИЯ КНИГОЦЕНТРА и в „КООПКНИГИ“

ПЕЧАТАЕТСЯ № 1 МАССОВОГО ИСТОРИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА

БОРЬБА КЛАССОВ

Орган Общества историков марксистов при Комакадемии ЦИК СССР.

Под общей редакцией М. Н. Покровского.

Содержание: М. Покровский — Ленин и история. М. Горький — Перед далекой землей истории. Ем. Ярославский — Ленин и вопр. И. Б. Кругляков — Об «Искре». Л. Кин — Ленин и Плеханов в 1903 г. Феликс Кон — Ленин и Плеханов. К. Радек — В плену у Гинденбургом. Московские меньшевики в Октябре 1917 г. (Документы предательства). Е. Драбкина — Меньшевики и интервенция.

К 60-летию Парижской коммуны: П. Лукин-Антонов — Новое о коммуне. А. Молок — Бакунин и интернационал. А. Шестаков — Клуб Александра II и др.

В отделе документов: неопубликованное письмо В. И. Ленина к М. П. Покровскому. На донесений царского посла о коммуне.

В. Хейнуд — Идеи утопического социализма и коммунизма).

На иностранном фронте: Н. Фрадкин — «Клуб» Матиаса. С. Моносов — Реакционная выставка в Кассенриде.

Кроме того в номере отделы: Как заниматься по истории, история в искусстве и т. д.

Журнал богато иллюстрирован.

Приложение: впервые издаваемая в СССР основная популярная иллюстрированная библиотека

„ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ“

в 24-х книгах, которые охватят основные вопросы мировой истории. „Всемирная история“ начнет выходить под общей редакцией М. Н. Покровского.

Подписная плата: „Борьба классов“ без приложения: год — 10 р., 6 мес. — 5 р. 50 к., 3 мес. — 3 р.

„Борьба классов“ с марта по конец года с приложением „Всемирной истории“ в 24-х книгах — 24 руб. Допускается рассрочка при подписке — 6 р. к 1 мая — 9 р. 50 к., к 1 июня — 5 р., к 1 сентября — 5 р. 50 к., к 1 ноября — 4 р.

Начало выхода из „Борьбы классов“ с приложением „Всемирной истории“, а также все вопросы, получат бесплатно 2 художественно-исторических журнала.

Подписку сдавайте исключительно на почту или письмоносцам.

Акц. Изд. о-во «Огонек», Москва 6, Страстной б. 11.

Ежемесячный орган Всероссийского, Московского и Ленинградского Областсоветов О. Д. Д.

ДРУГ ДЕТЕЙ

Ответственный редактор О. Д. КАМЕНЕВА.

Журнал, как и общество „Друг Детей“, является центром мобилизации сил и средств пролетарской общественности на помощь делу коммунистического воспитания и пионердвижения.

* Журнал рассчитан на широкий актив членов об-ва „Друг Детей“ и детскомиссий, комсомольские и пионерские организации работницы и т. д.

С 1 ноября 1931 г. журнал выходит в издании Акц. Изд. Об-ва „ОГОНЕК“

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: 1 год — 2 р. 40 к., 6 м. — 1 р. 20 к., 3 м. — 60 к.

Подписку сдавайте только на почту или письмоносцам.

ГИХЛ КНИГОЦЕНТР

НА ЛИТЕРАТУРНОМ ПОСТУ

ДЕСЯТИДНЕВНЫЙ МАССОВЫЙ ЖУРНАЛ МАРКСИСТСКОЙ КРИТИКИ

6-й ГОД ИЗДАНИЯ

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ, РАЗОСЛАНЫ ПОДПИСЧИКАМ и ПОСТУПИЛИ В ПРОДАЖУ №№ 4 и 5

В номере 4-м

В. Ермилов. — Философия и литература. В. Бонч-Бруевич. — Ленин о поэзии. Производственные совещания очеркистов. М. Лузгин. — За боевой пролетарский очерк. В. Ставский. — Об очерке и очеркистах. Б. Галин. — За действенность очерка. Р. Аларх. — Самаркандия в Тверского бульвара. С. Гаврилов. — О творчестве С. Григорьева. А. Македонов. — Как связи делают сталь. В. Залесский. — В чем ошибки книги Б. Горбатова. Л. Коган. — О творчестве Г. Шпаковского. Новые книги. Стихи — С. Шведова. Карикатуры — Кукрыниксов.

В номере 5-м

А. Селивановский. — Творческие пути советской поэзии. Ф. Шиллер. — Гейне и рабочий класс. И. Незнитов. — Философия и литературоведение. Я. Органицкая. — Заметки о «Наследстве» из Украины. В. Коваленко. — Комсомольское литературное движение на Украине и «Молодняк». Заметки — 1) Саморазоблачение Плетнева и Замятина, 2) За самокритику против самокритиканства, 3) О критике услужливой и нетактичной, 4) Литература в ЦСФ, 5) Радиолитература и религиозное брожение. Г. Серый. — О работах художниках. Новые книги. Хроника. Стихи А. Аразамасского. Шаржи — Кукрыниксов.

В ВИДУ ТОГО, ЧТО ЖУРНАЛ ПЕЧАТАЕТСЯ В ТВЕРДОМ ТИРАЖЕ — В РОЗНИЧНУЮ ПРОДАЖУ ПОСТУПАЕТ ОГРАНИЧЕННОЕ КОЛИЧЕСТВО ЭКЗЕМПЛЯРОВ

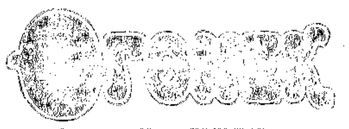
ЖЕЛАЮЩИЕ АККУРАТНО ПОЛУЧАТЬ ЖУРНАЛ ДОЛЖНЫ ПОДПИСАТЬСЯ

В ВИДУ ИСЧЕРПАНИЯ ТИРАЖА под писка на январь и февраль закрыта

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: на 16 мес. до конца го да — 6 р. 30 к. на 6 м. — 3 р., на 3 м. — 2 р. 50 к.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ Всероссектором КНИГОЦЕНТР: 1) Москва, Ильинка, 2) магаз. и отделен. КНИГОЦЕНТР'а и его конт.

САМЫЙ РАСПРОСТРАНЕННЫЙ В СССР ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ



Редактор Мих. КОЛЬЦОВ.

В 1931 г. «Огонек» усилит перестройку, начатую в сторону еще большего отражения в снимках, очерках, рассказах и других материалах всех видов нашего социалистического строительства и классовой борьбы на всех фронтах.

В каждом номере будут печататься очерки, отклики, статьи и снимки писателей, журналистов, политических деятелей, художников, рабкоров, с мест и фотоснимки, отражающие [illegible] жизнь, борьбу и повседневный быт масс.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: на 12 месяцев 6 р., 6 мес. — 3 р. 25 к., 3 мес. — 1 р. 75 к., 1 мес. — 60 коп.

Подписку сдавайте исключительно на почту или письмоносцам.

Переводы в издательство посылать не следует.

Уполн. Главлит В 1684 Типография «Полиграф», ул. Свердлова-Степанова, д. 6.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Орган Федерации Об'единений Советских Писателей РСФСР

МОСКВА 24 МАРТА 1931 г. № 16 (115)

РЕДАКЦИЯ: Тверской бульвар, 25, Дом Герцена. Тлф. 2.80.12

ЛИКВИДИРОВАТЬ ПРОРЫВ в ГИХЛ

В ряде последних номеров «Литературная газета» печатает материалы о прорыве в Государственном издательстве художественной литературы (ГИХЛ).

Развитие книгоиздательского дела в СССР, необходимость внесения в это дело большей плановости и уничтожения вздутой конкуренции между параллельными издательствами или отделами последних — все это поставило в порядок дня вопрос о ТИПИЗАЦИИ ИЗДАТЕЛЬСТВА. Развертывание культурной революции, возрастающие запасы, предъявляемые рабочими и крестьянскими читателями к книге, увеличение (хотя и вовсе недостаточное) бумажной базы в стране — все это потребовало перестройки всего книгоиздательского аппарата, его рационализации, внесения в его работу наибольшей четкости.

В прошлом году такая реорганизация была произведена. В результате слияния «Земли и фабрики», «Тео-кино-печати» и литературно-художественных отделов прежнего Госиза, «Московского рабочего» и «Молодой гвардии» была создана крупнейшая фабрика художественной книги — ГИХЛ, как составная часть Огиза.

Но слияние издательств не ЗАВЕРШАЛО, а лишь НАЧИНАЛО подлинную перестройку издательской работы. Огромные ПРЕИМУЩЕСТВА, доставляющиеся укрупнением и типизацией издательств, могут быть реализованы лишь в том случае, если в каждом типизированном издательстве будет обеспечено правильное руководство, если будут приняты необходимые меры для преодоления бюрократических тенденций, если каждая часть издательского механизма будет работать без перебоев.

Однако не все издательства, вошедшие в Огиз, сумели продолжить и завершить перестройку. Примером того, как НЕ НУЖНО перестраиваться, может служить ГИХЛ. Разумеется, ГИХЛ приходится расплачиваться за «грехи» некоторых своих предшественников. Разумеется, нормальной работе ГИХЛ во многом мешала неоднократно производившаяся урезка производственных планов. Но эти и другие объективные причины НИ В КОЕЙ МЕРЕ НЕ УМЕНЬШАЮТ ВИНЫ РУКОВОДСТВА ГИХЛ. Мы подчеркиваем, что речь идет не о частных недостатках, не об отдельных случаях головотяпства, безответственности, бесхозяйственности тех или иных членов ГИХЛ, — не только о них. Речь идет о всей СИСТЕМЕ работы.

Мы можем охарактеризовать эту систему как РАЗНЕНИЕ НА «УЗКИЕ МЕСТА», как КАПИТУЛЯЦИЮ ПЕРЕД ТРУДНОСТЯМИ конкретики, как отсутствие ориентации на последовательно-принципиальную ЛИНИЮ. Именно в этом заключается основная причина, благодаря которой не были своевременно устранены вопиющие факты, обнаруженные различными обследовательскими комиссиями и бригадами и опубликованные ныне в печати. ГИХЛ В ЦЕЛОМ строил свою работу по преимуществу АППАРАТНО, вне связи с пролетарской ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ, избегая контроля последней, пытаясь подменить этот контроль и эту связь протоколами внутрииздательских комиссий и совещаний. ГИХЛ не сумел обеспечить необходимый контакт и с ПИСАТЕЛЬСКОЙ общественностью. ГИХЛ не сумел мобилизовать самого себя, пролетарскую и писательскую общественность на борьбу за преодоление «узких мест». ГИХЛ в своих производственных планах не сумел полностью провести последовательно-принципиальную линию, соответствующую задачам нового этапа социалистической революции.

Аппаратно-ведомственный характер работы ГИХЛ особенно ярко раскрывается в дни обнаружения прорыва. Выяснение всех обстоятельств этого прорыва необходимо для того, чтобы возможно скорее и менее безболезненно ПОМОЧЬ восстановлению нормального порядка на фабрике книги. Но правление ГИХЛ продолжает ОТМАЛЧИВАТЬСЯ.

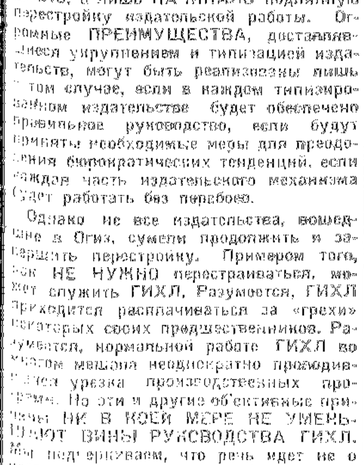
Мы обязаны подойти к конкретным виновникам прорыва так же сурово, как и к виновникам прорыва в той или иной области промышленности, в том или ином промышленном предприятии. Мы обязаны требовать от ГИХЛ такой же четкой плановости в работе, такой же ответственности за выполняемое дело, такой же трудовой дисциплины, как и от любого предприятия в нашей стране. Мы обязаны проверить выполнение промфинплана ГИХЛ не только с точки зрения КОЛИЧЕСТВЕННЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ, но и с точки зрения художественно-идеологического КАЧЕСТВА продукции. Здесь так же обнаруживаются многочисленные изъяны, провалы, прорывы.

Непреодолимы ли трудности? Отнюдь нет! Эти трудности ПРЕОДОЛИМЫ в самое ближайшее время. Прорыв отнюдь не был неизбежен. Важны лишь правильное ПОНИМАНИЕ причин трудностей, МОБИЛИЗАЦИЯ сил, устранение обнаруженных недочетов. Важно также, чтобы ОГИЗ В ЦЕЛОМ уделил значительно большее внимание вопросам издания художественной литературы, чтобы было покончено с явной НЕДООЦЕНКОЙ этих вопросов, чтобы цифры БУМАЖНЫХ РЕСУРСОВ ГИХЛ, явно недостаточные в настоящее время, были вновь и вновь ПРОВЕРЕНЫ И ПЕРЕСМОТРЕНЫ.

Важно также, чтобы прорыв в ГИХЛ был использован для проверки состояния КНИГОПРОВОДЯЩИХ каналов, — заключает Канцелярия.

Художественная книга в условиях развертывания культурной революции приобретает огромное значение. Внимание ей! Внимание фабрике книги! Внимание книгопроводящей сети!

СЕГОДНЯ ЛИТЕРАТУРНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ



Б. Ковалевко

● Председателем секции литературы народов СССР Комакадемии утверждена т. Б. Л. Ковалевко. В пролетарских литературных организациях Украины: «ГАРТ», «Молодняк», ВУСПП т. Ковалевко работал с 1923 года. В настоящее время т. Ковалевко является секретарем ВОАПП, членом совета которого он состоит с момента организации ВОАПП.

● Недавно созданная северная АПП не сумела включиться в общее пролетарское движение. Ассоциация сосредоточила всю свою работу в пределах Архангельска. СевАПП еще не установила связи с заселенными окружными районами. Ценных кадров в литературу не привлекает, хотя в Архангельске имеется до 40 заводов.

● Секретарь студентов литературного факультета обратилась в МАПП с открытым письмом, в котором указывается на отсутствие внимания к рабфаку со стороны литорганизаций и, в частности, МАПП.

«Литературный рабфак, — говорится в письме, — является местом, куда приходят учиться рабочий молодняк со всех концов Советского союза. Но нельзя не сказать, что рабфак почти не связан с литературным, в том литературным духом и не пахнет. Нет никаких кружков, где бы бывает литературных вечеров. Рабфак стоит в стороне от литературной жизни. Литрабфаковцы обращаются к МАПП за помощью и выражают надежду, что МАПП не замедлит развернуть работу на забытом участке.

● Недавно вышедший первый номер нового журнала «ЛОКАФ» разошелся с быстротой.

● Оживление работы детской секции ВОПП, занятой вопросом литературной продукции своих членов путем читок, критических обзоров и проработки ряда теоретических вопросов (проблема сказки, утопический роман, интернациональная повесть) побудило секцию с 15 марта созывать собрания каждую пятницу, вместо прежних еженедельных собраний.

● В результате заслушания доклада т. Дембинского «Об учебной книге в школе I ступени» детской секцией ВОПП создана бригада в составе тт.: Веры Инбер, А. Пругавина, С. Розанова, И. Смирнова, А. Чумаченко, которая ныне руководит т. Двойченского работает над созданием книги-учебника.

● На общем собрании «Новой Кузницы» избрано бюро группы в следующем составе: Жига (председ.), Афанасьев (секретарь), Москвин, Черепков и Костицын. Кандидатами в члены бюро избраны: Прокофьев, Наймович и Киселев-Голубев.

● Белорусской секцией МАПП ведется подготовительная работа по объединению белорусских писателей, находящихся в РСФСР, для создания белорусской секции при РАПП.

● В конце марта члены бригады МАПП тт. Бандарина, Звонак, Шукайло и Губаревич выезжают в Ленинград, где совместно с белорусской секцией МАПП ими будет проведен ряд вечеров, посвященных белорусской литературе.

● Белорусской секцией МАПП подготовлен к печати альманах, который выйдет на белорусском языке в Центрогизе. В альманахе принимают участие: Я. Бандарина, К. Губаревич, А. Звонак, П. Шукайло, М. Гельдберг, Яковлев, Ю. Вицебач, Присятковский, Ю. Березко, Красновский и др.

● Белорусская МАПП выслала бригаду из трех писателей в помощь белорусской секции Центрсоюза для ознакомления с работой «Белкоопкниги». Недавно в Минск выехала бригада писателей в составе тт. А. Яковлева, М. Шульца, В. Гольцева и А. Виноградова.

● Союз писателей открывает 20 марта книжную лавку в помещении бывшего магазина «Самообразование» на углу Герцена.

● Цик МОПИКП организовала фольклорную секцию, ставящую своей задачей собирание и изучение устного художественного творчества. Важную и ответственную часть работы секции составляет работа специальных бригад, которым будет дана установка по этой части. Секция приглашает всех, интересующихся вопросами фольклора, принять участие в работе секции.

● Ленинградский отдел ВОПП в ответ на обращение «Красного треугольника» выдвинул план встречного культшефства. Лидия Сембулина, М. Слонимский, М. Козаков, Б. Лавренев, Н. Тарашев, Е. Тагер, М. Зощенко, Ник. Чуковский, В. Рождественский и Катков прикреплены к заводу для постоянной работы. Первых в Доме печати состоялось совместное собрание шефов-рабочих и писателей—членов ВОПП «взявшие революционного крыло которого,— подчеркнул во вступительном докладе т. Уваров (зав. культотделом ОК ВКП(б), —помочь ему целиком перейти на наши позиции составляет нашу очередную задачу».

Рабочий т. Дурандин сказал следующее:

— В стране резко ощущается нехватка сырья для промышленности. Но для литературы сырья более чем достаточно. Что сырье писатели еще не обрабатали. Товарищи-писатели, идите к нам—на завод, в бытовую коммуну, в колхоз—черпайте полными пригоршнями сырье новой жизни и создайте из него социалистические произведения искусства.

— За овладение сырьем жизни, о котором говорили тт. Дурандин—сказал в отчетном слове председатель Лен. отд. ВОПП Мих. Кольцов, — мы будем бороться. Революционное крыло попутчиков безоговорочно связывает свою судьбу с пролетариатом и пойдет с ним вплоть до коммунизма!

***

Для укрепления позиции на литературном фронте, для консолидации пролетарских сил в литературе, в свое время ЦС ВОПП «Кузница» поставила расчистить организацию и пойти в РАПП. Решение ЦС собралась выполнить и ленинградская группа «Кузницы».

Надо указать, что ленинградская «Кузница», в отличие хотя бы от московских «кузнецов» не имеет ни сильного творческого ядра, ни более или менее четкого творческого лица, творческой платформы. По существу, это—группа-руководящая вокруг нескольких творчески-выявившихся писателей круглое литературных «неудачников» и «не-писательных» писателей, вышедших из других литературных организаций. Однако эта группа согласилась войти в ЛАПП на... улитинтельных условиях: если «Кузница» войдет в ЛАПП на автономных началах, как единая творческая группа; если чистка будет происходить на паритетных началах; творческая «самостийность» нельзя. Основная встреча ленинградцев с москвичами произошла на коммерческом вечере, в зале Филармонии. Зал был переполнен случайной «кассовой» публикой.

Какая-либо характеристика творчества приехавших писателей была заменена «вступительным словом» о том, что «почву можно считать состоявшимся» (!); что об'единение в афише А. Безыменский, Вс. Иванов, Ю. Олеша и Н. Семашкевич приехали; а Фадеев и Панферов, наоборот, не приехали: зато приехал поэт Мих. Светлов, и, кроме того, будут выступать Л. Сейфуллина, В. Сутеев, А. Толстой и М. Зощенко...

Репертуар, читаемых писателями, тоже был случаен. Прозаики и большинство случаев вообще читают свои произведения плохо. И публика главным образом смотрела на «живых представителей писателей».

Творческий вечер Юр. Олеши, организованный кабинетом писателей, также сорвался: не явился сам Олеша. Остались лишь сиротливые «листочки» Безыменского, Светлова и Вс. Иванова в одном из Домов культуры.

Московские писатели уехали. Ленинградская афиша—единственный спец...

Гастроли «знаменитостей», рассчитанные на кассовые аншлаги «живых писателей на эстраде», должны сменить клубные поездки писателей, поездки, связанные с товарищескими встречами работников слова с продуманными дискуссиями и докладами, рассчитанными на организованного слушателя.

Б. РЕЙТ.

Ленинград

СОЗДАН ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЦЕХ ЦАГИ

— «У вас нет ни Пушкина, ни Толстого, ни Тургенева, — сказал какой-то Генрих Манн, — в вашей литературе, в которой пробивают миллионы, много нового той, что существовало для Запада. Но мелкие и недоступные высокие художественные произведения».

Эти слова Манна привел начальник ЦАГИ т. Нитренко на собрании, посвященном открытию литературного цеха ЦАГИ.

— Мы отвлеклись его мещанской мелкой западной буржуазии, — говорит далее т. Нитренко. — Они не понимают того, что у нас делается. Вокруг нас совершаются сдвиги, перед которыми тускнеет старая поэзия. Ее затмевают наши достижения, хотя бы те, которые мы видим в повседневной жизни нашего завода. Их надо уметь видеть, надо уметь передать.

***

Что такое литературный цех? В чем его отличие от обычных кружков?

Литературный цех — такая же часть заводской жизни, как и другие цехи. Он отчетливо промфинплан завода, его представители входят в завком, в культкомиссию и во все заводские организации.

Литературный цех обязан всегда работать на том участке, где его помощь в данный момент может быть наиболее эффективной для выполнения заводского промфинплана. В промфинплан цеха входит обследование рабочего, обслуживаемого при помощи своих бытовых описаний, проведение агитмассовых кампаний, культпоходов, библиотечная работа.

Но первоочередная задача литцеха—участие и борьба за овладение техникой и создание заводской коллективом книги о заводе ЦАГИ.

Придавая большое значение созданию литературного цеха ЦАГИ, мы приветствуем рабочих писателей-дозисов, как одних из первых литературных отрядов, пытающихся в поход за овладение техникой.

СКАЗ

ВЕСТИ ИЗ-ЗА РУБЕЖА

А. В. Луначарским получено письмо от т. Ролланд, в котором он, касаясь факта отказа, опубликованного «Литературной газетой» на письма тт. Гладкова и Сельвинского, о статье А. Луначарского, пишет, между прочим, следующее:

«Я узнал, что мы нашли преувеличенной в моем отзыве книгу Гладкова и Сельвинского. Но считаю за фольклорный текст их открытых писем, опубликованных в большевистской прессе. Возможно, что этот фрагмент был сделан с искусственной грубостью [illegible] русского общества. Но по-французски невозможно было произвести ему другое впечатление, чем то, которое у него вызвало. Впрочем, я совсем не хочу вовлекаться в этому дружескому спору, который, как и раньше, не оставит никакой горечи в сердцах двух моих советских друзей. Я и сейчас с моим сердцем, которым улыбаюсь, и очень рад, я много думаю, что этот спор может вызвать обильное разнообразный продуктивно относительно высокой производительности индивидуальной энергии во служением обществу, как и моей собственной любви и уважения к человечеству, которое не должна сбрасывать от себя ни одной из великих сил, которые способствуют поднятию человеческого духа. Все эти силы должны быть со достоинством и братством».

***

Датский драматург Хенрик Нильсен опубликовал в последнем номере английского журнала «Plain Talk» протест против капиталистического доминации английских писателей в окаймляющих странах. Критик поясняет, что как английские фермеры вынуждают своим влиянием датских крестьян покупать английские сыр, масло, яйца и мясо, так окаймляющие писатели коммунистов тем, что английские их собратья полностью снабжают литературой товарар. Так, например, английская писательница Сусанна Лен пользуется своим авторитетом за границей, чтобы [illegible] свои романы для обогащения материалов. Отчетливым сигналом секции послал т. Игорь Макаров.

● В саду Академии кладбище при Ольгин. Данилонском монастыре, Комитет по охране могил выдающихся деятелей перенесет останки Гоголя, Хомякова и Ник. Рубинштейна на кладбище Ольгин. Данилова монастыря.

НА ЛИКВИДАЦИЮ ТРАНСПОРТНЫХ ПРОРЫВОВ

ВЫЗОВ ЗОАПП

Ассоциация пролетписателей Западной области мобилизовалась для ликвидации прорывов на транспорте.

Сдав в печать сборник художественных материалов, в котором принял участие ударники-железнодорожники, Высылаются бригады авпповцев в районы.

По полученным редакцией сведениям, их выезд тормозится благодаря бюрократическому отношению облпрофсовета Западобласти. ЗОАПП вызывает все ассоциации пролетписателей последовать ее примеру, приняв активное участие в ликвидации транспортных прорывов.

Для отображения героической борьбы рабочих-ударников по ликвидации прорыва на участке Восточно-сибирская дороги АПП выслала писателей: Ис. Гельдберга, Ив. Молчанова (Сибирского) и А. Михайловского.

ВЕЧЕР ПАРИЖСКОЙ КОММУНЫ В КЛУБЕ ФОСП

В клубе ФОСП состоялся 28 марта вечер, посвященный 60-летию Парижской коммуны и 10-летию Болгарской революции, который был организован секцией пролетарских баев и дал смычку с пролетариатом района.

Начался вечер речью т. Мих. Кольцова, который назвал параллель между Парижской Коммуной и Болгарской революцией. Мы должны усилить свою борьбу для того, чтобы не повторилось подобное пролетариата в это интернациональное дни.

От имени американских революционных писателей выступила с приветственной речью т. Кунин. От имени французского пролетариата выступил т. Коломер, который подробно остановился на роли интеллигенции в дни борьбы.

С чтением своих стихов выступил немецкий поэт Альфонс Гидаль. Свои произведения он прочитал также и на русском языке.

Вечер закончился выступлениями артистов интернациональной секции рабочего театра.

ПЕРВОЕ МОСКОВСКОЕ СОБРАНИЕ ЛОКАФ

Вниманию членов ЛОКАФ, красноармейских литкружков и культработников гар. низона.

24 МАРТА в конференц-зале клуба писателей (ул. Воровского, 52) созывается 1-е МОСКОВСКОЕ СОБРАНИЕ ЧЛЕНОВ ЛОКАФ, красноармейских литкружков и представителей гарнизона.

1. Доклад о задачах расширенного пленума Центрального совета литературного об'единения Красной армии и флота.

2. Выборы делегатов на расширенный пленум ЦС ЛОКАФ.

М. ДАНИЛОВ

РАПОРТ РАППУ

Я — слесарь.
Речь моя быть может и корява:
Я думаю и говорю
без модных выкрутас.
Я не привык словесною оравой,
Как войском, управлять,
на жеребце крутясь.
Я говорю и слушаю:
грохочат вагонетки,
Над грузом стонут
подвесные краны.
В них слышится уверенная поступь
пятилетки,
Большое прошлое профинплана.
Тот грохот в бой уверенно зовет,
Как об'явление военного приказа.
Энергию пустив на полный ход,
Мы накалились до отказа.

В такие дни не время отдыхать.
Когда бригады соревнуются в
заводах, —
Когда победы добиваются цехи, —
Я нахожу в работе лучший отдых.
Дорогу — нам.
Распахивайте двери.
Мы вносим жар ударнейшей работы.
И нам, ударникам,
рабочий класс доверит
Литературные командные высоты.

Металла пыль нам сушила глаза,
Пушистый пар нас обжигал нередко.
Мы можем и жепаем рассказать
О героической борьбе за пятилетку.

В центральных газетах
вы верно читали,
Что мы
За плохую отливку деталей,
За брак
И за срыв производственных норм
Чугунолитейный клеймили позором.

Гремя заготовками, полными брака,
Ребята пошли на литейный в атаку.
Завод не видал такого похода.
Толпа задержалась на время у входа.
Завкомовец Вася, болтая метлами,
Полез и повесил огромное знамя.
Чугунолитейный гудел необычно.
Кричал у стены почерневшей,
кирпичной,
Бросал слова, накаленные токами,
Высокий старик — премированный
токарь.

А смеху-то было!
Но им не до смеха.
Ударник чугунолитейного цеха
Взобрался на формы
и тихо сказал:
«Ребята! Нам стыдно смотреть вам в
глаза.

Неточной формовкой,
небрежным литьем
Мы брак своему производству даем.

Кличемся: точнее техничесих формул
Чугун наливать в песочные формы.
В накалении брака
добьется успеха
Ударник
Чугунолитейного цеха».

Бригаде работать, как обещано.
За три пятидневки
до срока квартала
Литейщиков рапорт
партиком получен:
— Количеством больше
и качеством лучше.—

Шумит Краснознаменный наркомат.
Бьют молоты, сигналят паровозы.
Со стапелей широких
каждый год
Сконструированных на воду
бальшие лесовозы.
А в доках печатся стальные крейсера.

У станок — пароходы скоторгфлота.
В три смены: от утра и до утра
Идет ремонт. Горячая работа.
Мы завоеванное знамя не уроним,
Мы занятых позиций не сдадим.
Все силы — транспорту.
Все силы — обороне.
За коммунизм всемирный впереди.
Мы формы новые работы находим.
Вредительство и разгильдяйство
беспощадно бьем.
В борьбе ожесточенной
на заводе
Пролетлитературу создаем.

Успешно проходя этапы роста,
Влагая в книги почтовый перестук,
Без пафоса, по-большевистски, просто,
Приветствуем партийно - рапповское
руководство,

Стоящие, как мы, на боевом посту.
Когда метели пламенными были
сердец,
Грозил прорыв,—мы подняли зарю.
Двадцать три тонны
беспризорной меди
За пятидневку голос наш собрал.
О реконструкции рычим гудком.
Подхватывает наш призыв ударник.
Недаром ведь, сказал о нас партком:
— Хорошие, напористые парни.

Не покидая ни на миг заводский
труд,
Без суеты,
Без шумного нахрапа,
Пришли,
идем,
еще идут
Под большевистские знамена РАПП.

Севастополь.
Морзавод.

В ПОХОД ЗА ОВЛАДЕНИЕ ТЕХНИКОЙ!

ЛИБО МЫ СДЕЛАЕМ ЭТО, ЛИБО НАС СОМНУТ (СТАЛИН)

Г. НИКИФОРОВ

Овладение техникой — это второй решающий, который закрепит победу первой революции.

Вопрос этот очень сложный. Нашей молодежи, у которой нет специфических «старческих» навыков, нужно много и упорно учиться, чтобы по-настоящему овладеть техникой. В этом нам должны помочь наши научные силы.

Поход за овладение техникой никоим образом не должен носить «кампанейского» характера. Поменьше трескотни, и побольше практической работы в осуществлении этого лозунга. Надо так раскачать массы, чтобы они выкинули из своей среды наиболее способных и наиболее преданных делу строительства социализма людей, которые пойдут в первых рядах похода.

Наши писатели в большинстве своем недостаточно культурны. Над ними довлеет старое барское отношение к творчеству: писатель не работает, а вдохновенствует. Писательское по нутру стоит в старом, он часто любит помечтать, пофилософствовать в пустом пространстве.

Сейчас перед нами картина грандиозного творчества масс. Правда, мы еще по-настоящему не познакомы научными знаниями, но это не останавливает массы на их творческом пути.

Освоение этого реального творчества масс входит в задачу романа «Творчество», над которым я сейчас работаю.

ДЖЕК АЛТАУЗЕН

Писатель часто не разбирается в элементарной технологии того производства, которое он описывает; часто наблюдается полное незнание самых простых технических вещей. Хорошо было бы открыть при клубе ФОСП технические курсы, где писатель мог бы получить элементарные технические знания.

Лично я считаю необходимым ликвидировать слою техническую неграмотность непосредственною работой у станка и путем изучения технической литературы о данном производстве.

Очень много наших ошибок происходит от того, что мы абстрактно представляем себе завод. Нужно усилить практику пребывания писателей в заводах. В течение должно-ежемесячно изучать станок непосредственно в цехе, а не посещать завод экскурсионным порядком.

Сейчас я пишу роман о производстве. Работа на заводе настолько меня увлекла, что я серьезно отношусь к тому материалу, который я собрал для романа. Никогда раньше я не думал, что непосредственная работа у станка может так продуктивно влиять на работу в творческой области.

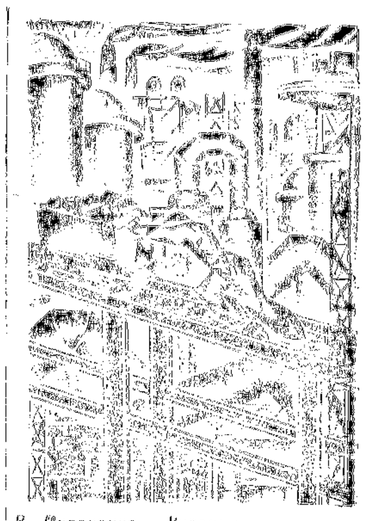
А. МИТРОФАНОВ

Сейчас надо особенно быстрить внимание писателя на вопросе о качестве художественных произведений. Последнее часто страдает особенно в тех случаях, когда в литературных произведениях затрагиваются индустриальные вопросы, вопросы техники.

Как машина или станок должны подчинять правильностью частей и плавностью хода, так и художественное произведение должно быть во всех своих частях безукоризненно сработано.

На ряду с практическим освоением вопросов техники, мы должны показать, что наша техника работает на социализм. Между тем у наших писателей наблюдается плохое техническое подход к технике. Они подчас дают в своих произведениях «технику для техники», забывая о том, что для нас техника является средством более полного раскрытия социалистической личности.

Недостаточно освещен в литературе тип хозяйственника. До сих пор при обрисовке хозяйственника мы в одних случаях имели стихийно-захватывающее, в других — дались тип сугубого предметника. Ни Андрей Бабичев из «Зависти» Ю. Олеши, ни Увадьев из «Соти» Леонова не дают того, что нам нужно.



В. Маяковенко.—Украина

«ТРЕТИЙ ГОД ПЯТИЛЕТКИ»

ОЧЕРКОВАЯ ХАЛТУРА

Вряд ли какой очерк вызывал на Гизельдепгроз такое негодование, как очерк Синюшкина «Турбина коммунизма» (№ 5—6 «Ударное студенчество»). Наверно не вызывает такой халтуры, такой безответственной лжи, такого самодельного обращения с фактами.

Строительство Гизельдонской станции идет в трудных условиях. Рабочие — ударники, группа молодых инженеров и техников работают с большим напряжением. Нужно умело организовать работу, правильно руководить ударничеством, улучшать бытовые условия, чтобы лучше выполнять промфинплан. Но Синюшкин по-своему понимает условия выполнения промфинплана. Он пишет:

«Главный инженер с 35-летним производственным стажем рассказывает:

— Мои студенческие годы протекали в улучшенных аудиториях химических лабораторий. О практике и не мечтали, отсюда по-сейчас такие прорывы, — и он конфузливо опускает голову».

Оказывается, что причины прорывов в том..., что 25 лет назад «не мечтали о производственной практике». 25 лет, которые прошли с тех пор, как инженер окончил ун-тет, не нашлось Синюшкину производственной практики.

Самым узким местом на строительстве является вопрос о том, как выгонять в срок бетонировку тоннеля. А Синюшкин безответственно лжет:

«Горная речка Гизельдон бежит уже по забетонированному руслу, ныряет в трубопровод и с высоты 247 метров падает на турбину коммунизма».

На самой стремнине рабочий Чинкет пилотит бетонщиков, на правой—он же арматурщик.

Рабочий-ударник, по-Синюшкину, едет на велосипеде... по шпале. Что-то не видали мы этого. Гизельдонстроевцы разъезжали на них.

По Синюшкину, на строительстве работают и чеченцы, и табарданцы, и ингуши. К сожалению авторы: на строительство нет ни чеченцев, ни ингушей, ни табарданцев.

Кончается очерк очень «эффектно»:

«С плоскогорья доносится песенный голос девушек:

«Ынче я снимаю паранджу»...

Забавник этот Синюшкин! Осетинки никогда не носили паранджи.

Мы сомневаемся, что б автор, написавший такой очерк, был когда-нибудь на Гизельдонстрое. Но мы не сомневаемся в том, что такой халтуре не место в наших журналах.

Начальник строительства
и главный инженер Е. КАРП.

ВССП ОТСТАЕТ...

Секция научных переживаний.—Производственные процессы „своими словами". — Необходима коренная реорганизация

Вопросы овладения техникой поставлены на повестку дня. Рабочая общественность крупнейших заводов начала поход за освоение техники.

Как же советские писатели включились в этот поход?

При ВССП существует секция научной беллетристики, об'единившая узкую группу писателей, инженеров, техников.

Чем занималась до последнего времени секция научной беллетристики? Это не было известно даже... правлению Союза писателей.

Наконец, о секции вспомнили перед закрытием техники. В своем докладе о состоянии научной беллетристики предложено было сделать на правлении ВССП доклад на тему: «Писатель и техника».

И тут выявилась вся несостоятельность секции, вся никчемность ее работы. Вопросы научной фантастики, которыми занималась секция, увели ее от советской действительности. Это видно было даже из того небольшого плана работ, по осуществлению которого об овладении техникой, который секция сообщила на последнем заседании правления ВССП.

— Для нашей секции научной беллетристики вопрос об овладении техникой писателями—вопрос новый, — заявил председатель секции В. Янчицкий.

В плане секции намечены три раздела. Первое и основное — это борьба человека с природой при помощи техники. Но при этом, видите ли, большую роль должны играть «переживания и настроения» человека.

Второе — изучение социально-бытовых сдвигов под влиянием производственных процессов. Наконец, третье—популяризация технических знаний при помощи беллетристики. Для реализации этого плана секции научной беллетристики пока скромно ограничилась установлением связи с отделом технической литературы издательства «Молодая гвардия» и приглашением консультантов по техническим вопросам.

Правление ВССП подвергло серьезной критике всю работу секции. Выступавшие писатели единодушно признали, что секция работает неудовлетворительно. Она об'единила незначительную группу писателей, большая часть которых... не обладает техническими знаниями.

Совершенно законно отметил т. Шишков, что метод работы секции по овладению техникой писателями путем приглашения консультантов — порочный метод.

В самом деле, разве задача овладения писателями техникой может решаться тем, что приглашенный секцией консультант сядет на стол и «своими словами» перескажет писателю процессы производства?

Писатель должен сам овладеть техникой, тщательно ознакомиться с производством, прежде чем писать о нем.

Правление ВССП отметило, что в докладе представители секции оказались обойденной основная тема: о технике и писателе. Секция и здесь не справляется со своей задачей. Секции научной беллетристики предложено составить подробный доклад о возможности участия ВССП в борьбе за овладение техникой. Этот доклад будет заслушан в творческой секции, а затем в правлении ВССП.

***

Мы предлагаем провести коренную реорганизацию секции научной беллетристики ВССП, создав вместо нее научно-техническую секцию, которая должна привлечь в свои ряды ведущих технических знатоков писателей-производственников.

Только непосредственное участие писателей в работе промышленных предприятий, непосредственное изучение производственных процессов помогут ВССП помочь овладеть техникой, чтобы стать полезными рабочему классу советской страны в той упорной борьбе, которую он ведет за овладение техникой.

Редактор Ф. ГОРЕЛОВ

Ответственный секретарь Н. ЛЕСКОВ

Адрес редакции: Тверской бульвар, 25, Дом Герцена. Тлф. 2.80.12

Типография газеты «Правда» имени Сталина, Москва, Ул. Правды, 24.

ВЫ ПЛЕТЕТЕСЬ В ХВОСТЕ ДВИЖЕНИЯ!

ЖУРНАЛЫ И ЛИТОТДЕЛЫ ГАЗЕТ НЕ СОДЕЙСТВУЮТ РОСТУ РАБОЧИХ-УДАРНИКОВ

ПЕРВЫЙ РЕЙД УДАРНИКОВ МАПП

За подлинную перестройку

Время уже пять месяцев с начала призыва рабочих-ударников в литературу. Рабочие-ударники ждут от журналов и литотделов газет помощи в работе. Отсутствие кадров руководителей еще более обостряет журналы и литотделы газет притти на помощь призыву, работать с новым творческим материалом, освещать вопросы теории и литературной политики, привлекать к работе в журналах новые кадры из призыва.

О чем же говорят факты?

Ниже мы печатаем материал ударной бригады по обследованию журналов, литотдела «Комсомольской правды» и клубов писателей. Он говорит о том, что на этом участке все еще отставание, что еще совершенно отсутствие работы с призывом. Журналы и литотделы газет все еще не ищут новых творческих форм работы. А время идет. Призывники начали пролетарскую работу, а журналы и газеты все еще «думают».

Мы подержим это предложение бригады о совещании с активом рабочих-ударников. Не сомневаемся, чтобы это совещание дало новую работу журналам и литотделам газет. Надо, чтобы журналы, литотделы газет и организаций вместе с активом ликвидировали прорыв, чтобы журналы стали действительно боевыми органами рабочих ударных бригад, а не кустарными мастерскими, где работают одиночки-литераторы, оторванные от масс.

1. Спокойствие и самотек

В Центральном Доме журналистов в Москве, на пленуме правления РАПП, где председатель призыва рабочих-ударников в литературу, что РАПП перестраивается, начала по-новому работать. Это не чувствуется. На страницах «Октября» — спокойствие ничем и никем не нарушаемое.

В первом номере текущего года заметно движение воды. Помещены «записки ударника»—стихи рабочего-ударника Гастева и очерки «Интеллигенты у станка» Кронгауза.

Но отдел критики попрежнему безмолвствует. Попрежнему ни слова о призыве, ни одной статьи, которая могла бы помочь призыву. Работы с ударниками журнал не ведет никакой. Творческий материал рабочих-ударников, присылаемый в журнал,—в большинстве случаев случайный. Отсеты должен только на тот материал, который будет печататься. Работа с призывом — под классовую самотека и случая.

2. Работа лишь начата

«На предприятиях, в результате призыва, организуются литкружки. Руководители в провинции часто делают не удается. Как работать новому кружку? Что читать и чему учиться рабочему-ударнику, вступившему в свою армию, о борьбе за марксистское профилактика, ударничестве, соцсоревновании? Какие применять в этом работе? В этом ему должен помочь журнал «Ударник литературы». Так обещал с самого начала призыва журнал «Рост», и мы вправе были ждать всего от массового органа пролетлитературы. Мы вправе были ждать освещения опыта лучших кружков, работы с ними, статей о литературной политике статей о творчестве ударников и т. п. И, действительно, мы увидели на страницах «Роста» опыт кружков в борьбе за выполнение обращения ЦК были помещены статьи о призыве среди химиков ударников. Пролетарии «Роста» выступали на запад «Красный профинтерн» и провели тем большую работу по призыву. В следующем номере был поставлен вопрос об учебе, об уклоне учебы с производственной работой. Но разрешение вопроса, как организовать учебу, из страниц «Роста» мы не увидели. Журнал хорошо начал, но затем вскоре развернул работу. На основе одна дель, «Рост» переходит к другому, обещая в ближайших номерах показать опыт лучших кружков более подробно. В следующем номере «Рост» об'являет смотр литкружков, так до сих пор и не состоялся. Потом ставится вопрос о закреплении призыва. Но только ставится. Призыв движется дальше, каждый день ставит новые задачи, а «Рост» не успевает за движением. «Рост» не имеет актива вокруг журнала и в этом его беда. Отрадный факт — печатание очерков об истории заводского и... РАПП, взятый на завод «Электросвет» и снять журнала с бежецкой группой ударников. Но это очень мало.

3. Больше массовости

Журнал «На литпосту» стал массовым теоретическим органом РАПП. Из этого и вытекают все его задачи и обязанности по работе с призывом. Журнал должен помочь рабочим двинуться в организовать их учебу. «На литпосту» делает это, но еще недостаточно и бессистемно.

В журнале есть почти ряд статей, связанных с вопросами призыва, напр.: об истории пролетарской борьбы, об коммунистических, о книгах ударников, о творческих литкружках, о пролетарских самодеятельностях, о творческих планах и т. д. и т. д.

Но очень часто статьи об ударных вопросах не помещаются. Например, статья Гельфанда «Движение ударников в литературу» написана некоторыми ударниками.

Библиография в журнале ведется неправильно. Вместо организованных рецензий дается короткая информационная заметка, обслуживающая работу Месткома. С докладом о работе Месткома писателей выступил заместитель председателя Месткома т. Тверитинов.

Отмечая слабость работы Месткома — неудовлетворительность начального руководства, отсутствие связи с низовыми, так и фактически, — докладчик указал на ряд положительных моментов. Основным из них является организация писателей — тов. Тверитиным заведующей филиалом между ВОКП и Месткомом — ежедневным сведением дня и проведением ею в жизнь решений последнего. Немаловажное значение имеет также и то, что Местком начал выступать в печати. Но, разумеется, все это еще недостаточно.

Председатель Облсовета тов. Бумбарашков и неизвестный тов. Суховей, подводя итоги прениям, сказали, что работа и структуру Месткома должны быть коренным образом изменены.

В дальнейшем, путем реорганизации Месткома, в Горьком писатели будут объединены более тесным кольцом. Обещалась в ближайшей перспективе организация писателей — тов. Тверитиным заведующей филиалом между ВОКП и Месткомом — ежедневным сведением дня и проведением ею в жизнь решений последнего. Немаловажное значение имеет также и то, что Местком начал выступать в печати. Но, разумеется, все это еще недостаточно.

4. „Комсомольская Правда" ничего не сделала

Призыв рабочих - ударников в литературу повлек огромное количество комсомольцев - ударников. И ясно, какие задачи вытекают из этого для литотдела «Комсомольской правды». Что же было сделано? Говорим сразу: ничего. В трех выпусках с сентября 30 года по март 31 года литстраница — ни слова о призыве. Ни одного слова, посвященного этому важному литературно - политическому вопросу. И тем более смешно, что комсомольская «Правда» заявила, что она будет развивать работу по призыву.

5. Для кого существует клуб

Клуб писателей выполняется сейчас рабочими-ударниками. Руководящие кадры от клуба помощи. А клуб незаметен для них организационно. Квалифицированных писателей в клубе почти никогда не видно. В исключительных выступают единицы, поэтому, конечно, в случаях их отсутствия ламы и не менее старинных «кедербах». Совершенно отсутствует литературно-политическое воспитание. В работе клуба — главной целью: бесцельность и подальше от современности. Литературные организации не руководят клубом. Необходимо оздоровить работу так, чтобы рабочий-ударник стал подлинным хозяином клуба, чтобы не-растущему повернуться лицом к призыву.

Обследование достаточно показало, что подлинной перестройки лицом к призыву еще нет. Призыв требует внимания к себе и настоящей работы. Нужно срочно ликвидировать прорыв на этом фронте. Необходимо создать широкое совещание журналов и литотделов газет, совместно с активом рабочих-ударников по вопросам перестройки и работе с призывом.

Ударная бригада МАПП:
АНАШИН, ВЫРУБОВ, ЖУКОВСКИЙ, КОЗЕЛЬ, ПЛАКИДИН, ШЕЙНДЛИН.

Секретариат МАПП и «Литгазета» организуют совещание литературных журналов и литотделов газет совместно с активом рабочих-ударников по вопросу о перестройке их работы лицом к призыву. Совещание состоится 2 апреля, в клубе писателей, в 8 час. вечера.

Приглашаются представители журналов: «Октябрь», «На литпосту», «Рост», «Смена», «Молодая Гвардия», «Огонек», «30 дней», литотдела «Комсомольской правды» и др.

В МЕСТКОМЕ ПИСАТЕЛЕЙ

В клубе ФОСП состоялось 14 марта расширенное заседание Месткома писателей совместно с представителями Облсовета профсоюза печатников и печатников и обязательств по выполнению решений Месткома. С докладом о работе Месткома выступил заместитель председателя Месткома т. Тверитинов.

Среди книг

КРИЗИС ДВОЙСТВЕННОСТИ

Стихи М. Бажана*

Если писатель, живущий в годы социалистической революции, органически слился с нею, она входит в его творчество, она проникает во все поры, она звучит во всех его произведениях — о чем бы он ни писал и за какую бы тему он ни брался. Бажан, один из виднейших современных украинских поэтов, относится к числу тех писателей, в творчестве которых замолкает социалистическая революция даже тогда, когда она должна была бы явиться полновластной хозяйкой в теме. Немногочисленные стихи Бажана о революции и гражданской войне. Но только дата их написания, литературно-общественная деятельность автора и военные термины свидетельствуют о записи рождения: 20-й век, послеоктябрьский период.

Поэзия Бажана утверждает революцию как таковую. И даже точнее: не революцию, а движение энергий, отвлеченную борьбу, отвлеченную волю к победе. Гремят выстрелы, льется кровь, погибают бойцы, им на смену приходят новые отряды — во имя чего? Героизм смерти определен сам по себе. Кто победит? О какой революции идет речь? В чем различие войны пролетариата от, к примеру, буржуазных, или вообще рамках гражданской партизанщины? Цель, которую ставит перед собою пролетариат в социалистической революции, видит не выражены Бажаном. Над всем возвышается абсолютный закон. Ты должен! Ты обязан! — говорит Бажан бойцам. Красноармейцы в его стихах являются «мстителями за всех своих». Но эта формула применима к каждой войне, и менее всего к пролетарской революции.

Прошли года, в приходили внуки
На то поле, где доблестно пал дед,
И алыть черемх с любовью брали
в руки,
И плели их глазницами в рассвет.
Но остается множество. —
Забыв о них, опять через равнины
Прут лавы в радостный поход.

Бажан относится к числу тех поэтов, которые приняли гражданскую войну пролетариата без причтения ее подлинного классового смысла. Последующие годы, лишившие революцию вымпела боевых и являющиеся подготовкой осознанного штурма, отвели Бажана в сторону от пролетариата. Жизнь пошла совсем не теми путями, на которые звала ее идеалистическая установка Бажана. И больше того: отстраниться от непристойного островка идеализма оказалось невозможным. И тут Бажан, который не мог определить целей класса, задумался над проблемой субъективной цели и субъективной осмысленности этих. Оказалось, что «мечтам любимым так мало целей на пути» (стих. «Дорога»).

Поэзия Бажана зиждется на идеализме капиталового оттенка. Идеализм такого рода остается диктовать миру свои законы. Но революция опрокинула буржуазный идеализм. Человеческие рассудок не волен по своему произволу планировать объективную действительность. Но если так и если жизнь безлюдно, — тогда остается поход: не подчинение действительности, не отражение ее, а ее осуждение. Бажан создает эстетику уродств.

Тщетно мы бы стали на этом этапе творческого развития Бажана искать мотивы сегодняшнего дня в их непосредственном выражении. Они, эти мотивы, существуют в отраженном виде, они переведены на иных регистра, фантастики, символики. Вступают в свои права тема одиночества и тема горьких утрат, тесно переплетающиеся между собою. Город-спрут, город-чудовище, город-притон — также капиталистический город (одною своей стороной) у Верхарна, — также советский город у Бажана.

И звонят фонари у тайного
шантана,
И старательный встает во мраке
дом,
И мокнут железных рук в руках
трепещет пьяных:
Или-ка, стерва, выпимка вином.

Было бы ошибкой думать, что Бажан в цикле этих стихов дает гротеск капиталистического города. Нет, он создает отвлеченный образ города, воплощающего в себе черты и капитализма, и советского режима. Он выворачивает жизнь ее изнанкой, ее уродствами, гнилью, смрадом, тоской, шутерством, — и уродства это, жизнь вывернется справедливо жизнь — пусть именно такую! Поэма «Ночь Гофмана» является как бы декларацией провозглашаемой Бажаном эстетики уродств. Вот наиболее существенная часть этой декларации:

Кляну на плечи ночь напасти
Как стыд, как вязкую мякоть,
И плюю мою, отравленную плоть.
Терзаю, зол и ненасытен.
В стыду и мерзости, в бреду и
страсти
Повелеваю призракам — словам,
Из прорв сознания, из человеческих
ям,
Вы пауками тихими выпалите,
Как плуги, чей взор не чист.
Ползите вы без страха, без отваги,
Жабы и трупами вас положил
на листе
Бледнеющей от ужаса бумаги.

Так говорит Гофман в корчме, этот «ночной король терзательно-безумных и похоронных аккомбалей». Он возвращается домой и встречает в обычный и устойчивый буржуазный быт. От хитер, этот старик: он знает двойственность истины и знает среду в двух мирах— буржуазного кабинета и фетишистической кочной кермы.

И утверждение этой двойственности об'ективно превращается в вызов эпохе, начавшей из своих пределов мистику и чертовщину и утвердившей в качестве господствующего марксизм материалистический монизм Маркса, Энгельса, Ленина...

Бажан — в особенности в последних его стихах, — как будто вне политики. Но еще Блок хорошо понимал, что быть художнику вне политики — это и значит быть с теми, что делает политику эксплоататоры. Мы не хотим сказать, что можно сегодняшнего Бажана отнести к лагерю буржуазной литературы. Мы только хотим определить сегодняшний смысл его «вещественности». Творчество Бажана находится в движении. Но маршрут этого движения — по рельсам маршрута социалистической революции. В этом — суть дела. В этом — опасность, грозящая Бажану. Об этом его нужно прежде всего предупредить.

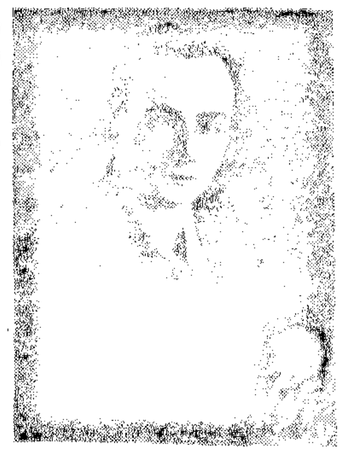
Было бы ошибкой думать, что Бажан в цикле этих стихов дает гротеск капиталистического города. Нет, он создает отвлеченный образ города, воплощающего в себе черты и капитализма, и советского режима. Он выворачивает жизнь ее изнанкой, ее уродствами, гнилью, смрадом, тоской, шутерством, — и уродства это, жизнь вывернется справедливо жизнь — пусть именно такую! Поэма «Ночь Гофмана» является как бы декларацией провозглашаемой Бажаном эстетики уродств. Вот наиболее существенная часть этой декларации:

Кляну на плечи ночь напасти
Как стыд, как вязкую мякоть,
И плюю мою, отравленную плоть.
Терзаю, зол и ненасытен.
В стыду и мерзости, в бреду и
страсти
Повелеваю призракам — словам,
Из прорв сознания, из человеческих
ям,
Вы пауками тихими выпалите,
Как плуги, чей взор не чист.
Ползите вы без страха, без отваги,
Жабы и трупами вас положил
на листе
Бледнеющей от ужаса бумаги.

Так говорит Гофман в корчме, этот «ночной король терзательно-безумных и похоронных аккомбалей». Он возвращается домой и встречает в обычный и устойчивый буржуазный быт. От хитер, этот старик: он знает двойственность истины и знает среду в двух мирах— буржуазного кабинета и фетишистической кочной кермы.

И утверждение этой двойственности об'ективно превращается в вызов эпохе, начавшей из своих пределов мистику и чертовщину и утвердившей в качестве господствующего марксизм материалистический монизм Маркса, Энгельса, Ленина...

Бажан — в особенности в последних его стихах, — как будто вне политики. Но еще Блок хорошо понимал, что быть художнику вне политики — это и значит быть с теми, что делает политику эксплоататоры. Мы не хотим сказать, что можно сегодняшнего Бажана отнести к лагерю буржуазной литературы. Мы только хотим определить сегодняшний смысл его «вещественности». Творчество Бажана находится в движении. Но маршрут этого движения — по рельсам маршрута социалистической революции. В этом — суть дела. В этом — опасность, грозящая Бажану. Об этом его нужно прежде всего предупредить.



Микола Бажан

Бажан «бегствует» от современности. Пролетарская революция, вторгавшаяся (и по годам все реже) в его творчество, получала в нем лишь абстрактное, метафорическое, «надклассовое» и «надисторическое» выражение. Концепция социалистического наступления Бажан противопоставил концепцию перерождения революции, эстетику революционной героики смены на эстетику уродств, мотивам Верхарна и Гофмана придал реакционно-упаднические акценты. А наряду с этим окрепли у Бажана националистические мотивы, отходя во получавшие преобладания, но выраженные все же отчетливо. Таковы, например, поэма «Беседа сердец», философия разговора поэта с появившимся призраком, символом старой культуры великорусского народа, заключается в характеристике этой культуры, как сплошь растленной и эксплоататорской. Бажан — «западник» потому, что его «западничество» перерастается в системой идей украинского национального Ренессанса». И он утверждает общую старинной украинской традиции почитания и симпатии, по знанию поляков и пестования его истории в набегах, войнах, походах.

Нам нравятся слова, как удалой
дым
Зловещих жерл, закопотых
татарином,
Мы воспеваем кровь, кусты,
кремно сваренную,
И чашню, простую и распаренную,
Приветим сердцем крупным и
простым.

У Бажана есть и другая творческая струя, прорвавшаяся к советской тематике, к сегодняшнему дню революции. Такова, например, его стихотворение о строящемся советском здании: «уже по над землей греметь, над сферою землей греметь построек музыка от века и до века». Но это лишь дополнительно раскрывает двойственность, пронизывающую все его творчество.

Куда же движется Бажан? Кризис двойственности не может длиться долго. Он найдет свое разрешение либо на путях идеологической реакции, либо на путях сближения с пролетариатом. Последнее отнюдь не исключено. Путь — неизбежный домик стилистических уродств мистического характера. Но его метод — социалистический реализм.

А. СЕЛИВАНОВСКИЙ

ВО ВРЕД И В ПОМОЩЬ УДАРНИКУ ЛИТЕРАТУРЫ

О ПОСОБИЯХ НАЧИНАЮЩЕМУ ПИСАТЕЛЮ

Новым кадрам пролетарской литературы в огромном количестве нужны всевозможные по технологии и методике литературы, по технике и методике работы книжки литкружка.

К сожалению, таких книг, отвечающих полностью огромным задачам строительства у нас пока нет. Чем пользуются и у кого не брать, получая в свет книги крайне вредные?

Вот книга В. Тверского — «Как работать писателю». (Гослитиздат). 1930 г.

Книга эта — пример усердной, средней литературы. Специфика литературы, по которой, например, в том, что «Литература — это средство реформирования человеческого опыта». И только. Специфика же литературы, как общественно - идеологической категории, как средства идеологического воздействия на общество, у Тверского выпала. Роль литературы, ее задачу, ее ключ — в познании действительности, но ни в коем случае не в переустройстве ее. Автор ни словом не обмолвился о глубоком характере литературы, о социально-экономических и общественно - идеологических условиях, рождающих литературу того или иного господствующего класса.

Разбирая разницу между стихами и художественной прозой, Тверской пишет: «Огромная разница между ними заключается в том, что в прозе мы уделяем меньше внимание смыслу, чем другой стороне речи, а в стихе наоборот, мы уделяем главное внимание звуковой стороне».

Нам, пишите ударники, заучивающие стихи, — нравится Тверской. — В них нет смысла, но зато много «звуковой стороны». Вот цена поэзии Тверского.

«Для создания художественного произведения, — продолжает Тверской, — нужны слова, выразительными словами, красивыми эпитетами, яркими сравнениями, и т. д. и т. д. Все это и будет необходимым материалом». Дело тут, по Тверскому, не в образном мышлении — основе художественной литературы, а в загромождении и продвижении опухших всех этих словом, против которых нужно начинающему писателю бороться.

Для того чтобы стать писателем, Тверской списал совершенно достаточным изучение языка, записную книжку, свою среду, о которой писать, наблюдательность, память. Такова программа - максимум Тверского. Работу же над мировоззрением Тверской считает начинающему, ненужной. По такой отчетливо - реакционной теории нужно бить со всей решительностью.

Книга Г. Якубовского — «Литературная памятка начинающим» («Федерация», 1930 г., т. 10.000 экз., п. 50 к.) состоит из статей по различным вопросам литературной техники (очерка, стиха), критики - библиографических статей о Горьком, Подъяпьеве и статье «Ленин в художественной литературе».

Якубовский, в основном верно показывая социальные корни происхождения поэзии, — «Источники поэзии — труд, производство, общественная жизнь, классовая борьба», — впадает в формалистическую установку, правильно в вечном критикуя (в противоположность Тверскому) кружковцев с взорах своими сложными, вычурными и другими недостатками. Свои утверждения он иллюстрирует совершенно недостаточным количеством и тому же малоубедительную материала. Говоря об очерке, Якубовский совершенно не показывает на конкретных примерах, как же нужно писать очерки. То же и со стихами. Огромный недостаток этой книжки, помимо механического социальных конкретно разнохарактерных статей, еще и в том, что литературную учебу Якубовский рассматривает вне связи с культурной революцией, вне связи с социалистическим строительством.

Система Якубовского дезориентирует читателя в литературно - политических вопросах и является тем злостной, непригодной для читателя книгой.

Совсем в другом плане написана книжка Ап. Суркова — «Памятка — ударнику-рапповцу» (Гихл. 1930 г., т. 10.000 экз., п. 12 к.), Мих. Юрина — «Литературный кружок на предприятии» (Молодая гвардия, 1930 г., т. 30.000 экз., п. 10 к.), А. Селивановского — «Творческие задачи пролетарской литературы». (Гихл. 1930 г., т. 10.000 экз.).

Цепкая письма Суркова, рассчитанная на то, чтобы ввести всех участников пролетлитературного движения с двух вопросов и форм работы, без знакомства с которыми трудно правильно начать плодотворную продуктивную работу в новом кружке. О всей книжке Суркова сказать. В книжке достаточно ясно обрисована роль и участие литературного кружка в жизни предприятия.

Книжка Юрина написана в этом же плане. Она является одной из первых попыток дать установку конкретной работе низовых кружков РАПП. Тема ее более сужена, но зато более конкретизирована. Юрин говорит, языком образом, о вопросах организации литературного кружка и об организации его работы. Вопросы дисциплины, показательной, оценки творческой продукции кружковцев, расширения тем, роли и задач руководителя — вот круг вопросов, освещенных довольно полно в книжке М. Юрина.

Книга Ал. Селивановского «посвящена основным вопросам творческой платформы пролетарской литературы». Задачи книжки — ознакомить кадры ударников - рабочих, пришедших в литературу, с историей классового, с основными тенденциями современности, получить представление и существе взаимоотношений творческой дискуссии.

Успешная и полезная в популярном изложении специфику литературе, сущность ее, как особой формы отражения классовой практики, вводит читателя в некоторые познания законов «живого человека», со сложными всех и в «мелких мясов», решения их на конкретных примерах — Селивановский ухудшает это основными вехами истории капитализма, с борьбой против «вождизма», стихийного фактотребительства, перекальского «шумизма», «перекрасивания», «литфронта». Селивановский вскрывает реакционную сущность «литературного барства» — этого «презрения так называемых «малых жанров» (частушка, лозунг, подпись к рисунку в газете и т. п.), которым болеют не только высококвалифицированные писатели, но и многие из литкружковцев. Разоблачив это, Селивановский много внимания уделяет малым типам писателя. Эта книга поможет кружковцу осознать взаимоотношение классовых сил на литературном фронте сегодня и поможет кружковцу разобраться во всех сложностях литературной действительности.

Имеющая необходимость в таких книгах в практике низовых литературных кружков ощущается сейчас неостро остро.

Григ. ГОРОХОВ.

НИКОЛАЙ ГУДЕВ

ОСТРОВ

АКТ ВТОРОЙ СЦЕНА ВТОРАЯ

Кабинет следователя. За столом следователь Брагинский и его заместитель Крапоткин. Перед столом — высокий, румяный мужчина с пушистыми усами, сапожищами, зубами и бараньими глазами. Две недели, проведенные им под следствием, не подточили его святой жизнерадостности.

Мужчина.
Я подтверждаю свои показания
Касательно Петра Кузьмича.
Крапоткин.
Вы давно с ним знакомы?
Мужчина.
Еще по Казани.
Брагинский.
Брал ли он взятки?
Мужчина (обиженно).
Не замечал.
Крапоткин.
У вас есть его письма?
Мужчина.
Одно хранится.
Брагинский.
О чем?
Мужчина (удивленно).
Но о транспорте ж мясо эфирного.
Брагинский.
Вы вели за него переписку с заграницей?
Мужчина.
По делам учреждения. С берлинскими фирмами.
Крапоткин.
Как он был с подчиненными?
Мужчина.
Вежлив и кост.
Брагинский.
Образ мыслей?
Мужчина.
Советский. Готов хоть под суд итти.
Брагинский.
Так вот. Он вел двойную игру.
Мужчина.
Кто? Петр Кузьмич? Караваев? Вы шутите!
Крапоткин.
Он бежал в Берлин, под носом таможни
Украв солидный валютный куш.
Через него велась подготовка.
Он письма предательски шифровал
ные,
Наивно карябал под диктовку.
Для вас с тобой — он жалкий
статист.
Для того вредители — прочная база.
И что ж? Против глупости нет статьи,
И я его отпустить обязан.
Крапоткин.
Нет, отчего же, статейки есть.
Откуда в тебе эта хлябь всепрощенья?
Брагинский.
Так по-твоему наша задача—месть?
А я думал — защита и предотвращение.
Засадить его? На устрашенье кому?
Лабазнику с Трубной? Солежанке
с Петровки?
Оч-чень нужны для грядущих коммун
Пять лет этой чертовой бабьей
коровки.
Крапоткин.
Коровка? Скорее гиппологам.
Так ему и гулять?
Брагинский.
Да не охай зря-то.
Конечно, сообщим в учреждение, а там
Вычистят с треском по первому разряду.
Государство его не накормит котлетой.
Но пойми, дружище, возможно иначе:
Настоящий враг кричит — «Пятилетка»,
Промфинплан он видит даже во сне,
В командировке (в спальном вагоне),
Спав живет, поплевав на стекло.
Он пишет статью «догоним-перегоним»,
Он сотню — лимиту гонит,
Вызывая: «Кто слесухин? Алло?»
Ни горяется его пионеры-дети.
И героем труда считает жена.
И только днем, в своем кабинете,
Удав разворачивается спокойно.
Разевается пасть в ожидании корма.
Чернила текут, как слюна с пера,
Бракуется **неловая** реформа,
На **сомнительной** рессоре: «Давно пора».
Он продумывает: «Сделать то-то и то-то,
И в таком-то районе уже вчерне...
А там величья... А там...»—и за
сметы
(О, его почтили когда-то считать).
Он когтями в сердце страны вонзится
Таким хладнокровным движеньем
руки,
Что кулак-подпевские убийцы
Перед ним — щенки и сопляки.
И взлик машинки повернут круто,
И буквы ложатся жирно, черно.
И вот уж летят во дичайшим
маршрутам
Нефть, кукуруза, уголь, зерно.
Но на заседаниях, при партначальстве.
Контакуя снабжение с нив и шахт,
Он критит о срывах, о головотяпстве,
От которого, мол, до вредительства
— шаг.
И только когда низбежный «некто»
(Так он нас зовет) швырнет его вон,
Когда ни бежать, ни спрятаться
некуда
От прожекторов наших бесстонных
глазниц,
Тогда он обмякнет душой и телом,
Юникою страх с него потечет.
Тогда он — привычка великое дело —
Даст привычно-точный отчет:
«Такого-то сделал такую-то подлость.
Там-то такую-то бочку пробил.
Столько-то тысяч тонн стянул».
И вечный припев: «Меня среда
воспитала
До Октября. Даже до Февраля.
Я идейный борец за власть капитала,
Которому место у руля.
Я с вами боролся в силу традиций.
Но, клянусь, еще в пожарищный
четверг
Я успел убедиться, перекрыться
И все силы стопам диктатуры повергнуть.
И глаза маслянятся блеском умиленным,
И горят идейности чистой огни.
И в Берлине или Лондоне сэр Смит.
терр Шнейдман
Достают одну из кассовых книг
И, изучив, записывают без помарок,
По-еврейски аккуратно:
«Столько-то тысяч фунтов (стерлинг)
В непредвиденный расход — безвозвратно».
А через неделю шифрованными письмами
Им подтверждает неоплаченный скот,
Что и адресаты получек списаны
Диктатурой пролетариата в расход.
Крапоткин.
Жму руку. Превосходный анализ.
Прямо будем говорить — не плохой.
Но, вспомните, мистер: вы разорались
По поводу этого мешка с трухой.
Ему — вами должное еще не отдано,
Подите, поймайте сто за хвост-ка?
Брагинский.
Серебро — максимально теплопроводно.
Пенка? Вот в том-то и загвоздка.
Вспомни, как мой мопсенок резвится?
Ах, Крапоткин. Зелено-молод!
Дурак для вредительства — провокатор,
Как серебро — змд тепла и холода.
Одного-то мы ищем, и — верю —
«обрящем»
Средство — стряхнуть с себя этот
балласт.
Чтобы встретиться с врагом настоящим
С глазу-на-глаз. Нет. С классу-на-класс.

Занавес.

Рис. Н. Гапилова

Свисток!

„ОСТРО, КАК УКОЛ, НЕОЖИДАННО, КАК МОЛНИЯ"

В первой книжке журнала «Новый мир» появилась рецензия Н. Матвеева на книгу Л. Копыловой «Первое стихотворение». Эта рецензия по всем признакам кладет начало новому жанру критических миниатюр, который можно назвать жанром «зацветающего поэта». Игривость мысли, метафорическая кудрявость, соединенные с глубокой идейной взволнованностью, изобличают в рецензенте не только поклонника муз, но и человека незаурядной смелости, который не окончив, повидимому, гимназии первой ступени, берется за руководящую критику «в нашем лучшем центральном попутническом журнале».

Впрочем, никакие отрывки не могут дать представления об этом шедевре ума и поэзии, которые мы лучше приведем полностью. Вот это «стихотворение в прозе».

Л. Копылова. — «Первое стихотворение». Изд. «Пролетарий», 1930. Стр. 127. Ц. 60 коп.

Л. Копылова любит сочные, цветы, молодость, любит радостную жизнь и верит в нее. Больше она ничего не знает. И, может быть, ее никто не должен знать. «Первое стихотворение» лишь подтверждает избранный (и пусть законный. Так это и есть, пусть) ее путь молодого и мучительно ищущего поэта в рабочем государстве. Остро, как укол, и неожиданно, как молния, раскрыла поэт Михаил Поповкин. Но работа только начата и больших мастеров литературного мастерства. Так что в этом смысле многообещающее явление. В сознательное плетение жизни является здесь настойчивая и щемящая нотка грусти и беспокойства. Здесь Л. Копылова может расчленяет свою сокровенную тему, разбрасывается много по сторонам и открывает для читателя (не знающего) ее творческую лабораторию. Но самое ценное — это ее стихи. Огромный недостаток этой книжки, помимо механического смешения совершенно разнохарактерных статей, еще и в том, что литературную учебу Якубовский рассматривает вне связи с культурной революцией, вне связи с социалистическим строительством.

Система Якубовского дезориентирует читателя в литературно - политических вопросах и является тем злостной, непригодной для читателя книгой.

Совсем в другом плане написана книжка Ап. Суркова — «Памятка — ударнику-рапповцу» (Гихл. 1930 г., т. 10.000 экз., п. 12 к.), Мих. Юрина — «Литературный кружок на предприятии» (Молодая гвардия, 1930 г., т. 30.000 экз., п. 10 к.), А. Селивановского — «Творческие задачи пролетарской литературы». (Гихл. 1930 г., т. 10.000 экз.).

Цепкая письма Суркова, рассчитанная на то, чтобы ввести всех участников пролетлитературного движения с двух вопросов и форм работы, без знакомства с которыми трудно правильно начать плодотворную продуктивную работу в новом кружке. О всей книжке Суркова сказать. В книжке достаточно ясно обрисована роль и участие литературного кружка в жизни предприятия.

Книжка Юрина написана в этом же плане. Она является одной из первых попыток дать установку конкретной работе низовых кружков РАПП. Тема ее более сужена, но зато более конкретизирована. Юрин говорит, языком образом, о вопросах организации литературного кружка и об организации его работы. Вопросы дисциплины, показательной, оценки творческой продукции кружковцев, расширения тем, роли и задач руководителя — вот круг вопросов, освещенных довольно полно в книжке М. Юрина.

Книга Ал. Селивановского «посвящена основным вопросам творческой платформы пролетарской литературы». Задачи книжки — ознакомить кадры ударников - рабочих, пришедших в литературу, с историей классового, с основными тенденциями современности, получить представление и существе взаимоотношений творческой дискуссии.

Успешная и полезная в популярном изложении специфику литературе, сущность ее, как особой формы отражения классовой практики, вводит читателя в некоторые познания законов «живого человека», со сложными всех и в «мелких мясов», решения их на конкретных примерах — Селивановский ухудшает это основными вехами истории капитализма, с борьбой против «вождизма», стихийного фактотребительства, перекальского «шумизма», «перекрасивания», «литфронта». Селивановский вскрывает реакционную сущность «литературного барства» — этого «презрения так называемых «малых жанров» (частушка, лозунг, подпись к рисунку в газете и т. п.), которым болеют не только высококвалифицированные писатели, но и многие из литкружковцев. Разоблачив это, Селивановский много внимания уделяет малым типам писателя. Эта книга поможет кружковцу осознать взаимоотношение классовых сил на литературном фронте сегодня и поможет кружковцу разобраться во всех сложностях литературной действительности.

Имеющая необходимость в таких книгах в практике низовых литературных кружков ощущается сейчас неостро остро.

Григ. ГОРОХОВ.

А еще говорят после этого, что у нас скучная критика. А еще говорят после этого, что у нас нет трибуны для изощренных стилистов. Есть еще в редакциях некоторых журналов люди, которые по-настоящему «обожают искусство».

Б. Н.

ПРОРЫВ В ГИХЛ

БОРЬБА... ПРОТИВ КАЧЕСТВА ПРОДУКЦИИ

Сектора искусств и периодических изданий ГИХЛ являют собой пример неорганизованности, бесплановости и бесхозяйственности

Второй рейд бригады „Литературной газеты"

МЫ СПРАШИВАЕМ ПРАВЛЕНИЕ ГИХЛ —

ПОЧЕМУ ОНО НИКАК НЕ РЕАГИРУЕТ НА МАТЕРИАЛЫ, ПЕЧАТАЕМЫЕ В „ЛИТГАЗЕТЕ"?

Бригада «Литературной газеты» продолжает обследование и ознакомление с работой секторов ГИХЛ для выявления причин прорыва. При втором рейде бригада обследовала Сектор искусств, театра и кино, Сектор поэзии и Отдел периодических изданий ГИХЛ.

80.000 рублей брака

Тяжелое наследство получил Сектор искусств, театра и кино ГИХЛ 5 месяцев назад от Теа-кино-печати, влившейся в ГИХЛ. Весь портфель этого издательства вместе с долгами механически перешел к ГИХЛ. Насколько укоренилась халтура и приспособленчество в литпродукции Теа-кино-печати, видно из того, что Сектор искусств ГИХЛ из переданного ему портфеля забраковал по 30 проц. всех рукописей, более чем за 30.000 рублей.

Для повышения качества продукции Сектор заключил соглашение с Комакадемией и сектором искусств Наркомпроса, по которым вся исследовательская продукция по театру и кино должна была выпускаться в ГИХЛ. Но пока Сектор искусств, театр и кино не выпустил на печати ни одной книги. На всех заключенных договоров Сектору удалось сдать в печать только... одну рукопись.

По 3 дня на пьесу

Около 100.000 самодеятельных художественных кружков, полтора миллиона драмкружковцев по РСФСР до сих пор принуждены читаться непролазной халтурой, наводняющей книжный рынок.

Положение с этой литературой—прямо катастрофическое. Качество выпускаемых сектором книг совершенно неудовлетворительно и по своей идеологической установке. Еще не изжиты очень приспособленчество, лакировка и красная халтура. Небольшая группа авторов захвата монопольное положение.

Центральный дом искусств им. Крупской реализующий свою продукцию через Сектор искусств, театра и кино, вместо того, чтобы бороться с низкопробной халтурой, сам ее поощряет. ЦДИ неоднократно заказывал авторам пьесы к текущим общественно-политическим кампаниям, как им срок... от 5 до 7 дней. Авторы пекут эти пьесы без подготовки и изучения материалов.

До сих пор Сектор не сумел запретить постоянную связь с рабочей общественностью. Связь партактивом и обществом отсутствует работа-смычки-договоры.

Без руля и без ветрил

Перебранку, бесплановость, безответственность, какие существуют в Отделе периодических изданий, трид не найдешь еще где-нибудь! Чуть ли не в систему работы Отдела перешла волокита недопустимая и возмутительная задержка по выпуску периодических изданий ГИХЛ. Нельзя умолчать и о грубо-халатных взаимоотношениях редакций, сдающих материал в печать с опозданием от 1 до 12 дней, и о больших задержках в печатании журналов типографиями, в бюрократизме Книгоцентра, задерживающего выпуск отстающих изданий по типографиям и сдаче.

Журнал «Советский театр», вышедший из печати 23 января, поступил в продажу 26 февраля. Газета «Советское искусство», которая сдает материал в печать вовремя аккуратно, поступает в продажу не ранее 3 — 4 дней после выпуска. До сих пор еще не сдались из печати журналы: «Пролетарское кино», «Литература и искусство», «РАПП», «Литература мировой революции».

Не выходят до сих пор в № 2—3 (спаренной) журнала «Советский театр» и журнал «За рубежом». Производственный отдел ГИХЛ является связующим звеном между типографиями и выпускающими изданий. Отсюда и все качество. Рукописи и корректуры путешествуют из типографии в редакции журналов через производственный бюро-практический производственный отдел ГИХЛ и подолгу задерживаются в «недрах» аппарата. Качественные журналы, выходящие в срок,—«На литературном посту» и «30 дней». Есть исполадки и значительные задержки и в высшего авторского гонорара в связи с ее централизацией.

По садам ГИХЛ и Теа-кино-печати

Нет бумагу. Поэт прекрасно профинансирован по Сектору современной литературы. Не выпускается тщательно отделанные переводы иностранных писателей. По сады Сектора искусств, бывшей Теа-кино-печати, роскошно произрастает, радуя армию халтурщиков, приспособленцев и просто графоманов. Чтобы не распространяться, будем просто цитировать, называть авторов и указывать головокружительные цифры тиража.

Палачом со скромных тиражей: «Дрейсер «Эдмунд», автор Генрих Наков. Перлы:

«Под обстрелом газовым боя
Чекко прыгал точно конь
А у пропорщика штаны
После Изера полны».

Дальше из области частной порнографии: «...они ведь со вкусом бабеночки, эти мулатки»... Мулатку! Хочу мулатку!.. «...Ну, так я тебя научу. (Всем телом прижимаясь к телу)» Разве французский моряк может отказаться от женщину...».

Оказывается, эта пьеса о восстании грейсеры «Эдмунд» в Индокитае, а вождь восстания—Чодеи говорит буквально следующее: «Мы не думаем отличаться, как Каморовцы (Ц отвечал в англичанам при Ватерлоо... (Взрыв хохота. Слышны возгласы: «Вперед! Да здравствует взрыв революции! Интернационал! Интернационал!)».

Этот недель тайп в ГИХЛ в количестве 6.000 экземпляров.

«Четыре урожая» — автор Волженин Р. Куплеты в финале:

Ей капусту лили Пров
А народ дивился
Сел без фунта семь пудов
И не кодзется.

Выдано Теа-кино-печатью в 1929 г., невзирая на перехода в ГИХЛ, 10.000 экземпляров.

«Екатерина Перхуша» — авторы Адушкин и Гралов. Тема пьесы — работа Красной армии на окраинных пунктах. Катерина Перхуша, работница, слушательница тракторных курсов, член Осоавиахима, член шефской комиссии, говорит ефрейтору иностранной армии, перешедшему тайно границу: «Если бы я выкинул, вы оба—и ты и Андрей—сцепились бы друг с другом. И тогда действительно пролилась бы кровь». (Андрей—пограничник-красноармеец).

Разве не трогательны пацифистские туристы: «Почему что вы оба братья». Тут же и пасует клубничка: «Минор, указывая на Екатерину: Возьми эту девочку и...». Вернейшее многотиражие. Издано ГИХЛ. Тираж 9.000.

Частушка А. Д'Актиля. Тираж 50.000!

Украсно я сажу брусья
Обтешу их опереду
В воскресенье потружусь я
Отгуляюсь и в середу.

«Хрящ». Первый ударная бригада драматургов—весенней посевной кампании.

Пуще жизни мне мила фенька-штапах,
До шутра, лишь, провала самовар рубаху.

«...Вегу! Дорски лай напинуть». Хлоп-переброс: «И без портов можешь! Не простудишься!». **Сорвинусь!».**

Тема пьесы, по мнению авторов, колхозное строительство в животноводстве. Тираж—24.000. В заголовке—ЦД самодеятельного искусства в городе и деревне. Б. Потешный дом.

На верх издевки и пошлости — «Полуклюк» А. Волчков — «самодеятельный клубный театр». «Из современного рабочего быта». Современный рабочий быт, на языке автора, отличное полотно. Советский миллионер представляет в виде старорежимного фарона и разговаривает так: «Будешь говорить много, столько поразишь, кот тебе и торговля. Не надоеть покрывало». «Хорошие люди, им можно, а мне нельзя». «Стой, смотри, да облизывайся».

Раз докладчать я женился
И не раз не разводился,
Алиментов не платил
И с женой не ходил!

Это опять Теа-кино-печать, третье издание. Тираж 10.000.

Мы приводим сравнительно в малом перечне, но в сущности многое можно цитировать от корки до последней страницы. **Все было разрешено ГРК, пропущено Главлитом** и напечатано и, что хуже, распространялось массовыми тиражами. Но есть вещи немилующие, не пропущенные ГРК, их стоит цитировать по рукописи:

Дабек Висенский. «Великий почин» —ораторий:

Хотим:
Чтобы от всякого (!) дела
Нам не зевать было и рано.
Если опасность видиесен
И мальчит угровой плет,
То в самого красноармейца (!)
Крестьянин с границе шанел.

Какой крестьянин и почему в самом? Тайна автора.

Из сборника о пригородных совхозах:

«Коняшка, телятки,
Коровы в порядке,
Колхозное стадо,
Ах, стадо, что надо».

Безграмотную чушь не пропустил Главлит. Теа-кино-печать задачу не прочь была бы решать.

На этом можно прервать прогулку по садам ГИХЛ и Теа-кино-печати.

Стихов ударников принять нельзя

Вверенные в практике издательской работы нельзя поэзию выделено в самостоятельную редакцию. Руководство этой редакцией поручено самим поэтам. Казалось бы, теперь прорыв все-таки или этого участка литературного фронта. Но далеко еще не изжито косное, порой бюрократическое отношение со стороны издательских работников. Несмотря на наличие самостоятельной редакции, поэзия, в практике работы ГИХЛ, остается на задворках издательства. Эти задворки именуются «заревским планом». Редакция поэзии должна будет доказать свое существование только потому, что в ее распоряжение нет бумаги даже для выпуска тех тридцати книг, которые намечены по плану на 1931 год.

Под угрозу поставлено и издание стихов рабочих-ударников, так как редакция поэзии отдано распоряжение заведующим ГИХЛ не принимать ни одной рукописи.

До сих пор в портфеле редакции всего одна рукопись-сборник, принятый от поэтов-ударников, но нет ни одного заключенного договора с отдельными поэтами-ударниками.

Мало того. До сих пор, несмотря на имеющуюся «редакцию поэзии» в системе ГИХЛ есть отделы, выпускающие сборники стихов. Это — редакция «Новинок иностранной литературы» и редакция «Литературы народов СССР», выпускающие переводную поэзию. Все эти редакции работают без малейшей согласованности.

Такая децентрализация, кроме неразберихи и путаницы, никаких результатов не дает.

Плана редакции поэзии заслуживает большого внимания. Редакция поэзии поставила перед собой задачу познакомить читателя с поэтами-публицистами XIX века.

В произведениях этих редакция находит талантливые поэты-публицисты, которым эпигоны эпатаж буржуазно-либеральной литературы, например, Трефолев (автор «Дубинушки» и целого ряда других песен, стилизующих народную). Курочкин и др. Кроме того, в плане предполагается издание целого ряда антологий. В разделе переводов почетное место занимают также поэты-публицисты: Уитмен, Беранже — новый перевод, Фрейлигрет, Вафа — индусский поэт, ныне современник и др.

Но часть названных поэтов-современников плохо разработана и малоубедительно. Здесь есть целый ряд спорных мест. Из ряду с нужными и несомненно нужными и интересными книгами плана, принимает со вниманием поэтику бумаги, изобрущей большой непроизводительных затрат и напрасным перегружением не совсем нужных книг.

К недостаткам работы редакции поэзии нужно отнести плохую связь с рабочим рецензентом ГИХЛ и отсутствие связи с кружками рабочих-ударников и с писательскими организациями.

Руководство ГИХЛ должно пересмотреть свои отношения к редакции поэзии, обеспечив минимальную потребность редакции в бумаге на 1931 год, главным образом, имея в виду планы рабочих поэтов.

Бригада «Литературной газеты»: А. БИДИН (Электрозавод), А. БУБЕН (зав «Серп и молот»), В. ДМИТРОВ (МАПП), Л. НИКУЛИН, Е. ГАБРИЛОВИЧ, А. КРУПНОВ («Литературная газета»)

В ШТАБЕ ПО ЛИКВИДАЦИИ ПРОРЫВА

22 Прошло 15 дней со дня организации штаба по ликвидации прорыва в ГИХЛ. Штаб выпустил два бюллетеня, организовал 10 бригад, в которых участвует свыше 40 человек.

23 Прорыв в ГИХЛ гораздо глубже, чем его характеризуют цифры выполнения производства. Издательство при настоящем своем положении стоит под угрозой дезорганизовать работу отдельных редакций или чрезвычайно сократить объем их работы из-за отсутствия бумаги.

24 Организованные штабом бригады выявили объем прорыва ГИХЛ на отведенных им участках и составили календарные планы ликвидации этих прорывов. Между тем работа ряда бригад не может быть признана удовлетворительной. Некоторые товарищи не с полной мере осознали всю важность порученной им работы и отнеслись к ней слегка кучево. Не все бригады выявили причины прорыва, не поняли свои конкретных виновников прорыва, чем ослабили значение и роль общественных бригад.

25 Штаб ГИХЛ по ликвидации прорыва из-за неработоспособности ряда бригадиров, вышел из их состава и самовал двумя товарищами.

26 Несмотря на то, что рабочий редсовет ГИХЛ в свое время объявил себя мобилизованным на ликвидацию прорыва, пока только несколько товарищей из рабочего редсовета принимают практическое участие в работе штаба.

27 Мособлсовет бумажников и печатников заслушал на заседании президиума обязательства совета доказ треугольника ГИХЛ и решил принять решительные меры для содействия ликвидации прорыва. Обязал совета организовал рабочие бригады из рабочих полиграфпредприятий, которые осуществляют рабочий контроль за выполнением производственных ГИХЛ.

28 20-я типография в течение марта полностью выполнит взятые на себя обязательства и даст 3½ миллиона листов оттисков продукции в срок. Нет еще перелома в работе 14 типографий которая уже сорвала план сдачи литпродукции в марте.

29 Редакции журнала «Пролетарское кино» сообщила ошибку материала в № 3; под угрозой срыва и № 4. Штаб ГИХЛ решил поставить вопрос о предании редакции журнала товарищескому суду.

30 Бригада по выявлению причин бумажного прорыва внесла целое предложение—журналы не сдавать в розничную продажу, выпускать без обложек, но в начале подписного года давать обложку бесплатно всем подписчикам. По расчетам бригады, сделав с обложки бумага только 8-ти названий составляет 1.496 обложек, т.-е. при среднем тираже в 1.000, это составляет 200 новых названий.

***

В следующем номере будет дано обследование бригадой остальных секторов ГИХЛ и выводы о работе издательства.

ИЗДАНИЯ ПО ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЮ ПОД УГРОЗОЙ СРЫВА

В связи с прорывом в ГИХЛ, или, вернее, в связи с мероприятиями, проведенными по ликвидации прорыва, оказалось под самым носом издание по литературоведению.

На заседании правления от 17 марта с. г. «в порядке ликвидации прорыва» серьезно обсуждался проект о ликвидации... редакции литературоведения, перевооружающей свой редакционный план в месте всего новинкой и прорыве, с передачей названий по литературоведению «соответствующим редакциям».

Автору этих строк пришлось указывать на вздорность этого проекта и с чрезвычайным видом приводить общеизвестные истины о том, что в литературоведении важно не только то, о чем пишут, но и как пишут, о надбудимости единой методологической направленности и актуальности книг, будь это исследование о Маяковском или о древних греках. Без «гениальных» авторы проекта предложили, например, такое: если Фриче написал книгу о Маяковском — редактировать ее и издавать должна редакция поэзии, ежели дело идет о Пинкевиче — редакция новейшей пролетарской литературы, о Ленине, например, редакция современной литературы, о Пушкине, Черниховском или Гете — классики, о Сильвере — редакция иностранной литературы и т. п.

Пришлось указать «рационализаторам», что собрание сочинений Фриче при таких условиях будет издаваться шесть редакциями, и то за это сие работе методологического порядка издательство заслуженно будет скоро отказаться, так как ни в какой редакции их «по принадлежности» не примут.

Кроме того, никем пока еще не отмененное правило гласит быть последовательным и напоминал на том, чтобы в порядке ликвидации и рационализации, по тем же мотивам, ликвидировать не только редакцию литературоведения, но и **все издательство в целом**, с передачей всего соответствующим издательствам. Примерно сказать в книге речь идет о коллективизации — Сельхозгизу, об индустриализации — Госснабиздату, очередной том Маяковского, все наличные его рекламы, — Рекламиздату, в Кырзов и Узбекгиз, в той части, где речь идет о гармониках и гитарах, — Музгизу и т. д.

Редакция на это не согласилась. Редакция литературоведения осталась в неприкосновенности.

Но труд, вынесенный над редакцией литературоведения, не пропал. На том же заседании правления был переработан окончательно ОТИПом (в третий раз) список по редакциям. Если в свой розовый редакции литературоведения было выпущено 4.500.000 листов оттисков, а при второй—3.500.000, то сейчас ей доставлось всего **2.900.000 листов-оттисков, что составляет 45 проц.** и без того сжатого первоначального годового плана.

Это обстоятельство в сжатые хуже и серьезное значение «сосенных проектов». Листаж, выделенный для литературоведения, — ниже всякого минимума, ибо **производственный и редакционный портфели редакции уже сейчас покрывают всю годовую норму.**

С трудом начавшаяся работа редакции литературоведения сжет под угрозой срыва. Речь идет не только о том, что придется отказаться от ряда проектов, как, например, от издания книг по ленинской технологии для ударников, и т. д. Книги об актуальных вопросах литературного сегодня попадут в будущем году. Историко-литературные монографии также попадут в длительный «загон». Не умея расценить, уловит интересный серии книг «У истоков пролетарской литературы», включенная в себя ряд монографий о зачатках пролетарской поэзии в XIX веке во всех западно-европейских странах и в Америке (немецкая рабочая социалистическая поэзия, поэты якобинского восстания, поэты чартистского движения и т. д.). Еще хуже обстоит дело с приданой — после литературной борьбы (это не выдумка),—жестокой изъятия «Библиотекой ленинизма-марксизма» (Ленин, Плеханов, Меринг, Лафарг, Всеровский и т. д.). Прорыв финансовые затруднения в издательстве и сокращение листажа по литературоведению лишают возможности заключить соответствующие договоры с редакторами и комментаторами этой библиотеки.

Не лучше обстоит дело с приданой — после литературной борьбы (это не выдумка),—жестокой изъятия «Библиотекой ленинизма-марксизма» (Ленин, Плеханов, Меринг, Лафарг, Всеровский и т. д.). Прорыв финансовые затруднения и

О ЧЕМ ЗВОНЯТ „КОЛОКОЛА"

«Можно ли предпочесть себе сейчас в Москве, в одном из центральных мест ее, возможность многочасового сбора, слушающего лекцию Лозы Бенуа, например, мистические пророчества Бальмонта, танцы Дункан, Мариенгофа и им подобных? Эта мысль кажется дикой. Однако именно в Москве гораздо больше, чем в Париже, в Берлине, в Праге, в Софии, в Белграде, в Варшаве, в Риге, в Ревеле, в Гельсингфорсе, в Праге, в Праге, в Праге

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Орган Федерации Об'единений Советских Писателей РСФСР

МОСКВА 29 МАРТА 1931 г. № 17 (116)

РЕДАКЦИЯ: Тверской бульвар, 25, Дом Герцена. Тлф. 2.80.12

БОЕВОЙ ПРИВЕТ

Секретариат РАПП шлет боевой привет воинствующему органу большевистской литературной критики—журналу «На литературном посту»—в день его пятилетия.

Пять лет «На литературном посту» борется за марксистско-ленинскую линию в области искусства, за идейную гегемонию пролетарской литературы.

Руководствуясь ленинской теорией культурной революции, отстаивая партийную линию на фронте литературы и искусства, напостовство было и является авангардом пролетарского литературного движения.

Борьба с буржуазной литературой, с правым и «левым» оппортунизмом, непримиримая, большевистская борьба с Троцким, Воронским, Бухариным и их школами, с рапповской «левой» (Лелевич, Родов, Вардин и их подголоски), с пролеткультовщиной и литературной цеховщиной, с литературным меньшевизмом (Переверзев и его ученики—Беспалов, Зонин и др.), с беспринципной группой мелкобуржуазных интеллигентов «Литфронт», об'единившей в себе правые и «левые» элементы в литературном движении, с нефовщиной, формализмом, с целым рядом других больших и малых противников партийной линии в области искусства, со всеми и всякими противниками пролетарского литературного движения—таков путь, пройденный журналом «На литературном посту».

Вступление в период социализма предъявляет пролетарскому искусству новые, огромной сложности, задачи, которым во многом еще не отвечает наше движение.

Призыв ударников в литературу, большевизация и орабочение всей нашей организации, решительная большевистская самокритика, решительное исправление ошибок и недочетов, которых еще очень много в нашем движении,—так поднимается пролетарская литература на новую ступень, становясь все более боеспособным отрядом на фронте социалистического строительства.

Журнал «На литературном посту», возглавляя эту перестройку, воспитывает новые рабочие кадры в беспощадной борьбе с буржуазной литературой и ее влияниями в наших рядах, в непримиримой борьбе с агентурой меньшевизма, с правыми и «левыми» капитулянтами, в атмосфере большевистской самокритики и исправления собственных ошибок.

РАПП, его ведущий отряд—напостовство, борется за создание литературы, достойной пролетариата и эпохи осуществляющегося социализма, за создание литературы, которая, являясь доступной для миллионов, стояла бы на уровне идей Маркса и Ленина и, по своей художественности, была бы выше литератур всех предшествующих классов.

«На литпосту» должен быть и впредь форпостом воинствующего большевизма на фронте искусства, давая отпор классовому врагу, всем и всяческим ликвидаторам пролетарского искусства, правым и «левым» капитулянтам, всяческим вульгаризаторам марксизма-ленинизма.

Напостовство вырастет в мощное, массовое движение, которое, под руководством партии и, вооруженное ленинской теорией культурной революции, связанной с практикой растущего пролетарского литературного движения — поведет отряд пролетарского искусства к новым достижениям.

Боевой привет «На литпосту»!

СЕКРЕТАРИАТ РАПП

НА ЛИТЕРАТУРНОМ ПОСТУ

Пролетарское литературное движение [illegible] в обстановке острой классовой борьбы. Напостовский боевизм, непримиримость к классово-враждебным влияниям, смелая постановка творческих задач пролетарской литературы, умелое решение поставленных узловых литературно-политических вопросов, — вот основные черты теории и практики пролетарского литературного движения, представленные журналом «На литературном посту» за протяжении пяти лет работы.

Как руководящий литературой пост [illegible] и теоретический орган пролетарского литературного движения журнал «На литературном посту» имеет большое значение. Борьба с литературным троцкизмом и вооруженное выявление политических и идейных корней этих враждебных течений, справочное [illegible] с «левым» вульгаризаторским [illegible] теорий «нефа» и лефовских постулатов, фальшивости меньшевистской сути перевооруженцев, борьба с «литфронтом» — по всех этих вопросах журнал «На литературном посту» проводил последовательную принципиальную марксистскую линию.

Отдельные вульгаризаторские и антимарксистские течения в свое время имели широкое распространение (взгляды перевооруженцев), известную общественную поддержку (в частности, со стороны некоторых научно-исследовательских организаций и органов печати претендовали на монопольное представительство марксизма).

Ошибка «На литпосту» в том, что он, ведя борьбу на два фронта: за генеральную линию партии в критике и литературоведении, не взирая на лица, тем, что он первым шел в атаку против различных ликвидаторов, умел найти и основной корень опортунизма и примиренчества в антимарксистских взглядах.

Постановка вопросов критического наследства, литературного наследства, критизация метода диалектического материализма в художественной литературе, критическая оценка разнообразных творческих направлений под углом зрения соответствия или несоответствия методу диалектического материализма, решительная борьба с идеалистическими извращениями и тенденциями — [illegible] творческие позиции «На литературном посту».

Являясь ведущим литературно-политическим органом основной организации пролетарской литературы, журнал «На литпосту» проводил линию этой организации в вопросах советской литературы: борьба с буржуазными тенденциями, отрицательная, но принципиальная критика творческих концепций, лишенная [illegible] их лучшей части перейти на позиции союзников пролетариата, всемерное содействие и помощь достижениям и слабым сторонам пролетарской литературы — все эти задачи при отдельных ошибках выполнялись в основном успешно. Только так внешние враги страницах «На литпосту» были представлены обоснованно вопросы смежных с [illegible] областей искусства (театр, кино и пр.).

Напостовство переросло рамки территориально российского явления. Под знаменами напостовства и за принципы напостовства [illegible] пролетарские литературные отряды сезонных республик, учитывая, конечно, и специфические особенности развития отдельных республик. Всесоюзное напостовство победило в классовой борьбе на литературном фронте так же, как оно победило и в РСФСР. Реальным доказательством этой победы является все растущее и крепнущее всесоюзное общественное пролетарских литератур ВОАПП.

В борьбе за ВОАПП пролетарские литературные организации союзных республик развились за общую литературно-политическую и творческую линию пролетарской литературы, блестяще представленную журналом «На литпосту».

Вот почему с бешеной ненавистью этаночки напостовства в союзных республиках представители буржуазно-националистического лагеря и их подголоски, [illegible] противопоставить линию партии линии проводящейся «На литпосту» и ВОАПП.

Напостовство как боевой лозунг пролетарской литературы стало бранным словом буржуазных и мелкобуржуазных элементов.

В этом — лучшая рекомендация напостовству и его руководящему органу журналу «На литпосту».

Журнал «На литпосту», как и пролетарское литературное движение в целом, имел в своей работе ряд отдельных ошибок.

Значение этих ошибок на новейшем этапе развития напостовства в особенности усугубляется тем, что они повторяются и в отдельных республиках, давая обильную пищу врагам напостовства для спекуляции на них.

Эти ошибки особенно вредны политически в настоящее время, когда меньшевистское течение является платформой основной организации пролетарской литературы. Вот почему нужно твердо и решительно продолжать курс на самокритику в журнале «На литпосту» на своевременное вскрытие и преодоление малейших отклонений от генеральной линии в вопросах литературы.

Призыв рабочих-ударников, открывая новую страницу в пролетарском движении, выдвигает новые задачи перед «На литпосту». С выделением «На литпосту» теоретического двухмесячника журнала «РАПП», «На литпосту» превращается в орган, призванный непосредственно обслуживать массовое пролетарское литературное движение.

Самокритика, партийность, теснейшая увязка с политическими задачами современности, курс на массовость — таковы должны быть на будущее основные установки старого боевого органа «На литпосту».

Б. КОВАЛЕНКО

***

Большевистски непоколебимому борцу на фронте пролет. литературы, журналу «На литературном посту» рабочие-ударники Подольских заводов, собравшись на районконференцию, шлют свой пламенный привет.

***

В редакцию поступил ряд приветствий от ассоциаций пролетарских писателей и литкружков в связи с пятилетием журнала «На лит. посту».

НАКАНУНЕ ПЛЕНУМА ЦС ЛОКАФ

✻ На местах развернулась подготовка к перевыборам в апреле в Москве членов Центрального совета ЛОКАФ. В ходе этого срока проходили конференции организаций ЛОКАФ.

✻ К пленуму пленума ЛОКАФ примут участие 15 писателей с мест, кроме членов ЦС ЛОКАФ и кандидатов данных объединений.

✻ К пленуму ЛОКАФ, который будет работать в Центральном доме Красной армии, готовится выставка «Красная армия в советской литературе».

✻ Секретариат РАПП заслушал информационный доклад о створочной мобилизации ЛОКАФ, проведенной в целях подготовки к годовщине Красной армии произведений, отражающих военную тематику. В готовящихся писателей, участвующих в створочной мобилизации, предоставляются [illegible] или ознакомления с материалом, [illegible] выезды писателей на места.

✻ Из 22 писателей-ленинградцев, принявших приглашение в творческую мобилизацию, только 5 откликнулись. Президиум ЛОКАФ поставил перед РАПП вопрос о широком привлечении художников к боевому заданию писателей и Красной армии.

✻ Президиум большое значение творческой мобилизации ЛОКАФ, секретариат РАПП отмечает необходимость отдельных и активных выездов писателей и литкружковцев на заводы.

✻ ЛОКАФ совместно с Институтом ЛИЯ Комакадемии организует специальную секцию «Запад и литература», задачей которой является научная разработка и изучение опыта в отражении современной художественной литературы в СССР и на Западе. ЛОКАФ выделило для работы в секции тт. Мата Залка, Яна Матейка и С. Щипачева.

✻ Первая конференция Ленинградско-балтийского отделения ЛОКАФ обратилась с приветственным письмом в секретариат РАПП. Речь в письме идет о перестройке содержания, — говорится в письме, ЛОКАФ превратился в подлинную массовую литературную организацию, — мощную заставу пролетариата на военном участке строительства».

1 МАЯ МАКСИМ ГОРЬКИЙ ВЕРНЕТСЯ В СССР

Миллионы рабочих и крестьян, советские писатели ударники, двух войны в пролетарскую и колхозную литературу, с радостью встретят своего любимого Горького, которого ненавидит мировая буржуазия

ГОРЯЧИЙ ПРИВЕТ ДОРОГ МУ АЛЕКСЕЮ МАКСИМОВИЧУ!

Федерация Об'един. Советских Писателей приветствует великого пролетарского писателя и активного борца за Советский союз Алексея Максимовича ГОРЬКОГО в день его 63-летия.

ИСПОЛБЮРО ФОСП

ВНИМАНИЕ ТВОРЧЕСКИМ ЗАДАЧАМ

На собрании Московского актива ЛОКАФ

В связи с предстоящим расширенным пленумом Центрального совета ЛОКАФ общественное собрание Московской группы [illegible] случало 24 марта в клубе ФОСП доклад тов. **Мате Залка** об итогах и перспективах работы объединения.

— За истекшие 7 месяцев организацией была проведена большая работа по созданию крепкого ядра из наиболее ударно-красноармейских писателей и литературных сил. Правда, для удовлетворительной [illegible] работы всех отделений организации. Сильнее отставание наблюдается в Москве, где организовано только 9 кружков, в то время как в Ленинграде, например, работает 50 кружков.

По плану весенней работы ЛОКАФ должна быть произведена мобилизация писателей для участия в осенних маневрах. Из 50 мобилизованных — 14 писателей дали произведения, посвященные маневрам. К сожалению, **альманах, посвященный маневрам, до сих пор не вышел.** Не проведена также прикрепление писателей к тем или иным воинской части, не созданы очаги военных писателей. Все эти недостатки ЛОКАФ в ближайшее время должно ликвидировать.

По творческой линии ЛОКАФ произведена мобилизация 55 писателей, которые дадут произведения о гражданской войне и интервенции, о Красной армии в период мирного строительства.

Связь с областями, находящимися недалеко от Москвы, в частности с Ленинградом, поставлена хорошо. Но плоха связь с Сибирью, Средней Азией и другими отдаленными районами. На местах до самого последнего времени думали, что ЛОКАФ — это некая военная организация при РАПП или ФОСП.

— Мы должны, — говорит тов. Залка, — твердо и прочно установить место ЛОКАФ в литературе Союза. Задача ЛОКАФ в том, чтобы основная масса читателей прониклась идеями той единственной в мире армии, которой суждено защищать пролетарскую страну, занятую строительством социализма.

На недостаточную связь с местами указывает тов. Гастфренд в прениях т. Тт. Чибисов, Маньо, Некданов отмечают, что руководство ЛОКАФ еще значительно отстает от роста литературного движения снизу.

О необходимости привлекать писателей к задачам обороны — говорят тт. Марин, Шапиро-Найденский. Участие писателя в будущей войне тем значительнее, чем лучше он будет подготовлен. Для этого нужно как можно шире применять практику прикрепления писателя к отдельным красноармейским частям.

А. Небах и Г. Корнеев указывают, что деятельность ЛОКАФ нужно повернуть лицом к творческим вопросам.

Нужно по-настоящему начать руководить творческой работой отдельных писателей.

Все выступающие единогласно высказываются за немедленное создание Московского отделения ЛОКАФ.

Об этом говорит и тов. Рейзен, формулируя задачи предстоящего пленума.

Пленум должен подвести итог организационному периоду деятельности ЛОКАФ и, собрав «в единый кулак» все отряды ЛОКАФ по всему Союзу, повернуть работу организации лицом к творческим заданиям.

В. БОР

СЕВЕРО-КАВКАЗСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ЛОКАФ

В Ростове-на-Дону открылась 28 марта первая Северо-Кавказская краевая конференция ЛОКАФ, на которую об'ехалось более 30 делегатов с мест.

Совместно со слетом красноармейцев-ударников конференция заслушала доклад начпуокра тов. **Кожевникова** о задачах боевой подготовки писателя, доклад тов. **Л. Дегтярева** о задачах ЛОКАФ, доклад о творческом методе и отчет оргбюро.

Вся работа конференции проходит под знаком полной подготовки литературно-политической линии РАПП.

ВНИМАНИЕ ТВОРЧЕСКИМ ЗАДАЧАМ

На собрании Московского актива ЛОКАФ

В связи с предстоящим расширенным пленумом Центрального совета ЛОКАФ общественное собрание Московской группы [illegible] случало 24 марта в клубе ФОСП доклад тов. **Мате Залка** об итогах и перспективах работы объединения.

— За истекшие 7 месяцев организацией была проведена большая работа по созданию крепкого ядра из наиболее ударно-красноармейских писателей и литературных сил. Правда, для удовлетворительной [illegible] работы всех отделений организации. Сильнее отставание наблюдается в Москве, где организовано только 9 кружков, в то время как в Ленинграде, например, работает 50 кружков.

По плану весенней работы ЛОКАФ должна быть произведена мобилизация писателей для участия в осенних маневрах. Из 50 мобилизованных — 14 писателей дали произведения, посвященные маневрам. К сожалению, **альманах, посвященный маневрам, до сих пор не вышел.** Не проведена также прикрепление писателей к тем или иным воинской части, не созданы очаги военных писателей. Все эти недостатки ЛОКАФ в ближайшее время должно ликвидировать.

По творческой линии ЛОКАФ произведена мобилизация 55 писателей, которые дадут произведения о гражданской войне и интервенции, о Красной армии в период мирного строительства.

Связь с областями, находящимися недалеко от Москвы, в частности с Ленинградом, поставлена хорошо. Но плоха связь с Сибирью, Средней Азией и другими отдаленными районами. На местах до самого последнего времени думали, что ЛОКАФ — это некая военная организация при РАПП или ФОСП.

— Мы должны, — говорит тов. Залка, — твердо и прочно установить место ЛОКАФ в литературе Союза. Задача ЛОКАФ в том, чтобы основная масса читателей прониклась идеями той единственной в мире армии, которой суждено защищать пролетарскую страну, занятую строительством социализма.

На недостаточную связь с местами указывает тов. Гастфренд в прениях т. Тт. Чибисов, Маньо, Некданов отмечают, что руководство ЛОКАФ еще значительно отстает от роста литературного движения снизу.

О необходимости привлекать писателей к задачам обороны — говорят тт. Марин, Шапиро-Найденский. Участие писателя в будущей войне тем значительнее, чем лучше он будет подготовлен. Для этого нужно как можно шире применять практику прикрепления писателя к отдельным красноармейским частям.

А. Небах и Г. Корнеев указывают, что деятельность ЛОКАФ нужно повернуть лицом к творческим вопросам.

Нужно по-настоящему начать руководить творческой работой отдельных писателей.

Все выступающие единогласно высказываются за немедленное создание Московского отделения ЛОКАФ.

Об этом говорит и тов. Рейзен, формулируя задачи предстоящего пленума.

Пленум должен подвести итог организационному периоду деятельности ЛОКАФ и, собрав «в единый кулак» все отряды ЛОКАФ по всему Союзу, повернуть работу организации лицом к творческим заданиям.

В. БОР

СЕВЕРО-КАВКАЗСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ЛОКАФ

В Ростове-на-Дону открылась 28 марта первая Северо-Кавказская краевая конференция ЛОКАФ, на которую об'ехалось более 30 делегатов с мест.

Совместно со слетом красноармейцев-ударников конференция заслушала доклад начпуокра тов. **Кожевникова** о задачах боевой подготовки писателя, доклад тов. **Л. Дегтярева** о задачах ЛОКАФ, доклад о творческом методе и отчет оргбюро.

Вся работа конференции проходит под знаком полной подготовки литературно-политической линии РАПП.

Чей орган?

Журнал «Литература и искусство» был «литфронтовским» официозом. Его руководящие работники в свое время руководили «Печатью и революцией», этой опорной базой перевооруженской школы. Естественно, что разгром «Литфронта» одновременно означал и разгром принципиальных позиций «Литературы и искусства».

И вот, в настоящее время, после вскрытия созрения установок «Литфронта» в блоке Сарабьянов-Ломинадзе, **после** осуждения «Литфронта» всем массовым пролетлитературным движением, **после** перехода некоторой части «литфронтовцев» на позиции РАПП, — **после** всего этого появляется № 3—4 журнала «Литература и искусство».

Передовая статья говорит об «уроках» «Литфронта». Решения ставят перед рабочими-ударниками вопрос: **«У кого учиться, за кем итти?»** Ответ следующий: **«Надо учиться творческому методу у «Литфронта».** Заступая «Литфронта» редакция считает борьбу за настоящий (!) метод диалектического материализма и **правильную** критику ошибок рапповского руководства.

К числу недочетов «Литфронта» редакция относит **элементы** «вредительства», **«недостаточную** самокритику», то обстоятельство, что «деятельность «Литфронта» **начала** выходить за пределы только творческой практики» и т. д.

Нужно ли напоминать, что «Литфронт» был **самостоятельной** литературно-политической организацией, чья платформа была враждебна линии РАПП, и что **творческие** установки «Литфронта» были **всегда** основой **его литературно-политических установок?**

Выступление «Литературы и искусства» является попыткой «литфронтовских» последышей перейти в **наступление** под прикрытием **фальшивых фраз** о солидарности с линией РАПП.

О такой попытке свидетельствуют и выпады передовой статьи против правильных утверждений тов. Ильенкова о том, что соревнование творческих направлений в РАПП есть именно соревнование, а не взаимное вытеснение («Литгазета» от 5 ноября 1930 года). Смысл этих выпадов, как и примиренческого отношения М. Бочачера к меньшевствующим высказываниям Л. Тоом (стр. 27-я) ясен: последователям «Литфронта» необходимо **обеспечить для себя возможность дальнейшей фракционной работы.** Рабочие-ударники, являющиеся основным ядром РАПП, этого **не допустят.**

Редактором «Литературы и искусства» является **П. М. Керженцев.** На обложке журнала обозначено: «Институт литературы, искусства и языка Комакадемии». Мы знаем, что позиция нынешнего руководства партийной организации института не имеет ничего общего с позицией № 3—4 «Литературы и искусства».

Тем более недопустима безответственная вылазка журнала.

Литкружок и заводская газета

Призыв рабочих-ударников в литературу не только количественно, но и главным образом качественно, перестраивает организацию пролетарской литературы.

Если раньше литкружки в большинстве своем были оторваны от заводской жизни, то сейчас они находят свое место на предприятиях.

Это политическое место определяется повседневным участием кружка в производственной жизни, включением своего творчества в работу печатной газеты и стенгазеты.

Без участия в газете кружку грозит развал, замкнутость и оторванность от задач сегодняшнего дня.

Задача заводской газеты—помогать кружку и создавать из кружков крепкую опору для газеты.

Но все ли в порядке в этой области?

Печатаемый сегодня материал достаточно вскрывает имеющееся здесь неблагополучие. С одной стороны, мы имеем нежелание газеты помогать литкружку. Заводская газета часто не понимает всей важности и пользы, какую может и должен дать литкружок заводской печати.

С другой стороны, игнорирование кружковцами работы в газете—«предрассудки борства», по которым нужно крепко ударить.

Целый ряд кружков показал хорошие примеры подлинной работы. Эти кружки сумели найти свое политическое место на заводе. Эти кружки плотную включились в работу печати, и литературное творчество сделали злобой часто газеты.

Такие литкружки понимают, что невозможно стать подлинными пролетариями писателями без участия в газете. Будучи важным политическим звеном в общезаводской газете, литкружок укрепляется и имеет возможность обрастать новыми силами, становится «литературным цехом», отвечающим, как и весь завод, как и остальные цехи, за выполнение промфинплана.

Надо только не допускать перебоев. Есть случаи, когда редакторы газет требуют от литкружковцев написания стихов или очерков в несколько часов. Такой путь ведет к халтуре, к поверхности. Нужно помнить, что в борьбе за генеральную линию партии, в борьбе за выполнение планов 5-го года пятилетки оружие литкружка—прежде всего, художественное творчество, растущее и поднимающееся до больших произведений.

И эта задача будет решена лишь при повседневной работе в заводской газете.

К театроведческой дискуссии

Вчера в Ленинграде, а в ближайшие дни в Москве начинается театроведческая дискуссия. Она должна привлечь к себе пристальное внимание уже потому, что театроведение является одним из наиболее отсталых участков идеологического фронта, на котором свободно маркистского крыла энергично используется буржуазными теоретиками.

Буржуазные течения в театроведении разоблачены далеко недостаточно. Это относится в полной мере к завоевшей идеалистической концепции В. М. Волькенштейна — теоретика системы Станиславского, явно вредные, классово-враждебные взгляды которого (Вольценштейна) являются до сих пор основным и притом обязательным (!) пособием в художественных вузах и техникумах.

Но меньшую опасность на фронте театроведения представляет ленинградская группа Гвоздева, группа волнующих идеалистов с откровенно-реакционной сущностью, но прикрывающая эту сущность «левыми» фразами, пытающаяся спекулировать, в частности, на театре Мейерхольда.

И Волькенштейна и группу Гвоздева со всеми их оттенками характеризует одно основное, что все они переносят на советскую почву не только буржуазные методы исследования, но и мировоззрение отжившего класса.

Мы имели и имеем еще дело с чуждыми влияниями и на других участках идеологического фронта. Однако в большинстве эти влияния или преодолены, или борьба с ними уже развернута. Пора взяться за это и в области театроведения. Пора сказать определенно о том, кто здесь является прямым или косвенным врагом. Пора перейти к на фронте театроведения в решительное наступление.

Именно это является основной задачей театроведческой дискуссии. Цитовка этой дискуссии дана постановлением ЦК партии о Комакадемии, в котором сказано:

«Необходима еще неустанная работа по искоренению существующих и возникающих в различных научных областях теорий, отражающих буржуазное и социал-демократическое влияние».

БРУНО ЯСЕНСКИЙ

ЗАЛОЖНИКИ

ТОВАРИЩАМ В ТЮРЬМАХ ФАШИСТСКОЙ ПОЛЬШИ

Мир полно на чете, как на боке под'емного крана,
И пружинится в каждом канате
чей-то
крик.
Только нас, только нас, словно мы—дорогие гавайны,
Запечатали в ящики, спрятали наглухо в них;
Только нас, только нас,
одутловатых, небухших,
Как живые проценты
с ренты
их
годовой,
В бронированных сейфах захлопнули в черном удушии,
Чтобы в мертвой дыре
о решетку
биться
мы
головой.
Что ни день, приходит к нам ночь знахаркой мудрой и
зорькой,
Удлиненные пальцы ея
прохладою дышат легко.
За стеной
лопух вызревает
города
подсолнух махорки
В черных трубках заводов,
домн,
мастерских и цехов.
Человек истлевает в пепел не сразу, не быстро—
Испаряется в небо
жаркой
дымовой,
Но чахоточным кашлем, сухим и внезапным, как выстрел,
Все равно
придется
выхаркнуть с кровью его.
В наших окнах
крысами мечутся руин, цепки и хватки,
Среди чанов,
кредиток
вексельного дождя.
Все предметы на света
слушат
шероховатой подкладкой
Нашей кривды.

Дерущей
словно жандарм.
Муравьиная армия
растащила
мир по крупинкам,
И на каждой помечена цену, и номер, и чья.
В муравейниках ваших дотошных
наши дома-ненавидимки
Будут вечно
Всаженной палкой торчать.
Из-за прутьев решетки
бубнит
нудным приливом-отливом
Вечный
шорох дождя,
и канейлевой злобой грозит
Високосных годов и простых
пустая надрель суетлива,
И наматывается
цепь
сплошных осеней и зим.
О, когда же, когда, наконец,
хриплых гудков завыванье
Выльется на города
весною, птичьим дождем?
В одиночках и общих Варшавы, Луцка, Познани
Мы ждем, мы года ми ждем!
Он придет, этот миг!
У весов
передернутся плечи
резко —
Еще год, еще день, еще час!
Это нам, это имен но нам
быть там
последним довеском,
От которого дрогнет
со скрипом
тяжкий рычаг!
В гаагских заграничных протестов,
в вязком словесном болоте,
Заглушая никчемность фраз,
Окровавленными кулаками
в черные стены колотим:
Отоприте! Откройте! Пора!

Перевел Александр РОММ

От нашего корреспондента

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЛЕНИНГРАД

Лед тронулся. — Саботажники смотра. — Ответ литударников сенатору Фишу. — Национал-демократы исключены из ЛАПП

Лед тронулся, — верно охарактеризован ход творческого смотра ЛАПП т. Е. Добин, — резюмируя на заседании смотрового штаба сообщения председателей районных троек.

Хотя темпы смотровой работы пока еще «ниже ординара», во многих районах смотр еще не вышел на берегах «какой-то деревни кружков», не захватил еще все ланповские силы, — все же сдвиги, ломка застывшего и бездействующего отмечены.

Смотр, проводимый главным образом силами самих кружков, показал литературный рост рабочих-поэтов и прозаиков. Писатели-ударники заполняют литературные вечера, обеденные перерывы, литературницы мает на фабриках и заводах.

В Володарском районе, например, тесная связь с партийной организацией и продуманное руководство кружком на фабрике «Красная работница» позволили закончить результаты приема ударников в литературу. В этом кружке активно работают 25 работниц, которые отказываются о кружководе т. Шафран, как о лучшем руководителе. На заводе им. Ленина, наоборот, плохое руководство развалило кружок, об'единивший 50 ударников.

В другом районе — Выборгском мы имеем интересный опыт литкружка завода «Красная заря». В кружке работают 70 рабочих, работают литературными читками по заданию райкома партии, редколлегии и пр. Кружковцы дают боевой литматериал. Сейчас, в связи со смотром, кружок развернул самокритическую выставку своей работы за два года. Смотровая бригада кружка провела кампанию приема ударников.

Особняком в Выборгском районе стоит завод «Красный выборжец». Этот кружок, руководимый Г. Горбачевым, смотр не проводит вовсе. Секретариат ЛАПП согласился с мнением смотрового штаба о невозможности оставления Г. Горбачева в качестве руководителя кружка.

Литкружок «Красного треугольника» также не приступил еще к смотру (руководителю кружка Г. Коротному за саботаж директив ЛАПП по смотру об'явлен выговор).

***

На днях в издательстве ВЦСПС выходит первые книжки ленинградских рабочих-ударников, призванных в литературу: «Кочегары Красного путиловца» Наумова (очерки о борьбе за топливо), «Знамя труда» Старчикова (борьба завода за промфинплан), «Полярец Турбаборграда» Кушникова (о лучшем работнике - ударнике «Электросилы») и очерки рабочего Сергеева «Газета в борьбе за план».

Карельская АПП вместе с тед. ВЦСПС выпускает коллективный сборник, написанный 15 ударниками-лесорубами. Этот коллективный сборник, написанный ударниками советского лесного экспорта и разоблачающий клевету о принудительном труде в СССР, явится достойным ответом сенатору Фишу. То же издательство выпускает книгу, написанную рабочими тральных баз, находящимися за полярным кругом. Книга так и называется «За полярным кругом».

МЕНЬШЕВИЗМ В ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКЕ

Продолжение доклада в ЛИЯ Комакадемии

На втором вечере в Комакадемии о классовой сущности меньшевизма в литературной критике был охвачен следующий круг вопросов: меньшевистская концепция Плеханова; капитянская—у Аксельрода; социал-фашистская критика в Германии; меньшевизм в украинской литературе и, наконец, литературно-критическая деятельность столь выразительных фигур русского меньшевизма, как Потресов и Суханов.

Выступивший первым тов. **Гиголов**, подвергая критике статьи Плеханова о народнических писателях, выясняет чрезвычайно резкое расхождение в оценке народничества у Плеханова и у Ленина. Плеханов проглядел революционно-демократическую сущность народничества. Народничество как идеология мелкого производителя, защищавшего **средневековый** капитализм против **новейшего**, Плеханов по-меньшевистски сводит к психологии разночинной интеллигенции, обусловленной ее общественным положением.

Вот почему тов. **Добрынин** особенно защищал основной тезис своего выступления, сводящегося к тому, что нельзя отрывать меньшевистскую политику Плеханова от его литературоведческих каллизов и что нужно концепцию Плеханова рассматривать во всей ее целостности. Нужно, однако, помнить противоречивость Плеханова, и суметь использовать его имеющее большую ценность наследство.

Следующий докладчик тов. **Михайлова** остановилась на меньшевизме капиталистической эстетики, продолжателем худших сторон учения Плеханова, Л. Аксельрода.

Л. Аксельрод сводит специфику искусства к эклектическим восприятиям и утверждает, что эмпирическая цель искусства не может быть познавательной.

После тов. **Новича**, разобравшего критические статьи чрезвычайно колоритной фигуры меньшевизма Потресова, литературный портрет меньшевика Суханова обрисовал в своем выступлении тов. **Динамов**.

— Осень 1927 года была крупнейшим меньшевистским подсад на капиталистическое перерождение СССР, ибо оказалось, что нэп развивается непоступательно, а по-ленински. Меньшевизм тогда переходит к прямой диверсии на экономическом фронте.

Великолепно зная об этом, Суханов в 1928 году выступает с трибуны Комакадемии с речью о литературе. Эта речь представляла собой оду из тех «пугающих неправд», о которых говорил однажды Ленин, характеризуя Суханова. Оправдывая по сути дела буржуазную реакцию в литературе, Суханов призывал прекратить борьбу с чем, ибо она «закончена», когда революция идет «на убыль».

Тов. **Шиллер** в своем докладе вскрывает предательскую сущность социал-фашистской литературной критики Германии. Она иллюстрирует на идее поэта Брегера, который в книге «Германия» воспевает сравнение социал-демократии с буржуазным государством.

О перверзианской критике на Украине говорит тов. **Коваленко**. — Меньшевизм на национальной почве приобретает особые черты воинствующего фашизма буржуазии.

С. КАР

ЗА ПЯТЬ ДНЕЙ

Чей орган?

Журнал «Литература и искусство» был «литфронтовским» официозом. Его руководящие работники в свое время руководили «Печатью и революцией», этой опорной базой перевооруженской школы. Естественно, что разгром «Литфронта» одновременно означал и разгром принципиальных позиций «Литературы и искусства».

И вот, в настоящее время, после вскрытия созрения установок «Литфронта» в блоке Сарабьянов-Ломинадзе, **после** осуждения «Литфронта» всем массовым пролетлитературным движением, **после** перехода некоторой части «литфронтовцев» на позиции РАПП, — **после** всего этого появляется № 3—4 журнала «Литература и искусство».

Передовая статья говорит об «уроках» «Литфронта». Решения ставят перед рабочими-ударниками вопрос: **«У кого учиться, за кем итти?»** Ответ следующий: **«Надо учиться творческому методу у «Литфронта».** Заступая «Литфронта» редакция считает борьбу за настоящий (!) метод диалектического материализма и **правильную** критику ошибок рапповского руководства.

К числу недочетов «Литфронта» редакция относит **элементы** «вредительства», **«недостаточную** самокритику», то обстоятельство, что «деятельность «Литфронта» **начала** выходить за пределы только творческой практики» и т. д.

Нужно ли напоминать, что «Литфронт» был **самостоятельной** литературно-политической организацией, чья платформа была враждебна линии РАПП, и что **творческие** установки «Литфронта» были **всегда** основой **его литературно-политических установок?**

Выступление «Литературы и искусства» является попыткой «литфронтовских» последышей перейти в **наступление** под прикрытием **фальшивых фраз** о солидарности с линией РАПП.

О такой попытке свидетельствуют и выпады передовой статьи против правильных утверждений тов. Ильенкова о том, что соревнование творческих направлений в РАПП есть именно соревнование, а не взаимное вытеснение («Литгазета» от 5 ноября 1930 года). Смысл этих выпадов, как и примиренческого отношения М. Бочачера к меньшевствующим высказываниям Л. Тоом (стр. 27-я) ясен: последователям «Литфронта» необходимо **обеспечить для себя возможность дальнейшей фракционной работы.** Рабочие-ударники, являющиеся основным ядром РАПП, этого **не допустят.**

Редактором «Литературы и искусства» является **П. М. Керженцев.** На обложке журнала обозначено: «Институт литературы, искусства и языка Комакадемии». Мы знаем, что позиция нынешнего руководства партийной организации института не имеет ничего общего с позицией № 3—4 «Литературы и искусства».

Тем более недопустима безответственная вылазка журнала.

Литкружок и заводская газета

Призыв рабочих-ударников в литературу не только количественно, но и главным образом качественно, перестраивает организацию пролетарской литературы.

Если раньше литкружки в большинстве своем были оторваны от заводской жизни, то сейчас они находят свое место на предприятиях.

Это политическое место определяется повседневным участием кружка в производственной жизни, включением своего творчества в работу печатной газеты и стенгазеты.

Без участия в газете кружку грозит развал, замкнутость и оторванность от задач сегодняшнего дня.

Задача заводской газеты—помогать кружку и создавать из кружков крепкую опору для газеты.

Но все ли в порядке в этой области?

Печатаемый сегодня материал достаточно вскрывает имеющееся здесь неблагополучие. С одной стороны, мы имеем нежелание газеты помогать литкружку. Заводская газета часто не понимает всей важности и пользы, какую может и должен дать литкружок заводской печати.

С другой стороны, игнорирование кружковцами работы в газете—«предрассудки борства», по которым нужно крепко ударить.

Целый ряд кружков показал хорошие примеры подлинной работы. Эти кружки сумели найти свое политическое место на заводе. Эти кружки плотную включились в работу печати, и литературное творчество сделали злобой часто газеты.

Такие литкружки понимают, что невозможно стать подлинными пролетариями писателями без участия в газете. Будучи важным политическим звеном в общезаводской газете, литкружок укрепляется и имеет возможность обрастать новыми силами, становится «литературным цехом», отвечающим, как и весь завод, как и остальные цехи, за выполнение промфинплана.

Надо только не допускать перебоев. Есть случаи, когда редакторы газет требуют от литкружковцев написания стихов или очерков в несколько часов. Такой путь ведет к халтуре, к поверхности. Нужно помнить, что в борьбе за генеральную линию партии, в борьбе за выполнение планов 5-го года пятилетки оружие литкружка—прежде всего, художественное творчество, растущее и поднимающееся до больших произведений.

И эта задача будет решена лишь при повседневной работе в заводской газете.

К театроведческой дискуссии

Вчера в Ленинграде, а в ближайшие дни в Москве начинается театроведческая дискуссия. Она должна привлечь к себе пристальное внимание уже потому, что театроведение является одним из наиболее отсталых участков идеологического фронта, на котором свободно маркистского крыла энергично используется буржуазными теоретиками.

Буржуазные течения в театроведении разоблачены далеко недостаточно. Это относится в полной мере к завоевшей идеалистической концепции В. М. Волькенштейна — теоретика системы Станиславского, явно вредные, классово-враждебные взгляды которого (Вольценштейна) являются до сих пор основным и притом обязательным (!) пособием в художественных вузах и техникумах.

Но меньшую опасность на фронте театроведения представляет ленинградская группа Гвоздева, группа волнующих идеалистов с откровенно-реакционной сущностью, но прикрывающая эту сущность «левыми» фразами, пытающаяся спекулировать, в частности, на театре Мейерхольда.

И Волькенштейна и группу Гвоздева со всеми их оттенками характеризует одно основное, что все они переносят на советскую почву не только буржуазные методы исследования, но и мировоззрение отжившего класса.

Мы имели и имеем еще дело с чуждыми влияниями и на других участках идеологического фронта. Однако в большинстве эти влияния или преодолены, или борьба с ними уже развернута. Пора взяться за это и в области театроведения. Пора сказать определенно о том, кто здесь является прямым или косвенным врагом. Пора перейти к на фронте театроведения в решительное наступление.

Именно это является основной задачей театроведческой дискуссии. Цитовка этой дискуссии дана постановлением ЦК партии о Комакадемии, в котором сказано:

«Необходима еще неустанная работа по искоренению существующих и возникающих в различных научных областях теорий, отражающих буржуазное и социал-демократическое влияние».

ЛИТКРУЖОК — ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЦЕХ ЗАВОДА

БЕЗ РАБОТЫ В ЗАВОДСКОЙ ПЕЧАТИ ЛИТКРУЖОК НЕ ВЫРАСТИТ ПОДЛИННЫХ ПРОЛЕТАРСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

ПИСЬМО „ВАЛЬЦОВКИ"

На заводе «Серп и молот», металлургическом гиганте Москвы, прошел вымче осенью призыв рабочих-ударников в литературу. Все заводские организации приняли в этом живое участие. Непосредственно идет в кружке литературно-политическая учеба и творческая работа. Частенько пишут они в своей заводской газете «Мартеновка» то стихи, то заметки, производственные инсценировки, то ударные лозунги.

И вот редколлегия «Мартеновки» на своем заседании с участием 50 рабкоров из цехов принимает осенью единогласное решение: всем своим составом войти в кружок «Вальцовку».

А на деле? А на деле за все время работы «Вальцовки» из всех этих 57 человек мартеновцев — была только один т. Наидул, который приходил раза 2, когда ему нужен был крепкий производственный очерк — рассказ для заводской книги. «Вальцовка» в этом ему помогла. Никого из других мартеновцев вальцовщики у себя ни разу не видели. Очень часто случалось, что стихи, присылаемые вальцовщиками в «Мартеновку», после прочтения и одобрения их на кружке газета старательно браковала и не помещала. **И верховодил этим заушением творчества ударников никто иной, как «небезызвестный» в нашей литературе «ворвищни» Федор Жиц. Выныряул кувилка!**

Одна из возмущенных этими неполадками, кружковед т. А. Федотов, еще в ноябре-декабре написал об этом статейку «Мартеновское аллигуа». Статейка была одобрена секретарем заводского парткома. Но до сего времени «Мартеновка» не удосужилась ее поместить.

Еще хуже проявило себя руководство «Мартеновки» в деле создания рабочей книги об ударной работе завода «Серп и молот». Инициатива написания этой книги была подана непосредственно из цехов и поддержана «Мартеновкой» на словах очень восторженно. Фактически за написание этой книги взялся от «Мартеновки» только один т. Наидул. Остальную работу распределили между собой и написывают «вальцовщики».

Все это ясно показывает, что в «Мартеновке»—прорыв. Отношение к самокритике и к включению рабочих-ударников в литературу проявлено со стороны «Мартеновки» недопустимое. ВЦСПС и МАПП должны срочно выделить крепкую бригаду во ликвидацию в «Мартеновке» этого прорыва.

ЛИТКРУЖОК ЗАВОДА «СЕРП И МОЛОТ»

ЗА ТЕСНЫЙ КОНТАКТ РЕДКОЛЛЕГИЙ С ЛИТКРУЖКАМИ

В каждом свежем номере печатно-заводских газет Пролетарского района (Москва) появляются все новые и новые стихи, рассказы, зарисовки, инограммы и рифмованные лозунги. Десятки новых имен. Это пополнение бойцов большевистской печати. Сегодня заметкой, завтра стихом и эпиграммой бьются они за промфинплан, за ликвидацию прорывов.

Все они начали с маленьких рабкоровских заметок. Этот факт знаменателен тем, что он лишний раз доказательствует о том, что через рабкоровство к писательству — основной путь большевиков. Задача состоит в том, чтобы в литературных кружках поднять их культурно-политический уровень и качество литературного творчества. К сожалению, нормальной работе литкружков часто мешает неправильные взаимоотношения последних с редколлегиями заводских газет. Ярким примером этого является затянувшийся сейчас между литкружком завода «Серп и Молот» и ежедневной заводской газетой «Мартеновка».

Редакция «Мартеновки» работает **абсолютно** от литкружка, ограничивая связь с последним лишь печатанием стихотворений отдельных членов литкружка. Вся масса литкружковцев не принимает активного участия в фабрично-заводской печати.

В то время, когда литкружок коллективно начал писать книгу о заводе, «Мартеновка» из номера в номер печатает главы из «Книги побед», написанных одним из работников газеты. Конечно, в этом ничего нет хорошего. Но плохо то, что книга о заводе пишется отдельными лицами, **без всякого участия рабочего литкружка.** Между тем литкружок мог бы оказать автору серьезную помощь.

Редакция «Мартеновки», имея более чем тысячную армию рабкоров, не ставит себе задачу продолжать выдвижение пролетарских писателей из числа этих рабкоров. Это наиболее серьезная ошибка. **Редакция обязана выявлять среди пишущих в газету рабочих, проявивших творческие наклонности, и включать этих рабочих в литкружок.**

Со своей стороны, **литкружок обязан дать печати писателей-ударников.** Литкружок должен теснее связаться с рабкоровским движением и с повседневной работой печати. **Фабрично-заводская печать должна стать базой для творческой работы рабочего литкружка.** Эту простую истину, к сожалению, не усвоили многие литкружки Пролетарского района. Большинство литкружков еще чрезвычайно слабо участвуют в оперативной работе печатных и стенных газет.

Ярким показателем недооценки роли низовой печати является тот факт, что ни один литкружок района не откликнулся в печати на волну бешеной клеветнической кампании империалистической печати о «принудительном труде».

Почти то же самое получилось и с борьбой за овладение техникой. **Ни один литкружок по-настоящему не включился в поход за технику.** И здесь особенно сказалась слабая связь литкружков с рабкоровским движением и редколлегиями.

Некоторые литкружки требуют от небольших декадных заводских газет предоставления литстраницы — 500—600 строк. Такое расположение лит. материала весьма нерационально. Надо взять пример с газеты «Амовец», которая помещает стихи, очерки и зарисовки на ряду с передовыми статьями, вплотную **литературный материал в основные отделы** и т. п. Художественный материал должен усиливать основные удары данного номера газеты, быть органической частью ее. Но этого недостаточно — необходимо лучшие стихи и рассказы систематизировать и издавать альманахом, как это и делается сейчас в Пролетарском районе.

До сих пор редакции заводских газет имеют дело по преимуществу с одиночками-литераторами. Это никуда не годится. Основной формой работы литкружка в печати нужно признать ударную литбригаду. Редакции должны давать литбригадам конкретные оперативно-политические задания. Сами литкружки должны проявить побольше инициативы, побольше творческого почина.

Особое внимание литкружкам необходимо обратить на работу в цеховой печати, которая сейчас бурно растет и становится одним из важнейших участков всей партийной и массово-политической работы в цехах.

Взаимная помощь, теснейший контакт в борьбе за генеральную линию партии, за промфинплан — вот основное условие для усиления политической и творческой активности на производстве литкружков и редколлегий.

С. ДАНИЛИН

(Зав. Сектором Печати РК ВКП(б) Пролетарского р-на)

ЛИТКРУЖОК в ЗАВОДСКОЙ ПЕЧАТИ

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ РАБОТЫ КРУЖКА — В ГАЗЕТЕ

Историю работы литкружка нельзя отрывать от истории работы заводской печати. Организовались из активного ядра квалифицированных работников-ударников инструментального цеха, кружок вначале слабо, а потом все крепнет и крепче заключается в работу печати.

Первый номер «Резца», давший на своих страницах литературный материал кружка, произвел большое впечатление на рабочих завода. Начиная с этого номера, литматериал начинает регулярно появляться на страницах «Резца». Вместе, вопреки на бой за выполнение промфинплана стихи, очерки о заводских делах, статьи и рабкоровские заметки, бичующие конкретных писателей зла, вот что печатали литкружковцы.

Но литкружок участвует в газете не только посредством печатания своего творчества. Создание ряда рабкоровских бригад, обследований, налетов, обсуждение на кружке планов очередных номеров газеты, выступление кружка в газете по ряду общественно-производственных вопросов (взятие взаимных обязательств по отношению к Мюссолету во время перевыборной кампании, выдвинутый кружком встречный план по тракторным частям, выступление по кварту освоения техники и т. д.) составляет неотъемлемую часть работы кружка.

В стенных цеховых газетах литматериал также довольно много относительно занимает свое место. Тем он ещё более злободневен. Кружок проводит прикрепление всех своих членов к стенгазетам по принципу бригад. Характерно, что из 26 членов кружка 17 чел. имеют кроме основной общественной работы еще нагрузку по линии печати.

Литкружок завода им. Дзержинского является крепкой опорой заводской печати. Это часть работы кружка, но часть ведущая, ибо она включает кружок в повседневную жизнь завода, в борьбу за промфинплан и делает его литературным цехом завода имени т. Дзержинского.

„ИЛЬИЧЕВЕЦ" НЕ ПОМОГАЕТ КРУЖКУ, А КРУЖКОВЦЫ ИГНОРИРУЮТ ГАЗЕТУ

Завод имени Ильича

В литкружке завода им. Ильича было 70 человек, сейчас—18. Главная причина такого отсева—**полное отсутствие связи с заводской газетой «Ильичевец».**

На первых порах существования кружка газета обещала ему полную попержку и совместную работу. За все время вышла только одна литстраница, но и эта оказалась «неудачной». Дело в следующем. В январе 1931 года, когда кружку угрожал развал, числ бюро написал в «Ильичевец» статью о тревожном состоянии кружка. Эта статья **пролежала в редакции два месяца.** За это время положение в кружке удучшилось, редакция же поместила эту статью вместе с материалом, говорящем о росте кружка.

Этот случай достаточно показывает, всякое отсутствие связи кружка с заводской газетой.

С другой стороны и газета «Ильичевец не привлекает и не использует кружковцев в своей работе.

Кружок на отливе от газеты не сможет стать боевой ячейкой пролетлитературы. Надо, чтобы газета поднастоящему взялась за работу с литкружком.

ЛИТКРУЖОК СТАНОВИТСЯ ЛИТЕРАТУРНЫМ ЦЕХОМ

Второй часовой завод

Здесь литкружок работает в непосредственной связи с заводской газетой «Будильник». Связь эта заключается не только в печатании материалов кружковцев, а в общей тесной работе, вплоть до включения некоторых членов кружка в состав редколлегий.

На основе совместной работы с газетой **кружок перестраивается в литературный цех.**

Редколлегия из членов кружка организовала посты «скорой помощи», задачей которых является—вскрытие и разоблачение в художественной форме фактов срыва промфинплана.

Почти из номера в номер в газете печатаются произведения кружковцев.

СРЕДИ КНИГ

ПЕРВЫЙ „НАРОДНЫЙ ОЧЕРКИСТ"

НИКОЛАЙ УСПЕНСКИЙ. Собрание сочинений. Редакция, вступительная статья и примечания Корнея Чуковского, ГИХЛ, 1931 г., 512 стр., п. 3 руб. 35 коп.

«21 октября 1889 года около одного из домов Смоленского рынка, где этител безумный люд, был найден труп какого-то старика. Около трупа была лва больших лужи крови и тут же лежал тупой перочинный ножик. Труп был одет в рубище. При обыске в карманах ничего не оказалось, кроме паспорта на имя бывшего ученика Николая Васильевича Успенского» — таковы краткие заметки о самоубийстве Николая Успенского была едва ли не одна из немногих отметки об одном из своеобразнейших писателей шестидесятых годов.

Один из сотрудников Некрасова, встречавший нахалами писателей самых различных калеров—Чернышевского, Тургенева — Николай Успенский, блестяще начавший свою писательскую «карьеру», вдруг летит вниз, на самое дно жизни, становится бродягой, трактирным гармонистом и шутом; за что больше хвалили его—сторавниваются. Недаром в нем усматривается недюжинная сила «реакционера», хулителя народа, и Успенский уходит из жизни и литературы замолкнувший, забытый. 40 лет никто не вспоминает о нем. Его сочинения пролежали. Корней Чуковский проделал титаническую, интереснейшую работу: он собрал, проверил, восстановил это было можно, расписанные тексты по старым изданиям и, наконец, подробно обследовал и необычайную судьбу Николая Успенского, и социальный смысл его явлений. В основном обзоре писателя, который возпрошел Чуковский, надо признать верным. Чуковский причисляет Николая Успенского к «левым писателям», наиболее ярким антагонистам дворянских либеральных «лакировщиков». «Недаром,— пишет Чуковский.—критика на первых порах заявила, что Николай Успенский является Колумбом неизвестной Америки. Так неожиданна была та страна, изображаемая им, на тургеневскую».

Деревня и мужики, которые являются главной темой рассказов Николая Успенского, не имеют и налета какого-то романтизма в глазах автора. Крепкие невежество, жестокость, пьянство даны с фотографической отчетливостью. «Вдохновение селедки на две недели для его героев катастрофа, а обеденные тараканами крепкие—самое яркое зрелище». Социальный смысл такого изображения деревни для писателей шестидесятых годов в скрывался там самой, между строк. Он вполне гармонировал с теми мыслями и настроениями, которые привес в литературу революционер Чернышевский и Добролюбов. И не только в своих сочинениях, но и всем своим бездомным, «интеллигентным» образом жизни, резким колючим характером Николай Успенский старался с теми представлениями о формах протеста, которые были тогда в ходу у молодежи. И даже отношение к деревне («русский мужик бога спомнит») было у Успенского совершенно базаровское. Чуковский (основываясь на наблюдениях П. Бродского) высказывает даже мысль, что Николай Успенский был прототипом Базарова, Тургенева.

Вся эта историко-литературная работа Чуковского имеет неоспоримую ценность. Целый ряд «демократических писателей 60—80 гг. у нас или забыт или незаслуженно совершенно, как Слепцов, Воронов, Соколов, Павел Якушкин, Левитов, Шелов. Помяловский и др. Мы должны выправить теперь перспективу соотношения в прошлой литературе сил и идей, искаженную царской цензурой, всей полицейско-подцензурной общественностью, подавляющей малейшие проблески революционности. Здесь чрезвычайно важен марксистский подход к выбору и оценке материала, что только и может обеспечить правильное об'яснение сущности классовых столкновений в литературе». С этой точки зрения многие соображения Корнея Чуковского нам предоставляются или спорными или просто неверными. Нельзя об'яснить бродяжничество Николая Успенского только его «цыганским характером» (кстати не пора ли «денационализировать» у цыган их преподнутую «склонность» к путешествиям). Бродяжничество Успенского было результатами его деклассированности. Недостаточно убедительно об'яснен Чуковским резкий перелом критики по отношению к Успенскому. Почему вдруг вся критика заняла такую «пап-паводнейскую» позицию: «Не тронь мужика». Этот важнейший критический момент в жизни Николая Успенского изображен у Чуковского как страшный случай и не поддержан материалом, который бы об'яснял его подготовку.

Социологический анализ носит у Чуковского иногда упрощенческий, поверхностный характер. Но все это, повторяю, не может закрывать для нас значения работы Чуковского. В вышедшем томе собрано 38 рассказов Николая Успенского. Почти все наиболее замечательное из написанного им. Наш читатель часто не знает Николая Успенского (тем более он заслужен именем своего знаменитого двоюродного брата Глеба Успенского) и томик его сочинений будет не только материалом для работы по истории литературы, но и с интересом прочтен каждым.

К. З.

ТРИБУНА ПИСАТЕЛЯ

О КНИГЕ Е. ТАГЕР „Зимний берег"

В № 26 за 1930 год журнала «Книга и революция», в отделе «В мусорный ящик» помещена рецензия С. Варшавского на книгу Е. Тагер «Зимний берег». Рецензия коротка и выразительна. Начиная с третьей строки, автор сделал всё возможное, чтобы скрыть тайные замыслы автора книги. С завидной проницательностью он сообщает: «Об'единяет эти рассказы стремление Тагер ввести в советскую литературу на фоне и под прикрытием краеведческого материала стопроцентную а-пролетарскую повесть». Отсюда вывод: книга Тагер — фальшивая и низкопробная макулатура.

Рассказы, включенные в книгу, известны читателю. Известны по журналу «Звезда», где они помещались до выхода книги. Да и сама книга, рекомендованная комиссией Гослитиздата и вышедшая недавно вторым изданием, не прошла мимо читательских масс. Всякий, имевший книгу, раскрыл рецензию Варшавского, как недобросовестный и шаблонный пасквил.

Рецензент не склонен замечать, что рассказы дают обильный и полноценный материал по перестройке общественных отношений советского Севера. Ему не важно, что главная тема Тагер — рост социального самосознания женщины-крестьянки, ее борьба с косностью бытового окружения (Даша в «Дубровине», Гуся из «Зимнего берега»), ее выход на широкий путь героической деятельности («Марьина»). Чтобы провести свою однобокую мысль, Варшавский забывает об об'ективном, почти научном знакомстве Тагер с языком и душевным укладом ее разнообразных героев, с экономикой и природой описанных местностей. Так-то, Варшавскому удобно удушить из виду, что ценное краеведческое наблюдение дано в книге с полной художественной выразительностью.

Торопливый рецензент выхватил несколько подходящих для него эротических мест и со вкусом их процитировал. Тем самым он обнаружил свое отношение не только к эротике и обилию клюквы в социальным проблемам.

Но дело вовсе не в Варшавском. В нашу задачу не входит ни предсказать к нему внимание советской общественности, ни лакированность его литературного вкуса. Дело в журнале, давшем гостеприимный приют подобным псевдокритическим домыслам. Знакомы ли составу редакции книги, которые она с такой легкостью обрекает в «Мусорный ящик»? Вхолит ли в ее плач очередные директивы молодых советских писателей? Не пора ли редакции вспомнить, что воспитательная работа с попутчиками не имеет и не может иметь ничего общего с развязностью и нахальством?

Советский писатель заинтересован в строгой общественной оценке своего труда и охотно исправит допущенные им промахи.

Но именно теперь, в период борьбы за марксистски обоснованную, углубленную критику, легкомысленные рецензентские замахи об'ективно вредны (это следует редакции знать).

Мы предлагаем завести в журналах «Мусорный ящик» для беспричинной поверхностной критики и уверены, что рецензия С. Варшавского найдет в нем свое настоящее место.

КОНСТ. ФЕДИН, Н. ТИХОНОВ, МИХ. КАЗАКОВ, М. СЛОНИМСКИЙ, СЕРГЕЙ СЕМЕНОВ, ИЛЬЯ ГРУЗДЕВ, Н. БАРШЕВ, С. КОЛБАСЬЕВ.

ОТ РЕДАКЦИИ

Протест группы ленинградских писателей по поводу рецензии С. Варшавского имеет общий принципиальный интерес. Он показывает, что нелепое недоброжелательное или неправильное по своим результатам использование оружием марксистской критики, вместо помощи в деле перестройки попутчиков, может мобилизовать совершенно обратные и вредные настроения. К сожалению, определение печатными органами пятилетки рецензии С. Варшавского, как «недоброжелательного и пристрастного наскока», — правильно. Рецензент выбрал не те места, которые характеризуют книгу Е. Тагер и сделал выводы, не отвечающие ни ее содержанию, ни качеству книги. Неправильно утверждение, что рассказы об'единяют стремление ввести в советскую литературу на фоне и под прикрытием краеведческого материала стопроцентную а-пролетарскую повесть. «А-пролетарский» мотив можно усмотреть лишь в отдельном рассказе («Марьина»). И тем он не играет доминирующей роли. Неправильно квалифицирует Варшавский тему рассказа «Попалье», как историко-костюмерной, отнущейся самым «вольное, приключенческое играет в рассказах ее инсценировок, второстепенную роль. Печатать сей звучит заявление рецензента, что Тагер «достигает рекордов бульварного цинизма и пошлости». Есть не мало писателей (хотя бы б.ш. кроде Вербицкой или Амори), которые эти «рекорды» могут «оспорить». При самом пристрастном отношении к Тагер, ее можно не обвинить от «чести» полобного «рекордсменства». Наконец, также несомненно «клеветою» заключение С. Варшавского, что «Зимний берег» «фальшивая и низкопробная макулатура». Книга написана вполне квалифицированным автором и вовсе не заслуживает того, чтобы ее так сразу и спихнуть в «мусорный ящик».

Хуже всего то, что действительные крупнейшие недостатки книги Е. Тагер остались в тени и авторы письма, отталкиваясь от неправильной рецензии, изображают ее так, что книга Тагер дает «материал для перестройки общественных отношений Советского Севера». Это утверждение тоже совершенно неправильно. Советский, общественный «материал» использован в книге именно как материал для заполнения фабулы. В рассказе Тагер, он в лучшем случае пассивен, он не имеет никакого организующего значения. Любование северной старинной, «средней» поморской жизнью, чистыми, сладкими мужиками и девками», нетронутой природой, а прежде всего любование северным говором, песнями и побасками — вот, что определяет лицо книги. Почти вся книга написана этим «северным сказом», прослоена песнями и краеведческим материалом. Все сюжетное автора об'ективно тут, в «милой старине». У Тагер все герои, даже комсомолец Курочев (в рассказе «Марьина»), поглощают и пропускают сквозь себя старинный уклад жизни, ищут в нем идеалов, не видят ничего нового, что несет с собой революция. Поэтому и рассказ «Зимний берег», который мог бы стать социальным документом на жизни поморов, перерождается в приключенческий, авантюрный (не исторический, что не одно и то же), момент.

Не отрицая известных положительных достоинств книги Тагер (художественные достоинства, информационный материал), надо все же признать, что по своей идеологической вооруженности она не работает на перестройку общественных отношений, а иногда идейно снижает этот процесс эстетизированием старины, подменой классовых отношений и действительных побудителей поступков людей эстетической философией о господстве «биологических». В книге Тагер есть положительные элементы, которые могут стать для Тагер исходными в движении вперед, но есть и ряд идеологически нам враждебных, которые, если их не будет отдолан Тагер, могут превалировать, могут отбросить ее и ряды отбракованных писателей. Своей критикой мы должны помочь Тагер найти ее путь перестройки, не путь борьбы с тем, что глубоко враждебно пролетариату, перестраивающему мир фактуре, идеалам, формализму. Рецензия Варшавского, воинствующе-невежественная трудности попутнической перестройки, закрывает путь для писателя и дает читателю вместо социологического анализа, демагогически-извращенное представление о книге Тагер.

ОЧЕРЕДНЫЕ ЗАДАЧИ РАПП

РЕЗОЛЮЦИЯ ПЛЕНУМА ПРАВЛЕНИЯ РАПП ПО ДОКЛАДУ Л. АВЕРБАХА

Вступление страны в период социализма создает необходимые предпосылки для осуществления пролетарской литературой гегемонии в кратчайшие исторические сроки. Проходя длительный путь приближения к гегемонии, пролетарская литература в настоящее время начинает уже осуществлять ведущую роль в области литературной политики, а также приближается к завоеванию необходимых позиций в некоторых смежных областях искусства. Дальнейшее продвижение по пути к гегемонии требует от пролетарской литературы решительной борьбы за художественное качество, за повышение ее идейного уровня, за преодоление тенденций компанейства и капитулянства, за учет опыта всего фронта искусства и культурной революции в целом.

Необходимо усилить идейную непримиримость РАПП в борьбе с активизировавшимися, враждебными пролетариату идеологическими тенденциями, отчетливо обнаруживающими свою контрреволюционную сущность (идеализм, различные виды меньшевизма, в том числе и маскирующиеся под средненький марксизм и пр.), с либерально-терпимым отношением к этим течениям, с различными колебаниями внутри отдельных прослоек РАПП, отражающими давление на эти прослойки чуждой пролетариату идеологии (остатки «Латфронта», бывшего беспринципного объединения правых и «левых» капитулянтов на правой основе и под прикрытием «левых» фраз, остатки «левой» оппозиции, рецидивы перверзентщины и воронщины и пр.).

Отставание пролетарской литературы, выдвинутое при переходе к реконструктивному периоду, еще не преодолено. Однако на решающих участках перелом начинает достигаться. Пролетарское литературное движение перестраивает свои ряды под классовыми лозунгами, сформулированными в резолюции пленума правления РАПП в сентябре 1929 г. в литературно-политическом обращении и письме о развертывании творческой дискуссии секретариата РАПП. Эта перестройка находит свое выражение в повышении общественной и творческой активности организации, в ее большем (хотя еще и недостаточном) включении в практику социалистического наступления, в дальнейшей конкретизации генеральной линии движения в реконструктивный период, в развертывании творческой дискуссии, в призыве рабочих-ударников.

На новом этапе движения необходимо усилить большевистскую самокритику снизу и доверху, борясь за принципы большевизации против правой опасности, «левых» перегибов, примиренчества, беспринципных блоков правых и «левых» оппортунистов и рецидивов фракционности.

Основной опасностью остается правая опасность, проявляющаяся и в форме рецидивов вперверзентщины, перверзентщины, формализма, бумажного количества, тенденций отрыва искусства от политических задач рабочего класса, примиренческого отношения к колебаниям и шатаниям в среде мелкобуржуазной литературы, стирания граней между основными кадрами РАПП и внутренним попутничеством, смазывания перед-нейшей роли пролетарской литературы недооценки значения призыва рабочих-ударников и т. д.

Исходя из этих общих положений и одобряя доклад тов. Авербаха, пленум выдвигает следующие конкретные задачи и мероприятия:

1. По линии непосредственного участия писателей в борьбе за выполнение хозяйственного плана решающего года пятилетки

1. Необходимо всемерно расширять и разнообразить практику участия писателей в важнейших хозяйственно-политических кампаниях, борясь в первую очередь с предрасположительством, с правооппортунистической недооценкой этой важнейшей формы писательской работы, а также с опошляющей ее «живо»-фразерской рекламной шумихой.

2. Пленум поручает секретариату разработать конкретный план участия организации в текущих и предстоящих хозяйственно-политических кампаниях с тем, чтобы любой из писателей—участников кампаний являлся строго подотчетным организациях как в отношении своей собственной политической линии, так и в отношении художественного качества своей работы в бригаде, в колхозе и пр. Пленум предлагает всей сети рапповской печати немедленно приступить к систематическому критическому освещению уже имеющегося в этой области опыта.

2. По линии включения литературы в борьбу за технику

1. Познание производственных процессов, изучение основ современной науки и техники и соединение последнего с основами науки и капиталистической техники с массовым объединением сознательных рабочих, творящих крупное социалистическое производство (Днепр), такова основная задача политехнического воспитания кадров пролетлитературы.

2. Пленум поручает секретариату провести опыт создания писательских бригад для изучения отдельных технологических процессов от начала до конца, в тесной связи с социалистическими формами труда и всей практикой социалистического наступления. Пленум считает необходимым создание серии литературно-художественных сборников, посвященных борьбе за социалистическую технику, а также широкое участие литературы в массовой производственной пропаганде.

3. Пленум поручает секретариату разработать и положить бюро конкретный план всех практических мероприятий по включению пролетлитературы в борьбу за технику, рассматривая это не как кратковременную кампанию, а как работу, рассчитанную на длительные сроки и предусматривающую дальнейшее изменение темы писателя.

3. По линии призыва ударников

1. Призыв рабочих-ударников, открывающий новую страницу в нашем движении, означает прежде всего общий культурный рост пролетариата, перешедшего в решительное наступление на идеологическом фронте, укрепление и расширение пролетарской литературной среды и создание необходимых предпосылок для превращения рабочего ядра в творчески растущее ядро РАПП.

2. Пленум констатирует, что на ряду с имеющимися достижениями поворот «лицом — к рабочему ударнику» до сих пор не получил еще своего фактического осуществления в ряде организаций. Разбухшая печать, в частности повседневная критика, до сих пор еще чрезвычайно мало занимаются вопросом самого призыва, дальнейшего развертывания и углубления работы, творчеству ударников и пр. Решительно осуждая эти явления, как крупный сдвиг-уклоном на практике, пленум со всей настойчивостью подчеркивает, что качество работы с ударниками является для данного периода основным мерилом политической стойкости и жизнеспособности любого звена рапповской организации.

3. Пленум поручает секретариату провести совместно с ВЦСПС проверку работы всей рапповской организации по призыву и представить за этот счет специальный доклад в бюро правления. Проверка должна быть тщательным образом увязана с участием проверочных групп, бригад и пр. в хозяйственно-политических кампаниях.

4. Пленум считает необходимой самую решительную борьбу против явно оппортунистических тенденций в ограниченной всей работы с ударниками в плане их выхолощенной, формалистки понимаемой «литературно-художественной» учебой, с одной стороны, и к сохранению нынешнего далеко еще недостаточного художественно-мировоззренческого уровня творчества ударников — с другой. Отверзая всякие попытки сведения и преувеличения задач художественной учебы непосредственному хозяйственно-политическому значению творчества ударников, пленум в то же время подчеркивает, что осознание опыта социалистического соревнования, демонстрация новых форм труда и пр., является в настоящее время ведущей задачей, на основе успешного и углубленного решения которой только и возможен дальнейший художественный расцвет как творчества ударников, так и всего пролетарского искусства вообще.

4. По линии развертывания творческой дискуссии

(Конкретная критика, производственные совещания и проч.)

1. Пленум констатирует, что соревнование творческих направлений в РАПП и само обращение этих направлений еще не получили необходимого развития. Давно решительный отпор творческим установкам, противоречащим мировоззрению диалектического материализма и отражающим давление чуждой пролетариату идеологии (перверзентщина, перверзентщина, лефовщина, литература фактов — конструктивизм и т. д.), организации пролетарских писателей должны обеспечить необходимые условия для дальнейшего развертывания творческого соревнования.

При всем положительном значении истекшего этапа творческой дискуссии его крупнейшим недостатком являлась крайняя общность, отвлеченность, оторванность от конкретной литературы. Это объясняется в первую очередь недостаточным вниманием работы конкретной рапповской критики.

2. Считая такое положение абсолютно нетерпимым в дальнейшем, пленум предлагает редакциям рапповских журналов и критическим кадрам РАПП решительно перестроиться в сторону развертывания работы конкретной критики. Пленум предупреждает и редакции и критические кадры, что в дальнейшем РАПП будет оценивать их работу в первую очередь по количественному и качественному охвату ими конкретных фактов и процессов литературы.

3. Пленум считает необходимым, чтобы ко времени Всесоюзного с'езда пролетписателей специальные критические органы РАПП посвящали конкретной критике уже не менее половины всего печатаемого материала. Критические отделы художественных журналов должны быть преимущественно отведены под конкретную критику. Отмечая крайнее однообразие и бедность наиболее часто «практикуемых» критических «жанров», пленум предлагает за ряду со статьями об отдельных писателях и произведениях вводить в широкую практику тематические и групповые обзоры, читательские и писательские анкеты, коллективные отзывы и проч.

4. На ряду с задачей количественного подъема конкретной критики пленум ставит перед критическими кадрами РАПП следующие основные задачи:

а) всемерное усиление борьбы с несомненно активизирующимися буржуазными влияниями пролетариату тенденциями в литературе;

б) борьбу за художественное качество пролетлитературы под углом зрения социальной утилитарности боевизисской партийности, созвучности классово-политического момента, под углом зрения генерального злободневного и острого всем классово-враждебным и чуждым творческим влияниям;

в) систематическое идейное руководство творческой работой ударников, критическое обобщение опыта этой работы, выявление в нем тенденций, знаменующих как зарождение новых накоплений еще форм пролетарского искусства, так и разного рода отрицательные влияния (эмпиризм, кеховая ограниченность, с одной стороны, эстетство и эпигонство — с другой).

г) активное содействие творческому развертыванию пролетписателей, выявление существующих на практике, но неоформленных и неосознанных самими писателями творческих выражений и разновидностей и проч.

5. Огромный культурно-политический рост рабочего класса позволяет шире и глубже, чем когда-либо раньше, поставить вопрос о массовой рабочей критике. Подчеркнем, критикой отвергая как вульгарные, реакционные теории типа «толстовщины», так и пресловутого барства, пленум считает необходимым, чтобы кадры РАПП уже сейчас практически поставили себе одной из ближайших очередных задач создание своей конкретно-критической работы с движении массовой рабочей критики. Пленум предлагает секретариату поставить на предстоящем производственном совещании критиков специальный доклад о низовой рабочей критике.

6. Пленум отмечает, что отставание всякой критики в значительной мере объясняется неправильным зачастую использованием критических кадров организациями (перегруженность чисто организационной работой, заседательская суетня и т. д.). Пленум предлагает решительно покончить с существующим кое-где предрассудком, что работа критика является второго сорта по сравнению с работой писателя-художника. Пленум поручает секретариату выработать практические меры (освобождение критиков от лишних нагрузок, предоставление творческих отпусков) для ликвидации этого ненормального положения.

7. Пленум целиком и полностью одобряет initiативу секретариата по созыву производственных совещаний. Имеющийся уже опыт (совещание поэтическое, очерковистов, театральное) показывает, что при условии систематической работы в дальнейшем и при правильном руководстве его, производственные совещания могут и должны стать: а) важнейшим средством развертывания творческой дискуссии и действительно творческой дифференциации пролитературы; б) одной из наиболее действенных форм мобилизации пролитературы для борьбы за генеральную линию партии и участия в решении очередных задач соцстроительства; в) новой, пока еще, только пролетарскому искусству присущей формой коллективной творческой работы, серьезнейшим средством ликвидации всех и всяческих бытово-мещанских предрассудков и навыков в области художественного творчества (вычурства, ремесленно-индивидуалистическое сектантство и проч.). Этим, конечно, не только не ликвидируется индивидуальный автор, но, наоборот, крайне повышается его ответственность и его удельный вес в общей творческой работе всего коллектива пролетарской литературы.

8. Вместе с тем пленум отмечает как существенный недостаток уже проведенных совещаний (в особенности поэтического) крайне общий характер как постановки дня, так и самого обсуждения вопросов. В дальнейшем необходимо: а) добиваться максимально практического и конкретного содержания работы производственных совещаний и б) не отказываясь в принципе от созыва совещаний по «жанровым» признакам, вместе с тем шире разнообразить формы и состав совещаний, исходя их строя их работы по проблемно-тематическому принципу. Пленум поручает секретариату широко использовать возможности составления для производственных совещаний конкретных полугодовых программ работы.

9. Пленум поручает секретариату разработать, на основе имеющихся уже постановлений I с'езда пленумов правления и секретариата, положение о правах и условиях деятельности творческих группировок внутри РАПП и доложить проект бюро правления с окончательным утверждением на всероссийском с'езде.

(Окончание следует)

ГИХЛ ДОЛЖЕН РАБОТАТЬ ПО-НОВОМУ

ПРОРЫВ БУДЕТ ЛИКВИДИРОВАН ТОЛЬКО В ТОМ СЛУЧАЕ, ЕСЛИ БУДЕТ ПЕРЕСТРОЕНА СИСТЕМА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИЗДАТЕЛЬСТВА

ВЫВОДЫ И ПРЕДЛОЖЕНИЯ БРИГАДЫ „ЛИТГАЗЕТЫ"

Свой третий рейд бригада «Литературной газеты» посвятила ознакомлению с работой массового сектора рабочего редсовета, отдела крестьянской литературы и изданием переводной литературы в ГИХЛ.

До создания единого издательства художественной литературы, в бывшем ЗИФ, никакой массовой работы не велось. Осенью прошлого года, на ряду с массовым сектором ГИХЛ, был организован при издательстве рабочий редсовет. Представители 30 крупнейших фабрик и заводов выделены в рабочий редсовет, состоящий на 76 проц. из партийцев и комсомольцев.

Через этот рабочий редсовет массовый сектор ГИХЛ и предполагал установить тесную связь с предприятиями и развернуть массовую литературную работу.

Устройство вечеров рабочей критики, диалогов о конкретных произведениях пролетарской и попутнической литературы на московских предприятиях и вне Москвы (Днепрострой, Бежицкий завод «Красный профинтерн» и др.) заглавами довольно видное место в работе массового сектора.

Другая форма массовой работы ГИХЛ — литконсультация для начинающих писателей. При ГИХЛ была организована объединенная литконсультация из представителей ВОКП, РАПП и издательства.

ТРИ МЕСЯЦА ЧИТАЮТ РУКОПИСЬ

В связи с литературным увеличилось количество поступающих в литконсультацию рукописей начинающих авторов. Между тем ограниченный состав штатных и внештатных работников литконсультации не справлялся с поступающим потоком рукописей. В среднем отзывы на рукописи начинающих писателей задерживались по 2—3 недель. Но были случаи, когда на присланные рукописи не давались отзывы и по 3-3½ месяца, что вызывало вполне обоснованные жалобы и нарекания.

Руководство ГИХЛ не интересовалось работой литконсультации. Не уделяла должного внимания и не руководила работой литконсультации и РАПП. Только недавно РАПП выделила на постоянную работу в массовый сектор и литконсультацию ГИХЛ своего работника.

РАБОЧИЙ РЕДСОВЕТ ПЛОХО СВЯЗАН С... РАБОЧИМИ

Рабочий редсовет ГИХЛ проводит обсуждение отдельных произведений и рукописей авторов и редакционных планов издательства. Члены рабочего редсовета дают отзывы на книги писателей. Напр мер, редсовет после обсуждения отклонил издание рукописи М. Алексеева — «Реконструкция». Апостолова — «Почесть Непоседливых лет» и предложил переработать книги: М. Алексеева «1919 год», А. Волковой «Самоцветы», рабочего-ударника Электрозавода Зотова «Модель» и другие. Несмотря на это, рабочий редсовет..еще не связался с предприятиями и не ведет там массовой работы..в книгой. Члены рабочего редсовета ГИХЛ не отчитывались в своей работе на предприятиях. За полгода не было проведено ни одного выездного заседания рабочего редсовета на заводах и фабриках.

Совершенно не ведется воспитательная работа с членами рабочего редсовета. Несмотря на огромную роль редсовета, его члены еще не втянуты в практическую работу ГИХЛ, не прикреплены к секторам издательства. Этим об'ясняется и оторванность редсовета от секторов, а также и то, что фактически подавляющая часть рабочих-членов редсовета не учитывает в ликвидации прорыва в ГИХЛ. Рабочий редсовет еще не пользуется должным авторитетом.

Руководство ГИХЛ недооценивает значения рабочего редсовета. Ни одного отчета рабочего редсовета правление ГИХЛ не считало нужным заслушать, так же, как и не ставило своего доклада на редсовете. **Не проводились и производственных совещаний совместно с редсоветом.**

БЕЗОБРАЗНОЕ ОТНОШЕНИЕ К МОРП

Переводная литература составляет 3,1 проц. по отношению ко всему листажу ГИХЛ — это более, чем скромная норма. В это же время книжный рынок буквально переполняется ненужными иностранными произведениями, халтурными переводами книг.

МОРП (Международное об'единение революционных писателей) получил ряд интересных заграничных произведений пролетарской и революционной литературы, которую при современном положении невозможно будет издать. Сектор иностранной литературы должен еще раз пересмотреть свой портфель.

Возмутительно положение с изданием в ГИХЛ журнала и сборника материалов на 4 языках о работе международной конференции революционных писателей в Харькове. МОРП сдал материал о конференции еще в декабре—январе. Несмотря на распоряжение зав. ОГИЗ Арт. Халатова об издании материалов о конференции на русском языке в ударном порядке в январе, сборник еще до сих пор не вышел. 14 типография обещает его выпустить за печати... 15 апреля. Таким образом, выпуск важнейших материалов международной конференции писателей в Харькове сорван. Руководство ГИХЛ ничего не предприняло и здесь.

До сих пор не вышел и ежемесячный журнал МОРП «Литература мировой революции», который должен издаваться параллельно на 4 языках.

Несмотря на неоднократные жалобы редакции журнала и секретариата МОРП в правление ОГИЗ, ГИХЛ и штаб ГИХЛ, это пока не дало реальных результатов. Правление ГИХЛ проявляет исключительное равнодушие в этом вопросе.

ВНИМАНИЕ ПРОЛЕТАРСКО-КОЛХОЗНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Сейчас, в период окончательной классовой борьбы в деревне, в период реконструкции сельского хозяйства, крестьянская литература должна быть активным борцом за социалистическое переустройство деревни.

Но еще не все крестьянские писатели осознали это. До сих пор мы имеем еще в творчестве крестьянских писателей всевозможные шатания. Это ставит редакцию «Подлиск крестьянской литературы» ГИХЛ в необходимость жесткого классового отбора издаваемой продукции. Но в этом отношении редакция не всегда стоит на высоте. Бывают случаи, когда произведения, принятые редакцией «Подлиск пролетарской литературы», политредактурой ГИХЛ не допускаются к печати, как идеологически вредные.

Антология крестьянской литературы, выпущенная ВОКП и редакцией «Подлиск крестьянской литературы» ГИХЛ, образец того, как не нужно издавать антологий. Вместо критического разбора и показа лучших произведений крестьянских авторов, книга заполнена ретроградными автобиографиями и кусками, случайно вырванными из отдельных произведений. Эти куски снабжены загадочными надписями: «продукция № 2», «продукция № 3». Что означают эти надписи — известно, видимо, одним редакторам.

— Сейчас мы наблюдаем отход крестьянских писателей от нашей редакции в издательстве «Федерация», — говорит редактор «Подлиск крестьянской литературы» тов. Трусов. — Это об'ясняется тем, что аппарат ГИХЛ частенько волынит два—три месяца с просмотром и рецензированием книги, прежде чем заключить договор с автором.

Редакция «Подлиск крестьянской литературы» тесно связана с ВОКП (четыре члена редакции из 5 — члены ВОКП), но не имеет никакой связи с рабочим редсоветом ГИХЛ. Эту связь необходимо наладить.

ВЫВОДЫ

Что показало тщательное обследование бригадой «Литгазеты» секторов ГИХЛ? Какие предварительные выводы бригада может вынести в результате этого обследования?

Последние два декады показали, что руководство ГИХЛ при всей напряженности положения в издательстве в связи с прорывом не сумело по-настоящему перестроиться. Еще не вскрыты корни прорыва в издательстве. — Так совершенно правильно констатирует положение штаб по ликвидации прорыва в № 3 своего бюллетеня.

Основные моменты, приведшие издательство к прорыву, помимо об'ективных причин (урезки бумажных ресурсов), лежат в самой системе ГИХЛ, в отсутствии плановости и четкости в работе самого издательства и его руководства, которое попрежнему сохраняет «олимпийское спокойствие».

Среди работников ГИХЛ отсутствует дисциплина. Постановления правления ОГИЗ и ГИХЛ совершенно не выполняются.

ГИХЛ еще не осмыслил своего положения — основного издательства художественной литературы. Не было попыток со стороны ГИХЛ связаться с писательской общественностью. Отсутствует связь издательства и с рабочей общественностью.

Мы предлагаем:

Решительно, коренным образом реорганизовать всю систему работы ГИХЛ.

Заново пересмотреть структуру и функции всех секторов издательства.

Взести в систему работы ГИХЛ руководителей и исполнителей, ответственных за порученную им область работы.

Усилить рабочую и партийную прослойку в ГИХЛ и обеспечить помощь и внимание к выдвиженцам со стороны правления ГИХЛ.

Привлечь к ликвидации прорыва в ГИХЛ рабочую и писательскую общественность, в первую голову рабочих-ударников и рабочий редсовет.

Для усиления работы ГИХЛ и обеспечения рабочего контроля над фабрикой кепки одному из крупных заводов Москвы взять шефство над ГИХЛ.

Командировать бригады писателей и ударников на бумажные фабрики, обслуживающие ОГИЗ и ГИХЛ, для выявления причин недовыработки бумаги.

Немедленно пересмотреть все редакционные портфели издательств, изъять оттуда всякую халтуру, в частности, — унаследованную от ликвидированных издательств.

Превратить ГИХЛ в подлинный штаб культурной революции, в такую фабрику книги, которая соответствовала бы темпам и задачам социалистической реконструкции.

Бригада «Литературной газеты»:
А. БИДИН (Электрозавод), А. БУБЕН (завод «Серп и молот»), В. ДМИТРОВ (МАПП), Л. НИКУЛИН, Е. ГАБРИЛОВИЧ, А. КРУПНОВ («Литгазета»).

А. ЛУНАЧАРСКИЙ

ПОЛЕЗНЫЙ ИБСЕН

1. **Во-первых последней попыткой** Театра б. Корш, данного нам своеобразное преломление одной из лучших драм Ибсена «Строитель Сольнес», встает общий вопрос о том, может ли Ибсен быть нам полезен. А за ним чувствуются контуры еще большего вопроса о том, насколько полезны для нас классики, какие именно классики, при каких условиях они нам полезны, да к этому же еще и как, и в каком смысле они полезны.

2. **Ибсен** сам по себе писатель очень своеобразный, очень крупный, общим оценка которого марксистской критикой как раз дана в отличие от огромного количества других писателей, о которых мы не имеем определенного критического суждения.

Об Ибсене писал Плеханов. И писал хорошо.

Для вас ясно, что Ибсен — писатель мелкобуржуазный, крупная индивидуальность в провинциальной стране, среди захолустной обстановки, в породе, рвущемся вперед к более широкому и светлому будущему, в породе, в котором многие индивидуальности чувствуют себя в плену у мизерности жизни.

Из этого общего настроения, которое освещается с тому же двоим зарево прежних подвигов викингов, наводящих ужас на мир, и мягкой библейской героики, так сильно определяющих мысли, образы, чувства мещан, и тянулась куда-то вперед, с большой силой напряжения различные политические и эстетические ростки, окрашенные в яркий цвет индивидуальности.

Как правильно заметил Плеханов, напряженная идеалистическая требовательность Ибсена, подчас, необычайно сильна и, можно сказать, революционна. Беда, однако, заключается в том, что Ибсен не сознает, куда, собственно, он стремится, не сознает, в какие формы должно было бы отлиться то самое обывательское общество, которое ему так ненавистно. Вследствие этого получается беспредметность его тенденций. Эта беспредметность отражается и на формах его произведений. Если он берет формы исторические, то впадает в символизм, потому что располагает обликами, далекими от действительности красками, которыми скрашиваются те или иные загадочные сцены, имеющие своей целью, в общем, отразить бурю его волнений, его стремлений куда-то вдаль. Но еще хуже бывает, когда Ибсен берется за реалистические пьесы. Тут его краски — обывательская жизнь. Но в эту обывательскую жизнь он стремится вложить какое-то особенно высокое содержание. Этого он достигает путем вклинивания второго, неясного, но грандиозного указать мыслей и чувств, которые угадываются за первыми словно тени на экране, отбрасываемые от реальных фигур светом сильных прожекторов.

Таков в общем Ибсен.

3. **«Строитель Сольнес»** вместе с пьесой «Когда мы мертвые пробуждаемся» являются вещами наиболее лирическими. С точки зрения сознания самого Ибсена — это настоящее, отточенное признание в собственных своих горьких, надеждах, как он их испытывал в момент полной своей зрелости.

Строитель Сольнес отождествляется автором самым собой. Это архитектор, любивший громадного успеха. Успех создался, однако, ценой гибели других, подчас даже настоящего горя. Самое беспокойное в совести строителя то, что его строительный художественный успех, между прочим, потребовал от него полного опустошения семейной жизни. (Тот же мотив повторяется в пьесе «Когда мы, мертвые, пробуждаемся»). Другой интимный момент в сознании строителя это — факт необходимости все вновь и вновь завоевать свою удачу в глазах от тех, кто наступает со стороны юности, как он сам наступал когда-то, во времена своей юности, на зам: «Пожалуй, погодим». Публика в театре, хочет, буря аплодисментов.

Леля. Вы говорите, что я отнимаю у вас время, а сами тратите его на шутки.

(Телефонный звонок).

Маржерет. Алло! Что? Приехал? Это неправда! У меня корок сердца. Я могу не вынести удара. Приехал! Ура! Скорей! Скорей! (Бросает трубку; к Леле) Приехал! Вы слышите? Приехал! (Бежит по коридору). Приехал! Приехал!

Леля. Господин Маржерет, я прошу выслушать меня серьезно.

Маржерет (возвращается, увидев как бы впервые Лелю). Что? Ах, вы. Да... Да, да, простите. Я ведь разговаривал с вами. Но у меня ужасная особенность. Когда у меня мысли заняты, я слушаю и ничего не понимаю... высказываюсь в разговор... У меня уже целую неделю заняты мысли, я все ждал, понимаете, я все думал: приедет или не приедет, приедет или не приедет. Приехал. Он собирается танцовать на международном балу артистов. У меня освободились мысли. Да. Так что вы хотите? Вы флейтистка?

Леля. Я трагическая актриса.

Маржерет. Почему трагическая?

Леля. Вы опять спрашиваете «почему».

Маржерет. Верно, верно, останавливайте меня. У меня опять заняты мысли.

Леля. Вы забавный человек. Чем же теперь у вас заняты мысли?

Маржерет. Подождите... (морщится, подносит руку ко лбу). Чем-то заняты...

Леля. Ведь тот, кого вы ждали, приехал.

Маржерет. Подождите. Так, так, так. Дайте мне освободить мысли от того, чем они заняты. Да. Готово. Так это они же вами и заняты, черт возьми! Что вам нужно от меня?

Леля. У себя на родине я была известная... если хотите... знаменитая артистка. Ведь мне не надо начинать сначала?

Маржерет. Да, да, да, да! Все понимаю. Отлично. Как вы говорите? Почему сначала? Верно. Верно. Верно.

Леля. Или вы не подозреваете, о ком вы говорите?

Маржерет. Превосходно. Превосходный план. Сперва — никто ничего не подозревает... Так... Как будто не знаменитость, а так... ерунда какая-то, очередной номер... И никаких афиш. Я прикажу уничтожить афиши. Мы сделаем так: сегодня же — первое выступление. Мировую знаменитость мы выпустим в середине программы, заменой номера... Без анонса, без рекламы. Браво. Браво. Это сильнее всяких реклам...

(Шум, воодушевление, приближается Уиллям).

Маржерет. Уиллям! Великий Уиллям! (Входит Уиллям. Артисты со всех сторон. Уиллям смотрит на Лелю. Все видят, что Уиллям смотрит на Лелю. Леля готова попятиться).

Уиллям. Кто это, Маржерет?

Маржерет. Я приготовил ее для тебя.

Уиллям. Кто ты?

Леля (молчит).

Уиллям. Я—Уиллям.

Леля. Не знаю.

Уиллям. Кто же ты? Нетр? Нет, ты не нетр. У тебя золотые волосы и лицо персидской богини. Кто же ты? Гала? Ты древний галл.

Леля. Я не знаю вас. Почему вы так говорите со мной?

Уиллям. Я—Уиллям.

Леля. Не знаю.

Маржерет. Она притворяется, чтобы поразвлечь тебя.

Уиллям. Зачем ты читаны ведешь?

Леля. Оставьте меня в покое.

Уиллям. Чудесно! Сегодня я видел во сне свое детство. Сад, деревянные перила, я спускался по старой лестнице, скользя рукой по перилам, сделка пестрых солнечными лучами. Ты воплощенная метафора. Сними куртку, умоляю тебя. У тебя руки круглые, как перила.

Леля. Вы странный человек.

Уиллям. Люди сделали меня богом. Я тоже был мальчик. Зеленые холмы были. Ты пришла из детства, где был город Ним, построенный римлянами. Или сада.

Леля. С некоторых пор жизнь мне кажется похожей на сон.

Маржерет. Идите. Вам улыбнулось счастье.

Уиллям. Поцелуй ее мне.

Леля. Сметно.

Уиллям. Ну, я сам могу подойти (подходит). Я поцелую тебя.

Леля. Я вспомнила. Я знаю. Я слышала вашу песенку... с пластинками... В Москве... зимой... Когда я мечтала об Европе...

Уиллям. Можно поцеловать тебя?

Леля. Можно.

(Уиллям целует Лелю. Пауза. Общее восторженное молчание).

Уиллям. Кто ты? (к Маржерету). Где ты достал ее, Маржерет?

Маржерет. Она дует прямой кишкой во флейту.

(Смех).

Леля. Ну, это же неправда... Ну, господин Маржерет, ведь вы же сами все выдумали.

Уиллям (не обращал на нее внимания). Маржерет, ты меня хочешь выпустить сейчас?

Маржерет. Да. Ты должен появляться, как молния.

Леля. Господин Уиллям...

Уиллям. Ну, что тебе?

Леля. Вы обидели меня.

Уиллям. Чем я тебя обидел?

Леля. Вы не жалеете меня... Вы немного подумать, что так и есть на самом деле... Я пришла в театр по делу, я думала, что это театр... а это камера пыток... Вы хорошо говорили о детстве...

Уиллям. Воспоминания детства развлекают как одеколончик.

Леля. Вы странный человек.

Уиллям. Нет женщины, которая не полюбила бы меня.

Леля. Я знаю... Конечно... (пауза).

Уиллям (молчит).

Леля. Я так мечтала о Европе. Мне бы не хотелось, чтобы у вас создалось плохое впечатление обо мне... У себя на родине я считалась красивой... Ведь вы сами обратили внимание на меня.

Уиллям. Придя завтра.

Леля. Вы не так понимаете меня. Я схожу с ума (пауза).

(Где-то аплодисменты. Окончился номер. Подбегают к Маржерету (жоде).

Маржерет. Сейчас... Сейчас тебе, Уиллям. Ты готов?

Уиллям. Идем.

(Уходят. Леля остается одна).

Шум в зале, аплодисменты, крики, топот. Тишина на секунду — и вновь буря. Затем снова тишина и в тишине разливаются звуки рояля — вступление к песенке.

Уиллям начинает петь.

Леля покидает Мюзик-холл.

Ходы, переходы, коридорчики. Леля спускается по лесенке. Пение удаляется. Леля остановилась и слушает. Теперь, униженная и одинокая, она слышит звуки праздника, отгороженного чужими окнами.

И, слушая их, она думает о своей жизни.

Леля. Я хочу домой... Друзья мои, где вы? Что у вас слышно. Новый мир... обворованные люди... Молодость моя... Я хотела продать свою молодость... Я мечтала о тебе, Париж! Я искала славы твоей... Ведь я же знаю это, и как же я могла забыть, что славы дет выше, чем слава тех, кто перестраивает мир... Каждая женщина, мать детей, рожденных в новом мире, согбенная в очереди, снят большей славой, чем все звезды Европы. Чего я хотела? Бального платья? Зачем оно мне. Разве я не была красивой и платья, сшитом из тряпочек. Я хочу домой... Как там спектакли идут без меня? Родина, я хочу слушать шум своих тиятров. Рабочий, только теперь я понимаю твою мудрость и всемогущество, твое лицо, обращенное к звездному небу науки. Я смотрела на тебя исподлобья и боялась тебя, как глупая птица боится того, кто ей дает корм... Прости меня, страна Советов, я иду к тебе... я не хочу на бал... я хочу домой... я хочу стоять в очереди и плакать...

Улица. Осень. Листья. Сверкает асфальт. Скамья. На ней человек. Приближается фонарщик.

Фонарщик. Эй, человечек, что делать?

Человечек. Ужинало.

Фонарщик. Во сне?

Человечек. Нет, во сне я победил. Хотел остановить на ужин немного лукового супу, но, понимаешь ли, не успел — проснулся.

Фонарщик. Вот как. Ты, я вижу, безработный.

Человечек. Тебе нельзя отказать в сообразительности.

Фонарщик. Я бы тебе дал на ужин...

Человечек. Не беспокойся, пожалуйста. Разве ты не видишь, что я ужинало?

Фонарщик. Веселый человечек. Что же ты ешь?

Человечек. Дерево. Вон там — видишь? — стоит дерево. Я его ем. В конце концов оно похоже на маису. Если бы не листья.

Фонарщик. Вот чудак-то. Если мне придется есть дерево, я его обязательно с'ем с листьями. Разве плохо, если к маису подают салат?

Человечек. Ты прав. Не я уже ныне. Теперь я хочу сладкого. Я буду есть грушку. Видишь? Очень вкусно. Напоминает вафлю. Только, черт возьми, что-то попало в мою еду. Ага, женщина. (Приближается Леля). Идет женщина. Это артистка из Мюзик-холла.

Фонарщик. Малая, вы ему испортили десерт.

Человечек. Маржерет выгнал меня. Скажите ему, что безработные сожрут его театр.

Леля. За что он вас выгнал?

Человечек. За сочувствие безработным. Кроме того, он не любит членов профсоюзов. Я флейтист из оркестра. А вы?

Леля. Я тоже член профсоюза.

Фонарщик. Дайте ему на ужин. А то ему захочется свинины, и он с'ест полицейского.

Леля. Конечно, конечно, я знаю... (дает ему деньги).

Человечек. Скажите ваш адрес, и я ценну вам долг!

Леля. Я завтра уезжаю. (Леля удаляется).

Фонарщик. Ты смотри, не проспись... теперь не проспись!..

Человечек. Я ошибся. Это актриса нашего театра.

Фонарщик. Ты посчитай хватит на тарелку супа?

Человечек. Темно.

Фонарщик. Я зажгу фонарь.

Начинает петь. Зажигается фонарь на (их голосами. И в свете его обнаруживается больное сходство Человечка с Чаплиным. Котелок, пиджачок, усики, грубые большие башмаки, тросточка. Фонарщик помогает ему считать, заглядывая к его ладонь.

Фонарщик. Ого! Это целый океан супа.

Человечек. А я мечтал только о маленькой луковице — величиной в глаз!

Фонарщик. Ну, теперь ты сможешь с'есть луковицу величиной, по крайней мере, в этот фонарь. (Тушит фонарь).

Конец сцены.

ЮРИЙ ОЛЕША

ФЛЕНТА

СЦЕНА ИЗ ПЬЕСЫ „СПИСОК БЛАГОДЕЯНИЙ"

Главное действующее лицо «Списка благодеяний» актриса Елена Гончарова.

Это пьеса о поездке за-границу. Тема — борьба с «адом Европы» внутри себя.

Елена Гончарова думала, что гангренозная демократическая, общепонятная и волнующая всех тема — есть тема одинокой человеческой судьбы: тема Чаплина.

— Урод хочет быть красивым. Нищий — богатым. Лентяй хочет получить наследство. Матери хочется пристать к сыну.

Тема личного благополучия.

Эта актриса была убеждена, что «человеческого» искривлено в социалистической системе. И поэтому «человеческого» она уехала в Европу.

Там пригласили ее на международный бал артистов. Потребовалось платье. Чтобы заработать денег на покупку платья, она решила выступить в Мюзик-холле «Глобус».

Что из этого вышло, изображается в нижеприведенной сцене.

Автор.

В Париже. За кулисами Мюзик-холла «Глобус». Вечер. Директор «Глобуса» Маржерет. Леля в костюме Гамлета. На столе Маржерета стакан с молоком и булка.

Леля. Я надела костюм, чтобы вы получили полное впечатление.

Маржерет (молчит).

Леля. Может быть, вы заняты?

Маржерет. Почему занят?

Леля. Ну, так. Ведь у вас такое большое дело...

Маржерет. Почему большое?

Леля. Ну, как же... Мюзик-холл... Столько артистов... Трудно...

Маржерет. Почему трудно?

Леля. Как вы смешно разговариваете.

Маржерет. Почему смешно?

Леля. Все время... спрашиваете: почему?

Маржерет. Потому что я занят.

Леля. Вот видите. Я этого и боялась.

Маржерет. Почему боялись? (Пауза).

Леля. Может быть, мне уйти?

Маржерет. Уходите. (Пауза).

Леля. Вы не хотите меня испробовать?

Маржерет. Хочу.

Леля. Я могу сыграть сцену из «Гамлета».

Маржерет. Почему из Гамлета?

Леля. Я предполагала... сделать так, понимаете? «Известная русская артистка»... на афише: «Елена Гончарова... отрывки из «Гамлета».

Маржерет (молчит).

Леля. Ну, хорошо... Вот сейчас я сыграю... Так. Что бы лучше всего? Ага! Монолог с Гильденштерном. (Играет, перебегая с места на место, изображая актрису, «А вот и флейта. Дай-ка сюда эту. Вы хотите отвести меня в сторону. Может быть, хотите сыграть в заклад?» Тут говорит Гильденштерн. Ведь вы знаете эту сцену. Я не буду объяснять. «Да, принц, я слишком смела и доверчива, зато в любви я слишком застенчива». «Я что-то не совсем понимаю. Поиграйте на этой флейте». «Я не умею, принц». «Пожалуйста». «Поверьте, не умею». «Я очень тебя прошу». «Я не могу взять ни одной ноты». «Но это так же легко, как и лгать: вот эту дырочку положи большой палец, а остальные вот на эти: дуй сюда, и флейта запоет». «Но я... у меня нет умения». Тут Гамлет произносит известную сцену терапу. Гамлет говорит так: «Ну, вот видишь, каким ты меня считаешь ничтожеством. Вы хотите играть на мне»...

Маржерет (машет рукой). Нет, нет, нет, не годится.

Леля (сконфуженная). Почему?

Маржерет. Не интересно. Флейта, да? Вы флейтистка?

Леля. Почему флейтистка?

Маржерет. Теперь и вы начинаете спрашивать: почему. Стоном. Не хочется. Что это? Эксцентрика на флейте? Тут надо удивить, понимаете. «Флейта залпом» — этого мало.

Леля. Вы не слушали, вы не поняли... Это совсем другое...

Маржерет. Ну если другое, тогда расскажите — что такое другое. Другое, может быть, интересно. Интересной работа с флейтой может быть такая: сперва вы играете на флейте...

Леля. Да я не умею.

Маржерет. А вы сами говорили, что это очень легко.

Леля. Да это не я говорила.

Маржерет. Вы даже очень обрадовались, что это так же легко, как лгать.

Леля. Вы не слушали, вы заняты.

Маржерет. Вы видите: я занят, я даже не имею времени выпить стакан молока, а вы отнимаете у меня время. Кончим разговор. Я говорю вам, что интересной работа с флейтой может быть такая: сперва вы играете на флейте... какой-нибудь менуэт... Чтобы публика настроилась на грустный лад. Вот. Затем вы флейту прекратываете... Публика ахает. Переключение настроения: удивление, тревога. Затем, вы поворачиваетесь к публике спиной и, оказывается, что флейта торчит у вас из того места, откуда никогда не торчат флейты. Это тем пикантнее, что вы — женщина. Вот. Слушайте меня. Это замечательно. Затем вы начинаете дуть во флейту, так сказать, противоположной стороной — и тут уж не менуэт, а что-нибудь весеннее: «Томми, Томми, встретимся во вторник». Понимаете?

Из литературного прошлого

Новое о старом

1. Из биографии Слепцова

Во время обедни, в переполненной институтской церкви, когда пели «Верую во единого Бога», он внезапно вырвался в алтарь и крикнул:

— А я не верую!

И можно себе представить, как были ошеломлены таким кощунством — священник, директор института, педагоги, студенты, молящиеся.

Преступника схватили, увели, наказали и, в виде особой милости, исключили из института, не предавая суду.

Его мать была в отчаянии: так безумно погубить свою карьеру! Этот случай ясно показал, какие страсти таятся в ее кротком, ангельском, благовоспитанном сыне и как он героически смел, когда дело доходит до его убеждений.

Его декорировали, затем он кричал в алтаре о своем неверии в бога; он очень учтиво объяснил, что ему хотелось проверить на опыте, существует ли бог. И что он считает свой опыт удавшимся, так как бог немедленно убил бы его, если бы существовал на самом деле.

В то время Слепцову было около 16 лет. Дело происходило в Пензе, в тамошнем дворянском институте.

До сих пор этот факт был никому неизвестен.

Вообще, та биография Слепцова, которая приложена к тому его сочинений, представляет собою сплошную фантастику.

2. Савваф на яйцах

Да и сочинения Слепцова печатались до сих пор зорт знает как. В знаменитом «Трудном времени» героини, например, говорила герою:

— У моей няньки картинка была, на которой был нарисован старик... Как посмотрю на него, так и засмеюсь.

Между тем в подлинном тексте, который посчастливилось мне отыскать, нет ни **старика**, ни **картинки**. В подлинном тексте читаем:

«У моей няньки иконка была, на которой был изображен бог-отец, сидящий на воздухе. Только воздух был так гадко нарисован, точно будто Савваф сидит на яйцах. Нянька, бывало, пугает меня им, а я ничего не боюсь. Как посмотрю на него, так и засмеюсь».

3. Декабристки

Читая Некрасова, я всегда удивлялся, почему его поэма о женах декабристов называется «**Русские женщины**».

Здесь мне слышалась национальная гордость: вот каковы женщины у нас на Руси! Гордость несомненная, так как жены декабристов далеко не все были русские: одна полька, несколько француженок.

Теперь оказывается, что на рукописи этой поэмы, приготовленной Некрасовым к печати, четко написано его рукой другое заглавие: **Декабристки**, которое так и осталось незачеркнутым, на чем настоит, что поэт до последней минуты пытался сохранить его для печатного текста.

Отчего во всех собраниях стихотворений Некрасова нужно вычеркнуть раз навсегда суетливо - патриотическое заглавие «Русские женщины» и заменить его заглавием «Декабристки».

Прежнее заглавие было придумано автором исключительно для маскировки революционных тенденций поэмы.

КОРНЕЙ ЧУКОВСКИЙ.

Сегодня литературных органи заций

● Для проведения годовщины со дня смерти В. В. Маяковского (14 апреля) секретариат ФОСП совместно с Институтом ЛИЯ Комакадемии, создал специальную комиссию под председательством **А. Селивановского**, в составе Н. Асеева, О. Брика, С. Динамова и В. Гольцева.

● В Ленинграде начата подготовка к с'езду ВССП. На заседании президиума Ленотдела ВССП намечены докладчики и содокладчики от Ленинграда Мих. Козаков сделает доклад «Писатель и социалистическое строительство», содокладчики-ленинградцы: **Лидия Сейфуллина** и **Алексей Толстой**. Содокладчиками по докладу А. Селивановского «Пролетарская литература и попутчики» выступят **Мих. Слонимский** и **Юр. Либединский**. Содокладчики по вопросам творческого метода — **К. Федин**, (проза), **Н. Тихонов** и **Л. Браун**, (поэзия), **С. Спасский** и **Б. Лавренев** (очерк), **И. Груздев** (критика), **Данко** (детская литература). Оргдоклад от Ленотдела ВССП сделает **Н. Бяршев**.

● Секретариатом РАПП получена следующая телеграмма от Бюро литкружков Магнитостроя: «Рабочие-ударники литкружков Магнитостроя присоединяются к решению пленума о выводе **Безыменского** из секретариата РАПП. Надеемся, что это заставит Безыменского продумать и понять свои ошибки и начать по-настоящему работать в РАПП вместе с нами, ударниками, идущими в литературу».

● Происходившая на-днях первая районная конференция Подольской АПП приветствовала решение февральского пленума правления РАПП о выводе А. Безыменского из секретариата РАПП.

● Областной пленум национальных секций ЛАПП открывается 30 марта. Пленум заслушает доклад о задачах пролетарской национальной литературы в реконструктивный период, доклад нацсектора ЛАПП и содоклад по творческим вопросам.

● Приступила к работе комиссия по чистке секции переводчиков ЛенФОСП. В основу чистки секции кладется производственная квалификация и общественно-политическая работа каждого члена секции.

● Секретариат ФОСП заслушал доклад Б. Киреева о работе клуба ФОСП. Несмотря на то, что из 41 (!) члена правления клуба фактически работали только 5—6 человек, клуб добился за этот год значительных сдвигов в своей работе, но еще недостаточно наполнил ее политическим содержанием. Секретариат ФОСП предложил клубу учесть этот прорыв, а также придать проводимым в клубе литературным вечерам более углубленный характер творческих дискуссий. Серьезным препятствием к дальнейшему развертыванию работы клуба ФОСП является теснота помещения, которое не в состоянии удовлетворить возросших потребностей клуба.

● Утверждена структура и руководящий состав секций Института ЛИЯ Комакадемии. Секция методологии работает под председательством т. Данилова, Секция литературы — под председательством т. Луначарского, при заместителе председателя т. Нусинове, секция изобразительных искусств — с председателем т. Маца, который одновременно является заведующим Кабинетом искусствознания; секция музыки с председателем т. Либединским; секция кино — председатель т. Сутырин, зампредседателя — т. Анисимов; секция театра — председатель т. Афиногенов, зампредседателя т. Подольский; секция самодеятельного искусства — председатель т. Пельше, заместитель — т. Ямель; секция материалистической лингвистики под председательством т. Марра, при ученом секретаре т. Лемтеве; секция газетоведения и журналистики — председатель — т. Лебедев-Полянский; секция литературы и искусства народов СССР — под председательством т. Козьмина. Утверждены комиссии: по литературе Дальнего востока — под председательством т. Хамди-Сепям; по радио-искусству — под председательством т. Зайцева. В качестве зав. кабинетом пролетарской и революционной литературы Эдлала выделен т. Ян Матийн. Секвеструющим сектором массовой работы — т. Васютинский.

Искусство на борьбу за овладение техникой

На вечере в Комакадемии

Как включается искусство в борьбу за решение кардинальной проблемы овладения техникой?

Организованный Институтом ЛИЯ Комакадемии вечер явился смотром работы советского искусства в этой области.

Доклады тт. Нусинова, Маца, Подольского, Юкова и Лебедева констатировали отставание на всех участках фронта искусств.

И. Нусинов осветил в своем вступительном слове положение на литературном участке этого фронта.

— Литература, — говорит т. Нусинов, — должна показать принципиальное классовое отличие социалистической техники от капиталистической, показать новое коммунистическое отношение к труду. В полное техники надо избежать техницизма, любования машиной ради машины, забвения учащающего ее человека.

Лозунг овладения техникой должен быть применен и внутри литературы, но понят не формалистически, а как лозунг борьбы за повышение художественного качества. Несмотря на некоторое отставание, литература идет все же впереди других видов искусства. Наличие твердой руководящей линии РАПП и проведение призыва ударников в литературу, обеспечивают ее дальнейший успешный рост.

Выступавшие на собрании рабочие литкружковцы поддержали эту мысль т. Нусинова.

Ударник Электрозавода т. Трутнов с заслуженной гордостью заявляет под аплодисменты всего зала, что Электрозавод к 1 апреля закончит свою пятилетку. И литкружковцы - ударники производства не мало помогли выполнению плана своим творчеством.

Шахтер-ударник т. Потатуев рассказывает об опыте шахты имени Артема, которая взяла на общественный буксир шахту имени Октябрьской революции. Опыт этого общественного буксира ударники изложили в коллективной книжке. Эта книжка является ценным вкладом в историю борьбы за пятилетку, за ударные темпы, за овладение техникой.

После речи ответственного секретаря ВАРНИТСО т. Свердлова, подчеркнувшего исключительное значение техники и огромный энтузиазм, вызванный призывом т. Сталина, с докладом о положении на фронте изобразительных искусств выступил т. Маца. Здесь дело обстоит очень плохо, если не совсем катастрофически.

Изобразительное искусство отстало от нашего времени не меньше, чем на 14 лет, потому что обнаруживает до сих пор явное непонимание революции. Массовал картина, плакат, скульптура, карикатура, шарж, все эти мощные средства борьбы почти никак не использованы.

Театральное искусство также еще недостаточно включилось в борьбу за овладение техникой. Тов. Подольский в своем докладе принужден был констатировать, что фабрика, завод, технические процессы служили театру до сих пор лишь фоном для показа личности. Суди по докладам тт. Юкова и Лебедева, едва ли не большее отставание наблюдаем мы в кинематографии.

Сделав эти неутешительные заключения, выступавшие товарищи наметили лишь общие пути включения искусства в общую борьбу за овладение техникой. Конкретизацию этой задачи взял на себя Институт литературы, искусства и языка, который вернется к более детальному ее обсуждению.

Л. ЕЛИНА

МОСКОВСКАЯ ТВОРЧЕСКАЯ ГРУППА ПРОЛЕТПИСАТЕЛЕЙ РАПП
«НУЗ ИЦА» и «ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА»
выражают товарищам о смерти активного «пузинца»
МИХАИЛА ОЗРАНИНА,
СКОНЧАВШЕГОСЯ 17 МАРТА К ЛИВАДИИ

В атмосфере исключительного под'ема

Конференция ассоциации пролетарских музыкантов

Музыка органически входит во всю борьбу рабочего класса. Музыкальное искусство — арена ожесточенной классовой борьбы. Никто, может быть, лучше не сказал, не понял, как именно в музыке. Рабочий на политической арене борьбы, ликвидируемой окончательно в экономической области, — классовый враг устремляется в литературу, в искусство, в музыку, чтобы здесь закрепить, отвоевать свои позиции, распространить свое влияние, задержать наступление и победу пролетариата. Показано классного врага можно наблюдать во всех областях, на всех участках музыкальной работы: в рабочем клубе, где оглашение выступает — тайные — реестры разлагают чуждую культуру, в рабочем быту, где фокстротчики и танцевальные композиторы пытаются одурманить и калечить работу сознание, на эстрадной эстраде, в школе, в науке, где буржуазные специалисты и жреческой непогрешимостью проповедуют враждебные нам теории, нравственную музыку.

Но вместе с тем это обусловило и свою очередь и то, что после литературы — на всех участках искусства — только музыка обладает наиболее крепким и организованным массовым пролетарским движением, единой пролетарской музыкальной организацией это отвечало нормам транспортировки в течение трех дней первой российской конференции пролетарских музыкантов, явившимся смотром достижений пролетарского музыкального движения, демонстрацией его роста и силы.

Российской ассоциации пролетарских музыкантов действительно есть что демонстрировать. Успехи музыкального пролетарского движения за эти годы велики и неоспоримы. На малочисленной, незначительной, юношеской организации АПМ указано по вызову, окрепла, стала ведущей организацией на музыкальном фронте. Борьба с реакцией в консерватории, разоблачение ее лагеря меньшевиствующей организацией «Объединения революционных композиторов», борьба с левым жаром, с перекошенной фокстротчиной, пошлятиной, с господствующей буржуазной организацией «современников» — вот те бои и этапы борьбы, в которых закалилась и росла пролетарская музыкальная организация, крепло ее руководство. Российская ассоциация пролетарских музыкантов имеет разветвленную сеть кружков, отделений в провинции. В братских республиках — на Украине, Белоруссии и т. д. — также имеются уже свои пролетарские музыкальные организации. Ассоциация ведет большую массовую работу; в театральной и теоретической областях она также имеет серьезные достижения: создание массовой песни, гитлеровской цыганско-фокстротную, мещанскую «Шахту № 3», «Марсианин», «Авиомарш» и прочую пошлятину.

Обо всем этом говорилось в основных докладах на конференции тт. Либединского, Кельина, Мокеева и в горячих прениях и сообщениях с мест. Эти недостатки нетерпели со стороны огромнейших трудностей, которые приходится преодолевать работникам пролетарского музыкального фронта и борьбы за организацию на местах, в борьбе за преодоление новой пролетарской песни, за изгнание мещанской халтуры. Местная печать, многие руководящие местные организации по-прежнему не учитывают значения пролетарского музыкального движения, не только не помогают, но зачастую настроены враждебно, безразлично борется против этого движения, пропагандируя чуждое творчество, покровительствуя «левым» кликушествующим и «современникам». (Например, в Ленинграде беспринципную политическую линию ведет «сам» наследующий Ленинградском — т. Радзиевич).

На отдельных выступлениях на конференции отметим выступление т. Гроссман-Рощина, говорившего о необходимости классовой дифференциации и четкости на музыкальном фронте, об огромной исторической задаче разработки диалектико-материалистической философии музыки, о недопонимании его как зор элементного движения (Мейерхольдом и др.) о «критике оценок» переразложений в дисредитацию АПМ.

Конференция прошла в атмосфере неистощимого под'ема.

Э. ГАЛЬ

На всесоюзном совещании сценаристов

Всесоюзное совещание напоминает многим напоминает недавно прошедшее тематическое совещание РАПП. Выдвигались и решались те же проблемы и вопросы. Разница лишь в том, что общий уровень совещания — принципиальный и теоретический — у центра оказался много выше.

Правильно отметил в Афиногенов, что совещание отличается в чем двух проблем — все увеличивающейся роли кино в социалистической реконструкции и исключительно большого прорыва на данном участке. Основной вопрос реконструкции упирается в проблему кадров, и в этой проблеме вопрос о сценарных кадрах один из острейших. Наша техника опередила пока еще нашего исполнителя, не идейную насыщенность. Необходима, поэтому, усиленная помощь чуждых классовой по только по идеологии, но и на чисто-формальные установки.

В обширном докладе, сопровождавшемся анализом современной кинопродукции, т. Сутырин установил ряд бесспорных положений.

— С процессом углубления пролетарской революции, с процессом вскрытия со стороны пролетарских начал искусства — монументального художества обнаруживает все больше свою дефективность бредни Фесбом, Пудовкина, Эйзенштейна и др.); чем крупнее мастер, чем он более зрел, тем ярче обнаруживается эта дефективность, сам художник оседает в подвалах мелкобуржуазного мировоззрения. Значит ли это, что художник находит и сущих, из которого нет выхода? Нет. Надо искрать правильный путь роста, т.-е. органически передвигать свое мироощущение. Основа переразрешающая задача — борьба за кадры, скорейшее перевооружение политических кадров, переход их на рельсы пролетарской идеологии, борьба за овладение методом диалектического материализма и, тем самым, борьба с буржуазными теориями, с эклектизмом, с всякого-марксистскими течениями, с извращениями марксизма.

На сегодняшний день наша задача: осветить проблему самой кинематографии, установить, что такое кино в наших условиях и найти специфическую методологию нашего фильма и отделиться. (Чем отличается художественный фильм от просветительного и т. п.). Надо вести борьбу с формализмом (как такового отвергаем), с теорией документализма, с Вертовской и прочими подлыгизму.

Что касается метода диалектического материализма в кино, то его, по мнению т. Сутырина, «раскрывать» еще преждевременно...

Недостаточно конкретная постановка вопроса о методе диалектического материализма вызвала ожесточенную полемику.

Вообще характерная черта совещания та, что, за вычетом непропорционально большой половины, все сказанное только в постановке, вернее — в заданиях и вопросах.

Новым-то, отметим на них будут даны ответы и в других местах. Совещание же уже имеет более четкую расстановку сил на литфронте и позволяет наверх основательную разработку актуальных проблем — теоретических и практических кинематографии.

И. ТУР

Открытие гостеатра Ю. Завадского

Открытие Гостеатра, руководимого Ю. А. **Завадским**, во вновь отстроенном помещении, состоялось 25 марта при участии общественного комитета и состава тт.: Этингоф (Радиокомитет), Бояркого (председатель ЦК работников искусств), Кольцова-Майского («Красный богатырь»), П. Маркова (МХТ), П. Антокольского (Театр им. Вахтангова) и др. Приветствуя самый молодой из московских театров, представители общественных и художественных организаций выражали уверенность в том, что он будет надежным бойцом на передовых позициях пролетарского художественного фронта. — Нас, молодых, воздвигнувших молодую труппу, сравнивали помещение ее театра с метрополитеном, по которому актеры на парах паровозного поезда приедут в районы рабочего зрителя.

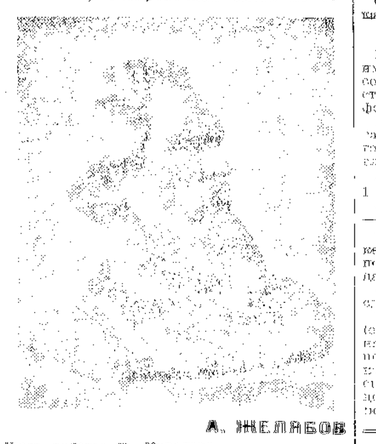
Ю. А. Завадский рассказал о героической работе всей труппы, сумевшей преодолеть большие трудности на пути создания своего театра, предназначенного для рабочего зрителя.

Открытие театр высоко И. Ситова «Сквозь ад». — Критическая оценка спектакля будет дана в ближайшем номере «Литгазеты».

Общество политкаторжан ставит памятник Желябову

Центральным Советом Общества Политкаторжан **организован комитет по сооружению памятника казненному по делу 1 марта 1881 года народовольцу А. Желябову.**

Для изыскания средств на сооружение памятника Желябовский Комитет наметил ряд мероприятий, в том числе: специальные подписные листы, обложение зрелищных предприятий маровым сбором в течение двух лет и т. п. Ориентировочная смета по сооружению памятника—200.000 рублей. **Комитет выпустил специальный сборник, посвященный 1 марта 1881 года.** В нем немедленно воспоминания живых участников казни Александра II. Вся прибыль от продажи сборника поступит в фонд памятника А. Желябову.



А. ЖЕЛЯБОВ

Бюст работы Б. Королева в музее Революции

Письмо в редакцию

В № 14 «Литературной газеты» напечатана статья тт. Лупполя и Лившицева «Творческий смотр — боевая проверка», в которой авторы, характеризуя мое выступление на производственной конференции писателей, берут в кавычки следующие слова: «ничего не делать, смотреть и ждать, что будет дальше» — взяты, произвольно перевраны мои выступления. Перечтут, подумают, что я это читать из моей речи.

Эти слова я не говорил (см. стенограмму). Мысль, заключенная в них, прямо противоречит моей позиции.

В. ПЕРЦОВ.

ОТ РЕДАКЦИИ.

Печатая письмо тов. Перцова, редакция подтверждает, что тт. Лупполь и Лебединский и не собирались приписывать тов. Перцову эту статью. По существу же указанию автором статьи совершенно верно.

Конкурс

на распространение „Литературной газеты" и журнала „Рост"

В связи с реорганизацией распространения периодической печати и книгоиздания этого дела на почте, на первый план выдвигаются общественно - массовые методы работы. Чтобы обеспечить широкое участие общественности в деле распространения «Лит. Газеты» и «Роста» каждой литературной организации, каждому литкружку необходимо выделить специальных товарищей в качестве общественных распространителей.

УСЛОВИЯ КОНКУРСА

1. К участию в конкурсе допускаются все читатели «Роста» и «Литературной Газеты», общественные распространители, вербовщики, собиратели подписки и т. д.

2. Премируются товарищи, собравшие наибольшее количество подписок на «Рост» и «Лит. Газету», наиболее полно охватившие все каналы распространения подписки и на наиболее продолжительный срок.

3. Среди товарищей, выполнивших условия конкурса, будут распределены следующие премии:

1-я премия (16 премий): «Малая Советская Энциклопедия».

2-я премия (35 премий): Комплект полного собрания сочинений Чехова в наилучшем переплете в 12 томах и 12 комплектов «Библиотеки Романов» в наилучшем переплете, в 12 томах.

4. Среди товарищей, завербовавших не менее 10 годовых или 20 полугодовых подписчиков на оба издания вместе, будут разыграны следующие 30 премий:

3-я премия (10 премий): подписка на журнал «Литературная Учеба».

4-я премия (20 премий): подписка на Заочный Институт Журналистики.

5. Среди товарищей, завербовавших, не менее 5 годовых или 10 полугодовых подписок на оба издания вместе, будут разыграны следующие 150 подписок:

5-я премия (75 премий): годовая подписка на «Рост»;

6-я премия (75 премий): годовая подписка на «Литературную Газету».

ПРАВИЛА ПРИЕМА ПОДПИСКИ.

1. При вербовке, подписчики вносят стоимость подписки вербовщику, заполняют соответствующие графы в подписном листе, изготовленном по прилагаемой форме и расписываются.

2. Вербуемые подписчики могут подписаться на журнал «Рост» с 1 января 1931 года или «Литературную Газету» с LIV № на следующие сроки:

«Рост»: — 12 мес. — 3 руб., 6 мес. — 1 р. 50 к., 3 мес. — 75 коп.

«Лит. Газета» — 12 мес. — 3 р. 50 к., 6 мес. — 1р. 75 к., 3 мес. — 90коп.

3. Подписная плата вносится при подписке, полностью на весь срок, на который подписывается (год, полгода или 3 месяца). Рассрочка платежа не допускается.

4. Подписные листы вместе с деньгами сдаются в ближайшее почтовое отделение.

5. При сдаче подписки на почту, сдатель (отрезная часть подписного листа) расписывается, отрывается и с отметкой почты пересылается в издательство «Огонек» (Москва, 6, Страстной б. III). На основании этих справок, завербовавших почтой, будут распределяться премии за наилучшие результаты по сбору подписки.

Извещения

22 МАРТА — 19 ч. — собрание литбригады «Прандя» (Ленинградский, 48. Клуб рабочей). Доклад О. Брика «Эпиграмма». Доклад Музсектора ОГИЗ «Темы современных песен».

23 МАРТА в 19 ч. в Комакадемии (Волхонка, 14) продолжение доклада на тему «Классовая сущность меньшевизма и литературная критика».

25 МАРТА — 18 ч. — в клубе фабрики «Красная Пресня 13» (Арбат, Гоголевский, 8) расширенный пленум Фрунзенского райбюро МАПП с активом литкружков и писателей.

25 МАРТА — 20 ч. в ассоциации работников живого слова (Таганка, 5. Коммунистическая, 9) доклад В. Бойченского «Классики и современность».

31 МАРТА — 17 ч. в помещении ЦО ВОКП (Дом Герцена) — заседание критического сектора пролетарско-колхозных писателей.

2 АПРЕЛЯ — в Клубе ФОСП — секретариат МАПП и редакция «Литературной газеты» устраивают совещание литературных журналов и литкружков газет по вопросу о перестройке лицом к призыву работ ударников и литературы. Приглашаются: «Октябрь», «Рост», «На литпосту», «Комсомольская правда», «За коммунистическое просвещение», «Молодая гвардия», «Смена», «30 дней», «Огонек» и другие журналы и газеты.

Ответственный редактор: С. ДИНАМОВ

РЕДКОЛЛЕГИЯ: Н. Асеев, С. Динамов, И. Жига, Л. Ильинский, И. Катаев, Г. Коренев, Н. Огнев, А. Селивановский, И. Сельвинский, М. Слонимский

ИЗДАТЕЛЬ: Акционерное Изд. О-во «Огонек».

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА
ОРГАН ФЕДЕРАЦИИ ОБЪЕДИНЕНИЙ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ
ВЫХОДИТ КАЖДЫЕ 5 ДНЕЙ
ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:
12 мес. — 3 руб. 50 коп.
6 мес. — 1 руб. 75 коп.
1 мес. — 30 коп.
ПОДПИСКА НА КОМПЛЕКТЫ „ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ" ЗА ЯНВАРЬ, ФЕВРАЛЬ, МАРТ НЕ ПРИНИМАЕТСЯ
АКЦ. ИЗД. ОБ-ВО „ОГОНЕК" — МОСКВА

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА БИБЛИОТЕКУ ОГОНЕК
Как и в прошлые годы, 72 книжки „Библиотеки „Огонек" дадут лучшее из того, что есть в советской и иностранной литературе
УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ:
«Огонек» с приложением «Библиот. «Огонек» (36 №№ журнала и 72 книжки «Библиотеки «Огонек») 12 м.—10 р., 6 м.—5.50, 3 м.—3 р.
Подписку сдавайте на почту или письмоносцам. Переводы в издательство посылать не следует. Акц. изд. об-во „Огонек"

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1931 г.
ИЗОГИЗ КНИГОЦЕНТР
НА НОВЫЙ ДВУХМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
Советский музей
Орган Сектора Науки Наркомпроса
Ответственный редактор И. К. ЛУППОЛ
Выходит 6 книг в год. Об'ем каждого № — 8 печ. листов
ЖУРНАЛ СТАВИТ СВОЕЙ ЦЕЛЬЮ освещение всех вопросов музейного строительства в эпоху диктатуры пролетариата и в первую очередь разработку вопросов участия музеев в социалистическом строительстве и культурной революции. Особое внимание журнал будет уделять марксистско-ленинской методологии построения музеев, будет освещать их деятельность, музейную технику, библиографию, информацию о работе заграничных музеев и по другим актуальным вопросам музейного дела.
ОТДЕЛЫ ЖУРНАЛА: Общий отдел. Методика и организация музейного дела. Музейная техника. Обзоры деятельности музеев. Заграницей. Библиография. Официальный отдел.
В каждом номере значительное количество иллюстративного материала.
№ 1 ПЕЧАТАЕТСЯ И ВЫЙДЕТ В ПЕРВЫХ ЧИСЛАХ АПРЕЛЯ.
ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: на год (за 6 №№) — 6 руб., на 6 мес. (за 3 №№) — 3 руб. Цена отд. № — 1. 25 к.
ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ Подотделом КНИГОЦЕНТРА (Москва, Кузнецкий мост, 3), магазинами и отделениями КНИГОЦЕНТРА и на почте.

МАССОВЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И КУЛЬТУРНО-БЫТОВОЙ ЖУРНАЛ
РОСТ
МАССОВЫЙ ОРГАН ПРОЛЕТАРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ВЫХОДИТ ДВА РАЗА В МЕСЯЦ
ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1931 ГОД
ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: 12 м. — 3 р. 6 м. — 1 р. 50 к. 3 мес. — 75 к.
Подписку сдавайте на почту и письмоносцам. Переводы в издательство посылать не следует. Акц. изд. об-во «Огонек» — Москва, 6. Страстной бульвар, 11.

Ежемесячный орган Всероссийского, Московского и Ленинградского Советов О. Д. Д.
ДРУГ ДЕТЕЙ
Ответственный редактор О. Д. КАМЕНЕВА.
Журнал, как и общество „Друг Детей", является центром мобилизации сил и средств пролетарской общественности на помощь делу коммунистического воспитания и пионерского движения.
Журнал рассчитан на широкий актив членов об-ва „Друг Детей" и детскомиссии, комсомольские и пионерские организации, работников, матерей и т. д.
С 1 ноября 1931 г. журнал выходит в издании Акц. Изд. Об-ва „ОГОНЕК"
ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: 1 год — 2 р. 40 к., 6 м. — 1 р. 20 к., 3 м. — 60 к.
Подписку сдавайте только на почту или письмоносцам.

Самый распространенный в СССР иллюстрированный журнал
ОГОНЕК
Редактор Мих. КОЛЬЦОВ.
В 1931 г. „Огонек" уделит перестройке журнала и ее ему еще большего отражения в снимках, очерках, рассказах и других материалах всех видов нашего социалистического строительства и классовой борьбы во всем мире. В каждом номере „Огонька" печатаются очерки, рассказы, статьи и снимки писателей, журналистов, политических деятелей, ударников, рабкоров, селькоров и фотокоров, развертывающие разнообразную широкую и правдивую картину жизни, быта и социалистического соревнования масс.
ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: „ОГОНЕК" без приложений: год — 3 р. 25 к., 6 месяц. — 1 р. 75 к., 3 мес. — 90 коп., 1 месяц. — 30 коп. „Огонек" с прилож. «Библиотеки Огонек»: год — 6 р., 6 м. — 3 р. 50 коп., 3 мес. 3 руб.
Подписку сдавайте исключительно на почту или письмоносцам
Переводы в издательство посылать не следует

МАССОВЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
БОРЬБА КЛАССОВ
Орган Общества историко-марксистов при Комакадемии ЦИК СССР.
Под общей редакцией М. Н. Покровского.
СОДЕРЖАНИЕ № 1: М. Покровский — Ленин и история. М. Горький — Народ должен знать свою историю. Ем. Ярославский — Ленин и нар. И. К. Крупская — Об «Искре». Д. Кин — Заметки делегата X с'езда. Феликс Кон — Конец меньшевизма. К. Радек — В семье с Владимиром Ильичем. Московские меньшевики в Октябре 1917 г. (Документы председателя). Е. Драбкина — Меньшевики и интервенция.
К 60-летию Парижской коммуны: П. Лукин-Антонов — Начало о коммуне. А. Монов — Гитмарэ в плетеницах. А. Шестаков — Казн. Александра II и др.
В отделе документов: неизданные записки по этому В. И. Ленина к М. Н. Покровскому. Из донесений царского посла о коммуне.
В. Хейвуд — Среди углекопов и кобоев (из воспоминаний).
На историческом фронте: Н. Фридлянд — «Казус» Мельсен. С. Мицкевич — Реакционная выходка академиков.
Кроме того в номере отделы: Как заниматься по истории, история в искусстве и т. д.
Журнал богато иллюстрирован.
Приложение: цветные издаваемая в СССР «Война» популярная или отображающая библиотека
„ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ"
в 24-х книгах, которые охватят основные вопросы мировой истории. «Всемирная история» выходит под общим руководством М. Н. Покровского.
Подписная плата: «Борьба классов» без приложения: год — 10 р., 6 мес. — 5 р. 50 к., 3 мес. — 3 р.
«Борьба классов» с марта по конец года с приложением «Всемирной истории» в 24-х книгах — 26 руб. Рассрочка разрешается: при подписке — 5 р., к 1 мая — 5 р. 50 к., к 1 июля — 5 р., к 1 сентября — 5 р. 50 к., к 1 ноября — 4 р.
Подписчики на «Борьбу классов» с приложением «Всемирной истории» сверх того вносят, получат бесплатно 2 художественные исторические картины.
Подписку сдавайте исключительно на почту или письмоносцам.
Акц. Изд. об-во «Огонек», Москва 6, Страстной б., II

Типогр. Гиз № 13688.
Литредакционная (38) типография Мосполиграфа, ул. Свердлова Осипенко, д. 8.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Орган Федерации Об'единений Советских Писателей РСФСР

МОСКВА 4 АПРЕЛЯ 1931 г. № 18 (117)

РЕДАКЦИЯ: Тверской бульвар, 25, Дом Герцена. Тлф. 2.80.12

ЛИЦОМ К ТВОРЧЕСКИМ ЗАДАЧАМ

К ПЕРВОМУ «ПЛЕНУМУ» ЦС ЛОКАФ

Всего лишь восемь месяцев прошло со дня первого организационного собрания ЛОКАФ в Москве. За это время создались и выросли десятки отделений об'единения, в том числе и национальных организаций (Украинская, Белорусская, Татарская). Значительное число пролетарских писателей, лучшие кадры советских писателей влились в ЛОКАФ. Организация об'единения пошлась и серьезным толчком для развития низового литературного движения в Красной армии, а начавшийся в конце прошлого года призыв в литературу красноармейцев-ударников еще больше расширил возможности развития красноармейской литературы и положил начало поворота ее лицом к боевой подготовке. Бригады писателей ЛОКАФ были командированы в 1930 году на осенние маневры РККА, благодаря этому один из важнейших эпизодов будней Красной армии на этот раз нашел значительно большее отражение в советской прессе и в периодической художественной литературе. За последние два месяца прошли конференции ЛОКАФ в наиболее мощных организациях: Ленинградско-Балтийской, Украинской, Белорусской, Приволжской, Северо-Кавказской. Все это говорит о том, что ЛОКАФ уже обрел свое место в советской литературе и становится массовой литературно-политической организацией.

Однако пленум ЦС не склонен переоценивать итогов первого года развития ЛОКАФ. Необходимо четко уяснить причины значительного роста об'единения, чтобы на основе большевистской самокритики дать правильную оценку руководству ЦС и главное правильно наметить очередные задачи ЛОКАФ. Совершенно очевидно, что своему росту ЛОКАФ прежде всего обязан величайшему вниманию и любви пролетарских широких трудящихся масс советской страны и Красной армии. ЛОКАФ поднялся на гребне высокой волны активности и воли трудящихся к защите своего социалистического отечества. Массы хотят лучше знать свою родную армию. Они требуют яркого художественного показа красноармейской школы коммунизма. Строители социализма хорошо знают, что их великая работа—это одновременно и основное, что необходимо для обороны этой стройки. Но массы дают заказ на художественное отображение социалистической стройки, ее значения для обороны страны Советов, заказ особо актуальный сейчас перед лицом угрожающего оскала империалистов против страны социализма.

В этих условиях надо признать недостаточным уже достигнутое ЛОКАФ. Вся же мала еще сеть местных отделов, призыв ударников дал сотни призванных, далеко не исчерпав возможностей, плохо закрепляются достижения, а, главное, совершенно недостаточен поворот об'единения к творческим задачам. В решении творческих задач сделаны лишь первые шаги (творческая мобилизация ЛОКАФ в Москве и Ленинграде, издание отдельных произведений ударников в Самаре, Смоленске, Ростове, выход журналов ЛОКАФ и «Залп», сборника «Перекоп» и двух украинских альманахов). В выполнении творческого плана необходимо отметить и сигнализирующий об'единению сигнал в срыве Вишневского в его работе «Последний решительный». ЛОКАФ еще полностью не овладел богатейшим творческим опытом ведущей литературной организации РАПП и еще не приступил к конкретизации своей творческой платформы.

Пленум ЦС должен будет, подведя итоги, принять меры к дальнейшему организационному росту об'единения и укреплению существующих отделов и, главное, призвать к решительному повороту лицом к творческим задачам. Пленум начнет конкретную разработку вопросов творческой платформы. Весь актив писателей и критиков ЛОКАФ продолжит и завершит эту ответственнейшую задачу об'единения. Необходимо расширить и реализовать на деле творческую мобилизацию писателей ЛОКАФ. Необходима мобилизация критических сил для оценки уже имеющегося творческого капитала ЛОКАФ и для организации помощи «на-ходу» писателю оборонной темы, особенно идущему в литературу красноармейцу-ударнику. Руководство красноармейскими литгруппами должно быть обеспечено, и для этого надо привлечь лучшие силы ЛОКАФ.

ЛОКАФ должен крепко связаться с международной революционной литературой, помочь ей в борьбе против художественной литературы империализма, в борьбе с опасностью новых войн и интервенции против СССР, в разоблачении пацифизма, «ремаркизма».

Так, в общих чертах вырисовываются общие вопросы открывающегося пленума ЦС ЛОКАФ, которые, надеемся, будут разрешены с полным успехом.

ВЕСТИ ИЗ-ЗА РУБЕЖА

Ле Корбюзье является сейчас одним из наиболее влиятельных теоретиков градостроительства и новой архитектуры. Ле Корбюзье приезжал недавно в Москву и участвовал в совещании по планировке «Зеленого Города».

Вот что он, между прочим, пишет в своей последней книге об СССР:

«СССР вместил программу общего оборудования всей страны: программу интеллектуальную, как и материального плана. Она прекрасна и ясна. На ее осуществление направлена большая часть всей производительности труда».

Москва—это фабрика проектов. Обетованная земля техников. Страна широко оборудуется. Неисчерпаемый поток проектов: проекты заводов, шлюзов, фабрик, жилищ, проекты целых городов. И все это под единым углом того, что несет с собой прогресс.

На конкурс проектов большого автомобильного завода Форда или практичный американский архитектор специализируется по проектированию промышленных зданий. Его поразит экономия тщательно продуманных зданий. Без лишнего украшательства, в строгом ритме современности его взор будто не замечает ни каменных, ни кирпичных. В Москве над ним только посмеялись. В этом центре всего нового он оказался неучтивым. Этот небольшой инцидент весьма показателен: он определяет качественный духовный уровень московских планировок.

Местные книги разработки планов, характерной идеи, рассматриваемых специальными жюри. Посмотрите программу — это архитектурный гастрономический отзыв всей современной техники.

Здесь творят архитектуру кокю, целеустремленную. В их простых много «жюри» и молодой свежей бодрости, и это особенно поражает вас, привыкших придавливать нездешним академизмом.

*

В Германии разгорелась ожесточенная борьба вокруг последнего романа Лиона Фейхтвангера «Успех», в котором он выводит в открытом осмеянии гитлеровцев. Последним удалось добиться того, что многие книготорговцы об'явили бойкот не только этому роману Фейхтвангера, но и всем его другим произведениям.

*

Во время требования Чарли Чаплина о большие дотации безработный кинематографического производства имел с ним длительную беседу о положении безработных в Америке.

Чаплин, между прочим, сказал: «Одной из возможностей разрешения вопроса безработицы в Европе и Америке является признание всеми странами Советского союза. Другие мероприятия, которое может временно разрешить этот острый кризис, это введение пятидневки по примеру СССР и сокращение рабочего дня. Вообще, мы должны многому сейчас научиться у советской власти. Я видел очень много безработных, я беседовал с десятками, но должен в утешение сказать, — если это вообще может кого-нибудь утешить, что положение с безработицей в кинопроизводстве в Америке значительно хуже, чем в Европе. В одном Лос-Анжелосе сейчас 100.000 безработных деятелей кино.

*

«Пейпо Дейчер Ферлаг» («Новое немецкое издательство») об'явило конкурс на лучший роман против фашизма. Премия — 400 марок.

*

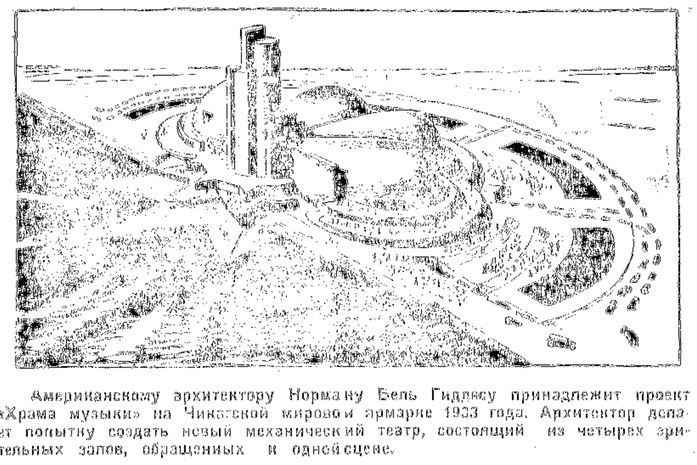
Второй метр массовой критики, устроенный Союзом пролетарских писателей Германии 6 марта, был посвящен, в связи с международным днем работницы, разбору произведений, изображающих жизнь рабочей женщины в капиталистических странах. На собрании разбирались книги: «Хлеб без солнца» японского писателя Н. Токунага, «Мария и мариграф» Фр. Гаеля; «Баллада ХФ» Альберта Готопца; и «Анна» Ирмы Оллбрагта.

*

Лорд д'Абернон выпустил в Лондоне пробную книгу «Восемнадцатое летнее мирное тяжелое». Книга посвящена годам 10-м. Вторжение между поляками и Красной армией в 1920 г.

*

В издательстве «Мартен Шеккер» (Амстам) в скором времени выйдет перевод книги Леонида Леонова «Вор».



Американскому архитектору Норману Бель Гиддесу принадлежит проект «Храма музыки» на Чикагской мировой ярмарке 1933 года. Архитектор делает попытку создать новый механический театр, состоящий из четырех зрительных залов, обращенных к одной сцене.

ПЕРЕД ГОДОВЩИНОЙ СМЕРТИ В. В. МАЯКОВСКОГО

Комиссия секретариата ФОСП и Института ЛИЯ Комакадемии разработала планы празднования годовщины со дня смерти В. В. Маяковского.

В Коммунистической академии 14 апреля ФОСП, РАПП и Институт ЛИЯ Комакадемии организуют большой вечер, посвященный годовщине со дня смерти В. В. Маяковского, под председательством А. В. Луначарского. На вечере будет проведена серия докладов о Маяковском. Вступительное слово сделает Л. Авербах. Между докладами состоится художественное чтение произведений Маяковского в исполнении В. Яхонтова и Розинер. К участию в вечере будут привлечены представители советской общественности УССР, БССР и ЗРОФСР.

На вечере состоятся выступления агитколлективов МОРП и рабочих-ударников.

В ГИХЛ выходят сейчас в двух видах воспоминания Л. Авербаха «Памяти Маяковского». В воспоминаниях будут также напечатаны статьи Л. Авербаха «О темах саморазоблачения, о Тренском и инструментовке».

Комиссия решила обратиться в ГИХЛ с просьбой обеспечить выпуск из печати в 14 апреля второго издания дешевой библиотеки избранных произведений В. В. Маяковского.

К годовщине смерти В. В. Маяковского решено закончить сбор средств на трактирную вывеску имени поэта. Сбор средств проведет редакция «Литературной газеты».

Ник. АСЕЕВ

ПЕСНЯ

Отстало задней площадью нещетного, медленно тянущегося нагона тревоги. За сквозняком, на мостовой, рослые рыды, усердно мотающихся лошадиных голов. Над головами лошадей, перекрещенные ремнями, развернутые груди всадников, в ловко пригнанных шинелях, с черными приручеными змеями сабель вдоль бедер. Головы в аккуратно подвернутых шлемах, в перчатках руки, держащие жирно промазанные поводья. Трамвай то обгоняет, то отстает от колонны. Впереди лошадь командира приближается к самому стеклу. По эту сторону стекла две оживленных простодушных девичьих мордочки, направляющих кокетничающих со скромным командиром. Тот то поглядывает в отводит глаза, со всей серьезностью человека, вооруженного и на коне, то, как бы случайно, встречается взглядом с блестящими, задорными, смеющимися двумя парами серых глаз. Конфуз и досада на непоколебленную улыбку — на лице командира. Оно, лицо это, еще бледно, простодушно и парочито пасмурево. С обеих сторон — не успевший костер военного пафоса, и простая, нечередаемая радостная игра жизни. Это глаза в глаза, семя со своими встречаются, гордятся и радуются молодость и крепость класса. Грянула песня и под песню боком затанцовала конь. Хочется, чтобы песня эта была такой

ВИНТОВОЧКА

Расстилайся, родная дорога,
Непройденной новизной
Красной армия — белая тревога
От винтовки нарезной.

В него метим,
Того знаем
в полный рост:
Винтовочка
Нарезная,
бей в наглёт.

Мы тебя смажем, мы тебя почистим
И запляжем в намышах;
Не дозволим подырям-фашистам
Нашей стройке помешать.

Не дождутся,
Не узнают
наших слез:
Винтовочка
Нарезная,
бей в наглёт.

В заплечах у нас противогазы,
Гусьи шеи — хобота.
Не допустим черную заразу
Нас в оборотку обратать.

Развевайся,
Наше знамя —
выше звезд:
Винтовочка
Нарезная,
бей в наглёт.

На гачанках дремлют пулеметы,
Нагуляши аппетит.
Нас — враги — вовек не переметче
На проторенном пути.

Всюду помнят,
Всюду знают
белых зноеть:
Винтовочка
Нарезная,
бей в наглёт.

Мы сильны не пулями одними,
Только трояься марш их рот:
Сжал кулак, поднимется над ними
За спиной их красный фронт.

Не покроет
Пеночь злая
красных звезд:
Винтовочка
Нарезная,
бей в наглёт.

Всюду в мире—тонеря, шахтеры
Нам родня — зерно к зерну;
В капиталов окорок матерый—
Нарезные повернут.

Забивая
Вместе с нами
В гроб им гвоздь,
Винтовочка
Нарезная,
бей в наглёт.

Наши братья индусы-китайцы,
Наступая по пятам,
Нам с тобой помогут сосчитаться,
Белозобый капитал.

Не дождутся,
Не узнают
наших слёз:
Винтовочка
Нарезная,
бей в наглёт.

Наши кони гонки и машеты,
Сабли — стебли камыша;
Не дозволим ухарям-фашистам
Нашей стройке помешать.

Пусть они
Не напезают, —
в гриву, в хрест:
Винтовочка
Нарезная,
бей в наглёт!

СОРМОВСКАЯ ЛИТГРУППА НЕ БОРЕТСЯ за ПРОМФИНПЛАН

Рабочие массы «Красного Сормова» мобилизовали себя на ликвидацию прорыва, а... сормовская литгруппа занята «методической учебой».

Вот что показала проверка работы литгруппы специальным корреспондентом «Литературной газеты».

Они похвалялись. Говорили о своей борьбе в сентябрьские дни прорыва, рассказывали о творческой мобилизации, о меткости литературного оружия. Они гордо показывали книгу «В боях за Сормово», в которой запечатлена борьба бригады НАПП и сормовской литгруппы за промфинплан. Спустя борьбы заключены в этой книге — в коротких строчках ее моментов, в острых-острых пятиминутных ударах ее экинограмм.

Теперь апрель. На «Красном Сормове» новый прорыв. Бригада «Правды» отметила, что невыполнение плана первого квартала 1931 года ставит под удар годовой план завода. Сормовская литгруппа состоит преимущественно из рабочих, она занимается в помещении редакции газеты «Красного сормовича», поднимающей массы на борьбу с прорывом; о прорыве знает каждый житель Сормова, а литгруппа тоже знает о нем. Но она работала на заводе в сентябре, а теперь апрель и литгруппа, «приработав» тему завода, перешла к занятиям «методическим». «Сюжет», «Перевязова», «Современные литературные группировки», «Литфронт», локлад руководителя, обмен мнениями, чтение собственных произведений, снова обмен мнениями — вот схема этих «методических» занятий. В этой схеме не остается места для Сормовского завода. Тема прорыва у членов также выпала из «методической» схемы. Литгруппа так «обленилась» невниманием занятия к прорыву, что не прокола никакой массовой работы, и в результате удалось привлечь лишь из 30.000 рабочих 11 человек.

Старые члены литгруппы — «актив» — делает ставку «на серьезное творчество» и понемногу перестает участвовать в заводской газете. Призванные ударники пишут в стенных газетах и хотят научиться писать возможно лучше. Первые «методические» занятия совместно с «активом» основательно отпугнули их от литгруппы. Ударники начали разбегаться. Тогда создали специальную группу вновь призванных, которая должна будет заниматься по особой программе.

На судьбы литгруппы в целом не завидно. Но случайно культорг заводского цехкома знает лишь «о факте существования литгруппы», не случайно сормовская дом культуры, заводская библиотека никак не охвачены литературной работой, и даже создание коллективной книги о Сормове, по заданию издательства ВИСПС, по существу прошло мимо литгруппы в целом. Неудовлетворительность работы литгруппы, ее замкнутость, самограниченность отмечал и расширенный пленум НАПП.

Творческий рост членов литгруппы, над которой указывал ее руководитель Н. Кочин, не может оправдать этой замкнутости и оторванности от общественно-производственной жизни Сормовского завода. Это недопустимо тем более, что в сормовской литгруппе есть творческие силы, у нее есть все возможности для развертывания действенной боевой массовой работы. И эти возможности она не использует.

М. СИМХОВИЧ

ПОРЯДОК ДНЯ ПЛЕНУМА ЦС ЛОКАФ

* Пленум Центрального совета ЛОКАФ откроется в Центральном доме Красной армии 5 апреля в 5 час. дня. На повестке дня пленума стоят следующие доклады: Международное положение и задачи ЛОКАФа (т. Дегтярев), «Положение на литературном фронте» (Л. Авербах), «Орготчет ЛОКАФ» (Мих. Задка). Творческий отчет ЛОКАФ (тов. Сваруц). «Пролит красноармейцев - ударников в литературу и задачи красноармейских литкружков» (т. Данилов), выборы.

Пленум продлится 4—5 дней.

* Сегодня проведет заключ. работы пленума ЦОКАФ для синхронизации.

63-летие МАКСИМА ГОРЬКОГО

ПРЕВРАТИЛОСЬ В СМОТР СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ СТРОЙКИ

СОВЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА БУДЕТ УЧИТЬСЯ У ГОРЬКОГО УМЕНЬЮ БОРОТЬСЯ ЗА ДЕЛО ПРОЛЕТАРИАТА ПРОТИВ КЛАССОВЫХ ВРАГОВ СОЦИАЛИЗМА

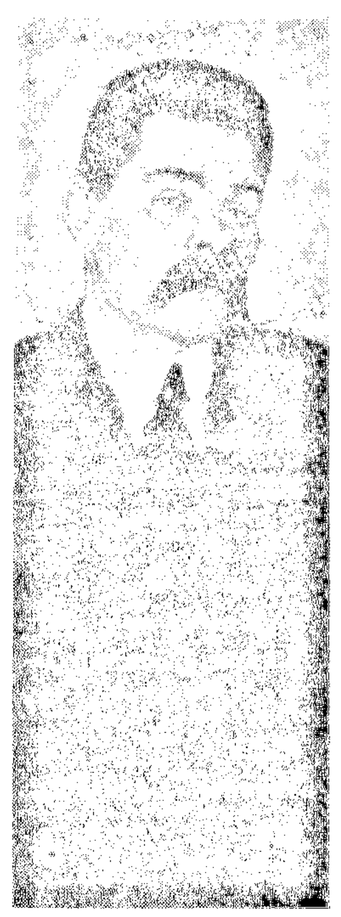
Тысячами заводских, колхозных, вузовских собраний, резолюций, горячих писем отметил СССР 63-летие Максима Горького. Как непохожа эта волна откликов на обычные, худосочные, «литераторские» юбилеи и годовщины! Горький — ПИСАТЕЛЬ пролетариата. Но быть писателем пролетариата — это и значит быть пролетарским РЕВОЛЮЦИОНЕРОМ. «Крупных художников, писателей, вышедших из самой рабочей массы, живших интересами этой массы, боровшихся вместе с ней, выковавших вместе со всем рабочим классом свою классовую правду, — таких писателей можно было по пальцам пересчитать,— пишет Ем. Ярославский в «Правде» за 31 марта. — И самым ярким из них был и остается до сегодняшнего дня Алексей Максимович Горький».

Горький из своего итальянского далёка зорко следит за напряженной стройкой социализма в нашей стране. ХУДОЖНИК слова,—он одновременно и ПУБЛИЦИСТ. Он знаком миллионам в равной мере по своим художественным произведениям и своим статьям. Дело литературы является для него делом классовой борьбы. Искусство и публицистика дополняют у него друг друга. В искусстве он остается классовым борцом, проповедником, публицистом. Публицистику вооружает он оружием художественного мастерства. Вся его деятельность без остатка отдана делу пролетариата. Вот почему годовщина Горького превратилась в смотр социалистической стройки.

«В ответ на фашистскую травлю нашего пролетарского писателя ставим себе непременным условием выполнить и перевыполнить промфинплан. Из каждого из нас мы выкуем ГЕРОЯ-УДАРНИКА-ГОРЬКОВЦА». Так говорят «самовцы». «Мы выполняем свою пятилетку в два с половиной года. Мы строим социализм и мы знаем, что ты своим пером, своим блестящим писательским талантом ВМЕСТЕ С НАМИ УЧАСТВУЕШЬ В ЭТОМ ВЕЛИКОМ СТРОИТЕЛЬСТВЕ». Так говорят рабочие Электрозавода. «ЦЕХ ТВОЕГО ИМЕНИ, перевыполнивший программу особого квартала, такими же темпами выполняет программу первого квартала решающего года пятилетки, закончив ее 28 марта». Так говорят рабочие ударного цеха завода «Мастижарт».

В связи с этими голосами класса нам приходят на память иные слова. «Есть отношение к миру, лишенное узкого ПРАКТИЦИЗМА», есть «день седьмой», когда мы хотим взглянуть на мир иными глазами, отбинув ЗАБЫВ ОБЫЧНЫЕ, ЖИТЕЙСКИЕ ЖЕЛАНИЯ, когда мы БЕСКОРЫСТНО хотим ЛЮБОВАТЬСЯ и природой и людьми... Лишь только у зрителя, у читателя начинает работать ум, все очарование, вся сила эстетического чувства исчезают». И еще: «дело... не В ПОЛИТИЧЕСКИХ ПЛАТФОРМАХ. Последние в развитии искусства играют вообще ВТОРОСТЕПЕННУЮ роль». И еще: «Я не собираюсь искать в произведениях Достоевского его политических и религиозных взглядов, потому что искать всего этого у художника — это все равно, что от пирожника требовать сапог». КТО это говорит? Воронский, Горбов, Переверзев. Не ясно ли, что устами этих людей говорит ДРУГОЙ класс? Не вскрывается ли в годовщину Горького дополнительно и с новой яркостью вся ВРАЖДЕБНОСТЬ ПРОЛЕТАРИАТУ подобных теорий и теорий?

Мы много говорим о борьбе за НОВЫЙ ТИП ПИСАТЕЛЯ.—не созерцателя, а классового борца за социализм. Этот тип еще не стал господствующим в советской литературе. Но его не приходится выдумывать. Пусть немного,—но живые образцы его перед нами. И среди них на первом месте Максим Горький. Его жизненный путь неразрывно связан с борьбой рабочего класса. Вместе с пролетариатом проходит Горький все этапы освободительного движения, начиная с первых разрозненных рабочих кружков и кончая нашими днями развернутого социалистического наступления. Были у Горького периоды колебаний, когда ему казалось, что большевистская партия делает ошибки, занимает неправильные позиции. Но он умел продумывать до конца и исправлять свои ошибки и вновь вставать в передовые ряды пролетарской революции. Именно за это так высоко ценил Горького Ленин «СВОИМ ТАЛАНТОМ ХУДОЖНИКА ВЫ ПРИНЕСЛИ РАБОЧЕМУ ДВИЖЕНИЮ РОССИИ,—ДА И НЕ ОДНОЙ РОССИИ,—ТАКУЮ ГРОМАДНУЮ ПОЛЬЗУ»,—писал Горькому Ленин 16 ноября 1909 г. (2-й «Ленинский сборник», стр. 417),—несмотря на то, что в те годы у него были серьезные расхождения с Горьким по вопросам философии и партийной работы. И то, что именно в последние годы, решающие для дела социализма в СССР, Горький занял столь четкую, вызывающую такие бешеные взрывы ненависти у буржуазии, позицию—это показывает, насколько был прав Ленин в своей оценке Горького.



Жизнь Алексея Максимовича за последние годы наполнена огромным содержанием. Работа над «Климом Самгиным», глубокая значительность которого не оспорена еще марксистской критикой; активное вмешательство во все крупнейшие события политики; внимательное наблюдение за литературной жизнью (о литературе СССР Горький знает больше, чем большинство работников литературы в самом Советском союзе); постоянная переписка на разнообразнейшие темы; постоянная помощь начинающим писателям; редактирование ряда советских журналов.

Нужно прямо сказать: нигде так не проявляется отставание марксистской критики, как на ее отношении к творчеству М. Горького. Произошедшая дискуссия о творческом методе прошла МИМО произведений Горького, хотя именно они могли бы дать НАИБОЛЕЕ БОГАТЫЙ МАТЕРИАЛ ДЛЯ ПОСТАНОВКИ творческих проблем и их правильного РАЗРЕШЕНИЯ. Решительный поворот марксистской критики ЛИЦОМ К ГОРЬКОМУ (сколь бы ни был для нее труден этот поворот), тем более необходим, что у Максима Горького учатся (и будут учиться все в большей мере) искусству борьбы художественным словом за социализм тысячи начинающих пролетарских и крестьянских писателей, — что велико его влияние и на значительные слои революционно-попутнической литературы.

Вскоре Горький вернется в СССР для того, чтобы своей творческой и общественной деятельностью помочь миллионам трудящихся СССР завершить построение фундамента социалистической экономики,—для того, чтобы помочь советской литературе в перестройке ее рядов, в ее превращении в подлинное мощное орудие социалистического строительства.

Пусть же советская литература скажет Горькому так, как сказали комсомольцы и беспартийная молодежь завода «Русский дизель»: «Мы учимся и будем учиться у тебя настойчивой борьбе с врагами рабочего класса. С нетерпением ждем твоего приезда».

МЕНЬШЕВИЗМ и ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Последний вечер докладов в Комакадемии закончил собою обзор меньшевистских концепций в литературоведении, в литературной критике и в вопросах культуры, концепций, зачастую имеющих еще хождение в нашей теории и практике.

Выступавший первым тов. Ленович подверг критике концепцию Богданова о пролетарской культуре, в которой под внешней революционностью не трудно разглядеть вывернутый наизнанку меньшевизм.

Жилучесть теорий Богданова, недавно сказавшаяся в философии конструктивизма, доказывает насколько актуальна борьба с богдановщиной, так идеологией технической интеллигенции.

Можно сказать, что троцкистское неверие в культуру пролетариата, о которой говорил в своем выступлении тов. Астахов, есть лишь недомеленная до логического конца (т.-е. до отрицания пролетарской революции) концепция Богданова, хотя более отчетливо троцкизм проявляется, конечно, с меньшевизмом Переверзева, категорически отрицающим пролетарское искусство. Меньшевизм Троцкого сказался не только в вполотезианских попутчиков, но только в отказе от их переоценки, но и в принципиально-стихийческом тезисе о том, что место искусства в общественной истории.

О Плеханове говорил тов. Дабаган. Чтобы суметь использовать его наследство Плеханова тем более нужна принципиальная критика его ошибок. Последние группируются вокруг теории познания, ограниченного почитания и применения диалектики, фейербахианского, натуралистического понимания субъекта-объекта. В искусстве Плехановым механистически разрываются форма и содержание, отрывается биологическое от социального. В его эстетике, особенно в противопоставлении образного и логического мышления, сказывается кантианство. Все это, без сомнения, ошибки, обнаруживающие меньшевизм Плеханова.

О философии меньшевизма, в методологии которого сказался весь его тактический оппортунизм, — говорила тов. Войтинская, давшая своеобразную мозаику, составленную из характеристик меньшевистских теорий, начиная от Каутского, Мартова, Плеханова, Рубина и кончая Деборином, Переверзевым, Аксельродом и др.

Иллюстрацию конкретной практики одной из видных организаций Второго интернационала — германской социал-демократии — на фронте литературы дала в своем выступлении тов. Запровская. Проповедь классового мира на ряду с бешеной ненавистью к коммунизму и к СССР — вот что характеризует эту практику.

Переходя в известной мере к тов. Войтинской, тов. Беспалов говорил о непартийности и меньшевистском об'ективизме Переверзевской теории.

В несколько позже освещении предстала критика троцкизма в докладе тов. Храпченко. Литературоведческая дискуссия показала, что о меньшевизме Переверзева нужно говорить гораздо более развернуто, чем это хотели признать его ученики, точка зрения которых мало отличалась в перенесе между ними и РАПП. Основное, что характеризует и проявляет всю концепцию Переверзева — это меньшевистское забвение классовой борьбы. Активное начало классовой борьбы смазывается в тождестве субъекта и об'екта, отрицается вместе с отрицанием роли надстроек и совершенно выбрасывается вместе с идеей. Целый ряд моментов дает однако возможность говорить о переверзевстве не просто как о меньшевизме, а как о теории меньшевствующего идеализма. Идеализм особенно ярко сказался в работах учеников Переверзева. Фаталистический детерминизм исторического процесса у Переверзева — это типичный идеализм; идеалистично и переверзевское понимание образа, превращенного в самостоятельную, независимую от действительности, сущность.

Последней темой, затронутой в выступлениях тт. Красненького и Аматлобели, был меньшевизм национальный. Тов. Красненький говорил о Белоруссии, — т. Аматлобели рассказал о литературной критике грузинских меньшевиков, классовый характер которой ярко виден на примере высказывания небезызвестного Ноя Жордания.

С. КАР.

За пять дней

ПЕРВЫЙ НОМЕР ЖУРНАЛА «РАПП»

Вышли (с большим запозданием по вине ГИХЛ) пробные экземпляры первого номера журнала марксистско-ленинской литературной теории и критики—«РАПП». К подробной оценке этого богатого содержанием номера мы вернемся в ближайшее время. Но значителен сам по себе факт появления подобного журнала.

Не так давно пользовалась у некоторых журналов (типа «Литературы и искусства») кредитом теория, согласно которой должно было существовать два самостоятельных центра пролетарской литературы: теоретический — в лице соответствующих ученых институтов и практический—в лице «РАПП». Такая, с позволения сказать, «теория» узаконила разрыв теории и практики, ограничительно предписывала отставание теоретической мысли на литературном фронте от практики социалистического строительства. Такая, с позволения сказать, «теория» являлась выражением меньшевистско-переверзевских установок.

Характерно, что все течения в области литературной теории, маскировавшиеся под марксизм, либо представлявшие собой различные извращения его, терпели крушение при столкновении с практикой пролетарского литературного движения. У всех еще свежа в памяти разгром переверзевщины и клейких установок «Литфронта». Развитие марксистско-ленинской литературно-теоретической мысли возможно только в тесном, органическом сотрудничестве с практикой пролетарского литературного движения. Она, эта мысль, призвана обслуживать последнее, осмысливать его опыт, помогать пролетарским художникам слова бороться за осуществление всей гегемонии, на подъем пролетарской литературы на новую, высшую ступень. В противном случае она превратится в «академическую пустышку» — в лучшем случае, в худшем же случае — выродится в ревизионистскому перерождению.

Новый этап пролетарского литературного движения ставит перед марксистско-ленинской литературной теорией огромной важности задачи. Если художественная литература в целом отстает от жизни, то еще более заметно отставание в области литературной теории. Между тем перед последней стоит задача разоблачения и выкорчевывания корней всякого вида меньшевистских, идеалистических, формалистических и иных враждебных мировоззрению пролетариата литературных теорий, — борьбы с влиянием переверзевщины, воронщины и пр., внутри самой пролетарской литературы, — разработки проблем диалектико-материалистического творческого метода и марксистской эстетики.

Журнал «На литературном посту», значение которого мы отмечали в прошлом номере «Литературной газеты», с 1931 года превратился в орган, непосредственно обслуживающий массовое пролетарское литературное движение и рассчитанный на низовика-ударника этого движения. Журнал «РАПП» должен стать теоретическим штабом последнего. «На литературном посту» и «РАПП»—два звена одно и тем же цепи.

Выход в свет первого номера «РАПП» является крупным событием в литературном движении всего СССР.

УРОКИ СОРМОВА

Азнефть, Грознефть и тяжпт электропромышленности — Электрозавод выполнили свою пятилетку в 2½ года. Новые, колоссальные победы большевистских темпов!

Перед нами второго квартала решающего года необходимо подвести итоги борьбы рапповских организаций за успешное выполнение планов первого квартала. За это время мы имели в основном лишь решение первого этапа призыва рабочих-ударников в литературу, по-настоящему осуществляющего лозунг сентябрьского пленума 1929 года—«РАПП—на предприятия». Этим лозунгом поставлена была задача укрепления рапповских организаций на заводах и фабриках для включения пролетлитературы в борьбу за выполнение и перевыполнение планов пятилетки. Этот лозунг в своем развитии поставил перед РАПП задачу призыва рабочих-ударников в литературу.

И если многие организации показали большевистскую работу на предприятиях, связывая эту работу с призывом, то многие или совсем прозевали первый квартал, «отчитав» после работы по сентябрьскому обучению ЦК, или же проглядели призыв оторванно от задач пролетлитературы в борьбе за выполнение промфинплана. И естественно, что такой «прилив» любителей литературы и не дал подлинных ударников, зовущих в литературу боевое оружие для борьбы за социализм. Такая организация, как сормовская литгруппа, показавшая в сентябре 1930 г. подлинные образцы большевистской работы на заводе, «бочит» в момент огромного прорыва на «Красном Сормове», стоит в стороне, не принимая никакого участия в ликвидации прорыва. Сормовская литгруппа занята «учебой», не связанной с работой по ликвидации прорыва. Изучение меньшевистских теорий Переверзева и литературно-политических и творческих ошибок разгромленного Литфронта, повышение теоретического уровня всей организации необходимы и важны. Но эта теоретическая учеба должна проходить на ряду с подлинной работой на предприятиях.

Подлинная борьба литкружка за ликвидацию прорывов на заводе, еще полнее разобьет творческие лозунги Литфронта: лакировку, схематизм, поверхностность и т. д., а т. д., и еще полнее доведет правоту творческих лозунгов напостовства.

Перед днем второго квартала решающего года пятилетки все организации и литкружки должны поставить перед собой задачу более полного включения в общую борьбу за перевыполнение планов, за овладение техникой.

ИЗДАТЕЛЬСКИЕ ДЕЛА

Сигналы печати, в частности, достаточно подробное обследование работы ГИХЛ бывшей «Литгазеты» привлекли к работе издательства художественной литературы широкое общественное внимание. Естественно, что это внимание прежде всего проявляется со стороны писателей, непосредственно заинтересованных в работе издательства. На днях работа ГИХЛ обсуждалась на заседании президиума ФОСП. Доклад ГИХЛ заслушан в порядке дня ближайшего открытого собрания партийной ячейки Дома Герцена.

Материалы бригады «Литературной газеты», дающие оценку деятельности ГИХЛ и причин прорыва в нем в основном совершенно не затронуты. Их критическая настроенность совершенно отсутствует в отношении издательства. Писатели, выступавшие на упомянутом ФОСП, стоят на более высоком, чем мы, критическом уровне работы ГИХЛ, приводили многие факты нецелесообразного использования сил и средств, низкого качества продукции и т. д. Так же как и печать, писательская общественность считает, что руководство ГИХЛ несет полную ответственность за образовавшийся в издательстве прорыв.

Единодушно мнение, что для ликвидации прорыва в ГИХЛ далеко недостаточно достижений удовлетворительных количественных показателей. Основное—система и методы книжной работы непригодны. Их нужно изменить!

Это положение наглядно иллюстрируется работой Ленинградского ГИХЛ. Там ошибок было наделано меньше, поэтому и прорыв там меньший. Но и в Ленинграде не все благополучно, и там есть недостатки, аналогичные московским, с теми же причинами и теми же следствиями.

Прорыв, обнаружившийся в ГИХЛ в производстве книг, привлек внимание и к другим частям издательского дела, в частности, к товароведческой сети — Учпедцентру. О неблагополучии на этом участке сигнализирует наш корреспондент из Ленинграда, это отмечалось и на пленуме ФОСП, которым создана специальная бригада по обследованию работы Книгоцентра. На необходимость такого обследования указывала переложенная статья «Литгазеты» 24 марта.

Мы уверены, что обследование работы Книгоцентра, так же как и работы ГИХЛ, поможет вскрыть все недостатки в продвижении книги к читателю.

Такого типа обследования являются одной из форм общественного контроля над работой издательства. А деловая критика общественности должна встретить всемерную поддержку со стороны тех, к кому она относится. Будем надеяться, что руководство Книгоцентра проявит здесь большую чуткость, чем его коллеги по ГИХЛ, продолжающие игнорировать общественную критику.

1-й ПЛЕНУМ ЦС ЛОКАФ

СОВЕТСКУЮ ЛИТЕРАТУРУ — В ПЕРЕДОВЫЕ РЯДЫ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ СТРОЙКИ И ОБОРОНЫ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

ТВОРЧЕСКИЕ ФОНДЫ ЛОКАФ

Развитие обороной тематики происходит сейчас на базе тех достижений, которые имеет наша пролетарская литература в связи с овладением диалектико-материалистическим художественным методом, на базе достижений марксистского литературоведения и критики. Это обеспечивает нам правильную ориентировку при подходе к разработке тем войны и армии.

В, наконец, следует отметить такой важный фактор, как постоянное **наличие планового и регулирующего начала** в создании оборонной, художественной продукции, осуществляемого руководством Центрального совета ЛОКАФ и его отделами на местах.

С какими качественными показателями мы вступаем мы в первый период?

Прежде всего следует отметить то обстоятельство, что в последние годы многие вошли в нашу литературу Красная армия и флот «мирного» периода (С. Кингисепп и многие др., Неверов, «Ермаковщина» — С. Малашкин, «Перелыгинка» — Либединский, «Умрет Ветлов» — Марков, «Последний рейсовый» — Вс. Вишневского, ряд очерков и рассказов в ЗАПе, в ЛОКАФ'е и в некоторых краевых тех-рух журналах).

Задача героев Красной армии «мирного» периода как наглядного воплощения идей самой рабочего класса, с пролетариатом под художественном пролетарского авангарда — коммунистической партии, как другим диктатуры пролетариата, являлась мировой революции — представляет преодоление большие трудности.

Многие решительно потому, что первоначальные попытки овладения этой темой сопровождались неизбежными ошибками и срывами. У разных старых писателей, разрабатывающих эту тему, в достижения и срывы идут по разным линиям и обусловлены разными причинами. Проблема Красной армии и флота в устах «мирного» обстановки до сих пор разрабатывается почти исключительно кадром писателей, тесно связанных с армией или флотом. В основном этот кадр красноармейских писателей является отрядом пролетарской литературы. Эти писатели большею частью прочно ориентируются и многочисленных опытов и литературных своих частей. Характерной особенностью их творчества является идеологичность, политическим содержанием, острее, в основном, политическая установка, стремление к овладению диалектико-материалистическим художественным методом. Однако сказать приближения к этому методу различны, в зависимости от мировоззренческого уровня и художественных данных автора. Основной недостаток здесь — поверхностный подход, неспособность писателя за разностью явлений вскрыть их сущность. В применении к военной тематике это означает неумение показать в системе художественных образов классовое лицо Красной армии, в чем и отражается отражающей это принципиальное особенность пролетарского писателя.

Мы имеем и противоположное явление: отталкиваясь от схематизма и поверхностной романтики, уклоняясь в сущность конкретной действительности, писатель дает ее в мельчайших деталях, в изображении этих деталей поднимаясь иногда до известной художественной высоты. Но это соединяется очень часто с неспособностью вскрыть глубокое принципиальное значение многих «будничных» фактов армейской действительности, отличить факты ведущие — от второстепенных, подняться до большого социального обобщения.

Прежде всего — Красная армия и флот изолируются от социально-экономических процессов, происходящих в нашей стране, от великой социалистической стройки. В наиболее резкой форме это выражено в «Краткострочниках» Г. Красова — произведении классово-враждебном нам, совершенно искажающем лицо Красной армии, выпадающем из общего русла не только пролетарской, но и полутуристской литературы. Однако, изолирование Красной армии от страны в той или иной степени имеет место и в произведениях пролетарских писателей (С. Михайлов — «Бригадная тропа». Вс. Вишневский — «Последний решительный»). Наблюдается также упрощенный, а иногда — неверный подход к показу отражения классовой борьбы в Красной армии, к показу влияния мелкобуржуазной стихии на красноармейцу. Берутся чаще всего наиболее резкие эффектные, но совершенно исключительные и даже переростные случаи (напр., Самушкин как «прирожденный» бандита в «Последнем решительном» Вс. Вишневского).

Еще чаще (почти во всех произведениях) наблюдается чисторядные жизни Красной армии и флота, их боевой подготовки — от международной обстановки. Боевая подготовка показывается гвардию как самоцель, а не как подготовка Красной армии к последнему решительному бою с капитализмом.

Не умеют еще наши авторы показать во всей полноте громадную роль партийной организации в Красной армии (напр., «Бригадная тропа» С. Михайлова, «Передница» Либединского, творчество Вс. Вишневского). Нобех в своей первой книге уделяет много внимания этому вопросу, но дает роль парторгнизации крайне бледно и схематично.

В заключение отметим тот крупный недостаток, что мы до сих пор не имеем еще глубокого, художественно-цельного образа командира рабоче-крестьянской Красной армии и рядового бойца, в особенности — передового-ударника.

В большинстве случаев эти ошибки и слабости проистекают из недостаточно глубокого мировоззрения наших авторов.

В последнее время наша литература выдвинула ряд произведений (многие из них еще печатаются), в которых замечается гораздо большее приближение к диалектико-материалистическому художественному методу, преодоление ряда прежних ошибок. Так, например, успешно разработана тема содержания и упорчества, громадная роль этих методов для боевой подготовки, для перевоспитания бойца и выполнением в сборе времени романе Гайдебурова — «Эскадрон комиссаров».

Уделим поставлена проблема кадров в современном флоте в печатающемся романе Агапа Дмитриева — «Есть — есть порядок». Особенно ценно в этом произведении то, что жизнь современного флота тесно увязана с современным международным положением.

Наконец, мы имеем недавно такое незаурядное явление в нашей литературе, как роман Вс. Вишневского — «Первая Конная». Хотя тема этого произведения — героическая история Красной армии, но под пером Вишневского это прошлое звучит более современно, чем многие «злободневные» произведения. Вся перетягивается с нашим сегодняшним днем и несмотря на свои крупные недостатки все же с большой силой мобилизует внимание трудящихся на задачах обороны СССР.

Можно было привести еще ряд примеров, говорящих о росте оборонной литературы.

В самое последнее время, в связи с участием гражданских писателей на маневрах 1930 года, в связи с начавшимся планомерным изучением нашей армии, гражданские писатели также начинают включаться в разработку темы Красной армии и флота современного периода.

Характернейшей особенностью большинства этих произведений является чувство восхищения нашей армией и флотом, которые как бы заново «открывает» писателем. Он с удивлением убеждается в том, как выросла и изменилась за это время наша армия, как много в ней нового и необычайного, небывалого на полях гражданской войны. Это чувство восхищения иногда затемняет взгляд писателя и в создании с этим явлением современной армии приедлит часто к неспособности увидеть имеющиеся у нас недостатки и критически к ним подойти.

Таковы качественные красноармейские показатели, которые мы имеем к сегодняшнему дню. Перед нами фронте литературы постепенно начинает запахать. Но вся основная работа по овладению оборонной темой современного периода еще впереди.

Не останавливаясь ни в коем случае на разработке истории гражданской войны, следует сейчас сделать главный упор именно на современный период. Ибо здесь у нас все еще незначительный прорыв. Ибо до сих пор еще художественная литература повернута больше лицом к прошлому (часто не умея связать его с сегодняшним днем), чем к настоящему и будущему. Надо вооружить писателя в овладении в скором

ПРОРЫВ в ГИХЛ—

СЛЕДСТВИЕ НЕЧЕТКОГО РУКОВОДСТВА

В ряде номеров печатала «Литгазета» материалы бригады, обследовавшей работу ГИХЛ. Опубликовала результаты своей работы и бригада «Вечерней Москвы». На страницах печати перед советской общественностью прошла во всей своей неприглядной красе верхушка сектором и отделов ГИХЛ, плохой работой приводящих в серьезному прорыву крупнейшую фабрику художественной книги.

Но руководство издательства до сих пор отмалчивалось.

На заседании Исполбюро ФОСП 28 марта оно впервые выступило с отчетным докладом. Как это ни анекдотично — это был первый случай (за все время существования и ГИХЛ и ФОСП) совместного обсуждения издательских вопросов писателями и работниками ГИХЛ.

*

Вместо заболевшего В. Сивольева доклад о работе ГИХЛ сделала О. Колесникова. Она начала с опровержений, направленных против «Литгазеты» и «Вечерней Москвы», выразила возмущение неэтичностью газеты, поверхностным подходом печати к работе ГИХЛ и внесла ряд цифровых поправок к опубликованному прессой материалу.

Но ни то обстоятельство, что аппаратный промфинплан выполнен издательством не на 13 проц., а на... 35 проц. (вали достижения!), ни то, что партпрослойка в ГИХЛ вместо 4 проц. достигает 10 проц. — не меняют дела.

И во второй части доклада О. Колесникова оказалась вынужденной встать на путь самокритики, шаг за шагом, пункт за пунктом признать наличие тех прорех в сивоволом промфинплане, на которые указывала печать и в частности «Литгазета».

Тут и откровенность от пролетарской и писательской общественности, и недостаточная квалификация редакционного аппарата, и неудачный состав Литературного совета, и хилый работой редсовет — «небольшой островок пролетарской общественности» и, наконец, отсутствие партийного руководства в ряде отделов.

Констатируя все эти недостатки, тов. Колесникова выдвигает на первый план основную беду ГИХЛ — недостаток бумаги.

Дефицитность бумаги — вот мать всех пороков: от ней все качества.

Что и говорить, недостаток бумаги — сокрушительное обстоятельство для ГИХЛ. Но почему и здесь не использовать мобилизацию внутренних ресурсов, давно оправдавшую себя в нашей промышленности?

Выступавшие в прениях товарищи попытались наметить конкретные формы мобилизации внутренних ресурсов, перераспределения бумажных фондов ГИХЛ.

Так, П. Скосырев предложил даже прекратить издание такого журнала, как «30 дней».

Баповский — пересмотреть портфель «Academia», которая могла бы и не издавать сейчас мемуаров Пирогова, за счет лучших произведений пролетписателей. Интересным было предложение Г. Шульца: передать часть своего портфеля под-ву «Федерация», которая еще имеет неиспользованный листаж.

Не встретили поддержки проекты тт. Тютрюмова и Тихонова о сокращении тиражей массовых изданий.

Ф. Гладков справедливо отметил, что вместо делового пересмотра плана в соответствии со снижением бумажных лимитов, ГИХЛ был занят... паникой по поводу недостатка бумаги.

— По вопросу не только в бумаге, а и в политике издательства, — напоминает А. Исбах.

При создании ГИХЛ — перед ним ставились огромные задачи. Но по существу мы сегодня еще не имеем настоящего государственного издательства художественной литературы: работа с писателем, привлечение новых кадров, воспитательная работа с ударниками (а не только издание их книг)—все эти важнейшие задачи остаются вне внимания ГИХЛ.

О ряде политических прорывов ГИХЛ говорить я Г. Корнеев, отмечая неясность и неопределенность политики ГИХЛ.

ГИХЛ за все время своего существования не сумело найти, воспитать ни одного нового писателя, несмотря на огромный размах литературного движения. Г. Корнеев поддерживает предложения о сокращении листажа ряда гихловских журналов и особенно — приложений и пин. Одновременно нужно повести жестокую борьбу за высокое качество сниженной продукции.

Г. Корнеев отмечает отсутствие четкого распределения функций между ГИХЛ и издательством «Федерация».

*

Исполбюро ФОСП выделило писательскую бригаду, которой поручено обобщить выводы, дать оценку работе ГИХЛ и практически помочь ликвидации прорыва. В бригаду вошли: Ф. Гладков (бригадир), А. Селивановский, К. Зелинский, В. Гольцев, А. Гидаш, А. Фадеев, А. Офрос, Титов, Субботин.

Другая бригада — под руководством Г. Шульца (нач-ва «Федерация», в составе: А. Богданова, Н. Жиги, Тихонова, Рубанковского и С. Ромена («Литгазета») —создана для обследования работы Книгоцентра, недавнего распространения всей книжной продукции. Доклады обеих бригад будут заслушаны на следующем заседании Исполбюро ФОСП — в середине апреля.

Д. К.

ПОЛОЖЕНИЕ В ЛЕНИНГРАДЕ

От нашего ленинградского корреспондента

Если о выполнении январского и февральского планов ЛенГИХЛ судить по утвержденным в марте сверщённым показателям, — эти планы надо суммарно считать выполненными. В первом квартале будет выпущено 7 млн. листов-оттисков; план всего года составляет 36 с половиной млн. листов-оттисков.

Но и это количественное благополучие ГИХЛ—временное. Зав. ГИХЛ тов. П. Чагин, подсчитывая бумажные затраты на книги, выпускаемые в этом квартале и находящиеся в настоящее время в производстве (18 млн. листов), заявляет:

— Если бумажные нормы нам не будут увеличены, мы станем перед угрозой прорыва. Уже сейчас ГИХЛ по существу не имеет права сдавать в набор ни одной новой рукописи.

Из 15.261 тыс. оттисков, выпущенных в 1930 г. литудою, 10.500 были посвящены классикам (около 70 проц.), современная русская литература заняла всего лишь 2.700 листов-оттисков.

ГИХЛ не последовал «классическому» примеру недооценки пролетарской и революционной литературы. Предложение 60 проц. всей бумажной нормы массовым сериям (дешевая библиотека современной литературы, школьная библиотека, дешевая библиотека классиков, библиотека для малограмотных и проч.), остаток бумаги ЛенГИХЛ распределили: «Новинкам пролетлитературы» 3 млн. листов-оттисков, «Новинкам пролетарско-колхозной литературы» 1.600 листов-оттисков, серии ЛОКАФ, попутнической литературе 1.050 лист.-отт., творчеству народов СССР (главным образом продукции самостоятельного ЛАПП) 3.000 лист.-отт. и т. д. Но фактическое выполнение контрольных цифр отдельными секторами—менее гладко.

Приход к руководству издательством, к которому я в январе представители литорганизаций (ЛАПП, ЛОКАФ, ВССП), правда, содействовал оживлению вокруг издательства литературно-творческого актива; произведения современных советских писателей составляли основной первого производственного квартала. Зато по такому важному разделу, как «литература для малограмотных», нет ни одной книжки, ни в производстве, ни в портфеле редакции. Это—прорыв.

О прорывах в отдельных секторах ГИХЛ говорит и тематический план сектора критики и методологии. Новый руководитель сектора тов. Е. Добин отмечает, что старый план, сейчас перерабатываемый, замечателен тем, что актуальные проблемы пролетарской и попутнической литературы, в этом плане старательно игнорировались, если не считать 2—3 литфронтовских авторов. В спешном порядке, по ряду с трудами формалиста Томашевского, были изданы «для истории» печальной памяти полемические статьи Горбачева, книжка, вызвавшая возмущение всей рапповской организации — «Полемическим альманаха» Бельмонтского и т. д.

Хромает и производственная часть ГИХЛ. Печать и оформление книги не выдерживает никакой критики. Выпускаются безвкусные обложки небрежные по исполнению и несоответствующие содержанию книги; стандартная обложка лапшовской серии по рисунку и раскраске напомнила... материал для матрацев!!! (Сейчас этот стандарт отменен). Сроки производства книги растягиваются до 9-месяцев.

О Книгоцентре — виновнике отставания литературы в буквальном смысле—сейчас мы не будем говорить. Его деятельность настойчиво рекомендуем заняться РКИ и выяснить причины месячных задержек на складах новых и нужных книг и журналов. Вышедшая, например, свыше трех месяцев назад книга Ю. Либединского «Генеральные задачи пролитературы», до сих пор не выпущена, в продаже нет и книги Уисусова, которая выпускалась в ударном порядке. Таких примеров много. О том, как подшэка на журнал «Залп» — орган Ленбюро ЛОКАФ — была заслана в Москву и работники Книгоцентра в течение месяцев упорно не хотели верить тому, что ленинградский журнал надается в Ленинграде, а не в Москве (а подлистники все это время ждали), мы в «Л. Г.» также сообщали ранее. По месячному должанию на складах, предшествуют долгие месяцы должания в книгах секретариатов и редакторов — следствие нечеткости и нетребовательности работы — и опять-таки долгие месяцы в типографиях и переплетных.

Защитительным лейт-мотивом ГИХЛ служит — отсутствие полиграфической базы. Довод, несомненно, серьезный. Но... опыт «Издательства писателей» в Ленинграде говорит о том, что и при настоящих условиях имеется возможность в повышении качества издательской продукции ЛенГИХЛ.

Мы уже отмечали, что в ЛенГИХЛ работают представители литорганизаций. В издательстве появилось большое ядро лапшовцев, процент партийцев увеличился до 50 проц. Сдвиги в работе издательства очевидны.

Коллектив ГИХЛ вызвал ЛАПП и ЛОПКП на соцсоревнование: литорганизации должны усилить контроль над преступной своих членов, соблюдением сроков и пр. Коллектив работников издательства в свою очередь принял обязательство — установить твердые сроки прохождения рукописей в аппарате, улучшить оформление книг, удешевить себестоимость и т. д.

Осуществлением ударничества и соцсоревнования в литорганизациях и мобилизацией внутренних бумажных ресурсов ГИХЛ писатели и ЛенГИХЛ должны ликвидировать имеющийся прорыв.

Б. Р.

ОРЕДИ КНИГ

„БАЛ МАНЕКЕНОВ"

ПРЕДИСЛОВИЕ К ВЫХОДЯЩЕЙ ИЗ ПЕЧАТИ КОМЕДИИ БРУНО ЯСЕНСКОГО

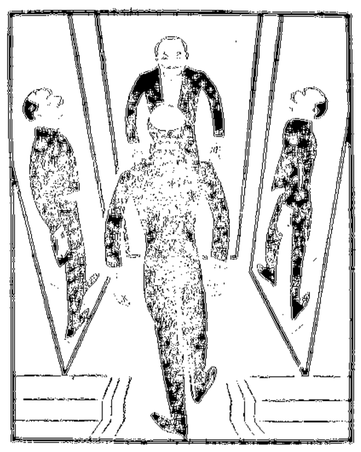


Иллюстрация к «Балу манекенов». «Молодая гвардия». 1930 г.

Д. Моор

Бруно Ясенский не боится пускать в ход самые современные художественные приемы. Смелые конструкции, фантазия, не останавливающаяся перед невероятным, не скрывающая себя сатирическая тенденция, прорывающаяся от времени до времени, словно пламя, пафос негодования, — вот к чему приучил он нас уже в прежних своих произведениях — «Я жгу Париж» и «Галицийская мелерия».

Еще недавно в нашей литературе и в нашем литературоведении бушевал спор относительно того, является ли стилем пролетарской литературы психологический реализм или пролезавшую ближе всякая стилизация, гиперболь, карикатура, идущая по линии плаката, а не по линии «натуралистической» картины.

Обязательный для каждого марксиста-ленинца ответ, что стиль пролетариата должен базироваться на диалектическом материализме, несколько не решает данный вопрос, так как очень не трудно доказать, что не только психологический реализм, но, при известном отношении к себе, может оказаться вполне соединимым с диалектическим материализмом, равным образом и реалистический конструктивизм.

Я не знаю, принадлежал ли Бруно Ясенский во время этих споров к тому или другому лагерю, или он так же, как и я и многие другие, понимал, что спор этот поставлен неправильно, ибо и тот и другой методы являются разными сторонами единого пролетарского стиля, разного рода оружием единой пролетарской писательской армии. Во всяком случае, в своей отличной комедии «Бал манекенов» Ясенский практически становится на сторону художественно-тенденциозной фантастики.

Разумеется, подверг бы себя всеобщему земельному критик, который стал бы спрашивать, не является ли «мистицизмом» бал безголовых манекенов, собравшихся из всех мастерских города в одно помещение, чтобы наслаждаться движением.

Всякий поймет, что здесь и не пахнет мистикой, что здесь допущен определенный литературный прием насыщенной фантастики.

Но может быть поставлен другой вопрос: нужна ли такая фантастика? Нельзя ли было описать то же самые события, те же типы в их реальном виде при помощи реалистической комедии?

Мы ответим: это вполне возможно. Но тот сравнительно небольшой материал, который приводит в данном случае Ясенский для реальной характеристики обоих буржуа и слоев социалистов, весьма обыкновенно выигрывает от того, что он показан нам в неожиданном зеркале, реально искажающем пропорции, но зато великолепно подчеркивающем как-раз те черты изображаемого, которые автор хотел нам показать возможно более выпукло.

Можно также спросить себя, не мешают ли впечатлению многочисленные несуразности, которые получаются в результате фантастики. В самом деле, безголовые манекены и безголовый лидер говорят, хотя не имеют для этого рта, видят, хотя не имеют для этого глаз и т. д. Можно было бы умножить такие «ехидные» вопросы по поводу физиологии и психологии деревянных манекенов или обезглавленного человека, бегающего кругом хоть без головы, но почти как ни в чем не бывало.

Но все это, разумеется, пустяковые придирки. Надо иметь достаточно внутренней свободы, чтобы принять всю эту фантастическую небывалщину так, как принимали греки подобный пестрый маскарад своего Аристофана.

Дело режиссера и актерского искусства не только устранить разные неудобства своеобразного сказочного мира, который создает игривое, но и то же время злое воображение автора, во еще и извлечь множество интересных сценических эффектов из даваемого им свежего материала драмы, происходящей между людьми и манекенами. Раз вы признали зеркало фантастики, установленное автором, вы поймете, как курьезно, своеобразно, благодаря и саркастично отражается в нем буржуазно-социалистический мир, не в бровь, а в глаз которого направлена веселая перчатка стрела Бруно Ясенского, названная им «Бал манекенов».

А. ЛУНАЧАРСКИЙ

От редакции. Редакция считает неправильной даваемую т. Луначарским оценку творческой дискуссии.

А в НЕДРАХ...

Недра. Литературно-художественный сборник. Кн. 20. Издательство «Недра». 1931 г., стр. 292.

Семьдесят печатных листов прозы и стихов на дорогой бумаге четким шрифтом. Незамужнее чтение для безработных душ, ищущих развлечения в минуту усталости от событий, когда по слову поэта Чернокрылова—«в комнатах—жилой уют, мягкий, по слову поэта М. Шехтера, «вкусом словно чай», когда, по слову поэта Оренина, ...«сорок пять открытое в комнатушке», а на столе, по слову поэта Вячеславова:

> земляничные кровати (!) ромашек,
> голубой мотылек василька,
> и когда, по слову того же Оренина, «вверх жестяет вечер синий», — тогда хочется куда-то вдаль, ибо «плутать у великого в чести», как говорит поэт Шехтер. В такие минуты хочется прикрыть, как Шехтер:

> уйду туда, где воробьи,
> где пеньем птиц и взлетом дезик!
> Туда, где поэт Вячеславов решил
> жить и клевать с сарделькой
> свои ягод, смолу сосны. (?!),

И где поэт Звенигородский, превратившийся в девушку, приписывает, позабыв о требованиях суетной жизни:

> Повстречу зной
> и одуванчик,
> ...летний сон
> мой сарафанчик,
> В моих руках —
> все небывалое,
> и на крылах
> весны Жар-птичьих.

О, поэты «Недр» знают этот счастливый край, «где все весельем дышит». Они увидят бедную безработную душу далеко от скучной цехом, на лоно счастливой природы, которую они так дружно воспевают и которая не знает непримиримой вражды индустриализации и классовой борьбы. И путь свой успеют щелкать.

Обратимся к прозаикам. Повесть Толстого «Необычайные приключения на волжском пароходе». Шпионы Антанты крадут проводник революционера, а роковые женщины с «таким, знаешь, как хрустальный колокольчик», соблазняют честных, но полных африканским сутастым африканцев. Этот занимательный рассказ—не голова как штука, которую Толстой повторяет вслед за Редьярдом Жак-Овлалом. (см. пародию его «Мадрасской песни») тоже пародирование известную литературу. Работа штампами сюжетов и характеров, он издевается над теми и другими и одновременно заставляет читателя все же следить с интересом за ходом интриги. Пародия здесь дается не в преувеличенном подражании, а в очень тонкой иронической, так что иногда читатель обольщается и делает серьезное лицо, когда страшные бандиты крадут роковой портфель, а профессор летит в страшную реку с рокового корабля.

Но мы опасаемся, что многих Толстому уда тся обмануть. Они примут его повесть всерьез. И это будет плохо...

Это особенно серьезен и уж никак не легкомысленен роман В. Желенякова «Пассажиры разных поездов». Это — мрачный роман. Здесь вы имеете мужа, жену и любовника, нет—двух любовников. Первый любовник заражает жену сифилисом. Жена заражает мужа, предварительно заразив второго любовника. Сперва четырех сифилитиков уложила. По всей вероятности жена сойдет с ума. Пожалуй, муж повесится. Второй любовник видимо в ничтожестве из глазах у читателей. Одновременно с этими мрачными событиями происходит, тусклю оттеняя их, события светлые, радостные. Молодой художник едет в колхоз, где вдохновляется темами коллективизации. Особенно вдохновляет его комсомолка Катя. Тут же и сорас, где нахло предлог сделать и любовную связь, но обманутая Катя в любви и обе, сравнивши прауа своего счастья, перестали что-либо видеть и слышать. Одним словом они поженились. Почему произошло все это, и первая четверка оказалась столь несчастной, а вторая столь счастливой (уж не потому ведь, что первые не косили и колхоз)—ни с чего, ни с сего автору неясно, неясно. Зачем это все написано—тоже непонятно.

Повесть Н. Колокольцева «Попечитель» к противоположность «Пассажирам» социально-заострена. Она уже списала отрицательную оценку на страницах прессе. Авторе ее обвинили в проедлении офицерства. Повесть не настолько интересна и не так уж ярка художественно, чтобы говорить о ней слишком много, но этот упрек с нее надо снять. Колокольцев не апологизирует офицерье, это—не «Дни Турбиных»—это в куприновских приемах написана биография карьериста-офицера, вся мелкость и пигусность натуры которого ясна читателю с первых страниц вещи. Автор знает чувство меры и не называет своего героя никакими ругательными имена, простосердечно сказать что читателю. Здесь он совершенно прав, и не его вина, что некоторые критики его не поняли. Но автор мешал в том, что, рассказав о капитане Румянцеве, он почти целым выпуск его на всей социальной обстановки среды. Румянцев не имеет противника. Поэтому повесть не с отчаянной силой исполнительного пролетариата, а со «стихией революции», где «все перемешано» (капитаны и матросы, офицеры—смутной и теней). Поэтому он вырастает, отнюдь ему этого не хочется, в фигуру, и выходит хотя и отчетливо подлую, но слишком значительную. Отсюда ошибка, именно эта ошибка и делает всю повесть никчемной. Офицерская психология, кудат карьеры и мундира—мы знаем о них и без Колокольца, и все проблемы здесь решены раз и навсегда. Зачем тратить на них силы и бумагу?

Остальную печать я обхожу настолько незначительны, что за них не стоит останавливаться. Бездарнейший фельетон Ефремова о противоестественности аборта (плачевный почему-то рассказ) и рассказ К. Тренева о монголах—представляется только потрясающе общим впечатление, которое оставляет сборник. Это—чтиво, написанное и собранное для обывательского потребления, личное полной классовой враждебности, по обыкновению замечательно занимательностью для неискушенных. Пожалуй, не случайно романы уголовного авантюрной новелле Толстого. Своей интересностью они так же почетают читателя.

Да и как тут не надеяться?

Е. З.

ПУТЬ В ЛИТЕРАТУРУ

(МИХ. ЮРИН. Записки недававшего надежды. «Молодая гвардия». 1931 г. Стр. 224. Цена 1 р. 75 к.).

Книга М. Юрина является дневником литературно-общественной деятельности автора за 10 лет (примерно с 1919 по 1929 год). М. Юрин — один из активных участников пролетарского литературного движения, выделенных из рабочей среды. Глава за главой посвящена описанию собирания сил пролетарской литературы в провинции (Самарская губерния), затем в Закавказьи, в Москве и снова в Закавказьи (Баку).

В таком разрезе «Записки» — нужная и интересная книга. Они знакомят читателя с интересными эпизодами роста и выращивания пролетарской литературы (преимущественно в восстановительный период). Они показывают, как зачастую мало внимания уделяется творческой работе, обучению, поддержке начинающего писателя в наших литературных организациях, как нередко невнимание к творческой продукции сочетается с барским захваливанием ее. И, пожалуй, наиболее ценные места книги,—это рассказы о том, как И. Тихонов, вместо общих бессодержательных отзывов о стихах автора, присылает ему подробное письмо с рядом конкретных указаний.

Тема книги — творческий и культурный рост пролетарского писателя, вышедшего из рабочей среды. Осилил ли эту тему автор? При всех положительных качествах книги, нужно сказать: нет, не осилил. В самом деле: пролетарская литература есть одно из выражений классовой практики пролетариата. Развитие пролетарской литературы неотделимо от развития коммунистической партии, от политической борьбы, от развертывания культурной революции. По «Запискам» не выходят из пределов замкнутой литературной среды.

В книге много ненужных глав, эпизодов кружковых драк, картин семейно-литературного быта и пр. Автор не умеет отделить важного от второстепенного, основного от случайного, — и уже ничем нельзя оправдать включение в книгу рассказов о том, как тот или иной из живущих и ныне богемствующих поэтов, хотел покончить жизнь самоубийством, по примеру Кузнецова и Есенина...

Концентрация фактов болезней и слабостей пролетарского литературного движения без подчеркивания успехов и роста последнего объективно перекос приводит автора к незнанию действительной перспективы.

Юрин все время настойчиво подчеркивает, что его записи, адресованные литературной организации, плохо удовлетворялись. Но он не подчеркивает того, что каждый активный работник организации должен создавать и укреплять последнюю, со своей стороны многое давать ей. Этот активный момент ступевывается в «Записках».

Выводы, в которым пришел Юрин (необходимость овладения культурой), конечно, правильны, но уж чересчур они общи и никак не расшифрованы.

Таким образом «Записки» нужно читать сугубо-критически, отбирая заключенный в них ценный материал от шлака.

Для рабочего-ударника, идущего в литературу, как и для квалифицированного писателя, книга представляет немалый интерес хотя основные черты рабочих кадров пролетарской литературы в реконструктивный период во многом отличны от тех черт, которые раскрыты в «Записках».

В заключение, умрети редактору книги: «Записки» отредактировать небрежно и неряшливо.

А.

ТРИБУНА ПИСАТЕЛЯ

О ПИСАТЕЛЬСКИХ БРИГАДАХ

Статья Н. Никитина («Л. Г.» за 24 марта) и Д. Хаита, дают интересный материал об успехах и недочетах бригадного дела. «Литгазета» продолжает обсуждение поднятого товарищами вопроса.

Николай Никитин в статье «Писатель в бригадах» («Литературная газета» № 16) своевременно поднял вопрос о новой форме писательского участия в строительстве — о литературных бригадах. Здесь, во в начале своей статьи Н. Никитин ставит вопрос с чисто гамлетовским диапазоном: «Нужны ли бригады?» Первые опыты бригадных поездок писателей отвечают на этот вопрос положительно.

Ясно: бригады—это тот мост, по которому писатели переходят из комнатных своих тупиков к живым людям, строящим социализм.

Мне как участнику Кондопожской бригады, в составе которой находился и Н. Никитин, хочется поделиться некоторыми мыслями о бригаде вообще и, в частности, о нашей поездке в Карелию на ликвидацию прорыва на Кондопожской бумажной фабрике. В своем мобилизационном порядке нас послали ликвидировать прорыв, о котором мы накануне получения мобилизационной телеграммы были очень слабо осведомлены. Председатель Совобумтреста тов. Бородин после наших отчетных докладов заявил, что мы успешно выполнили свое дело. Но он прав только наполовину. Его поразило обилие и разнообразие живой, незаконсервированной нашей информации. Свежий и острый писательский глаз подметил то, что не было замечено до нас. Но ведь от бригад требовалось, главным образом, иное. Инструкция, преподанная нам в духе военного устава, резко гласила: «Содействовать успешной ликвидации прорыва промфинплана». Отсюда вытекает второй вопрос: ликвидировали ли мы прорыв? Позвольте мне, в порядке самокритики, мужественно заявить: «Нет!» Мы вернулись из Карелии бодрые, перенапряженные себя; наши нервы играли радугой, но... но прорыва мы не ликвидировали. После нашего отъезда производительность на фабрике не повысилась. Для ликвидации прорыва мы делали все, что могли. В лихорадочном ритме работы смешались не только наши литературные жанры, о которых скорбит Н. Никитин (кстати, писавший на Кондопоге неплохие стенгазетные заметки), но даже спуталось у нас представление о своей профессии. И это очень хорошо. Мы шли на «субботники» грузить бревна, мы нагружали заготовки бумажными рулонами, мы сидели в Петрозаводск докладывать карельскому правительству об авариях на фабрике, мы сменяли перо на живописную кисть, которой выводили сажей по картону лозунги, сочиненные поэтами бригады—Мих. Герасимовым и Эммануилом Германом—к слету ударников, мы участвовали в производственных совещаниях, вырабатывали ударные календарные планы работ фабкома и пр., и пр. И на ряду с этим—литературная работа: стенгазеты, литкружок, литвечера.

Все это помогло нам, писателям перестроить не фабрику, а себя. Мы содействовали не фабричный, а свой собственный треугольник: комната, Дом Гершеня, друзья. Мы видели, как на Кондопоге, в суровой Карелии, перечеркнутой туманами, в болотах, где крыши только выше, создается, в лишениях и недостатках, советский Комсострой с лучшей в Союзе гастрономией, с технически талантливой бумфабрикой.

Итог: бригадная работа помогает перестроить писательскую психику, она является лучшим фактором воздействия на творчество, нежели бесконечные дискуссии, платформы и резолюции литературных организаций.

Теперь попытаюсь осветить второй вопрос, выдвинутый на первое: почему мы не ликвидировали прорыв? Здесь не могу не согласиться с Н. Никитиным, указывающим на организационные неувязки.

Мобилизационные комиссии, созданные при литорганизациях, комплектовавших бригады, склонялись в таком же рожарном порядке, в каком мы были мобилизованы. Состав мобкомиссии в части своей был так же случаен, как случайным был подбор бригад. Все руководящие указания, данные нам, тотчас же на месте полетели вверх тормашками, ибо разве можно уложить в сухой формуляр пунктов характер и особенности той местности, куда нас посылали?

Нечеткое представление о задачах бригад со стороны руководящего состава литорганизаций—вторая причина малой нашей успешности в ликвидации прорыва.

Подбор бригад был еще более случаен. Бригады часто комплектовались людьми или враждебно настроенными к этой большой общественной работе (известный в печати случай с ленинградцами Ю. Германом и Вайсенбергом), или безразличными, или же людьми, пытавшимися путем бригадной поездки дебютировать в... литературе, не имея ничего общего с ударниками, призываемыми в литературу. Последнее обстоятельство несколько сгладит ответственность за бригады со стороны назвавших писателей. Итак: бригады были по сути дела писательскими. Штабы ликвидаторы в этом только виноваты, ибо многие крупнейшие писатели, тайно зарегистрированные штабом, всячески отлынивали и протягивают отлынивать от поездок. Некоторые из них, отличившиеся по всем правилам чистейшей литературной тактики в рангах, честно заявляют о том, что поездки, мол, дело не писателей, а «культработников». Был даже случай, когда один очень именитый товарищ за час до отъезда бригады вернул путевочный лист «него железнодорожный билет. Штабом, естественно, приходилось делать ставку не на очень именитых.

Случайный, бессистемный подбор бригад — третья причина, тормозившая успех дела.

Какое же организационный вывод из всего этого положения?

Конкретная мера, по-моему, следующая: мобилизационные штабы необходимо комплектовать товарищами, непосредственно участвовавшими уже в бригадах. Собственный опыт поможет им правильно ориентироваться в запросах и нуждах бригадных поездок. А поездки эти, как фактор огромного значения, верю, будут расти по мере роста темпов нашего строительства. На самостоятельное же вопрос моего товарища по поездке Н. Никитина: «Быть или не быть», отвечаю я больший категоричностью, нежели он в своей статье:

— Быть!

ДАВИД ХАИТ

ВЕЛИМИР ХЛЕБНИКОВ

НЕВОЛЬНИЧИЙ БЕРЕГ

Мы печатаем ниже неопубликованную поэму В. Хлебникова «Невольничий берег», написанную в годы империалистической войны. Гневный протест против «соломорезки войны» не приводит еще автора к социалистическому осмыслению революции, которая представляется ему как грозное возмездие восставшей стихии. Поэма не рекликается тут со строками Маяковского («Облако в штанах») о прибли жающейся революции. Нет в «Невольничьем береге» и понимания интернационального смысла революции; бунтарский протест Хлебникова национально ограничен.

Но при всем том «Невольничий берег» с огромной силой передает мелкобуржуазное бунтарство поэта, подавшего свой голос против империалистической войны.

РЕДАКЦИЯ

Невольничий берег,
Продажа рабов,
Из теплых морей,
Таких синих, что болят глаза,
надолго.
Перешел в новое место,
В былую столицу белых царей,
Под кружевом белым
Вьюги, такой белой,
Как нож, сослепа воткнутый
кем-то в глаза.
Зычно продавались рабы
Полей России.
«Белая кожа! Белая кожа!
Белый бак!»—
Кричали торговцы.
И в каждую хату, проворнее вора,
Был воткнут клинок
Набора...
Пришли. Смотрят глупо, как
овцы,
Бьют и колотят множеством ног.
А ведь каждый, у маменьки где-то,
какой-то,
Любимый, дражайший сынок.
Матери России, седым матери, —
Войте!
Покупатели
Смотрят им в зубы,
Мерют грудь.
Щупают мышцы
Тугую икру.
«Поверьте, друг!»
Врачебный смотр.
Хлопает по плечу:
«Хорош, ей, добрый скот!»
Бедро щупает на «уру!»
Седым волос
Нельзя ли проклясть,
Множеством новых голов
Сомнет и снесет на плечах
Кости костей народа.
И железным колом,
С размаха тужой
Пятками живот,
Будет работать,
Как дикий скот
Буйным рогом.

Шагайте с богом!
Прощальное блево.
Видишь: ясные глаза его
Смотрят с белых знамен.
Тот, кому вы верите...
«Бегает, как жеребец. Рысь! Сила!
Что, в деревне, чай, осталась
кобыла?
Экая силища! Какая сила!
Ну, наклонись!»
Он стоит на холодище наг,
Раб белый и голый—
Деревня!
В одежды визга рядись!
Ветер плетеный
Гонит снега стад
На молотые года
Гонит стада,
Сельского хама рог,
За море.
Кулек за кульком,
Стадо за стадом брошены
на палубу,
Сверху на палубы строгих
пароходов,
Мясо, не знающее жалости,
Не знающее жалобы,
Бросает рука
Мировой наживы,
Нежнее нежности,
Страна обескрылена!
А вернется оттуда
Человеческий лом, зашагают
обрубки.
Где-то по дороге, там, на чужбине.
Забывшие свои руки и ноги.
(Бульба больше любил свое
курево в трубке!)
Иль поездами смутных слепцов
Быстро покатит в хаты отцов.
Вот тебе и раз!
Ехал за море
С глазами, были глаза, а вернулся
назад без глаз!
А он был женихом
Выделки русской овчинки.
Отдано русское тело пушкам —
В почивку! Хорошая почивка!..

В уши бар белоснежные попал,
Первый гневный хама рев:
«Будя!»
Русское мясо! Русское мясо!
На вывоз! Чудища морские,
скорее!
А вид всем ревет
На знаменах
Темные очи Спаса
Над лавками русского мяса.
Соломорезка войны
Железной решеткой
Втягивает
Все свежие
И свежие колосья
С зернами слез Великороссии
Гнев подымался в раскатах.
Не прячьтесь. Не прячьтесь!
Те, кому на самокатах
Кататься далеко
В стеклянных шатрах, —
Слушайте вой
Человеческой говядины
Убойного и голубого скота!
«Где мои сыны?» —
— Несется в окно мой.
«Сыны!
Где вы удобрили
Нажитой прах?
Ноги это, рабра ли висят
на кустах?»
Старая мать трясет головой,
Соломорезка войны
Сельскую Русь
Втягивает в жабры.
«Трусь Бегя с полей и хаты!»—
Кричит умирающий храбрый
Через стекло самолета
В уши богатым седокам самолета.
Недотрогам войны
Несется в окно вой.
Из горбатой мохнатой хаты.
Русского мяса
Вывоз куй!
Стала Россия
Огромной вывеской,
И на все
Жирный палец простерт
Мирового рубля.
«Более, более
Ору
В окопы Польши,
В поры Галиции!»
Струганок войны стругает.
скобля,
Русское мясо.
Порхая в столице
Множество стружек
— Мертвые люди!
Пароходы-чудовища
С мертвыми трупами
Море ревут шурупами,
Воют у пристани,
Ждут очереди,—
Нету сынов!
Нету отцов!
Взгляд дочери дикий
Смотрит и видит
Безглазый, безустый мешок
С белым осколом,
В знакомом тулупе.
Он был родимым отцом!..
В далекой халупе
Сладко дышит,
Хрипит: «Хлебушка, дочка!»
Обираю!
Темные очи Спаса
Белых священных
знамен,
Что вы трепыхались
Над лавками русского мяса
Молча,
И не было упрека в желчи
В иных божественных взорах,
Смотревших оттуда!
А ведь сколько мученья,
Сколько людей изувечено!
И слугой войны — порохом —
Полдня столько печенья
Из человечины
Пушкам чугунным.
Это же пушек пирожного слитки,
Слитки пирожного,
Если на сучьях мяса обрывки,
Руки порожние
Дали...
Сельская гонь стерегла свои
норы,
Пушки обжоры
Сажениою глоткой,
Бездонной бочкой
Глотали,
Чавкая
Зубы выломать.
Глухо была мать.
— Нету сыну-то, —
Есть обрубок.
И целует обрубок...
Колосья синих глаз,
Колосья черных глаз,
Гнет, рубит, режет
Соломорезка войны.
То, что им полно
Мяса русского лавкой,
Стадом чугунных свиней,
Чугунными свиньями жрали нас
Эти ядер выше травы скошены,
Эти чугунные выскочки,
Сластены войны
Хрустели костями.
Жрали и жрали нас, белые кости,
Стадом чугунных свиней.
— А вдали свинопас, —
Пастух черного стада свиной,
— Небо синеет, тоже пьянея.
Всадник на коне сдет.
Мы
Были жратвой чугуна.

Велимир Хлебников

Жратвою. — жратва!
И вдруг «же» зазвякало,
Хрюкнуло. и над нею братва.
как перчинево жало.
Занесла высоко
Кол.
Огромной скобды.
Это к горлу «же»
«Бе»
Приставило нож. моря теса:
Хрюкает «же» и бежит.
как рысак.
Слово «братва», цепи снимая
Работорговли,
Полетело, как колокол,
Воробьем с зажженным хвостом
В гнилые, в соломенные кровли.
Свободы пожар. Пожар. Набат.
Хрюкнуло «же», убежало...
— Брат!..

Рукопись этой поэмы получена мной в марте 1931 г. от художника Ф. Богородского.

Насколько мне известно, поэма опубликована никогда не была. Лишь в третьем томе сочинений В. Хлебникова (издание 1931 г.) помещен небольшой набросок из нее под названием «Невольничий берег» — строк 30.

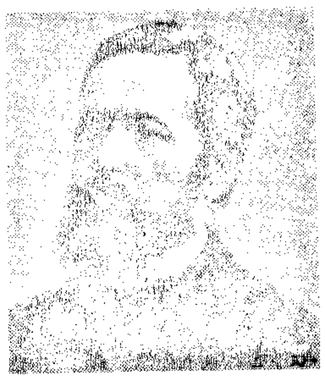
Поэма — проклятие империалистической войне, пожирающей «белых рабов», посылающей их во имя «мировой наживы» в чужие страны,—повлиявшему написания Хлебниковым в эпоху этой войны. Поэма написана еще по старой орфографии, от которой Хлебников после революции отказался).

А. КРУЧЕНЫХ

Москва, март 1931 г.

СУДЬБА МЕЛЬШИНА-ЯКУБОВИЧА

Якубович умер всего лишь 20 лет назад. Но жизнь его кажется очень далекой, это неоспоримо: нежели он ушел так незаметно? Недоумение это естественно, ибо фактически Якубович умирал дважды в первый раз—почти полвека назад, когда был арестован по делу «Народной воли» и приговорен к повешению. Узник отбывал долгие годы заточения. Крепость, этапы, каторга, ссылка приостановили политический его рост. Вернулся он лишь за десять лет до смерти, нерадостно надломленным, больным, опустошенным. А между тем Якубович, как-раз принадлежал к тем народовольцам, сильное самосознание и непоколебимость народничества. Он был лидером той группы, которая намечала выделиться в отдельную фракцию «Молодой народной воли»—«красные петухи»—как их окрестила Герман Лопатин. Из показаний Якубовича на дознании, мы узнаем, что «Молодая В. Н.» недолго имело влияние и главное устремление свидетель на широкое развитие местных революционных групп, на пропаганду чисто социалистических идей и рабочем составе, на привлечение симпатий этого последнего к этой партии. По воспоминаниям В. В. Новой, Якубович одинаково заявлял: «кто знает, может быть недалеко то время, когда революционное дело от радикальной и социалистической интеллигенции перейдет и в руки рабочих и крестьян». Стихотворение «Витязю» правда, подобных стихов у него очень мало) также иллюстрирует сильные колебания Якубовича-народника. «Витязю» написан с истинным вдохновением. Сквозь строки насыщена каждая строка, рисующая положение сельскохозяйственного пролетариата. Но что еще важнее—здесь же показан путь образования капиталистического строя: неумолимый пресс капиталистического режима вырабатывает беспрестанно мелких собственников в разряд пауперов.



Таким образом мы видим, что основные положения народничества и народовольчества теряют значительный удельный вес в воззрениях молодого Якубовича. Это было время, когда писал и партийность исправляли ряды народников, когда целая ветвь интеллигенции—переход в лагерь марксистов. Что было бы с Якубовичем и каков был бы его путь, если бы как-раз в это время он не был арестован и замурован,—сказать трудно. Но одно надо отметить: ортодоксальным марксистом он не обязан был никогда. Лирика его отражает настроения революционной интеллигенции эпохи распада революционного народничества. Якубович — поэт народовольческого закала. К концу 80-х годов, когда партийное самосознание народничества выродилось в глубоко-реакционные течения, Якубович пишет «Клеветы славные стези, натупил факел ядовл, а звами светлое и грязи... Полт, записывая эти строки, вспомнил еще, что его самого ждет впереди та же участь: что и ему придется разделить судьбу всех народников, скатившихся к либерь ношлов меньшего радикализма.

Якубович оставил не малое литературное наследство. Беллетрист, мемуарист, литературный критик, поэт, редактор и очеркист,—он обратил на себя внимание, главным образом, в качестве бытописателя каторги. Наблюдение записок «В мире отверженных» вызвало многочисленные отклики. Книга эта некрасива и выдержала до революция много изданий. Для советской молодежи она представляет колоссальный интерес, и приходится удивляться тому, что она до сего времени не переиздана. Она написана в такой же мере правдиво, как и художественно. Глава «Фердинский орлеонок» стоит на уровне лучших художественных зарисовок в русской литературе. Множество портретов, ситуаций и характеристик из мира каторги остается навсегда ценнейшим материалом. Книга при появлении произвела сильное впечатление: она как бы противопоставила исключительному миру каторжан Достоевского (сцинизм из мертвого дома)—горькую, неприкрашенную правду. И то же время она обнаруживает также, что народническое мировоззрение ее автора сильно поколебелено и притом с значительным креном в сторону либерализма.

Скорбная поэзия Якубовича, его жертвенная судьба, его выстраданная книга «В мире отверженных»—является свидетельством того прошлого режима, который больше никогда не вернется. Массовый наш современный читатель воспримет литературное наследство Якубовича в историческом аспекте, а молодежь узнает, каким путем шли народники и какие жертвы были наложены в борьбе с царизмом.

А. ЕФРЕМИН

---

* Весьма любопытно и симпатично, что Якубович увековечил декабристов и упоминанием И. Бодстрым как-раз в то время, когда вся эта эпоха была в Народном вкусе. Якубович произвел в Петербурге целый шум своим чтением Рылеева «Цветы», в которой сочетались свобода, как и фимиам, мистико-романтические, сырые, пессимизм, мягкого разочарования, скрепы, пессимизм, отказанное «прилущать» декламировал, последовательно приглашению после революции, последовавшей за декабристами 1848 г.

ХУДОЖНИКИ и СОЦСТРОИТЕЛЬСТВО

Вторая выставка кооператива «Художник» демонстрировала отчетные работы художников, командированных в районы. Практика таких командировок, охватывающих все более значительные массы советских художников, имеет огромное положительное значение. Она стимулирует художника лицом к лицу с той действительностью, образцы которой требуют от него пролетарский зритель.

Но всегда командировки художников превращаются в простые поездки на натуру — без конкретных заданий, без предварительной художественно-идеологической проработки их, без четкой ориентации на определенные формы и методы художника в социалистическом строительстве.

Эти отрицательные моменты, на ряду с положительными, нашли свое место в применении командировок 1930 г.

Сама выставка подтвердила это. На ней почти не были представлены те наиболее подвижные и боевые формы участия художника в соцстроительстве, которые необходимо было выдвинуть в процессе работы — рисунок, карикатура, изо-лозунг и т. д. Поездки художников не привели и к созданию монументальных произведений, хотя бы не в законченном виде, а только в начальной стадии.

Практика развития пролетарского и попутнического сектора изо-искусства показывает, что наиболее крупное приближение к выполнению задач, стоящих перед искусством на данном этапе революции, мы имеем в работах монументалистов и в области политической сатиры, карикатуры, агит-рисунка, плакаты и т. д. Практика выдвигает эти формы на первое место. Вот почему замыкание в станковые формы являлось минусом выставки.

Из этого не следует, что факт ограничения форм в средствах художественного показа социалистической стройки сам по себе обусловит идейно-художественный уровень выставки и наличие тех или иных недочетов в развешивании экспозиций. Обычение этих моментов необходимо искать в анализе идейных установок и творческих методов, выдвинутых теми или иными группами, обусловивших и самое засилье станковизма.

Первая группа — это эпигоны позднего передвижничества и «Союза русских художников», т.-е. мещанского искусства с его апологитикой, мелочностью, идеализацией застойного быта, салонной манерой лакировки изображаемого, идейной немощностью и т. п. чертами. Работы Капина, Туржанского, Модорова, Радимова и др. характерны для этой группы, берущей тематику соцстроительства внешне и предложенной почти целиком оставшейся в пределах традиций мелкобуржуазного искусства. В этих работах мы напрасно стали бы искать отображены героики строительства, классовой борьбы, поисков новых выразительных средств. Здесь все сведено к идиллическим жанровым сценкам, к достижению незамысловатых живописных эффектов, продолжающих приемы так называемого «художественного реализма».

Следующая группа — это «фото-натуралисты». Наиболее ярко представляют их Кацман («Рыбаки-колхозники»). Сюда же можно отнести Перельмана, Рингиму, Б. Н. Яковлева и др. «Фото-натурализм», нашедший свое распространение в практике АХР, был решительно осужден пролетарской частью АХР. «Фото натурализм» означает утверждение «ползучего эмпиризма», пассивности, «отображательства» под флагом объективизма, максимальной схожести, понимаемой как внешнее копирование объекта. Отсюда—политическая и идейная выхолощенность «фото-натурализма», его художественный консерватизм.

Третья группа — представляют преимущественно художники ОМХ и их последователями. Здесь мы имеем утверждение принципа «чистого» эрительного ощущения над сознанием; в формальном отношении — культ «русского сезанизма», отбрасывающего композиционно-конструктивные моменты и утверждающего текучую живописность.

В последнее время ряд художников этой группы пытается перейти на тематику социалистического строительства. Однако, только у некоторых (например Кунрин и Фонвизин) мы видим более органический путь к серьезному овладению темой, видим тенденцию к известной творческой перестройке. В значительном же большинстве мы имеем механическое отношение к новой тематике.

Мертвая выписанность, неспособность передать пафос и героику соцстроительства, отягощение на поверхностном отображательстве, пассивизм — все это было распространено на выставке. Здесь встретишь и комсомольца-дахтера, с классово-текущим вагалом (Иванищий), и скобчайца) унылого трактористе сценки из жизни сверов на земле (Зевин, Аксельрод и др.), и нарочитый примитивизм, и просто анархию красок. Подобная интерпретация социалистического строительства сигнализирует опасность искривления тематики и, вместо пафоса и героики, будет вскрывать пакенизм, чисто внешнее отношение к изображаемому, бескрайность, т.-е. по существу мещанскую идеологию.

Не менее опасны и те тенденции, которые выявились в работах некоторых художников: ОСТ (Штеренберг, Куприянов, Лабас и др.). Утонченно-эстетское восприятие действительности, в лучшем случае приводящее к холсте труда и строительства — легкими прогулками и балетом, в худшем —к карикатурному извращению. Тышлер, например, в своей серии «Слушала о чадре» — «Останемся опять чадрю, хоть отойдем уже от мелко-семейнической интерпретации действительности, но не забрались от карикатурного элемента, немажающего событие.

Из положительного, что было на выставке, необходимо отметить: ряд рисунков (Вялов, Денисовский, Коннов и Урельсон, у которых, однако, мало выразительный, но динамичный характер рисунка, Самойловских и др.) и весьма композиций, более удовлетворительно разрешающих задачи, стоящие перед художниками. Таковы: работы Денисовского «Сталелитейщик, цех», Пшеничникова «Молотобо», Фрадкина эскиз панно «Сезонница в строительстве», некоторые работы братьев: Львова, Одинцова, Сталя и Точилкина — на Керченском заводе; Мидлера «Передовица ударника» и «Стройка новой печи», Яновской «Домна № 3», «Под домной» и др.

В целом выставка не дала образов адекватных идеям пролетариата, не зарядила пафосом соцстроительства. Для того, чтобы этого достигнуть, необходимо, чтобы командировки художников превратились в постоянную их связь с соцстроительством и пролетариатом, в постоянное их участие в классовой борьбе. Или этим путем, или смогут перестроиться и дать идейно-насыщенную и классово-заостренную продукцию.

А. МИХАЙЛОВ

ХРОНИКА ИСКУССТВ

* Совещание секретарей рабочих литкружков МАПП вынесло резолюцию протеста против политики МХТ, выражающейся в замалчивании спектакля «Хлеб» В. Киршона. «Если МХТ,—гласит резолюция,—сделал ряд шагов, включив в свой репертуар пьесы пролетарского драматурга, то он должен сделать и следующий шаг — приблизить и сделать этот спектакль доступным рабочему зрителю. Секретари литкружков, от имени всех рабочих-читателей, призывают к литературной расправе от МХТ, особо политически вредных пьес «Хлеб» занять основное место в репертуаре театра — за счет сокращения других спектаклей — например, «Воскресение».

* Производственное совещание, состоявшееся в Высшей Музыкальной Школе им. Ф. Кона (ул. Воровского) вынесло резолюцию протеста против исполнения авиа-марша Хайта «Все выше» на сцене Малого театра в спектакле «Слава героев» В. Ромашова. «Производственное совещание, — говорится в резолюции, — доводит до сведения художественного совета театра, что передовая пролетарская общественность ведет беспощадную борьбу с вторжением чуждых, иные приспособленческие элементов в нашу советскую песенную культуру, в том числе и в репертуар театра».

* Театр им. МОСПС готовит к постановке новую пьесу Биль-Белоцерковского «Залп Аврора». Премьера намечена на ближайшие числа апреля. Ставит спектакль Е. Любимов-Ланской. Художник Б. Волков.

М. ОВРАЖКИН

17 марта не стало пролетарского писателя Михаила Овражкина — Михаила Матвеевича. На берегу Черного моря, в Гагрипах, провела его семья, с которой он и Ленинграде. Учеба в городском училище, затем телеграфный аппарат, работа по набору на телеграфной линии, а затем революция, организация в Земельное часть, работа ВЦИК, фронтовая политическая работа, культурная работа с крестьянством, партийная работа, статьи, фельетоны, очерки, сотрудничество в «Рабочем Мосте», в Рабочей газете, в «Красноармейской газете», в «Известиях ЦИК», которым работал над собой, работал в «Кузнице».

Последний художественный крупный рассказ его, Овражкина—Поволжье дал напечатал в органе «Молодые» в 1924 году. Второй его яркий рассказ — «Обида» — появился в Тереке. Помимо «Они кузнецов вышла отдельной книжкой в рабочей библиотечке задача ВЦИКС. Многое из написанного им осталось в рукописях, частью запрещенных автором, частью не совсем отделанных, в том числе — повесть Журавли. И лишь удивительный по силе и красоте сборник, — созданный в пору самой отчаянной борьбы тов. Овражина со смертью,— сборник малых рассказов «Больницы и ним участь его в 1932 году прошла через «Журнал для всех» и 1933 году увидел свет в издании «Недра».

Московская творческая группа пролетарских писателей РАПП «Кузница» потеряла в Мих. Овражине своего товарища, дорогого друга, одного из лучших «кузнецов» пролетарского художественного слова.

И. ЛЯЦКО

ТЕАТРАЛЬНОЕ ОБОЗРЕНИЕ КЛУБА ФОСП

16 апреля в клубе писателей будет показано театральное обозрение — «ВЕЧЕР ВОСПОМИНАНИЙ ОБ ИСТЕКШЕМ ПЯТИСЕЛЕТИИ», написанное А. Архангельским. Герой Имбер, В. Арфелов и Б. Тенетов. Обозрение ставит режиссер А. Г. АЛЕКСЕЕВ. Почетно писателей, и нем принимают участие артисты 1 и 2 МХТ, Театра им. Мейерхольда, Московского театра сатиры, Театра Революции, Студии Малого Театра и др. Участвуют Ю. Глизер, В. Имбер, Е. Милютина, Н. Михайловская, С. Иванов, Н. Зенин, Е. Гаспаров, В. Кирсев, А. Костомолоцкий, С. Мартинсон, Г. Оберлин, П. Олешев, С. Сестов, И. Ситников, В. Чайка и др. Оформление художника КУКРЫНИКСЫ. Помощник режиссера И. Мухаринский. Дирижер — Я. Терпянский.

Календарь работы клуба ФОСП

4 АПРЕЛЯ 18 ч.—организационное собрание общественной ячейки «Пролетарский турист».

4 АПРЕЛЯ 19 ч. — совещание СРД драматургов.

5 АПРЕЛЯ 19 ч. 30 м. — дискуссионный просмотр кинофильмы «Бой». Производство «Межрабпомфильм».

5 АПРЕЛЯ 19 ч. — кружок пароводчика. Руководитель Роом.

5 АПРЕЛЯ 20 ч. — «Перелом».

6 АПРЕЛЯ 18 ч. — кружок переводчиков. Руководитель Шерешевский.

6 АПРЕЛЯ 19 ч. — товарищеский матч между командами ФОСП и ТОПОБ.

7 АПРЕЛЯ 20 ч. — доклад члена президиума Госплана т. Милютина «Философия пятилетки».

7 АПРЕЛЯ 20 ч. — Пролетарские субботники.

8 АПРЕЛЯ 20 ч. — вечер рассказа. Ансамбль им. Зикунникова. В программе: Чехов, Горький, Безыменский, Мотасилов, Майкл Голд, М. Катаев, Пальферов.

ИЗВЕЩЕНИЯ

— 4 апреля — 12 ч. — заседание президиума исполкома ФОСП по обследованию Книготоцентр. Обязательно присутствие: тт. Шульца, А. Богданова, Н. Жига, Рубанского, Тихонова, С. Ромова и А. Брутянова.

— 4 апреля — 19 ч. — занятие центрального литературного кружка московского горлитсома им. Фурманова (ЦДКА — ул. Коммуны, 9).

— 4 апреля — 19 ч. — собрание литгруппы при газете «Пролетарий» (Тверская, 28, клуб работников). Доклад М. Бенкина «Художественный документ».

— 5 апреля — 19 ч. — собрание Белорусской МАПП в клубе ФОСП. Обязательно присутствие всех членов и всех подавших заявление о приеме.

— 5 апреля — 19 ч. 30 м. — детская секция ПССП в Доме Герцена.

— 6 апреля — 17 ч. — членам управления МАПП в клубе ФОСП.

— 6 апреля — 19 ч. — открытое партийно-массовое собрание ВКП(б) — в Доме Герцена. Доклад т. Сталинского ГИКЛ.

— 7 апреля — 19 ч. — выездное заседание президиума МАПП в клубе МОГЭС (Раушская набережная).

— 7 апреля — 19 ч. — в Коммунистическом вечер, посвященный творчеству Ромена Роллана (А. Луначарский, Ф. Гладков, И. Аксенов).

— 7 апреля — 19 ч. — литобъединение Новой Кузницы. Новикова-Прибой «Как я писал «Цусиму». Продолжение прений по докладу Никифорова «Как я писал» (Тверской б., 25).

— 8 апреля — 18 ч. — конференция литкружков Фрунзенского района. — в клубе 7 типографии (Арбат, Филипповский, 19).

— 8 апреля — 20 ч. — общее собрание членов МТП. — Заседание фракции ВКП(б) в 18 ч.

— 8 апреля — 19 ч. 30 м. — вечер памяти Маяковского в ГАИС (Волхонка, 16). Т. Лелевич: «О Маяковском», А. К. Шнейдер «Маяковский в кинематографе». В исполнительной части — чтение произведений Маяковского. Вход свободный.

— 9 апреля — 20 ч. — в клубе ФОСП — вечер памяти С. Третьякевича «Шагги».

Намеченное клубом ФОСП проведение организаций, в том числе и посещение фотографии В. Маяковского, предполагается заменой для литературного клуба ФОСП, т. Лавута, вед. 241-10. Клубная фотография будет сфотографирована.

ПОПРАВКИ

В № 17 «Литературной газеты» в заметке о структуре Института ЛИЯ Комакадемии предлагается списки молодежи Данилов. Следует читать Данилов. — В отделе «За чистый язык» в статье «Чей орган много значительного руководства партийной организации следует читать языкового руководства и партийной организации. В той же статье через фразой «Языкознание» ошибочно поставлены кавычки.

Ответственный редактор: С. ДИНАМОВ

РЕДКОЛЛЕГИЯ: Н. Ассеев, С. Динамов, И. Жига, Л. Ивинский, И. Катаев, Г. Коренев, Н. Огнев, А. Селивановский, И. Сельвинский, М. Слонимский

ИЗДАТЕЛЬ: Акционерное Изд. О-во «Огонек».

МАССОВЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

БОРЬБА КЛАССОВ

Органа Общества историков-марксистов при Комакадемии ЦИК СССР.

Под общей редакцией М. Н. Покровского.

СОДЕРЖАНИЕ № 1: М. Покровский — Ленин и история. М. Горький. Пароход должен знать свою историю. Ем. Ярославский — Ленин и пол. И. К. Крупская — Об «Искре». Л. Кин — Заметки делегата К. съезда. Феликс Кон — Конец меньшевизма. К. Радек—В плену у Гайдамаков. Московские меньшевики в Октябре 1917 г. (Документы предательства). Е. Драбкина — Меньшевики и интервенция.

К 60-летию Парижской коммуны. П. Лукин-Антонов — Нечто о коммуне. А. Молок — Бисмарк и интервенция. А. Шестаков — Князь Александр II и др.

В отделе документов неопубликованное письмо В. И. Ленина к М. Н. Покровскому. Из донесений царского посла о коммуне.

В. Кейнун — Среди установок и колебаний (из воспоминаний).

На исторические фронты: Ц. Фрадлянд — Назум Мальцев. С. Минеоом — Реакционная выходка академика.

Кроме того в номере отделы. Как заниматься по истории, история и искусстве и т. д.

Журнал начал выходить.

ПРОЧТИТЕ И Я:

впервые на языке СССР большая по размерам и по-старорежимная библиотека

ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ

в 24-х томах, которые охватят основные вопросы мировой истории. «Всемирная история» выходит под общей редакцией М. Н. Покровского.

Подписная плата: «Борьба классов» без приложения 8 р., 6 мес. — 5 р. 50 к., 3 мес. — 3 р.

«Борьба классов» с марта с книгой годовым приложением «Всемирной истории» с 1-го мая 1933 г. 26 руб. Доплатой рассрочка: 1 мая — 8 р., к 1 июля — 5 р., к 1 сентября — 5 р., к 1 октября — 4 р.

Подписка на «Борьбу классов» с приложением «Всемирной истории» с 1-го мая 1933 г. получит бесплатно 2 художественные исторические картины.

Подписку сдавайте немедленно на почту или письмоносцам.

Акц. Изд. об-во «Огонек», Москва 6, Страстной б., 11.

Гос. изд-во «Молодая Гвардия» КНИГОЦЕНТР

ВЫХОДИТ ИЗ ПЕЧАТИ в первой половине апреля

ЗА ПРОЛЕТАРСКУЮ ДЕТСКУЮ КНИГУ

Резолюция и постановления I всероссийской конференции по детской книге. Продажа в магазинах и отделениях Книгоцентра

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Орган федерации об'единений советских писателей

ВЫХОДИТ ЖИЗНЬ 5 ДНЕЙ

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

12 мес. . . 3 руб. 50 коп.
6 мес. . . 1 руб. 75 коп.
1 мес. . . — 30 коп.

АКЦ. ИЗД. ОБЩЕСТВО «ОГОНЕК» МОСКВА.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА

БИБЛИОТЕКУ ОГОНЕК

Как и в прошлые годы, 72 книжки «Библиотеки «Огонек» дадут лучшее из того, что есть в советской и мировой литературе

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ:

«Огонек» с приложением Библиот. «Огонек» (35 % журнала и 7 книжек Библиотеки «Огонек») 12 мес.—10 р., 6 м. 5-50, 3 м.-3 р.

Подписку сдавайте на почту или письмоносцам, деньги одним в издательство посылать не следует.

Акц. изд. об-во «ОГОНЕК»

ЗВЕЗДА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ, БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ВЫШЕЛ ИЗ ПЕЧАТИ № 2

В НОМЕРЕ:

Проза: Ю. Тынянов—Восковая персона. Я. Калинын—Ваякил пуп. А. Воронский—Глаз урагана. И. Дмитриенко—Потник. А. Грин — Алые паруса в Америку.

Стихи: А. Прокофьева, Н. Брауна, С. Бытового, О. Берггольц, В. Зелях, И. Авраменко

ПОДПИСКА про один ется

Цена на год — 30 р. без прилож. и 36 р. с прилож., на 6 м.— 5 р. 50 р. с прилож. Цена отд. № 1 р. 10 к.

ПРОДАЖА и ПОДПИСКА ПОВСЮДУ.

Английский и немецкий Интенсивный курс ЯЗЫКИ ЗАОЧНЫЕ КУРСЫ им. т-ща Мосина

Центр. Музейный 6 сез. в, пятнадцать 15-2 часов, вас за 20 к. часов Рижск. пр. 16—1-ч

Центральное издательство народов СССР при Президиуме ЦИК СССР „ЦЕНТРИЗДАТ"

Москва, Центр, Сивильская. 10.

ВНИМАНИЮ ПОДПИСЧИКОВ вышел и рассылается подписчикам журнал № 1

„НАЦИОНАЛЬНАЯ КНИГА"

ЖУРНАЛ ЖУРНАЛ ЖУРНАЛ ЖУРНАЛ ЖУРНАЛ ЖУРНАЛ

обретает за идеологическую доброкачественность национальной книги.
организует методическую помощь авторам и переводчикам национальной книги.
освещает вопросы издательского дела и распространения книги.
дает обзор национальной художественной литературы на всех языках народов СССР, рассчитан на центральные, местные национальные издательства, отделы народного образования, авторские коллективы и массовых учителей.
нужно приобрести во всех книжных Специалистах!

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: Периодсекторами Центрогазета, всеми почтовыми отделениями и письмоносцами СССР.

Адрес издательства: Москва, центр. Никольская, 19, Периодсектор Центрогазета.

Гос. изд-во „Молодая Гвардия" КНИГОЦЕНТР

Ни дням выходит из печати и поступит в продажу № 5—6

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

ОРГАН ЦК ВКП(б) и ЦК ВЛКСМ

Литературно-художественный общественно-политический и научно-популярный журнал. Выходит 24 номера в год

В НОМЕРЕ:

В. Гусев—Ленинизм и пятилетка. Валентин Катаев, Ульянов, Кудейкин, Бухенкин и другие (роман). В. Вишняков—Ударный труд (стихи). Г. Бубновский—Двадцать пятилетий (роман-фельетон). Эжен Потье—Песня (стихи). Н. Тагер—Двое (стихи). И. Вечеславов—Песня о Сибирском (стихи). Ольга Форш—Звезда Кемпинского (повесть о декабристах). Ф. Малов—Комсомольцы «Сибсовета» (статья). А. Казарин — Новейшие рекомендации троцкизма (статья второй).

ЛИТЕРАТУРА. А. Сурков—Поэзия на новом этапе.

ИСКУССТВО. Ю. Юзовский — Три постановки (театральный обзор).

ОВЛАДЕЕМ ТЕХНИКОЙ. А. Печкин—О детском и для детей.

ИЗ ПРОШЛОГО. Я. Штрайх—Русская живопись в Парижской Комуне (с шестью иллюстрациями Парижской Коммуны).

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.

ЛИТБРИГАДА «МОЛОДОЙ ГВАРДИИ».

Подписная цена: на 12 мес. (с 24 №№) 6 р., на 6 мес. — 3 р. 75 к., на 3 мес. — 2 р., на 1 мес. — 70 к. Цена отд. номеров 40 к.

Подписка принимается Периодсектором Книгоцентра (Москва, Неглинная, 9), в отделениях и магазинах КНИГОЦЕНТРА и на почте.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1933 ГОД

МАССОВЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И КУЛЬТУРНО-БЫТОВОЙ ЖУРНАЛ

РОСТ

МАССОВЫЙ ОРГАН ПРОЛЕТАРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ВЫХОДИТ ДВА РАЗА В МЕСЯЦ

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: 12 м.—3 р. 6 м.—1 р. 50 к. 3 мес.—75 к.

Подписку сдавайте на почту

Акц. изд. об-во «Огонек» Москва, 6,

ВНИМАНИЕ

ПЕРВЫЕ КНИГИ БИБЛИОТЕКИ „ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ" ЗАКАНЧИВАЮТСЯ И В БЛИЖАЙШИЕ ДНИ БУДУТ РАЗОСЛАНЫ ПОДПИСЧИКАМ

Прежние подписчики «Огонька» и «Недры Науки» с приложением «Всемирной Истории», задержанные с 1 марта этого года, вследствие того высылка их должна прекратилась, МОГУТ ВОЗОБНОВИТЬ свою подписку с 1 мая на условий следующих журналов:

По «Огоньку» с прил. «Всемирной Истории» — 8 р. 50 к.

По «Недрам Науки» с прил. «Всем. Истории» — 8 р. 70 к.

Открыт прием подписки на журналы «Огонек» и «Недры Науки» с приложением «Всемирной Истории» в от новых подписчиков.

Условия подписки следующие:

«Огонек» с 1-го мая и «Всемирная История» с 1-й книги: при подписке — 14 руб., к 1-му июля—1 руб. и к 1-му сентября — 3 руб.

«Недры Науки» с 1-го мая и «Всемирная История» с 1-й книги: при подписке — 13 руб. 40 к., к 1-му июля—3 р. 50 к. и к 1-му сентября — 4 руб.

Все годовые подписчики получают бесплатно 2 больших художественно-исторические картины.

Взносы и новую подписку сдавайте выборгскому исключительно на почту или письмоносцам. Переводы в издательство не посылать.

АКЦ. ИЗД-ВО «ОГОНЕК»

ГНИХЛ КНИГОЦЕНТР

НОВЫЕ КНИГИ

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА

АБЧУК А. Герш Шамай. Перев. с еврейского М. Брук. (Серия еврейской литературы). Стр. 199. Гарнитур Ц. 80 к.

АЛЬМАНАХ ЗЕМЛЯ И ФАБРИКА. № 11. Стр. 301. Ц. 2 р. 50 к.

АРАГОН. Красный фронт. Поэма. Перев. с франц. С. Кирсанова. (Новинки иностранной революционной литературы). Стр. 16. Ц. 15 к.

ДЕДОВ Г. Пятнадцать лет любви. Записки. Двадцать Бураковой. 2-е изд. (ЛАПП. Современная пролетарская литература). Стр. 144. Ц. 1 р.

ЛЕОНОВ С. Антрацит. Роман. Часть I. (ЛАПП. Современная пролетарская литература). Стр. 258. Ц. 2 р. 25 к.

ЛЮФАНОВ Е. Повесть о Барашевских днях. (ЛАПП. Современная пролетарская литература). Стр. 47. Ц. 1 р.

КЛАССИКИ

ГЕРЦЕН А. Былое и думы в 3-х томах. С биографическим очерком, вступительной статьей и комментариями Л. Б. Каменева. Былое и думы. Том II. Ред. ред. Л. Каменева. Стр. 504. Ц. 2 р. 75 к., 3 пер. 3 р. 50 к.

ДОСТОЕВСКИЙ Ф. Кроткая. Фантастический рассказ. Иллюстрация А. Сергикова. Стр. 48. Ц. 70 к., в пер. 1 р. 05 к.

ИЗ АРХИВА Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО. Идиот. Подготовные материалы Редакция Н. Н. Сакулина и Н. Ф. Бельчикова. Стр. 325. Ц. 2 р. 75 к.

ПЕРЕИЗДАНИЯ

ЛОЛА-ХАН. Падающий минарет. Роман в 3-х частях. Стр. 183. Т. 10.000. Ц. 2 р. 50 к.

ШВЕДОВ Я. Обиды. Повесть. (ЛАПП. Новинки пролетарской литературы). Стр. 143. Ц. 1 р.

С заказами обращаться в магазины и отделения Книгоцентра и в „Коопкниги"

Уполн. Главлита В 1691

Интернациональная (бывш.) типография «Полиграфтрест», ул. Свердлова Сталинова, д. 3.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Орган Федерации Об'единений Советских Писателей РСФСР

МОСКВА 9 АПРЕЛЯ 1931 г. № 15 (117)

РЕДАКЦИЯ: Тверской бульвар, 25, Дом Герцена. Тлф. 2.80.12

К РАЗВЕРТЫВАНИЮ ТВОРЧЕСКОЙ ДИСКУССИИ

Одной из важнейших задач, стоящих перед Федерацией об'единений советских писателей в целом и перед каждой из организаций, входящих в нее, является развертывание творческой дискуссии.

Вопросы творческого метода были впервые выдвинуты и формулированы РАПП. В борьбе с вершинной, лефовщиной, конструктивизмом, переверзевщиной, «Литфронтом» пролетарская литература определила первые вехи на пути к выработке диалектико-материалистического творческого метода. Письмо секретариата РАПП о развертывании творческой дискуссии является отправной точкой для дальнейших творческих поисков и творческих споров в пролетарской литературе. Само собой разумеется, что свобода творческого соревнования и образования творческих группировок в РАПП выделима лишь на определенной базе, — что всякие творческие направления, выражающие враждебную и чуждую пролетариату идеологию, пролетарская литература будет давать решительный отпор. Само собой разумеется, что творческие группировки в РАПП могут возникать лишь на основе единой литературно-политической линии. Не на данной базе необходимо максимальное развертывание соревнования творческих группировок. Величайший вред может принести конденсация какого-либо творческого направления, его изображение в качестве столбовой дороги пролетарской литературы. Стиль последней еще не создан, диалектико-материалистический метод ее еще не выработан. Различными путями, в пределах общей базы, подходят отдельные группы пролетарских писателей к овладению этим методом, к его разработке.

Предшествующий этап творческой дискуссии в РАПП, при всех его положительных свойствах, имел и существенные недочеты. Они, эти недочеты, выражались, главным образом, в сосредоточении внимания на крайне ограниченном количестве художественных произведений, в недостаточно высоком теоретическом уровне дискуссии и крайне отвлеченном характере последней. Нередко споры отвлекались от конкретной художественной практики, от конкретных задач, которые выдвигал перед пролетарской литературой новый этап социалистической революции, — нередко они превращались в турнир отвлеченных схоластических понятий. Это об'ясняется, в числе прочего, и тем, что, при всей слабости связи пролетарской литературы с областью философии, влияние доборинской школы сказывалось на отдельных звеньях пролетарского литературного движения. Новый этап дискуссии должен характеризоваться более повышенным вниманием к конкретной художественной практике, теснейшей увязкой творческих задач с задачами социалистического строительства, установлением постоянного контакта между областью литературы и областью философии, расширением и углублением самокритики, повышением теоретического уровня дискуссии.

Только при соблюдении этих условий возможны продвижение вперед пролетарской литературы и успешность формирований творческих группировок.

Такое же развертывание творческой дискуссии необходимо и для других отрядов советской литературы. Пролетарско-колхозные писатели уже сделали ряд попыток развернуть эту дискуссию в своей среде. Однако необходимо констатировать, что темпы, уровень и характер творческой дискуссии пролетарско-колхозной литературы еще далеко не соответствуют роли и задачам последней. Слишком мало учтения специфических особенностей творчества пролетарско-колхозных писателей. Слишком мало четких принципиальных установок. Слишком низки теоретический уровень дискуссии.

Не совершенно неблагополучно обстоит дело с обсуждением творческих вопросов в попутнической литературе. Процесс превращения попутчиков в союзников, их приближения к идеологии и практике пролетариата, овладевания ими мировоззрения диалектического материализма должен сопровождаться углубленным осмыслением их творческого опыта. Это осмысление неизбежно приведет к творческому размежеванию в рядах ВССП, и предпосылки для такого размежевания вполне налицо. Достаточно прочесть сборник «Как мы пишем», чтобы убедиться в этом. Достаточно сравнить, к примеру, реакционно-идеалистические высказывания по творческим вопросам ряда формалистов (не говоря уже о Замятине или о А. Белом) с творческими взглядами представителей левого крыла попутничества, чтобы понять, как глубоко продвинулся процесс творческого размежевания в попутнической литературе, выражающий в ней процесс классовой дифференциации.

Между тем творческая дискуссия в попутнической литературе еще не начата. Это позволяет представителям литературной реакции, прикрываясь теориями о якобы едином творческом потоке попутнической литературы, укреплять свое влияние на колеблющиеся слои попутчиков. Творческое размежевание в рядах ВССП — есть одно из выражений процесса общественно-классовой дифференциации в нем.

«Литературная газета» с сегодняшнего номера (статьей о романе Фадеева «Последний из Удэге») начинает дискуссию по творческим вопросам, расширяя ее за пределы пролетарской литературы. Нам предстоит подвергнуть внимательному разбору наиболее крупные произведения пролетарской, пролетарско-колхозной и попутнической литературы, вышедшие за последние годы. Нам предстоит заняться изучением творчества рабочих-ударников. Лицом к конкретной критике — это и значит: лицом к творческой дискуссии! Лицом к творческой дискуссии — это и значит: лицом к одной из важнейших задач преодоления отставания советской литературы от практики социалистического строительства.

„ПРОЛЕТАРСКИЕ ПИСАТЕЛИ И ПОЭТЫ, С ВАШИМ ПОДКРЕПЛЕНИЕМ МЫ СМОЖЕМ ЕЩЕ УСПЕШНЕЕ БОРОТЬСЯ ЗА ПРОВЕДЕНИЕ В ЖИЗНЬ РЕШЕНИИ ПАРТИИ О ТРАНСПОРТЕ"

ОТВЕТИМ НА ВЫЗОВ ВЛАДИМИРСКИХ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНИКОВ

МОБИЛИЗАЦИЕЙ ПИСАТЕЛЕЙ В ПОМОЩЬ ТРАНСПОРТУ

ПРОВЕДЕМ

ПРИЗЫВ УДАРНИКОВ-ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНИКОВ В ПРОЛЕТЛИТЕРАТУРУ

О РАБОТЕ МЕСТНЫХ АПП НА ТРАНСПОРТЕ

Постановление секретариата РАПП

1. Секретариат РАПП отмечает, что большинство рапповских организаций, за исключением ЗОАПП, Восточно-Сибирской АПП и отдельных районных МАПП не откликнулись на постановление ЦК ВКП(б) о транспорте, до сих пор еще не включились в борьбу за оздоровление транспорта.

2. Вызов пролетписателей, брошенный владимирскими железнодорожниками, до сих пор не подхвачен ни одной организацией РАПП.

3. Секретариат предлагает местным АПП мобилизоваться на ликвидацию прорыва на транспорте. Необходимо приступить к посылке бригад на ж.-д. узлы, к прикреплению писателей для помощи транспортным газетам и к выпуску сборников для клубов и живых газет.

4. Бригады, посланные на транспорт, должны развернуть призыв ударников-железнодорожников в пролетарскую литературу.

5. Секретариат РАПП уверен, что парторганизации выполнить эту задачу — помогут ликвидации прорыва на транспорте.

ЛИТКРУЖКИ МОСКВЫ НА ТРАНСПОРТ

Решение секретариата МАПП

Секретариат МАПП считает правильным указание литкружка Электрозавода на необходимость мобилизации всех организаций пролетписателей для участия в выполнении постановления ЦК ВКП(б) о транспорте.

Секретариат МАПП отмечает необходимым:

1. Вменить в обязанность всем литкружкам и районам отправку бригад, по примеру Тулы, Электрозавода и Прометлитературу, в прикрепление их к железнодорожный узлам, депо, мастерским и т. д., в районах.

2. Выпустить в ударном порядке сборник о транспорте.

3. Создать в районах сквозные бригады по проверке участия литкружков в этой работе.

4. На очередном заседании секретариата заслушать отчеты районо о райАПП о проделанной работе в помощь транспорту.

ЗАПАДНАЯ АССОЦИАЦИЯ МОБИЛИЗОВАНА

Смоленская ассоциация об'явила себя в полном составе мобилизованной на транспорт для осуществления средствами литературного творческого показа постановления ЦК партии и Совнаркома о транспорте.

Ударная бригада ЗОАПП немедленно приступила к работе на Смоленском железнодорожном узле. В поход за здоровый железнотранспортный быстро включился ряд рабочих литкружков (Смоленск, Унеча, Новозыбков, Клинцы, Ржет, Осташков).

В ударно-ударном порядке в чрезвычайно короткий срок был подготовлен к печати сборник.

Рабочий молодняк смоленского железнодорожного узла решил в ответ на клеветнический, об'ективно контрреволюционный выпад поэта Осина, в ответ на его «Осинстрой», емкими литружковцами отремонтировать досрочно паровоз, написать книжку об ударной работе на транспорте. Разве это не прекрасный образчик подлинно-ударной работы начинающего рабочего-писателя?

В сборнике участвует ряд начинающих писателей-рабочих, являющихся ударниками на транспорте. Это — большое достижение ЗОАПП.

Было бы слишком бахвальством, чванством считать, что наш сборник отражает все важнейшие узловые вопросы перестройки транспортной работы. В нем очень немного материала о роли партийной организации в ликвидации прорывов на транспорте, в нем мало говорится об опыте ударников железнодорожного транспорта, об овладении техникой, о ликвидации обезлички, о введении сдельной оплаты. Эти пробелы и недочеты сборника об'ясняются тем, что он был подготовлен в продолжение одной декады. Они об'ясняются главным образом тем, что мы еще недостаточно перестроились и недостаточно воспитали кадры творческого рабочего актива.

Наш сборник является посильным вкладом пролетписателей Западной области в дело перестройки переведения на рельсы ударности железнодорожного транспорта. Наш сборник свидетельствует о развертывающейся, о продолжающейся перестройке нашей ассоциации, о ее большевизации.

Б. ЛЕПСКИЙ

БРИГАДА ПРОЛЕТАРСКОГО РАЙБЮРО НА ВАГОНОРЕМОНТНОМ ЗАВОДЕ

После постановления ЦК о транспорте Пролетарское райбюро выделило на Вагоноремонтный завод им. Войтовича бригаду рабочих-ударников с заводов района.

Прорыв захлестнул завод. Бригада начала свою работу с выявления лодырей, прогульщиков и лже-ударников. Бригада выявила худший цех завода — кузницу. Бригадой установлено также, что завод работает по плану, который не только не доведен до станка, но о котором даже не знают мастера цехов.

Обо всем этом бригада расскажет в газете, напишет частушки, очерки и эпиграммы.

Бригада правильно поняла свою задачу и взялась за укрепление литкружка на заводе, который почти не работал. Она восстанавливает литкружок, проводит дополнительный прием ударников-железнодорожников в литературу, чтобы общими силами помочь ликвидации прорыва на заводе.

БЕЛЯЕВ

Литгазета просит присылать в редакцию сводки, рапорты и творческий материал о транспорте

К ПРИЕЗДУ М. ГОРЬКОГО

СОЗДАН КОМИТЕТ ВСТРЕЧИ М. ГОРЬКОГО

Секретариат ФОСП избрал комитет для встречи Максима Горького в составе: А. Серафимовича (председатель), Л. Авербаха, А. Фадеева, Ф. Панферова, Матэ Залка, Л. Дегтярева, Г. Коренева, А. Селивановского, И. Зелинского, В. Лидина, Вс. Иванова, П. Скосырева, П. Замойского, А. Богданова, Субботина, А. Афиногенова, М. Россовского, А. Файко, Ив. Катаева, С. Маркова и П. Парфенова.

ВЫСТАВКА ТВОРЧЕСТВА М. ГОРЬКОГО

В Ленинградской публичной библиотеке открывшась выставка, посвященная творчеству М. Горького.

На выставке представлены многочисленные издания произведений Горького на русском и иностранном языках, в том числе и произведения, изданные в свое время за границей и запрещенные царским правительством. Среди рукописных материалов — письма Горького Ленину, Красину, Сун-Ят-Сену, Герберту, Уэльсу. Имеется также оригинальный эскиз «Дети солнца», который Горький писал в заключении в Петропавловской крепости.

ВАЙЯН КУТЮРЬЕ В СССР

В беседе с нашим сотрудником находящийся в данное время в Москве Вайян-Кутюрье заявил: «Мой приезд в СССР, независимо от других намерений, я рассматриваю под углом зрения того интереса, который вызывает за Западе, и в частности во Франции, пятилетний план и строительство социализма в СССР.

Основная ошибка всей информации, проникающей на Запад через буржуазную печать и молчаливо даже дружественно-шпионскую по отношению к СССР, заключается в том, что она не выстраивает мировоззренческих вопросов и уделяет слишком много внимания «романтической» стороне Октябрьской революции.

Я хочу подойти к этому вопросу по-деловому.

Перед лицом промышленного и аграрного кризиса, охватившего всю Европу, я хочу показать, что коллективизация деревни и социалистическое строительство СССР являются основой не только новой хозяйственно-экономической системы, но являются и базисом для строительства новой культуры, которая идет на смену культуре буржуазной.

В нашем центральном органе «Юманите» мы должны уделять все наше внимание текущим боевым задачам, актуальным политическим вопросам. В ожесточенной классовой борьбе, перед наступлением пролетариат, который не останется никакими средствами в своей борьбе с возрастающим революционным движением пролетариата, у нас нет полные возможности освещать некоторые вопросы во всей их полноте.

А между тем эти проблемы культуры и нового мировоззрения, вытекающие из марксизма-ленинизма, имеют громадное значение, особенно в свете реакционной практики пролетариата СССР.

Мы должны использовать расслоение мелкой буржуазии и кризис мысли европейской интеллигенции, чтобы в какой-то степени привлечь на нашу сторону некоторые попутнические элементы.

Большую роль в этом отношении, думаю, сыграли последние статьи и письма Ромэна Роллана.

В своем репортаже и книге, которую я напишу о СССР, я хочу одушевить, обосновать, если можно так выразиться, статистику. Цифры — это хорошо, но показать живого действенного ударника, показать работу рабочих бригад, развернуть картину огромного строительства, охватившего всю страну, это будет еще лучше. Я хочу показать нового человека в его взаимоотношениях с новой хозяйственной структурой в городе и деревне.

А этот новый человек уже есть, я его наблюдаю каждый день. Со времени моего последнего приезда произошли огромные перемены. Строительство социализма и его приближение во все углы советской действительности, это не только основная магистраль пятилетки. а действенный реальный факт. Недаром писательский план вызывает такую панику в среде европейской буржуазии. Цель моей книги, которую я готовлю, это показать этот план осуществленным, живым, показать его в действии.

К ГОДОВЩИНЕ СМЕРТИ В. В. МАЯКОВСКОГО

В середине апреля Литературный музей при Ленинской публичной библиотеке открывает выставку, посвященную творчеству В. В. МАЯКОВСКОГО.

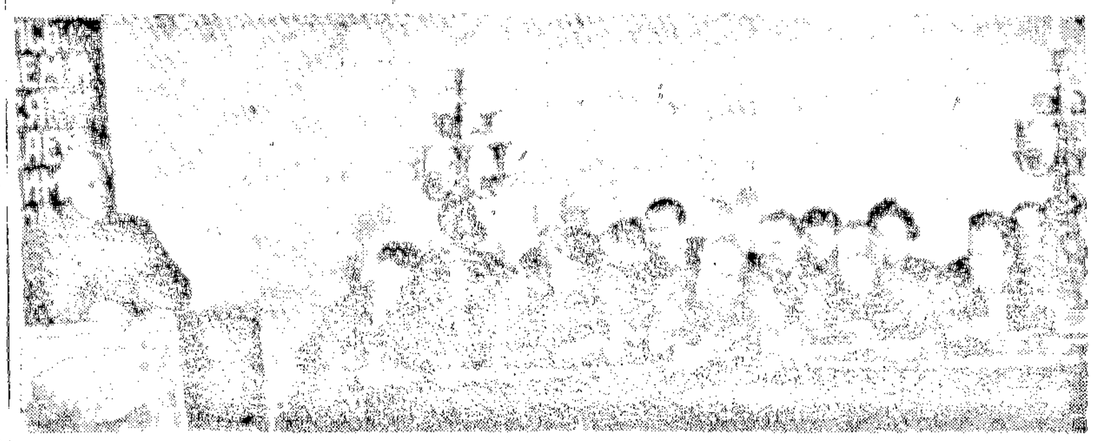
В настоящее время передвижная выставка творчества МАЯКОВСКОГО об'ехала Свердловск, Пермь, Казань, Нижний-Новгород и возвращается в Москву, где будет переконтирована и вновь направлена в провинцию.

ПИСАТЕЛИ ГОТОВЯТСЯ К ПЕРВОМУ МАЯ

Первомайская комиссия ФОСП мобилизует 75 писателей для выступления на фабриках и заводах, в рабочих клубах, на площадях и в театрах 30 апреля, 1 и 2 мая.

Первомайская комиссия ФОСП обращается ко всем писателям, драматургам и клубным авторам с просьбой написать инсценировки, стихи, рифмованные лозунги к 1 мая. Материалы необходимо к 20 апреля представить в комиссию ФОСП т. Крутикову.

НА ПЕРВОМ ПЛЕНУМЕ ЦС ЛОКАФ



Президиум пленума

От нашего корреспондента

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЛЕНИНГРАД

9 Балансы издательства писателей. — Рецепт качества. — Достижения и прорывы. — Реакционное выступление писателя Крюковского. — Сохранить самостоятельность издательства

Марка «Издательство писателей в Ленинграде» всегда означала высокое качество книжной техники. И не всегда — идеологическую доброкачественность книги.

Годовое собрание пайщиков кооперативного товарищества, рассмотрев, как это требует устав, блестящий бухгалтерский баланс, проанализировало годовой литературно-политический баланс издательства.

***

Цифры и факты, сообщенные собранию зав. издательством т. Аленским, разоблачают несостоятельность «об'ективных причин», которыми так охотно маскируют прорывы некоторые госиздательства, хотя бы тот же ГИХЛ, занявшее «почетное место» на страницах последних номеров «Литгазеты».

Производственные условия у кооператива писателей во всяком случае не лучше, чем у ГИХЛ. Но писательское издательство сумело в 1930 г.: **увеличить выпуск книг** на 77 проц., в общий тираж—на 89 проц.; **снизить себестоимость** каждого листа-отпечат.; **увеличить** авторский гонорар и **снизить** типографские расходы; более компактным набором добиться **экономии бумаги**; добиться **полного отсутствия брака**; **сократить срок производства** книги—от поступления рукописи до поступления на склад — до 2—3 месяцев; **снизить накладные расходы** до 6 проц. (норма, установленная комитетом по делам печати—13 проц.). **Чистая прибыль издательства за год—27.000 рублей.**

— По оформлению книги, — говорит М. Чумандрин, — «Издательство писателей в Ленинграде» заняло ведущее положение в советском книгопроизводстве.

— В отличие от книг ГИХЛ, — отмечает и Юр. Либединский, — каждая книга издательства писателей заставляет уважать себя за внешность, заставляет бережно к ней относиться. — Издательство,—подчеркивает и В. Шкловский, — показало, как можно хорошо издавать книги.

***

Один из рецептов качества раскрыт, между прочим, в ответном докладе представителя издательства К. Федина. Культпефическая работа писателей среди типографских рабочих,—то, что предлагала в свое время член ЦК бумажников-печатников Л. Сейфуллина,—включена в практическую работу кооперативного товарищества; издательством и обслуживающей его типографии им. Соколовой организованы помощь заводской газете, руководство литкружком, литконсультация в цехах, литературные вечера в клубе типографии и т. д.; издательством выпускаются две книги рабочих типографии.

***

М. Козаков сделал обзор продукции издательства за год. Можно согласиться с представителем ОГИЗ Г. Сандомирским, указавшим, что внутри издательств мы редко слышим такую самокритическую оценку своей продукции, какая была в докладе М. Козакова. Действительно, М. Козаков, перечислив книги, получившие положительную оценку критики («По следам героя»—Лавренева, «Бригада рощи» — Михайлова и др.), остановился и на идеологических прорывах. Он признал ошибочным издание «Оптимистического романа»—Берзина, «Современных русских писателей»—Тарасенк, «Право на песнь»—Эрлиха и др.—Безусловная ошибка,—говорит М. Козаков, — и издание книги Добычина — «Портрет». Мы недооценили общественный эффект, который дали в среде широкого читателя все эти книги, только или неполно искаженные действительности, полная беспомощность идеологического порядка. Но присоединяясь к общественной критике по отношению к этим книгам, М. Козаков расценился с существенной критики по ряду других изданий. Он берет под защиту книги Гедрюйса — «Лих», «Кафтан», «Отрыв», Лундберга — «Записки писателя» (сборник «Северная бригада») и книгу Ел. Тагер — «Зимний берег».

Защищая книгу Ел. Тагер, М. Козаков, между прочим, заявил: «Принципиально с нами согласилась редакция «Литературной газеты», присоединившаяся к точке зрения писателей, протестовавших против вакалеврайского залета С. Бирюковского и Кина о революции (?). Напомним М. Козакову, что «Литгазета» констатируя «недозрелость» и «инфантильность начала» С. Бирюковского, никогда не соглашалась с точкой зрения писателей-авторов протеста в общей оценке книги Тагер. «Хуже всего то, —говорится в редакционном примечании, — что действительно недостатки книги Ел. Тагер остались в тексте» и авторы письма М. Козаков да др., отказавшись от использования возможности, изобличают дело так, что книга Тагер дает материал для перестройки общественных отношений Советского союза». Это утверждение тоже устарело не правильно» (Л. Г., № 17(16).

Несправедливо оценены, по мнению М. Козакова, и книги «экспериментального порядка», как например книга Вагинова. «Авторы этих книг, — говорит Козаков, — писатели для писателей, они делают лабораторную работу». На опасности такой «экспериментаторской работы» указал затем в прениях Б. Лавренев («эксперимент экспериментору розань»), осуждая выпуск книги Добычина, которую Лавренев квалифицирует как «откровенную контрреволюцию». М. Чумандрин критически разбирая продукцию издательства, в том числе и «неоднозначную» М. Козакова — «Северную бригаду».

Если признание издательства в общем признано своих ошибок, отдельные товарищи пытались замазать ошибки руководства, например, писатель Крюковский выступил с откровенно реакционной теорией:

— Если книга Берзина хороша с литературной стороны, хотя и не отвечает требованиям современности (т.-е. она идеологически вредна), издательствах могло издать. Классовая враждебность этой теории была вся тут же раскрыта М. Чумандриным.

М. Козаков, основываясь на выпуске книги Лавренева, отвергнутой ранее Госиздатом, говорил о «чуткости» Издательства писателей.

Чуткость к начинающим авторам — заслуга. Но когда издательство издает книги, отвергнутые по идеологическим соображениям государственными издательствами, как это было с книгами Гуля и Эрлиха, — оно становится ордынной для авторов, не отвечающих идеологическим требованиям.

Это подчеркнул в своем выступлении **Юр. Либединский.** — Ленинцы,—сказал он,—идут в издательство, чтобы создать смычку молодых писательских сил, об'единенных издательством с пролетарскими кадрами советской литературы, с ударниками, идущими в литературу. Чтобы положить в издательстве конец разлагающему влиянию таких окопавшихся писателей, как Замятин, Юр. Либединский дал убедительный анализ вражеских сегодняшних позиций Замятина.

— **Либединский, — заявил Н. ФЕДИН, — выступил со справедливой оценкой враждебных позиций Евгения Замятина.** Но мы ждем от ленинцев не только противодействия его влиянию, но и практической, повседневной работы в издательстве.

***

Юр. Либединским, М. Чумандриным, т. Антюфеевым (рабочий типографии им. Соколовой) поставлены на собрании вопросы о более широкой связи издательства с рабочей общественностью, о привлечении рабочих-ударников как в руководящие органы кооперативного товарищества, так и в качестве авторских кадров для издательства.

Решительно все выступавшие товарищи единодушно высказались за сохранение самостоятельности издательства.

Несомненно издательство надо сохранить.

Не для Замятиных. Для новых советских авторских кадров.

Б. РЕСТ

Ленинград.

ВЕРА ИНБЕР

ТОВАРИЩУ ЭЛЕКТРОЗАВОДУ

Производства, как люди. Иные болеют,
Как, например, Кондопога.
Производства, как люди, растут и стареют.
Впрочем, таких немного.
Теперь настоящая жизнь зародилась там,
Где было мертво когда-то.
И рядом с седоусым Путиловцем
Встают молодые ребята.
И среди прочих ребят растет,
Проворнее всех почти-что,
Товарищ Электрозавод,
Хороший паренишка.
Детство, как водится, было тяжелое.
Зато теперь, здоровое куда ж,
За зиму вырос на целую голову,
То-есть на целый этаж.
Здак он вырастет скоро до звезд.
Впрочем, всегда и сегодня,
Важен не внешний, а внутренний рост,
Человек ли это, завод ли.
Но он и внутренне вырос на редкость,
Доказав это полным ходом,
Тем, что закончил свою пятилетку
В два с половиной года.

Такое задание
Просто не очень.
Чего это стоило, знает о том
Не только Булганин *
Не только партком,
Но каждый отдельный рабочий.
Все они понимали друг друга без слов,
И только глаза говорили
О том, что на теле больных цехов
Выступили прорывы.
Не шуточная болезнь,
Для которой, однако, нашлись есть.
Главное (назовем его сразу) —
Директор Электрозавода.
Рабочий энтузиазм.
Всего два слова. Но ими звучит
Великолепное свойство,
Превращающее тяжелый труд
В дело доблести и геройства.
Электрозавод этим свойством богат.
И вот подтвержденье! И вот результат!
И за то, что ты в большевистском бою
Завоевал пятилетку свою,
Товарищ Электрозавод,
Страна, как товарищу, крепко жмет
Огромную руку твою.

* Директор Электрозавода.

За пять дней

НАЧАЛО СДВИГА

Мы помещаем сегодня письмо нашего корреспондента из Ленинграда, содержащее отчет о годовом собрании пайщиков «Издательства писателей в Ленинграде». Это издательство, обладающее хорошо налаженным техническим аппаратом, в то же время отличалось явно **примиренческим** отношением к буржуазным течениям в литературе. Издательство — вместо того, чтобы стать орудием перестройки подлинно советской литературы и работать на социализм — **нередко** работало на силы, враждебные социализму. Установка издательства отчетливо вскрывается в такой, например, книге, как сборник «Как мы пишем», где под одной обложкой уместились писатели от Замятина до Либединского (последний опубликовал в печати протест против помещения его статьи в сборнике). Тенденции «нейтральности» и «аполитичности» на практике приводили к тому, что марка издательства отдавалась продукции, идеологически чуждой, а иногда и прямо враждебной социалистической революции.

М. Козаков попытался (и небезуспешно) начать самокритику ошибочных идеологических установок издательства. Однако, ни у него, ни, в особенности, у части собрания не было ясного понимания социальных корней и политического смысла этих установок. Совершенно прав был **Б. Лавренев**, выступивший против реакционной т. **Козаковым** теории «**экспериментаторской работы**». Экспериментаторство экспериментаторству — розень. Мы — **против** тех «экспериментов» и «лабораторных опытов», которые играют на руку остаткам капитализма в нашей стране. Подобные «теории» остаются широкую **лазейку** для откровенно-реакционных высказываний различных Крюковских. Смысл этих высказываний таков: издательство обязано печатать и контрреволюционные произведения, если они «хороши с литературной стороны».

Руководители издательства об'ективно окажутся на поводу у Крюковских, если для последних не будут закрыты лазейки «экспериментаторских» теорий.

Бесспорно, что собрание **может** явиться переломным в деле перестройки издательства. На такую возможность указывают выступления тт. **Федина, Лавренева**, представителей ЛАПП и частично т. **Козакова**. Однако, эта возможность будет реализована только при соблюдении нескольких условий.

Первым из этих условий является **дальнейший сдвиг в попутническом секторе** издательства. До последнего времени выступления и печати писателей-попутчиков по вопросам литературы сводились по преимуществу к защите того или иного писателя от критиков и рецензентов. Но если т. **Козаков** в годовом отчете осудил выпуск произведений **Берзина** или **Добычина**, а т. **Федин** констатировал враждебность книжки **Замятина**, — то почему бы им не выступить в печати не только в защиту **Е. Тагер**, но и в осуждение, основанное на подробном анализе, враждебной пролетариату литературно-художественной продукции?

Вторым из этих условий является **решительное усиление работы ЛАПП** в издательстве.

И, наконец, третьим условием является курс на выявление **литературного молодняка.**

Только при соблюдении названных выше важнейших условий сдвиг, намечающийся в издательстве писателей в Ленинграде, будет закреплен.

ПОЛОЖЕНИЕ НА ЛИТФАКЕ

Выходящая тревогу группа студентов литфака 1 МГУ, «Литературная газета» заинтересовалась положением на факультете и создала бригаду для обследования последнего.

В сегодняшнем номере мы печатаем первые материалы этой бригады. Вторая их часть будет опубликована в одном из ближайших номеров, и лишь тогда, конечно, можно будет сделать окончательные выводы о работе литфака. Но кое-какие предварительные замечания следует сделать уже и сейчас.

Когда несколько месяцев назад наша печать (журнал «Рост») заинтересовалась работой Литфака, то в первую очередь она столкнулась с совершенно неудовлетворительной постановкой учебы на Литфаке, а также оставляющим желать лучшего составом студентов. Сомнительно было, выйдут ли из Литфака те люди и с такими знаниями, которые нам нужны. Материалы нашей бригады показывают, что в этом отношении сейчас на Литфаке ощущается заметный сдвиг. Прежде всего, бригада отмечает удачный подбор студентов (первые семестры). Значительно реорганизована система учебы, она построена более углубленно, чем раньше, и имеет достаточную левую установку. Даже наименее благополучный творческий цикл показывает признаки оздоровления (творческие мастерские).

Очевидно внутри Литфака положение улучшается. Однако... это не содействует общему улучшению подготовки литературных кадров. Бригада дает ответ на вопрос, почему это так. Все дело в исподволь безразличном, незаинтересованном отношении к судьбе Литфака со стороны заинтересованных организаций, прежде всего, ОГИЗ. Разговоры работников последнего о том, что продукцию Литфака некуда разместить, в момент острейшего кризиса кадров и смехотворны и преступны.

ОГИЗ должен повернуться лицом к Литфаку.

ПРИМЕМ ВЫЗОВ ВЛАДИМИРСКИХ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНИКОВ

Владимирские железнодорожники обратились с призывом ко всем пролетарским писателям и поэтам:

«Многотысячных армий железнодорожников двух могучих стальных магистралей, перерезающих страну, должна знать Советская страна. Мы ждем, чтобы пролетарская литература отразила эти страницы в своих поэмах и очерках.

Дайте лучшие образцы вашего творчества, посвященные железнодорожному транспорту. **С вашим подкреплением мы сможем еще успешнее бороться за проведение в жизнь решений партии о транспорте».**

Интересы третьего решающего года пятилетки диктуют перед транспортом огромные задачи. Постановление ЦК ВКП(б) о транспорте мобилизовало внимание Советской страны на перестройку работы транспорта.

Рабочие-железнодорожники героически борются за здоровый социалистический транспорт. Но культработа на транспорте не везде еще поспевает темпам развития производства. Культработа отстает. Вызов владимирцев своевременно поставил перед пролетлитературой задачу помощи транспорту, по этой линии прежде всего.

Но до сих пор ни одна организация еще не откликнулась на этот вызов. Даже такие организации, как Сормовская литгруппа, работающая непосредственно на заводе, от которого зависит нормальная деятельность транспорта, не включились и стоят в стороне от участия в ликвидации прорыва на заводе.

Литкружок Электрозавода («Правда» от 1 апреля) правильно указывает, что «призыв владимирцев не получил должного отклика, не был использован для развернутой мобилизации писательских масс и рабочих-ударников на борьбу за оздоровление транспорта, и только отдельными организациями (Тула и др.) были высланы бригады на транспорт.

Литкружок Электрозавода правильно критикует литорганизации, и «Литгазету» и указывает на необходимость срочной мобилизации всего пролетлитературы в помощь важнейшему участку работы — транспорту.

Писательские организации должны наверстать упущенное время.

Литература должна отразить энтузиазм железнодорожников, героизм дерущихся за здоровый порядок и революционную транспорта. Писатель должен дать новое содержание клубам транспортников. Одной из основных задач писательских бригад на транспорте является проведение призыва ударников-железнодорожников в пролетлитературу.

Литкружок Электрозавода предложил литкружкам других заводов и фабрик соединиться со против единого призыва. Этот призыв будет использован для поворота литорганизаций лицом к транспорту.

ТРИБУНА ТВОРЧЕСКОЙ ДИСКУССИИ

О РОМАНЕ А. ФАДЕЕВА

„Последний из Удэге“

Творческая дискуссия должна все в большей мере основываться на внимательном анализе конкретной художественной продукции. Лозунг «Лицом к конкретной критике» есть лозунг нового этапа творческой дискуссии, которая должна охватить также продукцию пролетарско-колхозных и попутнических писателей.

Мы помещаем в порядке дискуссии статью В. АЛЕКСАНДРОВА о романе А. ФАДЕЕВА «Последний из Удэге». Статья помещается нами в сокращениях (полностью она печатается в ближайшем номере «На литпосту»).

Понятно колоссальная тема романа, пытающаяся охватить (как видно это из предисловия автора) такие сложные теоретические вопросы, как первобытный коммунизм родового строя, неизбежность его гибели под влиянием новых отношений экономического и социального неравенства, классового деления общества, эксплуататорская, эксплуатируемая на всевозможных классах работа и насилия, сущность этих новых отношений, переход снова к коммунистическому обществу, но организованному на иных, неизмеримо более высоких основах, переход к нему через пролетарскую революцию, диктатуру пролетариата—это важнейшие проблемы марксистско-ленинской теории общественного развития, которые, как в бывшее, нашли свое особенно яркое выражение возмущение в нашей революции, это—вполне исторически-актуальная, но все еще не разработанная тема. Именно с этой точки зрения надо подходить к роману Фадеева, и тогда отпадает всякая возможность поверхностной «критики» за «забытый» сюжет гражданской войны и тому подобные «смертные грехи». Событии, описываемые в романе, развертываются весной 1919 года в самый разгар партизанского движения. Что же является тем фокусом, в котором сходились все линии классовой борьбы в то время? Это был военный союз пролетариата и трудового крестьянства против помещиков и всякого рода городской и деревенской буржуазии. Этот этап начался с переходом брестерской революции в деревню, который, по словам Ленина, произошел осенью летом и осенью 1918 года.

Классовая борьба протекала не только в открытых боевых столкновениях, на фронте, она шла внутри каждой деревни, каждого города, везде и всюду, в явной и скрытой форме, необычайно сложная и многообразная. В задуманном Фадеевым показе больших и сложных социальных процессов, о которых он говорит в своем предисловии, именно она, эта классовая борьба, должна была занимать центральное место. Здесь особенно следовало запомнить слова Ленина о теории Маркса, которая «научила видеть под покровом укоренившихся обычаев, политических интриг, мудреных законов, хитроблистательных учений — классовую борьбу» («Наша программа» — третий ленинский сборник). Но у Фадеева этот важнейший ленинский принцип принял какой-то однобокий характер.

Фадеев на протяжении всего романа решительно разоблачает влияние романтические иллюзии о действительности, которые с особенной яркостью обозначены в образе интеллигентского мальчика Сережи, сына врача, примкнувшего к партизанскому движению.

Отправляясь с Мартемьяновым «по делам» и туземным симпатиям провидеть выборы на областной повстанческий съезд, Сережа ехал в этом походе лишь романтических приключений, героических подвигов, которые должны были окружить его ореолом неведомой силы. Но жизнь с неумолимой жестокостью разбивала эти восторженные фантазии на каждом шагу. И этот больной и мучительный процесс постепенного вырастания краха Сережиных иллюзий о действительности показан Фадеевым необычайно тщательно, художественно ярко. По романтические фантазии по поводу действительности, это поверхностное представление о ней, эта существующая лишь в мечтах жизнь есть упрощенная жизнь, лишенная ее действительной сложности, ее живого многообразия. Именно доказать, что действительная жизнь лучше и прекрасней романтики,—в этом состоит задача. Показав очень хорошо всю фантастичность Сережиных фантазий, Фадеев в то же время самую-то реальную действительность показал слишком простой и однообразной. Но благодаря этому получается впечатление, что сам он зачастую не идет дальше тех же субъективных представлений Сережи, только уже разочаровавшись в былых мечтах, что он не преодолевает тем самым образа Сережи.

Факты: поход Мартемьянова и Сережи имеет такую общую характеристику:

«И везде повторялось одно и то же: они пили, ели, спали, собирали митинги, говорили иностранные революционные слова... В результате их речей, в каждом селении появлялся новый лесогат на съезд и новый партизанский завод, там, где он еще не был организован».

Поразительно просто, быстро и легко.

Да, но ведь это представление Сережи, который не замечал и не хотел видеть реальной действительности? Возможно, что это так. Но если ее не замечал романтический Сережа, то ее должен был заметить Фадеев.

Характеристика классово-антагонистических сил дается Фадеевым внешне, город в целом противостоит деревне в целом. Вот Фадеев показывает уездный городок Ольгу, куда вступает Сережа с Мартемьяновым:

«Население, как видно, не сочувствовало восстанию: окна большей частью были закрыты ставнями или затянуты белыми занавесками, из-за которых выглядывали на событий дай напуганные женские лица, и то тотчас же прятались. Тут жили мелкие торговцы, промышленники, владельцы рыбаков, заботливых шхун. Более крупные из них эвакуировались с белыми, и в их домах расквартировались теперь партизанские части». Такова же общая, не менее поверхностная, чем первая, картина большого села «дворов за семьсот» с железными, деревянными и соломенными крышами», которые, очевидно, должны были свидетельствовать о весьма различном экономическом положении живущих под ними людей. Но, несмотря на эту очевидную экономическую разницу, деревня предстоит перед нами социально неподвижным организмом, который в целом противопоставляется уездному городу, такому же единому. О той непримиримой, самой упорной и жестокой внутренней борьбе, которая, по словам Ленина, шла «по самым глухим закоулкам деревенской России», об этом никакого представления не дано. Но ведь «самый разгар партизанского движения» как раз и означал такую борьбу.

Вспоминая все виденное за последний месяц и сравнивая это с образами людей старой жизни, о которых говорили Мартемьянов, Сережа подводит итог:

«Жизнь их (сегодняшних людей, тех, которые действительно «чисельми страду», а не созданных его воображением —Б. А.) не стала счастливее, чище, — они попрежнему дрались на корку хлеба, не уважая и обманывая друг друга, — жизнь их была жестока и отвратительно несчастна».

Но это опять только мнение Сережи? Да, но если принять во внимание, что данная самим Фадеевым действительность не в силах разбить это мнение, так как в ней тоже почти не показаны реальные перевороты, произведенные революцией, то объективно получается так, что это мнение можно отнести не только к Сереже, но и к самому Фадееву. Показ объективной действительности оказался на поводу у показа личности, который разросся до отдельной самостоятельной темы.

В предисловии Фадеев говорит, что ему «не так важно было дать точную картину жизни именно данного периода, сколько дать художественное изображение общего строя жизни и внутреннего облика человека нашего родного быта». И Фадеев дает действительно художественное изображение, рисуя очень ярко и правдиво характерные черты этого родового быта удэгейцев. Но вместо того, чтобы вскрыть изнутри всю противоречивость удэгейского быта и положительных его сторон показать их самопротиворечие, Фадеев механически разорвал это единство и противопоставил исключительно положительный показ исключительно отрицательному, причем для этого ему и понадобилось ввести некоторый внешний по отношению к данной действительности момент в образе Сережи, через который (образ) и проведена отрицательная характеристика быта Удэге. Здесь наглядно выступает примат личности над объективной действительностью, так как именно при помощи личности, ее субъективного содержания Фадеев раскрывает противоречия объективного мира. Если пристальней всмотреться в фигуру людей, нарисованных Фадеевым, мы увидим, что, как и в показе общей классовой практики, ее глубокая и сложная сущность почти им не раскрыта, так как и здесь, в раскрытии субъективного содержания отдельных переживаний — сущность их, как конкретных проявлений этой общеклассовой практики, выступает чрезвычайно слабо и бледно.

У Фадеева существует даже определенная тенденция — разграничить человеческие отношения на классовые и какие-то «внеклассовые», «общечеловеческие» отношения. В этом смысле очень показательна авторская характеристика комиссара партизанского отряда Сени Кудрявого.

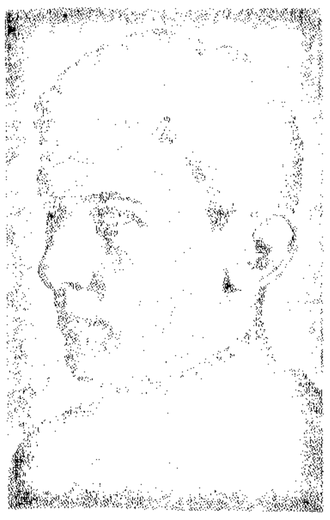
В разносторонней Фадеевым на две половинки человеческой сущности—на классовую и просто человеческую—последняя дана нам ярко, развертывается в широком художественном показе и благодаря этому логика данного так образа неизбежно приводит к победе этого «общечеловеческого» над классовой сущностью человека. «Обычные, простые человеческие отношения» задавливают классовую сущность человека, искажают действительные социальные связи. Так поверхностно представления порой касается всю глубокую сложность явлений и на этом участке действительности.

Несомненным воплощением этого служит также следующий, характерный для Фадеева прием: наиболее острые и сложные внутренние коллизии личности Фадеев раскрывает обычно на фоне природы. Это означает, что в естественном, природном начале пытается Фадеев искать разрешения людских тревожений, а не в соответствующих социальных ситуациях.

Однако, все эти построения разбиваются как будто таким возражением: «Ведь были же такие люди, как Боярин, Лоза, Бусыря, Сеня Кудрявый и т. п. Почему же их я не показать таким, каким они были? Возможно, конечно, что такие люди существуют на свете. Но ведь писатель берет типическое, его действующие лица — типологические обобщения, их психология — «психология целых общественных классов» (Плеханов). Будет ли верно представление о крестьянстве того периода революции, составленное на основе образов Боярина и Лозы? Нет, не будет. А верно ли будет представление о партизанском отряде, его рабочем ядре по таким образам, как Бусыря, Сеня Кудрявый? Нет, не верно. Между тем именно Боярин, Лоза, Бусыря, Сеня Кудрявый — ярко и широко развернутые образы романа.

Однако, у Фадеева несомненно есть и очень типичные образы. Таков, например, Сурков — предреволюм, руководитель партизанского движения. Сурков — это единственный настоящий руководитель, это вождь. От чувал человеческих слабостей и сомнений, он—человек дела, прежде всего. Вот единственная фигура сознательного руководителя и вождя. В ней налицо определенные элементы идейности и цельности.

В таком же плане дана и другая фигура, занимающая классово-антагонистические черты,—фигура Казанка, дополняемая отчасти фигурой его сына — партизана. Мы видим у Фадеева ясное деление людей на сознательное большинство и ярых вождей. Характерно следующее место из «Разгрома», сохранившее полностью свою силу и для «Последнего из Удэге»: «Техникой глубоко



А. Фадеев

верия в то, что движет этими людьми (партизанами его отряда—Б. А.) не только чувство самосохранения, но и другой, не менее важный инстинкт, скрытый от поверхностного глаза, несознанный даже большинством из них, по которому все, что приходится им переносить, даже смерть, оправдано своей конечной целью и без которого никто из них не пошел бы добровольно умирать в Улахинской тайге. Но он знал также, что этот глубокий инстинкт живет в людях под гнетом бесконечных маленьких, повседневных, часто мелких потребностей и забот о своей такой же маленькой, но живой личности, потому что каждый человек хочет есть и спать, потому что каждый человек слаб. Обремененные непосильной мелочной суетой, чувствуя свою слабость, люди как бы передоверили самую важную свою заботу более сильным, вождю (комиссара, Бастакова, Дубова». (Подчеркнуто мной. Б. А.).

Вот где ключ к раскрытию фадеевских образов. Теперь понятно, почему в большинстве человеческих образов у Фадеева так слабо проступает их классовая сущность. Она — лишь инстинкт, не менее важный, чем чувство самосохранения и живущий рядом с ним (вот откуда и разъединение личности). Но и эта глубинная классовая сущность погребена под грузом каждодневных, насущных своих потребностей и забот о своей маленькой жизни. Так как именно они, эти заботы, составляют основное для большинства, то их и надо показывать особенно ярко. Но ведь такое представление о большинстве, о массе ничего общего с теорией Маркса—Ленина не имеет. Оно свидетельствует о том, что разобщенными Сережиными мечтами о романтических героях, о вымышленных серой толпой. Фадеев не смог противопоставить реальных, объективно существующих людей и их подлинной глубокой классовой сущности, и тем самым не преодолел образ Сережи, тяготеющего над ним. Вот в этой мнимости таким образом Сережи — основной и решающий вывод для творчества Фадеева, представленного первой книгой его нового романа. Что же конкретно означает этот вывод? Он означает и плавно неизбежное преобладание мелкобуржуазных, антиклассовых настроений, вплоть до «индивидуалистической» отсебятины. Он означает и более или менее целый ряд существенных отклонений от методы диалектического материализма. Ошибки Фадеева тем опасней и тем, что реальная практически разработанная тема романа пока еще далеко не соответствует глубокому замыслу Фадеева.

Все эти ошибки свидетельствуют также о полной несостоятельности демагогических выводов героев бывшего «Литфронта» против «единого» установленного показа действительности, против показа всех людей без всякой их классовой дифференциации, этих выводов, которые делают сейчас Авербах, Киршон и другие.

Выступая на открытии т. АРТ. ХАЛАТОВ отметил колоссальное значение книжно-журнального дела в СССР, опередившего в этой области все другие страны.

Перед нами сейчас период, характеризуется тем, что, с одной стороны, возрастают потребности пролетарских масс в книжной продукции, с другой стороны, наши издательские возможности чрезвычайно ограничены. ВЫСТАВКА КНИЖНЫХ НОВИНОК ДОЛЖНА ДАТЬ ВОЗМОЖНОСТЬ АКТИВУ ДОМА ПЕЧАТИ, РАБКОРАМ И ШИРОКИМ РАБОТНИКАМ ПЕЧАТИ БЫТЬ В КУРСЕ КНИЖНОГО ПРОИЗВОДСТВА И ПОВЕРНУТЬ РАБОТУ ИЗДАТЕЛЬСТВ ПИРОКОЙ САМОКРИТИКЕ.

СКАЗ

ВЫСТАВКА КНИЖНЫХ НОВИНОК

В Доме печати открылась 5 марта постоянная ВЫСТАВКА КНИЖНО-ЖУРНАЛЬНЫХ НОВИНОК, организованная правлением Дома печати и ОГИЗ.

Выставка разбита на ряд отделов: «Техника», «Ленинизм», «Пятилетка—в четыре года», «Оборона СССР», «Художественная литература» и т. д. Каждые две недели выставка будет пополняться новыми экспонатами. Двухнедельная продукция ОГИЗ, регистрируемая сейчас на выставке, составляет около тысячи книг.

***

Среди книг

КЛАССОВО-ВРАЖДЕБНЫЙ РОМАН

МИЛИЙ ЕЗЕРСКИЙ. Золотая баба. Роман. Федерация. 1931. Стр. 323. Цена 2 руб. 25 коп.

Как часто наша критика с завидным темпераментом обрушивается на произведения, достойные, в сущности, лишь весьма скромных оценок, и одновременно проходит мимо вещей, классовые пороки которых требуют суровой и решительной оценки. Невежественные и несправедливые наскоки дилетантов отталкивают от марксистской критики многих писателей, приучая их выражать свое отношение ко всяким резким суждениям презрительным пожиманием плеч: «Всех ругают, все равно не угодишь». И карты путаются: под неистовые вопли махаевских критиканов тихо, как «рыбка подо льдом», проплывает в читательские массы литература, классово чуждая и просто вредительская. Незамеченно и значительным явлениям литературы и вульгарная критика случайно нападающих под руку книг, в сущности говоря — две стороны одного и того же явления,—бедности и скудости нашей критики. И то и другое одинаково вредно.

Перед нами роман Милия Езерского «Золотая баба». Это уже не первая книга автора. Мы не знаем сколько-нибудь решительных высказываний критики по поводу творчества Езерского. Недавно М. Горький похвалил этого писателя за то, что он в числе прочих «мастерски рисует жизнь и быт тех времен, которые жили безвестно», а теперь «разбужены властной рукой революции от сна веков». Это верно. Самоеды разбужены от «сна веков», и Милий Езерский пишет о самоедах. Но что же он пишет?

«Золотая баба» является продолжением романа «Самоеды». Героем и первой, и второй книги оказывается некто Исленьев, юнкер белогвардейской армии, бежавший от большевиков на север в тундры. Этот «военный пленник снежной пустыни», этот несчастный, отверженный обществом человек, обладает всеми свойствами романтического изгнанника. Он благороден, храбр, силен, умен, красив, суров и нежен. Он является к самоедам как представитель высокой культуры и покоряет их незыблемостью своего существа. Он спасает сына одного из самоедов, и счастливый отец усыновляет отважного капитана и делает его владельцем громадных оленьих стад. Исленьев входит в самоедскую жизнь желанным гостем. Глубокой и нежной любовью он любит жену свою Перибте и страдания его безмерны, когда она умирает от сыпного тифа. Но он находит другую. Это тем более легко, что, судя, опытность в охоте, стрельба из лисьих глаз, благородное сердце и стальная воля, а также роскошная борода и плотная фигура делают его кумиром всех самоедских женщин на протяжении всех тундр и стран романа. После долгих приключений, в которых герой проявляет множество привлекательных качеств, он получает от автора заслуженную награду: красивую, любящую жену, всеобщее обожание и гражданские права оленей.

Самоеды в романе представлены почти исключительно богатые. Среди них есть и нищие, но главное большинство—честные, добрые и весьма порядочные люди. Самоеды Езерского — народ, пользующийся всеми благами примитивной, но здоровой жизни. Влияние разрушающих «соблазнов» еще не проникло в тундру. О нем лишь иногда проходят слухи, рождающие в сериях «ужас», а в романах — планы спасения стад. Чувства Исленьева, бывшего ненавистью к большевикам, вполне разделяются всеми персонажами романа, и в этом отношении мы наблюдаем трогательную спайку национальности Севера с белогвардейщиной. Лишь один из самоедов решается заменить законам своих племен и перебегает к красным. Но автор дает понять, что переход этот совершился главным образом по причинам... религиозным: самоед хотел, повидимому, добыть, при помощи красных, священный фетиш самоедов — пресловутую «золотую бабу». Столь же двусмысленно отношение автора и к самоедским шаманам — этому оплоту косности и реакционности северных окраин. Во всяком случае можно смело сказать, что Езерский убежден в их исключительности, в их горячей вере; что же касается их жадности и стремления к богатству, то по роману получается, что они, пожалуй, заботятся о мирских благах также из побуждений бескорыстных, имея в виду прежде всего интересы «великого Нума» (самоедского бога).

Итак, Езерский действительно написал о самоедах. Он действительно взял тему, которая до сих пор почти не была тронута нашими писателями. Но значит ли это, что он сделал чуждое для советской литературы дело? Быт народа, забронированного в полярный круг, жившего в первобытной дикости, грязи и бескультурье, слепо поглощенного в мракобесные верования шаманов-колдунов, раздираемого борьбой за обладание стадами оленей — единственного материального достояния в тундрах, — этот быт показан как влияние, исполненная невероятных приключений в стиле Пьера Безухого, жизнь декорирована его в красивом белогвардейского офицера, пришедшего на север, как героический изгнанник, как высшее существо среди несчастных и покорных дикарей.

Быть может, автору кажется, что там за полярным кругом, замерзают законы революции? Что, забросив героя так далеко, можно спокойно позабыть всю обстановку страны, которая остается где-то за горизонтом, за Обдорском, и дальше на запад, юг, и восток лежать, как золотая баба, «древний пищевой, кутафьей-раскоракой — оплеванной, затоптанной в грязь, изнасилованной, нищей, неумытой». А ведь ими, этими отсталыми думает Исленьев о стране, которую он покинул, и автор никак не показывает своего отношения к его мыслям.

Окраины Союза, и особенно дальний северо-восток, как совершенно справедливо сказал Горький, просыпаются от «сна веков». Это происходит благодаря «солнцам», благодаря советской власти, которая освобождает народности севера от старорежимного гнета местных кулаков, шаманов и дикости. Не удивительно поэтому, что Езерский убежден в их исключительности, в их горячей вере; что же касается их жадности и стремления к богатству, то по роману получается, что они, пожалуй, заботятся о мирских благах также из побуждений бескорыстных, имея в виду прежде всего интересы «великого Нума» (самоедского бога).

Итак, Езерский действительно написал о самоедах. Он действительно взял тему, которая до сих пор почти не была тронута нашими писателями. Но значит ли это, что он сделал чуждое для советской литературы дело? Быт народа, забронированного в полярный круг, жившего в первобытной дикости, грязи и бескультурье, слепо поглощенного в мракобесные верования шаманов-колдунов, раздираемого борьбой за обладание стадами оленей — единственного материального достояния в тундрах, — этот быт показан как влияние, исполненная невероятных приключений в стиле Пьера Безухого, жизнь декорирована его в красивом белогвардейского офицера, пришедшего на север, как героический изгнанник, как высшее существо среди несчастных и покорных дикарей.

Быть может, автору кажется, что там за полярным кругом, замерзают законы революции? Что, забросив героя так далеко, можно спокойно позабыть всю обстановку страны, которая остается где-то за горизонтом, за Обдорском, и дальше на запад, юг, и восток лежать, как золотая баба, «древний пищевой, кутафьей-раскоракой — оплеванной, затоптанной в грязь, изнасилованной, нищей, неумытой». А ведь ими, этими отсталыми думает Исленьев о стране, которую он покинул, и автор никак не показывает своего отношения к его мыслям.

Окраины Союза, и особенно дальний северо-восток, как совершенно справедливо сказал Горький, просыпаются от «сна веков». Это происходит благодаря «солнцам», благодаря советской власти, которая освобождает народности севера от старорежимного гнета местных кулаков, шаманов и дикости. Не удивительно поэтому, что Езерский убежден в их исключительности, в их горячей вере; что же касается их жадности и стремления к богатству, то по роману получается, что они, пожалуй, заботятся о мирских благах также из побуждений бескорыстных, имея в виду прежде всего интересы «великого Нума» (самоедского бога).

Разумеется, все эти ошибки Д. Фибиха, которые в конечном счете объективно могут иметь классово-чуждый смысл, нельзя обвинять по квалификации писателя как «спекулянта-мешочника» и агента иностранной буржуазии.

Отрезки Фибиха, вошедшие в брошюру, были полностью напечатаны в журнале «Новый мир» № 3, 1930 г. Кроме того, Московское товарищество писателей, издавшее книжку, получило в свое распоряжение отзыв в культотделе Всекопромсоюза. Больше того. Замечательно, что больше половины этих отрезков т. Фибиха, которые газета «Кустарь и артель» назвала «антисоветскими», были перепечатаны на страницах... самой газеты «Кустарь и артель». Мы не знаем случая более безответственного отношения к печатаемому материалу.

К предисловию Ланарисса редакция делает примечание, из которого явствует, что местный отдел газеты собирается организовать общественный суд над книжкой Фибиха. Редакция «Литературной газеты» считает напечатание редакцией Ланарисса политической ошибкой. Мы надеемся, что редакция газеты «Кустарь и артель» признает это. С своей стороны, мы предлагаем секретариату ФОСП организовать общественное разбирательство всего этого дела. Нелепо, чтобы осталась безнаказанной демагогическая, хулиганские выходки бесответственных рецензентов, только дискредитирующих знамя существующей марксистской критики.

К.

ДЕМАГОГИЧЕСКАЯ РЕЦЕНЗИЯ

В газете «Кустарь и артель» (ст. 11 марта 1931 года) напечатана заметка некоего Ланарисса под псевдонимом «Фибих лжет». Эта заметка является отзывом на брошюру очерков т. Фибиха из жизни семеновских кустарей—«Кинокварь на золоте». Возмутительный тон критики и «громкие» сказки, которые делает автор заметки, должны привлечь внимание советской общественности. «Рецензия» Ланариса является печальным образом самого беспардонного, хулиганского шельмования писателя и выливается в политическую ликвидацию и выбрасывание из рядов литературы одного из ближних попутчиков и долголетнего сотрудника «Известий» т. Фибиха.

«Кустари семеновского района, когда к ним приехал писатель Фибих, и не подозревали, что на самом деле это спекулянт-мешочник», — так начинается «критика» Ланариса. И далее, в таком же тоне производится разбор очерков Фибиха. Брошюрка называется «энтузиастической, попово-кулацкой». Выводы ведения таковы: «Можно думать, что Фибих написал книгу по заказу госпол из Лондона и Чикаго». И дальше: «Следует немедленно организовать общественный суд над кулацко-поповской кнарой и ударить по рукам всем тем, кто осмеливается заниматься спекуляцией на трудностях нашего роста».

Брошюра Д. Фибиха размером около 2 печатных листов) была написана автором два года назад. Ее составляют семь маленьких очерков газетного типа. Они посвящены описанию технологии резки и резьбы, экспортных деревянных изделий, содержат цифровые данные о работе кустарных артелей (за 1929 год и т. д.). Автор построения затем с фотографической точностью изобразить быт хохломских кустарей и оживил свои очерки лирическими описаниями природы и встреч с людьми. Словом, это есть очерки наблюдателя, регистратора фактов по повременщику. Но эти «фактографы» и поступила автору власть службы. Все эти великие стороны, «детскими», дореволюционный быт кустаря, его пьянство, суеверие—все это решительно заслонило социалистическую перестройку кустарной деревни. То, что идет от революции (культурно-партийная работа, комсомол, и т. д.), все это оказалось у Фибиха в тени. Классовая борьба, сильное социалистического наступления — все это осталось вне поля внимания очерка. Несомненно, что такое изображение действительности объективно содержит элементы нам классово-враждебного подхода. Ошибки Д. Фибиха, проистекающие из его ложного творческого метода, на слепой недоверчивости фактами, — особенно яркими становятся теперь в свете обострившейся классовой борьбы, в разгар социалистического наступления, т.-е. тогда, когда очерки Фибиха оказались собранными и выпущенными отдельной книжкой.

Разумеется, все эти ошибки Д. Фибиха, которые в конечном счете объективно могут иметь классово-чуждый смысл, нельзя обвинять по квалификации писателя как «спекулянта-мешочника» и агента иностранной буржуазии.

Отрезки Фибиха, вошедшие в брошюру, были полностью напечатаны в журнале «Новый мир» № 3, 1930 г. Кроме того, Московское товарищество писателей, издавшее книжку, получило в свое распоряжение отзыв в культотделе Всекопромсоюза. Больше того. Замечательно, что больше половины этих очерков т. Фибиха, которые газета «Кустарь и артель» назвала «антисоветскими», были перепечатаны на страницах... самой газеты «Кустарь и артель». Мы не знаем случая более безответственного отношения к печатаемому материалу.

К предисловию Ланариса редакция делает примечание, из которого явствует, что местный отдел газеты собирается организовать общественный суд над книжкой Фибиха. Редакция «Литературной газеты» считает напечатание редакцией Ланариса политической ошибкой. Мы надеемся, что редакция газеты «Кустарь и артель» признает это. С своей стороны, мы предлагаем секретариату ФОСП организовать общественное разбирательство всего этого дела. Нелепо, чтобы осталась безнаказанной демагогическая, хулиганские выходки бесответственных рецензентов, только дискредитирующих знамя существующей марксистской критики.

К.

НИК. АСЕЕВ

МОИ ЧАСЫ УШЛИ ВПЕРЕД

„Мои часы ушли вперед“ посвящена роду осторожного роста творческих достижений советского писателя

РЕДАКЦИЯ ЖДЕТ ОТКЛИКОВ НА ЭТО ПРИЗЫВНОЕ т. АСЕЕВА.

Этот разговор, записанный в вагоне на перегоне большого пути, — разговор об изменениях, происходящих у всех на глазах и потому мало замечаемых. Неустойчивость его темы, ее размягченность объясняется быстротой времени, изнеобретенного вдруг невиданные калоши. Одна есть часть обгоняет другую точно на быстром полете на глазах перерождаемый пейзаж. Те, кто не знал других времен—застойных, недвижных, только зодя в болотном окне,—не имеют возможности сравнения. Для них и записан этот разговор.

— Мои часы уходят вперед. Я купил их в распределителе по ордеру. Они собраны уже на советской фабрике. В первый же день хода они ушли вперед на двадцать минут. Ничего. Я доволен своими часами. Пусть только они не отстают. С ними я не спадываю.

Бывают годы, когда дети растут медленно, поглядясь на глаза все в тот же возраст. Три. Пять. Десять лет. Бывают десятилетия, когда власти стоят скучно и авторитеты непоколебимы — год в год все стоит на семь этажей. Афинские столбы не меняют своего ритма сурово. Людские биографии движутся медленно, прочно пробираясь к цели в лесах подчиненности и слепых. Времена записей и прописей, тетрадей в дорогу, накопления, притязания, осторожного расчета. Вода времени зачищает мелкой галькой рястои раздробленных стремлений, выгод, перспектив. Стремления эти — не однодневны, перспективы узки, плечисты и не растворимы. Насыщенный ими раствор делится на кристаллики отдельных судеб, дней, событий. Родители строят планы для своих детей, сообразно накопленному ими опыту. Кем сделать Ваню: профессором или инженером, служащим или музыкантом? Сапожники и профессоры, инженеры и музыканты ведут свои расчеты на длительности своих адресов, на прочности взаимных связей. Клиент, потребитель, только рынок — все прочно зацементировано, известно, закреплено. Связи, не имеющие результата, слепы — вырастают прочные кости. Дедка за репку, бобка за дедку, внучка за бобку и репку, личного благополучия бывает выдергивает из земли, попадая в навар собственных щей. Сообразно с этим разнокалиберным опытом, с различны ми выгодами и расчетами — отпирают институты профессий. Что важно обществу этих времен? Сохранить, не нарушив, взаимоотношение, взаиморасположение верхних и нижних слоев, верхних и нижних кристаллов в растворе. Удержать их в равновесии по отношению друг к другу, чтоб балласт верхних был равен сопротивлению нижних. Часы солидно валют огромные лунные маятники, и если и разрывают время, то с хрипом, похожим на рыдание. Времена призвания, мнения, подвижности, тишины, календарных листиков, забывчивых быть отодранными, привычательных поговорок, опознания, отсеивания, задержки. «Неспешишь — людей насмешишь». «Тише едешь—дальше будешь». «Семь раз отмерь — один раз отрежь». «Спеши медленно». «Спеши на день — хлеба бери на неделю». «Скоро только блох ловить». Времена осадисти, осадчивости, осадки. Тихого грома, начего замаха, прочно вложенных клинье. Древние дни перегорожимых традиций, когда солнечный заяц прыгает в ясной не полосе, как конь в назначенному месту. Времена исхоженных тропинок, уложенного в уклады сарбо, переставление напольных часовенных времен. Времена как стремена, удерживающие равновесие усилиется на их бо тожью спину класса. Равнодушная рысь неспешного обязательного прогресса. Мохнатые копыта, подкованные железом, хлухо ухающим и вколю убитый человеческий грунт. Времена, а не время, разложенные, размноженные на презрительно безнадежные усмешки скептицизма. Времена обособленных качеств, сохранивших свою самодель, похожую на безумие.

Я знал человека, профессия которого была быть добрым. Его лицо стало синим от многолетней потуги: сохранить во что бы то ни стало это качество во всем его чистоте. — ради него самого. Чтобы не дать заморочить драбной кеже этой доброты, он приманивал ее всевозможными литературными матчами, читательными поучениями. Он окликал ее всяческими притираниями культуры. Здесь были и Достоевский, и Шиллер, и Франциск Ассизский. Но доброта его взад и морщилась на глазах у всех. Он не умел сделать ничего, что оказалось результатом его доброты. Он боялся почать ее и распечатать. Он накопил ее, как тепло в парнике, в котором становилось уже невыносимо дышать.

Я знал другого, целью жизни которого было остаться чистым. Прошли времена и — как завозилась и зажелтела его постоянная, несменяемая чистота. Он стал напоминать морскую свинку в своей омерзительной бемине. Он почти не двигался, чтоб не замечаться, и молчать его движений, тщедушие его беспокойства стали похожи на дрожь паралитика. Я знал людей горьких, как миндаль, отравленный сильной кислотой одиночества. Им с детства была привита привычка бояться общества, которое было полито им только как ласкою хитрого мошенничества над простодушным большинством. Эти отдельные черты биографий, эти карликовые усилия окинать себя, свой бедный рост вне времени и климата на окружающего. Вся история интеллигенции, расщепленная между молотом и наковальней. знакома мне, как линии собственной ладони. Почва, глухо придавленная памятниками и мавзолеями чужой культуры. Законодатель в границы логик, привычек, убеждений. Непреодолимость этих границ як на яву, ни во сне. Тогда начинается бред и сказки о находящемся за ними. Осел Ануся начинает бродить по улицам в поисках воцелуя. Гуттаперч — та превеличивает, то преуменьшает размеры роста человечества. Он уходил от него в государства вечных островов и в претены Гуриятов. Еще неизобретенная подводная лодка Наутилус начинает рассекать плотность остеклянивших глубин. И наконец:

«Наш бог — бег, сердце — наш барабан».

Против них, против нарушителей покоя, взрыватели смысл, истопников спокойствий и сплек—в противовес им всегда стоят монументальные хранители типизны. Они вооружены более тяжелым оружием — консервативным вкусом, патриархальностью, мироторговой тишиной, оружием силы, стоящей у таких за спиной, силы привычек, выгоды, накопленной мудрости тысячелетий. Диккенс и Толстой выходят на большую дорогу человечества, должась поперек ее всей мясистостью своего веса, всей тяжестью своего авторитета. Кулацкий Самосад писатели хлебает вновь и маленький жерновок. Он разрушит эти стены, сорвет с мест эти колонны, но под ними погибнет и сам.

Тогда начинается другой счет времени.

«Наш бог — бег, сердце — наш барабан».

Мелочисло, в пыль, в прах, в гребень и обломки рушатся своды старой культуры. Пыланием жизни слетают и стираются старые умыслы и понимания. Тускнеют, жухнут, выгорают в «ремни и сплав прошлого. Без под действием начинко-ядовитых химических соединений разрыхляется и воздушную пищу нашу самые твердые бревенчатые засовы старины. Цепи из белого металлит и регулятора в ухах, вместо старой человек шутки и изощрений между пальцев иного времени. Это не все племя класса забирает с руки все рычаги управления, действия, власти. Оно заканчивает их, сменяет сплит за плитой ход, создавая свои законы и вкусы. Результат прежде: «Тише!» «Ой, ой, довольно!» «Остановись!»

Из маленьких и незначительных усилий, сведенных в одну гранату коллективных рук, действует сперва и успешно. Первый трудный рывок переходит в нарастающую дробь шагов, и вдруг, вспущенное на полный ход, паровоз не может остановить, как сам с собой, как с людьми, с их верой и новой волей стихийных дней. Вот тут-то и зарвесть, вот тут-то и *остановиться* и подсчитать по всем частям, по всем статьям, скрепам, винкам могучего механизма.

Календарные итоги сравнятся со всем, прежде на полете. Архивные столбцы зарастут, подчеркнутые кем-то красными и синими карандашами. Здания вечных ценностей, как пчелиные строят ячейки, сквозь с разных концов города. Вывески, учреждения, самолетки, вкусы меняются, как костюмы сегодня. Изменяется и сам человек. Он отвыкает улыбаться с места, обменяться словами. В этой сумятице, пронзенной стрелами, есть своя закономерность, свой расчет движения. Все это мелочь, крошки, пушинки, пылинки. Из них мелочей, из крошек складывается уклад которого времени. Новый состоит мозги и клинья, сохи и боронды, меры, и клички. Предметы, явления, понятия начинают мелькать в глазах, сливаясь в конвейер нового времени. Нельзя спозлать, нельзя не поднимать во время бега, нельзя отстать от полета.

«Вперед, время!

Время, вперед!»

И в это время раздается рассудительный голос:

— «А что такое вперед»?

И в приоткрытую щель двери просовывается деловито настороженный глаз современника, соучастника, водителя. «На красных лавах гусь тащенный», он входит в комнату, недоверчиво оглядываясь, со своей мелкой, со своими вкусами, желаниями, симпатиями, антипатиями. Он хочет обмерить эпоху, он хочет проверить наши часы: не уши ли они вперед? А что есть — эпоху поторапливать вперед. время затем поторапливать? Он прогрессивнее нас на, действительно, товарищ в своем постоянном покупании? Он ходит не один, поддерживаемый под крылья плотью деверей, родителями людьми, соболезнующие покалачиванием готовами: «да, мол, Коля, перекатись ты, братишка, с твоими устремлениями вперед, без оглядки назад.

«А вот мол, посмотри, как перелатал тебя твои соратник глубокой взрывом, ненавистью эрудиции, условной начитанностью! Жаль нам тебя, а приходится признаться, что ты мелкие нельзя применить со своими наклонами теориями ко дню сегодняшнего времени. Ежу мол у тебя получается расходится, фрикцион-механистически-материалистический».

«Что же, ребята, может вы и правы!— отвечаю я.— Может быть мне и нужно ежегодно переводить часы назад. По гасмотрено, как летит время?»

Время летит вперед, большевистское, умное, расстановное. Наши огромной грудью обоих дел, растягивать сухожилие обнаженных мускулов, в стеклянном ночном звенеть, сжать сроки, найти в беспечном. За ним призываются, прикрепляются, пришпиливаются, увлеченные бодрой его сухого хода, пришпиливают и пристраиваются, стремясь попасть в его след—техник, шахтинки, тяжурки, сортники. Все, кто по волосичкам его начинает мелькать впереди, кто хочет изобразиться на его передовой круг, учесться, разделить бутерброд, подушки, перины с ехать, и ехать, и ехать на нем, прицепившись и цурлуя за красивый мигающий чемодан. А сплетать, певцы, политики, сказчики вплоть Ванн — все это свою профессию считает незыблемой, все, его свое место в мире считает приспособленным для себя чьими-то руками. Нешие попутчики летучего времени, стремящиеся хоть немного утишить его бег. Собственной тяжестью замедлить мельканье его стальных спиц.

И на рушийся из сердца крик:

«Вперед, время,

время, вперед!»

недоверчиво высистывают:

«...эпохе приложишь: вперед!

. . . . . .

А время назад попрет!»

Нет, не остановится, не пойдет, не растается их поднятых растопыренных пальцев. Они манят его в стойло культуры, они рассыпают перед ним соль своей мудрости. На соль их перетала быть сытной. Все больше и больше отсыпают очк, пытаясь удержать на пройденном пути. Все они бредут вне — следбищенские адвокаты — в ведах какого-то «Средне-Бюро», привязанными привязываются по дорогу судебных комнат. Их не удается заставить надевать вне свидетельствуют об их скромной необходимости толкователей эпохи, изобретателей поводов в ту или иную сторону — безразлично, в какую — откуда идут деньги. Но эти выдают на свет, и есть и другие все те научно линяют разбежавшихся охотников, которая исчезла из виду, но засела в каком-то своем черепаньи шеи. прикладывать, приспосабливать, примен

НА СОВЕЩАНИИ МАПП И „ЛИТГАЗЕТЫ" В КЛУБЕ ФОСП

МОБИЛИЗОВАТЬ ЖУРНАЛЫ НА ПРОВЕДЕНИЕ ПРИЗЫВА УДАРНИКОВ

ОТ КАБИНЕТНОСТИ К МАССОВОЙ РАБОТЕ С УДАРНИКАМИ НА ЗАВОДАХ

СЕГОДНЯ ЛИТЖУРНАЛОВ

Задача печати, журналов, литотделов газет — повести углубленную литучебу с ударниками, призванными в литературу, возглавить эту работу. Факты говорят о том, что журналы не ведут с призывниками массовой работы и литучебы. Редакции большинства журналов и литотделов газет еще не связались с предприятиями и литкружками, не перестроились лицом к призыву ударников. С целью ликвидировать прорыв на этом фронте «Литгазета» и секретариат МАПП провели 2 апреля совещание литжурналов и литотделов газет, совместно с активом ударников.

Представители редакций впервые ответственно заявили в том, что ими сделано на фронте призыва ударников в литературу. Эти краткие ответы наглядно показали, что журналы еще не перестроились в соответствии с задачами призыва.

«НЕ МОЖЕМ СВЯЗАТЬСЯ С УДАРНИКАМИ...»

Массовый журнал «Огонек». Тираж 230.000 экземпляров. При журнале организован рабочий редсовет из представителей 20 предприятий. Имеется литконсультация. Редакция журнала проводила выезды на заводы. Как будто все благополучно.

Но редакция «Огонька» еще не сумела установить связь с литкружками и не ведет литучебы с ударниками, призванными в литературу. До сих пор в библиотеке «Огонька» еще не издано ни одной книжки, посвященной творчеству ударников. Представитель редакции мотивирует это невозможностью связаться... с ударниками московских предприятий.

— Мы вынуждены печатать далеко не лучшие произведения ударников, попадающие к нам случайно самотеком, — объясняет **Еф. Зозуля**. — Мы не знаем, как руководить работой с ударниками, и живем здесь указаний и помощи МАПП.

ПЕРЕСТРОИТЬСЯ ЛИЦОМ К КОНКРЕТНОЙ КРИТИКЕ

— Журнал «На литературном посту» работу с ударниками вел недостаточно, — говорит т. **Григорьева**. — Теперь журнал перестраивается. К сотрудничеству в журнале привлекаются рабочие-ударники, дающие короткие рецензии о присланных книгах. В № 11 журнала «На литпосту» будет помещен специальный отдел, посвященный ударнику. В отделе РАПП имеется специальный сборник для литкружковцев—«Характеристика классовой борьбы в области искусства».

— «На литературном посту» должен превратиться в популярный массовый журнал, — отмечает т. **Шимшелевич** («Смена»). — Он должен перестроиться лицом к конкретной критике творчества ударников.

ПОМОЧЬ ТВОРЧЕСКОМУ РОСТУ УДАРНИКА

Аппараты редакций журналов неповоротливы и бюрократически относятся к работе с ударниками. Вместо того, чтобы привлекать в журнал ударников, содействовать их творческому росту, редакции ряда редакций поддерживают связь с литхалтурщиками, которые и обслуживают свой продукцией журналы, — говорит т. Шимшелевич.

Журнал «Смена» пытался в этой области кое-что сделать — он выпустил несколько небольших книжек стихов и рассказов ударников.

Журналы должны объявить конкурс на лучшее художественное произведение об Электрозаводе, выполняющем пятилетку в 2½ года.

Тактика рабочего редсовета при журнале «30 дней» себя целиком оправдала, — сообщает **В. Регинин**. — В журнале введен отдел «Ударники о книгах», где помещаются заметки — рецензии ударников — членов редсовета о книгах писателей. Редакция использует предложения актива для их практической литработы и оказывает через редсовет специальные поручения. При всех редакциях необходимо создать рабочее ядро и повести с ним воспитательную работу.

РЕДАКЦИОННЫЕ «ЗАВТРАКИ»

Выступавшие в прениях рабочие-ударники подвергли серьезной критике работу журналов.

— Фабрично-заводские литкружки не чувствуют помощи со стороны журналов. Нередко редакции журналов бюрократически и формально относятся к произведениям ударников.

— Я, — рассказывает токарь Краснопресненского механического завода тов. **Гуров**, — принес в журнал «Молодая гвардия» написанный мною рассказ. Говорят: «Придите через две недели»; потом сообщают: «Рукопись не подходит». Иду в журнал «Смена». Там говорят: «Хороший рассказ — пойдет!» Прихожу через несколько месяцев, мне этот рассказ возвращают и сообщают, что поместить его не могут. То же самое получилось в журнале «Земля советская». Наконец, я послал этот рассказ в ленинградский журнал «Резец», где он и был помещен.

ЛИЦОМ К МАССОВОМУ ЧИТАТЕЛЮ

— Редакционно-издательские работники еще не научились работать с начинающим автором. Журналы не освещают историю пролетлитературного движения. Вся система наших журналов была рассчитана на узкий круг читателей, — говорит **А. Грудинан**.

Журналы должны перестроиться в соответствии с задачами призыва и приспособиться к массовому читателю. Надо включить в помощью журналов наше литнаследие, привлечь к работе в журналах рецензентские и читательские кружки на предприятиях.

— Наше совещание показало, — говорит в заключение **Н. Боровой**, — что журналы еще не включились по-настоящему в призыв, не ведут творческой работы с ударниками.

В журналах необходимо ввести уголок «Литучеба» и отдел «Книжная полка ударников» (что читать ударнику). Редакции журналов должны повести воспитательную работу с членами рабочего редсовета. «Огонек» должен выпустить при журнале «Рост» массовую критическую библиотечку о произведениях ударников.

— Издательство «Огонек» выпускает узко-специальный журнал «Изобретатель». Такой же специальный журнал, такой же «Изобретатель» нам нужен для литударников, — говорит т. **Гуров**. — На практических примерах он мог бы вести работу с ударниками, помогая их творческому росту.

ЖУРНАЛЫ ДОЛЖНЫ ВЗЯТЬ ШЕФСТВО НАД ЗАВОДАМИ

— Движение ударников в литературу требует глубокого изучения, — отмечает тов. **Рыбаков** (кружок «РОСТ»).— МАПП должен иметь свой журнал для ударников, который мог бы проводить литературно-просветительную пропаганду, освещая опыт работы литкружков, помещать произведения ударников.

О необходимости выпускать журнал МАПП говорит и рабочий-ударник тов. Урицкий (пушпульная ф-ка имени Дзержинского).

При МАПП необходимо организовать литконсультацию.

*

Собрание представителей редакций журналов и литотделов газет признало необходимым периодический созыв в дальнейшем аналогичных совещаний о практической помощи ударнику со стороны журналов.

Решено организовать сквозную бригаду ударников МАПП, которая будет проверять работу журналов в промежутки от одного совещания до другого.

Следующее совещание журналов и литотделов газет будет проведено в одном из районов Москвы; на нем будут заслушаны отчеты редакций журналов об их работе с ударниками.

А. К.

ПЕРВЫЙ ПЛЕНУМ ЦЕНТРАЛЬНОГО СОВЕТА ЛОКАФ

На первом пленуме Центрального совета ЛОКАФ, открывшемся 5 апреля в Центральном доме Красной армии, писатели-локафовцы демонстрировали свою готовность принять активнейшее участие в деле укрепления обороноспособности Советского союза.

Литературно-политические и творческие задачи ЛОКАФ

Пленум заслушал доклад **Л. Дитятева** — «Международное положение и задачи ЛОКАФ».

— Перед лицом грядущих боев социализма с капитализмом перед каждым советским писателем стоит вопрос, с кем он идет — либо с нами, либо в рядах врагов рабочего класса. Не случайны поэтому заявления ряда иностранных писателей — Ромен Роллана, Эриста Гласера и других, которые становятся на сторону социализма. Тем опаснее те перья, роль ремарквизма и пацифизма, которых заключается угрозу империалистической войны против СССР.

На фоне роста военной опасности организации ЛОКАФ есть демонстрация преданности советских писателей делу социализма и их готовность защищать СССР против интервенционистских замыслов империалистов. Обострение международного положения и опасность войны требуют от советского писателя усиления внимания к оборонной тематике. Между тем современная Красная армия, ее классовая природа нашли очень слабое отражение в творчестве писателей-локафовцев. Мы не ведем еще решительной борьбы и с проявлениями ремарквизма.

Мы предъявляем четкие политические требования к писателям, входящим в ЛОКАФ. Вопрос о творческом методе ЛОКАФ, которое имеет в своих рядах представителей различных литтруп, нельзя отделять от его литературно-политической линии. Наиболее отвечающий задачам ЛОКАФ — это творческий метод РАПП, как ведущей организации пролетарской литературы.

Очередные задачи ЛОКАФ — приближение и перевоспитание попутчиков, превращение их в союзников рабочего класса, широкая постановка вопроса о роли ЛОКАФ в международном положении, творческий поворот лицом к Красной армии и флоту, разоблачение подготовки империалистических войн.

Руководство ЛОКАФ, широко используя метод самокритики, должно вести борьбу против косности, комчванства, недооценки, культурного наследства в наших рядах, бороться за генеральную линию партии на фронте литературы.

За подлинную военизацию локафовцев

Мате Залка выступил с организационным отчетом и подвел итоги работы ЛОКАФ за 6 месяцев его существования.

В составе ЛОКАФ сейчас имеется 2.580 членов (не считая дальневосточной и дальневосточной организаций), 126 литкружков и 690 писателей-профессионалов.

Какую работу провел ЛОКАФ? Писатели были привлечены к участию в осенних маневрах РККА в Москве, Ленинграде, Киеве и др. На днях из печати выходит сборник произведений писателей о маневрах и о Красной армии. Проведена творческая мобилизация писателей в Москве и Ленинграде. В нее включилось свыше 100 писателей-локафовцев. Созданы центральный журнал «ЛОКАФ» и ряд журналов-альманахов в местных отделениях. Организована драматургическая и киносекция ЛОКАФ. В Ленинграде работает научно-исследовательская комиссия при Академии наук.

Несмотря на эти достижения, еще очень слаба связь между местными отделениями ЛОКАФ и Центральным советом объединения. Слаба работа ЛОКАФ и по линии Осоавиахима. Красноармейские литкружка работают до сих пор стихийно, без должного руководства ЛОКАФ. Не развернута как следует и работа по военизации писателей. Большинство писателей-профессионалов в военном отношении безграмотны.

Наши ближайшие задачи — усилить руководство местными отделениями ЛОКАФ, особенно в нацреспубликах, организовать кадры инструкторов для постоянной связи и руководства красноармейскими литкружками, которые должны явиться основным звеном работы ЛОКАФ.

Внимание работе местных ЛОКАФ

По докладам развернулись горячие прения.

— Литературное движение в Красной армии и флоте может быть закреплено и развиваться при обеспечении должного внимания со стороны политорганов РККА. Надо усилить связь и обмен опытом между местными отделениями ЛОКАФ, внести методы соревнования и ударничества в работу ЛОКАФ — отмечают ленинградцы тт. Попан и Семрин.

На отсутствие руководства Центрального совета работой ЛОКАФ в союзных республиках указывали и выступавшие делегаты от братских нацреспублик.

— Инициативная группа по созданию белорусского ЛОКАФ еще не развернула работы, — говорит тов. Бенда. — Совершенно отсутствует связь БелЛОКАФ с Центральным советом об'единения. Литорганизации на местах, например БелАПП, ограничились только выделением представителя в ЛОКАФ, но не оказывают ему практической помощи. Гражданские писатели не участвуют в работе красноармейских литкружков. БелЛОКАФ должен мобилизовать свои творческие силы на оборону СССР.

— УкрЛОКАФ был создан самостоятельно и также не получал от ЦС ЛОКАФ никаких указаний о формах и методах работы, — заявляет т. **Гапуненко** (Украина). — Надо усилить темпы работы ЛОКАФ, уделять больше внимания массовой художественной красноармейской литературе, повысить качество литпродукции ЛОКАФ, — говорит тов. **Щербина** (УкрЛОКАФ).

— В Закавказье ЛОКАФ мало сделал на фронте укрепления обороны страны. У нас пролетписатели уделяют большое внимание ЛОКАФ, — заявляет т. **Сулава** (Закавказье). — Несмотря на это, еще не удалось организовать закавказского ЛОКАФ. Это об'ясняется тем, что фракционная лидзинщинская группа Сырцова—Ломинадзе пыталась противопоставить ЗакЛОКАФ РАПП и ВОАПП.

В Батуме и Кутаисе уже организованы ячейки ЛОКАФ. ГрузАПП выпускает специальную газету ЛОКАФ. Надо ускорить создание ЗакЛОКАФ, к которому писатели проявляют большой интерес.

— С самого начала организации ЛОКАФ нам пришлось включиться в литературно-политическую борьбу, — говорит т. **Рейзин** (НУР). — Центральное руководство ЛОКАФ в этом отношении выдержало литературно-политический экзамен. Мы имели попытки со стороны «Литфронта» использовать ЛОКАФ для борьбы против основной литературно-политической линии РАПП (в Ленинграде и Закавказье), но в центре мы сумели эти попытки пресечь с самого начала. Эту борьбу мы рассматриваем как начало творческой дискуссии, в которой мы выявили творческие позиции руководящей группы ЦС ЛОКАФ. Наряду с этим, — говорит т. Рейзин, — работа президиума ЦС ЛОКАФ страдала национальной ограниченностью, в силу того, что мы работали в масштабе РСФСР. Поэтому мы не знакомы со спецификой литературно-политической борьбы в братских нацреспубликах, а отсюда и с работой союзных ЛОКАФ. Превращение ЛОКАФ во всесоюзную организацию, поворот его лицом к творческим задачам, дает нам возможность превратить ЛОКАФ в боевую организацию на фронте литературы.

А. КР—ОВ

БЛОКНОТ ПЛЕНУМА

❖ Пленум Центрального совета ЛОКАФ открыл **А. С. СЕРАФИМОВИЧ**, отметивший, что задачей ЛОКАФ является борьба за сплочение и организацию пока еще распыленных литературных сил Красной армии и флота. Пленум должен наметить пути совместной работы пролетарских, колхозных и красноармейских писателей.

❖ От имени ЦС Осоавиахима пленум приветствовал **Н. А. СЕМАШКО**, который призывал писателей сплочиться вокруг задач обороны страны.

❖ С горячей приветственной речью выступил на пленуме ЛОКАФ т. **ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ**:

— Чем должна отличаться наша военная литература для того, чтобы она была доступна массе? Прежде всего — предельной простотой. Надо уметь самым простым языком рассказать красноармейцу о вещах величайшей сложности. В этом и заключается большая трудность работы писателя, создающего произведения для Красной армии. Для нашей агитации нужна предельная простота. Мы — боевые писатели, наши поэтические агитационные лозунги должны быть четкими, как боевая команда. В этом основа нашей работы. Но предельная простота не влечет снижения художественного творчества, а должна сделать его актуальным и динамическим.

Наша казарма является школой коммунистического воспитания. Писатели ЛОКАФ должны с художественной убедительностью и простотой показать ту деревенскую молодежь, из которой наша красная казарма подготовляет творцов социалистического строительства.

❖ На пленуме с большой политической речью о положении на литературном фронте выступил **Л. АВЕРБАХ**, приветствовавший пленум ЛОКАФ от имени секретариата ВОАПП и РАПП. Речь т. Л. Авербаха будет помещена в следующем номере «Литгазеты».

❖ Литкружковец т. **НИЩЕТА** приветствовал пленум от литкружка Н-ского танкполка. Литкружок поставил своей задачей итти нога в ногу с боевой подготовкой.

— Мы ждем от писателей ЛОКАФ новую хорошую боевую песню, которая бы способствовала усилению нашей боевой подготовки.

❖ Сегодня пленум ЦС ЛОКАФ заканчивает свою работу.

НА СЕВЕРО-КАВКАЗСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ ЛОКАФ

Северо-Кавказская конференция ЛОКАФ приняла работу оргбюро Северо-Кавказского ЛОКАФ удовлетворительной.

Между делегациями развернулось социалистическое соревнование на лучшую постановку локафовской работы. Владикавказская делегация вызвала на соревнование Ставропольский гарнизон; краснодарская делегация вступила в соревнование с Владикавказом; Пятигорская и Владикавказская также заключили между собой договор.

Председателем краевого совета ЛОКАФ конференция избрала начуокра тов. Коженникова. Представителем от ЛОКАФ в СКАПП и ВОКП и в редколлегию журнала «На подъеме» выделен тов. Выпряжкин, в Литфонд—тов. Ковалевский. На расширенный пленум ЛОКАФ выбрана делегация в составе тт. Выпряжкина, Китина (Краснодар) и Мазинина (СКАПП).

В заключительном заседании конференция постановила вызвать на социалистическое соревнование красноармейских писателей Приволжского военного округа. Делегация на расширенный пленум ЦС ЛОКАФ поручено заключить договор с приложением.

БЕСПРИЗОРНАЯ ФАБРИКА ЛИТЕРАТУРНЫХ КАДРОВ

НА КОГО ДОЛЖЕН РАБОТАТЬ ЛИТФАК 1 МГУ

Первый рейд бригады „Литгазеты"

За последние два года Литфак 1 МГУ претерпел много изменений. Студенты составляли здесь пестрый конгломерат людей, рассеченных на 20 специальностей. Расплывчатость получаемой квалификации сказывалась лишь после...

Постановлением Наркомпроса Литфак передается сейчас в ведение ОГИЗ и реорганизуется в самостоятельный институт, отдавая ряд своих циклов по отраслевому признаку в другие институты.

Перекраивая свои циклы, Литфак должен выполнить постановление Совнаркома о создании четкого профиля специалиста и свой учебный план построить на основе требований производственного характера.

НЕКУДА РА МЕСТИТЬ...

Несколько месяцев подряд представители Литфака бегали на десятки заседаний ОГИЗ; увязывали, согласовывали, стараясь перестроиться на-ходу. ОГИЗ разборчив и осторожен. Например, одним из препятствий, которое одно время мыстыляли работники ОГИЗ, являлась... большая продукция Литфака. Оказывается ее некуда (?!) будет разместить...

Каково это звучит при настоящем голоде на кадры? Стоит только вспомнить прорыв в ГИХЛ...

Партийные и профессиональные организации Литфака послали письмо в тов. Халатову, просили ускорить процесс передачи, потому что ее задержка гибельно отражается на всей работе факультета. ОГИЗ в лице т. Дунайского ответил, что «принципиально» от приема «не отказывается, но... в только».

Не имея хозяина, Литфак не имеет и своего помещения. Сейчас на Мясницкой в помещении Художественного рабфака, где Литфак помещен временно, происходят настоящие бои за каждую аудиторию.

НОВЫЙ СОСТАВ ЛИТФАКА

Не мешало бы работникам ОГИЗ присмотреться к пути развития Литфака. Если еще и сейчас последние семестры отдают мелкобуржуазным духом и не могут похвастать высоким процентом рабочей прослойки, то первые два семестра имеют настолько выдержанный пролетарский и партийный контингент, что по ним может равняться любой вуз: второй семестр Лито имеет в своем составе неимоверно партийцев (1 комсомолец).

Мощный пролетарский массив первых семестров занял «командные высоты» и во всей учебной и общественной жизни чувствуется бодрая струя, сметающая нечисть старых университетских традиций. Пролетарское студенчество не только отстояло от руководства «старших» (5—6 семестр), но и по деловому принялось «срывать все и всякие маски» с переверзианствующих и литфронтствующих. Атмосфера значительно очистилась, оздоровилась.

Значительно изменилась и физиономия преподавательского состава. Общественные дисциплины находятся в руках партийцев (по остальным кафедрам партийная прослойка незначительна). К преподаванию методологии литературоведения, русской и западно-европейской литератур привлечены лучшие марксистские силы, непосредственно связанные с Комакademией.

Но... имеется еще и такие преподавательские силы, методологические установки которых заставляют желать многого. Учебная часть Литфака пытается «нейтрализовать» какого-либо бывшего переверзианца в перебрасывает (криво, ведь!) его, например, с преподавания истории эстетических учений на преподавание режиссуры.

На семестре приходит и «сам»... профессор Переверзев. Но методологически подкованные студенты не усматривают в этом опасности.

КОГО ГОТОВИТ ЛИТФАК

Несмотря на перебранку с ОГИЗ, учебная часть Литфака старается уточнить ответ на этот вопрос. На редакторском отделении старается грань между критиками и редакторами. Отделение дает редакторов художественной литературы, которые будут и критиками. Квалификация «чистого» критика отпадает.

Творческий цикл Лито берет установку на переквалификацию уже выявившегося писателя, рабочего-ударника.

Много споров ведется о целевой установке творческого цикла. Есть тенденция вменить в обязанность этому циклу «готовить писателей».

Литфак дает рабочему-ударнику, принедшему на учебу, прочную **методологическую установку**, позволяет его теоретический и культурный уровень. Новый набор нельзя **отрывать от производства**. Но как это сделать? Будет ли это отделение вечерним? Найдется ли какая-то иная форма учебы? Вопрос чрезвычайной принципиально-политической важности. **Без должного планирующего руководства может сорваться вся подготовка к новому осеннему набору.**

Переживая различные структурные «метаморфозы», Литфак не получил от Наркомпроса твердого учебного плана. В течение года планы перекраивались несколько раз, ломались, менялись в зависимости от новых требований. В этом году к новому кварталу «впервые в история факультета» (отчет Профкома) студенчество приняло с программами, с «заготовленными» преподавателями и проч. **На эту работу были мобилизованы все партийцы и комсомольцы.** Путем обсуждения программ по кафедрам, на методсовете, по студенческим группам.—Литфак приближается к построению **типовых** программ по каждой дисциплине. Задача следующего семестра подготовить переход к **нормальному учебному плану.**

Много лет студенчество ведет борьбу с многопредметностью, которая распыляет внимание, дает поверхностное усвоение, влечет за собой устарелые методы преподавания, дезориентирует студента. Еще свежи воспоминания о... 30 дисциплинах, которые читались сразу на одном семестре. Да и сейчас в переходном плане на редакционном отделении можно видеть 18—19 дисциплин, которые читались в прошлом квартале. Сейчас проведена цикловка. Количество дисциплин доведено до 4—6. Создается концентрированный «кулак», который привлекает все внимание студентов. Но... иногда этот «кулак», теряя свою твердость, имеет в дисциплина (редакционное отделение). Можно наблюдать и такие лапсусы, как уплотнение студенческого дня от 8 ч. утра до 10 вечера (одна из групп редакционного отделения).

До сих пор «творцы»—студенты творческого отделения — не имели своего спецификума и в учебе в ничем не отличались от «педагогов». Литературная продукция студенчества выпадала из учебного плана. Часто творчество литфаковцев имело большие методологические и художественные прорехи, которые вскрывались уже за стенами вуза. Продукция «творцов» не знала преподавателя, профессура, да и сама студенты не знали, что каждый из них «вытворяет»...

Такое положение давало возможность на творческом цикле пребывать таким людям, у которых не было ничего общего с этим циклом.

— Вычистило его редакционное отделение, а он попел в «творцы».

Теперь на Литфаке созданы творческие мастерские, которые ставят целью связать художественное творчество студенчества с их теоретическими и методологическими анализами. Здесь творческий замысел студента будет претворяться в художественное произведение и здесь же он получит нужную критическую оценку.

Вводятся мастерские прозы, стихи, драмы. Вокруг них идут горячие споры. О целевой установке, о методах работы, о составе руководителей, о том, что нужны мастерские по очерку, по публицистическому жанру. В творческих мастерских должна развернуться и работа с наследиями. Студенчество немало сил потратило для того, чтобы отвоевать творческие мастерские.

«Побились... Просто разбегаться хотели, если не отпорем»...

„НЕКУДА ПРИТКНУТЬ"

Факультет строит свою работу по производственному принципу, давая своим студентам двухмесячную производственную практику.

Отделение искусств работает в театрах и музеях, редакционное — в «Известиях» и «Труде», инструкторско-педагогический цикл Лито (теперь переданный в Пединститут)—на культурно-массовой работе на предприятиях. Но когда дело касается «творцов», то им не могут придумать «спецификума» практики и пытаются притянуть куда попало. Студенты разбегаются, бросают практику, благо отчитываться за нее на Литфаке не полагается. Толкнуть вперед и вложить какой должна быть практика у «творцов». Каждый согласен, что она должна протекать в колхозах и на предприятиях. Но в восприятии одних она представляется как «познавание жизни» с блокнотом в руках, а другими—как активная работа по выполнению общественно-политических задач (не только познание, а и переделка жизни): работа, которая сублимируется в художественное творчество.

Ясно одно: практикой «творцов», идущих на предприятия, в колхозы, должна руководить новая кафедра творческих мастерских, давая студентам определенные задания.

Практика студентов редакционного отделения должна протекать в ГИХЛ, а не в редакциях газет, поскольку Литфак готовит редакторов художественной литературы, а не газетных работников.

БРИГАДА «ЛИТГАЗЕТЫ»:

К. ПОЛОНСКАЯ (Институт ЛИЯ Комакademии), **М. ТЕРЕЯЕВА** (Лито-ячейка ВКП(б)), **Н. БАБИН** (Лито-ячейка ВЛКСМ), **Н. ДОЛЖЕНКО** (Редакционное отделение — ячейка ВКП(б)), **М. БОБРОВА** («Литгазета»).

К театроведческой дискуссии в ГАИС

ПРОТИВ БУРЖУАЗНЫХ ТЕЧЕНИЙ В ТЕАТРОВЕДЕНИИ

«Необходима еще настойчивая работа по искоренению существующих и возникающих в различных научных областях теорий, отражающих буржуазное и социал - демократическое влияние».
Из постановления ЦК ВКП(б) о Комакademии.

Область театрального искусства, творческой техники и науки о театре является ныне одной из важных форм классовой борьбы на идеологическом фронте, в которой пролетариату, осуществляющему социализм, приходится особенно остро преодолевать ожесточенное сопротивление буржуазной идеологии и агентов. Это об'ясняется прежде всего недостатком марксистских кадров в этой области, тягой к ней разобщенных в других отраслях искусствознания теоретиков и, наконец, недопустимой слабостью этого участка нашего идеологического фронта.

Попытки некритического перенесения капиталистических методов решения театральных проблем в наши условия до сих пор наблюдаются в практике некоторых театроведов и в творчестве отдельных театров. Поэтому в области современного театроведения особенно важной задачей надо признать решительное разоблачение и искоренение чуждых фетишей буржуазной науки, теорий, отражающих буржуазное и социал-демократическое влияние, а также беспринципное с ним примиренчество.

1.

Наиболее законченным отражением метафизической буржуазной науки о театре является у нас — не разобравшаяся до конца система **К. Станиславского**, получившая свое теоретическое оформление в теории **В. М. Волькенштейна**, и теория ленинградской группы, возглавляемой профессором **А. А. Гвоздевым**.

Волькенштейн обычно выступает в роли большого эрудита: он 30 лет изучает Расина, примерно такой же срок работает драматургом и 15 лет—театроведом МХТ. Волькенштейн однако ровно ничего не вынес из своего долгого общения над Гегелем, ничего не понял диалектике, что видно хотя бы из того, что он — по справедливому замечанию **В. М. Фриче** — «мыслит свои теоретические» диалектику совершенно формально и имманентно», т.-е. метафизично. Нет ничего удивительного поэтому, что такая теоретика оказывается мертвой догмой, которая только опутывает головы практикам, об'ективно противодействуя начавшемуся под влиянием революционной действительности процессу социалистической реконструкции их творческого мировоззрения. Достаточно сказать, что по «теории» Волькенштейна, мистицизм, например, и прочее мракобесие как раз и есть то, что составляет «особый времмят» системы Станиславского (см. его книгу «Станиславский» — стр. 31—32). Такими «ученными» откровениями читит вся книга, не говоря уже о гранозных заигрываниях «теоретика» Волькенштейна с «научной европейской психологией», или об его утверждении, что главная сила, приковывающая внимание к Станиславскому, это — «не психология», не учительство, не этика, но эстетика и эротика» (там же, стр. 10).

Не лучше обстоит дело и с его трудом «Драматургия». Достаточно напомнить его драматургический кодекс, основная суть которого — дать конструктивно-морфологическое исследование вечного закона гармонического единства театра, который «требует единого зрелища — реальной борьбы одухотворенных страстей». При такой установке Волькенштейна, от которой так несет мистической философией русских декадентов, неудивительно, что с его точки зрения «наш современный театр показывает бесперспективный и бессильно-эклектических». Не зная еще во имя чего примирить бушующие страсти (?!), он довольствуется хотя бы слабой попыткой их разжечь (ст. 174). Комментарии здесь излишни. Идеализм и антиисторизм Волькенштейна, а отсюда — классовая враждебность его «теории» — очевидны.

Между тем обе его книжки продолжают по сей день свободно гулять среди наших художественных вузов и техникумов в качестве... обязательных учебных пособий, а теория его продолжает рассматриваться как... «высшая мудрость» о специфике театра и драматургии, проповедываемая с кафедры наших советских учебных заведений и внушая, вместе с системой Станиславского, влияние даже на отдельных пролетарских драматургов.

К этой группе «теоретиков» надо отнести сыкающихся с ними Л. Гроссмана, Л. Гуревича, В. Филиппова.

2.

Но если идеализм и антиисторизм у Волькенштейна обнажен полностью, то у профессора Гвоздева и его группы он завуалирован, подкрашен формоловским кармином и «ложной» фразеологией. В настоящее время, правда, в профессорской группе заметно некое смятение. Кое-кто начинает формально не соглашаться с «учителем» в частностях. Но все это, конечно, в основном рассчитано на очень наивных людей, которые в науке берут на слово. Ясно, что группа — Гвоздев, Мокульский, Нивоков, Соллертинский и другие их соратники вроде Всеволодского-Гернгросса, С. Радлова, М. А. Яковлева (Ленинград), И. Д. Волкова (Москва) и др. — представляет собой единую группу, классовая суть которой — воинствующий идеализм.

В чем основной порок концепции профессора Гвоздева и руководимой им группы? Прежде всего в том, что она представляет собой типичный пример микрон, наблюдаемой у современных формалистов, которые, прячась в тогу наивной социологии, полностью сохраняют формалистствующий идеализм и с упоением упорства фетишизируют современную буржуазную науку.

Вредность теории Гвоздева усугубляется и тем, что она спекулятивно по отношению к ГТРАМу, театру имени Мейерхольда и массовому самодеятельному движению, а также потому, что она является популярнейшей школой в наших учебных заведениях и среди широких кругов театральных работников, где по сей день сеньет за последнего слово революционной науки о театре. Разоблачением теории Гвоздева во всем об'еме серьезно должны заняться Комакademия, ГАИС и марксистская часть ЛОГАИСа.

Здесь мы напомним только об общеметодологической установке профессора Гвоздева и об его «теории борьбы театральных систем».

— «Утверждение системы «придворного» театра, — говорит Гвоздев, — как системы общеевропейской «культуры», торжество ее над системой «народного» театра и вытекающая отсюда «оторванность» от народа, стать характерная для театра нового времени, становятся тем самым в центре внимания социолога театра и центральной проблемой научного театроведения» («Временник ГИИИ о театре». Т. III, стр. 10—11).

В чем суть подобных методологических рассуждений? Прежде всего, в том, что мы имеем дело здесь с типичным формоловским эклектизмом, который об'ективно стремится снять борьбу за марксизм в театроведении с целью сохранить возможность процветания формализма и примирения явно непримиримых методологических установок. Но попытка построить изучение искусства по принципу «собственно - исследовательского» (в основном — формального анализа) с привлечением «социологических» концепций выдает «себя как жанр. уже известный по другим областям искусствознания. Разница лишь в том, что на других участках все такие фокусы - покусы разоблачены до конца, а в театроведении, в силу общей отсталости театрального фронта, они все еще в обращении.

Не менее плачевна и судьба гвоздевской теории о «борьбе двух театральных систем».

В чем суть этой теории? Коротко говоря, в схематично-историческом развитии театра, которая метафизически укладывается группой Гвоздева в перманентную и изотропную борьбу двух начал: придворной сцены-коробки и народно - балаганного театра. Гвоздев утверждает, что торжество сцены-коробки повлекло отторженность театра от народа. Отсюда со свойственной ему «легкостью мысли необыкновенной», он делает вывод: повернитесь, мол, назад к «подлинно - театральным эпохам», к традиционализму, т.-е. к старинному театру масок и балагана... Ослепительная мысль! Только, увы, опять не новая, к тому же не революционная, а реакционная. Гвоздев все же — в качестве наиболее убедительной аргументации — приводит Мейерхольда. Оказывается, если судить по статье Мокульского, вышедшей под редакцией Гвоздева, революционные пути Мейерхольда полностью» наметились еще в период театра-студии Мейерхольда, где он вместе выкинул лозунг возрождения традиций старинного театра масок.

Совершенно верно, в период реакции после 1905 года Мейерхольд выкинул такой лозунг. Верно также и то, что после Октябрьской революции театр Мейерхольда стал революционным театром. На ранее традиционализм сменил Мейерхольда революционизм? Кроме того, разве одны только Мейерхольд в период реакции пошел на путь театра масок и балагана? Разве такие течения прошли тогда мимо внимания марксистской мысли? Группа Гвоздева обо всем этом упорно молчит и пытается делать вид, что она в этой области отсутствует... Америку.

Короче — она спекулирует на дооктябрьском Мейерхольде, пытаясь утвердить, как положительную сторону его творчества, рецидивы его декадентского прошлого. Ибо весь этот пресловутый «традиционализм», говоря словами В. М. Фриче, восставшего против него еще в 1909—10 гг., на самом деле есть плод измышлений путаных голов религиозно настроенной буржуазной интеллигенции эпохи реакции XX века, которая зайдя в тупик стала бить отбой и звать театр назад к дедовским традициям, к до-капиталистическому театру, обращая его тем самым из социально боевого орудия в обыватель-ский пережиток прошлого, прикрашенный различными цветными лохмотьями.

Особенно наглядно обнаруживается нуллность концепции Гвоздева и ее с ним при соприкосновении с фактами зарубежной современности. Но теории Гвоздева вполне применение традиционализма есть уже заранее положительное, даже революционное явление. Между тем на писаний того же Гвоздева мы узнаем, что современные празднества Южной Германии широко используют приемы лучших театральных традиций, но с целью пропаганды... христианства. Таким образом теория изучения исторического развития театра под знаком абстрактно - схоластического противопоставления двух изолируемых систем, вне учета конкретно исторической ситуации, неизбежно рушится в самой своей основе и предстает перед нами как «прокрустово ложе» гвоздевщины.

*

Совершенно очевидно, что перечисленные современные теоретики театра не в силах дать нашим практикам ни вооружения в их борьбе за социализм, ни ясности перспективы, ни уверенности в работе, ни веры в победу нашего дела.

Злободневнейшая задача — окончательно разоблачить и искоренить буржуазные предрассудки в области театроведения и усилить активность в рядах марксистско - ленинской критики.

В. А. ПАВЛОВ

ПРОЛЕТАРСКАЯ КРИТИКА НА ПОМОЩЬ ЛИТЕРАТУРЕ В ШКОЛЕ

Критическое производственное совещание РАПП должно будет уделить внимание и вопросу о литературе в школе. Литературно-художественный материал в учебниках школ 1 ступени, школ либеков, общеобразовательных курсов и т. д., преподавание литературы на рабфаках, школах 2 ступени и в техникумах, программы по литературе для разных ступеней школьного образования и воспитания, литература и литературоведение в вузах — все это должно постоянно находиться в поле зрения пролетарской критики.

Именно «должно находиться», потому что до сих пор все эти вопросы **совершенно не интересуют нашу критику.** Изредка появляется такой материал в журнале «На литературном посту» за два года существования «Литературной газеты» было помещено в ней десять статей и заметок по вопросу о литературе в школе.

Результаты такого «внимания» сказываются очень резко. В качестве образцов крестьянской поэзии для деревенских школ либеза может впустить стихотворения кулацких поэтов Орешина, Есенина, Клюева. В программах школ ФЗУ и рабфаков (1930 года!) проскальзывают переверзевские мещанские определения искусства, переверзевская оценка отдельных писателей.

В школах 2 ступени, в техникумах и на рабфаках, на протяжении трехчетырех лет говорят о литературе и о пролетарской литературе, в частности, и не произносят слова «РАПП». И студенты Литфака 1-го МГУ и литотделения 2-го МГУ, идущее работать в МАПП, сталкиваются с большим количеством «зароятых» вопросов, ибо вуз им не дает или почти не дает соответствующих установок.

Пролетарское литературное движение должно заняться этими вопросами.

Вопрос о литературе в школе **естественно связан и с вопросом о литературных кадрах пролетарского литературного движения.** Не бывает случая, чтобы в литературу приходили люди совершенно без какой бы то ни было общеобразовательной подготовки. Работник-ударник, идущий в литературу и являющийся центральной фигурой нашего движения, обычно проходит (хотя два-три года, но все же проходит) школьное обучение — (либезного, общеобразовательных курсов).

Пролетарскому литературному движению на протяжении всей его истории, несмотря на отдельные его ошибки, никогда не была свойственна ограниченная цеховая постановка вопроса о литературе рабочего класса. Пролетарское литературное движение всегда связывало «свои» литературные вопросы с ленинским учением **о культурной революции.** Пролетарская разносная критика поэтому должна обратить **самое пристальное внимание на вопросы литературы в школе, должна обеспечить свое влияние здесь для того, чтобы помочь обратить литературу в школе в мощное орудие массового воспитания, в мощное орудие культурной революции.**

Б. МИХАЙЛОВ

Из литературного прошлого

НЕИЗВЕСТНЫЕ АВТОГРАФЫ
А. С. ПУШКИНА

В Ульяновске, в архиве писателя В. Направника обнаружено несколько новых неизданных автографов А. С. Пушкина, до сих пор не попавших в научный обиход и частью не напечатанных, эти автографы были в распоряжении известного издателя и биографа Пушкина П. Анненкова, который получил от вдовы поэта огромное количество рукописей. Как известно, далеко не все опубликовано Анненковым: он правил страницы, разочаровывать при издании Пушкинских текстов и многое забраковал как «паралитическое», по его выражению.

Часть этих забракованных для печатных публикаций Анненков вернул вдове поэта, часть сочинений после смерти Анненкова попала в редакторскую академического издания сочинений Пушкина Л. Н. Майкову и составила тот называемое «Майковские собрание», хранящееся в Пушкинском доме и целиком до сих пор не опубликованное.

Но в этих известных фондах Пушкинских рукописей оказалось далеко не все, чем владел Анненков. С предоставленными ему рукописями он обращался безразлично, «с преступным пренебрежением», по выражению В. Л. Модзалевского.

В 1897 году в сарае Анненковской усадьбы, близ города Симбирска, найдены Л. Н. Семеновыми пачки автографов Пушкина, введенные тогда же в издательский обиход.

Февраль 1931 года дал вторую находку значительной пачки неизвестных Пушкинских автографов. Сомнений в их подлинности быть не может. О ней говорим и историю находки, восходящая через В. И. Назарова к П. В. Анненкову, и бумага, и почерк, и жандармские пометы красными чернилами, сделанные в квартире Пушкина после его смерти жандармским полковником Дубельтом, производившим на распоряжению Николая I опись рукописному наследию Пушкина, наконец, самое содержание этих черновых записей с первоначальными планами и конспектами известных Пушкинских произведений. Все это говорит о том, что Ульяновск вторично стал местом находки ценнейших автографов Пушкина.

Новая находка состоит из набросков стихотворения, черновых записей первоначального замысла «Капитанской дочки», плана «Сказки о золотом петушке», конспектов «Русского Пелама», конспектов статьи о русской литературе, статьи о критике и ряда конспективных записей и других неосуществленных статей.

Кроме конспектов «Русского Пелама», найденные автографы не были в печати, и, таким образом, являются совершенно новыми в литературном наследии Пушкина. Кроме автографов Пушкина и той же архиве найдены другие рукописные материалы, связанные с Пушкинским проектом издания журнала «Современник», написанный Краевским и Одоевским, записи-беседы с А. И. Керн (посредником П. В. Анненков) о некоторых эпизодах жизни Пушкина. В последней записи особенный интерес представляют эпизоды «предуэльной» истории.

Нак. СТОЛОВ

НА ФАБРИКАХ КНИГИ

В апреле в издательстве «Федерация» выйдут следующие книги:

П. Арский — «Штурм неба» (пьеса по серии Всерослькомдрама); Н. Асанов — «День начинается в 7 часов утра» (очерки о Сельмашстрое). Балахна — сборник очерков бригады ВССП по ликвидации прорыва. И. Вардин — «Политика и литература» (сборник статей). А. Жабров — «В облаках» (рассказы из жизни авиаторов). А. Жид — «Путешествие по Конго» (очерки о Конго). В. Итин — «Выход к морю» (очерки о Карской экспедиции и строительстве Нейгарта). В. Каменский — «Путь энтузиаста» (автобиографическая повесть). М. Кольцов—«Рваный на сувениры» (юмористические рассказы). В. Наседкин — «Ветер с поля» (стихи): «Наша жизнь» — сборник группы очеркистов «Новой реальности». Ю. Слеша — «Ведомая кистью» (сборник рассказов.); «Освобожденный труд» — сборник, посвященный разоблачению капитала в «принудительном труде». Е. Полиевктов — «За марксистское языкознание» (статья). С. Родов — «На посту» (статья). И. Рудин—«Дикие» (рассказы). А. Тарасов—«Оргдействия» (повесть о совхозном деле). С. Третьяков—«Месяц в деревне» (очерки). Д. Фибих — «По следам жалоб» (очерки). Е. Чернявский—«Кампания» (очерки о плодоовощных заготовках). П. Ширяев — «Человек запутанной жизни» (рассказы). В. Шиковский — «Поиски сенсаций». И. Шухов — «Горькая линия» (роман из жизни русского пароходства и каторги в 1916 году).

● Издательством ВЦСПС организуется кабинет рабочего-автора, снабженный библиотекой, постоянной консультацией редакторов и штатом работников для проведения бесед с читок.

● В ближайшее время предстоит слияние издательств «Федерация» и «Недра».

● При секторе детской литературы издательства «Молодая гвардия» организовано постоянное производственное совещание авторов, созывающее два раза в месяц. На первом совещании после обсуждения редакция издательства были заслушаны доклады Н. ШАМКЕВИЧА о журнале «Пионер» и З. МЕКСИНА об итогах работы выставки детской книги за границей.

● В целях проверки актуальности и идеологической выдержанности находящихся в производстве детских книг, издательство «Молодая гвардия» провело чистку производственного портфеля, в результате которой изъято свыше 35 книг.

● Рабочей группой редсовета изд-ва «Федерация» намечено до 30 тем, которым будет посвящена очерковая серия «Соцстроительство». К работе над этой серией приглашены писатели и рабочие-ударники, выделенные из литкружков МАПП.

● 15 ударников, награжденных орденами Ленина и Красного трудового знамени, готовят к печати серию книг «Моя жизнь и моя биография», которая выйдет в издательстве ВЦСПС. Все книги из этой серии— А. БУЕВА (завод «ГАЗ») и С. СИДОРОВА («Московско-Курская ж. д.») выйдут в начале мая.

Свисток
ГОЛОВОТЯПСТВО И ЛИНОТИПЫ
ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

В первом томе Пушкина, только-что вышедшем из печати в количестве 27000 экземпляров и уже распроданном, имеется ряд опечаток, от которых, между прочим, пострадал безнадежно текст стихотворения «Аквилон» в одноименном Достоевского, и биографическом очерке напечатано, что знаменитая Пушкинская речь была произнесена будто бы в 1860 году и что Достоевский присутствовал не перед гением Пушкина, а перед его «гением»... Эту чепуху будут читать сотни тысяч советских читателей, а рецензенты будут поносить редакторов этих изданий.

Читатели не знают, а рецензенты притворяются, что не знают фокусов и каверз наборной машины-линотипа. А коварная машина продолжает из года в год портить книги.

Дело в том, что после корректорских и редакторских поправок при перелистке целой строки появляются новые опечатки, иногда радикально искажающие текст. Мы, линотиписты, страдали от этого способа набирать книги. Цель настоящего письма в том, чтобы обратить внимание советской общественности на безобразную постановку дела и нашем полиграфическом производстве, которое в погоне за скоростью совершенно не считается с качеством продукции.

Линотипом можно пользоваться только в том случае, если редактору предоставлена возможность подписывать безупречный текст. На практике бывает иначе. Редактора вынуждают подписывать условно текст, требующий поправок, которые при машинном наборе дают за собою неизбежно новые опечатки.

Такая тенденция к первичности является настоящим культурным бедствием, ибо вопрос не безразлично, будет ли наша новая печатать, сколь многочисленные и столь жадно интересующиеся книгою, пользоваться хорошим текстом или текстом некачественным.

М. ПИВЛОНСКИЙ
ГЕОРГИЙ ЧУЛКОВ

ОТ РЕДАКЦИИ: Что тут было головотяпство, это правильно. Что и этом деле мы сталкиваемся с линотипами это тоже правильно. А кот, что касается того, что машина «виновата», «опечатки», «предлагает из года в год портить книги»—не чрезмерны ли такие сильные психологические выражения по адресу бессловесной машины. (Кстати в передовой технической стране, в Америке, изношены все наборные машины, кроме линотипов).

Не повторяют ли уважаемые авторы письма ошибку персидского царя Ксеркса, который приказал высечь море, разметавшее однажды его корабли.

Правильно, что редактором нужно предоставить возможность подписывать безупречный текст. Правильно, что надо повысить качество работы линотипистов. Но еще правильней не передавать книги людей, пользующихся бедными линотипами, на вати машины, которые сами лишены возможности защищаться (хотя бы посредством письма в редакцию).

СЕГОДНЯ ЛИТЕРАТУРНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

❖ **Открытое партсобрание ячейки Дома Герцена** заслушало доклад О. Колесниковой о деятельности ГИХЛ. Выступавшие в прениях М. Россовский, Д. Сверчков, Н. Симмен, А. Караваева, Б. Коваленко и др., отмечали необходимость новой перестройки работы ГИХЛ в соответствии с стоящими перед ним задачами пролетарской и революционно-советской литературы.

❖ **Собрание партячейки выделило комиссию** в составе тт. Коваленко, Караваевой, Острогорского, Колосова и Кочурова, которая, совместно с ячейкой ФОСП, сформулирует резолюцию о деятельности ГИХЛ.

❖ **Закончилась чистка** драмсекции ЛАПП. Из 62 членов секции 37 исключены, как лица, чуждые пролетарской драматургии.

❖ **Председатель ЛенбаитЛОКАФ тов. Свирин** сделал доклад о работе ЛОКАФ на президиуме Ленсовета ВССП и президиуме ЛАПП. Принят ряд конкретных решений по вовлечению писателей в работу объединения. Президиум ЛАПП отметил, что работа членов ассоциации в ЛОКАФ будет рассматриваться как выполненная работа.

❖ **Президиум ЛАПП**, в связи с выявлением новых фактов покрывательства кендемовских тенденций к оппортунизма в Белсекции, **постановил** секцию распустить. Создана пятерка для организации новой белорусской секции ЛАПП.

❖ **Ф. Евсеев кооптирован в президиум и в секретариат ЛАПП и утвержден** оргсекретарем ленинградской ассоциации. В секретариат введен также Е. Добин.

❖ В Государственной Академии Искусствознания состоялся **вечер памяти Дм. Фурманова.**

❖ 30 марта состоялся **первый литературный декадник** ФОСП. На вечере присутствовал ряд видных писателей, деятелей науки и искусства.

В начале вечера проф. **Александров** — один из авторов проекта Днепростроя и Ангарстроя, беседовал с писателями о **некоторых** проблемах энергетики в СССР. Проф. Александров остановился в частности на роли писателя и художественной литературы в борьбе за овладение техникой. После выступления проф. Александрова **Ю. Олеша** прочитал свою новую пьесу «Список благодеяний».

❖ Секретариат Бел.АПП призвал всех обходимых организовать своим при-сательских писателей в Грузии и Армении.

❖ Для подготовки **специального номера, посвященного Уралу**, редакция журнала «Октябрь» командировала на Уралмашстрой и Свердловск бригаду писателей в составе: **Б. Гусева, А. Суркова и К. Финка.** В ближайшие собрания материала для специального номера «Октября», в котором примут участие и УралАПП, и находящиеся в Магнитогорске **Н. Богданов и З. Чаган**, бригада «Октября» примет участие в работе областной конференции Уральской АПП и пленума «Уралмашстроя».

❖ В Ташкенте для **обследования Узбекистанской АПП** выехала комиссия ВОАПП в составе тт. **Александровича** (БелАПП) и секретаря правления (ЛенАПП), лацсекретаря МАПП **Лайоша Ниша.**

❖ **В связи с предстоящим приездом А. М. Горького**, секретариат РАПП предложил местным ассоциациям усилить вербовку рабочих-ударников в литературу. Эта кампания будет также использована для широкого ознакомления рабочих, призванных в литературу, с творчеством Горького и его ролью в истории пролетлитературы.

❖ Правление ВССП обсудило проект нового устава Союза. Писатели, высказывавшиеся в прениях, отметили необходимость включения в новый устав вопроса о создании, на ряду с центральной организацией — ВССП, Московского отделения Союза.

❖ Секретариат ФОСП назначил первомайскую комиссию в составе: А. Зуева (пред), И. Скосырева, П. Боровского, Тетеромова, В. Киреева и А. Крутилина («Литгазета»).

❖ Центральная литконсультация ФОСП не сумела охватить вполне всю ту массовую работу с начинающим писателем. Работе литконсультации ФОСП по помощи в литконсультации. Секретариат ФОСП признал необходимым ликвидировать литконсультацию ФОСП как самостоятельную организацию и передать все материалы и аппарат литконсультации в массовый сектор ГИХЛ, где необходимо широко развернуть работу с начинающим писателем. Решено выделить комиссию ФОСП для ознакомления с деятельностью литконсультаций ГИХЛ и привлечение писательской общественности к ее работе.

❖ Секретариат Закавказской АПП признал необходимым провести подготовительную работу по созданию в Азербайджане Федерации советских писателей.

НОВЫЙ ЖУРНАЛ „СОВЕТСКАЯ СТРАНА"

С апреля этого года в ГИХЛ начинает регулярно выходить на русском языке ежемесячный общественно-политический и литературно-художественный журнал «Советская страна».

Журнал будет выходить объемом в 8—10 печатных листов при ближайшем участии Всесоюзного объединений ленинградских пролетарских писателей (ВОАПП), Коммунистической академии и Союза литературных ЦИК СССР, под общей редакцией А. В. Луначарского.

Журнал «Советская страна» будет вести решительную борьбу с пролетарским великодержавного шовинизма и разоблачать идеи национал-демократизма и национальной обособленности, проявляющиеся подчас наиболее завуалированно в отдельных произведениях некоторых литературно-художественных изданий.

«Советская страна» ставит также своей задачей создание и обслуживание вокруг журнала кадров пролетарских, крестьянских и попутнических писателей и марксистских критиков различных национальностей, населяющих СССР, вырабатывающих методологию в области национальных искусств и литературы. В отдельных художественной литературы журнал будет печатать авторизованные переводы новейших произведений современной художественной литературы национальностей Союза и знакомить читателя с вопросами национальной политики и культурной революции при помощи художественных очерков, иллюстрируемых фотографиями и рисунками.

Значительное место в журнале будет отведено отдел библиографии, в котором будут печатать обзоры записанных изданий и национальных литературы издательства РСФСР, аннотации, рефераты и рецензии на издания, посвященные быту, культуре и искусству народов СССР, выходящие как на русском, так и на национальных языках.

Журнал будет знакомить читателя с культурной жизнью наших соседей на востоке (Турция, Афганистан, Персия, Тангу-Тува, Монголия и т. д.), а также с положением национальных меньшинств на Западе.

Значительное место в журнале займет отдел информации, в котором должна найти всестороннее освещение жизнь культурных организаций и национальных республик и областей Советского союза.

Все материалы для журнала следует направлять по адресу: Москва, Тверская ул., 35, редакция «Советская страна».

Первый номер «Советской страны» выйдет в апреле.

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

В январском 1931 году в издательстве «Молодая гвардия» вышла моя книга — «Записки подавшего надежду». Книга осталась у председателя, а в результате, вместо выхода ее в свет, книга очищена не разрешена до сегодня, которая ставилась мной в 1-ст—28 тт.

В книге поднимается ряд политических вопросов пятилетнего движения, которые в те годы вызвали огромное внимание как молодого начинающего писателя. В настоящее время, тем более в связи с призывом рабочего-ударника в литературу, эти вопросы отходят на задний план и для литературного движения не имеют такого актуального значения.

Кроме того, в книге имеется целый ряд политически неверных мест, а также ряд резких выпадов против товарищей-писателей, что в условиях данного периода представляет особо-политическое значение, и те ошибки, которые имеются в книге, с особой силой выступают на первый план.

Прошу читателей отнестись к книге критически и все свои замечания, не стесняясь формой выражения, прислать мне по адресу: Москва, Проезд художественного театра, дом № 3, кв. 5.

МИХ. ЮРИН

***

В № 67 (2156) газеты «Вечерняя Москва» от 20 марта 1931 года напечатана статья Б. Б—го «Об оскорблении языка русского». В ней «автор книги «Повествование» обвиняется в том, что «утверждает» о не вполне «ясном отношении» к своей книге. В. Б—й «неискренне лжет». Я, Б—ским отвечать не хочу и не буду. Но перед лицом советской литературной общественности и редакции «Вечерней Москвы» я готов публично, на деловое разоблачение недобросовестности оппонента.

НИКОЛАЙ КОЛОКОЛОВ

От редакции: В ближайших номерах редакция даст свою оценку некоторым рецензиям и «Вечерней Москве».

***

В декабре прошлого года в детвещградском журнале «Строгань» была помещена моя рассказ «Авантюра». В нем я, на своих собственных наблюдениях, показал работу [illegible] на одном из заводов. Рассказ я читал [illegible] и, как мне казалось, одобрили. Но, как оказалось, напечатан он был с грубыми искажениями, [illegible] и [illegible] политически вредное. Последнее меня [illegible] так как я никогда не допустил бы [illegible] в печать, если бы знал, что [illegible] сделают.

Недавно я получил письмо из редакции «Строгань», в котором сообщается, что рассказ мой признан политически вредным, и что [illegible] в № 1 журнала будет напечатана [illegible] моего рассказа.

Я, конечно, очень удивлен, возмущен и рад, когда я узнал, что я получил [illegible] без [illegible] и что [illegible] за «Рубежом» 15 декабря, [illegible] в редакцию [illegible] что [illegible] в [illegible] и [illegible] [illegible] [illegible]

М 25
1930—1931

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Орган Федерации Об'единений Советских Писателей РСФСР

МОСКВА 14 АПРЕЛЯ 1931 г. № 20 (119)

РЕДАКЦИЯ: Тверской бульвар, 25, Дом Герцена. Тлф. 2.80.12

ГОД НАЗАД УМЕР ВЕЛИКИЙ ПОЭТ РЕВОЛЮЦИИ ВЛАДИМИР МАЯКОВСКИЙ

ОТ ФУТУРИЗМА К ПРОЛЕТАРСКОЙ ПОЭЗИИ

Пускай
за гениями
безутешною вдовой
плетется слава
в похоронном марше.

В. МАЯКОВСКИЙ „Во весь голос"

Год назад не стало Владимира Владимировича Маяковского. Прошел год с тех пор, как «точка пули» завершила жизненный путь революционного поэта,—и какой год! Не для траурных поминок, а для живого социалистического дела спрашивает себя сегодня советская литература: каким было бы творчество Маяковского в начальный период социализма? Но этот вопрос вновь поднимает вопрос встречный: почему с нами нет Маяковского? И мы обращаемся ко всему литературному наследству поэта, мы перечитываем, в частности, «Во весь голос»—первое вступление в поэму, которая осталась ненаписанной,—мы с уважением ощупываем оружие, которое не стало «старым» и заржавленным, которое попрежнему остается «грозным» и разящим.

Маяковский не был рожден пролетарским поэтом. Опубликованная нами недавно поэма В. Хлебникова, перекликающаяся с мотивами «Облака в штанах», дополнительно определяет социально-психологическую почву, выразившую творчество раннего Маяковского: это было индивидуалистическое мелкобуржуазное бунтарство, это была мелкобуржуазная революционность. Здесь было перепутье, отсюда начинались два пути: к стабилизации такого бунтарства и такой революционности, т.-е. в конечном счете, об'ективно, отход от пролетарской революции,—и к преодолению индивидуализма, к переделке себя, к переходу на позиции пролетарской революции. Последний путь был самый трудный. И по нему пошел Маяковский. Он не успел (и не сумел!) полностью и до конца войти в пролетарскую поэзию. Стихия индивидуализма не была им раздавлена, изжита, уничтожена без остатка. Но только литература пролетариата может предъявить и предъявляет бесспорные права на его наследование.

Маяковский «себя смирял, становясь на горло собственной песне». Значит—творчество Маяковского было убито пролетарской революцией?!—злорадствует белогвардеец, кликушествует Троцкий, соболезнует обыватель. Нет, не значит! Пролетарская революция привела не к снижению, а к расцвету творчества Маяковского. Читатель социалистического общества будет изучать больше всего и ранее всего его пореволюционные произведения. В них этот читатель обнаружит выраженные с особой силой созвучные ему идеи, чувства и страсти,—именно в них, а не в стихах Маяковского раннего футуризма обнаружит он побеждающий века голос «агитатора, горлана, главаря». Творческий путь Маяковского не был ровным, спокойным, однолинейным. 1917 год дал ему новое творчество и социальное качество. Послеоктябрьского Маяковского нельзя называть «попутчиком»: он был союзником пролетариата. Но Маяковского последних лет уже нельзя называть союзником: еще полностью не став пролетарским поэтом, он проходил путь превращения союзника в пролетарского поэта. Диалектика пролетарской революции врывалась в его стих «брызганием боев». Ряд его последних произведений уже без всяких оговорок относится к пролетарской поэзии. Дело пролетариата было и его делом. В начальном периоде социализма Маяковский был бы уже не «союзником», а подлинным пролетарским поэтом.

На горло какой песни становился Маяковский? На горло своей собственной—прежней песни. С кем боролся Маяковский? Со всеми проявлениями, влияниями, корнями старого мира,—в том числе и в самом себе. И в этой борьбе «песня», как таковая, вовсе не умирала, — наоборот, рождалась новая: одна песня боролась с другой и побеждала та, которая шла от класса, строящего социализм. Борьба не была закончена победой последней: непреодоленная до конца власть старого мира дала себя знать. И сегодня Маяковского нет среди нас.

Пролетарская литература перестраивается, преодолевая огромные трудности, наиболее ощущаемые в области поэзии. Именно здесь особенно заметно отсутствие Маяковского, его слова, его призыва, его примера. Реализация лозунгов повышения классовой действенности пролетарской поэзии, борьба за художественное качество (под углом зрения социальной утилитарности), построение большого искусства, достойное пролетариата, осуществляющего социализм—все это предполагает широкое использование поэтического искусства Маяковского, его опыта, его примера. И здесь грубейшим искажением диалектического материализма и величайшим неуважением к самому Маяковскому явилась та попытка канонизации творчества Маяковского, которая проявилась со стороны «Литфронта». Пролетарское литературное движение не раз горячо спорило с Маяковским по творческим вопросам,—спорило не как с врагом, а как с другом. Однако, как бы ни были горячи споры, бесспорным было то, что об'ективно дистанция, отделявшая Маяковского от пролетарской литературы, все время уменьшалась. Но сам Маяковский, вступая в РАПП, хорошо понимал, что его творческая эволюция отнюдь не закончена,—что вхождение в организацию пролетарских писателей не есть только формальный акт,—что это есть акт дальнейшего классового, а следовательно и творческого самоопределения. Он хорошо понимал необходимость переосмысливания многих творческих ценностей. И наследство Маяковского нужно брать в его движении, а не в его завершенности. Иными словами, нужно бороться за его развитие и против его превращения в музейную ценность, в добыть, в поэтический канон. Когда же иные критики заявляли о том, что творческий метод Маяковского и есть генеральный метод пролетарской литературы, или о том, что—«форма» произведений Маяковского наилучшим образом соответствует революционному материалу,—подобные заявления выражали только непонимание социального творческого марш.рута Маяковского.

Маяковский ценен для нас как образец крупнейшего революционного поэта, превращающегося в подлинно-пролетарского. Он ценен для нас как образец неутомимого и непримиримого борца за поэзию классового гнева и классовой нетерпимости,—с врагом всех и мелких видов эстетизма, «гуманизма», обывательщины. Его поэзия ушла «на фронт из барских садоводств», она стала трибуном, площадным агитатором—и голос его окреп. Как он мог и должен был окрепнуть в последующей борьбе с прошлым, со старьем, с умирающей, сдавленной и уже хрипящей в предсмертных судорогах старой песней!

Маяковский умер. Да! Но есть его творчество. Мы, не потомки, а современники его, идем с ним в общем строю. Мы вместе с ним разим врагов явных и скрытых,—и мы указываем на Маяковского тем, кто различными путями идет из лагеря попутничества в пролетарской литературе. Трудно этот путь. Он требует непримиримой борьбы с искусами психологии капиталистического общества, с его привычками, с его соблазнами. Этот путь нельзя пройти «в два счета». Тем закрепление будет победа. Об этом говорит вся жизнь и все творчество Маяковского, говорит вопреки событию 14 апреля 1930 г.

Маяковский—
не горстка пепла.
На место его
стань строг.
Чтоб песня класса
взвилась и окрепла,
Крепи сталь строк!

Н. А.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЛЕНИНГРАД

От нашего корреспондента

10 Доклад „Напостовской смены".—„Звено в цепи перестройки".—Новая творческая группировка в ЛАПП.—Жестокий отпор фракционным вылазкам

Крупнейшие фабрики и заводы города Ленина окружены шефской сетью литкружков. В методе ЛАПП — целый ряд книг рабочих авторов, десятки литстраниц в заводских газетах. Это—достижения творческого роста молодых пролетариев. Но все же в литературно-производственной жизни ЛАПП последнего времени надо констатировать недостаточную активность, недостаточное внимание к вопросам творческой практики.

Только в последние недели, в связи с творческим смотром, лозунгом которого стал лозунг «Ленинградской смены», в более или менее достаточной мере внимание ко конкретное произведение рабочих литкружковцев и начинающих рабочих писателей. Сейчас мы имеем и определенное брожение среди творческих выдвиженцев пролетарского молодняка, ведущее к творческой размежевке и творческому сгруппированию. Это брожение несомненно затрагивает и прежде представителей московской «Напостовской смены» (Г. Корабельникова, А. Митрофанова и Н. Борового), сделавший доклад на собрании актива ЛАПП.

***

В рапповской практике мы знали обмен опытом на конференциях и пленумах. Доклад от московской литературно-творческой группировки на собрании ленинградского актива — новое звено в цепи перестройки РАПП, результат решительного поворота лицом к производству, результат призыва ударников в литературу и разгрома литературно-политических вредителей РАПП.

Основной доклад был сделан Г. Корабельниковым, которого дополнил затем А. Митрофанов и Н. Боровой.

***

Как и следовало ожидать, выступления московских товарищей вызвали ожесточенные прения. Их построение ярко выражает речь Е. Добина.

— В прошлом году,— сказал т. Добин,—правление ЛАПП делало доклад на собрании актива МАПП. И московский актив призвал, что ЛАПП—ведущая организация. Теперь наша очередь признать: за этот год мы значительно отстали. Московская организация впереди нас и нам есть чему поучиться у московских товарищей: хотя бы опыту «Напостовской смены». Корни отставания Ленинградской ассоциации т. Добин видит в литфронтовских хвостах, отвлекших внимание от творческой работы.

— «Литфронт», — указал в другой оратор т. Малахов, — стремится к разрыву литературно-политических и творческих установок РАПП, в то время как, у «Напостовской смены» правильная установка на увязку литературно-политических задач с творческой работой.

С основными установками «Напостовской смены» в общем согласились товарищи, выступавшие затем, отдельные пункты ее творческой программы. Была отмечена назревшая необходимость создания литпролетарских творческих группировок, которые, подчинив все свои задачи общепролетарским задачам и заняв развернутые тематические лозунги, соответствовали бы реализации сталинского лозунга «овладеть техникой» в самой пролетарской литературе повысили качество художественного произведения в широком смысле этого слова.

***

— У московской организации большой опыт в области творческого соревнования и творческой дифференциации,— сказал ответственный секретарь ЛАПП М. Лузгин.—Мы должны усвоить московский опыт не механически перенеся к нам московскую схему, но творя дальше, что несмотря на различия в подходе к некоторым вопросам, основные главные задачи у нас общие и единые. Мы должны развернуть в Ленинградском ассоциации творческую дискуссию; речь идет о творческих группировках, но не о какой-либо литературно-политической фракционности.

Бесспорное положение было подтверждено прениями.

И современные нездоровые настроения, витающие еще кое-где в воздухе, питающиеся отдельными творческими трудностями, попытки создать атмосферу «духа и традиций» вторичной напостовской группы «Резец» (А. Чернаков, Я. Калнин, П. Владимиров, В. Грудинин, Н. Калинин и пр.), организующей позже внутрилитературную творческую группировку.

Эта группировка, как заявляют товарищи, создается на основе литературной платформы Ленинградской ячейки РАПП, на основе творческого почина РАПП о развертывании творческой дискуссии.

— Мы хотим объединиться в творческую группировку для того, чтобы дружной крепко спаянной группой легче было бороться с вредной марксистско-ленинской теории, чтобы успешней и безошибочней овладевать методом критически отбирать все нужное, все здоровое в художественном наследии прошлого.

***

Если большинство ленинградских литфронтовцев признало в отдаленном свои ошибки и порвало сейчас на практике с вредной теоретической линией, отдельные участники безграничного обзора продолжают придерживаться в укромных уголках проводить литфронтовскую (а следовательно антирапповскую) линию.

Для М. Майзеля таким «укромным уголком» оказалось Литбюро ЛенФОСП. В Литбюро М. Майзель явился представителем ЛАПП и постоянным лектором. Одна из лекций М. Майзеля—о задачах советской литературы и реконструктивный период — стала первым деловым обменом обсуждения президиума ЛАПП.

Вот составленный Майзелем список литературы, которая должна была заключаться на этой лекции: Горбунов, Ильинский, Безыменский, Киршон, Сельвинский, Катаев, («Молоко»), сборники «Ровесники» и «Сквозь ветер». Если не считать исказившую еще драму Буткина «Хлеб» и отрывок из «Недолома» Горбунова, вставленный по настоянию чтицы, советская литература представлена в списке Майзеля характерными для «Литфронта» произведениями; нецутными представителями правой перевальской группой; основной же массив пролетарской и непутевской литературы М. Майзель игнорировал.

Этот список М. Чумандрин квалифицировал как подтверждение Майзелем диалектического тезиса Горбачева о кризисе советской литературы.

— Если Майзель отрицательно относится ко всем этим произведениям, он затушевывает положительное в советской литературе; если он положительно относится к перечисленным в списке произведениям—снять он будет свои частичные литфронтовские вкусы.

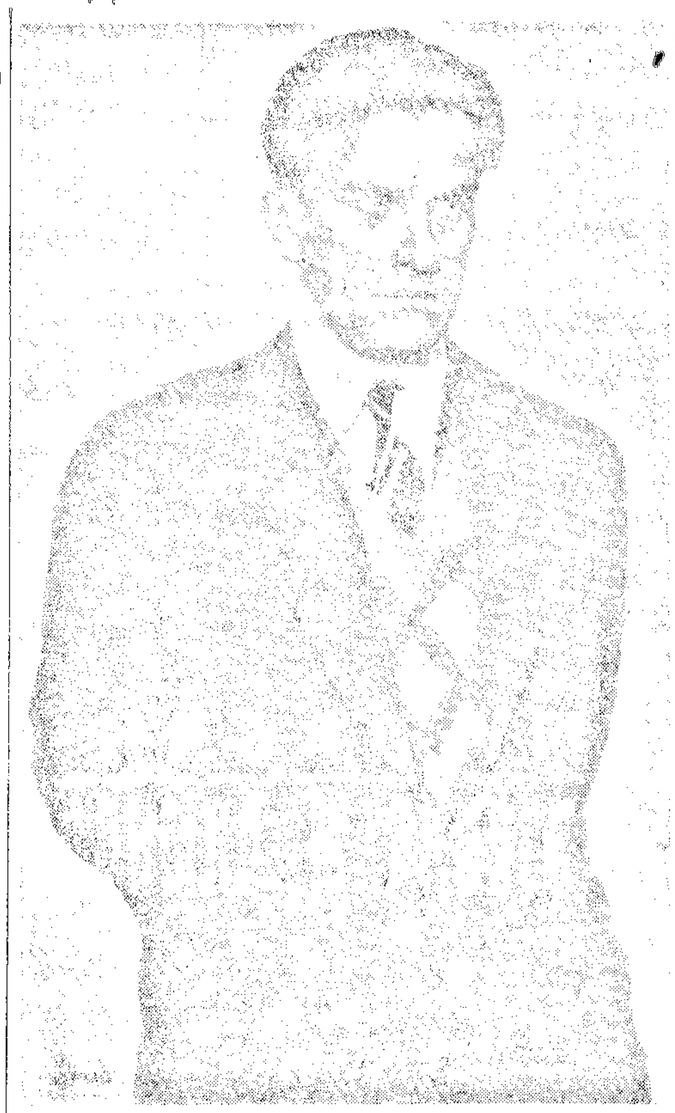
В ГИХЛ, в котором Майзель также работал в качестве представителя ЛАПП, все время приходилось давать отпор его неумышленным вылазкам литфронтовского порядка—Майзель, — заявил Е. Добин,—систематически боролся с линией ЛАПП в издательстве. От оказания, например, защитником книжки С. Родова, в которой приводились пятые утверждения, что в борьбе с «Литфронтом», последний оказался победителем, а напостовское руководство РАПП посрамлено (!). Он защищал и другие (даже не читая их!!), в которых проводились литфронтовские тенденции. Наконец, в своей последней книге о современной русской литературе он также пропускает литфронт без всяких оговорок.

Президиум ЛАПП постановил немедленно освободить М. Майзеля от обязанностей представителя ассоциации в ГИХЛ и Литбюро ФОСП и об'явить ему строгий выговор.

Антирапповские вылазки Майзеля ассоциируют о том, что отдельные деятели бывшего «Литфронта», притаившись, закономерно пытаются протаскивать вредные фракционные установки. Этим попыткам надо дать жесткий отпор — непримиримо и решительно.

Б. РЕСТ

Ленинград.



Явившись в Це Ка Ка
грядущих светлых лет,
Над бандой
поэтических пролаз и выжиг
Я подыму
как большевистский
партбилет
Все сто томов
моих
партийных книжек.

В. МАЯКОВСКИЙ

ПЛЕНУМ ЛОКАФ—МАКСИМУ ГОРЬКОМУ

Уважаемый Алексей Максимович!

Первый расширенный пленум Центрального совета литературного об'единения Красной армии и флота шлет вам горячий красноармейский привет.

Вам, нашему почетному председателю, мы рапортуем:

В наше об'единение уже входит свыше тысячи советских и до двух тысяч начинающих красноармейских писателей, поэтов, критиков всех народов СССР, а также и других стран. Мы издаем несколько литературно-художественных журналов и приступим в этом году к изданию многих десятков книг о Красной армии, гражданской войне и борьбе против империалистических войн. Свыше полутора сот литературных кружков, организованных ЛОКАФ в частях Красной армии и флота, ведут исполнение пролетарской литературе.

Мы ставим своей задачей—осваивать в художественной форме быт, жизнь и учебу Красной армии, ее участие в социалистическом строительстве, ее классовую и интернациональную сущность, ее героическое прошлое. Оружие художественного слова мы мобилизуем на борьбу против империалистических войн, на защиту СССР от интервенции.

Наша неутомимая борьба против капиталистического рабства, за победу новых общественных отношений, за строй социализма, ваша самоотверженная работа по разоблачению поджигателей войны и их слуг социал-демократов, пацифистов, гуманистов всех стран—пример того, как надо выполнять задачи, которые мы перед собой поставили.

Неудивительно, что эксплоататоры, жандармы, крапобесы всех религий и мастей подняли против вас бешеный вой. В этом—убедительное свидетельство огромного революционизирующего значения вашей борьбы.

Победа социалистического строя, победа новых социалистических отношений между людьми пленяет. В этом особенно убеждают рабочих и широкие массы трудящихся всех стран громадные успехи строительства социализма в СССР. Мы уже более, чем вдвое превысили довоенную продукцию промышленности. У нас коллективизировано до сорока процентов крестьянских хозяйств. Социалистическая организация труда побеждает по всему фронту народного хозяйства. Мы вступили в период социализма. Это и вызывает неутолимую ненависть эксплоататоров всех стран и порождает новые попытки задушить нас вооруженной рукой.

Советская страна спокойно и уверенно продолжает строительство социализма. Зорким часовым стоит Красная армия на посту, готовая дать отпор любому империалистическому интервенту.

Продолжайте, дорогой Алексей Максимович, вашу работу по сплочению масс вокруг Советского союза. С восторгом смотрят на нас рабочие и трудящиеся СССР и всего мира. Мы будем учиться у вас применять художественное слово для обороны СССР. Все силы нашего об'единения готовы защищать пролетарское творчество не только пером, но если понадобится—и всеми средствами современной военной техники.

Расширенный пленум
ЦС ЛОКАФ

К ПРИЕЗДУ МАКСИМА ГОРЬКОГО

❖ Секретариат МАПП устраивает 20 апреля инструктивный доклад тов. КАНАЕВА для актива ударников и руководителей литкружков на тему «Творческий путь М. Горького». Задача вечера—ознакомить и проинструктировать актив литкружков для освещения на занятиях фабрично-заводских литкружков значения и роли Максима Горького в пролетарском литературном движении и отражения этих вопросов в низовой печати к приезду Горького.

❖ Райбюро МАПП организуют общерайонные литвечера, посвященные Горькому. В кружках будут проработаны произведения Максима Горького.

❖ К приезду А. М. Горького в ИКСР ОГИЗ переиздаст сочинения М. Горького. Будут выпущены первые два тома сочинений Горького отдельной книгой — третья часть «Клима Самгина». В издании дешевой библиотеки ОГИЗ (ДСБ) — выпускается сборник рассказов (17 печатных листов), написанных М. Горьким, начиная с 1922 по 1931 гг.

ПАМЯТИ В. В. МАЯКОВСКОГО

Комиссия живого слова и отдел пропаганды и популяризации ГАИС провели 8 апреля вечер памяти В. Маяковского в Государственной академии искусствознания.

Г. Лелевич в кратком вступительном слове обрисовал творческий путь Маяковского от бесформенно-индивидуалистического бунта к пролетарской революционности, путь плодотворный и поучительный для современных поэтов. Многие из них смогут пройти его вслед за Маяковским только в том случае, если, как и Маяковский, поймут, что их участие в социалистической стройке возможно только на основе коренной перестройки мировоззрения.

Выступивший затем председатель комиссии живого слова А. К. Шнейдер говорил о выступлениях покойного поэта в аудиториях и о проблеме чтения стихов Маяковского.

Вечер закончился большой художественной частью, в которой студентами ГАИС были исполнены произведения Маяковского.

❖ Институт ЛИЯ Комакадемии, РАПП и ФОСП устраивают 14 апреля в Комакадемии вечер, посвященное Владимиру Маяковскому. Выступят тт.: Авербах, Авдеенко, Асеев, Лелевич, Луначарский, Харджиев. Художественное чтение: Розанер, Яхонтов и др. Вход по пригласительным билетам.

❖ Отдел пропаганды и популяризации государственной Академии искусствознания устраивает 14 апреля вечер памяти Маяковского. Вступительное слово А. Луначарского. Доклады: В. С. Когана — «Литературный путь Маяковского», И. Л. Еремеева — «Маяковский и кино». Демонстрация кинохроники. «В. В. Маяковский при жизни и посмертная поэта». В залах академии организуется выставка «Маяковский и кино», которая будет открыта по 24 апреля.

❖ 17 апреля ФОСП и МАПП устраивают в клубе ФОСП для писательского актива и ударников вечер, посвященный годовщине смерти В. В. Маяковского. На вечере выступят ряд писателей и поэтов: С. Кирсанов, И. Асеев, В. Луговской и др. с чтением стихов Маяковского с воспоминаниями о Маяковском. Фото-кабинет ФОСП организует в клубе писателей фототеку Маяковского.

❖

В связи с годовщиной смерти В. В. Маяковского МАПП рассылает в районные организации и литкружки рекомендательный список произведений Маяковского для проработки их рабочими-ударниками—литкружковцами.

❖

Комиссия ФОСП и ЛИЯ Комакадемии по проведению годовщины смерти В. В. Маяковского обратилась в президиум Моссовета с ходатайством о переименовании одной из московских площадей в площадь имени Маяковского.

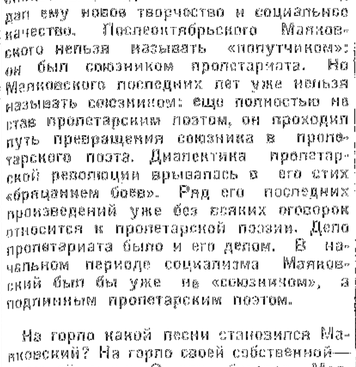
❖

КОМИССИЯ ОБРАТИЛАСЬ ТАКЖЕ В ПОЛИТЕХНИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ О ПРЕДЛОЖЕНИЕМ ПРИЗВОИТЬ БОЛЬНОЙ ХУДИТОРИЦ МУЗЕЙ — ИМЯ МАЯКОВСКОГО.

Как ни странно, директор музея т. РУСИНОВ отклонил это ходатайство.

На предложение комиссии дать мотивированный ответ руководители Политехнического музея до сих пор не отмалчиваются. Комиссия ФОСП и ЛИЯ Комакадемии выразила недоумение по поводу такого отношения к Маяковскому со стороны дирекции Политехнического музея и поставила обратиться в соответствующие инстанции с просьбой удовлетворить ходатайство.

ВТОРОЙ ЛИТДЕКАДНИК ФОСП



Г. И. Ломов

Состоялся второй литературный декадник ФОСП.

Первую половину вечера занял доклад зам. председателя Госплана СССР тов. Г. И. Ломова об основных вехах генерального плана развития народного хозяйства СССР во второй пятилетке.

Сделанный в живой и увлекательной форме доклад т. Ломова был с громадным интересом встречен писательской молодежью, которая проявила горячее участие в прениях «деловой критики», создавшей последнему на наших глазах новейшими открытиями и последовательными изысканиями советской науки, и незнанным размахом строительства социалистической экономики в Союзе советов.

В последовавшей беседе писатели единодушно отметили большую важность доклада т. Ломова.

Вместе с тем ряд товарищей (**Г. Корнеев, В. Луговской, А. Эфрос**) правильно указали, что изложить этого доклада, как и ряда других, которые будут прочтены на дальнейших декадниках ФОСП, будет недостаточно, если писатели не сумеют практически использовать полученную «зарядку», не сумеют в своей конкретной творческой практике откликнуться на кардинальные проблемы советской экономики, культуры, индустрии, этнографии,—те проблемы, решение которых сводится, в конечном счете, к выполнению основного лозунга: догнать и перегнать передовые капиталистические страны.

***

Вторая часть вечера была посвящена авторской читке новой повести Валентина Катаева—«Маленькая железная».

Остроумно написанная повесть В. Катаева является советским бытовым романом, построенным на современном материале и вскрывающим убогую обывательщину «мещанина», которым противопоставлена бурно растущая молодая культура пролетариата.

Несмотря на ряд недочетов (бледность, неубедительность и т. д.), вещица В. Катаева, несомненно, будет иметь значительный успех у массового зрителя.

Д. К.

ПЛЕНУМ ТВОРЧЕСКОЙ ОБЪЕДИНЕНИЯ

На-днях закончил свою работу расширенный пленум ЦС ЛОКАФ.

На пленуме были представлены две тысячи красноармейцев-литкружковцев, сотни советских писателей, в том числе и литературные организации союзных республик (Украины, Белоруссии, Закавказья). Таким образом состав пленума демонстрировал рост локафовского движения, его массовость и политическое значение.

Пленум одобрил литературно-политическую линию ЦС и отнор, данный ЦС попыткам «Литфронта» использовать отдельные организации ЛОКАФ для борьбы против руководства РАПП. Пленум также поддержал выступление ЦС в лице т. Вишневского «Последний решительный». Критика ошибок Вишневского явилась предупреждением о всей ответственности оборонной тематики. Эта критика явилась вместе с тем и началом творческой дискуссии, которая нашла свое развитие на пленуме ЦС.

Пленум подвел итоги первому периоду «накопления сил» большой организационной работе. Уже на основе достигнутой массовости и первых организационных успехов пленум смог приказать организации ЛОКАФ решительно повернуться к творческим задачам.

Значение творческой дискуссии на самом пленуме, конечно, ограничено. В ней не было достаточно четкой целеустремленности, было сразу поставлено не мало вопросов. Однако, вместе сначала. Для связи с рабочей тематикой дискуссия в периоде ЛОКАФ («ЛОКАФ» и «Залп»), в комиссиях местных отделений. В основном задачи были поставлены. Творческая мысль ЛОКАФ — это мысль пролетарской литературы. Только этим методом может работать организация... литкружковцев. ЛОКАФ должен помочь своим писательским кадрам овладеть методом пролетарской литературы. В основной задачи творческой дискуссии на конкретном материале выявить применение этого метода в оборонной тематике, в художественном отображении Красной армии.

Интернациональный момент в работе ЛОКАФ был ярко подчеркнут выступлением **Бела Иллеша**, заявившего, что каждый революционный писатель Запада считает себя членом ЛОКАФ.

Рост движения, все более усложняющиеся задачи ЛОКАФ чрезвычайно обязывают все его местные организации. Необходимо обеспечить дальнейший рост об'единения и организационное закрепление этого роста. Центральное внимание местных организаций должно быть направлено на развитие красноармейского литературного движения в руководство им. Но главное — ЛОКАФ в целом должен реализовать, провозглашенную пленумом ЦС творческую мобилизацию. Творческая продукция на обозначенные темы, ее количество и качество, успехи литературной учебы кружковцев — основные показатели работоспособности каждой из организаций ЛОКАФ.

О планировании литературной науки

В Колонном зале Дома союзов, где недавно протекал суд над вредительской кучкой вредителей и недобитков войны, несколько дней происходила Всесоюзная конференция по планированию научно-исследовательской работы.

Огромные успехи социалистического строительства в нашей стране, величайшие достижения в области системы открыли безбрежные горизонты для научно-технической мысли. Тысячи рабочих-изобретателей на заводах и фабриках свидетельствуют о том, что научная мысль вверенные проникает в массы, делается достоянием миллионов. **Когда наукой овладевают миллионы, она становится поистине великой силой.**

Старые, наиболее честные научные работники об'единились с молодыми красными специалистами в борьбе за пятилетку в четыре года, в борьбе за генеральную линию партии. В этом политическое значение научной конференции.

Рост литературного движения на основе развертывания культурной революции выдвигает проблему планирования литературной науки, требует более четкого плана в деле подготовки литературных кадров.

Установление перспективного плана литературоведческой работы, упорядочение всей системы подготовки писательских кадров — такова важнейшая задача, стоящая перед ЛИЯ Комакадемии, перед ФОСП, перед литфаком, перед всеми литорганизациями.

Не хочу,
чтоб меня,
как цветочек с полян,
рвали
после служебных тягот,
а хочу,
чтоб в работе потел Госплан,
мне давая
задания на год

В. МАЯКОВСКИЙ

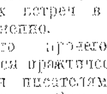
ЗА ПЯТЬ ДНЕЙ

Декадник ФОСП

ФОСП проходит очень ценное и интересное мероприятие — литературные декадники, на которых писатели встречаются с ответственными представителями центральных хозяйственных организаций, с работниками науки и техники и получают от них информацию об основных политических и хозяйственных задачах, стоящих перед нашей страной. На этих же декадниках авторы читают свои новые произведения. Происходит, так сказать, творческая взаимоинформация. Пока состоялось два литдекадника ФОСП, но и по ним можно уже судить, что они сыграют значительным явлением в литературной жизни.

На первых двух декадниках проф. **Александровым** и зам. пред. Госплана СССР т. **Ломовым** были сделаны интереснейшие сообщения: первым — о перспективах развития советской энергетики, вторым — о предпосылках второй пятилетки. Громадный размах социалистического строительства, осуществление лозунга «догнать и перегнать», вот, что характеризует эти плановые установки, знакомясь с которыми писатели получают возможность лучше осмыслить настоящее и будущее строительство социализма, продумать вопросы о том, как они, писатели, должны новым качеством литературы принять участие.

Нельзя, таким образом, безоговорочно признать правильной существующую практику в системе клубных и внеклубных мероприятий ФОСП. Первые декадники должны стать не только информационными, но и действенным характер. Сделанные сообщения должны обсуждаться. Вопросы о том, как же писатель может творчески использовать полученные им сведения, так же должны подвергаться углубленной и всесторонней дискуссии.



№ 1908 1908.

Наблюдение за „Высокий"

станция: Маяковский Вла. Влад. Владимирович

Москва Центр

Арбатская ул. Вахтангова

Приметы:

Документ каменной охраны о слежке за «Высоким»—В.В. Маяковским.

МАЯКОВСКОГО СРАЗИЛА ПУЛЯ СТАРОГО МИРА,
НЕПОБЕЖДЕННОГО ИМ ДО КОНЦА В САМОМ СЕБЕ
НО МАЯКОВСКИЙ — ПРИМЕР ПОДЛИННОЙ ПЕРЕСТРОЙКИ,
БОЕВОГО СЛУЖЕНИЯ ДЕЛУ ПРОЛЕТАРИАТА НА ФРОНТЕ ЛИТЕРАТУРЫ

Л. АВЕРБАХ

ЗА БОЛЬШОЕ ИСКУССТВО БОЛЬШЕВИЗМА

К ГОДОВЩИНЕ СМЕРТИ МАЯКОВСКОГО

Год назад мы потеряли Маяковского. Революция лишилась поэта громадного таланта, большого революционного пафоса, честного служителя социализму. Советская литература лишилась крупнейшего новатора, неутомимого бойца против канонизации старья, передового писателя, сравнявшегося вплотную в практику социалистической стройки. Россиевская ассоциация пролетарских писателей лишилась Маяковского — члена РАПП, Маяковского — учителя многих поэтов рабочего класса. Маяковского — воспользовавшего право называться пролетарским поэтом больше, нежели некоторые другие, безработно и часто без основания именующие себя пролетарскими.

Группа молодых пересмотрщиков заявляет в напущенной ими книге «Спекуляция»: «Оружие писатели, исследующего произведение, — не энтузиазм, а знание». Энтузиазм порит время. Филькефею производства не доглядеть на всех «постах».

«За писателя» — объективиста, писателя — стойкого наблюдателя, писателя — холодного и бесстрастного «фиксатора» времени — часто самые злые программисты и лжи определенных писательских кругов послушного заявления. В борьбе против таких людей и таких настроений Маяковский был передовым бойцом против канонизации старья, передового писателя, сравнявшегося вплотную в практику социалистической стройки. Россиевская ассоциация пролетарских писателей лишилась Маяковского — члена РАПП, Маяковского — учителя многих поэтов рабочего класса,

УДАРНИКИ ПОЭТИЧЕСКОГО ЦЕХА

ПРОИЗВОДСТВЕННАЯ АГИТГАЛЛЕРЕЯ

НА Ф-КЕ ИМ. „ИЛЬИЧА" В СИМФЕРОПОЛЕ

На заводе прорыв. План выполнен на 83 проц. На заводе тревога. Партийно-комсомольские коллективы мобилизуются.

— Прорыв должен и будет ликвидирован.

На заводе дрались классовый враг. Сначала он острит о литействе, сеет панику и доходит до предательства... Дельцы, разжиревшие, прокулацкие — свои люди у классовых врагов.

Но—прорыв должен быть ликвидирован!

В эти напряженные дни в рождается литературный кружок. Руководители со стороны нет, сами принялись за работу. Рабочим выходные дни, после работы и засветло ночью.

Лозунг «прорыв должен и будет ликвидирован» определил установку литкружка.

В один из напряженных боевых дней в обеденный перерыв рабочие кампуля в клеш, на которой большими буквами написано:

«Производственная агитгалерея».

Галерея состояла из двух больших: стенной и черной, доски. На черной — карикатуры или шаржи с отпечатками на газетной, бюрократов и на красной — ударных ударников...

Галлерея была создана по примеру агитокон Маяковского.

Вот некоторые характеристики:

ПРАВЫЙ:

«Посмотрите правому в глаза
на них кулацкая слеза».

На прокулацких и рядом мы набрасывались с особой энергией...

«Кого хочет или обязать:
Иванова Филиппку,
Дам им знание капкеда
и ударника хлопкого»

или

«Ленивее у нас всех ворон ворона
Только на него пройдите...
сразу предстанет перед вами Ворохов
лентяй, разиндей и прогульщик...

Рядом дебелых общест, фабком, административный меренал не успевали от галлереи.

Выпуск на маринованного изобретения...

«Тов. Турчинский—пример достойный,
Чтоб и нам в галлерее повеситься...
Лафонтен «шаблон настольный»
под стол на несколько месяцев.
...Видно сделана для нашего брата
голова... на шаблон сюрократа.

Агитгалерея сразу завоевала авторитет среди рабочих. Вечера, собрания рабкоров, бюро — ставили вопросы: «повесить в галерее».

Это подтянуло к работе и литкружковцев, так как все следили за ними... Случилось так, что в галерею попал и сам литкружковец. Он по комсомольской линии должен был отработывать свой выходной день. Несколько часов он отработал, а потом упал писать лозунги.

На следующий день в галлерее плакат:

«Есть и такие, орут о прорыве
лежачи плюю на дно...
Ударник рвать плакат о прорыве
вместо того, чтобы прорыв ликвидировать...

Агитгалерея заводит за высокую ограду обыкновенные красные и черные доски... Шаржи, карикатуры к классовым антипрорывным действуют основательно.

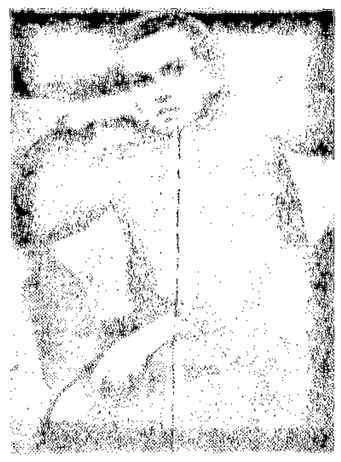
В один месяц мы выпустили свыше 50 плакатов.

Борьба за профилактику сама подталкивала нас. Лозунг «прорыв должен быть ликвидирован» не давал покоя и заставлял после работы ветером и ночью писать и рисовать плакаты...

На борьбу поднялся весь завод.

Прорыв был ликвидирован на пятнадцать дней раньше срока...

Фразеровщик Николай Пилотай.



Маяковский-гимназист

ЧЕРНОВИКИ и ВАРИАНТЫ

Черновиков после Маяковского осталось очень мало. Обычный способ его работы был такой, что первоначальные заготовки уничтожались всегда в его богатейшей зрительной памяти и не требовали закрепления на бумаге. Но особые обстоятельства, создавшиеся при работе над поэмой «Про это», оставили три списка, значительно различающихся от окончательного белового текста. Предлагаемый свою вступительный материал, любопытный уже сугубою лабораторию творческой работы Маяковского, описан этот будет особо-основательно и тщательно. Мы ограничимся здесь лишь несколькими замечаниями, которые помогут читателю ориентироваться в материале.

Прежде всего, что заставило Маяковского работать над этой темой? Ответ на этот вопрос дан в самом тексте поэмы:

«Мне обязана холодом ногу
Отсудила вода.
Почему много.
Сам напилася
плаксa.
Слякоть.
Неправда.
Стекло нельзя напилакать».

Начало этого окончательный текст заключен так:

«Вода обязала холодом ногу
Пусть с непривычки,
напилила слякоть
Простынь постельная
трепещет пластом».

Первоначальный набросок передается в следующей:

«Мое отсюда, лежащее пято
Тоскующе тронутым железом.
Напьяться и падать вошло одежо
Блестеть и плакаться плесом».

Здесь уже значительно усилена мотивировка превращения одежи в воду. Незначительное отсюда «трипом прижимаясь» — заменяется оригинальным образом «напьяться и падать вошло одежо». Но и этот образ не удовлетворил Маяковского. В черновике имеется третий вариант:

Одежо ложало, лежало зыно
Несущую бронзовым железом
И слаго тело давить одежо
Блестеть и плакаться плесом».

Все более и более конкретизируются в ходе образы «тихо давить», «блестеть», подчеркнется, как мы видим, окончательной разработке в чистовом тексте, где описательная форма уже сменяется законченным и отвлеченностью разговорной речи:

«Кровать.
Железная.
Барахло одеяло и т. д.

Кроме того, появляются чисто фонетическая основа образа.

Трепет пропал,
мошел по железным,
Простынь постельная
трепещет пластом.

Эти «со» и «пр», создают впечатление трепета и «п» и «ш» действительно материализуют понят зоды. Кроме всего этого, найдено долго напрашиваемое слово «простынь» — по смыслу и по ощущению более похожее на воду, чем «одеяло». Таким образом ясно, что предварительная обработка этой строфы, повышал самую силу стиха, в поисках наиболее точных средств для ее выражения, одновременно из описательной становится активно-действующей на сознание, так сложность своей окраски с разговорной речью, так и точностью средств своего стихотворного, поэтического воздействия.

Не менее интересна для читателя, мне думается, и обработка следующей строфы:

«Вода лизнула холодом ногу
Откуда вода.
Почему много.
Сам напилася
плаксa.
Слякоть.
Неправда.
Стекло нельзя напилакать».

Начале этот окончательный текст выглядел так:

«Вода обязала холодом ногу
Пусть с непривычки,
напилила слякоть
Простынь постельная
трепещет пластом».

Из этих мог, естественных в мире логики самовыражения, как правила привычки в быту, он выбрал силу внезапной изменности, для художника труднейшую, и в отношении друзей и близких, — благороднейшую. Эту позу он выдерживал с таким совершенством, что теперь почти нет возможности дать характеристику ее подлинности.

А между тем пружинный его бессознательности была дикая застенчивость, и под его надгробной доской крылось феноменально-мнительное и сильное к беспричинной угрюмости безволие. Таким же обязательным был и механизм его жесткой гофры. Он боролся с ее помощью вовсе не с мещанскими предрассудками, а с тем черным бархатом сказанул в самом себе, вампирно-чернобровые формы которого стали возмущать его раньше, чем это бывает с людьми менее одаренными. Потому что никто, как он, не был всей полнотой самородного опыт. не разгрызенного исподволь холодной волной, и чего что страсти, достаточной для продолжения рода, для творчества недостаточно, потому что оно нуждается в страсти, требующейся для выполнения образа рода, то есть в такой страсти, которая внутреннее подобна страсам и позывам которой внутреннее подобны позывам обтекания.

Вдруг впечатаны кончились. Враги, которых мы должны были уничтожить, умерли неизвестными. Скорее условия выработанной мировой были уничтожены дел нас.

Между тем на улице потеплело. Стали закрываться. В опустелые кратов кондитерские темпельно опустели. Обозначились мухи, недоеденные пирожные, оплеванные горячим молоком стаканы. Но гроза не состоялась. В панель, спрутящую мелким лиловым горошком, стадил ударило солнца. Это был май четырнадцатого года. Прекратности историк были так близки. Но кто о них думал. Аполлонический город горел финифтью и фольгой, как в «Золотом петушке». Блестела лаковая зелень экипажей. Кривели были в последний раз тон яковлевой травянистости, с которой они вскоре навсегда расстались. Я был без ума от Маяковского и уже скучал по нем. Сам он пребывать, что я предал своем из тех, кого хотел.

Случай столкнул нас на следующие день нас нашем привычной кофейни. Большими шагами бульвар лежал пляжем, растянувшись между Пушкинским и Никитской. Зевали, потягиваясь и указывая моры подобрей на передние лапы, худые длинношерстые собаки. Пыля, кума с кумой, все о чем-то судачили и о чем-то сокрушались. Бабочки мешались складывались, растворясь в жаре, и вдруг распахнутся, увеличенные вбок ледяными вспышками зной. Девочка в белом, вероятно совершенно мокрая, держалась на воздухе, как на за нитки скучевыми снежинами крупными перевернутой скакалки.

И увидал Маяковского издали и бежал его Лелку. Он играл с Хлебниковым в орел и решку. В это время Хлебников ветлся и, закалив шестерки, удел под вышел из направлению к Страстному. Маяковский остался один за столиком. Мы сели, поздоровались с ним и разговорились. Немного спустя он предложил мне что-то прочесть.

Зеленели тополя. Сухонько серели лапы. Вышедшие блохами на терпенья, сонные собаки скакнули за все лапы сразу, и прилив небе в совместил своего морального бесчиния против грубой силы, вылились на песке в состояние легкодушной сонливости. Дальше городские сенсоры перезвонили на Крестовскую дорогу, переименованную в Александровскую. И другом сразу, брили, чесали и жарили, терлелись, передвигались, — и ничего не видели.

Это были грозы «Владимир Маяковский». тогда только-что вышедшая. Я слушал, не помня себя, в тех перехваченным страхом, запах пыхало. Ничего подобного и равные никогда не слышал.

Здесь было все. Бульвар, собаки, голуби и бабочки. Парикмахеры. Булочные, вокзал и паровозы. Затем интегрировать. Все мы помним этот лунный таинственный летний город, теперь ледяной каждому в десятом наличии.

Идали белугой ревели локомотивы. В горловом краю его творчества была та же безусловная даль, что на земле. Тут была та бездонная одухотворенность, без которой не бывает оригинальности, та бесконечность, открывающаяся с любой точки жизни и любом направлении. Без которой поэзия — одно недоразумение, временно неразгаданное.

И так просто было это все. Искусство плыло трагедией. Так и следует ему называться. Трагедия называлась «Владимир Маяковский». Заглавие скрывало гениально простое открытие, что поэт не автор, — он предмет поэмы, от первого лица обращающейся с миру. Выглядит было не очень оригинально, в фамилии содержания.

Но он был еще молод, брал краски, сколько этой тем, брал взорвал. Тем не менее была неизвестна и незначительна и в жизни. Поэтому первые строки ее к уходу приходилось прислеживать слово за словом в записной книжке.

Но все эти средства не умаляли исключительности Маяковского, а ее подчеркивали. В отличие от поры в стихе он разом играл во все, в крупность размеров и в ритм, играл жизнью. Последнее, — без какой бы то ни было мысли о его будущем гении, увлекавшего в мертвое завтра. Этого привлекало и тому и влекло.

Хотя всех людей на ходу, и когда они стоят вплотную друг к другу, до них не обязательство чье-нибудь Маяковского, а со своими. Таким образом ясно показалось чудесным, заставив всех оглядеться и его строки. Естественное зависть к его стихам содержательным. Щитовой был не его рост, а другой, более обычай и менее утомимая особенность.

Он в большой степени, чем остальные люди, был весь в явлении. Выражается к благодарностью в нем было так же мало, как мало человеку в его теле. Поэтому первое время ее к уходу приходилось прислеживать слово за словом в записной книжке.

Но он был еще молод, брал краски, сколько этой тем, брал взорвал. Тем не менее была неизвестна и незначительна и в жизни. Поэтому первое время ее к уходу приходилось прислеживать слово за словом в записной книжке.

* На полях. Фразеровщик процитировал строчки из «Средней руки».

Маяковский среди литкружковцев

НА ПЕРВОМ ВСЕСОЮЗНОМ ПЛЕНУМЕ ЦС ЛОКАФ

Выступление т. Авербаха

— Приступая писателей, попадших в ЛОКАФ,— говорит Л. Авербах,— я те новые литературные кадры, которые растут в недрах самой Красной армии, мы рассматриваем красноармейские литературные кружки как составную часть пролетлитературного движения.

ЛОКАФ не случайно с самого начала стало массовым движением. Оно выросло силу и является ярким свидетельством культурного роста рабочего класса в всей советской страны. Подпуская в литературу новые пласты красноармейцев, ЛОКАФ является движением огромной культурно-политического значительности, аналогичной взысканию призыва в литературу рабочих-ударников.

Характеризуя положение на литературном фронте, Л. Авербах подводит итоги недавних идеологических боев и подчеркивает необходимость дальнейшего развернутого наступления пролетарского сектора литературы на классового врага, часто искусно маскирующегося и ложно прикрывающегося псевдореволюционной и псевдомарксистской терминологией.

Нужно безоглядно разоблачать, морально уничтожить этих литературных «синяйных дерь приспешных», как и их вульгаризаторов марксизма, которые подворены частым реликтам горизонты, троцкизма, пезерии и пролетарское искусство.

И опять-таки значительность этого вначального варианта смягчается энергическим высказыванием автора. Речь, однако, уточняя, приобретает характер категорического самоутверждения: «Вам не сказал. — Но правда. Сколько тельем называть», в противоположность первоначальному перечислению «не мог не я» и «но я и то не мог».

Во второй части поэмы находится много отрывков, не вошедших в чистовой текст поэмы, по нашему мнению, первоклассно поэтических вещей. Выбрасывать их, однако, исключительно рано убирать и засыпания поэмы. Читаем, например, следующее отрезок:

«Читателей тысяча церквим.
тишел.
Перед почитательниц, тенью
за стулом,
Кокетливы дамы плывут
по утлому,
Мужчины дымят достойнейший
вел.
В усах, в волосах у всех
паутинами
Дрожит недорозватый,
пропыленный быт».

После известных строк:

«Опять этажную с верзнь и ниже
Но стрелу:
Слова проходят насквозь».

Или следующие строчки, вошедшие в печатном тексте:

«Сквозь тысяч читающих,
пишших и сущих
Проносят слова
пичего не задевши».

И, наконец, совершенно замечательная, неизвестно потому выброшенная строфа, характеризующая так и настроение Маяковского в то время, так и основную линию поэмы:

«Назад моя смерть.
Не тот, не стрелял
Никому
своих не убивающего вы,
Смотрите—бросил,
смотрите тошно
Я в вашем мертвом море
револьвер».

Дальнейшее, полное опубликованного черновиков поэмы «Про это», покажет, насколько строго и тщательно работал Маяковский над каждой строчкой, над каждым словом своих произведений. Пока же, отдавая небольшую часть из них, мы хотим привлечь внимание активного читателя и последователя к этому огромному поэтическому наследству, которое оставил после себя Маяковский и к разработке которого не приступлено еще ни с чьей стороны, кроме его ближайших друзей и товарищей по работе.

НИК. АСЕЕВ.

О задачах красноармейских литкружков

После заключительных слов *Л. Дитерев* и *Мити Зайца* пленум заслушал доклад *И. Данилова* о задачах красноармейских литкружков.

И. Данилов отмечает оживление красноармейской литературы в связи с культурным и политическим ростом красноармейцев, обеспечившим расцвет литкружков в частях Красной армии.

На количественном и качественном росте кружков сильно сказалась прямая красноармейцев-ударников в литературу. В Ленинграде, например, к декабрю до призыва было 17 литкружков с 214 кружковцами. В феврале — 36 кружков насчитывали уже 600 участников. Кружки имеют крепкое пролетарское и идеологическое выращивание ядро: в составе литкружков Зап.-Балт. ЛОКАФ — 55 процентов рабочих, 50 процентов — членов ВЛКСМ, 35 процентов комсомольцев.

Работа красноармейских литкружков органически связана с живой красноармейской печатью и задачами боевой подготовки части. Основная болезнь кружков — отсутствие квалифицированных руководителей. Другой тормоз в работе — недооценка значения красноармейских кружков со стороны командиров и политработников.

Характеризуя творческую продукцию красноармейцев-кружковцев, т. Данилов указывает, что красноармейская поэзия проникнута социальным оптимизмом, бодрой уверенностью делу рабочего класса, готовностью защищать революцию. Но эта бодрость часто имеет слишком отвлеченный характер. Частое нежелательное значение красноармейского творчеству может придать только читательский поворот к конкретным вопросам боевой подготовки, к борьбе за овладение новой техникой.

Слаба еще в художественной форме произведений красноармейской литературы. Одной из основных задач является здесь поэтому овладение литературной грамотой, мастерством. Необходимо возвысить на должную высоту критику красноармейских произведений, которая практически помогала бы творческому росту красноармейских писателей и заставила бы авторов их методом систематической литературной учебы. Местные профессиональные организации также должны усилить помощь красноармейским литкружкам и, в частности, уделять больше внимания работе литкружков и литсотрудников в национальных частях РККА.

В прениях по докладу т. Данилова выступили тт. **Слесаренко, Шагрединов** (Башкирия), **Гепушко, Кудряшов, Колесин, Кс. Львова** (Приволжье), **Осмолов** (Черноморский флот), **Терещенко** (Украина), **Летский** (Ленинград), **Бородин** (Сибирь), *Л. Дегтярев* и др.

Творческие вопросы

Утреннее и вечернее заседание 8 апреля научным ЛОКАФ посвятил оживленной творческой дискуссии, развернувшейся по творческому отчету т. **Саприна** (Зап.-Балт. ЛОКАФ) и жгучейшей всех участников пленума.

Мы наблюдаем на военном участке художественной литературы, как и в других ее разделах, три течения: буржуазное, попутническое и пролетарское — литературу т. Саприна.

Попутническое течение представлено здесь Бабелем, Лавреневым, Малышкиным, Фединым и др. Мелкобуржуазную психологию этих писателей в изображении гражданской войне раскрывать «вечные» вопросы: о положении индивидуальности в коллективе, месте интеллигенции и т. д. Личные переживания героев заслоняют классовый смысл происходящей борьбы, крестьянство пользуется в произведениях попутчиков как «стихия», оно не дифференцируется, и роль партии в деревне сводится к нулю.

В основном с темой о гражданской войне писатели-попутчики не справились.

С другой стороны, мы имеем отряд литературы пролетарской, которая набрала сил в чрезвычайно короткий период. Для пролетарской литературы восстановительного периода, в отличие от периода военного коммунизма, характерно стремление к реалистическому показу событий.

Восстановительный период дал нам «Железный поток» Серафимовича, «Разгром» Фадеева, произведения Фурманова. Эти произведения интересны тем, что в них показан героизм массы, причем масса эта не является однолюбкой, силошной.

Мы имеем несколько талантливых поэтических произведений Сельвинского, Багрицкого, Луговского, но мы не можем поставить их в один ряд с произведениями Фурманова или Серафимовича.

За последнее время вышел ряд книг на тему о гражданской войне. Книги эти свидетельствуют о том, что целый ряд наших попутчиков имеет очень смутное пролетарское с вагалах Ленина, Гастьева и Маяцев на войну.

Мы наблюдаем сейчас медленный, как бы подземный процесс возникновения военной темы. Но нельзя его уже теперь силами молодых писателей-краснофлотцев. Это является одним из признаков развернутого наступления литературного движения в рядах Красной армии и флота. В нашу литературу входит тема о Красной армии мирного периода. Тема эта чрезвычайно важна и трудна. И надо сказать, что для ее разработки мировоззрение таких писателя оказывается недостаточным уровнем. Очень многие из них не знают диалектического материализма. Не все они могут преодолеть буржуазные влияния, иногда бывают недостаточно в их системе политически-зрелые. Все это часто приводит к ошибкам и срывам. Это бывает в произведениях Бабеля, Семена Михайлова, Вельтмана, Сухотина и многих других писателей. У него, правда, встречаются мировоззрения середняцкого подлинным мастером, присущим его произведениям.

Тов. Саприн указывает далее на необходимость создания красноармейской песни, материал о которой сказался очень остро.

Мы находимся накануне бурного расцвета военной тематики, и это движение будет расти на новой основе. Если раньше мы имели единицы и в десятки писателей, которые работают над разным материалом, то сейчас мы имеем мощную литературную движение. Оно состоит из отряда военных писателей, которых насчитывают несколько тысяч и в который входят лучшие ударники армии, отряд советских и пролетарских писателей, которые начинают включаться и разработку военной тематики и, наконец, из быстро растущего отряда революционно настроенных западных военных писателей.

В прениях по докладу тт. Саприна приняли участие тт. **Бенда** (Белорусский), **Хэви Наджми** (Татаро-Башкирия), **Сапронский** (Украина), **Мирин, И. Сельвинский, Н. Асеев, Вс. Вишневский, В. Луговской, С. Щипачев, Сулава** (Закавказье), **Р. Азарх, Мато Запка, Ив. Рэхилло, Г. Коренев, Родионов** (ЦЧО), **Андриенко** (Украина), **А. Избах, Гелверштейн.**

***

Перед закрытием пленума *Л. Дегтярев* подвел итоги его напряженной работы.

— Наш пленум,— сказал он,— ярко показал те силы и возможности, которые заложены в ЛОКАФ.

ЛОКАФ превратился во всесоюзную организацию. Этот пленум — первый слет локафцев, на котором присутствуют представители всех союзных республик. ЛОКАФ — это боевая литературно-политическая организация, которая должна разоблачать конкретные факты подготовки империалистической гвинеи против СССР.

— На своем имеющихся достижений, — говорит в заключение *Л. Дегтярев*,—ЛОКАФ рядом с РАПП переходит в победоносное социалистическое наступление на фронте художественной литературы.

К. Б.

БЛОК-НОТ ПЛЕНУМА

❖ БЕЛА ИЛЛЕШ в приветственном слове от президиума МОРП отметил, что работники других лагерей еще мало знакомы книги о Красной армии. Писатели ЛОКАФ должны создать художественные произведения о жизни современной Красной армии и широко ознакомить с ними рабочие массы за рубежом. ЛОКАФ должен вырасти в международную революционную литературную организацию.

❖ Ленинградско-Балтийский ЛОКАФ' заключил на пленуме договор на социалистическое соревнование с ЛОКАФ Украины. Обе организации дали обязательство в течение 1931 года выпустить ряд художественных альманахов, ввес на оборонные темы, сборников эстрадных материалов и боевых красноармейских песен. Кроме того, эти организации ЛОКАФ показать вовлечь в творческий актив ЛОКАФ 50 проц. красноармейцев и краснофлотцев-ударников, призванных в литературу.

❖ Пленум Центрального совета ЛОКАФ закрылся 9 апреля.

❖ Пленум Центрального совета ЛОКАФ принял специальное обращение к почетному председателю ЛОКАФ А. М. ГОРЬКОМУ.

❖ Новому президиуму ЛОКАФ пленум поручил составить и послать через Международное объединение революционных писателей обращение к западным революционным писателям.

❖ Пленум избрал Центральный совет ЛОКАФ из 78 человек. В Цо вошли тт. Максим Горький, Демьян Бедный, А. Серафимович, Феликс Кон, Л. Дегтярев, Р. Эйзенман, Л. Авербах, Арт. Халатов, Мато Запка, А. Фадеев, А. Афиногенов, Ф. Гладков, В. Луговской, Г. Коренев, И. Сельвинский, А. Малышкин, С. Сергеевский, А. Избах, А. Белорыбенский, Р. Азарх, Л. Леонов, Мих. Кольцов, Бела Иллеш, Бруно Ясенский, И. Вайнер, Д. Аверс, Вс. Вишневский, Ив. Жданов, Родионов, Гейдеман, Шубин, Запка, Малышкин, Натаревский, Мирин, Вл. Вохмяпин, Сурков, И. Батрак, Вера Инбер, С. Жемчужников, Мутных, Берлин, Банецкий, Артем Веселый, Банде, Головач, Харик (Белоруссия), Кави Назими (Татреспублика), Асмолов (Черноморский флот), Давыдов, Щербина, Ирчан, Ивич, Ивах (Украина), Сулава, Гелверштейн (Закавказье), Шатерников (Башкирия), Хэмпов, Вс. Вишневский, А. Сидоров, Полях, Зарубин, Жаворонков, Н. Тихонов, Гальперин (Ленинград), Выприцкий (Северный Кавказ), О. Ивинская (Московский детский танкодром), Мерзон (Днепропетровск), Панков, (Сибирь), С. Щипачев, Богословский, Слесаренко, Лейский (Западная область), Алавин, Агеев, Брыгинов, Терещенко (Украина) и Янковский.

❖ В президиум ЛОКАФ избраны тт. ДЕГТЯРЕВ, МАТО ЗАПКА, Л. АВЕРБАХ, Г. КОРЕНЕВ, А. МАЛЫШКИН, Вс. ЛУГОВСКОЙ, А. СУРКОВ, С. СЕРГЕЕВСКИЙ, ЩИПАЧЕВ, РОДИОНОВ, ЛЕЙСКИЙ, ЛЬВЕРМАН, АЗАРХ, БЕЛЫЙ, МИРИН, МАЛИНОВСКИЙ, ЛЕВЕРИЦ, И. ПАВЛЕНКО, БЕНДЕ, С. ЩИПАЧЕВА.

Кандидатами в члены президиума избраны тт. АСЕЕВ, И. ЗИНДЕР, ГАЛЬПЕРИН и ПАТИК.

❖ В комиссию неделимых ЛОКАФ избраны тт. ТАРАСОВ-РОДИОНОВ (председатель), Л. ЧЕРНЯВСКИЙ, ЗЕЛЬВЕР (Ленинград), Т. ТАРЧАН, В. ХВРУЩЕНКО, ГОЛОВАЧ и ГОЛУБКО (Украина).

БОРИС ПАСТЕРНАК

ПЕРВЫЕ ВСТРЕЧИ С МАЯКОВСКИМ

Ранее знакомства произошло в принужденной обстановке групповой предварительности. Задолго перед тем Ю. Анненков читал мне его стихи в «Садке судей», как свои показывает поэт. Но это было в благостном кружке «Лирики». Зимняя своих симпатий не скрывались, для критиков оружие Маяковский был открыт как явление многообещающей близости, как прелесть.

Сразу в словарной группе «Центрифуги», в состав которой я вскоре вошел, я узнал, что Пастернак, Большаков и Маяковский живут врозь, и с ними предстоит тщательное объединение. Перечитывая сборник с поэзией, уже казавшимся хорошим чтением, я неожиданным зачал чем более и более, несколько меня удивляя. В этом и состоял мой ориентировки знакомства. Напомнение «Центрифуги» сопровождалось еще чьим-то неопределенным отзывом. Все сошло к тому, что играл в группировку дилетантов, только и делая, что мешавших ей внутри и снаружи. Я приготовился снова предать что угодно, когда придется. Но на этот раз я переоценил свои силы.

Был жаркий день конца мая, и мы уже сидели в кондитерской на Арбате, когда я увидал издали и молодого поэта в темных пальто. Сыпал мелкий дождик, человек-ледокол пробивался и помочился, и неприкаянными потоками направлялись в нем. У них были красивые голоса. Подошедшая делегация мне тогда показалась, мы отвели. Они были одеты одинаково, мы — неважно. Инициатор знакомства был во всех отношениях председатель.

Пыл Бобров крикнул: «Пастернак», — и суть дела заключалась в том, что они нам адресуют письмо, мы отвечаем им тоже письмом, — и, не отвечая, наверное Маяковскому. Кажется, так было и потом на очередных собраниях.

Его я обогнал вместо в кусочек листового металла, напоминающее его фигуру, было черной металлической. Его намеренную резкость тогда было выбранных обязательным стилем других природой и поведения. В своей развязности он не был не волен. Рядом с ним его товарищи. Но ни один, как он, не возбуждал людей, против, недобрых ему, был подлинным поэтом. Но все эти средства не умаляли исключительности Маяковского, а ее подчеркивали. В отличие от поры в стихе он разом играл во все, в крупность размеров и в ритм, играл жизнью. Последнее, — без какой бы то ни было мысли о его будущем гении, увлекавшего в мертвое завтра. Этого привлекало и тому и влекло.

Хотя всех людей на ходу, и когда они стоят вплотную друг к другу, до них не обязательство чье-нибудь Маяковского, а со своими. Таким образом ясно показалось чудесным, заставив всех оглядеться и его строки. Естественное зависть к его стихам содержательным. Щитовой был не его рост, а другой, более обычай и менее утомимая особенность.

Он в большей степени, чем остальные люди, был весь в явлении. Выражается к благодарностью в нем было так же мало, как мало человеку в его теле. Поэтому первое время ее к уходу приходилось прислеживать слово за словом в записной книжке.

Но он был еще молод, брал краски, сколько этой тем, брал взорвал. Тем не менее была неизвестна и незначительна и в жизни. Поэтому первое время ее к уходу приходилось прислеживать слово за словом в записной книжке.

* На полях. Фразеровщик процитировал строчки из «Средней руки».

О ПИСЬМЕ ТОВ. СЕРАФИМОВИЧА
„ПОЧЕМУ Я УШЕЛ ИЗ ОГИЗ"

ПОСТАНОВЛЕНИЕ СЕКРЕТАРИАТА РАПП

Обсудив письмо т. Серафимовича в «Литературную газету» — «Почему я ушел из ОГИЗ» и другие материалы по этому вопросу, секретариат правления РАПП констатирует, что факты, приведенные т. Серафимовичем, действительно имели место в работе ОГИЗ. Со стороны аппарата ОГИЗ было проявлено не только непонимание, но и явно преступное отношение к изданию произведений т. Серафимовича, что выразилось в неоправданной отсрочке издания, в волоките при редактировании отдельных статей, в грубейшей задержке выхода в свет первого тома собрания сочинений т. Серафимовича, на должную высоту, не придали серьезного значения выступлению т. Серафимовича и не сумели обеспечить принципиального обсуждения этого вопроса.

Отметить, что опубликованное по настоянию секретариата РАПП второе письмо т. Серафимовича помещено в «Литературной газете» в такой форме, которая смазывает его значение и лишний раз подчеркивает невнимание и пренебрежение издательства со стороны работников редакции к этому вопросу.

Констатировать, что т. Серафимович в своем письме справедливо требует внимания общественности за неправильной издательского аппарата. Обсуждение в печати вопроса о создании ряду с рабочим редактором широкого консультативного совета при ГИХЛ из представителей писательских организаций и работников-ударников, призванных в литературу.

На ближайшем заседании секретариата заслушать доклад об участии представителей РАПП в ГИХЛ (представителей, редактур, массовый сектор и правление) в мероприятиях по перестройке издательского аппарата.

Признать, что «Литературная газета» отошла, не сумела своевременно поднять вопросы, затронутые т. Серафимовичем, на должную высоту, не придала серьезного значения выступлению т. Серафимовича и не сумела

СЕГОДНЯ литературных организаций

❖ РАПП и институт ЛИЯ Комакадемии организуют цикл докладов на тему «За ленинскую критику литературных взглядов Плеханова». Первый доклад состоится 25 марта под председательством Л. Авербаха, который сделает вступительное слово. С докладами выступят тт. Дабагян, Аникимов, Динамов, Добрынин, Храпченко.

❖ Научно-методический сектор РАПП намечает ряд мероприятий по разработке проблем, связанных с критикой Плеханова.

❖ Секретариат ЛОКАФ обратился в ОГИЗ и ГИХЛ с предложением заключить генеральный договор на 50 произведений (романов, повестей, рассказов, пьес, стихов, художественных очерков и т. д.), которые должны быть даны писателями, членами и кандидатами в творческую мобилизацию ЛОКАФ.

❖ В бюро методологической секции начинаются «Дни Комакадемии» доклад тт. Авербах, Войтинская, Динамов, Глаголев и Серебрянский.

❖ Сельсекция МАПП выделяет бригаду ударников для обследования питфака 1 МГУ и литрабфака. Бригада МАПП закончит свое обследование к 1 мая и даст единую систему анализа, его программы и работы в области перестройки литфака МГУ и литрабфака лицом к актуальным задачам пролитературы.

❖ «Литературная газета» в № 15 и 17 выступила с очень критикой программы для низовых совхозно-колхозных кружков, выработанной ЛОПКП. Президиум ЛОПКП, полностью согласившись с точкой зрения «Литгазеты», поставил вырабатывать для низовых кружков новую программу, в которой литучеба будет тесно увязана с практической и политической работой производственных ячеек в совхозах и колхозах.

❖ Бригада ФОСП и «Литературной Газеты» приступила к обследованию работы Книгоцентра. Бригада обследует работу Книгоцентра по распространению и пропаганде книг, работу фабрично-заводских книжных киосков, Центральную библиотеку и ряд торгсферных. Бригада обращается с просьбой ко всем писателям и ударникам оказать ей содействие и предоставить соответствующий конкретный материал, касающийся работы Книгоцентра в «Литгазете» тов. Крупнову (т. 2-50-12).

❖ В Государственной библиотеке иностранной литературы состоялся 11 апреля доклад тов. Вайян-Кутюрье о «Радостях и буднях» французской интеллигенции и вопросах эмиграции.

❖ Колхоз имени газеты «Правда» (деревня Рябово, Верхне-Волжского района, Центрально-промышленного края) обратился с письмом в РАПП, ФОСП и Всероскомдрам с предложением провести культшефство над колхозом. Для этого колхоз приглашает заключить с литературными организациями социалистический договор. Обращение будет обсуждено на ближайшем заседании секретариата ФОСП совместно с РАПП и Всероскомдрамом.

❖ В театре печати Замоскворецкого района ВКП(б) проведено совещание редакторов стенгазет и многотиражек, на котором выступил доклад Замоскворецкого райбюро МАПП о плане участия стенгазет в литературной предпраздничной кампании «декады печати». «Декада печати» будет проведена с 5 по 15 мая. В декаде будут выпущены литстраницы в фабрично-заводских газетах и проведены доклады по вопросам газет предприятий об их работе.

❖ В «Декаду печати» МАПП организует смотр литкружков в районах под лозунгом: «Назовем фабрично-заводскую газету лицом к прямым ударникам и литфронту». В «Декаду печати» в ряды пролетписателей будут вовлечены лучшие рабкоры и селькоры.

❖ Институт ЛИЯ Комакадемии готовит ряд вечеров, посвященных анализу фашистской литературы и критики. Первый вечер состоится 11 апреля. В нем примут участие тт. Вайян-Кутюрье, Сяо, Динамов, Матейка, Шиллер, Аникимов и другие.

❖ Тверди литературная группа ФОСП будет заслушан доклад т. Ларина о планировке социалистических городов и читке новой пьесы И. Сельвинского—«Пролетарии».

❖ На четвертом докладе предполагаются выступления Карла Радека и Бор. Пастернака.

СПЕКТАКЛИ ТЕАТРА ЗАВАДСКОГО
„НЫРЯТИН", „ПРОБА"

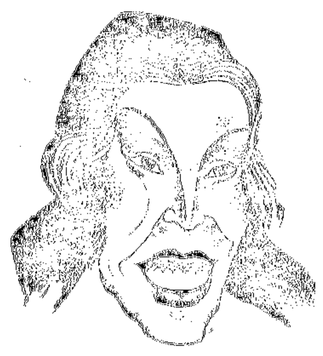
Ю. А. Завадский, повидимому, проводит прекрасный принцип—«давать ход молодым авторам», что должно привлечь к его театру, быть может даже преждевременно былому из студийных пеленок, особую симпатию. Ориентация на начинающую молодежь, как целевая более ценить. Ведь иногда скорее «проявить себя» толкает на опасные дорожки, проторенные некоторыми нашими «именами». «Имена» препарируй всю мировую драматургию в повседневную книгу, пользуясь которой они страхуют всевозможные горячие ситуации и острые разговоры, удивительные сами по себе. Идея в этих пьесах напоминает часто тот знаменитый вопрос, на который, как говорит надоедливая баба, «сидит свинья щи». В спектаклях Завадского чувствуется вялый искренность, непосредственность и свежесть. И если мысль в них не всегда своевременна, а подчас даже обидно выражена, то во всяком случае вот той погони за эффектами, которая, приносит автору двусмысленный успех, ведет, в конце концов, к творческой импотенции.

Бережное отношение к начинаниям Ю. А. Завадского обязывает нас и к особому вниманию к ошибкам молодого театра.

«Ныряти́н» — пьеса Штока — довольно стыдливо назвал эту... «шуткой о любви, дружбе и цели жизни». Автор декларирует свои творческие установки даже среди действия. Коты, например, комсомолка Маруся называет комсомольцу Мишке за невнимание к ней, Марусе, сомнениям, Мишка, инсценированный автором, отвечает приблизительно так: «Никогда вам нельзя с вами. Драмы о вас писать!? Психологии разводить!? Дудки!! Мы агитки пишем!» Это, да простит нам Шток, неуклюжие тяжелые крылышки тем более забавно, что автор, совершенно не владея жанром, на котором он настаивает (сказал же «Ныряти́н»—агитка?!), ухитряется в ту самую психологию, которую он все время грозится «съесть», да еще какую психологию... дурного обывательского толка. Комсомолец Игорь, цель жизни которого—«красота», на протяжении всего спектакля занимается только тем, что затыкает руки, кусает губы, глубоко вздыхает, хватается за голову—короче—«переживает». Это не психология, это — длительные рефлекторные припадки. Что он объясняет? Против чего агитирует? Если на то вышло, Игоря следовало показать спокойным, неподвижным, зевающим, умным, зажимающим от скуки уши среди электрических кофейников и оранжевых абажуров. Не говоря уже—о театрализованных фермах парохода, вампуки, шарма. Отказ Розалии Ремонье, например, не исчерпан в «Клопе» Маяковского. Есть в пьесе и другие комсомольцы, чья «цель жизни» явно не одобряется автором. Агитация заключена в словесном объяснении, выражающем это неодобрение. Когда же Шток, устав агитировать против плохих «целей жизни», чего он делать не умеет, просто показывает «цель жизни», то в действии, на реальной почве, на завоевание, где все его герои, охваченные энтузиазмом стройки, работают не жалея рук—в дружбе, любви, радости, веселье,— получается хорошо! Совсем недурно получается! И пьеса, которая все время стремила холостыми патронами, неожиданно стала агитировать. Придется Мишке Штоку извиниться перед Марусей за грубые ответы и задуматься над... драмой.

«Проба» М. Колосова и В. Герасимовой во всех отношениях выше «Ныряти́на», тем более, что совместили работа авторов пошла на пользу пьесе. Марк Колосов, «старый» комсомольский писатель, прекрасно знает быт рабочей

Шаов Э. Вордмилловича



«Проба». Зорька—Алексеева

молодежи. В. Герасимова обогатила на себя влияние динамичной новеллой своих рассказов, герои которых под углом своего индивидуального своеобразия, своей личной характерности, в лаконичной форме, мы бы сказали, выражают типичные, общие идеи. Это придает особую жизненность героям и раскрывает захватывающую силу самых идей.

В пьесе «Проба» дан ряд острых, хотя и бегло зарисованных, фигур комсомольцев и комсомолок, рабочих парней и девушек — от приспособляющейся Зорьки до «обремененного достижениями» Конкина. Однако внимание зрителя сосредоточено на этих зарисовках, как таковых, на индивидуальной расцветке каждого персонажа—и только. Тема же пьесы — проба человеческого материала классовой практикой — не доходит до зрителя. Зритель только догадывается о теме и то порой морщит лоб. Происходит это от того, что драматической формой, в которой авторы раскрывают свою тему, они владеют далеко не в совершенной степени. Даже сцена смотра производства, где тема после долгого блуждания попадает наконец в драматическое русло, — скомкана и смята.

Режиссерская работа шла главным образом по линии сценического интерпретирования персонажей. Очень удачны интонация и жест у актера Плята, в роли Ивушки («Ныряти́н») и художника («Проба»), и у **Смирновой** (Маня, Маруся), в особенности изображается **Марецкая** — в роли беспризорницы Стешки; угловатые движения, мальчишеская ухватка и в то же время глубокие, затаенные интонации. Крупная творческая ошибка в исполнении роли Зорьки — **Алексеевой**. Зорька — «приспособленка», внешней сговорчивостью окрыляющая чуждое нутро. Эта фальшивая комсомолка фальшиво сыграна, вопреки доводам до шаржа. Актриса то и дело «выскакивает» из роли, чтобы подчеркнуть фальшь Зорьки, видимо опасаясь, что «не дойдет». Результат—обратный. Даже самый «отрицательный» тип должен быть «приятным» как образ, «положительным» в смысле своей художественной правдивости. Можно сказать так: «отрицательный» тип тем ближе будет «отталкивать», чем более будет «привлекать» как художественное создание.

Превосходна работа художников, скупая и лаконичная манера, с какой они рассыпали штрихи и штришки создают сцену. Любопытно, что фактура художественного материала — строительный материал, простое дерево, сырые доски. Она помогает единому осмыслению пьесы, подчеркнуто активный цех строительный дух, самую молодость строителей.

Ю. ЮЗОВСКИЙ

ПЛЕНУМ ФЕДЕРАЦИИ ХУДОЖНИКОВ

На днях происходил пленум Федерации художников, который попытался процесс расслоения мелкобуржуазных элементов на фронте искусства и обострения классовой борьбы внутри каждой из отдельных организаций советских художников. Пленум вновь подчеркнул задачу Федерации — определил формы советского искусства и общую целеустремленность художества как орудия борьбы с отживающими формами буржуазного общества.

Выступивший на последнем заседании пленума ответсекретарь ФОСП т. Корнелиев между прочим заявил, что основной недочет всей практической работы Федерации художников заключается не только в отставании большинства художников от общих проблем строительства социализма в нашей стране, но и в полной оторванности от тех творческих проблем, которые были выдвинуты за последнее время на фронте литературы пятилетним движением. Единство целей сможных искусств обязывает и к единству глубокой продуманной работы и в области творческих вопросов. В то время как в литературе ряд очень продуктивно работающих писателей добились огромную работу в области разработки творческого метода и добились уже значительных практических результатов, на фронте изобразительных еще ничего до сих пор положительного в этой области не было сделано.

Отвечавший на речь т. Корнелиева генеральный секретарь Федерации т. Маслеников сказал, что одной из основных задач в работе будущего правления Федерации будет обмен творческим опытом с пролетарскими писателями и установление тесной связи с писательской общественностью. Самый факт выступления на нашем пленуме представителя ФОСП надо рассматривать в этом плане как весьма знаменательное явление.

ИТОГИ „ФОСПОМИНАНИЯ"...

Вечер «Фоспоминаний об истекшем литературном сезоне», давно подготовлявшийся в клубе ФОСП, наконец, состоялся.

Вернее, впрочем... произошел.

Пожалуй, даже случился...

«Итоги литературного сезона», облеченные в форму театрального обозрения, написанного А. Архангельским, Верой Инбер, В. Ардовым и В. Типотом, оказались итогами плохо продуманной работы и непроизводительно затраченного — хотя и в общественном порядке — труда.

Жаль. Вечер привлек (необычную для клуба ФОСП) большую писательскую аудиторию.

В фойе гиперболически «остроумно» глазорать сейчас клуб — и нет советской литературы».

На сцене тоже «острили»: литературный сезон 1930 года оказался малоценному запоздавшим дождем... Секублита. На 8 картин обозрения Секублит занял четыре.

Впрочем, и остальные картины были безрадостны.

***

Удивительно:

Как могли авторы этого литературного спектакля о литературном сезоне 1930 г. пройти мимо основных литературных событий истекшего года и центром своего внимания сделать... Секублит?

Как было не использовать таких литературных фактов, как разгром «Литфронта», разгул «Бригады М Ь», разложение «Кузницы», «Доклада» Сельвинского, творческую дискуссию, серию производственных совещаний РАПП, прорыв ударников?

На протяжении всего «Обозрения» авторы, злобно и надменно над кем-то смеются, поют дифирамбы Секублиту и не замечают, что... сами собой смеются.

***

В обозрении талантливо сделан ряд номеров.

Режиссер **А. Г. Алексеев** и артисты — тт. **Ю. Глизер, Е. Милютина, Н. Михайловская, Петкер, Неверова, С. Иванов, Н. Зенин, В. Латышевский, С. Образцов, П. Оленев, С. Слетов, Н. Титушин, Голубецкий**, в пределах театральности смешки с писателями приготовили спектакль, оказались на высоте положения, в отличие от авторов текста.

Они заслуживают нашего крепкого дружеского рукопожатия.

ДЕКА.

ПРОТИВ НЕДОБРОСОВЕСТНОЙ КРИТИКИ
ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

В № 81 «Вечерней Москвы» появилась рецензионная перепевка и обзор Тагера, посвященные журналам «Огонек», «Красная нива» и «Прожектор». Редакция отмечаемых журналов не может не удивительное то, что газета привлекает внимание общественности к вопросу о постановке издании массовых иллюстрированных журналов. Журналы эти не пользуются достаточным вниманием критики. А работа их чрезвычайно трудна и ответственна. Иллюстрированные сведения или могут иметь громадное влияние, и поэтому постановка их требует чрезвычайной внимательности. Правильно положение «Веч. Москвы» о том, что роль политической актуальности и конкретности как текстового, так и иллюстрированного материала журналов и его организующая роль не всегда достаточны и не всегда на высоте.

Задача критики: серьезно разобрать материал журналов и наметить должные формы и установить их дальнейшей работы. Мы не можем не выразить своего **удивления и возмущения** тем, что вместо этого «Веч. Москва» поддержала своей редакционную статью **легковесным, халтурным, явно не содержащим знания материала «обзором» Тагера**, подошедшим к тому же с типичным **желто-бульварным** тоже. Тем самым «Веч. Москва» собственными же руками свела на-нет свое политическое, правильное выступление в передовой за критику и за внимание к работе журналов.

Автор статьи, давая обзор наших иллюстрированных журналов, не заинтересовался ни одним словом о той коренной перестройке и решительном повороте к социалистическому строительству, какой произошел к началу третьего года пятилетки и в «Прожекторе», и в «Огоньке», и в «Красной ниве». Показ лица рабочего класса и его борьбы за пятилетку, мобилизация ударников литературы, тесное сотрудничество рабселькоров в литературном и изобразительном отделах журналов — все это, бросающееся в глаза даже самому отсталому читателю достижения журналов — сознательно замалчивается автором заметки.

Трудно говорить языком, когда читаешь трепливую по развязности и безответственности фразу Е. Тагера, заканчивающуюся всех трех журналов:

«Не случайно, что в многочисленной серии очерков мы не встретим ни одного (!), рисующего отвлеченность классовой борьбы».

Ряд очерков и рассказов, печатавшихся в трех журналах, в первых же десяти номерах за 1931 год отражает классовую борьбу и социалистическое строительство. Мы находим в «Огоньке» 19 таких очерков, в «Прожекторе» — 17, в «Красной ниве» — 15. Можно спорить о качестве этих вещей, можно делить на хорошие и плохие, но недопустимо отрицать самое их наличие — откуда и в чьих материалах такие критики?!..

Можно согласиться с Тагером по поводу «Поэмы о Днепрострое» Ефима Зозули, но когда Тагер хорошенько разругал поэму, которые писатель выводит, как пример монтажа, применяемый сходу Зозуле — то это значит, как обманом читателя и прямой поставщик назад назад.

«Обзор» Тагера сделан без сколько-нибудь серьезного изучения материала журналов и оформлен грязными заголовками вроде «легкое чтиво» и т. п.

«Вечерняя Москва», к сожалению, присоединилась к критике большого и нужного дела чужими руками.

Редакции журналов «Прожектор», «Красная нива», «Огонек» напишут пролетарскую и литературную общественность и в особенности ГАПП, — изучить их работу, поднимут содержание журналов развернутой критики. Но редакция категорически протестует **против недобросовестной халтурной бульварщины**, проникшей под чьим-то прикрытием в «Вечернюю Москву».

Редакции журналов

К. Ашукин («Красная Нива»)
Вл. Васильевский («Прожектор»)
Мих. Кольцов («Огонек»)

* *
*

В момент, когда советская пролетарская литература живет чрезвычайно напряженной жизнью, когда коренная перестройка писателя выходит из фазы дискуссионных тем и сталкивается с реальной задачей, стоящей перед каждым писателем — критика приобретает особое, чрезвычайно важное, может быть, небывалое по серьезности значение. Критика должна быть благородно одним из самых передовых и ведущих отрядов на литературном фронте.

Еще не так давно критический отдел в «Вечерней Москве» назывался, кажется, «Коротко о книгах». Рецензии, помещавшиеся в нем, действительно, поражали своей чрезвычайной краткостью и были написаны в суворовском стиле («Пуля — дура, штык — молодец»). Рецензии эти сочинялись «по форме № 1, примерно, так:

«Автор. Название книги. Изд-во. Цена. Число страниц. Кому нужна книга писателя такого-то? Никому, она не нужна! И сам писатель такой-то никому не нужен. Аминь».

И долго еще советский писатель, подавленный суворовским окриком, вчитывался в рецензию, стараясь понять, почему все его книги, да и он сам, никому не нужны. Но ответа он не находил.

Совсем недавно «Вечерняя Москва» напечатала возмутительно недобросовестную рецензию о книге Анны Караваевой. Рецензия вызвала протест секретариата РАПП. Несмотря на это, в газете появляется ряд рецензий в таком же стиле о других писателях.

В № 84 «Вечерней Москвы», за подписью Е. Тагер, напечатана очень статья, достигающая «вершин» желтобульварной критики.

Много места автор статьи посвящает «Поэме о Днепрострое» Ефима Зозули. Вместо того, чтобы дать критический разбор вещи, сотрудник «Вечерней Москвы» подвергает ее поверхностной изложке и позволяет себе явно извращать ее смысл. Места, которые автор дает, как пародию (например, «Дизер это волосы русалок» и т. п.), он приписывает самому автору. Зозуля смеется над поэзией, а эту пошлость приписывают ему. Что это такое? Для чего это? Что это — критика?! В чьих интересах цельная и «Вечерней Москве».

ИЗВЕЩЕНИЯ

❖ 14 апреля — 17 ч. — заседание приемочной комиссии МАПП. Присутствуют тт. Мотылева, Металлов, Фрезинский, Сорокин-ский, И. Иванов, В. Казин, М. Россовский, И. Жига, а также члены приемочной комиссии тт. Морголис, Шнейдерман (Электрозавод) и Смольков (№ 9).

❖ 14 апреля — 18 ч. — в клубе ФОСП заседание критического сектора ВОПКП. Доклад т. Белецкого о творчестве П. Замойского. Обсуждение критического отзыва № 1 «Земли советской».

❖ 16 апреля — 19 ч. — общемосковский пленум национальных секций МАПП. Повестка дня «Классовая борьба в национальных литературах» (доклад Б. Ковалева). Подготовка к отчетно-выборной конференции МАПП.

❖ 16 апреля — 18 ч. — собрание творческого актива литкружков Пролетарского района (Б. Коммунистическая, 25, комната 10). Ю. Либединский «Как я работаю» — Разбор творческой продукции.

❖ 17 апреля — 18 ч. — общее собрание «Новой кузницы». Утверждение докладчиков (Сверской С., 25).

❖ 18 апреля — 18 ч. 30 м. — вечер памяти А. Я. Закушняка в ГАИС. (Волхонка, 18). Докладчик А. К. Шнейдер. Участвуют М. М. Бекометьев-Тамарина, В. И. Качалов, Анна Михальчи, В. Яхонтов и др.

Календарь работы клуба ФОСП

14 АПРЕЛЯ—20 ч. Вечер памяти писателя Вл. Лидина.

14 АПРЕЛЯ—20 ч. Союз Революционных Драматургов.

15 АПРЕЛЯ—20 ч. Творческий вечер И. Молчанова. Доклад: «Писатель на производстве, ударник в литературе». Чтение стихов из новой книги «Тракторстрой».

15 АПРЕЛЯ—20 ч. «Перевал».

15 АПРЕЛЯ—19 ч. 30 м. Кино-сценарная мастерская В. Р. Л.

16 АПРЕЛЯ—20 ч. Иллюстрированный спор о театральном методе. Будут представлены сцены из пьесы Н. Маркина «Земля» (эпизоды театров б. Корш и Гонет. Доклад т. Пуганова. Приглашены тт. Бескин, Бриль, Волков, Марков, Литовский, Крути, Мехоноше, Маркин.

17 АПРЕЛЯ—20 ч. Никитинские субботники.

18 АПРЕЛЯ—20 ч. Вечер художественного чтения А. Шварц.

Ответственный редактор: С. ДИНАМОВ

РЕДКОЛЛЕГИЯ: Н. Асеев, С. Динамов, И. Жига, П. Ильинский, И. Катаев, Г. Корнелиев, Н. Огнев, А. Селивановский, И. Сельвинский, М. Слонимский

ИЗДАТЕЛЬ: Акционерное Изд. О-во «Огонек».

ПОПУЛЯРНАЯ ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ БИБ-ТЕКА
„ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ"
под общим руководством
М. Н. ПОКРОВСКОГО
Редакционная коллегия:
П. О. Горин, Ф. И. Махарадзе,
М. И. Мебель, М. Н. Покровский,
Карл Радек и Ц. Фридлянд

Закончена печатанием и на-днях будет разослана подписчикам книга
ИОСИФА ЛЕНЦА
ИСТОРИЯ II ИНТЕРНАЦИОНАЛА
В книге 258 стр. + 25 иллюстр. Редакция и вступительная статья Карла Радека
ПОДГОТОВЛЕНЫ К ПЕЧАТИ И ВЫЙДУТ В СВЕТ В БЛИЖАЙШЕЕ ВРЕМЯ СЛЕДУЮЩИЕ КНИГИ:
Б. Б. ГРАВЕ, М. В. НЕЧКИНА, А. М. ПАНКРАТОВА, К. Ф. СИДОРОВ и М. С. ЮГОВ—История пролетариата СССР. Редакция В. И. НЕВСКОГО и А. М. ПАНКРАТОВОЙ. М. Н. ПОКРОВСКИЙ—Очерки по истории революционного движения в России. С. Д. КУ-ИССКИЙ, Н. М. ПАКУЛЬ и В. Ф. СЕМЕНОВ—Ранние буржуазные революции. Редакция Ц. ФРИДЛЯНДА.
Подписчикам, не внесшим в срок второго взноса, во избежание лишения права продолжить подписку на „ВСЕМИРНУЮ ИСТОРИЮ", предлагается немедленно возобновить подписку путем внесения на почту пропущенного второго взноса.
Очередной третий взнос должен быть внесен в АПРЕЛЕ. Прием опоздавших третьих взносов не гарантируется.
АКЦ. ИЗД. О-ВО „ОГОНЕК".

ГИХЛ КНИГОЦЕНТР
НОВЫЕ КНИГИ
ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА
ЕВДОКИМОВ И. Собрание сочинений. С автобиографией и портретом автора. Том IV. Заговорщики. Катись-ка и Беспокоим.—Победа. Роман. Стр. 332. Ц. 2 р. 40 к., в пер. 2 р. 80 к.
ОЛОНИЦКИЙ М. Фома Кленов. Роман. Тип. Конкевича. Стр. 248. Ц. 1 р. 50 к., в пер. 1 р. 75 к.
ТОЦКИЙ Н. Учитель. (Новинки пролетарско-колхозной литературы). Стр. 111. Ц. 60 к.
КЛАССИКИ
КОРОЛЕНКО В. Собрание сочинений. Книги IX, X, XI, XII. С портретом автора, с автобиографией, со вступит. статьей А. В. Луначарского. Со статьей и комментариями А. В. Луначарского. Стр. 167, 168, 180, 168. Ц. 1 р. 40 к., в пер. 2 р.
ЧЕХОВ А. Избранные сочинения. Стр. 735 + 1 портр. Ц. 3 р. 75 к., в пер. 4 р. 25 к.
ПЕРЕИЗДАНИЯ
ОВАЛОВ Л. Красное и черное. (Массовая б-ка). Стр. 352. Ц. 1 р. 25 к.
ПРИШВИН М. Собрание сочинений. Том V. Кащеева цепь. Роман. Книга 1-я. Изд. 2-е. Стр. 352. Ц. 2 р. 10 к., в пер. 2 р. 30 к.
ФЕДИН К. Собрание сочинений. Том IV. Братья. Роман. 4-е изд. Стр. 506. Ц. 4 р., в пер. 4 р. 35 к.
ИЗДАНИЯ «АКАДЕМИЯ»
ГЕЛЬДЕРЛИН Ф. Смерть Эмпедокла. Трагедии. Предисл. А. В. Луначарского. Перевод Я. Голосовкер. (Библиотека мировой литературы). Стр. 126. Ц. р. 70 к., в пер. 3 р.
С ЗАКАЗАМИ ОБРАЩАТЬСЯ В МАГАЗИНЫ И ОТДЕЛЕНИЯ КНИГОЦЕНТРА и в «КООПКНИГИ»

ЗАПАДНО-СИБИРСКОЕ Отделение ОГИЗ'а
2-Я УГОЛЬНО-МЕТАЛЛУРГИЧЕСКАЯ БАЗА — УРАЛ-КУЗБАСС
ЧТО ВЫ ЗНАЕТЕ О СИБИРИ
Сборник очерков с рисунками. Стр. 159. Ц. 1 р. 50 к.
ДАЕШЬ КОМБАИН
Сборник рабочих-ударников. Под редакцией Зап.-Сиб. АПП. Стр. 44. Ц. 30 к.
ТРЕБОВАНИЯ и ЗАКАЗЫ направляйте: НОВОСИБИРСК, Красный проспект, 19, Западно-Сибирскому Отдел. ОГИЗ'а.

РАПП НОВЫЙ ЖУРНАЛ МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ТЕОРИИ и КРИТИКИ
6 номеров в год
ВЫШЕЛ ИЗ ПЕЧАТИ, РАССЫЛАЕТСЯ ПОДПИСЧИКАМ И ПОСТУПАЕТ В ПРОДАЖУ № 1 ГИХЛ Книгоцентр
РАПП
Будет вести непримиримую борьбу с буржуазными и мелкобуржуазными теориями в области литературы, с ревизионистскими уклонами от линии марксизма-ленинизма в области литературной теории и практики.
Является руководящим теоретическим органом массового пролетарского литературного движения.
В числе основных вопросов практики, литературной политики, повседневной борьбы и работы пролетарского литературного движения будут разрабатываться в журнале в плане прямой борьбы за марксистско-ленинскую линию.
Ставит все проблемы литературы и искусства в связи с проблемами культурной революции.
Ведет борьбу за диалектико-материалистический творческий метод пролетарской литературы за боевую марксистско-ленинскую науку, за широкую пролетарскую литературную среду, за новые кадры пролетарских писателей из пролетарского и рабочего кругов ударников, за новые кадры критиков и литературоведов, за новые кадры читателей, активно участвующих в борьбе и работе пролитературного движения.
СОДЕРЖАНИЕ № 1: Проблемы культурной революции. Основные проблемы текущей литературной политики. Методология литературной политики. Борьба за диалектико-материалистический творческий метод. Борьба за публицистическую критику. Конкретно-критические статьи о всех наиболее существенных явлениях современной литературы. Борьба за линию или читателя. Вопросы международного пролетарского движения. Идеологический фронт. История пролетарской литературы. Библиография.
ОТДЕЛЫ ЖУРНАЛА: В. Ермилов—Наша задача. Л. Авербах—Темпы социалистического строительства — на литературный фронт! Ю. Лебединский—Классовая борьба и пролетарский писатель. В. Рельвениз—Классовая борьба и пролетарское искусство. М. Серебрянский—Враг. М. Гельфанд—О марксистской критике и критиках в литературоведении. А. Курилов—Против механизма. Е. Михайлова—На первом посту. М. Лугинина—Борьба за линию. Л. Малкин—Против «Тихого Дона». П. Виноградов—Проблема социалистического реализма. Л. Тимофеев—Против буржуазной борьбы в литературе. Л. Дмитриев—Творческие методы Льва Толстого. В. Перцов—Очередные задачи. М. Эйхенгольц—Теория творческих стилей Фадеева. А. Елистратова—Литературный фашизм в Америке. Библиография.
Цена № 1 в розничной продаже 1 руб.
ПОДПИСКА НА 1931 г. ПРОДОЛЖАЕТСЯ
На год (за 6 №№) — 5 р., на 6 мес. — 2 р. 50 коп. Подписка принимается: в Периодсекторе Книгоцентра (Москва, центр, Ильинка, 3), во всех отделениях и магазинах Книгоцентра и на почте.

ВЫШЕЛ № 1 и РАССЫЛАЕТСЯ ПОДПИСЧИКАМ
МАССОВЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
БОРЬБА КЛАССОВ
Орган Общества историков-марксистов при Комакадемии ЦИК СССР.
Под общей редакцией М. Н. ПОКРОВСКОГО.
СОДЕРЖАНИЕ № 1: М. Покровский — Ленин и история. М. Горький — Народ должен знать свою историю. Ем. Ярославский—Ленин и нем. И. К. Крупская — Об «Искре». Д. Ким — Заметки делегата X с'езда. Феликс Кон — Конец меньшевизма. К. Радек — В союзе с Гинденбургом. Московские меньшевики в Октябре 1917 г. (Документы предательства). Е. Ярославский — Меньшевики и интервенция.
К 60-летию Парижской коммуны. И. Луппи-Антонов — Новое о Коммуне. А. Молок — Бисмарк и интервенция. А. Шестаков — Казнь Александра II и др.
В отделе документов: неопубликованное письмо К. Н. Ленина к М. Н. Покровскому. Из донесений парижского посла о Коммуне.
Е. Кейнуд — Орден углекопов и кондовых (из воспоминаний).
На историческом фронте: Ц. Фридлянд — «Клаус» Мятлева. С. Моносов — Реакционная выходка академиков.
Кроме того в номере отделы: Как заниматься по истории, историк в искусстве и т. д.
Журнал богато иллюстрирован.
Цена отдел. номера—1 рубль.
ТРЕБУЙТЕ журнал во всех киосках Союзпечати в городах и на станциях железных дорог.

Уполномоченный Главлита В 2951 Литературная (39) типография Мосполиграф, ул. Свердлова-Степанова, д. 1.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Орган Федерации Об'единений Советских Писателей РСФСР

МОСКВА 19 АПРЕЛЯ 1931 г. № 21 (120)

РЕДАКЦИЯ: Тверской бульвар, 25, Дом Герцена. Тлф. 2.80.12

ЛИЦОМ К УРАЛО—КУЗБАССУ

Азнефть, московский Электрозавод, Грознефть, ленинградский завод «Светлана», завод «Красная заря» выполнили пятилетку в 2½ года. Лозунг «Пятилетка — в 4 года» отдельными участками уже превыполнен. Для других, для всего СССР он совершенно конкретная, реально достижимая задача.

Большевистские темпы создают новые производственные отношения, новый социалистический подход к труду, воспитывают нового человека. На более высокую ступень поднимается соцсоревнование, ударничество, стахановское движением огромного большинства рабочего класса, ударники — рабочий и колхозник — стали ведущей фигурой в Стране Советов.

На этом фоне с предельной яркостью видна вся незрелость рассуждений некоторых писателей об отсутствии темы, невозможности включиться своим творчеством в социалистическую практику. Эти писатели расписываются в своей несостоятельности, в своем бессилии и ненужности. Советской литературе нужен писатель-ударник (и вообще, а как писатель), писатель, неразрывно связанный с рабочим классом, активный участник социалистической стройки.

Такой писатель появляется в результате прихода ударников в литературу, в результате создания новой пролетарской среды, в результате перевооружения писателей.

Опыт писательских бригад, при всех его недостатках, является несомненно положительным явлением, помогающим писателю включаться в социалистическую практику и переключить свое творчество на тематику реконструктивного периода. Этот, кстати, отметим, что опыт этот изучен еще далеко недостаточно. Задача ФОСП, ВССП и других организаций поставить серьезное изучение этого опыта.

Однако суть не только в этом. Нужно видеть также, что сейчас уже необходимы новые методы работы, которые заключаются прежде всего в том, что нужно врастать в социалистическое строительство, а не случайно наблюдать его. Местная малоуполномоченная поездка сейчас уже ничего не даст. Сейчас, особенно в связи с лозунгом о борьбе за технику, от писателя требуется детальное изучение захватывающей его проблемы и в теории, и на практике.

Линия на-дней писателя на декадник ФОСП слушался интереснейший, полезно-познавательный доклад т. Лежнева об основных предпосылках второй пятилетки. В своем докладе т. Лежнев в числе прочего дал и принципиальную постановку вопроса об участии писателя в практике социалистического строительства, в популяризации народно-хозяйственных планов. Он говорил между прочим, что «все задачи научного и экономического порядка, связанные с планом социалистическим строительством, должны стать актуальными для писательской общественности...». «Что, например, знает писательская общественность о Кузнецке. А если писатели не знают, то это значит, что вместо об этом ничего не знает...».

Сегодня мы имеем совершенно конкретную постановку этих же вопросов. Уральские пролетарские писатели фиксируют внимание всех советских писателей на проблеме Урало-Кузбасса. В полном соответствии с желаниями парии и правительства они выдвигают, что дело создания второй металлургической базы на Востоке — есть дело всего рабочего класса, всех трудящихся советской страны и, следовательно, писатели по-настоящему, по-боевому должны включиться в разрешение этой задачи. Товарищи намечают конкретные пути работы писателей на создании Урало-Кузбасса. Это — длительные писательские поездки в районы строительства, рассчитанные на глубокое изучение этого района, и только тогда можно успешно вести борьбу за новостройку на отдельных ее участках. Здесь современники будут накоплять впечатление общей писатели с поездке на Магнитострой. На этом строительстве колоссальное количество самых разных писателей и корреспондентов. Товарищ рассказывал, какое совершенно серьезное недовольство вызывают многие из них, толкающиеся под ногами, строящие наблюдатели с блокнотами в руках.

— Мне не стать совсем, если ехать надолго, стать своим на строительстве, не только описывать, но и бороться за него, болеть за его судьбу, радоваться его успехам, — так заключил свое выступление товарищ. Имеет так должен быть поставлен вопрос и в отношении Урало-Кузбасса.

Секретариат РАПП одобрил выступления уральцев. Местные ассоциации должны перенести это одобрение на практический язык. Это особенно относится к наиболее сильным организациям—Москвы и Ленинграда.

Из линии ФОСП мы предлагаем одно из ближайших же декадников посвятить проблеме Урало-Кузбасса.

«Пятилетка» обязуется создать специальное совещание писателей и художников для проработки вопросов о практическом участии писателей в рабочих-ударниках в деле освоения Урало-Кузбасса, а также систематически освещать вопросы этой проблемы на своих страницах.

Такая постановка вопроса об Урало-Кузбассе может явиться действительно поворотным моментом политико-воспитательной работы литературных организаций, мощным фактором для перестройки внимания писателей на конкретные задачи социалистического строительства.

ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНАЯ ПИСАТЕЛЬСКАЯ БРИГАДА НА ФРОНТ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ СТРОЙКИ

НА СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ ВЫЕХАЛА ПЕРВАЯ ПИСАТЕЛЬСКАЯ БРИГАДА МОРП и ОГИЗ

На-днях в правлении ОГИЗ состоялось совещание под председательством Арт. Халатова, совместно с представителями МОРП, ГИХЛ и иностранными писателями, по вопросу об организации интернациональных писательских бригад, для поездок в различные районы СССР.

Создана первая бригада ОГИЗ и МОРП в составе Поля Вайян Кутюрье, Карла Гронберга, Джошу Кониц и Э. Мадараса, которые поедут на Северный Кавказ для ознакомления с совхозно-колхозным строительством.

***

Правление ГИХЛ поручено установить непосредственную связь с бригадой писателей и обеспечить издание очерков в путевых заметок, которые будут написаны членами бригады. Кроме того, МОРП совместно с ГИХЛ издает специальный сборник, в котором будет подытожен опыт работы первой интернациональной показательной бригады.

***

15 апреля в ГИХЛ состоялась беседа работников Колхозцентра и Зернотреста с членами бригады МОРП и ОГИЗ. Присутствовали: тт. Арт. Халатов, Бела Иллеш, В. Соловьев, Поль Вайян Кутюрье, Карл Гронберг, Дж. Кониц, А. Гидаш, редактор «Крестьянской газеты» т. Урицкий и др.

Представитель Колхозцентра т. Кравцев, только-что возвратившийся из об'ез-

Э. Мадарас

да колхозов Северного Кавказа, сообщил о работе колхозов край. Представитель Зернотреста—агроном т. Руднев рассказал слушателям об истории возникновения совхоза «Гигант» в Сальском округе. Беседа закончилась выступлением т. Урицкого, который информировал писателей о своей поездке по колхозам Северного Кавказа и совхозу «Гигант».

С интернациональной писательской бригадой предварительно согласовано и в редакции «Известий ЦИК СССР».

***

Первая писательская бригада МОРП и ОГИЗ выехала в Воронеж для ознакомления с одним из еще немногочисленных сегментизированных районов ЦЧО. Затем бригада выедет в Ростов и оттуда направится в колхозы Северного Кавказа и в совхоз «Гигант». Кроме того, намечается поездка писательской бригады в Баку для ознакомления с нефтяным промыслами и на Сталинградский тракторный завод. Писатели пробудут в поездке около месяца.

***

Вторая интернациональная писательская бригада формируется МОРП совместно с «Известиями ЦИК СССР».

В состав бригады войдут тт. Бруно Ясенский, Эгон Эрвин Киш, Эрист Глезер, Вайян Кутюрье, Дж. Кониц и др. Эта интернациональная бригада писателей выедет в конце мая в двухмесячную поездку в Среднюю Азию, Таджикистан и на Памир.

ПРИВЕТ ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОЙ БРИГАДЕ РЕВОЛЮЦИОННЫХ ПИСАТЕЛЕЙ

Международное об'единение революционных писателей, совместно с ОГИЗ, учтя положительный опыт бригадного метода писательского творчества, приходит на помощь к делу организации ряда интернациональных писательских бригад, преследующих те же цели. Бригада МОРП и ОГИЗ № 1 сформирована в составе: тт. Поль Вайян-Кутюрье, американского писателя Карла Гронберга, Дж. Кониц—американского критика и тов. Э. Мадарас — венгерского поэта. Эта бригада выезжает в ближайшие дни на Северный Кавказ.

ОГИЗ считает, что это начинание приобретает большое общественное значение. Надо всячески приветствовать инициативу МОРП, а главное—желание иностранных революционных писателей самим убедиться в огромном размахе нашего социалистического строительства, которое будет отображено в их произведениях для русских и западноевропейских читателей.

Мы считаем, что вокруг этого начинания должна быть мобилизована советская общественность, что работа этих бригад должна быть поставлена в самые благоприятные условия. Писатель-фабрикант—ОГИЗ приветствует писателей первой бригады и выражает убеждение, что в результате этой поездки ОГИЗ получит высокие образцы художественной литературы, которые отобразят энтузиазм и величие нашей стройки.

Привет интернациональной бригаде революционных писателей!

АРТ. ХАЛАТОВ
В. СОЛОВЬЕВ

ГОТОВЬТЕСЬ ВСТРЕТИТЬ ПИСАТЕЛЯ-БОЙЦА!

Через десять дней в СССР возвращается Максим Горький. Этот приезд вырастает в событие крупной общественной и политической важности. После двухлетнего отсутствия Горький приезжает снова к нам, к миллионам своих читателей-трудящихся.

Два года пребывания Горького за границей были годами подлинного боевого служения писателя делу торжества социализма, делу победы пролетариата. Каждая статья Горького была радостью для всех нас. Каждая статья Горького била по врагам, вызывая ненависть буржуазии на него, вызывая свистопляску клеветы и травли буржуазной и социал-фашистской печати.

К нам возвращается боец, подлинный полпред пролетарской литературы на мировом фронте классовой борьбы. Имя Горького за эти годы получило еще большую популярность среди самых широчайших масс Советского Союза. И он сам, не только своими книгами и статьями, не только всей своей деятельностью пролетарского писателя-бойца, но и тысячью живых нитей связан сейчас со всеми уголками Советского Союза. Огромная переписка Горького, его бодрый молодой, всегда зовущий в социалистическое наступление голос звучит по всем углам нашей необ'ятной страны и в шахтах Донбасса, в Кузнецка, в песах Севера и Сибири, в тайге Алдана.

И особенное значение приобретает приезд Максима Горького для всей литературной общественности, для всех литературных организаций. Облик писателя-бойца является могучим примером для работы каждого писателя, он мобилизует нашу общественность вокруг вопросов, бывших за эти годы самыми боевыми, самыми важными для всей советской литературы. Максим Горький своей деятельностью дает ответ на все споры о подчинении задач литературы интересам построения социалистического общества.

ФОСП образовал общественный комитет для встречи Максима Горького. Но было бы совершенно недопустимо ограничить приезд Горького только одним организационным мероприятием. Все без исключения литературные организации должны ознаменовать приезд Горького устройством специальных докладов, посвященных литературно-политической деятельности М. Горького и его творчеству. ГОРЬКИМ ПРОВЕРЯТЬ СЕБЯ! УЧИТЬСЯ РАБОТАТЬ ПО-ГОРЬКОВСКИ! вот лозунги этой кампании. Она должна быть распространена и на все литературные кружки по фабрикам и заводам, на кружки ударников, на рабочие библиотеки и т. д. Мы обращаемся сейчас ко всем этим литературным организациям и спрашиваем—СДЕЛАНО ЛИ ЧТО-НИБУДЬ В ЭТОМ НАПРАВЛЕНИИ?

Наконец, издательства должны учесть огромный резонанс, который вызовет приезд Горького по всей стране. Госиздат переиздает важнейшие тома сочинений Горького. Но этого мало. Необходимо в самом срочном порядке издать томики статей Максима Горького. Необходимо издать красочные плакаты (подобно тому, какие были изданы к 60-летию Горького) и лозунги из его статей.

Кроме того, необходимо издать миллионным тиражом брошюру о жизни Горького и его творческом пути. Пока же издательства, как говорят некоторые предварительные сведения, недостаточно энергично готовятся к приезду Горького.

Готовьтесь встретить писателя-бойца! Готовьтесь встретить Максима Горького! Организуйте социалистическую активность всех писателей, всей литературной общественности, вокруг его имени.

В КОМИТЕТЕ ФОСП

* В комитет ФОСП по встрече М. Горького командированы 5 рабочих-ударников: «Электрозавода», заводов «АМО» имени Владимира Ильича—цеха имени Гастева, «Электрик-сила» и Лебедева завода сельскохозяйственных машин.

* Комитет ФОСП по встрече М. Горького совместно с Президиумом ЦИК Комакадемии и ГАИС проведет совместно с клубом ФОСП — встречу писательского актива Москвы и ударников с Горьким, литературный вечер, посвященный беседе Максима Горького о его творческом пути.

* В МХТ намечено провести большой вечер для писательской общественности и ударников Москвы, с участием М. Горького. На вечере будут показаны отрывки из пьес Горького.

* Комитет ФОСП предложил правлению ОГИЗ издать отдельным сборником политические статьи Максима Горького, помещенные в печати. Кроме того, комитет обратился в РЗОИЗ с предложением издать к приезду Горького плакаты с лозунгами и выдержками из статей Горького.

* Комитет ФОСП выпускает специальное обращение к рабочей общественности СССР о значении приезда А. М. Горького.

* «Литературная газета»—выпускает специальный номер, посвященный Максиму Горькому к его приезду в СССР.

* Группа лекторов Института ЛИЯ Комакадемии работает над темой статей о М. Горьком, которые будут опубликованы в специальном сборнике и в «Литературе». Секретариат ФОСП решил принять участие в этой работе и выпустит этот сборник в издательстве «Федерация».

НА „ЭЛЕКТРОЗАВОДЕ"

* На «Электрозаводе» состоялось собрание рабочих слесарного цеха «Электрозавода», посвященное 63-летию Максима Горького и предстоящему его приезду. После доклада о творческом и революционном пути А. М. Горького и выступлений ударников руководимая бригадиром т. Андреевым ударная бригада слесарей-ресчиков, перевыполняя производственные задания, записала о присвоении ей имени «Бригады имени Максима Горького». Литкружок «Электрозавода» прикрепляет эту ударную бригаду для работы в кружке по изучению творчества М. Горького.

В ЛЕНИНГРАДЕ

Ленинград, 15. (Нашк. корр.). Получено известие о том, что Максим Горький в последних числах апреля приезжает в Ленинград. В литорганизациях начата подготовка к встрече Горького. В частности ЛОКП отложил областной слет литкружковцев-ударников, толстовов и совхозов с тем, чтобы старейший пролетарский писатель мог присутствовать на первом в СССР слете молодых писателей — передовых бойцов за социалистическое хозяйство.

В МАПП

* В центре внимания работы МАПП стоит сейчас подготовка к встрече приезжающих в литературу рабочих-ударников с крупнейшим пролетарским писателем М. Горьким. МАПП организует большой вечер ударников или совместной беседы с М. Горьким.

* В (по районам) МАПП организуются литературные вечера в районных клубах, куда будут приглашены ударники с фабрик и заводов, рабкоры, литературные кружки, трамовцы. Будут заслушаны доклады о творчестве Горького и зачитаны отрывки из его произведений.

* 25 апреля МАПП проведет инструктивный доклад о Горьком для всего актива МАПП и руководителей массовых кружков. Доклад поможет всем литкружкам осветить в газетах, в литгазетах и многотиражках роль М. Горького в пролетарской литературе и в культурном строительстве СССР.

* Творчество Горького по плану работ литкружков становится предметом обсуждения и изучения во всех литкружках.

ПО ИЗДАТЕЛЬСТВАМ

* Правление ОГИЗ выпускает к Мартовские сборник публицистических статей А. М. Горького, помещенных в печати.

* В ГИХЛ в школьной серии «Детской библиотеки классиков» (ОНО) вышла из печати книга М. Горького «Детство» с тиражом в 100.000 экземпляров.

* К приезду М. Горького в той же серии будут изданы массовым тиражом (по 100.000) произведения М. Горького: «Мои университеты», «Мещане», «На дне». Кроме того, в ближайшее время сдаются в печать «Мать» и «В людях».

* К 25 апреля ГИХЛ выпускает первый и второй том сочинений М. Горького в одной книге размером в 40 печатных листов, с тиражом в 25.000. В эту книгу вошли произведения, написанные с 1892 по 1898 гг.

* По отделу современной литературы ГИХЛ намечает выпуск иллюстрированного сборника рассказов М. Горького объемом в 25 печатных листов.

* В течение 1931 г. ГИХЛ намечает выпустить собрание сочинений М. Горького в 25—26 томах; в 12—13 книгах. Ежемесячно ГИХЛ будет выпускать по два тома сочинений М. Горького (в годовой книге). На это издание ОГИЗ отпустил ГИХЛ специальный фонд бумаги. Вся работа по выпуску произведений А. М. Горького проводится ГИХЛ в удвоенном порядке.

СОВЕЩАНИЕ ЛИТКРУЖКОВ

В КУЛЬТПРОПЕ МК ВКП(б)

При культпропе МК партии состоялось собрание актива литературных кружков совместно с бригадой МК, обследовавшей работу МАПП.

Участники совещания отмечали, что несмотря на ряд серьезных недостатков, МАПП значительно далась на перестройку своей работы.

Выступавшие товарищи указывали на плохое руководство кружками со стороны райбюро МАПП, на отсутствие методических разработок, на недостаточную литературно-политическую квалификацию ядра руководителей. Не втянут в работу кружков актив РАПП, недостаточна помощь им со стороны партийных и профорганизаций. Мало внимания уделяет правлю ударников и напа печать.

По вопросам привлечения ударников подробно остановился в своем выступлении зав. сектором печати МК тов. Залуцкий.

— Отмечая наличие известных достижений в этой области, тов. Залуцкий указывает на остроту проблемы закрепления призванных в литературных кадров рабочих ударников. Для укрепления литкружков надо привлечь к работе МАПП новые силы из комвузов и Комакадемии, поверпуть партячейки предприятий своим литкружкам и организовать издание специального журнала для ударников, призванных к литературу.

В прениях приняли также участие т. А. Исбах, А. Караваева, А. Грудская, Н. Боровой, Плакидин (с-й тяжелой завод). Подделков (завод «Динамо»). Немах (кружок «Постройка»), Резчиков (завод «Каучук») и другие.

НОВОЕ КОММУНИСТИЧЕСКОЕ ПОПОЛНЕНИЕ МАПП

Шестьдесят студентов Коммунистического института журналистики влились в Московскую ассоциацию пролетписателей, значительно укрепили ее партийную прослойку.

В связи с этим в КИЖ состоялось на-днях выездное ОТКРЫТОЕ ЗАСЕДАНИЕ ПРЕЗИДИУМА МАПП.

Выступивший с кратким докладом тов. ГРУДСКАЯ, подчеркнула, что еще два года назад мы не имели в коммунистических вузах мощного движения. Сейчас эти кадры идут в МАПП и в этом одна из гарантий, что задача закрепления призыва ударников в литературу будет выполнена.

Прилив в МАПП 50 писателей — новых 50-ти организаторов - руководителей массовым движением пришлинков - ударников имеет в этой области огромное значение.

Выступавшие с ответными речами писатели заявляют не случайность отправности КИЖа от массового литературного движения в течение столь долгого времени. Старое руководство института в лице Курса, Зозина, Фохта, Гуса не обеспечивало правильной политической линии Института и в том числе и в области литературной политики.

От имени РАПП собрание приветствовал т. Л. Авербах. Указав на разрыв, который существует между задачами пролетературы с одной стороны, и наличием кадров — с другой, Л. Авербах выразил уверенность, что в преодолении этого разрыва, так же как и в деле создания пролетарской литературной среды, книжницы сумеют оказать РАПП немалую помощь.

СЕГОДНЯ ЛИТЕРАТУРНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

* В клубе ФОСП состоялся общемосковский пленум национальных секций МАПП. Пленум заслушал доклад А. Кавалерова о классовой борьбе в национальной литературе. Вся работа пленума пропита под знаком подготовки к областной конференции пленумов МАПП.

* На очередном заседании секретариата МАПП в состав секретариата введен А. Серафимович.

* В Москве состоится 31 мая пленум совета ВОАПП, который в основном будет посвящен творческим вопросам. Сейчас проводятся пленумы республиканских организаций. ЛИЯ Комакадемии прикрепляет к пленуму ВОАПП проведение ряда коллективных докладов по секции «Литература и искусство народов СССР» на тему «Национал-демократизм и борьба за пролетарство».

* Секретариат ВОАПП утвердил кандидатов в составе: т. А. Александровича (Белоруссия) и Лайоша Кинша (МАПП).

ПРОТИВ ФАШИСТСКОГО ТЕРРОРА В ЗАПАДНОЙ БЕЛОРУССИИ

Группа крупнейших советских белорусских писателей вынесла протест против кровавого фашистского террора в Западной Белоруссии.

Мы решительно протестуем против всякой информации фашистской белорусской прессы о будто бы ужасных условиях жизни и творческого труда белорусских советских писателей. Мы знаем, что только в условиях, созданных советской властью, возможно широкому осуществлению национальной политики коммунистической партии, белорусская литература смогла стать в одну шеренгу с литературами передовых наций СССР.

Мы призываем всех писателей Советского Союза, пролетарских и революционных писателей всего мира выразить свой голос протеста против подлого террора своей защиты.

Мы призываем всех писателей ВССР еще теснее объединиться вокруг Штаба Великого Октября — Ленинской Коммунистической Партии и своим творческим участием укрепить обороноспособность Страны Советов.

Среди других деятелей Западной Белоруссии, которые на деле ведут борьбу с подлыми националистами, мы обращаемся с призывом: теснее сплотите свои ряды вокруг единственного борца за лучшее будущее человечества — коммунистической партии.

Протест подписали: Якуб Колас, Платон Галавач, Рыгор Мурашка, Цишка Гартны, С. Зимы, С. Баранавых, Кузьма Чорный, А. Сапегин, Змитрок Бядуля, В. Сташэўскі, Міхась Зарэцкі, А. Якімовіч, Кроліка, С. Гарбата, М. Лынькоў, Я. Баранаў, К. Крапіва, Ю. Гаўрусёў, П. Броўка, Т. Кірэенка, Ю. Лявонны, Е. Гальперына, Т. Кляшторны, Янтарэ, Маракоў, К. Гарун, Полюшкоўскі, Цішок Зарэчны, С. Куніцкі, Зазыбаўскі, Міколя Аляхновіч, С. Пушкевіч, Е. Лявонаўскі, С. Дарожны, Міхась Рудакоў, Упадчанка, Хаўрына, Анатоль Вольны, Міхась Чарот, Сташэўскі, Л. Бокша, Васіль Хомскі, Сташ, Юлій Таўбін, А. Куляшоў, К. Астапенко, Міколя Аляхновіч, М. Хвядосіч.

ПИСАТЕЛИ К ПЕРВОМАЙСКИМ ДНИ

* До дней осталось до первомайских празднеств. Между тем, литорганизации еще не развернули подготовки к 1 мая.

* На последнем заседании первомайской комиссии ФОСП всем литературным организациям предложено усилить работу по мобилизации писательской общественности на подготовку и проведение первомайских дней. Литорганизации должны в 20 апреля закончить прием от первомайского репертуара, который будет исполняться в дни 1 мая в рабочих клубах, на площадях и в театрах.

* 30 апреля состоятся выступления писателей в рабочих клубах. Клуб ФОСП организует 30 апреля первомайский вечер для всего писательского актива Москвы.

* Для выступлений писателей на двух коллективовидах 1 мая в районах Москвы первомайская комиссия ФОСП мобилизует 5 писателей и поэтов.

* 2 мая писатели будут выступать в 25 пионерских клубах, из которых будут приглашать рабочих кружков.

За пять дней

НОВАЯ ВЫВЕСКА, СТАРОЕ СОДЕРЖАНИЕ

В следующем номере мы опубликуем материалы обследования Книгоцентра бригадой ФОСП и «Литературной газеты».

Несомненно, что создание Книгоцентра, являющегося частью большой работы по об'единению издательского дела, — необходимое и целесообразное мероприятие. Оно позволяет вместе с тем усилить элементы социалистического планирования в деле распространения книги. С об'единением товароприводящей сети должна стать общественным продуктом книга и читатель, а не коммерческим рапространителем, как то было до сих пор. Книжных комиссионеров, нередко применяющих самые отвратительные, кулаческие методы в своей работе, должны сменить общественные распространители, выбранные непосредственно на фабриках и заводах, любящие и знающие книгу, умеющие подойти к рабочему, всю свою работу строящие на основах широкой массовости и общественности.

Создание Книгоцентра предполагает также рационализаторское усовершенствование работы, использование мощности аппарата для получения наиболее благоприятных результатов.

При оценке работы Книгоцентра нужно исходить из того, что эта организация очень молодая и поэтому недостатки и перекосы — вещи для нее неизбежные. Бригада ФОСП и «Литературной газеты» несомненно в своих выводах это учтет. Однако бригада сообщила правильно фиксирует внимание общественности на важнейших симптомах деятельности Книгоцентра.

Книгоцентр получил от своих предшественников неплохое наследство. С тем большей энергией он должен был бы это наследство преодолевать! Между тем в результате громоздкости и неповоротливости аппарата положение продолжает оставаться неудовлетворительным, а в некоторых частях даже ухудшается. Оставляя подробное освещение данных обследовательской бригады, мы укажем лишь на то, что на складах Книгоцентра — громадное затоваривание, что книга продвигается по товаропроводящим каналам совсем не теми темпами, которые требуются, и в результате покупает и читателю нередко потеряв уже свою актуальность.

Характерным является качество перестройки дела распространения книги. Книгоцентру уделось значительное внимание отдать работе на фабриках и заводах, на которых уже сосредоточено 15 процентов книгораспространительных пунктов. На фабриках и заводах существуют уже тысячи киосков Книгоцентра. Глубоко положительный факт! Но какова практика этих киосков? Оказывается, что состав киосков совершенно неудовлетворительный, что они работают старыми коммерческими методами. Следовательно, пропадает весь смысл перестройки.

Писательская общественность, больше чем кто бы то ни было, должна интересоваться делом продвижения книги. Уже те факты, о которых сказано выше, показывают насколько целесообразно было мероприятие ФОСП и «Литгазеты» — создание бригады по обследованию Книгоцентра.

Мы не сомневаемся, что выводы этой бригады будут использованы на оказание помощи в работе Книгоцентра, будут снабжены конкретными предложениями: как эту работу улучшить.

ИНОСТРАННЫЕ ПИСАТЕЛИ В СССР

Всячского поощрения заслуживает начинание МОРП и ОГИЗ—организация интернациональных писательских бригад.

Этим кладется главное начало к делу изучения иностранными революционными писателями жизни Советского союза. Совершенно ясно, что организованная коллективная поездка даст гораздо больше, чем путешествие в одиночку, в которое нередко входят элементы случайности, когда очень трудно бывает проверять свои впечатления. Бригада же сразу, еще в Москве, обогащается целым рядом сведений из центральных учреждений, ей гарантируется плановая помощь на все время поездки, и писатели получают лучшие возможности для своей работы.

Большое значение имеет самый факт одновременного пребывания в СССР и одновременного изучения практики социалистического строительства писателями разных стран. Это—ответ революционных писателей мира на антисоветские кампании, ответ наших друзей на измышления врагов. Они хотят знать правду об СССР, они, понятно, и не сомневающиеся в ложности басен о «принудительном труде», хотят видеть труд социалистический, видеть, как трудящиеся СССР строят социализм.

И это не любопытство туристов, а жизненно интересующихся бойцов. Естественно, что итоги пребывания в СССР иностранных писателей займут своим творчеством. Трудящиеся капиталистических стран получат, таким образом, возможность услышать правдивую информацию о Советском союзе.

Литературная общественность должна внимательно следить и всячески помогать интернациональным писательским бригадам. Может быть целесообразно передать им те книги и очерки, которые были получены во время поездок наших бригад. Нам следует держать связь с иностранными товарищами и откликаться на нужды, которые у них могут быть во время поездки.

По окончании же работы бригад необходимо будет учесть опыт обмена опытом между советскими и иностранными товарищами.

ОБСЛЕДОВАНИЕ МАПП

Культпроп Московского комитета партии проводит сейчас обследование работы МАПП. Это обследование позволит подвести итоги перестройки Московской ассоциации пролетписателей, обобщит опыт лучших рабочих-ударников и литературных кружков, проведенных ассоциацией за последние месяцы, и наметит основные задачи ее работы.

Заранее мероприятие МК ВКП(б) определяется также тем, что в ряде литературных кружков наблюдается недостаточно конкретное внимание партийных организаций, подчеркивается, что они должны руководить этим движением, мобилизовать на помощь ему комсомол и профсоюзы, всю пролетарскую общественность. Такая постановка вопроса выносит значение обследования за пределы Москвы, и делает его общесоюзным. Необходимо, чтобы этот опыт был использован повсюду, чтобы везде были достигнуты такой же подход, такое же понимание важности пролетарского литературного движения, особенно на его новом этапе.

Призыв ударников прекратил МАПП в широкую, массовую организацию, с большой периферией, с крепким пролетарским большинством. Опыт прихода позволяет уже сейчас достаточно четко определить место и значение литкружков в общей системе пролетарской практики в конкретной практике социалистического строительства. Основные задачи кружков — это молодые литераторы, а вернее за ними — внимание на фронте литературы, острая борьба с чуждыми влияниями, и, наконец, — это примерные производственники. Такой кружок — значит явление в нашей жизни, необходимое [illegible]

Такой кружок нам и нужен.

Но за него надо бороться. Организационные МК и фактически никакого на местах районского райбюро МАПП.

Прежде всего должно быть [illegible], что призыв не конец. Нужно продолжать заниматься, нужно охватывать по-прежнему все, все основные предприятия, [illegible]

Основная работа [illegible] Сейчас [illegible] работы МАПП, [illegible] и [illegible] Особенно [illegible] Очень важно [illegible] Необходимо [illegible] взаимный [illegible] работы [illegible]

Значение же имеет и работа по приему, дает ему [illegible] Необходимо и этому вопросу [illegible] Сейчас [illegible] Здесь [illegible] Кое-где [illegible] Но [illegible] недостаточное. Мы [illegible] и количественно и качественно [illegible] массовому пролетературному движению.

Предлагаем все эти вопросы с помощью комиссии и профсоюзов, при руководстве партийных организаций. МАПП и все пролетлитературное движение поднимутся на высшую ступень.

ПАМЯТИ ВЛАДИМИРА МАЯКОВСКОГО

В переполненном зале Коммунистической академии состоялся 14 апреля вечер памяти В. В. Маяковского, организованный Институтом ЛИЯ Ленинградским совместно с ФОСН и РАПП.

Вечер открыл докладом Н. Хрущенко «Маяковский и революция».

Тов. Хрущенко отмечает, что бунт Маяковского и в дореволюционное время был не только бунтом одиночки, этот бунт был в значительной мере пронизан общественным моментом. Эти моменты особенно четко выразились в «Облаке в штанах». Но такое понимание революции как вечного акта места молодых—былым было, конечно, мелкобуржуазным. В нем отчетливо сказался мелкобуржуазный характер мироощущения Маяковского.

Его неспособность по-настоящему оценить революцию, увидеть ее летучий хал, сказалась и в восторженном принятии февральской революции. Эта восторженная удовлетворенность февральской революцией («Наша земля, наших рук!») сказывается у Маяковского в «Мистерии-Буфф», освобождением от целого ряда иллюзий. Здесь он уже говорит о классовой дифференциации общества и в крушении капиталистического мира в большой степени ставится на пролетарские позиции.

Дальнейший творческий путь Маяковского характеризуется его работой в РОСТА, где он становится газетным агитатором, создает свой политический жанр: политическую сатиру, плакат, рифмованный лозунг.

Но и в этот период Маяковский несет с собой груз мелкобуржуазных взглядов. В поэме «Владимир Ильич Ленин» выступление вождя русского пролетариата, выступление вождя Октября показано в романтических, несколько бумажных цветах. Он забывает здесь о руководящей роли революционного пролетариата, ведущего за собой крестьянство, и классовая борьба представляется ему где-то в туманных далях. Аналогичную классовую борьбу Маяковский затем сведет к борьбе за культуру. Стерлядью он называет, например, только «обывателя с бодом блеклым».

Но на протяжении всего своего творческого пути Маяковский идет по линии приближения к пролетариату, с огромной силой звучал революционно-строительство. **Именно этим Маяковский дорог пролетариям всего мира.**

*

С. Динамов развил в своем докладе тему «Маяковский и пролетарская литература».

— Маяковского нужно понять как большое историческое явление. Не нельзя замалчивать ошибок Маяковского, это было бы оскорблением его памяти.

Переходя к отдельным ошибкам Маяковского, тов. Динамов находит особенно характерной ту, которая допущена поэтом в «Бане». Здесь устремление Маяковского вперед, попытка перекинуть мост сегодня в завтра—было в сущности шагом во вчера, в прошлое, в плен мелкобуржуазного утопизма.

Маяковский продолжал творчески расти до последнего дня своей жизни. В последние годы он со всей четкостью понимал, что его индивидуализм и схематичность мелкобуржуазны. Он упорно работал над собой, искал большей простоты, наполненной большим социальным содержанием, находил новую форму, новое содержание своему искусству.

*

В качестве третьего докладчика выступил ак. **А. В. Луначарский**, посвятивший большую речь проблеме «Маяковский и его двойник».

— Наиболее четко звучало в первых стихах Маяковского, что мир мелок для большой личности, а большая личность ответствует целому миру. Это был первый бунт Маяковского.

Вторым бунтом было чувство молодости; это была не потухшая молодость, а сознание того, что мир одряхлел, что мир требует переосмысления. Отсюда—страшное отрицание всех старых ценностей, боязнь признать хоть что-нибудь из них относящимся к мировому мнению, которое можно сформулировать словами: мы сами себе предлагаем: старо да — молодой футуристический бунт. «Поцеловав общественному вкусу» («наплевать, выкусил»).

Третья характерная черта творческого пути Маяковского—его любовь к сцене. Поэт в совершенстве овладевает искусством управлять словами, на его призыву они поют и пляшут. Позднейшие этапы были для Маяковского служителями одряхлевшего мира, их творчество полузабыто его, он всем своим существом чувствовал, что писать нужно совсем по-новому.

Четвертой особенностью Маяковского был его «потход от производства». Он спрашивал себя: что понимают эти отцы-поэты: увеличивать ценности? Полезные вещи? И слышал кругом ответы: «Что вы? Конечно, нет! Они производят бесполезные вещи, в этом и прелесть, в этом и красота!».

— «Социальный заказ» был таков, чтобы поэтов очень музыкально тошнило перед всем миром,—говорит т. Луначарский.—Это было отвратительно для Маяковского, как и всякие попытки делезьма бумажными цветами разукрасить, закрыть грозящую мерзость действительности.

Маяковский стремился к преображению, к передаче окружающей среды, а значит и всего общества. Такое понятие о литературном производстве было уже революционным и близким пролетариату.

Лакунность лексики — значила для Маяковского быть барином, чарджуем, неприятелем. А Маяковский хотел быть рабочим, каменщиком, строителем. Отсюда—так называемое «снижение лексики»: боязнь «высокого штиля», стремление писать «низким штилем», который является живым языком живых людей, трудящихся, рабочих, пролетариев.

— В деле оживления, обогащения русского языка заслуги Маяковского огромны,—подчеркивает т. Луначарский.

Ритм стихов Маяковского—ритм ораторский, ритм индустриальных шумов, железные удары чарджуего молота—врывались с собой революцию в область ритмики русской поэзии.

Маяковский шел к городу социализма вместе, и он очень боялся, как бы не цутнуть в этот город своего двойника, которого Маяковский постоянно одушевлял за своими плечами. Этот двойник состоял из того, что оставалось в Маяковском мещанского, мещанского, мелкобуржуазного, индивидуалистического.

Маяковский сотнул своего двойника—интимно-болезненно-чуткого человека, он старался всячески выгнать его, но иногда двойник пытался встать рядом с поэтом и петь про это. И в то время как Маяковский брал за шиворот, стегал двойника, говорил ему: ты не смеешь петь! — грозом с металлическим голосом большого козлогола революционной поэзии Маяковского звучали подчас нежные мелодии двойника.

— Это, может быть, и значит, что Маяковский с изумительной чуткостью передал особенности нашего переходного времени,—говорит т. Луначарский.

В поэзии Маяковский преодолевал двойника: его индивидуалистической песне он становился на горло. Не стрелял он ему в бок в политике.

И поэт почувствовал, что если не убить Маяковского—металлического, то он, ослабев в постоянной борьбе, может быть, станет сам голосом своего двойника.

Маяковский погиб. Но существует бессмертный Маяковский, и еще долго, долго тогда, когда осуществится полный коммунизм, будут говорить о нашей эпохе. А главная часть своего творчества **Маяковский смог быть ее достойным современником.**

Д. К.

Художественная литература—
на службу социалистическому строительству

ВКЛЮЧИМСЯ В БОРЬБУ ЗА УРАЛО-КУЗБАСС—ВТОРУЮ МЕТАЛЛУРГИЧЕСКУЮ БАЗУ СССР

ВОЗЗВАНИЕ УРАЛЬСКОЙ АПП

Ко всем писателям Советского союза, издательствам и редакциям литературно-художественных журналов

«Урало-Кузнецкий комбинат»—это революция в нашем хозяйстве, причем в таких размерах, в таких масштабах, которые мыслимы только в стране с плановым социалистическим началом» (Куйбышев).

Значение Урало-Кузнецкого комбината выходит далеко за пределы Урала и Сибири, он имеет не только всесоюзное но и мировое историческое значение. Вот почему нельзя обойтись без вовлечения всего рабочего класса нашей страны, всей пролетарской общественности в строительство Урало-Кузнецкого комбината.

Уральская ассоциация пролетарских писателей перестраивает свою работу и ставит себя на службу урало-кузнецкой проблеме. На всех крупнейших строительствах организованы литературные рабочие кружки: Магнитострой, Челябтракторострой и другие. Для сбора материала командированы писатели в Магнитострой, Березникихимстрой, Уралмеьстрой, Сухоложский комбинат, Асбестовые рудники. Рабочие литкружки —Магнитострой, Челябтракторострой, Уралмашзаводстрой—ведут ежедневную социалистическую борьбу на этих стройках. В ближайшее время выходит сборник очерков о строительстве уральских колхозов и совхозов.

Перестраивается и областной литературно-художественный журнал «Рост». Он целиком переключается на тематику урало-кузнецкой проблемы.

Все эта только начало огромной работы, которая стоит перед УралАПП. От имени 600 человек, объединенных в нашем движении заявляем: Мы готовы драться за Урало-Кузбасс. Мы уже вступили в бой. По строительство настолько грандиозно, настолько плодотворно и разнообразно, что требует активного участия всех советских и в первую очередь пролетарских писателей, создательств и редакций литературно-художественных журналов.

Необходимо: двинуть лучшие писательские силы на Урал и Сибирь с расчетом, чтобы в ближайшем же месяце появились квалифицированные книжки о строительстве Урало-Кузбасских гигантов, об Урало-Сибирских совхозах и колхозах, о борьбе рабочего класса за социалистическую стройку и за овладение техникой. Писатель (в одиночку и бригадами) должны знать не шаблонный, а длительный серьезный характер, дающий возможность изучить во всей сложности и глубине строительство.

Для огромного большинства писателей Урало-Кузнецкий комбинат пока еще абстракция. Мы предлагаем начать глубокую проработку вопроса Урало-Кузбасской проблемы на широких писательских собраниях, совещаниях и т. д.

Кино не дало еще ни одной фильмы об Урале, не говоря уже о всем реконструируемом Урале. Даже больше, Совкино на капитальное строительство Урала отпустило... 500 рублей. Кино-сценаристы пытается «заключить» с Урало-Кузбассом, выпуск спецвыпуска об Урало-Кузбассе в Москве, в Ленинграде и поездках в Уральском кадре на очень. Этим безобразием должно быть положен конец.

Пусть зазвенят прожектора на экране, борьбы рабочего класса за вторую металлургическую базу.

Издательства, в первую очередь ОГИЗ должен развернуть работу по созданию массовой, технической и художественной литературы об Урало-Кузбассе. Уральское отделение ОГИЗ до сих пор не выпустило ни одной книжки об этой проблеме. Мы ставим также вопрос перед ОГИЗ, Центрами, издательствами национальных советских республик о выпуске литературы, посвященной Урало-Кузбассу, на национальных и европейских языках.

Литературно-художественные журналы, в первую очередь, должны поставить перед собой задачу показательной пропаганды на своих страницах—в очерках, рассказах, повестях и романах строительства Урало-Кузнецкого проблемы. В ближайшее же время необходимо провести следующие мероприятия: командировать лучших журналов на Урал и в Сибирь, выпустить специальные номера, посвященные Урало-Кузбассу, в отличных библиографиях заострить внимание на книжках, освещающих вопросы Урало-Кузбасса.

Осуществление и реализация наших предложений должен быть РАПП.

«Литературная газета» должна помочь организации этого движения и мобилизации литературной общественности.

СОРЕВНОВАНИЕ РАБОЧИХ-КРИТИКОВ

Уральцы огромные задачи, стоящие перед фронтом пролетарской критики, отказались ее от сегодняшнего дня, от текущих практических задач, мы, группа непролетарского кружка рабочей критики «Рост», объявляем себя ударниками на фронте пролетарской критики и вызываем на соревнование кружков рабочей критики Ленинграда при «Красном путиловце».

30 апреля приезжает Максим Горький. Приближается дни критического совещания. Это наше поле пройти не может. Лучшая встреча Максима Горького — усиление борьбы за социалистическое строительство, и в первую очередь за стройку Урало-Кузбасс.

Мы берем на себя обязательство развернуть борьбу рабочих-ударников, помогать УралАПП в ее борьбе за новое пролетарское литературных организаций лицом к Урало-Кузнецкому комбинату, осветить на производственном совещании критики главным образом вопросы творчества рабочих-ударников.

Мы берем на себя обязательство выделить на создание кружка 18 кружковцев на руководство низовым кружком и провести под руководством МАПП призыв ударников в литературу.

КРУЖОК «РОСТ»

АССОЦИАЦИЯ КУЗНЕЦКОСТРОЯ

Ирсаев ударников резко изменяет географию РАПП. Центры важнейшей работы переносятся на места ударных новостроек. Вместе и работают коммунисты в Магнитогорске и Кузнецке.

Состав рабочих Кузнецкстроя неоднороден и здесь. Старых рабочих немного, основная масса—вчерашние крестьяне, одна из них начинает в Кузнецке квалификацию профессиональную и квалификацию с выходом.

Ясно, однако, что с таким рядом классовым «статфобчиком» нечего нашей пролетарской литературе работу начинать. Тем необходимее это сейчас!

Кто пришел во время прозвал в Кузнецкую агломерацию? Прежде всего сознательные, наиболее отсталые элементы Кузнецкстроя. Такие старики металлист, крестьянин Василий Сергеевич Жадубов. За его плечами—участие в революции 1905 г., фронты гражданской войны. Сейчас он один из лучших общественников цеха. В тот день, когда посещали заседание ячейки в РАПП, нам передали его просьбу. Тов. Васо Истратов, член бюро ячейки ВКП(б), рабочий литейного цеха, один из лучших ударников строительства. Таких много других.

Творчество их неформально и схематично. Они пишут стихи, охотно пробуют свои силы в очерке, ведут дневники, регулярно участвуют в газетах. Тематически охват их творчества очень велик, в том числе и вопросы производственного порядка. Кузнецкое строительство, Замыслы их, иногда наивные и грубые, но зачастую умелые на бумаге, тесно связаны с забросками новых фраз и орфографической неразберихи. Основные темы: любовь, быт, отношение к труду. Они печатаются (это в размер небольших заметок) в заводской газете, очень характерно. В этой газете — даже плакатик и враг не смеет пролезть в Кузнецкстроя.

Б. РЕСТ.

ГОДОВЩИНА СМЕРТИ В. В. МАЯКОВСКОГО В ЛЕНИНГРАДЕ

Рабочая общественность Ленинграда отметила годовщину смерти В. Маяковского докладами и вечерами в клубах. Литературная общественность, в лице с Ленотделом ФОСН, только собирается устроить вечер 25 апреля. (Темы, характерные для ЛО ФОСН).

*

Литературные, посвященные Маяковскому, выпущены комсомольской газетой «Смена» и вечерней «Красной газетой», где для ряд интересных заявлений ленинградских писателей.

Константин Федин ставит вопрос об изучении, на ряду с поэтическим наследством В. Маяковского, личности поэта, занимавшего исключительное место «в жизни и революционной литературы после Октября, в писательском быту, во всем укладе и строе литературно-общественных отношений».

— Сейчас — заявляет К. Федин, — в момент внимательного обсуждения вопроса о «новом этапе» писатели нельзя не остановиться на ценнейшем материале, оставленном нам гневной и горячей жизнью Маяковского. Молодая литература, укрепив работающая или сама, хочет знать правду. Ей все трудные и путь, которые привели Маяковского на литературного футуризма в организационные ряды писателей-революционеров.

Не надо забывать, что литературное наследие Маяковского увековечат писатели, старшие и человечи, принимается далеко не бесспорно. И далеко не все произведения Маяковского хорошо аттестуют на «признание» Маяковского. Я, например, должен сказать, что чаще всего я не понимаю искусственность искусства. В этом смысле «Новый леф» был прав, когда заявил в передовой статье: «Вс. Иванов и К. Федин—наши враги».

В моем непонимании позиций лефа автор передовой не ошибался: я—враг лефа. Но расходился я с Маяковским в области поэтики не есть еще разногласий по взглядам на роль литературы в нашу эпоху и не должны мешать современники Маяковского вглядеться в дорогие нам. **Биография** Маяковского, как убеждающий пример поэта, поисков, сомнений и конечных завоеваний поэта революции, должна быть создана в интересах всей советской литературы.

*

Мих. Чумандрин в своей статье останавливается на вопросах перестройки поэтических.

— Часто заявления о перестройке, — пишет он, — сопровождаются нечестием, самомнением, болезнью самолюбия,—но суть дела, модификация художественных черт «поэтического». Конечно, немногие перестраиваются так. Но это какой-то группы такая «перестройка» очень характерна. В этой группе — даже классовый враг не сумел пролезть в Маяковского.

Б. РЕСТ.

ПОЛЬ ВАЙЯН КУТЮРЬЕ
ГЛАЗА НА СССР

Кризис буржуазного общества вызвал в среде буржуазии такой живой интерес к СССР, какого не было со времени первых событий Октябрьской революции. Люди хотят знать, понять, уловить смысл этого необычайного подъема социалистической стройки — открытие, которое их также поразило, как и кризис современного капитализма.

И, надо сказать определенно, что, несмотря на большое количество книг, написанных за последние тринадцать лет об СССР, на Западе ничего, или почти ничего, не знают о том, что здесь происходит.

Когда хотят описать то, что было за последнее время реализовано в Советском союзе, то обычно начинают с широко намеченных перспектив и общих планов и, исходя из этих положений, постепенно приходят к действительности и конкретным деталям.

Но здесь принцип обратного построения будет гораздо вернее. Только немногие из фактов, которые имеют самостоятельную ценность сравнительного образца, нужно будет знать, почувствовать, дальше самому отдаленному из французских рабочих истинное величие строительства социализма в СССР. И тут не требуется считать некоторых трудностей, так как ная, что в его основы, рабочая капитализма, он встречает только одни лишь иллюзии, французский рабочий поймет, что в жизни русского рабочего не исходит встречаются одни только реки.

Когда французский рабочий поймет, какие трудности приходится преодолевать русскому рабочему, то он по-настоящему оценит новую психологию труда: он поймет, что только социализм способен создать и поддерживать тот необычайный порыв, который необходим для создания новой производственной структуры и нового социалистического быта.

Такая широкая, конкретизированная и осмысленная информация тем более необходима, что во Франции с небывалым любопытством присутствуют ко всему, что относится к СССР,—не только к работе, но и мелкобуржуазная интеллигенция. Находясь на стыке двух враждебных миров, французская буржуазия, руководимая классовым инстинктом, видит в построенную единых перед интеллектом планом и его успешной реализацией.

Французская буржуазия всех политических оттенков и стилей социалистического строительства в СССР в работе третьих, распространяемая по новому причин успешного выполнения пятилетки самых фантастических выдумки. Как сказано в ее книжных (Демократ и принудительный труд), которая является не чем иным, как новым видом политики общественного мнения в пользу против СССР. Большое известие критическое отношение к этой пропаганде не только среди металлистов, бастующих или даже на заводах в СССР, но и в зажиточных слоях буржуазной интеллигенции. Не стоит говорить, что нет и, к себе они давать никаких иллюзий. Громадное большинство французских интеллигентов, которые ездили в СССР, возвращаются с самыми благоприятными впечатлениями, которые они выражают в своих книгах, докладах, лекциях, статьях.

Противопоставить мир строящемуся социализма начинающемуся миру буржуазии, что в нашем изложении интересует СССР, по-своему тем самым содействует коммунистических идей и прогрессу мысли и торжеству социализма во всем мире.

МАПП В ДЕКАДЕ ПЕЧАТИ

В связи с приближением декады печати секретариат МАПП наметил основные задачи, стоящие перед пятикузниками в эту декаду. Поворот в работе должен быть направлен в сторону активнейшего участия в низовой печати, освещения в ней вопросов техники, рационализации, рабочего изобретательства.

Развертывание работы по призыву ударников в литературу требует тесного контакта пятикузников в заводской печати, требует живейшего участия комсомольских организаций в работе кружков.

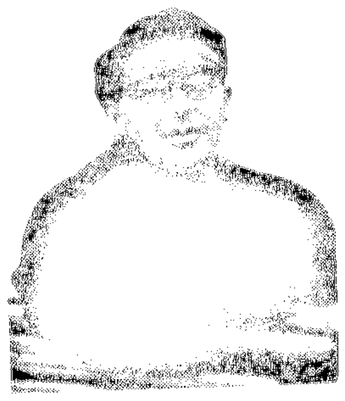
Декада печати—это, прежде всего, поворотный пункт в работе пятикузников низовой печати, комсомольских организаций к призыву ударников в литературу, к технике и изобретательству.

СОБРАНИЕ ЯЧЕЙКИ ВКП(б).

Общее открытое собрание ячейки ВКП(б) Дома Герцена состоится 21 апреля, в 17 ч. — На повестке дня: доклады изд-ва «Федерация» и изд-ва Московского товарищества писателей.

ИОГАННЕС БЕХЕР

ВЕЛИКИЙ ПЛАН



ИОГАНЕС БЕХЕР

1

Мощно поднимается человек,
Угнетенный человек, —
И сознание класса
Исполняет его силой.
И сердце его бьется учащенно
От беспокойства,
От невозможности дождаться.
Все, что было прежде,
Кажется ему ничтожным
По сравнению
С предстоящим.

Когда-то его давила
Тяжесть беспредельного пространства,
И необъяснимые перемены
Погоды.
Горы были врагами ему,
Море лежало преградой.

Он сдвинул с мест
Тяжкие горы.
Он рассчитал падение вод.
Он обуздал машинами
Враждебность природы —
Но на нем тяготеет ига,
Которое тяжеле
Природы, не знающей оков.

Зерно сжигают,
Чтобы оно не падало в цене.
Землю затыкают,
Чтобы не били нефтяные скважины.
Изобретения скупают,
Чтобы не открылось счастье.

Дикий человек
Беспризорность общества,
Классовый строй.
И, бесстрашно
Оглядываясь
На тысячелетия,
Он видит:
Он стоит
При

НАЧАЛЕ.

* Отрывки из новой поэмы т. Бехер, печатающиеся в РИХЛ.

2 Хор социалистического строительства

ВЕЛИКИЙ ПЛАН БУДЕТ ВЫПОЛНЕН,
В ЧЕТЫРЕ ГОДА БУДЕТ ОН ВЫПОЛНЕН —
ВЕЛИКИЙ ПЛАН,
РАССЧИТАННЫЙ НА ПЯТЬ ЛЕТ.
Заводы обгоняют заводы,
Времена облетают времена.
1930 год побил все предыдущие годы.
Магнитогорск соревнуется
С Днепростроем. Четыре года
Обогнали целое столетие.
Мы одолели такой путь
Во времени, что старые времена
Стали навек против нас бессильны.
ВЕЛИКИЙ ПЛАН БУДЕТ ВЫПОЛНЕН,
В ЧЕТЫРЕ ГОДА БУДЕТ ОН ВЫПОЛНЕН —
ВЕЛИКИЙ ПЛАН,
РАССЧИТАННЫЙ НА ПЯТЬ ЛЕТ.

3 Противник

Мы, Парижский комитет торговли и промышленности,
Именуемый «Торгпром»,
Мы, бывшие владельцы
Нефтяных приисков, угольных копей,
заводов Рейна.
Мы, наконец (не забудьте!),
Французский генеральный штаб, —
Мы с удовлетворением рассмотрели
Тайный план, представленный
Господами Рамзиным и Ларичевым,
От имени инженерного центра.
На проведение этого плана
Мы ассигнуем
Миллион рублей в год.

4 Товарищ, сомневающийся в возможности социалистического строительства

Двадцать лет
Я в партии.
Я шел с партией.
Я вернулся
С хлебозаготовок.
4 месяца сидел я по уральским деревням.

Там я откладывал
Свои сомнения.
Но теперь
Я обязан сказать открыто:
Партия слишком много берет на себя.
Партия перехватывает темпы.
Довести до конца Великий План
Ей нехватит сил.
Я не согласен
С линией партии.

5 Хор социалистического строительства о восхождении на высокие горы

Известно, что есть горы,
Чьих вершин
Никто еще не достигал.
Экспедиции напрягают все силы.
Шаг за шагом
Подходят они все ближе к вершине.
Но те товарищи, которые кричат:
«Назад!» —
Остаются лежать на дороге.

Скудны были запасы.
Ветер разнес палатку.
Глаза наши были полны
Крови.
Безумные слова
Кричали мы в пропасть.

Что об этом
Говорить!
Высокие горы —
Не для слабых.

Строительство социализма
Тяжело
Под'ем на высокие горы.
Но под'ем масс
Неудержим.
Ты лег на дорогу, товарищ.
Ты давешь нам совет вернуться.
Ты указываешь нам
На трудности пути.
Мы внимательно выслушиваем тебя,
Потому, что ты шел с нами
Двадцать лет.
Но мы не ослабим
Темпов.
Мы оставим тебя
Позади.

(А ты ведь знаешь, товарищ:
Всякого, кто отстанет,
Подбирают наши враги.
Они высоко поднимают его и ставят
Перед собой, и кивают
На него: видите, вот и он...).
Нам надо одолеть
Много высоких гор —
И на всех вершинах
Развернуть знамя
Социализма.

6 Рамзин читает лекции в Теплотехническом институте

Я читаю лекцию.
Я стою перед
Своими учениками.
Я — руководитель
Московского
Теплотехнического института.
Я знаю свое дело.
Я могу учить,
Сообщать знания.
Я перегорнен.
Я имею возможность излиться
Теперь все не так,
Как было.
Мои ученики — рабочие.
Они с'ехались слушать меня
Из далеких поселков —
От Минска до Урала.

Лекция кончилась.
Я присаживаюсь на скамью
К своим ученикам.
Мы сдвигаемся потесней.
Один из них кладет мне руку
На плечо.
Мы — товарищи.
Я произношу слово —
— Коммунизм.
Я вглядываюсь в их, моих учеников,
Всех подряд.
Ведь я и сам расту
В своих учениках.
Ученики мои говорят:
ВЕЛИКИЙ ПЛАН БУДЕТ ВЫПОЛНЕН,
В ЧЕТЫРЕ ГОДА БУДЕТ ОН ВЫПОЛНЕН —
ВЕЛИКИЙ ПЛАН,
РАССЧИТАННЫЙ НА ПЯТЬ ЛЕТ.

**

Великое дело —
Иметь тайну,
Неизвестную людям,
И управлять ими
На перекор всему,
Что они знают.
Ты называешь меня: «Товарищ»
И я отвечаю: «Товарищ».
Я выдерживаю твой взгляд,
Испытующий меня.
Я жму твою руку,
Сколько хочешь—и не дрожу.

7 Человек идущий в строю

Человек возвращается домой,
Закрывает дверь.
Ему хочется
Побыть одному
Прежде чем заговорить с женой
В Берлине,
В Лондоне,
В Варшаве,
В Чикаго —
Человек возвращается домой.
Человек стоит у окна,
Человек знает:
Работы нет.
В Берлине,
В Лондоне,
В Варшаве,
В Чикаго —
Работы нет.
Руки лежат без дела.
Вот так же могли бы они
Лежать в воде
И ждать, пока растворятся

**

Человек выходит на улицу.
Останавливается у витрин.
Закусывает кусочком воздуха.
Человек голоден.
В Берлине,
В Лондоне,
В Варшаве,
В Чикаго —
Человек выходит на улицу.
Человек голоден.
Когда открываешь в комнате газ,
Надо быть осторожным, чтобы сосед
Не заметил чего...
Надо плотно запереть дверь...
...если бы только не дети...

8 Неизвестный солдат говорит о рождении бури

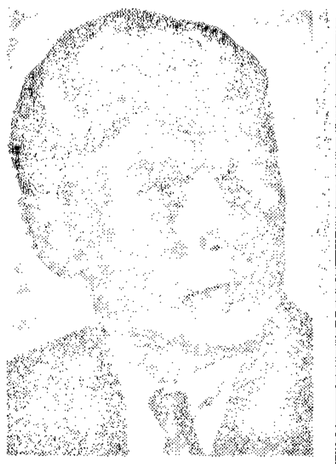
В джунглях рождается буря.
Она несется вниз по Ян-цзы-цзяну,
Сна бушует на маисовых полях.
Буря встает над Чикаго,
Опрокидывает небоскребы.
Она врывается в девственные леса,
Возмущает болота
Гран-Чако.
О буре кричат из Инда-Китая,
Буря клокочет на улицах Будапешта.
Буря — над Берлином.
На Балканах барометр показывает бурю.
Буря рвет из пустых конвертиков
Для зарплаты.
«Буря» — написано на каждой рабочей карточке,
Буря слетается со всех извещений о расчете —
Всякий, у кого нет работы,
Всякий, кто голодает,
Носит с собой кусок бури.
Миллионы буреносцев!..
Человек, павший в строю.
Смерчом идет перед строем
И поет песню
Бури.
Неизвестный солдат
Идет перед строем,
Как знамя.
Запевайте бурю стальными речами.
О, угнетители бури, удушители бури!
Выводите из гаражей свои бронемашины.
Приказывайте: «Буря, остановись!»
Мир охвачен бурей!
Широкоплечая, мускулистая,
Она ликует на площадях.
Она врывается буревым своим хохотом
В ваши дома — полные чаши.
Чего ты ждешь?
Неизвестный Человек,
Становись в строй бури!
ВЕЛИКИЙ ПЛАН БУДЕТ ВЫПОЛНЕН.
В ЧЕТЫРЕ ГОДА БУДЕТ ОН ВЫПОЛНЕН —
ВЕЛИКИЙ ПЛАН,
РАССЧИТАННЫЙ НА ПЯТЬ ЛЕТ.

Перевел с немецкой рукописи
АЛЕКСАНДР РОММ

Среди книг

РАЗОБЛАЧЕНИЕ НЕ ДО КОНЦА...

О ПОВЕСТИ А. МАЛЫШКИНА „СЕВАСТОПОЛЬ"



А. МАЛЫШКИН

Два мира, два класса, две правды, две социальных силы, революция и ее контрреволюция, 1917 год и 5-я годовщина Октябрьского переворота, начавшаяся гражданская война — и в центре всего — бешеным зубрежником приходил, а затем фиговый фрукт из «имеющих». Недаром, который и тут и там, и зачинг — на с... Достаточно сопоставить, рефлексирующая интеллигенция, выброшенная на мусорную свалку истории и не добравшаяся до верхних слоев правящей и сытой жизни... Такой материал повести А. Малышкина «Севастополь», где фоном дана революция, а крупным планом — сам Шелехов[1].

Идею повести можно кратко и схематично определить так: **решив предоставить о самостоятельной классовой роли** мелкобуржуазной интеллигенции — Малышкин, особенно отчетливо разоблачаемая в революции.

Это — **женская** фигура. Нужно выбирать между классами. Место каждого героя этой интеллигенции в конечном счете должно быть по **эту** сторону баррикад, в лагере революции. Но для того, чтобы привести Шелехова к этому, чтобы расторгнуть его с «шестнадцатой частью земли» матросов-анархистов, которая смела с полусотрока молодящуюся контрреволюцию, а там устремилась дальше, захватив с собой, среди тысяч других, и прощелыгу судьбу некоего Шелехова» (он замечается «Севастополь»), Малышкину пришлось разоблачить мистифицирующую романтику окутывающую традиционный еще и для части сегодняшней пролетарской литературы образ интеллигента, как некоего надклассового и внеклассового борца за культурные «ценности человечества». Шелехов, как он казался самому себе, и Шелехов, как он есть на самом деле, — вот путь развития образа, и эта разоблачительная функция «Севастополя» раскрыта Малышкиным с большой силой художественности и убедительности.

Но кто же такой Шелехов? Мы встречаемся с ним впервые в повести «Фиолетовый снег», в этом введении к «Севастополю». «Сиротская жизнь научила Шелехова биться, мириться с петроградским холодом, голодом и грязью. Студенческие вакации...». Каждый вечер Петербург доскладывал до пола зорко сумасшедших, пиршествующих ночей. А студент бежал по скользкой панели, волнующий, полуголодный, нескучный никому... О, никто не его товарищей, сытых, обеспеченных сословиями, не знает, как может «исчезаться он, Шелехов! «Он был близок до революции к социальным низам, но двойственность его положения и возможность пробиться на поверхность развивали в нем до предела черты индивидуализма и зависти к богатым, сытым и счастливым». Неспокойность он видел не в эксплоататорском строе жизни, а в том что он, Шелехов, лишен возможности участвовать в эксплоатации. **Тяготея к «низу»** он **восхищался** им. И противоречие должно разрешаться в мечтах о «шестнадцатой части земли», обещанном в будущем и ему, — он в это верил».

И вот — пришла революция 1917 года. Она прежде всего — и представлялся Шелехов — продырявила строй на него и ему подобных, ибо буржуазная революция нуждалась и в таких низовых кадрах. Она предоставила ему возможность выдвинуться, но и тут он столкнулся с одной стороны с тем, что ее командные части были в руках основных кадров буржуазии, а с другой стороны — с напирающей силой Октябрьской революции, с движением масс, обнажающих с собой нутро и незаконных отсюда против прикладных им классовых сил. Революция есть время непрерывного метания Шелехова из стороны в сторону. Бонапартизм в мечтах, он всегда ориентируется на конъюнктуру, на сильного. Мечтающий о роли вождя, он пассивно идет за тем и за теми, у кого в данный момент вожжи в руках. Керенский, любимый им, был карикатурой на вождя. Шелехов был карикатурой на Керенского. Он — Осенний из «Человека со Сельвы» Сосинского, но без романтики на авантюрные дела: он ревниво на авантюрные дела: он ревниво на авантюрные дела: он ревниво

БЕСПРИЗОРНАЯ ФАБРИКА ЛИТЕРАТУРНЫХ КАДРОВ

АКТИВИЗАЦИЯ МЕТОДОВ РАБОТЫ НА ЛИТФАКЕ

ВТОРОЙ РЕЙД БРИГАДЫ „ЛИТГАЗЕТЫ"

Бывало, по 6 часов в день Ф скучали студенты лекциями, которые в скорлупе были все те, чем их старые вузы пытались преподаватели. Прекратило неполадки месяц,—ночь лекций прекратилась; 3—4 или студент сидя в мерно размывающей субъ...

С нового квартала Литфак переходит к штатному пребыванию в аудиториях, специально для декады идут на самостоятельную проработку студенты учебного материала. Но... если учесть два выходных дня и праздник, то из этих пропавших остается два дня, а студенчество вместо того, чтобы в сокращение рабочего времени в аудиториях по три дня в декаду.

Основными методами работы являются, последовательно: задание, надлежаще разработанное вводное слово преподавателя, бригадная самостоятельная проработка, с консультацией, конференция и заключительное слово преподавателя.

Все-кто из преподавателей не может перестроиться на новые рельсы. Консультации часто превращаются в лекционный поток, ибо этот метод въелся в плоть и кровь, органически впитал преподавателя.

Одним из активных методов считается письмо вопросов, которые иногда бывают «коллективными».

— Один пишет, а остальные «соучаствуют»...

Без литературы

В деле ознакомления студенчества литературой из Литфаке настоящий пожар. К новому кварталу библиотека Литфака не заготовила имеющейся литературы. И здесь студенческие организации не сумели подать вовремя. Но это полбеды. Оказывается, в библиотеке почти нечего «выписывать». Не хватает книг по методологии литературоведения, по западной литературе нет ничего, по редактуре «хоть плачь» нет. Нет ничего по философии, нет даже... Ленина, нет Цицианова.

Беспризорное всего то, что единственная на всех нор не насчитывается Литфак до сих пор не насчитывается скромного указания библиотеки нашего историко-этнологического факультета, что дело бы Литфаку 15.000 книг.

Между тем на складах ОГИЗ много имеется нужных литфаку книг. Студенты ждут не дождутся передачи Литфака в ОГИЗ, чтобы иметь право на получение литературы непосредственно от своего «хозяина».

„На современность не остается времени"

Основы методологические положены в работе философской кафедры Литфака, является теоретизирование учебы. Творческие мастерские ждут первый опыт синтеза теоретических знаний студенчества со области литературоведения с их творческой практикой. В противовес не должно лишь нелепо пытаться, некоторая дилетантская группа — рабочие попытки связать философские проблемы с литературоведением. Ряда весьма интересных попыток критических выступлений Плетнева, Вересаева, связать связь принципами с конструктивизмом и... все.

Не умеют планировать

Не умолчим и о том, что первую 5-дневку только необходимый материал, сам студенчество не сумело организовать. Так на втором семестре жанр классика в XVIII и, главное, промышленное хозяйство XIX и XX в.в. отставлялся на последний месяц семестр. Вполне вероятно, первый год организуется и сжатый распланировать. Сейчас готовая бригада для организации поездки. Но и ранее учебного года).

С организованием литературительской работы не удалось и не все детали научной работы, их задевают и забывают об этом.

Без связи

С литературными организациями Литфак не имеет никакой связи, никакого руководства от них не получает.

РАПП не занимается вопросами учебной жизни Литфака, но и студенты-рапповцы (их мало) не только не пытались о надел не удалось для того, чтобы какое-нибудь осуществить. Не последнем виновен Центральный РАПП, отмечавший острый недостаток руководства литературой, но в Литфак вместо нашу Ленинградскую армию, «пособит» ликвидировать эту прореху. 75 процентов студенчества должны быть брошено за внеучебные работы. Эта цифра не выдумана. Профсоюзы не знают, где и кто работает, как он выполняет свою работу. Необходимо перегрузок и их рационализация. Часто студенты на внеучебные мероприятия не по назначению. Все это РАПП должен учесть и бросить литфаковские силы за предприятием для руководства литкружками.

Политический состав студенчества Литфака не раз давал уже отпор вредного рода уклонистам (троцкистские выступления отдельных студентов). Сейчас специальной количество ведется расследование тех отдельных настроений, допущенных отклонения от генеральной линии партии, чтобы себя беспрепятственно по ряду годов об. Выявлены элементы бытового разложения, выразившиеся в пьянках части аспирантов и нескольких студентов, партийцев и комсомольцев. Комиссия занимает расследование и выводы и сборником времени будут опубликованы в печати.

Предложения:

1. Ускорить переезду в ОГИЗ, закрепить помещение за Литфаком.

2. РАПП должен заняться вопросами учебной жизни Литфака (программа, нормальный учебный план, подбор ранее-опытного преподавательского и административного состава), максимально использовать студенчество для руководства литкружками на предприятиях (Ингео) и в заводских газетах (редакционное отделение).

3. Развернуть работу со студенческими издательствами; сделать научно-исследовательской работы, сделать научные кружки студентов на основе производственного принципа (методическое кружки, а не общефакультетские).

4. Перестроить работу студенчества в области общественных дисциплин. Итоги философской дискуссии положить в основу перестройки программ, для чего установить тесный контакт с Комакадемией.

Бригада «ЛИТГАЗЕТЫ»: К. Поповская (ЦИЛ Комакадемии), И. Теплева (Смольнинская ВКП(б), Н. Долженко (от. ВКП(б) редакционного отделения), Н. Бабин (Дело-чтения ВЛКСМ), М. Боброва (Литфак).

ТЕАТРОВЕДЧЕСКАЯ ДИСКУССИЯ ГАИС

КРАХ ШКОЛКИ ПРОФЕССОРА ГВОЗДЕВА

ИТОГИ ДИСКУССИИ В ЛЕНИНГРАДЕ

Организованная театроведческой секцией Ленинградского отделения Государственной академии искусствознания дискуссия по докладу профессора А. Гвоздева — «Буржуазные течения в театроведении» — вскрыла всю гнилую несостоятельность, по существу буржуазных направлений в советском театроведении, возглавляемого Гвоздевым.

Общий смысл выступлений тт. Серебрякова-ского подведения итоги дискуссии—как акт публичной самообийся. Отмежевание от всех прежних ошибок настоящего для Гвоздева, за перекидывание процесса, при котором обнаружилась сила организма, вынесшего большие, уничтожение всех ошибок и продолжения для его дальнейшей здоровой работы.

Профессор Гвоздев открыто заявил, что он является буржуазным ученым, придерживающимся с требованиями революции рабочего класса. Он признает, что школа старых идеалистических воззрений немецкого буржуазного театроведения — Германа Ликля-синтезатора, эклектического, антиисторического, антимарксистского, утверждения на почве советского театроведения «самодовлеющей методики», чуждая научного внимания ко вопросам современности, только на этот путь и своих учеников. Защита «Вильгельма» и английские Мейерхольда была по сути дела защитой буржуазных теорий театральной практики.

Мы услышали и о той механике, при помощи которой вся эта теоретическая идеология маскировалась: статьи в сборниках размещались между вполне такими образом — одни вышибает социологический этюд, а все остальные авторы будут говорить об эклектизме— понятий: будут практиковать буржуазное театроведение.

Вслед за главным огнем школы раскалось и все тело. Выступления по докладу Гвоздева шли, как по маслу, бегством с вражеских позиций, вызвать трудно. Это не значит, что все представители школы разоружились. Некоторые из них даже пытались помахивать кулаками, но... от бед укрывались. Их очередных практической несостоятельности, а потому и опасность представляет И. И. Соллертинский. Обладая талантом полемического оратора, он умеющий от самого бы то ни было определения своей определенной позиции в области художественного театроведения. Из многочисленных заявок, что не согласуются от своих позиций, ино элементических, в сторонней и балетной критической деятельности. Гораздо более жалкое впечатление произвели тт. Слонимский и Изверов. Сущность их выступлений была правильно квалифицирована оратором как дрянливый формализм, который, кстати. Слонимский и Изверов противопоставляли на критике, заявив, что таким своим выступлением об отречении от марксистских мыслей.

А. Пиотровский показался в том, что был данником и пленником гвоздизма» и тормозом многих и многих из других организациях, связанных с массовым зрительством.

После выступления о «Рабочем театре» и Мокульского с открытым письмом мы должны были ожидать от него более углубления и в развернутой аргументации, чем та, которую он дал в своем выступлении. Он читал тезисы, которые совершенно не аргументированы и доклад классовые характеристики, показа на примерах, как методологические ошибки переросли в политические.

Дискуссия обнаружила такую методологическую беспомощность, такую нищету философских теоретических, такую беспринципность в вопросах взаимной критики, походящую на включую ребрику, что ничего не осталось, как видеть приверженцам этой школы свидетельство о долгой научной бедности.

В дискуссии принимали участие группы молодых театроведов, не принадлежащих с ним за Гвоздевым (Суворов, Бурлешенко и др.). Зайцев в обстоятельно правильную позицию критики и осуждении доклада Гвоздева в массовых балетных его партнеров, это группы все же не сумели противопоставить единому выступлению «врага» свою общую теоретическую платформу. Однако общая тенденция роста этой группы молодых театроведов дает право надеяться, что для связи ее с современной практикой советского театра, перерождения социалистического реализма, ей удастся повести театроведческую мысль на правильную кривую, которой еще нет.

Позиция, занятая оппонентами, которые более систематически занимались работой театральных и общей критикой, должна быть подчеркнута самым активным участием в дальнейших постановках театроведческой работы ЛОГАИС.

В. ТОБОЛЬКЕВИЧ

Ленинград

ТВОРЧЕСКИЙ ПЛАН ЛЕНБАЛТ ЛОКАФ

В текущем году ЛВО ЛОКАФ издает в серии ЛенГИХЛ «Литература и война» 53 книги — 550 печатных листов. Из этого немалого большого количества 34 книги показывают красную армию и флот оборонного дня. Они возьмут за год около тысячи листов (265 п. л.), и вам думается, что реализация такого плана, если не дискредитирует, то значительно снизит пробы в художественном отношении судьбой Красной армии.

Ряд книг уже в издательском производстве. Это Л. Авербах — «Перелом», Браун, Гвоздев, Прокофьев — «Проза о мобилизации», В. Вишневский — «Последний решительный», Урал-Галийский — «Огненная колесница», Пушкинский — «У подножья смерти», А. Дистеров — «Путь — весь корабль», Н. Сперин — «Мобилизация литературы». В марте будет отчетливо с ПВО редактор К. Нилов — «Память Азова», Мамин — «Турецкие записки», В. Кожевников — «Мальчиков — книга». Новицкий — «Дальняя на фронте», Ягров — «Потонувшие строки» и др.

Темы другого горячо занимают в творческом плане ЛВО ЛОКАФ не менее место. Так: гражданская война — 9 книг, империалистическая война — 6 книг, западные армии — 5, и т. д.

Следует отметить, что из 52 писателей, охваченных новыми творческими планами, большинство военнослужащих. Их 21 человек — командиры, политработники, красноармейцы и красноармейцы. Остальные 31 — гражданская часть ЛОКАФ. Последних мало. Это плохо. Все планы плана в этом году должны за молодежь, а «старики» не заслонялись.

Из писателей-попутчиков в плане тт. Лавренев. Слепков Л., Браун, Вишневский, Лунинский, Межелайтис, П. Тычинин. Из членов ЛАПП, не состоящих в рядах РАПП: Прокофьев, Гитович, Саянов, Дмитриев. Этих систем не много. Здесь нечто похожее на прорыв. Правда, в журнале «Звезда» есть еще работает начальник бригады ЛАПП, но «Звезда» выходит 4 книжки в год. Ленинградские писатели должны быть отражены в плане. Они живут в гуще событий. Это же в группе «Кузницы».

Творческий план для ЛОКАФ — вещь новое. Писатели всех организаций, где группы писательские, тем обязаны помочь ФОСП и ЛОКАФ должны взять на себя каждый, конкретно-творческую помощь. Если кто-нибудь не сможет включить себя в план текущего года, мы ждем заявлений о включении в план следующих двух лет, чтобы в 15 годовщину РККА завершить и советскую художественной литературы (не пройдет на участие оборонной темы.

АДАМ ДМИТРИЕВ

ДИСКУССИЯ О ФОЛЬКЛОРЕ

ЛАПП совместно с ЛОКАФ организует 12 марта в клубе ФОП дискуссию о фольклоре.

Докладчик проф. Ю. М. Соколов охарактеризует состояние фольклора и его роль в общей системе науки, его в литературоведении, и в отношении на методы разработки различных фольклорных вопросов (былины, сказки, легенды, песни), указал на основные этапы и участие ученых в разработке различных вопросов и указал на перспективы дальнейшей работы.

ПИСАТЕЛЬСКИЕ ПЕНСИИ

Как известно, наши писатели не застрахованы, поэтому в порядке социального страхования они пенсии не получают и получить не могут. Единственным способом пенсионирования писателя до настоящего года являлось предоставление ему персональной пенсии в порядке ходатайства об обеспечении персональными пенсиями лиц, имеющих исключительные заслуги перед республикой.

С введением в действие закона от 7 декабря прошлого года в пенсионном обеспечении писателей устанавливается нормальный порядок пенсионирования писателей.

Пенсии выплачиваются в порядке социального обеспечения. Назначение писательских пенсий производится пенсионной комиссией при Наркомсобесе, — той же, которая рассматривает ходатайства о назначении пенсий за выслугу лет научным работникам.

Порядок возбуждения ходатайств о писательских пенсиях таков: заинтересованное лицо возбуждает ходатайство перед общественными организациями — перед профсоюзом, ФОСП, Литфондом РСФСР. Общественные организации направляют ходатайство в Наркомсобес РСФСР или автономную республику по принадлежности, а Наркомпрос пересылает ходатайство в комиссию при Наркомсобесе со своим заключением.

В крае дела, имеющие право на пенсию, входят литеры литературных художественных произведений и авторы классических литературных сказок и авторы художественных музыкальных произведений. Формальные условия для получения персональной пенсии должен быть членом профессионального союза, стаж работы 25 лет в случае, если писатель создал произведение, являющееся ценным вкладом в советскую художественную литературу. Существуют еще обычные ограничения, имеющиеся на всех наших законах о пенсионировании.

Размер пенсии устанавливается пенсионной комиссией, учитывающей средний заработок писателя за последние 5 лет до возникновения права на пенсию, однако, не свыше максимума.

Пенсионирование относится не только к самим писателям, но и в случае смерти писателя — к членам их семейств, состоявшим на их иждивении и не имеющим достаточных средств к существованию. Пенсионной комиссии предоставлено право назначать пенсии лицам, не указанным в законе, если они по своему творчеству заслуживают пенсии.

Пенсионирование писателей — одна из важных форм материального обеспечения писателей, позволяющая им сосредоточить все свои силы на творческой работе.

Б. ВОЛЬКЕНШТЕЙН

Г. С. Мое фраза о вашем бесспорном и талантливо-демоническом театре, прочитанная на открытии в последнем номере «Рабочего и театра», в последнем номере «Рабочего и театра» за 1927 год (Не заглянул ли Сатурнин?) и остается к буржуазному театру (другого у нас тогда не было), а не к пролетарскому. Здесь ходатайство.

П. Н.

Календарь работы клуба ФОСП

19 АПРЕЛЯ — 20 ч. Вечер Н. Г. Рейзенштейна. Вступительное слово. В. Волькенштейн. Доклад. Чтение (запись). В клубе Брюсс, Малая Регер.

19 АПРЕЛЯ — 19 ч. Пролетарская экскурсия в [illegible]

20 АПРЕЛЯ — 12 ч. Открытие постоянной выставки В. Беляева «Советский Север».

21 АПРЕЛЯ — 20 ч. Диспут о новой книге [illegible]

21 АПРЕЛЯ — 20 ч. Вечер, посвященный памяти Маяковского.

21 АПРЕЛЯ — 19 ч. «Напостовская среда».

22 АПРЕЛЯ — 20 ч. Дискуссионный клуб-журнал «Мосты».

22 АПРЕЛЯ — 12 ч. Кружок «Рост».

ИЗВЕЩЕНИЯ

МАПП.

* 19 апреля — 19 ч. — заседание детской секции МАПП. (Ул. Воровского, 5/1).
* 20 апреля — 18 ч. — заседание актива [illegible] с докладом Зимина. Залы учебного комбината МАПП (Б. Полянка, 19, к. 35).
* 21 апреля — 19 ч. — заседание секретариата МАПП. Фельетон в 17 ч.
* 23 апреля — 18 ч. — в клубе писателей № 1 (Б. Гнездниковский пер., 10, 2-ой дворец) Открытое общее собрание членов Всероссийского Союза писателей. Доклад Н. Лернера «Современное положение книжного дела». Содоклад Н. Бронштейна о последних событиях в литературе. Доклад Н. Лернера о последних событиях в литературе. Доклад А. Кавалеровой о том, как она работала над «Бесприданницей».
* 24 апреля — 18 ч. — собрание актива пролетарских писателей Сталинского района (Б. Спасская, 17, Библиотека завода Большевик).
* 19 апреля — 19 ч. — в редакции «Прожектора» Авангардная творческая молодежь РАПП «Кузница». Читает К. Гудзий «Ночь» и Шишков «Виновник».
* 19 апреля — 20 ч. — вечер памяти А. Блока в Политехническом зале Большого театра.
* 21 апреля — 19 ч. 30 м. — собрание детской секции ВССП.
* 25 апреля — 18 ч. — заседание [illegible] при МАПП. Доклад о творчестве Чехова. Реферат критического отдела Ц. Зелинского.

ПОПРАВКИ

* В прошлом номере «Литгазеты»—в статье «О буржуазной опасности в украинской литературе»—выпал подзаголовок «На докладе т. Коваленко в ЛИЯ Комакадемии». Кроме того, в виду сжатости [illegible] в отчете скрались неточности: в частности, в числе руководителей СВУ ошибочно указан Грушевский.

Ответственный редактор: С. ДИНАМОВ

РЕДКОЛЛЕГИЯ: Н. Асеев, С. Динамов, И. Жига, Л. Ильинский, Ц. Фридлянд, Г. Корнев, Н. Огнев, А. Селивановский, И. Сельвинский, М. Слонимский

ИЗДАТЕЛЬ: Акционерное Изд. О-во «Огонек»

ВЫШЕЛ ИЗ ПЕЧАТИ И РАССЫЛАЕТСЯ ПОДПИСЧИКАМ № 1

массового исторического журнала

БОРЬБА КЛАССОВ

орган Общества историков-марксистов при Комакадемии ЦИК СССР

под общей редакцией М. Н. Покровского.

СОДЕРЖАНИЕ № 1: М. Покровский — Ленин и история. М. Горький—Царь Давид. Ем. Ярославский —Ленин и пар. И. К. Крупская — Об «Истмате». Л. Кон — Земство Тамбовского уезда. Фелькс Кон — Конец меньшевизма. К. Радек — В плену у Сидней-Вебсов. Московские меньшевики в октябре 1917 г. (Документы председателя). Е. Драбкина — Меньшевики и интервенция. А. Шестаков — Кадеты. Александров. И. и др.

К 60-летию Парижской коммуны. И. Луначарский — Поэт о коммуне. А. Мосин — Ветеран и пенсильванец.

В отдел чокмистов: Письмо В. И. Ленина к М. Н. Покровскому. Из донесений царского доклад о коммуне.

В. Хейвуд — Рабочее движение в Америке (по новой литературе).

На нет казенный кредит. Ц. Фридлянд — «Кредит Маевки». С. Малецкий — Экономическая подоплека эмиграции.

Время зло и тем до [illegible] Как замалчивается по истории, истории в искусстве и т. д.

Журнал богато иллюстрирован. Цена 1 руб.

Отдельные № в [illegible] Госиздата и торговых М-ва Ст. № 1.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА: «Борьба классов»: год—10 р., 6 мес.—5 р. 50 к., 3 мес.—3 р.

Подписку с отсылкой исключительно по почту или письмоносцам.

Адр. тел. об-ва «Огонек».

ФОТОХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ПОРТРЕТЫ МАЯКОВСКОГО от 5 РУБЛЕЙ

РАЗНЫЕ ПЕРИОДЫ ЖИЗНИ МАЯКОВСКОГО—35 фотог. 25 р.

ПОРТРЕТЫ СОВРЕМЕННЫХ ПИСАТЕЛЕЙ и ДРАМАТУРГОВ от 2 рублей

ФОТО-АТЕЛЬЕ для съемки писателей и драматургов ОТКРЫТО от 11—2 и 7—9

С ЗАКАЗАМИ ОБРАЩАТЬСЯ Фото-кабинет ФОСП'а, ул. Воровского, 52. Тел. 3-14-32.

ВЫШЕЛ ИЗ ПЕЧАТИ. РАССЫЛАЕТСЯ ПОДПИСЧИКАМ И ПОСТУПАЕТ В ПРОДАЖУ № 1 ГИХЛ

РАПП НОВЫЙ ЖУРНАЛ МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКИ И ИСКУССТВА ВЫХОДИТ 6 НОМЕРОВ В ГОД

Ответственная редакция: Л. Авербах, А. Лелевич, М. Гельфанд, С. Динамов, В. Киршон, Г. Горбачевников, М. Серебряковский, Е. Усиевич и А. Фадеев.

В НОМЕРЕ:

В. Ермилов — Наши задачи. Л. Авербах — [illegible] Н. Лебедев-Полянский — Ленинский [illegible] В. Ярославский — [illegible] М. Серебряковский — [illegible] М. Лелевич — [illegible] С. Малецкий — [illegible] М. Лузгин — [illegible] Ц. Мелкий — [illegible] Ч. Вечерская — [illegible] Л. Тимовский — [illegible] К. Попов — [illegible] А. Бачелис — [illegible] Библиография.

ЦЕНА № 1 в розничной продаже 1 РУБ.

ПОДПИСКА ПРОДОЛЖАЕТСЯ

подписная цена: на год (за 6 №№) — 5 р., на 3 мес. — 2 р. 50 к. КНИГОЦЕНТРА

Подписка принимается: [illegible] КНИГОЦЕНТРА

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА БИБЛИОТЕКУ ОГОНЕК

Как и в прошлые годы, 72 книжки „Библиотеки „Огонек" дадут лучшее из того, что есть в советской и иностранной литературе.

Условия подписки Огонек и приложения Библиотека «Огонек» (36 №№ журнала и 72 книжки «Библиотеки «Огонек»): 12 мес.—10 руб., 6 мес.—5 руб. 50 к., 3 мес.—3 руб.

Подписку слишком на почту или письмоносцам переводы в наш адрес высылать не следует. Изд. ком. об-ва «Огонек»

ГИХЛ КНИГОЦЕНТР ВЫШЛА В СВЕТ и РАССЫЛАЕТСЯ ПОДПИСЧИКАМ КНИГА 1

ЛИТЕРАТУРА И МАРКСИЗМ

Журнал теории и истории литературы

Содержание:

[illegible]

Заявки и денежные [illegible] подписка на журнал закрыта

Адрес редакции: М. [illegible], Тверской б-р, 25, тел. 5-76.

Издательство „ФЕДЕРАЦИЯ" НОВЫЕ КНИГИ:

АССАНОВ, Н. День начинается в 7 утра. Очерки. Стр. 170. Ц. 1 р. 20 к.

БАБУШКИН, В. С лукошком по лесам и болотам. Рассказы. Стр. 268. Ц. 1 р. 50 к. Перепл. 20 к.

ГИППИУС, В. Гоголь. Стр. 490. Ц. 3 р. 25 к. Перепл. 20 к.

ЕЗЕРСКИЙ, М. Золотая баба. Роман. Стр. 324. Ц. 2 р. Перепл. 20 к.

АНДРЕ ЖИД. Путешествие по Конго. Под редакцией О. В. Цветаевой. Перевод с французского А. Вейнгруб. Стр. 348. Ц. 1 р. 80 к. Перепл. 20 к.

ИТИН, В. Выход к морю. Очерки. Стр. 224. Ц. 1 р. 20 к. Перепл. 20 к.

«ЛОКАФ». Ежемесячный литературно-художественный журнал. Январь. Кн. 1-я. Стр. 146. Ц. 1 р. 25 к.

МАРКОВ, С. Арабские часы. Рассказы. Стр. 224. Ц. 1 р. 40 к.

МОРЕНКО, А. Слово лейтенанта Пино. Повесть. Стр. 1[illegible]. Ц. 10 к.

НАША ЖИЗНЬ. Сборник Новой Кузницы. РАПП. Кн. 3-я. Стр. 205. Ц. 1 р. 90 к.

НИКИТИН, Н. Линия огня. Повесть. Стр. 102. Ц. 1 р.

ПЕТРОВСКИЙ, ДМ. Денис Кочубей. Стр. 127. Ц. 50 к.

ПРИБЛУДНЫЙ, И. С добрым утром. Переселенцы. 1925—29. Стр. 82. Ц. 1 р.

РОДОВ, С. На посту. Сказки и [illegible]. Стр. 336. Ц. 3 р. 25 к. Перепл. 25 к.

СВЕРЧКОВ, Д. Но не побеждены. (1905 г.). Повесть. Стр. 62. Ц. 60 к.

ТРЕТЬЯКОВ, С. Месяц в деревне. Обработанные очерки. Стр. 253. Ц. 1 р. 50 к. Перепл. 20 к.

ФЕВРАЛЬСКИЙ, А. 10 лет театра Мейерхольда. Стр. 99. Ц. 1 р.

ШТРАЙХ, С. Повесть о жизни и любви чудесного доктора. Издание 2-е, перераб. и дополн. Стр. 325. Ц. 2 р. 50 к. Перепл. 50 к.

Заказы направлять в Книгоцентр ОГИЗ'а Москва, Кузнецкий, 16

КНИГОЦЕНТР

ДЕСЯТИДНЕВНЫЙ МАССОВЫЙ ЖУРНАЛ МАРКСИСТСКОЙ КРИТИКИ

НА ЛИТЕРАТУРНОМ ПОСТУ

6-й ГОД ИЗДАНИЯ

ВЫШЕЛ ИЗ ПЕЧАТИ. РАССЫЛАЕТСЯ ПОДПИСЧИКАМ И ПОСТУПИЛ В ПРОДАЖУ № 9

Требуйте во всех киосках

Цена номера 35 коп.

В ближайшее время выходит из печати

СОДЕРЖАНИЕ:

[illegible]

А. Туркетти — В. В. Вересаев и мастерство литературного письма. Демьян Бедный — Басенки. Ф. Раскольников — Письмо в редакцию (о журнале). Ю. Олеша — Ответ Ф. Раскольникову. Ф. Раскольников — Открытое письмо т. И. С. Гронскому. Ю. Либединский — О мастерстве. Д. Б. Кедрин — Стихи. Ю. Юркун — Рассказы. Костя Фарнин — Пролетарская [illegible] в капиталистических странах. Новые книги. Карикатуры Кукрыниксов. Стихи Адрианова. Ф. Кальнова. С. Шевцова.

№ 10 А. Старцев — Эдгар Аллан По (очерк творческого движения). В. Родионова — Книга классовой ненависти (о романе Лодыгина «Гурий Шалый»). Н. Изуитов — Земство в романе А. Толстого «Петр I». В. Запесский — [illegible] по И. Кнорозову. Какой нам нужен писатель?—Ответы: М. Чумандрина, Ф. Гладкова, В. Бахметьева, Леонида Леонова, Георгия Никифорова и В. Киверина. Заметки.

№ 11 Д. Заславский — В боях за культуру (о М. Горьком). Б. Другов — Литпамятник Ивану Грозному. Б. Кожевников — Переустройство и устройство (о романе М. Серебрянского). — Письма с периферии. (Из Чувашии). КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ: Б. Александров — «Цветущий край» А. Фадеева. Б. Кузьмин — Очерки Ив. Жига. Д. Уманский — Роман рабочего о войне (Ад. Шварц «Без отечества»). С. Шевцов — Литературные фельетоны и др.

В виду исчерпания тиража подписка на 1-ый квартал (январь—март) закрыта.

Журнал печатается в тесном тираже, в виду этого в розничную продажу поступает ограниченное количество экземпляров.

Желающие регулярно получать журнал должны подписаться.

Подписка принимается: Периодсектором Книгоцентра (Москва, Кузнецкий, 3, магаз. и отделениями Книгоцентра, повсеместно на почте и письмоносцами.

ИЗОГИЗ КНИГОЦЕНТР

НЕТ БЕСПАРТИЙНОГО ИСКУССТВА!

К искусству, пробуждающему творческую инициативу и творческие силы миллионов!

БРИГАДА ХУДОЖНИКОВ

12 НОМЕРОВ В ГОД

Ответств. редактор П. НОВИЦКИЙ

Орган Федерации работников пространственных искусств, об'единяющей художественные общества: „АСНОВИ", „АХР", „ВОГРА", „ИЗОГРАМ", „КРУГ", „МАХЛ", „МОЛОДОЙ ОКТЯБРЬ", „ОКТЯБРЬ", „ОМАХР", „ОМХ", „ОРС", „ОСТ", „ОХС".

ВЫШЕЛ ИЗ ПЕЧАТИ № 1

В НОМЕРЕ: ИЗО-ГАЗЕТА — Раскол ОСТ'а. Передовая — Три задачи пространственных искусств, делающихся, наконец, средством борьбы рабочего класса и методом массовой работы. Пятилетка и живопись. Художественное оформление политкампаний. За пролетарские позиции. Размах высшего художественного образования. Приспособленцы на Кузнецком. О плакатно-картинной продукции. Галлерея помпьеров. Ставка на обывателя. Нико Пиросманишвили. Классовая дифференциация художников в капиталистических странах. Взамен 50 иллюстраций. Красочная обложка. Цена № 1 в розничной продаже 50 коп.

ТРЕБУЙТЕ во всех киосках, у газетчиков, в магазинах Книгоцентра и на станциях жел. дорог.

ПОДПИСКА ПРОДОЛЖАЕТСЯ: на год (за 12 №№) — 10 руб., на 6 мес. — 5 руб.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: Периодсектором Книгоцентра, (Москва, Неглин, 3), во всех отделениях и магаз. Книгоцентра, во всех почтах, отделен. и письмоносцами

ПОПУЛЯРНАЯ ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ БИБ-ТЕКА „ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ"

под общим руководством М. Н. ПОКРОВСКОГО

Редакционная коллегия: П. О. Горин, Ф. И. Махарадзе, М. И. Мебель, М. Н. Покровский, Карл Радек и Ц. Фридлянд

ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ издательства и книготорговли М. ПОКРОВСКОГО

ВЫШЕЛ ИЗ ПЕЧАТИ ИСТОРИЯ ВТОРОГО, ИНТЕРНАЦИОНАЛА

Закончена печатанием и на-днях будет разослана подписчикам книга ИОСИФА ЛЕНЦА

ИСТОРИЯ II ИНТЕРНАЦИОНАЛА

В книге 288 стр. + 25 иллюстр. Редакция и вступительная статья Карла Радека

ПОДГОТОВЛЕНЫ К ПЕЧАТИ И ВЫЙДУТ В СВЕТ В БЛИЖАЙШЕЕ ВРЕМЯ СЛЕДУЮЩИЕ КНИГИ:

Б. Б. ГРАВЕ, И. В. НЕЧКИНА, А. М. ПАНКРАТОВА, Р. С. САЗОНОВ и Н. Н. ФИРСОВ — Новейшая пролетариата СССР. Редакция В. И. НЕВСКОГО и А. М. ПАНКРАТОВОЙ. Я. Н. ТОКАРЕВСКИЙ — Очерки по истории революционного движения в России. Б. Д. ЛЕВИЦКИЙ и Н. Г. ПАЛЬЧИНСКИЙ — Ранние буржуазные революции. Редакция М. ФРИДЛЯНДА.

Подписчикам, не внесшим в срок второго взноса, но избежавшим зачеркивания, предлагается немедленно возобновить подписку путем внесения на почту пропущенного второго взноса.

Очередной третий взнос должен быть внесен в АПРЕЛЕ. Прием опоздавших трех взносов не гарантируется.

СВОЕВРЕМЕННО ЗАЯВЛЯЙТЕ

местной почте о недоставке изданий.

НЕСВОЕВРЕМЕННОЕ СООБЩЕНИЕ МОЖЕТ ПОВЛЕЧЬ неудовлетворение жалобы.

Увидл. Главлит В 2950

Интернациональная (39) типография Полиграфа, ул. Свердлова-Степанова, д. 1.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Орган Федерации Объединений Советских Писателей РСФСР

МОСКВА 24 АПРЕЛЯ 1931 г. № 22 (121)

РЕДАКЦИЯ: Тверской бульвар, 25, Дом Герцена. Тлф. 2.80.12

РАБОТАТЬ по-ГОРЬКОВСКИ!

Если проглядеть практику работы наших литературных организаций, то совершенно ясным становится, что указание «Правды» (статья «За пролетарскую литературу» в № от 19 апреля) о том, что «РАПП является организацией не административного, а идейно воспитательного характера», относится не только к одной РАПП.

Какую организацию ни взять,—у нас много организационной бестолковщины, заседательской кутерьмы, комитетов и комиссий, нередко имеющих очень мало отношения к специфике той области, в которой мы работаем.

А рядом с этим у нас мало теоретических дискуссий, слаба конкретная критика, никуда не годится работа с начинающим писателем. Это относится в одинаковой мере и к РАПП, и к БОЛКП, и к Союзу Советских Писателей.

А между тем, ведь именно это—основная работа наших организаций, именно с такой—«горьковского» типа—работой у нас плохо.

Здесь нам многому надо научиться у Горького.

Можно без всякого преувеличения сказать, что Горький один делает здесь больше, чем некоторые наши литературные организации. Достаточно ознакомиться с той громадной перепиской, которую ведет Горький, достаточно проглядеть испещренные его поправками и замечаниями рукописи и книжки начинающих писателей, чтобы убедиться в том, что без заседаний и комиссий 63-летний пролетарский писатель делает для литературы больше, чем иной писательский коллектив. И это — лишь часть его работы. Наряду с этим у него находится время и для страстных, волнующих статей в «Правду» и для работы над «Климом Самгиным».

Такому сочетанию должны учиться у Горького любой наш писатель любая наша литературная организация.

— Учиться работать по горьковски!— это должно стать лозунгом нашей работы, в этом смысл того поворота к идейно-воспитательной работе, который проделывает сейчас РАПП.

Тысячи ударников из рабочих и колхозников влились в литературу. Налажена ли у нас их учеба, помощь им, внимательное и любовное изучение их творчества? Перелистайте наши журналы, начиная от «На лит. посту» и кончая «Новым миром»,—почти ничего о творчестве ударников вы там не найдете.

Ненужное увлечение административной работой в ущерб идейно-воспитательной мы находим у РАПП, замывание, самоизоляцию и теорийки, что «литературу делают 50 избранных»,—в Союзе Советских Писателей.

На-днях приедет Горький.

Лучшим подарком ему, лучшим ознаменованием его встречи будет, если каждая наша организация, каждый писатель задумаются над тем, почему мы отстаем, если быстрее, вслед за РАПП, будут перестраивать свою работу, будут учиться работать по-горьковски.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЛЕНИНГРАД

От нашего корреспондента

Отголоски вражеских вылазок в нацсекциях ЛАПП.—Либералы и меньшевики «воспитывают» литературные кадры.—Производственное совещание Облита с писателями.—Откровения Юлия Берзина

Нездоровые явления в национальных секциях ЛАПП, вскрытые последней самопроверкой, придали особое значение происшедшему в Ленинграде областному активу национальной Ассоциации пролетписателей.

О сущности кадетомовских и оппортунистических тенденций в лапповских нацсекциях мы уже сообщали в «Литературной газете». Надо согласиться с докладчиком т. **Добиным**, что все эти «ленинградские факты» по существу являются отголосками классово-враждебных тенденций в литературе национальных республик, «творческих вылазок» национал-демократов, кондратьевцев и прочих контрреволюционных сил.

Когда т. **Чумандрин** на пленуме исчерпывающе проанализировал эти отголоски в недрах ЛАПП, его анализ сделал к «системе и людям» — в секции попадало не мало явно чуждых элементов.

Открытие болезненных явлений в нацсекциях свидетельствовало полное отсутствие какой-либо самокритики. Для секций характерно примиренческое отношение к кадетомовским и оппортунистическим вылазкам чуждых и разложившихся писателей и даже к их защите со стороны частей. Оздоровлению секций мешала и цеховая замкнутость, изолированность от массового пролетарского литературного движения, от призыва ударников в литературу.

Писатель **Мотузко** (украинец), делавший на пленуме очень самокритическую оценку работе секции, откровенно заявил: «Мы, националисты, говоря честно, не очень даже, чем живет сейчас производство».

Жестокой самокритикой пленум заклеймил позорные страницы в истории латышских писателей. Классовая близорукость, полный возврат к творчеству, к производству, к ударному единому в литературу, помешали обеспечить новое содержание этой новой страницы.

*

Проблема кадров, оставшаяся решающей проблемой на всех участках социалистического строительства и культурной революции, становится в порядок дня и в области литературоведения. Факты, которыми мы располагаем, говорят о неудовлетворительном «качестве» воспитания молодых советских литературоведов на литературном отделении Института им. Герцена. Из всех данных, они показательны и для других ленинградских вузов.

Если сейчас Лито института добилось удовлетворительного социального состава студентов, учебно-методическая сторона и состав преподавателей —остается узким местом института.

Программы Лито даже по таким основным дисциплинам, как литература XIX и XX вв., не свободны от элементов формализма, идеализма, эклектизма, аполитичности. В программах блестяще представлены все буржуазные и мелкобуржуазные литературоведческие концепции; зато полностью игнорируются марксистско-ленинская методология, отсутствуют марксистская оценка литературного наследства и историко-литературных процессов.

Литературные дисциплины ведут в Лито профессора и преподаватели, мягко обидно не умеющие с марксизмом-ленинизмом (**Андреев, Гвоздев, Медведев, Каторский**). Но отзывы партийной ячейки Лито, кафедры занимают или буржуазные социологи, или формалисты, или профессора, обладающие и теми и другими «качествами». Лито оторвано от пролетарского литературного движения, от рабочих литературных кружков. В литкружке Лито (входящих, кстати, в систему заводских кружков) бывший «Литфронт», а ныне руковода **Цырлина**, продолжал протаскивать меньшевистские идеи; кружок по-прежнему буржуазным теориям, противодействуемым с профессорских кафедр.

Президиум ЛАПП, по докладу партячейки Лито институа им. Герцена, создала бригаду для обследования литкружка. Наиболее выдержанные выводы будут приложены к массовой работе ЛАПП на фабриках и заводах.

Перед ЛАПП серьезная задача—более широко охватить рабкоров клубным методом подготовку литературоведческих кадров.

*

Идеологическая недоброкачественность книг, представленных бригадой комсомольцев, является для писателя и производственным вопросом. Заслуживает всяческого одобрения инициатива Ленинградского отделения писателей, создавшего первое производственное совещание Облита с ленинградскими писателями.

Правда, свежесть этого начинания, не имеющего примера в советской литературной жизни (о загранице умолчим и говорить) и свидетельствующего о единстве конечных целей литературной общественности и органов контроля в общей борьбе за книгу, немало будут стоить «социализму», отсутствие какого-либо опыта такой совместной работы, не дало возможности уже вчера перед совещанием сделать значительно конкретные выводы и предложения.

Первое совещание помогло лишь наметить формы совместной производственной работы писателей и Облита и во всяком случае, разрушило «социалистическую стену» между писательской массой и издательскими работниками.

Характерно, что на этом совещании самими писателями был поставлен вопрос о вопиюще противоестественных названиях, нагромождающих рядом и умещающихся на титульных листах номера издательских разрешений.

Выступивший на совещании **Юлий Берзин** пытался объявить халтуру и приспособленчество своеобразной «теорией».

Оказывается, во всем виноваты наши темы. «Темы нашего времени, — говорит Юлий Берзин,—отличаются от тем прошлого. Вот один мой знакомый писатель работал над романом на колхозную тему и закончил роман как раз за день до сталинской статьи «Головокружение от успехов». Статья Сталина зачеркнула роман; я есть писатель не могу быть продуктом...».

Если Ю. Берзин считает, что вся суть в отсутствии у «знакомого писателя» дара предвидения, а не в искажении генеральной линии партии в вопросах коллективизации, это подтверждает мнение советской общественности о его, Берзина, политическом лице. Но Берзин делает и выводы:

«За темами я идти не посмею, а если писатель хочет шагать в ногу со временем,—это ведет к приспособленчеству...».

Иными словами, Юрий Берзин согласен писать вредительско-художественные и идеологически враждебные произведения, если трудящиеся СССР сбавят темпы социалистического строительства, если рабочие Баку и Урала, «Электрозавода» и «Светлых» затормозят темпы выполнения второй пятилетки...

Ну-с, гр. Берзин! рабочие, пожалуй, предпочтут... не читать ваших произведений.

Б. РЕСТ

Ленинград.

К ПРИЕЗДУ МАКСИМА ГОРЬКОГО

ОТМЕТИМ ПРИЕЗД ПИСАТЕЛЯ-БОЙЦА УКРЕПЛЕНИЕМ СУЩЕСТВУЮЩИХ И СОЗДАНИЕМ НОВЫХ ЛИТЕРАТУРНЫХ КРУЖКОВ

ГОРЬКИЙ—УЧИТЕЛЬ, ПУЛЕМЕТ—СОРАТНИК.

Центральный литкружок Московского Гарнизона

В 1928 году, перед приездом Максима Горького в СССР, объединение красноармейских писателей и поэтов Московского гарнизона (только приступившее к работе) напечатало в журнале «Красноармеец» страницу стихов, посвященных юбилею «дела классиков печати». Стихотворения **Н. Романова, Н. Лебедева, Г. Ефимова** подчеркивали значение творчества М. Горького для политического формирования красноармейского писателя.

«Твоя тема я бережно прочел
И стал в борьбе
Задорней
И упрямей».

Писал Н. Романов.

А Н. Лебедь спрашивал:

«Кто дороже, кто нужнее,
Хмурый Максим или Максим?»

И отвечал:

«Нет, не буду я делить их.
Дорог этот, дорог тот.
Нужен Горький, как учитель,
Как соратник —пулемет».

За три года, прошедшие со дня встречи с М. Горьким, объединение красноармейских писателей и поэтов окрепло творчески и организационно. С рождением ЛОКАФ оно превратилось в центральный литературный кружок Московского гарнизона. Состав его, в основном курсантский, расширился (правда, недостаточно) за счет призыва ударников в литературу. Кружок привлекает активное участие в проведении всех кампаний ЛОКАФ. Для поддержания связи с красноармейской массой он, кроме непосредственного участия товарищей в газетах частей, устраивает литературные выступления в клубах.

В практике для работ кружка—изучение опыта М. Горького, Д. Фурманова, Л. Белого.

Наибольшие достижения кружок имеет на фронте поэзии. М. Голубкин, В. Логачев, Б. Далин, Я. Мевев А. Кудряшев, П. Шерстнев, М. Обов, С. Харьюзов печатают свои произведения на страницах военных газет и журналов, в «Молодой гвардии», «Пролетарском авангарде», «Земле советской», «Сибирских в плотный комок, «Комбайне» и т. д. От тем описательных и пейзажно-натурных, доминировавших в вещах 1928—1930 г.,—они перешли к вопросам боевой подготовки Красной армии, к показу ударничества и соцсоревнования в частях. Стальной лезвие об овладении техникой нашел художественное воплощение в ряде стихотворений (Обов «На учебе», Денежных «Разлука» и другие). Тематика крестьянская перешла в колхозную, образ красноармейца-организатора и руководителя колхозным движением получает все более яркое раскрытие в работах А. Кудряшева.

Прозаики кружка менее выявились, чем поэты. Однако, рассказы П. Слесаренко, И. Бочина, Л. Денежных, очерки Степанова, М. Бурина известны читателю журнала «Красноармеец и краснофлотец». Тематика прозы—боевая подготовка Красной армии, показ похода «за технику» дела писателями углубленней, нежели поэтами (рассказ Денежных «Техника», рассказ Бочина «Большая игра»).

На ряду с рассказами и очерками, ряд товарищей работает над повестями о колхозном строительстве. О материалах (Слесаренко «Пулеметчики») и т. д.

Перед кружком, как перед ячейкой ЛОКАФ, стоит ответственейшая задача—дать художественную литературу, достойную Красной армии периода социалистического наступления. Кружковцы знают, как мало ими еще сделано для ее выполнения. И в этом сознании недочетов творчества, в понимании целей работы—залог успешного выполнения «промфинплана» красноармейскими писателями.

В. КРАСИЛЬНИКОВ

РАПОРТ ГОРЬКОМУ

Тебе, ветерану борьбы и труда,
Чье слово прожгло тургашевский Запад,
Товарищ Горький, позволь передать
Красноармейский привет и рапорт.

Когда еще только попискивали,
Собираясь в плотный комок,
Мы с тобой переписку вели:
Отличились и помог.

Мы слов не теряли твоих,
Робость нашу взрывающих.
И вот навстречу тебе стихи
Мои и моих товарищей.

Читай, суди. Им с детства дорог труд,
Они не блещут трепью серебристой,
«Барьеры трудностей без устали берут
Расчетливым прыжком артиллериста».
(В. Харьюзов).

С тобой, недетерегая цепь одну,
Огнями рифм любую темень встретят.
И пусть «тяжел тревожный бег минут
На рубеже разбуженных столетий».
(П. Шерстнев).

Тебя ничья не запугала ругань.
Мы тоже, стойкость переняв твою,
«Сроднились, как руда и уголь,
За молодость во всем краю».
(А. Кудряшев).

Крепя штыками вехи доли светлой,
Наперехват любой судьбе,
В учебе «перегонку с ветром
Экзаменуемся на бег».
(М. Обов).

Наметан глаз, как птица, осторожен,
А ровный шаг тревогою прошит.
«Посменно придется, быть может,
И стрелять, и уголь крошить».
(П. Дешевых).

И в кровавую муть урагана
В сотый раз перелистав «Буревестника»,
«Ощетинить перед врагами
И трубы заводов, и рощи, и песни».

М. ГОЛОВИН

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ КРУЖОК МОСКОВСКОГО ГАРНИЗОНА

ТРЕТИЙ ЛИТДЕКАДНИК ФОСП

На третьем литературном декаднике ФОСП выступил с докладом тов. **Ю. Ларин.**

Тема доклада называлась «Строительство социалистических городов», но т. Ларин значительно расширил ее, показав, что проблема городов будущего не сводится к одному лишь планированию усовершенствованных строений, улиц, путей сообщения: ее решение явится результатом тех коренных изменений в условиях производства, труда и быта, которые становятся весьма ощутительными уже и сейчас, когда мы только вступаем в период социализма.

Введение пятилетки, интенсивная производственная нагрузка, многосменная работа на предприятиях, поголовное вовлечение всего взрослого населения страны в производство, — все это влечет за собой коренную ломку панского быта, являющуюся результатом непосредственных требований производства, а не стремлений к отвлеченным идеалам. Но менее важными орудиями этой ломки являются невиданные темпы нашего строительства, подъем техники, сплошная электрификация страны, организация фабрик-кухонь, где люди, работая, учатся и работают, учась, где создается новый тип человека.

Эти новые черты предъявляют особые требования к новым «социалистическим» городам, которые, однако, сейчас, на данном этапе, еще не могут быть полностью социалистическими и по социально-экономическим условиям и вследствие недостаточно развитой техники, которая, например, еще не создала нового социалистического типа жилища. Поэтому сейчас речь идет в значительной степени о том, чтобы реконструировать наши старые города, приспособить их к происходящей градостроительной реконструкции быта.

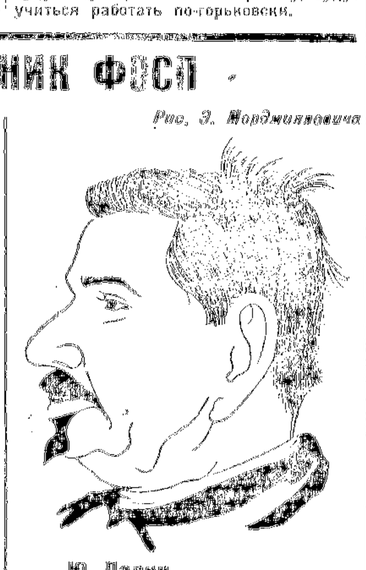


Рис. Э. Нордмановича

Ю. Ларин

— Писатели, — говорит Ю. Ларин,— должны заняться авангардной разведкой, поисками зародышей нового быта. Нужно войти не просто на фабрику, а на фабрику-кухню; не в обычное студенческое общежитие, а туда, где есть коммунальная столовая; не в любой колхоз, а в такой, который полностью электрифицирован. Этот материал даст писателю благодарную возможность художественным расследованием, прошедшей, доказательством — принять активное участие в создании социалистических городов.

*

Во второй части вечера **И. Сельвинский** читал отрывки из новой поэмы «Электрозаводская газета».

Д. К.

СЕГОДНЯ ЛИТЕРАТУРНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ

* **Свердловск, 20 (по телеграфу от наш. корр.).** Открылась третья конференция УралАПП. С большим политическим докладом выступил член бюро обкома ВКП(б) т. **Маркус.**

* **Ленинград, 21. (Соб. корр.).** Начали работать курсы Ленфилиала ЛОКАФ по организации писателей. Курсы подготовят писателя к работе в условиях военного времени. Руководит курсами **Вс. Вишневский.** К работе привлечен ряд военных специалистов и работников военно-политической академии им. Толмачева. В программу курсов входят военно-корреспондентские, тактические и стратегические игры.

* **В Ленинграде организуются четыре районные ассоциации пролетарских писателей** (в Выборгском, Московском, Нарвском и Василеостровском районах).

* **Тов. Г. Корнеев кооптирован в состав правления ВССП.**

* Правление ВССП **признало неудовлетворительной выставку «Писатели на прорывах»** (отрицательную оценку которой «Л. Г.» дала в № 18), постановило закрыть ее и после значительных исправлений вновь открыть в Парке культуры и отдыха.

* Ленинградский корреспондент «Литгазеты» в свое время сообщал о наличии внутри ленинградской группы «Кузницы» элементов, противодействующих консолидации в ЛАПП. Сейчас большинство ленинградских «кузнецов» постановило снять старое руководство. Вновь избранная тройка заключила соглашение с ЛАПП о вхождении «Кузницы» в ассоциацию. Для персонального дела «кузнецов» президиум ЛАПП выделил специальную комиссию. «Кузнецы» предполагают создать творческую группу внутри ЛАПП.

* Директорат Института ЛИЯ утвердил т. **Дегтярева** председателем секции военной литературы; зам. председателя утверждена т. **Раиса Азарх.**

* Утверждено **бюро литературной секции Комакадемии** в следующем составе: **А. В. Луначарский** (пред.), **И. Нусинов** (зампред.), **И. Макарьев** (РАПП), **Запровская, Храпченко и Добрынин.**

* Создал массовый сектор Института ЛИЯ, председателем которого утвержден т. **Грудская.** Сектор привлекает ударников и к работе над массовой серией книг о Горьком, издаваемой Институтом совместно с РАПП.

* 25 апреля открывается Нижне-Волжская конференция АПП.

* Западная АПП совместно с ЛОКАФ организует массовый поход-конкурс ЛОКАФ и АПП за овладение техникой. Все члены АПП и ЛОКАФ Западной области мобилизуются на ликвидацию технической неграмотности. Для писателей будут проведены доклады о задачах литературы в области овладения техникой и конкурс на лучшее проведение похода. Западная АПП и ЛОКАФ проводят литературно-творческую переклячку с ЛОКАФ Белоруссии.

* **Кабинет рабочего-автора создан при** издательстве ВЦСПС. Задача кабинета оказать рабочему-автору помощь в его работе над книгой, а также в области его литературно-политического воспитания. Кабинет рабочего автора установит связь с предприятиями, где будет вымалять новых рабочих писателей.

* **Ленинград, 20. (Наш корр.).** ЛАПП проводит районные слеты рабочих литкружков, суммирующие результаты творческого смотра. Первый слет состоялся в Володарском районе и заслушал доклад молодого литературного критика **В. Валинина,** выдвинутого заводом на литработу — «О творческом росте володарцев». Слет кружковцев послал приветствия «Литературной газете», журналу «На литературном посту», Максиму Горькому и Демьяну Бедному.

* В этом году в Институт ЛИЯ Комакадемии будет принято 25 рапповцев. Секретариат РАПП и Институт ЛИЯ Комакадемии выпускают обращение к местным АПП по поводу осеннего приема в Институт.

* Секретариат РАПП заслушал сообщение т. **С. Динамова** о плане выпуска Институтом ЛИЯ Комакадемии массовой серии «Что нужно знать рабочему об искусстве и литературе». В серию, которая выпускается в издательстве «Федерация», включено несколько десятков популярных книжек по актуальным вопросам литературы и искусства. Серия рассчитана на широкие массы читателей-рабочих и колхозников. К составлению массовой серии Институт привлекает и рабочих-ударников.

НАКАНУНЕ 1 МАЯ

* **Первомайская комиссия ФОСП мобилизовала 17 писателей, которые будут 1 мая выступать на двух агит-автомобилях в районах Москвы среди зрителей демонстрантов. Мобилизованы: Дж. АДГАЛЯЕВ, А. ЖАРОВ, М. Голодный, В. Ситковский-мальчик, М. ГОЛОДНЫЙ, В. СИТКОВСКИЙ, П. СЕЛЬВИНСКИЙ, С. КИРСАНОВ, А. АРХАНГЕЛЬСКИЙ, А. БОГДАНОВ, ГОЛОВИН, ЩИГАЧЕВ, ЕЛФИМОВ, В. ДМИТРОВ, Н. ПАНОВ, МАЙСКАЯ, КАЛЕНИЦЕВ, ОБЕЛЕНСКИЙ, И. ДОРОХИН.**

* Для выступлений в 29 театрах 2 мая первомайская комиссия ФОСП мобилизовала 58 писателей.

ВСЕРОССИЙСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ВССП

20 мая в Москве открывается первая всероссийская конференция ВССП. Конференция продлится 7—8 дней.

Конференция заслушает политический доклад президиума ВССП (**П. Павленко**), оргдоклад правления ВССП (**В. Гольцев**) и содоклады: Ленотдел ВССП (**Н. Баршев**) и Сиботдела ВССП (**И. Гельдберг**); доклады **М. Козакова** «Писатели и социалистическое строительство» и содоклада **Л. Сейфуллиной, А. Толстого, Вс. Иванова, Л. Леонова** и представителя Сиботдела ВССП.

Доклад «Пролетарская литература и политучеба» сделает **А. Селивановский,** содоклады — **А. Малышкин, М. Слонимский, Ю. Олеша** и **Юр. Либединский.** Доклад «Мы и западная литература» сделает **А. В. Луначарский,** содокладчики—**Бруно Ясенский** или **А. Гидаш** и **А. Эфрос.**

На конференции ВССП будет проведена дискуссия о творческом методе. О художественной прозе сделают доклады: **К. Федин, Н. Огнев, А. Фадеев, В. Каверин** и **Ю. Тынянов;** о поэзии докладывают: **Н. Тихонов, Н. Асеев** и **К. Браун;** об очерке—**С. Мстиславский, Б. Лавренев** и **С. Спасский;** о критике—**К. Зелинский, Вел. Поповский** и **И. Груздев.**

Доклад «Классическая литература» сделает **П. Сиповский.** Конференция заслушает также доклад **Н. К. Крупской** о детской литературе и содоклады **Бергольц, Инбер** и **Е. Данько. На конференции будет принят новый устав ВССП.**

ПРИВЕТ СЛЕТУ ЛИТКРУЖКОВЦЕВ УДАРНИКОВ СОВХОЗОВ И КОЛХОЗОВ

ЛЕНИНГРАД, 22 (Наш корр.). В Ленинграде 26 апреля открывается **первый областной слет ударников совхозов и колхозов,** призванных в литературу. Основная цель слета—подвести первые итоги призыва совхозников и колхозников, помочь их творческому росту, подготовить кадры руководителей для низовых кружков ЛОКАФ.

Слет соберет 300 рабочих совхозов и колхозников Ленинградской области. Обладатели и представители других областей: Московской, Сибири, Поволжья, Северного Кавказа и др. К слету выходят 18 литературных рабочих газет и ряд сборников—произведений начинающих писателей.

**

Редакция «Литературной газеты» шлет большевистский привет первому в Союзе советов слету литкружковцев-ударников совхозов и колхозов.

ГОРЬКИЙ В БИБЛИОТЕКАХ

Произведения Максима Горького занимают видное место в библиотеках.

Горького читают «и стар, и млад». Особо большой популярностью пользуется у рабочих-читателей книги Максима Горького: «Мать», «Фома Гордеев», «Дело Артамоновых». В детских и юношеских библиотеках особенно читаемое произведение Горького: «Челкаш», «Детство», «В людях», «Песня о Буревестнике», «Коновалов». Большим спросом пользуются у читателей и книги о Горьком.

В связи с исполнившимся 63-летним юбилеем Максима Горького и предстоящим его приездом, еще более повысился интерес рабочих-читателей к сочинениям Горького.

Между тем, как это ни странно, ряд крупных московских библиотек не ведет работы с книгой Горького. В лучшем случае библиотеки ограничиваются устройством выставки Горького с общей рекомендацией его книг читателю.

Центральная библиотека коммунальников имеет 4.000 читателей. Несмотря на повышенный интерес рабочих-читателей к произведениям Горького, библиотека ограничивается механическим их продвижением. В библиотеке не организована даже выставка произведений Горького. Не было попытки организовать кружок для проработки книг Горького и других произведений пролетлитературы. Имевшийся ячейкой при библиотеке рецензентский кружок развалился, так как не сумел [illegible] рабочих-читателей. Это объясняется тем, что Центральная библиотека коммунальников оторвана от обслуживаемых ею предприятий.

Передвижной фонд московского совза рабочих городских предприятий обслуживает 150 предприятий и имеет около 5.000 читателей. Хотя передвижка и обеспечивает читателей произведениями Горького полностью, но и здесь никакой работы с книгой Горького не ведется.

— Хорошо, что вы нам напомнили о приезде Горького, а то мы пока ничего еще не сделали ни по центральной библиотеке коммунальников, ни по передвижному фонду, — заявил нам библиотечный работник т. Ягодина.

Комментарии по требуются...

**

Библиотека клуба им. Сокольниковы широко откликалась на приезд М. Горького.

В библиотеке организована выставка книг Горького и о Горьком. Выявлены писатели, отмечающие 63-летний юбилей М. Горького. Библиотека подготовляет выставку, посвященную Горькому, и специальный альбом «Горький об СССР». Активно работает литературный и рецензентский кружки, на занятиях которых уже проработаны основные произведения М. Горького.

26 апреля библиотека клуба им. Сокольникова устраивает литературный [illegible], посвященный 63-летию Максима Горького и предстоящему его приезду в СССР. К вечеру в клубе библиотека организует выставку произведений Горького и литературы о Горьком. Кроме того, на выставке будут помещены вырезки из газет со статьями М. Горького.

**

Предстоящий приезд Максима Горького должен быть широко использован работниками библиотеками. Помимо торжественных литературных вечеров, библиотеки должны повести углубленную работу вокруг Горького. Беседы на читательских, рецензентских и литературных кружках о значении приезда М. Горького, о его творчестве и о его роли как бойца-писателя должны занять видное место в работе библиотек. Широкие массы читателей рабочих и колхозников должны быть ознакомлены не только с творчеством Максима Горького, но и с его боевым путем пролетарского писателя-революционера, его путем непримиримого служения делу пролетариата, делу социалистического строительства.

А. К.

ВЫЗОВ

В день 63-летнего юбилея великого пролетарского писателя Максима Горького я, рабочий строитель, Ершов Николай Васильевич, рабкор «Восточной правды» и других газет беру на себя обязательство в честь юбилея организовать ударную рабкоровскую бригаду из рабочих строителей. Эта бригада должна написать массовую рабочую книжку о работе ударной бригады на строительстве Чаепрессовочной фабрики.

Вызываю последовать моему примеру других рабкоров и рабочих ударников.

Н. ЕРШОВ

г. Иркутск.

НАКАНУНЕ ПРИЕЗДА М. ГОРЬКОГО

● Институт ЛИЯ Комакадемии мобилизовал 15 товарищей для выступлений в Москве и провинции с докладами, посвященными М. Горькому.

● Институт ЛИЯ Комакадемии выпускает в издательстве «Федерация» в массовой серии «Что нужно знать рабочему об искусстве и литературе» 4 книжки о Горьком: **«Максим Горький о пролетлитературе», «Максим Горький о литературной учебе», «Ленин в Максиме Горьком»** и **«Чему нужно учиться у Максима Горького».**

● Институт ЛИЯ Комакадемии совместно с РАПП разрабатывает тезисы для докладов о Максиме Горьком. Тезисы будут опубликованы в «Литературной газете».

● РАПП поставил перед Союзкино вопрос о возобновлении демонстрации фильм, сделанных по произведениям Горького,—«Мать» и «Дело с застежками».

● Кабинет рабочего автора издательства ВЦСПС организует выставку, посвященную творчеству Горького и литературе о Горьком. На выставке будет представлен материал о работе Горького с начинающими авторами. Кроме того, Кабинет совместно с литературным музеем Ленинской публичной библиотеки готовит передвижную выставку «Горький и творчество рабочих ударников».

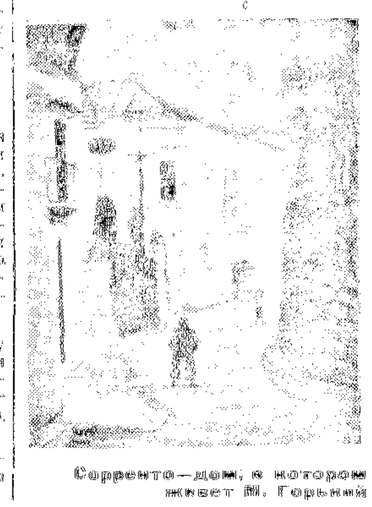
В ЛЕНИНГРАДЕ

● В ЛенФОСП образован комитет для встречи М. Горького. В комитет вошли тт. Слепков (член) М. Слонимский, К. Федин, О. Форш, М. Чумандрин, Груздев, М. Лузгин, Шабанов (бюро ВЛКП(б), И. Бычин, Дмитриев, Н. Тихонов, [illegible] ЛАПП — Лозоносов и Грузинин. Для связи в комитете представлены делегации Ленинградского областного слета ударников совхозов и колхозов.

● Ленотдел ФОСП издает к приезду Максима Горького сборник «Горький и Советская страна». В редколлегию сборника входят тт.: Груздев, Федин, Либединский, Чапыгин, Лузгин, Слепков, Раневский.

● К приезду М. Горького все ленинградские газеты выпускают специальные литературные страницы.

Ф. Богородский



Сорренто—дом, в котором живет М. Горький

За пять дней

главное, ударное, на чем должно быть постоянно сосредоточено внимание всей литературной общественности. Таким основным, важным, ударным должен быть для писателей в частности Урало-Кузбасс.

Понятно, что реализация предложений уральцев, полученных «Литгазетой» (см. предыдущий номер), требует относительно длительных сроков. Как показывают печатающиеся сегодня материалы, принципиальное одобрение эти предложения встречают полное и со стороны писательских кругов и со стороны издательских и хозяйственников. Это хорошо, но важно не останавливаться на разговорах (как это часто бывает), а сейчас же перейти к делу. Прежде всего нужно проверить, какова сейчас помощь и связь литорганизаций с районами, входящими в Урало-Кузнецкий комбинат, — это мы сделаем в ближайшие дни. Далее, каждая литорганизация должна дать конкретные обязательства по Урало-Кузбассу и соревноваться по этой работе с другими. Наконец, необходимо сформировать бригаду по изучению Урало-Кузбасса и поездок в районы строительства.

Вот конкретные предложения, которые нужно сейчас же начать осуществлять.

К конференции ВССП

В конце мая созывается конференция Всероссийского союза советских писателей.

Конференция будет происходить в обстановке небывалого социалистического наступления по всему фронту, в период, когда пролетариат СССР под руководством своей ленинской партии завершает построение фундамента социализма в нашей стране.

В связи с этим конференция должна поставить во всей широте вопросы не только организационной, но и творческой перестройки союза; конференция должна будет поставить ряд коренных проблем искусства вообще.

Конференция заслушает специальный доклад о творческом методе. Одним из серьезных недостатков прошедшей и плановой нами развернувшейся творческой дискуссии является то, что она — эта дискуссия — замкнулась в пределах РАПП, что говорили и писали преимущественно о художественном методе пролетарской литературы. На конференции ВССП творческая дискуссия должна развернуться на более широкой основе. Объектами дискуссии должны быть конкретные произведения писателей-попутчиков. И здесь важно не только дискуссия о творческом методе, но и постановка вопросов о мировоззрении писателя, об узловых темах художественной литературы в реконструктивный период и т. п.

Вопросы перестройки надо поставить сейчас гораздо конкретнее, чем раньше. Какие именно советские писатели, какие группы писателей творчески перестраиваются из попутчиков в союзников пролетариата? Какова степень приближения различных слоев попутничества к пролетарской литературе? Насколько последовательно союз ведет борьбу в прилежащими пролетарскими тенденциями в своих собственных рядах? Только путем выяснения этих вопросов можно определить действительные успехи перестройки.

Успехи несомненно есть, но они совершенно недостаточны в сравнении с теми требованиями, которые предъявляются сейчас к советскому писательству.

В разрешении задач, стоящих перед Союзом советских писателей, огромную роль должна играть РАПП. На этом участке РАПП, как организация, проводящая линию партии в области литературы, должна решительно усилить свою работу и свое влияние.

Драматургия и планы

Под знаком пятилетнего плана проходит строительство социализма в нашей стране. Во всех областях экономики и культуры побеждает план.

И только драматургия, как и искусство в целом, не введена до сих пор в плановые рамки.

Прекрасной иллюстрацией этого является беспомощная резолюция всесоюзного совещания по планированию искусства при Госплане СССР. («Во-просы планирования искусства». План-хозиздат 1930 г.).

Эта резолюция должна явиться предметом специального разбора. Здесь мы отметим лишь, что в разделе «По театру» ни слова нет о драматургии, в разделе «По цирку и эстраде» особенно реперткома отмечается такой антиклассовый пункт: «по линии репертуара усилить борьбу в цирке с классово-чуждыми тенденциями, выдвинуть элементы сатиры (а здесь «классово-чуждые тенденции» отсутствуют.—Ред.-лиза), дрессировки животных (?), физкультурных и технических (?) номеров в революционной пантомимы».

Социалистическое строительство во всю ширь стоит перед литературой, и тем острее перед драматургией вопрос о планировании. Мы должны обеспечить репертуаром театры в районах нового строительства и сплошной коллективизации, мы должны разрешить репертуарный кризис—в профессиональном и самодеятельном театрах.

Решение секретариата Всероскомдрама о разработке вопросов планирования драматургии имеет в этом отношении исключительное значение.

Научно-методический центр Всероскомдрама, куда входят представители Комакадемии и ГАИС, должен немедленно приступить к работе. Проектная контрактация драматургов должна начаться началом конкретного планирования. Уже в нынешнем году Всероскомдрам поможет драматургов в работах нового строительства и сплошной коллективизации.

Начато важнейшее мероприятие. Драматургия, как и все советская литература, должна быть введена в плановое русло.

ТРИБУНА ПИСАТЕЛЯ

О ЧАСАХ, О ВРЕМЕНИ, ОБ ОРГАНИЗАЦИИ ЛОСП

В порядке постановки вопроса

Часы на кремлевской башне бьют полдень как-раз в тот момент, когда солнце находится в зените. Двенадцать ударов — и куранты вызванивают «Интернационал».

Это символ того, что большевистский циферблат находится в полном соответствии с объективной реальностью. Недаром он и большевистский.

И если какая-нибудь деталь механизма, пораженная оппортунистической ржавчиной, начинает задерживать ход, хотя бы на секунду, она немедленно заменяется новой. И если другая деталь, выразившись из общего строя, начинает кружиться в левацком темпе и затормаживать бег машины—она выбрасывается туда же, куда и первая.

Ибо нет разницы между отставшими и спешащими часами; и те и другие показывают неверное время. Больше того, и те и другие отстают. В самом деле: если один хронометр в 12 часов дня показывает 6 отсюда, что спешит, а другой тот же 6 оттого, что отстает—то какие в таком случае преимущества у первого перед вторым? Обоим одинаково далеко до истины.

Однако есть люди, у которых социалистический энтузиазм заменен институтской восторженностью. Эти думают иначе:

«Мои часы ушли вперед. Переводить ли мне их хладнокровно? Разумнее ли их, копаться ли в них самому или отдать в починку—новые, только-что пущенные в ход, не желающие отставать от своего времени?

Нет, копаться в их низому не стоим. И сам копаться не буду. Они сделаны на советской фабрике, и с ними я не согласен».

(Н. Асеев, «Литературная газета» от 10.IV с. г.).

Однако, граждане, неправильно определено. Явившись сонный и встревоженный за три часа до начала рабочего дня, увидеть там приятеля не ранее окончания смены. В если нужно было после работы пойти на свидание, а часы ваши показывают не ваши 4½, а, допустим, 7, то ведь по-нашему вы спокойно и преспокойно уйдете. Поручив вам после этого подрывную операцию—вы взорвете мост раньше, чем наши части успеют по нему пройти.

Большевистские ли это отношение ко времени? Большевистский ли это подход, воспевающий неверные часы за то, что они впереди солнца?

Нет! Большевик поступает иначе.

Он не станет подобострастно регулироваться перед скверными часами только за то, что они сделаны на советской фабрике. Как-раз напротив: именно потому, что это часы нашего производства, он подумает лишний раз, он будет крепь Третьей мировой механики за то, что «скверные» (полумайю: новые!), столько что пущенные в ход часы... не к черту не годятся. Он будет рычать, что с такими часами социализма не построить. Он помнит «качество продукции, дающее догонам и перегонам», всех материи по восходящей линии до адамового ребра и коромысла—и добьется, вложений, того, что директоров сместит, а часы будут сопровождать с гремящей обсерваторией.

К черту идиотизм, если есть диалектика!

2

Вопрос «чувства времени»—большой вопрос. Но его надо брать не метафизически.

Что такое Время. Эпоха в обратном, литературном значении этих чрезмерных слов? Это сумма идей господствующего класса данного общества. Поэтому быть «вне» своего века, значит ненавидеть идеи этого класса. Но и в самом господствующем классе возникали личности, о которых впоследствии говорили как о людях, возвышавшихся над своей эпохой. Что это значит? Это значит, что люди эти сознательно или бессознательно стремились выражать идеи исторически назревшего, нового класса.

Быть выше феодальной эпохи означало подняться до уровня буржуазной идеологии, так же как бороться за пролетарскую революцию в капиталистических государствах значит быть выше эпохи империализма. Но вправе ли мы в условиях нашей советской республики и в условиях диктатуры пролетариата говорить о стремлении быть «выше» своего времени, потрясая испорченными часами?

Нет, конечно.

Никакие классы не придут на смену пролетариату, ибо самая прогрессивная идея современности—идея бесклассового коммунистического общества—принадлежит именно ему—революционному рабочему классу, практически осуществляющему свои исторические задачи.

Таким образом сумма идей этого господствующего класса является на нынешнем этапе развития человечества самой высокой и полной вершиной.

Быть выше этой вершины пока никому не удавалось.

Не нам, которые сознательно ориентируются по ней, как по компасу, и которые, достигнув ее, будут продолжать свой путь дальше, уже с ее высоты.

Вот почему наша задача, задача писателей СССР, сводится не к тому, чтобы быть «выше» своего времени, а к тому, чтобы быть на уровне его и вместе с рабочим классом двигать его к социализму.

3

Сейчас советская писательская масса чрезвычайно дифференцирована. Среди пролетарских, совлитовских, попутнических писателей существуют десятки и сотни оттенков по линии большего или меньшего охвата ими пролетариата, по линии большего или меньшего приближения к методу диалектического материализма.

Но в то же время, независимо от номера сопровождающего литпоезда, каждый чувствует какую-то растерянность, какое-то творческое косоглазие, маскируемое в своих крайних точках либо молчанием (Светов), либо заклинательными уверениями в том, что все у данного автора обстоит чудесно и ничего собственно не случилось (Асеев).

Объясняется наша растерянность тем, что реконструктивный период раскрыл перед нами такие окончательные горизонты, наполнил дымные тайны чумными ветрами, что мы, как узел вечной, несколько охмелели.

Старые творческие навыки кажутся тесными, новые еще не найдены. Между тем проблемы, тематика, масштабы раскирают черей. И хочется, знаете ли, обдать небо огнем. И не сообразишь сразу, как это сделать.

Так однажды задумал мураней позвать к себе на именины лошадь, но не знал, с какого конца нужно ее приглашать.

Первым знаменательным следствием этой, в бы сказал «хоровой», растерянности явилось метание по соседям—нет ли там чего? Не скрыла ли у впередиидущих сотрудников какая-либо правда, которую я в пылу драки не заметил? И люди начинают делать вещи, совершенно для них неожиданные.

Один критический все и всех за психологизм, сам разразился психологическими повестями, другие, никогда почти не занимавшиеся с газетными жанрами, кидают почему, представляющую... сатирическую газету с передовицей, телеграммами, фото и объявлениями. И оба при этом обязываются опытом, а глазное сдвигаются с насиженных мест.

Но из этого еще нельзя делать скоропалительных выводов. Система работы не изменилась. Лепо пока одно: литературные школы типа футуризма, имажинизма, конструктивизма растасканы по бутербродам и непоставленны. Принцип организационной работы по системе лефизма сейчас уже невозможен: слишком всеобщи и широки задачи.

Назревает новая фаза творческого коллективизма, новый вид производственной литературной базы. Почином такой организации, всеми корнями связанной с проблемой планирования литературы, явился ЛОКАФ.

ЛОКАФ—литературный комбинат, выпускающий продукцию, посвященную вопросам Красной армии и флота. Инициатор, организовавший работать в этом направлении, получает список тем, доступ в архивы, путевку на места, подлежащие изучению, военных и политических консультантов, материальные средства и печатную трибуну. Пленумы, конференции и «среды ЛОКАФ» помогают членам этой организации осознать конкретные задачи и методы их разрешения, подвести итоги, наметить дальнейшие перспективы этого специфического творчества. Военная книга, назревающая в недрах ЛОКАФ, проходит все стадии своего творческого роста, не выходя за пределы деятельности и атмосферы организации.

Если к этому прибавить, что ЛОКАФ выработал промфинплан до 1933 г. и что план этот обеспечен наличием добровольных писательских кадров, то лицо «комбината» можно считать в основных чертах очерченным.

Итак, ЛОКАФ первая организационная единица производственного планирования литературы. Не первая—не значит единственная, и хотя других такого же типа организаций у нас еще нет, но они должны быть созданы и созданы будут.

Для каждого сейчас уже ясно и без цитат из Сталина, что основной магистралью нашего строительства является индустриализация, социалистический характер которой выражает собой все проблемы нашего времени от коллективизации сельского хозяйства до вопросов искусства.

Вы догадываетесь, конечно, к чему клонится разговор?

Для советских писателей, обуреваемых хозяйственными темами, эпизодов, укладывающихся в общие понятия — Время, изучение советской индустрии явится тем ленинским звеном, ухватившись за которое мы сумеем вытащить всю цепь реконструкции.

Нужно создать второй Литкомбинат, посвященный вопросам социалистической промышленности. —ЛОСП.

Только при этих условиях писатель сможет творчески выразить своей эпохой. Только такого рода организация дает ему возможность поставить свои индивидуальные частные на Спасском балконе Кремля и радио-передаче Коминтерна.

Нужно уничтожить тараканьи бега писателей по хлебным местам, без мандата, по принципу личной доблести. Нужно дать писателю общее, широкое, не дилетантское представление обо всем социалистическом строительстве в целом и взять организационную ответственность за продукцию писателя, позволяющую отдельным вопросам этого строительства.

ИЛЬЯ СЕЛЬВИНСКИЙ

ПИСАТЕЛИ—НА КРУПНЕЙШИЕ СТРОЙКИ СССР

ПО-БОЕВОМУ ВКЛЮЧИМСЯ В БОРЬБУ ЗА ВТОРУЮ МЕТАЛЛУРГИЧЕСКУЮ БАЗУ УРАЛО-КУЗБАСС

ГОСПЛАН И ФОСП ПРИСТУПИЛИ К ПЛАНИРОВАНИЮ ПИСАТЕЛЬСКИХ ПОЕЗДОК

А. ЗОЛОТАРЕВ

Член президиума ВСНХ СССР, Зам. нач. главного штаба ВСНХ

Естественно желание «Литературной газеты» привлать писателей к активному участию в строительстве Урало-Кузнецкого комбината.

Наши писатели, увлеченные грандиозным размахом строительства, как таковое, в своей творческой работе часто ограничивается описанием внешних эффектов технических достижений и общего роста страны. Между тем необходимо уделить **больше внимания человеку, созидающему гиганты социалистической индустрии;** надо подчеркнуть огромные контрасты в условиях жизни и быта рабочих перед началом строительства и в момент, когда это строительство идет полным темпом.

С этой точки зрения большой интерес для писателя может представить развивающееся сейчас строительство Кемеровского энерго-химического и динасового комбината в гор. Щегловске.

Б. ГОРОДЕЦКИЙ

Зав. сектором науки Госплана СССР

Знакомство писателей со строительством Урало-Кузнецкого комбината чрезвычайно ценно с точки зрения разработки тем, до сих пор мало использованных в нашей литературе. Первая из них — прямолинейное и победное советской культуры над патриархально-феодальным бытом. Вторая тема — фантастика будущего, осуществление колоссальных проектов, многие из которых уже осуществлены позади практикой современной науки и техники.

Изучение на месте электрометаллургии, грандиозными перспективными линиями которой ложится кольцом электрификация всей Урало-Кузбасс, дадут писателю огромный материал для прогноза будущей высокой культуры.

Строительство УКК разрешит противоречие между городом и деревней и сотрет грань между крестьянином и рабочим.

Все эти моменты, могущие послужить темой не только для отдельных заметок и очерков, но и для крупных бытовых и научно-фантастических литературных произведений, должны стать связующим звеном между художественной литературой и строительством, развертывающимся в этом крае, так мало известном широким массам советских читателей.

Должна быть установлена прочная связь и между литературной и наукой. Пользуясь материалом научно-исследовательских изысканий, положенным в основу художественных произведений, писатели могут дать ценнейшие, захватывающие интересные книги.

ФЕДОР ГЛАДКОВ

Кузбасс будет представлять собой в ближайшем будущем один из культурных центров нашего Союза. Это будет один из самых мощных индустриальных районов нашей страны. На Кузбассе мы прежде всего должны отказаться от старых методов техники.

Эта работа займет всю будущую пятилетку, она даст богатейший материал для писателя, тем более, что современный писатель должен строить свою работу, свой быт и зависимости от совершенно новым методом работы и построения нашего хозяйства.

Задача писателя не только в том, чтобы просто отображать процессы строительства или давать отчеты о быте и росте масс, он должен прежде всего стать участником созидания новой жизни.

Тема—психология отдельной личности, составляющая основу художественного творчества прошлых эпох будет постольку занимать внимание писателя, поскольку эта личность является типическим произведением множества.

Наша страна представляет собой безграничные возможности для работы писателя во всех областях — Кузбасс один из характерных очагов нашего строительства, как и Днепрострой, Сельмаш, Донбасс.

На Кузбассе будут созданы новые основы общественной жизни. Писатель должен пристально изучить всю систему этой жизни. В этом районе будут создаваться новые города, бытовые коммуны в них, будут заложены новые основы детского воспитания, женщина будет освобождена от узко-семейных обязанностей, будет полностью все процессы социалистической стройки. Здесь будет формироваться новая молодежь. КУЗБАСС ЯВИТСЯ ОДНИМ ИЗ КРУПНЕЙШИХ ЦЕНТРОВ КУЛЬТУРНОЙ РЕВОЛЮЦИИ НА НОВОМ ЭТАПЕ И ПОЭТОМУ ОН ДОЛЖЕН СТОЯТЬ В ЦЕНТРЕ ВНИМАНИЯ ПИСАТЕЛЯ.

При изучении Днепростроя надо непосредственного наблюдения над тем, что делается на Днепрострое. Нужно быть в курсе технических процессов, перестройки смл. Вот почему необходимо сидеть за всеми работами строительства, за стенографическими отчетами заседаний технического совета, за литературой технической, за проектами постройки.

Все это приложимо и к Кузбассу.

Чтобы органически войти в жизнь нового строительства, писателю нужно с самых первых шагов его и до завершения строительства главных участков быть тесно связанным не только с руководящим составом, но и со всеми живыми силами данного строительства.

П. СКЛЬВИНСКИЙ

УКК охватывает территорию в 2.800.000 километров, включая Западную Сибирь, Урал, Казахстан, Халиловский район и Караганду — площади, совершенно исключительный и историю индустрии. Гиганты сегментов, по одной только выплавке чугуна к концу второй пятилетки должен дать продукцию в 26,7 млн. тонн, т.-е. превзойти в этом отношении современную Англию, Францию и Германию, взятые вместе. Один только кузнецкий УКК — Уралмашстрой должен будет дать вдвое больше, нежели вся продукция царской России. Изобилие сосредоточенных здесь материалов — меди, угля и кокса, соответствующие масштабы электрификации и транспорта, машиностроений, легкой и строительной промышленности—в лице комбината вырисовываются пред нами в достаточно крупном плане.

С другой стороны, сельское хозяйство территории УКК, в свою очередь организованное и мощнейший комбинат, построенное так, чтобы использовать все возможности соседства с промышленным гигантом. Электрическая тяга, отработанный зар, углеродный газ для удобрения, кузнечные отбросы для откорма свиней и в связи с этим беконные заводы — все эти преимущества сделают сельскохозяйственный УКК важнейшей базой сельского хозяйства СССР, дающей в племенно-мясном отношении 55 проц. всего сельскохозяйственного производства Союза.

В результате всего этого характер человеческого материала, его бытовой и культурный уклад будут изменяться с геологической неумолимостью.

В результате всего этого Азия займет совершенно специфическое положение: из отсталой—она станет одним из наиболее индустриальных, электрических и культурных материков земного шара.

Этот процесс начинается на наших глазах строительством УКК. ПРОНЕСИТЬ ЕГО В ЕГО НАРОДНЫХ БЫЛО БЫ ВЕЛИЧАЙШИМ ПРЕСТУПЛЕНИЕМ СО СТОРОНЫ СОВЕТСКОГО ПИСАТЕЛЬСТВА.

ПЛАНИРОВАНИЕ ПИСАТЕЛЬСКИХ ПОЕЗДОК

Госплан СССР совместно с ФОСП разрабатывает план отправки писателей в работу промышленных строительств, что даст возможность на деле реализовать лозунг об овладении писателями техники.

Писатели будут направлены на 5 основных строительств, связанных с мощной энергией и промышленностью: Урало-Кузнецкий комбинат (Кузбасс), Челябинский (Челябинск), Ангаро-Енисейский энергетический узел, Днепровский комбинат, Минусинский комбинат (Минусинский), Карагандинский каменноугольный бассейн (Караганда), Сталинградский и Бобриковский комбинат. В этих строительствах писатели будут прикреплены на срок от двух недель до 2-3 месяцев.

Госплан СССР выделил специальных работников, которые перед отъездом писателей на места строительств проведут с писателями предварительные беседы и консультации.

ФОСП приглашает для прикрепления через Госплан СССР к строительствам: Вс. Иванова, В. Лидина, Ф. Гладкова, П. Низового, Н. Шпанова, Веру Инбер, З. Рихтер, К. Большакова, П. Скосырева, Н. Богданова, П. Павленко, Д. Хаита, А. Дроздова, Б. Ромашова, В. Финка, Н. Митрейкина и трех молодых писателей—Б. Лавренева, М. Козакова и Н. Никитина.

СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО и ЗАДАЧИ ПИСАТЕЛЕЙ

ИЗ ДОКЛАДА тов. Г. ЛОМОВА на литдекаднике ФОСП

Шестой Съезд советов решил в течение 10 лет осуществить на деле лозунг «догнать и перегнать». Этот лозунг положен в основу наших планов на вторую пятилетку.

Возьмем основное звено наших планов—электрификацию: электроэнергия естественно должна быть во второй пятилетке ведущим началом. Должна получить осуществление идея создания целого ряда электроузлов с Ср. Азии, а затем в районе Средней Сибири (Ангара и Енисея). Ангара может дать гигантское количество энергии, около 7 млн. лошадиных сил. Столько же может дать Енисей, т. е. на обоих этих реках можно получить 14 миллионов лошадиных сил — энергию, равную 20 Днепрострою.

Далее следует задача в области химизации. Проблема коксохимии приобретает исключительное значение в связи с объемом коксового производства, которое нужно будет для металлургии. Большие печи одного Магнитогорска дадут 1,3 млрд. кубометров коксовых газов.

В-третьих, крупнейшую роль будет занимать уголь и металл. К концу второй пятилетки добыча угля будет равняться около 500 млн. тонн, а выплавка чугуна—60 млн. тонн.

Кроме того, основной задачей является развитие производства цветных металлов и в частности меди.

Огромное усиление будут направлены на развитие сельского хозяйства, на его реконструкцию.

К осени в основных зерновых районах, как старая полоса Украины, Сев. Кавказ, Нижняя и Средняя Волга, коллективизация будет начерно закончена. Мы развернем ряд громадных совхозов, которые строятся по типу фабрично-заводской промышленности. Вокруг крупных совхозов, тракторных станций, вокруг ряда колхозов постепенно создается ряд новых культурных центров. Мы идем к заполнению пропасти между городом и деревней.

Партия поставила задачу создать вторую угольную металлургическую базу—Урало-Кузнецкий комбинат. По нашему плану Урало-Кузнецкий комбинат к 37 году должен дать около 27 млн. тонн чугуна.

Мы максимально должны использовать богатства Казахстана. Там мы имеем карагандинский уголь, а также огромные залежы цветных руд.

Озеро Балхаш таит в своих берегах чорфировые медные руды. В Коунраде сейчас запасы—1,7 млн. тонн из всех мировых запасов меди в 70 млн. тонн. Наша задача (в план это уже включено) пустить Коунрадский завод. Медные заводы Казахстана будут иметь базой карагандинский уголь.

Другой район, который входит в орбиту Уралкомбината,—это Минусинский. Здесь оказались большие запасы руды. Здесь же большие энергоресурсы р. Енисей, которая будет снабжать минусинскую металлургию и уголь, а может быть даже и Кузнецкий бассейн (расстояние 250 км.).

Вкратце о комбинате Ангарстрой. Он может дать совершенно умопомрачительное количество энергии, больше, чем любая река СССР. Здесь и в Енисее мы можем заложить 20 Днепростроев. Одновременно здесь имеется район Черемховских копей, уголь которых можно перегонять на жидкое топливо.

Проблема революции техники встает для нас во всей своей остроте. Например, профессор Иоффе выдвинул проблему получения энергии на разницы температур воды Северного океана (под льдом) и холодного воздуха. Ак. Иоффе хочет оживить всю тундру этой энергией и заселить ее.

Или вот новое открытие в области света. Мы прекрасно знаем, что электрический свет не обладает свойствами, способными заменить солнечный свет. Теперь некоторые данные позволяют утверждать, что мы уже можем заменить солнечные лучи и даже получить более ценные по качеству.

Лозунг «догнать и перегнать» будет осуществлен. Мы уже доказали. Мы подходим к тому, что догоним по чугуну Германию. Точно так же по нефти. Мы занимаем второе место, обогнав таких гигантов, как Венесуэла.

В этом году мы должны пустить новые заводы с капиталом на 4 миллиарда рублей, причем 3 числе их в первую очередь Магнитострой. Все это или самые крупные в мире или близкие к ним заводы.

Что писатель, по сути дела, знает, например, о Коунраде? А между тем это мировое месторождение меди, где нам надо создать гигант с массой рабочих.

Проблема Уралкомбината. Кузнецкого бассейна, печорского угля—это дело всех трудящихся СССР. Нам надо суметь захватить массы этим крупным делом, которое дает нам гигантское количество сил, энергии, материальных благ. И здесь наше дело, дело писателей помочь стране и государству.

Надо создать какой-то план писательских работ, который соответствовал бы всему перспективному народно-хозяйственному плану, основные рычаги которого ясны. Надо показать в быт строек и перспективы, и как работают эти рычаги.

Нам надо проследить описание всех этих проблем для того, чтобы захватить человека, стащить его с насиженного места, чтобы он боролся за то, чтобы его пустили куда-то в Минусинск, в Анзаур. И здесь литература принадлежит большое место в отношении разоблачения пропавших художественным словом.

Мы проверили свою систему на деле, и опираясь на эту систему, мы можем сделать такие прыжки, которые дают возможность догнать и перегнать не только такие страны, как Англия, но и такие, как САСШ. Я думаю, что эти задачи выполнимы, и писательское слово будет одним из тех увесистых слов, которое будет положено на чашку весов, за вторую боевую пятилетку, за перегнание на деле лозунга «догнать и перегнать».

Отличные работы художников, командированных в районы индустриального и колхозного строительства

Ф. К. ЛЕХТ

Северный Урал. Березники. Химстроительство

ГЛАВНОЕ СЕГОДНЯ

Статьи секретаря РАПП И. Макарьева

I

Сейчас уже смело можно говорить о РАПП как об основной, ведущей организации пролетарской литературы, завоевывающей все новые и новые позиции в сложнейшей обстановке литературного фронта. Сейчас уже смело можно говорить о руководстве РАПП как о проверенном и испытанном в литературно-политических боях коммунистическом коллективе, как о боевом отряде партии на литературном участке борьбы. Партия сказала об этом определенно и четко.

РАПП давно уже не кружок и не группа, а **основная организация пролетарской литературы.** Это надо твердо запомнить всем и всяческим нашим «друзьям», которые полагают, что у нас все еще 1924 год, которые пробуют «организовать» проблемы пролетарской литературы помимо РАПП, против РАПП, мимо голоса РАПП.

Проверенная в борьбе литературно-политическая линия РАПП есть **единственно правильная линия.**

Об этом твердо надо запомнить всем любителям покритиковать РАПП с позиций своей «группки», «направления» и т. д.

На это же самое прежде всего должны запомнить и усвоить мы сами, руководство РАПП, каждый рапповец, каждая рапповская ячейка, каждый ударник, призванный в литературу. Запомнить и усвоить это нам надо потому, что все это налагает на нас прежде и раньше всего не права, а **обязанности.**

Положение, которое сейчас занимает РАПП, тит в себе величайшие опасности. Мы можем зазнаться, почить на лаврах и потерять перспективу, замкнуться в себе, забыть о наших обязанностях по отношению к смежным писательским организациям.

Вот почему мы раньше и прежде всего должны помнить о возросшей в десятки раз нашей ответственности перед партией, вот почему необходимо сейчас пересмотреть всю нашу работу, подвергнуть ее жесточайшей самокритике, вскрыть основное, что нам мешает, как следует перестроиться, отыскать старое звено, уцепившись за которое, мы тогда бы продвинули литературное движение советской страны на новую, более высокую ступень.

2

В чем основная и главная ошибка РАПП?

Она — в недостаточном осознании того, что **РАПП — идейно-воспитательная, а не административная организация.**

Правильно ли это? Безусловно, правильно. Для этого достаточно просмотреть всю практику нашей работы.

Мы часто копируем в своей работе работу партийных организаций, забывая, что мы — не партия, которая в сложнейшей обстановке руководит страной, которая отвечает за хлеб, за мясо, за уголь, за промфинплан.

Мы работаем в сложнейшей, специфической идеологической области, связанной с переделкой и перевоспитанием людей, связанной со сложнейшими психологическими проблемами, — области, мало разработанной марксизмом.

Соответствуют ли методы работы РАПП специфичности области, в которой РАПП работает? Нет, здесь поразительный разрыв.

Мы много, в ущерб идейно-воспитательной работе, занимаемся администрированием, вредным и часто вредным, тормозящим нашу работу.

Мы — писательская организация. А вот налажены ли у нас как следует работа с писателем, изучение его, помощь ему, товарищеское наблюдение за его творчеством? Нет, здесь у нас прорыв.

Мы — организация, включающая в себя основные кадры нашей коммунистической критики. А где тот клубок руководящих критиков, которые могут и должны заботиться о выработке творческого метода пролетарской литературы? Очень мало народа этим занимается.

Мы — организация, вливающая сейчас в себя тысячи рабочих-ударников, пришедших в литературу. Мы много болтаем об ударничестве. Подсчитываем цифры, хвалимся числом ударников, снимаем с работы тех, кто уклоняется от работы по ударничеству. А вот где у нас работа **по руководству** этими начинающими рабочими-писателями? Мы говорим не о циркулярном, казенном «руководстве» (этого у нас достаточно), а о руководстве их творчеством, о любовном изучении этого творчества, внимании и помощи этому творчеству. Где у нас такое руководство, руководство «горьковского» типа? Нигде и ним, почти нет его. А ведь наша основная задача — наладить с рабочими-ударниками именно такую работу.

Мы — организация, призванная руководить и перевоспитывать кадры писателей, объединяемые смежными с нами литературными организациями (ВОАПП, СЛП и др.). Достаточно ли мы здесь работаем? Нет, работаем плохо. Часто дело сводится лишь к формальному представительству (да и оно плохо хромает).

Мы провели громадную работу по разоблачению всех и всяческих врагов пролетарского литературного движения. Мы завоевали колоссальный авторитет для организации. Этих заслуг у нас никто не отнимет. Но наши успехи были бы неизмеримо больше, если бы мы помимо занимались администрированием, побольше идейно-воспитательной работой, в которой суть нашей работы.

3

Что означает положение, что мы — идейно-воспитательная, а не административная организация, — в разрезе наших **творческих споров?**

Раньше и прежде всего оно означает **величайшее развертывание творческого соревнования в РАПП,** без которого не может быть действительного движения пролетарской литературы, без которого мы не обладаем нашей **общей** творческой платформы.

А развертывание творческого соревнования предполагает колоссальный рост (и это **положительный,** а не отрицательный факт!) творческих группировок, их творческую дифференцировку.

Кто этого не понимает, тот показывает, что он плохой руководитель, показывает, что он не понимает особенностей этапа, на котором находится сейчас наше движение.

Никакой предвзятости, никакого недоверия, никакой подозрительности, никакого администрирования по отношению к творческим группам, — вот о чем должно помнить сейчас руководство и всей РАПП и любой местной организации. Надо категорически осудить имевшие кое-где место (например, в Ленинграде) попытки помешать организации творческих групп и заранее установить недоверчивое к ним отношение.

Никакого вышибания людей из-за творческих разногласий, если они (разногласия) не выходят в пределах нашей общей платформы и не перерастают границ! А эта платформа и эти грани нам известны. На сегодняшний день такими гранями являются пока лефовщина и воронщина, а общей платформой—известное письмо секретариата РАПП о развертывании творческой дискуссии.

В этих условиях неизмеримо повышается и усложняется роль руководства РАПП и любой местной ассоциации. **Руководить творческим соревнованием,** не становясь на сторону ни одной группы, — вот задача руководства в данный момент.

Самым опасным для руководства было бы **—стать в положение одной из групп,** поддерживать установки одной какой-либо творческой группы или того или иного отдельного писателя.

Но в то же время было бы неправильно и нельзя делать, что руководство устраняется от творческого соревнования, клобук в ряду таковых считает «мое». Нет, оно **активно** участвует в этом соревновании, но **не в качестве стороны,** а в качестве **именно руководства,** задачей которого является **обобщать для всего движения положительный опыт** любой группы, со своих позиций предвидеть каждую группу с тех опасностях, к которым может привести развитие отрицательных сторон и ее установок, следить за тем, чтобы творческие разногласия не превращались в **литературно-политические,** чтобы не было замыкания групп, чтобы принадлежность к творческой группе не вела к обособленности, к **кружковщине,** чтобы творческая группировка не **противопоставляла** себя руководству РАПП и всему движению в целом.

Все это **неизмеримо труднее и сложнее,** чем было до сих пор, пока не была развернута как следует творческое соревнование. Все это требует проявления величайшей **терпимости,** тактичутья, но без этого мы вперед не пойдем.

Сложность руководства будет заключаться еще и в том, что, сейчас говоря, что ведь не исключено, что сегодняшняя **внутрипролетарская** творческая группировка завтра может превратиться **во враждебную** всему движению организацию; необдуманные шаги упрощенчества и принижения задач литературы в той или иной творческой группировке, у того или иного писателя завтра могут перерасти в лефовщину. Идеалистические ошибки могут перерасти в воронщину. Это — **не обязательно,** но это возможно, **не исключено.** В чем задача руководства? В первую очередь, конечно, в том, чтобы этого не допустить, постараться выправить. По одновременно (и в этом сложность!) все время учитывать степень, видеть грань, чтобы в случае необходимости во-время сменить убеждение на огонь, мобилизуя на борьбу все движение.

Об этих опасностях должна помнить и каждая творческая группировка.

Но было бы еще опаснее, если эти опасности кто-либо попытается использовать как мотив для того, чтобы попридержать, затормозить развитие творческих группировок. Такие выводы были бы гибельны для движения, означали бы застой движения.

4

Величайшее развертывание самокритики есть наша работа, привлечение к этой самокритике широкого и разнообразного актива — основное условие, без которого невозможно успешное решение стоящих перед нами задач.

А покритиковать у нас есть что. Линия у нас правильная, успехов порядочно, но и прорывов хватает. О многих из них мы говорили выше, можно добавить и еще.

Мы плохо еще работаем в издательствах, мы всем свою долю ответственности за ту бедную халтуру, которая выбрасывается на книжный рынок. Мы не помогаем еще, как должны были бы, советским авторам вскрутить (книжно, журнально), мы недостаточно включили многих наших писателей в **практику** разоблачительного социалистического строительства, мы недостаточно боремся за **новый тип писателя,** мы недостаточно используем данный ударничеством для создания нашей подлинно **пролетарской** литературной среды и т. д. и т. д.

Суды — очень самокритичны!

Надо проверить еще и еще раз с помощью партии и **теоретический** участок нашего фронта. Вместе с тем философским руководством, поддержкой кому со стороны руководства РАПП обеспечены, перед нами стоит здесь целый ряд **новых** задач. Это — разработка, применительно к литературе, ленинского философского наследства, критический пересмотр Плеханова, вскрытие и критика тех явлений доверчивости, которые имели место в работах отдельных рапповских товарищей.

Здесь также широкое поле для самокритики.

Речь идет, конечно, о самокритике, помогающей нам работать, подымающей наше движение на новую, более высокую ступень.

Мы подчеркиваем это потому, что появились уже горе-теоретики, в свете среды исключительно битые РАПП в литературно-политических дискуссиях, которые под флагом самокритики пытаются сказать всю теоретическую работу РАПП. Они заявляют обычно о правильности литературно-политической линии РАПП, — испытав ее на себе в прошлых дискуссиях, — но они пытаются обосновать неправильную нашу теоретическую линию, не замечая, что сами они совершают здесь разрывы политику от теории, ошибку явно доверенного типа.

Уже появились в обращении разные «цитатники», свидетельствующие лишь о теоретическом убожестве их составителей.

Печальная участь и теоретическая никчемность таких «теоретиков» заканчивается в том, что они вечно будут отставать, не поспевать за движением, искать «плох» в старых наших статьях и книжках, при чем это «искание» явно напоминалось для некоторых в один из видов спорта. А движение идет своим путем мимо и помимо их, взбираясь на все новые и новые ступени.

Сейчас, в 1931 году, эти «теоретики» выбирают цитаты из наших статей и книжек, вышедших в 1927—28 годах. Цитата, дичь, примерно, в 1934 году мы узнаем о наших ошибках, которые мы делаем сейчас, осмысливая новый этап нашего движения.

Как долго ждать!

Не пора ли некоторым «теоретикам» спуститься с критических высот и включиться в живую практику продвигающегося литературного движения! Иначе они самоизобличаются на сочинение «цитатников» — занятие, к творческой работе имеющее довольно отдаленное отношение.

Мы за дальнейшее развертывание самокритики на теоретическом фронте в РАПП. Если тем или иным товарищем из РАПП недостаточно признаны свои ошибки, если из них сделаны не все выводы для дальнейшего, — еще и еще будем говорить об этих ошибках. Это полезно и нужно движению.

Но целью нашей самокритики было и остается — помощь движению, переход его на более высокую ступень.

Когда же целью «самокритики» являются нападки на РАПП, частью исходящие из реакционных настроений, стремление опорочить рапповское руководство, желание «крови», — мы прямо заявляем: **против такой «самокритики», мы будем драться, такая «помощь» нам не нужна!**

5

РАПП добилась серьезнейших успехов и тем консолидировала силы пролетарской литературы. Правильное разрешение вопроса о развертывании творческого соревнования, устранение элементов администрирования, внедрение **партийности** во всю нашу работу (здесь нам как раз **нужно побольше** «кнопировать» партию!), смелое движение к руководству подрастающего актива из ударников — все это приведет нас к еще большим успехам и еще большему сплочению коммунистических литературных сил вокруг РАПП, устранит элементы кружковщины, зазнайства, «качества», которыми характерна пока наша литературная среда, сделает невозможным такое положение, которое имеется сейчас, например, в Безыменском.

В самом деле совершенно нелепо положение, когда один из лучших пролетарских поэтов страны растрачивает свое время и способности на вечерние и устные памфлеты против руководства РАПП, поставив это чуть ли не целью своей жизни, и дискредитируя своими выступлениями не столько РАПП, сколько прежде всего самого себя.

У т. Безыменского были крупные литературно-политические ошибки, РАПП на них ему указала. Указала правильно.

Конечно, и со стороны отдельных товарищей на РАПП могли быть перехлестывания в полемике с Безыменским (на последнем пленуме РАПП, например, были отдельные, полученные отпор выступления о выводе Безыменского из **правления** РАПП), но разве это может приводить к **непримиримому** отношению ко всей организации, к игнорированию ее, к противопоставлению себя ей?

Конечно, выход т. Безыменского из секретариата РАПП не является особым достижением РАПП. РАПП **вынуждена** была пойти на этот шаг, оставив, однако, т. Безыменского в правлении РАПП, предоставив ему полную возможность активной работы в организации.

Необходимо сделать все возможное, чтобы сработаться с т. Безыменским, но надо прямо сказать, что это не меньше, чем от РАПП, зависит от самого т. Безыменского.

На ряду с борьбой за сохранение рядах организации каждого пролетарского писателя, действительная консолидация предполагает одновременно беспощадное движения от великого ряда путаников и эклектиков, вплоть Гроссмана-Рощина и Эльсберга, на чем нам неоднократно совершенно правильно указывала партия.

Движение выросло, подросли новые кадры, можно распространяться с некоторыми из этих путаников, к тому же явно неспособных к самокритике (помещенная в № 9 «На лит. посту» статья «самокритическая» речь Гроссмана-Рощина, конечно, никакого отношения к большевистской самокритике не имеет).

*

— Не слишком ли ступены краски? Не слишком ли много в наших недостатках? — спросит иной рапповец.

— Ничего! Мы так уже привыкли, что нам надо побольше говорить о наших ошибках,—отвечаем мы. Это лишь полезно.

Среди книг

ПРОТИВ БЕЗОТВЕТСТВЕННОСТИ В ИЗДАНИИ ПРОИЗВЕДЕНИЙ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПИСАТЕЛЕЙ

„НЕТОЧНОСТИ“ ГИХЛ

Передавая книгу своих этюдов для перевода на русский язык заведующему одним из отделов ГИХЛ т. Раничу-Черкасскому, я поставил последнему категорическое требование, чтобы к моей книге была добавлена статья, в которой, во-первых, отмечалось бы, что большинство моих рассказов написано мною в 1921 — 22 году (остальные до 1926 г. и только два, и то выправлены, в 1927 — 28 году), во-вторых отмечалось бы, в каких условиях, при каких обстоятельствах и под какими идеологическими влияниями писал я те или другие этюды. Дело в том, что часть своих произведений, напечатанных до-реконструктивного периода, я сам рассматриваю в историко-литературном аспекте и рекомендую их только как иллюстративный материал для изучения уклонов, подобных «хвильовизму».

Тов. Ранич-Черкасский, как мне известно, вел переговоры с украинскими критиками по поводу такой статьи и, наконец, договорился с т. Лейтесом, членом ВУСПП и сотрудником «Литературной газеты», который такую статью и написал.

Что заставило потом т. Ранича-Черкасского телеграфно отказаться от статьи т. Лейтеса (статьи этой он не читал), я не знаю. Но во всяком случае книга моих рассказов под заглавием «Жизнь» вышла с двухстраничным предисловием от ГИХЛ, в котором не указано, когда эти рассказы написаны, в котором нет и, так сказать, экскурса в идеологию моих произведений. Вместо этого сообщена моя биография с такими, мягко выражаясь, «неточностями»:

1. Ни слова не сказав о том, что в период распада царской армии» я «очутился» сперва в красных партизанских отрядах, а после роспуска этих отрядов — в регулярной армии, в Красной армии, откуда был демобилизован в 1922 году, автор предисловия выступает с такой «отсебятиной»:

«В период распада царской армии он (т.-е. Хвильовый) очутился в рядах петлюровской армии».

Дозволю до сведения общественности, что я «в рядах петлюровской армии» не только никогда не был, а, наоборот — как раз и с этими, белогвардейскими «рядами» в свое время по мере своих сил и уменья боролся.

2. Изложив вышеприведенную «неточность», далее автор предисловия пишет следующее:

«Хвильовый... по возвращении из-за границы начинает новую энергичную работу по сплочению украинских литературных сил».

За границей я действительно был. Но был я там в 1927 — 28 году с советским паспортом. Ездил я за границу, командированный туда Наркоматом просвещения. Как раз эти указания и надо было бы сделать, а то малоосведомленный читатель может подумать, что я ездил за границу с «петлюровскими рядами». Больше того, он безусловно так и подумает, потому что по автору предисловия я «по возвращении из-за границы» «начал энергичную работу по сплочению» не пролетарских украинских сил, как это было на самом деле, а «по сплочению» украинских сил вообще.

Вообще надо сказать, что знакомит меня с русской общественностью пока исключительно в сопровождении «неточностей». Так, в 4 томе «Литературной энциклопедии» в статье о Зеров сказано следующее:

«Руссофобство Хвильового, однако, весьма условно. З., воспитанному на русских литературных образцах».

Я, конечно, в свое время наделал не мало очень вредных ошибок. Но называть меня за мои уклоны исключительным «руссофобом» это значит, по ни руссофобом сегодняшним, после той меньшей мере, неверно освещать мое прошлое. Во-вторых, предъявлять мне то, как я решительно, еще в начале 1928 года осудил свои ошибки, это уже не вяжется ни с какой логикой; руссофобу, как и всякому зоологическому националисту, нет места в ГИХЛ, а тем паче в компартии, к которой я имею честь принадлежать с апреля 1919 года.

Член ВУСПП
МИКОЛА ХВИЛЬОВЫЙ

От редакции: Мы полностью присоединяемся к протесту т. Хвильового и требуем расследования тех возмутительных фактов, о которых он сообщает. Такого же мнения, как нам сообщили, придерживается и ВУСПП.

ОЧЕРЕДНОЕ НЕДОРАЗУМЕНИЕ

«Поэты Советской Белоруссии» — библиотека «Огонек». № 602. Под редакцией и с предисловием В. Ранковской.

Задача популяризации творчества народов СССР — большая и ответственная. Казалось бы, выпуск издательством «Огонек» книжки, дающей некоторое представление о современной поэзии Советской Белоруссии, можно приветствовать. Но... вопрос в качестве выбора материала.

В. Ранковская, знал, очевидно, белорусскую литературу понаслышке, взяла на себя смелость составить сборник. Собран материал, далеко не характеризующий белорусских поэтов, (особенно А. Александровича и Чарота), составительница и в предисловии дает совершенно неверное представление о состоянии белорусской поэзии. Более того, составительница докатывается до такого безобразия, что относит «к числу новых пролетарских кадров поэтов» — классового врага, поэта контрреволюционера Дударя. Определяет это как «очередное недоразумение» нельзя. Включение в сборник стихов Дударя с неприкрытой национал-демократической идеологией и характеристика Дударя, как пролетарского писателя — говорят, в лучшем случае, о полной безграмотности составителя сборника в вопросах белорусской литературы.

Ж.

От секретариата ВОАПП

Ознакомившись со сборником переводов белорусской поэзии изд. «Огонек» и с заметкой по поводу этого сборника одного из белорусских писателей, секретариат ВОАПП констатирует, что заметка в основном правильна, что сборник не соответствует ответственной задаче ознакомления широких масс пролетарских читателей с лучшими образцами пролетарской поэзии одной из крупнейших советских литератур СССР.

К подобным массовым популяризаторским изданиям необходимо подходить особенно внимательно в смысле отбора лучших образцов литературного творчества и в смысле идеологической выдержанности и теоретического освещения материала. Ни тому ни другому элементарному требованию сборник не отвечает.

Один факт причисления националистического писателя Алеся Дударя к числу пролетарских говорит не меньшей мере о явном незнакомстве составителя сборника с основными фактами и процессами современной белорусской литературы. Предисловие составителя вводит в заблуждение широкие читательские массы, в частности кадры читателей, впервые знакомящиеся с белорусской литературой по сборнику.

Неудача с выпуском этого сборника еще раз подчеркивает необходимость теснейшего контакта издательств, популяризирующих и переводящих произведения советских литератур СССР, с пролетарской литературной общественностью, в частности по линии ВОАПП.

По поручению секретариата ВОАПП
Б. КОВАЛЕНКО

От редакции: К нам поступило письмо В. Ранковской, признающей свою ошибку в отношении В. Дударя.

О КНИГАХ С „ПРЕДИСЛОВИЯМИ“

В нашу издательскую практику все глубже и глубже внедряется обычай, которые отнюдь нельзя назвать отвечающими текущей литературной политике. Мы имеем в виду выходящие в довольно-таки изрядном количестве книги с «предисловиями».

Вот сборник, посвященный 10-летию смерти Леонида Андреева и озаглавленный «Реквием».*

Он состоит из пьесы Андреева того же названия, его дневника и писем, а также воспоминаний о нем. И хотя в числе последних есть заметки обитателей таким местным мемуаристам, как Вересаев, а среди адресатов мелькают имена Толстого, Чехова, Блока, — далеко не все материалы сборника подношены, кое-что представляет собой лишь простую перепечатку, главное же — многое является для нас прямо непримиримым. Так, что может предложить современному читателю - рабочему, например, следующие строки андреевского дневника: «... Так все отвратительно в мире, так невыносимо скучно жить, говорить, писать, что не хватает силы и желания написать хоть несколько строк. Для кого? ...

Это — как бы предел литературно-символистических устремлений декадирующей буржуазии.

Так вот и предположение оставить эти далеко несвоевременные сентенции сборника он в предварительном предисловием, написанным В. И. Невским. Здесь, хотя и весьма бегло, но многое правильно вскрывается историческое значение творчества Андреева, ярко отражающего «тот большой процесс расхождения, который характеризует революционную историю России, особенно после 1905 года, — расхождения русской, так называемой, интеллигенции с низами русского общества и прежде всего с пролетариатом». При этом, однако, автор предисловия многократно подчеркивает, что сборник может служить материалом лишь для исследований — для работы литературоведа и историка. Между тем он выпущен в довольно-таки значительном тираже (в 4.000 экземпляров), т. е., стало быть, особенно на библиотек попадет в руки широкого читателя. А для этого последнего в столь высоком по качеству предисловие врят ли окажется достаточным, чтобы уберечь его от ненадлежащего восприятия отмеченных выше и им подобных мест сборника. Причем, нельзя не согласиться с предисловием в том, что «было ведь время, когда Л. Андреев писал «Красный смех» и «Рассказ о семи повешенных»..., когда Л. Андреев вместе с ЦК сид. партии шел и тюрьмы».

Другой пример издания с «огоромкой» — книга Н. Н. Апостолова «Лев Толстой и русское самодержавие»*. Непосредственному ее использованию предпослано предисловие Л. Каменева. Но последний принужден был с самого начала занять: «Автор книги ошибается, когда полагает, что царская машина репрессии обрушивалась перед писателем Толстого потому, что не хотела прервать его в мученики; primum vivere, deinde philosophari. Толстой и его учение не могут стать организующим центром мало-мальски значительного, опасного для него общественного движения. Эта ошибка вообще характерна для автора книги: на нем лежит налет недиалектического подхода к оценке учения роли Толстого; отсюда ошибочность ряда его положений при интересе и тонкости его фактического рассказа». Казалось бы, на предисловия можно было сделать лишь такой выход: либо дать эти материалы в марксистском оформлении, либо же просто опубликовать их в виде сырого материала с необходимым лишь фактическим комментарием. Однако издательство не остановилось перед тем, чтобы довести их до читателя (опять 4.000 экземпляров!) именно в идеалистической интерпретации автора, формально отделавшись лишь двустрочным предисловием.

Пора, наконец, нашим издательствам построже и более разборчиво относиться к вопросу о неподходящих для нашей современности книгах, не ограничиваясь лишь отпиской в виде предисловия!

* «Реквием». Сборник памяти Леонида Андреева. Под редакцией Д. И. Андреева и В. Б. Веселкиной. С предисловием В. И. Невского. Изд. «Федерация». М. 1930.

* И. Н. Апостолов. «Лев Толстой и русское самодержавие». Факты, воспоминания, документы. ГИЗ. М. Л. 1930.

НЕ ТОРГОВАТЬ, а ПЛАНОВО РАСПРЕДЕЛЯТЬ

КНИГОЦЕНТР ДОЛЖЕН СТАТЬ ОБРАЗЦОВЫМ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИМ ПРЕДПРИЯТИЕМ

Принципы и практика

Реорганизация книгораспространительского аппарата должна в корне изменить всю систему продвижения книги в массы. Взяв за основу своей работы централизующее и планово-организующее начало, «Книгоцентр» должен был уничтожить старые лавочки, так называемого «свободного рынка» и буржуазно-анархические приемы книжной торговли. Таковы принципы. Каково же практика «Книгоцентра».

«Книгоцентр» является административно-финансовым дополнением Огиза. С другими издательствами у него существуют только договорные отношения. «Книгоцентр» принял наследие 37 различных издательств, прекративших существование, в том числе и печальное наследие «Теа-кино-печати», лежащее на складах грузной горой макулатуры.

Контролировать и увязать общую плановость отдельных издательств «Книгоцентр» поэтому никак не может, и возможны такие случаи, когда, например, одна и та же книжка Петра Ширяева вышла за 1½ года 11 раз под разными названиями. Это недостаток «объективный». Налицо и взаимные трения ГИХЛ с «Книгоцентром», которые значительно тормозят нормальную работу.

С одной стороны, имеет место невыполнение плана ГИХЛ, с другой — несвоевременный вывоз «Книгоцентром» готовой продукции со складов и из типографий. Так, по плану ГИХЛ на январь месяц издательство должно было дать 80 названий, а дало только 15. На март назначалось 82 названия, а дало только 38. За это же время было дано 47 названий, не входивших в план. Бывали также случаи, когда издательство представляло корректурные экземпляры, а тираж не был закончен и не мог быть вывезен из типографии. Но в огромном большинстве случаев ответственность за несвоевременный вывоз тиража всецело падает на «Книгоцентр».

Как „продвигают книгу“

«Книгоцентр» еще окончательно не перестроился в соответствии с требованиями реконструктивного периода. При распространении книги не учитываются еще особенности отдельных районов и часто применяется механическая разверстка тиражей по областям. Процесс продвижения книги из места не соответствует современным требованиям и темпам... В некоторых звеньях аппарата «Книгоцентра» на периферии еще не изжиты нездоровые коммерческие тенденции и традиция дореволюционной книготорговли. Страдает и массовая работа «Книгоцентра». Серия «На фронтах пятилетки» доходила в продаже с большим опозданием. Книжка т. Рудина, законченная тиражом в Ленинграде в конце ноября 1930 года, поступила в продажу только в апреле с. г.

Газета Советское искусство», один из последних номеров, поступила в продажу на 4—5 день после того, как она была снята из типографии. «Вести советских» по словам т. Наседкина, члена правления ГИХЛ, не были в течение полугода месяцев в продаже и продолжали видимо лечь на складах «Книгоцентра». А тираж ее был 100.000 экз.

Для оформления и обслуживания библиотек существует Центральный библиотечный методкабинет. Отзывом консультации этого коллектора заведует т. Горовиц. Хотя отзывы о книгах дает специальная комиссия, но деятельность она не может охватить всей книжной продукции, то в существующую при отделе картотеку заносятся книги, получившие неудовлетворительные отзывы.

Внеся в эту картотеку и сборник ВОПКИ «Земля советская», он попал в число нежелательных для распространения книг только потому, что в январской книге журнала «Новый мир» об этом сборнике был дан доброжелательный отзыв редактором Николаевой.

Ассортимент литературы в киосках предприятий явно неудовлетворителен.

Спрос рабочих на производственно-технических, художественную литературу удовлетворяется в ничтожной части. По нескольким тысячи карточек опроса рабочих 14 предприятий выяснилось, что имеется неудовлетворенный «спрос на производственную книгу — на 65 проц. (!), на художественную литературу — на 14,3 проц., социально-экономическую — 9,4 проц. и т. д.

Рис. Н. Гатилова

КНИГОНЕДОНОША

На крупнейшем московском заводе «АМО», имеющем 4¾ тыс. рабочих и 5¾ тыс. читателей, книжный киоск в среднем в день распространяет только 5 книг художественной литературы.

Здесь все еще торгуют книгой

Раньше в распространительском аппарате сидели торгаши-завы «книжных» лавочек. К сожалению, мы встречаем старые методы в работе киосперов и сейчас. Состав киосперов не соответствует своему назначению как по квалификации, так и по своему общественному облику.

Ввиду отсутствия твердой оплаты на работе в киосках, — работу с явными всякого рода отбросами общества, которые идут общественников, в рабочих, партийцев и комсомольцев, а идут случайные люди, зачастую чуждые советской общественности, полуграмотные.

Процентное вознаграждение неизбежно толкает киоскеров к сбыту наиболее дорогой, «жирной» литературы и не стимулирует распространение массовой общественно-политической и производственной книжки. Правда, сейчас уже более 30 проц. киосперов переведены на твердую заработную плату, но это еще далеко недостаточно.

Никакой работы с художественной книгой киоскеры на предприятиях не ведут. Это положение усугубляется неудовлетворительным ассортиментом литературы. Зачастую киоски снабжаются ненужной, даже вредной книгой. Книжные магазины и базы безответственно и незаинтересованно относятся к снабжению киосков литературой.

Фабрично-заводские книжные киоски оторваны от рабочей общественности и библиотек, несмотря на то, что немедленно работают в одном с ними помещении.

Аппарат «Книгоцентра» в центре и на периферии состоит из 13.200 сотрудников. Потребность «Книгоцентра» в новых кадрах на 1 января 1932 года выражается в 9.500 человек. Кроме того, необходимо переподготовить имеющиеся кадры, которые по своей квалификации и общественно-политической подготовке не соответствуют сегодняшним задачам.

Связать Книгоцентр с общественностью

«Книгоцентр» еще слабо связан с рабочей общественностью.

— За последний год, — заявляет зав. Центральной библиотекой коммунальников, т. Карнина, — «Книгоцентр» не провел ни одного совещания с библиотекарями. «Книгоцентр» оторван от рабочих библиотек, которые не знают плана его работы по распространению книги на 1931 год.

Надо отметить, что «Книгоцентр» не связался и с писательской общественностью. Доклад «Книгоцентра» осенью прошлого года на расширенном заседании ФОСП, издательских и книжных работников, еще не разрешает вопроса об участии писательских масс в распространении книги. Литературизация до сих пор еще не принимает никакого участия в работе «Книгоцентра».

*

Констатируя, что реорганизация «Книгоцентра» в целях сосредоточения распространения книги в едином центре является вполне целесообразной, бригада отмечает, однако, что:

1) «Книгоцентр» не совершил окончательной перестройки работы в направлении приспособления к требованиям реконструктивного периода;

2) в распространении книги часто применяется чисто механическая разверстка без учета читательских запросов;

3) и «Книгоцентр» очень слабо поставлена массовая работа.

Бригада предлагает «Книгоцентру» обратить серьезное внимание на широкое привлечение писательской общественности к работе «Книгоцентра»

Бригада считает, одновременно, что писательская общественность с своей стороны должна подойти к работе «Книгоцентра» не с одной только критикой, а всемерно помочь делу распространения книжной продукции в соответствии с задачами строительства социализма в нашей стране.

Бригада ФОСП и «Литгазеты»:
Г. ШУЛЬЦ, А. БОГДАНОВ, ШАГАРА, С. РОМОВ, А. КРУПНОВ.

ЛОВКОСТЬ РУК

В номере 28 журнала «Книга и революция» появилась исчерпывающая характеристика, почему-то скрытая под инициалами В. С. в указании курсива!) рецензия на книгу пролетарского писателя Виктора Бабушкина.

«Исключительная халтурность», «порнографические писания», приспособленчество, сходство с карикатурами белогвардейской печати» и т. д. — такими «энергичными» выражениями награждает таинственный В. С. пролетарского писателя тов. Бабушкина.

Большинство рассказов сборника тов. Бабушкина печатались в журналах «Молодая гвардия» и «Октябрь» (за исключением рассказа «Жизнь»), т.-е. в журналах, в которых номенклатура творческая продукция обычно отличается идеологической четкостью.

Автор хотел показать, что правда нашей Октябрьской революции, ее величие притягивает к себе все лучшее, даже из представителей старого мира. Но с разработкой этой верной идеи Бабушкин не справился, ибо не овладел еще в полной мере диалектико - материалистическим методом, не сумел отбросить нехарактерное, не сумел «проникнуть за кору явлений» и поэтому верный замысел обратился в глубоко-неверную, даже противопоставления нашей партии — преданным партии интеллигентам.

Почему же так не понравилась книжка Бабушкина рецензенту «Книги и революции» В. С.? Повидимому, причина этого кроется не в творчестве Бабушкина, а в творчестве самого рецензента.

Оказывается, что рецензент имеет весьма больное тяготение к меньшевистским литературным взглядам проф. Переверзева.

С необыкновенной ловкостью рук он начинает подлавливать высказывания героя и приписывать эти высказывания Бабушкину, т.-е. по переверзевски неграмотно отождествлять героя с автором.

Для рецензента «Книги и революции» характерна и другая более своеобразная «ловкость рук». Рецензент В. С. сознательно искажает Бабушкина, а потом начинает бранить его по-году приписанных им самим Бабушкину — положений.

«На Волге организовалась «коммуна». Автор с беспощадностью описывает времяпровождение этой «коммуны», Зою, похожую на красивую хищную кошку»... и т. д.

Между тем у Бабушкина никакой коммуны нет. Рецензент внушает читателю мысль, будто бы Бабушкин изображает коммуну. Есть толстовствующие интеллигенты, эксплоатирующие труд окрестных крестьян и этих-то интеллигентов, прикрывшихся «коммуной», и разоблачает автор. Действие происходит, примерно, в 22—23 г. в глухом уголке Совдепии, где — по недосмотру местной администрации — существовала эта «коммуна». Но рецензент «Книги и революции» этого нарочно не договаривает и у читателя создается совершенно другое впечатление.

В сущности это литературное мошенничество для того, чтобы сделать свои неверные выводы и внушить их читателю.

В. МИХАЙЛОВ

В ПАРИЖЕ в 19 году

ИЗ РОМАНА „ЧЕРНОЕ ЗОЛОТО“ *

Лисовский надвинул кепку и на ближайшем углу вошел в кафе, где слышались голоса. В табачном дыму за длинными, потемневшими от жира и пива столами, сидело человек тридцать рабочих. Они слушали человека, стоящего спиной к цинковому прилавку. У него было маленькое, круглое лицо, с широко расставленными водянистыми глазами, и взлохмаченные усы. Широчайшие штаны из вельвета плотно перетянуты кумачом. Левая рука обмотана окровавленной марлей. Когда вошел Лисовский, он быстро обернулся. Но ему закричали:

— Эй, Жак, продолжай...

... — Я пошел в контору, я показал это директору Пишо: «Вы размышляете пролетариев за ваших проклятых станках, вы питаете машины нашим мясом, вот как вы добываете ваши денежки, мазурики Пишо». Ха... Он до того надулся, что кровью. — я испугался, чтобы он тут же и не лопнул,—выпятил глаза, как осьминог... — «Послушайте, Жак, несчастный случай произошел по вашей неосторожности, вам оказана бесплатная медицинская помощь, если вас это не удовлетворяет, — идите жаловаться в ваш профсоюз...». — «Где, — я ему говорю, — секретарем ваш двоюродный братец... Я слишком уважаю подошвы моих башмаков, чтобы тратить их понапрасну...» — «Если вы пришли говорить мне дерзости, убирайтесь вон», заревел мазурик Пишо...» — «Возмите-ление, — говорю, — но сначала посмотрим, как вы позволите всем сустеком...». Одним словом, я хотел ему вымазать сюртук моей кровью... Крик, вопли, полиция... Пишо, — как будто на него набросился бешеный волк: — «Возьмите его, это агент Москвы, это большевик». ...Меня волокут из конторы... Ха... Как раз обеденный перерыв, двор полон рабочими. Ого, как они заревели. Тогда я позволил себе высказать полицейским сомнение в целесообразности таскать меня сквозь строй товарищей в префектуру... Полицейские поблагодарили меня за толковый совет и двумя добрыми пинками и в подъезд оттуда меня в заведенную контору... Ха!.. Через пять минут там не осталось ни одного целого окошка... Это уже бунт. Директор вызвал подкрепление... Мы вывалили ворота булыжником и железным ломом... Мы заявили о готовности весело провести время до конца рабочего дня... Заморозить бессемеровские печи, пустить в пальцы холодный рельс... Администрация запросила о переговоры... Мы послали растерзанных ребят на соседние заводы — бить стекла... Начинать, так начинать!..

Жак, не оборачиваясь, взял со стойки стакан белого вина и выпил его в три глотка. Потом, густые ресницы прикрывали веселое бешенство глаз. Володя Лисовский осторожно наблюдал. Из гавриата, серого человек в бистро — больше половины молодежи — слушали Жака с восторгом, — видимо, он был здесь вожаком. Другие, ложные работяги, устные, успокоенные, — со сдержанными усмешками, иные — хмуро.

— Ребяческая игра, — говорил один, качая усами.

— Затевать ссору с хозяином — так уж знай, чего ты хочешь...

— Обломать да извлечь... Да и предлог нужен покрупнее, если уж бастовать...

Вынув, Жак щелкнул языком:

— О ля-ля! Предлог! Не все ли равно... Когда-нибудь да надо же начинать...

— Верно, верно, Жак, — поддакнули молодые, тоная башмаками. — Мы готовы... Начинать, Жак, начинать...

— Тише, мои деточки, помолчите-ка. — грузный, седой человек повернул от стойлика к стойке барчично-румяное лицо. — Жак, ты меня знаешь. Полиция не раз пропускала меня через табак подозрительными наблюдали, в девятьсот восьмом и первый раз на баррикаду на Монмартре... Так вот, я хочу сказать: после войны мы не плохо стали зарабатывать...

— Кто это мы? — закричали молодые. — Говори про себя, не про нас... Старику Шевалье, видно, ударили в голову его три тысячи франков...

Кирпично-седой Шевалье — с добродушной улыбкой:

— У меня, мои, деточки, в наши годы было не менее горячая голова. Заткнись на минуту... Я только хочу спросить Жака, — что начинать, Дедо? — Так я готов... А выплескивать темперамент, колотя заводские стекла, да угрожать на бульвару от конных драгун, — на это вы сейчас немного найдете охотников... Франк падает, мои деточки, это значит — в нам начнут призывать доллары в фунты, и работы всем будет по горло... Поднимать заработную плату, — вот за что мы должны бороться. И мы ее здорово поднимем, чем и ничего не смысле и политике... Выставляйте экономические требования, — это я поддержу. А то — начинать, да начинать... А что начинать?

Подпили и солидные закивали:

— Умно говорит Шевалье.

— Довольно изнуряюще кроил из Франции, но наш век хватило гора, хотим капельку счастья.

Водянистые глаза Жака яростно уперлись в говорившего, торопливо перебегали на другого, под взъерошенными усами — не добрая усмешка. Он опять поднял сведенную в окровавленной марле руку:

— Довольно, мои баранки, — сказал резко, и молодежь три раза стукнула по столам донышками пивных стаканов, — сыкали: мы ваше ма-ма-мо—бо-бо-бэ... В буржуазное стойло проситесь...

У тебя, Шевалье, нам известно, припрятано на лавочку, ты уж и лавочку приемстрел на Батиньоле... Нет, ты вот что нам объясни... В траншеях мы сидели локоть-о-локоть с буржуа, германские пули пробивали кишки и нам и им, не разбирая... По Марне наши трупы плыли вверху задницами во славу Франции (он сжал зубы, и маленькое, как у кошки, лицо собралось морщинами)... Мы пробовали на вкус кровь буржуа, — она пахнет не слаще нашей... Наша-то, может быть, только несомолотее...

— Солопей, солопей, солопей, — двигая стаканами сказали молодые.

— Четыре года нас гоняли с одной бойни на другую... Франция загорожилась нами, как щитом из живого мяса, из дрожащего от ужаса мяса, куда вгоняли штыки, вгоняли пули,—рвали в клочья, сечениями, душили газами, жгли фосфором, ломали танками... О, Шевалье, ты в это время спокойно покуривал трубку у станка на душистом заводе... Тебе хорошо платили... А мы не могли даже сказать: «нам страшно»; за это в тылу встречали кулаками... Ты, наверно, не видел дороги из Шарлеруа, где лежали «пуалю» с дощечками на груди: «Так рука отечества карает бездельника и труса»... Четыре года нас дурачили люди, которых не мы поставили вести войну и распоряжаться нашими жизнями... Нам показывали фотографии с необыкновенной величины дерьма, найденного в немецких траншеях, — чтобы мы охотнее стреляли в свиночек, оставляющую такие следы. К каждому из нас прикрепили в тылу «мамочку», ловкую дамочку, — какие письма они нам писали, разнузданные и облитые слезами: «О, мой дорогой солдатик, спаси нашу дорогую Францию, не бойся умереть, как герой, господь вознаградит тебя страданием»... На письма вкладывали прелестную фотографию «мамочки» — для подъема настроения в траншее... О, до чего ловким народ буржуа! А сколи, Шевалье, если бы немцы разбили нас тогда же, в первый месяц, да заняли Париж, — мы бы проиграли от этого?

— О, бог мой! — возмущенный Шевалье тяжело положил обе ладони на стол. — Проиграть войну немцам! Договорился же ты, Жак...

И Шевалье покосился в сторону Лисовского, в имени за ним поглядели на неизвестного человека у стойки. Жак усмехнулся, перестулил незашнурованными тяжелыми башмаками:

— Ни на десять су мы бы не проиграли! Только не нам, а немецкие они были под Одессой, стрижи у них с русских. — они тебе рассказут об этих варварах с горячей кровью... Русские верхами на конях бросались на наши танки, покуда мы не останавливали их и танка и автоматы, — мы были удивлены, чорт возьми... Некоторые сражаются на телегах, как древние франки... Они едят на завтрак, в обед и ужин — хлеб цвета земли... Вместо вина пьют спирт, который мы употребляем для горения... Многие олеты в лаптях, не покрытые материей, в ботфортах из грязевой коры или валяной шерсти... Ты скажешь, Шевалье, — это просто дикари, сверхварварские тираны?.. Нет, старичек, нет... Они давно уж меня успокоили, если бы их революция была за сытный кусок хлеба... Но этот сытный кусок они с бешенством отдаживают от себя, они хотят чистого хлеба, понял, Шевалье... Эти суровые люди верят со всем неистовством новорожденной веры в неминуемое и близкое освобождение всех трудящихся, угнетенных, эксплуатируемых. Они не продадут свою веру за жирный пфунт... Ты назовешь их безумными? Безумец тот, кто поверх благополучия протягивает руки к последней и единственной справедливости? Ха!.. Посмотрим, кто окажется безумным, — большевики... (он в первый раз произнес это слово, в бистро стало тихо, только пищел газовый рожок)... или ты со своей лавочкой... У них больше практического смысла, чем тебе представляется, Шевалье... Теперь ты понял, наконец, что мы хотим / начать... (Жак облизнул губы, схватил со стойки стакан вина)... Нас, ограбленных, обманутых, одураченных — много, очень много... Мы неорганизованы и распылены... Но в первом же бою мы получим все, чего у нас нет... Нас сформируют битвы и борьба... У Клемансо — тридцать тысяч полицейских и одном Париже, но мы перерезали наших буржуа, вместе с Клемансо, на сто лет... Мы освободили себя от ихной цивилизации... Мы циники... Ха! Мы чисты как новорожденные... Мы деремся, как сам воздух... Нам не хватает суровости, из Парижа слишком сладко тянет... Затыкните носы, ребята! Подтяните пояса! Небольшие суровости! Мы начинаем игру...

Он оскалил и опустил голову, из недолгого стакана лилась струйка вина на опилки. В бистро молчали. У молодых блестели глаза. Шевалье, с усмешкой, постукивал по столу двумя толстыми пальцами:

— Поговорить всегда хорошо, в свое время и мы обсуждали за стаканом вина судьбы человечества, и не менее горячо. На большой разговор всегда больше охотников, чем на малое дело... Только вот, дело-то у нас не пострадает, когда одни в небо тянут слишком круто...

— А ты что же — хочешь, чтобы я тебе сказал день и час, да еще при этом молодчике из Сюрте...

Жак стремительно повернул копчатые лицо к Лисовскому, в широко расставленных глазах была угроза. Володя Лисовский вскочил, и сейчас же несколько молодых поднялись и отали в дверях. Хозяин бистро, мрачный, одноглазый, пять в шрамах, волосатыми руками равномерно перемывал кружки, Лисовский сразу оценил обстановку: влип! На юге России бывали, между прочим, положения и похуже... (Налет махновцев на курьерский поезд, обыск и проверка документов)... Все же, побледневшие губы он закусил в нерешительной усмешке...

— Ну-ну, месье Вопросительный знак, — сказал Жак, — докладывай, зачем является на стойке? Говори правду, как перед смертной казнью. Отсюда, видишь ли, можно уйти, но можно и не уйти совсем...

Несколько голосов предостерегло врал и нетрожко:

— Некоторые исчезают навсегда в каменоломнях под Парижем.

— Я — русский журналист, — сказал Лисовский, засовывая руки в карманы (наглость — лучший наряд при нападении), — в Париже я затем, чтобы именно слушать то, что сегодня сказали, и сообщать моим читателям в России... Большего я вам не могу сказать по весьма понятным причинам...

— А мы сейчас проверим. — Жак кивнул и глубину бистро.—Мишель!.— Оттуда подошел красивый, болезненно-бледный малый, в синей прозодежде, деревянных башмаках и детской соломенной шляпенке. Стал перед Лисовским, он оказался иностранца глазом знатока. Обернувшись к товарищам:

— Несомненно, поляк, хурок или русский. — Затем всей некой подмигнул Лисовскому. — Одесса, русский? Делал революцию... Карашо... Солдатский совет... Очень карашо... Сильная Ленина... Стал большевик... Паф-паф Деникина... Э?..

— Лисовский, напружинясь к его уху:

— Я русский из Москвы... Только молчи, в Париже — конспиративно. Понял?

— Будь покоен, старина. — Мишель хлопнул его по плечу: — Свой... Карашо...

АЛЕКСЕЙ ТОЛСТОЙ

Алексей Толстой

*) Роман печатается в журнале «Новый мир».

НА ПЛЕНУМЕ СЕКРЕТАРИАТА ВОПКП

В клубе ФОСН открылся 21 апреля расширенный пленум секретариата ВОПКП с участием представителей Ленинградского отделения ВОПКП.

На пленуме выступил с докладом вице-президент Сельскохозяйственной академии им. Ленина т. Бурский.

Отмечая необходимость установления самой тесной связи между литературой и наукой, т. Бурский указал ряд возможных конкретных форм контакта Сельскохозяйственной академии с ВОПКП в виде лекций, собеседований и производственных совещаний, имеющих целью ликвидировать техническую и агрономическую неграмотность писателя.

— Все эти мероприятия одинаково важны для ВОПКП и для Сельскохозяйственной академии,— говорит т. Бурский,— ибо если писатели стремятся дать колхознику научно-обоснованную литературу, то научные работники в свою очередь заинтересованы в том, чтобы через посредство литературных произведений широкие массы трудящихся ознакомились с достижениями советской науки. Наука, изолированная от общества, заключенная в свой узкий круг, будет подобна скупому рыцарю; литература должна быть проводником этих богатств в массы.

В заключение т. Бурский выразил уверенность в том, что связь между Сельскохозяйственной академией и ВОПКП послужит залогом широкой пропаганды агрономической науки среди колхозников.

***

Прения по докладу т. Бурского свелись к детализации отдельных моментов. Однако среди писателей вызвал расхождение вопрос о взаимоотношении литературы и науки.

Тт. Ревякин, Острогорский и другие говорили о необходимости известного подчинения колхозных писателей науке,—подчинения, заключающегося в совместной с научными работниками наиболее тематике, проработке выдвинутых тем в соответствующих организациях, с введении контроля над писательской продукцией, вплоть до привлечения научных работников к редколлегиям журналов и сборников.

Другая группы писателей во главе с т. Дорогойченко отстаивала самостоятельность художественной инициативы, говоря, что темы, сюжеты рождаются и «бродят» в голове писателя и лишь техническое их оформление должно быть связано с научными и хозяйственными организациями.

В заключительном слове т. Бурский примирил обе группы писателей, выразив надежду, что взаимоотношения пролетарско-колхозных писателей с сельскохозяйственной наукой будут носить характер делового содружества, которое, не насилуя творческой воли писателя, поможет ему включиться в работу над разрешением актуальнейших практических задач социалистического строительства.

Пленум заслушал доклад представителя Ленинградского отделения ВОПКП Н. Брыкина, отметившего значительный рост Ленинградской организации ОПКП за последние полгода. Успешному росту ЛОПКП особенно способствовали проведение жесткой чистки рядов организации и призыв ударников совхозов и колхозов в литературу.

После отчета Ленинградского отделения были заслушаны доклады тт. Докукина (Северный Кавказ) и Алексеева (МОПКП). По всем трем докладам развернулись оживленные прения.

Вечером 22 апреля на пленуме выступил т. Острогорский с докладом о состоянии пролетарско-колхозной критики.

Е. Г.

„ПУТИНА“
в театре им. ВАХТАНГОВА

Нужная, но не состоятельная попытка Юрия Слезкина переключиться на новую тематику. «Путина»—это впечатление гостя, обожающего море. Смысл съезды может быть передан несколькими восклицаниями.

«Ах, это могучее, привольное, синее море! Эти могучие, привольные, синеглазые рыбаки и особенно рыбачки. Эти смелые характеры, дерзкие речи, озорные выходки, молодецкие затеи!..».

Жестокий первобытный труд, дикий быт, где мужество и пренебрежение — единственный вид культурного отдыха, все то, с чем успешно борется советская власть, выилось из пьесы Юрия Слезкина. Нелепое бормотание о правом и левом уклонах заменяет классовую борьбу. Какая там борьба. Какой был и труд! «Ведь—море!»—восторженно восклицает в ответ автор. «Это могучее, привольное синее море, эти могучие и т. д..».

Дикий дедовский обычай бросать хора из проруби в прорубь служит Юр. Слезкину для раскраски его романтической картины. Сам хор—Жора Долба, ищущий опасностей, презирающий смерть, вожак и вдохновитель всяких дерзких и опасных авантюр, поднят на пьедестал героя, хотя Слезкин делает попытку развенчать его. Главный герой—это Настя, основной носитель авторской идеи—идеи сильной личности. Жора и Настя—люди широких жестов, могучих порывов, гордых стремлений. Для того чтобы подчеркнуть это, выведен рыбак-колхозник Смола. Он, так сказать, практик—хозяйственный, подозрительный, расчетливый, осторожный середняк, а вообще мелочная, без какого бы то ни было размаха, натура.

РИС. ЕЛЕНЫ КЛЕМИН

«Путина».
Горюнов - Иван Очередок

Вот как говорит о нем Долба, а автор и Настя благожелательно слушают:

«Хозяйчик твой Смола — середняк. Ты в силу его поверила, а он и в колхоз пошел, как в свою клеловую... Где ему шире эту видеть? Где ему тебя удивить? Нет, Настя, мы с тобой другого ищем, мы с тобой...». Настя восторженно перебивает: «Жалые оба...» Настя в страстных и страшных обличениях душит Жору, и вся ее любовь к Смоле, в котором, ей казалось, есть сила, улетучивается. Настоящая сила оказывается в Жоре. Автор это явное заблуждение поддерживает.

«Путина» написана антихудожественно. Апофеоз канцелярской, бюрократической скуки. Действующие лица—персонажи в рыбьих стеганых нашивках, делопроизводители, писари, чиновники, уныло перетасовывающиеся у себя в канцелярии. Вместо конторского стола—баркас. Вместо чернильницы—море.

Для оживления своих мертвецов автор заставляет их смеяться. Чуть-что—смех, хохот, гомерический хохот. Скажет рыбак, что хороший день и—смеется. Скажет, что плохой—хохочет; скажет, что ни то, ни се — умирает от смеха. Рыбацкая толпа и вероятно, оказывается, смешлива. Жизнерадостные люди, спора нет, любят смеяться, но, в ответ на шутки, скажем, на крепко промолвленные рыбацкие шутки. Автор их, видимо, не слышал, а если слышал, то не сумел воспроизвести и предложил свой вариант, от которого рыбаки-актеры, если я смеюсь, то зритель мрачнеет и недоумевает.

Конечно, только в таком идеологическом вакуе пьеса врид-ли увидела бы свет. Поэтому автор пьесу «политизировал».

Жора Долба превращается в... вечного заглбника. Он кидает за такой дерзкий, такой стремительный. Он, например, в конце пьесы вместе с бригадой рыбаков отбирает рыбу у соседнего колхоза. Эта хулиганская выходка названа левым загибом. Если уж судить по внешнему сходству, как это делает Слезкин, выходку следует скорей назвать «правым уклоном». Но автор не ставит на своем. Жору Долбу отдают под суд, и таким образом левый загиб наказан, что и требовалось показать. Есть и правый уклон: один из колхозников, Бизяев, крадет и прячет колхозную рыбу. Это уголовное преступление названо правым уклоном. Бизяев, вероятно, пойдет под суд. Следовательно, и правый уклон наказан.

Ликвидировав оба уклона, автор приводит обратно в колхоз Смолу, и таким образом, торжествует генеральная линия. Эта «политическая идея», к счастью, шита белыми нитками и почти не воспринимается.

Не воспринимается—скажу—идея самого автора. Врид ли! В таком она подвесена умерщвляюще-усыпляющем виде. Зритель не уходит только потому, что сидит в Театре им. Вахтангова. Что касается Театра им. Вахтангова... Знаками недоумения по его адресу заканчиваем рецензию о «Путине».

Ю. ЮЗОВСКИЙ

ЗА РАЗВЕРНУТУЮ САМОКРИТИКУ
ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

Новые обстоятельства вынуждают меня добавить к письму ряда моих товарищей следующее:

Редакция Е. Тагера по поводу «стоиков» журналов была искусственным образом назвала «Вечр. Москвой». Редакция придала ей тот «иносказательный» тон осуждения наших «стоиков» журналов, какой справедливо вызвал отпор у наших товарищей. Письмо отдалает выступление самой редакции «Вечр. Москвы» (в передовой) от решения за подписью Е. Тагера, обрушился на последнего всю тяжесть обвинения (в жестко-бульварном тоне, недобросовестном использовании материала и т. п.). Мы считаем, что все обвинения, адресованные к т. Тагеру, должны быть теперь в наибольшей мере перенесены и редакцию, ударяя «иносказаний» редакции без ведома ее автора. Мы считаем своевременным поставить более решительно вопрос о четкости и без согласования с автором поддержать текст такой редакционной правки, когда меняется даже самый смысл текста.

С другой стороны, мы не хотели бы, чтобы выступление наших товарищей создало впечатление перегиба в обратную сторону. А именно выступление вообще против всех критических решений в «Вечр. Москве», вообще в защиту «стоиков» журналов от всяких нападок. При всех их качествах грубейших ошибок нельзя советской газете «Вечерней Москве» адресовать такое обвинение, что все ее решения должны по защите «культуры, нравы молодежи». Критический отдел «Вечерней Москвы» часто правильно ориентирует о классовом враждебных «стоиках» и часто правильно ставит вопрос о качестве продукции. Есть ряд правильных замечаний даже в течение я о «стоиках» журналах. В частности, мы считаем правильной отрицательную оценку произведения Б. Зозули «Поэма о Днепрострое». И вообще неверно «министрировать» всех от критики «Вечерней Москвы».

В продолжение многих лет наши «стоиках» журналы в отличие от всей литературы за малыми исключениями не были объектом критики. Это поставило их в несколько изолированное положение от идеологической борьбы, которая шла на литературном фронте. Товарищеская, но жесткая критика должна помочь перестроиться и «стоикам» журналам. Поэтому, настаивая на таком мы хотим обратить внимание литературной общественности на эту сторону дела. Совершенно правильно борясь на высокий уровень и серьезный тон марксистской критики, мы должны ставить этот вопрос во всем объеме. Энергия и авторитет рады наших товарищей-писателей в силу стечения обстоятельств оказались мобилизованными лишь против редактора т. Тагера, который тем более, как оказалось, вовсе и не первым поднялся в том, что признали только ему. Мы поддержим почин инициативу товарищей за выправление критического отдела «Вечерней Москвы» и сторону углубления и полезной остроты критики, но мы считаем, что не должен быть уделен другой важный вопрос о необходимости развернутой критики «стоиков» журналов.

Вс. Иванов, Л. Багрицкий, Федор Гладков, М. Голодный, Андр. Платонов, Вл. Луговской, П. Парфенов, Л. Никулин, Б. Пастернак, Г. Корнеев, П. Асеев, К. Зелинский, А. Митрофанов.

***

К № 30 «Литературной газеты» по поводу моей статьи о тонких журналах, напечатанной в «Вечерней Москве», появились два письма в редакцию, подписанные литераторами имеющих ряда советских писателей. В этих письмах предъявляются мне более, чем тяжкие обвинения: в вымороченной недобросовестности, халтуре и даже бульварщине.

В связи с этим считаю необходимым сообщить следующее:

К сожалению, редакция «Вечерней Москвы», без моего ведома и согласия изменив некоторые места статьи и сократив ее почти на треть, тем самым придала моей рецензии тон неблагожелательный, а местами показала и самый смысл ее.

Заглавие рецензии: «Внимание тонкому журналу» заменено резким заголовком: «Легкое отдых» и проч., с содержанием которых я решительно не согласен.

Редакция опустила мое указание, что я ограничиваю свой обзор двадцатью и фактически имел в виду номера журналов (к пяти было присоединено лишь одно мартовский номер «Прожектора»). Может быть этого материала и недостаточно для критики тонких журналов, но я мог писать лишь по тем материалам, которые имел в руках.

Исключение моих оценок шло следующим образом. Я писал: «Очерк «злободневный», чрезвычайно голый занимательностью», «количественно материала, все решительно изгоняется из обихода тонких журналов». В рассматриваемых нами январских и февральских номерах лишь «Красная нива» до известной степени хранит некоторой «нейтральностью» в очерках о далеком Севере».

Редакция «Вечерней Москвы» переделывает: «Очерк «злободневный»... и т. д.» до сих пор еще не нашел на обихода тонких журналов», в заголовках появляется уже такое заявление: «злободневность, халтура, «халтика» — нередкие гости тонких журналов», — что явно противоречит моему утверждению.

С другой стороны, ряд моих замечаний о недостаточных сторонах тонких журналов оказался выпущенным редакцией «Вечерней Москвы».

Так, я указывал на гибкость и злободневность «кодексистов», откликающихся и специальных статьях на события политической и хозяйственной жизни СССР и зарубежных стран; отмечал немногость очерков «Прожектора», рисующих жизнь пролетариата Запада; я писал далее: «Основная задача, стоящая перед очерками, состоит в выявлении «зуду» того журнала, это расскажет читателю о героической борьбе за социализм, ведущейся во всех концах Союза, причем рассказать так, чтобы мобилизовать читателя прежде и приключения на эту борьбу. И с этой задачей они, нужно признать, справляются».

Но и в том урезанном виде, в каком появилась статья, она не дает повода для таких оскорбительных нападок, которые сделаны в письмах в редакцию «Литературной газеты» и которые извращают прямой смысл моей рецензии.

Первый же абзац рецензии говорит, что «критика к действию», показ социалистического строительства, соревнования и ударничества находится сравнимых тонких журналов. Таким образом можно после этого объявить, что я «замалчиваю» замечательный очерк, изображающий борьбу за индустрию и социалистическое строительство.

Мои слова о том, что в тонких журналах нет очерков, рисующих эпизоды классовой борьбы, произвольно вырваны из контекста и объявлены «замалчиванием» их читателем и осведомленностью, между тем, несмотря на сильное неоправданное сокращение этого места статьи, нарушившее общий ход мысли, — для каждого непредубежденного читателя ясно, что речь идет не о содержании очерка а о его месте. Я отнюдь не отрицаю факта упоминания о классовой борьбе, я говорю лишь, что классовая борьба не показана во всей ее конкретности, не разработана, как живая социально-психологическая фигура.

Мои оценки почему Зозули квалифицируется авторами письма, как «отсутствие» и «ложь». Но ведь утверждение и готов отстаивать это мнение и любом месте, что «Поэма о Днепрострое» является в смысловой стороне недостаточным в художественном отношении и крайне превзойденным произведением. Смею думать, что в своем мнении я не одинок.

В заключение несколько слов об отрывках из повести Лешина, единственном «Я ее люблю, и она меня любит». И признаю свою ошибку в том, что, по будучи знаком с повестью в целом, дал чрезмерно резкую оценку данного отрывка.

Не упрек в том, что я вырываю из литературного хозяйства Лешина «очень симпатичного» по справедливости относится к редакция «Огонька», помещающей именно ему «стоиков». И пусть читатель из библиографического материала шести номеров журнала не находит почти ничего, кроме данной главы, сожалею, по крайней мере, не считаюсь детальной, ее вправе расценить это, как минус в работе литературно-художественного отдела «Огонька».

ЕВГ. ТАГЕР

С. Ф. АНИКАНОВ

22 апреля, в 5 часов утра умер старейший крестьянский писатель С. Ф. АНИКАНОВ.

Покойный до 30 лет крестьянствовал в деревне, а потом был рабочим на табачной фабрике в Москве. Грамоте научился самоучкой. Писать начал в сорокалетнем возрасте и первые стихи свои напечатал в 1883 году в сборнике «В поисках света». После этого он печатался во многих провинциальных и столичных изданиях. Особенно интенсивную деятельность он проявил после Октябрьской революции, с первых же дней ее принял активное участие в строительстве республики.

Умер он на 78 году жизни. П. Т.

Календарь работы клуба ФОСН

24 апреля -20 ч. Вечер арфы заслуженной артистки республики К. А. Эрдели. Вступительное слово—проф. С. А. Бобуславский.

24 апреля—19 ч. Общегородское собрание ветеранистов.

24 апреля -20 ч. С. Г. Д. Читка обозрения тов. Галицкого «Кит да вал».

24 апреля -18 ч. Ознакомительное собрание членов туристического.

25 апреля—19 ч. Прощальные экскурсии в Тех-Мастерскую ФОСН.

25 апреля—20 ч. Перерыв.

25 апреля—19 ч. Белорусская секция МАПП.

26 апреля—19 ч. Кружок переводчиков. Рук. РОММ.

26 апреля -18 ч. Кружок «Бомбайя».

26 апреля—19 ч. МОПКП. Доклад тов. Остроговского «Творческие пути пролетарско-колхозной литературы».

26 апреля—19 ч. Заседание правления клуба.

26 апреля -19 ч. Кружок переводчиков. Рук. Шершевский.

26 апреля—19 ч. Заседание био-библиографического кабинета.

27 апреля—20 ч. 20 м. Творческий вечер. Илья Сельвинский читает поэму «Электрозаводская газета».

27 апреля -20 ч. Литературные субботники.

27 апреля—20 ч. Кружок переводчиков. Рук. Гаврилевский.

28 апреля -20 ч. Кружок переводчиков. Рук. Д. С. Усов.

ИЗВЕЩЕНИЯ

— 24 апреля, в 16 ч., в помещении МАПП (ул. Воровского, 52) —заседание приемной комиссии секретариата МАПП. Вызваны вместе: тт. Полонский, Соболев (ЧИЯ), Дудко, Ефимов, Конрад, Мильдеева, Россовский (Ветеринарный), Ульянинцев, Афанасьева, Марцинкевич, Матвеева.

— 24 апреля, в 19 ч. — в клубе поэзии литературы и искусства народов СССР в помещении Коммунистической Академии. Доклад т. Фельдмана «О решении ЦК ВКП(б) о Комакадемии и о задачах секции на фронте литературы и искусства народов СССР».

— 22 апреля, в 19 ч. 30 м. — тов. Аксенова-Сокович. Доклад т. Афиногенова о решении ЦК ВКП(б) и о задачах института ЛИЯ на театральном фронте.

— 21 апреля, в 19 ч. институт ЛИЯ (Волхонка, 14, комната 21) устраивает второй вечер: «Задачи ПЭО в связи с решением ЦК ВКП(б) о плакате».

— 25 апреля, в 18 ч., в клубе ФОСН—инструктивный доклад Канавина: «Творческий путь Горького».

— 26 апреля, в 19 ч. -институт ЛИЯ с областным комсомолом (Мясницкая, 41) организует диспут: «Надежда и перспективы в пролетарской литературе».

— 26 апреля, в 19 ч.—в ГИХЛ (Никольская, 10) второе совещание по вопросу литературной консультации.

— 26 апреля, в 19 ч.—в клубе ФОСН — расширенное заседание политического сектора писательской смены.

— 27 апреля, в 18 ч.—в помещении МАПП —совещание кружководов районо МАПП групп и отсутствующих в мае текущего года.

— 28 апреля, в 17 ч.—в клубе 7 типографии (Арбат, Филипповский, 11)—конференция литкружков Фрунзенского района.

— 28 апреля, в 19 ч.—в Комакадемии — вечер: «Фашистская литература и критика Германии, Франции, Америки, Польши». Ветеринь.

ПОПРАВКА

В № 21 «Лит. газ.» ошибочно напечатано, что т. Серафимовичу внесен в секретариат МАПП, должно было быть напечатано: РАПП.

Ответственный редактор: С. ДИНАМОВ

РЕДКОЛЛЕГИЯ: Н. Асеев, С. Динамов, И. Жига, Л. Ильинский, И. Катаев, Г. Корнеев, И. Огнев, А. Селивановский, И. Сельвинский, М. Слонимский

ИЗДАТЕЛЬ: Акционерное Изд. О-во «Огонек».

МОСКОВСКОЕ ТОВАРИЩЕСТВО ПИСАТЕЛЕЙ
Москва, Цветной, Воздушный, 11, Тел. 4-21-19.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Вышли из печати:

ГОМАНОВ, В. — Гольюк, стр. 200, ц. 1 р. 50 к.
ОДОЕВ, И. — Полный ход, стр. 160, цена 1 р. 30 к.
ШИЛОВ, С. — И байгуле надо, стр. 240, ц. 1 р. 60 к.
ГУЛОК-БРЕМЕЛЕВ, К. — Донбасс героический, стр. 200, ц. 1 р.
СИЗОВ и КОЛЬЦОВ. — Город энтузиастов, стр. 196, ц. 1 р. 60 к.
ПАРФЕНОВ, П. — Борьба за Дальний Восток, стр. 320, ц. 3 р.
ПЕТРОВ - ГРУМАЙТ, М. — Гранитный корабль, стр. 100, ц. 1 р. 50 к.
БЭЗЕРСКИЙ, М. — Четыре вожжи солнца, стр. 200, ц. 2 р. 10 к.
АРТЕМ ВЕСЕЛЫЙ. — Рассказы, стр. 248, ц. 1 р. 80 к.
ОРЕШИН, П. — Злая жизнь, стр. 240, ц. 2 р. 20 к.
СМИРНОВ, П. — Теплый стан, стр. 250, ц. 2 р.
РОЗИМАН М. — Золотые руки, ц. 20 к.
СУББОТИН, И. — Кружечка, ц. 20 к.
ФИНИХ, Д. — Дикое мясо, стр. 220 ц. 1 р. 60 коп.
СЕЛЬВИНСКИЙ, И. — Стук на стрелке, стр. 150, ц. 1 р. 25 к.
БАЛТАНЕВ, В. — Кому светит солнце, стр. 252, ц. 1 р. 80 к.
ДРУЖИНИН, П. — Золотой конь, стр. 160, ц. 1 р. 50 к.
ПУШКОВ, Ц. — Весна трех, стр. 196, ц. 1 р. 60 к.
РУДИН, Н.—Гилгаш, стр. 198, ц. 1 р. 70 к.
МИКАИДРОВ, И. — Жаркие жатки, стр. 230, ц. 2 р. 50 к.

Находятся в печати.

ЗАВАДОВСКИЙ, Л. — Таежники.
ЖИЛКИН, И. — Ганочка.
ШОЛОХОВ, М. — Лазоревая степь.
НИЛОВОЙ и НЕФЕДОВ. — По майам черноземья.
ПЕРЕГУДОВ, А. — Степь, фабрика, кустари.
ЧИЛОНОЙ, П. — По неезженным путям.
ПАРФЕНОВ, П. — Гражданская война в Сибири.
КРИПТОКОВ, Д. — Младшие братья пролетариата.
ТЕЛЕШЕВ, И. — Литературные воспоминания.
ЗАВАДОВСКИЙ, Л. — Избранные рассказы.
АШУКИН, Н. — Литературная мозаика.

Готовятся к печати:

ПЕТРОВ-ГРУМАЙТ, М. — Соловой крытые фабрики.
ИЛЬЧЕНКОВ, А. — Вирок.
БЭЗЕРСКИЙ, М. — Самоеды.
ПРАВДУХИН, В. — Годы, тропы, ружье.
СИВАЧЕВ, М. — Прокрустово ложе.

Высылаются по первому требованию наложенным платежом
Каталог изданий за 10-ти коп. марку

НА ФАБРИКАХ КНИГИ

В газ. «Федерация» в мае выйдут следующие книги: Я. АРУШКИН пьесы «Парашютные» и «Под якорем»; А. БЕРЕСТИНСКИЙ и Д. ФИВИХ «Зимний ключ» (пьеса); С. БУДАНЦЕВ «Повесть о страшных днях» (сборник рассказов); ВИЛЕНСКИЙ-СИБИРЯКОВ «Партизан Колчак» (повесть из эпохи гражданской войны); П. ВЯЧЕСЛАВОВ «Кронель» (стихи); М. ГРИНЕВА «Город, слушай» (пьеса); Л. ГРОССМАН «Записки Д'Артаньяка» (второе издание); Н. ГУМИЛЕВСКИЙ «Голиаферы» (молодежная повесть); Н. ДЕМИДОВ «Жизнь Ивана» (седьмое издание); В. ДЯБИН «Инструктору смерти» (повесть из времен гражданской войны) и третье массовое издание книги «Забулунный край»; Б. ЕФИМОВ Поэтические раскуски; И. ЖИГА «Дума работих» (очерки); М. ЗАЛКА «Первый, второй, третий» (очерки из истории трех интернационалов); А. ЗОРИЧ «Советская Качала» (очерки о Сибири); М. ИРУАН «Подольская Галиция» (пьеса); М. КОЛЬЦОВ «Девять точек» (второе издание); С. ОЛЕНДЕР «Заповедник» (стихи); А. ПАНЧЕНКО и ШИЛЬТ «Мобилизационные стройки» (сборник стихов); Л. СВЕРЧКОВ «Чужой» (роман о 1905 годе); А. СЕРАФИМОВИЧ (новый том полного собрания сочинений); СЛАТЬОН «1917 год» (пьеса); Л. СТОЛОВ «Повесть об Алтае» (второе издание); А. ТАЙРИН «Японские силуэты» (очерки о Японии); Л. ТИМОФЕЕВ «Проблемы стихосложения»; П. ТОДИЙ «Вечный лог» (пьеса); С. ЮРГОВ «Наследие сегодня» (драма); Е. ЯНОВСКИЙ «Ярость» (пьеса).

***

* Правление ОГИЗ поступило сообщение Арт. Халатова об издании в ГИХЛ для массового читателя «Истории гражданской войны». Объем издания утвержден ОГИЗ в 150 листов (10 выпусков по 15 листов), с тиражом в 500.000 экземпляров.

* В связи с итогами всесоюзной конференции по детской литературе правление ОГИЗ обратилось к секретариату РАПП с просьбой заслушать доклад издательства «Молодая гвардия» для привлечения внимания пролетарских писателей к вопросам детской книги.

* Правление ОГИЗ констатировало, что массовая работа в ГИХЛ и Сельхозгизе не достаточно развернута. Для усиления ежедневно-журнальных аппаратов издательств и расширения читательских масс правление ОГИЗ прикрепляет основной кадр редакторов к крупнейшим предприятиям и колхозам, освобождая для этой цели редакторов на 3—4 дня в месяц от текущей работы.

В МОСКОВСКОМ ТОВАРИЩЕСТВЕ ПИСАТЕЛЕЙ

В новый состав правления Московского Товарищества Писателей избраны: И. Вольнов-Ярцев (председатель), И. Гриценский, К. Соболь-Стрехов, М. Розанов, Арт. Веселый, Парфенов, Н. Н. Смирнов и кандидатами: В. Вересаев и Д. Крыптонов. Почетным председателем правления МТП избран Максим Горький.

В помещенной в прошлом номере заметке об общем собрании МТП вкрался ряд неточностей. В частности, вопрос о ликвидации МТП на собрании не ставили.

В ближайшее время «Л. Г.» даст подробное освещение положения в МТП.

***

В № 20 «Литературной газеты» по поводу моей статьи о тонких журналах, напечатанной в «Вечерней Москве», появились два письма в редакцию, подписанные литераторами имеющих ряда советских писателей. В этих письмах предъявляются мне более, чем тяжкие обвинения: в вымороченной недобросовестности, халтуре и даже бульварщине.

В связи с этим считаю необходимым сообщить следующее:

К сожалению, редакция «Вечерней Москвы», без моего ведома и согласия изменив некоторые места статьи и сократив ее почти на треть, тем самым придала моей рецензии тон неблагожелательный, а местами показала и самый смысл ее.

Заглавие рецензии: «Внимание тонкому журналу» заменено резким заголовком: «Легкое отдых» и проч., с содержанием которых я решительно не согласен.

Редакция опустила мое указание, что я ограничиваю свой обзор двадцатью и фактически имел в виду номера журналов (к пяти было присоединено лишь одно мартовский номер «Прожектора»). Может быть этого материала и недостаточно для критики тонких журналов, но я мог писать лишь по тем материалам, которые имел в руках.

Исключение моих оценок шло следующим образом. Я писал: «Очерк «злободневный», чрезвычайно голый занимательностью», «количественно материала, все решительно изгоняется из обихода тонких журналов». В рассматриваемых нами январских и февральских номерах лишь «Красная нива» до известной степени хранит некоторой «нейтральностью» в очерках о далеком Севере».

Редакция «Вечерней Москвы» переделывает: «Очерк «злободневный»... и т. д.» до сих пор еще не нашел на обихода тонких журналов», в заголовках появляется уже такое заявление: «злободневность, халтура, «халтика» — нередкие гости тонких журналов», — что явно противоречит моему утверждению.

С другой стороны, ряд моих замечаний о недостаточных сторонах тонких журналов оказался выпущенным редакцией «Вечерней Москвы».

Так, я указывал на гибкость и злободневность «кодексистов», откликающихся и специальных статьях на события политической и хозяйственной жизни СССР и зарубежных стран; отмечал немногость очерков «Прожектора», рисующих жизнь пролетариата Запада; я писал далее: «Основная задача, стоящая перед очерками, состоит в выявлении «зуду» того журнала, это расскажет читателю о героической борьбе за социализм, ведущейся во всех концах Союза, причем рассказать так, чтобы мобилизовать читателя прежде и приключения на эту борьбу. И с этой задачей они, нужно признать, справляются».

Но и в том урезанном виде, в каком появилась статья, она не дает повода для таких оскорбительных нападок, которые сделаны в письмах в редакцию «Литературной газеты» и которые извращают прямой смысл моей рецензии.

Первый же абзац рецензии говорит, что «критика к действию», показ социалистического строительства, соревнования и ударничества находится сравнимых тонких журналов. Таким образом можно после этого объявить, что я «замалчиваю» замечательный очерк, изображающий борьбу за индустрию и социалистическое строительство.

Мои слова о том, что в тонких журналах нет очерков, рисующих эпизоды классовой борьбы, произвольно вырваны из контекста и объявлены «замалчиванием» их читателем и осведомленностью, между тем, несмотря на сильное неоправданное сокращение этого места статьи, нарушившее общий ход мысли, — для каждого непредубежденного читателя ясно, что речь идет не о содержании очерка а о его месте. Я отнюдь не отрицаю факта упоминания о классовой борьбе, я говорю лишь, что классовая борьба не показана во всей ее конкретности, не разработана, как живая социально-психологическая фигура.

Мои оценки почему Зозули квалифицируется авторами письма, как «отсутствие» и «ложь». Но ведь утверждение и готов отстаивать это мнение и любом месте, что «Поэма о Днепрострое» является в смысловой стороне недостаточным в художественном отношении и крайне превзойденным произведением. Смею думать, что в своем мнении я не одинок.

В заключение несколько слов об отрывках из повести Лешина, единственном «Я ее люблю, и она меня любит». И признаю свою ошибку в том, что, по будучи знаком с повестью в целом, дал чрезмерно резкую оценку данного отрывка.

Не упрек в том, что я вырываю из литературного хозяйства Лешина «очень симпатичного» по справедливости относится к редакция «Огонька», помещающей именно ему «стоиков». И пусть читатель из библиографического материала шести номеров журнала не находит почти ничего, кроме данной главы, сожалею, по крайней мере, не считаюсь детальной, ее вправе расценить это, как минус в работе литературно-художественного отдела «Огонька».

ЕВГ. ТАГЕР

МОСКОВСКОЕ ТОВАРИЩЕСТВО ПИСАТЕЛЕЙ
Москва, Цветной, Воздушный, 11, Тел. 4-21-19.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Вышли из печати:

ГОМАНОВ, В. — Гольюк, стр. 200, ц. 1 р. 50 к.
ОДОЕВ, И. — Полный ход, стр. 160, цена 1 р. 30 к.
ШИЛОВ, С. — И байгуле надо, стр. 240, ц. 1 р. 60 к.
ГУЛОК-БРЕМЕЛЕВ, К. — Донбасс героический, стр. 200, ц. 1 р.
СИЗОВ и КОЛЬЦОВ. — Город энтузиастов, стр. 196, ц. 1 р. 60 к.
ПАРФЕНОВ, П. — Борьба за Дальний Восток, стр. 320, ц. 3 р.
ПЕТРОВ - ГРУМАЙТ, М. — Гранитный корабль, стр. 100, ц. 1 р. 50 к.
БЭЗЕРСКИЙ, М. — Четыре вожжи солнца, стр. 200, ц. 2 р. 10 к.
АРТЕМ ВЕСЕЛЫЙ. — Рассказы, стр. 248, ц. 1 р. 80 к.
ОРЕШИН, П. — Злая жизнь, стр. 240, ц. 2 р. 20 к.
СМИРНОВ, П. — Теплый стан, стр. 250, ц. 2 р.
РОЗИМАН М. — Золотые руки, ц. 20 к.
СУББОТИН, И. — Кружечка, ц. 20 к.
ФИНИХ, Д. — Дикое мясо, стр. 220 ц. 1 р. 60 коп.
СЕЛЬВИНСКИЙ, И. — Стук на стрелке, стр. 150, ц. 1 р. 25 к.
БАЛТАНЕВ, В. — Кому светит солнце, стр. 252, ц. 1 р. 80 к.
ДРУЖИНИН, П. — Золотой конь, стр. 160, ц. 1 р. 50 к.
ПУШКОВ, Ц. — Весна трех, стр. 196, ц. 1 р. 60 к.
РУДИН, Н.—Гилгаш, стр. 198, ц. 1 р. 70 к.
МИКАИДРОВ, И. — Жаркие жатки, стр. 230, ц. 2 р. 50 к.

Находятся в печати.

ЗАВАДОВСКИЙ, Л. — Таежники.
ЖИЛКИН, И. — Ганочка.
ШОЛОХОВ, М. — Лазоревая степь.
НИЛОВОЙ и НЕФЕДОВ. — По майам черноземья.
ПЕРЕГУДОВ, А. — Степь, фабрика, кустари.
ЧИЛОНОЙ, П. — По неезженным путям.
ПАРФЕНОВ, П. — Гражданская война в Сибири.
КРИПТОКОВ, Д. — Младшие братья пролетариата.
ТЕЛЕШЕВ, И. — Литературные воспоминания.
ЗАВАДОВСКИЙ, Л. — Избранные рассказы.
АШУКИН, Н. — Литературная мозаика.

Готовятся к печати:

ПЕТРОВ-ГРУМАЙТ, М. — Соловой крытые фабрики.
ИЛЬЧЕНКОВ, А. — Вирок.
БЭЗЕРСКИЙ, М. — Самоеды.
ПРАВДУХИН, В. — Годы, тропы, ружье.
СИВАЧЕВ, М. — Прокрустово ложе.

Высылаются по первому требованию наложенным платежом
Каталог изданий за 10-ти коп. марку

ГИХЛ КНИГОЦЕНТР

НОВЫЕ КНИГИ

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА

ГИТОВИЧ А. Мы входим в Пишпек. Стихи. (ЛАПП. Современная пролетарская литература). Стр. 64. Ц. 85 к., в пер. 1 р. 5 к.
ИНГЕ, Ю. Эпоха. Стихи. (ЛАПП. Современная русская литература). Стр. 72. Ц. 90 к., в пер. 1 р. 10 к.
КУДРЕЙКО А. Сердце мира. (РАПП. Новинки пролетарской литературы). Стр. 63. Ц. 80 к., в пер. 1 р. 15 к.
ВИНОГРАДОВ В. Линия наибольшего сопротивления. Предисловие М. Майзеля. (ЛАПП. Современная пролет. литература. Стр. 167. Ц. 1 р. 20 к.
ЗУБИЛИН Н. Чугунные всходы. Рассказы. (ЛАПП. Современная пролетарская литература). Стр. 200. Ц. 1 р. 75 к.
КАРАВАЕВА А. Собрание сочинений. Том V. Глухая масть. Рассказы. Стр. 275. Ц. 2 р. 10 к., в пер. 2 р. 35 к.
ТРАВЕН Б. Сборщики хмеля. Перев. с нем. Э. Грейнер-Генк. Стр. 191. Ц. 1 р. 40 к.

ПЕРЕИЗДАНИЯ

ПРИШВИН М. Собрание сочинений. Том IV. От земля и городов. Изд. 2-е. Стр. 360. Ц. 2 р. 30 коп., в пер. 2 р. 50 к.
ГАШЕК Я. Приключения бравого солдата Швейка. Перевод Г. А. Зуккау. Часть 2. С рисунками в тексте. Изд. 3-е. Стр. 279. Ц. 1 р. 30 к.
ГАШЕК Я. Приключения бравого солдата Швейка. Перевод А. Г. и Г. А. Зуккау. Часть 3. С рисунками в тексте. Изд. 3-е. Стр. 275. Ц. 1 р. 30 к.

Изд. «АКАДЕМИЯ»

МЕМУАРЫ

ДАВЫДОВ В. Н. Рассказ о прошлом. Записи, воспоминания и примечания А. М. Брянского. Предисловие Э. Бескина. (Памятники театрального быта). Стр. 176+1 портр. Ц. 4 р., в пер. 4 р. 30 к.

С заказами обращаться в магазины и отделения КНИГОЦЕНТРА и в „КООПКНИГИ“

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ФЕДЕРАЦИИ ОБЪЕДИНЕНИЙ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

ВЫХОДИТ КАЖДЫЕ 5 ДНЕЙ

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:
12 мес. . . 3 руб. 50 коп.
6 мес. . . 1 руб. 75 коп.
1 мес. . . 90 коп.

ПОДПИСКУ СДАВАТЬ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО НА ПОЧТУ

ПОДПИСКА НА КОМПЛЕКТЫ „ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ“ ЗА ЯНВАРЬ, ФЕВРАЛЬ, МАРТ НЕ ПРИНИМАЕТСЯ

АКЦ. ИЗД. ОБ-ВО „ОГОНЕК“ — МОСКВА

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ СОЮЗКИНО-ТЕАТР
Арбатск. пл. Т. 1-67-95
ЕЖЕДНЕВНО БОЛЬШАЯ ЗВУКОВАЯ КАРТИНА

ОДИН ИЗ МНОГИХ

Производство Союзкино. Автор-режиссер И. КОПАЛИН

Сверх перечисленных новые ретушированные звуковые фильмы

Начало сеансов с 12

ДА ЗДРАВСТВУЕТ 1 МАЯ — БОЕВОЙ СМОТР РЕВОЛЮЦИОННЫХ СИЛ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРОЛЕТАРИАТА!

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Орган Федерации Об'единений Советских Писателей РСФСР

МОСКВА 29 АПРЕЛЯ 1931 г. № 23 (122)

РЕДАКЦИЯ: Тверской бульвар, 25, Дом Герцена. Тлф. 2.80.12

ДЕНЬ ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОЙ ПЕРЕКЛИЧКИ И ТВОРЧЕСКОЙ МОБИЛИЗАЦИИ

«Громадным утесом стоит наша страна, окруженная ОКЕАНОМ БУРЖУАЗНЫХ ГОСУДАРСТВ. ВОЛНЫ ЗА ВОЛНАМИ КАТЯТСЯ НА НЕЕ, ГРОЗЯ ЗАТОПИТЬ И РАЗМЫТЬ. А УТЕС ВСЕ ДЕРЖИТСЯ НЕЗЫБЛЕМО. В ЧЕМ ЕГО СИЛА? НЕ ТОЛЬКО В ТОМ, ЧТО СТРАНА НАША ДЕРЖИТСЯ НА СОЮЗЕ РАБОЧИХ И КРЕСТЬЯН, ЧТО ОНА ОЛИЦЕТВОРЯЕТ СОЮЗ СВОБОДНЫХ НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ, ЧТО ЕЕ ЗАЩИЩАЕТ МОГУЧАЯ РУКА КРАСНОЙ АРМИИ И КРАСНОГО ФЛОТА. СИЛА НАШЕЙ СТРАНЫ, ЕЕ КРЕПОСТЬ, ЕЕ ПРОЧНОСТЬ СОСТОИТ В ТОМ, ЧТО ОНА ИМЕЕТ ГЛУБОКОЕ СОЧУВСТВИЕ И НЕРУШИМУЮ ПОДДЕРЖКУ В СЕРДЦАХ РАБОЧИХ И КРЕСТЬЯН ВСЕГО МИРА» (СТАЛИН).

Мир строящегося социализма ПРОТИВОПОСТАВЛЕН одряхлевшему миру загнивающего и умирающего капитализма. Рабочий класс Советского союза вырос, окреп и закалился как авангард, как ударная бригада международного пролетариата. Свои международные обязательства ленинская страна не только выполняет, но и перевыполняет, демонстрируя это перед всем миром.

Мы заканчиваем в текущем году построение фундамента социалистической экономики. Мы ясно видим уже очертания самого здания социализма. Мы ВСТУПИЛИ В ПЕРИОД СОЦИАЛИЗМА. Мы полностью ликвидировали безработицу. Мы выполняем пятилетку в 4 года, а-з ряде важнейших отраслей (нефтяная промышленность и др.) пятилетний план уже осуществлен в 2½ года. Мы встречаем 1 Мая 1931 г. под знаменем развернутого социалистического наступления, под знаком ликвидации кулачества как класса на основе сплошной коллективизации.

Рабочий класс Советского союза провозглашает величайшего исторического значения лозунг: «В БЛИЖАЙШЕЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ ДОГНАТЬ И ПЕРЕГНАТЬ ПЕРЕДОВЫЕ В ТЕХНИКО-ЭКОНОМИЧЕСКОМ ОТНОШЕНИИ КАПИТАЛИСТИЧЕСКИЕ СТРАНЫ» (СТАЛИН).

Этот лозунг является ярчайшим показателем РАСТУЩЕЙ МОЩИ первого в мире рабочего государства. Для пролетариата Советского союза первомайский праздник нынешнего года является величием ТОРЖЕСТВОМ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА, ПРАЗДНИКОМ ОСВОБОЖДЕННОГО, СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ТРУДА, СМОТРОМ УДАРНЫХ ДОСТИЖЕНИЙ, ТВОРЧЕСКОГО ПОДЪЕМА И ЭНТУЗИАЗМА МАСС, ШТУРМУЮЩИХ ПРЕГРАДЫ ПЯТИЛЕТКИ.

1 Мая для международного пролетариата есть день революционной борьбы за свержение империализма, за уничтожение капиталистического рабства, против нарастающей опасности новых империалистических войн, в защиту СССР — родины международного пролетариата.

Капиталистический мир переживает период небывалого промышленного и аграрного кризиса. Растущий на основе общего кризиса капитализма мировой экономический кризис УСИЛИЛ И ОБОСТРИЛ все противоречия капитализма. Все явственней назревают предпосылки революционного кризиса. Зарываясь в тисках противоречий, буржуазия при поддержке международной социал-демократии, прасых и «левых» ренегатов, открыто переходит к фашистской диктатуре, пытаясь найти выход в подготовке новой империалистической войны, в новой интервенции против СССР.

Опасность интервенции против СССР усиливается. Вот почему лозунг защиты СССР выступает сегодня как центральный, актуальнейший боевой лозунг первомайских выступлений рабочего класса.

Пролетарская литература и искусство встречают день 1 Мая с огромными достижениями и еще более грандиозными задачами.

Мы добились крупнейших успехов на фронте борьбы за пролетарскую культуру. Перед нами гигантская задача — разработка нового ЛЕНИНСКОГО ЭТАПА в области литературоведения и критики, в области искусства. Овладение ленинским наследством придает особую важность КРИТИЧЕСКОМУ ПЕРЕСМОТРУ ПЛЕХАНОВСКОГО НАСЛЕДСТВА в свете его философских ошибок и политического меньшевизма. На основе развертывания большевистской самокритики надо разоблачать влияние деборинизма, вскрыть и уничтожить идеологию меньшевиствующего идеализма в области литературы и искусства.

День 1 Мая должен превратиться в боевую интернациональную перекличку международной пролетарской и революционной литературы, должен стать днем усиления мобилизации творческих сил на художественное отображение великой социалистической стройки в СССР и ее значения для международного пролетариата.

День 1 Мая должен стать сигналом к всемерному усилению далеко еще недостаточно развернутой ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОЙ РАБОТЫ И СВЯЗИ ПИСАТЕЛЬСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ.

Слаба и недостаточна помощь литературе и искусству братских народностей СССР. А это — одна из главнейших задач в плане национальной политики партии и интернациональной работы литературных организаций.

Вступление нашей страны в период социализма создает необходимые предпосылки для осуществления пролетарской литературой гегемонии в кратчайшие исторические сроки. Однако отставание пролетарской литературы и искусства от задач развернутого социалистического наступления далеко еще не преодолено. В борьбе за художественное качество пролетлитературы, за повышение ее идейно-политического уровня, за большевистскую партийность в литературе и искусстве, работникам пролетискусства необходимо неизмеримо шире, неизмеримо глубже включиться в повседневную практику социалистического строительства и классовой борьбы пролетариата. Необходимо всемерно расширить и разнообразить практику участия писателей, художников, литераторов — работников искусства в проведении важнейших хозяйственно-политических кампаний, «борясь в первую очередь с предрассудками барства, с правооппортунистической недооценкой этой важнейшей формы писательской работы, а также с опошляющей ее «тево»-фразерской рекламной шумихой» (из резолюции пленума правления РАПП по докладу т. Авербаха).

Тысячи ударников из рабочих и колхозников влились в литературу. Это является одним из величайших достижений пролетарского искусства. Поворот лицом к ударнику, освещение их творческого опыта, больше внимания новой пролетарской литературной среде — все это в день 1 Мая надо напомнить как ведущую задачу, на основе успешного и углубленного решения которой только и возможен дальнейший художественный расцвет как творчества ударников, так и всего пролетарского искусства вообще».

Лишь на основе непримиримой борьбы за генеральную линию партии, на основе развернутой большевистской самокритики возможно дальнейшее движение вперед, к новым успехам, к новым победам.

Первомайский привет работникам пролетарского искусства!

ЗА НОВЫЙ ТИП ПИСАТЕЛЯ УДАРНИКА СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ СТРОЙКИ

ПИСАТЕЛИ — НА КРУПНЕЙШИЕ СТРОЙКИ СССР. ТВОРЧЕСКУЮ ЭНЕРГИЮ — ТЕМАМ ПЯТИЛЕТКИ

Лозунг овладения техникой и включения писательских сил в работу наших крупнейших строительств получает сейчас практическое разрешение. В этом отношении большую роль сыграла декадная поездка ФОСП, бригады ответственных руководящих работников центральных советских, хозяйственных и планирующих органов правления со стороны писателей большой интерес к актуальнейшим вопросам практики социалистического строительства. Уже сейчас 20 писателей заявили желание поехать на строительства, в частности на Урало-Кузбасс.

Показательно, что большинство писателей ставит вопрос о продолжительном пребывании на строительстве, чтобы ознакомиться с ним основательно и детально его изучить.

В деле организации и планирования писательских поездок Госплан СССР показывает образцы литорганизациям. Уже через несколько дней после экспедиции ФОСП, в которой принял участие т. Е. И. Ломов, Госплан СССР разработал план писательских поездок на восемь крупнейших строительств СССР.

Придавая большое значение работе писателей на строительствах, Госплан СССР провел совещ. по инициативе ФОСП, специальное совещание с писателями под председательством Е. И. Ломова. Эта вторая встреча писателей с руководителями Госплана СССР носила уже конкретно-деловой характер и была посвящена обсуждению плана и сроков писательских поездок и методу их работы на местах.

Тов. Ломов кратко охарактеризовал основные особенности весьма крупнейших строительств, куда писатели должны будут в ближайшее время выехать: Кузнецстрой, Караганды, Ангарстрой, Урало-Кузбасс, Магнитогорский комбинат, Днепровский гамбинат, хлопковый район Средней Азии, Сибирзерно, комбинат Востока, поместья, романы для всех районов строительства Сарагана, Минусинска и. Средняя Азия и др.), будучи напечатаными в центральной и местной печати отдельными книжками, окажут большую помощь в деле ознакомления широчайших читательских масс с бытом и работой в этих районах. Помимо организованных выездов в работу этих и иных строительств писатели должны связаться и с местными писательскими организациями. Несомненно, приезд квалифицированных писателей на месте в районы строительства должен послужить стимулом к организации массовой работы местных писательских бригад.

Госплан СССР обязался обеспечить писателей всеми данными о районах строительства, необходимой информационной литературой, консультацией со стороны руководителей строек. Кроме того, Госплан СССР обращается к местным хозяйственным организациям с просьбой всемерно помочь писателям в выполнении порученной им работы.

Некоторые из писателей, принимавших участие в пленарном совещании, указывали на недостаточность двухмесячного пребывания в районах строек для серьезно детального ознакомления с таким, например, строительством, как Магнитострой, и которому необходимо изучать весь его процесс от проектирования до сдачи в эксплоатацию, только тогда писатель сможет создать художественную историю развития этого грандиозного строительства. Целый ряд писателей из крупнейших строительств должны получить лишь предварительную разведку для получения общего представления о стройках. В дальнейшем необходимо будет поставить вопрос о длительном закреплении писателя на этих стройках.

Руководители Госплана СССР признали эти вполне возможными и желательными.

РАПП и ВОПКП МОЛЧАТ

Возмущение Уральской АПП по всем писателям Советского союза, издательствам и редакциям литературно-художественных журналов о мобилизации лучших писательских сил на борьбу за Урало-Кузбасс встретило отклик в рядах ФОСП и ВОСП. Совместно с Госпланом СССР, ФОСП приступил к планированию писательских поездок под крупнейшие строительства.

Пока из писателей руководителей Госплана СССР принять участие в работе крупнейших строительств откликались, главным образом, писатели-пролетарии. Мобилизации попутнических писателей и практическое включение их в социалистическое строительство помогает их подлинному перестроению в своем творчестве на актуальные темы пятилетки. Но за ряду с этим нельзя не отметить, что до сих пор такие организации, как РАПП и ВОПКП еще не развернули работы по вовлечению пролетарских и пролетарско-колхозных писателей в строительство Урало-Кузбасса.

Уральская АПП в своем воззвании разворачивает о том, что бои пятилетки, новаторы и пролетлитературно-ударники уже вступили в бой за Урало-Кузбасс. Но, конечно, своими силами писателям-уральцам невозможно полностью осуществить широкий план обслуживания Урало-Кузбасса и художественной проработки наших строек.

РАПП избрал комиссию для проработки практических мероприятий, связанных с проблемой Урало-Кузбасса. Центральный совет ВОПКП обещает в ближайшем заседании секретариата также поставить этот вопрос.

Уже в ближайшее время на строительство поедет ряд писателей. К их рядам должно место должны примкнуть пролетарские и пролетарско-колхозные писатели.

РАПОРТУЮТ

В своих отчетах-докладах писатели рапортуют о положении на посевном фронте и о своей работе. Эти отчеты показывают, что писатели за весенним севом проявляют быть не только толкачом в деле развертывания сева, но порядке и энергичным исполнителем многих мероприятий. Вот примеры:

«Всю свою работу я сосредоточил на участках совхоза, — пишет с Северного Кавказа писатель-пролетарский т. Медынский. — Провожу беседы по бригадам, делаю стенгазеты и ежедневные поголовные бюллетени, веду доску учета соцсоревнования, являющуюся учет по всему совхозу».

«Я участвовал на с'езде треугольников мясосовхозцев Нижне-Волжского края, — рапортует ФОСП в Всероссийскому Рудольфу Р. Валаев. — Принимаю непосредственное участие в проведении сева по мясосовхозу № 2. Составил план сева по 6 участку на общую площадь 4.168 га. Этот участок в настоящее время является ближайшим кандидатом на переходящее знамя. Я также осуществил переход на сдельную оплату участков №№ 2 и 4, где провел производственные совещания».

НА СЕВЕ

Пять писателей, мобилизованных ФОСП, выехали с агитмашинами «Крестьянской газеты», Колхозцентра и ЦК союза ж.-д. для помощи в проведении весеннего сева. Писатели обслуживают сев в Нижегородском крае, Средней и Нижней Волге, ЦЧО, Западной области. Бригады выпускают печатные газеты и многотиражки, проводят конференции и совещания селькоров, организуют стенгазеты и сельскоровские ударные бригады, повышают готовность колхозов и единоличников к посевкампании, борются за новый приплыв в колхозы. Бригады ведут агитмассовую работу и среди железнодорожников за оздоровление транспорта.

МОПКП было выделено 42 писателя, которые выехали в различные районы СССР и призвали тем призыв ударников в литературу из колхозов, совхозов и МТС и приняли практическое участие в организации колхозов, в создании новых комсомольских ячеек (Сасовский, Шацкий районы Московской области). Писатели организовали ряд стенгазет в колхозах и совхозах.

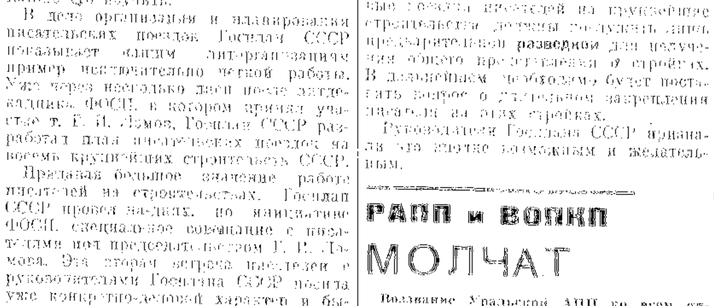
О «ГАСТРОЛЕРАХ»

Несмотря на несомненно положительные результаты работы писателей на весеннем севе, налицо и ряд недочетов на этом фронте. Основной недостаток заключается в том, что еще до сих пор не выработаны формы и методы участия писателя как художника в хозяйственных и общественно-политических кампаниях. В результате писатели не всегда могли определить свое место в общественной жизни колхоза или совхоза. Это усугублялось еще и тем, что далеко не все писатели, посланные литорганизациями на весенний сев, были пригодны для этой работы.

К сожалению, дело не обошлось без отдельных случаев «гастролерства» писателей в колхозах. Были, правда, единичные факты, когда писатели приезжали в колхозы и совхозы в качестве «гостей»-наблюдателей. В результате местные организации вынуждены были их раньше времени откомандировать. Такой случай произошел, например, с одним писателем, командированным в Западную область.

Но в общем опыт поездки писателей в посевкампанию в этом году себя оправдал.

А. КР.



ПИСАТЕЛИ НА БОЛЬШЕВИСТСКОМ СЕВЕ

По всему Советскому союзу разъехалось свыше 100 писателей на весенний сев с агитмашинами: «Крестьянской газеты», Колхозцентра и ЦК союза железнодорожников в хлопководческие совхозы Средней Азии, в совхозы Ц/К сельхозрабочих — в Белоруссию и Прибалтийские земсовхозы, с бригадами Центросоюза на Урал, в бригадах Главискусства, Тракторцентра и других.

Многие писатели, мобилизованные на весенний сев, принимали участие не только в организации и издании стенных и печатных газет в колхозах и совхозах, но и проводили общественно-политическую работу в деревне.

Секретариат ФОСП получил от местных организаций (Смоленск, Новгород, Сасово) ряд телеграмм и срочных писем, с просьбой оставить писателей на длительный срок для работы в деревне. Руководители ряда совхозов и колхозов отмечают положительные результаты работы писателей на местах. Вот письма директора, парторганизатора и рабочкома совхоза «Венцы-заря» (Архангельский округ).

> «По мобилизации центральных органов к нам 19 марта прибыл пролетписатель С. ЮРИН. Несмотря на свое короткое пребывание в совхозе, т. Юрин, помимо своей основной работы, успешно развернул культурно-массовую работу с вовлечением всех рабочих совхоза.
>
> Дирекция, парткомитет и рабочком просят и категорически настаивают на том, чтобы тов. С. Юрина оставить в совхозе минимум на 4—5 месяцев, тем более, что сам т. Юрин не возражает против этого».

Секретариат ФОСП дал свое согласие на пребывание т. Юрина в совхозе на длительный срок.

ЛИЦОМ К ЛИЦУ

Своей активной работой в колхозах писатели нередко вызывали ненависть кулаков, принимавшую даже к попытки возушения на писателей — участников бригад.

Литбригада в составе тт. Бахрах, Богушка и Чернышева, работавшая на весеннем севе в колхозах Каменского района, Самарского округа телеграфировала в Секретариат ФОСП, что 20 марта после выпуска колхозной стенгазеты и клубного спектакля, поставленного литбригадой на основе разоблачительного материала, назначенного чтобы у избы, где жили писатели, были сорваны ставни и через окно на писателей было направлено дуло нагана.

Покушение не удалось. Сейчас оно расследуется прокуратурой республики.

ПЛЕНУМ СЕКРЕТАРИАТА ЦС ВОПКП

Только-что закончившийся пленум секретариата ЦС Всероссийской организации пролетарско-колхозных писателей заслушал доклады: С.-х. академии им. Ленина и областных отделений ВОПКП: Ленинградского, Московского и Северо-Кавказского.

Вширь и вглубь развертывается работа в ленинградской организации. Призвано в литературу 1.200 ударников, создано 60 новых литкружков и 14 районных отделений. Помимо литературной учебы в кружках для ударников введены платные творческие этюды: наиболее талантливым ударникам предоставляется возможность заканчивать свои произведения на месте или в Ленинграде в соответствующей обстановке. Несколько ударных произведений ударников скоро уже выходит из печати в Ленгизе.

Ленинградское отделение не только удачно проводит призыв, но и сумело мобилизовать средства и руководящие кадры для закрепления кружков и в данный момент создало свет в 150 человек ударников.

Северокавказское отделение ВОПКП имеет 62 литкружка и 15 отделений. Здесь существуют многочисленные колхозные кружки (Котлубань, Мелеховского района—22 человека).

Московское отделение успешно ликвидировало прорыв, допущенный прежним правлением. По Московской области насчитывается 1.100 человек, создано 4 районных отделения и работа идет по плану закрепления литкружков.

Эти два отделения в отношении руководящего состава и финансовой базы находятся в худших условиях, чем ленинградские, и их работа идет замедленными против него темпами.

Чрезвычайно большое значение имел на секретариате доклад т. Бурского — ище-президента Сельскохозяйственной академии им. Ленина. Этот доклад подчеркивает новый этап в развитии творчества пролетарско-колхозных писателей и указывает их производственные планы с научными мероприятиями в области социалистического переустройства деревни.

Все доклады показали фактами практической работы правильность литературно-политической линии ЦС ВОПКП.

Пленум секретариата высказался против методологических ошибок в литературе и тенденций, чуждых марксизму-ленинизму, за усиление работы по овладению методом диалектического материализма, за повышение литературной квалификации и техники. Секретариатом принята резолюция, разбирающая ошибки отдельных критиков ВОПКП.

Первомайский плакат художника Кацуцеа

От нашего корреспондента

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЛЕНИНГРАД

«Куриная теория» о надплановом писателе. — „Встреча" — сборник „Напостовского призыва". — Ликвидация ленинградского „Литфронта"

Несколько времени назад в Ленинградском издательстве писателей вышел сборник — «Как мы пишем». К сожалению, критика обошла вниманием эту книгу (мы имели single 2-3 рецензии, участие в которой Максима Горького, Ю. Либединского, М. Слонимского и некоторых других писателей можно объяснить лишь своего рода недоразумением, этим «сорняком» группы писателей, составляющая правое крыло нашей литературы, воспользовалась для открытой проповеди реакционных теорий, что, мол, писательская существует вне классовой, вне партийно-классового отношения к политике и классовой борьбе.

Мы выражали об ошибке — неправильной оценке писательства писателей — в связи с первым собранием новой внутрилитературной творческой группировки «Напостовский призыв». Эта группа, в которую вошли «молодые люди», сосредоточенные Е. Замятина, — рабочие ленинградских фабрик и заводов призванные в литературу.

«Напостовский призыв», — сказал М. Чумандрин, — будет бороться с подобными вредными явлениями, сделает все возможное, чтобы такие книги не появлялись».

Внушительное слово М. Чумандрина явилось предисловием к «встречной книжке». Стенограммы докладов членов творческой группы — будущие ее главы. Мы не собираемся заранее критиковать эту интереснейшую книгу. «Технология творчества» писателей, пришедших в литературу из цехов и мастерских, — объект для самого внимательного изучения.

*

На последнем заседании расширенного секретариата ленинградского отделения ФОСП с участием Л. Авербаха обсуждались принципиальные вопросы социально-бытового обслуживания писателя. Существуют этих вопросов коснулись тт. Б. Лавренев, Я. Казакова, и Е. Мандельштам.

На основе опыта Ленкубита ленинградские писатели пришли к заключению, что дальнейшее существование Литфонда бесцельно. Выступая то в роли общественного общества с самыми патронессными, то замкнув широкую социально-бытовую работу — вычей ссуд отдельным литераторам и распределением нескольких курортных мест как подачек, Литфонд стал вредной организацией.

В свое время союз печатников предложил реорганизовать ленинградский Литфонд в лигу взаимопомощи при местоме, с расширенными правами и определенной автономией в общепрофсоюзной системе. Делигфонд согласился. С этим решением представители Ленинграда выехали на последний пленум Литфонда РСФСР в Москве. По выступлениям ленинградских делегатов «приличной горе» обиженного пленума. Они произнесли речами дисгармонии тридцатых речей.

Однако аплодисменты оставили время своим местам. Литфонд — организация отмирающая.

— Литфонд был создан, — сказал Л. Авербах, опираясь с местами ленинградских писателей, — тогда, когда еще не существовало писательских кооперативов, когда нам было создавать материальную базу писательского существования. Сейчас же, мы скоро мы расширим литорганизации от работы по с писательским бытовым сервисом, тем лучше. В Ленинграде можно формировать эту разрядку и потому, что работа литорганизаций местного стоит на гораздо более высоком уровне, чем в Московском местном писателей.

*

Вопреки с принципиальными возражениями на заседании были осуждены возмутительные факты отношения центрального правления Литфонда к ленинградскому отделению. Они требуют тщательного расследования со стороны ФОСП и соответствующих органов.

Ленинградское отделение имеет такое же число членов Литфонда как и Москва. Но это не меньше центральному правлению забирать себе для Москвы львиную долю всех доплат и поступлений. Из 90 тысяч рублей правительственной дотации в 1930 г. Ленинграду было передано только 20 тыс. рублей. Доплату от Гиз в 100.000 рублей, предназначенную Литфонду Мих. Алексеев вообще попытался... скрыть от ленинградцев. Когда об этой сумме ленинградцы узнали из «газовских источников», М. Алексеев дал, мягко выражаясь, неверные объяснения о том, что эта деньги предоставлены ГИЗ для какого-то «особого московского фонда». Такая «северная фальшивка» М. Алексеева вряд ли к лицу руководителю советской организации. Она была разоблачена Арт. Халатовым. Но долг ленинградский Литфонд так и не получил.

Скучное правление дало оказалось заманчивое расположительным на другие стать доходов. Чего стоит холодильное решение о поездке пяти (!) литераторов для развертывания работы Литфонда в Новосибирске.

Мы не знаем, были бы посланы инструктора в Ново-Сибирск, но уверены, что послать в Литфонд обследовательскую бригаду — необходимо.

Б. РЕСТ

Ленинград.

К ПРИЕЗДУ МАКСИМА ГОРЬКОГО

● ФОСП задержка литорганизации о состоянии их работы по подготовке к приезду Горького. Выяснилось, что литорганизации пока сделали в этом направлении очень мало. Только МАПП начал подготовительную работу в литкружках. Комитет ФОСП предложил литорганизациям сконцентрировать свое внимание на подготовке к приезду Горького в СССР.

● Комитет ФОСП на встрече М. Горького задержал сообщение зав. литературной частью МХТ т. П. Маркова об устройстве совместно с ФОСП «утренника Максима Горького». Утренник будет проведен 13 мая по следующей программе: постановка отрывков и отдельных пьес Горького («Мать», «На дне», «Страсти-Мордасти», «Челкаш») и выступления народных артистов республики — актеров МХТ — с чтением отрывков из романа Горького «Жизнь Клима Самгина» и политических статей Горького, помещенных в печати.

● К 5 мая ИЗОГИЗ выпустит 2—5 плакатов с лозунгами, цитатами из публицистических статей М. Горького и его портретом. Эти плакаты будут расклеены по улицам Москвы.

● Комитет ФОСП предложил присвоить клубу ФОСП имя Максима Горького.

● В состав общественного комитета ФОСП по встрече М. Горького введены представители МОК ВЦПБ, Мосгосета, МОСПС, сектора искусств Наркомпроса и т. п. Арт. Халатов, Ф. Гладков и А. Эфрос.

● К приезду М. Горького массовый сектор ГИХЛ организует в клубе выставку произведений Горького и литературы о Горьком.

● Ленинградское отделение издательства «Молодая гвардия» выпускает к 28 обязательное «Наш творческий опыт» сборник статей Горького «О ремесле писателя». В сборник войдут статьи Горького, касающиеся его работы с начинающими писателями, написанные в период с 1914 г. до последнего времени.

● Детскую «Книгу-газету» выпускает в качестве «Молодая гвардия» к приезду Максима Горького. В «Книге-газете» будет помещен ряд очерков о Горьком, несколько отрывков из его произведений, выдержки из политических статей Горького, а также обильный фото-материал, отражающий жизнь и деятельность М. Горького.

● Детский сектор изд-ства «Молодая гвардия» выпускает книжку, посвященную М. Горькому, для детей среднего и старшего возраста.

ТВОРЧЕСКИЙ ПУТЬ ГОРЬКОГО

Секретариат МАПП устраивает 28 апреля в клубе ФОСП доклад т. Нагаева на тему: «Творческий путь Горького». Доклад устраивается для широкого актива литкружковцев и руководов, а также для актива партийных, комсомольских и профсоюзных организаций.

ПЕРВОМАЙСКАЯ КОЛОННА ПИСАТЕЛЕЙ

Комиссия ФОСП и месткома коллектива писателей по проведению первомайских торжеств сообщает, что сбор писателей для участия в первомайской демонстрации назначен на 9 ч. 30 м. во дворе Дома Герцена.

Выход писательской колонны — ровно в 10 ч.

За пять дней

ЗА РАЗВЕРТЫВАНИЕ СОРЕВНОВАНИЯ

1 мая миллионы рабочих и колхозников отметят вторую годовщину социалистического соревнования. Подводятся итоги этому величайшему явлению, закрепляются успехи соревнования, учитывается его опыт. В эти дни умножаются ряды соревнующихся, создаются сотни и тысячи новых ударных бригад. Новой волной творческого энтузиазма встретят трудящиеся праздник социалистического труда.

Именно на основе этого творческого энтузиазма мы достигли таких результатов хозяйственного строительства, которые поражают весь мир. Именно на основе социалистического соревнования и ударничества целый ряд предприятий выполнил пятилетку в 2½ года, на этой же основе был организован прорыв в ударном квартале, успешно выполняется программа решающего года пятилетки, растут цифры коллективизации, расширяются посевные площади, увеличивается выработка промышленной продукции и т. д.

Социалистическое соревнование — основной метод работы. Этот лозунг претворен в жизнь на громадном большинстве участков нашей стройки, он усвоен массовыми массами.

Однако в отношении своего участка — литературы — мы этого сказать не можем. В дни подведения соревнования мы, писатель, в значительной степени являемся только наблюдателями. Наши итоги в этом деле незначительны, похвалиться нечем.

Методом работы социалистическое соревнования для нас еще не является. И в этом снова сказывается отставание литературы от жизни, черпанья темы перестройки литературных организаций.

Подтвердить эта фактами очень нетрудно. Разве было развернуто соревнование писательских бригад в прошлом году? Не соревнуются пятаки писателей, посланные на весенний сев. И самое главное — не развернуто творческое соревнование.

Сейчас не нужны дискуссии на тему о том, почему это происходит. Гораздо важнее покончить с неповоротливостью и косностью в этом деле, с меланхолическими разговорчиками о том, что, дескать, специфика и индивидуализм писательского труда делают соревнование невозможным. Совершенно ясны направления, по которым должно итти соревнование между литорганизациями и писателями, его формы и методы.

Попятно, основное — это **соревнование творческое.** Именно такую постановку этого вопроса для секретариат РАПП.

Организация творческих группировок в Ленинградской ассоциации пролетарских писателей, о чем у нас сейчас собирается, является ответом на это решение.

Однако это только начало. И в Ленинграде, и в Москве, и во всех местных ассоциациях творческое соревнование должно принять массовый характер, оно должно охватить всех работников. Особенно важно перенести соревнование в литературные кружки, в среду призывников-ударников. Здесь оно должно итти по линии творческой учебы, участия в заводской печати и вообще в практике социалистического строительства.

Так ставится дело в РАПП.

Нужны ли какие-либо особые формы для ВОПКП как аналогичной массовой организации, или для ВССП — как организации писательской? Думается, что основа должна быть та же.

Следует также учесть и опыт ЛОКАФ, давшего соревнование с конкретными творческими показателями.

Что касается соревнования литорганизаций, т.-е. соревнования общественно-политического, то начать его (по существу, лишь начать) следует с той работы, которая развернется сейчас вокруг писательских поездок, организуемых совместно с Госпланом. В частности, мы еще раз подчеркиваем необходимость большой конкретной работы вокруг проблемы Урало-Кузбасса, а также на основе соревнования между литорганизациями. РАПП следовало бы взять на себя инициативу в этом деле.

Соревнование удастся, если будет поставлена тщательная проверка исполнения. Это дело ФОСП; его дело также обеспечить сразу же организованный характер соревнования.

Нам нужно научиться работать так, как работают ударники фабрик и колхозных полей.

УДАРНИКАМ — ПЕРЕДОВЫМ БОРЦАМ ЗА ДЕЛО СОЦИАЛИЗМА — БОЛЬШЕВИСТСКИЙ ПЛАМЕННЫЙ ПРИВЕТ!

ВЫШЕ ЗНАМЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СОРЕВНОВАНИЯ!

КРИЗИС БУРЖУАЗНОЙ КУЛЬТУРЫ

Ленин говорил: «Империализм есть: 1) монополистический капитализм; 2) паразитический или загнивающий капитализм; 3) умирающий капитализм» («Империализм и раскол социализма», том XIII, стр. 464, изд. 1-е). Это загнивание проявляется во всех сферах капитализма: прежним всем отравлена вся буржуазная культура, все капиталистические «факторы» — от теоретического естествознания до кино.

Загниванием обусловлен развитие науки и техники: наука потеряла свою относительную независимость и связанность с индустриальной практикой. Гениальными скачками шли развитие физики, химии, биологических наук, математики и выросших из них прикладных наук, в особенности же техники. Но капитализм таит в себе неразрешимые противоречия. С одной стороны, буржуазия должна поощрять развитие науки и техники, а с другой — это развитие должно ее рано или поздно неизбежно погубить. Естествознание отвергает догмы, но религия — один из устоев буржуазного общества. Геология истребляет библию, но библия — один из устоев религии. Психологические искусство не может развиваться в условиях существования «душ» вообще, — но частная собственность охраняет классовый капитализм. Медицина ведет к техническому затруднению, к застою, но капитализм теперь есть именно монополистический капитализм. Научные открытия, прогресс знания, гипотезы и теории, которые являются симптомом к регрессу, возводятся чуть ли не в «религию».

Буржуазия начала поход против диалектики. Сей он приходит на смену Гегелю. В 1925 году американский суд осудил профессора Дейтонского колледжа Джона Скопса за то, что он обучал учеников, как гласит приговор, «ее-тественным теориям, которые отрицают историю божественного сотворения человека, как она изложена в библии, и заявляют, что человек произошел от животных низшего порядка».

Председатель союза баптистов в Германии Джон Д. Мюллер, как сообщает корреспондент газеты «Печать» («Пресс»), заявил:

«Если между библией и микроскопом обнаружатся разногласия, то значит неправ микроскоп.

Я всегда буду верить библии, хотя бы мне лаборатория говорили противоположное и мне пришлось бы признать, что все они лгут. Комиссар народного образования в Бирмингаме на страницах бирмингамской газеты «Почта» («Пост») говорит:

«В наших школах не может преподавать никто из тех, кто не верит в Иисуса Христа и в библию».

Может быть, это случайность. Может быть, этот возврат к средневековью не характерен для буржуазной культуры в целом? Нисколько. «Материализм и эмпириокритицизм» Ленина и тогда увидел, что возрождение обскурантизма служит буржуазной науке. Знаменитый хирург Америки Г. А. Келли в своей книге «Ученый и библия» (Филадельфия, 1923 год) заявляет: «Я принимаю библию целиком, как более слово в слово, во всех ее частях, которые может быть я тебе мало-мальски известны. Изученный эмоциональный и нравственно-возбудительный случай буржуазной науки. Знаменитый физик сэр Оливер Лодж назвал в прошлом году атомам разрушит нерожденный себя капиталистический строй.

С. Д.

В странах капитала — кризис и безработица, там десятки миллионов безработных обречены на голод и вымирание. В Советском союзе нет кризиса и безработицы, здесь благосостояние трудящихся растет изо дня в день. Пролетарии всех стран, идите по пути пролетариев СССР!

ТВОРЧЕСКОЕ СОРЕВНОВАНИЕ — ЗАЛОГ НЕБЫВАЛОГО РАСЦВЕТА ЛИТЕРАТУРЫ РАБОЧЕГО КЛАССА

ПОСТАВИТЬ УГЛУБЛЕННУЮ ТВОРЧЕСКУЮ УЧЕБУ УДАРНИКОВ

БЫТЬ НА ИДЕЙНОМ УРОВНЕ АВАНГАРДА СВОЕГО КЛАССА!

ЛЕНИНГРАДСКАЯ НАПОСТОВСКАЯ ТВОРЧЕСКАЯ ГРУППА ПЕРЕДОВИКОВ „ЗАКАЛ"

Тот этап социалистического строительства, который мы сейчас переживаем, требует от нас высшего напряжения, требует от пролетариата умножения работы над собой, упорнейшей борьбы за качество своих произведений, за их идейную насыщенность.

В этот ответственейший период подготовки, выращивания пролетарских кадров для всех участков хозяйственного и культурного строительства приобретает исключительно важное значение. Призыв рабочих-ударников в художественную литературу составляет неотъемлемую часть этой борьбы за кадры, этот призыв, означает, собственно, начало коренной истории РАПП, большой истории массового литературного движения рабочего класса.

Однако наше движение, наш рост, должны идти не только вширь, но и вглубь. Это положение ярко подчеркивается тем, что подавляющее большинство произведений пролетарской литературы стоит еще на невысоком идейном уровне, большинство наших произведений еще не является мощным оружием пролетариата в его борьбе за социализм.

Пролетарские писатели еще не овладели диалектико-материалистическим художественным методом, большинство из них еще не успело богатеть идейного наследия Маркса и Ленина.

Сейчас, как никогда, перед пролетарскими писателями стоит во весь свой грандиозный рост вопрос учебы, — упорнейшей и жесточайшей учебы.

Обычно под учебой подразумевается учеба у классиков,—в общем это правильно, но недостаточно. Вспомним, что говорил В. И. Ленин о работе Варкомпроса в части создания пролетарской культуры: «Без ясного понимания того, что только точным знанием культуры, созданной всем развитием человечества, только переработкой ее, **можно строить пролетарскую культуру**» (последнее подчеркнуто нами.—А. Ч.). Следовательно, чтобы учиться у классиков, чтобы обогатиться их художественным наследством, надо критически перерабатывать это наследство, а последнее возможно только как условие, что писатель, хотя бы в минимальной степени, владеет марксистско-ленинским оружием, иначе он этого литературного наследства не проработает и очутится в идеологическом плену у классиков.

На ряду с учебой у классиков пролетариат должен настойчиво, упорно подниматься на высшие идейные ступени своего класса.

Вот в этом и заключается сущность нашего роста вглубь.

За необходимость роста вглубь говорит и та творческая разнобойка, которая наблюдается в настоящее время внутри РАПП, уже сделано несколько творческих группировок и намечается к созданию ряд новых.

Овладение диалектико-материалистическим художественным методом, выработка стиля пролетарской литературы неизменно будет вестись в борьбе и в сопоставлении большого разнообразия творческих фракций внутри РАПП. В этом залог небывалого расцвета художественной литературы рабочего класса!

На творческой дискуссии, творческое соревнование должны происходить, как временно замечает в своем письме секретариат РАПП, только на основе единой литературно-политической линии и в рамках, общих для всех РАПП установок по творческим вопросам».

Группа товарищей из «Резца» (П. Владимиров, И. Вороцев, Ч. Гуссейн, В. Грузинский, И. Иволгин, Я. Калинин, И. Калинин, В. Иростин, П. Калинин, И. Калинин, Ал. Черненко и др.) уже длительное время вместе собирается и проводит беседы по творчеству вопросам, читает своих новых произведений и т. п. В процессе сближения, в процессе выяснения вопроса, что же нас объединяет, мы пришли к такому выводу:

Переживаемая нами эпоха ставит перед молодым пролетарским писателем необходимость максимального овладения философией пролетариата, необходимость подняться на передовые идейные позиции своего класса,—только в этом случае мы сможем изгнать и отобразить всю сложную действительность нашей эпохи. Только в этом случае мы сможем создать такие произведения, которые бы призывали, будили, вооружали рабочий класс на борьбу за построение социализма в нашей стране и за победу пролетарской революции во всем мире.

Мы объединяемся в творческую группировку, для того, чтобы дружной, прочно спаянной группой товарищей легче было овладевать в творческой художественной практике методом диалектического материализма, чтобы успешней и безошибочней общими силами критически отбирать все нужное, все ценное в художественном наследстве прошлого.

Мы ставим перед собой также задачу изучить и проработать произведения старшего отряда пролетписателей — Ю. Либединского, А. Серафимовича, Ф. Панферова, М. Горького, А. Фадеева, Дм. Фурманова и др.,—чтобы использовать все их достижения для нашей творческой практики. Наша совместная работа, несомненно, значительно облегчит для каждого из нас путь овладения диалектико-материалистическим методом в художественной литературе. Возможно, что какой-нибудь резиновый обертыватель творческой «немогропимости» уже вымывающихся писателей РАПП помилуется на этот счет распространять домыслы,— в этом случае не только мы, создание первой творческой группировки в нашей ЛАПП, но и вся ассоциация должна будет здорово ударить этого лентяя.

Организуя творческую группировку, мы вовсе не намерены быть какой-то замкнутой кастой литераторов; мы остаемся в группе «Резец»,—остаемся частицей массового литературного движения рабочего класса.

Желая овладеть марксизмом-ленинизмом, мы не мыслим себе этого как схоластического, догматического усвоения идей величайших учителей пролетариата, мы не мыслим себе этого отрыва от революционной практики; поэтому, организуя творческую группировку, мы намерены привязаться к шефу ЛАПП — к индустриальному гиганту «Красный путиловец», где будем активно участвовать в общей массе пролетписателей в текущей практической их работе на (выполнение) плана третьего, решающего года пятилетки, плана достройки фундамента социалистической экономики нашей страны.

Мы будем беспощадно драться за новый тип писателя, писателя-общественника, писателя-участника социалистической стройки, писателя-большевика.

АЛ. ЧЕРНЕНКО

Мы отстали технически от передовых стран лет на пятьдесят. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Да здравствуют большевистские темпы!

ФОРМЫ ЛИТЕРАТУРНОЙ УЧЕБЫ ДОЛЖНЫ БЫТЬ ПЕРЕСТРОЕНЫ

Задача закрепления призыва рабочих-ударников в литературу в основном упирается в проблему перестройки учебной работы в литературных кружках на предприятиях.

Организация учебы в плане обслуживания ее новых десятков и сотен начинающих писателей-ударников с установкой на включение их творчества в минимальные сроки в общий поток пролетарской литературы — задача чрезвычайно сложная и ответственная.

Как же перестраивается учеба в низовых кружках Ленинградской ассоциации пролетарских писателей?

В основной своей массе литкружки ЛАПП начали, хотя еще пока медленно, перестраиваться. Но наличие мы имеем ряд моментов, тормозящих и задерживающих эту перестройку.

Один из основных недостатков работы кружков — это устаревшая форма занятий: доклады, беседы и т. д.

Руковод придет на кружок, отбарабанит доклад или беседу, ответит на вопросы кружковцев и уходит. На этом и кончается его связь с кружком до следующего занятия. Руковод не конкретизирует занятия соответственно специфическим интересам своего кружка, интересам каждого кружковца в отдельности. Ударник требует постоянной консультации руковода, его помощи не только в учебном, но и в чисто творческом плане. Руковод же занимается абстрактными лекциями и рефератами. Такое положение существует в новых кружках. Еще более безобразно обстоит дело с учебой ударников в кружках, существующих по два-три года. Например, на «Красном треугольнике» и «Красном путиловце» вся учеба строится применительно к старым литгрупповкам. Ударник же, только-что пришедший в литературу, остается вне внимания руковода и кружка.

В ЛАПП имеется большое количество низовых кружков (завод «Марти», «Знамя труда», «Северная верфь», «Светлана» и др.), у которых чувствуется отрыв теории от практики. В этих кружках руководы, как правило, для подкрепления своих теоретических выводов, не останавливаются от конкретного разбора кружковцев, и привлекают абстрактный, оторванный материал, зачастую вовсе незнакомый кружковцам. Вследствие этого кружковцам претворяется некая неизвестность мышления. Теория литературы, мол, сама по себе, а какое практическое творчество — само по себе.

Как с массовым явлением в Ленинграде приходится сталкиваться с замыканием литкружков в рамках «академической» дисциплины. Дисциплина считается своей основной задачей подготовку «академиков-писателей», теоретически и творчески крепко подкованных. На выполнение этой задачи сосредоточены абсолютно все силы кружка. А культурно-просветительная и общественная работа на предприятиях литкружки, как правило, не занимаются. Цех и работа в нем совершенно чужды их внимания литкружков. В общественной жизни предприятия кружки не участвуют.

Понятно, не во всех кружках такое положение. Например, «Братья пари», «Северная судостроительная верфь» участвуют в работе агитбригад, обслуживая их злободневным политически-актуальным материалом, взятым из конкретной сегодняшней жизни своего предприятия. Этого, конечно, недостаточно. Но сам факт обслуживания агитбригад литкружком говорит о том, что эти два кружка стоят на верном пути.

Наличие и желание части руководов ЛАПП организационно крепко увязаться с условиями работы предприятий (сменность работ, большая нагрузка актива кружка общественной работой на заводе не по литературной линии) отрицательно отражается как на состоянии учебной работы, так и на закреплении призыва ударников.

Ряд руководов, взявших на себя и организаторскую работу (Выгодский, Левин, и др.), добиваются освобождения кружковцев от вечерней смены, или проводят занятия в две смены, или, наконец, переносят занятия в цехи (завод «Красная заря», «Пролетарская победа», «Электросила» и др.).

Борьба с хвостистскими и деляческими настроениями среди руководов, регулярный обмен опытом, введение новых форм и методов учебы, борьба за быстрейшее перенесение положительного опыта организации учебы во все кружки — вот основное, что стоит сейчас перед ЛАПП. Организационно-творческий смотр низовых кружков, проводимый сейчас ЛАПП, должен расчистить организацию и ускорить перестройку форм и методов литературной учебы.

ГРИГ. ГОРОХОВ

ЭПИГРАММЫ

ЛЖЕУДАРНИК

Кто он такой — анкета умолчала...
Но нам известно: был он исключен
Из Кузницы, из ВОКП'а, Перевала,
Печатался с кирилловских времен,
Учился на питкурсах и в питвузах...
А ныне, на заводе водворясь,
На нем всегда промасленная блуза,
Лицо в мазуте, под ногтями грязь...
В литературу «призван» как ударник
Кружком зачислен в «творческий актив»!
И, говорят, продукт его пекарни
Отдельной книгой выпускает ЗИФ...

УНИВЕРСАЛ

Он может написать в один присест,
И тут же, без поправок, дернуть в
прессу
Статью, литературный манифест,
Рассказ,
Сценарий,
Очерк,
Пьесу....

Меняя «жанры» чаще, чем портянки,
Он путного не создал ничего,
А жидкие творения его
Погибли от хронической подлянки...

РУКОВОД-ЭКЛЕКТИК

Когда в своей критической тирете
Он по «эпохам» мчит на всех парах,
Кружковцами овладевает страх:
Не разберешь, где Гоголь и где Гегель,
Где Фейербах и Авербах!
Кружковцы стонут:
— Говори попроще!
— Цитат поменьше!
— Речь укороти!
Но он неумолим, как Гроссман-Рощин,
Как Брик, упрям,
Как Бек, неукротим...
И будет до конца исчерпан им
Убогий скарб
его теорий тощих!

СЕРГЕЙ ШВЕЦОВ

ЗА ПРОИЗВОДСТВЕННУЮ ГРАМОТНОСТЬ

Рабочие-ударники призваны в литературу засучиться по-настоящему, чтобы основательно «расчесать» завод, станок и машину. Ударник должен дать новые производственные темы, разрешая их в соответствии с требованиями своего класса. Но рабочий-ударник сможет сделать это, имея правильное руководство и **добросовестную критику** своих произведений в низовом кружке на предприятии и такую же добросовестное отношение со стороны руководителей наших печатных органов.

Пусть не подумают, что я намекаю на то, что молодых ударников литературы зажимают, не дают им ход, не печатают и пр. Этого нет. Я хочу сказать о другом.

В стихотворениях некоторых товарищей намечается вредная линия. Станок с большой буквы, фетишизированные машин и беспредметное любование ими — вот эта линия.

Но и не в этом — вся беда. Казалось бы, новые рабочие-поэты должны быть **грамотны технически, производственно.** Это тем более важно сейчас, когда выдвижен лозунг овладения техникой, а потому само собой разумеется, что современная пролетарская литература не может быть... производственно безграмотной.

Я думаю, что одной из задач поэзии (одной из многих, конечно) является знакомление читателя с различными отраслями производства. Не только знать это так, как знает, например, т. Литвинова в № 1 уральского ежемесячника «Рост».

В мастерской без останова
Мой работает станок,
В ночь смолкает —
Утром снова
Точит, рубит и кует.

И это пишет токарь медеплавильного завода. Удивительный станок, на котором работает т. Литвинова. Отрубит кусок металла, стукнет его, а уж потом обточит... Америка! А ты спой за сменой песни про замечательный «универсальный» станок.

В № 1 московского журнала «Рост» напечатано стихотворение т. Басова «В расплав». Когда я прочел это стихотворение одному мастеру литейщику, он искренне недоумевал.

Товарищ Басов хочет показать литье.

В углу обрезки—
Медь котла,
Свинец
И прорванные трубы.
В литье
Идут колокола
С церквей,
Переданных под клубы.

Это, конечно, очень хорошо, что колокола идут в литье, но плохо то, что в скобочных вечках т. Басова из всего этого хлама: из свинца, меди и колоколов через несколько строк получается... **высокосортная сталь.**

И нет ни трещин,
Ни рубцов
На вновь отлитой стали.

А формовщик неизвестно зачем и для чего —

...Гладит
Земляной рубец
Моделью шестерок.

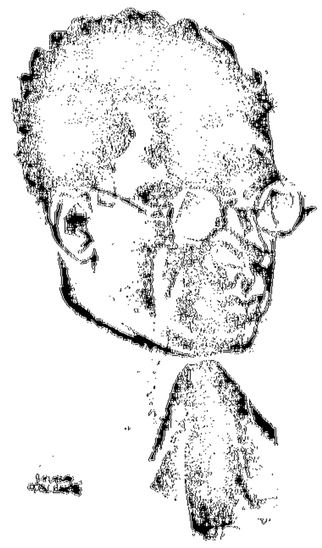
Можно привести еще примеры, когда молодые поэты, ударники, призванные в литературу, тонились за красивыми сочетаниями слов, искажают производственную действительность, впадая в карикатурность.

Дело руководителей кружков предостеречь от вредных увлечений; дело редакторов журналов помочь изгладить отдельные ошибки. Изучение станка, завода—это не что иное, как отрыв от жизни, отход от повседневных злободневных будней. Это — повторение старых ошибок. Надо уничтожить их, изгнать из пролетарской литературы путем повышения производственной грамотности.

Н. СЕРГЕЕВ

ЧАРЛЬЗ Ц. ГАРРИСОН

ГЕНЕРАЛЫ УМИРАЮТ В ПОСТЕЛИ



Чарльз Гаррисон

Бремя капитализма вместе с жесточайшим обострением классовой борьбы искрывает не только загнивание его экономической базы, но и как неизбежное следствие — загнивание всей буржуазной культуры в целом. Ложь и лицемерие, на которых она покоится, особенно полно проявляются себя во время империалистической войны.

Печатаемый нами очерк американского писателя ЧАРЛЬЗА ЦЕЛИ ГАРРИСОНА показывает это со всей очевидностью. Американский автор далек от решительных революционных выводов. Он возмущен больше моральной стороной и крупностью «военных торжеств». Он не видит того, что система обмана, единственно обеспечивающая пышному кличу «лучшие мясо», есть, собственно, не столько искусство вождения отдельных воюющих групп, сколько организованное зло капитализма. Но торжествовать над большинством буржуазных мемуаристов может только, применив прямо разрушительное оружие, что не свойственно автору.

Анатоль Франс когда-то говорил, что отдельный человек не может столько украсть за всю свою жизнь, сколько буржуазная газета за день. Это различно показывает приведенные Гаррисоном выдержки из буржуазных газет. Гаррисон опирается на Артура Поусонби, написавшего книгу «Ложь в военное время». Конечно, Артуру Поусонби, специалисту в деле социальной демагогии, это может быть известно лучше, чем кому бы то ни было другому. Советский читатель, прочтя этот очерк, лишний раз убедится в исторической обреченности класса, вся «мудрость политики» которого заключается в систематическом обмане широких масс или в фашистском подавлении революционного пролетариата. На частном примере показывает это печатаемый ниже очерк.

...Однажды утром в первой половине августа 1914 г. и за пять дней до битвы при Амьене нашу бригаду отвели в тыл за соседнюю деревню и там сообщили ей о том, что санитарный пароход **Ипандовери Кастль** противником потоплен.

Стоял изумительный, знойный день. Люди на ходу вскидывали ногами облака пыли, и скоро вокруг нас образовалось густое облако тяжелой земляной пыли. Когда мы шли, оно тут же прекращалось в липкую грязь.

Вымывшие наскоро в собственном поту, мы наконец достигли деревни и построились на назначенной площади в надлежащем боевом порядке. Наши лица были так же блестящи, как те маки, о которых пишут, возвращаясь домой, сборщицы цветы. Под грузом тяжелой амуниции, аляповатые в лучшие суконные мундиры, мы стояли неподвижно, словно статуи, подпирающие забор, и один из генералов генерального штаба читал нам сообщение о том, как несколько сот канадских солдат потонули в ледяных водах Английского канала, после того, как в канадский санитарный пароход попала торпеда. Мы тоже составляли канадскую бригаду.

Более утреннее солнце жгло на пуговицах генерального мундира и на его оружии. Он спокойно рассказывал нам историю этого официального убийства. И его бесстрастный речной тон придавал его словам особый вес и значительность.

Он рассказал нам о том, как, несмотря на мольбы сестер милосердия, с которыми те обращались к сменившимся гуннам, спасательные лодки были разогнаны пулеметным огнем. Особенно плохо пришлось раненым, только-что перенесшим ампутацию: они не могли плавать. «Понятия генерал.— А соленая вода еще увеличивала их страдания...»

Война уже близилась к концу, но мы этого, конечно, не знали, и наши нервы были до того натянуты, что всякие слухи буквально неслись на крыльях страха. А генерал продолжал:

— Через несколько дней мы дадим сражение; мы должны отомстить за наших зверски убитых товарищей. Такой противник, как немцы, никакого человеческого отношения не заслуживает. Если они предпочитают правилам цивилизованных войн не подчинятся, то ж, — мы можем им ответить тем же.

***

По мере того как повествование о гибели канадцев продолжалось, суровые лица наших солдат становились все жестче. Один из солдат стал ругаться... затем другой, третий...

Говорили и другие штабные офицеры:

— Храбрые канадцы отомстят за совершенную немцами варварскую жестокость, и история этого не забудет, — заявил один из них.

— Это сражение, — сказал другой, — в котором мы скоро примем участие, еще не рожденные поколения будут называть сражением **Ипандовери-Кастль.**

Еще несколько человек задергалось.

Унтер-офицер прошипел: «смирно»...

Зает выступил наш бригадный командир. Его любили. Это был строевой офицер. Он намекнул на то, что если мы в этом предстоящем бою будем брать пленников, то их придется кормить из наших запасов.

— Я сам не говорю, — добавил он, — пленных не брать: это — против международных правил. Я вам только напоминаю о том, что их придется кормить...

Некоторые из нас рассмеялись. Большинство, однако, молчало.

Затем мы вернулись на наши прежние квартиры. Спозаранок мы в облаке пыли, и наши задыхающиеся глотки снова пылались катышками грязи.

***

Через несколько дней мы стали продвигаться к фронту. По дороге нас обгоняли тяжелая артиллерия, танки, броневики. Все это катилось мощным металлическим валом на передовые позиции. Мы шли ночью, стремясь в кровь поранить ноги числам потом; сначала дождем, при палящем августовском солнце, стали как мертвые. Днем прекращалась всякая жизнь вообще: и люди, и животные не показались. Царила полная тишина. Гаубичные снаряды танки и пушки катились сплошными вихрями.

Только несколько птичек весело чирикали, словно никакой войны и не было. И я помню, как мы этих невинных птиц проклинали! Охваченные страхом, мы боялись, чтобы их чириканье не выдало нашего местонахождения. Ведь мы были уже на линии огня тяжелой артиллерии... Поэтому, услышав их голоса, мы кричали, бейсбольные, ветошные, всякие от сна, и стали бросать в птиц камнями. Они испуганно улетели.

Ночью мы выползали на-под своих прикрытий. Это были набросанные нами балы, с дырявыми крышами, сенные хлева, полуразрушенные сараи.

На следующую ночь нам сообщили, что мы пойдем в бой восьмого утром. Пленных не брать. Об этом решении говорилось со всех сторон, оно уже перестало быть официальным приказом.

Циркулировали всевозможные слухи: что после сражения мы все будем восемь дней отдыхать в Париже; что это вообще последний бой, а затем — по домам; что это будет самый серьезный бой за всю войну; командует сам генерал Фош; на линии фронта в двадцать миль длиной расположено пять рядов артиллерии, орудие к орудию; снаряды будут разрываться каждые три секунды, — по одному на каждые три фута неприятельского участка. Словом, — по выражению одного из солдат, — сквозь такой огонь даже тени не проплыть.

Наш полковник, белокурый англичанин шести футов ростом, непринужденно ходил среди нас и пошучивал:

— Ну, завтра у каждого из нас будет куча сувениров, а, ребята?

***

Мы притаились за прикрытием. Сама земля словно сотрясалась от ужасающего бешенства бомбардировки. Противник отвечал слабо. Он был ошеломлен той бурей металла, которую мы обрушили на его передовые позиции. В воздухе стояла стена порохового дыма, имевшего цвет жидкого чая. Молнии зигзагами черными вспышек рассекали расплавленное небо. Детонации были настолько сильны, что у нас из ушей и носов текла кровь.

Десять тысяч снарядов взвизгнули, пролетая над нашими головами в сторону неприятельских позиций. Казалось, земля поднимается и опускается. Наши ряды неуклонно продвигались вперед, скрытые бесконечной завесой дыма. Чудовищные танки поплыли впереди нас и изрыгали пламя.

Из вот сквозь дым стал виден противник. Люди держали руки высоко поднятыми над головами и бежали к нам, смешно подпрыгивая. Затем, один за другим, они стали падать...

К полудню мы продвинулись в глубь территории противника на пять миль. Наш полковник объявил нам, что сражение мы выиграли.

Гибель **Ипандоверии Кастель** отомщена.

***

Четыре месяца спустя, уже находясь в английском госпитале, я прочел в **Дэйли Мэйль** с том, что **Ипандовери Кастль** никогда санитарным пароходом не был: он был военным снаряжением.

Со времени окончания войны прошло 11 лет. Но я не забыл этого дня и начале августа...

Я только-что прочел книгу Артура Поусонби «Ложь в военное время». Правда, Поусонби о потоплении **Ипандоверии Кастль** и об ужасном избиении, произведенном за завесой порохового дыма в нескольких милях от Амьена, не упоминает. Но и без этого книга Поусонби является превосходным документом того, как подлинные организаторы войны фабрикуют отвратительные истории, опираясь на которые они пробуждают в миллионах людей ненависть к жажду крови.

То, чему мы были свидетелями в это знойное утро, повторялось, конечно, множество раз, на сотнях фронтов и во всех частях Европы.

В замечательной книге Поусонби «собраны все те выдумки, с помощью которых в 1914—1918 разжигались самые гнусные страсти. Здесь и изувеченная сестра милосердия, и бельгийский ребенок с отрезанными руками, и распятый канадец, и фабрика для использования трупного жира, и германская мануфактура, производящая мягкие ужасы, и многое другое.

В каждом отдельном случае м-р Поусонби прослеживает вымысел до его первоисточника и показывает тот мотив, по которому он был сфабрикован. На нижеприведенном примере особенно ясно, как подобные истории, из которых многие имели целью вызвать ненависть к Германии, возникали.

«Когда впервые заговорили о падении Антверпена, мне было встречено колоссальным эпосом» (подразумевается в Германии).

«Кельнише цейтунг».

«Согласно **«Кельнише цейтунг»**, когда Антверпен пал, немцы застали антверпенское духовенство звонить в колокола».

«Матэн». Париж.

«По сведениям, полученным **«Матэн»** из Кельна, бельгийские священники были удалены со своих мест за отказ звонить в колокола по случаю взятия Антверпена».

«Таймс», Лондон.

«Согласно сведениям, полученным **«Таймсом»** из Кельна через Париж, несчастные бельгийские священники, отказавшиеся звонить в колокола по случаю падения Антверпена, были преследованы и приговорены к принудительным работам».

«Корриера делла сэра», Италия.

«Согласно сведениям, полученным **«Корриера делла сэра»**, из Кельна через Лондон, **установлено**, что варварам, взявшим Антверпен, показали несчастных бельгийских священников, за их отказ звонить в колокола, тем, что замочили ими колокольные языки. Они подвесили живых людей вниз головами к колоколам.

«Матэн», Париж.

Ложь в военное время—небольшая книжечка, в ней всего 192 страницы, но на них изложена вся гнусная история того, как военные тягачи играют на всех сколько-нибудь чувствительных струнах человеческого существа и доводят людей до того, что они жаждут вонзить друг в друга штыки.

Это, конечно, безнадежное желание, но мне хотелось бы, чтобы книгу Поусонби прочли те миллионы подростков, по потенциальное пушечное мясо, которые скоро ждут **некоторую** ужасы новой мировой войны.

Перевел В. СТАНЕВИЧ

СССР—УДАРНАЯ БРИГАДА МИРОВОГО ПРОЛЕТАРИАТА

ЗА УДАРНУЮ БОЛЬШЕВИСТСКУЮ ЛИТЕРАТУРУ РАБОЧЕГО КЛАССА!

О „РАЗБЕГЕ“ В. СТАВСКОГО

«При темпе моей спешки можно пропустить много хороших образов, удачных строчек, такое-то количество блестящих рифм. При темпе спешки тов. Фадеева можно пропустить социализм», — так демагогически писал недавно Ал. Безыменский. «Гражданские и стремительные процессы эпохи хочется, прежде всего, обдумать. Полноценное художественное изображение может не необходимости и запоздать», — так писал недавно один из руководителей «Перевала» Иван Катаев. Механистическая теория этой теории ясна. Трудно не видеть, что А. Безыменский и И. Катаев в своем «творческом единстве» ценят проблему отставания пролетарской литературы от эпохи социалистического наступления, **на путях ликвидации вместе с отставанием и самой литературы как особого оружия рабочего класса в борьбе за социализм.** Трудно ли понимать, что пролетариат и его руководящая партия во всех решительно и без исключения областях работы и строительства добиваются **высочайших темпов вовсе не путем снижения качества** работы. Проблема темпа и качества решается пролетариатом никак не в пользу одного за счет другого. Кто этого не понял, тот вряд ли многое понял в своеобразии революционного периода пролетарской революции. Вот почему установка Безыменского и Катаева бьет основные тенденции развития нашей пролетарской литературы, бьет также ее произведения, как, например, на ряду с малохудожественными «Брусками» и др., «Разбег» В. Ставского. Не случайно Ставский, не щадящий кулак защищенного сопротивления и «Разбег», **беря одну из самых главных и самых обязательных для пролетарской литературы тем реконструктивного периода, — классовую борьбу в деревне,** — достигая подлинно большевистской действенности своего произведения, одновременно значительно вырос (по сравнению со «Станицей») как художник.

Огромное социально - политическое значение нового произведения Ставского для пролетарской литературы, прежде всего, в том, что, родясь из пролетарской классовой практики сегодняшнего дня, оно само способно непосредственно стать активным моментом классовой борьбы. Ею живет книжка Ставского, и в этом ее главный смысл. В произведениях Ставского вы с большой силой ощущаете, что северо-кавказская станица эпохи великого перелома — поле непримиримой прямой и скрытой, беспощадной и кровавой борьбы классов, борьбы пролетариата в союзе с основными слоями крестьянства против законной жалкой **«обыденщины экономики в мелкокрестьянской стране»** (Ленин). Произведение Ставского — произведение фурманистской линии пролетарской литературы, произведение большевика-писателя, бойца и участника подлинно-исторических событий, произведение «фадеевское», однако, ничего общего не имеющее с «лефовским» слепым фактографизмом, на деле, конечно, весьма малофактичным по отношению к реальной действительности ее решающим закономерностям, ее диалектике.

«Разбег» — книга классовой борьбы, книга утверждения величайшей, но и труднейшей задачи пролетарской революции, задачи поворота деревни на социалистический путь развития. Здесь ничто не напоминает половинко-«европейского» гуманизма. Это — сила писателя-материалиста, художественно-мыслящего общественную историю как историю классовой борьбы; это — сила писателя, диалектически воспринимающая мир, как сращение единого и познание противоречивых частей его (Ленин); это — сила большевистской партийности в литературе, не лакирующей трусливо действительность, не закругляющей ее резких линий, разбивающей вдребезги заветные мечты гуманистов: «нам бы потише и поспокойней!» — от отчаяния готового даже принять социализм, где не будет этой «ужасной» классовой борьбы, от которой он, сея, в своей небольшой, по «обставленной» квартирке, так устал!

Три мотива с особенной силой звучат в «Разбеге» Ставского. Это — ощущение подлинной борьбы в деревне, борьбы исторического размаха и смысла, не «царапанья», а борьбы, в которой резко столкнуты две силы; сила растущего социализма и сила контрреволюции; это — недостатки, промахи и ошибки, руководящего советского, партийного механизма в деревне; это — изучающий через всю книгу мотив подбора, воспитания и выдвижения кадров непосредственных проводников генеральной линии партии в станице. Поэтому «Разбег» Ставского—произведение большевистской литературы, его познавательная роль искусства стала в качестве с его организующей, активной действенной ролью. И—хотя «выводы» Ставским не сделаны — они столь же необходимо «вытекают» у Ставского, как и показ действительности. В этом смысле Ставский тенденциозен. Но это — та тенденциозность, без которой нет пролетарской литературы реконструктивного периода.

Произведению Ставского выросло из подлинного изучения и наблюдения действительности, как и из самого непосредственного боевого участия Ставского в процессах классовой борьбы в станице.

Дух упрощенного сознания многих, благонамеренно, но мало-содержательно пролетаристающих диалектическое наблюдение изучение классовой действительности и классовой практики, участию в ней, это—горьковская черта Ставского (тщательное изучение действительности) может показаться его героям, Ставский — весь на пути изучения объективной действительности. Поэтому, против «Разбег», мы можем сделать известные конкретно-политические выводы, не столь далекие по содержанию, скажем, от выступлений секретаря северо-кавказского крайкома на пленуме ЦК по ходе хлебозаготовок и коллективизации на Северном Кавказе. В этом — сильная сторона Ставского.

«Вся перед наступлением», — говорит один из героев «Разбега» о станице в «год великого перелома». Это ощущение огромных событий накануне перехода к политике ликвидации кулачества как класса на основе сплошной коллективизации, проведено через всю книгу. Ставский показывает основные силы деревни — бедноту, партийно-советский актив, наш «золотой запас», как говорит один из героев о поворачивающем к коллективизации середняке, идущем в партию, когда она очищает свои ряды от примазавшихся и разложившихся, и, наконец, кулачество.

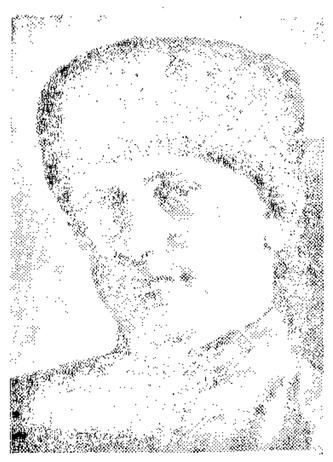
Атаман Шкоденко — центр кулацких контрреволюционных сил станицы. Это—настоящий волк, лютой ненависти ненавидящий советскую власть, тонко и хитро, наступая и маневрируя, руководящий кулацкой и полукулацкой частью станицы, пускающей в движение все средства от слухов о войне, до организации попыток пролезть в колхоз или вообще организации в станице машинно-тракторной станции, но без колхоза.

Ставский показывает, как в жестокой классовой борьбе рядовой советских рабочих станицы совершает на практике грубые оппортунистические ошибки. И закрывая книгу, вы непосредственно формулируете «вывод» об огромном значении людского аппарата социалистического переустройства деревни, об огромной роли кадров руководителей этим переустройством.

Ставский отчетливо показывает, как основную массу станицы принимают большевистский лозунг сплошной коллективизации, как свой лозунг; как нужна борьба за каждого нового колхозника против кулака; как действительно в боях рождается колхоз; как сама бедняцко - середняцкие массы, всем существом ненавидящие тяжелую обычную общественную экономику, становятся героями колхозной стройки. И в этом,— показывает Ставский, — решающий признак силам прошлого. Вот почему **художественно необязательным** является, в конце, арест Шкоденко, ибо этот арест не решает победу социалистического пути развития станицы, а лишь дополняет и оформляет у Ставского победу, уже решившуюся экономически и социально-политически. Вот почему диалектика нового произведения Ставского есть в основе своей художественно-осознаваемая диалектика самой действительности, диалектика классовой борьбы. В этом — главная, имеющая первостепенное значение, сильная сторона творческого метода Ставского, сильная сторона его произведения, несмотря на свои отдельные недостатки, (основной и очень существенный — еще чувствующийся в ряде мест, элемент случайности в раскрытии фактов действительности, — например, мотив разоблачения Мокьяна при помощи его бывшей жены, смерть Мокьяна и др.), произведения, становящегося на передовые позиции классовой борьбы в литературе.

Пролетарская литература получила новый, хорошо бьющий аргумент против своих врагов, против своих «друзей» справа и «слева». И не беда, что найдутся (или даже уже находятся) люди, для которых «Разбег» Ставского «только» очерки, а не «настоящая», как им кажется, литература. Творческий путь Ставского как и всей пролетарской литературы — мимо них, против них.

И. НОВИЧ



В. Ставский

1 МАЯ
В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Первое мая—праздник солидарности мирового пролетариата, праздник проверки боевой готовности для борьбы за осуществление идеалов коммунизма, нашел свое многостороннее отражение в художественной литературе.

Об этом дне писали не только художники революционного пролетариата, но и художники-упадочники и художники мелкобуржуазного, даже правого направления. Последние по большей части давали неверное освещение фактов и событий, непосредственно связанных с днем 1 Мая. Так, например, Як. Окунев в своих поэтических картинках (для театральной постановки) изображает революционное шествие «1 Мая» в виде какого-то сияющего ангела, увенчанного сверкающим нимбом. С. Бабак (в рассказе «День причастия») окутывает своих героев, пострадавших за первомайскую демонстрацию, в одежду романтической религиозности. Еще более искаженное изображение дореволюционных маевок находим мы у Вяч. Шишкова (расск. «Маевка в снегах»). Шишков рисует приехавшего на тайную рабочую маевку пристава каким-то добродушным простачком, напившимся до потери сознания в кругу рабочих и человечным, таким образом, довести до конца пятый митинг.

Полную противоположность перечисленным произведениям представляют рассказы Н. Лапшо («У ворот мая», «Крепящие силы») и знаменитый роман Горького «Мать». Лапшо дает прекрасные зарисовки забастовки рабочих и нелегального распространения первомайских с.-д. листовок. Сквозь строки поэтических воспоминаний сквозит пролетарская уверенность в победе, рвущаяся к революционному действию. В романе «Мать» Максим Горький дал наиболее яркое описание первомайской демонстрации.

Поэтически-стихотворный материал о 1 Мая во много раз превосходит художественную прозу. Больше сорока поэтов касались этой большой, волнующей революционной темы. Еще в 1891 году английский поэт В. Моррис посвятил свои стихи «1 Мая 1891 г.». Пролетарский поэт современной Германии Макс Бартель о 1 Мая написал стихотворение «Знамена», исполненное боевого призыва против империалистической буржуазии.

А. С. Югорин в стих. «Цветут фиалки», вспоминая прошлое, пишет:

«Мы из подполья уходили
В лесные дебри, тайники,
А вслед за нами шли, следили
Казаки, подлые шпики.

Поэт П. Другов в «Майском сне» описывает картины ужасов крестьянской жизни, разоренной «по царскому указу» и оказание сопротивления угнетателям.

Почти во всех стихах, посвященных событиям царского времени, мы наблюдаем описания задавленности и порабощения трудящихся масс. Но совершенно другое встречаем мы в поэзии, посвященной 1 Мая наших дней.

А. Жаров зовет за комсомольскую радость:

**«Пусть ветры тихо гонятся и застят,
Пусть в грозах тучи висят на лучах...
Нет, все равно меня вам не заставить
О радости и солнце замолчать».**

В таком же духе выдержан «Фабзавцмой» А. Безыменского. В. Кириллов посвящает Первому мая торжественные гимны, призывая «сплить Великое Первое мая, праздник труда и падевый окон».

В своем первомайском стихотворении «III Интернационал» В. Маяковский сумел внедрить гигантские ритмы революционного шествия пролетариата и классовый дух пролетарской солидарности.

Но эта огромная тема 1 Мая, несмотря на обилие посвященного ей материала, отнюдь не исчерпана. С Первым мая связаны многие и многие революционные события. Чтобы отразить в полноценных художественных образах, нужна большая, длительная работа. Первое мая еще ждет своих художников.

И. АСТАХОВ

„НА ФРОНТАХ ПЯТИЛЕТКИ“

«Донбасс ударный». Сборник, п. 70 коп. **Н. Гудов-Еремеев** «За уголь», п. 25 к. **А. Ивбах** «Путь», п. 8 коп. **В. Ильенков** «Горький человек», п. 5 коп. **М. Кушнер** «Перелом», п. 12 коп. **М. Смоленский** «Александра Сидоренко», п. 10 коп. **В. Ставский** «Волк», п. 12 коп. **М. Чумандрин** «Дела и люди», п. 12 коп. ГИХЛ 1930—31 г. Тираж 25.000.

Нет нужды говорить о целесообразности и агитационной силе такого издания.

Почти все очерки серии имеют конкретно-целевую установку. Они агитируют и принуждают работать лучше, чего добились пролетарии в борьбе с неполадками. Авторы сами говорят языком рационализаторов, организуя перекличку ударного опыта и достижений пятилетки. Позорное клеймо ставится на срывах пятилетки.

Сборник «Донбасс ударный», составленный из очерков К. Гудка-Еремеева, М. Смоленского, В. Типана, Б. Галина, и др., стихов А. Гидлина, А. Фанберга, С. Кирсанова, и статей т. Молотова и революции шахт — есть своеобразная ударная хрестоматия, призыв на ликвидацию угольного прорыва, пропаганда социалистических форм труда и показ героев ударничества. Об уже произведенном «Переломе», в Криворожском районе, опыт которого «Правда» назвала вестником, пишет М. Кушнер, показывая значение действительной перестройки аппарата и мобилизации внутренних ресурсов в деле ликвидации прорыва. Портрет вождя ударничества — «легкого человека», летучка—дает в своем рассказе В. Ильенков, противопоставляя его нерадивому пролетарий-партийцу.

М. Смоленского, в очерках которого надо отметить сильное тяготение к действенной публицистике, интересует проблема кадров в другом разрезе. Сильно написанный очерк о комсомолке Александре Сидоренко, первой на Урале девушке-металлурге-инженере доменного цеха, которой пришлось упорно и долго добиваться доверия и признания, кончается репликой: «В музее в Нижнем Тагиле висит портрет Матильды Бонапарт — изумительная работа художника Гросса. Матильда знаменита тем, что досадовала родной внучкой Бонапарту Наполеону и была женой одного из Демидовых, основателей уральской металлургии. Повесьте рядом с портретом Матильды Бонапарт фотографическую карточку Александры Сидоренко! Два портрета лучше многих книг расскажут о жизни двух эпох».

«Волк» В. Ставского — портрет атамана Шкоденко, кулака, борющегося против большевистской хлебозаготовительной кампании на Кубани в 1929 году, написан сочно и образно. Это — убедительный портрет классового врага.

Несколько сухой очерк А. Небоха «Путь», рассказывающий о малограмотном батраке Иване Сагарове, который, пройдя школу Красной армии, стал активным, грамотным и боевым организатором коллективизации на селе. Недостаток очерка — в малой образной конкретности.

При скудных еще изобразительных средствах в очерках т. Гудка-Еремеева «За уголь» имеется характерная особенность газетчика, интересующегося фактом, как общим, абстрагированным от тех условий, в которых он произошел и от тех конкретных форм, в которых он проявился. Между тем очерк преследует цель не только волнующего изложения и комментирования самого факта, но и его объяснение, а также воспроизведение. Достигая почти новеллистической законченности в очерке «Глаза Донбасса», т. Гудок-Еремеев все же не может закрепиться на определенном уровне. Видно, что работая над повышением своей литературной квалификации он интересуется больше фразой, чем методами охвата всего явления. Но это грех писательской молодости.

Вот почему следует всячески рекомендовать большевистские очерки М. Чумандрина о «Красном Путиловце». Не в том дело, что они написаны при умелом пользовании реалистической деталью. Сама по себе такая деталь еще несколько не отличается от натуралистической бытовизм. Сила очерков М. Чумандрина в том, что он схватывает действительно основное и главное, добираясь до сути явления, а не останавливаясь на его поверхности. Он берет любой вопрос организующего их центра—производства—и вскрывает их социальную ценность, сообразно их отношению к заводу. И тогда реалистическая деталь приобретает силу, помогая автору в его замыслах.

В заключение о всей серии. Несмотря на отдельные недостатки здесь все не плохо. Но литературная задача, стоящая перед ГИХЛ, сделать серию совершенствующей ее назначению — всесторонней серией о пятилетке.

С. КАРЛИН

СЛЕТ УДАРНИКОВ ПЕРА

ЛЕНИНГРАД, 27. (Наш корр.). Вчера в Доме печати открылся первый областной слет литкружковцев-ударников совхозов и колхозов. На слете присутствуют около 150 литкружковцев. Приехали на слет представители организаций ВОПКП Северного Кавказа, ЦЧО, Среднего Поволжья, Западной области и др.

В первый день слета с большим докладом о задачах пролетарско-колхозного литературного движения выступил от ЦС ВОПКП тов. ОСТРОГОРСКИЙ.

Сегодня ударники, призванные и пролетарско-колхозную литературу, примут участие в слете литкружковцев-ударников заводов и фабрик Московского района.

* В почетный президиум слета избраны Политбюро ЦК ВКП(б), МАКСИМ ГОРЬКИЙ, ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ и А. СЕРАФИМОВИЧ.

* На слете развернута выставка литературы и творческих сборников районных отделений ВОПКП.

* Старорусские литкружковцы привезли портрет М. Горького, сделанный из ракушек.

* Слет послал приветственную телеграмму М. ГОРЬКОМУ, который избран почетным ударником ЛОПКП.

ДЕЙСТВЕННОСТЬ И ОПЕРАТИВНОСТЬ
К ВОПРОСУ О „ТОНКИХ“ ЖУРНАЛАХ

Наша периодическая печать не богата «тонкими» журналами. Это обстоятельство, а также и то, что «Красная нива», «Огонек», и «Прожектор», имеют почти полумиллионный тираж, вполне определяет внимание, с каким наша общественность должна относиться к ним, и потому нет ничего удивительного, что сейчас возник довольно горячий спор вокруг их качества. Скорее надо удивляться именно тому, что спор этот возник лишь недавно. Не касаясь отдельных ошибок критиков, мы должны признать, что сама по себе дискуссия, вокруг тонких журналов вполне своевременна, и «Вечерняя Москва» поступила правильно, подняв этот вопрос. Великое замалчивание здесь неуместно, тем более недопустимы любые попытки зажать самокритику и загнать дело так, будто спор вызывается какими-нибудь личными взаимоотношениями или пристрастиями кому-то в голову желанием создать очередную литературную сенсацию. Думать так, нашему бы просто не учитывать большого культурного и политического значения, какое имеют «тонкие журналы».

Мы показали, что неправильно было бы давать огульную оценку «Красной ниве», «Огоньку» и «Прожектору», не видеть между ними никаких различий. Однако есть одно свойство, общее для них всех, которое сразу бросается в глаза любому читателю. Свойство это имеет весьма больное значение.

Одной из самых опасных и вредных тенденций в нашей литературе и журналистике является стремление лакировать действительность, приукрашать ее под какой-нибудь беспорный лозунг без диалектического понимания того, что именно этот лозунг означает. Эта тенденция осуществляется по-разному. Иногда писатель, чуждый революции, пытается скрыть свою враждебное нам мировоззрение под громкой революционной фразой, иногда он впадает в нейтральное описательство, в «об'ективизм», «честно» и «точно» изображая вещи и факты с той только особенностью, что тщательно отметает все, могущее вызывать ощущение неблагополучия, трудностей, и т. д. Получается в результате казенный оптимизм, сглаживание, ползучий эмпиризм или откровенное эстетство. Независимо от того, какое обличие принимает в таких случаях литературное произведение, оно оказывается фальшивым и по существу вредным.

Если вы развернете «Красную ниву» или «Огонек» и «Прожектор», вы увидите в разных формах — художественных, информационных, иронических — изображение почти только наших достижений. Труд есть и борьба почти не замечены на страницах наших журналов. Они встречаются только как необходимые ремарки.

Общий тон благополучия и беспрекословного движения вперед объективно является вредным, классово-чуждым для пролетариата, ибо демобилизует общественность, отводит ее от основных задач современности, тушит классовую злость и волю к борьбе. В этом и заключается главная беда наших журналов.

Она порождает и другие, уже более формального свойства. Она порождает фальшивость, штамп, общую серость. Грохот штампованные фразы, сталинская композиция, однотипные конструкции. «Завод работал. Рос энтузиазм. Горячей будней жили цехи». (А. Иванов. «Красная нива»). «Тысячелетия дремлют стены, но уже пришло время пробудиться безграничностям. С каждым годом люди одерживают победу над тиками стенями» («Красная нива»). «Проведена большая, упорная работа. Каждый день находились новые способы использования оборудования, новые методы повышения производительности труда» («Огонек»). Такими фразами наполнены оба журнала. Даже «Прожектор» грешит этим: «Наши фабрики и заводы по утрам играют торжественный гимн труда. В плотную тишину цеха врываются бодрые голоса рабочих». Особенно фальшиво получается, когда этот стандарт благополучия применяется к живым людям. Вот, например, Э. Гиллер описывает женщин-работниц.

Одна из них — «красавица, и душа ее какая!», другую «захлестывает волна общественных обязанностей», третья — «токарь — первый сорт, а общественница — пам бы так!», четвертая—«рвалась на завод и радовалась успехам завода». В другом очерке той же «Красной нивы» изображается икона пекоемой дяди Гриши, дизбезника с Трехгорки, дожевствующего исторгнуть слезы умиления у читателя еще и потому, что он окружен коллективом, который занимается исключительно составлением проектов, планов, ожесточенной работой, и т. д. Никто не будет спорить, что и дяди Гриша и указанные Э. Гиллер действительно, существуют, и, быть может, даже гораздо более героичны и гораздо сильнее горят интересами пролетариата, но показанные так, как это делается на страницах журнала, они оставляют читателя слащавым и сусальностью.

«Прожектор» в этом смысле стоит несколько особняком, однако, и он лишен всякой способности ставить острые вопросы, возбуждать дискуссии, поднимать яросты масс.

«Тонкие журналы» находятся как бы в середине между газетой и журналами массивными: «они не имеют злободневного оперативного характера первых и глубины вторых. Между тем, нам невозможно понять, почему ежедневный журнал не может иметь оперативного характера, почему его фельетоны или очерки не могут возбуждать действенного резонанса и в рабочих массах и в соответствующих организациях или предприятиях, почему вообще он не может быть массовым пропагандистом и организатором. Неужели он умер — безубыль, сглаживать, неужели его активное вмешательство в жизнь должно ограничиться только тем, что на последней странице он дает читателю всевозможные загадки в виде разных там «кроссфордов» и «викторин»? Неужели большевистский темперамент, беспощадный диалектико-материалистический анализ явлений, коммунистическая непримиримость и горячность к борьбе необходимы лишь для нашей газет, а журнал может пребывать в академическом спокойствии, достойном блаженной памяти «Аполлона»? Мы думаем, что нет.

Нам могут возразить, что журналы во-время откликаются на все кампании, что они печатают международные обзоры, «советские дневники» и т. д.

Действительно, «Красная нива» печатает в каждом номере «Советский дневник». Но он представляет собой сухую компиляцию газетных передовиц и сообщений ТАСС. Действительно, тот же журнал дает международные обзоры, но они лишены глубины, вследствие их краткости и великой яркости, вследствие установки на монументальность. Действительно, «Огонек» дает отдел «По следам произведенной сводки», но в каком смысл этого отдела пропадает, так как он написан настолько сухим и казенным языком, что любая телеграмма в газете воспринимается гораздо лучше, хотя бы вследствие своей краткости и злободневности. Все это — только отзвуки от требований, которые предъявляет журналам наша действительность, глубокий же и живой подход к материалу здесь отсутствует.

Другим весьма существенным недостатком журналов является узость их тематического диапазона. Как это ни странно, но в «Красной ниве» и «Огоньке» и даже «Прожекторе» в этом году почти не касались из своих страничек вопросов культуры и искусства. Можно подумать, что классовая борьба и общественное строительство происходит только на сельскохозяйственном и индустриальном фронтах. Даже вопросы художественной литературы не находят себе отражений в журналах возможно именно по той причине, что редакции и здесь не хотят «вмешиваться» в какие-нибудь дискуссии. Но пойдите сейчас хоть в одну область, где не было бы борьбы и противоречий, где можно было бы занимать какую-то нейтральную позицию!

«Огонек» и «Красная нива» почти совершенно отказались от рассказов и очень сократили стихотворный отдел. Это безусловная ошибка, так как читатель ждет от журнала живых образов, яркой изобразительности, а не сухих статей, сводок и отчетов. Очерк же паблюцизирован, стандартизован, и в том виде, в каком он сейчас, не в состоянии удовлетворить художественные запросы читателя.

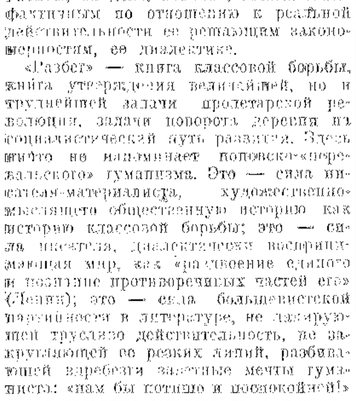
В этом отношении «Прожектор» представляет собой приятное исключение. Художественный уровень текста здесь также выше «Красной книы» и «Огонька». В «Прожекторе» работают писатели и журналисты высокой квалификации. Это — несомненная заслуга журнала, который сумел организовать вокруг себя авторов, чего не удалось сделать ни «Красной нике», ни «Огоньку».

Таков общий облик наших глазных «тонких» журналов. Несомненно, он очень не полон. Несомненно, он недостаточно конкретен, ибо, чтобы быть конкретным, пришлось бы этот обзор развернуть до значительно больших размеров. Однако более подробное обсуждение вопроса о «тонких» журналах необходимо. В нем должны принять участие не только их организаторы, но и писательская общественность, и читатель, слово которого имеет здесь особенное значение. Мы думаем, что вскрытая нами подмена создала уже достаточную почву для того, чтобы договорить о «тонких» журналах подробно и в широкой аудитории. Поэтому было бы целесообразно создать специальную конференцию, посвященную этому вопросу, с участием редакций, писателей и читателей. Это предложение мы и вносим в заключение нашей статьи.

ПИСАТЕЛЬ

От редакции. Мы присоединяемся к последнему предложению автора статьи. Помещая ее, мы также как и сам автор, подчеркиваем, что в статье далеко не охвачены все назревшие вопросы о «тонких» журналах и считаем необходимым продолжить обсуждение их работы. В ближайшее время мы вернемся к проблеме—о типе «тонкого» журнала.

ПУТЬ ТЫЧИНЫ



Павло Тычина

Тычина — крупнейший лирик советской Украины — дебютировал в глухие годы столыпинской реакции. В этот период украинская буржуазная интеллигенция переживала «литературный расцвет» не менее остро, чем русская. Если на севере — после разгрома революции пятого года — бездетристика осатанела — в буквальном и переносном смысле — «у последней черты» Арцыбашева и — под истерические вакханалии андреевских персонажей — призывала тушить революционные фонарики и погрузиться во «Тьму»... то на Украине специфическое самообнажение мелкобуржуазной литературы было таким же тяжелым: Винниченко углубился в богемски-индивидуалистическую «честность с собой», а в лирике вместо пестро расцвеченных лозунгов первой революции забрезжили эстетски-эпигонские рецитативы. В этом окружении среди балаклавских мотивов последней украинского символизма впервые раздался—из Черниговской глуши—юношеский голос Тычины, выделялись свежестью интонаций.

Социальные—мелкобуржуазные — истоки символической лирики Тычины, разумеется, те же, что и у других украинских символистов, и было бы в корне неправильным противопоставлять раннего Тычину другим символистам. В рамках данной статьи мы лишь отмечаем, что Тычина принадлежал к тем символистам, которые в конечном счете смогли, овладев революционной темой, преодолеть узость своих прежних символических мотивов.

«Арфами, арфами!» — в этом лозунге первого было озглавлено его раннее стихотворение, остановившее на себе внимание украинской интеллигенции.

«Арфа может звучать в любой руке, но волоса арфа зазвучит лишь тогда, когда ее струн коснется буря». — писал Марке в одном из своих юношеских писем. Преимущество «арф» Тычины перед балалайками Чупринки, Олеся и прочих символистов обнаруживалось только при первых раскатах революционной бури. Если на сквозняке гражданской войны моментально охрипли голоса этих сладкозвучных теноров и моментально увяли их рекутания, то голос Тычины и его заслуженная репутация — больного поэта продолжали крепнуть вместе с его приближением к революции. Это произошло не сразу. Когда в 1918 году в Киеве вышла первая книга Тычины «Солнечные кларнеты» — то ее идейный комплекс оказался настолько приемлемым для украинских буржуазных кругов, что националистический лагерь попытался, заласкав похвалами Тычину, привлечь его на свою сторону. На ряду с многочисленными хвалебными рецензиями, ему посвящает восторженную статью и петлюровский министр Никовский (он так давно осужденный по делу СВУ). Тычина не поддался всем этим заманиваниям. «Думы мои вам не купить ни ласковым пенкам, ни золотом, ни хлебом, ни орлом», — гневно ответил он впоследствии стихотворением, обращенным к возлюбленной эмиграции.

Правда, Тычина известный период пытался стоять «над схваткой» на позициях гуманного нейтрализма, пацифистского и националистического мессианизма. Выразил в ту пору психологию интеллигентских слоев — революционно — то радикальных, то консервативных, — он мучительно переживал прерашение Украины в плацдарм ожесточенной гражданской войны. «Стонет сто раз распятый Киев и в нем — вновь распят я», — жаловался поэт. Все же его второй стихотворный сборник «Плуг» (1920 г.) оказался не только книгой перестутий, но и бесспорным документом органического поворота интеллигентского поэта на Октябрьский путь. С одной стороны, гуманистический пафос над расстрелянными, полуголодное созерцание революции «из щелей», а с другой — стихийный восторг перед ветром — «не ветром — бурей!», сметающим старый уклад. Последнее чувство побеждает. Искреннейший поэт почувствовал, как глубоко проник Октябрь в толщи селянства, он увидел «сам на площади у церкви» пастуха, избранного атаманом, — весь победный ход революции: его классические строки об этом — переведенные на множество языков — самые популярные строки школьных хрестоматий советской Украины. В этот период он создает и свой, по менее популярный гимн «чугунному ренессансу». Разгадав сквозь разруху гражданской войны организующую силу завода, поэт, только-что «ненавидевший железо, медь, бетоны и чугуны», тут же создает пламенный «псалом железу». Наконец, ленинская напочвенная политика партии окончательно убеждает украинского лирика в том, что подлинный расцвет национальной культуры единственно возможен на путях пролетарской диктатуры. Отзвуки для Тычины «Ветер из Украины» (так называлась его следующая книга, вышедшая в 1924 году), это только Октябрьский ветер. И в этой книге уже непоколебимо выступает Тычина как гражданский поэт Советской Украины.

После «Ветра из Украины» Тычина, однако, замолкает на продолжительный промежуток времени. Он погружается во всестороннее изучение эпохи XVIII века, в работу над драматической поэмой, посвященной монументальному историческому образу Гр. Сковороды. Было бы ошибочно пройти мимо первой тогдашнего своеобразного самозамыкания Тычины, — его симптоматичного ухода от злободневной тематики. Оно, конечно, не было случайным. Оно вполне соответствовало пребыванию Тычины в рядах Валлите. Оно нелепом отвечало комплексу мелкобуржуазных националистических идей «хвилевизма» и «валлитянства», защищавшего идею «борьбы двух культур», противопоставляющего так называемую «большую» литературу — литературе для делающего ставку на «гепка», — находящегося в неизбежном конфликте с современностью и повседневностью. Натиск мелкобуржуазной стихии в конце восстановительного периода довольно сильно чувствовался и на отдельных звеньях украинской советской литературы. Правда, Тычина не был — наиболее подчиненным этому натиску — звеном: он, разумеется, никогда не проявлял себя в роли воинствующего валлитянца. Он молчал. Но и длительное молчание автора «Ветра из Украины» было достаточно характерно для периода его пребывания в рядах Валлите.

Тем больший интерес вызывает последнее выступление Тычины. Поэт-академик только-что опубликовал цикл стихов «Чернигов», являющийся одновременно и новым этапом в его творчестве и любопытным социально-психологическим документом.

Эпоха реконструкции внутренне боролась в лирическую камеру поэта. Чугунный ренессанс, о котором поэт-то абстрактно возвещал автор «Плуга», теперь становится для него ощутимой явью. Побольше чугуна, стали, угля! — эти лозунги миллионных строителей пятилетки воплощаются в действительность. И в голосе музыкальнейшего украинского поэта (который когда-то с дрожью в голосе говорил о «бетонах и чугунах», рифмуя их с «гуниями») зазвучали теперь металлические нотки. Тычина делает шаг вперед от «Ветра из Украины» к насквозь индустриализированной лирике нашей современности.

Однако, причем тут Чернигов? В каком плане новые его стихи связаны с этим географическим местом? Почему цикл политических стихов на злобу дня (о бетонной забастовке металлистов, о вредителях, о политехнизации, и о недавнем юбилее 1905 г., и т. д.) локализован вокруг него? Чернигов — тишайший провинциальный город, — некогда — средоточие отставных чиновников, — и Тычина сознательным приемом художника избирает именно этот город, чтобы показать, как даже в Чернигове, казалось бы наименее индустриализованном участке УССР, — гулко отдается грохот социалистического строительства. Наконец, Тычина возвращается сюда, как к месту, где он — в глуши — провел свои ученические годы, чтобы взглянуть на него теперь свежим глазами друга-рабочего, знакомого поэта с обликом советского Чернигова. «Догоним мы их, догоним!», — уверенно говорит его спутник, — «смотри, там, где герза склонялась над полем (а герза была излюбленным образом прежнего Тычины. А. Л.), теперь поднялось паровозное депо». Это служит как бы прологом к дальнейшим стихам, где на фоне сплоченной демонстрации против интервенционистов («Ленин» одно только слово, а мы, словно буря: «Готово!»), — показывая эту готовность масс в любой момент стать под знаменем Ленина на защиту Советов, Тычина монтирует разнородные мотивы и лозунги политического сегодня.

Художественная мощь чувствуется в этих стихах: самозабвенная сила отдельных политических лозунгов — их газетное звучание — здесь сочетается с — полным экспрессии — литературным языком, полнозвучно использующим сочный украинский фольклор. Правда, у многих вызывает удивление это сочетание фольклора с газетностью, лозунговостью последнего цикла Тычины и не все осознают значительность нового вклада поэта в жанр политической лирики.

Разумеется мы не можем обойти молчанием и некоторых дефектов в этих стихах Тычины — их схематичности, а также не везде и не всюду преодоленного эстетства в подаче сугубо-политического материала. И все же лирик Тычина неоднучие бросает по адресу «украинизаторского» отребья — «собаки чугунны» — это в контексте его музыкальных и рафинированных стихов звучит и с формальной стороны великолепно, хотя кажется не понятным для эстетствующих чистоплюев и стонущим для поклонников прежнего — времен «Солнечных кларнетов». — жеманно-символистского Тычины. Наконец, важно и то, что Тычина, откликаясь на темы текущего момента, разрабатывает их с монументальной тщательностью, внимательно изучая газетный язык.

Трудно предугадать, что что вырастет этот творческий этап поэта, и все же то обстоятельство, что появление цикла «Чернигов» совпадает с консолидацией пролетарских сил на Украине, что после написания «Чернигова» Тычина (вместе с группой писателей) разоружившихся пролитфронтовцев) вступает в ВУСПП, дает основание думать, что поэт пойдет и дальше по пути индивидуации своего творчества.

Во всяком случае, заслуживает детального разбора весь творческий путь, пройденный поэтом от «Солнечных кларнетов» к «Чернигову», как яркий документ приобщения лучшей части украинской радикально-сельской интеллигенции к революции. Тем более, что, врастая в революцию, Тычина все более вырастал в поэта, как мастер. Путь Тычины это — одновременно — и наглядная иллюстрация к тезису тов. Сталина о «периоде диктатуры пролетариата, как периоде расцвета национальных культур», и веское опровержение уродливых теорий об увядании лирики в эпоху строительства социализма.

А. ЛЕЙТЕС

СЕГОДНЯ ЛИТЕРАТУРНЫХ ОРГАНИЗАЦИИ

● На днях у начальника военно-воздушных сил и члена Реввоенсовета СССР т. Баранова состоялось совещание ЛОКАФ, посвященное вопросу об освещении в литературе жизни и работы работников авиации. Писатели—члены ЛОКАФ заявили о том, что они творчески самомобилизуются для создания произведений о Красном воздушном флоте. Тов. Баранов обещал оказать писателям всемерное содействие.

● Директора Института ЛИЯ Комакадемии утвердил председателем секции критики и публицистики т. **Кирпотина**, директора Института ЛИЯ Ленинградского отделения Комакадемии.

● Секретариат МАПП проводит среди литературных ударников по районным собраний, посвященных творчеству Горького. На клубных подготавливается творческое Горького. Кружок при МАПП работает над докладом «О фельетонах тов. т. Горького». Этот же кружок организует передвижную выставку творчества Горького.

● Члены МАПП В. Дмитров, Л. Ошанин, К. Митренин, В. Луговской, Сосновский, Ростовцев, Сидоренко, Цагарышский, И. Н. Михайлов, Бродский, Шуваев, Ларионов, Мих. Голодный, Дж. Хлаголси, Ал. Жаров, Подсолнов, Головин, Юрин, Сальников и Тамашевская мобилизованы секретариатом МАПП для выступлений в керосинщиков дни.

● Летучая агитационно-литературная бригада МОРП и ОГИЗ побывала в Ростове. После ознакомления с работами предприятий интернациональная бригада рекомендовала лучшей пьесой, идущей в учебно-опытном театре Зернотреста. В Ростовском Доме печати состоялась встреча интернациональной писательской бригады с ударниками, рабкорами, журналистами и писателями Ростова.

● Сегодня в Москву приезжает пролетарский немецкий писатель Иоганнес Бехер, который примет участие в первомайских торжествах.

● Президиум центрального Совета ЛОКАФ избрал секретариат ЛОКАФ в составе тт. Л. Дегтярева, Матэ Залка, Рейзина (секретарь ячейки ИЗГ), Лепского и Д. Либермана. Председателем ЦС ЛОКАФ избран Л. Дегтярев, зам. председателя и отв. секретарем ЦС ЛОКАФ—Матэ Залка, ответсекретарем Лепский.

● С мая президиум ЦС ЛОКАФ будет выпускать ежемесячный бюллетень для инструктирования местных отделений.

● Всероссекомдрам созывает в мае **всероссийское производственное совещание в малых формах сценического искусства.** На выездах АМО и № 39, шефствующих над Всероссекомдрамом, помещены организованы две специальные бригады авторов. Всероссекомдрам мобилизовал также 5 своих членов на работу по ликвидации прорывов на транспорте.

● Методический центр Всероссекомдрама прорабатывает вопрос о создании при Комакадемии курса по подготовке квалификации кинодраматургов.

● Закончились приемные испытания в театрально-литературную мастерскую ФОСП. Из 160 человек, поданных заявления, принято 20. Пролетарско-комсомольская прослойка приема достигает 70 процентов.

● Основная установка мастерской—создать при клубе ФОСП кроющую театрально-литературную базу, которая помимо обслуживания клуба по театральной линии будет служить опытной лабораторией для драматургов и молодых режиссеров. Занятия в мастерской начнутся 3 мая.

● Третьего дня в **редакции журнала «Новый мир»** состоялось очередное литературное собрание, на котором **Артем Веселый** читал отрывок из романа «Россия, кровью умытая». После А. Веселого с чтением своих вещей выступили поэты: **П. Антокольский, Н. Асеев, С. Кирсанов, Ив. Молчанов и Бор. Пастернак. На литературном собрании присутствовал т. М. И. Калинин.**

● Институт ЛИЯ Комакадемии и Московский областной комбуро провели 26 апреля диспут на тему «Партия в пролетарской литературе». Выступивший с докладом А. Бочаров подверг анализу произведения Б. Горбатова, А. Чебаха, Л. Овалова и М. Чумандрина.

НА МАГНИТОСТРОЕ.

На Магнитострой выехал 25 апреля тов. Демьян Бедный.

ПРОЛЕТАРСКО-КОЛХОЗНЫЕ ПИСАТЕЛИ
В БЕЛОРУССИИ

В Белоруссии имеется значительная группа писателей, отражающих в своих произведениях вопросы социалистической перестройки деревни. Но до сих пор эти писатели были разбросаны, часть их не входила ни в какие литературные организации, часть же состояла членами «Полымя», «Узвышша» и, главным образом, БелАПП.

Вопрос об объединении пролетарско-колхозных писателей был давно разрешен принципиально. Т. Галецкий, Бядуля и Бялевичем были выделены в организационный комитет. Недавно члены Белорусского организационного комитета тт. Больцов и Ерошевицкий выехали в Минск. На собрании писателей было постановлено оформить создание БелОППП. Руководящее ядро новой организации составляют писатели, входящие в БелАПП. Избран организационный комитет БелОППП в составе тт. Шуквиц-Третьякова (ответственный секретарь), Барашка (оргсекретарь), Галецкий, Вайцеховых и Шмидта. Организовано также Минское отделение. Еврейские и польские пролетарско-колхозные писатели будут объединены в секции.

В первую очередь БелОППП, на всю с собранием сил, будет вести работу по призыву ударников в литературу. Предполагается издавать для привлеченных начинающий общественно-политический и литературно-художественный массовый журнал.

СОВЕЩАНИЕ КОМАКАДЕМИИ И ГЛАВИСКУССТВА

В Главискусстве состоялось 25 апреля совещание сектора искусств совместно с секциями Комакадемии.

Представитель Комакадемии тов. **Динамов** сделал общий доклад о задачах работ секции искусств Комакадемии. От секции самодеятельного искусства выступил тов. **Пельше.** Отмечая продвижение пролетарскую работу тов. Пельше поставил вопрос о необходимости выработки теоретических и методических основ самодеятельного искусства.

Тов. **Ковалено** информировал совещание о работе Национальной секции Комакадемии.

Работа музыкальной секции была освещена в докладе тов. **Лебединского.** Тов. Лебединский указывал, что в музыкальном искусстве еще заметно влияние классового врага. Музыканты Комакадемии проводят работу по разоблачению буржуазной идеологии в музыке и разрабатывают теоретические и методологические проблемы, стоящие перед массовым движением пролетарских музыкантов. Вопрос о новых кадрах музыкантов Комакадемии прорабатывается сейчас совместно с Гнесом и Гнесинским техникумом.

Совещание вынесло три комиссии для разработки решений по докладам секций. На 5 мая назначено совещание, на котором будут заслушаны доклады комиссий и секций Комакадемии.

В СЕКЦИИ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА НАРОДОВ СССР КОМАКАДЕМИИ

Создание постановление ЦК ВКП(б) о перестройке работы Комакадемии в стороны теоретической разработки проблем истории мировой культуры, марксистского изучения и освоения культурного наследства прошлого, подготовки кадров ученых и писателей в этих областях знания.

Центр работы секции литературы и искусства народов СССР составляют задачи доклад т. Ковалено о задачах и боевых установках секции.

— В тесном контакте с ВОАПП — говорил докладчик — работа секции будет направлена над национальными культурами. Будет дана критика на фронте буржуазной литературы, классово враждебных и вредных нам культур. Не один и не десять, а много классово враждебных и реакционных теоретических статей капитулянтов на национальном фронте наблюдаются различные извращения и уклоны буржуазно-националистического характера. Необходимо обратить на самом острие — на теоретический участок, с которым секция поведет непримиримую борьбу за правильную ленинскую национальную политику. Новое руководство Комакадемии ставит своей очередной задачей усиление идеологической борьбы с троцкизмом.

В плане работ секции — составление ряда монографий, освещающих основные моменты в развитии культурного строительства народов СССР, под методологическим углом зрения, показывающим на конкретном материале практические удачи и неправильные извращения национальной теории.

Одним важным звеном в работе секции должен организуемые совместно с ВОАПП дискуссии на актуальные политические темы. Основными докладчиками явятся комиссия в составе членов секции и приглашенных товарищей. Намечены доклады тт. Гольцмана «Национальная конкретика и борьба за пролетарский интернационализм», Ермилова «Проблема творческой дискуссии в ВОАПП» и т. д.

К теме докладов необходимо привлечь очень большое внимание. К участию в них нужно, в частности, привлечь работников русской литературы, практический актив туземный молодежи и студенчество.

СКАЗ.

О ВХОЖДЕНИИ „КУЗНИЦЫ" В РАПП
Совместное постановление секретариата РАПП и бюро „Кузницы"

1. Считать, что в результате закончившегося 2/IV с. г. обсуждения московской и местных групп «Кузницы» вопроса о консолидации сил пролетарской литературы (о вхождении московских групп «Кузницы» в ряды РАПП и БУСПО) решен окончательно и положительно.

2. Предложить местным АПП провести и закончить к 30 мая с. г. проверку рядов местных групп «Кузницы» и коллективный прием проверенных товарищей в ряды местных АПП через комиссии (под руководством представителя секретариата местной АПП), в состав которых должен быть включен и представитель местной группы «Кузницы».

3. Предложить местным АПП обеспечить за группами «Кузницы» возможность дальнейшего существования в качестве творческих групп местных ассоциаций с творческой платформой, не расходящейся с общей платформой РАПП (письмо секретариата РАПП о резервациях творческой дискуссии), в том числе — в случае желания местных групп «Кузницы» — с творческими установками московской группы — группы РАПП «Кузница», принятыми в соответствии с местными группами «Кузницы» от 2 апреля с. г.

Одновременно обязать местные АПП организовать бывшим группам «Кузницы» — уже в качестве литгрупп местных АПП — возможность систематического освещения своей продукции в местных органах печати (особенно в журналах, альманахах, сборниках и т. д.).

4. Указать местным АПП на необходимость максимального внимания к делу консолидации на местах: входящие в РАПП группам «Кузницы» должно быть обеспечены нормальные условия работы и творческого соревнования, должно быть устранено какое-либо предвзятое по отношению к этим группам отношение и недоверие, при которых не может быть и речи о действительной консолидации.

С другой стороны, указать местным группам «Кузницы» на недопустимость какого-либо отчуждения себя от местным организациям РАПП и их руководству.

5. Обязать местные АПП и вошедшие в них группы «Кузницы» в месячный срок (после оформления на практике) довести до сведения секретариата РАПП и Бюро московской творческой группы РАПП «Кузницы» о результатах консолидации (по линии успехов практического срабатывания — уже внутри АПП — местных групп «Кузница» с аппаратом АПП) с тем, чтобы своевременно могли быть устранены возможные перегибы и вешолапия, мешающие дружной работе пролетарских писателей на едином фронте пролетарской литературы.

Одновременно секретариат РАПП и Бюро московской творческой группы РАПП «Кузница» подчеркивает, что после окончательного оформления консолидации на местах (30 мая) остается очередная творческая связь, а отнюдь не организационная сопричастность местных групп московской «Кузницы»; организационно они будут являться (со всеми острыми вытекающими) группами местных (и областной единой массовой организации писателей СССР (РАПП и ВУСПО).

Ответственный секретарь РАПП МАКАРЬЕВ
Ответственный секретарь «Кузницы» КАРЦЕВ

ПО ХУДОЖЕСТВЕННЫМ ВЫСТАВКАМ

В кооперативе «Художник» открылась первая выставка новообразованного общества «Союз советских художников», посвященная индустриализации, коллективизации и отражению быта народов СССР.

Развернутое социалистическое строительство открывает для художника необычайные возможности. В эту всеобъемлющую тему можно уложить произведения богатый и многообразный материал. Но для этого требуется одно основное условие, чтобы данная тема была органически связана с живописным оформлением картин и чтоб трактовка того или иного сюжета нашла свое полноценное выражение в художественных образах живописного мастерства.

Во с этой-то задачи ни один из художников выставки, к сожалению, не справился.

Прежде всего возникает сомнение: может ли новообразование самого вечнумения этого общества. Трудно определить, по какому признаку объединились все эти художники и какие политические и эстетические принципы их сплачивают.

Какие, например, формальные достижения и общие живописные приемы роднят Архипова с Бялыницким и что можно их привести к совместным художественным выступлениям.

Если в отношении Архипова можно говорить о расхлябанности фактуры и устарелых импрессионистических приемах, то все же в его картинах есть кое-что остается минимум живописных или попытка живописного выражения. У Бялыницкого же нет и приблизительного подхода к живописной трактовке. Его палитра «Строим завод» и прочие разрешены чисто графически, и цвет в них не играет даже той подчиненной, служебной роли, какую он играет в левитановской живописи. Отсюда они так бездушны, холодны и не оставляют никакого впечатления. Стройка предполагает не такую безучастную статичность изображения лесов и вышкомеханизм костров, а напряженную динамику, которая должна быть выражена в цвете насколько полнозвучно, чтобы зритель мог проникнуться пафосом строительства и был бы им захвачен.

То же самое можно сказать о таких разнородных художниках, как Васильев Жолтовский и Греков. При некотором живописном даровании Жолтовский избрал путь совершенно безнадежный. Любой сюжет нашей современности выглядит у него каплей старинки. Его задумчивый музейный стиль не внушает доверия, омертвляет, думает всякое бытие жизни. Какие бы актуальные надписи он ни придумывал для своих картин, они все равно будут ассоциироваться с музейным кладбищем, с прошлым, и будут только языковой настоящего, нашей реальной стройки наших дней. Нельзя отделить форму от содержания, и в предельно музейный стиль уложить строительство социализма — величайший из исторических опытов. Эта тема требует к себе более изучающего отношения и предполагает утверждение нового стиля, стиля адекватного этому великому заданию. Только новое содержание родит новый стиль, и это же в конечном счете определит разницу нашего искусства от буржуазного и дает право художнику называться подлинно советским.

Также поверхностно и поверхностно разрешает тему нашего строительства и художник Грекор. Строительства Сельмаша («На стройке») он изобразил вдобавок нарядным праздничным пейзажем на первом плане и лишь на втором плане, вдали, и намечена туманно вышка леса стройки. Это отсутствие органической связи между жилищными и композиционными приемами и трактуемым сюжетом определяет не только недостаток живописной культуры, но и тяжкие «скоропалительные» способствование.

Ни по форме, ни по содержанию «Союз советских художников» не справился с той задачей, которую он себе поставил. Ни одна из выставленных картин не привлекает к себе внимания и не вызывает интереса. Можно было бы, пожалуй, отметить небольшую работу Куликова «Чтение Ленина». По цвету, композиции масс и фигурку вещь очень хорошая. От станковой же следует художника ждать прежде всего. Плакаты бы ни были не намерены и пели, сделанные редко бывает достаточно убедительны. Художнику же она создает почти непреодолимые препятствия на пути его развития.

Следует также отметить одну особенность выставки «Союза советских художников». Впервые за практику кооператива «Художник» в общую художественную выставку включена карикатура, но на этот раз она, видимо, подобрана наших. Некоторые из наших карикатуристов, участвовавших выставки, представлены не лучшими из своих работ.

Однако этот неудачный опыт показал нашим карикатуры выдвигает перед всей нашей художественной общественностью необходимость организации большой выставки советской карикатуры. Несмотря на наличие очень способных карикатуристов в Москве и Ленинграде, бытовая карикатура у нас явно отстает. Она монополизирована несколькими художниками, из коих некоторые далеко не заслуживают той популярности, которую им создал наш пресса. Общий смотр нашей карикатуры дал бы прежде всего возможность подвергнуть широкому обсуждению всю продукцию наших карикатуристов и несомненно помог бы поднятию ее общего уровня. При той огромной роли, которую карикатура может сыграть в системе нашей самокритики и широкой прессе, в стенных газетах и общей прессе, по борьбе с отсталостью старого быта, — вопрос о политике ее художественного качества должен стать одним из актуальных вопросов художественной жизни.

За эту задачу должны немедленно взяться все художественные организации при непосредственном участии и руководстве наиболее активной части наших пролетарских художников.

СЕРГЕЙ РОМОВ.

„1.000.000 АНТОНИЕВ"
В СТУДИИ МАЛОГО ТЕАТРА

Заслуживающая одобрения попытка дать спектакль на нужную тему, — попытка, сделанная внимательно и любовно, крепко сработанный спектакль, отвлекающийся на **сегодняшние** темы интервенции, империалистической солидарности; антиповская выставка в фойе театра.

И спектакль получился нужный. Хотя авторские представления театра на премьере, о том, что пользуется **воинствующая антирелигиозная пьеса,** по меньшей мере смело: «1.000.000 Антониев», конечно, не антирелигиозный спектакль, а лишь **антиимперialьный.** Однако, в это хорошо, ибо и таких пьес, таких постановок у нас почти нет, а «1.000.000 Антониев», при всех своих недостатках, достаточно убедительно вскрывает лживость и преступность буржуа, агитирует против него.

Этих результатов было бы легко добиться, ибо замысел пьесы в чистом виде — это достаточно известная ситуация — удачная карьера ловкого жулика. «Хорошо сшитый фрак». «Карьера мизинца», наконец, Гарри Домела — довольно любимые герои буржуазии. Именно классовая направленность «1.000.000 Антониев», целый разнообразных групп служителей церкви и типов буржуазного общества с одинаковым, **определенным акцентом,** резкое (хотя и недостаточно **серьезное**) противопоставление всей этой сытой работы, выстраивает пьесу в **определенном** направлении, он ведет за частностью **систему.**

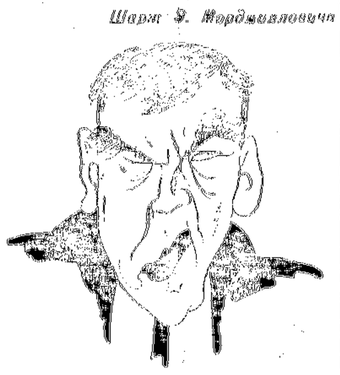
И к сюжетной уже не придается добродетельной концовки «Хорошо сшитый фрак». Здесь уместнее пафосный трюк-финал.

Однако, это положительное не умаляет значительных недостатков и пьесы и спектакля.

В пьесе лет идейного стержня — удачные результаты, о которых сказано выше, поэтому не останавливаем.

Излишняя карикатурность типов, подсобные (вспомогательные) персонажи, излишняя и примитивность исполнений мешают пьесе служить тому делу, которому она должна служить. Например, Байтотер (артист **Савельев**). Этот довольно парень определенно правится и автором, и театру и они сделали все, чтобы он **нравился зрителю.** Байтотер наиболее

Шарж Э. Кердимановича



Байтотер—Савельев

приятный из всех персонажей спектакля. **Это очень плохо,** в этом основная неудача «1.000.000 Антониев». И здесь вероятность метода, подчеркивания **сценарное** мастерство играй в маски, **сказывается с наибольшей силой.**

И дашь типы карлдала Ахчеля (Шатов), проститутки-чудотворицы (Поповикова) и отчасти Мис Сиарбот (Комаровская) полезны блестяще.

Безусловно должны быть отмечена работа режиссера (Кричко) и художника (Сирвинд). Довольно удачно «реконструированная» поповская музыка. Шкловец, такие приемы театра, как конферансон, пьяный трюк-талк — талантливы и остроумны.

мих.

ВНИМАНИЮ
ПИСАТЕЛЕЙ И ЛИТУДАРНИКОВ

30 апреля, в 20 ч. в клубе ФОСП состоится ОБЩЕ-МОСКОВСКОЕ СОБРАНИЕ ПИСАТЕЛЕЙ, совместно с ударниками, призванными в литературу.

Доклад наркома просвещения РСФСР А. С. БУБНОВА — «Задачи советской литературы в эпоху культурной революции».

После доклада художественная часть.

Приглашаются все писатели, находящиеся в Москве и литударники.

СЕКРЕТАРИАТ ФОСП

НА СЕКРЕТАРИАТЕ ВОЛКП

После доклада т. БУРСКОГО, ленинградского и северо-кавказского отделений и ВОПКП, отчет о которых напечатан в прошлом номере «Л. Г.», расширенный пленум секретариата ВОКП заслушал доклад т. ОСТРОГОРСКОГО о состоянии пролетарско-колхозной критики.

Тов. Острогорский подверг критике недостатки в работе критического сектора ВОПКП и отдельные ошибки его руководителей. О слабости критики говорили в почти все выступавшие в прениях.

Мало того, что критика не конкретна, что она не указывает отдельным писателям на их ошибки. Такой крупный критик и руководитель критического сектора, как т. Резников, сам совершает серьезные ошибки, могущие совершенно ориентировать писателя.

Показанных подверг резкой и основательной критике ошибок т. Резникова. Столь же резкой критике подверглись и выступавшие в прениях.

Л.

ХРОНИКА ИСКУССТВ

* В связи с исполнившимся десятилетием Театра им. Мейерхольда коллегия Наркомпроса, в своем специальном постановлении, признала необходимым придать юбилею театра активно содействующего годовщину революционного репертуара, произведшего ломку старых театральных форм и установившего тесную связь с массовым зрителем, характер подведения итогов не только его работы, но и всего нашего театрального искусства. Празднованию юбилея должен быть придан характер массово-общественной и политической кампании. Для проведения юбилея коллегия Наркомпроса постановила организовать общественный комитет в составе представителей Красной армии, фабрик, заводов, партийных, комсомольских и профсоюзных организаций, научных учреждений, музеев, культучреждений, художественных обществ, представителей союзных республик, общественно-политических работников и деятелей литературы и искусства.

* Известный немецкий режиссер Эрвин Пискатор приехал в Москву по приглашению Межрабпомфильма, для которого он ставит картину по советскому сценарию. О восстании германских матросов в 1917 г.— Эрвин Пискатор пробудет в СССР четыре месяца.

* Драмсекция Всероссекомдрама начала ПРОВЕРКУ РАБОТЫ представителей Всероссекомдрама в художественно-политических советах московских театров.

* Сектор Искусства Наркомпроса организует в Парке культуры и отдыха опытную базу самодеятельного искусства, где помещены выставления группы интернационального театра и агитбригад — на немецком и английском языках. Здесь же будут демонстрироваться лучшие кинофильмы с надписями на иностранных языках.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Уважаемый товарищ редактор.

В библиотеке «Огонек» вышел составленный мною сборник «Домы советской Б-ки». В сборнике помещены книги Алексея Дуджи, основного и предпоследнего в ряде сельских пьес. Стиль его написаны в разной манере его двенадцать лет тому назад печатался в «Маяке», здесь Вересаев, Сейфуллина, Либединский и ВОКП и ВОАПП с своими оценками пьес. Выше Дуджи стоит на явно контрреволюционной позиции как общественность, и печатание его в числе пролетарских пьесах Вересаева и статья свои грубые ошибки. К сожалению, я не был ознакомлен с вышедшей роли А. Дуджи.

В. РАКОВСКАЯ

ВСЕСОЮЗНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ПО МАССОВОЙ РАБОТЕ ИЗДАТЕЛЬСТВ

ОГИЗ созывает в июне конференцию по массовой работе издательств. В конференции примут участие все издательства, входящие в ОГИЗ, и крупные отделения издательств. Кроме того, к участию в конференции привлекаются: издательство НКПС, Госиздат, Украинизат, Белоруссиздат, Госиздат Средней Азии и Закавказья.

Участие в работе конференции примут: Комакадемия, ФОСП, РАПП, ВОПКП, МАПП, секретариат ФОСП, ЛАПП, массовый сектор вашомпроса, ЦЛКА, рабочими библиотек, литературы крупнейших предприятий и др. Всего на конференцию прибудет до 200 делегатов.

В повестку дня конференции: вступительное слово Арт. Халатова, доклады — о массовой работе ГИХЛ, Детиза, Молгвардии, Сельхозиза и отдельно на правах отделений издательств; доклад о работе Центросоюза; доклад: «Итоги и дальнейшие задачи массовой работы».

К конференции выпускается сборник о массовой работе издательств. Массовые секторы писателей со специальной и конференции выставку своей работы.

КАЛЕНДАРЬ
РАБОТЫ КЛУБА ФОСП

28 АПРЕЛЯ — 20 ч. Спектакль «Театра малых форм» С. Р. Д.

29 АПРЕЛЯ — 20 ч. С. Р. Д. — читка пьесы В. Мурылева «Рустемка — читательница сажи».

30 АПРЕЛЯ — 20 ч. Первомайский вечер писателей. Доклад наркома просвещения т. А. Бубнова. — Большое концертное отделение.

30 АПРЕЛЯ — 20 ч. Альманах «Вчера и сегодня».

2 МАЯ — 20 ч. Первомайский вечер 1-го Трехгорки печатников.

3 МАЯ — 20 ч. Доклад т. Л. Авдеева — **4 мая** — 20 ч. Доклад т. Л. Львова-Кличко. — «Из кулисами старого режима». Воспоминания старого журналиста.

ИЗВЕЩЕНИЯ

* 28 апреля — 21 ч. — в Н. Л. пл. старого кинотеатра (ул. Красноказарменная, 16) вечер, посвященный Горькому. Доклад т. Нусинова «Горький и его литературная эпоха». Чтение произведений Горького артистами МХТ Качаловым, Леонидовым, Лужским, Бондаревым, Мейерхольдом и др. — Вход по членским и пригласительным билетам.

* 29 апреля — 19 ч. — в Коммунистической Комакадемии доклады на тему: «Театр и борьба за социалистическую технику» (Афиногенов, Ильин, Литовский, Мейерхольд, Рафаельянц, Петров и др.).

* 29 апреля — 20 ч. 30 м. — собрание сектора писателей МАПП (Клуб ФОСП). Организационные вопросы. — тт. Трибрач и Кочергина. — План участия секции в первомайских выступлениях.

* 3 мая — 20 ч. — вечер творчества ударников, организуемый МАПП (Клуб ФОСП).

* 4 мая — 18 ч. — собрание критического сектора ЦС ВОПКП и писателей (Клуб ФОСП).

ПОПРАВКА

В заметке т. Михайлова «Языком рукописи» вместо «Языком рукописи» было напечатано: «Языком рукописи». Таким образом, получилось впечатление, что весь этот невинный рассказ Бабушкина «Языком рукописи» характеризует весь сборник его рассказов. После слов: «психологической четкостью», следует читать:

«Рассказ «Интеллигенты» развенчивает, в первую очередь, тех будто бы симпатичных, интеллигентов Орлова, чуждых процесса созидания масс и враждебных массе и классу». Автор идет по пути наиболее остро критических, показывая этого интеллигента. Чья по-человечески и по-новому к нему относится, чувство отрицательного отношения к Орлову — явному контрреволюционеру. Газовка «На островах» Одоевского и несомненно-чуждая тенденция, и вредительство, выявляющееся с контрреволюционной стороны. Вредно показывает принесенная одним ученым связь с Зиновьевым. Идея рассказа «Медведь», по мере все островов языковых вопросов может обострить отношений. Подобно три трудовых, в сборнике, имеющих библиографический характер, показывают недостаток Госиза и трудности, неизбежно трудный путь подготовки произведения. Общественная ценность и этих рассказов — несомненна».

Ответственный редактор: С. ДИНАМОВ

РЕДКОЛЛЕГИЯ: Н. Асеев, С. Динамов, И. Жига, П. Ильинский, И. Катаев, Г. Коренев, Н. Огнев, А. Селивановский, И. Сельвинский, М. Слонимский

ИЗДАТЕЛЬ: Акционерное Изд. О-во «Огонек».

ГИХЛ КНИГОЦЕНТР

НОВЫЕ КНИГИ

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

АЙЗЕНБАХ Л. Память Маяковского. 2-е доп. изд. «Массовая критика» (На лит. посту). Стр. 48. Ц. 15 к.

БЕХЕР И. Боевая описьность и задачи революционных писателей. Автобиогр. очерк с нем. рукописи М. С. Шкловского. (Массовая критика. б-ка «На лит. посту»). Стр. 48. Ц. 30 к.

РОЖКОВ П. Против толстовщины и проповедничества. К вопросу о творческом методе пролетарской литературы. Стр. 88. Ц. 30 к.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА

ЗОЩЕНКО М. Собрание сочинений. Т. VI. Письма к читателю. Комедии. Книга 6-я. Стр. 248. Ц. 1 р. 50 к., в п. 1 р. 60 к.

ИНБОЛИТОВ И. Перекоп. Роман-хроника, ч. 2-я и 3-я. Лейпцигская Всемирная выставка. Открытие ДОПАФ. Экскурсия в вечный. Стр. 320 стр. Ц. 2 р. 30 к.

КИШ Э. Имеет честь представить вам американский рай. Авторизов. перев. с нем. А. Аркина. Стр. 400. Ц. 2 р. 80 к., в/в. 3 р. 65 к.

РАКИТНИКОВ А. Глиняный квартал. Стр. 255. Ц. 1 р. 80 к.

СОВРЕМЕННАЯ АРМЯНСКАЯ ПОЭЗИЯ. Вступительная статья И. Кусикяна. (Серия армянской литературы). Стр. 150. Ц. 2 р. 20 к.

ПЕРЕИЗДАНИЯ

КАРАВАЕВА А. Собрание сочинений. Т. III. Двор. 2-е (полное) изд. Стр. 351. Ц. 2 р., в мор. 3 р. 25 к.

ЛАЙЦЕН Л. Собрание сочинений. Т. IV. Эмигранты. Роман. Перевод с литовского Э. И. Гольцмана. Стр. 267. Ц. 1 р. 50 к., в/в. 1 р. 70 к.

УТКИН И. Повесть о рыжем Мотале, сыновнем инспекторе, равнине Исайе и комиссаре Блох. Стр. 48. 65 к.

ЧУМАНДРИН М. Фабрика Рабле. Роман. 5-я пролетар. тет. (ЛАПП. Современная пролетарская литература). Стр. 349. Ц. 50 к., в/в. 65 к.

МЕМУАРЫ
Изд-во
„АКАДЕМИЯ"

КОРОЛЕНКО В. История моего современника. Кн. 3. Т. VII—IX. Редакция и комментарии С. В. и И. В. Короленко. (Памятники литературного и общественного быта). Стр. 397. Ц. 4 р. 30 к., в пер. 5 р. 70 к.

ПАССЕК Т. Воспоминания. Из дальних лет. Под общей редакцией А. В. Луначарского. Вступительная статья и комментарии И. И. Самуилова. (Памятники литературного и общественного быта). Стр. Ц. 2 р. 60 к., в/в. 2 р. 90 к.

С заказами обращаться в ближайшие отделения и магазины КНИГОЦЕНТРА и в «КООПКНИГИ».

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И КУЛЬТУРНО-БЫТОВОЙ ЖУРНАЛ

РОСТ

Массовый орган пролетлитературы ВЫХОДИТ ДВА РАЗА в МЕСЯЦ

„РОСТ"

боевой орган культурной революции—борется за новую пролетлитературу и быт.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: 12 мес.—3 р. 6 мес.—1 р. 50 коп., 3 мес.—75 коп.

Заблаговременная подписка—лучшая гарантия аккуратного получения журнала

ПОДПИСКУ СДАВАЙТЕ: на почту или письмоносцам.

Акц. изд. о-во «ОГОНЕК».

ГИХЛ КНИГОЦЕНТР

М. ГОРЬКИЙ
ПРОИЗВЕДЕНИЯ

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ:

ДЕТСТВО. (Дешевая биб-ка классиков. Школьная серия). Стр. 283. Тир. 100.000. Ц. 40 к.

МЕЩАНЕ. 3-е издание. (Дешевая б-ка классиков. Школьная серия). Стр. 128. Тир. 50.000. Ц. 20 к.

НА-ДНЯХ ВЫЙДУТ ИЗ ПЕЧАТИ:

ИЗБРАННЫЕ СОЧИНЕНИЯ. (Дешевая б-ка ОГИЗ'а). Тир. 100.000. СОДЕРЖАНИЕ. Предисловие А. Луначарского. Рождение человека. Как сделался поэтом. Бурдовестник. Товарищ. Страсти-мордасти. Мать. (Из сказок об Италии). В бездне. Легкий человек. Романтик. Мартовка. Александр. Бодрая жизнь. Рассказ о необыкновенном. О тараканах. Огонь. Дедушка и смерть.

ЖИЗНЬ КЛИМА САМГИНА. Ч. III. Тир. 10.000.

МОИ УНИВЕРСИТЕТЫ. (Дешевая б-ка классиков. Школьная серия). Тир. 25.000.

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ. Том. I и II в одной книге. Вошли произведения, напис. с 1892 по 1898 гг. Тир. 25.000.

О ЦИНИЗМЕ. Статья. Там же статья Р. Роллана «С кем же вы?». Тир. 25.000.

С ЗАКАЗАМИ ОБРАЩАТЬСЯ в ближайшие отделения и магазины КНИГОЦЕНТРА и в «КООПКНИГИ».

Английский и немецкий Непрерывные ЯЗЫКИ ЗДОЧНЫЕ КУРСЫ прием на все время Москва

Центр, Кузнецкий Мост, 24, телефон 15-6 Пресн. 2-го, на 2-й пер. Пресн. пер. 18—4 ч.

ПОПУЛЯРНАЯ ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ БИБ-ТЕКА

„ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ"

под общей руководством

М. Н. ПОКРОВСКОГО

Редакционная коллегия:
П. О. Гория, Ф. И. Махарадзе,
М. И. Мебель, М. Н. Покровский,
Карл Радек и Ц. Фридляна

Вышла из печати и рассылается подписчикам книга

ИОСИФА ЛЕНЦА

ИСТОРИЯ II ИНТЕРНАЦИОНАЛА

ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ
ОБЩЕДОСТУПНАЯ БИБЛИОТЕКА РЕДАКЦИЯ М. Н. ПОКРОВСКОГО

ИОСИФ ЛЕНЦ
ИСТОРИЯ ВТОРОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА

Акц. изд. о-во «ОГОНЕК»

В книге 288 стр. + 25 иллюстр. Редакция и вступительная статья Карла Радека

ПОДГОТОВЛЕНЫ К ПЕЧАТИ И ВЫЙДУТ В СВЕТ В БЛИЖАЙШЕЕ ВРЕМЯ СЛЕДУЮЩИЕ КНИГИ

Б. Б. ГРАВЕ, М. В. НЕЧКИНА, А. М. ПАНКРАТОВА, Н. Ф. СИДОРОВ и М. Б. ЮГОВ—«История пролетариата СССР». Редакция В. И. ЧЕВЕСНОГО и А. М. ПАНКРАТОВОЙ. М. Н. ПОКРОВСКИЙ—Очерки по истории революционного движения в России. С. Д. КУ. ИССКИЙ, Н. М. САКУЛЬ и В. Ф. СЕМЕНОВ—Ранние буржуазные революции. Редакция Ц. ФРИДЛЯНДА.

Подписчикам, не внесшим в срок третьего взноса, во избежание лишения права продолжить подписку на „ВСЕМИРНУЮ ИСТОРИЮ", предлагается немедленно возобновить подписку путем внесения на почту пропущенного второго взноса.

АКЦ. ИЗД. О-ВО „ОГОНЕК"

Уполном. Главлита Б 2962. Интернационалка (22) тип. «Мосполиграф», ул. им. Скворцова-Степанова, д. 2.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Орган Федерации Об'единений Советских Писателей РСФСР

МОСКВА 5 МАЯ 1931 г. № 24 (123)

РЕДАКЦИЯ: Тверской бульвар, 25, Дом Герцена. Тлф. 2.80.12

ДЕКАДА
БОЛЬШЕВИСТСКОЙ ПЕЧАТИ

От подпольных «Звезды» и «Правды» к тысячам центральных, местных и фабрично-колхозных газет, сотням журналов с общим тиражом в несколько десятков миллионов экземпляров—таков путь большевистской печати. Состояние нашей периодической печати даже не может быть сравниваемо с печатью дореволюционной России—это величины несравнимые. Важнее, что мы на этом фронте уже осуществляем позунг «догнать и перегнать передовые капиталистические страны», где печать, так же как и всякое другое дело, приносящее прибыточную стоимость,— мощное предприятие с высоко развитой техникой, от которой мы «отстали лет на пятьдесят». Мы догоняем и перегоняем, несмотря на бумажный голод, несмотря на неликвидированное еще отставание культурного уровня населения СССР от передовых стран Запада.

Наша печать показатель нашей силы. В то время как буржуазия превращает свою печать в продажную проститутку, в сенсационного враля, которого спасает только то, что двери газетных кулис для всех закрыты, наша печать—это печать широчайших трудящихся масс, делающаяся руками этих масс, наша печать—мощное орудие самокритики и социалистического строительства.

Классовый характер буржуазной печати—печати отмирающего класса—определяет ее продажность, лживость, СЛАБОСТЬ (несмотря на всю ее силу). Класс восходящий—пролетариат— строит свою печать по новому образцу, которого не знала история.

Боевой сигнализатор, глаза и уши рабочего класса, чернорабочий революции—такова большевистская печать.

Из одиночек-рабкоров подпольной «Правды» выросло миллионное рабселькоровское движение, имеющее свои «представительства» буквально в каждом населенном пункте нашей необъятной страны. Лишь несколько лет назад были еще, относительно, новинкой газетные стенные, а сейчас без них невозможно представить себе не то, что завода, а даже цеха. Сейчас обычным явлением стали печатные заводские, колхозно-совхозные газеты, которые раньше имелись лишь у 5—6 предприятий Москвы и Ленинграда. Газета сегодня, начиная от стенной и кончая центральной, является важнейшей неотъемлемой частью оперативного руководства, пусть не всегда еще хорошо, но она уже выполняет свою роль «организатора и пропагандиста». Все то новое, что совершается в рабочем классе, находит свое отражение в работе газет, на высшую ступень поднимается ударное рабселькоровское движение. Недавнее постановление ЦК партии определяет рабселькора как «командира пролетарского общественного мнения».

Пожалуй, еще более грандиозны, чем в газетном, достижения революции в книжном деле. Мы имеем невиданные тиражи книг (книжная продукция ОГИЗ достигает в 1931 г. 3.200 млн. листов оттисков). В какой еще стране так распространяется массовая литература? В миллионах оттисков печатается литература для малограмотных. Невозможно удовлетворить спрос на сочинения Ленина. Полностью расходится массовый тираж советских энциклопедий. Несмотря на то, что выпуск учебников во много раз увеличился, у нас их нехватает. Наконец, совершенно небывалое распространение получила художественная литература.

Создается новый читатель. По-новому строится работа издательства (рабочие редсоветы и т. д.). Непрерывно расширяется сеть библиотек, по фабрикам и колхозам ходят тысячи книгонош, разбросаны сотни книжных киосков.

И всего этого мало, нехватает, нужно во много раз больше. Таково положение на фронте печати и литературы, таковы одни из важнейших показателей ленинской культурной революции.

В связи с начинающейся сегодня декадой печати следует привлечь внимание литературной общественности к нескольким вопросам.

Прежде всего по линии массового литературного движения. Призыв ударников в литературу имеет одним из ОСНОВНЫХ своих источников рабселькоровское движение. Из рабкора газеты вырастает рабкор литературы — новый читатель, начинающий писатель. Через заметку в газете приходит ударник к очерку, к заводскому дневнику, к первой своей книжке. И после этого связь с газетой, с местной прежде всего, не порывается, ибо она, газета, является главным «издателем» творческой продукции ударника. Все это настоятельно выдвигает задачу большей связи массового пролетарского и пролетарско-колхозного литературного движения с рабселькорами и низовой печатью. Речь идет о совместном участии в проведении текущих хозяйственных и политических кампаний, о совместной работе в газете (во всей газете, а не только в «своем» литературном уголке). Нужно усвоить, что массовое литературное движение не может быть оторвано от газеты, так же как и газета не может быть оторвана от этого движения. Участвуя, во всей работе газеты, вместе с ней борясь за промфинплан, за своевременную уборку урожая, следует одновременно добиваться расширения освещения литературных вопросов, систематического печатания творчества ударников, отзывов о книгах и т. д. Между ударниками литературы и рабселькорами должно быть полное взаимодействие. Именно в этом плане для нас основное значение декады печати.

Следующий вопрос —о газете и «большой литературе». Сейчас не находится уже открытых проповедников пренебрежительного отношения к делу участия писателя в газете. Однако, это не значит, что такие настроения окончательно изжиты. Задача борьбы с ними отнюдь не снята. И борьба эта должна быть действенной, активной.

Очерковый жанр, пришедший из газеты, здесь должен быть в авангарде. Но неверно было бы ставить вопрос так, что ТОЛЬКО очеркист должен быть связан с газетой, только агитатор-поэт должен в ней участвовать. Нет, такая задача стоит перед каждым писателем. Хотя, конечно, подход здесь должен быть дифференцированный. Участие писателей в весеннем севе, в бригаде на заводе немыслимо без связи с газетой. Целесообразно, чтобы писатели были, как правило, представлены в наиболее важных газетных бригадах. Однако, с другой стороны, результатом поездки писателя в районе Урало-Кузбасса не обязательно должны быть газетные очерки. Иной писатель может быть сразу возьмется за роман —и это неплохо. Против пренебрежения в газете, но и против такой ОБЯЗАТЕЛЬНОСТИ, которая пойдет в ущерб творческой целесообразности,— такова должна быть постановка вопроса.

Наконец, третий вопрос, который следует поставить в декаду печати—это вопрос в контроле над работой издательств и литературной периодики. Было бы неверным замалчивать успехи в деле привлечения писателя к работе издательств. Недавняя проверка писателями и их органами («Литгазетой» в частности) ГИХЛ и Книгоцентра, участие писателей в редсоветах, в аппарате издательств—все это бесспорные достижения. Но все это требует большей планомерности и большей активности.

То же самое и даже в большей степени относится и к литературной периодике. Связь есть, но она явно недостаточна. А между тем сами писатели должны делать свою газету и журналы. Нужно больше взаимной самокритики. И для развертывания ее декада печати должна быть использована в полной мере.

«Литературная газета» делает сегодня, в связи с двухлетием своего существования, попытку организовать самокритический митинг писателей о газете и сделать из него необходимые практические выводы. Нам думается, что это целесообразно, хотя и явно недостаточно. Нужно вслед за этим организовать критику газеты на писательских собраниях, в кружках литударников и т. д. Все это может помочь газете, если она сумеет это сделать, исправить недостатки, которых у нее чрезвычайно много.

Такую же работу следует провести и по всем журналам. Мы подчеркиваем при этом, что она достигнет цели лишь в том случае, если все полученные указания будут реализованы.

Под лозунгами действенной самокритики должны провести мы декаду печати.

5—15 мая

❖ Сегодня начинается декада печати. Декада будет проводиться под лозунгом выполнения последнего постановления ЦК ВКП(б) о перестройке рабселькоровского движения и под углом зрения мобилизации печати на лучшее выполнение третьего решающего года пятилетки.

Смотр всей печати, проводимый в дни декады, покажет, в какой мере печать помогла партийным организациям реализовать решения XVI партсъезда.

❖ Рабселькоры мобилизуются на проверке исполнения решений объединенных пленумов совещания по вопросам рабселькоровского движения и перестройке организационно-массовой работы газет.

❖ Во всех районах области, в декаду печати будут проведены массовые перевыборы редколлегий фабрично-заводских, совхозно-колхозных, сельских и вузовских газет.

❖ На предприятиях, в колхозах, совхозах и вузах будут проведены сегодня массовые собрания с докладами на тему—«Печать в социалистическом наступлении» и с отчетами редколлегий местных газет об их работе.

❖ Редакции газет организуют в течение декады печати массовый поход рабселькоров в деревню за помощь деревенской печати. Рабкоры окажут помощь в выпуске первых номеров вновь организуемых районных газет, которые выпускаются к 5 мая. Основной лозунг похода рабселькоров—«Ни одного села, колхоза, совхоза и селения без своей газеты». Редакции газет проведут в декаду печати приемы рабочих-ударников, и передовых колхозников в ряды рабселькоров.

❖ Завтра, во всех районах Москвы и области, редакции газет организуют низовые читательские конференции с отчетами областных районных газет и партийных журналов.

❖ 8—10 мая созываются районные рабселькоровские слеты с участием партийных, профсоюзных и общественных организаций. К этим слетам приурочивается передача в партизо рабселькоров, премирование лучших рабселькоровских бригад и вызвавшие рабочих в ряды редакции.

❖ В настоящее время МАПП призвал в свои ряды до 2.000 рабочих-ударников. На фабриках и заводах работает десятки новых рабочих литкружков. До сих пор фабрично-заводские партячейки и редакции заводских газет не оказывают помощи и содействия работе литкружков. Декада печати должна поставить решительный перелом в деле привлечения внимания низовых партийно-комсомольских организаций к работе литкружков и пролетлитературному движению. Литкомиссии должны включиться в работу фабрично-заводских газет и в декаду печати провести не только литвечера, но и принять активное участие в читательских конференциях, проведении призыва ударников-рабселькоров в технические вузы и т. д. Партячейки предприятий должны заслушать на производственных собраниях доклады литкружков об итогах призыва рабочих-ударников в литературу и о работе литсотрудников.

❖ Дом печати в один из дней декады организует общемосковский вечер ударника литературы, на котором будут подведены итоги призыва рабочих-ударников в литературу по Москве и области.

❖ В Доме печати открывается 9 мая выставка районных и фабрично-заводских газет. На выставке будут премированы лучшие газеты, лучшие развернувшие рабселькоровский поход за овладение техникой, борьбу за рост и укрепление колхозов и произведшие большевистского сева.

❖ В декаду печати в трех районах Москвы открываются вечерние районные отделения Коммунистического института журналистики.

МОГИЗ ИГНОРИРУЕТ ДЕКАДУ ПЕЧАТИ

Сектор печати МОК ВКП(б) предложил издательствам организовать в дни декады печати книжные базары и выставки книг в районах Москвы и крупных промышленных центрах области, а также устроить специальные литвечера, общественные суды над книгой и широко развернуть пропаганду массовой, в частности, производственно-технической книги. Эта работа была возложена на МОГИЗ.

Как нам сообщили в секторе печати МОК ВКП(б), МОГИЗ и Книгоцентр, до сих пор еще ничего не сделали в области использования декады печати для широкой пропаганды и продвижения массовой книги. Издательства сослались на то, что Книгоцентр запретил им устраивать книжные базары, мотивируя это тем, что книга сейчас является дефицитным товаром. Мы считаем, что такой шаг издательств и Книгоцентра совершенно недопустим и по существу означает игнорирование «декады печати». В результате такого отношения издательств и Книгоцентра к директиве МОК ВКП(б) срывается намеченный план массовой пропаганды книги в декаду печати.

НАКАНУНЕ ПРИЕЗДА М. ГОРЬКОГО

❖ Комитет ФОСП выделил делегацию для встречи Максима Горького. В делегацию вошли: А. Серафимович, Л. Авербах, Вс. Иванов, Матэ Залка, С. Динамов, Ф. Гладков, И. Бэтрак, Г. Коренев, М. Россовский, М. Слонимский, Юр. Либединский, т. Сапов (завод «АМО») и М. Цейтлин («Литгазета»).

❖ Институт ЛИЯ Комакадемии, совместно с РАПП, выпускает тезисы для докладов о Горьком.

❖ Работники кэта ЛИЯ Комакадемии закончили большую работу—полную библиографию о Максиме Горьком, которая будет сдана в печать к 10 мая. Институт сдает в печать материал о брошюре «Максим Горький» (жизнь Горького, данческая оценка М. Горького, что читать ударнику о Горьком), остальные брошюры о Горьком будут сданы Институтом ЛИЯ Комакадемии в середине мая.

❖ В Институте ЛИЯ Комакадемии открыта консультация для библиотек о Горьком.

❖ ЛОКАФ устраивает 6 мая в ЦДКА для делегатов всесоюзного съезда секретарей партячеек большой литературный вечер, посвященный Горькому.

❖ Военгиз выпускает из печати брошюру «Максим Горький в борьбе за СССР».

❖ Центральный совет ЛОКАФ дал указания своим местным отделениям широко отметить приезд Горького и провести рабселькоровские слеты с участием партийных, профсоюзных и общественных организаций. К этим слетам приурочивается передача в партизо рабселькоров, премирование лучших рабселькоровских бригад и вызвавшие рабочих в ряды редакции.

❖ В настоящее время МАПП призвал в свои ряды до 2.000 рабочих-ударников. На фабриках и заводах работает десятки новых рабочих литкружков. До сих пор фабрично-заводские партячейки и редакции заводских газет не оказывают помощи и содействия работе литкружков. Декада печати должна поставить решительный перелом в деле привлечения внимания низовых партийно-комсомольских организаций к работе литкружков и пролетлитературному движению. Литкомиссии должны включиться в работу фабрично-заводских газет и в декаду печати провести не только литвечера, но и принять активное участие в читательских конференциях, проведении призыва ударников-рабселькоров в технические вузы и т. д. Партячейки предприятий должны заслушать на производственных собраниях доклады литкружков об итогах призыва рабочих-ударников в литературу и о работе литсотрудников.

❖ Дом печати в один из дней декады организует общемосковский вечер ударника литературы, на котором будут подведены итоги призыва рабочих-ударников в литературу по Москве и области.

❖ В Доме печати открывается 9 мая выставка районных и фабрично-заводских газет. На выставке будут премированы лучшие газеты, лучшие развернувшие рабселькоровский поход за овладение техникой, борьбу за рост и укрепление колхозов и произведшие большевистского сева.

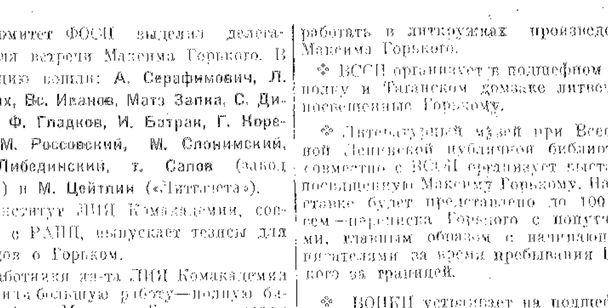
❖ В декаду печати в трех районах Москвы открываются вечерние районные отделения Коммунистического института журналистики.

❖ Маргартстил выпускает к приезду Максима Горького сборник статей Горького «Будем на страже» с 200.000 тиражом. В сборнике помещено до 20 публицистических статей М. Горького.

❖ Центральное литературное бюро ФОСП к приезду Максима Горького организует вечера, посвященные творчеству Горького. В программу вечеров включается: доклад о творчестве М. Горького, инсценировки из его рассказов, сцены из пьес и кинофильмы на произведений М. Горького.

❖ Клубы, предприятия, учебные заведения, которые хотят организовать вечера Горького, должны обратиться в клуб писателей (Кудринская площадь, улица Воровского, 52) к т. Лавуту ежедневно от 2 до 4 часов кроме 5 и 10 числа.

А. С. БУБНОВ В КЛУБЕ ФОСП



Слева—сидят: Вс. Иванов, Г. Коренев, А. Тарасов-Родионов, А. С. Бубнов, Л. Авербах, Вера Инбер. Стоят: М. Россовский, И. Ляшко, С. С. Динамов, Илья Сельвинский

НАШИ ЗАДАЧИ
В ДНИ МЕЖДУНАРОДНОГО СМОТРА
РЕВОЛЮЦИОННЫХ СИЛ

Доклад наркома по просвещению т. А. С. Бубнова на первомайском собрании писателей

Накануне первомайского праздника, 30 апреля —в клубе ФОСП состоялся большой вечер, на котором выступил с докладом народный комиссар по просвещению А. С. Бубнов.

Тов. Бубнов коснулся в своем докладе вопросов культурной революции и литературной политики.

*

— На первомайском смотре сил международного пролетариата,— говорит т. Бубнов,— пролетарской литературе принадлежит место в первой шеренге.

Пролетарской литературе удалось за последний год добиться таких успехов, которые наносят решительный удар троцкистским бредням о том, что место художественной литературы—в обозе пролетарской революции. Огромное развитие художественного творчества в нашей стране является сокрушительным ударом и по правооппортунистическим «теориям» всерия в силы рабочего класса.

Наша пролетарская литература—результат титанического выжигания. Наше литературное движение, возглавляемое пролетарским крылом, является уже не движением единиц, десятков или сотен, а массовым движением многих и многих тысяч растущих пролетарских писателей. **Мы присутствуем при таком гигантском развитии литературы, когда она становится одним из наиболее передовых участков строительства новой культуры пролетариата.**

Ее роль особенно повышается в связи с обстановкой **нынешнего исторического периода.**

*

Первая рабочая маевка 1891 года была знаменательна тем, что выступавшие на ней рабочие еще тогда, на заре революционного пролетарского движения в нашей стране, произносили речи, которые находятся в тесной связи с сегодняшним днем пролетариата. Рабочие-ораторы первой маевки призывали революционный пролетариат овладеть решающим боевым оружием: **знанием исторических законов развития человечества.**

— Совершенно очевидно,— говорит т. Бубнов,— что мы одержали блестящие победы на всех фронтах социалистического наступления именно благодаря тому, что владеем этим оружием в виде теории Маркса—Энгельса—Ленина.

Требование овладеть марксистско-ленинской теорией целиком и полностью относится и к области культурной революции, и к такому ее участку, как пролетарская литература, ибо только овладев знанием исторических законов развития человечества, мы сможем поднять пролетарскую литературу на такую высоту, которая бы соответствовала задачам эпохи развернутого социалистического наступления.

В книге «Что делать?» Ленин неоднократно подчеркивал, что рабочий класс должен быть вождем народной революции: только в этом случае он сделает дарием и пойдет к коммунизму.

Это ленинское требование справедливо и по отношению к литературе. **Имея в своих руках пролетарскую литературу, рабочий класс должен ставить своей задачей руководство всей литературой в целом.**

*

В 1896 году, в тюрьме, Ленин написал пергомайскую листовку «О всеобщем празднике труда». Он рассказал в ней, как рабочие Запада празднуют первое мая. Ленин писал, что первого мая они **показывают свою силу, пересчитывают свои победы и намечают планы борьбы в будущем.**

— Сейчас, в 1931 году,— говорит т. Бубнов,— в сороковой раз после первой маевки, в пятнадцатый—со времени свержения царизма и в четвертый—после Октябрьской революции, в первомайские дни мы тоже покажем **свою силу, пересчитаем свои победы и наметим планы борьбы в будущем.**

— Мы ушли очень далеко вперед в наших социалистических успехах.

XI пленум ИККИ со всей четкостью констатировал, что на Западе мы имеем сейчас величайший в истории экономический кризис.

У нас—об этом говорил на XVI с'езде т. Сталин — **социалистический сектор держит в своих руках все рычаги всего народного хозяйства.**

Уже эти две формулировки в достаточной мере характеризуют положение вещей «у нас» и «у них».

Но т. Бубнов приводит еще ряд высказываний на современные политические темы. Эти высказывания принадлежат авторам, мало расположенным к Советской стране. И тем не менее...

*

Почтовик английского генерального штаба Чарльз Джон Фуллер в 1927 году развивал ряд интересных мыслей о моторизации и подвижности армий. И, между прочим, незадачей, написал, что если уничтожить английскую армию,— правительство Англии не просуществует-де и нескольких часов. «Россия,— писал дальше откровенный полковник,— установила смертельную форму психологической войны».

Другой военный писатель—германский министр Гренер—констатировал еще в 1928 году, что «ближайшая война—только вопрос времени и Германия должна защищать свои интересы так или иначе, ибо она примет участие в ближайших военных событиях».

Высказывания этих двух военных писателей в свете политической ситуации 1931 года дают представление о крайнем обострении международной обстановки.

Но вот еще одно, совсем недавнее высказывание нашего старого знакомца—профессора Устрялова. В статье «Понятие государственности», зачитанной в «Вестнике китайского прилва» в 1931 году, Устрялов выражает такие мысли:

«Физическая опора государства—души, а не пушки и не кулаки».

«Государство — понятие эмоциональное».

«Современность дышит и своим величием и своим ужасом одновременно».

И дальше:

«Нет и не может быть принципиальных возражений против индустриализации (!), но есть и могут быть тактические (?!) сомнения, связанные с техническими соображениями». (!!!)

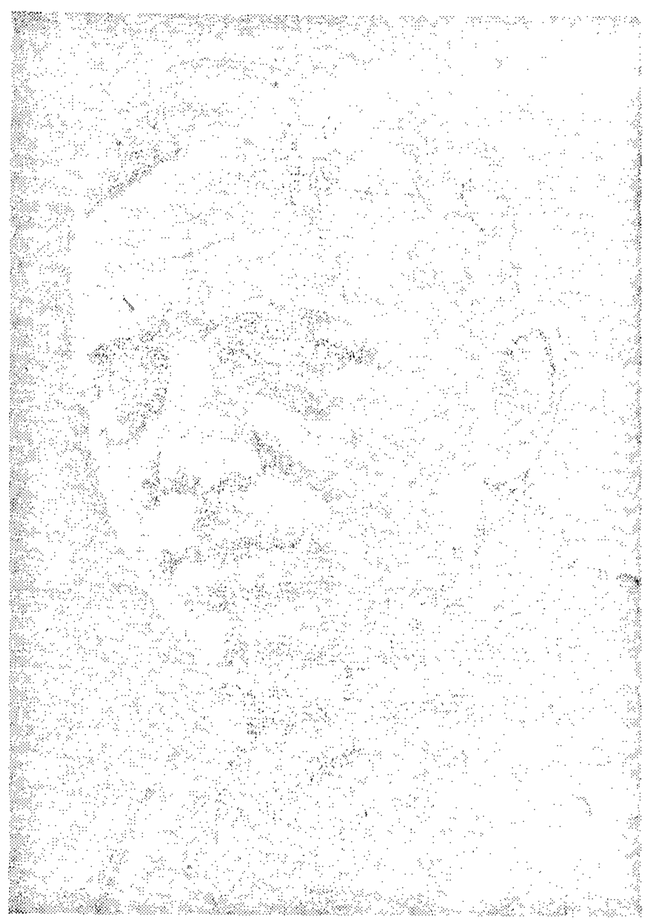
— Это физиономия классового врага,— говорит т. Бубнов.— И она заслуживает самого пристального внимания не только наших политиков, но и наших пролетарских писателей, которые должны быть политиками.

*

Обострение классовой борьбы и вне и внутри Советской страны, явление маскировки классового врага, которое мы наблюдаем и на фронте культурной революции, в области искусства и литературы,—чрезвычайно повышают значение и роль художественной пропаганды. На литературу возлагаются здесь очень важные международные обязанности.

В «Заметках о задачах нашей делегации в Гаагу» Ленин говорил, что **надо разобрать те софизмы, которыми оправдывают войну буржуазные политики в наше время.**

— Почему бы нашей литературе не взяться за это почетное и благородное дело?—спрашивает т. Бубнов, вполне соглашаясь с Иоганнесом Бехер, который в своем докладе на харьковской международной конференции пролетарских писателей заявил, что угроза новых войн повелительно требует создания массовой революционной литературы.



Клуб писателей ФОСП — ул. Герцена.

В этой области, в деле пролетарской революционной антивоенной пропаганды, в деле борьбы с вышеназванным нашим и империалистическим врагом до сих пор сделано чрезвычайно мало.

*

— Ленин учил нас, каждую фабрику, каждый завод считать очагом просвещения,— напоминает далее т. Бубнов.— Это прежде всего относится к текстильщикам, металлистам, железнодорожникам. На данном этапе мы уже не можем ограничиться с доверием к тем, кто все еще остается попутчиком. Но мы должны применить все способы пролетарского воздействия, чтобы привлечь в свои ряды талантливейших представителей мирового попутничества.

Гегемония пролетлитературы заключается не только в жестокой критике явлений, чуждых пролетарской идеологии, но и в завоевании лучших сознательных, которые—я убежден—очень скоро станут в ряды участников пролетарского литературного движения.

Д. КАЛЬМ

В мае, в 6 час. вечера, в помещении секретариата ФОСП (дом Герцена, комн. № 10), редакция «Литературной газеты», совместно с секретариатом ФОСП созывает

ШИРОКОЕ РЕДАКЦИОННОЕ СОБРАНИЕ

для обсуждения плана работы газеты.

Приглашаются представители литературных организаций и литературных кружков, писатели и ударники.

ДВА ГОДА „ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ"

Исполнилось два года «Литературной газеты». И сама дата, и заслуги «Л. Г.» за этот небольшой срок—стаж мала, что едва ли стоило специально отмечать этот факт. Мы и не собираемся устраивать юбилея с казенными приветствиями, с обязательным вынужденным хорошего (даже когда его нет). Мы напомним читателю о том, что «Л. Г.» исполнилось два года для того, чтобы он, читатель, высказал про газету **все плохое**, чего она заслуживает, и мобилизовал ее, со своей помощью, на преодоление этого плохого и выполнение стоящих перед газетой боевых задач.

В этом смысл нашего митинга писателей и ударников. **Наша обязанность** на этих высказываний и анализа «Л. Г.» сделать конкретные выводы, определить, как нам нужно **перестроить**ся.

*

Бесспорно, что общая сложность работы на литературном участке и политического фронта определяет те трудности, с которыми литературному движению приходится сталкиваться при строительстве **своей газеты.** Ожесточенная классовая борьба в литературе требует от газеты **четкой литературно-политической линии.** То, что «Л. Г.» является органом ФОСП, заставляет ее создать эту четкость с большей гибкостью, политическим тактом, учетом всей специфики творчества. Это же затрудняет работу газеты. «Л. Г.» должна одновременно обслуживать и квалифицированного писателя и призывника-ударника, все участки литературного фронта. Несомненно, трудная задача, усложненная еще благодаря недостатку в кадрах. **На сегодня «Литературная газета» разрешает эту задачу еще очень плохо.**

Основной актив, с которым «Л. Г.» пришла к своему двухлетию — это правильная литературно-политическая линия. Еще недавно «Л. Г.» отличалась своей беспринципностью, была органом враждебного пролетарской литературе «Литфронта». Так же, как и «Литфронт», газета извращала линию партии в литературе, подменяла самокритику фракционной дракой, конкретную критику травлей противников и т. п. Сейчас идеология и практика «Литфронта» из газеты изгнаны полностью. Сейчас линия «Л. Г.», так же, как и линия федерации писателей,—есть линия пролетарского литературного движения.

Мы сделали шаг вперед, приблизив газету ко времени, которая одно время грозила превратить «Л. Г.» в сборник резолюций и постановлений. Однако, дальнейшая перестройка газеты, почерпает ее лицом к рабочему-ударнику и к литературному производству, совершалась до сих пор непозволительно медленно. Делавшиеся попытки не доведены до конца, отдельные удачные мероприятия (ряд критических статей, широкая постановка вопроса о прозе в ГИХЛ, отдельные статьи — творчество ударников, боевые выступления на Урало-Кузбасс и т. д.) не меняют картины в **основном.** Остаются в силе главнейшие недостатки.

«Л. Г.» не поставила конкретной критики продукции как выдвинувшихся писателей, так и рабочих-ударников. До сих пор эта критика была случайной, задавлячила, она не имела плана, была рассчитана на сенотех. Таким образом, газета оказалась в стороне от творческой дискуссии, вместо того, чтобы содействовать ее развертыванию. Именно место общие разговоры о дискуссии—не в счет.

«Л. Г.» совершенно недостаточно развертывает самокритику РАПП как ведущей организации и первую очередь. Наши не были подвергнуты тщательному разбору ошибки отдельных работников пролетлитературного движения. Мы слабо критикуем работу литературных организаций и, следовательно, не содействуем их перестройке. Одновременно должна быть усилена борьба с буржуазными тенденциями в литературе. Газета правильно боролась на два фронта, выделяя правую опасность, как главную. Но эта борьбы была явно недостаточной.

Слабость конкретной критики в основном уже определяет слабость работы газеты с попутчиками, что является одной из основных ее задач. «Л. Г.» не ставила широко основные процессы, происходящие в среде попутничества, не помогала происходящей размежевке, в то время как здесь ей принадлежит ведущая роль.

«Л. Г.» плохо разрешает и вторую основную задачу — работу с ударником. Широко освещая вопросы призыва ударников в самом начале, мы затем ослабили внимание к этому важнейшему делу, не учитывая на страницах газеты его опыт, не содействовали укреплению новых кружков, обходя основные вопросы их работы, не поставили систематическую критику творчества ударников. Это еще в большей степени относится к пролетарско-колхозной литературе, и не только в отношении призыва в нее ударников колхозов и совхозов, но и в отношении этого движения в целом. Чрезвычайно слабо освещается в газете фронт литературы СССР, совершенно не ведется постоянная борьба с великодержавничеством.

Недостаточно систематично освещаются нами вопросы вооружения, совсем нет освещения опыта литературной провинции (чапа многородная работа удовлетворительно поставлена лишь в Ленинграде). Это основные недостатки, но участвующие в митинге правильно указывают и на ряд других: слабость связи со смежными областями искусства, недостаточность иностранного отдела (хотя представитель МОРП т. Гидаш и отмечает заслуги «Л. Г.» в этом деле). Наконец, «Л. Г.», стоит в стороне от общетеоретических проблем и общих проблем культурной революции.

«Литературная газета» **не стала еще организатором,** именно им она должна быть, — ограничиваясь часто ролью **информатора.** В этом плане должны быть конкретизированы критикой формы работы газеты. Правильно отмечается слабая связь газеты с литкружками Москвы, что тем более относится к местным литорганизациям. Недостаточно применяется бригадный метод работы, метод устройства различных совещаний, вечеров и т. д., т.-е. все то, что в совокупности представляет массовую работу газеты.

Именно с **перестройки методов работы** и должна была начата перестройка газеты, которая должна заключаться в следующем:

1. Решительный поворот лицом к ударнику. Это значит—широкая пересадка опыта пролетарских и пролетарско-колхозных кружков, помещение инструктивных материалов для кружков, обзоры их работы, **систематическая критика** творческой продукции ударников и помощь им: **как** нужно писать. Соответственно этот материал должен занимать **основное место** в газете. В качестве практических мероприятий мы немедленно приступаем к следующему: начинаем смотр литературы местной и низовой печати и включаемся в творческий смотр МАПП.

2. Такое же внимание конкретной критике творческой продукции писателей. В течение трех месяцев газета должна добиться такого положения, чтобы каждое значительное явление на книжном фронте получало ее оценку. С 20 мая «Л. Г.» начнет регулярно печатать тематические обзоры книг. Должны быть и будут введены обзоры (раз в два месяца) литературной периодики. На базе конкретной критики «Л. Г.» должна широко развернуть дискуссию о творческом методе.

3. Работа с попутчиком смыкается с постановкой отдела критики. Кроме того, постоянное место в газете должно занять освещение работы писательских бригад, творческих поездок и т. д. Практическое мероприятие здесь — с ближайших номеров мы заводим специальный отдел подготовки к осенней конференции ВССП, в котором должны сливаться все основные вопросы попутничества.

4. Усиление освещения иностранной литературы. Редакция уже завязывает связь с рядом стран, в которых она будет иметь постоянных корреспондентов. Раз в два месяца будут печататься обзоры иностранной литературной жизни. Значительно должна быть расширена информация.

5. Развертывание самокритики, что означает систематическую критику теоретических ошибок работников литературы, каждодневную проверку работы литорганизаций, издательств и т. д.

6. Совершенно конкретное обязательство должна взять на себя газета по линии ЛОКАФ, так же, как и напролитпост (на Украине, в Белоруссии и Закавказье в ближайшее время «Л. Г.» будет иметь собкоров, по примеру Ленинграда, так же, как и смежных областей искусства, в их **взаимодействии с художественной литературой.**

Мы не останавливаемся особо, но само собой понятно, должно быть ликвидировано отставание газеты и по тем вопросам, которые выше отмечены (общие вопросы культурной революции, вопросы марксизма-ленинизма).

Газета **обязана** перестроиться. Но может ли она это сделать без участия самих писателей и ударников. Конечно, нет! Писатель и ударник должны сами строить **свою газету.** Именно поэтому мы и устроили сегодня митинг о недостатках «Л. Г.», который должен быть **только началом** систематической связи, помощи, указаний писателей в кружковцев своей газете.

P. S. Мы должны отметить, что в то время, как все участвующие в митинге кружковцы и большинство писателей указывают конкретные недостатки газеты и пути для их преодоления, некоторые критики отделываются несколькими громкими фразами или, что еще хуже, высказывают явно неправильные положения.

Отмечая спорность некоторых утверждений в выступлениях Ал. Толстого и С. Кирсанова, мы не можем обойти молчанием утверждение Вс. Иванова, сделанного с незаинтой ломайной выпивке (?!) в литературе. Явно антисоветский тон высказываний Виктора Шкловского и О. Брика. Последний при этом доходит до таких нелепостей, как заявление, что «в литературе хаос полнейший», что призывать ударников в литературу «и кто, чему и как их будут учить — неизвестно» и пр.

Не для того ли это все, чтобы «попутно» протащить мысль о мертвом ЛЕФе?

Мы ждем еще большей самокритики со стороны всей писательской общественности. Но мы ждем также и реальной помощи со стороны всех литературных организаций. «Литературная газета» есть дело всего литературного движения. Третий год существования «Литературной газеты» должен быть годом существования ее как боевого органа литературного движения, охватывающего практику литературных сотрудников советского писателя коллективом марксистов-ленинцев.

В ДНИ ДЕКАДЫ ПЕЧАТИ — ПОДВЕДЕМ ИТОГИ ТВОРЧЕСКОЙ РАБОТЫ, УКРЕПИМ РУКОВОДСТВО ЛИТКРУЖКАМИ УДАРНИКОВ, РАЗВЕРНЕМ САМОКРИТИКУ ГАЗЕТ И ЖУРНАЛОВ

БОЕВЫМ ОРГАНОМ УДАРНОЙ, БОЛЬШЕВИСТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ДОЛЖНА СТАТЬ „ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА“

МИТИНГ ПИСАТЕЛЕЙ И УДАРНИКОВ О НЕДОСТАТКАХ „ЛИТГАЗЕТЫ“

ПЕРВЫЙ СЛЕТ РАБКОРОВ ЛИТКРУЖКОВ ВОЛОДАРСКОГО РАЙОНА, ЛЕНИНГРАД

Первый слет литкружков фабрик и заводов Володарского района города Ленинска в субботу с докладом «Литературной газеты» вышел на широкую дорогу массовой работы Федерации объединений советских писателей (ФОСП). Слет ознаменовал собой начало регулярных выступлений писателей в рабочей газете.

Мы отмечали, что «Литературная газета» все более и более выходит из рамок территориальной замкнутости и охватила сейчас рабочие круги Москвы, Ленинграда, Харькова, Киева, Днепропетровска.

Мы отмечали, наконец, что «Литературная газета» все более и более решительно ведет борьбу за максимальное приближение «попутчиков» и «союзников» к идеологическим позициям рабочего класса.

Л. Авербах

Что каждое воскресенье дает «Литературная газета»? Какой из нее толк? В чем ее вкус?

На эти вопросы «Литературная газета» — газета плохая, с порученным ей делом плохо справляющаяся, мало кого организующая.

Конечно, установка и тенденция «Литературной газеты» при ее новом составе изменились. Но книги читателя — все более или менее, а вот газета — все по существу?

Лицом к производству поворачивается ли «Литературная газета». Определяет ли тематику газеты? Отвечает ли специфичность этого органа печати? Поставлены ли его основные вопросы?

Лицом к производству значит: уменьшить внимание к около литературным темам и делениям, к пропаганде сути литературных, к перебросам вождизма, самовлюбленности.

Лицом к производству значит: повернуть к конкретной критике, всестороннее обслуживание призыва рабочих-ударников к участию в литературе руководство им, массовый общественный контроль над работой издательств и всей системой издательского и культурных кадров.

Только это может обеспечить подлинное повышение «Литературной газеты» в боевой орган октябрьского наступления на литературном фронте.

Ругаем «Литературную газету» на кого жалуемся? Себя ругаем — всю писательскую общественность и РАПП в первую очередь.

Вик. Козаков

Еженедельные обзоры, посвященные нашим литературно - художественным журналам;

Широко поставленный библиографический отдел;

Критические статьи о писателях «выдумщиках» и о молодой работе литературе.

«Литературная газета» должна еще лучше, еще с большей энергией и «чуткостью» вести борьбу за максимальное приближение «попутчиков» и «союзников» к идеологическим позициям рабочего класса.

Т. Акдеенко

„Красный Пролетарий“

Основные задачи, стоящие перед «Литературной газетой»,—это, во-первых, включение в творческий смотр старшего, прежнего в литературу. Такой смотр необходимо на страницах газеты провести организованно литературной печатью.

Вторая задача: широкое обсуждение вопросов рабочих-авторов и, наконец, правильное методологическое руководство этой работой.

Т. Макаровский

«Пролетарский Труд»

«Литгазета» слабо освещает работу литкружков. Нужно вести отдел критики, теснее связать с читателями, привлекать к литературе. Этот отдел поможет кружкам во-настоящему, основательно заняться вопросами творчества. Было бы хорошо, если бы важнейшие задачи литературно-работнического движения ставились так, по-боевому, как была призвана мобилизация литературных сил на помощь Урало-Кузбассу.

Любовный и чуткий подход к новым ростам новых творческих сил—вот основной долг всех литгазетчиков, за который должна бороться «Литературная газета».

А. Гиляп

Особенно конкретными вопросами, которыми должна сейчас заняться «Литгазета», являются: практика проведения призыва ударников в литературу, ее участие в этом деле и итоги проведения этих предложений.

«Литгазета» явилась первой газетой, которая на своих страницах стала регулярно освещать вопросы пролетарской революционной и пролетарской литературы.

«Литгазета» должна по-настоящему помогать творческому росту ударников, помогать лучшие образцы художественной литературы, знакомить советского читателя с интернациональной революционной литературой, помогать политикам стать союзниками и участниками пролетлитературного движения. В популярных статьях надо освещать вопросы творческого метода, иллюстрируя их положительными примерами.

Бисс. Самков

Для того, чтобы «Литературная газета» помогла борьбе за творческий метод пролетарской поэзии, необходимо:

регулярно рецензировать книги выходящие книги стихов и, не ограничиваясь статьями о «частностях», уделять должное внимание творческому росту поэтической молодежи;

учитывая, что призыв к «конкретной» критике вовсе не означает отказа от разрешения сложнейших теоретических проблем,— напечатать ряд статей, посвященных основным вопросам творческого метода поэтики, истории поэзии XX века и дало разработанным и нами для исторических жанров (сатира, народная, эпиграмма, пьеса в стихах и т. д.);

продолжать работу поэтического совещания РАПП и провести на страницах «Литературной газеты» «Всероссийский поэтический смотр». К участию в этом смотре привлечь широкие круги рабочих-читателей и основные кадры ударников, призывных и пролетарскую и пролетарско-колхозную литературу.

напечатать цикл статей о творческом методе Владимира Маяковского;

напечатать ряд статей, дающих представление о том, как закрепляется массовый эпос нашей эпохи в фабричной песне, стенгазетной частушке, клубной инсценировке;

провести библиотечную анкету о том, как читается массовым читателем произведения современной поэзии;

поставить борьбу за создание новых кадров пролетарских поэтов-переводчиков.

Ник. Брыкин

В день своей годовщины «Литгазета» в начале четвертого года своего существования должна подвести итоги своей работы.

Хорошо бы:

Больше внимания уделять вопросам, которые ставит перед литературой «повседневная» жизнь, с которой должна «Литгазета» быть всегда связана.

Не ограничиваться случайными, второстепенными заметками о «новых книгах», а регулярно освещать работу основных журналов (Красная новь, Октябрь, Молодая гвардия, Новый мир, Звезда, Красная нива, Красная новь, Печать и революция, Литературная учеба, Литературный критик, Литературное обозрение, Рабочий и театр, Рабочий и искусство, Пролетарское кино, Пролетарский университет, Пролетарская революция, Революция и культура, Наши достижения, Наука и техника, Наука и жизнь, Вокруг света, Всемирный следопыт, Вокруг нас, Юный ленинец, Пионер, Костер, Ленинские искры, Ленинградская правда, Вечерняя Москва, Комсомольская правда, Смена, Пионерская правда, Пионерская искра, Ленинские внучата, Ленинградский рабочий, Ленинградская смена, Ленинградский пионер, Ленинградский комсомолец, Ленинградский большевик, Ленинградский университет, Ленинградский рабфаковец, Ленинградский политехник, Ленинградский горняк, Ленинградский металлист, Ленинградский пролетарий, Ленинградский ударник

Издательства к декаде печати

МНОГОМИЛЛИОННЫЙ ЧИТАТЕЛЬ **ТРЕБУЕТ** ХОРОШУЮ НУЖНУЮ КНИГУ

ОПЫТ ИЗДАТЕЛЬСТВА ВЦСПС — ОБРАЗЕЦ ДЛЯ ОСТАЛЬНЫХ

Беседа с зав. книжным сектором изд-ства ВЦСПС тов. Банковым

Издательство ВЦСПС за ведомственного изд-ства превратилось в изд-ство, создающее рабочую книжку, которая освещает лучший опыт социалистического соревнования и ударничества. Раньше ВЦСПС выпускал толстые ведомственные справочники, проводил правооппортунистические теории в своих книжках, использовала РАПП ВЦСПС для своей правооппортунистической политики.

Новое руководство ВЦСПС, выполняя лозунг партии о повороте профсоюзов лицом к производству, повернуло и свое изд-ство лицом к ударнику. Изменилась и литпродукция изд-ства.

Основным методом борьбы рабочего класса за социалистические темпы мы считаем показ через художественную литературу лучшего опыта соцсоревнования и ударничества. Исходя из этой установки, издательство пришло к мысли, что лучшим образом передать этот опыт может сам боец-ударник, находящийся на производстве.

1930 год был годом появления первой рабочей книжки в СССР и во всем мире. Ровно год назад вышли эти первые рабочие книжки, написанные ударниками, которые отразили в них энтузиазм масс в борьбе за пятилетку. Еще год назад мы совершенно не имели рабочих авторов, сейчас изд-ство ВЦСПС уже насчитывает актив в 150 рабочих авторов на предприятиях. За год изд-ство ВЦСПС выпустило 31 книжку, которые написаны 48 рабочими-ударниками. Средний тираж выпускаемых книжек—100.000. В течение 1931 года РИО ВЦСПС намечает выпустить около 200 книжек рабочих-авторов.

Книжки рабочих авторов по своему содержанию становятся все серьезнее и углубленнее. Рабочие авторы-ударники стараются передать через художественную литературу не только энтузиазм рабочих масс, но и отразить практический опыт рационализации, изобретательства, ударничества, соцсоревнования на заводах и фабриках.

Были первые книжки рабочих тт. Михайлова, Гарязина характеризуют собой первый этап на пути создания рабочей книжки, то сейчас книжки рабочих тт. Оревецкого, Горохова и др. передают в художественной форме опыт технической реконструкции предприятия.

По инициативе изд-ства ВЦСПС РАПП начал призыв рабочих-ударников в литературу. Теперь издательство совместно с РАПП проводит этот призыв.

Характерной чертой рабочего автора-ударника является то, что в отличие от старого писателя, рабочие писатели работают коллективно. В цехах на предприятиях обычно устраиваются беседы с коллективным обсуждением рукописей рабочих авторов. Нередко книжка, написанная рабочим автором, дополняется коллективом. По отзывам рабочих авторов эти коллективные читки являются большой практической школой в творческом росте рабочих авторов.

Ряд книжек, выпущенных изд-ством ВЦСПС, написан коллективом рабочих, например, книжки рабочих-ударников «Красного Путиловца», Сормовского завода, шахты им. Артема и др. Недавно выпущенная книжка «Дело чести»,—рассказы рабочих о соцсоревновании, фактически является произведением 150 рабочих трех крупнейших московских заводов.

Изд-во ВЦСПС является профсоюзным изд-ством и должно также помогать книжному профактиву в деле мобилизации масс и перестройки профсоюзов лицом к производству.

Рабочий редсовет, существующий уже год при изд-ст ВЦСПС, объединяет до 30 ударников с предприятий. Издательство сумело установить настоящему связь своей работы с заводами и фабриками. За год проведено около 15 выездов на предприятия для коллективной читки и обсуждения книг рабочих авторов. Члены рабочего редсовета издательства помогают ему в его работе на местах. Некоторые члены редсовета в порядке общественной работы редактируют и рецензируют книги, дают свои отзывы на книжки.

Для повышения квалификации рабочих-писателей изд-ство ВЦСПС организовало кабинет рабочего автора. Задача кабинета—повысить политическую и литературную квалификацию рабочего автора путем устройства ряда докладов, бесед, литконсультаций и т. д.

По инициативе рабочего редсовета изд-ство ВЦСПС послало специальную бригаду, состоящую из московских, ленинградских и луганского заводов, для ликвидации прорыва в Сормове. Бригада помогла ликвидации прорыва на Сормовском заводе и совместно с рабочими завода написала и выпустила коллективную книжку «Сормовский сентябрь».

В ответ на приглашение Максима Горького за рубежом члены рабочего редсовета изд-ства ВЦСПС организовали на заводах и фабриках ряд ударных бригад имени Горького.

Каковы недочеты в работе издательства?

Мы еще не вышли за пределы Москвы в деле воспитания рабочих авторов. Недостаточны еще темы заданий книги рабочих авторов, что объясняется плохим состоянием нашей полиграфбазы. **Издательство мало работает с читателем.** Мы не имеем сведений, как читаются книжки рабочих авторов. В рабочих библиотеках почти нет книжек, написанных ударниками. **Книгоцентр плохо распространяет литпродукцию издательства.**

Профорганизации, несмотря на ряд указаний ВЦСПС, еще в большинстве **недооценивают роли книжки как организатора соцсоревнования на производстве, не помогают рабочему автору и литкружкам.**

«Литературная газета» недостаточно широко освещает вопросы создания новой рабочей книжки. «Л. Г.», не привлекла внимания рабочей, профсоюзной и писательской общественности к выявлению новых рабочих авторов.

«Литературная газета» должна взять под обстрел работу литкружков и профорганизаций, не помогающих рабочему автору; она должна проверять работу библиотек, не продвигающих и не пропагандирующих книги литударников. **«Литгазета» должна помочь творческому росту новых рабочих авторов, пришедших с фабрик и заводов.**

ОБ ИЗДАТЕЛЬСТВЕ ПИСАТЕЛЕЙ в ЛЕНИНГРАДЕ

Беседа с членом Президиума изд-ства М. Э Козаковым

«Издательство писателей в Ленинграде» организовалось 3 года назад преимущественно для того, чтобы объединить вокруг себя молодые литературные силы. Главными кадрами нашего издательства являлись авторы первой или второй книги—молодые «попутчики». Ориентация на молодую «попутническую» литературу жива и ныне нашей политики и по сей день. Поэтому все наши достижения и все ошибки нельзя рассматривать вне того общего мировоззренческо-творческого процесса, который происходит в течение этих 3 лет в секторе «попутнической» литературы.

Всю нашу продукцию за 1930 год можно разделить на несколько групп в порядке убывающего порядка. Есть целый ряд книг, выпуск которых и пресса, и широкая общественная масса, и мы сами считаем безусловными достижениями.

К таким книгам следует отнести и первую очередь талантливейшую книгу Дм. Лаврухина «По следам героя». Необыкновенно значительно то впечатление, что оставила в нас, она была отвергнута Ленинградским отделением ГИЗ.

Отвергнутый в свое время ЗИФ роман Сем. Михайлова «Бригадная рота», столь популярный сейчас, привел в

Прежде подавали супергаз самым нам горожан. Зимний Боровск одно не потревожило с погружье. Сперва Вениамин Трифонтий умно не были домах пекли в старину пряники на всякие дела и в умную никогда себя не знали. Екатерина Ивановна, молодая, красивая, в сочи на именно отчество и, высылая в письмо, поступила вдвое. Дикие в крыше скрипят и разгоняясь по двору слышно, что под сани, как в лихорад, что на высокие чудесные сапожки.

Первое дело жители из нужно сорвать. Он кожаны по двор, сначала целых собак, пристанища и, прохожи мимо окна Екатерина Ивановна, не сидел за все и шапке ей московское.

— Зарезонирует,— что сделала еще с своей мамой Катериной Львовна, и двор сама сделаю пустыни.

— Сударыня!— крикнул кто-то через это минуту у закрытой двери Катерины Львовны.

— Кто тут?— испугалась, спрашивая Катерина Львовна.

«Леди Макбет Мценского уезда» в издании «Издательства писателей в Ленинграде»

Страница из книги, с иллюстрацией Б. Кустодиева

Мы помещаем ее как образец общественного оформления. Но рационально ли потрачены силы и средства? Не «Леди Макбет», к массовому книгу нужно так любовно оформить.

изд-во почти так же, как и книга Лаврухина. Изд-во, узнав о работе автора, связалось с тов. Михайловым, когда роман еще не был написан до конца, и сумело привлечь автора к работе в издательстве.

Книги Г. Венуса, М. Чернокова, М. Шкапской, А. Чистякова, Арельского, Л. Борисова и достаточное количество других книг могут без всякого сомнения войти в «актив» изд-ва. Крупной заслугой «Изд-ва писателей» является и издание собрания сочинений В. Хлебникова.

Но в работе изд-ва был целый ряд ошибок, которые справедливо были отмечены прессой, общественным мнением и широким читателем.

Мы выпустили ряд безусловно ошибочных книг—что мы признаем. Также ряд книг, как «Организованный роман» Ю. Берзина, «Шесть девушек» Новорова, книга Тарасса, «Право на песнь» В. Эрлиха и некоторые другие, ранее намеченные, должны быть поставлены нам в минус. В виду этого мы могли бы поставить и выпуск книжки Л. Добычина «Портрет». В чем заключалась ошибка издва, выпустившего эти книги? Это—начала недопечатка с нашей стороны того общественного эффекта, который вызвали эти книги в широких кругах читателей. Вольное или невольное искажение действительности, острая классовость, которые во существе произведения в этих произведениях, полная бессмысленность злостного порядка—все это должно было быть заранее учтено издательством.

К сожалению, мы вынуждены констатировать и ошибки изд-ва, не всегда правильно понимавшего задачи своего редакционного аппарата (отсутствие в некоторых книгах четких редакционных вступительных статей и пр.), но с другой стороны, мы не можем похвастать серьезным и внимательным отношением к нашей продукции со стороны библиографических отделов наших журналов и газет.

Сейчас наше издательство находится на новом этапе развития. Вхождение представителей ЛАПП в правление и серьезным нажим увеличение кадров работников издательства критиками-марксистами, связь с рабочей общественностью (встречи с «Кр. Путиловцем», текстильщиками им. Евг. Соколовой и лапшинская творческая группа «Рабочая окраина» или своих представителей в наше правление) значительно расширят общественную базу изд-ва.

Мы думаем, что в этом году издательство должно творческой продукцией своих авторов показать органический, а не только декларативный переход основных наших молодых «попутнических» кадров на позиции активных «спутников». В связи с этой задачей роль и значение нашего писательского изд-ва (хотели сказать материально и технически достаточно крепкого) весьма возрастает.

За ЛИКВИДАЦИЮ ПРОРЫВА в ГИХЛ

Государственное издательство художественной литературы окончательно организовалось в сентябре прошлого года. В него влились: Литхудотдел Гиза, ЗИФ, Литхуд «Московского рабочего», изд-во «Прибой» и изд-во «Геликонпечать». Ему же была передана часть портфеля «Молодой гвардии».

Основная задача ГИХЛ заключалась в том, чтобы обеспечить ведущую роль пролетарской литературы, выявить и помочь сформироваться новым кадрам литмолодняка, в первую очередь из рабочих-ударников и колхозников, а также путем углубленной и систематической работы с попутчиками помочь им перейти в ряды полезнейших союзников пролетариата. Огромные задачи ставило перед собой издательство в деле развертывания массовой работы над книгой и по призыву ударников в литературу.

Что же было сделано издательством за истекшие 8 месяцев?

Выпущено из печати 37 названий по разделу пролетарской литературы, среди них впервые было издано 14 названий, в том числе произведений впервые печатающихся авторов—4 и 3 принадлежат перу рабочих-ударников.

В производственном портфеле по всем разделам пролетарской литературы находится 13 названий, впервые является 9, из них произведений ударников—2.

В производственном портфеле редакции современной русской литературы 21 название, (не считая новинок пролетарской литературы), из них новых —12.

Что нами сделано по развертыванию массовой работы и по призыву ударников и литературу?

Литсудсессия рабочего редсовета Гиза вначале организатором рабочего редсовета ГИХЛ. Рабочий редсовет состоял из представителей крупнейших предприятий Московской области в составе 40 человек рабочих-ударников с производства, из которых 74 проц.— партийцы и комсомольцы. Организовал сектор массовой работы, во главе которого стоит рабочий-выдвиженец. При массовом секторе создана вне-редакционная часть, на которую возложено проведение массовых мероприятий: вечеров рабочей критики, работа над читательскими письмами, связь с фабриками, заводами и колхозами. Создана литературная консультация из представителей РАПП и ВОПК, в которую вплелись Литфронт ВОПК, Литбюро журналов «РОСТ» и «Октябрь» и несколько дней назад вплелась Литконсультация ФОСП.

Литконсультация ГИХЛ проводит значительную работу с начинающим автором, в частности, с работами-ударником. Много сделано и в области массовой работы над книгой: литсекция на крупнейших предприятиях, посылка выездных шефствующих бригад на места. Ведется большая работа и по читательским письмам. Налажена постоянная связь с 50 книжкорами, главным образом рабочими и колхозниками, критические письма которых обрабатываются библиографической частью и используются издательством при составлении редакционных планов.

Проведено свыше 30 заседаний рабочего редсовета, на которых обсуждались редакционные издательские планы. Подвергались разбору рукописи. Рабочий редсовет помогал издательству в ликвидации прорыва.

Первоначально новому типизированному издательству ГИХЛ ОГИЗ была дана норма в 300 млн. оттисков, потом эту норму 4 раза сокращали, и мы получили новую норму в 150 млн. оттисков. Надо сказать, что такое планирование ОГИЗ все время держало ГИХЛ. Сначала оно развертывалось на одну норму, потом перестраивалось на другую. Это нарушало плановость, связь-нье творческую и организационную работу. К тому же перебазный нам разнородный репортфель вошедших в ГИХЛ издательств, в большой части халтурный, поставил правление издательства в очень тяжелое положение.

К этому необходимо добавить неблагополучие нашего аппарата, который не смог справиться с возложенной на него ответственной задачей.

В итоге ГИХЛ в начале первого квартала допустил прорыв. Хорошо, что гласты подняли вокруг этого шум, но вместе с тем надо сказать, что пресса подошла к работе издательства поверхностно.

Газеты и журналы плохо помогали нам.

За первый квартал 1931 года нами выпущено 150 названий, и только 19 из них получили отзывы прессы, один отрицательный и 12 рекомендующих книгу массовому читателю.

Писательская общественность также еще не подошла вплотную к работе издательства. Примером может послужить литературный редсовет, состоящий из 20 писателей: только 3—4 из них приходят на заседания литсовета.

Все же с прорывом по производственной линии мы справились.

За первый квартал по книжной продукции по выпуску и по сдаче Книгоцентру план выполнен на 90 процентов, по переплетке—на 55 процентов. (По журналам наш ОГИЗ ГИХЛ стоит на победных местах).

Но в настоящий момент у нас есть прорыв по другой линии, еще более угрожающий.

По всем портфелям издательства мы имеем перегрузку. В ту норму, которая нам определена ОГИЗ, не может войти издание самых необходимых книг как по массовой серии, так и по серии для малограмотных, ДВО. Современной русской литературы и другим.

Все это заставляет нас искать выхода на катастрофического бумажного кризиса. Мы вновь проводим просмотр всего редакционного и производственного портфелей, чтобы изъять менее ценные рукописи. Обращено сугубое внимание и на качество выпускаемой продукции, по редактированию и на оформление книги. **Правление ГИХЛ.**

в БОРЬБЕ за МОЛОДЕЖНУЮ КНИГУ

Растущее с каждым днем участие комсомола в социалистическом строительстве требует от комсомольского издательства всемерного расширения и повышения качества молодежной и детской книги. Очень мало участков строительства, где вооруженность комсомола книгой была бы достаточной, но нет ни одного, где бы правды комсомольский комсомол не играл важнейшей, подчас решающей роли. Повсеместно ликвидировать этот разрыв — задача 31 года. Девятому съезду комсомола «Молодая гвардия» рапортовала больше чем 1.600 названиями книг, выпущенных в 1930 году, что составляет 42 процента того, что издано за все 8 лет существования издательства.

Тираж книг с 7 миллионов экземпляров в 1927 г. вырос до 50 млн. в истекшем 1930 году. За время с VIII съезда ВЛКСМ не было ни одной новой крупной хозяйственно-политической кампании, на которую издательство не откликнулось бы.

К осенней и весенней посевным кампаниям издательство дало деревне много миллионов книг и брошюр.

Борьба за молодежь происходила на всех участках, в том числе и на идеологическом. Одним из таких участков была книжная и детская книга, являющаяся могучим оружием классового воспитания.

«Молодая гвардия» боролась за ее неразрывную линию партии изданием ряда библиотек и книг. Сюда относятся библиотека XVI съезда партии, библиотека IX съезда ВЛКСМ, несколько десятков книг, обобщивших и анализировавших опыт и достижения комсомола на всех участках социалистического строительства.

Можно назвать целый ряд книг для повышения роста и повышения качества нашей детской литературы. От так называемых «букашечных» и «копытных» тем мы отошли, мы имеем книги, показывающие индустриализацию страны, коллективизацию сельского хозяйства. Сейчас надо подняться на высшую ступень. Необходимо показать и роль пролетария, трудящегося, сумевшего превратиться из раба машины в ее господина, подчинившего себе технику и природу, поставленных на службу строительству социализма. Деревня и подростки ждут книги о труде, о новых социальных отношениях между людьми, о величайшей роли соревнования и ударничества. Техникам и политикам — еще очень сильно в детской литературе.

Подчас затираются классово-враждебные влияния в детскую и пионерскую литературу, и эти вопросы имеют место, главным образом, в художественной литературе. Недостаточная бдительность и политическая неустойчивость некоторых редактуры привели к выпуску несколько книг вредных антисоветских книг. За отчетный период изд-ву пришлось разобрать ряд набранных книг и даже сверстанных книг. Недопустимой ошибкой нужно считать выпуск таких книг, как «Через 500 дней» Смирнова «Окуровская хроника» Пильняка и ряд других. В настоящее время имеются некоторые затруднения в деле установления связи издва с читателями, четкое руководство на предприятиях, проработка издаваемой продукции на предприятии, в рабочих кружках. Около двух десятков лет в русской нам удалось воспитать крепкую нашей молодежной аудитории. Особо следует отметить работу «Молодой гвардии» с писателями-ударниками. Нами организована специальная библиотека молодых ударников. Существует широкий рабочий редсовет «Молодой гвардии», избранный на массовых собраниях литактивы членов рабочих редсовета приступили уже к работе. Но все это еще слишком мало. На дальнейшую массовой работы необходимо часто чрезвычайно много внимания, и прежде всего следует отметить недостаточное внимание со стороны комсомольских ячеек, полную преобразование библиотек к работе с молодежной книгой и непонимание первостепенной важности детской книги.

Обследовавшая нас бригада констатировала, что мы своей план на 31 год перестроили применительно к новым задачам, которые ставятся перед нами партией и комсомолом. Но дело в том, чтобы мы их успешно выполнили, нам необходима помощь литературоведческих научно-исследовательских институтов. Комакадемии у нас первую очередь РАПП, которая должна уделить много внимания издательству детской и юношеской книги.

Я. ЦВАНКИН

БЕЗ БУМАГИ — НЕТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Промфинплан в Госиздате художественной литературы—самозрелый. Работа огромной фабрики-книги близка к параличу. Если бы такая беда стряслась с каким-нибудь другим издательством, вроде «Мосх. тов-ва писателей», «Недра», «Огонька», или даже «Федерации», то это обстоятельство не имело бы такого значения, какое имеет прорыв в ГИХЛ. Бьет главный удар нанесен центральному государственному предприятию, объединяющему в себе все главные круглые издательства, этот факт приобретает характер исключительного события. Ведь ГИХЛ — это главный рычаг проведения политики партии в области художественной литературы по линии производства книги. База, на которой утверждается всякое издательство,—бумага—разрушена, в весь корпус дал угрожающие трещины.

Общая картина такова: по первоначальному годовому плану издательство при центральных распределило бумагой в количестве 300 млн. оттисков. При бурном культурном росте масс, ими их растущимся потребностях и печатном слове это количество нужно считать очень жестким. И даже при этой цифре наличный портфель ГИХЛ не мог быть полностью реализован в течение всего планового года и, что особенно важно, запросы массового читателя тогда не могли быть удовлетворены полностью. Если же принять во внимание, что главный упор в работе издательства обращен на производство массовой дешевой литературы, на которую падает около 50 проц. всех бумажных ресурсов, а на современную художественную литературу 15 проц., включая пролетарскую и колхозную, на классиков—5 проц., на литературоведение — 2 проц., остальное же, по существу, идет тоже на обслуживание массового читателя — периодика, технико, иностранка, творчество народов СССР), то очевидно, что наркомат издательства должен отозваться в первую голову самым тяжелым образом на рабочих и колхозных массах.

Еще не уседел ГИХЛ как следует приготовиться к проведению своего плана, грозовою тучею нависло секвестирование бумаги—на 50 проц., т.-е. на 72 млн. оттисков. Это обстоятельство сразу вывело заместительство и работе аппарата. План перекроили и сделали. Часть портфеля, готового к реализации,—законсервировали. По линии выправления — работа как будто должна была пойти нормально. Вдруг, через короткий промежуток времени,—опять сокращение бумаги в еще более крупных размерах—25 проц. (90 млн. оттисков). Таким образом фундамент оказался разрушенным наполовину. Вполне понятно, перенесение издательских ценностей в другую половину, то-есть на наличный остаток бумажных ресурсов, создали почти паралич в работе всех секторов ГИХЛ. Пока дела очередная перестройка плана издательство уже располагало только 180 млн. оттисков. Начинается паническое бегство из издательского плана не только книг по современной литературе, но и массовой библиотеки: запрыты «Роман-газеты», «Школьная библиотека» обслуживающая учащихся, серия для малограмотных, очерковская литература и сильный тормоз дала ДВО. Прекращен прием рукописей и дальнейшее заключение договоров с авторами. Наличный портфель умерщвлен и, по данным обследования ударных бригад, огромное количество рукописей, оплаченных по договорам, погребены в недрах издательства. Не может быть названо ни одной книги по литературоведению, по истории литературы, и Комакадемия лишена возможности опубликовать свои работы по литературе и языку. Не могут быть изданы классики: издания Толстого, Чехова, Горького, Золя и т. д. ГИХЛ принужден приостановить. Переиздания книг по современной литературе, несмотря на настоятельные требования массовых библиотек, тоже не могут быть сданы в печать.

Внезапно на этих днях опять произвольное изъятие бумаги из оставшихся ресурсов—в количестве 30 млн. оттисков. В распоряжения ГИХЛ остается всего 150 млн. оттисков. Но так как эта бумага уже использована при почине «тридцати кафтанов» (крылатая поговорка в ГИХЛ), то современная литература, хотя и значится в плановых наделах сектора, обречена на длительную летаргию.

Я не касаюсь подробностей в положении до каждому сектору: это завело бы очень много места. Я только хочу указать, что общее состояние аппарата всех секторов самое плачевное. Я далек от мысли, что нашему центральному государственному издательству художественной литературы грозит катастрофа, по ситуация депрессия, которая поразила это важнейшее наше культурное учреждение, вызывает серьезные опасения. Нет бумаги—нет книги. В этом—весь смысл тяжелого положения. Если указать на огромную изобретательность издательства в результате этого потрясения и в связи с печатной централизацией, то болезнь издательства принимает грозный оборот.

Это — не простой прорыв, который можно ликвидировать ударной перестройкой сил и методов работы. В данном случае мы имеем дело с теми «объективными условиями», которые обойти невозможно, если государство не пойдет на помощь издательству. Без бумаги—нет издательства, это—ясно, как апельсина. «Чинить прорехи кафтана», которого по существу уже нет на плечах,—это значит производить ненужные манипуляции в пустоте. Разумеется, тяжелый бумажный кризис, который переживается нашей страной, — отнюдь не причина этой гнетущей депрессии в издательском деле. Наша бумажная промышленность, несмотря на свой рост, не в состоянии поспеть за бурным культурным ростом масс. Идет строительство новых фабрик, производится реконструкция старых, планы и заданья перевыполняются, но культурные потребности возрастают в еще большей прогрессии. Огромный размах капитализации, естественно, в невиданных масштабах развернула и культурное движение среди миллионов работников земли. Теперь уже обычное явление—жесткая районная смета в деревне. Но местные же библиотеки стонут от отсутствия книг по художественной литературе, без которых массовый читатель чувствует себя голодным и неудовлетворенным. На одной бумаге по сельскохозяйственным вопросам далеко не уедешь. Очевидно, бумажные планы—производственные и по мобилизации внутренних ресурсов — нужно пересмотреть, как пересмотреть и планы регулирования.

Я вовсе не склонен оправдывать в руководстве ГИХЛ. Несомненно, что издательство не проявило мер к борьбе за сохранение своего бумажного бюджета, оно не сумело доказать чрезвычайной важности издательского дела на фронте культурной революции. Сокрушительные удары оно приняло как должное и неотвратимое бедствие—приплело смиренно и благодушно. Не было и мысли начат мобилизации писательской и рабочей общественности вокруг ответственнейшего участка культурно-политической борьбы по воспитанию трудящихся масс. И вообще надо сказать, что эта общественность совершенно не вовлечена в работу издательства. Есть замкнутый в себе аппарат, есть организованная литературная и рабочая общественность, а между ними—зияющий провал.

События в ГИХЛ должны привлечь к себе пристальное внимание нашей пролетарской общественности. Весь смысл их в том, что центральный сокрушительный удар нанесен одной из главнейших опор нашей культурно-революционной политики — мощному основному производителю книги. Обречь на умерщвление это огромное производство, нанесен ему ужасающий удар, который неизбежно повлечет за собою заложение—значит не считаться с последствиями. Это нужно разбить или как ошибку, или как недопустимую роль и значения художественной литературы нашей великой эпохи. Тогда зачем нужно было укрупнять издательство, зачем нужно было тратить напрасно и силы и средства на создание мощной крепости. Ведь не для того же, чтобы дискредитировать самую идею централизации? Это—и нелепо, и убыточно, если не сказать больнее. Очевидно, реконструкция проводилась продумано и с благими намерениями. А результат?

Анекдот это или действительный факт, но почтенные люди мне сообщили о таком экзотически-мрачном случае в одном учреждении, где решаются «бумажные вопросы». Один из представителей ведомства выступил с суровой речью насчет своевременности изъятия художественной литературы. Предложение его сводилось к следующему: ввиду тяжелого бумажного голода, нужно приостановить печатание художественных произведений до тех пор, пока этот голод минует, а всю бумагу использовать только на самонужнейшую и практически необходимую литературу, без которой нельзя обойтись. Правда, предложение этого указанного работника не прошло, но прошло было горячо. Это, полагается, фамусовская постановка вопроса, отрицающая огромную воспитательную силу художественного творчества, не признающая за художественным словом одно только «баловство» и праздную игру воображения.

К счастью, наши пролетарские и колхозные массы уже в достаточной степени трезво оценили высокую роль художественного творчества. Если порыться в архивах издательств, в частности в ГИХЛ, и извлечь ворохи писем массового читателя, можно убедиться, насколько велики их потребности в художественном слове, а потребности эти органически растут и развиваются вместе с культурным ростом трудящихся. Перестраивается жизнь, ставятся коренные проблемы быта, воспитания, формирования «новой природы» человека—искусство волнует, образно воплощает конкретными обобщениями на всякую, организует силы для борьбы, возбуждает энтузиазм, углубляет классовое самосознание. Оно зовет и подгоняет. В оценке роли искусства революционный марксизм сказал свое энергичное слово. Надо только не забывать об этом и бережно относиться к одному из ответственнейших факторов культурной революции, чтобы не допускать ослабления боевой линии социалистического фронта. Посмотрите на цифры читаемости художественной литературы по библиотекам: всюду всегда определенный закономерность — до 50 проц. массового читателя падает на беллетристику. Интересны данные Ленгосцентра о потребности в художественной литературе: для того, чтобы удовлетворить читателя художественной книгой, необходимо выпустить более 500 млн. оттисков. Сравните с этой цифрой персональный план ГИХЛ на 360 млн. — несоответствие получается разительное. Как же можно расценивать эту жалкую цифру в 150 млн.? Это—уже полный провал в нашем издательском производстве.

Я вовсе не склонен к защите того, что выходит из портфелей издательств художественной литературы. Эти издательства выпускали и выпускают много безграмотных, халтурных, глупых книжонок. Я мог бы привести большой список такой халтуры, но это вовсе не значит, что эти издательства должны быть обречены на паралич. Нужно очень строго и требовательно пересмотреть портфели, надо установить жесткий план, надо надежно укрепить редколлегии, которые бы могли расценивать рукописи не только со стороны их идеологической приемлемости, но и со стороны их **художественного мастерства.** Мобилизация внутренних бумажных ресурсов с этой стороны дала бы большую экономию. Нечего греха таить, к мастерству, к наличию дарования отношение у нас самое благополучное, и, в большинстве случаев, несмотрительно удобренный редакторский состав желается тщательным неуважением в вопросах художественной техники и художественной специфики. Нельзя, например, некритически относиться к лозунгам призвала молодых сил в литературу и умиляться перед каждым ударником, который принес рукопись в журнал или издательство. Надо приглядеться к нему, проникнуть его способности к литературному труду. Надо знать, что он еще не писатель, что ему нужно очень и очень много учиться, работать, набивать глаз и руку. Литературный труд не детская игра—для того чтобы стать писателем, надо при наличии таланта пройти большую школу, а на это требуются целые годы. Литератор, это—мастер, а всякий мастер готовится к своей квалификации довольно длительное время. Плодить эпигонским и пережеванным поделкам недучников из хороших марксистско-ленинских кругов. Было бы в тысячу раз лучше подобрать с ними по линии самообразования, отобрать творчески одаренных и любовно руководя их ростом, не щадя им замечания и самообольщения. Тогда и дает новой литературе будет плодотворным и блестящим. И тогда не будет места макулатурным и вредным книжкам, которые выпускаются сплошь и рядом нашими издательствами.

То же самое и с названием «старых» писателей. Очень многое из того, что издавалось до сих пор, должно быть в дальнейшем решительно отвергнуто.

Немного бы мобилизовать внутренние ресурсы и в области периодики. У нас очень много параллелизма в издании журналов. Много также не нужных и вредных журналов, которые просто надо закрыть, чтобы напрасно не тратить бумагу. Надо поставить вопрос о многочисленных «еженедельниках» и «декадниках», которые пожирают бумагу целыми возами. Составляются эти «декадники» неталантливо, халтурно. Не их «приложения» (это стало, модой нужно обратить особенное внимание. Не пора ли при нашем бумажном голоде вообще прекратить эту сочиненную кем-то с «приложениями», бьющими на сенсацию, и всю массу бумаги двинуть на дешевую библиотеку ГИХЛ?

Мелкие издательства, в конце концов, работают зажигательно, без общего плана, который координировал бы их работу в направлении строгой целеустремленности и тех серьезных задач, которые поставлены нашей партией в основу боевого культурного соединения. Каждое издательство работает, как ему заблагорассудится и, по существу, бесприданно. И все их книжная продукция обычно случайна и литературно слаба. Надо создать для этих издательств строго разработанный единый план, который бы определил четкость в их работе и не позволил бы без отклики разбазаривать бумагу.

Художественная литература не может и не должна быть где-то на задворках. Она—один из самых важных и мощных факторов политики партии в культурной революции. Ее роль и значение—огромны. ГИХЛ, как центральное государственное издательство, имеющее бумажных ресурсов,—в настоящее время не может выполнить даже самых минимальных заданий. Оно обречено на бездействие. А между тем пятилетка требует от него грандиозных и ответственных выполнений. Партия и государство должны немедленно помочь ему, хотя бы скромно, но в основных своих частях хорошо в доброкачественно провести свою работу. Иначе прорыв в нем будет незаконченным, а черные силы зарубежной контрреволюции и интервенты будут на этом спекулировать и создавать очередные легенды о «принудительном отличии» массовой литературы.

Ф. ГЛАДКОВ.

Р. S. Статья эта была уже написана, когда в «Правде» (от 19/IV) была опубликована редакционная статья «О пролетарской литературе». В ней четко сформулированы основные положения о роли и значении художественной литературы в нашу великую эпоху социалистического строительства. РАПП и ФОСП должны направить свои силы не только в сторону воспитания писательских масс и на развитие высокого мастерства, вполне отвечающего нашей эпохе, но и крепко связать себя с ГИХЛ и с другими издательствами, чтобы величия роль РАПП и достаточной степени сильно и авторитетно проявилась в работе издательств. В данном случае РАПП и ФОСП должны принять решительные меры к ликвидации тех тяжелых затруднений, которые переживает ГИХЛ, и помочь ему выйти из кадиновских фуршт безбумажия и затарки.

РАПОРТУЕТ „ФЕДЕРАЦИЯ"

Беседа с представителем изд-ства тов. Г. Шульц

В отличие от Государственного издательства «Федерация» является общественно-писательской организацией. Это—в большой степени определяет лицо и продукцию издательства. Большое место в из-стве «Федерации» занимают писатели, которые объединяются ВССП, на втором месте—пролетарско-колхозные писатели—члены ВОПКП. Слабее с общей продукции из-ства представлены пролетписатели.

За последний год из-во «Федерация»—выпустило около 11 млн. листов-оттисков. Из этой продукции 30 проц. составляет литература о деревне.

Издательство сумело привлечь внимание писателей к актуальным вопросам новой деревни, но, к сожалению, продукция из-ва о деревне недостаточно высока по качеству. Это объясняется тем, что подавляющее большинство квалифицированных авторов, выпускающих книги в издательстве «Федерация» наблюдают деревню со стороны и почти с ней не связано. Еще хуже обстоит дело с литературой, отражающей наше строительство. За год «Федерация» выпустила по очерковой теории «Социалистическое строительство» только 13 книг. Эти очерки являются в большинстве случаев записью поверхностных впечатлений писателя-туриста. Рабочий-строитель, передовой ударник, чрезвычайно слабо отражены в этих книгах.

Несмотря на общий рост из-ства «Федерация» слабым его местом является массовая работа с книгой и работа с ударниками.

Недавно созданный рабочий редсовет при издве (еще не окончательно оформленный) внес новую струю в его работу. Но издательство еще не развернуло воспитательной работы с членами редсовета, еще не установило связи с заводами и фабриками. До сих пор еще не проведено ни одного выездного заседания рабочего редсовета на предприятия, на фабрично-заводских кружках, не обсуждены продукция изд-ва и произведения отдельных писателей.

Как положительный момент в работе изд-ва надо отметить, что 40 проц. общего числа авторов-начинающих: они впервые начали печататься в изд-ве «Федерация».

Начинающие авторы прикреплены к квалифицированным писателям, которые оказывают им консультационную помощь, но сами писатели и литорганизации еще очень слабо участвуют в общей работе изд-ва «Федерация», в частности в его работе по созданию массовой книги.

Изд-во «Федерация» занимает видное место в общей системе издательств. Оно должно значительно повысить качество выпускаемой им художественной литературы и широко развернуть работу и пропаганду массовой книги. Писательская общественность должна оказать ему в этом энергичную поддержку.

НА ФРОНТЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ КНИГИ

Беседа с зампредправления центриздата т. Е. Прикедченко

Печать национальных меньшинств, в частности книгоиздательская деятельность за последние годы значительно выросли. Тем не менее, дело создания и производства массовой книжки еще отстает от современных запросов и темпов культурной революции.

За время существования Центриздата (с 1923 г.) он издавал литературу на 63 языках народов Советского Союза. В 1931 году Центриздат предполагает охватить еще 13 новых языков.

За 8 лет Центриздат выпустил около 5.000 названий книг, с общим тиражом около 15½ млн. листов-оттисков, из них 7½ млн. листов-оттисков художественной литературы.

Центриздат выпускает общественно-политическую, учебную, ленинско-марксистскую, художественную, научную и сельскохозяйственную литературу. План Центриздата на 1931 год предусматривает выпуск (только по центру) 3.335 названий в 149.250.000 листов-оттисков. На них художественной литературы—784 тысячи листов.

Несмотря на значительное усиление темпов издательской деятельности с 1929 по 1930 год, потребность национальностей в книге в достаточной мере не удовлетворена и Центриздат идет под знаком серьезного книжного голода национальной литературы.

Необходимо решительно подтянуть печать национальностей. Работе Центриздата должна быть оказана всемерная помощь и содействие со стороны работников и писательской общественности. **Обеспечение народов СССР литературой, изданной на родном языке, является одной из первоочередных задач культурной революции.**

От нашего корреспондента

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЛЕНИНГРАД

Слет ударников полей и пера.—Тысяча писателей, десятки сборников, журналов, газет.—Новые люди разрешат новые задачи.—Обещания, застрявшие в стенограммах.—Академик Вавилов о литературном призыве

Массовые литературные дискуссии в совхозах и колхозах, по существу, не привлекли должного внимания общественности. Когда на областном слете литературных кружков совхозов и колхозов Ленинградского Дома печати зашла речь о делегатах, оставшихся за рамками «акции» слета, по организационных соображениям, представитель Дома т. Дорогойченко (ЦС ВОПКП) должен был сознаться:

«Прием ударников дал гораздо больше, чем мы предполагали».

Эти результаты — не только тысяча ударников, сконцентрированной деревни, мотивировавших в ряде ЛОКПП. С количественными показателями литературного приема соревнуются показатели качественные. Творческие обменники, организуемые в ходе дискуссии, Ленинградским, Вологодским, Псковским, Новгородским и другими районными газетами (всего в ЛОКПП — 25 районных отделений), литературные страницы, выходящие почти всеми районными газетами, районный литературно-художественный журнал «Ленинградский колхозник» — свидетельствуют о творческом росте литературных кружков совхозов и колхозов. Районные конференции, бригады Дворцов районов ЛОКПП за эту весну организовали четыре. Каждый подтверждает, что в практической работе литературных кружков совхозов и колхозов разбиваются многие иллюзии, которыми на дни слета украшены своды Дома печати. Мало иметь в его организации, «Колхозный» литературный — большой отряд социалистического наступления в деревне.

*

Вопросам пролетарско-колхозного литературного движения был посвящен доклад тов. т. Сетроргского.

— Участие совхозов и колхозов, привлекшее в литературу, внесет в нее здоровый тематический запас и боевую волевую направленность. Перед литературой деревни возникают новые задачи, по-новому ставятся старые. Мы слышали его трибуной и литературные участники президиума сельскохозяйственной академии имени В. И. Ленина, академика Вавилова.

Рассказав о крупных достижениях советского сельского хозяйства и советской агрономической науки, ак. Вавилов остановился на огромных возможностях массового литературного движения. — Все должны быть привлечены от зрителей к читателям, — сказал т. Вавилов дальнейшим. — Учебник читают сухо, а художественное произведение может прочитать в самых неблагоприятных условиях, в самых мелких мелочах и сохранить в памяти надолго. Горячее и меткое слово писателя должно притти на помощь ученому, загруженному исследовательской работой. **Наука и художественная литература, объединенные вокруг общих целей и задач, превратятся в мощное орудие социалистической стройки.**

Б. РЕСТ

Ленинград.

Из литературного прошлого

НЕИЗДАННАЯ ПЕРЕПИСКА Л. Н. ТОЛСТОГО

В 1857 году Лев Толстой за границей. Ему не хочется уезжать из Парижа: «наслаждения искусством — Лувр, Версаль», Комеди-Итальен, квартеты, лекции в «Collège de France» и Сорбонне, — вот что притягивало его к столице Франции (судя по его письму к И. П. Боткину от 5 апреля и по его дневнику, недавно опубликованному). Он ушел «социальной свободой, в которой (по его словам) он в России не имел даже понятия». Париж эпохи Второй империи, Париж жирующей, торжествующей буржуазии, в кабаках и опереттах Оффенбаха, в бульварных романах Дюма-сына находил пред собою Лермонтов и Николаев III, оригинал него в своих «социальных» взглядах вроде Клапки и Бальзак хорошо. Толстого только своей фасовой, показной стороной, многими проявлениями общественной жизни был близок классовому самочувствию графа-путешественника, хотя Толстой в эмигрантов и жителей Парижа. Так он писал:

«У меня на душе уже много спокойно-грязи, и две дежи, и гильотина, и нечистоты, и нищеты...».

Характерна отрицательная благородность его корреспондента Л. Колбасину, чувствительно среди писателей «современных», ведущему в качестве сотрудника редакции журнала издания сочинения классных сотрудников этого журнала, в частности писателя «Военных рассказов гр. Л. Н. Толстого» (ЦИЛ 1856). Толстому кажется, что тот и его новости «это помойная» не нашел никакой «элементности», абсолютно «истинной мысли» в «Севастополе в мае». Толстой пишет: «Я не могу не чувствовать, что мои рассказы печатаются в «Современнике» для того, чтобы Тургенев, Гончаров, Панаевы и Дружинин, Боткин и Анненков могли сказать: «Вот видите, и граф Толстой у нас сотрудничает, и мы не совсем дурные люди». Вот для чего я печатаюсь в «Современнике», а не для денег, которые мне, как вам известно, очень нужны».

Толстой ищет в Париже «нового», «свежего», «оригинального», но ничего не находит. Он пишет: «Я ищу, ищу, и не нахожу ничего, кроме старого, старого, старого, которое я видел и в Германии, и в Швейцарии, и в Италии, и в Англии, и в Париже, и в Лондоне, и в Женеве, и в Турине, и в Ницце, и в Неаполе, и в Риме, и в Венеции, и в Вене, и в Праге, и в Дрездене, и в Берлине, и в Кельне, и в Брюсселе

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Орган Федерации Об'единений Советских Писателей РСФСР

МОСКВА 10 МАЯ 1931 г. № 25 (124)

РЕДАКЦИЯ: Тверской бульвар, 25, Дом Герцена. Тлф. 2.80.12

ОПЫТ ПЕРЕДОВИКОВ СДЕЛАЕМ ДОСТОЯНИЕМ ВСЕХ ТРУДЯЩИХСЯ

ПОКАЖЕМ ТРУД, КАК „ДЕЛО ЧЕСТИ, ДЕЛО СЛАВЫ, ДЕЛО ДОБЛЕСТИ и ГЕРОИСТВА"

ПОКАЗАТЬ СТРАНЕ ЕЕ ГЕРОЕВ

Героическими усилиями пролетарских и колхозных масс под руководством партии Ленина великий план социалистического строительства выполняется и перевыполняется. Пятилетка, представлявшаяся капиталистическому миру два года назад легкомысленной утопией, становится для него страшной явью, а для нас — радостной действительностью. Мы забираем новые, более высокие темпы, претворяя в жизнь выдвинутые самими массами лозунг «пятилетка в четыре года». Творческий энтузиазм пролетариев оставляет позади и эту задачу: на ряде предприятий и по целым отраслям промышленности (электрическая, машиностроительная) пятилетка выполняется в 2½ — 3 года.

Лишь осенью прошлого года московский Электрозавод переживал прорыв в промфинплане; лишь прошлым летом в ряда промыслов Азнефти сообщалось о тревожном отставании с выполнением плана; то же самое и по ряду других предприятий. Тем большая победа окончание Электрозаводом, Азнефтью и др. пятилетки в 2½ года, тем больший героический пафос звучит в этом факте.

Штурм прорыва на Электрозаводе, сараи на нефтяных промыслах были взяты не меньшей героической борьбой, чем штурм Перекопа или взятие Царицына. И так же как там, только в результате героизма бойцов, беззаветной преданности их делу социализма—оказалась возможной победа. Также как там, на фронтах гражданской, борьба рождала своих героев, всегда бывших впереди, на самом виду у врага, особенно неистово дравшихся, своим героизмом и беззаветной храбростью заражавших других. Так же как там, под Перекопом, армия имела большевиков-командиров, твердо ведущих войска в наступление.

Мы победили в гражданской войне прежде всего благодаря тому, что создали свою новую, армию, состоящую из сознательных бойцов, по-новому относившихся к борьбе, знавших с кем и за что они берутся, уверенных в победе.

Прежде всего, благодаря наличию этих же условий, пришли к победному финишу московские электрики, бакинские нефтяники и многие другие. Большевистская настойчивость и упорство, образцовая дисциплина и решительное преодоление всего тормозящего борьбу как в своей среде, так и на производстве, творческий энтузиазм массы и умелое руководство партийных организаций, командиров-специалистов и администраторов, наличие героев-передовиков, а над всем этим — НОВОЕ ОТНОШЕНИЕ К ТРУДУ и НОВЫЕ ЕГО ФОРМЫ — уверенности и сверхусилия. Все это и обеспечило победу.

Эту победу—победу большевистских темпов празднует вся страна. Весь рабочий класс чествует своих героев. ЦИК Союза ССР наградил все заводы, закончившие пятилетку и передовиков-энтузиастов-рабочих, специалистов и администраторов орденами Ленина и Трудового красного знамени.

ОНИ—ПОДЛИННЫЕ ГЕРОИ НАШЕГО ВРЕМЕНИ.

Историю и борьбу заводов, жизненный путь людей, получивших признание страны, должен знать каждый трудящийся. Кому же, как не художественной литературе, принадлежит почетная роль показать стране ее героев, воспроизвести их убедительные и правдивые портреты?! Секретариат РАПП поставил перед всеми пролетарскими писателями ударно-творческую задачу—описать в стихах, очерках, рассказах, путь заводов, представленных к ордену Ленина, дать художественные биографии лучших ударников Страны советов. За это дело по решению секретариата должны взяться все организации пролетписателей, причем ударность должна сочетаться здесь систематической длительной работой. Эта инициатива РАПП практически ставит художественное творчество на службу социалистическому строительству, действенно разрешает задачу ликвидации отставания литературы от темпов реконструктивного периода, содействует творческой перестройке.

Она, эта инициатива, должна быть подхвачена всеми советскими писателями, она может сыграть большую роль в деле перехода к новой тематике попутчиков. ФОСП уже организует первую ударную бригаду писателей-попутчиков на эту работу; нужно, чтобы за этим последовала массовая работа в масштабе федерации.

Нужно обеспечить, чтобы данная работа была проведена с максимальной организованностью и эффективностью. Ей должен быть придан широкий общественный характер. К участию в этом деле должна быть привлечена общественность тех заводов, которые писатели будут описывать. Нужно привлечь литкружковцев к собиранию материала, широко информировать рабочих, заинтересовать рабочую массу делом составления художественных биографий их товарищей, получивших орден Ленина.

Писателям должна быть обеспечена поддержка общественности, печати, на страницах которой будут печататься портреты ударников с заводов, в первую очередь.

Максимальную подвижность должны проявить издательства. Надо обеспечить, чтобы книжки писателей по окончании их работы были выпущены действительно в ударном порядке. Здесь нашим издательствам, как и во многом другом, нужно развиваться по издательству ВЦСПС, уже начавшему работу по изданию серии «Люди большевистских темпов».

Показ лучших предприятий и ударников страны—экзамен творческой способности писателя. Этот экзамен должен быть выдержан.

КО ВСЕМ ЧЛЕНАМ РАПП

Четвертого мая Секретариат РАПП постановил:

1) Считать необходимым дать задание всем ассоциациям в целом и каждому пролетарскому писателю в отдельности немедленно начать художественным показом героев пятилетки — заводов и отдельных ударников, награжденных орденами Ленина и Красного трудового знамени.

2) Сделать это задание обязательным, проверив через две недели ход выполнения.

6 мая одна из творческих группировок, во исполнение постановления секретариата РАПП, обратилась со специальным обращением ко всем другим творческим группировкам внутри РАПП.

Предлагаем для немедленных откликов о перестройке и отставании — замечания литературных кругов. Место рождения — на предприятиях, посещаемых писателем, на предприятиях, показавших стране пример героического отношения к труду, на предприятиях, отдельных людей большевистских темпов.

Спеть — практикам. Сначала сделаем новый экзамен на право считаться организацией пролетарских писателей.

РАПП — боевая организация рабочего класса, а не кружок для самообразования группы больных литературой. Это надо сегодня показать на деле.

«Имена лучших рабочих, лучших специалистов, лучших хозяйственников, вредителей, имена заводов и шахт, лучших совхозов и колхозов должны быть известны всей стране. Их обязанности за конференции ВКП(б) — вот очередная задача, поставленная перед кадрами большевиков, работающих на литературном фронте. Имена самых стойких и крепких бойцов за промфинплан—опубликованы. Это те, кто награжден орденами Ленина и трудового Красного знамени.

Но мало знать их имена. Надо знать опыт их работы. Надо знать опыт их борьбы за перестройку техники, их рационализацию. Надо знать их, как лучших представителей всего рабочего класса, перевыполняющих образец коммунистического отношения к труду. Надо знать их—перестраивающих мир, перестраивающих самих себя, пролетариев, достойных страны, вступившей в период социализма.

Надо, чтобы их знали десятки миллионов трудящихся Советского союза. Чтобы их знали и чтили за пределами нашей страны лучшие из лучших пролетарии всего мира.

Для того чтобы их знали — о них надо рассказать. Их должна показать пролетарская литература. Только тогда, если она будет выполнять ее задачу немедленно — на фронте у армии стратегии социализма, мы дело практически помочь борьбе за большевистские темпы.

Справимся с этой задачей—это настоящему двинет вперед дело пролетарской литературы. Большевистское время имеет право на большое искусство. Оно его еще не имеет. Наши творческие успехи ничтожны. Наш творческий уровень еще не высок. Еще только рождается новый тип писателя, практического участника социалистической стройки. Справимся с этой задачей — сделаем первый шаг к большому искусству большевиков.

Читатель ждет от нас не только зарисовок, очерков и маленьких рассказов. Читатель ждет от нас и новой повести и нового романа. Но он хочет, чтобы все эти произведения были боевым оружием социалистического познания и изменения мира.

Рапповцы, наша организация за боевой проверке!

Секретариат Российской ассоциации пролетарских писателей.

Секретариат РАПП предлагает всем ассоциациям, всем литературным кружкам при фабриках, заводах, совхозах организовать работу в соответствии с указанным призывом секретариата. Вся работа должна быть поставлена в теснейшей связи и под руководством партийных и профессиональных организаций. Весь творческий материал о героях пятилетки рекомендуется до помещения в печати обсуждать на рабочих собраниях фабрик, заводов, шахт, совхозов. Лучшие материалы должны высылаться в РАПП, в объединенную комиссию РАПП и ВЦСПС. Присылаемые произведения будут помещаться в газетах, журналах, сборниках. Часть будет выпущена издательством ВЦСПС отдельными книжками. Секретариат ВЦСПС постановил: авторов лучших произведений премировать.

Все организации должны каждую пятидневку присылать сводки о проделанной работе в «Литературную газету».

ИЗ ЗАЗОРНОГО в ДЕЛО ЧЕСТИ

Теперь уже и врагам нашим ясно, что советская система обеспечивает более высокую производительность труда. Труд у нас в условиях пролетарской диктатуры организован не на обломках эксплоатации трудового народа, а тем дальше, тем больше на свободной и сознательной дисциплине самих трудящихся. Ленин же указывал, что эта дисциплина «труд познательней, трудом за себя» не может пройти без применения насилия по отношению к паразитам и тунеядцам, без репрессий по отношению к бездельникам.

Но мы видим, как социалистическое соревнование, ставшее могущественнейшей силой подъема производительности труда, все более и более изменяет отношение к труду в самых широких слоях рабочего класса и трудового крестьянства. Из зазорного, зажимого труд становится делом чести, делом славы, делом доблести и геройства.

Массы, все более осознавшие себя творцами своей собственной жизни, проявляют широкую инициативу и творческий полет.

Мы видим в системе социалистического строительства, как составные его элементы, бурный рост массового изобретательства, широкую волну рационализаторских предложений рабочих. В тупе рабочих масс, рассматривающих свой труд, как органическую часть своей работы на строительстве социализма, рождаются все новые и новые формы общественной активности. Они выражаются в системе сменных бригад, ленинско-сталинских групп, рационализаторском счете, встречном планировании, общественном баланце, переводе бригад и цехов на хозрасчет.

Социалистическое соревнование, вскрывает коммунистическое отношение к труду, изменяет методы учета работы на наших фабриках и заводах. Основой формой контроля становится не административный надзор, а самоконтроль рабочих. Создается моральная обстановка общественной нетерпимости ко всякого рода опозданиям, прогулам, лентяям и дезорганизаторам. Крепнет производственная взаимопомощь, коллективизм в работе.

Широкое развитие социалистического соревнования создает новых людей. Оно воспитывает рабочих, поднимает его от интересов своего станка, своей бригады до интересов цеха, завода, всего народного хозяйства страны.

Бывшие прогульщики, пьяницы, люди, весьма отрицательно относящиеся к общественно-политическим вопросам жизни, превращаются в ударников, показывают большевистские темпы в своей работе. Новые образцы силы воспитательного воздействия нашего социалистического строительства мы видим на примерах перевоспитания многих иностранных специалистов, приезжавших к нам чуждыми рабочему классу.

Ознакомление с ударниками, награжденными правительством орденами Ленина и Красного трудового знамени, показывает нам образцы нового отношения к труду, роли рабочего и инженера-практика, все более проникающее в наше производство. Нередкими ударниками все стали личные мотивы интересам своего социалистического завода, большевистским темпам социалистического строительства. Отсюда — предпочтение великого героизма. Образцы его мы видим в социалистических буднях нашего строительства.

Роль передовиков рабочего класса огромна. Они тот авангард, который под руководством коммунистической партии приобщает к социалистическому строительству трудящихся, еще не осознавших своих классовых интересов. Поведение ударников служит примером для этих масс. Поэтому так важно показать этих лучших из лучших, чтобы о них знала вся страна, чтобы их пример заражал миллионы в их борьбе за социализм.

А. ВИГАЛОК

РАПП НАЧАЛА МАССОВЫЙ ПОХОД

Секретариат РАПП начал массовый поход за широкий художественный показ в литературе героев пятилетки — заводов и лучших ударников Советского союза, в первую очередь тех, кто награжден орденами Ленина и Красного трудового знамени. Эта работа возлагается РАПП на ассоциации пролетписателей и на фабрично-заводские литкружки. Через две недели секретариат РАПП проверит, как ассоциации выполняют эту важнейшую задачу.

*

Секретариат РАПП выделил комиссию в составе А. Вигалока, А. Суркова, А. Тарасова-Родионова, Анны Караваевой и А. Грудской, которая в срочном порядке разработала план этой работы.

Группа пролетарских писателей и наиболее близких попутчиков комиссия РАПП дает специальные поручения по написанию очерков и стихов о лучших ударниках.

Художественные произведения о героях пятилетки комиссией РАПП будут направляться в газеты и журналы. Кроме того, ряд этих произведений будут изданы сборниками и отдельными книжками в издательстве ВЦСПС. Произведения о лучших ударниках до направления в печать будут зачитываться и коллективно обсуждаться на фабриках и заводах.

Секретариат ВЦСПС вынес специальное решение о премировании лучших произведений об ударниках. Комиссия РАПП премирует авторов лучших произведений, рабочие литкружки и фабрично-заводские газеты, проявившие наибольшую активность в проведении этой работы.

*

РАПП, МАПП и ФОСП организуют 17 мая совместно с ВЦСПС в зале совещаний Дворца труда большое общемосковское собрание писательского актива, членов РАПП, ФОСП и рабочих-литкружковцев. На собрании с докладом «Социалистическое соревнование и ударничество рабочего класса» выступит секретарь ВЦСПС т. Абогин.

Комиссия РАПП сделает доклад о проведенной РАПП работе по отражению в литературе героев пятилетки. Собрание заслушает рапорты райбюро МАПП о практическом выполнении этого задания РАПП.

На собрании выступит ряд крупнейших писателей.

— Секретариат РАПП послал всем республиканским АПП и организациям ВОАПП телеграммы с предложением принять участие в работе по отражению в художественной литературе героев пятилетки. РАПП вызвал на соревнование по проведению этой работы все АПП.

— МАПП выделил 10 литкружковцев-нижевцев, которые выехал на предприятиях лучших ударников и напишут о них очерки, стихи и рассказы. Эта группа нижевцев направлена в распоряжение комиссии РАПП.

— Рабочие-литкружковцы «Вальцовки» (завод «Серп и молот») на собрании 5 мая постановили включиться в работу по выявлению лучших ударников «Серпа и молота» и написанию очерков о них. «Вальцовка» совместно с редакцией заводской газеты «Мартеновка» объявили конкурс (с 15 мая по 15 июня) на лучшее описание в очерках и стихах, ударников-героев пятилетки в газете «Мартеновка» и цеховых стенгазетах. К этой работе «Вальцовка» привлекла нижевцев, работающих на заводе-втузе при «Серпе и молоте».

ОБ ОШИБОЧНЫХ ФОРМУЛИРОВКАХ В ПЕРЕДОВОЙ СТАТЬЕ „Л. Г." ОТ 5 МАЯ

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПАРТФРАКЦИИ ФОСП

Принять к сведению заявление редакции «Литературной газеты» о том, что она считает ошибочным некоторые формулировки в передовой статье от 5 мая и что в очередном номере будет напечатано нижеследующее разъяснение.

ОТ РЕДАКЦИИ

В № 24 (123) «Литгазеты» помещена передовая статья «Декада большевистской печати», в которой содержатся некоторые неправильные формулировки.

Неправильной является определение большевистской печати: «боевой сигнализатор, глаза и уши рабочего класса, непримиримый революционер, яро большевистская печать есть прежде всего — коллективный организатор и пропагандист, «самое острое и сильное оружие партии». Ниже в передовой говорится: «Газета сегодня... уже выполняет роль «зубильщика» и пропагандиста», выше говорится: «Наша печать—мощное орудие самокритики в социалистического строительства», но все это нисколько не оправдывает указанной неправильной формулировки.

Неудачной является формулировка: «Важнее, что мы на этом фронте уже осуществляем лозунг «догнать и перегнать» передовые капиталистические страны, где печать, как и всякое другое дело, приносящее прибыточную стоимость, — мелкое предприятие с высоко развитой техникой, от которой мы отстали лет на пятьдесят, так как в ней недостаточно ясно выражено, что речь идет о сравнении технической базы и количественных показателей нашей и буржуазной печати. Эта неделость остается, хотя в статье и приводится принципиальное классовое отличие большевистской печати и капиталистической. «Комсомольская правда» правильно указала на допущенные в передовой «Л. Г.» от 5 мая ошибки.

УЧИТЕСЬ У ГОРЬКОГО ЖИТЬ И РАБОТАТЬ

К рабочим-ударникам призывников в пролетарскую литературу

Товарищи!

Рабочий-ударник, передовик своего класса, становится центральной фигурой пролетарского литературного движения. Развернутым фронтом происходит социалистическое наступление в области искусства. Мы боремся за гегемонию пролетарской литературы. И мы победим в этой борьбе.

Победа дается не без трудностей. Отживающие классы не сходят без боя с исторической арены. Они бешено сопротивляются социалистическому наступлению. Они борются и против гегемонии пролетарской литературы. Мы преодолеем эти трудности, с большевистским упорством ломая старые навыки и предрассудки, еще живущие в литературной среде, создавая новые формы и методы писательского труда, неразрывно связывая все свое творчество с задачами рабочего класса, превращая художественное слово в могучее орудие пролетариата, строящего социализм.

И в этой борьбе примером для каждого пролетарского писателя, для новых кадров рабочих писателей является Максим Горький.

В годы подпольной работы против царизма и буржуазии, когда под руководством Ленина строилась и росла большевистская партия, вместе с ней Горький своим творчеством закладывал первые камни фундамента пролетарской литературы. На его произведениях росли и воспитывались рабочие массы. Его художественное слово вдохновляло рабочих, боровшихся с царизмом, призывало к стойкости, к героизму, к последнему решительному бою. От рассказов и повестей Горького, когда этого требовала обстановка борьбы, переходим к листовкам и прокламациям и, снова возвращался к работе над большими художественными произведениями, пропитанными глубокой ненавистью к классовому врагу и призывом к борьбе. Сегодня Горький твердо и неустанно продолжает свою героическую работу. Он—гражданин мира, защитник СССР, борется за мировую революцию.

— Мы все должны менять себя как Красную армию пролетариата всего мира, — говорит Горький, — все работники ее полков и на фабриках, работник, вооруженный винтовкой и вооруженный пером. И он, вооруженный пером, рыцарь классового края, крушит его, бьет со всего плеча, он умеет бороться, умеет бить.

Он находит самые резкие слова, обличающие кулаков, мелких капиталистов. Он обличает мещан, мелких собственников, притаившихся в своей скорлупе, отгородившихся от революции кирпичными домиками.

— Вы враги трудового народа! — говорит этим людям Горький. — Вы отстаиваете капиталистический строй, который добивается власти над силами природы только на того, чтобы укрепить свою власть над источником живой силы, над физической силой трудового народа.

Горький видит, как нарастает ураган, старый мир разрушений. Горький знает, что без этого «последнего и решительного боя» капиталам не уйдет, не уступит своего места социализму. Горький понимает, что:

— Внутри страны против нас хитрейшие враги организуют настоящий голод, кулаки терроризируют крестьян-колхозников убийствами, поджогами, различными подлостями, — против нас все, что отжило свой срок, отведенные ему историей, а это дает нам право считать себя все еще в состоянии гражданской войны.

Так пишет Алексей Максимович и делает из этого естественный огромный вывод:

— Если враг не сдается, его уничтожают.

Твердости, стойкости, непоколебимости в борьбе со старым миром учил нас Максим Горький. Сам он показывает блестящий образец борьбы до конца, борьбы упорной и сокрушительной.

Рабочие-писатели! Берите пример с Максима Горького! Учитесь сочетать свой писательский труд с повседневной борьбой своего класса за социализм.

Пусть в ваших произведениях с такой, как у Горького злобой и страстностью звучат ненависть к врагу и преданность делу пролетариата.

Под ударами пятилетки трещит и рушится старый мир, во «окаянных», разоблачениях Горьким, еще живы, еще не мало есть «механических грехов», которых нужно разоблачать и изобличать беспощадным художественным словом.

«Максим Горький безусловно крупнейший представитель пролетарского искусства», — писал В. И. Ленин, высоко ценивший творчество Горького. Выходец из «низов» народной массы, неустрашимый гуманизмом их беспощадную, он сумел добиться на вершины культуры и искусства.

Умерных труд, монументы жалких явлений для нас огромную культуру. Мы должны учиться у Горького этому умению. Мы должны перенять его высокую культуру и умение работать над собой. Рабочим-ударникам, идущему в литературу, пример Горького должен дать огромную творческую зарядку и выковать его крепкой уверенностью в преодолении трудностей на писательском пути.

Пролетарские писатели должны овладеть теми высотами искусства, которые достиг Горький, чтобы помочь искусству на деле, еще более сильную речь, чтобы создать пролетарское искусство, достойное нашей великой эпохи.

В историю борьбы за пролетарскую литературу Максим Горький входит как неутомимый собиратель ее сил. Десятки пролетарских писателей обязаны своим ростом Горькому. Умение разыскать и поддержать начинающего писателя, терпеливый, отеческий и четкий, непосредственный живой помощь Горького каждому начинающему рабочему писателю должны быть примером для всех пролетарских писателей и особенно для старых кадров РАПП, которые обязаны с такой же чуткостью и заботливостью относиться к каждому из своих молодых писателей.

Горький знает, что самое ценное в писателе — это его творческое лицо, его индивидуальность, и поэтому он так бережно относится к каждому молодому писателю, помогая ему найти свое место в общем строю пролетарской литературы.

Максим Горький учит нас не только учебе, творчеству и революционной борьбе не без ошибок, ошибок и колебаний. Но он сумел преодолеть эти элементы, отбросить их и стать в первые ряды строителей борцов за социализм.

Слуги и подголоски буржуазии обливали Горького помоями грязи и клеветы. Они травили Горького, ибо знали, что только сила его удара по классовому врагу, его ясность и прозорливость, его беспощадная борьба с врагами советского союза и Горького. Тем искренней ведет борьбу против врагов социалистического отечества Горький, сплачивая вокруг себя лучшие передовые элементы революционной интеллигенции Запада.

Буржуазные писаки безудержно травят Горького. Нашим лучшим ответом будет напряженное овладение острым, разящим оружием большевистского слова и напряжение на рабочей учебе десятков и сотен новых пролетарских писателей, которые достойно победу пролетарской литературы.

К дню пятидесятилетия Максима Горького, Секретариат российской ассоциации пролетарских писателей призывает всех членов РАПП и еще более глубокому, еще более систематическому изучению творчества Горького, и быстрейшему организованному переходу пролетарской литературы от задач, стоявших перед ней в эпоху социалистического наступления по всему фронту, к большевистской учебе и овладению искусством на путях пролетарской литературы.

Да здравствует зачинатель пролетарской литературы — Максим Горький!

Да здравствует гегемония пролетарской литературы!

Секретариат РАПП

Рис. худ. Ю. Козлинского

БОЕВОЙ ЭКЗАМЕН

Показать трудящимся СССР и всего мира лучших бойцов за социалистическую пятилетку, лучших передовиков, ударников, рядовых и командиров социалистической промышленности, награжденных орденами Ленина и трудового Красного знамени, сделать их боевой опыт достоянием масс, сделать их героический труд примером для миллионов — вот задание, которое получила от рабочего класса Российская ассоциация пролетарских писателей.

Чтобы выполнить с честью это задание, чтобы в полноценных художественных образах, в художественной прозе, в очерке, и стихах воплотить портреты живых героев борьбы за социализм, надо все силы участников массового пролетлитературного движения, все творческие возможности ассоциации собрать в один мощный узел, бросить на выполнение нашего обязательства.

Эта работа — ноябрьская кампания. Это составная часть того огромного дела творческой перестройки рядов, которую мы проводим.

Признавая ударников в литературу, выдвигая перед ассоциациями новые творческие задачи, практические РАПП работу над художественным обобщением опыта социалистической стройки, работу по созданию образов выковывающих в борьбе за пятилетку наших социалистических работников ставлю на первый план. И мы уже имеем сдвиг в работе звеньев и отдельных писателей к разрешению этой задачи. И творческая мобилизация должна покончить тех, кто приступил к работе, подтянуть отстающих, расчалить плетущихся.

Для каждого члена РАПП, для каждого участника массового пролетлитературного движения эта ударная работа будет строгим экзаменом на перестройку, на умение включиться в ряды ударников-передовиков литературного фронта. Не тому, как отдельная ассоциация, литературный кружок, отдельный участник движения справятся с выполнением принятых организацией обязательств, пролетарская общественность будет оценивать их работу, их общественную ведомость, их способность сделать литературный труд «делом чести, делом славы, делом доблести и геройства».

Тем, кто окажется дезертирами, тем, кто останется в стороне от этой боевой, ударной работы—не место в рядах передового отряда советской литературы.

Главная и основная задача состоит в том, чтобы каждая участник движения, и профессионал-писатель и начинающий ударник, чтоб от них требовали, указали смысл предстоящей работы и ее значение. Всем АПП и кружкам надо немедленно провести большую разъяснительно-организационную работу. При помощи и поддержке партийной и профессиональной общественности надо точно наметить объекты работы, точки, куда следует направить внимание. Начав с этого, надо всем любительскими коллективные и персональные задания, точно ограничивая их сроками, контролируя ход исполнения, помогая и инструктируя в процессе работы.

Писателям-профессионалам помимо персональных творческих заданий должна быть поручена работа по творческой помощи, по консультации в кружках. Надо произвести прикрепление опытных работников к начинающему молодняку.

Огромнейший, полный героических моментов материал лежит перед каждым писателем, перед каждым литкружковцем. Задача ассоциаций на работе по выполнению этого задания научить людей находить этот материал, осмысливать его, поднимать до высоты художественного обобщения.

Само собой разумеется, что выполнение этой задачи немыслимо без установления самой тесной органической связи с издательствами, с большевистской печатью, начиная от цеховой стенгазеты. Мы должны так построить работу, чтобы в процессе ее показать через стенгазету — цеху, через многотиражку — заводу, через центральную газету, журнал, книгу — всему пролетариату и трудящимся передовых людей нашего класса.

И мы выполним их, если всем коллективом осознаем огромную важность и ответственность предпринимаемой работы. Мы сумеем с честью справиться с заданием. Ведь мы передовой отряд советской литературы, ее авангард, ведущее движение, укрепленное заводскими ударными кадрами, тысячами нитей связано с боевой практикой рабочего класса. Ведь наша работа всегда была подчинена задачам социалистической стройки.

А. С.

За пять дней

ГОРЬКИЙ И МАССЫ

Предстоящий приезд М. Горького в СССР встречает широкий отклик не только литературной, но и всей пролетарской общественности. Своими боевыми политическими выступлениями великий писатель-революционер завоевал себе всеобщее мировое буржуазных писак же, одними выступлениями, еще более укрепил свою связь с пролетариатом, еще прочнее завоевал их симпатии.

Алексей Максимович получает сотни писем, в которых трудящиеся сообщают, что с нетерпением ждут его приезда в Союз, каждый считает приблизить А. М. на приеме обязательно из его завод, в колхоз, в совхоз, в казарму. Вдохновляя десятки тысяч писателей об избрании Горького почетным ударником, почетным членом союза и т. д. от избавляется в печатный праздник дня каждого пятидесятилетнего собрания, съезда, конференции. Не успел возвратиться ФОСП создать комитет по встрече Горького, как в него посыпались просьбы с фабрик и заводов о включении их представителей. Тысячи рабочих-ударников, приходящих в литературу, изучают творчество и жизнь Горького, говорят о громадной чуткости и внимательности трудящихся к людям, заброшенным ра. трудящихся, доволен. Они говорят о том, как любовно относился массы к своему пролетарскому писателю, лучшим представителем которого является М. Горький. Все это показывает, насколько, как ценит рабочий класс настоящее боевое служение писателя делу социализма.

Сам Горький совершенно правильно неоднократно подчеркивал, что такого отношения к писателю, такого положения к литературе, какое мы имеем в СССР, нет нигде в мире. **Именно пролетариат поднимает роль культуры и искусства на недосягаемую высоту.**

Отличное трудящихся масс к Горькому еще одно доказательство этого. И оно, это отношение, является почетным не только для Горького, но и для всей советской литературы в целом. Каждый писатель должен ответить на него укреплением своих связей с массами, большевизацией творчества, работой над книгой.

СОВХОЗНО-КОЛХОЗНЫЙ ЛИТКРУЖОК В ЦЕНТРЕ ВНИМАНИЯ

Главная трудность работы с ударниками из совхозов и колхозов, призванных в литературу, — их оторванность от культурных центров и разбросанность кружков.

Работа совхозно-колхозного литкружка без руководителя, на основе самодеятельности—в практике ВОКП — обычное явление. Это неверное устраняет работу и немыслимо ответственность организации ВОКП за учебу призванных ударников.

Только-что закончившийся в Ленинграде областной слет ударников из совхозов и колхозов показал, что ряду кружков, не получающих достаточного руководства, грозит печальный рост серьезных опасностей, и главная опасность—распад.

Ударника можно закрепить в литературной организации, его можно органически включить в творческую общественную работу только через хорошо работающий литературный кружок. Последний будет хорошо работать только при условии регулярного, политически и методически квалифицированного руководства.

На опыта работы ленинградского слета ударников для ВОКП вытекают две решающих политических задачи:

Во-первых, немедленно и крепко начать укреплять методически руководить литкружками при совхозах и колхозах.

Во-вторых, создать в организациях ВОКП такие обстановки, при которой бы работа низового отделения организаций в первую очередь по-деловым результатам творческой работы ударников.

Превратить декларативный лозунг о том, что низовой литкружок в совхозе и колхозе должен стать основой всей писательской организации ВОКП, центром организационно-массовой работы—**в этом сейчас главное, сюда должно быть перенесено внимание.**

ВООРУЖИМ УДАРНИКА

БОЕВЫМ ОПЫТОМ ПРОЛЕТАРСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ДВИЖЕНИЯ

НАЧАЛСЯ ТВОРЧЕСКИЙ СМОТР МАПП

ОСНОВНОЕ—РУКОВОДСТВО

ИЗ МАТЕРИАЛОВ ОБСЛЕДОВАНИЯ ФРУНЗЕНСКОГО РАЙОНА

В результате прилива рабочих-ударников в литературу в Фрунзенском районе создалась сеть очень «живых» литкружков.

С массовой литературной самодеятельностью кружковцев можно познакомиться, перелистывая страницы заводских печатных газет. Здесь мы встречаемся с разнообразными жанрами художественного слова: нам пошлют и частушки, и фельетоны, и рассказы. К этим опытам нужно отнести социально ценную тематику, явно «марксистскую» идейность, целеустремленность. Все произведения рабочих-ударников, начиная от стихов и кончая фельетонами, тенденциозны, все они зовут к борьбе, клеймят, бичуют отсталых от социалистического строительства. В произведениях осуществляется лозунг, брошенный писателям-ударникам:

«Пулей по цели
Должным быть строки».

Наша страна, литературоведом завода «Лейер», поэтом Недзельским воспринимается «как ударная мастерская социализма», где каждый день «прожитый борьбой, в сизифову вдет кирпичом».

Безмерная величайшее, значение созидающейся стройки, тех ее дел и героем стихотворец «О чем» обращается к писателю с призывом:

«Чтобы узнать наградной рефрен,
Чтобы мелькнул данаит заветный,
Надо всем приобресть зрен
«Пятилетка в четыре года!»

К сожалению, литературная форма, творческим методом пролетарской литературы, писателем-ударником приходит постепенно. На примере одного из начинающих, талантливого поэта Розанова мы можем проследить постепенный творческий рост его. Большая разница между тем, как и о чем писал Розанов до прихода ударников в литературу и как он стал писать после прихода. На печать стал выступать стихом, находящимся по пути «подъема» (см. Ленин). Розанов прекратился в нейтрального литератора художественного слова. О формировании своей творческой личности он рассказывает в своем стихотворении «Резина»:

«Мы весь в семи,
Словно ремень
Нет обывателей
В «тихих заводях».
«Средняя стрелка,
Жилка дела
Вулканизатор
Мысли и тела».

К сожалению, приходится констатировать, что многие кружки, как выбросили из начальной школы, почти превратились в самодеятельность в настоящее время. В таком положении очутились кружки завода «Динамо», «Электросила». Итак, нашему вопросу: кружок заводской найти в заводских «общественных нравах» отсутствие руководства, читки их, большая перегруженность активистов заводской общественной работой, мешающей их творческому росту. Напомним время назад «Электросила» хотела работать в Зеркале октября. Работает отделом до сих пор. Местный и был, но уже в январе Медынский с ним быть был готов. С тех пор о нем ничего не было ни слышно, ни видно.

То же самое получилось с кружком завода «Кулачик». После того как руководство Ярославова прервалось, кружковцы стали бесцельно и мерзяка полгода не занимаются. Пример плохого руководства литкружком дает 22-й завод. Руководительница не включила работу кружка в оборонительную работу; работа кружка ограничивается читкой лекции об отдельных писателях, мало уделяя внимания разбору творчества литкружковцев.

Корень зла надо искать в слабом организационном и методическом руководстве как со стороны секретариата МАПП, так и его ближайшего помощника — районного бюро МАПП. Например, из всех членов руководящих организаций никто, что время кружковцев не отличается от остальных заводов, не обращал внимания на литературу. Только теперь эта сторона начинает быть осознана. Составлен специальный литплан, учитывающий все это недостатки.

Настоящим примером слабого руководства может послужить и работа бюро МАПП с начала 1931 г. до апреля 1931 г. Фрунзенского района. В один только районного бюро МАПП ни разу не собиралось. Вся работа сводилась к тому, что в начале года составлялся план работы, который потом никто не выполнял. Ни разу не было проверки работы кружков, ни разу не было ни одного доклада о состоянии литературы в районе. Не было ни одного совещания руководителей кружков. Не было ни одного выезда в кружки. Не было ни одного доклада о работе кружков. Не было ни одного доклада о работе кружков. Не было ни одного доклада о работе кружков

СРЕДИ КНИГ

ОТКРОВЕННЫЙ ЭКЛЕКТИЗМ

Госиздат выпустил в конце 1930 г. книгу Р. Кулля «Этюды о современной западно-европейской и американской литературе» объемом в 16 печ. листов с тиражом в 4.000 экз. В предисловии читатель предупреждается, что особенность книги — «импрессионизм методологии и стиля», хотя, скромно добавляет почтенный автор предисловия, «отдых» Р. Кулля, «сознательно, из своей установки, социалистичный».

Предисловие имеет целью оправдать издание негодной, антимарксистской книги. Предисловие рекомендует ее советскому читателю как «информацию» о современной западной литературе, хотя общий характер книги таков, что она ни в коем случае такой «информации» служить не может.

Вот несколько примеров немудрящего «импрессионизма» Р. Кулля. Он делает сногсшибательное открытие, что «каждый итальянец чувствует себя своеобразным хранителем этого громадного музея» (речь идет об античной культуре). Чувствуют ли себя такими «хранителями» итальянские рабочие и коммунисты? Не думаем! Дальше мы узнаем, что «малая форма» в Италии определялась самораскрытием итальянской новеллы (стр. 10). Известно, например, что Южная Америка — это, подчеркивает СССШ, что фашизм в ней принимает наиболее звериные формы. Кулль по этого никакого дела, он нервно болтает, что «вольный казух степей и гор, бедненький темп развития городской культуры, неисчислимые природные богатства и относительно более свободные социально-бытовые условия помогают в жизни и бытовому пигмею самых талантливых представителей из многомиллионного населения Южной и Средней Америки» (102).

Начнем не стоит написать, что М. Арлен «не оправдал возлагавшихся на него надежд» (157), хлад из Армена.

Нечего уже говорить о том, что Кулль «не видит ничего буржуазного писателя, никто из марксистов никаких «надежд» никогда не возлагал. Кулль создает совершенно буржуазную концепцию развития империалиста Киплинга. Кулль на стр. 141 откровенно заявляет, что он ограничится лишь беглым указанием на классовую подоплеку «творчества Уэллса, ибо его заглавной является всемогущее Уэллса как художника». Нелуганький «социологизм», обнаруженный редакторов Госиздата! Кулль целиком обходит империалистическую колонизаторскую сущность творчества Хаггарда, ибо для Кулля этот пропагандист истребления туземцев есть лишь «великолепный рассказчик» (93). Он, этот Кулль, делает наивное лицо и считает, что итальянский футуризм — «не политическая программа, а только литературный лозунг» (!), тогда как футуризм есть и политическое и литературное явление, сомкнувшееся с фашизмом. Кулль возмущается завоевателями Америки, он захлебывается, говоря о их «героических достижениях», не давая себе труда подумать о судьбе десятимиллионных американских индейцев (21). Вообще замалчивая классовую сущность буржуазных художников, Кулль клевещет на революционных писателей, утверждая, например, что Эптон Синклер стоит «на небольшой высоте чисто художественной силы зрения» и что он «прав ли типичен для Америки» (25). Эптон Синклер для нашего буржуазного «социолога» не художник... А вот буржуазный поставщик «чтива», заполнивший много художественного значения Уилкен Лонс обладает, есть верить Кулль, «художественно-законченным мастерством» (132).

Не силен наш «социолог» даже и в смысле фактического знания современной литературы, хотя любит нелепо-ученые бессмысленным перечнем десятков названий и имен. Творческий Дос Пассоса никак не может быть «замкнуто несколькими улицами города», ибо им написано два романа о мировой войне, книга путешествий и большой роман из жизни самых различных общественных слоев. У Синклера Льюиса нет романа «Сам Долгоубов», а есть просто «Долгоубов». Роман Ф. Норриса «The Pit» надо переводить не «Колодец», а «Омут». У Д. Лондона нет книги «Джо и пираты». Конечно, умер Д. Лондон совсем не так, как это изображает Кулль: он пишет, что Д. Лондон «бестрепетно положил конец своей жизни, протекавшей на глазах жены и другой только тех дня». На самом же деле, Д. Лондон покончил с собой, пойманный до белой горячки. У Бальзака нет романа «Как иметь успех в жизни»; Кулль, получившему свои познания, очевидно, от чтения словарей и справочников, следовало бы знать, что так называется публицистическая книга Бенедикта. На странице 157 Кулль проницает: «Р. Фокс, Бересфорд, С. Хэйз», Мистрам, Трессол, Холден, Д. Хэзлн. Шоу Десмонд составляют сегодняшнюю гвардию английской пролетарской литературы». Бересфорд — мелкобуржуазный писатель, даже в своем наиболее революционном романе «Революция» не поднимавшийся выше толстовства. Шоу Десмонд «замирает» с революцией, но потом стал фашистским писателем (роман «Разиров»). Трессол никак не может составлять «сегодняшнюю гвардию», ибо умер до войны. И т. д. Хорошая «гвардия», состоящая из одного коммуниста Фокса (читать около 10 лет ничего не напишет), из фашиста, ренегата и мелких бумагомарак!

Выражаясь языком Кулля, «мы сочувствуем путь до тривиальному облику творчества» буржуазного критика и, выражаясь его же языком, «дам, являющим культ» (144); все же невозможно, как мог Госиздат напечатать эту поверхностную и антимарксистскую книгу.

ВАС. ПРОКОФЬЕВ

ВРЕДНАЯ „ФАНТАСТИКА"

Этот «научно-фантастический» роман написан Г. Бережковым, называется он «Погибшая страна» и выпущен издательством «Молодая гвардия» тиражом в 5.100 экземпляров в серии «Художественная библиотека приключений, краеведения и научной фантастики, полная занимательного у нас этого жанра, которым занимаются случайные люди.

А. ПАЛЕЙ

Содержание романа таково. Около 2.000 года советские (!!!) ученые опускаются на морское дно и исследуют там остатки погибшей некогда в пучине страны Гондван. Молодой физиолог Ибрагимов находит там мумию женщины-истерички Гонды, умершей 25 тысяч лет назад. Ибрагимов оживляет Гонду и... разумеется, влюбляется в нее. В Абхазии советская власть создает заповедник с целью дать возможность Гонде в первое время осуществлять в условиях, к которым она привыкла в древности. В этом заповедании Ибрагимов и Гонда поселяются в условиях, похожих «на райское бытие Адама и Евы» (слова Ибрагимова). Ибрагимов испытывает страстное пожелание к «мертвой девушке» (автор уже забыл, что ей 25 лет). Конечно все это индивидуализм, как и следовало ожидать, взаимной любовью. Затем Ибрагимов просит Гонду рассказать ему о древней Гондване и восклицает: «Может быть мы скоро убежим туда на этого плена!..».

Из какого это «плена» мечтает удрать советский ученый (в 2.000-ном году!!!).

Автор задался целью сообщить читателю сведения по всем наукам сразу: геология, палеонтология, физика, археология, биология, физиология, океанография и т. д. и т. д... Что из этого вышло не трудно догадаться. Изложение носит крайне сумбурный характер.

Спрашивается: почему вышло так, что «Молодая гвардия» потратила более семидесяти пяти тысяч листов отборно-дефицитной бумаги на издание этой вредной халтуры? Причина кроется, та, которую нам уже неоднократно приходилось констатировать: пренебрежительное отношение писателей, критиков и издателей к научной фантастике, полная запущенность у нас этого жанра, которым занимаются случайные люди.

НЕВЕЖЕСТВО ИЛИ ВРЕДИТЕЛЬСТВО

В журнале «Звезда» № 12 (1930 г.) семенова рецензия Гайки Адонца о переводной группой литературе. Среди других, авторе объявил писателей Д. Чонкадзе и Е. Ниношвили и дает им весьма своеобразную оценку.

Д. Чонкадзе, по его утверждению, — «писатель очень устарелой литературной формации с идеологически весьма сомнительной тенденциозностью. Повесть «Сурамская крепость», правда, клетка отображает ужас крепостного права в Грузии, смело намечает начальную стадию капитализации грузинской деревни (тип помещика Двуглинского), но все это дается в старых приемах примитивной художественно-тусклой реалистической романтики (стр. 205).

А другой писатель, Е. Ниношвили, получает следующую характеристику: «По трактовке речь идет о трагедии его героини» и в том, и в другом случае носит характер личной мести со стороны пострадавших элемент классовой борьбы». — и дальше, поучает тов. Семенова, — этого вышло не трудно ожидать.

Мы не будем останавливаться на том, что это и не замечено. О массе, о разрастании революционного подъема и широком масштабе автор умалчивает (стр. 206, Курсив автора. С. А.).

Автор рецензии, во-первых, не знает, что Д. Чонкадзе и Е. Ниношвили являются не современными писателями, а классиками XIX в.; первый из них затрагивает 1830 — 1860 гг., второй — 1850 — 1894 гг. Рассматривая их как современников, рецензент теряет ориентировку, и его утверждения доходят до курьезов.

Эти крупные революционные писатели представляют собой в известной мере трубадуров феодально-буржуазной литературы XIX века. Обе писателя в продолжение десятков лет преследовались господствующей феодальной буржуазной националистической общественностью и литературой, так как они первые выдвинули социальную проблему, рассматривая ее с революционной точки зрения. Произведения Д. Чонкадзе и Е. Ниношвили были и остаются самыми любимыми у широчайших слоев рабочих и крестьянских масс, на них росли целые поколения рабочих и крестьян.

Оба эти писателя нашли поддержку только в ленинско-марксистской критике, обоим посвящены специальные исследования т. Ф. Махарадзе, который был блестящий анализ всей эпохи и литературы того времени и устанавливает место этих крупных писателей как писателей революционеров.

Надо напомнить, делать, что Е. Ниношвили не только не является писателем, которым «увлекаются» в тяжелом подъеме широких масс, он — один из основоположников социал-демократической партии в Грузии, первый учитель первого поколения марксистов-революционеров на заре рабочего движения.

Не пора ли положить конец невежеству, которое граничить с вредительством?

С. АМАГЛОБЕЛИ

ФАБРИКА ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КНИГИ

БЕЗ БУМАГИ

ПЕРЕСМОТРЕТЬ НОРМЫ ЛИСТАЖА ГИХЛ

В ГИХЛ проведено два широких совещания рабочего редсовета и литературного совета издательства (27 апреля и 7 мая) совместно с представителями Госплана, Союзбумаги, Комитета по делам печати и ОРМЗ, заслушаны вопросы снабжения ГИХЛ бумагой.

Крупнейшая фабрика художественной книги — ГИХЛ — находится в **катастрофическом положении.** Цифры заданий ГИХЛ прямо ежемесячно по сериям для малорентабельных необходима голодали почти в **60 млн.** листов-оттисков, а ГИХЛ имеет по этой серии... **4 млн. листов.** На ДЬО, вместо минимального плана в 42 млн. листов, ГИХЛ имеет **19 млн.** листов, а в производстве находится уже **25 млн.** листов. ГИХЛ не может выпустить ту литературу, которая сдана в производство. **В портфеле ГИХЛ имеется на 3 года вперед рукописей художественной литературы.**

Выступления представителей, планирующих органов, показали, что эти организации не сумели предложить нам ничего конкретного для ликвидации того кризиса, в котором находится ГИХЛ, благодаря отсутствию бумаги.

— Положение в Союзбумаге тяжелое. Нам не делается даже то минимальное количество бумаги, которое выпускается бумажными фабриками,— говорит т. **Мандельцвейг** (Госплан).

Из предложений т. Мандельцвейга, Госплан должен был еще в начале с этого года установить нормальное положение с бумагой. Представитель Госплана СССР пригласил установить нормально взаимоотношения фабриками, бюджет с литературным бюджетом в издательство и **проверить распределение бумаги между издательствами.**

Тов. Кони (Союзбумага) подчеркнул общее тяжелое положение бумажной промышленности. На бумажных фабриках лежит около тысячи вагонов бумаги и картона сырья отсутствия тряпья. При остроте общем бумажном кризисе книга вагонов лучшей бумаги нет ежемесячно на нужные цели. Кроме того, Госплат предусматривает увеличение снабжения бумагой производства карт еще на 500 тонн.

Тов. Гиршгорн (Комитет по делам печати) отметил, что ГИХЛ выполнил 41,6 процентов годового плана с 1 квартале. Управление, Госплан, ГИТИ и другие, **ГИХЛ жалуется на отсутствие бумаги, а в то же время в московских типографиях лежит до 50 тонн принадлежащей издательству бумаги.**

— ГИХЛ ждал от поставок представителей Госплана, Союзбумаги, Комитета по делам печати конкретных предложений о помощи ГИХЛ в деле выполнения плана тощего художественной литературы. Мы спрашиваем: что вы можете сделать, чтобы вылезти нас из тупика? И ответ на это тов. Гиршгорн отказывается одной только своей работы ГИХЛ,— говорит т. **Шендерович.**

— Политическое значение художественной литературы не подлежит,— говорит т. **Шварцман** (Из типографии). —Пале подходить к делам кампанию по смотру бумажной промышленности для ликвидации прорыва на бумажном фронте.

— Партией возложены на ГИХЛ ответственные задачи в области издания художественной литературы,— говорит т. **Ф. Гладков.**—Надо создать реальный план работы ГИХЛ, создать так, чтобы она отвечала темпам культурной революции, для чего необходимо знать конкретные возможности планирующих органов в деле снабжения ГИХЛ бумагой.

*

Рабочий редсовет ГИХЛ создал бригаду для обследования работы бумажных кадров. В помощь Госплану СССР по проверке снабжения издательств бумагой выделены два члена рабочего редсовета ГИХЛ.

НУЖЕН ЛИ ЛИТФОНД?

Статьей т. Лаврентьева мы открываем дискуссию о целесообразности существования Литературного фонда.

Должен ли Литфонд, как до сих пор, быть самостоятельной федеративной писательской организацией или, как это делается в Ленинграде, Литфонд должен перейти в систему профорганизаций?

Мы ждем отклика на статью т. Лаврентьева.

Свое заключение редакция даст в конце дискуссии.

Нужен ли нам Литфонд и какой? Ответ на первый вопрос может быть только один. Конечно, нужен! Конечно, сознательно бытовое обслуживание писательской массы, которая до сих пор еще занимает крайне низкое положение в общей семье трудящихся Союза, требует наличия ведающей этим делом организации.

Но нужен ли нам Литфонд в его теперешнем виде? Нет, ненужен.

Когда в 1925 году, в условиях отсутствия месткома писателей и потный неблагополучность писательского положения в профсоюзной системе, когда писателей переселили из союза в союз, а то и просто выбрасывали из союза по бюрократической дороге, когда в это время создавался Литфонд, на основах «преемственности и исторических традиций»,—это самостоятельное существование имело, конечно, некоторый резон.

Мы действовали по принципу: «Если мы сами себе не поможем, то нам никто не поможет» и создавали замкнутую кастовую организацию, закрытую классу взаимопомощи, благотворительное учреждение.

Несмотря на кустарщину и мелкое ремесленничество этой организации, напоминавшей времена подачек и помогавшей «замерзающим мальчикам», она немогла многим и многому, она имела свое оправдание.

Но в наше время статика иногда вещь. Все, что питается «историческими традициями» и не развивается, реконструируясь в согласии с новыми формами жизни, все это обречено на бесславное, до черты и времени, существование и на такое же бесславное издыхание.

Практика нашей работы в Ленинграде не раз ставила нас лицом к лицу с такими положениями, при которых осуществление Литфонда в самозамкнутом виде, в образе цехового ограничения, являлось вместе вредным и самоубийственным. В целом ряде случаев наши попытки добиться расширения наших прав и средств в области бытовой, лечебной, жилищной — натыкались на совершенно незаслуженные замечания со стороны руководящих организаций, что «у вас-де есть цель своя организация»—Литфонд, что же вы хотите еще сорвать с нас?»

Разгонять каждый раз, при каждом разговоре, или читать целую устную Литфонда при таких неприятностях довольно затруднительно и практически нецелесообразно. Факт нашей оторванности от общей системы профессионального социально-бытового обслуживания трудящихся остается фактом и против этого не пойдешь. Наличие ряда таких затруднительных положений застало нас в Ленинграде проявить максимальную настойчивость и максимальную энергию по линии сближения нашей работы с работой месткома писателей и комиссии по улучшению быта литераторов при том же местном ОКУБИТе, желания, созданной по нашей же инициативе и в основном, развивший свою работу на нашу долю до 90 валовых средств Ленсовета Литфонда.

Это сближение на первых же порах нашло крайне успешное и плодотворное.

Может быть, этому способствовали специфические особенности работы нашего месткома и Кубита, которые представляют собой действительно авторитетные организации в писательской массе общественные организации, в отличие и выгодное от московской практики.

Ленинградский местком никогда не прекращался, а Кубит не открывал отпусков, которые, в течение недели, обращались в фетиш. Нам помнилось, как в дни приезд в Москву в предпоследнем августе нас поучали, как нужно организовывать Кубиг и расписывали разные картины, как через месяц в Москве столовая Совкубита будет кормить рябчиками и свежими фруктами за четвертак. Это была сцена из «Записок чудака» и мы, скромные провинциалы, слушали в тихом удивлении.

Отпуск в Москве до сих пор не открыт писательский «четвертак», от Совкубита остались ужика за ножки, да практические усмешки над работниками его, в Ленинграде же создана образцовая столовая, просуществовавшая до двух тысяч писательского актива в сутки, правда без рябчиков, а не за четвертак, а за 50 коп.—1 руб., что при отсутствии в Ленинграде «Дома Герцена» является огромным делом, на лето 1931 года писательский актив обеспечен полностью домами отдыха и санаториями, организуются писательские дачи, детская дача и, наконец, правительством утвержден 2½-миллионный лимит на постройку в Ленинграде образцового писательского дома-комбината.

Эта громадная по размаху работа осуществима и могла быть осуществлена только тесной совместной работой Литфонда, Ленкубита и Месткома писателей, в тесном контакте с Облотделом союза бумажников и печатников и при его поддержке.

Как это не похоже на прелестную мелкую кропотню, кустарщину благотворительность на двадцать две тысячи в год по смете центрального правления Литфонда, смете, утвержденной с безобразными опаздываниями, и, уже по утверждении, нелепой урезанной, с высылкой кредитов со дня по столовой ложке», с попытками поставить провинциальные отделы Литфонда в положение купеческих сынков, которым высылается главой фирмы по полтиннику в день на мелкие расходы.

Разве для этой системы кустарного хозяйничества по характеру факт составления Ленотделом Литфонда на указанный квартал? Смета была утверждена правлением Литфонда в сумме 7.500 рублей. Помимо утвержденной сметы для всякой работы по составленному этих пределах сумму, было высказано более десятка напоминаний—две тысячи, с категорическим заявлением: «больше не получите»,—мы сами не получили. Мы не хотим заниматься правдивость правдоподобно, дай-тительно не получили, но позвольте спросить: куда годится такая кустарщина, при которой отчисляется утвержденная смета, когда нельзя строить никакого плана работы и все покоится на сомнительной базе русского «авось» и надежде на подмочки доброй тети из Совнаркома.

Разве не характерно, что в тот момент, когда Ленотдел Литфонда и Ленкубит, по собственной инициативе, затеяли громадное дело постройки образцового писательского дома-комбината, правление в Москве занимается «инструктажем» такого свойства, который можно написать как исключительно. Чтобы не быть голословным, цитирую «циркулярное письмо» правления Ленотделу от 22 февраля, № 1937. Письмо говорит о необходимости внимания к ударникам со стороны Литфонда. Казалось бы, дело хорошее. Но тогда какие мерой и каким стилем преподает правление:

«5. При активном участии всей писательской общественности и путем максимального использования энтузиазма всех трудящихся, и прежде» очередь ударников и незаможников, предпринять ряд конкретных мероприятий по укреплению материальной базы Литфонда...».

Дальше следует перечисление конкретных мероприятий, из которых должно быть применимо «максимальное использование энтузиазма всех трудящихся СССР»,—устройство вечеров, концертов и спектаклей, выпуск альманахов и альбомов (?), организация аукционов и лотерей. Жалко, что пожелание не слышно, как хотелось на общем собрании Литфонда и Ленинграде, часы его, и ударники и не ударники, когда было оглашено это письмо. Они хохотали с «максимальным энтузиазмом», выражаясь стилем правления.

Разве эти «конкретные мероприятия» не напоминают нам блаженной памяти заседание «родительского комитета» гимназии имени наследника цесаревича по изысканию средств на горячие завтраки для учеников из недостаточных семейств»?

Все то же! Концерты, вечера, аукционы, альбомы (может быть, даже с птичками и стишками?). И это смеет называться общественной работой? И к этому смеют применяться слова об энтузиазме всех трудящихся, слова большие, ответственные, огромные? Это стоит общественного позора.

Вообще «инструктаж» является мечтой Центрального правления. В частности, на плечах Литфонда в феврале было принято решение: «Для реструктурирования Ново-Сибирского отдела направить туперву товарищей».

Вдумайтесь и вслушайтесь, во что обойдется отправка в Ново-Сибирск пяти человек для инструктажа, и вы поймете, что такое политика «инструктажа».

И так во всем: кустарщина, головотяжество, чиновничество, мертвечина, и психология и размах «родительского комитета».

Нужен ли нам такой Литфонд? Думается, что не найдется человека, который бы стоял утвердительно. Такой Литфонд—черное пятно на писательской общественности.

Перед нами есть два пути. Один из них сводится к попытке частного замыкания богатых жирно литературы с «историческими традициями», стоять в стороне от всей семьи трудящихся, пробивая лишь в случаях нужды в подачках к их «энтузиазму», медленно гнить и умирать в атмосфере родительских комитетов и дамской благотворительности.

Другой—идти к тому с живыми, взлаяться на настоящему в годы трудящихся, вести социально-бытовое обслуживание писателей через систему профсоюзов, росла на-настоящему широко, общественно, с размахом и инициативой. Мы можем договариваться с ИК нашего союза о летних, а различных отделениях от общей системы, отдыхательных, необходимых в силу особой специфики нашего труда, мы можем выговаривать себе в каких-то пределах автономию, но дальнейшее социально-бытовое обслуживание писателей помимо профессиональной системы—есть явление реакционного порядка, задерживающего писателя за «преемственность и исторические традиции».

Мы живые люди боевой эпохи и мы должны идти в ногу с эпохой и ее социальными формами. Форма старого Литфонда безнадежно устарела, от нее несет нафталином и плесенью. «Максимальное использование энтузиазма всех трудящихся» и в первую очередь ударников», в этой форме невозможно, чтобы ударники, в первую очередь, не захотели остаться в мертвечине «исторических традиций».

Долой историю! Мы хотим жизни и работы!

Мы ставим на очередь вопрос о немедленном взятии Литфонда в социально-бытовой сектор профессионального союза рабочих бумажной и полиграфической промышленности, на условиях, о которых мы сможем всегда договориться с нашими товарищами в деле создания жилищ, стоящими у власти и умеющими общественно работать без «исторических традиций».

БОРИС ЛАВРЕНЕВ

Ленинград

Н. И. БУХАРИН

ГЕЙНЕ и КОММУНИЗМ*

Генрих Гейне

Гейне принадлежит к числу таких гениальных людей, вокруг имени которых ведутся ожесточенные бои: историко-литературные, критические, политические. Это не случайность, не каприз истории, не идеологические выверты со стороны спорящих. Гейне — король видений и снов, сказочный дракон романтической грезы. И в то же время — великий насмешник, демон-воплощение борения Иронии, гениальный «скептик». Юноша «царит цветов и соловьев», а на другой странице — злой барабанщик революции. Духовный аристократ, утонченный интеллектуалист, эстет, любимец самых взыскательных муз и граций. И в то же время друг Маркса и Энгельса, правимый всеми полицейскими собаками и всеми «христианско-германскими» ослами.

Гейне — это фантастическая работа целой эпохи. В Германии «крот истории» уже подкапывал устои дворянско-помещичьего хозяйства средневекового размаха и феодальную политическую раздробленность «страны поэтов и философов». Сдвиги социально-экономических форм, разрушение мелкого производства, начало века машин и коммерциализация всей жизни вызвали и чрезвычайно классовую борьбу, и великое идеологическое брожение, дифференциацию, размежевку школ и течений. Нервные трепетные темы рабочих бунтов погрели воздух. Загазованные напряженные ткани Сателлита. Буржуазная интеллигенция уже вынужденно творит своего грядущего. Критика религии, величественный синтез Гегеля, расщепленные гегельянской школы, «Молодая Германия», «истинный социализм», Фейербах; свержение романтики, гегельянская левая, Фейербах. На Франции — мощные потоки идеологического света. Утопический социализм Фурье и Сен-Симона, традиции Великой революции, культ Наполеона, учиняющего в Европе реконструкцию разгрома обветшалых феодальных ценностей. Прудон. И в этом удивительном исторгнутом хоре — все возрастающий густой табачный рев научного коммунизма. Металл пролетарской теории, который определит все последующее развитие рабочего революционного движения. 30-й год во Франции, 48-й год в Европе. Венгерское восстание. Союз коммунистов. «Коммунистический манифест».

На фоне этой эпохи, когда от романтических грез, полупатриархальной политической опеки, нигилистического сонного спокойствия, теологического и метафизического тумана, Германия была втянута в водоворот ожесточенной общественной борьбы, разыгравшейся под разными знаменами, символами, теоретическими лозунгами и вдохновлявшей своих героев, — появилась ослепительно яркая фигура Генриха Гейне. Она стояла на рубеже двух эпох, когда запоздало шла к власти буржуазия и из-за спины ее уже вырисовались еще не стройные, еще не организованные, еще не вооруженные полки пролетарской революции.

Вот эта двойственность переходной эпохи — основание для огромной «силы колебания» действителей по своей природе мелкобуржуазной интеллигенции, которая нередко располагалась по разным классовым местам, и отразилась с исключительной яркостью на всем творчестве Гейне.

Великие теоретические интересы, центральные проблемы времени, всемогущая ориентация огромной эпохи, возвещавшей свое наступление паровой машиной, победоносным и беспощадным триумфальным шествием крупного капитала и первыми пролетарскими организациями, мучили Гейне: он мыслил. Разве его интерес был огромен. Его образованность исключительна. Круг его знакомства охватил лучших людей времени: Бальзак, Жорж Занд, Готье, Фрейлиграт, Гримм, Лист, Берлиоз, Александр фон-Гумбольдт, Араго, Ламартин, Ламенне, Гегель, Шеллинг, Шлегель, Александр фон-Гумбольдт, Альфиери, Ласкаль, Энгельс, Маркс — вся плеяда талантов и гениев эпохи, все звезды первой величины входят в орбиту общения с «последним из отпрысков сказочных королей» романтизма, как великан Гейне самого себя. Гейне дышал не только атмосферой борьбы в Германии. Великий город единственный центр тогдашней культуры, горот мятежей, котел политических страстей, гигантская лаборатория мысли, Париж был второй родиной поэта.

Середина XVIII столетия в сущности уже достаточно ярко поставила проблему, которой суждено было стать центральной проблемой человеческого общества, проблему коммунизма. В эту пору была создана мерзая и основная программа международной революции пролетариата «Коммунистический манифест». В эту пору гениальные буквенны научного коммунизма стали оковать теоретическое оружие. В эту пору мощный теоретический прожектор марксизма стал освещать магистрали всемирного исторического развития. В эту пору научному коммунизму пришлось выдержать первые авангардные схватки. Вполне естественно, что для характеристики Гейне его отношение к коммунизму представляет выдающийся интерес.

Фридрих Энгельс рассматривал научный коммунизм как преемника и наследника немецкой классической философии, английской политической экономии и французского социализма.

Характерно, что и Гейне уже в 1833 — 34 годах говорил о немецких революционерах и рабочих, как о наследниках гениальных философов, и отчасти их эпигонов — Маркса и Энгельса — ввиду с чрезвычайной смелостью и с огромной степенью прозрения:

«Пролетарии в их борьбе против существующего порядка вещей имеют в качестве вождей самые прогрессивные духовные силы, философов великой школы. Они (эти вожди, **Н. Б.**) переходят от доктрины к действию, последней цели великого мышления, и формулируют программу».

Эта мысль поистине гениальна, она выставляет по сути дела практический критерий истины, который Маркс с таким блеском защищал в своей критике Фейербаха. Но у Гейне нет никакой стройной системы. Он не проделал всей той философской эволюции, которая привела и среде гегельянской левой и привела к замечательному синтезу, к диалектическому материализму Маркса. Его философские работы — истории художественного творчества, полные мелких и умных характеристик, отдельных тонких замечаний, разных сабельных ударов по врагу. Но они полны колебаний, от грубого сенсуализма до классического немецкого идеализма. Они прекрасно охватывают революционную сторону гегельянства. Но Гейне не мог за время творческой работы, которую проделал Маркс, на усвоить себе философские выводы последнего.

Французский социализм, другой источник научного социализма, был точно так же крайне близок материалисту поэту. Сенсимонизм и отчасти фурьеризм, великие утопические системы социализма, многими своими составными элементами вошли в плоть и кровь гейневской идеологии. Критика капиталистического общества, второстепенная роль вопроса о государственной форме, перенос центра тяжести на экономику и науку, космополитизм, борьба с религией и «старым» христианством, наконец, сознание плоти, воспевание Сен-Симоном и разбитое Анфантеном, — все это имеет своим источником «французский социализм».

Но Гейне видел всеобщие связи вещей и явлений более зорко, чем утопический социализм. Гегельянская школа не прошла бесследно. С другой стороны, Гейне был прекрасно знаком с такими историками, как Минье и Минье, которые умели видеть и изучать понятие класса, в то время как у Сен-Симона рабочие и капиталисты составляли одну «индустриальную» группу. Вот почему Гейне мог двигаться дальше таких теоретических обобщений, которые обнаруживает гегельянскую изучил: «Народы, партии, сами массы являются героями нового времени», — писал Гейне, делая тем самым огромный скачок по сравнению с утопическим социализмом и его наивными представлениями о закономерностях исторического развития. Однако и здесь он оказался на полпути, не сводя концов с концами и постоянно шатаясь между почти материалистической позицией французских историков времен реставрации и наивно-идеалистическим идеалом утопистов.

Конечно, Гейне не мог дойти до понимания теории классового развития и научной продуманной «красного доктора» и его друзей. Но не подлежит сомнению, что по меньшей мере два «источника марксизма» были ему хорошо известны. В этом отношении он стоял сравнительно высоко, и поэтому как раз он выставлял иногда такого рода положения, которые оказались поистине пророческими.

Всем известно, с каким энтузиазмом Гейне приветствовал революцию 1830 года.

«С материка, — писал он, — пришел пахнет газет с только что дошедшими жаркими новостями. То были солнечные лучи, завернутые в бумагу, и они произвели в моей душе самый дивный пожар. Мне казалось, что я могу зажечь весь океан по Северного полюса тем огнем воспоминания и безумной радости, который пылал во мне».

Но гораздо изумительнее оценка поэтом царственного движения английских рабочих. В чартистском движении он видел «важнейшее явление современности» в нем, по Гейне, «бы говорить о последствиях, которые могут быть гораздо более значительными, чем все, что уже растет к коммунизму, но он борется этого коммунизма, бонтеся пролетарской мастеровщины, грубого равенства, бунтует за цивилизацию, науку, искусство, танцы наций и пение соловьев. Поэтому и его идеологические установки так отталкивающе противоречивы. Он хочет вообще уйти от политической борьбы. Он высмеивает политику в поэзии. Но он вынужден итти в свалиться.

Он сражается за «новое евангелие» Сен-Симона, усиленно, даже грубо подчеркивает чувственно-материальные моменты:

Мы хотим, чтобы хлеба хватало на всех,
Чтоб у каждого было изобилие
Миртов, веселья и красоты
И сахарного горошка.
Да, каждому, каждому сладкий горох,
Что лопается полным соком.
А небо — мы уступаем его
Ангелам и сорокам.

И в то же время он громит коммунизм, рабочих, пролетарскую революцию за то, что она якобы преследует только интересы «бизнеса», т. е. он называется как тем самым «героином», которым он только-что восхищался.

Он громит аристократию, а сам ищет сильные инвективы против каторги республиканской добродетели, «спартанского супа», «ослов», которые будут все получать даровое с равным.

Он говорит, что массы — это герой нового времени. А сам является яростным «дурно-пахнущим», «кривошеим подмастерьем», позабыв, что он только-что прочел их в сен-симоновской немецкой философии.

Гейне ясно видел надвигающуюся революцию. Он ждет неизбежную победу коммунистов. 15 июля 1843 года (год знакомства с Марксом) он писал:

«Я снова говорю о коммунистах, единственной партии во Франции, заслуживающей безусловного внимания. Таков же внимание обратил бы я и на обломки Сен-Симона, последователи которого, под странными вывесками, все еще живы, и равно и на фурьеристов, которые еще продолжают работать скромно и энергично: но этими людьми двигает только слово; основной вопрос, как вопрос — организованное понятие, и они не понуждаются к действию демонической необходимости: они не те, кто предопределенные слуги, посредством которых высшая мировая воля приводит в исполнение свои колоссальные решения. Рано или поздно рассеянная по свету семья сен-симонов и весь теперешний штаб фурьеристов перейдут в армию коммунистов и как бы возьмут на себя роль «огней перехвата».

Это написанное в духе гегельянской партии место звучит как настоящее пророчество. Здесь Гейне почувствовался действительно до понимания главных движущих сил переворота, до понимания всей его чудовищной огромности. Конечно, за этим скрывается влияние титана революционной науки и революционного действия, Маркса. Но это не умаляет всего значения данного высказывания. Разумеется, Гейне понимал всем своим умом неизбежность коммунистического переворота. У него были широкие исторические горизонты. Он прекрасно видел язвы капитализма и его противоречия. И пока всем том он не был настолько буржуа, чтобы его психологическая ориентация раздавила или искривила рациональное познание.

Эта двойственность ярко сформулировала поэтом в предисловии ко французскому изданию «Литерации».

«Действительно, — пишет он, — только с ужасом и стыдом думаю я о времени, когда эти мрачные иконоборцы достигнут господства; своими грубыми руками они бесчинно разобьют не статуи красоты, столь дорогие моему сердцу; они разрушат все те фантастические игрушки искусств, которые так любил поэт; они вырубят мои олеандровые рощи и станут сажать в них картофель, и, увы, из моей «Книги песен» безвинный торговец будет делать пакеты и вымазать в них кофе или нюхательный табак для старых баб будущего. Увы, я предвижу все это, и несказанная скорбь охватывает меня, когда я думаю о времени, которого победоносный пролетариат угрожает моим стихам, что сойдут в могилу вместе со всем старым романтическим миром. И, несмотря на это, я сознаюсь откровенно: этот самый коммунизм, до такой степени враждебный моим склонностям и интересам, производит на мою душу чарующее впечатление, от которого я не могу освободиться».

Здесь уже не только двойственность разума и чувства, интеллектуальное понятие и чувственное отражение: здесь налицо даже раскол в самом «мозгу». С одной стороны, «скорбь», с другой — «очарование». Так бьется гений Гейне в тенетах своей собственной противоречивой социальной природы, которая расставила ему свои ловушки и капканы.

Гейне был полудругом-полуврагом коммунизма. Но он вошел в капиталистический мир блестящие рапиры своей сатиры, своей гениальной иронии.

В его творчестве есть разные моменты, и ничего их стирать. Не подлежит сомнению, что только марксисты могут дать его объективно-историческую оценку. Нам не надо приукрашивать действительности. Но весь не мелкие выпады Гейне против Берне будут жить в веках. Не те авторы, которые он получал от французского правительства. Гейне будет жить в веках как боец революционного фронта, как ненавистник мещанства, как певец первых восстаний, поднимавших рабов. А позднее он будет жить как провозвестник всей огромной радости жизни, как враг пуританского ханжества, аскетизма, скряг, идеологии кастратов.

Гейне был гениальным поэтом. Он дышал всеми ароматами своего времени, мучился всеми его проблемами, он был огромной культурной силой. И сверкающий пламя его поэзии переливается всеми красками громадного искусства. Отсюда он будет жить не только в предыстории, но и в настоящей истории человечества. Отсюда победоносный пролетариат отложит свое знамя перед великой могилой гения.

* Доклад Н. И. Бухарина на торжественном заседании Академии наук в Ленинграде. Дается сокращенно.

ПРОЛЕТАРСКАЯ МУЗЫКА НА ПОД'ЕМЕ

Первая Российская Конференция Ассоциации пролетарских музыкантов совпала с моментом, когда движение пролетарской музыки вступило в **новый этап** своего развития. Этот этап характеризуется лозунгом: **движение пролетарской музыки должно стать движением массовым».**

В основном политическом докладе на конференции **т. Лебединский** нарисовал яркую картину борьбы РАПМ за генеральную линию движения пролетарской музыки. Главными враждебными группами и «течениями», противостоявшими пролетарскому фронту, были следующие.

«Современничество» — течение, организационно оформленное в Ассоциацию современной музыки (ныне ВОКМ), явно враждебное марксизму и пролетариату, стоящее на позициях реакционного формализма («музыка не есть идеология»), ориентирующееся на упадочную музыку Запада.

Эпигонско-ретроградная группа музыкантов, связанная с буржуазными перерожденцами — друзьями старой России, удержавшаяся на протяжении долгого времени после революции ряд домашних высот в музыке (оперный театр, концертные организации, консерватория и пр.), не имевшая никакой положительной программы, опустившаяся в конце-концов на почву откровенно буржуазного сопротивления. Это течение имело художественный центр в виде «Объединения революционных композиторов», созданного группой «попутчиков», вышедших в 1925 г. из РАПМ.

Напманский легкий жанр, представлявший собой «второй сорт» музыки, не тесно связанный с «высокими» современническими упадочно-формалистическими декадентством. Опасность этого жанра в особенности велика потому, что он глубоко проник и засел в массах трудящихся, где закрепляет... «остатки капиталистической старины».

Правый и левый оппортунизм в музыкальной политике, в чем многие дозрели «гражданского мира» с классовым врагом», вызванный старым консервативным партийным руководством, и попытка создания бесхребетной, по существу аналитической организации — массовой музыкальной самодеятельности — общества «Музыка — массам».

Новый этап проходит под лозунгом **вовлечения** в Ассоциацию пролетарских музыкантов **передовых рабочих** музыкружков. Эту задачу неправильно понимают как **оседание**, понимая, что от разрешения ее зависит вся дальнейшая судьба движения. Конференция в своей резолюции подчеркнула необходимость быстрой перестройки местных организаций — ядром к массовой музыкальной самодеятельности рабочего класса, вовлечения в движение рабочего актива и продвижения его на руководящую работу.

Конференция указала также на необходимость охвата движением пролетарской музыки казачье-кулацких масс.

Одна из центральных вопросов — это вопрос о **пролетарском музыкальном творчестве.** Мы имеем большие достижения пролетарской музыки, отразившей многие стороны революционной борьбы рабочего класса и являющейся одним из оружий в борьбе за социализм. Это творчество в песне, сопровождающей с массовым пылом, — массовые песни, хоры, — в настоящее время является ведущим (творчество Дагаева, Давыдова, Бокшая и др.). Однако резко отсутствует период мысли и отставание пролетарского музыкального творчества от темпов социалистического строительства.

Острейшей творческой проблемой является проблема **тематики.** Пролетарский композитор должен концентрировать внимание на актуальнейших вопросах борьбы пролетариата с капитализмом, на показе борьбы рабочего класса за социализм, всего социалистического груза, социалистического преобразования деревни, интернационального движения в странах капитала и в колониях. Активное участие в борьбе рабочего класса является обязательным условием для пролетарского композитора. Другим условием является серьезная марксистско-ленинская учеба.

Вопрос **«о жанрах»** пролетарской музыки ставится по-новому. Наряду с созданием массовой песни, являющейся ударнейшим звеном в творчестве, выдвигается проблема пролетарского симфонизма.

В **области творческой** перед секцией стоит важная задача **выдвижения новых композиторских сил из среды рабочего класса.** До сих пор массовая музыкальная самодеятельность направлялась почти исключительно по руслу исполнительства: задача сегодняшнего дня — найти формы развития массовой творческой самодеятельности, начиная взятья за развитие композиторов из рабочего класса, что окажет решающее влияние на развитие пролетарского музыкального творчества.

Успехи движения пролетарской музыки сказываются в частности и в том, что она делает из себя основные массы политически.

Отказать политическое пролетарская организация могла только духом полной беспощадной и непримиримой большевистской критики, вскрывая все буржуазные классово-враждебных влияний.

Вопросы **массовой** работы, массовой **музыкальной самодеятельности,** также были поставлены на всероссийской конференции. В этой области существуют два уклона. Первый — в сторону аполитизма, который выражается в узком групповом подходе к музыкальной работе, в наследстве кружков, к учебе, что приводит к отрыву от политической работы, от борьбы рабочего класса, создавая замкнутость, цеховщину. Другой уклон — в сторону внешнего превосходства, выражающегося в парично-халтурном собирательстве различных кампаний, ставке на количество участников при игнорировании художественно-идеологического качества, в отказе от главной борьбы на музыкальном фронте. По обоим уклонам чужд направить сильный огонь. Музыкальную самодеятельность нужно вернуть лицом к производству, лицом к культурной революции. Музыкальный кружок должен стать боевым штабом культурно-политической работы, ведущим эту работу методами музыкального искусства.

Особое место заняли на конференции вопросы **национальной** музыки, подвергшиеся всестороннему обсуждению.

Конференция показала, что движение пролетарской музыки находится **на подъеме,** имеет огромное большинство руководство и сумеет осуществить генеральный лозунг **за гегемонию пролетарской музыки.**

Б. ШТЕЙНПРЕСС

ЗА РЕКОНСТРУКЦИЮ ИСКУССТВА МАЛЫХ ФОРМ

Всероссийское производственное совещание в малых формах, созываемое 15 мая, нельзя не признать весьма своевременным. На искусство малых форм у нас все еще существует взгляд, как на «искусство второго сорта». Необходимо раз-навсегда покончить с таким взглядом. Искусство малых форм — искусство серьезное, требующее высокой художественности, лучших исполнительских сил. Искусство малых форм — ответственнейшее искусство по той роли, которую оно призвано выполнить в эпоху социалистического строительства.

Н. К. Крупская рассказывает в своих воспоминаниях, что В. И. Ленин, живя в Париже, любил посещать те районные театрики, где выступал известный эстрадный артист Монтеэ, отличавшийся особым умением **чрезвычайно быстро** отзываться — в живой **художественной форме — на актуальные политические** события. Нам нужны свои советские Монтеэсы.

Важное значение приобретает вопрос о признании искусству малых форм большой работы. У нас это искусство все еще понимают так, что, обслуживая политические кампании, надо говорить тезисами из сегодняшней газеты. Разумеется, это далеко от тех требований, которые мы предъявляем. Задача заключается в том, чтобы найти новые интересные формы, в которых материал показался бы без надобности, без «нравоучения» и т. п. Нужны такие формы и жанры, которые помогли бы рабочему-зрителю восстанавливать энергию после трудового дня.

Необходимо во всей широте **поставить вопрос о жанрах,** который давался бы быстро зрелище и широкую зарядку для новых творческих и производственных достижений. Но эта задача не должна пониматься, как культивирование «развлекательного искусства». Многие организации и работники делают грубую ошибку, перенося западно-европейские буржуазные развлекательные формы в наши условия, утверждая, что это «бодро, вообще радостно, вообще бодро». Они забывают, что у пролетарского зрителя природа его радости и бодрости совсем иная. Нужно поэтому **бороться с механическим использованием чуждых нам форм,** с тенденцией подкрашивания их под современность. Нам не нужны советские Вертинские и Изы Кремер.

Особое внимание необходимо будет уделить на **конференции и разговорному жанру,** который в настоящее время нас удовлетворить не может. Чрезвычайно мало работает в этой области эстрада, критическая мысль, совершенно не занимаясь анализом разговорного жанра.

Непроизводительны также молчание печати вообще по вопросам малых форм, в частности на почву того **кризиса,** в котором находится «Синяя блуза». На конкретном примере последней надо **заострить общий вопрос о путях и направлении искусства малых форм, в творческом методе, о средствах художественной выразительности.**

Мало сделано до сих пор и в области систематизации эстрады. Литературный материал, как правило, делается для всех категорий слушателей одинаково, без учета состава зрителей, культурного уровня их без учета производственных особенностей единицы (город, деревня, колхоз, совхоз, фабрика, завод...).

Наконец, конференция должна будет решительно заняться **вопросами национальной эстрады.** Эта область требует особо внимательного к себе отношения, в связи со все растущим социалистическим строительством в национальных районах.

Таковы важнейшие моменты, обсуждение которых на конференции вызывается жизненной необходимостью.

Для успешного разрешения всех задач необходимо властно **разрешить и проблему консолидации пролетарских** сил в области малых форм.

Я. БОЯРСКИЙ

БЫСТРЕЕ ПЕРЕСТРАИВАТЬСЯ

НА СЕКРЕТАРИАТЕ РАПП

На днях закончились областные конференции Уральской и Нижне-Волжской АПП. Что показали эти конференции? Насколько местные ассоциации включились в практику социалистического строительства?

Уральская АПП после чистки (из АПП исключено свыше 200 чел.) значительно улучшила свой социальный состав. Рабочие-ударники преобладают сейчас в рядах Уральской АПП и составляют 60 проц. всего состава организации. Несмотря на это, работа с ударниками недели слабо, отсутствуют кадры руководителей литкружков.

Производственное совещание прозаиков Урала показало, что, несмотря на близость крупнейших строек, тематика уральских пролетписателей на 70—80 проц. — крестьянская. — Между тем областные пролетарско-колхозных писателей на Урале не существует,—отмечает в своем докладе об итогах конференции Уральской АПП **Е. Ермилов.**

В методах работы руководства Уральской АПП еще наблюдаются элементы администрирования. Перед Уральской АПП сейчас поставлены громадные задачи в деле обслуживания крупнейших строек (Урало-Кузбасс и др.) и работы с ударниками. Это возлагает на организацию большую ответственность.

Конференция **Нижне-Волжской АПП,** о результатах которой сообщил секретариату РАПП **А. Митрофанов,** показала еще более безрадостную картину работы с ударниками, чем на Урале.

Прием ударников в литературу фактически не был проведен в Нижне-Волжском крае. Ударники, выступившие на конференции, отметили отсутствие руководства. Нижне-Волжской АПП местными организациями и требовали конкретной помощи творческому росту ударников.

М. Лузгин в своем докладе на секретариате РАПП поделился опытом работы АПП и подвел первые итоги творческого смотра ЛАПП за два месяца.

Выступавший в прениях по докладам **Вл. Мазаев** подчеркнул, что до сих пор выезды отдельных пролетписателей и бригад на места носят поверхностный характер. Надо изучить работу местных организаций, оказать практическую помощь в творческой работе ударников.

Об этом говорили в прениях тт. А. Валалов, А. Грудская, А. Небах.

— РАПП еще недостаточно перестроил свою работу, — отмечает **М. Юрин.** — Практически мы еще мало дали ударнику. Нет еще конкретных брошюр в помощь творчеству ударников.

— 3 месяца прошло со дня начала призыва ударников в литературу. А что РАПП сделано за это время для ударников? Что дала АПП по линии продукции ударников? — спрашивает в своем выступлении т. Авербах.—Выпущено только несколько книжек ударников. МАПП, например, совершенно еще не дала творческой продукции — книжек ударников. Это говорит о недостаточно сильном ударе в пролетарскую творческую движений. Мы иногда прекрасные резолюции, но не всегда обеспечиваем проверку выполнения своих директив, говорит Л. Авербах.—РАПП должна повернуться лицом к творческой практике организаций и теоретически обобщить их опыт. РАПП необходимо централизовать опыт учета писательских кадров. Это относится к всей системе работы РАПП. В частности, журналы «На литпосту» и «Рост» еще слабо выполняют свою роль в общем пролетарском движении.

КР.

МАССОВАЯ БИБЛИОТЕКА

ПО ВОПРОСАМ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА

До сих пор на книжном рынке почти отсутствовала популярная литература по вопросам искусства и литературы.

Спрос на такого рода литературу настолько велик и многосторонен, что только с выходом в свет книги **«Что нужно знать рабочему по вопросам искусства и литературы»** (издательство «Федерация») несколько брошюрами (в 1 печатный лист) с иллюстрациями и 10—15 каж.

Библиотечка открывается массовой критикой (авторы, темы «К помощи рабочему критику», вопросы марксистской критики, «Что нужно знать рабочему о творческом методе», вопросы пролетарской литературной политики; «РАПП и борьба за пролетарскую литературу»; исправление ряда ошибок о писателях прошлого (СССР), пять книжек о Максиме Горьком, несколько книг библиографического порядка и характера («Что нужно читать рабочему». Десятки специальных книжек посвящены отдельным современным писателям СССР и Запада, русским и западно-европейским классикам.

К работе над этими темами Институт ЛИИ Комсомола широко привлекает рабочую общественность и первые выпуски литкружковцев. В работе над брошюрами и книжками принимают участие видные марксисты-литературоведы, которые помогут авторам из числа юных ударников.

Распределение работ по темам почти все темы уже имеют авторов. К весеннему сезону Комсомол предполагает иметь книжный запас, который удовлетворит всем текущим и будущим потребностям в литературе по вопросам искусства и литературы.

Редакционно-издательский совет Института ЛИИ Комсомола приглашает всех желающих принять участие в работе по выпуску этой массовой библиотеки.

Авторы из числа юных ударников.

ХРОНИКА ИСКУССТВ

* Наркомом по делам печати т. Бубновым утверждено **«Положение о красных секторах искусств»,** которые входят в состав крайона и качество самостоятельных их частей.

* **При секторе искусств Наркомпроса организован общественно-политический совет,** в задачи которого входит рассмотрение всех важнейших вопросов плана по всем видам искусства, которые ему будут переданы и правильным их выполнением, единое продвижение всех видов искусства и масс, передаваемое искусствами в обслуживание социалистического строительства. Первое заседание совета — 18 мая: доклад т. Кона — «Задачи сектора искусств как центрального государственного органа по вопросам всех видов искусства РСФСР», содоклад т. Лядовского — о задачах общественно-политического совета, об организации и плане его работ.

* **Коллегия** Всесоюзной ассоциации работников науки, искусства и техники для содействия социалистическому строительству при Госуниверситетской академии искусствознания **обратилась к советским композиторам тт. Белому, Давиденко, Ковалю, Чемберджи и др.,** а также к **германскому пролетарскому композитору Гансу Эйслеру** — с призывом написать массовые песни для помощи об овладении техникой.

ЧЕТВЕРТЫЙ ЛИТДЕКАДНИК ФОСП

В ФОСП проведен четвертый литературный вечер, на котором **Бор. Пастернак** выступил с чтением своих стихов и отрывков из «Охранной грамоты».

Намечавшийся доклад начальника военных сил республики **П. И. Баранова** о современном состоянии авиации и задачах советской литературы, перенесен на следующий литдекадник.

ПОПРАВКИ

В № 28 «Л. Г.» в статье т. Вознесенского «Эстафета» В. Ставского, где дана 2-я кол., 3-й столбец, следует читать: «Станкой показывает огненные силы деревни», вместо: «Станкой-пулеметчицей дышит, полн красной удачей, как говорит один из героев в изображенном в рассказе колхозном стаде

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Орган Федерации Об'единений Советских Писателей РСФСР

МОСКВА 15 МАЯ 1931 г. № 26 (125)

РЕДАКЦИЯ: Тверской бульвар, 25, Дом Герцена. Тлф. 2.80.12

РАВНЯЙТЕСЬ ПО ГОРЬКОМУ

ОБРАЩЕНИЕ КОМИТЕТА ФОСП ПО ВСТРЕЧЕ А. М. ГОРЬКОГО

Ко всем писателям, рабочим-ударникам-призывникам, литкружкам на фабриках и заводах, ко всей литературной общественности

Товарищи!

Алексей Максимович Горький приехал домой, к нам, в СССР. Эта весть наполнит радостью сердца миллионов пролетариев. Но особенное значение приезд Горького имеет для нас, для всех писателей, для ударников литературы, для всей литературной общественности.

Победоносное социалистическое наступление поставило перед всей советской литературой ряд боевых задач, требующих ее решительной перестройки, включения писателя в ряды прямых и непосредственных участников социалистического строительства. Величайший размах культурной революции, обусловленный участием миллионов трудящихся, поднимает значение литературы на новую, высшую ступень, где она как организатор масс становится непосредственным орудием классовой борьбы. И здесь творчество Горького, весь его жизненный путь, его колоссальнейший опыт борьбы, его боевая работа по защите СССР, наконец, весь облик Алексея Максимовича, непоколебимого и стойкого писателя-бойца за дело рабочего класса, является для нас всех живым примером.

Великий пролетарский писатель Максим Горький пришел в литературу еще первыми годами рабочего класса на заре его революционного движения. Сам вышедши из рядов трудящихся масс, плоть от плоти их, Горький организовывал своим творчеством волю этих масс к революционной борьбе, закалял веру в себя, надежду и уверенность в победе. Со всей силой своего таланта Горький обрушился на окружающую Россию, на капиталистический и мещанский мир. ВРАГИ ПРОЛЕТАРИАТА БЫЛИ ВРАГАМИ ГОРЬКОГО. Так же как в первых боях рабочего класса Горький будил массы и организовывал волю к победе, так и сегодня в решающие дни развернутого социалистического наступления Горький — в первых его рядах.

Алексей Максимович показал, как можно и должно литературу сделать, по словам Ленина, «частью общепролетарского дела». Для Горького на всех этапах его многогранной, яркой, изумительно насыщенной жизни литература была ареной, где он боролся за новое социалистическое переустройство мира, решал художественными средствами задачи своего класса. Горький накопил огромный творческий опыт в этой борьбе. Но его личный опыт есть вместе с тем исторический опыт всего рабочего класса в его борьбе за социализм, за чистоту своего мировоззрения. Мы должны изучить этот опыт сами и сделать его достоянием широчайших масс. Творчество Горького, его книги должны помочь нам перестраивать себя и всю советскую литературу.

Приезд Алексея Максимовича — нашего старшего товарища — должен прозвучать сигналом к творческой мобилизации, должен мобилизовать всю советскую литературу на перестройку своих рядов, на борьбу за социализм, за пролетарскую культуру.

Да здравствует великий писатель пролетариата Максим Горький!

ОБЩЕСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ ФЕДЕРАЦИИ ОБ'ЕДИНЕНИЙ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

ВЧЕРА ПРИЕХАЛ В МОСКВУ МАКСИМ ГОРЬКИЙ

ДА ЗДРАВСТВУЕТ ВЕЛИКИЙ ПИСАТЕЛЬ ПРОЛЕТАРИАТА!

НЕГОРЕЛОЕ—МОСКВА

От нашего корреспондента

У арки, отделяющей советскую землю от польских полей, выстроилась живая цепочка пограничников. Часовые советских рубежей первое приветствие шлют писателю-бойцу...

— Да здравствует пролетарский писатель Максим Горький!

Курьерский «Столица-Минеральные» приостановил стремительный бег и послушно в минусе остановился километра за два до пограничной станции Негорелое.

В Негорелом за четверть часа до прибытия поезда из Москвы прибыл московский поезд с делегацией советских писателей во главе с т. А. Серафимовичем: Ф. Гладковым, Мать Заплер, В. Ивановым, Г. Коренев, Вс. Ивановым, членами завода «АМО», награжденными орденом Ленина, т. Салов и др. В Минске к делегации присоединились белорусские писатели. С этим же поездом в Негорелое приехала минская рабочая делегация, представители московских и ленинградских газет, кино- и фото-репортеры.

...Одно из купе писательского вагона превратилось в аккумуляторную звуковой установки. Провода микрофонов растянулись по платформе станции, перекинулись в соседний вагон, в котором должен ехать Максим Горький.

...Включаются и немагнитаются здесь микрофоны и объективы. Писатели, рабочие, пограничники... Почетный караул пограничников выносит команду «Смирно». Оркестр заглушил грохот приближающего поезда.

...В раскрытом окне промелькнуло лицо Алексея Максимовича. Такой движутся встречающие...

*

Крепкие рукопожатия. Дружественные объятия.

Прежде чем зайти в свой вагон, Максим Горький поздоровался писателей. В окне «дипломатического» вагона — Алексей Максимович. У вагона отряд пограничников, окруженный толпой колхозников, железнодорожников.

Петрелеливый звукооператор просит Алексея Максимовича «сказать несколько слов» для звукового кино.

— Что вы, — отшучивается Алексей Максимович, — звуковое кино — дело новое, а я говорю старым басом.

Оператор так и не дождался торжественных слов. Из конца вагона между Максимом Горьким и пограничниками завязалась товарищеская беседа. Пограничники приподнесли своему гостю специально выпущенный бюллетень, посвященный приезду великого писателя рабочего класса. А. М. внимательно просмотрел почетному чтиву и вежливо отвергнутую газету, сделал замечание о слишком молодом портрете.

— Я опять два года не был в СССР,— рассказывает А. М. молодым и веселым бойцам. — Опять и вижу малую молодую страну. Последние два года я видел страну старую... Вот здесь все молодые, здоровые, совсем нет седых... А там даже молодые детали — дышат, жирные, старые. Там страна умирает. Все безработные и безработные. Даже в маленьком Сорелло выносят на площадь холодную кухню, чтобы накормить иногда безработных.

Рассказывая об увядающих капиталистических странах, Максим Горький переходит к СССР, где «люди делают большое счастье». Об этом даже, о новых делах он, Горький, узнает из сотен писем, получаемых им от самых разнообразных корреспондентов из самых отдаленных уголков Советского союза.

Получая эти письма, я получаю зарядку. Меня радует сила мощного коллектива трудящихся, творчество которых делает чудеса. То, что сделано в Советском союзе за эти два года,— больше чем чудеса. Вот, например, то, что вы сумели содержать под капитализма его последнюю опору, превратили старую деревню в колхозы. Для этого нужна была исполинская смелость. Хороший, народ, гибкий, народ, молодой народ.

Рассказ переходит на местную колхозную тему. Алексей Максимович одобряет расширение в колхозной МТС, процессы коллективизации, работу красноармейцев в военной подготовке бойцов. Отвечая Максиму Горькому, встречавшие сообщили ему о приближающемся юбилее ударной заставы и попросили написать им к юбилею «что-либо хорошее».

— Вот, — говорит Горький, — и смотри, как может ВЦСПС связать рабочих-ударников. Книжки еще не бог весть как написаны, но когда их читаешь, чувствуешь, что авторы понимают то, что они делают и о чем они пишут. Огромную роль играют сотни тысяч этих брошюр. Этот поток — живая вода, это та же зарядка.

— Ваш брат, — обращается Горький к рабочим-бойцам, — самая вольница выдвинет таких художников, они возникнут такие книги, что вся Европа ахнет.

*

— И вы напишете, — отвечают Горькому из толпы.

— Я — что, — смеется Горький, — я теперь газетный человек, фельетоны пишу.

**

...Прохладный вечер. Алексей Максимович покашливает. Но все же отказывается выслушать требования доктора Горькому зайти в дом.

— Я никому здесь не мешаю, — шутит он. Но, наконец, Горький уступает нашим настойчивым просьбам, отходит от окна, оставляя своим «заместителем» А. Б. Халатова, который кружит ему, на территории Советского союза, значок поезда ЦИК СССР.

— Потребуйте от Халатова, — говорит Горький, прощаясь с пограничниками, — чтобы он построил побольше бумажных фабрик для нас.

*

Перегон Негорелое — Минск. В вагоне Максима Горького встречают минские товарищи. Предполагались официальные приветствия, но здесь само собой получилось, что торжественные слова превратились в застольную беседу. Ударники рассказывали Горькому о своей работе, о борьбе за производительность, об ударной бригаде его имени на Варшавском заводе. Горький оказался осведомленным о строительстве в Белоруссии (даже о рифмах еще новых строек) по журналам, газетам и письмам многочисленных белорусских рабселькоров.

Еще поезд не подошел к платформе Минского вокзала, как грянуло многотысячное ура и марши духовых оркестров. Наш вагон — в центре состава. У окна опять завязывается беседа.

Под шумные овации, медленно проходя мимо пяти тысяч встречающих, поезд останавливается в Минске.

А. Лозов, рассказывая о проводах Горького в капиталистических странах, организованных... в Англии. Немедленно по выезде из Англии отправлена была телеграмма по всему маршруту. Всю дорогу за Горьким и его спутниками следят шпики. Это был настоящий «парад шпиков».

Шпики, не стесняясь, «на всякий случай» снимали в упор Горького, его семью и секретарей — Халатова, Леонова и даже... вагон, в котором ехал Горький.

*

За столом — Максим Горький, делегаты — советские писатели, представители «Литгазеты» и т. д.

Максим Горький делится своими впечатлениями о новых явлениях в советской стране, утвердившихся во время его отсутствия. Широко развернувшееся колхозное движение, социалистическое соревнование, новые формы труда...

— Вы следите за всем, — замечает А. Серафимович. И. Горький рассказывает писателям о большом значении и большой помощи, которую оказывают его работе корреспонденты: из сибирской тайги, из туркменских пустынь.

— Я особенно ценю,—говорит А. М., — «сахалинских» корреспондентов, письма которых очень и очень показательны.

Мы рассказываем Горькому о последних литературных событиях, о консолидации литературных сил, о федерации писателей. Максим Горький сообщает интересные новости о зарубежной и белоэмигрантской литературе.

— Творчество писателей-эмигрантов, — рассказывает Алексей Максимович, — находится сейчас на очень низком уровне. Шмелев и Бунин сошли на-нет, стали писать совсем плохо. Куприн занимается «хорошим» делом, пишет роман «Юнкера». В отдельных томах он описывает юнкерское училище, парады, «их императорские величества». Роман этот — слаб. «Юнкерами» Куприн компенсирует вычеркнутые им сейчас «Поединок», который он сделал ошибкой юности. Чириков стал чехословацким писателем, пишет он на русском языке, но немедленно переводится на чешский. Ничего он не посмотрел, ничего не читал, пользуется лишь газетной информацией и в своих суждениях просто мизерничает. Писать от этого еще хуже.

— Эти старые писатели, — говорит А. М., — головешки. Они не горят, но чадят. Молодежь тоже не интересна, новые эмигрантские писатели пишут отдельно. Это — французская литература третьего сорта. В ней характерно какое-то стремление отделиться от действительности, замкнуться в круге отвлеченных, вымышленных идей и все время, как нахлынувшие пешки, перескакать эти идеи. Не партнером в игре оказывается сам автор. Игра получается с самим собой.

— Я не могу сказать, — продолжает А. М., — чтобы меня это огорчало. А вот европейская литература огорчает. Ничего хорошего в ней нет, только единичные выдающиеся писатели.

Максим Горький отмечает растущий интерес в Западной Европе к советской литературе. Этот интерес не ограничивается уже научными Достоевского. Алексей Максимович сообщил о выходящей на английском языке книжке Шагинян «Гидцеттах» с предисловием Г. Уэллса, который, по мнению М. Горького, очень мягкотел, но склоняется влево.

Беседа длится до полуночи.

*

В Можайске — последняя остановка перед Москвой — поезд прибывает рано утром.

Поезд встречают рабочие, колхозники, пионеры.

Звучат маршы. С площадки вагона Горького передают привет от тысяч колхозников, приглашают приехать в Клементьевский «Гигант», написать о новом в деревне.

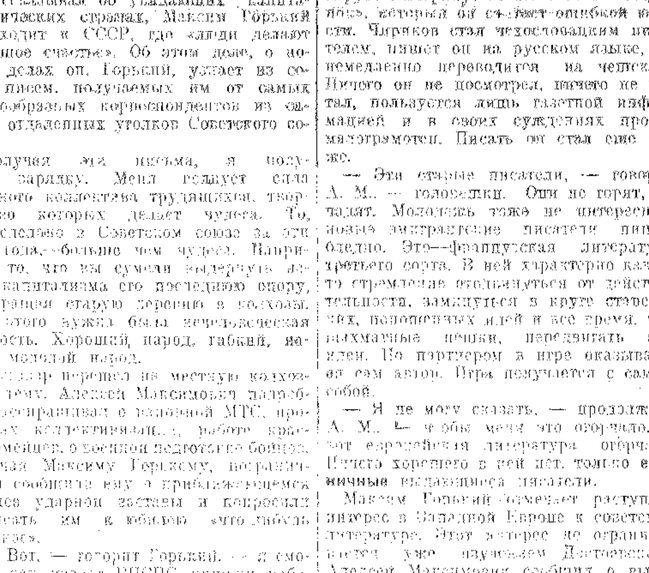
Горький отвечает. Он говорит о колхозном строительстве. Он говорит о двигателях, которые до сих пор все еще плохо пишут о новом, пишут только о старом...

Последний пролет.

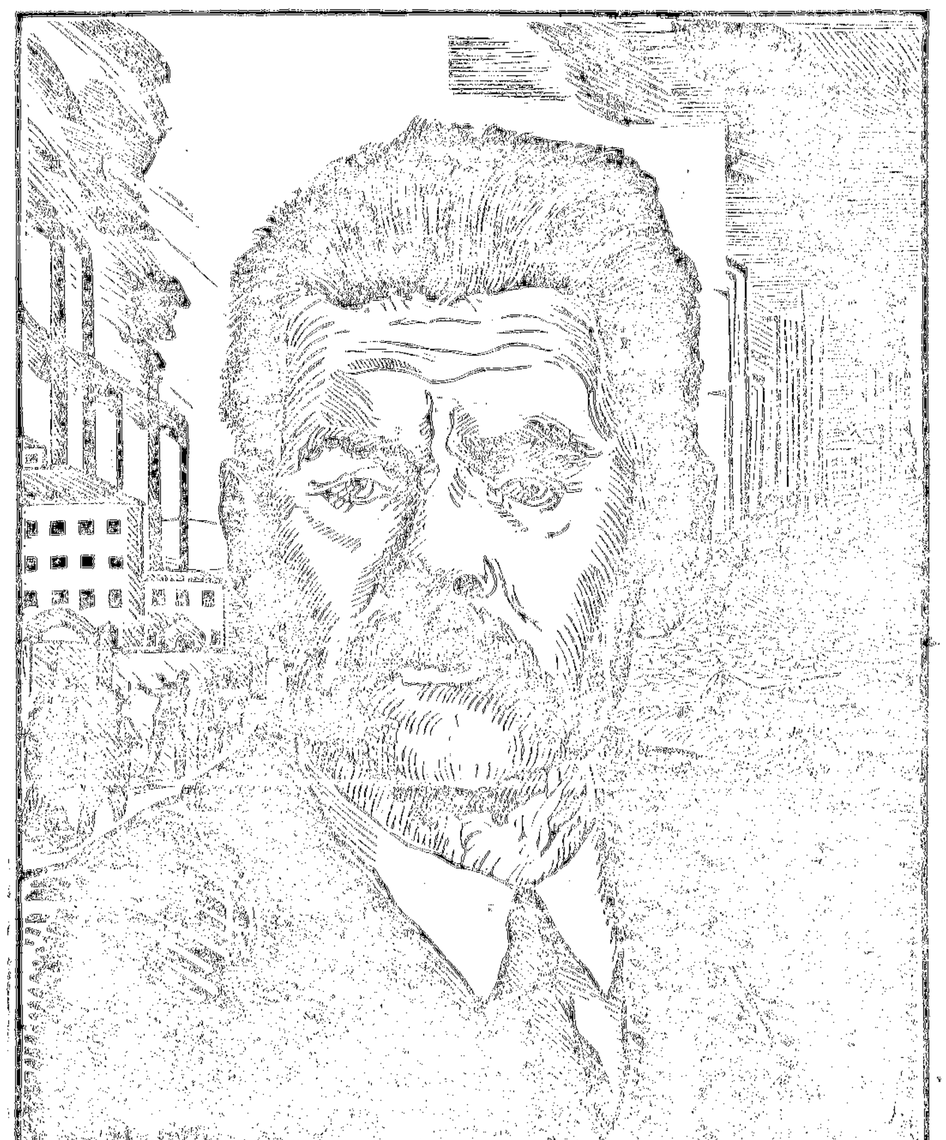
...Платформа московского вокзала. Горький в Москве.

Б. РЕСТ

Негорелое—Москва.
13—14 мая 1931 г.



Горький на вокзале в Москве



Гравюра на дереве для „Литературной газеты"
АЛЕКСЕЯ КРАСЧЕНКО

МАКСИМ ГОРЬКИЙ

О РАБОТЕ НАД ЯЗЫКОМ*

Я думаю, что такие работы, как папа, и преждевременны и даже могут оказать немалый вред нормальному росту языка. В работе вашей желаемое предпочтет сущему, а торопливость выведет, основанных на материале объективной ценности, ведет к тому, что вы принимаете «старинные» местные речения в «провинциализмах» за новые, оригинальные словообразования,— тогда как материал вам говорит много только о том, что великолепная, эффектическая русская речь, образное и меткое русское слово—покрывается и «культуризуются».

Этот процесс культуризации крепко и отлично оформленного языка—в наши дни, конечно процесс естественный, неизбежный; французский язык пережил его после «Великой» революции, когда бретонцы, нормандцы, провансальцы и т. д. столкнулись в буре событий; этому процессу всегда сопутствуют войны и непрерывно—эпидемии, клизмы. Зря опороченная Демьяном Бедным весьма ценная книга Софьи Федорченко «Народ на войне», а также и превосходная книга Войтоловского «По следам войны» были бы крайне полезны для нас, видимо—исконного и пламенного словолюба.

Мне тоже приходится читать очень много писем рабселькоров. «Запинающих» литераторов, учащейся молодежи, и у меня именно такое впечатление: русская речь искажается, вульгаризируется, ее четкие формы пухнут, засыпаясь местными речениями, любительская слова из лексикона наименьшей, из области производственных процессов, из книг и т. п.,—речь становится менее образной, точной, меткой, более многословной, вязкой, слова всюду часто становятся рядом по смыслу, не включая его в себя. Но я уже сказал, что это—процесс естественный, неизбежный и, в сущности, это—процесс обогащения, расширения лексикона, однако, покажет, на мой взгляд, это еще не процесс словотворчества, совершенно родного духу нашего языка, а механический процесс.

Вы, как вижу, думаете иначе. Вы торопитесь установить и утвердить то, что вам кажется словотворчеством, что словом внешнее обогащение его вы принимаете как творчество культурное. Весьма много людей буржуазного класса нашего говорили по-французски, но это сделать не делало их более культурными людьми и — вы знаете —не мешало быть мужиков по зубам, пороть розгами.

Ваша работа говорит мне, что современный грамотный крестьянин владеет языком гораздо хуже, чем владели мужики Левитова, Глеба Успенского и т. д., что речь солькора беднее образностью, точностью, меткостью, чем речь солдат Федорченко и Войтоловского. К тому же, вы допускаете ошибки в сопоставлениях, например: берете у Бунина «святую» икону и ставите эпитет этот против «пустой» иконы иконоборца-безбожника. Разве это можно отнести на счет современного обогащения речи. Иконокласты были у нас среди сектантства и до революции, да и не только среди сектантства, но среди «православствующих» напомнимся. И тогда икона для них была пустой»,—смотрите у Бондарева в письме к Толстому, у «молеванцев», «духоборов», «бегунов». И точно так же, как для Бунина и К-о, икона остается все еще с эпитетом «святая».

Нельзя противопоставлять «сардонический», «мефистофельский» смех «мелодому», «колокольчатому» смеху девушки, девушка-то еще не научилась смеяться «сардонически». Сардонический и мелодий—это языки людей, совершенно различных по психике. Мелодий смех—не повесть. Вы его найдете у Андрея Печерского—«В лесах», в найдете в старинных песнях:

«Ты мне, девка, сердце сомутила
Злой твоей усмешкой мелодой»,—

сказано в русском переводе песни Вука Караджича.

Также нельзя противопоставлять «голубой» лирике «жесткому»,—хотя это различные отношения к одному и тому же явлению, но ведь и лирически настроенный крестьянин может назвать ливень «голубым», когда дождь идет, например, «сквозь солнце».

«Колокольчатый» смех—очень плохо, потому что—не точно, колокола слишком разнообразны по размеру и по звуку, медный смех—изображаете вы. Правильно сравнивает смех с бубенчиками, особенно если их слишком медали.

Словечко «многозвучно» вы напрасно считаете новым, оно есть, кажется, у Карамзина или у Аблесимова. А кроме того, вы его, наверное, встретите в «святцах», которые распевались крестными ходами. В святцах этих встречаются «ангельнолепные девицы», «сефирно-нежный голосок». В 903 г. мужичий под Псковой пели: «Зефир тихий по долине весть с милой страны, с родной Костромы».

Слово «обман» вы взяли из разных областей у Фета и др. поэтов, он «содействует» и «прекрасен», по преимуществу в области «романтического», сексуальной, а у сельхорер—в области отношений социальных. Но ведь и сельхорам не избежать «сладостных» обманов—в будущем.

Мне кажется, что, работая над словотворчеству, необходимо знать наш богатейший фольклор, особенно же нашу изумительно четкие, меткие пословицы и поговорки. Наша речь преимущественно эффектична, отличается своей сжатостью, крепостью. И замечу, что в ней «антропоморфизм» не так обилен, как в немцах, которыми вы эрудите, а ведь антропоморфизм, хотя и неизбежен, однако, стесняет воображение фантазии, укорачивает мысль.

Все это сказали мною за отсутствием такого: если мы признаем, что процесс механического обогащения лексикона и есть процесс творчества новой речи, будто бы отвечающей вполне сознанию новым мыслям и настроениям,—мы этим признанием внушим рабселькорам и молодым литераторам, что они достаточно богаты словесным материалом и вполне правильно «словотворят». Это будет не верно, вредно.

Дело в том, что современные молодые литераторы вообще плохо учатся и туго растут поэтому. Один из них сказал: «Когда сам напишешь книгу, перестаешь читать». Должно быть, это верно: есть целый ряд авторов, которые, написав одну книгу не плохо, вторую пишут хуже, а третью еще хуже. Критика не учит, как надобно работать над словом.

* Неопубликованное письмо М. Горького к начинающему писателю (из архива журнала «Литературная учеба»).

ПРИВЕТ ГОРЬКОМУ

Мировому вождю пролетарских писателей — Максиму Горькому — шлем пламенный привет от Лиги левых писателей Китая.

Вы — знамя пролетарской литературы не только СССР, но и всего мира. Ваши произведения непрерывно переводятся на китайский язык. Ими восхищаются массы китайских читателей, считая, что вы писатель — боец всего пролетариата, что вы — их писатель.

Ваши произведения служат образцами, по которым учатся писать все левые (революционные и пролетарские) писатели Китая.

Молодая китайская революционная литература под вашим знаменем должна продолжать свою борьбу за советскую власть в Китае.

Э. СИО

РОМЕН РОЛЛАН

ПРИВЕТ ОТ ФРАНЦУЗСКОГО ДРУГА

Письмо Ромен Роллана в „Литературную газету". Получено воздушной почтой 14 мая

Братство, которое меня единит с Горьким, тем более знаменательно, что мы пришли друг другу навстречу с двух противоположных точек горизонта. Он—чистейший русский, я — чистейший француз. Он из самого народа, крепкий и выносливый, — я из старой буржуазии, слабый здоровьем, но неколебимый духом. Он учился, исполняя ступни своих ног на всех дорогах. Я истрепал только свои локти и свой зад на школьных и университетских скамьях. Я хорошо знаю, что он — Горький — вел тяжелую материальную жизнь, но я не знаю, с точки моральной, для кого из нас двоих жизнь была более трудна. Мы оба должны были пробивать себе дорогу через болота и леса предрассудков. Есть люди из народа и есть люди из буржуазии, и те, которые вышли из буржуазии, бывают подчас более ушиблены и разбиты в своих поисках. Как тяжело создать свет в этой ночи невежества и зла!

Но замечательно то, что, работая каждый по-своему, мы в конце наших усилий встретились. И мы узнали, что мы товарищи и союзники. Как бы мы ни были различны по обстоятельствам нашей личной жизни и наших темпераментов, мы должны были пройти через одинаковое испытание. Испытание двустороннее. С одной стороны мы страстно чувствуем величие человеческой культуры, ценность сокровищ, собранных человеческим умом в течение веков. С другой стороны мы должны были констатировать недостойную мерзость класса, который образовался как ее хранитель и той касты интеллигенции, которая все же в течение двух веков во Франции, в сознании превосходства своего духа, подготовляла взрыв власти высшей аристократии и подготовила революцию 1789 года. Но не для того, чтобы освободить весь народ, а чтобы заменить аристократию от рождения, которую она разрушала своей «аристократией духа», и воздвигнуть на этих обломках правительство буржуазного класса, гордой головой которого она себя считала.

В недавней статье Замятина, напечатанной в журнале «На литературном посту» (апрель № 11), я читал, что еще задолго до Октябрьской революции, Горький начал кампанию за подлинную культуру в России, против буржуазной интеллигенции и беспощадно клеймил эту интеллигентскую касту за ее пассивность, за ее душевную дряблость и ее пустое фразерство. Как раз в это время я поднял борьбу в «Жан Кристофе» против «Ярмарки на площади» в Париже, против эксплоататоров искусства и человеческой мысли, против писпермия, против их «идеалистической» лжи, против эстетов и краснобаев. Говорят, что религия—это опиум для народа. Но более вечным будет это определение к применении к искусству и литературе Европы последнего 50-летия. Они усыпили общественное сознание. Они дерзали ему отпущение грехов, чтобы избежать социальной ответственности. Они создали великие «часовенки», в которых можно было бы укрыться от действительности. Они предоставляли всякому возможность повернуться спиной и жизни деятельности и сказать: «Я умываю руки от всякой несправедливости...».

Даже наиболее прозорливые, как, например, Флобер, считали, что видеть и мыслить освобождает от необходимости действовать. Когда в конце прошлого века дело Дрейфуса подняло людей большого великодушия, как Золя, то это было только минутной вспышкой, когда народ временно объединяется с наиболее смелыми представителями интеллигенции. Но затем эти последние вновь вернулись в свои шалаши и больше оттуда не выходили. За последние 15 лет лучшие из нас не могли освободиться из своих казематов индивидуализма. Мы действуем изолированно, руководимые только голосом собственной совести: в этом наша сила и наша слабость. Мы одинакового ему обязаны и нашей независимостью, и нашей беспомощностью. Пишущий эти строки знает это лучше других. Когда в начале войны 1917 года он бросил свой крик «над схваткой», он писал с горькой гордостью побежденного: «Я не пишу для того, чтобы убедить Европу. Я говорю лишь для того, чтобы облегчить свою совесть...»

Нам нехватало твердой почвы, чтобы опереться. «Независимость духа», как я это понимал в 1919 году, когда я бросил свой призыв в его честь, — это замечательное дерево, которое простирает свои руки к небу. Но корни его пищевы почвы. Оно приговорено к смерти, если не удастся его посадить в гущу самого человечества, в гущу самого народа, трудового народа, которым кормится таящий человек, т.-е. в «черноземе». Горький, который вышел из народа по своему рождению, вновь пустил туда корни. Он составляет с ним одно целое с самосознанием пролетариата. Он является его интеллектуальным вождем. Они не разделимы один от другого.

Менее счастливый, чем он, я должен был тщетно искать в течение 30 лет свой народ, чтобы в нем пустить свои корни. Когда, в 1899 году, я писал свой «Народный театр», я заключил эту книгу следующими словами: «Вы хотите иметь народное искусство, так начните с того, чтобы иметь свой народ, народ со свободной мыслью, народ, которого не давит нищета, труд без отдыха, народ, которого не давят всякие предрассудки, всякие фантазии, народ, который был бы своим хозяином и победителем в той борьбе, которая мне предстоит».

Этот народ я не мог найти на Западе. Я ждал его, я звал его с самого детства. Почва была обчищена и очищена вокруг меня. Но я простер свои корни под самой Европой, чтобы приобщиться к плодотворным пластам русского народа, к огромной жизни, прорывшейся в глубинах СССР. И в конце этой подземной работы мои корни встретились с корнями Горького. И там они братски переплелись.

И теперь, как товарищи с одного и другого конца Европы, мы смешаем и нашу кровь. Об'единим и нашу энергию, и наш ум. Разум человеческий явно видимо пробирается по всей земле. Пусть будет он соком и силой нового мая всего человечества.

Перевод с французской рукописи С. Ромова.

ГОРЬКИЙ В МОСКВЕ

Вчера Красная Москва встречала Максима Горького.

С часа утра на площади Московского Белорусско-Балтийского вокзала прибывают делегации рабочих-ударников крупнейших заводов и фабрик Москвы, пионеров-отрядов и школ Красной Пресни.

На перроне вокзала Максима Горького «Электрозаводский привет Максимычу!». «Привет от стромолитовцев депутату в совет М. Горькому», «Краснознаменный привет т. Горькому от Трехгорки»...

На перроне вокзала Максима Горького встречают представители правительства, партийных, советских, писательских организаций, фабрик и заводов. Среди встречающих: В. Куйбышев, А. Бубнов, Ем. Ярославский, А. Стецкий, Л. Авербах, П. Керженцев, Я. Ганецкий, Феликс Кон и др.

Ровно в 10 ч. 30 м. утра к дебаркадеру медленно подходит поезд. В крайнем окне последнего вагона — улыбающееся лицо Алексея Максимовича. Встречающие стремительно бросаются к этому вагону.

— Да здравствует Горький! Ура! — приветствуют встречающие пролетарского писателя-бойца.

Максим Горький коротко отвечает на приветствия.

Из вагона выходят: М. Горький, Арт. Халатов, А. С.—Бубнов. По пути на вокзальную площадь и на самой площади непрерывные приветствия встречающих. При отъезде с вокзала М. Горький бурно приветствуется делегациями рабочих-ударников.

Горький — в Москве.

**

Вместе с Максимом Горьким в Москву приехала его семья, Арт. Халатов и Леонид Леонов.

**

12 мая, вечером на станцию Негорелое выехала делегация писателей и рабочих-ударников, выделенная общественным комитетом ФОСП для встречи Максима Горького. В составе делегации: А. Серафимович (председатель), Вс. Иванов, Ф. Гладков, Г. Коренев, Н. Огнев, Мать Заплер, М. Россовский, А. Лейтес (Харьков), рабочих-ударников — Салов (завод «АМО») Потатуев, А. Субботин, (ВОРКП). М. Цейтлин («Литгазета»).

Клубу писателей—имя Горького

Исполбюро ФОСП вчера вынесло следующее постановление:

В ознаменование приезда в СССР т. Максима Горького, Исполбюро ФОСП, подчеркивая огромную литературно-общественную роль Горького, его примера в деле укрепления органической связи советского писательства с врагами советского писательства с социалистическим строительством, в непримиримой борьбе с врагами социализма внутри и во вне СССР, — постановляет:

ПРИСВОИТЬ ЦЕНТРАЛЬНОМУ ДОМУ СОВЕТСКОГО ПИСАТЕЛЬСТВА — КЛУБУ ФОСП—ИМЯ МАКСИМА ГОРЬКОГО.

ГОРЬКИЙ — КРУПНЕЙШИЙ ПРЕДСТАВИТЕЛЬ ПРОЛЕТАРСКОГО ИСКУССТВА ЛЕНИН

„Рабочие писатели! Берите пример с Максима Горького! Учитесь сочетать свой писательский труд с повседневной борьбой своего класса за социализм" (Из обращения секретариата РАПП)

ВСТРЕЧА с ГОРЬКИМ в НЕАПОЛЕ

В конце прошлого года триста лучших ударников Союза Советов совершили поездку **вокруг Европы на теплоходе «Абхазия».** Ударники были встречены в Италии Максимом Горьким, с которым провели несколько дней в Неаполе.

«Литературная газета» печатает отрывки из воспоминаний об этой встрече с Горьким ударников московских и ленинградских заводов.

Здравствуй, старый друг!

После девятидневного пути от Гамбурга до Неаполя «Абхазия», наконец, подошла к итальянскому берегу.

Недалеко бульвары, запестрели плакатами и подошли к берегу. Пристали к набережной. Палубы заняты ударниками. Напряжение время, все разглядывают берег, стараются отыскать тех, кто нам сделал и дорог.

Ждем, кто придет. Для проверки наших документов пришли на теплоход таможенные чиновники. Они решили документов по каютам не проверять, а поставить на палубе, сошли трапа, стоят и проверяют документы по фотографическим карточкам, наклеенным на них штемпеля.

Наконец, на берегу появился Горький. Подошел к борту. Горький стал через иммигрантов в наши лица, ища знакомых. переключались дорои отдельными фразами. Так, разглядывая, он медленно двигался вдоль борта и дошел до того места, где стоял я. Не утерпел, я громко крикнул.

— Здравствуй, старый друг и товарищ с 1905 года, Максим Горький.

Посмотрев на меня, Горький сказал:

— А я знаю тебя, только не помню, где и когда встречал.

— Последний раз в 1916 году, на могиле Лутугина от Выборгского района, — ответил я.

— Совершенно верно, помню, помню, — сказал Горький.

Горький медленно пел по палубе, не успевая отвечать на приветствия и вопросы выполнивших ударников.

*

Доехав на пароходике до конечного пункта, мы сошли и пешком уже добрались до самой лысой точки Неаполя, где для знатных путешественников построен роскошный ресторан с прекрасным видом на горы и море.

Там уже поджидал нас Горький.

Начинаются песни. При пении:

Чушки-вьюшки, перевьюшки,
Чаи-Кай-ши сидит на пушке,
А мы его по макушке
Бац, бац, бац.

Горький не выдержал и подошел к нашим певцам. Понравилась ему эта песня. Потом при всяком удобном случае просил ее спеть. Горький просил не повторять.

Вечер наступает в Неаполе быстро. Решили обратно спуститься по каменной лестнице пешком. Многие будут помнить эту лестницу, в особенности старые работницы. Колючки были с непривычки, но отставших не было. Друг [illegible] до своей «Абхазии».

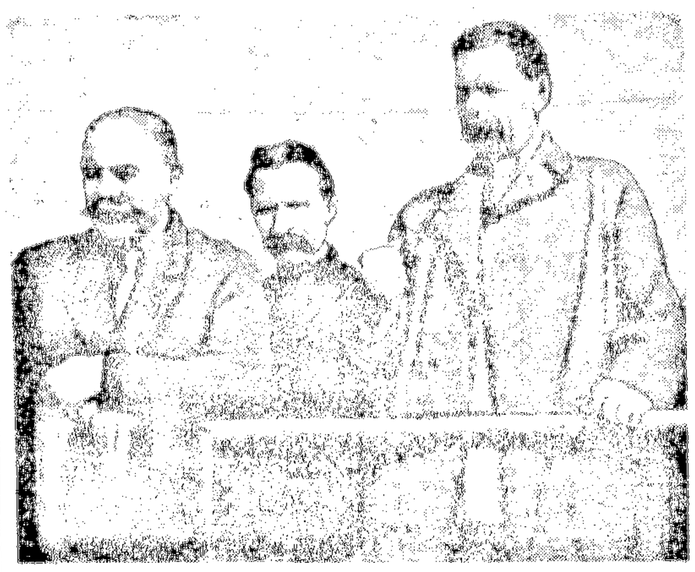
[illegible] с Горьким. С нами же сидел тов. Салов. За чашкой чая завязалась дружеская беседа. Из разговора выяснилось, что Горький ведет огромную переписку, получает массу рабочих заводских газет, все их прочитывает и дает ответы. О заводских газетах он отзывался очень положительно.

По поручению товарищей у меня был к Горькому ряд вопросов, которые я ему и задал. Во-первых, о смерти Ленина. Горький сказал, что тот инженер, который организовал убийства Ленина, и сейчас жив, но где он работает, Горький не помнит. Затем об Азефе. Горький сообщил, что он умер уже давно. Из оставшихся им писаний выяснилось, что это был отличный негодяй, не раскаивавшийся в своих предательствах и всю жизнь преследовавший лишь свои личные цели. Третий вопрос о Шаляпине. По отзыву Горького Шаляпин неисправимый буржуй, имеющий крупное состояние, занимался и каменные дома, предлагавший к советскому правительству миллионный иск к издание его биографии. Он, Горький, протестовал против этого иска, так как биографию писал не Шаляпин, а Горький.

*

На другой день приехал в Аквариум. Горький, конечно, с нами. Аквариум, действительно, хороший. Несколько своим анатомическим музеем, но я живыми редкими экземплярами.

Вернулись на «Абхазию». Прощальный ужин.



Горький на палубе теплохода „Абхазия". — Рядом — стоит рабочий-ударник т. Шилин

В этот вечер Горький в своем обращении к нам сказал: «Мудрый был человек Ленин и не ошибся в нас. Мы, писатели, пытались создать в литературе нового человека, в вас и вижу этих новых людей, творящих чудеса».

Товарищ Виноход зачитывает адрес, покрытый подписями всех ударников.

— Вот это документик, — сказал Горький, принимая адрес, и даже облизался прицелился. Ударники единогласно постановили считать Горького первым ударником СССР.

*

Идем на палубу.

Медленной походкой с непокрытой головой сходит Горький на берег, где его уже ждут друзья. Тяжелыми показались нам те минуты, пока отдавали канаты и поднимали трап. Но и тут Горький выделил нас из затруднения, попросив спеть на прощание полюбившуюся ему «Чушки-вьюшки». С радостью грянули ребята, стараясь друг перед другом, не жалея горловых связок.

Тем временем «Абхазия» отвалила и пала ход. Дружно грянул «Интернационал» и покатился по воде и суше, затонувшим звукам боевым призывным гимном к борьбе.

На берегу осталась горсточка дорогих нам людей. Площадь от них мир города с полицией. А за зрелою опять полиция, принявшая все меры к недопущению всех тех, которые хотели выехать на отход советского теплохода.

В. ШИЛИН

Ленинград — Завод им. Сталина

„Рождение цеха" и итальянские полицейские

Радостная улыбка освещает лицо Алексея Максимовича. Глаза блестят молодо и задорно, когда он говорит с нами.

На митинге Горький в короткой речи сказал:

— Вы делаете большое, великое дело. С вами весь мир, вы победите.

Говоря о трудности и трудоемкости фашистов, Горький рассказал нам такой анекдотический случай:

— Вы знаете, я очень люблю гречневую кашу и вот выписал себе из Росси мешок гречи. Не так давно эта гречневая крупа прибыла в итальянский порт. Здешние таможенные чиновники вскрыли мешок и ужаснулись. Что за чертовщина? Дробь, не дробь, картечь, не картечь, за крупу не похожа?

Мы не удержались и прыснули со смеху.

— Ну и что же вы думаете решили эти тупицы? Они решили, что гречневая крупа не что иное, как большевистский заряд. Чтобы подтвердить свое мнение, они взяли ученый совет, по-видимому, считать Ученый совет после долгих раздумий и споров, решил, что содержимое мешка опасно, опасность для Италии не представляет и является просто возросто русским национальным кушаньем, как в Италии макароны.

Теперь уже смеялись все на палубе.

Салов, рабочий завода АМО, вынес нашу «Рождение цеха». Эту книгу он передал для прочтения Горькому. Алексей Максимович радостно принял в руки работего тоненькую книжку и сказал:

— Молодец т. Салов, так и нужно.

Это не укрылось от глаз шпиков. И вот, когда Горький сходил с трапа «Абхазии» на набережную, один из шпиков потребовал у него книгу.

На другой день Алексей Максимович привез с собой на пароходе, которая принял капитан Салов.

— Отдали, прочли и отдали. Ну, теперь им работать за себя, да и начальник почти ругает, что конспирацию щумводили.

НОВИКОВ

Завод им. Сталина

Ленинград

От'езд

Первый гудок. У всех в груди почему-то оборвалось что-то. Медленно поднялся со стула Горький.

Грустно сказал:

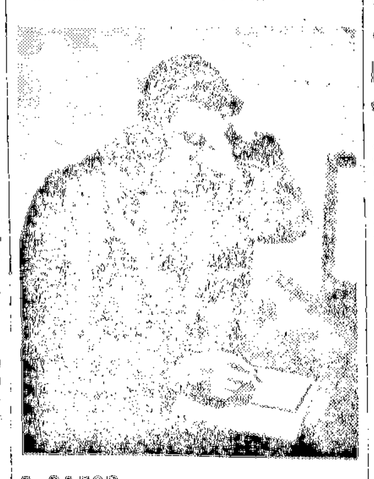
— Ну, работа, значит, вы нас покидаете?

Расставаться с Алексеем Максимовичем было чрезвычайно тяжело. Каждому из нас Горький сожал руку.

Раздалась команда запевала. Загрохотала лебетка, это цепями спали. Алексей Максимович, волнуясь, предложил кидать по приетки. Под звуки «Интернационала» под возгласы: «Да здравствует советское полпредство в Италии», «Да здравствует Максим Горький», мы отошли от берегов Неаполя.

САЛОВ

Москва — Завод «АМО»



А. САЛОВ
Рабочий-ударник завода «АМО»

РАБОЧИЕ-УДАРНИКИ И ЛИТКРУЖКОВЦЫ

УЧИТЕЛЮ И ДРУГУ

Творческий актив Орехово-Зуевской ассоциации пролетарских писателей, ТРАМ и бытовой коллектив имени 8 марта при 24 казарме шлют тебе, Алексей Максимович, пламенный пролетарский привет.

Мы помним тебя со школьной скамьи по твоим произведениям, в которых ты ожесточенно боролся против мира эксплоататоров, против нищеты, грязи и мещанства. Теперь мы выросли и объединенными усилиями перестраиваем свой быт на новых коллективных началах.

Мы также научились творить произведения и отдаем свое творчество на службу социалистическому строительству.

*

Теперь ты не один.

Пролетариат советской страны, а вместе с ним и пролетариат всего мира не будут в обиду своего любимого писателя. Пусть твое перо в пределах смело разоблачает клеветнические измышления буржуазии о стране пролетарской диктатуры.

*

Дорогой Алексей Максимович! Буржуазия всех мастей высасывает тарелки за твое имя. Буржуазные писаки называют тебя «агентом ГПУ» в литературе. Мы уверены, что ты с честью и гордостью примешь звание большевика и агента ГПУ в мировой литературе, ибо большевики и ГПУ творят великое дело строительства социализма в Союзе советских социалистических республик — очаге мировой революции и революционной литературы.

Ты первый из писателей поднял высоко знамя пролетарской литературы. Ты первый из писателей чутко отзывшийся на явления хозяйственно-политической и культурной жизни Советского союза.

На твоих произведениях учатся сотни и тысячи рабочих-ударников, призванных в литературу. Твое творчество является школой, воспитывающей рабочий литературный молодняк.

И мы уверены, Алексей Максимович, что ты, приезжая в Советский союз с еще большей энергией и энтузиазмом станешь бороться в рядах пролетариата, строящего великое здание — социализм. Ударники, призванные в литературу, с неустанной энергией дерутся за промфинплан, за качество продукции, за строительство нового социалистического быта и пролетарской культуры.

Мы надеемся, что ты, Алексей Максимович, приезжая в Советский союз, посетишь наш завод, который стал одним из передовых орденоносных заводов, выполнивших пятилетку в 2½ года.

РАБОЧИЕ ЗАВОДА 22

*

Дорогой Максимыч!

Все чаще и чаще встречаем мы в нашей советской печати твои замечательные статьи, со всей прямотой и беспощадностью разоблачающие кровавый замысел наших врагов.

Твое горячее слово к нашему стране Советов вселяет в нас еще большую уверенность в окончательной победе пролетариата, поднимает новую волну энтузиазма.

Ты служишь нам примером в борьбе за стройку социализма.

Мы гордимся тобой, наш Алексей Максимович, гордимся гордостью рабочего класса. Мы просим у тебя разрешения присвоить твое имя нашему кружку.

Желаем тебе сил и бодрости для дальнейшей твоей работы.

Литкружок завода «ЛИВЕРС»

*

Дорогой Алексей Максимович!

Первая рабкоровская бригада фабрики «Большевик» шлет тебе горячий привет.

Бригада рабкоров умеет показывать образцы большевистской работы на производстве, боротся первом за выполнение промфинплана.

Просим тебя разрешить нам назвать бригаду твоим именем.

Я замечаю, что название бригады твоим именем, именем старейшего рабкора-писателя, борющегося и дни кровавого царизма за дело рабочих и сейчас борющегося за построение социализма в нашей стране, за дело мировой революции, мы с честью оправдаем.

Рабкоровская бригада:

ПАК, ТРИГЕР, АБРАМОВИЧ, АРТЕМЬЕВ, БОЛЬШАКОВ, БОРЕМОВ, ГРЯЗНОВ, ШУСТРОВ, СЧАСТИН.

*

Максим Горький в моем сознании — одно великое целое с мировым пролетариатом, в его борьбе за освобождение от цепей капиталистического рабства, нищеты и рабства, за строительство нового бесклассового общества.

В день шестидесятипятилетия со дня рождения Алексея Максимовича все мы были свидетелями того, как сильна в сердцах миллионов пролетариев любовь к нашему дорогому Горькому.

Прочтя статьи Горького, я с большой силой почувствовал великую ненависть ко всему гнилому, старому, что еще пытается, шуем всякого рода клеветы на Советский союз, вызвать интервенцию и разрушить социалистическое отечество угнетенных всего мира.

Горький, как никто из писателей, безраздельно борется на передовых позициях за дело рабочего класса и партии Ленина.

ГЕННАДИЙ КОТОМИН

«Электрозавод».

ГОРЬКИЙ И „ЭЛЕКТРОЗАВОДЦЫ"

В день шестидесятипятилетия со дня рождения Максима Горького инструментальный цех трансформаторного отдела «Электрозавода» присвоил имя любимого писателя. Вся бригада слесарей-гравщиков этого цеха, перевыполнившая производственный и снизившая расценки на 30 процентов, недавно ликвидировала.

Нет рабочего на «Электрозаводе», которого не интересовало бы, не знал Горького. С апреля месяца цех за цехом, отдел за отделом проходит беседы и вечера, посвященные его творчеству. Рабочие с жизненным интересом слушают о работе пролетарского писателя и сами рассказывают, как много дают им его произведения.

«Мы, — пишут рабочие одного из отделов, — знаем, **что ненависть буржуазии к нашему Максимычу еще больше доказывает, что Горький в своих произведениях правильно обрисовал положение в СССР и дал хороший ответ на выпады буржуазии против Страны советов».**

На многолюдных вечерах, устраиваемых в помещении Комакадемии и ГИХЛ в цехах «Электрозавода» большой интерес вызвал доклад т. И. Нусинова «Горький и пролетариат».

В этом докладе И. Нусинов обрисовал творческий и общественно-политический путь М. Горького — от его первых рассказов до последних монументальных произведений — «Дела Артамоновых» и «Жизнь Клима Самгина», поглощающих гибель буржуазии.

Рабочие усиленно включились в общественному вечеру, посвященному М. Горькому. Литружок библиотеки и газета принимают активное участие в организации этого вечера.

СК.

КАК Я УЧИЛСЯ ПИСАТЬ У ГОРЬКОГО

Наш литкружок при клубе им. Зуева организовался недавно. Поэтому произведения Максима Горького и кружке еще не разбирались.

Горького я изучал самостоятельно.

В самом начале моего знакомства с книгой я читал все, что попадало под руку, без всякого разбора. Интересовался больше всего приключенческими романами и повестями. О том, чтобы самому писать — не думал. Считал это трудно. Как я, не могу стать писателем.

Впоследствии, когда подрос, стал читать Чехова, Пушкина, Лермонтова и других классиков.

В это время в мои руки попали «Детство» и «Мои университеты» Горького. Стали возникать вопросы. Максим Горький — писатель. Максим Горький — большой художник, а из какой он среды? Как прошло его детство? Словом — мое «убеждение», что писатель — это выходец только из рядов дворянства и буржуазии, было разбито наголову.

Я зачитывался произведениями Горького. Их направление соответствовало направлению моих мыслей. Начал записывать, но у меня выходило совсем другое, ненужное, пустое. Тогда я стал искать у Максима Горького, а также у других писателей, ответа на вопросы, как писать, о чем писать? Наиболее ясные ответы давали книги Алексея Максимовича. Его меня записали ито, просто и сочно. И брал из его произведений наиболее жизненные, ярко бытовые и красочные строки. Обдумывал их и анализировал в уме. Пропускал мысленно и к чем содержится соль этих строк? Как он подходит к вопросу, о котором пишет, как он описывает то или иное явление? Горький пишет очень понятно: он берет факты из жизни, пишет о них ясно, что он хочет сказать, пишет простыми, очень простыми словами.

Сравнивая написанное Алексеем Максимовичем с явлениями жизни, я находил большое сходство между некоторыми горьковскими героями и окружающими меня людьми. Я стал более наблюдателен, стал писать об окружающей меня жизни.

Учился я не только на художественных произведениях Горького. Читал я его доклады «Как я учился писать», «В помощь рабселькору». Они сильно помогли мне.

Чему же я научился у Максима Горького?

1. Наблюдать и выбирать из окружающего главное, основное.

2. Любить рабочий класс и крестьян и критически относиться ко всем ошибкам отдельных представителей трудящихся.

3. Умело читать книги и выносить из них самое ценное, назидательное.

4. Любить и ценить писательский труд.

П. СУХАРЕВ

ВЗУ этно-школы «Москомсобеса

КОРНЕЛИЙ ЗЕЛИНСКИЙ

ПРОЦЕСС ПРОТИВ ТЕХ, ИЗ-ЗА КОГО БОЛЕН МИР

„ЖИЗНЬ КЛИМА САМГИНА"

«С героями на час надобно проститься, потому что не обходим героизм на всю жизнь, героизм черноработого, мастерового революции. Если вы на такой героизм не способны — отойдите в сторону.

М. Горький, «Жизнь Клима Самгина»

Новое произведение Максима Горького «Жизнь Клима Самгина» взволновало будущего читателя и возмущало. И это самая крупная вещь из всего написанного Горьким. Монументальный труд, где тонко, со зрелым мастерством показано это произведение. Замечательны размах, глубина, разнообразие деятельности Горького. Перо Горького-публициста с прежнею силою вскрыло все последние годы, тая и отражая удары наших классовых врагов. Письма со всех концов Советского союза летели к нему в Сорренто, вызывая ответ, одобрение, призыв. И то же самое перо будто в такое, в это же время вело другую кропотливую, почтенную работу по воле сочно-яркого художественного языка, контуры которого, казалось, были еще все впереди. Эта работа Горького-художника не сразу была оценена и встречена должным образом. Казалось, Горький-публицист заслонил Горького-художника. Да и сама тема «Клима Самгина» — своеобразно-типичная интеллигенция 80—90-х годов прошлого столетия — хронологически и как не увязывалась с нашими стремительными днями, резко отмеченными фронтом наступающего социализма. Первый том, вышедший в 1927 году, взбудоражил почему-то ряд вопросов: почему Горький, которого Ленин оценил как величайшего представителя пролетарского искусства, не пишет о передовых рабочих, сейчас строящих социализм, а пишет об интеллигентах, да еще столь тонкой эпохи, не слишком ли крупного забрал плуг Горького в те пласты. И наша молодая марксистская критика не могла дать обоснованного ответа, как и диалектически объяснить обе стороны деятельности Горького.

В то же время Горький настойчиво шел к своей цели (нелепой для многих). Еще классово ярче, неумолимее, бодрее гремели его статьи на весь мир, окликая вокруг себя упрямой сжатостью головы неладить буржуазию и беспокоя и мятущихся пролетариев гордость и радость за своего писателя, поднимая в них энергию на бой. И в то же время он неустанно вел внутренний процесс обострительным своего классового сознания. Вел творчески, как художник, уполномочивая какую-то внутреннюю потребность. Какую же? Клим Самгин был рядом с ним. Горький с аналитической скрупулезностью химика расчленяет из года в год эта жизнь, за мысли в мысль, за события в событие. Вот уже предреволюционные годы, революция 1905 года, поражение, реакция. Изо дня в день он ведет свою гражданскую почтенную работу. И вот перед нами «небоскреб» мировой литературы, произведение, которое по своему эпохальному охвату, по богатству материала, силе впечатляющих средств, историческому значению, — немного найдет себе равных в литературе всех народов. И это произведение в основном посвящено интеллигенции.

*

Правильный ответ на то, почему Горький написал такое произведение, имеет первостепенное значение. Обязать рабочему, почему это писатель своей крупнейшей труд в самое горячее время пишет интеллигенции, значит вскрыть закономерность отдельного этапа процессов в одних из сложных пролетариата и тем самым вооружить рабочего знанием о путях борьбы своего класса. И такое знание имеет и будет еще долго иметь громадное значение для будущего. Что же это за процессы и в каких стоят?

Конечно, Горький неслучайно взялся за эту тему. Глубоки причины, приковавшие художника к ней. Замечательна борьба с ней. Знаменательны результаты. И многое, казалось, должно было Горького звать к другому. И тема эта как раз не «столбовая» для Горького-художника. Интеллигенция всегда меньше «удавалась» Горькому, пожесть, например, пестрым, «орланчатый», оголарбочими, околомещанский люд, кодорванный красками, языком, чувствами, фантазиями, телом, одеждой. Что же сделало ее столбовой? Сделала ее для Горького ежемину **особенности развития самого Горького,** время его походы, которые победоносно социалистическая революция в своем поступательном ходе готовилась перешить. И поспешил, как говорится, на весь дух», с пылу на пыл с «обой, ко всю глубину творческого существа. И чтобы такое решение удовлетворило самого себя, надо, чтобы оно возникло не только из воздействия разума, но было поддержано всей творческой эмоциональной природой человека. И тогда «отработал» тему, «отбелил» ее, художник вместе с чувством внутреннего «очищения» и облегчения взволнованно утверждается в и новом убеждении.

Такой **«опорной» для Горького темой всю жизнь был вопрос об интеллигенции,** о ее исторической роли культурного преобразования нашей страны, о ее месте в пролетарском освободительном движении и т. д. Нет нужды здесь рассказывать о «классовом адреса» Горького. Путь Горького общеизвестен. Горький, по выражению Луначарского, «встает соколом с самого мрачного дна» из самых низов пролетариата, из людской норы полуремесленников, полубурлаков, порожденной капитализмом, только еще привыкшим было за первого нашей крестьянской страны. Горький был одним из тех зорей наших, что не зевали сраму в фабричный мешок, в колодезь, а начали свой расчет на отлет, в одиночку. Эта особенности индивидуального развития Горького во многом предопределили его духовный строй. Тысячи и миллионы гибли на этом пути «в одиночку» или отрывались от класса, а чаще, падая раздавленным беспощадной машиной капитала. Горький победил то и другое. Матерый талант Горького вынес и поднял его. И его предгрозовой голос «буревестника» революции застенчиво согрелся радостью, страхом, надеждой миллионы сердец. Но Горький шел наверх, опираясь также и на культуру, которую он заимствовал от знакомств с различными интеллигентами, из настойчивого, непрерывного чтения, шел так «класть и «просвещенскими» путем. Эта сторона особенно должна была вырасти в сознании Горького благодаря кошницам, художницким контрастам, какой она составила рядом с «первозумной», страшной русской действительностью. «Зимние мерзости жизни», как чистосердечно Горький сам назвал время, представшее его глазам с первых же детских лет, сталкались под давлением тройного гнета абсолютизма, капиталистической эксплоатации и остатков еще феодальных отношений. Горький выбрался из этой ямы, где люди либо, сходили с ума, спивались, умирали от туберкулеза, подлецы и за остаток культуры. Так он защитился от интеллигенции, физическую тщедушную тлевшей в культуры в капиталистическом обществе, защитился, как за живую линку, которая связала его с трудящимися массами. Но, попробовав вырваться на «культурную интеллигенцию», **Горький тотчас почувствовал классовую фальшь этой опоры.** Вместе с культурой он получал в качестве «приданного всего» мещанско-гнилье, совершенно не нужное, чтобы итти с ним новой полосы социалистической жизни, а иногда и первую голову противников, кто эта мерзость оплел и оплетает. А ведь именно об этом писало все творчество Горького. В одной из своих статей, в начале Октябрьской революции, Горький написал: «Мы и мир призвали, чтобы не соглашаться, чтобы сохранить с мерзостями жизни и преодолеть их». Этой слова могут обозначать всю его жизнь. Вот в чем с первых же лет **отношение Горького к интеллигенции всегда носило двойственный, противоречивый характер.** Внутренне он отвергался к ней с детской заносчивой, не мирился, не принимал ее, как относится к ней зоркий человек народа, для которого интеллигенцию всегда было видеть «сизу», рядом с господами. И вместе с тем Горький часто и даже яростно вступался всегда в ее защиту, когда она ставилась под удар. Как с врагом, любовь не достойна, как за безрыбьи и рак рыба. Но все же любовь.

Интересно, что это противоречие отразилось уже в первых произведениях Горького, посвященных интеллигенции. Критика уже отмечала одно «странное» обстоятельство: ведущаясь волчески в стаьях за интеллигенцию, Горький в своих произведениях изображал ее в высшей степени «самокритически», вплоть здоито и просто зло. Вспомним его ранние рассказы «Сторож ради», «Рассказ Филиппа Васильевича», «Коляска», «Варенька Олесову», цикл «Дачники» и др. Вспомним, как «обижено» реагировала интеллигенция в свое время на эти художественные выступления Горького (напр., попытки осмеять «Дачников»).

Некоторые, например, проф. Переверзев, пытались создать по этому поводу целое учение о «мещанской природе» творчества Горького, отторгнуть его от пролетариата (см. «Вестн. Ком. акад. 24 кн., 27 г.). Но эти попытки механического разделения и ограничения классовой подлинных творчества Горького есть давление буржуазии, нам классово-враждебной идеологии. Нет, правильно сказала о Горьком еще Роза Люксембург. «Личная судьба Горького символична для русского пролетариата как класса, который в дикой некультурной царской империи, в жестокой многолетней борьбы, в поразительно короткое время выработал в себе способность к активному действию» (из предисловия к «Петр. моего сов.» Жорделло).

Да, но судьба Горького символична и с другой стороны, со стороны проявлений трудностей на пути выработки этой «способности к активному действию», к прямому классовому удару. В личной судьбе Горького отразилось также то обстоятельство, что классовое самосознание русского пролетариата формировалось в крестьянской стране, в процессе мучительного выпрямления в себе остатков кустарного ремесленнического уклада, что классовая борьба с врагом, с буржуазией, с помещиком осложнялась борьбой с пережитками чуждых классовых влияний внутри самого пролетариата. Да и как же иначе. Тяжелый путь восходящего класса в нижней стране. Иначе и не бывает. Выработка пролетарского самосознания была исторически и длительным процессом, когда «класс в себе» становился «классом для себя». И этот процесс есть тоже вид классовой борьбы за самого себя, за чистоту своего классового оружия, за свое мировоззрение. Все это азбучные истины. Но прежде чем они стали таковы, рабочий класс заплатил за них огромными не только теоретическими, но и материальными усилиями, и пятью жертвами.

И вот Горький тоже вместе с своим классом немало **«заплатил»** и заплатил притом со всей искренностью, во весь распах своей творческой мощи драгоценнейшими соками своими за «классовую» науку», за противоречия, за их врагов. И так же, как в рабочем движении есть идеи, люди, партии, слои, отталкивающие и отмирающие в поступательном его развитии, так есть, не только волнующее и ценное в Горьком, но и горькое в великом. И вопрос об интеллигенции для Горького есть по существу дела вопрос о преодолении в этом пункте каких-то чуждых влияний, есть фронт классовой борьбы. Вот в каком смысле судьба Горького символична для всего пролетариата, и вот почему такое громадное значение для всего пролетариата имеет ответ, который дал Горький здесь. Теперь мы поймем, почему на решающем этапе революции Горький взялся за эти «горькие» для него, но вместе с тем крайне близкие и в высшей степени важные для понимания всего хода развития рабочего класса вопросы, эти вопросы о философии русской культуры, сущности русского исторического процесса, о борьбе за пролетарскую революцию, о роли во всем этом интеллигенции, стоя, «заведывающего культурой», — эти вопросы и обращает «Жизнь Клима Самгина».

**

«Жизнь Клима Самгина» начинается с самого начала не только от рождения Клима, но и от рождения темы. С тех лет, откуда пошел сам Горький, откуда пошло организованное рабочее движение. Надобно было начать «с азов». Расчистить все. Начать проверять все с самого начала. «Где тут запала у меня ошибка и в чем ее суть? — точно ставит перед нами вопрос Горький.

В мировой литературе мы не найдем что либо похожее на «Жизнь Клима Самгина». И по своему построению, и по своему тону непрерывного философствования это произведение весьма своеобразно и оригинально. Правда, оно так же рассказывает о жизни поколений, как Золя в своей серии Ругон-Маккаров, оно столь же огромно по охвату людей и событий, как «Война и мир» Толстого, но определяющим началом служит движение идей, которое автор раскрывает материалистически. Знаменитая «бесфабульность» Горького, занимавшая в свое время европейскую критику, является внешней характерной чертой «Жизни Клима Самгина» (подобно другому крупному произведению Горького «Жизнь Матвея Кожемякина»). Это затрудняет передачу содержания «Клима». Но это художественное руно так богато, круг людей, характеров, психологий отдельных положений так разнообразны, столько обочных руси, проблем возникает на каждом шагу, что было бы недопустимым упрощением и огрублением этого великого произведения сводить его на одну линию, на одну запяту. По-настоящему здесь одно — борьба за мировоззрение.

«Жизнь Клима Самгина» можно было бы назвать «романом классовой измены», потому что он включает в себя все измены, куда в своих шатаниях мелкобуржуазная интеллигенция (хорошее нельзя-мысль, все ее извращения, классовые перерождения, все формы внутреннего опустошения, слепейшей нечистоплотности, самоубийственности и т. д. Сам автор не назвал свое монументальное произведение романом. И это не случайно-так. И не только потому, что оно по форме своей отступает от классической композиции. Горький назвал его повестью. Да, это не «роман» читательницы, а это повесть о жизни ее, **повесть долгая и печальная.**

Эпоха, которую обнимают черные страницы повести (она еще не закончена), от 80-х годов прошлого столетия — включая годы реакции, последовавшей за первой революцией 1905 года, была эпохой, когда развитие русского общества на основе девушегося вперед промышленного капитализма и обострения классовой борьбы, возникней затем, начало тоже быстрыми шагами. Это были годы, когда происходило откристаллизование главнейших политических партий, образование «Партии народного права», кадетов, октябристов, российской социал-демократической партии, затем раскол ее на большевиков и меньшевиков, и т. д.

Это были годы, когда выступил Ленин, когда закладывался фундамент марксистско-ленинского учения, когда разгорались первые битвы между марксистами и народниками, между большевиками и меньшевиками. **Отражение всех этих битв мы находим в повести,** Отражение потому, что в центре ее стоит не рабочее подполье, не тогдашняя фабрика и завод, а в центре стоит окололо- и полуподпольная интеллигенция. В постоянном фокусе наблюдения люди, которые с рабочим революционером стали считаются (они тоже выведены и «Климе Самгине»), разговаривают, спорят, помогают им даже, но живут обособленно, решают как будто по форме те же вопросы «об устроении жизни», а на самом деле прострачивают и страхуют себя от ударов российской действительности и грядущей революции.

Какие вещи есть повествования о жизни молодого интеллигента Клима Самгина, путь которого прослеживается шаг за шагом от колыбели до седины? Клим растет в семье сравнительно богатой, буржуазной, но «порядочного типа», семье, связанной с революционным движением. Отец Клима, кончающий жизнь «торговлем дубовой клюкой», в молодости сидел в тюрьме. Его брат, дядя Клима, Яков — революционер-профессионал, умирающий и в тюрьме. Характер и мировоззрение Клима складываются под постоянным воздействием разных мнений, струй, людей путаных и реких, но почти всегда противоположных. И в это время кругом зияют противоречия действительности, кажется мир, где бес-

А. ЛУНАЧАРСКИЙ

МИРОВОЙ ПИСАТЕЛЬ

Нет никакого сомнения в том, что Горький является мировым писателем.

Среди литературных имен редко можно найти имя, которое пользовалось бы столь прочной известностью, так хорошо было во всех странах и во многих общественных кругах каждой страны.

Уже первое появление, первые успехи Горького обратили на него пристальное внимание Европы.

Поражало то, что это выходец из «низов». Поражала его разнообразная многострадальная биография. Особенно поражал только ему присущий тон — и в его лучших разоблачениях того ада, который общество устроило своим «низам», и в полетах его мечты к грандиозному и лучезарному человеческому счастью.

Конечно, консервативные круги Европы держались настороже: они понимали, что этот писатель несет с собой опасный дух. В то же время вся масса интеллигенции восхищалась им, как новым элементом в мировой культуре.

Путешествие Горького за границу, его длительное пребывание в Америке, Италии и т. д. способствует более близкому знакомству с ним и, так сказать, органическому вступлению его в высшие слои мирового писательства.

Дело несколько изменилось, когда Горький разразился гневными тирадами по поводу зверств белобандитов, увиденных в Европе и Америке.

Вместо того, чтобы оказаться сколько-нибудь «салонным» и отблагодарить Запад за его любезное внимание к себе — Горький, как вы помните, написал колкую неприятность о «Де том дьяволе» и «харкнул кровью и желчью в лицо прекрасной Франции».

Более или менее полное перемещение симпатий произошло после появления романа Горького «Мать». Этот роман был настолько очевидно «партийным», что уже не могло быть никакого сомнения: Горький — это не просто одиночка-бунтарь, который может восприниматься, как нечто приятное, пикантное. Это представитель того пожарища и многочисленного лагеря, который постепенно организуется и организует грозные социальные сдвиги.

Если наша собственная интеллигенция, наши Мережковские, Гиппиусы, Айхенвальды затянули на все голоса, что Горький окончательно сделался политиком, а поэтому умер как писатель, то и на Западе многие эстеты сморщили носы и стали пренебрежительно махать рукой при имени Горького.

Горький все же получил шестнадцатую компенсацию: роман «Мать», с честью исключенный русской цензурой, частью задержанный в естественном распространении на родине, разошелся буквально в миллионах экземпляров во всех странах Европы.

Разные кислые замечания по поводу чрезмерной публицистичности этой вещи, некоторой ее искусственности, которые делали даже доброжелательные критики, нисколько не смутили рабочий класс. Он почувствовал в «Матери» свою вещь, в некоторой степени свой литературный манифест.

После Октябрьской революции Горькому пришлось вновь вернуться на Запад. Несомненно, он был окружен там огромным уважением как признанный мастер пера, как человек большой работы, обладающий культурой в столь огромной степени, что сейчас он является, конечно, одним из наиболее широко образованных людей мира.

Разумеется, его безусловно передовые революционные взгляды отталкивают от него охранительные силы Европы и привлекают к нему прогрессивные. Дело в том, однако, что в первое время европейская публика несомненно не понимала отношения Горького к «отрицательной» большевистской революции. Она готова была осуждать его за то, что он не отвергает ее, что он борется с ней.

Но долгое время его отсутствие на родине, книжней в муках и творчестве, никогда весьма «самостоятельные» и резкие суждения Горького о крестьянах, высказанные на страницах большевистской прессы ряд резких возражений,— все это заставило Европу думать, что Горький как-никак находится на некоторых и даже значительном расстоянии от чистого большевизма.

Однако время шло. И тот отрезок времени, который пролегает от триумфального визита Горького на родину до наших дней, совершенно изменил ситуацию.

Горький оказался не только во всем согласным с этими неистовыми большевиками: он оказался самым воинствующим большевиком, не пропустившим ни одного этом, для того чтобы заклеймить об этом, для того чтобы принять участие в борьбе за большевизм.

Горький в буквальном смысле слова находился на страже авторитета морального достоинства нашего великого строительства.

Он не только ничего не скрывает и ничего не смягчает, он, наоборот, проявляет необыкновенную требовательность по отношению к собратьям по перу, к другим мировым писателям нам ученым. Всем известно, что некоторые из сравнительно весьма приличных и свободно думающих крупных людей Европы были хитро вовлечены в протест против кары, постигшей горсть всем вредителей дела народного продовольствия.

И всем известно также, что когда Горького пригласили в орган, который должен был стать объединяющим центром для левой интеллигенции, он не согласился на это, указавши, что в числе сотрудников стоит люди, недавно вполне приемлемые, но сейчас оказавшиеся отступниками от дела защиты СССР. В всех тех случаях, когда в Европе подымалась какая-нибудь нарочито «фабрикованная волна «негодования», Горький немедленно отвечал на это ударом своей острой и меткой книги и очень часто этот контрудар Горького ошеломлял покушавшихся изготовителей общественного мнения. Естественно, что при такой определенности позиции Горький становится и мишенью клеветы, ненависти и ругани одних и предметом обожания и любви других. При такой определенности позиции не может быть сюрпризов: наши враги — это враги Горького, наши друзья — это друзья Горького.

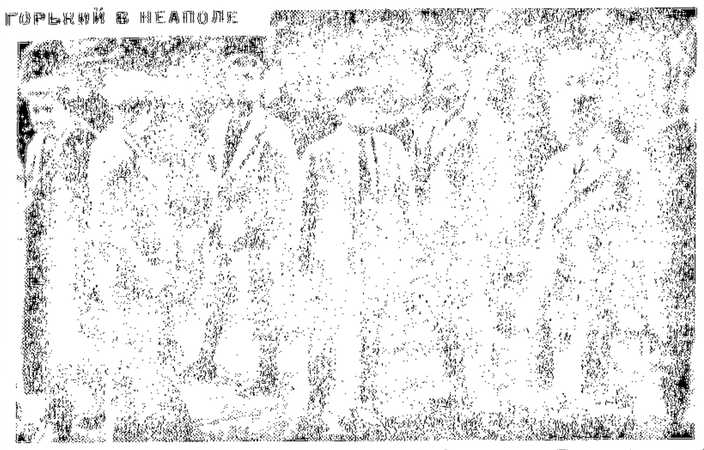
Мне было чрезвычайно приятно прочесть в письме Ромена Роллана, что в момент, когда к нему стали тоже приступать с разными инсинуационными речами относительно казни сорока восьми, он обратился за разъяснением к Горькому как к человеку для него высоко морального авторитета и полной осведомленности, получал от него нужную информацию и отверг все эти инсинуации.

В нынешней ситуации, когда интеллигенция снова пришла в колебание, когда в большом колебании находится, между прочим, и промежуточный слой рабочего класса, левый фланг социал-демократии, влияние Горького и его призывов может быть чрезвычайно велико.

Оценивая большое значение не только строго большевистской литературы, но и литературы, примыкающей к нам в качестве несомненного союзника, мы всегда стремились организовать этот крайний левый фланг мировой литературы — сначала в виде союза пролетарских писателей, потом — международного союза революционных писателей.

Мне кажется чрезвычайно важным, чтобы Алексей Максимович ближе заинтересовался делами этого, пока еще не очень сильного, но много обещающего союза революционной, преданной делу коммунистического строительства, интеллигенции, в которой, безусловно, роль играют и немаловажные выкладки женщин из рабочего класса. И теперь, после мирового волнения, эта организация могла бы приобрести значительно больший размах, если бы она пользовалась советами и поддержкой авторитетнейшего и признанного из революционных писателей.

Горький приедет теперь к себе на родину с некоторым новым приобретением, ибо последние годы роль этого гигантского стража чести и достоинства нашего Союза, хранителя правды о коммунизме выполнялась им с таким блеском и интенсивностью, которая переполнила чувством благодарного удивления сердца миллионов борцов за новый мир, — как у нас, так и за рубежом.



ГОРЬКИЙ В НЕАПОЛЕ

Надр на советской фильме „Первый ренс"

И. НУСИНОВ

Г. В. ПЛЕХАНОВ и В. И. ЛЕНИН о ГОРЬКОМ

Статьи Плеханова об «Исповеди», «Врагах», попутные замечания о романе «Мать» и «Американских рассказах» содержат ряд мыслей по вопросу о спецификуме литературы, об отличии литературы от науки и о методах пролетарской литературы. Эти высказывания имеют для нас сугубо актуальное значение в особенности потому, что очень ценные и верные мысли здесь переплетаются с совершенно ошибочными меньшевистскими выкрикиваниями.

Мы помним, как Г. В. Плеханов ссылался с Толстым, отстаивая роль мысли в искусстве. Между тем в статьях о Горьком он дает ряд формулировок, ведущих к уничтожению роли мысли в искусстве. Г. В. Плеханов считает, что обе крамольные «Исповедь» и «Мать» неудачны, потому что М. Горький в романе «Мать» взял на себя роль пропагандиста социализма, а в повести «Исповедь» выступает в качестве проповедника, «бой-репортер».

Это противопоставление художника — пропагандисту, художнику — агитатору характерно. Плеханов склонен был механически недооценивать активную роль искусства, как фактора классовой борьбы. Его внимание всегда было больше направлено на изучение социального генезиса, чем социальной функции художественного творчества. Он часто, (хотя и не всегда) недооценивал активный «организационный характер искусства». Недооценивал, но не отрицал.

За эту его недооценку хватаются сейчас те, кто борется против активизации начала в пролетарском искусстве. На нее пытаются сослаться ревизионисты, которые склонны поставить знак равенства между словами Г. В. Плеханова, что художник «говорящий преимущественно языком образов» (В. Ф. Переверзев) о том, что нечего искать у художника мысли.

Статья «Психология рабочего движения», посвященная драме Горького «Враги», — единственная статья, где Г. В. Плеханов занимается подробным анализом М. Горького-художника.

Буржуазная литература стояла на раскрытии психологии личности, она была индивидуалистической. Плеханов устанавливает тут первое центральное отличие пролетарской литературы от буржуазной. Он пишет: «Особенность классовой борьбы пролетариата есть массовое движение (курсив Плеханова. И. Н.), поэтому и психология этого движения есть психология масс».

Пролетарская литература обязана не может давать массовых образов всех рабочих на одну колодку. Г. В. Плеханов предупреждает против такого «коллективизма» безликих и бесцветных, к которому сейчас через 20 лет после той статьи Плеханова, пытают такую сущность были влияние литературоведы и т. Безыменским во главе.

Останавливаясь на вопросе мысли, которая содержится в статье о драме «Враги», по вопросе о пролетарской морали. Тут Плеханов справедливо противопоставляет диалектическое разрешение вопроса о насилии, какое дает в своей драме Горький, механистической постановке вопроса Толстым.

Горький в своей драме дал диалектическое разрешение проблемы насилия: он, как художник, показал справедливость марксистской революционной позиции, зрелость пролетарской морали. И этого одного было достаточно, заключает Плеханов, чтобы сделать его новую пьесу замечательным художественным произведением.

В своих статьях о так называемых религиозных исканиях в России Плеханов поругал книгу «Исповедь» Горького. Он дает в основном правильную критику богоискательских мотивов, которыми пронизано это произведение. В обсуждении этих богоискательских настроений, в их критике, ря в основном сходимся с этой оценкой, нельзя было дать этому произведению Горького В. И. Ленином.

Несмотря на резкую критику крупных отрицательных недостатков «Исповеди», а тоже больше, мелких недостатков романа «Мать» и «Американских рассказов», Плеханов не перестает повторять, что Горький замечательный, умный художник.

Но и М. Горьким, современник Ленина, Г. В. Плеханов преувеличил значение кризисных признаков его и недооценил значение Горького, как пролетарского писателя. В результате, высказывания Плеханова о Горьком принадлежат к той части литературного наследия, которое должно быть наиболее резким образом ревизовано. И ваше отношение к М. Горьким — это только к периодам его декадентского роста, но периодам его «религиозных» устремлений, не из Г. В. Плеханова, а из В. И. Ленина.

Статей, целиком посвященных М. Горькому, у В. И. Ленина нет, но письма В. И. Ленина, многократные упоминания Горького о нем в письмах к другим товарищам и некоторые воспоминания товарищей о взаимоотношениях Ленина с Горьким дают достаточно большой материал в ответ на вопрос, чем Горький был для Ленина и как Ленин оценивал роль и значение Горького для пролетариата и для нашей партии. Раньше всего М. Горький был для Ленина надежным другом, единственным человеком, с которым Ленин мог говорить совершенно откровенно, как с самым близким и родным ему человеком. Упоминания о Горьком, свидетельствующие о большом личном интересе Ленина к Горькому, мы встречаем в самых разнообразных ленинских документах.

Высказывания Ленина о Горьком, письма Ленина к Горькому представляют собой исключительный клад для пролетарской литературы. Чего стоит одно замечание Ленина, что «не понимая дела, нельзя и понять людей иначе как внешне», т. е. можно понять психологически тот или другой участок борьбы, но не смысл борьбы, не ее значение ее партийного и политического дела. Здесь ключ к методу пролетарской литературы, пролетарский художник, для того чтобы понять людей, должен «понять их дело». И этим, по мнению Ленина, был всегда и значителен Горький, что он стремился понять и показать сущность людей. Он поэтому повторяет неоднократно Горькому: «Своим талантом художника вы принесли рабочему движению России, да и не одной России, такую громадную пользу».

М. Горький никогда не был любимцем наших либеральных и литфронтовских теоретиков и критиков. И результативно. В годы, когда они громко кричали и вопили против литературной выдумки и творили очень тощую литературу фактов, Горький продолжал создавать исключительные шедевры синтетического творчества: «Дело Артамоновых», «Жизнь Клима Самгина». Но не в плане фактической литературы Горького создавал эти шедевры, которые пока не знают себе равных в нашей очередной и документальной литературе. Здесь особенно выделяются художественные воспоминания и портреты Горького, и в серии его изумительных заметок и записок о Толстом, о Чехове и особое место займет его небольшая книга — «В. И. Ленин».

Ильичами-врачистами. Ленин — товарищ, Плеханов «ни о чем не расспрашивал, он уже все знал и сам рассказывал — Ленин у всех учился». «Ленин,—говорит Горький,—я встречал людей до такой степени различных, как Г. В. Плеханов и В. И. Ленин. Это есть сходство: один закончил свою работу разрушения старого мира, другой уже начал строить новый мир».

Эта формулировка не совсем точная и не совсем верная. Плеханов не закончил работу разрушения старого мира, В. И. Ленин не только начал строить новый мир, но и наиболее основательно разрушил старый мир. Отсюда и их различное отношение к Горькому.

Плеханов ценил Горького лишь в той мере и какой Горький в «Матвее Кожемякине» раскрывал необходимость гибели старого мира.

Наоборот, Ленин Горькому был другом и ценило потому, что он не ограничивался общедемократическим путем, что он желает пролетарского обновления мира, именно потому, что он не только проклинирует принципиальную нужность уничтожения капитализма, а делает это ядом своей жизни.

Г. БАКАЛОВ

МАКСИМ ГОРЬКИЙ НА БОЛГАРСКОМ ЯЗЫКЕ

Интерес к Горькому в Болгарии возник еще в период его ранних произведений и с тех пор никогда не прекращался. Об увлечении Горьким и влиянии его на болгар можно судить по количеству переведенных его работ на болгарский язык. Количество это довольно значительное.

Горького начали переводить на болгарский язык в 1901 году, когда вышел его сказка «О чиже и дятле», в переводе начинающего эти строки, в серии книжек для пропаганды среди рабочих под названием «Книжка для народа». Первые два года вышло всего два горьковских наименования. Но уже в 1903 году появилось 15 названий и затем — в следующие годы — цифра переводов Горького держалась довольно высокой: в 1904 году — 8, 1905 году — 8, 1906 — 12.

За эти годы изданы были все самые ценные в то время произведения Горького. Включено было также собрание его сочинений, что в первый раз случилось с иностранным автором в Болгарии.

Поражение русской революции 1905 г. угнетающе повлияло на ту мелкобуржуазную интеллигенцию, которая на ряду с рабочими воспринялась до того Горьким. Начались в Болгарии та же реакция в настроениях интеллигенции, как в в России. Горький стал «неуместен». Тем более стал он неуместен, когда революция вычеркнула его настоящее лицо — революционного социал-демократа, стоящего близко к большевикам. Это выразилось в новых его произведениях, где героем явился уже сознательный, организованный и борющийся пролетарий, выросший в начинающего неопределенным митингом босяка. Горький стал слишком классовым писателем, чтобы нравиться этим «митинговым душам».

«Враги» и «Мать», произведшие рабочих-читателей из среды буржуазной интеллигенции и той части мелкобуржуазной интеллигенции, которая не успела перейти к социализму. Горький казался им слишком «революционным», и они поспешили присоединиться к хору тех врагов пролетарской литературы, которые провозгласили, что талант Горького «иссяк», что наступил «конец Горького».

Это отрицательное и враждебное отношение к Горькому видно по резкому падению изданий его произведений на болгарском языке, которое доходит до того, что в 1912—1917 годы не вышло ни одного издания Горького. Правда, на эти годы падают болгарские войны и мировая война, уменьшившие его книжную продукцию. Но падение началось еще с 1907—8, т.-е. задолго до войны. Упадок интереса непролетарских элементов к Горькому виден и по подбору книг для перевода и по партийной принадлежности переводчиков. Еще в 1906 г. издаются пролетарские произведения Горького. Переводчика его — два социалиста — Г. Бакалов и Ст. Бочова-Бакалова, чье участие в переводах Горького на болгарский язык вообще самое значительное.

Подъем интереса болгарских читателей к Горькому начинается после «мировой войны», с конца 1919 года. Сначала, до 1920 г., этот интерес носит неопределенный характер. На ряду с «Товарищем» Горького переводятся и его статьи о 1917 годе («Революция и культура»), направленные переводчиком против распространения коммунистических идей в Болгарии. Коммунистическая партия Болгарии, расширив свое издательство, выпускала в 1921—22 г. дешевого распространения «Врагов» и несколько мелких рассказов Горького.

После временного разгрома революционного движения в Болгарии в 1923 году вся коммунистическая литература была также разгромлена. Надолго стало невозможным печатать открыто коммунистические произведения. Приберегая к Горькому, переиздав в 1924—25 гг. ряд его произведений, главным образом «Мать». После взрыва в сентябре собрание в 1925 г. последовал новый разгром, от которого долгие годы рабочее движение Болгарии не могло оправиться. Когда профсоюзное движение получило возможность приступить к изданию ряда книжек, в первую очередь вышел рассказ Горького «Озорник», а до того был выпущен его рассказ «Двадцать шесть и одна» (1923—1929 гг.).

С новым размахом революционного движения, идущего мощной волной снизу, подавляемого кровавым террором сверху, интерес к революционной литературе вырос колоссально. Этим объясняется и новый интерес к Горькому, идущий с низов рабочего класса, проявляемый всеми трудящимися, в том числе и трудовой интеллигенцией. Снова являются сочинения Горького — уже крупной издательской фирмой, которая в 1927 г. попробовала издать «Дело Артамоновых» и, увидев, что распространение пошло отлично, приступила к изданию всех сочинений Горького, успев выпустить в 1929 г. четыре тома. На имеющемся у нас данным сейчас 60 горьковских книг вышло на болгарском языке. Если учесть вероятные пропуски, число это нужно увеличить до 100 названий. Ни один из иностранных авторов не представлен в болгарской литературе так, как Горький.

Обзор горьковской книги в болгарском переводе показывает, что, начиная с начала XX века и до сих пор, слишком три десятилетия идет влияние Горького на Болгарию. Это влияние составляет отдельное число того обширного и всестороннего влияний, которое русское революционное движение до Октября и в тем более после Октября имело и имеет на Болгарию.

МИХ. ЗОЩЕНКО

ГОРЬКИЙ ДЛЯ МЕНЯ

История литературы вероятно не знала писателя, который был бы настолько же заинтересован литературой, как А. М. Горький.

Конечно, мы, писатели, все заинтересованы литературой, но эта заинтересованность главным образом своей литературой, своим мастерством, своим умением производить вещи, в крайнем случае своим цехом. Горький же в этом смысле совершенно необычен. Он заинтересован литературой так, как, скажем, красный директор завода заинтересован общим ходом своего производства.

Он пишет тысячи писем всем, имеющим отношение к литературе. Он пишет горячую статью о какой-нибудь несущественной книге. Он озаботен, почему вышла неталантливая и нещепная книга и тогда, когда у нас мало бумаги. Он дает темы начинающим писателям и внимательно следит за их работой. Иной раз кажется, что вообще ни одна напечатанная строчка за эти 45 лет не ускользнула от внимания А. М.

И в силу этого не только на меня, но, по всей вероятности, и на всех писателей, начавших работать после революции, Горький оказал сильнейшее влияние. Причем это влияние выражалось не только в похвалах. Есть мнение, что Горький, главным образом всех писателей хвалит и всем говорит разные любезные, приятные и доказательные слова. Это неверно. В 1922 году, когда я написал действительно печальную повесть, Горький, помню, так выбранил меня, что я не рискнул даже напечатать эту повесть, за что и поныне признателен ему.

В одной своей книжке («Письма к писателю») я сомневался и эти сомнения высказал Горькому. Горький ответил, что это «хорошая книга, какие возможны только у нас и в наше время, когда писатель становится как нигде и никогда настоящим и главным человеком читателю».

И резкая критика Горького, и похвалы его же заинтересованные, они всегда были для меня ценны и полезны.

Первые шаги моей литературной работы он оказывал поддержку своим мнением, и это мнение для меня и в настоящее время имеет такое же высокое значение, как и 11 лет назад.

Говорят, что начал издалека, с истоков его. Ну, что ж, разве не в этом подлинная глубина темы? Я помню, как во время допроса Соколовского на меньшевистском процессе Крыленко спросил, откуда, собственно, можно вести начало вредительства. Соколовский потребовал рыжеватую бороденку и сказал как-то непроизвольно, не обдумывая:

— Да, собственно, вся моя жизнь с младенчества была подготовлена к вредительству.

Принял: как полупушку. В зале засмеялись. А ведь есть в этом правда и злая правда. И Горький теперь в художественных образах с огромной психологической проницательностью раскрывает эту злую правду жизни. И мы понимаем классовый механизм всей его жизненной сложности, как сначала «обличающие господа» стали потом «господами-объединителями», чтобы уже на наших глазах превратиться в «господ-вредителей».

Внутренний процесс, который вел Горький с «Климом Самгиным» почти людей, из-за которых болел мир, неожиданно сомкнулся с судебным процессом, которым пролетарская революция отметила им на попытках задержать наступление социализма. И в этом есть глубокий исторический смысл. Мы видим теперь особенно ясно, что «Жизнь Клима Самгина», начатая как будто по исполнение субъективных требований, вырвется в произведение, имеющее огромное объективное политическое значение. Мы видим, наконец, что не было

Продолжение на 3 стр.

ба, назвал министры Самгин, Плеве от руки революционеров-террористов, лихорадочно идет формирование идеологий, которые можно было бы стереотипить как оружие в классовой борьбе. Весь этот «конвейер» людей, фактов и идей проходит мимо Самгина. Он берет то то, то другое. Ощупывает, обдумывает, делает для себя заключение, вздыхает и кладет обратно.

По ходу повествования Горький делает Клима свидетелем событий крупнейших или по своему общественному значению или по месту, которое они тогда занимали в русской жизни. Так, Горький дает с замечательной силой картины «сна царя в Москву на коронование, Ходынку, Нижегородскую всероссийскую выставку, шествие рабочих в Кремль, 9 января в Петербурге, декабрьское восстание в Москве, выступление рабочих перед домом генерал-губернатора, похороны Баумана, баррикады, усмирения, подпольные кружки и т. д. Кроме того, сама форма произведения дает возможность Горькому вербовать в очень рода вставными эпизодами, не связанными прямой связью с ведущей идеей, но составляющими атмосферу, фон эпохи.

В этих спенах-де сверкает все мастерство Горького-миниатюриста, Горького-новеллиста, запечатлены живые краски времени, быт, действительные случаи, картины народной жизни. Таковы описания жизни села, полиция колоколо и деревне, жития Шалимовым «Дубинушки», преподши подпольного «учителя жизни», ралешал сектантов и др. Вся нестрота старой провинциальной России, чересполосица мнений, странники, самодельные мудрецы, дьяконы, проповедующие «марксизм», бывшие студенты, проповедующие мистику, декадентские девицы, прикащики, «мыслующие духом», купцы, жертвующие на революцию, «революционеры», жертвующие самой революцией ради кунпов, философствующие подрядчики, учителя, весь этот умствующий на босу ногу народ, вся эта социальная шпучка дана необыкновенно ярко, а главное с потрясающими, понятие, анатомическими знаниями. И люди, люди... Вереницы самых разнообразных людей то появляющихся, то исчезающих, чтобы сказать нужную фразу. С истинно горьковской щедростью на людей разбросаны они в повести и многословьем судит она. К. Чуковский как-то пошутил, что если у Горького произвести перепись, то на каждом верпке будет по человеку.

Но «Жизнь Клима Самгина» композиционно скреплена весьма тщательно, и не раз поднимает Горький через добрую сотню страниц человека или слово, сказанное как будто бы незначай. Но, как я сказал, основной литературный тон повести дает философский, политический, психологический анализ, беспрерывный спор о жизни, о том, как же быть дальше, где же выход.

Мы не философствуем, а мечтаем со всю силу нерва натуры. Вверено, поймите, не в прицицком, а в нормальном смысле, — говорит там юродствующий кунец-студент Лютов (I, 300) *. И это можно было бы отнести к большинству персонажей повести. Все красивенькие, замысловатые, хлесткие словечки, продуманные для того, чтобы «защититься» от действительности, собраны в повести. И в этой стороны она является поистине энциклопедией мудрствований русской интеллигенции.

***

По типу высказываний персонажей повести можно разделить, примерно, на три группы, которые в свою очередь можно разбить на другие деления. По краям, как бы друг против друга люди — очерченные выразители воли и мысли двух классов. С одной стороны, прежде всего отчим Клима Тимофей Варавка, «Рыжебородый», стучии особенные, как блюда для рыбы» — Варавка, инженер, подрядчик, коммерсант — это сознательный капиталист, это Василий Боткин, бросивший гитарные бредни, чтобы занятьея приспособлением и использованием в хозяйстве всех ресурсов России тогдашних рыл и харь Островского.

«Прежде всего необходим хороший плут, а потом парламент,—говорит Варавка.—Что такое для России социальная революция—это прежде всего замена посконных штанов приличными брюками» (I, 377). Узнаете? Через полвека после Варавки эту теорию будет развивать Устрялов (разумеется, в более сложной, замаскированной форме). Варавка не без усмешечки наблюдает возню около него всех этих полуи четверть революционных интеллигентов.

«Культурность небольшой кучки, именующих себя «солью земли», рыцарями духа» и т. д., выражается лишь в том, что они не ругаются вслух матерно и с иронией говорит о интеллигенте» (I, 165).

К этой капиталистической группе повести надо отнести Лютова, купеческого сына, дерзающего тоже на «право побалагурить» (чем-то он хуже дворян и графов), человека социально уже изжитого, дергающегося, пластающегося. Он олицетворяет тайную революционеров и дает в лицо: «У нас главное было бы о чем поболтать, а жить всячески можно, хоть на кол насади, живуч». Сюда надо отнести купчиху Марину Зотову. Это наравне с Климом одна из центральных фигур третьего тома. Тип новой буржуазии, осложненной опытом первой революции. Эта крупная, красивая и умная женщина одна из наиболее ярких и удавшихся Горькому фигур повести. «Богородица» (по-мистски) сектантского корабля, рассчетливая и прижимистая в деле, меткая и откровенная в слове.

Пятерка — группа революционеров. Таковы и дядя Яков, Поярков, Гогин, Дунаев и др. Таковы группа защитников баррикады, что была под окном квартиры Клима: товарищ Яков, Панфилов, Лаврушка, Вася. К ним не можно отнести «жуков из народа», простых разумом, но верных душой. Такова Анфимьевна, прислуга Клима, любовно описанная Горьким. Но идеологическую, что ли, линию этой группы ведет большевик Степан Кутузов. Образ этого человека, психологически не до конца разработанный еще котором, мыслеразделом укреплен в повести, и река мнений разбивается о него. Крепкий, спокойный в своей вере, здоровый. Кутузов — это тот человек, на которых создатель партии Ленина. Подчеркнем взрослый, в критические промежутки пребывания на свободе в отдыха, в интеллигентских говорильнях (где пребывает Клим), в этих очень вылощенных словесных ужасах». Кутузов беспощадной критикой слова разоблачает классовую подоплеку «умно революционных» всех этих «ряженых марксистов» (Положение Ленина, т. I, стр. 117). «Я — за объединение!» (там же) «друзей народа», подумятежников, интуристов.

«Интеллигентный ваш митинный человек,—бросает им Кутузов, ищет бури лишь потому, что он, шельма, надеется бурей обрести покой» (II, 391) и дальше: «Марксизм для многих весьма приятен. Дескать, эволюция—историчизм, личность бесславна И — оставьте нас в покое» (II, 40).

Эти «многие» составляют третью и самую многочисленную группу повести. «Обличающие господа» метко очерчены их хромой мельник. Качаясь от берега к берегу, признавая то в одному, то к другому, они дробятся на десятки и сотни социальных и психологических оттенков. Эта необычайно пестрая умствующая братия стоит в центре повести, и с почти физиологической точностью Горький воспроизводит все проявления этой человеческой ткани. Тут и совсем прелые, почти черносотенники, как историк провинциального города Козлов с его философией, что «всячь землю не пашут. Особенно в крестьянском государстве необможно на голодных жить. А у нас все большинство дает друг другу либеральным хлыстиком, чтоб Кирюху догнать»; тут осколки дворян, как Туробоев, полуразорившийся помещик. И он путается между ними, и он изготовляет едкие словечки: «наглинские для русского человека вечно непрерывные и даже нужнейшее, хотя собственное». Тут и учитель Клима Томилин, — ржавый человек, фабрикант модных формочек и пошлостей», тут и поклонница декадентских стихов Нехаева, любовница Клима, автор остроумное, мозг—«получила для бухгалтерии» (I, 203). Тут и жена Клима, Варвара, вечная мещанка, развлекающаяся любовью. Тут народницы, эсеры, провокаторы. Тут, наконец, галерея студентов: Прейс, Тагильский и др. бесталанные юноши, которые «маячат» по силе интуитивной классовой предрасположенности, чувствуя, что как ни вертись, а социальная катастрофа неизбежна» (II, 103).

И, наконец, фокусом этой среды, собирающим все ее «течения», все разоблачение интеллигентских настроений, все ее «последнее слово», все отрезвления и подлости, — является «адвокат» Клим Самгин. Многое дало бы его анализ, через него. Лакмусовая бумажка социального самочувствия. С необыкновенной тщательностью заставляет Горький все его рефлексы, начиная с первых дней его сознательной жизни. Мы видим, как сила является характер Клима, как он «начал выдумывать себя», воображая «героями», как потом он чувствовал опасность потерять себя среди однообразных мальчиков в школе и старался под защиту «сухих», как он «легко усвоил чужие мысли, когда они удержали человека», как он научается ставить всегда свое мнение «между да и нет», как он становится свидетелем революции и лыко не вязаным пособником, не всегда сводя свою «свободную личность». И как эта революция в ходе классовой борьбы будит в Климе ожесточение против нее. «Всю жизнь ему (Климу) мешало найти себя эта проклятая фантастическая действительность, заставляя думать о ней, до не позволяя встать над нею человеком свободным от насилия». К черту забияки «о народе», мысленно грозит Клим по адресу Кутузова и революционеров. «Открытый всем ветрам» — мог бы процитировать Клим о себе Бальмонта; окисленный бесплодной мыслью, испущенный действительность. Самгин вместе с тем тотчас выпускает свое классовое жало, как только эта действительность всерьез оборачивается против него своей революционной стороной. «Самгин чувствовал (в дни 1905 года), что действительность становится все более враждебной и отталкивает, выжимает его в сторону, чуждую их жизни» (II, 303). И метко говорит о нем Марина Зотова: «Ты, Клим, неизлечимый умник. От таких, как ты, болезнь мир» (II, 375).

***

Самым опасным оружием, что создала буржуазия в борьбе с рабочим движением, являются эти «неизлечимые умники», пристраивающиеся к пролетариату, размывая его классовую бдительность, «примиряя» труд и капитал, сглаживая противоречия. Именно из этого человеческого материала выбивал меньшевизм свои ряды, именно с теориями этих людей начал непримиримую борьбу Ленин еще на заре рабочего движения. Эти бесчисленные Самгины разных оттенков, «стоя, как пишет Горький, в разрезе, и, пожалуй, в центре различных общественных течений, но не присоединяясь ни к одному из них, знакомые со всеми группами, кружками, всем сочувствуют и даже при случае готовы оказать явные и тайные услуги, но не очень рискованного характера, услуги эти они всегда оценивают очень высоко» (II, 280).

Еще 35 лет назад Ленин гениально разгадал и заклеймил классовый смысл политических и философских теорий людей этой породы. Он прямо предвосхищал до мелочи весь дальнейший теоретический путь их. И тогда же дал пролетариату железные боевые формулы действия, формулы, которые можно налечатать еще сегодня, как живо-трепещущую «переписку» статью. Прочтите «Что такое «друзья народа» и как они убивают тот же мир, который описал Горький в своей повести и с которыми боролся тогда Ленин.

Весь этот мирок людей, занимающихся «либеральным исканием современных конгрессов» и свое либеральное пустопорожнее «прыгающих марксизмом» Ленин, т. I, стр. 172). В борьбе против них начала складываться большевистская партия. Борьба эта не закончилась и сейчас. И «Жизнь Клима Самгина» — великий памятник этой борьбы.

Жизнь Клима Самгина» не повесть тенденции. Но вместе с тем это грандиозный документ единоборства человека со всеми личинами, под которыми наш классовый враг лез в наступление против пролетариата. Я весь этот круг людей, «от кого болен мир», от «пресвещенных капиталистов» до «неизлечимых умников» изображен с пролетарской, классовой точки зрения. В этом смысле представляет большой интерес те художественные приемы, какими написана повесть. Эта атмосфера никчемность, скуки, эти уменьшительные характеристики «психопат», «колоритный», «истерический», «рыженький», эти темпельные паразиты как нельзя лучше создают колорит этой среды, подчеркивая не только идеологическую позицию автора, но «горечь» самой темы для него.

Замечательная вещь. Целый ряд формул, которые Горький раньше давал в статьях (22—23 гг.) от себя в защиту интеллигенции, теперь вложены в уста отрицательных персонажей повести. Напр., прежняя мысль, что при «таком мужике» наша интеллигенция — роскошь, — здесь Литон не повторяет: «на ней держал культура наша интеллигенция» при таком мужике. Это все равно, что нерлямурпом нобы украшать». Или не раз встречающуюся раньше у Горького фразу, что интеллигенция «ломовая лошадь русской истории». В повести говорит Клим. В своем недавно вышедшем и переработанном очерке о Ленине Горький пишет: «Разумеется, после ряда фактов подлейшего вредительства со стороны части ученых и обывал был переоценить ту и переоценил — свое отношение к работникам науки и техники. Такие переоценки кое-чего стоят, особенно — на старости лет». Но и задолго до этих слов Горький переоценил свое отношение к интеллигенции (разумеется, тут не идет речь об интеллигенции, делающей пролетарское дело). Художественный документ этой переоценки вся «Жизнь Клима Самгина».

Как то, когда первые главы повести печатались еще подсылками в «Известиях» и «Правде», В. Шкловский сравнивал, что-де там Китай, события разные, а тут вновь люди ловят сома. И тут оказалось, что не сома ловил Горький. Ловил он дело гораздо более серьезное. Ловил он «бесов», путаного хода и мысли, ловил классового врага.

Говорят, что начал издалека, с истоков его. Ну, что ж, разве не в этом подлинная глубина темы? Я помню, как во время допроса Соколовского на меньшевистском процессе Крыленко спросил, откуда, собственно, можно вести начало вредительства. Соколовский потребовал рыжеватую бороденку и сказал как-то непроизвольно, не обдумывая:

— Да, собственно, вся моя жизнь с младенчества была подготовлена к вредительству.

Принял: как полупушку. В зале засмеялись. А ведь есть в этом правда и злая правда. И Горький теперь в художественных образах с огромной психологической проницательностью раскрывает эту злую правду жизни. И мы понимаем классовый механизм всей его жизненной сложности, как сначала «обличающие господа» стали потом «господами-объединителями», чтобы уже на наших глазах превратиться в «господ-вредителей».

Внутренний процесс, который вел Горький с «Климом Самгиным» почти людей, из-за которых болел мир, неожиданно сомкнулся с судебным процессом, которым пролетарская революция отметила им на попытках задержать наступление социализма. И в этом есть глубокий исторический смысл. Мы видим теперь особенно ясно, что «Жизнь Клима Самгина», начатая как будто по исполнение субъективных требований, вырвется в произведение, имеющее огромное объективное политическое значение. Мы видим, наконец, что не было

Продолжение на 3 стр.

3 мая.

От редакции. Огромный творческий труд М. Горького «Жизнь Клима Самгина» еще не получил исчерпывающей оценки в критике. Тов. Зелинский ставит ряд вопросов, подлежащих дальнейшему обсуждению.

* Все цитаты по берлинскому изданию (Verlag «Knigа»). Первая (римская) цифра — нумерация томов, вторая — нумерация страниц.

ЗА ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ПОКАЗ

ПЕРЕДОВИКОВ РАБОЧЕГО КЛАССА

МОБИЛИЗУЕМ НА ВЫПОЛНЕНИЕ ЭТОЙ ЗАДАЧИ ВСЕ ОТРЯДЫ СОВЕТСКОГО ИСКУССТВА

На совещании в редакции „Правды"

Огромный энтузиазм рабочего класса советской страны, завершающего в этом году построение фундамента социалистической экономики, активность миллионов трудящихся в борьбе за выполнение директивы заставляют все культурные и общественные организации перестроить методы и темы работы, мобилизовать свои лучшие силы в помощь передовым ударникам социалистической стройки, для которых труд стал «делом чести, делом славы, делом доблести и геройства».

Показ лучших, ведущих героев страны, работа передовых социалистических предприятий — должны стать лозунгом всех отрядов советского искусства.

Редакция «Правды» совместно с секретариатом РАПП взяла на себя задачу об'единить эти отряды вокруг идеи отражения в искусстве лучших людей большевистских темпов — ударников фабрик, заводов, шахт, совхозов и колхозов—и художественного показа опыта передовых предприятий по выполнению пятилетки.

*

Созванное 11 мая с этой целью в редакцию «Правды» совещание открыл вступительным словом редактор «Правды» т. Савельев:

— Показ огромного размаха социалистического строительства, активности миллионных масс города и деревни, выявление подлинных героев труда, показ успехов и вскрытие ошибок — вот содержание задача наших культурных организаций.

Не только отмеченные ЦИК, награжденные орденом Ленина, чьи имена опубликованы в печати, но сотни и тысячи растущих героев-ударников должны быть показаны нами, чтобы служить примером и вести многомиллионные массы трудящихся к новым победам. Мы должны выработать формы и методы художественного показа подлинных героев нашего времени.

*

Выступивший от РАПП и ВЦИКС т. Виталов отметил, что показ героев социалистического строительства — не очередная «кампания». Он должен стать системой, главной органической частью всей работы нашей пролетарской литературы.

В этой работе особенно велика роль ударника-правдиста, органического участника заводской жизни. Однако это не значит, что за счет рабочих-ударников основные кадры писателей могут оставаться пассивными.

В активе издательства ВЦИКС уже есть ряд книг, показывающих новых людей. Таковы: «Тюли большевистских темпов», «Пятилетка в два с половиной года», авторами которых являются ударники, награжденные орденом Ленина, книжка красноармейца Сапова, «Красная сила» побед бакинской и грозненской промышленности.

*

МАПП уже вплотную подошел к решению стоящей перед нами задачи, — говорит т. Грудская. Составлена группа из 30 напишущих писателей, которые будут писать об ударниках своих заводов. Ряд мапповцев послан для той же цели на Бобриковский комбинат и на новые строительства.

*

Предстоящая эпоха в художественном показе героев социалистической стройки имеет особое значение для советских писателей-маппповцев, — указывает т. Бородин. Вся эта работа организуется для пролетарских и пролетарско-колхозных писателей, то для попутчиков она должна явиться известным испытанием, помочь их переходу на попутчиков в сознании.

*

На всех писательских организаций ВССП был намечен подлежащим в боевой работе — отмечает П. Скосырев, Писательская мобилизационная до последнего времени была отдалена от производства. Этого не должно быть. Но мы не можем обещать, что результаты нашей перестройки окажутся уже через два-три месяца. Советские писатели должны органически слиться с производством, упорно и долго работать, чтобы избежать халтуры.

Ряд писателей ВССП прикреплен на длительные сроки — от 6 месяцев до 1 года — к различным участкам строительства, на которых они будут жить периодически, добывая свои материалы в цехе, в тесном контакте с соответствующими организациями.

*

Журнал «Октябрь», заявляет А. Сурков, — один из первых откликнулся на требования, предъявляемые сегодня к писателям. Но перед нами стоит задача пересмотреть работу всех наших толстых журналов. Работа ударников-призывников должна в первую голову находить отображение на страницах толстых журналов.

*

Тов. Рославлева указывает, что драматургия — одна из форм литературы, в которой трудно в короткий срок охватить и отобразить всех ударных предприятий и их героев. Драматурги должны чрезвычайно внимательно изучить жизнь людей, о которых он пишет. Поэтому создание значительного драматургического произведения требует в значительных сроков. В этом отношении искусство малых форм подвижнее и гибче, ему легче, быстрее переключиться на нужную тематику.

Однако, мы уже провели контрактацию сорока человек из творческого актива и ударников для работы на отдельных предприятиях.

*

После представителей литературных организаций на совещании были заслушаны краткие отчеты представителей смежных искусств.

Тов. Лабас (ИЗОГИЗ) констатировала, что до сих пор пространственные искусства оставались позади. Одной из причин этого отставания является отсутствие авторов и редакторов для лозунгов и текстов к плакатам и альбомам.

Мы призываем литорганизации помочь изоискусству. Литераторы и художники должны об'единиться для успешной совместной работы.

— Сейчас группа художников-станковистов выехала на крупнейшие новостройки. В летний план включен выпуск серии альбомов.

*

— Художники, — говорит художник Кацман, — должны включиться в общую работу. Изображение передовых людей людей нашей страны, изображение роста социалистического строительства — непосредственная задача советского художника. АХР выделила группы художников для поездок в различные районы СССР. Художникам необходимо включиться и в газетную и в журнальную работу по линии иллюстрации.

*

Представитель Ассоциации пролетарских музыкантов т. Лебединский рассказал о двух недавно проведенных заседаниях совещаниях, посвященных вопросам отображения современной героики в музыке.

— Показ отдельных личностей в музыке чрезвычайно сложен. Единственно возможное решение задачи дает песня, ибо она является сочетанием рассказа и музыкальной иллюстрации. Но здесь необходима совместная работа поэта и композитора. Мы обращаемся к РАПП с просьбой создать бригады поэтов, в работу которых могли бы включиться и композиторы.

*

Кинематография, — отмечает т. Гаврилин (Совкино), — при ее огромных возможностях должна была бы сыграть большую роль в деле показа героев социалистической стройки. До последнего времени современные и ударные темы появлялись в наших фильмах лишь случайно и в обезличенной форме. Большой успех имеет у нас кинохроника, но это — лишь информационный показ, не имеющий того воспитательного значения, которое имеют художественные фильмы.

— Недавно с ударном порядке выпущена игровая фильма — «Пираты на Магнитке». В настоящее время кинобригада работает на Магнитострое. Большая работа сделана в немецкой киноколонии прорабом и ее трансформ. Организован выездной кинопоезд, имеющий целью провести ряд демонстраций фильм на составных участках.

Существенным недостатком работы кинематографии является ее оторванность от литературы. Мы обращаемся к РАПП с просьбой включить нас в сеть своей работы на линии выездных писательских бригад, в которые могли бы войти наши операторы, сценаристы и режиссеры. Этим в значительной мере была бы разрешена задача ограниченных литературно-художественных произведений.

*

Суммируя выступления участников совещания, Л. Авербах подчеркнул:

— Нам нужны не декларации, а конкретные обязательства, которые должны быть выполнены с сознанием всей взятой на себя ответственности.

И качество выполнения неразрывно связано с организующим, воспитательным значением задания, ибо показ нам нужен не для любования, не в виде художественного или документального материала, только для архива. Нам нужен показ положительного, на фоне недостатков и ошибок, показ конкретного примера ведущих людей страны — передовиков-ударников.

Все отряды пролетарского искусства должны, дополнять друг друга, об'единиться в единый блок, для реализации этого показа.

*

Закрывая совещание, редактор «Правды» т. Савельев отметил, что сотрудничество культорганизаций, их об'единение, дает возможность выработать общий план, систематизировать их работу, четко распределить роли.

*

На совещании избрана комиссия для выработки плана работ на всех участках культурного фронта.

В комиссию вошли: тт. Савельев, Авербах, Виталов, Либединский, Цирельсон, Пятаузв и Юков.

Е. П.

СЕГОДНЯ ОТКРЫВАЕТСЯ

ПЛЕНУМ ВССП

15 мая, в 17 ч., в Доме Герцена открывается пленум ВССП. Пленум продлится три дня.

В первый день пленум заслушает: политический доклад (П. Павленко), содоклады — ленинградского отдела ВССП и работника ВССП и доклад ФОСП.

Второй день пленум ВССП посвятит докладу М. Козакова: «Писатель и социалистическое строительство» и обсуждению вопросов подготовки к всероссийской конференции ВССП.

На заключительном заседании пленума будет утвержден новый устав ВССП, обсуждены вопросы развертывания творческой дискуссии ВССП перед конференцией и приняты резолюции по докладам на пленуме.

Помимо официальных заседаний пленума ВССП, будет проведен ряд писательских собраний, посвященных творческим вопросам.

На пленум приглашены представители РАПП, ФОСП, ВОПКП и других литорганизаций. В работах пленума примет также участие писательский актив ВССП Москвы, Ленинграда и Сибири.

НА ИЗБЮРО ФОСП

ДОКЛАД ИЗДАТЕЛЬСТВА „ФЕДЕРАЦИЯ"

В клубе ФОСП состоялось 10 мая заседание бюро ФОСП.

Пленарно заслушаны отчетные доклад Г. Шульца о работе издательства «Федерация».

В первой части доклада т. Шульц, характеризуя оперативную работу издательства, указал, что «Федерацией» за истекший год издано 150 названий, вместо намеченных по плану 163; по числу названий план выполнен таким образом на 92 процента. За то по тиражу план перевыполнен на 5 процентов: вместо 1.111.000 «Федерация» выпустила 1.166.000 экземпляров книг.

Из 150 выпущенных названий 43 принадлежат перу молодых, впервые печатающихся авторов. В этом заслуга «Федерации», делающей попытку сплотить вокруг издательства молодые литературные силы. Интересен и тот факт, который за последний год произошел в работе «Федерации» в смысле принадлежности авторских кадров к той или иной литературной организации.

Членами ВССП являлись в 1929 г. авторы 35 названий; в 1930 г. — 45 названий;

рапповцам — в 1929 г. принадлежало 9 названий; в 1930 г. — 20 названий;

членам ВОПКП в 1929 г. — 7 названий; в 1930 г.—33;

«диким» авторам в 1929 г. принадлежало 28 названий; в 1930 г.— 32 названий.

Эти цифры показывают, что в авторском контингенте «Федерации» значительно вырос сектор пролетарских и пролетарско-колхозных писателей. (Характерно, что при общем значительном росте числа названий уменьшилось количество произведений, принадлежащих членам «Перевала»).

Перейдя затем к вопросам редакционной работы, т. Шульц отметил рост деревенской тематики в изданиях «Федерации». Однако по качеству эта продукция страдает большими недостатками, ибо годы писателя хорошо знают деревню, но недостаточно квалифицированные; другие более квалифицированные и культурные писатели — еще плохо знают жизнь и быт нашей деревни».

В последнее время качество издаваемой очерковой литературы улучшилось благодаря повышенным требованиям со стороны редсовета.

К ошибкам редсовета следует отнести отсутствие работы с удмуртами и некоторую оторванность от «попутчиков».

«Федерации» приходится испытывать значительные затруднения в связи с недостатком оборотных средств. При увеличении издательства оно получило правительственную субсидию в 200.000 рублей, при издательском плане в 10 млн. листов-оттисков. В 1931 году план вырастает вдвое, но и для издания 20 млн. листов-оттисков «Федерация» имеет в своем распоряжении лишь те же 200 тысяч.

Выступавшие в прениях писатели, констатировали на ряду с успехами и общим ростом «Федерации» отдельные серьезные недочеты в ее работе. Издательство слабо прощупало собственную инициативу (А. Эфрос); оно не сумело оформить редакторский аппарат (А. Богданов); не велась им работа с литературным «полуфабрикатом»: правление в редсовет не работали с автором, а только «принимали, отвергали и подчищали грехи» (С. Метлицкий); очень мало внимания уделяла «Федерация» поэзии (К. Зелинский), запросам литературоведения и критики (А. Исбах). «Федерация» еще не стала правильным литературной политики ФОСП, не сумела в текущей работе издательства совмещать крупных квалифицированных писателей с рабкорами-ударниками (Г. Корнеев).

*

После заключительного слова Г. Шульца пленум ФОСП переизбрал правление, редсовет и ревизионную комиссию издательства «Федерация».

В правление избраны: Г. Шульц, В. Гольцев, П. Павленко, В. Лидин, Н. Огнев, А. Зуев, Б. Ромашов, И. Жига, Р. Бепбей, Асташев (Электросила).

В редсовет «Федерации» вошли: Н. Огнев, П. Павленко, Л. Сейфуллина, Г. Шульц, А. Зуев, Ив. Катаев, Н. Ляшко, Ал. Яковлев, К. Зелинский, П. Замойский, С. Метлицкий, Е. Габриянович, А. Малышкин, В. Герасимова, А. Исбах, Э. Багрицкий, В. Вересаев, С. Канатчиков, А. Сурков, Н. Ангарский, Н. Хрущенко (СИЯ Комакадемии), Лозовский.

Ревизионная комиссия избрана в составе: П. Арского, А. Тарасова-Родионова, М. Юрина, Т. Штыковой (завод им. Ильича), Л. Копка и А. Эфроса.

Д.

ПЕРВАЯ ЯЧЕЙКА

ТАТАРСКИХ ПРОЛЕТПИСАТЕЛЕЙ

Татарская секция МАПП, организованная весной 1924 года, является одной из первых национальных МАПП и первой организационно-оформленной ячейкой татарских советских писателей (ТАПП—Татарская ассоциация пролетарских писателей в Казани организовалась лишь в 1928 г.).

Первыми членами татсекции были молодые литераторы студенты московских вузов и рабфаков, стремившиеся овладеть мастерством художественного слова. Эти рабкоры (М. Крымов, Г. Ибрашев, Ш. Шагретдинов, С. Баттал-ов) в настоящее время выходятся в первых рядах татарской пролетарской литературы.

В настоящее время секция насчитывает 15 человек: Ш. Усманова, М. Крымова, Г. Ибрашева, М. Джалиля, Ш. Шагретдинова, С. Баттал-ова, М. Максуда и др. М. Максуда, получивший известность как мастер стихов в прозе (форма, широко распространенная в восточной литературе), за последнее время не выступал в литературе со своими произведениями в этом жанре, а перешел на литературную критику. Такое же, хотя и частичное, отклонение в сторону критики наблюдается и у талантливого комсомольского поэта М. Джалиева. Особенно большую популярность завоевал пролетарский поэт М. Крылов, идущий по пути «одемьянивания» татарской литературы, и Г. Ибрашев, обогативший татарскую пролетлитературу крупными произведениями из производственной жизни. Секция руководящих первичными рабочими вдумчиво и глубоко, на «Красном богатыре», в Набережных и литературном при татарском рабочем клубе, но эта работа за последнее время затихла.

Недопустимо слабым участком нужно отметить чрезвычайно неудовлетворительную работу по призыву учащихся в литературу. В Москве и области насчитывается около 65 тысяч рабочих татар, среди них десятки рабкоров-ударников—передовых бойцов за преодоление трудностей социалистического строительства. Но секция не развернула среди них работы. Первоочередной работой татсекции на ближайшее время должно быть проведение призыва ударников в литературу.

Татарская секция активно боролась за осуществление генеральной линии ГАПП против попыток вокчества извращения ее.

Седьмая годовщина татарской секции должна явиться переломным моментом для большей активизации секции. Руководство и вымание со стороны правления МАПП должно быть улучшено.

Больше внимания создано «национальной по форме и пролетарской по содержанию» литературы творцов ССР!

АХМЕД ЕРИКЕЕВ

В ДНИ ДЕКАДЫ ПЕЧАТИ

МОГИЗ ИСПРАВЛЯЕТ ОШИБКУ

● В номере 24 «Литгазеты» мы отмечали, что МОГИЗ своевременно не подготовился к проведению декады печати.

Сейчас, с некоторым опозданием, массовый сектор МОГИЗ организует в рабочих районах Москвы книжные базары, которые продлятся с 20 мая по 5 июня. В фабрично-заводских районах МОГИЗ устанавливает 60 киосков и развалов, где будет продаваться массовая литература.

● В Центральном доме Красной армии открывается выставка книжной продукции МОГИЗ. На выставке будет представлена массовая политическая социально-экономическая, сельскохозяйственная и военная литература.

● Массовый сектор МОГИЗ мобилизовал 235 слушателей Института и Книжного техникума для обслуживания распространения книжной продукции. Отделения МОГИЗ в Сокольническом и Пролетарском районах сорганизуют и на лучшее проникновение массовой книги.

ТЕАТРАЛЬНАЯ ПОВЕСТЬ О ДЕТЯХ

„ТОКМАКОВ ПЕРЕУЛОК"

О детях, встречающих грудью ветер на жестокопоставленных стрелках, — не детях, которых в истории нет — любимых сказками и в быту рабочих районов, бывающих для детей не особенно ни их отцы и мамы. Им необходимо указать «новость о детях».

Пьеса ставит проблему взаимоотношений семьи и детского коллектива. Вот работает мастер, беспартийный, «хлыщик», ветеран войны, бабник. Вот их родители: рабкор, ответственный работник, хозяйственник.

Нет ни одной семьи без трещины. В каждой еще господствует быт «старинных» классов. Между родителями и детьми стоит стена отчуждения. Семья ломает ребенка. Искажает, ставит на порочный путь только свой, детский, коллектив, за который так борются дети.

«Чтоб научиться вместе смотреть на явления отвлеченно так на рабочую задачу».

***

Пристально написанная пьеса В. Смирновой, ученицы мастерской Свердлова, ставит отцу на нижайших для нас пробах.

Театр максимально использовал материал. Очень удачны в режиссуре тт. Охлопкова и Дорошина, и оформление Шифрина, и музыка Кочерги.

Но особенно хороши актерский коллектив — выражающий своей сценичностью. Интересны роли Ремизовой (Ленка), Шатерниковой (Ольга), Кузнецова (Сергей), С. Гальперин.

*

Простой сказкой, по предложению Бостанкинского райкома партии, против решения Пединститута была отклонена пьеса о жизни и организации клуба. Клуб существует и работает. Вся работа этого театра неразрывно связана с практической базой.

Организованы театры выездные в районы. Массовый сектор его несет ответственность за художественную работу в районах, участвует в проведении массовых спектаклей, проверке культпоходов и т. д. Сейчас ими проводится оформление зданий, посвященных Октябрьской годовщине.

Тесная связь театра с цехкомами устраняет недочеты и широкая общественность театра обеспечивает качество массовой и высокой работы. Сейчас «Токмаков переулок» еще раз показывает, что у нас развиваются театры, которых я желаю петь.

ГИКА

ИЗВЕЩЕНИЯ

14 мая — в Политехническом музее открывается выставка детской литературы издательства «Молодая гвардия» — за десять лет. Выставка предназначена к декаде детских книг. Вх. свободный.

15 мая — 19 ч. — Секция музыки и Секция искусства и литературы народов СССР Комакадемии устраивают совместно совещание Ассоциации пролетарских музыкантов Украины т. Безыменского (Харьков) «Музыкальный фронт Украины». Демонстрация творческих композиторов у СССР.

15 мая — 19 ч. — в редакции «Нашей Художественной» (Никольский пер., 10, кв. 6) собрание Чувашской секции МАПП. 1. Об участии чувашских писателей в Декаде печати. 2. Отчетный доклад секции. 3. Разное. Явка обязательна в 16 ч. 30 м.

16 мая — 19 ч. — Сектор литературы зарубежного Востока Института ЛИЯ Комакадемии, совместно с Ин-том мирового хозяйства и мировой политики Акад. коммунистического воспитания им. Свердлова устраивает доклад т. Сяо-ца-чжэ: «Революционная пролетарская литература современного Китая». Вх. свободный.

17 мая—20 ч.—в Доме научного работника (ул. Кропоткина, 16) доклад проф. И. М. Нусинова: «Творческий метод М. Горького».

17 мая — 19 ч. — в «Новой Кузнице» (Сверский б., 25) политический вечер. Читают: Бухарин, Полетаев, Шохтер, Сухарев, Альтшулер, Забудунский и др.

18 мая — 20 ч. — Институт ЛИЯ Комакадемии, совместно с ВОПКП, устраивает первый вечер докладов на тему: «Задачи пролетарской колонной литературы в реконструктивный период». Доклад т. Бутовой.

К обязательной платформе ВОПКП» Содоклад т. Осипова-Сидоров: «Творческая дискуссия внутри ВОПКП».

18 мая — 20 ч. — в Московском т-ре писателей — продолжение читки повести Н. Колесова.

18 мая — 17 ч. 30 м. — в редакции «Литературной газеты» (Тверской б., 25) первое занятие литературно-рабкоровского кружка повышенного типа при «Литгазете».

19 мая — 19 ч. — в Комакадемии доклад на тему: «Против меньшевиствующего идеализма в литературной науке». Выступают тт. Коненков, Тенгинцев, Мазаков.

* Клубы, предприятия, учебные заведения, которые хотят организовать вечера Горького, должны обратиться к клубу писателей (ул. Воровского, 52) в т. Лавуту, ежедневно от 2 до 4 ч. — кроме 5 и 10 чисел.

Календарь работы клуба ФОСП

15 МАЯ—20 ч. «Перевал».

17 МАЯ—20 ч. ГИХЛ. Рабочий редсовет.

17 МАЯ—21 ч. «Никитинские субботники».

18 МАЯ—20 ч. Кружок «Комбайн».

19 МАЯ—13 ч. Кружок переводчиков. Руководитель Усиев.

19 МАЯ—20 ч. Союз Революционных Драматургов.

Ответственный редактор: С. ДИНАМОВ

РЕДКОЛЛЕГИЯ: Н. Асеев, С. Динамов, И. Жига, Л. Ильинский, И. Катаев, Г. Корнеев, Н. Огнев, А. Селивановский, И. Сельвинский, М. Слонимский

ИЗДАТЕЛЬ: Акционерное Изд. О-во «Огонек»

ГИХЛ Книгоцентр

НОВЫЕ КНИГИ

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Изд-во «АКАДЕМИЯ»

ГУРШТЕЙН А.
Вопросы марксистского литературоведения. Популярный очерк. (Массовая критическая б-ка «На литературном посту»). Стр. 95. Ц. 29 к.

РЕВЯКИН А.
Островский и его современники. Островский в воспоминаниях современников. Библиография. Внутреннее описание. Стр. 136. Ц. 2 р. 75 к. в пер. 3 р.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА

БРАУН И.
Стихи. Выстрелы в будущее. Стр. 96. Ц. 1 р. 75 к. в пер. 1 р. 20 к.

ВЕНГАНИ О.
Я, белый негр. Роман. Пер. с венгерского Г. В. Рубцовой. Стр. 157. Ц. 1 р. 60 к.

ВЕЛЕДНИЦКИЙ П.
Пулы заветные. Стихи. С предисл. и под ред. А. Жарова. (РАПП. Новинки пролетарской литературы). Стр. 30. Ц. 30 к.

ГОРЬКИЙ М.
Жизнь Клима Самгина (Сорок лет). Повесть. Ч. III. Стр. 376. Ц. 2 р. 90 к. в пер. 3 р. 50 к.

ЖОЛЯ Э.
Полное собрание сочинений. Том ... Творчество. Роман. Пер. с франц. М. П. Лукьяновой. Редакция, статья и примечания М. А. Алексеева. Стр. 516. Ц. 2 р. 85 к.

БАЗИНА Н.
Правила игры. (Библиотека. Современная пролетарская литература). Стр. 116. Ц. 30 к.

САДОФЬЕВ И.
Избранные стихи. Крыловое время. Стр. 216. Ц. 2 р. 40 к. в пер. 3 р.

ФАРБЕР А.
Шкуры платов. (В борьбе за уголь). Очерки и рассказы. (РАПП. Новинки пролетарской литературы). Стр. 95. Ц. 30 к.

ЧИСТЯКОВ А.
Боевой хлеб. Роман. (ВОКП. Новинки пролетарской художественной литературы). Стр. 206. Ц. 2 р. 25 к.

ПЕРЕИЗДАНИЯ

КОЛБАСЬЕВ С.
Повороты жизни. Рассказы. Изд. 2-е. Стр. 208. Ц. 1 р.

НОВИКОВ-ПРИБОЙ А.
Собрание сочинений. С автобиографией, портретом автора и литературно - критическим очерком И. Кубикова. Том I. Морские рассказы. 7—8-е изд. Стр. 392. Ц. 1 р. 75 к. в пер. 2 р.

ПРИШВИН М.
Собрание сочинений. Том III. Родники Берендея. Изд. 2-е. Стр. 384. Ц. 2 р. 40 к. в пер. 2 р. 80 к.

КЛАССИКИ

Изд-во «АКАДЕМИЯ»

БАЛЬЗАК О.
Тридцатилетняя женщина. Пер. с фр. А. И. Радловой. (Классики мировой литературы). Стр. 377. Ц. 2 р. 50 коп., в пер. 3 р. 50 к.

ГЮГО В.
Отверженные. Перевод под ред. и со вступ. статьей А. К. Виноградова. 2 томов. (Сокровища мировой литературы). Ц. в пер. 5 р. 50 к. 2-й т. в пер. 2 р. 50 к.

ЭММЕРАН К.
Мемуары. История в зарисовках. Перевод и примечания Г. И. и Б. И. Ярхо. Предисл. П. Когана. Том I. (Сокровища мировой литературы). Стр. 624. Ц. 3 р. 75 к., в пер. 4 р. 65 коп.

(А. Ф. Ж.

Деревенские повести. (Классики мировой литературы). Стр. 374. Ц. 2 р. 50 к., в пер. 4 р. 50 к.

С ЗАКАЗАМИ ОБРАЩАТЬСЯ В БЛИЖАЙШИЕ ОТДЕЛЕНИЯ И МАГАЗИНЫ КНИГОЦЕНТРА И В „КООПКНИГИ".

ГИХЛ Книгоцентр

М. ГОРЬКИЙ

ТОЛЬКО-ЧТО ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ И ПОСТУПИЛИ В ПРОДАЖУ

БУДЕМ НА СТРАЖЕ. Статьи (публицистические). «Моск. рабочий». Стр. 152. Ц. 80 к.

О ПРИМИРЕНИИ. Статьи. Там же статья Р. Роллана «С кем мы?» ГИХЛ. Стр. 327. Т. 25.000.

ЖИЗНЬ КЛИМА САМГИНА (Сорок лет). Повесть. Часть III. ГИХЛ. Стр. 376. Тир. 10.000. Ц. 2 р. 90 к., в пер. 3 р. 40 к.

ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ. С предисл. А. В. Луначарского. ГИХЛ. (ДБО). Стр. 375. Тир. 100.000. Ц. 60 к., в кол. пер. 1 р.

Содержание: Предисловие А. Луначарского. Рождение человека. Как сложилась песня. Вечерница. Тоскливо. Страсти-мордасти. Мать (из сказок об Италии. Кладбище. Легкий человек. Романтик. Мордовка. Адмирал. Голубая жизнь. Рассказ о необыкновенном. О тараканах. Огонь. Девушка и смерть.

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ. Редакция и комментарии И. А. Груздева. Пятьсот. А. В. Луначарского. Изд. 2-е. Том I и II (в одной книге). ГИХЛ. Стр. 302. Тир. 25.000. Ц. 2 р. 20 к., в пер. 3 р. 25 к.

ДЕТСТВО. (Дешевая 6-ка классиков. Школьная серия). ГИХЛ. Стр. 223. Тир. 100.000. Ц. 40 к.

МОЛОДОСТЬ. Изд. 3-е. (Дешевая 6-ка классиков. Школьная серия). ГИХЛ. Стр. 128. Тир. 50.000. Ц. 20 к.

МОИ УНИВЕРСИТЕТЫ. (Дешевая 6-ка классиков. Школьная серия). ГИХЛ. Стр. 136. Тир. 25.000. Ц. 25 к.

ГОРЬКИЙ — ДЕТЯМ

СКАЗКИ ОБ ИТАЛИИ. «Моск. гвардия» (Печатается).

С заказами обращаться в ближайшие отделения и магазины КНИГОЦЕНТРА и в „КООПКНИГИ".

ГИХЛ Книгоцентр

НАШИ ДОСТИЖЕНИЯ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Под редакцией М. ГОРЬКОГО

В ЛИТЕРАТУРНОЙ ФОРМЕ ЗНАКОМ. С НАШИМИ ДОСТИЖЕНИЯМИ на ФАБРИКАХ, В КОЛХОЗАХ, СОВХОЗАХ, во всех областях науки и техники, культуры и быта трудящихся

СОДЕРЖАНИЕ: М. ГОРЬКИЙ — Ударники — в литературу. А. ФИЛЬЧУК — Рабочие — ударники-писатели. А. ПАХМОВ — Комсары. В. РОДИОН — Комсомольская ударная. Л. ПАНТЕЛЕЕВА — На стройке. П. ДОБРОВОЛЬСКИЙ — Сказка. Е. ЛЮФАНОВ — Сумасшедшие ночи. З. ЮРАТУЛЕ — Почта крестьянок. С. ГАРУСЕВИЧ — Шаги АМО. Н. КУШНИКОВ — Потерял Турбовинтовую. Ц. ВОРОБЬЕВ — Цинк-трой. Н. ВОДОЛАЗКО — «Казимчик». П. ОРОВЕЦКИЙ — Цех и редакция. А. САЛОВ — Научаем техники. РОЖДЕННЫЙ КОЛЛЕКТИВОМ (Героя книжки — его автору). Л. КРЫЗОВА — На хозяина. ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ОТДЕЛ: Что мы видели в Германии. ХРОНИКА.

ВЫШЕЛ ИЗ ПЕЧАТИ № 5

ПОДПИСКА НА 1931 ГОД ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Подписная цена: на год (за 12 №№)—5 руб., на 6 месяц.—2 руб. 50 коп., на 3 мес.—1 руб. 25 коп. ЦЕНА отдельного номера—50 коп.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ в Периодсекторе Книгоцентра (Москва, Ильинка, 3), всеми магазинами и отделениями Книгоцентра и на почте

Гиздат Реста

Международная (8) тип. «Мосполиграф», ул. им. Семашко-Стопятра, д. 14.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Орган Федерации Объединений Советских Писателей РСФСР

МОСКВА 20 МАЯ 1931 г. № 27 (126)

РЕДАКЦИЯ: Тверской бульвар, 25, Дом Герцена. Тлф. 2.80.12

УДАРНИКУ БОЛЬШЕВИСТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Два события, совпавшие по времени, приковывают сейчас внимание не только литературы, но и всей советской общественности: приезд Максима Горького и двадцатилетняя годовщина работы Демьяна Бедного в большевистской печати. Два события, мобилизующие всю советскую литературу вокруг боевых лозунгов перестройки ее.

Первые выступления Демьяна Бедного относятся к годам, когда по рабочим казармам и каморкам полетели боевые листки большевистской печати, к годам, когда создавались «Звезда» и «Правда». И юбилей Демьяна Бедного есть вместе с тем и праздник большевистской печати, чествование одного из славнейших из ее старой гвардии пера. Можно коротко и вместе с тем крепко определить литературный жанр, в котором работал Демьян Бедный. Этот жанр—БОЛЬШЕВИЗМ, большевистский жанр. Никаких других задач не ставил себе Демьян Бедный в литературе, никаких «литературных почестей» не искал в ней, КРОМЕ ОДНОЙ ЗАДАЧИ И ОДНОЙ ПОЧЕСТИ — БОРОТЬСЯ ОРУЖИЕМ СЛОВА ЗА ПОБЕДУ СВОЕГО КЛАССА.

Демьян Бедный начал с басен, с иносказательных историй в стихотворной форме. «Мой голос груб»,—не раз говорил он. Да, черты суровости мужицкой прямоты, пролетарской меткости лежат на его стихах, как почетные узлы труда украшают руки рабочего. Демьян Бедный принес в поэзию не футуристическую уличность, оскорбительную для фетовских дворянских наследников, Демьян Бедный поднял некрасовский протест против уродств помещичье-капиталистической России на высоту классового удара, на уровень задач пролетариата. Демьян Бедный отыскал простую понятную для миллионов народа форму, которая вела его поэзию как друга, советника, учителя и красного командира и в хату бедняка, и в окопы красноармейца, и в жилище рабочего.

Стихи Демьяна Бедного после Октябрьской революции расходились в таких тиражах, о которых не смели мечтать другие наши советские поэты и писатели, не говоря уже о буржуазных. В чем «секрет» этого успеха? Секрет этот прост, так же как прост секрет выбора Демьяном Бедным различных литературных форм от басни до фельетона, от притчи до стихотворной повести. Подобно воинской части, которая ведет наступление всеми родами оружия, пуская в ход наиболее действенные в необходимый момент, так и Демьян Бедный направлял свои стихи на наиболее боевые участки фронта борьбы за социализм. Он всегда с замечательным искусством умел воздеть на острую пику своей эпиграммы нашего классового врага (и его вольных и невольных пособников), развенчать, сделать смешным, пригвоздить словом, увлечь в наступление. Недаром фронтовые стихи Демьяна Бедного пользовались таким массовым успехом у красноармейцев, например, во время наступления на Врангеля. На теле Троцкого и правых оппортунистов не скоро тоже заживут раны, нанесенные им каленым стихом Демьяна Бедного.

Демьян Бедный — народный поэт в лучшем смысле этого слова, в том смысле, какое вкладывал в это понятие Ленин, когда говорил, что искусство принадлежит народу. Но Демьян Бедный никогда не потакал проявлениям отсталости и некультурности у народа. Никто из наших писателей не боролся с такой страстностью за культурную революцию, против пережитков бытовой старины, религиозных предрассудков, и т. д. Демьян Бедный бил не в бровь, а в глаз и своему брату с обычной своей прямотой, сам замечал, что кто-либо тащится в обозе старого мира. Как никто Демьян Бедный умел и умеет ненавидеть оховостье этого мира, рабье, темное прошлое России. Демьян Бедный в отдельных случаях делал здесь ошибки, но он умеет самокритикой бороться с сложными мыслями и влияниями в самом себе.

Все эти черты слагаются перед нами в могучий облик поэта-большевика, в поэта-бойца за дело рабочего класса. Долгий творческий путь Демьяна Бедного идет рядом и вместе с рабочим движением, с историей большевистской партии. Творчество Демьяна Бедного — «золотой запас» пролетарской культуры, грозный арсенал оружия, которым мы вели борьбу против капитала.

Юбилей Демьяна Бедного—не именины, не академический юбилей. Это праздник борьбы, военный смотр наших рядов с командной вышки ее славнейшего бойца. Творчество Демьяна Бедного учит всех нас подлинно пролетарскому служению делу своего класса на фронте литературы.

Мы шлем свой горячий товарищеский привет Демьяну Бедному.

Да здравствует великий пролетарский поэт Демьян Бедный!

МАПП В БОРЬБЕ ЗА РЕКОНСТРУКЦИЮ ТРАНСПОРТА

В помощь ликвидации прорывов на транспорте секретариат МАПП организует на всех узловых дорогах бригады пролетписателей и литкружковцев. Руководство работой бригад возложено на Центральный штаб, в который входят: тт. Киршон, Грудская, Боровой, Гринь, Оболышков и Коган.

МАПП заключил договор с Облотделом союза транспортников, в силу которого МАПП обязуется взять на общественный буксир железнодорожные культучреждения, усилить и закрепить работу литкружков в стенных газетах, многотиражках и клубах (по линии развития кружков самодеятельности). МАПП обязуется представлять Облотделу ежедневные сводки о работах бригад. Облотдел союза со своей стороны берет на себя все материальные расходы, связанные с работой бригад на дорогах.

По всем дорогам прикреплены бригады литкружковцев и писателей-профессионалов. На Савеловской дороге работают Ельфимов и Катаев; на Курской — Гольцберг и Добровольский; на Брянской — Перегон, Киреев и Почтарев; на Павелецкой—Ив. Молчанов; Казанской — Л. Дорошин и Саша Красный; Северной — Шрецер.

На Савеловской, Курской, Казанской и Северной дорогах бригады уже приступили к активной работе. Отстают бригады Павелецкой и Брянской дорог. Бригады, прикрепленные к Октябрьской, Белорусско-Балтийской и Винодавской дорогам, халатно относятся к своим общественным обязанностям и до сих пор не приступили к работе.

ТВОРЧЕСКАЯ МОБИЛИЗАЦИЯ ЛОКАФ

В творческую мобилизацию ЛОКАФ дополнительно включилась после группы — 21 писатель-локафовца, которые присупили к работе по созданию художественных произведений о Красной армии и флоте.

Ряд писателей назначает произведения об РККА уже в этом году. Центральный совет ЛОКАФ направляет всех писателей, включившихся в творческую мобилизацию, в ГИХЛ для закрепления взятых ими тем и заключения договоров с издательством.

Новая группа писателей-локафовцев приступила к работе над следующими произведениями:

А. Тарасов-Родионов работает над военным повестями.

Л. Гумилевский пишет рассказы о воздушном флоте.

М. Каханэ работает над романом из жизни румынских солдат «Инфантерист Георгий».

С. Щипачев пишет стихи о Красной армии.

П. Слетов подготовляет роман о гражданской войне и истории отдельных частей РККА.

Э. Мадорас работает над романом об империалистической войне.

Н. Адуев пишет поэму о техницации РККА.

В. Гомонов работает над романом о царских тюрьмах «Рейка».

О. Колычев пишет поэму «Григорий Котовский».

Ш. Усманов работает над повестью об актюбинском фронте.

Д. Крептюков работает над архангельской эпопеей «У полярного моря».

Д. Фибих работает над романом «Кодчак».

Н. Москвин пишет повесть о военной школе мастеровых.

Н. Панов (Туманный) готовит к печати повесть о гражданской войне на Урале.

В. Авруцкий работает над сборником стихов «4 батальон».

М. Алексеев готовит роман о гражданской войне—«28».

С. Ойслендер работает над поэмой о гитлеровщине и Черноморском флоте.

Л. Иохвед готовит роман о партизанах.

Тов. Фурманский пишет поэму о ОГПУ.

КОНФЕРЕНЦИЯ ПО МАССОВОЙ РАБОТЕ

Массовый отдел ГИХЛ созывает 20—24 мая всесоюзную конференцию по массовой издательской работе. В повестку дня включены: вступительное слово тт. А. С. Бубнова и А. Б. Халатова; доклады Ленина, Магнитогорска, Сельхозгиза, ГИТИ, ГИХЛ, крайоблиселений ОГИЗ, РИО ВЦСПС и Изогиза; доклады о работе Книгоцентра, об итогах и дальнейших задачах массовой работы.

На конференции будут работать секции: по клубам; по организации массовой работы; секция методов изучения читателя; секция для малограмотных и секция по качеству продукции.

Все издательства посылают на конференцию по два представителя от издательства, и по 2 члена редсовета.

ПОЭТУ БОЛЬШЕВИКУ ДЕМЬЯНУ БЕДНОМУ

В ДЕНЬ 20-ЛЕТИЯ ЕГО СЛАВНОЙ РАБОТЫ В БОЛЬШЕВИСТСКОЙ ПЕЧАТИ

НАШ ГОРЯЧИЙ ПРИВЕТ

Федерация об'единений советских писателей шлет горячий привет первому боевому поэту пролетарской революции тов. Демьяну Бедному.

СЕКРЕТАРИАТ ФОСП.

ДОРОГОЙ ТОВ. ДЕМЬЯН!

Секретариаты Всесоюзного об'единения и Российской ассоциации пролетарских писателей приветствуют тебя в день 20-летия твоей большевистской работы.

Ленин учил большевиков всегда, во всякую минуту помнить о миллионах рабочих и крестьян, писать и говорить так, чтобы каждое слово было понятно миллионам. Ты, товарищ Демьян, в своем творчестве выполнял этот ленинский завет.

Многие из твоих стихов стали песнями, которые поет вся страна. На протяжении двух десятков лет твоей поэтической работы ты умел острые вопросы политики, классовой борьбы передать массам трудящихся в ясных, живых, четких и крепких образах. Ты принадлежишь к числу тех пролетарских писателей, которые ближе всех других подошли к выполнению задачи, поставленной партией перед пролетарской литературой: к задаче создания стиля, понятного миллионам.

Ты, товарищ Демьян, сочетал в своем творчестве бешеную страстность с деловой трезвостью. В основе твоих стихотворений, поэм и фельетонов, всегда лежат конкретные факты сегодняшней борьбы пролетариата, его работы и его строительства. Любой конкретный факт социалистической борьбы и стройки ты умеешь поставить в связь с общими задачами рабочего класса, борющегося за коммунизм. Ты никогда не был бесстрастным наблюдателем, ты всегда был в боевых колоннах революционного класса, штурмующего мир. Если тебе и случалось делать те или иные ошибки, — ты умел их по-большевистски признавать.

Пролетарская литература переживает сейчас период решительной перестройки. В массовое пролетлитературное движение вливаются новые кадры передовиков рабочего класса — ударников,— тех, которые завтра станут подлинными хозяевами пролетарской литературы.

Твое место, товарищ Демьян, в этих боевых колоннах пролетарского искусства. Ты, ударник большевистской литературы, будешь шагать в одних рядах с героями социалистической стройки.

В борьбе за большевизацию пролетарской литературы внимательнейшее критическое изучение твоих произведений поможет воспитанию новых и новых кадров художников и бойцов пролетариата.

Твои стихи, дорогой товарищ Демьян, еще долгие годы будут делать свое дело,—дело служения большевистской партии, рабочему классу, миллионам трудящихся.

Секретариат ВОАПП
Секретариат РАПП

УДАРНИКИ — ДЕМЬЯНУ БЕДНОМУ

В день двадцатилетнего юбилея поэта-большевика Демьяна Бедного рабочие-ударники завода «Каучук», призванные к литературе, приветствуют дорогого Демьяна на его боевом посту революционера-агитатора нашей большевистской печати.

Мы, ударники-литкружковцы, даем обязательство также по-боевому перекинуть свое творчество на службу социалистического строительства и изучить творческий и революционный путь пролетарского поэта-большевика Демьяна Бедного.

Литкружок завода «Каучук».

***

Демьяну Бедному — поэту-большевику в день 20-летнего юбилея участия в большевистской печати — пролетарский привет! Мы заверяем тебя, Демьян Бедный, что будем твердо бороться за пролетарскую литературу, за дело пролетарской революции.

Литкружок «Электрозавода»

***

Кружок рабочей критики «Рост» шлет тебе горячий привет. Мы знаем, что 20 лет твоего участия в большевистской печати — эти 20 лет борьбы с гигантом капитализмом, это 20 лет борьбы за дело рабочего класса.

Мы заверяем тебя, — что будем твердо и непоколебимо бороться на фронте пролетарской литературы, беря с тебя — поэта-большевика — пример.

Кружок рабочей критики «Рост»

Демьяну Бедному, тому кто среди нашей поэзии и дум выразитель верный», шлем мы горячий привет.

В продолжение 20 лет ты вместе с нашей большевистской партией работаешь для революции. Твой стих, в пресном наряде которого нет блеску», понятен всем нам, ударникам и колхозникам советской страны. Он помогал нам в годы гражданской войны одолевать врагов; теперь он помогает нам строить социализм.

Пролетарский привет т. Демьяну Бедному в день его 20-летней большевистской деятельности.

Механический цех завода им. Ильича

***

Литературный кружок машиностроительного завода «Красная Пресня» приветствует тебя, т. Демьян Бедный, в день 20-летия твоей литературной работы.

20 лет тому назад ты начал свою работу в большевистской печати. Произведения твои, написанные простым языком, проникли в самую гущу рабоче-крестьянских масс, помогая им в их революционной борьбе.

Остачайся и в дальнейшем таким же бойцом за социализм, каким знают тебя миллионные массы нашего Союза.

Литкружок завода «Красная Пресня»

ЛИТБРИГАДА ИМЕНИ ДЕМЬЯНА БЕДНОГО

В результате первой встречи Демьяна Бедного с ударниками, начинающими в литературу, «Комсомольская правда» организовала литбригаду имени Д. Бедного. В литбригаду вошло 40 человек, из них 95 проц. — рабочие-ударники.

Основная задача литбригады — привлечь ударников к оперативной работе в редакции газеты, дать им литературную практику в газетной работе, повысить их общий политический и культурный уровень.

Из числа участников литбригады им. Демьяна Бедного уже выявлен ряд одаренных, начинающих рабочих-писателей и поэтов: т. Баранов, Крейндель (завод АМО), **А. Чурсин** (рабочий-литфаксвец), **М. Спиров** (завод № 5), **Л. Рахманин** (Шерстяной). Произведения этих ударников печатались в литстраницах «Комсомольской правды».

Литбригада им. Демьяна Бедного выделила группу в составе ударников-авиаторов тт. Крейнделя и Пугачева, которая вместе с А. Жаровым была командирована редакцией «Комсомольской правды» на ликвидацию прорывов в шахтах Донбасса. Члены литбригады побывали на Донбассе, где провели, выступая на комсомольских рабочих собраниях и помогли проведению призыва ударников в литер ряды. В местной рабочей газете члены литбригады поместили ряд своих произведений.

Для участия в проведении творческого смотра МАПП литбригада им. Демьяна Бедного выделила 9 рабочих-ударников. Кроме того, 3 ударника — члены литбригады выделены для организации выставки творчества Демьяна Бедного при Литмузее Ленинской публичной библиотеки.

Литбригада приступила к детальному изучению творчества Демьяна Бедного.

Совместно с литотделом «Комсомольской правды» бригада приступила к подготовке сборника произведений ударников литбригады им. Демьяна Бедного. В работе участвует издательство «Федерация», выделен член литбригады Демьяна Бедного т. Баранов.

ЧЕМУ НУЖНО УЧИТЬСЯ У ДЕМЬЯНА БЕДНОГО

Демьян Бедный мой любимый писатель давно. Помню, еще в школе я разучивал его стихи.

В момент большевизации поэзии у Демьяна Бедного есть чему учиться. Его поэзия откликается на все злободневные факты жизни и борьбы пролетариата. Поэзия Демьяна направлена в ту же цель, куда бьет пролетариат. Он умеет видеть классового врага и призывать его к столбу для всяких выкрутасов. Демьян понятен миллионам. У него оружие составлено на злобу пролетариата, его борьбы и ненависти.

Мы, молодежь, должны этой техникой умения видеть и изображать — овладеть. Комакадемия сделала правильно, поручив рабочим-ударникам написать просто, понятно книжки «Чему нужно учиться у Демьяна Бедного» и др. Рабочие еще мало знают о наших героях большевистской эпохи. Порой он не в силах разобраться в технике острого оружия поэзии, но это нужно и необходимо. Я сейчас читаю книжку «Чему нужно учиться у Демьяна Бедного», прорабатываю материалы, читаю статьи, вдумываясь в каждую строчку стихов Демьяна. Демьян встает как живой со всем разнообразием его приемов.

Мы против принципа, как говорил Ленин: писатель пописывает, а читатель почитывает. У нас писатель и читатель неотделимы. Интересы одинаковы. Звуки и шорохи в умении слышать и видеть, как вырастает Демьян Бедный, будут прочтены у истоков новой бурно растущей жизни.

В 20-летнюю годовщину славной большевистской работы, Демьяну Бедному мой горячий привет.

А. ТЮЛЬПАКОВ
Завод «Серп и молот»
Литкружок «Вальцовка»

НА СЕКРЕТАРИАТЕ ФОСП

● На последнем заседании секретариата ФОСП был заслушан доклад представителей Ленотдела ФОСП о незаконной ликвидации ленинградских писательских организаций. Отметив работу ленинградских писателей по призыву укрепить связь с литературу и участие писателей в ликвидации прорывов, представители ЛенФОСП подчеркнули необходимость более тесного контакта с московскими писательскими организациями и постоянного обмена опытом. Ленинградские товарищи отмечают, что работа ЛенФОСП в целом ряде важных литературно-политических кампаний оказалась не совсем удовлетворительной.

● По вопросу о Литфонде представители Ленинграда сообщили о том, что у них принято решение о взятии его в качестве опыта в систему профорганизации, которая в Ленинграде достаточно сильна.

● Принято постановление об организации специального вечера, посвященного творчеству Демьяна Бедного в связи с двадцатилетием его работы в большевистской печати.

● Секретариатом ФОСП создана комиссия для подбора литературного материала к художественному показу героев пятилетки.

СЕГОДНЯ ЛИТЕРАТУРНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ

● В ЦЧ научного работника состоялся 17 мая доклад **И. Нусинова** о творческом методе **М. Горького**. Подробно разобрав творческий путь Горького, докладчик охарактеризовал этот путь как процесс становления диалектического творческого метода пролетарской литературы.

● 26 мая созывается бюро секретариата ВОПКП с участием актива МОПКП, представителей ЛОКАФ и членов ВОПКП, состоящих в ЛОКАФ. На заседании будут заслушаны следующие доклады: О работе ФОСП — Г. Корнеса; о работе Литфонда — А. Богданова; о работе издательства «Федерация» — Г. Шульца и А. Зуева.

● При Ленинградской АПП начала выходить с 1 мая пятидневная литературная газета «На посту». Газета ставит своей целью освещение вопросов литературной политики, учебы ударников, пришедших в литературу, и творческих вопросов.

● Массовая творческая группа РАПП «Кузница» организует в течение мая-июня цикл докладов на творческие темы. Первый доклад — **В. Арамилова** «О жанрах пролетарской литературы»— состоится сегодня.

Доклады происходят в редакции журнала «Кузница»—«Пролетарский авангард» (Рубинский пер., ном. 74) в 7 ч. веч., по 10, 20—30 числам. Приглашаются все желающие члены РАПП.

● Пленум ВССП обратился к **А. Халатову** с просьбой принять меры к недопущению дальнейшего уменьшения бумажных норм ГИХЛ и обеспечению издательств бумажными ресурсами.

● Пленум ВССП заслушал проект нового устава ВССП, который предусматривает создание единого центрального правления союза. Пленумом избраны комиссии—в составе **В. Гольцева, Н. Огнева и Н. Шипяра**, которая подготовит материалы к утверждению нового устава ВССП на осенней всероссийской конференции.

● В МХТ состоится 21 мая «Утренник Горького», на котором артистами МХТ будут прочитаны отрывки из пьес Горького и прозаические отрывки из его произведений.

❖ Центральный совет ЛОКАФ организовал 10 мая литературный вечер в Театральном доме Красной армии для делегатов всесоюзного картографического совещания. На вечере с чтением своих произведений выступили писатели-локафовцы.

❖ Секретариат ЛОКАФ организовал поход писателей-локафовцев (в составе двух отделений) на лыжах в верховья реки Москва-реки.

❖ Делегация секции краеведов ВССП в составе **Вс. Иванова, К. Большакова и Н. Анова** посетила Колхозцентр СССР и имела беседу с зам. председателя Колхозцентра СССР т. **Татуевым** по вопросу о направлении писателей-краеведов в колхозы и совхозы СССР для создания художественных произведений о колхозном строительстве. В ближайшее время секция краеведов ВССП пошлет через Колхозцентр СССР 10-15 писателей в колхозы и совхозы Советского союза.

● Секция переводчиков ФОСП организовала 8 мая вечер, посвященный творчеству Гейне. С докладом «Гейне как мыслитель» выступил **А. В. Луначарский**. О встречах Гейне с Карлом Марксом рассказал А. Дейч. С чтением своих переводов Гейне выступили члены секции: тт. **Мушникова, Кудимов, Шервинский и Дейч**. В художественной части выступили артисты тт. Веснина, Розенель, Орочко, Садовников.

● Специальное совещание секретариата ФОСП заслушало сообщение представителей ленинградского мостовика писателей тт. **Ел. Тагер и Н. Волина** о перспективах поездок ленинградских писателей в районы крупных строительств. Участники совещания отметили, что в Ленинграде отсутствует планирование писательских поездок. **Ленотдел ФОСП находится в стороне от этого дела.** Секретариат ФОСП обращается в Госплан СССР с просьбой дать директиву Ленсовнархозу и другим планирующим хозяйственным организациям о посылке писателей на строительство. ФОСП дает также соответствующую директиву ЛенФОСП и литорганизациям о создании писательских бригад и планировании их поездок в районы строительства.

● ЦС ЛОКАФ совместно с ПУР и ЦДКА организуют агитбригады писателей, которые в конце мая выезжают в лагерные сборы частей Белорусского, Украинского и Северо-Кавказского округов.

ВЕСТИ ИЗ-ЗА РУБЕЖА

СПОРЫ О ЛИТЕРАТУРЕ И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ В АМЕРИКЕ

Судьба индивидуализма в наше время и проблема о взаимоотношениях между действительностью и свободой недавно явились предметом большой дискуссии в литературном мире Америки.

Джон Дьюи,* принимавший участие в этом диспуте указал, что старый индивидуализм умер и что теперь задача каждого мыслителя — осознать новое место, занимаемое индивидуумом в современном мире. Но Джон Дьюи стоит особняком, другие же американские философы и писатели за немногими исключениями, совершенно игнорируют происшедшую перемену во взаимоотношениях личности и общества. А перемена эта есть. Свобода в том смысле, как ее понимали в начале нынешнего века, постепенно исчезает из жизни Америки. Все те «свободы», которые когда-то казались неотъемлемой принадлежностью американского индивидуализма, теперь просто не существуют. Об этом падении свободы говорит Эрнест Сутерланд Бейтс в книге «Эта страна свободна».

Не менее показательна недавно напечатанная в либеральном журнале «Нью-Рипаблик» статья одного из его редакторов Эдмунда Вильсона. Вильсон приводит ряд потрясающих примеров несостоятельности индивидуалистического либерализма в Соединенных Штатах и утверждает, что только коммунизм, как единственное средство от всех бед современной Америки.

Эта дискуссия была поднята в тех кругах литературного мира, которые совершенно находятся за пределами «чистой» литературы и где социальная действительность дает о себе знать гораздо сильнее. В области же беллетристики полезное критическое отношение совсем отсутствует. Достаточно сказать, что внешняя эстетическая точка зрения все еще является живительницей, основным вопросом и ей посвящаются целые книги, как напр., книга Маргарет Андерсон «Моя тридцатилетняя война».

Символ веры Маргарет Андерсон, вся ее философия заключается в следующих словах: «Мой величайший враг — действительность, и я успешно боролась с ней в течение тридцати лет».

Вот в какой борьбе говорит Маргарет Андерсон, о борьбе против действительности, но она боролась, орудуя ее. Как будто, если пытаться убежать от действительности, тем самым не становишься еще больше ее рабом! Маргарет Андерсон даже в голову не приходит, что надо изменить действительность, надо управлять ею.

К «Моей тридцатилетней войне» вылилось отношение к искусству не только самой Маргарет Андерсон, но и целой школы писателей, так называемых «экспериментальных», десятых и двадцатых годов нашего века. Они выступили против действительности, потому что они ее боялись. Вместо того, чтобы сражаться с действительностью и стремиться изменить ее, они пытались отрицать ее, думая, что таким образом она не существует. Отсюда — абсурдные крайности, к которым неизбежно приводили их теории.

Борьба Маргарет Андерсон против действительности постепенно теряет свое влияние, но ее учение о бегстве от действительности еще находится в полной силе.

Подобная же философия лежит в основе книги Энергетта Дьюи Мартина «Свобода». Как М. Андерсон, так и Э. Мартина очень занимает вопрос о свободе, первую — о свободе в искусстве, вторую — о свободе в жизни. Их рассуждения проникнуты типичным интеллигентским самомнением. Э. Мартин считает, что мы можем достигнуть свободы только через культуру. М. Андерсон считает, что только через искусство. Но они не понимают, что «свобода», составляющая предмет их мечтаний, совершенно немыслима в современном капиталистическом обществе.

В. Ф. КАЛЛИНГТОН
Перевод с английской рукописи
К. Каминской

* Американский философ, самый яркий и талантливый буржуазный педагог.

Выступление Демьяна Бедного на перекомандном митинге у горы Атач.
Рядом с ним справа—начальник магнитогорского строительства т. Гугель

За пять дней

ПЕРВАЯ СВОДКА

Десятидневка прошла со дня опубликования обращения секретариата РАПП о показе героев пятилетки. Несомненно, что за это время политическая важность сумеет этой задачи усвоены огромным большинством работников литературы и искусства, лозунг этот уже дошел до широкого круга массового пролетлитературного движения.

Есть тема о примерах настоящей, боевой работы. Мы не говорим уже об издательстве ВЦСПС, которое было своей предыдущей деятельностью подготовлено к показу героев пятилетки и сейчас широко и показательно эту работу развернуло. Нельзя не отметить также статьи «Рабочей газеты», бодро откликнувшейся и правильно начавшей — созыв всесоюзного совещания рабочих корреспондентов, разбор заявок, договор на книжку. Всерьез взялись за дело рапповские журналы. Наконец, значительная работа проделана МАПП. Десятки писателей и кружковцев уже пишут книжки, рассказы, очерки. Мы отсылаем читателя к заметке о «Поповской смене» (2 стр.), из которой он легко убедится, насколько серьезно подходят товарищи к поставленной перед ними задаче.

Однако, в общем плане, эти успехи еще незначительны. Совершенно очевидно, что включились отдельные кружки, а на все. Это относится даже к Москве. Из провинции сведений почти нет и это одно уже свидетельствует о недостаточно ответственном отношении к данной работе. Не охвачены еще полностью даже те предприятия и рабочие, которые награждены орденом по Ленина. Практически мало сделано по линии ВОАПП, а также других организаций, входящих в Федерацию писателей. ВССП в первую очередь. Мы подчеркиваем: практически подразумевая под этим также то, что в этих организациях не создано той боевой атмосферы, которая безусловно есть в РАПП. Позорно плетется в хвосте большинство литжурналов, совершенно обычно, с холодком принимают это дело издательства.

Но этому всему мы фиксируем внимание именно на недостатках. Темпы должны быть во много раз усилены.

Необходимо добиться настоящей ударности в осуществлении задачи показа героев пятилетки.

СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ НА ПЕРЕЛОМЕ

Вчера закончился объединенный пленум правлений Московского, Ленинградского и Сибирского отделов союза советских писателей. Он несомненно призван сыграть большую роль в жизни союза. Это определяется как тем, что данный пленум является исходной точкой для развертывания подготовки к осенней всероссийской конференции ВССП, которая должна будет пересмотреть и по новому осмыслить пройденный союзом путь, так и тем, — и это выплывает из первого положения, — что на пленуме отчетливо и резко был поставлен вопрос, что же в данное время представляет собой союз советских писателей, он реализует ли он ресурсы, заложенные в союзе советских писателей, он делает это достаточно. Это позволяет по-сих пор культивироваться в союзе правым настроениям, этим пользуются чуждые ВССП люди.

На самом пленуме отчетливо были видны две линии. Одна группа, представленная писателями практически перестраивающимися, стоящими на позициях пролетарской литературы, или готовящимися себя к этому, резко критиковала теперешнее состояние ВССП, но весь рост, беспокоясь за судьбу своей организации, ставила вопрос о перспективах союза, видя их в полном перевооружении, фактическом овладении и борьбой рабочего класса за социализм; другая группа обязанные пытались организовать наскоки на обычно-мелко-буржуазное представление о роли писателя, на старый союз.

Пленум не вышел за этой второй группой, он пошел за основными своими кадрами. В этом свидетельство того, что союз советских писателей вступает в новый решающий период своего развития.

РАПП НА БОЕВОЙ ПРОВЕРКЕ

В РАБОТУ ПО ХУДОЖЕСТВЕННОМУ ПОКАЗУ ГЕРОЕВ ПЯТИЛЕТКИ ВКЛЮЧИЛИСЬ ЕЩЕ НЕ ВСЕ

ДОВОЛЬНО БЛАГОДУШЕСТВОВАТЬ

МЫ СПРАШИВАЕМ

ЛИТКРУЖОК ЭЛЕКТРОЗАВОДА!

Что ты сделал, чтобы помочь выпустить литературу о героях твоего завода, награжденных „орденом Ленина"?

БРИГАДЫ МАПП НА ТРАНСПОРТЕ!

Вы должны дать художественные портреты т.т. Андрианова Е. П., Коньков К. А., Петросова И. К., Панова Н. Г.— бардов социалистического транспорта.

АПП АЗЕРБАЙДЖАНА!

Страна ждет своих писателей о 55 героях Апшерона, награжденных „орденом Ленина".

ЧТО СДЕЛАЛИ ОСТАЛЬНЫЕ?

РАПП В ПОХОДЕ

Митинги-литгруппы на Электрозаводе, «Серпе и Молоте», «Самоточке», Заводе им. Дзержинского, заводе № 1 и др. включились в культпоход и готовят коллективные книги о лучших ударниках. На все последние деньги посылаю бригады, которые будут писать о лучших ударных транспорта.

Весь пленум правления МАПП мобилизован за проведение кампании. Восемь комиссий пишут книги по заданию МАПП. И. Новиков — об ударниках Донбасса; Маркотун — о второй образцовой типографии; Смольков, Полонский и Лежнев — об ударниках завода № 1. МАПП мобилизованы писатели: Шагинян — книга об ударниках АМО; Шведов — об ударниках «Серпа и молота», Галкине; Исбах и Рейнов — об ударниках Баку; Яценко — об ударниках завода им. Ильича; Галин и Молчанов — о лучших ударниках Сталинградского Тракторостроя; Полевой — об ударниках Бобруйского комбината; Гусев, Эзоп, Гольцберг, Фэйн, Чужак и Сипягин — об ударниках транспорта; Жига — о героях Донбасса; Ф. Гладков — о Днепрострое; Панферов — о МТС зоны Сталинграда; Березовский — о Ленинграде; Грин — об ударниках автомобильного завода им. 1905 г.; Бабаевский — о ударниках Красной армии (от каждого полка по 2 героя); Хазанов — о героях Гатчины; Фридман — об ударниках «Самоточки». Пишут книги о красноармейцах «Мосметростроя».

По ударному включился в работу литкружок завода им. Дзержинского. Кружковцы работают над портретами премированных 1 мая ударников. Готовы и разобраны на кружке 15 портретов. Портреты обсуждаются и правятся. Всю работу кружок предполагает закончить к 15 июля.

В ближайшее время в заводской газете будут печататься очерки литкружковцев об ударниках.

Бригада «Литературной газеты»: Л. ГЛАДКОВ, Я. ХЕЙФЕЦ (Кружок рабочей критики «РОСТ»)

НЕ „НАМЕЧАЕТСЯ", А СДЕЛАНО!

Издательством ВЦСПС проведена большая работа с рабочими-авторами. Выпускается серия книг об ударниках, награжденных орденом Ленина и Красного трудового знамени. Издательство помогает авторам в составлении плана книг, прикрепляя к литературному редактору. Особая помощь оказывается также литературно оформлять материал.

Тесная связь взяла с Ленинградом, Баку и Грозным.

Издательством заключены договоры с рабочими-ударниками 17 очерков о героях пятилетки. Почти на всех крупных строительствах заключены договоры с лучшими ударниками. Тесная связь путем переписки с рабочими-авторами говорит о том, что издательство сумеет закончить авторские кадры.

В серии книг о лучших ударниках.

Бригада «Литгазеты»: Я. ХЕЙФЕЦ, Л. ГЛАДКОВ

ЗА КОНКРЕТИЗАЦИЮ РАБОТЫ КРУЖКОВ

Бригада кружка рабочей критики «РОСТ» обратилась недавно с письмом к районным бюро МАПП по вопросу об их участии в конкурсе, объявленном РАПП. Во всех этих районах работа уже кипит.

ЗАМОСКВОРЕЦКИЙ РАЙОН

При районном МАПП организована штаб по проверке участия литкружков в конкурсе и выявлению творческих сил литкружковцев. **12 рабочих-литкружковцев начали писать книжки о героях пятилетки.**

Литкружок завода им. Ильича и «Пятрижской коммуны» постановили к ударным срокам издать **литературно-художественный сборник**, который включит очерки лучших ударников.

ПРОЛЕТАРСКИЙ РАЙОН

В конкурс включился весь личный состав литкружка «Вальцовщик» (завод «Серп и молот»). Два кружковца с завода «Динамо» пишут книжки о героях пятилеток. В ближайшем плане о почерке будет представлен из всех кружков.

СОКОЛЬНИЧЕСКИЙ РАЙОН

На заводе им. Матюшкова состоялось заседание литкружка с участием помощника директора и бригадиров. Был поставлен вопрос о конкурсе. **Кружок приступил к работе над книгой очерков о лучших ударниках.**

Кружок при школе ФЗУ им. Ильича пишет книгу об ударниках. Книгу о героях заводских клубов и литкружков при агрофабзаводах.

В плане о конкурсе обсуждался литкружком Северной железной дороги. В связи с расширением деятельности железной дороги, вопрос приобрел особенную остроту и актуальность. Кружок поставил себе задачей показать на фоне крупнейших изменений натуральное социалистической стройки.

В других крупных районах — всего их 12 — **почти ничего еще не сделано.**

СТАЛИНСКИЙ РАЙОН

При районном МАПП организована районная литконсультация. Произведения, лучше всего показывающие героев пятилетки, будут обсуждаться на литкружках.

Бригады Электрозавода работают над книгой о 25 ударниках. Одна из них будет книга об ударниках социалистического строительства. Литкружковцы некоторых заводов (завод имени Ленина, Электрозавод) взялись за написание книжек.

Общим для всех районов является то, что **не все литкружки включились в конкурс.**

Штабы всех районов — разработать на своих местах конкретные планы участия в конкурсе литкружков.

Бригада кружка рабочей критики «РОСТ».

БОЕВЫХ ТЕМПОВ НЕТ

Газеты и журналы расначинаются слишком медленно

Редакция журнала «Октябрь» организовала две писательские бригады. Первая бригада выехала в Баку. В нее вошли А. Исбах, В. Ревич, М. Юрий. Вторая бригада в составе Ф. Панферова и В. Шишкова выезжает на Кубань. Обе бригады пробудут в районах строительства полтора месяца. В составе бригады «Правды» на Сталинградском тракторном работает пролетарский писатель Ю. Либединский. Б. Галин и Л. Ильин. Материал этих писателей об ударниках также будет печататься в журнале «Октябрь»—в отделе «Жизнь за ходу».

***

«Работница и крестьянка» совместно с РАПП организовало соревнование своих рабочих-корреспондентов. Они будут посылать в редакцию отображение в очерке героев социалистического труда. В соревновании примут участие 60 корреспондентов, в том числе не менее 30 из фабрично-заводских.

Областные рабочие писатели и поэты при «Рабочем клубе» сформировали или организовали свои специальные литгруппы, чтобы собрать на своих предприятиях материал и написать ряд очерков о героях пятилетки.

«Рабочий клуб» поощрил договор с РПО ВЦСПС об издании книги очерков рабочих-ударников.

***

Далеко не все журналы и газеты поздно тронулись. Все «Рабочая газета», «Красная новь», «Печать и революция» до сих пор обсуждают вопросы РАПП даже на редакционных совещаниях, а никакого «плана» в повороте к пятилетке у них нет.

«Не литературный поход» забыт по реализации обращения РАПП развернулся. В ближайших номерах журнала будет помещена программа того, как мобилизуются на прием РАПП отдельные группы и ассоциации. Особое внимание будет уделено проверке в этом смысле работы ЛАПП и МАПП.

В ближайшем номере журнала «Печать» будут напечатаны очерки о семи ударниках, награжденных орденом Ленина и Трудового Красного Знамени, а также очерки о героях пятилетки. Редакция журнала сообщает специальное сообщение о ударниках-писателях по вопросу о создании цикла произведений о героях социалистического труда. К активному участию в этой работе журнала привлекаются литкружки Электрозавода, «Серпа и Молота», АМО. Специальная бригада журнала «Печать», выезжающая в Тулу, развернет работу среди местных пролетписателей и литударников. Журнал окажет также всякую деятельную помощь подшефной бежицкой АИЦ и заводу «Красный профинтерн».

«Литотдел «Комсомольской правды» еще не включился по-настоящему в работу по реализации обращения РАПП, не обсудил этого вопроса, не разработал конкретного плана. Литотдел и литбригада «Комсомольской правды» не связались с МАПП для совместного создания художественных произведений о лучших ударниках-краснознаменцах.

Начало этой работы положено тем, что двенадцать с отдельными поэтами Урало-Кузбасса об отображении в стихах новостроек и их трудовых героев.

***

«Советские всех стран» посвятит в настоящем году проверку выполнения постановления ЦК ВЦИК о писательском партийном деле. Особое внимание этой проверке будет уделено вопросу об отражении в его ударничестве. Газета разошлет своим специальное обращение по вопросам участия работников искусств в реализации обращения РАПП.

Мы надеемся, что этими мероприятиями массовая газета по рабочим вопросам не должна ограничиться. Надо не только поверять критике бездеятельность театральных и кинематографических организаций, но и помочь им.

А. К.

КРАСНАЯ КНИГА ЛОЗОВЩИНЫ

ЛОЗОВАЯ, 15. (По телеграфу). Районный слет призывает к литературе, ударников хочешь и сколько. Лозовщина приветствует обращение секретариата РАПП.

Заканчиваем красную книгу Лозовщины, в которой покажем стране лучших ударников, героев социалистических полей. ВУСПП должен помочь нам достойному перестроить пролетарско-колхозную литературу, стать в ней рапповским бункером.

СЛЕТ ЛИТУДАРНИКОВ.
ЛИТГРУППА «ТРАКТОР», ЛОЗОВАЯ.

КИЖЕВЩЫ

РЕАЛИЗУЮТ ОБРАЩЕНИЕ РАПП

Тридцать кижевцев-литкружковцев в ответ на обращение РАПП о художественном показе героев пятилетки пишут очерки об отдельных ударниках и бригадах имени Горького — энтузиастах социалистического труда. Уже написаны 8 очерков о лучших ударниках Мытищенского вагоностроительного завода и нескольких новостроек Москвы.

В ближайшее время кижевцы, работающий над очерками, издает при посредстве МАПП брошюру об ударниках-героях пятилетки.

СОЗВАТЬ ВСЕСОЮЗНУЮ КОНФЕРЕНЦИЮ КРАСНОЗНАМЕНЦЕВ ТРУДА И ОБОРОНЫ

В массовый поход на широкий художественный показ в литературе героев пятилетки уже включились отдельные ассоциации и клубы писателей и фабрично-заводские кружки. Издательство ВЦСПС приступило к подготовке ряда сборников о героях пятилетки.

Этот поход вызовет несомненно новый мощный подъем пролетарского литературного движения, обогатит пролетарскую художественную литературу.

В связи с этим нам важно своевременно поставить и вопрос о героях Красной армии и флота.

О героях Особой Дальневосточной.

Литература о гражданской войне у нас сравнительно богата, но об отдельных конкретных ее героях написано мало. О Ворошилове, Буденном, Фрунзе, Чапаеве, Фурманове, о красных командирах и красноармейцах — написано мало, очень мало.

Еще меньше дала художественная пролетарская литература о героях Красной армии и флота, ударниках, красных командирах периода социалистического строительства. Их «семьи, отчества и фамилии» должна знать вся страна.

Восполнить этот пробел может ЛОКАФ. Создание необходимо, чтобы и ЛОКАФ включился в поход, объявленный РАПП по linии героев пятилетки.

Вместе с тем следовало бы подумать о книге — лучше всего к предстоящей годовщине Октября — Всесоюзной конференции красноармейцев Красной армии и ударников, награжденных орденами Ленина и Трудового Красного Знамени.

Эта всесоюзная встреча краснознаменцев дала бы огромное воспитательное значение, помогла пролетарскому обществу, всем его организациям и коллективам, начиная от заводов, фабрик, совхозов, колхозов и кончая воинскими частями, по-настоящему оценить героизм и мужество красноармейцев труда и обороны, их выдержку, их умение преодолевать трудности, их волю к победе.

Надо добиться, чтобы и участники этой конференции краснознаменцы труда и обороны почувствовали всюду за плечами беспримерную, за плечами пятилетки, за плечами стахановского движения, за плечами новых славных дел своей родины.

Надо, чтобы и книга о конференции краснознаменцев труда и обороны была написана ударниками, героями пятилетки.

Ю. ПР—Н.

СОЗДАДИМ МАССОВУЮ ПЕСНЮ

О ГЕРОЯХ ПЯТИЛЕТКИ

Секретариат российской ассоциации пролетарских музыкантов, считая необходимым призвать все творческие силы ассоциации к музыкальному отображению социалистического труда, к конкретному показу героев пятилетки — передовых ликвидаторов и ударников, награжденных орденами Ленина и Красного трудового знамени, постановил: считать всех композиторов — членов МАПМ мобилизованными для выполнения этого задания; включить композиторов в бригады, отправляющиеся на передовые предприятия; привлечь ближайшую популяризацию этой работы; обратиться к РАПП с предложением провести социалистическое соревнование композиторов и поэтов по вопросу о массовой и массовой песне и монументальных хорах героев пятилетки; провести через журнал «За пролетарскую музыку» массовое творческое соревнование музкружковцев по лучшую песню об ударничестве и героях пятилетки; предложить всем рабочим кружкам РАПМ связаться с местными литкружками РАПП для совместной работы по выполнению этого задания; обратиться в ассоциации союзных республик с предложением принять участие в музыкальном отображении героев пятилетки.

„НАПОСТОВСКАЯ СМЕНА" ДЕРЖИТ ЭКЗАМЕН!

Год готовил к своей передовой задаче всё члены творческой группировки молодых рапповских сил.

Категорическим поэтому выдвинут на ближайшем занятии дирекцией лозунг: «С теми товарищами, которые не смогут сдружиться с возложенными на них конкурсом задачами, придется расстаться».

Каждый «напостовец» получит от группы устное и конкретное задание. И срок выполнения его — один месяц.

Критические силы этой творческой группировки будут работать над редактированием творческого материала, художественно отображающего героев социалистического труда. Они же обязались давать критическое освещение в печати всех книжек, дающих портреты героев пятилетки.

ЗА СОВЕТСКОГО ПИСАТЕЛЯ

СОЗНАТЕЛЬНОГО УЧАСТНИКА

ПРОЛЕТАРСКОГО КОЛЛЕКТИВА

НА ОБ'ЕДИНЕННОМ ПЛЕНУМЕ ПРАВЛЕНИЙ МОСКОВСКОГО, ЛЕНИНГРАДСКОГО И СИБИРСКОГО ОТДЕЛОВ ВССП

В конце мая в Московском областном отделе союза писателей состоялся совместный пленум правления Московского, Ленинградского и Сибирского отделов ВССП. Пленум собрался для подведения итогов работы за 1931 год и для обсуждения вопроса о перестройке работы ВССП в связи с решениями ЦК ВКП(б) о перестройке литературно-художественных организаций.

Доклад о работе Московского отдела ВССП за 1931 год сделал П. Павленко, а доклад о перестройке работы ВССП — Ф. Гладков.

Пленум открыл выступлением докладчик П. Павленко, в докладе и в прениях которого было в первую очередь подвергнуто резкой критике то, что еще два года назад союз писателей стал называться Союзом советских писателей, он совершил еще недостаточно резкую, недостаточно решительную общественно-политическую перестройку.

Как положительный факт в деятельности ВССП т. Гладков справедливо отметил образование известного общественного актива писателей и в Москве и в Ленинграде, [illegible] «Ленинградская правда» [illegible] к обсуждению [illegible] литературно-[illegible] и приступила к [illegible] работе ВССП, [illegible] в работе [illegible] и в работе ФОСП.

[illegible] отметил [illegible] руководящих [illegible], — подчеркивает Б. Горбов, — [illegible] ВССП от [illegible] всех [illegible] писателей [illegible] в [illegible] ВССП.

Доклад т. Гладкова вызвал [illegible] дискуссию. [illegible] Ленинградского, Московского и Сибирского отделов ВССП.

Пленум отделил выступлением докладчика П. Павленко, в заключительном слове которого было в первую очередь подчеркнуто, что несмотря на то, что еще два года назад союз писателей стал называться Союзом советских писателей, он совершил еще недостаточно резкую, недостаточно решительную общественно-политическую перестройку.

Разногласия вызвал третий значительный доклад, доклад о перестройке работы ВССП, сделанный т. Чертовым, докладчица [illegible] отсутствием работы [illegible] ВССП.

Пленум отделил выступлением докладчика П. Павленко, в заключительном слове которого было в первую очередь подчеркнуто, что несмотря на то, что еще два года назад союз писателей стал называться Союзом советских писателей, он совершил еще недостаточно резкую, недостаточно решительную общественно-политическую перестройку.

Разногласия вызвал третий значительный доклад, доклад о перестройке работы ВССП, сделанный т. Чертовым, докладчица [illegible] отсутствием работы [illegible] ВССП.

ПЛЕНУМ ВССП

До 1929 г. ВССП был непрофессиональной творческой организацией советских писателей. Творческой организацией советских писателей не стал ВССП еще и сейчас.

Проведенная в 1930 году чистка не затронула писателей, оторвавшихся от активных позиций, их участие в основных мировых кампаниях и фронтах классовой борьбы. Перестройка писателей ВССП [illegible]

— Но сейчас, — говорит П. Павленко, — мы [illegible] и мы должны [illegible] и мы должны [illegible]

Перспективные [illegible] и общественной работы, [illegible] хорошего [illegible] вызвал [illegible] — [illegible] ВССП [illegible] писателей, [illegible] Ленинграде и Сибирского [illegible], [illegible] на которых имеет советская [illegible] правления. Очень [illegible] [illegible] ВССП [illegible] [illegible] [illegible]

СРЕДИ КНИГ

О ЛИТЕРАТУРНОМ НАЕЗДНИЧЕСТВЕ

По поводу послесловия Кл. Рыжикова к первой книге романа „Лапти" П. Замойского

В «Ленинской библиотеке» ГИХЛ в 1931 году вышла первая книга романа «Лапти» П. Замойского. Обычно бывал какой порядок, что при необходимости предостеречь читателя от каких-нибудь слабых или вредных книг или просто вызвать его к духу дела, немедленно вслед обстоятельное предисловие. К книге же Замойского дали «послесловие», написанное новым Кл. Рыжиковым, в котором автор его на протяжении трех с половиной страниц умудрился «разобрать» не только все сочинения П. Замойского, но и всю крестьянскую литературу.

«Роман «Лапти»,—пишет Кл. Рыжиков,—первый роман Замойского. До него Замойский писал небольшие рассказы, художественная и общественная ценность которых сильно сказалась от того, что писатель изображал в них деревню только со стороны ее быта. Общественно-политическое лицо деревни—наиболее интересное и актуальное для нашего советского времени—рисовалось лишь мелком, мимоходом,—в двух, трех фразах, как нечто совершенно несущественное. **Подлинной** деревне. А подлинная, по Замойскому,—это та, которая живет своим, от века сложившимся мужичьим укладом».

Сказать так про Замойского—это значит сознательно оклеветать его. Обидно, позволительно спросить Рыжикова, взял он, что «подлинная (деревня) это по Замойскому—это та, которая живет своим, от века сложившимся, мужичьим укладом», когда Замойский каждым своим произведением ратует за умение общественные отношения, за политическую мобилизацию, за новый быт, за все то, что является наиболее актуальным для нашего времени? Если бы автор послесловия рассуждал логично, то он должен был после такого «открытия» причислить Замойского к лику кулацких писателей. Но бросим такое пустое обвинение Замойскому. Рыжиков грустно вывел из своих измышлений один вывод, потому что тем самым он почему-то разбивал на себя, свою партийность и беспристрастность.

«В романе нет общественно-политических моментов, проходящих через *Разбег*», — пишет далее «убежденный» Рыжиков. Опять неправда. Тут бы уже на Страстной бульвар сразу влияния не было, и его бы не заметили бы чистильщики, как хорошего. Глубоко-классовый Рыжиков забывает про задачу «лапти», что Замойский, как мелкобуржуазному вахлаку из деревни, сегодня элементарно нельзя быть «бесклассовым», завтра—в «Красной нови», послезавтра—в «Октябре», как «Октябрь»; «Советский писатель» и «Международный образ»—в «Красной нови»; вместо, вначале, сырого материала и «быта» написать тщательный и глубокий подбор его и, главное, внести в них элементы художественности. **Дать злободневный материал, факты и цифры, боевые сводки со всех фронтов борьбы за реконструкцию страны, причем дать все это читателю не в протокольной, а художественной, легко воспринимаемой форме,—вот основная задача «тонкого» журнала.** «Прожектор» ближе всех подошел к решению этой задачи, но из этого не следует «прятаться в кусты» частной неудачи, мириться в «углу». Не стоило не оставлять о «Доте Авдеевых» и «Клюве Клима Самгина» М. Горького. Странно оказывается картина русской литературы по «Краткому очерку»!

Не лучше справился М. Майзель и с **осмыслением** случайно фактического материала. Почти полностью устранив из книги вопросы развития критики, М. Майзель весьма дружественно сосредоточил на нее максимум и немыслимые комплименты. Нередко собственные характеристики литературных явлений он заменяет цитатами из статей Троцкого, Воронского, Полонского, Гольцмана, Гроссман-Рощина и т. п. В ряде случаев Майзель оказывается от всякого суждения о целых явлениях.

«Пинкертоновский антисемитизм, — пишет он, к примеру, — при неделе с разоблачительным и сложнейшим экономическим явлением мы тоже некоторым критикам упрекать Жарова в «обывательстве» и упрощенчестве». Правы или неправы «некоторые критики»? Неизвестно. Впрочем, нередко М. Майзель задает вопросы еще больше.

Вот, например, как он «критикует» ошибки **конструктивизма.** Необходимо, оказывается, не вложение фактуры конструктивизма в книги, а «**критическое отношение к ней**». Буржуазные теоретики и конструктивизм определяются как **«внеклассовый подход к задачам социалистического искусствостроительства».**

Таким образом, на нас фактически свалили, на тех крохах очерк основных течений литературы разобраться читателя одна М. Майзель не может. Она для такого утверждения не может. Она не только не оказывает помощи, но и существенно дезориентирует читателя.

Рыжиков вслед за Майзелем считает «Поднятую целину» в действие **другую среду горожан,**—среду городских пролетариев! Тогда бы Семена надолго не держу в сказке и силах отвлекаться мелкобытовой культурой. Но Рыжиков и здесь непоследователен. Он не сказал бы, что есть еще более отсталые люди, чем Семен Давыдов. Рыжиков не был бы в состоянии противопоставить Семену Давыдову Гамзу, чтобы показать, как классово-враждебный элемент проникает в колхозы. Рыжиков не сказал бы, что Семен Давыдов — середняк, а Гамзу — кулак

ЩЕДРИНИАНА НА СЦЕНЕ МХТ 2

В угоду времени, при переделке романов в драмы обыкновенно ставилась цель создать драму по тем трафаретным заводам, которые считались обязательными для данного времени, с использованием лишь общего сюжета и тех или иных кусков диалога из романа.

Художественный театр отошел от этого еще в своих инсценировках Достоевского, но определенно пересмотрел эту задачу в наше время.

Мы имеем удачную работу Пирожкова над Успенским. Для своей «Растеряевой улицы» Пирожков использовал не только «Нравы Растеряевой улицы» Успенского, но и ряд других его произведений. При этом он не преследовал цели создать иллюзию полного единства действия, не боялся вводить эпизодические линии, довольно широко охватил изображаемую писателем среду в достаточно экономном и едином по своему стилю и общей идее спектакле. Благодаря талантливости артистов получился прекрасный результат.

Шарж Э. Кочаловского

Бирман—Улита

Я писал в свое время о «Воскресенье» в МХТ. Здесь тоже, несмотря на наличие довольно крепкого стержня в основном сюжете романа, текст создал свободно, взяты многие сцены, без которых обойтись бы драматургу старого типа, но много которых не мог пройти автор, желавший создать сценическую единством стиля серию сценических иллюстраций к всем известному гениальному художественному произведению. Весьма удачен был прием введения своеобразного конферансье, в виде незримого для действующих лиц персонажа, которому поручено было читать авторские ремарки, а иногда даже целые страницы великолепного толстовского текста.

Отметим и другие тенденции современности: не забывая крупнейших классов дворянства, мы начинаем все более ценить непосредственно связанных с нами классовых разночинского лагеря. Естественно, что при такой направленности нашего внимания начали колоссально расти фигура Салтыкова-Щедрина, едва ли не величайшего писателя из всей этой группы.

Еще в былые времена наиболее патетические романы Щедрина — главным образом «Господа Головлевы» — привлекали внимание переделывателей. Даже прежние, весьма несовершенные переделки («Чудушкин») давали прекрасный материал для артистов и пользовались неизменным и широким успехом.

Естественно поэтому мечтать дать широкий спектакль, насыщенный многоцветными елками, всеми сокамы щедринства. За это взялся МХТ 2, обставив свое предприятие очень большими артистическими силами, затратив на него много талантов, а по-моему, и много материальных средств, дав нам по тексту обработанную Сухотиным широкую картину, которая поистине может быть названа «Щедринианой».

Темы и сцены для спектакля почерпнуты из различных произведений Щедрина. Порфирий Головлев остается в центре внимания, но, пожалуй, такую же роль играет и типичный командир. Очень сильно выдвинут и кулак Кукшин. Введен очень своеобразный, сложный и увлекательный прием: сценки живой жизни по Щедрину обрамляются интермедиями кукольного театра, для которого краски заимствуются из известной сказки «Мастер и пряничного дела людишка». Причем сам мастер, зримый как силуэт, дает разъяснение другому акцуту — типичному интеллигенту-семидесятнику. Марионетки заменены живыми актерами, которые великолепно сумели передать кукольные движения, давая тем самым виртуозное оформление самому замыслу, который заключается в том, что все щедринские переживания, все эти мнимые живые куклы сами являются «марионетками». Это подчеркнуто в финале, где все похождения застывают в кукольных позах, а «мастер говорит о том, что из первых рук сотнями «мастеровых» родится, наконец, настоящий человек и придет гибель всем куклам. Эта несколько запутанная и немного отвлекает спектакль, но это остроумно и справедливо переходит в кукольной интермедией.

В такие рамки вложено огромное количество всякого рода щедринских сцен. Они дали большей частью в условной декорации, в некоторой условности, карикатурности. Однако так, чтобы не отрываться от живой действительности и дать типы большой социальной правдивости.

Отдельными актерами сделаны в этом отношении настоящие чудеса. Особенно это относится к четырем исполнителям: **Берсеневу, Готовцеву, Бирман и Гиацинтовой.**

Берсенев сумел совершенно переродиться для исполнения роли Порфирия. Эта мягкая походка с воробьиным подпрыгиванием, эти притягивающие глаза, этот язык болтуна и сластолюбца, да вмещающийся во рту, эти мгновенные переходы от ханжеской похоти и сейчас же — обратно — под маску святоши... Все это делает Порфирия, в исполнении Берсенева, настоящим техническим шедевром.

Превосходного губернатора дал Го-

Берсенев—Порфирий Головлев

ЛИКВИДИРОВАТЬ ЗАСИЛИЕ
ХАЛТУРЫ И ПРИСПОСОБЛЕНЧЕСТВА
Производственное совещание малых форм

15—17 мая происходило **первое всероссийское производственное совещание по вопросам искусства малых форм**, созванное Всероскомдрамом. Следует отметить полную **неудовлетворительность организации совещания**: почти отсутствовали представители рабочей общественности и самодеятельного искусства, ударники, исполнители, музыканты и др.

После вступительного слова **т. Россовского**, который дал резкую характеристику положения дел в области малых форм, с докладом **о творческом методе и творческих задачах** выступил **т. Селивановский.**

Говоря о специфических задачах, стоящих перед работниками малых форм, докладчик констатировал наличие **сильнейших влияний буржуазной эстрады** в виде халтуры, приспособленчества и непосредственно враждебных пролетарскому тенденций и явлений. На многочисленных примерах докладчик иллюстрировал эти положения. Переоценка работников малых форм зачастую заключается **во внешнем переключении на современную тематику**, что недопустимо является формой приспособленчества. Указывая **политическая безграмотность значительной части авторов.** Назрела проблема кадров, которые нуждаются в значительном пересмотре. **Основные кадры литературы недооценивают значения малых форм, что является выражением предрассудков барства.** Лишь отдельные писатели, не специалисты в данной области — Демьян Бедный, Безыменский, Жаров, Асеев, Зощенко и др., работали в данном направлении. Необходимо решительно **продвинуть в область малых форм товарищей ударников, призванных в пролетарскую литературу.**

Доклад т. Селивановского нашел свою конкретизацию в большом докладе **т. Млечина**, посвященном анализу творческой продукции работников эстрады.

Большинство выступавших ораторов занималось самооборонои, либо приводило отдельные частные факты. Совещание сумело выявить огромный фактический материал, характеризующий явное неблагополучие в области малых форм (в том числе и капитальной литературы), но оно **не сумело широко обсудить основные творческие вопросы.**

Ряд выступлений — об'ективно или субъективно — сводился к защите и обоснованию приспособленчества и халтуры. Раздавались заявления, что аудитория, на которой работает искусство малых форм, — эти «дыры в кепках и нагого, которые каждую минуту могут уйти...» Ряд ораторов заявили о том, что нужно выбирать между сегодняшним искусством малых форм и халтурой. **Самокритика на совещании в должной мере развернута не была.**

Ленинградская делегация, выступления которой в общем отличались особой содержательностью, сделала недопустимый и по форме и по существу выпад против «Шестой части мира» Жарова и Ранева, изображая это произведение как наиболее яркий образец болезней искусства малых форм. Такая точка зрения заняла резкий отпор московской делегации, ряда ораторов и докладчиков. В заключительном слове т. Селивановский отметил, что вся необходимость серьезной критики «Шестой части мира» заявление ленинградской делегации (в особенности на более поздней фазе) было грубой **политической ошибкой.**

В некоторых выступлениях звучали «пилиподятские» нотки. Например, т. Арго сказал, что для работников малых форм наиболее приемлемы «литературные» позиции, которые лишь необходимо углубить, так как, дескать, Радбе и Тейлс учат Сольше дать эстраде, чем Стендаль или Флобер.

Много внимания занял вопрос о наследстве. Разоблачая обветшало-буржуазную критику, развил т. **Блюм**, говоривший призывал к ориентации на современную буржуазную эстраду. Обосновывал он это тем, что СССР сейчас вооружается передовую американскую технику. Под этим т. Блюм скрывался за Ленина, тем самым продемонстрировал свою абсолютную чуждость ленинизму.

С большими речами, посвященными общим задачам искусства вообще и в частности — искусства малых форм, выступили т. **Россовский** в Боярский (представитель Н/К Рабис), давшие отпор установкам Блюма.

Резкую оценку существующего в данной области положения дали немногочисленные на совещании рабочие-ударники.

В заключительных словах докладчики были подвергнуты непробному разбору отдельные речи наиболее выступавших.

За недостатком места мы ограничиваемся в нашем отчете кратким отчетом. К основным вопросам совещания мы вернемся в ближайших номерах.

БРИГ

В МОСКОВСКОЙ АССОЦИАЦИИ ПРОЛЕТПИСАТЕЛЕЙ

* В клубе ФОСП состоится 4 июня расширенный пленум МАПП. Пленум заслушает доклады представителей московских и областных райбюро МАПП, доклад о творческом методе и о работе на транспорте.

* МАПП организует творческие беседы с авторами, приступившими к работе по художественному показу героев пятилетки. В помощь авторам организуются специальные выездные заседания секретариата МАПП в районах.

* МАПП проводит поголовное прикрепление писателей-профессионалов к литкружкам. К Красно-Пресненскому и Октябрьскому районам прикреплена А. Караваева, Сокольническому — тт. Демьянов и Колосов, Пролетарскому — А. Сурков, Сталинскому — Свирский и Гехман.

* МАПП вошла в соглашение с Институтом ЛИЯ Комакадемии об организации при ЛИЯ краткосрочных курсов по подготовке руководителей литкружков для МАПП и аспирантов для Института ЛИЯ. Курсы рассчитаны на 120 человек. Прием кружковцев откроется в июле, прием аспирантов — в августе.

* Редакция журнала «Рост» совместно с активом Пролетарского райбюро МАПП организовала творческую группу, очередной задачей которой является проработка творческих произведений ударников, входящих в группу. К занятиям предполагается привлечь аспирантов ЛИЯ Комакадемии. Члены группы будут получать от редакции задания и, таким образом, будут непосредственно участвовать в работе журнала. С другой стороны, отдельные бригады будут обслуживать заводские стенгазеты и многотиражки.

ХРОНИКА ТЕАТРА

* Первое представление новой пьесы Юр. Олеши «СПИСОК БЛАГОДЕНИЙ» в Театре им. Мейерхольда состоится 4 июня. Автор спектакля и художник оформления и постановщик — Вс. Мейерхольд. Режиссуры: Нечаев, Коган, Гладков. Музыка — дирижерского техникума Г. Новика. Оформление спектакля архитектора С. Е. Вахтангов. цвет — Ганс Лейстиков, художник из Франкфурта-на-Майне, кабаре-певица в Москве и группа захватит цвет Май; одежда — К. Савицкий. В главных ролях: Боголюбов, Гарин, Свобода, Бабанова, Кириллов, Мологина, Малютин, Мухин, Ремизова, Серебряковская, Сокольский, Субботина, Чистов, Штраух. В спектакле занята вся труппа, а также все студенты Гостеамуза.

* Театр им. Мейерхольда проводит в этом году одновременно две летних гастрольных поездки, которые начнутся во июня. Часть труппы с репертуаром — «Бубус», «Ревизор» и «Последний решительный», «Список благодеяний» поедет в Харьков, Воронеж и Киев — на 24 августа. Другая группа, с которой поедет и писатель Олеша, в ролях Хлестакова и Городничего будет играть Мейерхольд, Ленинград, Смоленск, Тамбов, Луганск — по 22 августа.

* Художественный совет Театра им. МОСПС приступил к подготовке пьесы К. Данилевского «Солнечная сторона» — о национальной политике на советском Востоке. В качестве консультанта театра приглашен Л. Надеждинский «Мила» — на тему об этом спектакле.

* Театр Совета национальностей Гостеатров показывает 30 мая, 1 и 3 июня им. Шекспира, дважды пьесу О. Бальзака «Накануне развода». Постановка В. Власова. Режиссер — О. И. Пыжова.

* Московский театр сатиры ставит 23 мая пьесу Н. Адуева «Крещение Руси». Музыка по мотивам народных песнопений — Свешникова. А. Пильнявин. Постановка заслуженного артиста А. И. Петровский. Художники К. Рогов и Е. Елисеев.

Календарь работы клуба ФОСП

20 МАЯ — 20 ч. 30 м. Концерт: Е. Кузьмина (камерное пение), И. Осипов (балалайка), Л. Кайсаров (рояль), т. Миликовская (декламация). Исполнительские слова С. Чемодакова. В программе: Бетховен, Лист, Сен-Санс, Чайковский, Шуберт.

21 МАЯ — 20 ч. Вечер чтения артиста з МХТ Лесодева. Участвует пианист Жилинский. В программе: Пушкин, Блок, Некрасов, Маяковский, Пастернак.

22 МАЯ — 21 ч. Художественный кинопросмотр.

24 МАЯ — 20 ч. Поэма В. Маяковского «Ленин» в исполнении С. Г. Шервинского-Ленинград.

23 МАЯ — 20 ч. 30 м. Товарищеская встреча шефского отдела рабочих-очеркистов с писателями.

24 МАЯ — 20 ч. 30 м. ВЕЧЕР ТВОРЧЕСТВА Д. БЕДНОГО, в связи с 20-летием его работы в большевистской печати.

ИЗВЕЩЕНИЯ

* 20 мая — 19 ч. — в Коммакадемии (Волхонка, 14) доклад Н. Ореханова «Борьба за пролетарский еврейский театр».

* 21 мая — 18 ч. 30 м. — в Доме Горького совещание клубной секции ФОСП. Итоги клубной работы ФОСП. О проведении в очередной конференции (доклад В. Шубер).

* 21 мая — 17 ч. — в Доме Герцена открытое собрание московской ФОСП. Доклад горкома писателей.

* 21 мая — 19 ч. 30 м. — в Толстовском музее — доклад М. А. Цявловского «Как писал Пушкин». Вступительное слово В. Д. Бонч-Бруевича. Вх. свободный.

* 21 мая — 19 ч. — в Клубе ФОСП собрание литературной секции МАПП. Доклад т. Бескина «Творч. П. Головина и Р. Фульмана».

* 22 мая — всесоюзное совещание рабочих очеркистов «Рабочей Газеты». В порядке дня доклады М. Макарьева, В. Филонова, А. Виталок, Т. Кумейко и др.

* 22 мая — 19 ч. — в Клубе ФОСП заседание комиссии РОСП. Обсуждение вопроса об участии клубов в первом пятилетии.

* 23 мая — 17 ч. — Совещание ФОСП о летней работе, участии писателей в летней кампании. Явка обязательна.

* 23 мая — 21 ч. — в Клубе ФОСП собрание литературной секции ФОСП. В повестке дня творческие и литературные вопросы.

* Сталинское райбюро МАПП сообщает консультацию по 2, 7, 12, 17, 22, 27 числам каждого месяца с 17 до 19 часов для литкружковцев районы, которым сдадут и расскажут о лучших ударниках. Консультант К. Калин.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Моя дискуссионная статья «Нужен ли Литфонд» вызвала протест московского кустсома писателей против высказанной мною характеристики его работы.

Я считаю необходимым принести товарищам месткомовцам свое сожаление по поводу недоразумения. Я не отвергаю эту характеристику к сегодняшнему дню, а к прошлому, по-это нужно было, конечно, формулировать точнее.

Я забыл «механистичность развития» и обозначил «механистическое восприятие фактов», в чем и каюсь.

Что же касается Секублита, то местком сам признает за ним «определенную долю роста». Я только выразился об этой болезни несколько резче.

БОРИС ЛАВРЕНЕВ

19/V—31 г.

Ответственный редактор: С. ДИНАМОВ

РЕДКОЛЛЕГИЯ: Н. Асеев, С. Динамов, Н. Жига, Л. Ильинский, И. Катаев, Г. Корнеев, Н. Огнев, А. Селивановский, И. Сельвинский, М. Слонимский

ИЗДАТЕЛЬ: Акционерное Изд. О-во «Огонек»

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ — ОРГАН ВСЕРОССИЙСКОГО, МОСКОВСКОГО и ЛЕНИНГРАДСКОГО ОБЛСОВЕТОВ ОДД

ДРУГ ДЕТЕЙ

Журнал, как и общество «Друг детей», является центром мобилизации сил и средств пролетарской общественности на помощь делу коммунистического воспитания и пионердвижения. Журнал рассчитан на широкий актив членов об-ва «Друг детей» и детскомиссий, комсомольские и пионерские организации, работников-матерей и т. д.

С 1 номера 1931 г. журнал выходит в издании Акц. Изд. О-ва „ОГОНЕК"

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: 1 год—2 р. 40 к., 6 м.—1 р. 20 к., 3 м.—60 к. Подписку сдавайте только на почту или письмоносцам.

МАКСИМУ ГОРЬКОМУ

ПОСВЯЩЕН СПЕЦИАЛЬНЫЙ ВЫПУСК

РОСТ № 9

В НОМЕРЕ:

„Учитесь у Горького жить и работать" — от Секретариата РАПП.

„Боец, писатель, человек" — Подборка из подлинных документов — отрывков биографии М. Горького.

Впечатления друзей, соратников, писателей. Донесения охранки.

„Встреч с Горьким" — *В. Шишкина.* Горький в жизни — в картинах худ. *Ф. Богородского.*

ЦЕНА НОМ. 15 КОП.

Предварительные заказы направляйте в местное отделение и жел. дор. киоски Союзпечати и в Изд-во «Огонек» — Москва, Страстной бул., 11.

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ ЛИТЕРАТУРНОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ КРАСНОЙ АРМИИ И ФЛОТА

ЛОКАФ

В НОМЕРЕ: Вс. Иванов. — «Компромисс Нью-Хэвэ» (повесть). А. Тарасов-Родионов — «Пятый патрон» (повесть). Эрих Мария Ремарк — «Обратный путь» (роман, часть III), перевод с немецкого. К. Митрейкин — «Пять стихотворений». Павел Вячеславов — «Ночь».

Статьи и очерки: И. Бехер — «Военная опасность и задачи революционных писателей». Кирилл Левин — «С бригадой на маневрах».

НОВЫЕ КНИГИ

ЖАРОВ А. — В облаках. Рассказы. Стр. 124. Ц. 1 р.

ИТИН В. — Выход к морю. Очерки. Стр. 221. Ц. 1 р. 20 к. Пер. 20 к.

КОЛЬЦОВ М. — Рояль, не кустарь. Рассказы. Б. Комиссаров. Стр. 71. Ц. 50 к.

НАСЕДКИН В. — Бегом в поле. Стихи. 1932 год. Стр. 102. Ц. 90 к.

ОЛЕША Ю. — Вишневая косточка. Рассказы. Стр. 95. Ц. 1 р.

ОСВОБОЖДЕННЫЙ ТРУД — Литературно-художественный сборник. Стр. 291. Ц. 2 р.

ПАНЧЕНКО Н. и ЛИПИРТ А. — Мозаика маленьких строек. Предисловие С. Динамова. Рисунки С. Рябошина. Стр. 105. Ц. 55 к.

ПОЛЯНОВСКИЙ Е. — За кулисами языкознания. Сборник популярных лингвистических статей. Стр. 152. Ц. 2 р. 25 к. Пер. 20 к.

РУДИН И. — Дикие. Рассказы. Стр. 264. Ц. 1 р. 80 к. Пер. 20 к.

СТОНОВ Д. — Новости об Алтае. Издание второе. Стр. 272. Ц. 1 р. 50 к. Пер. 20 к.

ТАРАСОВ А. — Оргодолье. Роман. Стр. 215. Ц. 1 р. 60 к.

ЦЕЛОВСКИЙ В. — Поиски стилистики. Стр. 156. Ц. 1 р.

ЧУХОВ И. — Горькая жизнь. Гомель. Книга первая. Стр. 264. Ц. 1 р. 85 к. Пер. 25 к.

На-днях выходит из печати ТРЕТИЙ НОМЕР ЛОКАФ

ежемесячного литературно-художественного журнала „Литературного Об'единения Красной Армии и Флота

В НОМЕРЕ: Л. Дегтярев — «Орлиная армия» — третья глава из романа «Пылают миллионы». А. Мальышкин — «Черноморский Октябрь» (повесть). И. Рудин — «Сорокопятка близнецов» (рассказ). ОСИХИ: Н. Уткин, Сем. Шняпчев, С. Вигилендер, М. Голодный.

ОЧЕРКИ: Е. Зозуля — «Военные люди Европы». А. Осипов — «О китайской красной армии». М. Чибисов — «Краснозарайские будни».

НА ФРОНТАХ ЛИТЕРАТУРЫ: П. Скирин — «Перед угрозой войны». Д. Фридлянд — «Война и «безгосударственная» интеллигенция». Р. Мессер — «Творческие квадрига ЛОКАФ» и др.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ: на год 12 руб., на 6 м. — 7 р., цена отдельного номера — 1 р. 25 к.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ во всех почтовых отделениях, книжных магазинах и у разносчиков.

Адрес редакции: Москва, 60, Ул. Воровского, 52, клуб ФОСП.

Издательство „ФЕДЕРАЦИЯ"

РАССЫЛАЕТСЯ ПОДПИСЧИКАМ И ПОСТУПИЛ В ПРОДАЖУ

ВТОРОЙ НОМЕР

ЛОКАФ

ежемесячного литературно-художественного журнала Литературного Об'единения Красной Армии и Флота

В НОМЕРЕ: Вс. Иванов. — «Компромисс Нью-Хэвэ» (повесть). А. Тарасов-Родионов — «Пятый патрон» (повесть). Эрих Мария Ремарк — «Обратный путь» (роман, часть III), перевод с немецкого. К. Митрейкин — «Пять стихотворений». Павел Вячеславов — «Ночь».

Статьи и очерки: И. Бехер — «Военная опасность и задачи революционных писателей». Кирилл Левин — «С бригадой на маневрах».

НОВЫЕ КНИГИ

ЖАРОВ А. — В облаках. Рассказы. Стр. 124. Ц. 1 р.

ИТИН В. — Выход к морю. Очерки. Стр. 221. Ц. 1 р. 20 к. Пер. 20 к.

КОЛЬЦОВ М. — Рояль, не кустарь. Рассказы. Б. Комиссаров. Стр. 71. Ц. 50 к.

НАСЕДКИН В. — Бегом в поле. Стихи. 1932 год. Стр. 102. Ц. 90 к.

ОЛЕША Ю. — Вишневая косточка. Рассказы. Стр. 95. Ц. 1 р.

ОСВОБОЖДЕННЫЙ ТРУД — Литературно-художественный сборник. Стр. 291. Ц. 2 р.

ПАНЧЕНКО Н. и ЛИПИРТ А. — Мозаика маленьких строек. Предисловие С. Динамова. Рисунки С. Рябошина. Стр. 105. Ц. 55 к.

ПОЛЯНОВСКИЙ Е. — За кулисами языкознания. Сборник популярных лингвистических статей. Стр. 152. Ц. 2 р. 25 к. Пер. 20 к.

РУДИН И. — Дикие. Рассказы. Стр. 264. Ц. 1 р. 80 к. Пер. 20 к.

СТОНОВ Д. — Новости об Алтае. Издание второе. Стр. 272. Ц. 1 р. 50 к. Пер. 20 к.

ТАРАСОВ А. — Оргодолье. Роман. Стр. 215. Ц. 1 р. 60 к.

ЦЕЛОВСКИЙ В. — Поиски стилистики. Стр. 156. Ц. 1 р.

ЧУХОВ И. — Горькая жизнь. Гомель. Книга первая. Стр. 264. Ц. 1 р. 85 к. Пер. 25 к.

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ — ОРГАН ВСЕРОССИЙСКОГО, МОСКОВСКОГО и ЛЕНИНГРАДСКОГО ОБЛСОВЕТОВ ОДД

ДРУГ ДЕТЕЙ

Журнал, как и общество «Друг детей», является центром мобилизации сил и средств пролетарской общественности на помощь делу коммунистического воспитания и пионердвижения. Журнал рассчитан на широкий актив членов об-ва «Друг детей» и детскомиссий, комсомольские и пионерские организации, работников-матерей и т. д.

С 1 номера 1931 г. журнал выходит в издании Акц. Изд. О-ва „ОГОНЕК"

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: 1 год—2 р. 40 к., 6 м.—1 р. 20 к., 3 м.—60 к. Подписку сдавайте только на почту или письмоносцам.

ПЕЧАТАЕТСЯ № 2 массового исторического журнала

БОРЬБА КЛАССОВ

Орган Общества историков-марксистов при Комакадемии ЦИК СССР

под общей редакцией М. Н. ПОКРОВСКОГО

Содержание № 2

Д. МАНУИЛЬСКИЙ. — Лицом к боевым задачам Коминтерна.
М. ПОКРОВСКИЙ. — О русском федерализме, происхождении и характере большевизма в России.
К. РАДЕК. — Уроки интервенции.
Б. ШТЕЙН. — Первый опыт французской интервенции на Украине.
Ф. РОТШТЕЙН. — Августовские дни 1923 года в Англии.
Р. ЗАЙДЕЛЬ. — Французские социал-фашисты и интервенция.
И. ПРИМАКОВ. — Сражения под Орлом.
АНДРЕ МАРТИ. — Восстание на Черном море.
А. ШЕСТАКОВ. — Кронштадтский мятеж.
З. СЕРЕБРЯНСКИЙ. — Принудительный труд в САСШ.

ДОКУМЕНТЫ ОБ ИНТЕРВЕНЦИИ.

Н. КРУПСКАЯ. — Ленин на маевках.
АНДОР ГАБОР. — Ведущие.
А. ПАНКРАТОВА. — Первомайская стачка в царской России.

НА ИСТОРИЧЕСКОМ ФРОНТЕ.

Н. КУЗНЕЦОВ. — О положении и задачах на фронте изучения Востока.
П. Н. МОХОВ. — Интересное Тарло под защитой Комакадемии.
МАССЫ ТВОРЯТ И ПИШУТ ИСТОРИЮ. Воспоминания рабочих, участников стачки 1905 г. на Прохоровской фабрике.

ОТДЕЛЫ: Как заниматься историей.
Искусство и история.
Библиография.
Хроника.

Приложение:

вышедшая издавшаяся в СССР большая популярная иллюстрированная библиотека

ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ

в 24-х книгах, которые охватят основные вопросы мировой истории.

«Всемирная история» выходит под общим руководством М. Н. Покровского.

Подписная плата: «Борьба классов» без приложения: год—10 руб., 6 мес.—5 р. 50 к., 3 мес.—3 руб. «Борьба классов» с марта до конца года с приложением «Всемирной истории» в 24 книгах—26 руб. Допускается рассрочка: при подписке—6 р., к 1 мая—5 р. 50 к., к 1 июля—5 р., к 1 сентября—5 р. 50 к., к 1 ноября—4 руб.

Подписчики на «Борьбу классов» с приложением «Всемирной истории», имеющие по подписке и рассрочку только 1-й книги, должны немедленно внести 2-3 книг—5 р. 50 к. Не внесшим очередного платежа высылка журнала и № 3 приостанавливается.

Подписку и взносы сдавайте исключительно на почту или письмоносцам

Акц. Изд. об-во „ОГОНЕК"

Москва: 6, Страстной б., 11

Гос. изд-во „МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ"

ВЫШЕЛ ИЗ ПЕЧАТИ И РАССЫЛАЕТСЯ ПОДПИСЧИКАМ

№ 3 журнала ЦК ВЛКСМ

КНИГА МОЛОДЕЖИ

В номере:

ПЕРЕДОВАЯ: Начинаем смотр молодежной книги. СМОТР МОЛОДЕЖНОЙ КНИГИ. Фрид Э. Десять коротких книг. Рендель А. — Беспризорник рассказывает о своей книге. Лебедев Ив. — Книга, которую все ждут. Шишаков В. — Об антирелигиозной книге для молодежи. Семенов Б. — Художественная литература стоит мимо комсомола. ВТОРАЯ БОЛЬШЕВИСТСКАЯ ВЕСНА. Алов Б. — Политучебники в селу. Колдов И. — Книги к севу. РЕЛИГИЯ — ТОРМОЗ ПЯТИЛЕТКИ. К. Е. Ворошилов читает о борьбе с религией. Шишаков В. — Что читать о антирелигиозной литературе. ПИСАТЕЛЬ-КРАСНОАРМЕЕЦ. Бойков М. — Винтовка и перо (Дм. Фурманов). КОМСОМОЛ — ШЕФ НАД ЭЛЕКТРИФИКАЦИЕЙ. Грановская М. — Что читать об электрификации. ЗАОЧНЫЕ КУРСЫ ОРГАНИЗАТОРА ПЕЧАТИ. Гелис И. — Учебник и интервидательная печать. ЗА РУБЕЖОМ. Эльвин И. — Комсомол-профсоюзный диктор и Германия. ЗА ПРОЛЕТАРСКУЮ ДЕТСКУЮ КНИГУ. Эйхлер Г. — За советскую антирелигиозную книжку для детей. Алексеева О. — Детям о колхозе и совхозе. Белобровский И. — Работа с книгой в отряде и школе. ЖИВАЯ ЗАПИСЬ. Хроника. Кампания читателя. Нам пишут. Поступили из отдела новые книги. Обложка П. Б. Красюка.

ВСЕМ

работникам комсомольской и молодежной печати,
комсомольским агитпропработникам,
ячейковым организаторам печати,
литературным кружкам,
культработникам, библиотекарям,
работникам клубов, красных уголков, избачей,
педагогам, пионеработникам

повседневную, конкретную помощь оказывает руководящий журнал по вопросам молодежной печати

КНИГА МОЛОДЕЖИ

Выходит ежемесячно. Год издания 2-й

ПОДПИСКА ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Подписная цена: на 1 год—3 руб. 40 к., на 6 мес.—1 руб. 70 коп., на 3 мес.—80 коп. ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ в Бюросекторе Книгоцентра ОГИЗ (Москва, Ильинка 9), в магазинах, отделениях Книгоцентра, на почте и у письмоносцев.

ЕЖЕМЕСЯЧНАЯ ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ГАЗЕТА

„КИНО"

Орган ОЗПКФ

Газета «Кино» превращена в ударный политический орган, ведущий борьбу за пролетарскую кинематографию, за превращение кино в подлинное оружие партии, в орган, ведущий борьбу за социалистическое строительство, за коммунистическую культуру, за новые кадры;

освещает в самой понятной для рядового читателя форме вопросы кинопроизводства;

знакомит читателей с производственно-технической и художественно-творческой работой сценаристов, режиссеров, операторов и актеров;

рассчитана на актив кинообщественности, на работников кинопроизводства, на деревенских киномехаников, на политпросветработников и на писателя;

печатает статьи по вопросам кинофикации, рецензии, очерки, информацию, хронику киножизни в СССР и в зарубежных странах, фельетоны, шаржи, карикатуры, фотоснимки и т. д.

Газета «Кино» с № 23 выходит в издании издательства «Огонек».

Каждый кинорабочий должен быть подписчиком газеты «Кино».

Каждый кинозритель должен читать газету «Кино».

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ: 12 мес.—3 р. 50 к., 6 мес. — 1 р. 75 к., 3 мес. — 90 коп.

Цена одного номера — 5 к. Подписку сдавайте только почте.

Акц. Изд. Об-во «ОГОНЕК»

КНИГОЦЕНТР ГИХЛ

НОВЫЕ КНИГИ

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА

ИРЧАН М.
Смерть Асуара. Рассказы. Авторизов. перев. с укр. Н. Зеткевича и С. Свободиной. Предисл. В. Державина. (Серия украинской литературы). Стр. 123. Ц. 1 р. 20 к.

МОСКВИН И.
Гибель реального. Роман-хроника 1912—1919 гг. Стр. 306. Ц. 2 р. 40 к.

СБОРНИК ЕВРЕЙСКОЙ ПОЭЗИИ.
Составил И. О. Рабинович. Вступительная статья М. Литвакова (Литова). Стр. 127. Ц. 1 р. 10 к.

СТРАУНИ Я.
О пятом годе. Рассказы. (Массовая б-ка). Стр. 159. Ц. 35 к.

ТРУНИКОВ П.
Кадры. Роман. (ВОКПК. Новинки пролетарско-колхозной литературы). Стр. 164. Ц. 1 р. 10 к., в пер. 1 р. 50 к.

ЭГАРТ М.
Наступление в Октябре. (На фронтах пятилетки). Стр. 72. Ц. 15 к.

Переиздания

ГОРЬКИЙ М.
Избранные произведения. С предисл. А. В. Луначарского. (Серия 6-ка Огиза). Стр. 375. Ц. 60 к., в пер. 1 руб.

ГОРЬКИЙ М.
Собрание сочинений. Редакция и комментарии И. А. Груздева. Предисл. А. В. Луначарского. Изд. 2-е. Том I. Стр. 302+1 портр. Ц. 3 р. 20 к., в пер. 3 руб. 95 коп.

ЧАПЫГИН А.
Жизнь зря. Изд. 2-е. (ВОКП. Новинки пролетарско-колхозной литературы). Стр. 416. Ц. 2 р., в пер. 2 р. 50 к.

ЭЛЛЕНС Б.
Тиеса горит. По стопам революции в Средней Европе. Роман. Перевод С. Бернера. Предисл. Б. Нова. Книга I. 4-е изд. РАПП. Новинки пролетарской литературы). Стр. 312. Ц. 3 р.

МЕМУАРЫ

Изд-во „АКАДЕМИЯ"

ШЕВЧЕНКО Т.
Дневник. Предисл. А. Старчакова, ред., вступ. статьи и примеч. О. Ц. Шестеркиной. Стр. 433. Ц. 4 р., в пер. 4 р. 50 к.

СТАНИСЛАВСКИЙ К.
Моя жизнь в искусстве. С 65-ю иллюстрациями. Изд. 3-е. Стр. 715. Ц. 5 р. 50 к., в пер. 6 р. 50 к.

С заказами обращаться в магазины и отделения КНИГОЦЕНТРА и в «КООПКНИГИ»

ВЫШЕЛ ИЗ ПЕЧАТИ ТОМ X

(ЖЕЛЕЗНЫЙ ПОТОК) Стр. 282. Ц. 1 р. 80 к. Пересыл. 30 к.

ПЕЧАТАЮТСЯ: Том I (РАБОЧИЙ ДЕНЬ), Том V (ГОРОД В СТЕПИ)

Новое полное собрание сочинений А. С. СЕРАФИМОВИЧА в десяти томах

Под редакцией, со вступительными статьями и комментариями Г. В. НЕРАДОВА с портретами, картой и факсимиле на отдельных листах

Уполномоченный (№) лит. «Москлитбыт», гр. пл. Севастова-Степанова, д. 2.

Типография «Огонек», Гиз № 1932. 14

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Орган Федерации Объединений Советских Писателей РСФСР

МОСКВА 25 МАЯ 1931 г. № 28 (127)

РЕДАКЦИЯ:

Москва, Тверской б. 25, Дом Герцена; телефон 2-80-12.

ИЗДАТЕЛЬСТВО:

Акц. о-во «Огонек»; Москва, б. Страстной б. 11. Телефон 5-51-69.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА

	СССР:	ВНЕ СССР:
На 6 м.	1 р. 80 к.	— 90 к.
На 3 м.	—р. 90 к.	— 45 к.

СИЛОЮ ПРИМЕРА ПОДНИМЕМ НОВУЮ ВОЛНУ ЭНТУЗИАЗМА ТРУДЯЩИХСЯ

ТВОРЧЕСКУЮ ЭНЕРГИЮ ПИСАТЕЛЕЙ—ДЕЛУ ПОКАЗА ГЕРОЕВ ПЯТИЛЕТКИ

МАПП ИДЕТ В ПЕРЕДОВОЙ ШЕРЕНГЕ

МЫ СПРАШИВАЕМ

УРАЛЬСКУЮ, СРЕДНЕ-ВОЛЖСКУЮ, НИЖНЕ-ВОЛЖСКУЮ, СИБИРСКИЕ, ИВАНОВО-ВОЗНЕСЕНСКУЮ И ЗАПАДНУЮ АССОЦИАЦИИ

ЧТО ВЫ СДЕЛАЛИ ДЛЯ РЕАЛИЗАЦИИ ОБРАЩЕНИЯ РАПП?

ВСЕСОЮЗНЫЙ ФРОНТ ПРОЛЕТАРСКИХ ЛИТЕРАТУР

Успешная развитие социалистической реконструкции, решительное наступление на капиталистические элементы, ликвидация кулачества как класса на основе сплошной коллективизации протекают в условиях обостренной классовой борьбы, в том числе и по линии национально-культурного строительства и литературы. Пролетарская литература является одним из ответственных участков социалистического строительства. Это отставание необходимо ликвидировать в кратчайший срок, широко применяя методы ударничества, соцсоревнования, плановости в работе, борьбы за качество. В процессе роста пролетарской литературы необходимо особенное внимание обратить на национально-культурное строительство, на развитие пролетарских по содержанию и национальных по форме культур и литератур народов СССР, на укрепление интернационального единства пролетарских литератур народов СССР. Процесс национально-культурного строительства протекает в условиях обостренной классовой борьбы при ожесточенном сопротивлении великодержавных элементов, контрреволюционной нацдемовской буржуазии и ее помощников, национал-оппортунистов,—в условиях борьбы против всех и всяческих проявлений великодержавничества, против нацдемовского влияния на советскую литературу, на творческую работу (критика, методология), против еще сильных тенденций национальной ограниченности. На пленум совета ВОАПП пролетарские литературы СССР, в том числе и наиболее молодые (Средняя Азия) приходят с богатым политическим опытом борьбы против нацдемовщины в литературе, против попыток извращения ленинской национальной политики.

В борьбе на два фронта—против великодержавного шовинизма как главной опасности на данном этапе и против местного национализма, в борьбе за партийную линию в национально-культурном строительстве выросли пролетарские литературные организации. Пленум совета ВОАПП должен подытожить литературно-политическую работу республиканских организаций и установить очередные задачи, стоящие перед всесоюзным пролетарским литературным движением. Пленум ВОАПП сможет констатировать значительные творческие достижения и успехи в борьбе как против правого оппортунизма (основной опасности на данном этапе), так и против «левых» загибов и правацких «загибов» литературных блоков (в частности, литфронтовского типа). На основе борьбы за единую принципиальную линию пролетарских литератур, на основе борьбы за всесоюзное единство достигнуты значительные успехи и в направлении консолидации сил пролетарских литератур как в республиканском, так и во всесоюзном масштабе. Рост пролетарских литератур народов СССР есть одновременно и рост всего ВОАПП как руководящего центра всесоюзного пролетарского литературного движения.

Дальнейшие темпы роста этого движения, усложнение стоящих перед ним задач, увеличение ответственности за выполнение этих задач требуют максимального укрепления руководящей роли ВОАПП.

Необходимо преодолеть настроения недооценки интернационального единства пролетарских литератур, стремление ограничиться работой только в пределах соответствующей АПП. Необходимо широко развернуть большевистскую самокритику.

Пленум совета ВОАПП пройдет под знаком борьбы за большевизацию пролетарского литературного движения СССР, за тесную увязку литературы с общими задачами партии в реконструктивный период, за укрепление ВОАПП как всесоюзного штаба пролетарской литературы.

ЗАВТРА ОТКРЫВАЕТСЯ ПЛЕНУМ ВОАПП

26 мая, в 18 часов, в клубе ФОСП — улица Воровского, 52 — открывается пленум всесоюзного об'единения ассоциаций пролетарских писателей со следующей повесткой дня:

1. Очередные задачи ВОАПП. — Доклад Л. АВЕРБАХА.

2. Литературно-политический отчет секретариата ВОАПП. — Доклад А. СЕЛИВАНОВСКОГО.

3. О ходе и развертывании творческой дискуссии. — Доклады РАПП, ВУСПП, ЗакАПП, БелАПП.

4. Сообщение всесоюзного общества крестьянских писателей.

5. Доклад Средне-азиатского бюро АПП.

6. О всесоюзном с'езде пролетарских писателей.

7. Текущие дела.

МАПП В ПОХОДЕ

СВОДКА № 1

Показ героев пятилетки—вот над чем бьется творческая мысль МАПП. На разрешение этой задачи МОБИЛИЗОВАНЫ ВСЕ ТВОРЧЕСКИЕ СИЛЫ ОРГАНИЗАЦИИ. Ряд кружков мобилизовались для показа героев пятилетки своих предприятий. Целиком включился в боевую работу кружок «Серпа и молота», завода им. Дзержинского, кружок Электрозавода, Замоскворецко-ленинские кружки выделили 15 человек творческого актива для выполнения этой задачи. Значительная часть их уже приступила к работе. Васильков (Первая образцовая), Наталов и Гехман (з-д им. Ильича), Парщиков (Металлопанель), Гагем и Гладких (Гознак), Копумбов (Красная армия), Дунаев, Коган и Изотов («Парижская коммуна»), Васнин и Авдеенко («Красный пролетарий»), Бутурлин и Турбин (МОГЭС), Белов (Мосэлектрик).

Секретариатом МАПП привлечены к работе по художественному показу героев социалистического труда следующие товарищи:

1. МАТЭ ЗАЛКА — показ героев-ударников Красной армии.
2. ПАНФЕРОВ — о машинотракторной станции им. Шевченко
3. КИРШОН — о московских ударниках.
4. ИЛЬЕНКОВ — о заводе им. Ильича.
5. ИСБАХ—Баку.
6. КАРАВАЕВА — о заводе № 1.
7. ГАЛИН — Сталинградский Тракторострой.
8. СТАВСКИЙ — о передовых колхозах Кубани.
9. ПЛАТОШКИН — о заводе АМО.
10. ШВЕДОВ — о «Серпе и молоте».
11. ТАРАСОВ-РОДИОНОВ — «Серп и молот».
12. ЖИГА—о передовых ударниках Донбасса.
13. ГЛАДКОВ — об ударниках Днепростроя.
14. ЧУРКИН — о транспорте.
15. М. АЛЕКСЕЕВ — об ударниках Москвы.
16. ГУСЕВ — о транспорте.
17. ГОЛЬДБЕРГ — о транспорте.
18. СЕРАФИМОВИЧ — об ударниках Тракторной мануфактуры.
19. КОЛОСОВ — об ударниках Донбасса.
20. БОГДАНОВ, Н. — об ударниках Урала.
21. КЛЯЗЬМИНСКИЙ — об орехово-зуевских ткачах.
22. ЭГЕРТ — о фабрике «Красный текстильщик».
23. ФИНН — о транспортниках.
24. МИДЫНСКИЙ — о передовых колхозниках.
25. БОРОВОЙ — об ударниках Подольского завода.
26. ЧЕРЕВКОВ — об ударниках Баку.
27. ШОЛОХОВ — о колхозниках Северного Кавказа.
28. БЕЗЫМЕНСКИЙ — Сталинградский Тракторострой.
29. МОЛЧАНОВ — Сталинградский Тракторострой».
30. ГИДАШ — о краснознаменцах «Мосэлектрика».
31. СВЕТЛОВ — об ударниках Донбасса.
32. ЦВЕЛЕВ — о «Каучуке».
33. РЕЗЧИКОВ — «Каучук» и Баку.
34. ПОДДЕЛКОВ — об ударниках ф-ки Лизере; о Бобриковском комбинате.
35. ЮРИН, М. — Баку.
36. ХУНАВТАН — о передовых колхозниках Татарской республики.
37. ГРИН — об ударниках вагоно-ремонтного завода им. 1905 года.
38. БЫЧКОВ — об ударниках Тульского завода.
39. ШУКАЙЛО — транспорт.
40. БОЧЕНКОВ — об ударниках тульской промышленности.
41. МАРГОЛИС — «1-я образцовая».
42. ПОТАТУЕВ — об ударниках Донбасса.
43. ФРИДМАН — о награжденных орденом Ленина на завода «Светотечника».
44. АМУР-САНАК — о колхозах Калмыцкой области.
45. АФРАМЕЕВ — о московском заводе им. Дзержинского.
46. БАСОВ — об Электрозаводе.
47. КОРОЛЕВ — об Электрозаводе.
48. БЕЗДОЛЬНЫЙ — Бобриковский комбинат.
49. ШАХТЕР — Бобриковский комбинат.
50. ГАТУЕВ. Д. — Гизель-Донстрой.
51. КАБЦИНК — Осетинская область.
52. ДЕМЕНТЬЕВ — Пермский судостроительный завод.
53. КАРГОПОЛОВ — МТС Средней Волги.
54. КИГЕЛЕВ — Березниковский Химкомбинат.
55. ГОЛУБЕВ — Березниковский Химкомбинат.
56. КОЗИН «Красный факел» (Москва).
57. КОЖЕВНИКОВ — Кольчугинский завод.
58. НАСИМОВИЧ — резиновый комбинат в Ярославле.
59. ПРОКОФЬЕВ — Автозавод (Нижний).
60. САЛЬСКИЙ — о колхозах Белоруссии.
61. ТУРЧИНОВИЧ — о совхозах Северного Кавказа.
62. УСТИНОВ — о фабрике «Свобода» (Москва).
63. БЕЛЕНЬКИЙ — об ударниках завода им. Дзержинского.
64. БЕССОНОВ — о заводе им. Ильича.
65. БУТКОВСКИЙ — об ударниках тверской текстильной промышленности.
66. КАЕВ — об орехово-зуевских ударниках «Красной зари».
67. ЧУПРАНОВА — об ударниках «Красной зари».
68. ТОМАШЕВСКАЯ — о транспортниках.
69. ЕЛФИМОВ — о передовых на транспорте.
70. ПАНТЕЛЕЕВА — «Красный пролетарий».
71. ИЮЛЬСКИЙ — о заводе № 1.
72. БИРСОН — о краснознаменцах завода им. Лепсе.
73. МИТЯГИН — об орехово-зуевских ткачах.
74. ХОХЛОВ — Тула.

Секретариатом МАПП выделена группа писателей Еврейции: тт. Перцов, Эпик Гордон, Гединер, Кушнер, Стрелец, Рабин. Группе дано задание в ближайшую декаду выпустить в центральной еврейской газете «Дер Змес» литстраничку, художественно отразив героев пятилетки.

От нашего украинского корреспондента

УКРАИНА ГОЛОСУЕТ ЗА ВСЕСОЮЗНУЮ ПЕРЕКЛИЧКУ

Украинская пролетарская литература развернула дело художественного показа героев и энтузиастов социалистического строительства.

Некоторые украинские пролетарские писатели уже внесли свой вклад в дело беллетристического изображения передовых бойцов за индустриализацию Советской Украины. Достаточно указать на большой производственный роман украинского пролетарского писателя В. Кузьмича, целиком посвященный деятельности авиаизобретателя, знаменитого конструктора К. А. Калинина—нынешнего героя ордена Трудового Знамени. Основные биографические данные — наиболее яркие эпизоды из жизни К. Калинина—широко использованы в романе Кузьмина. Не только Калинин, выведенный в «Крыльях» под фамилией Костенко, но и целый ряд других авиарабочих с большим производственным стажем, а также молодых инженеров-партийцев показаны во весь рост в этом романе, достаточно популярном в украинских пролетарских читательских кругах. Тот же Кузьмич сейчас работает над широким полотном, посвященным Днепрострою. В первую очередь в этом новом романе «Турбины» Кузьмич выводит героя ордена Красного знамени начальника механических мастерских Днепростроя Дудина (под фамилией Вальяна), первого водопада Днепростроя Ивана Орова—начальника строительства Вантера, секретаря парткомитета Макара и многих других.

К открытию Днепростроя на украинском языке появится не один, а по меньшей мере несколько романов, посвященных этому грандиозному строительству. Пока же идет незримое внутризаводское соревнование между рядом украинских пролетарских писателей по вопросу о художественной обработке того богатого материала, какой этими писателями собран в результате их частых выездов на Днепрострой и непосредственных бесед с рабочим и инженерским персоналом. В частности Г. Коцюба—один из первых украинских послеоктябрьских прозаиков—сейчас работает над широким полотном, посвященным Днепрострою—«Сердце». Недавно вышедшая сборник того же Коцюбы «Бронзовые люди» безусловно занимает своей четкой темой и цельном композиционном решением конструктивного периода. Особенно хорошо его рассказ «Онида Пахть». Писатель не прибегал к излишней беллетризации, положив реальный эпизод коллективного героизма рабочих завода им. Дзержинского в Камаевом, дифференцировав тяжелый труд. Вся установка сборника «Бронзовые люди» сводится к изображению живых людей пятилетки—активных участников металлургического и угольного фронта.

Ид. показом популярного донбасского коммуниста-изобретателя Костя Гарнишова работает известный украинский писатель П. Мазинченко, напечатавший повесть, так и называющуюся: «Кость Гарнишов».

Нам хочется подчеркнуть, что своевременен был бы регулярный обмен творческим опытом в этом деле между украинскими и русскими пролетарскими писателями. Следовало бы возможно более конкретно оформить всесоюзную перекличку по этому вопросу. При соответственной поддержке этого украинской «Литературной газетой» такую перекличку надо было бы провести возможно более всесторонне и полно.

А. ЛЕ—С

ТОЛЬКО В НАЧАЛЕ ИЮЛЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВА ПРЕДПОЛАГАЮТ ВЫПУСТИТЬ ПЕРВЫЕ КНИЖКИ О ГЕРОЯХ ПЯТИЛЕТКИ

НУЖНО ИХ ВЫПУСТИТЬ В ИЮНЕ!

Какой отклик нашел призыв РАПП о художественном показе героев пятилетки в работе наших издательств? Издательства предпринимают, во-первых, выпуск отдельных сборников и книжек в специальных сериях о героях пятилетки. Однако первые книжки будут выпущены из печати только в начале июля. Это весьма плохо характеризует ударность темпа издательской работы.

ГИХЛ организует 5 литбригад, которые выедут в различные районы строительства и на заводы — ростовский Сельмаш, нижегородский Автозавод, завод «Красное Сормово», бумажные фабрики. Одна из литбригад ГИХЛ, по договоренности с Колхозцентром и НС ВОПКП, выедет в один из районов сплошной коллективизации.

В Баку уже выехала первая литбригада ГИХЛ для описания героев-ударников нефтяной пятилетки, награжденных орденами Ленина и Красного трудового знамени.

Сектор пролетературы ГИХЛ договорился о рядом поручений А. Небах, Ф. Панферов, В. Ильенков, М. Шагинян, В. Ставский, И. Матрофанов, В. Резников, К. Эгерт, А. Сурков о реализации их продукции об ударных заводах и героях пятилетки через ГИХЛ.

Сектор провел совместно с ВАПП (Всесоюзной ассоциацией пролетмузыкантов) совещание с участием группы пролетарских поэтов и ударников, на котором ряд поэтов (А. Сурков, Полетаев, Резников, В. Гусев) взялись написать несколько песен об ударничестве.

***

Издательство «Федерация» подготовляет выпуск серии сборников «Герои пятилетки».

Наряду организует конкурс среди писателей и ударников на лучший очерк с премиями за три лучших очерка о героях пятилетки (в 1.000 руб., 700 руб., и 300 руб.). Срок сдачи очерков—20 июня.

***

Появление изд-ва «Молодая гвардия» решило издать в серии «Комсомол на фронтах пятилетки» специальную библиотечку ударников—«Страна должна знать своих молодых героев». Библиотечка состоит из 2-х серий.

Изд-во поручило написать эти очерки напившим писателям-ударникам. Заключены договоры на 15 книжек с ударниками Днепростроя, Донбасса, Сталинградского тракторного завода № 2, Харьковского тракторного завода, заводамь «Серп и молот», «Светотечка».

А. КРУПНОВ

ПРОТИВ ТЕРРОРА ЧАН КАИ-ШИ

КО ВСЕМ РЕВОЛЮЦИОННЫМ ПИСАТЕЛЯМ МИРА

Обострение классовой борьбы в Китае, отмеченное недавним пленумом ЦККП, сказывается и в области литературы. Красная гоминдановская реакция с нечувствительным ростом советских территорий, не щадит не только пролетариев, но и радикальных мелкобуржуазных литературных и культурных организаций.

Особенно усилились преследования со времени назначения «героя» национальной буржуазии Чан Кай-ши — милитаристом классового просвещения, «культурник» политика Чан Кай-ши характеризуется неслыханным даже для Китая бешеным террором. Конфискуются даже популярные книги, революционность которых всемы относительна: упоминание о Советском союзе, красная обложка, даже просто употребление слов «борьба» в любом контексте — все это служит поводом для конфискации. В результате — катастрофическое падение абсолютного количества книжной продукции.

Пролетарская и революционная литература Китая зачахла в глубокое подполье. «Лига писателей левого фронта» лишена возможности продолжать работу, революционным писателям негде печататься и, следовательно, не на что существовать. Более того, — гоминдановское правительство, помимо безжалостного искоренения революционных книг, прибегает и к простому физическому истреблению их авторов. Недавно, в числе более 30 коммунистов, в Шанхае расстреляны четыре революционных писателя, из них одна женщина.

Нет сомнения, что классовое правосудие «культурных» сановников империализма не остановится и перед новыми жертвами. Число революционных и пролетарских писателей, находящихся в тюрьмах, быстро возрастает и не поддается учету. Новый министр «просвещения», очевидно, хорошо усвоил себе звериное взаимоотношение литературы и политики и понял, что одно из средств затормозить ход антиимпериалистической и антифеодальной революции — лишение писателей революционного Китая возможности творчества.

Международное об'единение революционных писателей, решительно протестуя против расстрела и арестов китайских товарищей и против цензурного террора Чан Кай-ши, выражает глубокую уверенность, что революционная и пролетарская литература Китая будет расти и крепнуть, несмотря на преследования. Китайская буржуазия, несмотря на ее пристрастие к националистическим фразам, не может построить китайской национальной культуры: империалисты, прямым помощником которых она является, заинтересованы в том, чтобы китайские рабочие и крестьянские массы оставались на низком культурном уровне. Дело национальной культурной революции в Китае может быть осуществлено только под руководством революционного пролетариата.

Международное об'единение революционных писателей призывает всех революционных писателей и художников мира присоединиться к протесту против бесчеловечных преследований наших китайских товарищей.

Да здравствует китайская революционная и пролетарская литература!

Да здравствует китайская революция!

Секретариат Международного об'единения революционных писателей: Л. Авербах, Иоганнес Бехер, Бела Иллеш, И. Микитенко, Бруно Ясенский, А. Серафимович, А. Фадеев, Ф. Гладков, Ф. Панферов (СССР), Э. Глезер, Анна Зегерс, Л. Рени, Э. Киш (Германия), А. Гидаш, Ян Матейка, А. Комьят (Венгрия), Э. Фабри (Австрия), Анри Барбюс (Франция), Э. Синклер, М. Голд, Дж. Дос-Пассос (САСШ), Ладо Новомеский, Петр Пломницкий (Чехо-Словакия), Лахути (Персия), Линард Лейцен (Латвия), Бакалов (Болгария), М. Макаш (Румыния), Владимир Клементис.

БОЛЬШЕ ВНИМАНИЯ ПРОЛЕТАРСКОЙ-КОЛХОЗНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

В Чер докладов на тему «Задачи пролетарско-колхозной литературы в реконструктивный период» в Командании состоялась дискуссионная сессия с докладом т. Дикамова, который подчеркнул, что до сих пор Институт ЛИЯ не уделял должного внимания пролетарско-колхозной литературе. Между тем — значительный рост ВОПКП и проделанная им в последнее время большая работа требуют особенного внимания со стороны научных и общественных организаций и обязывают Институт ЛИЯ установить с данным ростом тесный контакт с ВОПКП, оказывать ему необходимую поддержку.

С докладом «К обоснованию платформы ВОПКП» выступил затем Ив. Батрак, охарактеризовавший три основных этапа пути, пройденного крестьянскими писателями.

Первый период относится к моменту военного коммунизма и длится до 1928 года. В это время организацией крестьянских писателей руководит сурковско-клюевская группа во главе с Деевым-Хомяковским. Эта группа была неспособна широко развернуть работу и руководить крестьянским литературным движением, и перед организацией ненаведно встал вопрос о смене руководства.

Принятием новой платформы в 1928 году начинается второй этап в жизни организации, длившийся до конца 1930 года. Он характеризуется новыми установками и, в частности, стремлением к овладению марксистско-ленинской методологией.

Огромный рост коллективизации и прилив ударников в литературу с новой остротой поставили вопрос о том, какую литературно-политическую физиономию должна иметь организация. С этим вопросом была неразрывно связана и проблема кадров, которую должен был разрешить приток ударников в литературу, в частности проведение призыва среди колхозников. Все это и подготовило тот переломный момент, которым знаменуется начало организации в жизни третьего этапа. Здесь наблюдается значительное увеличение пролетарского ядра организации: в 1929 году из 1.000 членов ВОПКП 29 процентов составляли коммунисты и 16 процентов — комсомольцы; после призыва общее количество увеличилось до 5.000, а партийная прослойка возросла до 70 процентов.

— Вопрос о переименовании организации, — подчеркивает Ив. Батрак, — отнюдь не является простой сменой вывески. Он возник в связи с усиленной ориентацией на колхозников и сельскохозяйственных рабочих, призванных в наши ряды. Переименование нашей организации, расширяя перспективы, вместе с тем увеличит возложенную на нее ответственность. Каждый пролетарско-колхозный писатель должен не только глубоко знать жизнь деревни, но и активно бороться за коллективизацию.

Касаясь взаимоотношения РАПП и ВОПКП, И. Батрак отмечает, что тенденция поставить на один уровень ВОПКП и РАПП неправильна, ибо в соотношениях этих двух литературных организаций должно найти отражение то, что рабочий класс руководит крестьянством. РАПП — ведущая братская организация, под руководством которой должна вести работа ВОПКП.

О творческих группировках внутри ВОПКП рассказал в своем докладе т. **Острогорский.**

Призыв ударников в литературу создал нередко пролетарско-колхозной группы, не только руководящей идеологической работой, но и задающей «творческий тон» всей организации.

Вторая группа, наиболее многочисленная, является выразителем интересов середняка, повернувшего на социалистический путь. Эта группа еще не выросла политически и несет груз мелкобуржуазной идеологии. В своей творческой продукции она заметно обнаруживает ограниченность мировоззрения.

Е. П.

ВСЕСОЮЗНОЕ СОВЕЩАНИЕ РАБОЧИХ-ОЧЕРКИСТОВ

● 23 мая открылось Всесоюзное совещание рабочих-очеркистов, созванное «Рабочей газетой» совместно с издательством ВЦСПС. Основной вопрос совещания—отображение в очерке героев социалистического труда.

● В президиум совещания избраны: тт. МАКСИМ ГОРЬКИЙ, ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ, АРТ. ХАЛАТОВ, А. ГУСЕВ (ЦК ВКП(б), А. ВИГАЛОК, А. СЕЛИВАНОВСКИЙ, Ю. БЕРЕЗОВСКИЙ, рабочие-очеркисты: тт. ЧЕРКАССКИЙ, ЛЯХОВ, ВОРОБЬЕВ, ПАНТИЕЛЕВА и КРОХИН.

● Всесоюзное совещание рабочих-очеркистов послало приветствие Максиму Горькому, Демьяну Беднему в связи с двадцатипятилетним юбилеем его работы в большевистской печати и приветствия ВОАПП и РАПП.

● С большим докладом об очередных задачах пролетлитературы выступил на совещании А. СЕЛИВАНОВСКИЙ.

● В клубе ФОСП 23 мая состоялся товарищеский вечер встречи рабочих-очеркистов с писателями. На вечере выступали рабочие-очеркисты, писатели Ф. ГЛАДКОВ, А. СУРКОВ и др. Артисты театра им. Вахтангова прочитали отрывки из очерков рабочих-ударников.

МЕРОПРИЯТИЯ ФОСП

Секретариат ФОСП заслушал и последнем своем заседании доклад т. Корнеева о художественном показе героев пятилетки. По докладу вынесено специальное постановление: дать задание ряду советских писателей немедленный художественный показ заводов и ударников, награжденных орденами Ленина и Красного трудового знамени, а также энтузиастов коллективизации—социалистического преобразования деревни. Считать это задание ударным и боевым для каждого советского писателя.

Не позже чем через две-три декады в печати должны быть опубликованы первые очерки и рассказы о героях пятилетки. Для контроля за выполнением писателями задания выделена тройка: Гладков, Зуев, Светов.

Изд-ство «Федерация» обязано выпустить сборник, посвященный художественному показу героев труда.

Ленотделу и Сиботделу ФОСП, а также всем литорганизациям предложено немедленно развернуть работу по осуществлению этого постановления ФОСП.

РАПОРТ ЗАРАЙЦЕВ

В связи с исполнившимся 25-летием забастовки на Зарайской обувной фабрике, литературный актив при редакции районной газеты «Смычка», в составе 13 человек, решил коллективно написать книжку, в которой показать организаторов забастовки, ставших сейчас передовыми ударниками. Материал собирается. Все силы направлены на скорейшее завершение этой большой работы.

Секретарь литгруппы АРЕФЬЕВ

БОЛЬШЕ ВНИМАНИЯ ПРОЛЕТАРСКОЙ-КОЛХОЗНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

В Чер докладов на тему «Задачи пролетарско-колхозной литературы в реконструктивный период» в Командании состоялась дискуссионная сессия с докладом т. Дикамова, который подчеркнул, что до сих пор Институт ЛИЯ не уделял должного внимания пролетарско-колхозной литературе. Между тем — значительный рост ВОПКП и проделанная им в последнее время большая работа требуют особенного внимания со стороны научных и общественных организаций и обязывают Институт ЛИЯ установить с данным ростом тесный контакт с ВОПКП, оказывать ему необходимую поддержку.

С докладом «К обоснованию платформы ВОПКП» выступил затем Ив. Батрак, охарактеризовавший три основных этапа пути, пройденного крестьянскими писателями.

Первый период относится к моменту военного коммунизма и длится до 1928 года. В это время организацией крестьянских писателей руководит сурковско-клюевская группа во главе с Деевым-Хомяковским. Эта группа была неспособна широко развернуть работу и руководить крестьянским литературным движением, и перед организацией ненаведно встал вопрос о смене руководства.

Принятием новой платформы в 1928 году начинается второй этап в жизни организации, длившийся до конца 1930 года. Он характеризуется новыми установками и, в частности, стремлением к овладению марксистско-ленинской методологией.

Огромный рост коллективизации и прилив ударников в литературу с новой остротой поставили вопрос о том, какую литературно-политическую физиономию должна иметь организация. С этим вопросом была неразрывно связана и проблема кадров, которую должен был разрешить приток ударников в литературу, в частности проведение призыва среди колхозников. Все это и подготовило тот переломный момент, которым знаменуется начало организации в жизни третьего этапа. Здесь наблюдается значительное увеличение пролетарского ядра организации: в 1929 году из 1.000 членов ВОПКП 29 процентов составляли коммунисты и 16 процентов — комсомольцы; после призыва общее количество увеличилось до 5.000, а партийная прослойка возросла до 70 процентов.

— Вопрос о переименовании организации, — подчеркивает Ив. Батрак, — отнюдь не является простой сменой вывески. Он возник в связи с усиленной ориентацией на колхозников и сельскохозяйственных рабочих, призванных в наши ряды. Переименование нашей организации, расширяя перспективы, вместе с тем увеличит возложенную на нее ответственность. Каждый пролетарско-колхозный писатель должен не только глубоко знать жизнь деревни, но и активно бороться за коллективизацию.

Касаясь взаимоотношения РАПП и ВОПКП, И. Батрак отмечает, что тенденция поставить на один уровень ВОПКП и РАПП неправильна, ибо в соотношениях этих двух литературных организаций должно найти отражение то, что рабочий класс руководит крестьянством. РАПП — ведущая братская организация, под руководством которой должна вести работа ВОПКП.

О творческих группировках внутри ВОПКП рассказал в своем докладе т. **Острогорский.**

Призыв ударников в литературу создал нередко пролетарско-колхозной группы, не только руководящей идеологической работой, но и задающей «творческий тон» всей организации.

Вторая группа, наиболее многочисленная, является выразителем интересов середняка, повернувшего на социалистический путь. Эта группа еще не выросла политически и несет груз мелкобуржуазной идеологии. В своей творческой продукции она заметно обнаруживает ограниченность мировоззрения.

Е. П.

ПЯТЫЙ ЛИТДЕКАДНИК ФОСП

На днях состоялся пятый литературный декадник ФОСП. Он был посвящен докладу члена Реввоенсовета СССР и начальника военно-воздушных сил СССР т. П. И. Баранова о современном состоянии авиации в капиталистических странах и у нас.

***

Десятки тысяч людей работают в советской авиации и в смежных, обслуживающих ее отраслях: электропромышленности, химиндустрии.

В нашей стране не только стремительно ширится сеть почтовых и пассажирских авиалиний. Советская авиация—мощный помощник и в борьбе с вредителями сельского хозяйства, и в добыче промышленности на Каспии, и в лесообильном промысле на Белом море. Как помогаем мы ей в этой работе?

***

Предыдущие литдекадники ФОСП, как правило, стимулировали интерес писателей к тому участку социалистической стройки, который (подчас впервые для того или иного писателя) во всем своем значении и во всей многогранности раскрывался перед ним в очередном докладе на декаднике. В этом смысле литдекадники ФОСП, как правило, приносили совершенно конкретные результаты, побуждая писателей к творческой самомобилизации.

Не представляя собой исключения в ряду этих литдекадников, пятый декадник, посвященный докладу Баранова, был интересен и поучителен. Но в последующую за докладом товарищескую беседу с писателями т. Баранов внес, привычную для него (и—увы!—еще не принятую в наших литорганизациях) военную четкость, которая позволила тут же на декаднике выработать конкретную программу ознакомления писателей с работой военной и гражданской авиации Союза.

В эту «программу», которая будет реализована через ЛОКАФ, входит: посещения аэродрома группами писателей, участие в полетах, летных экскурсиях, маневрах, учения, посещение авиационных учреждений и, наконец, длительное пребывание писателя в авиаклубе и в авиачасти военно-воздушного флота.

— Но нам нужна не только художественная литература, но и книга, пропагандирующая и популяризирующая идеи и достижения советской авиации, —напоминает П. И. Баранов, вызывая «встречный план» знакомить с жизнью и бытом летчиков, самолетостроителей, мотористов писатель должны провести сеть их ряд литературных бесед, докладов, авторских читок.

***

По-военному быстро и четко приступлено и к реализации намеченной программы: первые полеты писателей состоятся завтра.

Д. К.

За пять дней

ЗА ТВОРЧЕСКУЮ АТМОСФЕРУ

На недавнем пленуме ВОСП совершенно естественно и закономерно основное внимание было сосредоточено на творческих вопросах. Оно, это внимание, закреплено в основной резолюции пленума, оно нашло наиболее, пожалуй, яркое выражение в речи т. Л. Сейфуллиной—одном из наиболее интересных программных писательских выступлений (см. стр. 3).

Сегодня мы печатаем отчет о первом вечере пролетарско-колхозной литературы в Комакадемии, где в докладах тт. Батрака и Острогорского была подведен итог организационному росту этой организации и также говорилось о повороте лицом к творчеству как основной задаче.

Так долгожданная постановка восприята литературной общественностью уже достаточно твердо. Однако практически сделано еще очень мало. Лишь РАПП, хотя еще и недостаточно, но все же развертывает творческое соревнование различных групп и направлений в пролетарской литературе. Но же удачно и широко используются для конкретно-творческих целей политическая задача художественного показа героев пятилетки.

А остальные литературные организации? ФОСП в плане федеративном сделаны первые шаги в этом направлении, в виде чток и обсуждений новых произведений писателей на литдекадниках; изредка в клубе ФОСП устраиваются, при этом в большинстве неорганизованно, творческие вечера отдельных писателей. И это все.

Творческая атмосфера в литературных организациях не создана. Мы не боремся в расчет при этом узкие творческие собрания в частном порядке, ибо они ни в какой мере создания творческой атмосферы в организации не содействуют.

Для характеристики весьма медленного поворота литорганизаций к основной своей задаче—быть идейно творческими руководителями об'единяемой ими массы достаточно указать на тот факт, что выдвинутая РАПП **перед всей советской литературой** задача художественного показа лучших людей и предприятий нашей страны—задача, которая играет в самом РАПП и может сыграть для всех других роль и проверки творческой боеспособности и мощного фактора, переключающего внимание на конкретное творчество,—другими литературными отрядами использована совершенно недостаточно.

И в ВОСП и в ВОПКП так же, как и в РАПП есть все возможности для творческого об'единения в творческие группировки товарищей с общими творческими установками, с сходными методами работы. Но это не делается.

Сколько мы времени тратим на заседания? А разве не стоит правлению ВОСП, к примеру, сократив хотя бы количество хозяйственных вопросов, свои заседания заполнить вопросами творческими и даже разбором конкретных произведений? Надо создать такую атмосферу, при которой каждый автор, если он этого хочет, мог бы обсудить свое произведение в товарищеском кругу, мог бы использовать товарищеские указания еще до сдачи рукописи в печать. Разве критика обязательно должна быть печатная и лишь тогда, когда она может быть использована только для следующего издания?

Каждая организация (это в большой мере относится и к «Литгазете) должна творческие вечера сделать основой своей массовой работы.

Сказанное здесь—лишь беглые заметки, лишь постановка (не в первый раз!) вопроса. Следовало бы поднять вопрос о создании в литорганизациях творческой атмосферы широкому обсуждению на столбцах «Литературной газеты». Мы и призываем к этому писателей.

ПЕРЕД ДОКЛАДОМ. ПРИМЕРНЫЙ ОПЫТ

Парией выдвинут лозунг широкого использования лучших опытов работы, популяризации перед всей страной героической борьбы за темпы пятилетки, примера передовиков—предприятий, закончивших в 2½ года пятилетку, жизни и работы лучших ударников, администраторов и специалистов, представленных правительством к высшей трудовой награде. В результате того, что этот лозунг сразу же, при том инициативно, был подхвачен РАПП, он приобрел для литературы форму **совершенно конкретной задачи—художественного показа героев пятилетки.** Эта задача поставлена как **ударная,** для выполнения ее мобилизуется творчество пролетписателей. К этому же делу привлекаются и другие отряды советской литературы.

Сегодня мы печатаем первую отчетную сводку Московской ассоциации пролетарских писателей. Едва ли она нуждается в особых комментариях. Из нее ясно видно, что МАПП действительно полностью учел значение и ударность задачи художественного показа героев пятилетки, что он действительно по-настоящему мобилизовал свою организацию на это дело. Ближный мобилизованный имеет совершенно конкретные задания, он связан сроками, его работа находится под контролем.

Это не значит конечно, что можно **административно** обеспечить работу от срыва, успех зависит главным образом от того, насколько поход за книжку о герое пятилетки будет действительно массовым. И тут в Москве предстоит еще огромная работа, так как бригады и даже районы почитны далеко не все. Но постановка работы в МАПП дает **основные** данные для успеха. **Это передовой, примерный опыт.** Его должно использовать все ассоциации.

Между тем такой, примерно, размах (качественно) работы как в Москве мы имеем только в Ленинграде (его опыт будет нами освещен в следующем номере газеты). Что делается в остальных крупнейших ассоциациях, просто не известно, так как они не шлют сведения.

Уже один этот факт говорит, по меньшей мере, об их недостаточной ответственности. Нет информаций, нет обмена опытом, нет наконец соревнования между организациями.

Мы настойчиво спрашиваем местные ассоциации и литгруппы, как они включились в поход за книжку о герое пятилетки. Мы требуем от них регулярной и подробной информации.

СИЛА ПРОЛЕТАРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ — В ЕЕ ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОМ ЕДИНСТВЕ

УСИЛИМ БОРЬБУ С ВЕЛИКОДЕРЖАВНИЧЕСТВОМ, МЕСТНЫМ НАЦИОНАЛИЗМОМ, НАЦИОНАЛЬНОЙ ОГРАНИЧЕННОСТЬЮ!

ЗА ПРОЛЕТАРСКУЮ ПО СОДЕРЖАНИЮ И НАЦИОНАЛЬНУЮ ПО ФОРМЕ ЛИТЕРАТУРУ СССР!

НА ВОАПповские темы

Одна крупный и очень культурный русский писатель недавно сказал:

— Мы, к сожалению, очень мало интересуемся литературой народов СССР. А ведь это очень многое объясняет! Про Пушкина! Существует белорусская литература! Для меня это было открытием.

Человек, говоривший это, не является профессиональным писателем, и сам по себе факт его интереса к литературе народов СССР крайне положителен. Но его слова весьма характерны для известных тенденций национальной ограниченности, весьма сильных в русской пашущей, пролетарско-колхозной и в среде простых пролетарской литературы—телеграций, нередко существующих с великодержавным пошибом.

Часто говорят об **интернационализме**. Но часто под такими разговорами скрыто **великодержавие**. Когда читаешь Гришу Добросклонова о «хохлах», или о «чухне» в стихах и прозе молодых людей о «чужих странах», или о «Востоке» вообще, или о «дальних странах» без конца, то невольно приходит в голову мысль, что такие вещи в советских условиях открыто будут произносить или сохранения за русской литературой прежнего монопольного положения? А вот масса литературной среды—она всякую чушь, великодержавную или открыто шовинистическую, принимает как должное. Про русский языковой «интернационализм» говорил на XV съезде партии т. Сталин.

Национальная замкнутость? Ничего подобного! Наоборот, максимум интернационализма. Разве не сидят наши русские писатели за границей? Разве не присутствуют они на торжественных собраниях, когда в Москву приезжают писатели-товарищи из союзных республик? Разве не выступают они в роли менторов по отношению к «малым» литературам? Да время недавно состоявшегося в январе 1931 года белорусского писательского «пленума» показало, что им будет сказано по-деловому, что их будут критиковать, но что они **не выкажут** желания, что **начинающих** писателей нужно поддерживать.

«Мы не интересуемся национальным вопросом, потому время для стирания граней между национальными культурами». Слышали это не раз в писательской среде. Между тем не о **стирании граней** приходится говорить, а о действительном, на деле происходящем **сближении** наций. Диалектика и постановка и разрешение **национального** вопроса на новом этапе в том и состоит, что взаимное сближение трудящихся всех наций СССР на почве социалистической победы за счет всех происходит **через развитие национальной культуры**, пролетарской по содержанию. В частности, отдельные национальные группы пролетарских писателей в ВОАПП развиваются как разные с равными.

Причина такого забора заключается глубоко в духе великодержавия. Тогда **великодержавие** другого разновидность, весьма близкое национализму, **переплетающееся** с местным **национализмом** — это борьба против технических условий в национальном вопросе: «Национальная опасность? Нечего белорусского писателя? Романтика Запорожской сечи? Гоголевские книги? Узбекский эпос? Ах, как прекрасно! Почти все... дубы московского времени. Очень мило... Местные языки и специальные диалектологические работы должных масштабов! Вообще за... революцию, если писатель и «умел» заглянуть в человеческие сердца русского, **великого**, **великодержавного** русского! Безнадежен умом! Россию не знает».

И в самом деле разве случайно то, что местный литературный национализм может получить порой поддержку в Москве и Ленинграде? Разве случайно, например, что издания произведений с кавказским и среднеазиатским колоритом, издания произведений с мотивами о Белоруссии в русских переводах—это печально известная книга Клюшарева и сборники-продолжения к «Красной газете» и до последнего сборника, вышедшего в библиотеке «Огонька»?

Местный национализм получил за последнее время решительные удары. Достаточно вспомнить про события в Белоруссии и в Узбекистане. Его корни и признаки, но еще отнюдь **не выкорчеваны**. Он питается и усиливается великодержавничеством.

На всех литературных отрядах линь ВОАПП—ведущая организация пролетарской литературы—развернула здесь борьбу на два фронта.

Эта борьба не закончена. Она продолжается. Она будет усилена.

*

Особенно для усиления **интернациональной связи** отдельных национальных отрядов после недавнего съезда пролетарских писателей. **Несомненно усилилась.** Создана ВАПП (**всесоюзная ассоциация** пролетарских писателей) существенно в качестве единой централизованной организации. На недавнем съезде была найдена более удобная, более отвечающая природу диференциации национальных отрядов пролетарской литературы организационная форма: ВОАПП (**всесоюзное объединение ассоциаций** пролетписателей союзных республик).

Привела ли эта форма к **распаду** советской организации на «**национальные**» части? Нет. Единство **принципиальной линии**, единство **действий** в борьбе за общее дело усилились, несмотря на то, что работа руководства ВОАПП в первый период после московского съезда ослабла. Под лозунгом **всесоюзного напостовства**, выдвинутым АПП Грузии, развивается новое движение. Единым фронтом выступили организации ВОАПП в таких решающих событиях последних лет, как борьба с **олитфронтом** или недавние события, происшедшие в АПП Закавказья (попытка Авчинникова превратить АПП в свою экзотическую базу). Едиными признаками руководствуются АПП в постановке **творческих** вопросов. Говоря на разных национальных языках, мы говорим на одном языке действия, потому что мы делаем общее дело.

В связи с этим уместно поставить вопрос о **перспективах** работы ВОАПП.

В чем наиболее слабые места воапповской работы?

Они—в **отсутствии системы**, в гарантировании работы руководящих органов.

Они—в том, что, при правильных установках, эти органы на деле часто ограничились в верховные **кассационные инстанции** и недостаточно занимались повседневным конкретным руководством.

Они—в еще **слабых пережитках национальной ограниченности**, наблюдающихся в частности и в РАПП.

Они—в **недостаточном творческом взаимодействии**, в **отсутствии** необходимой творческой атмосферы, в недостаточной творческой дискуссии в масштабе ВОАПП.

Они—в недостаточной гибкости работы этих организаций, в полном **идейно-воспитательном методе** методами **администрирования** и других осложнениях.

Они—в **недостаточности темпов перестройки** (хотя в большинстве случаев решительный поворот тут намечается).

Линия ВОАПП была правильна. Но всем этим нередко создавались **общими разговорами о «днях»**. Нам нужно сосредоточенно заняться вопросами **практической работы**. Меньше всего нуждается в этом ВОАПП, способствующий творческой дискуссии. Он займется тем, что еще **не сделано**.

Не сделано **многого**. Не сделано **решающего**. Не сделано **основного**. Новый этап культурной революции предъявляет

ВНИМАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ РАБОТЕ

Печатаемая нами сегодня информация о национальной работе литературных организаций говорит о том, что вопросам национальной культуры большинство писательских организаций еще не уделяет достаточного внимания.

Отметим, кстати, что до сих пор мы не видим анонсированного нового журнала, основной задачей которого является показ строительства национальной по форме, пролетарской по содержанию культуры, осуществляемого народами Советской страны.

Надо думать, что открывающийся завтра пленум ВОАПП будет содействовать тому, чтобы в работе национальных секций наших литературных организаций наступил необходимый перелом.

В обществе пролетарско-колхозных писателей

В сектор национальностей ВОКПИ входят через местные отделы ЦО ВОКПИ татарская, чувашская, мордовская и украинская секции ЦЧО и Северного Кавказа и Карельская секция.

При предстоящей организации всесоюзного объединения пролетарско-колхозных писателей, в него, кроме ВОКПИ, войдут на паритетных началах самостоятельные национальные организации пролетарско-колхозных писателей Украины, Белоруссии, Грузии и Средней Азии.

В союзе советских писателей

До последнего времени московский отдел ВССП не имел писателей. Только недавно создана еврейская секция, да на недавнем съезде дагестанских советских писателей, в котором нашла участие член правления ВССП С. Мстиславский, была организована дагестанская секция ВССП.

При сибирском отделе ВССП работает бригада-мобильная секция.

Расширенный пленум правлений Московского, Ленинградского и Сибирского отделов ВССП дал директиву ускорить организацию национальных секций Союза.

Национальная работа МАПП

При МАПП работает бюро национальностей, в состав которого входят Белорусская, Еврейская и Чувашская секции. **Однако нужно отметить, что это бюро слабо руководит секциями.**

Белорусская секция существует со времени проведения Белорусской недели. Количественный состав секции — двадцать человек, из которых шесть рабочие-ударники, призванные в литературу. Секцией организованы два литкружка. Поддерживается тесная связь с Ленинградской белорусской секцией.

Секция выпускает альманах, целью которого является показ конкретных межу Советской и Западной Белоруссией. Напечатаны два очерка **М. Гольдберга**: очерк **К. Губревича** о колхозе; повесть Н. Шукайло «Без имени».

Еврейская секция МАПП состоит из двадцати пяти человек. За работу по хранению выделено семь человек, четыре писателя и еврейские земледельческие колонии. Организован кружок при центральной библиотеке.

Чувашская секция МАПП насчитывает двенадцать писателей. Основной работой секции является только художественный показ героев пятилетки; на эту работу мобилизованы почти все силы, которым даны конкретные задания. Секция ведет литконсультацию с тем же периодическим органом через посредство чувашской газеты.

К сожалению, слабо издается литературная продукция членов чувашской секции: Центриздат до сих пор не удосужился издать ни одного листа для чувашских очерков о лучших героях страны, не издается и жизнь сборника отрядов А. Талвир о колхозах.

*

Нужно отметить, что еврейская и чувашская секции МАПП слабо участвуют в проведении призыва ударников в литературу.

В секции народов СССР для Комакадемии

В плане работ секции — доклады республиканских научных учреждений и республиканских АПП. Одна из основных крупных работ — **Библиография** монографий о национальном культурном строительстве народов СССР и очерки классовой борьбы. Монография будет освещать вопросы литературы, языкознания, театра, кино, изобразительного искусства, музыки.

Организуются дискуссии о национальных литературах и искусстве **Украины, Белоруссии, Закавказья, Татарии, Чувашии** и т. д.

Секция тесно увязывает свою работу с работой ВОАПП и своей основной задачей считает пробивку теоретических проблем всесоюзного пролетарского движения.

На фронте национальных литератур

В УЗБЕКИСТАНЕ

❖ Республиканской конференцией пролетарских писателей Узбекистана УЧРЕЖДЕНА УЗБЕКИСТАНСКАЯ АПП. В основу устава и программы УзАПП приняты устав и художественно-политическая платформа ВОАПП, дополненные специфическими для Узбекистана положениями.

❖ Конференцией избран совет в количестве 34 членов, в том числе представители ЦК КПП(б)У, ЦК ЛКСМ, ОГПУ, Ср.-Аз. АПП, местных заводов, фабрик, АПП и организаций пролетарско-колхозных писателей.

НА УКРАИНЕ

❖ Последний ПЛЕНУМ ЦК «МОЛОДНЯКА» принял развернутую резолюцию, определяющую литературно-политическую и творческую работу организации.

❖ Пленум избрал секретариат ЦК в составе тт. УСЕНКО, КОВАЛЕНКО, КЛОЧЯ, ГОНЧАРЕНКО, МЕЛЬНИКА, КОЦЮБЫ, ТОРМИЧУКА, МУСКИНА, САВЧИКО.

❖ «МОЛОДНЯК» ПРИНЯЛ ШЕФСТВО РАПП НА СОЦСОРЕВНОВАНИЕ ПО XV ПОЖЕСТВЕННОМУ ПРИЕМУ ЛУЧШИХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ОТ РАБОЧИХ-УДАРНИКОВ.

❖ В Харькове открылся 22 мая РАСПИРЕННЫЙ ПЛЕНУМ Всеукраинского союза пролетарско-колхозных писателей «ЛАПКО» совместно с Всеукраинским слетом лит. ударников села.

В БЕЛОРУССИИ

❖ Недавно состоялся ПЛЕНУМ БЕЛОРУССКОЙ АПП. Пленум заслушал ряд творческих докладов, вызвавших оживленное обсуждение.

❖ В состав нового секретариата БелАПП вошли тт. ГОЛОВАЧ, ЛЫНЬКОВ, ЛЯМУШОНКОВ, СЕНКЕВИЧ, ВЕЩЕ, ЦУПКО, МЫСЛИНСКАЯ и два представителя рабочих-ударников, призванных в литературу.

В ЗАКАВКАЗЬИ

❖ Президиум Грузапп проведет с 20 по 30 июня ДЕКАДУ, ПОСВЯЩЕННУЮ 10-ЛЕТИЮ АССОЦИАЦИИ, в рабочих клубах устраивается ряд специальных литературных вечеров. Будет выпущена однодневная литературная газета.

Меньшевствующий идеализм в украинском литературоведении

НА ДОКЛАДЕ Б. КРЫЛЕНКО С КОМАКАДЕМИИ

Свой доклад о меньшевствующем идеализме в украинской литературной науке Б. Крыленко посвятил разоблачению одного из крупнейших представителей украинского буржуазного литературоведения **Юринца**. Под видимостью творческого поиска Б. Пильняк Юринца использует **идеологический диалог с психологическим**, и за спиной он упрощает и извращает сущность и социальную среду, создавшей поэта Тычину.

Юринец считает писателя настоящим индивидуалистом, который смотрит на мир глазами ребенка.

В анализе лирики Юринец абстрагируется от определенных классовых условий, от общества, он уводит читателя в дебри своей субъективной психологии.

Давая свое понимание творческого метода, Юринец ставит во главу угла психологическую непосредственность впечатлений и некоторых отражение действительности в поэзии.

Поэта Тычину Юринец не рассматривает в его развитии, т. е. с учетом определенных периодов творчества Тычины, а только определенных классовых групп за ними.

Противопоставляя Юринцу и националистическим его единомышленникам, Крыленко дал характеристику творчества Тычины, как поэта Пролетарской Революции, Советской Украины, которая стала Центральной Республикой Союза. Крыленко отметил, что Тычина не замкнулся в индивидуалистическом мире, а непосредственно откликается на текущие политические вопросы.

— Этот — говорит т. Крыленко — не Юринцу на творчество Тычины отразились все мировые фигнеровские влияния, вся психологическая жизнь Украины — все, кроме борьбы классов.

Не меньше грубых ошибок допускает Юринец и при анализе поэзии Бажана. Он отмечает лишь психологическую сторону его творчества. Делая специальный стих-гибрид Бажана «Будинок Юрмом показателем как образ социальной стройки. В теме время упускает Бажана, имеющее для нас большое значение, не подчеркивается Юринцем.

Критика Юринца очень далека от марксистской теории и практики литературы.

М. Б.

УРОКИ ПРОШЛОГО

И ПРОЛЕТЛИТЕРАТУРА В СРЕДНЕЙ АЗИИ

Необходимость пролетарских писателей среднеазиатских национальностей в прошлом имела тяжелые уроки в борьбе с национал-шовинистической контрреволюцией на идеологическом фронте. Но эту борьбу нельзя рассматривать изолированно, только в среднеазиатском масштабе, ибо ее корни далеко уходят в историю прошлого, а также широко развертывается в ней нападениям, направленным на великодержавный и местный национализм. Все эти явления получили определенное отражение в литературе Узбекистана и остальных среднеазиатских республик.

Есть здесь переродившийся джадидизм (один из видов национал-шовинистических течений, то он, до формы по многим напоминающий под влиянием реакционной литературы, выражал идеи национал-шовинистической буржуазии, отчасти находившейся в подполье. Например, деревенщина узбекский поэт Тукаев Тавай-Мирзаев, в своем сборнике стихов, вышедшем в 1917 году (выпущенного до 17 года), заявил: «Ничему я, мусульманин, не научусь в своих несчастьях и недостатках через «Газы Туркестана», а также о тайне-перечитке» и т. д. Повидимому, под этим последним словом он подразумевает нашу национально-освободительную революцию, выражающую чаяния национальной буржуазии, которая после Октябрьской революции, безусловно, дала контрреволюционные плоды.

Дальше тот же поэт, обращаясь к мусульманской молодежи, пишет: «Эй, мусульманская молодежь, почему не обратишь внимание, откройте глаза, посмотрите на тех мир, что дало образование» и т. д. Эту же мысль в другой форме-гиперболе мы читаем у Фитрата в его книге «Сайра-ти-Гаяти» (т. е. Об образовании к близкому бухарскому эмиру, пишет: «Пусть бог вас сделает вдохновителем ислама... Не является ли ваше царение наивысшим средством для нашей свободы и нашего спасения?» (стр. 60). Сотрудничая начинающими сионистами буржуазными и шовинистическим духе), протягает неприкрытую на производствах, в колхозах и совхозах.

Этими моментами, конечно, не исчерпывается деятельность УзАПП, АПП остальных республик Средней Азии, с решетовым отставанием идущие по стопам УзАПП, еще не закончили организационного периода своей работы, в чем еще не выкристаллизовались в единой пролетарское ядро. Наконец, согласно постановлению среднеазиатских директивных органов, недавно организована среднеазиатская АПП, которая должна быть руководящим центром республиканских АПП.

Громадный экономический, политический рост среднеазиатских республик на основе социалистического строительства и реконструкции сельского хозяйства страны, на основе быстрейшего изживания пережитков является, с классовым врагом продолжается. Писатель-националист маскируется: замечается даже некоторые симптомы блока националистов с бывшими колониаторскими элементами. В борьбе надо быть всегда готовым.

Силы пролетарских писателей Средней Азии будут расти, но в своем росте они нуждаются в идеологической поддержке пролетарского центра. Чем больше и скорее будет уделено достаточного внимания к нуждам среднеазиатских организаций пролетарских писателей, тем скорее они выйдут на широкий путь развертывания работы пролетарской литературы.

А. Ш. КАРАХАНОВ

Иван Микитенко

ДЕЛО ЧЕСТИ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

ПРОЩАНИЕ И ВСТРЕЧА

Над степью реют крылья вечера. Высокие терриконы, силуэты угольного Донбасса, каждый, как Хеопсова пирамида, монументально выделяются на фоне ярко багрового заката. Ближе вздымается стройный копер над шахтой. На улице уже блестят экзальтированные глаза фонарей. Свет от них падает на десятую трибуну, которая одиноко стоит посреди площади,—рдеет трепещущим красным флагом. Телеграфные столбы гудят-гудят от ветра. И в их гудение и звон врезается властный и тревожный, как безлюдье, гудок шахты. Группа шахтеров с мешками за плечами, расположившись около дороги возле телеграфного столба, играет в карты. Картежники забыли обо всем на свете, только Зануда механически отвечает гудку:

1

ЗАНУДА. Гуди, гуди. Может и легче станет.

СОЛДАТЕНКО. Туз пиковый—даму в кубок. Ш-ш-ш! Прибора пожалуйста.

ГРУППА. Пятерка!

СОЛДАТЕНКО. Не смеешь! Еще и не начал бить. Хочь работал на третьей шахте, так и там всех бил. А меня—никто. Ведь такая, парень куда ни шло, только бить, обе стороны чистит.

ВЫРВИЗУБ (дернул гармошку). Ну и будет вам!

Пускай пшеничка не пашня,
Пусть в руках не блестит...
А все-таки праздник воскресенье,
Шахтер работу все шлет!
Ух-ухнем! Ах-ахнем!
Шахта спокойно все шлет!

ЗАНУДА. А гудок все гудит.

СОЛДАТЕНКО. Пусть гудит. Нам это не в новость. Не впервой. Воля ваша. Сыграю — уйду. Не мне воевать? И худо сколько шахт сбило? Ничего! Не в счет. Везде стекла получу и дальше пойду. А гудок он, конечно, дураков любит. На живых играет.

ВЫРВИЗУБ.

Шахтер спокойно дубинку,
Сторожку исследуйте!
Шахтер бережно любимую,
Ни об чем не думайте!
Ух-ухнем! Нерушима!

ГРУППА. Ни об чем не думать!

ЗАНУДА. Ну, все-таки гудит. Аж в сон и то ударяет.

СОЛДАТЕНКО. Что, может, плюнешь на гудение? Может, останешься здесь? Говори!

ЗАНУДА. Нет, я отважный. И чтоб поскорей итти. Как чтоб не итти. А то гудит, и совесть ударяет. А у меня совесть мягкая.

ВЫРВИЗУБ. Совесть мягка у дурака.

ЗАНУДА. Ну, все-таки за чертю-что. На кому народ покидаем?

СОЛДАТЕНКО. Плевал я на народ! Я сам себе народ, сам себе власть и начальство. Царь-государь и верховный комиссар. Вставай, братцы! Довольно этого простаивать нашим трудом! Может и Колбу свою за уголь получит. Может, она откроет как-нибудь! Я не играю. А что говорить — нужно.

ВЫРВИЗУБ. Бросьте, Василиса, не дело. А ты, Зануда, не растравляй человека. Ты знаешь, он в сердцах все может сделать...

ГРУППА. А верно! Он такой.

СОЛДАТЕНКО. Я такой, что не боюсь. Пусть гудит. Пусть плюет, мастер и мотальщик работы. Пусть ходит прибегает, мастер и мотальщик работы. Пусть кто-нибудь попробует, если она кинет. Слевом, это за меня? Вставай, подземный рабочий народ! Я, Солдатенко, старый шахтер, я покажу вам дорогу, черт... тудыть!

ГРУППА. Ну-ка?

СОЛДАТЕНКО. Где новые сапоги и кольцо можно начальнику дорогие. Были бы черти, а работа будет! Уже гремит трубой!

ГРУППА. А верно, играет. Ведь, Солдатенко! Показывай дорогу!

ЗАНУДА. С сапогами.

ВЫРВИЗУБ. Слышите? Номер. Пускай идут прощаться с нами? (Пальцы пробежали по клапанам гармонии).

Ой, весело, весело на станции жить,
Выйдешь ли крылечко—машины бежать...

2

Из каменного дома вышел Гнат Орда. Пошатываясь, он направляется к трибуне. Остановился, шапку снял, ветер развеял его седые волосы. Орда сказал с горечью:

— Трибуна! Аллилуйя! А кто меня за руку хватает? Кто, спрашиваю?

СОЛДАТЕНКО. Гнат Орда. Что такое?

ВЫРВИЗУБ. Клюквуля, напанна?

ГРУППА. А верно, клюквуля.

ЗАНУДА. До чего же за народ грустное.

ОРДА. Клюквуля. А почему клюквуля? (Ударил себя в грудь). Почему, спрашиваю? Трибуна... (Неуверенным шагом восходит на трибуну).

ЛЕТУНЫ подходят к нему, задирают головы. И говорят:

— А верно клюквуля!

ВЫРВИЗУБ. Ну, рассказите, напанна. Что и как, и за что народ страдает?

СОЛДАТЕНКО. Не бойся, мы свои.

ОРДА (встав на трибуну, протянул руку вперед). Кто боится? Спрашиваю! Старый красногвардеец, потомственный шахтер Гнат Орда?

ВЫРВИЗУБ. Напанна! Плюй на всех, и тебе так легко!

ГРУППА. А верно. Что ему бояться?

ОРДА. Я с комиссаром Фрунзе в одном батальоне бился. А он меня хватает за руку. Да ты знаешь, какая это рука? Ты знаешь, сколько раз она ранена, сколько пострелин. Семь разов порезана, семь пострелина. Дважды семь—четырнадцать! А он хватает. Гнат Орда, быка не кривет: «Конь!» В рассыпной цепи! И Фрунзе тут, и Рековский. А он меня хватает за руку. Я Махно бил! Я белого генерала рубал!..

ВЫРВИЗУБ. Свободная вещь.

ЗАНУДА. А кто же это вас, напанна, так обидел, к примеру?

ОРДА. Кто?

ЗАНУДА. Именно. За вашу боевую руку хватает.

ОРДА. Пятьсот Соколовский. Кто такой Васька Соколовский, спрашиваю? Комсомолец? А революцию кто делал? Орда? Так что ж ты хочешь, милиция, старого красногвардейца? Да я ж возьму тебя на эту мозолистую руку и покажу тебе все тюрьмы и каталы, покажу эти красные маки, что расцвели на моих страшных. Это ж я тебе сделал. А ты хватаешь...

ЗАНУДА. Какой бесчестный народ. Грустно за таких людей.

ВЫРВИЗУБ. Конечно, грустно.

ЗАНУДА. А Кольча — это кто такой будет? Комиссар какой, или из простого народа?

ОРДА. Кольча?.. Кольча — это такой Коля. Друг шахтерского детства. Коля Головатый, который и теперь на шахте. Кто ж против нас? Кармануха? Наш свойский человек? А это так — Гнат-Орда? И ефрейторство обе. Кармануха!

СОЛДАТЕНКО. Правильно! Аллилуйя. Вершинство. Гениальный и гробит заместо брата. Кармануха — это я сейчас сказал в эфир. Братцы! Я, Солдатенко, старейший шахтер... моя нога должна сейчас сапогом! Я расстраиваюсь, когда вижу непорядок! У меня бьется сердце!

ВЫРВИЗУБ. Не расстраивайся, Кирилла, затыкай хлапка, пущай напанна выговорится.

ЗАНУДА. Может, они с горя гуляют.

ОРДА. Гуляю! И буду гулять, покуда имею право. Потому я всех шахтеров и начальство знаю. Потому я всех знаю, кто ворует, кто честно работает. Я Гнат Орда, и меня не проведешь. Я Гнат Орда, и меня не обманешь. Я Гнат Орда, и меня не купишь. Я Гнат Орда, и меня не запугаешь. Я Гнат Орда, и меня не испугаешь. Я Гнат Орда, и меня не напугаешь. Я Гнат Орда, и меня не напугаешь. Я Гнат Орда, и меня не нап

СРЕДИ КНИГ

„ПЛЕМЕННОЙ БОГ"

ЛЕОНИД РАХМАНОВ. Роман. 1931 г. Разобличенный в пытливый из ленинградского Электротехнического института за сокрытие социального происхождения сын кулака-лесопромышленника Антон Лепеш вступает в члены общины баптистов и отправляется «торговать божьим словом — распространять христианство». Он лезет всякому народу в душу, он «ловец человеков», он «пастырь», он «божий человек». Он «ищет заблудших овец», он «несет свет истины», он «сеет разумное, доброе, вечное

ПУШЕН ЛИ ЛИТФОНД?

ПРОДОЛЖАЕМ ДИСКУССИЮ

В НАЦРЕСПУБЛИКАХ ЛИТФОНД НЕОБХОДИМ

Труд пролетарско-советского писателя и художника этого труда является необходимейшим элементом всего того нового и огромного, что создается сейчас энергией и энтузиазмом класса, побеждающего капиталистический мир и перестраивающего человека. Поэтому писатели требуют особого подхода, видимого и в себе со стороны пролетарско-советской общественности. Эти требования предусматривает особую острую и условиях национальных республик и областей.

Центральное правление литфонда плохо представляет себе это обстоятельство, ибо на практике решает вопрос слишком поспешно, по-чиновничьи. Доказательством этому может служить отказ от организации отделений литфонда в национальных республиках, в частности в Татарии, где в отказе на большое желание нашего существующего разводить канцелярию и бюрократию заявлено.

Из заявления правления литфонда представляется, что литфонд есть классическое общее дело и система единственной и неизбежной формы организации писателей, в которой только и возможно, по мнению правления литфонда, решать все вопросы писательского труда, причем, по-видимому,

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Орган Федерации Объединений Советских Писателей РСФСР

МОСКВА 30 МАЯ 1931 г. № 29 (128)

РЕДАКЦИЯ:
Москва, Тверской б. 25, Дом Герцена. Телефон 2-80-12.

ИЗДАТЕЛЬСТВО:
Акц. о-во «Огонек»; Москва, б. Страстной б. 11. Телефон 5-5169.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА:

	СССР	ВНЕ СССР
На 6 м.	1 р. 75 к.	— 90 ц.
На 3 м.	- р. 90 к.	— 45 ц.

ИТОГИ СОВЕЩАНИЯ РАБОЧИХ-ОЧЕРКИСТОВ

Заключительное всесоюзное совещание рабочих-очеркистов, созванное «Рабочей газетой» совместно с РИО ВЦСПС, имеет безусловно огромное общественное значение. Это значение далеко выходит за пределы только тех непосредственных вопросов, которые стояли в повестке дня совещания.

Если еще до сих пор находятся «мудрецы», которые в припадке своего литературнического скептицизма пожимают плечами и начат тримасы по поводу призыва ударников в литературу, то в ответ на это совещание, собравшее рабочих-производственников со всех концов СССР, позволит сказать спокойно:

Есть много на свете, друг Горацио,
Что и не снилось нашим мудрецам.

Рабочий-очеркист, этот термин рожден нашей действительностью, нашим революционным социалистическим наступлением. И он вполне показывает, как уже на нынешнем этапе социалистического строительства, мы подходим к задаче стирания грани между трудом физическим и трудом умственным. Рабочий, оставаясь у станка, руками, еще час назад управлявшими машиной, все более искусно владеет карандашом, чтобы затем снова взять в те инструмент. И в этом огромное значение совещания, как одного из самых решений указанной задачи.

Совещание безусловно даст большой толчок дальнейшему развитию очерковой литературы. И вместе с тем оно ПОМОЖЕТ ЗАВОЕВАНИЮ РАБОЧИМ РУКОВОДЯЩЕГО ПОЛОЖЕНИЯ ВООБЩЕ В ЛИТЕРАТУРЕ. Залогом этого является то, что уже и сейчас рабочие очерки методно отличаются от различной «литературной» стряпни своей высокой правдой, насыщенностью подлинной пролетарской идеологией и четкой, бодрой, целеустремленностью класса, идущего во главе освободительного движения всего человечества.

Совещание единодушно осудило как недопустимую очерковой литературы и вредное примиренческое отношение к очерку многих «литераторов» (которое, нужно сказать, обнаружилось и в том, что мало кто из литераторов послал поздравительные приветствия совещанию, несмотря на неоднократные приглашения), так и попытки низвести очерк и замену всей вообще художественной литературы.

Совещание подчеркнуло, что рабочий очерк является прямым продолжением производственной работы рабочего, своеобразной формой его активного участия в социалистическом строительстве.

В соответствии с таким пониманием очерка совещание отметило, что перед рабочими-очеркистами стоят те же задачи, что и перед всем рабочим классом.

Совещание при определении этих задач исходило из ленинского требования ПАРТИЙНОСТИ литературы: «Литературное дело должно стать частью общепролетарского дела». Причем Ленин подчеркивал, что «это будет свободная литература, потому что не корысть и не карьера, а идея социализма... будет пербовать новые и новые силы в ее ряды».

Это указание Ленина находит блестящее подтверждение в работе рабочих-очеркистов. Именно идея социализма, задачи социалистической борьбы воодушевляют рабочих-очеркистов, побуждают их в часы свободные от производственной борьбы на фронте социалистического строительства браться за перо.

Принцип партийности литературы требует от очерка, чтобы он:

во-первых, служил нашим задачам, задачам борьбы за социализм, за мировую рабочую революцию;

во-вторых, основывался бы на диалектическом методе, позволяющем не только правильно понять каждое общественное явление во всем его многообразии и развитии, дать «конкретный анализ конкретной ситуации», увязанной с общими принципиальными задачами, но и бороться за резолюционную перестройку общества;

в-третьих, был бы доступен широкому массовому читателю, воспитание, организация и мобилизация которого необходимы для решения задач, стоящих перед очерком.

Оставив простор для творческих исканий в пределах, отвечающих указанным выше трем требованиям, совещание наметило основные задачи социалистического строительства, решению которых в ближайшее время должны быть прежде всего посвящены очерки.

В условиях развернутого социалистического наступления особенно важное значение приобретает показ положительного, чтобы выполнить задачу, поставленную Лениным, — учиться у хорошего.

Необходимо показать в очерках героев-ударников, рационализаторов, изобретателей, передовые цехи фабрики, заводы, бригады, обязательно рисуя направляющую волю партии и общественных организаций.

Необходимо значительно больше уделять внимания вопросам перестройки рабочего быта, показывая ростки социалистически-нового, встречаемые из каждом шагу, вопросам борьбы за фактическое раскрепощение женщины.

Быстрый рост промышленности, приводящий к пополнению все новых кадров в ряды пролетариата, ставит особенно серьезно задачу работы над переплавлением новых рабочих. Этой теме рабочие-очеркисты редко посвящают свои произведения. Между тем из среды новичков часто идут все те болезненные явления среды рабочих, которые мешают успешной борьбе за выполнение промфинплана. Переделка новых рабочих, воспитание их — важнейшая наша задача, решению которой рабочий-очеркист может многим помочь.

Внимательно всматриваясь в жизнь, описывать и обобщать действительные факты, действительных людей, освещая все это с точки зрения пролетарской идеологии, ставя своей задачей словом бороться за социалистическую переделку мира, — вот что требуется от рабочего-очеркиста.

В ряде практических решений совещание закрепило начавшуюся совместную работу «Рабочей газеты» и издательства ВЦСПС, по активному выявлению, сплочению и воспитанию рабочих-очеркистов (намечено совместное издание специального литературного ежемесячника с массовым тиражом).

Огромная активность делегатов совещания, дружная его работа не позволяют сомневаться в том, что развитие рабочей очерковой литературы пойдет быстрыми шагами, ЧТО ВООБЩЕ ДЕЛО ЗАВОЕВАНИЯ РАБОЧИМ ГЕГЕМОНИИ В ЛИТЕРАТУРЕ СТАНОВИТСЯ НА ТВЕРДЫЙ ПУТЬ.

НА ВСЕСОЮЗНОМ СОВЕЩАНИИ ОЧЕРКИСТОВ

ОЧЕРК—СРЕДСТВО ПОКАЗА ГЕРОЕВ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ТРУДА

Основной задачей первого всесоюзного совещания рабочих-очеркистов, происходившего «Рабочей газетой» и издательством ВЦСПС (23—26 мая), явилось обсуждение методов художественного показа лучших ударников—героев социалистической интенсивности силами самих рабочих-ударников-очеркистов.

Выступивший с докладом об очерковых задачах пролетарской литературы т. Селивановский квалифицировал очерк как жанр, которым пролетарский писатель может наиболее быстро откликнуться на актуальные задачи современности.

Оргкомитет РАПП подчеркивает, что поворот всего пролетлитературного движения к задаче художественного показа героев пятилетки является важнейшим и серьезнейшим испытанием для наших организаций, для литкружков, для руководства РАПП и всего пролетлитературного движения в целом. И здесь рабочие-очеркисты, овладевая большевистским мировоззрением, должны занять место в передовых рядах.

— Успешное разрешение этой задачи, — говорит в заключение А. Селивановский, — является залогом того, что в недалеком будущем всеми жанрами пролетлитературы будет создано большое искусство большевизма.

***

Ответственный редактор «Рабочей газеты» **В. Филов** в своем докладе на тему «Чего мы ждем от рабочего-очеркиста» отметил, что основное требование, предъявляемое к очерку и к очеркисту, — это требование служения социалистическому строительству и разоблачительства.

Формулируя основные задачи, стоящие перед рабкорами-очеркистами, т. Филов говорит о необходимости показа в очерках конкретных фактов и процессов строительства и перестройки быта, о «деле» использования опыта положительного примера. Героем при этом распределении социалистического труда ударников производства наше время является не только в смысле описания их жизни и работы, а и в плане овладения теоретического материала, в плане социалистического наступления всего нового отношения к труду, как к делу чести.

Тов. Филов призывает рабочих-очеркистов к серьезной углубленной учебе, необходимой для успешного выполнения этих творческих задач.

***

После доклада т. Банкова о выпущенных издательством ВЦСПС книжках рабочих-ударников по созданию очерка тов. Смирнов («Рабочая газета») отметил почти полное отсутствие на всесоюзном совещании рабочих-очеркистов работников «большой» литературы, которые должны были бы поделиться опытом своей работы.

Это подчеркнул в своем заключительном слове и А. Селивановский, подвергнув этот факт как недооценку писателями очеркистской литературы.

Выступивший на совещании Бруно Ясенский призвал рабочих-очеркистов дать органу МОРП — журналу «Литература мировой революции» очерки, которые покажут иностранным пролетариям, как борется и побеждает пролетариат Советского союза.

***

Последний день совещания очеркистов (26 мая) был посвящен семинару на тему «Как писать очерки». На семинаре с большой речью выступил Демьян Бедный, который рассказал рабочим-очеркистам о своем творческом опыте и подчеркнул необходимость учебы у старых мастеров, в частности у такого мастера художественного очерка, как Г. И. Успенский.

Особо останавливается Демьян Бедный на том громадном значении, которое Ленин придавал языку, печатному, устному массам — языку.

— Нам чужд сейчас кондовый язык. Надо говорить хорошо, четко, ясно. Это нужно помнить сейчас потому, что мы не только писатели, но и организаторы классовых боев. Наша агитация, — говорит Демьян Бедный, — это боевая агитация фантами.

Поделились опытом своей работы над очерком и писатели Ф. Гладков и С. Третьяков.

***

Всесоюзное совещание рабочих-очеркистов постановило объявить конкурс на лучший рабочий очерк о героях труда и поручило редакции «Рабочей газеты» разработать условия конкурса.

Организуемая новая работа литературно-художественного значения должна явиться большой помощью РИО ВЦСПС, РАПП и «Рабочей газеты». В редакционном и издательском активе рабочих-очеркистов.

Всесоюзное совещание рабочих-очеркистов закончилось на мой вечером. Для него дня была построена автомашина с рабочими-ударниками и участниками совещания.

На первом плане слева направо: ленинградский рабочий-очеркист тт. ВОРОНОВ, ПРОХИН, КУЗЬМИЧЕВ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЛЕНИНГРАД

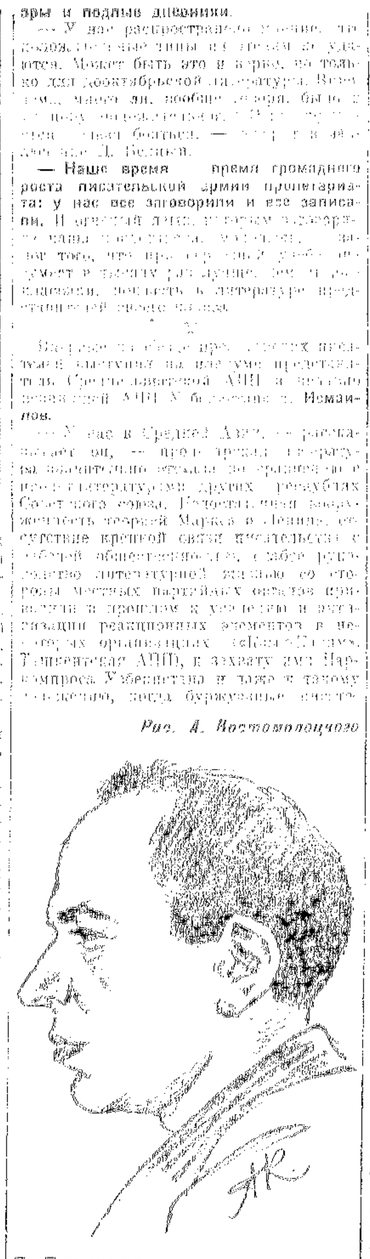
От нашего корреспондента

Литорганизации Ленинграда включились в запасовский поход

ЛАПП первая приступила к выполнению обращения РАПП. Она провела перевыборы партийных мобилизаций. Ее лучших писателей и творчески выявившихся прикреплены к фабрикам и заводам; ряд писателей направляется на Свирьстрой, Сиссьстрой, Алюминстрой, Волховстрой. ЛАПП [illegible] своей работе [illegible] мая. В [illegible] работы будет [illegible] Красном треугольнике», переходящем [illegible] ВЦСПС.

Частью творческой программы писателей будет «бригадная» связь с заводами. Для выявления производственных [illegible] материалов, [illegible] производством, [illegible] писателями [illegible] не только чувствовать [illegible] и качественному [illegible] массовых [illegible] но и практически [illegible] случаях уже реализуя эти планы. Например, ленинградское отделение «Молодой гвардии» контрактует писателей для работы над книгами о всей молодежных цехах. Предполагается в ближайшее время [illegible] Мурзилки» [illegible] Ленинградской организации ВЛКСМ.

Б. РЕСТ.



Вл. Савельев

По поручению секретариата РАПП с докладом выступил секретарь Дагестанской организации пролетписателей Б. Буачидзе.

Вопросы строительства социалистического быта, перестройки быта рабочего класса, проблемы творческого расцвета пролетарской литературы всех народов нашей, расположенных Советский союз, братственно растет советского искусства общим ростом страны строительства, социализма.

Отсталость культурных [illegible] Дагестана еще [illegible] нашему времени, не стала [illegible] работе [illegible] Дагестанской [illegible] Наряду с [illegible] пролетарских [illegible] должны явиться переломным моментом в развитии пролетарской литературного движения.

Другая ударная задача ВОАПП — [illegible] культурные связи между [illegible] Союза с [illegible] борьбой [illegible] Запада, [illegible] национализма и [illegible] национализма.

***

Редактор «Правды» М. Савельев, выступивший перед [illegible] РАПП от имени [illegible] партии, [illegible] выступил за [illegible] темпов этого строительства.

— В лице пролетарской литературы мы имеем громадную силу в борьбе за социалистическое строительство. Уже сейчас она является важнейшим фактором в деле [illegible] темпов этого строительства.

Но это требует особой четкости нашей линии, особой политической высоты в борьбе за эту линию.

Расшифровывая лозунг борьбы [illegible] большевизма, т. Савельев указывает, что [illegible] этого лозунга не мыслима без борьбы за чистоту [illegible] генеральной линии партии.

— Чтобы создать большое искусство большевизма, нужно научиться быть крепкими, твердыми большевиками, нужно совершенно четко поставить вопрос о том, что борьба на два фронта должна быть положена в основу вашего революционного творчества.

***

Далее М. Савельев констатирует укрепление связей пролетарского литературного движения с ЦО партии—«Правдой». Эти связи должны еще более [illegible] и [illegible].

— «Правда» — организатор миллионов — должна стать основным каналом, столбовой дорогой, по которой лежит ваш путь в массы.

Демьян Бедный приехал на пленум ЛОАПП со [illegible] рабочих-ударников «Рабочей газеты».

— Я привез с [illegible] ответ [illegible] письмо: «беспельщин», — говорит Д. Бедный. [illegible] рабочих газетах рабочие называют как лучших ударников, которые обучают [illegible] писателей.

— Мы, писатели, также должны «болеть» за наше дело. Не думайте, что мы с вами одни—отобразители и организаторы: есть вокруг нас еще и искатели и контрорганизаторы; есть шептуны, которые любой очерк рабочего-писателя готовы назвать шаблоном или неправдоподобным вымыслом, в то время как иные «писатели» строчат лживые мемуары и подлые дневники.

— У нас распространено мнение, что [illegible] произведения [illegible] должны быть [illegible] Может быть это и верно, но только для [illegible] литературы. Всегда [illegible] вообще говоря, было и [illegible] должно [illegible] бояться. — [illegible] Д. Бедный.

— Наше время — время громадного роста писательской армии пролетариата: у нас все заговорили и все записали. И [illegible] дня, [illegible] заговорили [illegible] завтра, что [illegible] будет [illegible] Сегодня [illegible] пишущей [illegible]

Вопрос [illegible] выступил на [illegible] Семенов [illegible] Немилов.

— У нас в Средней Азии, — рассказывает он, — пред [illegible] литературы значительно острее, [illegible] перед литературами других республик Советского союза. Руководящей [illegible] является теория Маркса и Ленина, [illegible] существование крепкой связи писательства с рабочей общественностью, [illegible] работа [illegible] литературной жизни со стороны местных партийных органов приводит к [illegible] и застою, [illegible] реакционных элементов в [illegible] организациях [illegible] Таджикистана, Туркмении, Узбекистана и даже в таком [illegible] Ташкенте, когда буржуазные писатели [illegible]

Рис. А. Костоломцочого

Е. Бучацидзе
Записывался АПП

ды — Бату, Рамзай, Аппы — группировали около себя и [illegible] контрреволюционные нам молодые кадры.

Сейчас первый этап борьбы уже пройден нами. Наша организация растет и крепнет, и под руководством ВОАПП мы и впредь сумеем дать жестокий решительный отпор нашим классовым врагам на идеологическом фронте, сумеем победить в борьбе за гегемонию пролетарской литературы.

***

Второй день работы пленума открыл докладом М. Серебрянского о развернувшейся творческой дискуссии в РАПП.

— Оттесняя нашей литературы от задач в темпов социалистического строительства предшествовали этому [illegible] на теоретическом участке, — говорит т. Серебрянский. — Однако, рапповская теоретическая мысль не [illegible] до конца [illegible] противостоять [illegible] литературно-политической линии РАПП. Эта [illegible] потребовала [illegible] идейным разгромом Воронского. Перестройка, [illegible] разоблачением право-[illegible] блока, [illegible] перестройки [illegible] и в «Перевале».

Последней творческой дискуссией в РАПП явилась дискуссия о «Литфронте», которая перешла в литературно-политическую борьбу, борьбу за самостоятельное искусство и социалистическое [illegible] Результатом этой борьбы явился, как известно, [illegible] здоровый [illegible] [illegible] элементов, [illegible] в «Литфронте».

Что помешало ли [illegible] «Литфронта»?

М. Серебрянский приводит [illegible] мер [illegible] «Литфронта» [illegible] не [illegible] не [illegible] обнаруживают [illegible] редакции.

Такой [illegible] является, например, [illegible] выступления в ГИХЛ [illegible] Ежова [illegible] [illegible] [illegible]

ЗА ГЕНЕРАЛЬНУЮ ЛИНИЮ ПАРТИИ

УДАРНИК — ЦЕНТРАЛЬНАЯ ФИГУРА ПРОЛЕТАРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ПОКАЗ ГЕРОЕВ ПЯТИЛЕТКИ—В ЦЕНТР ВНИМАНИЯ РАСШИРЕННОГО ПЛЕНУМА ПРАВЛЕНИЯ МАПП

ТВОРЧЕСКИЙ СМОТР МАПП

«Талантов в рабочем классе и крестьянстве огромный еще родник, и богатейший родник». Ленин.

Основной лозунг творческого смотра — борьба за художественное качество.

Борьба за актуальность тематики, борьба за массовость в работе Московской ассоциации пролетарских писателей, участие всех ее звеньев в революционной практике, отражение социалистического строительства в художественных образах, техническая учеба всех творческих и литературно-политических учеб и работа с рабочей сетью всех типов, мобилизация в ее в системе большевистской печати, художественный показ героев пятилетки — вот, что должно быть в центре внимания творческого смотра. Под этими лозунгами должен развернуться смотр кружков и рабочих организаций МАПП.

В творческий смотр должны активно включиться все звенья организации, в том числе и практический кружок «Рост», не вооружившийся в достаточной мере своей работой к участию в массовой работе организации. Кружок не оказывает помощь рабочих кружков в литературе, не мобилизовал свои силы для конкретного разбора произведений, определяющих творческое лицо МАПП.

Прием творческих ударников не стал в центре работы этого маленького практического кружка. Кружок «Рост» не выделил группу товарищей по линии систематической учебы кружка, составления рекомендательных списков и пр.

Каждый машинец должен притти на помощь в налаживании учебы ударников, помочь им в написании критических разборов литературных произведений. Нужно добиться такого положения, чтобы работающие, прочитанные в литературу, знали, что читать по истории пролетлитературного движения, что читать о современной литературе, что читать у классиков русской и мировой литературы. И в этой работе организации критический кружок «Рост» не участвует.

Приведенные факты характеризуют отставание кружка «Рост» от задач пролетлитературного движения на данном этапе. Отставание характеризуется и тем, что кружок «Рост» не расширил за счет состава ударниками, привлеченными в литературу, не включил достаточно крепкого ядра производственников для работы на фронте пролетарской критики.

Перед кружком «Рост» стоит задача разработки основных установок и задач современной пролетарской критики и выполнить это задание «Рост» должен к критическому совещанию. Это будет одним из показателей творческого смотра для кружка критики.

Творческий смотр должен активизировать и поднять на более высокую ступень работу творческих группировок МАПП и способствовать дальнейшему их формированию. Организация должна быть ознакомлена с основными творческими установками разных творческих групп. В системе МАПП в настоящее время работают после как группировка «Октябрьская смена», в которой объединена значительная группа творческого качественного молодняка. Вокруг нее группируется творческая молодежь ударников — почти, очерковцы, прозаики. Перед этой группировкой, как и перед всеми остальными, стоят неотложные задачи — овладевать всеми творческими средствами и обогащенной должен найти свою реализацию и в акте создания, формирования новых творческих групп, кроме перечисленных.

Творческий смотр по линии работы ударников, привлеченных в литературу, должен поднять работу литкружков на более высокую ступень, связать литкружковцев с основными рабочими массами на предприятиях, является вокруг многотиражек — заводских газет. К концу творческого смотра наши литкружки должны стать подлинно боевыми штабами сети литературного наступления на фронте культурного строительства. Это кружки смогут добиться только при условии тесной увязки всей своей творческой работы с боевыми производственными участками предприятий. Смотр еще раз должен поднять и мобилизовать силы всего творческого актива на борьбу за пролетфинпланы, за ударные темпы, за транспорт, за выполнение пятилетки в четыре года, за решающих в три и более короткие сроки, за показ героев пятилетки, которых должна знать вся страна.

Особое место в организации творческого смотра должна занять мобилизация всей московской организации на показ героев большевистских темпов, на показ лучших людей страны, на показ ведущих ударников на производстве.

Это задачи требует перестройки работы литкружков на предприятиях таким образом, чтобы литкружковцы знали всех лучших ударников и ударниц своего завода. О них необходимо рассказать от цеха к цеху, от станка к станку.

«Впервые после свержения труда на чужих, нельзя жить работе на эксплуататоров является возможность работы на себя и при том работы, оборудованной на все завоевания новейшей техники и культуры»*. Пробуждается все новые и новые творческие силы рабочих и крестьян страны, вступивших в период социализма. О них необходимо рассказать всей стране.

Перед нашим литударником должно быть мобилизовано на показ этого процесса в художественной форме. Это будет один из серьезнейших показателей творческой работы каждого из литкружков — участников творческого смотра и каждого из писателей.

... Не знаешь в индивидуальном, надо показать этих ударников, как часть рабочего класса и подходить к этой задаче, избегая лакировки, эстетизма, любования. Но в то же время не должно быть и обезлички**.

Выполнение этой задачи требует высокого художественного качества. Эту задачу должны разрешить литкружковцы совместно с ударниками.

Лучшие кружки, лучшие писатели, наилучшим образом разрешившие эту боевую задачу, поставленную партией и рабочим классом, будут премированы. О них в свою очередь наша организация должна будет рассказать всему пролетарскому движению.

Вся работа по показу лучших, передовых проводится методом социалистического соревнования между кружками, кружковцами, районными организациями.

Творческий смотр должен мобилизовать внимание всей организации и работе начинающих секций МАПП («Прожектор», от 26 мая). В плане литературных отчетов по проведению творческого смотра должны быть включены и прошедшие журналами и газетами литературные отчеты, характеризующие творческие лица, творческие кадры национальных секций МАПП: Чувашской, Азербайджанской, Татарской, Украинской и др.

Создание широкой интернациональной творческой среды — обеспечит в рядах МАПП проведение четкой ленинской национальной политики партии, обеспечит возможность борьбы с великодержавным шовинизмом, — главной опасностью на данном этапе, а также и с проявлениями мелкобуржуазного местного национализма.

Призванный в литературу ударник, принесший с собой опыт у станков большевистских темпов производства, лучших способов организации его, вольна наладить творческую дружескую работу, взаимную творческую помощь в работе, и этим острейшим образом оздоровит нашу писательскую среду, зараженную писательским эпигонством, индивидуализмом, борьбой самолюбий и ничего общего с нашим отмирающего мира. Передача опыта, усвоение опыта художественного отображения действительности — это обеспечит творческий рост ударника.

Творческим смотром весь этот круг задач может быть разрешен только на основе принципиальной литературно-политической линии, на основе борьбы за генеральную линию партии, на основе проведения четкой большевистской критики и самокритики, открытая оценка боевых установок в разрешении тех задач, которые стоят перед пролетлитературным движением на данном этапе.

Творческая работа может дать высокие качественные показатели, если сегодня марксистско-ленинской теории будет отведено в творческой практике. Повышение внимания со стороны всей организации к вопросам марксистско-ленинской теории в области литературоведения, борьбе со всякого рода меньшевиствующими теориями и теорийками, с проявлениями вульгаризма, перезревшими как буржуазные литературными, практическая переработка ленинского наследства в вопросах методологии, марксистской критики, борьбе с буржуазной опасностью на литературном фронте, борьбы с правыми элементами внутри пролетлитературного движения как с главной опасностью на данном этапе и «левым» фразерством. Борьба с формализмом, эклектизмом и др. чуждыми влияниями в пролетлитературном движении, — вот показатели творческого смотра. Разоблачение творческих установок «Лефронта», тормозящих борьбу за высокое качество художественности пролетарской литературы, и дальнейшая борьба с литфронтовщиной как с враждебным течением — эта задача творческого смотра.

Для проведения смотра, необходимы новые мобилизации сил.

Творческий смотр поможет московской организации стать опорным пунктом, опорной базой всей ленинской организации. Передовой пролетариат Московской области должен иметь и будет иметь достойных его героических книг на фронтах писательской литературной организации. Под руководством Московского комитета партии МАПП беспорно станет боевым звеном на фронте создания пролетарской культуры.

А. ГРУДСКАЯ

* Ленин, «Как организовать соревнование».

** Из выступления т. Авербаха на совещании «Правды».

ПРИВЕТ ПЛЕНУМУ ПРАВЛЕНИЯ МАПП

Расширенному пленуму правления Московской ассоциации пролетарских писателей — привет от Федерации объединений советских писателей.

Творческий опыт лучших советских писателей передать ударникам, привлеченным в литературу, помочь пролетарскому литературному молодняку в деле повышения его художественной культуры; сомкнуть пролетарскую среду вокруг советских писателей, способствуя тем самым усилению его творческой перестройки в соответствии требованиями настоящего социализма; уделить особое внимание художественному показу героев строительства нового мира, показу людей большевистских темпов — таковы ближайшие задачи, на разрешение которых должны сейчас работать и литературоведы, и каждый советский писатель.

Желаем вашему творческих успехов в работе.

Секретариат ФОСП

ЦС литературного объединения Красной армии и флота и МосЛОКАФ, вновь боевой художнической привет пленуму Московской ассоциации пролетарских писателей и желает успешной работы.

Наше пожелание, чтобы творческая конференция, особенно ударная, против смотрин, сего дня не отображала неизвестной области войска, на практическая связь нашей Красной армии и флота, ее учеба и работа, на мобилизацию общественного мнения СССР вокруг задач обороны, — чтобы эта творческая будет связывать в одном главном братом и скрепляло бы крепко-крепко руки для установленного дружеского пожатия руки пролетарии для дистанции на всем мире.

ЦС ЛОКАФ и МОСЛОКАФ

Привет пленуму МАПП, передовой организации, осуществляющей прямую художественную литературу.

В практическую призыва вы находитесь на ответственном посту. На работе Московской организации указывается вся организация ВОАПП.

Роль Московской ассоциации, привлекшей к писательских кадров из рабочей среды требует большевистской организации этих кадров, деятельного идеологического руководства ими.

Желаем вам, товарищи, успеха в вашей работе.

Издательство ВЦСПС

Рабочие надеются, что пленум МАПП принесет нам самым известные итоги первого этапа органа рабочих-ударников и пролетлитературы. Первые две тысячи рабочих-ударников, вступивших в ряды пролетарских писателей, интересуются МАПП и ее самым организацией.

Этот новый отряд пролетарской литературы станет перед ФОП объективно задача в области оказания ударникам систематической и конкретной помощи в их творческом росте. Это тем более необходимо, что Всесоюзное соревнование рабочих-корреспондентов, созванное «Рабочей газетой» и издательством ВЦСПС показало, что в практике задушевной работы имеются еще недостатки в работе с ударниками, занимающимися литературой.

МАПП как отряд из передовых отрядов пролетлитературы должно показать образцы ударной работы и выполнить поставленные партией и рабочим классом задачи, стоящие перед литературой на фронте социалистического строительства.

АРТ. ХАЛАТОВ

МАПП в ПОХОДЕ

СВОДКА № 2

К работе по художественному показу героев социалистического труда приняты:

75. Шеедов — об ударнике завода «Серп и Молот» т. Гладышеве.

76. Бидин — о бригаде Электрозавода им. М. Горького.

77. Ситковский — об ударниках Белорусско-Балтийской ж. д.

78. Логинов — об электрозаводцах-краснознаменцах.

79. Котомин — о лучших ударниках модельного цеха Электрозавода.

80. Макаров — о двух днепропетровских ударниках, установивших мировой рекорд по укладке кирпича.

81. Лекин — (з-д им. Лепсе) об ударнике Хрусталеве.

82. Безуглов — о лучших ударниках лампового цеха Электрозавода.

83. Плакидин — о лучших ударниках 2-го часового завода.

34. Егоров — о ведущей бригаде завода «Мастижарт».

РАЗВЕРНЕМ БОЛЬШЕВИСТСКУЮ САМОКРИТИКУ

ПИСЬМО ЗАРАЙСКОЙ ЛИТГРУППЫ ПЛЕНУМУ ПРАВЛЕНИЯ МАПП

На всей советской стране развертывается движение рабочих-ударников-литераторов. В литературу становится действенным инструментом рабочего класса в строительстве социализма.

Передовые ударники, вступая в литературу, вооруженные методологией марксизма-ленинизма и имея за плечами большой производственный опыт, являются ценным пополнением в рядах пролетарских писателей.

Но, к сожалению, мы видим, что ударники, вступая в литературу, не получают должного руководства. Они предоставлены самим себе, и поэтому их творческий рост идет медленно.

Мы, литературная группа, ставим перед собой задачу помочь ударникам в их творческом росте.

Наша группа состоит из 15 человек, в основном из ударников-производственников. Мы ставим перед собой задачу:

1. Изучать марксистско-ленинскую теорию литературы.

2. Изучать классическое наследство.

3. Изучать современную литературу.

4. Изучать технику литературного дела.

5. Изучать методологию литературной критики.

6. Изучать историю пролетлитературного движения.

7. Изучать историю литературных школ.

8. Изучать историю литературных направлений.

9. Изучать историю литературных групп.

10. Изучать историю литературных журналов.

11. Изучать историю литературных газет.

12. Изучать историю литературных издательств.

13. Изучать историю литературных организаций.

14. Изучать историю литературных конференций.

15. Изучать историю литературных съездов.

16. Изучать историю литературных совещаний.

17. Изучать историю литературных дискуссий.

18. Изучать историю литературных споров.

19. Изучать историю литературных полемик.

20. Изучать историю литературных баталий.

21. Изучать историю литературных битв.

22. Изучать историю литературных войн.

23. Изучать историю литературных революций.

24. Изучать историю литературных контрреволюций.

25. Изучать историю литературных интервенций.

26. Изучать историю литературных блокад.

27. Изучать историю литературных фронтов.

28. Изучать историю литературных тылов.

29. Изучать историю литературных армий.

30. Изучать историю литературных дивизий.

31. Изучать историю литературных полков.

32. Изучать историю литературных рот.

33. Изучать историю литературных взводов.

34. Изучать историю литературных отделений.

35. Изучать историю литературных звеньев.

36. Изучать историю литературных бригад.

37. Изучать историю литературных звеньев.

38. Изучать историю литературных звеньев.

39. Изучать историю литературных звеньев.

40. Изучать историю литературных звеньев.

41. Изучать историю литературных звеньев.

42. Изучать историю литературных звеньев.

43. Изучать историю литературных звеньев.

44. Изучать историю литературных звеньев.

Трибуна писателя — *За творческую атмосферу в организациях*

НЕУСВОЕННАЯ АЗБУКА

САМОКРИТИЧЕСКИЙ ФЕЛЬЕТОН

Есть в ФОСП некая литорганизация.

Раньше о ней «всем не говорили». И — не стекло. Теперь о ней... тоже не говорят. А говорить стоит.

Дело в том, что, примерно, года три назад положение в этой литорганизации коренным образом изменилось. И с тех пор литорганизация очень сильно выросла и неизменно растет в политическом, творческом и организационном отношении, вырастая в большое общественное значение, взрослея и бурно растут за счет ударников в литературу. Словом, эта некая литорганизация не на словах, на деле становится ближайшей помощницей РАПП и даже — на последнем январском пленуме — перенималась во Всероссийскую организацию пролетарско-колхозных писателей — ВОПКП — со всеми вытекающими из этого последствиями.

Все это прекрасно, все это так.

Но нас интересует основной вопрос: творческий. Как с творческой работой литорганизации ВОПКП?

Однако.

Как —

почти что...

Отдельные пролетколхозные писатели пишут усердно. (Некоторые даже усердствуют, чем следует). Отдельные пролетколхозные писатели растут творчески, дают большие и актуальнейшие произведения. Растут одиночки из молодежи, из ударников.

Все это прекрасно, все это так.

Но организация в целом? Что делает она в смысле пробуждения массовой инициативы своих членов, в смысле поворота лицом к творчеству к непосредственной производственной работе.

Ничего.

Для —

почти что...

Слов нет, борьба с кулацкими вылазками, борьба с кулацкими прорывами с охотничьими литфронтовства внутри, выработка классово-политической платформы, громадившая работа по приему ударников, на которую был мобилизован весь творческий актив ВОПКП и в центре и на местах—все это расширяло напор и без того крайне недостаточно творческие силы, но явилось несомненным и громадейшим достижением ВОПКП.

Но из этого отнюдь не следует, что можно этим отодвинуть в тень совершенно забвение творческих вопросов. Нет! Совершенно необходимо противопоставить общественную работу литорганизации со творческая работа, разрывать то, что по самому существу специфика нашей работы должно быть в неразрывном единстве.

А тут получился разрыв. получилось забвение творческой работы такое, что ВОПКП находится на грани вступления в район сплошной... имитаторизации.

Конкретно:

Писатель. Выдвинувшийся. Все время обретался в «низах» — отличной обязательно, вступил в ВОПКП. И как нежный пролетк, очень ретиристка относится к своим творческим обязанностям и правам; написав роман о «происхождение», тут же об этом радостном событии сообщил организации с просьбой подвергнуть роман коллективной самокритике.

Сообщил и ждет — паинька!

Положительно ожидал — не идут. Писатель не горький: если гора не идет к писателю, он сам идет к горе. Гора удивилась было необычной просьбе такой, но писатель упросил ее описать. Второе решили, согласовали, и день и даже час творческого собрания установили — точно.

Пустой день суровый — хоть зимой, никого.

Писатель упорный: вторично вошел. Вторично решили. Вторично — ни-ко-го-шень-ки!

И в третий, и... —

Я забыл этого писателя: он похудел, он побледнел, глаза его стали стеклянными. Он явно забыл элементарный идеал: лоб расшибать, но добиться, чтобы его роман о зерносовхозе непременно самокритике в ВОПКП.

И вот ходит пролетколхозный писатель по улицам Москвы, ловит знакомых пролетколхозных писателей на улицах Москвы. Нрямо какой-то странствующий энтузиаст!

Встречает отлого:

— Куришь?

— Сто подсрепит, брат...

— Да нет... урезать хочу. — Тут же из кармана папиросы первый сорт, экономная пачка! — Бери, бери, все берите: я ведь с детства некурящий. А вот дома у меня папиросы, — Таких нигде уже нету! Донхоти-ка угощу, кстати свой новый роман почитаю, о зерносовхозе.

Встречает другого (а другой — поспешит):

— Случайно, земляк, прихоти: чай из самолета будет и побольше глаза у... да, о зерносовхозе... своем небольшую. Да, да, и бутерброды будут... только, знаешь, с черным хлебом....

Слух идет, что через полгода такой индивидуальной обработки собрались-таки писатели пролетколхозных писателей. Но дело уж за всех за нас он... тем отдыхали! И опять пришлось бежать, сидеть до первых утренних трамваев без перерыву все читал и читал. Дорвался!

Не до сроку — бежать надо.

Но такая творческая разобщенность пролетарско-колхозных писателей приводит к событиям прямо-таки детективно-авантюристическим.

Конкретно:

Два пролетколхозных писателя. Идея одна каждой по-новому роману. И оба романа—м—м—отличные.

Чего бы лучше?

Однако.

Разошлись бы за несколько литорганизации, имеющей сразу два романа об этаже, ибо:

«дело создания и укрепления МТС должно быть поставлено в центре внимания всех партийных и советских организаций» — так решил ЦК нашей партии совсем недавно — 29 декабря прошлого года.

А получается что?

Творческая отсроченность делает писателя маниаком, мизантропом, нрочем, наивным — солипсистом, «Я и мир» — вот формула творческого отторжения отдельного писателя. Все остальные — бездарь. Если такой «Я», не дай-то господи, написал роман на «нашу» тему, то он уже считает себя собственником этой темы: «отнято и до веку». Кулацкий подход: строит только свое индивидуальное хозяйство, знать только свою делянку с краю. Этот подход не этого двоих из этих двух пролетколхозных писателей, что он, увидя в редакции чужой роман об этаже, попросил его на отзыв и увез из Москвы, а об авторе романа распространял слухи как о контрреволюционере.

А вот еще...

Но довольно! К чему приводят эти факты? Конечно, не для злорадства, хотя злорадствующие найдутся, нет: единственно к тому, чтобы помочь организации отчухаться, наконец, от забвения творческой работы.

Тут тоже часто мы начали свою работу в ВОПК под лозунгом: «Только тот является писателем, кто дает творческую продукцию».

Этот лозунг верен и теперь. Теперь он особенно верен: в творческий период реконструкции страны, в решающий год строительства фундамента социализма. Теперь нужно еще определеннее сказать: только тот истинный пролетарско-колхозный писатель, кто дает нужную нашей эпохе реконструкцию высокую художественную продукцию, кто овладел техникой своего искусства настоящим, что может массы миллионные спать на овладение социалистической техникой.

Надо нам безбоязненно развивать творческую дискуссию. Надо и в этом отношении прямо и решительно ликвидировать пример РАПП, где создались и создаются и работают творческие группы, творческие бригады и коллективы. В ВОПКП они тоже, может быть, еще более, нужны. На основе единой идейно-политической линии, выраженной в наших документах и декларациях, — свобода творческих группировок!

Больше того! Надо всеми мерами стремиться к созданию в организации такой творческой обстановки, чтобы отдание не было ни одного писателя, который не состоял бы в той или иной творческой группе, бригаде, кружке. Чтобы писатель-одиночка, как нужно, строивший свое литблаголучие и имеющий на организацию, чтобы такой писатель волевым настоящему значению, человек, в общесть признаний. Ты новый «не писатель — строитель социализма».

Я — как можно меньше сидеть в Москве. На чистый воздух! Туда, где стройка идет, где в стенах растут социалистические города, где в горах начинают начинание в мире гомбинаты, — где живые живут и строят наши герои, как должно как следует не показные герои.

На дальше нашего конкретного строительства в творческих целей скорее всего, служба дело можно почувствовать всю напряженность классовой борьбы, развивая и стране строительства социализма.

Антисоветская работа быстрейшими путями приведет нас к овладению творческим методом диалектического материализма, который один даст нам возможность создать произведения достойные эпохи.

За творческие группы, за активное участие в классовой борьбе, в социалистическом строительстве,—за углубленный показ эпохи и героев осуществляющих ее марксистским методом искусства (Мистеры троцкие когда-то поучали нас, что методы искусства не есть методы марксизма; пещаны они были, для обличья нас и наше искусство, только на культурническом).

Народы СССР строят социализм, народы СССР строят новую культуру социализма, и пролетарско-колхозным писателям в этой стройке—не последнее место. Так быть должно, так будет.

А. ДОРОГОЧЕНКО

„ПЕРЕВАЛ" ПРОДОЛЖАЕТ МАНЕВРИРОВАТЬ

В редакцию „Литературной газеты"

В примечание редакции к статье «Пять вопросов» в № 27 «Л. Г.» составлено с обычной для этого органа неприятностью. Не понимать и совершенно излишнюю для нашего дела полемику, отметим лишь следующие моменты.

В цитате «совместная работа на Алтае» дает возможность сохранить или вполне сомкнутый коллектив» автором примечания опущены слова: «и в известном отсутствии из стенгазеты». Тем самым приобретена возможность использовать эту фразу, имеющую организационно-техническое значение, — как декларативную.

Конец фразы «цивилизаторы Авгары должны подумать о том, чтобы утеснить свою страну.... телом высокой и необщей духовной культуры» процитирован так: «теплом необщей и духовной культуры». Получилась необходимая автору таинственная бессмыслица. Великому непредубежденному читателю ясно, что в статье слово «необщей» имеет не какой-либо общественный смысл, а тот самый, в каком говорят, например, о «необщих выражениях».

В напечатанном тексте статьи слова «беспечной мысли» — первый признак «беспечной» выделены курсивом. Этого курсива в оригинале не было. Простым и понятным в контексте словом придано значение нового литературного измена. Автор применения не премину это использовать.

Мы предположительно охарактеризовали рабочий коллектив четырех строек (будут начаты через год в районе Кузнецкого), как коллектив, где «классовое строение общества... будет выражено лишь в... постепенно стихающих «отпусках». Прекращение «растворить» эту мысль, как намерение «спрятаться» от классовой борьбы. Прямого высказывания о том, что весь литерант «выпадет из дела», представить себе «непристойный пленум для борьбы пролетариата за приобретение всего мира». Что за «непристойное»? Что за «непристойность»? Неужто эта комплектация вызывает чтение «Перевала» членами классово-враждебных писательских организаций?

Констатируем: 1. Нормальны стремится пролетариат руководить классовой борьбой и «построить увидеть нового человека». Сбросив со счетов классовую борьбу, смешав учение Ленина, обрисовав путь, которым идет пролетариат в своей борьбе за бесклассовое общество и за нового человека, 2. «Перевал» делает попытку ввести свое внимание — на конкретное, на идущую борьбу за свои классовые враждебные позиции.

Что же касается работы специально на Алтае-строе, то мы здесь можем указать уверенность, что участие в практике социалистического строительства поможет некоторым переломным точкам классовой борьбы и своих творческих и политических шагах.

На этом письме т. Катаева мы не считаем нужным подробно разбирать.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КЛОНДАЙК

Вполне естественно, явление значительное и правильно, что такая грандиозная энергетическая проблема, как сибирская проблема, выступила теперь под именем Алтаростроя, привлекает к себе чуткое и заботливое внимание писателя. Вполне понятно, что писатель настороженно ищет, где ему применить необходимость включиться в работу Алтаростроя. Но если бы его было не так, если б писатель оставался глухим и слепым к проявлениям и фактам соцстройки в те дни, когда создается в великих успехах и при все растущем энтузиазме работах масс материальная основа социализма, то писатель перестал бы быть подлинно советским.

В «заявку» группы писателей «Перевальцев», опубликованную нами в № 27 «Литгазеты», можно было бы только приветствовать, если бы в этой «заявке» не звучала слишком знакомая и настораживающая нота.

Больше всего и горячее всех приветствовали бы «заявку» группы писателей-сибиряков, к которым авторы «заявки» устремляют свои взоры и на которых концентрируют свое внимание.

И в самом деле,—что можно возразить против подлинного и хорошего желания «заявщиков» быть «посылаемыми пайщиками... немалой пасти, участниками создания социалистического Приангарья с самого начала и «в замороженное его основ»? Какие споры может вызвать их стремление «своей действенной выполнению этой почетной задачи в меру своих сил, способностей и навыков, ревнуя своим художественным произведением»?

У между тем кой-какие возражения, конечно, не по существу задачи, поставленной перед собой «заявщиками», а по подходу к выполнению этой задачи должно и следует сказать.

Раньше всего о терминах. Не всей точностью не случайно группа писателей заимствовала из лексикона ставших применять это слово «заявка». Зашел у нас в Сибири обычно в старое время делали приисковые, рекламки «фартовых дел», «долгих» рублей. Пофартит какому-либо советскому гу, завидует от зависти золотопромышленную жилу — и он торопится «застолбить» место, сделать «заявку», торопится изо всех сил, чтобы кто-нибудь другой до не-

закончена через месяц нет!), как коллектив, где «классовое строение общества... будет выражено лишь в... постепенно стихающих «отпусках». Прекращение «растворить» эту мысль, как намерение «спрятаться» от классовой борьбы. Прямого высказывания о том, что весь литерант «выпадет из дела», представить себе «непристойный пленум для борьбы пролетариата за приобретение всего мира». Что за «непристойное»? Что за «непристойность»? Неужто эта комплектация вызывает чтение «Перевала» членами классово-враждебных писательских организаций?

Констатируем: 1. Нормальны стремится пролетариат руководить классовой борьбой и «построить увидеть нового человека». Сбросив со счетов классовую борьбу, смешав учение Ленина, обрисовав путь, которым идет пролетариат в своей борьбе за бесклассовое общество и за нового человека, 2. «Перевал» делает попытку ввести свое внимание — на конкретное, на идущую борьбу за свои классовые враждебные позиции.

Что же касается работы специально на Алтае-строе, то мы здесь можем указать уверенность, что участие в практике социалистического строительства поможет некоторым переломным точкам классовой борьбы и своих творческих и политических шагах.

На этом письме т. Катаева мы не считаем нужным подробно разбирать.

СРЕДИ КНИГ

О БАСНЯХ ИВАНА БАТРАКА

Иван Батрак

Одна из основ формальных — это отрицание историчности литературного развития, утверждение вечных неизменных принципов литературного процесса. Жизнь действительность искусства подгоняется под мертвую схему, обязательную полицейской палкой. Принципы формализма к развитию басни применил Лигчи Венгр («Басня суворовской школы», «Басня как литературный жанр — сборники «Поэтика» I и II). Жанр басни не осуществляется поэтом и отдельных произведениях, «...басня существует в литературном сознании как особая нормативная «идея» жанра». Верно, что ни одно единичное произведение не выражает жанра полностью, но отдельное есть и особенное и особое. Но в каком же «литературном сознании» состоит жанр как «идея» жанра? Никакие языки не смогут Винет, ибо она утверждает, что жанр есть явление чисто сознания, что оно не существует как исторически-конкретное явление. Понятие «жанр» есть абстрактное выражение объективного факта, а не легкая «идея», обретающая только в сознании бытать. что это за особая форма сознания — «литературная»?). Видит утверждение в той же статье, что «идея» особая» вне времени и пространства, существует в литературном сознании всех эпох» («Поэтика», III, стр. 57). Истерки подобным субъективно-идеологическим утверждениям формалистов басня существовала и существует именно со времени возникновения литературы.

Басня возникла в определенных исторических условиях, в определенном обществе, в определенной среде. Она выражала и отражала эти условия, эту среду. Басня подчиняет, что жанр, как явление, развивается, изменяется, видоизменяется, теряет старые черты и приобретает новые. Басня Крылова есть особая форма выражения «классических» (общественных) отношений, а не просто звери и птицы, как басня Лессинга. Бог знает их обобщенной природы. Политика он и вдали басни, однако, не могла удалить Батрака. Ему «не нужно много» — первую «беседу у Демьяна Бедного». Он начинает в роли обличителя отдельных «дурных качеств» (Синица), «пустых» (Пчела), «пороков» («Вокруг да около»), злости («Вепрь»), тиссемство («Ворона и мышь») и т. д. Батрак не ставит ни перед собой характера, их политическая функция и социальная. Батрак не хочет и еще умеет понять общественное явление в его диалектике, в его конкретном развитии. Батраку не хватает той ясности и целевой смелости этого слова, которой так характерны для Демьяна Бедного. Продолжение отвлеченного подхода к действительности, пренебрежение всего содержания басен идейным пафосом — вот что чуждо и тов. Батраку. В его творчестве сохранились отдельные элементы этой басенной паразитности, но их нужно развивать еще и еще. На примере произведений тов. Батрака со всей остротой выявляется необходимость овладения пролетарско-колхозными писателями опытом пролетарской культуры и той политикой рабочего класса в области искусства.

Д.

ПРОТИВ ВОИНСТВУЮЩЕГО ИНДОЕВРОПЕИЗМА

«За марксистское языкознание» — так называется книга воинствующего представителя индоевропеизма Поливянова, вышедшая в издании «Федерации» в 1931 г.

Индоевропеизм как общем лингвистическая методология представляет собою метафизико-идеалистическое буржуазно-империалистическое построение. Поливанов в своей книге выступает в роли откровенного защитника индоевропеистической концепции, всех ее «исторических» построений, заявляя, что ни одно из достижений индоевропеизма нельзя отбросить, как нельзя отбросить формулу: $2 \times 2 = 4$.

Поливанов в своей книге выступает в роли откровенного ученика Бодуэна де-Куртене, который развивал индивидуалистически - психологические, по существу, идеалистические взгляды на язык. Поливанов выступает также и как непримиримый противник марксизма, заявляя, что механизм языковых изменений не зависит от социально-экономических условий и что эти последние влияют лишь на те или другие комбинации перетасовки носителей отдельных диалектизмов и говоров.

Поливанов проявляет полнейшее невежество в области марксистской науки, что показывает, что марксизм в лингвистике — это старая каревская теория факторов, что материализм в лингвистике—это признание закона, экономии производительной, в частности, произносительной энергии, как необщей основы непосредственных всех языковых явлений, да и не только языковых явлений, но и вообще всех социальных явлений. Эта реакционно-буржуазная теория противопоставлена советскому читателю как марксистская!

Каламбур издательством звучит смех Поливанова о том, что экономия энергии — «это общая черта для всевозможных видов продуктивной деятельности человечества» (15), ибо под эту форму подгоняет капитализм с его анархией производства и войнами.

Поливанов выступает в роли воинствующего противника ленинизма, заявляя, что мы должны исходить в изучении языка, без всяких предвзятых установок, возражая всем самым против установки Сталина по поводу изучения марксистско-ленинской теории.

Вся книга Поливанова от первой до последней строчки — антимарксистское, антиленинское построение, проповедующее старое, традиционное буржуазно-империалистическое языкознание.

Поливанов поступил бы добросовестно, если бы запрял свою книгу «Против марксистского языкознания».

Издание «труда» Поливанова является крупной ошибкой издательства «Федерация».

ЛОМТЕВ

МОСЛОКАФ СТАНОВИТСЯ В СТРОЙ

Недавно прошедший пленум Центрального совета ЛОКАФ показал, что локафовское движение на коротский срок охватило не только все писательские организации крупных центров, но и отдаленных пунктов СССР и все военные округа.

ЛОКАФ уже растит добрые кадры молодых талантливых красноармейских поэтов и писателей. ЛОКАФ переключает на военную, оборонную тематику перо гражданского писателя.

Все это показывает, что ЛОКАФ закономерно необходим, что на фоне все растущей опасности войны возникновение ЛОКАФ исторически закономерно и деятельность его нужно расширить и углубить.

Эту задачу с особой настойчивостью ставят перед ЛОКАФ и всей писательской общественностью наступающий летний период. Как раз именно летом его работа должна быть развернута наиболее широко. Лагерный период и маневры являются тем резервуаром, из которого можно и нужно черпать материалы на целый год. Цени летней работы ЛОКАФ поэтому заслуживает особо серьезного внимания. Окружные локафовские организации должны максимально использовать дать, отдых в эту работу, в наиболее полной мере, и гвардейских писателей.

В нескольких особых условиях находилась до сих пор локафовская работа в московском военном округе и в самой Москве, где не было отдельной организации ЛОКАФ. Функции ее делала на Центральном совете ЛОКАФ, который, естественно, не мог уделять достаточно времени и сил на обслуживание одного округа.

Создалось положение, когда Москва по линии ЛОКАФ значительно отстала, например, от Ленинграда и даже Харькова.

В самой же Москве оказалось наибольшее, чем где-либо, неиспользованных очень широких резервов локафовскую работу и считать ее образцом для других округов. Растет и ширится локафовское движение в гарнизонах Орла, Тулы, Смоленска, Калуги, Тамбова, Рязани, Нижнего-Новгорода, Воронежа, Курска, Брянска и других. Этот литературный самотек требует, чтобы его пустили в организованное русло.

Все это привело к необходимости создания отдельной организации ЛОКАФ для обслуживания Москвы и московского военного округа — МосЛОКАФ.

31 мая, в клубе имени М. Горького состоялся организационное собрание для выборов руководящих органов МосЛОКАФ и для обсуждения и утверждения летнего плана работ. На собрание явились представители большинства гарнизонов МВО. Нужно сказать откровенно, бедную организацию. Но ее нельзя будет считать без активного участия, без помощи всей писательской общественности, всех литературных организаций, всех работников пера.

Литорганизации должны дать в ЛОКАФ своих лучших представителей, должны помочь и его работе, сделать его передовым, боевым литературным органом, действительно крупным оборонным.

Нельзя не отметить, что не все литорганизации в необходимой мере проявили на деле эту серьезность и заинтересованность. Некоторые из них только декларативно высказались за нужность и целесообразность ЛОКАФ, но дальше этого не пошли. Некоторые члены ЛОКАФ пошли в него, как в «малую», популярную организацию и этим ограничились. Они не только сами не идут в нее работать, но не идут даже и тогда, когда их зовут, просят. А если идут, то с кислой миной, чтобы отказаться во что-то и этой причине. Они — заседатели, заседатели «срочные» и проч. имеют там свои дела, свои нагрузки и ни-де некогда заниматься лодыжными делами. Такое отношение к ЛОКАФ, конечно, не может способствовать тому, чтобы сделать его действительно боевым, действительно передовой литературной организацией, оружием в руках пролетарской диктатуры.

С самого начала организации ЛОКАФ заявлял, что он, являясь совершенно самостоятельной организацией, целиком и полностью идет на литературно-политических позициях РАПП. Отсюда совершенно ясна и очевидна ведущая роль рапповской части и массе членов ЛОКАФ. Удельный вес ее должен быть в ЛОКАФ очень большим. А между тем мы не можем похвалиться этим. Рабочие-рапповцы в ЛОКАФ единицы. Это ясно видно. Это ясно и на последнем пленуме. Из 31 выступавшего в прениях по отчетному докладу «Лубянь» (Синицын), «Бегун» (Зубков), «Пионер» («Вокруг-да-около»), «Витязь» («Вепрь»), тиссемство («Ворона и мышь») и т. д. Батрак не ставит ни перед собой характера, их политическая функция и социальная. Батрак не хочет и еще умеет понять общественное явление в его диалектике, в его конкретном развитии. Батраку не хватает той ясности и целевой смелости этого слова, которой так характерны для Демьяна Бедного. Продолжение отвлеченного подхода к действительности, пренебрежение всего содержания басен идейным пафосом — вот что чуждо и тов. Батраку. В его творчестве сохранились отдельные элементы этой басенной паразитности, но их нужно развивать еще и еще. На примере произведений тов. Батрака со всей остротой выявляется необходимость овладения пролетарско-колхозными писателями опытом пролетарской культуры и той политикой рабочего класса в области искусства.

Д.

ОБЗОР ПЕЧАТИ

ПОКАЗАТЬ ГЕРОЕВ ПЯТИЛЕТКИ

„Днепрец"—(Дно, Ленобласти); „Рабочий"—(Н. Тагил); „Большевистский молодняк"—(Смоленск); „Карабашский рабочий"—(Карабаш, Уралобласти)

Обращение с Алтайстроя РАПП от 4 мая с. г. в начале в художественной литературе представителей рабочего класса, передовых рабочих-ударников находит отклик в местных АПП.

Заглавный областной литературный сборник ударника опубликовал в «Большевистском молодняке» свое обращение к ударникам и литкружковцам, которое конкретизирует применительно к Западной области обращение РАПП. Новый период нашей эпохи четко определяется возникшим литсборником как боевой экзамен, экзамен перестройки, экзамен жизненности литературных литкружков.

«Карабашский рабочий» в своей литературе ударил трубу борьбу за большой Карабаш, за пятилетку в 4 года. Однако подборка материала в странички не отвечает своей «заявке». Стихотворения под «заявкой» напечатаны на самые избитые темы.

Под заглавием стихотворных тов. Брянцева «Встретим май» указано, что оно посвящается лучшим ударникам т. Кентелем. И вот, вместо того, чтобы показать рабочего-ударника в стихотворении, т. Ефремов очень неконкретно пишет:

«Ударными бригадами
Встретай ударный май,
Маршевыми песнями
Вражу сильней зарывай».

У начинающих товарищей часто излишняя обобщенность и неконкретность переходит в некоторую безответственность в выражениях. У того же тов. Ефимова в другом стихотворении «Сторгового волка» «стонет болото» и, что особенно «сверно» — наши враги «лежбуется до поты», «ели, как мы растем». Как могут наши враги «любоваться» нашим строительством, да еще «до пота» — это трудно себе представить.

Литературочка днепровского отдельных пролетарско-колхозных писателей в газете «Днепрец» дает еще больше материала передовых работников нашей стройки. Зарисовки, надо прямо сказать, не совсем удачные. В целом ряда очерков и рассказов, помещаемых в литературочке, чувствуется весьма недостаток в умении точно зрения творческая тенденция, «показывать» те или иные общественные явления исключительно... за собрания. Этою известно неразвитости и необходимо показывать процессы дела, выполняемого рабочими, а не сидеть весь полдня в одном месте хорошими решениями на собрании. Из этому известному грешат и очерки Алтайстроя. И потому-то по существу совершенно не показан К. Ильин, председатель совхоза «Новая Жизнь», выдвинувший встречный план очень мало другому колхозу. Об Ильине все время говорится, он сам все время говорит, но тем не менее это образ не запускается, не становится конкретным. Так же сторонится председатель показ материала Зиновьева, ставшего ударником своего участка «сварщиком», читаешь тов. Моисеевым о рассказе «Паровоз НЦ».

Передовая литературочка «Рабочего» Н. Тагил печатает обрывки строительства Тагила, которые должны быть отражены в творческой работе тагильской АПП, и в больших описаниях стальных рабочих над читателем маячат фигуры Зиновьева, ставшего ударником Алтая, а в решающий момент, рассказ жалобы, сменяет друг друга. Автору следует выделить в 2—3 местах рассказа свои основные наблюдения из жизни ударников, как Зиновьев, что участвует, что является «чудом и бог знает». Рассказы очень живо, автор дает красочные зарисовки производственного процесса.

Перед литературными силами выдвигается ответственная задача — художественно показать героев нашей стройки, борцов за социалистическую пятилетку. К художественной реализации лозунга партии «Страна должна знать своих героев» — необходимо немедленно приступить.

НА ФАБРИКАХ КНИГИ

* В отделе современной литературы ГИХЛ в ближайшие дни выходит № 12 Альманах «Земля и фабрика». В номер войдут: «Рыв» С. Лемина (повесть об уральском заводе); рассказ М. Ильина «Сундук»; В. Рихонский — «Наследие» (повесть о молодежи); Л. Завалишин — «Перевал» (рассказ о походе сибирской тракторной колонны) и стихи: В. Сидоренко, П. Васильева, В. Жемчуга и Н. Вячеславова.

* Иностранный сектор ГИХЛ выпускает в первой половине июня роман Чарльза Гарнетта, посвященный мировой войне — «Генералы умирают в постели», автобиографию Вилл Гейнса и повесть передового писателя Алжира Хамдо — «Крестьянская доля». Повесть несет жизнь передового крестьянина-бедняка конца XIX и начала XX столетия.

* Майский план ГИХЛ выдается выполненным лишь на 8 проц. К концу мая — выйдут: воспоминания о производстве книги: А. Белый — «Маски» (второй том романа «Москва»; четвертый том полного собрания сочинений Ф. Сологуба; избранные сочинения Вс. Иванова (рассказы, характеризующие творческий путь писателя за последние десять лет); избранные сочинения Ларисы Рейснер; избранные произведения Т. Драйзера. Опыт революционной А. Фурмановой с предисловием А. Луначарского; И. Эренбург — «Жизнь времени» (очерки о Западе и об СССР, с предисловием Ф. Гаксли-старшего); стихи А. Сельвинского «Пушка» и поэмы того же писателя В. Маяковского.

ВЫПУСК
„ВОЕННОЙ" ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ

Военно-литературная игра ленинградских писателей

Первый тур военно - литературной игры курсантов военизаторских курсов Ленбалт ЛОКАФ (опытный выпуск газеты в условиях военного времени) сокращ с нотой правительства СССР финляндскому правительству. Большое число участников игры, серьезный и внимательный подход к выполнению заданий перекликаются с заявлением ленинградских рабочих, сделанным в тот же день на летучих митингах на фабриках и заводах.

— В любую минуту, по первому зову партии и правительства, мы готовы встать на защиту страны строящегося социализма.

*

Руководство оглашает исходные данные: условную политико-экономическую и оперативную обстановку. Один из первых дней условной войны: она спровоцирована империалистами, войска которых внезапно перешли советские границы. Условные сводки, воззвания, лозунги характеризуют положение СССР в создавшейся обстановке. В 10 часов вечера советским писателям дается срочное задание. Задание должно быть выполнено к 10 часам утра. Самое маленькое опоздание — предупреждает руководство — будет засчитываться как минус.

...В издательстве жалуются: писатель неаккуратен, сроки договоров, как правило, пропускаются, рукописи сдаются с полуторамесячными опозданиями.

К этой справке о неаккуратности писателей надо добавить: в 9 часов следующего утра на регистрационном листе была отмечена первая фамилия писателя, доставившего выполненное задание. 30 человек доставили задания до срока, а только несколько человек — после 10 часов. После анализа работ, к 4 часам вечера уже были готовы два-три экстренных выпуска «Литературной газеты» от первой до последней строки, посвященных данному моменту «войны». Два ночных номера газеты — передовые, политические статьи, стихи, лозунги, рассказы, кинохроника и очерки — были написаны по вводным и исходным данным и заданиям, которые вносили ряд новых, неожиданных моментов и первоначальную данную обстановку. Вводимые данные вручались писателям ночью и утром после сдачи работ.

*

На последовавшем разборе игры, руководство — тт. Суетов (Толмачевская академия), Саянов, Вишневский, Лавренев (штаб ЛВО), Соболев и др.—отметило, что первый опыт игры не мог дать совершенно удовлетворительных результатов, но как первый шаг должен быть расценен положительно.

Позже результатами игры были проанализированы. Они подчеркивают необходимость усилить и расширить военно-политическую учебу советских писателей. Для этого необходима еще более тесная связь всех литорганизаций с ЛОКАФ. Если ЛАПП, ВССП и Всероссомдрам в этом направлении начали вести работу, то такая массовая литературная организация, как ЛОКИП до сих пор почти не связана с ЛОКАФ. Это — значительный прорыв в работе ЛОКИП.

*

В ближайшее время будет проведен второй тур военно - литературной игры на курсах Ленбалт ЛОКАФ. Методология работы писателей в военное время на основе фронтового опыта 1914—1918—1921 гг. и военно - корреспондентских игр Ленбалт ЛОКАФ будет обобщена в выпускаемой книге Вс. Вишневского и Л. Соболева.

Ленинград. Б. РЕСТ

НАКАНУНЕ ОТКРЫТИЯ КАМЕРНОГО ТЕАТРА

Н. НИКИТИН
О СВОЕЙ ПЬЕСЕ „ЛИНИЯ ОГНЯ"

— В пьесе, которую я назвал «Линией огня», я стремился к тому, чтобы борьба идей и лиц, происходящая на сцене, не только была ясна и понятна зрителю, но чтобы она увлекала его и делала участником жизни сценической, но и оформляла бы и утверждала его сознание.

Словом и интонацией. Нет искусства вне эмоции. Чем сильнее искусство, чем оно художественнее и тоньше, тем сильнее и тоньше калибровка эмоций. И нет искусства — вне переживания, вне эмоционирования.

И чем главный конфликт пьесы?

Сюжет и атмосфера наших строительств — это борьба и работа на социалистическое будущее. Борьба и работа — главная тема нашей жизни. Строительство электрифицированных баз — это основа всего нашего будущего. Ломая старый капиталистический мир, мы должны строить капиталистического человека. Мы каждым кирпичом социалистического здания, мы овладением техникой, чтобы построить новый мир. В борьбе и работе людей передовитости человека.

В день представления двух людей, внешне борющихся, внешне мешающих друг другу, видоизменяющихся. Каждый — в диалектике своего образа. И то время как один растет, другие обречены на гибель.

Этот бой видишь, где один наступают, а другие в отступлении снова тихо хитрят и стараются внести в ряды бойцов отраву, этот бой сильнее, чем бой оружия, потому что здесь бьются идеи, мнения и предрассудки.

В чем преимущество драмы перед другими литературными жанрами?

Этот жанр в смысле общественной утилитарности более лирик. Он литературность более действеннее, чем лирик. Он обслуживает более широкие массы. Его сила в том, что он организует даже неграмотных. Театр — прекрасный пропагандист и агитатор. Слово, произнесенное на театре, непосредственно рождает действие.

Нам — писателям — следует уметь пользоваться этим прекрасным литературным оружием на войне за социалистический мир.

В выпустил в прошлом году роман «Гнилое». В нем я показал зло полковника Малкова, лицо активного врага, не признающего, что революция и наш строй — это только перемена в организации белых банд. В случае войны перемена в наших странах — это только перемена в организации белых банд. В случае войны перемена в наших странах — это сила и интернационализма — это сила полонина, это сила. И не раскрыть сил, противостоящих врагу. Тот пример, которым я писал роман, мешал мне это сделать. В пьесе я хочу показать ту конкретную социальную обстановку, которая противостоит интересам и видам господ Малеедовых.

Н. Никитин и А. Таиров у макета к «Линии Огня»

А. Таиров о постановке пьесы Никитина

— «Линия огня» разделит два мира.

— «Линия огня» — это победоносное строительство социализма.

— «Линия огня» — это индустриализация страны советов.

— «Линия огня» — это электрификация СССР.

— «Линия огня» — это культурная революция и социалистическая реконструкция человеческой психики.

Таково огромная тема, которую я, в качестве опыта конкретной идеи, кладу в основу построения новой пьесы Николая Никитина. Я понимаю, что вся сложность этой темы не может быть охвачена целиком—на отдельной пьесе, на отдельных спектаклях.

Мы стремимся показать, что происходящая по шесте стройка мощной электростанции на пустынных торфяных болотах является не единичным фактом, а лишь одним из плановых моментов непрерывности и органичности социалистической индустриализации нашей страны.

Путем диалектического раскрытия пьесы и всех сценических образов, мы, при помощи нашего творческого метода, стремимся показать, что момент непрерывности нашего строительства есть не только момент неуклонного наступления в области индустриального переустройства страны. Одновременно он является и моментом революционного психики участника этой стройки—нового человека. Преодоления все трудности и панатскую топь, человек высвобождается из-под леса старых полверений и навыков подобно тому, как высвобождается из-под лесов и сама стройка. Так кристаллизуется и формируется новое социалистическое сознание.

Композиция постановки в плане сценической установки спектакля, диалектически расстановка действующих сил, рационально-динамическая разработка сценических образов, построение массовых сцен, специально разработанные, в качестве нового приема, радио-плано-интродукции, музыка, свет и все другие компоненты спектакля — на основе единства содержания и формы объединены именно этой идеей и этой целью.

*

Общественный просмотр «Линии огня» состоится в Камерном театре 5 июня. Основные роли играют: А. Коонен (в очередь — Н. Уварова), Н. Гладков (И. Зинчевко), Н. Аркадин (С. Цехно), М. Суворов (Н. Чаплыгин), Н. Александров (Г. Захаров), Л. Фенин (С. Тихонравов), С. Цехно (Е. Рогер), К. Гиппиус (Т. Сумарокова), Н. Гуськова (М. Нилус), и др. Режиссер спектакля — А. Таиров и Л. Лукьянова. Сценограф — С. Марголин. Макет—В. и Г. Стенберги. Музыка — А. Мецнера. Диспет и текст радио-кино-интродукции — Р. Никеля, сценарий и работа М. Цейтлина.

ПО ХУДОЖЕСТВЕННЫМ ВЫСТАВКАМ

Классовое расслоение внутри художественных организаций, имеющее ясное русло, по которому должно пойти дальнейшее развитие изоискусства.

Ликвидировалось «Общество 4-х искусств», раскололось «Общество станковистов», образовалось новое «Общество советских художников», из ОМХ наиболее активная часть художников перешла в АХР, и в самом АХР укрепилось основное пролетарское ядро.

Независимо от организационной перестройки происходит и творческое перевооружение. И только несколько человек, прикрываясь иммунитетом юрифейства и каких-то особых заслуг, оказались вместе и в стороне от всех организационных и творческих сдвигов.

К их числу принадлежит и Павел Кузнецов, выставка которого сейчас проходит в Музее изящных искусств.

Она посвящена двум темам: строительству советской Армении и спорту. Темы эти, хотя и разноценные по своей значимости, могут дать богатейший материал для художественного оформления. Вопрос только в живописном подходе, в полноценной конкретизации живописных образов. Но разрешение, которое они получили в выставленных работах Кузнецова, до чрезвычайности скудно и беспомощно. И все «хорошие» слова, которые обычно по его поводу говорят о волшебной красочности, художественно выношенной под сердцем (?) и изысканно присутствующей (?), оказываются по только бессодержательными, но и обращенными не по адресу.

Живопись Кузнецова насквозь пронизана буржуазным маньеризмом и декадентским эстетизмом и по существу своему лишена всякой живописной интриги. Пока его пристрастие к экзотике Востока и местным эффектам было «беспредметное», не имело сюжетного стержня,—это, быть может, кого-то привлекало своей пестротой и эксцентричностью. Но как только потребовалось, чтобы живописное композиционное разрешение картины соответствовало ее идейному содержанию и было бы органически слито, так сразу выступили наружу и все его недостатки и формальные недочеты. Как у типичного формалиста форма оказалась оторванной от содержания. Ни одна из его картин не оставляет никакого впечатления и кажется нарочито притянутой к тому или иному сюжету.

Если стать на точку зрения его же формалистического творческого метода и посмотреть, как Кузнецов разрешает пространство, как он композиционно — в смысле организации цветовых пятен и их гармонического звучания—строит картину, в опросить его, установлено ли им различие планов на плоскость, то анархичность и беспринципность его приемов выступит с особенной четкостью.

Посмотрим, к примеру, на его большое полотно «Пушбол» (№ 29). Пространство и плоскости здесь никак не даны,—ни с точки зрения линейной, ни с точки зрения красочной композиции. Красный цвет дан одного напряжения— от большого мяча, заливающего центр и почти всю верхнюю половину картины, до фигуры игрока на первом плане. Отсюда-то и не оказалось различия плоскостей. А то, что мяч не везде заполнен цветом, суть дела не меняет. Кузнецов не знает и не чувствует различия светосилы и различия напряжения каждого цвета. Он пользуется цветом наугад и по прихоти. Это позволительно дамским вышивкам, но стыдно не живописцу. Что же касается линейного построения этой картины и рисунка, то она до крайности беспомощна и мало выразительна. С такой же беспомощностью сделано и другое полотно № 30—«Пионеры». Какую поразительную гармонию зачастую строят на соотношении синего с серым, в зависимости от силы напряжения и соотношения цветов. Тут же синий цвет, данный как лужайка для пионеров, нисколько не оправдан ни ритмически, ни по композиции цвета. Серые пятна или фигур пионеров сделаны в одном тоне и не в цвете, в какой-то жижицей или грязью и не находят никакого отзвука на силем фоне; задний же план, сделанный из двух пятен блекло-зеленого и лилового, вообще повис в пустоте и оказался лишним.

Газетная заметка не позволяет проанализировать полностью всю выставку и такие работы Кузнецова, как «Обработка артикского туфа», «У старта» и весь цикл строительства Армении. Они по существу одного порядка. Они не художественны и не живописны.

Несколько слов еще о другом кустаре-одиночке Василии Беляеве, который для своей выставки, в качестве поверителей, мобилизовал трех художественных критиков (см. предисловия к его каталогу). Он не поленился изложить тут же и свои эстетические принципы для обоснования своего выступления, создав «свою» теорию «конструктивного реализма».

Изучение советского Севера заслуживает самого благожелательного внимания и интереса, но Беляев подошел к этому не теми средствами, которые для этого нужны. Беляев усвоил все ужасающие, дурные навыки петербургских «мирискусников». Размашистый почерк, полюсный, суть парикмахерской стиль, вычурность и стилизаторскую конфеточную «хорошесть». Очерк и в литературе и в изобразительном искусстве нужно всячески поддерживать и развивать, но если нам с Севера будут привозить колхозников-зверобоев, стилизованных под «крестоносцев», а комсомольцев под «японских гейш», то стоит ли такой очерк особенно поощрять. Причем тут «конструктивный реализм»? Это все фикция и «декларация». По духу это самый неприкрытый обывательский эстетизм.

СЕРГЕЙ РОМОВ

Киноавторы „Тихого Дона" исключены из АРРК

Кинорежиссеры тт. Преображенская и Пралов — авторы фильмы «Бабы рязанские» и фильмы «Тихий Дон» по роману М. Шолохова — постановлением секретариата АРРК исключены из состава членов Ассоциации работников революционной кинематографии. Еще во время просмотра и обсуждения картины «Бабы рязанские» общим собранием АРРК было установлено, что кинематограф этой картины далеким курс на обслуживание интересов мелкобуржуазного крестьянства. В новой своей работе — и картине «Тихий Дон» — Преображенская и Пралов в своей «художественно-творческой концепции» не только не перешли от прежней ошибочной линии, но, наоборот, последнюю углубили.

Более того: на собрании исполняющая режиссер Правов пыталась опровдать вражескую им идеологию тем, что картина «Тихий Дон» ставилась совместно с германской фирмой. В результате из фильмы выхолощены все элементы классовой борьбы, настойчиво подчеркнутые романом выдающегося писателя М. Шолохова.

Преображенская и Пралов в течение двух месяцев не сочли нужным общественно покрыть свои ошибки, открыто признав их. Об'ективный смысл этого факта характеризует АРРК правильно расценил как сознательную ориентацию Преображенской и Правова на реакционного, мелкобуржуазного зрителя, как прямую апелляцию к мещанству.

За пролетарскую тематику деревенской драматургии
НА ПЕРВОМ ВСЕСОЮЗНОМ СОВЕЩАНИИ В ЦК РАБИС

На селе в УССР чрез смотрель... За кулисами во время хода действия незаконно толкаются представители и напрасно, чтобы кто-нибудь из актеров труппы проживающий в районе только-что проведенного «движения» кулака.

Это не «миф» (ред.).

В далеких районах и селах актерские труппы находятся не только вне театральных связей. Они несут большую общественную тяготу, принимая активное участие в политической, общественной и хозяйственной жизни села.

Первая всесоюзная конференция рабочих деревенского театра, созванная по инициативе Центрального комитета Рабис, разверпула богатейший материал об условиях работы самодеятельного искусства в деревне. Условия эти настолько сложны, а работа театров столь важна и необходима, что приходится только поражаться тому преступному пренебрежению, какое до сих пор проявляется к этому важнейшему участку культурной революции.

Точка зрения т. Эпштейна сводилась к тому, что деревенский театр должен работать исключительно на местном материале. Театральные коллективы должны иметь в своем составе постоянного драматурга, который основное данное обрабатывал бы новый материал.

Эта точка зрения вызвала жесткий отпор со стороны большинства товарищей и, главным образом, со стороны представителя Наркомпроса УССР. Задача, по их мнению, более серьезная, репертуарный кризис в деревне должен быть изжит при активной помощи всей пролетарской и советской драматургии в целом.

Пока деревня бурно растет с каждым днем, ее культурные потребности изрослы необычайно. Сельский пролетариат, как и городской, проявляет огромный интерес к темам классовой борьбы, к историко-революционным темам, к вопросам классовой борьбы в нашей стране и т. д.

— Вопрос сводится к тому, — единодушно заявляют работники деревенского театра, — чтобы литературу пролетарскую сделать достоянием широчайших колхозных масс.

СКАЗ

СЕГОДНЯ ЛИТЕРАТУРНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

* При Институте ЛИЯ Комакадемии организуется научно-исследовательский кабинет по изучению творчества советских писателей. В работе кабинета примет участие ФОСП и библиографический кабинет клуба им. Горького.

* На заседании секретариата ВОАПП постановлено переименовать «Всероссийское общество пролетарско-колхозных писателей» в «Российскую организацию пролетарско-колхозных писателей» (РОПКП).

* Литфак I МГУ переходит в ведение ОГИЗ. При Наркомпросе организована специальная приемочная комиссия из представителей Наркомпроса, ОГИЗ, и Литфака. Секретариат ФОСП выделил в состав комиссии А. Виноградова. Кроме того, в работе комиссии участвует С. Метелавский как секционер Моссовета.

* В ВССП создается секция сатирических писателей. В организационную комиссию вошли тт. Нусинов, Эфрос и Литваков.

* Московская творческая группа РАПП «Кузница» устраивает сегодня в 7 час. вечера в редакции журнала «Пролетарский авангард» второй вечер, посвященный творческой дискуссии. Доклад о современной поэзии сделает Г. Санников.

* При клубе ВССП заделано 300 рублей на покупку литературы для красноармейцев. Кроме того, красноармейцы-отпускники будут снабжены литературой из библиотеки союза.

* В комиссию по проверке состава лекотдела ВССП вошли М. Слонимский, М. Чумандрин и Л. Рахковский.

ИЗВЕЩЕНИЯ

ОБЩЕМОСКОВСКОЕ СОБРАНИЕ ЛОКАФ.

31 мая, в 19 ч., в клубе ФИЗО (ул. Воровского, 52) состоится общемосковское собрание членов ЛОКАФ со следующим порядком дня: 1. Итоги пленума ЦС и творческая мобилизация — т. Дегтярев. 2. Задачи летней работы — т. Лифшиц. 3. Выборы руководящих органов МосЛОКАФ.

*

«Литературная газета» совместно с Всероссомдрамом устраивает 4 июня в Клубе писателей им. Горького (ул. Воровского, 52) чтение новой пьесы Ф. Вагрэмова «Турбина», принятой к постановке в МХТ .2.

На чтение и обсуждение пьесы приглашаются работники Театральной Секции Комакадемии, научные сотрудники ЛИЯ Комакадемии, члены Трехсекции ГАИС, члены драмсекции Всероссомдрама, режиссеры и актеры МХТ 2, рабочие ударники, привлекаемые к литературе, литкружковцы, театральные деятели и представители прессы.

Вступительное слово к прениям — С. С. Динамова.

Начало в 19 ч. — Вход свободный.

*

ЛИСУНТ В КОМ. АКАДЕМИЮ.

— 30 мая в 1 июня в 18 ч. — в Комакадемии (Волхонка, 14, Большой зал) состоится лисунт «Национал-демократия и борьба за полуучтвка». Вступительное слово наркома просвещения т. Бубнова. Выступают: тт. Динамов (ЛИЯ), Селивановский (ВОАПП), Коваленко (ЛИЯ), Гладков (РАПП), Микитенко, Шупак, Клочко, Корик (Украина), Сенькевич, Бенде (Белоруссия), Бучуладзе, Радзанк (Грузия), Дабагян, Алазан (Армения), Мехти, Бунеев (Азербайджан), Исмаилов (Узбекистан), Караханов (Туркменистан), Турсубеков (Киргизская АПО), Кашкадамов (Татарская АПО).

*

— 30 мая — 18 ч. — состоялся творческий вечер Пролетарского района совместно с парийно-комсомольским активом (Большая Коммунистическая, 29, райком, комната 43).

— 30 мая — 19 ч. — в Литературном музее (ул. Марата и Фонтенка, 19) собрание бригады К. Маяковского.

— 1 июня — 20 ч. 30 м. — в клубе писателей — концерт. Ек. Чеботарева-Гейфот — каменное пение и Ирина Отто — романсы. В программе — Кетлинская, Шкапская, Лист, Рашель, Римский-Корсаков, Шопен, Шуберт, Шуман.

— 1 июня — 19 ч. — в Комакадемии — доклад Шпицберга: «Против вульгаризаторско-механического музыковедения».

— 2 июня — 19 ч. — секционная ЛИЯ Комакадемии (Волхонка, 14, комната 325) созывает расширенное заседание секции с участием представителей хозяйственных и общественных организаций. На повестке: как служит и как должен служить лингвистический работник в деле овладения техникой. Доклады Соловцова, ВОИХ СОЗ, Осипова, Академия им. Ленина, Тихонс, Электрозавода.

— 2 июня — 19 ч. — в помещении ЛИЯ (Мясницкая, 45) состоится объединенное заседание материалистической лингвистики «Против вопиющего индивидуалистического». Выступают тт. Бухарцев (Грузия), Караханов (Ср. Азия), Ульяна, Прокш (Украина), Серафимович (РАПП), Семенов (Белорусский), Исмаилов (Узбекистан), Арианский, Дабагян, Армянин).

— 3 июня — 19 ч. — при Пролетарском райбюро МАПП (в Коммунистической, комната 27) — очередное занятие группы начинающих. Я. Шрагов читает повесть «Водяной брандвахт».

*

КАЛЕНДАРНЫЙ ПЛАН МАПП.

30 мая в 14 ч. 30 м. в Мос. обл. отделе железнодорожников (Садово-Спасская ул., 23) состоится совещание транспортных бригад. Выкладываются писатели и ударники, ориентированные на работу на транспорте.

31 мая в 19 ч. в помещении МАПП (ул. Воровского, 52) собрание литературного об'единения «Нашгосиная смена».

2 июня в 19 час. в клубе ФОСП (ул. Воровского, 52) клубная пивница МАПП. Повестка дня: 1) Очередные задачи сект. организации. Содействие Москвы и местных организаций области в работе за первого призыва и создание бюро кадровой; 2) Творческий сектор: 3) Информация о работе МАПП на транспорте; 4) Выборы.

Поправка

В напечатанную в прошлом номере «Л. Г.» заметку «Юбилей Гетмана» вкралась ошибка: сообщение о Театре им. Мейерхольда было сделано О. Литовским, а не Литвиновым, как сказано в заметке.

Ответственный редактор: С. ДИНАМОВ

РЕДКОЛЛЕГИЯ: Н. Асеев, С. Динамов, И. Жига, М. Ильинский, Н. Катаев, Г. Корнеев, Н. Огнев, А. Селивановский, И. Сельвинский, М. Слонимский

ИЗДАТЕЛЬ: Акционерное Изд. О-во «Огонек»

ПЕЧАТАЕТСЯ № 2
ИСТОРИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА
БОРЬБА КЛАССОВ
Орган Общества историков-марксистов при Комакадемии ЦИК СССР под общей редакцией М. Н. ПОКРОВСКОГО
Содержание № 2
Д. МАНУИЛЬСКИЙ. — Типом с боевым задачам Комитерна. М. ПОКРОВСКИЙ. — О русском феодализме, его происхождении и характере абсолютизма в России. К. РАДЕК. — Уроки интервенции. Б. ШТЕЙН. — Первый этап французской интервенции на Украине. Ф. РОТШТЕЙН. — Августовское дно 1920 года в Англии. Г. ЗАЙДЕЛЬ. — Французские социал-фашисты и интервенция. В. ПРИМАКОВ. — Сражение под Орлом. АНДРЕ МАРТЕ. — Восстание на Черном море. А. ШЕСТАКОВ. — Кронштадтский мятеж. З. СЕРЕБРЯНСКИЙ. — Чрезвычайный труд в ОАСИ.
ДОКУМЕНТЫ ОН ИНТЕРВЕНЦИИ.
Н. КРУПСКАЯ. — Ленин на заводах. АНДРЕ ГАБОР. — Воздушн. А. ПАНКРАТОВА. — Первомайская стачка и царской России.
НА ИСТОРИЧЕСКОМ ФРОНТЕ.
Н. КУЗНЕЦОВ. — О положении и задачах на фронте изучения Востока. С. МОХОВ. — Институт Тарле под влиянием Востока.
МАССЫ ТВОРЯТ И ПИШУТ ИСТОРИЮ.
Воспоминания рабочих, участвовавших во стачке 1885 г. на Трехгорной фабрике.
ОТДЕЛЫ: Как занимаются историей. Искусство и история. Библиография. Хроника.
Приложение:
впервые издаваемая в СССР большая популярная иллюстрированная библиотека
ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ
в 24-х книгах, которые осветят основные вопросы мировой истории.
«Всемирная история» выходит под общим руководством М. Н. Покровского.
Подписная плата: «Борьба классов» без приложения: год—10 р., 6 мес.—5 р. 80 к., 3 мес.—3 руб. «Борьба классов» с марта до конца года с приложением «Всемирной истории» в 24 книгах—20 руб. До пущается рассрочка: при подписке—6 р., к 1 мая—5 р. 50 к., к 1 июня—5 р., к 1 августа—5 р. 50 к., к 1 сентября—5 р. 50 к., к 1 ноября—4 руб.
Подписчики на «Борьбу классов» с приложением «Всемирной истории», внесшие по подписке и рассрочку только 1-й взнос, должны немедленно внести 2-й взнос—5 р. 50 к. Во избежание очередного запоса высылка журнала с № 3 прекращается.
Подписку и взносы сдавать исключительно на почту или письмоносцам
Акц. Изд. об-во „ОГОНЕК"
Москва, 6, Страстной б. 11

ИЗВЕЩЕНИЕ
от издательства
„ФЕДЕРАЦИЯ"
С мая месяца распространение литерат.-художественного ежемесячного журнала
„ЛОКАФ"
ПЕРЕДАНО издательством „ФЕДЕРАЦИЯ" в периодсектор КНИГОЦЕНТРА
Со всеми заказами и вопросами обращаться по адресу: МОСКВА, центр, Кузнецкий мост, 5, ПЕРИОДСЕКТОР.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ
В ИЗД-СТВЕ «ФЕДЕРАЦИЯ», помимо выходных дней,—2, 7, 12, 17, 22, 27 числа каждого месяца
ПРИЕМ АВТОРОВ ПРОИЗВОДИТЬСЯ НЕ БУДЕТ

ФОТОГРАФИЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ
ЕЖЕГОДНИК ЖУРНАЛА „СОВЕТСКОЕ ФОТО" ЗА 1930 ГОД
ФОТОАЛЬМАНАХ 1930 г. является сборником оригинальных статей и материалов, рисующих достижения научной и практической фотографии в СССР.
Фотоальманах содержит 240 страниц текста с иллюстрациями
Цена книги 2 р. 50 к.
СОДЕРЖАНИЕ: Пятилетка Советской фотопромышленности Г. Красных. Факты, свидетельствующие о росте С. Елагина—...опросы об искусстве современности. — Л. Мекерпетр. Химия проявителей и проявления. Чельцов, Кравченков, Михайлов. Краткая истории фотографических процессов в хронологических датах проф. П. Ермакова и пр.
Заказы выполняются только за наличный расчет непосредственно Издательством «Огонек». Москва, 6, Страстной бульв., 11. Акцион. Изд. О-во «Огонек».

Самый распространенный в СССР иллюстрированный журнал
ОГОНЕК
Редактор Мих. КОЛЬЦОВ.
В 1931 г. «Огонек» углубит перестройку журнала в сторону еще большего отражения в снимках, очерках, рассказах и других материалах всех видов нашего социалистического строительства и классовой борьбы во всем мире. В каждом номере «Огонька» печатаются очерки, беседы, заметки, статьи и снимки писателей, журналистов, политических деятелей, ударников, рабкоров, селькоров и рабочей и крестьянской общественности, разворачивающие яркую и практическую картину жизни, быта и социалистического творчества масс.
ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: «Огонек» без приложений: год—3 р. 25 к., 6 мес.—1 р. 75 к., 3 мес.—90 к., 1 мес.—30 к. «Огонек» с прил. «Библиотеки Огонька»: год—10 р., 6 мес.—5 р. 50 к., 3 мес.—3 руб.
ПОДПИСКУ СДАВАЙТЕ исключительно на почту или письмоносцам. Переводы в изд-во посылать не следует.

Ежемесячный журнал — орган Ленинградского Областного и Ленинградского Областного ОДН
ДРУГ ДЕТЕЙ
Журнал, как и общество „Друг детей", является центром мобилизации сил и средств пролетарской общественности на помощь делу коммунистического воспитания и пионерского движения. Журнал рассчитан на широкий актив членов об-ва «Друг детей» и детсекции, комсомольские и пионерские организации, работниц-матерей и т. д.
С 1 января 1931 г. журнал выходит в издании Акц. Изд-ва им. „Огонек"
ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: 1 год — 2 руб. 40 коп., 6 м.—1 р. 20 к., 3 м.—60 к. Подписку сдавайте только на почту или письмоносцам

Английский в немецкий без перерыва. 6 месяцев
ЯЗЫКИ ЗАОЧНЫЕ КУРСЫ при Ин. яз. в Москве
Цена, включая пересылку, 40 руб. Просят, взять с 1-го, 16 и 26 числа, макс. почт. пр. 16—

МОСКОВСКОЕ ТОВАРИЩЕСТВО ПИСАТЕЛЕЙ
Москва, центр, Кетошный, 11, тел. 4-21-19.
ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА
ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ:
ГУДОК-ЕГОРОВ, К. — Донбасс героический. Очерки шахтера. С предисловием М. Горького. Стр. 280. Ц. 1 р.
ПРОМАНОВ, В.—Голгофа. Повесть. Стр. 200. Ц. 1 р. 50 к.
ЛИЛОВ, С. — В зайчьей коже. Стр. 240. Ц. 1 р. 60 к.
КРЕМЛЕВ и БОЛЫРЕВ. — Перец этуализатор. Роман. Стр. 296. Ц. 1 р. 60 к.
НАРОКОВ, Н. — Борьба за Дальний Восток. Рассказы. Стр. 320. Ц. 2 р.
РУЛИН, Н. — Гнилое. Роман. Стр. 194. Ц. 1 р. 75 к.
ОДОЕВ, Н. — Полный ход. Стр. 160. Ц. 1 р. 40 к.
ПЕТРОВ-ГРУМАНТ, М. — Грозовой карандаш. Стр. 190. Ц. 1 р. 80 к.
ЕВРЕЙСКИЙ, М. — Четыре поворота солнца. Роман. Стр. 200. Ц. 2 р. 50 к.
АРТЕМ ВЕСЕЛЫЙ. — Рассказы. Стр. 248. Ц. 1 р. 80 к.
ФИМИН, Л. — Дикое мясо. Стр. 220. Ц. 1 р. 60 к.
ОРЕШИН, П. — Злая жизнь. Повесть. Стр. 240. Ц. 2 р. 30 к.
ДРУЖИНИН, П. — Золотой конь. Стихи. Стр. 160. Ц. 1 р. 50 к.
СМИРНОВ, И. — Теплый сезон. Стр. 330. Ц. 2 р.
ГОЙКМАН, М.—Золотые руки. Ц. 30 к.
СУББОТИН, А. — Кружок. Ц. 25 к.
СЕЛЯРОВ, И. — Отец на станке. Стр. 150. Ц. 1 р. 20 к.
КУДАШЕВ, Б. — Кому светит солнце. Пов. Стр. 262. Ц. 1 р. 80 к.
ПУШКОВ, В. — Весна трех. Стр. 156. Ц. 1 р. 60 к.
ПИКАРТОР, Ю. — Мирные жители. Стр. 284. Ц. 2 р. 50 к.
ТЕЛЕШЕВ, Н. — Лагерь смерти. Воспоминания. Стр. 175. Ц. 1 р. 50 к.
ВИХОРЕВ и НЕФЕДОВ. — По зябям черноземья. Стр. 140. Ц. 1 р.
ПАРФЕНОВ, П. — Уральские бойцы в Сибири. Стр. 300. Ц. 1 р. 80 к.
АПУКИН, Н. — Литературная мозаика. Стр. 208. Ц. 1 р. 60 к.
ПЕЧАТАЮТСЯ:
ЗАВАЛОВСКИЙ, Л. — Таежники. Стр. 264. Ц. 2 р. 25 к.
ЖИЛЬЯН, Н. — Ганочка. Роман. Стр. 320. Ц. 3 р.
ШОЛОХОВ, М. — Лазоревая степь. Стр. 250. Ц. 2 р. 50 к.
ЛЕБЕДЕВ, А. — Степь, фабрика, кузница. Стр. 150. Ц. 1 р.
ГРЕЧУХОВ, Д. — Оживленные камни. Стр. 300. Ц. 2 р. 30 к.
ГАЛЬЦОВ, П. — По неизведанным путям. Стр. 250. Ц. 2 р.
КАЛАШНИКОВ, Л. — Избранные рассказы. Стр. 250. Ц. 2 р.
БЕЛЫЙ, П. — Буш Тайнов. Роман.
ПЕТРОВ-ГРУМАНТ, М. — Сказочный красный фонарик.
СЕВЕРНЫЙ, М. — Горностай. Роман.
ПРАВДУХИН, В. Роны трона, ружье.
ТАРАРИН, В. — Избранные рассказы.
КРЕЙСИНГ, Я. — Три плана.
ЛИЛОВ, С. — Чад. Роман.
СИВАЧЕВ, М. — Комсомольские ложе.
ПЕТРОВ-ГРУМАНТ, М. — Сказки и быль.
ПЕЧАТАЮТСЯ К ПЕЧАТИ:
ПАРФЕНОВ, П. — Личное и общественное. Роман.
БОЛЬХ, Л. — Трезвые огни. Повесть.
ГОНЧАРОВ, А. — Рыжие вдали. Повести и рассказы.
ФРОМИН, С. — Кукушка. Повесть.
ЛУЧЕНКИЙ, Б. — Клуб трех поколений.
ЗИНЕНКИЙ, А. — Мастера. Очерки.
ПЕТРОВ-ГРУМАНТ, М. — Мартеновская сказка.
ЗАВАЛОВСКИЙ, Л. — Алтай. Рассказы.
ЗАЧАЙНЫЙ, С. — Дальневосточные рассказы.
РЯХОВСКИЙ, В. — Берега. Повесть.
ЛЕБЕДЕВ, А. — Человеческая земля. Повесть.
СОКОЛОВ-СТРАХОВ, К. — Илог семьдесят. Очерки.
НОВИКОВ-ПРИБОЙ, А. — Вывод. Роман.
ЖИЛЬЯ-ГРИНЕВСКИЙ, И. — Рассказы о коммуне. Повесть.
ФАЛИН, А. — Записки партизана.
Заказы адресуйте: МОСКОВСКОМУ ТОВАРИЩЕСТВУ ПИСАТЕЛЕЙ Москва, центр, Кетошный ряд, 11, пом. 36.
Каталог изданий за 10-копеечную марку.

Соцэгиз Книгоцентра
ОТКРЫТА ПОДПИСКА на НОВЫЙ ЖУРНАЛ
РЕВОЛЮЦИЯ И ЯЗЫК
Орган научно-исследовательского института языкознания.
Отв. редактор М. Бочачер
В 1931 г. выйдут 4 книжки
РЕВОЛЮЦИЯ И ЯЗЫК будет всячески непримиримо бороться за ленинский этап в лингвистике, против идеалистических и меньшевистских направлений в науке о языке, против механицизма и эклектизма, против великодержавничества и национального шовинизма, а также по всем проявлениям правого и «левого» оппортунизма на лингвистическом фронте.
РЕВОЛЮЦИЯ И ЯЗЫК занимается разработкой методологических и практических вопросов лингвистики.
РЕВОЛЮЦИЯ И ЯЗЫК будет популяризировать проблемы лингвистики среди широких масс рабочих, «выдвиженцев» и учащихся.
РЕВОЛЮЦИЯ И ЯЗЫК ставит задачи конкретно вовлечь в эту молодой кадров марксистов, лучшей части старых ученых.
Журнал рассчитан на лингвистов, словесников, студентов-культурников, партийный и комсомольский актив.
Подписная цена: на год на 1 л. — 4 руб., на 6 месяцев 2 л. — 2 руб. 50 к.
Первый номер выйдет в начале июня.
ПОДПИСКУ СДАВАНИЕ ТОЛЬКО НА ПОЧТЕ и местных отделениях Книгоцентра, их уполномоченных, кассиру или письмоносцам.

Типография (10) изд. «Мосполиграф», пр. им. Скворцова-Степанова, д. 6.
Упилит. Главлит, № 22.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Орган Федерации Об'единений Советских Писателей РСФСР

МОСКВА 5 ИЮНЯ 1931 г. № 33 (129)

РЕДАКЦИЯ:
Москва, Тверской б. 25, Дом Герцена. Телефон 2-80-12.

ИЗДАТЕЛЬСТВО:
Акц. о-во «Огонек»; Москва, 6, Страстной б. 11. Телефон 5-5169.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА:

	СССР	ВНЕ СССР
На 6 м.	1 р. 75 к.	— 90 ц.
На 3 м.	- р. 90 к.	— 45 ц.

НА ПУТИ К ГЕГЕМОНИИ

ИТОГИ ПЛЕНУМА СОВЕТА ВОАПП

К моменту созыва второго пленума совета ВОАПП об'единение пролетарских писателей СССР было в основном организационно закончено. 43 национальных отряда ВОАПП, семь ассоциаций пролетарских писателей в союзных республиках — таковы цифры, характеризующие ВОАПП на сегодняшний день.

Эти цифры дают внешнее выражение огромной работе, проведенной пролетарскими писателями под руководством партии по линии литературно-политического, по линии национально-культурного строительства, по линии творчества. Всесоюзный с'езд пролетарских писателей в мае 1928 года особо подтвердил то, что в рядах ВОАПП различные национальные отряды встречаются как равные с равными. Реализация на деле этого принципа привела не к ослаблению, а к укреплению интернационального единства пролетарской литературы СССР. Организованно и сплоченно выступала пролетария против всех отклонений от линии партии в области художественной литературы, против различных маскировок вражеской пролетарату литературной агентуры буржуазии, против великодержавного шовинизма и местного национализма. Пленум совета ВОАПП для огромной важности материал, характеризующий расстановку классовых сил на литературном фронте СССР и условия, в которых пролетарская литература борется за свою генеральную линию. Пленум на бесспорных фактах подчеркнул, что основные литературно-политические, теоретические и творческие предпосылки едины для всех национальных отрядов ВОАПП, несмотря на то, что противниками этих предпосылок (национал-демократизм, вороншина, меньшевиствующее идеалистическое, меньшевистское вдействие, «литфронтовщина», «романтика» всех мастей и пр.) выступают и выступают в соответствующих национальных обличиях.

Пленум мог исчерпывающе подвести итоги борьбы, которую вели каждая составная часть ВОАПП и ВОАПП в целом за последние годы. После первого пленума совета ВОАПП (январь 1929 года) РАПП вела борьбу с переверзевщиной и «Литфронтом». Украинские товарищи дали отпор литературной агентуре украинского фашизма, разоблачили мелкобуржуазные корни похода, предпринимаемого под лозунгом воинствующего «романтизма», добились не малых успехов в деле консолидации сил пролетарской литературы. Белорусские товарищи успешно отстояли позиции пролетарской литературы от атак белорусского национал-демократизма. Закавказские (в особенности — грузинские) группы, различные наступление на социально-буржуазные силы в литературе, сумели отбить попытки правосектантского блока (в лице Ломинадзе), превратить ассоциацию в одну из своих опорных баз на культурном фронте. Подлое разгромил контрреволюционный «культпалимовщины» в Узбекистане позволил организовать пролетарских писателей Средней Азии.

Достаточно сравнить обстановку, в которой проходил второй пленум, с обстановкой второго пленума, чтобы понять, как был велик рост пролетарского литературного движения СССР. Этот рост, проходивший в условиях ожесточенной борьбы с классовыми врагами на литературном фронте. Пролетариат располагает всеми необходимыми данными для успешного решения вопроса «кто кого?» на идеологическом фронте,— но этот вопрос отнюдь еще не снят. В частности, в области национально-культурного строительства особенно тонка маскировка великодержавного шовинизма, особенно агрессивна деятельность выразителей местничества, все чаще переплетающегося между собою великодержавный и местный национализм. Поэтому основной вывод пленума совета ВОАПП — это вывод, говорящий о необходимости оставаться в боевой готовности, помнить о еще не решенных задачах, углублять и расширять большевистскую самокритику в своих рядах, разоблачать и вовремя разоблачать классового врага.

Главное противоречие на пути к осуществлению пролетарской литературой своей гегемонии на литературном фронте заключается в том, что, уже осуществляя свою ведущую роль в области литературной политики, она еще не достигла творческой гегемонии. Настоятельное необходимо обеспечить все условия для плодотворной творческой работы пролетарских писателей, для сосредоточения в их рядах творческих направлений и группировок в пределах и на базе марксистского анализа диалектического материализма. Разумеется такое сосредоточение не имеет ничего общего с «творческими» группировками типа «литфронта». Каждое из изучение выступление единого из последышей «литфронта» на пленуме лишний раз подчеркивало всю чуждость «литфронтовщины» пролетарскому литературному движению. Но тем настоятельнее необходимо на новой стадии в развитии пролетарской литературы, определяемой приливом рабочих-ударников и успехами в разоблачении перерожденцы, «литфронтовцы» и всех видов литературного национализма, обеспечить сосредоточение творческих группировок.

Пленум совета ВОАПП показал также, что в масштабе всего ВОАПП совершенно недостаточна борьба за почутчика. Правильность линии ВОАПП обеспечила за последние время крепкий и весьма часто борьба за кадры попутчиков, превращающихся в союзников, за их привлечение к активным пролетариата является без достаточной энергии.— начатую действительную работу ограничивала здесь известной суммой деклараций и резолюций. В ряде случаев нет понимания того, что борьба за попутчика отнюдь не означает идейного компромисса с ними, отнюдь не ведет к стиранию граней между пролетарской литературой и «попутнической» (совпутнической), отнюдь не означает примиренчества к реакционным традициям, существующим в части попутчиков. В других случаях задача руководства коммунистическим подменяется механическим. Каждая организация ВОАПП должна помнить, что она все в большей мере отвечает за дело за положение на всем литературном фронте.

Огромные задачи, поставленные пленумом совета ВОАПП перед всем пролетарским литературным движением СССР, требуют наибольшего единства действий (под вышеуказанным отношением к особенностям различных отрядов ВОАПП. Указания ЦО («Правды», от 26 мая 1931 года) на недочеты в работе ВОАПП были единогласно подтверждены и развиты пленумом. Усилить интернациональное единство в своих рядах, ВОАПП на практике далеко недостаточно использовало преимущества этого единства, далеко недостаточно развернула свою массовую работу как боевая организация пролетариата СССР на культурном фронте. Правящие ВОАПП из узкой группы единомышленников в большую массовую организацию с крайне неоднородным составом требует наибольшего внимания кадров организации на основе проверенной опытом настоящей линии. Одной из крупных заслуг пленума является единодушное осуждение тех принципиальных основ, на которых может и должно происходить сплочение всех известковых кадров на Украине. Наивные декларативности, любовные практической работы, небрежные связи с обслуживаемыми пролетарско-колхозными писателей и ЛОКАФ, небрежное внимание к смежным областям искусства, небрежное боевой организованности в отстаивании основной линии диктуется!

ВОАПП — один из отрядов культурной гегемонии пролетариата. Опыт его работы имеет международное значение. Он свидетельствует прежде всего в том, что культурному строительству, запросам, атмосфере национальной вражды среди них — у нас противостоит мощный поток культурной революции, выражающий собою успехи социалистической реальности и происходящий в условиях тесного сотрудничества всех наций, населяющих СССР.

НОВАЯ БОЕВАЯ ЕДИНИЦА МОСЛОКАФ

На организации московского отделения ЛОКАФ

В ряды литературного об'единения Красной армии и флота вступила новая боевая литературная единица — МосЛОКАФ.

На первом организационном собрании — в клубе ФОСП им. Горького, 31 мая — в котором приняли участие красноармейские писатели — делегаты гарнизонов Москвы, Тулы, Рязани, Нижнего-Новгорода, был заслушан доклад Л. Дегтярева об итогах пленума ЦО ЛОКАФ.

Л. Дегтярев отметил, что отсутствие в Москве самостоятельного отделения ЛОКАФ привело к тому, что работа в Москве отстала в сравнении с работой ЛОКАФ в Ленинграде, Харькове и других городах Союза.

— МосЛОКАФ создается в опоздании. До сих пор слабо велась в Москве военная работа. ЛОКАФ среди писателей пролетариев и пролетарско-колхозных, — отмечает в своем докладе о задачах летней работы МосЛОКАФ и Д. Либерман. Мало сделано и в деле воспитания новых кадров локафовцев и в деле закрепления призыва красноармейцев-ударников в литературу.

Летний период должен быть использован для усиления военной работы среди писателей. Писателям предоставлены большие возможности для работы в лагерях, но, к сожалению, до сих пор на приглашение ЛОКАФ откликалось только шесть писателей, которые уже выехали в части. МосЛОКАФ должен принять активное участие и в художественном показе передовиков — красноармейцев-ударников и провести широкую подготовку к проведению международного красного дня — 1 августа.

В прениях по докладам тт. Дегтярева и Либермана выступали писатели и красноармейцы литкружков: тт. Шишков, И. Ердокимов, Самарский, Трофимов, Зернов, Сергеев, Данелюк, Лапин, Куликов, Овсянников, Мотылев, Дунаевский, Д. Кралткков, М. Залка, Ситников, Лимарев и Нождаков.

Выступавшие подчеркнули, что писатель-локафовец должен оказать практическую помощь начинающим красноармейским писателям. Лозунгом МосЛОКАФ должно быть: писатель — в часть — в роту, в отделение, во взвод! 16.000 красноармейцев РККА ждут своего писателя. Надо создать альбом с очерками о героях гражданской войны. МосЛОКАФ должен наладить руководство литгруппами красноармейских газет и многотиражек. Художественная литература ЛОКАФ должна способствовать боевой подготовке красноармейца.

Секретариату МосЛОКАФ поручено разработать на основе докладов и прений обширное собрание актива локафовцев, конкретный план летней работы.

А. КР-ЭВ

* Совет МосЛОКАФ избран в составе 41 человека. В него вошли тт. А. Бебуков, М. Залка, Д. Либерман, Е. Кишкин, Ф. Зозулинов (Обком ВКП(б), Э. Багрицкий, Л. Сейфуллина, Некрасов (ПУМВО), Подсоцкий, Головин («Красный воин»), Клейн (Осоавиахим), Е. Ставский, А. Фурманова, Негробов, Геллер (ПУР), Данилов (Комакадемия), Волосцкий («Военная подготовка»), А. Гидаш, А. Грудская, Гребенников, Рузер-Нирода (редактор «Молодая гвардия»), Овсянников (Тула), Петров (Воронеж), Павлов (Нижний-Новгород), Сергеев (литкружок 5-ского стр. полка), Субоцкий (МВО), Еф. Зозуля, Краснопольский (журнал «Военно-химическое и краснофлотец»), Король (Военсовхозкино), Кемрад («Смена»), Кливкин (литкружок танкистов), Мильки, Скворцов, Г. Тарпан, Ш. Усманов, Н. Боровой, Ойслендер, Чибисов и Кудряшев. Ответственным

* В секретариат МосЛОКАФ избраны тт. Д. Либерман, Бебуков, Геллер, Головин, Еф. Зозуля, Подсоцкий, Субоцкий, В. Ставский, Рузер-Нирода, Чибисов и Кудряшев. Ответственным секретарем МосЛОКАФ избран Д. Либерман, секретариата тт. Бебуков и Головин.

* В комиссию наследования МосЛОКАФ вошли тт. Ранитин (председатель), Вера Инбер, В. Куликов, (литкружок «На вахту»), В. Волков, (№-ский танкодив) и Кондор.

ЧТО ДАЛ СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ ОБОРОНОЙ КИНЕМАТОГРАФИИ

Киносекция ЛОКАФ устраивает 7 июня вечер встречи писателей, кинематографистов и военных работников. Основная тема вечера — «Что дал и что обязан дать советский писатель обороной кинематографии». С обязательными речами от имени военных работников выступят: начальник агитмассового сектора НУР т. ШУБИН и начальник военного сектора Совкино т. КОРОЛЬ. С фактическими справками выступит — от писателей Л. НИКУЛИН, от работников т. К. ЮКОВ.

В вечере примут участие тт. Серафимович, Мстиславский, Новиков-Прибой, Луговской, Шкловский, Арк. Ресельный, М. Голодный, Колесников, М. Светлов, кинорежиссеры Барнет, Протазанов, Роом, Оцуп, Эсфирь Шуб, сценарист Ермолинский, Роберт, Асеев, Кольцов, Трофимов, Родченко и ряд других писателей, кинематографистов и военных работников.

Перед началом вечера, который состоится в клубе ФОСП, будет произведена съемка фильма по роману А. Фадеева «РАЗГРОМ» и постановке Берестова. — На вечер приглашаются писатели, драматурги, сценаристы, режиссеры, военные работники, рабочие-ударники.

ДВУХТЫСЯЧНОЙ АРМИИ МОСКОВСКИХ ПРОЛЕТПИСАТЕЛЕЙ

ОТКРЫЛСЯ РАСШИРЕННЫЙ ПЛЕНУМ ПРАВЛЕНИЯ МАПП

По поручению секретариата Московской ассоциации пролетарских писателей пленум открыл ответственный секретарь МАПП В. Кирпотин.

Констатируя грандиозный рост Московской ассоциации, В. Кирпотин указывает, что до приема ударников в литературу Московская областная ассоциация представляла собой группу пролетарских писателей численностью в 200 человек, из которых 35 процентов составляли рабочие; по Москве и области имелось несколько литературных кружков. В настоящий момент МАПП насчитывает в своих рядах 2.000 человек, 90 процентов из них составляют рабочие-ударники. 130 кружков охватывают все крупнейшие предприятия Москвы и области.

Однако эти цифры, свидетельствующие о росте организации, ставят перед МАПП ответственнейшие задачи и заставляют ее изменить методы и усилить темпы работы с писателями-ударниками. Приток ударников в литературу является для МАПП на временной кампанией, а основной формой работы. Но и для самих ударников включение в ряды МАПП еще не решает дела. Им необходима жесткая, длительная, упорная работа над собой, с которой Московская ассоциация обязана им помочь.

— Мы стоим пролетарскую литературу не в мирной обстановке, а в условиях обостренной классовой борьбы. Поэтому наши выступления неправительственной группой писателей, то теперь мы движемся сплоченной двухтысячной армией под нашим флагом РАПП ведем борьбу против правых и «левых» врагов пролетариата в литературе. Испытанная в литературных боях Российская ассоциация пролетарских писателей с честью боролась с перверзевщиной и вероятной. Мы — одна из крупнейших составных частей РАПП, и завтра помогать ей в этой борьбе, являясь литературным оружием партии.

*

Приветствуя пленум от Международного объединения революционных писателей, А. Гидаш подчеркнул, что МАПП, привлекая в свои ряды тысячи ударников, должна создать подлинные образцы пролетарской литературы. Революционные писатели Запада и Востока в своих произведениях стремятся отразить гигантский рост социалистического строительства Советского союза. Революционные писатели должны продолжать за пределами СССР огромную работу, проводимую МАПП — ударной бригадой пролетарской литературы.

И. Макарьев, выступивший с приветствием от имени РАПП, отметил, что открывающийся пленум МАПП знаменует литературное единство всей организации, являющейся одним из самых мощных отрядов культурной революции.

— Наша основная задача, — говорит тов. Макарьев, — показ героев пятилетки. Выполнение этой задачи пролетариям писателями должно стать острым из путей, ведущих нас к созданию большого искусства, большевизма, за которое мы боремся.

Тов. Лузгин в своем приветствии от ЛАПП указал, что Московская и Ленинградская ассоциации, имея крупные общественные организации пролетарской литературы имеют большую руководящую работу. В этой работе огромное и плодотворное значение имеет постоянный обмен опытом между МАПП и ЛАПП. Первейшая задача пленума в том, чтобы найти новые методы работы, способствующие дальнейшему качественному и количественному росту Московской ассоциации.

Выступивший затем А. Фадеев подчеркнул три основных особенности, отличающие нашу молодую, но мощную литературу от литературы других стран. Первое отличие заключается в служении делом рабочего класса. Цели рабочего класса, его философия заложена в художественных вещах советской литературы, и как с гордостью заявляет об этом. Второе ее отличие — в создании массового литературного движения, в ряды которого призваны и включены те, кто по всех странах не имеет доступа к литературе. И, наконец, третья особенность заключается в братском единении пролетарских литератур всех народов Советского союза.

*

Ударная работа МАПП сосредоточена сейчас на транспорте. В помощь ликвидации прорывов МАПП организовала специальные бригады на всех узлах московских дорог. Целым доказательством успешной работы ланковских бригад на транспорте явилось выступление ударницы тов. Владимировой, приветствовавшей пленум от имени рабочих Московско-Курской дороги.

Товарищи Поваляев, краснознаменец завода АМО, Падиков-Баранов (зав Самотека), награжденный орденом Ленина, Пульжский, премированный ударник краснознаменного завода им. Ленге и тов. Маргулис, ударница с'ездовой общественной типографии горячо приветствовали пленум МАПП, призвали писателей включиться в жизнь предприятий и руку об руку с рабочими бороться за построение фундамента социалистической экономики.

Отвечая на приветствия от имени секретариата МАПП, тов. Бутковский (Татарская ассоциация) заверяет, что РАПП и в частности ее московская ассоциация, стойко борясь за качество художественной продукции, будет верным проводником генеральной линии партии в литературе.

Первый вечер работы пленума закончился художественной частью, в которой приняли участие участники пленума — поэты МАПП.

После авторских выступлений был продемонстрирован ряд отрывков из кинофильм, которыми Ассоциация революционной кинематографии приветствовала пленум МАПП.

* *

Второй день занял обширный доклад В. Кирпотина о задачах московской ассоциации пролетарских писателей.

В. Кирпотин подчеркивает, что работа пролетарских писателей, как и все социалистическое строительство, проходит в условиях ожесточенной классовой борьбы, в борьбе с буржуазными тенденциями, являющимися проявлениями кулацкой идеологии в литературе и с литературными группировками, делающими попытки затратить литературно-политическую линию партии.

Разгром вороншины, перверзевщины и «Литфронта», история кружка «Перестройка», возглавлявшегося М. Алексеевым, — вот те вехи этой борьбы, которые должны быть известны каждому ударнику, принедшему в ряды МАПП.

— Некоторые нужные «попутчики» — говорит далее В. Кирпотин, — жалуются на «сужение допустимой тематики». Это, конечно, неверно. Произошло невиданное расширение тематики, на классически чуждые нам писатели оказались не в силах ее охватить, не в силах «перекричать бурный голос действительности». Отсутствие от цыганства писателей-интеллигентов, чтобы отобразить в своих произведениях процессы социалистического строительства, вынуждены специально изучать их, затрачивать на длительные сроки в жизнь различных предприятий. Рабочим писателям-литударникам это незачем делать: для них производство — родная стихия.

И это дает себя знать почти во всех произведениях ударников. В их творчестве стремительно сменяет строя жизнерадостной бодрости и классового энтузиазма. Повседневно работая на заводе, разоблачая прогульщика, клеймя кредителя, показывая пример лучших ударников своего предприятия, молодые писатели дают такой гимн труду, который является лучшим ответом на вражеские вылазки международной буржуазии о принудительном труде в СССР.

Однако наряду с проявлениями значительного творческого роста ударников, нам часто приходится встречаться и с примерами политической, литературной, а подчас и грамматической безграмотности начинающих писателей, свидетельствующими об их недостаточном культурном уровне.

Прекраткое, часто механическое подражание старым писателям, отсутствие ядейной целеустремленности, приводящее к созерцательному описательству или к эстетскому любованию мелочами — вот те недостатки, которыми смечен ряд произведений ударников. Помочь им излить эти недочеты — одна из главных задач МАПП. Она может быть осуществлена путем организации выездных консультаций, вечеров творческого смотра, в рабочих творческих слетов. Однако, наиболее эффективно будет непосредственная помощь со стороны квалифицированных писателей МАПП, которые должны передать свой творческий опыт новым растущим кадрам.

— Мы не безучастная писательская организация, оберегающая свои литературные секреты. Мы обязаны делиться опытом с начинающими писателями-ударниками. В наших квалифицированных писателей надо заставить это делать. При проведении приема ударников в литературу мы исключили из МАПП тех, кто не принимал участия в этом деле. И впредь мы также беспощадно будем исключать из наших рядов всех тех, кто будет злостно уклоняться от работы с ударниками.

На крупных предприятиях скопилось сейчас достаточное количество образцов творчества начинающих писателей. Надо провести между ними соревнование под эгидой МАПП, которая должна на себя обязательство регулярно печатать критические статьи с обзорами произведений ударников каждого из предприятий.

Отмечая недостатки в работе Московской ассоциации, В. Кирпотин подчеркивает тяжелые условия работы МАПП на предприятиях. Отсутствие руководства и недостаточное внимание со стороны партийных, комсомольских и профессиональных организаций, нежелание признать литературную работу ударников общественной нагрузкой, приводят к отрезанности литкружков от общественной жизни предприятий.

Однако, эти трудности не оправдывают недочетов в работе самой МАПП. Здесь нужно констатировать слабое руководство национальными секциями. Из технически серьезной и серьезной, написания почти безобразуют благодаря плохой работе аппарата. Снабжены участками писателя и работа по линии ЛОКАФ и общества пролетарско-колхозных писателей.

Эти пробелы необходимо заполнить в ближайшее время.

БЛОК-НОТ ЛИТГАЗЕТЫ

* Пленум Московской ассоциации пролетарских писателей открылся 2 июня в клубе ФОСП им. Горького.

* В состав президиума вошли: М. ГОРЬКИЙ, А. СЕРАФИМОВИЧ, Г. БЕЛЫХ, Л. АВЕРБАХ, В. МАКАРЬЕВ, А. ФАДЕЕВ, А. ГИДАШ, В. КИРПОТИН, М. [illegible], СЕЙФУЛЛИНА, А. СУРКОВ, [illegible], Р. ФАЙКО, А. МИЛЬЧАКОВ, Ф. [illegible], Р. СТАВСКИЙ, В. КОНДОР, А. ГЕЛЬ, Д. БОГОВОЙ, СЕМЕНОВ (колхозник), Н. ЛЕСОВ, С. ФРИНОВСКИЙ, [illegible], С. КИРЬЯНОВ, ПОГАРЕЛЬСКИЙ, Т. [illegible], [illegible], Т. СЕДОЙКИН, [illegible], КОРОЛЬ (Театр), Т. КИРЬЯНОВ, Сурков, Т. САМОЙЛОВ (Наталья), Т. СЕДОЙКИН, «Дивизия», Т. ПЕТРОВ, КРОТОВ (с-ка им. Ленге), ЮКОВ (ЦРК), [illegible], Т. К. ПОКАЛЮКИН (зав. «Электрик на Пятницкой»), «Электрик на Пятницкой» ПАРАНОВ (зав. «Самотека»).

* От ЦК ельцом пленум приветствовал Т. СИМАНКОВ.

* Пленум МАПП послал приветствия ЦК ВКП(б), МК ВКП(б), ЦКК ВКП(б), РЕВВОЕНСОВЕТУ, секретариату РАПП.

* С приветствием пленуму МАПП выступил хор Московской ассоциации пролетарских музыкантов, исполнивший несколько песен и отрывков из опер. Дирижер «Суботовцев».

* От Ассоциации революционной кинематографии, выступил с приветствием тов. ЮКОВ, призвавший писателей к содружеству и дружеской совместной работе по созданию пролетарской кинематографии.

* К открытию пленума МАПП выпустил газету «Ударник литературы».

* Орехово-зуевская ассоциация пролетарских писателей и литкружок газеты «Ударник» № 1 им. Калинина выпустили совместную газету «За ударную работу», посвященную пленуму МАПП.

* От имени первой интернациональной бригады писателей моря, находившейся на поездке по СССР, пленум МАПП приветствовал венгерский писатель ЭМИЛЬ МАДЬЯРАС.

* ТРЕТИЙ ЭКЗЕМПЛЯР ПЛЕНУМА МАПП ЗАНЕЛ ДОКЛАДЫ МЕСТНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ И ПРЕНИЯ. ОТЧЕТ О НИХ БУДЕТ ДАН В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ «Л. Г.».

ПОКАЗ ГЕРОЕВ—БОЕВАЯ ЗАДАЧА

ПИСАТЕЛИ, ЛИТКРУЖКОВЦЫ, ДАЙТЕ СТРАНЕ ЛУЧШЕЕ О ЛУЧШИХ!

ПИСЬМО ИЗ ЛЕНИНГРАДА

РАЗВИТЬ ТЕМПЫ

Ленинградская ассоциация пролетарских писателей, как мы уже сообщали в «Литературной газете», провела широкую мобилизацию творческого актива для художественного показа героев пятилетки. Сейчас мобилизованные товарищи прикреплены к заводам, фабрикам и новостройкам.

В ожидании будущих произведений, о работе ЛАПП по отображению переломного социалистической стройки наступило какое-то успокоение, темпы сбавлены! Приходится констатировать, что показ социалистических героев — оно не стал органической и центральной частью текущей работы Ленинградской ассоциации. ЛАПП, как ведущая организация, еще не мобилизовала для этой работы все ресурсы советского искусства, крупным центром которого является Ленинград.

Показ героев остается пока делом литературных организаций. Если ЛАПП и ЛОКАФ приступили к практическому его осуществлению (другие организации, например, ВОСП, медленно, но по всем данным в ближайшее время тоже приступят к работе), положение на участках театра, кино, эстрады и пр., где тоже должно чувствоваться влияние ЛАПП, остается ленивым. Созванное редакцией «Ленинградской правды» в ЛАПП совещание мелочей не внесло по той простой причине, что совещание не состоялось. На совещание не явились представители Ленискусства, театров, Госкино, культсекторов профсоюзов, редакций фабрично-заводских газет. Кинопроизводственные организации продемонстрировали свое непонимание задач художественного показа героев пятилетки, делегировав на совещание только работников... кино-хроники (!!).

Отсутствовали и представители фабрично-заводских литкружков ЛАПП. Это говорит о том, что подлежащей творческой атмосферы мобилизации всего внимания ЛАПП вокруг задач показа передовиков еще нет. В отдельных низовых ячейках ассоциации, как свидетельствуют факты, не всегда имеется и четкое понимание творческих задач показа: это прямое следствие тех организационных просчетов в проведении творческой мобилизации и нечетких формулировок в мобилизационных документах. Если мобилизационная кампания творческими силами, разосланными на крупнейшие фабрики и заводы, одно лишь требование — «дать высокохудожественный и в тому же жизненно правдивый очерк» (только очерк), если комиссия пытается спрятаться за работу по значению ударных строителей социализма», во мудрено, что литгруппа «Красного путиловца» делает своей ударной задачей «сборник зарисовок лучших ударников», а литкружок «Красной работницы» ограничивает задачу тремя очерками о передовиках предприятия. Эти недочеты надо устранить.

*

Для отображения героев пятилетки ЛАПП и ЛОКАФ формируют специальные бригады. Вместе с тем бригадный штаб при ленФОСП и местком писателей включают эту задачу в работу каждой выезжающей бригады. Бригадный штаб сейчас является центром, координирующим всю бригадную работу ленинградских писателей. В этой работе в Ленинграде как будто достигнута определенная плановость и организованность.

Штаб отказался от принципа «летних поездок писателей»: концентрацию писателей в писательских бригад решено производить в течение всего года. Случайность маршрутов устраняется согласованной работой с Обкомом и горсоветами, заключением договоров между хозорганизациями (такие договоры заключаются с Электростроем, Облисполкомом, Огизом, Гидромезом, Арматзаводом, обкомом и др.). На основе генеральных соглашений заключаются затем индивидуальные договора с обязательствами сторон, которым введен более жесткий отбор бригадиров, с учетом производственных и общественно-политических данных. Такой отбор чрезвычайно важен; не все члены литгруппы умеют, что работа в бригаде — не прогулка туриста. Между тем некоторые отчеты в анкетах бригадного штаба говорят о том, что такие туристские взгляды еще имеются у некоторых писателей.

Одна поэтесса на вопрос о желательном районе поездки отвечает: «Бурято-Монголия, Средняя Азия, Дальний Восток, чем дальше, тем лучше (!!). Эту же поэтессу в переключенных районах интересует... индустриализация: изи новый быт «возникает в шаманах». Другой товарищ — завербовался бюро переводчиков—требует посылки ее в Восточную Сибирь, Южный Урал или Алтай, так как она чрезвычайно интересуется «производством на эстетическом фоне».

Конечно, такие «интересы» лишь у единичных писателей. Но они не резервируют необходимость строгого общественного контроля над бригадной работой. Таким контролем должен явиться созданный в Ленинграде бригадный штаб.

Ленинград. Б. РЕСТ

ИВАНОВСКАЯ АССОЦИАЦИЯ ОТВЕЧАЕТ „ЛИТГАЗЕТЕ"

1. Проработав постановление РАПП о показе героев социалистического труда, мы дали каждому члену АПП задание. Выделили 30 человек на новостройки, на торфоразработки, на красно-знаменные ф-ки для отображения их героев в художественной литературе.

2. 1 июня выехала часть активов: на торфоразработки — 10 человек, на краснознаменные ф-ки — 4 человека, на магнитострой: станцию, льнозавод и льнокомбинат — 3 человека, на Южгрэс — 2 человека.

3. Приняты все меры к тому, чтобы в ближайшие дни выпустить ударный сборник, отражающий героев пятилетки Ивановской области.

Все эти мероприятия проводятся горсекцией АПП. Областная — спит.

ИвгорАПП укоряет РАПП и «Литгазету», что с поставленной задачей отражения героев пятилетки в художественной литературе она справится.

Отв. секретарь ИвгорАПП ШМОНИН

АКТИВ МОБИЛИЗОВАН

АПП ЦЧО включилась в конкурс на лучшее отображение героев социалистического труда.

Обращение секретариата РАПП обсуждалось на двух заседаниях правления. Даны указания всем литгруппам и литкружкам по области.

Выехала специальная бригада в Тамбовскую АПО. Весь актив Воронежской АПО мобилизован. Товарищи посланы на отдельные заводы:

1. Завод им. Дзержинского — тт. Назаретский, Блескирус, Рыжаков, Песков.
2. Завод им. Сталина — тт. Перцев, Мелешков, Рабинович, Рыжаков.
3. Строевой паточно-ремонтный завод — тт. Боголюбов, Еремин.
4. Завод им. Ленина — тт. Пашковский, Томский, Богатырев.
5. Завод им. Коминтерна — тт. Эйдельс, Цетлинский.
6. Завод Мехмастай — тт. Покровский, Амуров.

За пять дней

РОСТ ЛИТАРМИИ

В последние дни мы имеем два крупнейших литературно-политических события: закончившийся пленум ВОАПП и начавший вслед за ним свою работу пленум МАПП.

Пленум ВОАПП подытоживал путь, пройденный за эти годы всесоюзным пролитературным движением. Сама обстановка, в которой проходил пленум, то широкое партийно-общественное внимание, которым он был окружен, атмосфера полного единства, которой были проникнуты все работы пленума—наглядное доказательство роста движения, правильности «то линии. Огромное значение пленума ВОАПП заключается прежде всего в том, что он работал уже в новом этапа пролитературного движения, начатого приливом ударников в литературу.

Пленум ударной Московской ассоциации пролетписателей можно считать продолжением пленума ВОАПП в том смысле, что здесь на конкретном, при том крупнейшем участке движения проверяется правильность оценок и выводов, задач и перспектив. Здесь проверяется правильность темпа, выдвинутого на последнем пленуме РАПП о том, что «до сих пор была предыстория массового пролетлитературного движения, теперь (с призывом ударников в литературу) началась его история».

Пленум МАПП—новое явление в литературной жизни не только по своему составу и по составу всей организации, которая стала двухтысячной организацией рабочих-ударников. Он—новое явление и потому, что на нем происходит смотр участия писателей в социалистической практике, что он отображает в себе во много раз повысившееся, в результате призыва, внимание рабочих к литературе, которые приходят на пленум, чтобы предъявить своим «полпредам»—писателям и всем писателям свои требования. Здесь, на этом пленуме, с полной отчетливостью видна нерасторжимая связь литературы и классом, эту литературу творящим.

Уже в последнее время МАПП стала характерна тем, что центр тяжести перенесся на закрепление количественных успехов качественными, на учебу, на бригадную работу, на творчество. Вовлечение организации в дело показа героев пятилетки этот процесс и расширило и углубило. Но все же до сих пор еще осталось много суетни, еще не укрепилось руководство, кустарно поставлена учеба.

Это меняет движению расти вглубь. И это коллективной волей рабочих-ударников, собравшихся на пленум МАПП, будет преодолено.

ВЫПОЛНИТЬ РЕШЕНИЯ СЕКРЕТАРИАТА РОПКП

Постановка доклада вице-президента Академии с.-х. наук им. Ленина т. Бурского на расширенном секретариате РОПКП, выступление академика Вавилова на слете ударников, призванных в пролетарско-колхозную литературу в Ленинграде, факты совместной работы писателей и ученых сельского хозяйства в ЦЧО подводят прочную базу под действительный союз пролетарско-колхозной художественной литературы и сельскохозяйственной науки, союз между писателем социалистической деревни и ученым.

Пленум секретариата РОПКП, обсуждая доклад тов. Бурского, наметил чрезвычайно большой круг участков и форм работы, а также смежных проблем, где союз ученого и писателя крайне необходим в интересах в науки и литературы. Речь идет конечно не о бюрократическом «согласовании» и не о заседательской «упряжке»; речь идет о деловой, органической сработанности.

И конечно не в одной Москве должна решаться проблема этой деловой, органической сработанности. Нужно, чтобы немедленно же были налажены правильные взаимоотношения между краевыми и областными организациями РОПКП и научными учреждениями академии им. Ленина, находящимися на местах.

Нужно, чтобы ряд наших писателей (по их собственному почину и желанию конечно) связались с отдельными учеными и целыми институтами, разрабатывающими наиболее важные проблемы сельскохозяйственной науки. Цель этой связи совершенно ясна: разными путями и при помощи различных средств сделать научные идеи достоянием миллионов.

На местах еще ничего не сделано для того, чтобы решение секретариата РОПКП по докладу т. Бурского было реализовано. А между тем академия им. Ленина проводит несколько научных экспедиций, в которых могли бы принять полезное участие и писатели.

Наличие такой проблемы, как показ в художественной литературе героев социалистического строительства! Разве среди ученых нет подлинных ударников — советских ученых-энтузиастов? И разве о них не должна знать страна, так же как о рабочих, колхозниках, директорах и инженерах?

Создание прочного союза художественной литературы и науки возможно только мерою нашего. Местные организации РОПКП должны немедленно подхватить пример ленинградского слета ударников и лозунга секретариата о союзе с наукой придать живое, практическое выражение.

ПАСТЕЛИ ЗА ВЫПУСК НОВОГО ЗАЙМА

«ТРЕТЬЕГО РЕШАЮЩЕГО ГОДА ПЯТИЛЕТКИ»

КО ВСЕМ СОВЕТСКИМ ПИСАТЕЛЯМ

Рабочие многих заводов давно уже требуют выпуска нового займа третьего, решающего года пятилетки.

Писатели же отстают. До сих пор некоторые не выполнили даже своих обязательств по займу «5 в 4».

Призываем всех советских писателей, в первую очередь пролетарских и пролетарско-колхозных:

выполнить свои обязательства по займу «5 в 4» в кратчайший срок;

стать во главе ударного распространения нового займа третьего, решающего года пятилетки.

Со своей стороны подписываемся:

В. Ставский на 500 р.
Н. Никитин — 700 р.
Л. Сейфуллина — 300 р.
Ю. Бабиц — 500 р.
Ив. Катаев — 300 р.
М. Залка — 300 р.
Г. Корабов — 300 р.
Н. Гильярди — 300 р.
А. Зуев — 300 р.
С. Буданцев — 300 р.
К. Большаков — 300 р.
А. Эфрос — 300 р.
А. Субботин — 300 р.
А. Дежидов — 300 р.
С. Розов — 300 р.

ТРЕВОГА ВЫПУСКА ЗАЙМА ТРЕТЬЕГО ГОДА ПЯТИЛЕТКИ

В ГИХЛ состоялся 27 мая митинг сотрудников издательства, посвященный обсуждению обращения рабочих Электрозавода и Мытищи о выпуске займа третьего, решающего года пятилетки.

Общее собрание сотрудников ГИХЛ приветствовало инициативу электрозаводцев и мытищинцев и присоединилось к их требованию о выпуске нового займа. Сотрудники ГИХЛ постановили подписаться на новый заем всем коллективом в размере трехнедельного заработка и вызывают последовать их примеру работников всех издательств, входящих в ОГИЗ.

РОМЕН РОЛЛАН ПРИЕДЕТ В СССР

Ромен Роллан неоднократно в своих письмах к Максиму Горькому выражал желание посетить Союз Советов.

На-днях т. Халатовым получено от Ромен Роллана письмо, в котором он, в ответ на приглашение приехать этим летом в СССР, сообщил, что очень хотел бы приехать в Москву, чтобы пожать руку друзьям и своим присутствием у нас засвидетельствовать свою братскую симпатию и преданность.

Ромен Роллан в то же время не совсем уверен, что сможет приехать к нам этим летом, так как здоровье его сильно нарушено, особенно после перенесенного в конце прошлого года воспаления легких. Вопрос о ближайшей поездке Ромен Роллана в СССР зависит, таким образом, от решения врачей.

— «Об этом решении, — пишет Ромен Роллан, — я сейчас же извещу моих московских друзей».

ФРИДРИХ ВОЛЬФ

МОЙ ПУТЬ

КАК Я ПРИШЕЛ К РЕВОЛЮЦИОННОМУ ПРОЛЕТАРИАТУ

Фридрих Вольф, автор пьес «Цианистый калий» и «Матросы из Каттаро», является одним из наиболее популярных революционных германских драматургов. Считая, что в капиталистическом обществе рождаемость является непосильным бременем для всякой рабочей семьи и только увеличивает армию безработных, Фридрих Вольф, как врач по образованию, вел самую активную пропаганду против параграфа 218 германского кодекса, запрещающего аборты. В связи с этим он был недавно арестован и привлекается сейчас к уголовной ответственности. Арест Вольфа привлек к себе внимание всей передовой, революционной интеллигенции. По всей Германии были организованы митинги протеста, и Фридрих Вольф был освобожден.

Этот выпад фашистской социал-демократической полиции оказался для Вольфа последним толчком, благодаря которому он окончательно примкнул к революционному пролетариату и коммунистической партии. В очерке «Мой путь» Вольф делится с читателями «Литературной газеты» наиболее яркими моментами своей биографии.

Первое мое серьезное соприкосновение с пролетариатом вместе с несколько романтической окраской. 14 лет я бросил гимназию и сбежал на реку. В качестве матроса II категории я отправился на судне-угольщике Рейну в Голландию, а оттуда на судне, перевозившем уголь, в Англию. Я мечтал о свободной матросской жизни, о которой писал в романах для мальчиков. В действительности же я должен был грузить уголь на темной сырой и душной барже и получил больше шишек, чем сна. После этого я сбежал на два года поступил в гимназию — по сути сбежал от родных и поступил в матросы. Отсюда время я состоял в Армии Спасения, предпочел отказаться с видами, был единственным, что отстаивал свои, потом на судах и т. д.

В 1907 году изучаю в Мюнхене медицину и занимаюсь скульптурой, а затем после путешествия пешком из Мюнхена в Рим, завершенный в Германии окончательно отдаюсь изучению медицины и становлюсь врачом психиатром и невропатологом. В 1913 году работаю в качестве судового врача на эмигрантских пароходах «Северо-германского Ллойда», плавающих в Канаду и Северную Америку. В 1914—18 годах — полевой, батальонный врач. Ранен, контужен. С 1916 года начинаю, хотя и медленно понимать смысл империалистической войны. С июня 1918 года принимаю непосредственное участие в рабочем движении, в матросских советах. В 1918/19 гг. принимаю участие в боях пролетариата в Бремене, Лейпциге, Берлине, Бадене. В 1920 г. работаю в качестве городского врача в Ремшейде, и часто пролетарской обстановке и оказываю там местное здравоохранение.

Эту работу прерывает путч Каппа, затем белогвардейские войска, мобилизованные с началом фронта, и борьба корней и Германии Красной армии против добровольческих отрядов майоров Лютцена, генерала Гаснауэрша и баварского генерала Эпна, происходившая с 13 по 25 марта 1920 г. Пролетариату в этой жестокой удалось, принесла величайшие жертвы, ужесточить все добровольческие белогвардейские отряды и создать Красную армию между Руром, Рейном, Вуппертом и Липпе.

В 1920/21 году, вместе с Георгом Фоглером, организовал устройство на коммунистических началах поселение Вархельхоff близ Вермельде. Эта попытка создания рабочей ячейки, как самоотверженная, честно выполнялась, также потерпела крушение. После этого я работал в качестве врача в одном сельском районе Южной Германии, и, наконец, переехал в Штутгарт, где работал как врач и драматург.

Первые мои социалистические драмы — это «Великий Конрад» из эпохи германского крестьянского восстания 1514 года и «Колонна Хунд», в которой описывается распад рабочей коммуны. Обе пьесы поставлены были на буржуазной сцене и наслужили мне репутацию левого социалиста, но только последние мои работы — «Цианистый калий» и особенно «Матросы из Каттаро» окончательно «заклеймили» меня в глазах буржуазной общественности как коммуниста. Но и эти пьесы сделались на буржуазной сцене как в Германии, так и за границей. Только после понижения таможенной квоты, ограничивающей ввоз иностранных пьес, я был вынужден в Германии снять свои пьесы с репертуара. Сейчас они ставятся в Австрии, Швейцарии, Голландии, Скандинавии, Америке, Японии, Польше, Чехословакии, Венгрии, Румынии, Югославии, Болгарии, Греции, Палестине, Египте, Индии, Австралии, Новой Зеландии, Южной Африке, Чили, Аргентине, Бразилии, Мексике, Перу, Уругвае, Кубе, Гаити, Ямайке, Панаме, Гватемале, Сальвадоре, Никарагуа, Коста-Рике, Гондурасе, Колумбии, Венесуэле, Эквадоре, Боливии, Парагвае

СРЕДИ КНИГ

ПОЭЗИЯ КРЕСТЬЯНИНА, КОТОРОГО ПЕРЕДЕЛЫВАЕТ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ГОРОД

Н. Незлобин. Мост. Стихи. Изд-во «Федерация». 1931. Стр. 77. Ц. 55 к.

Хотя в начале книжки этой напечатано: «Моим дорогим товарищам-забойщикам шахты № 13 рудника «Победоносец» (переселено 14 февраля)», хотя и первая части книжки («Уральский путь») автор обнаруживает прекрасное знакомство с шахтерским ремеслом и понятными горняцкого быта; хотя стихи не выходят в явной зависимости от какого-либо уже известного пола для писания, — можно с полной уверенностью сказать, что перед литературой больше в руке Незлобина не режет, чем книжка таланта. Незлобин, как видно, уже не мало почитал и переделал написал. Он многое прилежно и вдумчивой технике, его художественной речи уже заметен достаток, но, чтобы вполне владеть формальною техникою и тщательной отделкой. Поэтому осмелюсь к нему как к ударнику, впервые соединяющему рифмой две строки, отнестись нелепо.

Герой шахтерских стихов Незлобина — крестьянин, ставший рабочим. Он еще связан с деревней любовными снами о ней, печальной и даже светлой тихой нежностью к природе, ласкам, — воспоминаниями о поминальных временах, когда, позабывшись, он снова крестьянствовал со своей старшей родней. Система образов Незлобина строится в связи с этой переходной фазой героя. Гудки шахт кажутся ему еще криком журавлей, по дорогу-борозду всюду он ощущает уже как городского пешехода, однажды вернувшегося в прошедшее пастушье. Однако шахта берет верх. Весь мир почти заключается в ее сколько темные стены, в даже «дни идут за днями все дальше вглубь и ввысь», и даже «звезды блестят, как лампочки в кожаном забое», когда солнце уходит в ночную смену. Здесь поэт находит богатую руду тем и метафор. Однако он не находит еще полного пролетарского ощущения этого нового мира. Он дорастает до чувства классовой дружбы с товарищами, до сознания величия и ритма своей тяжелой работы, но классовая связь и социальное величие его дела ему еще не слишком. Иногда он впечатляет рельефную песню, уже прочную другими (см. стихотворения «1920», «Октябрь на шахтах»), повторяя поэтов начала Октября, но гораздо ближе его сердцу любоваться тяжестью работы, гордиться рассказами седых горняков о страшном прошлом. В этом и есть беда горняцких стихов Незлобина: он еще не разгадал революции в шахтах, а увидел только работу в них да лирический отдых после нее. Но это — придет, прекрасное стихотворение «Начало смены» — лучшее во всей книге — тому порукой.

Второй раздел книжки — «Тайга» показывает, что и в других темах автор остается самим собой. Неизбежность, весьма лирическая, сказывается здесь иные с знакомыми темами. Третий раздел, где есть очень удачные вещи, представляет в сущности лирическую поэму, составленную из отдельных стихотворений и объединяемую одной героиней — кирпичной девушкой Маст, ученической поэта. Не будем упрекать поэта в том, что Маст — незнакомому, кулацкая дочка: гораздо опаснее то, что автор хлад тут полон сентиментальности, к которой он склонен, быть может, потому, что еще очень молод (автор нам почитает совершенно — он живет в Рязани). Сентиментальность и трогательность портит хорошую лиричность, весьма ярко показанную в первом стихотворении этого раздела.

Если бы г. Незлобин вооружался нашими советами, мы бы сказали ему: снимите все лирические и несущественные штампы — зимние пейзажи, «родные просторы», «знамен пожарья», «неприступные рыбы» и «снежные россыпи». Найдите путь объединения городского и сельского, пролетарского и крестьянского, но без сентиментальности и кокетства «забронного» митинга, а главное — разбейте ограниченность своего мироощущения. Велико широко окно, откуда на окружающее, с большим политическим языком.

И, может быть, напишите стихи на колхозные темы.

Последний совет мы даем не потому, что сейчас от «в моде», а потому, что в этих темах город и деревню вы конкретно соединить иначе, чем делаете это в первой книге.

Б. А.

НА ПУТИ К КЛАССОВОЙ ПАРОДИИ

А. АРХАНГЕЛЬСКИЙ и КУКРЫНИКСЫ. Пародии и шаржи. Предисловие Л. Авербаха. ЗИФ. 1930 г., стр. 46, ц. 1 р. 90 к.

Книжка острая и талантливая. Талантливая вся насквозь. В этом смысле «бригада смеха» нашей литературы (Архангельский и художники — Кукрыниксы, Крылов и Ник. Соколов) отобразились очень верно. Но книжка не написана сразу первая. Не сказали в точку. Что также бригада пародистов? Это не суп дела сколько бригада ударников на заводе. Если еще что различилось — включайся и подучилась. Но пародирование — это качество особое» рода. Это критика смехом. Это — сложный жанр. Он работает у автора слабее в нем. Переводит его в литературный указатель. К «слабость» зачисляет сознать. Схлестнулась народной, она делается сводом, критикующей и исправляющей. Возведенный в степень смешного недостаток

А. Архангельский и художники Кукрыниксы: К. Куприянов, М. Крылов и Н. Соколов

человека обезоруживает его, как маска-рая.

Но «слабость» может быть самого различного порядка. Пародия и карикатура тогда сильны, когда они будут в социальную серьезную литературной формы или обычая творения. Они слабы сами, когда «обличительное» несущественно, ничтожат, чтобы только рассмешить. Все виды литературы, где смех участвует как идеологический фактор — от сатиры до пародии и переделки, если не считать Демьяна Бедного, умеющего действовать этим оружием как никто, — почему-то не пользуются у нас особенным успехом. Перестал кулак-то в «главно жанры». К «Крокодилу». Врезающее заблуждение.

И вот с этой стороны книжка Архангельского и Кукрыниксов — вещь в высшей степени нужная, интересная и свежая. Вот ли они, как сказано, в классовую цель? Пролетарский ли это пародии? Работает ли она на нас? Л. Авербах правильно решает этот вопрос в своем предисловии. Архангельский знает (в этой народе) стрелял мимо. Такова пародия на Романова. Но вместе удовлетворяет мимо народия и на Жарова. Резче характерно для Жарова, что от пародии «Мечтатель? Стрела не» и то место. Зато, допустим, поэзство Луговского, механическая расхлябленность Третьякова, лозинская беспомощность (несокрушимая часть безыдейность) у Шагинской, самодовольство Орешина сыгранными очень метко и сильно. Недопустимо отсутствие особенности Бубенца, Гладкова и Фомичева у Архангельского воспринимается так разобщительно, что лучше понимаешь многие социальные явления этого стиля. И «секрет» этого стиля перестает уже удивлять, как раскрытый секрет замка. Неубедительна пародия на Зорича. Классово безубедительна пародия на Клычкова, высмеивающего лишь за его псевдонародный мистицизм.

Двенадцать пародий Архангельского, собранных в книжке, далеко не все, что написано им. Можно сказать даже, что эта книга является для Архангельского по матом устаревшей. Да и ряд произведений, вошедших ранее, тоже не вошел в книжку, как, например, пародии на Маяковского, Безыменского, Клюева. Архангельский вместе с Кукрыниксами — постоянный сотрудник «На литпосту». В этом своем качестве он действительно наступательным образом включается в борьбу за пролетарскую литературу. Целый ряд дискуссий последнего времени (не отображенных в сборнике) прошел при всем участии талантливой бригады. И она приняла участие в разоблачении перерожденцев, «литфронте» и т. д.

Архангельский и Кукрыниксы вошли в нашу литературную жизнь так ее существенно дело. И поэтому нельзя себе представить нашего литературного мира без Кукрыниксов с их графической критикой. Посмотрите на их злободневный и меткий рисунок. Это часто не только портретная карикатура, а глубокая критическая заметка писателя во печатной форме.

Вот, например, Гладков. Он стоит «кузнецом» в самодельных доспехах, обернувшись за молот, из кармана его от электрошнур к лампе. Только лампа... керосиновая. Прямо вся стилистическая «культура «Цемента» с его индустриальным пафосом. Или Зощенко. Он сидит, лениво прикрыв глаза. Смотрит на буржуазную, должно быть, улицу в этакой кастрюлей прозрачности. Он сделан в обычной «зощенковской» манере Кукрыниксов — быстрым немым штрихом. И над иронически мягким рядом ложатся рельефные на золотой фон узкие лакурные линейки. Их штрихи художнику не нужны на в каком «зощенковском» нет. Или Третьяков. Он глядит трактор. Он сам трактор. Он декламирует его так горячо, (за фотографом он себя в различных позах у трактора. Весь мир до горизонта — только Третьяков и трактор. Или декоративный Луговской с его бровями, которые видны за это километров.

Книга начата классно — на верно. Это придает ей определенный характер направленности, библиографической указанности. Это вносит ложную ноту в дело пародии. Пародия, хочется, чтобы книги этого рода выходили чаще, чтобы изящный сборник был только началом, как он является по многом только началом, как он является по многом только началом, как он является по многом

Из литературного прошлого

Письмо крестьян к Пушкину

Неизданный документ. К 132 годовщине рождения поэта

Государь
Александр Сергеевич

*Просим вас покорно нашей вотчины, села Ельцы, сельца Кобылкина тяглых людей новоизвестных, двенадцати в тягости ваших оброчных, по тому договору как вы изволили с нами, Государь, договоритца, что вам с нас оброку платить по пяти рублев с души, и мы, Государь, вам оброк платили, и ныне, Государь, вам оброк платить готовы, и вы, Государь, нас от того оброку не отставляйте, и ни в какие работы не принуждайте, и ни в какие дворовые люди не отдавайте, и с земли не сгоняйте, и в рекруты не отдавайте, и в солдаты не забривайте, и в ямщики не ставьте, и подводы с нас не требуйте, и на почту не ставьте, и в извозы не посылайте, и в работники не нанимай

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

орган федерации объединений советских писателей, рефер

МОСКВА 10 ИЮНЯ 1931 г. № 31 (130)

РЕДАКЦИЯ:
Москва, Тверской б. 25, Дом Герцена. Телефон 2-80-12.

ИЗДАТЕЛЬСТВО:
Акц. о-во «Огонек»; Москва, 6, Страстной б. 11. Телефон 5-5169.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА

	СССР	ВНЕ СССР
На 6 м.	1 р. 75 к.	— 90 ц.
На 3 м.	- к. 90 к.	— 45 ц.

пролетарская литература ссср рапортует т. сталину

Тов. Сталин!

Второй пленум совета Всесоюзного об'единения ассоциаций пролетарских писателей (ВОАПП) передает в вашем лице горячий привет Центральному комитету ВКП(б).

Пролетарское литературное движение СССР, развивающееся под руководством коммунистической партии, достигло за последние годы крупных успехов.

Сделаны новые шаги к завоеванию гегемонии пролетарской литературы. Осуществление ее является делом ближайших исторических сроков. Уже сейчас пролетарская литература СССР осуществляет свою ведущую литературно-политическую роль по отношению к пролетарско-колхозной и революционной «попутнической» и союзнической литературе.

Бесспорны творческие достижения пролетарских писателей. Но эти достижения еще незначительны по сравнению с теми требованиями, которые ставит перед своей литературой строящий социализм пролетариат. Мы сделали только первые шаги на пути к большому искусству большевизма, которое явится «новым шагом в художественном развитии человечества» (Ленин). Но все необходимые предпосылки для создания подлинного искусства большевизма имеются. Эти предпосылки состоят в развертывании вширь и вглубь культурной революции пролетариата, в растущей солидарной, творческой энергии нашего класса, поднявшей волну призыва рабочих-ударников в пролетарскую литературу, в тех огромных возможностях, которые открываются перед пролетарским художником, овладевшим марксистско-ленинским мировоззрением.

На литературном фронте (как и на фронте искусства вообще), сходящие с исторической сцены классы, бешено борются за сохранение и укрепление своих позиций. Здесь особенно тонки и своеобразны приемы маскировки классового врага. В этой борьбе против классового врага в области искусства выросло и закалилось Всесоюзное об'единение пролетарских писателей.

Мы можем назвать здесь борьбу РУССКИХ товарищей против всех и всяческих попыток использовать трибуну искусства для прямой или замаскированной пропаганды идей, враждебных пролетариату;

борьбу БЕЛОРУССКИХ товарищей против литературных вчера контрреволюционного национал - демократизма, «Узвышша» и «Полымя»;

борьбу УКРАИНСКИХ товарищей против литературной ячейки «СВУ», а также против всех видов украинского шовинизма, смыкающегося с зарубежным фашизмом;

борьбу УЗБЕКСКИХ товарищей против литературной ячейки узбекской националистической контрреволюции («Кзыл-Калам»);

борьбу ТАТАРСКИХ и БАШКИРСКИХ товарищей против подпольной национал-демократической группировки «Джидиган».

Отстаивая генеральную линию, выработанную пролетарским литературным движением под руководством партии, национальные отряды ВОАПП развертывали в области литературы социалистическое наступление.

Мы боролись также и с попытками использования литературы для расшатывания железного единства партии, с попытками превратить наше движение в опорную базу антипартийной борьбы.

Мы должны здесь особо отметить:

— заслуги РОССИЙСКОЙ ассоциации в деле борьбы со всякого рода уклонами от литературной политики партии и антипартийными группировками в своих рядах (т. н. «левое меньшинство», связанное с троцкистско-зиновьевской оппозицией, группа «Литфронт», идейные установки которой были созвучны с установками право-«левацкого» блока и которая имела в своих руководящих кадрах ряд дезертиров, и т. д.).

— заслуги ЗАКАВКАЗСКОЙ АПП (в частности и в особенности АПП Грузии), давшей решительный отпор попыткам группы Ломинадзе, превратить ЗакАПП в одну из опорных баз право-«левацкого» блока и культурном фронте;

— заслуги ВУСПП и «Молодняка» в борьбе с литературной агентурой националистического уклона в рядах КП(б)У.

Отдельные работники и отдельные звенья нашего движения, стоя в основном на правильных позициях, совершали те или иные ошибки правого или «лево»-оппортунистического характера в области литературы, в подавляющем большинстве случаев, признанные и исправленные на деле.

Эти ошибки выражали в различных формах давление буржуазной и мелкобуржуазной идеологии, представляли собою отклонения от марксистско-ленинского мировоззрения, означали примиренчество к идеям, враждебным пролетариату.

Мы проводили под руководством партии борьбу на два фронта. Мы разгромили воронщину и переверзевщину, мы начали (хотя еще не развернули ее в необходимой мере) борьбу с деборинским влиянием в довалловской критике, мы дали отпор пефосско-«литфронтовским» теориям ликвидации пролетарского искусства. Корни всех этих влияний еще живы, и здесь перед нами стоит задача дальнейшей борьбы.

Сила нашего движения—в его идейной большевистской непримиримости, воспитываемой партийным руководством в наших кадрах. Именно эта непримиримость обеспечила приближение к пролетарской литературе ряда литературных союзников рабочего класса, некоторые из которых уже вошли в наши ряды.

Беспощадно борясь с литературной агентурой классового врага, мы дрались за кадры подлинно пролетарской и союзнической литературы, давая отпор всяким попыткам под прикрытием мнимо-«революционной фразы» ошельмовать и оттолкнуть от общепролетарского дела писателя, искренно идущего к нам из рядов мелкобуржуазной интеллигенции.

Сила нашего движения—в его интернациональном единстве. Строя культуру, социалистическую по содержанию и национальную по форме, внимательно относясь к своеобразию и особенностям развития каждого национального отряда пролетарской литературы, осуществляя на деле принцип равенства национальных отрядов в нашем движении,—мы в то же время рассматривали ВОАПП как организацию, имеющую единую литературно-политическую и теоретическую линию.

Мы насчитываем в своих рядах, к моменту второго пленума Совета ВОАПП, 43 национальных отряда, в том числе и значительное количество писателей тех народов, литературная история которых началась лишь после Октябрьской революции. Мы можем констатировать, что с образованием Узбекистанской, Туркменистанской и Таджикистанской АПП мы стали подлинно всесоюзной организацией.

В нашей работе мы руководствуемся непримиримой борьбой за ленинизм в национальном вопросе, мы руководствуемся теми установками по национальному вопросу, которые даны нами, т. Сталин. Дальнейшее разоблачение всех проявлений великодержавничества, как главной опасности, и местного национализма,—такова задача ВСАПП.

Если сравнить наш рапорт вам, товарищ Сталин, с теми рапортами, которые даются с фронта борьбы за пятилетку в промышленности и сельском хозяйстве, то станет особенно наглядным отставание пролетарской литературы (и всего искусства) от практики социалистического строительства. Еще в очень недостаточной степени нашли в пролетарской литературе свое отражение успехи социалистического строительства. Еще очень невысок идейно-художественный уровень творчества пролетарских писателей по сравнению с теми требованиями, которые пред'являет к ним их класс. Но с тем большей настойчивостью будем мы бороться за дальнейшее развитие пролетарского литературного движения, выкорчевывая негодное в нашей среде, преодолевая трудности и поднимая еще нерешенные нами задачи.

Мы будем под руководством партии бороться за дальнейшую большевизацию нашего движения; за темпы перестройки: за превращение рабочего ядра организации в творчески ведущее ядро; за развертывание самокритики; за новый тип писателя, пролетарского революционера-художника; за повышение идейно-политического уровня организации; за дальнейшее развертывание творческой дискуссии и соревнование творческих группировок, стоящих на базе мировоззрения диалектического материализма; за большое искусство большевизма.

Пролетарское литературное движение СССР всегда встречало со стороны ЦК ВКП(б) и, в частности, с вашей стороны, тов. Сталин, самое внимательное отношение. Это помогало нам своевременно исправлять ошибки, которые мы совершали.

Беседы с вами, тов. Сталин, и ваши указания по вопросам литературы имели огромное значение в нашей борьбе, помогая выделить основные, узловые проблемы нашего движения, его перспективы, его основных перелектив.

Мы знаем недостатки и слабости пролетарского литературного движения. Но мы знаем также и то, что наше движение растет и крепнет, и мы заверяем вас, тов. Сталин, что в недалеком будущем пролетарская литература СССР поднесет партии и своему классу рапорт, в котором будет сказано о том, что пролетарская гегемония в литературном развитии обеспечена художественным превосходством писателей рабочего класса, создающих большое искусство большевизма.

2-й ПЛЕНУМ СОВЕТА ВОАПП

сотни писателей ОТКЛИКНУЛИСЬ на обращение секретариата рапп о показе героев пятилетки

за качество показа лучших! против халтурщиков и лакировщиков!

детсекция лапп мобилизовалась

В ответ на обращение РАПП секция детских писателей ЛАПП мобилизовалась полностью.

На завод «Красная заря» поехали: т.т. Олейников и Полушкин, «Красный путиловец» Детков и Дудинская.

На завод «Электрик» - Майзер, завод им. Воровского—Козлов и Федоров. На завод им. Сталина «Комсомолец»-Фролов, на Путиловский завод—Баландов, на завод им. К. Маркса—Павленский, на «Скороход»—Рейнер, переданные к ЛАПП,—Берман, Гриллихес и Иванов.

В трудный третьему залпу для встречи ударников Красной армии прикреплен т. Таубин.

Кроме того, думают: об ударниках металлопрокатки—т. Голубев, боевградцы—Нитемберг, транспорта—Земцинский, пахарях—Лапшинский, комсомола—Гуревич, дальнего хозяйства—Бонивур; об ударниках-медиках т. Кирнова, плодоводах—Сафронов, вожатых пионеротрядов—Шварц.

Сборник отдельных детских писателей будет издан «Молодой гвардией». Некоторые произведения пойдут в общем сборнике ленинградских писателей «Молодая гвардия» отдельными книгами.

При детсекции работает отдел по прозе выполнения заданий.

Детская секция ЛАПП вызывает на соревнование по лучшему показу ударников остальные секции ЛАПП.

Бюро секции: М. ДУБЯНСКАЯ
А. ГУСЕВ, М. МАЙСЛЕР

на северном кавказе

Северо-Кавказская АПП разослала обращение секретариата РАПП по художественному показу героев пятилетки.

Ростовская, Татарпролетская, Чеченская, Владикавказская и Тихорецкая АПП мобилизовали всех творческих летчиков. На 1 июня уже прикреплено к фабрикам и заводам около 50 товарищей.

Обращение о художественном показе героев социалистического труда нашло живой отклик в литгруппах заводов. Рабочие-литературщицы предприятий «Сельмашстроя» (Ворошиловград), выполнивших свою пятилетку в два с половиной года, взяли на себя обязательство написать очерки и стихи о лучших ударниках и бригадах. Одним из литературщиков уже закончен очерк о своем цехе.

Грозненская АПП ведет работу над художественным показом ударников-стахановцев, шефствующих «Грозным». Весь творческий актив Чеченской секции прикреплен к заводам и отдельным цехам, показавшим наивысшие производственные рекорды. Литературщица—рабочий ударник завода № 1 т. Мельникова, участвующий в всесоюзном «Грозный—Москва», готовит книгу-очерк «С репортером в ЦК».

СКАПП отмечены фронт выпуска сборников «Герои пятилетки»: 1—15 июня и 15—30 августа.

выпустить серию „герои красной казармы"

Приветствуя инициативу «Литгазеты», поднявшей вопрос о создании серии «Герои гражданской войны». Вопрос чрезвычайно важный: таких книг мало, потребность в них больше сегодняшнего дня не удовлетворена.

В числе героев, художественные портреты которых необходимы нам, должны быть и часовые социализма—герои сегодняшней боевой культурной казармы.

Опыт социалистического труда фабрик, заводов, колхозов перенесен в казармы. У нас есть герои, о них должны знать все пролетарии. Героя наши не только одиночки, а и целые подразделения, которые соцсоревнованием, ударничеством, различными формами массовой работы достигли высоких темпов боевой деятельности.

Задача показа героини Красной армии в годы бурного строительства будет разрешена, если писатель пойдет в казармы, если ЛОКАФ свою работу за окрашку погонов не ограничит.

Правильная писателей, в первую очередь находящихся сейчас в армии, есть художественные портреты бойцов Красной армии, и со своей стороны обязуюсь в 1932 г. сдать и начать сборник из произведений героев гражданской войны, находящихся в части, где я служу, а также сборник на тему «Герои Красной казармы».

Красноармеец-показофонец БОРЕЦКИЙ

чиновники о героях

Об Электрозаводе, выполняющем пятилетку в 2½ года, о заводе, растущем не по дням, а по часам, будут писать романы, повести, поэмы. Это понятно каждому. Но также каждому понятно, что завод, требующий хороших повестей, рассказов и романов.

К сожалению, выпущенная недавно издательством «Московский рабочий» маленькая книжонка Эммы Гиллер, «Повесть об Электрозаводе», дает первый тревожный сигнал всем тем, которые уже пишут или собираются писать о заводе.

На протяжении 47 страниц идет перечисление всех достижений Электрозавода: тут и рост завода, открытие ряда новых отделов, новых в СССР производств (автогенерторное оборудование), ликвидация прорыва, масса рабочих и рационализаторских предложений, героическая борьба за промфинплан и окончание 2-го года пятилетки, и работа ежовой бригады. Короче — обо всем том, чем жил Электрозавод, довольно мелочно жил. Автор кропотливо собрал все эти факты, «сфотографировал» их, совершенно не задумываясь в социальное значение этих фактов, и получилась книжка, написанная совершенно официальным, протокольным языком, местами даже канцелярским, вместо живого языка рабочего-ударника, инженера, техника, ученого.

На всем протяжении книжки, на 47 страницах, автор не упомянул одного слова, и это доказывает непонимание всех событий на заводе. Это слово «партколлектив». И работа комчуд, и организация новых производств, и борьба за выполнение промфинплана, и сквозные ударные бригады возникают у Гиллер стихийно, анархично, без руководящей организующей роли партийных ячеек в цехе и их непосредственного руководителя — парткома завкома. Электрозавода. Только человек, не понимающий движения и развития событий, мог не заметить такой «мелочи», как партийная большевистская организация Электрозавода, которая ведет на борьбу за промфинплан большую массу заводы — малоквалифицированную, вчера пришедшую на завод и еще не переварившуюся массу.

Автор пресытился и такую организацию как завком... О заводе — только в одной строчке. А не написать о роли завкома в выполнении промфинплана — значит не понять основы ударничества и соцсоревнования, а значит ничего рассказать завкм.

Лучшего удачника, из которых изобилуется, в книжке нет. Вместо этого сухой перечень названий, который забываешь, как только прочтешь:

— ударный — коммунар — такой-то
— ударник коммуны — такой-то.

До и вся книга написана таким неживым языком канцелярского официального чиновничьего отчета.

Непонятно, почему ОГИЗ выпускает эту плохо выполненную, общественную, к тому же политически вредную «повесть», совершенно недостойную славного Электрозавода.

ИОСИФ ШАГАЛОВ

письмо из ленинграда

от нашего корреспондента

творческая мобилизация писателей.—отпор капиталистическим наскокам.—первый выпуск курсов л. каф.—рабочий литуниверситет реорганизуется

По заданиям мобилизационной комиссии ЛАПП, производственные писатели и рабочие-литераторы бригады приступили к творческой работе по художественному освоению темы пятилетки. Работают Вера Панова и Л. Успенская (Вера Панова — первое задание, поставленное ей — дать очерки об ударных бригадах производственных работ. Художественный материал, показывающий героев пятилетки, будет поступать в редакции газет и журналов. Руководство мобилизационной работы по линии ВССП.

***

В последнем номере газеты ЛАПП «На посту» был напечатан ряд ценных почеркушек и очерков, имеющих много и прямое отношение к задачам РАПП. Они уже отмечались «Литературной газетой». Надо их еще раз отметить. Это очерки Шевченко, Шапиро, которые привлекли внимание общества РАПП как «живой материал горячих дней».

Очерки, в подавляющем своем большинстве, написаны бойко, с тем, чтобы поскорее дать материал, но, к сожалению, в них нет ни одного образа, ни одного живого человека. Все они — сухие, протокольные, официальные. Они не дают ни одного живого человека, ни одного образа, ни одного характера. Они не дают ни одного живого человека, ни одного образа, ни одного характера. Они не дают ни одного живого человека, ни одного образа, ни одного характера

новые сотни рабочих-ударников

крепят ряды мапп—

одного из передовых отрядов пролетарской литературы

на пленуме мапп

Одним из «узких» мест московской ассоциации является работа центрального ядра МАПП. Значительная по численности организация — кацюро объединяет до 300 человек, из которых 80 процентов составляют партийцы и 50 процентов рабочие, — линейка единого плана работы благодаря отсутствию должного чувства товарищества.

Доклад тов. Калнин подтверждает, что все попытки отклонения от генеральной линии РАПП неизменно встречали решительный отпор со стороны основного ядра секции. С клеймом троцкизма в еврейской и латышской секциях, либерданщины — в творческой секции, с явлением национализма в туркменской — покончено. В чувашской секции ведется жестокая борьба.

***

После доклада тов. Калнина пленум заслушал отчет **А. Грудской** о работе МАПП.

Констатируя значительный рост организации, А. Грудская подчеркнула, что прежде, охватывая большинство фабрик и заводов Московской области, едва ли не вчистую заключен на треде крупнейших предприятий.

Пробел этот пытался помочь московской секции обнаружить те слабые участки, где интересы отдельного кружка стоят выше интересов всей организации. Таким является кружок «Искра» (Пролетарский район) и кружок «Пострелка» (Бауманский район), тормозящие работу по прорывам.

Отсутствие четкого учета в работе МАПП. А. Грудская сосредоточивает внимание на почине учебы с ударниками. Борьба за мировоззрение, овладение марксистско-ленинской теорией, критическое усвоение литературного наследства должны обеспечить творческий рост писателей. Необходимо выработать четкую программу учебы ударников, составить библиографические списки пособий, организовать инструкции квалифицированными руководителями, активизировать работу райбюро и т. д. Не малую помощь должна оказать в создаваемой МАПП литературная газета, в которой будут печататься произведения ударников и критические разборы их творчества, в которой будут даваться и конкретные указания к занятиям литературной учебы.

***

Широко развернувшиеся прения по докладам В. Кирпотина и А. Грудской вскрыли основные недостатки, которыми страдает литература. Почти во всех выступлениях представителей московских и местных АПП чувствовалось отсутствие достаточно квалифицированного руководства кружками, отсутствие конкретной критики и оценочек литературной работы со стороны отдельных партийных, комсомольских и профессиональных организаций.

Ряд товарищей внес конкретные предложения по улучшению работы местных организаций. Необходимо организовать тесные консультации писателей, приезжающих в ту или иную АПП; устранять кустовые производственные совещания (т. Орлов, Сураев), взять под контроль МАПП работу заводских стенгазет (т. Наумов), завод «Серп и молот»); конкретизировать задания, присылаемые на места, улучшить издательскую работу (выступление т. Бычкова, «Мысли Сократа» С. Рабинович, в которых на отдельных строк невозможно извлечь человека от начала гражданской войны до реконструктивного периода. В рассказе Е. Ерлова «Чему смеются рожи» недостатки мирового бытия автор сказываются в неумении выбрать факты, способствующих переделке того).

Наиболее распространенным недостатком, почти повсеместно, является неумение, в силу неопытности, в зародыше вскрыть всякие ошибки, пытаясь оправдать себя тем, что «он, видите ли, «опубликовал» такие сильные вещички, как Тесм, Бек и Бикоди». И подобно тому, как выявляли волю Гикоти, он выступил в свое время с декларацией в Комакадемии, от которой он также отмежевался, т. Шапиро, на этот раз, выполняя волю М. Алексеева, заявил от его имени, что роман «Ресторан на Арбате», написанный им еще назад и не выпущенный в свет (по причинам от автора независящим), не подлежит критике и обсуждению. Позвольте, это поручение М. Алексеева и было главной целью выступления Шапиро, ибо трудно предположить, чтобы секция развивалась и легализовалась объявлениями он расчитывал реабилитировать себя в глазах пленума МАПП.

***

Пленум МАПП заслушал далее доклад М. Серебрянского о творческом удвоении. Коротко остановившись на итогах творческой дискуссии в РАПП, М. Серебрянский переходит к разбору творчества начинающих писателей и делает упор на недостатках, которыми отмечено большинство произведений ударников. Почти для всех произведений героями характерны одни и те же болезни. Основные из них — схематизм, поверхностность, неумение вскрыть психологические причины человеческих поступков. Таковы рассказы: «С фронта на фронт» т. Бычкова, «Махарь Сорадзе» С. Рабиновича

писатели около производства

Некоторые дополнительные факты о работе балахнинской бригады ВССП

«Нужны ли мы производству?»—пишут писатели Ю. Слезкин, Г. Гуммилевский, Г. Алексеев, К. Большаков, С. Буланцев в статье «Писатели на производстве», помещенной в газете «За коммунистическое просвещение» в № 13 от 15 января с. г. после своей месячной поездки на Балахнинскую бумажную фабрику для ликвидации прорыва. И отвечают: «Нам, кажется, нужны. И в этом нас убеждает не только наш опыт. Об этом свидетельствует то, на чьих глазах проходила наша работа. Лучшим признанием нашей нужности является для нас звание ударников Балахны, преподнесенное нам собранием рабочих фабрики в день Октябрьской годовщины в ответ на наше заявление о том, что мы задерживаемся на фабрике для массовой работы до конца пятилетки».

В другом месте, в газете «Вечерняя Москва» от 20 декабря 1930 г., Гуммилевский в статье «Писатели на ликвидации прорыва» пишет: «Рабочий ждет день, начинаясь с утра, заканчивается только ночью. Мой рай поздно ночью. Мы обслуживали две местные—фабричную и районную газеты, устраивали литературные вечера, ставили пьесы, написанные нами же, организовывали кружки литературные, драматические, по при всем этом не было дня, в котором бы не значилось посещение производства с обозначением каких-то проведенных там работ».

Писали они еще в журнале «Знание—сила», в «Красной нови», и еще где-то. Стоит ли перечислять? Нам кажется достаточно и этого, чтобы упомянутую писательскую бригаду продолжить к какой-нибудь награде, но... при условии, если бы они на деле сделали хоть половину того, что так красиво сказали о себе.

Мы приветствуем выезды писательских бригад на производство. Это дает возможность писателю сблизиться с рабочим-читателем, глубже ознакомиться с бытовой и производственной жизнью рабочего, дает писателю производственную тематику. Выезды писательских бригад сейчас, когда ВЦСПС и РАПП обратили и проводится призыв ударников в литературу, особенно ценны тем, что писатели должны непосредственно в цехах, шахтах выявить и привлечь к писательству новые тысячи рабочих-авторов.

Но мы против таких поездок, какую совершила описываемая нами писательская бригада. Мы решительно отражаем против поездок для своего удовлетворения.

Казалось бы, что за месяц пребывания на фабрике писатели смогли бы выявить несколько рабочих-авторов, сколотить рабкоровский кружок, научить их элементарным правилам написания заметок. Этого сделано не было. Правда, писатели сделали «довольно» рабкоров, на которое пришло значительное количество, но... совещание не состоялось потому, что не явились сами организаторы совещания—писатели.

Их участие в местных газетах свелось в том, что они—6 человек—за весь месяц написали 15—16 заметок, притом так коряво, что трудно их отличить от рабкоровских. Все их заметки носили характер стрельбы из пушек по воробьям. Они замечали, что один рабочий уснул во время работы, что собравшиеся крестьяне для вызванивания из реки дров, сколы ничего не делали, но они не замечали того, что местные организации, вместо мобилизации рабочих на выполнение промфинплана надеялись на «иностранческий» самотек, в чем они сами признавались, за что было снято все местное профсоюзное руководство. Они не заметили и не забили тревоги о преступлении, о классовом враге на производстве, о симулянтах, рвачах, среди которых были даже члены партии.

Драмкружков они тоже пытались организовать. Два раза собирались рабочие кружковцы, но оба раза занятия не состоялись, потому что руководитель кружка Слезкин был занят... прогулкой по Курье с дамой. Кружковцы просили писателей дать им сыграть написанную Слезкиным оратории, но, по мнению писателей, они до этого еще не доросли. Свою ораторию Слезкин для играть балахнинским профессиональным артистам.

Не спорим мы, что писатели ежедневно посещали производство, но что сходили они там—неизвестно. Да они и сами не знают. Так и шпарят: «Не было дня, в котором бы не значилось посещения производства с обозначением **каких-то проделанных там работ**» (подчеркнуто нами И. П.).

По делам они ходили, но так, как бы не замараться, поэтому не мудрено, что, приехав в Москву, Слезкин пишет одному рабочему на фабрику письмо, в котором просит рассказать ему, что такое сменный мастер, обер-дербинщик, сеточник. Хорошо они ознакомились с производством, если даже не знают такие азбучные производственные вещи! А ведь Слезкин как будто пишет сейчас по заданию «Молодой гвардии» книгу детям на тему: «Как делается бумага». Удивляемся, что «Молодая гвардия» доверяет писать книгу человеку, который сам ничего не знает. Неужели издательство не могло обратиться непосредственно к рабочим-бумажникам? Они бы написали книжку такую, которую бы дети читали с большим интересом.

Со времена пребывания бригады писателей на Балахне прошло уже 5 месяцев, а обязательство свое «вести на фабрике массовую работу до конца пятилетки», они до сих пор еще не выполнили и не пытаются выполнить.

Такие «гастролерские поездки» рабочему классу не нужны. Мы предлагаем ВССП обратить серьезное внимание на качество поездок писательских бригад, мы предлагаем провести решительную борьбу с поездками за звучными «ударными».

Звание ударника писателя Г. Алексеева, Ю. Слезкина, Г. Гуммилевского, К. Большакова и С. Буланцева не заслужили. С них это звание надо снять.

И. ПАВЛОВ

Рабочий-автор ред-ва ВЦСПС, 5-я типография ОГИЗ.

неудачная борьба с оппортунизмом

о романе чистякова „боковой ход"

А. Чистяков — молодой писатель. Дебют ЛЮРОНКИ. Повесть» «Борода» он утвердил себя как талантливого писателя. Но в этой повести отчетливо выявила себя недостатки творческого метода Чистякова (поверхностная, мелкобуржуазная революционность, бытовизм и т. д.). Новый роман свидетельствует о том, что Чистяков не избавился от этих недостатков.

Эпиграфом к роману взяты слова И. Сталина: «Нельзя отставать от движения, ибо отстать — значит оторваться от масс, но нельзя и забегать вперед, потерять связь с массами».

Эпиграф этот предопределяет идейно-политическую установку романа Чистякова. «Боковой ход» направлен против правого оппортунизма на практике.

В центре романа — Митька — молодой парень, сланицийся в деревне своей удалью и незаконными» характером. Митька состоял даже в партии, но, сержник умышленно проступление на романической почве, был исключен и сожжен в тюрьму. Вернувшись из заключения, Митька становится закоренелым «кийгородулом», упорным трудом создающим свое единоличное хозяйство.

Но тут Чистяков неожиданно поворачивает руль в другую сторону. Группа бедняков обращается к Митьке с предложением организовать колхоз, и взять на себя руководство. Митька колеблется, но под конец соглашается. Накануне организации колхоза ему пришлось выдержать борьбу с ячейкой, характер которой вырисовывается из следующего диалога:

— Партия и комитет должны опираться на бедноту, иначе им грош цена: я никогда не слыхал, чтобы партия опиралась на кулака.

— Ты поетому выражайся, кто сказал, что партия опирается на кулака?

Ты не можешь понять, что кулак в колхозе уже не кулак, а работник, сельский пролетарий, полноправный гражданин Союза — с достоинством, как будто отрезала истину, произнес Ефим (секретарь ячейки. М. Б.). — Кулаков надо эмансипировать постепенно, пока не разовьется колхоз, а всех тех, кто не захочет итти в колхоз. А ведь из них вышел бы колхозник — первый сорт. Умные мужики, хозяйственники, передовой народ.

Нужны ли комментарии к этой сцене? Перед нами законченный оппортунист, сторонник теории «мирного врастания кулака в социализм». Правооппортунистическая позиция Ефима не помешала, однако, Митьке сколотить колхоз и стать во главе его.

Артель «Победа» организовалась. И когда Ефим приехал в Ежевицу, его удивило, что вместо дворов, где жили бедняки, оказались пустоты. «Артель «Победа» ушла на пустошь корчевать пеньки». Это заключение звучит не только как будто утверждение колхозников, но и как осуждение прохожо-оппортунистической позиции Ефима и подобных ему.

Митька — натура противоречивая. Ему, непримиримому врагу кулака (а таким стремится быть Андрей Платонов) решающим моментом является выбор об'ектов сатиры, **мокрая** точка, отдача нанесется удар, **утверждение** определенных идей и признаков и противоположных отвергаемым.

«Впрок» ведется от первого лица, от имени нашего «душевного бедняка», измученного работой за всеобщую действительность, который «сделан из тех же материалов мелкого загнанного мужика, вышел из капитализма, не имел благодаря этому правильному сознанию за плечами, ни самоуважения». К «громадному обстоятельству социалистической революции» он относится «застенчиво и робко и целомудренно, что всю жизнь, не умел найти слов для их'явления коммунизма в собственном уме». Сей «душевный бедняк», **единственное имущество которого—сомнение**, полно и всесторонне развивает мысли Андрея Платонова последнего периода его литературной работы, и мы можем в данном случае, ни в малой мере не опасаясь «культуризации», потерять нить равенства между автором и героем, недушным подстрочником в «Бедняцкой хронике». Итак, в чем же «сомневается» Платонов?

«Хроника» состоит из цепи эпизодов, рисующих отдельные районы и колхозы, которые посещает «душевный бедняк». Собственно, слово «сомнение» тут мало подходит: гораздо правильнее будет слово «издевка». Объектом этой издевки служит **бедняцко-середняцкое крестьянство, идущее в колхозы. Тщетно стали бы мы искать у** Платонова фигуры подлинных руководителей колхозов, выдвинутых социалистической революцией из масс бедняцко-середняцкого крестьянства. Напрасно пытались бы мы заметить в «Хронике» отдельные наметки на поднимание тех действительных стимулов, которые заставляют единоличника ломать «животным деревенской жизни» и итти в колхозы. Колхозы, изображенные Платоновым, можно разделить на три категории: 1) колхозы, строящие великие, фантастические (**трогательные и смешные**), по определению автора) планы, 2) колхозы-секты, замкнувшиеся в себе и отталкивающие от себя единоличника и 3) колхозы, вырождающиеся в капиталистические ячейки сельского хозяйства.

Вот обычные первой категории колхоза «Доброе начало». Крестьяне, вступившие в этот колхоз, остались по существу такими же единоличниками, какими они были раньше: **каждый считал** для пользы дела другого дурака и поэтому проверял гайки на всех плугах только своею собственной рукой». Дезорганизованность — господствует в «Добром начале». Затем все колхозники вооружены одной мыслью—устроить **искусственное солнце**, которое сгрело бы нам колхозам и материалу погоду. **«Трогательная неуверенность детства.—пишет Платонов.—нам смешон новый человек, как Робинзон для обезьяны».**

Однако обязательски снисходительная умиленность смягчается у Платонова жалчей злобой, едва он покидает пределы «Доброго начала». Колхоз «Без куликов», руководимый «мрачным вождем бедняцкого движения к хлебу и свету», посылает «к чертовой матери» единоличников, ступающих в его двери. «Такая политика», в сущности, лишала возможности объединить и лучшую часть середняков проявить свою активность». «Великое чаяние единоличников по колхозу» встречалось с матерной бранью и бюрократическими окриками. Что же касается самого колхоза, то... **«беды в колхозе, пожалуй, не было, не помню жизни никто не знал».**

Примером третьего типа колхозов является «сельскохозяйственная артель имени «Награжденных героев». Состоит она из социально-перерожденных участков гражданской войны. Бедняки-единоличники говорят в них так: «в семнадцатом году и они бедняками были,—стало быть не было у них ничего, кроме своего класса, а теперь нажили бугор имущества, а класс оставили в покое». Члены артели имеют веселый, тщеславный вид, но обладают они дважды: **«артельщиками только потому, что нельзя теперь жить богатым».**

Этот почетные «классический» жест доверяет картину. Перед нами не строитель социализма, ведущий хозяйственного дела, а приспособленец, индивидуалист, принц говора. «шкурник», Каковы же цели этого дела он разъясняет единоличникам прилого уклона, Митьке?

Ефим разоблачал как оппортуниста. Кого же противопоставляет Чистяков Ефиму — коммунисту и футляре, этому подкулачнику с партбилетом? Нашлись ли в ячейке люди, которые противопоставили бы единоличной логике Ефима? Ничего подобного. Ячейка, представленная Ефимом, не оказалась работоспособной, умеющей руководить движением масс. Но художественный образ всегда несет в себе элементы этого обобщения.

Дочье было замечание классовой борьбы. Чистяков не показывает кулаков в действии, в их активной борьбе против советской власти и партии и пролетарской контрреволюции.

Узость изображения, отсутствие широкого диапазона, эти недостатки, характеризующие «Бороду», дают себя заметно чувствовать и в новом романе Чистякова. Уделив непропорционально много места Митьке, его любовным похождениям, его переживаниям, Чистяков упустил ряд значимых масс, социальным сдвигам, происходящим в деревне.

А. Чистяков пытался политически актуальную тему. На ряду моментов нетрудно заключить, что Чистяковым руководило искреннее стремление разоблачить оппортунизм. Но с этой задачей он не справился. И не удивительно. Чтобы возвысить в художественные образы политически важную тему, недостаточно одного доброго желания, одного таланта. Необходимо иметь большой политический кругозор, законченное мировоззрение большевика.

МИХ. БЕККЕР

„Остановим по требованию отменены

открытое письмо „перевалу"

Вопрос заявки был последним штрихом, дорисовавшим портрет «Перевала», и явился конечным поводом для меня, чтобы выйти из содружества. Я не имел до сих пор физической возможности написать мотивированное письмо о причинах моего ухода.

Инициативная группа содружества сделала заявку **публично**. Все писатели едут на строительства, никаких публичных заявок не делают. Следовательно вы выделяете вашу заявку. И это правильно, потому, что вы хотели сказать: «мы делаем первый шаг по общему пути».

Это обязывает ко многому. Каждый участник содружества, если он только не играет с ним и не играет с полной общественной силой, которой желает работать, обязан либо принять, либо решительно отклонить заявку и порвать с нами навсегда.

Вы сделали шаг и сделали его так, что он превращается в полушаг, а то и в отсутствие какого шага.

В вашем обозначился вся общественная психология «Перевала». Она суммирует весь его путь или, вернее, поведение. Вы как будто решили включиться в общий строй. Но это только мнимое включение. **Несуществующий** еще Андреевский стал для вас «ходовой» бумагой. Всегда реконструкция уже переживает многие участки нашей стройки, но вы ориентируетесь на прежде, которые не только еще не составлялись, но лишь **проектируется**.

Вы мечтаете: «Вот мы поедем, так поедем! Мы двинемся с новым составом и он останет позади себя ограниченное, порывое, качественное поле, где еще сражаются классы. Мы ведем сразу в социализм».

Вы едете не на реальный Алтайстрой, а на воображаемый, в воображаемым людям, даже в воображаемым моделям. Вы очень долго чертили реконструкции и индустриализации и не создателей. И теперь вам трудно соприкоснуться с реальным, **уже существующим** ее участником, чтобы реконструировать свою писательскую природу, которую вы считаете величиной постоянной ныне и во веки веков.

Где вы были до сих пор?

Вы встречали скептически эти же предложения еще год назад, иронически отзывались к другим, давно сделанным эти шаги. Скептические намеки на других есть и в вашей заявке. «Сельмаш» и «Гигант» давно подделает техническую базу под индустриализацию, ломают окончательно уклад под неокому, единственному критическому укладу страны. «Гигант» возник на новой, почти совершенно необжитой земле, где бывший кочевник заезжал степь, выгнал редких кобылиц, редких кустарей. А сейчас перед великим **комплексом** стоит. На русском поле нет возов, нет черкесов, кобылиц и кустарей. Есть сельхозкадры из очагов реконструкции и один из прообразов страны в будущем. Но и в этом огромном очаге работают старые и новые люди. И старые с нами еще ровают. О колхозах и говорить не приходится.

А на заводах — головных очагах индустриализации?

На заводах с китайским азиатским оборудованием новое куда разительнее, чем на будущем Ангарстрое. Особенно в человеческом плане. На реальном Ангарске мы, конечно, столкнемся со **вальяжным** бытом маленьким, но далеко, далеко неуютным театром классовой войны. И что будут играть и музыку будут делать передовой пролетариата и напевал гад и беззе. Только так серьезно, как пронизывающей всю страну, будет там, вероятно, более высокое и напряжен. А это самая **ощутительная** и существенная **поправка нашего времени на инертную** психику всякого работника, и в частности на психику писателя вашей психики—работника художественного слова—этот так еще не **ожил**ден. **Вы сделали остановку в 25 г.,** сидите на этой остановке и сидите очень длительный срок.

Тогда так в литературе задавали вопросики. Командные высоты были в руках руководства партии. Нужно было нормально через этот этап. На вас затянулся дело. В к искусстве и в теории искусства **суммировали опыт этого затянувшегося для вас этапа;** обстановка его была такая, что нельзя идти для защиты искусства консервативными средствами.

На таком **длительном** перевале можно защищаться бесконечных теориях, доказывать, что искусство нужно представлять образно с старой остановке.

Вы чувствуете, что жизнь на новом этапе уходит от вас как от людей искусства. И вам захотелось ее сделать своей личной биографией. «Память прошлого». Как же иначе! Алтайска еще лет, а вы уже мечтаете о том, чтобы сделать его своим прошлым, потому что не чем иным в искусстве, кроме прошлого, вы жить не можете.

Алтайск будут строить 5 лет. Сколько лет вы будете делать его своим прошлым? Когда вы отольете это прошлое в социалистические слова?

Вы знаете, что бытает с жизни обесценение, смещение, деформация людей, профессий, групп. Вам хорошо известно, что неосуществленное олицетворение хуже смерти, потому что коверкает жизнь. Вы против заявка и коверкания. Но вы занимаете и коверкаете себя во линии общественно-политической. Никакого оппортунизма в этом смысле у вас не произошло.

Вы заговорили с дальневосточным пламенном. Пламенение и оперативность не так давно казались вам чудовищным несчастьем на пределе писателя. Но уже вы **перестучим** через эту чудовищную для вас черту и вступили на новый путь, то делайте **шаги до конца.**

Не то как бы ваше **длительное пламенование не превратилось во вторичный** давленый первал. Вам и давать себя следует по-новому, если вы серьезно и бесповоротно хотите почувствовать в пролим выйти на деформированного и дореформенного состояния. Реконструируйте себя не только фактически, но и номинально.

С вами было много народу. Они прошли через содружество и ушли. Вы уже им ничего дать не могли, как и вам в еще большей мере ничего не дадали. Потому что многие, и среди них я, давно уже были не с вами, **задолго до ухода, хотя хранили дисциплину содружества.**

Вы хотите снять заслоны с будущего. Они гарантируются уже теперь. А вы говорите:—**находите**, придут не только люди, но и моды будущего, мы их и покажем, и покажем в свете наших высших совместных идей.

Положите любую фигуру строителя, краснодутильца, сормовца или сталинградца, как, чтобы мо популярная черта работа сейчас видна была в перспективе будущего, показите, как решил всю злободневную проблему, он решает интернациональную задачу не только в нашей, но и вне нашей страны, не только в пределах собственного строительства, хотя бы самого мощного.

маяковский под судом

Среди огромного количества записок, посвященных Маяковскому, не появились как одной, касающейся знаменательного момента в его жизни, когда он, в 1908 году, 14-летним юношей предстал перед особым присутствием судебной палаты — по обвинению в политическом преступлении, предусмотренном 102 ст. Ут. ул.

Мне довелось защищать тогда Маяковского.

29 марта 1908 года в Ново-Чухинском переулке, в квартире партного Лебедева был произведен обыск в комнате недавно поселившегося жильца молодого человека Сергея Иванова и мещанина Житомира, называвшегося Тимофеем Трифоновым Трифоновым.—Под кроватью был найден типографский шрифт, 3 грамм набора, рама, станок и валик для печатания, зеркало для растушевки краски, большое количество прокламаций и рукописей, а также—5 паспортов на имя разных лиц, в том числе—2 подложных и 3 чистых паспортных бланка.

В записной книжке Иванова оказались заметки, указывающие на его связь с Московским комитетом с.-д. партии. Не было сомнений, что удалось захватить одну из подпольных типографий. За квартирой установлено было наблюдение. Вскоре удалось задержать на улице самого Трифонова, у которого найден был блокнот с заметками, свидетельствовавшими о близкой связи Трифонова с центральными парторганизациями. В кухне была устроена засада. Часа в два дня к квартире со сверком в руках подошел юноша, лавировавший нахально-дерзкого, но вместе с тем и робкого, в подъезде городовых, что он принял к нормальному. Без доставления в участок, тут же установлено личность, он оказался дворянином Владимиром Маяковским, 14 лет от роду.

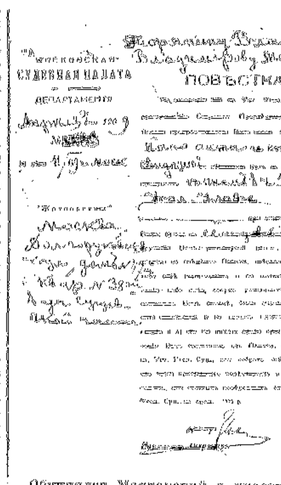
Вместо материала для норного и сверток оказалось 70 экземпляров подпольной газеты «Рабочее знамя», 70 экземпляров прокламации «Новое наступление капитала», набранные шрифт, которой найдены были в комнате, и четыре номера «Солдатской газеты», органа военной организации при Московском комитете.

Трифонов от всяких объяснений отказался и разговаривать со следственными властями не пожелал. Он ограничился заявлением о том, что все найденное принадлежит ему. Иванов тоже не дал никакого материала.

Старания охранки сперва уличить на Маяковском. Казалось, что мальчика легко будет и запугать и застращать дать подробные показания. Но «мальчик» оказался смышленый и не очень словоохотливый. Он утверждал, что не знал о содержании чемодана, который он отнес в эту квартиру по просьбе своего товарища «Александра», мало ему знакомого, которого он встречал только на улице. Трифонова он совсем не знал...».

Ищи, что никого из молодых, по «данным», собственные власти решили поставить дело не на суд по всем правилам судебного процесса. Затруднение было в том, что и второй обвиняемый, Иванов, тоже не достиг 17 лет, а чтобы судить малолетних, надо было установить, что они «действовали с разумением» т.-е. сознавая и понимая все совершенное.

Дело было предварительно печатано в закрытое заседание окружного суда. Последний 23 сентября 1908 года признал обоих действовавшими с разумением. После чего дело было передано для торжественного разбора в судебную палату с участием сословных представителей.



Обвинялся Маяковский в участии в преступном сообществе, Московской организации с.-д. рабочей партии, имевшего поставлением себе целью насильственное посягательство на конституционные образа правления, путем организации вооруженного восстания, для чего была оборудована тайная типография и в ней печатались воззвания М. К. с.-д. партии.

Для суда было ясно, что школа не может гонорить правды и что он укрывает хорошо известных ему лиц.

Оправдать было нельзя. Осудить — у «Особого присутствия» не хватило решимости... Прокурор все же был последователен и отказать на признание судом Маяковского ответственным за свои действия, доказывал, что речь идет о таких вещах, которых нельзя не «разуметь», и за которые, несмотря на молодой возраст, обвиняемые должны дать ответ.

Оскорбительные отзывы о царской власти, призывы к солдатам — стать на сторону народа против царя-кровопийцы — этого было достаточно, чтобы «устранить» на значительный срок юношу, занимающегося распространением молодой литературы. Защите оставалось говорить только — о молодости, о 14 годах, об условиях жизни той эпохи, зовущих молодые жизни на арену борьбы...

Понимаемому — у судей были большие разногласия. Раздался звонок, извещающий о выходе суда для отдыхания прений. Маяковский внешне брамонился деланно-нарочитым спокойствием... Прощаясь с ним, Трифонов... шепнул осторожно, но тотчас сказал это широко открытыми, и он, как говорит в школе, «устанился» на фигуру представителя.

И вдруг — неожиданно и противоречило всему только-что происшедшему — неуслышанное: «...признать действовавшим без разумения и отдать на поруки родителей...».

П. И. ЛИЛОВ

25-летний юбилей с. беляева

Исполнилось 25 лет литературно-общественной деятельности писателя Сергея Белякова. В 1905 году он впервые выступил в печати в «Русском слове» с большим рассказом «Первый день», где подверг осмеянию «семинариев». Черносотенная печать приписала сравнить молодого автора, а отец показательно от него на страницах «Епархиальных ведомостей».

С. Беляев принимал участие в революционных событиях 1905 года во время забастовки в г. Юрьеве и вооруженном восстании в Москве. Первая его книга «Декабрьские очерки» вышла в свет в 1906 г. в Москве, переиздавалась на 1916 году. С. Беляев участвовал в первом альманахе пролетарских писателей «Свет и тени» под редакцией Вересаева (1907 г.). За редактирование кооперативного писательского сборника «Огни» и за оскорбление министерства народного просвещения в печати С. Беляев привлекался к суду. 9 января 1908 года за газеты «Утро России» за фельетон С. Беляева «Как охраняли Трепова под конфискован», а редакция газеты оштрафована на 1.000 рублей.

В 1918 году, работая в агит-поездах РОСТА т. Беляев напечатал ряд агитсатирей, рассказов, памфлет. Будучи в Красной армии (1919—1920 гг.) С. Беляев был премирован за напечатанный им на конкурсе к готовящие РККА сценарий «Отец и сын».

В 1925 г. он на конкурсе «Красной книги» премирован рассказ С. Беляева «Пожар».

Недавно в издательстве «Федерация» выйдет третьим изданием «Заметки советского врача» Беляева.

С. Беляев с самого основания Московска писателей является его активистом-организатором по соц-быт-сектору. Им в Литфонде создан сектор проф-леч-помощи, в котором тов. Беляев работает 3 лет по оказанию труда в быта писателей. Им также организована диспансерный учет писателей и их семей.

***

Секретариат ВСПС и местком писателей приглашают в редакцию «Гитазеты» своих приверженцев по распространению С. М. Белякову и сказать о 25-летнем его литературно-общественной деятельности.

национал-демократизм и борьба за попутчиков

на диспуте в комакадемии

Доклад открыли от имени президиума Комакадемии и пленума ВОАПП т. Динамов.

Выступивший затем т. Ковалевский, развивая свою речь о определении национал-демократизма как разновидности сменовеховщины.

Вначале нашествовала литературная группа, видевшая за возрождение классики не только по форме, буржуазной по содержанию культуры. В период социалистической реконструкции национальная интеллигенция, которая эту надежду, а переходит в лагерь интернационализма. Украинский буржуазный историк и литературный критик Ефремов (главный обвиняемый в процессе СВУ), интерпретирует революционного поэта Шевченко, как сратолюбца, бурсака-богослова, ультиста попика, пытаясь превратить крестьянского революционного поэта в либерально-помещичьего идеолога; о Коцюбинском тот же Ефремов отзывается, как о либерале, несмотря на его «Фата-Моргана».

— Национал-оппортунисты в литературе выступают как подсобная агентура гайдамак, внешне прикрываясь революционной фразеологией, — говорит далее т. Ковалевко. — Для них характерна теория самобытности данной национальности, отрицающая наличие класса эксплоататоров (национальной буржуазии и кулака). Характерна для национал-оппортунистов Украины и теория двух культур: противопоставление западно-европейской культуры, которую нужно заимствовать, и русской культуры, которую нужно сжать.

Контрреволюционная сущность маскируется иногда и аллегорией (Зеров, Рильский, Драйсмара — Украина; Пуща — в Белоруссии). Мы видим, наконец, и такие откровенно фашистские произведения, как «Кривичи» Зарецкого, или «Возлюбленные» Хвылького.

Проблемы борьбы за попутчика в национальных литературах должна быть разрешена нашей марксистской критикой путем беспощадного разоблачения гайдамацких мотивов в творчестве право-попутнических писателей.

Представитель БелАПП т. Синкевич сообщает, что гайдамаки в литературе Белоруссии также поддерживают теорию самобытности Белоруссии, ориентируясь при этом на фашистскую Польшу.

В области методологии белорусские гайдамаки проповедуют романтизм (Зарецкий); национал-демократические поэты старается незаметно протащить контрреволюционное содержание: часто делается при помощи отдельной символики.

БелАПП разбила гайдамаков и в области методологии, и в области литературного творчества. Некоторые гайдамаки начали перестраиваться, хотя это им и не всегда удается.

Если эти стремления искренни, мы должны помочь им перейти на позиции советской революционной литературы. Этому поможет и организация белорусской федерации советских писателей.

Секретарь БелАПП т. Гапеевич останавливается на том, что в 1926 г. от «Молодняка» — единственного тогда литературного об'единения — отколол группа «Узлышша», которая вскоре выявила себя, как гайдамацкая. С этой группой и с «Пальмой» БелАПП вела в течение ряда лет жестокую борьбу. Гайдамаки засели в правительствах и в Центральном, и в Академии наук Белоруссии. Наймиты и сейчас еще не выбиты с многих занятых ими позиций. — Нужно бороться за искренно перевоспитывающегося попутчика, — говорит в заключение т. Гапеевич. Но нужна и беспощадная борьба против приспособляющегося классового врага.

Выступивший далее т. Дунец приводит ряд примеров проявления еврейского национал-демократизма, смыкающегося с зарубежной еврейской буржуазией. Эти проявления встречаются в творчестве таких писателей, как: Шейман, Лурье, Виткевич, Литманович.

Т. А. В. Луначарский указывает, что в борьбе за попутчика мы отбрасываем перерезановщину установку на попутчика. Человек родился в известном классе и эта предопределенность фатально довлеет над ним до могилы. Эта точка зрения исключает классовую борьбу в искусстве.

Мало завоевать попутчика, заставить итти с коммунистической партией, нужно, чтобы он не потерял своего творческого таланта. Нам не нужно хорошего мастера, который будет давать по заявку заказ вещи, — нам нужен зрелый дворянин писатель. Задача ВОАПП расширить сферу своего влияния и на попутничество в литературе и на попутничество в других искусствах.

Т. Карахманов (Туркменистан) констатирует, что в туркменской литературе имеются еще остатки панисламизма и джадидизма. Эти течения ярко выражены в творчестве поэта Фитрата. Распространен среди туркмен и пантюркизм (национальная теория об'единения тюркских народов). В литературе выразителями этих взглядов является Гельдиев, Кули-Мухамедов, Самойлович. Местный национализм в Узбекистане доходящий до открытой контрреволюции, имеем мы у поэта Чалмавова, который явно прославляет и обожествляет

Т. Гейпо (Азербайджан) рассказывает:

«В нашей ассоциации нет серьезной работы с попутчиками (Джафар-Джарди, Сеи-Сюжеи, Симурги и др.), в творчестве которых подчас проявляются и панисламистические тенденции, и признает только решительную борьбу с этими тенденциями.

Характеризуя эти тенденции, секретарь АзАПП, т. Мехти-Гусейн, квалифицирует выступления известного в Азербайджане профессора методологии Чабан-Заде как махровое наступление пан-тюркизма. Имеются проявления кулацкой идеологии и у поэта Сая-Ины, Ара-Кючу и др.

— Борясь против националистов, наши марксистская критика, хотя и слабо, но помогает перестраиваться попутчикам (Джафару, Джабарлы, Мешаику и др.).

Т. Нан-Надиеи (отв. секретарь ТатАПП), приводя яркие примеры национальных, большое внимание уделяет и проявлениям великодержавного шовинизма, останавливался на «Сборнике татарской литературы» под редакцией Радимова (Галиджана Шафара), представителя татарской буржуазной интеллигенции. Сборник снабжен предисловием П. С. Когана, в котором утверждается, что дооктябрьская буржуазная литература была великолепной.

С такими проявлениями буржуазной национальности ТатАПП решительно борется и будет бороться впредь. М. Б.

сто ударов по фракционерам и вульгаризаторам

к 100-му представлению „хлеба" в. киршона в ленинграде

Очень часто деление искусства одинаковое ее их специфики. Критика несет еще случайный характер, ряд существенейших явлений искусства не получает почти никакой оценки (книга Д. Бедного, «Последний из Удеге», книги молодых писателей и сообщников-пролетариев, напр. пролетарско-кулаковых писателей, напр. например, «Кайкан» Пермитина). Наряду с этим имели и имеют место неправильные оценки, как это было недавно в Ленинграде с романом Мих. Слонимского «Фома Клевков». Критика зачастую проглядывает явно враждебную книгу и даже либеральные похвалы (напр. по поводу классового врага (решения на пьесу Рублишкина в «Литературная газета»). При безусловном руководстве партией большевистской критики за последние годы все же наблюдаются случаи, когда критика несет не партийный, а фракционный характер, когда отдельная группочка оценивает явления искусства и литературу со своей узкой «теоретической» колокольни, извращая принципиальные основы марксистско-ленинской критики, используя оружие критики в групповых целях. Примером этого является оценка критиками «литфронта» и их подголосками пьесы Киршона «Хлеб». Дирижером этого критического оркестра, дующего в одну дудку, выступил небезызвестный «теоретик» Ан. Каметулов. Его статья в первом выпуске «Красной газеты» построена в приемлемой на обывательскую. Каметулов информирует читателя, что он шел смотреть пьесу «в предвзятом настроении», но уязвленные им ранее стрелки пьесы «задевали его, Ан. Каметулова, «делать круглые предположенные о том, что Киршон, «увлекшись ультра-психологическим красотой и напыщенностью, пропустил политически актуальную тему о классовой борьбе в деревне». Оказывается не обычно это опасения, и Ан. Каметулов объясняет: «Хотелось сознаться что я ошибся». А затем следует ряд убедительных доказательств того, что критические упражнения Ан. Каметулова могут доставить ему известную печать радостью, но не читателю. Мы узнаем от этого «радостно-напряженного» критика, что Киршон, видите ли, сидел раньше в болоте «классово-мелкобуржуазных» и, оправясь, в своей балетной оценивает напуски «Рельсы гудят» и «Город встает». Затем Каметулов делает коронующее открытие, что все-то просто: вода кулацкой агентуры в пятом, действующего сообразно своим политическим убеждениям. Киршон возбуждает нам грандиозную, только что вернувшегося из Германии, немного скептика, немного чопика, с деревней абсолютно незнакомого, очевидно (почему это «оказалось» Ан. Каметулов) больного неврастеника, способного в силу аффекта на любое безумство. Остается в стороне безграмотность фразы в целом (почему нарывы, возводящие вернувшегося из Германии, не могут быть кулацкой агентурой и т. д.), мы противопоставим измышлениям Каметулова по поводу образа Рагозина ту оценку, которую дал в «Правде» Б. Гейликов. Он совершенно правильно видит: «Пьеса беспощадно к кулаку, разоблачает романтику «делового» мира, «делового» краснобайства и дает образчик подлинной героики подлинного романтизма борьбы за хлеб. В этом главная ценность пьесы «Хлеб». Образ Рагозина очень поучителен и едва ли не вернее показан в театре» («Правда» от 19 февраля 1931 г.). А Каметулов упрямо долбит: «не верьте Киршону, он все еще не вышел из своего болота, ибо, по Киршону, «левый» лагерь происходит от «неврастении», его пьеса «совсем не ориентирует зрителя на в отношении левого уклона, а скорее дезориентирует его. А Каметулов говорит о «дезориентации», но пьеса именно ориентирует, она помогает понять классовую предпосылку борьбы с кулаками и оппортунизмом» (статья Эм. Фальковского о «Хлебе» в майском номере американского журнала «Новые массы»).

Оглушенный групповщиной Каметулов выдвигает против Киршона тактическое обвинение в том, что его пьеса непартийная, что она политически неверная, что она вредна, ибо «дезориентирует» зрителя по важнейшим партийным вопросам. Усиленно «ужасет» Каметулов, но вот в «Правде» мы читаем, что основная идея пьесы — «борьба с оппортунизмом, борьба за классовый четкую линию партии». В «Комсомольской правде» мы читаем, что пьеса «помогает зрителю ориентироваться во всех кулацких хлах и уловках и действительно мобилизует его бдительность и осторожность». Киршон верно чувствует своею эмоциональное доказательство, что практическое упражнения Ан. Каметулова могут доставить ему известную печать радость

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

орган федерации об'единений советских писателей СССР

МОСКВА 15 июня 1931 г. № 32 (131)

РЕДАКЦИЯ:
Москва, Тверской б. 25, Дом Герцена. Телефон 2-80-12.

ИЗДАТЕЛЬСТВО:
Акц. о-во «Огонек»; Москва, б. Страстной б. 11. Телефон 5-5169.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА:

	СССР	ВНЕ СССР
На 6 м.	1 р. 75 к.	— 90 ц.
На 3 м.	- р. 90 к.	— 45 ц.

перед конференцией вссп

Решающие успехи социалистического наступления в нашей стране усиливают процесс приближения значительных групп интеллигенции к идеологическим позициям пролетариата. Победа социалистического сектора в сельском хозяйстве, достигнутая в этом году (вовлечение свыше 50 процентов крестьянских хозяйств в колхозы, достижения совхозного строительства), 518 и 1040, развертывание культурной революции—все это порождает крупные идеологические сдвиги в среде интеллигенции и в огромной мере усиливает влияние на нее пролетариата.

Однако было бы грубейшей правооппортунистической ошибкой полагать, что тем самым снимается вопрос О КЛАССОВОЙ БОРЬБЕ в среде интеллигенции, что последняя (за исключением явно-вредительских групп) СПЛОШНОЙ массой, хотя и различными путями, движется к социализму. Отчетливое укрепление в ней тенденций, сближающих ее с позициями пролетариата, сопровождается углубляющейся классовой ДИФЕРЕНЦИАЦИЕЙ в ней, обострением борьбы со встречными, реакционно-буржуазными тенденциями. И—кроме того—для различных групп интеллигенции, переходящих на позиции пролетариата, возникают специфические трудности,—процесс этого перехода является противоречивым процессом.

Об'единенный пленум правлений московского, ленинградского и сибирского отделений Всероссийского союза советских писателей, происходивший в мае этого года, показал, что в среде литературного попутничества и союзничества отмеченные выше процессы нашли свое яркое выражение, ОБ'ЕКТИВНО в союзе писателей различные общественно-творческие группы существовали и раньше, но наличие этих групп не всегда ОСОЗНАВАЛОСЬ всеми писателями, в том числе и наиболее близкими пролетариату. Особенность нынешнего этапа в жизни союза заключается в том, что УКРЕПЛЕНИЕ ЛЕВОГО ФЛАНГА В НЕМ, ОТРЯДА СОЮЗНИЧЕСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ, СОПРОВОЖДАЕТСЯ ОСОЗНАННОЙ ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ И ТВОРЧЕСКОЙ КОНСОЛИДАЦИЕЙ ЭТОГО ФЛАНГА. В союзе началось отчетливое литературно-политическое и творческое РАЗМЕЖЕВАНИЕ. Основные кадры союза перестают быть аморфной, «сплошной» массой, как это было еще не так давно. Такое размежевание нужно всячески ПОДДЕРЖИВАТЬ потому, что только на этом пути возможно превращение литературного попутничества в союзничество, как в один из резервов пролетарской литературы, возможна подлинная органическая перестройка писателя-попутчика.

Укреплению левого крыла в союзе сопутствует процесс РАСПАДА И РАЗБАЛА ряда прежних писательских группировок, не выдержавших испытания при переходе к начальному периоду социализма. Выдвигаются на первый план кардинальные вопросы мировоззрения и искусства, но зачастую в ложной и неправильной формулировке (например, «совместимо» ли искусство с социализмом). В ряде случаев неправильная формулировка вопросов ведет к неправильным ответам на них. В ряде случаев получают преобладание отчетливо-выраженные БУРЖУАЗНЫЕ тенденции (как мы это видели на примере «Бедняцкой хроники» А. Платонова). В ряде случаев процесс органической перестройки попутничества изображается как «БЕГСТВО ОТ ДОЛГА». Даже у некоторых из тех, кто искренно идет к пролетариату, нет необходимого понимания всей глубины мировоззренческой переделки, изменения типа писателя, новых и усложненных задач, которые ставит перед искусством новый этап социалистической революции.

На примере «ПЕРЕВАЛА» (к оценке положения которого мы вернемся в ближайшее время) особенно ярко раскрывается процесс форсированного размежевания в попутничестве, распада попутнических группировок, сложившихся в восстановительный период и ВЫПАДЕНИЯ некоторых из НИХ из попутничества вообще. В каждый данный период социалистической революции классовое содержание данных попутнических групп проверяется на специфической сумме вопросов. И то, что ВЧЕРА было лишь ОТТЕНКОМ МНЕНИЙ, СЕГОДНЯ становится ГЕНЕРАЛЬНОЙ линией размежевания. Сейчас такой линией является ХАРАКТЕР ПОНИМАНИЯ ПРОЦЕССОВ КЛАССОВОЙ БОРЬБЫ в период развернутого социалистического наступления пролетариата. Сейчас СТАБИЛИЗАЦИЯ прежних попутнических установок, литературно-политических и творческих, выражает не что иное, как—об'ективно—переход во ВРАЖДЕБНЫЙ пролетариату классовый лагерь.

Задача сводится к тому, чтобы решительно усилить борьбу с буржуазным крылом и буржуазными тенденциями в литературе; чтобы помочь попутническим группам, еще далеко не изжившим в себе колебаний и противоречий, преодолеть эти колебания посредством четкого и бескомпромиссного определения их, чтобы усилить и углубить общественно-политическое и творческое размежевание в среде попутничества; чтобы—со стороны пролетарской и пролетарско-колхозной литературы—окружить особым вниманием и поддержать крепнущий отряд литературного союзничества; чтобы нащупать СЕГОДНЯ те «оттенки мнений», которые ЗАВТРА станут генеральной линией размежевания.

Осенняя всероссийская конференция ВССП явится решающей проверкой для всех групп литературного попутничества и союзничества. Мы должны здесь отметить, прежде всего, крайне медленные темпы подготовки к этой конференции в московском отделе ВССП. Мы должны, далее, отметить, что ВССП еще не начал подготовку к конференции в печати. Между тем, только широкое предварительное обсуждение всех основных литературно-политических и творческих вопросов, только развернутая предварительная дискуссия по ним обеспечит за конференцией ту историческую роль, которую она призвана сыграть в развитии попутнической и союзнической литературы.

гоминдановскими палачами замучены шесть революционных писателей китая

обнажим головы перед их телами

да здравствует китайская революция!

Китайским белым террором замучены шесть пролетарских писателей и художников.

Мы заверяем пролетариат и трудовое крестьянство всех стран, что международная пролетарская и революционная литература с еще большей энергией будет бороться за то дело, за которое погибли наши китайские товарищи.

Пролетарские и революционные писатели мира! Боритесь всеми средствами —

Против белого террора! Против опасности империалистической войны! За Советский союз! За китайскую революцию!

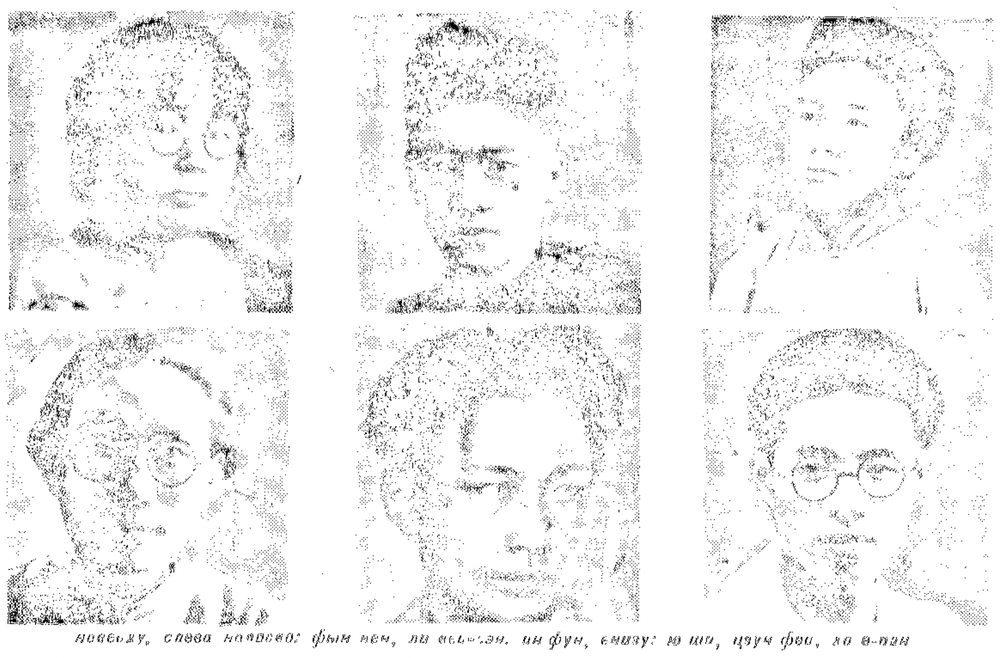
СЕКРЕТАРИАТ МЕЖДУНАРОДНОГО ОБ'ЕДИНЕНИЯ РЕВОЛЮЦИОННЫХ ПИСАТЕЛЕЙ.

Обнажим головы перед телами наших соратников, замученных китайской контрреволюцией!

Будем лучше выполнять свои интернациональные обязанности!

На террор палача Чан Кай-ши ответим сплочением единого фронта международной пролетарской и революционной литературы!

СЕКРЕТАРИАТ ВОАПП
СЕКРЕТАРИАТ ФОСП
СЕКРЕТАРИАТ ВСЕРОСКОМДРАМ



навеки, слава навеки: фын кэн, ли вэй-хэн, ин фун, ежиоу: ю ши, цзун фей, ло в-пин

ФЫН КЭН — молодая писательница. Участвовала в революционном движении с 1925 года и примыкала к «Лиге писателей левого фронта». Автор романа «Последний выход». Цикл «Ребенок».

ЛИ ВЭЙ-ХЭН был членом ЦК китайского комсомола и редактором газеты «Китайская молодежь». Весной примкнул к «Лиге писателей левого фронта». Ему принадлежат краткие, но очень ценные статьи о Достоевском, книга «Русское крестьянство и революция» и сборник стихов и рассказов.

ИН ФУН — начал писать с 13-летнего возраста. Ему едва исполнилось 22 года. Издал четыре сборника стихов и сборник рассказов. Много переводил с русского. Боевой революционер-публицист.

Ю ШИ был учителем народной школы. Один из основателей «Лиги свободы» и руководителей «Лиги писателей левого фронта». Главные произведения, помимо переводных: сборник «Рассказы сумасшедшего человека» и роман «Надежда». Из политических произведений «Феерия», «Кровь клянет» и т. д.

ЦЗУН ФЭЙ — член «Лиги левых театральных работников», один из организаторов секции «Лиги свободы». Самоотверженный революционер и руководитель массовых рабочих кружков.

ЛО Е-ПИН — молодой начинающий писатель. Переводил Плеханова, Луначарского и др. Автор романа «Пред нами снега». Выпустил также два сборника стихов и пьес.

под сапогом чан кай-ши

В Китае с давних времен чиновничество делилось на две категории — гражданскую и военную. От первой — требовалась по крайней мере грамотность; вторая—всегда отличалась своей «некультурностью»; для военных важны были только военные заслуги. Те немногие, которые соединяли в себе «ученость» и военные заслуги, считались весьма «достойными» людьми. Вот почему Чан Кай-ши, получив пост главнокомандующего сухопутными, морскими и воздушными силами, все время стремился к портфелю министра просвещения, который он и получил в последнее время. Чан Кай-ши и Гоминдан отлично понимают роль художественной литературы в революционном движении и контрреволюционной деятельности, — они стремятся завоевать ее.

С 1927 года, когда китайская национальная буржуазия осуществила контрреволюцию, среди интеллигенции и писателей произошла дифференциация. Часть пошла на службу реакции, а другие — левые писатели и революционное литературное общество «Творчество», выдвинули лозунги: «Литература в массы», «За пролетарскую литературу».

За последние несколько лет на китайский язык было переведено много произведений марксистской литературы, а также большое количество произведений советских писателей (Горького, Гладкова, Фадеева, Серафимовича, Огнева и др.). Нет ни одного левого журнала, в котором не помещались бы статьи. Все это несомненно оказывает самое непосредственное влияние на китайскую революционную литературу.

Весной 1930 г. организовалась «Лига писателей левого фронта», в которую входит сейчас около 100 революционных писателей. Для характеристики этой лиги достаточно указать, что она самым активным образом участвует в подготовке к конференции представителей советских районов Китая.

Как реагировала на это движение контрреволюция? Она ответила на него провокациями и террором. Опираясь на буржуазию, в крепнущее пролетарской, и революционную мелкобуржуазную литературу, Гоминдан выдвинул лозунг националистической литературы. В Шанхае делай Чжан-Цюнь (представитель городского правительства) издал по указанию Чан Кайши 3.000 дацзао Цзу Инсюю, который лишил денежными поощрения ряд «левых», кроме таких, как Гао Вэйчжи и другие, и они начали издавать журналы «Цзинь Фын» и Цао-сэ, проводящие исключительно националистическую литературу и резко нападающие на пролетарское литературное движение. Этот дацзачальник мы вправе называть чистым «денгинизмом». Имеет подпольная газета—центральный орган ЦК китайской компартии «Красное знамя».

Почти все книги, присылаемые из СССР в Китай, или изъяты, задерживаются китайскими властями. Все книги без исключения в красных обложках и со словами «СССР» или «борьба» запрещаются, а даже «Дуэль» Чехова была запрещена только потому, что слово «Дуэль» по-китайски (шюэ-доу) похоже на слово «борьба» (чжей-доу). Руководителями «националистической» литературы Шанхая являются член городского правительства и начальник контрразведки гарнизона. По их инициативе и запрещаются книги, закрываются издательства и т. д.

Зимой прошлого года был казнен один из членов лиги левых театральных работников тов. Цзун Фэй. 7 февраля в Шанхае было расстреляно двадцать четыре коммуниста и в том числе 5 революционных писателей, состоящих членами «Лиги писателей левого фронта»: тт. Ли Вэй-сэн, Ю Шу, Хо Сю-шин, Ин Фу и Фэй Цзыб, при этом т. Ли Вэй-сэн был закопан в землю живым.

Террор все усиливается. Товарищи из Шанхая пишут:

«Лига писателей левого фронта—разгромлена: одни расстреляны, другие арестованы, третьи — вынуждены бежать эмигрировать из Китая, четвертые—живут впроголодь».

«Мы писали много, — сообщают последние, — но никто не печатает наших произведений из боязни преследований».

В это же время «национал-истическая» литература распространяется такими способами: выпустили журнал «Цянь Фын» («Авангард») в 2.000 экз., а подписчиков оказалось всего 20. Издательству пришлось закрыться, все помещение редакции было завалено непроданными журналами. Тогда власти-хозяева этой «национал-истической» литературы дали субсидию и прислали своего редактора. Кроме того власти заключили с этим издательством договор на выпуск еще одного журнала, благодаря чему издательство смогло снова открыться.

Многие мелкие издательства и книжные магазины закрыты, крупные издательства, вроде «Тжун Хуа», находятся в критическом положении: за печатание «красных произведений» им грозит закрытие, а белая литература не имеет никакого сбыта. Издательство «Коммершиал пресс» просто отказывается от всех художественных произведений, по тем же причинам. В результате, на рынке имеется только бессмысленные иллюстративные журналы, или рыцарские романы и сексуальная литература.

Однако, вне зависимости от этого, образ действий ГИХЛ, переходящий в хозрасчет системы», должен быть подвергнут тщательному изучению и глубокому разбору, — как общественностью издательства, рабочим активом, так и литературной общественностью.

План творческой мобилизации должен быть выполнен. Пыл голосистствующих чиновников необходимо умерить.

встреча максима горького с рабочими-авторами

на расширенном заседании рабочего редсовета издательства вцспс

Рабочий редакционный совет издательства ВЦСПС организовал встречу Максима Горького с рабочими-ударниками, привлеченными в литературу.

Максим Горький в продолжительной беседе ответил на ряд вопросов, поставленных ему рабочими-ударными.

— Появление ударника в литературе — значительное, огромное явление, — говорит Горький. — Почему? Потому что ударник приносит с собой в литературу новые нужные темы. Вы идете в литературу гораздо лучше вооруженные опытом, чем входили в нее люди моего и следующего за мной поколений. И это ставит перед вами громадные и трудные задачи.

— Куда растет движение рабселькоров ударников в литературу? К широкой организации творческого опыта. Работе-писатели должны избавиться от тех недостатков, которыми страдают их первые книги и из которых самый серьезный — некоторая профессиональная узость отношения к книге. Рабочий-писатель — слесарь, токарь, механик, — рассказывая о своем опыте, об опыте своего цеха, своего завода должен учитывать, что этот опыт рассчитан не только на таких же специалистов своего дела, как он, но и на миллионы читателей; поэтому книга должна быть популярной, доступной всем рабочим.

Какие новые темы могут внести ударники в литературу?

— Мне кажется,—говорит Горький,— что одна из главных тем — это тема прихода на фабрику, на завод, человека из деревни и перевоспитание этого человека в рабочей среде. От этой темы веером во все стороны растекается ряд других тем.

— Учиться надо всему, — подчеркивает далее М. Горький. — Чем больше мы знаем, тем мы сильнее. Если говорить о том, как научиться писать, то надо больше читать, изучать литературу, историю литературы.

В заключение М. Горький поделился своим опытом работы над романом «Мать Клима Самгина».

***

— Мы видим в лице Алексея Максимовича нашего лучшего друга, — сказал рабочий-ударник т. И. Павлов, приветствуя М. Горького от имени рабочего редсовета издательства ВЦСПС.—**Предлагая избрать т. Горького членом нашего рабочего редсовета, мы даем обязательство постоянно информировать Алексея Максимовича о своей работе, а с его стороны ждем указаний и советов.**

А. Виталок сообщил М. Горькому, что организованные на заводах по инициативе редсовета ударные бригады им. Горького являются передовыми и показывают образцы социалистического труда.

— **Мы берем на себя обязательство,**— говорит т. Виталок, — **подытожить опыт ударных бригад им. Горького и выпустить о них специальную книжку.**

Прощаясь с рабочими-писателями М. Горький сказал:

— За все то, что я здесь видел и слышал, я вас очень благодарю. Я страшно люблю учиться, а у вас есть кое-чему поучиться. Если и вы кое-чему у меня учитесь, я этому очень рад. Будем учиться вместе.

***

Институт ЛИЯ Комакадемии открывает цикл вечеров, посвященных творчеству Максима Горького.

Первый вечер состоится **16 июня** в 8 час. в Комакадемии. Вечер устраивает институт ЛИЯ Комакадемии совместно с секретариатом РАПП. С докладами выступят тт. **А. Луначарский** и **Канаев.**

иностранные революционные писатели у максима горького

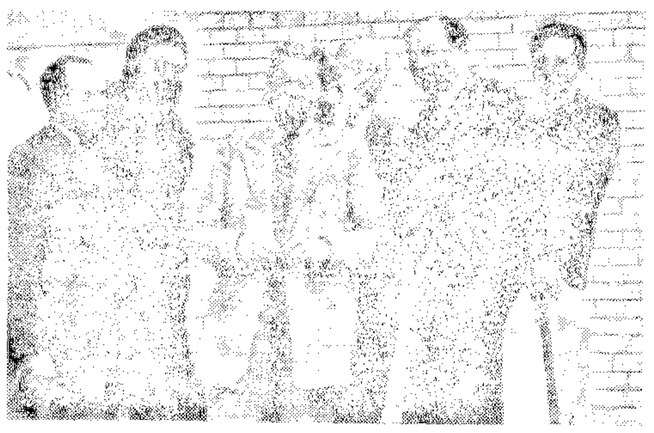
Третьего дня делегация Международного об'единения революционных писателей в составе тт. Белы Иллеш, Иоганнеса Бехер, Дж. Джерманетто и Ан. Гидаша совместно с зам. ОГПУ Арт. Халатовым посетила Максима Горького.

Бела Иллеш кратко информировал М. Горького о работе МОРП, в которой Максим Горький обещал принять участие.

К международному антивоенному дню — 1 августа — МОРП издает специальную однодневную газету. М. Горький дал согласие написать для этой газеты статью «Армия империалистов и Красная армия».

А. Гидаш прочитал на венгерском языке свое стихотворение «Алексей Максимович», посвященное приезду М. Горького в СССР.

Иоганнес Бехер в беседе с М. Горьким рассказал какое большое впечатление оставило в Берлине выступление Максима Горького в защиту Иоганнеса Бехера, когда последнего арестовала полиция германских социал-фашистов.



слева направо: дж. джерманетто, а. халатов, м. горький, иог. бехер, бела иллеш, ан. гидаш

демьян бедный на сибирских стройках

НОВОСИБИРСК, 10. (По телегр. от наш. корр.). Приехавший на Кузнецкстрой Д. Бедный был торжественно встречен рабочими строительства.

На слете ударников ударные бригады имени поэта рапортовали о своих достижениях. Организовано несколько новых комсомольских бригад им. Демьяна Бедного. Поэт выступал на многочисленных собраниях.

РАБОЧИЕ СТРОИТЕЛЬСТВА ДАЛИ СЛОВО ДЕМЬЯНУ ПУСТИТЬ ЗАВОД В СРОК — К ПЕРВОМУ ОКТЯБРЯ И ПРИГЛАСИЛИ ЕГО НА ОТКРЫТИЕ ЗАВОДА.

Девятого июня Демьян Бедный осматривал в Новосибирске вновь оборудованные механизированные мастерские детиздательства, выступал на краевом с'езде работников культурного строительства.

Демьян Бедный ознакомился со строительством завода комбайнов, беседовал с рабочими.

На массовом собрании рабочих с приветствиями Демьяну выступали лучшие ударники. В ответ с большой речью выступил Д. Бедный, критикуя отдельные недостатки работы на стройке и подчеркнув огромное значение индустриализации для социалистической перестройки деревни.

ЛУЧШИЙ ЦЕХ КОМБАЙНСТРОЯ ОБ'ЯВИЛ СЕБЯ УДАРНЫМ ЦЕХОМ ИМ. ДЕМЬЯНА БЕДНОГО.

на боевой проверке

советские писатели ленинграда включаются в поход

Правление Ленотдела ВССП прикрепило весь творческий актив к заводам и фабрикам для отображения передовиков пятилетки. К работе приступают:

Барышев («Красный Треугольник»), Браун (зав. имени Ворошилова), Борисов (Оптический имени ОГПУ), Борисоглебский (Красногородская бумажная фабрика), Вагнер (завод имени Калинского), Венус («Кр. Треугольник»), Грабарь («Кр. Выборжец»), Данько («Кр. Треугольник»), Житков («Электрик»), Колбасьев (Балтийский завод), Куклин (Дело фин. жел. дор.), Корнилов («Кр. Знамя»), Лапинский (завод имени К. Маркса), Никитин («Кр. Путиловец»), Омельченко (ф-ка им. Ногина), Оксенов («Скороход»), Правдухин (ф-ка им. Володарского), Полонская («Светлана»), Раковский (металлический з-д им. Ленина), Рапготтн (Сев. верфь), Розенфельд («Электросила»), Рождественский («Кр. Треугольник»), Савин («Электроаппарат»), Спасский (зав. им. Марти), Сорокин (типография им. Соколовой), Тагер («Кр. Треугольник»), Ольга Тризна («Пролетарий»), Ульянский («Пролетарская победа»), Фроман («Сев. кабель»), Шишков (зав. им. Ворошилова), Шкапская («Кр. Путиловец»), Шварц («Кр. Треугольник»), Эрлих (зав. «Большевик»).

По заданиям «Правды» и «Известий ЦИК СССР и ВЦИК» работают:

М. Зощенко, В. Каверин, Б. Лавренев, С. Семенов, М. Казаков, М. Слонимский, Н. Тихонов, А. Толстой, Ю. Тынянов, О. Форш.

сибиряки за работой

Западно-сибирское АПП и ФОСП в поход по художественному показу героев социалистической стройки, включились.

Для собирания материалов о лучших ударниках посланы на различные предприятия писатели и литкружковцы.

На Кузнецкстрой — тт. Наседкин, Кулдрявцев и Никитин, на Комбайнстрой—Чапыгин и Секретарев, на Ленинские шахты — Буров, на постройку моста через реку Обь — Нутичев, на чугунолитейный завод «Труд» — Чертова, Кемеровский химкомбинат—Тельпугов.

Трехсотгрупп—Нивн, Гурьевский металлургический завод Ершов. Анжерские угольные копи — Белогубов, Барнаульский зерносовхоз — Вяткин, Полтавская МТС — Герман, Черемховские железоделы — Куренчина, Лесозавода дорога — Пивенина, Омские заводы сельмаша—Губанов, Беловский цинковый — Стрижков, Западно-сибирские колхозы — Дорошин, колхоз лесоводческий питомник — Абабков.

красная летопись социалистического труда

В творческий поход РАПП включилась ЗОАПП. Посылка бригады на «Красный профинтерн» в составе тт. Фиксена, Маневича и Марьянова. В скором времени высылаются бригады на Камскую бумажную фабрику и на фабрику им. Дзержинского (Клинцы). Показу героев будет посвящен специальный номер журнала «Наступление», который должен выйти не позже 5 июля. На «Красном профинтерне», Каменской бумажной и фабрике им. Дзержинского организовывается «Красная летопись социалистического труда».

Радиоконференция ударников, привязанных к литературе, назначенная на 20 июня, должна послужить началом творческой переклички предприятий области о лучшем опыте работы по художественному показу героев социалистического труда.

К числу недостатков в работе необходимо отнести тот факт, что печать Западной области по-боевому в поход не включилась.

рабочие-писатели пишут о героях пятилетки

Реализуя постановление всесоюзного совещания рабочих-очеркистов, «Рабочая газета» на днях объявит условия и порядок конкурса на лучший очерк о героях пятилетки.

В ближайшие дни будет сдана в печать книга группы рабочих-писателей об ударниках каменноугольной промышленности. Эта книга рабочих-очеркистов будет издана в ударном порядке ГИХЛ совместно с «Рабочей газетой».

за пять дней

за стопроцентную подписку на заем

Выпуск займа «Третьего, решающего года пятилетки» продиктован интересами развернутого социалистического наступления, стремлением широких пролетарских масс в кратчайший срок закончить построение фундамента социалистической экономики. Своевременный пуск «518 и 1040» имеет решающее для этого значение и, чтобы полностью обеспечить его, рабочие Электрозавода выдвинули предложение выпустить новый заем. Это предложение исключительно быстро, с энтузиазмом было подхвачено рабочими других предприятий. Волна требований о выпуске займа прокатилась по всей стране. Лозунг: «Дадим трехнедельный заработок взаймы государству»—стал боевым лозунгом дня. Выполняя волю трудящихся, правительство выпустило новый заем.

В этом факте мы имеем новое яркое свидетельство непочерпаемого энтузиазма пролетарских масс и их борьбе за социализм, он еще раз подтверждает, что «нет таких трудностей, которые большевики не могли бы преодолеть», он бьет по оппортунистам всех мастей, сомневающихся в силах рабочего класса, в достижимости взятых темпов. А классовый враг, мировая буржуазия имеет еще одну возможность убедиться, сколь эфемерны надежды на провал пятилетки.

Настоящими большевистскими темпами начата в реализации займа. Некоторые московские заводы закончили реализацию в один-два дня, перевыполнив при этом контрольные цифры, доведя подписку до суммы месячного заработка.

Может ли писательская общественность, отдельные представители которой, вместе с рабочими фабрик и заводов, были инициаторами выпуска займа и предварительно подписались на него, могут ли писатели, желающие быть активными участниками социалистической стройки, оставаться в таком важнейшем проявлении энтузиазма масс? Конечно, нет. Наоборот, писатели обязаны быть примером, они должны не только подписаться сами, но и помогать реализации займа на тех предприятиях, в тех колхозах и совхозах, с которыми они связаны.

А между тем, мы имеем совершенно недопустимые, рабские темпы распространения займа среди писателей. Контрольная цифра намечена минимальная — 75 тысяч рублей, подписка же на сегодняшний день достигла лишь четырнадцати тысяч. Таким образом—налицо явное отставание.

Мы уверены, что оно объясняется не нежеланием писательства участвовать в размещении займа, а леностью, не энергичной работой литературных организаций и особенно месткома писателей, окопавшихся в этом деле, как и во многих других, не на высоте положения.

Зам среди писательства, так же как и среди всех трудящихся, должен распространяться на началах полной добровольности. Но это совсем не означает самотека.

С самотеком нужно немедленно покончить, нужно срочно развернуть кампанию займа и выполнить лозунг о стопроцентном охвате писателей подпиской.

Контрольная цифра в 75 тысяч рублей должна быть выполнена и перевыполнена!

лига крепит творческую повседневную связь

ЛОКАФ первый применил в своей работе опыт творческой мобилизации. Опыт этот имеет огромное общественно-политическое значение, так как он дает практические предпосылки для разрешения важной задачи: создать художественную литературу об опасности войны для СССР, о военных задачах рабочего класса, о Красной армии и флоте. Огромное значение приобретает творческая мобилизация и потому, что через нее удалось привлечь к вопросам обороны Союза лучшую часть писателей.

Насколько активно включились писатели в инициативу ЛОКАФ можно судить по тому, что творческой мобилизацией охвачено 78 писателей, обязавшихся в определенные сроки дать произведения на темы обороны.

ОГПУ, в лице т. Халатова, также очень чутко отнесся к этой работе ЛОКАФ, и генеральный договор, заключенный ЛОКАФ с ОГПУ, создал реальную базу для творческой мобилизации.

Но все было хорошо лишь до тех пор, пока дело не дошло в ГИХЛ. А так как оно дошло туда очень скоро, так как именно ГИХЛ должен реализовать договор ЛОКАФ с ОГПУ, то очень скоро начались и мытарства.

ГИХЛ решил развернуться творческой мобилизацией по-своему и заключать договоры лишь с теми писателями, с которыми они считают для себя нужным и выгодным. Истерические характеризуют при этом позицию руководства ГИХЛ, то обстоятельство, что при заключении договоров учитывались, главным образом, литературному мастерству, ГИХЛ считает, что писатель имеет дело только с «именами», а до общего курса им дела нет.

Наряду с отстраненными от тяжелых голосистых писателями естественно оказалась дезорганизованной и сама идея творческой мобилизации.

ЛОКАФ пришлось бить тревогу и вести переговоры с ГИХЛ в правление ОГПУ. Мы не знаем еще результатов, но уверены, что он будет разрешен в положительном смысле.

Однако, вне зависимости от этого, образ действий ГИХЛ, переходящий в хозрасчет системы», должен быть подвергнут тщательному изучению и глубокому разбору, — как общественностью издательства, рабочим активом, так и литературной общественностью.

План творческой мобилизации должен быть выполнен. Пыл голосистствующих чиновников необходимо умерить.

ни одного писателя, не подписавшегося на заем „третий, решающий“!

ДИСКУССИЯ ПО ТВОРЧЕСКИМ ВОПРОСАМ ПОЭЗИИ

Творческая дискуссия, начатая в пролетарской литературе, должна быть широко развернута и в других отрядах советской литературы. В частности, майский пленум правления ВССП выдвинул задачу развертывания творческой дискуссии как первоочередную и важнейшую задачу союза советских писателей.

В центре этой дискуссии должны быть вопросы мировоззрения и творческого метода с обязательным учетом всех специфических особенностей искусства. Отмеченные декларации о творческих задачах должны быть заменены проверкой творческих установок на конкретном художественном материале.

Успешность творческой дискуссии может быть обеспечена лишь соединенными усилиями писателей и критиков.

Сегодня мы выпускаем первую дискуссионную страницу, посвященную вопросам поэзии. На ряде помещенных в ней материалов еще лежит отпечаток декларативности. Необходимо в будущем решительно повернуть дискуссию к конкретному материалу.

В следующих страницах, которые «Литературная газета» будет давать периодически, будут помещены статьи тт. Д. АЛТАУЗЕНА, Н. АСЕЕВА, А. БЕЗЫМЕНСКОГО, Н. БРАУНА, О. БРИКА, А. ГИТОВИЧА, А. ЖАРОВА, С. КИРСАНОВА, А. ПРОКОФЬЕВА, И. СЕЛЬВИНСКОГО, Н. ТИХОНОВА, Ю. ТЫНЯНОВА, В. ЭРЛИХА, А. ГИДАША, В. КАЗИНА и др.

ПУТИ возмужания
о стихах ПРОКОФЬЕВА

У молодого ленинградского поэта Прокофьева, выпустившего свою первую книгу стихов, есть то, чего нет у ряда даже очень талантливых поэтов. Его стихи обладают напряженной пятнистой мускулатурой. Они горячи и ограничены. Торжественные и внешне немного рассеянные, они — тем не менее — являются реальной фазой. Поэзия Прокофьева — поэзия современника и участника пролетарской революции.

Весной подымает руки черемуха, черным становится лед.
По всем многоземным морям и странам слава о нас идет.
На тысячу тысяч верст знамена — красный бархат и шелк.
Окинь, и воду, и медные трубы каждый из нас прошел.

Но приглядимся к поэзии Прокофьева поближе: от чьего лица говорит он, чьи бархатно-пеньковые знамена развернулись «от Белого моря до Сан-Диего», чьи «трубы проверены» и стоят на посту? Сказать, что Прокофьев — революционный поэт, — это значит еще мало не сказать. Прокофьев тяготеет к пролетарской революционности. В каких же формах проявляется это тяготение?

Стихи Прокофьева торжественно-парадны. Его революционная горделивость в прошлом гражданской войны, но не в сегодняшних днях социалистического наступления. Эпоха, Слава, «Высокая речь» страны зачастую фигурируют у него с большой буквы. «Книгочей», которую он сегодня дает стране от имени своего поколения, несет на себе отпечаток успокоенности и стабилизационной гордости. И когда он говорит: «сказать же любовь на завтра, ты ненависть отстань», — то утверждение ненависти относится к тому же вчерашнему дню, хотя и посейчас «Англия ботфорты бьет» о «вновь открытую биографию мира».

Акцент парадности и эстетизации ощущается и в строках, непосредственно относящихся к прошлому гражданской войны. Но и в них особенно сильна прорывающаяся парадно-эстетский налет энергия прокофьевского стиха, его горячий накал.

У нас побелели волосы, бубновые на ветру...
Нам крышей служило небо, туманы с боков да мгла.
Мы пили такую воду, которая камень жгла.
Мы шли от предгорья к морю — нам вся страна отдана.
Мы ели сухую воблу, какую не ел сатана.
...И все-таки, все-таки, все-таки нас вечер не доканал.
Ты в гроб пойдешь и заплачешь, что жизни такой не знал.

Революционную стихийность — в поэзии на Зимний, в борьбе с белогвардейцами, в разгоне учредилки — Прокофьев передает очень выразительно. Однако, как правило, эта стихийность не поднимается им до пролетарской осознанности. И отсюда революционность его — молодеческая, залихватская, и значительной мере стилизованная. То же молодечество с еще большей силой испытывается во втором отделе «Улицы красных зорь», носящем название «Сплошная лирика». В этом отделе особенно отчетливо обнажается крестьянский корень прокофьевской поэзии. Они, эти корни, видны были и в первом отделе — и не только в том, что стихия крестьянской революции была изображена значительно выпуклее и полнее, чем пролетарская сущность последней. Очень характерна для Прокофьева его крестьянская обращенность, — даже образ зачина обретает у него метафорами и сравнениями, взятыми из крестьянской речи, фольклора, быта:

Заход мой кручевый, курчавый меня.
Там трубы, как пни в небесный лишай,
А стены — брусники расцветшая шаль.
И там поутру в красностенном краю
Две тысячи рук поднимают зарю,
Которая нежит, на небо попав,
В большом приснежьи обиду купав.

Лирика Прокофьева испытала на себе и давление городской окраины, и при том не столько пролетарской, сколько люмпен-пролетарской и мещанской. Прокофьевские «ребята», которые идут от «пугаловских перекрытий», от тяжелых «цехов Парнайцева», — которые, когда нужно, «дружбу ломают пополам», — которые умеют проходить «огонь, в воду, и медные трубы», это (в более молодом своем поколении) ребята с мещанской окраины, безработные, «фартовые», с одинаковым воодушевлением умеющие драться за советскую власть и отстаивать права на любовь.

«...Я тебе, товарищ, руки не подаю...
за Меньку, фартовую милку мою!..
Большую вступ дую гармоника поет.
Товарищ товарищу руки не подаст.

Еще более смело, чем это делал Сапунов в «Фартовых годах». Прокофьев превращает «блатной жаргон» в основной речевой поток ряда своих стихотворений. Но такие попытки никак не могут содействовать развитию прокофьевской поэзии. Если перед нею открывается единственная возможность роста в преодолении стихийной безудержности, в переходе к сегодняшнему дню, в вытравлении мещанских влияний — одним словом, в превращении в подлинно-пролетарскую поэзию, — то здесь тяжелыми путами на ней висят из прошлой поэтической учебы, которую прошел Прокофьев. Эта учеба обогатила его рядом узоров формальной «оснастки», но она же лишила его самостоятельный голос поэта. Необычность поэтического голоса Прокофьева является результатом смешения самых разнородных влияний. Если бы Прокофьев ограничился учебой только у Каплуна, или только у Пастернака, или только у Клюева, чье влияние особенно сильно в «Улице красных зорь», то его поэзия воспринималась бы как формальное эпигонство. Но Кирилов умноженный на Сапунова, уже производит впечатление экзотики.

В том успехе, который поэзия Прокофьева имеет в известных поэтических кругах (особенно в Ленинграде), нужно отличить успех подлинной, хотя еще неустоявшейся, талантливости и революционной убедительности творчества от ложного успеха формально-экспериментаторского эпигонства. Понятно, почему Прокофьев столь некритически обратился к Каплуну и Пастернаку с их стремительной и напряженной ритмикой, или к Клюеву с его олонецко-былинной и фольклорной пышной молодеческою, понятно потому, что значительная часть поэтической молодежи Ленинграда, пролетарской и близкой к ней, находилась долгое время на ложных путях учебы. Формалистское понимание учебы, как механического заимствования и дальнейшей разработки «формальных приемов» поэтов, далеких и чуждых пролетариату, но обладавших блеском художественного, хотя бы и ущербного мастерства, — естественно не могло не привести к идейным тупикам, к серьезным кризисным явлениям, к формалистическому вырождению отдельных групп пролетарской и околопролетарской поэзии. Учеба становилась, во-первых книжной, оторванной от практики классовой борьбы пролетариата, во-вторых, некритической, сводившейся к механическому заимствованию «приемов», сложившихся в иных и далеких поэтических системах и только в предлах последних бывших оправданными и целесообразности, и, в-третьих, устремленной на способы пассивной словесной передачи мысли и чувств, а не на способы активного доведения данных идей в образах до сознания читателей: поэзия училась писково выражать мысли и чувства в отрыве от действенной, изменяющей мир функции поэтического искусства.

В известной мере все это сказалось и на Прокофьеве. Кирилов, к примеру, помог ему достигнуть определенной степени выразительности, но он же и исказил социальное качество последней. Кирилова хватило на передачу пронзительно, но он же стал преградой для движения к настоящему. Кирилов — образец действенной империалистической поэзии, но капитулянство Прокофьева сведось лишь к созерцанию минутной борьбы: боевая труба в поэзии Прокофьева звучит, как правило, сквозь туман прошлого.

Для того, чтобы творчество Прокофьева могло стать подлинно современным, то-есть пролетарским, чтобы оно перестало декламировать об «Эпохе» и «Стране», — ему придется перешагнуть через груды кирилловщины и клюевских влияний, прорвать блестящую, но фальшивую оболочку последних. И это вовсе не означает, что Прокофьев вынужден будет начисто зачеркнуть свой предшествующий творческий опыт, художественно обескровиться, отказаться от поисков ритмического разнообразия, энергичной выразительности слова и лирической мелодийности, — нет. Это будет лишь значить, что он идейно возмужает, что его поэзия станет содержательнее, глубже и действеннее, а что удача на его книжке: «современная пролетарская литература» будет ставиться не ярлыку творчества, а не по формальному праву принадлежности к организации пролетарских писателей.

А. СЕЛИВАНОВСКИЙ

волнующие ВОПРОСЫ

Одна из наиболее фальшивых установок литфронтовцев по преемственности от лефовцев, состояла в механистическом восприятии революции вне себя, вне личности.

«Пенсионалитики», наоборот, настолько углубились в колодцы личностей, что кроме собственного носа ничего не видели. Получалось ложное противопоставление личного общественному.

Ошибки тех и других кое-чему учат. И во-первых — тому, что личность надо изображать в аспекте общественного вращения.

Я с этого начинаю потому, что наша эпоха и переживаемый период особенно подчеркивают значение личности, в сумме своей составляющей коллектив. Задачи стоящие перед нами, столь велики, что нужна действительно большая героичность и, если хотите, жертвенность, как правильно заметил Демьян Бедный, чтобы поднять тяжесть великого времени. Для этого прежде всего надо быть вооруженным классовым мировоззрением. Задачу нашей поэзии я и понимаю, как работу по формированию мировоззрения этих строителей. Я не говорю: кого отображать, коллектив или единицу. Для меня ясно, что массу можно «отобразить» таким образом, что никто себя в ней не узнает, и, наоборот, можно одного так показать, что в нем узнает себя тысячи. Я понимаю искусство слова как наиболее действенную форму отображения действительности.

Многие «рабочелюбы» склонны рассчитывать исключительно на «чутье» на «инстинкт» пролетария. Но эти выжиматели слезы забывают, что чем человек культурнее, тем он менее инстинктивен. Формирование современника не происходит с быстротой синхронического сеанса. Успел Родченко, произошел Безыменский. Внутри нас еще много конфликтов, у нас еще много эмоций прошлого, к которым и апеллируют социально чуждые поэты эмоционалисты типа талантливейшего Есенина. У нас еще конфликтуют коммунистическое мировоззрение и остающееся мировоззренческое. И в конце-концов, тем на ту сторону встает поэт, к чему он апеллирует и питается, и определяется сам по се. Любопытно отметить, что поэты, враждебные идеологии рабочего класса, в потрясаются именно в плену «нежностей» эмоций и ощущений. С этой стороны очень показателен такой крупный поэт, как Борис Пастернак. Отказ бороться со старым в нас может не путем механического вставания на сторону «чистого разума» тем нас, а путем полной борьбы передового и остатков внутри каждого из нас в процессе реализации общественных задач и событий времени.

Метод поэта, это его творческое мировоззрение. Говорить о методе, конечно, можно только в том случае, если налицо осознанное отношение автора к материалу и средствам его выражения. Но говорить о методе нужно не путем абсолютно верной формулы «метод диалектического материализма», а путем раскрытия этой формулы во всей ее специфике литературной профессиональности. У нас почему-то думают, что уже и предел марксистской критики, — это то, что называется «общественный разбор произведения». А вопросы формы перепоручаются... формалистам. Туда, мол, им и дорога: формалисты! Как будто идеологическое средство, как войти, не подчиняет атмосферу разрешением задач.

Нет, средства поэта — это часть его общего мировоззрения и как можно быть реалистом по своему мировоззрению, но сюрреалистом, так же точно можно быть реалистом и по средствам выражения — по форме. Нельзя быть материалистом со содержанию и формалистом по форме. Только черное может взять, будучи разноцветным за три части. Я за и в этом не уверен. Другое дело, что понимать «под революционностью формы». **Я понимаю под этим соответствие формы и нового содержания.** Как хорошая сшитый костюм, форма должна подчеркнуть содержание. Собственно за-

Задача борьбы за мировоззрение, борьба за четкое пролетарское, ленинское понимание явлений и событий действительности, борьба за широкий классовый кругозор, при одновременном форсированном вооружении кадров творческим опытом, средствами поэтического выражения передовых идей и чувств своего класса, в разной мере актуальна и для наличного поэтического актива РАПП и для того плотного массива рабочего молодняка, который стоит на первых ступенях творческого роста. Качественная же разница и трак-

поэзия существует — «и ни в зуб ногой». С этим фактом начинают считаться. Читатель снова ищет сборника стихов. Поэты перестали писать декларации и занялись своей прямой работой. Регистрация поэтических школ прекратилась, и творческие направления формируются уже по другим принципам. Слова «метафора», «метонимия», «ассонанс» все реже фигурируют в разговоре. Поэты начинают интересоваться мировоззрением, методом, темой.

Перелом уже начался. Особенно ощутителен он для нас — поэтов рапповской предыстория. Мы — второй призыв пролетарской поэзии. Большинство из нас не выдержало экзамена и новый период. Да и те, кто выдержал, выдержали на тройку: и минус им записаны — схематизм, штамп, недостаточная глубина разработки темы, низкий уровень мировоззрения. За нами подымается новое поколение поэтов — ударники с фабрик, заводов и колхозных полей. Они становятся ведущей группой пролетарской поэзии. Наша главная задача сегодня — рваться за ними вперед, прорвать рабские темы вчерашнего дня.

Включаться в темы не так просто, как кажется некоторым. Без лозунга, частушек, массовой песни нельзя стать пролетарским поэтом новой эпохи. Но это только часть работы. Лозунг надо глубоко закрепить в художественном образе. Без борьбы за мировоззрение не пробиться вперед.

В изменчивых стихах о стройке преобладает грубое эмпирическое восприятие действительности. Лозунг «овладение техникой» воспринимают внешне: как необходимость точного описания машин. Мировоззренческие стихи появились — стихи о промфинплане, овладении техникой, новом быте. Но эта тема пока разрешать в духе старинных частушек:

Мы таку войну устроим —
Всю Японию разроем.
Англичанка кипочем —
Закидаем кирпичом.

Стихи о стройке чаще всего плохи потому, что поэты не говорят о ней естественным, обычным голосом. Они выхолощенно устремляются вверх, в поднебесье. Не о них ли сказано: «Аделаида, да, возьми полтона ниже?». Мировоззренческие стихи о промфинплане могут быть созданы только в том случае, если мы тесно свяжем промфинплан с ростом общественной психологии класса.

Кроме того, не пора ли отказаться от мысли, что в одно стихотворение можно вписать все политические знания автора.

Последователи Богданова пытались вырастить нового гомункулуса — стиль пролетарской поэзии — в лабораториях пролеткультов. Ничего кроме большого количества подражаний Верхарну из этого дела не получилось. Поэтические пикосы последних лет пытаются выработать новый стиль за

Обо всем этом нужно ударнику рассказать. Но...

Для этого кое-кому следует во всем этом самому разобраться. И, во-вторых — научиться не быть по голове поэтов, когда они что-нибудь сочиняют, и этот «кое-кто» не может им ответить.

С нашими задачами можно справиться. Для этого надо не генерализовать поэтов и не генерализовать над поэтами. Для этого надо, чтобы поэтический РАПП представлял не только молодой (я говорю о возрасте поэтическом) цвет Союза, но чтобы вместе с ним лучшие РАПП выражали и такие поэты, как Светлов, Безыменский, Жаров, Алтаузен и др. А потом очень необходимо запретить гарнизонство в тех вопросах, где нужно много думать, и вразумительно высказываться. Еще нужно делать все для того, чтобы не создавать неестественной трещины между старшим поколением пролетарских поэтов и ударниками, как это кое-кто уже пытается сделать. Это вредно и для поэтов и для ударников.

ИОСИФ УТКИН

заметки на полях

письменным столом. И это было обречено на неудачу. Выработка стиля — не выработка новой системы рифовки и не собирание резолюций о четырехстопном ямбе. Это даже не вопрос об экспериментаторстве и новаторстве. Это прежде всего вопрос о мировоззрении. В самом деле, даже ритм без семантики — пустая абстракция. Ритм принимает участие в формировании произведения, но это участие не решающее. Нет двух одинаковых четырехстопных ямбов, и только глухой слушает стихи «Возмездия» со строфами Онегина. Выработка пролетарского стиля — а не эксперименты над тропами. Однако может быть похоже на вальс и у буржуазного и у пролетарского поэта. Выработка стиля — выработка мировоззрения.

Говоря с рабочим, поэт нередко начинает нагнетаться в духе бабелевских героев. «Братишечка», «пожа-пожа», «пожалуйте бриться...». Очевидно вся книжность и надуманность подобного разговора. В литературе колхозники все еще говорят по-старому: «Чаво?», Отседова?», «Доселя?» — в колхозе этих слов уже обычно не поймут.

Не отставать, но и не забегать вперед, — вот что особенно важно сегодня. Справа: эстетство, некритическое усвоение наследия буржуазно-дворянской поэзии, отход от актуальной тематики. Здесь — уже проблема внутреннего попутничества в РАПП. «Левый загиб» — упрощенчество, лакировка, подлаживание к современной тематике. И то, и другое — тормоза, задерживающие поезд на крутом подъеме.

Но напрасно оправдывают этим плохие стихи. Здесь еще сказывается барское отношение к труду. Свою работу чернорабочий должен делать хорошо. Недопустимо было бы издать для поэтов небольшую антологию «Кузнецы». Сюда бы вошли стихи о кузнецах, написанные Скитальцами, Бальмонтами, и даже... Игорем Северяниным. В этих стихах много ценного: они показывают, как не надо описывать рабочего:

«Искры, точно золото,
Брызжут из-под молота».

А говоря о правде, и сегодня мы найдем не мало стихов об ударниках, написанных и этом духе. Кое-кто считает такие стихи в духе пролетарской поэзии.

На повестке дня освоение больших эпических жанров. Фельетон, лирическое стихотворение баллада, только частями покрывают требования эпохи. В промфинплане поэзии не малое место должно быть отведено поэме. Русская поэзия XIX и XX веков — поэзия лирическая по преимуществу. Наша эпоха требует становления эпоса. При этом следует помнить, что хорошее эпическое произведение всегда пронизано лирическим голосом автора. Эпическое произведение — не обязательно сложное и не обязательно длинное произведение. Эпос может закрепиться на сотне строк; бесформенной лирике, не трудно расплыться на тысячи. Неверно также думать, что простое повествование о каком-нибудь — даже и очень важном — событии разрешит эту задачу. Разберите большинство современных поэм, и что в них остается, кроме добрых намерений автора?

Большой размах, большое мужество, большая смелость — вот что нам нужно сегодня. Не смелость на ритмическую ломку стиха или утверждение неожиданной рифмы. Смелость в выборе темы, рывах замысла, мужество подхода к действительности. Замысел «Божественной комедии», страстность «Потерянного и возвращенного рая», эмоциональность байроновских поэм и широта пушкинского гения — вот на что мы должны равняться сегодня. Мы еще и не начинали учиться у классиков. Мы все еще интересуемся борьбой поэтических направлений двадцатого века, забывая о ценностях поэзии прошлого.

Ударная бригада, работающая на Кузнецкстрое, должна стать не предметом зарифмованного административного восторга, а темой мирового значения. Только в этом случае победит пролетарская поэзия.

В. САЯНОВ

А. Прокофьев. «Улица красных зорь». ГИХЛ. 1931. Стр. 62. Цена 1 р 30 к.

А. СУРКОВ

кадры пришли — их надо воспитывать
(о рапповском поэтическом „сегодня")

С приходом призыва ударников массовые пролетарские литературные движения вступили в новый, качественно отличный от прежних периодов этап творческой работы. Одним из решающих показателей этого нового этапа является приход через стеновгазеты, заводские многотиражки, через газеты, журналы и книжную продукцию подлинно пролетарской продукции вчерашних писателей-ударников.

Так как в общем потоке творческой продукции ударников работа РАПП была особенно «пестрой», сложной и неоднородной по своим особенностям, работы по творческому руководству поэтическим молодняком приобретает особое значение.

Как было это видно, на московской областной конференции, где разгорелись ожесточенные вопросы поэзии, на конференции начался жесткого кризиса и пятилетнем участке работы. В то время противоречие между запросами революционного периода и тем, что давала поэтические кадры, было особенно резко. В стране шла коренная ломка социального и экономического уклада. Широкой волной прокатилась массовая кампания по осмыслению и критическому освоению классического наследства, можно подчеркнуть, была интенсифицирована и углублена. А в поэзии по-прежнему преобладала в достаточной степени пассивная созерцательность, бездейственное самоудовлетворение, при очень немногих удачных опытах в перестройке и применительно учитывающей актуальности классовых враждебных элементов («В гостях у Жорки» Кольцова, «Гуманистическое» вопли Пильняка и т. д.).

Критическое совещание, проведенное зимой нынешнего года, засвидетельствовало наличие в поэзии перелом (отдельные «ростки» Безыменского, книга стихов Гитовича и некоторые другие), но констатировало, что состояние разработки на поэтическом участке еще не ликвидировало, что многие подменяют перестройку по существу, декларативной тематикой, механическим подключением со старыми средствами на новую тематику. Совещание правильно определило, что решающий перелом на поэтическом участке произойдет тогда, когда на нас выступят, как активная действующая творческая сила, рабочие ударники, призванные в литературу.

Это положение целиком определяется основной вопрос: о чем писать, разрешается в творчестве молодняка со всяким пылом. Для несмышленышей из стен начинающих школ, выступающих со стихами в заводской прессе, не стоит вопрос о теме. На смену стихотворцам, бестемью, художественным пустячкам великого прошлого они приносят боевую тематику, предельно насыщенную проблемами борьбы за пятилетку, за промфинплан, за ударную бригаду. Они (еще не всегда умело и последовательно) пытаются связать с творческие разрешение всех этих задач на своем участке работы с боевыми задачами рабочего класса, истребляют внут путь к обывателю с точки зрения эмоционального восприятия, тех явлений и событий, участниками которых они являются. Это имеет существенное значение в характеристике положения в поэзии.

Тематический сдвиг, желание работать так, как того требуют основные творческие положения РАПП — это решение вопроса лишь наполовину. То же творчество значительнейшей части молодняка является лучшей иллюстрацией этого положения. Пока что большинство стихов, отражающих боевым современным материалом находится на крайне низком художественном уровне, нередко на первых ступенях творческого роста. Кроме того, большинство начинающих поэтов идет по линии наименьшего сопротивления, предпочитая схему и скольжение по поверхности глубокому и вдумчивому раскрытию темы. Не умея разобраться в вопросе противоречий и под ним разыскать ведущее, существенное начало явления и донести его до читателя, молодняк не снимает противоречие, а отстраняется от него, оперируя двумя цветами — резко черным и резко красным. Недостаток эмоционального подъема компенсируется длинной парой восклицательных знаков. Глубокое классовое обобщение подменяется легким перефразированием холодного газетного лозунга. Все это вместе взятое специализирует о стихийном проникновении в ударную молодняка элементов литфронтовщины, ибо именно она есть путь такого наименьшего сопротивления.

Как одно из наиболее резких проявлений творческого консерватизма приведем факт из поэтической работы над материалом борьбы за овладение техникой. О технике надо писать. Надо сосредоточить внимание масс на разрешении этой важнейшей задачи.

Но как разрешить эту тему поэту? Нам кажется, что задача поэта как агитатора и пропагандиста состоит в том, что он внимательно вглядывается в жизнь своего предприятия, своего цеха, бригады, черпает из их практики конкретный материал и, организуя его вокруг больших идей, четко сформулированных и известной речи т. Сталина, в художественном образе доносит материал до аудитория. Бьет на конкретных фактах техническую отсталость, бичует любителей работать «на глазок», агитирует производственным эффектом, отличным передовиками фронта борьбы за технику.

Но чтобы итти этим путем, мало прочитать передовую, надо познакомиться с речью т. Сталина. Надо в том и другое серьезно продумать. Надо понять и прочувствовать содержание темы, ее всеми ее противоречиями. Молодые же товарищи, не умея подойти к теме, боясь трудностей, сворачивают на побочную дорожку схемы отвлеченного разговора «по поводу», засушливого сочинительства «популяризаторства». Так, кружковец Цеткильнийской «переложил» в трехстиший неудобочитаемые, путаные и неумерные (свыше 600 строк) стихи речь т. Сталина. Так, трое кружковцев завода «Красная Пресня», вырвав из статьи т. Сталина пару цитат, развели вокруг них, хорошо и крепко звучащих в контексте предложения всей сталинской речи, сухую поэтическую дуплянку, с традиционными «ахулами империализма», их «злейшим хайлом» и прочими атрибутами безумной, лешей агитки.

Задача борьбы за мировоззрение, борьба за четкое пролетарское, ленинское понимание явлений и событий действительности, борьба за широкий классовый кругозор, при одновременном форсированном вооружении кадров творческим опытом, средствами поэтического выражения передовых идей и чувств своего класса, в разной мере актуальна и для наличного поэтического актива РАПП и для того плотного массива рабочего молодняка, который стоит на первых ступенях творческого роста. Качественная же разница и трактовка этого вопроса для обоих этих групп заключается в том, что для первой на них путь лежит через **творческое перевооружение,** основанное на самокритической оценке накопленного творческого опыта, через умение во время почувствовать и разглядеть то новое, что дает сегодняшний день, и сделать для себя немедленные практические выводы — это возможно лишь при условии непрерывной работы над собой, и более органического повседневного участия в классовой практике пролетариата; **для второй же группы вопрос борьбы за метод это вопрос первоначального основательного и всестороннего вооружения теми качествами,** без которых немыслим рост пролетарского поэта. Это обозначает борьбу за идейно теоретическую базу для классово-революционный опыт, накопленный ударником в боях за социализм у себя в бригаде. Это обозначает борьбу за овладение опытом, накопленным пролетлитературой и пролетпоэзией в частности. Это обозначает вступление в период первоначального накопления общего культурного и литературного опыта, основное на пестрятном изучении и критической переделке с точки зрения наших творческих задач наследства прошлого. **И само собой разумеется, это обозначает тесненшую увязку всего творческого роста, всей творческой практики с повседневной революционной практикой рабочего класса.**

Исходя из этого положения, борясь с проявлениями всех инакомыслящих вылазок в поэзии и преодолевая инакомыслящих влияний на рапповские поэтические кадры, и следует, по нашему мнению, строить главнейшую работу по воспитанию поэтических кадров, на основе развертывания напряженного творческого соревнования (в пределах метода диалектического материализма), развязывания творческой инициативы, свободы творческих группировок и последовательной большевистской творческой самокритики.

Одним из слабейших участков нашей поэтической практики, является работа по обобщению творческого опыта, накопленного пролетарской поэзией. Мы имеем чрезвычайно творческий опыт Демьяна Бедного, десятилетний опыт Безыменского, Жарова и ряда других пролетарских поэтов. Мы накопили большой коллективный опыт творческого молодняка. Но наши теоретические кадры не сумели серьезно и всесторонне критически переосмыслить этот опыт, выловить из него то, что войдет в железный фонд пролетпоэзии, отмести то, что является плакатом или отклонением от столбовой дороги творческого развития пролетпоэзии. Молодняк в этой работе предоставлен самому себе. Он сам должен разрывать огромный ворох поэтического материала и находить в нем то, что поможет ему выйти на правильную дорогу. Такое положение дальше не может быть терпимо. Перед лицом сотен рабочих поэтов, пришедших в литературу, наша критика и наша теоретическая кадры не могут больше отделываться молчанием или эпизодическими критическими отзывами на очередные сборники. Творчество Демьяна Бедного, Родченко, Безыменского, Жарова, Светлова, Голодного, Полетаева, Багрицкого, Сапунова, Луговского, Маховского и ряда начинающих, оказывающих то или иное влияние на творческий рост молодняка, должно быть разобрано, и пересмотрено с точки зрения наших новых установок вопросов творческого метода.

При едином рапповском поэтическом фронте, обращенном в сторону классово-чуждой и мелкобуржуазной поэзии, должно быть проведено на высокопринципиальной основе творческое размежевание внутри РАПП. Только на основе такого размежевания может быть успешной и продуктивной борьба со средневековым приказчиком «кой-кромольных» (ау, где вы?). Надо указать им, что кроме «блестящих», «сладчайших» Авиценнов, Гумилевых, Бальмонтов в истории русской поэзии существовали поэты-общественники, весьма интересные и по форме, не говоря о Некрасове, — Тредиаковский, Курочкин — это у нас в России — я, например, Фрейлиграт — в Германии. Петэ — во Франции и т. д., и т. п. Наконец надо ударников учить и относиться к профессиональным частностям дела к тому же внимательному анализу, метафоре, учить понимать, что еловая береза — это не только дерево, но это определенная сфера поэтического мировоззрения, что все это «потом» — та самая единоутробная сущность, за которой русские символисты, вплоть до Белого, пытались прикрыть русскую дегенеративную мысль и христианство с самобытным рабоклассовым чувством. Все это ударнику не вменяет-

Рассматривая себя как одно из разнородных звеньев РАПП в деле формирования творческого метода пролетпоэзии, группа, вместе со всей «Напостовской сменой», признала исходным положением тезис о борьбе за большое искусство, за большую поэзию пролетариата.

Эта задача понимается группой как движение по пути наибольшего сопротивления. Путь этот — создание поэзии, предельно насыщенной конкретным материалом классовой борьбы пролетариата и его созидательной практики, путь «срывания всех и всяческих масок с действительности», проникновения во все ее противоречия, нахождения под ворохом ходячих обывательских представлений о действительности **ведущего социалистического начала,** претворения этого начала в насыщенные глубокой идейностью, большевистской действенностью и высоким эмоциональным напряжением художественные образы. Схематизму, поверхностности должно быть противопоставлено и уже в в зачаточных элементах противопоставляется в произведениях ряда молодых рабочих поэтов правильное отношение к коллективу, как классовому целому, не задушащему, а обеспечивающему максимальный расцвет индивидуальности каждого участника коллектива. Группа считает, что борьба за социалистическую перестройку человеческого материала решительно может быть разрешена не на путях отвлеченного прославления Ударника с большой буквы, не на путях схематического расположения людей на двух полочках «доброго» и «злого», а на путях показа в художественных обобщениях той огромной борьбы, с остатками старых, рабских, частнособственнических, мелкобуржуазных чувств, идей и инстинктов, которую ведет внутри каждого участника социалистической стройки новое социалистическое начало, порождаемое классовой практикой. Только такие произведения, строящиеся на высокой идейной основе, на всестороннем осмысленном и освоенном революционном опыте рабочего класса, могут войти в актив большого, подлинно пролетарского, подлинно социалистического искусства и быть достойными класса, совершающего огромное дело социалистической переделки мира.

Только в коллективе, опирающемся на тесное общение и взаимодействие с подрастающими работами поэтически-мыслящих кадров, возможно успешное разрешение всех этих задач. Коллектив должен вынашивать тех, кто обивается с дороги, делать каждую крупицу приобретенного творческого положительного опыта, достоянием всех, отсеивать зазнавшихся и утерявших чувство самокритики и на основе соревнования с другими творческими направлениями двигаться вперед по пути закрепления на все новых и новых позициях в борьбе за творческий метод. Большевистской непримиримостью, высокой идейностью, страстностью активных борцов за социализм, постоянным ощущением того, что «литература есть часть общепартийного дела» должна быть пропитана вся наша работа, все творчество.

Исходя из этого критерия, группа будет вести жестокую борьбу со всеми, кто, как Уткин, пытается подменить борьбу за мировоззрение вторичной формалистической учебой, кто, как Жаров, подменяют эту же проблему разговорами только о материале и тематике, кто, как Безыменский, пытается демобилизовать кадры заявлениями о том, что «подождите, понимание агитки, их сегодня нужно, а о большом искусстве потокорим годика через три».

Пролетариат, в процессе стройки, строит бараки и временные города. Это целесообразно. Но над бараками он возводит заводы, построенные по последнему слову техники и закладывает тем самым фундаменты будущих социалистических городов, обрекая барака на слом в ближайшем будущем. Разговоры о большом искусстве «через три года» — это попытка подменить построение поэзии пролетариата, рассчитанной на большое и глубокое действие, легковесной «времянкой», попытка загнать всю пролетарскую поэзию в непрочный, недолговечный и неустойчивый схематический барак. И поэтому они реакционные. И поэтому они должны быть разоблачены.

И сверхсовременный материал и боевую тематику можно осветить по-разному. Мог же Клюев о Ленине написать отвратительно кулацкие стихи, замять, запакостить тему социализма, а Пильняк на чрезвычайно современном материале написать по-безыменски «Красное дерево». Мы должны и будем бороться за современный материал, за боевую тематику сегодняшнего дня, потому что как правильно сказал т. Авербах, именно на тематике реконструктивного, высшего и сложнейшего периода пролетарской революции лучше всего и вернее всего можно добиться наиболее полного и всестороннего выражения передовых идей рабочего класса. Но совсем не исключается возможность работы на материале предшествовавших этапов борьбы пролетариата, при том условии, если они будут осмыслены с точки зрения сегодняшних задач и подчинены идеям, живущим и господствующим на сегодняшнем этапе пролетарской революции. Кстати сужение тематики обязательно реакционно. К перестройке, к постановке вопросов продвижения поэзии вперед надо подходить не с этого конца.

Борьба за мировоззрение, за продвижение поэтических кадров к уровню передовых идей пролетариата — вот что разрешит в вопрос перестройки нынешних кадров, в вопрос создания действительно творческого коллектива.

фильма „Тихий Дон“— политический прорыв в кино

извращению крупнейших произведений советской литературы должен быть положен конец

под бдительный контроль пролетарской и писательской общественности должна быть взята любая переделка литературного произведения для кино

В помещаемых нами материалах о фильме «Тихий Дон» совершенно единодушно резко отрицательно оценивается работа режиссеров Преображенской и Правова. Все высказывающиеся сходятся на том, что фильма же имеет ничего общего с революционной кинематографией, что она смазывает классовую борьбу, идеалистически-реакционно передает дореволюционный быт донского казачества, совершенно извращает основной смысл популярного произведения М. Шолохова. Мы целиком присоединяемся к этим мнениям, считая вполне закономерным постановление АРРК об исключении авторов этой адюльтерной фильмы из Ассоциации работников революционной кинематографии.

Нельзя не отметить странного и доселе нами необъяснимого факта, что газета «Вечерняя Москва» поместила статью в защиту Преображенской и Правова, и тому же без всяких оговорок со стороны редакции.

Мы предоставили место для высказывания и режиссерам фильмы «Тихий Дон». То, что они пишут о своих ошибках, с нашей точки зрения показывает, что они извлекли из этих ошибок известные уроки. И это нужно приветствовать. Однако их заявления во многом продолжают оставаться неудовлетворительными.

Уже в самом начале своей заметки они исходят из совершенно ложного утверждения, будто бы они, «увлеченные романом, пошли за ним». Это неверно. Главная беда авторов фильмы и том и заключается, что они пренебрегли романом, извратили его. Следующим же абзацем они подтверждают, что «прошли мимо социальных сторон романа», что «получился адюльтер». Зачем же дипломатничать?

Зачем далее пытаться свалить всю вину на ошибочность метода, когда основным пороком является обывательская, а подчас и враждебная идеология?

На совершенно неверный путь встают тт. Правов и Преображенская, когда вместо безоговорочного признания своих ошибок, пытаются оправдаться тем, что им никто не помог разобраться в ошибках (тут же делаются весьма сомнительные ссылки на рабочие просмотры, будто бы их поддерживавшие). Тт. Правов и Преображенская переходят даже в наступление, разбирая «ошибки», будто бы совершенные АРРК в отношении их.

— Какого еще раскаяния требует от нас АРРК, — наивно спрашивают тт. Правов и Преображенская, обвинив затем организацию в администрировании.

Товарищи не хотят понять основного: что их работа стала несовместима с основными установками Ассоциации работников революционной кинематографии, что от них требуют не раскаяния, а перестройки на деле.

Товарищи обещают эту перестройку. Если они сдержат обещание, им будет обеспечена поддержка всей советской общественности и АРРК — мы уверены — в первую очередь.

Требуется указать еще на один момент — на частном случае с «Тихим Доном» совершенно правильно ставится общий вопрос о форме и методах переделки литературного произведения для кино, о том, как в этой переделке должен участвовать автор. Нужно, чтобы этот вопрос не заглох, чтобы им вплотную занялись писательская и кино-общественность.

О кино-фильме „тихий дон“

из записной книжки

1.

Разговоры о том, что «Тихий Дон» М. Шолохова будет на экране — идут давно. Вполне закончен повышенный интерес, что сделает «великий немой» с больщим и своеобразным произведением одного из талантливейших писателей советской страны.

Первые кадры прекрасно передают донской пейзаж, незабываемо данный М. Шолоховым.

А потом — полно-поехали!..

Выходить из кино разочарованный, злой!.. Эта картина и «Тихий Дон»? При чем же здесь «Тихий Дон» М. Шолохова.

«L'amour de kosakes» — «Казачья любовь» — очаровавшая во Франции «Тихий Дон» М. Шолохова при переводе. Так — по-своему — было понято переводчиками содержание произведения.

Видимо, лавры зарубежных почитателей М. Шолохова покоялись завидными постановщикам советской кинофильмы.

«L'amour de kosakes» — «казачья любовь» и составила содержание кинофильмы.

Драка на мельнице казаков и иногородних, война — все кадры об этом или случайно пристегнуты, или—тоже фон для развертывания любовной коллизии..

Вот и все, что удалось увидеть на экране!..

2.

В сущности говоря, постановщики «Тихого Дона» совершенно правы, отказавшись (на практике) воспроизвести на киноленте, потом на экране— все это большое произведение, весь его сумму идей, образов, мотивов и деталей.

Полное воспроизведение просто невозможно. Для этого понадобилось бы уже и не знаю сколько серий, — очевидно, не один десяток.

Поэтому, мне сдается, совершенно не правильно и ставить себе задачу инсценировать полностью, скажем, «Тихий Дон» М. Шолохова, или «Рельсы гудят» Кирилова, или «Разгром» Фадеева.

Поэтому, мне сдается, совершенно не правильно и название фильм: «Тихий Дон», «Рельсы гудят», «Разгром».

Прежние названия ведь обязывают к полному воспроизведению художественной ткани, образов, уже знакомых читателю, прочувствованных и продуманных им по книге.

В лучшем случае — при инсценировке произведения — кино-работники, правильно поняв идеи произведения, «отталкиваясь» от основных образов произведения, будут правильно понятое, разгаданное ими тематическое задание автора разрешать все-таки по-своему. Это «по-своему» определяется спецификой кино, метражем, скажем, обычной художественной киноленты.

Но это уже будет картина не «Тихий Дон», а по «Тихому Дону».

Тут ничего плохого нет. Наоборот, необходимо лучшие произведения нашей литературы перенести на «экран» — показать. Стараясь, конечно, привлекать к работе самих авторов произведений.

3.

Но тут вопрос в том, как понято произведение кинобоязливыми? Правильно или неправильно подходят они к инсценировке?

И с этой точки зрения просто противно говорить о той киножвачтине, которая носит почему-то название «Тихий Дон».

Но говорить совершенно необходимо.

Необходимо крепко ударить за этакое «вольное пересказы» большого произведения нашей литературы!

Нет никакой нужды излагать содержание первой книги «Тихого Дона», хорошо известного широкой читательской массе.

Можно и нужно упрекать М. Шолохова в излишнем любовании старым казачьим бытом, даже — в идеализации этого быта. Можно и нужно упрекать его за слабое отражение классовой дифференциации и, следовательно, борьбы в казачестве до войны.

Нужно указать Шолохову на то, что недостаточно резко вскрыты причины, вызвавшие империалистическую войну 1914 года, что его — Шолохова — философское отступление... «А было так»... чрезвычайно схоже с соответствующим местом из «Войны и мира» Л. Толстого, начинающегося этими же словами, схоже не только внешне, но и в известной мере — по сути!..

Но тем более нельзя, инсценируя «Тихий Дон», сближать весь авторский замысел и план до старой и пошлой в общем любовной кутерьмы вокруг одной самки!..

4.

Почему постановщики обошли эпизод с Кульмой Кручковым — этот великолепный протест Шолохова против бессмысленцы организованной капиталистами войны? Протест, который звучал и будет звучать!

Почему постановщики совсем выкинули подпольщика-большевика Шотмана (в книге «Тихий Дон» схематичного, но тем более нужно и интересно было бы разработать этот характер, и такая возможность у постановщиков была?)

Почему совсем опущено «почкование» вокруг Шотмана казаков и иногородних — служащих и батраков купца Мохова?

Впрочем, мало ли что забыто, упущено, опущено, выкинуто киноработниками из «Тихого Дона».

5.

Очень ярко кинокартина «Тихий Дон» разоблачает... Разоблачает она постановщиков: их убогий кругозор обывателей и мещан, интересы коих вокруг той же неизменной, незабываемой, «незаменимой» никак и ничем постели...

Разоблачает картина всю фальшь и ложь приспособлений, готовых, в виде дани суровым — ах! ах! — временам, показать издалека ужас войны и т. д. и т. п.

Но ведь чересчур дорого стоит нам такое саморазоблачение.

Можно и нужно делать это дешевле. И пути для этого — уже проведены: под контроль масс всю работу кино, равно как и всю работу в любой области искусства.

ВЛАДИМИР СТАВСКИЙ

наши ошибки и ошибки аррк

Нужно было только отказаться от романа и создать новую киновещь. Мы же, увлеченные романом, пошли за ним и в результате—ПОТОПУЛИ в материале.

Мы прошли мимо социальных сторон романа, не вскрыли реакционной сущности тогдашнего казачества, получился «адюльтер».

В «адюльтере» классовое затмилось биологическим. Все верно.

Хотели сделать как лучше, но, работая ошибочным методом, сделали не так как нужно.

Помог ли кто нам разобраться в этих ошибках? Нет, никто. Нас только били. Били все, за исключением рабочих просмотров на заводах. Бить было нужно, может быть, сильно бить, но не так, как нас: не до бесчувствия.

И чем, по нашему мнению, ошибки АРРК?

Кроме однозвучных «Баб рязанских» и «Тихого Дона», нами сделаны фильмы «Федька-пират», «Аня», «Светлый город», «Последний аттракцион», принятые советской и пролетарской общественностью. Почему об этих фильмах забыл АРРК? Почему в постановлении секретариата фигурируют только «Бабы рязанские» и «Тихий Дон»?

О картине «Тихий Дон». Фильм начат посещкой два года назад, закончен—почти полтора года. Кто не знает печальной истории этого фильма!

Знал ли АРРК обо всем этом? Не только знал, но больше года собирался обсуждать его. За все это время жизни АРРК утекло много воды. Были сотни заседаний, была чистка. Мы не проходили ее, остались. Только месяцев три назад АРРК устроил дискуссионный просмотр. На просмотре этом, мы перед лицом пролетарской общественности, признали свои ошибки, дали твердое слово, по силе наших способностей, овладеть диалектически методом, и следующим фильме положить в материалу иначе и взять другой материал.

Какого еще «раскаяния» требует от нас АРРК? На аррковском просмотре же была выдвинута комиссия по выработке резолюции. Резолюция эта «прорабатывается» по сие время. Вместо сего, когда «Тихий Дон» вышел на экраны, мы узнали из газет, что нас исключили из АРРК.

Нас не предупредили, не выяснили, даже не сообщили, что мы исключены.

А может быть нас следовало бы вызвать. Ведь и матерых исключенных есть не совсем первые сорта. Например ни один из нас никогда не отрицал своих ошибок тем, что фильм получился «такой» потому, что был начат постановкой совместно с заграницей. Режиссер Пранов, рассказывая, как принято на аррковских просмотрах историю фильма, только констатировал факт совместной постановки; отзвуки не приводя его как оправдание. А секретариат выставил это как мотив.

Мы—производственники. Единственный и, как нам кажется, наиболее убедительной декларацией у нас может явиться только наши следующие фильмы. Дело АРРК—помочь нам правильно построить к ним.

Чтобы это было, АРРК нужно метод административных воздействий заменить методом воспитательным.

Кинорежиссеры «Тихого Дона».

О. ПРЕОБРАЖЕНСКАЯ, ИВ. ПРАВОВ.

кино на буксир литературы

Давно назрела необходимость со всей серьезностью поставить вопрос о путях и границах использования литературного произведения для кино.

Мы еще не имеем фактов, когда кино удалось вскрыть идею глубже, ярче и значительнее, чем она выражена в самом произведении. «Тихий Дон» является лучшим показателем наихудшего использования литературного материала в кино.

Основной порок кинематографа заключается в том, что берется внешняя форма самого произведения, но не вскрывается ни его сущность, ни идейная глубина.

Кино механически воспринимает только те элементы повести, романа или рассказа, которые «подлежат изображению». В результате мы имеем схематизм, поверхностность и вычленение тех элементов, которые в самом произведении играют третьестепенную роль.

В картине «Тихий Дон» взяты сексуальные, физиологические элементы вне их связи с теми социальными процессами, вскрытие которых в романе Шолохова имеет бесспорно преобладающее значение и основной идеей которого они являются.

Выводы из этих печальных опытов? Нужно брать за основу самую идею литературного произведения, ставя своей задачей выявить и разрешить эту идею специфическими художественными средствами кино.

Возможно, что при такой постановке вопроса придется изменить произведение, внести в него некоторые дополнения, но работа и целом должна быть подчинена одной задаче — выявлению всей сущности, всей глубины литературного произведения. С такой установкой должен подходить к работе и автор литературного произведения, при участии которого должна создаваться фильма.

К. ЮКОВ

это не случайная ошибка

Бюро киносекции Всероскомдрама рассматривало вопрос о картине режиссеров Преображенской и Правова «Тихий Дон» и об организационных выводах, сделанных по отношению к ним секретариатом АРРК.

Статья в «Вечерней Москве», рассматривающая постановление АРРК как ошибку, исходила из статичного и, следовательно, неправильного понимания слова «полуторник».

В то время как простое сохранение прежних попутнических позиций мы должны диалектически рассматривать как движение вспять, выход с произведением, не только не приближающимся к пролетарскому искусству, но более реакционным, чем все предыдущее творческое художника, лишает его знания попутника.

Мы не можем расценивать «Тихий Дон» как случайную ошибку, естественную в процессе ломки мировоззрения, т. к. картина является закономерным продолжением творческой линии других фильмы тех же авторов «Бабы рязанские», получившей своевременно оценку советской критики.

КИНОСЕКЦИЯ ВСЕРОСКОМДРАМА

По линии Наименьшего Сопротивления

Картина «Тихий Дон» сделана режиссерами Преображенской и Правовым формально высоко. Но авторы совершенно не обратили внимания на содержание своей вещи, что имеет для нас решающее значение.

Не утяя законов взаимодействия литературного произведения и кино, постановщики пошли по линии наименьшего сопротивления.

Моменты классовой борьбы, имеющие решающее значение в романе Шолохова, использованы ими только как внешний фон для любовной интриги. Все социальное значение произведения выхолощено и сведено к вопросам биологии.

Редкие эпизоды, в которых не утверждали режиссеры они хотели вскрыть кулацкую недобитость казачества, сделаны вяло, неубедительно, необязательно и не оправдывают своего назначения.

Этой картиной режиссеры еще прочнее заняли позиции проводников мещанской идеологии, а кино, на которых они стояли и в своих предыдущих постановках.

А. АЛЬПЕР, токарь-ударник.

(«Красный факел»).

„твердолобые друзья“ пантелеймона романова

как П. романов выполняет „социальный заказ“ врагов ссср

Полученные нами сообщения из Англии как нельзя лучше раскрывают социальную направленность творчества Пантелеймона Романова, и частности одного из последних произведений этого писателя — «Товарищ Кисляков», предусмотрительно озаглавленного в английском переводе — «Три пары шелковых чулок».

Наша критика, хотя и выявила свое отрицательное отношение к этому откровенно классово-враждебному литературному выступлению П. Романова, однако сделала это недостаточно энергично, недостаточно резко и широко. А между тем, этот поклеп на социалистическое строительство и советскую интеллигенцию, пронизнув за границу, широко используется врагами СССР для антисоветской пропаганды.

Современная советская литература в Англии почти неизвестна. Там появились весьма немногие произведения пролетарских писателей и еще меньше пролетарских. И лишь два автора пользуются в буржуазной Англии большой популярностью. Это — Борис Пильняк, которого буржуазные критики называют «лучшим бытописателем советской современности», и Пантелеймон Романов.

Пантелеймона Романова переводят, печатают в журналах и отдельными книгами. Издатели мотивируют это, так же как и в отношении Пильняка, тем, что Романов дает картину «подлинной современной России».

«Три пары шелковых чулок» вышли в Лондоне уже двумя изданиями. Критика расценивает это произведение как «яркое отражение советского быта» и на основании его доказывает «полное моральное разложение внутри Советского союза».

Присоединяя свой голос к хору твердолобых клеветников на СССР, литературные критики при этом весьма широко пользуются цитатами из П. Романова. Слова одного из героев повести— Миддера— «Русская женщина потеряла все моральные устои; дай ей три пары чулок, и она твоя»—комментируются как отражение морального уровня советских работниц, а не психологического маразма героя или автора. Но дело, в конце-концов, не в том, как буржуазные критики воспринимают романовскую «клубничку», и в том политическом вреде, который приносит подобная литературная пошлятина.

Так же как год назад в Лондоне усердно расхваливалась «Без черемухи», теперь на все лады расхваливаются «Три пары шелковых чулок». Объявления о книге Романова сопровождаются во всех газетах и журналах следующей цитатой из рецензии «Daily Mail».

THREE PAIRS OF SILK STOCKINGS

Pantelemon Romanov. 6s. net.

2nd Impression.

"It is one of the mysteries of Soviet government that Romanoff's books are allowed to be published . . . The enforced ominence, the hideous lack of privacy, the gross stupidity of its rulers, the dreadful struggle with poverty, and all displayed here passionately and with an impressive power that we expect from Romanoff. —*The New Statesman.*

«Бесспорной загадкой является то, что советское правительство допустило публикование книг Романова. Изнасилованная задушенность, отвратительная разнузданность, тупая глупость нынешних правителей, потрясающая дикостью нищеты,—все это показано здесь страстно и с той изобразительной силой, которую мы и ожидали от Романова».

Мы не имеем ни малейшего желания отвечать на это бесстыдное злопыхательство твердолобых критиков. Ведь это только лишняя капля в бесславно проваливающемся кампании лжи и клеветы против Советского союза, сказки о «рабском» труде, «голоде» и т. д.!

Мы уверены, что пролетарский читатель Англии, каждый друг Советского союза, даже буржуазный читатель, объективно оценивающий Советский союз, не поверят Романову, несмотря на широковещательные рекламы буржуазных газет. Клеветнические писания Романова и его друзей из буржуазной прессы постигнет та же участь, что и басни о «принудительном» труде!

Однако, это не снимает необходимости также по достоинству оценить «работу» П. Романова советскому читателю. Конечно Романов не отвечает за то, что о нем пишут в английских журналах и газетах, но за свои книги и за тот вред, который он приносит, он отвечает.

Советская литературная общественность должна найти достаточно решительные слова для осуждения такого «творчества», которое вызывает восторги простых врагов СССР.

Обзор печати

за качество показа лучших

(«Ленинский путь» (Тихорецк, Сев. Кавк.), «Беленький рабочий» (Белица, Зап. обл.), «Красная звезда» (Ленинград), «Рабочая Москва», «За индустриализацию».

П. Романов, ударник тульского завода № 1, пишет о большевистском труде, об ударной работе:

«О ней рассказать —
Это в тысячи книжек
Прекраснейших тем
Неизтронутый край».
(«Раб. Москва», № 135).

Сейчас уже имеется художественный материал, показывающий героев социалистической стройки. Однако количество этого материала в плане задач советской литературы по отображению лучших совершенно недостаточно. Не всегда на высоте и качество.

Экзамен перестройки пролетарской критики, который она должна и обязана выдержать, заключается сейчас в том, чтобы обобщить имеющийся материал по показу лучших, материал, печатающийся не только в вышедших книжках писателей, рабочих-ударников, но и разбросанный по периферийной прессе нашего Союза. Обобщив этот материал, наша критика должна дать методологические и методические указания по показу лучших.

Многие ведущие газеты еще не откликнулись на лозунг показа героев.

***

Локафовская страница «Красной звезды» (Ленинград) правильно понял политическое значение показа лучших и дала специальную подборку (к сожалению без творческого материала) под лозунгом: «Показать героев-ударников, бойцы и командиры». За этой цикой следует небольшая статья «Показ героев», где задачи литературы по отображению лучших конкретизируется применительно к локафовской работе. Здесь же газета помещает письмо членов кронштадтской краснофлотской агитгруппы тт. Галышева, П. Корнушина, Н. Баталина, В. Петровского, объявляющих себя мобилизованными на выполнение этих задач.

«Красная звезда» дает также весьма ценный методический материал—«Тематические наметки для творческая литкружковцев». Поверхность, схематизм с одной стороны, а с другой — интеллигентское преклонение и снобизм—злейшие творческие враги показа лучших. Герои пятилетки у ряда авторов показаны очень бледно, остаются в стихотворении или в прозаической зарисовке лишь имена лучших, за одно—две строки об их работе. Так, например, в литстранице «Ленинского пути» (Тихорецк) т. П. Перерезко в «Стихах о четырех лучших» совершенно не показывает ударников Тихорецкого депо.

И вышли на зов в Тихорецкий узел
Черкасский,
Звенов,
Макаров,
Кузин,
Составы вели снизу дымящие выхи
И без выходных потяни взаносах».

Вот и все, что относится к машинистам-ударникам.

***

Возможно, что т. Перевенко просто не смог справиться с задачей показа лучших, не имея опыта. Но вот, например, В. Хандрос в «Рабочей Москве» (№ 129) просто полезайся ознакомиться с работой т. П. Островского, чернорабочего Электрозавода, и его зарисовка граничит с халтурой. Основанием для такого утверждения служит то, что в этой же зарисовке он сумел хорошо показать председателя-рабкора т. М. Крылова. Автор взял единичный случай из рабкоровской практики т. Крылова, — его поездку на фабрику «Пролетарская борозда», но в этом единичном случае было столько типичного, общего, что, показ вышел впечатляющим. И тем более досадно то, что в этом же очерке, объединенном общим названием, Хандрос халтурно подошел к показу тов. Островского. Этот показ заслуживает того, чтобы он был более или менее передан полностью.

«Шеф электропечи».

«Николай Островский, рабочий Электрозавода два года воевал за советскую печь». Это об Островском. Дальше Хандрос на девяти строчках говорит вообще об Электрозаводе. Возвращается к Островскому: «Но Островский скоро убедился, что план преуменьшен, что цех надо и можно выполнить в настоящий темп общезаводской работы». Опять забывает Хандрос Островского и дает 11 строчек, рассказывая о «курилке» цеха электропечей. После «курилки» — сразу: «Но Островский не унывал. Разбор и вожатый легкой кавалерии, он должен был мобилизовать своих товарищей». Опять забывает Хандрос Островского и дает 11 строчек, рассказывая о «курилке» цеха электропечей. После «курилки» — сразу: «Но Островский не унывал. Разбор и вожатый легкой кавалерии, он должен был мобилизовать своих товарищей». Опять забывает Хандрос Островского и дает 11 строчек, рассказывая о «курилке» цеха электропечей. После «курилки» — сразу: «Но Островский не унывал. Разбор и вожатый легкой кавалерии, он должен был мобилизовать своих товарищей». Опять забывает Хандрос Островского и дает 11 строчек, рассказывая о «курилке» цеха электропечей. После «курилки» — сразу: «Но Островский не унывал. Разбор и вожатый легкой кавалерии, он должен был мобилизовать своих товарищей». Опять забывает Хандрос Островского и дает 11 строчек, рассказывая о «курилке» цеха электропечей. После «курилки» — сразу: «Но Островский не унывал. Разбор и вожатый легкой кавалерии, он должен был мобилизовать своих товарищей». Опять забывает Хандрос Островского и дает 11 строчек, рассказывая о «курилке» цеха электропечей. После «курилки» — сразу: «Но Островский не унывал. Разбор и вожатый легкой кавалерии, он должен был мобилизовать своих товарищей». Опять забывает Хандрос Островского и дает 11 строчек, рассказывая о «курилке» цеха электропечей. После «курилки» — сразу: «Но Островский не унывал. Разбор и вожатый легкой кавалерии, он

«Николай Островский, рабочий Электрозавода два года воевал за советскую печь». Это об Островском. Дальше Хандрос на девяти строчках говорит вообще об Электрозаводе. Возвращается к Островскому: «Но Островский скоро убедился, что план преуменьшен, что цех надо и можно выполнить в настоящий темп общезаводской работы». Опять забывает Хандрос Островского и дает 11 строчек, рассказывая о «курилке» цеха электропечей. После «курилки» — сразу: «Но Островский не унывал. Разбор и вожатый легкой кавалерии, он дополнительно и упорно пробивал глухую стену, отгородившую цех от остального завода, и в результате... бюро ячейки было распущено». Хандрос рассказывает о том, кого уволили и кого сняли, и тотчас же кончает свою зарисовку: «Советская электропечь победила вместе с Островским. Вместо двух печей цех выпускает теперь 8, и испытания показало, что они работают лучше высококачественных иностранных».

Как Островский «убедился, что план преуменьшен», как он «пробивал глухую стену», читателю совершенно не ясно.

***

Удачным является стихотворение тов. Марьина «Черное на красное» («Всякий рабочий», Западная область). Стихотворение написано об ударной бригаде тов. Харитончова на «Красном Профинтерне». Показана борьба бригады, план. Однако автор недостаточно владеет еще литературной техникой и допускает целый ряд неудачных выражений («Сбросим же лень в плену недуг» и т. п.).

***

Интересен очерк М. Спутневского «Сила крепка Крундаревым», в книге «За индустриализацию» (№ 148). Автор показывает слесаря-инструментальщика т. Крундарева, руководителя цеха крепежных частей харьковского ГЭЗ. Основная идея очерка дана автором в эпиграфе из Сталина: «Говорят, что трудно овладеть техникой. Неверно! Нет таких крепостей, которые большевики не могли бы взять». Автор дал небольшую биографию т. Крундарева, рассказал о состоянии цеха до работы в нем большевика-хозяйственника. Автор показал т. Крундарева без халтурного высасывания, соответствующего творческой методологии литфронтовщины. У т. Крундарева были ошибки политического характера, и не плохо, что автор о них сказал. И, конечно, образ тов. Крундарева не стал от этого образом «разнесенным», образом «интеллигентским», как это должно было бы следовать по вышеназванной методологии.

Однако имея овладения техникой не ровно и не четко реализуется в очерке т. Спутневского. В первой половине очерка выпирает большевистская сущность овладения техникой. Производственный показ, техника становятся самодовлеющими. Пропадает образ т. Крундарева. Автор по может его показать в связи с этой технической реконструкцией. Получается некоторая разорванность техники и ее освоения.

Автор дает зарисовки фактов, технических процессов изолированно от показа т. Крундарева. Во второй половине очерка образ т. Крундарева вырисовывается более четко и показ его отношения художественно правильным.

Непреодоленная Европа

„список благодеяний“ ю. олеши

„Литературная газета“ статьей тов. ю. юзовского открывает обсуждение пьесы юрия олеши в постановке вс. мейерхольда

Актриса Елена Гончарова начала с бунта. С дерзких выходов против «нового человечества». И кончила покаянием, смиренным коленопреклонением. Эта жажда смирения, самобичевания, самообличения — как высшей радости. Она избрала себе наказанием за бунт самоуничижение. В пищевском рубище, с непокрытой головой она пойдет пешком через всю Европу — в Москву, на Триумфальную площадь, чтобы всенародно бить себя в грудь. Но она умерла от пули, которую искала, на улице Парижа, защищая рабочего пожара, умирая в умилении и экстазе. Она отдала свою жизнь; как искупительную жертву. В последней сцене смерти — достоевские тени, все время набегавшие в пьесе, сгущаются до предельной черноты.

На спектакле многим казалось странным, даже досадным, что пьеса с высоких философских вершин неожиданно сбежит на заурядный детектив — с выкраденным дневником, таинственным выстрелом и думой жалобы. Критика спешит упрекнуть автора в уступке вульгарным требованиям занимательности. Другие видят здесь намек на «объективный» вред для революции интеллигентской раздвоенности». Конечно, это не так. Было бы чересчур плоско такое толкование Олеши. Авантюрные события, в клубке которых невольно запутались Гончарова, имеют философскую функцию. Самое важное здесь — подчеркнутая невинность героини. Самое важное также сознательное приписывание себе не содеянного преступления. Авантюрная ситуация служит драматической и психологической мотивировкой для «искупительной жертвы», поводом для наказания.

Да, Гончарова умерла героической смертью. Она демонстрировала свою преданность пролетариату убедительным образом. Но пролетариат холодно примет этот подвиг: не из «жестокости», «если из'ясняться в стиле Гончаровой», а из «милосердия». Пролетариат, к которому обращается Гончарова, не санкционирует ее наказания и ее же интересах.

Свой бунт Гончарова персонифицировала в образе Чаплина, кино-актера, играющего стандартного человечка, падшего золото лишего, ставшего богатым. Тема Чаплина — тема личной жизни, личного благополучия, личного счастья. Это также тема «Европы», идея «Европы». Идея Европы, где географическая точка совпадает с философской точкой зрения,—тема личности. «Свобода личности» — основа «синема преступлений» нового мира. Свое обвинение Гончарова формулирует нетаумленно. На вопрос о «Гамлете» она словно замечает председателю, который сопровождает ее замечания звонком: можно подумать, что слова—это стадо баранов, «розье и блеф»? Комментарии излишни. Гончарова едет за границу, «к себе на родину». Она хочет вновь почувствовать, осязать, вбирать в себя существование вещей, которых нет в новом мире. «В новом мире блуждают и не познают в сознание понятия: невеста, жених, гость, дружба, награда, девственность». Она хочет видеть куст жасмина — символ лирики, которой не знает новое человечество. Она отдохнет в Европе от хамства (Дунька), тупоумия (Петр Иванович), пошлости (Варотский). В Европе Дунькин знают свое место. В новом мире они «могут» все.

Основная проблема «Синема благодеяний»—это проблема личности и коллектива. Тема Гончаровой — мелко-буржуазное истолкование идеи личности и коллектива. Задача пьесы — разоблачение этого истолкования, разгром «Европы», дезавуирование Чарли Чаплина.

Гончарова встречает долгожданного «Чарли-Чаплина» — представителя европейского человечества, счастливца, находящего золото. Он добывает себе счастье... у фонаря, протянув руку за подаянием — на луковицу. Безработица и голод — вот вымученная тема «Чарли Чаплина». На этой почве не расцветет личное благополучие, не будет комфорта, радости жасмина, укрощения Дуньки.

Белогвардеец, фашист — Дима Кизеветтер — жил в Париже все те годы, в которые Леля жила в Москве, преисполненная идей «Европы». «Синема преступлений» дома не составляла, но, оказывается, и у него в душе — мечта о «Чарле Чаплине», не осуществленная идея «Европы». Дима кричит, и его крике смех и плач: «Я хочу иметь невесту, почему у меня нет невесты?» — Невеста! Но ведь Леля говорила об этом как о новинки, не существующем в поном мире. И здесь оно — миф. Европа без кавычек надевается над поневоле Гончаровой личного благополучия, личного счастья. Остается Гамлет. Его не принимает «новое человечество». Происходит знаменательная встреча с человеком, которому автор дал имущество, солнечное имя: Уллялюм. Уллялюм. вспоминает Уллялюм! Единственный человек, оказавшийся родным Леле. Уллялюм это та же Леля. И он несчастен. Он тоже мечтает о жасмине и древнем городе Ниме, он выслушен петь песенки, вызывающие у посетителей мюзик-холла сексуальный зуд.

Резкие и злые удары бича — «Чаплина», «Дима», «Уллялюм»... Со стоном отстраняется от них Гончарова. Но катастрофы, крушения, капитуляция здесь нет. Идея «Европы» — не реализованная и в Европе. Но идея «Европы» живет у Лели Гончаровой. Мечта о Чаплине не улетучилась. Что из того, что, обыскав Париж, она не нашла желанного героя! Мечта о герое не исчезла. Удар, но не по адресу. «Европа» не разоблачена. Не разрушена обманчивая жизнь Чарли Чаплина. «Синема преступлений» не инвентаризован. Не раскрыта ложь мелкобуржуазной «свободы личности». Не сокрушена мелкобуржуазная концепция личности и коллектива.

Чаплин — Дима — Уллялюм — это мелкобуржуазная, реформистская критика старого мира. Коммунистическая критика пойдет по линии наибольшего сопротивления. Пусть «Чаплин» служит клерком в тресте Лельпитье, пусть Дима имеет невесту, а Уллялюм играет Гамлета. И тогда окажется, что Чаплин тоскует по творчеству, Дима и его невеста, даже «ворующие, как голубки», вызовут смех и жалость, Гамлет Уллялюма будет так же мертв, как призрак его отца. Я понимаю, что Шекспир в мюзик-холле взят условно, как символ падения искусства, но мюзик-холл — линия наименьшего сопротивления. Дело не только в Маржерете, никогда не слыхавшем о Шекспире, но и в шекспировском театре «Глобус», чье назначение насмешливо приведено мюзик-холлу. Дело в разоблачении индивидуалистической культуры буржуазии. Плетень и пыль «Европы» — пусть от нее заложится Гончарова. Тогда она приедет в СССР играть Гамлета по-своему, и не только в одном искусстве.

Олеша эмпирически, идеалистически отталкивался от действительности, не преодолев «Европы». Вот, кстати, иллюстрация по адресу тех, кто пожимает плечами при словах: «овладеть марксизмом, ленинизмом».

Сейчас нам бы следовало вернуться в Москву, где Гончарова нашла бы ту свободу личности, которую она искала за границей. Но повременим в «Европе», где между «Москвой» и «Парижем» развертывается схватка, самый драматический узел пьесы. Это «борьба за Гончарову» белогвардейского редактора Татарова и Федотова. Татаров назвал Федотова «ангелом». Татаров возникает, отбрасывая гофманские тени. Он в'едается в душу, он разгадывает и читает в сердцах. Федотов — хороший парень, боевой, крепкий, толковый. Но он недостаточно умен, недостаточно проницателен для занимаемой им позиции. Он не видит, что происходит с Еленой, не понимает ее споров с собой. Он отвечает ей не по существу, агитирует не ля тому, палат не по адресу. Федотов бьет: безработица во всем мире, а Гончарова о своем; классовая схватка, а она — о себе; рамки социальных битв, а она опять — «я», «я», «я». Нет никакого «я». Есть человечество. Федотов в пьесе—это депутат пролетариата, представитель идеи «человечества». Его цель наставить на путь нравственный заблудшую душу, недаром он «ангел». Но только не пролетарского происхождения. Депутат без полномочий. Гончарова признается, что спорит сама с собой. Но трагизм в ней очевидно говорят два голоса. Один из них — «слева» — воплощен в образе товарища по трактирным делам. Федотов выражает представление Гончаровой о «новом человечестве».

Марксистская проблема личности и коллектива так же диалектична, как, скажем, проблема свободы и необходимости. Свобода — осознанная необходимость; так же осуществляет себя в коллективе личность, максимально себя утверждая. Философия Федотова фаталистична. Он отрицает свободу — есть только необходимость. Есть только человечество, а вы говорите «я». Вы не в праве говорить о себе, вы обязаны говорить о других. Вы считаете, что безработный, стоящий в очереди за ложкой супу, подаренной Лельпитье, думает о себе. Нет, он думает о Лельпитье. Это не просто отсутствие. Это принципиальная философия: «человек думает о других». Федотов не может догадаться, что думая о себе, безработный думает также о Лельпитье.

Татаров понимает, знает. Он проницателен — этот тонг, знающий слабости человеческого рода, этот провокатор и искуситель «малых сих». «Когда за окнами играет балык, человек думает о своей жизни», так он иллюстрирует Гончарову. Как на это возражает Федотов? Он говорит: «безработица!» Это не отвечает на коварную реплику Татарова. Когда Дима, увидя Лелю, восклицает: «кто она?» Татаров бросает в упор, злая, что бьет наверняка: «твоя невеста!». Он сильнее Федотова. Федотов беспомощен. В этой борьбе «ангела» с «ангелом» — побеждает последний. Не виден ли «божий промысел»... автора?

Фаталистическая идея человечества получает свое воплощение в походе молодых на Париж. Безработные несут лозунги о хлебе, власти, работе. Вот список благодеяний! — уносило кричит Гончарова. И в этом крике уже чувствуются глубокие мотки покаяния. Кто составлял этот список. Это не весь список, который социализм несет человечеству. Там пропущены два пункта: свобода и личность. Куда девались эти два пункта!

Эту свободу личности Елена Гончарова могла познать не в парижском мюзик-холле. В Москве! Не случайно она,—актриса. Играя Гамлета «новому человечеству», она была однако далека от жизни, которую строит это человечество: труд, являющийся делом славы, доблести и геройства, воспитывает чувство свободы и личности.

В пьесе Олеши не показана эта свобода личности, проблема личности и коллектива и стране, строящегося социализма. И эта проблема взята механистически. Личное выпало. Коллектив — тиранического начало.

Протестовать — значит вернуться к Чаплину, стоящему у фонарного столба. Гончарова пошла за Федотовым. Но какая же это победа? Если б Леля вернулась в Москву, она встретила бы сначала улыбкой жалость Дуни, умиленно слушала бы Петра Ивановича, покорно бы каялась перед Варотским. Пролетариату не нужна такая преданность. На спектакле в театре Мейерхольда смерть Гончаровой была принята холодно. Безропотно опущенные глаза и поднятые кверху ладони — это поза не принята в СССР.

Своей огромной выразительности пьеса во многом обязана постановке Мейерхольда. Сценическое искусство было мобилизовано, чтобы сделать выпуклыми философские узлы пьесы и зорко сделать очевидной и неизреченную мысль. Можно сказать, что это центробежный спектакль. В нем нет стержневой режиссерской идеи. Автор спектакля шел за драматургом, сохраняя каждый нейтралитет и непосредственно в философские дела пьесы. Толкование постановки: каждой мысли, каждому намеку дать исчерпывающую сценическую перспективу. В этом смысле — художественный успех театра. От «гениальных шагов» в «Лесе» до узкой, крутой, высокой, с колодцем тупиной, длинной пристройкой в мюзик-холле — дистанция. Сценическое искусство, оформляет здесь не только бытие этой «перевернутости» хоть обязанной в лучших театрах), но и идею.

Но можно ли согласиться с принципиальным в этом спектакле плоскостическим «отстранением» режиссера? Взять хотя бы образ Татарова, приобретший в пьесе несоответствующую ему силу. В спектакле это самый внушительный из всех образов, он давит, он распоряжается, этот тость, в чужом доме. Одетый в тысячу демонических блесток, он приобретает какую-то магическую силу. Правда он пугает, а нам не страшно... Не что это за метод показа классового врага? Скрыта его сила, заметены следы, по которым его можно поймать.

«Список благодеяний», шаг от «Зависти» и «Заговора чувств». Начатый Кавалеров—это тин той же Елены Гончаровой, только пытающейся убежать свой мир, за что он квалифицировал как безнадежный и высокомерный. В «списке» Кавалеров отступает от себя, искренне взволнован злом пути к старому человечеству, но не умеет найти к нему проходов, включиться в него.

Возможно, что это очередная тема Олеши. Не скроем, однако, тем, что эта тема могла быть уже готова. Страна закладывает фундамент социалистической экономики. Право, «в эпоху быстрых темпов» художник не обязан «думать медленно».

Ю. ЮЗОВСКИЙ.

Творческие итоги сезона

на пленуме всесоюзного комдрама

Всесоюзкомдрам, коренным образом изменивший после первой всесоюзной конференции авторов основную линию практической и творческой работы с драматургией, провел значительный путь органической перестройки своей организации.

Еще слишком рано, по справедливому замечанию т. **Афиногенова**, характеризовать достижения Всесоюзкомдрама. Но, несомненно, что последним пленумом завершен большая работа.

Некоторые принципиальные итоги творческой работы советских драматургов, на основе пьес, поставленных в сезоне, подводил и докладчик этому пленуму Всесоюзкомдрама.

Анализ драматической продукции был основан не только на данных об выпущенных пьесах, но и постановках, на отзывах о каждом репертуаре, об обсуждении темы пьес и об историко-литературных пьесах.

С докладом о настоящем и перспективах советской сцене выступил тов. **Подольский.** Основная точка зрения его сводилась к тому, что драматургия, работающая над актуальными темами, в своих лучших пьесах не отразили во всей полноте решений пятнадцатого партсъезда, ни последних установок партии, неоднократно и весьма четко сформулированных т. Сталиным. Отсюда вытекала и задача выбора драматургом. Решающим вопросом остается вопрос о смычке драматургии с социализмом, — это огромный участок диалектического развития, в решающих моментах в нем двигается сознание рабочего класса, его чувствах, вырабатывается в процессе классовой борьбы. Но **никто из драматургов не отобразил в своем творчестве этой центральной идеи**, этой ведущей установки партии.

Различие индустриальных пьес заключается в степени приближения их к позициям пролетариата и к пониманию генеральной линии партии. Если с этой точки зрения исполнить их справа налево, то наиболее реакционной, по мнению т. Подольского, является пьеса Шимкевича «Вьюга». К попутническим пьесам он отнес пьесы Зарьянина, Полетики, Тригера. Определенно социалистические пьесы считает «Темп» и «Поэма о топоре» Погодина.

«Поэма о топоре» впервые дает нам не окрашенный эпигонством-троцкизмом анализ и четкое показательное жизни цеха и ее основных противоречий.

«Линию огня» т. Подольский подверг резкой отрицательной критике.

С такой резкой оценкой пьесы Зинаиды многие из выступавших не согласились. Возражая докладчику, тов. **Штейн** отметил, что Никитин проделал большой путь перестройки, окончательно отошел от установок «серапионовых братьев» — группы, в которую он входил. Никитин в значительной степени опровергает представление о «линейном» творчестве, он пытается писать, являющийся выразителем идеологии одного определенного класса, не может перейти на позиции другого класса. Никитин отказался в своем творчестве от изобличений им фигуры интеллигента, заблудившегося на путях и перепутьях революции. Писатель дает новую позицию в изображении героя — передового сознательного строителя социализма, его чувствах, вырабатывающихся

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Орган федерации объединений советских писателей РСФСР

Москва 20 июня 1931 г. № 33 (132)

РЕДАКЦИЯ:
Москва, Тверской б. 25, Дом Герцена. Телефон 2-80-12.

ИЗДАТЕЛЬСТВО:
Акц. о-во «Огонек»; Москва, Страстной б. 11. Телефон 5-5169.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА:

	СССР	ВНЕ СССР
На 6 м.	1 р. 75 к.	— 90 ц.
На 3 м.	- р. 90 к.	— 45 ц.

Пример конкретного большевистского руководства

На фронте художественной литературы происходит обостренная классовая борьба. Классовые враги пролетариата и различные антипартийные элементы за последние годы особенно настойчиво стремились к овладению рядом позиций в области литературы. Именно сейчас со стороны всех звеньев партийного руководства требуется особенное, повышенное внимание к вопросам литературы для того, чтобы довершить разгром литературной агентуры буржуазии, на деле превратить отряд литературных сезонников в один из резервов пролетарской литературы, усилить пролетарское перевоспитание пролетарско-колхозных писателей и осуществить развернутую гегемонию пролетарской литературы.

Не так давно мы помещали в «Литературной газете» материалы, характеризующие недостаточное внимание, проявляемое со стороны отдельных низовых партийных организаций вопросам литературы. В сегодняшнем номере мы публикуем ряд постановлений Фрунзенского райкома ВКП(б) (Москва), как образец конкретного большевистского руководства в области искусства. Эти постановления должны привлечь к себе внимание не только потому, что они содержат в себе подтверждение правильности литературно-политической линии РАПП и МАПП, нашедшей, в частности, свое выражение в призыве рабочих-ударников в пролетарскую литературу. Постановление о ближайших задачах института литературы и языка (ЛИЯ) Комакадемии, отмечая необходимость дальнейшего развертывания борьбы с правыми ошибками в литературной политике, подводит итоги прошлогодней борьбы «Литфронта» против РАПП, характеризуя «Литфронт» как группу, сервильную право-«левацкому» блоку Сырцова—Ломинадзе, то есть так, как ее в свое время охарактеризовали «Правда» и бюро ЦК КП(б)Грузии. Этот пункт постановления приобретает особую актуальность в связи с попытками антиквизации осколков «Литфронта» (книжки Рожкова, Майзеля, Родова и пр.). Сегодня мы печатаем обзор журнала «Литература и искусство», который — при прежнем, ныне сменяемом — составе редакции был опорной базой «Литфронта» и его эпигонов. Партийная организация института литературы и языка в настоящее время, как отмечает Фрунзенский райком ВКП(б), является здоровой большевистской организацией. Успешность борьбы с «нездоровыми» реваншистскими настроениями» разоблачение невыявленных остатков «Литфронта» и преодоление правых ошибок в ней предполагают необходимость превращения самокритики в основной метод работы парторганизации ЛИЯ» и решительного поворота к обслуживанию запросов практики социалистического строительства на литературном участке.

Постановления Фрунзенского райкома ВКП(б) дают не только общую оценку работы тех или иных организаций, но и конкретизируют эту оценку, ставят перед отчитывающимися организациями четкие конкретные задания. Та правильная суровая оценка, которую райком дал перед конференцией МАПП работе Фрунзенского районного бюро МАПП, подкреплена указанием на необходимость «мобилизации внимания всей партийной организации района к задачам пролетарской литературы, как к одному из важнейших участков работы», — подкреплена рядом конкретных директив как райбюро МАПП, так и партийным органам. Резолюция по докладу партийной части директората театра имени Вахтангова, столь же конкретная в выводах и предложениях, дает в то же время оценку творческой работы театра. Указания райкома на срывы в сторону эстетизма и пр. (при общем наметившемся сдвиге театра в сторону революционной тематики) и на появление «опасных тенденций к приспособленчеству», нашедших свое выражение в постановке «Путины» Ю. Слезкина (что уже отмечала «Литературная газета»), приобретают значение, выходящее за пределы оценки данного театра и вплотную подходят к постановке общих вопросов театральной политики.

Необходимо, чтобы опыт Фрунзенского райкома ВКП(б), показавшего пример большевистского подхода к вопросам искусства, имеющим огромное политическое значение в развертывающейся культурной революции, был широко использован, изучен и учтен для того, чтобы все звенья партийного руководства — до цеховой ячейки включительно — повысили свое внимание к вопросам литературной политики партии, к этому боевому участку идеологического фронта.

Партийные организации должны повседневно руководить литературой и искусством

Фрунзенский райком ВКП(б) показывает пример такого руководства

Ближайшие задачи ЛИЯ Комакадемии*

Постановление Фрунзенского РК ВКП(б)

Заслушав доклад бюро ячейки ЛИЯ Комакадемии о состоянии парторганизации, РК считает, что:

1. Удовлетворительный отпор, данный всей организацией сторонникам право-«левацкого» блока, пытавшимся в лит. институте Комакадемии создать одно из опорных пунктов, говорит о том, что идеологическое и политическое состояние парторганизации ЛИЯ здоровое.

РК отмечает, однако, что внутри парторганизации до сих пор остались невыявленными остатки литфронта (созвучного право-«левацкому» блоку) и имеет место защита правых ошибок по литературно-политическим вопросам.

Групповая борьба последнего периода, попытки отдельных товарищей перейти в наступление на новое руководство Института говорит о наличии недопустимых реваншистских настроений, срывающих творческую работу Института.

РК отмечает, что большевистская самокритика еще не стала основным методом работы парторганизации ЛИЯ. РК отмечает, что в ячейке имеют места тенденции углубленную удовлетворительную работу подменить администрированием, механически отождествлять борьбу за генеральную линию партии с борьбой за литературно-политические позиции РАПП.

2. Бюро РК констатирует, что работа Московской ассоциации пролетарских писателей во Фрунзенском районе в области терпит отражала те огромные сдвиги, которые произошли в результате перестройки пролетарского литературного движения, на фронты массового движения рабочего класса. Проведенный призыв рабочих-ударников пополнил ряды районных МАПП двумя стами новых писателей. Организовано *15 литературных кружков на предприятиях.

3. Бюро РК констатирует, что райотделение МАПП не сумело возглавить массового движения в районе за пролетарскую литературу. — Имела место тенденция на самотек. Райбюро МАПП выполнило функции технического посредника между аппаратом МАПП и кружками, и не возглавило и не руководило литературной работой в полном объеме в районе.

В связи с этим бюро РК признает работу райбюро МАПП неудовлетворительной.

4. Бюро РК отмечает, что партийные и комсомольские организации как предприятия так и вузов не уделяют этой работе никакого внимания; не возглавили массового литературного движения для направления его в русло активного участия производственной и общественной жизни завода, действительной борьбы оружием художественного слова за выполнение промфинплана.

Исходя из всего этого, Бюро РК считает необходимым:

1. Перестроить работу районного бюро МАПП с тем, чтобы оно объединило и руководило работой всех литературных учреждений района (ЛИЯ, Комакадемия, Фак. 1-го МГУ, Лит. отд. Пединститута и т. д.), кружков и бригад, в которые обязаны входить не только рабочие писатели данного предприятия, но и все пролетарские писатели этого района. Поставить перед фракцией МАПП вопрос о смене руководства райотделения МАПП.

2. Мобилизовать занимающие всех партийной организации района к задачам дальнейшего развертывания борьбы с правыми ошибками в литературной политике, подводит итоги прошлогодней борьбы «Литфронта» против РАПП, характеризуя «Литфронт» как группу, сервильную право-«левацкому» блоку Сырцова—Ломинадзе, то есть так, как ее в свое время охарактеризовали «Правда» и бюро ЦК КП(б)Грузии. Этот пункт постановления приобретает особую актуальность в связи с попытками антиквизации осколков «Литфронта» (книжки Рожкова, Майзеля, Родова и пр.). Сегодня мы печатаем обзор журнала «Литература и искусство», который — при прежнем, ныне сменяемом — составе редакции был опорной базой «Литфронта» и его эпигонов. Партийная организация института литературы и языка в настоящее время, как отмечает Фрунзенский райком ВКП(б), является здоровой большевистской организацией. Успешность борьбы с «нездоровыми» реваншистскими настроениями» разоблачение невыявленных остатков «Литфронта» и преодоление правых ошибок в ней предполагают необходимость превращения самокритики в основной метод работы парторганизации ЛИЯ» и решительного поворота к обслуживанию запросов практики социалистического строительства на литературном участке.

Постановления Фрунзенского райкома ВКП(б) дают не только общую оценку работы тех или иных организаций, но и конкретизируют эту оценку, ставят перед отчитывающимися организациями четкие конкретные задания. Та правильная суровая оценка, которую райком дал перед конференцией МАПП работе Фрунзенского районного бюро МАПП, подкреплена указанием на необходимость «мобилизации внимания всей партийной организации района к задачам пролетарской литературы, как к одному из важнейших участков работы», — подкреплена рядом конкретных директив как райбюро МАПП, так и партийным органам. Резолюция по докладу партийной части директората театра имени Вахтангова, столь же конкретная в выводах и предложениях, дает в то же время оценку творческой работы театра. Указания райкома на срывы в сторону эстетизма и пр. (при общем наметившемся сдвиге театра в сторону революционной тематики) и на появление «опасных тенденций к приспособленчеству», нашедших свое выражение в постановке «Путины» Ю. Слезкина (что уже отмечала «Литературная газета»), приобретают значение, выходящее за пределы оценки данного театра и вплотную подходят к постановке общих вопросов театральной политики.

Необходимо, чтобы опыт Фрунзенского райкома ВКП(б), показавшего пример большевистского подхода к вопросам искусства, имеющим огромное политическое значение в развертывающейся культурной революции, был широко использован, изучен и учтен для того, чтобы все звенья партийного руководства — до цеховой ячейки включительно — повысили свое внимание к вопросам литературной политики партии, к этому боевому участку идеологического фронта.

Постановление бюро Фрунзенского РК ВКП(б) о работе Фрунзенского райбюро МАПП

Заслушав доклад фрунзенского райбюро МАПП, Бюро РК отмечает, что:

1. Значительный количественный и качественный рост рядов пролетарского движения знает пополнения прибывшими в литературу рабочих-ударников является фактом, подтверждающим политическую активность и правильную партийную направленность литературно-политической линии, проводимой МАПП и РАПП.

2. Бюро РК констатирует, что работа Московской ассоциации пролетарских писателей во Фрунзенском районе в области терпит отражала те огромные сдвиги, которые произошли в результате перестройки пролетарского литературного движения, на фронты массового движения рабочего класса. Проведенный призыв рабочих-ударников пополнил ряды районных МАПП двумя стами новых писателей. Организовано *15 литературных кружков на предприятиях.

3. Бюро РК констатирует, что райотделение МАПП не сумело возглавить массового движения в районе за пролетарскую литературу. — Имела место тенденция на самотек. Райбюро МАПП выполнило функции технического посредника между аппаратом МАПП и кружками, и не возглавило и не руководило литературной работой в полном объеме в районе.

В связи с этим бюро РК признает работу райбюро МАПП неудовлетворительной.

4. Бюро РК отмечает, что партийные и комсомольские организации как предприятия так и вузов не уделяют этой работе никакого внимания; не возглавили массового литературного движения для направления его в русло активного участия производственной и общественной жизни завода, действительной борьбы оружием художественного слова за выполнение промфинплана.

Исходя из всего этого, Бюро РК считает необходимым:

1. Перестроить работу районного бюро МАПП с тем, чтобы оно объединило и руководило работой всех литературных учреждений района (ЛИЯ, Комакадемия, Фак. 1-го МГУ, Лит. отд. Пединститута и т. д.), кружков и бригад, в которые обязаны входить не только рабочие писатели данного предприятия, но и все пролетарские писатели этого района. Поставить перед фракцией МАПП вопрос о смене руководства райотделения МАПП.

2. Мобилизовать занимающие всех партийной организации района к задачам дальнейшего развертывания борьбы с правыми ошибками в литературной политике, подводит итоги прошлогодней борьбы «Литфронта» против РАПП, характеризуя «Литфронт» как группу, сервильную право-«левацкому» блоку Сырцова—Ломинадзе, то есть так, как ее в свое время охарактеризовали «Правда» и бюро ЦК КП(б)Грузии. Этот пункт постановления приобретает особую актуальность в связи с попытками антиквизации осколков «Литфронта» (книжки Рожкова, Майзеля, Родова и пр.). Сегодня мы печатаем обзор журнала «Литература и искусство», который — при прежнем, ныне сменяемом — составе редакции был опорной базой «Литфронта» и его эпигонов. Партийная организация института литературы и языка в настоящее время, как отмечает Фрунзенский райком ВКП(б), является здоровой большевистской организацией. Успешность борьбы с «нездоровыми» реваншистскими настроениями» разоблачение невыявленных остатков «Литфронта» и преодоление правых ошибок в ней предполагают необходимость превращения самокритики в основной метод работы парторганизации ЛИЯ» и решительного поворота к обслуживанию запросов практики социалистического строительства на литературном участке.

Постановления Фрунзенского райкома ВКП(б) дают не только общую оценку работы тех или иных организаций, но и конкретизируют эту оценку, ставят перед отчитывающимися организациями четкие конкретные задания. Та правильная суровая оценка, которую райком дал перед конференцией МАПП работе Фрунзенского районного бюро МАПП, подкреплена указанием на необходимость «мобилизации внимания всей партийной организации района к задачам пролетарской литературы, как к одному из важнейших участков работы», — подкреплена рядом конкретных директив как райбюро МАПП, так и партийным органам. Резолюция по докладу партийной части директората театра имени Вахтангова, столь же конкретная в выводах и предложениях, дает в то же время оценку творческой работы театра. Указания райкома на срывы в сторону эстетизма и пр. (при общем наметившемся сдвиге театра в сторону революционной тематики) и на появление «опасных тенденций к приспособленчеству», нашедших свое выражение в постановке «Путины» Ю. Слезкина (что уже отмечала «Литературная газета»), приобретают значение, выходящее за пределы оценки данного театра и вплотную подходят к постановке общих вопросов театральной политики.

Необходимо, чтобы опыт Фрунзенского райкома ВКП(б), показавшего пример большевистского подхода к вопросам искусства, имеющим огромное политическое значение в развертывающейся культурной революции, был широко использован, изучен и учтен для того, чтобы все звенья партийного руководства — до цеховой ячейки включительно — повысили свое внимание к вопросам литературной политики партии, к этому боевому участку идеологического фронта.

*) Все печатаемые постановления приняты в период март—май 1931 г.

Театр на службу пролетариату

Секретариатом Фрунзенского райкома партии были заслушаны доклады партийной части директората театра им. Вахтангова и доклад директора театра Рубашкина. По обоим докладам были вынесены специальные постановления.

МЫ ПРИВОДИМ РЕЗОЛЮЦИЮ О РАБОТЕ ТЕАТРА ИМ. ВАХТАНГОВА.

Секретариат Фрунзенского райкома партии констатировал, что в творческой практике театра имеются большие художественные достижения, нашедшие свое выражение в советской революционной тематике. Однако, к проблемам социалистического строительства театр приходит нецеленаправленно, быстрый отказ от срывавшихся в эстетизм, в самодовлеющую театральность, проявления некритическое отношение к классикам («Бокарелло и любовь»). В то время, как постановкой «Темпа» (пьесы, имеющей механистические и упрощенческие ошибки) театр включился в борьбу за новые социалистические формы труда, следующей постановкой — и «Путиной» произошло слома резкое снижение идеологической напряженности. Райком считает, что постановка «Путины» знаменует собой опасную тенденцию к приспособленчеству — вместо решительной борьбы за высокое художественно - политическое творчество.

При неоднократных попытках произвести решительный пересмотр творческо-методологических принципов театра, в неоднократной степени все же не развернута борьба против идеалистической теории Станиславского и работа по пересмотру установок его ученика Е. Вахтангова.

Райком предложил партийной части дирекции и всейке театра им. Вахтангова решительно в последовательно повернуть театр в сторону художественного отображения проблем социалистического строительства.

Необходимо развернуть всесторонюю марксистско - ленинскую учебу со всем составом театра и на этой основе пересмотреть критическим пересмотру методологические установки театра, ведя неуклонную борьбу против идеалистических тенденции отдельных работников его, против механистических и упрощенческих теорий в понимании задач театра. Должен быть взят решительный курс на подготовку новых кадров — из партийцев, комсомольцев, рабочей молодежи.

В связи с кризисным состоянием в области драматургического материала для театра райком предложил развернуть работу с молодыми драматургами, рабочими-ударниками, и пушами в литературу, проявить инициативу в создании новых методов разработки драматургического материала. Одновременно райком считает необходимым поставить вопрос перед РАПП — об обслуживании театра пролетарской драматургией.

Недооценка художественного показа лучших — оппортунизм на практике

Обращение секретариата РАПП — боевая путевка для каждого пролетписателя

Бьем тревогу

Первый этап экзамена выдержан плохо*

1. Констатировать, что решение секретариата РАПП от 4 мая о художественном показе героев пятилетки выполняется организационно плохо. Первый этап серьезнейшего экзамена выдержан пролетарской литературной организацией явно неудовлетворительно. Наряду со сравнительно широко развернувшейся (но только не давшей еще конкретных результатов) работой по Москве и Ленинграду, имеются совершенно возмутительные факты отношения местных организаций к решению секретариата РАПП. Таково, например, отношение Иваново-Вознесенского областного оргбюро, вообще вопрос о реализации обращения секретариата РАПП только 11 июня, т.-е. почти полтора месяца спустя. Этот факт нельзя квалифицировать иначе, как прямое проявление правого оппортунизма на практике. Не лучше обстоит дело с темпами реализации решений секретариата и в некоторых других областных организациях, которые вообще не информировали секретариат РАПП о проделанной работе.

За такое отношение к ответственнейшей задаче, стоящей перед пролетарским литературным движением, секретариат РАПП объявляет выговор секретарю Иваново-Вознесенского оргбюро, т. Сонину, а также предупреждает ленинградских Электро и Сибири, Казахстана, Северного Кавказа, Нижней Волги и Нижегородской области, что дальнейшее молчание с их стороны вынудит секретариат РАПП серьезно поставить вопрос о руководстве этих ассоциаций.

2. Секретариат РАПП констатирует, что в тех организациях, где работа по показу героев труда развернулась, к ней слабо привлечен основной рационализаторский писательский актив, и работа ложится на плечи только что призванных в литературу рабочих-ударников. Секретариат РАПП вторично напоминает, что показ отдельных заводов и героев труда, награжденных орденами Ленина и Красного трудового знамени,—является обязанностью каждого пролетарского писателя, без каких-либо исключений.

3. Несмотря на то, что в ряде организаций уже написаны очерки и книжки о героях труда, использованные их на страницах партийно-советской печати совершенно недостаточное. Просмотр центральных и местных газет говорит о том, что художественного показа героев труда на страницах нашей общей печати еще нет. Плохо работает здесь и рапповская печать, до сих пор не уделяющая (за исключением журнала «На литературном посту») достаточного внимания этому вопросу. Между тем, задачей рапповской печати является — кроме печатания произведений о героях труда — повседневный контроль и проверка исполнения взятых на себя организацией обязательств, перенесение положительного опыта, подстегивание отстающих, борьба, как с правооппортунистической недооценкой стоящей перед РАПП задачи, так и с зазнайством, создающимся вокруг показа ударников разного рода халтурщиками. Положение о том, что быстрые темпы работы по показу ударников неразрывно связаны с лозунгом создания боевого революционного большевизма, должно быть ясно и четко каждой АПП, каждым литкружком, каждым пролетарским писателем.

4. Считая положение о выполнении решения о художественном показе героев труда крайне острым, секретариат РАПП предлагает:

а) Каждую декаду заслушивать на секретариате сообщение о ходе работы по показу героев труда.

б) На следующем заседании секретариата поставить доклады заведующих отстающих областных делегаций, с привлечением по отношению к организациям, зараженным правооппортунистическими настроениями и решению этой задачи ответственных чек, вплоть до снятия руководства этих организаций, как явно неспособного к проводимой РАПП перестройке.

в) Обязать редакцию «На лит. посту» в каждом номере помещать сводку о ходе работы по показу героев труда, давая красную и черную доски для передовых и отстающих организаций.

Бригада «Правды» на Сталинградском тракторном заводе

Ф. Безыменский

Бригада „сталинцев"

Литературный кружок Ленинградского металлургического завода им. Сталина организовал бригаду по художественному показу героев социалистического строительства, во главе которой стоит т. Антонов, член завкома, рабочий инструментального цеха. Собирается исторический материал для книги о заводе. К сбору материала привлекаются все кружковцы.

ЧЛЕН БЮРО КРУЖКА КУЗЬМИЧЕВ.

Показать героев социалистических полей

3 колхозы, совхозы и МТС выехало 15 писательских бригад Сельколхозгиз и ФОПП

В работу по художественному показу людей большевистских темпов—героев пятилетки—включаются вслед за РАПП ряд других литорганизаций и издательств.

Сельколхозгиз проявил инициативу в деле организации писательских бригад для поездок в колхозы, совхозы и МТС.

Писатели-бригады будут дать художественные очерки, монографии о героях труда — ударниках колхозов, совхозов и МТС, а также описать ряд отдельных типов хозяйств (совхоз, сельскохозяйственная артель, коммуна), отобразить важнейшие проблемы реконструкции сельского хозяйства.

В состоявшемся недавно совещании в литературном секторе Сельколхозгиза приняли участие писатели, уезжающие в районы, и представители сельскохозяйственных изданий.

Сельколхозгиз организует 15 писательских бригад, в эти бригады выделены 25 писателей — ФОПП, РОПКП, РАПП, ВССП и «Кузницы».

Бригады уже выехали в районы с инструкциями эредакционного совета Сельколхозгиза. На местах писатели должны будут оказать помощь в деле организации авторских коллективов для создания коллективных книжек о героях труда колхозов и совхозов. К этой работе писатели должны привлечь и специалистов-агрономов. Писатели примут участие в в подготовке к уборочной кампании, в продвижении и пропаганде массовой сельскохозяйственной книги.

Первые очерки писателей должны быть представлены в Сельколхозгиз к 10—15 июля. Издательство выпустит в сентябре сборник и отдельные очерки писателей и авторских коллективов в специальной серии, посвященной героям социалистических полей.

Н. Брыкин от имени делегации пролетарско-колхозных писателей Ленинграда, выезжающих на места, вызвал на творческое соревнование по лучшему показу героев социалистических полей писателей МОПЕН и подписал заключен договор между Ленинградом и Москвой.

Первая партия писательских бригад Сельколхозгиза в ФОПП уже выехала в районы СССР: ЦЧО, Северный Кавказ, Сибирь, Средняя Волга, Белоруссия и др.

Вторая группа писателей выедет в августе.

А. КР—ОВ

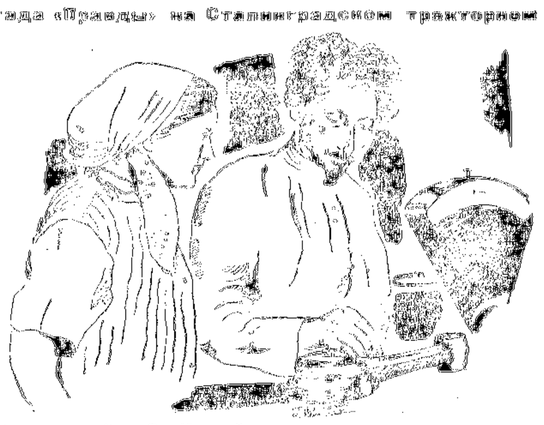
Обращение журнала „ЛОКАФ"

Редакция журнала ЛОКАФ к обращении к авторучкам Красной армии и флота призывает писателей-краснознаменцев и краснофлотцев в ближайшему сотрудничеству в журнале.

«Страна должна знать своих героев,—говорится в обращении,—она хочет знать героев заводов, шахт, колхозов, героев Красной армии и флота, передовиков социалистического строительства и обороны страны. Товарищи-писатели. Красной армии и флота, пишите об ударниках Красной армии и флота, показывайте лучших, на примере которых можно учиться, которых можно ставить в образец.

Красная армия и флот должны быть описаны полно, глубоко, конкретно, как героический коллектив, один из передовых отрядов строющегося социализма».

Бригада «Правды» на Сталинградском тракторном заводе



Юр. Либединский и О. Колейчина, инспектор по проверке деталей

Как мы работали

Бригада пролетписателей, выехавшая в Баку, состояла из 4 человек: А. Исбаха, В. Резчикова, С. Тарасевича и М. Юрина.

Мы поставили себе следующие цели: изучить, насколько это возможно, в месячный срок, бакинскую нефтяную промышленность, главным образом, с теми рационализаторскими мероприятиями, с теми техническими новшествами, которые так велики на предприятиях Азнефти.

Нашей задачей было изучить жизнь и быт бакинского пролетариата, в результате героической борьбы добившегося выполнения нефтяной пятилетки в 2½ года. Изучить для того, чтобы потом отразить в своих произведениях, показать лучших ударников, напряженных правительством.

Кроме того, мы поставили себе целью поучиться на промыслах в работах районах ряд вечеров пролетарской литературы, помочь в работе АЗАПП, выявить новых рабочих-заводов, помочь им написать очерки, рассказы, стихи о борьбе бакинских рабочих,—борьбе, в которой семи они принимали непосредственное участие.

С самого начала мы почуяли, что детально, глубоко ознакомиться со всей чрезвычайно богатой бакинской действительностью нам не удастся,—слишком короток срок. Чтоб не оказаться в роли верхоглядов, ознакомившихся со всем помаленьку, мы разбились на отдельные небольшие участки работы. Тов. Тарасевич повел работу непосредственно к бурящей партию в Сураханы—ему было поручено бурение. Исбах пошел на Новокаспийский молодежный завод в Черном городе (он везет нефтепромывку). Юрин и Резчиков включились на Биби-Эйбате в работу по эксплоатации на бухте Ильича.

Кроме того, все вместе, совместно с председателем Азнефти М. С. Барминым, мы выехали на развитки—в Нефтечалинский район.

Включившись в работу промыслов и заводов, мы не чувствовали себя случайными гостями, и, изучая производство, там же знакомились с людьми, в частности, с лучшими, с награжденными орденами Ленина и азербайджанскими орденами Трудового красного знамени.

Работа эта дала нам очень много. Хотя, конечно, мы не сумели глубоко постичь все нефтяное дело, тем не менее мы ознакомились с новой колоссальной областью производства, увидели, как и почему выполнили бакинские пролетарии свою пятилетку в 2½ года.

Второй частью нашей работы—литературной—несколько мешали первой. Вечеров было слишком много, во всех районах, и они отрывали нас от заводов и промыслов. Но побывав во всех районах, мы познакомились со многими рабочими-ударниками, выявили группу ребят (Малышков, Никитин, Новожилов, Катин, Кушнеров и др.), которые сами взялись писать небольшие книжечки о своей работе нашедшие книг, изданных ВЦСПС. С этими товарищами мы будем поддерживать связь и в дальнейшем*).

Материалом собрано нами очень много. Сильно мешала нам наша постыдная неграмотность в вопросах техники. Изучение техники, знакомство с геологией, химией, машиностроением—одна из неотложнейших задач для каждого пролетарского писателя.

Мы должны будем теперь написать о борьбе за нефть бакинских пролетариев. Мы думаем, что месяца, проведенного нами в Баку, мало для того, чтобы мы могли глубоко познать всю бакинскую действительность. Большого полотна мы написать не сумеем—для этого нужна значительно более длительная работа в Баку.

Мы попытаемся по мере сил показать в очерках, стихах, рассказах отдельные эпизоды борьбы, борьбы за нефть, за новую технику, за освоение этой техники, показать новые формы труда и людей, героев-пролетариев бакинских заводов и промыслов, показать так, «чтобы наше бытописание приносило посильную помощь непосредственным участникам движения и героям-пролетариям—там, на месте действия, писать так, чтоб способствовать расширению движения, сознательному выбору средств, приемов и методов борьбы, способных при наименьшей затрате сил дать наибольшие и наиболее ценные результаты» (Ленин).

Насколько хорошо это нам удастся, сейчас судит рано. Надо сделать получше. Над этим будем работать...

*) О работе АЗАПП в целом—в специальной статье.

По поручению бригады:
А. ИСБАХ, В. РЕЗЧИКОВ.

Вызываем на соревнование

Считаем себя мобилизованными для осуществления постановления секретариата РАПП. Так же, как и в борьбе за выполнение профинплана на производстве, мы — членыя творческой группировки «Завода» взяли на себя конкретные ударные обязательства и приступили к их осуществлению. Обязуемся приложить все свои силы, все умение на то, чтобы в кратчайший срок дать высококачественные произведения, показывающие стране ее героев.

Героя заводов «Красный путиловец», «Красный треугольник», им. К. Маркса, им. Буденного, Оптического, им. ОГПУ, героя рыбацких колхозов Волго-Каспийского бассейна, героя Красной армии, водного транспорта — вот кто окажет нашими обязательствами.

Параллельно с этим будем продолжать работу над большими художественными полотнами.

Задача показа стране ее героев, показа того, как социалистические элементы побеждают капиталистические, — большая задача всех писателей, всех ударников, призванных в литературу. Поэтому мы вызываем на творческое соревнование по быстроте и качеству выполнения постановления РАПП все рабочие литературные группы, и первую очередь — ленинградскую творческую группу «Напостовский прилив».

ПО ПОРУЧЕНИЮ ГРУППЫ «ЗАКАЛ»:
ВОРОНОВ, ГРОМОВ, КАЛИНЫЙ, ЛОМОНОСОВ

За пять дней

За удар ность и качество, против пошляков и халтурщиков

О главном в деле показа лучших

Обращение секретариата РАПП, выдвинувшее перед всеми нами прежде всего писателями задачу художественного показа героев пятилеток — рабочих-ударников и предприятий, награжденных орденами Ленина и Трудового Красного знамени, подчеркивало, что эта работа должна быть не временной, кампанейской, а постоянной, систематической, рассчитанной на длительный период времени. Однако, отмечая секретариат РАПП, сразу же должны быть взяты и сохраняется в дальнейшем ударные темпы, ибо на этом деле проявляется творческая беспособность многого рапповского руководства. Ибо дело художественного показа — актуально для каждой организации.

На последнем заседании секретариата РАПП, 17 июня, были подведены предварительные итоги начальной стадии работы по осуществлению обращения секретариата РАПП. Работа эта признана неудовлетворительной.

Это не значит, конечно, что ничего не сделано. Мы имеем немалой опыт Московской ассоциации, активную работу ленинградцев, быстрый отклик со стороны некоторых местных организаций. Но, как мы и отмечали в одном из предыдущих номеров «Литературной газеты», всего этого совершенно недостаточно, так как, во-первых, еще очень далеко до выполнения лозунга о включении в работу по показу всей РАПП и, во-вторых, еще нет почти никаких творческих результатов, нет продукции.

С этой точки зрения неудовлетворительно обстоит дело и в Москве, и в Ленинграде.

Что касается провинции, то здесь, как правило, сделано совсем мало. И есть немало заявлений, которые просто прикрывают оппортунистическую недооценку важнейшего дела—показа героев. Достаточно указать на Иваново-Вознесенскую АПП, обратившую свое внимание на обращение секретариата лишь через две недели после его опубликования («Л. Г.» своевременно отметила этот недопустимый факт). Такие и аналогичные им факты нельзя характеризовать иначе, как правооппортунистическую практику. Секретариат РАПП решил в отношении таких организаций делать оргвыводы, вплоть до роспуска руководства.

На заседании секретариата было поставлено несколько вопросов, имеющих решающее значение для развертывания работы по показу героев в дальнейшем.

Это — прежде всего—вопрос о качестве. Уже сейчас, в самом начале, намечается серьезная угроза качеству показа героев. В основном причины этого в том неверном напоре, который вокруг этого дела создается.

Значительная часть нашей печати, особенно периферийной, вообще не заключалась в работу по показу, особенно по линии литературы, другая же часть — это относится главным образом к журналам — отнеслась к этому делу, как к очередной кампании, которую нужно «провернуть». И вот писатели, ездящиеся представителями журналов и газет, у них покупают еще не сделанную работу и требуют ее сдачи чуть ли не в три дня, чтобы успело к «очередному номеру». А издательство «Федерация», например, объявило конкурс, предельным сроком которого начале было—25 мая! Это ведет к халтуре, к оценщанию лозунга о художественном показе героев социалистической стройки.

Это опошление выражается в методах работы. Товарищи, награжденные правительством, буквально осаждаются корреспондентами и журналистами, им мешают работать,—а затем в печати (примеров этого есть уже немало) на ста строках появляются «художественные очерки» — простой пересказ биографии награжденного, «украшенный» несколькими пустыми фразами, в котором (пересказе) лишность конкурирует с халтурой.

В такой обстановке писатель, действительно по-серьезному относящийся к своей работе, лишен возможности ее осуществить.

Пошляков и халтурщиков нужно ударить по рукам!

Выступавшими на секретариате был поставлен такой вопрос: обязательно ли очерк о напряженном должен представить собой его художественную биографию? Совершенно правильно указывалось, что это не обязательно. Нужно пятно по линии наибольшего сопротивления, нужно показывать ударника в обстановке завода, в окружении других людей, описание ударника вовсе отрывать от описания производства, общего собрания ударничества и соревнования и т. п. Художественной почти никаких героев не должен замыкаться в рамках цеха и завода, в нем заметную роль должен играть момент обобщения.

Все эти опасности и недостатки естественно могут быть преодолены лишь в том случае, если рапповские организации сумеют создать необходимую обстановку во всей работе по отображению в художественной литературе героев социалистической стройки.

Однако, было бы неправильным думать, что можно осуществлять руководство путем административной централизации и распределения всей продукции писателей о героях. Это—дела не решает.

Речь идет, во-первых, о том, чтобы каждый писатель получал задание, наиболее ему интересное, в соответствии с общей тематикой и направлением его творчества.

Речь идет, во-вторых, о постоянном наблюдении и помощи со стороны ассоциации работе писателя, создании вокруг него атмосферы товарищеской поддержки в организации контроля за тем предприятием, которое фигурирует в его очерке, рассказе и т. д.

Наконец, также при помощи рапповских организаций, должен быть достигнут перелом в отношении к делу показа героев—печати. Нужно, чтобы каждая газета, каждый журнал чувствовали свою ответственность за качество показа лучших, а не содействовали распространению халтуры. Здесь, очевидно, нужна целая система совместных совещаний, а прежде всего постоянная критика всего того, что печатается о героях.

Мобилизация на дело показа героев всего пролетарского литературного движения, борьба за качество показа лучших, против пошляков и халтурщиков — обеспечат решительный перелом в этом деле, и второй этап экзамена будет выдержан.

Против кулацкой опасности
в пролетарско-колхозной литературе!
Против лжеколхозных произведений!

Кулацкая критика

«Антология» крестьянской литературы. Вступительная статья и редакция Гессена А. Стр. 660. Тираж 5 тыс. экз. ГИХЛ. 1931 г.

«Антология», рассчитанная на широкий круг читателей и в особенности на пролетариев-ударников в литературу, открывается большой статьей Гессена, представляющей несколько чуждый нам литературно-политическими установками.

Пытаясь дать характеристику писательских индивидуальностей, лишенной всякого развития противоречивых и реализующих через их творчество, сложный процесс классовой борьбы, открывая, что даже в эпоху буржуазных отношений крестьянство, «сохранившее на почве так было выдвинуло целый ряд самобытных писателей», Гессен переходит к «Антологии» защите кулачества и кулацкой литературы. Он пытается изобразить кулачество как движущую силу пролетарской революции, как класс, активно сочувствующий за Октябрь. Кулачество, дает Гессен, боролось за Октябрьскую революцию совместно с пролетариатом и крестьянством, в отличие от чего «пролетарская» литература встречает Октябрьскую революцию «неласково» (41 стр.).

Это необходимо автору для того, чтобы вместе всю «всю» крестьянством обрушить в революцию кулачество, прикрыв тем самым его контрреволюционную роль. Это необходимо для изложения данного положения о том, что мы совершили Октябрьскую революцию не «со всем» крестьянством, а вместе с бедняцкими и середняцкими массами, чего не дает в этому повода. (стр. 42).

Таким образом кулачество и его литература все и помимо революционной воли продолжали, в силу объективных факторов «бежать», «тянуть» и «вести» в борьбе с пролетариатом. (Вопросы ленинизма, последнюю тов. Сталиным, стр. 345—46).

Как, следовательно, можно умолчать, что кулацкая литература, встретившая как роды пролетариата, встретила Октябрьскую революцию «сочувственно»? Кто может утверждать жизнь крамолы кулачества.

Ревякин на протяжении всей своей статьи старается изобразить кулачество как класс, добровольно сделавший пролетарскому свое сочувствие. В соответствии с этим кулацкая литература рисуется как тесно умирающая, блестящая, ушлая.

«Перед Октябрем,—читаем мы на стр. 40,— начинает зарождаться крестьянская литература в борьбе с дворянско-буржуазной». Классовая борьба в нашей стране изображается как что-то давно затухшее и обострившееся лишь в 1928—29 гг. В соответствии с этим, рассуждает Ревякин, «в дореволюционной литературе замечается кроме того отличие».

«Но это «кое-какое», — спешит он оговориться, — последний отзвук умирающего класса. Он не может носить активного характера, это как обычно бывает с отмирающими классами страны совсем не дает к этому повода». (стр. 42).

Таким образом кулачество и его литература все и помимо революционной воли продолжали, в силу объективных факторов «бежать», «тянуть» и «вести» в борьбе с пролетариатом, а не в союзе с ним? (Вопросы ленинизма, последнюю тов. Сталиным, стр. 345—46).

Как, следовательно, можно умолчать, что кулацкая литература, встретившая как роды пролетариата, встретила Октябрьскую революцию «сочувственно»? Кто может утверждать жизнь крамолы кулачества.

Ревякин на протяжении всей своей статьи старается изобразить кулачество как класс, добровольно сделавший пролетарскому свое сочувствие. В соответствии с этим кулацкая литература рисуется как тесно умирающая, блестящая, ушлая.

«Перед Октябрем,—читаем мы на стр. 40, —

Бумажные ресурсы должны быть найдены!

Издание художественной литературы — ответственный участок культурной революции!

Долой благодушие!

Недавно один администратор, уезжающий в отпуск, вернулся, говоря с бодрым спокойствием: «У нас такое количество неполадок, что прямо не знаешь, за какую приниматься. Все эти неполадки — естественные спутники реконструктивного периода. Не будем огорчаться!». Приложение валохнули: «Может быть и наша неполадка с бумажной промышленностью не заслуживает огорчений?» К сожалению, неполадки обладают живучестью и без активного вмешательства «огорчающихся» растут и обладают способностью переселяться на смежные участки.

Вот неполадки с торфом (недосушка) на Нигрес, а в Москве в УчпедГИЗ и в ГИХЛ бьют тревогу и кричат о прорыве: Баиакчинские моторы не получили электроэнергии с Нигреса. Отгруженная бумага не пришла — машины стоят. Московские бумажные склады пусты. Спасаем помогает человек, работающий на разных культурных участках, кроме инженера Бельского и целой вереницы черных героев предательства, описанных в книжке Альферова. «Вредительство в бумажной промышленности» (попробуйте найти эту книгу, недавно выпущенную, пошарьте по полкам — нигде нет. Где она?). К неполадкам стихийного порядка, в споре активных предателей объективно присоединяются пассивно благодушные, «невольные добровольцы», и вот результат: мы имеем перед собой не один, а несколько прорывов, на ответственнейших участках культурного фронта. Мы кричим о прорывах, имеем их источников, по странности игнорируя самую простую причину этих явлений: недодачу бумаги.

План объединения издательств в ОГИЗ организационно закончился. Однако вместе с укрупнением мы имеем скачок себестоимости кверху и прочие явления, связанные с недостройкой здания. Большинство ГИЗов, обращенных к потребителю технической, военной, медицинской, социально-экономической, учебной и научной литературы, испытывают эти эффекты недостройки в гораздо меньшей степени, чем ГИХЛ. Почему это происходит? Отсюда, видите ли, — говорят нам, — что ГИХЛ, в отличие от прочих издательств, зарабатывает в убыток. Трудно представить себе более противоречивое: когда 33 издания смешали в одной корзинке и зачли 360 миллионов листов-оттисков на 1931 год, то первоначально создавалась полная уверенность, что минимальный план решающего года будет осуществлен. Но как только недодача бумаги ОГИЗом стала резать по живому месту художественную литературу, как только начались уменьшения тиражей, доведенного теперь чуть лишь до 120 миллионов (втрое меньше минимума), так немедленно сказались колоссальные дефекты укрупнения. В общей сумме 33 издательств, составивших ГИХЛ, имели годовую бумажную норму, на 35 проц. превышающую нынешнюю норму всего ГИХЛа. Вот почему ГИХЛ, как целое, оказался бедное отдельных его частей, а уменьшение причитающихся показателей материальной базы ГИХЛа немедленно сказалось качественным перекосом всего плана: качество; одни части ГИХЛа [illegible] скоро осуществимый, вскоре вскроет другие, в частности, наиболее рентабельные издания оказались в хвосте и в загоне. Прохор обогнал, хорошее отстало. Вот вам прорыв.

На всем *это* отразилось — и на возможности заключать договора, и на взаимоотношениях автор по срочным договорам на книги, которые не выйдут вовсе, и т. п. К этому присоединяются злоупотребления: набор, пуск в машину и брошюровка художественной литературы, для которой типографиями устанавливали третью очередь. Отсюда описание со стачей продукции Книгоцентру и прямой договорно-юридический результат: Книгоцентр не отвечает за недодачу ГИХЛу в срок продукцию, запоздавшую к этому сроку. Кризис бумажный превращается в кризис бюджетный, реализуются четкие формы отношений с авторами.

Есть специфические причины, по которым литературно-художественный ГИЗ больше всего страдает от этих недочетов. Потребитель его носит печать своеобразия. Это не Наркомпрос с его учебными заведениями, который всегда имеет возможность взять ОГИЗ за горло в случае недодачи учебников, и не другие в отрасли, аккуратно перечисляющие на бюджет Госиздата суммы платежей за потребляемую литературу. Потребитель художественной литературы — это, в значительной своей части, огромная, многомиллионная и безымянная масса людей, нуждающихся в художественной книге, как в воздухе. Этот культурно-просвещенный, созданный революцией потребитель не выносит резолюций и не обладает возможностью многомиллионной коллективной организацией обратиться с жалобой на отсутствующие книжные полки в магазинах, на работницу прилавка, горестно разводящих руками в ответ на просьбу о книге. Книги нет!!! А книга она была, то этот самый безликий потребитель платил за нее чистоганом, и художественная литература была, говоря без утайки, самой серой, самой прибыльной, доходной статьей ГИЗа. Но когда эта доходная статья исчезла, на плечи затрещала и другие издательства, ГИХЛ стал приносить убытки, тем как при отсутствии бумаги выпускать ему нечего. Отсюда легенда об «убыточности художественной литературы», легенда поглощая, обусловленная той недооценкой значения художественной литературы, которая из простой недооценки сегодня превращается в политическую ошибку.

Если мы возьмем операцию с первой контрольной цифровой данной Госплана *по бумажной промышленности, то мы увидим, что комиссия под председательством А. С. Бубнова, сломавшая эти цифры и данная их увеличение, сама исходила из жестко выраженной максимальной потребности страны (потребительская пятилетка). Если мы параллельно с этим возьмем минимальные варианты Книгоцентра, то увидим, что годовой нормой потребления 1931 г. является цифра семьдесят пятьдесят миллионов листов-оттисков, на художественную литературу. С 750 до 120 миллионов — это потеря высоты катастрофическая. Никакому благодушию не может быть здесь места.

Надо помнить, без уроков существенного нечего других издательств, выхода из положения. Рабочая и писательская общественность (Рабпредсовет ОГИЗа) недаром бьет тревогу, недаром рабочий-кожевник Д. А. Семенов с сокрушением кончает об утечках бумаги: 1.400 тонн выброшены на печатание игральных карт! На того же сырья мало бы выйти ровно вдвое больше хорошей печатной бумаги. *Мы имеем перед собою годовую бумажную норму художественной литературы, проиграннную в марты.*

Необходимо теперь же добиться решительного перелома не только по линии перераспределения, но и по линии фабрикации бумаги. Зам. ОГИЗом т. Халатов указал на демобилизационные настроения Союзбумаги. Не дадим стране 5 тыс. тонн по плану. Союзбумага в дальнейшем имеет сложность к ужасающим недодачам. Дочь это дня дела идут все хуже. Тут должны быть использованы все средства *для изгиза культурно-политических сортов и бумажного сырья во всех областях, где это возможно.* Дешевая бумага из водорослей по *проекту* инж. Вежлева может итти и для концелярских надобностей, и на обложки, и на посадочные этикетки, и на афиши, и на трамвайные билеты, на рекламы и т. д. Американские чижеграты успешные обогнали нас ровно на год в технологии водорослевой бумаги, в сущности говоря использовали наш проект. Они взяли у себя почти столь же непочатый край водорослевого сырья, что и мы в Сибири и на Севере. Технологическая часть кончилась, Америка уже бросила на рынок чистый фабрикат в огромном количестве, устанавливая дешевизну и мотивносную скорость выработки.

Быть может, писательская общественность более активно войдет в систему мобилизации внутренних ресурсов бумажной промышленности для никакивания не минимго, а *реального прорыва* в области литературно-художественной продукции. Желательно, чтобы читательская масса тоже знакомилась с историей той советской книги, которую она держит в руках. Слабые попытки дать представления о сырьевой базе культурной пятилетки уже сделаны. Необходимо, чтобы в дальнейшем писательская общественность теснейшим образом вошла в живую связь со строительством бумпромышленности. Необходимо активнее, более умелательство всей советской общественности в поисках внутренних ресурсов бумажной промышленности и зоркое наблюдение за дальнейшим развитием этого важнейшего из базисов культурной революции.

АНАТОЛИЙ ВИНОГРАДОВ

Издательство „Федерация" под угрозой

За 1928 г. издательством «Федерация» было выпущено 1.327.000 оттисков, в 1929 г.—7.605.000, в 1930 г.—9.108.000. К выпуску за 1931 г. запроектировано 15 миллионов, в вместе с «Никитинскими субботниками» и «Недрами»—20 миллионов оттисков.

Какова же реальное выполнение производственного плана за первые два квартала этого года?

Надо отметить, что за первые два месяца план был выполнен совершенно неудовлетворительно из-за недостаточного и несвоевременного снабжения бумагой, а также в связи с тем, что большинство московских типографий было мобилизовано на издание литературы к посевной кампании. Следует также указать на полное стопроцентное невыполнение нашего плана Мосполиграфом.

Но, начиная с марта, кривая выполнения производственного плана резко пошла вверх и в мае достигла рекордной месячной цифры за все время существования издательства «Федерация» — 1.417.250 оттисков.

В ориентировочной производственный план на июнь было включено 1.146.000 оттисков. Однако, приходится констатировать, что планирующие и хозяйственные органы очевидно не умеют в полной мере использовать той роли, которую играет издательство «Федерация» в качестве основного общественного издательства писателей, и совершенно не обеспечили его бумагой.

Если в течение первого квартала мы получили около 80 тонн печатной бумаги, в апреле 11,5 тонны, то в мае—только 13 тонн. А за июнь мы получили до сих пор только 6 тонн. Кроме того надо учесть, что из общего количества полученной бумаги 26 тонн было переведено «Никитинским субботникам» и «Недрам» для завершения их работ. Картоном, писчей и картонной бумагой издательство слабжается из рук вон плохо. А недавно вместо 10 тонн печатной бумаги нам пытались всучить 10 тонн обертошной бумаги.

Само собою разумеется, что при таких условиях снабжения выполнение нашего производства, *вполне реальное в редакционно-издательском отношении*, срывается самым непоустимым образом. Достаточно указать, что в настоящее время в издательстве построение накопилось *37 совершенно готовых и подписанных к печати книг, не имеющих бумаги. Эти 37 книг составляют свыше 1.800.000 оттисков.* Цифры говорят сами за себя.

Необходимо обратить внимание писательской общественности еще и на то, что Комитет по делам печати, регулирующий распределение бумаги между издательствами, дал нам указание, что при определении нашей потребности в бумаге следует исходить из расчета 18 тонн на 1 млн. оттисков. Между тем, такая бумажная норма совершенно нереальна и невыполнима. Опыт показал, что на выполнение 1 млн. оттисков издательству необходимо не 18, а около 25 тонн. Таким образом, если Комитет по делам печати будет настаивать на проведении в жизнь указанной им нормы, то дело фактически сведется к *значительному сокращению нашей продукции.*

Мы прекрасно понимаем, что *дело не только в нашем издательстве. Вопрос* надо поставить гораздо шире. Тов. Халатов совершенно правильно *на-днях* писал в «Известиях» о том, что бумажную промышленность надо поставить лицом к печати. Вопреки оптимистическим заверениям т. Шифрина, при наших неисключительных темпах развития книжного дела бумаги у нас определенно не хватает. А темпы, усвоенные Союзбумагой, не предвещают в этом отношении ничего хорошего.

Писательской общественности «Федерация» объединяет советских писателей *необходимо со своей стороны* немедленно обратить серьезнейшее внимание на *состояние* бумажной промышленности и помочь своему издательству выйти из крайне затруднительного положения, в котором оно очутилось.

ВИКТОР ГОЛЬЦЕВ.

Кто знает — где достать карту „Пятилетки"

Писатель едет в районы новостроек. Предстоит целеустремленную работу. Знакомится с литературой, материалами издательств, хозяйственных и научных учреждений. Всюду — отношение внимательное. Последовательно — для лучшего усвоения материала понадобилась географическая карта пятилетки. Писатель обращается в книжные магазины ОГИЗ.—*не пропустил ни одного* (в районе центральных улиц и вокзалов в стороне),—но нигде карты пятилетки не оказалось. Тщетно ищет писатель карту в книжном магазине «Туриста» (казалось бы, что здесь уж обязательно такая карта должна быть). Не оказалось карты и в магазине географических карт на Кузнецком.

Описанное *было* случилось со мною. И уехало через два дня и, очевидно, без карты. Допустимо ли, чтобы такое нужное пособие, как карта пятилетки числилось в рубрике дефицитных товаров? Да разве ли это так. В книжном магазине общества пролетарского просвещения сказал мне:

— Вы думаете, вообще нет? Вероятно, где-нибудь на складе их сколько угодно, а-а так, знаете...

Для всякого, кто активно интересуется социалистическим строительством — карта пятилетки необходимейшее пособие. Надо позаботиться, чтобы книжные магазины были ими обеспечены.

Л. ЛАГОВСКИЙ

„Линия огня" Н. Никитина в Камерном театре

«Линия огня» написана два года назад. Это — почтенный срок, «старящий» пьесу и многое в ней объясняющий. Об этом кое-кто из критиков пьесы забыл, тогда как рождение спектакля не всегда есть и рождение пьесы. «Линия огня» для своего времени была безусловно новаторской пьесой.

Н. Никитин одним из первых подошел к тематике социалистического строительства. «Линия огня» для Н. Никитина была шагом вперед после «Шпиона», художник обратился к основному, к главному в нашей действительности: характерное для Н. Никитина устремление к индивидуализму малозаметно, новое качество вошло в это мастерство.

Коонен—Мурка

Новая тематика не есть нечто безразличное для художника, что бы ни говорил об этом все тот же Перельман: тематика есть одно из звеньев перестройки художника, одно из необходимых условий его перелома. Глеб Успенский хорошо это выразил в одном из писем периода 1887—1888 гг. к редакторам «Русских ведомостей». Жалуясь на усталость, он указывает, что дело уже не в ней, что он захватом новой идеей — показать власть капитала: «Теперь эти явления изображаются цифрами — у меня же будет цифра в душе превращена в образ». Эта тема стоит меня по твердую почву: теперь я перестаю мучиться случайными мыслями». *Вот эту «твердую почву» темы* не всегда находит наши писатели, их «случайные» муки не представляются в числе прочего и через кривую большую тему. Тематика не есть, вместо с тем, только сбект, она есть и отношение к объекту, к изображаемой действительности. *Метод художника проявляется тематикой, тематика просвечена художественным методом.* Пьеса Н. Никитина — яркий пример этой связи метода и тематики. В пьесе есть противоречие, получившее наиболее отчетливое свое выражение в образе Мурки.

Зачем нужен этот экзотический образ беспризорницы? — удивляются некоторые критики. Почему автор не показывает перестройки бедняцкой или колхозницы? Не нужно верить художнику на слово. Игра Коонен лучше поможет понять образ Мурки, чем это делает текст. Разве Коонен играет беспризорницу? Разведка дает образ небольшой — анархически-дерзкой девочки? Нет. Отвлекитесь от костюма, от некоторых аксессуарных реплик, от жаргона, и перед вами встанет образ мелкобуржуазной интеллигентки, разрывающейся со своей мелкобуржуазной природой, приходящей к пролетариату переломной нашей стройки в новое существо. Центральное в пьесе — это роль и место мелкобуржуазной интеллигенции в социалистической стройке. Вот что прежде всего интересует автора. Вот что прежде всего характеризует и спектакль. Кадры интеллигенции — вот тема пьесы. Это вообще главная тема всей нашей поэтической драматургии. Одни давали эту тему в связи с темой гражданской войны, другие — в связи с темой о Западе (Опыха), третьи — в связи с темой о социалистическом строительстве. Но всегда — в связи, что всегда — делая проблему интеллигенции подушной, ей получили все остальное, обедняя тем самым более существенное, превращая это существенное в мелкое, в сопутствующее.

Противоречие пьесы Н. Никитина заключается именно в том, что социалистическое строительство для него не основное, а лишь способ проверки отношения интеллигенции к революции. «Объективную классовой борьбы», умеренно выраженное Лениным, чужд Никитину, когда он обращается к тематике реконструкции, его интересует главным образом не процесс этой реконструкции, но «реконструкция» социалиста. Он описывает действительность через призму этой проблемы перестройки интеллигенции. Выбрав «женскую» тему строительства гиганта индустрии, он предпочитает некоторых представителей интеллигенции в своеобразных «ригачков», отгораживающих от него личные истории, отвлекающих его от главной линии огня к огонькам частных историй. Обращение к процессам стройки невозможно должно было бы вывести на первый план людей, представляющих основной массив стройки: секретарь ячейки Алейников, комсомолец Слезкин, ученик Иван Орлов. Но эти образы приглушены, они не вмещаются в пьесу, они вырваны из их классовой прикачки, из труда, из коллектива. И наоборот, подчеркнуты фигуры, характерные для отмеченной выше основной проблемы пьесы. Макарыч, Сыркин, Гагалей—это разные стороны мелкобуржуазной и буржуазной интеллигенции: друзья, специалисты, враги. Виктор и Сыркин — это решение задачи: нужно быть вместе с партией, с рабочим классом. Это — смелательство перестройки В. Никитина: он — с этими кадрами, в них он видит основу действительности, Митуцаяся, ломающаяся, как хрупкое стекло Мурка выражает всю силу мелкобуржуазных колебаний, весь индивидуализм буржуазии, ее собственничество. И одновременно автор вкладывает в этот образ зерно черты, ибо в мелкой буржуазии перерабатывается социалистической стройкой, уничтожается ее собственничество, обрываются связи с буржуазией, с капитализмом.

Но пьеса все же устремлена к разрыву темы о реконструкции, она дробится на отдельное, на личное, обрастает личными коллизиями. Углубление пьесы идет в сторону индивидуальных характеров, общие явления слишком общи, схематичны, иногда аллегоризированы (*Сыркин, Гагалей*). Это дробление пьесы усиливается, а не устраняется спектаклем. *Коонен, Гиацинтова, Аронзон* лепят выразительные образы, но это—выразительность «разбещенная» пьесы, а не ее единственная тематикой реконструкции. Эти три образа есть образы отдельных индивидуальностей, на них лежит знак «общечеловечности». Аронзон прекрасно конструирует образ толстого вообще, вещного и тревожную обывательскую, но это не есть конкретный образ *производящего делу социализма* работника: текст здесь не помогает, но *Гиацинтова* не «камера», не пишет, а — строитель, организатор, на он поставлен пьесой в такие условия, что стройка проектируется представлены его практически. Он занят не взрывом» (бунт осенников, кулачья, убийство Батагова). Получается ложный ход образа не завершен, не раскрыт, строитель-коммунист остался игрушным наброском. *Коонен* прекрасно вначале роль Мурки — и окончательно разорвала пьесу на куски. Коонен оканчивает спектаклем, действие протекает через нее, любое событие, завязанное пьесу, есть прежде всего ее событие, она пружина явлений, в ней—главные контроверзы пьесы. Мурка, в исполнении Коонен, раскрывает слабость пьесы...

Установка братьев Стенберг «технически» не помогает. Одна площадка — это не выход. Это — почтенный срок, «старящий» пьесу и многое в ней объясняющий. Об этом кое-кто из критиков пьесы забыл, тогда как рождение спектакля не всегда есть и рождение пьесы. «Линия огня» для своего времени была безусловно новаторской пьесой.

Н. Никитин одним из первых подошел к тематике социалистического строительства. «Линия огня» для Н. Никитина была шагом вперед после «Шпиона», художник обратился к основному, к главному в нашей действительности: характерное для Н. Никитина устремление к индивидуализму малозаметно, новое качество вошло в это мастерство.

Коонен—Мурка

Новая тематика не есть нечто безразличное для художника, что бы ни говорил об этом все тот же Перельман: тематика есть одно из звеньев перестройки художника, одно из необходимых условий его перелома. Глеб Успенский хорошо это выразил в одном из писем периода 1887—1888 гг. к редакторам «Русских ведомостей». Жалуясь на усталость, он указывает, что дело уже не в ней, что он захватом новой идеей — показать власть капитала: «Теперь эти явления изображаются цифрами — у меня же будет цифра в душе превращена в образ». Эта тема стоит меня по твердую почву: теперь я перестаю мучиться случайными мыслями». *Вот эту «твердую почву» темы* не всегда находят наши писатели, их «случайные» муки не представляются в числе прочего и через кривую большую тему. Тематика не есть, вместо с тем, только сбект, она есть и отношение к объекту, к изображаемой действительности. *Метод художника проявляется тематикой, тематика просвечена художественным методом.* Пьеса Н. Никитина — яркий пример этой связи метода и тематики. В пьесе есть противоречие, получившее наиболее отчетливое свое выражение в образе Мурки.

Зачем нужен этот экзотический образ беспризорницы? — удивляются некоторые критики. Почему автор не показывает перестройки бедняцкой или колхозницы? Не нужно верить художнику на слово. Игра Коонен лучше поможет понять образ Мурки, чем это делает текст. Разве Коонен играет беспризорницу? Разведка дает образ небольшой — анархически-дерзкой девочки? Нет. Отвлекитесь от костюма, от некоторых аксессуарных реплик, от жаргона, и перед вами встанет образ мелкобуржуазной интеллигентки, разрывающейся со своей мелкобуржуазной природой, приходящей к пролетариату переломной нашей стройки в новое существо. Центральное в пьесе — это роль и место мелкобуржуазной интеллигенции в социалистической стройке. Вот что прежде всего интересует автора. Вот что прежде всего характеризует и спектакль. Кадры интеллигенции — вот тема пьесы. Это вообще главная тема всей нашей поэтической драматургии. Одни давали эту тему в связи с темой гражданской войны, другие — в связи с темой о Западе (Опыха), третьи — в связи с темой о социалистическом строительстве. Но всегда — в связи, что всегда — делая проблему интеллигенции подушной, ей получили все остальное, обедняя тем самым более существенное, превращая это существенное в мелкое, в сопутствующее.

Противоречие пьесы Н. Никитина заключается именно в том, что социалистическое строительство для него не основное, а лишь способ проверки отношения интеллигенции к революции. «Объективную классовой борьбы», умеренно выраженное Лениным, чужд Никитину, когда он обращается к тематике реконструкции, его интересует главным образом не процесс этой реконструкции, но «реконструкция» социалиста. Он описывает действительность через призму этой проблемы перестройки интеллигенции. Выбрав «женскую» тему строительства гиганта индустрии, он предпочитает некоторых представителей интеллигенции в своеобразных «ригачков», отгораживающих от него личные истории, отвлекающих его от главной линии огня к огонькам частных историй. Обращение к процессам стройки невозможно должно было бы вывести на первый план людей, представляющих основной массив стройки: секретарь ячейки Алейников, комсомолец Слезкин, ученик Иван Орлов. Но эти образы приглушены, они не вмещаются в пьесу, они вырваны из их классовой прикачки, из труда, из коллектива. И наоборот, подчеркнуты фигуры, характерные для отмеченной выше основной проблемы пьесы. Макарыч, Сыркин, Гагалей—это разные стороны мелкобуржуазной и буржуазной интеллигенции: друзья, специалисты, враги. Виктор и Сыркин — это решение задачи: нужно быть вместе с партией, с рабочим классом. Это — смелательство перестройки В. Никитина: он — с этими кадрами, в них он видит основу действительности, Митуцаяся, ломающаяся, как хрупкое стекло Мурка выражает всю силу мелкобуржуазных колебаний, весь индивидуализм буржуазии, ее собственничество. И одновременно автор вкладывает в этот образ зерно черты, ибо в мелкой буржуазии перерабатывается социалистической стройкой, уничтожается ее собственничество, обрываются связи с буржуазией, с капитализмом.

Но пьеса все же устремлена к разрыву темы о реконструкции, она дробится на отдельное, на личное, обрастает личными коллизиями. Углубление пьесы идет в сторону индивидуальных характеров, общие явления слишком общи, схематичны, иногда аллегоризированы (*Сыркин, Гагалей*). Это дробление пьесы усиливается, а не устраняется спектаклем. *Коонен, Гиацинтова, Аронзон* лепят выразительные образы, но это—выразительность «разбещенная» пьесы, а не ее единственная тематикой реконструкции. Эти три образа есть образы отдельных индивидуальностей, на них лежит знак «общечеловечности». Аронзон прекрасно конструирует образ толстого вообще, вещного и тревожную обывательскую, но это не есть конкретный образ *производящего делу социализма* работника: текст здесь не помогает, но *Гиацинтова* не «камера», не пишет, а — строитель, организатор, на он поставлен пьесой в такие условия, что стройка проектируется представлены его практически. Он занят не взрывом» (бунт осенников, кулачья, убийство Батагова). Получается ложный ход образа не завершен, не раскрыт, строитель-коммунист остался игрушным наброском. *Коонен* прекрасно вначале роль Мурки — и окончательно разорвала пьесу на куски. Коонен оканчивает спектаклем, действие протекает через нее, любое событие, завязанное пьесу, есть прежде всего ее событие, она пружина явлений, в ней—главные контроверзы пьесы. Мурка, в исполнении Коонен, раскрывает слабость пьесы...

Установка братьев Стенберг «технически»

Кандидаты на черную доску

Московские литорганизации

срывают реализацию займа

Ликвидировать отставание

Прошло еще 5 дней. Наступил ли перелом в деле быстрейшей реализации займа третьего решающего года писателей в писательских организациях. Взяты ли боевые темпы по выполнению контрольной цифры по займу в 75.000 руб.? **Этот перелом еще не наступил.**

На 18 июня по месткому писателей и месткому Всероскомдрама реализовано займа всего на 56.000 руб., т.-е. только 48 проц. намеченной контрольной цифры (75.000 р.).

Правда, здесь Красно-Пресненского района, как заявляет комсоюз, что успехом взносов **отстает** со подписке на новый заем от других коллективов, и предполагает **немерно усилить** комсоюзную агитацию среди писателей. Действительно, комиссия содействия МОПисателей по распространению займа «третьего, решающего» не сумела пока должным образом развернуть работу по распространению займа среди писателей. Комсоюз пока ограничился формальной рассылкой, например, 150 открытых писателям на то время, как местком обслужил гораздо большее количество писателей) с предложением подписаться на заем. **На эти открытые письма комсоюза отозвалось только десять писателей.**

И только созвав актив месткома писателей по вопросу о размещении займа покончить неудачей. Собралось только пять человек.

Надо отметить и организационные трудности в проведении месткомом писателей подписной кампании. Почему то дела только с месткомом писателей подписку на заем проводит и местком Всероскомдрама, в то время когда работу этих обоих месткомов по займу надо было бы объединить в одном комсоюзе.

Ряд писателей подписывается на заем в тех учреждениях, где они работают.

Контрольная цифра в **75.000 руб.** по распространению займа среди писателей, оказывается, не была даже обсуждена и литорганизациях.

Теперь в работе комиссии содействия займом месткома писателей наблюдается некоторая растерянность. Председатель комиссии тов. **Бронштейн** (фактически один несущий на своих плечах всю подписную кампанию), который еще только пять дней назад заявлял нашему сотруднику, что контрольная цифра в **75.000 руб.** по займу будет не только выполнена, но и перевыполнена, теперь **отмечает, что едва ли удастся выполнить эту контрольную цифру.**

**

Секретариат ФОСП, обсудив на последнем заседании — 18 июня — информационное сообщение представителя месткома писателей **П. Парфенова** о ходе подписки на заем «третьего, решающего», признал, что работа по реализации займа ведется недостаточно ударными темпами, и предложил эту работу усилить, привлекая к реализации займа писательский актив. Персональная ответственность за всю эту работу секретариат ФОСП возложил на **тт.П. Парфенова и Н. Гильярди.**

Не может быть и речи о ликвидаторских настроениях. Конкретная цифра должна быть перевыполнена.

А. КР.

Реализуем заем „Третьего, решающего"

Подписка на заем «Третьего, решающего года пятилетки» по московским издательствам проходит довольно успешно. Почти все издательства выполнили контрольные цифры от 70 до 90 процентов.

*

Впереди идет ГИХЛ. По сведениям на 18 июня подписка на трехдельный оклад выполнена на **116 процентов**, причем в сентябрьские же **не включены** находящиеся в командировках и отпусках. Контрольная цифра в **30.600 р.** превышена на **5.400 руб.** Из общего количества сотрудников (**250 человек**) подписались на заем **240.**

*

В издательстве «Федерация» подпиской охвачено **100 процентов** наличного состава сотрудников. Контрольная цифра месячной зарплаты **3.945 руб.** Общая сумма подписки—**3.630 руб.**

*

По правлению ОГИЗ подпиской охвачено **73,3 процента** сотрудников. Около **25** человек подписались на сумму, превышающую месячный оклад. Общая сумма подписки за 18 июня —**64.000 руб.**

*

В Мирглеобщре подписка на заем проходит успешно. На 18 июня контрольные цифры выполнены за **75 процентов.** Оставшаяся сумма падает на отсутствующих в отпуску и в командировках. Около **10 процентов** сотрудников почислились на сумму, превышающую месячный оклад.

*

В Кинтреобщре подписка на заем проходит успешно. На 18 июня контрольные цифры выполнены за **75 процентов.** Оставшаяся сумма падает на отсутствующих в отпуску и в командировках. Около **10 процентов** сотрудников подписались на сумму, превышающую месячный оклад. Общая сумма подписки за 18 июня —**64.000 руб.**

*

В Миргле

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

орган федерации об'единений советских писателей рсфср

москва 25 июня 1931 г. № 34 (133)

Редакция:
Москва, Тверской б. 25, Дом Герасима. Телефон 2-80-12.

Издательство:
Акц. о-во «Огонек»; Москва, б. Страстной б. 11. Телефон 5-5169.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА:

	СССР	ВНЕ СССР
На 6 м.	1 р. 75 к.	— 90 ц.
На 3 м.	- р. 90 к.	— 45 ц.

50 дней прошло

со дня постановления секретариата рапп

боевые темпы в показе героев не достигнуты

ассоциации иваново-вознесенской области, нижней волги, казакстана проявляют оппортунистическую недооценку ударной задачи рапп

большевики овладевают искусством

к созданию нкп литературы и искусства

Первого июля в Москве откроется Институт красной профессуры литературы и искусств. ИКПЛИ — высшая партийная школа, специально посвященная изучению и разработке проблем пролетарского, в первую очередь, искусства во всех его видах и подготовка большевиков — искусство- и литературоведов. Новый ИКПЛИ, включая в себя четыре отделения, является, по существу, учебным комбинатом: он готовит литературных критиков, работников театра, кино, музыки, архитектуры и живописи; одновременно он пытается поставить интереснейшее по замыслу творческое отделение, назначение которого — воспитание пролетарских писателей, поэтов, драматургов. Наряду с искусством в стенах ИКПЛИ найдут место, — разумеется, в более ограниченном масштабе, — проблемы большевистской печати (ее практики, теории и истории) и даже лингвистики. Большевистская печать имеет особое отделение — с перспективой в очень недалеком будущем развернуться в самостоятельный институт.

Уже из этого беглого перечня явствует, какие громадные задачи ложатся на ИКПЛИ и какое, стало быть, значение он приобретает в строительстве пролетарской культуры.

ИКПЛИ имеет свою предысторию. Небезызвестная ЛИЯ Комакадемии является его непосредственной предшественницей. Наследство не из завидных! Чтобы характеризовать удельный вес ЛИЯ в пролетарском литературном движении, достаточно напомнить, что за 4 года своего существования ею выпущено... 3 человек. Два с четвертью человека в год — такова продукция ЛИЯ! Качественное ее выражение ничуть не выше количественного: чего стоит такой экземпляр, как Зонин! За редким исключением питомцы ЛИЯ не сохранились для пролетарского литературного движения. Этот печальный итог ее деятельности может служить надлежащей оценкой сыгранной ею политической роли. Лишь за последние месяцы, после смены старого руководства, в деятельности ЛИЯ наступил перелом в лучшую сторону.

Здесь следует поставить вопрос: в чем же был основной порок ЛИЯ? Где причина, тормозившая ее развитие? Что привело ЛИЯ к столь бесславному прозябанию?

Свалить вину на так называемые объективные обстоятельства совершенно невозможно. Пролетарская литература из года в год росла и крепла, и, стало быть, увеличивалась с каждым годом потребность в квалифицированных кадрах коммунистической критики. Может быть, иссякли источники пополнения ЛИЯ, может быть, неоткуда было черпать контингенты аспирантов? Нет: у нас все шире растет прекрасный молодняк. Успевай только учить, а за охотниками дело не станет! Может быть, наконец, сама наука, марксистско-ленинское литературоведение, столь низко (журнал «Литература и искусство» сомневался даже, «заложены ли здесь основы»...), что не обеспечивает подготовки соответствующих специалистов? Это не так! Ленинизм и здесь, вопреки оппортунистам, успешно продвигается вперед. Разгром воронщины, переверзевщины, питфронтовщины — наглядное доказательство, как далеко вперед шагнула наша наука, вооружившись ленинским методом. Нельзя обвинять науку за то, что киевский штаб оказался на действительно невысоком научном уровне: она здесь ни при чем!

ИСТИННУЮ ПРИЧИНУ ОТСТАВАНИЯ ЛИЯ НАДО ИСКАТЬ В ЕЕ СОБСТВЕННОЙ ПРАКТИКЕ. Характернейшей чертой последней было постоянное и очень последовательное противопоставление себя основному отряду пролетлитературы — РАПП и ВОАПП. Больше того: это положение обобщалось и «фундировалось»: в РАПП и ВОАПП, мол, собрались практики, а мы — ЛИЯ — теоретики литературы. Подобное узаконение разрыва между теорией и практикой вполне соответствовало и теории, и практике тогдашнего руководства ЛИЯ, пораженного деборинщиной (например, Беспалов).

Ясно, что эта линия не могла привести никуда, кроме как в болото меньшевиствующего идеализма.

Печальный киевский опыт дает важнейший политический урок. Вне массового пролетарского литературного движения литературные руководители не создаются! — вот суть этого урока. ЛИЯ показала, куда ведет отрыв (а тем более сознательный отказ) от массового движения. Сектантство и фракционность,— неизбежные спутники всякого, делающего шаг в сторону от генерального пути.

На ошибках ЛИЯ надо учиться ее наследникам. ИКПЛИ с самого начала должен взять правильный курс на теснейшую связь с РАПП, как основной и ведущей организацией пролетарской литературы, как проводником партийной политики в литературе. Второй вывод отсюда — создание крепкого рабочего ядра внутри института, ядра, из которого выкуются большевистские кадры литературного движения.

Взятый под углом зрения этих задач ход набора в ИКПЛИ не может нас удовлетворить. Если количественные показатели достаточно высоки (на 20 июня норма набора перекрыта на 150 процентов), то этого нельзя сказать о качественных показателях. Как показывает печатаемая ниже сводка, рабочих в общей массе поступающих только 20 процентов; очень плохо представлены национальные республики и,—что особенно опасно,—крайне мало непосредственных работников движения.

РАПП и ВОАППовские организации на местах до сих пор не раскачались (единственное исключение — Белоруссия), крупнейшая организация пролетарских писателей — МАПП не смогла обеспечить слушателями подготовительный семинар, открытый ИКПЛИ для рабочих-ударников, поступающих в этот прием.

До окончания набора осталось несколько дней. Их надо полностью использовать для окончательного отбора кандидатур и их оформления через мандатную комиссию для стопроцентного покрытия предоставленных мест.

К комплектованию ИКПЛИ надо отнестись со всей серьезностью и ответственностью. От успеха набора будет зависеть во многом дальнейшая работа института. ИКПЛИ — боевой участок литературного фронта. К нему должно быть привлечено внимание пролетарской, литературной и художественной общественности.

сводка

ЛЕНИНГРАД

Известный сдвиг в работе по художественному показу людей большевистских темпов в ЛАПП наблюдается. Уже поступила первая продукция от пролетписателей и ударников-литкружковцев.

В массовом секторе ЛенГИХЛ вышла из печати книжка десяти ударников «Начало» и выходят из печати книги: т. КОКОРЕВА—«Как растет новое» и т. СИДОРЕНКО—«Из рядовых» (о мастере завода «Красный путиловец» т. Котельникове). Кроме того подготовлены к печати книги о героях завода им. Ленина, написанные рабочими-ударниками, и коллективная книга лапповских поэтов тт. ЛОЗИНА, РЕШЕТОВА, ШМИДТА и ЗАКАУ.

Несмотря на этот сдвиг, ряд пролетписателей Ленинграда еще недооценивает задач, стоящих перед пролетлитературой в деле показа героев соцстроительства. Некоторые пролетписатели пытаются уклониться под разными причинами от этой работы. Штаб ЛАПП принял соответствующие меры в отношении пролетписателей, срывающих намеченную работу на некоторых предприятиях.

НИЖНИЙ

Нижегородская АПП прикрепила 18 пролетписателей к семи заводам (Сормовский, Автозавод, Муромский паровозоремонтный з-д), НИГРЭС, колхозам и совхозам для показа лучших ударников.

МОЛЧАЛЬНИКИ

Ряд ассоциаций (КАЗАКСТАНА, НИЖНЕЙ ВОЛГИ и др.) совершенно не информируют комиссию секретариата РАПП о ходе работы по показу героев пятилетки. Эти ассоциации еще практически не реализовали обращения РАПП.

орловская апп плетется в хвосте

„орловская правда". март—апрель—май 1931 г.

Литературные страницы «Орловской правды» наглядно показывают, что в Орловской ассоциации пролетарских писателей работа идет плохо.

31 марта (марта!) с. г. в газете публикуется обращение ОрлАПП о призыве рабочих-ударников в литературу, т.-е. через полгода после обращения о призыве РАПП и ВЦСПС. Сдвинулось ли дело с мертвой точки?

30 апреля с. г. литстраница дает статью т. М. К. «Забытое обращение», где констатируется, что:

«Орел с призывом ударников в литературу не справился. Обращение ВЦСПС и РАПП заглохло».

Статья сообщает об отсутствии внимания к работе со стороны орловских общественных организаций. На нескольких совещаниях, организованных литгруппой по вопросу о призыве, **ни разу не явились** приглашенные представители профессиональных организаций и печати. «Только силами немногочисленной орловской литгруппы, — сообщает т. М. К.,—проведена некоторая работа».

Но дело не только в общественных организациях города Орла.

Один из активных работников орловской литгруппы пишет нам:

«Не скажу вам по совести, мы еще плохо знакомы с литературой, нами **непосредственно руководит ОблАПП ЦЧО, которая совсем не хочет считаться с нами».**

Нерадостная доля вины, однако, падает и на **самих работников литгруппы.** В то время как многие районные газеты уже в середине мая с. г. откликнулись на обращение секретариата РАПП от 4 мая о показе героев пятилетки, в литстранице «Орловской правды» от 30 мая нет ни словечка об этом обращении, нет даже просто информационного сообщения, не говоря уже о **конкретизации рапповского постановления применительно к работе ОрлАПП,** что, по существу, **вполне могла и обязана была сделать литгруппа.**

Следует констатировать **полный отрыв ОрлАПП** от общерапповской работы. Это проявляется и в мелочах. В «Литературной хронике», которую дает литстраница, нет никаких сведений о событиях на литературном фронте, о работе РАПП или АПП ЦЧО (за исключением сообщения о выходе журнала АПП ЦЧО «Под'ем»).

В письме в «Литгазету» товарищ из Орла пишет: **«Мы бродим ощупью, мы беспризорные, обратите на нас внимание».** Возможно, что товарищи имеют мало времени для литературной работы (общественным организациям Орла следует этим товарищам помочь), однако нам кажется, что автор письма «приберегается». Литературные силы в Орле есть.

Художественный материал литстраницы «Орловской правды»—«Рождение колхоза» — Н. Глера, «Бабы пришли» — М. Киреева, «Думай, сосед» — М. Киреева и т. д. — показывает, что авторы этих произведений могут и хотят писать. Тем не менее следует отметить, что во всех этих рассказах очень слабо затронуты вопросы борьбы с кулачеством. Общее для всех этих рассказов — это несколько односторонний показ перехода крестьянства к коллективизации: показ идет почти исключительно по линии улучшения бытовых условий крестьянина в колхозе. Вопросы классовой борьбы затронуты очень слабо. Кулак мелькает, как бледная эпизодическая фигура («Думай, сосед» — М. Киреева).

Большинство материала в литстраничах имеет деревенскую тематику. Вопросы ударничества и социалистического соревнования почти не освещены.

Литстранице «Орловской правды» следует порекомендовать вести постоянные обзоры творчества рабочих-ударников и организовать приток рукописей непосредственно в редакцию. Таким образом сама литстраница сможет помочь развертыванию призыва рабочих-ударников.

Литстранице «Орловской правды» следует освещать работу РАПП и АПП ЦЧО, а также конкретную работу местной литгруппы и фабрично-заводских кружков.

Основные задачи, которые стоят сейчас перед орловской литгруппой — это дальнейшее развертывание призыва рабочих-ударников и реализация обращения РАПП от 4 мая с. г. в показе художественной литературы героев пятилетки.

На разрешении этих задач будет проверена жизнеспособность литгруппы. Будем надеяться, что в одном из ближайших номеров литстраница «Орловской правды» сообщит нам о перестройке работы ОрлАПП.

Общественным организациям Орла, Ассоциации пролетписателей Центрально-Черноземной области — следует укрепить литературную работу в Орле.

писатель творит героев

На Днепрострое в 1930 году шла героическая борьба за невиданный в мире план белевых работ. Технический совет Днепростроя во главе с вредителем Осадчим наметил по плану уложить в 1930 году 305 тысяч кубометров бетона, причем даже в выполнении этого плана «минное» весьма сомнительно.

Строители Днепростроя выдвинули встречный план — 500 тысяч кубометров. Для того чтобы выполнить этот план, надо было напрячь все силы буквально всего рабочего коллектива, надо было свыше 30 тысяч добровольных рабочих дней отдать ударным участкам строительства — котлована, среднему протоку, ГЭСу. В результате горячей борьбы план был перевыполнен и фактически в 1930 г. уложено 513 тысяч кубометров.

Этого нельзя было бы сделать, если бы не было таких людей, как Трегуб, Германн, Троповская. Эти люди первыми вышли на прорыв и ежедневно отрабатывали по 4 часа сверх своего рабочего времени до тех пор, пока не был положен последний кубометр.

Пролетариат должен знать эти имена, на образцах их работы можно и нужно воспитывать десятки и сотни тысяч новых рабочих. Литературно-творческая группа Днепростроя поставила перед собой ответственнейшую задачу показать их стране.

Каждый месяц в газете «Пролетарь Днепробуду» печатаются 2-3 литературных страницы. В этих страницах помещаются произведения ударников, показывающие борьбу за выполнение встречных планов. Вышли в свет уже 3 книжки наших ударников и готовятся к печати (частью уже сданы) около 10 брошюр на темы о Днепрострое, об овладении техникой, о лучших героях нашей стройки.

За последние дни в нашей общестроительной газете «Пролетарь Днепробуду» были помещены очерки о героях сегодняшнего дня: «Рационализатор Котляров», «Один из многих», «Большевистский Балух», «Ударная бригада Третьякова» и др.

В этих очерках показаны живые борцы за встречный план, за новые методы социалистического труда.

Литкружки (их теперь шесть) в порядке соревнования обязались сдать в этом сезоне не менее 10-12 брошюр с глубоким показом героев.

Совсем недавно найдены новые методы работы писателя-ударника. Самого пристального внимания заслуживает предложение т. Башмака (член ВУСПО). Оно состоит в том, что **героев надо не только описывать, а творить их.** Нужно помочь рабочему стать героем и показать это перерождение. Тогда писатель из наблюдателя превращается в активного участника социалистического строительства.

Башмак свою идею претворил и в жизнь. Он заключил социалистический договор с краснознаменной бригадой молодняков турбин днепровской гидростанции. По этому договору Башмак обязуется наблюдать за работой бригады, **„За турбины".** В книжке будут описаны не только герои, но и лозунги, мешающие выполнению ударных обязательств.

Бригада обязалась досрочно закончить монтажные работы на первых пяти турбинах, снизить себестоимость, не понижая качества.

На практике результаты сказались быстро. На днях бригада вызывает шефа-автора и в его присутствии принимает решение об исключении из своих рядов злостного прогульщика. Бригада не хочет, чтобы в книге об их работе была хоть одна строка о лодыре!

Примеру Башмака последовал тов. Демин. Он заключил такой же договор с женской бригадой бетонщиц—Романько. Демин ведет дневник бригады, заботится о том, чтобы бригада получила все необходимое для успешности работы и т. д.

Почти днепростроевцев—один из путей, над которым художник уничтожает отставание литературы от жизни и становится помощником рабочего коллектива непосредственно в цехе.

Дело даже не в том, что стихи делают сталь. Дело в том, что литература начинает делать человека с новой психикой, с новыми культурными навыками.

ВЛ. ВАГИН
К. НАРАНОВИЧ

Днепрострой

на фронтах пятилетки

Серия «На фронтах пятилетки». Ал. Исбах. «Путь», стр. 28, Чумандрин «Дело в людях», стр. 60, п. 12 к. Мари Этарт «Наступление в Ойгудае», стр. 72, п. 15 к., изд. ГИХЛ М.—Л.

Все три книги написаны на боевые темы социалистического строительства. Все три хотят не только отображать, но и быть руководством к действию.

А. Исбах в своем «Пути» рассказывает о том, как красноармеец Ваня Сазаров из полуграмотного политически неразвитого батрака Ярославской губернии, пройдя всестороннюю школу политической подготовки в Красной армии, становится пионером красноармейской сельскохозяйственной коммуны в Сибири. Чумандрин в беглых очерках показывает «Красный путиловец» и его борьбу за промфинплан. М. Этарт изображает две сельскохозяйственные коммуны на окраинах Советского союза.

Таким образом, писатели говорят о различных участках социалистического наступления, настолько различных, что на первый взгляд казалось бы трудно говорить об общности их идей. Но однако, общность устремлений трех писателей настолько выступает с первых же страниц. Каждый из художников отлично понимает, что изображаемый им участок фронта пятилетки не изолированный факт действительности, а факт, в котором даны в конкретном проявлении общие закономерности социалистической реконструкции. Но вместе с тем следует отметить, что во все они одинаково тонко различают эту связь части с целым, конкретного, индивидуального с общим.

А. Исбах несомненно эту связь видит в ее наиболее общих формах, поэтому склонен уходить от конкретного показа событий и фактов, от показа живых людей на живом конкретном деле, в сторону несколько абстрагированного описания и рассуждательства.

Чумандрин наиболее зорок. Он стремится на мелочи, на «исключительном» прощупать глубокие связи и отношения, которые в этом «исключительном», почти экзотическом мелочном приобретают свое практическое реальное выражение. За плохом в шестерне писатель видит общую организацию труда на производстве, сложную систему организаций, осуществляющих руководство предприятием, борьбу партии и рабочей общественности с меньшевиствующими влияниями и оппортунизмом.

Автор знает также, что завод связан со всем процессом социалистического строительства в целом, что завод только одна из деталей огромного механизма социалистической стройки. Но огромное внимание к мелочам, к частностям, на которых скрещивается соотношение и борьба живых людей дают на художественно писателя, снижая его силу. Очерки рассыпаются от обилия мелочей, на которых автор строит показ избранного им завода. Нужно усилие читателя, чтобы соединить эти очерки в цементированное целое. Автор впрочем и сам это сознает. В предисловии он замечает—«Возможно все это очень плохо «увязано» друг с другом с точки зрения «литературной»... Но я заботился о другом. Мне хотелось увязать все (даже казалось бы самое случайное) с пятой громадной работой и нашей великой борьбой».

Произведения М. Этарта: «Коммуна йлыч курт» — рассказ, «Наступление в Ойгудае» — очерк относятся к Алтаю. Рассказ изображает классовую борьбу среди алтайцев. Автор пытается проникнуть в сущность тех сложных национальных, бытовых, религиозных особенностей, которые по особому отражают классовую борьбу. И хотя его герои примитивны, недостаточно полно и всесторонне «поданы», но основная пружина их действий, основные их устремления изображены верно. В очерке «Наступление в Ойгудае» Этарт больше касается отставания литературы от жизни и становится помощником рабочего коллектива непосредственно в цехе.

Рецензируемые книги показывают, что задача активации пролетарской литературы — дело огромной, исключительной трудности. Нужно громадное напряжение, чтобы преодолеть пережитки позиций, двигаясь социалистической стройки. Борьба за диалектико-материалистический метод пролетарской литературы — единственный путь к этому.

Н.

как идет прием в ИКПЛИ

В портфеле приемной комиссии имеется 56 заявлений. Однако, необходимо отметить, что большинство этих заявлений падает на Москву. Национальные республики и места дают минимальное количество заявлений. ВОАПП, РАПП, МОПР и РОПКИ должны срочно принять меры для оповещения широкого актива о приеме и выдвинуть кандидатов для кадров аспирантуры. Специальное обращение института об организации краткосрочных курсов, горячо встреченное МАПП, пока остается без отклика. Московская ассоциация до сих пор не дала кандидатов на подготовительный семинар, который на-днях начал свои занятия.

Социальный состав поступающих мало удовлетворителен: из поданных заявлений подавляющее большинство принадлежит служащим; рабочее ядро незначительно; это также об'ясняется недостаточной подвижностью соответствующих организаций.

Из четырех отделений, предусмотренных программой, наибольшее внимание поступающих привлекает литературно-критическое отделение. Газетно-редакторское отделение получило сравнительно небольшое количество заявлений. Сюда должны быть выдвинуты заводские кадры из числа наиболее квалифицированных рабкоров.

Институт заканчивает прием 1 июля, после чего никакие дополнительные заявления рассматриваться не будут. Необходимо в ударном порядке использовать оставшееся время для выявления новых кандидатов в научные работники по литературе, искусству, языку и печати.

дадим взаймы государству СТО ТЫСЯЧ

прорыв в кампании по реализации займа месткомом писателей ликвидирован

контрольные цифры перевыполнены

«Литературная газета» своевременно сигнализировала о недостаточных темпах, взятых месткомом писателей и литорганизациями при проведении подписки на новый заем.

Сигнал «Литгазеты» услышан. Месткомом писателей совместно с комсодом по распространению нового займа для быстрейшей ликвидации прорыва организовал семь пунктов по ударному проведению подписки на заем среди писателей. В каждом пункте подписки работают специальные сборщики, выделенные месткомом писателей и литорганизациями.

Ударные темпы, взятые месткомом писателей в деле реализации займа «Третьего, решающего», не замедлили дать значительный результат. 23 июня в 4 часа дня месткомом писателей и литорганизации ликвидировали прорыв, перевыполнив контрольную цифру по размещению займа:

18 ИЮНЯ—на заем подписалось 175 ч. на 35.000 р.—48 проц. выл. контр. цифры.

22 ИЮНЯ—на заем подписалось 412 ч. на 72.015 р.—96 проц. выл. контр. цифры.

23 ИЮНЯ—на заем подписалось 455 ч. на 76.750 р.—102 проц. выл. контр. цифры.

Местком писателей и литорганизации развертывают работу по дальнейшему перевыполнению контрольной цифры по займу «Третьего, решающего», чтобы довести сумму подписки на займ среди писателей до 100.000 р.

Писательская общественность должна реализовать новый заем на 100.000 рублей.

А. КР.

*

Контрольные цифры трехнедельной заработной платы почти во всех подразделениях превышены: сумма подписки доведена до размера месячной зарплаты.

*

Издательство ВЦСПС стоит на первом месте. Подпиской охвачены все 100 процентов состава сотрудников. Контрольные цифры месячного заработка перевыполнены на 102,4 процента, что составляет к первоначально взятой трехнедельной зарплате 136,7 процента.

*

На втором месте стоит правление ОГИЗ, с самого начала взявшее контрольные цифры месячного заработка и выполнившее их на 94 проц. Подписной охвачено 95,2 проц. наличного состава сотрудников.

*

В издательстве «Федерация» все сотрудники подписались на заем. Сумма подписки превышает первоначальное, контрольное задание на 16 проц. По отношению к месячным контрольным цифрам плана выполнен на 91 проц.

*

По «Книгоцентру» подпиской охвачено 96,16 проц. наличного состава сотрудников. Контрольные цифры выполнены на 85,08 проц. Подписка предусматривает месячную зарплату.

*

ГИХЛ также проводит подписку боевыми темпами. Подпиской охвачено 100 проц. планового состава сотрудников. Подписка продолжается с целью доведения трехнедельных контрольных цифр до месячных. На 23 июня контрольное задание перевыполнено на 11 процентов, что составляет 85 процентов месячного жалованья.

*

За декаду с 13 по 23 июня общая сумма подписки по издательском составляет 233,966 рублей.

Издательство «Молодая гвардия», несмотря на ваши многократные запросы, не дало нам сведений о размещении займа среди молодогвардейцев».

литдекадник „молодой гвардии"

Журнал «Молодая гвардия» совместно с МАПП проводит цикл литературных декадников, посвященных второму этапу призыва ударников в литературу и показу героев социалистического труда. Первый такой декадник состоялся 22 июня в Доме комсомола Красной Пресни.

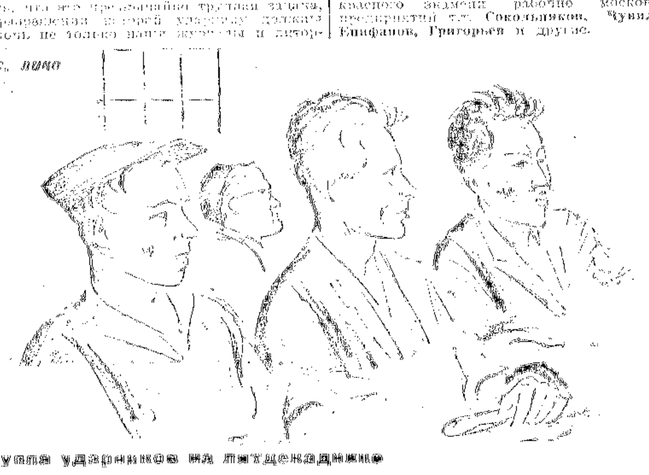
Вступительный доклад сделала А. Караваева. Она рассказала о положении на фронте призыва ударников в литературу. Т. Караваева подробно остановилась на задачах подготовки новых писательских кадров из числа призывников-ударников.

— Мертвым нам оказалось о лучших людях завода, показать героев пятилетки, как передовиков военного класса, надо помнить, что вся предшествующая трудная работа, в результате которой удалось добиться перелома в отношении к литературе, подготовила почву для нынешнего призыва.

О трудностях, возникающих перед ударниками и дело показа лучших, о том числе, которые потом привлекут ударников в литературу захватывающе говорили тт. А. Митрофанов, В. Гусев, Н. Бирюков, Еребенков. Не меньший вред приносят и немало дела литгруппы, недостаточно поработавшие на этой новой кампании. Товарищи призывают жесточайшим образом с ними бороться.

В прениях приняли также участие ударники и награжденные орденами Трудового красного знамени рабочие московских предприятий тт. Сокольников, Чувилкин, Ешфанов, Григорьев и другие.

рис. Вика



группа ударников на литдекаднике

в ленинграде

ЛЕНИНГРАД, 21. (Нашк. корр.). За пять дней подписка по комсоду ЛО ФОСП достигла 6.200 руб.

Первыми подписались: А. ТАРАСЕНКОВ (200 р.), А. РАКОВСКИЙ (200 р.), и М. ФРОМАН (200 р.), вызвавшие писателей: Л. БОРИСОВА, М. БОРИСОГЛЕБСКОГО, И. БРАУНА, Ю. ГЕЙО, С. КОЛБАСЬЕВА, Л. ОЛЕНИНА, С. СПАССКОГО, Г. СОРОКИНА, Е. ТАГЕР.

Сотрудники ЛО ФОСП, Лениздата, Литбюро месткома писателей коллективно подписались на МЕСЯЧНЫЙ ОКЛАД.

Несмотря на специфичность условий размещения займа среди писателей - одиночек ТЕМПЫ НЕЛЬЗЯ ЕЩЕ ПРИЗНАТЬ ДОСТАТОЧНЫМИ.

Правление ЛО ФОСП установило контрольную цифру размещения займа среди своих членов в 32.000 р. Первыми подписались: М. СТОЮНИНСКИЙ (350 р.), С. СЕМЕНОВ (500 р.), М. КОЗАКОВ и др.

На Всероскомдраме за первые дни подписки собрано 32.000 р. Но совершенно напрасно коммуна «Красная газета» призывает литорганизацию равняться по Всероскомдраму. Собранная сумма — меньшая часть контрольного задания.

Б. ЛАВРЕНЕВ ПОДПИСАЛСЯ НА 1.500 РУБ. И ВЫЗЫВАЕТ АЛЕКСЕЯ ТОЛСТОГО, НИКОЛАЯ НИКИТИНА, М. ЗОЩЕНКО, В. КАВЕРИНА и ВС. ИВАНОВСКОГО.

за пять дней

наука перед лицом пролетариата

на чрезвычайной сессии академии наук

Еще задолго до открытия сессии — на улице, возле Дома союзов, толпы народа, пожелавшего занять очередь. Так бывает только в дни, когда Дом союзов делается ареной больших общественных событий. В дверях давка. Черный вид наших меньшевиков в их новой «европейской форме» нарушается борьбой с напирающей толпой. У какой-то дамочки замечают подчистку входного билета. Она освобождена одну единицу на билете, предназначенного для второго дня, чтобы попасть и на вечерний день. Дождь в слезах отгоняет от входа. Идут рабочие делегации, идут всесоюзники, хозяйственники, студенты вузов. Что же такое случилось в Колонном зале Дома союзов? Откуда этот необычайный интерес к сессии—(кого?) академиков, где будут обсуждаться (что?) серьезнейшие научные доклады. Что привлекает пролетариат сегодня в этом событии?

Ответ на эти вопросы мы должны искать не только в научной деятельности Академии или популярности отдельных академиков. Нет! Этот интерес есть могучее требование пролетариата на решающем этапе социалистического строительства.

— Дадешь науку! Дадешь технику!

Огромная тяга к знанию, огромная воля к овладению тончайшими инструментами, созданными человеческой культурой, движет сейчас этими людьми, обволакивающими Дом союзов. Социалистическая реконструкция страны вступает в ту фазу, где наука смыкается с массами, начинает перекачиваться в массы. «Мы хотим знать, что вы там делаете в своих кабинетах и лабораториях. Мы хотим знать все до мелочей. Дайте нам вашу науку. Это высшая честь, какой может гордиться всякий ученый,—работать вместе с классом, перестраивающим мир на подлинных научных основах»,—так говорят, эти мысли мы можем услышать сейчас у Дома союзов.

*

Но было бы большой ошибкой предположить, что в этом уважении к науке содержатся элементы культурничества, преклонения перед наукой только потому, что она наука. Нет. Нам нужна не всякая наука. Нам враждебна наука буржуазная. И в этом смысле Академия наук до сих пор не отвечала тем требованиям, какие она должна выполнять в стране сгроящегося социализма. Академик Н. Губкин должен был признать в своем докладе, что Академия вела какую-то научную чистенькую линию, расходившуюся с общим направлением социалистического строительства и научных работ, вызываемых потребностями этого строительства.

Академии имела в своем составе не мало лиц, крепко связанных с капиталистическим ее прошлым. Академия не раз становилась адресом контрреволюционных, вредительских организаций. Правда, все те, кто был чист и политически наш, тот встречал и встречает (внимание к сессии тому доказательство) самую горячую поддержку в своей работе. Но вместе с тем не надо закрывать глаза на то, что Академия в целом как научный коллектив (за исключением отдельных ученых, накрепко связавшихся с классом, строящим социализм) оказывается в положении, на этой чрезвычайной сессии, не столько именинника, сколько держащего экзамен на звание участника социалистического строительства. Чрезвычайная сессия в Москве — это сессия, кладущая начало действительной перестройки Академии, переводя ее как организацию на обоза в ряды передовых, наступающих частей социалистического фронта.

И прав был академик Н. Я. Мар, сказавший в своей горячей речи, ответив на приветствия:

«Товарищи, мы все прекрасно понимаем действительно историческое значение этой сессии. Это же есть ответ всех нас, отчет Академии о том, что дала Академия социалистическому строительству в годы борьбы за пятилетку. Мы понимаем, что мы только часть огромной страны, огромного строительства. И мы, и вы мыслим одинаково (аплодисменты). Но сама возможность для нас работать и выступать не в одиночку, а коллективом — это возможность может быть только здесь, в Стране советов». (Бурные аплодисменты).

*

И приветствия работах, произносившие с трибуны, были совсем не похожи на те, что обычно называют «академическими приветствиями». Это были голоса людей, штурмующих высоты знания и приближающих к людям науки, как на завод, за нужным оружием.

Представитель Моссовета рабочий Васильев говорит о привлечении научных сил к реконструкции, например, водоснабжения Москвы или ее транспорта. Бригада электрозаводцев в качестве приветствия читает список научных проблем, интересующих рабочих на Электрозаводе. Например, диэлектрические явления в толстых обмотках, проблемы изоляции и т. д. Эти проблемы выдвигает социалистическое производство. Это интересует рабочих.

Трудно отвечать на такие приветствия. И вместе с тем интересно, радостно отвечать! Счастливый удел быть участным в такой стране, где он может на своем языке, на личке науки разговаривать с рабочим, где язык науки превращается в язык политики, в язык масс, и где политика зовет науку к борьбе за социализм.

*

Наука идет в массы. Туда же идет и литература. Наука и литература встречаются на одном фронте — фронте социалистического строительства.

Естественная мысль возникала на сессии: почему бы не устроить такой же массовый смотр нашей литературы перед лицом рабочих фабрик и заводов? Почему бы не соединить такой смотр с выступлениями читателей-рабочих, почему бы литературе тоже не заслушать вместо привычной встречные планы, какие могут ей предъявить предприятия?

И еще. Почему бы ФОСП не прикомандировать отряд писателей к Академии наук для ее популяризации, для того, чтобы помочь на деле проникновению научных знаний в широкие массы, для того, чтобы помочь на деле осуществить контроль масс над работой своего штаба науки?

почему отстает конкретная критика?

анкета „литературной газеты“

общеизвестно отставание конкретной критики от практики литературного движения, выявившееся за последние годы
редакция обратилась к ряду писателей и критиков со следующими вопросами:

1. чем вы об'ясняете значительное ослабление конкретной критики?
2. в чем вы видите ее достоинства и недостатки?
3. какое влияние оказывала и оказывает конкретная критика на ваше творчество?
4. каковы пути для оживления конкретной критики?

сегодня мы печатаем первые ответы на анкету. по окончании „литературная газета“ поместит статью, подводящую общие итоги дискуссии

а. луначарский

Ослабление конкретной критики об'ясняется чрезвычайной остротой положения на литературном фронте. Марксистско-ленинская теория, принципиальный фундамент конкретной критики еще далеко не закончен. Самая постройка его сопровождалась за короткий срок двумя серьезными уклонами: перерождением и «Литфронт». На предварительную теоретическую работу, сопровождавшуюся горячими спорами, отсюда ушла главная часть сил не очень богатых сил нашего литературоведения, а, стало быть, и литературы.

Достижением нашей литературной критики я считаю ее большую политическую чуткость. Недостатком — неразработанность, художественная тяпка, недостаток внимания к вопросам мастерства.

Я мало занимаюсь художественно-творческой работой. Критика должна оказывать воспитательное влияние на каждого писателя. М. Горький прав, однако, что конкретно воспитательная работа нашей критики — слаба.

н. макарьев

Почему плохо у нас дело с конкретной критикой?

В первую очередь, конечно, потому, что ей предъявлены сейчас более высокие требования, которые многим нашим не перестроившимся еще критикам оказались не под силу. После проведенной РАПП борьбы с Переверзевым, после известных событий на философском фронте, с ростом борьбы за диалектико-материалистический художественный метод—наша конкретная критика может быть только критикой глубоко партийной, критикой, обладающей высокой идейностью, критикой философской.

А мы еще плохо работаем над ленинским философским наследством, мы еще не перестроились, как следует, именно Ильича, мы только начали борьбу за марксистско-ленинский этап литературоведения. На конкретной критике это не могло не сказаться. Сказалось здесь, конечно, и само отвлечение сил за последние годы на решение специфически литературоведческих проблем, как, в особенности в творческой дискуссии, наша критика проделала большую работу, поставила ряд важнейших проблем и несомненно имеет большие заслуги.

Второй причиной слабости конкретной критики является, по моему мнению, значительный отрыв кадров наших критиков от практики социалистического строительства.

В самом деле, здесь у нас очень странное положение. Мы много говорим (и поручаю делом) о включении наших писателей в практику нашего строительства. Плохо ли, хорошо ли,— писатель с той практикой связан, едет с бригадами, работает на заводах и в колхозах, пишет произведения.

Но о критиках почему-то забыли. Для них тоже не связь с практикой социалистического строительства нашло-нибудь признается необязательной.

Мыслимо, для того чтобы писать, надо знать описываемую действительность, и знать ее не только как наблюдатель, а как о чем-то из участников ее переделки. Это признается всеми. И это совершенно правильно.

Но ведь также правильно это и для критика! Как можно написать статью, например, о «Брусках», не будучи хорошо знакомым с колхозом? А у нас ведь масштабы как раз так и делаются. Отсюда и качество нашей конкретной критики.

Может сказать, что если для писателя, не будущего о колхозе, необходима непосредственная связь с колхозной практикой, то критик может изучать ее из газет, по партийным решениям и т. п., которые дают правильное представление об этой практике. Это верно, но только отчасти. Ибо отрыв наших критиков от непосредственного участия в практике социалистического строительства неизбежно должен сказаться на методологии их работы. Этот отрыв будет сказываться и сказывается в сухости, академичности нашей конкретной критики, в неумении ее дать эстетическую оценку произведения, а следовательно, в ее беспомощности в борьбе **за высокое качества** нашего искусства. Такая критика всегда будет ограничиваться только формальным социологическим анализом, такая критика—плохое оружие в борьбе против вредной халтуры и приспособленчества.

Не случайно, в лакономерно, например, что «Литфронт», творческие установки которого ориентировались на штамп и схему и игнорировали вопрос о качестве, обгружавшие критическими кадрами перверзевской школы — наиболее беспомощный и оторванной от жизни (Веселков, Гельфанд, Зонин).

Критики такого типа дают нам **наихудшую** критическую продукцию, не воспитывающую ни писателя, ни читателя, представляющую собой гимнастические упражнения (вредность которых снижается разве лишь тем, что эти писания обычно написаны столь заумным интеллигентским языком, что их мало кто прочтет).

Вот эти две причины, мне кажется, являются основными. Только ими можно об'яснить, что часто наиболее интересные произведения нашей литературы обходятся молчанием, ибо не под силу нашим критикам. Примеры: «Последний год Удета»—Фадеева, вышедший год назад, до сих пор не удостоился внимания нашей критики. Уже 4 месяца, как вышла книжка Сталевского «Разбег» (печатавшаяся в журналах осенью прошлого года), — никто опять-таки ничего путного не написал. И так далее, и так далее.

Третья причина слабости конкретной критики—в том, что в нее не вовлечены рабочие, что она не массовая, что нет у нас научения читаться, научения тому, как воздействует на него художественное произведение.

Без привлечения ударников в критику, без создания **рабочей литературно-критической среды** мы дела конкретной критики с мертвой точки не сдвинем и не ликвидируем тех тысяч халтурщиков из непосредственных к жизни мелких людей, которые, как монтеры, обслуживают розетки критических журналов в библиографические отделы газет, паразитируя на живом теле советской литературы.

м.слонимский

Имеющиеся конкретные художественные произведения так и не встречают достаточной конкретной критики. Это факт, который прежде всего обязаны об'яснить сами критики. Иной раз слышишь ответ такого рода, что, мол, квалифицированные критики чрезвычайно загружены административной работой. Если это так, то в числе других причин надо обратить внимание и на эту, постараться устранить ее. В результате недостаточной активности многих, таков критики появляется всякого рода схематическая критика и критика литературно неграмотная. Она имеет самое отрицательное влияние на писательство.

вв. макаров

Значительное ослабление нашей критики, по-моему, об'ясняется не внешним количественным ростом и, главное, требованием современности — быстро, по-боевому, перестроиться в сторону идеологической сосредоточенности. (Уж очень много критиков! Если писателей много — хорошо, они всегда учатся, а критики — очень часто «учат», не учась. Критик наш — самый непродуктивный человек.)

Этим же требованием быстро перестроиться порождены недостатки и достоинства. Одно крупное достижение — мы уже не слышим вопиющей разнузданности критики. Теперь она **прима в своем требовании** произведения стопроцентно служащего социализму по существу. Недостатков пока еще очень много: главный — приспособленчество и трусливость. Трусливость чрезмерная. Так: критик Астахов в своей путанной статейке критик в «Вечерней Москве» про мою книгу «На земле мир»: **«С мелко-буржуазной точки зрения»**... и откровенно советует «как можно скорее перестроить свою идеологию».

Этот конкретный пример зрелет тем, что Астаховых много и все они убеждены, что писатель может перестроиться «по щучьему велению». А отсюда и избиение писателей «за наступом на ногу». И почти очень детское, хотя и эффектное. А отсюда — недомолвки специфики искусства, неправильность руководства и слепое уничтожение писателя «как класса». А между тем, писатель честно стремится перестроиться. И еще: как никогда, сейчас перед писателями стоит задача усвоения марксизма и ленинизма как доктрин, как философии.

А критик уж очень часто «учит-ножает» писателя, открывая ему почти-матические истины, думая, что писатель уже наверно не имеет сведений из области социологии. Потом: в погоне за критикой и теоретикой почти никто из наших «учителей» не занимается таким языком, приемом, композицией, как будто все это — в языке, и образ, и композиция — не есть одно нераздельное с идеологией.

А ведь писатель критика помогает лишь тогда, когда конкретный его образ, прием, его конкретный элемент, составляющий произведение, критикуется с точки зрения идеологической.

Затем, спекуляция с «цитатами». Это уж просто мошенство. А кто из нас не наберет десятки случаев этой спекуляции цитатами?

Какое влияние оказала критика на мое творчество? Если по-честному—отрицательное и сознательно отвлекает от темы современной. Трудно работать над современной темой, когда под окнами каждый Астахов кричит: «А-а-а... с мелкобуржуазной...».

Беру в скобках общественность: в какой статье, в каком журнале, какая организация (за исключением статьи т. Сольца в «Правде») помогли мне разобраться в моих ошибках? О них кричали, но конкретной учащей, помогающей статьи не было ни одной.

Какие пути для оживления критики? Журналы будут посредственно относиться к **количественному** росту критики и не так охотно печатать «ура-статейки». Призванные в литературу ударники создадут, наконец, истинно пролетарское произведение-образец. А серьезный разбор этого произведения научит и нас, каким конкретно обязаны и призваны создаться этот «фронт» — стопроцентное пролетарское произведение.

тарасевич

рабочий редактор газеты

Слабость нашей критики об'ясняется отсутствием достаточного внимания и участия писательской (авторитетной) среды в работе критики.

Вместо того чтобы вскрыть существо произведения, некоторые критики пользуются возможностью «отбрехаться», замести защитные следы, спрятать за многословие и трудословию свою несостоятельность в том или ином вопросе.

Появление рядом теоретиков литературы молодыми кадрами рабочих-критиков, а также участие в разборе художественных произведений широкой массы рабочих читателей (вечера критики), является большим достижением на фронте литературы.

Моему неопытному творчеству критики уделили достаточное внимание. Одни замечания я охотно принял к руководству, другие же — тоже, но с некоторыми оговорками, и, наконец, третьи я решительно отбросил, как вредные для моей работы.

Я жду, что призыв ударников даст массу новых рабочих-критиков, которые без лишнего будоскажения будут помогать творчеству пролетарских авторов.

а. бидин

(сверловый цех трансформаторного отдела Электрозавода)

Авторы критических статей часто перегибают палку и вместо деловой критики дают «крытку».

В известных случаях критика помогает вскрывать недочеты молодых начинающих авторов.

Положительная сторона рапповской и мапповской критики заключается в том, что она своевременно сумела по-настоящему оценить и дать отпор произведениям Пильняка и Цанг. Романова, литфронтовщине, «Перевалу» и т. п.

Недостатки критики, выражающиеся в недостаточном внимании к растущим ряжам рабочих-авторов, в слишком захваливании этих книжек,—могут быть взяты, если будет проведен принцип ударников в критике. Рабочий-критик знает производство, знает авторов-ударников, знает героев их книжек, поэтому он сумеет верно вскрыть недостатки книги и ее достоинства.

с. буданцев

Почему произошло ослабление «конкретной критики»? Причин много, и все они достаточно серьезны, раз вызвали такое явление, но не все они «отрицательны» (хотя само по себе ослабление никого радовать не может). Именно последние годы прошли в борьбе за выработку марксистской философии искусства, в теоретических битвах, оттянувших все силы в эту сторону. Несомненно, марксистская методология, возобладав даже в самых замшелых литературоведческих умах, сама обогатилась, уточнилась, вывела из «читательского периода» на путь самостоятельного научного творчества. Одна эта победа стоила жертв.

Основным достоинством нашей критики является злейшая непримиримость и требовательность, — эта черта в традиции у нас (Белинский, Добролюбов, Писарев), она укреплена авторитетом Ленина, она в свойствах вообще революционного мышления. Но там, где нужен живой анализ, проникновение в самую плоть произведения, где нужен вкус к вещи, простые навыки «товароведа», — там папа критика обнаруживает часто слабость и неожиданную беспомощность суждения: «нельзя не принять», нельзя не согласиться»... Часто критика приносит вам «приветствия сквозь зубы», боясь показать и новость вопросах, — это очень вредная черта для того, кого так приветствуют.

Мы живем в стране, ошеломительно завоевывающей свою культуру. Искусство — каждое произведение подлинного (в ленинском смысле, т.-е. с идейной оценкой) искусства — есть высокое произведение всего класса и партии и, как таковое, входит в железный инвентарь культуры. Без такой критической уверенности немыслимо существование художника, ибо в его профессии самом многое представляется ему самому спорным. «Затем твоя задумчивая тишь,—произносит он сквозь зубы, — когда существуют жанры действительность? Иди и делай!». И Толстой начинает тачать сапоги, Гоголь пишет «Переписку с друзьями» (пропорель, публицистика больше «дела», чем художество), Рембо бежит торговать в Африке.

Критика есть прежде всего воплощение общественного и читательского внимания, и поэтому она бесценна для художника, могуче повышая его творческую работоспособность.

И пролетарский писатель, и союзник, и попутчик, — все они хотят от критики побольше «советского патриотизма», гордости сделанным в одно десятилетие. Пусть ни одна мало-мальски

певец единого потока

Возьмем друг друга! придите на мне со-ат Пафнутия До Зинаиды...

талантливая вещь не пройдет мимо любовно внимательного и беспощадно строгого критика.

Но замалка в критике — все же временная замалка, это не паралич, не смерть. Призыв в литературу пролетариков рабочего класса, ударников, создает активную среду вокруг литературы и в ней самой; пусть каждый из них возьмет перо рецензента.

Как-то незаметно ушли критико-библиографические издания, от пышного «Печати и революции» до строгого «Книгоноши», высохли критико-библиографические отделы в толстых журналах (тем знакомому и библиографию рецензируют научную фантастику в краеведческие очерки), в газетах исчезают лишь строгие подборки в политических брошюрах, даже в «Лит. газете» нет обзоров «по журналам» и рецензий. Еще не так давно самым «писательским» журналом был «На литературном посту», — ныне обвальной, задорной, квалифицированной библиографии и конкретно-критических статей. В наших силах оживить журналы, возрождать соответственно отделы.

Пушкинская плеяда, группа покрасовского «Современника», поэты-символисты работали в критических отделах своих изданий не менее оживленно, чем в художественных. Писатель особенно чутко ловит суждение «соседа» и товарища по профессии, — в области техники и ремесла это, в сущности, самое ценное, что он может получить со стороны.

м. гельфанд

Чем об'ясняется ослабление конкретной критики? В первую очередь отставанием, а в некоторых случаях и прямым отрывом теории нашего движения от практики, требований, задач, реконструктивного периода. Я говорю, разумеется, о коммунистической рапповской критике.

Ничего не понимают те, которые отставание критики рассматривают только как «простую потерю времени» (или, может быть, даже пространства?). Отставание (тем более — отрыв) означает известное ослабление классовой бдительности критики, невыполнение ею своих задач в обстановке нечаянных боев за социализм и обострения классовой борьбы. Оно означает, что в работе наших критических кадров имеются элементы практического оппортунизма и мелкобуржуазных влияний.

Может быть, конкретная критика ослабла, как думают некоторые, от того, что слишком много сил тратит на грызу с воронщиной и лефовщиной, перверзщиной и литфронтовщиной, воронщиной и формализмом и пр.? Эта борьба против классового врага и его оппортунистической агентуры на фронте литературной теории является одной из первейших тактик ликвидации всех и всяческих отставаний, ибо как раз наличием и активизацией буржуазных мелкобуржуазных влияний обусловлено в значительной мере самые факты отставания и отрыва.

Рапповский лозунг — лицом к конкретной критике — является правильным большевистским лозунгом перестройки. Однако, почти восьмимесячную практику осуществления лозунга подряд признать вполне удовлетворительной. Рапповская журнальная сеть и критические кадры перестраиваются медленно, с натугой. Только «На литпосту» может похвалиться вполне опытными достижениями в смысле актуализации и конкретизации своей тематики.

В чем достижения и недостатки конкретной критики? Главное завоевание в том, что вместе со всей пролетарской литературой и в жестоких боях с многочисленными противниками коммунистическая критика отстояла и продолжает отстаивать генеральную линию большевизма в литературе, линию борьбы за марксистско-ленинский художественный метод, за творческую гегемонию пролетарского искусства.

Но она еще не научилась, как следует, конкретизировать эту свою борьбу, не научилась систематически доводить ее до каждого конкретного явления, до каждого отдельного писателя и произведения. Она не научилась еще охватывать всю диалектику современного литературного развития.

Она не научилась еще с максимальной чуткостью и гибкостью раскрывать новые приемы литературной тактики классового врага, она далеко еще не охватила все конкретное своеобразие и поэзию процессов, происходящих в поэтических и сознических отрядах литературы.

Критика не видоизменила еще самого типа своей работы под углом зрения высшего, ленинского этапа в развитии марксизма. На практике она еще не преодолела окончательно предрассудка, противопоставляющего публицистику — науке, критику — литературоведению. На практике под видом «онаучивания» критики преподносятся иногда—и в этом сказывается влияние воронщины, переверзщины, деборинщины! — об'ективистская струйка-меньшевистская, «беспартийная» невооруженность, высокопарно-«беспристрастный» «историзм» — живое дело классовой борьбы и марксистско-ленинской партии и оценивается «холодной трезвой» барщиной. Между тем, задача заключается в том, чтобы и изучение истории литературы (от Гомера и до наших дней) проникать духом боевой большевистской партийной критики.

Конкретная критика должна заниматься и историей литературы. Ограничение круга ее интересов только современностью, понимаемой узко-хронологически, было бы недопустимой вульгаризацией рапповского лозунга.

Некоторые чуть ли не главным недостатком нашей коммунистической критики считают обилие разногласий, споров, драк, иногда весьма жестоких,—и, скорбя по сему поводу, предлагают покончить со «смутой» в порядке дружески-любовного, что ли, объяснения и пр. Не трудно видеть, насколько опасны и вредны эти настроения. Не прекращать споры и разгласить дух «тишины и порядка», а углублять их принципиальное содержание, руководить их развитием, поднимая их на высокий уровень, втягивая во спорящих максимум полных для дела социализма, — вот должны действовать большевики, и таковы линия РАПП и ВОАПП, ведущих организаций литературного фронта.

Каковы пути для оживления конкретной критики? В резолюции февральского (1931 г.) пленума правления РАПП по докладу т. Авербаха, наметен, помимо общих руководящих указаний, ряд совершенно конкретных мероприятий по активизации конкретной критики. Выполняются ли эти директивы?

В частности, выполняется ли постановление пленума о более целесообразном и продуктивном использовании критических кадров? Что-то незаметно. Между тем фактически создается весьма дикое положение. В отношении писателя-художника мы принимаем целый ряд мер, так сказать, по выталкиванию его в жизнь, в гущу классовой борьбы и социалистической стройки. А к отношении писателя и критика до сих пор молчаливое господство того убеждения, что критик, дескать, должен иметь дело только с литературной продукцией и посадка на прорыв, скажем, или в колхоз для него — лишняя роскошь.

Пора, пора решительно покончить с этим случайным и вредным предрассудком! Практика тренированной критика как литературы «второй свежести», как литературы только о литературе, идет в сущности по линии отрицания руководящей роли коммунистической критики, по линии окончательного ее кастового паралича.

Лицом к конкретной критике! — это временно означает также: критик, лицом к конкретной действительности!

за качество показа лучших!

по московским газетам

В зеркале московская печать, хоть и неотчетливо, но уже разворачивает дело показа героя. Можно утверждать, что показ этот всеми просмотренными газетами мыслится путем художественного фиксирования живописей лучших, характерных признаков Ленина и Трудового энтузиазма и достойных этой награды. Как правило, показ осуществляется при посредстве очерка. Путь правильный, но требующий большой требовательности по линии качества помещаемой продукции и, главное, ясного понимания характера и метода описания героев.

Мы просмотрели вечерние комплекты «Известий», «Комсомольской правды», «Вечерней газеты» и «Рабочей Москвы» и убедились, что такого понимания в большинстве случаев еще нет. Наблюдается разнобой материала не только в разных, но и в одном и том же издании, и поэтому умножить — или же исправить недостатки строить дело показа героев и намерена ли она вообще его строить или просто печатать поступающий материал. Внимание к качеству безусловно недостаточное. И что особенно опасно — не чувствуется искания путей, не замечено движение вперед, подымающее, хотя бы постепенно, качество показа на высшую ступень.

Эти упреки в меньшей степени относятся к «Комсомольской правде» и «Известиям».

***

Декларировав постоянное печатание материалов о героях, не гонясь за количеством, — за июнь дано всего несколько очерков, — «Комсомольская правда» помещает однотипный материал: проходные очерки, каждый из которых посвящен одному какому-нибудь энтузиасту социалистической стройки. Очерки эти строятся, например, по одному принципу: общая характеристика, роль описываемого в производстве, его взаимодействие с коллективом. Установка ясная.

Это не значит, конечно, что материал «Комсомольской правды» может вполне удовлетворить. Очерки не оживлены от схематизма, в иных и налета наблюдается. Если, скажем, относительно удачный очерка И. Бачелиса (от 17 июня) «Бондюк» в А. Кронгауза (№ от 21 июня) «Бригадир Мартынов» (первый в большей мере), то очерк **Елены Кононенко**, которым «Комсомольская правда» открыла систематический показ героев, явно неудовлетворителен. Е. Кононенко только **рассказывает**, а не показывает, она **регистрирует** факты, а не вскрывает их причин, того, **как** они произошли. При этом очерк обильно уснащен трафаретами, неубедительными образами, диалогами «под рабочего» и т. п.

Царь примеров:

... «Ну, так как же, товарищи, дадешь, что ли?

— Дадешь!

И цех обнял себя ударным».

Или:

«...Яков Ильич сидит в кабинете с пером в руках, что-то пишет и чертит. Скрипит перо. Замучили прилипшие мясные. Не слушается эта маленькая легкая штучка пальцев, привыкших к кувалде и рукоятке».

Сколько раз вот именно так, слово в слово писалось!

И в таком духе весь очерк.

***

«Рабочая газета» провела всесоюзное совещание рабочих-очеркистов. По линии организации показа героев она сделала очень много, больше, чем все другие. Но это никак не ощущается еще по линии творческой продукции. А из этого могли проявить, прежде всего, количество ошибок в самой организации работы.

То, что печатает пока «Рабочая газета», это только отписки. Пример: заметка С. М. «...Вот они, герои труда» (16 июня), назначение которой никак не определено, ибо нельзя же в одной заметке (заметке!) **«показать»** десять людей; о них просто перечислены их фамилии: очерк **И. Кор.** (№ 141) «Рекорды и люди» (дано мало из Магнитогорска) — удачный из замысла, но не поднимающийся выше констатации и воспевания диф. Это-то мало, это не то, что нужно.

В «Рабочей газете» (№ 151) напечатана также «Стихи о лучшем» Павла Дунаева (объединение рабочих-писателей «Рабочей газеты»). Они так же, как и «Стихи о герое» ударника В. Белоконева в «Рабочей Москве» (№ 150), отличаются поверхностностью и абстрактностью—никакого **показа** героев в них нет. Нам думается, что это нужно отнести за счет **полной неразработанности** вопроса о показе героев. Ударники здесь предоставлены сами себе и, естественно, не могут найти верного метода. Характерно, что единственно почти до сих пор не дали никакой творческой продукции. Между тем, стихи должны и могут быть поставлены на службу ударной задаче пятилетки в литературе. Вторая часть «Трагической ночи» Безыменского — одно из доказательств этого.

***

«Рабочая Москва» по обилию материала о героях побивает рекорд. Однако, качество его оставляет желать лучшего. В этой газете в первую очередь могут быть представлены все те описания, которые мы выделили в начале данной статьи. За исключением большого очерка Я. Шведова «Сказ о сердце», нуждающегося в самостоятельном разборе, и очерка Л. Славина «Гогарин Монтер» («Рабочая Москва» от 9 июня), в газете нет сколько-нибудь удовлетворительного материала. Эти два очерка по всяком случае подходят вплотную к разрешению задачи раскрытия личности описываемых и тех процессов, которые в них и вокруг них происходят *. Что же касается «очерка» Е. Федорова «Герои ударных темпов» (№ от 9 июня), то это просто классическая запись события, где «игровые» моменты в этом очерке должны были бы служить только фоном, но пропорция не соблюдена и основное —трактористы — остались в тени.

Добросовестно сделан, хотя и бледно, очерк Б. Губера «Репсгильщик, армеец, большевик» (№ 156).

Наконец, хороша зарисовка Эль Регистана «Джоэ Мак-Даусль». Она показательна в том отношении, что, несмотря на свой небольшой размер, в результате большой насыщенности, она остается цельной вырезанной (№ 156).

Однако, и в «Известиях» есть срывы. К ним нужно причислить плохо написанный очерк Л. Кассиля «Наши героини», крайне показательный для того, как **не нужно** писать о героях; страдающие теми же недостатками, что и материалы «Рабочей газеты» и «Рабочей Москвы», очерки «Секрет победы» Черепкова и «Их дела, их имена» Карловича. Наверно, только недоразумением можно объяснить помещение вялотной, плохой статьи заучки М. З. «Четверо» (все это — в № 156).

***

Нелишне заметить, что недочеты в показе героев в московской печати объясняются как раз теми причинами, на которые указал в своих последних решениях секретариат РАПП. Это—с одной стороны, — совершенно недостаточная активность и не-боевка организационного художественного показа героев представителями писателями, и, с другой, — в известной, слабое внимание к качеству, отсутствие твердых установок в этой работе газет.

Только решительная борьба с этим, систематически критикуя организационные и творческие ошибки в деле показа героев, мы поднимем эту работу на необходимую, большую политическую высоту.

МИХ. Ц.

* Нельзя не отметить досадную невнимательность одного из авторов и редакции. Начало очерка Шведова и очерк Славина напечатаны в одном номере. И там и тут речь идет о зав. листопрокатным цехом «Серп и молот» Мовгоре. У Славина Мовгор приехал в Россию 1909 г., у Шведова в 1908 г.

Когда же он все-таки приехал?

глушитель

р-р-раздробил!

Этот номер «ЛИТГАЗЕТЫ» **предпоследний** за первое полугодие

Во избежание перерыва в высылке газеты с 1 июля, следует возобновить подписку на почте

НЕМЕДЛЕННО

По новым правилам, подписка принимается лишь до определенного срока, устанавливаемого местной почтой. Опоздавшая подписка принимается только на следующий месяц

трибуна творческой дискуссии

статьями тт. тт. огнева и авдеенко мы открываем обсуждение творческих вопросов перед осенней конференцией всероссийского союза советских писателей.

Больше внимания конкретной творческой продукции, меньше разговоров о „литературе вообще", побольше активного участия самих художников слова в творческой дискуссии

О трех крушениях

1.

Перед каждым советским писателем стоят сейчас вопросы:

— О чем писать?

— Как реагировать на современность?

— Какой избрать жанр?

— В чем основная задача?

Каждый из писателей отвечает по-разному: иной, окунув по колодку или заводу, описывается парой очерков, другой — в имя ему легион — разыскивает ударников и спешно, но вполне всерьез, предлагает печати их биографии; третий отмалчивается на какой-нибудь службе; четвертый творит некое большое полотно; пятый гнусно халтурит, забыв о своем назначении. Но каждый, по-разному, пытается ответить **действием**, в громадном большинстве случаев никак **не формулируя** свое отношение к современности и к современным писательским задачам.

Между тем, такие формулировки совершенно необходимы. Необходим и спор о формулировках. Мне, например, известно, что ряд писателей продолжает смотреть на свое искусство, как на нечто самодовлеющее, расположенное над современностью, стирающее границы, времена, пространства и сроки. Этот взгляд в корне ложен, и с ним необходима борьба. Ведь как раз такой взгляд **и мешает жить и работать** советскому писателю.

Как я отвечаю на волнующие меня вопросы? Попробую наметить генезис своего творчества.

2.

К началу революции я был уже сложившимся писателем,—профессия журналиста осталась где-то позади,—но не писал.

Однако, как писать—знал твердо.

И первые мои вещи, появившиеся в печати в начале 1923 г., были синтетичны. В «Евразии» я пытался синтезировать настроения пред-смеховеховской интеллигенции (уверившейся в революцию лбом, как барин в новые вереи), —третья глава повести так и называлась «Новые ворота»); рассказ «Ши республики» ставил неправильно, но все же ставил вопрос о взаимоотношениях рабочего и крестьянина того времени.

Дальнейший мой писательский путь проходил все под тем же знаком синтеза: рассказ «Темная вода» (1924), написанный за год до известной истории Сапунова на суде, изображал полный распад и гниение всего. Рассказ «Гибель культуры» был по преимуществу бытовой.

Но на этом пути я потерпел ряд крушений. Еще задолго до «Дневника К. Рябцева» (1926-27) я начал работать над большой повестью «Злак Сатурна», которой так и не суждено было увидеть света. Семь глав этой повести и около двух печатных листов подмалевков до сих пор погребены на дне моего чемодана с рукописями.

Повесть была посвящена настроениям молодежи 1924—25 гг. и проводила резкую разграничительную черту между рабочей и интеллигентской молодежью.

В чем же дело? Что случилось?

Я и раньше работал медленно—нескладный синтез требует основательного упора, долгой подготовки, постепенного сбора фактов. Но никогда не опаздывал я раньше!

Случилось то, что молодежь наш рабочий, так и интеллигентская перерос**ла** мою повесть, и повесть оказалась ненужной. Внутренно ненужной для меня, а значит, и для читателя. А «Дневник Рябцева» пророс сквозь распадающуюся повесть.

Это первое крушение я встретил с недоумением и далеко не сразу его осознал. Но на меня надвигалось и второе крушение.

С 1925 года я задумал и постепенно осуществлял роман в трех частях «Великая правда». В этом романе интеллигент, снабженный по воле автора двойным зрением, из 1919 года, из гражданской войны, из голода, холода и разрухи возвращается чудесным образом в 1907 год, тот указания революции и разгула расейской буржуазии. В 1907 году герой вновь переживает свои былые анархо-мистические настроения, по сказке прямо 1919 года эти настроения дают ему кажущуюся мелкими и некужными. Герой гибнет во время эксперимента, но чудесным образом переносится в 1940 год, в год последней битвы капитализма с коммунизмом.

План романа был задуман широко, ряд отрывков был напечатан, но к началу реконструктивного периода и прозрел. Я понял, что мой герой — в достаточной мере дрянной интеллигентишко — просто-напросто никому не нужен. Тратить краски на этого героя—значило создавать еще один образ лишнего человека, образ лишний, никчемный, никого никуда не зовущий. Но с устранением героя устранялся весь роман! Проблема отношения личности к обществу, а значит и интеллигента к революции, но то что стояло на заднем плане, а скрывалось за кулисами. Наступили сумерки интеллигентских боженят.

Не скрываю, что тема все-таки меня влекла и манила ею: параллельно неокончательному роману они вылились в книгу «Поход Пилистожа». С этой былой работы было меньше, чем с ромэном, и книга увидела свет.

Но тема молодежи продолжала (и продолжает) меня волновать. Я и не подозревал, что она таила в себе третье мое крушение.

Крушение ждало меня на пути драматурга. Существует несколько вариантов пьесы «Дом вниз**ов**»—одна лежит в I МХТ, другие—в Театре им. Вахтангова... Но им так и суждено лежать в архиве!

Вся беда в том, что я опять работал на устаревшем материале. И молодежь 1926—27 года никак не могла действовать в пьесе 1930 года. И понял это в процессе работы, поэтому и не доделал для вахтанговцев последний вариант драмы.

В данный момент я эти три свои крушения пережил настолько, что они стали для меня историей, и я могу рассматривать их вполне объективно.

Но серия погибших работ ставит передо мной, тем не менее, со всей резкостью вопрос:

— Что же делать?

Продолжать медленно работать, собирая материал, упорно обдумывая, синтезируя факты? Или немедленно прекратить такую работу, всего себя бросив на регистрацию фактов, т.-е.—перейти исключительно на газетную работу?

3.

— Писатель или журналист нужен эпохе?

Ответ сложен.

Прежде всего, существуют темы, которые действуют на продолжительный срок даже в нашу стремительно развертывающуюся эпоху.

Такова, например, тема о реконструкции человеческого материала, над которой я работаю уже три года, и отложать, отстать не могу, так как это тема —вполне современная и не скоро будет выброшена в мусорный ящик истории. (Я говорю о романе «Три измерения»).

Далее—любая тема, в основе которой лежит диалектический материализм, как познание жизни. Только робкие попытки были—применить диалектический материализм к практике художественной литературы. А ведь и перед советскими писателями развернута вся его ширина и глубина! Следовательно, для меня работа над большими полотнами никак не отпадает. Но в такой работе—только одна сторона моей деятельности как советского писателя.

Писатель—нужен.

Но нужен, необходим, как воздух, и журналист. Мало того, нужен **журналист в писателе.**

Да и самому писателю нужно включить в себя журналиста. Писателю совершенно необходимо вариться в общем котле стройки, чтобы не быть созерцателем, **попутчиком,** профаном, путающим приходной ремень с конвейером.

Но, включившись в работу завода, колхоза, строительства (как включиться—об этом нужно особо поговорить), писатель должен заниматься отбором фактов и для синтеза их. Здесь речь идет о методах собирания материала. Тогда как до сих пор советский писатель действовал по-старинке (и это росло из рухнувшего капиталистического российского строя,—ведь, капиталистическое хозяйство было анархично, и анархия капиталистического хозяйства не могла не отражаться на работе писателя), работа писателя, методы сбора материала были тоже анархичны) и наметал, собирал в отвлеченный материал. как ему заблагорассудится,—сейчас перестройка мировоззрения должна сопровождаться перестройкой методов и форм работы.

Органически войдя в работу предприятия, писатель неизбежно будет журналистом, — какую бы работу в предприятии он на себя ни взял: и в стенгазете будет работать, и очерки в газеты посылать—жизнь заставит. Но, слив свой рост с ростом предприятия или учреждения (хотя бы это был детский дом), писатель никогда не отстанет ни с романом, ни с синтезом; ни с романом, ни с очерком, ни с другим любым жанром произведения.

Вот пока мои выводы. В следующий раз постараюсь развить свои мысли на конкретных примерах других писателей.

И. ОГНЕВ

Круговая порука в „перевале" и распад перевальского „содружества"

творческий метод молчания

В первых числах мая я выбыл из числа членов содружества «Перевал». Последовавшие за этим выступления писателей-перевальцев, отклики на эти выступления и выход из организации многих членов «Перевала» лишний раз доказали мне, что мое разногласие с руководством группы в оценке литературно-общественной линии «Перевала» вытекали не из тяжести моего характера, не из моей личности, как это было неоднократно моими бывшими товарищами, а из той потери чувства общественного такта, которая не позволяет группе осознать свою истинную роль, место в ряду других литературных организаций, свой истинный удельный вес, лишает ее непредвзятого отношения к объективной действительности.

У меня нет охоты возвращаться к прямолинейниям и надеждам всем оцнобким «Перевала», тяжесть последствия которых я нес вместе с ним, они были не раз предметом литературной дискуссии. Точно-так же и не считаю возможным останавливаться на личных мотивах выхода бывших перевальцев из организации,—а они звучат подчас в «прощальных» письмах. Но я полагаю нужным отметить два момента.

Во-первых. В прошлогодних декларативных выступлениях «Перевала», подписанных и мною, было заявлено о «внимании», с которым «Перевал» относится «к наиболее ценным указаниям на совершенные им ошибки и промахи художественные и идеологические». Прошел год. В чем же сказалось это «внимание»? В молчании. Быть может, опыт накоплялся в творческих аккумуляторах с тем, чтобы вылиться в произведениях? Я не сомневаюсь, что налил действительность слишком весома, чтобы пройти незамеченной мимо творческого внимания. Но творческая работа над произведениями — дело каждого советского писателя. Организация же имеет собственное творческое лицо, от которого и говорит,—иначе это не творческая организация. За прошлый год творческое лицо организации «Перевал» не проявило себя, оказалось от голоса. «Внимание» организации прошло немым не только мимо внегрупповой действительности, но и мимо неудовлетворенности отдельных членов организации плохим внутригрупповым положением вещей.

Впрочем, может быть дело не в красивых жестах, а в художественной продукции?

Во-вторых. Инициативная группа писателей «Перевала», после года молчания организации в целом, выступила со статьей «Наша заявка». Для того, чтобы ее не понять, подобно товарищу Гольдбергу, как заявку на монопольное право разработки литературного участка, ее следовало бы назвать «Наши обязательства». Но организация в целом не выполнила своего обещания на «внимание»,—значит ли это, что инициативная группа взялась всего обещанного и хочет проконтролировать старый, неоплаченный кредит, выданный всей организацией? А если «внимание» организации сказалось именно в том, что она заметила случайный изъян создания огромного индустриального центра, то в этом, конечно, нет ничего удивительного: гигант Авторостроя—можно быть уверенным—не ускользнет от самого строгого общественного внимания. От творческого же—мы ждем большого умения заметить и вызвать к жизни в образах значительный зрелищ каждого социального явления, дыхание всей страны—не только сверхмощных ее установок. Огромная политико-экономическая задача страны, обязывающая всех и в искусстве, еще не может быть предлогом для того, чтобы забыть о всем потоке социальной жизни страны, снять с поверхности дня внимание к бесконечно малым, но таким решающим в искусстве вопросам, как национальные литературной дискуссией. Программой литературно-творческой организации «Наша заявка» быть не может, заменить ее тоже не может. Вот почему следует признать, что статья является заявкой о снятии с себя бремени каких-либо формулировок своей творческой позиции, каких-либо усилий, жестом вполне приличным и механическим.

Никто из нас не застрахован от ошибок. Это дело дало повод говорить о кризисе на ошибках. Но право—норма. А норма норм, брака предусматривает известный процент порчи, которого на производстве нельзя превышать. Права на превышение допустимого процента ошибок нельзя утверждать—природа искусства жестоко мстит за это превышение. Не дочитает его и суровая природа наших дней напряженного, ответственного труда.

Дальнейшее творческое усыхание «Перевала» прямо пропорционально отсутствием мужества в решении основных творческих задач — худший для художников вид капитуляции.

П. СЛЕТОВ.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Ввиду того, что я расхожусь по основным вопросам литературной политики с группой «Перевала», прошу не считать меня членом этой организации.

ВАС. КУДАШЕВ

„перевал" не встанет и не пойдет

Сода, в Таджикистан, газета приехала с опозданием. Только теперь я прочел «Нашу заявку» и узнал, что «Перевал» напал золотоносную жилу, и, как американский золотоискатель, поторопился предъявить на нее свои собственнические права. При социализме за участки не делают заявок: находку разрабатывают сообща, она принадлежит всей стране. «Перевал» заблудился во времени.

«Перевал» относится к Ангаре, как к родовой усадьбе, куда можно поехать наездом или на сезон, куда писателей из других организаций можно пригласить на чашку чая, на время отпуска или на глухариную охоту, тем более, что глухари на Ангаре токуют.

Тринадцать лет рубят тайгу по всей стране, мелькают рукава пил, закипает сила стихий. Страна расчищает пути, строится. Кто из молодых писателей не бывал на строительствах, перед кем были закрыты дороги, кто мог усидеть в кабинете в эти годы?

«Перевал» собирается на Ангару, как попадья в первое путешествие, предусмотрительно всех и со всеми прощаясь. «Перевал» действительно насиделся. В «Перевале» душно, как в старинной комнате. Печем дышать. Пыльно. Пахнет камфарой, пеленками и тихими зубами. Запахи, невыносимые для молодости.

«Перевал» делает последние усилия, чтобы встать, взять ору свой и мойся. Он болен неизлечимо — старостью. Он старше многих из тех, кто стоит под его знаменами. Он не встанет и не пойдет.

Во имя путей, которые нам предстоят, я выхожу из «Перевала» и вызываю Ефима Зозрехина и Сергея Маркова.

Гарм. **АМИР САРГИДЖАН**

от редакции

В № 31 и в сегодняшнем номере «Литературной газеты» помещены письма С. Наседкетрейтера, В. Слетова, В. Кудашева и А. Сергиевского, содержащие в себе обстоятельные причины выхода из «Перевала». Товарищи нашли в себе достаточно мужества и последовательности для того, чтобы перед лицом пролетарской и писательской общественности порвать с круговой порукой и показать самокритику, культивируемыми в «Перевале» и свойственными еще значительной группе участников этого «содружества».

Достаточно для примера указать на нежелание немногочисленных в «Перевале» коммунистов: эти коммунисты после резолюции президиума Комакадемии, резко осудившей кампанию «Перевала», ВПЛОТЬ ДО официальной квалификации «Перевала» со стороны марксистской критики как группы, являющейся центром притяжения реакционно - буржуазных сил в литературе, ПОСЛЕ того, как сознательный отряд в литературе своей практикой доказал, что путь превращения попутчика в сподвижника пролетариата «Перевалу», — продолжают отсиживаться, отмалчиваться, прикрывать своим партбилетом буржуазные тенденции «Перевала». КРУГОВАЯ ПОРУКА в «Перевале» вовсе не сводится к обывательской СЕМЕЙСТВЕННОСТИ. Круговая порука выступает тут как форма защитной МАСКИРОВКИ.

Когда группа писателей «Перевала» в «Нашей заявке» (Л. Г. № 27 на 28 мая) сообщила о своем желании принять участие в строительстве Ангарстроя, редакция «Литгазеты» выразила уверенность в том, что соприкосновение с практикой социалистического строительства поможет лучшим элементам «Перевала» преодолеть в значительной мере групповщину. Вместе с тем редакция констатировала, что «Наша заявка» в целом означает попытку легализации старого «перевальства», означает бегство от классовой борьбы пролетариата за социализм, означает противопоставление этой борьбе реакционных, «гуманитарных» идеек о «вечной культуре» человечества.

Публикуемые ниже письма о выходе из «Перевала» подтверждают данную нами оценку. Констатируя, что товарищи сделали значительный шаг вперед, редакция в то же время отмечает, что на этих письмах лежит сильный ОТПЕЧАТОК НЕПРЕОДОЛЕННОГО «перевальства». К примеру, С. Наседкетрейтер пишет: «МОЯ СТРАНА дошла в развернутое социалистическое наступление». Нам думается, что далеко не случайна модная классовых задач литературы отвлеченными формулами, говорения о «всей стране», об «эпохе» и пр. «Перевал» в «Нашей заявке» собирался уклониться на БУДУЩИЙ Ангарстрой от СЕГОДНЯШНЕГО дня классовой борьбы пролетариата.

Но не только в этом сказывается непреодоленное «перевальство». Так, С. Наседкетрейтер, сообщая о своем присоединении (без всяких поправок) к пункту «Нашей заявки», данной «Литгазетой», называет в своем письме заслуги реки противоречивые названной оценке. Он пишет, обращаясь к «Перевалу»: «Мы сделали остановку в 1925 ГОДУ, сидите на этой остановке и сидите очень длительный срок... Вы ЗАТЯНУЛИ ДЕЛО... Жизнь НА НОВОМ ЭТАПЕ уходит от нас». Иными словами, речь идет в том, что «Перевал» не перестроился НА НОВОМ ЭТАПЕ. «Перевал» с самого начала являлся опорой белой воронщины, занимал позиции, ВРАЖДЕБНЫЕ пролетарской литературе, позиции, препятствующие его и рупор классово-враждебных пролетарских идеологических сил. Именно ПОЭТОМУ «Перевал» не мог даже поставить перед собой вопроса перестройки либо таким перестройка немыслима без ликвидации «перевальства», как СИСТЕМЫ ВЗГЛЯДОВ. Именно ПОЭТОМУ «Перевал» растерялся на последние годы пролетарских писателей, входивших ранее и сейчас в ряды и затем порвавших без всяких оговорок с «перевальством». Именно ПОЭТОМУ и именно за ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ «Перевал» стал ОДНИМ ИЗ ОДНОВРЕМЕННЫХ аккумуляторов буржуазно - реакционных тенденций в литературе. С. Наседкетрейтер, ударяя по «Перевалу» ПОСЛЕДНЕГО периода, оставляет в неприкосновенности ОБЩУЮ «перевальщину», хотя и говорит в ряде мест резко и убедительно о «старом быте» клике «Перевала».

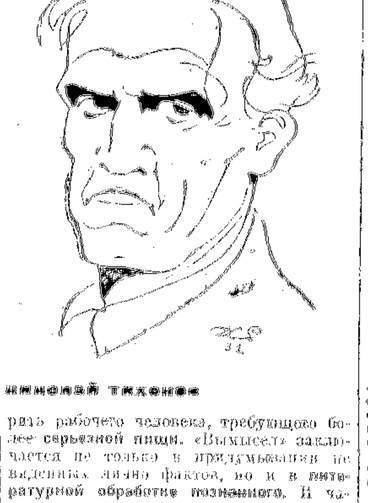
От сознания зависит, далее, и оценка значения и места «Перевала» в НАСТОЯЩИЙ момент. С. Наседкетрейтер говорит о том, что якобы «Перевал» обычно связан интимным родством с БЛАГОРОДНОЙ СТАРИНОЙ, но не с рабочей интернациональной НОВИЗНОЙ». Разве с «благородной старинкой» связана деятельность «Перевала» на последние годы? Разве прихоть самопальных чудаков — «духовных аристократов» — диктует «Перевалу» необходимость поисков тихой заводи, отражающей от классовой борьбы? Нет. К примеру, альманах «Ровесники» в целом, был одним из выразителей и литературе идеологии отживающих классов. Корни «Перевала» нужно искать в СЕГОДНЯШНЕМ дне. И лишь сегодняшний день объясну нам тягу к реакционной романтике прошлого, которая перерастает в реакционную утопию неклассовой борьбы за Аларстрой, «естественный» общественного культуры. С. Наседкетрейтер, кстати, не забыл не сказал со СВОИХ крайних позиций бывших С. Наседкетрейтер был одним из основных ТЕОРЕТИКОВ «Перевала», придется немало поработать над собой для преодоления «перевальства».

Т.т. Слетов и Сергиевский пишут о стихийной немощи «Перевала», это правильно. Но сама по себе констатация стихийного ОДРЕВЕНЕНИЯ «Перевала» не ре**ш**ает вопроса. Идейно разлагаясь, выражаясь и прилгая, «Перевал» еще таит в себе достаточное количество микробов, заразительных для других и сопутствующих всякому процессу гниения распада.

Мы констатируем, что создавшая годами инерции от пролетарской общественности круговая порука «Перевала» мешает отдельным товарищам, входившим в его ряды и уже не разделяющим его установок, порвать с «Перевалом» и перейти в ряды литературы, помогающей строить социализм. Мы констатируем и то же время, что в рядах «Перевала» уже началась резкая дифференциация, которая должна привести к окончательному распаду этой группировки.

„Кочевники"*

рис. к. елисеева



николай тихонов

«И вижу семья, собирающие хлопок, мелькающими руками берут они белые пригорщи и обрасывают их в корзину, я вижу арбакешей, возвращающихся домой, охотника, возвращающегося в кабина, детей, копошащихся в глине на холом, женщин, толкующих о семейной ссоре, судью, который сидит под деревом и молчит, а подсудимый и свидетели кричат так, как будто судья глухой и живу обычай, заключающего глаз в узы перед очередным молитвенным [illegible] милиционера, заключающегося с потной лошадью в поселянину, которого только что ограбила басмач, финансиндустрии, трясущегося под конвоем на жестком седле к станции, так как у него много денег и он не хочет ночевать в кишлаке, синего быка, пахающего по полю, как трактор, ишаков, ревущих с таким страшным буйлаком, точно в них накачивается воздух, пестрый рой, проносящийся над полями, вмей и ящерки, шуршущих в тишь порабов и дувалов, разноязычный шелест деревень—тонот вооруженного отряда Красной армии и далеко на горизонте аэроплан, летящий в Бухару, в город, который называлась странным именем: повелитель (Дошамбе), а ныне зовется Сталинабадом...»

Все это видит П. Тихонов и обо всем этом рассказывает в своей книге «Кочевники». Видит художественно и метко, рассказывает талантливо и занимательно.

В прошлом году бригада московских писателей отправилась в Туркменскую республику, чтобы описать социалистическое строительство и современный быт этой страны, которая раньше у русского читателя пребывала в тени великолепного невежества. Одним из результатов этой поездки явились «Кочевники». Эта книга заслуживает подробного разбора. Она интересна по многих смыслах. Не только в своих победах — политических и литературных, но и в своих недостатках, именно для нас сегодня немаловажный **принципиальный смысл.** Итак, сначала о достоинствах ее.

Картины того, «как социализм пришел и пустыню со своими колхозами и тракторами», проходят перед вами как диаграммы, бедуин, таджики — племена, обремененные страшной, вековой нищетой, феодальным гнетом баев и ханов, придушенные кречет чалмы и паранджи шариатом, мертвящими нескалы тьмы и суеверий,—как эти народы замечательным образом отучились перед весной социальной формой человеческой культуры и непосредственно из средневековья переначинают в двадцать первый век, от деревянного, вавилонского плуга-омача переходят прямо к трактору, с чесоточного верблюда пересаживаются в вагон Турксиба или на аэроплан, — обзик этих событий всемирно-исторического значения встает со страниц книги во всем их сдержанном величии. Помощь русской пролетарской революции, значение ленинской национальной политики раскрываются здесь в жизненных, правдивых образах, переводятся на язык фактов. Таких фактов — больших и маленьких — много изложено в книге. П. Тихонов умеет отметить политический смысл не только помощи кушинских красноармейцев (в проведении сева) Джемшидскому колхозу, целиком образовавшемуся из бывших кочевников, но и политический смысл самых разнообразных бытовых мелочей. Самоотверженная работа отправленных партией людей в этот край, вымученный из глубины истории, не может не вызвать у читателя справедливого удивления. «Дженшины не знают языка своих великих братьев—русских пролетариев. Русские — не знают джемшидского, и однако дело идет».

Вероятно, многие довольно смутно представляют себе, чем этот край был в прежнее, царское время. А вместе с тем разительность совершающегося там особенно ясной становится в сопоставлении с прошлым. Ведь в Бухаре, например, вплоть до самой революции, **существовало рабство,** причем рабство не в метафорическом смысле, а в самом подлинном и чудовищном виде. Но т. н. русско-сухаревскому дельцу, заключенному в кольце совнародства голов, прямая торговля людьми официально была запрещена, но существовала в форме еще худшей—феодального крепостничества. Существовало рабство под видом кабалы. В кабальные книги беков и амплаяров (губернаторов и усадных начальников) записались семьи лиц, не уплативших податей или штрафов. Бек или амплаяр налагает на неуплатившего им человека штраф таких размеров, который тот уплатить не в силах, и кабала готова. Несчастный с семьей (кабала распространяется также и на семью) выводится на рынок и продается.

«Семья того кабального,—читаем мы в одной книжке, изданной перед самой войной *,—что я видел на бухарском базаре «стоила» всего около двухсот пятидесяти рублей на русские деньги (три хороших верблюда). Уволили участь кабальных! Они живут большей частью вместе с домашними животными или просто «на вольном воздухе». Формат их рисовой кашицей, в минуту человеколюбия хозяева черствой кукурузной лепешкой. А работать их заставляют с утра до ночи, причем никакой труд не считается тяжелым. За малейшую провинность хозяин имеет право наказать кабального не только побоями, но и заковать в кандалы. Избиение до смерти не редкость».

И мы понимаем вечерь, что эти люди, только вчера рядом с животными ходившие в яме у баев или разбойничьей вольницей маячившие среди любых барханов, оказавшись хозяевами своей страны, почти не верят в происходящее.

Хороший урожай 1927 г., — пишет П. Тихонов, — понравился им (Белухжилтоварищу колхозу). Правда сказать, им здорово помогли тракторы и плуги, от которых верблюды садились на землю в страхе, а бедуины — от изумления.

— Мы происходим от Амир-Саата,— говорили они, — а от кого происходит это? Что такое Амир-Саат, — говорили мы, — легенда, а трактор—вот он происходит от рабочей революции.

Многие туркмены, узбеки, таджики за годы революции проделали славный путь от кочевничьей кибитки или хлопкового поля к политическому и государственному руководству, стали инженерами, ирригаторами, агрономами, непосредственными руководителями социалистического хозяйства. В различных бытовых сценках проходят перед вами жизнь пустыни. Тихонов описывает все это в тоне любовного уважения, **со сдержанной патетикой и сдержанной иронией** над смешными нелепостями, какие глаз советского строителя замечает сразу. Но в этом удивительном зрелище, где встречаются пустыня и социализм. Что же движет внутри это описание, **какой материал привлечен для построения книги?**

И вот здесь мы сталкиваемся на тему, какую **не удалось** большинству рассечить Амбу и над разрешением которой работает пролетарский очерк. Действенны ли очерки Тихонова? Ведут ли они к движению, ориентируют ли практически, обогащают ли классовыми ассоциациями и чувством классового пафоса? На эти вопросы приходится в значительной мере ответить отрицательно. Образы, среди которых автора застает современная туркменская действительность, оказываются из-за **плохим литературным образом.** В них есть и благородная скупость рисунка, и нейность, и хорошая, и приключения путешествий, и память о прочитанных книгах, и у места рассказанная легенда. Именно эта сложная и умная литературная обработка материала делает книгу занимательной подобно великому настоящему художественному произведению. И лучше всего в книге те места, где зовет вас эта **романтика бытия.**

«Молчание ночи нисходит на ущелье. Костер горят, как сигнальный маяк на самом краю света. Внизу одиноко тремит ручей. Прохладная тишина гор полходит вплотную. Люди Арнаклана сидят все вместе с пешими макаронами: Сидоров, Сизов, Климовским. Входят кот и собака. На стенах висят винтовки. Лошади жуют сено на высоких длинных чаш».

П. Тихонов защищен своим художественным вкусом от т. н. «восточной экзотики», но какие-то неуловимые литературные миражи окружают нас в то время, когда вы следуете за автором. То вспомнит он Джека Лондона, когда уже, ни кому, где хочется разбить палатку, чтобы жить, имел «девушку, трубку и мула», то пройдет где-то рядом «в разорванном белье с иепой фасира на губах и незнакомыми глазами Лоуренс», то Эдгар По напост свою песенку об Эльдорадо, то Киплинг «жизнелюбивый Киплинг» проникнет в суровом ощущения природы в жителей нелюдь этой страны.

«Невероятность вечера, блеск ружей среди саксаула, летящая куда-то вдаль фистанковая пустыня, тусклая сверкающая пода между камнями, толстые зайцы, пробегающие среди собак, черные пятны и пылающее небо — говорит однако читайте Марко Поло, читайте путешествие Марко Поло. Как же велик фронт нашей борьбы от усовершенствованных вил неводокрепок, поднявшихся в индустриальное небо, до полного феодализма пустыни».

Литература помогает **освоивать** открывающееся глазу, не только подсказывал восприятие, но и отталкивает от нее, так сказать «доказательством от противного». Если не все сходится на том, что существуют демоны литературной традиции, то, например, глазка «Точное описание путешествия из Кала-Калы в Кызыл Арват» является доказательством их существования, так как она по сути дела является ночное единоборство автора с этими демонами. Поэтому горы называются «Гулящие горы», почему должна «Долиной смерти», почему скачут конно в пустые романтические голые люди, — восклицает Тихонов, — даже описать нельзя: не поверит—до того «литературно». Эта борьба с вымышленными, хотя и правдоподобными штампами (как бывает борьба с ложными героями) не только ложится в композиционную основу очерка, но и **дает ему окрашивающую интонацию.**

Хорошо ли это? То-есть нужно ли это с точки зрения задач пролетарского очерка? Это почти всегда дает литературную удачу, разнообразит книгу, делает ее «читабельной». И это хорошо. Но и вместе с тем здесь **лежит опасность нейтрализовать** литературными ассоциациями, всегда возможными описательскими, историческими, бытовыми или этнографическими отвлечениями — **основное,** что должно быть у нас у всех впереди — это классовое зрение, **классовое чувство коммунистического переустроителя мира.** В этот отсюда начинаются **недостатки** «Кочевников».

П. Тихонов потерпевает в предисловии, что его «очерки, написанные без всякой краски вымысла, без всякой игры воображения, заключают одни сухие факты, потому что пришло время, когда советский Восток, сбросив покрывала, отвечающие его классовым задачам, решительно вступил на путь завершения социализма, как остальные территории Советского союза». В другом месте автор пишет, что, «отказавшись от всей литературной картины и впечатлений, я хочу сухими и скупыми словами нарисовать хозяйственный, практический облик края, чтобы читатель понял, что я не кормлю его одним лирическим салатом. Нет, я дам ему честный питательный бульон, где будут плавать некоторые цифры».

Я могу от души заверить П. Тихонова, что в обоих случаях он находится во власти писательских миражей, может быть естественных после посещения пустыни. «Кочевники» отнюдь **не лишены вымысла** (и это как раз хорошо не плохо), они совсем не «сухи», но зато то, что автор называет «питательным бульоном», **не может удовлетворить** рабочего человека, требующего более **серьезной пищи.** «Вымысел» заключается не только в придумывании не виденных лично фактов, но и в **литературной обработке познанного.** И часто последнее может «перекрыть» любой вымысел. «Кочевники» лишены внутренней классовой остроты, литературно оформленной интонации повышенного большевизма. В книге—снисходительность к понятиям (в таких-то условиях!) недостаткам и даже преступлениям и пронам там, где требуется тембр ненависти, гнева и волнения. В книге улыбка, примиряющая там, где нужна мобилизация радости. Отсюда на книге лежит неуловимый отпечаток отвлеченного культуричества, где **«дело пара» сторона пути к социализму оказывается более подчеркнутой» нежели сторона классовая.** Отсюда не случайно, что классовый враг не закреплен в книге во впечатляющем образе. Это опять особенно понимаешь, когда сравниваешь «Кочевников», жанр, с тоже недавно вышедшей книгой В. Славского «Разбег». «Разбег» полон той напряженной классовой борьбой, в которой развертывается социализм. Это обостряет читателя—активного участника этой борьбы—новым и ценным ему классовым опытом.

От этого основного недостатка «Кочевников» возникают и другие искажения перспективы. Так в книге помощь **русской пролетарской революции выдвинута за счет недостаточного внимания к терпению и силам самого туркменского народа.** А ведь революция не есть атмосферное явление, а опрыскивается в конечном счете на людей. Отсюда и **отношение** социалистического строительства кочевых племена оказывается скорее в положении **объекта революции,** нежели ее субъектов, что, разумеется, неверно. Совсем **обойден** такой важный вопрос для этой бывшей царской окраины, как **вопрос национальный.** Ведь социализм, приходящий в пустыню со своими тракторами, вынужден оставаться там пока «национальным по формо», и это само по себе является крупнейшим революционным фактором. Наконец, только «литературной корой», подброшенной литературными демонами, я могу объяснить обмолвку П. Тихонова о «европейском» и «азиатском» Самарканде (кстати, описания средневековых столиц наиболее неудачны). Обмолвка дурная, шунящая великодержавным классом.

Все такие вещи настолько **не читателя научить не те ответные ноты,** какие нужно вызвать. **Обо всем этом нужно сказать автору «Кочевников»** также и потому, что он является одаренным и близким пролетарской литературе писателем. Во всем этом **нужно разобраться и нам самим,** потому что творческий метод пролетарского очерка мы ищем также, и **ошибки** П. Тихонова **должны быть учтены всеми нами.** Все это делает все же во многом превосходную книгу Тихонова, являющуюся шагом в пролетарской литературе, не только занимательной, как этого хотел автор, но и поучительной, правда не всегда, в том смысле, в каком Тихонов некал ее сделать.

Корнелий ЗЕЛИНСКИЙ

* «Кочевники». Из-во «Федерация». 1931 г. Стр. 240. Ц. 1 р. 10 к., перепл. 20 к.

* «Среди сыпучих песков и отрубленных голов». (Б. И. Гарнвельд).

артель литературных кустарей

о московском товариществе писателей

«Литературная газета» уже не раз печатала материалы, отрицательно характеризующие деятельность МТИ — Московского товарищества писателей.

К этой теме принуждены мы вернуться и сейчас.

Кооперативное издательство «Московское товарищество писателей» представляет собой объединение семидесяти писателей. Интересно, что почти половина из них не является членами литературных организаций и представляет собой неорганизованную массу писателей-одиночек. Другая часть по своей принадлежности к литорганизациям распределяется так:

членов ВОПКП — 13,
членов «Кузницы» — 11,
остальных рапповцев — 7,
перевальцев — 4,
членов ВССП — 3.

При этом большая часть отмеченных здесь ими рапповцев числится в МТИ лишь формально и не принимает участия в работе товарищества.

Что же объединяет здесь эту пестрейшую массу? Писатели объединены в МТИ на чисто коммерческой основе: МТИ не имеет ни своей творческой платформы, ни принципиальной линии, сколько-нибудь отличной от других литературно-издательских единиц: оно не имеет, наконец, и каких-либо идейных установок, кроме самой общей, которую выдвигают из МТИ довольно неуклюже формулируют так:

«Издание произведений, несущих социалистическое строительство в городе и в деревне, и особенности тех произведений, которые четко и ясно показывают читателю веру в победу дела социалистической реконструкции».

Коммерческий характер деятельности МТИ придал ему крохкую финансовую базу. Ее наличие дало недавно повод ревизионной комиссии МТИ с удовлетворением констатировать, что:

«Издательство из **[illegible]** является несостоятельности просрочек платежей (решение о самоликвидации в 1930 г.) вложено в предприятие здоровое, финансово-платежеспособное дело».

Однако, при дальнейшем изучении материального положения МТИ выясняется, что это финансовое оздоровление достигнуто с помощью операций отнюдь не литературных и не издательских. э... торговых.

Издательство МТИ с разрешения МОКХ, а отчасти и «...рискуя большой ответственностью, и молчаливого согласия МОКХ...» (цитируем отчет правления МТИ общему собранию за период с февраля 1930 года по март 1931 года) в течение многих месяцев занималось торговлей канцелярскими принадлежностями, причем эта перепродажа канцелярских товаров совершалась по 70 проц. обороза оперций МТИ с книгами.

Руководящие работники МТИ до такой степени политически дезориентированы, что в основе официальных документов издательства, стоя в защиту МТИ выдвинутые за последний год «взаимоотношения и связь с общественными организациями», при перечислении этих организаций ставят в один ряд Секубис, Центральный комитет печати и Лигфол.

В этом же документе к числу недостатков в работе МТИ относятся:

«Прохладное отношение к работе правления... некоторых членов правления. Подтверждающими фактами является редкая посещаемость правления».

Объединение писателей по одному только признаку приемлемой к «финансовому оздоровлению» комиссии руководителям МТИ осуществить их неоднократные попытки добиться включения МТИ в систему Федерации объединений советских писателей. При этих попытках ФОСП, естественно, требовать от МТИ какой-то платформы, которую послужила бы основанием считать МТИ литературно - творческой писательской организацией. Отказ правления МТИ в этих случаях не может трактовать иначе, кроме удовлетворительного торгового баланса.

Вообще, в отличие от финансовой стороны, работа МТИ по части идейного содержания весьма не благополучна.

Общественно - массовая деятельность МТИ ограничивается проведением авторских чаток на членских собраниях, они ни в какой мере не увязаны с рабочей и пролетарско-колхозной общественностью. Отсутствие этих связей приводит МТИ к такому положению, что отдельные его руководители, питаясь привлекательству общественный характер, додумались до... призыва кустарей и литературу «по аналогии» с тем, как РАПП проводит призыв в литературу рабочих-ударников, а ВОПКП — призыв колхозников и рабочих совхозов.

«Кустари вообще являются единственной социальной прослойкой, с которой связано и на которую опирается МТИ в своей работе.

Это, естественно, накладывает соответствующий отпечаток и на тематику по серии, бесспорную творческую продукцию издательства, которая изобилует злободневными, а иногда и политически вредными книгами. Напомним, что издательством МТИ были выпущены и «Кинжал на золоте» — Д. Фибиха и «Гельзи» — В. Гомонова, и «Мирные жители» — Никандрова.

Такое положение стало возможным благодаря отсутствию в МТИ рабочего редсовета, коллективного руководящего аппарата и каких бы то ни было письменных решений о руководстве. В МТИ практикуются преимущественно устные отзывы, а книги выпускаются на основе единоличных резолюций правления или зав. издательством.

Нет в МТИ и элементарной плановости, инициативы, организованности. Обычно планы составлялись на основе опроса тех или иных авторов, которые сообщали интересующие темы, планируемые своих рукописей и т. п. Естественно, что издательские планы при таких условиях составлялись их, часто ломались и не могли быть выполнены.

Нет в МТИ и четкой договорной политики. Условия оплаты авторов зачастую зависят от личных отношений того или иного писателя с тем или иным из руководителей МТИ, а не от квалифицированного анализа или оценки литературного произведения.

Отсутствие творческо, идеологически выдержанного руководства, стихия издательство МТИ в такое затруднительное положение, при котором оно легко может оказаться орудием в руках случайных и идеологически чуждых элементов. Попытки упорядочить в МТИ уже имеющееся со стороны этих элементов в лице группы правых писателей, и сейчас дают себя ощутительно марксистской критикой.

Все это вместе взятое приводит нас еще раз к мысли о необходимости ликвидации Московского товарищества писателей в качестве самостоятельной издательской единицы.

В условиях обостренной классовой борьбы на литературном фронте,

„На посту“ должна существовать

Постановление секретариата ФОСП от 21 июня.

Секретариат ФОСП протестует против решения ЛЕНОГИЗ о прекращении субсидирования органа Ленинградской ассоциации пролетарских писателей — «На посту». Это решение ставит под угрозу существование первой рабочей массовой литературной газеты. Между тем, уже первые номера «На посту» говорят о том, что газета ЛАПП при поддержке пролетарской и литературной общественности может стать в дальнейшем подлинно боевым большевистским органом—организатором массового пролетарского литературного движения.

ФОСП призывает всю литературную общественность оказать всемерную помощь важнейшему начинанию ЛАПП.

Газета «На посту» должна и будет существовать.

СЕКРЕТАРИАТ ФОСП РСФСР

письмо из ленинграда

От нашего корреспондента

перед конференцией всесп.—забытый плэн.—февральский журнал не вышел в... июне.—новый курс «литучебы».—обращение ленинградских писателей

После майского пленума ВССП значительно оживилась работа в ленинградской организации союза советских писателей. Работа идет под знаком подготовки к весенней конференции ВССП.

Кетлем о ФОСП. В нынешнем производственном плане ленинградской федерации, разработанном и утвержденном в начале года, имеется перечень докладов о творчестве ряда советских писателей... Увы, доклады так и не состоялись. Хочи бы сейчас, когда ЛенФОСП разгрузился от практической работы по социально-бытовому обслуживанию писателей, не мешало бы приступить к «вдумчиво рукодящему разбору» позабытого плана, взяв с практической помощью ЛО ВССП.

В ближайшее время развернется творческая дискуссия советских писателей и в печати. Ленинградской печати необходимо учесть литературно-политическое значение предстоящей дискуссии и обеспечить «терпеливую тонкость» для ее проведения. Тем более, что писателям надо ориентироваться главным образом на массовую прессу, на газеты. Надеется на журнальную площадь для расширенных дискуссионных статей.

Это диктуется тем более обязательно, что работа производственных писателей на них отражается совершенно безобразно. Майский номер «Звезды» (орган ФОСП) до сих пор еще не вышел в печать.

Еще более катастрофично положение журнала «Литературная учеба». Единственное оно не вышло в свет февральского номера (!). Такое положение, несомненно, подрывает всякую веру журнала.

Вопрос этот «Литературной учебы», одобренный Максимом Горьким, совершенно меняет лицо журнала. Он перестает быть журналом, рассчитанным на подготовку, на «самоучку». «Литучеба» становится журналом массового пролетарского литературного движения, журналом, целиком посвященным учебе рабочих-ударников, призванного в литературу. В частности, «Литучеба» будет проводить смотр программы литкружков; к началу зимней работы литкружков намечается проведение совещания с РАПП декады литературной учебы.

В новую редколлегию вошли: Максим Горький (отв. редактор), Висс. Саянов, М. Рафаил (зам. редактора), В. Кирпотин, М. Чумандрин, Ю. Либединский, С. Малахов, Е. Добин, В. Десницкий-Строев (ЦБУ), Ф. Бутенко, А. Бесинна (ЦРК), Л. Якубинский (ЦРК), А. Камегулов, Б. Лавренев и И. Груздев. Кандидаты в редколлегию кооптированы Г. Коротков и Д. Лаврухин.

***

Президиум Ленсовета ВССП обращается с воззванием ко всем писателям СССР об организации к 20-летию творческого смотра советской литературы, посвященного Октябрьской революции и ее непосредственной стражи — Рабоче-крестьянской Красной армии. Ленинградская писательская организация зовет литературную общественность СССР теснее сомкнуться вокруг партии большевиков, вокруг ее ленинского ЦК, вокруг нашего пролетарского правительства, неустанно бороться за осуществление генеральной линии партии в области художественной литературы, за создание подлинно художественных произведений, достойных великой эпохи Октября, эпохи пролетарской революции и социалистического строительства.

Ленинград.

Б. РЕСТ

пропавший „равносторонний треугольник“

книжка э. гиллера *в редакции тов. шахбазьян*

В редакцию пришел человек, назвал себя.

— Я Эмиль Гиллер.

И совершенно неожиданно, в противоречии со всеми правилами, объявил, что он целиком согласен с уничтожающей критикой его книжки, данной в заметке «Чиновник о героях» (№ 31/130—«Л. Г.»).

— *Да*, это преступление, — говорил Гиллер, — выпустить книжку об «Электрозаводе», и ни слова не сказать в ней о партийной и профессиональной организациях, сбивших массовыми энергичную работу руководителей завода, завернуть ее лоскутами избитых, потертых, надоевших фраз.

Э. Гиллер внес лишь одну поправку в помещенную нами библиографическую заметку. Он попросил переадресовать обвинение. От него — одному из редакторов ГИХЛ — т. Шахбазьян.

Автор «Повести об Электрозаводе» представил редакции исчерпывающие документы, из которых явствует, что в его рукописи была сцена «Равносторонний треугольник», посвященная партийному, хозяйственному и профессиональному руководству Электрозавода. Она была уже написана в «Наших достижениях», но не увидела света в издании ГИХЛ книжке, так как редакторский карандаш т. Шахбазьян зачеркнул ее. Гиллер честно и упорно боролся за сокращение этой главы, дважды письменно указывал на недопустимость изъятия книжки без нее, так как «нельзя, чтобы в освещении Электрозавода была вышущена деятельность партком»... Но ничто не помогло. т. Шахбазьян не пожелала считаться со здравым смыслом, с мнением автора и зачеркнула главу «Равносторонний треугольник» графическими знаками в конце текста за такой фразой в сценке: «На Электрозаводе промфинплан под руководством парткома ВКП(б) доведен до станка». Так т. Шахбазьян назвала партийное руководство заводом.

Сверяя рукопись и книжку, мы имели возможность убедиться еще во многих редакторских дефектах. Получается впечатление, что редактор видит свое назначение в изъятии из произведения всего, что его оскорбляет, всех удачных образов, фраз и т. д. С композицией вещи редактор не желает считаться совсем.

Несколько примеров.

У Гиллера концовка первой вступительной главы: «Такова моя электрозаводская». У—Шахбазьян: «Такова моя Электрозавода, — слышится во всех выступлениях рабочих». (Это не только хуже, но и безграмотно).

У Гиллера (начало главы «Бой за промфинплан»): «Наше социалистическое строительство — война. Мы деремся за промфинплан. У нас есть свой фронт и свой тыл. Как и образцовой армии каждый красноармеец должен отлично знать обстреливаемую местность, так у нас каждый работник обязан знать программу того, что он должен сделать». Относительно удачно.

Шахбазьян первую фразу заменяет так: «Социалистическое строительство — великая и чудесная борьба». Весь абзац становится бессмысленным. Зачем это нужно было — едва ли объяснит сама т. Шахбазьян.

Эти примеры можно было бы продолжить. Редакторских погрешностей и даже безграмотности в книжке хоть отбавляй.

И вот что характерно. То, что действительно нуждалось в исправлении (неудачные обороты, повторения и т. д.), осталось **непроизутым**. Прямая функция редактора не выполнена, так же, как и главная функция — политическая редакция, в которой допущена грубейшая политическая ошибка.

Мы должны оговориться: наше выступление совсем не преследовало целью полностью реабилитировать, а тем более поднять на щит книжку Э. Гиллера. Его работа в общем — слабая. Она, прежде всего, не может претендовать на право называться художественным произведением, за вне повесть». Это только неверхностные, частные очерки, сделанные плохим, порою языком. Нам довелось многие нравы, когда оценивая книжку Гиллера как фотографию, не искаженную его слабостью, не искаженную его слабостью, не искаженную его слабостью

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ФЕДЕРАЦИИ ОБЪЕДИНЕНИЙ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

МОСКВА 30 ИЮНЯ 1931 Г. № 35 (134)

РЕДАКЦИЯ:
Москва, Тверской б. 25, Дом Герцена. Телефон 2-80-12.

ИЗДАТЕЛЬСТВО:
Акц. о-во «Огонек»; Москва, с. Страстной б. 11. Телефон 5-51-30.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА:

	СССР	ВНЕ СССР
На 6 м.	1 р. 75 к.	— 90 к.
На 3 м.	— р. 90 к.	— 45 к.

за бумагу

Под угрозой — выполнение плана издания художественной литературы: или бумага, плохо работает бумажная промышленность, происходит урезка бумажных ресурсов издательств, выпускающих в свет художественную продукцию. Первоначальные наметки, предусматривавшие издательский рост художественной продукции, сломаны: в данный момент многие говорят, прежде всего, не о выполнении этих заметок, а о том, каким путем и какими средствами предотвратить дальнейшее сидение кривой издания художественной литературы. ГИХЛ — основное издательство художественной литературы — является чуть ли не единственной хозяйственной единицей, которая в 1931 году дает снижение своей выпускной продукции по сравнению с 1930 г.

Все эти факты имеют место в третьем году пятилетки, — в году превращения ряда районов и областей СССР в районы и области сплошной грамотности, — в году, когда литературно-художественная книга завоевала массового читателя, превратившись в мощное оружие культурной революции. В издательствах, издающих художественную литературу имеется немало крупных прорывов: на книжный рынок выходит всякая классово-враждебная литература, в изрядном количестве издается мещанско-обывательское «чтиво», но нехватка «красной халтуры». Но не об этом идет речь. Не по буржуазно-кулацкой продукции, не по «чтиву», не по «красной халтуре» ударяет в первую очередь бумажный голод: в первую очередь он ударяет по нужной книге, на которую предъявляет настойчивый и все возрастающий спрос массовый рабочий и колхозно-крестьянский читатель.

Лучшим проявлением нашего оппортунизма (которым грешат многие издательские работники) было бы «равнение на узкие места», было бы пассивное решение урезок бумажных ресурсов, отпускаемых на нужды издания художественной литературы. Мы обязаны говорить не о стабилизации нынешней, голодной, бумажной нормы, а об ее росте, об ее увеличении, о расширении издания художественной литературы.

Какие причины мешают преодолению бумажного голода на данном участке? Первая из них — плохая работа бумажной промышленности, не сдержавшей тех, что она имеет все данные для ликвидации прорывов в выполнении промфинплана.

Вторая из этих причин — явное расточительство в расходовании бумажных ресурсов. Некоторые авторы, выступавшие с проектами бумажной экономии, договаривались до нелепых требований, которые — при их реализации сделали бы литературно-художественную книгу недоступной для массового читателя. Но бесспорно то, что бумага в стране в ряде случаев расходуется бесхозяйственно.

И тут мы переходим к ряду причин, имеющих прямое отношение к деятельности самих издательств. Бесспорно правильно указание А. М. Горького, хотя и сильно нечеткое по приведенным им примерам), что даже годовая норма бумаги для издания художественной литературы часто расходуется не только не по прямому назначению, но и вопреки этому назначению. Спрос на художественную литературу настолько велик в настоящее время, что обеспечен сбыт каждой книжке, как бы она ни была плоха. Вместо перестройки своих издательских планов, вместо перестройки своей работы издательства, в большинстве случаев, решили покорно плыть по течению, извлекая из сложившегося положения коммерческие выгоды сегодняшней конъюнктуры книжного рынка. Отсюда — фальшивые крики со стороны издательств о том, что, якобы, невозможен прием новых рукописей, так как, дескать, редакционные портфели забиты договорами и рукописями, рассчитанными на урезанные бумажные планы. Отсюда — выпуск по старинке периодических и непериодических изданий, которым не место в советской стране при зависимости от советской бумажной промышленности, которую давно пора ставить на место. Отсюда — усиление удельного веса в выпуске бумажных изданий литературы массового чтения и литературно-художественному участку культурной революции.

Мы не можем не отметить и недомыслено-бюрократического отношения, проявленного (который уже раз!) великими мастерами перестройки предприятий. Где и в чем проявилось в данном случае «новое» ГИХЛ и издательства «Федерация» с пролетарской и литературно-художественной общественностью, вокруг которых мы, не слушая голоса ГИХЛ и издательства «Федерация», обсуждали вопросы о темпах издания основных произведений литературы, поплыли за старыми «Планом», «Качеством», «Ассортиментом». Вместо «Планов» — «Качеств» — «Ассортиментов» — работа вслепую по старинке. Где были все эти «качественники»? Почему «Федерация» и ГИХЛ молчали? Почему писатели — не без вины, — почему писатели — не до конца выявили и использовали ударников-писателей, призванных в пролетарскую и писательскую организацию литературу, ничего не знают об их бедах и намерениях? Мы должны сказать, что руководство ГИХЛ вместе не извлекло из уроков февральского мартовского прорыва в ГИХЛ. Мы констатируем, что руководство издательства «Федерация» — издательства советской писательской общественности — пошло по стопам ГИХЛ. Мы констатируем, что такими темпами и такими методами работы преодоление трудностей никогда не будет достигнуто.

Бумага в стране есть. Бумажные ресурсы должны быть найдены. Необходимые темпы издания художественной литературы должны быть обеспечены. Руководство издательств художественной литературы должно быть избавлено от бюрократизма, от оппортунистического равнения на узкие места, от дельчества и неповоротливости.

„... быстрые темпы работы по показу героев неразрывно связаны с лозунгом создания большого искусства большевизма"

из постановления секретариата рапп от 17 июня

писатели и организации, не включившиеся в работу по показу героев — дезертиры с фронта борьбы за большевистское искусство

сводка

издательства: гихл, „молодая гвардия", „федерация" еще не выпустили ни одной книги о героях пятилетки

равняйтесь по издательству вцспс

Издательства (за исключением издательства ЦК ВЛКСМ: ГИХЛ, «Молодая гвардия», «Федерация» не сумели взять боевых темпов по выпуску продукции о лучших ударниках.

ВОТ ФАКТЫ:

ГИХЛ.

До сих пор в производство еще не сдано ни одной книжки.

Массовый сектор ГИХЛ только в первой половине июля предполагает выпустить сборники, посвященные героям пятилетки.

Сектор драматлитературы ГИХЛ только в начале июня едет и печать две книжки о героях труда. Кроме, сектор заключил соглашения с 28-ю пролетписателями и издательствами, которые работают на предприятиях и новостройках, но большинство из этих товарищей еще очерков не написали.

Между тем, созданная по предложению т. Аст. Халатова бригада очеркистов, из состава делегатов Всесоюзного совещания очеркистов «Рабочей газеты», массового сектора ГИХЛ и ЦК металлрабочих написала уже 9 очерков о героях шахтерского соревнования в угольной и металлургической промышленности. В ГИХЛ приняты первые очерки, написанные рабочими-очеркистами — тт. Даниловым, Зориным, Самдевым, Хмарой, Визик, Чугуновым, Осиповым, Бесфальным и др. Этот сборник, по заявлению члена правления ГИХЛ т. Д. Павлова, выйдет под редакцией и с предисловием М. Горького.

Н. Лядов, выезжавший с литбригадой ГИХЛ на завод «Красный профинтерн», написал 5 очерков о героях завода.

Но ни одна из этих книжек в печать не сдана.

«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ».

Издательство заключило 31 договор с пролетписателями для написания ряда очерков о молодых героях труда в московских предприятиях.

К пленуму ЦК комсомола (28 июня) красное издательство обязалось выпустить в ударном порядке 6 книжек о молодых героях, ударниках краснознаменцах. Ни одной книжки не выпущено.

В производстве издательства находятся 4 книжки: Я. Шведов — «Сквозь сердце» (о мастере завода «Серп и молот» т. Гладышеве), т. Твердов — «Бригадир Есинов» (Нижегородская ж. д.) т. Каруман — «Бригада Зайцева» (Московский тормозной завод) и сборник «Десять орденов» (перекличка героев) — ударники-краснознаменцы в себе.

Эти книжки, по заявлению зав. литхудотделом издательства «Молодая гвардия» т. Гребенникова, выйдут не ранные начала июля.

«ФЕДЕРАЦИЯ».

Издательство заключило договор с 15-ю квалифицированными писателями.

Объявленный издательством конкурс на лучшее произведение о героях пятилетки вызвал большой приток рукописей. Уже получено до 70 очерков рабочих с производства. Издательство продлило прием рукописей до 10 июня.

Ни одной книжки о героях пятилетки изд-во «Федерация» еще не выпустило. Первые книжки о лучших ударниках руководители издательства обещают выпустить только в августе.

ВЦСПС.

Пример организованности и четкости в работе по показу в литературе героев пятилетки показывает изд-во ВЦСПС.

Уже выпущено из печати 2 книжки рабочих-ударников: т. Гороход (рабочий одесского завода им. Ленина, представленный к ордену Ленина) — «От 10 к 120», т. Онищенко (рабочий завода им. Дзержинского) — «Бригада доменщика Яхонта».

В ближайшие дни издательство выпускает из печати 5 книжек рабочих-ударников: т. Кувшинов — «Полпред турбокорпуса» (о т. Никифорове — лучшем ударнике з-да «Электросила»), т. Львов «Будни энтузиастов», Гомта — «5 в 2½» (выполнение нефтяной пятилетки в 2½ г. в Грозном), т. Старичков — «Люди и трактор», т. Зуев (краснознаменец з-да Сварз) — «Из малого великое».

Кроме того, издательство сдало в производство еще 14 книжек рабочих-ударников.

героев пятилетки на экран

совкино призывает писателей к совместной работе

Совкино устраивает сегодня, в помещении правления, товарищескую встречу с теми писателями, которые творчески включились в работу по отображению энтузиазма и героев пятилетки.

Специальное обращение к писателям председателя правления Совкино т. Шумяцкого, призывает «работников братского отряда по советскому искусству отчитаться в предстоящей деловой встрече их с рабочими кино с максимальным вниманием и серьезностью».

«В существовании до сих пор разрыва между пролетарской литературой и кинематографией,—говорит в своем письме к писателям т. Б. Шумяцкий,—виновато прежний бюрократический аппарат Совкино, систематически срывавший и саботировавший дело привлечения писателей к кинематографии.

Виновны отчасти и работники литературы, не доценивающие до сих пор значение в колоссальную агитационную силу кино, не уделяющие еще должного внимания киносценарию, как на самый жанр для создания художественного литератора.

Одной из основных причин разрыва являлась и неправильная организация работы писателей и системе кинотрест, при которой писатель, не имеющий никакой специальной подготовки, должен был сценарий, не не оказывалась необходимая помощь или консультация со стороны кинематографии. Писатели, со своей стороны, недоучитывая сложные особенности экранного языка, что делало их работу бесплодной.

«Мы уверены,—заканчивается обращение Совкино к писателям,—что, при правильной организации, наша работа в кинематографии может дать колоссальные результаты—как по линии творческого роста писателей и овладения ими техникой самого мощного по силе массового воздействия искусства, так и по линии поднятия нашей кинопродукции на большую высоту ее идейно-художественного качества».

заем „третьего решающего"

писательская общественность выдвинула встречный план по займу в 100,000 р.

местком писателей и всеросскомдрам

28 июня выполнили этот план

есть сто тысяч!

Писательская общественность 7 дней, к концу дня 28 ИЮНЯ РЕАЛИЗОВАЛА ОРДЕН ПИСАТЕЛЕЙ НОВЫЙ ЗАЕМ НА СУММУ В 100.000 РУБЛЕЙ.

Встречный план выполнен. Но местком писателей и Всеросскомдрам продолжают подписку на заем «Третьего, решающего» и предполагают еще собрать до 15—20 ТЫСЯЧ РУБЛЕЙ.

Комиссия содействия займа при местком писателей, Всеросскомдраме созместно с ФОСП в ближайшие дни разработают вопрос о порядке приема займовых обязательств, данных писателями.

сводка по займу „третьего, решающего"

23 ИЮНЯ	26 ИЮНЯ	29 ИЮНЯ
450 ч. на 76.750 р.	510 ч. на 69.500 р.	590 ч. на 130.000 р.

Если по займу «Третьего, решающего года пятилетки» писательская общественность сумела ликвидировать отставание от других организаций, то, к сожалению, у ряда писателей еще остались «хвосты» по займу «5 в 4».

До сих пор еще около 50 писателей не погасили своих займовых обязательств «5 в 4» на сумму до 9.000 РУБЛЕЙ. Необходимо в ближайшее время ликвидировать этот прорыв. Писательская общественность должна полностью реализовать свои обязательства по старым займам.

в издательствах

Издательство ВЦСПС закончило кампанию по займу, доведя сумму подписки до 10.830 руб., выполнив, таким образом, контрольные цифры месячной зарплаты на 102 процента.

По издательству «Молодая гвардия» подписка охватила 150 процентов наличного состава сотрудников. На 28 июня собрано 46.530 руб., что составляет 101 проц. контрольного задания. Подписка продолжается.

***

В издательстве «Федерация» фактическая сумма подписки на 28 июня составляет 3.580 руб.

***

ГИХЛ, перевыполнивший первоначальное задание, продолжает успешно идти за заем. Подписной охват по 160 проц. наличного состава сотрудников. Сумма подписки составляет 42.300 руб.

***

Приложение ОГИЗ, по сведениям на 23 июня, стоящее за вторым местом по самому темпу подписки. За пять дней сумма подписки увеличилась всего на 1.800 рублей. Подписка на 25 июня выражается в сумме 79.410 рублей, вместо намеченных 83.109 рублей.

***

«Книгоцентр» [illegible] отстает. Под охват подпиской 190 процентов состава сотрудников, наличные контрольные цифры выполнены всего на 93,5 процента. За последние три дня собрано 6.416 рублей. Вместо фактически сумма подписки, вместо намеченных 123.600 рублей составляет 111.416 рублей.

***

За пять дней сумма подписки по всем издательствам выросла на 60.166 р. Общая сумма подписки составляет 294.888 рублей.

в ленинграде

ЛЕНИНГРАД, 26. (Наш корр.). По последним данным комсостава ЛО ФОСП реализован заем «Третьего, решающего года» на 14.500 р. К этой сумме уходит подписка писателя АЛЕКСЕЯ ТОЛСТОГО на 1.000 руб.

Несмотря на активность отдельных писателей, литорганизация Ленинграда осталась в хвосте ударного размещения займа. Ленинградские литорганизации сделали мало для того, чтобы превратить размещение займа в массовую кампанию.

почетная работа

Газета [illegible] работы по подаче [illegible] задания [illegible] писатель [illegible] и не больше [illegible] сохранить внимание на недостатках [illegible] и [illegible] недостатках, указанных [illegible] Отсюда — усиление удельного веса в выпуске — каждого писателя, литературной критики, печати — является экзаменом.

Исключительное значение имеет для дела вождя героев отбор людей, отбор получших. Те факты, которые, вскрывая героизм, полную самоотверженность этого или иного рабочего, которые мы приводим в своих очерках, показывают, что в первичной [illegible] работе [illegible] Но, что мы еще плохо [illegible] работе [illegible] Бор. Громова, в Сталинске, не единичный случай. Наши лучших [illegible] худшим, не им случайным [illegible] работе [illegible] Так [illegible] работе [illegible] Надо [illegible] Но [illegible] Но [illegible] Но

Почему отстает конкретная критика

продолжение анкеты „литературной газеты"

Н. Лятко

Конкретная литературная критика не ошибка, — ее совсем нет. Наши критические кадры занимаются делом более легким, чем "конкретное дело", а организация, к которым они принадлежат, потворствует этому. Наши критические кадры, направляемые мимо, робки и похожи на зайцев, выпрыгивающих из леса целые и от всего спасающих теоретических положений. Если бы рабочие на фабриках и заводах или писатели учились работать так, как учатся быть критиками наши критические кадры, они поломали бы все ассигнованные на них средства, бюджеты или писателями; но в данном случае как? А могут это не так? А могут ошибаться? Дело требует решительности, а решительность наше кредо и задание. Нет веры, нет знаний — нет и дела, нет и ошибок, которые учат работать безошибочно.

Говорить о достижениях критики более чем рано. Все жгучие вопросы в тени. Даже письмо РАПП «О развертывании творческой дискуссии» не иллюстрировано конкретными примерами критики. Делать это придется, вероятно, самим писателям, — а это плодотворный опыт. Зависимость литературной речи от опыта и особенностей живой речи эпохи; влияние не только труда, но и трудовой речи на литературу, и т. д. — все это творческая речь и всего творчества и целом) — Америки, по которым писателям приходится бродить без малейшей помощи критики. У нас нет даже критических обзоров, журналов.

А. Жаров

Как я понимаю задачи конкретной критики?

Во-первых, как умение критики находить такие **конкретные** явления и тенденции литературы, **которые могут быть материалом для широких обобщений.**

Говорить о конкретной критике, как о необходимости оценки всех или почти всех конкретных литературных явлений, по-моему, бессмысленно.

Литературный критик должен быть **критиком-художником,** сочетающим в себе тройную высоту и четкость и глубину художественного восприятия.

Привлечь работу художника работа на материале технических явлений.

Типичение явления литературы должны быть постоянными объектами работы критики. Типизация этих явлений, конечно, может быть только результатом непрерывного внимания ко всем процессам литературной жизни. Но прекращать критика в обозреватели в универсал-оценщика литературной продукции значит **снижать роль критики.**

Понимание роли критики, как своеобразной регистратуры и истолкователя литературных событий, понимание немарксистское, небольшевистское.

Критика должна определить развитие литературы, исходя из конкретной литературной действительности. Критика должна **изучать** важнейшие проблемы литературы. Критика не может быть нейтральной и в вопросах выработки творческого метода.

Все это относится к задачам **боевой** марксистской критики, которая нуждается в значительном пополнении своих кадров прежде всего. Понимание это должно итти таким образом, из рядов рабсих-ударников, призванных в литературу.

Воспитание критических кадров из среды рабочих-ударников — одна из конкретных задач марксистской критики — на пути превращения ее в **ведущий** отряд литературы.

К. Зелинский

Ослабление критики в значительной мере вызвало вялую кубышкину многих активных критиков. Критики же «кубыли» в результате полученного ими поражения в теоретических дискуссиях. Эти дискуссии (с Переверзевым, с «Литфронтом») имели большое значение для всей литературы и особенно для самих критиков, помогли им завоевывать позиции подлинного ленинского литературоведения. Но эти же дискуссии оттолкнули нас от критики по конкретному поводу. Надо было критикам начинать газкритикой.

Основательно недостатки критики можно охарактеризовать словом «уголь». К этому обычно прибегают все обиженные критикой писатели. Сходство между писателем и критиком заключается в том, что они оба должны теперь много учиться. Но различие заключается в том что писатель за свою учебу в наше боевое время расплачивается собственными боками, а критик имеет преимущество, что учится на боках писателей. Кроме того критика для начинающих литераторов (в особенности лэфовского образца) иногда служила средством обратить на себя внимание. Сместитель поромко — заметит. Показуемости за «критические перегибы» до сих пор не существовало. Это создало атмосферу **безответственности** для критиков. Забыли, что может быть также «по существу» верно, а по форме — издательство.

Предлагаю: пусть «Литературная газета» или редакция крупного журнала организуют крепкую проработку какого-нибудь критика, злостно подменяющего задачу руководства рукоприкладством. Необходимо создать и нормальное обсуждение решений.

Что касается влияния критики на мое творчество, то она оказалась весьма значительной — ликвидировали конструктивизм.

Для оживления конкретной критики есть испытанный и единственный способ — писать и критиковать.

А. Астафьев

Рабочий-ударник Электрозавода

Говорить об отсутствии конкретной критики трудно, так как ее было подлинно.

Совершенно недостаточно развивается творческая ударная. Выступление Ф. Раскольникова против Леонова дало толчок этой критике, но все же до сих пор не появилось ни одной книги, написанной ВОКПО, нет.

У нас, рабочих-ударников, имеются в литературе, много ошибок, и если на эти ошибки не будут указывать, то мы не сможем расти дальше; между тем критики часто ограничиваются указанием на технические небрежности в издании книги, ничего не говоря о ее содержании.

При всех недостатках имеются рабочие рецензии. Критика должна связаться с ними, присутствовать на собраниях, давать критическую оценку читаемым произведениям. Желательно, чтобы также во участие принимали критика и в работе наших литкружков.

Нужно также в наших центральных газетах чаще давать статьи о больших произведениях современных авторов. Хороший критический разбор помогает понять произведение и в то же время учит работать нас самих.

А. Чистяков

Оставление конкретной критики очевидно следствие «грехов внутри литературных». Дерутся не литературу, то в самой литературе критики забывают.

Достижений в конкретной критике много. Это в первом, что начата о конкретной литературе. Но это немного хорошо лишь тем, что не начинали. Вот сейчас, например, сделаны «первые выстрелы» в отношении групповщины: не, что критика обгоняет исключительное внимание на названные дух направления, щадит «своих» и совершенно игнорирует его ходы, отдельные стороны, буквальные цитаты и т. п. Формулировка анализа, также необходимого для каждого дела, расти новой литературы, нет.

В спорных с другими писателями о нас, о наших произведениях — «Забой тех», «Бронь», «Боковой хоп» — писали и больше, чем о конкретной работе. Помогает ли критика моей работе? Надо сказать откровенно, что нет. Больше задумаешься, чем помогает. Все книги встречают самые разноречивые оценки. В одних статьях я уже «вхожу» в пролетарскую литературу, в других — только приближающийся новичок, а иногда... И нет еще полного анализа моего творчества, которое помогло бы в дальнейшей работе.

Говорить о путях оживления конкретной критики?

Их должны отыскать сами писатели-критики.

Мы, писатели, можем указать лишь наши произведения...

М. Левидов

В эпоху, когда критика оружием всякого конкретна, — оружие критики естественно имеет тенденцию быть сильным обычно и малоубедительным. Но тенденцию эту нужно преодолеть — и оружием критики в конкретном смысле (реально карающим).

Недостаток конкретной критики усматривают в том, что очень часто вместо «конкретной критики» получается критика функций с функциями вместо анализов: держал, тащил, не пущал — и, в придаче максимально критического настроя: бей его, я его знаю! А ты такой ты?

Вот, например, в последнем номере журнала «На литературном посту» читаем мы конкретное критическое упражнение о книжке стихов О. Кольцова. Автор упражнения цитирует нижеследующие строчки из стихотворения «Октябрицы»:

«Как встарь заливались гармошки...
Как встарь бубнили пустые упробы литар...
И с песнями пьяные тосты мешали
добротные загородные мещане...».

И дальше:

«Товарищи! Неупрядем обряд:
прежде крестили,
теперь октябрят!».

Остальное в стороне вопрос о художественной значимости этих строчек, но не ясно ли каждому, маленькому конкретной критики, что эти строчки — ключ самого автора к самому себе, что это его «настоящий» роман — вот к какой отрицательной полноте сводятся настроения этого рода. Разумеется, на этом пути невозможно создание большевистского искусства.

У отдельных писателей, в отдельных звеньях движения встречается иной раз совершенно неправильное, метафизическое, по сути дела, перевальское понимание ранних влияний «об учебе у классиков», о необходимости для пролетарской литературы стремиться к тому, чтобы превзойти художественный уровень высоких образцов классической литературы. Эти влияния в своеобразном механическом с классиками» порождают эпигонство. Чаще всего только на их материальную базу для творческого роста писателя, чтобы преодолеть влияние, выходящий в тот или иной момент на первый план писатель-классик. Но это — не главное. Главное — в том, что эти влияния производят обычно в художественных образах отрицательный облик писателя, в чем-то родственный, по-своему, но родственный облику писателя, являющегося источником влияния. Отсюда — не только эпигонство, но и эпигонство, которое не может преодолеть своего источника влияния, ибо оно, это влияние, в какой-то мере, в каких-то чертах, в каких-то моментах, в каких-то сторонах — родственно, близко, а иногда и совпадает с ними

О социализме *и древонасаждении*

открытое письмо Юрию Олеше

Товарищ Олеша!

«Зависть», «Заговор чувств», «Список благодеяний» завершают в вашем творчестве определенный цикл. Вы сами об этом заявили. Вы сказали, что у вас нет больше желания быть писателем тех интеллигентских простоев, которые представлены в образе актрисы Гончаровой. Вы умертвили героиню «Списка благодеяний», чтобы к ней больше не возвращаться. Вы хотите, чтобы ваше творчество в будущем было адресовано пролетариату. Так заявляете вы. На этом пути вас ожидает поддержка всех культурных сил пролетариата, пролетарских читателей, пролетарских зрителей. «Список благодеяний» в этом смысле — окончательная черта, творческий рубеж, форма преодоления вашего творческого прошлого.

Недавно вышел сборник ваших рассказов «Вишневая косточка» *. Этот сборник является вашим словом по основным вопросам творческого метода и по вопросам путей литературного попутничества. По существу «Вишневая косточка» есть попытка теоретического обоснования значительной части творческого опыта, закрепленного в «Зависти» и в «Списке благодеяний». Производя переоценку «Списка», вы не можете не переоценить «Вишневую косточку». Переход к новой теме невозможен без значительных сдвигов в вашем мировоззрении и творческом методе.

Три отрывка из «Вишневой косточки» определяют понимание вами вашего места в революции как писателя.

«Смотри, как мне трудно бежать, но я бегу, хоть задыхаюсь, хоть вязнут ноги, — бегу за гремящей бурей веков».

«Я хватаю в себя самого себя, хватаю за горло того меня, которому вдруг хочется повернуться и вытянуть руки в прошлому... Я хочу задавить в себе второе «я», третье, и все «я», которые выползают из прошлого. Я хочу задавить в себе мелкие чувства».

«Так, значит, надерзил всем, наперекор порядку и обществу, я создаю мир, который не подчиняется писаным законам, кроме призрачных законов моего собственного ощущения? Что же это значит? Есть два мира: старый и новый, — а это что за мир? Мир третий? Есть два пути, а это что за третий путь?».

Герой одного из ваших рассказов закопал в земле вишневую косточку. Он мечтает о том, как — лет через пять — он будет смотреть на розово-белые цветы выросшего дерева. Но пять лет, это — четыре года пятилетки. «Я упустил из виду главное: план. Существует план». Не потянет ли чугунный гигант на месте посадки вишневой косточки? Или же здесь будет сад, в котором — в числе прочих — будут цвести и вишневое дерево искусства?..

Так пишете вы. Такие вопросы вы ставите сейчас.

По-моему актрисы Гончаровой художник в эпоху быстрых темпов должен думать медленно (этого темпа вы пока что не перемотрели). Но сказать так — столь же неправильно, как и предлагать художнику торопиться. Подлинный художник в эпоху быстрых темпов, как и во всякие иные, должен вынашивать и глубоко продумывать свои произведения. Из понятия «быстроты» и «замедления» творческой работы — относительно. Утверждение необходимости «медлить» приводит — в лучшем случае — к «Списку благодеяний», к идейному отставанию, к постановке мнимых проблем, либо проблем давным-давно решенных жизнью. Мы не понимаем, почему художник должен находиться в плену этого обоза. Мы не видим оснований для того, чтобы вы, Олеша, запнулись и отстали, бежали на «гремящей бурей веках».

Вы вынуждены были «думать медленно», потому что вы задержались сейчас на мнимых проблемах. Из них основная — возможно ли искусство при социализме? К ней вы возвращаетесь неоднократно. О ней думает Гончарова. О ней же размышляет человек, выращивающий вишневое дерево. Наконец, о том же думает Шувалов в рассказе «Любовь». Шувалов «преображал» мир через любовь, обижались с «третьим путем» (путем искусства). К нему взывает некий «альтоник», олицетворение рассудочной неискренности, в

*) Ю. Олеша. «Вишневая косточка». Изд-во «Федерация». М. Стр. 96. П. 1 р.

спрашивает: «Вы член партии? Вам нельзя жить в раю». «Рай» искусства — не для коммунизма? Или вишневое дерево все-таки вырастет в саду будущего?

Вы знаете, что «справедливо только то, что помогает раскрепощению угнетенного класса», в революции перед вами раскрылась «величайшая человеческая справедливость — торжество угнетенного класса». Вы, презирая и ненавидя эксплоататорский строй жизни, хватаете в себе и душите второе «я», третье и все остальные — наследие капитализма. Но остается единственное «но»: судьба вишневой косточки искусства при социализме. Это «но» — решающее для вас. Вы — художник. Именно здесь пересекается ваше отношение к социалистическому будущему.

Нужно ли говорить о том, что именно социализм, обеспечивая наиболее полное и всестороннее развитие всех творческих возможностей человечества, создает небывалый расцвет искусства? Однако, в вашей мнимой проблеме есть зерно законного вопроса, вы только не обнаруживаете его: не великое искусство войдет в социализм.

Великие утописты прошлого строили фантастические проекты социализма. И вот — социализм пришел, стал осуществляемой реальностью, страна вступила в начальный период социализма, подготовленный многолетней борьбой рабочего класса под руководством большевиков, семнадцатым годом, гражданской войной, ленинской стратегией дела. Социализм пришел — интеллигент скептически и недоуменно озирается: вместо сен-симоновского парада аристократов духа — культурная революция в СССР, вместо кооперации Оуэна — производственная смычка рабочих класса и колхозного крестьянства, вместо фурьеристских ассоциаций и антистроек — совхозы Сталиногск и Свинарка. Какой же это социализм без анпилогов и с закрытыми распределителями? И, наконец, где же оно — обещанное искусство социализма?

Это искусство создается сейчас, имея своим организатором еще молодое и несовершенное пролетарское искусство. Вы, Олеша, видите, как из косточек вырастают деревья. Вы, вместе с автором читаемой нами книги, путешествуете в стране из рассказов по «стране моего будущего». Почему же вы не видите, как из перьев и косточек творчества рабочих-ударников уже сейчас появляются ростки **большого искусства большевизма?** Но великая «вишневая косточка», посаженная сейчас, вырастет в дерево, — в отходе. Климат и почва социалистического общества не благоприятствуют тому искусству, которое питается комплексом идей и чувств, рождаемых капитализмом. Такое искусство, при социализме не даст ростков, оно бесплодно и выморочно, — образцы буржуазного горизонта, в литературе, который сейчас перешло попутничество, пытаются удлинить искусственно, поливают его. Но какое это имеет отношение к вашей мнимой проблеме?

Может быть, вы, вместе, те, что вы вышете в «Вишневой косточке» о **творческом методе**, дистанцирование для размышлений о **социалистическом искусстве?** Скажем прямо, Олеша: в значительной мере — да. Искусство, как вы его понимаете, входит в решительное противоречие со «стилем эпохи», с задачами осуществляемого социализма. С другого конца вы объективно приходите к тем же выводам, что и «лишенец» Куприн. Причины отсталости искусства — в специфике последнего. Так говорил Куприн. Так говорит «Вишневая косточка».

«Нужно видеть мир по-новому», — пишете вы. Конечно же по-новому. Но если это — основная формула ваших творческих установок, то она неверна. Для того, чтобы видеть мир по-новому, нужно видеть новое в мире. Если новое перестает в искусстве поставому, значит само новое уходит, поняло и художественно раскрыто плохо, неполно, недостаточно. Но видеть новое в мире — это значит понимать, какие вишневые косточки не отомрут, а превратятся в деревья. — это и значит в искусстве сегодняшнего дня выражать с предельной полнотой острые социальные единства,—то единственное и неповторимое, что принес с собою пролетариат единственной эпохи в мире страны, строящей социализм. Русская литература до 1917 года, полубно гегелевской философии, была ярче и талантливее, чем окружающая ее и порожденная ее действительность. Сейчас у нас есть много талантливых писателей-попутчиков и сочувствующих, но — за редким исключением — нет талантливой попутнической-социалистической литературы. И это потому, что она не научилась передавать новое, в богатой и талантливой действительности. Вы беспокоитесь о вишневой косточке, но посмотрите, как велики массивы действительности, к которым даже еще не приблизилось искусство!

Нет пока «нового» в ваших книгах, Олеша. Образцовый дезинж Андрей Бабичев из «Зависти» весьма похожие на него персонажи из «Вишневой косточки», вроде профработника Авеля, неплохие, но весьма поверхностные ребята, советские хозяйственники заграницей в «Списке благодеяний» — все и все «новое», новое в книжках, что есть в этих книгах. Под умением видеть мир по-новому вы понимаете умение видеть наши и причудливых, придуманных изощренной фантазией гиперкурсах. Вы ставите в пример рассказ Эдгара По, где насекомое, ползшее по паутине, было похоже на чудовище, так как очо нелепо «на ничтожнейшем расстоянии от наблюдающего глаз». Имея и шюкина под собой дальние холмы. «Это не вымерт, — пишете вы, — плакай не экспрессионизм! Напрасно: самый чистый, самый здоровый реализм». Может быть вы ошибаетесь, выдавая частный случай, допустимый и в реалистическом искусстве, за основную творческую установку? Но ведь вся книга должна по вашему замыслу поддерживать эту установку. Вас пугают планы (с большой буквы!), закономерность, объективная реальность. Ваши рассказы требуют возврата к «первоначальным ощущениям». Вы обращаетесь к Джойсу и Прусту. Нолтон, дважды появляющийся в «Вишневой косточке», выступает как символ разума, рассудка, его полезная для искусства, как вы его мыслите (вами-мышлений).

Формула «видеть ново в мире» дополняется у вас другой формулой: «видеть то, чего нет». Искусство — по-вашему — существует вопреки действительности. Оно создает свободной игрой «творческой фантазии иные миры. Это и есть «третий путь», о котором вы писали. Мир делит «двойное существование». «Я сопершаю двойной путь. Один мой путь доступен существованию всех. Но есть и другой путь, создаваемый искусством: «невидимая страна — это страна внимания и воображения. Не отказ как «спутник! Две сестры идут рядом, и зовут путника за руки. Очую сестру зовут Внимание, другую Воображение». «Как хорошо, — говорит Шувалов в рассказе «Любовь», — весь мир воспринимать правильно и пользоваться только в потолочных шестеных вещах». Но когда «пользование» представляет ему отдать свою разумную оболочку и подумать взамен любовь и чудесное подобие «видеть мир по-новому». — Шувалов отвечает: «идите полюбуйте синим грушу». Черт с ним, с привычным восприятием мира, — таков смысл вашего «здорового реализма». Таков смысл вашей формулы «третьего пути».

Если бы вы постарали здесь точку утверждения — вам бы не о чем было с вами разговаривать. Мы были бы врагами — с начала и до конца. Но именно в таких теориях происходит сейчас в литературе аккумуляция враждебных социализму установок. Аналогичные высказывания Горького подхватил и развил Е. Замятин в ленинградском сборнике «Как мы пишем», — не случайно именно Замятин и именно эти высказывания. Весьма противопоставить в искусстве мировоззрению пролетариата свое растущее мировоззрение, с одной стороны, вынужденные прибегать к защитной маскировке — с другой, буржуазные писатели поднимают на щит искусство-самомодуду, искусство — превоспитательство, искусство — соц. Тут на академические споры происходят между сторонниками искусства — мировоззрения и активного в воздействия на жизнь, в сторонниками искусства — чревительства. Тут классы столкнулись между собою в области искусства. С кем же вы, Олеша?

И тут вскрывается вся двойственность «Вишневой косточки», не говоря уже о том, что ваша остальная творческая практика приходит в противоречие со ряду линий (но во всем, не во всем!) с этой книгой. Утверженная субъективный идеализм в искусстве, вы попутно разоблачаете его шаткость и его бессилие. Нолтон побеждает — даже в «Вишневой косточке»! «Я думал, — размышляет умирающий в рассказе «Лиомпа». — что глаз мой в слух управляют вещами, и думал, что мир перестанет существовать, когда перестану существовать я. Но вот... и книг, как все остальное отвернется от меня. Ведь и еще существую!». Искусство может некоторое время жить мнимой жизнью в обмане. Но эта жизнь становится невозможной, если обман осознан.

Тогда что? Тогда — долой искусство. Вот где корни вашей постановки вопроса об искусстве и социализме. Утверждения социализм, вы отрицаете «третий путь» — путь искусства. «Список благодеяний» открывается Лапшутом и Гамлете» и эпизодом с фейерверком из «Гамлета». Мечты о буржуазной Европе соединяются у Гончаровой с пламенной любовью к искусству. Разочаровавшись в Европе и погибая от пули русского фашиста, она уже не вспоминает об искусстве: последнее для нее не существует, ибо она. Гончарова, изменила с социализмом. Так устанавливается созвучие «Списка» с «Вишневой косточкой».

Вы думаете, что это — революционное разрешение вопроса? Если да, — то вы ошибаетесь. Этот пессимизм в искусстве очень реакционен по существу, потому что он предполагает возможность существования только буржуазного искусства и невозможность существования пролетарского и социалистического. В рассказе «В цирке» вы отводите искусству роль нарядования старого циркового искусства и демонстрирования спортивного трюка. Нет, мы хотим, чтобы великое искусство (в цирковое в том числе), будучи, искусством высокого начала, развертывало перед зрителем, слушателем, читателем идеи, зовущие к борьбе, организующие эту борьбу, открывающие новое в мире. Настойчиво, упорно, жадно требуют от литературы миллионы с передовых позиций социалистического фронта новых слов о новом мире, — в значительные группы писателей, которые могли бы эти слова сказать, продолжают «медленно думать».

Вы заявили о новой главе в своем творчестве, Олеша. Но разве это не значит, что вишневую косточку нужно закопать в новом месте? Или — что писателям, интеллектуалам дореволюционного образования, следует поучиться у колхозника Мичурина искусству выращивания новых видов?

А. СЕЛИВАНОВСКИЙ

среди книг

зрячая слепота

М. НИКИТИН. — Второй гигант, очерки о Сибири. М. Изд-во «Федерация». 1931 г. Серия соц. соревнования. Стр. 129. Ц. 75 к. 10.000 экз.

Тематика очерков — социалистическое строительство Сибири. Книга состоит из четырех очерков, материалы для которых собраны в Кемеровском угольно-рудном комбинате, на Турксибе в Уйгурском совхозе «Оцневоде» и в огромном Черлакском зерносовхозе.

Несмотря на актуальность темы и интересный материал, ценность очерков снижается нужным подходом к окружающей действительности и небрежной обработкой фактов и наблюдений. Очерк сейчас является одним из распространенных жанров пролетарской литературы, занимая ранопочетное место наряду с так наз. литературой «больших форм». Широкое и распространенное применение очерка этим изображения действительности и отдельных моментов соцстроительства в стране повышает наши требования к этому виду художественной литературы и обязывает бороться со всеми видами упрощения и опошления этого жанра.

Примером такого поверхностного, несерьезного отношения к очерку является книжка Никитина.

Автор видит только факты строительства и совсем не замечает тех, кто с энтузиазмом строит социализм, — пролетариата. В его очерках вещи заслоняют людей, когда же автор обращает свой взгляд на строителей, то ему прежде всего и исключительно бросаются в глаза специалисты: инженеры, директора, администрация. Они кажутся ему как бы вершителями строительства. Мы видим, таким образом, что Рудин поставил перед собой нужную и интересную задачу. Решил ли он ее?

«Дикие» — это особая порода зверюшек. «На сучку сядет возле Б-ветки, на сучке же живут, всякую живут». «Дикие» это те, кто видит только сидящих «сидят». Две точки зрения рожденные на «диких»: или они «битое стекло», «дерьмо» и т. д., вне к чему и ни что не приводит: они — мусор, надержки революции, ее лишние люди; или же и их можно использовать, по формуле рабфаковца Сучкова, задумавшего перевоспитать «дикого» художника, приручить его, — «ближе на тринок делают бумагу». Отбрасывая совершенно «диких», мы, по мнению Сучкова, делаем ту же ошибку, которую допускает человек, отбрасывающий уздром вон с дороги спичечную коробку, не посмотрев, «а там, может быть, есть еще спичка, одна огонек» («Сидят»). Рудин стремится показать, что не все «дикие» безнадежны, что многие из них имеют этот огонек, который в конце-концов разгорается в большое пламя: «дикие» становятся активным членом организованного коллектива, включается в пятилетку. И основное рассказы-

* Сергей Спасский. «Парад осужденных». Издательство Писателей в Ленинграде. 1931. Стр. 174. Ц. 1 р. 45 к., переил.—30 к.

ского социального круга, мышления будущи обывателей от искусства, живущих, нажестущих, спекулирующих и делающих «высокую» литературу в ночных кабачках и погребах от облавы — до облавы — такой основной повествовательный материал книги.

По «Парад осужденных» — декларативное название. Автор-рецидивист, эрегон, продемонстрировавший своими стихами и прозой полный и бесперспективный отрыв от современности, автор остается верен себе. Хорошо владея фактическим материалом, он не может оставить свои прежние обывательские и мелкобуржуазные позиции пассивного созерцания, пустой и бездейной литературной игры. Точно и отчетливо описывать социально-экономическую специфику этого материала, раскрыть и документировать внутреннюю осуществимость своих героев, показать историческую обреченность их мира, гибнущего с железной неизбежностью вместе и властвующей его буржуазной культурой мелких тузов, автор повести не смог. Неразумительные разговоры об исторической судьбе его, автора, поколения мало помогают делу: вопрос решает не хронология, а социальная подготовленность тех или иных исторических явлений. В результате остается любование и тщательная регистрация социально-психологических ежедневных фактов, своеобразное смакование и эстетизирование «бытового и психологического разложения» «аристократической эмиграции» героев повести.

«Я не хочу узнавать их в лицо. Но они знакомого плана. Это мое поколение. У меня с ними семейное сходство», — пишет автор в одном месте.

Тяжелый и ложный план повести, тяготеющей к каждом отдельном случае серьезно задумываться—где кончается статистическая мапирность и начинается простое незнание русского языка.

Новая книга С. Спасского — тяжелое и безусловное поражение. Она не «наш вариант» советской литературы попутничества, показывает факты и историком отношения и имеет объективно реакционный смысл, как документ, характеризующий в числе других интеллигенции попутничества в советской литературе.

ВОР. МАЗУРИН

„парад осужденных"

Новая повесть Сергея Спасского * принадлежит к числу неплохо задуманных, но очень плохо выполненных книг.

В повести проходит Москва восемнадцатого года, маленький замкнутый мирок литературной богемы, декларирующих, эстетствующих эпигонов, упадочных и футуристических кафе и литературные салоны, чтобы не взять много вокруг, чтобы не слышать нагнетающегося «шума времени» новой эпохи. Бледная и банальная любовная фабула, длинный ряд лирических и философских патетик, читаемый невнятно зачем эпизод с Вельмаром Хлебниковым, который ничего не дает по существу и не может быть определен иначе, как простая спекуляция на имени, — весь этот случайный и ничтожный для полости материал бесконечно нависен автором на густой и прочный описательный фон. Развернутые описания настроений люмпен-интеллигентского окружения, в которой очеркист обозревает «Гиганта».

Наблюдения автора носят характер простого любопытства. Строительство его интересует только «постольку», поскольку. Характерен такой пример: на одной странице первого очерка слово «я», «мной», «мне», «моя» повторяется 18 раз. И это в основном определяет очерки. Даже там, где автор хочет говорить о Турксибе, он больше говорит о себе: «Я буду говорить о Турксибе. Я буду говорить о людях, растворенных вдали пространства. Мне хочется, чтобы эти строчки были столь же стремительны, как стремительны рельсы, брошенные в пустыню Кара-Кум. Мне хочется, чтобы дыхание моих слов было столь же коротко, как дыхание солдат, бегущих в штурмовой атаковке».

На всех очерках Никитина лежит печать полного «бесперспективного», равнодушного репортерства. Будучи равнодушным фотографом, автор книги регистрирует каждое явление вне связи его с окружающим, чисто внешне, не стремясь проникнуть вглубь этого явления.

Поэтому сущность воспроизводимой автором действительности не осмысляется им во всей своей полноте и значении, и остается не раскрытой. И поэтому, что такая ограниченность мировоззрения лишает автора возможности дать оценку явлений и его развития и взаимосвязи с окружающим, видеть его не только как факт, но как фактор, воздействующий на окружающее.

Лирические глубины и публицистичности очерки превращаются в путевые заметки туриста.

неубедительная метаморфоза

Илья Рудин. Дикие. Федерация. 1931 г. Ц. 1 р. 50 к. Стр. 263.

Рассматриваемая нами книжка Рудина «Дикие» имеет своей целью показать нам переделку психологии тех, кто поздно и медленно, но все же неуклонно втягивается в орбиту социалистического строительства. Мы видим, таким образом, что Рудин поставил перед собой нужную и интересную задачу. Решил ли он ее?

«Дикие» — это особая порода зверюшек. «На сучку сядет возле Б-ветки, на сучке же живут, всякую живут». «Дикие» это те, кто видит только сидящих «сидят». Две точки зрения рожденные на «диких»: или они «битое стекло», «дерьмо» и т. д., вне к чему и ни что не приводит: они — мусор, надержки революции, ее лишние люди; или же и их можно использовать, по формуле рабфаковца Сучкова, задумавшего перевоспитать «дикого» художника, приручить его, — «ближе на тринок делают бумагу». Отбрасывая совершенно «диких», мы, по мнению Сучкова, делаем ту же ошибку, которую допускает человек, отбрасывающий уздром вон с дороги спичечную коробку, не посмотрев, «а там, может быть, есть еще спичка, одна огонек» («Сидят»). Рудин стремится показать, что не все «дикие» безнадежны, что многие из них имеют этот огонек, который в конце-концов разгорается в большое пламя: «дикие» становятся активным членом организованного коллектива, включается в пятилетку. И основное рассказы-

построены совершенно однообразно: обрисовывается дикость «дикого», который не приемлет революции, не принимает и не понимает строительства, предпочитает жить не как пчелы, или муравьи, т.-е. в коллективе, и как кроет «под себя смотрит, как кустарь-одиночка», затем он более или менее решительно отрекается от своего индивидуализма и вливает (или собирается влить) работать на благо коллектива. Отсюда ясно, что узловые моменты рассказов должны быть в раскрытии и мотивировке психологических изменений «диких», в показе их «ценности» в течении развития этой «ценности». И дело конечно, вовсе не в том, чтобы делать психологизм ради психологизма, как это часто можно наблюдать в нашей литературе, в частности, в некоторых рассказах Рудина («Игра ли — нет», «Фрол»), дело не в том, чтобы заниматься всеми тончайшими наблюдениями «тончайшей души» более или менее «интересного» интеллигента, но дело в том, чтобы этот психологизм был действенный, чтобы сразу же чувствовалось, что художник связывает это социологически, что художник не рассматривает психологию, как самодовлеющую сущность, вне реальных связей и обусловленности.

Не психологическая экзотика, а психология классового человека — вот за чем должен сделать ударение каждый художник. Но этого как раз не сделал Рудин. Основной порок художественного метода Рудина и тем, что действительность у него раскрывается, как совокупность вещей, а не как процесс, и

построены совершенно однообразно: обрисовывается дикость «дикого», который не приемлет революции, не принимает и не понимает строительства, предпочитает жить не как пчелы, или муравьи, т.-е. в коллективе, и как кроет «под себя смотрит, как кустарь-одиночка», затем он более или менее решительно отрекается от своего индивидуализма и вливает (или собирается влить) работать на благо коллектива. Отсюда ясно, что узловые моменты рассказов должны быть в раскрытии и мотивировке психологических изменений «диких», в показе их «ценности» в течении развития этой «ценности». И дело конечно, вовсе не в том, чтобы делать психологизм ради психологизма, как это часто можно наблюдать в нашей литературе, в частности, в некоторых рассказах Рудина («Игра ли — нет», «Фрол»), дело не в том, чтобы заниматься всеми тончайшими наблюдениями «тончайшей души» более или менее «интересного» интеллигента, но дело в том, чтобы этот психологизм был действенный, чтобы сразу же чувствовалось, что художник связывает это социологически, что художник не рассматривает психологию, как самодовлеющую сущность, вне реальных связей и обусловленности.

Не психологическая экзотика, а психология классового человека — вот за чем должен сделать ударение каждый художник. Но этого как раз не сделал Рудин. Основной порок художественного метода Рудина и тем, что действительность у него раскрывается, как совокупность вещей, а не как процесс, и психологию он рассматривает в статике, а не в динамике.

«Дикие» захватываются, зараженной нафосом социалистического строительства и становятся полноправными и нужными членами коллектива, осуществляющего пятилетку, и т. д. Но во всем этом нет убедительности. Скачок из царства «дикости» в царство коллективного начала остается не мотивированным и потому не убедительным. Так, остается неясным почему, это автор Обозов, доведший до того, что пакинул на себя петлю, вдруг вторично полюбил жизнь и перестал жизнеутверждение «дал», по минуты спустя после того, как сорвался с крюка, не выдержавшего тяжести его тела.

Дал ли нам что-нибудь новое художество Рудина для познания того или иного участка действительности? Ответ на этот вопрос в целом должен быть отрицательным. Художник дал нам немало ценного типов «диких», но не раскрыл и не показал объективно классовый смысл этой дикости. Прочность художественного метода Рудина в данном случае в том, что он рассматривает психологию «диких», как нечто в себе замкнутое, самодовлеющее, вне общественных условий, и в этом своем отношении к действительности он не поднимается до художественных обобщений, не дает объяснений, не участвует в изменении действительности, а только декларирует.

ИВ. ЕРМАКОВ

Н. Оружейников

перекличка я. рыкачева с бальзаком

или повесть по переверзеву

1.

Титанический талант Бальзака поворачивался пафосом капиталистической конкуренции.

Головокружительные карьеры и мрачные катастрофы, в которых зарычатой силой служат всемогущие деньги: обогащение с помощью женитьбы, удачной любовной связи, ловкой коммерческой махинации, всякий раз отбрасывающее мрачную тень возможного краха; скупость и расточительность, нищета и роскошь — все контрасты страстей, мастером для которых являются те же деньги; меркантильная изнанка любви и ненависти; темы и вариации восходящего по ступенькам, дымящимся кровью народных революций, капитализма.

«История величия и падения Цезаря Бирото»—классический роман карьеры, пересонифицирующий цикл капиталистического развития — период накопления, бурный подъем и падение стремлений.

Бальзак—бард карьер, апологет завоевателей личного счастья, хотя в его романах так много гибнущих иллюзий, надломанных жизней, затухающих страстей.

Это—возможное для тех, кто наверху. Горе побежденным.

Я. Рыкачев назвал свою «повесть без диалогов» «Величием и падением Андрея Полозова» *.

В повести упоминается Растиньяк, мелькающий на многих страницах бальзаковских романов. Умысел ясен: карьерист и приспособленец Полозов должен читателем восприниматься иронически; повесть должна быть антитезой классического романа карьеры.

В советских условиях человек, не сливающийся с ведущим классом эпохи, движимый только заботами о личной карьере, идет со дну. Через него вступают в борьбу с революцией враждебные классовые силы.

«Полозов—классовый враг. Вобравший в себя опыт всех классов, уничтоженных или только придавленных Октябрьской революцией. Представитель новой формации молодых людей, возникшей только в самые последние годы, когда враги, увеличение, хотя и побежденные, несколько оправились, приспособились и нашли достаточно зоуба и когда, чтобы подвести некоторый итог, заканчивается опыту и причуть его своему молодому поколению» (куренк взоду азота. Н. О.).

Полозов пролезывает свою приспособленческую карьеру в литературе. Он протискивается в первые ряды. Он — критик, памфлетист, одописатель в прозе.

Я. Рыкачев намечает таким образом сюжетную тематическую линию: на крахе полозовской карьеры разоблачить литературное приспособленчество.

Острая, актуальная тема, вдвигаемая рыкачевскую перекличку с Бальзаком в самый водоворот литературных споров. Перед нами, таким образом, произведение с большой идейной нагрузкой.

Но Рыкачев выполняет ею чрезвычайно трудную задачу: утверждение новой композиционной формы: повесть без диалогов.

Далее, хотя этого автор не декларирует — в повесть откровенно введена струя философски публицистического анализа. Автор не только показывает поступки героя, но и оживленно комментирует их. Повесть звучит явно ораторскими интонациями: со своего рода внеочередным заявлением выступает Я. Рыкачев с журнальной трибуны. «Новый мира».

Намеренная автора, если творческий замысел таков, как мы его охарактеризовали, интересны и могли бы быть плодотворными.

Могли бы быть. Ибо в действительности этого нет.

Корень—неверные представления автора о взаимодействии класса и личностей, неумение опереться в своих обобщениях на диалектико-материалистический метод.

Полозов одержим жаждой славы. «Ему надо выколотить из революции славу и деньги, славу и деньги». Жажда славы его качество малохарактерна. Вот он на первых же ступеньках. Фамилия Полозова — хотя семь букв уже обрели в Москве звучание». Полозов в тревоге: «ему угрожала слава литератора с хорошо привешенным языком».

Полозов в числе пятнадцати рецензентов наиболее громких журналистских имен. «Полозова это не удовлетворяло. Когда он раздумывал как-то о своих советских путях, эта цифра вовсе не показалась ему столь уж значительной. Полозов именно потому, что не видит возможности для себя добраться до «вершин советской славы», обращает свои взоры к Западу и попадает в искусно расставленную автором западню: забывает в неположенном месте дневник, которому доверены его сокровенные чувства.

Неудовлетворенный аппетит к славе вырастает, как основной стимул разрыва Полозова с революцией.

Правда, он — «классовый враг». Но по мысли классовой мы знаем только конкретную справку о том, что Полозов — сын учителя гимназии. С шестнадцати лет он в комсомоле. Едва ли не с того же возраста сотрудничает в советской печати. Из признаний Полозова и из комментариев автора мы видим тот же мотив — неудовлетворенной жажды славы.

Революция отсрочила как невыгодный, слишком нерасчетливый препятствиями путь к славе. «Те усилия,—жалуется разочарованный Полозов, которые я потратил на то, чтобы стать плюс своим человеком в среде чуждого и враждебного мне класса, при других обстоятельствах привели бы меня на путь настоящей блистательной карьеры».

Определяется: будь у Полозова аппетиты сиромяе—чем завершилось бы его приспособленчество? Как автор показал бы червоточину в карьеристских устремлениях Полозова?

В повести нет показа классовой среды, которая взлелеяла в Полозова сына с 11 лет, мы не видим также и противостоящих Полозову конкретных людей, конкретной советской среды.

С одной стороны, какая-то фатальность в судьбе сего молодого человека, с 11 лет проповедного непримиримыми своим империалистические замыслы, несмотря на его пребывание в пионерах, комсомольцах, советских литературах. Происходила подмена мировоззрений, глубинные сдвиги в разнообразнейших слоях интеллигенции, в этому Полозову отцовская кровь учителя гимназии, текущая в его жилах, придала такой мерчий иммунитет.

С другой стороны, Полозов по повести вправе вообразить себя достойным великайшей славы. Он вправе считать себя обиженным революцией, або сам не противопоставлявшим в конкретных художественных образах истинные представители революции, носители подлинной пролетарской идеологии.

Отсюда—не вскрыта фальш демагогальства Полозова.

Революция отвернулась от подлинной славе. Личность не испарается после того, как она вилючена в коллектив. Страна знает, допустим, имена таких значений, как Картавцев, Косоуров, Липпард,—хотя они и не пытались возрожать для истории.

Природа славы другая, и Рыкачев прав, когда говорит о «коротком дыхании приспособленца». Но ведь обиспособленство не только замышлять, оно — орудие наступления классово-враждебной идеологии. Мы не видим тех, кого хочет сразить на своем пути Полозов.

Цезарь Бирото потерпел крах. Его имущество продали с молотка. Но обогатились и процветали другие, осевшие улачей.

Полозов рухнул. Но Рыкачев сам признает, что подобный конец «не органичный», да у него и нет уверенности в возможности «органичного конца».

Тем самым гибнет первый замысел Рыкачева. Карьеру совершить, оказывается, можно. Требуются лишь более крепкие нервы.

3.

Рыкачев упоминает, что Полозов в своих литературных экзерсисах злоупотреблял «перевертышами», изображая попутчика в качестве «иностранца» по духу в советской стране.

На перевертышах идея о фатальной замкнутости писателя в круге образов своего класса тяготеет над всей повестью.

«Я знаю, что те, будто бы слепые силы, которые формировали мою личность в доме моей семьи и моего окружения, имели определенное направление. Я был как бы от самого рождения предназначен к тому, чтобы жить и творить в обществе, осознанном из частной собственности и на свободной игре борющихся между собой сил».

Это—слова Андрея Полозова.

Но Рыкачев, столь обычный в своих комментариях, ничем их не оговорил. Напишет от рождения. Сын учителя гимназии предназначен для капитализма, в баста. Отсюда понятно, что, как ни тужился Полозов приспособиться всерьез, кроме двойника—«приятной советской личности»—не получилось. Но ведь в подобной схеме заключается апология приспособленчества. Раз органическая перестройка без физического происхождения из рабочей среды—невозможна—значит, остается путь приспособленчества.

Выступить против приспособленчества в литературе—значит показать прежде всего подлинный путь в советской литературе. В повести Рыкачева мы не находим настоящих советских писателей. Правда, он упоминает о «новых попутчиках», раскритикованных Полозовым в прицале борьбы за свою сомнительную репутацию. Но «левые» попутчики только упомянуты.

О писателях же вообще произнесены такие многозначительные слова:

«Сложны, извилисты и прихотливы пути литературы, загадочны для ума посторонного не лики и обличия. Подрубленное под корень в социальной жизни, живет и цветет в литературе и жадными руками тянется в будущему. К какому будущему? Полозов—к социалистическому. Как произошел сколь литературные туманы шертации гитлеровских, иных тоталитарных сообществ! Вон полезут во поля миллионы желанных пахарей — бригадиров. Но разве не такой же цвет-ник создал бы в зените своего развития и российский капитализм? Разве «оплощенный в образах эпгунизм перед невиданным строительством размахом социалистической индустрии не есть перед лицом эпохальный вестерн перед некоей отвлеченной «человеческой энергией, столь свойственный буржуазной литературе? Молодой российский капитализм почти без времени, в расцвете своих сил и дарований. Как знать, в чьих головах бродят его неосуществленные замыслы и в каких обычных наблюдениях они живут? Российская мечная буржуазия... Да разве перечислить всех обиженных и угнетенных Октябрьской революцией. Да разве перебрать все масти, в которые рядятся обиженные и угнетенные. Да разве укажешь всех тех, кто в своем сжатом обличье жаждет и чает из ноших литературы».

Не будем придираться к т. Рыкачевым по поводу отдельных несуразиц в этой филиппике.

Чего стоит рассуждение об угнетенных в лице «мелкой буржуазии». Известно ли Я. Рыкачеву, что крестьяне-единоличники относятся также к этой классовой категории, составляют часть мелкобуржуазной массы вообще.

Главное — в огульном недоверии и попытках писателей непролетарской формации подойти к изображению социалистического строительства.

«А вам на порт, какого звания родители и кто воспитал от кутузки?»—сейчас же спросит с угрозой т. Рыкачев. Мало ли бродит... перевертышских идей в голове у т. Рыкачева.

4.

О формальных качествах следует сказать потому, что они роковым образом сомкнули с теми линиями развития, которые дробят и калечат плейную структуру повести.

Мы не заступаемся за диалоги. Если вместо передачи слов собеседников автор предпочитает комментировать их мысли друг о друге в добрый час!

Но исчезновение диалога, как определенного элемента повествовательной композиции, с помощью которого вскрывается психологические черты персонажей, завязываются и развязываются сюжетные узлы, исчезновение диалога, облегчающего строй книжной речи, надо возместить эквивалентными художественными приемами.

Их в прозе т. Рыкачева нет. Полозов ни с кем не разговаривает—следовательно, долой ту среду, в какой он пребывает. И со слепок образуется значительная часть художественных образов, необходимых для полотнища, «ограниченного—если угодно — разоблачения Полозова.

Итог? Полозов оказался двуязом Растиньяка.

Но Рыкачев не может претендовать на развешание своей литературной генеалогии до Бальзака.

Бальзак мыслил с пожительной точки главное в бытии своего класса и эпохи.

Рыкачев застрял на второстепенном и исказил главное.

перед всероссийской конференцией вссп

Основная работа по подготовке к осенней конференции ведется по трем секциям: творческой, краеведческой и секции научной безответственности.

Творческая секция ВССП готовит детальные доклады по всем видам художественной продукции. Новое руководство секцией (**Н. Огнев, П. Слетов, Н. Замошкин**) взяло разработку творческих вопросов. Одновременно творческая секция привлекает к своей работе представителей РАПП.

ВССП впервые применяет методы социалистического соревнования. Отдельные писатели (**П. Павленко, Н. Тихонов, С. Буданцев, М. Козаков**) обязуются в порядке соревнования дать исчерпывающие статьи о конкретном произведении того или иного из писателей.

Этим летом краеведческая секция отправляет в различные районы СССР 12 писателей (сроком на 2 - 3 месяца). Писатели обязуются дать определенный листаж литпродукции, отображающей строительство, и показать в художественных очерках, повестях и рассказах отдельных героев социалистической пятилетки.

Литературная продукция, которая явится результатом поездок на строительство, будет в дальнейшем предметом внутриклубной методологической и творческой дискуссии. Секция готовит три доклада (**П. Скосырев, П. Сухотин и К. Большаков**).

Секретариат ВССП совместно с ленинградским штабом приступил к изданию сборника статей, освещающих творческие вопросы ВССП. ГИХЛ взял на себя обязательство выпустить этот сборник в ударном порядке до осенней конференции союза.

Основные статьи по творческим вопросам, а равно и критические разборы отдельных произведений, написанных писателями в порядке соцсоревнования, будут печататься до конференции ВССП в «Литературной газете», «Красной нови», «Новом мире», «Звезде», «Ленинграде», «Сибирских огнях», «Известиях» и «Ленинградской правде».

письмо из ленинграда

— от нашего корреспондента

начинается строительство жилищно-бытового комбината писателей. — смотр критических кружков лапп

Решение правительственных и профсоюзных организаций о строительстве в Ленинграде первого в СССР жилищно-бытового комбината советских писателей встретило живой отклик ленинградской пролетарской общественности.

В настоящее время ЛенФАКП и Леспублит приступили к реализации постановления о строительстве, для подготовки которого создан общественный комитет из представителей партячеек, правительственных, профсоюзных и литературных организаций, представителей печати, издательств и вида писателей. Строительством будет заведовать директорат, который с самого начала совершенно правильно отказался от индивидуального подхода к строительству писательского комбината: строительство должно быть предпринято в широкую общественную кампанию.

В таком плане намечается и подготовительная работа в стройке. Наряду с практическими мероприятиями (выбор участка, снабжение материалами) будет проведена общественная обследовательская работа. Уже сейчас началось чтение писателями писательской аудитории — вместо выступлений старичков стремятся провести новые живые и сатирально-бытовые очерки социалистического типа.

***

Проектируемый сейчас ЛАПП смотр литературно-критических кружков еще раз засвидетельствует возможности прорыва на участке рабочей критики.

Если бы смотр ограничился лишь изучением и проверкой работы кружков, пожалуй, его комиссиям пришлось бы... один кружок. При 70 творческих рабочих кружках Ленинградская ассоциация пролетарских писателей насчитывает всего один работающий кружок рабочей критики (при клубе **«Ленинградский металлист»**).

Руководство ЛАПП признает смотр литературно-критических кружков как призыв рабочих-ударников в литературную критику. Сорок рабочих-ударников, вошедших из своего образцового кружка на заводе «Красный путиловец», вербовка ударников в литературную критику на других заводах и фабриках, вхождение в ЛАПП рабочих критических кружков. Дома культуры завязывают и журнал «Ударник», организация рабочей группы критиков при редакции газеты «На посту» — все это нужно признать достижением месячника смотра-призыва.

Имея в виду, что сейчас надо поставить во всю ширь вопрос об обеспечении новых кружков рабочей критики опытным писательским руководством, необходимо внимание к прошедшим кружкам в прошлом нужно к тому, что ряд рабочих кружков в свое время вышел под влиянием «Леффронта»; в конце-концов эти кружки совершенно разложились. Отсюда, до сих пор литературной активности в деле укрепления рабочих литкружков нет. Этот урок отношения в большой степени и к ленинградской группе «На литературном посту», которая несколько пассивно относится к проводимому смотру-призыву рабочих-ударников в критику.

Ленинград. Б. РЕСТ

новый научно-художественный альманах

Группа ленинградских писателей и ученых готовит издание в Лен.ГИХЛ новой научно-художественной альманах. Этот альманах явится попыткой установления научной мысли с художественным творчеством.

В альманахе, как будет особых научных и художественного отделов. Его страницы для популярного описания научных и технических новинок современности дня.

В альманахе членам будут в доступной форме (но не упрощенчески) рассказывать о новых открытиях, делающих эти открытия и работой и бытом научных учреждений и отдельных ученых с целью сгруппировать вокруг своего будет в альманахе отведены от абстрактной «фантастики» изображения конкретных научных и технических достижений. Альманах закрепит в художественной литературе научные и технические сдвиги сегодняшнего дня.

Вокруг альманаха уже сгруппировалось ученых и писателей, изъявивших желание работать над созданием новых форм научно-художественной литературы: И. Ефимов, В. Гаевский, Ольга Форш, Шишкова-Фрезе, Маршак, академик Павлов, профессор Дерюгин и др. К сотрудничеству будут также привлечены и молодые писатели, связанные с производством, в том числе и рабочие-художники. Первая книга альманаха выйдет в августе.

литфонд сливается с ленкублитом

ЛЕНИНГРАД. (Наш корр.). Ленинградские литорганизации (ФОСП, ЛАПП, ВССП, Всероскомдрам, правление Леспублита и ЛО правления) признали необходимым вернуть функции Ленинградского литфонда Ленкублиту с соответственным объемом работы как в денежном, так и в культурно-массовом отношении. Над работой Ленкублита за 1930 ФОСП, Леспублит, ЛАПП, Ленинградская ассоциация пролетарских писателей, Всероскомдрам и ЛО ВССП и ЦБ ФОСП обсудят вопрос о пополнении Ленкублитского литфонда.

Совершенная ФОСП причина предложения ленинградских товарищей о ликвидации литфонда, по-нашему, в разных Ленинградских литфондах. Большинство членов их, кажется, знает ФОСП и ЦБ только по взносам. Между ФОСП и ЦБ совсем по-иному и печатание ими заключен соответственный договор.

Но вопрос с этим совершенно ФОСП требует дополнительных сведений. Дефект заключен, как видно, в недостаточной обследованности писательства, обычно обходящего ФОСП.

летняя работа маслокаф

На ряде последних заседаний Маслокаф и Бобудон с своим докладе о летней работе представили предложение о создании при Бобудоне Маслокаф летних и круглогодичных секций. В течение летних месяцев в Москве будут организованы 25 лекционных и дискуссионных экскурсий. В экскурсиях будут участвовать 250 представителей рабочих масс, которые смогут ознакомиться с работой Маслокаф, Пищепрома, Мосторга, Мосторгпита, Мосторгпита, Мосторгпита

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

орган федерации объединений советских писателей рсфср

МОСКВА 5 ИЮЛЯ 1931 Г. № 36 (135)

РЕДАКЦИЯ:
Москва, Тверской б. 25, Дом Герцена. Телефон 2-80-12.

ИЗДАТЕЛЬСТВО:
Акц. о-во «Огонек»; Москва, б. Страстной б. 11. Телефон 5-5169.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА:

	СССР	ВНЕ СССР
На 6 м.	1 р. 75 к.	— 90 ц.
На 3 м.	- р. 90 к.	— 45 ц.

за развертывание творческого соревнования!

Сегодня состоится заседание расширенного бюро правления РАПП, посвященное вопросу о дальнейшем развертывании творческого соревнования.

6 творческих групп РАПП («Напостовская смена», группа т. Панферова, обе «Кузницы», ленинградские группы «Напостовский призыв» и «Закал») сделают на этом заседании доклады о своих творческих установках, а том, как эти установки претворяются группами в жизнь.

Доклады творческих группировок, являющиеся выражением того поворота лицом к творческим вопросам, который решительно начат и осуществляется РАПП, отчетливо подчеркивают ИЗМЕНЕНИЕ ПОЛОЖЕНИЯ САМОЙ РАПП.

Выросшая из одного из течений пролетарской литературы, РАПП сейчас — уже не группа, не кружок, не течение, а ведущая организация пролетарской литературы, отвечающая за всю пролетарскую литературу, проводящая партийную линию на литературном фронте.

В этих изменившихся условиях указания партии о МАКСИМАЛЬНОМ РАЗВЕРТЫВАНИИ ТВОРЧЕСКОГО СОРЕВНОВАНИЯ В РАПП приобретают особое значение.

Творческое соревнование, всемерное развитие и рост новых и новых творческих группировок в РАПП отнюдь, конечно, не означает что у РАПП нет ОБЩЕЙ творческой платформы. Нет, такая платформа ЕСТЬ. И ее не может не быть, ибо именно в боях и чистности за нее выросло, закалилось и окрепло пролетарское литературное движение.

Некоторые (литфронтовец Рожков, например) представляют себе дело так, что литературно-политическая линия сама по себе, а творческая линия — сама по себе. Ставить вопрос так — значит быть механистом чистейшей воды, ибо отрывать литературно - политическую платформу РАПП от ее творческой платформы невозможно. Они представляют из себя единство, между ними нет и не может быть разрыва (хотя столь же механистическим было бы их грубое отожествление). БОРЬБА ЗА БОЛЬШОЕ ИСКУССТВО БОЛЬШЕВИЗМА — это и творческий и литературно-политический лозунг РАПП. Борьба с бесклассовым об'ективизмом, с перевальским гуманизмом и «искренностью», с пефовской «литературой факта», со штампом, схемой и лакировкой действительности — это общие ТВОРЧЕСКИЕ лозунги, которые являлись и являются оружием РАПП в ЛИТЕРАТУРНО - ПОЛИТИЧЕСКОЙ борьбе с воронщиной, перевальцами, лефовцами, формалистами, «Литфронтом» в проводимой РАПП борьбе за гегемонию пролетарской литературы.

Творческое соревнование в РАПП — это соревнование на основе общей литературно-политической и творческой платформы РАПП. Творческое соревнование в РАПП, размежевание отдельных творческих групп в РАПП — не есть самоцель, а есть путь к ОБОГАЩЕНИЮ ОБЩЕЙ ТВОРЧЕСКОЙ ПЛАТФОРМЫ, к общему обогащению опыта пролетарского литературного движения, по применению метода диалектического материализма в литературе. Творческие группы в РАПП—это НЕ ВРАЖДЕБНЫЕ ДРУГ ДРУГУ ОРГАНИЗАЦИИ, а борющиеся за общее дело части единого движения, дифференцировавшиеся по группам ДЛЯ УДОБСТВА этой борьбы, для лучшего овладения отдельными участками фронта. Тот, кто полагает, что рост творческих групп ослабляет РАПП, как единую, монолитную организацию, ничего не понимает в задачах литературного дня. Наоборот, развитие творческого соревнования и рост творческих группировок являются как раз выражением возросшего ЕДИНСТВА И КОНСОЛИДАЦИИ пролетарских литературных сил. Так и только так стоит вопрос.

Но, однако, было бы неправильно полагать, что у творческих групп РАПП нет никаких опасностей. Здесь мы также не можем отделять творческих вопросов от литературно-политических. Эти опасности могут крыться в противопоставлении себя всему движению, в выходе за рамки ОБЩЕЙ платформы, в перерастании тех или иных отрицательных тенденций, в той или иной группе в установки, противопоставленные установкам ДВИЖЕНИЯ В ЦЕЛОМ. Об этих опасностях должна помнить каждая творческая группировка РАПП. Об этих опасностях должно постоянно помнить руководство РАПП (роль которого неизмеримо усложняется), которое должно руководить творческим соревнованием, борясь с нездоровыми тенденциями, борясь с попытками канонизации отдельными группами или писателями своих творческих установок, и в то же время не ставя себя в положение группы, создавая вокруг творческого соревнования атмосферу товарищеского отношения, чуткости и внимательности, максимальной терпимости к различным творческим высказываниям и исканиям НА ОСНОВЕ ОБЩЕЙ ПЛАТФОРМЫ.

Вынесение всей творческой дискуссии в РАПП в ШИРОКУЮ ПРОЛЕТАРСКУЮ АУДИТОРИЮ, постоянное активное участие в творческом соревновании РАБОЧИХ-УДАРНИКОВ, — таково еще одно из необходимейших условий дальнейшего развертывания творческого соревнования в РАПП, ведущего к новым победам пролетарской литературы.

мобилизуем бумажные рессурсы для издания нужной художественной литературы

11 июля на исполбюро фосп стоит вопрос о снабжении бумагой издательств художественной литературы

мы печатаем сегодня материалы, характеризующие неблагополучие в этой области

писатель на борьбу за бумагу

В передовой прошлого номера газеты мы писали, что издательства, вместо энергичной борьбы за бумагу, пропагандируют перед лицом трудностей ведомственно-бюрократическое отношение, не мобилизуют пролетарскую и писательскую общественность на эту борьбу. Такое недопустимое положение продолжает иметь место — достаточно указать на тот факт, что, несмотря на неоднократные наши предложения, издательские работники взяли не используют для поставления всей суммы вопросов, связанных с бумажной проблемой,—«Литературную газету» — орган Федерации писателей.

Естественно, что писательская общественность не может и дальше находиться в абсолютном неведении относительно бумажных дел. Мы должны сбить активным вмешательством преодолеть неповоротливость издательского аппарата и поставить вопрос о бумаге во всей его остроте, возможно более массово и общественно. Именно этими соображениями и продиктовано решение секретариата ФОСП—созвать на 11 июля исполбюро Федерации с активом, организовать такое массовое собрание, на котором писательская общественность должна сказать свое слово по вопросу о бумаге.

Самый факт этого собрания означает что советские писатели инициативно включаются в борьбу за бумагу.

Мы будем на себя этим брать большую ответственность. Писатели должны сыграть роль буксира для издательств—во-первых, они должны суметь максимально изострить вопрос бумаги перед широкой общественностью, во-вторых,—до сих пор в печати по бумажным делам выступают лишь единичные писатели, а должны выступать вся писательская общественность, десятки отдельных писателей и бригад. Наконец, включиться в борьбу за бумагу значит по-настоящему изучить бумажную промышленность, по-настоящему связаться с рабочими-бумажниками, по-настоящему войти во всю работу издательств, включая и хозяйственную.

И нужно прямо сказать, что все, что должно было быть сделано уже давно, что отсутствие таких связей, такого подхода — важнейший пробел в литературной общественности. В самом деле, разве можно считать нормальным, что писатель не знаком с материальной базой своей работы, стороннее наблюдает создание этой базы?

Писатель—органическая часть ГИХЛ, основная фигура «Федерации», он—производитель художественной книги, а между тем в обоих издательствах он больше клиент, чем активный работник. Если можно спорить против проектов перевода писателей на жалованье, то необходимость для писателей быть фактическим членом издательского коллектива является бесспорной.

Собрание 11 июля должно послужить толчком к перелому по всем этим направлениям.

Каждый писатель на это собрание обязан притти подготовленным, продумав положение на фронте бумаги и сделав на него все необходимые выводы. Должна быть развернута беспощадная критика работы всех организаций, извращающих, проваливших, распределяющих и расходующих бумагу, но такая критика, из которой сразу можно сделать практические выводы, нажечь реальную пользу.

Мы мыслим себе результаты собрания 11 июля в создании писательских бригад и привлечении отдельных писателей к издательствам, Союзбумага, Комитету по делам печати, бумажным фабрикам. Задачей их (бригад и писателей) должно быть: выявление всех обстоятельств положения с бумагой, действенная борьба со всеми трудностями и их конкретными виновниками, массовая работа и налаживание крепких связей писателей с рабочими-бумажниками и т. д.

Мы мыслим себе результаты фосповского собрания в виде серьезного, четкого анализа положения на бумажном фронте и выявления определенного писательского отношения к нему (положению).

Мы мыслим себе результаты собрания 11 июля как решительный толчок к общественной кампании борьбы за бумагу, к повороту и писателей, и печатей по-настоящему лицом к бумаге.

нужно разобраться по существу

ГИХЛ является основным издательством художественной литературы. ГИХЛ находился до сих пор в обстановке невероятных трудностей, среди них главный — резкий недостаток (после многочисленных урезок) бумаги.

Десятки решений приняты по поводу «бумажных» неурядиц во время «прорыва», но мало авторитетных слов и заверений было сказано насчет предстоящего улучшения, не одна страница «Литературной газеты» была усеяна жалобами «благородного негодования», и вот в итоге — «урожай»: на третий квартал ОГИЗ вновь снизил норму отпуска бумаги на художественную литературу с 650 тонн до 620.

Что это: невнимание к голосу писательской общественности, или канцелярская «описка»?

30 тонн как будто не такое уж страшное снижение, если бы:

1. не было вообще тяжелым положение с бумагой на художественную литературу; и если бы—

2. по абсолютному большинству других издательств, кроме ГИХЛ, издающих другие виды литературы, не было увеличения бумажных норм на тот же 3-й квартал по сравнению с тем же 2-м кварталом.

В самом деле:

кроме таких издательств, как Моспартиз (+ 58 проц.) и ГИЗ (+ 107 проц.), для которых увеличение бумаги является совершенно естественным и нормальным (даже и тем случае если бы всем другим норма была снижена), отпуск бумаги увеличен и по другим разделам, а именно (проценты взяты округленно):

УЧПЕДГИЗ	62 %
ДЕТИЗДАТ	60 „
ВОЕНИЗДАТ	52 „
ТРАНСПЕЧАТЬ	34 „
ФИЗТУРИЗМ	53 „
ИЗОГИЗ	200 „
МУЗГИЗ	200 „

Нам кажется странным, почему в ряду перечисленных издательств ГИХЛ оказался таким издательством, в отношении которого можно допустить иное отношение, чем ко всем другим; нам кажется странным, почему в ОГИЗ художественная литература оказалась в положении—«наихудшего расхода», который в первую очередь следует сокращать.

Мы считаем необходимым разобраться по существу. Нам не хочется верить, что ОГИЗ теперь оказался в ряду представителей, недооценивающих художественную литературу (а ведь цифры упрямо подсказывают эту мысль); нам не хотелось бы думать, что в борьбе за интересы художественной литературы писательская общественность придется выступать против ОГИЗ (а ведь за цифр об'ективно вытекает такая необходимость). Мы привыкли к обратному: к чуткому и большевистскому отношению ОГИЗ к категории художественной литературы.

Тем более странны цифры бумажных норм, установленных ОГИЗ на третий квартал.

Тем более мы вправе рассчитывать на пересмотр этих норм.

Н. ОСТРОГОРСКИЙ

увеличить бумажную норму гихл

1. Обратить внимание правления ОГИЗ на совершенно ненормальное соотношение между художественной и другими видами литературы в плане распределения бумаги на 3-й квартал по ОГИЗ.

Произведенное снижение бумажных норм ГИХЛ в то время, когда по остальным (в том числе и не основным) издательствам произведено значительное увеличение отпуска бумаги,—секретариат ЦС расценивает как об'ективное выражение недооценки художественной литературы.

2. Секретариат ЦС РОПКП особо подчеркивает тот факт, что данное снижение произведено непосредственно за кварталом, в котором только начата ликвидация прорыва в ГИХЛ и поэтому оно — это снижение — не только не способствует, а, наоборот, значительно затрудняет борьбу за окончательную ликвидацию прорыва.

3. Просить правление ОГИЗ пересмотреть план распределения бумаги в 3-м квартале в сторону повышения в нем удельного веса художественной литературы.

СЕКРЕТАРИАТ ЦС РОПКП

позор американскому фашизму!

против казни, готовящейся в скоттборо

На 10 июля назначена казнь девяти юношей-негров. По приговору буржуазно-фашистско-американского суда 10 июля в Скоттборо они будут посажены на электрический стул. За что? За то, что они перестали быть рабами. За то, что они выдвинули лозунг интернациональной солидарности рабочего класса.

Готовится чудовищное злодеяние, повторяющее преступление, совершенное над товарищами Сакко и Ванцетти.

Мы, писатели, работники искусства страны, строящей социализм и выкорчевывающей корни капиталистической эксплоатации, присоединяем свой голос протеста и возмущения к воззванию комитета содействия МОПР СССР в проведении кампании протеста против готовящейся казни.

Позор американскому фашизму!
Позор буржуазно-фашистскому строю!
Выше знамена МОПР!

Американские революционные писатели и деятели искусства! Разоблачите замысел преступников американского фашизма и их клеветнические измышления! Сделайте все для того, чтобы жизнь наших товарищей была сохранена!

Л. Авербах, Н. Агаджанова-Шутко, С. Амаглобели, А. Анощенко, П. Арский, Н. Асеев, А. Афиногенов, Э. Багрицкий, Д. Бассалыго, Ив. Батрак, В. Бахметьев, А. Безыменский, А. Богданов, К. Большаков, С. Будяцев, Г. Вечера, А. Вигалок, С. Виткин, Вс. Вишневский, Б. Галин, М. Гельфанд, В. Герасимова, А. Гидаш, Ф. Гладков, Э. Гребнер, А. Грин, А. Грузская, Б. Губер, Л. Дегтярев, С. Динамов, Е. Долматовский, А. Дорогойченко, И. Евдокимов, Д. Егорошилов, В. Ермилов, А. Жаров, Ю. Желябужский, И. Жига, А. Завалишин, М. Зайка, П. Замойский, Н. Замошкин, Н. Зарудин, Н. Зархи, К. Зелинский, Вс. Иванов, Б. Иллеш, В. Ильенков, Я. Ильин, В. Инбер, А. Ивбах, А. Караваева, М. Карпов, Ив. Катаев, С. Кирсанов, В. Кирпотин, Г. Киш, В. Клягин, Г. Козинцев, М. Колосов, Г. Корабельников, Л. Кулешов, О. Леонидов, Л. Лепнов, Н. Лернер, Ю. Либединский, В. Лидин, В. Луговской, М. Лузгин, А. Луначарский, Е. Любимов-Ланский, Н. Ляшко, И. Макарьев, А. Малышкин, С. Марков, Вс. Мейерхольд, А. Мильчин, А. Митрофанов, С. Мстиславский, Г. Никифоров, Л. Никулин, А. Новиков-Прибой, И. Новиц, А. Незогрудский, Н. Огнев, Ю. Олеша, К. Островер, Н. Островский, П. Павленко, Ф. Панферов, К. Парамонов, М. Пластошкин, Н. Погодин, А. Д. Попов, Я. Протазанов, В. Пудовкин, Н. Разич, А. Разумный, В. Рожашов, А. Роом, М. Россовский, В. Саянов, Д. Сверчков, А. Селиванов-ский, И. Сельвинский, А. Серафимович, М. Серебрянский, Ю. Слезкин, Н. Слепнев, П. Слетов, В. Ставский, А. Субботин, А. Сурков, А. Таиров, Г. Тарпан, Л. Трауберг, В. Турин, И. Уксусов, А. Успенский, И. Уткин, А. Фадеев, А. Файко, Л. Циновский, Е. Черненко, Д. Чижевский, М. Чумандрин, В. Шкловский, Н. Шкляр, К. Шувалов, И. Шушканов, Н. Экк, Ф. Эрмлер, С. Хабибуллаев, А. Эфрос, К. Юков, А. Яковлев, Р. Янушкевич, Бр. Ясенский.

монолог*

В этом зале
Я —
самый черный из всех.
С детства меня
черномазой свиньей называли.
За цвет моей кожи
Меня поднимали на смех,
Держали в цепях,
Пытали и линчевали.
Я —
представитель истерзанной черной семьи.

Нас с детства природа
В естественный траур одела.
Я видел, как плакали
Черные братья мои,
Как Джим горевал
У постели изнуренной Эллы.
Мой бедный товарищ,
Я всюду следил за тобой —
Ты в Европу бежал,
Скрываясь от Нового Света.
Ничто не поможет.
Ты снова вернешься домой.
Никуда вам не скрыться
С этой закрепощенной планеты.
Нам закон повелел:
Будьте к страданьям готовы.
Ни один чернокожий
от белых
не защищен.
Восьмым негритянским парням
уже приготовил
восемь веселящ новых
Американский закон.
Я причу вам —
единственный нерв среди вас —
Вам —
от первых рядов
до последнего места:
— Приближается казнь,
Приближается страшный час.
Вместе с нами,
товарищи,
поднимите свой голос протеста!
Переполнена чаша.
Решительный час наступил.
Мы под разною кожей
Несем одинаковый пыл,
Одинаковый пульс,
Одинаковые сердца,
Одинаковую решимость
Тяжелой борьбы
До конца.
Есть белый цвет,
Есть черный цвет,
Но лучше красного нет.
«Уже приближается страшный срок,
Решительный
Близок
Час.
Есть много путей,
Есть много дорог,
Но выход — один у нас:
Ничего не жалеть,
Никому не прощать,
Под красное знамя
встать!

М. СВЕТЛОВ

*) Интермедия-монолог введения в спектакль Камерного театра «Негр».

издательства без бумаги

Чрезвычайно напряженное положение издательств, вызванное неоднократным урезыванием бумажных норм, усугубляется организациями, непосредственно связанными договорами с издательствами по линии снабжения их бумагой. В связи с переходом на хозрасчет вопрос своевременной доставки бумаги издательствам стоит особенно остро, угрожая им большими неустойками. Мосснабсбыт и Огиз, очевидно, не учитывают этого, ибо систематическая недогрузка бумаги фабриками имеет место во всех издательствах. Допустимо ли, чтоб учреждения, затрачивая большие деньги на командировки и отрывая своих сотрудников от непосредственных обязанностей, посылали их на бумажные фабрики для участия в отгрузке бумаги, причитающейся им по нормам, утвержденным Комитетом по делам печати?

Нижеследующая сводка достаточно убедительно подтверждает недопустимое отношение ряда организаций к делу снабжения издательств бумагой.

***

По нормам, утвержденным Комитетом по делам печати, издательству «Федерация», согласно договору с Мосснабсбытом, полагается получить с разных фабрик за полугодие с 1 января по 1 июля 240 тонн бумаги из расчета по 120 тонн на квартал. По 1 июля получено всего 200,6 тонны. Недогружено 15 процентов причитающейся бумаги, что составляет 7 миллионов листов-оттисков.

***

Издательство «Академия», согласно разверстки Комитета по делам печати, должно было получить в Мосснабсбыте 90 тонн бумаги на первый квартал. Получено 67 тонн до 1 апреля и в последних числах июня отгружено еще 6 тонн за весь второй квартал.

Московское товарищество писателей вместо причитающихся 30 тонн, на полугодие получило 22 тонны. Недогружено фабриками Мосснабсбыта 27 процентов нормы, что задерживает выпуск 400 тысяч листов-оттисков.

***

Издательство ГИХЛ в первом квартале получило полную норму. Но начиная со второго квартала ГИХЛ систематически недополучает бумагу: за апрель вместо причитающихся 217 тонн получено 169; за май вместо 223 тонн получено 144; за июнь вместо 219 тонн получено 128 тонн. Нормы второго квартала оказались неоданными на 44 процента, что составляет 14 миллионов листов-оттисков. Таким образом план ГИХЛ по вине ОГИЗ и бумажных фабрик Союзбумаги остался невыполненным на 56 процентов.

***

За первый квартал этого полугодия издательство ВЦСПС получило полностью из Мосснабсбыта причитающуюся ему 285 тонн бумаги. Во втором квартале вместо предусмотренных договором 317 тонн издательство получило 192 тонны, что составляет 39 процентов. Обложечной бумаги недополучено фабриками 77 процентов нормы, вообще его плотные сорта бумаги, годные для оттисков, приходится расходовать на обложки, что в свою очередь уменьшает наличие печатной бумаги и отражается на количестве издательской продукции.

***

Кроме того, по всем издательствам, согласно специальной директивы, американская норма считается аннулированной и отгруженная в счет этой нормы бумага переключается на июль и август. Издательства заявили свой протест Комитету по делам печати.

11 июля исполбюро фосп

Секретариат ФОСП приступил к широкому обсуждению вопросов издания художественной литературы в связи с бумажным кризисом и недополучением бумаги издательствами. В обсуждении примут участие все авторганизации.

ФОСП создана специальная комиссия по проработке вопроса о положении с изданием художественной литературы. В комиссию вошли: Г. Шульц, А. Митрофанов, Н. Гильяради, Н. Огнев, А. Субботин, А. Эфрос и А. Виноградов. Комиссии поручено представить свои выводы и предложения к предстоящему 11 июля заседанию исполбюро ФОСП, на котором будут также заслушаны сообщения Союзбумаги, ГИХЛ и издательства «Федерация».

за авторскую дисциплину

Ленинград, 1. (Наш корр.). Обострение бумажного кризиса, переход ГИХЛ на хозрасчет, — все это заставляет требовать от писателей неуклонного соблюдения «авторской дисциплины». Однако, как выяснилось из доклада ЛенГИХЛ на секретариате ЛАПП, писатели продолжают срывать производственные планы издательств. По серии пролетарской литературы в ЛенГИХЛ поступило всего 18 процентов рукописей, которые по плану должны были быть предоставлены до 1 июля.

Некоторые писатели, получив по договору большую часть гонорара, до сих пор не начали работать над «задуманным произведением», несмотря на то, что сроки сдачи рукописи давно прошли. ЛАПП должен принять решительные меры в отношении товарищей, срывающих производственные планы фабрик книги.

страна должна знать своих героев

сводка

МАПП

Привлеченные МАПП к работе по показу героев пятилетки пролетписатели и ударники уже выполнили первые задания.

Ф. Панферов, А. Исбах, В. Ильенков, И. Пластошкин написали очерки о героях социалистической стройки. Ноябрьцы-ударники—тт. Резчиков, Зарубин, Сидоров и Васильев написали ряд стихов.

Кроме того написаны очерки пролетписателями: Я. Шведовым о краснознаменце завода «Серп и молот» (тов. Гладышеве), Н. Ляшко, Князьминским (о лучших ударниках Орехово-зуевского химзавода), Томашевской (об ударниках Сызрановской ж. д.), членами секции МАПП тт. Гдовиным и Персовым, Дубинделем (Тульский АПП — очерк об ударнике-маслобойщике Тульской ж. д.), Я. Фридманом, Гриновым (об ударниках ж.-д. мастерских им. «1905 года»), Карасевым (об ударниках завода «Динамо») и др.

Полученные МАПП очерки о героях печатаются в журналах: «Рост», «Октябрь», «Молодая гвардия», в газетах: «Правда», «Известия», «Рабочая Москва», «Ударник литературы» (орган МАПП) и др.

5 июля МАПП заключает договор с издательством «Федерация» на первые два сборника очерков и стихов, написанных пролетписателями и ударниками о героях. Материал к сборникам будет сдан МАПП в начале августа.

Пролетарский и Фрунзенский районные бюро МАПП подготовляют аналогичные сборники. Кроме того, сборники о героях пятилетки подготовляет ассоциация пролетписателей Тулы, Подольска, Рязани и др. Все эти сборники будут изданы в специальной серии МАПП.

Для проверки выполнения обращения секретариата РАПП, МАПП и райбюро выделили ответственных товарищей, которые прикреплены к каждому району и помимо творческой консультации литкружкам оказывают помощь ударникам в написании очерков о героях.

МОСЛОКАФ

Для отображения в литературе героев ударников-красноармейцев, секретариат Мослокаф мобилизовал 35 писателей-локафовцев. Более половины их уже работает в красноармейских лагерях. Писатели привлекают красноармейцев-ударников и литкружки частей для составления автобиографий о лучших ударниках-красноармейцах.

К концу июля Мослокаф получит от писателей первые очерки и рассказы о героях Красной армии, которые будут помещены в «Литературной газете», журнале «Локаф», «Красной звезде» и других газетах и журналах. В издательстве «Молодая гвардия» Мослокаф выпустит специальную серию ЛОКАФ о героях красноармейцах-ударниках.

ВУСПП

ВУСПП и Всеукраинский совет профсоюзов выпускают из печати ряд книжек, посвященных показу героев социалистической стройки.

АПП ЦЧО

Рабочие-ударники завода ТВРЗ написали книгу очерков о соревновании, ударничестве и о героях своего завода. Книга сдана в изд-во «Коммуна» и будет выпущена из печати 15 июля.

Члены ассоциации пролетписателей ЦЧО к 5 июля закончат ряд очерков о героях заводов и фабрик области.

за пять дней

творческий смотр маповских кружков

В кружках МАПП зачастую наблюдается неверное понимание задач творческого смотра. Нередко говорят:

— Мы провели...

— ??

— Заслушали доклад руковода о творческие кружковцев, поговорили на эту тему...

План творческого смотра еще не доведен до предприятия. Райбюро МАПП не сумели до сих пор развернуть серьезную подготовительную работу, не позаботились смотр в своем районе.

Творческий смотр, проводимый МАПП, является органическим звеном работы с рабочими-ударниками, призванными в литературу. К нему должно быть привлечено внимание всей пролетарской общественности. Во время смотра необходимо подвести итоги прошлой творческой работе, сосредоточенной в основном на вопросах борьбы за промфинплан. Опыт литкружков в ударном квартале, разоблачение клеветы о принудительном труде, опыт бригад на транспорте, поспешная работа литкружка в многотиражке, насыщенная заводской, злободневной тематикой, работа по отображению героев пятилетки, — все это должно найти оценку в творческом смотре.

Каковы конкретные формы смотра?

Необходимо привлечь к смотру партийные и комсомольские ячейки, обеспечив с их стороны конкретное политическое руководство им.

В смотр нужно вовлечь: фабком, многотиражку, культсовет клуба, агитбригаду и библиотеку. Газета должна начать подготовку к смотру, печатать отзывы о литкружке под особой рубрикой «Литкружок на смотре».

Библиотека, совместно с литкружком, организует выставку, посвященную работе литкружка и пролетарской литературе. Руковод собирает и изучает творческий материал кружка (листовки, брошюры, рукописи и т. д.), привлекая к этому делу рабочих критиков из своего кружка. Отчетные доклады литкружка ставятся на партийных и комсомольских ячейках, на культсовете клуба.

Вся проделанная работа подытоживается общезаводским литературным вечером, на котором ставится доклад о творческом лице кружка, а кружковцы демонстрируют свое творчество. К участию в литературном вечере необходимо пригласить и агитбригаду. В этом вечера рабочая общественность выносит оценку работы литкружка.

Организация творческого смотра именно в таких формах значительно увеличит авторитет литкружка на предприятии и прочно включит его в систему других культурно-массовых организаций, а это в свою очередь привлечет в кружок новые кадры рабочих-ударников.

Лучшие доклады о творческом лице кружков МАПП будут собраны и напечатаны. Будут изготовлены отдельными оборвками и лучшие произведения кружковцев.

Этот материал послужит основой для дальнейшего развертывания дискуссии о творческом методе пролетарской литературы.

Творческий смотр органически увязывается и с известным постановлением Секретариата РАПП о показе героев пятилетки. В творчестве рабочих-ударников не важны схематизм, обилюсть темы, отвлеченное воспевание ударного труда и пятилетки вообще. Лозунг показа лучших, конкретизируем творческие задачи пролетарского писателя, отводит писателя от общей темы и заставляет видеть пятилетку в тех живых, знакомых нам людях, которые изо-дня в день творят ее в социалистическом цехе.

Работа по организации и проведению творческого смотра требует мобилизации всех сил Ассоциации. Райбюро МАПП, на которые падает большая доля ответственности в проведении смотра, должны дисциплинироваться. Расхлябанность и безответственность должны быть изгнаны из маповских рядов.

Маповская периодическая печать: «Октябрь», «Рост» и, главным образом, новая газета МАПП «Ударник литературы» должны повернуться лицом к смотру. «Ударник литературы» должен стать организационным и методическим центром смотра. Газета должна мобилизовать все маповские силы на его проведение.

Н. КЛЯЗЬМИНСКИЙ

производственная конференция гихл

Заключительным на-днях трехдневным производственная конференция ГИХЛ имела несчастье подложить достаточно неудовольствия и горечи в работу издательства и надолго отвлечь его дальнейшей работы.

Первый день конференции был занят докладом А. Митрофанова об итогах соцсоревнования ВОАПП и МАПП. Докладчик затронул внимание участников конференции на вопросах призыва ударников в литературу, текущего и большой систематизации работы ГИХЛ, координации ее с ВЦСПС и РАПП, мерами к использованию и с бережным перерасходованием к литературной продукции производителей.

На втором заседании конференции с большим докладом о хозяйственном положении и переходе ГИХЛ на хозрасчет выступил т. Шендерович.

Констатируя улучшение финансового положения издательства за последние три месяца, но считая все 289 общего состояния издательства не вполне удовлетворительным, докладчик отметил тяжелые условия работы ГИХЛ, усугубляемые недостатком бумаги. Систематическое урезывание бумажных норм, продолжающееся до сегодняшнего дня, ставит перед издательством угрозу уменьшения выпуска продукции в первом по сравнению с последним полугодием.

В связи с переходом ГИХЛ на хозрасчет т. Шендерович подчеркивает необходимость коренной перестройки работы ГИХЛ, издательский аппарат которого должен представлять собой посредственный продукт из полуфабриката (авторская рукопись) готовую продукцию (книга, выпускаемая из типографии). Желтовские между отдельными предприятиями договора должны стимулировать четкую работу всего аппарата издательства, начиная с редактора и кончая корректором.

Конференция закончилась докладом председателя месткома т. Виноградова об ударничестве и соревновании между отделами ГИХЛ и о работе производственных бригад. Тов. Виноградов констатировал неудовлетворительное состояние профработы в ГИХЛ.

На всех докладах конференцией вынесены резолюции, намечающие конкретные мероприятия по перестройке отдельных звеньев и развертыванию всей работы издательства художественной литературы.

Е. П.

литературное сегодня

* ВОКПШ и редакция «Известий ЦИК СССР и ВЦИК» командируют в районы строительства 5 интернациональных писательских бригад в Сибирь, Кривбасс, Днепрострой, Краснодарский (Кавказ), Белорусско-Балтийский и Средневолжский. В районы выедут 25 пролетарских писателей в Белоруссию, Армению (ВУСПП), Узбекистан, Казахстан, Грузию, Средней Азии. Первая писательская бригада в составе тт. Зарян (Армения), Юдельсон (секция БелАППП), Гурвич (армянская секция АзАППП), Зарянкий (БелАППП) и Ибрагимов выезжают на-днях в районы строительства.

* Для посещения работы и лагерей Московского военного округа секретариат Мослеф направил 12 писателей.

* Правление ОГИЗ организует музей книги. Специальной комиссии в составе тт. Исонина, Никорикова и Херсонской поручено разработать проект нового музея.

* Для укрепления руководства работой книжсекции ЛОКАФ секретариатом ЛОКАФ выделены для работы в секции тт. А. Фадеев, М. Кроль (военсектор Союзкино), А. Бобунов и А. Соколов.

* Сегодня в Москву приезжает группа работников революционных издательств Германии: «Нейер Дейче Верлаг» («Новое германское издательство») и «Универсум Бюхерай» (Универсальная библиотека), ряд издательств печатают главным образом произведения иностранных революционных писателей, среди которых большое место занимают писатели СССР. Сектор литературы и искусства Дома печати организует 7 июля, в 7 час. вечера встречу работников немецких революционных издательств с писателями и журналистами Москвы. Вечер будет посвящен вопросам издания, продвижения и читаемости произведений советских писателей в Германии.

* Институт ЛИЯ Комакадемии посылает своих аспирантов для практической производственной работы в литературные и редакционные коллективы. Аспиранты будут работать в центральных и областных литературных и редакциях журналов РАПП и ГОПКП.

КТО-ЖЕ ЗА ЭТО ОТВЕЧАЕТ?

Мы слабо боремся с халтурой. Мы часто констатируем этот печальный факт, видим прекрасные вещи в резолюциях, а халтура преспокойно продолжает издаваться.

У нас нехватает бумаги. Издательства вопят об уреэке планов. И действительно, у нас часто задерживается из-за этого издание хороших книг. Но халтура и здесь как-то находит щели, бумажный кризис на нее не действует.

На одной из дискуссий в Комакадемии покойный т. Фриче говорил:

«Когда смотришь на современную литературу, невольно вспоминаешь слова старика Бебеля, сказанные им когда-то по адресу буржуазного литературного рынка, а именно, что четыре пятых всей той литературной продукции, которая имеется на буржуазном рынке, несомненно могли бы без всякого ущерба для цивилизации исчезнуть. Так велика масса поверхностных и даже вредных произведений. То же самое можно сказать и о нашей литературе».

Эта «четыре пятых» попрежнему остаются «четырьмя пятыми». Пройдите по книжным магазинам, особенно в провинции. Вы не достанете «Разгрома», «Недели», «Комиссаров», «Цемента», «Железного потока», «Клима Самгина», не достанете днем с огнем классиков. Но вы увидите, что прилавки и полки все же забиты белетристикой. Это — как раз те «четыре пятых», от отсутствия которых цивилизация на мало бы не пострадала.

На все эти грустные мысли наводит напечатанная в «Литературной газете» заметка, что издательством «Федерация» выпускается массовое издание романа В. Дубина «Забурунный край».

Роман этот — халтурный, приспособленческий, искажающий и опошляющий нашу замечательную действительность, которую он пытается, якобы, «отображать». Никакими ни идейными, ни художественными достоинствами роман этот не блещет.

Такие «произведения», как «Забурунный край», ничего анализировать, о них не надо писать статей. Достаточно просто сказать, что это — халтура.

Но здесь мы имеем дело с несколько необычным явлением. Халтура эта готовится выйти в массовом издании, о халтуре этой есть ряд положительных отзывов в печати, халтура эта идет в разных обводах рядом с основными произведениями нашей пролетарско-колхозной литературы.

Это обязывает нас коротко рассказать читателю, **почему** «Забурунный край» халтура.

Роман Дубина — о **колхозе**. Хорошая и актуальная тема. Но на протяжении 700 страниц вы так и остаетесь в неведении относительно того, **что** за колхоз Дубин описывает? **Артель** это или **коммуна**? Какое **направление хозяйства** в этом колхозе? Кто в колхозе состоит? Как **сложился** колхоз?

Первая часть первого тома «Забурунного края» посвящена гражданской войне (где, кстати, деление основных героев на белых и красных идет не по социальной линии, а больше по линии семейных неурядиц), во-второй же колхоз **уже дан**, он существует.

Автор называет свой колхоз **артелью**, но в этой «артели» обобществлены лишь земля, жилище и т. д. Колхозники все сильно почему-то называются «**рабочими**», кроме руководителей (которые не носят никого названия, видимо, потому, что сам автор действительно из всех названий ромэна ничего не делает, а занимается, главным образом, разрешением своих любовных дел).

Любинский колхоз это — спелое с первых страниц никогда не виденных колхозных художеств.

Бывалый колхозный хозяйственник Любин показывает довольно любопытно. Он мысль сочетает в том, что колхоз продает яблоки на старом атаманском саду (который он не сажал) и мелет окружающему население муку на ветряной мельнице (которой он не строил).

Недавно вышедший второй том «большой» охватывает уже 1930 год, отображает, якобы, сплошную коллективизацию на Северном Кавказе. Вот где, казалось бы, актуальность тематики!

Но здесь она «актуальность тематики» является лишь, как это частенько бывает, обратной стороной и маскировкой приспособленчества. Второй том романа есть сплошное осмеяние той великой работы, которая проведена в прошлом году партией по социалистической перестройке северо-кавказской деревни.

Любин не знает колхоза и потому не может показать колхозное производство, организацию труда и распределения в колхозе. Он старательно обходит эти вопросы, прячась для малознающих колхозы «критиков» за их к чему не обязывающими фразами, вроде: «шестой день рабочие (!) горели в работе, соревнуясь друг с другом», или сообщая изумленным читателям, что «обязанности между рабочими (так он всюду называет колхозников. — **И. М.**) были распределены поровну».

У нас есть сорт критиков, которые подходят к художественному произведению довольно оригинально. Если это вещь о лечении, то они старательно ищут, сказано ли там про ячейку, просекает, есть ли связь с городом, показано ли расслоение и т. д. Если, к примеру, ничего не сказано про секретаря ячейки, то такой критик начинает «ерошить». Для критиков этого рода роман Дюбина — верх совершенства: там есть буквально **всё**. Ничего не забыто, перечислены все партийные лозунги, есть и ячейка, и город, и раскулачивание, и статья Сталина и т. д., и т. д. Но все это — и качество «наш критик», ибо автор не понимает ни партии, ни ее лозунгов, не разбирается в классовой борьбе, не видит настоящих врагов колхоза и т. д.

Для очистки совести бегтая в классовой борьбе, Дюбин старательно ее обходит, ибо показать ее не умеет. По сути дела никакой классовой борьбы вокруг коллективизации у Дюбина и нет, ибо раскулачивание у него проведено, для удобства автора, задолго до лозунга сплошной коллективизации, недавнего, когда и кулаки высланы). Остается один лишь кулак Дорожев (причем неизвестно, **почему** же он кулак, понятно только, что он против колхоза), который благополучно умирает к весне 1930 года.

Никакой классовой борьбы вокруг колхоза, таким образом, не предстоит. «Враги внутренние» устранены. Но автор понимает, что без классовой борьбы как-то неудобно. Призывается «враг еменные». В хутор специально является **польский шпион**, и дальше начинаются сплошные ужасы: тут и ямы, и убийство, и колодец кипяток и мелей, и отравление колодцев и детей и детских яслях, и фальшивые червонцы и т. д.

В результате колхоз, конечно, выходит победителем, польский шпион кончает самоубийством, плохая компрометирующее его письмо.

Классовая борьба кончена. Роман заканчивается обобществлением хуторов и одним колхозе (для чего, — непонятно, ибо осенью 1930 года на Северном Кавказе производилось как раз разукрупнение колхозов).

Впереди — беспечальное социалистическое житье (если не считать, что при любимой «организации труда» сословный им колхоз, конечно, развалится). Одновременно устраивается и мещанское семейное счастье основных любимых героев, совершенно серьезно выдаваемые автором, якобы, за коммунистический быт.

***

Такой этот «роман» о сплошной коллективизации, **выходящий** сейчас массовым изданием.

Ну, а кто же за все это **ответчает**?

Отвечает, конечно, в первую очередь, за свою вещь автор. Но винить его трудно. Его не заставишь написать так, как он не умеет.

Отвечает же ответственности несут, по нашему мнению, те, кто **разрешает** выпуск начинающих авторов, отвечает тот, что редактирует и выпускает вещь. Не пора ли нам всерьез поставить вопрос об общественной **ответственности редакторов**, выпускающих халтуру и портящих молодежь. И в отношении на такие книжки надо обязательно ставить рядом с автором для полного обозрения **фамилию редактора** (который отвечает **больше** и которого надо бить **сильнее**, чем автора).

Начать можно с самого конкретного случая. Мы не знаем, кто редактировал «Забурунный край», но полагаем, что издательство «Федерация» любезно об этом сообщит «Литгазете» (кстати, не мешало бы «Федерации», по примеру ГИХЛ, ставить фамилии редакторов на самих книгах!).

А затем мы предлагаем «Литгазете» устроить в клубе ФОСП **общественный показательный суд** над этим **редактором**, по вине которого пока что на одну только пропущенную им вещь напрасно израсходовано 400.000 листов-остатков бумаги (полагаем, что на массовое издание бумага не будет израсходована).

И. МАКАРЬЕВ

РЕШИТЕЛЬНО БОРОТЬСЯ С ВЕЛИКОДЕРЖАВНИЧЕСТВОМ И БУРЖУАЗНЫМИ ТЕОРИЯМИ В НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ

БУРЖУАЗНАЯ АРХЕОЛОГИЯ ПОД МАРКОЙ СОВЕТСКОГО ИСКУССТВОВЕДЕНИЯ

«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ КУЛЬТУРА СОВЕТСКОГО ВОСТОКА». Сборник статей под общей редакцией И. Бороздина. Изд-во «Академия». 1931 г. Тир. 2070. Стр. 115. Ц. 3 р. 50 к. Переплет 30 к.

Совершенно бесспорно, что писать о советском Востоке, если даже сознательно ограничить свою любовь его историческим прошлым, это значит прежде всего писать именно о **советском** Востоке. Но то что для нас, для советской литературы и науки обязательно **прежде всего** в книжке о вполне определенным названием, говорящим о большой актуальности поставленной темы, для авторов рецензируемого сборника оказалось на самом **последнем** месте.

Описывающие во всей скрупулезности древние памятники восточной архитектуры и **современное** прикладное искусство, авторы статей сборника на всем протяжении своих обстоятельных изысканий хранят скромное молчание по существу **основного** вопроса — о **культурном наследстве**, о **преемственности и критической переработке** того богатейшего наследия, которое получает молодое искусство советского Востока от всего прошлого.

Сущие «пустяки» нелезли из сборника об искусстве **советского** Востока — пролетарская революция и величайшие социальные сдвиги, которые она принесла для закрепощенных полуколоний русского царизма, сдвиги, происходящие в условиях обостренной **классовой борьбы**, охватывающей также и в расцветающем вместе с небывалым культурным ростом искусстве — национальном по форме, **интернациональном** и пролетарском по существу.

В своей вступительной статье, претендующей, видимо, на роль методологического введения («Проблемы изучения художественной культуры советского Востока»), И. Бороздин рекомендует как спасательный круг для утопающих «метафизиков» — «подход социологический, с производственным уклоном, «который-дет» постепенно начинает проникать в нашу научную литературу, становящуюся на марксистскую базу»,— **приспособленческий** круг, который, увы, не помог даже самому выбросившему его редактору.

Мы **нисколько** не против археологии и внимательного, любовного даже отношения к памятникам искусства прошлого. Но сколько бы ни **«похрюкивался»**, однако, И. Бороздин в благородных своих археологических порывах, ему бы пора подумать не только о восстановлении «для науки» древних восточных дворцов и мечетей — с порталами и без оных, но и о себе немножко — о собственном своем восстановлении для советской науки и искусствознания. Барские — сверху вниз и оттуда же «в передовую даль» — позиции **буржуазного социологизма** (и то очень условного) со своеобразным к тому же по своей снисходительности к «народам» **великодержавническим** душком весьма и весьма далеки от хотя бы только сейчас «становящегося на марксистскую базу» искусствознания, какое хочет, но не может представить И. Бороздин. Если его и интересует понятие с древним монументальным искусством Востока, классовым искусством **верхних слоев** феодально-рабского общества, искусство **советское** в собственном смысле, то исключительно в плане отличающего, того отмирающего, что из него **уходит**. «А прикладничество (шитье, ювелирное дело и т. п.) постепенно вымирает. Летом 1928 г. нищему эти строки пришлось посетить очень немногих оставшихся представителей художественного ремесла и кое-какой татарской слободки и на месте убедиться в закате казарского художественного прикладничества» (стр. 11).

Чем же закат **советского** восточного искусства, бурные судьбы которого фатально обрекают на выражение художественное мастерство недавнего прошлого?

Но при всем безнадежном своем нестоянии в оценке будущности советского искусства И. Бороздин не теряет все же смелости духа, критикуя других в полном самозабвении собственного своего «я». В другом месте он пишет: «Мы встречаемся, однако, и с некоторыми попытками стилистического анализа, основанного на формальном методе... Турецкая архитектура **сейчас** в **большой моде**; к ней весьма велик интерес и на Западе, но как раз новейшая работа западных ученых по искусству Востока и по архитектуре Востока, в частности, оказывается неполными и неубедительными, благодаря незнакомству с материалами советского Востока» (стр. 14).

Но мы и наши коллеги, И. Бороздин, неплусмысленно ориентирующиеся на Запад, самим способностью этому незнакомству, этой усердно взращиваемой собственными же нашими руками «равнодушной клюке» об искусстве **советского** Востока. И вы положительно беспелобны И. Бороздин, когда восклицаете воодушевленно и горячо, кончая с проблемами, поставленными только в заголовке: «Итак вооружившись социологическим **скальпелем** — за детальное обследование и изучение богатейшего художественного творчества советского Востока! Этим мы должны выполнить свой долг не только перед восточными народами нашего Союза, но и перед **мировой** наукой» (стр. 19).

Перед мировой — возможно, по какой чировой? Для нас это понятие географическое, так же как и для вас, понимаемому, **только географическое** — советский Восток. Перед мировой буржуазной наукой, балансирующей в болоте голого эстетса и формализма, памерены мы И. Бороздин, как видно, выполнить свой святой долг — так будет точнее.

Замечательно, как один из авторов-искусствоведов В. Чумпев в крайне поверхностной, эклектической и формалистской, хотя и крайне претенциозной статье — «Вехи развития искусства Азербайджана», вскрывает весьма «глубоко» зарывшимся своим культурно-социологическим скальпелем движущие противоречия дореволюционного искусства Азербайджана: «Старая **культура денационализовала** верхи, рассыпавши искусство на барское и мужицкое, предопределила приобретательское отношение к «немудрой кустарщине». Новому искусству Азербайджана, развивающемуся под знаком **национального** возрождения, необходимо учесть опыт и этого мудрого в своей простоте «низового» искусства» (стр. 103). Несомненно, что такая напряженная, перевернутая ко голову постановка вопроса о национальной культуре подменяет марксистско-ленинский **классовый анализ**, позитивно кустарной и смутно нахлынувшей эклектической похлебкой.

Выводы ясны сами собой: сборник о художественной культуре советского Востока является самой беспардонной клеветой на него, на новое его молодое, революционное искусство, крепнущее наперекор всем буржуазным плакальщикам, пытающимся, однако, стать и могильщиками.

Но они останутся только плакальщиками.

И. Б—Н.

ТЫСЯЧА ОТРОК ПОШЛОСТИ

АЛЕКСАНДР ЧАЧИКОВ — «Тысяча отрок». Стихи 1918—1926 гг. «Федерация». Москва. 1931 г. Стр. 75. Ц. 75 к.

Самый факт напечатания в 1931 г. стихов с 5—13-летней давностью **мог** бы быть объяснен и оправдан только большим политическим и художественным значением этих стихов. Но ни того, ни другого нельзя сказать о книге Чачикова.

По буржуазным поэтическим канонам требуется, чтобы Восток был изображаем как страна любви, роскошных пейзажей и экзотики. Таким, в основном, изображает Восток и Чачиков. Прекрасные разрезы, в которых влюблены авторы, гаремы, где автор тоже, конечно, влюбляется и другие непременные атрибуты восточной экзотики находят свое непременное отражение в книге Чачикова.

Характерно, что любвеобильный поэт представляет себе социализм, как своеобразный мусульманский рай, где единственным занятием будет любовь.

«И женщин нежные имена
Сольются с звонкими мужскими.
Придет блаженная весна:
Коммуна будет вся моя».

Так кончает Чачиков стихотворение «Коммуна» (стр. 31—32). Есть в книге еще несколько **псевдореволюционных** стихотворений. При этом все они — «24», «25 октября», «Костер восстаний», —лишь необходимая дань времени, а может быть и Главлиту. Они общи, абстрактны и не содержат никаких новых и интересных мыслей. Можно было бы привести множество примеров того, как автор, сумевший без особого **труда опошлить коммуну**, еще более опошляет даже такую тривиальную тему, как любовь, и чем он идет даже дальше своих буржуазных предшественников.

Но поистине до геркулесовых столбов пошлости доходит Чачиков в своем стихотворении «Сергею Есенину».

«Не тебе, рисепской сатирой,
Путь широкими ра\ бающим,
перевинка смутное марлание,
не тебе — рязанский богемой».

Так начинается это «стихотворение». Ниже Чачиков говорит много других пошлостей о «рязанском сатире» и заканчивает:

«Ты хотел раскрыть стране загадку,
Да на тире иноземной повторить, —
Русскою гармонью захудалой
Обернулась вашим песня мать».

Вот **откровенно мещанская** и халтурная вместе с тем характеристика творчества Есенина.

Несколько напрашивается вопрос: зачем издательству «Федерация» понадобилось издать вот **мещанские, пошлые и плохие** стихи, в 1931 г., в год, когда нехватает у нас бумаги на книги, куда более ценные и необходимые?

Иначе как **головотяпством** это назвать нельзя.

Бригада «Литгазеты» в кружке «РОСТ»:

ЛЕВ ГЛАДКОВ

ЛИТЕРАТУРНЫЕ „ПАВЛИНЫ"

«Янгильские павлины». Ташкент. Узгиз. 1931 г. Тираж 3.000. Цена 1 р. 25 коп. Российская секция Узбекистанской ассоциации пролетарских писателей (УзАПП).

Национально-культурное строительство Узбекской ССР имеет огромное значение. Пролетарская литература все более и более становится оружием классовой борьбы за интернациональное единство, за коллективизацию, за создание кадров национального пролетариата, за новый быт.

Выпущенный недавно сборник ударной бригады пролетарских писателей Узбекистана с такой установкой на задача и содержанию пролетарской литературы имеет очень мало общего.

Особенно обращает на себя внимание то обстоятельство, что это издание «Российский» секции Узбекистанской ассоциации пролетарских писателей (УзАПП). Мы спрашиваем, почему «российская»? Разве в Узбекской ССР появилась новая «российская» национальность? Или «достоинство» названной секции не позволяет называться иначе? И что это за «российское представительство» в УзАПП? От этого «рассейства» попахивает великодержавным шовинизмом.

Язык грубо неряшлив, редакция книжки ужасающе небрежна.

Вместо передовицы в ней помещено стихотворение бригадира Виктора Тютюнника «Ко второму большевистскому севу». Из чего мы узнаем о программе сборника:

...Наш сборник
Является
Первой попыткой
Бригады узапповцев,
Вышедших в бой
За хлопок,
За темп —
Попробовать вытягать
Портреты баев
Колхоз заворивших собой...

Они, видите ли, вышли в бой за хлопок, за темп, за тем, чтобы попробовать вытягать портреты баев (авучет по меньшей мере любопно!). А по нашему, из-за этого выходить не стоило.

Далее вольем очерк Як. Казимировича «Здравствуй, коммуна». Он пишет: «Мы не спрятались по кибиткам правленцев и сельсоветчиков, а расположились в чайхано на виду у всех колхозников, угощали их, и в ответ охотно принимала из их рук дружественные (?) пиалы кок-чая (заменившие здесь трубки мира)».

Где это?!—«дружественные пиалы, заменившие тут (где?!) трубки мира»(?). К чему это? Может быть авторы чувствуют себя, как туристы или герои Майн-Рида у индийцев — со скальпами, томагавками и т. п. экзотикой? Кто это? Бригадиры пролетарских писателей или опытные иностранцы на Востоке?

Нельзя обойти молчанием и следующий «перл» сборника. Автор цитирует «галиматью» в 32 строки (стихотворение Заболоцкого), понятно о которой можно получить по нескольким строчкам:

Опоромев от пыли,
Огромный дом, пипия задом,
Летит в пространстве бытия!
А бедный конь руками машет,
Та вытянется или нипи.
То снова восемь нет сапожек
И его блестящем животе!
А там...

Автор очерка не только подтверждает подлинность стихов, но объясняет их так, что «между Заболоцким и антиплемами нет никакой разницы».

Удивительная политическая проникновенность автора, заметившего вопиющие реальности мира у правых оппортунистов и у Заболоцких. Кроме, как мрю выраженным приниципиством, смазывающем правой опасности, никакими загибами нельзя квалифицировать этот оригинальный сальто-мортале автора.

Такая политическая установка является между прочим основной для большей части произведений, напечатанных в сборнике.

Б. Р.

НА ВЫСШУЮ СТУПЕНЬ

ЖУРНАЛ «РАПП» № 1. 1931 г.

Выход в свет теоретического журнала «РАПП» — явление, свидетельствующее о перестройке нашего движения, о подъеме на новую, высшую ступень философско-теоретического обоснования проблем пролетарской литературы.

Теоретический журнал «РАПП» должен обогатить практический опыт литературного движения, стать для него действенным орудием разработки вопросов творческого метода, орудием борьбы с буржуазной литературой, с классово-чуждыми влияниями, с литературным капитулянтством всех мастей и оттенков, орудием большевистской самокритики ошибок в нашем движении, но уже на новой, более высокой основе.

Характерной особенностью материала в журнале «РАПП» является философское обоснование вопросов искусства и литературы. Так, например, т. М. Серебрянский в статье «Враги, анализируя критическую продукцию наиболее изощренного воронщика Д. Горбова, устанавливает кантианский характер его теорий, философски обосновывает творчество рабочих-ударников Е. Михайлова. Однако, статья ее «На первом этапе», к сожалению, не свободна от легковесной игры в термины, в «ученые» словечки, затемняющие анализ конкретной продукции ударников. Вертлая и основном, эта статья т. Михайловой содержит, однако, иногда неправильные формулировки.

Статья т. Разыкенича «Задачи философии и литературоведения» представляет интерес, главным образом, в своей «чисто» философской части, содержащей критику меньшевиствующего идеализма поборницкой школы. Анализ основных вопросов происторической литературы был сделан т. Разыкеничем очень бегло и недостаточно конкретно. Критикуя ошибки товарищей из руководства РАПП, т. Разыкенич, к сожалению, не отметил своих ошибок (защита Переверзева и пр.).

Самокритическая статья т. Лабединского разрабатывает вопрос о сектантстве и процессе творчества мировоззрения и эмоциональности. Содержательная и серьезная статья т. Лебединского, однако, представляла бы неизмеримо больший интерес, если бы автор показал, как отразились на его творчестве некоторые неверные теоретические положения.

Весьма отдаленную связь с самокритикой имеет зато статья т. Гельфанда «О меньшевиствующем идеализме в литературоведении», направленная против книги Беспалова «Проблемы литературной науки». М. Гельфанд совершенно не отметил своих ошибок (а только упомянул, что, мол, ошибки были). Да и в критике Беспалова Гельфанд отметил далеко не все, например, он не коснулся вопроса о теории «борьбы стилей» в беспаловском понимании и совершенно обошел вопрос о творческих взглядах Беспалова.

Редакция журнала «РАПП» напрасно поместила без соответствующих примечаний статью (впрочем, стоило ли ее вообще помещать?) Л. Тимофеева «Классовая борьба и лидерство». Вульгаризаторское изложение литературных вопросов перепевается у Тимофеева с неверными литературно-политическими формулировками. Тимофеев ставит знак равенства между позитивным явлением литератур разных классов, трактует литературоведческое понятие «борьба стилей» в духе Беспалова, сводя к этому понятию классовую борьбу через художественную литературу к «борьбе стилей» и пролезшим таким образом обратно в частный случай. Тимофеев берется утверждать такие, что «до сих пор основное внимание было направлено на материалистическое понимание литературы, на раскрытие ее социальной обусловленности... Разработка... вопросов, связанных с ее (литературы. **Б. Д.**) **активным воздействием на действительность у нас оставалась совершенно в стороне»** (подчеркнуто мною **Б. Д.**). Совершенно наоборот, конечно, Тимофеев отождествляет переверзевщину и рапповскую критику, утверждая, что «у нас» не разрабатывались вопросы активного воздействия литературы на действительность. Нет, конечно, не «у нас», а у Переверзева были они в загоне. Вскрыть Тимофееву считает, повидимому, возможным лишь на перевернутую теорию «вопросы активного воздействия», и все станет хорошо. Тимофеев явно оппортунистически по существу, хотя и весьма лево по форме характеризует состояние идеологического фронта, указывая на то, что здесь будто бы уже «уничтожен разрыв между теорией и жизнью». Анализировать же все ошибки Тимофеева — это задача специальной статьи *.

Исключительный интерес представляет опирающаяся на опыт Германии статья т. Витфогеля «О пролетарской культуре», разрабатывающая вопросы пролетарской культуры в капиталистических странах. Культурному движению пролетариата противостоит механистическое ликвидаторские теории, отрицающие возможность развития и необходимость борьбы за пролетарскую культуру, до захвата власти пролетариатом, или же теории особого, исключительно-отрицательного характера пролетарской культуры, содержащей в себе лишь элементы критики, разрушения и т. п. Здесь еще только начинаются бои за признание пролетарской культуры, и товарищам, работающим в этой области, нужно будет использовать опыт пролетарского литературного движения СССР.

И задачи «РАПП», несомненно, входят работа не только над проблемами пролетарской культуры в странах капитализма, но и национальных культур Союза. Первый номер журнала не дал материала по вопросам культур, но пока это еще нельзя считать упущением. Несомненно, что в связи с реорганизацией журнала в орган ВОАПП эти вопросы должны будут исчерпывающе осветиться.

Необходимо отметить, что № 1 журнала вышел с большим опозданием. Запаздывает и № 2—по вине издательства. Это совершенно недопустимо.

Теоретический орган пролетарского литературного движения заслуживает большого внимания со стороны ГИХЛ.

Б. Д.

* Редакция оставляет за собой право вернуться к критическому разбору статей № 1 РАПП, не получивших в настоящей рецензии своего освещения.

Б. Лапин и З. Хацревин

ЗАМЕТКИ О ТАДЖИКСКОЙ ПЕСНЕ

Опыт комментированного перевода

В экспедиции, весной 1931 года, изучая крестьянское хозяйство Таджикистана, нам случалось встречать неграмотных людей, сочиняющих песни по образцу старинных мастеров. Мы заинтересовались содержанием этих песен.

Этнографические экспедиции с большой тщательностью собирают обрядовые, религиозные и бытовые песни, проходят мимо обширных богатств устной поэзии, возникшей среди крестьянской бедноты, в колхозах, среди учащихся рабочих. Мощное песенное искусство здесь еще не заглохло и живет вдали от печатной литературы.

Мы записали две пересекающиеся линии. Влияние традиционной риторической поэзии бухарских одописцев, сказывающееся в мертвой архитектурности форм, перекликающееся с воздействием новых отношений и политий, создавших революцией.

1

Прежде всего мы столкнулись с рядом песен, относящихся к временам интервенции контрреволюционного басмаческого движения.

ПЕСНЯ О ЯР-СУЛТАН-АЗИМ-ДЖАНЕ

говорит о гибели бандитской шайки, в 1921 году эмигрировавшей в Афганистан. Горным советского Бадахшана обращаются к нему в песне:

Эй убийца героев, Яр-Султан-Азим-Джан,
Больше ты не вернешься в каменный Бадахшан!
Больше не переплывешь ты бурной речной воды,
Где, очутившись на ружья, стонали — я и ты.
Мне говорят — в Кабуле ты стоожишь базар.
Мне говорят — старит Джан-Султан-Азим-Джан.
Двадцать головорезов ходят всюду за тобой —
Двадцать собак, готовых в драку и на разбой.
Слушай, Кабул, и слушай, Яр-Султан-Азим-Джан,
Что говорит вам в песне каменный Бадахшан:
Если вы захотите снова к нам забраться,
Каждый дорожный камень встанет вам на пути,
Каждая ветка хвои вцепится вам в глаза,
Ноги коням стреножит вьющаяся лоза,
Горы подымут плечи, сбросив груды камней,
Из берега навстречу выбудут реки равнин,
Жены взовут от злобы, Яр-Султан-Азим-Джан,
Если ты возвратишься в каменный Бадахшан:
«Здесь тебя ненавидят — руки твои в крови!
«Если ты жив в Кабуле — радуйся и живи!»
Старой свинцовой пылью бой в базарный порог,
Рыхлай вдоль стен, глотая пыль городских дорог,
Жди, когда вестник вскочит на городской мих вал,
С криком: «Волки нелама! Враг побежден и пал».
Жди... Но ты не дождешься, Яр-Султан-Азим-Джан,
Больше ты не вернешься в старый наш Бадахшан,
Больше ты не услышишь крик убитых детей,
Хрип лошадей и быстрый взмах свистящих плетей,
С дальних гор не прорвутся зарезимы врачи,
Подсекающие на скалах, черные басмачи.

2

До революции, батраки, уходившие из таджикских гор на отхожие промыслы в Фергану и Самаркандскую область царского Туркестана, распевали на обратной дороге рубаи—четверостишия. Кончался батрацкий год и начиналася крестьянский. Далеко позади — «дувалы» (стены хозяйских полей).

Далекий Кулаб! Дорожка в далекий Кулаб!
Тебя ли винить мне, что я отец бедин и слаб.
Где мать? Где отец? Где юность моя? Где друг?
В руках чужих мотыга. Я бедин и слаб.

Прощай, мой хлопок, прощай, высокий дувал,
Прощай, хозяин, довольно я здесь горевал!
Я вышел в горы. Кругом вода и туман.
Пройдем перевал, друзья... Еще перевал.

Осенью 1930 г. рабочие, возвращаясь с дождливых сезонных полей, так же шли песни, останавливаясь в красных чайханах. Они видели Сталинабад, бывший хищак Душанбе, и новую железную дорогу, проложенную по караванному грунту.

ЗАПЕВКА.

И Самарканд, и Кандагар — я видел,
И жар пустыни и базар — я видел,
И треть Мухаммедова мира — видел,
И снег высокого Памира — видел.
Копил казанки и пестрые кушмины,
На спину гор я втаскивал курджины.
Но никогда такого чуда я не видел,
Как Душанбинская железная дорога.

3

В Дарвазе, где дороги ужасны и богатство крестьян измеряется количеством туловых деревьев, нам удалось увидеть популярного Мунавар-Шо из Умарка, секретаря Кала-и-Хумбского волостного совета. Он сочиняет революционные стихи и притчи. Воспитанный на феодальном Сладе, он восхищался ими и всеми силами старался его влияния. За деятельностью расстояния ему почти не приходится печататься. Его произведения распространяются в списках.

ИСТОРИЯ МОЕГО СЕРДЦА

«Моя была палкиным. Меня сажала в ямы. Мне не давали есть двадцать четыре дня. Но буря моего сердца нельзя было остановить. Я плакал кровавыми слезами. Пристава эмира смотрели мне в глаза. Я им нел.
Вы думаете, вы убили меня?
Дураные, я умел злобу судей.
Грабьте дом бедняков, жрите их хлеб,
Будет день — из дворцов выбьет вас месть.
Как сколы ячменя плящущий цеп.
В мою деревню приходили солдаты.
Они искали сеятелей революционной смуты. Они казнили моего отца у ворот соборной мечети.
Выходи на холмы мятежей, конь.
Погляди! Все вокруг — дым и огонь.
Как табун жеребцов, мчатся часы.
Пронеслись — и пуста степи падень.
О, к чему вспоминать это прошлое.
Голодное и кнутовое время наших властителей. Скверные годы паших собак.
Мое сердце говорит о новом —
О, таджикская земля! Время для тебя пришло!
Миновал жестокий век, время для тебя пришло!
Плуг, взрывающий поля, время для тебя пришло!
О советский человек, время для тебя пришло!

Этот же Мунавар-Шо послал в таджикскую газету стихотворение, в котором он пересматривает прежнюю неправую таджикской судьбы, от муллы в «кагарфы-мечты».

КЕМ БЫ Я ХОТЕЛ СТАТЬ

Не муллой и не купцом я хотел бы стать,
Не дервишским слепцом я хотел бы стать,
И не сыном богача, разодетым в шелк,
С наружанейным лицом — я хотел бы стать.
Не владельцем переправ я хотел бы стать,
И не жирным, как сарраф, я хотел бы стать,
И не пекарем старух с киной и сурьмой,
Как базарный чистопрял, я хотел бы стать.
Агрономом и врачом я хотел бы стать,
Деревенским избачом я хотел бы стать,
Там, что зарост старый мир словом Ильича,
Как крестьянин омачом, я хотел бы стать,
И народным комиссаром я хотел бы стать.

4

Огромный и петрокрытый материал мы нашли в колхозах. Баба-зада, секретарь самаркандской районгазеты «Ханкиган Узбекистана», изучающейся на таджикском языке, достал нам список некоторых из этих песен, распевемых во время уборочной кампании с протяжным припевом «долай» и «хай-хон».

Идем, идем, в поход за хлопок, братцы,
Братцы, эй додай!
Хозяйство наше станет расширяться,
Вай додай.
Вай-джон.
Мулло и бай нецуда деваться, эй додай-джон!
Смотри, колхозы расцвели в пустыне,
В пустыне, эй додай!
Там, где их прежде не было в помине,
Вай додай вай!
Есть чему дивиться, дорогая!

5

Мы сидели в редакции газеты «Пролетарий Худжанда». В окно открывался кусок улицы, окаченной апрельской зеленью. Нас познакомили с тов. Шарафовым. Шесть лет назад он пришел на гор в виде стихотворение, написанное в подражание первым бухарским одам революции. Его перечитали.

На полях уходят тени — как мне не воспеть тебя!
Из-за гор выходит солнце — как мне не воспеть тебя!
Как светильник, озаривший в яме дней глухую тьму,
Революция восходит — как мне не воспеть тебя!
О сияющий, как солнце, ясный взвод рабочих масс,
Точно так и ты восходишь — как мне не воспеть тебя.
И навек уходит тени рабства и ужасный тьмы
Из печалей и селений. Как мне не воспеть тебя!

Страны менялась. Он менялся вместе с ней. Туманное и расплывчатое представление о сегодняшнем мире исподволь заменялось конкретным и уплотненным ощущением жизни. В его стихах реже встречаются бездушные метафоры, заимствованные из болтливых бухарских од. Я ни могу но дышать свободней и жарче. Если я вижу разрытой сухую равнину, Если вода идет по хлопковой пашне, Если я вижу окончанную плотину.

Всем, кто со мной стремится к новой жизни,
Радуюсь, как отец родимому сыну,
Как мне не крикнуть: «здравствуй, новое племя!»
Если мой сын ведет по полю машину
Если я вижу, как плуг подымает землю,
Как не сказать мне: «спаба труду — непокину!»
Если грозит мне: «старое снова вернется» —
Я упаду на землю и в страхе застыну.
Дай мне винтовку, товарищ, дай мне патроны,
В бой пойду и советской страны не покину!

6

Из той грязи, которая отделяет поэзию устную, расчленяемую на хлопковых полях, от таджикской печатной поэзии, мы находим ряд произведений, отличающихся часто высокими достоинствами. Мы перезли из них две песни. Одна из них говорит о зарубежном Востоке, о персидской нефти, о колониальной революции. Автор ее — сельский учитель.

Абадан — город в Южной Персии. Кишлаки и луры — племена. Ахлаури — женский терем. Это мало знакомо нам, но понятно таджикам.

ВОЖДЬ ГОВОРИТ.

— О вы, кто сыты и богаты,— он говорит,—
Бросайте кольца и халаты — ваш дом горит!
В огне времен, как луч и хворост ваш дом горит!
На трубном языке расплаты он говорит.
Где пыль и полночь Абадана, где нефть и ил,
Из степеющегося тумана он говорит:
— Пора! Танцуют в ночь зарницы последних бит!
Тартальщикам зеленоликим он говорит,
— Пора, пора, друзья, мы с вами — труба трубит!
Над выжженными промыслами он говорит.
Ружьем, ножом и смертной дрожью он говорит.
Над голодом и бездорожьем он говорит.
— На бой колонны повзду я, под стон тамбур,—
И мчат, пустыним салютуя, нашгай и пур.
Среди атар таженорунных он говорит.
В дворах, в мечетях, в хидаруиах он говорит.
Сквозь дождь, сквозь крупный пед и пашень он говорит,
С бомбейскими бунтовщиками он говорит.
Под солнцем блеск, под звезд марцовье он говорит,
На трубном языке восстанья он говорит.

К этому же ряду относится стихотворение.

ДВА ПОХОДА.

Мы идем в поход! Мы идем в поход на чадру и на паранджу.
Мы идем за свободу твою, Востон, к отдаленному рубежу.
Мы идем за свободу своих сестер и за жизнь своих дочерей,
А они... Чего хотят они? Я на правду их погляжу.
А они идут до края земли — гордо поднят английский флаг.
А они убивают братьев моих — кровью залит каждый их шаг.
А они пасекают хитрых царьков и гнетут покорных их слуг,
И всякий, кто смотрит им прямо в глаза, для них беспощадный враг.
Мы идем в поход за вольность твою, о Китай и Индостан!
А для них Индостан и Китай нужны, как для псова жирный баран.
Здесь у нас не найдет себе места жить ни эмир, ни шейх и ни злых,
Нам не надо бога и слуг его из своих и из дальних стран.
Там, у них, навален на горб бедняка груз несносных тягот земных,
И ужасен плач голодных детей в домах индийских крестьян.
Мы хотим открыть для народов земли по-новому яркий мир,—
Вы хотите снова нас опрячь в ярмо, в богач, о шейх, о эмир!
Мы рвем уголь, плавим чугун, пьем сталь, собираем станки,
А вы нам готовите ржавчий обод из орудий, бомб и мортир.

Пред тобою открыты два пути — впередди ты видишь зарю.
Посмотри, где добро, посмотри, где зло и борись — так я говорю.

На этом мы кончаем заметки об устной таджикской поэзии. Здесь начинается новая тема — тема молодой пролетарской поэзии Таджикистана.

в течение года печать и пролетарская общественность сигнализируют о неблагополучии на тверской, 17
руководство радиоуправления ни словом не ответило на эти сигналы
художественное вещание проникнуто халтурой, формализмом, приспособленчеством

МЫ ТРЕБУЕМ *реконструкции радиоработы*

за большевистское радиоискусство

о темпах, паузах и прочем

оппортунизм, беспринципность и зажим самокритики в радиовещании

письмо в редакцию «Литгазеты»

О марте 1930 года по инициативе руководства РАПП начаты были серьезная работа по систематическому рационализированию и улучшению литературно-художественного вещания. Эта работа была поручена мне.

Как ознакомились и принялись практически и творчески установки рационализаторского коллектива по всей системе радиовещания, каковы итоги первого этапа работы?

В декабрьском АРФ в мае 1929 года положение формулировано было так:

«Современное состояние радиовещания далеко не соответствует требованиям реконструктивного периода, остаются, по-прежнему, серьезные халтура, верхоглядство, верхушечное руководство радиоработой со стороны руководящих секторов, организующие вещание радиоработников и общественности. Творческие методы в радиовещании слабы и не имеют достаточной целеустремленности, политической и классовой направленности».

В июне 1930 года на всесоюзной конференции радиоработников по моему докладу о радиовещании, на основе первого опыта работы АРФ и литературно-художественного вещания, была принята резолюция, требующая перестройки всего художественного радиовещания на основе борьбы за создание оперного радиоискусства. Эта резолюция была утверждена и бюро Всесоюзного радиокомитета, стала обязательной директивой для всего радиовещания.

По практической работе на перестройку развернулась только по линии литературно-художественных передач, встретив немало сопротивления оппортунистов и бюрократов радиоаппарата, было принято решение, требующее перестройки всего художественного радиовещания на основе борьбы за создание оперного радиоискусства. Это решение было утверждено и бюро Всесоюзного радиокомитета, стало обязательной директивой для всего радиовещания.

По практической работе на перестройку развернулась только по линии литературно-художественных передач, встретив немало сопротивления оппортунистов и бюрократов радиоаппарата, было принято решение, требующее перестройки всего художественного радиовещания на основе борьбы за создание оперного радиоискусства. Это решение было утверждено и бюро Всесоюзного радиокомитета, стало обязательной директивой для всего радиовещания.

Что изменилось в художественном радиовещании за этот период? Что сделано для перестройки его на основе борьбы за оперное радиоискусство? Что сделано для борьбы с оппортунизмом, зажимом самокритики, с халтурой и верхоглядством?

Ничего радикального в большинстве направлений. Хаос в работе, громадное количество организаций и бесконтрольность их передач, атмосфера подхалимажа, угодничества, обезлички в работе и пр., и пр.— в полном расцвете. Мешая спорить и бояться из принципиальным вопросам у руководства радиоуправлением, много выражения, страница, зажимая самокритику и административно расправляя критикующих, разводя склоку, они же прикрываются теми же принципами, что-то «администрируют», ведут беспринципную борьбу и пр.

Четвертый месяц радиовещание идет без сетки и плана, к вопросам хозяйчета, к проводке радиовещания рукою еще не прикасался, задачи дальнейшей реконструкции политического и художественного радиовещания извращены.

Буквально каждый день дорог, надо покончить с таким положением. Сейчас совершенно необходимо, чтобы кроме партийных организаций вопросами радио занялись широкая пролетарская и литературная общественность.

И. ЗАЛКИНД.

политическое радиовещание и „актуальные" передачи

В политическом радиовещании последнее время преобладает течение, которое ведет активную борьбу за «массовые формы» политического радиовещания, как основные.

Это правление, которое показывали вновь приходящие к радио работники, с хорошим опытом печатных (газет, эта лавина борьбы за массовые формы политического вещания страдает, однако, целым рядом дефектов и искривлений.

Основное заключается в том, что нельзя, развивая «массовые формы» вещания, противопоставлять их «студийному». Работники же политвещания, увлекаясь «массовыми формами» радиовещания, поставили их в известной степени как почти единственную форму вещания. Дело дошло до того, что некоторые «теоретики» массовых форм» вещания заявили, что вообще «дорога в студию затоптана».

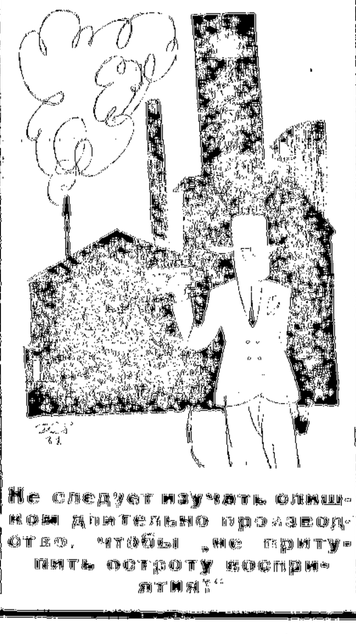
Главное внимание надо уделить вопросам оперативности и организаторской роли политического вещания в целом, сверху донизу, а не в одной Москве, и ежедневно, а не от одного удачного «массового мероприятия» к другому.

«Актуальные» передачи — есть, но существуют, увы! политического радиовещания. Если мы можем говорить о радиостатях, что, несмотря на ошибки, их работа может итти вперед и несомненно быстрым темпом, то этого никак нельзя сказать об «актуальных» передачах.

Что ставит себе целью «актуальное» радиовещание, если судить по документам, опубликованным его работниками?

Товарищ Степной, руководитель «актуальных» передач, пишет, что нужно сдумчиво поставить в положение непосредственного свидетеля событий. Радиорепортер «это не просто докладчик, а «создатель» особого вида ораторского искусства, он должен рассказать о происходящем и рассказать «художественно». Как же это он должен делать?

От него требуется не просто рассказать о событии, от него требуется «художественность», искусство, а это, по Степному, заключается в «темах, паузах, высших точках, акцентах» события. Уметь воплощать свое впечатление в художественный образ очерчастся не требуется, и даже наоборот, создается ряд предпосылок, не допускающих этого.



Не следует изучать слишком длительно произволство, чтобы „не притупить остроту восприятия"

Осенней, обсуждая передачу с Днепростроя, говорит, что передача должна быть «подлинным отражением натуры». Но один кадр не будет воспринимать, не будет ничего «типичного», т.-е. товарищ, который будет рассказывать, даже в том случае, если он за полчаса придумал что-нибудь хорошее, не должен перед передачей этого записывать. Только импровизации, импровизации и т. п.

Это неверное положение придумано словно нарочно, чтобы все свести к фотографии.

Врачем бедняга-очеркист предупреждается, что он не должен изучать слишком длительно производство, чтобы «не притупить остроту восприятия».

Этот молодой, еще не сложившийся вид радиовещания «болен» чрезвычайно опасными тенденциями дефовщины и в теперешнем своем виде во многом механически переносит опыт буржуазного актуального радиовещания в советские условия.

(Напр., передача момента выборжения с места «события» подавалась, как сенсация, рассчитанная на обывательское внимание, вплоть до погони малоромотного репортера с микрофоном за «врагом» крыльев пролетарской чайки).

Мы думаем, что «актуальные» передачи должны быть не только вершиной по быстроте политической информацией, организующей массу, показывающей те или иные события так, чтобы этот показ события организовывал массу, но и самим, выполняя задачу коллективного организатора социалистического соревнования и ударничества, организовывать события, вызывать их, инициировать инициативу масс, мобилизовать ее.

«Массовые формы» радиозлетного вещания включают в себя таким образом и так называемое «актуальное» вещание, а «актуальное» вещание в его «чистом» виде, в той части, где оно строится, как политическое вещание, должно реконструироваться в плане «массовых форм», следовательно и самый термин: «актуальное» вещание, механически вместе с формой взятый из буржуазного опыта, должен быть пересмотрен.

Радиофронтовик.

„наша эпоха не концертная, а оперная"

против либерализма в музыкальном радиовещании

Беспринципность и эклектизм в построении программ музыкального вещания, низкое качество и «оперный» стиль исполнения, частая повторяемость одних и тех же произведений, приспособленческие пояснения — факты общепризнанные. Откровенно реакционная линия и практика музыкальной работы радиоуправления сочетаются с полным отсутствием массовой работы, чрезвычайно слабой, а зачастую и принципиально неверной постановкой музыкального воспитания радиослушателей и отсутствием привлечения к микрофону самодеятельного рабочего музыкального движения.

Оперный участок, руководимый небезызвестным Лонцановым, еще более реакционен. В оперном вещании прочно позиции занял воинствующий мелкобуржуазный либерализм: эклектичность тематики, произвольное мелодических форм, как единственно «социалистской установки» в оперном вещании, явно реакционные авторские и исполнительские кадры.

Самые постановки оперной группы, стоящие на уровне провинциальной халтуры, протискивают на радио худшие традиции оперной театральщины и целиком ориентированы на зрителя — мецената, составляющего основную массу посетителей радиотеатра. Лозунг руководителей оперного вещания — «наша эпоха не концертная, а оперная» (буквально!) не нуждается в комментариях.

Такое состояние нельзя объяснять объективными трудностями музыкальной работы. Причина лежит здесь в активном сопротивлении руководства радиоуправления пролетарскому музыкальному движению. Отсутствие работников Ассоциации пролетарских музыкантов в музыкальной редакции центрального вещания — лишь частный пример изоляции этой линии. Бывший руководитель сектора искусств радиоуправления **М. Легинов** рассматривал ожесточенную классовую борьбу на музыкальном фронте, как схлачку борьбы группировок на почве конкуренции.

С другой стороны, в музыкальном вещании нет даже малейших попыток освоить радио, поставить вопросы радиоискусства в музыкальном вещании.

Неоднократное снятие редактором журнала «Говорит Москва» Н. И. Смирновым критических материалов единомышленников, протестовавших против возмутительного качества исполнения их произведений, отказ руководства радиоуправления привлечь на руководящую работу товарища, выделенного правлением ВАПМ, и многое другое является показателем реакционности линии и практики руководства радиоуправления в вопросах музыкального радиовещания.

Нужно заставить радиоуправление повернуть музыкальное вещание к задачам социалистического строительства, нужно до конца разоблачить реакцию и воинствующий мелкобуржуазный либерализм в музыкальном радиовещании!

ПЕРЕЛЬМАН

МИХ. ЛЕВИДОВ

Трибуна творческой дискуссии

солнце и букашки

...Мама, дай солнце!
Вопрос об использовании солнечной энергии надо решить, и он будет решен!

песни — „приведения"
академик иоффе

Пятьдесят лет назад норвежский драматург, могучий и духовный, Генрих Ибсен, защитник буржуазного общества, ставший этого общества судьею, ненавидевший современный ему духовный строй в той же степени и мере, в какой не мог он осмыслить современный ему экономический строй, писатель обдуманной и хладнокровной ярости, бросавший в лицо своей современности мучительные и головоружительные загадки, но бросавший лишь для того, чтоб на эти загадки не ответить,—пятьдесят лет назад Генрик Ибсен написал свою знаменитую драму «Привидения». Это пьеса распада, гниения, смерти и мрака, и великолепный изверг изучит ее великолепный финал: «мама... дай солнце!..» — летит жалостно заживо разлагающейся Освальд Альвинг.

Да, действительно, — дай солнце! Лишь дегенерат, для которого жизнь—ежедневный и непонятный сумрак, может, так казалось Ибсену, тянуться за солнцем. Но если б и дотянулся,—они ведь дотянулись, герои Ибсена,—то ж из этого Альмиру Эдгалю, строителю Солнцеграда, Джон-Габриэль Боркману—зачем им солнце? Для экономиста солнце — это всегда то, это только то, что он хочет, что он должен экономить своей сметой.

*

В конце 19, в начале 20 веков, когда уходит капиталистический мир в последнюю фазу своего бытия, к катастрофе ведущую,—европейский мелкий буржуа, интеллигент, бунтующий одиночка делает последнюю отчаянную и героическую попытку проломить стены своей тюрьмы. В трагикомической эпопее борьбы мелкого буржуа с породившим его строем частной собственности и индивидуалистического мышления — зрелищу этой попытки—самые волнующие и прекрасные: на страницах этих имена Ницше, Франса, Роллана, Шоу, Уэллса. И Уэллса. Уэллса, ступенчатая цель всей жизненной работы которого была: не позволить себе стать скептиком и пессимистом.

Он таковым и не стал. Уэллсу казалось,—кажется ли теперь?—что он верно поняв основную линию путей человечества. Эволюция человеческих взаимоотношений, благодаря революционизирующему влиянию науки,— вот в последнем счете основная формула мысли и творчества Уэллса, вот спасительная формула, вносящая смысл и целеустремленность в мировощущение мелкого буржуа, страхующая его от пессимистического отчаяния, от анархического бунта. И не по-ибсеновски, а по-уэллсовски тянется герой Уэллса, всегда один и тот же герой, герой революционной и одиночество своем мысли—за наукой, за солнцем.

«...Он сидел, худой и длинный,—рассказывает Уэллс в одном из романов своих об этом герое,— на бугре, где-то на окраине Лондона. Его рыжие волосы развевались на ветру, он сидел, свои острые колени худыми руками и вперся настойчивый взгляд в закат. — Погоди, рыжий дьявол, — шептал он солнцу, — мы доберемся до тебя!» (Г. Уэллс «Освобожденный мир»).

Он сделался великим ученым, этот юноша, т.-е. с точки зрения Уэллса, — великим революционером. Он боролся за освобождение мира вместе с другими, такими же, как он, учеными, мыслителями, философами, историками, то-есть интеллигентами, одиночками, героями, которые и призваны завоевать солнце, совершить революцию, исправить человеческие взаимоотношения, освобождать мир в помощью единственного оружия, достойного человека-героя: оружия мысли, науки.

Такова концепция научно-утопических и социально-утопических романов Уэллса. Нам ли сейчас обсуждать эту концепцию.

Нет, конечно. Ранее только еще раз прочесть и продумать эту замечательную главу в замечательной, хотя еще и неизданной, книге: «История Величия и Падения Мелкого Буржуа», главу, первый абзац которой—«республика мудрых» Платона и заключительный аккорд которой—«власть научно-технической интеллигенции» в концепции Леонида Рамзина? Зиновер и технологическом институте: как должны отнестись к нему усиленные завоеватели солнца? Великолепная формула: завоевание солнца—дело «аристократа духа», и переноси на язык социальной реальности—и сама история с могучей и неумолой своею логикой совершает этот перенос—звучит совсем не плохо-ладно, звучит: заказов в технологическом институте. Платон... Мудрец, философ, аристократ духа,—очень хорошо! Но тот, кто хочет быть Платоном сейчас, с неизбежностью, трагической для него, трагикомической для нас, становится Леонидом Рамзиным. Рамзиным,—а это значит, в конечном счете, Освальдом Альвингом в социальном разрезе, несущим в себе проклятие отмирающей эпохи, сифилитическую язву строя частной собственности.

Понимает это как-будто и Уэллс. Говорит, что производит он «переоценку всех ценностей», что внимательно следит он за «русским путем». Возможно. Возможно, что раскающегося он в печальной своей фразаде о «Маркее, которого нужно побрить». Но если Уэллс откажется от парикмахерских тенденций по отношению к Марксу, если он преодолеет не только крупные ошибки, но и мелкие нелепости, если он захочет пересмотреть проблему о завоевателях солнца, о взаимоотношениях революции с наукой, то не сможет он не вспомнить слова Лассаля, семидесятилетней почти давности слова:

«Среди всеобщего упадка, охватившего... все стороны европейской жизни... только два элемента оставались великими, свежими и способными к развитию. Эти два элемента — наука и работники (курсив Лассаля). Только соединение их может ознаменовать новую жизненную эпоху европейского общества».

И вот теперь, когда союз науки и труда — это факт социальной реальности и нашей страны, теперь, когда реален социализм, теперь, — свидетельствует академик Иоффе, — в плане социального реализма научно-революционная концепция завоевания солнца. «Солнце, которое в течение тысячелетий было прелатием пустыни, выжигая все ростки жизни, сделается со благословением» — пишет Иоффе. До «рыжего дьявола» мы, наконец, добрались, правда, не тем путем, как думал Уэллс. Добираемся лишь потому, говорит тотже Иоффе, что революция в науке, революция техническая «могла притти только вместе с социальной революцией», и прибавим: подчинившись ведомым социальной революции.

*

В проблеме освоения солнца слово не только за учеными, не только за социологами и экономистами. Могучая, величайшая на сегодняшний день в цикле человеческих идей,—идея о планировании науки должна найти свое адекватное отображение в художественном творчестве нашей эпохи.

Научная или первой научно-утопической беллетристика и забыли о рангах западно-европейской и американской литературу помещается посредине между романом детективным и романом проблемным. В каталоге спекулянтов при фабрике типа научно-утопической беллетристики уделено не так много места: стандарты не ограничены, но прекрасно зато разработаны, с максимальным учетом вкусов мясного заказчика. Ученый — аморальное существо, «авантюрист», и его открытие или изобретение гибельно для человечества; но ему на человечество, видите ли, наплевать, он в своей безумной горячке ставит себя выше человеческих законов, ну и в итоге—гибнет сам от собственного открытия, или от чего-либо другого: стандарт номер первый, высоко-драматический. Ученый, вообще говоря, чудак, и изобретение его чудовищное, но помимо него самого что-то хорошее из изобретения выходит и для него, и для ближних родственников: стандарт номер второй, с уклоном в юмор. Ученый — бедняк и благодетель рода человеческого, но у него могучие враги, какой-нибудь ущемленный капиталист, но в дело вмешивается другой добродетельный капиталист и прочая лимфа: стандарт номер третий. «социально-обличительный». Есть еще стандарты—откровенно-детективный, сентиментально-бытовой, высоко-патриотической, либерально-пацифистский, есть известные комбинации этих стандартов, и вариации этих комбинаций, есть по всех стандартах, комбинациях и вариациях очень много прекрасных девушек, есть все, что полагается во всех стандартах, чтоб они заняли видное место на рынке чтива, есть все, что полагается во всех стандартах, чтоб обеспечить прочную ненависть к ним каждого, кто уважает науку и любит литературу. Ничуть с детективным романом «научно-утопический» роман — это определенная область вырождения литературы эпохи заката капитализма.

В вопросе об этом литературном жанре не может быть, поэтому, никаких толков об «использовании наследства прошлого». Наряду с историческим романом, детективным романом, по в степени гораздо большей,—жанр «научно-утопического романа»—это отхожая яма литературы буржуазной эпохи, и эту яму нужно засыпать землею, выжечь дотла, место огородить и воду пускать — не на фундаменте прошлого, а на основании прогноза будущего, возникшего в результате анализа настоящего, победоносный класс воздвигает здесь здание научно-художественного романа.

*

Но откуда взялись в этом огороженном месте букашки? Крохотные, но симпатичные букашки янтарного цвета не имени «ирток»?

«Оставалось самое трудное — отыскать возбудителя жизни. Надо было найти ту силлу жизни, тот точок, который разбудил бы букашек, сообщил бы трупам движение, действенность. Пробуждающийся инстинкт жизни сделал бы свое дело...»

Остаемся с стороне вопрос о вульгарном витализме автора этих строк («возбудитель жизни»). Оставим без внимания и его могучий научно-художественный язык («силы жизни», «действенность»). Но не оставим без ответа этот мучительный вопрос—что же случилось с букашками «иртек»?

Ну, естественно, и соответственно всем классическим стандартам, раз «самое трудное», то на этой же странице, десятью строчками ниже—самое трудное решено: «...и полетели». Это букашки «иртек» полетели. Это ее ожили на странице 109 романа—«научно-фантастического романа», * как любезно сказано на обложке «Погибшая страна», Берсенова,—советский ученый Ибрагимов, который тут же констатирует: «Да здравствует знание!».

Да что букашки! Букашки—тьфу! Столько на роман писать ради букашек! Юный Ибрагимов после букашек оживил некую красотку, которая тридцать тысяч лет покоилась в нишном сфиофаге на дне океана и мумифицированном состоянии, оживил красотку Гонду из страны Гондвана, ради которой—и красоткой и страной—совокупились бурные воды Индийского океана тридцать тысяч лет назад!

«Вдруг Гонда потянулась всем телом, ее руки, ноги, грудь, шея, все тело, которое было таким прекрасным, стало вдруг неуклюжим, отвратительным. Ее лицо исказилось, стало старым, безобразным. Прекрасное тело Гонды, которое было создано для любви, для материнства, для счастья, стало вдруг ненужным, отвратительным. Гонда была старухой. Ее молодость, ее красота, ее любовь, ее счастье — все это было давно, давно, тысячи лет назад. Теперь это была старая, безобразная женщина, которая не могла ни любить, ни быть любимой, ни иметь детей

казахстанской ассоциации нужна срочная помощь

До сих пор никакой серьезной воспитательной работы с молодняком в Казахстанской АПП не велось.

Группа литературно-комсомольцев — журналисты и учащиеся литфака Казахского педагогического института — тщетно пытается создать в ассоциации творческую атмосферу. Руководство КазАПП всячески саботирует эти попытки.

Большинство членов АПП совершенно **дезориентировано в вопросах литературной политики**; многие не знают, что такое «Лефронт», не имеют точного представления о перестройке. Низкий теоретический уровень также отражается, конечно, и на качестве продукции.

Орган КазАПП «Жана Адибет» («Новая литература») не сумел мобилизовать внимание работников литературы на боевых проблемах марксистского искусствознания.

Крупнейшим пробелом в работе ассоциации является **полное игнорирование призыва ударников в литературу.** Практически индивидуальное строительство, обслуживающее быстрый рост пролетарских кадров (Бараташвили, Кауперт, Рыдер и мн. друг.) не вызвало никакой заботливой реакции о необходимости этого мероприятия.

Беллетризированные рабочие литкружки, существующие при некоторых отделениях ассоциации, руководствуются, работающие в полном отрыве друг от друга без какого бы то ни было обмена опытом, в большинстве влачат жалкое существование. В последнее время призыв ударников в литературу получил как-будто и в планах Казсовпрофа, но дальше отпечатанных на машинке резолюций дело пока не двинуто.

Весь отклик на посевную кампанию выразился в посылке печатных телеграмм в районы, притом таких, которые все равно послали бы в порядке партийной и газетной работы.

Литература Казахстана почти неизвестна русскому читателю. Точно так же, при слабом знакомстве с русским языком, значительная часть казахской молодежи не в курсе русской, украинской, белорусской литературы. **Дело переводов до сих пор совершенно не налажено;** а здесь КазАПП не смогла развить свою инициативу, найти и мобилизовать нужные силы. Это особенно сказалось во время суда.

Мы предлагаем послать от секретариата РАПП в Алма-Ата специальную бригаду для оказания товарищеской помощи пролетарской литературе Казахстана и ее организационной и творческой перестройке.

А. НОЗОГРУДСКИЙ

надо упорно учиться военному делу

«Комсомольская правда» литературную страницу 2 июня выкупила под лозунгом — «Наш рифм. оружие крепко» — «в службе обороны СССР», посвятив ее празднику Красной армии. Факт этот следует всячески приветствовать. Но, к сожалению, приходится констатировать, что намеченное хорошего начинания не вполне удовлетворительно.

Уланы стихи. «Наш рифм» оказались достаточно вооружены. Но в туры мы должны указать т. Обеседову, автору торжественной поэмы «Командиры запаса», что командир

«...товарищ — уже поседелый,
уже изучивший
военное дело,
с БУДЕННЫМ
АТАКОВАВШИЙ ВАРШАВУ».

(подчеркнуто мною). — С. Р.), что этот командир, по вине автора, выступает здесь в роли барона Мюнхгаузена. Буденный никогда не атаковал Варшавы и даже не подходил к ней.

Много худо обстоит дело с «оружием прозы». Большая (по объему) часть помещенного в «странно» материала только подтверждает, что язык и существо вооруженных сил СССР и некоторыми писателями еще не освоены.

На будем останавливаться в литературную оценку произведений, отметим только вопиющие грамматические неграмотности. В номере два прозаических произведения: очерк Леонида Рахмилевича — «Грозная неделя» и зарисовка Бежецкого «В лагерях».

В чем основная языково-стилистическая ошибка «Грозной недели»? В том, что из-под пера автора совершенно сбежал **командир.** А по плане своего рода «Записки командира» — должен был бы присутствовать. Вместо командира — «комиссар», ротные агитаторы, «комиссар отдал распоряжение», «комиссар отдал распоряжение тревога», «комиссара убил»... должны сидеть командира и т. д. Очень хорошо, что комиссар заботится. Для произведения, посвященного гражданской войне, забыть комиссара — значит не понять одной из важнейших особенностей и черт Красной армии того периода. Но то же самое следует сказать и о прочитании произведения, посвященного мирному периоду и забывающего про командира. Автору следовало бы знать, что большая часть командиров, что них-либо, помощь командиров, воспитание авторитета командира, воспитание в командире волевых качеств — сейчас одна из важнейших задач политической, а в том числе и литературно-политической работ.

Зарисовка «В лагерях» — еще слабее. В ней описываются впечатления красноармейца Шумилина о жизни и учебе в лагерях. Скажем прямо — нежирной, и картинки взяты этим красноармейцем Шумилиным. Он и хороший стрелок, он и футболист отличный, он и в экзамене был только один-единственный раз, он и в военную школу собирается, он и Климом Ворошиловым хочет быть (он так и подписывается: «кр-ц, будущий Клим Ворошилов, Андрей Иванович Шумилин»), он, конечно, колхозник и заботится о колхозе, он коммунист или комсомолец, идет проект ячейке и обязательно будет работать по коллективизации в деревне и даже «спит он всегда без сна». Нет слов. В Красной армии не мало таких и даже лучших красноармейцев, но красноармеец Шумилин — все же — балагашный, «сборный» тип красноармейца.

Расчет военной грамотности автора также не очень сален, но смел и самоуверен. Вот как описывает он военное учение. Тема — оборона.

«Полки заняли места. Шумилин — на правом фланге обороны. Дальше — красноармейцы». Здесь что ни слово, то перл. Полками автор управляет, как отделениями. Ему, видимо, невдомек, что район батальона в обороне — до 2 км в ширину, а полк — занимает километры. «Полки заняли места» — звучит так, как будто речь идет о... трамвае или театре. Вошел и занял место. Рейет ухо военное и такая фраза: «Дальше — красноармейцы». — Где дальше? А ближе кто? И где это «дальше» — сзади, справа? Или слева — то как же сам Шумилин на правом фланге? Получается нечто вроде разрезной клюквы.

А вот, как описывается бой. На обороняющихся идет друг в атаку танки. Кто? Конечно, «лихие и хромые», «чудовищные, недоворотливые и страшные животные». Одним словом, какие, предназначенные для... прорыва долговременных укреплений. «Танки медленно проходят. Их коленчатые отделения, струдом переваливаясь, ползли под брюхо. Грозные дула смотрели в бойницы. В бреве стремились сойти... За танками, будто с трудом удерживаемыми на веду слишком тяжелые весы, показались не поворотливые ежемесячные «наши» враги. Когда читаешь об этих тяжелых танках, то создается впечатление, что опасность грозит обороняющимся. Шумилин. Но, конечно, это не так. Автор подчеркивает, что опасность-то грозит вовсе не врагу. Почему? Сейчас узнаем. Перечитаем только о обороняющимся. Здесь как в хорошем фильме.

«А в это время» — командир закричал: — «В штыки! Ура!» — Общее мышное «ура» вдохновило командира и воинов. Широкое облако пыли скутало бойцов. Развернувшаяся, наконец, пружина стремительно несла Шумилина на вышеупомянутое (ну, конечно!) долговременное сооружение и вступила в рукопашную с танками».

Так. Безусловно, благодаря силу, что нам не пришлось быть среди обороняющихся! Уверяю вас, что вы или бы бы раздавлены танками, или же расстреляны и снизу собственными пулеметами, стрелявшими по противнику, которого вы атаковали.

*

Общий вывод: надо упорно учиться военному делу.

С. РАБИНОВИЧ

реализуем заем „третьего, решающего"

литературная москва дала 103.000

С 29 июня по 3 июля включительно СОВЕТСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ, около местком писателей и Всеросскомдрам собрал по подписке на заем СВЕРХ ВЫПОЛНЕННОГО ВСТРЕЧНОГО ПЛАНА 3.000 РУБ. Всего на 3 июля подписались по займу, ВЫДВИНУТОГО ПИСАТЕЛЬ- на заем «Третьего, решающего» 643 писателей на общую сумму в 103.000 РУБЛЕЙ.

писатели ленинграда продолжают отставать

Ленинград, 1. (Нашк. корр.). Подписка на заем «Третьего, решающего года» по комсоду ЛО ФОСП достигла 17.620 р. По отношению к контрольной цифре писательского комсода — 15.000 р. — задание как будто перевыполнено. На самом же деле **достигнутые результаты едва ли можно считать победой.** Всего по ЛО ФОСП охвачено подпиской... 405 чел. Работники комсода мотивируют малочисленность подписавшихся тем, что многие писатели подписались в издательствах, по месту службы и т. д.

Комсоду приходится работать кустарно, почти без помощи литературной общественности. Например, ЛАПП, бросив лозунг — «не ниже месячного заработка писатели на заем», — никаких мер для учета хода подписки среди продемократической не принял; ЛО РОПКИ, обещавшее увеличить свою контрольную цифру с 25.000 р. до 50.000 р. довело подписку лишь до **трех с лишним тысяч.**

оздоровить работу литфонда

Секретариат ФОСП заслушал выводы комиссии ФОСП, обследовавшей финансовую деятельность Литфонда РСФСР. Выводы комиссии ФОСП сходятся с фактами, положенными в статье о Литфонде, напечатанными в настоящем номере «Литгазеты».

Председатель правления Литфонда Мих. Алексеев выразил опротестовать всю «замышленную» комиссии ФОСП, обследовавшей работу Литфонда, квалифицируя выводы комиссии, как клеветнические. Вместо того чтобы стать на путь действительной «самокритики и анализа допущенных ошибок в работе Литфонда, Мих. Алексеев безусловно пытался свести все дело к «сторочкам» «безупречных» работников Литфонда «Литгазеты» и комиссии ФОСП... из групповых соображений. Зам. председателя правления Литфонда А. Богданов признал, что в аппарате Литфонда, Мих. Алексеев безусловно и согласился с выводами комиссии ФОСП и части, касающейся финансовой деятельности Литфонда.

В прениях выступили Н. Шушкинов, Ив. Макарьев, Д. Егорошкин, А. Селивановский, Н. Гильярди.

Выступление Мих. Алексеева квалифицировалось, как попытка замазать, обнаруженные комиссией ФОСП факты, и противопоставить Литфонд Федерации писателей, хотя по уставу Литфонда он во всей своей работе подчинен и подконтролен ФОСП.

Обвинения, предъявленные комиссией ФОСП правлению Литфонда, ни в какой мере не были суфлированы его представителями на секретариате ФОСП. Однако, учитывая заявление Мих. Алексеева, которым характеризуют выводы комиссии ФОСП как клеветнические, документально необоснованные и неправильные с правлением Литфонда, секретариат ФОСП признал необходимым эти выводы комиссии перенять как материал к слуху Литфонда. Комиссии ФОСП, обследовавшей деятельность Литфонда, предложено выступить на пленуме Литфонда с соответствующим сообщением.

В связи с обнаруженными непорядками в финансовой деятельности Литфонда РСФСР секретарит ФОСП отстранил ответственного секретаря Литфонда К. Филимонова от работы вплоть до окончательного расследования дела.

почему в московских киосках нет „литгазеты"

Мы уже приводили факты безобразного распространения «Литературной Газеты» и Ленинграде. Не отстает и этом отношении Союзпечать и в Москве. «Литературная Газета» — единственная немецкая работа распространяется в киосках Союзпечата, появляется в московских киосках с опозданием на несколько часов, а то и на другой день. С опозданием, от одного до трех дней «Литгазета» появляется и в провинции.

30 июня тысячи читателей — МОСКОВСКИЙ, БЛАГОДАРЯ ВОЛОКИТЕ ЛЮБОЙ РАБОТЫ СОЮЗПЕЧАТИ, ОСТАЛИСЬ БЕЗ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ». НЕ СМОГРЯ НА СВОЕВРЕМЕННЫЙ ВЫПУСК ГАЗЕТЫ ТИПОГРАФИЕЙ.

В тот же день бригада «Литгазеты» обследовала причины отсутствия «Л. Г.» в московских киосках и порядок ее получения и производство. Были обследованы: сеть Союзпечата (центральный склад, московское отделение, районные экспедиции, киоски и газетный почтамт).

30 июня, 10-ая типография, в которой печатается «Л. Г.», до 4 часов утра отвезла 35.000 экземпляров. «Литгазеты» (вместо полагающейся разверстки в 28.550), а с 5 ч. 40 минут утра — весь остальной тираж, т.-е. 50.000. В 4 часа утра в центральном экспедиционно Союзпечати было сдано 24.000 экземпляров «Л. Г.» в провинцию (включая и Ленинград) центральной экспедицией Союзпечати было отослано в день получения «Литгазеты» — 16.500 экземпляров. По Казанской ж. д. (одно направление) «Литгазета» была отправлена С ОПОЗДАНИЕМ НА 3 ЧАСА.

В МОСКВЕ БЛАГОДАРЯ ПОПУСТИТЕЛЬСТВУ РАБОТНИКОВ МОСКОВСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ СОЮЗПЕЧАТИ, ЗАБЫВШИХ О ВЫГОДНЫЕ РАСПИСАТЬ ПО РАЙОНАМ «ЛИТГАЗЕТУ» и прислать эту развертку в центральную экспедицию, «ЛИТГАЗЕТА» НЕ БЫЛА РАЗОСЛАНА В РАЙОННЫЕ ЭКСПЕДИЦИИ СОЮЗПЕЧАТИ. Весь день (30 июня) — 6.500 ЭКЗЕМПЛЯРОВ «Л. Г.» для московской розницы ЛЕЖАЛИ БЕЗ ДВИЖЕНИЯ НА ЦЕНТРАЛЬНОМ СКЛАДЕ СОЮЗПЕЧАТИ.

Центральная экспедиция Союзпечата не наладила распространения «Литгазеты» и 1 июля. Это подтвердила проверка районных экспедиций и ряда киосков.

Десять киосперов различных районов Москвы, обследованных бригадой «Л. Г.», в один голос заявляют о значительном спросе на «Литгазету», которой нехватает для распространения, и одновременно жалуются на несвоевременное ее получение.

НА МЕДЛИТЕЛЬНЫЕ ОБЪЯСНЕНИЯ ИЗДАТЕЛЬСТВА «ОГОНЕК» К СОЮЗПЕЧАТИ ПРАВЛЕНИЕ СОЮЗПЕЧАТИ НЕ СЧИТАЕТ НУЖНЫМ ОТВЕЧАТЬ.

Обследованная бригадой «Литгазеты» газетный почтамт также работает крайне нечетко. Газетная экспедиция при 38-ой типографии несмотря на своевременный выпуск «Литгазеты», доставила «Литгазету» 30 июня на газетный почтамт с опозданием на несколько часов. В результате, почти 40 УТРЕННИХ ПОЕЗДОВ УШЛИ ИЗ МОСКВЫ БЕЗ «ЛИТГАЗЕТЫ». Ряд городов не получил «Литгазеты» и день ее выхода (Тула, Иваново, Кашира и др.). Газетный почтамт получил «Литгазету» в 6 час. 25 мин. утра, передал ее на сортировку только от 8 до 11 ч. утра.

МЫ ПРЕДЛАГАЕМ СОЮЗПЕЧАТИ РАССЫЛАТЬ «ЛИТГАЗЕТУ» ТАКЖЕ, КАК РАССЫЛАЮТСЯ ДРУГИЕ ГАЗЕТЫ, ДОСТАВЛЯЕМЫЕ СОЮЗПЕЧАТЬЮ РАНО УТРОМ ПРЯМО ИЗ ТИПОГРАФИИ И СВОЙ РАЙОННЫЕ ЭКСПЕДИЦИИ (минуя центральную экспедицию), МЫ ТРЕБУЕМ БЕСПЕРЕБОЙНОГО СНАБЖЕНИЯ «ЛИТГАЗЕТОЙ» ЕЕ ПОДПИСЧИКОВ И ЧИТАТЕЛЕЙ.

БРИГАДА «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ».

уроки „большой балахны"

письмо в редакцию

О поездкой писательской бригады ВССП на Балахну произошли странные вещи.

Пять писателей месяц работали на производстве. Работа их в ФОСП и ВССП не раз ставилась в пример другим, со трибуны звучали чуть ли не как достижение. И вдруг — балахнинская, вместо балахнинская, а по какой-нибудь другой, до сих пор в качестве образца не бравшейся, именно балахнинская бригада начинает служить незыблемым примером того, как не надо ставить на производство, как не надо работать на нем и т. д. и т. п.

На майском пленуме ВССП, где бригада впервые подвергалась жесткой и, нужно сказать, совершенно заслуженной правке, никаких поводов к опротестованию с особым упорством и для себя не усматривал Судала книжку бригада ВССП, «Большая Балахна». Отзыв. Пед. федерация. Изд. Книжка достойна того, чтобы быть переиздана осуществлена. Молчанием мы выразили балахнинцы самую недвусмысленную общую коллективную ответственность за ее грехи. И в самом деле, ни-нет чего бы нет не было такое издание, такие перебродившее балахнинской хвастовство как совершенно себя место в «Большой Балахне», находит, что писатель бригада, а следовательно и писатель тут нужно бригада. Кем бы на были напечатаны на ее страницах вещи, сколь безнадежно иллюстрирующие не только недисциплинированность, но и непростительно предвзятые их личном всего того, что происходит, что происходило на его глазах, недисциплиной до конца оказывается и вся бригада хотя бы по одному тому, что эти вещи помещаются в книге коллективной. Все это очевидно, о таких вещах смешно говорить, как смешно было бы и спорить, что месяц нашего пребывания на Балахне должен был обогатить литературу не очерками, а конкретными ремаслом, кровью, возмой или и так по лицо чем еще. Книжка «Большая Балахна» составилась из тех очерков и статей, которые писались для поверенной печати, которые доказывались буквально сегодняшним балахнинским днем. Может быть, все по одному этому их и не следовало собирать в книжку, время и расстояние притупило остроту, далеко не всякий газетный материал заслуживает того, чтобы его собирали в книжку, наверное не отдавала себе отчет в этом и редакционная коллегия, выпуская книжку, но **периодики не приходилось,** каким от и этой книжке «оправдываться», как наверное не следовало и пытаться на политическое чутье и верхо одного товарища, доверяя составление и редакцию книжки только ему, тому чьего бригаде, но все же этого еще недостаточно, чтобы назвать **великом и пре**ступлением свою работу **всей бригады.** Конечно, не только по отсутствию такового, но и просто бестактно поменять в собственной книжке отзывы о собственной же работе, по нелепо и не считаясь с тем, что его этими давал. Врач не уж так безумно и неосмысленно подписались под ними представители балахнинской рабочей общественности, балахнинского партийного, профессионального и хозяйственного руководства. Статьи в «Литературной Газете», подписанная И. Ландовым преимущественно, как значится и ее подзаголовке, «дополнительно факты к поездке бригады писателей на Балахну», приведенные так, как будто бы сама поездка уже неоспоримо установленный примерам. Кем? Кто же, если выполнены тов. Ландова закономерны и вполне естественны, должен посчитать с признанием своей политической близорукости: союз писателей, мобилизованный, в следовательно, и очень сценный за признанные им кадры ФОСП ли, отмечавший даже в печати работу бригады, как достижение большой общественной значимости, или наконец «Литературная газета», печатный орган писательской общественности, проглядевшая (заметка о поездке «Писатели в Сов.строительстве» не в счет: в ней говорилось об экспонатах, а не об экспонентах, об экспозиторах, а не об экспонируемых) «предосудительную» деятельность той самой бригады, пять месяцев пропагандировавшей на страницах периодики? Такая поездка «на пользу», как нам, представлялась, да и представляется именно, как должно из логий экзамен, по экзамен на получение только по очень скромному праву не чувствовать себя за барсом творческое сегодня. Пусть, скажем так, не все выдержали дополнительное испытание, каким является книжка, но тем-то, на производстве, и такой ответственной обязанности, как борьба за выполнение промфинплана, бригада, разве бы разных писательских задач в пусть люди в нее ни охотились, не оказалась весь лишней или безнадежной. Ведь часто писатели-бригадники не были в силах с обследованиями, они работали на заводах и совместно с рабочей общественностью.

Ошибки и недочеты, которые только сейчас можно назвать недостатками, начинаются с «Большой Балахны», а «Большая Балахна» составлялась, принималась, печаталась в Москве. Если каждый из писателей-бригадников в равной мере несет от ответственность за то, что она нашла такой, то и союз, выдержавший мобилизационное трейлер, но не сумевший обеспечить руководством мобилизованных, только по-видимой общественной активности, а в конечно, конечно, ошибка и балахнинской бригады. Тот настоящего писателя не может не случать, как балахнинцы. Вероятно, это никому и не приносит бы пользы, если бы с осуждением и протестом против таких «приношений» составления литературного обучила бригады столько внутри по сейчас, а тогда, когда этот сборник составлялся.

КОНСТАНТИН БОЛЬШАКОВ

писатели на уборочной кампании

Западно-волжское отделение РОПКИ послало ряд писательских бригад в колхозы и совхозы Средней Волги. Проведен межрайонный слет ударников из колхозов и совхозов, прикрепленных к литературе. Выпускается 5 литературно-художественных сборников, посвященных хлебоуборочной кампании.

Ленинградское отделение ОПКИ мобилизовало все районные отделения и литкружки на проведение уборочной кампании и выпускает специальный сборник.

Заслушан доклад тов. Субботина об участии писателей в уборочной кампании, сектариат ФОСП принял постановление о проведении писательских бригад, организовать с участием писательского актива районное совещание, посвященное итогам работы писателей в колхозах, совхозах и МТО.

ХРОНИКА ИСКУССТВ

* «Рабочая газета» и Камерный Театр проведут сегодня, в помещении театра, митинг-протест против представления казненных негров в Америке. На митинге выступят: представители Коминтерна, Профинтерна и т. А. Луначарский.—В спектакле имени О'Нейла «Негр» включена специальная интернационал-монолог поэта М. Светлова.

* Гастрольные спектакли театра им. Мейерхольда в Харькове проходят с успехом. Показаны «Последний, решительный» Винниченко и «Список благодеяний» Одоевского.—Гостим развертывая вокруг спектаклей массовую работу со зрителем. Мейерхольдовцы проведут культпоход на завод «Серп и молот». Конференции рабочей молодежи завода предшествовала весь коллектив театра, как эпизодам революционного искусства СССР. Помимо культпоходов на фабрики и заводы, Гостим заместил своим конференции самодеятельных зрелищных рабочих агит-бригад.

* В ноябре т. г. исполняется десятилетие Театра им. Вахтангова. Начата подготовительная работа по проведению юбилея. В ближайшие дни будет образован общественный комитет. В январе-феврале предполагается провести ряд юбилейных спектаклей в Магнитогорске, где они покажут «Виринею», «Разлом» и «Гемп».

* 2-го июля предполагается скончался артист МХТ, заслуженный деятель искусства В. В. Лужский — один из основателей — в 1898 году этого театра. Лужский в нем на протяжении около трех десятков лет множество разнообразнейших ответственнейших ролей. Артистическую деятельность он начал еще ранее, продукция на сцене свыше сорока лет. В. В. Лужский много лет занимался преподаванием сценического искусства, считаясь одним из опытнейших театральных педагогов.

Извещения

— 6 июля — 17 час. — конференция зала дома Герцена — открытое партсобрание ячейки ВКП(б). 1 доклад об итогах решения июльского пленума ЦК ВКП(б). 2. Утверждение резолюции по докладу «Новой Кузницы».

— 7 июля — 19 час.—в помещении ГИХЛ—заседание редсовета ГИХЛ. 1. Отчет массового сектора издательства. 2. Отчет о массовой работе газеты «Советское Искусство». Явка членов совета обязательна.

— 7 июля — 18 час. — в Комакадемии прения по докладам тт. И. Батрака и И. Остроумова об основах художественной платформы РОПКИ. Приглашаются принять участие в дискуссии все члены РОПКИ.

Вечерняя Москва

● 3 июля, в 18 ч., в Парке культуры и отдыха, в культбазе, ОТКРЫТИЕ ВЫСТАВКИ МАПП «Литкружок на производстве». Доклад о призыве рабочих-ударников — т. Кирьянова, отчеты литкружков «Ливера» и Первого завода. Выступления рабочих-ударников.

От редакции «Литгазеты»

Открытое письмо т. Селявановского Ю. Олеше (№ 35 «Л. Г.») напечатано в порядке трибуны творческой дискуссии.

*

Под рецензией «Зрячая слепота» (№ 35 «Л. Г.») выпала подпись: З. Горюрева.

Ответственный редактор: С. ДИНАМОВ

РЕДКОЛЛЕГИЯ: Н. Асеев, С. Динамов, И. Жига, Л. Ильинский, И. Катаев, Г. Коренев, К. Огнев, А. Селивановский, И. Сельвинский, М. Слонимский

ИЗДАТЕЛЬ: Акционерное Изд. О-во «Огонек»

ИЗУЧАЙТЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ ДЕЛА ЖЕНЩИН

за последние два года по комплектам литературной газеты

Цена комплекта за 1929 г. два рубля за 1930 г. три рубля.

Комплекты высылаются по получении стоимости переводом или наложенным платежом по получении заказа. Издательством ОГОНЕК: Москва, 6, Страстной бульвар, 11.

КОЛИЧЕСТВО ПОЛНЫХ КОМПЛЕКТОВ ОГРАНИЧЕНО

Подписка на 1930 г. принимается только почтой. Подписная цена: 12 м.—3 р. 50 к., 6 мес. 1 р. 75 к., 3 мес.—90 к. Подписка принимается повсеместно. Изд. Изд. О-ва Огонек.

ГИХЛ ИЗОГИЗ МУЗГИЗ КНИГОЦЕНТР

ЧИТАЙТЕ И ПОДПИСЫВАЙТЕСЬ НА ЖУРНАЛЫ

ОКТЯБРЬ

Ежемесячный литературно-художественный и общественно-политический журнал.

На 11 мес. с № 2 . . . 11 р.
На 6 » . . . . . 6 р.

Отд. № — 1 р. 10 к.

РАПП

Двухмесячный журнал марксистско-ленинской литературной критики и теории.

До конца года с № 2 (за 5 книг) . 4 р. 20 к.
На 6 мес. . . . . 2 р. 50 к.

Отд. № — 1 р.

СОВЕТСКАЯ СТРАНА

Общественно-политический и литературно-художественный ежемесячный журнал народов СССР.

На 9 мес. (с апр.) . . 5 р. 85 к.
На 6 » . . . . . 4 р.

Отд. № — 1 р.

ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО

Ежемесячный журнал.

На 9 мес. . . . 11 р. 25 к.
На 6 » . . . 7 р. 50 к.

Отд. № — 1 р. 50 к.

ПРОЛЕТАРСКИЙ АВАНГАРД

Ежемесячный журнал. С бесплатным приложением годовым подписчикам книги Ф. Гладкова „Днепрострой".

На год . . . 5 р.
На 6 мес. . . 2 р. 50 к.

Отд. № — 50 к.

НА ЛИТЕРАТУРНОМ ПОСТУ

Массовый ежедекадный журнал.

На 6 мес. . . . . 3 р.

Отд. № — 35 к.

КНИГА — СТРОИТЕЛЯМ СОЦИАЛИЗМА

Бюллетень Библиографического института. Ежедекадный журнал.

На 7 мес. . . . . 7 р.
На 6 мес. . . . . 6 р.

Отд. № — 40 к.

БРИГАДА ХУДОЖНИКОВ

орган федерации работников пространственных искусств.

Ежемесячный журнал.

На 9 мес.—7 р. 50 к., 6 мес. 5 р.

Цена отд. № — 1 р.

СОВЕТСКИЙ МУЗЕЙ

Орган Сектора науки ИКП. Двухмесячный журнал.

На 6 мес. (за 3 №) . 3 р.

Отд. № — 1 р. 25 к.

ПРОЛЕТАРСКИЙ МУЗЫКАНТ

Орган ВАПМ. 10 номеров в год.

На 6 мес. (за 5 №№) 3 р.

Отд. № — 75 к.

ЗА ПРОЛЕТАРСКОЕ ИСКУССТВО

Орган Ассоциации художников революции. Ежемесячный журнал.

На 6 мес. . . . 2 р. 50 к.

Отд. № — 50 к.

ЗА ПРОЛЕТАРСКУЮ МУЗЫКУ

Орган ВАПМ. Двухнедельный журнал. В каждом номере печатаются в виде нотных приложений произведения классической и современной пролетарской музыки.

На 6 мес. . . . 2 р. 50 к.

Отд. № — 15 к.

ТРЕБУЙТЕ ВЕЗДЕ

Продолжается подписка на 2-е полугодие

ПОДПИСКУ СДАВАЙТЕ только в местные отделения и магазины Книгоцентра, их уполномоченным или на почту.

СОЦЭКГИЗ КНИГОЦЕНТР

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА НОВЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ

ИНФОРМАЦИОННЫЙ БЮЛЛЕТЕНЬ ПО ВОПРОСАМ КОЛОНИЙ и ПОЛУКОЛОНИЙ

ЗАДАЧИ БЮЛЛЕТЕНЯ:

Систематическая информация и обобщение всех фактов и материалов колониального и полуколониального мира.

Освещение положения в странах латинской Америки.

Систематические обзоры по странам.

БЮЛЛЕТЕНЬ РАССЧИТАН:

на коммунистов, журналистов, учащихся вузов и комвузов, востоковедческие ассоциации и учреждения.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: на 6 мес. (с 1 июля)—5 руб. Цена отд. номера—1 руб.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ во всех местных отделениях и киосках Книгоцентра, их уполномоченными, почтой — письмоносцами.

ГИХЛ КНИГОЦЕНТР

НОВЫЕ КНИГИ

ВЫХОДЯТ ИЗ ПЕЧАТИ

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА

ГЕКО, Ю.

Семь и пескарь. Стр. 116. Ц. 1 р., пер. 25 к.

ДМИТРИЕВ, А. Есть—вести корабль. ЛОКАФ (Литература и война). Стр. 152. Ц. 1 р. 20 к.

КОЗАКОВ, М.

Человек и его дело. Стр. 132. Ц. 1 р. 35 к., пер. 25 к.

НАЧАЛО.

Стихи. Призыв ударника. (ЛАПП. Современная пролет. литература). Стр. 96. Ц. 1 р. 20 к., пер. 20 к.

ПАСТЕРНАК, Б.

Поверх барьеров. Стихи разных лет. 2-е изд., дополн. Стр. 168. Ц. 2 р. 25 к., пер. 25 к.

САУЛИН, Л.

Рабкоры. Повесть. (ЛАПП. Современная пролет. литература). Стр. 150. Ц. 1 р. 20 к.

СИТКОВСКИЙ, А.

Поколь. Стр. 80. Ц. 60 к., пер. 25 к.

СОЛОВЬЕВ, Б.

Люди нашей страны. Драматическая поэма. 4 действия, 18 картин. (ЛАПП. Современная пролет. литература). Стр. 232. Ц. 2 р. 60 к., пер. 20 к.

УПАКОВ, И.

30 стихотворений. 2-я книга. Стр. 104. Ц. 75 к., пер. 25 к.

ФЕФЕР, И.

Сборник стихов. Предисл. М. Гавриченко. (Серия еврейской литературы). Стр. 246. Ц. 2 р. 25 к., пер. 25 к.

ЧАШКИН, П.

Лесковы. Роман. (ВОПП. Новинки пролет.-колхозной литературы). Стр. 259. Ц. 1 р. 85 к., пер. 40 к.

ЧУРКИН, А.

Выход весны. Стихи. (ЛАПП. Современная пролет. литература). Стр. 64. Ц. 75 к., пер. 20 к.

ЭГАРТ, М.

Переправа. Алтайские очерки (РАПП. Новинки пролет. литературы). Стр. 137. Ц. 1 р. 40 к., пер. 25 к.

ИЗД-ВО «АКАДЕМИЯ».

БОККАЧЧО, ДЖ.

Декамерон. Перев. А. Веселовского. С вступ. статьей В. Ф. Шишмарева и предисл. П. Когана. Том I. 4-е изд. (Сокровища мировой литературы). Стр. 595. Ц. 6 р., пер. 1 р. 50 к.

БОККАЧЧО, ДЖ.

Декамерон. Том II. 4-е изд. (Сокровища мировой литературы). Стр. 438. Ц. 6 р., пер. 1 р. 50 к.

РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ПРИ ОГИЗЕ РСФСР ОБЪЯВЛЯЕТ ОСЕННИЙ ПРИЕМ

НА ОТДЕЛЕНИЯ: Редактуры: общественно-политической литературы, художественной литературы для взрослых и детской. Авторское и критическое.

УСЛОВИЯ ПРИЕМА:

Помимо общеустановленных условий приема в вузы для поступающих в РИПЦ устанавливаются следующие требования:

1. Для поступающих на отделение общественно-политической редактуры:

Членом ВКП(б), имеющие не менее 3-летн. партстажа и работавшие ранее по революционной линии либо на общественно-политической работе. Образование не ниже рабфака или лица, обладающие большим практическим опытом редакционной работы.

В первую очередь принимаются ударники производства и литературы.

2. Для поступающих на отделение редактуры художественной литературы.

Предпочтением пользуются члены ВКП(б) и ВЛКСМ и ударники, работавшие ранее в редакционной области, либо на общественно-политической работе и участвующие в рабсельковровском движении.

3. Для поступающих на отделение авторское.

Рабочие, колхозники, служащие, имеющие не менее 2—3-летн. стажа активной общест. работы. Выдвинувшие способность к литературно-творческой работе и имеющие печатные работы. Командированные пролетарско-колхозными писательскими организациями.

В первую очередь принимаются ударники производства и литературы.

НА РАБФАК С УКЛОНАМИ: общественно-политическим, литературно-художественным, авторским.

Помимо общеустановленных условий приема на рабфак к поступающим предъявляются следующие требования:

НА ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧ. УКЛОН будут приняты лишь члены ВКП(б).

НА АВТОРСКИЙ УКЛОН приняты будут товарищи, представляющие отзывы от пролетарско-колхозных литературных организаций.

Условия приема на 2-годичные курсы по переподготовке редакторов будут сообщены дополнительно.

Заявления подавать с 1 июля по 15 августа по адресу: Москва, Мясницкая, 21/5. Тел. Приемной комиссии 3-79-73.

Директор РИПЦа ШУЙСКИЙ.

ВЫШЕЛ ИЗ ПЕЧАТИ № 2 журнала „БОРЬБА КЛАССОВ" • орган О-ва историков-марксистов при Комакадемии ЦИК СССР. •

ЧТО ДОЛЖЕН ЗНАТЬ ПОДПИСЧИК „ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ"

1. Согласно постановлению СНК от 16 августа 1929 г. прием подписки и доставка всех периодических изданий осуществляется на почте.

2. Издательство и редакция газеты подписку не принимают, и посылать переводы в издательство не следует. Случайно поступившие в издательство переводы пересылаются почтой, что замедляет выполнение заказа.

3. Подписку следует сделать исключительно на местную почту или письмоносцам не позже срока, установленного местной почтой. Подписка сделанная позже, переносится на следующий месяц.

4. По всем вопросам, связанным с неполучением или несвоевременной доставкой газеты, следует обращаться только в то издательское учреждение, которое доставляет издание. При переезде—в центральное окно жалоб Газпочтамта (Мясницкая, 26).

5. Издательство никаких жалоб не рассматривает. Газетный почтамт в Москве получает издания непосредственно из экспедиции и рассылает в местные почтовые предприятия, которые принимают полную ответственность за доставку подписчикам.

6. Почта, многократными приказами, неоднократно напоминала о бдительной охране, неся совместно с органами ОГПУ и милиции ВК РКИ от 7 мая г. г. установила, вместе с тем, строгую ответственность лиц, нарушивших исполнительной печати, за несвоевременную доставку изданий подписчикам.

7. Оказывайте содействие почте в упорядочении доставки изданий: подписывайтесь заблаговременно и только на местной почте, своевременно заявляйте (почта жен о недоставленных изданиях; при злостных случаях обращайте в центральное бюро жалоб Газпочтамта в Москве.

Уполн. Главлита В 7026.

Типография (39) изд. «Мосполиграф», пр. им. Свердлова-Свердлова, д. 5.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

орган федерации об'единений советских писателей рсфср

МОСКВА 10 ИЮЛЯ 1931 г. № 37 (136)

РЕДАКЦИЯ:
Москва, Тверской б. 25, Дом Герцена. Телефон 2-80-12.

ИЗДАТЕЛЬСТВО:
Акц. о-во «Огонек»; Москва, б. Страстной б. 11. Телефон 5-5169.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА:
На 12 м. 3 р. 50 коп.
На 6 м. 1 р. 75 к.
На 3 м. - р. 90 к.

ЛИЦОМ к КОМСОМОЛУ

Пролетарская литература является одним из важнейших рычагов культурной революции. Она уже завоевала прочные позиции. ВОАПП становится гегемоном литературного движения, призыв ударников в литературу помог делу ее превращения в «общепролетарское дело».

«Все это верно, все это является бесспорными достижениями. Но все-таки, когда речь заходит о книге, то тут дело обстоит неважно. То, что пишется для ударников и рабочей молодежи, зачастую еще не подходит. Героическая борьба ленинского комсомола на всех фронтах социалистического строительства все еще не нашла (за отдельными исключениями) своего отражения в пролетарской литературе. Здесь надо добиться скорейшего перелома, который однако затрудняется тем, что руководящие органы РАПП не имеют до сих пор почти никакой связи с ленинским комсомолом и его Центральным комитетом».

«Мне кажется, что было бы неплохо, если бы представители РАПП пришли сюда, на пленум Центрального комитета ВЛКСМ, и заявили, что они готовы вместе с нами работать над тем, чтобы такое положение изменить и продукцию свою, рассчитанную в значительной своей части на рабочую молодежь, с ленинским комсомолом согласовывать».

«Без этого РАПП будет чем-то вроде литературной академии, оторванной от читательской массы».

Мы полностью подписываемся под приведенным выше заявлением т. Косарева, сделанным в его докладе на недавно закончившемся пленуме ЦК ВЛКСМ. Мы считаем серьезнейшим недочетом в работе ВОАПП и РАПП крайне слабую связь этих организаций с комсомолом и его Центральным комитетом. Такая связь нужна, разумеется, не для того, чтобы «увязывать» и «согласовывать» литературную политическую линию комсомола и ВОАПП. Редактор «Комсомольской правды» т. Троицкий, выступая на пленуме Совета ВОАПП, имел все основания для заявления о том, что «позиция» «Комсомольской правды» не отличалась и не отличается во всех кардинальных, основных, решающих вопросах от линии ВОАПП». У комсомола и пролетарского литературного движения нет различных линий в основных вопросах литературы, потому что они совместно борются за партийную линию в вопросах литературы.

Укрепление связи между комсомолом и пролетарским литературным движением особенно необходимо сейчас в связи со следующими тремя основными причинами. Первой из них является необходимость дальнейшего успешного развертывания социалистического наступления пролетариата на идеологическом фронте, разоблачения и разгрома агентуры классового врага в данной области, преодоления отставания пролетарской литературы от практики социалистического строительства. Здесь органическая и повседневная связь с комсомолом во всех его звеньях—до цеховой ячейки включительно—принесет пролетарскому литературному движению огромную помощь.

Второй из этих причин является призыв рабочих-ударников в литературу. Комсомол является организацией, политически воспитывающей основные рабочие кадры, идущие и уже пришедшие в литературу. Огромная часть (если не большинство) основных работников пролетарской литературы прошло боевую школу комсомола. Среди рабочих-ударников, призванных в пролетарскую литературу, преобладают в большинстве случаев комсомольцы, либо рабочая молодежь, так или иначе с комсомолом связанная. Дальнейшая работа по убеждению и закреплению рабочего ядра в пролетарской литературе предполагает дальнейшее возрастание идейно-воспитательной роли комсомола. Все это требует не формальной, а непосредственной, практической, повседневной связи комсомола с РАПП и ВОАПП.

Третьей из этих причин является то, что за последнее время количественно и качественно ослаблена литературно-художественная продукция, удовлетворяющая возросшие запросы рабочей читательской молодежи. Совершенно правильно указание т. Косарева о том, что в пролетарской литературе за редким исключением не отражена борьба ленинского комсомола на всех участках социалистического строительства. Так обстоит дело в решающем звене молодежной художественной литературы, говорящей о сегодняшнем дне социалистической революции. Но не лучше и в остальных ее звеньях. Мы обязаны выправить положение, обязаны вопросы литературы, расчитанной на рабочую молодежь, поставить во всю широту, обязаны к этим вопросам привлечь внимание и основных творческих кадров, пролетарского литературного движения, и рабочих-ударников, впервые входящих в это движение.

Выступление т. Косарева нуждается, однако, в значительном расширении. Речь идет не только о РАПП. Колхозная и совхозная молодежь идет в ряды пролетарско-колхозной литературы. Значительные слои молодых писателей-союзников нуждаются в помощи, поддержке, перевоспитывающей работе со стороны комсомола. Поэтому необходима активизация комсомола по всему фронту советской литературы.

Установление органической связи между пролетарской литературой и комсомолом поможет преодолеть имеющие кое-где место болезненные, политически-ошибочные тенденции противопоставления комсомольцев - писателей остальным отрядам пролетарской литературы (такие тенденции свойственны, например, части комсомольских писателей на Украине).

Основная размежевка в литературе проходит по принципу классовому, а не по принципу противопоставления поколения—поколению. Комсомольские писатели являются составной частью пролетарского литературного движения СССР. Через них, через литературные органы комсомола и РАПП и должен быть в первую очередь начат сдвиг и закрепление связи комсомола со всей пролетарской литературой СССР.

на фронте показа героев пятилетки

ответ ивановцев

в секретариат рапп, редакции „питгазеты"

Секретариат РАПП в своем постановлении от 17 июня вполне правильно и своевременно подчеркнул оппортунистическое отношение оргбюро ИОАПП и, в частности, секретаря т. Сонина, к показу героев труда. Признав за собой эти ошибки, оргбюро ИОАПП со всей решительностью исправляет их.

За период с 25 мая по 29 июня проделаны следующая работа:

Мобилизованы и посланы на актива АПП и литкружком на работу по художественному показу героев труда 18 человек. В первых числах июля высылает вторая группа заводов на предприятия и жел.-дор. станции. Ряд кружков области мобилизовался для показа героев своих предприятий. Недавно включились в боевую работу кружковцы Ижского литкружка, которые выпускают сборник о передовых рабочих предложениях к районной газете. Мележенская литгруппа прикрепила пять человек к цехам своей фабрики. Шуйский литкружок выпустит в районной газете специальную литстраницу: «Район должен знать своих героев». Кольчугинская литгруппа мобилизовала 10 литкружковцев и прикрепила их к цехам. Киевлянская АПП всех своих членов прикрепила к фабрикам и заводам.

Молчат Рыбинская, Нижегородская, Ярославская, Костромская и Владимирская АПП, несмотря на то, что оргбюро не раз обращалось к ним с запросом о проделанной работе.

До сих пор не налажены взаимоотношения с ИВОГИЗ, несмотря на наши попытки повести работу в тесном контакте с ним. На заседании оргбюро ИОАПП зав. ОГИЗ аккуратно не является. Выпуск тематического сборника, посвященного ударничеству и соцорганизации, который составлен на 90 процентов из произведений рабочих-ударников, ИВОГИЗ задерживается: есть основания выпустить его в 4-м квартале.

Обещание заведующего отделением ОГИЗ т. Хейфеца печатать отдельные книжки об ударниках массовым тиражом не выполняется и т. д. и т. п.

Оргбюро ИОАПП вместе с облпрофсоветом и ИВОГИЗ объявили конкурс на лучший очерк. Поступают уже первые очерки, печатающиеся в газете: «Ленинец», «Рабочий край» и журнале «Ударник».

Проводятся совещания рабочих-ударников и рабкоров отдельных фабрик. Организуются бригады для коллективного написания очерков о лучших ударниках предприятий.

В специальном номере журнала «Ударник» даем 12 художественных очерков о лучших ударниках области, награжденных поездкой за границу.

Намечены к выпуску несколько сборников и отдельных книжек.

Не поручено оргбюро ИОАПП

А. СОНИН

от нашего корреспондента

творческие ошибки ленинградцев

Первая творческая продукция, напечатанная место на страницах «На посту», говорит о наличии серьезных ошибок в ленинградской творческой практике реализации обращения РАПП.

Возможно, эти ошибки — следствие организационных недочетов творческой мобилизации, недочетов, впоследствии устраненных руководством АПП. Ограничение установочной задачи показа героев только «зарисовкой портрета» и созданием «художественных биографий», замена ударных темпов работы «срочной кампанией» (напр., конкурс «На посту» первоначально должен был закончиться... 1 июня!) толкнуло ленинградских участников рапповского похода на порочный путь — движения «по линии наименьшего сопротивления».

«Я забегаю в инструментальный цех к т. Дэгу. В цеху почти никого нет. Дэг работает и в то же время закусывает.

— Нехорошо, — говорю я ему. — Владимир Петрович, из сил выбиваешься окончательно.

(Тут т. Дэг — мастер-инструментальщик завода «Электрик», награжденный орденом Трудового красного знамени, объясняет автору очерка «Лице пролетарского героя» Ф. Ружанскому («Н. П.», № 9), что он нашел способ самому делать шлифовальный камень и сейчас он заканчивает «штамповочку»).

— Чем скорее сделаю, тем лучше — экономии больше будет. Вот я и решил в обед поработать малость.

— Так. А когда же ты про свою жизнь расскажешь?».

И дальше, на протяжении половины газетного листа, т. Ружанский, несомненно мешая работе изобретателя т. Дэга (работа, на которую был пожертвован обеденный перерыв), вымучивает «биографию героя». Перечисляются в хронологическом порядке факты, упоминаются те или иные заслуги героя и т. д.

В других очерках, например, у Воронова («Ветер должен быть готов», «Н. П.» № 6) нет и такой поверхностной обрисовки. Показ ударников Воронов заменяет регистрацией имен ударников, а показ геройства — «выписками из записной книжки», примерно, в таком духе:

«20 сентября. Вечером поставили рамы и сделали часть проверки их установки.

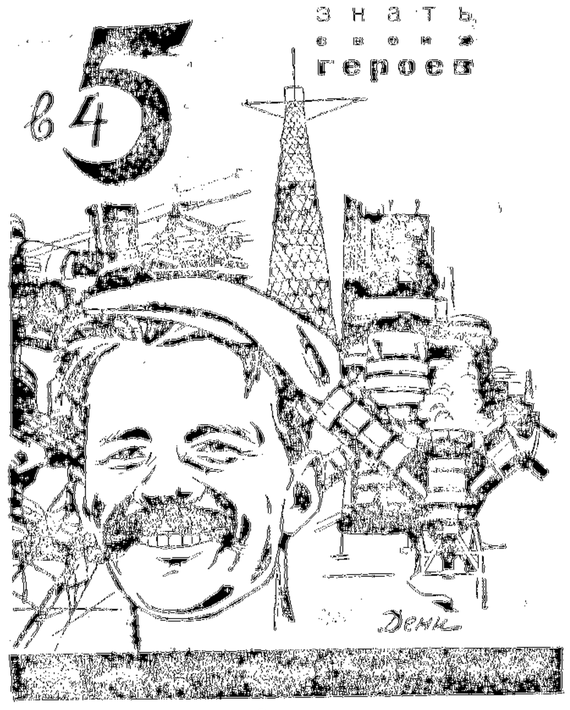
* *

В очерке «Для Магнитостроя, для Днепростроя» («Н. П.», № 7) Г. Тюленев, в отличие от других авторов, показывающих героев-ударников изолированно от борьбы всего рабочего коллектива, пытается связать индивидуальное геройство с героизмом масс, с борьбой завода «Электросила» за советский турбогенератор. Но связь эта получается у него чисто механическая. Очерк состоит из двух частей: исторической справки строительства турбогенераторов и интервью — автобиографии одного из ударников завода.

Эта ошибка характерна и для большинства произведений, посвященных героям цехов — и в фабрично-заводской печати, и в общей прессе, которая, в слову сказать, все еще уделяет недостаточное внимание показу героев пятилетки.

ЛАПП, добившаяся больших количественных результатов в вовлечении массы писателей и кружковцев в рапповский поход, должна развернуть борьбу за качество показа. В эту борьбу должны быть вовлечены все звенья ЛАПП и в первую очередь — ее критические силы, которые должны помочь писателям и кружковцам на конкретной тематике показа героев овладеть творческим методом пролетарской литературы.

Ленинград. Б. РЕСТ



первое большое издание*

Альбом Изогиза, называющийся во втором исправленном издании «Страна должна знать своих героев» (первое — «Ударники»), должен быть отмечен как положительное явление потому уже, что это первое издание на тему показа героев, издание, сделанное в основном добросовестно. Товарищи из Изогиза, не в пример своим коллегам из других издательств, сумели действительно в ударном порядке откликнуться на эту важнейшую задачу.

Наиболее сильная часть альбома — иллюстрационная (обложка и рисунки Дени, фото). Именно она и определяет положительную оценку его. Далеко не все, конечно, удачно. Наряду с прекрасными фотографиями ударников, в общей сумме дающими яркий типаж передовиков-пролетариев, на что правильно указывал на днях в «Известиях» Радек, есть немало бледных, трафаретных, никак никого не раскрывающих фото (Фомин, Войлес и Седов, Ольшевский, Никитин, Цыплов, Гладков и др.). Наряду с продуманным до конца нефтяным фотомонтажем, следующие разделы альбома дают лишь случайные, поверхностное представление о предприятиях и производстве («Электрозавод» и др.). Но все же положительное перевешивает недостатки, потому что разрешена основная задача — показано кто герой, даны его характерные (внешние) черты. Фотография, следовательно, осмыслена — яркая противоположность галлереям «Огонька» и «Красной Нивы».

Раздел нефти открывается приветствием нефтяникам тов. Сталина: «С победой, товарищи!». И дальше идет показ того, кто победил и кто победил. Хорошо фото, дан подробный производственный монтаж. Единственно в этом отделе по-настоящему сделаны вводные, единственно здесь имеется квалифицированный очерк Критера о Биби-Эйбате. Наконец, в этом же разделе наиболее удачны лозунги и подбор цитат.

Следующие отделы стоят значительно ниже по качеству. Их достоинство только в фото ударников. Подписи слабы, лозунги не подобраны, текст явно случайный. «Ночная правда на Чулковской стороне» В. Хандроса — типичный образец графоманства. «Металлургическая елка» (!!) Н. Крэна также плоха, как и халтурный очерк об этом заводе Б. Громова в «Красной Ниве», в свое время нами разобранный. Лишь очерк Л. Шварцмана «За честь завода» выгодно выделяется своей простотой и непосредственностью.

Наконец, самой крупной ошибкой следует считать комедиаде «Рассказ» С. Шапиро, вызвавшего возмущение среди рабочих «Электрозавода» после того, как он был напечатан в заводской газете, но все же плохого начального в задание Изогиза. «Рассказ» Шапиро политически вредный, клеветнический. Коммунист-ударник, искренний все то болобрания, о которых пишет Шапиро, выведен тем же Шапиро — «шпионом среди рабочих, всеми презираемым, ничего не умеющим делать». Беспартийный рабочий, также боровшийся за оздоровление бригады, не дан совсем. Из'яны и факты, особенно ярко возмущие пьяных-ударников.

Помещением этого очерка редакция альбома окончательно вобортила раздел об Электрозаводе. М.

* Изогиз. М.-Л. 1931. П. 2 р. 50 к. Стр. 96. Тир. 10.000.

за бумагу, помноженную на работу по-новому

статья зам. председателя гихл т. чагина свидетельствует о повороте в линии руководства издательством

„Литературная газета" солидаризируется с основными положениями этой статьи

Вопрос о снабжении бумагой издательств, работающих в области художественной литературы, нужно было бы, прежде всего, поднять шире, чем он поставлен сейчас. Это—лишь только часть общего вопроса о месте художественной литературы в социалистическом строительстве, о ее значении в реконструктивный период.

И то, и другое явно недооценивается многими организациями, от которых в немалой мере зависит как бумажное снабжение литературно-художественных издательств (и в первую очередь ГИХЛ), так и обеспечение их нормальной работы другими материальными условиями в пределах лимитов культурно-политического порядка.

Советская художественная литература—при всем ее отставании от бурных большевистских темпов нашей стройки—выступает с каждым годом, с каждым месяцем в качестве все более заметного фактора социалистической реконструкции, в качестве все более мощного рычага культурной революции. Вряд ли кто станет отрицать, что такие крупнейшие явления нашей современной литературы, как последние статьи **М. Горького**, или «Сталь—Л. Леонов», «Гидроцентраль»—М. Шагинян и «Разбег»—В Степного, или художественные очерки пролетариев и рабочих-ударников о героях пятилетки, мобилизуют пролетарские и колхозные массы на завершение фундамента социалистической экономики в немецкой степени, чем выступления эпигонских ораторов по путевым арматурным секторам партклубов, либо популярные массово-политические, сельскохозяйственные и научно-технические брошюры.

Почему же эти явления, эти значительнейшие художественные произведения современности, как только дело сойдет до их вещественного оформления под маркой ГИХЛ или какого-нибудь другого «литхудожского» издательства, и набирается с убедительной медленностью в наших типографиях и выпускается весьма, порой нехотя, в зависимости от того, отгрузит или не отгрузит бумагу «Союзбумага» и какой завод она мобилизует или «мобилизует»? Неужели причина всех зол—в глуховской «мясной» печати, в «глуховской» марке, в прохождении актуальнейших, вытекающих отсюда требований и требованиям социалистического строительства книг по литературно-художественному издательскому «департаменту»? Выходит, что так. Будь это бы—допустим условно—эти книги шли под маркой Массиотгиза (как, например, статьи Горького), или под маркой Сельхозгиза («Разбег»—Семеновского, «Сталь»—Леонова), или под маркой ГИПИ («Гидроцентраль»—Шагинян) проходили бы по каналам первоочередных издательств—они были бы заведомо застрахованы и от хождений по мукам в полиграфической базе и от капризов бумажного снабжения.

Такое чрезвычайно нежелательное положение создалось, по нашему мнению, в результате грубейшей **недооценки** места и значения художественной литературы в социалистическом строительстве, недооценки, проявляемой как нашими планирующими и распределяющими бумагу органами, так и рядом нашими отзовской полиграфией аппаратами. Отсюда процессы производственной обработки литературно-художественной книги на последнюю очередь, на задний план, рассматривая эту книгу, как развлекательное, несерьезное, могущее повременить с выходом в свет «чтиво», стоящее под постоянную угрозу урезок бумажных норм, недогрузок бумаги, изничтожений и «мобилизаций» бумажных заказов, представители упомянутых выше органов и аппаратов забывают, что художественная литература у нас находится на службе у великой стройки,

Писательской общественности, мобилизуемой сейчас «Литературной газетой» на борьбу за бумагу для художественной литературы, не мешает напомнить об этом всем, кто в таком напоминании нуждается. Советская художественная литература, упорно преодолевающая свое отставание от требований социалистической реконструкции, от нашей стремительной жизни, вправе занимать более широкое, более просторное и почетное место в издательской системе, чем то, какое она теперь занимает, вправе приобрести помещающий, отвечающий ее роли в СССР удельный вес—и в отношении снабжения бумагой, и в смысле обеспечения полиграфической базой, работающей ударными большевистскими темпами.

Глубоко неправы те, кто это требование писательской общественности и издательств, работающих над художественной литературой, расценивают как писательство на преимущественные права и бумажные нормы нашей массово-политической, колхозной, научно-технической книги. Выступающие с подобного рода обвинениями по нашему адресу товарищи неправы по той простой причине, что они опять-таки кое-что забывают, упускают из виду. Они забывают и упускают из виду, что наша художественная литература обслуживает теперь во все более увеличивающейся мере и со все большим успехом и массовые политические кампании, и борьбу за победное завершение пятилетки, и сплошную коллективизацию, и задачи овладения техникой. Поворот к современной реконструктивной, социалистической тематике, совершаемый нами (правда не с той решительностью и быстротой, как нам того хотелось бы) нашими писательскими кадрами, стирает прежние привычные и—надо сказать—весьма относительные грани между различными видами и разделами литератур, между издательскими «департаментами». Разве ОГИЗ не имеет все основания считать своим крупнейшим достижением **одновременно** и на участке литературы изобразительных искусств, и на участке массово-политическом и даже на научно-техническом участке недавно выпущенные изогизовские альбомы об ударниках и героях пятилетки? Не меньшие основания у ОГИЗ занимать, как о своих значительнейших, **одновременно** идущих и по линии художественной, и по линии массово-политической, а по линии колхозной литературы, заявлениях, о выпуске массовыми тиражами «Разбега»—Ставского или «Бруска»—Панферова. А если взять такое огромное по своему значению начинание, как подготовленный ленинградскими писателями в сотрудничестве с виднейшими учеными (Иоффе, Вавилов и др.) и выходящий в ближайшем времени научно-литературно-художественный альманах,—то даже самый хищнический издательский наш**ник** затруднится, к какому ведомству это явление отнести—художественной литературы или научно-технической. Это ли не доказательство того, как еще много условностей тяготеет над нами в нашей издательской работе, в планировании ее, в распределении бумажных норм, как в угоду этим **условностям** мы склонны и рядом игнорируем **новые условия**, как медленно мы еще **умеем работать по-новому и руководить по-новому.**

Наряду с режущими глуховские бумажные нормы органами и стоящими глуховскую книгу на задворки полиграфии аппаратами, умением работать и руководить по-новому не может похвастать и сам ГИХЛ. Он до сих пор не смог стать тем, чем он по существу должен быть—**орудием литературной политики партии**, помощником и сотрудником РАПП, как ведущей писательской организации, в проведении этой политики. Здесь—основная причина того, что ГИХЛ не сумел оказать никакого противодействия бумажным затруднениям, не сумел мобилизовать ни литературной, ни пролетарской общественности вокруг борьбы за бумагу для художественной литературы и предоставил течение дел самотеку. Даже в обстановке урезанных, голодных бумажных норм была еще возможность в начале истекшего полугодия путем перепланировки на ходу спасти лицо, сохранить положение ГИХЛ, если не как единого, то по крайней мере—как основного издательства художественной литературы. ГИХЛ, попав под удары бумажных трудностей, не использовал и этой возможности.

Справедливость требует отнести в актив работников ГИХЛ ликвидацию феральско-мартовского прорыва. Но беда в том, что это было достигнуто очень тяжелой и дорогой ценой—ценой фактического отказа ГИХЛ от роли, от положения основного литературно-художественного издательства. Можно иметь хороший баланс в издательском предприятии и не иметь художественной литературы. Совершенно очевидно, что ГИХЛ нужно иметь и то и другое.

Каково состояние дел теперь и чем его можно исправить?

Так как на многих узких мест в ГИХЛ все же самым узким является бумага, его и нужно в первую очередь ремонтировать. В самом деле—как ни крути и ни верти—от факта недогрузки недополучения во втором квартале 48 процентов причитающейся даже по голодным нормам печатной бумаги никуда не уйдешь.

Писательская и пролетарская общественность вместе с издательскими работниками должны сделать все для того, чтобы подобного рода факты не повторились. Необходимо наряду с этим добиться пересмотра бумажных норм второго полугодия в сторону их увеличения для художественной литературы, под углом зрения исправления допускавшейся до последнего времени недооценки ее места и роли в социалистической стройке, ее удельного веса, как оружия культурной революции.

Дальше при той же общественной поддержке должно быть решительно пересмотрено консервативное отношение работников полиграфической базы ОГИЗ к литературно-художественной продукции, к работам и заказам ГИХЛ, как к такому-то принудительному ассортименту, как к чему-то такому, что можно сделать тут ли не в 16 очередь (по числу издательств, входящих в ОГИЗ).

Многое, безусловно, даст правильная, вернее учитывающая ошибки первых двух кварталов планировка второго полугодия. Здесь следует отметить, что, если остаться в тисках теперешних норм, в основу плана придется положить политику малых тиражей. Это, может быть, и удовлетворит в какой-то мере более или менее широкий круг писателей, но будет означать забвение интересов массового читателя, пренебрежение даже организованными читательскими слоями, ибо пятитысячного тиража хорошей книги теперь печатает даже на библиотеки. Такое забвение, такое пренебрежение никак не к лицу Госиздату художественной литературы. В этом—личное доказательство необходимости повышения норм отпуска бумаги ГИХЛ—«от нее все качества».

Наконец, как последнюю по счету задачу, но по своему решающему значению такая, что она должна быть поставлена во главу угла—это **перестройка работы ГИХЛ по-новому, поворот его лицом к писательской общественности и в первую голову к РАПП, к рабочим-ударникам и колхозникам—призывникам в литературу.**

П. ЧАГИН

шефство завода ильича над фосп не реализовано

основная вина за это падает на литературные организации

фосп и завод им. ильича должны немедленно развернуть шефскую работу

добиться перелома

Сегодня мы печатаем материалы, характеризующие совершенно недопустимое положение с шефством завода им. Ильича над ФОСП. Из письма литкружка завода и высказываний тт. **Стопановского и Бессонова** ясно видно, что ни ФОСП, ни завод не выполняют обязательств, взятых ими на себя. Представители завода, его рабочий коллектив в целом совершенно не участвуют в литературной жизни, в работе литературных организаций, в обсуждении вопросов, связанных с развитием советской литературы. С другой стороны ФОСП, обещавший заводу активную помощь писателей в развертывании культработы, улучшении заводской газеты и т. д., реально для этого ничего не сделал.

Кто повинен в таком безобразном положении, дискредитирующем идею рабочего шефства и каким должно быть шефство ильичевцев над ФОСП? Эти вопросы надо поставить со всей четкостью, так как ясного понимания их, как нам кажется, нет ни у ФОСП, ни у завода. И подшефные, и шефы страдают наивным потребительским подходом к шефству. Работники ФОСП считают, что они не несут ответственности за состояние шефства, ибо ведь шефствует-то завод. Он сам, дескать, должен проявлять активность, посылать своих представителей устанавливать контроль над работой литорганизаций. На том же основании они отмахиваются от задачи культурной помощи заводу.

Все это не имеет ничего общего с правильной постановкой вопроса о шефстве.

С другой стороны, заводские организации, имея все основания требовать от ФОСП и писательского коллектива активной помощи заводу в развертывании культурной работы, организованного включения писателей в заводскую жизнь, должны были бы быть более энергичны в развертывании шефской работы в писательских организациях, в своем участии в жизни литературной общественности.

Однако основная вина несомненно падает на ФОСП. Рабочие завода Ильича взяли на себя труднейшую задачу шефства над такой специфической областью культурного фронта, какой является литература. Они показали прекрасный пример понимания рабочими массами задач советской литературы, они четко сформулировали перед советскими писателями их задачи в период реконструкции, в период строительства социализма.

Известное обращение рабочих завода им. Ильича к советским писателям это—боевая программа для всех мас. Шефство завода им. Ильича имеет своей целью организацию помощи рабочего коллектива писателям и литературным организациям в реализации этих задач.

И ФОСП, и все литературные организации должны были самым энергичным образом ухватиться за это стремление рабочих непосредственно участвовать в строительстве советской литературы и создать условия для этого участия. **Между тем этого-то как раз не сделано.** Вся работа литературных организаций не поставлена под контроль рабочей общественности, рабочие завода не привлечены к наблюдению за работой отдельных литорганизаций и органов ФОСП (того же Литфонда) и т. д. Бесспорно, что немаловажной частью работы должно было быть активное участие писателей в жизни завода, культурная помощь ему, ибо как же иначе работие могут подойти вплотную к писательскому коллективу, ибо как же иначе может повышаться их интерес к литературе. Не видя этой помощи, рабочие, понятно, и сами не проявляли должной активности.

Нужно добиться немедленного перелома в нефтяке завода Ильича. Он может быть достигнут только ликвидацией оппортунистической недооценки этого шефства литорганизациями, только в результате мобилизации активности и писательского и рабочего коллектива.

ничего не сделано

Фактов невыполнения обязательств, взятых на себя ФОСП и заводом имени Ильича, много. Фактов выполнения почти нет.

ФОСП выделил бригаду писателей для работы на заводе. Бригада распалась и, за исключением т. Вашенцева и много помогающего кружковцам и газете «Ильичевец» т. Шушканова, бригада сейчас совершенно не работает.

Замечательный опыт т. Башмака на Днепрострое (см. «Литгазету» № 34) мог бы быть перенесен на завод им. Ильича. Но из-за безобразного отношения к шефству со стороны ФОСП по этой линии ничего не сделано.

Шеф (завод им. Ильича) абсолютно не участвовал в работе ФОСП. Общественные организации завода не уделили достаточного внимания шефству.

В результате — настоящего шефства нет.

Г. БЕССОНОВ

Член бюро литкружка завода им. Владимира Ильича

бумажное шефство

Шефство обязывало ФОСП так наладить работу «Ильичевца», чтобы печатная газета завода стала образцовой. А «Ильичевец» и по сей день остается плохой газетой.

Писатели, выделенные ФОСП, должны были руководить работой по созданию красной книги завода. Руководства со стороны писателей не было, и это главное дело заглохло.

Невнимательное отношение к шефству проявлено и со стороны общественности завода: не создали буквально бригаду.

Для участия в работе ФОСП были выделены отдельные товарищи. Но, вследствие отсутствия какого бы то ни было контроля над работой этих товарищей со стороны общественности завода, они никакой работы не ведут.

В общем шефство — бумажное. Вина за это лежит и на ФОСП, и на общественности завода им. Владимира Ильича.

С. СТОЛПОВСКИЙ

Секретарь ячейки ВКП(б) завода им. Владимира Ильича

ФОСП не оправдал наших ожиданий

письмо в „литературную газету"

Беря шефство над литературой, мы ждали, что ФОСП, объединяющий наиболее значительную часть советских писателей, примет конкретные меры, чтобы включить всех писателей, объединяемых им в повседневную жизнь наших фабрик и заводов.

Но наши надежды не оправдались. Поворота со стороны писателей и объединяющего их ФОСП не видно. Значительная часть писателей на производстве не бывает, или бывает «наскоком» (именно такими «наскоками» являются модные писательские бригады). Польза от этих налетов как для писателей, так и для предприятий очень незначительная.

Не таким должен быть писатель на производстве. Он должен включиться в жизнь предприятия, жить его жизнью, знать все его болезни и неполадки. Писатель должен стать «болельщиком» за то производство, к которому он прикреплен. А пока что этого нет.

Почти год прошел, как мы написали свое первое обращение о шефстве, и до сих пор дело не сдвинуто с мертвой точки.

Наш литкружок начал писать красную книгу — историю завода. ФОСП в помощь литкружку прикрепил бригаду писателей в составе тт.: К. Большакова, В. Ромашева, С. Вашенцева, Л. Никулина, А. Платонова, Й. Каталя и Еф. Зозули. Некоторые из них были по одному разу на заводе (по пять минут в каждом цеху). Другие как-то «мелькали» на занятии литкружка, а остальных никто до сих пор в глаза не видел. Только т. Вашенцев, один из всей бригады, связался с кружковцами и систематически помогает им в работе. Интересно отметить, что К. Большакова никак не мог найти... цех, в котором работает прикрепленный к нему литкружковец.

ФОСП не проверял работы товарищей на нашем заводе, несмотря на то, что мы отметили эти ненормальности в нашей многотиражке, которую пересылали ФОСП.

За май месяц наш завод выполнил промфинплан на 50 процентов. ФОСП об этом знал, но ничего не предпринял. А в это время писатели очень бы пригодились на нашем заводе. «Ильичевец» задыхался от нехватки материала и людей. Один только т. Шушканов по своей собственной инициативе все время неустанно помогает нашей газете и литкружку.

В то же время надо отметить, что наш завод своих обязательств по отношению к ФОСП не выполнил. Он не обеспечил прикрепления представителей заводской общественности к ФОСП, литфонду и другим литературным организациям. А если и выделял товарищей, то не контролировал их работу.

Наши предложения:

ФОСП и завод «Ильича» должны взяться за проверку исполнения своих решений и деклараций.

Советские писатели обязаны включиться в нашу грандиозную стройку. Их место на фабриках, заводах, новостройках. Работы на предприятиях для них хватит, было бы желание работать. Лишь так они могут завоевать звание наших союзников.

Писатели, прикрепленные ФОСП к нашему литкружку, должны взяться за работу. Красная книга завода Ильича должна быть написана.

ЛИТКРУЖОК ЗАВОДА ИМЕНИ ВЛАДИМИРА ИЛЬИЧА

исполбюро фосп перенесено на 16 июля

Комиссия, выделенная секретариатом ФОСП для проработки вопроса о положении с изданием художественной литературы, подготовляет материалы к предстоящему заседанию исполбюро ФОСП. ЗАСЕДАНИЕ ПЕРЕНЕСЕНО НА 16 ИЮЛЯ.

Комиссия ФОСП выделила две бригады писателей, которые в ближайшие дни детально ознакомятся в издательствах художественной литературы (ГИХЛ, «Федерация», «Молодая гвардия») с вышедшей продукцией за первое полугодие 1931 года, а также с наличным портфелем этих издательств и обеспечением их бумагой.

Комиссия ФОСП постановила пригласить на заседание исполбюро 16 июля зав. ОГИЗ — АРТ. ХАЛАТОВА, председателя «Союзбумаги» — тов. БОРОДИНА и председателя Комитета по делам печати — тов. ПРЯДЧЕНКО.

почему отстает конкретная критика

Заканчиваем нашу анкету

Л. СЕЙФУЛЛИНА

Я не знаю абстрактной критики. Это — философия, что ли? По-моему, критика художественных произведений всегда конкретна, поскольку она берет за обсуждение существующие конкретно вещи, рассказы, романы. И дело не в «конкретности», а в наличии авторитета критики, в потном объеме этого понятия. Эта безавторитетность для меня заключается в том, что у большинства критиков сегодняшнего дня я, кажется, имярек, не чувствую ни любви, ни ненависти к моей писательской доставке, на творческого восприятия ее, а одно лишь служебное, чиновничье рвение. Я не знаю, насколько «конкретно» судили Белинский и Писарев. Они любили и ненавидели, потому что пенели художественное слово. Поэтому их нападенье было рвением, их похвала поднимала. Как представитель своего класса, любил и ненавидел Юлий Айхенвальд. Мы, чуждые ему потомки других эпох, могли ему отвечать плюшевым неверием и его хлам, но его критика возбуждала, бесила, жгла.

В 1925 году в Политехническом музее, в Москве, был диспут о критике. И тогда говорили, что малокровие нашей критики объясняется тем, что она присвоила себе функции цензуры. На это мое заявление был дан хороший отпор. Но... он меня не убедил. И когда меня, в одном и том же журнале, обзывают человеком с размахом кислотной, аполитичным пуританства к нужным, своим писателем, тут же без перерыва, что мне делать?.. В «Новом мире» меня честит, как беллетрист, бесталанно возрождающую традиции Вербицкой, потом восхваляют в правых, признают мою литературную продукцию, — какое может быть у меня отношение к такой «рецензной» критике? Полное равнодушие. Ты, критик, живи сам по себе, а я, писатель, буду жить сам по себе.

Я знаю, что со стороны идеологической, после разрешения цензуры, меня могут взлимчивать добровольные ревнители благочестия. Это будет называться «конкретной» критикой. Но так как состав наших критиков в большинстве случаев, случаев, по знания слова, ни знания техники мастерства у многих нет, то передка выступления в стиле чеховских героев. Автор пишет: «У рыбы нет зуб». Критик поправляет: «У рыбы нет зубов», или «У рыбей нет зубов».

За десять лет моего писательского существования было обо мне лишь одна статья, помогшая мне конкретно.

А вообще было так: «И ненавидим мы и любим мы случайно, имеем не жертвуя ни злобе, ни любви». Я не могу верить Державину за «Нового мира», когда он язык моих героев — крестьян противопоставляет языку таких же героев Чехова и Толстого. Не могу потому, что он передергивает. Он хлопает нас, что мы записываем фонетически, а в той же «Власти тьмы», из которой он берет образы для нашего уничтожения, Митрей говорит: «седлать», Анисья — «седлала бы я с тобой, да николи». И передергивает он, как человек со стороны, не знающий только хитрости этого образа, не владеющий писательской техникой, а не бедностью языка.

Каковы пути для ожидаемой конкретной критики? Призвание, любовь к своему делу, интерес к художественному слову. Отзывы рабочих-рецензентов — одно, а профессиональная критика — другое. Надо знать, чтобы судить. Надо любить и ненавидеть самому без калькулятора ухудшенного зрения, а не надевать на себя понимание художественного произведения, как спецодежду.

В. ГРУДИНИН

„Ивасый Путивлец"

Критика — самый отсталый участок литературного движения. Если в пролетарской литературе в целом мы видим большие сдвиги, то это еще нельзя сказать о критике.

Сейчас почти никакой работы по созданию кадров рабочей критики не делается. В частности, в Ленинграде более или менее удовлетворительно работает только один центральный кружок критики «На лит. посту». Остальные два кружка (быв. «Металлист» и на заз. «Вр. Путиловец») работают вяло и несистематически.

Отсутствие массовости, неумение почвами перестроиться прочно к тому, что небольшой группе наличных критиков по ней силу справиться с бурно растущей практикой литературного движения. Вот основная причина отставания конкретной критики.

И второе — те методы работы, которые сейчас практикуются в критике, мало удовлетворяют и писателя и читателя. Критик, поставленный «ко» перед фактом существования той или иной книги, может только зафиксировать ее положительные стороны и недостатки. Но ни писатель (за исключением переиздания книги) не может воспользоваться советами критика, ни читатель не может быть своевременно избавлен от «опыта» писателя, ибо книга уже выпущена на рынок.

Вопрос о перестройке встает с тем большей остротой, что сейчас происходит литература растет за счет рабочих-ударников. Напрасно Из. Макаров в своей анкете* умалчивает факту прихода ударников в литературу и жалеет, как можно небесной, стопроцентного пролетарского произведения. Конечно, такое произведение в конце-концов будет. Но прежде всего ударник должен пройти большую школу учебы. Все тут-то и должна проявить себя критика.

Критика должна приблизиться к писателю, должна непосредственно помогать ему в работе по созданию книги, выправляя ошибки и недостатки в процессе работы.

Здесь необходимо вспомнить Белинского, который имел большое влияние на создание произведений многих писателей своей эпохи. Конкретно необходимо провести прикрепление к тому или иному критику ряда писателей из рабочих-ударников для повседневной работы с ними.

Только полная перестройка методов работы в сторону непосредственной помощи писателю и создание широкой сети критических кружков на фабриках и заводах приблизит критику к конкретной действительности. А такая критика нам необходима сейчас, как никогда.

* «Литгазета» от 25 июня с. г.

ЕФИМ ЗОЗУЛЯ

В последнее время в печати появились нападки на мою «Поэму о Днепрострое». Вообще весьма довольный нашей критикой, так как не мало ценнейших статей я прочитал и о себе, и о других писателях (есть в критике, конечно, и недостатки, но нелепо браковать ее огульно, как это делают некоторые участники анкеты), — я, однако, на этот раз, ничего для себя полезного в «критике» не почерпнул.

Совершенно неконкретная, безобразительная, немотивированная, в одной своей части почему-то ожесточенная, в другой — случайная, в третьей — далеко не случайная, а определенно выражающая реакционные тенденции старого Союза писателей, — она, конечно, ни критика, ни самокритика заменить не может.

Однако, желая услышать живое слово и именно **конкретное** — о своей вещи, новой вещи, одной из новых и по содержанию и, следовательно, по форме, я послал ее рабочим-ударникам Днепростроя с просьбой разобраться в ней.

Я не ошибся. Суровый, но и доброжелательный, действительно товарищеский ответ получен. Он поможет мне внести в поэму необходимые поправки и избежать творческие ошибки. Образец конкретной критики налицо.

Мне приятно опубликовать этот документ не только потому, что он в основном мне кажется справедливым в отношении моей работы, но и потому, что только подобные документы, а не бездоказательные выступления помогут советскому писателю перестроиться и овладеть новой тематикой.

ВОТ ПИСЬМО ДНЕПРОСТРОЕВЦЕВ:

После того, как в печати появились выступления против «Поэмы о Днепрострое» Ефима Зозули, литкружок Днепростроя решил разобрать поэму и дать ей критическую оценку.

В читках ударников, идущих в литературу, внимательно прочли поэму, и вот что они сказали.

Первая часть поэмы Ефима Зозули народна и написана ярким привлекательным языком, которое помогает освоение Днепростроя именно такими образами, какие дала в первой народной части поэмы. И если первая часть заслуживает внимание, то вызывает тут же Зозуля, а та часть писателей, которую изобразил автор поэмы.

Для нас, ударников, кажется диким обвинение Зозули в том, что первая часть написана им не как народная, а как образное описание от имени автора поэмы.

Во второй части дается Днепрострой в борьбе за эпоху, а вместе с тем и новый строй. К тому же, поэма написана в новой форме, в новом жанре. Это надо приветствовать, так как это, несомненно, поможет многим писателям на новые методы подхода нашей стройки. Показать Днепрострой во всей его сложности и глубине — задача всей пролетарской литературы, в том числе и автора «Поэмы о Днепрострое».

По поручению кружка
ВЛ. НАГИН
К. НАРАНОВИЧ

Днепрострой, 10 мая 1931 г.

П. ЗАМОЙСКИЙ

1. Значительное ослабление конкретной критики объясняется тем, что художественная литература **вообще** перестала и оставила далеко позади себя классовую критику. А кроме того, наша отсталая критика, вернее, большинство критиков **плохо** читает художественную литературу, поверхностно и ошибочно. Совершенно неотложное дело отредактировать художественной литературы: слову, форме, сюжетной занимательности, образу и т. д.

2. Достижений критики не так много. Главное достижение вошиповской критики (а только она одна и есть серьезная критика) в том, что значительно, по-партийному ставятся задачи художественного произведения и роль писателя в стране социализма.

Но это относится к политической оценке, т.-е. к одной из главных составных элементов произведения. А к формально-художественной стороне критики ВОАПП еще не дошли. Надо надеяться, что подойдут и будет хорошо.

Критика должна быть политически четка и художественно эмоциональна, чтобы после прочитки статьи захотелось прочитать и само произведение.

3. Конкретная критика на мое творчество, к сожалению, не имела никакого влияния. Ее, конкретной критики, на мое творчество, почти не было.

А критиковать меня, особенно по формально-художественной линии, очень и очень надо. Но надо только чутко, глубоко, вдумчиво, а не по-налетски и не ехидно.

4. Пути для ожидаемой конкретной критики мне: отвергая случайных, скоплительных критиков, а умным критикам, политически грамотным, не только **хорошо** читать художественные произведения, но и понимать художественное слово, вдумчивым, — не только понять, за что ругать, но и хвалить и достижения в форме.

творческая дискуссия по вопросам поэзии

без выхода в эпоху

в музейном мире поэта Колычева

У поэта — жадный взгляд. Все пять чувств предельно в искусный капкан для образа, теснящихся вокруг.

Отдохнем... А завтра спозаранья
Снова за работу — осязанье,
Обоняние, зренье, вкус и слух!

Изобильно плодоносит строка и строфа «кануна окалочной величины», «гвозди, трубы, как мускул сильна», насыщенные запустом семи Причерноморья — сочащимся арбузом и буйным здоровьем плоть природы.

А вещи? Они живут той же полнокровной жизнью, делят каждый первый свой тем же воздухом довольствуется. В Гуме игрушки, товары готовы позлю «воскреснуть», чтобы радовалось «пищащее, тихое вещье во имя тех фабрик высоких, в которых отмечено их рожденье».

Среди иных вещей дупно:

Бегемотом комода, собачьими харями щук,
Нафталинной звездой, зелеными перьями лука
Мир меня осаждал... О, хотя бы отдушина! Люк!..
О, хотя бы подобие люка!..

Мы предвидим гибель поэт, не знающий как «вылезбиться из лазины терних, лилих, удушливых образов старого мира: «летописного мира Эфира».

Но новое проступает бледными, слабыми контурами.

Мы видим, как прострочилось прозвучие узкой деревской дыней руки торговок, но напрасно напрягаем зрение, чтобы разглядеть «московскую осень пончиков и сбдов, осень затеков и свеней».

Мы видим, как «оду» ничком летним раздулась горячее горло» голубя, но голубь, трепещущий крыльев по первому слову Кремля» не более, как благопристойная копцовка.

Мы видим, как от падения «в материнский оиут проворной, что уголь, затишной» до «зробного дыхания» помождженного проходит образы беременности, но, как бы ни тщились, мы не поймем — откуда появился «большеголовый большевик»?

Ос. Колычев в своей «Книге стихов» бьется как пекак материального, вещного мира. Пять чувств — инструмент познания действительности. Сенсуализм Колычева не ведет его в сторону от материализма. Но материализм, не сплошь питающий диалектический материализм, просто вещный, не дает выхода в тематику современной эпохи.

Потому-то, прославляя «конец Тодкучего рынка», Осип Колычев не утверждает никаких «начал».

Поэт пытается прорваться к эпохе. В этом отношении показательны стихи «Завода», где от образа завтрашнего Днепростроя сделан крутой вираж к Волховстрою. «И в крестьянской избе, где вчера еще пела лучина, разгорелся «звезды в почтальоне» и больше свечей»... А финал?

Неужели это правда, что перепеваются песни,
Переводится молодость, перегорает пурга?..

Это лирическое отступление сразу возвращает нас к берегам того «биологического» восприятия явлений, какое составляет основную струю в творчестве Колычева. В «Октябрьях» Осип Колычев хочет ввезвить клюкв сатирика в кекавский быт. Но что противопоставит «злотому идиотизму»? «Напастырная средность подсолнуха». И то, что «не влад с разухабистой вольностью и влад с железным разливом орет оглоэралок мой сын», — застилает поэту успокоиться.

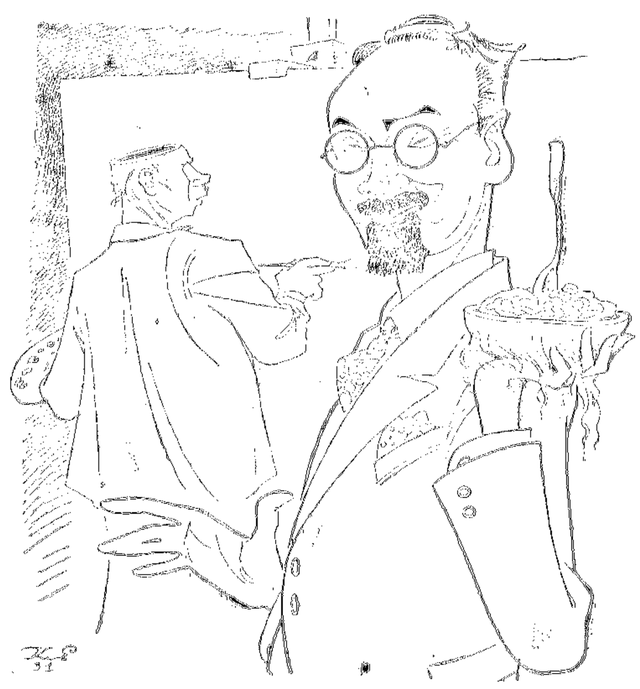
Так чего же больше желать? В книге отдана дань романтике гражданской войны. Но «Котовский в Бессарии» «сосучается по вешним», соскучился «ночевать в виноградных кортмах на дороге», «хозяйских девчонок целовать наловал», «хозяйские зарки колотить рикошетом».

* Госиздат, 1931 г.

К творческой дискуссии всех

Философия глупости

Рис. Н. Елисеева



„... Художник вообще не умеет думать. Более того, он не обязан думать. В искусстве надо думать с осторожностью. По правилу уж здесь виден. Хорошо думать меньше, еще лучше не думать совсем"...
Абрам Эфрос — „Профили".

конкретная критика держит экзамен

«Литературная газета» не ставила в свою анкете вопроса о том, отстает ли конкретная критика. Сам по себе факт отставания критики (как это показали и материалы «анкеты» — бесспорен. Т. Сейфуллина права, говоря о том, что вся **подлинная** критика — **конкретна.** Беда, однако, заключается в том, что критика в своей **значительной части** перестала и быть конкретной, то-есть **подлинной.** Ее конкретность исчезла, смешавшись отвлеченным логизированием, рассуждениями о литературе «вообще», в отрыве от творческой практики, которую она, критика, призвана осмысливать и которой она обязана указывать пути развития. Критика, в ее нынешнем состоянии, не удовлетворяет ни писателей-профессионалов, ни литературоведов, ни читателей. Тезис общий и единодушный выход.

Говоря так, мы вовсе не хотим умалять действительных **достижений,** имеющихся у марксистской критики, связанной с **практикой** литературного движения. Заявления **Н. Лящко** («конкретная литературная критика не родилась,— ее совсем нет»), или **Б. Лавренева** («достижений конкретной критики я до сих пор не видел»), явственно напоминают безобразие, что нет смысла здесь **оспаривать их.** Мы отказываемся дальше на достижениях марксистской критики. Они ставят для нас очевидное, когда мы ответим на вопрос о **причинах** отставания.

Каковы же эти причины? Некоторые из участников анкеты дали на вопрос много вразумительные, или явно неправильные ответы. Так, например, **А. Чистаков** видит объяснение в **«правых»** центре литературных организаций. Но слова могут иметь единственный смысл: борьба со всеми видами правого и «левого» оппортунизма в пролетарской литературе, борьба со всеми враждебными пролетариату литературными теориями (вершинина, переверзевщина, формализм и пр.)—все это «драки», нас, писателей, непосредственно **не касающиеся.** Пусть **прекратятся** «драки»—и все будет хорошо. Но говорить так—это значит поставить правильность слов М. Гельфанда в его адрес: «Оппортунистическая вопьяк!.. Как раз **наличием и активизацией буржуазных и мелкобуржуазных влияний об'ясняется в значительной мере самые факты отставания и отрыва».**

Мы полагаем, что основные причины отставания сформулированы в ответах тт. Луначарского, Макарьева, Гельфанда и ряда рабочих-ударников. Дело заключается в том, что «марксистско-ленинская теория, принципиальный фундамент конкретной критики—еще далеко не закончен» (Луначарский). Марксистско-ленинская теория литературы лишь вырабатывается сейчас. Эта выработка происходит в процессе разоблачения основ буржуазного литературоведения, а также всех теорий, мешающих под марксизм и извращающих его искажением и извращением. Методы марксистско-ленинской критики испытали на себе значительные **чужеродные влияния.** Достаточно напомнить про формалистические влияния, про выступление части марксистской критики под знаменами переверзевской школы (Бескинов, Гельфанд и др.), про воздействие на марксистскую критику школы меньшевствующего идеализма (деборинщины). Достаточно напомнить про то, что еще недавно Переверзев, Воронский, Гербов, Лежнев могли называть себя марксистами, хотя они с марксизмом ничего общего не имели. Достаточно напомнить про прошлогоднюю борьбу «Литфронта» и др.

Некоторые участники анкеты жалуются на **разнобой** в критических суждениях. Не все из этих товарищей понимают, что в **решающих** пунктах такой разнобой был выражением классовой борьбы на литературно-критическом фронте. Не все понимают в то же время, что выдвинутый РАПП лозунг: «Лицом к конкретной критике» отнюдь не предполагает необходимость отречения **всякой** конкретной критики. К примеру, критики Воронского или Гроссмана была **конкретной.** Однако, она основывалась на буржуазно-троцкистских литературных теориях. **Такая** критика нам не нужна. Лозунг «лицом к конкретной критике» имеет смысл лишь классовый смысл. Он означает: лицом к конкретной критике, **основанной на марксо-ленинской теории!** А это значит: необходимо и впредь решительно разоблачать и преодолевать все литературные теории и построения, противоречащие диалектическому материализму. Важно лишь, чтобы такое разоблачение не отрывалось от творческой программы.

Не случайно то, что значительные достижения имеет лишь та часть марксистской критики, которая была связана с **практикой** литературного движения (мы говорим о критике, объединенной в РАПП и ВОАПП). Она заключается в выработке, при наличии отдельных, порой существенных ошибок,теоретической и творческой линии, которая единодушно признана правильной в пролетарском литературном движении; в той конкретной творческой помощи, которая была оказана ряду писателей; в большевистской борьбе, проведенной с классово-враждебными течениями в литературной теории и творческой практике. Борьбу с воронщиной, лефовщиной, переверзевщиной, буржуазной литературой возглавляла РАПП и ее критические кадры в частности. Этого факта нельзя игнорить.

Но на **новом** этапе, в свете **новых** задач, выдвинутых перед литературой вальным периодом социализма, даже рапповская критика в целом оказалась **в ряду отстающих.** Здесь сказался и ее, еще недостаточный идейный уровень, и недостаточная разработанность теоретических основ (в примеру—критический пересмотр плехановского наследства в литературоведении начинается лишь сейчас), и вынужденный отрыв ряда критиков от непосредственной, конкретно-критической работы, и ряд других причин.

В свое время был выдвинут в известных кругах ВОСП лозунг **«антивизации попутнической критики».** Он получил отпор в самой же попутнической среде. Мы должны всячески **помогать** тем критикам, которые **овладевают** (а еще **не овладели**) марксистско-ленинским методом. Но мы обязаны давать решительный **отпор,** всем тем критическим группам, которые выступают **против** диалектического материализма, либо **ревизуют основы** последнего. **И. Макарову,** например, газетам, будто вся наша критика идеологически монолитна. Какое заблуждение!

Какие недочеты свойственны тем или иным отрядам марксистской критики? Вот основные из них: 1. Проявление **либеральной терпимости** к классово-враждебным пролетариату литературным явлениям; 2. **Оторванность от практики** литературного движения и социалистического строительства вообще, отвлеченное доктринерство, **начетничество.**

3. Подмена задач **идейного воспитания** и руководства пролетариям, пролетарско-колхозными и вопщинскими писателями—грубым **административным** нажимом, окриком, брань; 4. Непонимание **специфики** искусства, неумение брать литературно-художественное явление в его **конкретности,** неумение раскрыть **идею через образ;** 5. Игнорирование индивидуальных **особенностей** творчества данного писателя, того, что **отличает** одну группу писателей от другой.

Нужно отметить, что именно по этим линиям происходит перелицка, а порою и прямое смыкание слабых звеньев марксистской критики с критикой пельо-марксистской и приспособленческой. Вполне законно возмущение ряда писателей (в том числе и ударников) против подобных свойств критики. Но только **М. Левидов** сумел воспользоваться фактом засоренности репрессивных кадров для того, чтобы **единственной** болезнью критики (болезнью, которую Левидов считает присущей всей марксистской критике за редким исключением) об'явить... «супер-принцбесство». Здесь мы встречаемся уже не с ненужным протестом против **догматизма** марксистской критики, а с **выступлением против марксистской критики вообще.** Очень жаль, что **И. Макаров,** автор произведений, за последнее время все дальше уводящих его от пролетарской литературы, об'ективно смыкается с М. Левидовым.

Дальнейший рост рапповской критики, обеспечение необходимых условий для ее работы, наступивший перелом в работе ЛИН (Комакадемии), решительное развитие движения рабочих критиков,— все это уже в ближайшее время обеспечит реализацию лозунга РАПП о повороте лицом к конкретной критике. Особенно подчеркиваем мы задачу создания рабочих критических кадров (исправляя Л. Сейфуллину, когда она **противопоставляет** критика-профессионала и рабочего критика). Правда, были такие товарищи, указывавшие на слабое участие писательских кадров в практической работе.

Какие главнейшие задачи стоят сейчас перед конкретной критикой, руководствующейся марксо-ленинской теорией и борющейся за партийность в литературе?

Это—осмысливание новых задач, стоящих перед литературой начального периода социализма.

Это—определение тех **творческих течений,** которые сейчас в литературе существуют в достаточной мере осознанно.

Это—максимальная **конкретизация творческой дискуссии** во всех отрядах советской литературы.

Это—**внимательное изучение каждого писателя** с учетом всех присущих ему индивидуальных особенностей.

Это—аналогичная работа в отношении **литературы народов СССР и литературы иностранной.**

Это—конкретная борьба за органическое творческое включение писателя в практику социалистического строительства.

Это—особенное внимание **творчеству ударников,** призванных в пролетарскую и пролетарско-колхозную литературу.

Это—овладение всей **спецификой** литературного творчества.

Это—конкретное разоблачение **буржуазной идеологии,** проявляющейся в специфической художественной оболочке.

В целом это и означает «лицом к» отставанию конкретной критики и превращения ее в руководителя и организатора, а не регистратора литературных фактов.

На литературно-художественные и литературно-критические журналы, на реорганизованную «Литературную учебу», на «Литературную газету» здесь возлагается огромная ответственность.

Конкретная критика держит сейчас решающий экзамен.

Болезни пролетарской поэзии советской Армении

В прошлом году в советской Армении вышло около десяти книг поэм и стихов пролетарских поэтов. Эта продукция свидетельствует о ряде новых процессах, но прежде всего о том, что большинство наших поэтов **сильно отстает от реконструктивного периода.**

Поэт **С. Тароянц** дошел до того, что в 1930 году — в год развернувшегося социалистического наступления — занимается идеалистическим самокопанием. В одном из своих лирических стихов он говорит: **«любию твою любовь, полную ответ, она связывает меня с моим же миром...»**

Нет связи между собой и «своим миром» кроме любви поэт не чувствует. Это значит, что поэт **оторвался от героического коллектива,** строящего социализм, что он потерял революционные перспективы.

С. Тароянц посвятил большую часть стихов разным красавицам, под «идеалистически-вдохновенными» названиями — «делегатка», «комсомолка», «работница» и т. д. Но поэт и не думает углубляться в сущность этих женских переживаний. Он схематично описывает лишь внешность, одежду, глаза, цвет волос — словом самые эти названия.

«Зрачки твои — электролампочки,
Синие очи — сатин.
Я тебя так сильно любию.
Протягивай же ко мне руки твои».

Это, с позволения сказать, о работнице.

Поэт поет «напевный», «трусливый» вальс грузина и на одного слова о том, какая эта грузинка. Думается, что не та, которая борется за выполнение пятилетки. С. Тароянц этой вальсом отбросил себя назад в лагерь попутчиков. Это не значит, что мы должны отказать Тароянц от пролетарского литературного движения. Наоборот, мы должны помочь ему найти слова выхода в поэзию из идеалистического кризиса. А это значит **принципиально критиковать»** (Авторы).

Тема же большинства страдает весьма дарвинит поэт **В. Норенц.** Борьбу между старым и новым миром он символически представляет себе, как борьбу между луной и солнцем. Луна — это старый мир. Солнце — новый. Восходит солнце — исчезает луна. Здесь налицо механистическое понимание исторических процессов. Борьба классов — это сложный **диалектический** процесс, который сектом не исчерпывается сознательно-волевой изничей.

В других стихотворениях тов. Норенц развивает реакционную мысль воронщины о том, что только человеческая интуитивная способна проникнуть в сущность явлений. «Сердце,— только ему доступна эта тихая мистичность...» — восклицает поэт.

Непонимание сущности и забвение классовой борьбы — вот чем страдает ряд наших поэтов. Даже такой выдержанный, последовательный пролетарский поэт, как **Аласан,** в достаточной мере грешил забвением классовой борьбы. В своем новом сборнике стихов «Песни строительства и победы» Аласан только вскользь говорит о классовой борьбе, но не показывает ее. Аласан описывает технические процессы — сева, роста зерна, но не классового человека, создающего все эти процессы в упорной борьбе.

Причина этого отставания армянской пролетарской поэзии в том, что некоторые наши товарищи **оторвались от революционной практики класса.**

Только тогда мы сможем создать «большое искусство большевиков», когда будем стоять в своей художественной работе на уровне идей Маркса и Ленина, идей большевистской партии — вот о чем забыли многие наши поэты.

Этой оторванностью от революционной практики класса об'ясняется и неправильное понимание нашими поэтами учебы у классиков. В первые годы своего существования пролетарская поэзия Армении страдала вялостью схематизмом, штампом. В своем стремлении преодолеть этот схематизм некоторые талантливые поэты по пути смелого подражания старым армянским буржуазным и мелкобуржуазным поэтам — представителям символической упадочной поэзии. Особенно **турецко-армянские символисты** очень сильно влияли на некоторых наших поэтов. Лозунг критического усвоения поэтического наследства превратился таким образом у них в **эпигонство.** Сборник стихов С. Тароянц представляет собой пеструю смесь **слияний символистов** Ваган Терьяна и Мисака Менаренца, буржуазного поэта Даниэля Варужана, упадочного индивидуалиста Ваган Текеян и др. Ту же картину представляет и сборник В. Норенца. Адаэан описывает социалистическое строительство в Эривани языком турецко-армянских формалистов.

Даже талантливейший, критический поэт Егише Чаренц отдает серьезную дань механистическому подражанию классикам. Правда, у него широкий диапазон поисков у русских и западноевропейских классиков. Но в своей последней книге «Этический рассвет» Чаренц, например, **«преодолевает»** Пушкина через... простое подражательство великому поэту. Пушкина интересует одно из своих стихотворений «Черни», направленное его против царского феодально-аристократического окружения. В исторических условиях времен Пушкина это стихотворение имело известное прогрессивное значение. Но вот Чаренц, выражая этому стихотворению Пушкина, нашел подобное же этому, направляя его против своих «врагов». А кто его «враги»?.. Критики. Конечно, наша критика имеет много грехов, но этот будет обвинять поэта против **пролетарской** критики, стремящейся вскрыть и исправить крупные ошибки крупного поэта, превращается в... **политический** вызов. Вот к чему приводит механистическое подражание классикам некоторых наших поэтов. Только тот может действительно правильно переработать культурное наследство прошлого, кто исходит к этому наследству с точки зрения **большевистской** практики сегодняшнего дня.

Но есть и другие опасности в данной поэзии — опасность **схематизма, халтуры и приспособленчества.** Все эти болезни в пролетарской литературе теоретически питались **«Литфронтом».** Литфронтовских грунтировок в Армении официально нет. Но это не значит, что отдельные писатели и поэты в своих произведениях не применяют принципы «Литфронта». Один из талантливых поэтов Армении т. Азат Вштуни очень серьезно страдает схематизмом. Положительная сторона Азата Вштуни в том, что у него новая, злободневная тематика. Но одного этого недостаточно. Недостаточно трубить: «Враг — бесенок, НЭП — силен». Нужно показать конкретно силу партии и историческую обреченность врагов. Крича же вообще о бессилии врага, поэт дезориентирует читателя. Такой нарадностью страдает, к сожалению, большинство стихов начинающих рабочих и колхозных поэтов. Они поют вообще об ударнике, о колхознике, о заводе, о тракторе, но конкретно не показывают все это. Неясность ощущается для всех этих поэтов — неконкретность их творчества. Призыв ударника в литературу — основная предпосылка для создания подлинной пролетарской **конкретной** поэзии. Но в Армении, к сожалению, очень слабо развернулась кампания призыва. Отмеченность творчества страдает и дарезитый пролетарский поэт Г. Сатян.

Есть, конечно, и серьезные достижения в нашей поэзии последних лет. К ним нужно отнести прежде всего решительный перепом и в поэзии, и в прозе в сторону новой тематики. Лучшая часть товарищей уже признает свои ошибки и переходит к **конкретному** изучению практики работы заводов и колхозов. Только этим путем, только при активном участии в практике своего класса мы сможем овладеть — тематикой реконструктивного периода, во всей ее сложности, и **методом диалектического материализма,** не вибывая ни на минуту об упорной теоретической учебе, об овладении теорией марксизма-ленинизма.

Н. ЗАРИН

НИК. АСЕЕВ

в беспорядке дискуссии

о некоторых критиках

Вчера ударил
дворник пятака
в гонгу
новеньким калтуном.
Дворник—
был строгим и порядку верным,—
потенок
утюга умирать в потенках.
Это,
конечно,
не крупный факт
в реконструктивном периоде:
на потенок,
который стен глухнет,
свои здесь
сделает выводы.
Каких бы дней
ему жизнь ни дарила,
он помнить будет
о главном—плохом:
как шварнул его
дликнуруний горилла
нравоучительным избуком.
Он будет помнить,
как смел и доверчив
пружинил жизнь он,
как детку чиж,
как мир полетел,
внезапно зазерчен,
в какую-то мутную тьму
и тишь.
Мое замечание
при факте при этом:
если товарищи
песен хотят—
не бейте
новеньким авторитетом
по головам
неповинных котят.

рапп развертывает
творческое соревнование
на расширенном бюро правления рапп

В клубе ФОСП им. Горького состоялось двухдневное заседание бюро правления РАПП, являющееся одним из первых шагов практического осуществления рапповского лозунга о развертывании творческого соревнования.

Докладам имели творческих группировок РАПП («Напостовская смена», группа Панферова-Ильенкова, старая «Кузница», молодая «Кузница» и ленинградские группировки—«Напостовский призыв» и «Закал») было предложено вступительное слово Л. Авербаха, подчеркнувшего необходимость дальнейшего углубления творческой дискуссии, которая до сих пор развертывается недостаточно.

— Эта дискуссия должна развертываться на основе все растущей ответственности за всю советскую литературу, на основе взаимопомощи и социалистического соревнования, а не анархической конкуренции: именно это в частности отличает характер развития пролетарской литературы от развития литературы буржуазной.

Отсюда—задача большей пролетарской самокритики, с помощью которой должна вестись непримиримая борьба с двумя основными опасностями в творческой дискуссии.

Одна из них—правая—заключается в представлении о прямой преемственности пролетарской литературы от буржуазной, в высокомерном отношении к обслуживанию действительности, в снижении роли пролетарской литературы, в кратковзгляде специфики буржуазной литературы как «специфики искусства вообще».

«Левая» опасность заключается в невнимании классического наследства, в снижении художественности под флагом служения злободневности, в тенденциях никвидаторства пролетарского искусства.

Л. Авербах приводит далее ряд примеров вульгаризации и извращения лозунга борьбы за тематику реконструктивного периода: «перевальцы» извращают его, например, своей «заявкой» на Антарктиду, являющейся своеобразной формой отсиживания от действительности; тощий тематизм некоторых бывших конструктивистов является другим видом извращения этого лозунга. Вопрос о роли писательского мировоззрения встает в связи с этим с еще большей остротой. Мы должны требовать от писателя не только освоения и умелого подхода к действительности, обобщения событий, но и художественного предвидения их. Работая над своим мировоззрением писатель сможет выполнить это требование.

В этом плане большую ценность представляют собой, например, «Бруски» Панферова. Передовая роль этой книжки сказалась, в частности, в том, что она агитировала за сдельщину в колхозах раньше, чем практически стали вводить принцип сдельщины. Для практиков колхозного движения «Бруски» послужили и служат прямым руководством к действию.

Задача показа героев,—отмечает далее т. Авербах,—непосредственно связана с изжитием нового художественного метода, ибо здесь мы с особенной остротой видим кризис всех старых жанров, сплошь и рядом приводящий показ героев социалистической стройки подменяется буржуазным репортажем.

Письмо секретариата РАПП о развертывании творческой дискуссии является документом, на основе которого должны расти и работать творческие группировки. При развертывании творческой дискуссии необходимо учесть, использовать весь прожитый опыт пролитературного движения. Между тем еще не налажен учет творческих особенностей того или иного писателя, бывают случаи непонимания к отдельным писателям и даже целым группам, поэтому их, в то время как все рапповские творческие группировки должны быть целым одного предприятия.

Товарищ Авербах характеризует, как недопустимое, отношение т. Чумандрина и т. Безыменскому, проявленное им в одном из высказываний в журнале «На литературном посту».

Творческая дискуссия,— подчеркивает Л. Авербах,—не следствие кризиса, а явление роста пролитературного движения. Но уровень последнего такой, что еще только формируются отдельные его направления.

Эта мысль т. Авербаха о еще ненаходимом учете творческих особенностей писателей и о том, что на данном этапе дискуссии отдельные группы только начинают нащупывать пути творческого размежевания, нашла свое подтверждение и в характере докладов, с которыми выступали представители шести творческих группировок, и в многочисленных высказываниях в прениях.

Довольно резкую оценку заслуженно встретил, например, доклад Н. Лянко, выступавшего от имени «старой» «Кузницы». Декларация представляемой им группы в основном повторила зады старых программных установок прежней «Кузницы», наболовавших, как известно, и богдановско - пролеткультовскими тенденциями.

Одиозные установки доклада Лянко побудила группу товарищей из «старой» «Кузницы», возглавляемую т. Яниченко, огласить специальное заявление от имени большинства «Кузницы», в котором говорится, что доклад Лянко не выражает взглядов большинства «старой» «Кузницы».

От имени «молодой» «Кузницы» выступил с докладом И. Жига. Указав на основные творческие лозунги «Кузницы», о том, что литература—есть познание жизни в художественных образах и руководство к действию, т. Жига подчеркнул, что молодая «Кузница» ставит своей задачей художественно отображать сложные диалектические пути борьбы пролетариата, коренное изменение производственных отношений, показать массу, как движущую силу, и рядового героя, в отличие от такого, который в литературных произведениях обычно показан стоящим над массой, командующим ею. Много заимствования улетит «молодая» «Кузница» стилистической учебе, овладению языковым мастерством, в частности в области очерка, считая своим учителем Горького. Одним из основных признаков работы группы являются творческие бригады: коллективное обсуждение плана задуманного писателем произведения противопоставляется старым индивидуалистическим методом писательской работы.

Третья группировка—«Напостовская смена», от имени которой выступил А. Митрофанов, кладет в основу своей работы те требования, которые предъявлены рабочими «Красного путиловца» и Завода им. Ильича в их обращении к пролетарским писателям. Основная установка «Напостовской смены»—борьба за мировоззрение, за интеллектуальную насыщенность литературы, борьба с таким положением, когда во многих литературных произведениях «убогая известка обсказывается образами».

«Напостовская смена» выступает и против ограничения литературной темы вопросами производства.

— Признаком «большевистской твердокаменности» иногда пытаются заменить вопросов пролетарской лирики. Это интеллигентское пренебрежение ничем не оправдано; нельзя же наподобие А. Безыменского убаюкивать только «станочек мой, станочек»: у рабочего свои живые дети есть, у него есть сердце.

«Напостовская смена» выступает против лозунга сведения литературы к художественной публицистике, которую проповедуют Селин и Ильин,—такие лозунги «Н. С.» считает остатками литфронтовщины. Художественной публицистике «Напостовская смена» противопоставляет лозунг партийности литературы.

Группа Панферова, от имени которой выступал В. Ильенков, выдвигает требование, чтобы литературное произведение писалось непосредственно в огне социалистической стройки, ибо основной задачей группы является борьба с кабинетным типом писателя. Группа Панферова считает обязательной постоянную связь с определенным предприятием, к которому на длительный срок прикрепляется тот или иной писатель.

Группа Панферова не имеет еще, по словам В. Ильенкова, особых отличающих ее творческих установок и своей декларацией считает письмо секретариата РАПП о развертывании творческой дискуссии, но к осени группа предполагает на основе своей практической работы представить секретариату РАПП свои уточнения и дополнения к этому письму.

Ленинградская группа «Закал», представленная т. Владимировым, выступает против «плеханщины», «недостаточно активной перелески мира», которая свойственна ряду ведущих произведений пролетарской литературы. Группа объединяет молодежь, работающую на ленинградских предприятиях и пишущих очерки о них.

Тов. Владимиров намечает два основных течения в пролетарской литературе. К одному из них он причисляет Фадеева, Шолохова, Либединского, Чумандрина, к другому—Панферова, Ильенкова, Небаха и других. Группа «Закал» считает для себя более близким второе из этих творческих направлений.

Другая ленинградская группа—«Напостовский призыв», представленная т. Евсеевым—сложилась по словам докладчика, из тех лапповцев, которые с самого начала последовательно боролись с «Литфронтом».

— Нас об'единил этот мировоззренческий экзамен, — говорит тов. Евсеев.

Вся работа группы ведется на основе жесточайшей самокритики, но в атмосфере товарищеской бережности. Основным лозунгом группы является массовость и требование для пролетарского писателя сочетать в смысле актуальности быстрые темпы с высоким качеством литературной продукции. Группа ставит также своей задачей привлечение в свои ряды пацписателей из национальных секций и проявление должного внимания к смежным областям искусства.

Полемизируя с Владимировым, т. Евсеев отмечает нечеткость творческих установок группы «Закал», которая ставит в один ряд Фадеева и Шолохова и упрекает Фадеева и Либединского в излишней «массивности», явно недооценивая глубины и революционного значения их произведений.

Последним выступил В. Саянов от имени возглавляемой им группы ленинградских поэтов (Саянов, Прозоферов, Гитович, Лихарев, И. Браун), которая также имеет себя творческой группировкой, желающей следовать генеральной линии пролетарской поэзии, осуществляемой творчеством Д. Бедного.

Многие из выступавших в прениях указывали, что при отсутствии сколько-нибудь принципиальной платформы эта группа, состоящая из четырех пролетпоэтов и одного поэтучика, вряд ли может рассматриваться, как творческая группировка РАПП.

*

Из выступлений в прениях следует отметить речь А. Сурикова («Напостовская смена»), который указал на недостаточно четкое размежевание творческих группировок, из которых одни не могут еще определить своего творческого пути вследствие «недостаточной утряски», а другие на первых порах не отказываются еще говорить о своих особенностях, идти особым путем, отличным от пути других творческих группировок.

— Но раз уже создалась группировка, следовательно есть уже и сейчас какая-то линия размежевания; нужно ее определить более четко, и здесь уместно бросить упрек в том, что рапповские критические кадры не включились в работу по творческому размежеванию.

Характеризуя творческие позиции «Напостовской смены» в области поэзии, т. Сурков подчеркивает, что членам «Н. С.» ставится и обязанность овладение марксистской теорией в сочетании с непосредственным участием в практике социалистического строительства, причем это участие должно итти по линии роли оружия того или иного поэта.

«Напостовская смена» борется за предельно конкретную партийную и эмоционально насыщенную пролетарскую поэзию. При этом «Н. С.» понимает конкретность, как умение обосновать глубокую идею показом конкретной действительности. Именно с этой точки зрения «Н. С.» идет по линии творческого размежевания, оставляя справа—эстетствующих И. Уткина, Дм. Алтаузена, А. Жарова, «группу романтиков»—М. Светлова, М. Голодного, субъективистски воспринимающих действительность, и Э. Багрицкого, чьи стихи несвободны от биологизма, а слева—тех, кто вслед за Безыменским проявляет в поэзии тенденции схематизма, рационализма, не преодоленные влияния «Литфронта».

Выступивший затем М. Гельфанд указал на чуждость пролетарской литературе всей линии «Литфронта», который способствовал развитию межбуржуазной анархической конкуренции в развертывании творческой дискуссии, в то время как единственно правильным большевистским принципом является осуществляемое сейчас РАПП развертывание творческого соревнования.

В. Ермилов выдвинув задачу борьбы за ленинский этап в развертывании творческой дискуссии по аналогии с тем, как борьба за ленинский этап осуществляется в области методологии литературоведения. Ко всем литературным разногласиям т. Ермилов призывает подходить с точки зрения практики реконструктивного периода. Однако мерило практики не означает литфронтовской «злободневности»:

в произведении пролетарского автора, посвященном любой эпохе, должно быть видно, что мировоззрение писателя обогащено практикой рабочего класса в реконструктивный период.

— Пока что,—говорит Юр. Либединский,—все творческие группы несут на своих знаменах лозунги ленинского мировоззрения, — но еще вопрос, как они понимают эти лозунги, как будут их претворять в жизнь в своей творческой практике.

— К письму РАПП о творческой дискуссии доклады и прения много не прибавляют,—констатировал И. Макарьев.—Это только затравка и настоящей большой творческой дискуссии.

Г. Корабельников указал на наблюдающийся серый отвал группировки от другой и от имени «Напостовской смены» заявил о необходимости установления в дальнейшем тесной связи между группировками и в частности в Москве—между «Напостовской сменой» и группой Панферова—Ильенкова.

Закрывая заседание, Ф. Панферов выразил удовлетворение по поводу того, что двухдневная работа расширенного бюро правления РАПП прошла в атмосфере крепкой товарищеской солидарности, отдавивший навеянную со стороны рознь между отдельными группировками.

Это единство, свидетельствующее о подлинной консолидации пролетарских литературных сил, несомненно даст возможность вести более плодотворную работу в дальнейшем и служит верным залогом успешного развертывания творческого соревнования писателей РАПП на основе обогащения общей творческой платформы.

ДЕКА

мнимое единство „мнимой поэзии"

«Мнимая поэзия». Материалы по истории поэтической пародии 18 и 19 веков. Под редакцией Ю. Тынянова. «Академия». 1931 г. Стр. 459. Ц. в папке 4 р. 50 к.

Пародия есть жанр, при помощи которого одно литературное направление борется с другим, беря стиль последнего для того, чтобы разоблачить его, высмеять и унизить. Пародия снижает стилевые приемы пародируемого или, наоборот, усиливает в нем «высокий штиль» до смешного, до нелепого, тем самым обращая художественное оружие противника против него самого. Пародия может быть средством сопротивления отживающих литературных школ. Она может быть, наоборот, средством нападения в руках восходящей литературной школы. Наконец, пользуясь терминами предисловия, «пародийность может стать, пародичностью» — в тех случаях, когда автор пародии пользуется готовым сюжетным костяком и традиционной формой данного произведения не для того, чтобы пародировать последнее, а для развития самостоятельной памфлетно-сатирической идеи.

Сборник «Мнимая поэзия» представляет собою груду пародийных и пародических материалов разной ценности, иногда впервые опубликованных в печати (поскольку для его составления использованы и рукописные материалы).

Принцип расположения этой груды и ее осмысления — формально академичен: в первом отделе сборника собраны пародии на отдельные жанры, во втором отделе—пародии на отдельных поэтов. Пародические материалы почему-то даны в приложении. Нет даже попытки осмыслить помещенный в сборнике материал в плане классовой борьбы в русской поэзии. В результате сборник представляет собою хаотическое нагромождение пародий, имеющих различные, часто противоположные социальные установки. Ведь они, в тот же жанр или один и тот же поэт, могут подвергаться пародийной атаке с различных позиций.

Раскроем, к примеру, главу, посвященную пародиям на Фета. Тургенев пародирует Фета с точки зрения либерально-поместной литературы, отвергает не классовое существо поэзии Фета, а лишь ее иррациональное выражение. Между тем, Минаев или «Мэйор Бурбонов» из «Искры» 60-х годов пародийно вскрывает в поэзии Фета ее крепостническую душу. Какой же смысл об'единять пародии по поэтам и жанрам, если в этих поэтах и жанрах пародируется разное, если единство об'екта пародии оказывается здесь мнимым? Какой же смысл раздроблять пародийную деятельность какой-либо литературной группы (той же «Искры») по отдельным главам, если именно в этой деятельности осуществляется подлинное единство пародийной направленности?

Только понимание пародии, как явления классовой борьбы в литературе, только изучение пародии, как одной из сторон деятельности данной литературной группы, помогли бы вскрыть специфические особенности пародии как жанра в его социальной обусловленности и историческом развитии. Пока же читатель «Мнимой поэзии» вынужден довершать за редакцию сборника ту работу, которую эта редакция должна была произвести самостоятельно.

А. СЕЛИВАНОВСКИЙ.

в плену у вещей

С. ТРЕТЬЯКОВ. «Месяц в деревне». «Федерация». М. 1931. Серия «Социалистическое строительство». Стр. 255. Ц. 1 р. 50 к. Переплет 20 к.

В сборнике очерков «Месяц в деревне» С. Третьяков рассказывает о том, что он видел и делал за время пребывания в колхозах Терского округа в июне—июле 1930 года. Автор наблюдал повседневную работу колхоза, и очерки показывают, что он действительно хорошо знает дела колхоза того времени. Это одно из главных достоинств сборника. Но чрезмерное нагромождение фактов, доходящее до гипертрофичности, обусловливает и ряд недостатков сборника. Пролетарский художник должен не только правдиво отображать факты, но и вскрывать движущие силы и тенденции их развития. Очерки Третьякова прежде всего страдают в этом отношении.

Очень показательно, что колхозы даны им вне их развития, статически. Важно было бы показать, что умелость коллективизации деревни является результатом не стихийного развития, а есть результат ленинского руководства партии и гигантской самоотверженной работы коммунистов, деревенских работников, бедняцко-середняцких масс. Но именно этого в очерках нет, в них не подчеркнута руководящая роль партии. Таким образом, главная, движущая сила коллективизации осталась вне поля зрения художника. Это несомненно снижает познавательную и политическую ценность очерков Третьякова. Автор затрагивает лишь внешность явлений. Изменения в быту и психике крестьянства, без которых успешное проведение и углубление коллективизации невозможны, остаются вне очерков. В очерках нет живых колхозников, председателей, предриков. Индивидуальное, которое должно было наиболее ярко показывать общее, Третьяковым совершенно игнорируется. Отсюда — схематичность.

Внешняя жизнь колхоза показана правдиво и интересно. По поводу классовой борьбы в деревне и отражения этой борьбы на колхозном строительстве в сборнике нет. Единоличники, например, представлены как сплошная масса, а кулак совершенно выпал из поля зрения автора.

Поэтому основной, решающий вопрос «кто-кого» остается обойденным, целеустремленность колхозного движения, ясно представленная в «Разбеге» Стальского, здесь не чувствуется. Сущность творческого метода Третьякова, его слабость могут быть выражены той клячкой, которую ему дали колхозники — «дюденька, который считает».

На всех очерках Третьякова лежит печать его «лефовского происхождения».

В. ЩЕРБИНА

среди книг
фельетоны
социалистической стройки

МИХАИЛ КОЛЬЦОВ. «По поручению директора». На фронтах пятилетки. ГИХЛ. 1931. Стр. 47. Тир. 25.000. Ц. 15 к.

Показ выполнения ленинских заветов — «поручений директора» — лежит в основе этой книги. План ГОЭРЛО, постройка бумажных фабрик Балахны и Сясьстроя, постройка таких гигантов электроэнергии, как Днепрострой и Шатурка,— вот что показано М. Кольцовым в его книжке. Кольцов показывает наши достижения, борьбу за социалистическое строительство, он заражает читателя пафосом этой борьбы. Кольцов не боится показывать сложные технические процессы. Но он не увлекается «голой» техникой. Он видит за этой техникой прежде всего ее социальную функцию.

Он дает людей, созидающих наше строительство. Он показывает, как строительство в свою очередь творит людей. «Они (молодежь, занятая на днепровском строительстве) делают плотину, а плотина делает их». Не все, и не для всех, идет гладко на строительстве. Нередки осложнения, неприятности.

Кольцов спрашивает: «Могут ли авторабочими, считающие себя борцами за социализм, ходить в обиде на мозоли, полученные в толчее?» И отвечает: «Нет, не могут». Ибо на нашем великанском строительстве, когда «рубят безграничный, беспохожденный лес дикости, невежества, темноты, угнетения, рубит на бумагу, на промоту, на «культуру», нельзя ходить кобыле на летящие щепки, которые сшибают, царапают самолюбие, спокойствие, нервы. Чорт с ними, со щепками, если есть большие победы, большие радости!».

Фельетоны Кольцова читаются с огромным интересом. Они окрашены тонами лиричности (они окрашены, когда нужно, тонами сарказма и иронии, и от этого они выигрывают, от этого становятся еще бодрей, их социальная направленность становится еще острей).

В книге 8 фельетонов на две различные темы: электростроительство и строительство бумажных гигантов. Но всей фельетонов пронизаны одной идеей, пементирующей их—великанским размахом, строительством социализма в нашей стране.

Я. ХЕЙФЕЦ

Кружок «Рост»

о творчестве в. бабушкина

Виктор Бабушкин — «С ружьем на лесам и болотам». Рассказы. «Федерация». 1931 г. Цена 1 р. 50 к. Стр. 267.

Двадцать рассказов, помещенных в книге, разбиты на четыре группы: 1) С ружьем по лесам и болотам, 2) Детство, 3) Люди и встречи, 4) Разные рассказы. Для первых трех групп разбинка это не механическая и не случайная — в каждой группе рассказов фиксируется определенно-очерченный тематический «участок».

Первая группа рассказов в структурном отношении напоминает «Записки охотника» — Тургенева: странствуя с ружьем по волжским лесам, болотам и деревням, Бабушкин, встречаясь с различными людьми, от преданных делу социалистического строительства до человеческого мусора, дает их зарисовки. Зарисовки эти как художественный показ, как средство познания человеческого материала, конечно, сможли бы представить большой интерес, если бы автор дал их не только с надлежащей полнотой, но и верной установкой; последнего, как раз, мы не имеем.

Автор сплошь и рядом фиксирует свое внимание на несущественных и незначительных сторонах действительности, на мелочах. Он не имеет твердого и четкого принципа отбора в лесе художественного показа явлений действительности. Отсюда—ничем не может быть оправдан рассказ «Егор», в котором описывается человек, не представляющий никакого интереса даже с точки зрения показа представителей никчемного человеческого мусора. Правда, есть рассказы, в которых автор затрагивает существенные актуальные моменты. Так, рассказ «Забытые» и «Глухая жизнь» красочно показывают нам действительно глухую жизнь волжских рыбаков и бакенщиков, часто лишенных возможности включиться в культурную и политическую жизнь страны и вынужденных поэтому пробавляться кулацкими слухами о том, что «Москва с Ентербурхом скандалит».

«Детство» — автобиографично и напоминает горьковские «Университеты». Описывая трудный путь, которым ему пришлось итти, показывая беспросветную жизнь рабочих до революции, Бабушкин тем самым свои автобиографические рассказы делает политическими. В этом их положительное значение.

Рассказы «Люди и встречи» — контрастны: в одних даются обыватели и болтуны от революции, нанувшие ею и в своем бесильном озлоблении способные только на то, чтобы ворожески бросить в знак протеста мертвую собаку на могилу революционера; другие рассказы показывают, как гибнь революция выносит на пролетарские передовые позиции классовой борьбы тех, кто до того был совершенно беспартен, забит («Митяй») или же выявлял свой социальный протест в грубо анархистской форме. («Максимка»). Однако, недостатком всех этих портретов является то, что очерчены они крайне бегло, поверхностно.

Рассказы последней группы (особенно «Остатки» и «За гусями») не представляют ни общественного, ни тем самым художественного интереса.

Таким образом, в качестве итога необходимо сказать, что на ряду с хорошо сделанными и содержательными рассказами в книжке мы имеем не мало таких, которые свидетельствуют о неумении автора во многих случаях проникнуть за кору действительности, и неумение его углубленно рассмотреть и показать тот или иной факт.

ИВ. ЕРМАКОВ

„проблема счастья и смысла жизни"
программы что по литературе

Программы по литературе и языку ЦЧО особенно заинтересовали специальную бригаду Цекпроса, обследовавшую состояние подготовки новых педкадров в Центральной Черноземной Области. Эти программы были оценены как «вполне удовлетворительные». Ознакомление показало, что программа по русской литературе XIX века по существу переверзевская. Достаточно просмотреть несколько заданий, чтобы убедиться в том, что составлена она каким-то учеником Переверзева, по рецепту последнего. Например, задание: «Литературный стиль промышленной буржуазии в период зарождения промышленного капитализма». В этой теме студенту ставятся такие «вспомогательные» вопросы: 1. Социальный смысл образов Фамусова и Скалозуба. 2. Социальный смысл образов Молчалина и Загорецкого. 3. Роль образа Софьи. 4. Дана ли в образе Репетилова карикатура на декабризм?

Можно, конечно, и следует даже говорить об образах в литературном произведении, но если вся программа наполнена ими и только ими, то придется спросить и автора этой программы, и комиссию, которая квалифицировала ее как «вполне удовлетворительную», где же в программе отражена борьба масс и социальная роль литературы как одного из сильнейших специфических средств этой борьбы? В программе на это нет и намека. Зато ее автор, следуя слепо за Переверзевым в его меньшевистском рассмотрении литературы, как «чистой» системы образов и игнорируя совершенно идейную значимость литературы, дал законченный образец механистической программы.

Справедливости ради отметим, что есть темы выдержанные и в совершенно другом методологическом плане, а именно — в плане преодоления старой вульгарно-социологической». Так, например, с серьезным видом рекомендуется проработать студенческую «Проблему счастья и смысла жизни в трактовке Чехова», «Смысл культа смирения и страданий» и т. д. Ясно, что такие «рассуждения» о счастье, о смысле жизни и т. д. призваны подменить классовую науку о литературе старой вульгарно-социологической дребеденью.

Не лучше обстоит дело и в Тамбовском учпедагогическом институте, в котором программа по «Введению в марксистское литературоведение» после загадочного вопроса: «Что такое художественность» об'ясняет, что художественность это «сюжет, фабула». Дальше выясняется, что в «признаки художественности» входит и «правильность идеи произведения, как актуальность содержания...» (Если буржуазный писатель освещает классовую борьбу с точки зрения своего класса актуально, значит для нас и идея его правильная).

Естественно, что такая программа обходит совсем действительно актуальные вопросы борьбы против классово-враждебных концепций и школ (совсем не упоминаются Переверзев и вся меньшевствующая школа, Ворицкий и др. теоретики «Перевала» и т. д.).

В программах по «языковедению» и «русскому языку» имеют место такие факты, как зачисление в русский язык языков украинского и белорусского. Последние рассматриваются «как другие русские языки», причем формулировано это с откровенной наглостью. В теме 6-й читаем: «Русские языки и наречия» и дальше расшифровка: «украинский язык, белорусский язык»... Ясно, что кроме Шахматова великодержавное языкознание не рекомендует больше по этому вопросу ни одной книги. О враждебном для нас буржуазном характере индоевропейской школы ни слова. Наоборот, подчеркиваются «его достижения». Как учебные пособия к каждой теме рекомендуются книги и статьи воинствующего индоевропеиста Поливанова (кстати, получившего достойную квалификацию «Литгазеты» № 28).

О программах, признанных явно или замаскированно враждебными, мы уже не говорим. Но ясно, что в ЦЧО всю работу по составлению литературоведческих и лингвистических программ нужно начинать заново. И это — первоочередная задача учебно-методологических организаций области.

И. ЮРЧЕНКО

писатель на борьбу
за социалистическую реконструкцию сельского хозяйства

кто покажет большевистский сенокос?

Июньский пленум ЦК ВКП(б) констатировал, что зерновая проблема в нашей стране уже успешно разрешена. Завершена коллективизация в основных зерновых районах, и есть все данные для этого в остальных, план второго большевистского сева выполнен, и превышена значительно прошлогодняя посевная площадь. Решающих успехов мы добились и в отношении технических культур.

Все это позволяет, не ослабляя внимания к зерновой проблеме, добиваться дальнейших успехов в ней, вплотную подойти к разрешению последней, основной и труднейшей проблемы сельского хозяйства — животноводческой.

— На борьбу за социалистическое животноводство! — этот лозунг партии уже подхвачен миллионами совхозников, колхозников и бедняков. Мы уже добились значительных успехов в деле ликвидации тех трудностей, которые были вызваны ослаблением животноводства некоторое время назад. Увеличение стада «Скотосоюза», «Овцесоюза» и «Свиносоюза», успешно выполняющих свою пятилетку, намечавшаяся и уже реализуемая специализация районов, создание десятков и сотен животноводческих совхозов и подъем животноводства в колхозах двигают вперед развитие социалистического животноводства.

Однако, обольщаться этими успехами нельзя. Нельзя успокаиваться до самого того дня, пока мы, так же как в отношении зерновой проблемы, не будем иметь коренного решения животноводческого вопроса в нашу пользу.

Основным условием для этого является широкая мобилизация энергии масс на разрешение животноводческой проблемы и всех с нею связанных. Этого еще нет. И значительная вина падает здесь на нашу печать, от верхнего звена до низшего повинны и писатели (пролетарско-колхозные — в первую очередь), чрезвычайно мало занимающиеся этой, одной из основных проблем строительства социалистического сельского хозяйства. Много ли у нас написано очерков, рассказов, книг о новых животноводческих совхозах, поставлена ли кем-либо на примере какого-либо одного района вся животноводческая проблема, во всем ее объеме? Писатель явно отстал в этом деле.

Этот пробел нужно исполнить — такова общая задача. Кроме нее есть задача практическая, буквально сегодняшнего дня, разрешение которой не терпит отлагательств. Это — включение писателей в кормовой поход.

Кормовой проблемой решается вопрос о всем развитии животноводства. Ликвидация недоедания кормовых культур, обеспечение планов посева и уборки, борьба за второй укос лугов, за механизацию сенокоса и за организацию труда (сдельщина, ликвидация обезлички и т. д.) — все это действительно важнейшие задачи сегодняшнего дня. Ибо именно в этом, решающем году пятилетки организуется первый большевистский сенокос, который должен обеспечить животноводству решительный сдвиг.

Специально организованным кормовым штабом во главе с С. М. Будзенным, организован смотр готовности к сенокосу и конкурс на его проведение. До сегодняшнего дня все это проходит мимо писательства и даже мимо тех писателей, которые работали в деревне весной и участвуют в организации и проведении уборочной кампании.

Повернуть их лицом к кормовой проблеме — это первоочередная задача. Каждый писатель, командированный на село, обязан бороться за успешное проведение сенокоса и силосной кампании.

Во-вторых, нужно реализовать намерение кормового штаба о посылке на сено-уборку очеркистов, об организации освещения этого дела в печати, о специальных писательских бригадах.

Наконец, должно быть реализовано закономерное требование о творческом отклике писателей на животноводческую проблему.

Мы предлагаем РОПКП взять на себя инициативу созыва, совместно с кормовым штабом, в ближайшие дни совещания писателей по всем этим вопросам, заранее проработав практические мероприятия.

на проверке

Уборочная кампания этого года по, крайней мере на Сев.-Кавказе, где я работаю, будет происходить в обстановке острого недостатка рабочей силы. Обильный урожай потребует полуторной нагрузки машин и двойного напряжения людей. Мобилизация всех сил средствами культмассовой работы — задача писателя. И на этом участке очень велика нужда в художественном слове.

В большинстве совхозов и колхозов, прекрасная культ-агитбр, комсомольцев и студентов-практикантов, можно организовать следующее.

Культ-фургон. Эта одна из проверенных форм массовой работы. Культ-фургон, в зависимости от выбранного типа, может соединить в себе выступления синей блузы (жив. газеты), чтецов и декламаторов, докладчиков и музыкантов, кино и радио-перекличку, почту, справочное бюро и т. д.

Для выступлений с площадки культ-фургона нужен литературный материал. Периодические сборники этого материала («Красная рубаха» и пр.) приходят на места обычно к напечному разбору, т.-е. по окончании данной с.-х. кампании. Кроме того, материал их скуден и не может полностью ответить на местную злобу дня. Писатель должен дать частушку, песню, короткую инсценировку, стихотворный лозунг (контр-лозунги, бьющие по показателям, отмечающий лучшую бригаду, ударника и т. д.). Большую помощь в этом деле могут оказать местные рабкоры, расширив боевую их повязь; надо только суметь их «мучать» и привязать. Выступления своими помощниками в совхозе «Ленин-заря» оказались два только технических недостатка, бивших безразлично.

Само собою разумеется, что писатель должен организовать и направить на обслуживание уборочной местную печать (многотиражки, стенные газеты, бюллетень, световая газета и т. д.).

Сейчас писатель встретится с главным порогом отсталости — косностью в мелких фактах, часто носящих узколичный характер, доминирующее стремление «протянуть» одним словом, из деревни не вывоз леса. Надо не вернуть печать лицом к производству, к стимулированию ударничества и показу соцсоревнования. Это методический ходит недалеко: достаточно прислушаться к п. о. «Правда». В совхозе «Весны-заря» мы наклеили уборочной выпускаем бюллетень с графиком подтягивания уборки культур. На завтра после первого же дня уборки мы показываем, как график изменился. Таким образом все ежедневно могут следить за ходом уборки на отстающих участках.

Участвуя в производственных и технических совещаниях, выявляя «узкие места» и ударяя по ним всеми средствами культмассовой работы, вы принесете реальную помощь и скоро станете необходимым производству.

Предостерегаю от опасности разбрасываться, работать рывками. Необходимо увязать культработу как с хозяйственным планом проведения уборки, так и с планом массовой работы культсектора парткомитета и рабочкома.

С. ЮРИН

литературно-писательская база
на средней волге

Два-три месяца назад в «Правде» было напечатано короткое сообщение о создающейся на Средней Волге литературно-писательской базе.

Суть этого важного начинания сводится к выделению одного из производящих районов Союза в опорный — для проведения в нем ударной планомерной работы по созданию массовой колхозной книги, по выдвижению новых авторских и писательских кадров из среды самих совхозников и колхозников-ударников.

В этом опорном крае должны быть также выявлены и проверены на массовом живом опыте, путем соцсоревнования и ударничества, наиболее ценные методы и формы доведения колхозной литературы по читателя — с/х рабочего и колхозника.

Сейчас работу на литписательской базе ведут ОГИЗ, РОПКП и ряд краевых организаций, при непосредственном руководстве Средне-Волжского крайкома партии. Постоянную связь центра с краем осуществляла ударная литбригада ОГИЗ и РОПКП.

В крае выделен Бузулукский район в качестве опорного по созданию книжно-литературной базы. На происходившем этой весной в Бузулукском районе плеуме ср.-волжской организации пролетарско-колхозных писателей решено теснейшим образом связывать всю творческую и массовую работу организации с пятилетней Средней Волги и добиваться введения планирования в дело создания массовой колхозной литературы и новых авторских и писательских кадров.

Второй Бузулукский сельсовет колхозов взял на себя ряд обязательств, по составлению колхозной книги и оказанию содействия ОГИЗ в ее продвижении за совхозов деревни. Создан названы в основных районах (Самарский, Оренбургский, Саранский, Орский, Сызранский и др.) на аналогичную работу в порядке соцсоревнования и ударничества.

В настоящее время в крае пишется «Красная книга» колхозного и совхозного строительства, которая должна состоять из серий книг и брошюр, написанных самими совхозниками и колхозниками-ударниками.

В совхозе «Волжская коммуна» (Бузулукского района) литкружком пишется коллективно книга «О совхозно-колхозном труде».

В колхозе «Свободный труд» того же района ударниками-колхозниками описывается в литературных дневниках победа в нынешнюю вторую весеннюю, когда этот колхоз закончил сев в 13 дней и вышел по севу одним из первых в крае.

На недочетов в работе следует отметить отсутствие проверки выполнения решения крайкома партии о литбазе и полную бездеятельность крайлитштаба. Ряд организаций, вынесших резолюции об участии в работе (Бузулукская совпартшкола, РК ВЛКСМ, педагогический и мелиоративный техникумы и др.) не выполняют своих обязательств. Молчит и краевая печать («Колхозная газета» и «Волжская коммуна»), а также центральная печать.

Призыв ударников-совхозников и колхозников в литературу идет пока беспланово, неорганизованно, самотеком.

Чрезвычайно слабо в участие Центрального совета РОПКП в деле создания на Средней Волге лит-писательской базы.

Необходимо теперь же создать в крае ЛИТПОСТ «Правды» и «Литгазеты» совместно с краевыми газетами.

Я. БУРОВ

ворошиловский субботник

По вызову Переконской краснознаменной дивизии части Красной армии проводят всесоюзный ворошиловский субботник помощи хлебоуборочной кампании.

ЛОКАФ включился в работу по отображению в художественной литературе этой новой героической страницы работы Красной армии.

ЦК ЛОКАФ предложил всем своим организациям послать лучших писателей-ломафовцев для участия в ворошиловских субботниках и для создания очерков, рассказов и стихов. ЦС ЛОКАФ издает в ударном порядке сборник «Ворошиловский субботник» в 100.000 тираже.

Секретариат ЦС ЛОКАФ поручил тов. Мате Залка, находящемуся сейчас в Переконской дивизии, написать очерк об участии дивизии во всесоюзном ворошиловском субботнике.

*

ЦК Союза немецких писателей в СССР посылает 7 пролетарско-колхозных писателей — членов РОПКП на проведение уборочной кампании.

закончился пленум МРТО
обновлен состав руководства

Значение закончившегося на-днях второго пленума международного рабочего театрального объединения в том, что он подвел итоги первому этапу работы, и дал отправные положения для дальнейшего развития движения.

За истекший год в движении рабочего театра произошел резкий поворот.

Многие коллективы переключились на агитационную и пропагандистскую работу.

Агитбригады Германии завербовали в партию 6 тысяч человек. Имя Бехера постоянная работа среди социал-демократической молодежи. Такая же работа проводится в Чехо-Словакии, где в секцию МРТО входят 10 тысяч человек.

Быстрыми темпами развивается рабочее театральное движение во Франции.

Медленнее идет работа в Англии и Америке и почти ничего не сделано в Скандинавских странах.

Тем важнее отметить огромный потенциал, с которым приходит работа агитбригад в Болгарии и Литве.

Несмотря на эти бесспорные успехи, выступавшие тт. подчеркнули два главных недостатка работы: недостаточность темпов и огромный прорыв в области репертуара.

Анализ этих недочетов упирается в вопрос о чертах центрального руководства. От руководства движением, которое неизбежно должно быть связано с работой Коминтерна в Коминтерне, требуется особая четкость проводимой линии.

Старое руководство такой четкостью не отличалось. Московский центр не руководил движением, а скорее—плелся у него в хвосте.

Этим объясняется, что в ряде стран не сделано даже попыток к развертыванию движения; до сих пор не приняты были меры к консолидации сил МРТО и пролетарских писателей.

Четче всего это положение, отмеченное также иностранными товарищами и представителями МОРП, было формулировано товарищами Матейка и Афиногеновым.

Первый подчеркнул неправильные установки тезисов, представленных президиумом. В них сквозит явная недооценка развития пролетарской культуры на Западе и троцкистское непонимание театрального движения в СССР. До сих пор не вскрыты основные ошибки Пролеткульта и проявляется непонимание значения гегемонии пролетарской литературы.

Только при создании общей платформы, объединяющей советскую делегацию и МРТО, будет заложено центральное—боевое и гибкое—руководство.

Все товарищи, стоящие на платформе РАПП, признают, что всякий искусственный разрыв между пролетарским театральным движением и пролетлитературой должен встретить решительный отпор.

Современно правильно положение, выдвинутое в центральном докладе т. Э. Шписсер, о том, что писатели должны взять свой опыт не от письменного стола в тишину, а от труда—к письменному столу. Гегемония несомненно принадлежит пролетлитературе, определяющий театр и подготовляющей его к себе. Объединение сил МРТО и МОРП даст тот обмен опытом, на основе которого будет создана интернациональная тематика нового единого пролетарского театра.

Советская делегация, в составе представителей тех-секции РАПП, профессионального театра и ТРАМ, вынуждает все силы на выработку единой творческой платформы, с которой она выступит на очередном конгрессе МРТО—в августе 1932 года.

Пленум закончился переизбранием президиума. В состав нового секретариата вошли тт. Диамент, Пик (Германия), Шписсер (Чехо-Словакия), Матейка (Франц), Чичерев, Афиногенов (РАПП) и Подольский.

Одновременно с подготовкой к вышеуказанному конгрессу будет устроен и работа по открытию ярусов Одиннадцатой рабочих трупп всего мира.

СКАЗ

музыку лицом к ударнику

На творческом музыкальном фронте мы имеем ряд достижений, знаменующих поворот нашей музыки—к продукции, к ударнику, к вещественному, к обслуживанию, оформлению, организации и активизации их художественно-культурных интересов и запросов.

Делу колхозницких пролетарских и близких попутнических музыкально-творческих и исполнительских сил содействуют рост, пышное увлечение, на основе самодеятельности, и пионерской сюиты массовых самодеятельных кружков массовым движением—за пролетарские позиции в музыке, осуществляемые Российской ассоциацией пролетарских музыкантов (РАПМ). Именно эта творческая группа дает музыкальную литературу, не абстрактно «качественную» содержанием, а конкретно направленную к подъему творческого энтузиазма строителей социализма.

Таков хор «Великое составление» В. Белого, одного из наиболее оформленных пролетарских композиторов-ударников. Волевой напор, напряженность и действенность мелодии, гармонии — захватывают массу и надолго закрепляют впечатление от песни. Более строг, но также эффективен по содержанию «Марш ударников» на слова Ан. Гидаша, музыка Бела Рейница и обработка В. Белого. Движение масс, наступление всякими музыкальными материала, составляемое с максимальной строгостью мелодических линий, делают песню легко запоминающейся-массовой.

Мы имеем до 30 названий песен—об ударничестве, соцсоревновании, коллективизации, индустриализации. По среди весьма доброкачественного материала есть приспособленческие, сквернные песни, авторы которых чисто механически воспринимали и воспроизводили идею ударничества и формалистски отразили их в своей музыкальной специфике. Таковы песни, явно получившие уже отрицательную общественную оценку и начатые МУЗГИЗ из продажи: «Частушка вале самих Бетховенов», «Конец работе трудно» Мальчера и мн. др.

Недостаточно—количественно и качественно—показаны конкретные предметы производства — девушка, рабфак, пролетарские. Удачна массовая песня А. Давиденко «Про ...одырей», трудно подыскивается сезонная тематика «Песня про летучку» М. Коваля, почти весь актив. Поиски других композиторов—молодежных, неубедительны.

На обязанные положительных типов и ситуаций у нас есть несколько хороших произведений—песня, мужественная «Кузнец» Е. Шехтера, великолепная жанровая сценка, сделанная болгарским остро—«Гуляшка и коммуна» М. Коцаля и другие.

Нет песен об отдельных ударниках, ударных цехах, заводах, и, что особенно досадно, о новостройках. Это результат отрыва композиторов от работы на тех предприятиях, которые необходимо отобразить в песне, в музыке для того, чтобы через эти музыкальные портреты и образы песни-описывать, воспеть трудовой героизм масс и в других местах социалистической стройки.

Сильнь и рядом композиторы не имеют опоры в поэтах, пишущих вместо песен, удобных стихов о героях пятилетки—стихотворение, к тому же ни в малой степени не пригодные для песенного их воплощения.

Первое производственное совещание поэтов и композиторов, созванное в начале в Москве, по инициативе Ленинградского отделения МОРП, показало, что ряд поэтов-профессионалов, которых и нужно только двинуть на производственные работы, не имеет должного интереса к задачам музыкальной культуры.

Предложен ряд конкретных мероприятий: включение композиторов в бригады, отвечающиеся на новостройки; привлечение ударников и бюро-критиков. В лучшем случае это бывает довольно редко, здесь может и должен быть гонорар через 10 дней. Обычный частный—гонорар он получает через 20—30 дней и больше.

Такое положение в первую очередь вызвается следствием того, что у некоторых работников финансовых управлений (Мосфинсовет, Госбанк) сущность денег, что авторский гонорар это есть заработной заработок, по совершенно ошибочно, что автор может получить его с опозданием. Мы указываем, что авторский гонорар это есть зарплата писателя, и она не должна ни в коем случае (как зарплата) задерживаться ни на один день.

Либо надо решительно перестроить работу сберкасс, устранить волокиту, уменьшить количество инстанций, производящих начисление и выплату автору гонорара, либо следует поставить вопрос об изменении системы выплаты авторского гонорара.

КР.

ГЕОРГИЙ ПОЛЯНОВСКИЙ

в ИКП литературы и искусства

✻ Из общего количества 85 заявлений, находящихся на 5 июля в секторе мандатной комиссии, проверено 12 заявлений, из них отклонено 2. Из десяти человек, допущенных к кандидатской конференции, 3 рабочих, один крестьянин и 5 служащих. Проверочная конференция начинается 5 июля.

✻ Подготовительный семинар, открытый ИКПИЛ для рабочих-ударников, начал свои занятия. Проведено четыре занятия по методологии и философии. Семинар слушателей—члены МАПП.

об опошлении и искажении одного лозунга

Газета «Кустарь и артель» в номере от 1 июля пишет: «Мы решительно протестуем против политически неверной установки «Литературной газеты» в вопросе о призыве ударников-артельщиков в литературу». Речь идет о следующих строках из заметки о Московском товариществе писателей (М. Г., за 25 июня): «Отдельные его (МТП) руководители, пытаясь придать издательству общественный характер, допускались до приема кустарей в литературу «по знакомству» с тем, как РАПП проводит призыв в литературу рабочих-ударников, а ВОПКП — призыв колхозников и рабочих совхозов».

«Кустарь и артель» пишет: «Мы тоже «подумались» до такой «контрреволюции», как призыв артельщиков в литературу». В заметке о совещании в редакции газеты «Кустарь и артель», помещаемой в том же номере, сообщается, что «по договору Всекопромсоюза с Московским товариществом писателей оно должно было руководить рабкорской литературных кружков московской системы. Однако, руководства никакого не дало». Поэтому совещание решило «просить МАПП взять на себя руководство всей работой по призыву ударников в литературу».

Как мы видим, газета «Кустарь и артель» ничего не поняла в призыве рабочих и колхозников-ударников в пролетарскую и пролетарско-колхозную литературу.

В чем, например, значение призыва рабочих-ударников в пролетарскую литературу? К тем, что этот призыв открывает новую главу в пролетарском литературном движении, превращая рабочее ядро писателей в основное и ведущее ядро. Лозунг призыва отнюдь не равнозначен лозунгу вовлечения в пролетарскую литературу рабочих от станка. Такое вовлечение производилось все время как РАПП, так и АПП других союзных республик. Однако только в 1930 году развертывание культурной революции на базе успехов социалистического строительства нашло свое выражение в частности, и в особенности — в движении ударничества, вызвало призыв рабочих-ударников в пролетарскую литературу.

В рядах последней не только рабочие с производства, но и представители пролетарской интеллигенции, кузнецы, пролетарско-колхозные писатели, овладевающие пролетарским мировоззрением, наиболее близкие союзники. Однако до сих пор никто не «додумался», например, до лозунга призыва в пролетарскую литературу кузнецов, несмотря на то, что РАПП проводит с кузнецами постоянную работу и насчитывает в своих рядах не мало кузнецких кружков.

В равной мере ошибочен и лозунг призыва артельщиков в литературу, не только отменяющий, но и искажающий лозунг призыва рабочих-ударников.

О призыве к какую литературу говорит «Кустарь и артель»? В литературу «вообще»? Тогда это — пустая болтовня. В пролетарскую литературу? Тогда это — непонимание литературно-политических задач и специфических особенностей работы с писателями-артельщиками.

Эти специфические особенности заключаются в следующем. Для писателей-артельщиков открывается возможность перехода в ряды пролетарской литературы. Некоторые из них уже сейчас могут быть приняты в ряды РАПП. Однако перед ними в целом стоит задача переработки, перевоспитания, овладения мировоззрением пролетариата. По социальной направленности их творчества они не ним входят в поток пролетарско-колхозной литературы, иные же — представляют мелкобуржуазную струю в литературе. Необходим дифференцированный подход к ним. Необходима постоянная работа с ними. Необходимо пролетарское руководство кружками, составленными из артельщиков. Все это так. Но отсюда еще очень далеко до призыва артельщиков в литературу да еще пролетарскую. Ибо такой лозунг механически переносит на литработу с артельщиками опыт пролетарского литературного движения, дезориентирует эту работу, смазывает задачи преодоления мелкобуржуазных тенденций в творчестве артельщиков.

Напрасно газета «Кустарь и артель» поддержала инициативу некоторых руководителей МТП, работа которого столь жестоко ею же самой характеризуется.

интернациональный вечер в доме печати

Сектор литературы и искусства и интернациональный сектор Дома печати провели 7 июля вечер встречи московских журналистов и писателей с приехавшими в Москву работниками революционных издательств Германии.

После доклада литературного руководителя издательства «Universum Bücherei» тов. Шеель и содокладов т. Фрис и Вольперта т. Хальф о приветствиях от имени Межрабпома выступил т. Горлин.

От имени МОРП выступил на вечере тов. Бела Иллеш, подчеркнувший огромное революционное значение продвижения подпольной пролетарской литературы в читательские массы Германии.

С приветствиями от имени советских писателей выступили тт. Тарасов-Родионов и Анна Караваева, а также т. Дж. Джержинетти. На вечере встречи присутствовали тт. Ф. Гладков, В. Зазубин, Л. Никулин и др.

новый журнал азиатской средней азии

В июле начинает выходить на русском языке первый и пока единственный в Средней Азии ежемесячный литературно-художественный и культурно-бытовой журнал «САШБ» орган Среднеазиатской ассоциации пролетарских писателей. Тираж журнала—5.000, объем—до 10 печатных листов. Журнал уделил много внимания вопросам истории литературы, борьбе с националистическо-шовинистическими течениями и уклонами в узбекской и туркменской литературе.

В находящемся на-днях первом—двойном—номере журнала помещены очерки о творчестве отдельных узбекских писателей и художественный материал: проза Леонида Почепа, Яна Калъмеровича, Колесникова, Ортыкова и Леонида Мариупольского; статьи: В. Тихова, Б. Кербабаева, Бурунова, Анны Датченко и Меред Кельча. Впервые публикуется антирелигиозный период М. Радимова героической поэмы туркменского поэта Курунова—«Я уполномочен».

на путях к пролетарскому кино
творческая дискуссия в АРРК

Закончился первый этап творческой дискуссии по вопросам кино.

Можно было ожидать, что дискуссия развернется по основным положениям резолюции, принятой при месте после известным скандальным совещанием, а доклада т. к дискуссии—К. Юнова, намечавшего не то тем, по которым должна развиваться дальнейшая борьба за пролетарское кино.

Но дискуссия прошла мимо основных вопросов.

Вместо того, чтобы в центре внимания поставить вопрос о характере конкретной продукции кинематографии, о способах применения ее к нуждам социалистического строительства, выступавшие отделались фразами—пообщие об отрицательных сторонах нашей кинопродукции, и все еще недостаточном овладении производственными методом диалектического материализма.

Характерна также недооценка дискуссии о творческом методе кино, вредными, неизбежно должны являться варианты. Очень вредственно режиссеры, авторы, операторы чем-либо присутствовали на дискуссии. Присутствовали Вассиляков, где принятое благополучной, президиум на собрании часа 2 и не мой, усмотрел в своей организации—их худого, ...ия хорошего, учили, решали, очевидно, что их непосредственные интересы не страдают, и делать своей больше нечего.

✻ Юнов в заключительном слове неудачно ...вершней, отвлекающих необходимость обсуждения на творческих дискуссиях организационных вопросов кинопроизводства. Без показа многих безобразных сценок, которые наблюдаются сейчас на наших кинопредприятиях (два сценария на одну и ту же тему, с одинаковыми сюжетами пускаются в производство на одной и той же фабрике и т. п.), очень трудно будет вести плодотворную творческую работу.

Резкой критике подверглись и те кинопроизводственники, которые видят, что организационные кинотеоретики, «найдут там них методологические ключи», с помощью которых они разрешат сложные практические

литфондовские дела
пленум правления литфонда рсфср

Прошедший пленум Литфонда РСФСР (4—5 июля) признал политическую линию центрального правления и его президиума правильной, а работу удовлетворительной.

Материалы, помещенные о Литфонде в «Литгазете» (за подписями В. Лазарева, Реста, Л. Я., заметки редакции «Литгазеты» в № 35 от 30 июня и хроникерская заметка, помещенная в № 36 от 5 июля), по мнению пленума дают в основном неправильную оценку его деятельности и необоснованно охраняют как правление в целом, так и его руководство. Пленум обратился с просьбой к редакции «Литгазеты» целиком и полностью снять надуманную тень подозрений с руководителей центрального правления Литфонда в недобросовестности и в отсутствии делового, повседневного руководства деятельностью организации и аппарата.

Все деловые самокритические предложения, изложенные пленумом, нарочно проработать специально выделенной комиссии, которая в десятидневный срок должна вынести соответствующую резолюцию.

от редакции

Помещенная в «Литгазете» за 30 июня заметка под названием «Беспризорный фонд» дала повод к заявлениям о том, что «Литературная газета» выдвигает против ряда руководящих работников Литфонда (М. Алексеева и др.) обвинения в недобросовестности, причастности к злоупотреблениям финансового характера и пр.

Редакция сообщает, что никаких оснований для такого рода обвинений этих товарищей нет и что «Литгазета» подобные обвинения не выдвигала, когда она подвергала критике работу Литфонда.

К развернутой оценке деятельности правления Литфонда «Литгазета» вернется в одном из ближайших номеров.

Постановление фрунзенского райкома партии проводится в жизнь

На-днях состоялось расширенное собрание фрунзенского райактива МАПП—первое после получения фрунзенского РК ВКП(б) о работе райактива.

Заслушан отчет председателей отдельных литгрупп и тт. Гросмана-Рощина (завед. Лиувер), Перова (завод «Красная новь»), Земцовой (литкружок Первомайского) и др. собрание обсудило летний план работы.

В основу намеченных практических мероприятий райсоциальным положения решения райкома партии и пленумов ВОАПП и МАПП. План ставит своей задачей развертывание работ по трем основным линиям: продвижение и укрепление прослойки ударников в литературу, показ героев бесклассовых темпов и творческая учеба ударников. Для систематического руководства и помощи творческому активу решено создать творческий центр с участием литконсультантов.

Первый подчеркнул неправильные установки тезисов, представленных президиумом. В них сквозит явная недооценка развития пролетарской культуры на Западе и троцкистское непонимание театрального движения в СССР. До сих пор не вскрыты основные ошибки Пролеткульта и проявляется непонимание значения гегемонии пролетарской литературы.

Только при создании общей платформы, объединяющей советскую делегацию и МРТО, будет заложено центральное—боевое и гибкое—руководство.

Все товарищи, стоящие на платформе РАПП, признают, что всякий искусственный разрыв между пролетарским театральным движением и пролетлитературой должен встретить решительный отпор.

Современно правильно положение, выдвинутое в центральном докладе т. Э. Шписсер, о том, что писатели должны взять свой опыт не от письменного стола в тишину, а от труда—к письменному столу. Гегемония несомненно принадлежит пролетлитературе, определяющий театр и подготовляющей его к себе. Объединение сил МРТО и МОРП даст тот обмен опытом, на основе которого будет создана интернациональная тематика нового единого пролетарского театра.

Советская делегация, в составе представителей тех-секции РАПП, профессионального театра и ТРАМ, вынуждает все силы на выработку единой творческой платформы, с которой она выступит на очередном конгрессе МРТО—в августе 1932 года.

Пленум закончился переизбранием президиума. В состав нового секретариата вошли тт. Диамент, Пик (Германия), Шписсер (Чехо-Словакия), Матейка (Франц), Чичерев, Афиногенов (РАПП) и Подольский.

Одновременно с подготовкой к вышеуказанному конгрессу будет устроен и работа по открытию ярусов Одиннадцатой рабочих трупп всего мира.

СКАЗ

сберкассы задерживают выплату гонорара писателям

РАПП издает кроме книг до 25 журналов. Писатели, в большинстве живущие только на свои литературные заработки, лишены возможности его во-время получить. Книги сданы нами на почтах, журналы—на почтах и при медленных темпах распространения Книгоцентра, а автор, продолжает свое «хождение по мукам» по сберкассам.

К сожалению, система сберкасс еще не перестроилась и не приблизилась на свою работу лицом к читателю.

Оказывается, недомоет и жиро-приказ о выдаче гонорара автору продолжает долгий путь.

Редакция журнала или РИКП направляет ведомость или договор на оплату автору гонорара. Главная бухгалтерия ГИХЛ, только через три дня (по журналам) и через десять дней (по книгам) направляет извещение о высылке гонорара в районную сберкассу (Шипилка, 12). Районная сберкасса (или через несколько дней)—направляет сообщение жиро-приказа в районную Москворецкого района (куда приписаны ГИХЛ), Райжиро (тоже через несколько дней)—направляет жиро-приказ в районную сберкассу, где проживает писатель, и, наконец, эта сберкасса направляет извещение о выдаче автору гонорара в филиалы сберкасс района или при учреждения, куда прикреплен писатель.

6 инстанций, 6 учреждений проходит извещение о гонораре. Эти известные понадобятся перечно в двери волокиты и бюрократизма. В лучшем случае это бывает довольно редко здесь может и должен свой гонорар через 10 дней. Обычный частный—гонорар он получает через 20—30 дней и больше.

Такое положение в первую очередь вызвается следствием того, что у некоторых работников финансовых управлений (Мосфинсовет, Госбанк) сущность денег, что авторский гонорар это есть заработной заработок, по совершенно ошибочно, что автор может получить его с опозданием. Мы указываем, что авторский гонорар это есть зарплата писателя, и она не должна ни в коем случае (как зарплата) задерживаться ни на один день.

Либо надо решительно перестроить работу сберкасс, устранить волокиту, уменьшить количество инстанций, производящих начисление и выплату автору гонорара, либо следует поставить вопрос об изменении системы выплаты авторского гонорара.

КР.

на фабриках книги

✻ В ГИХЛ в серии новинок пролетарской литературы выходит повесть А. Митрофанова «Ночь—день».

✻ В отделе современной иностранной литературы ГИХЛ выходит в свет сборник очерков И. Шнейдер — «За красным маем». Очерки дают классовую борьбу и уличное баталье средней Германии, кровавую вакханалию, переходящую в вооруженное восстание, расправу жандармских банд с восставшими рабочими.

✻ Там же выходит сборник стихов одного из крупнейших немецких поэтов революции №а года Фердинанда Фрейлиграта.

✻ По серии новинок колхозно-колхозной литературы выходит книга С. Трофан—«Дикий конхоз».

✻ Мало как ожидается ГИХЛ выпускает в свет сборник рассказов Я. Ильенкина «Конский цех».

✻ Там же выходит книга рассказов И. Сахарова — «Алтан—золотая река».

✻ В серии «История литературы и критики» ГИХЛ выходит книга И. Новича — «В боях за пролетарскую литературу».

✻ Там же печатает сборник «Очерки по истории русской критики XIX века» под редакцией А. В. Луначарского и Вал. Полянского. Составители: В. Десницкий—вступительная статья, Б. Кемеров—«Н. Г. Чернышевский»; Вал. Полянский — «Н. А. Добролюбов»; Н. Кирпотин—«Д. И. Писарев»; В. Кирпотин—«В. Зайцев».

✻ В серии украинской литературы выходит книга А. Речинского — «Тарас Шевченко». Книга является первой попыткой показать творчество Шевченко и свете марксистского анализа.

✻ Ввиду отсутствия соответствующего качества бумаги выпуск своевременный выпуск собрания сочинений Льва Толстого. За 5 месяцев 1931 г. вместо 5 томов сочинений выпущен только 1 том; в производстве находятся 8 томов, готово к печати 15 томов. ОГИЗ признал необходимым добиться от Сюзюмаги срочного отпуска ГИХЛ на издание собраний сочинений Л. Н. Толстого 25-30 тонн нужного качества бумаги с Камской бумажной фабрики.

✻ Конференция по массовой работе издательств перенесена на 15 сентября.

✻ Правление ОГИЗ выделило на расширение издательства «Федерация» 50.000 рублей.

хроника

✻ 10 июля — 18 ч. — в клубе писателей им. Горького — собрание литгруппы альманаха «Вчера и сегодня». Явка всех членов группы необходима.

✻ 11 июля — 17 ч. — первая читка в клубе текстильщиков пятнадцатого Пролетарского района МАПП. Место работы читки — Сокольнический парк Кю. Сбор в 17 ч. у театра «Тиволи». Трамваи: 4, 20, 43.

✻ 14 июля — 19 ч. 30 м. — четвертая читка в читальном зале Парка Кю, устраиваемый кружком рабочей критики «Рост». Тема вечера — последние выступления «Литфронта»: критики Майзеля, Родова, Рокитина и др. Ответственный за литературными и рабочими-ударниками. Явка членов «Рост» обязательна.

✻ 16 июля — 19 ч. — в массовом отделе ГИХЛ (Неглинная, 10) — заседание оргбюро массовой конференции по массовой работе издательств, сочувствующими массовым секторами.

✻ 16 июля — 17 ч. — в конференц-зале Дома Герцена — пятьсотое собрание кружка ВКИФ ФОСП.

Ответственный редактор: С. ДИНАМОВ

РЕДКОЛЛЕГИЯ: Н. Асеев, С. Динамов, И. Жига, Л. Ильинский, И. Натаев, Г. Коренев, Н. Огнев, А. Селивановский, М. Сельвинский, М. Слонимский

ИЗДАТЕЛЬ: Акционерное Изд. О-во «Огонек»

Издательство „ФЕДЕРАЦИЯ"

ВЫШЕЛ ИЗ ПЕЧАТИ ПЯТЫЙ—ШЕСТОЙ (ДВОЙНОЙ) НОМЕР

„ЛОКАФ"

ежемесячного литературно-художественного журнала Литературного Объединения Красной армии и флота.

В НОМЕРЕ: — Н. Толстой. «За Дажаю», Л. Дегтярев «Хлеборобы», Н. Нина «Отступник», Б. Бражнев-Трифонов «Каленая тропа», М. Ирлин «Противогаз», М. Залка и Г. Павлов отрывки из повести «Перекоп».

СТИХИ: — Н. Панова, Б. Дамика, И. Пауцена.

РАЗНЕСИМ НА ЛЕЧИНИХ: — Л. Золотарев «День за днем», Н. Луговой «Ударный месяц», А. Бобунов «Дивизия на тракторах» и др.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ: на год — 12 руб., на полгода — 7 руб., цена отдельного № мере — 1 р. 25 к.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ во всех почтовых отделениях: на весь 1931 г. (комплектом, начиная с № 1) на второе полугодие (начиная с № 7).

АДРЕС РЕДАКЦИИ: Москва, ул. Воровского, 52, клуб. ФОСП, им. М. Горького.

ПАВЛОВ-ШИШКИН

СЛОВАРЬ СИНОНИМОВ РУССКОГО ЯЗЫКА

Новое издание 1931 г. Ц. 2 р.

ПАМЯТЬ

ее недостатки и меры к их устранению. Необходимо каждому. Д-ра мед. Д. Д. Никифорова. Изд. 1931 г. 176 стр., с рис. Цена 1 р. 25 к.

Проф. Т. М. ЮДИН

ЕВГЕНИКА

Учение об улучшении природных свойств человека. 224 стр. Ц. 3 р.

ПУТЬ К ПОВЫШЕНИЮ ТРУДОСПОСОБНОСТИ

Сборник I. Проф. М. Т. Цалкарев, В. Н. Колосадомова, А. Н. Борсуи и другие. Цена 90 коп.

В магазинах книжных магазинах „ПРОМЕТЕЙ" Москва, ГСИ 16 Мясницкая, 25.

ВНИМАНИЮ ПОДПИСЧИКОВ БИБЛИОТЕКИ „ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ"

Продолжается прием очередных взносов к 1 июля: по «Огоньку» с «Всем. истор.»—4 руб., «Искры науки» с «Всем. истор.»—3 р. 50 к.; «Борьба классов» с «Всем. истор.» — 5 руб.

Подписчикам, не внесшим очередного взноса, высылка изданий с 1 июня прекращается.

Взносы сдавайте исключительно на почту.

ПИСАТЕЛИ!

Показывая стране ее достижения и ее героев, иллюстрируйте свои очерки и книги фотоснимками подлинных событий и лиц. Овладевайте фотографией. Усваивайте

творческий метод

советского фоторепортажа. Пролетписатели! Рабочие-ударники, призванные в литературу! Писатели-колхозники! Повышайте фотоснимками действенность своих произведений. Обогащайте

язык ваших произведений

образным, выразительным и самым популярным языком фотоснимков. Товарищи-писатели,

РАПОРТУЙТЕ

об овладении фотографией, поставленной на службу художественной литературе. Изучить в совершенстве фоторепортаж вам поможет единственный в СССР ежемесячный иллюстрированный журнал «Советское фото», орган Совкафото и ОЗПКФ.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: «Советское фото» с приложением фотобиблиотеки на 12 м.—12 р.; на 6 м.—6 р. 50 к.; на 3 м.—3 р. 50 к. «Советское фото» без приложения на 12 м.—6 р.; на 6 м.—3 р. 25 к.; на 3 м. — 1 р. 75 к. Всем подписчикам за доплату по 1 р. 50 к. за каждое издание — бесплатные фотальманахи на 1931 год и «Календарь-справочник фотографа».

Подписку сдавайте исключительно почте заблаговременно. Подписка принимается до определенного срока, устанавливаемого местной почтой. Отсрочивая подписка принимается на следующий месяц.

Акц. изд. о-во «ОГОНЕК»

РОСТ ПРОЛЕТАРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

РОСТ И УСПЕХИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

РОСТ АКТИВНОСТИ И КУЛЬТУРНОГО УРОВНЯ МАСС

НАЙДЕТЕ НА СТРАНИЦАХ МАССОВОГО ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОГО И КУЛЬТУРНО-БЫТОВОГО ЖУРНАЛА

РОСТ

● двухнедельник пролетлитературы ●

НИЗОВОЙ ПРОЛЕТАРСКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ОБЩЕСТВЕННОСТИ ЖУРНАЛ УДЕЛЯЕТ ОСНОВНОЕ ВНИМАНИЕ.

Каждый интересующийся вопросами пролетарской литературы, вопросами культуры, должен быть читателем и подписчиком журнала.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ВТОРОЕ ПОЛУГОДИЕ

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: 12 мес. — 3 р., 6 м. — 1 р. 50 к., 3 м. — 75 к.

Сдавайте подписку исключительно почтовым предприятиям, организаторам подписки, письмоносцам, до определенного срока, установленного местной почтой.

Акц. Изд. О-во «ОГОНЕК».

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Орган Федерации Об'единений Советских писателей РСФСР

Выходит каждые 5 дней

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1931—32 г.

Подписная цена:
12 м.—3 р. 50 к.
6 м.—1 р. 50 к.
3 мес.—90 к.

ИМЕЮТСЯ КОМПЛЕКТЫ ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ ЗА 1930 Г.—ЦЕНА ТРИ РУБЛЯ

Количество полных комплектов ограничено

За 1929 г. комплекты разошлись полностью

Комплекты высылаются по получении стоимости переводом или наложенным платежом по получения заказа

Подписку сдавайте исключительно почте заблаговременно. Подписка принимается до определенного срока, устанавливаемого местной почтой. Опоздавшая подписка принимается на следующий месяц.

МОСКВА, 6, Страстн. бул. 11 „ОГОНЕК"

ПОДПИСКУ НА ВСЕ ИЗДАНИЯ «ОГОНЬКА» СДАВАЙТЕ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО ПОЧТЕ ЗАБЛАГОВРЕМЕННО.

Подписка принимается до определенного срока, устанавливаемого местной почтой.

ПОДПИСКА, НЕ СДАННАЯ В СРОК, ПРИНИМАЕТСЯ ТОЛЬКО НА СЛЕДУЮЩИЙ МЕСЯЦ

РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ПРИ ОГИЗЕ РСФСР ОБ'ЯВЛЯЕТ ОСЕННИЙ ПРИЕМ

НА ОТДЕЛЕНИЯ: Редактуры: общественно-политической литературы, художественной литературы для взрослых и детской. Авторское и критическое.

УСЛОВИЯ ПРИЕМА:

Помимо общеустановленных условий приема в вузы для поступающих в РИИИ устанавливаются следующие требования:

1. Для поступающих на отделение общественно-политической редактуры:

Члены ВКП(б), имеющие не менее 3-лет. партстажа и работавшие ранее по редакционной линии, либо на общественно-политической работе. Образование не ниже рабфака или лица, обладающие большим практическим стажем редакционной работы.

В первую очередь принимаются ударники.

2. Для поступающих на отделение редактуры художественной литературы.

Преимуществом пользуются члены ВКП(б) и ВЛКСМ и ударники, работавшие ранее в редакционной области, либо на общественно-политической работе и участвующие в рабселькоровском движении.

3. Для поступающих на отделение авторское.

Рабочие, колхозники, служащие, имеющие не менее 2—3-лет. стажа активной общест. работы. Выполнение способность к литературно-творческой работе и имеющие печатные работы. Командированные пролетарско-колхозными писательскими организациями.

В первую очередь принимаются ударники производства и литературы.

НА РАБФАК С УКЛОНАМИ: общественно-политическим, литературно-художественным, авторским.

Помимо общеустановленных условий приема на рабфак в поступающим предъявляются следующие требования:

НА ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧ. УКЛОН будут приняты лишь члены ВКП(б).

НА АВТОРСКИЙ УКЛОН приняты будут товарищи, представившие отзывы от пролетарско-колхозных литературных организаций.

Условия приема на 2-год. курсы по переподготовке редакторов будут сообщены дополнительно.

Заявления подавать с 1 июня по 15 августа по адресу: Москва, Мясницкая, 21/8. Тел. Приемочн. комиссии 3-79-73.

Директор РИИИ ШУЙСКИЙ.

ГОТОВИТСЯ К ПЕЧАТИ № 3 ЖУРНАЛА

БОРЬБА КЛАССОВ

СОДЕРЖАНИЕ

М. ПОКРОВСКИЙ. — Привет Горькому.
В. ШЕРЧИН. — За партийную историческую науку.
Б. МИЦКЕВИЧ. — Прошлое и движущие силы испанской революции.
С. ЛОЗИНСКИЙ. — Католицизм в истории Японии.
Э. ПЕЗЕЛЬ. — За Пиренейским хребтом. (Воспоминания).
П. КРУПСКАЯ. — Июльские дни 1917 г. в Выборгском районе.
О. СЕФ. — Рамсизация и жандармы.

МАССЫ ТВОРЯТ И ПИШУТ ИСТОРИЮ

А. ПАНКРАТОВА. — Писатели ударников о исторической литературе.
Н. ВИНОГРАДОВ. — История завода АМО. Ударники Погалаев и Салов.

ВЧЕРА И СЕГОДНЯ

Е. СТЕПАНОВА. — Эрфурт—Гейдельберг—Лейпциг.

ИЗ ИСТОРИИ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

РАЙ — Красная армия в Германии.
С. ЛАПИЦКИЙ. — Как я ушел от пепеловцев.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ФРОНТ

Н. ЛУКИН. — Как социал-фашисты пишут историю.

Подписная цена без приложения: год — 10 руб., 6 мес. — 5 р. 50 к., 3 мес. — 3 руб.

«БОРЬБА КЛАССОВ» с 1 июля, с приложением 24 книг библиотеки «Всемирная история» (с 1 января по 31 декабря включительно)—22 руб. 50 к. Рассрочка: при подписке — 13 руб., к 1 сентября — 5 р. 50 к. и к 1 ноября — 4 руб.

Подписчики на «БОРЬБУ КЛАССОВ» с приложением «Всемирной истории», внесшие по подписке и рассрочку только 13 взноса, должны немедленно внести третий взнос — 5 руб. По внесении очередного взноса высылка журнала № 5 прекращается.

Подписку сдавайте исключительно почте заблаговременно. Подписка принимается до определенного срока, устанавливаемого местной почтой. Опоздавшая подписка принимается на следующий месяц.

Акц. изд. о-во «ОГОНЕК».

Журнал богато иллюстрирован. Цена 1 р

Москва, Главлит, Б. 2026.

Типография (2) изд. «Молодая гв.», ул. им. Сапунова-Степанова, д. 5.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ФЕДЕРАЦИИ ОБ'ЕДИНЕНИЙ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР

МОСКВА 15 ИЮЛЯ 1931 Г. № 38 (137)

РЕДАКЦИЯ:
Москва, Тверской б. 25, Дом Герцена. Телефон 2-60-12.

ИЗДАТЕЛЬСТВО:
Акц. о-во «Огонек»; Москва, б. Страстной б. 11. Телефон 5-5169.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА:
На 12 м. 3 р. 50 коп.
На 6 м. 1 р. 75 к.
На 3 м. - р. 90 к.

За работу по-новому

Приближается окончание летнего затишья в советской писательской общественности, — затишья, связанного с отпусками и творческими поездками основных писательских кадров. Новые и усложненные задачи выдвигаются перед федерацией об'единений советских писателей. Изменилась и оздоровилась — по сравнению с предшествующими годами — литературная среда. Между тем, именно в писательской общественности с особенной силой проявляется несоответствие прежних методов работы новым задачам, — именно здесь с особенной силой сказываются старые, мешающие себя навыки и традиции работы. Молчаливо предполагается, что в писательских организациях необязательны — внутренняя дисциплина, ответственность за выполняемое дело, соответствующие темпы работы. На предприятии, в колхозе, в учреждении, в любой иной общественной организации были бы недопустимы те вопиющие случаи безответственности, расхлябанности, безтолковщины, которые сплошь да рядом в писательских организациях оказываются бытовым явлением. Эти «традиции» должны быть решительно сломлены.

В чем ГЛАВНАЯ причина подобных явлений? В том, что многие писательские организации живут и работают в значительной мере ЗАМКНУТО, что их органическая повседневная связь со всей пролетарской общественностью далеко НЕДОСТАТОЧНА. Влияние литературной среды на писателя, на весь процесс перестройки писательской работы — велико. Тенденции отдельных писателей и писательских групп организовать свою творческую деятельность в отрыве от литературной среды, в одиночку, индивидуалистически заслуживают резкого осуждения, ибо они являются пережитком представлений о писателе, как о кустаре-одиночке. Писательская общественность является могучим организатором всей писательской работы. Но это никак не означает, что писательские организации могут заменить для писателя его непосредственную связь с предприятием или колхозом, — отнюдь! А у нас нередко бывает так, что работа внутри писательских организаций поглощает все время значительных писательских групп, — тем самым бюрократически извращается само существо советской писательской общественности. Неизбежным следствием такого положения оказывается отрыв значительных писательских кадров, перегруженных заседательской суетней, и от творческой работы, и от непосредственного включения в практику социалистического строительства, а с другой стороны — рост индивидуалистических настроений, использующих уродливости заседательской суетни для того, чтобы увильнуть от ВСЯКОГО участия в работе писательской организации, от ВСЯКОЙ общественной нагрузки.

Заседательской суетне должен быть положен конец. КАЧЕСТВО работы каждой литературной организации должно измеряться умением увязать эту работу со всей ПРОЛЕТАРСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ, с рабочими массами, с предприятием. Такая увязка необходима прежде всего для ТВОРЧЕСКОЙ работы писателя. Особенно крутой перелом предстоит здесь произвести ВССП.

Затхлость атмосферы в значительных кругах советской писательской общественности зависит в основном от того, что литературная среда в явно недостаточной мере ОСВЕЖАЕТСЯ за счет притока новых сил, что РАБОЧИЙ-УДАРНИК еще не чувствует себя равноправным участником и ХОЗЯИНОМ «Федерации» в целом. История с нереализованным шефством завода имени Владимира Ильича над ФОСП дает хороший урок того, как не нужно относиться к инициативе рабочих масс, как не нужно укреплять связь писательских организаций с рабочими заводов и фабрик. Разве не факт, что до сих пор ни одна из литературных организаций, входящих в ФОСП, не вынесла своих деловых собраний и заседаний непосредственно на предприятия? Разве не факт, что «Федерация» в целом не устроила ни одного общественного выступления вне своих стен? Разве не факт, что выдвижение рабочих в руководящие органы литературных организаций происходит недопустимо медленными темпами, а в ряде случаев носит формальный характер.

Мы печатаем сегодня статью одного из работников издательства «Федерация», поднимающую вопрос об ОБЕЗЛИЧКЕ в работе. Обезличка является бичом не только издательства, она сказывается и во всех других областях работы. Повелось, как правило, что писатель не отвечает за несомую им общественную нагрузку, ибо следствием заседательской суетни является хаос в нагрузках, частая замена одних представителей другими, господство обезлички. У нас фактически нет ПОСТОЯННОГО состава ряда органов ФОСП, этот состав текуч, он обновляется несколько раз в течение года за очень редким исключением. Текучесть состава, отсутствие внутренней дисциплины, отсутствие постоянного контроля над работой, отсутствие ответственности за порученное дело, обезлички, — все это обычно приводит к рабским темпам работы, к топтанию на месте, к невыполнению планов, — все это отражается и на писателе и на читателе.

В приближающийся осенне-зимний период писательские организации должны начать работать по-новому. Это означает прежде всего ликвидацию обезлички и заседательской суетни, организационную увязку с пролетарской общественностью на предприятиях, смелое выдвижение новых кадров (в особенности — рабочих-ударников), преодоление инерции работы, питаемой навыками старой, отжившей свой век и несовместимой с новыми задачами писательской цеховщины.

Сегодня исполняется четыре года со дня революционного восстания в Вене

КНИГА об июльском венском восстании

А. Барта. „350.000". рассказ-хроника. гихл. 1931, ц. 80 к.

Кто не следил за происходившими социальными процессами в Австрии, тому казалось четыре года назад неожиданным восстание венского пролетариата. Однако, несмотря на то, что оно носило стихийный характер, несмотря на то, что этой кратковременной вооруженной схватке с фашистами предшествовала длительная мирная борьба, она явилась неизбежным, закономерно подготовленным этапом революционного рабочего движения в стране австро-марксизма.

Это особенно ясно становится при чтении рассказа-хроники венгерского пролетарского писателя А. Барта — «350.000», в котором сгущенно передается характер политической атмосферы этого периода.

Жанр этой скорее повести, чем рассказа, продиктован характером тематики. Он определенно публицистичен, в нем еще тлеется недостывший жар вчерашних классовых боев. Повествование ведется местами в форме несостывшей газетной сводки о вчерашних событиях.

Именно элемент публицистичности в художественной повести придает особую силу и динамичность развитию сложной канвы, начинающейся с мелких эпизодов, которые происходят с отдельными героями повести, и заканчивающейся почти эпической картиной пожара Дворца юстиции и баррикадных боев восставшего венского пролетариата.

Не только эпизоды, приключения тех или иных героев, рекогносцировка полицейских и фашистских отрядов, поход по улицам Вены рабочих масс еще не составили важнейшие страницы классовой борьбы. Необходимо дать точный анализ причин возникновения пожара. Необходимо проследить диалектическую зависимость между политической атмосферой данного момента и движением масс на улицах города.

Барта назвал свою повесть «350.000». Это то самое роковое для австрийской социал-демократии число голосов, которое ей нехватало, но ее уверовали, для того, чтобы установить в Австрии социализм «бескровным путем». Это число с течением времени получило мифический характер, характер чудодейственного средства, характер магического числа, которым власти пытались отвлечь пролетариев от борьбы. Именно с этого числа они начали высоко, как взлет, и закончили пролетариат этим же числом и царство социализма. Этой своеобразной звездой они усыпили классовый инстинкт, среди которых собирались копья фашизма. Ибо в то время когда социал-демократы ждали спасительного чуда голосов, фашисты громили рабочие организации и убивали отдельных рабочих.

Фашизм и рабочие массы — вот две силы, которые сталкиваются друг с другом. Но массы не готовы к борьбе. Массы загипнотизированы «путеводной звездой»—350.000 голосов, они сковали закованными социал-демократическими вождями. В этом была трагедия австрийского рабочего класса и трагедия венского рабочего класса, закончившегося разгромом, восстанием.

Это особенно искусно показано Барта на судьбе основного героя его рассказа-хроники союза обороны, социал-демократа Рихарда, рабочего из числа тех, которые оказались впоследствии на баррикадах у Дворца юстиции. Прелесть его переживаний и поступков, их трансформация под влиянием ряда событий показывают, какими путями шло пробуждение масс, возникновение их революционной активности.

По диаграмме поступков и переживаний Рихарда отмечены ступени перехода от низших к высшим формам борьбы, от социал-демократа Рихарда к коммунисту Датлю, от социал-демократии к коммунизму, от безраздельного сидения прилипа «350.000» голосов к баррикадным боям у Дворца юстиции, — таков путь масс, и такова тема повести Барта, «350.000».

А. Барта — молодой венгерский пролетарский писатель, известный нам по ряду произведений («Миша», сборник рассказов «Пансион в городе» и др.). Его первые произведения носят на себе следы экспрессионизма. Но постепенно он переходит к другому стилю, овладевает искусством описывать события простым, эмоционально насыщенным языком, понятным для широких масс. Уже выпущенное на русском языке его вещи, хотя и различные по тематике, спаяны общей тенденцией — показом возрождения классового сознания как у отдельных представителей пролетариата («Миша»), так и целых слоев рабочего класса («350.000»).

В первых своих вещах он показал мастерство в раскрытии психологии своих героев, в последней повести — мастерство в обрисовке сложнейших процессов классовой борьбы.

И эта последняя повесть показывает дальнейший путь писателя к монументальному эпосу героической борьбы закатного пролетариата.

еще о шефстве завода им. ильича над фосп

ОСМЫСЛИТЬ и РЕАЛИЗОВАТЬ

Литсектор завода имени Владимира Ильича опубликовал в предыдущем номере «Литературной газеты» письмо, характеризующее состояние шефства завода над ФОСП. Это письмо, а также высказывания т. Г. Бессонова и секретаря партийной организации завода тов. С. Столповского нужно признать совершенно правильными.

Привлекаем в обзор и комментарии «Литературной газеты».

Почти год назад рабочие завода им. Ильича взяли шефство над литературной организацией ФОСП. Это было новое явление, значение которого выходит далеко за пределы литературной жизни. Между тем, оно (это явление) не было достаточно серьезно осмыслено почти ни одной из литературных организаций. Отсюда и только отсюда — все последствия.

Нужно прежде всего понять, что принятие шефства заводом им. Ильича над ФОСП — не частный факт. Это дело, которое должно было стать достоянием всего литературного движения СССР, дело, неразрывно связанное с призывом ударников в литературу, с задачей создания новых литературных кадров, новой литературной среды. Шефство заводских предприятий должно было и может, — при правильной постановке, — сыграть крупную роль в перестройке литорганизаций, в создании нового типа писателя.

Таким образом завод им. Ильича является зачинателем важнейшего культурно-политического дела.

Именно поэтому завод им. Ильича должен был стать базой опытной работы литературных организаций и ФОСП в целом; именно здесь надо было показать пример того, как может и должен работать писатель на предприятии. Это тем более возможно, что завод находится в Москве, где сосредоточены руководящие органы литорганизаций и крупные писательские кадры.

Из этого нашему, ничего или почти ничего в этом направлении не сделано. Даже РАПП, которая быстрее других литорганизаций откликнулась на призыв рабочих о большем другими помощи и задачи шефства, — даже РАПП, имеющая богатый опыт работы на предприятиях, крайне недостаточно работала на заводе им. Ильича. Очень ревностно работал т. Шушканов, работали, хотя и менее ревностно, тт. Ильенков, Якбах — и этим дело ограничилось.

Я не говорю уже о Союзе советских писателей, которые на заводе ничего не делал и не делают. И это в то время, когда связь с рабочими, связь с производством, участие в практике социалистического строительства, создание новой среды — являются одной из важнейших предпосылок перевооружения писателя-попутчика и перестройки всего Союза советских писателей.

Очень мало и очень случайно работали на заводе руководящие работники и актив ФОСП. Мы не всегда в курсе жизни, работы и борьбы завода за промфинплан. Мы мало знаем историю завода (а надобно ее знать), не знаем, как проходит процесс реконструкции завода, не знаем его рабочих.

Литсектор завода им. Ильича в своем письме пишет: «За май месяц наш завод выполнит промфинплан на 59 процентов. ФОСП об этом знал, но ничего не предпринял».

Нет, ФОСП об этом не знал, и это знаменует вопиющий факт, характеризующий нашу оторванность от повседневной практики завода. В такой момент мы обязаны были мобилизовать свои силы и показать образец действительно боевой работы на заводе. Этого не было.

Наряду с этим нужно признать (это признают и литсектор, и секретарь ячейки завода), что наличные свои обязательства по шефству над ФОСП ни в какой степени не выполнили. Общественная организация завода относится к шефской работе пренебрежительно, не проверяет выполнения обязательств, принятых на себя заводом. До сих пор нет представителя завода в руководящих органах ФОСП. Ни нет их в Секретариате, ни в Исполбюро ФОСП, ни в редколлегии «Литературной газеты», ни в правлении нашего клуба, ни в правлении Литфронта, ни в редколлегии «Красной нови» — органе ФОСП, — их нет, несмотря на все наши настойчивые требования.

Но представительство — это вообще мало. Надо, чтобы рабочие нашли органическое и ФОСП и оказали свое влияние на всю систему нашей работы. Этого нет. Чем это объясняется? Объяснять, мне кажется, тем, что сама идея шефства над литорганизациями осмыслена только литсектором да небольшой группой литактивов завода, но она не стала достоянием всей парторганизации, всех общественных организаций и всего заводского коллектива.

Надо идею шефства, задачи, смысл и практический план шефской работы сделать популярными среди всех рабочих, надо создать ядро активистов, энтузиастов этого дела. Общественные организации завода под руководством своей партийной организации должны осуществить контроль над выполнением шефской работы.

В литорганизациях же и в ФОСП необходимо преодолеть опортунистическую недооценку значения шефства. **Нам нужно создать в ФОСП актив таких писателей, для которых работа на заводе им. Ильича была бы любимым делом, делом чести.**

Лето — неблагоприятное время для широкой общественной работы литорганизаций, потому что подавляющая часть писателей находится вне Москвы. И все же нам нужно обязательно добиться резкого перелома в этом деле или во всяком случае подготовить условия для развертывания этой работы с осени. **Красная книга завода им. Ильича должна быть и будет написана.**

В ближайшие же дни ФОСП и завод им. Ильича должны совместно взяться за проверку исполнения наших планов, резолюций и деклараций.

Что касается важнейшего вопроса о формах шефства, то полагаем, что формы эти определятся в процессе построенной связи между заводом и литорганизациями. Были бы только эта взаимная связь и взаимная работа. Это главное.

Г. КОРЕНЕВ

РОМЕН РОЛЛАН

прощание с прошлым

Мы печатаем первую главу из последней статьи Ромена Роллана «Прощание с прошлым». Она характеризует один из наиболее знаменательных этапов в жизни писателя,— после сложной внутренней драмы, пережитой в годы империалистической войны, и долгих мучительных поисков, автор «Жан-Кристофа», прощаясь с прошлым, порвав со старыми навыками буржуазной интеллигенции, без колебаний повернулся лицом к СССР, приветствуя в лице советского пролетариата строителей новой жизни.— „Теперь — говорит он в заключительных страницах „прощания с прошлым",— я нашел свой путь, он быть может еще не окончен, но стрелка моего компаса показывает на север, на цель, к которой устремляется авангард Европы и которая является залогом социального и морального перерождения всего человечества».

Я должен был недавно перечесть обе серии моих статей, написанных между 1914 и 1919 гг. и вышедших под двумя различными заглавиями: «Над схваткой» и «Предтечи», несмотря на то, что в них одна и та же последовательность действенных мыслей, которые своей действенностью вызвали в свое время немало сопротивлений. Я пробегал также свой Дневник того времени, тридцать неизданных его тетрадей, которые содержат в себе много материалов и размышлений, могущих послужить пояснением для этих статей и дать ключ к душевной драме. Я закончил чтение и чувствую себя теперь точно после долгого и трудного путешествия, не кончившегося с войной и все еще продолжающегося вот уже семнадцать лет.

О! Об этом, конечно, даже и не догадываются те, кто потерял мой след в 1914 году, считают, что догнали меня, достигнув через семнадцать лет той точки, которая для меня была отправной, когда я сентября 1914 г. я писал «Над схваткой». Нет! То было лишь начало пути, который не знает отдыха и который я уснят вычеркнями с корнем предрассудками, талисманными выражениями, светильниками дружбами... А цели я не достиг! Когда дойдешь до нее, то назавтра будешь наг, как подобает тому, кто готов лечь в землю.

Когда-нибудь, если время позволит, я расскажу обо всем этом пути, завязшем годы 1914—1931. Это будет исповедь, в которой найдет свое отражение целое поколение одного из классов Запада, уже обреченного на гибель,— той правящей буржуазии, прогнившую идеологию которой мы помогали уничтожить, чтобы освободить место для мощных ростков новой жизни. А теперь я ограничусь очерком эволюции мысли за четыре года войны. «Начать — это значит сделаться»,— говорит Мефистофель. Каким бы робким ни показался впоследствии первые шаги, они предрешили все последующее. Жребий брошен... Иди! Теперь уж остановиться нельзя...

Человек, отправляющийся в путь в первых числах августа 1914 г., не мог предвидеть, с чем ему придется расстаться, что он найдет, какие он оставит за собой горизонты, какие откроет... Путник принял изделие... Он вышел из той старинной французской буржуазии, из той старинной французской провинции, которая воспитывалась в двойном религиозном преклонении перед родиной и революцией (перед **одной** только революцией — 1789 года! Французская буржуазия и знать не хочет иных, былых революций, отрицает и последующие. Так как революция 89 года—**се революция** — дала французской буржуазии достигнуть вершины своей судьбы, то она считала, что судьбы не повторились; революция пораженца...).

Одна из этих двух религий, сочетавшихся под звуки Марсельезы и грохот пушек у Вальми.—Родина только что освежила свои сыновние силы в кровавой бане 1870 года. Ее алтарем служила укутанная трауром статуя Страсбурга на площади Согласия. В ее честь слезки и особые мундиры и ежедневно тянули нараспев слово «Реванш». Другая—Республика—со времен президента Геви и дня его Вальсона—сожгла в собственном доме, как закопченная разбойница, украшенный орденами. (Она даже стала симулировать этими орденами). То был официальный культ, втолпо усвоившийся в государственное кресло и получивший свое освящение в 1879 году, в юнферове празднества Бастилии, которую за сто лет до этого взяли крупные буржуазия и которую она вновь возвела в ряд неприступного щита. В храме Республики всегда парили спасительная путеводная. И со стариного ли только дня? Об этом следует напомнить, когда поднялся нож Термидора, Революцию 89 года обкуривал погубные авантюристы, подготовившие Директорию и Наполеона. И это продолжалось и далее с одинаковой последовательностью, методически и торжественно детьми, внуками и правнуками жирондистов и якобинцев, примирившихся друг с другом на денежных мешках и именинах тех, кого они гильотинировали, именах, которые стали именоваться «вандейскими имуществами». Разжирев, она добросовестно уничтожили «террор» Коммуны и продали душу Наполеону. Понятно, что гражданский катехизис, преподаваемый в спарки подобных эмигрантов, приятно щекотал нос и господина Лояльно-Мыслящего [2] и его почтенного учителя—Тартюфа!..

Только начинающий преподаватель, я в те «спокойные» годы принужден был по своей службе внушать светскую мораль по такой программе, что больше года не выдержал. А сколько позорных принуждений! Но всем стенам красовались ложные идеи в виде тройного девиза из розовых слов «Свобода, Равенство и Братство!»... И все же, и все же!.. Сколько простых людей наивно и чистосердечно этому верили. Они родились под счастливой звездой, так как им не пришлось подкрепить внушенному испытанию своих «добрых богов». Обычная участь средней буржуазии — пока кругом спокойно, жить себе потихоньку, скромненько, честно, за работой, за плотно закопченными ставнями, не меняя идеи, без толчков и всяких потрясений...

Толчок разразился, хотя никто его не предсказывал. То было внезапное потрясение дела Дрейфуса. Как тюрьмы, брезались друг на друга два сочетавшихся плода: Родина, Революция. Официальные маски были сорваны, и на минуту явились подлинные лики Справедливости, Свободы, а также лик Силы, обеих Сил: Революции и Армии.—Заклание со всех сторон. Для непривычного народа петр Правды очень опасен. Несколько месяцев бредила Франция под напастельным писателем, и все, взявшись, затрещало, хрустело и совсем не справился от этого потрясения. Примирить столкнувшиеся в поединке верования уже не удавалось: а без них обойтись было нельзя. Но так как сил нехватило погрузиться в проблему до дна, то ко скрытому, безжалостному сознанию кризис ликвидировали. Без лишних слов сторговались между собой обе враждовавшие, но равно поддельные кумиры, чувствуя взаимную потребность найти друг в друге взаимную опору. И, истощив свои силы, они вновь ухватились за перину плоских компромиссов. Компромиссы отечества, справедливости, свободы и цивилизации, под флагом которых прятались продажи политического владыки—капитала, предательство тайных заговоров, распоряжавшихся народами, бесстыдный грабеж всей остальной земли, учиненный великими державами.

Около 1900 года мы восстали против этого компромисса—торгочки молодежи, и я в том числе, вместе с Пеги. Отъединенность чистоты, стоической, бескорыстной правдой жила бойким своим пламенем часть лучших людей Франции, посвящих на себе печать Бетховена и «Воскресения». Бесстрашно призывал «Двухдесятьлетних» (Cahiers de la Quinzaine) встать в защиту против лжи политики и преступлений цивилизации. Но прежде чем нам зрело сделать выбор между одной из великих идей: Родина, Человечество, которыми мы были полны, или сочетать их вместе, мы хотели мстить за профанацию, изгнать торговцев из храма и свергать частным культ двух богинь-матерей, казавшихся нам сестрами. Изо всей силы трубили Жан-Кристоф и Пеги о мистике действия, о героической религии жизни, которая лишь человеку, с вселенским самопожертвованием ради веры в нее — каковы бы они ни были.

О два из тех, кто кашел от этих источников, один из немногих, кто, преобразившись с ним, от них не отрекся, Жан-Ришар Блок, рассказывает в последней своей книге «Судьба Века»—**Destin du Siècle** (1931 г.):

«Вся наша молодежь прошла под знаком того слова, которое стало нашим девизом, нашим оправданием, нашим лозунгом: служить... Он господствует над всей духовной жизнью Толстого... Вместе с мистикой дрейфусовских годов Пеги и Жан-Кристоф усиленно возглашали вокруг нас крепость человеческих обязательств и нравственного долга... Идеалом нашим было добровольное служение. Самым тяжким наследством этого урока оказалось то, что он помог нам стать в 1914 году покорными подданными [4].

Жан-Ришар Блок, который далее добавляет, что «почти один я избежал этой чрезмерной покорности, потому что, будучи более толстовцем, я обрел на другом берегу служения пылающую, освобожденность и уединение религиозного сознания» [5], может себе представить, с каким напряжением волнения и смотрел, как в августе—сентябре 1914 года мои друзья, мои младшие братья ринулись в ту яричину, которую Кристофу удалось перешагнуть... А разве они не шли по его следам?

Да, шли! У него только времени нехватило, чтобы их перевести на другой берег... Вот какое письмо, полное благородства, написала мне 25 августа 1914 года мать одного из них, мать прекрасного юноши 22—23 лет, доброго, мягкого, великодушного, который был убит при одной из самых первых схваток в Лотарингии:

«Немецкая пуля только что убила нашего единственного сына. Перед своим уходом он несколько раз выражал желание написать вам. Я не знаю, успел ли он сделать это в последнюю минуту, и в сомнении, сама сообщаю вам, что переживал он и многие из его друзей, которые, может быть, также убиты. Вся эта прекрасная молодежь обрела в вашей книге ту силу, тот героизм, которые убиваются слишком развитым критическим духом нынешнего воспитания. Ваши произведения создали из них настоящих последователей, которых ваше влияние поднило над обыденной реальностью жизни, и вы вместо нас помогли им найти то радостное одушевление, которое им позволило мужественно отправиться на войну, не оглядываясь оторванно на то, что они покидали себя оставляли. Красота их благородной жертвы поможет облагораживающим их примириться с их смертью и со всеми бедствиями, которые сулит нам эта ужасная война. Мне хотелось сообщить вам, чем они были обязаны и выразить вам их благодарность».

От такой благодарности у меня разрывалось сердце...

О, когда я слышал, как все эти Бурже и Барресы кичились героизмом самопожертвования, расцветшего благодаря войне, и из глубины сердца кричал им: «Жалкие люди! Это мы посеяли эти благодетели в сердцах этих юных героев! Это нами уготовлены эта жертвы... Но не для вас! Не для вашей войны! Ваша война ничего не сознала. Ваша война их только убила!.. И вот она, та трагедия человека, который написал «Над схваткой»...

Героическое поколение 1914 года состояло из наших младших братьев, наших учеников, наших сыновей. Мы их воспитали. Но нам нехватило времени, чтоб увязать им путь. Мы не могли. И надо сознаться, что мы сами этого пути не знали. До последнего часа мы стояли нерешительно на перекрестке двух дорог [6].

Тяжка моя исповедь,— исповедь целой эпохи. Себя мне нечего щадить больше, чем других! В первые дни августа ни одна из нас не мог предчувствовать убийственного смещения двух идеалов: родины, человечества. А мы не хотели жертвовать за тем, ни другим. Нас опутывала обманчивая надежда, что их можно гармонически сочетать. Говоря «мы», я подразумеваю не только интеллигентов, которые всегда говорят «мы начали». И имею в виду людей активных, каких не мало знаю, и из числа тех, которые потом играли первые роли в государстве. И сам Жорж до последнего дня не мог сделать выбора между римским идеалом вооруженной нации и идеалом восставших и братающихся народов.

Итак, сразу перед нами развернулась пропасть... Выбирай!.. А выбирать уже было поздно. Выбор был сделан за нас, без нас. Так, чудовищным прошлым пожирается будущее.

---

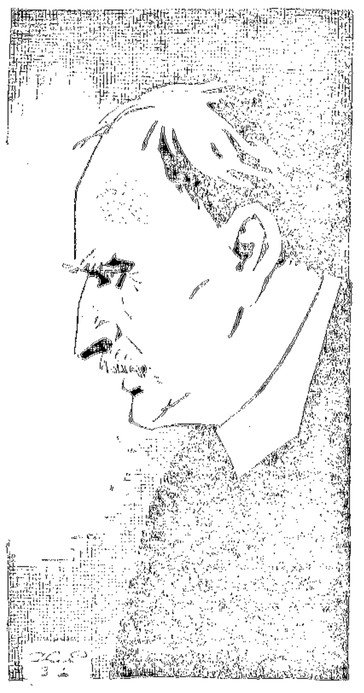
[2] Лояльно-Мыслящий — прозвище судебного пристава из пьесы Мольера.

[3] Либеральный журнал, издававшийся Шарлем и Парше. (Примечание переводчика).

[4] «Толстой или добровольное служение». Это же мнение высказано мной вы много позже точно в статье «Толстой, Зодчий духа». Она опубликована в мае 1917 г. в журнале «Табльетт де Женев» и затем вошла в сборник «Предтечи».

[5] То же мнение высказано мной вы много позже точно в статье «Толстой, Зодчий духа». Она опубликована в мае 1917 г. в журнале «Табльетт де Женев» и затем вошла в сборник «Предтечи». Однако, юные читатели остались на полпути.

[6] Символ этой нерешительности — два снимка близнеца Кристоф и Оливье. Один, Оливье, отказывается от войны (роман Кристоф, том X, стр. 1). Другой — Жан Кристоф (Из серии рисунков Р. Роллана — «Жан Кристоф. Пр. пер.). Правда, в создании Кристоф принимает «Над схваткой» пацифистский (Рассвет).



РОМЕН РОЛЛАН

Бернард Шоу приезжает в СССР

Генеральный секретарь Международного об'единения революционных писателей т. БЕЛА ИЛЛЕШ получил телеграмму от БЕРНАРДА ШОУ, в которой Шоу сообщает о своем предстоящем приезде в СССР с целью ознакомления с социалистическим строительством Союза советов. БЕРНАРД ШОУ ПРИЕЗЖАЕТ В МОСКВУ В ДВАДЦАТЫХ ЧИСЛАХ ИЮЛЯ.

Федерация об'единений советских писателей готовит встречу советских писателей с Шоу.

МОЛОДОГВАРДЕЙЦЫ — ЦК ВЛКСМ

Совещание творческих кадров журнала «Молодая гвардия» шлет пламенный привет руководителю многомиллионного комсомола — ЦК ВЛКСМ.

Собравшись по окончании 11 пленума ЦК ВЛКСМ, писатели, поэты, очеркисты и критики — «молодогвардейцы» поставили в центре своего внимания решительную перестройку всей работы журнала, поворот журнала и разрешению задач, выдвинутых пленумом ЦК.

Художественным словом, образцами большого искусства большевизма журнал станет одним из орудий идейно-большевистского воспитания молодежи, добиваясь 100-процентного вовлечения рабочей молодежи в ряды ленинского комсомола.

ГОТОВЯТСЯ К МАНЕВРАМ

Для отражения в литературе работы войск в обстановке, приближающейся к военному времени, писатели ЛОКАФ включаются в подготовку к маневрам Красной армии. Организуется несколько писательских бригад для участия в маневрах. В состав бригад входят: А. Гидаш, Ф. Панферов, Ф. Гладков, А. Фадеев, Н. Тихонов, В. Сталинский, А. Безыменский, А. Новиков-Прибой, Вс. Лебединский, М. Шолохов, Л. Леонов, Борисоглебский, М. Чарот, Мурашко, (Белоруссия), Ирман, Панч, Тассо, Годекен, Е. Вогулев, Иван Ле, (Украина), С. Мстиславский, Громов, И. Ипполитов, Як. Калнынь и др.

За пять дней

творческая дискуссия ВССП

Основной причиной, почему конференция ВССП была перенесена на осень, являлось то, что к ней не было проведено широкой массовой подготовки. Майский пленум правления ВССП совершенно правильно указал, что конференция будет успешной лишь в том случае, если перед ней будет развернута широкая творческая дискуссия.

Творческое размежевание, дальнейшая дифференциация рядов союза советских писателей диктуются всеми теми процессами, которые происходят в среде попутничества. Только на основе широкой творческой дискуссии может быть совершен переход к новому этапу в жизни союза. Только на этой основе может быть осуществлена решительная перестройка его, под лозунгом которой должна пройти осенняя конференция ВССП.

Как же идет подготовка, как развертывается творческая дискуссия? — этот вопрос уместно поставить, так как с того времени, когда заседал пленум правления, прошло уже два месяца, и только такой же, примерно, срок остался до конференции.

Попрежнему линию наибольшей активности в делах союза и в творческих вопросах ведет Ленинград. Там мобилизован весь актив союза на проработку творческих вопросов, там начата широкая творческая дискуссия, которой в июля посвящено уже три массовых вечера.

Ленинградцы совершенно правильно понимая свои задачи, сразу же ставят основные принципиальные проблемы — мировоззрения, творческого метода и т. д. У них более или менее отчетливо намечается линия размежевания, подготавливается творческий опыт, проработываются вопросы литературно-политического порядка.

Это не значит, конечно, что по всем вопросам в Ленинграде достигнуто уже единство — тогда бы много было дискутировать, тогда бы не стояла задача размежевания и дифференциации.

Однако, мы не собираемся сейчас делать каких-либо выводов из только что начавшейся ленинградской дискуссии, кроме одного: **есть все данные, что ленинградцы придут на конференцию союза подготовленными**, с определившимися творческими направлениями, с проработанными вопросами по разделу для конференции, с определенным отношением к задачам союза.

Так обстоит дело в Ленинграде. **А в Москве?** Что делается в московском отделе союза? **Ничего.**

Это все, что можно сказать про положение в Москве. Что-то намечили, кому-то что-то поручили проработать, и этим дело ограничилось. Скажут: «Лето, все разъехались». «Объективная» причина! Лето есть и в Ленинграде, а разъехались далеко не все. Есть **все возможности** для того, чтобы начать и в Москве широкую творческую дискуссию (РАПП сумела же это организовать).

Беда не в «объективных условиях», а в слабой работе московского руководства, в его инертности, которая становится перманентной.

Однако, наша заметка меньше всего продиктована желанием констатировать это. Мы хотим **помочь** развернуть дискуссию в Москве, а поэтому предлагаем свое участие в ее организации, а также рекомендуем то же самое сделать секретариату ФОСП, которому совершенно необходимо взять под свое руководство **направление** творческой дискуссии в объединяемых им организациях и в ВССП, в первую очередь. Думается, что всем вместе — правлению ВССП, ФОСП и «Литгазете» — удастся наметить реальный план творческой дискуссии и быстро его осуществить.

Ленинградцы же не откажут, очевидно, послужить для московской общественным буксиром. Они имеют все основания и возможности для этого.

прием в ИКПЛИ продлен до 15 июля

Ввиду большого количества запоздавших заявлений, прием в ИКПЛИ продлен до 15 июля. За последнюю декаду поступило еще 15 заявлений, из которых 6 принадлежат рабочим и 9—служащим. На 13 июля в портфеле приемной комиссии находится 80 заявлений.

Допущены к приемной конференции: Г. СКАЛЬСКИЙ—рабочий (Белоруссия), Ф. ФЕДОТОВ—рабочий (Средняя Азия), М. ШМИДТ — рабочий (Белоруссия), С. ПАСТУНОВ — рабочий (Москва), Т. РОМАНОВ—рабочий (Москва), К. БАРАТОВ — крестьянин (Узбекистан), Е. УХАЛОВ — крестьянин (Москва), Г. ГАЗАРЬЯН—служащий (Закавказье), А. ШАГНАХМЕТОВ—служащий (Татреспублика), Е. ТАУТКУС — служащая (Москва), Х. ТУХВАТУЛИС — служащий (Татреспублика), Д. ЮЛТАЕВ — служащий (Башкирия).

расширенное исполбюро фосп

16 июля в клубе писателей им. Горького, в 18 ЧАСОВ состоится расширенное заседание Исполбюро ФОСП совместно с писательским активом, посвященное вопросу о положении с бумагой для издательств художественной литературы.

На Исполбюро ФОСП выступят с докладами: АРТ. ХАЛАТОВ—от ОГИЗ, МАЛКИН (Комитет по делам печати), БОРОДИН (Союзбумага) и А. СУББОТИН—от комиссии секретариата ФОСП.

На собрание приглашаются все писатели. Явка членов Исполбюро ФОСП обязательна.

ИНСТИТУТ ЛИЯ становится центром большевистской теории

общая работа с ВОАПП и РАПП — основа движения вперед

Развернувшие секции литературы, искусствоведения и языка Комакадемии в институте ЛИЯ весной и летом 1930 г. сочлись с ожесточением борьбы против антимарксистской линии РАПП и сформировали костяк своей группы и группы обслуживающих и вспомогательных «Лефа», кандидатов и переходящий во фракционную литературно-политическую группировку «Литфронт».

Летом ЛИЯ, под руководством П. Сакулина, Н. Бескова, О. Бескиной и А. Лежнева стал опорой этой борьбы. «Лезвие и рельефность», редактировавшаяся руководством института, открыто объявила себе органом «блока». Именно тогда, чтобы защитить сегодняшнюю научной работой, вместо развернувшейся борьбы с механицизмом и рапповщиной, руководство института, на три четверти состоявшее из «Литфронта», пыталось создать видимость «единого фронта», противника которого составляли «напостовцы» (Сакулин, Цех, Л. Аксельрод, Лебедев, Петровский, Базаров, Троицкий). Этой дискуссией была начата критика Переверзева, его двухчленное развитие вело начало к организованной совместно с РАПП дискуссии о Плеханове, открывшейся докладом т. Авербаха, с определенно вредительской целью срыва работы ЛИЯ и РАПП. Доклады тт. Добрынина, Каратыгина, Гвоздева, Добина и Христового дали развернутую критику философии и методологии Плеханова, анализ механистико-объективистского характера и замалчивание его по-новому вопросов развития идеологии, отношения субъекта к объекту (теория отражения), «внутренней» критики и т. п. Дискуссия о Плеханове на фронте пролетарских искусств, наряду с разоблачением ряда ревизионистских и антимарксистских теорий, в то же время была действенным ответом на линию критики искусствоведческой концепции т. Мица, против его буддизмо-мальтузианской и бухаринской диалектики творческого искусства (известно отметить, что т. Мица и сам заставили с критикой своих ошибок).

Отмечая работу была признана эта дискуссия содействия М. Горького, письмо т. Калинину, являющееся, однако, ценой тяжких усилий ленинского ядра

ческой творческого опыта этого величайшего писателя мирового пролетариата. Институт ЛИЯ ставил перед т. Горьким вопрос об установлении тесной связи, которая позволила бы использовать в большевистской академии его богатейший архив.

Во время дискуссии о Горьком, наряду с конкретным анализом произведений Горького — художника, публициста и критика, были разоблачены антиленинские выпады на Горького, выступления Р. Горбачевым, И. Бескиным и др.

Начинает быстро реагировал на текущие политические события, возбудившие огромный интерес студенчества, литературников и рабочих вечерами на тему о Маяковском, Есенине, Горьком. Демьяне Бедном, о коллективизации искусства, о школах «Хлеба» и «Последний, решительный», прошли большинство из этих вечеров совместно с РАПП и ФОСП.

Решения ЦК ВКП(б) о Комакадемии стали основой работы нового руководства. В тесной связи с ВОАПП, РАПП, РАПМ, АРРК, ВОПР, тормозившим движением создавы планы научной работы на 1931 г. Работа будет строиться в основном по следующим разделам: первый раздел — это рассмотрение стоящих вопросов искусства, литературы и языка в свете ленинского наследства (бригады т. Гвоздева). Сюда входят темы: Ленин и Толстой, Ленин и Чехов, философское наследство и основные проблемы методологии литературы, ленинизм и художественный метод пролетарского искусства, ленинизм и вопросы развития русской и западной литературы, ленинизм и творческие задачи кинематографии, критика Троцкого, критика Бухарина, разработка вопроса о литературном наследстве Мерзина, Варсонофия и Фриче (по фронту работе специальная бригада, которая вскроет абстрактность и неправильность ряда положений т. Фриче, усиление актуальности, но ценное, что входит в большевистское литературоведение) и т. д.

Второй раздел — это вопросы национальной культуры и искусства в свете учений Ленина и т. Сталина.

Сюда входят темы: борьба с великодержавничеством и местным национализмом, состояние искусства и литературы в Грузии, Белоруссии, Азербайджане, Армении, Татарии, Узбекистане, Украине, РСФСР и т. д., теоретическая разработка основных вопросов национального искусства. Под руководством т. Бескиной при тесной организационной связи с ВОАПП, секция разернула огромную работу, в-первых, в частности, имеющую большое политическое значение дискуссию о национализме и о борьбе за подучника, на которой выступили руководящие работники ЦК ВКП(б) и ЦК ВЛКСМ, Сакулин, Цех, Л. Аксельрод, Лебедев, Петровский, Базаров, Троицкий, Сеня Рогачевский, Сутырин, Ермилов, секретари республиканских АПП и т. д.).

Недостатков еще много: не развернута в необходимой степени работа по кино (хотя сейчас намечается решительный перелом), совершенно мертва секция языкознания и журналистики, которая не выполняет плана секция литературы, нет нужных темпов в работе секции, хотя она уже много проделала. Качество работы во всех секциях еще не на должной высоте. Не развернуто социалистическое соревнование, не привлечены в нужной мере в работе писатели и практики.

По поводу, сделав. Перетом произведен. Темпы взяты более. Будем выполнять!

С. ДИНАМОВ

ЭЛЕОС ГОМЕС*

МЯТЕЖ

Ритмом проснувшихся толп
вибрируют разрушительные громовержители
Бастилий.
Разбушевавшаяся волна,
и тебе мускулы
всенародного гнева,
разбушевавшаяся волна
свободы,
ритм пробудившихся толп.

Перевел с итальянского
Д. ВЫГОДСКИЙ

* Итальянский поэт и художник-коммунист.

Ущербность термина «попутчик» и эпоху реконструкции на частном примере Лидина обнаруживается чрезвычайно наглядно. Между тем этот писатель сумел провести сквозь все годы революции по многом почти незапятнанной репутацию попутчика «настоящего во всех отношениях». До сих пор критика мало занималась Лидиным, а если и касалась его творчества, то только вскользь, мимоходом. Правда, вместо отдельных марксистских оценок произведений Фриче, например, справедливо указал в одном из обзоров, что «Лидин освещает общественно-бытовые явления в духе не социалистического, а мещанского писала» («Правда» № 125, 1927 г.). С другой стороны, издатель «Перевала», вроде Д. Горбова — в соответствии с их идеалами — не премудрил отозваться о Лидине с задушевной благожелательностью. Все же развернутого критического анализа — ни обличительного, ни апологетического — Лидин не встречал.

Этот малый интерес советской критики к Лидину в известной мере объяснялся недостаточной самобытностью его таланта. Вот уже кто не мог бы сказать о себе и духе известной фразы: «я вышел из маленького, но из своего стакана». Лидин был из больших и из маленьких стаканов, но само — несомненно из чужих. Писатель-имитатор, — и в этом своем качестве очень талантливый, — он работал сначала под Зайцева, затем, после Октября, под Пильняка и Эренбурга. При этом работал чрезвычайно бегло, сумевший не только дать анализ изжитой продукции, но и принципиально непосредственное участие в работе со взятого в Полугае.

В самое последнее время начата дискуссия о меньшевиствующем идеализме в литературоведении, окончательно разоблачившая философские основы беспомощности и «Литфронта» в целом.

Институт ЛИЯ не занимается только теоретизированием. Его работе свойственен революционный признаком, теория связывается с практикой, практика проникает все содержание работы ЛИЯ. Выводы теоретических работ помогали и помогают массовым пролетарским литературным и художественным организациям.

Известные успехи, достигнутые ЛИЯ, были возможны только потому, что институт работает в тесном контакте с ВОАПП, РАПП, а также с РАПМ, РАПХ, АРРК, ВОПРА. Вздорные теоретики о том, что теоретики сидят в ЛИЯ, а практики в РАПП, сфабрикованные органом старого руководства «Литература и искусство», ложные теоретики о том, что рапповцы «не хотят работать в ЛИЯ» (это усердно вторил А. Эфрос, подчеркивавший руководящим в целом) разлетелись вдребезги: ЛИЯ и РАПП работают вместе, руководящие товарищи из РАПП проводят в ЛИЯ значительную теоретическую работу (в ЛИЯ или новом руководстве выступили тт. Авербах, Киршон, Сергиевский, Сутырин, Ермилов, секретари республиканских АПП и т. д.).

Недостатков еще много: не развернута в необходимой степени работа по кино (хотя сейчас намечается решительный перелом), совершенно мертва секция языкознания и журналистики, которая не выполняет плана секция литературы, нет нужных темпов в работе секции, хотя она уже много проделала. Качество работы во всех секциях еще не на должной высоте. Не развернуто социалистическое соревнование, не привлечены в нужной мере в работе писатели и практики.

По поводу, сделав. Перетом произведен. Темпы взяты более. Будем выполнять!

С. ДИНАМОВ

трибуна творческой дискуссии

против „механического гражданства"!

Неспособность романтически неопределенной фразеологии, настолько лишен какого бы то ни было органического социально-конкретного содержания, что его некоторые фразы можно чисто механически вписывать какой угодно общественно-политический идеологем. Лидин-бедуин, Лидин-дезертир, «ушедший в пески», Лидин-«человек, который один», Лидин-«человек на этой отдаленной земле, не имеющий ценных этих идеалов» — все это, по существу, одно и то же. Это — по-прежнему писатель романтической фразы, романтический эпигон, в котором — несмотря на все его «современные» темы — нет ни одной черты, которая бы выделяла его из ряда других романтиков.

Бессодержательность и пассивная романтика лидинских стовесных узоров и его вычурная манера уходить от революционной современности...

Вель не случайно Лидин показывает своих персонажей (как, впрочем, и самого себя) путешествующими то в начале, то на пароходе. Не случайно на страницах его произведений частенько мелькают суда и морские величественные обрисовываются материки, географические просторы. Все это, сдобренное то суетливой лирической жестикуляцией, то задушевной проникновенностью стиля, должно автоматически убаюкать интеллектуальные темы его художественной прозы и, создавая атмосферу «вообще», помочь автору уйти в этом процессе, механически включаясь в литературный поток эпохи реконструкции, но выключаясь по существу — по сознанию — своей тематикой и ее оформлением, сыгравшим известным и небезразличным в некотором роде применительно.

В чем же заключается вся его примечательность? Ее можно кратко формулировать тем удачным выражением, какое применил М. Горький в своей известной статье о «механических гражданах». «Механическое гражданство» в такой же мере существует в советской литературе, как и в советском быту. Творчество Лидина — особенно его последние произведения — является ярким документальным правильности этого утверждения.

Вель, к примеру, последний его рассказ «Красная Дыра» («Красная Новь» № 3, 1931 г.). Если этот, в общем мало примечательный, рассказ, сводящийся к утомительному пересказу на материалистической основе, земельно и замечательно, то только тех, что такой рассказ легко себе вообразить в любом литературно-политическом окружении. Он всегородне нейтрален, экстерриториален. Взят рассказ (о немце, поехавшем отомстить американцам и не вернувшемся убившем одну немку) легко представить себе напечатанным и лет 15 назад в толстом журнале любого идеологического направления, и в газах-хибель «современных записках» белой эмиграции. Идейная пустопорожность этой новеллы для Лидина достаточно типична. Такая психологическая экстерриториальность характерна не только для рассказов, но и для его «больших полотен». Здесь он также, легко скользя по темам, успокоился от почвенной их проработки. Получилось его последний роман «Некатегат» успокоил от тайниками критики. Этот роман о самоотверженном профессоре, о его сексотике — «чистой девушке», преданном под сенью насильно туманной, отвлекается от их показа, и сразу же после этого в нем выступает иной пейзаж?

«Арбатских типичное тончайшего московского мира, особняки-сады», кудда сворачивает «некатегат». Нижнятся в где глубоко запечатлелся «улыбка девушки», «тишина чистоты», «белый плесы в вином прочистном доме» определяет доминирующие мотивы.

Повествование, только в этом направлении развития Лидина и его героев наполняется конкретным содержанием. Более того: вожделенная разнотемность, многогранность его сюжетов и стилей отнюдь не противоречит, а вполне соответствует этой его монистичности: творческая неудержимая Лидина манком и полностью укладывается на полотне мещанина.

Механически гражданствуя в советской литературе, Лидин, таким образом, объективно становится убежищем внутренне окопавшихся, враждебных социализму «механических граждан».

Но ведь этот и не может быть для писателя «полосы отчуждения» в обстановке решающих классовых боев. Кто такую полосу выстроит — попытается создать — хотя бы и в литературе — неминуемо скатывается в лагерь чужаков, врагов.

Лучшие художники слова из среды «попутчиков» не могут не сознавать этого. Вспомним, что даже Пастернак, этот столь отдаленный от современности писатель, недавно недвусмысленно воспротивился: «Разве я не мерзок пятилеткам, но разве, не кланяюсь с ней?»

В третий, решающий год пятилетки этот вопрос со всей решительностью и резкостью встает перед многими «попутчиками». Ставится он и перед Лидиным. Путь перестройки ему не заказан. В противном случае, если в процессе применить к Лидину устаревший термин «попутчик», то только в одном смысле: попутчик обывательщины.

А. ЛЕЙТЕС

дискуссия в ленинграде

«формулы перехода» — доклад зел. штейнмана

Первым в серии докладов, посвященных развертыванию творческой дискуссии в октябрьской конференции ВССП, был доклад тов. Штейнмана, указавшего, что борьба за мировоззрение, жестокая классовая борьба сквозь развитие советской литературы. Именно в результате этой классовой борьбы пришел писатель-пролетарий к ленинизму, к признанию ленинского учения, как единственно правильного, научного, марксистского мировоззрения. Именно в результате этой классовой борьбы приобретает такую остроту вопросы перестройки попутнической литературы.

Т. Штейнман устанавливает, что наиболее творческие сильные группировки советских писателей, в том числе и ленинградских писателей, идут сейчас навстречу. Отдельные свой индивидуализм в результате социалистических побед пятилеток, бурного роста коллективизации, разгрома шкуры имперантов и пр.— вольно отрекаются и в жизни литературе. Это не значит, что революционные настроения среди писателей окончательно исчезли. О революционных настроениях свидетельствует хотя бы последние ближи года мощный попутников, так называемых внутренних перевальцев (Е. Тагер, С. Кулэн, С. Спасский и др.). Во основную линию ЛО ВССП характеризуют не эти отдельные, а ведущие группы ленинградских попутников, четко ориентирующихся на перестройка и союзников.

Роль литературы в реконструктивный период неоценимо велика. Со всей принципиальностью литература должна выработать такой метод познания мира и его художественного отображения, которые бы соответствовали задачам современного этапа революции и действенно служили бы своей функцией пролетариата. Борьба за мировоззрение является таким образом основной предпосылкой перестройки попутничества).

Кем является писатель в реконструктивный период?

Т. Штейнман приводит своеобразную «скорую анкету» ответами из произведений ряда писателей. Он отвечает на этот вопрос.

Почти отвлеченны ответы Евг. Замятина и Бор. Пильняка. В сборнике «Как мы пишем» сей писатель откровенно предлагает, наперекор старому завету, что писатель — существо сверхсознательное, которого управляют «северное-прудное» законы. «Литературным стопятидесятым» Т. Штейнман объявляет повесть Замятина и Пильняка отгородившими дымовой завесой «сновидений» от требований советской общественности и пролетарской критики, «уйти в кусты». Сквозит о том, что, когда они пишут, они знают в тучи и оглядываются в «Красном перце» и «Мы» видят «волка». Пильняк-Замятин пытаются навеять туман безответственности для контрреволюционной клеветы.

Перейдем к пильняковско-замятинской теорией о сущности писателя Т. Штейнман находит у Ольги Форш («Сумасшедшем корабле»), хотя, конечно, О. Форш нельзя поставить на одну полку с Замятиным.

Не менее показательные взгляды на роль писателя можно найти в сборнике ленинградских «перевальцев» (северной бригады). Они заявляют: «Оружие писателя — не слушаем, а внимание» и таким образом позволяет в конструкцию принципа полочный объективизм, менее всего соответствующий задачам революционной литературы. Одновременно со сборником «северной бригады» выпила и книжка Ю. Берлина «Путешествие», где автор высказывается за «иронической точку зрения» на всякое явление современной действительности.

*

«Теория непосредственных впечатлений»,—заявляет Т. Штейнман,—являлась узловой проблемой рапповских споров, имеет еще большее значение для попутчиков.

У многих советских писателей эта теория «непосредственных впечатлений» выражается в виде своеобразной теории «пятнистых-рыболовов». Писатели ходят, наблюдают и наблюдение механически переносят на бумагу.

В новой книге М. Козакова «Человек и его дело» автор развивает свой зам'ятинский тезис о писателе-Пиюшкине. «Пиюшкинство»,—утверждает М. Козаков,—является основной слабостью писателей, моментом, предшествующим отбору фактов».

Но ведь писатель наблюдает и отбирает явления действительности «не случайно», а с определенных классовых позиций. Процесс наблюдения и отбора фактов действительности представляет диалектическое единство.

Фиксация непосредственных впечатлений действительности без всякой сознательной отбора и выбора оказались в серии произведений о социалистическом строительстве — результат ориентации писателей на ССП. В большинстве очерков, вышедших в сборнике «Рейнский год», писатели изучают вещи, но не умеют вскрыть социальную сущность изучаемых явлений.

Последняя часть доклада Т. Штейнман посвятил творческим документам, говорящим о перестройке писателей.

Отдельные положительные моменты, указывает о перестройке писателей, Т. Штейнман находит в сборнике Козакова «Человек и его дело». Более значительные документы, утверждение эту перестройку — «Котельная» — М. Тихонова, «Линия огня» — Н. Никитина — пьеса, которая ставит на сцене проблемы социалистического строительства. Еще большее свидетельство — романа М. Слонимского — «Фома Клычков», совершенно неверно понятый Горелевым в «Стройке» и попавший поверную оценку в решении бригады ЛИЯ ЛОГА в «Ленинградской Правде». И, наконец, большой документ перестройки — роман М. Шагинян — «Гидроцентраль».

Отчет о прениях по докладу будет дан в следующем номере.

Е. РЕСТ

Н. ГЛАГОЛЕВ

ЛЕНИН и ПЛЕХАНОВ о ЛЬВЕ ТОЛСТОМ

Ленинские работы о Толстом остаются до сих пор недостаточно освоенными диалектике в области литературоведения. Для Ленина здесь, как и во всех его работах, характерна крайне ясная конкретно-историческая, **партийная до конца** линия зрения. Подобрая удивительная чуткость ставит, заботливо изучая отдельные «голоса» в русской и иностранной прессе о Толстом, Ленин подчеркивает, что эти голоса «только всего литературное выражение его продуктивной в своих мнениях массовой русской революции и тяжелых «гнилых» (Том XII, стр. 311). Именно здесь исходит, конечно, установка и метод в оценке Ленинского анализа творчества Толстого.

Противоречия во взглядах, учении и произведениях Толстого Ленин не рассматривает как только противоречия его личной мысли, а систематически их, как «зеркало тех противоречивых условий, в которые была поставлена историческая деятельность Толстого». Ленин противопоставляет **пером** всего мирового значения Толстого, отражавшего «ломку вековых отношений и старый уклад всей русской» старой России. Противоречия во взглядах Толстого он видит не в плане эпохи современной работы по движения и сопротивления социальных сил, которые, безусловно, необходимы, но **недостаточны**, а с точки зрения того исторического материального движения, которое обусловило русскую революцию. Ленин подчеркивает, что эти «учение всего выросшего в данных условиях старинных взглядов и навыков» (Том XII, стр. 311). Именно здесь исходит, конечно установка и метод в оценке Ленинского анализа творчества Толстого.

Противоречия во взглядах, учении и произведениях Толстого Ленин не рассматривает как только противоречия его личной мысли, а систематически их, как «зеркало тех противоречивых условий, в которые была поставлена историческая деятельность крестьянства, **вся** его **противоречивость** условий патриархальной деревни, **вся** критичность самой и отношение, **вся** наивность крестьянской буржуазно-демократической революции в целом, **вся** наивность крестьянской политики **во всем мире** и сравнительно высокое — в Толстом». Ленинская методология в оценке учения и творчества Толстого не оставляет места ни для тех, кто хотел бы рассматривать Толстого как идеолога крестьянской буржуазно-демократической революции, ни для тех, кто изолированно во взглядах и произведениях Толстого склонен усматривать, как нечто индивидуальное, как только выражение противоречий его личной мысли.

И. М. Пузиков во вступительной статье к сборнику «Плеханов и Толстой» ставит вопрос о причинах того, что Плеханов почти не ставил перед собой вопроса о социальном генезисе творчества Толстого». Это обстоятельство Пузиков склонен объяснить тем, что Плеханов писал уже тогда, когда некоторые основные работы Ленина о Толстом были уже опубликованы» (стр. 11). Ленин, что такое объяснение совершенно **принципиальной** различие ленинских и плехановских установок в оценке творчества Толстого.

Было бы неправильно, конечно, отрицать **всякое** положительное значение плехановских работ о Толстом. Плеханов дает местами весьма сильную, эффектную и остроумную критику религиозных представлений Толстого, его морали, его учения о непротивлении злу, вскрывает на ряде примеров реакционность его нравственной проповеди, ее несостоятельность и даже абсурдность.

Однако, это еще не дает основания делать вывод о теоретичности по своему плейному содержанию критики и плехановской критики либеральных явлений и ни в какой мере не снимает необходимости конкретного раскрытия и выяснения **основного** принципиального различия методологии Ленина и Плеханова в анализе сущности, классовой основы, идеологического содержания и функции творчества Толстого.

При внимательном изучении плехановских работ о Толстом прежде всего бросается в глаза отсутствие в них какого бы то ни было анализа противоречий в учении и художественных произведениях Толстого с точки зрения характера русской революции и движущих сил ее. Конкретно-историческая точка зрения совершенно выпадает в данном случае у Плеханова. У Плеханова здесь чрезвычайно рельефно сказалось характерное для него пристрастие к чистому **схематизированию**, отмеченному Лениным стремление искать ответов на поставленные вопросы в плоском логическом развитии общей истины. Все ключевые проблемы **классовой борьбы** на данном историческом этапе расстановки и соотношения классовых сил — эта решающая сторона дела совершенно выпадает в работах о Толстом из поля зрения Плеханова. Крестьянство, как движущей силе русской революции, в лучших работах о Толстом уделяется **главное** внимание; в плехановских — его нужно разыскивать с самым сильным микроскопом, и все-таки эти попытки окажутся безуспешными. В этом **неромненно** оказался **меньшевизм Плеханова, резкая принципиальная грань, отделяющая его от Ленина** в понимании сущности и характера движущих сил первой русской революции. Основное внимание Плеханов уделяет моментам чисто психологического и биопсихологического порядка; в это вполне естественно, поскольку он рассматривает противоречия во взглядах и произведениях Толстого исключительно как противоречия его личной мысли, исходя из данных личного опыта самого Толстого, изолированно от всей совокупности общественной практики, опыт миллионных масс крестьянства, вскрывает диалектику движущих сил революции, Ленин в самом крестьянском движении **все** стороны, **все** противоречивые условия исторической деятельности крестьянства, **всю** бодрствующую силой и отвлеченность, **все** особенности крестьянской буржуазно-демократической революции в целом, **все** особенности крестьянской психологии — во всем мире и сравнительно высокое — в Толстом». Ленинская методология в оценке учения и творчества Толстого не оставляет места ни для тех, кто хотел бы рассматривать Толстого как идеолога крестьянской буржуазно-демократической революции, ни для тех, кто изолированно во взглядах и произведениях Толстого склонен усматривать, как нечто индивидуальное, как только выражение противоречий его личной мысли.

И. М. Пузиков во вступительной статье к сборнику «Плеханов и Толстой» ставит вопрос о причинах того, что Плеханов почти не ставил перед собой вопроса о социальном генезисе творчества Толстого». Это обстоятельство Пузиков склонен объяснить тем, что Плеханов писал уже тогда, когда некоторые основные работы Ленина о Толстом были уже опубликованы» (стр. 11). Ленин, что такое объяснение совершенно **принципиальной** различие ленинских и плехановских установок в оценке творчества Толстого.

Было бы неправильно, конечно, отрицать **всякое** положительное значение плехановских работ о Толстом. Плеханов дает местами весьма сильную, эффектную и остроумную критику религиозных представлений Толстого, его морали, его учения о непротивлении злу, вскрывает на ряде примеров реакционность его нравственной проповеди, ее несостоятельность и даже абсурдность.

Однако, это еще не дает основания делать вывод о теоретичности по своему плейному содержанию критики и плехановской критики либеральных явлений и ни в какой мере не снимает необходимости конкретного раскрытия и выяснения **основного** принципиального различия методологии Ленина и Плеханова в анализе сущности, классовой основы, идеологического содержания и функции творчества Толстого.

При внимательном изучении плехановских работ о Толстом прежде всего бросается в глаза отсутствие в них какого бы то ни было анализа противоречий в учении и произведениях Толстого исходить лишь из данных внутренней природы самого учения. «Лучше определить, почему его учение так богато противоречиями... А для этого нужно понять его внутреннюю природу». (См. том XXIV, стр. 196.) Неудивительно отсюда, что Плеханов ограничивается исключительно только доказательством **плейным** системы взглядов Толстого и за пределы этого никто должного анализа никак не выходит. Плеханов, наконец, в обвинении сущности противоречий в учении Толстого берет в основу **общечеловеческие, внеклассовые** критерии, выдвигая как центральную проблему «диалектики души» — проблему эгоизма и альтруизма. Вся беда Толстого, по мнению Плеханова, заключается в том, что он не понял этого основного большого закона». Ленин пил из больших и из маленьких стаканов, но само — несомненно из чужих. Писатель-имитатор, — и в этом своем качестве очень талантливый, — он работал сначала под Зайцева, затем, после Октября, под Пильняка и Эренбурга. При этом работал чрезвычайно бегло, сумевший не только дать анализ изжитой продукции, но и принципиально непосредственное участие в работе со взятого в Полугае.

В самое последнее время начата дискуссия о меньшевиствующем идеализме в литературоведении, окончательно разоблачившая философские основы беспомощности и «Литфронта» в целом.

Институт ЛИЯ не занимается только теоретизированием. Его работе свойственен революционный признаком, теория связывается с практикой, практика проникает все содержание работы ЛИЯ. Выводы теоретических работ помогали и помогают массовым пролетарским литературным и художественным организациям.

Известные успехи, достигнутые ЛИЯ, были возможны только потому, что институт работает в тесном контакте с ВОАПП, РАПП, а также с РАПМ, РАПХ, АРРК, ВОПРА. Вздорные теоретики о том, что теоретики сидят в ЛИЯ, а практики в РАПП, сфабрикованные органом старого руководства «Литература и искусство», ложные теоретики о том, что рапповцы «не хотят работать в ЛИЯ» (это усердно вторил А. Эфрос, подчеркивавший руководящим в целом) разлетелись вдребезги: ЛИЯ и РАПП работают вместе, руководящие товарищи из РАПП проводят в ЛИЯ значительную теоретическую работу (в ЛИЯ или новом руководстве выступили тт. Авербах, Киршон, Сергиевский, Сутырин, Ермилов, секретари республиканских АПП и т. д.).

Недостатков еще много: не развернута в необходимой степени работа по кино (хотя сейчас намечается решительный перелом), совершенно мертва секция языкознания и журналистики, которая не выполняет плана секция литературы, нет нужных темпов в работе секции, хотя она уже много проделала. Качество работы во всех секциях еще не на должной высоте. Не развернуто социалистическое соревнование, не привлечены в нужной мере в работе писатели и практики.

По поводу, сделав. Перетом произведен. Темпы взяты более. Будем выполнять!

С. ДИНАМОВ

ЭЛЕОС ГОМЕС*

МЯТЕЖ

Ритмом проснувшихся толп
вибрируют разрушительные громовержители
Бастилий.
Разбушевавшаяся волна,
и тебе мускулы
всенародного гнева,
разбушевавшаяся волна
свободы,
ритм пробудившихся толп.

Перевел с итальянского
Д. ВЫГОДСКИЙ

* Итальянский поэт и художник-коммунист.

Ущербность термина «попутчик» и эпоху реконструкции на частном примере Лидина обнаруживается чрезвычайно наглядно. Между тем этот писатель сумел провести сквозь все годы революции по многом почти незапятнанной репутацию попутчика «настоящего во всех отношениях». До сих пор критика мало занималась Лидиным, а если и касалась его творчества, то только вскользь, мимоходом. Правда, вместо отдельных марксистских оценок произведений Фриче, например, справедливо указал в одном из обзоров, что «Лидин освещает общественно-бытовые явления в духе не социалистического, а мещанского писала» («Правда» № 125, 1927 г.). С другой стороны, издатель «Перевала», вроде Д. Горбова — в соответствии с их идеалами — не премудрил отозваться о Лидине с задушевной благожелательностью. Все же развернутого критического анализа — ни обличительного, ни апологетического — Лидин не встречал.

Этот малый интерес советской критики к Лидину в известной мере объяснялся недостаточной самобытностью его таланта. Вот уже кто не мог бы сказать о себе и духе известной фразы: «я вышел из маленького, но из своего стакана». Лидин был из больших и из маленьких стаканов, но само — несомненно из чужих. Писатель-имитатор, — и в этом своем качестве очень талантливый, — он работал сначала под Зайцева, затем, после Октября, под Пильняка и Эренбурга. При этом работал чрезвычайно бегло, сумевший не только дать анализ изжитой продукции, но и принципиально непосредственное участие в работе со взятого в Полугае.

В самое последнее время начата дискуссия о меньшевиствующем идеализме в литературоведении, окончательно разоблачившая философские основы беспомощности и «Литфронта» в целом.

Институт ЛИЯ не занимается только теоретизированием. Его работе свойственен революционный признаком, теория связывается с практикой, практика проникает все содержание работы ЛИЯ. Выводы теоретических работ помогали и помогают массовым пролетарским литературным и художественным организациям.

Известные успехи, достигнутые ЛИЯ, были возможны только потому, что институт работает в тесном контакте с ВОАПП, РАПП, а также с РАПМ, РАПХ, АРРК, ВОПРА. Вздорные теоретики о том, что теоретики сидят в ЛИЯ, а практики в РАПП, сфабрикованные органом старого руководства «Литература и искусство», ложные теоретики о том, что рапповцы «не хотят работать в ЛИЯ» (это усердно вторил А. Эфрос, подчеркивавший руководящим в целом) разлетелись вдребезги: ЛИЯ и РАПП работают вместе, руководящие товарищи из РАПП проводят в ЛИЯ значительную теоретическую работу (в ЛИЯ или новом руководстве выступили тт. Авербах, Киршон, Сергиевский, Сутырин, Ермилов, секретари республиканских АПП и т. д.).

Недостатков еще много: не развернута в необходимой степени работа по кино (хотя сейчас намечается решительный перелом), совершенно мертва секция языкознания и журналистики, которая не выполняет плана секция литературы, нет нужных темпов в работе секции, хотя она уже много проделала. Качество работы во всех секциях еще не на должной высоте. Не развернуто социалистическое соревнование, не привлечены в нужной мере в работе писатели и практики.

По поводу, сделав. Перетом произведен. Темпы взяты более. Будем выполнять!

С. ДИНАМОВ

ЭЛЕОС ГОМЕС*

МЯТЕЖ

Ритмом проснувшихся толп
вибрируют разрушительные громовержители
Бастилий.
Разбушевавшаяся волна,
и тебе мускулы
всенародного гнева,
разбушевавшаяся волна
свободы,
ритм пробудившихся толп.

Перевел с итальянского
Д. ВЫГОДСКИЙ

* Итальянский поэт и художник-коммунист.

В БОЯХ ЗА ЛИТЕРАТУРУ, ДОСТОИНУЮ ВЕЛИКОЙ ЭПОХИ СОЦИАЛИЗМА

страна должна знать своих героев!

СВОДКА

МАПП

❖ МАПП совместно с журналом «Рост» послала 50 книжевцев в различные районы СССР для художественного показа героев пятилетки. Уже получены первые очерки, которые будут напечатаны в журнале «Рост». Кроме того, МАПП издаст очерки книжевцев о героях труда отдельным сборником.

❖ Секционное райбюро МАПП подготовляет сборник о героях заводов Москвы. К 1 августа будет полностью собран материал к этому сборнику.

❖ М. Юрин написал книгу очерков о героях нефтяной пятилетки (Баку), которая будет издана в ГИХЛ. В. Гусев написал очерк об ударниках Кузнецстроя, который напечатан в журнале «Молодая гвардия».

❖ В июньском журнале «Октябрь» помещен очерк Я. Шведова «Сквозь сердце» — о краснознаменце завода «Серп и молот» тов. Гладышеве. В июльском номере — очерки Ф. Панферова и В. Ильенкова — об ударниках Кузнецстроя, А. Исбаха — о бакинских ударниках, Миасова — об ударниках Электрозавода.

азербайджанская аПП

Азербайджанская ассоциация пролетписателей занята работой по художественному показу 53 героев нефтяной пятилетки, награжденных орденом Ленина.

АзАПП прикрепила 13 писателей и рабочих-ударников, членов русской секции АзАПП, к промыслам и заводам, обслуживающим промысла. Из них двое рабочих-ударников—Н. Зинин и Ф. Кобозов — уже издали книжки.

тамбовская апп

Для отображения в произведениях лучших ударников Тамбовская АПП привлекла 13 пролетписателей. Первые очерки, рассказы, стихи о героях будут сданы пролетписателями Тамбовской АПП к 20 июля.

ФОСП

Федерация советских писателей совместно с редакцией «Известий» направила 20 писателей в разные районы СССР. Кроме того, совместно с «Правдой» ФОСП направила на московские заводы и в районы 10 писателей для показа героев социалистической стройки.

В работу по художественному показу героев труда включились писатели: М. Шагинян, А. Малышкин, Б. Пастернак, Вс. Иванов, В. Лидин, В. Шкловский, П. Низовой, Л. Сейфуллина, И. Катаев, Н. Огнев, П. Павленко, А. Яковлев, Б. Лапин, С. Спасский, Вяч. Полонский, Гольденберг (Сибирь) и ряд других писателей. Некоторые из этих писателей уже возвратились из своих поездок и написали ряд очерков, помещенных в центральной печати.

РОПКП

Ленинградская организация ОПКП направила бригаду пролетарско-колхозных писателей в колхозы Карелии.

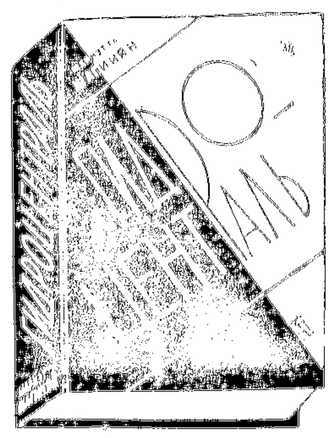
Средне-Волжская краевая организация ОПКП приняла шефство над МТС имени 3 интернационала. Проведен ряд выездов. Будут написаны очерки об ударниках-трактористах.

Литкружок колхоза «Сила стали» (Средне-Волжский край) коллективно работает над красной книгой о колхозе. К составлению сборника колхозники проявляют колоссальный интерес: в его издании принимают участие 50 колхозников-литкружковцев.

Ряд пролетарско-колхозных писателей: Михаил Карпов, С. Юрин и др., направленные РОПКП в колхозы и совхоза для показа героев-ударников, очерки уже написали.

КРУПНАЯ ПОБЕДА СОЮЗНИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

НОВЫЙ РОМАН М. ШАГИНЯН



«Гидроцентраль» Мариэтты Шагинян — роман о нашем сегодняшнем дне, о социалистической индустриализации, о строительстве гидростанции в Армении, о преодолеваемых трудностях, о накоплении опыта.

«Гидроцентраль» — наглядное свидетельство того, что отставание художественной литературы от практики социалистического строительства отнюдь не коренится в специфике искусства, а зависит прежде всего от мировоззренческих установок писателя, от социального качества и глубины мировоззрения художника. «Гидроцентраль» произведение, материалом для которого служит реконструктивный период, отличается глубокой продуманностью. Это — отнюдь не сырая хроника, это — роман, являющийся одним из крупнейших произведений всей советской литературы, обладающий высокими художественными достоинствами, философски насыщенный.

Он интересен и в жанровом отношении. Умеренно и умело делает М. Шагинян область техники и экономики объектом искусства, не сбиваясь в сторону лефовской фактологии или ползучего эмпиризма.

За последнее время в нашей попутнической литературе появился ряд произведений, которые отражают взгляды, свойственные известной части попутничества и которые сводятся к меньшевистско-переверзевской идее о «роковой» социальной замкнутости писателя, о невозможности для него социальной переделки, о невозможности перехода писателя-попутчика на идейно-художественные позиции пролетариата. Эти взгляды развиты в последних произведениях Габриловича, Рыкачева и некоторых других писателей.

«Гидроцентраль» для М. Шагинян не является неожиданным зигзагом. Роман подготовлен всем послеоктябрьским развитием творчества Шагинян. Это был путь от попутничества к союзничеству, путь преодоления ограниченности прежнего попутничества, путь перехода в ряды литературных союзников пролетариата.

Мы рассматриваем «Гидроцентраль», как крупную победу всей союзнической литературы, резерва литературы пролетарской, и особо отмечаем, что в творчестве самой Шагинян «Гидроцентраль» является наиболее совершенным произведением.

«Литературная газета» в одном из ближайших номеров поместит статью, дающую развернутую оценку «Гидроцентрали», ее достоинств и тех качеств, которые не позволяют отнести ее к пролетарской литературе. В этом номере мы ограничимся настоящей короткой заметкой.

Следует организовать широкое обсуждение «Гидроцентрали». Необходим немедленный выпуск романа в массовых сериях литературно-художественных издательств.

А. СЕЛИВАНОВСКИЙ

ПУТИЛОВСКИЕ ДНЕВНИКИ ЧУМАНДРИНА

МИХ. ЧУМАНДРИН — «Мои путиловские дневники». ГИХЛ. ЛАПП. Л.—М. 1931. Стр. 159. Цена 1 р.

Мих. Чумандрин имеет большой опыт работы качества на производстве — на заводе «Красный путиловец» в Ленинграде. В противоположность многим другим писателям, представившим свое пребывание на производстве как «хождение в народ», с обязательным «отрочением» в виде краткосрочной, никого и никому не давшей работы у станка, т. Чумандрин на «Путиловце» выполнял именно свою писательскую функцию. Он изучал завод и его людей прежде всего в творческих целях, он исследовал и жизнь и работу завода при помощи приходящего ему оружия — художественного слова.

Сборник очерков-записок Чумандрина, органически между собой связанных, выгодно отличается от аналогичных работ других писателей и своей формой и содержанием. Это действительно производственные дневники, вышедшие начистоту от производства и его людей, записи мыслей, связанных встречами с этими людьми. У Чумандрина нет описания производства, нет серьезной последовательности событий. Он то бросает отдельные факты, то снова возвращается к ним. Однако, ясность впечатления от этого не страдает, тем более, что Чумандрин подкрепляет его своими рассуждениями по существу и «по поводу», к которым он не без успеха пытается вскрыть основные движущие силы завода, фигурирует занимаясь на собраниях и прениях и т. д. Несколько, как бы нескольк, бесцветных фраз в следующей главе сводят все эти факты и выводы автора к определенную систему, подтверждают их.

Чрезвычайно ценно, что Чумандрин достигает широкого охвата темы. Он не ограничивается только производством, но и дает все окружение завода, затрагивая вопросы быта. Не все это так, что ни на минуту не уходит из поля зрения основное—завод, которому все подчинено.

В «Путиловских дневниках» Чумандрин показывает большое умение наблюдать и понимать людей производства, разбираться в них. Из его характеристик встает большая галерея разнолинных типов рабочих, и, главным образом, заводского актива. И здесь Чумандрин от частного идет к общему, ставя живой вопрос: какой же нужен заводу активист, руководитель, партиец-боец?

«Дневники» Чумандрина не лишены недостатков. Они прежде всего формального порядка. Художественность этой книжки стоит не на высоком уровне. Во-вторых, мы видим эти недостатки в том, что Чумандрин недостаточно дает обстановку, в которой происходит действие, да и действие это не во всех случаях уместно заменяет диалогом.

М.

НЕ ТОЛЬКО ПОКАЗ, НО И РУКОВОДСТВО К ДЕЙСТВИЮ!

о невыполненной ленинградцами задаче

Конец июля — таков минимальный срок для выпуска первых книжек о героях пятилетки, намеченных взлетчиками Москвы. Лишь Ижора имеет достаточно для выпуска литературного номера обсуждался в правлении ВАПП(б), где принят ряд мер к развертыванию работы.

Мобилизовано более 20 человек. Очерки уже поступают. В первом номере журнала ПАПП «Натиск» напечатан очерк А. Муратова — «В своем отечестве» — об американской бригаде, досрочно построившей лесозаводской цех Автостроя. В красной комсомольской газете «Ленинская смена» напечатаны очерки Матвеева, Зубкова и др. Редакцией «Натиск» принята к печати два очерка — Новожилова — «Работа не старит», и молодит»,— о краснознаменце т. Третьякове и Коняхина — «Один маленький штрих» — о комсомольской бригаде завода «Металлист». Кроме того заключили работу над очерками о сдаче в печать тт. Бахирев и Левчук.

Товарищи Бирюков и Гудков командированы в Витку, г. Стабутски, Муром и Вятку для мобилизации литературных кружков периферии.

Перейду к этим несомненно положительным фактам необходимо отметить большой прорыв в работе.

Перед читателем проходит галерея красноармейцев-ударников, выдвиженцев, инженеров, партийных руководителей, и все они взяты не статически, а в своем развитии с предусмотренным противоречиями (например, инженер Шезело). Читателю становится ясно, что развивается советское тракторостроение, что за борьба шла и идет вокруг трактора.

Но вот читатель ставит другой вопрос: как развивают, какая борьба. На этот вопрос он ответа не получает, и в этом основной недостаток сборника. Показан герой, сгибает себе цепь развивать силу примера, передавать опыт. Что это так, очевидно понимается всеми, и сборник «Герои борьбы за трактор» совершенно правильно послан в Сталинград, на тракторный завод (1.000 экз.).

Но, к сожалению, едва ли он тем принесет реальную пользу, ибо передачи опыта в нем нет. Представим себе, что партийные руководители Сталинградского тракторного захотят (и они должны этого хотеть!) работать чем же помогли, что и т. Алексеев. Сборник не поможет им в этом, так как в нем есть много хороших слов о т. Алексееве, даны его некоторые характерные черты большевика-деятеля, но не раскрыты его методы работы, обеспечивающие успех.

О каждом из награжденных говорится, что его предложения дали заводу сотни тысяч рублей экономии. А какие предложения? Хотя бы одно, два — почему о них не рассказать? Но такого рассказа нет, и снова дезорганизованы опыта другими заводами — двери не открыты. Лишь очерк Горьки-Вятке (даже статья) П. Матюшиса об инженере Шезело представляет в этом плане значительную ценность — в нем рассказано технические неполадки и достижения инженера. Такая удачно разрешена эта задача с ярким очерке К. Сергеева «Состязание двух систем» (о т. Рогозине), в котором автор сумел рассказать о работе одного героя, в котором на первый взгляд нет «ничего торжественного или того, что связывается с обычным представлением героического» до большого обобщения — соревнования с капиталистической системой, с иностранной техникой, где одним из бойцов выступает Рогозин.

Вообще же очерки сборника очень различны. Здесь и более удавшиеся художественные зарисовки (К. Сергеев, Е. Полонская), и менее удавшиеся (П. Адрианов, З. Каганер), и просто статьи (П. Матюшин), и, наконец, сухие биографии (Б. Соловьев, Г. Фиш).

Общее, характерное для них всех — это понимание неразрывной связи их героя со всем коллективом — все это интересно. Но показать эту связь умеют немногие. И вот Каганер в очерках о Довлатове и Тер-Акопяне дает их так, будто они не организаторы коллектива, а богатыри — Илья Муромцы. Все делают сами, ведут они. Коллективы не видно. В самом, пожалуй, слабой зарисовке А. Дорофеева «Организатор победы» — о лучшем большевике, секретаре парткома, т. Алексееве (это не случайно, что большевика наиболее не сумели показать — здесь нет нетерпимого мировоззрения сказывается с особой силой), последний опять-таки дан не организатором, а «чудодеем», все представляющим, сначалом от всяких бед и меньше всего изучим во главе коллектива. А Елизавета Полонская в очерке, в общем очень не плохом, квалифицированном очерке договаривается до такой вещи: в том самом месте, где она пытается показать связь новатора Алтынай с коллективом, она пишет: «... Видно, что каждый обтюченный им человек дорог ему не меньше, чем настроенный им станок». Если нужно комментировать это восхищение вещей равноценностью машины и человека!

Очерки, отмеченные нами, как лучшие, избавлены от влияния безграфичности, случайных фактов и т. д. Они поднимаются над этими общими недостатками показа героев. Но в большинстве очерков эти недостатки чувствуются очень сильно. И потому они мало художественно убедительны.

Еще с большим основанием это можно сказать про очерки С. Гиматаева и В. Сидоренко, заключенные в книжке «Первые». Это вовсе не показ героев, ибо даны в них не живые рабочие, а ходячие манекены. Уж если он герой — значит показывается он так, что ни и об еде не думает, и почи не спит, и в течение полминуты зажигается острой классовой ненавистью к капиталистам (С. Гиматаев) и видит всех насквозь (В. Сидоренко). И все же, почему это герой, как оказывается в конце очерка, когда происходит (обязательно) чествование, остается неясным.

Оба эти очерка написаны ландкомами и может быть рабочими-кружковцами. Они лишний раз агитируют за глубокую творческую учебу, за борьбу со схематизмом, панировкой, упрощенчеством.

МИХ

РАДИО-ВЕЧЕР ПОКАЗА ГЕРОЕВ

Сегодня ЦК комсомола РАПП, ОГИЗ, ГИХЛ, «Молодая гвардия» и редколлегия «Комсомольская правда» устраивают в доме заводов и колхозов Парка культуры и отдыха радио-вечер, посвященный показу героев пятилетки в художественной передаче радио-театр, посвященный показу героев пятилетки в художественной передаче радио-театр, посвященный показу героев пятилетки в художественной передаче радио-театр

из литературного прошлого

неизвестное стихотворение некрасова

«Литературная газетка» сороковых годов была во всех отношениях литературна. В ней был обширный критический отдел. Очень бойко велась беллетристическая хроника. Стихи обычно помещались самые плохие. Жить этому отделу было так легко, что даже известный поэт, привлекший к своему «Литературному листку» и широкие слои действительных читателей.

В то время, когда «доктор Пуф», необыкновенный и очень правдивый писатель.

Неудивительно, что в «Литературном листке» — не тот конечно, который выходит теперь, — не нашлось места для помещения, и даже стихотворное послание к доктору Пуфу, где прочтено восхвалял общественное значение его кухонных рецептов.

Известно это было нашему поэту, что помещение «Народной библиотеки» повлекло, получившись на счетах. Чуть тайным куплярству искусства, начинают говорить гораздо вкусно, что не отвечала немецкому сему сословию, напоминающим. Таким образом это послание к Пуфу напечатано и оно может служить интересным протоколом чрезвычайно своего рабства.

Написано оно в 1845 году, когда Некрасову не было и 24 лет. Хотя в те ранние годы он еще не встретил свое настоящее дарование, но уже тогда, в 1845 году, в нашумевших фельетонных стихах.

К. ЧУКОВСКИЙ

* Фельдшер — критик прошлого столетия булгарин, который преследовал Пушкина клеветой и доносами.

похвальные стихи д-ру пуфу

Почтеннейший Иван Иваныч!
Великодушный доктор наш!
Всегда печальному ты ночь
Спасеть одних. Гений наш —
Благотворитель всей России!
Ты краше дня, ты ярче звезд,
И перед нами блещешь ныне
Весь. Полноводный уксус,
Преисполнен, ты благотворитель
Желудков наших. — я от них
И пень, и злость, и добродетель,
И множество страстей других.

У нас поместье был свирепый.
Неукротимая душа!
Он раз в жену тарелку с репой
Пустил — зачем — не хорошо!!
Но всем сварливо придирался,
Хотел, страдальчески хандрил,
И в доме всяк его боялся
И ни единый не любил!
Его сердитый злобный темпер
Не мог в семействе не смолкать
Но сокрушительно битый попар
Свое искусство проклинал.

Итрут... (по какой, скажите, системе
Здесь, право, нужно разбирать
Ваш образец?) Ваш образ
Не корыстью,
Но благодарностью — пишу!
Хоть я учился у попа,
Но не пошла наука впрок!
Корит... получается «Ракета».
И в ней ни капли кухонный урок
Прочел небрежно горький парня
Но было и питанье при нас!
И как на Пушкина Фелерия 3,
Напал, о доктор мой! на вас.
Но не дремал я разум женский
Прилив жена — и поняла,
И в сутки повар деревенский
Стал человеком из осла.
И что же (Я был всему свидетель. —
Клянусь — не лжешь мой глобус)
Нет, ты не знала, добродетель,
Полней в крае торжества,
И никогда с начала света
Порок сильнее не страдал:
Поменик наш изза поста
И крапивник и щец не ел.
В слугу не бросил чашкой кофе.
И — видно уж! горлись! горлись! горлись! —
Как из фонтана в Петергофе
Рекой из уст его лились
Слова небранные... Уроки
Твои из трещиной сей урны
Начали жесткость и пороки!..
С тех пор, что бы ни напевали.
Родным, друзьям, жене читает.
Тебя отцом своим зовет.
Весь от блаженства таять тает
И в умиленьи слезы льет.
С тех пор он сыт и добр и весел.
Зелей лоснел, жену любил.
Этой управитель нос повесил,
«Мужик судьбу благословил!»

. . . . . .

И да не говорит, не ходит.
Повержен в злобный паралич —
Кто на тебя хулу наводит
И злонамеренную лечь.
Ты Изд, но ты не муф пахальный
Досужий плод журнальных врак:
Ты человек — и достохвальный,
А не какой-нибудь дурак.
Кармелей сорока губернии.
Ты и умен и терпелив.
Твоим врагам — мешец из терний,
Тебе — на лавров и олив!
Трудись, трудись, не устали!
Будь вечно счастлив, сыт и тих,
И есть, Россию научили,
Сам на земле не даром ешь!

Н. НЕКРАСОВ

за ленинскую критику Г. В. плеханова

первый этап дискуссии закончен

искусство и классы в понимании плеханова

В дискуссии на эту тему (2 июля), стоящем было много других и гораздо для разрешения этой комиссии в РАПП всесоюзной дискуссии, т. Хитрово на конкретном материале литературно-критических работ Плеханова попытался пересмотреть и конкретность его точки зрения на социальную природу искусства после 1905 г., в частности переломным для классовой борьбы года. Плеханов в своих работах этого периода дает ряд ценных марксистских положений по вопросу о природе искусства, о его классовой обусловленности, о роли личности в творчестве, о взаимоотношении искусства и общественного развития. Вместе с тем Плеханов в ряде своих работ этого периода (1905 года, например, его «Письма без адреса») допускает ряд ошибок, которые были подвергнуты критике Ленина. Ленин указывал, что Плеханов «забывает о революционности, о революционной борьбе масс, как о факторе, который на наших глазах и при нашем участии коренным образом изменяет психологию всех классов, партий и индивидуумов, участвующих в борьбе, и который выдвигает перед нами такие задачи, которые, казалось бы, не могли возникнуть при старых условиях».

Эти ошибки Плеханова, которые, как указывал Ленин, являются «ошибками не случайными, а связанными с некоторыми основными воззрениями Плеханова», и были подвергнуты критике в докладе т. Хитрово.

Докладчик подробно остановился на ошибках Плеханова в оценке Чернышевского, Некрасова, Толстого, Глеба Успенского, Щедрина, Чехова, Горького, Маяковского, Демьяна Бедного и других писателей.

Плеханов, как указывал т. Хитрово, не понимал специфики искусства, не видел его своеобразия, не понимал, что искусство имеет свои особые законы развития, что оно развивается не только под влиянием экономики, но и в зависимости от предшествующего развития искусства, от традиций, от преемственности в развитии художественных форм. Плеханов не понимал диалектики классовой борьбы, своеобразия форм классовой борьбы в эпоху реакции, не видел своеобразия идеологии революционного пролетариата, не понимал роли большевистской партии в развитии революционного искусства. Плеханов не понимал диалектики развития искусства, не видел, что искусство может опережать развитие общественных отношений, что оно может предвосхищать развитие общества

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

орган федерации об'единений советских писателей рсфср

москва 20 июля 1931 г. № 39 (138)

РЕДАКЦИЯ:
Москва, Тверской б. 25, Дом Герцена. Телефон 2-80-12.

ИЗДАТЕЛЬСТВО:
Акц. о-во «Огонек»; Москва, б. Страстной б. 11. Телефон 5-5169.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА:
На 12 м. 3 р. 50 коп.
На 6 м. 1 р. 75 к.
На 3 м. - р. 90 к.

На борьбу за бумагу, за каждую новую тонну,

за лучшее использование каждой наличной тонны!

Работа бумажной промышленности не может удовлетворить возросшего спроса культурной революции на бумагу. Этот спрос возрастает гигантскими темпами по всем линиям—на книгу, как и на газету, на массовую копеечную брошюру, как и на большой научно-технический учебник. В порядке дня культурной революции поставлен вопрос о БОРЬБЕ ЗА БУМАГУ, об увеличении общих бумажных ресурсов, об устранении прорывов и неполадок в бумажной промышленности, о дальнейшем развертывании капитального строительства в последней, об использовании бумажной макулатуры (см. статью Ж. Кантора в «Правде» за 17 июля). Интересы социалистического строительства требуют крупного увеличения бумажных фондов в ближайшее время.

Художественная литература является одним из мощных орудий развертывания культурной революции. Между тем мы наблюдаем в 1931 году не только ОТНОСИТЕЛЬНОЕ (это было бы закономерно на данном этапе), но и АБСОЛЮТНОЕ падение выпуска художественной литературы вследствие урезки бумажных норм литературно-художественным издательствам. Эти нормы подвергаются к тому же постоянным урезкам и не выполняются полностью и в срок. Перспективы выпуска художественной литературы на второе полугодие 1931 года (и в частности на 3-й квартал) при создавшемся положении крайне неопределенны. Ясно одно: без мобилизации сил на преодоление трудностей мы окажемся перед прорывом в выполнении промфинплана литературно-художественными издательствами.

Положение на бумажном фронте заставляет БИТЬ ТРЕВОГУ. Эта тревога не имеет ничего общего с ПАНИЧЕСКИМИ настроениями, свойственными известным писательским кругам. Таким паническим настроениям должен быть дан решительный отпор. Из года в год вырастала в СССР писательская продукция художественной литературы, оставив далеко позади довоенный уровень, и сейчас речь идет о том, каким образом преодолеть заминку 1931 года и снова поднять издательскую кривую выпуска.

Бумаги МАЛО, но бумага ЕСТЬ. Мы утверждаем (как это подтвердило и заседание Исполбюро ФОСП 16 июля), что и сейчас, при общем напряжении с бумажными ресурсами страны, возможно известное УЛУЧШЕНИЕ в работе литературно-художественных издательств.

Во-первых, необходимо преодолеть элементы бесхозяйственности и оппортунистическую недооценку политической роли художественной литературы, свойственные некоторым планирующим бумажные ресурсы органам. Общеизвестен, например, факт с израсходованием огромного количества бумаги на издание игральных карт. Но и в самом правлении ОГИЗ мы не видим внимательного отношения к нуждам литературно-художественных издательств. Мы утверждаем, что путем ПЕРЕРАСПРЕДЕЛЕНИЯ бумажных ресурсов ОГИЗ и ПЕРЕСМОТРА планов ряда издательств (без какого-либо ущерба для издательств, выпускающих, например, массовую партийную или научно-техническую литературу, учебники и др.) возможно достигнуть значительного ОБЛЕГЧЕНИЯ с выпуском литературно-художественной продукции. Исполбюро ФОСП совершенно правильно выдвинуло во всю широту этот вопрос перед правлением ОГИЗ.

Во-вторых, мы утверждаем, что со стороны ряда литературно-художественных издательств отсутствует энергия в ПЕРЕСТРОЙКЕ работы, в МОБИЛИЗАЦИИ ВНУТРЕННИХ РЕСУРСОВ. Нужная и ценная книга нередко встречает сейчас огромные препятствия для проникновения на читательский рынок. А в то же время происходит выпуск ряда ненужных ,вредных, халтурных книжек. Мы ставим вопрос о борьбе ЗА КАЖДУЮ НОВУЮ ТОННУ БУМАГИ для художественной литературы. Но это одновременно означает и борьбу за НАИБОЛЕЕ ПРАВИЛЬНОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КАЖДОЙ ИМЕЮЩЕЙСЯ ТОННЫ, за качество, против брака.

Вопрос о бумаге для художественной литературы не есть узко профессиональный писательский вопрос. Бумага нужна миллионам массам читателей, она нужна для закрепления грамотности в стране, для углубления культурной революции, для дальнейшего развернутого социалистического наступления.

Завоевать внимание пролетарской общественности!

на исполбюро фосп

Недостаток бумаги на издание художественной литературы, ломка редакционно-издательских планов, резкое ограничение издательских возможностей— все это уже давно волнует нашу писательскую общественность.

И немудрено, что писатели с интересом будут ждать заседания Исполбюро ФОСП, на котором с докладами о положении на бумажном фронте должны были выступить руководители наших крупнейших издательств, представители Комитета по делам печати и «Союзбумага».

Но, к сожалению, на Исполбюро не явились представители ОГИЗ во главе с **Арт. Халатовым**, а выступивший в прениях сотрудник Союзбумаги т. **Сунин** оказался неофициальным ее представителем и не смог дать каких-либо исчерпывающих объяснений.

Не можно удовлетворить писательскую аудиторию и выступление Комитета по делам печати в лице т. **Малкина**, который и своим анализе причин и средств ликвидации бумажного кризиса ограничился общими словами о том, что «хотя в некоторой части причины беды лежат недостатки в планировании, но большая часть—в общем положении с бумагой», что «уменьшение продукции ГИХЛ по сравнению с предыдущими годами—«нормально» и закономен, что для изжития кризиса «ГИХЛ должен пойти по линии рационализаторских мероприятий».

Это выступление лишний раз иллюстрирует **недостаточно серьезное внимание** Комитета по делам печати к вопросам художественной литературы, как и нежелание на Исполбюро ряда руководящих товарищей из ОГИЗ и Союзбумаги, не без основания рассматривавших собрание писателей как своеобразное отражение того, что **многие наши учреждения и ведомства, как и возглавляющие их плановики и хозяйственники, не понимают и недооценивают политического значения и роли художественной литературы в деле идейного перевоспитания широких читательских масс.**

Характерным пренебрежением к художественной книжке следует признать и то положение, о котором сообщили в своих докладах на Исполбюро тт. **Шендерович** (ГИХЛ) и **Шульц** («Федерация»).

— **Отношение к нам со стороны планирующих и оперативных организаций — это явное недоразумение,** — говорит т. Шендерович.

Он рассказывает далее о том, как сильно преследует ГИХЛ от так называемой «нивелировки», осуществляемой ОГИЗ. По нормам Комитета по делам печати ОГИЗ получает бумагу для всех своих издательств по-так как нормы эти недостаточны и издательствам бумаги **недостает**, ОГИЗ начинает «нивелировать», т.-е. добавлять бумагу так называемым «нетущим» издательствам—Сельхозгиз, ГИТИ, Учпедгиз, Мосмартгиз, Сойузгиз и т. д. — за счет «бедных родственников», коими издательства художественной литературы.

— Роль и значение художественной литературы не соответствуют тому отношению, которое проявляет к ней советская общественность, — говорит т. **С. Канатчиков.** — У нас порою также можно быть писателем, как это время Пушкина. Писатели недостаточно энергично борются за удельный вес художественной книги. Между тем проблема подготовки кадров — воспитание новых сотен тысяч фабзайцев и рабочих-ударников немыслимо при недостатке в художественной книге.

П. Замойский признает писателей в поисках выхода «посмотреть в корень»: поехать на бумажные фабрики, **принять непосредственное участие в ликвидации кризиса**, проконтролировать работу Союзбумаги.

— Очень много говорилось у нас об отставании художественной литературы от задач реконструктивного периода, — отмечает **И. Сельвинский.** — Однако, **задержка издания книги, злободневной в большом смысле этого слова, часто сводит ее агитационно-политическое значение к значению чисто эстетическому или в лучшем случае историческому.**

П. Сельвинский предостерегает далее от перегибов при изыскании внутренних ресурсов: предлагаемое некоторыми «рационализаторами» уничтожение книг, напечатанных и долей неизбежно отталкивает от художественной книги массового читателя и во всяком случае создаст для него большие трудности.

Выступившие далее **Ив. Новиков, Д. Либерман, А. К. Виноградов, В. Регинин, А. Эфрос, Субботин, Галлу и др.** призывали писателей к активному участию в ликвидации бумажного кризиса и к завоеванию большого общественного внимания к вопросам и нуждам художественной литературы.

Подытоживая прения, т. **Селивановский** указал, что в них недостаточно был затронут вопрос об улучшении качества издательской продукции, о мобилизации внутренних ресурсов:

— Речь идет о том, что при любом положении мы в ближайшее время не сможем полностью удовлетворить нужду в художественной литературе. Это обязывает нас к тому, чтобы найти какие-то перспективы, какие-то средства смягчения кризиса.

В этом плане т. Селивановский ставит вопрос о пересмотре книжных тиражей: у нас часто в одном и том же тираже выходит и хорошее, полезные книги, которые надо сразу перепродавать, и явно плохие, которые бы можно было не выпускать совсем.

О необходимости полностью использовать все имеющиеся возможности, удвоить максимум внимания мобилизации внутренних ресурсов говорит и **Г. Коренев:**

— Однако экономия бумаги ни в коем случае не должна итти по линии массовой книги.

Исполбюро ФОСП приняло печатаемую сегодня в «ЛГ» резолюцию. Для детального ознакомления с положением на бумажном фронте им создана специальная комиссия, в которую вошли **Г. Коренев, Ф. Гладков, И. Сельвинский, Л. Сейфуллина, А. Селивановский, В. Соловьев, Г. Шульц и А. Караваева** и по два представителя от ленинградских писателей и от рабочих-ударников.

На странице 11 тов. Шведов пишет:

«...С помощью коммунисте Горячева Глазынев снял иконы и сжег их вместе с клопами в печи».

Здесь автор извратил факт. Иконы я, правда, снял, но не сжег, а отнес на склад. Что потом с ними сделали я не знаю.

Эти отдельные ошибки, допущенные пролетписателем Я. Шведовым в его книжке, в общем не имеют большого значения. В этой книжке хорошо показан весь процесс производства на заводе «Серп и молот» и описана работа отдельных цехов. На фоне работы одной бригады автор наглядно показывает, как вообще развернуто ударничество на заводе.

Как это ни странно, но книжку Я. Шведова «Сквозь сердце», выпущенную издательством «Молодая Гвардия», я вижу впервые, и поэтому имел возможность только сейчас ее прочесть. Не знают еще о выпущенной тов. Шведовым книжке и рабочие нашего завода. Нет этой книжки и в библиотеке.

Основная ошибка тов. Шведова заключается в том, что он не счел нужным зачитать свою рукопись в заводе в нашем цехе. Мы могли бы дать автору ряд своих замечаний и поправок к этой рукописи, и тогда бы книжка тов. Шведова вышла из печати еще более отточенной и без ошибок.

По поручению издательства ВЦСПС, организовавшего на заводе читку книги рабочего-ударника тов. Михайлова «В бою за металл», надо организовать читку книги Я. Шведова «Сквозь сердце» в нашем листопрокатном цехе на общецеховом собрании рабочих, совместно с автором, рабочими-литераторами завода и редакцией печатной заводской газеты «Мартеновка».

Т. монгер

зав. листопрокатным цехом завода „серп и молот"

Очерк Л. Славина, который я читал сейчас впервые, мне очень нравится. Все в нем описано верно, без преувеличений и искажений. Я не берусь судить о литературных достоинствах очерка, так как плохо знаю русский язык, но факты, приведенные в рассказе, вполне соответствуют действительности.

Они взяты из документов и с биографических материалов, предоставленных мною в ЦИК СССР, в связи с премированием. Автор очерка беседовал один раз со мной и несколько раз был в цеху.

Проведение соцсоревнования описано у него правильно. Пожалуй мало сказано о трудностях, с которыми мне пришлось встретиться при проведении жесткой дисциплины в период, предшествовавший соцсоревнованию.

В целом, повторяю, очерк мне очень нравится, я все, написанное в нем, совершенно правильно.

Страна должна знать своих героев

краснознаменцы о писателях

Обычно критика, разбирая то или иное произведение, в частности очерки о героях пятилетки, проходит мимо одной немаловажной стороны дела — отношения писателя к фактам и правдивого отображения их. В деле художественного показа героев пятилетки это имеет решающее значение.

Этот пробел сама критика своими силами заполнить не может, так как нельзя предъявлять к каждому критику требование, чтобы он непосредственно был знаком с материалом, над которым работал писатель. Здесь на помощь профессиональной критике приходит критика общественная. Обсуждение произведения рабочими того предприятия, которое описывается в нем, является лучшей гарантией от многих ошибок авторов.

Эта форма работы уже получила широкое распространение. Постепенно появляются и другие аналогичные формы, в частности — та, которая сегодня применяется в печатаемом ниже материале.

Мы даем критику произведений писателей со стороны тех, кто в этих произведениях описан.

Думается, что это должно найти широкое применение и максимальное использование в борьбе за качество показа героев.

а. к. гладышев

помощник мастера листопрокатного цеха завода „серп и молот"

Тов. Шведов в основном правильно осветил мою биографию в своей книжке, которая написана простым, понятным для рабочего языком. Автору во многом помогло правдиво осветить ударничество на заводе и лучших ударников то, что он сам раньше работал на заводе и знаком с производством.

Несмотря на это, тов. Шведов допустил несколько ошибок, правда, небольших.

На странице 12 пролетписатель Шведов пишет:

«...Начало зетром гражданской войны Мишечку. Был он пулеметчиком, попал к белым под селом Воскресенским, бежал, а в тысяча девятьсот двадцать втором году он снова пришел на завод Гужона».

— На самом деле я попал в плен к белым 28 ноября 1918 года под Новочеркесском, а не под селом Воскресенским, как это указывает в книжке тов. Шведов. Бежал я от белых в 1920 году. А потом, после взятия красными Новочеркасска, я был мобилизован Новочеркасским ревкомом в Губпродком, где и работал по продразверстке.

На странице 14 тов. Шведов пишет:

«...С помощью коммуниста Горячева Глазынев снял иконы и сжег их вместе с клопами в печи».

Здесь автор извратил факт. Иконы я, правда, снял, но не сжег, а отнес на склад. Что потом с ними сделали я не знаю.

Эти отдельные ошибки, допущенные пролетписателем Я. Шведовым в его книжке, в общем не имеют большого значения. В этой книжке хорошо показан весь процесс производства на заводе «Серп и молот» и описана работа отдельных цехов. На фоне работы одной бригады автор наглядно показывает, как вообще развернуто ударничество на заводе.

Как это ни странно, но книжку Я. Шведова «Сквозь сердце», выпущенную издательством «Молодая Гвардия», я вижу впервые, и поэтому имел возможность только сейчас ее прочесть. Не знают еще о выпущенной тов. Шведовым книжке и рабочие нашего завода. Нет этой книжки и в библиотеке.

Основная ошибка тов. Шведова заключается в том, что он не счел нужным зачитать свою рукопись в заводе в нашем цехе. Мы могли бы дать автору ряд своих замечаний и поправок к этой рукописи, и тогда бы книжка тов. Шведова вышла из печати еще более отточенной и без ошибок.

По поручению издательства ВЦСПС, организовавшего на заводе читку книги рабочего-ударника тов. Михайлова «В боях за металл», надо организовать читку книги Я. Шведова «Сквозь сердце» в нашем листопрокатном цехе на общецеховом собрании рабочих, совместно с автором, рабочими-литераторами завода и редакцией печатной заводской газеты «Мартеновка».

Т. монгер

зав. листопрокатным цехом завода „серп и молот"

Очерк Л. Славина, который я читал сейчас впервые, мне очень нравится. Все в нем описано верно, без преувеличений и искажений. Я не берусь судить о литературных достоинствах очерка, так как плохо знаю русский язык, но факты, приведенные в рассказе, вполне соответствуют действительности.

Они взяты из документов и с биографических материалов, предоставленных мною в ЦИК СССР, в связи с премированием. Автор очерка беседовал один раз со мной и несколько раз был в цеху.

Проведение соцсоревнования описано у него правильно. Пожалуй мало сказано о трудностях, с которыми мне пришлось встретиться при проведении жесткой дисциплины в период, предшествовавший соцсоревнованию.

В целом, повторяю, очерк мне очень нравится, я все, написанное в нем, совершенно правильно.

еще не включились в показ лучших

На последнем заседании секретариат ФОСП подвел первые итоги работы литорганизаций и издательства «Федерация» по художественному показу героев пятилетки.

ФОСП привлекла к этой работе 45 писателей, из которых 15 скоро отсеялись. Ряд писателей поместили высокохудожественные очерки в центральной прессе. В то же время некоторые из писателей ограничились малосодержательными и поверхностными произведениями, непригодными от отсебятины халтуры.

С другой стороны, не все органы печати сумели правильно организовать работу писателей:

Секретариат ФОСП особо отметил полную инертность ВССП в деле показа героев.

С. Канатчиков сообщил о результатах проведенного издательством «Федерация» конкурса на лучшее произведение о героях пятилетки. Жюри конкурса не нашло возможным премировать ни одного из авторов 60 очерков, поступивших на конкурс; произведения эти стоят на недостаточном художественном уровне.

«Федерация» заключила договора на издание произведений о передовиках рабочего класса с 20 писателями, уехавшими на новостройки и в колхозы.

На следующем заседании секретариат ФОСП заслушает доклады всех литорганизаций, кроме «Федерации», редакции «Литгазеты» и журналов «Красная новь» и «ЛОКАФ» о ходе работы по художественному показу героев пятилетки.

Завтра приезжает в Москву Бернард Шоу

Завтра в Москву приезжает известный английский писатель Бернард Шоу. Вместе с ним приезжают: лорд и леди Астор (консерваторы — члены английского парламента), лорд Лотиан (либерал — член английского парламента) и мистер Тэнант (лектор).

Федерация об'единений советских писателей выделила тт. А. Фадеева, Ф. Гладкова, П. Когана и И. Анова (ОГИЗ) для встречи Б. ШОУ на границе. Товарищи выехали в Негорелое.

ФОСП предложит Шоу организовать его встречу с советскими писателями.

Б. Шоу пробудет в СССР 5 дней, посетит Ленинград и один из колхозов.

Бернард Шоу о пятилетке

Английский журнал «Джон Буль» поместил заявления семи видающихся английских деятелей о советской пятилетке». Авторы, занявшие враждебную позицию к пятилетке, прибегают к обычным антисоветским аргументам об «угрозе мировой цивилизации» и т. п., но вынуждены признать, что пятилетний план свидетельствует о советской энергии и инициативе, являясь «величайшим планом, когда-либо предпринятым».

Бернард Шоу пишет:

«Исключение России из международной торговли было актом слепоты и существенно со стороны капиталистических держав. Бойкотируя Россию путем денежного террора против коммунизма, они ее предоставили собственным ресурсам и заставили спасать себя при помощи развития своих физических и культурных сил».

«Сейчас, — продолжает Бернард Шоу, — пешеход, пьяная, грязная, суеверная, рабская, безнадежная Россия отвратительного царизма становится энергичной, трезвой, чистой, по современному интеллектуальной, незаписной, цветущей и бескорыстной коммунистической страной».

«Пятилетний план, — указывает далее Бернард Шоу, — завершается успехом, ибо каждый мужчина, женщина и ребенок, занятые планом, знает, что результаты принесут им пользу, а не будут расточаться лентяями. Они знают, что пятилетний план уже дал им короткую рабочую неделю и более высокую заработную плату, а также воспитательные и культурные возможности, о которых не мечтали их отцы, и полное социальное признание, как действительно органической части общества. Такой план невозможен в Англии или Америке, так как рабочие знают, что их усилия означали бы лишь более высокие прибыли для лентяев, сокращения продолжительности жизни и тотальные условия ярма для самих рабочих».

В заключение Шоу указывает, что мировая война дала ужасный урок, свидетельствующий о бесчинии капитализма. Второй урок заключается в успехе пятилетнего плана и освобождении России коммунизмом. «Неужели мы совершенно невежественны?» — заканчивает Шоу.

о русской революции

Бернард Шоу, присутствовавший на завтраке, устроенном Лондонским отделением союза журналистов 5 мая, выступил с речью, в которой, между прочим, сказал следующее:

«...Печать все еще не признала, что русская революция имела место.

Я сам был уже взрослым человеком в 1878 г., во время Большой французской выставки, когда лорд Сольсбери — министр иностранных дел Англии, который был хотя и дипломатом и приспособленцем, но исключительно умным человеком, отказался от участия Англии в этой выставке по той причине, что Франция — республика. Лорд Сольсбери был уверен, что Бурбоны или, по крайней мере, Орлеанисты вернутся и что старый режим будет восстановлен. Он считал от эпохи потта на 100 лет. Точно также потребовалось очень много времени для признания того, что американская республика существует прочно. Лорд Сольсбери, очевидно, никогда и не подозревал, что французская республика сохранится.

Так журналисты не поняли, что Советская Россия будет существовать, и в результате этого они проспали прекрасный коммерческий шанс, такой шанс, какой никто из них не мог надеяться видеть в течение всей своей жизни: возможность участвовать в строительстве этой республики... Благодаря нашему отношению к России мы не только потеряли громадный коммерческий шанс, но мы также отгородились от политической дружбы, которая могла быть очень ценной для нас. Наши политические союзы в будущем будут совсем не с Плантагенетами или с Бурбонами, с Вальуа или Романовыми. Они будут союзами с современными республиками».

ЗА стопроцентный охват комсомолом рабочей и батрацкой молодежи

по всем литературным кружкам и пролетарским писателям города москвы и московской области

ДОРОГИЕ ТОВАРИЩИ!

Второй пленум ЦК ВЛКСМ поставил перед союзом задачу к 17 МЮД закончить стопроцентное вовлечение рабочей и батрацкой молодежи в комсомол. Эта боевая задача требует от всех комсомольских организаций широкого развертывания массовой работы, требует большевистских темпов.

Московская ассоциация пролетарских писателей, включающая в свои ряды не одну сотню молодых рабочих-ударников, не один десяток рабочих и комсомольских писателей и имеющая единую с комсомолом линию в вопросах художественной литературы, не может пройти мимо большой работы, проводимой комсомолом.

Художественная комсомольская песня, боевое стихотворение, очерк, рассказ, частушки, рифмованные позунги, эпиграммы, совместные выступления с художественными агитбригадами и другие формы работы — все должно быть направлено на помощь комсомолу.

Так же, как показ героев пятилетки является проверкой боеспособности нашей организации, — участие в вербовке рабочей и батрацкой молодежи в комсомол должно показать, насколько мы по-настоящему повернулись лицом к комсомолу.

Секретариат МАПП своим решением обязывает:

1. Всем райАПП, Райбюро и литкружками на предприятиях немедленно установить связь с комсомольскими штабами своих районов и предприятий и включиться в повседневную работу по вербовке.

2. Всем творческим группировкам — выступить с произведениями в печати, подготовить сборники и своевременно их издать.

3. В заводской и районной печати — организовать выступления творческого актива литкружковцев с произведениями, посвященными комсомолу и вербовке в комсомол.

4. Все РайАПП и райбюро ежедекадно — представлять сводки в МАПП о ходе работ.

На основе соцсоревнования и широкого развертывания инициативы и самодеятельности всех звеньев маппповской организации по-боевому поможем проведению стопроцентного вовлечения рабочей молодежи в комсомол!

Вызываем на соревнование все АПП.

СЕКРЕТАРИАТ МАПП

За пять дней

день 1 августа

В этом году проводится **второй международный антивоенный день.** В обстановке угрозы войны, обостряющегося мирового кризиса капитализма и ростом противоречий между ним и нашей страной, вступившей в период социализма, международное выступление пролетариата против войны является величайшим актом классовой борьбы и боевой солидарности трудящихся всего мира с Советским союзом.

В нашей стране этот день превращается в смотр нашей обороноспособности, в день укрепления связей граждан населения с Красной армией и Красным флотом.

Перед писателем день 1 августа выдвигает двоякие задачи: во-первых — активное участие в общем проведении кампании, во-вторых — активизация ЛОКАФ.

За год существования ЛОКАФ проделал действительно большую работу и занял прочное место в системе литературной общественности. Он не только объединил в своих рядах основной костяк советского писательства, но только имеет четкую литературно-политическую линию, совпадающую с генеральными установками пролетарского литературного движения, но приступил и к **практическому** разрешению задачи включения художественной литературы в борьбу за обороноспособность СССР.

Участие ряда писателей в прошлогодних и нынешних маневрах РККА, прикрепление писателей к воинским частям, творческая мобилизация, выход первых книжек локафовской серии и, наконец, развертывание массового локафовского движения — таковы несомненные заслуги ЛОКАФ.

Однако, это только первые шаги, притом требующие дальнейшего качественного закрепления.

Можно сказать, что основные предпосылки для создания литературы на оборонные темы созданы. Достигнут перелом в отношении писателей к делу обороны, вхождение в ЛОКАФ заставляет писателя серьезно продумать свои задачи в этой области. Однако, реальные, творческие результаты пока еще очень малы. И если мы пристальнее всмотримся в тематику тех произведений, которые писатели обещают дать по творческой мобилизации ЛОКАФ, то увидим, что в большинстве эти произведения относятся к периоду гражданской войны, к историческому прошлому. Значительно меньше таких, которые во всей полноте дали бы сегодняшний день нашей армии, ее участие в социалистическом строительстве. Наконец, почти нет попыток осмыслить будущую войну, подготовить к ней при посредстве художественного слова трудящиеся массы.

Мы отнюдь не считаем, что на материале прошлого нельзя построить актуального произведения, что темы гражданской войны исчерпаны и т. д. Наоборот, мы подчеркиваем всю важность создания истории гражданской войны, работы, предпринятой по инициативе М. Горького. Но в то время, как о гражданской войне мы уже имеем большую литературу, Красная армия **сегодняшнего периода** не показана совсем. **Основной** задачей сегодня является подготовка к будущим боям, в этой задаче должно быть отдано творчество писателя-локафовца.

Чем объясняется отставание творческих планов писателей от актуальных задач ЛОКАФ? Полагаем тем, что практическая работа ЛОКАФ и активность писателей-локафовцев оставляют желать лучшего. Если организационная связь ЛОКАФ с армией и ее руководством налажена, то для работы с писателями эта связь используется далеко недостаточно. Между тем, серьезное постоянное изучение военной техники и всего круга военных вопросов значительно будет содействовать продвижению в ряды писателей основной темы — темы будущей войны.

Очень немногие писатели могут похвалиться настоящей, личной связью с армией, с красноармейцами, это основной недостаток, мешающий созданию литературы о Красной армии. Разве не будучи повседневно связанным с армией, можно ставить важнейшие наши военные проблемы — борьбу за технику, кадры и т. д.?

Мы недостаточно еще боремся за оборону, мы плохо в этой борьбе используем свое оружие.

Поэтому, участвуя вместе с миллионными массами в проведении международного дня борьбы с войной, мы должны нести свои лозунги:

— Художественную литературу — на службу обороне!

— Писатели — в ряды ЛОКАФ!

лицом к комсомолу на деле

В номере от 10 июля, в передовой статье «Литературная газета» писала о необходимости поворота всех отрядов советской литературы, и пролетарского в первую очередь, — лицом к комсомолу. Мы признавали справедливость упрека в том, что РАПП и ВОАПП до сих пор уделяли недостаточное внимание созданию молодежной литературы, обслуживанию интересов рабочей молодежи, помощи комсомолу в его трудовой работе.

Сегодня мы можем констатировать, что одна из основных организаций пролетарского литературного движения — МАПП—предпринимает реальные шаги для ликвидации этого важнейшего недочета. **На деле** поворачивается лицом к комсомолу. МАПП, в специальном обращении ко всем членам ассоциации, выдвинула, как важнейшую задачу, участие **всех литкружков** в кампании по стопроцентному охвату комсомолом рабочей молодежи. Наряду с показом героев это признано **основной** работой каждого литкружка, каждого члена ассоциации.

Маппповская печать («Рост», газета «Ударник литературы», районные литстраницы) должна отразить вопросы роста комсомола, предполагается выпустить специальный сборник, мобилизована творческая группа МАПП «Напостовская смена», созывается совещание поэтов и прозаиков и т. д. Одновременно всем районам дано задание признать самое активное участие в проведении международного юношеского дня.

Этот почин МАПП должен быть немедленно распространен на все ассоциации пролетарских писателей. Вызов Москвы на соревнование, на участие в росте комсомола должен быть подхвачен всеми АПП. Такое соревнование поможет создать реальный сдвиг в связи пролетарского движения с комсомолом, и нежелание в нем участвовать, нежелание помочь комсомолу в важнейшей политической кампании роста должно рассматриваться как недооценка значения комсомола вообще и для литературы в частности, как уход от политической и партийной задачи.

Совершенно понятно, что быстрые темпы являются основным условием успеха этой работы. Ясно, далее, что комсомол меньше всего нуждается в выражениях сочувствия и громких декларациях. Нужна **быстрая**, активная помощь в кампании роста, нужно боевое, **высококачественное** обслуживание этой кампании. Бригады в помощь комсомольским ячейкам, стенная и печатная газеты, литературные вечера, радио — вот примерное поле деятельности для литкружков. При наличии инициативы оно, конечно, может быть значительно расширено.

Мы уверены, что такая инициатива будет проявлена, ибо самообязательства МАПП, ее вызов всем ассоциациям, на который обязаны откликнуться все, — являются экзаменом на умение работать, который ассоциации держат перед лицом многомиллионного комсомола.

резолюция исполбюро фосп

об обеспечении бумагой издательств художественной литературы в 1931 г.

Огромные успехи социалистического строительства и нашей стране, обеспечивающие уже в этом году построение фундамента социалистической экономики, быстрый подъем политического и культурного уровня широких масс рабочего класса, колхозников и всех трудящихся — вызвали небывалую потребность масс к печатному слову. Гигантски растут тиражи наших газет, не поспевается спрос на общественно-политическую, техническую и сел.-хоз. литературу, на учебники, на научную книгу; далеко отстает от спроса и издание художественной литературы.

Призыв к литературе ударников (рабочих и колхозников) выдвинул тысячи новых писателей, связанных непосредственно с производством — с заводом, фабрикой, колхозом, совхозом.

Значительно выросла в идейно-политическая роль художественной литературы. Литература не на словах, а на деле становится оружием культурной революции, оружием агитации и пропаганды за боевые темпы социалистического труда, производства, перестройки быта.

Но несмотря на это, положение на издательском фронте художественной литературы неудовлетворительно. Запроектированные нормы бумаги в текущем году, особенно на второе полугодие, по Государственному издательству художественной литературы не обеспечивают нормальной работы издательства по выпуску книжной продукции. Это об'ясняется тем, что 1) редакционно-издательский план ГИХЛ — основного издательства художественной литературы на 1931 г. уже проектировал снижение на 18 проц. в отношении 1930 г., и 2) фактическое снижение норм бумаги выражается еще более высокими цифрами, что произошло в результате последующих изменений и урезки плана по ГИХЛ в самой системе издательств, объединяемых ОГИЗ. Многие виды художественной литературы во втором полугодии бумагой почти не обеспечены.

С другой стороны, расширенное заседание Исполбюро ФОСП констатирует, что издательства художественной литературы до сих пор решительно еще не мобилизовались на борьбу за накопление бумажных ресурсов внутри издательств и в особенности на борьбу с низким исходной продукции. По всем издательствам (ГИХЛ, «Федерация», МТИ, издательство писателей в Ленинграде и т. д.) в первом полугодии нерасходовано значительное количество бумаги на выпуск ряда недоброкачественных, не актуальных, а иногда и совершенно вредных идеологически или халтурных книг.

Расширенное заседание Исполбюро ФОСП в целях обеспечения выпуска доброкачественной художественной литературы считает необходимым проведение следующих мероприятий:

1. Мобилизация бумажных ресурсов внутри издательств художественной литературы, пересмотр с участием писательской общественности и рабочих-ударников редакционных портфелей издательств, в целью изъятия намеченных к выпуску недоброкачественных книг.

2. Пересмотр сетя и тиражей выходящих в ГИХЛ и других издательствах литературно-художественных журналов.

3. Пересмотр тиражной пятилетки издательств, уничтожение обезлички тиражей, обеспечивая высокие тиражи и переиздание для наиболее ценных книг.

4. Выделение в планах ОГИЗ массовой художественной литературы (с тем, чтобы обеспечить нормальный выпуск этой литературы бумагой наравне с литературой ведущих издательств).

5. Перераспределение бумаги между издательствами системы ОГИЗ с тем, чтобы обеспечить нормальный выпуск художественной литературы по втором полугодии 1931 г., а также обеспечить, в соответствии с ростом художественной литературы, издание ГИХЛ на 1932 год.

6. Обеспечение активного участия писательских организаций в составлении издательского плана ГИХЛ, издания «Федерацию» и др. на 1932 г. Всем организациям ФОСП выделить представителей для помощи этой работе издательств. Предварительно, до утверждения планов в правительственных инстанциях, обсудить их (планы) на исполбюро ФОСП.

7. Улучшение работы полиграфической базы ГИХЛ и своевременный выпуск художественной литературы, улучшение технического качества издаваемых книг. Поручить секретариату ФОСП, установив связь с рабочими бумажных фабрик и типографий, выпускающих художественную книгу, организовать на этих фабриках и в типографиях доклады и выступления писателей и совместное обсуждение с рабочими вопросов улучшения технического качества книг и выполнения бумпромышленностью промфинплана.

8. Поставить вопрос перед планирующими органами, комитетом по делам печати и «Союзбумагой» о повышении бумажных норм для художественной литературы, в соответствии с творческим ростом писательских кадров, призывом в литературу ударников и спросом на художественную литературу со стороны массового читателя.

На каждом заседании секретариата ФОСП необходимо заслушивать сообщения о выполнении настоящего постановления.

ДЕКА

БЮРО ЯЧЕЙКИ ВКП(б) ФОСП ИЗВЕЩАЕТ ВСЕХ ЧЛЕНОВ ЯЧЕЙКИ

О ПРОВЕДЕНИИ ПЕРЕВЫБОРНОЙ КАМПАНИИ

21 июля—в 17 ч.—ОТКРЫТОЕ ПАРТИЙНОЕ СОБРАНИЕ

1. Решение июльского пленума ЦК ВКП(б)
2. О перевыборах

ОБЕСПЕЧИМ СТОПРОЦЕНТНУЮ ЯВКУ ВСЕХ ЧЛЕНОВ ПАРТИИ!

трибуна творческой дискуссии ВССП

от нашего корреспондента

ДИСКУССИЯ в ленинграде

прения по докладу зел. штейнмана

Начало прений по докладу Зел. Штейнмана «Формула перехода» — выступления П. Медведева и Ив. Оксенова — грозило направить дискуссию в сторону абстрактности и академического формализма... На рельсы конкретных и принципиальных творческих споров «перевели стрелку» дискуссии выступления М. Чумандрина, А. Старчакова, В. Кавторина, М. Слонимского, Н. Тихонова и др.

«Основными пунктами» начальных споров явились «Фома Клешнев» М. Слонимского и «Прозор» — новая книга В. Кавторина.

— Критика не борется, критика не организует! — эта положение М. Чумандрин иллюстрирует примером с «Фомой Клешневым». Критики из бригады ЛИЛ ЛОКА, выступившие со статьей о романе Слонимского в «Ленинградской правде», взяли одно высказывание, какие порою... и констатировали: отсталые взгляды. Писатель не был учтен в его развитии. Между тем, творческий путь Слонимского — от «Лавровых» к «Среднему проспекту», а затем к «Фоме Клешневу» — это путь со ступени на ступень. Слонимский, возможно, еще будет ошибаться, в его творчестве еще много недоговоренности, но тенденция приближения к пролетариату — налицо.

Десяткам нарушений, намечающимся в романе Слонимского, М. Чумандрин противопоставляет короткий объективизм в «Прологе» В. Кавторина.

«Прологу» В. Кавторина, главным образом, посвящает свою речь **А. Старчаков.** — Не всегда,—говорит он,— для перехода в сознании достаточна работа над современной тематикой.

Кавторин отдал в сборник безразличным и бесстрастным. Его книга — объективное произведение, изящно разработанные удачные зарисовки. Но давнему писателю произведения—эротические подтемки.

Следующее слово в прениях получил **В. Кавторин,** выступление которого носило об'ективно-реакционный характер.

В. Кавторин заявил, что новая тематика действительно создаст общественный резонанс лишь тогда, когда литературное произведение будет ново и по своей форме; новизна тематики должна соответствовать и литературной новизне. Старчаков говорит,что в «Прологе» нет самого главного: не показан совхоз, перестраивающий стиль и т. д. Но то, что совхоз совершает социалистическую передышку деревни—всем известно. И если бы это перестройка была мне задана, как тема, я бы не написал книги. Нельзя писателю заранее задавать тему; он должен сам найти, открыть ее.

— Все сказанное, заканчивает В. Кавторин, **— относится не только к моей книге, а к моему будущему литературному пути. Я, может быть, плохой писатель, но я — писатель.**

Краткую выступления Кавторина дал **Н. Никитин.**

— Новизна идеологии, — сказал он,— конечно, должна соответствовать новизне форм. Но нужно проанализировать, откуда идут: от формы или от идеологии. Форма не может создать идеологии, но идеология форму создает.

*

Наиболее значительными в течение второго дня прений явились выступления **М. Слонимского** и **Н. Тихонова.**

Считая, что корни современной попутнической литературы уходят в прошлое, Слонимский сделал экскурс в это недалекое прошлое и разобрал основные черты советской литературы начала 20-х годов: стихийность, эпигонство и, наконец, **попытки новаторства,** но некоторая часть которого ушла в песок.

— Что мы имеем на сегодняшний день? В частной прозе,—заявляет М. Слонимский, — произошло разоблачение «внешних одежд», «роль мысли поднялась в литературе». Ясно, что в таких условиях должно было произойти с эпигонами. Они оказались совершенно голыми. Неловкому стоит сейчас вопрос о новаторстве. «Новаторство — это, прежде всего, новизна мировоззрения». Если отчасти сработанная вещь покоится на старых мировоззренческих основах ,а рядом находится вещь формально более слабая, но основанная на новом восприятии мира,—предпочтение надо отдать второй вещи: так всегда двигалась вперед литература.

— На этом попятном пути стоит опасность штампа,—продолжает М. Слонимский.— Отношение к штампу у всех нас — отрицательное. Но отказываться от работы над материалом только потому, что он «заштампован» — нельзя.

Мы все время слишком общо употребляем слово «перестройка». Для писателя это значит — перестройка **отношения и действительности,** и в зависимости от этого, перестройка изобразительных средств, перестройка «формы».

Сейчас создается новое понятие о жанре, новое осмысление понятия романа, рассказа и т. д.

Н. Тихонов начал с рассказа о вредителе, открытом Гомоном на проспекте 25 Октября. В вестнике находится крокодил,— «немножко мелкохолик, немножко мудрец, крокодила полюбили пять... примусов... И крокодил доделал свой судьбой». Этот примусный пафос в пять крокодильих сил — считает Н. Тихонов — встречается и в советской литературе. Советскому писателю необходим не такой комнатный пафос, однако, подлинный пафос отсутствует. И именно потому мы так часто сейчас упоминаем «Гидроцентраль», что он написан «со страстностью». М. Шагинян проделала несколько лет на строительстве, описанном со, она воспитывала свой пафос.

— Мы долго,—говорит Н. Тихонов,— сидели лицом к городу заседаний и спиной к литературе. А когда оглянулись, увидели то, о чем я не подозревали раньше.

Каждый писатель пришел к сегодняшнему дню с большой и часто порочной наследственностью. Ошибка «Прологе» в том, что В. Кавторин ранее работал не по условиям материала». А когда он с условного материала перешел на безусловный материал, он совершил **«**последовательную» ошибку. Он в на этот материал перенес приемы устоявшего повествования. Он оказался наблюдателем-литератором, мастером, заинтересованным лишь в литературном мастерстве. «Наследственную» ошибку можно найти и у Слонимского. Его «Фома Клешнев» очень интересен, но в нем нет «итогов». Притина орлов И. Никитина в нем «Линия огня» — в том же наследии орнаментализма. У Кавторина «сутулая наследственность» — прочной традиции «пеших русских писателей». Говоря о своем творчестве, Н. Тихонов заявляет:

— Для меня ясно, что я не могу теперь написать ни одного произведения без политики. **Без политики произведения не может быть.**

*

После выступления **В. Эрлиха** взял слово **Г. Куклин.** Вместо ожидаемой критики своих ошибок он начал с... обвинений критики. В дальнейших его высказываниях содержалось явно ошибочное заявление о том, что как «наш писатель» более умен были мы... символисты, у которых было «единое мировоззрение». По поводу «Сочинения бригады» перекладчик не замечает, что декларативная фраза о том, что «литераторам не есть орудие писателя» — просто нелепое кривляние.

— Нас правильно обвиняли, что в очерках не показана классовая борьба. Но это — ошибка не только нашей книги. (?!).

*

Продолжение прений, намеченных на 18 июля, следует.

Б. РЕСТ

Ленинград, 8—13 июля 1931 г.

перед новыми задачами

1

Не приходится отрицать, что первый расширенный пленум правления ВССП, созванный в мае этого года, сыграл очень значительную роль в перестройке Союза. С целью обеспечить наименьшую дальнейшей реконструкции ВССП, был принят ряд ответственных решений принципиального и практического характера. Достаточно четко была поставлена основная проблема — проблема политической и творческой дифференциации внутри Союза, проблема превращения лучшей и активнейшей части членов организации из «попутников» революции в литературных советских пролетариата. В основной резолюции, принятой пленумом с исключительно отмечалось и то, что процессы перестройки ВССП протекают «еще очень медленно и без достаточного руководства со стороны правления Союза» (п. 2). Кроме того, был разработан план работ осенней конференции ВССП. Предыдущие четыре дня, пленум сделал, как будто все, что ему следовало сделать.

Но в моменты солнца майского дня пленума прошло уже два месяца. Пора оглянуться на пройденный путь, осмотреться и определить, в каких формах происходит дальнейшая перестройка ВССП, как проводятся в жизнь решения пленума и какими темпами идет подготовка к осенней конференции.

2

С перестройкой своих рядов Советский Союз **советских** писателей начинает на исходном году пролетарской революции, занявшись, по самому скромному счету, лет на восемь. Далеко вперед вопросы о реорганизации Союза, о необходимости политического и творческого перевооружения писателей не поднимались вовсе. В период обострения классовой борьбы, активизации кулацких и новобуржуазных сил, среди многих попутчиков, совершенно непримиримо и ложно оценивших под воздействием самые дерзновенные представления о художественной литературе, как о «чистом» и независимом искусстве, о «нейтральном» отношении к советской действительности. Искусство, литература все чаще и чаще стали противопоставляться общественной жизни, из нарождения изымались и насаждались истинные теории буржуазного эстетизма. Все увереннее и все больше начали поднимать голоса о специфических художественных силы, об особых законах литературы, присущих только ей. Некоторые «попутчики» открыто заявляли: «Нельзя требовать от художественного, чтобы он был общественным суфлером», «наличие художественного» не может быть, **а может и не быть»,** и т. д.

Господствующий «взгляд» попутчиков Гор. Нильник, противопоставляя различение других идей» «нейтральности» и полезности творчества, доказывал еще в 1923 г.) до утверждения, что общественная деятельность писателя, «до частная дело», **к литературе не имеющее отношения».** Мало того, он осмеливается советскую власть сознательным произведениям: «Нельзя коммунисты с Россией, поставьку э и с немцы». Изложение своей политической «платформы» Нильник заканчивал тогда прямым заявлением о том, что он не ждет с новой творческой работой участвовать в советском строительстве. Знаю, что я должен быть абсолютно объективен, **не пить ни на чью мельницу»**[1].

Оставаливаться сейчас так долго на Нильнике не стоило бы вовсе, если бы его антисоветские настроения не были характерны для довольно значительной части писателей, воображавших, что они являются «попутчиками» революции и приглашавших на роль сознательной советской литературы. В наши дни всякому непредвзятому ли-

[1] Ср. «Писатели об искусстве и о себе». «Круг». М. 1924 г., стр. 83 81. Раздела мом. В. Г.

тературному работнику должно быть ясно, куда вели писателей, числящихся советскими, иные стремления, с которыми с величайшей охотой солидаризировался любой буржуазный идеолог.

3

Где же были в это ответственнейшее время литературные критики, редакторствующие «толстые» журналы и альманахи, создание различные писательские группировки и фактически, на практике руководившие литературой?

Увы, никто из этих критиков—«марксистов» ни слова не произнес о том, что вместе с обострившейся классовой борьбой по всей стране неизбежно и литература вступает в период обостренных классовых боев. Никто из них не предупредил писателей о тех затруднениях и опасностях, которые встали на пути развития попутнической литературы. Никто из них не сказал со всей прямотой, что в стране строящегося социализма писателю попятному оставаться нейтральным, что необходим решительный классовый выбор между пролетарской и непролетарской идеологией. Никто из них не указал в дальнейшем на то, что вместе с индустриализацией страны, коллективизацией сельского хозяйства и ликвидацией кулачества совершенно неизбежно и политически-закономерно идет ликвидация «попутничества». Никто из них не указал писателям на то, что попутчикам необычным заявлять перестройки и творческим перевооружением, соответствующим революционному периоду.

Между тем своеобразные и нейтральные, «внеклассовые» (если так можно выразиться) статьи на места на данном этапе развития великой жизни страны быть уже равносильно **отходу от позиций пролетариата** и смыканию с попутническими силами.

4

В большинстве случаев критики, задавшие тон в наших толстых журналах, рассматривали творчество советских писателей таким, **каким оно было,** а не таким, каким **оно должно было быть** в данный исторический момент. Проблема перевооружения писателя, изменения его мировоззрения, политического и творческого перевооружения не ставилась ни существу, а если и ставилась изредка, то крайне вяло и нерешительно. Из среды «попутных» расматривалась преимущественно как певец самой отжившей ценности музейного порядка. Деятельность этих критиков, таким образом сводилась к своеобразной охране памятников искусства и старины».

В «лучшем» случае уровень ограничился констатированием идеологических ошибок писателя, не делая никаких конкретных указаний—**куда** же надо теперь эти писатели и **как** ему приобщиться к социалистическому строительству, творимому во всей стране.

Мало того: грубейшие и вовсе не случайные политические ошибки многих «попутников» замалчивались, оценивались как несущественные. Например, «Наш Калита советской литературы» А. К. Воронский неоднократно брал под свою защиту того же Нильника, линию тем самым правильной политической ориентировки. Варшавский писатель говорил в 1928 году о том, что Нильник оказался «более чутким к новой современности, чем многие иные прочие, получившие соответствующие награды и награждения». Вопрос всем обвинениям заключен в Воронского какого-нибудь, что Нильник «жил» и внимательно прислушивался к окружающему, что «он не стоит и не топчется на месте, исправляет и совершенствует свои ошибки»[2].

О своем уходе «Перевала» Воронский и сам в свое время писал, как о мировоззрении группы чуть ли не пролетарских писателей, своих за всем случае «левее» попутников. На самом же деле сначала мы были свидетелями ухода из «Перевала» его левого крыла, а позднее окончательно убедились в идеологическом банкротстве и фактическом распаде «содружества».

5

К сожалению, подобного рода выжидательными не исчерпывался этот обтекаемый ярлд, который приносили советской литературе руководители «толстых» журналов и в первую очередь

[2] «Литературные портреты», т. I. «Федерация». М. 1928, стр. 441-445.

за ударную подготовку конференции

Резолюция пленума ВССП о ряд постановлений органов руководства местными отделами союза призывают работу на подготовку осенней конференции ВССП ударной. Между тем ни в среде рабочих-ударников, ни в деревне, ни в массах Союза пока нет признаков этой до сих пор не встречавшейся повсеместно выросшего внимания писателей к своей ближайшей литературно-политической ориентировке.

Мы знаем, что в силу недостаточной ясности политического развития, многие писатели, увлеченные этими событиями, не будут в состоянии немедленно разобраться в этой

ХУДОЖЕСТВЕННУЮ ЛИТЕРАТУРУ *на службу обороне!*

писатели в локаф!

твердый марш

Восемь командиров
РККА
Врезывались ветру
в облака.
Старшему на разных
сорок лет,
Больше половины —
прочим нет.
Молоды, упорны,
ясный взгляд;
Всей стране защита —
первый ряд.
Небо наклонилось
и само
Вслед за ними рвалось
в комсомол.
Поднималась пламень
от болот, —
Ей помешали некстати
вот пилот.

Выше, выше, выше —
день был сер —
Восемь командиров
СССР.
Если рявкнул гром бы
вражьих жерл,
Стал бы тверд, как ромбы,
их взор.
Если — крест фашистский
в небесах,
Вихрь-вираж крутой бы
описал.
Не воздушной ямы
тишь да мгла
Их рукою мертвой
стерегла.
Вплоть затянут пояс
тучевой,
За дождем не видно
ничего.

Красных звезд не видно
на крыле,
Крепких рук не слышно
на руле.
Хоронили рядом
с гробом гроб.
Прислонились разом
к рембу рамб...
Не слезой бессильной
их смерть не смыть:
Выше, выше, выше
в тучи марш.
Ожерелилось небо
к ним само:
— Кто на смену старшим —
в комсомол?

НИК. АСЕЕВ

начало положено

опыт военизации писателей в ленинграде

Создание нужной для обороны страны художественной продукции упирается в необходимость организации военной и необходимость работы с писателями. Писатель-локафовец должен также тщательно готовиться к военной работе, как готовится стрелок, командир, политработник. Нужно прямо сказать, что до сих пор ни один из отделов ЛОКАФ в этой области ничего почти не делал.

Ленбалт-ЛОКАФ после своей первой конференции (март 1931 г.), решил немедленно перейти от слов к делу. Дело это решили начать с организации военных курсов. До лета, когда основные писательские кадры разъезжаются из города с различными бригадами на стройки, в колхозы и заводы, оставалось всего полтора месяца. Это определило объем лекций и темы занятий: при очень напряженных темах можно было провести всего 14 занятий, и которые всего не вложишь. Надо было выбирать. Ремизов: главный упор сделать на разъяснение основных принципов марксизма-ленинизма в военном вопросе и на освещение задач печати в военное время.

Идея военных курсов была встречена с большим сочувствием и интересом в писательских организациях. На курсы записалось 62 человека (правда, 15 человек впоследствии отсеялось). Больше всего было представителей ВОСП (30), затем—ГАИИ (21). Среди курсантов были и не члены ЛОКАФ. Наряду с этим оказалась не охваченной курсами значительная часть гражданских писателей-локафовцев.

К проведению занятий были привлечены работники ЛОКАФ, штаба ЛВО, ПУОКР и академии им. Толмачева.

Основным методом занятий являлась лекция, что, конечно, нельзя считать особенно удачным. Однако большинство лекторов стремилось дать не общие вступительные лекции на немногих основных вопросах темы и разбирали их детально в процессе живой беседы. Этот метод был наиудачнейшим. Активность слушателей в таких беседах была чрезвычайно высокой. Наиболее оживленные прения вызвали вопросы о возможности классовой борьбы в Красной армии, в вазшей политике в азиатских районах, о лозунге «Британия» и предстоящей войне и пр.

За время занятий писатели-курсанты выпустили два номера стенгазеты «Литобзор». Стенгазета заострила внимание писателей на основных моментах занятий, подтягивала отстающих, привлекала квалифицированных писателям навыки работы в массовой печати (редколлегия была составлена из самих писателей). Помещение курсов позволило устроить тут же тир для стрельбы из малокалиберной винтовки (Тов). Заключительным и важнейшим этапом были две военно-литературных игры.

При проведении игр руководство ставило себе следующие задачи: проверить знания курсантов, проверить мобильность писателей, умение быстро и четко работать в условиях военного времени, сообщить известные навыки этой работы и повысить интерес писательской общественности к военным проблемам. Главным объектом игры был выпуск четырехполосной «Литгазеты». Выпуск листовок к войскам и населению воюющих (условно) с нами стран, создание драматургической продукции для клубов, частей и лагуголков (инсценировки, коротенькие пьески, обозрения), стихотворные лозунги для плакатов—все это заняло в игре далеко не последнее место.

Для составления листовок привлечены бли силы наседкин ЛОКАФ (финны, поляки, латыши), для выпуска драматургической продукции—работники Всерабискомдрама.

При составлении персональных заданий учитывались—не только род творчества данного писателя, но и его индивидуальные особенности, его познания в той или иной области. Всего было разработано в среднем 25 таких отдельных заданий на главный ход игры.

Первый ход игры был проведен таким образом: вечером 19 мая писателям устно сообщены были правила игры, их назначение и условная обстановка. Затем каждому был вручен конверт с персональным заданием (дать к 10 часам утра следующего дня художественное произведение на определенную тему, определенного размера и жанра (очерк, памфлет, фельетон, стихи, лозунги, инсценировки, листовки и пр.). Писатели проявили к игре чрезвычайно большой интерес. Из 50 участников—30 человек сдали работы в срок.

В 17 часов курсанты собрались для ознакомления с вылущенными почтарьми «Литгазеты». Разбор был построен следующим образом: основной докладчик давал общую оценку первого хода игры, останавливался на типичных общих ошибках. Соответствующим давали конкретную оценку отдельных работ. Поэты при разборе зачитывали свои стихи. Примерно таким же образом проведен был и второй ход игры, с той разницей что удалось избежать многих организационных ошибок и недочетов первого хода.

В подавляющем большинстве работ отмечается правильное, в основном, представление о классовом характере предстоящей войны, как борьбы с империализмом за установление социалистического строя во всем мире.

Вместе с тем анализ работ выявил целый ряд ошибок политического и военного порядка. Во многих работах отмечена недооценка роли партии в предстоящей борьбе. Вопрос о партии или совсем обходится молчанием или же дело ограничивается несколькими классными фразами. Типичной ошибкой является также недооценка трудности и длительности предстоящей борьбы, в частности—трудностей развертывания революционной борьбы на Западе. В некоторых работах отчетливо слышится мотив «гром победы раздавайся». С другой стороны в ряде работ недостаточно учитывается значение такого громадного фактора, как наши соседи на рубежом (пролетариат и угнетенные народности).

У ряда авторов отмечено неправильное представление о социал-демократической партии и II Интернационале. Не учитывается современная функция социал-демократических партий, как партий загнивающего капитализма, главной опоры буржуазии, активных организаторов и проводников политики интервенции.

Со стороны художественной, при наличии ряда очень ценных в литературном отношении работ, следует отметить следующие недочеты: некоторые даже очень сухие бесодержательные статьи, в работах иногда встречаются штампы, шаблоны, громкие напыщенные выражения. Все же, качество большинства работ оказалось таково, что их можно было бы рассчитать при некоторой редакционной правке.

Чрезвычайно удачный опыт проведения военных курсов говорит прежде всего о политической сознательности и активности ленинградского писательства, о серьезном интересе значительных кругов писателей к военным проблемам.

В то же время курсы с полной наглядностью выявили, насколько еще слабо подготовлен и массе советский писатель к ответственнейшей задаче—защищать Республику трудящихся художественным словом.

В какой мере эти пробелы были восполнены нашими курсами?

Лекции, военные игры и разборы, несомненно, еще больше заинтересовали писателей военными проблемами, дали некоторый минимум знаний в области военных вопросов, привили известные навыки работы в условиях военного времени.

Если принять во внимание, что на курсах ставились и обсуждались основные вопросы военно-политического порядка и что основную массу курсантов составляли попутчики,—значение курсов будет еще шире. В известной мере курсы способствовали ближайшей задаче: перестройке попутчика и союзника рабочего класса.

Дело организованной и планомерной работы по военизации писателей, успешно начатое в Ленбалт-ЛОКАФ, должно быть подхвачено всеми отделами ЛОКАФ.

Н. СВИРИН

Командированный ЛОСПОКАФ для работы в лагерях писатель И. Дорохов включился в лагерную учебу красноармейцев. Под его руководством в частях организовано несколько литружков и общелагерная литгруппа. И. Дорохов и красноармейцы-литкружковцы принимают активное участие в полковой красноармейской печати. В общелагерной печатной многотиражке организована постоянная литгруппа.

Недавно в лагерях проведен первый литвечер — для бойцов И-ского стрелкового полка.

на мертвом якоре

Как и всякая литературная организация, Севастопольский ЛОКАФ имеет свой совет.

Состав совета «подобран» безукоризненно.

Ответственный секретарь совета ЛОКАФ—он же ответственный редактор газеты «Красный Черноморец».

Член совета ЛОКАФ—он же заместитель ответственного редактора газеты «Красный Черноморец».

Член совета ЛОКАФ—он же литсотрудник газеты «Красный Черноморец».

Даже кандидат совета—сотрудник газеты «Красный Черноморец».

От нищущей мысли, от рядовых краснофлотцев—один тов. Асмолов, избранный орсекретарем
ный орсекретарем.

Совет ЛОКАФ (читай—ответственный редактор «Красного Черноморца») поставил вопрос так:

Не надо никакой литературы. Дайте очерк в газету.

Дают? Нет, не дают. Обещают.

Посмотрим литстраницы локафовцев при «Красном Черноморце». Страницы полны всем, только не творческим часов ЛОКАФ. В литстранице № 7 понасилено накрапано 100 строк (три стихотворения). Остальной материал—редакционный. В странице № 8 — три стихотворения на 150 строк. Остальной материал — редакционный. В странице № 9 — еще лучше — 120 строк редакционного материала о Демьяне Бедном, 50 строк — «Творческая мобилизация ЛОКАФ», 50 строк — литературная почта, 20 строк — почтовый ящик, 50 строк — «пилика». Среди всего этого—4 стихотворения в очерк. В перу на полосе категорическое «Литстраница выходит 2 раза в месяц» (а мне вышел только один номер).

Может быть мало материала? Может, не пишут?

Материал есть. Пишут. Много пишут. И часто не плохо пишут. Но в архиве места хватает.

Локафовцы искренно сожалеют, что так мало литературных юбилеев, в дни которых выходит литстраница.

Вот юбилей Тараса Шевченко—литстраница № 8.

Вот Максим Горький едет в СССР—литстраница № 8.

Вот юбилей Демьяна Бедного—литстраница № 9.

Когда будет следующий юбилей? Кому литстраница посвятит свой очередной номер?

Есть старая английская сказка о слоне. Раздавил слон начальника каравану. Искренно огорченный этим, уселся слон на пальмит и сказал:

— Не печальтесь, милые детки, я заменю вам матушку.

ЛОКАФ порвал всякие связи с СевАШИ, но «слон» просит не печалиться. А между тем они перестали совсем писать и посещать ЛОКАФ, другие на вопрос—как работает ЛОКАФ?—безнадежно машут рукой.

Кстати о взаимоотношениях с гражданскими писателями. Здесь Севастопольский ЛОКАФ занял особую позицию: «Связь с АШП нам держать нечего. Народ там такой, который должен учиться у нас. У них много ошибок»...

Две по существу одинаково пролетарские организации в одном городе, с одними задачами, но на разных полюсах. Не было ни одного совместного совещания, не было никакой совместной работы. В жизни Севастопольского ЛОКАФ не было еще таких вещей, как разбор творчества своих поэтов, прозаиков или как разбор злободневных литературных тем. Не было, да и не может быть. Ведь ЛОКАФ месяцами не собирается. Вопрос об учете локафовцев им по себе поэтому отпадает, несмотря на то, что ЛОКАФ объединяет молодые, не созревшие, нуждающиеся в руководстве литературные силы краснофлотцев. Отпадает вопрос и о включении ЛОКАФ военморского актива.

Призыв ударников-краснофлотцев в литературу прошел слабо.

Чисто и кадрово за кормой Севастопольского ЛОКАФ.

МАРСОВЫЙ

КНИГА больших проблем

и нечетких решений

АДАМ ДМИТРИЕВ — «Есть—вместе корабль». ГИХЛ. Ленинградское-Вятский-ский ЛОКАФ. 1931 г. Стр. 152. Тираж 5.000. Ц. 1 р. 25 коп. (Серия «Литература и война»).

Последняя страница прочтена. Проверим первые впечатления. Они хорошие, бесспорно хорошие. Во-первых, потому, что видишь, как растет и крепнет ЛОКАФ, как четко, по-военному, дисциплинированно дает он свою продукцию (спасала Наполитова «Перекоп», сейчас книжку Дмитриева); во-вторых, потому, что это—наша книжка. Наша и потому, что автор наш самый актуальную и злободневную тему (командиры, специалисты, вредительство, интервенция), наша и потому, что чувствуешь: писал ее—моряк, коммунист, отлично знающий то, о чем пишет.

Наша эта книжка, но именно поэтому повышены и наши требования к ней. Прежде всего партийности, неключительной политической четкости требуем мы от автора, взявшегося за такую ответственную тему.

Автор рисует будни летней учебы флота. Уборка, политзанятия, партсобрания, тактические учения, агитмассовая работа и изобретательство, авиация и ремонт большевистскими темпами, краснофлотцы и командиры, старые специалисты и молодые краскомы, коммунисты, комсомольцы и беспартийные—таков материал, охваченный книгой.

Время действия—лето 1929 или 1930 годов. Корабли в море. У берегов Финляндии—французская эскадра. Чтобы облегчить начало интервенции, агентура империалистов хочет спровоцировать столкновение Красного флота с французским с тем, чтобы зона пала на первый. Из Москвы по радио дается приказ-фельетонка: обострить французскую эскадру. Привлеченный интервентами на свою сторону, командир крейсера прикрывает начать атаку, но своевременно предупрежденный комиссар ликвидирует опасность.

Автор выбрал исключительно острый сюжет. В свете процесса «промпартии», раскрывшего механику подготовки интервенции, вопрос о непосредственном поводе, толчке для начала ее, приобретает особый интерес. Не для автора сюжет играет чисто служебную роль. Вокруг он ставит ряд проблем, из которых важнейшая — проблема кадров.

И вот эта-то проблема автором не разрешена, вернее, разрешена настолько нечетко, что граничит с политической ошибкой.

Ключ к трактовке и решению автором проблемы кадров во флоте должны по авторскому замыслу дать два вычурных известные слова: «Пора, давно пора повернуться лицом к технике. Пора отбросить старый лозунг, отживший лозунг о неприязненное в технику и стать самим специалистами, знатоками дела, стать самим полными хозяевами дела» из Маяковского:

«Не тешься,
товарищ,
Мирными днями,
Сдавай добродушие в брак.
Товарищи,
Помните,
Между нами
Орудует классовый враг».

Но, по сути дела, автор не только всей установки известной речи т. Сталина, и в основе своего решения исходит тезис Маяковского, тезис, из которого вытекает только один: бой классового врага. Таково именно решение автора, выступающее на его отношении к специалистам. Об этом можно судить из спора трех комиссаров.

«— А тебя, старшой, не понимаю,— тыкал чуть не в лицо Базанову (военком крейсера) боровкой Смехов, — не понимаю... Тут все ясно, что в физике. Гнать их (старых специалистов. С. Р.) надо, старой, в три шеи гнать надо. Выросли уже они. Есть замена. А то наживем беду, как пить дать...

— Свои сервалы еще, по доверии,— кинул военкомдив в бороду Смехова, но им в душе шевелится с Назиным...

...Смехов по старой матросской привычке длинно, замысловато ругается. А Базанов перекрывает скрежет мотора:

— Назиу, Вама,— перегибаешь, левый загиб...

Ты отгом на всех. Так же нельзя. Неужели ты не веришь в расчение или ты не умеешь его заметить?—кричит Базанов.

— Ты уж совсем в левый угол зашелся,— вмешивается Хохлов,— это же спецедство.

— Погодь, отмахивался Смехов.— Я зря говорить не люблю, знаю всех, как обмундированных... И вот, старшой—потрясал он Базанову пальцем,— моя неправильная точка станет после пророчеством.

Смехов говорил еще с минуту, но Базанов уже не прислушивался. Он сердился на Инока за его тупую левизну, предупредительную тревогу, которая вель может проявиться и на деле. По Базанов был со многими мыслями Смехова «вполне согласен» (стр. 91—92).

Мы видим, что Базанов солидаризуется с решением одного из военкомов: гнать всех в три шеи. Характерно, что Базанов спорит с ним совершенно правильно, обвиняет его в левом загибе, сердится на него за «тупую» левизну, вредную тревогу, но сам в душе с этими «левыми мыслями» соглашается.

Последующая измена командира крейсера является как бы символическим «пророчеством» «левого» загибщика Смехова и одновременным оправданием «вредных» построений самого Базанова, отмечающегося в книжке, до известной степени, партию, ее политику в отношении специалистов (Базанов все время колеблется крепких, выдержанных партийцем).

Итак, гнать всех в три шеи—плохо, по мнению автора, партийное решение проблемы о старых специалистах. Надо ли доказывать, что это решение ничего общего не имеет с общепартийными установками, что оно ни в какой мере не вытекает из слов т. Сталина, что здесь у самого автора доподлинно «левый» загиб.

В чем был смысл и значение выступления тов. Сталина в феврале 1931 г.? В том, что он заострил внимание на важнейшей задаче «большевики должны овладеть техникой и покончат зависимость, связь между вредительством и овладением большевиками техникой.

Автор, видя только одну сторону дела—сопротивление классового врага, не видит зависимости вредительства от степени овладения большевиками, рабочим классом техникой. Надо ли говорить, что ни в этой речи, ни где бы то ни было тов. Сталин, партия не ставили вопроса о старых специалистах так, как ставит его автор. Не ставил так вопроса и РКП ССДР в отношении старых военных специалистов. Тов. Сталин недвусмысленно указал, что даже в ряду вредительств советская власть практиковала «лишь одну единственную ошибку в отношении старой технической интеллигенции — политику разгрома активных вредителей, расслоения нейтральных и привлечения лояльных».

Автор книжки не понял основного. Вопрос об овладении техникой в книжке не нашел отражения. Автор, рисующий рационализаторскую работу командиров, имеет лишь косвенное отношение к этой проблеме.

Общий вывод: книга, правильно показав Красный флот, автор не сумел дать правильное партийное разрешение проблемы использования старых специалистов, не сумел показать, как реализуются директивы партии об овладении техникой. Его решение политически неверно, противоречит установкам партии, игнорирует опасность «левых» загибов. Советский писатель, и в частности, писатель — член ЛОКАФ, должен понять, что только совершенно правильное условия генеральную линию нашей партии по любому вопросу, он имеет право браться за отражение ее в художественной литературе.

С. РАБИНОВИЧ

„так держать“

БОРИС ЛАВРЕНЕВ. «Так держать». Издательство писателей в Ленинграде. Л. 1931. Стр. 128. Ц. 80 к.

В книге «Так держать» Б. Лавренев рассказывает об осенних маневрах Балтийского флота, на которые он был командирован Ленбалт-ЛОКАФ и редакцией «Красной звезды» ЛВО.

Несколько дней, проведенных на миноносце, дали писателю довольно большой материал о РККФ, о морской военной технике и о новом, начинающем еще и истории человечества типе «морика»-краснофлотца.

«Чтобы говорить о настоящем, нужно вспомнить прошлое» (стр. 9). Из этого положения исходит Б. Лавренев, начиная свою книгу с воспоминаний о царском флоте, показывая «замордованного» царским офицером матроса Пригорничено — друга детства автора. И в самом повествовании о Красном флоте автор неоднократно прибегает к историческим ссылкам. В результате прекрасно вырисовывается образ краснофлотца, дисциплинированного бойца на «лагерях», в их убеждениях, краснофлотца, вышедшего на сознательное командование.

Книга Б. Лавренева дает читателю представление о технике торпедной атаки, о некоторых технических особенностях миноносцев, о работе машинного отделения миноносца и т. д. Показывая работу машин, показывая технику флота, Лавренев совершенно правильно отталкивается от «тех восторженных юродивых из писательской братии, которые видят в умелецкую победу» и «якорный восторг перед машинами» (стр. 90). Автор показывает технику в связи с людьми (работа кочегарки миноносца и соцсоревнование кочегаров, создавших технику, покоряющими машинами).

Боевая публицистичность книги не должна заслонять от читателя отрицательных и «Так держать» ошибочных творческих установок автора. «Я старался писать о людях флота, как о массе, не останавливаясь на командире и отделенном. Индивидуальные черты стираются—ярко остается и памятен лицо коллектива» (стр. 126), — пишет Б. Лавренев. Неверное, вредное противопоставление. Показ «индивидуальных черт» не умаляет и не стирает лица коллектива, а наоборот, позволяет показать коллектив во всем его многообразии, во всей его специфичности. К счастью, автор не всегда следует этому неправильному творческому пути. «Индивидуальный» случай с краснофлотцем Б-ным, по формальным основаниям не вышедшим на следный ремонт корпусовод, характеризует у Лавренева именно такого флотского коллектива, высокий уровень его сознательности, его исключительную возбужденность идеей обороны социалистического творчества.

В результате, несмотря ...ориентации краснофлотцы, даются в отдельных частных сценах: получаются добротные фотографические снимки, верно отображающие в данном случае героику РККФ, но еще не переходящие в обобщение большой художественной силы. И хорошо, что в своих творческих установках он не исследователя на практике, показанных иногда «типично-дуальные» случаи, показывая «отдельных людей», которые характеризуют самоотверженную работу целого коллектива. Показывая технику РККФ, автор не сумел отобразить ее классовую социалистическую сущность, увлекаясь лишь внешними проявлениями овладения ею.

В целом книга—интересный документ, отображающий Красный флот, всегда готовый дать по тем рукам, которые тянутся из-за рубежей, чтобы вымогать кирпичи из фундамента и обрушить вырочные уже стены». (Стр. 127).

С. Б.

о сборнике „на страже“

и неиспользованных возможностях *)

Бригада, создавшая сборник «На страже», доставила перед ЛОКАФ вопрос о необходимости получше связаться в работе с издательской общественностью, так как сборник вышел без малейшего участия ЛОКАФ. В одинаковой степени и перед издателями встает вопрос об улучшении связи с ЛОКАФ. Ведь не случайно предисловие к сборнику «На страже» не сумело поставить конкретных задач в отображении вопросов обороны СССР в художественной литературе. При помощи ЛОКАФ можно было включить в сборник ряд немалых новых произведений.

Д. Л.

*) «НА СТРАЖЕ». ГИХЛ. М. 1931. Стр. 206. 1 р. 60 к.

хроника локаф

ленлокаф

Взяты на учет отделения и премированные ударники летних лагерей. По заданию Ленбалт-ЛОКАФ напутов художественные произведения. Часть этих произведений уже печатается в литературных «Боевых» и в печатных номерах литературных журналов. Недавно была организована встреча татарских пролетарских писателей с переменниками языков. Для участия в вечерних массовых занятиях Ленбалт-ЛОКАФ выделяет около 15 татарских писателей.

Литературный уголок частей начинается первый литальманах. В сентябре выпускается отдельный сборник, посвященный художественному показу ударников летней учебы и маневров этого года.

севкавлокаф

Северо-Кавказская организация помимо создания отделений в ряде лагерей и в гарнизонах Краснодара, Ставрополя и Новочеркасска участвует в полковой печати, устраивает массовые литературные вечера, привлекая их к призыву ударников в литературу.

Миллеровское отделение Северо-Кавказского ЛОКАФ подготовило к печати книжку о соревновании и ударничестве в РККА.

средазлокаф

ЛОКАФ Средней Азии работает в самое время ударных сборов и премирований в частях и при домах Красной армии в Фергане, Ашхабаде, Кушке. По инструктажу Средазлокафа на этом остановится. Кружки не прекращают занятий. Не сходит обеспечена, которая благоприятствовала бы развертыванию работы. Руководители к кружкам не приведены.

А. Д.

подальше от „лесострунных рек“

за боевую красноармейскую тематику

начинающий писатель-красноармеец ждет помощи

Опыт работы некоторых красноармейских кружков (И—ского полка связи, И—ской разночасти и Московской военно-инженерной школы) показал, каких ошибок следует избегать в подходе к каждому отдельному кружковцу-красноармейцу, чтобы в одном случае парень не укреплялся в мысли, что он «без какого» красноармейский писатель (но имеи на то данных), в другом,—чтобы парень, способный и даже талантливый, не пренебрег своими творческими возможностями.

Уровень развития начинающих красноармейских писателей можно определить так: довольно «высокая культура чередуется с полнейшей литературной безграмотностью, а средняя грамотность порой достигает неожиданных результатов: нищущий среднее образование более сильного «порочка» (Разночать). Пишут кружковцы о военной технике, о боевой подготовке, но они пишут и о «лопных растениях», «дирах лапчатой ценны» и «реках лесострунных».

«Лесострунные реки» (звучит недурно) военным курсантом Военной школы С. Стенченко, и восперты они в связи с пребыванием в лагерях. Прежде всего—наивно ошибочный взгляд на военный лагерь, как на своего рода курорт. Лагерь от курорта отличается лишь тем, что в нем нельзя предаваться покою,—иной замедел поэтому «пылкой сустой»:

Скомкаю бездорожья
Пылкой сусты,
Наша осень тоже
Ступит на цветы...

В переводе на язык автора смысл таков: «когда небес побежает осенью цветок», т. е., когда попросту наступит осень, то вместо с ней придет в раскрепощенье — курсанты вырвутся из лагерей на волю. (!).

Близок ли, далек ли
Предрешенный срок... и т. д.

«Подлинное красноармейское творчество, чудесные стихи!» — услужливо хвалит это начинающее преподаватель литературы Прушинов. Здесь сказалась особенность школы повышенного типа, где живая струя пролетарского влияния новых кадров сочетается с влиянием старых спецов-преподавателей. Уязвимый преподаватель ошибся: Военная школа выпускает не только в таланты «халявков», которых в свое время фабриковал кадетский корпус, она выпускает будущих красных командиров.

Стенченко и сам понимает это.

Откуда же такой разрыв между идеологической его устремленностью и плохо завуалированной неприязнью, с какой он, рабочий-слесарь, парнем, пишет о лагере?

В дальнейшем Стенченко переключается. Он пишет бодрый очерк о самом себе, изменив лишь фамилию своего героя. Автор не умалчивает о происходящей в нем очно время борьбе: на заводе дружки, жалко ему завод, он тяготеется внутренним расколом школы — душно... Появляется отдушина:—партгеранизация. К Вислову (он же Стенченко) прикрепляет «живого» парнишка-курсанта из рабочих же. Парень втягивается в армейскую жизнь, уясняет себе необходимость дисциплины в Красной армии и становится примерным, как курсант и общественник.

Как интересный параллель, напрашивается Борботько, курсант той же школы. Его стихи покрепче. В стихотворении «На почту» ему до некоторой степени удается уловить личное в общественном. Над автором довлеют «очи голубые и вербы у моста», но наружный пост — не шутка. И хотя:

...былого набежал напор,
Но чуть хрустит, и я глажу тревожно
И рукой цепляюсь за затвор.

Борботько — поэт, но он пробует писать и прозу. Тема его очерка (предполагавшегося для книги очерков, которую кружок так и не напечатал) прибалтийско-за же, что и у Стенченко. Но если у того Вислов приходит в школу с завода, из организованной среды, то у Борботько — это редкий в крестьянстве тип анархиста, парня первого, своеобразного, выросшего не столько в условиях «свободы поступков, сколько именно в условиях своеволия, благодаря которому он подпадает под разлагающее влияние городского хулиганья. Таким его герой приходит в школу. Парень-бунтарь вначале не мирится с железной дисциплиной школы, но и школа не терпит бунтарей. Борьба. Побеждает школа.

Конечно, не всякому такому «перекалченному» можно верить. В подлинности, например, нескольких месяцев назад снявшего себе вроднее гнездо есенинщина. По газетным сведениям («Красный воин») Есенину подражали не только теоретически. Была и кой-какие практические результаты: пьянки, дебоши. История эта была быстро ликвидирована, но если есенинщину старались крайне медленно, не стерлись они окончательно и поселяне. Об этом говорят унылые стихи Жданова, расценивающего свое исключение из комсомола (за ту же пьянку) как постыдное прошлое, от которого только и можно уйти, что к «милой под крылышко». И когда в последующих своих стихах Жданов под влиянием кружка пишет о другом — о бодрости и о том, что «взвод красных бойцов уже песни поет»,—как-то не верится в искренность автора.

Не ушел от есенинского влияния даже примитивный до детскости Дружинин (редкость). Его «Письмо матери»—бесхитростное подражание незадачливому поэту (воспроизводятся без каких бы то ни было изменений):

Ну как живешь—моя старушка
Письмо сынок вам написал
Взял конверт написал марку
И на почту отослал...

На фоне таких примитивов выгодно выступает творчество радиста Пашкова. Формально Шлыков и грамотнее и культурнее остальных кружковцев, но по существу его проза напоминает вафли: хочется куснуть посмотрю, а кусать-то и нечего. Рассказы его схематичны, темы рассказов случайны и не новы (венчание комсомольца в церкви, приключения маленькой мышки и т. д.). Главное — у автора нет классовой непримиримости: кулак у Шлыкова выглядит так же, как никому не мешающий интеллигент-реэлизер у Зощенко, и все, кроме кулаков, люди тоже не плохие и не хорошие — люди как люди... Активный участник есенинской истории, Шлыков, видимо, решил бросить всякую «политику»,— получается отрыв автора от окружающей его красноармейской среды: о Красной армии он не пишет.

Творческим активом литкружка И—ского полка связи нужно считать Шитарева, Жилинского, Куликова.

Последний малоречив в творческой своей сдержанности даже несколько замкнут. Бросается в глаза скупость, крайняя экономия слов:

Слушай, друг:
Мысли — в круг.
Энергия — взрыв.
У кпоча
Сторича
Не ошибись,
Иначе —
Прорыв... («Моряинка»).

Полной противоположностью Куликову является Жилинский. Неисправимый изобретатель, рационализатор, живой и подвижный, он не мудрец ЦДКА упорно не формальное восприятие музейных экспонатов, он придает им новый смысл, новые оттенки:

Бодрость и радость в гулких залах,
Песни и смех — ветром в лицо.
Ключ вождей с полотнищ алых
Снова и знаменам зовет бойцов.

Герман Шитарев — один из тех красных бойцов, которые живут радостями своей армии и болеют ее болью. В небольшом его очерке (зерно — зарисовках) «Прорыв» есть два момента, указывающие на то, что автор при всей своей скромности не лишен знания меры и что в изображении начостава он избегает стандартов.

Одна из рот полка вромахнулась: в каникулы заснула — позор! Как автор подает этот момент? «На буксир, на черную доску, на... на... на...».

Нет, он не впадает в истерику, а просто говорит: «Хотелось бы не слышать разговоров, забиться куда-нибудь, смыться с собрания»...

Ему стыдно, по-хорошему стыдно. И не за себя—за товарищей. И хотя «виновата» не он, но ответ перед полком нужно держать вместе, поэтому необходимо ликвидировать сообща.

СОФЬЯ РЕЗНИК

„ВЕЧЕРНЯЯ МОСКВА“ должна исправить ошибку

В № 167 «Вечерней Москвы» от 15 июля за подписью тов. Перимовой помещена заметка о книге Вс. Иванова «Путешествие в страну, которой нет». Заметка снабжена заголовком: «Никчемное путешествие по классовому стану». В тексте заметки Т. Перимова пишет: «Дальнейшие очерки по такому творческому пути ведут в лагерь тех, чье творчество перекликается с нашими классовыми врагами».

Творчество Вс. Иванова последних лет нуждается в последовательной, продуманной, товарищеской критике. В такой критике, в частности, нуждается и книга «Путешествие в страну, которой нет». Но выступление «Вечерней Москвы» никакого общего с такой критикой не имеет. Заметка Т. Перимовой имеет характер безответственного демагогического выпада, она пытается опорочить в мировоззренческой и творческой перестройке, она извращает действительность изображая творческую эволюцию Вс. Иванова после «Тайного тайных» и «Особняка», как приближение к лагерю классовых врагов.

Мы настойчиво обращаем внимание «Вечерней Москвы» на то, что за последнее время на ее страницах не было ни одной критико-библиографической заметки, посвященной успехам советской и пропутнической литературы, а в то же время систематически практикуется подбор фактов (порою извращенных, как в случае с заметкой Перимовой) проявлений классово-враждебных тенденций и творчестве известных групп попутчиков-писателей. Тем самым читатель «Вечерней Москвы» получает совершенно ложное представление о процессах, происходящих в попутнической литературе.

«Вечерняя Москва» должна выправить линию своего критико-библиографического отдела.

за рубежом

ВОЗДУШНАЯ ЛИНИЯ
СССР—Чехо-Словакия

Актуальный кризис, тяжесть которого в последние годы ощущает капиталистический мир, сказался и на книжному рынку. В настоящее время переводная литература вряд ли увидит свет даже в крупных чешских издательствах.

Современная советская литература, переведенная на чешский язык и в течение последних времен лет, служит лучшим показателем живого к ней интереса. То, что издано в Чехо-Словакии из советской литературы, далеко не отвечает тому большому спросу, который она вызывает. «Русская общественность» сказала ранее в большом количестве переведенных русских авторов. Теперь «новая русская библиотека» начала свою деятельность с изданий сочинений Максима Горького (пока выпущено два тома).

Тяжкая государственной цензуры тормозит развитие дружеских связей СССР, возникающих в Чехо-Словакии, и не разрешает людей читать лучшие произведения советской литературы. Только единичных советских писателей как имеете и напечатанных каталогах и проспектах. И среди них мы встретили главным образом Эренбурга, Бабеля, Федина, Вс. Иванова. Имеется даже один том сочинений Маяковского, несмотря на его большую популярность. В последнее время интерес не только к советской, но и всей переводной литературе понизился.

Безусловно писателей не принимает теперь активного участия на своем фронте революционной литературы. Было время, когда молодые революционные чешские литераторы общались тесными связями с Сталинградского района, где наблюдалось стремление сохранить нужные темпы, во всех районах царит летнее затишье.

В. Кирилов подчеркнул важность и неотложность перечисленных задач, стоящих перед МАПП и депутатами необходимо немедленно мобилизовать активность работников районов, проявляя по-боевому проводить творческий смотр и реализовать на первый план работу по показу героев пятилетки.

Секретарю МАПП поручено также подготовить сборник объемом в 5—6 печатных листов, с критической статьей к каждому сборнику. Этот сборник и отдельные книги посвященные героям социалистических пересдач и РКИ, а на следующее Московской области 29 июня разверстать 23 Г.п по районам Москвы, наложено административное взыскание.

***

Мы исторично указываем на необходимость рассылки «Л. Г.» непосредственно из типографии в районные экспедиции Союзпечати, так как центральная экспедиция Союзпечати срывает своевременное распространение «Л. Г.». Безобразная работа распространенческого аппарата Союзпечати, организованного распространение не только «Литгазеты» но и ряда других газет, требует немедленного вмешательства РКИ.

Осуществляется мобилизация формирование кадров пролетарских писателей-рабочих и использование их производственной. Но все сказать в сознанию еще значительно отражается на буржуазные покушения в основном разоблачительной тематики.

Главные литературные силы группируются вокруг революционных организаций. Из них я хочу особо отметить — «Творба» и «Левый фронт». «Творба» начинает с последнего номера журнал пятилетний журнал, им руководит т. Юлек Фучик. «Левый фронт» занимается выявлением своих позиций и это ему удается теперь в связи с решениями с'езда «Левого фронта» в Брно.

В г. Брно (второй город после Праги в Чехо-Словакии) «Левым фронтом руководит доктор Вайнерк. Он был представителем чешской литературы на с'езде международной революционной литературы в Харькове. Его участие в работах с'езда изменило в корне его точку зрения на молодую литературу.

Не существует еще прямого влияния советской литературы на чехо-словацкую. Вполне этому — показательный, очень слабый контакт обеих культур. К нам в Прагу доходит очень мало советских писателей. Очень немногим писателям посчастливилось побывать в СССР.

В театре дело обстоит по-иному. Первые печатки создания нового театра были под непосредственным влиянием русского театра. Знаменитый чешский режиссер Индржих Гонзль начинал свою деятельность от русских театральных обычаев. Его дальнейшая творческая работа показывает самостоятельно, и все же сближалась больше всего с русским театром.

Одни государственные театры не избежали влияния русского театра. Чешскому актеру далеко до технической культуры и мастерства советского актера. Не один из пражских театров не может похвастаться высотой того мастерства, которым владеет советский театр.

Я не рискую дать оценки искусству СССР. Я могу только завидовать товарищам из СССР, что они в таком творческие и работе свободных от расчета, рационального, сумящего мысли, чувствовать в огненных позициях, получать, получать новое, получать сегодняшнего дня Советские художники свободны от всего того, что в капиталистической Европе калечит судорожные стремления к творческих находкам.

И если бы не было СССР и связанных с ним надежд — жить было бы трудно.

АЛОЙЗ ГОФМАЙСТЕР редактор журнала «Литературные новости»

очередная пошлость

Дом печати устраивает на-днях диспут: «Быть ли советской оперетте?» Правильнее было бы назвать его так: «Быть ли оперетте — советской?» Это вернее.

Не предрешая общего вопроса, отразимся указанием, что использование на советской сцене опереточного жанра, построенного на нашей актуальной тематике, мыслимо, в лучшем случае, при коренной его реконструкции.

Оперетта «Даже в трикотаже», поставленная Московским театром оперетты, претендует на звание советской и поэтому должна бы как-то ответить и на эти принципиальные вопросы.

Как же она, с позволения сказать, «отвечает»?

Текст оперетты написан тт. Данцигером и Типотом. С трудом можно догадаться о том, что они хотели изобразить классовую борьбу на конфекционной фабрике. Получилось вместо этого — пошлейшая любовная история, типичная для буржуазной оперетты ситуация: преодоление порока, счастливое завершение судьбы влюбленных парочек и т. д. «Знакомые все лица» и персонажи: «герой», «героиня», «субретка», «комик-буфф» и т. д. При этом качество текста таково, что сравнение с «венскими» оперettами не в его пользу.

Комментария к этому были бы излишни. Но все эти пошлости сопровождаются попытками нацустить «идеологического» тумана, в результате чего театр дает сверхную пародию на советских рабочих и, особенно, работниц.

Театр «честно дополнил» авторов. Оформление фабрики в «рабочке» не имеет даже отдаленного сходства с действительностью, так же как и «пирог», деревня и т. п. — в старых оперettах. Если, скажем, мюзик-холл в «Шестой мира» сумел дать новые массовые сцены, новые движения, то в данном случае, то, что должно называться физкультурным танцем, просто плохо копирует классический балет.

Театр совершенно не использовал специфики своих изобретательных средств — для показа рабочих и работниц, в то же время привычно ярко очертив персонажа, называющиеся «отрицательными».

И т. д., и т. п.

*

Итог: почему же эта оперетта — советская?

И «быть ли советской оперетте»?..

МИХ.

**

Быть ли советской оперетте?

Сектор литературы и искусства Дома печати устраивает 22 июля под председательством О. С. Литовского диспут на тему «Быть ли советской оперетте?»

Докладчик К. Мячин. В диспуте примут участие: Н. Адуев, Арго, В. Бебутов Э., Вестин В., Блюм, О. Литовский Б., Масс И., Нежный Р., Инкель В., Типот И., Шершеневич И. Черноозерцев и др. Диспут будет иллюстрирован показом отрывков из «Шестой» и советских оперетт. Начало ровно в семь часов вечера. Вход по специальным пригласительным билетам.

шефская бригада ФОСП

15 июля состоялось первое совещание писательской бригады, выделенной секретариатом ФОСП для оживления шефской работы на заводе им. Владимира Ильича.

На необходимость сейчас же включиться в работу по ликвидации прорыва на заводе указал т. Гельфанд. Первые шаги, которые сделает бригада, должны будут войти по линии помощи заводской печатной газете «Ильичевец», стенным газетам, а также по линии помощи литературу.

Выступивший затем т. Шумилкин расширил работу бригады на заводе на четыре, связанные между собой, части:

1. Работа по созданию бригады завода, связь с этой бригадой, вовлечение рабочих в жизнь литературных организаций.

2. Работа над Красной книгой истории завода.

3. Помощь заводской и стенным газетам.

4. Помощь литературу.

Ряд других выступавших товарищей единодушно подчеркивали необходимость расчленения работы, во избежание разбазаривания могущей помещать реальной шефства.

В бригаде сейчас 15 человек.

не свертывать работы!

На-днях состоялось очередное заседание секретариата МАПП, основным вопросом которого являлся отчет об общем состоянии работы райбюро, в частности о ходе творческого смотра.

Несмотря на предпринятое секретариатом МАПП своевременно спровоцированное время, отдельные факты работы на местах время, «летние настроения» расцвели пышным цветом в некоторых районах. Отъезд руководителей в отпуск, падение активности самих литературников резко сказались на темпах работы.

На время работы представители трех районов вообще не явились на заседание. За исключением Свердловского и Сталинградского районов, где наблюдается стремление сохранить нужные темпы, во всех районах царит летнее затишье.

В. Кирилов подчеркнул важность и неотложность перечисленных задач, стоящих перед МАПП и депутатами необходимо немедленно мобилизовать активность работников районов, проявляя по-боевому проводить творческий смотр и реализовать на первый план работу по показу героев пятилетки.

Секретарю МАПП поручено также подготовить сборник объемом в 5—6 печатных листов, с критической статьей к каждому сборнику. Этот сборник и отдельные книги, посвященные героям социалистических пересдач и РКИ, а на следующее Московской области 29 июня разверстать 23 Г.п по районам Москвы, наложено административное взыскание.

***

Мы исторично указываем на необходимость рассылки «Л. Г.» непосредственно из типографии в районные экспедиции Союзпечати, так как центральная экспедиция Союзпечати срывает своевременное распространение «Л. Г.». Безобразная работа распространенческого аппарата Союзпечати, организованного распространение не только «Литгазеты» но и ряда других газет, требует немедленного вмешательства РКИ.

на борьбу за корма

Секретариат ФОСП, заслушав информационный доклад представителя Наркомзема СССР т. Боева о проведении кормового похода и основной кампании, признал необходимым принять в них участие путем использования задачи писателей, печатных на хлебо-кормовую кампанию, а также шефскую помощь совхозов и совхозов.

ФОСП разошлет через ТАСС в районную печать литературный материал, посвященный кормовой и сенокосной проблеме. Литорганизациям (РАПП и ВОАПП) предложено обратиться к местным организациям с письмом о включении пролетарских и пролетарско-колхозных писателей в кормовой поход.

редакционно-издательский институт должен существовать!

Литфака МГУ больше не существует... На его базе развивается новое учебное заведение — Редакционно-издательский институт при ОГИЗ. Мы учтребляем здесь формулировку «институт», а не «вузрес» потому что борьба за институт не окончена, не все рогатки убраны с дороги, не все бомбы разрушены. Институту грозят уродливые опасности от таких «микробов», как волокита, как бесплодно-созерцательное отношение со стороны... (никак нельзя подумать!) Наркомпроса.

Борьба за строгий редакционно-издательский вуз органически связанный со своим производством, идет уже давно. Студенчество и руководители литфака знают, сколько ума было положено волей, сколько страстной полемики пришлось выдержать с ОГИЗ и с разными отделами кадров, пока не было принято историческое решение:

создать в текущем году Редиздатинститут.

Такого постановления Совнаркома РСФСР — в мае месяце этого года. Казалось бы, что после него должны были немедленно прекратиться всякие недоразумения споры, дальнейшая оттяжка строительства института. Нет. Наркомпрос умудрился до сегодняшнего дня не только не сказать ни одного членораздельного слова в пользу нового вуза, но разбирает, что политика находится в вопиющем противоречии и с решением Совнаркома, и с требованиями широкой пролетарской общественности.

До сих пор еще нет постановления коллегии Наркомпроса о передаче литфака в ведение ОГИЗ, ничего реального не предпринято первым для ускорения развертывания нового института. Мыло этого. Некоторыми наркомпросовскими чиновниками в последнее время вновь букально «крестный поход» против института («Карфаген должен быть разрушен»...). Где-то в недрах наркомата вынесется решение: отказать у Редиздатинститута помещение и передать его вновь открывающемуся центральному вузу. Директор техникума представитель Наркомпроса устраивает являет на институт, предъявляют ему ультимативное требование: «Если не выпрыгнете из здания через 5—10 дней, мы вывозем милицию и опечатаем помещение».

Выгнать институт на улицу не трудно. Но что скажут на это 397 находящихся в нем сейчас студентов, из которых 214 рабочих, — 43 пром. коммунистов (а с новым приемом в институте будет 670 человек), что скажут рабочие фабрик и заводов, которые требуют от издательств хорошей, идеологически выдержанной, массовой книжной продукции?

Мы должны здесь особо отметить и тот факт, что пролетарские литературные организации (РАПП и ВОАПП) совершенно не принимают участия в строительстве Редиздатинститута. Терпимо ли такое равнодушие? Ведь в работе двух отраслей института литературного и критического) учитывал специальная комиссия, созданная еще при Наркомпросе. Работа ее единственная получила «Л. Г.» в 10% —11 час. утра и, конечно, не могли уже раздать ее газетам, которые получили остальные газеты значительно раньше.

В этот день без «Литгазеты» остались не только москвичи, но и пролетарии Сталинграда тому, что вышедших тиражом Союзпечать т. Прокофьев, официальный ответственный издательством «Правда» о выходе «Л. Г.», несмотря не отвечать на все неоднократные телефонные запросы. Около 20.000 экземпляров «Л. Г.» осталось на центральном складе Союзпечати.

Все эти безобразия допущены Союзбумсбытом несмотря на то, что 30 типографий возложили на него функции снабжения бумагой.

„СОЮЗПЕЧАТЬ“ снова сорвала распространение „Литгазеты“
вниманию органов РКИ

Сигналы «Литгазеты» о неблагополучии в работе распространенческого аппарата Союзпечати не оставляют нам должного действия. Аппарат Союзпечати попрежнему работает из рук вон плохо.

15 июля большинство районов Москвы (Фрунзенский, Красно-Пресненский, Октябрьский, Центральный, Ленинградский) остались без «Литгазеты» в киосках Союзпечати «Литгазета» не была. Точно экземпляров «Л. Г.» оставлось лежать в районных экспедициях Союзпечати только потому, что распространяющие агентства Союзпечати разослали недопустимо ничтожную разверстку тиража «Л. Г.» с большим запасом. Разосланы же единицы получили «Л. Г.» в 10% —11 час. утра и, конечно, не могли уже раздать ее киоскам, которые получили остальные газеты значительно раньше.

В этот день без «Литгазеты» остались не только москвичи, но и пролетарии Сталинграда тому, что выдержанный тиражом Союзпечать т. Прокофьев, официальный ответственный издательством «Правда» о выходе «Л. Г.», несмотря не отвечать на все неоднократные телефонные запросы. Около 20.000 экземпляров «Л. Г.» осталось на центральном складе Союзпечати.

Все эти безобразия допущены Союзбумсбытом несмотря на то, что 30 типографий возложили на него функции снабжения бумагой.

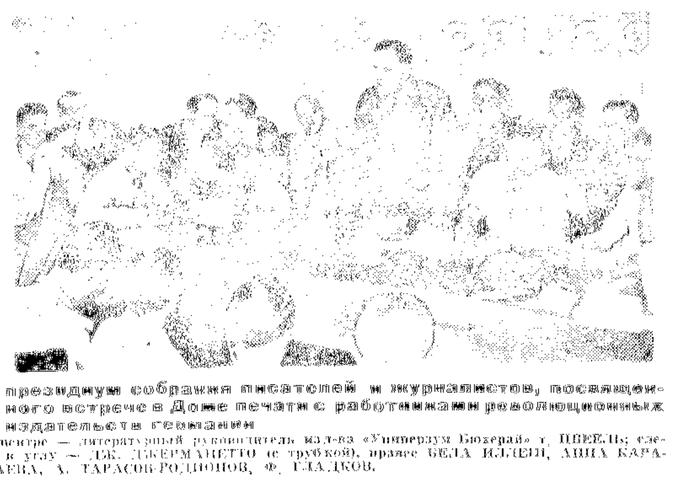
Директор центральной экспедиции Союзпечати т. Чуканов попытался объяснить создавшееся на киосковые причины, но указал, что корень зла — в бюрократической неповоротливости аппарата Союзпечати, который не желает перестроить свою распространенческую работу.

***

Вам отделом распространения Московской тов. Дарьялов сообщил нам, что материал о безобразной работе центрального московского аппарата Союзпечати переслан в РКИ, а на следующее Московской области 29 июня разверстать 23 Г.п по районам Москвы, наложено административное взыскание.

***

Мы исторично указываем на необходимость рассылки «Л. Г.» непосредственно из типографии в районные экспедиции Союзпечати, так как центральная экспедиция Союзпечати срывает своевременное распространение «Л. Г.». Безобразная работа распространенческого аппарата Союзпечати, организованного распространение не только «Литгазеты» но и ряда других газет, требует немедленного вмешательства РКИ.



президиум собрания писателей и журналистов, посвященного встрече в Доме печати с работниками революционных издательств германии

В центре — литературный руководитель изд-ва «Универзум Бюхерай» т. ПЕЕЛЬ; слева от него — ТЕР. ЛЕКЕРМАНЕТТО (с трубкой), правее БЕЛА ИЛЛЕШ, АННА КАРАВАЕВА, А. ТАРАСОВ-РОДИОНОВ, Ф. ГЛАДКОВ.

хроника искусств

✱ Сектор науки Наркомпроса и ряд художественных организаций развертывают в августе и сентябре в Москве и Ленинграде большую антиимпрессионистическую выставку картин, книг, графики, диаграмм и фото-монтажа.

✱ В Москву приехал известный революционный немецкий художник Джон Хартфильд, выполняющий заказом обложек большинства изданий германских революционных издательств. Д. Хартфильд трудится в Москве с целью обменяться материалами для последующей его работы в издании в Германии книг о советской литературе и о Красной армии.

✱ В СССР Грузии закончился декадник украинской культуры. На заключительном заседании общественного комитета намечены практические мероприятия для совместной работы двух братских республик на всех участках культурной работы.

10 лет со дня смерти ал. блока

7 августа исполняется десятая годовщина со дня смерти Александра Блока. ФОСП отметит годовщину смерти поэта специальным литературным собранием, посвященным докладам о творчестве А. Блока и из художественной части. Вечер состоится в клубе ФОСП.

В «Литературной газете» и «Красной Нови» будет опубликован ряд статей о произведениях А. Блока, в литературных будут проведены беседы о его творчестве.

В произведено 19 голодовщины со дня смерти А. Блока принимаются работники издательств ЛИН Комакадемии, литературоведы и артисты МХТ.

Секретариат ФОСП избрал комиссию по проведению 10 годовщины со дня смерти А. Блока в составе: А. Луначарского, А. Селивановского и В. Гольцева.

письма в редакцию

16 июля на Исполбюро ФОСП, в ответ на вопрос о положении на бумажном фронте и говоря о необходимости произвести перемотр тиражей и сети литературно-художественной периодики, сославшись на пример, приведенные А. М. Горьким в его статье о бумаге («Правда» и «Известия» за 19 апреля 1931 г.) и сказал, что примеров легко умножить. Изложением циклом я по-прежнему умудненное мною и выступлении указание на опечатки указанных выше примеров.

А. СЕЛИВАНОВСКИЙ.

Наше время требует от всякого писателя самокритического отношения к своему творчеству. Надо иметь мужество признавать свои ошибки, исправлять их, перестраиваться.

Признаю свои ошибки и я, в своих прежних стихах (1919—1924) я отдал некоторую дань оригинальному эстетизму и стилю литературным традициям, изучая с Брюсова. Но это — пройденный путь. В процессе дальнейшей работы я включил стихами избавляется от малого эстетизма и подойти плотную к современной тематике.

АЛЕКСАНДР ЧАТИКОВ

В издании ГИХЛ вышла моя книга стихов «Мастера земли».

Несомненно поэтому не было нужным мне внесенную корректуру, вследствие чего в книге допущен ряд ошибок. Отдельные стихи пошли не в те разделы, в которые они намечались (например — «Домик уюта» вместо первого раздела пошла во второй), в тексте пропущены отдельные слова и т. п. Так, строфа «Я думал, чтобы пустить их в мир — достаточно ли они прочны свою науку» (Комсомолия) напечатана таким образом: «Я чтобы пустить их в мир» и т. п. Но особенно возмутительной является передача конца в стихотворении «Дорожная песня». Там у меня, в ироническом тоне, было сказано: «У крыльца стоит пикапы мой — уроженный серединка». В книжке же напечатано: «уроженный середняк». Это уже звучит совершенно по-другому, принимая особый, чуждый мне смысл.

МИХ. ИСАКОВСКИЙ.

поправки

✱ В № 38 «Л. Г.» в заметке «План сорван» напечатано: «Издательство получило 257 тонн бумаги». Следует читать: «23,7 тонн».

✱ В номере «Л. Г.» от 15 июля в статье «О полярных медведях, тропических жирафах и очерке — Гумм» напечатано: «Что же, читатель Черновский — вправе спросить читатель — это вроде «принудительного ассортимента», что ли, наши очерки о командировке, фактное впечатление от которой» и т. д. — Нужно читать: «от которых», т.е. очерков.

✱ В № 37 «Л. Г.» в письме в редакцию литературы завода им. Владимира Ильича «ФОСП не оправдала наших ожиданий» ошибочно напечатано: И. Китаев — следует читать: В. Китаев.

✱ В № 38 «Л. Г.» в отделе «Литературное сегодня» на основании информации, полученной из секретариата Молодой напечатана заметка о том, что член МОПР Н. Хохлин, выделенный ЛОКАФ для работы в лагерях РККА, вместо того, чтобы поехать в часть, выехал в отпуск.

По полученным дополнительным сведениям — Н. Хохлин не уезжал в отпуск, а находился в командировке по заданию жен-секции МК ВКП(б). Таким образом заметка т. Хохлина по-видимому сводится сама к тому, что он своевременно не сообщил Молсекцию о своей командировке.

извещения

✱ 21 июля—17 ч.—в помещении МАПП (Тверская, 52) — совещание поэтов и прозаиков, посвященное участию МАПП в перевыборах рабочей молодежи в комсомол.

✱ 22 июля—17 ч.—в клубе ФОСП (ул. Воровского, 52)—бюро фракции РОПКП.

✱ 22 июля—16 ч.—отъезд литкружков Фрунзенского района—в Коммуны. Доклад т. Луначарского—«О творческом смотре».

✱ 22 июля—20 ч. 45 м.—в клубе ФОСП—дискуссионный кинопросмотр картины «Встанайте мертвые». Режиссер Гаврилин. Производство Совкино.

✱ 22 июля—18 ч.—в помещении Дома Герцена (Тверской б., 25)—депутатская группа и бригада писателей по шефству над учебным домом, встреча с учащимися Коммунистическим советом. Начетка дня: быстрейшая реализация решений хозяйского пленума ВКП(б) и МК ВКП(б) о городском хозяйстве.

✱ 23 июля—17 ч.—в помещении МАПП (Тверская, 52) — совещание поэтов и прозаиков, посвященное участию МАПП в перевыборах рабочей молодежи в комсомол.

✱ 23 июля—17 ч.—в клубе ФОСП (ул. Воровского, 52)—бюро фракции РОПКП.

✱ 23 июля—18 ч.—отъезд литкружков Фрунзенского района—в Коммуны. Доклад т. Луначарского—«О творческом смотре».

✱ 23 июля—18 ч. 45 м.—в клубе ФОСП—дискуссионный кинопросмотр картины «Встанайте мертвые». Режиссер Гаврилин. Производство Совкино.

✱ 23 июля—18 ч.—в помещении Дома Герцена (Тверской б., 25)—депутатская группа и бригада писателей по шефству над учебным домом, встреча с учащимися Коммунистическим советом. Начетка дня: быстрейшая реализация решений хозяйского пленума ВКП(б) и МК ВКП(б) о городском хозяйстве.

✱ 24 июля—17 ч.—в помещении МАПП (Тверская, 52) — совещание поэтов и прозаиков, посвященное участию МАПП в перевыборах рабочей молодежи в комсомол.

✱ 24 июля—17 ч.—в клубе ФОСП (ул. Воровского, 52)—бюро фракции РОПКП.

✱ 24 июля—18 ч.—в Доме Герцена—доклад Вич. Полонского «Искусство и творчество».

✱ 24 июля—18 ч.—занятие кружка «РОСТ», совместно с литкружком завода «Электрозавод» (Парусная, 27). Доклад т. Жатрофанова о творческой платформе «Нашестайской смены».

✱ 24 июля—вечерняя репетиция журнала «Рост» — на Электрозаводе — с докладом т. Кирпиным.

—Обязаны явиться депутаты в Моссовет тт. Аверков и Мальцинов, и райсовет тт. Гольцев, Арский, Вель, Нестор, Пугачев, Синегуб, Шубников, Штрайх, Чижиков, Черкасов, Хаит, Рохлин, Кремлев, Блеской, Сперский.

Ответственный редактор: С. ДИНАМОВ

РЕДКОЛЛЕГИЯ: Н. Асеев, С. Динамов, И. Жига, Л. Кольцов, Н. Катаев, Г. Корнеев, К. Огнев, А. Селивановский, И. Сельвинский, М. Сосинский

ИЗДАТЕЛЬ: Акционерное Изд. О-во «Огонек»

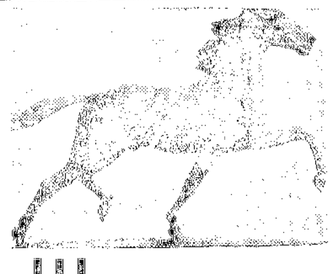
ИМЕЮТСЯ КОМПЛЕКТЫ ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ за 1930 г.
Цена 3 руб.
Количество полных комплектов ограничено
За 1929 г. комплекты разошлись полностью
Комплекты высылаются по получении стоимости перевода или наложенным платежом по получении заказа
Москва, 9, Страстной бул., 11, «ОГОНЕК».

ПАВЛОВ-ШИШКИНЫЙ
СЛОВАРЬ СИНОНИМОВ
РУССКОГО ЯЗЫКА
Новое издание 1931 г. Ц. 3 р.
ПАМЯТЬ
ЕВГЕНИКА
ПУТЬ к повышению трудоспособности
высылает книжный магазин «ПРИВЕТЕН» Москва, ГСО № Моховая, 26.

ФОТОГРАФИЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ
ЕЖЕГОДНИК ЖУРНАЛА «СОВЕТСКОЕ ФОТО» ЗА 1930 ГОД
Фото-Альманах 1930 г. является сборником оригинальных статей и материалов, рисующих достижения научной и практической фотографии в СССР
Содержание
Заказы выполняются только за наличный расчет непосредственно Издательством „ОГОНЕК“. Москва, 9, Страстной бул., 11.
Акц. Изд. О-во „ОГОНЕК“

ВСЕМ работникам комсомольской молодежной печати, комсомольским агитпропработникам, ячейковым организаторам по печати, литературным кружкам, культработникам, библиотекарям, работникам клубов, красных уголков, изб-читален, педагогам и пионерработникам
ПОВСЕДНЕВНУЮ КОНКРЕТНУЮ ПОМОЩЬ оказывает руководящий журнал по вопросам МОЛОДЕЖНОЙ И ДЕТСКОЙ ПЕЧАТИ
КНИГА МОЛОДЕЖИ
ОРГАН ЦК ВЛКСМ
ВЫХОДИТ ЕЖЕМЕСЯЧНО
Отв. редактор Я. С. Цванкин
Журнал борется за нужную комсомолу и рабочей молодежи книгу, которая мобилизует молодежь на активное участие в строительстве социализма.
Борется за массовую техническую книгу, которая необходима для овладения техникой.
В осуществление генеральной линии партии в литературе для молодежи борется против прямых и «левых» уклонов и ошибок в примиренческого отношения к ним.
Учит, как надо работать с книгой, как надо пользоваться книгой, журналом, газетой в работе и учебе.
Указывает, что необходимо прочесть по актуальным вопросам социалистического строительства, чтобы быть отделением для выполнения боевых заданий партии и комсомола, чтобы получить теоретическую зарядку по всем вопросам практической работы.
Указывает, какие нужные и полезные книги нужны для молодежи.
Учит, как комсомол и молодежь должны продвигать в массу книгу.
Борется за приказ комсомола и рабочей молодежи в литературу, борется за рабочие кадры авторов молодежной книги.
Руководящие борется с вредительством в ДЕТСКОЙ КНИГЕ с правым оппортунизмом в ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ, за новую доходчивую советскую детскую книгу.
Дает развернутую критику детской литературы, борясь за новые жанры и стиль, отвечающие великой эпохе строительства.
ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 2-е ПОЛУГОДИЕ.
ПОДПИСНАЯ ПЛАТА: за 9 №№ (с апреля до конца года)—2 р. 55 к., на 6 мес.—1 р. 70 к., на 3 мес.—85 к.
Цена отдельного номера—30 коп.
ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: в местных магазинах и отделениях Книгоцентра, повсеместно на почте и у письмоносцев
Гос. изд-во молодой гвардии

ПЕЧАТАЕТСЯ № 3 журнала
БОРЬБА КЛАССОВ
СОДЕРЖАНИЕ
М. ПОКРОВСКИЙ. — Привет Горькому.
В. КНОРИН. — За партийную исторической науку.
В. МИЛЛЕС. — Причины и движущие силы пенской революции.
С. ЛОЗИНСКИЙ. — Каталицизм в истории Испании.
Э. ПЕЛУЗО — За Пиренейским хребтом.
Н. КРЫЛЬСКАЯ. — Июльские дни 1917 г. в Выборгском районе.
О. СЕФ. — Романовцы и жандармы.
МАССЫ ТВОРЯТ И ПИШУТ ИСТОРИЮ
А. ПАНКРАТОВА. — Призыв ударников к исторической литературу.
В. ШИХЕЕВ. — История завода АМО. Ударники Пожалуев и Салов.
ВЧЕРА И СЕГОДНЯ
Е. СТЕПАНОВА. — Эрфурт—Гейдельберг—Лейпциг.
С. ЛАНЦУЦКИЙ. — Как я ушел от пенсионеров.
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФРОНТ
Н. ЛУКИН. — Как социал-фашисты пишут историю.
Журнал богато иллюстрирован. Ц. 1 р.
Подписная цена «Борьба классов» без приложения: год—10 руб., 6 мес.—5 руб. 50 к., 3 мес.—3 руб.
«БОРЬБА КЛАССОВ» с 1 августа, с приложением 24 книг библиотеки «Всемирной истории» (с 1 января по 31 декабря новостью)—22 руб. Рассрочка: при подписке—12 р. 50 к., к 1 сентября — 5 р. 50 к. и к 1 января — 4 руб.
Подписчики на «БОРЬБУ КЛАССОВ» с приложением «Всемирной истории», внесшие по подписке в рассрочку только два взноса, должны немедленно внести третий взнос — 5 руб. Не внесшим очередного взноса высылка журнала с № 5 прекращается.
Подписку сдавайте заблаговременно и только почте. Подписка принимается до определенного срока [illegible] по почтовой почтой. Отдельные номера журнала принимаются на следующий месяц.
Акц. изд. о-во «ОГОНЕК».



1-й ИППОДРОМ КОННОВОДТРЕСТА СОЮЗА ССР
Ленинградское шоссе, 25. ● Автобусы: № 1 (от Сокольников) 3, 6. Трамваи: № 1 (до тупика) 6, 13, 16, 25
БЕГА и СКАЧКИ
СРЕДА, ПЯТНИЦА, ВОСКРЕСЕНЬЕ
Начало в 5 час.
III ВЫСТУПЛЕНИЯ РЕКОРДИСТОВ—
ЛЕНИНГРАДА: Прозрачный, Термин, Мираж, Дремучий-Лес, Наездники — Беляев, Павлов, Карпов.
ХАРЬКОВА: Спалена-Кафа, Набат, Грабовый-Листок, Водяна-Русалка, Малеваний-Глечик, Мицний-Лар. Наездники — Стасенко, Цветков.
СКАЧКИ 2-х и 3-хлетних питомцев верховых конезаводов
БАРЬЕРНЫЕ СКАЧКИ конезавода РККА.
РЕСТОРАН ОРКЕСТР
След. дни бегов и скачек: 22, 24, 26, 29, 31 июля.
АНОНС: Открывается прокатная конюшня. Катанье по ипподрому и в поле на верховых и рысистых лошадях.
Справки и заказ лошадей по тел. № Д 3-73-40.

Уполн. Главлита В 7032. Интернациональная (39) тип. «Мосполиграф», пр. им. Сверцова Степанова, д. 3.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ФЕДЕРАЦИИ ОБ'ЕДИНЕНИЙ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ РЕФЕР

МОСКВА 25 ИЮЛЯ 1931 Г. № 40 (139)

РЕДАКЦИЯ:
Москва, Тверской б. 25, Дом Герцена. Телефон 2-80-12.

ИЗДАТЕЛЬСТВО:
Акц. о-во «Огонек»; Москва, б. Страстной б. 11. Телефон 5-5169.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА:
На 12 м. 3 р. 50 коп.
На 6 м. 1 р. 75 к.
На 3 м. — р. 90 к.

БЕРНАРД ШОУ В МОСКВЕ

Белорусско-Балтийский вокзал.

Одиночество железнодорожной охраны скучающе глядящихся у выхода на перрон. Пропуска Федерация писателей и ОГИЗ — открывают путь к дебаркадеру.

Здесь представители английской колонии, посольства, советские писатели, представители иностранной и советской прессы, руководители наших издательств.

В одной из групп — А. В. Луначарский, Мих. Кольцов, Карл Радек; в другой — Арт. Халатов, председатель ВОКС Ф. Петров, зав. ГИХЛ В. И. Соловьев; тов Бела Иллеш, Л. Сейфуллина, Н. Огнев, Г. Коренев, А. Новиков-Прибой, А. Тарасов-Родионов, Ив. Макарьев.

*

Вот, наконец, поезд.

В вагон входят А. В. Луначарский, Бела Иллеш, Арт. Халатов.

Через минуту они возвращаются, и вслед за ними на площадке вагона появляется Шоу — высокий, прямой старик с белой бородой.

В ответ на взрыв аплодисментов и приветствий он снимает шляпу, мягко улыбается, тепло протягивает руки.

Две стушевки вниз — и Шоу тесно замкнут толпой встречающих.

В конце перрона совершается знакомство Бернарда Шоу с его однофамильцем по известной дискуссии, происшедшей несколько лет назад в «Известиях ЦИК».

Перед высоким седобородым стариком возникает маленький с сияющими глазами человек в очках, с бакенбардами, переходящими в всклокоченную бороду.

Улыбаясь, он протягивает руку:
— Радек.

— О, Карл Радек?! — темпераментно восклицает Шоу и крепко трясет протянутую руку.

*

Вместе с Шоу приехали леди и лорд Астор, известный английский политический писатель лорд Лотиан и журналист Тэннант. От границы до Москвы английских гостей сопровождали Федор Гладков, проф. П. С. Коган и представитель ОГИЗ И. Минов.

Во второй половине дня английские гости посетили мавзолей Ленина, осматривали Кремль, совершили большую автомобильную поездку по городу и побывали в Парке культуры и отдыха.

*

Вечером в честь Бернарда Шоу состоялся спектакль в Камерном театре. Шла «Опера нищих».

В первом антракте Шоу в сопровождении остальных английских гостей и А. В. Луначарского, Арт. Халатова и И. Ионова спустился из директорской ложи в партер. Зрительный зал, стоя, долго неумолкающими аплодисментами приветствовал великого английского драматурга.

На сцену вышла вся труппа Камерного театра, раздались бодрящий гимн стран с приветствием Бернарду Шоу на английском языке.

— Блестящему мастеру Джорджу Бернарду Шоу пламенный привет из советской земли, — повторял А. Я. Таиров приветственную речь.

Алиса Коонен поднесла Бернарду Шоу цветы, И. Аридин передал ему вышку с фотографиями постановки в Камерном театре пьесы Шоу «Святая Иоанна».

*

В ОГИЗ, в кабинете Арт. Халатова, Бернард Шоу встретился 22 июля с советскими писателями и руководителями издательств.

В беседе с Шоу приняли участие: А. В. Луначарский, Арт. Халатов, Карл Радек, Вс. Иванов, Л. Леонов, Ф. Гладков, Н. Огнев, Л. Сейфуллина, А. Фадеев, Мих. Кольцов, Ю. Олеша, Н. Асеев, В. Лидин, А. Тарасов-Родионов, Г. Коренев, Ив. Макарьев, В. И. Соловьев, М. Б. Вольфсон, т. Иванкин, т. Стекпицкий, И. Минов и пр.

*

— Здесь собрались и писатели и издатели? — удивляется Шоу. — У нас в Англии они не бывают вместе.

— У нас ведь положение иное, — отвечает, шутя, Луначарский: — у нас издатели — только государственные чиновники, писатели же — частники, эксплоататоры.

— Ну, если эксплоатируемые люди у вас — издатели, я хотел бы переехать в Советский союз, — смеется Шоу.

Беседа переходит на тему о писательском труде.

— Писатель должен работать 4—5 часов в день, — говорит Шоу. — После этого он должен быть совершенно свободен и должен получать деньги именно за то, чтобы он больше ничего не делал.

Но в то же время писатель не может только писать. Нет, в частности, никаких оснований, освобождать писателя от работы на производстве: она только обогатит его творческую работу.

Н. Огнев разъясняет Бернарду Шоу, что большинство наших писателей бывает на производстве, выезжает на фабрики, на заводы, в совхозы и колхозы, все более и более органично сочетая свою творческую работу с практическим участием в социалистической стройке.

— С другой стороны, — дополняет А. В. Луначарский, — у нас растут новые кадры писателей из числа рабочих-ударников, занятых на производстве. И мы расцениваем это, как один из признаков грядущего стирания граней между умственным и физическим трудом.

— Несчастье лишь в том, — отмечает Карл Радек, — что многие наши писатели до сих пор бывают на местах наездами.

К. Радек считает, что так же, как Бернард Шоу, прожив 75 лет в Англии, не может за десять дней своего пребывания в СССР с достаточной глубиной познать и изучить советскую действительность, — и советские писатели, бывая на производстве урывками, не могут создать полнокровно социалистической литературы.

— За девять дней немного можно увидеть, — признает Шоу. Но он горячо возражает Радеку:

— Я, как друг СССР, постоянно внимательно слежу за его развитием и знаю о нем больше, чем 99 процентов живущих в самом Советском союзе.

Я знаю теорию коммунизма, в течение пятидесяти лет изучаю социализм, но я приехал сюда, чтобы посмотреть, какими методами он практически осуществляется, насколько правильно понимаете вы Маркса, какие ошибки вы совершили.

— У нас были ошибки, — соглашается К. Радек, — но это были ошибки в частностях. Основное направление, генеральная линия нашей политики — неизменно правильны.

А. В. Луначарский спрашивает Шоу:

— Как вы оцениваете социальную значимость английской литературы?

— Большинство английских писателей — в плену мелкобуржуазных вкусов, — отвечает Шоу.

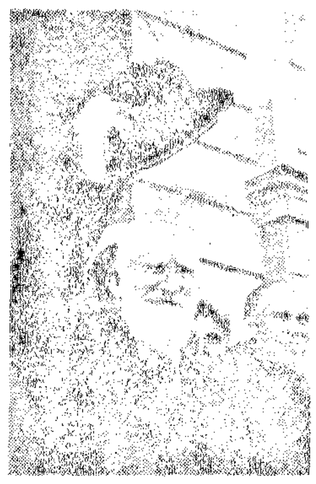
Но некоторая дифференциация все же заметна. И если, например, Редьярд Киплинг — явный империалист, а сам себя самого Шоу считает близким к коммунизму проповедником разрушения старого мира, то Герберт Уэллс «пытается этот мир омолодить, и хотя он иногда резко говорит о Советском союзе, — он искренно ненавидит английскую буржуазию».

— Особенность большинства английских писателей, даже таких, как Уэллс или Честертон, — говорит в заключение Шоу, — состоит в том, что они часто сегодня высказывают взгляды, противоположные тем, которые выражали вчера.

*

23 июля утром Бернард Шоу посетил Электрозавод, где беседовал с рабочими и литераторами. Вторую половину дня Шоу провел в доме отдыха Цекубу в Узком и с вечерним поездом выехал в Ленинград.

ДЕКА



ЛЕНИНГРАД, 24. (Молния).

Бернард Шоу со спутниками в сопровождении Луначарского и Ионова встречены сегодня на вокзале ленинградскими писателями, возглавляемыми Слонимским, Либединским, А. Толстым, Рафаилом. Шоу пробудет в Ленинграде два дня, посетит Эрмитаж, завод-втуз им. Сталина и пионерский лагерь в Детском селе.

Б. Р.

необходима плановость
в теоретической работе

За последнее время значительно умножился выпуск исследовательских работ по основным вопросам истории литературы и критики современного литературного движения. Между тем, именно сейчас, в обстановке идейного разгрома ряда литературных теорий, враждебных марксо-ленинскому представлению о сущности искусства (ряд идеалистических систем, воронщина, перверзевщина, теории «литфронта»), в период критического пересмотра плехановского наследства, создаются необходимые предпосылки, благоприятствующие развертыванию углубленной теоретической работы.

Потребность в такой работе — огромная. До сего времени ознакомление с историей литературы происходит по учебникам типа Саводника или Назаренко. Мы до сих пор по-настоящему не принялись за помку старых, буржуазно-идеалистических и эклектических историко-литературных схем. Мы до сих пор не подвергли марксо-ленинскому анализу течения современной зарубежной литературы. Рабочий-ударник, призванный в литературу, лишен возможности ориентироваться в вопросах литературы, вследствие отсутствия не только основных пособий, но и соответствующих популярных брошюр.

Нам необходимы, таким образом, серии книг, брошюр и исследовательских статей по всем основным вопросам литературы. Нам предстоит осмыслить груду накопленных литературных фактов. Нам предстоит, разрушив ложные схемы и традиционные ответы буржуазного литературоведения, дать свои ответы и свои оценки литературных фактов. Нам нужна своя, марксо-ленинская история литературы (и история всего культурного развития человечества). Мы не можем, без ущерба для творческой практики писательства, обойтись без ряда монографий и статей, посвященных узловым проблемам современной международной и советской литературы. Потребность в подобных работах, повторяем, огромна. Ибо этих работ у нас почти нет, а большая часть из имеющихся — неудовлетворительна по качеству.

Основным препятствием, мешающим разрешению охарактеризованной выше задачи, является БЕСПЛАНОВОСТЬ в научно-исследовательской литературоведческой работе. Литературоведение в СССР умудрилось в основном избежать воздействия планового регулирующего начала, оставшись на позициях научного самотека. Нет такого плана в ВОАПП и РАПП, и лишь за последнее время после изменения руководства в ЛИФ Комакадемии впервые поставлен вопрос — в развернутом планировании научной работы. Необходимо ускорить выработку большого, практически выполнимого, перспективного плана научно-исследовательской работы в области литературы, увязав деятельность всех наличных сил марксистского литературоведения, разбросанных по различным организациям и научным институтам. Само собой разумеется, что этот план должен быть подчинен основным запросам практики литературного движения в СССР, должен быть лишен налета отвлеченного академизма.

Вторым серьезным препятствием, мешающим разрешению охарактеризованной выше задачи, является нерациональное использование литературными организациями значительной части наших теоретических кадров. Еще февральский пленум правления РАПП в резолюции об очередных задачах организации отметил, что многие пролетарские литературные организации рассматривают работу критика как работу второстепенную и второочередную по сравнению с работой писателя. Это же отметил и ряд товарищей в своих ответах на анкету «Лит. газеты» о конкретной критике. Следствием такого положения является крайняя загрузка теоретических кадров, об'единенных в РАПП, заседательской суетней, их отвлечение от непосредственной теоретической работы. Однако, несмотря на то, что после пленума правления РАПП прошло уже более пяти месяцев, резолюция пленума о теоретических кадрах реализуется крайне слабо. Каковы же, в общем, условия работы этих кадров в других литературных организациях. Существующее положение должно быть в корне изменено. Нужно, чтобы работа каждого критика и литературоведа, активно работающего в литературном движении, измерялась прежде всего и непосредственно его критико-теоретической работой.

Все эти большие задачи, встающие сейчас перед марксистской критикой, должны быть разрешены ею в теснейшем сотрудничестве с теоретическими кадрами марксизма, работающими в других областях, — и прежде всего с обществом воинствующих материалистов-диалектиков.

Пролетариат СССР имеет все права на построение марксистской истории литературы и культуры, на углубленное теоретическое осмысливание всей совокупности литературных фактов.

не заблуждайтесь!

В связи с решением второй харьковской конференции революционных писателей, в японской литературной организации „Союз японских рабочих и крестьянских работников искусства" появился раскол: шесть членов — ячейка этой организации — вышли из нее и вступили в „ЛАПФ" — японскую пролетарскую организацию писателей и художников, примыкающую к МОРП. Созванное по этому поводу общее собрание „Союза рабочих и крестьянских работников искусства" в Японии обратилось в секретариат МОРП с открытым письмом, которое мы печатаем ниже вместе с ответом на него секретариата МОРП.

открытое письмо
секретариату морп

Мы всецело поддерживаем вторую международную конференцию революционных писателей, которая была созвана в ноябре 1930 года в Харькове, в стране советской Украины, и признаем ее большое революционное значение для пролетарского литературного движения всего мира.

Мы искренно желаем, чтоб начатая ею организационная работа продолжалась согласно намеченной ею линии и еще больше углублялась бы и расширялась борьба против буржуазной культуры во всем мире. Мы считаем, что работа конференции только тогда приобретет должное значение, если на ней будет представлено пролетарское движение всего мира, протекающее в каждой стране в своеобразных условиях. Только тогда она и сможет стать центром деятельности пролетарских писателей и их непосредственного участия в революционной практике классовой борьбы. Поэтому нас особенно радует, что на харьковской конференции имели возможность участвовать представители 23 стран и что она, таким образом, была действительно интернациональной.

Но мы узнали из февральского номера японского левого журнала «Лапф», что представителями Японии на харьковской конференции были Нагата и Мидзума. Мы, союз японских рабочих и крестьянских работников искусства, единственная боевая организация японских писателей, в течение 11 лет боровшаяся за ортодоксально-марксистскую линию в японском революционном литературном движении, — не знаем, кто такие эти японские делегаты и как они избирались на харьковскую конференцию.

Мы думаем, что вся японская федерация организаций пролетарских писателей и художников командировала своих делегатов на конференцию под вымышленными мисками, пользуясь сомнительными избирательными методами. Могут ли они быть рассматриваемы как представители японского пролетарского литературного движения, достойные того большого значения, которое имела харьковская конференция, и верен ли вот метод выборов, которым они были избраны?

Приведем здесь краткую историческую справку о японском пролетарском литературном движении:

Пролетарское литературное движение в Японии начало борьбу против буржуазной культуры выпуском журнала «Сетель» в декабре 1921 г. Пролетарские писатели и критики, сотрудничавшие в этом журнале, в связи с ростом пашего движения стали издавать новый орган «Литературный фронт» в 1924 году. Впоследствии они основали союз японских рабочих и крестьянских работников искусства — массовую организацию революционных писателей Японии, которая до настоящего времени является боевым авангардом японского революционного литературного движения.

В течение 11 лет тяжелой борьбы союзу пришлось пережить серьезные расколы. Мы исключили 30 или 30 писателей из союза, чтобы сохранить боевое здоровое ядро движения. Причиной их исключения были те ультралевые тенденции, против которых единогласно высказалась харьковская конференция. Но пользуясь особыми условиями японской литературной среды, они продолжают сейчас пропагандировать левый оппортунизм. В декабре 1927 г. они основали всеяпонскую федерацию организаций пролетарских писателей и художников (ВАПФ) и стали издавать журналы «Сеньи» и «ВАПФ», всячески стремясь расколоть политический и экономический фронт японских рабочих и крестьян. Оба журнала, называющие себя представителями Японии на харьковской конференции, являются представителями этой ультралевой группы. Оба эти делегата злоупотребили именем союза японских рабочих и крестьянских работников искусства, — старейшей и сильнейшей пролетарской писательской организации, чтобы доказать действительность своих мандатов (ВАПФ имеет только трехлетнюю историю). Нужно сорвать маску с этих лжеделегатов конференции и неверную их информацию о Японии.

Мы протестуем против резолюции о японской литературе, принятой конференцией на основании односторонней информации, данной ультра-левой группировкой японского пролетарского литературного движения. Союз японских рабочих и крестьянских работников искусства является основой японского пролетарского литературного движения, а не группой левых сопнал-демократических писателей, как его характеризует резолюция японской комиссии харьковской конференции.

Мы, союз японских рабочих и крестьянских работников искусства и наш орган «Литературный фронт», будем продолжать нашу борьбу, которую мы вели в течение 11 лет под знаменем ортодоксального марксизма. Мы — единственная группа коммунистических писателей Японии.

Мы высоко ценим резолюции харьковской конференции и вполне согласны с той линией и теми задачи, которые конференция наметила для пролетарского литературного движения всего мира. Но мы не можем согласиться с резолюцией японской комиссии, потому что она была составлена на основании данных лжеделегатов.

От имени пролетарской литературы всего мира мы спрашиваем:

Почему конференция революционных писателей оставила без внимания всю историю развития японской пролетарской литературы? Почему на нее были избраны делегаты неверными методами, делегаты, враждебные интересам японского пролетариата? Почему на конференции не был представлен союз японских рабочих и крестьянских работников искусства? Почему цитируя резолюцию, осуждающую ультралевый уклон, одно из важнейших постановлений конференции, не касаются японских лжеделегатов.

Как будут исправлены эти ошибки харьковской конференции?

Повторяем, мы ценим революционное значение харьковской конференции и готовы оставить ее решения. Мы по нашему требованию представим объективный, соответствующий действительности доклад о положении японского пролетарского литературного движения и все необходимые для этого материалы.

Да здравствует пролетарская литература Японии!

Да здравствует вторая международная конференция революционных писателей!

СОЮЗ ЯПОНСКИХ РАБОЧИХ И КРЕСТЬЯНСКИХ РАБОТНИКОВ ИСКУССТВА, РЕНОГЕЮТСУКЕ-РЕМЕ,
РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА «ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФРОНТ»

ответ секретариата морп
роногеютсуке-реме

Мы получили ваше открытое письмо. По нашему мнению, оно противоречиво по самому существу своему: с одной стороны — вы признаете правильными решения второй международной конференции революционных писателей, а с другой стороны — резко нападаете на японских товарищей, которые помогли нам организовать конференцию и правильно вести нашу работу и которые энергично проводят наши постановления в жизнь. Ваши методы борьбы напоминают нам методы левой социал-демократии всех стран. Рассмотрим по порядку ваши обвинения:

1. Вы утверждаете, что японские товарищи (очень подозрительно, что вы почти нужным дважды констатировать, что они работали под псевдонимом), не были правомочными делегатами. Наша мандатная комиссия — в составе одного русского, одного украинского, одного германского, одного венгерского и одного американского товарищей — рассмотрела их мандаты и нашла их вполне действительными. Наше приглашение было обращено ко всем революционным писательским организациям мира и не рассылалось по почте, а было опубликовано в рабочей печати — на русском, украинском, немецком, английском, французском, чешском, венгерском, итальянском и китайском языках. На японском языке наше приглашение не было опубликовано, потому что связь с Японией нами не была тогда еще установлена. Ни мы, ни японская организация, пославшая своих делегатов, не могут нести ответственности за то, что вы или не прочли нашего приглашения в «Линкенкуэсе» и «Нью-Мессес», своевременно полученных нами, или на это приглашение не реагировали.

2. Японские делегаты ни в коем случае не ввели нас в заблуждение, и занятую ими позицию ни в коем случае нельзя назвать ультралевой или враждебной нашему пролетариату. Наоборот, было преднамеренно, что вы сами обманули себя неверной информацией, потрясающе наивно. Мы работали на основании фактического материала. Наша позиция в вопросах японской революционной литературы и наша критика основана на глубоком знакомстве с японской литературой и японской политической жизнью. Мы должны констатировать, что концепция истории японской революционной литературы, содержащаяся в вашем открытом письме, не соответствует фактам. Допуская опасную недооценку политического и культурного значения НАПФ, вы тем самым жестоко критикуете самих себя. Тот, кто считает НАПФ ультра-левой и враждебной японскому пролетариату организацией, не может быть нашим искренним другом и признавать решения харьковской конференции.

3. Мы отнюдь не отказываемся от всякой совместной работы с вами. Но первое условие совместной работы — немедленное прекращение нашей демагогической борьбы против НАПФ и «Сеньи». НАПФ в Японии борется за пролетарскую литературу и оружием пролетарской литературы поддерживает борьбу революционного пролетариата. НАПФ принимает активное участие в работе и борьбе международной революционной литературной организации. Помощь японских товарищей в выработке новой генеральной линии в Харькове прежде всего помощь в теоретическом разоблачении и разоружении на правые (прения и ультра-левого уклона), их участие в борьбе против белого террора, против фашизма и социал-фашизма, против опасности империалистической войны представляет собой нечто, что если бы мы установили с вами единый фронт в то время, как вы выступаете против НАПФ и «Сеньи», — это было бы с нашей стороны низким предательством по отношению к пролетарской литературе и всему пролетариату вообще. Если вы хотите бороться в рядах организации революционных писателей мира за нашу культурную и политическую программу, — вы должны знать, что в Японии дорога к нам ведет через НАПФ, что уже сплотил лучшие элементы левой организации, вступает ныне в ряды НАПФ.

СЕКРЕТАРИАТ МОРП.

афоризмы БЕРНАРДА ШОУ

Излюбленными формами литературного выступления Бернарда Шоу является — меткое словечко, каламбур и острый афоризм, которые разбросаны во всех его произведениях и особенно в его пьесах. Бернард Шоу пользуется ими с большим мастерством и в личных беседах, и в публицистических статьях. Приводим здесь несколько его афоризмов, как более характерных:

Человек, который, имея представление о современном общественном строе, не является революционером, — существо низшего порядка.

Люди, которые недостаточно умны и недостаточно политически развиты, чтобы быть социалистами, не имеют будущего, как бы ни кипели в них жизненные силы.

Даже самые утонченные физические или нравственные достоинства не могут искупить социального греха: участия в потреблении без участия в производстве.

Наше разрешение экономической проблемы — капитализм, который совершает чудеса в области производства, при попытке рационально распределить продукты или производить их по мере общественной необходимости терпит крах столь смехотворно и катастрофически, что ему приходится постоянно жаловаться на то, что он парализован «перепроизводством» тех вещей, в которых миллионы из нас испытывают отчаянную нужду.

Деньги говорят, деньги пишут, деньги разговаривают по радио, деньги царствуют, а кофейни и пейбористские министры записывают их приказы.

Преступления — это только розничная частица того, что мы оптом называем буржуазными уголовными законами.

Цивилизация всегда будет зависеть от сознательности правящих и управляемых. Наши природные свойства могут быть и хороши, но они были плохо воспитаны, — мы полны антиобщественного личного честолюбия и предрассудков. Не лучше ли было бы научить наших детей быть лучшими гражданами, чем мы сами? Мы этого не делаем в настоящее время. Русские это делают.

Когда мы, буржуазные страны, по праву цивилизованной нации грабим и уничтожаем нации не цивилизованную, то мы окружаем это интимной военной доблести, любви к родине, распространения цивилизации и т. д. Между тем, если бы подобный акт имел место в отношении цивилизованной страны, то на него смотрели бы, как на простой грабеж и убийство (1895 г.).

Всякий институт в нашем обществе, религиозный, политический, финансовый или судейский, сам по себе уродлив; он уродлив потому, что люди в этих институтах либо сами принадлежат к владетельным классам, либо же продаются им, чтоб иметь возможность жить.

Америка — это страна, где каждому гражданину разрешено подавлять свободу, что он обычно и делает в те минуты, когда готов отказаться от погони за деньгами.

Уже наших социальных отношений заключается в том, что всякий средний англичанин, — человек может быть почтенный и добродушный в личной жизни, — оказывается в своих общественных отношениях преступником, закрывающим глаза на самые подлые, самые ужасные злоупотребления, если их устранение грозит ему утратой хотя бы одного гроша из его доходов.

Ради одного только «искусства» я не написал бы ни одной строчки. Я знаю, что есть люди, которым нечего сказать и не о чем писать, но, несмотря на это, они так влюблены в красноречие и литературу, что им доставляет большое удовольствие повторять то, что им удалось понять из написанного уже раньше другими людьми... Эту приятную игру они называют стилем, но истинно оригинального стиля нельзя достичь одним только стремлением к стилю. Тот, кому нечего сказать, никогда не сможет овладеть стилем.

Когда заявляют, что искусство не должно быть дидактичным, то с этим восторженно соглашаются все те, которым нечему учить и которым нечь учиться.

Я всегда стремился относиться к нашему бессмертному Шекспиру с возможной справедливостью, если принять во внимание, насколько его колоссальным нелепости превосходят мои скромные способности осуждения.

Английский театр сейчас находится в весьма плачевном положении, а английские драматурги,—молодые или старые, —похожи на торговцев, неспособных очки спелым.

Всякий современный джентльмен неизбежно враг своей страны. Даже во время войны он сражается не для того, чтобы защитить ее, а для того, чтобы защитить свое право ее грабить и не дать этому праву перейти к чужеземцу.

Все религиозные организации существуют тем, что продаются богачам. Заставить нашу политическую машину провести социализм так же невозможно для мистера Гендерсона и Кнайса, как уставить швейную машину сострить яичницу.

Подлинный диагноз современного аристократизма это паразитизм.

МАПП *в борьбе* за 100-процентный охват
рабочей молодежи комсомолом
конкретные обязательства

МАПП привлекла 20 товарищей к работе по созданию произведений на комсомольские темы.

Творческая группа «Напостовская смена» провела совещание, посвященное задаче 100-процентного охвата рабочей молодежи комсомолом. 32 члена «Напостовской смены» взяли обязательство в декадный срок — к 1 августа — подготовить сборник и выдвинули все творческие группировки МАПП, ЛАПП и всех организаций ВОАПП на соревнование.

А. Жаров дал обязательство сделать в «Комсомольской правде» два публицистических выступления и написать в декадный срок комсомольскую песню и несколько лозунгов.

М. Светлов берет шефство над двумя литкружковцами-ударницами и дает обязательство к 10 августа написать стихи и несколько лозунгов.

Е. Казин обязался написать стихи о комсомоле.

Красный — к 10 августа напишет очерки и стихи для агитбригады на тему «17-е МЮД».

Князьменский работает над пьесой, посвященной молодежи, которую закончит к 1 сентября.

Плакидин пишет очерк «Комсомольский конвейер антиуластов». Закончит к 10 августа.

Григорьев пишет очерк о лучших комсомольцах-ударниках комбината им. Горупы.

Абольников работает над очерком «Комсомол в гражданской войне».

Ковальчик взял обязательство организовать бригаду критики «молодогвардейцев» и дать в журнале «Молодая гвардия» к 17-му МЮД коллективный критический обзор комсомольской литературы.

сталинский район

Литкружок Электрозавода взял обязательство выпустить в заводской печатной газете 3 литературы, посвященные комсомолу. Остальные литкружки района еще не включились в поход за 100-процентный охват комсомолом рабочей молодежи.

пролетарский район

26 июля пролетарское райбюро МАПП устраивает собрание творческого актива района, посвященное вовлечению молодежи в комсомол.

Литкружковцы примут участие в выпуске районной комсомольской газеты, называемой райкомом комсомола к 17-му МЮД. Подготовляется комсомольский литвечера в районе.

красно-пресненский и краснохолмский районы

Наибольшую активность в районе проявляет литкружок завода им. Дзержинского. Литкружковцы выпускают в печатной газете молодежную страничку, дают ряд произведений на комсомольские темы.

за пять дней
не разрозненные участки, а общий фронт

Сегодня в большом зале Комакадемии устраивается массовый вечер, посвященный смотру фронта искусств. Организации пролетарских писателей, драматургов, кино, музыки, художников сделают сообщения о своей творческой работе, а затем продемонстрируют свои достижения в деле участия в социалистическом строительстве.

Инициатива организации этого вечера принадлежит МАПП. Она должна быть отмечена, как весьма своевременная и заслуживающая поощрения. Необходимо этот опыт развить и расширить.

Это будет чуть ли не первое организованное совместное выступление всех отраслей искусства. До сегодняшнего дня у нас не было и нет настоящей деловой связи между отдельными областями искусства, совершенно немыслимо взаимодействие смежных участков по существу одной и той же боевой работы.

Такое положение дает себя чувствовать со всей силой. Мы имеем различные по опытам и по своим существованию участки работы. Местонахождение помощи сильнейших, находящихся на высших этапах развития, организаций могло бы превосходно дать более слабые, молодые от многих ошибок, могло бы значительно сократить их затраты производства. Это так, и даже опыт ведущей организации фронта искусств — РАПП — передается далеко недостаточно.

Влияние РАПП на смежные области искусств должно быть значительно более сильным, чем сейчас — это диктуется интересами самих этих смежных областей. Понятно, речь идет не о командовании, а о товарищеской помощи, о воспитательном воздействии, о передаче хотя бы части того громадного опыта, который пролетарское литературное движение имеет. Наконец, генеральные установки РАПП по общим вопросам культурной революции, ее постановка проблем искусства — должны быть отправными точками в работе всего фронта искусств в целом и каждого его участка в отдельности.

Вслед за РАПП практическую помощь менее опытным организациям может оказать, например, ассоциация пролетарских музыкантов, в последнее время сделавшая в своей работе значительный шаг вперед (это нужно отметить и за счет налаженной связи с РАПП). Да если бы различные отрасли искусства и не нуждались в такой помощи, все равно взаимодействие их бесспорно необходимо. Нельзя разрывать звенья одной цепи!

Литературные организации сейчас связаны со смежными областями искусства прескверно. Это относится даже к кино, как будто непосредственно соприкасающемуся с литературой. Крепче связь с театром, но и она недостаточна.

Сегодняшний вечер смотра, инициатива МАПП — должны побудить литорганизации наладить настоящую связь, регулярный обмен опытом со смежными областями искусства.

Это дело не только РАПП, как ведущей организации, но и всей ФОСП.

подшефные — на помощь своему шефу

ФОСП выделила бригаду для работы на нашем з-де. Это мероприятие более чем своевременно. Наш завод выполнил план первого полугодия на 91,4 проц. Первых декада июня дала позорную цифру выполнения задания — 10,8 процента месячного плана. Вторая декада изменений не внесла: план за первые две декады выполнен на 28,3 процента. А в механическом, в основном ведущем цехе завода, промфинплан за первую декаду июля выполнен на 0,34 процента, а за две декады — на 1,7 процента.

Отсутствие подлинного хозрасчета в цехах, обезличка в зарплате и использовании оборудования, далеко не высокий уровень трудовой дисциплины, безобразное внутризаводское и внутрицеховое маневрирование, неумение цеховых организаций конкретно руководить и на конкретных вопросах мобилизовать внимание масс — вот что сбит по выполнению плана завода.

Причины нам известны, но борьба с конкретными носителями зла велется недостаточно. Каждый ударник знает свой участок работы, он может указать на факты, мешающие выполнению промфинплана, он может указать путь устранения производственных неполадок, но не каждый ударник может обо всем написать, у многих нехватает умения письменно изложить свои мысли. Писатель должен притти на помощь рабочему-ударнику, выковать из него активного рабкора.

На совещании бригады ФОСП на заводе им. Владимира Ильича у некоторых писателей проскользнула тенденция ограничить роль писателя на производстве литературно-технической правкой рабкоровских заметок.

— А разве писатели не должны окунуться в жизнь цеха и вымыть конкретных носителей зла? — вставил вопрос в упор представитель заводской общественности.

Ограничение роли писательской бригады на производстве правкой рабкоровского материала — это описание задач, стоящих перед бригадой ФОСП.

Писатель должен включиться в жизнь производства, знать его больные и здоровые стороны, бороться с этими недостатками. Но не только борьбой с прорывщиками, лодырями, рвачами, но и крепким поставлением им хороших ударников должны заниматься писатели. Подлинная жизнь рабочих завода — вот где должен обогатиться писатель.

ГЕХМАЧ (рабочий завода им. Ильича)

трибуна творческой дискуссии

это будет!

„работать по-новому"

Н. СТАНИН

Традиция старой литературы и старого театра... Театр, закрыв двери, готовит спектакль, издательство—книгу. Слухи: И. готовит что-то такое особое. Выспрашивают: «Ну как, ну что?..» Двери закрыты, как у Верлена. Некоторые считают, сдерживая ржанье, актерскую переработку ролями. Утром город полон афишами. В газетах объявления ГИХЛ. Наконец—спектакль. Наконец—книга.

День, другой. Тишина. Потом взрываются фугасы критики. Что-то ключом подсекает на карнизах театра, ГИХЛ и Дома Герцена. С котлетами проженывается автор, режиссер, издатель.

Впрочем, никто от этих скорбных строк дома не станет изменяться. МХТ продолжит работу над «Мертвыми душами», держа двери закрытыми. А ведь это социалистическое производство! Литературное и театральное производство 1931 и 1932 годов! Честь плана СССР, который имеет право знать всякий трудящийся.

Давайте к делу. Что сделали бы с перебоями заводы, дробившим стимулом нам турбину в 50.000 HP? И кто из нас стал бы слушать оправдательный лепет: «А нам никто не сказал, не помог». Как не помог, когда в процессе создания любой вещи—почерков из пробок на Камчатке, литературного Либединского завода, комбайна завода «Коммунар» и новой пропилеи «Цитадели»—участвует все?! Какого черта «не заметил», когда пресса СССР—сплошь великое производственное совещание?.. Когда Академия наук отличается на заседаниях, когда у нас мысли о днях 1931 года несутся в головах, как пожарные автомашины: красные, стремительные.

Но при таких обстоятельствах писательство (в большинстве) и театр работают именно так, как указано в начале статьи. Они берегут свои тайны, свои дела, свои «мысли». Тут есть еще монополисты. Тут много неожиданностей и бедные всего тут—брак.

За год скапливаются в ямы груды битых книг и спектаклей. Потом устраивают совещания. На руководителей авторизаций валивают обязанность копаться во всем этом браке. Сирены сердце, они это делают.

Не лучше ли делать наоборот: копаться в производстве **до появления брака.** Это логичнее и необходимее. Это классово-целесообразнее.

Пора социалистические принципы производства внедрить в театр, в литературу с решительностью, наблюдаемой в индустрии.

Здесь в этой статье—производственном предложении—я остановлюсь на одном частном случае и от него перейду к обобщениям, которые и положил в июля на общем собрании писателей Ленинграда в ЛенОГИЗ и которые были одобрены и приняты.

***

Частный случай. Передо мной французский журнал «Vue» (февраль 1931 г.).

Прекрасная бумага. Журнал посвящен будущей войне. С точки, представляемым и умным мастерством доказывается Жану Бонему, что будет скоро война, на Францию нападут «восточные враги», война займет много времени и потребует много жертв, но Франция победит. Каждое положение иллюстрировано фотомонтажными работами. Кусок: мадонна и ее младенец в массах... Это у них.

У нас растет бумага. Труды Комакадемии. Сборники военной секции. Том I и II. Издание ОГИЗ. Мизерный тираж. Его потом разбирают военные работники.

В сборниках лучшие доклады о будущей войне. Прогнозы Фрунзе, Ворошилова, Буденного, целых групп наших академиков. Критика буржуазных прогнозов. Раскрывается сложное явление войны, громадные трудности, ожидающие нас, длительность предстоящих испытаний, необходимость ясной оценки перспектив, вред недооценки врага, необходимость учитывать, что помощь пролетариев запада может оказаться не сразу и т. д.

К сожалению, повторяю, тираж мизерный. Он не попадает к широкому читателю.

Наконец, передо мной—последняя пьеса о войне. Ее недавно издал ЛенГИХЛ. Ее покажет осенью Ленинградский театр сатиры и один из театров Москвы. Она—для широкого зрителя.

Я, с полной ответственностью за сообщаемое, кратко изложу, как показывается в пьесе будущая война.

Мы узнаем из пьесы, что война начнется после того, как поляжется над СССР зеркало. Он будет без отличительных знаков. После «тройного предупреждения» (вероятно к этому самолету трижды подлетит наш, и наш летчик сажает неизвестному летчику: «Мы очень просим нас здесь не летать», моторы на новый переговорок будут выключены и переквалифицирующиеся будут мягко пилировать) он будет обстрелян и скроется за польской границей.

Затем—через «восемь минут»—над Ленинградом появится «вероятельская эскадрилья». Время подсчитано автором крепко так: от Сестрорецка до Ленинграда поезд идет час, самолет, вероятно, пойдет минуть восемь. Почему одна эскадрилья—это военная тайна автора. Затем на улицах Ленинграда начнутся корчи отравленных взрывным газом (см. Э. М. Ремарка и т. п.). После этого на площадь Урицкого опустятся два больших фашистских самолета *. Финский офицер ворвется в Эрмитаж и залет борьбу с хранителем музейного фонда. Но в этот момент к Эрмитажу подсекают — один редактор газеты и один красноармеец. Финн сдается. Затем войны перебросятся в Бухарест, где, перед самой казнью заключенных в тюрьме коммунистов, загремят батареи РККА, «отзвучит часть тюремной стены» и раздадутся «звуки Интернационала». После этого в квадрате № 44 над СССР появится французский дирижабль «О.1 112».

Команда его, после того, как офицер Гастон сообщит ей в 47 словах «всю правду» о войне (см. стр. 79).— прилетит и приземлится в СССР. После этого: «Главнокомандующий Красной армией», по радио из штабного вагона, обратится всему миру:

«Третьи сутки идет битва. Красной армии с армиями двенадцати буржуазных государств. Человеческие жертвы с обеих сторон превосходят все, что можно рассчитать... Поля сплошь покрыты телами убитых и разрушенными машинами. Тысячи городов залиты напалмом газом и стерты с лица земли...» (Справка: в СССР по данным статистики менее 1.500 городов—Вс. В.). Далее—взвесь багрового знамени... Потом главнокомандующий закричит по радио:

«Уличные бои в Берлине кончились победой. Германия вошла в Союз Советских Республик»... Париж горит... Брошена (имя) конная армия. Неприятель корпусами кладет оружие»...

Пьеса завершается тем, что война кончается в 72 часа и «голос командарма прерывает волнение». Наш голос тоже прерывается от волнения особенно, если принять во внимание:

1.—марксистское представление о будущей войне;

2.—то, что автор пьесы—локафонец Алексей Толстой (и П. Сухотин).

Если совещание ошибка в ЛенГИХЛ (это кажется именно вы, т. Бубенов!) издал 3.000 экземпляров этой пьесы, прошедшей мимо всех бы то ни было общественных разборов и всяких консультаций (все, что литовано, не позволяет даже во сне подозревать наличие консультации), то **не может быть допущен** очередной брак: спектакль. (Пьеса называется «Это будет», хотя ее лучше назвать «Этого не будет»).

Нельзя допустить, чтобы на заведомо порочном материале строился для десятков тысяч трудящихся дезориентирующий их спектакль. Нельзя допустить напрасную трату времени, сил, денег... **Надо дело исправлять.**

ЛОКАФ должен помочь т. А. Толстому вытравить пьесу, как помог вымарать ошибки «Последнего решительного».

Надеемся, что руководство и ХПС ленинградской госсцены и тех московских театров, которые готовят пьесу в постановке, учтут это серьезное предложение и не допустят зрелищности в похабщине.

***

Из сообщенного частного вытекает и общее. Практика полна подобных «частностей». В литературу и театр идет единком много продукции по неделовым общественным каналам. Пора с этим кончать. Приходит мысль: ОГИЗ на «коммерческого издательства» и «полиграфического предприятия»—да, да! — должен превратиться в марксистский литературно-технический вуз.

Весь процесс рождения литературы должен быть отличен. От рождения замысла, через собирание материала, написание, чтку, обсуждение в авторитетном критическом коллективе и на широких аудиториях, набор, верстку, корректуры, экспедирование, читку в массах, обсуждение в массах, учет отзывов—все должно быть **органически едино.**

Объединенное издательство, сочетая план с ФОСП и объектами литературного (армия, флот, промышленность и т. д.), планирует работу, финансирует, организует и контролирует.

У нас нет этой системы в нужном масштабе. У нас сами несут рукописи в ОГИЗ.

— Спасите, я зарезал...

— Нет, не зарежу... Ну, давайте, что там у вас?..

Отсюда—многие разрывы, несоответствия, прорывы и пр. Мы не знаем, кто будет читать рукопись, как будет издан, кто даст или не даст бумагу и почему не даст, что и как надо сделать, чтобы ее достать и т. д. Непосредственно автору отсечен чрезвычайно ценный, **двусторонний** приговоры, маринуют труды, иногда гибнут. Потом рождаются странные противоречия в профессиональной критике: хвала или ругань со стороны одних, или совершенно противоположных отзывов других.

Отсюда—разброс ориентации, инерция и самостоятельный перевод дела в плат «личных счетов» и «групповщины», непродуктивная критика.

При условии же отчетства процесса, при условии, если мы, писатели и критики, войдем в ОГИЗ—и как профессура по некоторым отраслям и как условный марксистского литфронта, если мы признаем (а мы—это есть ЛИЯ Комакадемии, РАПП, ЛОКАФ, ВССП и пр., и пр.) к делу основные силы литературы—мы сделаем много. Ну, хотя бы избавим отрасль от большой доли литбрака и поднимем критику на несколько ступеней.

Старые методы творчества и критики надо изобрести. Они гарантируют провалы. Вопрос о совершенствовании, оплаченный марксистским методом, техникой не может быть решен единолично.

Старый литературщик двух времен еще. Его надо умертвлять безыменными приемами, пусками в ход языковые средства. Многое может быть сделано, если начать работу за плечами другого цеха.

ОГИЗ—тактика, к которому, если имеется новый принцип: «Всякая рукопись подвергается общественному контролю», потянутся писатели, может стать грандиозным, незаменимым институтом живого дела литературы.

Через литтуху пройдут писатели-мастера, пока еще упрямо хоронящие в единоличных. Конкретный разбор их произведений, **до сдачи в набор,** заставит думать о некоторых вещах больше, чем статьи и рецензии в журнальных листах выходы книги. Вопрос о большой литературе и большой критике двинется быстрее, так как производственная атмосфера горячее и здоровее кабинетной. Рукопись будет защищаться или отвергаться страстнее, напряженнее, чем выходящая книга, самой фазе существования которой часто психологически расслабляет иных: «Ну, вышла же уже, к чем долбать...».

В аудиториях ОГИЗ—литтуха, в боях вокруг определенных произведений и имен, будут учиться и учить друг друга мастера, критики и литтуриане. В аудиториях будут делать сообщения и разборы произведений представители армии, флота, индустрии, сельского хозяйства, науки, техники.

А момент производственный?! Рукопись делается известной аппарату ОГИЗ не как «вещь № 000», а как кусок сердца и мозга писателя, заслуживающий внимания, как общественно значимая единица. Рукопись ее читке, на доклад. На разборе узнают все—до уборщицы. Рукопись идет в работу после обсуждения, изучения, разбора, поправок. Она стала близко, понятна, нужна и может быть дорога производственникам. Она уже—не разрозненные страницы, разбросанные по наборным кассам и линотипам типографии. Выпуск книги—дело социалистического соревнования, дело славы, чести, доблести. Писатель знает всех, кто работает над книгой, и все знают его. Это парализует ускорения производства в взаимопонимание.

Продолжив процесс, мы оживим дело издательства, почты, транспорта. «Мы отправляем туда-то ромпа такого-то. Он весен классу, стране тем-то. Заслуживает доклад и отрасли. Примите обязательство доставить книгу по сигналу в такой-то срок. Как будет реагировать рабочий?!

***

Мечтания?..

Мельче, чем постройка одного завода на 518.

Категорию ЛенОГИЗ и собрание ленинградских писателей приняло это предложение. Процесс работы в ЛенОГИЗ постепенно мы изменим. Мы возьмем постепенно старый книжный (все не очень-то) аппарат. Привлечем, вслед реальному изменению индустрии и сельского хозяйства, взыскется и за другие участки. Это будет!

Я думаю, что стоит бросить **обсуждение данного производственного предложения.** А чтобы не было обвинения, персональную пряжу бисказывают: тт. Халатова, М. Горького, Рафаила, Л. Авербаха, Г. Корнилова, М. Козакова, Киссова, Дегтярева, Либединского и ударников МАРП и ЛАПП.

ВС. ВИШНЕВСКИЙ

* Справедливость-где будет все это время против артиллерия и авиация ЛВО? Где будут пункты ЛВО? Мятежи? Работа?

КУХНЯ ВОЙНЫ

шарж К. ЕЛИСЕЕВА

от нашего корреспондента

дискуссия в ЛЕНИНГРАДЕ

Дискуссионные собрания о Союзе советских писателей привлекают все большее и большее внимание писательского актива. Обычно чрезвычайный ряд последний имел узко-цеховым, «писательский состав» скамеек и стульев—явно недостаточен. Список ораторов все еще не заполнен.

***

Прения по докладу Зел. Шейнмана продолжаются.

Четвертое дискуссионное собрание открылось полуторачасовой речью М. Козакова—одинаково интересной и спорной.

— Когда появится вождь, — говорит М. Козаков, — это самое главное в творчестве писателя и единственное или «подсознательное» творческого процесса, то утверждение, что исходя этого процесса кроется в каком-то «не на яву»—неверно. Он будет исходить из диалектической системы мировоззрения. Отсюда, будет изверга и трудная постановка вопроса, когда дан показательства стопроцентной пригодности к марксизму, к методу диалектического материализма в результате сферы подсознательности абсолютно исчезнут. Полная противоположность подсознательного сознательному.

— Из высказываний М. Сухотина, — продолжает М. Козаков,—о том, что подлинно пролетарская литература не в книгах «вождя», а прежде всего в марксистском мастерстве, можно сделать несколько выводов: будто бы только в этой новой точке зрения на материал и заключается новаторство. Но такое подозрение дало многих! Для марксовых Америк откроется не призрачная. Более того, такое примитивное может быть загублено умелой фирмой, в которую укладывается революционное содержание. И вместе не может быть изолирована вопрос об овладении техникой. Марксовыражение одно не всем техника.

— Марксовыражение мы продолжаем жить старыми навыками. И не случайно, что в эпоху социалистической реконструкции народного хозяйства мы лучше всего убедились в недостатке «бланка». Мы хозяйствуем «нутром», которым может дом во время жить и среда, движущей инструмента. Это причиняет почему, что в большинстве производственных атомов, органами текущих жизненно регулируют напоенные запасы. Так случилось и с целой группой писателей. В течение ряда лет писатели-тематического, мировоззрения, формального—показатель Онегин—мировоззренческие программы у попутничества. И вот почему в РАПП приходят литературно только люди и являются попутчиками. У них есть кислород!

— Другие писатели-попутчики уподобляются они великому гику, бактериям, которые спасают чужой кислород.—Таким бактериям М. Козаков считает «литературных психопатов». Далее М. Козаков говорит о том, что Н. Тихонов в своем выступлении на дискуссионном собрании 17 июля «легко разделался с психологизмом». Целый ряд людей выдвинулся сложнейшие процессы, происходящие на наших глазах, таким образом: конечно старые мир, я, наряду со старым, потерпел необходимость поисков новых психологических мотивировок, которые возникают в новом обществе. Также комплименты—смычка с «Либфронтом». Психологическая школа не погибает.

Этот вопрос связан с положением искусства при социализме. Он тревожит многих писателей, в частности, Ю. Олешу. Убедительный ответ на этот вопрос, считает М. Козаков, дал в письме А. Серафимовичу в Отеке в «Л. Г.» № 35.

М. Козаков остановился и на своих ошибках. Он сказал о колоссальной ценности переоценочного мировоззрения, с которым он пришел в литературу. «Вот почему я оказался в числе тех отрицательных отмечательств, о которых говорит Сазонтьевский. Я писал неправильным, никому не нужным, вычурным языком. Я не чувствовал в себе мировоззренческого стержня, который был бы мне возможность строить правильную мировоззренческую установку. Происходит отгораживание на боковых сюжетах, на «литературных фейерверках». Была какая-то ломаная линия мировоззрения, она повлекла в за общественно-литературных высказываниях, например, в вопросе утверждения о праве писателя на уклон, в синфочном «дневнике писателя» и т. д. Со ошибки имеются у всех, они указывали и вопрос о неизбежности ошибки. Если бы люди не боялись и не ошибались, они были бы роботами схемами или генеральными.

***

Не менее спорным оказалось и выступление следующего оратора.—Ю. Берзина. От зависит, что перестройка мировоззрения—дело не трудное; более трудное дело—перестройка мира и чувства. Осознаю свою ошибку в «Октябрьском романе» Ю. Берзин видит в перекрашенных технических приемах; техника,—говорит Берзин—один из основных моментов борьбы за мировоззрение. Он недоумевает: в чем должна выражаться языковая яшинская сущность при единственном методе диалектического материализма; только ли в технических приемах? Основываясь на примере «Гидроконтора» М. Шагинян, Берзин, наконец, заявляет, что «кислород, о которым говорил Козаков, писатель может дать только выход из внутренней среды в другую среду.

Краткое заключительное Ю. Берзина суммирует свои выступления **М. Фроман** и другие участники прений. Подводя итоги дискуссии, Берзина о разрыве между мировоззрением и мировоззрением, на последнем собрании в Ю. Либединский, подвергнувший также критическому разбору и некоторые ошибочные высказывания М. Козакова, в частности, его крупную защиту психологизма.

Содержание речи Либединского и отчет о продолжении прений—в следующем номере «Литературной газеты».

Б. РЕСТ

Ленинград, 19 июля

МОСКВА слабо готовится к конференции

Летние настроения, царящие в ВССП, резко сказываются на ходе подготовки к осенней конференции. За исключением небольшой группы писателей, действительно ведущих занимаемой подготовительной работой, основная масса членов ВССП остается безучастной.

Слабо налаживается связь с Ленинградом и Сибирским отделениями, деятельность которых дает возможности оригинально развернуться в стадии реализации писателями принятых на себя обязательств.

На последнем заседании президиума ВССП **П. Слетов** подчеркнул в связи с этим необходимость подъема дисциплины среди писателей и прикрепления их к отдельным участкам работы. **А. Эфрос** также отметил недостаточное развертывание творческой дискуссии.

● ВССП подписал договор с ГИХЛ об издании сборника критических статей к осенней конференции союза. Этой сборник должен быть составлен в ударном порядке в течение месяца. Между тем, до сих пор материал поступает слабо. От ленинградских писателей еще не получено ни одной статьи. Из Сибири пока имеется только одна статья **И. Гольдберга—«О кадрах** советских писателей Сибири». Две—три статьи написаны в Москве. Эти замедленные темпы вызывают опасения в своевременном выпуске сборника.

перед новыми задачами

6

Прошло еще несколько лет. Классовая борьба обострилась. Страна советов под руководством Коммунистической партии вступила на путь построения социалистического общества. Ленинские политики, во имя спасения пролетарско-литературного руководства, за свои страх и риск, с огромным напряжением сил по трудному пути реконструкции, перестройки и усиления пролетарских позиций. Однако, вопрос о преодолении «попутничества», о превращении писателя из попутчика революции в литературного союзника пролетариата был поставлен значительно позже, уже после «мальчишковских» событий.

Другая часть писателей-попутчиков (в большинстве случаев входящая в состав ВССП) за это время **попутчиками быть перестала.** Без всяких фразисто стояла на месте, полагая, что им можно так же «честно» и так же искренно писать о чем угодно, «игнорируя» советской власти; писать так, как они писали в восстановительный период, в 1921 — 1923 гг. Сами они не могли понять, что времена настали уже не те, что и литература неизбежно стала представлять и идеологическом отношении требования гораздо более высокие. Ну не было ясно, что писать «попутнику» — значит контрабандно выпускать даже из числа **подлинно-попутнических писателей.**

Неудивительно, что они двинулись дальше в открытый конфликт с действительностью, в столкновение с эпохой. Многие писатели из числа прежних попутчиков искренне недоумевают, за что их «друг» стали бранить новые, молодые критики (им незнакомые). Они не могли понять, за что прежние их книги, которые раньше никто не ругал, стали подвергаться самой жестокой критике, а многие их произведения, готовые были напечатаны «совсем так», как они писали прежде, были объявлены классово-враждебными и даже контрреволюционными.

Многими «попутчиками» такого рода оборот их литературной судьбы, совершенно необъяснимый и обусловленный **уже совершившимися** социально-политическими переменами, был воспринят как несчастливая сбила, как клевета, даже как личная трагедия.

Такого рода «метаморфоза» произошла, например, с Пантелеймоном Романовым: вместо того, чтобы своевременно предупредить писателя, обратить серьезное внимание на его ложные ошибки, его очень долго продолжали называть «своим» писателем, «нашим попутчиком», и даже «союзником» [5].

Да, для целого ряда писателей их литературная судьба стала очень тяжелой. И в этом были виновны в значительной мере не они сами, а те критики, которым они привыкли верить и за которыми они шли.

7

Эпизод с «Красным деревом», разумеется, не случаен. В соответствии со всем процессом развития подучтинской литературы и отколом части писателей направо, подобный эпизод неизбежно должен был произойти. Вот такой ромпа написал не тогдашний председатель Союза писателей, а кто-либо другой из лагеря попутчиков, — «шума» была бы немного меньше, но по существу от такой «замены» почти ничего не изменилось бы. Осенние события 1929 г. в жизни старого Союза

* Начало см. в № 30 «Л. Г.».

5 См. хотя бы книгу Вал. Полонского «Очерки современной литературы». ГИЗ стр. 253.

Напряжение, мобилизация писателей на производство в ответ на известное обращение ЦК ВКП(б) была для Союза фактом огромной положительной важности, вызвавшим целую волну творческих выступлений. Но, само собой разумеется, что на деле, в повседневной писательской практике дело обстоит иначе.

Когда в Союзе обсуждаются конкретные вопросы литературно-советской жизни, целый ряд писателей высказывает мысли, нередко обнаруживающие **не только преодоление «попутничества» и** стали на деле союзником рабочего класса. Центральная задача ВССП при посещении бригад состоит именно в том, чтобы путем практической работы на производстве добиться переключения писателей на социалистические рельсы. Это руководство РАПП не следует, и в этом заключается его большое упущение, существенно политически опасное.

9

В начале этого года мне пришлось писать на страницах «Литературы» о том, что «прежде накопления среди писателей нельзя провести накопления». Эту мысль надо сформулировать теперь более четко и определенно: настоящая дифференциация внутри ВССП **еще только началась.**

Многие писатели, входящие в состав Союза, считают себя «левыми попутчиками» и беспартийными кандидатами в «союзники». Когда приходится составлять резолюции все руки «левым попутчиком» устремляются вверх. Но само собой разумеется, что на деле, в повседневной писательской практике дело обстоит иначе.

Когда в Союзе обсуждаются конкретные вопросы литературно-советской жизни, целый ряд писателей высказывает мысли, нередко обнаруживающие **не только преодоление «попутничества» и** стали на деле союзником рабочего класса. Центральная задача ВССП при посещении бригад состоит именно в том, чтобы путем практической работы на производстве добиться переключения писателей на социалистические рельсы. Это руководство РАПП не следует, и в этом заключается его большое упущение, существенно политически опасное.

Наличие настоящих фактов внутренней жизни ВССП является существование «болота», довольно значительной по количеству группы писателей, не имеющей определенного политического лица, крайне неустойчивой в своих настроениях и своими затрудняющей работу руководства Союза.

Вообще внутри ВССП до сих пор можно найти слишком много настроений и склонов благодушия. Только за последние месяцы стали обнаруживаться довольно резко противоречия во взглядах, творческих настроениях, в подходах к общественной работе. Эти противоречия необходимо углубить, фиксировать, оформить.

Много раз Союз справедливо упрекали за его общественную пассивность. В обсуждении и осуждении позиций «Литфронта», Перевала, в развернутой дискуссии о творческом методе члены ВССП действительно почти никакого участия не принимали. Вопрос о «Перевале» дебатировался только на правлении и резолюции, отмечавшей ошибки «содружества», почему-то не была опубликована.

Основная причина неучастия членов ВССП во всех литературных дискуссиях совершенно понятна. Я убежден, что очень многие писатели не удосужились прочесть ни одной литературно-критической статьи, а **потому и не поняли,** какую огромную для художественной литературы представляет собой теория Литфронта. Я убежден, что многие члены ВССП не только не следили за развернувшимся дискуссии о творческом методе в РАПП, но даже и не читали «Рождения романа» Либединского. Умы, захваченные бытовой литературой нередко ограничивается «Разгромом» Фадеева, да еще первой частью «Тихого Дона» Шолохова!

Мало того: многие попутчики не только не следят за развитием марксистской литературой, но и своих очередных задач недопонимают. Бросается в глаза отсутствие **ударности** друг к другу. Мне думается, что, если бы писатели дали себе труд познакомиться с творчеством своих литературных соседей, внутренние противоречия внутри ВССП обнаружились бы гораздо острее и ярче. Кроме того, нельзя не отметить своеобразную боязнь некоторой части членов Союза сделать принципиальной и очевидной для всех линию классовую и творческую неоднородность организации.

10

Нетрудно убедиться в том, что целый ряд важных решений майского пленума остался невыполненным. Развитие по линии творческой платформы ведутся крайне вяло. Дискуссия о творческом методе еще не развернулась. Если осенью 1929 года, в период реорганизации Союза, а также в момент поездки бригад, **ведущей** была московская организация, то теперь надо признать, что Москва отстает от Ленинграда. Наши ленинградские товарищи подготовку к осенней конференции ведут лучше, чем мы.

Творческие группировки внутри ВССП еще не оформлены. Связь ВССП со своими отделениями, с братскими писательскими организациями союзных республик почти не ведется. Формы, обеспечивающие установление постоянного контакта с РАПП, с Комакадемией и с МАПП, не найдены. Оформление взаимный подходит в зачаточном состоянии и т. д. Для того чтобы ВССП имел возможность быстро перестраиваться дальше, надо в значительной мере изменить методы руководства. Нельзя успокаиваться, пройдя только первый этап перестройки Союза.

Надо распроститься с «благодушием» и благодушием. Пора сверить и даже ориентировать.

Надо решительно бороться со всеми попытками задержать и без того медленно развертывающуюся Союз. Надо перестраиваться заново [6].

ВИКТОР ГОЛЬЦЕВ

* В первой половине настоящей статьи, напечатанной в прошлом номере «Л. Г.», допущена опечатка: последний абзац следует читать так: «противоречия молодых писателей, пытающихся найти свое место в литературе, но претендующих на какую-то «гегемонию» в ней».

ЗА БОЕВУЮ мордовскую литературу!

До революции мордовский крестьянин был под тройным гнетом — помещика, попа и кулака. Мордовская национальность была одной из самых отсталых и некультурных. Она не имела даже своей письменности; трудилася масса мордовского населения была почти поголовно неграмотной.

На территории теперешней Мордовской автономной области находилось 15 монастырей во главе со знаменитой Саровской пустынью, имелось более 2.000 церквей и молелен. В 1926 году среди мужского населения было 18 проц. грамотных, среди женщин — 5 проц. Цифры грамотных в подавляющем большинстве приходились на попов, кулаков и мещанин.

Теперь в области 3 газеты: «Эрзянь коммуна» (эрзянское наречие), «Одведь» (мещанское наречие), «Красная Мордовия» (русская).

В области — 30 совхозов (зерновых животноводческих и технических культур). Этой весной совхозы засеяли 125 тыс. га. В области работает 660 тракторов. К весне в колхозах объединено 85 проц. земледельческих хозяйств; к концу года коллективизация возрастет до 75 — 80 проц. — область в основном завершит сплошную коллективизацию.

Таковы огромные хозяйственные и культурные сдвиги в этом отсталом крае, происшедшие на основе ленинской национальной политики и на основе выполнения генеральной линии партии.

Вместе с политическим и культурным подъемом мордовского населения растет и мордовская литература. Существующая в области организация пролетарско-колхозных писателей объединяет (с ударниками-начинающими) около 200 писателей. Кроме литературы на мордовском и русском языках, в издании Центрогиза выходит ряд сборников. Мордовская организация развивает работу над показом ударной социалистического производства лучших совхозов и колхозов; упорно борется с правыми, «левыми» и национал-шовинистическими тенденциями в литературе, работает над созданием мордовского литературного языка.

К первому своему съезду, происходившему 20 — 24 июня в Саранске, мордовское ОПКП организует с немецкими писателями. Организация освободилась от рапповских тенденций, и свое время правильных и тому, что мордовские писатели существовали в Мордовской автономной области на правах секции при русской организации. В настоящее время руководящая роль оборочена за мордовскими писателями.

Мордовское ОПКП разоблачило национал-шовинистическую кулацкую сущность «криношевщины», которая, в условиях молодой мордовской литературы, до последнего времени пользовалась авторитетом подлинно национальной мордовской национальной литературы и даже просачивалась в ряды ударников. Наряду с отпором национал-шовинистическому уклону, с'езд Мордовского ОПКП ударит по «левацким» загибам, особенно по рецидивам «литфронтовства», решительно осудив попытки группы мордовских писателей, живущих в Москве, стремившихся в свое время навязать «литфронтовские» тенденции мордовской организации.

Мордовская литература прошла первый этап своего развития. Дальнейшая задача — неуклонная борьба за творческие и правильные литературно-политические позиции, решительный отпор правой кулацкой опасности и «левацким» загибам на фронте литературы.

В первую очередь Мордовское ОПКП должно развернуть активную работу по показу героев социалистического труда хозяйственных и культурных достижений трудящегося населения области.

А. СУББОТИН

СТРАНА должна знать своих героев

действительный показ

В «Правде» (июнь—июль) напечатаны очерки Ю. Либединского (один очерк), Ф. Панферова и В. Ильенкова (три очерка).

Тема этих очерков—борьба за темпы, преодоление трудностей, новый труд и новый тип рабочего, факты героизма и лучшие образцы работы. Может быть не все очерки, таким образом, **целиком** отвечают на запрос показа героев, но в **основном** они должны рассматриваться именно в этом плане.

Каждый из очерков заслуживает индивидуальной подробной оценки. Мы оставляем это для особой статьи (или статей) и здесь ограничимся лишь некоторыми общими замечаниями, которые имеют целью передать их опыт—бесспорно сильнейший из того, что пока напечатано о лучших,—другим писателям и рабочим-кружковцам, работающим над показом героя.

Уже выявились более или менее образцы показа героев: недостатки—штамп, схема, увлечение биографией в ущерб изображению разворачивающейся перед героем действительности, фактография вместо глубокого показа и т. д. Ясные нами очерки в основном чужды этих недостатков. Как же преодолены в них эти трудности—основные для большинства пишущих о героях?

Основное здесь то, что «герои», действующие лица очерков, взяты не по признакам хронологии, а в их развитии. Существо очерков составляет не рассказ—перечисление чьих-то хороших дел, записанных со слов героя, а показ этих самых дел. Отсюда уже, естественно, меняется вся композиция произведения—неизбежно играет в ней важную роль **обстановка**, окружающая **среда**, наглядно видны трудности, кои встают перед глазами читателя факты героизма.

Вместе отвечает всем этим требованиям очерк Ю. Либединского «Дети Горлюшенко» («Правда», 23 июня). Он представляет собой глубокий показ новых условий и новой обстановки на одних предприятиях, того, как растут, развиваются молодые кадры рабочих, как создается их психология, как из бывших беспризорничек, вчерашних серединок-простушек, «случайных» людей вырастает герои. Либединским взята только двое—Пашка и Петька, даже глазным образом один Петька, но в одном—писатель сумел показать многих, потому, что **«...ведь Петька и Пашка и по возрасту и по уровню своей сознательности характерны для значительного слоя лучших людей завода...»**

Либединский не говорит о героизме Пети Горлюшенко, он **показывает** этот **героизм**. Когда вы читаете о больном Петьке, принедшем на завод и, несмотря на ожоги, сварочным вагранку,—вам не нужно подсказывать: «вот герой»—вы это чувствуете сами!

Точно так же поступают Панферов и Ильенков в своих очерках о Кузнецстрое. В «Котловане победы» они показывают обвал, ещё не сгинувший жизни бригады. Ощущение борьбы передается читателю, когда Ершов своим примером заражает вчера еще бывшего в последних рядах Малышева, когда «осязанно с глухим стоном с откоса рухнула кладь и рисовалась в котловане». И когда «на другой день Ахилеев и многие другие из тех, кто был под землей, снова копали с ленатами в котловане».

Но показать героизм — это лишь половина задачи. Другая и важнейшая сторона дела—показать, как люди пришли к этому героизму, какие условия рождают энтузиастов.

Петя Горлюшенко у Либединского проходит большую школу. Американский мастер Холме пробуждает в нем инициативу, своим доверием воспитывает у него чувство ответственности, возвышает краснопутиловцев, каждодневное внимание всей страны, обращенное на Сталинградский завод, задевает Петькину пролетарскую честь, соревнование заставляет его работать все лучше и лучше.

Ершов и Малышев в «Котловане победы» Панферова и Ильенкова, Шидек в их же очерке «Кокс. Люди. Отзеупор» ближе движимы этой идеей соревнования, ответственностью за свое дело.

«Что такое с ним творится сегодня, с этим человеком, всегда уравновешенным и уверенным в себе?.. Сегодня его слова побила бригада. Обоженского,—пишут Ильенков и Панферов про бригадира Шидека.

Этот взвод приводит Шидека не к автаркизму, не к анархической конкуренции, а к искачию путей, к рационализации труда своей бригады, к хозрасчету.

Так писателями раскрывается смысл социалистического соревнования.

А новые формы труда создают и нового человека. Это убедительно показано в очерке тех же авторов «Бетон» на примере бригады Стасюка. Пролетарское руководство, дисциплина, организованность—вот что превращает вчерашних единоличников в опору социалистической стройки.

*

Очерки Либединского, Панферова и Ильенкова не свободны от недостатков. У Ильенкова и Панферова, например, называется простота, не всегда формально удачно передается ими сфере борьбы, в стиле заметна некоторая натянутость.

Но мы говорились о недостатках не говорить, так как отдельные ошибки и срывы не снижают основного достоинства очерков—правильности их основной творческой линии. Этот лучший опыт показа героев нужно широко использовать.

худшее о лучших*

Издательство ленинградским ГИХЛ недавно выпустило «Слово о лучших»—показатель того, насколько некоторые писатели не понимают и недооценивают задачи ударно-творческого задания ГИХЛ. Ударная темы в выпуске этой книжки достигнуты за счет качества продукции.

Стахановские Зуккау—образец читательского внимания к боевому походу пролетарских писателей; «книжные» рифмы бесконечно увлекаются биографии героев. Дал своих «поэтических» упражнений В. Зуккау взял биографию лучшей работницы ткацкой фабрики им. Володарского М. Косаревой, награжденной орденом Трудового красного знамени. Исходя задания Косаревой, поэт старательно опускает общественно-политический рост батрачки и работницы. И когда он приходит читателя к 1924 году, когда Косарева призывается в ряды ленинской партии, читатель недоумевает—он оказывается совершенно ненужным. Косарева вообще исчезает из поля зрения поэта. Тем «вообще» дается война и революция, но они описываются поэтом с точки зрения стопроцентного пацифиста, не различающего, где кончается война империалистическая и где начинается война гражданская:

Земля стосковалась по крови,
Земля была холодна.
Людей повезли, как кроликов,
Сказали тебе: «Война».
Но время взлетело на воздух,
Повсюду гроза прошлась.
Сбросила старые звезды
Крутая советская власть.
Сквозь пепел войны пророста трава,
Победы прошли в стране...
Но... 24-й год. Январь.
— Ленина нет.

И вот теперь,—рассказывает поэт,—в рядах ленинской партии Косарева отдает свои силы «за первую молодость лучшей страны, за песни девчонок (?), за молодежь». И «лучшей наградой за выслугу (?) лет» оказывается «страшная тяжесть (?) и слезы побед». Говорит же о вступлении фабричной учительницы в дни с половиной года. В. Зуккау ограничивается мало-мальски заметным замечанием об участии героя Косаревой в производственных победах. «Так рождался строй». И в этом вся суть тем.

Мало сказано и ничего не показано.

*

В такой же «рифмованной биографии» поэт Б. Шидт делает попытку показать ударника Алимова в первом году пролетарской революции и в решающий год пятилетки. Но допущенные автором ошибки в первой части биографии делают стихотворения Шидта просто вредными: в качестве примера героизма Алимова в 1919 году поэт приводит... самосуд над бывшим хозяином и т. д.

*

В. Лозин отказался от биографии. Он решил показать орел-ударника на производственном фоне, на фоне борьбы за производственный план. Свое стихотворение он посвящает рабочему-ударнику, матеру сушильного отдела тов. Маркову. Но что из этого получается?

Рвачи, бузотеры и летуны
Летят,
кричат кругом.

—рисует Лозин прорыв, и слепит «трубить лебеду»:

Но сила стоит на твоей стороне,
Друзья идут за тобой.
Уже неприятель прижат к стене—
Он проиграет бой.

И поэт уже радуется, что все окончилось так быстро, легко и благополучно:

Грохочут машины,
веселым шагом
Идет грузовик внизу.
Рулон за рулоном
готова бумага,—
Беру карандаш и пишу.

Право, т. Лозин, не так уже благополучно с бумагой, чтобы тратить ее на такие стихотворения.

Б. Р.

* И. ЗУККАУ, В. ЛОЗИН и Б. ШМИДТ. «Слово о лучших». Серия «Страна должна знать своих героев».—ЛАПП, ГИХЛ. 1931 г. 4 гр. 22, П. 35 к.

тракторобуд

Я. ГОРОДСКОЙ. «Рапорт второй конференции Тракторостроя». Надво «ГАРТ». Харьков. Стр. 15. Ц. 20 к.

Литературный рапорт харьковского пролетарского поэта Я. Городского посвящен борьбе за Тракторострой и героям этой борьбы. Успехи Тракторостроя общеизвестны.

— «Мой рапорт не о себе—о вас», — пишет Я. Городской.

К сожалению «Тракторобуду» присущи недостатки, являющиеся типовыми для ряда произведений о лучших. Я. Городской «воспевает» героев по следующей схеме: он декламирует о соревновании «вообще» и получив упоминает те или иные фамилии: завкома, парткомитета, бригадиров и пр. Сомневаемся, чтобы это было убедительно для самих тракторостроителей. Не сомневаемся, что это вовсе не убедительно для большинства читателей «Тракторобуда». Вот пример:

Тракторобуд. Ночь. Осень.
Искры от звездных сбоапов.
И вот не важный вовсе
Заворг комитета Шуванов.

(следует цитата из выступления Шувалова).

Победа. Горн и здравствуй,
Песня тебе не спета.
Это восьмой участок, —
Соревнование — это.

В целом «Тракторобуд»—отвлеченная художественная декламация:

Это наш, это наш
Марш —
Это мы, это мы, —
Из тьмы.
Это бой, это бой
С тобой.
Черный день, черный день
Деревень.

По такому же типу строятся аналогичные произведения ряда других поэтов.

Нужно не декламировать вообще, а показывать лучших, передавать опыт их борьбы. Нужно внимательнее относиться к вопросам художественного качества показа лучших.

А.

среди книг

ГЛАЗАМИ БАБИЧЕВА*

Бабичев взялся за перо. Ему надоело крить колбасу и снабжать население дешевыми обедами. Но и в качестве писателя Бабичев остался верен себе.

Книга, которую выпустил Бабичев в свет, называется «Степь зовет». Рассказы, вошедшие в эту книгу, за малыми исключениями носят автобиографический характер. Вот молодой Бабичев, на сей раз выступающий под псевдонимом Дунгин, сопровождает торжественную оду в честь породистой советской коровы.

«Вот эти самые коровы, эти замечательные выразительные зрелища... Это уже формирующийся социализм. Ваши дети будут получать молока вдоволь... мы изживем из питания мясо, больше в себе, народу с пользой, болезнетворные начала... И потому нам не сделать Союз Советских Социалистических Молочно-Растительных Республик... Кто нам запретит это, раз это хорошо и раз мы, и только мы, хозяева земли».

Основной героиней, к которому часто и любовно обращается писатель Кретюков,—это тип девушки, увлекающейся своей работой, но личного переплетенной с производством. Вот героиня Рыбалка. Он бережно относится к доверенному ему добру, он борется с алкоголизмом, преодолевая, но за ней его работе лежит отпечаток **нейтрального профессионализма.**

«Раз приставили к делу—значит это...»—говорит трактористу в одном рассказе Кретюкова. Эта формула служит ценным выражением «служебности», «профессионального» отношения к работе, которую приходится выполнять героям Кретюкова на различных участках строительства.

В рассказе «У молочных рек» выведен тип агронома, извлекающегося от индивидуалистического мещера и пессимизма. Возбужденный и радостный, он говорит:

«Эти сумасшедшие со своими безумными масштабами, понимаете, увлекли меня так крепко, что не мыслишь себя без этих головокружительных масштабов». Агроном, называющий большевиков (хотя и одобрительно) «сумасшедшими», а их планы — «безумными масштабами», как мало он похож на подлинного советского агронома!

Другого мнения держится о своем герое Кретюков. От агронома «бросающую молодой удалью, кипучестью человеческих деяний, беспредельностью размаха и рабочей жилки» (!).

«...И невольно тогда подумалось:

— иметь таких вот сотню тысяч агрономов—чего, чего бы наделать с ними можно... землю ведь перевернуть можно!..

Сущность метода Кретюкова — это **количество, помноженное на эмпиризм.** Реалистический размах в его книге заменен бесформенным бытописанием, плоским, статичным эмпиризмом.

«Эмпирик будет твердить, что его окружают вещи, вещи и только вещи. Так, это правильно, но какой толк в подобном утверждении? Среди вещей эмпирик не усмотрит тех отношений, которые эти вещи связывают». (Ленин).

Кретюков не чувствует показа людей (в отличие от Куприна, который видит только вещи). Но Кретюков, как и литфронтовец Куприн, за вещами не видит «тех отношений, которые эти вещи связывают». (Ленин). Он не поднимается на нужную идейную высоту. Однюдь не случайно, что в рассказах Кретюкова отсутствует показ трудностей и противоречий нашего роста, преодолевшего в условиях классовой борьбы.

Деловые в своей основе, повествования отдельных рассказы, вошедшие в книжку «Степь зовет», не являются достижением ни для Кретюкова, ни для пролетарско-колхозной литературы.

МИХ. БЕККЕР

* ВАН КРЕТЮКОВ. «Степь зовет». ЗИТ. 1931. 4 гр. 157 П. 1 р. 70 к.

повесть о рождении украинского колхоза

П. ВИЛЬХОВЫЙ. «Зеленая фаэмка». ГИХЛ. 1931. Серия украинской литературы. Стр. 120. Тираж 5.000. Ц. 95 к.

Борьба за организацию колхоза в одной из отсталых украинских деревень—главная тематика книги.

Основная фигура ее — дед Максим, посланный партией директором машинно-тракторной станции. Это — старый, закаленный в огне гражданской войны партиец. Он упорно борется за перевод деревни, проявляет энергичные и настойчивые шаги в партийной ячейки, открывая глаза крестьянам на неприглядные языки» социалистических форм хозяйства. Несмотря на трудности в коллективизации и отдельное сопротивление кулаков, передовой части деревни во главе с Максимом удается повернуть дорогой на новые рельсы.

На фоне развернутой борьбы за организацию колхоза неясны и стойкие партийцы, и комсомольцы прачей ударяет — секретарь, и кулаки, и полуцерковники, и попутчик-агроном. Но автор любит в передовой бедноте, ограничиваясь поверхностным упоминанием о комнезаме, помощником в кулацкие руки. Ярко показана только одна фигура бедняка-подкулачника, впоследствии поворотившего в сторону колхоза.

Автор упускает из виду бедноту. Он, повидимому, забыл, что именно беднота — главная опора партии в деревне при проведении коллективизации.

В повести почти не показана также роль комсомола, как застрельщика коллективизации в деревне, хотя в книге и фигурируют отдельные комсомольцы.

Автор схематически подошел к важнейшей проблеме связи рабочего класса с деревней и его руководящей роли в коллективизации, ограничившись беглым показом случайной в повести «рабочей бригады».

Художественно книга слабовата. Центр тяжести переносится в большинстве случаев на собрания, где читатель знакомится с прочитываемой работой. Это предопределяется на художественном раскрытии событий. В общем повесть Вильхового, чрезвычайно актуальная по замыслу, недостаточно сильна по выполнению.

Б. ТЫШКЕВИЧ.—Кружок «Рост».

о книге

«БОЛЬШАЯ БАЛАХНА»

Резолюция расширенного президиума правления ВССП

В соответствии с оценкой, данной книжке «Большая Балахна» майским пленумом правлений Московского и Ленинградского отделов ВССП, подвергшуюся всесторонней критике, Моск. отд. правления ВССП считает необходимым подчеркнуть, в связи с имеющим место последнее время обсуждением сборника в печати, что выпуск «Большой Балахны» в таком виде явился несомненной ошибкой со стороны тамошней из балахнинской бригады. Тем-рицки этим выступлением в значительной мере сняли положительные результаты, достигнутые ими в работе на самом производстве, которые были отмечены как правлением ВССП, так и общественно-хозяйственными организациями на месте и в Москве.

В том виде, в каком книжка была выпущена в свет, она является предной в силу грубых политических ошибок, в ней содержащихся.

Своевременная и тщательная редакция могла бы сделать книжку нужной и актуальной, сохранив в ней ценный материал, рисующий условия борьбы за выполнение промфинплана на бумажном фронте и помощь, которую может этой борьбе принести участие советского писательства. Правление считает, что отсутствие с его стороны редакционной проработки «Большой Балахны» является ошибкой. Правление считает необходимым, чтобы впредь вся печатная продукция бригад ВССП или отдельных членов союза, выступающих от имени ВССП, подвергалась редакционно-политическому контролю союза и опубликовывалась под маркой ВССП лишь с ведома правления союза.

НИ ОДНОЙ ТОННЫ БУМАГИ НА БРАК

полностью мобилизовать внутренние ресурсы

ликвидировать обезличку в издательствах

рост советской книжной продукции

годы	листы-оттиски	прирост
1927	1197 миллионов	— проц.
1928	1417 „	18 „
1929	2010 „	42 „
1930	3025 „	50 „
1931	3750 „	25,6 проц.

производство художественной книги

годы	листы-оттиски	прирост
1927	215 миллионов	— проц
1928	329 „	53 „
1929	461 „	42 „
1930	485 „	только 4 „
1931	400 „	резкое снижение на 18 проц.

конкретные задачи

Заседание исподбюро ФОСП с писательским активом, состоявшееся 16 июля, дало развернутую постановку вопроса о бумаге. Материалы и резолюция этого заседания являются отправными точками, от которых нужно отталкиваться в конкретной борьбе за бумагу, за каждую лишнюю тонну, за рациональное использование каждой наличной тонны.

Сейчас задача состоит именно в том, чтобы **борьбу за бумагу насытить предельной конкретностью.** Нам, писательскому коллективу, меньше всего нужно слова и споры «вообще» констатировать бумажный прорыв, выносить новые, высокоинстанциональные резолюции. Вместо всего этого требуется реализовать резолюцию исподбюро ФОСП, **ежедневно, совершенно практически** участвовать в мобилизации бумажных ресурсов.

Одним из основных элементов этой работы является борьба за наиболее рациональное использование наличных бумажных фондов. Она в кратчайший срок принесет наибольший эффект и **сегодня** может служить основным путем для смягчения бумажного кризиса.

Речь идет о мобилизации внутренних ресурсов внутри издательств, о пересмотре редакционных портфелей и сети периодических изданий, о перераспределении фондов внутри ОГИЗ, уничтожении макулатуры и т. п.

Поле деятельности здесь громадное. Достаточно указать, что до сих пор самими издательскими планами предусматривается... нерациональное расходование бумаги. Зарывев учитывается **умение работать,** ошибочные издания и т. п. Все это стоит и переводе на бумагу очень дорого, столько, что, уничтожив этот отрицательный план, можно значительно смягчить бумажный кризис.

А актуальным книга, оказывающаяся макулатурой только потому, что она поздно вышла? А неумение распределять книгу, штабелирование ее, маринование месяцами на складах, в то время когда читательский спрос удовлетворяется лишь в незначительной степени? Все это до сих пор продолжает занимать еще очень значительное место в системе ОГИЗ, Книгоцентра, отдельных издательств.

Именно здесь-то и нужны писатели. Именно сюда должно быть направлено наше внимание. **Нужно драться за каждую полезную книгу, бороться с каждой ненужной, халтурной, вредной.** При этом было бы большой ошибкой ограничивать круг писательской деятельности только художественной книгой. Мы обязаны заинтересоваться и другими участками, ибо без установления взаимосвязи и связи отдельных участков, без выяснения положения всего книгоиздательского дела в целом невозможно ставить вопрос о перераспределении бумажных фондов.

Мы должны явиться инициаторами новой постановки вопроса о бумаге: **только тот должен получать бумагу, кто умеет ею распорядиться, только тот может работать с книгой, кто умеет с ней работать.** Те издательства, которые нерационально расходуют бумагу, должны ее лишаться; те работники, по вине которых издается макулатура или вредные книги, по вине которых происходит затоваривание, — должны сниматься с работы.

Художественная книга составляет **30%** всего библиотечного спроса

В общем потоке книжной продукции художественная литература в третьем квартале 1931 года составляет 3,9%, вместо 5,8% по плану.

Бумага — фронт, и на этом фронте нужно по-настоящему драться.

Следующий вопрос — о пересмотре сети периодических изданий. Уже не раз указывалось, что кричащее количество издаваемых у нас журналов далеко не всегда переходит в качество. Очень многие журналы ведут параллельную работу, а некоторые не ведут никакой, совершенно не оправдывают своего назначения. Это относится не только к литературно-художественным, но и к специальным и к имеющим особо важное значение — массовым техническим журналам. У них нет дифференцированного подхода к читателю, они почти не ставят практических вопросов и т. д. Лишь недавно «Правда» подвергла критике ряд технических изданий, и это подтверждает нашу мысль о том, что на этом фронте неблагополучно. О неблагополучии говорят и отзывы прессы о «тонких» журналах.

Не прожектерствуя, а серьезно изучив сеть периодических изданий, писательская общественность должна поставить вопрос о ее рационализации и пересмотре.

Статья т. М. Горького, вчера напечатанная в «Известиях», дает образец такого делового подхода.

Охватить весь этот круг вопросов можно лишь при условии развернутого массового похода писателей в издательства, на склады Книгоцентра, в редакции, в Союзбумагу и Комитет по делам печати. Все литературные организации под руководством ФОСП по единому плану должны создать ряд писательских бригад и поручить им конкретные участки работы.

МИХ. Ц.

„обезличка" в украинском ОГИЗ

от нашего корреспондента

План первого полугодия Украинский ГИХЛ (ЛИМ) выполнил на 70 процентов. Во втором полугодии, однако, плани задания художественной литературы на Украине находится под угрозой, несравненно более значительной. Основная причина: систематическая недодача бумаги ЛИМ, прогрессивно возрастающая с каждым кварталом. На третий квартал правление украинского ОГИЗ отпустило ЛИМ всего 40 тонн бумаги — смехотворно микроскопическая цифра, если принять во внимание, что готовыми, давно сданными ЛИМ рукописями типографии загружены, примерно, на 400 тонн бумаги. Редакционный отдел ЛИМ в настоящий момент вынужден свернуться.

Но даже и ту бумажную «норму», которая отпущена украинским ОГИЗ для ЛИМ, не всегда удается своевременно использовать. Хаос, царящий в полиграфической базе объединенных украинских издательств, отсутствие какой-либо определенной типографии, находящейся в договорных отношениях с ЛИМ, — все это привело к тому, что художественная продукция на Украине, в смысле печатания, автоматически отодвигается на задний план. Типографии предпочитают иметь дело с изданиями многотиражными, не требующими большой работы в наборной, и «маринуют» выпуск художественной продукции, требующей кропотливого внимания.

Это ненормальное положение с ЛИМ, равно как и с издательством комсомольской художественной литературы «Молодой большевик», заставляет руководителей ЛИМ, совместно с украинской писательской общественностью, поставить перед правлением ДВОУ ряд насущных вопросов.

Прежде всего, — как вполне справедливо указывают руководители ЛИМ — С. Пилипенко и П. Лакиза, — должна быть ликвидирована «обезличка» полиграфической базы. ЛИМ должен быть прикреплен к определенным типографиям, которые в нем были бы заинтересованы.

Еще худшего вида «обезличка» культивируется в деле снабжения бумагой отдельных издательств украинским ОГИЗ (ДВОУ). Часто механическое распределение бумаги между издательствами и столь же механическое, в большинстве случаев всеизвестное для каждого из издательств перераспределение бумажных фондов не только сводит на нет планирующую деятельность каждого издательства, но и срывает их хозяйственную мощность. Перечисление на хозрасчет издательства, благодаря такой бумажной политике, будучи связанными договорными отношениями с авторами, но не будучи связанными никакими договорами по вопросу о бумаге, о ее качестве и сортах, теряет всякую возможность регулировать свою деятельность и с хозяйственной эффективностью использовать свои плановые предположения.

Издательство художественной литературы, которое было и несомненно может быть в издательском отношении прибыльным, благодаря такой политике оказывается дефицитным, задерживает на долгие месяцы свои расчеты с авторами и, наконец, вынуждено в последнем квартале обратиться с просьбой о дотации.

В результате такой двойной «обезлички», бумажной и полиграфической, в ЛИМ окончательно сорван план переводной художественной литературы (даже альманах международного объединения революционной литературы, отредактированный еще в марте месяце, изготовляется в печать только сейчас!). Наконец, с колоссальным опозданием появляются периодические издания, журналы за март—апрель месяцы выходят в июле и т. д., и т. д.

Однако, несмотря на все эти факты, писательская общественность Украины еще не вполне раскачалась для борьбы за планомерное использование бумажных ресурсов и полиграфической базы, предназначенной для издания художественной литературы. Эту инертность нужно преодолеть немедленно.

А. Л.

песнь о бумаге

Немецкую песню
Мурлычу со сна:
На севере диком
Стоит-де сосна.
Сама,
Как писала бывало,—
На ять
Стоит.
Ни тебе
Велел ей стоять,
Стоит и мечтает
О холой стране
И, думает с грустью,
Что больше—стройней.
Холодные ночи—
Горячие сны.
О, ох.
Стройнейшие полярной сосны!

**

Мне гейневой песни напев
Надел—
Шумы, мои песни,
Карельских сел.
И мы не без песен!
И север не без—
Валунозначенных, травных,
Но все же небес.
Еловые ветки
Под ветром поют
Про север советский
Мужающий в бою.
Про то и про это.
Откуда и с чем
Пришла наличане
Под самую Кемь,
Про то,
Как стекло
Беломорского льда
Гранило бутсы
Британских солдат.
Про то,
Как подлодки домой чудища
На льду нарисовались
Британский десант.
Мне памятна песня
Весной поры.
Тогда не звенели
В лесу топоры,
Лишь петух
На рогах пожалованных тех
Ветошки порубленных ух
Шевелил.
Но позже руки
В карельских лесах
Снимают топор,
Как сжимали штык.
И в песни случаются
Другая пора—
Ударом
Разчайшистого топора.

***

Фабричный гудок.
Нагрянулась, орёт.
Раскрыла ворота
Проворливый рот.
Испытанный приказ,
Вернейшая весть,
Что фабрике хочется,
Хочется
Есть.
Ей пригнется каюк
Еловой скобы.
Ей кажется:
Штабеля бревен —
Валы.
Ей слышится звяк
Как борьбе в пору,
Визжат кородеры,
Вгрызаясь в кору.
Ей видно,
Как с дерева платье содрано,
Стыдливое тело
Умоет с одра,
Как стынет, со стрелы,
Зеленая кровь
У бревен.
Унижениям их бушевать
И голые бревна,
Тела без рубах,
Хрустят
У голодной машины
В зубах.
Железная челюсть
Сжует их до тла
И сплюнет
В железное брюхо котла.
Окончена песня!
Не стонало, нет!
Пред бурями гнуться,
Сквозь снег зеленеть—
И жилами жить
Человеку равно.
Жатайцы снеговея
Плачет органно.
Не плачь!
Так покорствовать
В бумажном месте
Ты будешь
Советской land
Шелестеть,
А новую песню
Запишу я свою—
О всех,
Прославленных, как мастеров г. Вичуга,
О всех, что уйдя
Не вернулись назад—
О всех, не успевших
Себя доказать
О всех,
Ведомых напиванных, когда
Рубашки под корень
Лета и зла.
Я в небе,
Как воду в кувшине
Пошу
Лесов.
Поколений
И времен шум

ЭММАНУИЛ ГЕРМАН

Кондопога. 1930.

ГИХЛ лицом к ударнику

в массовую работу издательства

вовлечь литорганизации

За недолгий срок своего существования массовый сектор ГИХЛ, возглавляемый выдвиженцем-рабочим Электрозавода т. Павловым, добился заметных достижений. Сектор уже сгруппировал вокруг себя 200 рабочих-ударников, организовал литературную консультацию для начинающих писателей—за несколько месяцев дано более 2.000 отзывов,—создал редакционный совет при издательстве из рабочих-ударников, организовал институт социалистических заместителей редакторов, ряд выездов писательских бригад на стройки и предприятия, наконец, выпустил на печати творческий материал литударников (вышел сборник «Рабочий призыв», в ближайшие дни выходит другой и выготовляется третий, готовится к печати ряд новых произведений ударников Грозного, Днепростроя и колхозников).

Нельзя сказать, однако, что работа массового сектора в полной мере соответствовала важнейшим задачам, связанным с призывом ударников в литературу. Больше того, налицо в ряде случаев, явное отставание от требований момента. Новизна дела может служить здесь, в лучшем случае, **объяснением** положения, но не оправданием его.

Можно ли, в самом деле, оправдать факт пятимесячной задержки в производстве второго сборника «Рабочего призыва»? Можно ли оправдать тот факт, что до сих пор почти ничего, если не считать литконсультации, не предпринято для систематической помощи литературной учебе ударника? Можно ли, наконец, оправдать, что сектор не сумел сгруппировать вокруг себя творческие и критические кадры пролетарского литературного движения?

В чем причина такого отставания?

В массовой работе ГИХЛ до последнего времени давала себя чувствовать сторонность от руководящих писательских организаций. Вот почему работа с ударниками не была поднята на достаточную политическую высоту. Вот почему отдельные достижения и инициатива сектора не могли быть своевременно закреплены. Вот почему, наконец, назревшем, разнообразность и расширенность тем существования с рабочими-ударниками (мы имеем в виду взаимоотношения массового сектора ГИХЛ с Профинтерном), не только не уничтожались, но и заведомо усугублялись.

Главной задачей сектора, главным элементом массовой работы является помощь в литературной учебе ударника. Огромную роль приобретает работа организованной сектором литконсультации.

К сожалению, в работе ее до последнего времени не чувствовалось строго продуманной и оформленной системы. Важнейший этот участок обслуживался узким кругом консультантов, часто со-

ГИХЛ

не только печатать, но и руководить

о задачах литературной страницы

Литературную страницу в районной или фабрично-заводской газете в большинстве случаев приходится «завоевывать». Редакция обычно неохотно уступает полосу для литературного материала. Почему? С одной стороны, здесь повинны местные общественные организации, часто недооценивающие значение литературы и пролетарского литературного движения, с другой — газетное само руководство этой литстраницей.

Опыт большинства литературных страниц в основном неважный. Литстраница часто совершенно выключается из содержания остальных полос газеты: газета борется за выполнение плана, а литстраница, замкнувшись где-нибудь в месяцах, помещает стихи по поводу и готовящиеся смерти Маяковского. Такой случай случился с некоторыми литстраницами этой весной. Конечно, руководство газеты при таких обстоятельствах смотрит на литстраницу, как на неоправданную помеху газете, и старается ее поменьше беспокоить, а при первой возможности освободиться от нее. И редакция безусловно права.

Идеальный пример литературной работы газеты — это полное **отсутствие** литстраницы, но **систематическое печатание** литературного материала. Газетный литературный материал по существу должен непосредственно мобилизовать читателя на выполнение очередных решений партии и правительства. А если так, то, естественно, возникает необходимость в каком-то специальных рамках, в определенной полосе, именуемой «литстраница».

Почему бы, например, стихотворение или очерк, показывающий любой боевой участок темпов, не поместить в специальную подборку газеты в дружных борцах на том или ином участке строительства? Несомненно, этот очерк здесь будет совершенно уместен. А зачем статья или заметка о работе ассоциации или кружка — это никого только «литературное» дело? Нет. И этим статьям место не только в литстранице, но и в определенных отделах газеты.

Литературная работа является одним из важнейших участков культурной работы местных партийных и профессиональных организаций. Из этого конечно, не следует, что мы рекомендуем «смолять» подчас с большим трудом «вскрывные» литстраницы. В целом ряде случаев (и там, где литературное движение только еще зарождается, и там, где местная литературная организация еще слишком слаба, и там, где литассоциации удаляется мало внимания со стороны общественных организаций) литературная страница предстает особенно боевым и ответственным работу. Литстраница не может быть отделена от задач газеты. Включение литературного материала в специальную полосу еще не означает, что материал литстраницы «обречен» на обособленность. С другой стороны, наличие литературных полос не обязывает, что дальше литматериал в других отделах газеты быть не должно. Наиболее действенный, наиболее художественный материал несомненно будет более уместен в той или иной специальной подборке газеты.

Каковы основные задачи литстраницы? Прежде всего литстраница должна быть **непосредственным организатором литературного движения.** Некоторые литстраницы механически сообщают читателю: такая-то литгруппа закончила разгрома, такой-то кружок плохо работает.

Нужно ли это? Во вторую очередь.

В первую очередь необходимо привлечь внимание партийной и профессиональной общественности к слову работающей литгруппе или возглавляющему кружку, указать конкретные пути перестройки работы, рассказать, кто повинен в плохом качестве работы, сделать из этого определенные, четкие выводы. Вот задача литстраницы. Не только освещать работу ассоциации, кружка, но и руководить этой работой. Работа литгруппы или кружков должна быть постоянно в центре внимания литстраницы. Литстраница должна суметь показать опыт передового литкружка, он может и должна быть сравнительным, контролером и арбитром социалистического соревнования литкружков.

Литстраница должна также являться непосредственным руководителем творчества рабочих-ударников. Многие литстраницы соревнуются не руководят творчеством, а механически печатают часто совершенно неудачные произведения литкружковцев. Будет плохо, если литстраница вместо печатания неудачных стихотворений будет постоянный обзор творчества начинающих авторов, развернет борьбу за художественное качество литературы, даст принципиальную оценку типичных недостатков, покажет ростки нарождающихся новых и писателей.

Литстраница может и должна помогать ассоциации в развертывании показа рабочих-ударников в литературу. Профессионально далеко не единственной формой этой работы может явиться хотя бы организация непосредственного притока художественного материала в газету.

Если литстраница сумеет наладить эту работу, если она будет проводить систематическую творческую помощь начинающих авторов — или устную, или письменную, или через печатные обзоры (если собрания использовать все эти формы), — то она в результате такой работы вырастит творческие силы в данном районе и поможет литорганизации в проведении прочных установок.

Литературная работа у нас ведется не писателями-одиночками, а организованными, массовым литературным движением. Этого не учитывает целый ряд литстраниц, замкнувшихся исключительно в рамках своего района, своего завода. До сих пор еще некоторые литстраницы не отказались на постановление секретариата РАПП о показе героев пятилетки. Характерно, что одна литстраница РАПП именует ВАПП — названием, несколько лет не употребляющимся в литературной практике.

Несколько слов о подаче литературного материала. Лучшие литстраницы рабочих и фабрично-заводских газет (например, страничка «Подъем водолазов» АПП, страничка газеты «Наша правда» фабрики «Красный Октябрь» и др.) практикуют небольшие художественные зарисовки, небольшие библиографические заметки, маленькие литературные статьи и т. д. Таким образом, эта литстраничка дает максимум литературного материала, повышает общественности судить о творческом лице ассоциации или кружка, помогает работе литорганизации, передачей опыта лучших кружков.

Какая бы конкретная задача ни стояла перед газетой (борется ли газета за ударное выполнение уборочной кампании), литстраница должна участвовать в борьбе за ее разрешение, должна показывать героев социалистической действительности и стремлением обучить ее в идейно-художественную форму. Условия этих заданий требуют связи с руководящим партийно-политическим органом и широкой общественностью, дается задача: решить участие в этой кампании и написать очерки о лучших комсомольских красноармейцах-ударниках.

Редакция рассылает этот номер по районным газетам, имеющим литстраницы, и ставит на обсуждение поднятый в настоящей статье вопрос. Редакция просит районные газеты выслать комплекты литературных страниц с 1 января 1931 г. и в будущем систематически присылать их в «Литературную газету».

на слете литкружков

Фрунзенского района

Вечер Фрунзенского райбюро МАПП, посвященный творческому смотру, выгодно отличается от всех последних творческих смотров, проводимых в других районах.

Вечер начался в переполненной кружковцами аудитории докладом А. В. Луначарского — о задачах, стоящих перед ударниками, призванными в литературу.

Говоря о задачах, стоящих перед нашей литературой, А. В. Луначарский отметил, что пролетарский писатель должен обладать двумя элементами: тонкой восприимчивостью к окружающей советской действительности и стремлением обучить ее в идейную и художественную форму. Условия этих элементов неразрывно связаны с углублением марксистского мировоззрения и непрерывной самообразовательной работой.

После доклада А. В. Луначарского рабочие-литкружковцы читали свои произведения, из которых особого внимания заслуживают стихи рабочего 7-й типографии т. Артамонова, отмеченные т. Блюмом в докладе, положенном в основу творчества литкружковцев Фрунзенского района.

Вечер закончился приветствием представителя Фрунзенского райкома партии т. Офрина, выразившим пожелание, чтобы работа райбюро МАПП при новом руководстве заняла одним из тех изолированных участков Фрунзенского района, которые выделяют его на одно из первых мест среди других районов Москвы.

***

Для дальнейшей проверки работы и роста литкружковцев райбюро Фрунзенского района организует творческий цех, в котором будет весьма систематическая лабораторная работа с начинающими писателями.

П.

шефство конкретизируется

21 июля на заводе им. Владимира Ильича состоялось **совещание бригады писателей ФОСП совместно с представителями заводской общественности.**

Были обсуждены формы участия бригады в работе по ликвидации прорыва на заводе.

Некоторые писатели хотели ограничить работу литературной правкой материала. Остальные члены бригады и представители заводской общественности подчеркнули необходимость непосредственного участия в жизни завода.

— Членов бригады писателей, — указал председатель завода т. Гехман, — нужно прикрепить к цехам, чтобы писатели знали актив цеха, чтобы писатели могли вызвать конкретных начальников цеха, срывающих выполнение промфинплана.

Члены бригады ФОСП прикреплены к цеховым газетам, где они будут выступать в «Цеховом листке» и в литбригаде. Представители пролетарской литературы обязались помогать газете, дается задание: решить участие в этой кампании и написать очерки о лучших комсомольских красноармейцах-ударниках.

***

С 1 августа секретариат МосЛОКАФ начнет декаду творческого смотра оборонной художественной литературы.

совещание поэтов и прозаиков

21 июля в МАПП состоялось совещание поэтов и прозаиков, посвященное участию МАПП в борьбе рабочей и батрацкой молодежи в комсомол. Совещание заслушало информационные сообщения представителей райбюро об их работе по реализации обращения МАПП.

Собрание московского актива отметило важную роль в сочинении поэм Д. Аптаузена, И. Уткина, А. Безыменского, И. Молчанова и др., квалифицировав эти, как позднейшие звенья правильной работы. Актив МАПП взял на себя обязательство напомнить к 17 МЮД ряд комсомольских произведений.

проверка членов ВССП

● Всероссийский союз советских писателей приступил к проверке состава членов союза. На ближайшем заседании правления ВССП будет обсуждаться список лиц, намеченных к персональной чистке.

лечение писателей под угрозой

На третий квартал Литфонд РСФСР должен был получить на лечебные и культурно-бытовые нужды писательства от комитета по делам печати по смете Наркомпроса РСФСР — 25.000 рублей и от ОГИЗ — 25.000 рублей.

Эти средства Литфонд должен получить от указанных организаций согласно постановления Совнаркома РСФСР от 13 июня 1930 г. о мероприятиях по улучшению материального и красного положения писателей. Между тем, даже в счет полагающейся Литфонду от Наркомпроса за второй уже истекший квартал 1931 г. должна в сумме 25.000 р., Литфонду до сих пор выдано только 15.000 руб.

Сейчас, на летний период, падает важнейшая часть расходов Литфонда по курортно-санаторному лечению писателей и их семей. Из-за отсутствия средств может быть сорван намеченный план помощи писателю в санаториях и курортном лечении.

КОМИТЕТ ПО ДЕЛАМ ПЕЧАТИ И ОГИЗ ОБЯЗАНЫ ОБЕСПЕЧИТЬ ЛИТФОНД СВОЕВРЕМЕННОЙ ВЫПЛАТОЙ СУММ, ПРИЧИТАЮЩИХСЯ ЕМУ НА КУРОРТНО-САНАТОРНОЕ ЛЕЧЕНИЕ И КУЛЬТУРНО-БЫТОВОЕ ОБСЛУЖИВАНИЕ ПИСАТЕЛЕЙ.

письма в редакцию

1

До настоящего времени мне было неизвестно, что мой роман «Лесозавод» вышел на немецком языке под названием «Сезонники» в социал-демократическом издательстве «Биохеррайх» в Берлине, тем более, что никакого реального перевода того же романа под названием «Фабрика в лесу» в коммунистическом издательстве «Интернационал молодежи», в котором у меня с конца 1928 г. имеется договор на право литературного перевода, что же касается до литературного гонорара, то существования таковых и речи никогда не было, и, следовательно, никаких разрешений на перевод я этому издательству не давал.

Только недавно случайно технического порядка (личную с информацией обо всем этом дело) получил из «Интернационал молодежи» письмо, в котором просили меня и мне с. г. по старому адресу, откуда письмо препровождено обратно в Берлин) немедленно выслать, что издательство «Биохеррайх» якобы начинать «Биохеррайх» якобы роман без моего ведома.

По-моему еще не в самом факте перевода при отсутствии международно-литературных взаимоотношений и когда трудно может перевести и издать любое произведение. Дело заключается не в самом факте перевода, а в другом, предъявляю показателям, не столько в литературном, сколько и политическом смысле. Роман мой социал-демократическим переводчиком сокращен, и как сокращен? Или скорее социал-демократическим переводчиком выкинут с полным и чрезвычайно добросовестным переводом коммунистического издательства. Вот вопрос, что в социал-демократическом издательстве согласился с отмеченным расчетом — вскинуть роман. В сокращенных как раз те главы (а также отдельные места), где дана картина капиталистической борьбы за строительство лесозавода и таким образом вся сущность романа.

Издательство «Интернационал молодежи» поступило не только добросовестно, но и мужественно, как поступают иногда люди, уверенные в своей правоте. Оно нисколько не боялось, невзирая на то, что на рынке уже обращался роман. Оно не побоялось законов капиталистической «конкуренции» и неприятных инцидентов, возникших роман, не жалея, чтобы широкие массы рабочих-читателей увидали Советский Союз в сформировании социал-демократ. Именно таким и рассматриваю перевод «Лесозавода», выпущенного издательством «Биохеррайх». Я спокойно принял перевод с моего материала, что абсолютно и спокойно сочетается с информацией обо всем этом деле

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ФЕДЕРАЦИИ ОБЪЕДИНЕНИЙ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР

МОСКВА 30 ИЮЛЯ 1931 г. № 41 (140)

РЕДАКЦИЯ:
Москва, Тверской б. 25, Дом Герцена. Телефон 2-80-12.

ИЗДАТЕЛЬСТВО:
Акц. о-во «Огонек»; Москва, б. Страстной б. 11. Телефон 5-5169.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА:
На 12 м. 3 р. 50 коп.
На 6 м. 1 р. 75 к.
На 3 м. - р. 90 к.

В ДЕНЬ ПЕРВОГО АВГУСТА

МЫ ЗОВЕМ РЕВОЛЮЦИОННЫХ ПИСАТЕЛЕЙ МИРА ПОД ЛЕНИНСКИЕ ЗНАМЕНА

К ПИСАТЕЛЯМ ВСЕГО МИРА, ДРУЗЬЯМ СССР!

Семнадцать лет назад 1 августа 1914 года началась мировая империалистическая война. В течение четырех лет с лишним рабочие и крестьяне всей Европы истреблялись друг другом во имя интересов капиталистов, — во имя этих бессмысленных интересов погибло свыше 60 миллионов наиболее здоровых рабочих людей. Буржуазия и ее идейные лакеи — социал-демократия — лгали им. Война 1914 года будет последней войной, это — война за вечный мир и вечное счастье на земле!

Прошло около 13 лет с тех пор, как перестали греметь орудия на полях западной Европы, и около 14 лет с тех пор, как Октябрьская революция ликвидирована войну, организованную царизмом и российской буржуазией. Это были тринадцать лет непрекращающихся мелких войн, кровавых колониальных авантюр, интервенционистских вылазок против СССР. 1914 год оказался «генеральной репетицией» к новой мировой империалистической войне, масштабы и формы которой заставят побледнеть перед собой величайшие преступления «генеральной репетиции».

«Мирные» договоры, завершившие войну 1914—18 годов, не разрешили и не могли разрешить ни одной проблемы мира. Наоборот, Версальский договор стал источником нового форсированного роста милитаризма. Под прикрытием комедий «разоружения» лихорадочно строятся новые военные заводы, сооружаются новые военные корабли, непрерывно увеличиваются армии. Империализм мобилизует все кадры своей интеллигенции для изготовления новых и новых средств уничтожения человечества и для подготовки новой массовой бойни. Мировой экономический кризис выбрасывает на улицу массы безработных, но в это время полным ходом работает единственная отрасль промышленности — военная. «Могила неизвестного солдата» во Франции, этот памятник отвратительного лицемерия буржуазии, встает не только как память о прошлом, но и как грозное напоминание о будущем.

Подтачиваемый изнутри экономическим кризисом, сотрясаемый революционными выступлениями пролетариата и национально-революционными восстаниями в колониях и полуколониях, мировой империализм судорожно ищет выхода из тупика, подготовляя новую войну. Никто не может сказать, когда и между какими государствами она возникнет (хотя линии военных группировок и союзов государств делаются все более отчетливыми). Но ясно то, что на протяжении всех последних лет империалисты делают и делают все от них зависящее для установления единого фронта подготовки войны против СССР.

Мы являемся современниками гниения буржуазной культуры, ее распада. Страшась завтрашнего дня, она извлекает из трагического прошлого истории человечества все, что может послужить оправданием мрачнейшей культурной реакции, идейному развращению и обману трудящихся масс. «Так было — так будет и должно быть» — утверждает она, развращая разум рабочих масс. Борьба с капитализмом становится борьбой за новую культуру, за оздоровление жизни, за возрождение трудового народа, за власть рабочего класса, который призван историей создать новый мир.

Мы — писатели страны рабочих и крестьян, которая в 1917 году нашла выход из мировой войны, обратив оружие против своих поработителей и превратив войну империалистическую в войну гражданскую. Мы — писатели страны, которая вступила сейчас в период социализма, быстрым, небывалыми в истории темпами ликвидирует наследие бескультурья и отсталости, доставшееся ей от царизма и отечественной буржуазии. Мы — писатели страны, где ликвидирована безработица, где развертывается культурная революция, где хозяином является освобожденный труд. Мы — писатели одной шестой мира — СССР.

Несмотря на различие сословного происхождения нашего, мы единодушно признали дело рабочего класса нашим, кровным делом.

Мы — представители различных поколений, хорошо помнящих исторические рубежи 1 августа 1914 года и 25 октября (7 ноября) 1917 года. Мы запомнили навсегда, как наше молодое социалистическое отечество, с тогда разрушенным сельским хозяйством и остановившейся промышленностью, голодая и замерзая, отбивало и разбивало наголову интервенционистские походы английских, французских, австро-германских, американских, польских, японских и иных империалистов. Мы помним, кто хотел лишить нашу страну хлеба, нефти, каменного угля. Мы знаем, кто снабжал деньгами, оружием, продовольствием белых генералов и адмиралов, кто организовывал убийства представителей нашей страны за рубежом, чью волю исполняли китайские белобандиты, по чьим директивам работают финляндские «активисты» и прочие ненавистники освобожденного труда в приграничных с нами государствах. В нашей стране недавно судили предателей. Перед пролетарским судом они дополнительно раскрыли карты. Над нашей страной висела прямая опасность интервенции. Успехи социалистической пятилетки и неудача пробных попыток интервенции вроде китайской белобандитской авантюры отодвинули эту опасность во времени. Но она не уменьшилась, а выросла. Ибо сам факт существования страны победоносно развивающегося социализма является угрозой для мирового империализма, для милитаристов, для буржуазии.

Мы ненавидим войну, особенно сейчас, когда каждый день военной грозы манес вы тяжелые раны нашей социалистической пятилетке, созидательной работе трудящихся СССР. Мы ненавидим войну — но не той слепой, безысходной ненавистью пассивного отчаяния, которая свойственна западно-европейскому и американскому пацифизму и которая превращает человека в пассивное пушечное мясо. Мы ненавидим империалистическую войну, видим причины, вызывающие ее, и знаем средства борьбы с ней. Есть война — преступление, затеваемая гнусной эксплуататоров и ведомая в их интересах. И есть — единственно справедливая война, ведущая к уничтожению всяких войн — война хижин против дворцов, миллионов угнетенных против капитализма — гражданская война рабочего класса.

Наша страна, руководимая единственным в мире правительством рабочих и крестьян, делающим все для сохранения мира, для культурного развития человечества, для создания условий свободной и счастливой жизни, не поддается ни на какие провокации, толкающие ее на путь войны. Но если будет нужно, если гроза разразится, если интервенционистские отряды обрушатся на города и села СССР, мы возьмем оружие вместе со всеми рабочими, крестьянами, трудящимися нашей страны, вместе со всей советской интеллигенцией.

Нужно сделать все для того, чтобы этого не было. Нужно разоблачить замыслы организаторов новой бойни. Нужно не позволить им эти замыслы провести в жизнь.

рис. фрода эллиса

В день 1 августа — Международный красный день — миллионы пролетариев за рубежом СССР встанут под знамена коммунистических партий для того, чтобы продемонстрировать свою готовность бороться с угрозой войны и защищать словом и делом СССР. Вместе с ними, вместе с пролетариатом СССР, вместе с нами находятся лучшие представители мировой современной культуры, которые поняли, что спасение человечества от идейного и физического вырождения находится на путях революционной борьбы пролетариата, указанных Лениным. Преодолевая предрассудки, унаследованные ими от буржуазного мышления, сбрасывая с себя грязь старого мира, они приходят в общий лагерь с нами, они поднимают свой голос протеста против угрозы империалистической войны и нападения на СССР, как это показала, в частности, прошлогодняя антивоенная анкета международного объединения революционных писателей.

Нужно, товарищи, чтобы этот голос звучал громче!

Нужно понять, что буржуазия мобилизует все силы для идейного разращения масс, что она создает свою агентуру в литературе, и вот — наряду с откровенно-империалистическими отрядами писателей, певцами воинствующего капитализма, возникают повсеместно группы фашистских, псевдо-«народных», социал-фашистских писателей, которые развращают сознание народных масс более тонкими и более умелыми приемами. Тут не находятся, объективно выполняя (хотят ли они этого или не хотят) волю империализма, писатели-пацифисты, которые многословно проклинают войну, но не делают ничего для того, чтобы ее предотвратить, чтобы уничтожить почву, рождающую войны.

Нужно понять, что борьба против угрозы готовящегося нападения на СССР есть узел всех узлов в борьбе против угрозы империалистической войны, что будущее культуры и искусства человечества зависит от успехов социалистического строительства в СССР.

Литература и искусство — могучее оружие, владеющее сознанием миллионов. Вот почему мы говорим: нужно действовать этим оружием более метко и уверенно, чем действовали до сих пор, разить врагов, бороться за мир, за СССР, против угрозы империалистической войны. Есть два пути: один — путь активной поддержки СССР и активной борьбы за него, и путь второй — союз с банкирами, попами и полицейскими всего мира. Третьего пути нет.

Наш пламенный привет вам в день 1 августа!

Долой угрозу империалистической войны!

Долой интервенционистов, готовящих кровавый поход против страны строящегося социализма — против СССР!

Да здравствует интернациональная солидарность работников станка, техники, науки, искусства всего мира в их революционной борьбе с капиталистическим строем!

Да здравствует наша крепнущая боевая организация — Международное объединение революционных писателей!

М. Горький, А. Серафимович, Демьян Бедный, Джерманетто, Вайян Кутюрье, Леонов, Вс. Иванов, Юрий Олеша, Вл. Лидин, Л. Шагинян, Л. Авербах, А. Луначарский, Мих. Кольцов, Н. Тихонов, К. Федин, М. Слонимский, Б. Лавренев, С. Форш, А. Толстой, Ник. Никитин, Тынянов, Мих. Козаков, И. Бабель, Ф. Гладков, Ф. Панферов, Ю. Лебединский, А. Фадеев, А. Малышкин, Н. Асеев, А. Безыменский, И. Сельвинский, Тарасов-Родионов, Вс. Вишневский, А. Караваева, И. Макарьев, М. Зайцев, А. Жаров, Э. Багрицкий, Мих. Светлов, В. Инбер, В. Казин, П. Арский, С. Динамов, А. Селивановский, Ив. Жига, Ив. Катаев, Г. Корнеев, В. Ставский, В. Луговской, С. Третьяков, Ив. Батрак, А. Богданов.

ЯН МАТЕЙКА

ПРЕДОТВРАТИМ ВОЕННУЮ ОПАСНОСТЬ

Внутренние и внешние противоречия и все углубляющийся кризис капитализма при наличии огромных успехов социалистического строительства в СССР ведут неизбежно к новой мировой войне. Война неизбежна, как в хозяйственном, политическом, военном, так и в идеологическом отношениях. Идеологическая подготовка войны ведется, грубо говоря, по двум направлениям: с одной стороны усиленно ведется самой черной войны и в направлении злостной критики Советского союза. Первую задачу выполняет фашистский национал-социалистический сектор капиталистического общества, вторую — социал-фашистский (это разделение дано, для упрощения, схематично). Только необходимостью идеологической подготовки войны можно объяснить в конечном счете, что военная литература сделалась за последнее время очень сытной и заводными рынки капиталистических стран. Внешне разнообразная и огромная, она почти не поддается учету. Она пытается удовлетворить все виды человеческих потребностей и страстей благодаря своей специфической способности приспособляться ко всем вкусам. Она вмещает и грубую халтуру и так называемые изысканные произведения, бесцветное, безгрешное дорожное чтиво и сложные изображения душевных переживаний, исторический роман и картины будущего, исторические экскурсы и обширные детальные зарисовки современности, сентиментальные путешествия и эротические похождения. Нет ни одного театра военных действий от Вердена до Ла-Манша, ни одной части боевых от пехоты до военного обоза, которые не нашли бы своего хроникера. В прошлом году появилась даже книга — «Военный дневник лошади».

Особенно опасный вид военной литературы представляет собой буржуазная классовая проповедь, на которую мы до сих пор обращали очень мало внимания.

Эта утверждающаяся пропаганда войны захватила не только немецкую литературу и коснулась не только одного романа, но завоевала также венгерский и французский театр, американское кино, радиовещание всех капиталистических стран. К ней привлечена также и «высшая, «над классами стоящая» «всечеловеческая» наука. Она не может отсутствовать в этом всеобщем хоре уже потому, что призвана доказать значение войны, как естественного отбора.

Компания против Советского союза является до сих пор задачей больше всего ученых и журналистов, чем литераторов. Их методы, их работы хорошо изучены советскими читателями. От старых выпадов желтой прессы до «новых» изобретений Отто Бауэра и его сообщений «собственных корреспондентов «Рабочего» до «телеграфных сообщений» «Форвертса», — везде посягательства этих знамен являются социал-демократы. И они же явились первыми, кто использовал литературные произведения в целях своих пропаганды. Эдгар Унгер и Макс Бартель, подобно белым эмигрантам, придали мещанское направление своим первым антисоветским литературным произведениям. Число таких произведений в настоящее время легион. Они не вымывают сейчас той «общественной роли» и не имеют того значения в антисоветской пропаганде, как военная литература, но несмотря на это, мы не должны их недооценивать.

Весьма часто встречающийся вид антисоветской литературы — это трогательные повести о печальной судьбе бедных русских великих князей и прекрасных добродетельных княгинь, которые были изгнаны из их любимой родины и теперь принуждены чистить ботинки или работать в кафе и ресторанах. Вся эта безвкусная, сантиментальная халтура все же находит сбыт и определенным образом выполняет свою задачу.

Этот белый сектор идеологической и «гуманитарной» подготовки войны достаточно, чтобы установить, что наши противники хорошо знают свое дело и охватывают все, могущие быть охваченными ими, общественные группы.

Борьба против военной опасности, против военной пропаганды, так же как каждодневная систематическая работа против интервенции, рассматривается МОРП как важнейшая литературно-политическая задача. Достаточно указать на анкеты, разосланные Интербюро в прошлом году. Присланные ответы, так же как и имена тех «левых» буржуазных писателей, которые не ответили на анкету, дают яркую картину соотношения сил и тех возможностей, которыми мы сейчас располагаем.

Вторая мировая конференция революционных писателей посвятила проблеме опасности войны специальный доклад. И в этом году МОРП развил также активную работу по подготовке к 1 августа. Оно своевременно мобилизовало все свои национальные секции и в центр их внимания поставило антивоенную пропаганду.

Это позволит нам показать отдельные стадии нашей работы и произвести смотр нашим силам. Но перед нами стоит задача еще более ответственная и более трудная. Мы обязаны отныне взять инициативу в свои руки. Если мы можем гордиться нашими успехами и если нам удалось разоблачить перед широкими массами вылазки военных разжигателей и организовать живой интерес к Советскому союзу, то теперь мы должны итти дальше и поставить советскую пропаганду в центр нашей повседневной работы и недвусмысленно подготовить массы к решительной борьбе между капиталом и работным классом.

А. ЛУНАЧАРСКИЙ

ДЕНЬ 1 АВГУСТА И ИСКУССТВО

Революционный день первого августа, день контрмобилизации рабочих сил, конструктивная на угрозу буржуазной интервенции против успешных больших, вдохновенных в мире пролетариатом, проходит в этом году в грозе и буре.

Оба мира, борющиеся между собой, сделали громадные шаги — каждый по своему пути: мир капиталистический — по пути разложения, бедствия и разгара, мир социалистический — по пути к реализации величайших идеалов трудового человечества.

Тяжелая болезнь, охватившая буржуазный мир, достигающая кое-где — не только в Германии, а даже в Англии — размеров, угрожающих жизни, конечно, в огромной мере ослабляет лагерь наших врагов, но, ослабляя его, экономически и политически, физически, так сказать, она обостряет его злобу. В то время как распад сил капитализма делает планы интервенции шаткими, расхлябанными, страх перед быстро растущей развязкой, наоборот, острит когти и клыки сторонников самых крутых военных методов разрешения жизни. Поэтому был бы совершенно неправ тот, кто вообразил бы, что опасность интервенции против рабоче-крестьянской страны ослабла.

С другой стороны — невероятное напряжение, царящее теперь в области политики, способно создавать всевозможные конфликты между самими капиталистическими державами. В их бесплодных духовных мансардах становится понятным лишь только точка зрения подготовления каждым из них столкновения с другими, чтобы сбросить лишнего конкурента с барки, которая становится все теснее, в поплотнее усесться в ней самому.

День первого августа, с его демонстрациями против империализма, является таким образом более чем когда-либо оправданным, а поэтому более чем когда-либо неприятным для буржуазии и опасным.

Имеет ли все это какое-нибудь прямое организационное отношение к искусству, в частности к литературе?

О, да, конечно. Наш выдающийся гость — Бернард Шоу — подошедший так близко, к скалам бк, так неожиданно близко, к нашим убеждениям, еще в прошлые времена, когда он писал свою блестящую пьесу «Человек и сверхчеловек», в предисловии к ней заявил: «Ради одного только искусства, я бы не написал ни единой фразы». Он заявлял, что, будучи драматургом, он считает себя в то же время журналистом и гордится этим. «Журналист,—говорит он,— пишет о том, что всякий думает, или должен думать. Журналистика — лучшая форма литературы, и всякая действительно избранная литература, есть не что иное, как журналистика». «Только тот, — говорит Бернард Шоу, — кому нечему учить, или кому лень учиться, выступает против дидактики в литературе». В то время когда Бернард Шоу писал это, слова его звучали в его среде парадоксом и, может быть, он сам несколько кокетничал, подчеркивая таким образом сознательную тенденциозность своих художественных произведений, которыми, впрочем, они действительно была в высокой мере пронизаны. Но в нашей среде эти слова становятся чем-то само собой разумеющимся, и кто их не понимает — выдает себе дурное свидетельство. В наше великое время, когда все силы напряжены в труде и борьбе, художник, не принимающий страстного участия в процессах своего времени, это — бесчувственный и чужой элемент, от которого нельзя ждать плодов.

Я не знаю, насколько мы, революционные художники, хотя бы только в нашей собственной стране, готовы быструпать более или менее организованно в качестве участников дня 1 августа.

Первые годы, и особенно в этом году, 1 мая велась довольно существенная подготовка, участие художников было массовым и в некотором отношении удачным. К сожалению, ко дню 1 августа, как мне кажется, надлежащих шагов и внимательному, через особые штабы, облумыванию оформления этого дня, при участии литературы, музыки и пространственных искусств, сделано не было. Я рад, если и ошибаюсь. За границей сделать это гораздо труднее, даже в стране, где мы имеем более, или не менее сильную художественную группу. Нам мало показывать пример. Но если в день 1 августа 1931 года наши художественные силы выступят, возможно несколько дезорганизованно, то это должно только напомнить нам, что сейчас идут сплошные красные дни. Даже день 1 августа, при всей своей значительности, не может оказаться сильно выделяющимся из дней — 2, 3 и 4 августа и дальнейших, ибо теперь, вообще, текут дни, решающего характера, дни страстной борьбы.

Среди мелкобуржуазной интеллигенции, особенно в ее левом крыле, таким образом происходит сильное разложение с выделением лучших элементов в нашу пользу. Нельзя ни на одну минуту допустить, чтобы такой очевидный факт, как полный отказ Ромэн Роллана от элементов толстовства, входящего существенной частью в его мировоззрение, и принятие им ленинской точки зрения, или полное безоговорочное признание Бернардом Шоу единоспасительного значения ленинского пути для всего человечества, были явлениями изолированными. Рядом с ними люди стоят и другие. Вчера я получил письмо от Стефана Цвейга, в котором знаменитый писатель сообщает, что собирается приехать в СССР с не менее знаменитым гравером Мазерелем. Их план — объехать весь СССР до китайских границ и написать книгу. Мазерель — резцом, Цвейг — пером.

За большими людьми, имена, которых гремят в литературе и искусстве, имеются сотни и тысячи людей, которые сейчас отвлечены разочаровывается в гегемонии капитала и идут в новый мир из мира дряхлого, рассыпающегося. Но если борьба за интеллигенцию никогда не может быть ипорируема, то, конечно, для нас еще важнее выдвижение художественных сил из самой массы, ибо теперь уже вырисовывается наш основной путь постепенного и быстрого уничтожения пропасти между умственным и физическим трудом. Наиболее мелодые из нас люди умственного труда и наши дети будут уже крепкими людьми физического труда. Я был счастлив пожать руку моему сыну, отправляющемуся на уборку урожая в качестве хорошо подготовленного тракториста. А рядом мы видим, как из массы фабрично-заводского пролетариата, из колхозной молодежи выделяются ударники, которые несут в литературу новые почки зрения, новые токи.

Было бы чудесно, если бы в день 1 августа все эти силы, работающие на художественном поле, могли принять участие более интенсивное, и, конечно, своеобразное участие в могучем движении трудовых масс, движении гордого отпора обозленному капитализму.

МАЙКЛ ГОЛД

В БОРЬБЕ МЫ С ВАМИ

Мы знали раньше, что капиталистическая система построена на песке. Мы видели ее крах в стачках, в кризисах, в войне; но никогда не знали мы и не видели того, что происходит сейчас. Можно с уверенностью сказать, что никогда еще американский капитализм не сомневался в своей собственной устойчивости так, как сомневается он сейчас.

Развал в Америке и строительство в Советском союзе! Если мы скажем, что именно эти два пункта заполняют собою все газетные столбцы и составляют предмет разговоров повсюду, где встречаются люди, — то тем самым мы только констатируем факт. Это будет верно для всех дружеских кружков. Это будет верно для президентского Белого Дома. Это будет верно для фабрик и заводов, это будет верно для хлебных очередей, это будет верно для деревянных хижин негритянских батраков южных плантаций.

И в этом — реальная угроза войны. Капиталистам нечего ответить на вопросы голодных рабочих и крестьян Америки. Мы вступаем в зиму массового голода, — в зиму, которая будет хуже всего пережитого. Идея Советов носится в воздухе Америки, как и в воздухе всего мира.

Капиталисты достигли той степени отчаяния, на которой война с Советским союзом кажется единственным выходом.

Они уже начали кампанию. Они начали ее с обычной военной лжи. Они говорили нам, что мировой кризис капитализма создан при помощи так называемого «демпинга» Советским союзом. Они уже говорили нам, что в Советском союзе рабочие превращены в рабов.

Но удивительное дело,— на каждого нового врага Советский союз приобретает нового друга. Вся Америка превратилась в арену великого спора и предметом этого спора является Советский союз.

Даже нашему мистеру Гуверу приходится считаться с новым течением. Разве он, всего две недели назад, не выступал с ответом на Пятилетний план?

Он выдвинул двадцатилетний план развития Соединенных Штатов! * В плане этом нет буквально ничего. Он представляет собой комбинацию из ветра и пустых слов, — то самое, что всегда получали в Америке голодающие рабочие.

И вот все прочие интеллигенты в области промышленности тоже бросаются со своими «планами». Выдвинул дезинтегистский план фашист Мамфорд Уэлл; выступил с планом либерал Стюарт Чэйз. Все они плагиируют, но их планы не обозначают ничего.

Они идут к войне. Это несомненно. Полгода назад мне казалось, что война возможна не раньше, как через десять лет. Теперь я уже не так оптимистичен. Никаких сроков предвидеть нельзя. Война может начаться каждый год, каждый месяц, каждый день.

В новую войну Соединенные Штаты уже не вступят вслед за Европой: в эту войну они втянут ее сами.

Ответственность американских революционных писателей будет больше, чем во время прошедшей мировой войны. Теперь они будут ударным отрядом борьбы с реакцией.

Когда капиталисты всего мира нападут на Советский союз, то в своих собственных странах они натолкнутся на новые массы рабочих, крестьян и интеллигентов, которые окажут им жестокое сопротивление.

Товарищи, работающие в Советском союзе! Всем своим сердцем, всем своим сознанием, всей силой своей веры и чести, — мы с вами в общей борьбе. Мы жадно следим за вашей великой и благодарной работой, мы знаем, что вы выносите ее на своих плечах ради нас, ради всего мира. Советский союз стал учителем в вождем мира угнетенных. Пусть берегутся капиталисты: миллионы кулаков сожмутся против них, когда они нападут на нашего отца, на нашего учителя, на нашего вождя, на нашу надежду!

---

* См. рисунок американского художника Гротера на 2-й стр. этого номера «Л. Г.».

ПРОТИВ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКИХ ВОЙН ЗА ЗАЩИТУ СССР

День первого августа является днем международного протеста против угрозы империалистической войны и готовящегося нападения на СССР.

Только в защите Страны Советов международный пролетариат и революционная интеллигенция найдут опору для борьбы с капитализмом, чтобы через классовую борьбу добиться уничтожения всяких войн.

Война — войне! Защита СССР! — вот лозунги, которые звучат со всех концов в устах передовой интеллигенции всего мира.

МАКСИМ ГОРЬКИЙ

СССР

Пролетариат Европы, работая на военную промышленность, не может не понимать, что он принимает невольное участие к подготовке бойни, на которую в первую голову погонят именно рабочих и крестьян. Трудно поверить, что рабочие и крестьяне еще раз позволят так нагло и цинично обмануть их, как были они обмануты в 1914 году. Трудно представить, что они пойдут на самоубийство для охраны жизни и укрепления власти своих врагов.

Известно, что надо делать для того, чтобы ежедневно, ежечасно разоблачать перед пролетариатом подлую ложь его врагов и его предателей. Рабочий класс Союза социалистических советов в лице его партии неустанно утверждает это своим героическим творчеством новых форм жизни. Слишком этот убедительный его пример для того, чтобы пролетарии всех стран последовали этому примеру. Думать иначе — значит утратить веру в историческое значение рабочего класса.

А если грабители мира все-таки договорятся, если они снова сумеют обмануть пролетариат и послать его против того же авангарда,— рабочий класс Союза советов пойдет в бой так же мужественно, как вдвое он вошел в жизнь, как категорически начал строить свое, социалистическое государство.

РОМЭН РОЛЛАН

ФРАНЦИЯ

В наш век космических потрясений, когда земля словно заново перекраивается, для каждого жаждущего выжить сознательного человека остается только одно заключение: пусть мертвые хоронят своих мертвецов, пусть старый мир сам себя погребает, надо заняться новым миром, делать то, что делаете вы, товарищи из СССР, строить ваш мощный всемирный город, прочный и вместительный крепкими стенами для друзей и союзников со всех концов света, город Труда, с лесом труб, высоких, как башни, и кострами энергии, пылающими в сильных сердцах его обитателей.

За дело, строители! Все до одного, пока старый мир разрушает себя строители же собственными руками. Время работает за нас.

Я сердечно ваш и считаю себя гражданином вашего города: он в наши дни единственный, в котором воплощаются все надежды человечества.

ТЕОДОР ДРАЙЗЕР

АМЕРИКА

Я решительный противник всяких военных подготовлений,— в какой бы стране они ни происходили,—направленных к тому, чтобы начать войну против Советов или чтоб как-нибудь подорвать их творческую работу.

ЭПТОН СИНКЛЕР

АМЕРИКА

Всякая война против советской России произойдет при поддержке миллиардов американской финансовой аристократии. Так как крупные банкиры вложат в это дело свои капиталы,— они сочтут необходимым, чтобы вся страна приняла участие в войне, чтобы их расходы не пропали даром.

Поэтому, повторяю, чтобы ни случилось, бороться против войны. Развивайте вашу индустрию, пока не достигнете самого высокого в мире жизненного уровня пролетариата,— и тогда во всех капиталистических странах произойдут революционные перевороты.

Для того, чтобы добиться успеха в Америке, нам, социалистам, надо только одно: указывать на пример России, как на пример успеха. И такого потрясающего успеха, который не могут отрицать даже буржуазные газеты.

А. ТОЛСТОЙ

ГЕРМАНИЯ

Илья Гувера следует рассматривать как отчаянную попытку спасти смертельно больного неприкосновением кампфера. Полуторг капиталистического империализма до последнего напрягания будет замышлять войну с целью уничтожения идеи коммунизма, географически сосредоточенной в Советском союзе. Нашим ответом должно быть усиление пропаганды, выполнение пятилетки в Советской России и объединение революционных сил во всех пяти частях света.

ЛЮДВИГ РЕНН

ГЕРМАНИЯ

...Не только каждый коммунист, но и каждый пацифист должен бороться против военных угроз капитализма, направленного против СССР. Тот, кто этого не делает, принадлежит к числу наших явных и опаснейших врагов.

СТЕФАН ЦВЕЙГ

АВСТРИЯ

Мировая история ясно и документально расскажет, что Россия воскресла, потому что она служила идее, положительной идее строительства, и что Европа погибла, потому что она не могла выдвинуть собственной идеи и в основании старых, отживших идей пацифизма и милитаризма кается в пропасть. Мы знаем, что в настоящий момент только существование и колоссальный расцвет России обнуляет расцветшиеся махровым цветом стремление к войне со стороны европейской реакции. Кто угрожает России, тот угрожает свободе всех трудящихся и творящих масс во всем мире. Кто сегодня натравливает на войну против России, тот преступник против народа, не только против своего, но и против трудящегося, страдающего, творящего и самостоятельно строящего свое будущее человечество.

ПОГАНИЕС БЕХЕР

ГЕРМАНИЯ

Та борьба против войны, которую мы ведем сейчас, в настоящий момент, является решающей: когда вспыхнет война, то результаты будут слишком очевидны. Поэтому — помимо баррикадной романтики, дорогие товарищи! Вести упорную, кропотливую, повседневную работу и интересах революции, вместо того, чтобы произносить героические декларации,— это значит строить баррикады. Поэтому давайте — ты, я, мы, все — работать против войны сегодня — столько-то, а завтра — столько-то часов. Только таким образом может быть построена великая красная баррикада. При этих условиях мы — поэты и писатели,— когда начнется война против революционного пролетариата и его отечества — СССР, — сумеем победить... Что будет дальше — зависит от того, сумеем ли мы превратить себя в достаточно острое оружие.

Э. ТОЛЛЕР

ГЕРМАНИЯ

Великий революционер, великий человек, которым стоит за разумное строительство человеческого общества, должен активно бороться с угрозой войны. Вести эту борьбу не может никакая сила, кроме революционного пролетариата. Мы должны бороться в его рядах.

ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО ФОСП В ПРЕЗИДИУМЕ МОПР

Советские писатели, объединенные в ФОСП, разделяют программу деятельности Международного объединения революционных писателей (МОРП).

Между тем до последнего времени связь в работе между ФОСП и центром и МОРП была крайне слаба.

Секретариат ФОСП, считая необходимым укрепление этой связи и ее превращение в деловую и органическую, договорился с секретариатом МОРП о вхождении в состав президиума МОРП двух представителей Федерации.

На заседании секретариата ФОСП, 24 июля, в президиум МОРП выделены Л. Леонов и Н. Тихонов.

ПИСАТЕЛИ, НА МИТИНГ

1 августа в Международный красный день в клубе писателей им. А. М. Горького в 8 часов вечера состоится митинг протеста против империалистической войны и подготовки нападения на СССР.

На митинг приглашаются тов. писатели, находящиеся в Москве, и ударники, призванные в литературу.

СЕКРЕТАРИАТ ФОСП

СОВЕТСКИЕ ПИСАТЕЛИ!

ПОМНИТЕ О ВАШИХ ТВОРЧЕСКИХ ОБЯЗАННОСТЯХ перед красной армией и флотом, охраняющими СВОБОДНЫЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ТРУД СССР

А. КУРЕЛЛА

ВОЙНА? ДА! *но против кого?*

Ближайшим результатом учебных занятий (докладов), которые я весной этого года проводил в фашистской Италии, был тот вывод, что трудящиеся массы этой страны живут в нужде и горе, которых я не могу нарисовать даже при самой смелой фантазии. Из разговоров с сотнями рабочих и крестьян во всех частях страны выяснилось, что нужда эта переливается в формы неслыханного ожесточения против фашистского режима.

Но нужда и ожесточение сами по себе значат еще мало. Какова же воля к революционной борьбе? Как глубоко в массах порабощенных рабочих и крестьян созрела необходимости такой борьбы, в какой мере проявляется готовность к этой борьбе?

Перемещение материальной нужды в политическую мысль и волю к борьбе никогда не протекает автоматически. Только когда зреет революционное сознание в головах теряющих личины пролетариев, из эксплоатируемых рабов выйдут борцы за освобождение.

Возможности социалистической пропаганды и организации в Италии, как известно, до крайности ограничены. При таких обстоятельствах развитие политической мысли и хотения в обезличенных массах итальянского народа проходит в формах странных, несвойственных ряду других стран и полных противоречий. Форма переключения нужды в политические идеи, которую чаще всего мне приходилось наблюдать по всей стране и которая мне показалась наиболее значительной, это возникновение воли к войне.

Фашистское правительство использует это настроение для своих внешнеполитических целей. Но само настроение вырастает из беды масс. Оно является выражением величайшего отчаяния. Действительное переключение этого массового настроения в империалистические цели, в войну против Франции или Юго-Славии, невозможно. Фашистские правители выкопают для самих себя могилу, если вложат оружие в руки рабочих и крестьян.

Это стало для меня вполне ясно после многих разговоров с крестьянами и рабочими. Мне хочется поэтому рассказать здесь один из значительных и очень показательных эпизодов.

Было это в городке С., в бассейне Фучино. Я пришел туда в пасхальное воскресенье и застал батраков и мелких земельных арендаторов на площади за беседой и игрой в «бочча». Скоро и меня пригласили поиграть, и так же скоро общая игра превратилась в долгую политическую дискуссию, в которой приняли участие чуть ли не две трети земледельцев и полевых рабочих. Так быстро подружились мы потому, что между присутствовавшими оказалось большое число бывших эмигрантов, которые более или менее прилично говорили по-немецки и по-английски.

Сперва мы долго занимались разговорами об условиях труда и жизни в бассейне Фучино. Глядя на этих людей, я крепко верил, что они говорили правду, когда сообщали о растущей голодухе. Разговор затем перешел на обсуждение дальнейших перспектив.

— Год или два можно еще так промучиться. Но что потом? — сказал один из обступивших меня.

Еменился другой:

— Ну да, после этого будет война. И это хорошо.

— Война? — спросил я изумленно,— к чему же война?

— А что же еще можно сделать?—Ведь же придется куда-нибудь податься. И вот потому следует сделать войну.

— Война? Но против кого же?

Я не переставал удивляться.

— Против кого? Я не знаю!

Крестьянин сделал паузу и затем вдруг спросил:

— Но действительно ли верно, что в наших странах новинки Франции?

Тут мы вступили в теоретическую дискуссию, продолжавшуюся довольно долго. В конце концов, крестьяне оказались согласны со мной, что и французским рабочим и крестьянам приходится тяжко как и чем и что французский народ никакого зла им, конечно, не желает. Нашлись тотчас же некоторые, подтвердившие это. Ни один из них имел во Франции брата или зятя, писавших оттуда, что й там все меньше работы.

— Но что же нам остается делать?

— Так дальше продолжаться не может! А раз не может, нужно куда-то сунуться, нужно что-то сделать, что-нибудь достать! И вот это будет война!

Тогда я уже не мог сдержаться и ворвался в это импровизированное народное собрание с агитацией. Из прежних опытов я уже знал, что бояться мне нечего. И мог также говорить от наболевшего сердца, как и они. Фашистов не было видно и следа.

— Разумеется, война нужна! Я ведь уже сказал, почему французским рабочим и крестьянам живется все тяжелей. Там за столом сидят так много господ! Они ничего не делают и лишь прячут деньги. Если бы французские крестьяне и рабочие прогнали их... А у вас разве иначе? Кто прячет все деньги, добытые вами из вашего озера? А кто живет в Риме и вилле нашего князя Торлония?

Но тут мои крестьяне немного заволновались. Одни приложил палец ко рту и промолвил:

— Поосторожней!

Я понял, что мысль моя для них не нова.

Идея превращения войны в гражданскую войну для них возникла не впервые!

Позже я редко видел настроение, выраженное в такой чистой форме. В деле По явственно вырисовывалось влияние националистического нагнетывания, посредством которого фашисты пытаются настроение масс использовать в своих целях. В Турине и Верчелли рабочие больше всего были убеждены в том, что война будет поводом против французов, а в Венецианской области они были склонны рассматривать своим коренным врагом сербов.

И бесед с крестьянами в Абруццах ясно вымылся действительный смысл этого военного настроения; нужда уже хватает за горло. Так продолжаться дольше не может.

— И тогда надо куда-нибудь подаваться, нужно что-то сделать, что-нибудь доставать.

Это «что-нибудь» сгущается до представления «войны». Но необходим всего лишь один толчок, чтобы представление о войне превратилось в представление о войне гражданской.

Поэтому так важно это явление: здесь вырастает совсем отчетливо воля к борьбе. Война, это всякий знает, означает нужду и смерть. И массы созревают до желания принять на себя нужду и смерть, чтобы изменить то положение, при котором так страдают они.

НИК. АСЕЕВ

ПЕСЕНКА ОБ АЛАБАМЕ*

Алабама, Алабама —
Знаменитый южный штат,
где над черными рабами
петли крепкие свистят.

Он вдвойне прославлен нынче
И повсюду знаменит,
что решил—законы Линча
электричеством сменить.

Алабама, Алабама —
Знаменитый южный штат
где над черными рабами
петли длинные свистят.

Слишком толстыми губами
пил ты воздух здешних мест,
ты забыл, что в Алабаме
над тобой—фашистский крест.

Он винтом вкрутится в мясо
негритянских прочных плеч,
отучил тебя смеяться,
мяч к земле заставил течь.

Алабама, Алабама —
знаменитый грозный штат,
где над траурными пбами
искры синие трещат.

Слишком белыми зубами
ты сверкал на них и за
и за это—в Алабаме
будешь заживо сожжен!

— Не за это, не за это
стал ты страшно знаменит:
я хотел — на власть Советов
крест фашистов заменить.

— Он винтом вкрутится в мясо
негритянских прочных плеч,
отучил меня смеяться,
мяч к земле заставил течь.

Говорят у вас в союзе,
это слышал я не раз,
злые лапы не суются
раздирать рабочий класс.

В Алабаме ж—плохи шутки:
в землю черные гербы!
взор гранитной проститутки
темный вид ваш оскорбил.

Алабама, Алабама —
штат предательства и лжи,
над казненными рабами
мертвый узел развяжи.

Не за это, не за это
стал я страшно знаменит,
я хотел — на власть Советов
крест фашистов заменить.

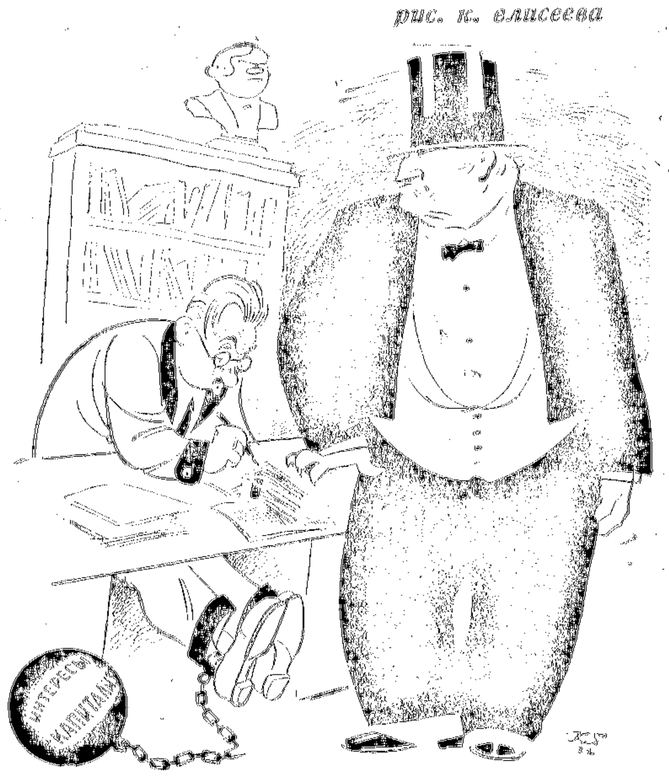
Ныне в день антивоенный
я зову ее сюда—
в канделах—военнопленный—
черной армии труда.

Став над смятой темной ямой,
весь гроза и уголь весь,
я пою над Алабамой
боевую эту песнь.

Над замученных гробами
я клянусь—
недолог срок!—
Загремим по Алабаме
черный порох этих строк.

* Алабама, один из штатов С. А., где восьми молодым революционным неграм-рабочим грозит электрический стул, за якобы содеянное ими насилие.

рис. К. ЕЛИСЕЕВА



литературные приказчики за работой

НА ПУТИ ТВОРЧЕСКОГО РОСТА

„ЛОКАФ"—литературно-художественный журнал

январь—июнь № 1—6, изд-во „федерация". М. 1931

За полгода существования у журнала были ошибки и промахи отчасти неизбежные при «кризисе роста», отчасти, могшие быть во-время избегнутыми или исправленными. Но как бы ни была велики недостатки, они не могут затушевать ценных качеств нашей лефовской литературы—ее обостренного классового чутья, ее боевого революционного духа.

По двум основным линиям — пролетарской и сервилистско-попутнической литературы развивалась работа журнала за истекший период.

И если по линии пролетарской литературы и выращивания новых лефовских кадров (в том числе национальных), ЛОКАФ не свободен от целого ряда пробелов, то это нужно особенно отнести на счет работы журнала с сервилистской и попутнической литературой.

В частности, вызывает большие сомнения явно недоработанная вещь Вс. Иванова — «Компромисс Наиб-хана» (книга вторая), сцены из пограничной жизни Афганистана.

Уже первая книжка ЛОКАФ дает основание думать, что ведущий пролетарский отряд журнала мог бы начать свой лефовский штурм с произведения творчески более цельного, чем «Гибель барона» Тарасова-Родионова. Открывающая журнал, эта повесть далеко не удачна—по чрезмерному нагромождению фактического, хроникального материала со слабыми попытками его художественной систематизации и несколько претенциозной, умеющей только для дивизма, автобиографичностью.

В низшей книжке журнала представлена только пролетарская лефовская литература, и эта книжка поэтому наиболее полезна характерна для достижений и неудач основного пролетарского сектора ЛОКАФ.

Бесспорным достижением всех первых вещей журнала является классово-направленная художественная (в большей или меньшей степени) трактовка темы и развертывание сюжета под специфически лефовским углом художественного зрения.

Недостатки же их можно свести к одному основному—склонности к внешне подробному, бытовому и приключенческому описательству, к ленивой подчас красивости, без углубленного проникновения в действительность гражданской войны и военной подготовки нашего времени.

Крайне поверхностна жанровая картинка маляров Ив. Рахилло («Собственная инициатива»), отрывки из повести «Восточный ветер» С. Вашанцева («Великая ночь»), недостаточно художественно убедительный рассказ Мата Залка («Кузнецов извинается»), и более других примитивны сюжетно и упрощенны в силу схематичного и поверхностного подхода к разработке небезынтересной темы—борьбы со «старыми замашками», появившимися в Красную армию интеллигента рассказ А. Исбаха («Протокол»)—вся художественная продукция первого пробного номера «ЛОКАФ» страдает в той или иной мере этим грехом механистического описательства, идейно-художественного упрощенства.

Даже хорошо сделанный рассказ такого автора, как В. Ставский («Дружба») тоже, к сожалению, не свободен от этого основного греха, игры несколько напыщенной и смутной трактовки идей революционного долга, торжествующего над дружбой.

Все последующие номера журнала свидетельствуют о том, что именно это является главной и основной опасностью для «старых» пролетарских кадров ЛОКАФ и его крепкого литературного молодняка (Вл. Гопеткого, И. Чибисова и др.), делающего уже большие, увеличивающиеся успехи. Тяготений к мемуарной повести-дневнику Тарасова-Родионова дает во второй книжке журнала («Пятый патрон»—дневник контрреволюционера, участвующего в кронштадтском восстании) несколько лучшие по сравнению с первой вещью художественные «показания», но они, как и все несомненные творческие достижения пролетарского сектора ЛОКАФ в целом, не убеждают нас в том, что необходимый перелом в трудной работе по овладению диалектико-материалистическим методом в лефовской литературе уже налицо.

В главе из романа Л. Дегтярева «Шагает мидинчик» (книга третья—«Сорокинская армия») автор развертывает первое большое свое художественное полотно очень ярко и мотивированно, исторически правильно и партийно, что наиболее важно и ценно для идейно-художественного роста лефовской литературы. Тем не менее и этот скрывок не делает еще «погоды» в области творчески-методологических изысканий пролетарского сектора ЛОКАФ.

Основная для лефовских задач овладения методом диалектического материализма Маркса-Энгельса-Ленина не снимает, однако, и ряда других важнейших задач перестройки работы журнала с пролетарским ядром ЛОКАФ и литературными союзниками. Среди этих задач особенно актуальна необходимость обновления тематики.

Нетрудно увидеть, что вся почти литературная продукция журнала обращена лицом к прошлому, к тематике гражданской войны, и то главным образом сухопутной.

Героическое прошлое нашей Красной армии на всех многочисленных фронтах гражданской войны, яркий революционный романтизм этого прошлого был, будет и должен быть еще в течение долгого времени богатейшим источником для тематики ЛОКАФ.

Но разве не ясно, что решающее звено в этой тематике связано с сегодняшним днем Красной армии и армий капиталистических, а также войной будущего, которая должна приковать сюда за не основным внимание лефовских кадров?

Между тем журнал непростительно мало занимается этой насущной работой, в которой нельзя, разумеется, ограничиться только художественных показом маневров и красноармейских будней (И. Рахилло, Вс. Толстой, А. Небах, В. Чибисов, К. Левин, И. Андриенко и др.).

Величайшее культурно-воспитательное значение Красной армии, ее огромная роль в хозяйственном строительстве—например конкретная практическая помощь в социалистическом переустройстве деревни, очень слабо и случайно освещались до сих пор журналом.

Помимо того у журнала наряду с бесспорными успехами, к которым надо отнести, в частности, активную борьбу с рапповщиной, есть еще много прорывов: весьма слабый поэтический и укрепившийся в последних номерах, но все еще недостаточный критико-библиографический отдел, плохая связь с начинающими авторами местной и национальной красноармейской печати, отсутствие в активе лефовских писателей целого ряда лучших представителей пролетарской литературы, наконец, случайность работы в журнале сознательных и попутчиков (В. Нашего, И. Евдокимов, И. Рудин, А. Малышкин и др.)—все эти достаточно многочисленные слабые участки работы органа ЛОКАФ необходимо укрепить в максимально короткий срок.

Решительное и своевременное преодоление всех ошибок и углубленная работа по-новому—вот что должно подсказать крепнущему лефовскому журналу.

И. Б—Н

Пост-скриптум. Только-что вышедшая седьмая книжка «ЛОКАФ», творчески мобилизующая против межклассовой опасности материнства, осваивает художественную картину реалистических армий и вырастающего революционного движения Эрнста Глезера—«Мир», Э. Мальтера—«Человек в табачном костюме», И. Тодуляка—«Улица без солнца») с позиции нашей, действенной для мирового капитализма, красноармейской действительности, отраженной, к сожалению, очень немногими поэтами на богатейшие в этом смысле возможности.

Статья Ф. Блюменталя («Человек в современной войне») и в особенности выступление т. Авербаха на первом пленуме ЦС ЛОКАФ («За большое искусство (большевизма») дают хорошую творческую зарядку на будущее всем лефовским кадрам.

ВС. ВИШНЕВСКИЙ

не спрашивайте, зачем пришли

пролетарские писатели должны помочь боевой учебе красной армии

В бою наша часть. Бой длителен. В каких-то пунктах потери.

Нужны резервы. Свежие, сильные. Они приходят в самый горячий момент. И тут случается вот что:

Этим резервам говорят удивленно и сыскова: «Собственно, кто вы такие, зачем вы пришли? Мы вас не знаем...»

Ну, не может быть, чтобы произошла такая вещь. Да где же это? У нас в ЛВО? Не может быть...

А вот разберемся.

Наш округ «к бою» — в полосе летней учебы. В ряде пунктов у нас есть прорывы и прорывчики. Стоит прочесть «Красную звезду» и мы заметим — там кто-то пропустил, другой не доглядел или скрылся за об'ективными причинами... Есть обязанка, не все умеют работать по-новому.

Сводки со всего фронта однако в общем благоприятны. Чтоба идет. Тем обязательнее устранить прорывы и прорывчики. Давай резерв, давай силы.

И вот они являются. Приказом по ЛВО 17 писателей — активных работников ЛОКАФ — отправились в лагеря. Не... кое-где этот, во-время подоспевший на участок кличенок, много тиражек и литкружков резерв — встретили кисло, с недоумением:

— Вы, собственно, зачем, почему?..

В ряде же частей встретили прекрасно, и работа пошла хорошо.

*

Поговорим о тех частях, где встретили плохо.

Оказалось, что там некоторые работники не знают о ЛОКАФ. Они как-то проглядели громадную его работу, идущую уже год. Они не заметили мобилизации писателей СССР в помощь обороне. Не заметили новых журналов и книг: «ЛОКАФ», «ЗАЛП», «ПЕРЕКОП» Виноградова и др.

Хуже: они не знают о постановлении в всеармейского совещания секретарей касательно ЛОКАФ. А в этом постановлении четко сказано о поддержке ЛОКАФ.

Установив этот «прорывчик» в наших частях, займемся его ликвидацией.

Опыт гражданской войны, большевистская большая работа Демьяна Бедного, В. Маяковского, В. Князева и других поэтов и писателей показывает, что пером можно сделать часто не меньше, чем винтовкой. Разящие стихи Демьяна стоили метких пулеметных очередей.

Сейчас эта работа подхвачена, углублена ЛОКАФ. Стоят огромные задачи показа Красной армии мирного периода. Писатели идут в части, идут как участники стройки и обороны. Многие из них, например, тов. Ингулов, Я. Калнынь, Г. Фиш, Волохов — командиры запаса. Некоторые — активные участники боев 1918—1920 гг.

*

Что нужно сделать на местах?

Нужно использовать писателей, вовлечь их в работу местных газет и самодеятельных организаций. Надо перенять у писателей технику их дела, надо включить писателя в органическую жизнь части, сделать его другом, товарищем-соратником.

У писателя много возможностей помочь на местах и драматургу, и газете, и клубу. Пусть всюду, где есть писатели ЛОКАФ, дружно, быстро двинутся вперед литкружки и военкоры.

Просите, поручайте писателям доклады о войне и литературе; о ЛОКАФ, о работе ЛОКАФ за год, о планах на зиму.

Пусть писатели помогут изучить произведения о гражданской войне — «Разгром», «Неделю», «Мятеж», «Железный поток» и др. На этих произведениях можно многому научиться. Пусть писатели узнают часть, ее работу и искажут героев Красной армии и флота, чтобы их знала страна. Пусть писатели помогут конкретной работе: проведению стрелкового конкурса, тактическим занятиям, вербовке сверхсрочников, подготовке уходящих осенью к работе в колхозе и т. д.

*

Помните, что литература будет пущена в ход во время войны как оружие! Имейте это в виду. Пусть это оружие будет надежным. Готовьте его!

И. ОГНЕВ

зарисовки в лагере

Рассказ о том, как тульский «казенный рабочий», по-тульскому — «казюк», — вырос в командира лесного звена; о том как это звено по внезапной команде покрыло 1.400 километров с рекордной быстротой; о том, что сам командир не видит в этом ничего особенного;

что вообще ничего особенного за всю летнюю практику с этим командиром не случилось: вот, разве...

— Вышел из карты, блуданул. Дело было зимой, проблуждал пять часов. Потом ничего, домой вернулся. А вам зачем это? Вы напишите лучше, что в Туле теперь Нью-Йорк вырос; так и зовут: «Нью-Йорк».

В Туле вырос новый город, а в лесном звене — новый человек. И, правда, есть ли в этом что-нибудь особенное в применении к практике наших дней? Разве то, что этот командир — ударник? Так ударники — все. Девяносто восемь процентов отряда — ударники. Скорей особенно то, что два процента личного состава отряда не удосужились включить себя в общую ударную работу.

Потом к нам подсаживается другой товарищ — Терентий, по-румынски — Терепеско. Фамилия его я не назову, но дело не в фамилии. Он — беженец из оккупированной Бессарабии. И вот — рассказ о том, как он пробрался через реку, мимо сентинеллы (часового), как ловила его сигуранца, и еще — о том, как Терепеско стал ударником, легким командиром. Десять лет назад он не знал ни слова по-русски, а теперь — только когда командир волнуется и спешит, пробивается и его речь акцент. Рассказ о жизни и росте Терепеско полон драматических положений, но он не для газетных страниц, а для книги.

Люди, типы, образы Красной армии вообще насыщены. За кого ни возьмись — поверхностной зарисовкой обойтись трудно. Может быть поэтому прошлогодние маневры, — первые маневры ЛОКАФ, — ничего существенного литературе не дали. Внешние признаки нашей армии яркими красками не блещут. А на лету разве схватишь что-нибудь, кроме внешних признаков?

Нет, здесь речь идет о насыщенности внутренней. Люди Красной армии подчинены сложным боевым действием. В стройных рядах лесных палаток растет единый, крепко спаянный коллектив; размеры воли и мощи этого коллектива выражены тут же у палаток, — в цифрах и диаграммах.

— Стой на минутку, товарищ! Как фамилия?

— Виноградов моя фамилия. Иван Трофимыч Виноградов.

— Ударник?

— А я пролетарий. На обувной фабрике работал, там был ударником, здесь — тоже ударник. Учился как? Да только в сельской школе, а потом сама жизнь взяла в учебу. С семнадцати лет — в большом городе. Имел право на терчасть, — ну, отказался от льготы, пошел в Красную армию. Путали меня трудностями, но, как пролетарий, не верил. Так и оказалось.

—А в чем выражается ударничество в этой части?

— Итти первым всюду и всюду: по боевой подготовке, по политработе, по общественной работе, по стрелковому делу; не только итти самому, а и массу тоже втягивать.

— Какой эффект дает ударничество?

— Это результат? Такой выходит результат, что в моем отделении N никогда — ни одного дисциплинарного взыскания, в стрелковом деле — ни одного слабого, все идут удовлетворительно или хорошо.

К нам подсаживается еще товарищ, Георгий Николаевич Киселев. Он — крестьянин Елецкого округа, колхозник; колхоз расположен в 15 км от станции Бобрикино и существует с 1924 г. Киселев — один из активных работников колхоза, принимал участие в постоянных стычках с зажиточной частью деревни, участвовал в организации т-ва по совместной обработке земли, затем — в 1926 г.—в артели. В 1925 г. колхоз получил трактор. В Красной армии Киселев второй год,— разумеется, ударник.

— Что такое ударничество в Красной армии?

— Ударничество, — вдумчиво отвечает Киселев, — такой метод, при помощи которого преодолеваем любое препятствие в Красной армии. Мы, ударники, соревнуемся на усвоение задачи, на сбережение оружия, на заботу друг о друге, на четкость выполнения задачи, и еще — на то, чтобы не было выстрел.

— А как насчет семьи? Не скучаешь, Киселев?

— Я не забываю себе голову семьей. Что ж? Жена работает. Когда уезжал из колхоза, хата оставалась не так хорошая: стена падала. Теперь правление колхоза дало другую хату. Жена учится, как другие женщины, в колхозе. Раньше и ей помогал, а теперь сама пошла, без моей помощи.

Этой осенью срок пребывания Киселева в Красной армии кончается. Киселев добивается путевки в рабфак; подготовился все тут же, в Красной армии.

— А желаешь, товарищ, бой посмотреть?

— Ну еще бы, конечно, хочу.

И вот—бой. Два отряда бойцов расположились в полной готовности друг против друга. Плацдарм—ряд политических вопросов:

— Июньский пленум ЦК ВКП(б).

— Всеармейское совещание секретарей ячеек.

— И пленум ИККИ.

— Выступление тов. Сталина.

— Свежий материал газет.

Один из взводов высылает первого бойца, тот, в майке и трусиках, выходит на середину и указывает пальцем, с кем он хотел бы сразиться. Разлается первый выстрел:

— Что сказал июньский пленум о задачах транспорта в связи с осенними перевозками?

— Большой явился простой машин, —подумал, отвечает «противник»,— как бы сказать, — паровозов и вагонов; и тут нужно введение электровозов и теплоходов...

Но выстрелы сыпаются один за другим:

— Что такое обезличка, и как пленум постановил с ней бороться?

— Какие пленум отметил недостатки в колхозах?

Малейшее невнимание губит бойца— он попадает в плен.

В плен! Число пленных растет медленно; вызывает то один, то другой взвод, но большинство вопросов получает немедленные ответы. Политбой разгорается по всей линии:

— Что тов. Сталин сказал о производительных рабочих? Откуда рабочих нужно набирать? Что тов. Сталин говорил о хозрасчете? Сколько у нас построено новых железных дорог? Как относительно городского хозяйства — улучшилось оно или ухудшилось, и докажи, чем улучшилось?

Стремление забрать в плен всех «противников» не увенчивается успехом ни у той ни у другой стороны. Трубят к ужину. Вечерест. Завтра — выезд в поле. После ужина — деятельная подготовка к выезду. Но прежде чем пойти в палатки, бойцы грудятся у свежей стенной газеты.

— Волхов! Мартынов! — раздаются крики. — Скорей сюда!

В стенной газете красуется:

Красноармейцам Волкову и Мартынову

(они ночью 17/VI стояли на посту без патронов).

Были просто, как дважды два:
Были винтовки, но в них — пусто...
Голова ль ты, моя голова!
Для чего ты набита капустой?!

Но автор этой эпиграммы — красноармейский поэт Леонов — достоин быть описан в особой статье.

Впрочем, почему только он?

Нет ни одного мгновения в жизни Красной армии, которое недостойно было бы самого внимательного писательского изучения.

У нас до сих пор нет книги о Красной армии в период мирного строительства.

Товарищи-писатели! На нашем фронте это широкий прорыв.

Тамбов.

гроппер
америка

никакие гуверовы планы не спасут капиталистический мир от гибели

ВОРОШИЛОВСКИЙ*

На конях и пеше идем,
Весь колхоз навстречу нам—
Оживленной пестрой стаей..
Слышны шутки, смех и гам.

— К нам на помощь?—К нам, сердешный,
— Ну, поможем, значит, друг
— Поработаем, конечно...
Важны косы — и на луг.

Смотрит долго, с удивленьем
На бойцов веселых дел.
«Не пойму, вот, платим деньги
За работу нам, аль петь?»

Нет, на это воля папа,
Не за деньги мы пришли.
Вместе с вами, дедь папаша,
Мы - колхозы земли.

От реки и до дороги,
Где на главе — шелом стога,
«Вот и было вас немного
А скосили двадцать га».

Завтра больше скосим, чуешь?
Завтра скосим все вокруг.
Ночь у вас переночуем,
А с утра—опять на луг.

— Завтра? — бабка изволновалась, —
Завтра, знаешь,—престол.
В этот день ни стар, ни малый
Не работает никто.

Комсомольцы засмеялись:
— Брось-ка зря смущать народ.
Не придешь? Какая жалость,
А колхоз-то весь придет.

Подтруб на снежном семе
Об'ясняет старикам,
Что решил июньский пленум
И чего добиться нам.

Солнце птицею привольной
Вдарило генисе...
Кроме бабки богомольной
Вышел дружно весь колхоз.

Уезжаем. Спины потны —
Не жалеем сил своих —
Воропиловский субботник
Провели «на два больших».

АРБАТСКИЙ

* Автор стихотворения т. Арбатский молодой, начинающий лефовский поэт, принесенный в литературу как призывом ударник.

Арк. сятковский

мобилизация

Пасты
сплошными
расселились на ветках,
Жизнерадостные критики
мерцают лбы:
— Бои?
Под Перекопом? —
тема выжата!
Давным-давно
исчерпавшая быль.
И до боевой
погрязая
в болоте
Послушно мнили
минерд
в струну,
Поют под гитару
в нашей работе, —
Гитара!
они воспевают страну.
Нас учили
совсем уже мало,
Пройдет еще несколько
быстрых годков,
Не станет нас —
чьи песни
подымали
Матросов,
рабочих —
и батраков.
Цитатами слов
на врага ощерясь,
Бомбами рифм
на смерть поражая,
Мы шли
через горы бацилл
и через
Разруху и голод
до урожая.
Жить,
умирать,
и работать с партией!
Мы никогда
не покатимся
вниз.
С рабочим классом,
с любого старта
Навстречу грядущему
в социализм!
Опять задувают
ветра непогоды.
Над Западом
небо кипит волной,
И ледоколами
разведчики-тады,
Мобилизованные — войной.
Багровое знамя
печати
и гнева
Рубцами горит
над простором событий.
Встаньте рядом,
выстраивайтесь слева
Погибшие,
Зарезанные,
Убитые!
Вставайте,
могил
и холмов
глиняные,
Шагайте!
Пусть ветер
штандарты полощет —
Республика наша
для всей
вселенной
Стала огромной
Красной площадью.
В нашей-кибудь
бывший
дрянной городишко
Пекинчик
будут ехать потоком,
Чтоб показать
коммунаран-детишкам,
Землю геройства
окинуть оком.
И песни разучат
до самых точек,
Пяным,
что были
— —
оружием мяс.
Деньги — в музеях,
и горсточка строчек
Будет рекам
пересказам
на Марс.
Но для того,
чтобы это было,
Руку
вложа
подняв над собой,
Сердце,
набитое
порохом пыла,
Братья
и
в последний
решительный бой.

75-ЛЕТИЕ БЕРНАРДА ШОУ В МОСКВЕ

„пожелаем, чтобы шоу увидел полный восход социалистического солнца"

привет гостю и другу

В Колонном зале Дома Союзов состоялось 26 июля чествование Бернарда Шоу по поводу его семидесятипятилетия, которое великий английский драматург пожелал отпраздновать в столице Страны советов.

На вечере Бернарда Шоу присутствовали члены правительства, дипломатического корпуса, многочисленные представители литературной и художественной общественности, иностранной и советской печати.

Публика переполненного Колонного зала встретила Шоу стоя, бурной овацией.

От имени ОГИЗ, ВОКС и Федерации объединений советских писателей вечер открыл т. Арт. Халатов.

— Шоу давно сумел осознать всю уродливость буржуазного строя, — сказал т. Халатов. — Теперь он приехал в СССР, чтобы своими глазами увидеть энтузиазм и успехи рабочего класса, осуществляющего полный социалистический строй. Он видит борьбу двух систем — капитализма, бьющегося в судорогах кризиса, — и социализма, успешно строящегося в Советской Стране.

— Вчера в Ленинграде, — рассказывает т. Халатов, — Бернард Шоу в своей речи в честь Ленина, произнесенной для звукового кино, заявил: **«путь, указанный Лениным, — тот путь, по которому вы идете — единственный путь к светлому будущему, если же мир пойдет старой тропой, мне с грустью придется покинуть эту землю».**

После т. Халатова выступил тов. А. В. Луначарский.

речь а. в. луначарского

— В лице Шоу, — сказал т. Луначарский, — мы можем приветствовать одного из самых блестящих паладинов смеха в истории человеческого искусства. Когда ты читаешь Шоу, вам становится весело, вы почти беспрестанно улыбаетесь или смеетесь. Но вместе с тем, вам делается жутко. Жутко может быть и такому читателю, против которого направлены стрелы смеха Шоу, жутко может быть и сочувствующему читателю, когда Шоу вскрывает перед нам мрачную сущность капиталистической действительности.

У Бернарда Шоу был замечательный предшественник, выразительный и мрачный гений, у которого смех достигал столь же могучих и еще более мрачных эффектов. Это паладин смеха такой же, как Бернард Шоу, но по обстоятельствам исторического момента, в который он жил, более сумрачный — это соотечественник Бернарда Шоу — великий сатирик Джонатан Свифт.

Этот человек умел смеяться веселым грациозным серебристым смехом. И вместе с тем Дж. Свифт с пугающим юмором внес предложение о том, как следует английской буржуазии заготавливать мясо младенцев, которые рождающихся в бедных английских семьях, как их солить, готовить впрок, делать вкусные блюда для того, чтобы облегчить такое несчастье, как сверхнаселение, в источник питания.

Если мы сравним смех Дж. Свифта и смех Шоу, то придем к некоторым очень интересным выводам. Вообще говоря человек смеется, когда он побеждает. Физиологический смех есть разрешение трудностей психо-физиологического напряжения.

Но мы знаем, что смех бывает часто не сверху, с высоты победителя, с которой он поражает голову сломленного врага, а снизу против господствующего строя, против господствующего класса, против господствующей власти.

Но как же так? Если смех представляет знамя победы, то каким образом он может звучать со стороны классов, групп еще угнетенных? В нашей советской литературе мы имеем великого сатирика, имя которого может с честью встать рядом с именами Дж. Свифта и Шоу. Это Щедрин. Щедрин — чрезвычайно веселый писатель. Вы тоже будете беспрестанно смеяться, когда будете его читать, но также, как у Свифта, вы найдете мрачные облака на его небе, на котором сияет солнце смеха. Вы увидите страшное соединение смеха и гнева, ненависти, презрения, призвал к борьбе, вы увидите часто почти слезы, вы увидите, что к горлу смеющегося человека подступают рыдания. Каким образом возможно такое соединение? Такой смех звучит тогда, когда угнетенный уже давно победил своих угнетателей морально, интеллектуально, когда он смотрит на них, как на дураков, когда он презирает их принципы, но когда политически он еще слаб, когда его зрелость для того чтобы определить немедленность экономического переворота еще недостаточна, — тогда получается это страшное кипение.

Если мы сравним с нашим мрачно-веселым Щедриным или сатириком XVIII века Свифтом Бернарда-Шоу, то увидим, что Бернард Шоу веселее их. Бернард Шоу чувствует близость к победе, чувствует большую уверенность, что зеленеющий буржуазного строя не может просуществовать особенно долго.

Один американский журналист, очень талантливый, который в свое время посещал Ленина, написал о нем интересные страницы, где говорит: «Когда я говорил с Лениным, меня поразило, что этот человек все время смеется. Он смеется иронически и весело. Я задумался. Почему человек, страна которого голодает (как это было в то время), который окружен врагами, находится в таком положении, которое могло бы показаться отчаянным, — почему он улыбается, смеется и шутит? Я понял, что это **марксистский смех**, смех человека, который уверен, что законы социальной природы дадут ему победу».

Нечто вроде ленинского победоносного смеха мы находим у Шоу. Однако, будет неверно, если мы не заметим у Шоу яда. Он смеется, но прекрасно знает, что далеко не все является смешным. Он смеется ядовито, с ехидством, с иронией, с глубоким сарказмом. Это не просто цветы невинного юмора, это тонкое и блестящее оружие нового мира против старого мира.

Сегодня Бернарду Шоу исполнилось 75 лет. Он входит в поздний возраст своей жизни в то самое время, когда в самый поздний, окончательный возраст входит капитализм, который он так ненавидел и осуждал. Никогда еще фундамент капиталистического общества не был так потрясен, как сейчас. Его стены пытаются, они укрепились и дают трещины.

В то время как те, которые являлись агентами старого мира, должны трепетать, ибо начинается страшный суд над пороками и преступлениями капитализма, Бернард Шоу считает, что быть социалистом — вещь вполне естественная для человека умного и образованного, что человек, который не социалист, несмотря на свой ум и образование, вообще довольно странное существо (смех). Но одно дело быть социалистом в своих убеждениях, — другое дело способствовать приходу социализма. Разрушение капиталистического мира еще не есть социализм. Капиталистический мир мог бы рухнуть и не оставить наследников.

Вы понимаете, почему 75-летний писатель, который заметил опасные трещины на личном пути, по которому он идет, спрашивает себя: нет ли на свете что-нибудь положительного, что заменит собою разрушающееся старое? И он обращается к Востоку, приходит к нам, потому что ищет здесь этой замены.

Мы, которые прожили с ним эти несколько дней, мы знаем, что он молод, что он юн. С ранних лет он стал строить великий мост, по которому сегодня он и люди, наиболее богатые мыслью и духом, могли бы перебраться из старого в новый мир. Сейчас все еще юный, хотя и с седой бородой, он завершает последние арки этого моста, входит в новый мир и в этом — всемирного исторического значения акт, который он ознаменует празднованием 75-летия великого английского писателя в Москве (продолжительные аплодисменты).

Пожелаем, чтобы и после 75 лет Шоу жил долго, чтобы глаза его могли увидеть полный восход социалистического солнца (бурные продолжительные аплодисменты).

выступление н. огнева

После председателя ВОКС т. Ф. Петрова, приветствовавшего Шоу от имени Всесоюзного общества культурной связи с заграницей, с приветствием от советского писательства выступил **Н. Огнев.**

Выступление Н. Огнева

— От имени Федерации объединения советских писателей, — сказал т. Огнев, — я приветствую замечательного писателя и мыслителя.

Нас, советских писателей, особенно сближает с Шоу та его мысль, что ради одного только искусства писать вообще не стоит, что он, Бернард Шоу, ради одного искусства не написал бы ни строчки. Бернард Шоу, верен этому завету с начала своей литературной жизни, вплоть до наших дней. Живя в среде, которая ненавидит, холит и воспитывает «чистое искусство», как некий оранжерейный цветок, Шоу искусство слова великим полчищем искусству нападения, и нападения именно на эту среду. Остро отточенное оружие Шоу — ирония — непрестанно колет наших общих врагов — буржуазию и мещанство.

У нас, советских писателей — свой пресный, свои методы действия. Но мы тоже работаем вовсе не ради искусства. Мы знаем цену буржуазному «чистому» искусству. В нашей стране оно сметено прочь Октябрем.

Мы, советские писатели, давно и хорошо знаем, что искусство наше — не отдельная самодовлеющая величина, не отдельный отряд борцов; нет, искусство наше становится частью общепролетарского дела; в наши ряды вливаются новые силы — рабочие от станка, рабочие-ударники, пролетарии с производства, идущие в литературу. Мы же, советские писатели, не замыкаемся, горды в своей касте, а идем навстречу новым силам, чтобы слиться с ними в общем действии, — с целью окончательного совершения позиций идеалистов в их крупно- и мелко-буржуазной практике.

Но предстоит еще более решительные бои.

Старый мир родил дитя, которое его пожрет. В странах капитализма поселился кризис, и этот кризис — знак распада и смерти. В предсмертных судорогах капитализм причинит еще много вреда; война не за горами.

Мы, советские писатели, знаем свой путь: он только вместе с пролетариатом. Мы призываем западных писателей также твердо и решительно стать на этот путь.

Мы напишем старую ирландскую песенку, введенную в литературу А. Боевелом:

— О сердце, ирландца забьется
быстрее,
Коль речь о сражении зайдет...

Речь уже идет о последнем решительном сражении.

Мы уверены, что сердце великого ирландца забьется по нашу сторону баррикады. Его пребывание среди нас — тому залог.

И мы надеемся, что Бернард Шоу по приезде на родину сумеет и найдет нужным подтвердить это словом и делом.

**

От имени семидесяти рабочих-ударников, премированных заграничной поездкой и на днях отдыхающих на теплоходе «Украина», Бернарду Шоу передал привет т. Котов.

Затем снова встреченный длительной бурной овацией, за ораторским пультом пользуется семидесятилетний «неторжественный».

— Товарищи, — улыбаясь, произносит Шоу по-русски.

Это обращение в устах знаменитого писателя Англии вызывает новый взрыв приветственных аплодисментов.

бернард шоу говорит

— Товарищи!

— К сожалению, это единственное русское слово, которое я знаю. Но это слово стало для меня звучать особенно дружественно за время, увы, слишком краткого пребывания в этой прекрасной стране. Я хочу воспользоваться случаем, чтобы сказать вам кое-что о моих личных чувствах и о моих друзьях, с которыми я путешествую: лорде и леди Астор и маркизе Лотиан. Это невероятно богатые люди: капиталисты и земельвладельцы самого крупного пошиба.

Но не осуждайте их за это: они не могут изменить этот факт. Только одни британский пролетариат и вместе с ним пролетариат всего мира может выручить их из этого положения.

Вы не имеете представления о той «храбрости», которую нам пришлось проявить, когда мы «рискнули» посетить коммунистическую Россию. Наши рыдающие родные цеплялись за нас и умоляли нас не рисковать нашей жизнью из-за столь опасного предприятия. А когда наши близкие увидели, что мы все же исполнены решимости отправиться в путь, они надели нам громадными корнями и пакетиками, наполненными продовольствием, чтобы мы не умерли здесь с голоду. Они принесли нам постельные принадлежности и все движимые блага цивилизации. А некоторые из них принесли нам даже палатки, заботясь о том, чтобы был кров над нашими головами. Железнодорожное полотно от границы до Москвы усеяно предметами, которые мы выбрасывали за окно вагона, когда мы увидели, каким вниманием и какой любезностью окружил нас новый режим в России. Мы не найдем как выразить всю нашу благодарность за все, что сделало для нас коммунистическое правительство нашей страны. Мы можем лишь сказать, что, если советской власти удастся создать для всех народов Союза такие же условия, которые она предоставила нам — а мы верим в то, что это является одной из целей советской власти — то Россия станет самой счастливой страной земного шара.

Я хотел бы исправить одно небольшое заявление, которое я заметил в устах некоторых выступавших здесь ораторов. Они выразили здесь свою надежду на то, что, когда я вернусь в Англию, я скажу англичанам всю правду о России. Товарищи, вот уже десять лет подряд, как я говорю англичанам всю правду о России. Я, не имевший привидения в жизнь пятилетки, уже в 1918 г., когда о России на капиталистическом Западе говорились самые отвратительные вещи, послал однажды одну из моих книг Ленину с посвящением, полным энтузиазма, в надежде, что это посвящение будет опубликовано во всей Европе. Я не знаю, что случилось с этой книгой, но во всяком случае, посвященные мною Ленину строки нигде никогда не появились.

Я знаю много о том, как вы тогда страдали. Но уже с самого начала я верил, что победа будет за вами. И я знал также, что, независимо от того, победите ли вы или потерпите поражение, ваш долг заключался в том, чтобы помочь вам всем, на что я способен.

Смысл моей поездки в Советскую Россию не в том, чтобы иметь возможность сказать англичанам, что-нибудь такое, чего я раньше не знал, а в том, чтобы иметь возможность ответить им в тех случаях, когда они говорят мне: «А вы считаете Советскую Россию замечательной страной, но вы ведь там не были, вы не видели всех ужасов». Теперь, когда я вернусь, я смогу сказать: да, я увидел все «ужасы» и они мне ужасно понравились.

Возвращаясь в Англию, мы увозим с собой самые глубокие впечатления. Несмотря на все то, что я только что сказал о моем знакомстве с тем, что происходит в России, я, конечно, не стану утверждать, что даже самое лучшее знакомство по-настоящему может сравниться с непосредственными впечатлениями, лицом к лицу с фактом. Для меня было громадным удовольствием столкнуться лицом к лицу с некоторыми силами, которые были для меня лишь не более чем именами. Недели тому назад Луначарский был для меня очень известным именем, но сейчас он для меня живой человек. И я нашел в нем не только партийца-коммуниста, но и нечто, что русские и только русские могут мне дать: я имею в виду умение понять и оценить мои собственные драматические произведения с такой глубиной и с такой тонкостью, которую — я должен это признать — я никогда не встречал в Западной Европе. Знаменитое имя Луначарского также превратилось для меня в живого человека, и при том очень дружественного.

И во что бы то ни стало я хочу, чтобы, прежде, чем я покину Москву, Сталин также стал бы для меня живым человеком, а не именем (аплодисменты). Не могли ли бы те из вас, кто лично знаком со Сталиным, попросить его помочь мне в этом деле.

Мое личное чувство перед лицом нашего великого коммунистического эксперимента точно также, как и чувство многих других людей в той части света, откуда я приехал, является прежде всего чувством стыда за то, что Англия не вступила вместо России первой на этот путь. Карл Маркс сказал бы, что пролетарская революция произойдет в стране в самую последнюю очередь. Маркс рассчитывал, что пролетарская революция произойдет прежде всего там, где капитализм наиболее высоко развит. И вот мы видите, что произошло. Россия оказалась первой. Английскому народу надо было бы стыдиться, что он все же не опередил. И вместе с Англией все западные нации должны были бы разделить это чувство стыда и завидовать вашей славе. Когда вы доведете ваш эксперимент до торжествующей конечной победы, — а я знаю, что вы это сделаете, — то мы на Западе, мы, которые все еще только играем в социализм, мы должны будем последовать за вашим столпом, — хотим ли мы этого, или не хотим (аплодисменты).

Мне очень трудно окончить мою речь. Я сказал вам все, что я хотел вам сказать. Но когда я сейчас смотрю вокруг себя и вижу все эти лица, с тем, созерцающим нашим выражением и взглядом, которого вы никогда не увидите, на капиталистическом Западе, то я чувствую, что мне хотелось бы говорить и говорить с вами десять часов подряд. Но не пугайтесь — я вас не пугаю этой ужасной угрозы. Я просто скажу вам от моего имени и от имени моих компаньонов по путешествию: Сердечное вам спасибо за прием, который вы нам оказали, и за ваши заботы о нас, которые делают нашу поездку столь же приятной для нас в настоящем, сколь она будет памятной в будущем (бурная овация).

из альбома художника
евг. мандельберга

дружеский шарж
на б. шоу

телеграмма м. горького

На вечере в Доме союзов была оглашена следующая телеграмма Бернарду Шоу от М. Горького:

Дорогой Бернард Шоу!

Болезнь, — ангина, — мешает мне приехать в Москву для того, чтобы крепко пожать вашу руку,

— руку смелого бойца и талантливого человека.

Три четверти столетия прожили вы и неисчислимы сокрушительные удары, нанесенные вашим острым умом консерватизму и пошлости людей. Мне радостно знать, что день вашего семидесятипятилетия вы проводите в стране, которая так высоко ценит вас, и среди людей, которые начали величайшую борьбу с миром, освященным вами, — успешно ведут эту борьбу — и победят.

М. ГОРЬКИЙ.

от нашего корреспондента

шоу в городе ленина

* Во время своего пребывания в Ленинграде 24—25 июля Бернард Шоу вместе с леди и лордом Астор, лордом Лотиан и журналистом Тернаит, в сопровождении А. Луначарского, К. Нонова, М. Слонимского, А. Толстого и других писателей **обрати-лся** к Ленинграду.

* Б. Шоу беседовал с советскими писателями. А. Афиногенов спросил, пишет ли знаменитый английский драматург по определенному плану. Б. Шоу ответил:

— Я не знаю, какой план существует у цветка, когда он растет.

— Но в ваших пьесах, — заметил А. Афиногенов, — прослеживается большая конструктивность.

— Я люблю даже конструктивные трудности преодолевать в процессе самого творчества.

* Б. Шоу вместе с М. Слонимским, А. Толстым и другими совершил большую автомобильную прогулку по Ленинграду. На островах гостям были показаны дворцовые особняки, превращенные революцией в дома отдыха для рабочих.

* Вечером Б. Шоу присутствовал на киносеансе, устроенном в честь его приезда. Писатели, рабкоры, журналисты, заполнившие зрительный зал, встретили Шоу шумной овацией. Гостю были показаны отрывки из лучших советских фильм («Мать», «Конец Санкт-Петербурга», «Соловок Империи», «Земля», «Турксиб»).

* 26 июля БЕРНАРД ШОУ выезжал на Ленинградскую звуковую фабрику Совкино, где ПРОИЗНЕС ДЛЯ ЗВУКОВОГО КИНО БОЛЬШУЮ РЕЧЬ О ЛЕНИНЕ. Эта речь будет включена в новый документальный звуковой фильм о Ленине. Затем в сопровождении А. Луначарского и К. Нонова, Шоу посетил Русский музей.

* В Европейской гостинице состоялась встреча Б. Шоу с ленинградскими писателями и писательскими работниками, среди которых были: А. Луначарский, И. Нонов, М. Рафаил, М. Слонимский, Ю. Либединский, М. Козаков, Н. Никитин, М. Зощенко, М. Шагинян, Н. Брыкин, И. Садофьев, Инес, Саянов, Н. Браун, А. Прокофьев, Ф. Евсеев, М. Фромман, Р. Вауле, И. Груздев, Мариэтт, Алянский, художник И. Бродский и др.

* За завтраком в беседе с писателями Б. Шоу дополнил свой известный ответ из анкеты МОЧИ о том, что в случае войны он повесит себя «вероятно повесит».

— Я УБЕЖДЕН, — сказал Шоу, — ЧТО В СЛУЧАЕ ВОЙНЫ МЕНЯ ПОВЕСЯТ ИЗ ЧУВСТВА НАЦИОНАЛЬНОГО ПАТРИОТИЗМА. Во всяком случае, ЕСЛИ БЫ ВСПЫХНУЛА ВОЙНА, Я СЧЕЛ БЫ НУЖНЫМ ПРИЕХАТЬ В СССР, ГДЕ ОКАЗАЛСЯ БЫ В БОЛЬШЕЙ БЕЗОПАСНОСТИ...

Р.

тристан реми

смерть товарища шово

неизданный рассказ

Тристан Реми — молодой французский писатель, участвовавший в интервенционистской войне. Сейчас он член Французской компартии. Его новый роман „Нашумевшие воины", выпущенный недавно, был отмечен всей литературной критикой как одно из лучших произведений народившейся во Франции пролетарской литературы. Этот роман переведен на русский язык. — Печатаемый ниже рассказ написан специально и исключительно для нас.

Ребята первой роты, первого батальона, 408 пехотного полка отступают к Дюнкерку, вдоль Марны. Сладострастно блестит безмятежная река. Предусмотрительный враг их оставил. Поражение гонит их в беспорядке, растерянных, но свободных.

Уже три дня они спускаются по зеленым холмам, бегут по густым рощам, обходя маленькими группами незнакомые или разрозненные, попадаются ему навстречу. Пытаются не засады. Трещат пулеметы. Слитые массы людей исчезаются в кустах. И вдруг — на звуки боя, словно эхом войне, откликнется. Безмолвие пинками пронизывает тело. И из конца в конец колонны проходит, выполняя шопотом отдаваемые приказания.

— Проходите, примкнув штыки...

Воображение подает в густую листву. Смерть затаилась у дул ружей и ждет только жеста, чтобы изметнуться. Матовые лица подстерегают их на опушке, у поляны.

— Проходите! Колонна отряда на пятнадцать шагов!..

Пулемет испускает продолжительный сумасшедший хохот. Беспорядочное бегство. Но так хорошо вокруг, что пули взлетают вверх и кружатся в листве деревьев.

Гро шепчет Башелье.

— Осторожней с ружьем: у тебя оборвался ремень...

Высланный вперед патруль возвращается. Неприятель отступил. Они облегченно вздыхают. Мандэ собирает земляничку, мясистую, как «божьи коровки». Безмятежие снова пронизывает жуткой тревогой. И в ранце выпрямляются и шелестят помятые ветви.

Три дня шла эта игра в прятки. Немцы продвигаются осторожно и даже отступают, когда это надо. А сейчас на впереди, ни позади никого нет. Они находят повсюду убитыми своих разведчиков. Вестовые и лошади лежат с вспученными кишками, у ротных велосипедистов вывернены карманы, похищены приказы. Впереди, слева, справа, позади, повсюду немцы, в свою очередь разрозненные, прячущиеся в рощицах, ждущие удобного мгновения, чтобы растянуться на согретой теплой земле. Так хорошо было-бы спать!..

Перейдя Марну, ребята первого батальона наслаждаются крепким покоем... Смягчившая отчаяние усталость усыпляет им в ноги. Вдоль дороги, ведущей к Дюнкерку, рассыпается первая рота, до смерти измученная трехдневной битвой. На белой дороге она — словно чуть двигающаяся мишень под прицел ружейного выстрела. Каждый таит в себе неповиновение, отвращение ко всей роте в целом. У офицеров глаза неподвижны, как их галуны.

— Это — конец! — говорит капитан Ферранлини.

Он стройный, как старик.

— Какая встреча, мой бог! И все это для того, чтобы отдать Романовым Константинополь.

Город принимает их одного за другим. Ставни повсюду закрыты, а двери пусто зевают на улицу.

Гро подзывает Башелье.

— Ты голоден?

На печке кастрюля с супом ждет своих хозяев, которые шныряют сбежали, оставив миски с ломтями хлеба и блюдо с овощами, на котором морковь растянула свои желтые сердца. Шкафы разграблены. Сегодня ночью, до них прошел здесь святой с конем третий кавалерист, который защищал переход через Марну. Из шкафа свисает простыня, словно белый язык большого лизуна. Из ящиков вывалились бечевка, пробки и рассыпанные в беспорядке фотографии.

— Возьми, — говорит Гро, — это пробочник, он может пригодиться.

Взрыв снаряда пробил витрину аптеки и розовые и белые таблетки рассеяли тротуар. Резиновые пузыри из-вязаются, как шелуха лука, и толстые пузатые склянки купаются в банках с карельем.

А в задней комнате портреты главнокомандующего британской армией маршала Франча и президента французской республики г. Раймонда Пуанкаре «бесплатные приложения к журналу «Иллюстрация». Они улыбаются из под обсевших их мух и вымазаны карельем. Всякий раз, когда проглядывает облако и врывается свой солнца, сидя обоих темнеют или просветляются, — у одного с видом отчаяния, у другого с лукавой иронией.

— Ни один из них не сойдет с своего места, чтобы прекратить эту войну, — говорит Гро.

Он вытягает ящик. Санитарные пакеты выскакивают из него, как белые зверьки.

— Положи их в карман! Пригодится...

Гро — вот это парень! Это товарищ! У него поговорка в день учится Башелье; как шимпанзе вернуться в Париж и набить морду тем, кому наплевать на нас, солдат.

— Потому что, — добавляет он, — не хотелось бы, чтобы война закончилась миром. Просто так, миром для всех людей. Сначала надо свести счеты. Думаешь, можно вернуться домой, ничего не сказав, ничего не сделав?

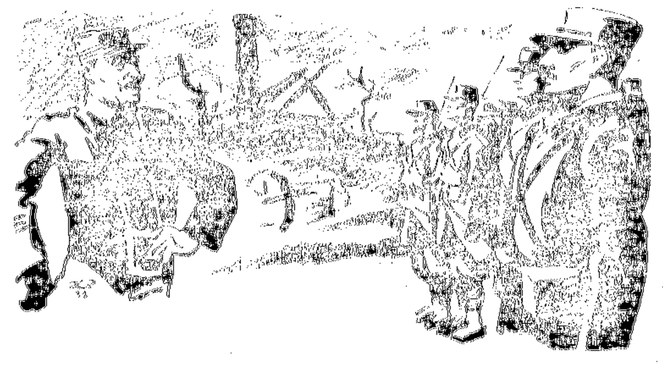


рис. к. елисеева

— **есть у нас типы, восхваляющие русскую революцию**

Суматоха утихает. Все приходит в порядок. Отдых обновляет утомленные мускулы. И немецкие пулеметчики, взобравшись на пеньки, ждут на город остроконечные гранаты, сметающие все, что повинуется им на пути. Взводные начальники собирают людей. Предметы самого разнообразного происхождения раздувают карманы их шинелей. Сардинные коробки серебрятся из кое-хотных мешков. Винные бутылки выставляют убранные красными язычками головки, и словно турецкие сабли торчат в поясах гигантские колбасы.

Шово из первой пулеметной команды, сопровождающей первую роту, появляется нагруженный припасами на повороте улицы.

Позавчера, когда первая рота была окружена, Шово поставил свой «Гочкис» * рядом с Башелье. Они большие друзья. И все же на этот раз Башелье колеблется, подходить ли ему к Шово? Что-то его смущает.

— В отделении Люса Ремуа **, наверно есть все, что угодно, — говорит безразлично Шово.

Шово, бравый Шово, красив, как девушка.

Он парень храбрый, и первый стрелок первого взвода, первой пулеметной команды. Но он знает, что за ценный пустяк его могут отправить в дисциплинарную роту. И он держится осторожно.

На отдыхе Шово вытаскивает из своего мешка, который он держит в обозе, несколько книжонок, которые составляют его духовную пищу. Он читает Бакунина. И это плохо. Он теребит Маркса в неудобочитаемом издании. И это еще хуже. В конце-концов кончилось тем, что об этом узнали. Узнали и то, что он вместе с Башелье, Инером Филиатром, разведчиком Феррандини и Робертом Фаджа, из первого пулеметного, организовал ячейку противодействия войне. Это Шово распространяет в первом батальоне газету «Вэ» и «Хлеб» ***. Именно Шово знает всех, кто их читает, здесь или в других местах, в первом или третьем батальонах, и даже в ОВР ****.

Товарищи есть повсюду.

Он знает всех, с кем встречается на отдыхе, узнает многих запуганных людей, которые в дружбе ищут себе поддержки пред лицом такого количества подлости и потребленных жизней. Но все же он осторожен. Так много лжебратьев, которые за безопасное место готовы на предательство.

В батальоне известен десяток непокорных, типа Башелье, которые переживают войну, но ее не делают. И они знают, что об этом известно. В Мон-Сен-Мари, прежде чем подняться в атаку против Ферман-Тарненуа, командир первого батальона произнес речь, в которой между прочим сказал:

— Есть у нас, — сказал он, — типы, восхваляющие русскую революцию, подлецы, бросивших нас на произвол судьбы не в мобили, а в поражении. Эти желтоперые хотят еще учить таких старых испытанных бойцов, как вы. Надеюсь, что это только недоумение. Скоро снова будут даваться отпуска, а в наступающие решительные дни каждый должен выполнить свой долг!..

Все это еще звучит в ушах Шово, читающего «Пэнь», получающего «Вэ», говорящего о кентальцах, о большевиках, о Ленине. И это звучит в ушах у многих...

Теперь Шово стоит здесь и руки у него заняты всяким барахлом, которое принесет войска сотнатам после разгрома магазинов. А Башелье словно говорит ему:

«Ты такой же солдафон, как все!...»

Тогда Шово, глядя на свои полные руки и карманы, откуда вытирает честные припасы, становится мрачным. Его взгляд затуманивается. Он выкладывает свой груз на какой-то подоконник и грустно уходит, не оборачиваясь.

Башелье подымает руки. Война проникает иногда в сердца даже лучших людей.

Башелье снова встречается с Шово в Вандьере. Они уж больше ни о чем не говорят. Погода хорошая. Лето. И конец всему. Первый батальон уже трое суток бьется против непрерывных атак. С каждым новым взрывом истощается их сопротивление. Они уже ничтожная горсточка, не желающая умереть. И Шово, и маленький Шово, тоже хочет жить.

Капитан Феррандини, командующий батальоном, приставив к глазам бинокль, разглядывает неприятеля. Он выпрямляется, высокий, страшный от слившихся на его лбу пота, пыли и земли. Вот здесь оставшиеся еще в живых людей, которые слышат шум моторов, различают черные круги неприятельских самолетов. Они прижались к земле, и груды горячих тел проникают к телам, истекающим кровью.

Шово ничего не понимает. Немецкие пулеметы расстояние пятнадцати метров тысячи пуль на грудь искупавших мертвецов. Шово осекся и не отвечает. Напрасно, вытянувшись во весь рост и налегая подбородком на рукоятку, он заряжает, отчаянно давит на спуск. Никакого звука не издает забитая пыль, взбунтовавшаяся пулеметная лента.

Пуля вонзается ему в щеку, сгибает челюстную кость и попадает в его прекрасную девичью голову.

Он закрывает глаза. На мгновение он вспоминает, что написано 1 мая напротив слух, надеясь услышать крики ме-сти, которые должны смести всю эту безнадежную людскую покорность войне.

О, как хорошо застрелиться в этот день пулеметчику, за освобождение измученного человечества!

Рука первого стрелка, первой части, первого взвода первой пулеметной ко-

рис. к. елисеева

— **ты такой же солдафон, как и все!**

манды, первого батальона, костенеет на спуске. И стальной покорным пулемет устремляет к небу пронзительный залп.

Опустошенная голова склонилась на мак, предавала ее и больше ему уже не расцветет.

БРАТСКИЕ ОТРЯДЫ пролетарского искусства образуют единый фронт

Начало пленума совета ВОАПП является только сочетанием звуков, когда на фронте радио Лепилов проповедует ту мысль, что пролетариату надо давать лучшую музыку, а он уж, дескать, сам разберется, что ему неприемлемо, вам, наконец, когда газета «Вечерняя Москва» берет под защиту кинорежиссера Правова и Преображенскую, исключенных из АРРК за постановки реакционных фильм.

В этой связи т. Кирпон напомнил о необходимости для всех участков искусства сделать необходимые выводы из единого разгрома «Литфронта», который сводил пролетарское искусство к одной линии публицистике и тем самым являлся одной из идеологий вооружения пролетариата.

Третья задача пролетарского фронта искусства — борьба за большое искусство большевизма.

*

После речи т. Кирпона МАПП демонстрировала свою практическую продукцию. С докладом своих отделов выступили: т. Бутурлин (ударник МОГЭС), М. Светлов, т. Бессонов (ударник завода им. Ильича), Ст. Щипачев, т. Поддельков (ударник фабрики Ливерс) и М. Юрин.

Затем выступил с содокладом представитель недавно созданной Российской ассоциации пролетарских художников т. Свириденко, охарактеризовавший работу секции за первых пора ее существования.

Содоклад Л. Лебединского (Российская ассоциация пролетарских музыкантов) обрисовал рост РАПМ: из маленькой группы музыкантов-коммунистов РАПМ в течение ведущего отряда пролетарского искусства — РАПМ — вырос в организацию массового пролетарского музыкального движения. РАПМ добилась значительных успехов в борьбе с пережитками национализма, с шаг-ничными ошибками музыкальной халтурной тяги «Кирилло». РАПМ добилась значительной дифференциации среди музыкантов-попутчиков: большинство из них дорвало с правым крылом и все более приближается к нашим пролетарским музыкантам.

— Однако, говорит т. Лебединский, — все эти достижения не могут закрывать нам глаза на те трудности, которые возникают перед нами.

*

После демонстрации музыкальной продукции РАПМ с докладом о театре выступил т. О. Литовский.

— Театр, — сказал т. Литовский, — в основном выдержал экзамен на литературе советской зрелости. В истекшем сезоне пролетарская драматургия начала играть значительную роль: она была представлена такими пьесами, как «Хлеб» В. Киршона, «Первая конница» Вс. Вишневского, «Страх» А. Афиногенова, «Поэма о топоре» Н. Погодина.

В заключение т. Литовский выражает уверенность в том, что вся руководящая РАПМ — старейшей братской ассоциации пролетарского искусства — советский театр с честью выполнит свою роль, — роль острейшего оружия во всем арсенале советского искусства.

— Ассоциация работников революционной кинематографии, — говорит следующий оратор, представитель АРРК Д. Кулешов, — еще не является пролетарской организацией в целом: АРРК — организация мощучая. Но тем не менее она ведет решительную борьбу с буржуазной опасностью в кинематографии, с формализмом, которым оказалось заражено огромное большинство ленинградских фильм; АРРК энергично разоблачает документализм, дефективную фактографию.

Отмечая ту большую помощь, которую оказал революционной кинематографии В. Сутырин, принесший в дар в РАПП, т. Кулешов подчеркивает социалистические счета смежным искусствам.

*

По предложению В. Кирпона собрание приняло решение, по которому руководящие органы всех ассоциаций пролетарского искусства должны в двухмесячный срок договориться о создании таких организационных форм, которые обеспечили бы союз одной сильной армии пролетарских отрядов искусства всех родов оружия.

Д. К.

Тематический план—план творческих кадров

на докладе в. сутырина в комакадемии

Доклад В. Сутырина «Проблема планирования тематики кинопродукции» вызвал оживленные, длившиеся два вечера, прения. Доклад этот чрезвычайно важен своими принципиальными положениями и служит, пожалуй, переломным моментом в деле советской кинематографии.

До сегодняшнего дня наши темплановцы все еще играли «Аксюткина грамота», которую репризы составляют, места читают и режиссеры не выполняют. А читается плановостью. Называется эта своеобразная система плановой практики единоличной.

Проблема планирования упирается в проблему кадров, в тот человеческий материал, который должен этот план оформить. Ясно, что под планом планирования подразумевается в первую очередь не плановый план готовления, а проведение основной идеологическо-политической линии, как это делает РАПП-авангард на фронте пролетарского искусства. Только такой план может не ограничить творчество художника, а способствовать максимальному развитию всех его творческих возможностей. Только при этом условии, расширяя тематику, как способ творческого раздвижения, мы сумеем преодолеть и привлечь к нашей работе попутнические кадры.

Конкретная разработка темплана должна итти снизу и вылиться в самом творческом разрезе. Эти встречные течения — идеологическое влияние центра и практическое его осуществление своими методами — и создаст тот реальный план, который будет действительно «жестким», т.-е. будет неукоснительно на деле, а не на словах.

Задача центрального руководства в первую, вторую и третью очередь это руководство кадрами, это переключение на конкретную работу, это активизация широчайшей инициативы масс.

Практически тематический план должен составляться не в начале нового, а в конце истекающего отчетного периода, должен быть рассчитан на возможно больший период времени и должен явиться не единоличной единицей, а непрерывной цепью тренировки и выполнять задачи, стоящие перед всей кинопромышленностью.

Разворачивавшееся по докладу прения шли, к сожалению, не по линии обсуждения принципиальных и практических вопросов, затронутых В. Сутыриным, а по линии определения степени «анархичности» докладчика. Так прежде докладчика против анархичности и шаблона сегодняшних планов дал поход тов. Орлинской обвинить В. Сутырина в выступлении «против классовой направленности искусства» (!).

В основном же мнения распались на два лагеря. Часть товарищей (Мисс) обвиняли В. Сутырина в том, что его план дезорганизует производство и не осуществим, другие—Балтовский, Троссман-Рошаль, Авилов—согласились с положением В. Сутырина.

И. Анисимов особенно подчеркнул неизбежность конкретной разработки В. Сутыриным центрального вопроса в развитии пролетарской кинематографии.

СКАЗ

против перехлестываний в критике

к дискуссии по вопросам еврейской пролетарской литературы

На одном из заседаний секции литературы и искусства народов СССР ЛИЯ обсуждался доклад т. Орлинского о еврейском театре.

По доведенным до меня с опозданием сведениям в газете «Октябрь» (Минск) был помещен отчет о заседании с неправильным изложением той части прений, где я выступал, где я останавливался на ошибках т. Литовкина.

Анализируя ряд ошибочных высказываний т. Литовкина о Гесе, я говорил об отражении в них формулировках влияния классово-враждебной методологии (формализм, эклектизм).

По смыслу же сделанного выходит, что я квалифицировал позицию т. Литовкина, как позицию классового врага. Таким образом вся литературная работа вполне определенной политической окраски.

Не передает моих мысль.

Не посуду ошибок т. Литовкина среди еврейских товарищей развернулась ожесточенная дискуссия, в ходе которой и вопросов еврейской марксистской критики в целом. Тем более необходимо в развернутой форме дать точную и четкую характеристику работ т. Литовкина, точную критику допущенных им ошибок, без замазывания их, но и без перехлестывания.

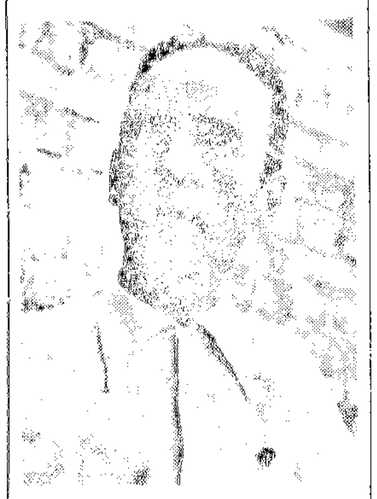
Однако, было бы целесообразно, на мой взгляд, сводить дискуссию по вопросам критики только к анализу ошибок т. Литовкина. Нужно проверить и порядок самокритики, положение на фронте еврейской марксистской критики вообще, нужно показать через критическую фронтом ряд всех литературно-политических и творческих задач (борьба против буржуазных влияний, творческий метод, конкретная критика, смежные области искусства, работа с украинцами и т. д.). нужно вызвать дискуссионные вопросы за рамки только еврейской литературы, снабдив ее основными материалами всю марксистскую общественность и широкую общественность, нужно вовлечь ВОАПП в обсуждение основных вопросов еврейской литературы.

Б. КОВАЛЕНКО

Художник гартфильд в москве

На днях в Москву приехал известный германский художник-монтажист Джон Гартфильд.

Он пробудет здесь несколько недель, чтобы ближе ознакомиться с нашим социалистическим строительством и собрать нужные ему материалы для издания на немецком и русском языках двух книг о «Пятилетке» и «Красной армии».



Джон Гартфильд является одним из первых художников, который стал применять фотомонтаж для иллюстрации книг и политических плакатов. Как член германской компартии, он широко использовал фотомонтажный прием во всех политических кампаниях для пропаганды коммунистических идей.

В беседе с нашим сотрудником т. Гартфильд заявил, что Москва на него произвела неизгладимое впечатление. Особенной радостью было для него—теплый прием, который ему оказали советским художникам. Ему приятно было лично убедиться в том активном участии, которое принимают советские художники в социалистическом строительстве.

1 августа в москве

* ФОСП совместно с МОРП устраивает в клубе ФОСП им. Горького 1 августа посвященный антивоенному дню митинг писателей и рабочих-ударников, призывных и литераторов.

* Комсекция МАССОЛКАФ в связи с международным праздником днем организует 2 августа совместно с АРРК вечер с докладом т. Соколова (военкор Сов.-Союза) на тему «Кино на службе милитаризма и империй и кино на службе обороны в СССР».

* В Парке культуры и отдыха 1 августа будет открыта выставка рисунков и материалов, посвященная жизни и быту Красной армии.

* Сектор искусства Наркомпроса предполагает организовать специальный репертуар, посвященный антивоенному дню. В театрах и других зрелищных предприятиях будут организованы встречи красноармейцев с ударниками фабрик и заводов. В красноармейские части будут проведены выезды профтеатров со специальной программой.

* Радиоцентр готовит программы художественных радиопередач, посвященных первому августа.

Мала в походе за охват рабочей молодежи комсомолом

* На обращение секретариата МАПП включился в поход на реализацию постановления второго пленума ЦК ВЛКСМ о творческом включении рабочей и батрацкой молодежи в комсомольскую печать еще ряд пролетарских поэтов:

* А. Безыменский пишет большое стихотворение, посвященное комсомолу, которое обязался закончить в двухмесячный срок. Это стихотворение автор предполагает издать отдельной брошюрой.

* Джек Алтаузен работает над поэмой о комсомоле.

* М. Голодный обязался в двухмесячный срок написать стихи, посвященные комсомолу.

* А. Ситковский и первому августа обязался сдать МАПП песню и стихи.

* Миз. Юрин пишет стихи о комсомоле.

* Уже сданы материалы, посвященные комсомолу, А. Сурков, А. Тоидзенская, Авдеенков, Григорьев и др.

* В ближайшее время МАПП сдаст в печать сборник материалов, посвященный комсомолу. Сборник намечено выпустить к пятилетию «Молодой гвардии» к XVII МОЛ.

* МАПП организует проверку работы райкомов и стружкой предприятий в области проведения кампании.

литературное сегодня

* Секретариат ФОСП утвердил новый состав президиума Литфонда, в который вошли: Г. Коренев, Л. Сейфуллина, А. Богданов, С. Белаев, В. Инбер, О. Семенов (Ленинград), В. Арсьев, Б. Фридман (завод «Самотечная»), Т. Маркелов (Первая образцовая типография), К. Большаков, Л. Островер, Н. Кремлев-Сиен, С. Щипачев, С. Штыйх, Машельштам, Бусыгин, Керсенов, Линкевич, Шувалов, Аверьянов и представители Татреспублики и Сибири.

* Образовано новое бюро киносекций МОСЛОКАФ, в которое вошли: М. Кольцов, (секретарь), А. Фадеев, А. Зубков, В. Соколов, Б. Тейтельбаум (оргсекретарь), Лелевичкин и Муганов.

* На Харьковской Тракторострой выезжает бригада интернациональных писательских бригад «Известий ЦИК» и ВОАПП. В бригаду войдут тт. Э. Голумбинков и Б. Чухлеб (Оргкомитет АПО) и тт. Уйгун, Насир, Усман, М. Родионов и Зинат Бакеев (АПО Узбекистана).

* Заседание правления комиссии ФОСП, обследовавшей писательский дом отдыха Литфонда в Малеевке, констатировало крайне неудовлетворительное состояние дома и постановило снять с работы заведующего домом т. Храпского. Заведующим домом отдыха назначен Ф. Кин. Поставлен вопрос о пересмотре всех частных договоров дома отдыха Малеевка. Для ознакомления и упорядочения работы дома отдыха ФОСП создала комиссию в составе: Ф. Кина, Р. Тарпана и И. Кремлева-Сиена.

* При Северо-Кавказской АПО создается секция украинских пролетарских писателей.

* В издательстве «Федерация» выходит книга стихов П. Вячеславова «Уровень» и поэма И. Доронина «Трактирный бахарь» в предисловием А. В. Луначарского.

* В издательстве «Федерация» в первой половине августа выходит первый сборник очерков «Наша жизнь». В сборник войдут произведения: Ф. Гладкова, Д. Прокофьева, А. Тучкова, В. Лидина, Вс. Жени и др.

* Там же выходит книга М. Фрезелена «От харьковской голубятни до антарктической льдины» и второе издание книги Д. Бедного «Гражданская война» (авторизованный перевод).

творческая группа мослокаф

В МосЛОКАФ организуется творческая группа локафовцев, которая войдет в состав МАПП. Задачей группы является создание пролетарской военно-художественной литературы, основанной на марксистско-ленинской оценке войны и овладевшей с помощью диалектико-материалистического метода. Творческая группа МосЛОКАФ повысит работу по выращиванию новых кадров пролетписателей-локафовцев.

В организационное ядро новой группы МосЛОКАФ вошли: С. Щипачев, Давид Лим, (Л. Либерман), М. Голодный, А. Бобунов, Данилов, Рахтин, Чибисов, Софья Резник, Покукин, Суховетский, Федотов, Геллер, Кондор, Слесаренко, В. Красильников, Шестелев, Морозов, Кудряшов и Фролов.

на фабриках книги

* Первая книга рассказов и очерков вагончика-передвижки Коломенского паровозостроительного завода П. Тюхавова выходит в ГИХЛ.

* Романы И. Богданова—«Вызов» и К. Левина «Жили два товарища» выпускает ГИХЛ в серии «Помощь пролетарской литературе».

* ГИХЛ выпускает девятый том произведений В. Маяковского, две книги И. Эренбурга («Виза времени» и «Десять дозволенных рек»), книгу А. Франса «Литературная жизнь» в книгу К. Тренева «О творчестве Вершинского» (серия «История литературы и критики»).

* В издательстве «Федерация» выходит книга стихов П. Вячеславова «Уровень» и поэма И. Доронина «Трактирный бахарь» в предисловием А. В. Луначарского.

* В издательстве «Федерация» в первой половине августа выходит первый сборник очерков «Наша жизнь». В сборник войдут произведения: Ф. Гладкова, Д. Прокофьева, А. Тучкова, В. Лидина, Вс. Жени и др.

* Там же выходит книга М. Фрезелена «От харьковской голубятни до антарктической льдины» и второе издание книги Д. Бедного «Гражданская война» (авторизованный перевод).

* Издательское товарищество иностранных рабочих в СССР организует в августе выставку работ известного германского художника Джона Гартфильда.

90-ЛЕТИЕ СМЕРТИ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА

27 июля исполнилось 90 лет со дня убийства на дуэли М. Ю. Лермонтова.

В ближайшее время предполагается перенесение праха поэта из села Тарханы (ЦЧО) в Москву.

письма в редакцию

1

МОРП, совместно с ОГИЗ, выпустил к первому августа специальную газету протоп оповещения империалистической войны. В газете предлагался документальный материал. Перевести этот материал взялись бригады секции инвалидов ФОСП. Часть бригады—Вернер, Жизов, Пешедат, Ромм, Ромов, Северт и Степанов—выполнили свои задания добросовестно и в срок. Но одна из членов бригады т. Н. М. Зусманович представила такую из свою работу с таким значительным опозданием, что его не оказалось возможным использовать в газете.

Секретариат МОРП считает необходимым довести этот недопустимый факт до сведения советской общественности и полагает, что секция переводчиков ФОСП сумеет сделать из него необходимые выводы.

Генеральный секретариат МОРП
БЕЛА ИЛЛЕШ

2

По поручению собрания творческого актива московской творческой группы РАПП «Кузница», около «Кузницы» сообщает:

1. 5 июля на пленуме бюро правления РАПП И. И. Лежнев выступал не с закончившей эварийной декларацией группы, а со своими тезисами (как он и заявил в начале доклада) изменами этой декларации, подробному обсуждению и оформлению которых и в бюро и на творческом активе группы — помешала чрезвычайная краткость (2—3 дня) срока между изменением в пленуме и началом его.

2. В этих условиях выступления на пленуме (по докладу докладчика И. И. Лежнева) тт. Вардунас (руководитель творческого актива «Кузницы») и Якименко-Отпущенник не являлись и не могли являться изложением и оглашением «изменений и дополнений» к декларации группы «Кузница» (как это неправильно заявляет репортер «Вечерней Москвы» в № 169 от 5 июля), по результатам возникновения в «Кузнице» какой-то новой группы, якобы расходящейся (как это говорится в отчете «Литгазеты» и № 27 от 10 июля) членом бюро т. Якименко.

3. В действительности выступления тт. Вардунаса и Якименко были с одной стороны, направлены на выявление ряда неверных формулировок И. И. Лежнева (см. письменное заявление от бюро «Кузницы» в приложении к пленуму), а в другой стороны,—отражали ход развития в группе творческой дискуссии, под знаком которой живут в наши дни все рапповские организации.

4. Таким образом, вопреки всем попыткам врагов единодушно сил пролетарской литературы, мобилизовать внутренние силы «Кузницы» на ликвидацию (уже приказанной своей основные ошибок при вступлении в РАПП и никогда не скрываемой творческих противоречий внутри группы) как причины «раскола» и «размежевания» в группе и т. д., да еще по линии, якобы, противопоставления творческим кадрам «Кузницы» ее растущего пополнения из рядов об'единения рабочих писателей-ударников при журнале «Пролетарский авангард» и др.

По поручению творческого актива «Кузницы»—члены бюро:
Б. БАЗЕНСКИЙ, А.Л. КАРЦЕВ, Дм. КАСИМОВ, И. ЛЯШКО, ЯКИМЕНКО.

По поручению объединения рабочих писателей-ударников при журнале «Пролетарский авангард»:
—Ц. ВОРОБЬЕВ, К. ГОЛИЦЫНСКИЙ, И. ЛЕНЕЛЕВ-КУРТАН.

10 июля 1931 г.

календарь работы клуба фосп

30 июля—19 ч. ОРД. Собрание авторов малых форм.

1 августа—20 ч. Обще-писательский митинг, посвященный Международному красному дню. Присутствие всех писателей.

2 августа—20 ч. 45 м. Дискуссионный кинопросмотр новой фильмы.

3 августа—20 ч. Доклад т. Дукора «Документ в художественном радиовещании».

4 августа—20 ч. Отчетный доклад т. Арго о поездке на Магнитогорск.

извещение

Первое организационное творческой группы МосЛОКАФ состоится 31 июля в клубе ФОСП—в 16 часов.

Ответственный редактор: С. ДИНАМОВ

РЕДКОЛЛЕГИЯ: Н. Асеев, С. Динамов, И. Жига, Л. Ильинский, И. Катаев, Г. Коренев, Н. Огнев, А. Селивановский, И. Сельвинский, М. Слонимский

ИЗДАТЕЛЬ: Акционерное Изд. О-во «Огонек»

В № 5 „ЗА ТЕМПЫ, КАЧЕСТВО, ПРОВЕРКУ"
ЧИТАЙТЕ СТАТЬЮ ЕМ. ЯРОСЛАВСКОГО
„О ПЕЧАТИ И ОТВЕТСТВЕННОСТИ"
(Дело Богушевского и газеты „Московский технолог"; дело инж. Гребенского и „Нищевика"; „О пару Востока и „В сточно-Сибирской Правде"; дело т. Тоом и журнала „Октябрь").
„ЗА ТЕМПЫ, КАЧЕСТВО, ПРОВЕРКУ" руководящий орган ЦКК РКИ, орган массового пролетарского контроля.
Подписка принимается с № 2 до конца года (18 №№) — 5 руб.
Подписка принимается во всех почтовых отделениях.

ПАВЛОВ-ШИШКИН
Словарь Синонимов
РУССКОГО ЯЗЫКА
Новое издание 1931 г. Ц. 3 р.
ПАМЯТЬ
ее недостатки и меры к их устранению. Необходимо каждому. Доц. мед. Г. Д. Шафиртова. Изд. 1931 г. 160 стр., с рис. Цена 1 р. 25 к.
Проф. Т. И. ЮДИН
ЕВГЕНИКА
Учение об улучшении природных свойств человека. 225 стр. Ц. 2 р.
ПУТЬ К ПОВЫШЕНИЮ ТРУДОСПОСОБНОСТИ
Сборник I. Проф. И. К. Гиздарова, В. Д. Каширинова, А. Н. Борсук и другие. Цена 90 коп.
В магазине книжный магазин „ПРОМЕТЕЙ" Москва, ГОП 10, Моховая, 26.

ЗА
ВКЛЮЧЕНИЕ ПРОЛЕТАРСКОГО ПИСАТЕЛЯ В ГАЗЕТНУЮ РАБОТУ;
АКТИВНЫЙ, ПОЛИТИЧЕСКИ-ЗАОСТРЕННЫЙ И ВЫСОКО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ГАЗЕТНЫЙ ОЧЕРК;
СОВМЕСТНУЮ РАБОТУ ПИСАТЕЛЯ И ГАЗЕТЫ НАД ПОКАЗОМ ЛУЧШИХ УДАРНИКОВ И ГЕРОЕВ ТРУДА;
ВЫДВИЖЕНИЕ ИЗ РАБКОРОВСКИХ РЯДОВ НОВЫХ КАДРОВ ПРОЛЕТАРСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ БОРЕТСЯ «ЖУРНАЛИСТ».
ПИСАТЕЛЬ, ОЧЕРКИСТ, УДАРНИК, ПРИЗВАННЫЙ В ЛИТЕРАТУРУ — ЧИТАЙТЕ «ЖУРНАЛИСТ»! Журналист выходит каждые 10 дней. Приложение — Библиотека Журналиста—4 книжки в год
ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: 12 мес.—9 р. 60 к., 6 мес.—5 р. 50 к., 3 мес.—2 р. С приложением 5-ти 12 мес.—10 р., 6 мес.—5 р. 50 к., 3 мес.—3 р. 75 к.
ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ исключительно почтой до определенного срока, установленного местным почт. отд. Спавайте подписку заблаговременно
Акц. изд. О-во „ОГОНЕК"

ВНИМАНИЮ ПОДПИСЧИКОВ
„ОГОНЬКА". („Искры науки")
„ОВЛАДЕЕМ ТЕХНИКОЙ".
„БОРЬБА КЛАССОВ" с приложением библиотеки
„ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ"
ВЗНОСЫ СДАВАЙТЕ исключительно на ПОЧТУ.
Продолжается прием очередного взноса по «Огоньку» с «Всем. истор.» — 4 р.; «Искры науки» («Овладеем техникой») с «Всем. ист.» — 3 р. 50 к.; «Борьба классов» с «Вс. ист.» — 5 р.
Акц. изд. о-во «ОГОНЕК».

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПРИЕМ ПОДПИСКИ на ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ОРГАН ВСЕРОССИЙСКОГО, МОСКОВСКОГО и ЛЕНИНГРАДСКОГО ОБЛСОВЕТОВ О.Д.Д.
ДРУГ ДЕТЕЙ
Журнал, как и Общество „Друг Детей", является центром мобилизации сил и средств пролетарской общественности на помощь делу коммунистического воспитания и перевоспитания. Журнал рассчитан на широкий актив членов Об-ва „Друг Детей" и пятилетний, комсомольские и пионерские организации, работники-матери и т. д.
Подписку сдавайте немедленно почте заблаговременно. Подписка принимается до определенного срока, устанавливаемого местной почтой. Опоздавшая подписка принимается на следующий месяц.
ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: год—2 р. 40 к., 6 м.—1 р. 20 к., 3 м.—60 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ФЕДЕРАЦИЯ"
ВЫШЕЛ ИЗ ПЕЧАТИ
СЕДЬМОЙ НОМЕР
„ЛОКАФ"
ежемесячного литературно-художественного журнала Литературного объединения Красной армии и флота.
В НОМЕРЕ: Э. Глезер «Мир» — главы из романа (перевод с нем.); Э. Мезерле «Человек в табачном костюме» — рассказ (перевод с венгерского); И. Токунага «Умка без семьи» — глава из романа (перевод с японского); П. Головин «Кара-тарская (пер. с белорусск.); П. Трубецкой «Без не будет» (пер. с украинск.); В. Гусев «Изменения такелажа Савлуха в Белорусии» (стихи); М. Головин «Дед отдувает дым» (стихи).
СТАТЬИ: Ф. Блументаль «Человек и его временной пояс».
РАВНЕНИЕ НА ЛУЧШИХ: П. Кофанов «Боровая 6—Б»; И. Лапко «Боец в цехе»; В. Комаров «Творческие мысли».
НА ФРОНТАХ ЛИТЕРАТУРЫ: Э. Авербах «За боевое искусство большевиков»; И. Сварин «Вооружаем творческие кадры» и др.
УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ: на год—12 руб., на полгода—7 руб., цена отдельного номера—1 р. 25 к.
ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ во всех почтовых отделениях; на весь 1931 г. комплектами, начиная с № 1; на 2 полугодие (начиная с № 7).
АДРЕС РЕДАКЦИИ: Москва, ул. Воровского, 52, клуб ФОСП им. М. Горького.

ФОТОГРАФИЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ
ЕЖЕГОДНИК ЖУРНАЛА «СОВЕТСКОЕ ФОТО» ЗА 1930 ГОД
Фото-Альманах 1930 г. является сборником оригинальных статей и материалов, рисующих достижения научной и практической фотографии в СССР
Содержание
Статьи тт. советской промышленности: Г. КРАСНЫХ—Факты, свидетельствующие о росте, Б. ЕВГЕНОВ—Вопросы об искусстве современности, Л. ЭЛЬЕЖЕРИЧЕР—Химия проявителей и проявления, ЧЕЛЬЦОВ, МАШЕНИНИКОВ, БЫКАЙЛОВ — Краткая история фотографических процессов: хронологических датах проф. т. ЕРМИЛОВА и др.
Фото-Альманах содержит 240 страниц текста с иллюстрациями.
Цена книги 2 р. 50 к.
Заказы выполняются только за наличный расчет непосредственно Издательством „ОГОНЕК", Москва, 6, Страстной бул., 11.
Акц. Изд. О-во „ОГОНЕК"

ВСЕ ДОЛЖНЫ ЧИТАТЬ
1-го АВГУСТА
СПЕЦИАЛЬНЫЙ НОМЕР ГАЗЕТЫ
3а КОММУНИСТИЧЕСКОЕ Просвещение,
посвященный МЕЖДУНАРОДНОМУ АНТИИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОМУ ДНЮ
В НОМЕРЕ БУДУТ ПОМЕЩЕНЫ СТАТЬИ:
М. ГОРЬКОГО, ЛУНАЧАРСКОГО, РОМЕН-РОЛЛАНА, МАТЕЙКО, МЮНЦЕНБЕРГА, ЗАСЛАВСКОГО, ГНЕДИНА, АМАГЛОБЕЛЛИ и ДР.
Рисунки и карикатуры художников:
БЕЛО УИТЦ, ГАНФА, БРОДАТА, КОЗЛИНСКОГО, РОТОВА, ЯНОЛА.
В „ЗКП" от 30 июля будет об'явлено содержание указанного специального номера
ТРЕБУЙТЕ „ЗКП"
в городских и железнодорожных газетных киосках и у газетчиков.
ЦЕНА НОМЕРА 1 руб.

Уполномоченный Главлита В 7688.
Литерпроспекальня (№) изд. «Московск. печ.», пр. им. Скворцова-Степанова, д. 3.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ФЕДЕРАЦИИ ОБЪЕДИНЕНИЙ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР

МОСКВА 5 августа 1931 г. № 42 (141)

РЕДАКЦИЯ: Москва, Тверской б. 25, Дом Герцена. Телефон 2-80-12.

ИЗДАТЕЛЬСТВО: Акц. о-во «Огонек»; Москва, 6, Страстной б. 11. Телефон 5-5169.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА: На 12 м. 3 р. 50 коп. На 6 м. 1 р. 75 к. На 3 м. — р. 90 к.

О первом этапе творческой дискуссии в ленинградской организации ВССП

резолюция бюро фракции вкп (б) ленинградской ассоциации пролетписателей и лениотдела федерации объединения советских писателей

Сегодняшний этап, на который подвалось развитие советской литературы, характеризуется тем, что все резче и резче начинают оформляться два основных фланга на фронте так называемого «попутничества». Всеподорен факт, что основная масса «попутчиков» сделала решительный поворот в сторону рабочего класса, строящего социализм. Этот поворот характеризуется не одними только декларативными высказываниями (значение которых никоим образом нельзя преуменьшать), но, что важнее всего, и подлинной перестройкой в плане творческом.

Целый ряд произведений последнего периода в той или иной степени подтверждает это: «Фома Клешнев» М. Слонимского, «Кочевники» Н. Тихонова, «Гидроцентраль» М. Шагинян, отдельные очерки Л. Сейфуллиной, очерки В. Лавренева, «Линия огня» Н. Никитина, «Человек и его дело» М. Кожакова, «Сеть» Л. Леонова и т. д. и т. п.

Правда, только вульгаризатор и примитивный «регистратор» не найдет качественных различий в произведениях, характеризующих перестройку основного ядра попутнической литературы. Конечно, если можно говорить о «Гидроцентрали» как о показателе наибольшей перестройки писателя, несмотря на очень серьезные промахи писателя (напр., непродуманный техницизм, не всегда позволяющий автору прощупывать социальные связи и отношения), то, напр., такие произведения, как «Так держать!» Б. Лавренева, или «Человек и его дело» М. Кожакова грешат еще значительными недостатками: скажем, неоправданным эпизодом в книге Лавренева, или значительный налет субъективизма в книге М. Кожакова. В конечном счете, что и другое является показателем далеко еще не успевшего завершиться марша Маркса-Ленина, неуспевшего, впрочем, и целым рядом художников, даже из числа давних боевых, глубоко обрасти перестройки.

Дискуссия в ленинградском союзе советских писателей с отчетливостью показывает серьезную рывковскую среду попутнической литературы. Резко обозначился, с одной стороны, отрыв писателей, противящихся процессам, происходящим в нашей стране, обвиняющим (а в аналитической мере и субъективно) обслуживающим интересы классового врага специфическими средствами художественного творчества. Так можно сказать о Сологубе, Ваяне, Кузмине, Тагере, Баршаке, Крюковском, Добычине, Грибове и т. д.

Творчество этой группы писателей беспорочно укрепляется в своем противопоставлении советской действительности, доходя подчас до прямой клеветы на нее («Секрет изобретателя» Тагер, творчество Добычина, «Кратиморчанин» Кукушкин). Характерно отметить, что в развернувшейся дискуссии в союзе писателей эта группа отличается своим отмалчиванием и уклонением от прямых ответов по существу своего, в достаточной степени реакционного, творчества. Дело не в формальных выступлениях. Их со стороны этой группы наблюдать можно, — речь идет о тех выступлениях, которые показали бы или развернутую программу этой группы, или желание пересмотреть реакционное свое творчество, которые показали бы и волю к подчинной перестройке.

Вообще отмалчивание характерно для группы писателей, наиболее правой по своим творческим установкам. С одной стороны, это показывает, что в основном эта группа изолирована в стенах союза писателей, с другой, что она далеко не разоружилась, представляя собой реальную опасность в перестраивающемся союзе, борьба с которой ни на минуту не может быть ослаблена.

Основным лозунгом для перестройки союза попрежнему является «борьба на два фронта», имея в виду правую опасность, как основную. Однако, такой лозунг не только не исключает применение гибкой тактики, позволяющей нам завоевывать и вести за собою колеблющиеся массы попутников, а наоборот, предполагает такую тактику в качестве обязательной.

Вопрос о Замятине имеет для нас сейчас существенное значение именно в данном разрезе. Необходимо было, вместе с беспощадным разоблачением этого крайне злобного реакционера художника показать вместе с тем, что вне подлинной близости с рабочим классом, строящим социализм, для писателя нет никакого будущего. Писатель типа Замятина, как художник, лишая себя возможности участвовать в тех сложнейших процессах, которые переживает наша страна, приходит к пенийному своему опустошению, ничем не отличаясь фактически от художников белой эмиграции.

Союз писателей сделал громадную ошибку, не мобилизовав вокруг этого вопроса всех средств своего общественного воздействия, необходимого тем больше, что с Замятиным несомненно сходна известная группа писателей, хотя сегодня представляющих довольно правую группу, но в отношении которой нельзя сказать, что ей заказаны пути перестройки. Забывая формально о Замятине, по существу ему создавали известную, пусть крайне ограниченную литературную среду.

Вопрос о Замятине, таким образом, есть вопрос о некоторых других молодого попутничества, до сих пор бывшего вне воздействия и союза писателей и всей писательской общественности.

Пренебрежение этой группы со стороны всего союза сказывается и в том, что дискуссия самым непростительным образом обходит творчество этой группы.

Здесь есть опасность проявлять тенденцию к механической, вульгаризаторской «перестройке», как это показывает, например, такой писатель, как Всеволод Иванов. Издали пролетарской критики, как и всей писательской общественности, во-время разоблачить такого рода тенденции.

Союз писателей счастливо избежал противопоставления друг другу двух-трех гиле, привлекши к дискуссии громадное количество творческого материала. Однако надо сказать, что ход сейчас дискуссии идет в разрез — творческая перестройка союза писателей,—ошибкой является то, что до сих пор не привлечен ряд произведений пролетарских писателей, входящих в союз, и писателей-москвичей, чем дискуссия придается организационно - местнический характер. Между тем, необходимо отметить, что политический смысл дискуссии выходит за пределы только ленинградской литературной общественности.

Смысл этот тем более значителен, что мы имеем не просто механическую расстановку: левая группа — левосплетствует, правая — косвенно в своем неподдании перестроиться. Дело значительно сложнее. Например, писатели, которые еще вчера давали нам очищательство того, что они, при соответствующей работе с нами, могут приблизиться к нам—сегодня, после ряда исключительно интересных произведений (напр., Тынянов после «Кюхли» и «Смерти Вазир-Мухтара», О. Форш после «Под купелом»), хотя и наиболее правых в плане мировоззрения, сегодня показали значительный отход вправо. Большое («Восковая персона» и «Сумасшедший корабль»). Будет неверным сказать, что эти писатели, чрезвычайно ценные для нас, теперь перечеркнуты в наших классовых противниках, не, наставил на своих ошибках, критически пересмотрев своего творчества, они, в конце концов, такого перерождения избежать не смогут.

Задача пролетарской критики, советской общественности и всей литературной общественности состоит в том, чтобы ценой любых усилий помочь писателям подобного типа перестроиться в полном соответствии с требованиями, предъявляемыми писателю со стороны переломной пролетарской общественности в период построения социализма.

Жестко критикуя ошибки подобных писателей, четко квалифицируя политический смысл этих ошибок, необходимо достаточно терпеливой и гибкой тактикой добиться безоговорочного перехода таких писателей на нашу сторону.

Дискуссия в союзе показала, какие громадные возможности существуют в его среде, возможности, достаточно обеспечивающие перестройку основной массы попутников в сторону коммунизма. Недопустимо в дальнейшем отмахиваться от такой работы с попутчиками. Отставание этого является стремительным приложением «левого» наряда, отталкивающего от нас массы ближней нам литературной интеллигенции и, тем самым, делающего предательское дело. В этом смысле было чем страна полна выражения «литературщики» Замятины, Ремизы, Бабели, Пильняки, Малашкины, Малашкины, Горелов и т. д. подобными вспоминающих о существовании попутничества, то только для того, чтобы сделать более или менее значительный ряд более или менее значительных литературно - политических ошибок.

Такое забвение в дальнейшем недопустимо. Вся коммунистическая критика должна быть мобилизована для конкретной работы по перестройке попутничества.

Чрезвычайно сложные задачи перестройки, то обстоятельство, что даже наиболее близкие нам писатели (типа Слонимского, Лавренева, Тихонова и др.) имеют еще громадное количество непреодоленных ошибок, некоторая ограниченность дискуссии (чего стоит напр., отказ от обстоятельство, что из нее «благополучно» выпали... Федин, Шишков, Зощенко и ряд других писателей), — все это предъявляет повышенные требования к пролетарской литературной общественности, обязанной всеми силами помочь союзу писателей перестроиться на новый, высший этап, перестроиться в полном соответствии с задачами периода социализма.

Славные битвы рабочего класса занесем на страницы „истории гражданской войны“

президиум центрального совета локаф обращается к писателям с призывом—откликнуться на постановление цк партии и письмо м. горького, немедленно начать собирание и обработку материалов о гражданской войне

постановление цк вкп (б) от 30 июля 1931 года

Одобрить инициативу тов. А. М. Горького и приступить к изданию для широких трудящихся масс «Истории гражданской войны» (1917—1921 гг.) в (6—15 томов в виде сборников научно-исторических статей и литературно-художественных произведений.

Для редактирования «Истории гражданской войны» образовать:

1) ГЛАВНУЮ РЕДАКЦИОННУЮ в составе тт. Горького, Молотова, Ворошилова, Кирова, Бубнова, Гармарника и Сталина.

2) ИСТОРИЧЕСКУЮ РЕДАКЦИЮ в составе тт. Покровского, Бубнова, Горького, Ярославского, Скрыпника, Гамарника, Яковлева Я. А., Ахундова, Стецкого, Попова Н. Н. и Эйдемана.

3) ХУДОЖЕСТВЕННУЮ РЕДАКЦИЮ в составе тт. Горького, Демьяна Бедного, Фадеева, Всеволода Иванова, Леонова, Никитина, Чарота, Кирпотина, Эйдемана, Федина, Панферова и Мих. Кольцова.

ЦК ВКП(б).

участникам гражданской войны

Товарищи!

В Союзе советов начало и с каждым годом все более мощно, успешно растет работа по строительству социализма. В железном шуме этой великой работы, в непрерывном героическом напряжении трудовой энергии время течет быстро, и мы легко забываем о том, чем жили вчера. Забываются бойцами гражданской войны и битвы, которые принесли рабочий класс Союза социалистических советов и в беде над бесчеловечной безответственной классом царя, помещиков, фабрикантов.

Наша рабоче-крестьянская молодежь должна хорошо знать труды и подвиги своих отцов, должна подробно знать роль рабочего класса и его коммунистической партии в организации великой победы передового отряда пролетариата всех стран.

Ей надобно рассказать о том, как рабочие и крестьяне царской России вели вооруженную борьбу за власть советов, за свое право перестроить хозяйство на социалистический лад, за право создать на рабской страны свободное пролетарское государство. Четыре года дрались почти голыми руками, полуголодные, полураздетые рабочие и крестьяне против армий, которые организовали ученые царские генералы на средства помещиков и фабрикантов, против подлых, где почти каждый рядовой был офицером. Дрались против специально обученных, отлично вооруженных иностранными капиталистами, которым за это русские капиталисты обещали продать лесных и крестьян и такое же рабство, в каком живут негры в африканских колониях Европы или рабочие в Китае под беспощадным гнетом мирового капитала. Четыре года длилась эта борьба и окончилась полным поражением рабочего класса и трудящегося крестьянства — этого и старших братьев наших дедов и прадедов.

Наша рабоче-крестьянская молодежь должна знать, что этой победой положено начало новой эпохе в истории, началось социалистическим формам жизни трудового народа. Не только наше поколение должно знать все это, но это необходимо знать пролетариату и трудящимся массам всей земли,—они, следуя предупреждениям истории и нашему примеру, тоже готовятся к решительным боям против своего врага, против мирового капитализма, истребившего, расчленившего непримиримыми противоречиями внутри его, но все еще механически выжимающего кровь рабочего класса, — единственную силу, которой он живет.

И вот в тех ознакомления нашей молодежи всех народов, включающихся в семью Союза социалистических советов, и в целях познакомить всех трудящихся Союза с великим прошлым—с историей героической борьбы рабочих и крестьян под руководством компартии против фабрикантов и помещиков—

Организуйте в частях Красной армии, на кораблях Красного флота, на заводах, на фабриках, в колхозах, в деревнях собрания красногвардейцев, партизан. Устраивайте индивидуальные и групповые беседы с ними. Организовывайте работу с красноармейцами, краснофлотцами, командирами и политработниками — участниками гражданской войны. Записывайте их рассказы. Привлекайте их для того, чтобы они сами писали о героической борьбе рабочего класса на фронтах гражданской войны. Помогайте им обрабатывать свои записи. Пишите сами на основе рассказов и записей, на основе хорошо проверенных фактов. Организовывайте массовые собрания и беседы для обсуждения всех этих материалов, для проверки их.

Президиум ЦС ЛОКАФ предлагает всем организациям и кружкам ЛОКАФ немедленно приступить к собиранию и обработке художественных материалов по «Истории гражданской войны», выделив для этого специальных ответственных работников и средства, включив эту работу в планы основных задач ЛОКАФ.

ПРЕЗИДИУМ ЦС ЛОКАФ

ко всем писателям членам локаф, кружковцам локаф, возам и возкам

ТОВАРИЩИ!

Центральный комитет ВКП(б), одобрив инициативу великого писателя рабочего класса Максима Горького, решил приступить к изданию «Истории гражданской войны».

Придавая этому начинанию огромное значение, Центральный комитет партии назначил главную, историческую и художественную редколлегии, в состав которых вошли вожди партии, науки и литературы во главе с тт. Сталиным, Ворошиловым и Горьким.

Одновременно с этим решением ЦК, опубликовано обращение Максима Горького к участникам гражданской войны с призывом откликнуться на постановление ЦК партии и помочь ему в собирании материалов для «Истории гражданской войны».

Литературным организациям Советского союза, кружковцам — рабочим, колхозникам, красноармейцам и краснофлотцам дан ответственейший заказ: обеспечить «Историю гражданской войны» высоким по качеству и правдивым по существу художественным материалом.

Писатели должны дать стране такую художественную литературу, которая с предельной силой рассказала бы рабочим и трудящимся массам СССР и всего мира, как под руководством партии Ленина, с Лениным во главе «рабочие и крестьяне Царской России вели вооруженную борьбу за власть советов, за свое право перестроить хозяйство на социалистический лад, за право создать на рабской страны свободное пролетарское государство» (Максим Горький).

Президиум Центрального совета литературного об'единения Красной армии и флота обращается ко всем писателям и членам кружков ЛОКАФ, ВОАПП и ВОПИП с призывом — немедленно включиться в собирание и обработку материалов о гражданской войне.

ленинград откликнулся

ЛЕНИНГРАД, 2. Постановление ЦК ВКП(б) об издании «Истории гражданской войны» нашло живой отклик в рабочих массах Ленинграда.

ЛАПП, ЛенбюроЛОКАФ, ЛенФОСП и [illegible]комсомола организуют литературную помощь героям гражданской войны и бывшим партизанам.

По инициативе «Магнитогорского призыва» ЛАПП об'являет призыв в литературу поэтам — участников гражданской войны.

антивоенный митинг писателей

международный день 1 августа

День 1 августа московская писательская общественность отметила интернациональным митингом, состоявшимся в клубе ФОСП им. М. Горького.

В президиум собрания вошли тт. Бела Иллеш (Венгрия), Дж. Джерманетто (Италия), М. Кожака (Румыния), М. Огнев (ВОСП), Г. Корелов (ФОСП РСФСР), Д. Либерман (ЦОКАФ), Б. Бендо (Белорусская АПП), С. Метисланский (ВОСП), Ив. Ватрак (РОПКП), Мариэтта Шагинян.

Открывший митинг М. Огнев, характеризуя острейший кризис, переживаемый Европой и Америкой, провел параллель между современным капитализмом и известным историческим образом генерала, который на службе и в тостах выпивал вороным жеребцом, а дома сивым мерином: вооруженный до зубов международный империализм кажется несокрушимой силой, но, подтачиваемый кризисами, порождаемыми самым капитализмом, он, на самом деле, доживает последние дни, страшась своего могильщика — международного революционного пролетариата.

Выступивший затем с большой речью итальянский пролетарский писатель Дж. Джерманетто указал на то, что мировая буржуазная пресса, которая с чрезвычайным напряжением следит за жизнью Советского союза, несущейся с головокружительной быстротой, замолчала такое огромной значимости событие, как проведенная Всемирная конференция революционных писателей в Харькове, на которой были представлены литературы 22 народов. Революционные писатели всего мира об'единились в Харькове своей силы, чтобы превратить литературу и мощное оружие классовой борьбы пролетариата с мировой буржуазией.

— Наша обязанность, — говорит т. Джерманетто,— показать советскому пролетариату, как борется с капитализм революционный пролетариат за рубежом, и рассказать рабочим Запада и Востока о жизни и быте советских пролетариев, об их борьбе за пятилетку, победоносно осуществляемую в первом пролетарском государстве.

Румынский революционный писатель М. Кохана говорит в своем выступлении, что вопрос о том, какую позицию займет тот или иной зарубежный писатель в случае новой войны мирового капитала против СССР должен быть главным вопросом:

— Что ты уже сегодня делаешь для защиты Союза советов от капиталистических хищников?

— И на этот вопрос,—говорит т. Кохана,—подлинно-революционные писатели должны ответить как активные бойцы мировой пролетарской революции.

Еще более резко ставит этот вопрос представитель ЛОКАФ Д. Либерман.

— Что вы делаете сегодня для укрепления боевой готовности Советского союза.

После выступлений венгерского писателя А. Барта, С. Д. Метисланского и представителя пролетписателей Белоруссии Б. Бендо интересную речь произнесла Мариэтта Шагинян.

— Большая часть моего поколения русской интеллигенции, — говорит т. Шагинян,—воспитываясь на идеалистических взглядах эпигонов Канта—Фихте, Гегеля и им подобных. Это нереалистическое поколение находилось в тяжелом нравственном тупике, оно ничего не ждало от будущего, ни на что не надеялось.

— Насколько тогда было тяжело и лучше, видно хотя бы по тому облегчению, с каким встретила интеллигенция войну 1914 года, ожидая, что война принесет с собой какие-то перемены. По сравнению с этой жуткой второй сознания ужасов и бессмыслицы войны, резко контрастными различия заметны в отношении современной интеллигенции к грядущей войне.

— Мы встретим ее теперь так, как тогда ее встречал рабочий класс: как помеху своему делу. Коммунистическое мировоззрение открыло перед нами такой широкий мировоззренческий путь, что нам незачем «искать выхода». Если мировая буржуазия начинает нам войну, мы дадим ей отпор, мы будем в нем не одиноки, и, несомненно, мы победим.

Вместо вынесения резолюции участники антивоенного митинга приветствовали обращение «К писателям всего мира, друзьям СССР», опубликованному в предыдущем номере «Л. Г.». Митинг закончился художественной частью.

Д.

маап и мослокаф на авиозаводе

МАПП и МОСЛОКАФ организовали 1 августа в клубе завода № 1 совместное вечернее заседание своих секретариатов, посвященное международному антивоенному дню.

Заседание открылось вступительным словом представителя ВКЦП т. Штейн, охарактеризовавшего международное положение.

Выступивший затем В. Кочкин сделал краткий доклад о задачах пролетарской литературы в укреплении оборонноспособности страны.

— Международная буржуазия, используя литературу и печать пролетариев нейтральных стран, старается усыпить их внимание, [illegible] с тем, зачем [illegible] с рассказами литература помогает, обращает внимание на тем, как помочь.

Задачей пролетарской литературы является уточнение вопроса: за что и с кем мы будем воевать, если война будет нам навязана. Роль ЛОКАФ'ов на этом участке пролетарской литературы весьма велика и ответственна. Центральное ЛОКАФ не только в обеспечении писателей Красной армии и флота, но и в основательному изучению как антивоенной литературной тактики всех литературных организаций капиталистических стран ведет большую организационную работу.

Заседание закончилось выступлениями т. Сидорова от Осоавиахима и т. С. Атильева от заводской печатной газеты «Заводской прожектор». Затем, в числе своих произведений, в заключение вечера прочли поэты В. Луговской и А. Сурков.

реализуем постановление цк вкп (б)

На секретариате Центрального совета ЛОКАФ 2 августа было обсуждено постановление ЦК ВКП(б) об издании сборников научно-исторических статей и литературно-художественных произведений по истории гражданской войны.

ЦС ЛОКАФ обратился с письмом ко всем литкружкам ЛОКАФ, РАПП и ВОПИП об участии в составлении и издании «Истории гражданской войны». Развертывание этой работы ЛОКАФ рассматривает как практическое проведение призыва красноармейцев—ударников и литераторов.

ЛОКАФ провело конференцию красноармейцев и писателей газеты, посвященную изданию сборников «Истории гражданской войны». Литкружки ЛОКАФ и РАПП будут привлечены к организации сбора воспоминаний участников гражданской войны, бывших партизан-крестьян и т. д. Кроме того ЛОКАФ посылает писателей для написания истории отдельных классифицированных частей и поручило для этого писателей-ломоносцев в тех частях РККА, где они раньше служили.

призывы краеведов

Общество краеведов-марксистов при Комакадемии обратилось ко всем краеведам СССР с призывом немедленно включиться в работу по собиранию материалов и документов для создания обзоров, статей и очерков по истории гражданской войны.

присоединяют подписи

И. Киршон, А. Афиногенов, Л. Сейфуллина, Н. Огнев, П. Слетов, В. Катаев, А. Эфрос присоединяют свои подписи к обращению «Ко всем писателям мира, друзьям СССР», опубликованном к 1 августа в «Литгазете» и всей советской печати.

от нашего постоянного корреспондента

ТВОРЧЕСКАЯ ДИСКУССИЯ в ленинграде

Прения продолжаются.

С заметным интересом писательская аудитория выслушивает Вс. Вишневского и Юр. Либединского. Первый останавливается на «военной пьесе» А. Толстого и Сухотина, которая в общем положения, высказанные в статье, напечатанной в № 40 «Литературной газеты», Юр. Либединский полностью поддерживает третий день прений. Он подчеркивает ошибочность противопоставления Берлиным мировоззрения мировоззрению. «Берлин здесь говорит прозой скверного реакционного идеализма». Касаясь вопросов литературной техники, Юр. Либединский указывает, что эти вопросы упираются в соотношение содержания и формы.

— Я никогда не работаю над техникой, как таковой. — говорит он, — я работаю над содержанием и стремлюсь найти такую форму, которая бы наиболее соответствовала содержанию. Я все содержание — рычаг создания новой формы.

*

Пятое дискуссионное собрание открывает Н. Никитин, выступление которого возвращает прения к конкретной критике.

Оценивая роман М. Слонимского «Фома Клешнев», как огромный шаг вперед, Н. Никитин считает однако, что большой недочет романа в том, что он «обычный семейный роман»... Далее Н. Никитин находит в творчестве Слонимского общее с английским писателем Голсуорси «Грех» тихоновских «Кочевников» Н. Никитин видит в остатках «старой тихоновской закваски, в каких-то остатках мышления, оплавленного в революцией».

Н. Никитин затем горячо возражает против «поисков на орнаментализм», считая такое гонение чрезвычайно пагубным для литературы. «Орнаментализм никогда не был бессмысленным литературным явлением», — заявляет Никитин, обнаруживая непонимание высказываний М. Слонимского, говорившего о том, что орнаментализм часто прикрывал убожество и несамостоятельность мысли.

В заключительном выступлении Зел. Штейнмана, коротко отвечая нескольким своим оппонентам (в частности, Медведеву), остановился главным образом на речи М. Козакова, а затем на книге О. Форш «Сумасшедший корабль».

— Конечно, — согласился он, — нельзя ориентировать О. Форш с Замятиным, если говорить об общих идейно-творческих установках писателей. Но целый ряд положений «Сумасшедшего корабля», трактующих проблемы искусства, целый ряд характеристик, обращенных к тому прошлому, о котором рассказывается в книге, свидетельствуют, — по мнению Штейнмана, — об идеалистических формалистических ошибках писательницы.

Выступление Зел. Штейнмана подлило масло в огонь дискуссии.

В третий раз в прениях по докладу З. Штейнмана выступил Мих. Чумандрин. — Перестройка, — сказал он, — тяжелый сложный процесс; в этом процессе отдельные писатели могут срываться, откатывать назад, уклоняться в сторону. Надо очень осторожно подходить к художнику, делающему шаги к перестройке. Это не значит, что мы должны сказать большевистскую поэтому, но это заставляет критику направлять внимание, понимать, — где мы имеем дело с простосердечием и где с подлинно-талантливым художником, имеющим право на зрение сознания. Суть в том, чтобы каждый художник—вчера чужой нам, сегодня колеблющийся, завтра могущий перейти к нам, — перенес.

— Самокритика, — продолжает М. Чумандрин, — должна включать в себя и декларативную оценку прошлого творчества и известные моменты творческой практики настоящего. И в этом отношении нельзя считать самокритику Козакова достаточной. Но нельзя сказать, чтобы Козаков увлекался от перестройки. Конечно, Козакова надо «проработать» и проработать с четкой установкой; в его творчестве заложены элементы, приводящие к прямым опибкам. Очень тяжело перестраивается и О. Форш. Если перестройка тяжела для мастера писателя, как Каверин, то что говорить о художнике, который пришел в советскую литературу с вершин уродливого буржуазного символизма. Но Ольга Форш — эта живая русская литература, которая перестраивается и будет перестраиваться.

*

Последний день прений по докладу «Формула перехода» начался с выступления М. Слонимского, отмечавшего ошибочность высказываний ряда писателей.

Отвечая Никитину, М. Слонимский подчеркивает, что «бесчувственный орнамент служил дымовой завесой для творчества ряда писателей»...

После К. Сигрева, указавшего, что писателям сегодня надо уже бороться не только за перестройку, но и за темы перестройки, выступил М. Браун. Его речь надо отнести к наиболее интересным и значительным выступлениям по всей дискуссии.

— Куклину, Березину, Каверину, — говорит М. Браун, — неизвестно, что марксизм не только мировоззрение, но и воздействие на мир. Писатель не имеет права ходить около литературной темы и в силу «литературных соображений» отказываться от отклика на ту или иную политическую проблему. Между тем Каверин не стал писать об актуальных проблемах, потому что «не знал, как «высоко-литературно» оформить материал». Это высказывание Каверина более органично связано с формулировкой «писатель — не политик». Вместе с последним признанием Каверина: «я, писатель — политик». Каверин отдает острые политические проблемы халтурщикам и несет читателю решение этих проблем в искаженном виде. Каверина — «политика» отделяет из самой нам Каверин — писатель-профессионал.

— Слонимский говорил, — продолжает М. Браун, — что новаторство писателя должно идти по линии отказания новым мировоззрением; Каверин прав попрежнему, что мировоззрение уже нашу эпохой. Но мировоззренческие вопросы, вопросы теоретического осознания действительности более не «данные» в законченном виде. Особенность диалектического материализма в том, что эти вопросы всегда находятся в непрерывном движении, в том, что на основе общих положений мы подходим к практике и обогащаемся этой практикой вплоть к дальнейшему отмыканию, действительности, к дальнейшей практике. Писателю недостаточно иметь некоторый запас теоретических знаний; он должен быть на такой высоте теоретического осмысления действительности, чтобы ставить себе, уметь вскрыть движущие эту действительность силы. Нельзя говорить, что существует установленное понятие «высокого качества» или «штампа». Каверинское точечное качество — толкование формалистское. Качество вырастает из мировоззрения, нельзя сводить его к вопросам техники.

Выступление И. Сиверина поликом поставило свой книге очерков Б. Лавренева «Так держать». И. Сиверин не согласился с оценкой, данной этой книге в «Л. Г.», считал, что рецензент недостаточно вскрыл ошибки Лавренева. — В книге, — говорит И. Сиверин,— поражает бодрый политически-взволнованный тон писателя, которого отличающийся от обычного, характерного для начального этапа его творчества. В книге видно стремление воспеть классовую сущность Красного флота. Но эти положительные тенденции не нашли полного своего воплощения. Автор еще далек от применения диалектико-материалистического метода. Желая показать прибалтику, лежащую между нами фронтом и фронтом советским, Б. Лавренев идет по линии наименьшего сопротивления. Он, видимо, думает, что чем меньше писатель пишет о недостатках нашего флота, тем лучше. Он еще не в силах показать принципиальное различие, при котором недостатки и отдельные человечки. Получается в высшей степени односторонняя и схематическая картина, которая напоминает моментальную фотографию — без контрастов теней. В результате книга не мобилизует на преодоление недочетов.

В последний день прений выступил М. Рафаил (зав. ЛенОГИЗ), он отметил большое практическое значение творческой дискуссии ВССП.

Выступивший затем Ю. Либединский дал критический анализ последнего дискуссионного собрания и между прочим отметил игнорирование творческой дискуссии советских писателей ударниками ВССП — литературоведами: Горбачевым, Камтуловым и др.

*

Заключая прения, З. Штейман от имени штаба указал: самое ценное и важное начавшейся дискуссии в том, что молчаливые заговорили. И не только заговорили, но совершенно четко поставили вопрос и о дальнейших путях своей перестройки. В том, что только борьба за мировоззрение, участие писателей в конкретной борьбе классов является предпосылкой дальнейшего творческого развития. Был четко поставлен и вопрос о том, что проблему творческого метода можно поставить и разрешить только как проблему мировоззренческую.

*

Первый этап ленинградской дискуссии закончен.

«Формула перехода», неубедительно раскрытая докладчиком, более четко расшифрована творческими спорами.

Ленинград. Б. РЕСТ

корнелий зелинский

почему победила

мариэтта шагинян

мы хотим жизнь узнать заране,
мы узнаем ее в романе...
А. ПУШКИН

Однажды, — это было давно, в петербургскую, военную осень, — жили две сестры Николая Метнера. Для некоторой части предреволюционной набравшей вроцентрала» это то, что материалом интеллигенции — музыка. Бетховен, Бах, музыкальное мышление, — были творческих стремлений, является практикой философствования, были миром, тика социалистического строительства. куда уходили поиски духа и где находили внутренний ритм и покой для «Гидроцентрали» — это один из перных и немногих «вольтеровских» его советского искусства, поставленного на могучем основе классовых устремлений пролетариата, своего рода «художественная новостройка», вошли энергии, свет в те области, которые, образно, средствами искусства называемое сегодня теперь я где может я должен помочь этот конец.

О чем «Гидроцентраль»? Какова тема романа? Она тяжче проста, «будничная», материалистична, она вся в «строительном материале питается», да умеете с тем она полна не внутреннего напряжения, не великих освободительных замыслов, как любая повесть советского писателя, о битве, о заводе, о Почтаре, Советском, производственного совещания на заводе или заводской бригады удивлена. Это рассказ о строительстве электростанции на реке Мзымте в Армении, о быте, нуждах строительства, о бетоне, гесситах, грунте, экономике, кустовщиках, рабочих, крестьянах-крестьянах, сучках, молодых (из рабочих) и старых, о жуте, который сносит городок, об РКИ, которая проверяет, об оппортунистах и изобретателях.

Какая «скучная материя» для романа, имеющего «сказочную тропинку» записать любовным повествованием или приключениями пешехи. И вместе с тем — какой захватывающий уголок и... какое любопытное очищение даже самых банальных предположений о сущности романа. Вот что, например, найая в дни безгероизма «великой эпохи» Флобер, автор «Мадам Бовари», может быть лучшего европейского романа 19 века: «Что мне кажется прекрасным и что я хотел бы создать — это книга ни о чем; книга, которая почти бы не имела сюжета, или такая, по крайней мере, в которой сюжет был бы почти невидимым. Самые прекрасные произведения те, в которых меньше всего материи». (Из письма к Луизе Коле, 1852 г).

«Гидроцентраль» — роман «о чем», крепкий сюжетно и загруженный в «материю», прав за тридцать другому классу. Классовая «география» довольно бегло представлена в романе. Но героем мы можем достаточно отчетливо различить по социальным группам. Пожилой слой инж. директоров Гиуан «с бородкой перышком», с зашитым в висках клиновым глазами, с болезнью расширенных вен ростовщика в 60-х годах» (стр. 37). Вот его гости за семейным торжеством. В тонах какого-нибудь профессора дает Шагинян этот мир, передавая читателю острое социальное отношение через отношение их. Вот крупные инженеры. Вы видите их, сидящие на балкоре, едущие на совещание. На крепких, спелых по-обеденному лицах, у быстрых корова и кушинатых глаз, в грациозных фигурках склока красавиц, в коричневая кожа на щеках, обветренная костюмах, в бритых, бабьих, гладких, в горбатых, в ястребиных носах, в бородах, в пенсне, в золотых зубах, в ногтях, в манере держать портфели, в выражении их усталых глаз, в выражение их усталости от бесконечных совещаний, в их

за писателя—литературного союзника пролетариата!

ДИСКУССИЯ В ЛЕНИНГРАДЕ

Мы печатаем ниже речи М. Слонимского, Н. Тихонова и Н. Никитина на диспуте, организованном ленинградским отделом Всероссийского союза советских писателей. Эти выступления, в которых товарищи поставили ряд основных вопросов мировоззрения и места писателя в классовой борьбе, увязав эти вопросы с конкретным анализом творческой продукции, являются важнейшим документом происходящего в настоящее время общественно-творческого размежевания в рядах ВССП. Речи печатаются с сокращениями

МИХ. СЛОНИМСКИЙ

„Новые формы могут быть созданы новым отношением к действительности"

Мне хотелось бы прежде всего поговорить о проблеме советской литературы. Советская литература имеет на своем пути значительные достижения и в своих лучших вещах, в своих отдельных произведениях занимает уже крупное место в мировой революционной литературе. Но, несомненно, кризис современной литературной психологии уходит в прошлое, хотя бы в ближайшее прошлое, поскольку мы хотели бы выделить в этом прошлом советской литературы некоторый период, развитие которых создает сейчас перед нами специфические трудности.

Прежде всего о том, что называлось когда-то, на заре нашей советской литературы, стихийничеством и о том, что оно перешло в рационализм. Никитин в вводный раз говорил, что мы взяли, несмотря, конечно, на литературу с 1920-1921 гг., все были на стихийности. Правильнее было бы сказать, что стихийность тогда преобладала, вернее, надо сказать, подчеркнуть в кризисе. Писателей тогда корили за рационализм по тем книгам, которые сейчас с высоты 1931 года оцениваются уже в Соллюсьме.

Стихийничество одевалось в пышные символические одежды, оно имело весьма различную внешность, но зачастую эти цветистые одежды прикрывали слабость, несостоятельность мысли. В таких вещах зачастую господствовал не сказовый язык, а эпический стиль рассказчика, книжный язык, взятый подчас непосредственно из словаря Даля, — отсюда та игровая имитация народной и одной из ближних новостей Ошеверова. Это является, конечно, не всех «стихийнических» произведений. Итой раз имитируемые одежды, как, например, у Всеволода Иванова, сотканы были из живого языка и не служили дымовой завесой для убийственно мысли.

Вторая черта, которую я хочу сказать, это о попытках пожатурства в тот период, о попытках чисто внешнего пожатурства. — Мне кажется, что в конце концов для писателя на практике дело стоит так, что перестройка, означая изменение отношения к действительности, совершенно необходимо перестраивает всю систему, по которой пишет писатель. В зависимости от перестройки мировоззрения происходит перестройка изобразительных средств, перестройка персонажей — излюбленные любым писателем характеры уходят на задний план и освещаются по-новому, на первый план выходят новые характеры и т. д.

Несколько слов о жанре. Тут П. Н. Медведев поставил минусы нескольким романам по тому признаку, что это «внутренне незавершенные» вещи (признак, кстати, весьма субъективный). Он ботает на сдвиг, а не на землю. Теперь нашим днем, чтобы написать роман, нужно, чтобы в нем отразилась, пусть, что это показатель неформального мировоззрения, но все же было обнаружено такого рода колличества «незавершенных» вещей. Тогда столкновение человек, передо Вель в той точке зрения, с которой говорил Медведев, незавершен и целый ряд других произведений, кроме перечисленных им—«Беседний из Удеи» Чапаева, «Севастополь» Малышкина, «Наглый Тарзан» Сейчева, «Трансвааль» Федина, «Бывший герой» Чумандрина и пр. (Я беру весьма разнородные вещи). Это ж, всем этим недостаток — минусы? А, например, «Собачий переулок» — «внутренне завершенная» вещь, но кому от этого легче? Не напоминается на новый канонический жанр, на старое понимание романа, повести, рассказа. Не лучше ли, вместо того, чтобы только по этому признаку ставить баллы с минусы, подумать — нет ли тут вполне закономерных поисков некоего нового жанра, понятия, которое осмысления стоя «роман», «повесть», «рассказ»?

Новые формы могут быть созданы новым отношением к действительности, и вопрос о литературном качестве нельзя отрывать от философской основы произведения. «Литературное качество» — не абстракция. Прежде всего в таком случае было обнаружить появление такого рода колличества «незавершенных» вещей. Тогда столкновение человек, передо Вель в той точке зрения, с которой говорил Медведев, незавершен и целый ряд других произведений, кроме перечисленных им—«Беседний из Удеи» Чапаева, «Севастополь» Малышкина, «Наглый Тарзан» Сейчева, «Трансвааль» Федина, «Бывший герой» Чумандрина и пр. (Я беру весьма разнородные вещи). Это ж, всем этим недостаток — минусы? А, например, «Собачий переулок» — «внутренне завершенная» вещь, но кому от этого легче? Не напоминается на новый канонический жанр, на старое понимание романа, повести, рассказа. Не лучше ли, вместо того, чтобы только по этому признаку ставить баллы с минусы, подумать — нет ли тут вполне закономерных поисков некоего нового жанра, понятия, которое осмысления стоя «роман», «повесть», «рассказ»?

Новые формы могут быть созданы новым отношением к действительности, и вопрос о литературном качестве нельзя отрывать от философской основы произведения. «Литературное качество» — не абстракция. Прежде всего в таком случае было обнаружить появление такого рода колличества «незавершенных» вещей. Тогда столкновение человек, передо Вель в той точке зрения, с которой говорил Медведев, незавершен и целый ряд других произведений, кроме перечисленных им—«Беседний из Удеи» Чапаева, «Севастополь» Малышкина, «Наглый Тарзан» Сейчева, «Трансвааль» Федина, «Бывший герой» Чумандрина и пр. (Я беру весьма разнородные вещи). Это ж, всем этим недостаток — минусы? А, например, «Собачий переулок» — «внутренне завершенная» вещь, но кому от этого легче? Не напоминается на новый канонический жанр, на старое понимание романа, повести, рассказа. Не лучше ли, вместо того, чтобы только по этому признаку ставить баллы с минусы, подумать — нет ли тут вполне закономерных поисков некоего нового жанра, понятия, которое осмысления стоя «роман», «повесть», «рассказ»?

Новые формы могут быть созданы новым отношением к действительности, и вопрос о литературном качестве нельзя отрывать от философской основы произведения. «Литературное качество» — не абстракция. Прежде всего в таком случае было обнаружить появление такого рода колличества «незавершенных» вещей. Тогда столкновение человек, передо Вель в той точке зрения, с которой говорил Медведев, незавершен и целый ряд других произведений, кроме перечисленных им—«Беседний из Удеи» Чапаева, «Севастополь» Малышкина, «Наглый Тарзан» Сейчева, «Трансвааль» Федина, «Бывший герой» Чумандрина и пр. (Я беру весьма разнородные вещи). Это ж, всем этим недостаток — минусы? А, например, «Собачий переулок» — «внутренне завершенная» вещь, но кому от этого легче? Не напоминается на новый канонический жанр, на старое понимание романа, повести, рассказа. Не лучше ли, вместо того, чтобы только по этому признаку ставить баллы с минусы, подумать — нет ли тут вполне закономерных поисков некоего нового жанра, понятия, которое осмысления стоя «роман», «повесть», «рассказ»?

НИК. НИКИТИН

„Нужно знать и любовь пролетариата и ненависть его"

Подробнее сейчас говорить о докладе Штейнмана мне неудобно, и поэтому это сделать позже прочтения стенограммы. Но сейчас, прежде всего, я хотел бы сказать по поводу выступления Каверина, хотя несомненно литературного, но в своей литературности имеющего черты принципиальности. Нет нужды, что эта принципиальность литературой. Эта литературная принципиальность перестает к общественному. Каверин говорил, что внимание новой эпохи должно пути к поискам новой формы, что новая вещь будет только тогда новой, когда в ней будет не только новая идеология, но и новая форма. Он указывал переход от новой формы к новой идеологии. Это — неверно. Он прав в основном, что новой идеологии должно соответствовать и новая революционная форма. Но он не прав в другом, в своем утверждении, что новая форма создает идеологию. Форма сама по себе ничего не создает. Наоборот, не форма создает идеологию, а новый материал и новая идеология создают новые формы.

Литература должна иметь речь. Литература должна иметь социальную установку. Здесь на собрании я вижу много серапионов, вот почему не будет ничьей, если я спрошу малд. за литературу «серапионов начального периода. Мы тогда тоже имели речь. Но какую? Речь была стихийная, случайная, иногда речь была неправильная логики (Каверин — говоривший только за себя). Нет, я могу привести целый ряд примеров. И ты их лучше знаешь, чем я, так что я говорю не только за себя. Каверин протестует, что докладчик в одном докладе рассматривал разнообразные жанры — и очерк, и рассказ, и повесть. Каверин говорил, что так рассматривать нельзя. В этом я отчасти тоже вижу ошибку Каверина. Когда произведение рассматривается как факт определенной значимости, как явление определенного общественного порядка, как произведение общественной категории, то с этой точки зрения можно рассматривать совместно все жанры. Когда мы берем писателя как общественника, если бы это был даже Пушкин, то мы вправе воспользоваться всем материалом, который дал нам Пушкин. Мы анализируем его прозу, его поэмы, даже его письма. В докладе Штейнмана и в выступлении Старцева была общественная установка. Если бы докладчики рассматривали произведения с формальной литературной точки зрения, тогда было бы естественно, что он брал два-три романа, два разных очерка и т. д., словом он был бы прав: работая лишь в области жанра.

Теперь о критике. Совершенно правильную мысль высказал Чумандрин в отношении критики по поводу произведения Слонимского. Он говорил, что критика совершенно напрасно набросилась на эту вещь, что писатель не был взят в своем развитии, что критика у нас играет не роль критики, а роль литературы. Какую критику видим мы — писателя? Нередко говорят, что у нас вся критика на одно лицо. Это неверно. Ре-

гистратура на одно лицо. Но в нашей критике или вернее в нашей регистратуре часто бывает целый ряд неожиданных точений, и тогда нас регистрируют с точки зрения своего гнезда, своей группы, и даже хуже — с точки зрения своих личных вкусов. Если они попадают в точку — хорошо, если же не попадают — писателю приходится плохо. Писателем играет, как печенье. Мы живем кабинетно и одиноко. Простите за личный пример. Когда-то я писал пути к поискам новой формы, что новая вещь будет только тогда новой, когда в ней будет не только новая идеология, но и новая форма. Он указывал переход от новой формы к новой идеологии. Это — неверно. Он прав в основном, что новой идеологии должно соответствовать и новая революционная форма. Но он не прав в другом, в своем утверждении, что новая форма создает идеологию. Форма сама по себе ничего не создает. Наоборот, не форма создает идеологию, а новый материал и новая идеология создают новые формы.

Литература должна иметь речь. Литература должна иметь социальную установку. Здесь на собрании я вижу много серапионов, вот почему не будет ничьей, если я спрошу малд. за литературу «серапионов начального периода. Мы тогда тоже имели речь. Но какую? Речь была стихийная, случайная, иногда речь была неправильная логики (Каверин — говоривший только за себя). Нет, я могу привести целый ряд примеров. И ты их лучше знаешь, чем я, так что я говорю не только за себя. Каверин протестует, что докладчик в одном докладе рассматривал разнообразные жанры — и очерк, и рассказ, и повесть. Каверин говорил, что так рассматривать нельзя. В этом я отчасти тоже вижу ошибку Каверина. Когда произведение рассматривается как факт определенной значимости, как явление определенного общественного порядка, как произведение общественной категории, то с этой точки зрения можно рассматривать совместно все жанры. Когда мы берем писателя как общественника, если бы это был даже Пушкин, то мы вправе воспользоваться всем материалом, который дал нам Пушкин. Мы анализируем его прозу, его поэмы, даже его письма. В докладе Штейнмана и в выступлении Старцева была общественная установка. Если бы докладчики рассматривали произведения с формальной литературной точки зрения, тогда было бы естественно, что он брал два-три романа, два разных очерка и т. д., словом он был бы прав: работая лишь в области жанра.

Теперь о критике. Совершенно правильную мысль высказал Чумандрин в отношении критики по поводу произведения Слонимского. Он говорил, что критика совершенно напрасно набросилась на эту вещь, что писатель не был взят в своем развитии, что критика у нас играет не роль критики, а роль литературы. Какую критику видим мы — писателя? Нередко говорят, что у нас вся критика на одно лицо. Это неверно. Ре-

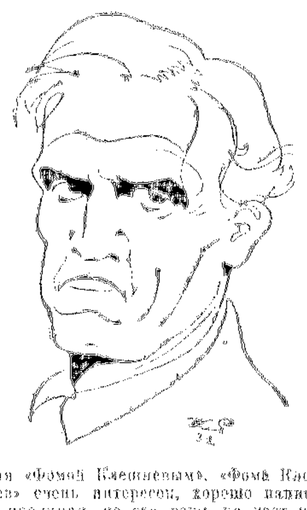
НИКОЛАЙ ТИХОНОВ

„Произведения без политики быть не может"

На протяжении 25 Октября отзывы гавриловой и в этом звериное лежит кровавый, немножко мудрое, немножко механизовое и поэтому в примерах. Кроме — на примерах, они его подтверждают. Он доволен судьбой. Мне кажется, что у писателя есть такой пафос зверинца, есть домашность, есть в кошмусовых сил, к мне кажется, что как раз советскому писателю пафос необходим. Но не такой, не помогающий. И вот этого внутреннего пафоса, который должен соответствовать эпохе, очень мало, — его ищу. Потому здесь так часто и повторяюсь имя Шагинян с ее новым романом «Гидроцентраль», который кончил со страстью, с подъемом. Что такое «Гидроцентраль»? В ущелье есть гидростанция и Шагинян обвязала там каждый камень. В Дзорагет она вложила этот пафос. Поэтому таким образом хороший роман. Я не буду говорить о его недостатках — что удалось, что не удалось, — я хочу сказать только, что отсюда этот пафос первородного огня.

Мы сидели очень долго лицом к лицу сидной к литературе, сидной к писателям, которые стояли перед нами, и когда они выросли так, что закрыли свет, мы должны были посмотреть — что вокруг, и оказалось, что вокруг — гражданские вещи. И тогда писатель начал перестраиваться, начал перестройку своего мировоззрения.

Каждый приходит к сегодняшнему дню с прошлой продукцией. Эта продукция определяет прошлое, но будущее она определять будущее — неправильно, потому что материал должен перестроить в этом огне. Температуру перестройки у разных писателей неодинакова. Так, например, главная ошибка «Протога» Каверина в том средстве, с которыми Каверин подошел к материалу. Каверин ранее работал на условном материале, а когда он с условного материала перешел на «безусловный» материал, он совершил «наследственную» ошибку, — он оказался стороним наблюдателем. Вот почему кажется при всем формальном мастерстве его книги, что люди в его книге ра-



ная «Фомой Клешневым». «Фома Касьянов» очень интересен, хорошо написан и продуман, но эта вещь не дает итога. Возьмем пьесу Никитина. Я не знаю всей пьесы целиком, но по напечатанным отрывкам, которые я читал, можно судить, что там большие срывы. Никитин должен был подойти к этой теме, должен был написать эту пьесу, и написал ее честно, но из-за «наследственности» в ней произошли срывы. Возьмем продукцию Козакова и найдем ему сугубое «наследство», ибо у него время порочные традиции старой русской литературы.

О себе я скажу так: для меня ясно, что сейчас я не могу написать ни одного произведения, которое не предусматривало бы политического содержания. Мне кажется, что произведение без политики сейчас быть не может. Произведение должно быть политично сегодняшним днем, чтобы никакие элемен-

о Слонимском, творчество которого тут ты скажет, никакие боковые фигуры Анатольевна Чумандрина, начиная с «Шелкового средневековья», в котором он находил «стихийность» зверя», и кон-

чая «Фомой Клешневым». «Фома Касьянов» очень интересен, хорошо написан и продуман, но эта вещь не дает итога. Возьмем пьесу Никитина. Я не знаю всей пьесы целиком, но по напечатанным отрывкам, которые я читал, можно судить, что там большие срывы. Никитин должен был подойти к этой теме, должен был написать эту пьесу, и написал ее честно, но из-за «наследственности» в ней произошли срывы. Возьмем продукцию Козакова и найдем ему сугубое «наследство», ибо у него время порочные традиции старой русской литературы.

О себе я скажу так: для меня ясно, что сейчас я не могу написать ни одного произведения, которое не предусматривало бы политического содержания. Мне кажется, что произведение без политики сейчас быть не может. Произведение должно быть политично сегодняшним днем, чтобы никакие элемен-

Еще об одном — о том, что мало ощущается в нашей литературе. Но-старикове во всех романах и новостях занимает большое место отдельный герой. Об этом нужно поговорить. После одного демаскирования телеграфиста попросили, чтобы он сообщил имена героев. Телеграфист отступил: «Героев нет. Все одинаком заняты». Героев у нас нет, но есть героичность будничного подвига. Мы сталкиваемся с тем вопросом, что будничный человек оказывает такой. Техника так оборона быт, что гусь ни тем, отсюда прет. Пятилетка гегемонизацию литературу. У нас исчезла сюжетная литература, которая может явиться громадным оружием.

Вот Фадеев дрался на Кубани. Там сейчас громадные рисовые колхозы, где работает американцы, занимательное количество японцев-инструкторов, и после дрался старый партизан Жлобин. Как это изобразить? Тут следует вспомнить о сюжетной литературе. Если мы подойдем к этому с методами сегодняшнего психологизма, то это будет похоже на что: рыжеволосому технику начинала срочно вакоплять переторопкой, а у техника никого не было, кроме подростков и девиц. Он рассказал им, в чем дело, и ушел. Они стали рыть. Когда он пришел, говорят — все сделано. А что они сделали? Они «рыли яму», в которой можно танк потопить (Гиппель с места: почему сюжет по Жлобиным интереснее, чем психология Жлобина?). У Достоевского что преобладает: сюжет или психология? Я говорю об опасности упадочничества.

У нас нет важного момента — нет достаточно яркого показа масс. Примером можно назвать «Первую конницу». Здесь у пролетарского писателя масса показана еще недостаточно хорошо. Вот Чумандрин начинал роман. Материал романа прекрасный. Роман местами интересен. Тем замечательная фигура Солтарина. Но вот он изображает субботник в вместо показа субботника дает только комнату писа. Штаб делали зарядно, но для изображения субботника этого недостаточно.

Еще об одном — о том, что мало ощущается в нашей литературе. Но-старикове во всех романах и новостях занимает большое место отдельный герой. Об этом нужно поговорить. После одного демаскирования телеграфиста попросили, чтобы он сообщил имена героев. Телеграфист отступил: «Героев нет. Все одинаком заняты». Героев у нас нет, но есть героичность будничного подвига. Мы сталкиваемся с тем вопросом, что будничный человек оказывает такой. Техника так оборона быт, что гусь ни тем, отсюда прет. Пятилетка гегемонизацию литературу. У нас исчезла сюжетная литература, которая может явиться громадным оружием.

Вот Фадеев дрался на Кубани. Там сейчас громадные рисовые колхозы, где работает американцы, занимательное количество японцев-инструкторов, и после дрался старый партизан Жлобин. Как это изобразить? Тут следует вспомнить о сюжетной литературе. Если мы подойдем к этому с методами сегодняшнего психологизма, то это будет похоже на что: рыжеволосому технику начинала срочно вакоплять переторопкой, а у техника никого не было, кроме подростков и девиц. Он рассказал им, в чем дело, и ушел. Они стали рыть. Когда он пришел, говорят — все сделано. А что они сделали? Они «рыли яму», в которой можно танк потопить (Гиппель с места: почему сюжет по Жлобиным интереснее, чем психология Жлобина?). У Достоевского что преобладает: сюжет или психология? Я говорю об опасности упадочничества.

У нас нет важного момента — нет достаточно яркого показа масс. Примером можно назвать «Первую конницу». Здесь у пролетарского писателя масса показана еще недостаточно хорошо. Вот Чумандрин начинал роман. Материал романа прекрасный. Роман местами интересен. Тем замечательная фигура Солтарина. Но вот он изображает субботник в вместо показа субботника дает только комнату писа. Штаб делали зарядно, но для изображения субботника этого недостаточно.

Н. СЛЕПНЕВ

Проблема кадров в художественной литературе

Проблема кадров в художественной литературе ясно не поставлена. Не то, что мало еще было написано о кадрах — на что пожалуй жаловаться нельзя. Десятки книжек на рынке все же имеется. Не поставлена этой проблеме, так сказать, в ее стержневом отношении, в смысле полного и верного отображения жизни и борьбы нашего государства за подъем техники.

В своей последней речи т. Сталин ставит вопрос о производственно-технической интеллигенции рабочего класса. «Нам нужно теперь обеспечить себя вот, кто больше инженерно-техническими и командными силами промышленности, если мы действительно думаем осуществить программу социалистической индустрии СССР». Ставя так вопрос, давая исторический анализ образований техникой, которая «в период реконструкции решает все», т. Сталин в той же речи говорит: «Но нам нужны не всякие инженерно-технические силы. Нам нужны такие командные и инженерно-технические силы, которые способны понять политику рабочего класса нашей страны, способны усвоить эту политику и готовы осуществить ее совесть. А что это значит? Это значит, что наша страна вступила в такую фазу развития, когда рабочий класс должен создать себе собственную производственно-техническую интеллигенцию, способную отстаивать его интересы в производстве, как интересы господствующего класса».

В речи т. Сталина вопросы ставятся, так сказать, об общественно-производственном профиле нашего студента. Он должен быть большевиком, преданным большевики и делу рабочего класса; он всеми своими корнями должен уходить в практику советской и научной работы этого класса. Вместе с тем, он должен в совершенстве овладеть технической и научной производства, должен быть специалистом своего дела, вождем технической мысли.

Наша художественная литература, не мало внимания удостоившая этому вопросу не могла до сей поры правильно поставить с этой проблеме и верно ее разрешить. Показ производственного профиля студента, показ овладения им техники, процесс производственного созревания технической интеллигенции рабочего класса — всегда оказывались не под силу нашей художественной литературе.

Последние произведения, вышедшие только что в свет, идут по старой проторенной дорожке. Я имею в виду две последние повести Б. Левина — «Живи два товарища» и В. Трушкова — «Кадры».

По прочтении первой книжки («Живи два товарища») испытываешь досаду и разочарование. Автор имел дело с весьма благодарным материалом: партийцы-дуэлянты, их жизнь, борьба, работа, учеба. В книжке, по линейной художественности, вся эта проблема сведена к доброй истории двух студентов Дебеца и Корчагина и антагонизм Поэль. Советский вуз, процесс подготовки профессуры, текущая по нашей стране, перработка, комсомол — все это осталось автором мимо, поверхностно, вскользь. Автора интересует только личная судьба Дебеца и Корчагина.

Нетрудно заглядеть в советском студенте строителя и участника борьбы за социализм, привлек автора к тому, что он зает в своей повести и целом ряде отдельных эпизодов из-под и фи. профессию участника проблему кадров и немного ее развивает. Тепло и сочувственно рассказывает автор о том, какие мужественные и стойкие революционеры были в прошлом Дебеца и Корчагина, и как им плохо в советском вузе.

«Уж очень мы заштемпелеваны в Москве,—говорит Корчагин,—ничего не видим, живем изолированными от гражданской войны» (стр. 124).

Для них Москва—центр, вуз—это как бы вынужденное пребывание на «сторожке». «Сейчас,—говорит Корчагин,—не менее важные события, чем гражданская война, но мы как-то в стороне, мы о самом главном узнаем не сразу. Нечего сказать, многое мы бы с тобой знали о гражданской войне, если бы мы тогда сидели в Москве».

Они обо живут только этим прошлым, окутывают его романтикой воспоминаний, оживая только про воспоминания об этом прошлом, инсталлируя в своих чувствах и поступках только к нему. Вопль, которую вскачет к Дебеца и Корчагину пронзай их революционность, как уходила в нашем сегодня из рабочих, из революции ничего, только грязь, хлопы и очередь. Дебец, даже не старается познать ей героическую борьбу рабочих и крестьян за социализм, не только потому, что он сам не видит ее, но и потому, что враждебно настроен к настоящему. Автор хочет противопоставить ему Корчагина, который понимает, что сейчас революционеры стоят за прилавком, заготовляют хлеб, керосин. Это бы дало возможность что-то возразить Дебецу, но вопреки, Корчагин сам в конце концов соглашается с ним. «Всеты гигантов индустрии, бешеный темп реконструкции, музыка пятилетки»,—все это, по мысли Дебеца, «пустозвонно, глупость». Дебец зло издевается над всем этим. Корчагин не возражает ему. Мещанка Поэль, их жена, права, когда она говорит, что не видит разницы между ними. Для нее они «бывшие», обе «новые».

Общественная среда, вуз, работа и учеба всех этих будущих командиров промышленности, всех этих «миллионов нормальных здоровых людей,—по выражению Корчагина,—которые без всякой истерики строят социализм, которые работают в лабораториях, на железных дорогах, на заводах и шахтах, стоят за прилавком в кооперации и выручают картошку» — все это никак не показано автором. Весь вузовский коллектив — это, по выражению одного комсомольца, однокурсника Дебеца, «либо подкаблучники, либо родственники преподавателей». Автор по-своему последователен. Он, начавши с утверждения того, что основа всех неудач, всех бед Дебеца и Корчагина в том, что они «зашлепнулись в Москве» (это в советском-то вузе!),—должен был, конечно, «лечить» их, послав на советского вуза и отправив их за пределы Москвы.

Это противопоставление «настоящего дела» учебе в вузе, эти настроения вычищенного из партии Дебеца—«и вот уеду на Сахалин и все начнется сначала по-хорошему»—доходят до крайнего предела у некого Мизова, хозяйственника с Сахалина, с которым хочет уехать Дебец. «Если бы мне сейчас предложили квартиру и черт знает что,—все равно не согласился бы остаться в Москве. Сейчас вся работа, весь смак в провинции. Там гуляй, в здесь скулят. Сколько я за рифе и на сегодня ни повидал народу, все скучают и скучают». Ночные Дебеца и Корчагина, уезжий «о главном только из газет, мечтающих об отъезде в провинцию, как о начале настоящей работы, настоящей борьбы за социализм, видящих все зло в Москве, в вузе, автор дает нам еще одного знакомца Дебеца, старого боевого партийца, жалующегося на то, что здесь ему и его учреждению мешает ее, но и потому, что враждебно настроен к настоящему. Автор хочет противопоставить ему Корчагина, который понимает, что сейчас революционеры стоят за прилавком, заготовляют хлеб, керосин. Это бы дало возможность что-то возразить Дебец

на бумажном фронте

ликвидировать обезличку и безответственность

40.000 листов-оттисков на лаборатте.—На складах плесневеют штабели книг.—Коллектор недоступной литературы.—Для того чтобы мобилизовать внутренние ресурсы — надо их учесть.

Писательская общественность и печать начали поход за бумагу. Борьба за бумагу ведется под лозунгами — «Ни лишнюю пачку бумаги для художественной литературы!», «За лучшее использование каждой печатной тонны!», «За качество, против брака!».

Казалось бы издательства художественной литературы и Книгосбыт должны действительно взять на учет каждую тонну бумаги и внимательно следить за издателем и продавцом — рабочему читателю только нужной и актуальной литературы.

Каково положение на самом деле? Издательства сидят и рядом выпускают не только халтурную литературу, но и такую продукцию, которая заведомо обрсчена на использование в качестве макулатуры. На складах Книгоцентра, в библиотечном коллекторе МОГИЗ, в кладовых типографий неделями и месяцами без движения лежат десятки и сотни тысяч книг.

Издательства вопят об отсутствии бумаги. В то же время Ленградское ГИХЛ, участвуя в бумажной кризисе, задает... 14 опорных и драматических либретто. Это составляет **80.000** тиражей. Это — **40.000** листов-оттисков. Аналогичные оперные, балетные и оперетточные либретто даже с нотным текстом одновременно с ЛенГИХЛ издает и МузГИЗ.

На складах Книгоцентра в Москве, Ленинграде, Тифлисе и др. набухает полное затоваривание этих либретто, которые лежат без движения целыми кипами. Музсектор ГИЗ сжигает ряд оперных либретто в макулатуру. А сектор искусств ЛенГИХЛ, что называется — море по колено: за бить запускает китайскими тиражами «Жемчужную кофту», «Воронцовские колокола», «Бал-маскарад», «Лебединое озеро» и т. д., и т. д.

Несмотря на неоднократные указания издательств Книгоцентра немедленно ГИХЛ о недопустимости выпуска оперных либретто в два бумажного хранить, ЛенГИХЛ попрежнему устойчивствует и бросает на ветер бумагу, в тому же бумагу культурных сортов.

*

Сектор искусств ГИХЛ, в функции которого входит в частности выпуск актуальных пьес к антивоенным датам, выпускает их отлично в рядом с опоздалыми (здесь налет вина и на типография). Пьесы к 1 мая, к уборочной кампании появляются на места... когда кампания давно уж проведена. Тем самым издательства создают затоваривание на складах Книгоцентра. Например, пьеса-агитка «За нами», написанная ГИХЛ в **50.000** тираже, в результате позднего получения ее литуполномоченным Книгоцентра, хотя и была разослана по районам, но распространены не более, чем на **20** процентов. **Остальной тираж лежит на складах.**

К Международному красному дню сектор искусств ГИХЛ выпускает 3 пьесы: А. Татарова и В. Куртинова «Мобилизация сознания». Ростбеуш - Аркоса «За фронтом фронт» и Осенко «Завтра». Из этих трех пьес литуполномоченный получил тираж только последней пьесы и то... 14 июля. В результате, **из места пьесы поступили с опозданием,** и драматурги не смогли их использовать и антивоенному дню: опять создается угроза нового затоваривания свыше 15.000 экземпляров пьес. Не получил своевременно ни одной новой пьесы или обозника к 1 августа в Центральный библиотечный коллектор МОГИЗ. Свыше 2.000 библиотек и передвижек Москвы и Московской области остались к антивоенному дню без нужной им актуальной литературы.

*

Издательства, как правило, держат вселями, а книги и месяцами, сдали на готовую книжную продукцию. Это вызывает неоправданную задолженность книги за складах Книгоцентра и в типографиях. На складах Азербайджанского ГИЗ обнаружены недавно перезапасенные тюки с книгами рабочих-ударников.

— В мае и июне на нашем складе художественной литературы лежали пачек невывезенных книг, заполняя наши подвалы, — заявляет зав. 12 складом т. Глобус. — Сейчас на складе лежат 250 невывезенных пач литературы.

Издательства не знают своих бумажных ресурсов, имеющихся в разных типографиях. ГИХЛ, например, совершенно не интересуется тем, какое количество бумаги у него остается в типографии после печатания того или иного тиража книги.

По сведениям, полученным нами в Комитете по делам печати, до последнего времени в типографиях лежала бумага издательств, оставшаяся за прошлые годы (1927—30 гг.), о которой в частности ГИХЛ не знал.

Согласно постановлению Комитета по делам печати и Совпрпкома РСФСР по линии мобилизации внутренних ресурсов, если бумага того или иного издательства лежит в типографии без движения свыше трех месяцев, она отбирается у этих издательств. Таким образом, **у ГИХЛ была забрана бумага, запасами которой оно не интересовалось.** Все эти факты говорят о том, что **мобилизация внутренних ресурсов в издательствах проходит очень слабо.** В издательствах царствуют обезличка и безответственность. Работа издательств должна быть коренным образом перестроена. **Каждая тонна бумаги должна быть взята на учет. Под рабочий контроль должны быть взяты выпуск и продвижение книги к читателю.** А. КРУПНОВ

издательства не мобилизуют внутренних ресурсов

Большинству наших издательств свойственно чрезвычайно узкое представление о мобилизации внутренних ресурсов. В любом издательстве на вопрос: «Как проходит у вас мобилизация внутренних ресурсов?», раздается трафаретный ответ:

— Каких ресурсов? У нас нет никаких запасов бумаги.

Однако и тут не всегда верно: накапливающаяся в типографиях остатки бумаги, непригодные для массовой целой книги, путем своевременной переработки могли бы составить целый тираж той или иной книги.

ОГИЗ, будучи связан с крупнейшими типографиями, сильно и рядом не знает общего количества таких остатков. Больше того, по сведениям, полученным в Союзбумге бригадой, состоящей из представителей ОГИЗ, типографии «Красный Пролетарий» и Союзбумги, в июне были обследованы склады ОГИЗ. При этом бригада обнаружила **1.600** тонн бумаги. И это в то время, когда ОГИЗ жалуется об отсутствии бумаги и платит типографиям за простой машин...

Но издательствам следовало бы кроме того знать, что **мобилизация внутренних ресурсов заключается также: в переходе на уплотненный набор, в максимальном использовании печатного листа, и генеральном пересмотре издательских портфелей,** а прочтение предусмотренного планом процентного соотношения между продукцией отдельных редакций и, наконец, **в максимальной рационализации производственных процессов.**

Наши крупнейшие издательства художественной литературы игнорируют эти мероприятия. Система уплотненного набора и максимального использования печатного листа применяется в ГИХЛ лишь частично и с большим опозданием. Не применены они и к тем пьесам из типографии 27 июля книги Успенск — «Бары», Л. Никулко — «Полярник» и др. В издательстве «Федерация» система уплотненного набора внедрена еще с начала операционного года; в издательстве «Молодая гвардия» максимальное использование печатного листа вводится только теперь.

Что же касается **пересмотра издательских портфелей,** этого максимально-эффективного мероприятия по освобождению бумаги для наиболее актуальной и ценной продукции, то здесь наблюдаются ГИХЛ и «Молодая гвардия» абсолютно **ничего не сделано.** Последняя проверка портфелей в целых ректрегистрация некоторого количества рублей была проведена около двух месяцев назад. Частично обсуждение книг, пускаемых в производство, происходит на очередных заседаниях редколлегии, без привлечения к этому обсуждению не только писательской и рабочей общественности, но даже и редакторского работного редколлегия. Только в издательстве «Федерация» в настоящее время производится пересмотр портфеля, в нем принимают участие представители ВОАПП, РАПП, Комакадемии и рабочие писатели.

В самом «узком» месте издательской работы — в области максимального упорядочения производственных процессов, сводящегося главным образом к ускорению оборачиваемости издаваемой продукции, мы встречаемся с совершенно вопиющими примерами: предусмотренные планом ГИХЛ **сроки нахождения книги в редакциях значительно превышают необходимые нормы.** По расчета нормы работы редакторов (два печатных листа в день) нахождение книги в редакции в среднем должно занять не более десяти дней, тогда как плане издательства предусматривает 22 дня.

Срок прохождения книги по инстанциям производства — по плану — от 2 до 4 месяцев. Но это только план, который за редким исключением выполняется. Наиболее актуальная серия книг «На фронтах пятилетки» задерживается в производстве свыше трех месяцев. Ряд книг, сданных в набор **в середине мая, до сих пор еще не набран.** По серии критической библиотеки «На литпосту» книга М. Серебрянского «Творчество Лавренева» сдана в производство 14 января и до сих пор еще не вышла. По отделу пролетарско-колхозной литературы обороты «по позому подъему» стали в производстве **для срочного выпуска в декабре 1930 года и до сих пор не вышел.**

Совершенно недопустимым явлением надо считать практикуемое в ГИХЛ **прохождение одной и той же книги по всем инстанциям по три-четыре раза.** Очень в одинаковой мере виновны все инстанции за исключением корректорской, сдающей в редакцию небрежную рукопись в надежде на правку в корректурах, редакции, также в надежде на корректуры, незаинтересованно правящей содержание, техническая редакция, изменяющая после правок ранее оформленные книги, и, наконец, сама типография, чрезмерно халтурно и небрежно относящаяся к своим обязанностям.

К основным недостаткам всех трех издательств следует отнести и слабо представленную продукцию начинающих писателей и более опытных художественных произведений, показывающих определенно рабочего класса — героем литературы.

Нужно помнить, что писатель-время заинтересован в мобилизации «внутренних ресурсов и что его общественным долгом является участие в ликвидации бумажного кризиса. Между тем в работе издательств мы чрезвычайно часто находим случаи задержки рукописи авторами сверх сроков, предусмотренных договорами, без сообщения «мотивированных причин», мотивирующих изменения и тексты в процессе верстки и т. п.

По отношению к таким авторам меры общественного воздействия и вплоть до бесконечных уговоров, напоминаний и упреков пора заменить жестким требованием взыскания договорных сроков вплоть до взыскания с авторов всех убытков, причиненных ими издательству и типографии.

Третье предложение: что от имени издательства усердствуют все эти неформальные давления. Издательства должны и могут в кратчайший срок покончить их, **введя самую жесткую дисциплину и рационализируя работу всего своего аппарата.** РАЗ

роллан приближается к нам

НА ДОКЛАДЕ И. АНИСИМОВА В КОМАКАДЕМИИ

Весьма внимательному пересмотру Ромэна Роллана на новые позиции, о котором сам писатель заявлял в своих последних статьях, был посвящен доклад, сделанный недавно И. Анисимовым в Комакадемии.

И. Анисимов указал, что длительные годы, характерные для Франции режим отставания от развития империалистических стран, совпадают с ранним периодом творчества Ромэна Роллана, с первых шагов проявившего себя активным художником четкой окраски.

Драмы Роллана, посвященные Французской революции («Любовь и смерть», «Дантон» и др.), менее всего претендующие на историчность биографии великих людей (Микель Анджело, Бетховен, Л. Толстой), являются выражением гуманистических идей писателя и рисуют духовную «победу над действительностью», торжество внутренней независимости, «аристократию духа», отделяющуюся от стороны от событий.

Со всей полнотой развернул гуманистическая программа Роллана в его основном произведении «Жан Кристоф». В одной из книг этого многотомного романа — «Ярмарке на площади» Роллан вскрывает рабство и продажность захлебнувшего буржуазного искусства, перенося его критику на гуманистическую политику и знаменитый печальный приговор разлагающейся империалистической Франции.

Однако, критикуя империализм и рабочее движение, Роллан критикует рабочий класс Франции в целом, совершая этим крайне вредную политическую ошибку. Обращаясь на капитализм в начале романа, Роллан в серьезном томе отмежевывается от рабочего класса, делая вывод, что политика во всех ее проявлениях есть явление отрицательное. Последняя часть романа, написанная в 1932 году («Праздник день»), кончается смертью Кристофа и как бы его победой. По настойчивости смерти Жана Кристофа является лишь компромиссом, разоблачающим с беспощадной убедительностью несостоятельность и неизбежную обреченность гуманистической идеологии.

В период мировой войны Ромэн Роллан проявляет героизм, граничащий с донкихотством, отражаясь в атмосфере всеобщего патриотизма на редкие выпады против войны. Но и здесь великодушие Роллана граничит тем же противоречием: в ней протест против войны сочетается со всем убожеством гуманистических иллюзий.

После войны 1914 г. — 1917 г. острый капиталистический кризис и нарастание революционного подъема вызывают в Роллане резкую реакцию и приводят его в ряды попутчиков, о чем свидетельствуют его последние статьи, разрыв с Гастоном Рю и сближение с Горьким.

Новые шаги на Роллана дают возможность по-новому рассматривать его творчество, разделив его на два неравных элемента: вначале с капитализмом — глубокий обличитель и ценная основа в его творчестве — гуманистические установки — отрицательная черта, подвергаемая теперь гамым Ролланом жестокой критике.

Е. ПЕЛЬСОН

мослокаф развертывает творческую работу

В клубе ФОСП состоялся вечер, посвященный творческим перспективам МосЛОКАФ.

— В творческую мобилизацию ЛОКАФ включилось незначительное число писателей-локафовцев,— отметил в своем докладе о творческих перспективах МосЛОКАФ т. Гребенников.— Большинство имеющихся произведений о Красной армии не отвечает задачам, которые стоят перед собой МосЛОКАФ. Произведения многих писателей неправильно отражают жизнь Красной армии и специфику жизни, труда и быта красноармейцев. Эти произведения принадлежат в большинстве случаев молодым авторам, которым нужна товарищеская помощь и критика.

Надо серьезно поставить вопрос о группе писателей, принадлежащих в ЛОКАФ за рядом литературной литературы. Основная тема писателей-попутчика — интеллигенция в гражданской войне. Тема современной Красной армии еще не привлекла внимания этой группы локафовцев. Это с особой остротой выдвигает вопрос о недготовке новых пролетарских кадров писателей ЛОКАФ.

Выступавшие в прениях товарищи: Д. Либерман, Каруев, Белянин, (И-ский волк сказ), Д. Галкина, Слесаренко и др. указывали на поверхностность большинства произведений о Красной армии и недостаточную литературную грамотность молодых писателей.

Квалифицированные писатели не работают с красноармейскими авторами, не помогают их творческому росту. Красноармейские поэты, так же, как и квалифицированные поэты ЛОКАФ, еще не переключились на актуальные темы, не пишут о современной Красной армии. Произведения начинающих поэтов носят подражательный характер, сентиментальны, выхолощены. Красноармейским писателям должна быть обеспечена необходимая помощь.

Писатели ЛОКАФ должны по-настоящему перестроить свою творческую работу, пересмотреть свои творческие установки в соответствии с основными задачами и лозунгами ЛОКАФ.

А. КР-ОВ

ценное начинание

редакция „рост" на электрозаводе

Редакция журнала «Рост» совершила на днях первый опыт выезда на электрозавод.

Вечер началом демонстрацией творчества кружковцев, в котором помимо членов литгруппы Электрозавода тт. Шагалова, Башмачникова, Прохорова и др. приняли участие присутствовавшие на вечере кружковцы Сокольнического района тт. Бессонов, Сахаров и Морозов.

С. Кирьянов, приступая к анализу творческих произведений, дал оценку работы кружка и членов. Кружок, до переезда в МАШ, находился под непосредственным влиянием старой «Кузницы», исповедывала литературно-политическая линия которой сказалась и на работе руководителя кружка и участников, представляющих в основном рабочих-выдвиженцев.

С переходом в МАШ кружок пришлось во многом перестраивать свою работу, но эта перестройка идет медленно, тормозит рост молодых писателей и поэтов.

Но наряду с рядом недостатков в творчестве электрозаводцев есть примеры, на которым должны равняться остальные кружковцы. К ним относятся, например, произведения тт. Прохорова и Шагалова.

Выступавший затем К. Карпов отметил, что культурно-бытовым вопросам, в частности литературе, до сих пор уделяется далеко недостаточное внимание. До сих пор на призыв ударников в литературу откликнулись лишь молодежь. Старые рабочие, богатые жизненным опытом и хорошо знающие производство, должны также приступить к рядам писателей-пролетарцев.

Громадный Электрозавод, выпускающий автомобили и два с половиной года, идущий впереди других предприятий, должен создать у себя и лучший литкружок. Задача МАШ и журнала «Рост» — помочь все силы в развитии и творческому укреплению этого литкружка.

— Сегодняшний вечер, — заключает К. Карпов, — это наш первый опыт. В дальнейшем выездные заседания редколлегии будут в систему нашей работы. И мы должны помочь нам сделать наш журнал — нашим журналом.

Е. ПЕЛЬСОН

очистить от шлака ряды пролетписателей

Секретариат как АПП включил из редсов АПП члена Новосибирской организации пролетписателей Альфреда Натансона за развал творческого общества литкружка, за невыполнение решений СКАПП о помощи ударникам в литературу и о воспитании героев литературы. Кроме того А. Натансон имел гнилые политические вредные статьи и, редактируя литературно-художественный журнал «Сибирские огни», помещал в ней контрреволюционный рассказ Пильняка «Ветер».

СКАПП расчистил Тихоокеанский общепролетарской литературе и поручил Комсомольской группе в составе тт. Стасенова (ответственного редактора газеты «Большевистский путь»), Мазина (секретаря газеты «Тихоокеанский комсомолец») и ударника т. Перегудова организовать кружок на Тихоокеанском паровозостроительном заводе и поручил кружку ударников в литературу. Всем местным АПП, в частности дальневосточной, предложено обсудить доклад А. Натансона.

конференция горкома писателей

Месторком писателей совместно с ФОСП организовал производственно - творческий сектор, цель которого — сплочить тесную связь писателей с производственной базой. Сектор намечает использовать писателей в работу союза бумажников и печатников, в частности, посылку писательских бригад на бумажные фабрики, участие писателей в работе типографий и пр.

Из линии творческой работы задачи сектора заключаются в развертывании содействования среди писателей и содействии в развитии коллективного творчества, для этого сектор организует производственно-творческий кабинет. Кроме того сектор организует годичный семинар для начинающих писателей. Специальной комиссии поручено изыскание средств и разработки учебной программы для семинара.

В ближайшее время производственно-творческий сектор созывает общественскую конференцию, а также совместно с ГИХЛ — конференцию читателей художественной литературы.

**

Месторкомом писателей была недавно послана делегация к т. МИКОЯНУ с ходатайством о разрешении открыть закрытый кооператив для писателей по типу ЭПЕ.

2 августа комиссия была принята т. Микояном, который удовлетворил ходатайство писателей.

**

Оргбюро горкома писателей постановило ликвидировать до 10 августа задолженность по членским взносам членов коллектива. Прием членских взносов производится ежедневно по 10 августа — с 12 до 3 часов.

неряшливые издания будут изъяты

Комитет по делам печати при СНК РСФСР приступил к пересмотру всех различных периодических изданий, выпускаемых издательствами ГИХЛ, ГИТИ и Юиздатом.

Основная цель пересмотра — выявление того, насколько периодические издания соответствуют своему назначению, не являются параллельными и не дублируют друг друга.

на культурном фронте

* Культсектор «Комсомольской Правды» совместно с МК ВЛКСМ проводит массовый рейд по обследованию досуга рабочей молодежи, живущей в банках, бытовых коммунах, общежитиях, коллективных домах и жилкоперативах.

* Президиум московского горисполкома постановил переименовать Страстную площадь в Пушкинскую.

* С 1 октября 1931 г. Наркомпрос РСФСР открывает четыре новых университета: в Иркутске, Владивостоке, Перми и Нижнем.

* Общество Эсперантистов-пролетариев и семейно-поселенческое просветительное и организационно-производственное товарищество «Новая эра» (ул. Воровского, д. 52) организуют лекцию на тему «Язык международного общения». Докладчик — Семен Александрович. Тезисы:

1. Эсперанто — не искусственный язык.
2. Эсперанто — не мертвый язык.
3. Эсперанто — не механический язык.
4. Эсперанто — не трудный язык.
5. Эсперанто — не дорогой язык.
6. Эсперанто — не бесполезный язык.

Приглашаются товарищи: Мейерхольд, Ф. Кон, Луначарский, Шагинян, Мандельштам, Асеев, Киршон, Безыменский, Бабель, И. Нивер, Сельвинский, Ю. Олеша, Леонов, Антокольский, Зенкевич, Селиванов, Эмбер, Коренев.

Начало в 19 ч.

**

— 5 августа — 19 ч. — в клубе ФОСП состоится первое занятие критической бригады ЛОКАФ. Тема: «Красная армия исторического периода и художественная литература». Выступают тт.: Зубковский, Рахлин, Хейфец, Альтерман, Полянский, Петербоев, Гетцер, Марта, Крепленкова и Голованова, лица которых обязательно. Приглашаются и другие товарищи-локафовцы.

— 5 августа — 18 ч. — заочное знакомство «Литературной газеты» с «Серп и молот». Литературная с Коммунарский и др. читают очерки о заводе.

— 6 августа — 19 ч. в клубе ФОСП — московская творческая группа РАПП «Кузница» и массовый сектор журнала «Пролетарский литератор» устраивают доклад «О работе группы и журнала по художественному показу героев пятилетки». Вход свободный.

календарь работы клуба фосп

7 августа в клубе ФОСП им. М. Горького (кусковский) кинопросмотр новой фильмы. Начало в 21 ч.

8 августа в клубе ФОСП им. М. Горького (ул. Воровского, д. 52) организуется диспут на тему «Закат лиро-эпического жанра». Докладчик — Семен Александр.

Тезисы:

1. Литературный спор вокруг «Багницкого». Асеева, Уманова, Гиковского, Инбер.
2. Леди Макбет и конец эпохи.
3. Разоблачение Тихонова как стихотворца.
4. Оруженосцы идей.
5. Тринадцать опасностей.
6. Общие выводы.

Приглашаются товарищи: Мейерхольд, Ф. Кон, Луначарский, Шагинян, Мандельштам, Асеев, Киршон, Безыменский, Бабель, И. Нивер, Сельвинский, Ю. Олеша, Леонов, Антокольский, Зенкевич, Селиванов, Эмбер, Коренев.

Начало в 19 ч.

— 5 августа — 19 ч. — в клубе ФОСП состоится первое занятие критической бригады ЛОКАФ. Тема: «Красная армия исторического периода и художественная литература». Выступают тт.: Зубковский, Рахлин, Хейфец, Альтерман, Полянский, Петербоев, Гетцер, Марта, Крепленкова и Голованова, лица которых обязательно. Приглашаются и другие товарищи-локафовцы.

— 5 августа — 18 ч. — заочное знакомство «Литературной газеты» с «Серп и молот». Литературная с Коммунарский и др. читают очерки о заводе.

— 6 августа — 19 ч. в клубе ФОСП — московская творческая группа РАПП «Кузница» и массовый сектор журнала «Пролетарский литератор» устраивают доклад «О работе группы и журнала по художественному показу героев пятилетки». Вход свободный.

среди книг

на необитаемом острове

Н. ПРОТВА — «Где сходятся берега». Повесть. ГИХЛ. 1931 г. Стр. 147. Ц. 1 р. 50 коп.

В повести «Где сходятся берега» автор показывает работу сезонников-строителей в Ленинграде и жизнь колхоза в селе Кекеневе. В то время, как кекенеры работают на стройке текстильной фабрики, в их колхозе кулака Ноха выбирают председателем. Он вместе с двумя другими кулаками прибирает колхоз к рукам. Кекенеры, по возвращении домой, ликвидируют кулацкий колхоз, организуя новый.

Автор взял интересную тему, но плохо справился с материалом. Живо описывая работу бетонщиков в Ленинграде, он дает ее **оторвано от социалистического строительства в целом.** На стройке громадной текстильной фабрики как-будто не существует никаких организаций. Партия, по существу, не руководит работой кекенеров: о фабзавуче только упоминается, о комсомольской ячейке совсем нет ничего, хотя автор показывает деловых Иорку, секретаря комсомольской ячейки, которая говорит о «мировом масштабе»: «трахнем, и дошлов»! А действительно ли она работает так активно, как разговаривает, мы по тиким.

Так схематично, вне социалистического строительства и борьбы за него, автор показывает кекенеров. Может быть в селе Кекеневе мы найдем классовую борьбу? Нет, и здесь все тихо, спокойно. Кулак Нох эксплоатирует колхозников. Об этом знают «сознательные строители», но ничего до своего приезда не предпринимают, ни у кого не просят помощи. Есть ли в селе Кекеневе совет? Может быть, но о нем в повести — ни слова, как и о школе. Неинтересны колхозники живут словно на необитаемом острове: надеются они только на строителей — своих земляков — и дело с концом.

Автором довольно удачно изображен кулак Нох, про которого говорят: «у Ноха сыплется глаз, как горох». Нох жаден так же, как и хитер. Но изображая его на протяжении всей повести чрезвычайно хитрым, автор заставляет его в конце составить списек раздела урожая, по которому Нох и его два компаньона-кулака получают три четверти всего урожая. Это шито белыми нитками и просто неправдоподобно.

Таковы слишком ценность произведения значительно снижена. Автор не показал, как выковывается сознательность сезонника под влиянием пролетарского ядра на стройке, а он должен был это показать. Отделив строителей и колхозников высокой стеной от окружающей их жизни и борьбы, автор не избежал многих промахов.

НИКОЛАЙ КОЧЕТКОВ
Кружок рабочей критики «Рост»

поэзия об угле

ШАХТЕР П. — «Тревога». Стихи. М. «Недра», 1931 г., стр. 30. Ц. 25 к. (Всесоюзное об-во пролетарских писателей «Кузница»). Тир. 5.000.

Тематика стихов Шахтера великом указала с сегодняшним днем и его боевыми задачами: ликвидацией прорыва — «Тревога», ударными бригадами — «Ударные дни», борьбой за промфинплан и др. Но поверхностная разработка и наличие огромного количества общих штампованных революционных фраз по поводу социалистического строительства затушевывают политический смысл этих задач. Характерный для поэтов «Кузницы», этапа военного коммунизма, отвлеченный пафос своеобразно реставрирован Шахтером на материале реконструктивного периода. Косность, обезличенность, отвлеченность характеризуют стихи Шахтера. Масса представителя фронтом, производство показано как узкий фронт:

Шахта видит нас быстро
Сотнями смелых вонь,

Все, как один, на приступ,
Фронтом на фронт угловой.

Характерна поверхностная разработка темы. Задачи строительства разрешаются промыслом метафорическим фразеологии. Летун Шахтером представлен корпусом - вредителем, шкодством. Все шахтеры у поэта:

Рождены и скованы металлом
И вскормлены железным молоком.

Трудности строительства кончаются легкостью победы, легкостью перспективы.

Гнилые корни трестинга
Мы вырвем без напейной дрожи.
Стальной удар,
Стальной кулак
Переплелись под шум колес —
Сегодня выбросим
Мы под откос.

Указанные выше недостатки снижают ценность стихов Шахтера, но боевые мирные, горящие песни, угольные частушки могут быть полезны для массового читателя.

Г.

письмо из харькова

от нашего корреспондента

Харьковская организация ЛОКАФ энергично готовится к антиимпериалистическому дню.

Недавно переизбранный секретариат харьковского ЛОКАФ развернул оживленную работу, особенно в части обслуживания военных лагерей, куда были направлены специальные бригады писателей. Бригады ведут в порядке соревнования, культобслуживание красноармейского состава. Принимая по утрам участие в общем военном учебе, отдельные писатели к вечеру уже читают чернового своих очерков красноармейскому составу. Помимо такой «моментально»-фотографической работы бригады изучали и быт красноармейцев.

Харьковский ЛОКАФ боевыми темпами готовит материал для развернутого показа ударников Красной армии, то по части показа ударников социалистической промышленности переживания советским и текстильным журналами. До сих пор почти ничего не сделано. Непростительно мало места уделяет этому вопросу и украинская «Литературная газета», а если и касается его, то вскользь, с неизвинительной вялостью.

А. Л.

нам пишут

Призыв ударников в литературу в Омском АПП проходит слабо. На крупнейших предприятиях Сибсельмаша и тракторного литкружков не работают. В городской газете и заводских многотиражках ОмАПП не участвует, несмотря на то, что редакции уделяют специальное место для литературы. Помещения АПП из среды рабочих-ударников нет. Руководство со стороны СибАПП—бумажное.

Д. ВЕРХОТИН

**

В Перми АПП в поход за художественный показ героев пятилетки не включилось. Работа АПП отлично меняет районная газета. Ответственный редактор «Звезды» т. Кулин считает не нужным помещать в газете очерки о героях.

В Перми ведь нет рабочих, пятнадцатых пролетариев Ленина. Кто же описывать? — спрашивает он.— Работу хороших ударных бригад газета освещает почти каждый день.

Организация сотрудников газеты в АПП характеризует «внутри» зам. редактора «Звезды» т. Назаровский:

— Никаких рапидов я не знаю, производство литературу тоже. Я французские книжечки читаю.

П. ИГОЛКИН

**

Литгруппа ленинградского медицинтуза им. Семашко, организованная семь лет назад, начатие размыла.

Зам. председателя газеты медицинтуза тов. Марьянов материал литгруппы в газете не помещает. Он организовался писателями своего института. Со стороны комсомольских и профессиональных организаций отсутствует какое бы то ни было внимание. В среде самой литгруппы слышатся очень упаднические настроения. «Литкружки калтушивают талантливых единиц, ведущих ударников в литературу гибкое дело» и т. п.

А. З—В

**

О работой по притыку ударников в литературу литгруппа АПП не справилась. В заводских кружках наблюдается большая текучесть. Руководители кружков к занятиям совершенно не готовятся и поэтому занятия часто срываются. Ударники, привлеченные в литкружки, уходят на кружок, не желая тратить бесполезно время.

Со стороны УралАПП никакого руководства нет.

У—К

**

КрымАПП не отказывалась на обращение РАПП о художественном показе героев социалистического труда. Члены КрымАПП, за исключением членов писательской АПП, совершенно не участвуют в периодической печати.

А. ФОРИНЕНКО

**

Литкружок при ст. лагеря Москва-Курская Северной ж. д. не работает из-за отсутствия руководителя. Кружок МАПП на Северной ж. д. не работает вот уже несколько месяцев. Нет контакта с заводскими оборм. Нет книг по библиотеке новых авторов. Из книг по бригадному рукомеслу имеются только: Ильинка, 15, изд-во «Физкультура и туризм».

за чистоту национальной политики в искусстве

о грузинских театрах

Последние годы вокруг грузинских театров ведется ожесточенная дискуссия как в грузинской, так и в русской прессе. Дискуссия особенно обострилась в связи с гастролями театра Марджанова в связи с назначением Всесоюзной театральной олимпиады и театра имени Руставели во время олимпиады.

В «Литературной газете» от 24 ноября 1930 года была помещена статья т. С. Амаглобели «Информация молчанья в Комакадемии», статья, в которой автор отмечал теоретические и политические ошибки т. Глебова по вопросу о национальном искусстве в связи с его докладом в Комакадемии об итогах олимпиады.

В «Вечерней Москве» от 17 января появилась статья тов. Глебова «Притча фальсификации паучки», где тов. Амаглобели обвинялся в фальсификации фактов и политическом оппортунизме на основе его статьи в ЛГ о грузинском театре. Автор статьи опровергал утверждение тов. Амаглобели, что началом грузинского советского театра является постановка Марджанова «Отечий источник» в 1923 году, и относил начало театра к постановке режиссером Ахметели «Бердомания» в 1920 году. Далее указывалось, что тов. Амаглобели умаляет роль и значение революционного театра имени Руставели, во главе с режиссером Ахметели, и поддерживает реакционный театр Марджанова; таким образом, искажая факты, одновременно является выразителем право-«левацкого» блока и т. д.

В «На литературном посту» № 6 была напечатана статья тов. Амаглобели «Язык фактов», в которой автор опровергал обвинения тов. Глебова и утверждал, что оба театра (и театр имени Руставели, и театр Марджанова) являются попутническими, что в театре имени Руставели имеется национальный демократический уклон, а театр Марджанова еще не освободился от буржуазных влияний. Последствием этих ошибок явилось ошибочное окружение этих театров и их репертуарная линия в условиях Грузии дает возможность считать театр Марджанова левацко-попутническим, а театр имени Руставели — попутническим. Там же было напечатано следующее постановление бюро ячейки ВКП(б) ГАИС:

«Обвинения в фальсификации фактов в политическом оппортунизме, выдвинутые тов. Глебовым против тов. Амаглобели, опровергнуты фактами. Статья тов. Глебова таким образом носит безответственный характер и политически ошибочна, так как об'ективно поддерживает грузинских националистов».

В «Заре Востока» от 12 мая напечатана статья заведующего ИК КП(б) Грузии тов. Ведия, который утверждает, что тов. Амаглобели ввел в заблуждение редакцию журнала «На литературном посту» и бюро ячейки ВКП(б) ГАИС, что утверждение тов. Амаглобели о наличии национал-демократического уклона в театре имени Руставели не соответствует действительности, что театр имени Руставели «вместо стал на путь подлинно советского театра, ...театр пытается в своем творчестве диалектически соединить коллективное и индивидуальное». Вместе с тем указывается, что Второй, академический государственный театр, которым руководит тов. Марджанишвили, ныне что является театром эстетики, внеклассовым. Далее автор утверждает, что бюро ячейки ВКП(б) ГАИС на основе односторонней информации Амаглобели «...дает совершенно ложную оценку одному из лучших советских театров Грузии, театру имени Руставели. Тот пункт постановления ячейки ВКП(б) ГАИС который трактует о том, что якобы положительная оценка деятельности театра имени Руставели об'ективно поддерживает грузинских националистов, основана на односторонней информации и ошибочна».

В газете «Молодой рабочий» (Тифлис) от 26 мая появилась отретная статья тов. К. Горделадзе, заместителя заведующего культотдела Закавказского ВКП(б), полностью признавшая правильность постановления ячейки ВКП(б) ГАИС, анализирующая теоретические высказывания режиссера Ахметели и постановки театра имени Руставели, утверждающая, что имеются налицо «крупные национал-шовинизма и непримиримее Ер. Бедия. Автор считает оба театра попутническими и указывает, что тов. Бедия, перечисляя ряд действительно неудачных постановок театра Марджанова, забывает о революционных постановках этого театра.

В «Заре Востока» от 29 апреля впервые появилась статья тов. Бедия, направленная против утверждения тов. Горделадзе и Амаглобели и отстаивающая его персональные высказывания. В той же газете от 4 июля была помещена ответная статья тов. Горделадзе, локализующая искусственное партийной политики в области театра со стороны Бедия. Этой статьей редакция закрыла дискуссию (статьи тт. Бедия и Горделадзе одновременно печатались в русских и грузинских газетах Тифлиса и имели свой отклик даже в районной прессе).

В связи с развернувшейся дискуссией в редакцию «Литературной газеты» поступило постановление бюро ячейки ВКП(б) ГАИС, где говорится (резолюцию приводим в извлечениях):

«1. Утверждение тов. Бедия, будто бюро ячейки ВКП(б) ГАИС было введено в заблуждение со стороны тов. Амаглобели односторонней информацией, не соответствует действительности. В бюро были представлены исчерпывающий материал, полностью характеризующий содержание разногласий по вопросу о театрах Грузии,—статья тов. Глебова, Буачидзе, стенограммы выступлений режиссера Ахметели. Кроме того, поступила информация от Глебова и от Мачабели (администратор театра им. Руставели), говорившего от имени Ахметели. В бюро было представлено отношение Центрального Грузии об аннулировании мандата тов. Амаглобели.

3. Бюро придает большое общественно-политическое значение, всесторонней дискуссии для разрешения основных проблем национального культурного строительства и считает своим долгом обратиться с просьбой к культсекту ЦК КП(б) Грузии устроить в институте марксизма-ленинизма (Тифлис) и в ГрузАПП дискуссию с привлечением заинтересованных учреждений и разрешению указанных проблем—Комакадемии, ГАИС, ВАПП — для марксистско-ленинского анализа постановленных проблем на основе материала грузинских театров и всестороннего теоретически и политически верных положений, которые вскажают партийную политику в области искусства».

В редакцию поступили постановления театсекции Института ЛИЯ Комакадемии и сектора театроведения Государственной академии искусствознания, которые присоединяются к постановлению бюро ячейки ВКП(б) ГАИС о целесообразности проведения широкой дискуссии в Тифлисе и отмечают готовность принять участие в ней присылкой специальных бригад.

Редакция «Литературной газеты», не входя по существу в обсуждение вопросов, затронутых в дискуссии, по предложенной названной дискуссии, в центре которой стоят основные проблемы национальной политики в области искусства, большое политическое значение, присоединяется к предложению провести по этому вопросу широкую дискуссию, ходу и итогом которой редакция предоставит место на страницах «Литературной газеты».

новинки

— 6 августа — 19 ч. в Доме печати состоится общественный суд над пьесой секции малых форм т. Бехтер — по поручению в литературных поступках. Председатель общественного суда — поэт И. Молодцов.

— 6 августа — в помещении МАПП (Тверская, 53) — совещание президиума правления МАПП. 1) доклад о работе журнала «Рост». 2) план работы газеты «Ударник литературы».

— 8 августа — 17 ч. — состоится расширенное заседание центральной литературно-творческой группы бумажников и печатников в 7-й типографии «Красное знамя» (Арбат, Сивцевский п., 13, трамвая: А, Б, 18, 17, 24 и др.) совместно с литературжком типографии и литударниками-бумажниками и печатниками.

— 8 августа — 17 ч. — в доме Герцена состоится заседание горкома писателей совместно с активом Дома членов горкома общественно. Председатель-орган активисты горкома и литгруппа.

**

В № 41 «Л. Г.» в отчете «Братские отряды пролетарского искусства обрадуют единый фронт» ошибочно указано, что в качестве представителя АРРК на вечере пролетарского искусства в Комакадемии выступал Д. Кузенков. В действительности АРРК представлял на вечере т. А. М. РООМ.

**

Издательство «Физкультура и туризм», подготовляя издание сборника «Практическая культура и современный художественной литературе (из серии «Пролетарский литератор») ставит доклад «О работе группы и журнала по художественному показу героев пятилетки». Ввод свободный.

**

Ответственный редактор: С. ДИНАМОВ

РЕДКОЛЛЕГИЯ: Н. Асеев, С. Динамов, И. Жига, Л. Ильинский, И. Катаев, Г. Коренев, Н. Огнев, А. Селиванавский, И. Сельвинский, М. Слонимский

ИЗДАТЕЛЬ:

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

орган федерации объединений советских писателей ссср

москва 10 августа 1931 г. № 43 (142)

РЕДАКЦИЯ:
Москва, Тверской б. 25, Дом Герцена. Телефон 2-80-12.

ИЗДАТЕЛЬСТВО:
Акц. о-во «Огонек»; Москва, б. Страстной б. 11. Телефон 5-5169.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА:
На 12 м. 3 р. 50 коп.
На 6 м. 1 р. 75 к.
На 3 м. — р. 90 к.

НОВАЯ ОБСТАНОВКА и НАШИ ЗАДАЧИ

Советская писательская общественность находится к концу третьего года пятилетки перед усложненными задачами. Классовые сдвиги в стране нашли специфическое выражение в литературе, привели к перегруппировке и новой расстановке сил в ней, что позволяет развернуть успешную борьбу за преодоление отставания литературы от практики социалистического строительства, то-есть за создание большого искусства большевизма.

Формула «Большое искусство большевизма» взострена как против тех, кто не понимает и не принимает большевистского существа искусства начального периода социализма, так и против тех, кто пытается сузить и принизить задачи искусства, кто выступает в роли ликвидатора искусства вообще. Огромные возможности, которые открываются перед искусством и литературой в период социализма, оказываются доступными лишь для тех писательских групп, которые всерьез перестраиваются на новом этапе социалистической революции, которые умеют видеть новое в мире, осмыслить это новое и бороться за него.

Но требование писательской перестройки, даже освобожденное от его вульгаризаторских толкований, кое-кому кажется до сих пор примитивным, механически привнесенным в литературу «со стороны». Однако формула перестройки означает, прежде всего, формулу сохранения в литературе данной писательской группы, данного писателя. Ибо вне органической связи с социалистической революцией и вне диалектико-материалистического мировоззрения сейчас невозможно подлинное, живущее и развивающееся искусство. Мы были за последние годы свидетелями распада и кризиса ряда попутнических группировок, творческого оскудения одних из них, болезненных шатаний других. Эти процессы отнюдь не были выражением какого-либо «кризиса» всей советской литературы. Они знаменовали лишь процессы происходящей перегруппировки сил, начавшейся перестройки одного фланга попутнической литературы, растерянности и колебания на другом фланге. То попутнические группы, которые не рвали связей с идейно-художественно скудеющей, но живучей и активно сопротивляющейся буржуазной агентурой в литературе, либо отождествлялись на позициях «нейтральности», были поставлены в годы пятилетки перед необходимостью решительного выбора между классами, перед необходимостью идейно-творческого перевооружения.

Основные кадры попутнических писателей совершили решительный поворот в сторону рабочего класса, строящего социализм. Дискуссия, развернувшаяся в ленинградском отделе ВССП, явилась одним из доказательств укрепления союзнического отряда. Такие произведения, как «Сеть» и «Саранчуки» Леонова, «Гидроцентраль» М. Шагинян, «Ночевники» Тихонова, «Фома Клешнев» Слонимского и т. д. (примеры могут быть умножены) уже никак не могут быть отнесены к литературе попутнической, — они входят в литературу союзническую, они показывают возможность общественно-творческой переделки значительного количества кадров прежнего попутничества и превращения их в резерв литературы пролетарской. Однако, было бы неправильно упускать из вида различие в темпах перестройки, своеобразных тем или иным отрядам старого попутничества, наличие в частности последнего непреодоленных колебаний и явно реакционных тенденций, смыкающихся с буржуазной идеологией, а также те дополнительные трудности перестройки, которые возникают перед попутнической писательской интеллигенцией по сравнению с условиями перестройки кадров технической интеллигенции. Задача заключается в том, чтобы понять особые запросы и трудности, встающие перед данной попутнически-союзнической группой, чтобы уметь бороться за каждого писателя-попутчика, помогая ему преодолевать еще неизжитые колебания, связывая его с практикой социалистического строительства и одновременно со всей решительностью, без каких-либо компромиссов вскрывая реакционные тенденции в конкретных звеньях попутнической литературы, влияния на последнюю буржуазной идеологии.

Укрепление союзнического отряда в литературе происходит в условиях роста пролетарского литературного движения, его успешной борьбы за гегемонию. Важнейшими фактами 1930—1931 годов являются вскрытие и разоблачение корней различных влияний и теорий, отражавшихся в теоретической практике и враждебных пролетарской литературе (воронщина, перевальщина, пистфронтовщина), и призыв рабочих-ударников. Рабочий-ударник уже сейчас является центральной фигурой пролетарского литературного движения. Поднятие идейно-художественного уровня творчества рабочих-ударников служит основной предпосылкой преодоления отставания пролетарской литературы от жизни. Но призыв, проведенный в прошлом году и закрепляемый в нынешнем, отнюдь не завершает, а открывает период бурного притока в литературу новых кадров писателей из недр пролетариата и колхозного крестьянства. Рождается новая литературная среда. Формируется новый тип писателя.

Сказанным определяются и задачи «Литературной газеты». Являясь органом Федерации об'единений советских писателей и выступая в качестве коллективного организатора литературных процессов, «Литературная газета» обязана перестроиться в связи с новыми задачами, встающими перед нею. Боевая программа хозяйственных действий, изложенная в речи тов. Сталина на совещании хозяйственников, имеет самое прямое и непосредственное отношение к литературной действительности. Она должна быть обсуждена во всех звеньях советской литературной общественности, во всех писательских организациях (чего до сих пор не сделано). Мы обязаны научиться работать по-новому.

Какие выводы делаем мы для себя из речи тов. Сталина? За последнее время у нас было очень много разговоров «около» литературы, и очень мало по существу ее. У нас, к примеру, написано немало статей о необходимости перестройки писательской работы, но дано очень мало конкретного раскрытия этой формулы на творческом материале. У нас усиленно раздувались отвлеченные вопросы методологии, но было очень мало конкретной критики. У нас живая принципиальная полемика, без которой немыслимо развитие литературы, имей раз подменялась мелкой и мало принципиальной перебранкой. У нас до сих пор очень мало внимания уделяется творческой продукции рабочих-ударников, несмотря на то, что ликвидирующее по поводу призыва — огромное количество. Навыки расхлябанности, безответственности, обезлички, заседательской суетни, администрирования вместо идейно-воспитательной работы не изжиты еще из практики литературной общественности.

Все это находило свое отражение в «Литературной газете». Правда, за последнее время мы можем отметить некоторые сдвиги в ее работе (увеличение конкретно-критического материала, начало оперативной работы и пр.). Однако эти сдвиги совершенно недостаточны. Вопросы литературы (а не окололитературные вопросы) должны определять лицо газеты. Проводя линию партии в литературе и литературно-политическую линию ФОСП, «Литературная газета» должна быть вместе с тем на основе этого трибуной творческой дискуссии, передающей массам творческий опыт писательских групп и ставящей творческие дискуссионные вопросы под углом зрения борьбы за диалектико-материалистически творческий метод. Борясь с тенденциями идейной обезлички и уравниловки, газета обязана взять то особое, что отличает одного писателя от другого, одну писательскую группу от другой, и в частности помочь идейно-творческому размежеванию попутнически-союзнической литературы преодолевая навыки литературной семейщины, она должна связывать работу писателя с огромной работой по социалистической стройке, происходящей в стране. На ее страницах должны встречаться писатель и читатель, писатель и критик, писатель и издатель, квалифицированный писатель, как и рабочий кружковец. Газета должна стать на деле всероссийским органом (а не только московско-ленинградским, каким она является до сих пор) и органом интернациональным. Она обязана найти конкретные линии соприкосновения с работой в смежных областях искусств. Она должна внести больше оперативности и планомерности во всю свою работу.

Организатор, а не регистратор, борец за линию партии в вопросах литературы, а не парламент литературно-политических мнений (каким она была в первый период своего существования), орудие закрепления тесного союза пролетарской, пролетарско-колхозной и союзнической литературы, орудие борьбы с буржуазной агентурой в литературе, с маскировкой классового врага, с приспособленчеством, со всякой халтурой (а в особенности — с наиболее вредной разновидностью ее, — «красной»), — такой мы мыслим себе «Литературную газету» в свете тех задач, которые стоят перед всей советской литературой.

СОЗДАНИЕ „ИСТОРИИ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ"

ДЕЛО МАСС, ДЕЛО УЧАСТНИКОВ ЭТОЙ ВОЙНЫ, ДЕЛО ВСЕЙ СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ОБРАЩЕНИЕ СЕКРЕТАРИАТА ФОСП

КО ВСЕМ СОВЕТСКИМ ПИСАТЕЛЯМ И ПРИЗЫВНИКАМ В ЛИТЕРАТУРУ

По предложению Максима Горького ЦК нашей партии принял решение об издании «Истории гражданской войны».

Величайшая, самая героическая из всех освободительных войн, какие были в истории человечества,— гражданская война 1917—1920 гг. должна быть запечатлена во всей полноте.

К этому делу привлекаются и писатели. Многие из них были непосредственными участниками или свидетелями событий гражданской войны. Художественно воспроизведение виденного должно стать делом многих из них.

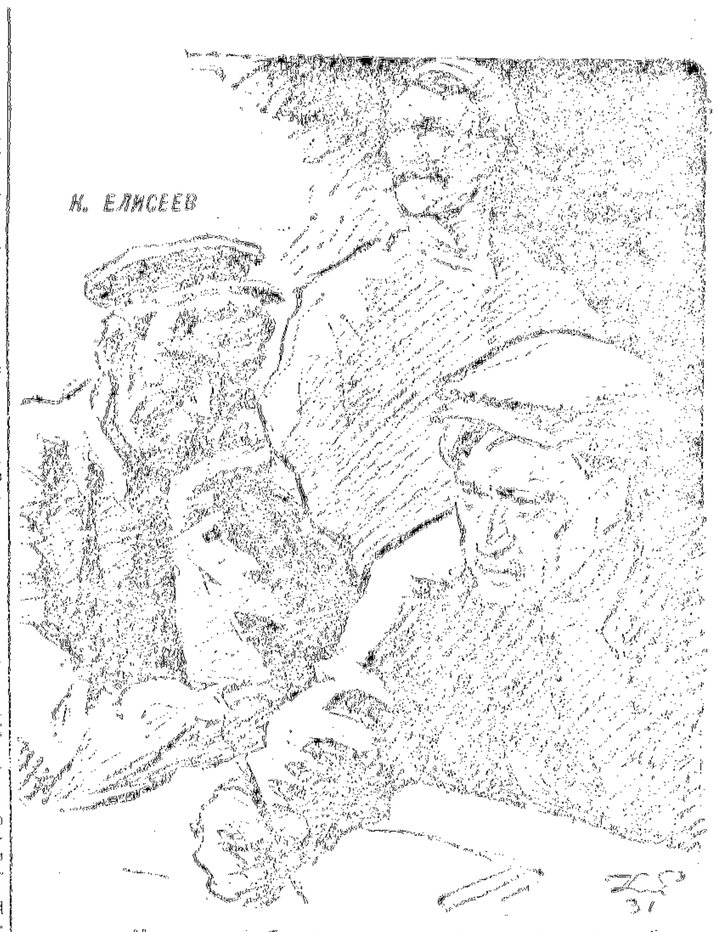
Но и не только это. Каждый из нас знает живых героев гражданской войны. Это поколение уходит, а вместе с ним погибают для истории ценнейшие страницы незаписанных воспоминаний.

Здесь для советских писателей и призывников в литературу открывается широкое поле деятельности. Записать и художественно проработать для массового читателя огромный, далеко еще недостаточно использованный материал героической эпохи завоевания власти пролетариатом нашей страны—задача исторической важности.

Собирание живых воспоминаний, хранящихся в массах рядовых героев гражданской войны, воссоздание в художественных образах картины гигантской борьбы трудящихся за право жить и строить новый мир социализма—должно стать делом всех нас, а художников слова—в первую очередь.

Советские писатели и призывники в литературу должны всячески поддержать инициативу Алексея Максимовича. Федерация объединений советских писателей призывает всех членов литературных организаций и литературных кружков принять деятельное участие в работе по созданию великой «Истории гражданской войны».

СЕКРЕТАРИАТ ФОСП



К. ЕЛИСЕЕВ

„Нужно, чтобы все люди, которые помнят события тех лет, те, которые создавали события, записывали и присылали в редакцию „Истории" свои записки".

М. ГОРЬКИЙ

МОСКОВСКИЕ ПИСАТЕЛИ ВКЛЮЧАЮТСЯ В РАБОТУ

Вопрос об участии писательства в создании партийными силами по инициативе М. Горького и плане художественной «Истории гражданской войны» обсуждался на последнем заседании секретариата ФОСП.

Секретариатом ФОСП образована единая творческая коллегия главной художественной и публицистической редакции «Истории гражданской войны». В коллегию вошли: Л. Дегтярев (гред), А. Селивановский, А. Тарасов-Родионов, Н. Огнев и А. Зуев, которым поручено связаться с М. Горьким и совместно с ним выработать конкретные формы помощи писателей ЛАПП в работе по изданию «Истории гражданской войны».

Секретариат ФОСП поставил рекомендовать литературным организациям —РАПП, ФОСП и ЛОКАФ- обратиться к низовым литераторам с предложением организовать силами кружковцев запись воспоминаний участников гражданской войны.

Совместно с общественными организациями предприятий, московские кружки проведут ряд массовых мероприятий, в частности: общие собрания рабочих, посвященные директиве ЦК ВКП(б), созванию в печати, ряд вечеров-воспоминаний участников гражданской войны и обсуждение готовых материалов.

Президиум МАПП постановил также провести, по примеру Ленинграда, призыв ударников-партизан и участников гражданской войны в ряды пролетарских писателей.

Всем творческим группам МАПП предложено в ближайшие дни представить план работы.

В резолюции, принятой на последнем заседании президиумом МАПП, подчеркивается необходимость проведения этой кампании в связи с задачами обороны страны.

Помимо обращения ко всем писателям, лекафовцам и кружковцам ЛОКАФ, ВОАПП и ВОПШ, опубликованного в последнем номере «Л. Г.», Центральный совет ЛОКАФ разослал специальные письма всем отделам ЛОКАФ на местах. ЦС ЛОКАФ предложил им через лекафовские литкружки и отдельных писателей принять участие в изучении истории отдельных красноармейских частей и воспоминаний участников гражданской войны, в первую очередь—ударно-мичманцев, бывших красногвардейцев и партизан.

По окончании лагерного сбора, во время которого вся работа красноармейских литкружков посвящается вопросам учебы, творческая работа всех кружков ЛОКАФ будет перестроена в помощь созданию художественной «Истории гражданской войны».

ЛЕНИНГРАД ПРИСТУПАЕТ К „ЗАГОТОВКАМ"

ЛЕНИНГРАД, 8. (наш. корр.). Как мы уже сообщали, постановление ЦК ВКП(б) об издании «Истории гражданской войны» встретило живой отклик на ленинградских фабриках и заводах, и особенно—среди активных участников гражданской войны.

В ленинградские издательства в последние дни уже явился ряд бывших красных партизан и красногвардейцев с предложением представить свои мемуары и воспоминания о гражданской войне. В связи с этим ЛевГИХЛ и «Молодая гвардия» предлагают приступить к предварительному изданию своего рода литературных «заготовок» для будущей «Истории». Чрезвычайно интересно решение «Молодой гвардии» об издании цикла очерков о ленинградских авторов «Истории»—рабочих и колхозников.

В литературных организациях сейчас разрабатывается план участия всей массы писательства в реализации постановления ЦК ВКП(б). Первую с начальным участников гражданской войны и красных партизан в литературу писатели очевидно будут проводить ЛАПП и ЛенЛитЛОКАФ: уже в ближайшее время ЛенЛитЛОКАФ вместе с Ленинградским отделом «Литературной газеты» и «Красной газетой» проведет массовые литературные вечера на предприятиях для популяризации постановления ЦК партии. На вечерах отчитываются выступления участников гражданских войн с воспоминаниями. Эти выступления будут стенографироваться.

ПУСТЬ ОППОРТУНИСТЫ ОТОЙДУТ ОТ МИКРОФОНА!

РАДИОЦЕНТР ПРИТВОРЯЕТСЯ ГЛУХИМ

РАДИО-ИСКУССТВО ДОЛЖНО СТАТЬ ПРОЛЕТАРСКИМ

ФРАКЦИЯ ВКП(б) СЕКРЕТАРИАТА РАПП ТРЕБУЕТ ОЗДОРОВЛЕНИЯ РАДИОЦЕНТРА

Коммунистическая фракция секретариата РАПП заслушала недавно доклад т. Зайцева о работе группы радиовещ в Радиоцентре.

Обильный фактический материал, представленный тов. Зайцевым и проиллюстрированный большим количеством примеров, еще раз подтвердил оскорбительность того беспокойства, которое советская общественность и печать уже давно проявляет в отношении нашего радиовещания.

Оценка выступлений «Правды», «Литературной газеты» и газеты «За коммунистическое просвещение», сигнализировавших в свое время о безответственности, халтуре, бюрократизме во всесоюзном центре советского радиовещания, не нашли до сих пор никакого отзвука в недочетных недрах Радиоуправления НКПиТ.

Руководители Радиоцентра, окружив себя людьми, не нашедшими себе применения в других областях искусства, а частью попросту изгнанных отсюда — до сих пор продолжают отмалчиваться, наличия тревожные сигналы советской печати «собственным глазом».

Факты, приведенные в докладе т. Зайцева на заседании рапповской фракции ВКП(б), дают законченно представление о широком оппортунизме, расцветшем на благодатной почве Радиоцентра и приводящем к тому, что, с одной стороны, по справедливому указанию тов. Зайцева «Радиоцентру не верит сейчас ни один радиослушатель», ибо его сетки и эфиры с расписанием передач никогда не соответствуют действительности, а с другой стороны, Радиоцентр «угощает» пролетарского радиослушателя такого рода передачами, которые раз навсегда отбивают у него интерес к радио.

* * *

Группа рапповцев, работающих в художественном радиовещании, из года в год упрямо и настойчиво борется с враждебными пролетарскому искусству влияниями, идеологи которых—Лавлинев, Юдин, Лапицкий—пользуются всемерной поддержкой нынешнего руководства Радиоцентра.

В свойственной Радиоцентру атмосфере полнейшего зажима самокритики, эта группа рапповцев, борющаяся за пролетарское радиоискусство, стала бельмом в глазу вдохновителей ожесточенной травли, зачастую осуществляемой путем прямого административного разгрома.

В перекликающемся за докладом т. Зайцева обмене мнений, на фракции секретариата РАПП, работавшие в Радиоцентре тт. Перельман и Титов, как и представитель оргкомиссии Радиокомитета т. Фадеев, дополнили картину серьезного разложения аппарата Радиоцентра. Б. Кирпон отметил ряд ошибок, допущенных рапповцами в их работе в Радиоцентре при правильном проведении ими основной политической линии, и указал на необходимость для лучшего отпора пролетарского искусства РАПП добиться разгрома того блока откровенно-оппортунистических, а нередко и классово-враждебных элементов в Радиоцентре, которые, зачастую идейно перекликаясь с бывшим «Лигфронтом», на деле тормозят развитие пролетарского радиоискусства.

В результате обмена мнений фракция ВКП(б) секретариата РАПП одобрила в основном линию группы членов РАПП, работающих в Радиоцентре и поставила выработать развернутый документ, характеризующий оппортунизм нынешнего руководства Радиоцентра и указывающий на ряд прорывов в радиопромышленности (на эти прорывы в частности указывал в прениях т. Сутырин).

РАДИОИСКУССТВО—МИТИНГ МИЛЛИОНОВ

НА ДОКЛАДЕ И. ДУКОРА В КЛУБЕ ФОСП

Только читая сотни и тысячи писем, получаемых радиоцентром от безымянных критиков, начинаешь понимать — какой резонанс имеет наша передача.

Это подлинный «митинг миллионов», где каждое слово «оратора» имеет огромнейшее значение.

Критика вокруг вопросов радио-искусства только развертывается. Работа т. И. Дукора тем и ценна, что является одной из первых попыток такой критики. Вопрос о творческом методе т. Дукор развернул на конкретной критике двух творческих документов радио: «Новости Берлина» Э. Толлера, и постановку Калиева и «Днепрельстан», радиофильмы А. Афиногенова, в постановке Волконского.

В чем специфика произведения Э. Толлера?

Автор — экспрессионист. Он ставит себе задачей — дать на показе Берлина весь комплекс классовых противоречий в Германии. Разрешить эту задачу Толлеру не удалось. За изображением отдельных «горьких» снов (отравление безработного, убийство боксера, покончил на кельнер и т. д.) он не обнаружил главной пружины — разоблачения классовой борьбы. Вот почему его вещь состоит из отдельных не разрешенных диалектических положений. Несмотря на свою кажущуюся революционность «Новости Берлина» не указывают выхода из тупика современного капиталистического общества, не мобилизуют массы, а наоборот, — ведут по пути инерции и бездействия.

Противоположна этой постановке по своему значению и методу радиофильма А. Афиногенова.

Несмотря на недостатки, некоторый схематизм и плакатность — «Днепрельстан» — первый серьезный документ, свидетельствующий о том, что эфир становится проводником пролетарской идеологии.

В чем победа А. Афиногенова?

Автор сумел на примере постройки Днепровской плотины вскрыть и показать во всей конкретности борьбу и победу пролетариата. Ему удалось дать реальное соотношение классовых сил, дифференцировать массу, показать отдельные образы строителей. Отсюда и разрешение автором одной из центральных проблем радиоискусства — проблемы ведущего. Его ведущий это — дифференцированная, действенная масса.—Режиссер Волконский пошел за текстом и сделал из трех компонентов передачи (слово—музыка—шум) акцент на первом из них.

«Днепрельстан» А. Афиногенова — та веха, которая указывает путь для работы на радио-фронте. Фронт этот, как отметил выступавший в прениях тов. Зайцев, еще далеко не завоеван и не очищен. Трудности здесь огромны. РАПП должна перевести методы своей самой работы и в эфир.

Кружки критики «Рост». СКАЗ

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО

ПРОЛЕТПИСАТЕЛЯМ И МУЗЫКАНТАМ

В арсенале культурной революции и всей нашей социалистической стройки имеется мощное орудие организации миллионов — РАДИО.

Использовали ли мы это орудие в достаточной степени?

Об оппортунистических ошибках радиовещания, о том, что «в эфире тревожно» дала свои сигналы НО «Правда». О том же сигнализировал ряд других органов печати (в частности «Литгазета»). Основным пороком радиовещания, несмотря на эти сигналы, до сих пор остается его неумение быть политическим организатором масс. Радио отстает от темпов социалистического строительства, в растущих культурных потребностей трудящихся.

Выправить под руководством партии политическую линию радиовещания, поставить радио по-настоящему на службу нашему грандиозному строительству работники радиовещания смогут лишь при поддержке всей пролетарской общественности.

Рабочие, колхозные, батрацко-бедняцкие, середняцкие массы, от передовых предприятий Ленинграда до самых захолустных, глухих деревень нашей области, требуют от нас показа через радио успехов нашей стройки, требуют, чтобы радио всеми средствами искусства давало массам трудящихся боевую агитку для борьбы за пятилетку.

Этому мы, особенно в части художественного радиовещания, еще не научились. Наши радио-постановки страдают штампом. Они в своем большинстве не дают конкретного показа корней наших трудностей, путей их преодоления, не показывают героев борьбы, не умеют привлекать в эфире оппортунистов всех мастей.

Многие наши радио-постановки подчас страдают голым «культуртрегерством» и нередко линией боевой безличностной деятельности. Пропаганда лучших образцов культурного наследия прошлого не подкреплена грамотным марксистско-обоснованным подходом. Произведения пролетарских композиторов, пользующихся большой популярностью у нашей радиоаудитории, еще не имеют своих исполнителей.

Ставить систематическую пропаганду лучших образцов пролетарской музыки и литературы, «повышать» по радио героев нашей великой стройки, украшать героическими примерами миллионные массы — мы сумеем лишь при активной, непосредственной помощи РАПП и РАПМ.

Много ли пролетарских писателей, композиторов, поэтов работает для радио?

Назовите тех, кто реально, непосредственно помог нам создать пятилетнее, большевистское радио-искусство. Вы таких имен не назовете, ибо организованного участия ассоциаций пролетарских писателей и музыкантов в работе радио еще нет.

Пролетарские писатели, поэты, композиторы пошли на заводы и в колхозы, дали ряд ценных творческих документов о ваших достижениях, о трудностях, о героях пятилетки.

Очередь за тем, чтобы вы организованно пришли в радио.

Пролетарские писатели, поэты и композиторы должны помочь радиовещанию стать острым оружием борьбы за социализм, стать на уровень успехов социалистической стройки.

Мы, ленинградцы, для начала нашего совместной работы предлагаем:

1. Об'явить радиодекаду встречи в эфире наших лучших пролетарских писателей, поэтов и композиторов с радиослушателями.

2. Вместе с ними организовать постоянную передачу — журнала в эфире «Пролетарская литература и искусство».

Будем совместно строить радиовещание — бойца за генеральную линию партии.

РАБОТНИКИ ЛЕНИНГРАДСКОГО РАДИО-ЦЕНТРА:

Колосовский, Б. Кассельман, Зеликсон, Стирмус, Гр. Авлов, М. Гроин, П. Лучев, Котылевский, Ким, Зарянин, Ежинна, Макарова, Смелянский, Н. Крушков, Геллер, Абрамова, Гусинская.

ТЕОДОР ДРАЙЗЕР

ПОЧЕМУ Я СЧИТАЮ, ЧТО „ДЕЙЛИ УОРКЕР" ДОЛЖЕН СУЩЕСТВОВАТЬ

Теодор Драйзер—один из наиболее революционно настроенных попутнических писателей современной Америки. Несмотря на различные колебания, он все же неуклонно приближается к идеологии коммунизма. Давая оценку американской «Рабочей газете», как выразительнице идей коммунистической партии, он воспользовался случаем, чтобы решительнее подчеркнуть свою солидарность с революционным пролетариатом в его борьбе за торжество социализма.

Я отберу вкратце основные политические течения нашей страны, остановлюсь на доктринах, представленных «Дейли уоркер», а укажу, почему я считаю, что те политические взгляды, которые он защищает, являются наиболее правильными и актуальными, поскольку они указывают единственный выход из экономического кризиса современной Америки.

Миллионы рабочих, выброшенных из производства и лишенных в большинстве случаев всякой материальной поддержки, миллионы людей, ведущих жалкое существование на средства друзей и родных, и столько же миллионов американцев всех категорий, жизненный уровень которых абсолютно несовместим с нормальным существованием,—вот те внешние явления, которые каждый может наблюдать в любом городе, в любой местности Америки. Основной причиной этого служит то, что великие державы промышленности заботятся лишь о своих собственных интересах.

Цветы централизации, присвоившей себе огромные прибыли и предоставившей основной массе населения лишь прожиточный минимум, и в большинстве случаев меньше чем нужно для существования,—кучка американцев настолько укрепила свое положение, что в настоящее время контролирует банки, железные дороги, промышленность—одним словом, все, что является основой всей жизни страны в широких масс. И в этом убедился после глубокого и всестороннего изучения экономического положения Америки.

Банки держат все под контролем

Банки и тресты достигли такого могущества, что все выполняют только их требования и указания. Все большинство газет, все информационные агентства и даже правительство находятся в их руках. Эта политическая власть Америки поддерживает этих капиталистических магнатов, у которых только одно желание—обогащаться и получать прибыли, несмотря на на чьи страдания. Это достигается посредством узаконения цен на предметы первой необходимости и широкого общественного пользования. Доказательством могут служить недавние победы телефонных компаний—нью-йоркской адресографической компании, нью-йоркской центральной и др. В настоящее время все железные дороги требуют 15-процентного повышения тарифа. Мне кажется также, что есть наглядные доказательства того, что трасты преследуют свои собственные интересы, когда они по своему произволу рассчитывают рабочих не предоставляя им никакой работы и никакой поддержки, а затем выплачивают огромные дивиденды себе самым и своим акционерам.

ТЕОДОР ДРАЙЗЕР

В нашей стране много раз поднимались проблемы социальных реформ, направленных на улучшение положения. Сорок лет назад движение, охватившее широкие массы, заставило издать шерманский «закон против трестов», для ограничения их роста. Затем в 1920 г. закон о перевозках подорож, якобы, железные дороги принадлежат всему коллективу в регламентации. Но что дали все эти реформы американскому рабочему? Ничего. Крупным трестам с помощью различных комбинаций удалось большей частью эти законы обойти. Железные дороги держат сейчас массы в своих руках крепче, чем в 1920 г. Нейтрализация их еще больше укрепилась. А за собой они ведут крупные отрасли промышленности, многими из которых они владеют и управляют. Также обстоит дело и с электричеством, газом и пр. Реформа оказалась совершенно бессильной для подавления гигантского роста трестов.

Сотни тысяч людей приходят в настоящее время к убеждению, что только путем проведения никаких реформ в Америке, находящейся в руках этих нескольких тысяч богатых людей, что никакие реформы невозможны без коренных перемен самой системы. Судьба всех этих законов и политических движений вроде фермерской лиги в Канзасе, двенадцать лет назад разгромленных финансовыми и политическими мероприятиями капиталистов, убеждает меня в том, что никакая поверхностная или местная реформа не может иметь значения.

Карл Маркс, великий немецкий экономист и философ, понял это давно. Россия также это понимает и строит новую систему, в основе которой лежит использование всех средств производства и всей промышленности страны для блага широких масс народа, тогда как у нас они используются для сверхобогащения одиночек, которые получили эти блага по наследству.

Таково в общих чертах политическое положение Америки. «Дейли уоркер» — единственная в Америке ежедневная газета на английском языке, стоящая на точке зрения коренного революционного изменения всей экономической системы и уничтожения частной собственности. Только таким способом можно будет ликвидировать экономическое разложение Америки и установить власть, которая будет заботиться о благосостоянии широких масс.

Трибуна творческой дискуссии

вл. лидин

Проверка во времени

Мы можем отлучиться назад, для проверки самих себя во времени. К этому обязывает нас итог десятилетия, которое прожили мы под страшным названием — попутчики, наш собственный критический пересмотр самих себя, наше собственное раздумье над дальнейшими путями.

Мы, попутчики, вошли в литературу с необеспеченным мировоззрением. Нам было в ту пору 23, 24 года. Многие полагали тогда, что литература — это только дело одаренности и что внутренняя диалектика и выработка мировоззрения к сущности не имеют прямого отношения к развитию и выражению художественных способностей. Мы пришли в литературу раньше, нежели зрелый опыт, и тогда питание было предоставлено нам для завершения и в литературе этого жизненного опыта. Мы пришли кроме того с собой традиции вскрывания образа, мало занимаясь под тем, что эволюция образа рождает иные понятия и представления.

Когда наступила эпоха реконструкции, многие из нас оказались с отяжелением багажом прошлого и по привычке продолжали нести его, полагая, что это и является главной задачей в деле отражения подлинного художественного творчества. Теперь многие прозрели и в отношении ненужных и в существе — реакционных навыков в сущности — реакционная окраска. Социальная эпоха требует, чтобы писатели прежде всего в художественной диалектике в таком сложном и требующем полной ответственности деле, как художественная литература. Мы видели в том, что, изнемогая стремлением выразить самих себя в нашем творчестве, мы мало задумывались над тем, как же в плане перестройки всей жизни изучим наш голос. Главное — выразить себя. А как знаем, как выражая себя — для многих ли это служило предметом раздумья?

Я начну с эволюции образа. Когда на гравюрах, в эстампном ощущении образа можно было увидеть например «Московскую волю, средний посад, московскую Русь», то в эту почтение оказывалось самое эстетическое сохранение: тын забора, березы, отдаленность в виде средней колеи и т. д. Как это изучает ныне «московская Русь»? Простота эволюции образа, его перевод на линию «московской Руси» в отдаленном своем содержании — это национально-художественный термин. Традиционный образ обрел свое перо и в данном случае реальное содержание. Эти примеры можно умножить в большом количестве. Они свидетельствуют, что следование за традицией без проверки с точки зрения диалектического мировоззрения приводит к ошибкам, которые по существу являются грубыми ошибками. Если бы писатель-попутчик до наших просторов образа с тем же зрением его воспринял, с тем зрением его изучения во времени — многих ошибок не допустил бы. Впрочем, для произведения научной литературного гуманизма, либеральных и сентиментальных тенденций, которые, может быть, в свою пору и считались для своей интеллигенции левыми тенденциями.

Субботник опыт гражданской войны, вернувшись в [illegible] мирную не поставил своей задачей [illegible] проверки? Нет, мы часто перерабатывали литературу отвлеченным методом сравнения отраженных образов жизни. Было ли это сознательной ошибкой. Нет. Это был результат отсутствия диалектического понимания вещей, результат холодной нейтральности и неверного понимания истинных целей литературы. «Бронепоезд» изображение фактов ужасно своей хронологической стороны в том смысле, что оно закрепляло в художественной форме эпоху, но оно и обеспечило диалектическую возможность преодоления его какую-то долю времени без микроскопа.

Наступила суровая пора перестройки, когда писатель сохраняет эпоху (вчерашнюю, а именно эпоху) не «что», а «за что» и «с кем»? Быть писателем сегодняшнего значит ориентировать невыгодным. Мир разделен на два лагеря. Лесок на опушке между передними лыжниками — это не место для наблюдения. Его не оценят в первую очередь обстрелу — и с двух сторон. Здесь писатель часто спрашивает и начинает перебежку недопустимо рысью или скачком. Которые ничего нового, кроме ружейных дуплей, не дождешь. Внутренняя перестройка писателя — это не прибежка в тот лесок. Это — прежде всего отношение к образам, которые ты создал, отношение собственной свободной времени и дознание, что не может быть в ногой вещи, которая не им тебе своей социальной устремленности. Из социальных тканей вещи требуют в обязательной пользе для его выражения.

В своих учителях многие почтили имена Сетевых писателей. Но их полезное и общем вполне перехожее и в отношении. В ту первую пору попутничества можно было чувствовать по Ремизову и Белому, как поздно учиться психологическое мастерство Достоевского или стилистическую изощренность Толстого. На поздно тематику напрягли старое одеяние. При этих по существу религиозных ошибках многие попутчики сохранили религиозное выражение лица. Были и такие попутчики, которые сравнение, какое русского простого служили своим языковым стилем и петербургского жизнеописания, и москвича, причем у того же Гоголя было гораздо больше социального смысла, т. е. критического отношения к действительности, борьбы с темнотой, с генералом и просто, чем у этих попутчиков, которые же сознавали революционные изменения лица и перелистывали свое творчество, как борьбу с мещанством, не замечая, что они становятся именно писателями для меньшей.

Законны ли все приемы и жанры для выражения своих творческих замыслов? Творческая дискуссия показала обоснованность многих приемов и жанров, но одно несомненно: писатель должен взять путем, который подсказывает его творческое самосознание. Ошибка попутчиков во многом именно в том, что они шли путем подсознания, а не путем самосознания. Это положение получило в некоторых случаях даже своеобразное обоснование. Писательский инстинкт, интуиция — не есть еще чувство равноценное полноценному. Может быть, если бы писатель меньше надеялся на подсознание, не было бы у многих таких больших ошибок, которые теперь приходится преодолевать творческим самосознанием. Писатель должен бодрствовать, а не подменяться стихийностью внутренней перестройки, которая часто сознает его волю, приносит его в такую приятную реальность. Мир вещественного, материю, которые же условия могут определяться только сегодняшней социального объекта, но это относится уже к будущему. Не сон представляет будущий день, а сон является результатом прожитого дня. Сменим думать, что писатель регистрирует свой мир, взятый диалектической сетью. Сменим, можно вырабатывать в себе такой чуткий нерв, когда все изменяется социальную конкретно фазу, но изменяется и движение подсознательная сфера. Во именно тогда, внимая своему призванию, писатель начинает, что это-то и есть творческий голос.

Мировоззрение писателя не есть регламентированная рецепта мышления. Представим себе двух писателей, отношения мировоззрений которых были бы тождественны. Но тут, по которым окажется этим мировоззрением, что — общие нули. Путь они начны этой перестройки. Если еще знать нет нам можно было писать о том, что видел, но ведь из этого выводов, то никак писать без знания невозможно. Это не значит, что писатель должен быть лишь самим писателем в виде какой-нибудь — нет. Для каждого различают и самом деле, и именно потому, что писатель стремится своей речью над узким фактическим материалом. Нельзя требовать от художника готовой системы мышления. Но система в творческом сознании должна быть. Эта система должна ему социально научение, потому что нельзя быть беспорочным собранием чужих идей, заимствованных теорий, случайных обобщений.

Сущность тут все это тематику писателя приходит ли это к одной выбранности, лишает ли его это творческого простора? Если бы это было так, то мы были бы часто отложить в сторону. Это дело совсем другим. Само собой, ряд тем выпал из нашего обихода. Эти темы изображения самой эпохой, и их отсутствие этих необходимых сейчас нам должно бы как не доказательство его способности в смысле выбора тем, именно для писателя, которому нечего сейчас делать.

Как выбрать некоторые писатели социальный заказ нашего времени? Можно ли помочь это культурно. Задача писателя осуществлять ими в плане времени отклика от художественной литературы под благодарную сеть очерков, которые позволяют сохранить политическую свежесть тем и которые вместе с тем сделаются бегством от литературы. Чем обусловлено это бегство? Одним ли спросом на очерки? Конечно, нет. Это бегство было именно бегством от тех требований, которые предъявлялись необходимые перестройки. О чем писать? Обновляя жизнь сверстник писательский заказчик. События обостряют литературную почву. Искусство отходит становится качеством полнокачества необновленным и отношением. Получается абсурдная двойственность. Не можем же мы все погибший писатель-попутчик, который не может [illegible] мирную не поставил своей задачей [illegible] проверки? Нет, мы часто перерабатывали литературу отвлеченным методом сравнения отраженных образов жизни. Было ли это сознательной ошибкой. Нет. Это был результат отсутствия диалектического понимания вещей, результат холодной нейтральности и неверного понимания истинных целей литературы. «Бронепоезд» изображение фактов ужасно своей хронологической стороны в том смысле, что оно закрепляло в художественной форме эпоху, но оно и обеспечило диалектическую возможность преодоления его какую-то долю времени без микроскопа.

Наступила суровая пора перестройки, когда писатель сохраняет эпоху (вчерашнюю, а именно эпоху) не «что», а «за что» и «с кем»? Быть писателем сегодняшнего значит ориентировать невыгодным. Мир разделен на два лагеря. Лесок на опушке между передними лыжниками — это не место для наблюдения. Его не оценят в первую очередь обстрелу — и с двух сторон. Здесь писатель часто спрашивает и начинает перебежку недопустимо рысью или скачком. Которые ничего нового, кроме ружейных дуплей, не дождешь. Внутренняя перестройка писателя — это не прибежка в тот лесок. Это — прежде всего отношение к образам, которые ты создал, отношение собственной свободной времени и дознание, что не может быть в ногой вещи, которая не им тебе своей социальной устремленности. Из социальных тканей вещи требуют в обязательной пользе для его выражения.

Художники устраивают воскресники, но это не выход. У писателя своя производственная площадка, которую тоже нужно выполнить.

И вот Николай Михайлович Зиновьев закончил свой письменный прибор.

«...Я его сдал. Я мысль свою выразил, что, конечно, во многом неправильно. Но у нас так было принято принимать. Такие многие интересуются и посторонние, работ с учительство и много приемных. Не знаю, как на его взгляд посмотрит и художественных кругах, — может сказать, что не на свое дело взялись. Но я думаю, что-же мы писали шесть дней творили, а теперь нам дадут открыть известные данные, так почему же не сделать происхождение земли, первобытное состояние земли, первую жизнь на земле, растения и животных разных периодов, а также первобытного человека вплоть до нашего мира. Может сказать, что это не творчество и не нам, но я успокаиваю себя, что я начал предмет, за которым никакие, кратко обобщил многовековую историю земли. Эта тема для меня так интересна. Я над ней проработал бы месяца в больше»....

Он проработал бы полгода и больше. Но темы Николая Зиновьева должны были соответствовать темпам величайших деяний исторического периода. Два месяца продолжалась напряженная работа, бессонных ночей, такого недоедания с кистью, красной и луной, — в данное «что» без малейшего раздумья о том, «как». Писатели большой квалификации, устрашенные этим несчастием, не сделали ни одного движения в пользу борьбы за эту квалификацию. А вместе с тем они могли бы подвинуть значительно хотя бы того же очерка, не позволяя его сводить до газетной однодневки. Тот же Гумберг или Магницкий, отдельные в надежные руки, должны бы быть взяты в отдельный темы этих, а не быть обязательными материалами и обязательным репортажем. Это — ошибки, и самое жестокое в этих ошибках именно то, что эпоха напрасно обогнать темпами и что темы грандиозных исторических переживаний изменяется в лучшем случае до размеров индустриальной романтической темы.

Я хочу сказать еще об одной ошибке попутчиков. Эта ошибка в том, что они очень мало или, вернее, совсем не знают творчества друг друга. А между тем, именно этот путь творческого познания друг друга — есть путь, определяющий собственную линию. Путь заключающий проверить собственные основы и ошибки родственного писателя. Я думаю, что творческая дискуссия в попутнической среде была в значительной мере затруднительна, потому что она подразумевала полное знакомство друг с другом. Доля сложного писательского сознания хуже всего. Я предполагаю есть и то, чтобы не изучать друг друга. Это именно для [illegible] годов, но и в последующих [illegible] друг с другом, друг с отношением со взаимными критическими оценками. И помню, как один писатель [illegible] упрекал меня за то, что мои речи [illegible] с конца. От него я ему «говорил и голы» Федина. И не был обижен и надеялся потом, что он читал Федина. В нашей среде хорошо знают, кто и что написал. В ней знают имена и названия и только не знают содержания. Если бы мы для начала исправили хотя бы эту ошибку!

Описанные ошибки предопределяют путь. Обязательные самособрания не должны творчества. Самосознание — это не значит замкнуться в свою среду и группу. Перестроить себя — не значит начать перебежку галопом или начинать ряды при [illegible]. Проверить самого себя — не значит задерживать прежнюю дерзновенную и сохранить малое и решительное выражение лица. Сказать идет на честность. Вечного творчества не может быть. Следовательно, ставка идет на творчество. Для такого отхода промысла — это вопрос выходящего порядка. Для писателя — это вопрос личный.

ЛОКАФ и пролетарско-колхозные писатели

Красная армия — основной и главнейший объект работы ЛОКАФ — в громадном большинстве своем состоит из колхозников. ЛОКАФ пишет и будет писать о красноармейце, находящемся в казарме. Будет показано, как переключается, перестраивается в казарме привыкший труд из колхозного поля сырой физический материал, взятый им производства, пройдя армейскую школу. А потом этот возвратный калмыкий новый человек снова уйдет в деревню, где, как известно, нет локафовских организаций.

Начнем терять связь ЛОКАФ с этим новым человеком, которого дала Красная армия сему. И если важно, неизбежно оказать процесс перековки человека в казарме, то сему и обязательно, где этот процесс протекает, то не менее важно и необходимо показать, что делает этот новый человек в селе, что нам «ит в него из казармы. Показать этого нового, пограничного Красной армией человека в селе должны пролетарско-колхозные писатели. Тут перо их должно сомкнуться с пером локафовца, должно закончить недописанную последнюю строчку.

Совершенно очевидно, потому что в известной части работа пролетарского писателя должна литься как бы продолжением работы писателя-локафовца в обстановке села. Отсюда и огромная роль колхозной литературы на фоне общих задач ЛОКАФ.

Сотни и тысячи красноармейского литературного молодняка, вырастающего ЛОКАФ, окончив службу в армии, уйдут в село. Многие из них будут уже достаточно умеренно владеть пером. Несомненно, что многие из них — даже подающие большинство, если не все — переменят свою тематику: с казарм, от Красной армии они перейдут к отображению в своем творчестве жизни колхозного села. Налицо — вполне готовое пролетарско-колхозных писателей из томами ЛОКАФ. Нужно ли говорить, что ВОКП совсем не безразлично, как растится его пополнение в ЛОКАФ и что на этого вырастет прямая заинтересованность его в работе ЛОКАФ?

Общественные задачи ЛОКАФ в отношении художественного показа жизни и быта Красной армии. Чрезвычайная политическая значимость их совершенно очевидна. Но очевидна и необходимость осуществления их в сельском секторе. ЛОКАФ, однако, не настолько тесно связан непосредственно с селом, чтобы достаточно четко и развернуто проложить там свою работу. Ближе к селу стоят пролетарско-колхозные писатели. Их творческая продукция имеет там не абсолютно распространение. И на них должно лечь осуществление задач ЛОКАФ на селе, пропагандирование там его идей.

С другой стороны ЛОКАФ — не самодовлеющая организация, замкнутая в кругу красноармейских литературных кадров. Кадры его составляют и пролетарские и пролетарско-колхозные писатели, и лучшие из попутчиков. Все эти три основные группировки, каждая в своей творческой области, и должны осуществлять задачи ЛОКАФ.

Без усиливающегося, плохо прикрытого подтекста войны против нас нельзя обходиться какого, в том числе и колхозного писателя, безоговорочно включаться в работу по укреплению обороноспособности страны. Нужно готовиться к отпору, готовить к нему всех. Вот почему перо колхозного писателя должно теперь же переключиться на оборонную тематику.

А. БОБУНОВ

Еф. вихров

Происхождение трактора

очерк

Артель древней живописи целиком вступила в колхоз. Но художники не могут участвовать в повседневной работе колхоза; это помешало бы их работе над миниатюрами.

— В колхозе будут работать наши жены. А сами мы поможем в стройку: будем плотниками. И еще поможем чем-нибудь более существенным.

— Ну, а чем, например?

— Трактор достанем....

В пух сказали колхозы. «Красный Палех» не ошибся, что Артель древней живописи достанет трактор. Не такой уж богатый колхоз.

В это время член колхоза, художник-миниатюрист Николай Михайлович Зиновьев, в тихом увлечении продумывал свой изобретенный прибор.

«...И вижу я, в нем от прежнего времени до наших дней, начиная с темных веков, до нашего строительства, — от периода, для чем отчетливо сохранены небеса, березы, отдаленность в виде средней колеи и т. д. Как это изучает ныне «московская Русь»? Простота эволюции образа, его перевод на линию «московской Руси» в отдаленном своем содержании — это национально-художественный термин. Традиционный образ обрел свое перо и в данном случае реальное содержание. Эти примеры можно умножить в большом количестве. Они свидетельствуют, что следование за традицией без проверки с точки зрения диалектического мировоззрения приводит к ошибкам, которые по существу являются грубыми ошибками. Если бы писатель-попутчик до наших просторов образа с тем же зрением его восприял, с тем зрением его изучения во времени — многих ошибок не допустил бы. Впрочем, для произведения научной литературного гуманизма, либеральных и сентиментальных тенденций, которые, может быть, в свою пору и считались для своей интеллигенции левыми тенденциями.

Субботник опыт гражданской войны, вернувшись в [illegible] мирную не поставил своей задачей [illegible] проверки? Нет, мы часто перерабатывали литературу отвлеченным методом сравнения отраженных образов жизни. Было ли это сознательной ошибкой. Нет. Это был результат отсутствия диалектического понимания вещей, результат холодной нейтральности и неверного понимания истинных целей литературы. «Бронепоезд» изображение фактов ужасно своей хронологической стороны в том смысле, что оно закрепляло в художественной форме эпоху, но оно и обеспечило диалектическую возможность преодоления его какую-то долю времени без микроскопа.

Наступила суровая пора перестройки, когда писатель сохраняет эпоху (вчерашнюю, а именно эпоху) не «что», а «за что» и «с кем»? Быть писателем сегодняшнего значит ориентировать невыгодным. Мир разделен на два лагеря. Лесок на опушке между передними лыжниками — это не место для наблюдения. Его не оценят в первую очередь обстрелу — и с двух сторон. Здесь писатель часто спрашивает и начинает перебежку недопустимо рысью или скачком. Которые ничего нового, кроме ружейных дуплей, не дождешь. Внутренняя перестройка писателя — это не прибежка в тот лесок. Это — прежде всего отношение к образам, которые ты создал, отношение собственной свободной времени и дознание, что не может быть в ногой вещи, которая не им тебе своей социальной устремленности. Из социальных тканей вещи требуют в обязательной пользе для его выражения.

Субботник опыт гражданской войны, вернувшись в [illegible] мирную не поставил своей задачей [illegible] проверки? Нет, мы часто перерабатывали литературу отвлеченным методом сравнения отраженных образов жизни. Было ли это сознательной ошибкой. Нет. Это был результат отсутствия диалектического понимания вещей, результат холодной нейтральности и неверного понимания истинных целей литературы. «Бронепоезд» изображение фактов ужасно своей хронологической стороны в том смысле, что оно закрепляло в художественной форме эпоху, но оно и обеспечило диалектическую возможность преодоления его какую-то долю времени без микроскопа.

Наступила суровая пора перестройки, когда писатель сохраняет эпоху (вчерашнюю, а именно эпоху) не «что», а «за что» и «с кем»? Быть писателем сегодняшнего значит ориентировать невыгодным. Мир разделен на два лагеря. Лесок на опушке между передними лыжниками — это не место для наблюдения. Его не оценят в первую очередь обстрелу — и с двух сторон. Здесь писатель часто спрашивает и начинает перебежку недопустимо рысью или скачком. Которые ничего нового, кроме ружейных дуплей, не дождешь. Внутренняя перестройка писателя — это не прибежка в тот лесок. Это — прежде всего отношение к образам, которые ты создал, отношение собственной свободной времени и дознание, что не может быть в ногой вещи, которая не им тебе своей социальной устремленности. Из социальных тканей вещи требуют в обязательной пользе для его выражения.

Артель древней живописи целиком вступила в колхоз. Но художники не могут участвовать в повседневной работе колхоза; это помешало бы их работе над миниатюрами.

— В колхозе будут работать наши жены. А сами мы поможем в стройку: будем плотниками. И еще поможем чем-нибудь более существенным.

— Ну, а чем, например?

— Трактор достанем....

В пух сказали колхозы. «Красный Палех» не ошибся, что Артель древней живописи достанет трактор. Не такой уж богатый колхоз.

В это время член колхоза, художник-миниатюрист Николай Михайлович Зиновьев, в тихом увлечении продумывал свой изобретенный прибор.

Писательский инстинкт, интуиция — не есть еще чувство равноценное полноценному. Может быть, если бы писатель меньше надеялся на подсознание, не было бы у многих таких больших ошибок, которые теперь приходится преодолевать творческим самосознанием. Писатель должен бодрствовать, а не подменяться стихийностью внутренней перестройки, которая часто сознает его волю, приносит его в такую приятную реальность. Мир вещественного, материю, которые же условия могут определяться только сегодняшней социального объекта, но это относится уже к будущему. Не сон представляет будущий день, а сон является результатом прожитого дня. Сменим думать, что писатель регистрирует свой мир, взятый диалектической сетью. Сменим, можно вырабатывать в себе такой чуткий нерв, когда все изменяется социальную конкретно фазу, но изменяется и движение подсознательная сфера. Во именно тогда, внимая своему призванию, писатель начинает, что это-то и есть творческий голос.

Мировоззрение писателя не есть регламентированная рецепта мышления. Представим себе двух писателей, отношения мировоззрений которых были бы тождественны. Но тут, по которым окажется этим мировоззрением, что — общие нули. Путь они начны этой перестройки. Если еще знать нет нам можно было писать о том, что видел, но ведь из этого выводов, то никак писать без знания невозможно. Это не значит, что писатель должен быть лишь самим писателем в виде какой-нибудь — нет. Для каждого различают и самом деле, и именно потому, что писатель стремится своей речью над узким фактическим материалом. Нельзя требовать от художника готовой системы мышления. Но система в творческом сознании должна быть. Эта система должна ему социально научение, потому что нельзя быть беспорочным собранием чужих идей, заимствованных теорий, случайных обобщений.

Сущность тут все это тематику писателя приходит ли это к одной выбранности, лишает ли его это творческого простора? Если бы это было так, то мы были бы часто отложить в сторону. Это дело совсем другим. Само собой, ряд тем выпал из нашего обихода. Эти темы изображения самой эпохой, и их отсутствие этих необходимых сейчас нам должно бы как не доказательство его способности в смысле выбора тем, именно для писателя, которому нечего сейчас делать.

Как выбрать некоторые писатели социальный заказ нашего времени? Можно ли помочь это культурно. Задача писателя осуществлять ими в плане времени отклика от художественной литературы под благодарную сеть очерков, которые позволяют сохранить политическую свежесть тем и которые вместе с тем сделаются бегством от литературы. Чем обусловлено это бегство? Одним ли спросом на очерки? Конечно, нет. Это бегство было именно бегством от тех требований, которые предъявлялись необходимые перестройки. О чем писать? Обновляя жизнь сверстник писательский заказчик. События обостряют литературную почву. Искусство отходит становится качеством полнокачества необновленным и отношением. Получается абсурдная двойственность. Не можем же мы все погибший писатель-попутчик, который не может [illegible]

Сказано — сделано. Председатель колхоза Сотников выписал из Москвы чертежи, и работа закипела. Ее возглавил сам Зиновьев. Он сделал модель, по которой в Москве отлили чугунные части прибора. Потом Зиновьев вырезал из дерева и выточил на токарном станке все детали. Наконец, прибор был собран.

Теперь нужно было испытать его в действии. Зиновьев решил проверить прибор на самом себе. Он сделал несколько снимков своей головы, а потом попросил товарищей сфотографировать его самого.

Результаты получились поразительные. Прибор Зиновьева оказался точнее, чем самые совершенные фотографические аппараты.

Колхоз «Красный Палех» позвал весь район. Рабочих рук не хватает. Колхоз скоро пошлет в прорыв.

Писательский прибор состоит из трех десятков предметов-чертежей.

Сначала космические лучи зарегистрировались на стекле ящика для писем. Далее, на следующих снимках, показана первая жизнь на земле: моллюски, ракообразные, инфузории. На крышке марочного ящика появился мастодонт. Тревожный палеонтолог разрезается на разрезательном ноже. И наконец — на крышке ящика — ледниковый период: человек отражает первое геологическое оледенение: вооружился дубиной против мамонта....

Дни, потраченные, десятки лет на полезный крупных труд. Советский писатель, собрав воедино все силы, стремился в достигнутой цели. Краснопутиловский пел на бумаге СТЗ. Ударные бригады героем и доблестью выходили из крупных свои цехи. Задачей перекрывались встречными планами. Социалистические поля жадно трактора, и тракторы уже бороздили ночью.

Николай Зиновьев заканчивал свою работу: на яичных крышках фронтальным он помещал изобилие и вожделенный шар. Затем он взял главную часть письменного прибора — доску для чернильниц — планшет для последнего этапа земной истории.

Секретарь палехской ячейки товарищ Сачалов докладывал на собрании:

— Наш художник Николай Зиновьев написал повесть о том, как из хаотических туманностей возник трактор. А тракторов-то у нас и нет. Колхоз у прорыва. Неужели знаменитый трактор не стоит настоящего?

Через несколько дней Александр Иванович Сухов поручился в Палех, принял у секретаря ячейки и штабной ворох документов на получение трактора.

Председатель колхоза получил обмен: палехский трактор на трактор красноармейский.

Председатель колхоза возвращался в Палех, и тогда-то, обрадованный, отправился в Ленинград на «Красный Путиловец». А на другой день на колхозном собрании членов артели секретарь ячейки товарищ Сачалов говорит:

— Теперь мы пойдем на прорыв. Теперь мы сильны. Мы выносим великую благодарность Артели древней живописи.

Собрание происходило в большой комнате артели, среди гипсовых статей и скелетов. Со всех сторон висели таблицы, руки и ноги. Могучий Зевс со грозовым взором говорил людей и сказал слова Гомера. Аполлоний — старец пожилой — сидели на стульях и на окнах в глубине зала. А у стола, на самом теплом [illegible] окрашенное кипятком. Председатель колхоза товарищ Белоногов самолично вбежит в Палех на тракторе. Он сидит у руля.

Вскоре трактор закружил по колхозным полям. То, что не в силах были сделать люди и лошади, сделал трактор изумительной артельщик.

«Красный Палех» вышел на прорыв.

А тот трактор, величиной с майского жука, созданный в воображении Николая Зиновьева из первичных туманностей. — этот маленький трактор тоже делал свое дело: он вспахивал новый, он прорезал вековечные борозды в человеческих сознаниях, он говорил о том же, о чем говорит и колхозный клавиш:

История земли сводится к социализму.

Алексей Чупеев

Праздник в журке

отрывок из повести

1

О чем может думать украинский месяц,
Ясному почет и моя сугубо,
В то время как звезды пропадные вместе
Хороводятся, сеяли дети?

О чем же мечтает? О сечах казацких?
Тарас ли с ольшаны ему стал казаться?
И вспомнил седую, бескичливую степь,
Где кости бойцов перестали хрустеть,
А может быть думает думу нелегку
О том, как прошлося пресытость Мазепа
На радость панам... ель чалится Десна,
В котором танцуют русалки на дне,
Качают Океану, вздымаются вверх
Под солнечный сеферкерь.

●

Сизарно гуляет кабан среть кустов,
Ягодник почет и мох густой.
У кулики жизнь на лесном настое—
Ни еще дарунок и дорого стоит.
Дикий кальян шелестит листуня,
Шевелится, прача болотную падь.
А тут яключилась клинковая рожь
И володью до смерти... жаль!
Ветаний, ветаний дикий—возрученька жнет,
Лесного молодчика жнет под дождем.
Гербится, хрюкает, чистит клыкище—
Жнет, а давно бы косы об камешек.
Кланяется, ветаний, поет,
Чуется как гомора и лад.

2

Тепло сельбулу. Буйный сход.
Гвалт—что земли и деревянном амбаре.
Держит речь Тарасенко—сухой,
С газетой в руках:
«Без Тарасенко-барина.
Он с сынами не видит весны.
Дезертир хоронит, на солнце лежит он.
Не прочищено тремом жито».
— Хиба и не согласен. Не казали слины.
— Слухайте, товарищи,—говорит Сафрон,—
Давайме 14-го выйдем в поле,

Сразу чех. Чи геройз наш фронт?
А ну, кто ожжется на прогул более.
— Вона, вона!
— Дайте сказать...
— Стою Прише.
— Страна така:
Мий человек, чортика пухлый,
Имеешно 23 горшку нечетается.
А коль сказала я: — Иванко, любый,
Треба ж на тригер ти вставать, —
Вин на мене — гони сивнать,
Ти ж так и сила недстреленной голубкой.
А вин по бокам маю, та сам кричит
гвалт...
— Брешет, брешет чортова цобка.
Ты сама бывась,—грохочет Иван.

— Хватит, — выкрикнул председатель сход-
да.
Ось резолюция: чинить инвентарь.
Кажному вычистить семена
— Ягода.
— Выехать вместе, не так как всегда!
Почистить мосты и прочистить криницы,
Горлицу, лапчатить та понукать трихе.
Иванку Лошку за колеса в пичуй
Три карбованки штраф...

●

И сход разочелся спорять по хатам.

3

Но ночам, как 12 часов.
Петр с Ефимом и сельским активом
Занарядить и загнали на красный засов
И говорили. А ночка катилась.
Чкалевой забитая клятвой ночь.
Подымает по пчелам забытая ночь,
Кутает зоемой сладкая ночь
Читальню усталую... но...
Настало событие на полотенцы
Буквами черниковыми на черном живете,
Карикатурами гениальной кисти,
Которой позавидовал бы художник любой,

Гласта закричала: — враг в тени!
Подрывом работы брат нас путает!
Ему объявили мы смертный бой!
Грюнька Дикун на печорах кричет,
Спрашиваем мы бабушка Тикуна:
Какую ты вольну седу приносишь?
Не ту ль, что в навоз твоя спина
И починь отчи для бахвальства на посе?

А Рябченко Стах, среди пьяных заноза,
Не знает прочесть ни А и ни Б.
Чем же он хвалится? Похабство расне-
сет.

И стекло в какой не любил он избе.
Друг его Ванька — забытый кулак,
Вместе с другими рыпит на советы.
Сворь такая—деревне хухо.
А с нею Фроська Елизаветы,
Дядьки Стенька дочка—позор!
Выходит за пьяниц, дезертиров ликбе-
мых.
Сплит с хулиганами до поздних зорь —
Советское село не обойдется ли без них?

●

Хохот настойчивость по дворам —
Трюр сени, трюр пуст.
Скорее несите, каждый стреть
Жито готовят. Сворь ерять.

Кулацкие плуганы, такими заняжем,
Уорт тирчует в плитени ногир.
Идуги покрываются зимним за
Возы. Весна приносит похвальбо.

Мост через речку напористо лечет,
Даже дели последняя с ветер.
Им старый мост малоп, он ямины
Коням соседским повышали поте.

Потолены лезимозинем острым чистит,
Плещется щука среди полыни.
Норму отрабатывает мелюзга Кретя,
Пляя преимущество над Гордеиной.
Это — весна. Даже Фекла древняя
Дремлет. Рудится и сотках лят —
Как обогнать соседнюю деревню
В полтора раза больше исплять.

среди книг

преодоление экзотики

о романе ив. шухова „горькая линия"

Языкие пустоты, вытянутые формулами научной классификации, с их последовательными пометами, в которых перекрещивается сообщение возьмешь печальных с ухватками кулацкого хищничества; парнархально-фольклорные строки деревенских поэтиков, жестоко отравленных опиумом барщины и правильных хозяйственных норм, — все это вместе взятое, вместе с отступом Афинской Боем, хата и он хлеб и «александрийские стихи», и гордиться языкиным языком.

Отсюда второй план: кристаллизация классового сознания почвенической бедноты.

Завершение: объединение в одном лагере «единицев», напившихся под «единым яиром» интеллигентов Альтова, с кулацкой беднотой, с неорганизованными середняками фронтовиков-инвалидов.

Роман Ив. Шухова сюжетно не строгий, динамичности нет. Читатель языка бедноты, усомнившегося в прелесте своей среды и даже несколько приобщившегося к социалистическим языковым средствам меньшинства рабочего Сельмаша — тоже кричат для красивых кавычек.

Через несколько дней Александр Иванович Сухов поручился в Палех, принял у секретаря ячейки и штабной ворох документов на получение трактора.

Председатель колхоза получил обмен: палехский трактор на трактор красноармейский.

Председатель колхоза возвращался в Палех, и тогда-то, обрадованный, отправился в Ленинград на «Красный Путиловец». А на другой день на колхозном собрании членов артели секретарь ячейки товарищ Сачалов говорит:

— Теперь мы пойдем на прорыв. Теперь мы сильны. Мы выносим великую благодарность Артели древней живописи.

Собрание происходило в большой комнате артели, среди гипсовых статей и скелетов. Со всех сторон висели таблицы, руки и ноги. Могучий Зевс со грозовым взором говорил людей и сказал слова Гомера. Аполлоний — старец пожилой — сидели на стульях и на окнах в глубине зала. А у стола, на самом теплом [illegible] окрашенное кипятком. Председатель колхоза товарищ Белоногов самолично вбежит в Палех на тракторе. Он сидит у руля.

Вскоре трактор закружил по колхозным полям. То, что не в силах были сделать люди и лошади, сделал трактор изумительной артельщик.

«Красный Палех» вышел на прорыв.

А тот трактор, величиной с майского жука, созданный в воображении Николая Зиновьева из первичных туманностей. — этот маленький трактор тоже делал свое дело: он вспахивал новый, он прорезал вековечные борозды в человеческих сознаниях, он говорил о том же, о чем говорит и колхозный клавиш:

История земли сводится к социализму.

Ив. Шухова нельзя найти тусклых казенных слов. И названия его отвечают всякой по названию синонимов. «Лицо цвета вяженого солнцем», «пестрядная заря», «тяжелые глаза пейзанского бельмья»,—все это сказано так, что подмены быть не может. Особенно ясна ясность словаря в описании массовых сцен — тут нет и в помине того трафарета, такой съедает немалое количество страниц в наших колхозных романах.

Приведем описание «столкновения казаков, пытавшихся отнять чужое урочище, с поселенцами.

«...Гаргины отоляги, накренившись стеной. Якоз отпрянулся на одностаничников, будто попросит у них отобвеля и бросился на высокого, смел его под ноги. Ермаковцы ринулись вперед, и из кучищей полились, искупанные разом, ругань, Фонбарон Пикучкин бежал от фурона с дробовиком и шнорпем.

Босый кирпа выхватил из рук полуголка косу и молча покосил по смежничей конец в мелькнувшую спину Якова»...

Герои романа зрительно слушимы и, главное, ощутимы в их классовой природе. Но тут есть известная перегибность в распределении красок. Очень бегло показан рабочий Сельмаша и обвеян романтикой заводской жизни поворот Федора. Вообще, как-то слишком в плановой среде показаны немногие. Город, откуда шло дыхание новой жизни, в романе отсутствует совсем, и нет в нем рабочих. Немногие остальных лица фигура Сафонова — рожина «дегтяком».

И все же первая книга «Горькой линии» дает право поздравить пролетарскую литературу с талантливым новобранцем.

И. ОРУЖЕЙНИКОВ

куда дует „ветер" НАСЕДКИНА

В. НАСЕДКИН.—«Ветер с поля», «Федерация», 1931 г. Стр. 100. Ц. 30 к.

Собственно никакого ветра нет... Кругом тишина. Не шелохнет, не прогремит. Спокойно и ясно течет река жизни в размерных прямостях берегах.

«...нигде ни звука. Тишина,
Но она растет все жарче, жарче».

На таком предлитературных Насекин хорошо чувствует природу. Он видит красивые мазочки, погружая «в бесконечных рек из сетевых небосвода». Он чувствует, как «жирно лижет травы сизой земли скотина». Однако человеком Насекина быстро привлекает. Они мелкие, ибо в них не остается места для какой-нибудь сложности и труда.

Доказывать, что без природы не может обойтись никакой писатель,—значит ломиться в открытую дверь. Но сосредоточенно отмечаю, что природа не может заменить творчества производства или большого и пролетарского писателя. Когда Насекин кормляет жизнью своего героя или это, делать сих людей, сытуной души и сытой кожи, он тем самым «уходит перед эпохой в бесцветные стороны, где дышат не ветры классовой борьбы и политики. Но в наше время золотой середины не дано. Мимо этого Насекин заключает в себе подлинно вредный вдохновитель. «Архитектурный» Насекин выражает сознание и настроение, которое обнаруживается в нашей эпохой не имеющие.

Так Насекин пишет:

Здравствуй, день зеленый,
С синькой голубой.
Словно пред иконой,
Еду пред тобой.

Запомним, что эти строки напечатаны в 1931 году, в книге, изданной «Федерацией».

Деревню Насекин противопоставляет городу, причем последний удостоился короткой, но вразумительной характеристики:

«Что города? Их неуемный шум»...

По «проклятый» городской шум дальше иконок в деревне. «В деревне это кипит, все бурлит» (Молотов). В каждой маленькой деревне—говорят сегодня Исаковского,—утверждается московский пригород. С этой деревней Насекин невидимому не желает знаться. Он конструирует обломовщину, ее дель и покой.

Мечта и лень.
Все мило, мило.

И действительно, Насекин проглядывает мимо людей, темпы социалистического строительства, коллективизацию. Пейзанство, квиетизм, эстетство, поэтизм—вот основные философемы и планом Алтуфьевского мастерства.

НИК. КОЧЕТКОВ

АЛДАН, как он есть

П. СТРИЖКОВ. Алданские приски. Очерки. Серия: у нас и за границей. «Молодая гвардия». М. 1931 г. Стр. 158. Цена 80 коп.

В книге очерков «Алданские приски» описывается путешествие автора вместе со Всесоюзной экспедицией Академии наук по Якутии по железной дороге и от Ларинского до прииска Незаметного — на автомобиле и конями. В книге — 6 очерков, и все они носят производственно-географический характер; большая часть книги отмечает описание геологических и географических особенностей края, кроме того, интересны детальные технические цифры, материалы и материал по геологическому исследованию края, как выполнялся и своему отчету. Автор смешивает по срывает маску с экзотики и таинственности, которыми был окутан Алтуфьевский край, показывая колхозную действительность, в частности, на «алданском рубеже», на «алданском фронте». Автор показывает и знакомит с работой ОПК и проф

ВНИМАНИЕ ТВОРЧЕСКОЙ ПРОДУКЦИИ РАБОЧИХ-УДАРНИКОВ!

РАБОЧИЙ-УДАРНИК—ЦЕНТРАЛЬНАЯ ФИГУРА ПРОЛЕТАРСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ДВИЖЕНИЯ

В. ПЕРЦОВ

О ПРЕДЕЛАХ БИОГРАФИЗМА

В ПОКАЗЕ ГЕРОЕВ

(Молодой социализм отличен тем, что дает развернуть во всю творческие возможности освобожденного труда. Естественно, что проблемы труда, его научной организации, психологии, физиологии, экономики и т. п. стоят в центре жизненных интересов победившего рабочего класса. Новая страна гордится трудовым энтузиазмом широких рабочих масс, выражающемся в ударничестве. Не только социолог, изучающий, как растет производительность труда вместе с ростом понимания его социалистической цели, не только врач, измеряющий кровяное давление и связанный с ним психологии энтузиазм, не только рационализатор, помогающий рабочему расставить материал, инструменты и организационные тиски так, чтобы с наименьшей затратой сил дело наиболее успешно и красиво двигалось, но и каждый передовик-ударник является у нас своеобразным ученым, задумывающимся в своей практике над самыми сложными проблемами науки о труде. И наша страна может гордиться тем, что она дала этому массовому научному движению особое выражение в той замечательной практике и методике, которая связана с работами Центрального института труда (ЦИТ), организованного нашими профсоюзами.

Вся эта совокупность проблем сегодняшней становится в настоящее время в центре внимания и нашей художественной литературы. Хотя и с большим опозданием, но тем более рьяно повернулась она к этим проблемам, составляющим жизненный нерв социалистического строительства.

Учение о возможностях освобожденного труда, развернутое Марксом, Энгельсом и Сталиным, показывает неисчерпаемость этих возможностей. Как разбудить и привлечь к жизни эти возможности? В чем заключается секрет новой работы? Как надо работать по-большевистски? Что значит работать по-ударному? Эти вопросы тревожат в каждом из нас не только аналитическую мысль ученого, но и образную догадку художника. Мы все видим результаты этой беспримерной работы, но в художественном произведении от нас еще ускользает ее путь и метод в конкретном своем выражении.

Наша общественность поставила перед литературой важнейшую задачу, формулировки ее, по необходимости, в самом общем и прямолинейном звучит: «Страна должна знать своих героев».

Понятно, что сама по себе поставленная задача автоматически не дает метода ее разрешения. В газетах печатают фотографии лучших рабочих и инженеров, награжденных нашей властью особыми отличиями. Под фотографией помещают их краткий перечень биографических дат и заслуг героя. Этим дается прекрасно составленная политическая карта. Наши писатели увлеклись этой схемой и стали почти исключительно создавать биографии героев. Нет никакого сомнения в том, что портретирование героев социалистического труда, истории жизни каждого из них ценно в отдельности, представляет собой и для литературы прекрасный путь для разрешения поставленной перед ней политической задачи.

Биография отдельных лучших производственников, прославляющие их достижения, делают имена этих людей известными всей стране и этим самым создают социалистический стимул к труду.

В стране победившего рабочего класса наряду с именами его художников, мыслителей мы в первую очередь популяризируем лучших хозяйственников, изобретателей, рационализаторов — энтузиастов социалистического труда, понимая этим единство, с нашей точки зрения, культурной и хозяйственно-экономической деятельности при ведущей роли последней. Биография героя представляет собой своеобразную критическую оценку его работы, дающую его социально-производственный портрет. К сожалению, несмотря на развитие у нас самокритики, мы не научились давать такую биографию именно как практическую оценку работы и часто видим в ней заключение, а не начало.

Прежде всего надо ли правильно пролетарский литературный жанр биографии замыкать в пределах жизнеописания, жизни отдельной личности. Достаточно вспомнить, как поступали Маркс и Энгельс ради отдельной личности в истории, чтобы наметить марксистскую методологию художественной биографии.

Энгельс писал в известном письме к Штаркенбургу:

«Здесь мы подходим к вопросу о так называемых великих людях. То обстоятельство, что тот именно или иной великий человек появляется в данной стране и определенное время, конечно, есть чистая случайность. Если мы этого человека выбросим, то появляется спрос на то, чтобы заместить его каким-либо... такой заместитель находился, хорошо или плохо, но с течением времени выходит. Что Наполеон был именно тот корсиканец, что именно он был военным диктатором, которым стал республиканская республика, истощенная войной, это была случайность. Но если он Наполеона не было, то роль его выполнил бы другой. Это несомненно потому, что всегда, когда такой человек требовался, он находился: Цезарь, Август, Кромвель и т. д. Если материалистическое понимание истории открыл Маркс, то Тьерри, Минье, Гизо и все английские историки до 1850 года доказывают, что к этому стремились, и открытие того же самого понимания Морганом показывает, что время для этого спелое и что открытие должно было быть открыто».

Если провести так перпендикулярно между собой биографии великих людей, то станет ясна условность индивидуальной биографического жанра. Наиболее ярко известную серию, изображающую в старое время Плутархом «Жизнь замечательных людей». Это культурное наследство читается с интересом до сих пор. Но, конечно, не потому, что в наших условиях — и это нужно особенно подчеркнуть — отдельная человек развертывает свою индивидуальную жизнь и свободно, только выражая передовые классовые тенденции своего класса, их создает.

Биография героя, взятая как биография класса или определенной группы внутри класса, не должна быть замкнута в рамках индивидуального жития. Она необходимо перерастет из жития в историю, в определенную часть ее, в какой-либо момент ее развития. Это не значит, что в каждой биографии героя мы будем различать не только данного героя, но и целый ряд участников общей борьбы, в лице всего коллектива, среды — все это как частицы единого целого — определенного этапа движения класса.

Бывалый метод работы, получивший у нас такое распространение, ставит перед нами вопрос об учете успехов отдельного человека. Возьмем такой факт, как введение функционализма в комплексной системы, т. н. «функционалка» в нашей текстильной промышленности. Целая организация труда на текстильных фабриках разрубила прежнюю «целостную» тканину на четыре функционирующие: наводчицу, отрезчицу, дуссельщицу, ситцечницу. Екатерина располагается сейчас на присучальщицу, ставильщицу и семщицу.

Вот что говорит рабочие Ленинской фабрики, которая первая осуществила переход на функционалку:

«Функционалка» — это целая революция в текстильной промышленности. Раньше рабочий знал только свои станки и не был крепко заинтересован в работе соседей, теперь же — не безразлично, значит не удается и у других. Плохо работает ситцепечатка — это отражается на работе ткачей-ниц и отрезчиц. Отныне контроль над работой друг другом, товарищеская помощь отстающим, борьба социалистические соревнования в труде, большая ответственность за работу, укрепление производственной дисциплины».

Таким образом успех отдельного человека является условием общего успеха. И отныне, по-новому должен быть поставлен вопрос о художественном изображении этого успеха. Перспективный жанр большевистской литературы, ненавистницы которого являлся художественная биография героя, принципиально отличается от старого индивидуалистического портрета.

Заметим, кстати, что биография героя это не всегда описание жизни от рождения и до смерти. Для напоминания вопроса, может быть, это только один момент жизни, в котором она развернулась во всю ширь, в котором она разломилась в ней, в котором данный человек наиболее ярко, наиболее ценно, как звено коллектива.

Наша задача заключается не в том, чтобы создавать статистическую иконографию, не в том, чтобы чеканить медали и ставить памятники живым людям, а в том, чтобы продвинуть в массы опыт жизни, борьбы и работы лучших людей класса, сделать опыт отдельного работника—вождя по практическому строительству социализма и, отталкиваясь от него, безостановочно ставить новые цели.

ЛЖЕУДАРНИКИ ПРОЛЕТЛИТЕРАТУРЫ

„трепачи" и гонорарщики в литкружке электрозавода

Электрозаводской литкружок воспитал несколько десяток сомнительных начинающих писателей. О двух из них рассказем в этой статье.

Перед нами — Б. Дорохов — старый кружковец, много напишет и часто печатающийся.

Почти в каждом номере «Догоним и перегоним» можно найти его очерки. Дорохов печатался в «Рост» и других журналах. Он пишет на темы, связанные с борьбой завода за выполнение промфинплана. Не много живых людей у него часто действует безликая масса:

— «Ходатайствуем перед ОНИ»,—заявили рабочие.

«Не унывают ребята».

— «Нажмем»,—уверенно говорят они.

«Все работницы принимали активное участие».

«Рисовали энтузиасты»...

«Сознательно выполнили требования»...

«Рабочие не выпускали из рук инвентарной бригады»...

«Рабочие дали ему должный отпор».

У Дорохова в распоряжении — десятка три шаблонов, которые он комбинирует в своих очерках.

«Захваченные энтузиазмом строительства»,

«ударные темпы»,

«борьба еще продолжается»,

«горячительные схватки»,

«борются по-большевистски»,

«рыночная стоимость»

«воспламенил энтузиазм масс»

Когда же эти шаблоны он преподносит в виде лозунгов, тогда они рычат так:

«выполнить программу»,

«поднять производительность».

«Надо каждую минуту быть ребятам, товарищ, дезертиров, мешающих выполнению промфинплана» и т. п.

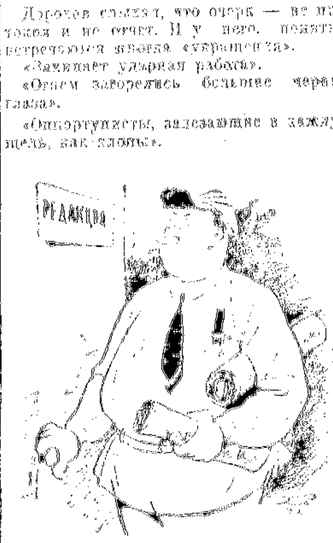
Нет ничего смешного продолжать описания. Ясно, что художественная ценность таких очерков равна нулю.

Дорохов сделал, что очерк — не получался и не сечет. И у него, понятно, встречаются иногда «удачи».

«Занимает ударная работа».

«Огнем загореться бешеные черные глаза».

«Оппортунисты, надевающие в каждую щель, как клопы».



«Отдыхает охотно всюду, где пахнет рублем»...

«Пролетарские молоты колотятся с поля битвы. В их глазах горит яркий, багряный цвет победы».

Дорохов пишет в стихи.

Пресфинплан каждый творческий день
Пропитан точно сочный плод (?)
В гроб вбивали российскую лень,
Тюпя и уряднев стары (?) бегут (?)

На всей его работе лежит печать величайшей небрежности, спешки, пренебрежения к языку («в процессе десятилетников», «ленинской бригадой ватников»).

Почему же Дорохова так охотно печатают? В самом деле, почему?

Выручает тематика?

Возможно.

Пишет об электрозаводе, о котором надо писать?

Пол шумок пошли в печать, как организованные рабочие-ударники, «трепачи», которых без этого ни один журнал не мог бы помереть. Получаются странные вещи и сборники «Рабочей правки» печатают, под красивым удостоверением, пишет лет 5—7). Бедова (случайно, пишет 5—10 лет). Орлова стал к сожалению, ной для кого-то мерой: хватает все без разбора, лишь бы шло от... нашего кружковца. Только взрослым «трепачам» «рабочего» в «подбельском» кружковом (чего с них спрашивать) можно объяснить это фактическое явление. И только недобросовестной рабочей редакторской можно объяснить тот факт, что под маркой рабочих ударников печатают халтуру безруких и бездарных.

К чести сказать, Дорохов — не начинающий обучать кружковец. Дело, конечно, не в том, что он служащий, а в том, что он вовсе не работает над собой и за время своей «писательской» деятельности не вырос творчески. Зато он успел узнать все пути и подходы и, организуя занятия «писательства», научился использовать свои знакомства.

Это законченный тип гонорарщика. Он совсем не участвует в заводской газете (стотысячной), потому что там гонорара не платят. Но он любит охотно ездить, где платят рублем. Он совсем не принимает участия в работе кружка, но как кружковец заключает договор на книгу о заводе — «5 и 2½».

Дорохов выключен из кружка как гонорарщик и как человек, не выполнивший элементарных обязанностей кружковца. Когда ему сообщают об этом, он смеется:

— Я думал, что давно исключен...

* *

А вот «трепач».

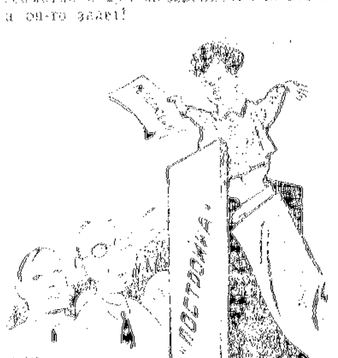
Фамилия его Шапиро. Он уже получил некоторую известность. «Пятилетка» отмечала его несколько раз. В мае напечатала в «Электрозаводе» рассказ «Грех рождается». Этот рассказ был оставлен ему ГИХЛ для альбома ударников. Рассказ — с грубыми погрешностями синтаксиса, языка, порою, безграмотно. Кружок обсудил его с рабочими цеха, о котором рассказ написан. Единодушно осудил произведение *. Шапиро «признал» ошибки, но тем не менее, «для согласия» не напечатанное это же рассказ в «Культурной революции» (№ 17) без единой поправки.

Шапиро подвизается и на критическом поприще: он пишет рецензии, разносит молодых авторов.

* Отсекретарь ячейки написал очень резкую и верную статью по поводу рассказа (будет помещена в газете «Ударник литературы» № 2).

«Автор развертывает перед читателем убедительно нарисованную картину героической борьбы коллектива рабочих... прослеживает эволюцию отсталого цеха... которая, благодаря напористому энтузиазму коллектива, сумел выйти на одно из первых мест в своем большевистском заводе... А ведь это не легко. Ответственные работники и мастера Октябрьского района должны стать частыми гостями и читателями книги, написанной такими людьми, как автор».

Семен Шапиро подтверждает: «автор убедительно нарисовал картину». Уж кто-кто, а он-то знает!



«О нем говорят, как о противнике...»

Но это не все. Непритязательная литературная его деятельность ознаменована рядом литературно-политических выступлений. В разгар борьбы с «Леф'ом» он выступает от «Пятилетки» с резолюцией и статьей Комаковского. Тот тоже пошел. На областной конференции МАПП он выступает от имени «Постройки» М. Алексеева (вождь «Постройки»), выливает бурю. О чем говорят, как о противнике...

Смешно и грустно. Неграмотный «критик», не умеющий разобраться в элементарных вопросах литературоведения, становится «заметной фигурой». Он даже не понимает, что его используют под флагом рабочего кружковца и, как кустарного нетрушу, выталкивают «на сцену». Он плохо не сопротивляется. Он сам лезет в бой, хотя слова и мысли у него чужие.

Не стоило бы о нем говорить, если бы он не был ярким выражением типа литературного «трепача».

В кружках этот тип водится, и с ним нужно повести и борьбу и воспитательную работу.

Б. ШАБАЛИН

УДАРНИКИ ПРОЛЕТАРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ЗА ТВОРЧЕСКОЙ РАБОТОЙ

по страницам журнала „наши достижения"

Пятый номер «Наших достижений», сделанный исключительно силами рабочих писателей, представляет значительный интерес. Налицо несомненные факты: ударники, призванные в литературу, творчески растут. С другой стороны, в журнале, превращающемся на этот раз в сборник, видны тем более ее ошибки, срывы и провалы, которые неизбежны на пути к овладению большим искусством большевиков.

Большой интерес представляет маленький сжатый рассказ Л. ПАНТЕЛЕЕВА «Из героев». Сосредоточив все внимание на моментах и на почве соревнования происходят острые конфликты, один из которых конкретен художественной выпуклой молодого рабочего. Печорин на его, Пантелеева, взгляд, не «перерожденец» героев. Напоминая, что не разработано тему в трех журнальных страничках. Бригада печатников выкидена из всего коллектива сборки, своим соревнованием с этой бригадой с частями на строительстве всколыхнула. Молодые ударники-строители, и особенно, сверхударники, одна из интереснейших страниц книги, требуют более глубокой экспозиции образов — это т. Пантелеев должен учесть.

Это же надо учесть и т. ДОБРОКОЛЬСКОМУ. Основная мысль его рассказа «Хватка» — хищные мелкие драки и исполнения не в силах заслонить бодрого настроения социалистического строительства. Рассказ читается легко. На всем протяжении силен не больше, а заключение и заключительная повесть не нужны, а только вредят.

Особенность, бросающаяся в глаза при чтении очерка ТАРАСЕВИЧА «Взят АМО» — это отсутствие в очерке самой живой производства. Тарасевич прекрасно знает свой завод, и это уже очень много. Самым бедным очерком не хочет оказаться больной карандаш времени — начала соревнования, причем хочет показать борьбу старого с вновь нарождающимся в ударничестве. Но Тарасевичу не совсем удачно выполнение своей задачи. В очерке много разговоров, сообщений, взятых в кавычки, но нет никакой активной работы исполнителя. В очерке есть сюжет, но нет людей. Отсюда схематизм — масса без лица. «В литейном чад. Мануров обвиняет Сапелина в вызове на соревнование других». «Кузнец Маркин увеличил производительность на 12 процентов». А о том, КАК поднял т. Мануров с упорностью, КАКИМИ способами кузнец Маркин достиг огромной производительности труда, ВОЧЕМЬ рабочие снизили расценки — ни всем этом Тарасевич не пишет.

Живые картинки грудного подъема на АМО, которые дает Тарасевич, стали бы еще более яркими, если бы за словами мы могли различить людей и самый процесс героического труда заводов.

Горячительно и ударническую — основная и очень удавшаяся тема напечатана в журнале очерков и рассказов, а речь эта развернулась не у всех с одинаковой силой и выразительностью. Наиболее выразителен и лучше других по форме очерк Е. ПЕТРАНОВА «Суражские ночи». Автор избрал героем своего рассказа ночного сторожа, который, выйдя в волю. Мы видим, что важнейший и сложнейший момент в жизни производства изложен в очень мало содержательное слово «запнеделились».

Полный изумительных роста хороших организаторов, инициативной личности. Но ясно, что действия этого организатора будут иметь успех только в том случае, если он операется на каждого объективные силы. Нужно уметь показать рабочим коллективе те изъяны, ухватиться за которые удалось поднять

В брошюре т. Омищенко изложена борьба начала совсем. Мы видим мирный рост организованности и сознательности. Только в конце есть глава этот количество на качество ступень. А обычной формы мышления из формы логической. Тут есть известные грани-цы. Первым таким, еще великим относящимся к мышлению логическому, будет тип показа автором заводские организации дня: технические, одиночки, они показаны или как помеха или как каменный истукан всех действий и к тому же виновны в плохом или плохом отношении. Яркий пример таким мы в брошюре т. Омищенко. Написав 9 глав, он дает десятую: «Треугольник впереди». «Бригада плана доменной печи вместе с т. Лукьяновым и все остальные бригады доменного цеха завода им. Дзержинского создались не без участия соответствующих организаций и т. д. Этот «Треугольник впереди» показан на самом деле вначале всех событий в книге всего 11 глав).

В. Родной, сосредоточив внимание на комсомольском бригаде, взял ее изолированно от всей остальной жизни завода. Тов. Водопьяна слишком много места занял бытовыми чертами и сценами, отвлекая на задний план более существенное.

В изображении роста мирно и ладно, социалистических форм труда, социалистической сознательности почти конкретный почин тех трудностей, которые встречаются на этом пути, конкретный показ путей преодоления этих трудностей. Недостатки мировоззрения сказываются слишком и здесь: подлинно-верно и важное тонет иногда в груде мелких фактов.

Это общие линии того, что изображается в книжках ударников, общий здоровый остов и основные его недостатки. Какое образное оформление получили все это? На книжках ударников легко видеть, как хорошие недостатки обозначаются недостатками образной формы.

Но прежде всего следует отметить, что в этих книжках перед нами налицо выступает процесс кристаллизации

ЗА РАБОЧУЮ МАРКСИСТСКУЮ КРИТИКУ

Приход ударников в литературу мощной волной захлестнул не всему нашему Союзу. Тысячи непосредственных участников социалистической стройки влились в ряды писательского актива. Целый ряд сборников и отдельных книжек, выпущенных издательствами, свидетельствует о том, что отставание литературы от темпов нашего строительства ликвидируется.

Но если призыв ударников в литературу дал свои конкретные результаты, то с рабочей критикой дело обстоит у нас явно не благополучно.

В рядах нашей организации имеются чуждые группировки, затушевывающие классовую борьбу, и в то время как профессиональная критика занималась абстрактными теоретическими вопросами, очень много выходящих, ценных для нас книг не получали отзыва в критических статьях или рецензиях.

Учитывая все это, а также признавая необходимость скорейшего воспитания рабочих критических кадров, ЛАПП при газете «На посту» организует центральную работу критического труда.

Группа рассчитана на актив низовых заводских критических кружков и ставит своей целью подготовку руководителей для критических кружков и квалифицированных рабочих-критиков.

Создание такой группы нужно всячески приветствовать.

Н. ЛЕВИЧ

КНИЖКИ УДАРНИКОВ

А. Наумов: «Сердце завода».—С. Любин: «Через барьеры».—В. Родной: «Ударная комсомольская».—Н. Водопьянов: «Фабрика мяса».—Л. Скрыгалло: «Бригада комсомольца Лукова».—Е. Ранчин: «Записки нормировщика».—Б. Лукьянов: «Торф идет».

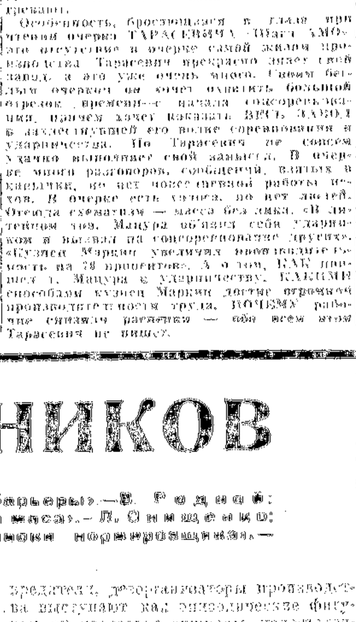
В книжках ударников мы имеем творчество передовиков рабочего класса, творчество наиболее активного отряда социалистического строительства об этом самом строительстве, о грандиозном процессе переделки мира и человека. В этом—ядро всего этапа и развития пролетарской литературы. Но это имеет еще второе. Новое качество здесь дано пока в сюжетах, через описания по всей полноте еще. Необходима большая работа над мировоззрением, чтобы эти ростки раскрылись до полного цветения.

Все книжки ударников посвящены одной теме—реконструктивному периоду, социалистическому переустройству технической базы, социалистической переделке рабочих. Героями их являются завод, цех, коллектив, ударная бригада, преодолевающие трудности, изучение к новостям. Два момента, две стороны единого процесса есть и здесь налицо. Первое—это рождение нового социалистического труда, новые формы труда, повышение его производительности. Второе—это рождение нового социалистического энтузиазма, выражающегося в том, что рабочий начинает рассматривать дело социалистического строительства не только как «свое» дело.

Не обречены ли рабочие авторы в силу этой общности темы на повторение одного и того же? Совсем нет. Каждый из авторов эту широкую тему берет в каком-то специфическом ее проявлении. Различен характер изображаемого производства: добыча торфа («Торф идет»), химический завод («Фабрика мяса»), фабрично-заводское производство («Сердце завода»). Затем каждый автор берет определенную сторону, специфическую тему.

Другое дело, что не всегда хватает умения, что нашел автор, не всегда удается избежать.

Две стороны этой задачи стоят перед ударником, пишущим такую книжку: задача правильного изображения избранного объекта и задача образного изображения его. Реализм значит в борьбе за высокое художественное качество произведений ударников является борьба за метод творчества. Наиболее ярко это выражает книжка т. Родного. Он не выдержал о зависти, недисциплинированности во время рабочей конференции. В заключение говорится о том, как ударничество «вошло» для рабочих». Этот вывод в конечном счете начался спор о теме т. Сахарова. Далее автор пишет: «После Сахарова выступало человек двадцать. И все, за исключением тюка Ивана Артемьева, говорили в один голос с т. Сахаровым». И все. Кто такой Иван Артемьев, что он говорил и почему?—обо всем этом из слов



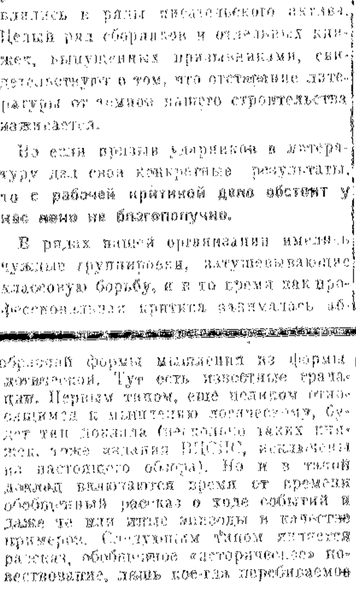
В брошюре т. Омищенко изложена борьба начала совсем. Мы видим мирный рост организованности и сознательности. Только в конце есть глава этот количество на качество ступень. А обычной формы мышления из формы логической. Тут есть известные грани-цы. Первым таким, еще великим относящимся к мышлению логическому, будет тип показа автором заводские организации дня: технические, одиночки, они показаны или как помеха или как каменный истукан всех действий и к тому же виновны в плохом или плохом отношении. Яркий пример таким мы в брошюре т. Омищенко. Написав 9 глав, он дает десятую: «Треугольник впереди». «Бригада плана доменной печи вместе с т. Лукьяновым и все остальные бригады доменного цеха завода им. Дзержинского создались не без участия соответствующих организаций и т. д. Этот «Треугольник впереди» показан на самом деле вначале всех событий в книге всего 11 глав).

В. Родной, сосредоточив внимание на комсомольском бригаде, взял ее изолированно от всей остальной жизни завода. Тов. Водопьяна слишком много места занял бытовыми чертами и сценами, отвлекая на задний план более существенное.

В изображении роста мирно и ладно, социалистических форм труда, социалистической сознательности почин конкретный почин тех трудностей, которые встречаются на этом пути, конкретный показ путей преодоления этих трудностей. Недостатки мировоззрения сказываются слишком и здесь: подлинно-верно и важное тонет иногда в груде мелких фактов.

Это общие линии того, что изображается в книжках ударников, общий здоровый остов и основные его недостатки. Какое образное оформление получили все это? На книжках ударников легко видеть, как хорошие недостатки обозначаются недостатками образной формы.

Но прежде всего следует отметить, что в этих книжках перед нами налицо выступает процесс кристаллизации



языковых «красивых» словах, внешней видимостью «художественного» рассказа. Книжка Родного в этом отношении особенно показательна. Влияние бытописательских штампов чувствуется уже с самого начала. Автор знает, что в «настоящем» произведении есть герой, которым является сама рассказа. И вот он выводит на первой же странице «Шурку». «Пришла на фабрику и Шурка. Много Шурок появилось на фабрике». Дальше Шурка появляется еще несколько раз, но мало ли к чему, и автор о ней скоро забывает. Слабость здесь не в том, что обрисована эстетная фигура. Напротив, сценные фигуры в книжках ударников обычно слишком мало и поверхностно раскрыты. Но здесь эта Шурка появилась, как традиционная нить, сквозная повествования, она выполнена уже для композиции». А нить, положенная в основу книжки, требует другой композиции.

Поверхностность языка прикрывается трафаретными украшающими метафорами: «Фамилия их затерялась в книге времени», «Они дали классическое обтекание задачам в этом отношении, которая называется фабричным трудом».

Если брошюра т. Родного может служить примером эстетизации, подчеркивания деревянными бытописательскими приемами недостаточно глубоко понимаемой действительности, то брошюра т. Водопьяна характерна с другой стороны. Автор наблюдателен, он умеет подметить характерные индивидуальные черточки в людях и в природе. Он смотрит своими глазами и слушает по-своему. Но эту свою наблюдательность, отдельные черты, отдельные ценные стекла автор не умеет подчинить своей мысли. Не он ими владеет, а они им владеют.

Умение выбрать наиболее важные, раскрывающие тему эпизоды, расставить фигуры, обрисовать все это черта-ми достаточными и необходимыми для раскрытия идеи,—этого учения еще далеко не усвоят рабочим авторам. Отдельные образные штрихи и сценки нанизываются как бы случайно, просто потому, что вспомнились.

Только упорная работа над мировоззрением, чтобы осветить этим мировоззрением всю окружающую действительность, весь запас личного опыта, поможет поднять творчество рабочих-ударников на высшую ступень.

И. З.

обзор печати

Больше оперативности и принципиальной четкости

„Вечерняя Москва" май, июнь, июль 1931 года

Задачи отдела «Литературы и искусства» «Вечерней Москвы» ответственны и сложны. «Вечерняя Москва» читает массовый рабочий-читатель. Газета должна помочь ему правильно организоваться в вопросах пролетарского искусства, дать ему правильное представление о событиях, происходящих в области литературы, живописи, музыки и т. п., дважды систематически занимаясь вопросами политической установки массовой «установки искусства».

Losse руководство отдела, смешанное руководство, которое с тех пор принята газетой «Вечерняя Москва» в отношении политической и художественной литературы. «Вечерняя Москва» в результате почти полугодичного опыта утвердила основные принципы «Литературной газеты» «Комсомольской правды». Однако сравнение из «Вечерней Москвы» не смогут назвать ни одной статьи или рецензии за 3 месяца, которые отвечали бы достаточно политической литературы. Газета характерна для массовой статьи и заметки вроде статьи т. Перельмана, в которой творчество Вальтера было охарактеризовано как накопление «маленьких путешествий в страну классового гнета».

Не всегда на высоте и качество помещаемых критических статей и рецензий. В рецензии Антарова на сборник очерков «Буденный» мы узнаем: «А. Фролов, например, растянул свой очерк на 45 страниц, прекрасно читая образом более оружие... в случайных газетный отчет» (13 мая). Конечно, трудно представить газетный отчет в 45 страниц, но суть не в этом, а в том, что Антаров игнорирует **обязательно-минимальные** размеры. Далее Антаров рассказывает другого очеркиста: «И. Сверкиев ударяется в этнографию, в несущественные подробности и очень мало заботится **об экономном решении** своей задачи» (подчеркнуто нами). Как видно опять дается формалистический критерий и к тому же достаточно безответственный и немотивированный.

Ни для кого не секрет, что во многих рабочих клубах—процветает комнатное чтение. «Вечерняя Москва» могла бы например ознакомиться с кинопрокатом ряда рабочих клубов и сделать на этот счет соответствующие выводы. Эта работа не была проведена. Решения о кинофильмах в силу их политической красоты часто имеют не убеждающий, а исключительно декларативный характер.

Необходимо отметить, что в июне «Вечерняя Москва» начала уделять большое внимание кино и поставила ряд принципиальных вопросов в этой области.

Сравнительно недостаточно внимание уделяет «Вечерняя Москва» вопросам живописи (около 10 заметок за 3 месяца) и вопросам музыки (5 заметок).

«Вечерней Москве» необходимо коренным образом перестроить работу отдела «Литературы и искусства», повернуться лицом к практике литературного, музыкального, живописного, пролетарского движения, повернуться лицом к рабочему читателю, клубу, театру Москвы, всеми тонкими большевистскими нитями на фронте искусства, исправить свои литературно-политические ошибки в отношении политически-сознательной литературы, занятия вопросами пролетарско-колхозной литературы.

В.

А. М. Горький о журнале „30 дней"

В прошлом году при журнале «30 дней» организовался рабочий редсовет. Товарищи с производства работают в совете регулярно, наблюдая за всеми процессами редакционного производства.

Рабочий редсовет обратился к **А. М. Горькому** за указаниями и помощью и связи с его «сердитым» замечанием по адресу журнала в одной из статей о нашей периодике.

В беседе с представителями редсовета Алексей Максимович согласился, что журнал «30 дней», освещающий текущий день СССР,—нужен.

— Хорошо, что в журнале, — сказал А. М. Горький,—в большой мере отражается социалистическое строительство. Нужно только в самом очерках усилить требовательное отношение. В каждый из «тридцати дней» нашей страны вкладе работа и по поднятию ее культурного уровня, развитию ее искусства и литературы. Поэтому необходимо вести в журнале литературные обзоры. Точно также нужно усилить или даже однако организовать отдел «За рубежом», помня, что за границей происходят события чрезвычайной важности и что о них необходимо пространно сообщить читателю.

Нужно также показать в журнале, как под гнетом трудящиеся терпят свой пролетарий интернет на Западе религии. Вот например борьба в Италии с духовенством—изложение большой важности, по ему на страницах журналов до сих пор не отведено необходимого места.

М. Горький передал редколлегии журнала «30 дней» ряд отобранных им вырезок из заграничной белогвардейской печати для использования их в отделе «За рубежом» и обещал дальнейшее свое содействие «30 дням».

Алексей Максимович также взял слово с присутствовавшего при этой беседе писателя И. Бабеля, что он напишет для «30 дней» очерк о французском суде.

Редсовет горячо поблагодарил Алексея Максимовича за сделанные им указания.

***

Последующий обмен с материалами из иностранной печати для «30 дней» Алексей Максимович сопроводил письмом, в котором, возвращаясь к своей беседе с представителями редакции, интересуется, что

— «лицо журнала должно быть изменено в том направлении, как мы говорили. И если редколлегия не против моего вмешательства в ее работу, я готов снабжать ее вырезками, подобно прилагаемым. Могу изредка давать статьи о зарубежном быте».

Рабочий совет и редколлегия «30 дней» на специальном совещании обсудили указания Алексея Максимовича и приняли постановление об осуществлении «редакционного плана» А. М. Горького.

Новая газета МАПП „Ударник литературы"

Массовая газета «Ударник литературы», первый номер которой выйдет к пленуму правления МАПП, аппарат регулярно выходить с 7 сентября. Газета будет выходить 15.000 тиражом каждые 5 дней.

Газета литературно-политическую линию РАПП, новая массовая газета будет руководить повседневной работой рабочих МАПП Московской области, рабочих бюро и низовых литературных кружков. Установление крепкой связи между районами, кружками и центром—одна из основных задач газеты.

Газета уделит особое внимание проведению постоянного квартального смотра. В каждом номере будут печататься произведения ударников, снабженные критическими статьями. Будет помещен и подробный разбор наиболее значительных произведений пятилетней литературы.

Подписка принимается во всех почтовых отделениях, установленных местной почтой. Своевременная подписка обеспечивает получение газеты с первого номера.

Акц. Изд. О-во «ОГОНЕК»

На заводе Ильича—прорыв

а писатели бегут от ворот завода

Казалось бы, что в тяжелые для завода дни в первую очередь подшефный должен организовать действенную систематическую помощь шефу.

Общественность завода им. Владимира Ильича несколько раз била тревогу: шефство над ФОСП бумажное, ФОСП не уделила должного внимания вопросам шефства!

Секретариат ФОСП попытался делом парировать все обвинения. Попытка оказалась неудачной.

Недавно была организована большая бригада писателей для работы на заводе им. Ильича. Шефство начали было конкретизировать, но потом снова все пошло по-старому. Общественность завода по-прежнему терпеливо ждет помощи писателей в ликвидации прорыва, а писатели...

Еще на первом (пока еще и последнем) совещании бригады ФОСП с представителями заводской общественности некоторые писатели волновались: «как же нам работать? Нам не дают рабкоровский материал, нам нечего литературно обрабатывать. Ведь не итти же на завод и все разнюхивать!».

Статья т. Гехтмана, напечатанная в «Литгазете» № 40, правильно ориентировала бригаду во всех важнейших вопросах, связанных с работой на заводе. Однако бригадники не воспользовались ценными указаниями статьи.

Недавно на заводе работала общезаводская партконференция. Агитбригада завода в конце конференции должна была выступить с небольшим обозрением. Написать обозрение взялись члены бригады тт. Глушков и Ильинский. Обещали и не написали. Агитбригада принуждена выступить без обещанного обозрения. Чтобы наладить работу в дальнейшем, руководитель бригады договорился с Глушковым. Назначили день, час и место встречи. Глушков не пришел.

Члены бригады ФОСП ждут мнения. Видите ли, они не могут ездить на завод, им материал «нужно посылать на дом». Что стоит например такое заявление т. Пакентрейгера: «Я могу уделять работе на заводе два дня в месяц по нескольку часов. Если этого мало—поставьте вопрос перед ФОСП о замене меня кем-либо другим».

Нет у бригады хорошего руководителя. Организатору бригады ФОСП нужно со всей серьезностью поставить перед литорганизациями вопрос о шефстве. Литорганизации должны контролировать работу выделенных в бригаду товарищей.

Необходимо срочно перестроить работу бригады ФОСП, создать расширенное совещание редколлегии заводской газеты «Ильичевец», литруководителя завода и рабкоров совместно с бригадой писателей. Это совещание послужит отправным пунктом для дальнейшей работы бригады.

Г—А.

Писательская общественность обойдена

Правление ОГИЗ обратилось недавно в Совет Народных Комиссаров РСФСР с проектом нового закона об авторском праве.

ОГИЗ не поинтересовался мнением своего второго писательской общественностью, не вынес его на обсуждение литературных организаций, а между тем проект итог уже прошел несколько инстанций и в ближайшем будущем станет действующим законом.

В то же время характер нового законопроекта ОГИЗ вызывает серьезную тревогу, ибо проект **значительно ухудшить материальные условия писательского труда.** Достаточно указать на то, что минимальные ставки авторского гонорара сохраняются на уровне 1928 г., в то время как издательская практика последних лет их значительно повысила. Справедливо является и тот пункт проекта, в котором в одну рубрику—«прочих произведений» — или назначается минимальный объем в 125 р. за печатный лист отнесены все неоткровенные и не периодические произведения, т. е. и художественная проза, и критико-публицистические статьи, и литературные исследования.

Не особенно бьет по материальным интересам писателя значительное увеличение норм тиражей. В частности норма тиража детской и политической литературы повышается с 10.000 до 25.000 при сохранении прежних гонорарных ставок.

Секретариат ФОСП выносе протест по поводу игнорирования ОГИЗ'ом мнения писательской общественности и требует отмены его антиобщественным путем проекта закона об авторском праве.

ФОСП создана специальная комиссия, которой поручено обратиться в СНК РСФСР с просьбой задержать издание нового закона до обсуждения его писательскими организациями. В комиссию ФОСП вошли: И. Макарьев (ОГИЗ), Егорошкин (РАПП), А. Эфрос (ВССП), Г. Шульц (Федерация) и И. Крутиков (ФОСП). Комиссия тщательно ознакомится с новым законопроектом, после чего ФОСП организует широкое обсуждение нового закона писательской общественностью.

Держите темпы

Около месяца назад секретариатом МАПП была создана комиссия для учета реализации показа героев пятилетки.

Результаты работы комиссии за истекшее время весьма незначительны. Руководящие товарищи чрезвычайно медленно. Критические статьи и очерки еще не написаны, тогда как по договору с ГИХЛ 10 августа рукописи должны быть сданы в производство.

Президиум МАПП обязал рабкора требовать от кружковцев быстрой реализации принятых ими на себя обязательств, по показу передовиков рабочего класса и предложил членам малоновой комиссии написать критические статьи к полученным очеркам.

от нашего корреспондента

КНИГУ—начинающему читателю

В городе сплошной грамотности—Ленинграде—Государственное художественной литературы (Лен-ГИХЛ) приступило к проведению в жизнь нового производственного начинания—**издание книг для начинающего читателя.** Значительность начинания Лен-ГИХЛ очевидна, если принять во внимание то обстоятельство, что сотни тысяч грамотных, жаждущих обучающихся грамоте, сегодня требуют книги для чтения. Детские книги, доступные этому читателю по **полиграфическому оформлению,** слишком примитивны по содержанию, а обыкновенные книги—трудны.

В первые годы первой пятилетки Лен-ГИХЛ выпустил в издание и производство три сборника—о коллективизации, о гражданской войне и о Красной армии, составленные из переработанных прозаических советских писателей. В будущем, наряду с переработкой лучших произведений мировой пролетарской и революционной литературы, ГИХЛ будет практиковать специальные заказы писателям. Возложить эту работу Лен-ГИХЛ просит Максима Горького, к которому издательство обратилось с особым письмом.

Предложение позвать инициативу Лен-ГИХЛ, привлечь к этой работе лучших мастеров литературы, изобразительного искусства и полиграфии. Нам кажется, что было бы целесообразно создать при редакции новой серии для начинающего читателя **литературно-педагогический совет с участием рабочих-начинающих читателей.** Надо дать в кратчайший срок хорошую и доступную по цене книгу неграмотному. Это—обязанность не только издательства, но и всей литературной общественности.

Б. Р.

Ленинград.

Ячейка дома Герцена—ячейка ФОСП

29 июля были проведены перевыборы бюро ячейки дома Герцена. В состав нового бюро вошли тт. Тарнев, Бочкарев (ВАПКИ), Коренев (ФОСП), Макарьев (РАПП), Шульц (Федерация), Хорошин, Лапшевич (Горком писателей). Кандидатами избраны: Арский (Всерабис-информ) и Либерман (ЦЮКАФ). Секретарем ячейки избран т. Тарнев. Организатор—т. Коренев и Шульц. Культсектор—тт. Макарьев и Арский. Массовый сектор—тт. Лапшевич и Сектор контроля — т. Либерман.

Первое заседание бюро повести считать, отговорившись в вакуум, было назначено следующим вопросам.

Бюро решило перевести ячейку дома Герцена в ячейку ФОСП, включив в ее состав писателей-коммунистов, работающих во всех организациях и охватить работой ячейки всю беспартийную писательскую массу. Партийцев должны систематически информировать бюро о положении и той или иной литорганизации. Горком писателей также должен регулярно отчитываться в своей работе перед бюро.

Решено организовать комсомольскую ячейку ФОСП.

Была заслушана информация Горкома писателей и приняты следующие решения.

Выделить в Горком писателей для работы пять коммунистов и просить МАПП о выделении туда, еще нескольких ударников, призванных в литературу.

Отобрать инициативу Горкома писателей в получении для писателей рабочих карточек Лит. А. и в организации закрытого распределителя для писателей.

Литературное сегодня

«Напомним, какой исключительно ядовитой была речь Средне-Волжского кацо. Номер будет за ним на месте целым рядом враждебных и двусмысленных заявлений о «Литературной газете», в котором высказаны резолюции бюро фракции ЛАПП и ЛО ФОСП о ленинградской творческой дискуссии, материалы по литературной политике, отрывки из постановления ЦК ВКП(б) об издании «Истории гражданской войны» и т. д., в Ленинграде 6 августа в продажу не поступил, ввиду задержки в типографии **«Литгазета»** не была выдана даже газетному киоску.

Секретариат ЛАПП и ЛО ФОСП выделили группу по борьбе с безобразным распространением «Литгазеты». Ознакомившись с работой группы, решили принять ряд самых решительных мер к тому, чтобы подобные возмутительные случаи впредь не повторялись.

Против безобразного распространения „Литгазеты"

НАЧАЛАСЬ ЧИСТКА ЛЕНГИХЛ.

ЛЕНИНГРАД, 6. (Наш корр.). Одновременно с чисткой аппарата ОГИЗ, Кинотреста, УПВО и транспортных предприятий, в том числе и Лен-ГИХЛ, в числе которых выпускают специальный номер «Ленинградской правды», приступает ряд фактов политической неразборчивости аппарата. Например, за полугодие свыше 6 процентов его членов-коммунистов выбыло по идеологическим соображениям около 10 книг. То, что редакция проявляла политическую слепоту авторов и выпускала их книги в производство, дало около 11.000 руб. убытка (данные еще неполные, по этим данным убыток доходит до 30.000 руб.). Для борьбы с подобными явлениями решено ввести в авторскую правку: по № 6 журнала «Залп» авторская правка составляет 75 проц. набора; набор № 6 «Перелома» обошелся в такую же сумму, как и авторская правка.

Извещения

10 АВГУСТА, в 18 ч., в Доме комсомола (Васильевский, 13) состоится заседание творческого актива МАПП Кр.-Пресненского района, на котором выступит тт. Киршон, Серебрийский, Боровой и др.

⁂ 11 АВГУСТА — 18 ч. в клубе ФОСП — рабочее собрание критической бригады МосЛОКАФ. Явка всех бригадников обязательна. Приглашаются лекаторцы и литкружковцы.

⁂ 17 АВГУСТА, правление МАПП и редакция журнала РОСТ организуют на выходе однодневную экскурсию ударников, призванных в литературу. В экскурсии участвуют: тт. Авербах, Алтаузен, Багрицкий, Безыменский, Киршон, Кольцов, Луговской, Луначарский, Панферов, Резчиков, Светлов, Селивановский, Сидоров, Сурков, Сутырин, Фадеев, Халатов и др. Сбор по пригласительным билетам на пристани Госпароходства (Причальная наб., 5) ровно в 9 ч. утра.

⁂ 17 АВГУСТА — 18 ч. в клубе ФОСП — общегородское собрание писателей—членов кооперации, созываемое горкомом писателей. В порядке дня: 1. Реализация обращения ЦК ВКП(б), Сообщение о Центрогороде о перестройке потребкооперации и задачи писателей. 2. Перегруппировка сил писателей и создание закрытого писательского распределителя.

⁂ 18 АВГУСТА — 18 ч. в клубе завода им. Ильича (Б. Сампсониевский, 44)—состоится расширенное заседание металлобюро ФОСП совместно с рабочими завода и писательская актива. В порядке дня: отчет всех литорганизаций о работе по художественному показу героев пятилетки.

Поправка

В предыдущем номере «Литгазеты» в речи Н. Тихонова на дискуссионном собрании ленинградского отдела ВССП упоминается партиздат Жлобин. Следует читать — ЖЛОБА.

Ответственный редактор: С. ДИНАМОВ

РЕДКОЛЛЕГИЯ: Н. Асеев, С. Динамов, Н. Жига, Л. Каминский, И. Катаев, Г. Коренев, Н. Огнев, А. Селивановский, И. Сельвинский, М. Слонимский

ИЗДАТЕЛЬ: Акционерное Изд. О-во «Огонек»

Изд-во ОГИЗ
„ФИЗКУЛЬТУРА и ТУРИЗМ"
(Москва, 12, Кропоткинская, 15, телефон 1-44-80)
объявляет
ШИРОКИЙ КОНКУРС
на лучший физкультурно-спортивный ОЧЕРК, РАССКАЗ, СТИХи или очерк
Для премирования лучших произведений установлены премии.
ЗА ОЧЕРК и РАССКАЗ: 1-я премия—400 р., вторая—300 р., третья—200 р., 4-я—5-я—по 100 р.
ЗА СТИХОТВОРЕНИЕ: 1-я премия—200 руб., две вторых—по 100 руб. и пять четвертых—по 50 руб.
Последний срок представления рукописей—1 декабря 1931 г.
ТРЕБУЙТЕ ПОДРОБНЫЕ УСЛОВИЯ КОНКУРСА

ВНИМАНИЮ ПОДПИСЧИКОВ
„ОГОНЬКА", „ОВЛАДЕЕМ ТЕХНИКОЙ" („ИСКРЫ НАУКИ"), „БОРЬБЫ КЛАССОВ"
с приложением библиотеки
„ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ"
ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПРИЕМ ОЧЕРЕДНЫХ ВЗНОСОВ по „Огоньку" с „Всем. истор."—4 руб., „Овладеем техникой" („Искры науки") с „Вс. истор."—3 р. 50 к., „Борьбы классов" с „Вс. ист."—3 р.
Акц. изд. о-во „ОГОНЕК"
ВЗНОСЫ сдавайте исключительно на ПОЧТУ

„Нам нужна боевая литература, которая бы живо откликалась на боевые вопросы социалистического строительства, которая бы внедренно мобилизовала массы вокруг задачи осуществления генеральной линии партии". „ПРАВДА" от 19 апр. 1931 г.
ВНИМАНИЕ РЕДКОЛЛЕГИЙ, РАБСЕЛЬКОРОВ, УДАРНИКОВ ПЕЧАТИ И УДАРНИКОВ, ПРИЗВАННЫХ В ЛИТЕРАТУРУ.
ВЫШЛА ИЗ ПЕЧАТИ И ПОСТУПИЛА В ПРОДАЖУ КНИЖКА
А. БЕЗЫМЕНСКИЙ
СТИХИ МОБИЛИЗОВАНЫ
ОТЧЕТ О РАБОТЕ НА СТАЛИНГРАДСКОМ ТРАКТОРНОМ ЗАВОДЕ
Заказы и деньги сдавайте почте и киоскам „СОЮЗПЕЧАТИ"
Цена 50 коп.
Требуйте во всех киосках.

Путь ваш
не имеет ответа,
У других
есть ответ боевой;
И писателя и поэта
давить нетерпя
к сегодняшней бой
Речь на XVI съезде ВКП(б)
4-го июля 1930 г.

ПЬЕСА ГОРЬКОГО У ВАХТАНГОВЦЕВ
Театр им. Вахтангова включил в репертуар предстоящего сезона новую трехактную пьесу А. М. Горького — «Егор Булычев и другие». Это—первая пьеса из задуманного Горьким театрального цикла — о периоде времени с начала Февральской революции до наших дней. Она пойдет у вахтанговцев второй новой постановкой в сезоне.

ХРОНИКА ИСКУССТВ
— В театре им. Шевченко вышел в Киеве Никитина «Дивна огня» отрывочный театром Камерного театра в Харькове. Спектакль прошел с успехом. С огромным успехом были сыграны участниками «Нетр» Отдела Комсомол театра принимает активное участие в проведении общественно-политической работы, обслуживая Трансторгов, Трансстроев и др. заводы. В выпуске группа вечеров участвовала в карнавале, организованном Одесским Домом. Гастроли заканчиваются 1 сентября.
— В помощь творческой мобилизации масс киностудии Всероскомфильм—Мосфильм и Дом Печати создали общественную методическую лабораторию. Совместно студией «Мосфильм» — кинопроизводственную серию об отношении труда в колхозе. Сценарий написал по мотивам колхоза им. Демьяна Бедного. Он стал и производства Всекохудфильма—т. Гуревич.
— 10 числа днем в театре Сатиры (Домжурка) состоялся общественный просмотр пьесы А. Мариенгофа «Люди и свиньи».

ОГОНЕК
САМЫЙ РАСПРОСТРАНЕННЫЙ В СССР ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ
РЕДАКТОР МИХ. КОЛЬЦОВ
В 1931 г. „ОГОНЕК" уделяет особое внимание событиям в стране Советов и за рубежом и снабжает их фотографиями, очерками, рассказами и другими материалами всех видов печати с социалистического отечества и вчерашней борьбы по всем миру.
ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:
«ОГОНЕК» без приложений — годовой 6 р. 60 к., в мес.—55 к. с 3 мес.—1 р. 65 к. «Огонек» с XIX по XXII с «Всемирной Историей» годовой 12 р., в мес.—1 р. комплектом «Огонек»—12 мес.—10 р., 6 мес.—5 р. 50 к., 3 мес.—3 р.
Подписка принимается во всех почтовых отделениях, установленных местной почтой. Своевременная подписка обеспечивает получение журнала с первого номера.
Акц. Изд. О-во «ОГОНЕК»

ПЕЧАТАЕТСЯ № 3—4 ЖУРНАЛА
БОРЬБА КЛАССОВ
СОДЕРЖАНИЕ
М. ПОКРОВСКИЙ. — Привет Горькому.
В. КАРПУШ. — За партийную историческую науку.
Б. МИЛЛЕР. — Признаки и движущие силы великой революции.
С. ЛОЗИНСКИЙ. — Католицизм в истории Испании.
МИХ. КОЛЬЦОВ. — Кусочек разговора.
А. ЛЕЛЕЗО. — За Парижским хребтом.
Н. КРУТИЦКАЯ. — Восьмые дни 1917 г. в Выборгском районе.
О. ГЕЙЗ. — Рембрандт и жанровая живопись.
МАССЫ ТВОРЯТ И ПИШУТ ИСТОРИЮ
А. ПАНКРАТОВА. — Призыв ударников к мемуарной литературе.
Н. ПОЛЯКОВ. — История колхоза АМО. Ударники, Ковалихи и Сидоры.
ВЧЕРА И СЕГОДНЯ
Е. СТЕПАНОВА. — Эрфурт—Гейдельберг—Зейтинг.
С. ЗАНДУКОВА. — Как я ушел от белогвардейцев.
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФРОНТ
Н. ЛУКИН. — Как социал-фашисты пишут историю.
Журнал богато иллюстрирован. Ц. 1 р.
Подписная цена «Борьбы классов» без приложения: год—6 руб., 6 мес.—3 руб. 50 к., 3 мес.—2 руб.
«БОРЬБА КЛАССОВ» с 1 сентября с приложением 24 книг библиотеки «Всемирная история» от 1 января по 31 декабря комплектом) 21 р. 25 к.
При подписке—17 р. 25 к. и к 1 октября 4 рубля.
Подписная на «БОРЬБУ КЛАССОВ» с приложением «Всемирной истории», кто лишь по подписке за рассрочку сразу двух книг, которые комплектно вносят третий взнос—5 руб. Не вносящим очередного взноса книги высылаются с № 5 прекращаются.
Подписку оплачивайте заблаговременно и только почте. Подписка принимается до определенного срока, указанного почтовой маркой. Отказавшимся подписка принимается на следующий месяц.
Акц. изд. о-во «ОГОНЕК».

ИЗО ИСКУССТВО СОВЕТСКОГО СОЮЗА ПРОХОДИТ СЕЙЧАС ЧЕРЕЗ ЭТАП КРУТОГО ПЕРЕЛОМА: РЕВОЛЮЦИОНИЗИРУЕТСЯ ЕГО ТЕМАТИКА И ФОРМЫ
Постановления последнего Пленума ЦК ВКП(б) о городском строительстве возлагают на всех работников нашего изо-искусства НОВЫЕ ЗАДАЧИ, открывают перед ними ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ
ИЗОГИЗ КНИГОЦЕНТР
ЭТИ ВОПРОСЫ ОСВЕЩАЕТ ЖУРНАЛ
БРИГАДА ХУДОЖНИКОВ
Ежемесячник Федерации объединений советских художников
Ответств. редактор П. НОВИЦКИЙ
Цена 1 р. 50 к.
Цена 1 р. 50 к.
Цена 1 р. 50 к.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ФЕДЕРАЦИИ ОБ'ЕДИНЕНИЙ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР

МОСКВА 15 августа 1931 г. № 44 (143)

РЕДАКЦИЯ:
Москва, Тверской б. 25, Дом Герцена. Телефон 2-80-12.

ИЗДАТЕЛЬСТВО:
Акц. о-во «Огонек»; Москва, б. Страстной б. 11. Телефон 5-5169.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА:
На 12 м. 3 р. 50 коп.
На 6 м. 1 р. 75 к.
На 3 м. - р. 90 к.

за работу по-новому
с ударниками-призывниками

Несмотря на предупреждения, данные в свое время секретариатом РАПП, пятый период вызван значительным ослаблением в работе ассоциаций и отдельных кружков пролетарских писателей. Некоторые ассоциации и кружки вынуждены приостановили на лето свою работу. Такое положение нормальным назвать никак нельзя. Плохие традиции литературной общественности не должны сохраняться. Темпы литературной работы не должны измеряться, как это обычно происходит до сих пор, сменой времен года. Особенно вредным был опыт работы именно летом 1931 года, когда предстояло усилить работу с призванными в пролетарскую литературу рабочими-ударниками, а не ослаблять ее.

Пролетарское литературное движение после летнего затишья вступает в полосу «сезонного» осеннего оживления. Пленум правления РАПП, созываемый 30 августа, должен разработать подробный план работы организации на год вперед, должен явиться началом новой волны под'ема в жизни организации. Среди прочих задач, которые выдвигается на первый план перед пролетарским литературным движением, в числе важнейших находится задача воспитания в организации вошедших в нее рабочих-ударников. Призыв рабочих-ударников начался в октябре 1930 года. Естественно, что использовать их для учебы весь литературный год было невозможно. Сейчас положение иное. Литературный год начинается. Кадры рабочих-ударников закреплены и закрепляются в организации. Естественно, что такой благоприятный момент не может быть упущен, что должны быть созданы все условия для развертывания углубленной работы с призывом.

Создание таких условий требует разработки целой системы мероприятий. Снова с большой остротой встает больной для организации и нерешенный еще ее вопрос о руководителях кружков. Мы должны здесь прежде всего отметить, что далеко не все квалифицированные силы РАПП использованы для постоянной, систематической работы с призывниками-ударниками. Но полное использование этих, немногочисленных по сравнению с ростом движения, сил еще далеко не решает вопроса. Необходима настойчивая работа по выдвижению новых кадров. Организация нуждается в большем количестве руководов, и они должны быть выдвинуты из среды самих рабочих-кружковцев. Опыт московской, ленинградской и некоторых других ассоциаций по созданию курсов-семинаров рабочих руководов, опыт Западной ассоциации, организовавшей кабинет рабочего-ударника,—этот опыт должен быть учтен, использован и развит всеми ассоциациями РАПП. Организация выросла. Прежние, кустарные методы работы не дают никаких положительных результатов.

Точно так же весьма остро стоят вопросы плана и содержания работы в кружках. С одной стороны, здесь наблюдается академически-схоластический уклон, когда литературная учеба в кружке отрывается от классовой практики кружковцев, от запросов и нужд данного предприятия и подменяется изучением отвлеченных проблем литературоведения и литературы вообще. С другой стороны, нередко кружки работают без всякого плана, не осмыслив своего опыта, не поднимая идейного уровня кружковцев, практикуя худшие навыки цеховщины. Задача заключается в выработке такой типовой программы учебы, которая превращала бы кружковца в активного участника всего процесса литературного движения, не отрывая его литературного творчества от всей его общественно-политической работы, которая учила бы его художественному мастерству, не сбиваясь на проторенную формалистическую дорожку. Уже накопился немалый опыт неудачных кружковых программ. Но движение имеет все права на хорошую программу (вернее на ряд программ, учитывающих все многообразие запросов и знаний различных прослоек низового пролетарского литературного движения). Необходимые сроки здесь уже упущены. Необходимой расначки в работе всей РАПП не видно. Теперь каждая декада имеет огромное значение. Медлить с разработкой программ нельзя.

Но нельзя также медлить с необходимыми пособиями для кружковцев. Очень недостаточно количество статей, посвященных разбору творчества рабочих-ударников. Между тем серьезная учеба кружковцев на материале его творчества имеет первостепенное значение. Но уже из рук вон плохо обстоит дело с популярной книжкой, которая ориентировала бы кружковца в основных вопросах литературы, знакомила бы его с историей пролетарской литературы, передавала бы ему опыт напостовства, вводила бы его в курс дискуссии о творческом методе, помогала бы ему в овладении технологией художественного мастерства.

Несколько книжек, выпущенных по массовой серии библиотеки «На литературном посту» и по другим сериям, конечно не могут заполнить огромного пробела, тем более, что далеко не все из выпущенных книжек могут быть признаны удавшимися. Кадры марксистской критики должны считать своей первоочередной обязанностью создание серии таких марксистских популярных брошюр-пособий; план такой серии должен быть широко разработан.

Разумеется, сказанное о кружках РАПП в еще большей мере относится к кружкам ВОПКП, где положение должно быть признано совершенно не благополучным.

Развертывание углубленной работы в рабочими-призывниками явится серьезной проверкой того, как РАПП учится работать по-новому, как в ней осуществляются методы конкретного руководства и изгоняются методы кустарщины и беспланности, сохранившиеся от того времени, когда ставшее теперь массовым пролетарское литературное движение было только небольшим кружком, включив эту работу в повседневный план своей деятельности на предприятиях; редакции печатных и стенных газет должны систематически освещать творчество литкружковцев.

В связи с указанием РК, в Ленинском районе уже организован кабинет ударника при Доме партпросвещения.

на бумажном фронте без перемен

В течение нескольких месяцев миллионную массу читателей, советскую общественность, печать, затем литературных организаций волнуют вопросы нехватки бумаги. Бумажный кризис больно ударил по нашим издательствам, смял редакционные планы, резко сократил книжную продукцию.

И естественно, что в стране социалистической индустриализации планирующие органы употребили все усилия на то, чтобы недостаток бумаги наименее болезненно отразился на продукции так называемых ведущих издательств, выпускающих научно-техническую, социально-экономическую, учебно-педагогическую, массовую политическую книгу. И в результате больнее всего недостаток бумаги ударил по художественной книжке.

Однако советская общественность не могла примириться с тем, чтобы многомиллионная армия читателей, все быстрее растущая благодаря проведению ликбеза и всеобуча, чтобы эта читательская масса осталась без художественной книги, помогающей строить социализм.

В условиях острейшего недостатка бумаги были выдвинуты встречные мероприятия, могущие облегчить положение издательств художественной литературы. К числу этих мер относятся мобилизация внутренних ресурсов, жесткий пересмотр издательских портфелей, точное планирование наличной бумаги, четкое распределение книжной продукции, своевременное и умелое ее продвижение к читателю.

Печатаемые нами сегодня материалы говорят о том, что некоторые издательства, а в особенности Союзбумага и Книгоцентр еще недостаточно энергично взялись за осуществление этих мероприятий, еще не создали решительного перелома в производстве и распределении художественной книги. Недостаточную помощь оказывают до сих пор издательствам и писатели, которые в ЛенГИХЛ, например, сами срывают редпланы, нарушая сроки сдачи рукописей.

Между тем острый недостаток в бумаге при громадном неудовлетворенном спросе на художественную книгу налагает серьезные обязательства на каждую из сторон книжного «треугольника».

Союзбумага должна мобилизовать все средства для быстрого роста бумажного производства, и по этой линии ее задача очень облегчается недавним решением ЦКК РКИ о разукрупнении Союзбумаги и о специализации ее фабрик по выработке технических и культурных сортов бумаги. КНИГОЦЕНТР должен повести жестокую борьбу со своей бюрократической непов. ворливостью; ИЗДАТЕЛЬСТВА должны приложить все силы к тому, чтобы с максимальной бережностью и с максимальной пользой использовать каждый печатный лист своей продукции.

задолженность союзбумаги возрастает

Издательства продолжают оставаться в чрезвычайно напряженном положении в связи с возрастающим недостатком бумаги. Если в снабжении издательств бумагой не произойдет решительного перелома, задолженность фабрик к концу третьего квартала значительно превысит цифру задолженности на 1 июня. До сих пор не погашена задолженность за второй квартал, а к сент порм третьего квартала поступает лишь ничтожное количество бумаги.

Так, издательство «Молодая гвардия» во втором квартале недополучило 45 процентов причитающейся ему бумаги, а в третьем квартале вместо причитающихся за июль и август 728 тонн получило лишь 103 тонны, что составляет 14 процентов нормы.

Недополучение родовой бумаги вызывает простой четырех ротационных машин. Это стоит издательству огромной неустойки и задерживает выпуск политучебников. Положение с выпуском художественной литературы в «Молодой гвардии» прямо катастрофическое. Сданная в производство предназначенная к срочному выпуску серия «Степка должен знать своих героев» протекала в издательстве месяц в ожидании бумаги. Вся художественная литература, совершенно готовая к пуску в машину, не выходит из производства. Нет даже ориентировочных сроков ее выпуска.

***

Еще хуже обстоит дело в «Издательстве иностранных рабочих в СССР». Вместо требующихся издательству 300 тонн бумаги Комитет по делам печати утвердил норму в 150 тонн. Обещанные к чмалке во втором квартале 20 тонн бристольской бумаги еще не получены. Вместо требуемых 112 тонн бумаги для экспортной литературы разрешено к получению всего 40 тонн, и те будут получены не ранее 1 сентября, т.-е. в самом конце третьего квартала. Такое положение ставит под угрозу срыва весь план работ издательства.

Уже сегодня 22 названия книг, подписанных в печати, лежат без движения из-за отсутствия бумаги.

***

ГИХЛ недополучило за второй квартал 82 тонны бумаги. В счет норм третьего квартала отгружено разными фабриками 10 проц. июньской нормы. Издательства «Недра» и «Московское товарищество писателей» недополучили за второй квартал 25 проц. нормы. В счет третьего квартала не получено еще ни одного листа бумаги.

Е. ПЕЛЬСОН

тысячи книг на складах

На книжных базах ленинградского отделения Книгоцентра на 6 августа лежало 4½ тиража, неразвезенных московским Книгоцентром. Среди книг, лежащих мертвым капиталом, альманах «АПП и ЛЕФ» «14 ТАСС», «Цинк» Агеева, «Соляная библиотека» Гладкова, романы «Вольные корсары» Лавренева и др. Целые груды книг на числе затоваренных давно уже преданы ленинградскими книжными магазинами, куда они поступают без разверстки московского Книгоцентра.

Как сообщили нам в Ленкнигоцентре, затоваривание здесь — обычное явление. Одна из причин массового затоваривания книг — недостаточная связь Ленкнигоцентра с московским правлением. Сигнальные образцы книг, по которым производится разверстка, обычно «ПРОЛЕЖИВАЮТ» по дороге из Ленинграда в Москву, и целые тиражи застревают на полках складов.

литорганизации ленинграда должны помочь перестройке издательства

(от нашего ленинградского корр-та)

Снабжение бумагой ЛенГИХЛ в последние месяцы несколько улучшилось и в этом отношении положение издательства сейчас более устойчиво. Но наряду с этим резко ухудшилось качество бумаги. На художественные издания, на которые недавно еще шла бумага № 2, а затем № 4, сейчас представляется № 5, т. е. газетная бумага. Печатать иллюстрации на ней невозможно, поэтому на журналы отпускается бумага № 4).

Во всяком случае производственный план ЛенГИХЛ на август бумагой обеспечен. Выпала лишь школьная серия из-за невыполнения в июле 30 с лишним тонн бумаги. Несмотря на то, что Московский ГИХЛ сообщил о включении этой бумаги для школьной серии в разнарядку, бумажная фабрика почему-то этой разнарядки не получила и бумаги не предоставила ни на август ни на сентябрь (весь производственный сентябрьский план пока-что обеспечен только на 30 проц.).

Некоторые должники в снабжении бумагой еще более подтягивают безотрадное положение с авторским сырьем: авторы систематически невыполнят обязательств по своевременной сдаче рукописей. Полуготовые и готовые оригиналы (об этом мы уже сообщали в «Л. Г.») отсутствуют редакционные портфели и окончательно срывают плановость в работе издательства. Ленинградские литорганизации обязаны помочь издательствам: по отношению к злостным дезорганизаторам производства должны быть приняты решительные меры.

Наконец угрожает срывом производственных планов ЛенГИХЛ и состояние ленинградской полиграфической базы и нечеткая работа УПП ОГИЗ. В последние месяцы типографии — «Печатный двор» и им. Е. Соколовой выполняли всего лишь 20 — 25 проц. заказов ГИХЛ. Только сейчас поступают заказы июльского плана. На июль и август новые заказы приняты типографиями условно: художественная литература будет печататься лишь в случае... прорыва в работе других издательств.

Р.

от имени революционных писателей ирана
протестуйте!

4 июня 1931 года ТАСС сообщило, что правительство Брюнинга решило изгнать за пределы гинденбургской республики тех иранских политических эмигрантов, которые нашли убежище у пролетариев Берлина и поднили там свой колос истощенных от ударов, нанесенных им азиатским деспотизмом.

Социал - демократия, второй интернационал, которые всего несколько месяцев назад защищали судимых в Москве контрреволюционеров-меньшевиков, готовящих кровавое нападение на социалистическое отечество международного пролетариата, сегодня перед незаконным действием правительства демократической республики позорно молчат.

Иранская общественность никак не может понять, почему европейские державы не выгоняют из пределов своих стран русских белоэмигрантов, которые своей гнусной клеветой пытаются организовать общественное мнение против Советского союза, между тем как это же германское правительство со страной воспитанностью изгоняет иранских политических эмигрантов, которые не имеют никакого отношения к внутренним делам Германии, но которые очевидно не дают спокойно спать реакционному правительству Пауэра, поддерживаемому «реснубликанским», «демократическим» правительством Германии.

Революционные бойцы Ирана, несмотря на то, что ряды их незначительны и слабы, все-таки достаточно сильны, чтобы в союзе с пролетариатом Европы занимать своих товарищей.

Правительство Реза - Шаха дошло до того, что всякий, осмеливающийся произнести слово «свобода», «революция», «нет»—подвергается бразе и побоям и даже пожизненному заключению в тюрьме или высылке в пустыню Кевир.

Само собой разумеется, что при существующем азиатском деспотическом гнете и реакционности шахского строя, трудно представить себе возможность легальной печати и распространение какой - либо газеты в Иране, которая бы вскрывала истинную сущность современного шахского строя.

Поэтому иранские политические эмигранты, принимая во внимание демократический строй и оборудование типографии на арабской основе в Германии, решили в Берлине издавать газету под названием «Пейкар».

Не успели выйти шесть номеров газеты, как газета эта приобрела очень большой авторитет не только среди трудящихся Ирана, но даже и в Афганистане. Индии и в некоторых частях Аравии.

Вот почему трусливое правительство Пахлави, испугавшееся этой искры революции, потребовало от германского правительства закрытия этой газеты и высылки издателей. А «демократическое» германское правительство, рады выгоды немецких капиталистов, купцов и ростовщиков, хочет удовлетворить это требование.

Для подавления революционного голоса порабощенного народа Востока, азиатский деспотизм заключает союз с европейским фашизмом.

На очередную выходку международного империализма надо ответить сплоченным революционным союзом пролетариата Запада с угнетенными Востока.

К вам, революционным литераторам СССР, от имени революционных молодых литераторов Ирана, обращаюсь с открытым письмом, протягиваю к вам братскую руку и прошу вас поднять свой авторитетный голос, довести наш революционный протест до пролетариев фабрик и заводов, в частности Берлина, призвав их защитить нашу газету и товарищей по классу.

В ответ на интернациональное выступление реакции ответим интернациональным революционным протестом, революционной сплоченностью и созданием международного комитета на защиту «Пейкара».

За революционный «Пейкар»!

С революционным пролетарским приветом РАГИМ НОВБАРИ

ленинский райком о призыве ударников в районе

Секретариат Ленинского райкома ВКП(б) в Москве заслушал отчет о состоянии работы в районе по призыву ударников в литературу.

Было констатировано, что призыв ударников значительно усилил районную литературную организацию, видоизменил тематику литературного творчества в смысле более конкретного отражения борьбы за промфинплан, соревнования, ударничества, а также показа лучших. Количественно увеличился и качественно улучшился материал фабрично-заводской печати и стенгазет. Число рабкоров возросло с двух до двухсот сильной более 100 человек.

В связи с неудовлетворительным руководством работы по призыву со стороны райбюро МАПП, а также со стороны фабрично-заводских партийных организаций успешно начатая работа по призыву **не закрепилась.** Часть кружков распалась; тематически кружкам не всегда участники подчинялся на должную политическую высоту. Наблюдается случаи излишнего захваливания начинающих, фаворитство кружков, частая смена руководителей и т. п. Для изжития этих недостатков Секретариат райкома в своем решении предложил: разукрупнить Замоскворецко-Ленинское райбюро и создать **самостоятельное райбюро МАПП Ленинского района;** создать кружки при всех крупных предприятиях района; подобрать опытных руководителей; мобилизить фракции райбюро уделить особое внимание индивидуальному воспитанию каждого кружковца, организовать при Доме партпросвещения районный центр для ударников; предложить парторганизациям района, в частности культпропам партячеек, плотную заняться руководством литкружками, **включив эту работу в повседневный план своей деятельности** на предприятиях; редакции печатных и стенных газет должны систематически освещать творчество литкружковцев.

у пролетписателей западной области

письмо из смоленска

Секретариат ЗОАПП организовал широкую встречу пролетписательского актива Западной области с секретарем Запобкома ВКП(б) т. **Румянцевым.** В беседе с писателями т. Румянцев обрисовал основные задачи, стоящие сейчас перед ЗОАПП, и наметил пути более тесного включения пролетарских писателей в хозяйственное строительство, их задачи в идейно-воспитательной работе с ударниками, призывниками в литературу.

В связи с указаниями т. Румянцева при культпропе облсема ВКП(б) будет создано областное семинарие коммунистов, работающих в литературе. Намечается широкая подготовка к осеннему с'езду РАПП и к конференции ЗОАПП. Перестраивается орган ЗОАПП «Наступление».

Секретариат ЗОАПП разработал ряд мероприятий, которые должны реализовать указания т. Румянцева. В частности нужно отметить совместную работу с облгазетами в организации художественного освещения новых хозяйственных проблем Западной области.

А. М.

выставка владимира маяковского

Литературный музей при Публичной библиотеке СССР им. В. Ленина организовал выставку работ В. В. Маяковского.

Экспозиция стремится наглядно показать творческую эволюцию поэта в связи с общественно-политической обстановкой. И в этом плане — несомненной заслугой Литературного музея является попытка отойти от старого биографического метода музейной экспозиции, попытка сделать так, чтобы сами по себе говорили тексты Маяковского, иллюстрированные материалом, дающим социальную характеристику эпохи.

Другое дело, что попытка эта на первых порах осуществлена беспомощно, схематично, по-формалистски.

Разрыв поэта с эпохой 1907—1910 гг. показан так: над стендом с первыми футуристическими строчками Маяковского—высокий, под потолком — подвешен плакат о военном расстреле. Плакат выглядит так, будто он случайно занял здесь, оставшееся какой-нибудь предшествовавшей выставкой.

Совсем смехотворно выглядит витрина, долженствующая показать литературные корни творчества Маяковского и его борьбу с реакцией: символизмом, декадентством, бульварной, обывательской книгой.

Здесь красной тесемочкой разграничены четыре ряда книг: налево — бульварная, символизм и эгофутуризм, направо—кубофутуризм.

Подбор книг сделан по замечательному признаку: бульварная литература представлений время (действительно бульварными) книгами, именами и заголовке слово «женщина»: «Женщина на кресте» Анны Мар, «Случайная женщина» и «Женщина и человек» Марка Криницкого». Три книжки, представляющие литературу символизма, также объединены формальным и совсем «сторным» признаком: на всех трех обложках — затейливые заглавья.

Все ошибки выставки вызывают тем большую досаду, что выставка несет следы большой, внимательной и любовной работы устроителей и обладает значительными техническими средствами: электрооборудованием, грамофонными записями чтения Маяковским его стихов, совершенным киноаппаратом.

редакция „игв" приступила к работе

Редакция «Истории гражданской войны» приступила к работе и начала прием материала.

Секретариат редакции «ИГВ» временно помещается на Спиридоновке, 2 (вход со двора, во флигеле), в помещении редакции журнала «Наши достижения».

Прием ежедневно, кроме пятых чисел, от 12 до 15 часов. Телефон 3-79-54. Все материалы направлять: Москва, 69, Спиридоновка, 2.

у историков-марксистов

В связи с решением ЦК ВКП(б) об издании «Истории гражданской войны» президиум О-ва историков-марксистов привлекает всех членов о-ва, все отделения и ячейки содействия к активной помощи изданию «Истории гражданской войны».

О-во историков-марксистов поведет свою работу в тесном контакте с военной секцией Комакадемии, институтами по истории партии и институтами на местах, партизанскими комиссиями и ассоциациями пролетарских писателей.

О-во историков-марксистов развертывает на предприятиях, в комвузах и вузах работу ячеек содействия по учету активных участников гражданской войны и привлечению в ряды общества товарищей, выявивших себя на работе по собиранию материалов и написанию воспоминаний.

у пролетариев баку

В Баку, в сураханском рабочем дворце им. Сталина по инициативе участников гражданской войны—рабочих механического завода им. Дзержинского состоялся первый в АССР вечер воспоминаний участников гражданской войны.

Выступления участников гражданской войны застенографированы и будут переданы редколлегии «Истории гражданской войны».

в рядах осоавиахима

В связи с постановлением ЦК ВКП(б) об издании «Истории гражданской войны» президиум ЦС Осоавиахима СССР предложил всем организациям общества немедленно включиться в собирание и обработку материалов о гражданской войне.

Совместно с политорганами Красной армии и местными филиалами ЛОКАФ осоавиахимовские организации окажут активное участие в проведении специальных вечеров, собраний и бесед красноармейцев, партизан и участников гражданской войны.

Бойцы приветствуют создание „истории"

ЛЕНИНГРАД, 11. (Наш корр.). Состоялся слет бойцов частей Ленского лагерного сбора — активных участников гражданской войны. В слете участвовало свыше 100 командиров, политработников и красноармейцев. Слет приветствует постановление ЦК ВКП(б), принял ряд конкретных решений.

Постановлено, чтобы решительно все бойцы — участники гражданской войны, находящиеся в частях лагеря, приняли активное участие в сборе материалов для «Истории» — воспоминаний об отдельных фронтах, боях, характерных эпизодах боевой жизни частей Красной армии, взаимоотношений красноармейских частей с населением и отдельных документов о гражданской войне.

В частях проводится регистрация всех участников гражданской войны для создания групп участников общих и их же фронтов и частей. Эти группы будут коллективно обсуждать и прорабатывать собранные материалы. Участники гражданской войны, проходящие усиленный сбор запаса в Ленском лагере, командиры по возвращении на фабрики, заводы, в совхозы и колхозы организуют там аналогичную работу по сбору материалов для создания «Истории гражданской войны».

в ленинграде

Ленинградское отделение ФОСН приступило к реализации постановления ЦК ВКП(б) об издании «Истории гражданской войны». На состоявшемся заседании секретариата ЛенФОСН по предложению И. Свирина и Вс. Вишневского принят ориентировочный план работы, который в дальнейшем будет расширен и углублен. В этот план войдут мероприятия, о которых мы уже сообщали в прошлом номере «Л. Г.»: призыв участников гражданской войны в литературу, организация вечеров воспоминаний в боевых землячествах, на предприятиях и т. д.

Для проведения этой работы ЛенФОСН сноситься с целым рядом организаций, из которых, военно-морским музеем НАОМБ, ЛИБАНО, военной и военно-политической академиями и т. д.

Литорганизации выделяют также бригады для записи воспоминаний ветеранов гражданской войны, а библиотеки — для литературных консультаций и изучения творческих групп участников гражданской войны.

Все лучшие воспоминания и другие материалы по истории намечено выпустить массовыми брошюрами и печатать в журналах, газетах. Для уточнения и систематизации этих материалов о гражданской войне предполагается выпуск специального библиографического справочника.

***

Бюро Нарвского района ВКП(б) создало бригаду содействия изданию «ИГВ». Ячейки содействия создаются и на крупнейших предприятиях Нарвского района.

издательства готовят книги о гражданской войне

Месяц назад издательства «Молодая гвардия» и ГИХЛ заключили договоры с ЛОКАФ об издании художественной литературы о гражданской войне. По этим договорам материалы должны были начать поступать в издательства с начала 1932 года. Сейчас, в связи с ударной подготовкой к созданию «Истории гражданской войны», отдел художественной литературы ГИХЛ поставил перед ЛОКАФ вопрос о форсировании сроков представления рукописей для сдачи их в производство в первую очередь.

Во избежание задержки материалов в редакции, отдел художественной литературы ГИХЛ вызвался специального редактора т. Чесникова для работы над рукописями и составления сборников о гражданской войне.

Московским товариществом писателей было предусмотрено по плану 1931—32 года издание сборников о гражданской войне. В связи с подготовкой к изданию «Истории гражданской войны» срок сдачи первого сборника в производство перенесен на сентябрь текущего года. В портфеле издательства находятся рукописи четырнадцати авторов. Первый сборник выйдет в октябре под редакцией К. И. Соколова-Страхова.

„история гражданской войны" ждет своих авторов

„наша рабоче-крестьянская молодежь должна хорошо знать труды и подвиги своих отцов, должна подробно знать роль рабочего класса и его коммунистической партии в организации великой победы передового отряда пролетариев всех стран" ***М. Горький***

в локаф

Важнейшая задача, поставленная перед ЛОКАФ в связи с подготовкой к изданию «Истории гражданской войны», требует от ЛОКАФ особенно четкой работы. Вместе с тем в этой области работа ЛОКАФ тесно переплетается с аналогичной работой издательств.

Для рационального распределения работы и установления строгой ответственности за нее ЛОКАФ поставил перед ГИХЛ вопрос о строгом разграничении обязанностей ЛОКАФ и ГИХЛ.

Ответственность за всю продукцию, поступающую непосредственно в издательство, возлагается на последнее. Только в отдельных случаях, если издательство находит нужным включить ту или иную рукопись в серию ЛОКАФ, оно направляет эту рукопись на обсуждение редколлегии ЛОКАФ.

Для постоянной консультации ЛОКАФ издательство должно развернуть широкую массовую работу, привлекая к ней членов редколлегии ЛОКАФ в качестве консультантов. ЛОКАФ со своей стороны будет заниматься разбором поступающих к нему рукописей и после предварительной обработки направлять их в издательство. В самом ЛОКАФ также будет развернута работа литконсультации для начинающих писателей Красной армии, представляющих свою продукцию в ЛОКАФ.

***

Если ГИХЛ уже включилось в работу по созданию «Истории гражданской войны», выделив для этого специального редактора и увязав свою работу с ЛОКАФ, то «Молодая гвардия», связанная с ЛОКАФ договором об издании представленных ему рукописей, до сих пор ничего не предприняла для согласования своей работы.

ЦС ЛОКАФ поставил поставить перед «Молодой гвардией» вопрос о быстрейшей реализации сданных рукописей и о создании по примеру ГИХЛ специального аппарата для работы над литературой о гражданской войне.

ногайцы смеются

Стены и столы покрыты восточными коврами; под потолком — висячая кованая медная лампа, приспособленная под электричество. Три портрета: Маркса, Ленина, Сталина. Так выглядит изба-читальня колхоза «Интернационал». «Интернационал» — это коллективизированное хозяйство ногайских татар, недалеко от Минеральных вод, на Северном Кавказе, в селе Кануй. Председатель сельсовета, татарин 45—50 лет (высокий, остроглазый, с висящими усами) докладывает о положении колхоза. Доклад — это статистические сведения об экономических, политических и культурных достижениях ногайских татар, о борьбе (тяжелой, упорной, подчас кровавой) с кулаками, с нежежеством, с отсталостью, консерватизмом.

— ... в этом селе, в предреволюционное время была большая культура. Очень, очень большая культура, — и он тяжело опускает на стол свой мускулистый коричневый кулак, — в одном этом селе было 13 мечетей, 25 мулл и одна единственная школа для детей русских землевладельцев и служащих!

Среди слушателей — движение. Несколько молодых коммунистов, сменивших свои национальные бараньи шапки на интернациональные кепки, смеются. Старый ногаец протискивается вперед и поднимает руку: он хочет говорить. На нем желтая черкеска; вместо газырей торчат несколько наперсток, а его голова — голова патриарха.

— Теперь у нас, — продолжает председатель, — три школы с 650 учениками, стопроцентный охват детей школьного возраста. Школа, недоступная во времена царизма для молодых ногайцев, стала при советской власти основой нашего национального культурного развития.

Старый татарин в зеленоватых очках поднимается со своего стула и говорит глубоким голосом:

— У женщин не было никаких прав, их не считали людьми. Теперь они нам помогают — он поворачивается к своему соседу справа, — и мы можем вдвое больше работать и вдвое больше зарабатывать. И считаю это правильным.

Председатель настаивает на том, чтобы говорили по очереди и продолжает:

— Муллы сильно эксплоатировали народ!

Погасли и напиросы вместо газырей делает движение.

— Каждый верующий должен был отдавать мулле десятую часть своего урожая и своего скота, — продолжает председатель.

Старые татары склоняют головы. Их глаза выражают беспокойство. По молодежь и женщины весело ждут дальнейших слов. Старик в черкеске встает опять и требует слова. Он получает его.

— То, что товарищ говорил о муллах — неверно, — и он растерянно смотрит перед собой, — мулла действительно получал десятую часть, но из этой десятой части он помогал бедным... да, он помогал бедным, — повторяет старик еще раз.

Вскакивает молодой ногаец, 23-летний Мамит Бизяков и кричит в лицо старику:

— Неправда! Он отдавал бедным не больше одной десятой части того, что получал сам, а девять десятых оставлял себе!

— Да, это так. Девять десятых он оставлял себе, — подтверждает татарка в красном платочке.

Старик татарин, принципиальный противник коллективизации, не сдается:

— Муллы делали свое дело, но это было святое дело.

Французский писатель из нашей бригады задает через переводчика вопрос:

— Вы единоличник?

— Да, я работаю самостоятельно, я не колхозник...

— Отчего?

— Мне так больше нравится.

— Сколько у вас скота?

— Две лошади и корова.

Тут поднимается в совершенно седой татарин, сидевший в конце стола, разглаживает бороду и спрашивает по-русски:

— Сколько у тебя было коров и лошадей перед коллективизацией? Ответь...

Вопрос звучит строго, почти упрекающе.

Следует смущенный ответ:

— У меня была одна корова.

— И ни одной лошади? — перестраивает белый как снег татарин. — Ни одной лошади? Значит ты был «кулаком». Да, ты элемент... опасный.

Когда этот глубокий старик-колхозник произнес слово «спекулянт», раздались бурные рукоплескания и все присутствующие—мужчины, женщины, парни и девушки — стали смеяться. Засмеялся и председатель сельсовета, и татарин-милиционер, и ногайский учитель Карагалов, и, казалось, засмеялись даже ветхие восточные ковры, покрывавшие стены.

Поднялась татарка Сева Ишмаева и спросила «спекулянта»:

— Ответь честно, когда жизнь была лучше и справедливее: при власти мулл или при сельсоветской власти?

Старый татарин в черкеске вскочил:

— Это глупый вопрос. Ведь мулла не обладая властью, он не был нашим начальником.

— А это настоящий ответ спекулянта, — возразила татарка и опять разразились бурные рукоплескания, и каждый мужчина, и каждая женщина, каждый парень и каждая девушка опять засмеялись.

Председатель продолжает доклад и сообщает о том, что коллективизация охватила среди ногайцев 901 двор и 3.873 человека. До революции здесь было 10 крупных русских землевладельцев, сдававших большую часть земли в аренду татарам. В настоящее время у колхоза 8.000 га. До революции обрабатывались лишь 10 процентов земли, остальная ее часть служила пастбищем.

Сквозь толпу протискивается высокий оборванный татарин в огромной бараньей шапке. Он крив на один глаз, его руки дрожат.

— Со мной поступили очень несправедливо, — говорит он на ломаном русском языке, — я в колхозе с 1928 года. Я болен, и меня заставляют работать!

Председатель встает, чтобы ответить. Кругом перешептываются, а кое-кто смеется.

Другой милиционер, чеченец, просит слова и дает разъяснения по существу, прокомментируя каждое слово:

— Гражданин Нафа Ибрамов действительно вступил в 1928 году в колхоз. Сейчас же со вступлением он заболел и пробездельничал почти целый год общественной помощью. Выздоровев в 1929 году, он продал свой дом, вышел из колхоза и перешел жить к своему сыну. В конце 1930 года он с сыном воссоединился, снова вступил в колхоз, через неделю зимой, что он снова заболел, а теперь требует свою долю за весь год, когда он и в колхозе не состоял! Но мы ему не дадим ни копейки!

Милиционер садится. Нафа Ибрамов молчит. Раздаются бурные рукоплескания, и каждый мужчина, каждая женщина, каждый парень и каждая девушка снова смеются.

Председатель приводит в порядок свои заметки и хочет продолжать свой доклад, но старый татарин в черкеске снова просит слова.

— Граждане, хотя я и не колхозник, я знаю, что советская власть хорошая и справедлива. — Она сделала для нас много хорошего! Она освободила нас! Но я думаю, и многие старики думают то же самое, что мы можем быть настоящими советскими гражданами и оставаться верующими.

— А кто же вам мешает оставаться верующими? — спросил немецкий писатель.

— Никто не мешает, но наши муллы не получают жалования... им не на что жить... я думаю, что советская власть должна была бы платить жалованье муллам, как и председателю.

И тут, в третий раз, раздался такой взрыв смеха, что стекла в окнах задрожали.

Присутствующие смеялись от всего сердца. Вероятно ногайские татары давно уж так не смеялись.

Вот как в Советском союзе свободу совести!

З. МАДАРАС

1-я интернациональная бригада революционных писателей МОРП и ОГИЗ

ДИСКУССИЯ ПО ТВОРЧЕСКИМ ВОПРОСАМ ПОЭЗИИ

Наше слово

О поэзии вообще еще не говорили. Последние дискуссии основывались главным образом на прозаической продукции. Правда, РАПП проведено производственное совещание поэтов, но это является лишь началом самопроверки действительного осознания нашей практики и нахождения путей к диалектическому методу.

В своей статье мы хотим поставить на обсуждение ряд актуальных моментов нашей поэтической действительности. Мы, рабочие поэты, пришедшие в литературу до призыва ударников, вступаясь лицом к лицу с некоторыми из разновидностей до сих пор фактами. Отдельные представители старых поэтических школ и современники не поставлены на свои настоящие места по их социально-творческому весу. Неисчерпаемые общие разговоры и декларации о революционном классике Некрасове, о бытовой направленности Гейне, Беранже, Сафира — ничем не помогают конкретной работе. Есть молодые поэты-ударники, которые понимают учебу у Некрасова, как овладение его ритмом.

Выдь на Волгу! Там гул раздался,
Мидустрийные дуют ветра.
Пароход, нагруженный, смеется,
Для колхозов везет трактора.

Вот вторые нафеньки и кустых разговоров об учебе у Некрасова. Необходимо написать ряд марксистских монографий о классиках прошлого с подлинной оценкой их наследия и только после этого рекомендовать их для учебы.

Не лучше обстоит дело и с современниками.

Со всякой полемикой ваш, уважаемые товарищи-критики, о юбилейной поверхности ваших статей на произведения Маяковского: о Маяковском сейчас требуется может быть менее принципиальные, но зато более детальные разборы. На наш взгляд, основное в Маяковском для пролетарской поэзии — это его ненависть к бутафории, к эстетству, его постоянное стремление к беспощадному реализму. Внедрение в поэзию новых, будничных, неопошленных об'ектов, стремление к овеществлению поэтическим словом все новых и новых сторон действительности — именно потому, что Маяковский переделывался сам, он так хорошо знал, что именно надо переделывать, и наносил удары старому.

Но совсем не надо и очень даже вредно делать из Маяковского фетиш. Все же надо учесть, что Маяковский отчасти схематичен и примитивен. Наша действительность гораздо сложнее и противоречивей, чем творчество Маяковского. Его наследие только база для дальнейшего поэтического строительства. Он констатировал, борясь с лакировщиками, бутафориями и нетями, подленькое очернение действительности. Но — надо признать—что это были только очернения.

Для того, чтобы растущая поэтическая молодежь углубила достижения Маяковского, правильно ориентировалась в наследстве того же Некрасова, необходимо расшифровать метод диалектического материализма на определенных произведениях и показать, в каких случаях, в каких именно произведениях они приближаются к диалектическому пониманию явлений.

Работая над усвоением основ диалектического материализма, мы должны поставить перед собою вопрос о типе поэта наших дней. Старый тип поэта—не годится. Не годится старый образ жизни, старое отношение к ней и к поэзии, любовь к тистолерским выступлениям, к похвальным и к прочим видам внешнего одобрения.

Поэты такого покроя (а таких, к сожалению, много) живут так: если они сегодня что-нибудь сочинят, то завтра же требуют признания. Если же признание опаздывает и не раздается в срок всесоюзный аплодисмент, то это им портит настроение.

Нет выдержки. Нет сознания исторической нужности своей работы. Есть любовь к эстрадной славе. Такие писатели не могут являться для нас образцами. Образцами значат Маркс, Энгельс, Ленин, Белинский, Чернышевский. Они умели пробиваться в будущее, никогда не теряя надежды на победу. У них не «разбивалась лодка о быт». Умирая естественно от чахотки (Белинский), погибая в Сибирской тундре (Чернышевский), инцестируя всю жизнь (Маркс),— эти люди никогда не помышляли о самоубийстве, потому что они знали цену своей общественно-политической деятельности.

Нам, пролетарским поэтам, нужно чувствовать себя представителями победящего класса. Дело рабочего класса—наше дело.

Вот почему нужна неподдельная, органическая связь с производством. Дело, конечно, не только в том, чтобы стоять у станка два-три месяца, а в том, чтобы повседневно вести общественную работу на производстве, быть связанным с партийным и производственным коллективом, с рабочим классом, как с реальностью.

Тогда придут новые темы и не придется становиться «на горло собственной песне».

Понятно, что на одну органичность нельзя полагаться. Нужно иметь четкое научное мировоззрение. С этой стороны мы, молодые рабочие поэты, довольно таки неграмотны.

Чтобы двигать историю пролетарской литературы вперед, надо быть хорошо вооруженным. И нечего сеяться на то, что рядом есть более безграмотные и что многие хуже тебя—не по заслугам вознаграждены.

Многие фабрикаты бескровных критиков часто и очень хитро прикрываются еще и посейчас фиговым листком бесспорной поэзии. А по существу—это беспомощные щелкоперы, тормозящие развитие подлинно-большевистского искусства. Мы против критики—носительницы нерешительности, поверхностности, абстрактности, внешнего восприятия мира, неорганичности.

Мы за критику—живущую внутренним голосом поэта.

Мы за недуманную тематику реконструктивного периода, за показ людей в процессе их социалистической переделки. Но это не значит, что в круг этих тем не входят такие проблемы, как отношение к природе, любви, смерти, и т. д.

Можно и нужно писать стихи, например, на такие темы: — «Смерть любимой», «Ревность», «Старость»... И на этом материале, как правило, особенно выпукло сказывается полная вооруженность поэзии мировоззрением рабочего класса.

Пушкин и в таких темах, как природа, умел выражать восприятие своего класса:

Люби зеленый скат холмов,
Тут, скрытые моей бродилкой левью,
Прохладу лип и кленов шумных кров—
Они знакомы вдохновенью...

На чем держалось такое восприятие природы?

Остаться, тайный страж, в наследственной семье,
Частицей робостью полуночного пера
И от недружеского взора
Счастливый домик сохрани...

Вот—социальная база. Вот—основание для барского восприятия природы. Нужно научиться у Пушкина философски завоевывать мир.

Мы молоды. За нашими плечами—по четыре года поэтической практики. Пробивались сквозь ошибки, сквозь срывы и неудачи, мы хотим сомкнуться дорогой, по которым найдем и не потеряем дорогу, ведущую пролетарскую поэзию.

ВАЛЕНТИН ЛОЗИН
АЛЕКСАНДР РЕШЕТОВ
ДМИТРИЙ СОРОКИН

Ленинград.

Поэма большевистской зависти

«Трагедийная ночь» Безыменского ставит центральную проблему нашего времени в рядах кадров передовых индустриальных рабочих «ленинского стиля работы», сочетающих максимальную американскую деловитость с неколебимым революционным размахом. В таком, нередко этически окрашенном смысле поэма «Трагедийная ночь» явилась как бы своеобразной поэтической прелюдией к исторической речи Сталина о технике.

Таким образом, в первую очередь мы констатируем идейно-тематическую актуальность поэмы. Она злободневна как по своей конкретной тематике, так и по уровню идей.

В «Трагедийной ночь» есть поэтическое обобщение практического опыта непосредственного участия поэта в практике социалистического строительства своим специфическим поэтическим орудием. Стихи, лозунги и диаграммы на «Стенах делает стачь» предвещают предварительные эскизы к «Трагедийной ночи». Кто видел выставку знаменитой харьковской И. Рейнер «Заперебады», мог видеть и то, что эта закончённая картина кругом обвешена неожиданными эскизами, представляющими отдельные сцены из той же картины и имеющими, вместе с этим, самостоятельную ценность.

На ликвидацию прорыва пошли сотни поэтов разных направлений. Работа Безыменского и вообще пролетарских писателей, по-большевистски включившихся в процесс ликвидации прорывов, отдалается от работы, с одной стороны, дилетантского или около-пересальского толка и, с другой стороны—около лефовского или около-лефовского толка.

Поэты первого типа в своих лозунгах заходят с рабочим со стороны и как бы упрощают рабочих ликвидировать «случившийся» прорыв. Эти люди не могут обращаться к рабочим, как к хозяевам, которых они именем пролетарской чести и доблести должны призывать за прорыв, они не могут их звать вперед. Их лозунги, стихи, плакаты есть хвастовская констатация фактов прорыва и «трали» они рабочих только в том смысле, что вызывают удивление, никак не сплачивая, не ведя их в бой.

Поэты второго типа пишут лозунги и стихи о прорыве, смотря на прорыв сверху вниз. Здесь убежденно заменяется рифмованным окриком. Бирсанов хорошо делает, много работая в этом направлении, но он не всегда способен убеждать. Он хочет блеснуть резкой рифмой, афоризмом, пугает, даже кричит—и все.

Для поэтов этого типа характерно неумение исходить из конкретных обстоятельств данного прорыва. Они орудуют сверху, т. е. рационалистически и схематически, абстрактные рифмованные призывы.

Безыменский и другие исходят из указаний того самого класса, к которому обращаются. Будучи часто сами его классе, они не упрощают и не ощущают рабочих своими лозунгами, а мобилизуют и укрепляют в них самих их имеющуюся пластическую социальность. Они делят рабочему именем его же классовой социальности:

Об'ективные причины выдумывать не сметь.
Не надо оправдывать чужое бессилие.
Об'ективные причины должны иметь
Имя, отчество и фамилию...

Они исходят из точного изучения об'ективной действительности, и, давая в лозунгах-стихах обнаженной конкретной обстановки дня, максимально мобилизуют субъективные силы класса, ибо этот субъект есть тоже об'ективные условия реальности наших классов. Таким образом и тут та же американская деловитость и наш революционный размах.

В свое время мишенями «Лапти» Безыменский начал сознательную ревизацию налетовского дезуша конкретизацией творчества.

Однако «Выстрел» был отступлением от этой линии, несмотря на то, что тематически он был новым этапом. «Выстрел» не случайно был рубежом перед литфронтовским «методологическим» походом. Как известно, тут имелись элементы механицизма, отслушания от конкретности, рационалистического схематизма, и, наконец, ритмика часто очень остроумная, меткая, или разящая бюрократизм).

И вот сейчас за спиной Безыменского в «Трагедийной ночи» мы видим серьезные элементы некорота, значительный шаг вперед на пути овладевания большевистского художественного метода. Но это не просто повторение метода миниатюр «Люди» — это дальнейшая ступень той же линии на новой, идейно-повышенной и тематически более серьезной основе. Уроки дискуссии Безыменским, более поздно, частично учтены. Не так уже важно его показательно демократично сознаваться в этом—важны ведь дела, а дела показывают необходимость отталкиваться от литфронтовского метода, если Безыменский хочет исправить допущенные им в «Выстреле» ошибки.

Элементы рационализма и схематизма, имеющиеся в «Выстреле», были плодом некоторого отставания автора от практики классовой борьбы, несмотря на то, что тематическая актуальность пьесы как бы говорит обратное. Это может показаться парадоксом. Однако это так. Несмотря на актуальность «Выстрела», в нем и элементов рационализма говорят о том, что автор подходил к этой тематике с методом, неизбежно ведущим к некоторому отставанию. И совершенно естественно, что рационализм Безыменского, поэта давно не отрезанного отвлеченностью от своего класса, сомкнулся с теоретической схоластикой, регламентацией и тайм методологизированием оторванных от практики пролетарской литературы учеников меньшевиствующего профессора Переверзева. Нам кажется естественным и то, что Безыменский вслед за тем впал в нижние имеющихся у него элементов рационализма и схематизма именно после поражения «Лит-фронта» и в процессе непосредственного включения в практику ликвидации прорыва.

В чем же собственно выразилось это движение вперед?

Во-первых, люди Безыменским берутся в процессе общественной практики, а практика эта дана как результат практики людей. Давая блестящие картины перестройки материального бытия, он уже не заклинает стуком и громом (как в «Выстреле») голос героев, ведущих этот бой, но дает вполне конкретную обстановку самого хода борьбы и конкретную обвязку борцов, их переделку в ходе этой борьбы.

Дема Токарев дается в деле как страстный соревнователь. Но это еще не все: нужно дать и то, как и чем движим Токарев в этом своем соревновательском упремлении.

И когда возникает вопрос, чем же собственно движим Токарев, Безыменский отвечает: большевистской завистью.

Здесь Безыменский приходит к необходимости дать идейно-психологическую жизнь своих героев и расшифровку слова «зависть».

Понятие зависти Безыменским применяется политически, по существу жалко нелепым большевистской страстности и пафоса в строительстве социализма.

По отношению к тому и каким завистям у героя Безыменского?

Вот первый «завистник» — Токарев. Он страстно завидует техническим знаниям американского рабочего Хаустона. Он несколько раз бит в индивидуальном соревновании с ним. Тут у Токарева начинается «раздвоение» — «быть или не быть»? Безыменский откалывается от свойственного литфронтовству механицизма и схематизма. Только отталкиваясь от этого литфронтовства, он блестяще смог дать психологию Токарева, его «трагедийные ночи» при решении вопрос будет ли не будет он знать новые «америк», чтобы реализовать слова великого гимна: «Мы наш, мы новый мир построим». Психология эта есть психология борьбы, а не самокопания, и дается она не в отрыве от общественной жизни героя, а непосредственно в связи и на основе этой жизни. Токарев взялся за дело, большевистски приступил к технической учебе. Барьер этот будет взят — вот исход «трагедии», вот куда направлена «зависть» Безыменского.

Второй «завистник» — американский рабочий Хаустон, бывший Токарева в индивидуальном соревновании, как техник, но битый Токаревым в бригадном соревновании, как бригадир, как организатор. Но-большевистски переоценивший Хаустон страстно завидует Дема Токареву, владеющему язык русской революции. Хаустон по словарю—буква за буквой, слог за слогом — силится прочесть русский текст Ленина, стараясь непосредственно воспринять наш опыт большевизма, чтобы не отставать от Демы Токарева. Если «трагедийные ночи» Токарев проводит в технической учебе, то такие же «трагедийные ночи» Хаустон проводит за изучением Ленина.

Дема — русский рабочий, большевик завидует технике американского квалифицированного рабочего Хаустона, а беспартийный американский рабочий Хаустон завидует большевистской стойкости Демы Токарева. Безыменский показывает, что несмотря на «трагедии», на противоречия, русский большевик Токарев будет американским техником, а американский техник Хаустон будет русским большевиком.

Третий «завистник» — сыщик Хаустона, уже говорящий на украинском языке, уже воспитывающийся на нашей основе. Какие же у него трагедии? Не мучим ли он, как Борис в романе Либединского «Рождение героя», только проблемами личного быта? Не есть ли самокопирование эти психология «зависти» как? Чего же ему не хватает, кому и чему он завидует?

Вплыла в сердце лихая беда —
Матерая мальчишечья зависть:
Рядки вспомнил размашистый нрав.
Эх, грохает! Ну, и пятит же!
Батько с Демой завидно Днеприльстан...
Им обоим завидует Ридко.

Наконец, в поэме есть и четвертый «завистник» — сам Безыменский. Он страстно завидует всем своим трем героям—следственно этому-то его поэма. Гордясь своими героями, автор дружески улыбается, радуется им, что их зависть ведет к «прекращению прений», что эта «зависть» есть веление большевистского сердца и ума и что это, собственно, не зависть, а кличник социалистической стройки:

Луна, завидуй! Не таи!
И вот уже луна смеется,
Смеется над тремя подьем,
Что у станков сидят термались,
Листают буквы и тома,
И называют словом «зависть»
Веленье сердца и ума.
Луна им подсказать готова
Слова, которые нужны...
Но автор говорит сурово,
Что прения прекращены.

Никаких принципиальных «прений», «зависти» и «трателив» нет между этими четырьмя «завистниками», так же, как нет зависти между сотнями тысяч соревнующихся ударников ударной бригады мирового пролетариата.

П. НИКОДЗЕ.

Обезличка в поэтическом словаре

I

«Обезличка» нетерпима и в художественном творчестве.

Обезличенное, годимое, как футбольный мяч, в разные концы сладкого литературного поля, слово, эпитет, метафора в последнем счете утрачивают свою классовую действенность.

Слово должно быть конкретным. Смысловая функция его не должна висеть на стороны в сторону. Слово должно быть приторочено к общей конструкции произведения, так же, как в правильно действующем механизме пригнаны отдельные детали.

Словесный материал работает на тему только тогда, когда преодолена в нем «обезличка», когда слово найдено, как художественный «термин», как художественно-точное определение.

Отсюда ясно, что нельзя писать о пятилетке, не обогащая поэтический словарь, не обновляя его за счет тех речевых ресурсов, которые в действительности, в быту, в производстве мобилизованы на выражение и обоснование технологии, экономики и социологии нашей стройки.

Опишите пейзаж стройки, оперируя палитрой Фета или Бальмонта.

Вскройте психику ударника, опираясь на словарь Блока.

Это—задачи неосуществимые.

Но-освоение новой художественной терминологии может итти лишь через проникновение в ее классовое содержание.

Арсенал поэта обогащают не технические термины, как таковые, не совершенные технологии стройки, а та социальная установка, которая им присвоена и которую должен уметь вскрыть художник.

«Обезличка» слова — это утеря словом его классовой функции.

II

Стихи И. Сельвинского «Как делается лампочка» рассаживают на самых почетных местах технические термины. «Натрий, марганцевая окись», «солиная кислота», «вольфрамовый ангидрид», «водород», «микрон», «нить Мальтуза»—все эти слова использованы не в переносном, а в прямом смысле.

Поэт проследивает рождение лампочки, беря технические процессы в прямой связи с ударничеством, соцсоревнованием, с качественно новыми явлениями социалистического предприятия.

Техническая биография нового сплава составляется не из сухих химических начертаний.

Тут и «движки встали плечо в плечо вся заводская общественность» и «ударный» оппортунист, и бюрократизм, чтобы преодоление опыта.

А итог:

О ним в газете мельчит петит,
А нужно бы—поэмы!
Его назвали «ПОБЕДИТ»
По нашей поводке военной.

И Сельвинский правильно говорит:

Итак, отмеченной истины нет!
Нить, которая «кажется»,
Идет на мир буржуазных тлей
Фантом энергрифиции.

Органическим поэтому звучит заключение.

Вот как делается революция.
То бишь, это... лампа.

Советская лампочка, электрозаводская технология могут быть поняты лишь в свете общей социалистической, революционной перспективы.

III

Стихи И. Сельвинского прокладывают путь к показу техники нашей стройки. Ударник вообще, завод вообще изобретательство вообще — это стремления «космизма».

Общее проявляется в конкретном. Но конкретного ударника нельзя показать вне производственного процесса, вне орудий производства, материалов, инструмента, вне цехового заводского пейзажа.

Поэт уверяет, что его поэма будет доступна только электрозводцам.

Это неправильно.

Техника растолкована столь усердно, что фабзавучник любого предприятия поймет ее.

И все же стихи «Как делается лампочка» ведут к «обезличке».

Классовая функция «технических терминов» в обиходе советским поэтом советского производства — показать: «Вот как делается революция. То бишь, это... лампа».

— Что это значит?

«Технические термины» должны быть подсобными в вливании человека, в вынесении ударника-пролетария — основной движущей силы производственного процесса.

У Сельвинского они эстетизированы. Они облечены в розовый и перед нами возжена лампада.

Электрическая лампочка состоит из
Цоколя и можжи,
Огненный зоб стеклянного голубя
Напоминая мимозмею.

«Огненный голубь» должен наложить свои краски на электрическую лампочку. Иначе получается каталог.

Такое же тяготение всех этих «огненных флюритов», «стеклянных слез» и проч.

Такая надобность исчезла бы, если бы Сельвинский шел от ударника к лампочке, а не от лампочки к ударнику.

IV

Другая попытка систематизировать всем богатством технических выражений поэтический словарь сделала М. Зенкевичем. В ранних своих стихах М. Зенкевич поэтически удачно взошел в переживаемые стихи научную терминологию. Сейчас в отрывках из поэмы «Машинная стряда» («Новый мир», кн. 6) и стихотворении «Комбайнерша с Красной Дальни» («Красная новь» № 29), он продолжает опыт с технической терминологией.

Место действия—сахта.

Действующие лица—ударники, трактористы, комбайнеры. В основе даны машины, даны ярко, выразительно.

Мотор за мотором, взрываясь, ревет,
Что это—целая эскадрилья
Ревет и мечет,
Мечет и рвет,
Волочи по пшенице подбитые крылья?

Нет смысла передавать сюжет «Спектрального» — настолько он рассыпан в случаях. Скажем только, что время действия — тридцатый и девятнадцатый годы, между которыми — шестилетие прошло, что место действия—Москва, что действующие лица—интеллигенты, но большая часть немного богатствующие, живущие оторвано от общественно-политической жизни, сосредоточенные в себе, в своих субъективных настроениях и переживаниях. Кто такая Ольга, первая любовь Спекторского, появляющаяся в начале и исчезающая в конце второй главы? Этого мы не знаем, как не знаем ничего о сестре Спекторского—Наташе или о Бахтеевых, которые организуют новогоднюю пирушку в подмосковной даче, или о Балке, у которого происходит встреча Спекторского с Марией Ильиной,—как мало знаем о самом Спекторском и Марии,—как почти ничего не знаем о социальной среде, в которой развертывается «роман». Это и не нужно, ибо Пастернак намеренно отвлекается от всяких социальных характеристик, но и психологическая характеристика действующих лиц не дается им. Все они—не исключая Спекторского—куклы из театра марионеток, достаточно абстрактных, чтобы в них можно было вложить любое содержание, любой смысл, любые переживания, любые мысли, любые слова.

Вот, например, Спекторский, в прошлом студент, поэт. Вот и все внешние данные. Он—человек без заслуг, как его рекомендует Пастернак. Надо думать, что права его сестра, когда она говорит:

...Ты молод. Это—плюс.
А вот отрыв от поколенья—минус.
Ты вне исканий, к моему стыду.
В каком ты стане?..

Ольга Петина правильно, потому что Спекторский, действительно, «двух станов не боец» и даже не «боец случайный». Он безлик. Настоящее не создало его образа. Неудавшийся роман «Спекторский» типичен герои и время. На частном примере тут дополнительно подтверждается слова А. Блока из его «Дневников», формула мелкотравных исканий и поражений: «пока не найдена действительная связи между временным и современным, до тех пор не стоящий писателем, не только понятным, но и кому-либо и на что-либо, кроме баловства, нужным».

В этом разгадка того, что Пастернак не видит ни классов, ни людей, ибо он замкнут в себе и занят собой, комбинациями своих ощущений и столь же субъективных понятий. В этом дело, а не в якобы неубедительных сентенциях, разливаемых в последних главах романа ради того, дескать, что личность побеждается временем и растворяется в стихиях революционных потрясений.

Беда отсюда поэтики к «Спекторскому», то пунктир его станет ясен: стоит только отказаться от мысли, что в «Спекторском» мы должны искать непосредственное отражение общественного движения последних десятилетий. Такое отражение дано через творческую призму Пастернака, рассеивающую и разтробляющую луч и в лучшем случае вынуждающую отражение в перевернутом виде. Тогда «Спекторский» предстанет перед нами как серия лирических стихотворений. И, сравнивая эту серию с предшествующими книгами автора, мы придем к выводу о глубочайшем кризисе Пастернака—кризисе творческого метода и мировоззрения.

Что свежинает между собою девять глав — девять эпизодов — девять лирических стихотворений «Спекторского»? Это — ряд, тесно друг с другом переплетающихся, мотивов: мотив кризиса и краха прежнего мира тонких мыслей, чувств и переживаний, вырождаемых в узкой группке неопределенного — вальяжных интеллигентов, и мотив осуждения и обесценивания жизни, — мотив вовсе не биологический, не прежде всего идейно-философский. Оба эти мотива были налицо и прежнем творчестве Пастернака, но именно

Б. ПАСТЕРНАК

в «Спекторском» они стали господствующими.

Пусть не показала в «романе» жизнь, идущая вперед — сегодняшний Пастернак бесился ее воссоздать, — но не без основания в последней главе на вопрос Спекторского звучит: «мой друг, как ты изолгался». Пастернак констатирует беседерательность, «плюгавость» Спекторского и Спекторских. Но делает он это не без тайной грусти по адресу тех времен, когда так молодо и вольно протекала любовь Спекторского к Марии:

Он стал ходить в мемасье; чуть расцветши;
Во сне; в часы, которых в списках нет.
Отказов не предвиделось в приеме.
Свидания назначались: в шуме птиц;
В кистях дождя; в черемухе и громе;
Везде, где жизнь, и двум не разойтись.

Достаточно сравнить нежность этих строк с мрачным колоритом строф, посвященных девятнадцатому году, чтобы понять многое в эмоциональной окраске «Спекторского». Пастернак — поэт той интеллигентской прослойки, которая была поражена процессами разложения, происходившими в буржуазном обществе, это общество ненавидела, но брала у последнего в качестве своего основного принципа принцип индивидуализма, доводимый до пастернаковского субъективного идеализма. Пролетарская революция и социализм означают обеспечение всех условий для подлинно-свободного развития индивидуальности, и одновременно — необходимость гибели буржуазного индивидуализма. Отсюда — кризис Пастернака, отсюда—«Спекторский», отсюда же и мотив жизненного убожества. В прологе к «Спекторскому» Пастернак пишет:

Я б за героя не дал ничего
И рассуждать о нем не смерд б начал,
Но я писал про корабь пучевой,
В котором он передо мной маячил...
Про то, как ночью, от норы к норе,
Дрожа, протягивается в длинность
Зимы косых московских фонарей
С тоской дождя, попавшего в их фокус...
...Сентябрь. Осень, сверять, старость,
муть:
Горшки и бритвы, щетки, папильотки...
И жизнь прошла, ушла провинуть,
Как ночь под стук обшарпанной пролетки.
Свинцовый свод. Рассвет. Дворы в воде.
Железных крыш авторитетный тезис.
Но где ж тот дом, та дверь, те детство, где
Однажды мир прорезывался грезясь?
Где сердце друга? — Хитрых глаз прицур.
Знавали ль вы такого-то? — наслышной.
Да, видно, жизнь преста, — ни чересчур.
И даже убедительна,—не слишком.
Чужая дань. Чужой, чужой, из труб
По рвам и шляпам шелестящий дождик,
И отчужденьем обращенный в дуб,
Чужой, как мельник пушкинский, художник.

Теперь понятно, почему Пастернак так опасался того, что в наши дни останется вакансия поэта. Но предупреждение его ему следует отнести прежде всего к самому себе. Предположение линии «Спекторского» опасно (и очень опасно!) для самого Пастернака. Линия его подлинной поэзии Пастернака и линия искусства социализма расходятся, — они никогда не встретятся.

Значит, Пастернака нужно сбросить с «корабля современности»? Нет, не нужно. Пастернак поставил вопрос о социализме и искусстве. Но при этом он совершил непримиримую подстановку своей творческой пути на сегодня он отождествил с путями искусства вообще — субъективно-идеалистические предположения для себя знать и тут. Но такой выход, нелепый вообще, и для Пастернака особенно трудный, заключается в плохом перевооружении. Трудность заключается в том, чтобы понять, что мировоззрение Пастернака обеднит мир, не позволит раскрыть его перспектив завтра и впуть, не даст возможности понять его движение, в конечном счете обеспечивает его.

Есть и у самого Пастернака такие творческие узлы, от которых принципиально мыслим путь к преодолению кризиса: «1905 год», а в самом «Спекторском» — ряд строф, дающих великолепные характеристики различных групп старого общества.

Будущее решит. Мы еще плохо отдаем себе отчет в размерах силы, которая производит социалистическую переделку человеческого материала и темпы нарастания которой гигантски увеличиваются к концу первой, а особенно во второй пятилетке, после окончания построения фундамента социалистической экономики, в разгар культурной революции.

---

* ГИХЛ. 1931 г. Стр. 62. Цена 1р. 25 к.

А. СЕЛИВАНОВСКИЙ

Поэзия опасна?

I

— Иль я не знаю, что, в потемки тычась,
Вовек на вышнь б и свету темнота?
Иль я — урод, и счастье сотни тысяч
Не ближе мне пустого счастья ста?
И разве я не мерюсь пятилеткой,
Не падаю, не поднимаюсь с ней?
Но как мне быть с моей трудною пяткой
И с тем, что всякой косности косней?
Напрасно в дни великого совета,
Где высшей страсти отданы места,
Оставлена вакансия поэта.
Она опасна, если не пуста.

В этих строфах — весь сегодняшний Пастернак с клубком неразрешимых для него противоречий, с конфликтом между бессильной тягой к революционной действительности и непружинностью в кость политического искусства. Вопрос стоит сейчас так: Пастернак и вакансия поэта несовместимы. Вакансия поэта в дни социализма пуста, либо опасна для «счастья сотен тысяч». То, что намечалось в «Зимнем поезде» Р. Отена, здесь получает законченное выражение. Предпосылка пятилетки, ее борьба, ее поэмы. Но как же быть с «тугою» косней, с отсталостью, с пережитками, с косностью, укоренившимися, сегодняшние и завтрашние? Победа социализма—смерть искусства. Вот почему опасна вакансия поэта: в ней сосредоточивается силы, противостоящие социализму.

Нельзя отказать Пастернаку в последовательности, в умении доходить до логических пределов. Но при этом он делает две крупных ошибки: во-первых, ему кажется, будто поэзия, о которой он говорит, равнозначна со всякой; во-вторых, он напрасно предполагает, что «вакансия пуста» может быть и пуста для свободной. Однако, при сохранении своих исходных установок он прав в одном. Мы присутствуем при распаде, разложении и предсмертных конвульсиях целого типа искусства, целых направлений в нем, целого комплекса идейно-художественных установок. В общей перспективе развития искусства в эпоху социализма это — один из эпизодов, но эпизод значительный и дающий основание для ряда уроков и выводов.

В статье «Концы и начала» («Новый мир» № 1) Вяч. Полонский говорил, что «шопот» и «робкое дыхание» «могут подождать». Вяч. Полонский думает, что «шопот» и «робкое дыхание» сейчас несовременны, но что в будущем, когда минует острое напряжение борьбы, когда мы построим не только фундамент, но и здание социализма, тогда — о, тогда понадобятся Фет, «шопот», «робкое дыхание», муза «чистого» искусства». Вяч. Полонский может плакаться, будто он мыслит исторически. А на самом деле он пытается уложить категории буржуазного мышления и переживания искусства разверстки социализма понятия и представления, сложившиеся в жестоко-отграниченный период расцвета буржуазно-феодального искусства. Спор с Орешиной и Пастернаком о том, будет ли искусство при социализме, в данной плоскости достаточно отсечен в принципе. Не в том суть,—конечно же, искусство будет, конечно же его ждет при социализме расцвет. Вопрос впечатает: вслед за этим, каким будет социалистическое искусство, как изменится его функция, какова будет его структура.

II

Роман в стихах Б. Пастернака «Спекторский» * показывает сделать кой-какие выводы о закономерностях развития искусства в наши дни. «Спекторский» отгипнотизировал применяет к произведению выше сформулированную Пастернака.

Искусство — специфическое мышление. Но часто это бывает мышлением не только неявным и неточным, но и неназванным. Одним из примеров такого неосознанного умирания является искусство субъективного идеализма, наиболее ярким выразителем которого в современной русской поэзии является Борис Пастернак.

Его художественная речь насыщенная такой плотной избыточной дробью, теряя функции социального общения: она раскалывается в тумане намеков, субъективных образов—иероглифов, допускающих множество разночтений и исключающих друг друга толкований. В «Спекторском» Пастернак пишет:

Поэзия, не поступайся ширью.
Храни живую точность: точность тайн.
Не занимайся точками и пунктиром
И зерен в мере хлеба не считай.

Последние две строки могут быть поняты как призыв к устранению из поэзии излишних деталей и к творческому расслоточению на основных закономер-

---

* ГИХЛ. 1931 г. Стр. 62. Цена 1р. 25 к.

халтурная саранча на бумажных полях

злейший враг большого искусства — большевизма

лицо торжествующей пошлости

ВАЛЕРИЙ ПУШКОВ. «Весна трех», Моск. т-во писателей М. 1931. стр. 172. Ц. 1 р. 60 к. Тираж 5.000.

Характерный для своей книги эпиграф из Ст. Цвейга взял автор. «Не ленивую, трусливую или недостаточно проницательную нашу писатели будут только верхний, освещенный слой жизни, а мужественно взламываются открыто и умеючи, в то время как там, в потемках, вершатся и плавятся человеческого сердца трагедии, фосфорически вспыхивая, самые опасные золотые стрелы».

Показать эти «золотые стрелы», покопаться в внутренних и плавках человеческого сердца» задался целью Пушков. «Весна трех»—рассказ о «сыновьях» любви: советского писателя Ефрема, его дочери Инны, их «экономки» Ольги, секретаря низовой ячейки ВКП(б) Перкина и др. Любовные переживания всех этих персонажей по Пушкову и есть начало «весны». Для Инны «весна» началась, когда она полюбила Перкина, для Ольги—со встречи с Крымом.

Пушков не показывает нам Краева в педагогической практике, так как Пушкова больше всего интересуют исключительно «золотые стрелы» Ефрема. Зато на плече Перкина легко проследить халтурное пристрастие автора. Перкин—«полулегендарная личность». Среди комсомольцев и никто[illegible] он пользуется огромным авторитетом. О нем «ходили легенды». Однажды ночью, глубокой ночью его проследил идущим по улице, громко разговаривающим с самим собой—«оказалось, что он повторяет, почти наизусть, речь Сталина о пределе ученья» (стр. 55). Перкин Перкина, с его стопроцентной классовой выдержанностью, «не знает» банальнейшего Инны—предмет его любви. «Несмотря на всю ее сложность и изысканность, она хорошая активистка и чуть не признает непримиримости обострения борьбы классов, но лишь потому, что недостаточно задумалась о этой истине, мало читала Ленина, Сталина, Ольгиных и многих вождей рабочего класса» (стр. 22).

Эти «доводы» и рассказ Перкина о своей жизни вызвали свое действие и кончились тем, что «Инна, разинув рот, обхватила Аркадия за шею и воскликнула в губы: «Я поступлю» и т. д. «Бедный! Милый!—прошептала она: ты худой, меня сильно хочешь. Я никогда ничего тебе не скажу... Ты лучше всех. Я завтра же запишусь в комсомол» (стр. 25).

Время, когда смачно описываются эти любовные истории,—время «головокружения от успехов». Пушков поэтому механически принимает легкий заезд партизанщины и неприязнь в колхозной политике.

Целевой проблемой «весны» трех отошла все «политические моменты». Вокруг «семьи» интеллигентов Варенников добросовестно «отступился» от «детской болезни» Бабичный, заместитель секретаря райкома. В награду за это Бабичный становится политическим сторонником Варенникова (?). Комментарии, как говорится, излишни.

Перкина посылают в разваливающиеся колхозы для их укрепления. Дальше все идет, как в автохозяйкой мелодраме. Как только Перкин приехал в коммуну—она стала крепнуть... «Цыкозавидительность труда» заменила, жительно улучшилось, неустойчивое, шаткое положение масс сменилось бодрой уверенностью. Единоличники поверили в явления о приеме в колхозы» (стр. 54).

Во втором рассказе—«Раденстве» дело с «Весне трех», стержнем душевного творчества остается все та же «проблема». Один из его героев—Дмитрий, студент был. Вкупе[illegible]—отвергло знак, что ячейковой пятой человечества является полезная неудовлетворенность» (стр. 123). Чувственным вниманием к семейной жизни и семейному благополучию является Пушков другого своего героя—большевика Лобачева, он же «бывший почтальон-ленинец и работник советского масштаба». Автор пишет вставляя о борьбе Лобачева за хлопок в Средней Азии, но это только орнаментальный аксессуарить, конечно.

Когда студент Дмитрий узнает, что у бывшей комсомолки Натальи будет ее ребенок, он немедленно отказывается сифилизм и оставляет Наталью записку о том, что он кончил с собой. Натальи, которая определенное время, выходит замуж за старого партийца Лобачева. Итом знать показывает Дмитрий. Лобачев размышляет, как ему поступить. «Опытный боец, не раз сражавшийся в жизни с жизнью за дело партии и класса, он оценил положение сразу и знал, что победа возможна. Но в конце концов он решил «отступить». Дмитрию. Характерен язык этой членовредительной логичины: Лобачев вызывает к телефону и сквозь запертую дверь комнаты он увидел «ноги Натальи и Дмитрия, спящие в обнимку». Тогда он им сообщил, что он выходит на пленум. «Он сознал на пленуме его (Лобачева) не бывали, если было нечего... но видеть жену в объятиях другого оказалось не так легко. Даже после пятидесяти».

Нетерпимая халтура сквозит в каждой строке рассказа. Пытаясь «поладить с молодежью» за цветочные портреты вождей и точно ориентируясь в своих глубоких чувствах, думала о любви Ленина к Наде Крупской, о дружной семье Карла Маркса, о нежном сердце Дзержинского» (стр. 117). Что еще, в самом деле, могло эту «героиню» рассказа Пушкова заинтересовать в Ленине, Марксе, Дзержинском?

Вот отвратительно-тошнотно густо окрашенная в красный цвет халтурная бульварщина, преподнесенная в 1931 г. советскому читателю Московским т-вом писателей.

Какую благосклонность оценка заслуживает издательство за этот пахучий подарок?

Я. ХЕЙФЕЦ

Кружок рабочей критики «РОСТ»

долой халтуру!

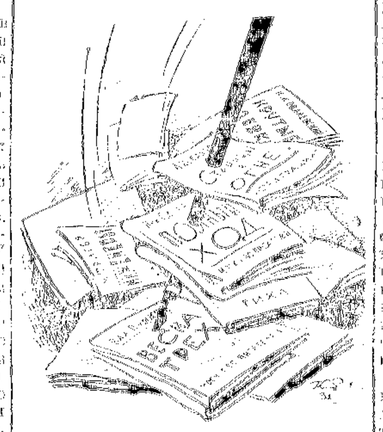
У всякого писателя могут быть нерешенные, ошибочные, схематические произведения. Различна мера индивидуальной одаренности писателя, различна мера глубины его мировоззрения.

Но неудачное художественное произведение и халтура—явления различного порядка. В предлагаемой вниманию читателя странице «Литературной газеты» речь идет именно о халтуре.

Халтура питается **неудовлетворенными потребностями, пред'являемыми к искусству.** Читатель требует, к примеру, художественную утопию о социалистическом будущем. Зритель хочет видеть на сцене профессионального или самодеятельного театра пьесы о сегодняшнем дне, о классовой борьбе, о пролетарском государстве. Радиослушатель ждет по эфиру художественные отклики на злобу дня. Но отставание искусства от практики социалистического строительства еще не преодолено. Запала на подлинное искусство не редко остается неудовлетворенной. Тогда на сцену выступает халтурщик.

Халтурщик отличается быстротой в работе, гибкостью, поворотливостью. Он может **«в два счета»** откликнуться на любую тему. Он не привык размышлять, да и не способен к размышлению. Для него не существует никаких неразрешенных вопросов и никаких трагедий. Он без большого труда **опошляет** любую тему и любую идею. Пользуясь плохой логикой, изменяющих идеек и дурей заимствованных и стершихся положений из плохих буржуазных романов, он может кином состряпать любой роман, любую пьесу, любую повесть. У него—обеспеченный вход к «рыночной конъюнктуре». Он хитер и знает, что потрафить Главлиту, как уследить от строгого читателя или зрителя, какие трудности нужно не преодолеть, а обойти. Он пишет в невозмутимом или веселом, не имея о них никакого представления. Буквально понятную о «половых проблемах» он иронизирует рассуждениями о политике партии. Остроумно, свежую мысль, живой образ он беспомощно пародирует из своего обихода. Он очень «благонамерен». Нестрашными его произведений разгуливают благородные большевики, потомки благородных графов из великосветских романов, и мрачные злодеи, увлекшиеся со времен бульварных детективов. «Вперед, вперед, вперед! Мы победим, мы победим, мы победим!»—нередко заключает он последнюю главу романа или последний акт пьесы.

Халтура пышно обычно появляется в одной из своих разновидностей—в разновидности «красной халтуры», имеющей слой ответления и в литературе художественной, и в кино, и в радио, и в театре. «Красная халтура»—худший и наиболее опасный вид халтуры. Она вредна не только потому, что она **дискредитирует** задачи революционного искусства, опошляет великие идеи социализма, мешает борьбе за большое искусство большевизма, разрушает сознание сотен тысяч рабочих и крестьян, укрепляет обывательские, мещанские представления о революции, претворяет воспитание художественного вкуса пролетариата и крестьянства.



«Красная халтура» всегда об'ективно является распространенной формой классово-враждебных пролетариату влияний в искусстве.

Нередко же она является формой прикрытия активной деятельности буржуазной агентуры в литературе. Она опасна потому, что она **окрашивается в защитный цвет,** крадучись близенько.

Не все из авторов, о книгах которых мы пишем сегодня на этой странице, **являются халтурщиками.** Но тот факт, что наших не-халтурщиков написаны халтурные книги, заставляет нас дополнительно насторожиться. Халтура не только существует, она имеет своих **«теоретиков».** «Не халтурить—не произвести». «Либо халтура, либо отставание от жизни». «Лучше быстро халтурить, чем медленно писать серьезные произведения». Так рассуждает теоретизирующий халтурник. Так рассуждает поощряющий халтуру издатель. Мимо внимания писателей, и читателей прошло выступление А. Белого (конечно, отнюдь не халтурного писателя) в сборнике «Как мы пишем» в защиту **«допустимой халтуры».**

Перестройка литературы означает удар по халтуре. Халтура должна быть, и будет сметена кампанией по ее разоблачению, укреплением фронта революционного искусства, преодолением отставания литературы, оздоровлением литературной среды, приемом рабочих-ударников.

Говорят, у нас мало бумаги для нашей художественной литературы. Бумаги действительно недостаточно. Многих нужных книг нет. Ряд ценнейших произведений выходит в мало[illegible] тиражах. Но **сегодня одно из главных зол** в практике издательств художественной литературы—это **нерациональное использование наличной бумаги.** Мало бумаги? Но почему же **издается** вредительная халтура? Почему издательства в ряде случаев **поощряют** халтуру? Почему они **портят** авторов?

За последнее время ГИХЛ сообщает в выпускаемых книгах фамилию редактора. Это необходимо ввести в практику всех издательств. **За каждую выпущенную книгу редактор отвечает в той же мере, что и автор, если не в большей.**

Долой халтуру! Долой снисходительно-примиренческое отношение к ней!

драматических дел мастера

героическая халтура

М. ПОДГАЕЦКИЙ, В. ШУХМАН — «Тревожные годы». Пьесс. ГИХЛ. 1931. Стр. 63. Ц. 30 коп. Тираж 9.000.

Л. ЦИНОВСКИЙ — «200.000 вольт». Героическое представление в трех актах с прологом и апофеозом. ГИХЛ. 1931. Стр. 64. Ц. 30 коп. Тираж 9.000.

Существует старинный апробированный метод, имя которому халтура. При помощи этого метода любая мысль, любой лозунг, любая проблема сегодняшнего дня сводится к схеме, в которой иногда варьируются слагаемые, но сумма остается неизменной.

Автор ее скачет в этакой кадрили. Вот вам ударник—он всегда герой, вот инженер—ну, конечно, расхлябанный интеллигент, а вот и кулак, который вредит непрестанно.

На фоне отдаленных переживаний этого «треугольника» мячит завод, «взрывается» турбина, вырастает борьба, и начинается это произведение «актуальной» пьесой.

В «Тревожных годах» не успел ребенок выдать тайну отца-вредителя, как отец не только покаялся, но и почти прошел революционным энтузиазмом. Какой завод показан в пьесе, неизвестно, но это, несомненно, какой-то сказочный завод.

Зачем, торжествуя и ударники так много трудятся, что совершенно непонятно, когда же они работают. Почти вся роль Фирсовой—коммунистки-инженера, заключается в бесперерывных декларациях, в которых—ни одного живого слова. Борьба разрешается, конечно, самым простым образом: гайку находит и тут-то сразу все «перестраивается».

В героическом представлении Л. Циновского—«200.000 вольт»—на связях у зрителя перекрывается злобный инженер». Масса, непосредственно создающая социалистические формы труда, словно канула в вечность. Вся же идея ударничества, оказывается, сводится к «шкурному вопросу».

Вот как автор «Тревожных гудков» пропагандирует эту идею. «Твоя рубашка тебе же дешевле обойдется, когда считать того, что девка много в тряпье хочет» по всякому поводу. Скажет, например, Лелька: «Всегда готова» к чему, как по команде, смеются. Любое замечание вызывает смех, хохот. Этим Ковалевский думает смешить читателя (и зрителя), но, право, от этого смех становится совсем не смешно.

Однако, финал не заставляет сомневаться в том, что перед нами «доподлинная» советская комедия. Развязка, как и полагается в комедии, получилась жизнерадостная и бодрая.

— **Семька:** Любанька!.. Разобидели гнусняшки...

— **Любаша:** Семенька!.. Пароп идет... На диванку согласны! Живет колхоз!

— **Семька:** Ах, ты, пташечка моя!

— **Любаша:** Готовься, Семенька! За... машиной в город вместе поедем.

— **Семька:** За динамой? Ура! (Обнял Любашу). Любонька моя! Хорошая моя! Теперь уж не пущу!

— **Любаша:** Ну и что ж, Семенька! На радость—радость».

Этот финал звучит не иначе, как злая **пародия** на мышиную возню нашей деревни. Да и вся комедия представляет полную карикатуру на колхоз и классовую борьбу. Классовый враг получился какой-то игрушечкой в миниатюрный. Классовая борьба происходит где-то за сценой. А на сцене мы видим собрание марионеток, хохотушек, в которое случайно затесался бесхарактерный комсомолец Семька.

При этом Ковалевский претендует на большевистскую ортодоксальность. Устами председательницы колхоза Шишкиной он заявляет: «Не волнуйте меня. Не разъярюсь. Кусаться научу. Что XVI партийный с'езд постановил? Знаешь? На, еще почитай. Заучи и выполняй (ступнула нумаком по стопу). Отступления нет».

Такого рода «проработка» постановлений XVI парт'езда есть наихудшее опошление этих постановлений.

Шишкиной не уступают и другие персонажи. Они все скарикатурены. Попробуйте отличить Фросю от Любаши, Грушу от Вари. Все они на редкость бесцветные и обезличенные фигуры. Если к этому прибавить такие перлы речи, как «шлала кислая», «чертяка», «сморяться я на тебя хотел», то «художественные достоинства» пьесы Ковалевского станут выдумки очевидны.

Трудно исчерпать всю ту бездну пошлости, которая заложена в пьесах, подобных рецензируемым. Перед нами яркие образцы «красной» халтуры, содержание в большом количестве злополучную отрасль.

И эта вредная макулатура является десятками тысяч в ГИХЛ, сектором искусств.

МИХ. БЕЙНЕР

легкость рук—и готова утопия!

м. козырев и н. кремлев (свэн)
в пивной „социализма“

М. Козырев и И. Кремлев (Свэн)—Город энтузиастов. Роман. — М. Изд. «Московское т-во писателей». 1931. 176 стр. 1 р. 60 к., тираж 5.000 экз.

Авторы романа пытаются дать социальную утопию, рисующую переворот, внесенный в жизнь Советской страны ее («индустриацией») переходом на трехсменную работу и на непрерывную неделю. Однако эта «утопия» не только не поднимается до уровня социальной утопии, но является вульгаризацией этого жанра, переходящей в халтуру. Все советское движение построено на плоской интриге (обязательная женщина-агент заграницы очаровывает изобретателя, которым не замечает происходящего под ее руководством предприятия).

Рисуя весьма бледно и невпечатлительно некоторые достижения советской техники в период завершения двух пятилеток, авторы оказались совершенно беспомощными в изображении социально-культурных сдвигов этого периода (частично завершенного уже строительства социализма). Отдельные отрицательные явления нашей действительности оказались целиком свойственными будущему. При этом указанные в романе формы их проявления, даже с точки зрения современного этапа соц. строительства, могут быть квалифицированы лишь как клевета на современную действительность.

Профессор борется с ВСНХ, не допуская ночных изобретений. Рабочие изображены дураками, говорят: Я побыл, не оратор какой, и по-научному»... После завершения двух пятилеток у типографии нет бумаги, в столовых нет чая (свежих сушений, а не чай»). На эстраде в пивной эстрадный артист обращается к публике: «Уважаемые товарищи и дамы, пролетарии, «нецы и халтурщики»... У кассы в столовой — тянется длинная очередь. Положительные типы: — Сибиряков и Кизичин получают отпуска: «Эти скучные флегматики революции»... «со своим хладнокровным когтизычием»... Характерно отношение авторов к советской печати. Вся она зависит от одного элементарного Булгай-Булгаковского, бывшего эмигранта, который печатает во всех журналах и газетах то хвалебные, то ругательные статьи о «индустрии». Авторы откровенно заявляют органам печати—«этим крылатым выводком», причисляя сюда и «Прожектор» и «Огонек» и «Правую нину» и т. д.

Это бульвар-ад, «красно-халтурная утопия, лишающая в основном процесс, смысл и результаты социалистического строительства, должна быть признана сугубо вредной.

Е.

как провидец *ян ларри*
ликвидировал маркса и ленина

ЯН ЛАРРИ — «Страна счастливых» (публицистическая повесть). С предисловием Глебова-Путиловского. Ленинградское областное издательство. Ленинград. 1931. Стр. XVI. 192. Ц. 1 р. 20 коп. Тираж 50.000.

Хороший, утопический роман нам до крайности нужен. Такой роман сыграет огромную агитационную роль. Он невежество будет заражать, в особенности молодых читателей, пафосом социалистического строительства. Этого нельзя, однако, сказать о «Стране счастливых».

Автор этой «публицистической повести» прямо переносит нас в коммунистическое общество. Молодой изобретатель Пэкса Стельмах весь поглощен мыслью об осуществлении межпланетного сообщения. Стельмах и его многочисленные друзья из «Звездного клуба» мечтают о колонизации планет. После многих приятелей один за другим летят к луне новые «звездоплаватели». С тревогой следят за их полетом республика. Наконец, они возвращаются на землю. Мировые пространства побеждены.

Вот нестенный и деловой по замыслу остов «публицистической повести». В первую очередь он оброс техническими подробностями.

Общественная жизнь намечена в романе сравнительно бледными, но «необязательными» чертами.

Беспощадно расправлялись с прошлым, автор совершенно безумеет в своем халтурном рвении:

«Я считаю необходимым устроить в библиотеках кровавую (!) революцию»... — восклицает один из его героев. — «Придется резать и Аристотеля, Гегеля, Наклова, Менделеева, Хвольсона и Тимирязева. Увы,—без кровопролития не обойтись. Моя кровожадность не остановится даже перед Лениным, Марксом, Сталиным! Пощется пострадать и ему! Всех, всех» (стр. 29).

Расправившись с вождями Октябрьской революции, классиками философии и науки, автор ведет читателя в музей и показывает ему «зал литераторов», где, «беседуя с неками», стоит и числе других бронзовый... Виктор Шкловский (!).

Перспективы развития социалистического общества чудовищно искажены. Республика оказывается изолированной от внешнего мира. Действие романа развивается исключительно на территории СССР. О судьбах иных существующего капиталистического мира ничего неизвестно. И это в то время, как существует определенное ленинское указание: «Пока наша советская республика остается одинокой окраиной всего капиталистического мира, до тех пор думать... об исчезновении тех или иных опасностей было бы совершенно смешным фантазерством и утопизмом». Ларри знобит вовсе о национальном вопросе. По самое интересное, что в исторических воспоминаниях, которым предается время от времени действующие лица романа, совершенно отсутствуют указания на ведущую роль ВКП(б) в строительстве социализма. Герой романа убежденно говорит о том, что люди на земле—одичавшие потомки людей, улетевших с другой планеты, которая может быть называлась «Рай», что директора станции межпланетных сообщений возможно звали Сталофом. Подобная «теория» происхождения религии способна надолго испортить кровь любому пропагандисту-антирелигиознику.

Автор предисловия т. Глебов-Путиловский, скверно охарактеризовав крупнейшие произведения утопической литературы и не сумев ничего сказать о классовой борьбе нашей эпохи, нашел теплые слова для рекомендации книги «каждому гражданину СССР».

Совершенно напрасная рекомендация. Книга Ларри не только бесполезная, но и вредная.

Б.

макулатура для сцены

М. ТРИГЕР, «Инженеры». ГИХЛ. 1931. Цена 35 коп. Стр. 63. Тираж 12.000.

К. КОВАЛЕВСКИЙ, «Крутые деньки». ГИХЛ. 1931. Стр. 76. Цена 40 коп. Тираж 6.000.

Перед нами две пьесы — «Инженеры» Тригера и «Крутые деньки» Ковалевского. Первая предназначена для города, вторая — для колхозной деревни. Но авторы этих пьес ни в чем не уступают друг другу. Их «смычка» идет по линии приспособленчества и халтуры.

М. Тригер проводит резкую грань между старыми и новыми инженерами. Инженер Ленатин, которого изобразили в газете, как вредителя прорыва, из-за самолюбия не желает работать больше на предприятии. «Посмотрим, как они обойдутся без меня» — такова формула Ленатина. Но если Ленатин чужд карьеризма, рвачества, открытого и скрытого вредительства, то его коллега Болтянский — тип законченного рвача. Болтянский гонится за длинным рублем, за высокими окладами, за комфортабельным жильем. Охарактеризовав старое инженерство фигурами Ленатина и Болтянского, Тригер совершил политически грубую ошибку, вообразив видеть в старых инженерах опору «вредителей», в новых лишь «добродетелей». Пьеса Тригера является образчиком «опрощенства», против которого недавно выступал тов. Сталин. Она неправильно ориентирует читателя (и зрителя) в вопросе о старых кадрах.

Но еще хуже в пьесе —, с новыми кадрами, представленными инженерами Бойтенским, Пастуховым и Абашиным. Трудно себе представить большее опошление молодого советского инженерства. Перед нами не строители социализма, а стяжательные ловеласы, весьма подозрительного типа, «молодые люди».

Молодые «кадры» пробуют иногда говорить о строительстве, «масштабах», «темпах», но от этих разговоров сильно отдает фальшью.

В конце пьесы описано примирение Ленатина с директрисой завода. Примирение это совершенно не оправдано и нисколько не мотивировано. Тригер плохо знает инженерскую среду, и похоже, что он никогда в ней не был.

Говорить всерьез о художественных особенностях пьесы Тригера не приходится. В пьесе нет ни одного живого лица, ни одного яркого портрета. Перед нами — лишенные внутреннего драматизма и подлинной динамики сцены, которым соответствует скучный и однообразный диалог.

«Крутые деньки» — Ковалевского характеризуются той же карикатурностью и драматургической беспомощностью. Трудно понять, почему Ковалевский назвал свою пьесу — комедией. Ничего в ней нет комедийного, если не считать того, что девка много в тряпье хочет» по всякому поводу. Скажет, например, Лелька: «Всегда готова» к чему, как по команде, смеются. Любое замечание вызывает смех, хохот. Этим Ковалевский думает смешить читателя (и зрителя), но, право, от этого смех становится совсем не смешно.

Однако, финал не заставляет сомневаться в том, что перед нами «доподлинная» советская комедия. Развязка, как и полагается в комедии, получилась жизнерадостная и бодрая.

— **Семька:** Любанька!.. Разобидели гнусняшки...

— **Любаша:** Семенька!.. Пароп идет... На диванку согласны! Живет колхоз!

— **Семька:** Ах, ты, пташечка моя!

— **Любаша:** Готовься, Семенька! За... машиной в город вместе поедем.

— **Семька:** За динамой? Ура! (Обнял Любашу). Любонька моя! Хорошая моя! Теперь уж не пущу!

— **Любаша:** Ну и что ж, Семенька! На радость—радость».

Этот финал звучит не иначе, как злая **пародия** на мышиную возню нашей деревни. Да и вся комедия представляет полную карикатуру на колхоз и классовую борьбу. Классовый враг получился какой-то игрушечкой в миниатюрный. Классовая борьба происходит где-то за сценой. А на сцене мы видим собрание марионеток, хохотушек, в которое случайно затесался бесхарактерный комсомолец Семька.

При этом Ковалевский претендует на большевистскую ортодоксальность. Устами председательницы колхоза Шишкиной он заявляет: «Не волнуйте меня. Не разъярюсь. Кусаться научу. Что XVI партийный с'езд постановил? Знаешь? На, еще почитай. Заучи и выполняй (ступнула нумаком по стопу). Отступления нет».

Такого рода «проработка» постановлений XVI парт'езда есть наихудшее опошление этих постановлений.

Шишкиной не уступают и другие персонажи. Они все скарикатурены. Попробуйте отличить Фросю от Любаши, Грушу от Вари. Все они на редкость бесцветные и обезличенные фигуры. Если к этому прибавить такие перлы речи, как «шлала кислая», «чертяка», «сморяться я на тебя хотел», то «художественные достоинства» пьесы Ковалевского станут выдумки очевидны.

Трудно исчерпать всю ту бездну пошлости, которая заложена в пьесах, подобных рецензируемым. Перед нами яркие образцы «красной» халтуры, содержание в большом количестве злополучную отрасль.

И эта вредная макулатура является десятками тысяч в ГИХЛ, сектором искусств.

МИХ. БЕЙНЕР

как можно выехать на дохлой кобыле

НИК ОДОЕВ — «Полный ход». Рассказы. Моск. т-во писателей. М. 1931. Стр. 240. Тираж 5.000. Ц. 1 р. 40 к.

«Руководящий голос товарища Скатикова дяди Яшка слушал с достойным уважением, так как товарищ Скатиков всегда был прав, он даже советскую власть предсказал мужикам за два года до революции».

Откуда это? Сначала можно подумать, что это из несколько лет назад опубликованных «Записей Кознякина» (И. Леонова), в которых герой, графоман глубокого захолустья, комически живописует хронику своих мест.

Но Кознякин оказался не выдуманным литературным персонажем. Он здравствует, и даже под псевдонимом Ник. Одоев выпустил в издательстве «МТП» книжку рассказов «Полный ход». Наша читата—из этой книжки, посвященной современности.

Автор пишет о колхозах, хотя первый рассказ «Диадема» словно бы повествует о самой кобыле уже обреченной на живодерню в командире, по указанию всеведущей Яшки. Но это только повод для того, чтобы рассказать, как «в общем вышло в колхозе потеплел в плановом порядке». За коллективизированное детище знаменитой кобылы колхозники выручили 10.000 рублей, приобрели тракторы, и все пошло «на полный ход».

В рассказе «Полный ход», «активно руководящий товарищ Скориков», «красный профессор с научным лицом» и рабочий-двадцатипятитысячник Тумаков, на которого кренкий середняк Касьян Иваныч смотрит, «как на баловного парня, вроде бартуна, которому все позволено по рождению, но которого можно мудро не замечать», выбираются из тех, чтобы создать «сплошной колхоз». Выручает их Касьян Иваныч, инициировавший пионером колхоза, за которым потянулись остальные. Касьян Иваныч доволен колхозом, где он избран председателем.

«Путешествуя по колхозной системе и соприкасающимся с ней учреждениям, Касьян Иваныч опущал почти ту же легкую радость отдыха, которую раньше он ощущал на базарах» (?). Немудрено после этого, что бедняги—сплошь лодыри или идиоты, вроде батрака Пропащего, мечтающего только об еде. Правда, иные бедняки стремятся оправдать свое лодырячество. «Грица Слюнявый на Семеновки всю жизнь побирался, потому что обещал мужикам изобрести непромокаемые калеики»

Кулаки? Жалкие жертвы, которые только молят о пощаде.

Партийцы? Скориков — «коммунист правильный», «но по какой-то случайности не занимавший никакой государственной и кооперативной должности».

Скориков—«солнце революции», красный профессор Чванцов «с перегрузкой мозгов», «бартук» Тумаков—все они образцы скудоумия, тупого следования букве закона.

Казалось бы при таких людях что может получиться хорошего? Но выручает то кобыла, то внезапно прозревший Касьян Иваныч.

Ник. Одоев приделывает благополучные «концы», но вся книжка изображает строительство колхозов, как бессмысленное «загоняние в коллективную жизнь», причем изображает явно халтурно. Графомания помножена на кулацкую клевету.

Чем же обольстил «ник автор» издательство? Анекдотическим стилем или наивным издательством над колхозной стройкой?

Где «руководящий голос» в издательстве «МТП»?

Н.

П. кофанов и его вурдалак

П. КОФАНОВ — «СТАНИЦЫ В ОГНЕ». «Федерация». Серия соц. строительства. Стр. 140. Тираж 5.000. Ц. 90 к.

Тема книги — колхозное строительство на Кубани и борьба с сектантством и сопротивляющимся кулачеством. Для показа классовой борьбы автор выбрал несколько случайных персонажей, совершенно оставив в тени широкую крестьянскую массу. Но не в этом основной порок книги.

Не довольствуясь, должно быть, социально-насыщенным материалом современной действительности, автор решил «освежить» колхозную тематику введением усложнено воскрешенных им, ситуаций типичного лубочного романа. Для иллюстрации кулацких зверств автору понадобился полупомешанный пастух Ягорша, с явным наслаждением высасывающий кровь волчью и человечью (?!) Отвратительные сцены с его участием описаны в книге со смакованием (стр. 31, 37, 38, 123).

Этот пастух, грызущий горло людям и зверям, олицетворяет должно быть древнюю косную деревню, враждующую с кубани в горло будущего. Так современный кулацкий сектант становится мстителем за поруганные основы старой крестьянской жизни. Но сопротивление кулаков колхозному строительству сильнее вымыслов убогой авторской фантазии, способной лишь воскрешать худшие традиции лубочного романа, сказывающиеся и в трактовке главного героя, партийца-учителя Поспелова.

Литература этого рода всегда находила восторженно благоговейные выражения для своих положительных героев. Вот почему, характеризуя Поспелова, автор покидает обычное прозаическое повествование, переходя к восторженно-лирической, почти библейской речи. «Жила в глубине его души, веяная ему самому, сила страстная, неумная. Он возбуждает ненависть кулаков речами беспощадными, глазами зоркими, поступками решительными» и т. д. Парню у него отношение «человеческими» чертами. «Никто не знал, что он живет аскетом, любит Пушкина и часто по вечерам в своей комнатушке тихо декламирует... «луна спокойно с высоты над белой церковью синет».

Бегло набросав этакий «диалектический» контур своего героя, автор переходит во второй части романа, громко названной «Поэма о народном учителе», где лезет по натуре Поспелов приглядывает кулацкой дочери Даше. Встретив Поспелова «молодого, чернобородого», она, послушав на сходе речи хмельные ораторские, как евангельские стихи вечные, затрепетала вся». Дальше Даша начинает боготворить «голубя своего»: «выпуск ведь душу, вместо нее положил горячие угли».

Однако классовая борьба берет «свое». Ягорша, подстрекаемый кулаками, перегрызает Поспелову горло. Даша мчится на помощь своему суженому. Поспелов, подбадриваемый авторской сентенцией, что «классовому человеку нельзя умирать просто», «не перелая завета о мщении», действительно не умирает, несмотря на эксперименты Ягорши с его горлом. Даша героически спасает его и приводит прямо на колхозный совет, где Поспелов, потрясая всех своим появлением, пытается произнести речь! «Романтичность» положения достигла своего апогея.

Как пример безграмотности в характеристике действующих лиц достаточно привести передачу автором переживаний председателя колхоза Тополя. Его «ранняя тревога» принимала такие размеры, что «он забыл, как его звать» (?!). «Незаметно для себя начал думать о подготовке к севу». Этот «идеальный» герой — Тополь грустит лишь о том, что «чувства и мысли людей не обобществлены». «Волна колхозов заливала матерые хозяйства» (стр. 67)... а «воля, плещущая волнами, и разум, обрастающий вокруг ленинских заветов, отвечивали на женских и мужских лицах». Однако, бедность охарактеризована автором кратко и «убедительно»: «бедность матерится». Для изображения же «горя» кулачки, у которой взяли хлебные излишки, у автора находятся совсем другие «жалостливые» фразы, вроде «человек страдал некрещен», «в словах и в тоске предельной она направилась на соседний хутор».

А. КОТЛЯР

классовая борьба в деревне по А. Кофанову

на скале под развесистой клюквой

Н. КУЗНЕЦОВ. — «Белая моранка». Изд. «Красная газета». Ленинград. 1930. Стр. 175. Тираж 50.000. Ц. 60 коп.

Темой своего произведения автор берет интервенцию советского Севера: Архангельска и Мурмана. На фоне этих событий Н. Кузнецов и ткет незамысловатую ткутину своего произведения, безбожно путая нити и сам запутываясь в них.

Вот на стр. 13 автор описывает остров Мудьюг: «У черно-белых обомшелых скал бьется море... разобьется, отхлынет волна, а новая уже катится ей на смену, лезет на приступ, ломает гранит, пенится и хлещет, в лабиринте скал»...

С чудодейственной легкостью автор возводит «лабиринты скал» на песчаном острове, залитом водой и пивом. Автор не только не видел острова в глаза, но, очевидно, и не читал о нем ни одной строчки. Мы принципиально не против скал на острове. Пожалуйста, если они нужны автору. Но зачем же тогда пачкать остров Мудьюгским?

У автора **одновременно** существуют две заторженных тюрьмы на Мудьюге и на Исаковице. И опять безбожно напутано. Исаковская тюрьма была «учреждена» белыми взамен Мудьюгской после побега заключенных на последней.

На стр. 21 — 43 описывается восстание и побег заключенных из Мудьюгской тюрьмы. Эти события не вымышлены автором, но побег организовали не вожаки с броненосца «Чесма», представляющие собой не характерные типы автора что-то в роде анархствующих авантюристов, а **большевики.** И еще: восстание было не бочки, как пишет Кузнецов, а днем.

Верно, что восстание полностью не удалось и убежало только 62 человека (а не 52, как пишет автор), но не верно, что 12 человек были пойманы, а 40 «убиты во время преследования», как не верно и то, что бежавшие были пойманы на «Онеге» реке (Стр. 43 — 44).

На стр. 52 автор пишет, что в Исаковской тюрьме «люди сидят с мокрых мелких, а днем ходили в темном верхнем платье». Тут автор проявляет излишнюю доброту, снабдив каторжан, как полярную экспедицию. А кот горы трупов, сложенные в сараях, автор «не заметил», ибо он возведет весенние в степень авантюрного происшествия, а не героического акта классовой борьбы.

Два слова о языке. Небрежность, сюсюканье в передаче местного говора, штампы, длинноты, — всем этим изобилует книжка. И если не причислять книжку Н. Кузнецова к лику явной халтуры, то нельзя умолчать о том, что эта книжка все же очень близко, почти непосредственно, примыкает к этого рода литературе.

Б. СТРАХОВ, П. СТРЕЛКОВ

на фронте национальных литератур

ИТОГИ творческого года
в чувашской литературе

Происходивший недавно пленум Чувашской ассоциации пролетарских писателей подвел итоги творческого года со времени IV съезда ЧАПП (август 1930 г.). Этот творческий год выделяется тем, что, с одной стороны, в писательские ряды влились новые силы в связи с приливом ударников в литературу (хотя нужно отметить, что приход ударников ЧАПП начался со значительным запозданием), и, с другой стороны, увеличилось количество напечатанных произведений, среди которых видное место занимает очерк.

Основная тема произведений—промышленное и колхозное строительство Чувашии. Здесь необходимо отметить рекой новизном в работе писателей-очеркистов, которые на основании решений IV съезда ЧАПП поднял значение очеркового жанра на еще более высокую ступень. Были моменты, когда перестраивалась в чувашской литературе—даже «чистого искусства»—умаляя значение очерка, не считали его художественным произведением. Настоящий творческий год, как подтвердил расширенный пленум, целиком показал всю ошибочность установки перестраивающих чувашской литературы, которые и в ряде других вопросов пытались целиком копировать ученик Переверзева.

Перестраховщицы, между прочим, выступали с «доказательством», что «у них не может быть литературы пролетарской по идеологии; она остается крестьянской (Федоров). На одном из пленумов ЧАПП (в январе 1929 года) приверженец этой же «теории» выразился еще хлеще: «у нас, в Чувашии, нет пролетариата, поэтому и чувашской пролетарской литературы нет и не может быть» (Уханлей).

Чувашская организация пролетарских писателей вела беспощадную борьбу как против реакционного меньшевиствующего учения Переверзева, против копирования его в чувашской литературе, так и против вышеуказанных, против кулацкой, националистической идеологии, против остатков литфронтовщины, против тех, которые пытались пользоваться больше старыми формами, особенно в поэзии (Кашгер, Шупуссынни). Шупуссынни в своей книге «Краткий очерк истории чувашской литературы» настоятельно просит молодых писателей взяться за старые формы и остерегаться всяких новшеств в литературе.

Все эти реакционные учения не могли задержать рост чувашской пролетарской литературы. Творческий год дал ряд новых произведений: романы В. И. Краснова (Асав) «На подъеме», Танькова «Корни», Мэтри Васлея «Враги», Агакова «Герои стройки» и ряд других произведений, которые показывают рост чувашской пролетарской литературы, укрепляющей свои позиции в руководстве всей чувашской литературой.

Наряду с этими достижениями расширенный пленум ЧАПП, в работе которого впервые участвовали представители ударников—рабочих и колхозников, призванных в литературу, представители чувсекций МАПП, ТАПП, русской секции ЧАПП, представителем Чувашского отделения Средневолжского общества пролетарско-колхозных писателей—отметил необходимость усиления работы по приему ударников в литературу, по качественному улучшению работы имеющихся литкружков на Автозаводе, в Сормове, в Вурнарских фосфоритных рудниках, в Шумерлинском комбинате и в ряде колхозов.

Было также указано на необходимость командирования писателей за производство на более продолжительные сроки, ибо краткосрочность пребывания на предприятиях отрицательно отразилось на качестве производственных очерков, да много снизило их боевую большевистскую действенность.

К числу очерков, пострадавших именно от вынужденного верхоглядства, относятся очерки: «Автострой»—Уйон Мишши, «Детальстрой»—Алагере, «На кирпичном»—Пакожкана и Пакхемира, «Смелые фундаменты»—Мэтри Васлея, «Фосфориты»—С. Шавлюк и др.

Быстрый рост культурного уровня читательской массы ставит писателей в такие условия работы, когда читатель жизненным образом реагирует на то или иное произведение и указывает на конкретные достижения и недостатки писателя. Поэтому пленум особо отметил необходимость создания и укрепления кадров критиков из рабочих и колхозников, усиления работы ЧАПП по приему ударников в литературу.

Укрепление пролетарского единства, массовой организации, усиление борьбы за генеральную линию партии, против националистической кулацкой идеологии на фронте литературы, борьба с остатками литфронтовщины, борьба за создание большого искусства большевизма—вот те задачи, которые стоят перед чувашской ассоциацией пролетарских писателей.

Несомненно, в этой борьбе ЧАПП использует все опыты борьбы РАПП с враждебными нам течениями в литературе.

— Детский перевод чувашской литературы остался позади.—У нас теперь есть все условия для создания больших произведений пролетарских по содержанию,—так сказал секретарь ЧАПП тов. Золотов в своей заключительной речи.

Среди других отделов национальной литературы СССР ЧАПП будет бороться в передовых перелтях. **П. ТАНКИ**

Бригада ФОСП на заводе им. Ильича работает плохо
в этом повинны
писательская общественность и заводские организации

10 июля в «Литературной газете» были напечатаны материалы, характеризующие совершенно нетерпимое положение с шефством завода им. Ильича над ФОСП. После этого ФОСП послало на завод писательскую бригаду, которой было дано задание решительно в кратчайший срок сдвинуть дело с мертвой точки.

Указание на то, что писатели—члены бригады ФОСП бегут от ворот завода, может быть несколько преувеличено, но бесспорно одно: бригада наша сделала пока что мало, работает плохо.

Здесь продолжают действовать основные причины, обусловившие неудачу шефской работы: в писательской среде до сих пор не осознали значения шефства как одного из важнейших средств перестройки литорганизаций. У нас все еще не понимают того, что завод им. Ильича, принимая шефство над литорганизациями, явился в сущности зачинателем совершенно нового, притом важнейшего, культурно-политического дела.

«Именно поэтому,—писал я в «Литературной газете»,—завод им. Ильича должен был стать базой опытной работы литературных организаций в ФОСП в целом; именно здесь надо было показать пример того, что может и должен делать писатель на предприятии. Это особенно важно и необходимо именно сейчас, когда мы имеем на заводе прорыв в промфинплане.

Таким образом, первая и основная причина слабой работы писателей на заводе—это непонимание, опортунистическая недооценка огромного значения шефства. Этим объясняется то, что писатели не могут найти своего места в системе общественной культурно-просветительной работы завода, не знают своего места в борьбе завода за промфинплан.

«Выделять», как принято выражаться, писателей на завод в порядке мобилизации, очевидно, не годится. Нужно постепенно создать такой кадр писателей, которые будут не гостями, а органическими работниками на заводе.

Вторая причина слабой шефской работы, на которую мне уже приходилось указывать, это то, что идея шефства над ФОСП до сих пор не стала популярной среди всей массы рабочих завода. Этим делом занимается литкружок, а партийная организация и все общественные организации завода думают о шефстве, но совести говорят, очень мало, вернее—вовсе не думают. Осмелюсь утверждать, что многие рабочие завода, даже активисты, об этом деле вообще ничего не знают. Между тем, у нас ведь обязательства взаимные, товарищи ильичевцы!

Если ФОСП послала на завод бригаду, которая плохо работает, то завод со своей стороны никого в ФОСП не посылал и вообще ничего абсолютно не делает для выполнения своих обязательств по шефству. Влияние завода им. Ильича в организациях ФОСП никак не чувствуется.

14 августа на заводе состоится заседание Исполбюро ФОСП совместно с писательским активом, литкружком завода и заводским активом. Это первое мероприятие, которое должно, наконец, двинуть вперед дело шефства.

18 августа литорганизации доложат о том, что сделано, что делается писателями для художественного показа героев труда.

Показ людей большевистских темпов—героев нашего великого времени—это серьезнейший экзамен для всей советской и, в первую голову, для пролетарской литературы. На этой работе наша литература должна показать, в какой мере она выполняет задачи рабочего класса, завершающего фундамент социализма в стране Советов. По этой работе мы будем судить о степени продвижения нашей литературы по пути к большому искусству большевиков.

В этой работе мы должны отчитаться перед широкими массами рабочих.

Г. КОРЕНЕВ

письмо из ленинграда

от нашего корреспондента

перед «вторым кругом» творческой дискуссии.—закончилась самопроверка союза писателей.—борисоглебский исключен из ВССП

Сегодня в Ленинграде еще шумят, которые подробности «творческого метода» Борисоглебского, который значительную часть своей книги «Америка в Берлине»... списал у литприслужника ударника керченского завода тов. Экстерина. Борисоглебский переписывал целыми страницами, но не забывал извращать политический смысл и установку очерков рабочего-ударника.

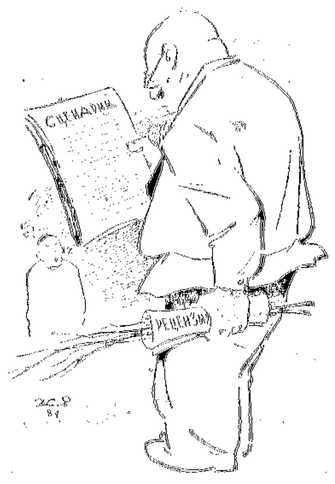
Борисоглебский включен из ВССП еще до призыва «Комсомольской правды» прочать с литературной работы «писателей», обкрадывающих талантливый рабочий молодняк. Он исключен за попытку дискредитировать ленинградскую организацию ВССП в глазах рабочих. Направленный для шефской работы на завод «Красный треугольник», Борисоглебский помог провокационные разговоры о «гранже» руководства (и актива) ЛО ВССП, непрерывность стремлений которых к перестройке неоднократно подчеркивалась вашей общественностью. Борисоглебский пытался ввести в заблуждение рабочих-ударников и в том, что его,—«работого писателя, эти правые капитулянты из ВССП» сняли.

Борисоглебскому было предложено дать развернутую критику своего поведения, но он отказался это сделать.

Исключение Борисоглебского будет оформлено специальным постановлением.

Б. РЕСТ

ПИНОК ИЛИ ПОМОЩЬ?
о работе со сценаристами



Сценарный голод, испытываемый кинопромышленностью, ставит серьезнейшую задачу — задачу **мобилизации всех сил пролетарской литературы, всех начинающих писателей, драматургов, сценаристов рабочего класса и близких нам попутчиков — на преодоление прорыва в деле подготовки сценариев для наших фильм.**

Сценарий — это основа для всякой фильмы, кроме узко специальных. Сценарист — один из основных авторов фильмы.

Вот почему теперь, когда вопросы политики художественно-идеологического качества наших фильм приобрели особую остроту, когда сегодня качество наших фильм, за весьма редким исключением, ниже всякой критики, **вопрос о сценарии и сценаристах вырастает в проблему огромной важности.**

Можно ли поэтому подходить к разрешению этой проблемы лишь в мерке... «отсечения» всякого, кто, пробуя силы на поэзии для него вопреки, допуская даже отдельные политические ошибки, все же искренне стремится отдать свои силы на служение советскому кино.

Можно ли, скажем, получив на предварительный отзыв сценарий на раскулачивательную тему, вместо того, чтобы помочь все еще весьма недостаточным творческим пацмальшинским кадрам, вместо того, чтобы научить автора сценария — брать его в штыки и с остервенением, понятным лишь в отношении к классовому врагу, выступать против него в печати, как против «контрреволюционера»? Мы полагаем, что нельзя.

А между тем в последнем полугодии мы имели именно такой случай, когда один из руководящих работников краевой организации, получив на отзыв сценарий калмыцкого товарища, вместо того чтобы вызвать автора, разобрать с ним сценарий и в духе товарищеской помощи, отнюдь не сглаживая остроты принципиальной критики, указать — как отмеченного выше «упрощенческого» подхода к сценаристу, мы бы хотели остановиться по существу на разборе сценария, о котором идет речь.

Сценарий называется «За скобками рая». Он трактует вопрос о старой и новой Калмыкии, давая это сопоставление на фоне пафоса гигантской индустриальной стройки Магнитостроя.

Одно название сценария указывает на спибочность авторского задания, стремящегося показать нового человека советской Калмыкии на противопоставлении всего **нового** — старому — родовому быту.

Такое сравнение **неправильно**, ибо в лучшем случае остатки родового быта надо было взять лишь как иллюстративный материал, памятуя о том, что при победе неканиталистических форм развития отсталой Калмыкии, остатки родового быта вовсе не островки средневековья, как полагают механисты, а корни капитализма, агенты которого в борьбе с побеждающим социализмом хватаются за соломинку всякого пережитка.

В диалектике 69 проц. коллективизированных хозяйств и наряду с ними не совсем и не везде еще выкорчеванные корни капитализма, хотя бы и в форме родового быта, — не разобрался ни автор, ни его строгий рецензент.

Автор, обобщая частное (рыне только перелитки родового быта), сказал, что они — только форма опасности, кулацкой опасности в Калмыкии, а его рецензент не вскрыл того главного, что отличает проведение сплошной коллективизации осенних земледельческих районов Калмыкии,—**не капиталистических путей ее развития, минуя стадию капитализма и перерастание этих путей в социалистические**, от победного шествия коллективизации в других районах края. Не вскрыв этой специфики, рецензент сам соскользнул с путей правильного анализа на своеобразную великодержавность. Ведь тот, кто думает, что Калмыцкая область пришла к сплошной коллективизации отдельных районов в надо переделать сценарий, или, если он совершенно неприемлем, — в каком духе сочинить новый, написал весьма резкую рецензию, в которой квалифицировал сценариста именно как «контрреволюционера» и с непонятной поспешностью опубликовал окую рецензию в печати.

Такой образ действия тем более странен, что он допущен в момент, когда партия указывает нам, как надо внимательно систематически внедрять в сознание технической (и творческой) интеллигенции единственно правильный диалектический метод, гарантирующий ее от шатаний и ошибок; как надо, систематически работая с этой интеллигенцией, тем более пацменьшинской, помогать ей обойти тромплину бедствий оппортунизма.

***

Исправляя вопиющую ошибочность

на этой базе к ликвидации кулачества как класса, к сплошной грамотности на основе латинницы и к созданию мощной партийной и комсомольской организации, не подчеркивая, **как** она к этому пришла, насколько (и в чем именно) был **отличен** ее путь от путей коллективизации и всеобщей грамотности других районов Нижне-Волжского края, — тот объективно сам впадает в грехи, которые он частично правильно, а отчасти преувеличенно приписал сценаристу.

Отсюда и вторая ошибка автора: он не понял, что пафос великой стройки в Калмыцкой области — не меньший, чем в Магнитострое.

Третья ошибка автора сценария состоит в том, что он схеме подчинил смысловое значение сценария (содержание). Сопоставление старой родовой (дореволюционной) Калмыкии он дает таким образом, что подавляющее большинство частей сценария относится именно к родовой Калмыкии. Лишь отдельные кадры некоторых частей перемежовывают это прошлое с символическим настоящим — «неким цехом, некого гигантского завода» (Магнитогорск). Вся же вторая половина сценария построена на реалистическом материале прошлого — родовой Калмыкии. Это невольно порождает вопрос: а где же советская Калмыкия?

Во всяком случае, даже при наличии отмеченных в некоторых других весьма существенных идеологических искривлений, сценарий не теряет своей ценности и дает основание полагать, что при серьезной его переработке, при товарищеской помощи сценаристу со стороны компетентных товарищей, он может явиться ценной основой для весьма ценного кинематографического произведения.

Надо поэтому помочь сценаристу, а не гробить его политически настолько, чтобы он оказался не в состоянии продолжать свою работу.

БОРИС ШУМЯЦКИЙ

писатели
кабардино-балкарской автономной области
требуют помощи РАПП

письмо через „литгазету" в секретариат РАПП

Национальные области Советского союза ведут ожесточенную борьбу за перестройку жизни, против великодержавного шовинизма и местного национализма. Строительство социалистической экономики национальных областей несет новый переворот в общественных отношениях, в укладе, в быту, уничтожая все ненужное, создавая новое коммунистическое общество.

Кабардино-Балкарская автономная область победным фронтом выступает вперед, сметая с пути старое, создавая новые условия для жизни общества, но национальная художественная литература отстает от темпов. Национальные кадры (поэты, писатели, очеркисты) из кабардинцев и балкарцев, имеющие за собой небольшой опыт литературной деятельности, работают вслепую, стихийно, без руководства, вне литературного объединения.

Организация объединения национальных пролетарских писателей Кабардино-Балкарской автономной области—одна из первых необходимостей.

Объединение писателей национальностей в объединение является делом большой политической важности, требующим четкого руководства, товарищеской помощи.

Нам нужна помощь в организационной работе, помощь четкой, идеологической и принципиальной установки. Мы просим выслать все необходимые материалы и пособия, дать точные указания для оформления этого дела и взять (секретариату РАПП) над нами шефство, которое способствовало бы быстрой организации ассоциации, росту и укреплению национальной литературы в интересах класса.

Мы сделали такой прыжок, обратившись непосредственно в секретариат РАПП через ростовских писателей, лишь потому, что Северо-Кавказская ассоциация бюрократически отнеслась к нам, когда мы ранние обратились к ней за этой помощью.

С организацией ассоциации мы возлагаем на вине СКАПП.

Инициативная группа по организации АНКП Кабардино-Балкарской автономной области.
ДЖ. НАЛОЕВ, ВОРОБЬЕВ, САБАНИН, ШЕЛЬБУРГ, КЛИМОВИЧ.

писатели борются за реализацию займа „третьего решающего"

Начался второй этап займовой кампании — реализация предварительной подписки.

Если в большинстве учреждений, обладающих постоянным штатом сотрудников, выявить подписную сумму производится путем вычета из зарплаты, то общественные организации поставлены в исключительную зависимость от **сознательности и аккуратности** подписчиков.

По предварительной подписке Московским писателей была намечена ориентировочная контрольная цифра в 100.000 руб. Предварительная подписка среди писателей **превысила** эту цифру и дала 105.000 рублей. Однако поступление первого же взноса вызывает опасение за срыв реализации предварительной подписки. На расчета подписки в 105.000 рублей ежемесячно должно поступать 10.500 руб. Между тем на 13 августа внесено всего... **200 рублей!**

Необходимо немедленно ускорить внесение причитающихся с писателей сумм. Лозунг — **реализация подписки на заем среди писателей — окажется под угрозой срыва.**

30 августа—пленум правления РАПП

Секретариат РАПП постановил созвать **30 августа** очередной пленум правления Российской ассоциации пролетписателей. В повестке дня пленума докладчики:

Ив. Макарьев.—О художественном показе героев пятилетки.

В. Киршона—О первых итогах призыва рабочих-ударников в литературу.

А. Селивановского—Попутничество и союзничество.

Доклад ИКП и обсуждение плана зимней работы секретариата РАПП.

ИЗВЕЩЕНИЯ

15 августа в 5 ч. вечера в МАПП (Тверская, 34, ход через книжный магазин) состоится совещание товарищей, выделенных на курсы руководов МАПП. Явка обязательна.

16 августа в 7 час. вечера в помещении «Пролетарского авангарда» (Тверская, 35) состоится очередное собрание объединения рабочих писателей-ударников при журнале.

Объединение МАПП и редакция журнала ГОСТ организуют 17 августа на пароходе однодневную экскурсию ударников, при сущие: тт. Авербах, Аплаузов, Багрицкий, Безыменский, Киршон, Кольцов, Луговской, Лундкевич, Панферов, Рапчиков, Светлов, Сельвинский, Сидоров, Сурков, Сутырин, Фадеев, Халатов и др.

Сбор по приглашениям с билетами на пристани Госпароходства (Причальная наб., за рочо и в 9 ч. утра (около Каменного моста, трамваи А, 39).

16 АВГУСТА — в 8 ч. в клубе завода им. Ильича (Б. Серпуховская, 40)—состоится расширенное заседание исполбюро ФОСП совместно с рабочими завода и писательским активом. В порядке дня: отчет всех литорганизаций о работе по художественному показу героев пятилетки.

18 августа в 4 часа на фазе Гольяк (Мытищи, 37)—выездное заседание Ленинского разбюро МАПП совместно с литкружком Гольяк, руководитель тов. «Наташа» и комсомолки фазы.

19 августа в 5 час. вечера в МАПП (Тверская, ход через книжный магазин) состоится совещание драматургических бригад МАПП. Присутствуют представители бригад и секретари разбюро МАПП, а также персонально следующие товарищи: Этерт, Шмерлинг, Кудрейко, Сидоров, Кржижановский, Ефимов, Коган, Виницков.

поправка

В прошлом номере «Л. Г.» в статье Вл. Лидина «Прокурор во времени» на 4-й стр. 2-го столбца, 2-ой абзац, напечатано: «писатель должен литургировать», а он печатается совершенно «литературно» вместо «литургировать». Следует читать: «четвертому измерению».

Ответственный редактор: С. ДИНАМОВ

РЕДКОЛЛЕГИЯ: Н. Асеев, С. Динамов, И. Жига, Л. Ильинский, Н. Катаев, Г. Коренев, Н. Огнев, А. Селивановский, И. Сельвинский, М. Словинский

ИЗДАТЕЛЬ: Акционерное Изд. О-во «Огонек»

ГИХЛ КНИГОЦЕНТР ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

НА 2-е ПОЛУГОДИЕ

На ежемесячный иллюстрированный журнал

ПРОЛЕТАРСКОЕ КИНО

Орган Ассоциации работников революционной кинематографии.

Под редакцией В. Пудовкина, К. Сутырина (отв. редактор), Ф. Эрмлера, Кржижановского и Н. Яковлева.

ЖУРНАЛ РАССЧИТАН на работников кинематографии и сетевых областей культработы, на членов общества „За пролетарское кино и фото".

В ближайшие дни выйдет из печати № 7

Содержание:

Н. ИЗУИТОВ — „Философия" учебной фильмы. А. БАРШ, Т. ФОГЕЛЬ—О сценарии учебной фильмы. ПРОБЛЕМЫ ТВОРЧЕСКОЙ ДИСКУССИИ. ВАЛ. ГРИГОРЬЕВ — К методологии определения направлений. И. ПОПОВ—Предисловие к вышедшей статье. Н. СПИРИДОВСКИЙ — На стройке фабрик советской кинопленки. Р. ГРИНФЕЛЬД—Пути звукового кино у нас и за границей. Г. ЗЛАЧЕВСКИЙ — Звуковое кино во Франции. ЛЕО МУР—Пути многоканальной шумотехники. Г. СОЛОВЬЕВ—Жанр калейдоскоп. Б. ЦЕЙТЛИН — Подводная киносъемка. БИБЛИОГРАФИЯ — Школьно-учебная фильма и др.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА на 6 мес.—2 р.

Отд. № 35 к.

ПОДПИСКУ сдавайте в местные магазины и отделения КНИГОЦЕНТРА, их уполномоченным, на почту и письмоносцам.

ОГИЗ ОБЪЯВЛЯЕТ ПРИЕМ НА 2-ГОДИЧНЫЕ РЕДАКТОРСКИЕ КУРСЫ при

РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКОМ ИНСТИТУТЕ,

С ОТДЕЛЕНИЯМИ:

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИМ, НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИМ и ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНОМ

Принимаются чл. ВКП (б), со стажем не менее 5-ти лет.

Разверстка и условия приема разосланы Областкомам, Крайкомы и ЦК национальных республик

По Москве условия приема узнавать в Управлении кадров ОГИЗа. (Кузнецкий мост 16, комн. 38, тел. 5-50-53).

ИЗДАТЕЛЬСТВО ФЕДЕРАЦИЯ

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ НОВЫЕ КНИГИ

БУДАНЦЕВ, С. Повесть о страданиях ума. Повести. 236 стр. Ц. 1 р. 75 к.
ДАЛЬНИЙ. Рунь. Роман. 162 стр. Ц. 1 р. 10 к.
ДОРОНИН, М. Тракторный пахарь. Поэма. Предисловие А. Луначарского. 126 стр. Ц. 1 р. 75 к.
ЗАМОЙСКИЙ, П. Ланта. Роман. Книга первая. 233 стр. Ц. 2 р. 70 к., пер. 35 к.
КАНАТЧИКОВ, С. Рождение колхоза. Очерки. Издание второе, дополненное. 114 стр. Ц. 50 к.
КОЛЬЦОВ, М. Всемнадцать городов. 185 стр. Ц. 2 р. 10 к., пер. 30 к.
КРЕКШИН, Е. Продолжение следует. Стихи. 112 стр. Ц. 1 р. 60 к.
ЛАПИН, Б. Набег на Гарм. Хроника. 104 стр. Ц. 75 к.
НИКУЛИН, Н. Письма об Испании. Издание второе. 315 стр. Ц. 1 р. 80 к., пер. 30 к.
РЯХОВСКИЙ, В. С гор потоки. Роман. Издание второе. 236 стр. Ц. 1 р. 40 к.
СВЕРЧКОВ, Дм. Бывший. Роман. 213 стр. Ц. 1 р. 60 к., пер. 35 к.
СЕРАФИМОВИЧ, А. Рабочий день. Полное собрание сочинений т. 1, редакция, вступительная и комментарии Р. Нердова. 375 стр. Ц. 2 р. 60 к. пер. 45 к.
ЕГО ЖЕ—Город в степи. т. 5, 311 стр. Ц. 2 р. 40 к., пер. 45 к.
ЕГО ЖЕ.—Железный поток. Т. 10, 262 стр. Ц. 1 р. 80 к., пер. 30 к.
УТЕВСКИЙ Л. Жизнь Гончарова. 268 стр. Ц. 2 р. 60 к., пер. 30 к.
ЦЫКУНОВ, В. и ЧЕРТОВА, Н. Огненная земля. 236 стр. Ц. 1 р. 70 к., пер. 45 к.
ЧАЧИНОВ, А. Далекие сестры. Рассказы. 115 стр. Ц. 75 к.
ЭРЕНБУРГ, И. Англия. Очерки. 62 стр. Ц. 50 к.

ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ В КНИГОЦЕНТР ОГИЗа Москва, Кузнецкий, 16

ВСЕ КУЛЬТУЧРЕЖДЕНИЯ:
ШКОЛЫ, ВУЗ'Ы, ВТУЗ'Ы, БИБЛИОТЕКИ, КЛУБЫ, КРАСНЫЕ УГОЛКИ, ИЗБЫ-ЧИТАЛЬНИ, ДОМА КРЕСТЬЯНИНА, КУЛЬТПОЛИТСОВЕТЫ ПРЕДПРИЯТИЙ, КУЛЬТБЫТКОМИССИИ КОЛХОЗОВ и ЖИЛОБ'ЕДИНЕНИЙ

ВСЕ ПРОСВЕЩЕНЦЫ, НАУЧНЫЕ РАБОТНИКИ, ЛИТРАБОТНИКИ И КУЛЬТАРМЕЙЦЫ

ВСЕ ДОЛЖНЫ ЧИТАТЬ, ВЫПИСЫВАТЬ И ПРОДВИГАТЬ В КУЛЬТАРМЕЙСКИЕ МАССЫ БОЛЬШУЮ ЕЖЕДНЕВНУЮ ГАЗЕТУ

ЗА КОММУНИСТИЧЕСКОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ

БОЕВОЙ ОРГАН КУЛЬТУРНОЙ РЕВОЛЮЦИИ

ПОДПИСКУ СДАВАЙТЕ ПОЧТЕ И ПИСЬМОНОСЦАМ В УСТАНОВЛЕННЫЕ ПРЕДЕЛЬНЫЕ СРОКИ

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ:
12 мес. — 9 р. — к.
6 мес. — 4 р. — к.
3 мес. — 2 р. 25 к.
1 мес. — 0. 75 к

Каждый УДАРНИК
Каждый РАБОЧИЙ
Каждый КОМСОМОЛЕЦ
Каждый УЧАЩИЙСЯ

должен помнить слова тов. Сталина:
„Нам осталось немного—
изучать технику, овладеть наукой"
Непрерывно повышать уровень своих технических знаний,
овладевать техникой своего производства,
следить за достижениями советской и иностранной техники—долг каждого сознательного участника социалистической стройки.

Популярно-технический журнал „ОВЛАДЕЕМ ТЕХНИКОЙ" — орган ЦСПС и Всес. общ. „Овладеть техникой"—поможет своему читателю овладеть техникой ведущих отраслей нашей промышленности,
ознакомит его с новейшими достижениями советской и иностранной техники.
Каждый ударник, рабочий, комсомолец, учащийся

ДОЛЖЕН БЫТЬ ЧИТАТЕЛЕМ журнала „ОВЛАДЕЕМ ТЕХНИКОЙ"

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПРИЕМ ПОДПИСКИ.

ПОДПИСКУ СДАВАЙТЕ исключительно почте заблаговременно. Подписка принимается до определенного срока, устанавливаемого местной почтой. Опоздавшая подписка принимается на следующий месяц.

Подписная цена: „ОВЛАДЕЕМ ТЕХНИКОЙ" („Основы науки") 12 мес—4 р. 80 к., 6 мес.—2 р. 60 к., 3 мес.—1 р. 40 к., 1 мес.—50 коп.

Акц. изд. об-во „ОГОНЕК".

С 1-го сентября издание журнала „СОВЕТСКОЕ ФОТО" ПРЕКРАЩАЕТСЯ

С сентября начнет выходит ежемесячный иллюстрированный журнал

„ПРОЛЕТАРСКОЕ ФОТО"

орган ОЗПКФ и СОЮЗФОТО

и еженедельная массовая иллюстрированная газета „ФОТОКОР" орган ОЗПКФ и СОЮЗФОТО с приложением фотобиблиотечки по 3 книжки в месяц.

ПОДПИСЧИКИ ЖУРНАЛА „СОВЕТСКОЕ ФОТО" будут получать ежемесячный журнал „Пролетарское фото" до конца срока своей подписки.

Подписчики на библиотеку „Совфото" получают таковую до конца 1931 г., имеющие переходящую подписку в 1932 году будут получать библиотеку „Пролетарское фото".

Подписчики, уплатившие подписную плату сразу за год, а также доплатившие к подписке 1 р., получают в 1931 г. „Календарь-справочник фотографа" обычным порядком.

„Фото-альманах" за 1931 год выпущен не будет,—о замене его другим приложением будет объявлено особо.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ на ежемесячный журнал „ПРОЛЕТАРСКОЕ ФОТО":
12 месяцев—6 р., 6 мес.—3 р. 25 к., 3 мес.—1 р. 75 к.
Цена отдельного номера—60 коп.

Условия подписки на еженедельную газету „ФОТОКОР" с приложением библиотечки „ФОТОКОР" будут объявлены дополнительно.

Принимается подписка на 1931 и 1932 гг.

Подписку сдавать только почте.

Акц. издательское о-во „ОГОНЕК".

Уполн. Главлита В 8863.

Электротипография (39) тип. «Мосполиграф», пр. им. Серафимовича-Отепова, д. 1.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Орган федерации об'единений советских писателей РСФСР

Москва 20 августа 1931 г. № 45 (144)

РЕДАКЦИЯ: Москва, Тверской б. 25, Дом Герцена. Телефон 2-80-12.

ИЗДАТЕЛЬСТВО: Акц. о-во «Огонек»; Москва, 6, Страстной б. 11. Телефон 5-5169.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА:
На 12 м. 3 р. 50 коп.
На 6 м. 1 р. 75 к.
На 3 м. - р. 90 к.

речь тов. сталина и задачи рапп

1. Речь т. Сталина «О новых задачах хозяйственного строительства» определяет характер и методы работы на всех участках социалистического строительства. В частности огромное значение имеет выступление т. Сталина для пролетарского литературного движения, как указание путей его дальнейшей перестройки, большего включения пролетарских писателей в практику социалистического строительства, ускорения процесса ликвидации ОТСТАВАНИЯ ПРОЛЕТАРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ОТ ТРЕБОВАНИЙ НОВОГО ЭТАПА СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ СТРОЙКИ. Речь т. Сталина должна быть продумана каждой нашей организацией, каждым писателем, каждым критиком, каждым литературным кружком на предприятии. Обсуждение этой речи должно быть одновременно выработкой и проверкой плана их очередной работы.

2. Первой и главной задачей, стоящей перед пролетарским литературным движением, является БОРЬБА ЗА РЕАЛИЗАЦИЮ СДЕЛАННЫХ т. СТАЛИНЫМ УКАЗАНИЙ, представляющих собою целую эпоху в нашем социалистическом наступлении. Каждый писатель, каждый кружок, вся РАПП в целом должны драться за выполнение директив вождя партии и рабочего класса. Литературный кружок, который ничего не сделал для того чтобы ускорить выполнение указаний т. Сталина на своем предприятии, не может называться рапповским кружком.

Эта борьба за выполнение указаний т. Сталина должна проводиться каждым рапповцем У СТАНКА, В ЯЧЕЙКЕ, НА ПРОИЗВОДСТВЕННОМ СОВЕЩАНИИ. Эта борьба должна проводиться каждым рапповцем и ПРИ ПОМОЩИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО СЛОВА.

Каждый раздел, каждый абзац речи т. Сталина — благодарная тема для художественного произведения. Ликвидация бегства мужика из деревни в город» и по-новому вставший в связи с этим вопрос о рабочей силе, вытеснение ручного труда механизацией, изменение самого типа советского рабочего, борьба с уравниловкой» и «обезличкой», постановка т. Сталиным вопроса о производственно - технической интеллигенции — разве это не темы для полноценных художественных произведений, разве это не нуждается в художественном осмыслении в романе, рассказе, стихах, очерках, разве не должно быть мобилизовано вокруг этих тем внимание писательских кадров РАПП?

Литературные кружки на предприятиях должны развернуть социалистическое соревнование между собой по лучшему художественному обслуживанию борьбы за выполнение поставленных т. Сталиным задач на своем предприятии, в своей стенгазете, в своем районе. Такое же соревнование должны развернуть все областные ассоциации, взяв на себя обязательство в кратчайший срок выпустить художественные сборники, посвященные борьбе за эти задачи. Такого рода работа должна нанести новый решительный удар по еще до конца не изжитым «предрассудкам барства».

3. К РАПП целиком относится сделанное т. Сталиным указание на то, что «новая» обстановка требует новых приемов руководства, что «для этого требуется, чтобы наши руководители руководили предприятиями не «вообще», а конкретно, предметно, чтобы они подходили к каждому вопросу не с точки зрения общей болтовни, а строго деловым образом», что «надо прекратить бумажное «руководство» и переключиться на действительную, деловую большевистскую работу», «чтобы печаще... об'езжали заводы, подольше оставались там для работы».

Есть ни в РАПП указанные т. Сталиным недостатки? В той или иной мере ЕСТЬ! Есть и «руководство вообще», подрядочно еще «общей болтовни», не мало бумажного руководства» и т. д. Это относится и к секретариату РАПП и к местным организациям. Происходящая в РАПП перестройка, заключающаяся в основном в повороте лицом к идейно-творческим вопросам, происходит все еще недостаточными темпами, слаба самокритика, недостаточны темпы перестройки, недостаточен контроль за выполнением своих же собственных решений (например, развернувшаяся, хотя и недостаточно, работа по показу героев пятилетки), мало действительного, глубокого изучения вопросов, творческая дискуссия развертывается медленнее, чем это требуется.

Есть у нас и недостаточное осознание в проведение на практике особых форм и методов работы в нашей по преимуществу идейно-воспитательной организации. Есть у нас копирование работы организаций, отличных от нашей по характеру разрешаемых ими задач. Речь тов. Сталина, неразрывно связанная с его же лозунгом, «лицом к технике», обязывает всех рапповцев к гораздо большему учету своеобразия работы в области литературы, к углублению в специфичность области, к тщательной, систематической и конкретной учебе художественному мастерству.

Речь т. Сталина должна вызвать новую волну широчайшей самокритики вокруг задач и темпов перестройки пролетарского литературного движения в соответствии с изменившимися условиями. В свете указаний т. Сталина РАПП должна произвести проверку-проверку всей своей работы, политически осмысливая ее борьбу с различными проявлениями мелкобуржуазных и буржуазных влияний из пролетарское литературное движение и творчество писателей рабочего класса. Главный удар должен быть сосредоточен на «правой» опасности, наглядно выражающейся в недостаточных темпах перестройки в отсутствии необходимой борьбы с предрассудками барства, в пренебрежении такой задачей, как показ героев пятилетки, в до конца неизжитых влияниях воронщины, переверзевщины и т. д., что отнюдь не означает какого-либо смягчения ударов по «левизне» фразеров мелко буржуазной «революционности».

4. Особое значение для пролетарского литературного движения имеет постановка т. Сталиным вопроса о ликвидации «обезлички».

Есть ли в работе РАПП «обезличка»? Да, есть. Она есть и в практике руководства и выражается в наблюдающемся часто «общем» подходе и различным участкам нашего движения, в «отсутствии ответственности каждого за данную конкретную работу» (Сталин). Она есть и в руководстве призывом ударников и выражается в «сплошном» подходе к творчеству ударников. Она есть и в нашей критике и выражается в обилии общих статей о литературе и в слабости конкретной критики.

Нельзя сказать, чтобы РАПП не ставила об этом вопроса и не вела борьбы с этими явлениями. Достаточно вспомнить решения последнего пленума РАПП, достаточно вспомнить, сколько у нас написано статей о необходимости конкретной критики. Но сама эта борьба с «обезличкой» не была достаточно конкретной. Это собственно было до последнего времени, а в значительной мере еще и сейчас является для многих борьбой за НЕОБХОДИМОСТЬ борьбы, нередко сводившейся к тем «заклинаниям» и широковещательным речам», в которых говорит т. Сталин и которыми обезличку уничтожить нельзя.

Указания т. Сталина ставят перед нами вопрос в переходе от «широковещательных речей и заклинаний» к действительной, эффективной борьбе с рапповской обезличкой. А это означает на данном этапе, что в частности должна быть решительно усилена работа РАПП в области конкретной критики. Это означает, что вместо разговоров о попутничестве и союзничестве «вообще» — на страницах наших органов печати должны появиться статьи о творчестве попутчиков. Это означает, что вместо повторения старых общих истин о пользе призыва ударников необходим внимательный, вдумчивый анализ их творчества, деловая помощь им, мягкие нередко наблюдающегося «сплошного» подхода к ударникам, как некой безличной массе. Это означает, что вместо разговоров о плохом руководстве должно быть проведено деловое распределение работы и ответственности за порученную работу, должны быть визвидированы «беспорядок и неразбериха, где вместо ответственности за работу царит полная безответственность и «ОБЕЗЛИЧКА» (Сталин).

Все это вместе взятое требует внимательного изучения причин, порождающих «обезличку», и создания минимума условий, при которых ликвидация была бы возможной.

К таким условиям относится прежде всего ликвидация «обезличенного» подхода к литературной работе вообще, укрепление руководства РАПП партийными и рабочими кадрами, более смелым выдвижением рабочих - ударников в руководящие органы РАПП, привлечение большего количества людей к руководству.

К таким условиям относится устранение перегрузки основных творческих и критических кадров РАПП разного рода организационно - административной работой, более дифференцированный подход к ним, постановка учета их работы. К таким условиям относится планирование творческой и критической работы актива РАПП и контроль организации за этой работой (начатое секретариатом РАПП заслушивание на своих заседаниях докладов писателей о своей работе).

К таким условиям относится действительный обмен опытом между организациями, внимательное изучение этого опыта, выделение ведущих ассоциаций и кружков, развертывание социалистического соревнования между организациями по всем вопросам работы. К таким условиям относится усиление живого руководства местными организациями и кружками, увеличение количества выездов на места, введение в практику работы методов взаимообследований между отдельными организациями. К таким условиям относится ликвидация «самотека» в работе с кружками, в подборе литкружков на предприятиях, усиление руководства ими, подготовка достаточного контингента руководителей кружков, вовлечение в кружки действительно передовых ударников данного предприятия.

5. Лозунг ликвидации обезлички имеет прямое и непосредственное отношение к вопросам творческой дискуссии в РАПП. Некоторые товарищи не понимают этого, полагая, что единственным выходом из этого лозунга т. Сталина для пролетарской литературы является описание того, как ликвидируется обезличка на предприятиях. Если бы дело заключалось только в этом, все обстояло бы очень просто. Но мы не можем в изучение выводов из речи т. Сталина предъявить движению лишь перечень вопросов, подлежащих описанию. Дело обстоит гораздо сложнее, ибо есть тонкости, вопросами «злободневности» заслоняющие вопрос о мировоззрении, определяющем творческий метод пролетарского художника. ХУДОЖЕСТВЕННО ОТОБРАЗИТЬ ЛИКВИДАЦИЮ ОБЕЗЛИЧКИ НА ПРЕДПРИЯТИИ НЕЛЬЗЯ, РАБОТАЯ МЕТОДОМ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ОБЕЗЛИЧКИ!

Борьба с обезличкой предполагает борьбу за такой художественный метод, который требует от художника величайшего внимания к конкретным фактам нашего строительства, к конкретным людям, борющимся на предприятии, в колхозе, в учреждении за социализм. Борьба с обезличкой — есть борьба с голой поверхностной декламацией в стихах и прозе, со своеобразной художественной «уравниловкой», когда декламацией о рабочем классе подменяется задача выявления передовиков пролетариата и отсталых, хвостистских элементов внутри рабочего класса.

Все вопросы, поднятые в речи т. Сталина, являются и вопросами борьбы за ленинский метод пролетарской литературы. Показать в художественных образах процесс пролетарского воспитания новых рабочих, вливающихся в производство, может лишь тот художник, который не отмахивается от задачи показа живого человека, конкретной социальной личности, который не подходит к пролетариату методом лже-революционного «сплошняка», который не отдается во власть «детских» и «первичных» «непосредственных впечатлений», не глубоко осмысливает действительность. Дать художественный образ новой пролетарской интеллигенции может только такой художник, который умеет видеть действительность диалектически, в движении, в росте, который вооружен марксистско - ленинским мировоззрением. Бичевать, высмеивать те слабости в нашей работе, о которых говорил т. Сталин, воспроизводить процессы классовой борьбы, размежевание среди старой технической интеллигенции, признаки поворота ее в сторону пролетариата, вести борьбу с бумажным творчеством, с бумажной непрерывкой, драться за новые, высокие формы труда, за правильную организацию труда может лишь художник, умеющий беспощадно срывать те маски, которые надевает на действительность классовый враг, успокаивая и обманывая ими оппортунистические, не желающие или не умеющие работать по-новому элементы среди командного состава нашего производственного руководства, художник борец, а не созерцатель, ленинец, улавливающий тенденции развития, ведущее значение нового, а не безидейный фотограф происходящего, не умеющий осмыслить своего материала и его претворить в высоких художественных образах.

Ленинская характеристика творчества Толстого «срывание всех и всяческих масок» имеет громадное значение для пролетарских писателей, разрабатывающих вопросы своего художественного метода. В противовес курсу на ликвидацию действительности и ее мелкобуржуазное приукрашивание вытекающему из недоверия к пролетарской действительности, лозунг «срывания всех и всяческих масок» сохраняет значение в плане большевистского познания нашей действительности осуществления социализма. Рабочий класс не надевает никаких масок на свою диктатуру - именно поэтому он требует, чтобы пролетарская литература срывала с его врагов все и всяческие маски — маски с классовых противников, маски с оппортунистических элементов, маски, которыми прикрываются колеблющиеся.

Пролетарская литература в отличие от всех литератур прошлого может и должна максимально полно, глубоко и всесторонне познавать социальную действительность, по-настоящему проникая в процессы переделки мира со всеми противоречиями и трудностями этого процесса.

«С каких пор большевики стали бояться правды», — этот призыв т. Сталина к борьбе с оппортунистической лакировкой раскрывают тот смысл, который пролетарским литературным движением должен вкладываться в ленинское выражение о «срывании всех и всяческих масок».

Таким образом борьба орудием художественного образа за выполнение задач, поставленных т. Сталиным, есть для нас не только вопросы тематики, но и вопросы художественного метода, — и иначе не может быть, потому что вопрос «что» для пролетарской литературы всегда связан с вопросом «как»; вопросы тематики для пролетарского писателя всегда есть вопросы мировоззрения.

Установка «Литфронта» на оппортунистическое замазывание противоречий действительности хотя и разоблачена в нашем движении, все же находит скрытых сторонников, или полусторонников, часто в неожиданных местах нашего движения. Поэтому борьба с этими настроениями должна быть усилена.

Умение работать по-новому, не довольствуясь теми методами, которые могли годиться в восстановительный период, о чем говорится в речи тов. Сталина, — целиком относится и нашей борьбе за новый, ленинский этап пролетарской литературы.

Идейный уровень пролетарской литературы должен быть решительно поднят: от писателей рабочего класса требуется умение давать марксистско-ленинское обобщение явлений действительности на основе строгого, делового изучения конкретных фактов строительства социализма. И воспитание новых рабочих, и выдвижение беспартийного рабочего актива на командные должности, и форкирование пролетарской интеллигенции — все это может быть показано и обобщено пролетарской литературой только при условии борьбы и с другим видом «обезлички», состоящим в том, что при показе конкретных фактов строительства, писатель односторонне воспроизводит лишь техническую сторону того или иного процесса, игнорируя классовую борьбу, ведущуюся конкретными живыми людьми, героями социалистической стройки.

Задачи, выдвинутые т. Сталиным, подтверждают правильность нашей творческой линии, правильность нашей борьбы ЗА БОЛЬШОЕ ИСКУССТВО БОЛЬШЕВИЗМА. Но они же говорят и о недостаточности наших успехов, о необходимости еще более решительной борьбы за перестройку, за уменье работать по-новому.

СЕКРЕТАРИАТ РАПП.

12 августа 1931 г.

всесоюзный с'езд польских пролетарских писателей

По телеграфу от нашего специального корреспондента.

МИНСК, 19. В Минске открылся всесоюзный с'езд польских пролетарских писателей.

18 августа делегация участников с'езда посетила университет и ряд культурных учреждений, заводов и фабрик. На вечернем заседании с'езд приветствовали рабочие машиностроительного завода им. Ворошилова.

С большим двухчасовым докладом о задачах польской пролетлитературы выступил секретарь ВОАПП Б. КОВАЛЕНКО, охарактеризовавший наши достижения на культурном фронте и разнообразные проявления классовой борьбы в литературе. Перечислив основные причины отставания польской пролетлитературы, тов. Коваленко закончил свой доклад призывом к польским пролетписателям:

— Работать на польскую революцию, на мировую пролетарскую литературу! Под этим лозунгом строить великое искусство большевизма, достойное нашей эпохи!

С'ездом получены приветственные телеграммы от немецких пролетписателей, от рабкоров-поляков, от т. Арт. Халатова.

Р. ЛЯПИЧ.

ОТ РЕДАКЦИИ. ОТЧЕТ О С'ЕЗДЕ БУДЕТ НАПЕЧАТАН В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ «Л. Г.».

советские библиотеки должны стать аванпостом художественной пропаганды социализма

Художественная книга составляет 69% библиотечного запроса.— Почему мало читается национальная литература и книги пролетарско-колхозных писателей.— У. Дж. Локк и Оливия Уэдели красуются на видном месте.—„Кружок друзей библиотеки" — библиотеки нацеленствуют.

Повышение культурного уровня широчайших масс трудящихся Советского союза, массовая ликвидация неграмотности, введение всеобщего обязательного обучения стремительно увеличивают число читателей книги, в частности книги художественной.

Рост производства художественной книги отстает от роста потребности в ней.

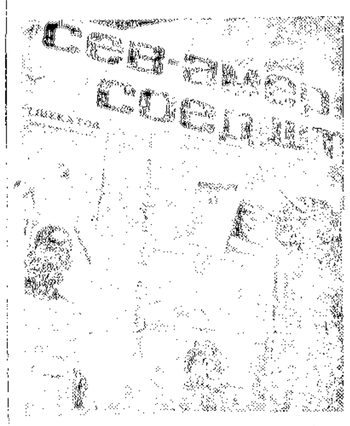
В этих условиях библиотека становится для читателя основным источником получения книги, библиотечная сеть — основным каналом продвижения книги к массовому читателю.

В связи с этим особенно возрастают в наши дни значение и роль библиотеки, а следовательно — и ее ответственность за правильное руководство читателем, за массовую работу с ним, за идейное и художественное его воспитание. Между тем печатаемые ниже материалы бригады МАПП и «Литературной газеты», обследовавшей ряд московских библиотек, свидетельствуют о том, что последние еще не перестроили своей работы соответственно тем задачам, которые стоят перед ними развертывание культурной революции.

Многие библиотечные работники, по-видимому, сами еще не осознали всего огромного культурно - политического значения той работы, которая им поручена — работы с художественной книгой. Только этим непониманием этой недооценкой роли библиотеки можно объяснить то, что большинство библиотек не ведет никакой массовой работы с читателем, ограничивая свои функции механическим обменом книг абонентам. Это стремление к механическому упрощению библиотечной работы приводит к еще более вопиющему явлению: библиотекари не ведут никакого учета читательских интересов, не отмечая в своих карточках тех особенностей читательского спроса, тщательное изучение которых, казалось бы, должно явиться одной из основных задач советских библиотек, одной из основных тех дальнейшего развертывания библиотечной работы.

С другой стороны, нельзя признать нормальной и скудную материальную базу наших библиотек, которые часто влачат жалкое существование благодаря нищенскому бюджету.

Придавая большое значение оздоровлению и усилению развертываемой библиотечной работы с художественной книгой, редакция «Л. Г.» приглашает своих корреспондентов и читателей высказаться на страницах по вопросам постановки и состояния библиотечного дела в Союзе ССР.



На выставке мировой революционной печати, открывшейся в читальне парка культуры и отдыха 15 августа

штаб культурной революции или автоматы „выдачи книг"

Бригада МАПП и «Литгазеты» провела выборочное обследование семи московских библиотек.

Бригада поставила своей целью выявить отношение советского читателя к художественной литературе, выяснить, как проводится в библиотеке массовая работа с читателем, как продвигается в читательские массы художественная книга.

Как общее правило, во всех библиотеках, начиная с районных и кончая специальными библиотеками при учреждениях спрос на художественную литературу неизменно стоит на первом месте: он составляет от 45 до 70 процентов общего количества читаемых книг. Даже в специальных библиотеках, рассчитанных на высококвалифицированного читателя, главным образом, на специалиста, где максимальный процент книжного фонда составляет научная литература, спрос на художественную литературу все же доходит до 40 процентов (библиотека клуба работников народного хозяйства им. Дзержинского).

Не в зависимости от специфики библиотеки, от категории читателей резко меняется соотношение спроса на различные виды и разделы художественной литературы. Статистика заводских библиотек, обслуживающих почти исключительно рабочих, говорит о значительно большем спросе на русских авторов, чем на иностранных, тогда как в районных и учрежденческих библиотеках, где основная масса читателей — служащие и их семьи,—спрос на русскую и иностранную литературу равномерен.

Нужно отметить, что наименьшей популярностью среди всех категорий московских читателей пользуются национальные литературы народов СССР.

Для читательских требований на русскую литературу характерно такое соотношение: рабочий-читатель в большей степени интересуется пролетарской литературой, в меньшей — литературой попутнической. Смешанный читатель — в районной библиотеке—предпочитает попутническую литературу и реже справляется пролетарскую. Квалифицированный читатель-интеллигент—читает пролетарскую и попутническую книжку в равной мере. Из книг пролетарско-колхозных писателей пользуются успехом отдельные наиболее популярные книги («Лапти» П. Замойского и т. д.); в целом же крестьянская литература мало популярна среди читателей Москвы. Повидимому это частично объясняется бедностью каталога пролетарско-колхозной литературы и неумением некоторых библиотечных работников продвинуть нужную книгу в массы.

Независимо от социальной категории читателей повсюду самый большой спрос падает на М. Горького и М. Шолохова.

Проведенное нами обследование массовой работы с библиотечным читателем привело к весьма печальным выводам.

1. Большинство библиотек почти никакой массовой работы не ведется.

В районных библиотеках, как и в библиотеках при учреждениях, состав читателей очень разнороден. Естественно, что здесь нужна большая организационная и воспитательная работа. Между тем в обследованных нами районных библиотеках отсутствует какая бы то ни было работа с читателем (библиотека им. Достоевского) или в лучшем случае изредка устраивается читательские вечера (библиотека клуба «КОР»).

При посещении ряда местных библиотек и читален нам приходилось сталкиваться с тем, что большинство сотрудников учреждения вообще не знает, где находится и когда бывает открыта библиотека (библиотека МСНХ).

А подбор книг в этих библиотеках?

Поэтому пролетарской и попутнической литературы отсутствуют иногда не достаток средств на их покупку. Зато на видном месте красуются и вызывают усиленный спрос... Уильям Дж. Локк и Олсвия Уэдели (библиотека месткома Наркомздрава).

Основной состав читателей в этих библиотеках — средний совслужащий; квалифицированного читателя, очевидно, не обслуживает такая литература, а низшие служащие остаются неохваченными библиотеки заведующей непосредственно библиотечным работником.

Недостаточная работа с читателем сказывается и в заводских библиотеках, где процент подписчиков—служащих превышает процент рабочих насчитывает. (Завод «Паростроя»).

Все же следует отметить, что в крупных заводских библиотеках кое-что в этом направлении делается: проводятся литературные «пятницы» и беседы в цехах, устраиваются литературные вечера и читательские конференции (библиотеки клуба «КОР» и завода «Динамо»). Большая работа с читателем ведется и в библиотеке клуба им. Дзержинского. Помимо литературных вечеров тщательно собираются и подклеиваются в альбом отзывы читателей, существует специальный альбом библиографии; библиотека объявила писательский конкурс на лучшую книгу о хозяйственниках, назначив жюри из числа читателей-ударников. — Этой же библиотекой проделан чрезвычайно интересный опыт организации «кружка друзей библиотеки» из наиболее активных читателей. Члены кружка участвуют в работе по чистке библиотечного фонда и его комплектовании, в оформлении выставок, в проведении литвечеров, в составлении библиографических статей и т. д.

Этот опыт вовлечения в работу библиотеки читательского актива должен быть подхвачен всеми библиотеками.

Бригада считает необходимым отметить еще одно недопустимое явление в работе наших библиотек. Мы имеем в виду их совершенно недопустимую финансовую базу. Местком Наркомздрава на весь текущий год отчислил на культработу библиотеки, имеющей 5.360 читателей, 170 рублей; библиотека завода «Парастрой» в квартиру берется в 2.000 человек получает от 30 руб. в месяц; работающая библиотека им. Достоевского, обслуживает более тысячи человек, получает от ВОНО... около 60 руб. в месяц и то нерегулярно.

В эти мизерные суммы должны войти и закупка выписных изданий, и содержание библиотечного персонала, если он существует в одном, в лучшем случае—штатном рабочем, отчисления на отопление, освещение и прочие текущие расходы. Даже общие для всех библиотек нечистые и пыльные книги в библиотеке не распространяются на такие библиотеки, так как они вообще не в состоянии забирать начисляющуюся им по разверстке норму.

Многие библиотеки для сокращения расходов ухудшают свой штат, доводя его до одного, в лучшем случае—двух работников, которым, естественно, не в силах справиться со всей необходимой технической и массовой работой. Тогда, с целью рационализации работы, библиотека переходит на «самообслуживание» читателей и в библиотеке клуба «КОР» и завода «Динамо»). Большая работа с читателем ведется и в библиотеке клуба им. Дзержинского. Помимо литературных вечеров тщательно собираются и подклеиваются в альбом отзывы читателей, существует специальный альбом библиографии; библиотека объявила писательский конкурс на лучшую книгу о хозяйственниках, назначив жюри из числа читателей-ударников. — Этой же библиотекой проделан чрезвычайно интересный опыт организации «кружка друзей библиотеки» из наиболее активных читателей. Члены кружка участвуют в работе по чистке библиотечного фонда и его комплектовании, в оформлении выставок, в проведении литвечеров, в составлении библиографических статей и т. д.

Этот опыт вовлечения в работу библиотеки читательского актива должен быть подхвачен всеми библиотеками.

напишем историю гражданской войны

пролетписатели средней волги приступают к реализации постановления цк вкп(б)

Секретариат средневолжской краевой ассоциации пролетарских писателей на объединенном заседании совместно с правлением и активом Самарской АПП постановил: немедленно включиться в работу по созданию «Истории ГВ».

Все организации АПП, рабочие литкружки, ЛОКАФ и ОПКП Средней Волги развернут массовую работу по собиранию истории гражданской войны, привлекая к сбору необходимых материалов всех писателей, мемуаристов и участников гражданской войны.

Вся работа на предприятиях должна быть увязана с призывом ударников в литературу, должны быть призваны в литературу ударники - участники гражданской войны — авторы исторических материалов.

Для оперативного руководства работой КрайАПП выделена комиссия в составе тт. Чибуракова, Горюнова, Фролова, Савватеева и Тимофеева. Намечено провести ряд слетов-конференций участников гражданской войны, прикрепить писателей к отдельным частям РККА, партизанам, красногвардейцам, активно содействовать работе центральных редакций «истории».

В Самаре решено издать несколько сборников по истории гражданской войны на Средней Волге. Первый сборник будет издан к XIV годовщине Октября.

авторы „истории гражданской войны" приступают к работе

Осоавиахимовская организация московского завода «Каучук» развертывает кампанию по собиранию опыта борьбы с гражданской войне.

В обращении ко всем осоавиахимовским организациям Советского союза совет Осоавиахима завода «Каучук» сообщает об организации комиссии содействия по собиранию материалов на активистов Осоавиахима, старейших красногвардейцев и партизан, работающих на заводе.

осоавиахимовцы организуются

Осоавиахимовцы организуют вечера воспоминаний, беседы участников гражданской войны с призывниками и выпускают специальный номер многотиражки «Резинщик на-страже», посвященный воспоминаниям о гражданской войне. — Не должно быть ни одного завода, фабрики, шахты, совхоза и колхоза, который не внесет бы в сборник истории гражданской войны своих страниц, — говорится в обращении рабочих «Каучука».

Проведением этой работы еще раз докажем нашу боевую готовность на любой призыв партии быстро и организованно отвечать конкретными делами.

*

Совещание заведующих архивными управлениями РСФСР предложило центральным архивам Октябрьской революции и Красной армии, а также всем местным архивным управлениям максимально усилить свою работу по выявлению документов, необходимых для использования их в издаваемом сборнике.

**

Собрание начсостава частей 4 Ленинградской кавдивизии заслушало постановление ЦК ВКП(б) об издании «Истории гражданской войны» и вынесло резолюцию, в которой призывает весь состав дивизии, как старейшей боевой части, принять на себя обязательство участвовать в издании Истории под лозунгом: каждый командир должен выполнить решение ЦК и дать свои воспоминания по истории гражданской войны и мирного строительства РККА.

На собрании отдельными командирами и политработниками были взяты обязательства написать очерки о гражданской войне и сделаны вызовы командирам других частей.

постановление секретариата рапп об „истории гражданской войны"

1. Предложить всем местным АПП и пролетписателям оказывать всемерную помощь редакции «Истории гражданской войны» во всей проводимой ею работе.

2. Одобрить инициативу ленинградской группы «напостовский призыв», об'явившей призыв ударников, партизан и участников гражданской войны в литературу.

3. Созвать в ближайшее время совместное заседание секретариатов РАПП, МОПКП, ФОСП, ЛОКАФ, МОРП, на котором просить литературную комиссию редакции «истории гражданской войны» сделать доклад.

исполбюро фосп на заводе им. ильича

Третьего дня исполбюро ФОСП впервые провело выездное заседание у своего шефа — коллектива рабочих завода имени Ильича. Как известно шефство ленинцев над ФОСП до сих пор никак не реализовано ни ими обоих сторон — и рабочих завода им. Ильича, и наших литературных организаций.

Первый выезд исполбюро ФОСП на самый должен оживить шефство ильичевцев над ФОСП, послужить толчком к действительному осуществлению этого шефства. Поэтому писательская общественность придает особое значение этому выездному заседанию и в заводской клуб прислали многочисленные писатели, представители ФОСП, РАПП, РОПП, ВОСП, ЛОКАФ и Всероскомдрама. Однако, заводские общественные организации не сумели заинтересовать и привлечь на заседание исполбюро ФОСП рабочую массу и в результате в клубном зале завода им. Ильича оказалось больше писателей, чем рабочих.

Тем не менее оживленному обсуждению и со стороны присутствовавших рабочих и литкружковцев, и со стороны писателей подвергались доклады И. Макарьева (РАПП), И. Евдокимова (ВОСП), Г. Тарпана (РОПП), С. Игнатчикова (Издательство «Федерация»), П. Арского (Всероскомдрам), С. Вашенцева (ЦИКАФ) и Г. Коренева (ФОСП) о работе литобъединений по художественному показу героев пятилетки.

В прениях, в которых приняли участие Г. Никифоров, П. Слетов, т. Натапов (завод Ильича), Н. Шушканов, И. Сельвинский, П. Скосырев, тт. Гехтман, Кивович (завод Ильича) и др., были также обсуждены вопросы шефства завода Ильича над ФОСП, были затронуты и некоторые вопросы творческой дискуссии.

Для выработки резолюции избрана комиссия в составе тт. Гехтмана (литкружок завода им. Ильича), Щеткина (культсектор завода им. Ильича), Г. Коренева, Н. Шушканова и С. Метиолавского.

Подробный отчет о заседании будет помещен в следующем номере «Л. Г.».

Всесоюзный с'езд польских пролетарских писателей.

показ лучших — боевая задача пролетлитературы ко всем членам МАПП

Со дня решения секретариата РАПП о художественном показе героев пятилетки прошло три месяца. Московская организация взялась за работу одной из первых. Конечно сю уже сделано, но сделанного недостаточно. Показ лучших — серьезная, сложная задача пролетарской литературы, боевое задание, стоящее перед РАПП.

Смысл этой темы — показать рабочий класс советской страны на новой ступени классовой сознательности, дать примеры новой социалистической личности, раскрыть новое содержание и отношение рабочего к труду, описать подвиги, дела, поступки сотен, показать этим самым рост, под'ем, вступление в социализм миллионов, и, описав лучшего, воспитывать остальных, увлечь, заразить примером.

Поднялись ли на работу по художественному показу лучших наши кружки, мобилизованы ли вокруг нее ударники-призывники, намечены ли, продуманы ли пути наилучшего художественного выполнения этого задания, обсуждается ли на кружках, на творческих собраниях и в печати каждый удачный опыт того или иного писателя или кружковца, все ли трудится над выполнением взятого на себя перед партией и пролетарской литературой обязательства?

Нет. Работа идет медленно, значение ее до конца не продумано, размеры ее сужены, жанры ограничены, в то время как она вмещает в себе разнообразнейшие жанры, в то время как она — и учеба для кружковца, и новая ступень в художественном развитии для уже сложившегося писателя. Задача трудная и ответственная, тем меньше оснований откладывать ее решение. Секретариат МАПП создал специальную комиссию-редакцию по художественному показу героев пятилетки. Редакция уже приступила к работе. Редакция организует: наблюдение над выполнением задания, творческую помощь авторам - кружковцам, издание лучших произведений в специальной серии, критику в печати всей творческой продукции по показу героев и в ближайшее время — пленум собрание творческого актива с обсуждением уже написанного. Массовая серия «Страна должна знать своих героев» намечена в виде ряда отдельных книжек размером от полулиста. Каждая книжка посвящена тому или иному герою социалистического труда. Кроме отдельных книжек будет издан большой сборник произведений о героях пятилетки.

Все члены МАПП, взявшие на себя обязательства по показу лучших, должны немедленно связаться с редакцией серии. Все товарищи, работающие над произведениями на эту тему, должны поставить редакцию в известность о ходе своей работы, о сроках ее выполнения. На сегодняшний день из 70 членов МАПП, об'явивших в свое время о своем намерении работать над темами показа героев, — выполнила об'ятельства только 10. Необходимо внести организованность в дальнейшую работу творческого коллектива МАПП, связанную с темой показа лучших.

Боевое задание, данное партией пролетарской литературе, должно выполняться дружно и энергично!

РЕДКОЛЛЕГИЯ МАПП ПО ХУДОЖЕСТВЕННОМУ ПОКАЗУ ГЕРОЕВ ПЯТИЛЕТКИ

Адрес редакции: Тверская, 51, МАПП. Редакция по показу лучших, ежедневно от 12 до 3.

М. СЕРЕБРЯНСКИЙ

Поречное наследство

О романе п. славина „наследник" *

Сюжет романа несложен, хотя героические усилия Л. Славина дать по линии психического усложнения и личной судьбы и социальной биографии героя на фоне войны и революции. Автор в пятое за большой литературностью своего произведения пытался основного героя Сергея Иванова каким-то читателями соединить с чеховским Ивановым. «Наследник» Славина, считая себя большевиком, иногда истерически орет: «Незачем» я прочел. Не понимаю, почему вы так волнуетесь. *Да*, я сын ему. Но я ему не наследник» или: «я за тенденциозность, за работу вместе с другими (!), за личное счастье для всех (!) За всеобщее счастье для всех (!) За всеобщее счастье для всех (!) За всеобщее

ДИСКУССИЯ ПО ТВОРЧЕСКИМ ВОПРОСАМ ПОЭЗИИ

Вл. Кириллов

Другу-лирику
Л. Сейфуллиной

Песенное золото!
Нажный звон яичаечий!
Бьет тяжелым молотом
Ваш наш электрический.

Не слыхать от шума нас
Грохота могучего,
Где уж тут до Шумана,
Где уж тут до Тютчева!

Над печальной скрипкою
Кто теперь расплачется?
Может быть под пианолу
Розовов пиджиц?

Вся слепит картинками,
Всюду неприглядными:
Он поет машинами,
Голосами обычными.

На грустить нам стоит ли
О цветах орнамента,
Если мы построили
(Лишь) массив фундамента?

Будет день — появятся
Вновь искусства тонкие,
Будут петь красавицы
Наши песни звонкие.

Будут песни шестерить,
Мир цвести чудесней,
Будет солнце шефствовать
Над живыми песнями.

В. КИРИЛЛОВ

Реплика
В. Кириллову

В стихах рабочих-ударников рождается новая поэзия рабочего класса и его новая лирика. Прочтите к примеру сборник «Начало» (Лен. ИХД). Стихи, собранные в нем, художественно слабы. Через несколько лет для самих авторов они явятся пройденным этапом. Но уже сегодня в них дано новое качество. Тот, кто не видит в творчестве рабочих-ударников завтрашнего дня пролетарской литературы, тот не поймет ничего в путях развития пролетарского искусства. Тот, кто ставит надгробную плиту над лирической поэзией сегодня, тот срезает себе путь к завтрашнему дню этой поэзии.

В. Кириллов, один из крупнейших пролетарских поэтов времен военного коммунизма, с начала нэпа пережил серьезный, идейный и творческий кризис. Он не понял нэпа, его стратегии, его пути, он отвернулся от него и осудил его. Но, сделав это, он ушел со столбовой дороги поэзии.

В выступлении Л. Сейфуллиной, которая в одном из своих выступлений поставила вопрос о лирической поэзии, В. Кириллов хочет объяснить, почему так труден путь лирической поэзии в наши дни. И он находит объяснение в том, что наш век — «электрический». Он «бьет тяжелым молотом», он поет машинами, голосами «обычными». В шуме и лязге века — «где уже тут до Шумана, где уж тут до Тютчева? По Кириллов видится не то, что этот шум изменился, поэзия снова вернется в свои владения, в «тишину», искусства «сонаты», а граждане будут расценивать звонкие песни, сочиненные поэтами.

Вл. Кириллов таким образом узаконивает молчание поэзии в наши дни — лирической по крайней мере. Его формула — это формула выжидания. Ему кажется, будто слабый голос поэта не может соперничать с гулом машин. Но это значит, что Кириллов противопоставляет лирическую поэзию и пятилетку. Почему? На каком основании? Разве не глубже, не богаче, не содержательнее стала личная жизнь человека в наши дни? Разве специфика лирической поэзии в том, что она — выходит время безмятежного блаженства? Разве боец, строитель социализма, рабочий-ударник не имеет права на свою лирику?

И напрасно Кириллов успокаивает нас, современников, тем, что «будет день», когда «будет весна шествовать». Нет, мы сейчас создаем большое искусство большевизма, в которое лирика входит составной и неотъемлемой частью.

Мы не хотим выжидать, как предлагает Кириллов. Мы не хотим из старости услышать обновленного Тютчева. Та лирика, которую получит человек развернутого социалистического общества, рождается из нашего времени: больше ей неоткуда родиться.

С. ПАВЛОВ

Несостоявшаяся „эпоха"

1

Первая книга стихов молодого ленинградского поэта Юрия Инге, выпущенная под столь многозначительным и ответственным названием («Эпоха»), снова ставит на повестку дня вопрос о романтизме, как творческом методе художника, желающего назвать себя пролетарским.

Этот вопрос, как это ни странно, является весьма актуальным для того этапа, на котором находится сейчас формирование творческого метода пролетарской поэзии. Если на территории пролетарской прозы романтизм как творческий метод разоблачен в теории и разгромлен в художественной практике, то на фронте пролетарской поэзии романтические теория и практика имеют широкое хождение. Нередко приходится слышать, как кое-кто аргументирует плодотворность романтического творческого метода для пролетарской поэзии революционным пафосом нашей эпохи, энтузиазмом восходящего класса, двинувшегося в развернутое социалистическое наступление. Отсюда выводится необходимость художественного воспроизведения романтики побед пролетариата. В качестве единственного средства этого воспроизведения канонизируется романтический творческий метод.

Было бы нелепо говорить о том, что пролетарская поэзия не должна воспроизводить романтику побед пролетариата на всех фронтах социалистического наступления. «Страна должна знать своих героев»—достаточно вспомнить этот лозунг, чтобы понять нелепость и вредность подобных рассуждений. Но имеет ли эта романтика что-либо общее с романтизмом как крепостным отвлечением от реальных противоречий действительности? Может ли быть эта романтика воспроизведена романтическим творческим методом — этим орудием мистификации и лакировки? Я думаю, что эта романтика может быть воспроизведена лишь на основе метода диалектико-материалистического срывания всех и всяческих масок, являющегося методом объективного познания действительности и ее изменения в процессе этого познания. Внешняя практика романтического метода, закрепленная в произведениях таких поэтов, как Бессарион Сашин, Александр Прокофьев, Анатолий Кудрейко, Юрий Инге *, свидетельствует о правильности этого положения.

Борьба с этим методом лакировки в действительности должна быть особенно интенсивна сейчас, когда РАПП находится на боевой проверке, выдвинутой задачами перестройки всей пролетарской литературной организации в соответствии с новыми требованиями страны, вступившей в период социализма. Борьба за показ лучших означает в то же время борьбу за качество этого показа, борьбу против мистификации и лакировки.

2

В статье, посвященной творчеству Инге и напечатанной год назад в журнале «Резец», я писал, что в творчестве Инге очень много мотивов и настроений, давших поэту право называться пролетарским.

Инге выпустил книжку, снабженную компромиссной маркой («Современная русская литература ЛАПП») и состоящую из старых стихов, дополненных некоторыми новыми. Менять оценку творчества Инге, данную год назад, у меня нет никаких оснований. Нет никаких оснований говорить о том, что эстетико-романтические творческие позиции подвергнуты поэтом критическому пересмотру. Наоборот, они еще более укреплены и на их основе возникают уже не одни только творческие ошибки. В уже упомянутой статье я различал три основные линии в творчестве Инге. Первая, представленная в рецензируемом сборнике разделом «Эх, мятежница-молодка», характеризуется интересом к историко-революционным темам, разрешенным, однако, под эстетико-романтическим углом зрения. Идейно-творческая устремленность этого цикла стихов, объединяемого по тематическому и мировоззренческому признакам, рассматриваемым в единстве («Рассказ о матросах», «Конспиративная квартира», «Война», «Бред букиниста» и др.) очень хорошо выражена в четверостишии из стихотворения «Поход».

Бурлящие песни повольнят,
Напевный архангельский сказ.
Да разве я помнить должен,
С кем дрался в последний раз?

* Подчеркиваю, что этим перечислением я отнюдь не отождествляю различные идейно-творческие уровни, на которых находятся перечисленные поэты.

История революционного движения рассматривается Инге не с точки зрения ее уроков, действенных для сегодняшнего дня, а с точки зрения романтического анархического любования ею. Это утверждение может быть доказано разбором любого стихотворения, начиная с «Рассказа о матросах», где автор в заключение сожалеет о боевом революционном прошлом («Было время, вспомните матросы, эх, матросы, ленты, да наганы»), и кончая «Бредом букиниста» — этой концентрацией романтической ленинки со всеми ее нелепыми атрибутами, включающими в свой список и мертвецов, которые «по ранжиру встают со пиками и «Марсельезой» и «скоро которых «летит на воздух». Революционная пролетарская устремленность той борьбы, которую ставит поэтическая аналитировать Инге, совершенно ускользает из поля его зрения, парализованная и отодвинутая на задний план романтической творческой установкой.

3

Вторую линию в творческом развитии Инге я характеризовал как прямое подчинение поэта чуждой пролетариату идеологии. Этот второй раздел книги Инге, полусознательно, полуиронически (горькая ирония!) названный автором «Предположим — романтика» («Холодная стена», «Огонь», «Ночная лирика», «Низовой запой») характеризуется экзотическим пятном, ярко выраженным в стихотворении «Ночная лирика».

То ли тишина, то шум ли
Рени распорся до берегов
Жуткое жужжанье джунглей
В шарящем шорохе шагов...
...Чтобы через грань гранитных
лестниц,
Мог я, как случайное «прости»,
Крылья зачарованные песни
Почтой голубиной принести.
Вот уж замолчало так близко
Площади торцовое лицо
Каменьми столетних обелисков,
Ледяным безмолвием дворцов.

Эти стихи, беспредметно-лирические, по концу эстетские, но лишенные на первый взгляд законченной идейной установки, оформляются на глазах у читателя в стихи с совершенно отчетливой и полностью чуждой пролетарскому поэту идейной устремленностью. Такими стихами являются «Холодная стена» и «Огонь». Что объединяет эти стихи, почему именно их считаю я наиболее опасными симптомами творческого перерождения автора «Эпохи»? Эти стихи логически вытекают из всей творческой установки Инге; они родились на стыке двух определяющих линий его поэзии: романтического всемышлокусательства «Рассказа о матросах» и «Бреда букиниста», с одной стороны, и эстетской «Ночной лирики»—с другой стороны. «Холодная стена» и «Огонь» объединены единой реакционной установкой, весьма последовательно, хотя быть может и бессознательно проведенной в обоих стихотворениях. Эта установка — принят стихии над сознательной деятельностью человека, господство инстинкта над разумом, слепого опущения над волей и расчетом.

Такова философия «Огня»: наложив историю борьбы человека с огнем и установив, что «в нашу жизнь новел огонь на зло и службу человеку», поэт заключает:

Но в смутном покаленьем дню,
На проигравший в этом споре,
Себя вновь отдал человек огню,
Воздвигнув храмом крематорий.

Об'ективно-каннибалистический характер этого вывода слишком очевиден для того, чтобы его следовало комментировать: замкнутый круг фаталистического господства стихии над бессильным перед ней человеком с предельной ясностью констатирован поэтом. Еще более обнаженно эта идея бессилия человека перед лицом всесильствующей стихии выступает в стихотворении «Холодная стена». Дикая безводная степь, по которой мечется обезумевший от жажды человек, воспроизведена поэтом с большой силой. Но, поистине, чем лучше, тем хуже, ибо стихотворение это насквозь проникнуто утверждением господства стихийного физиологического напора над человеческим разумом.

Не страшны обрезы и гик басмачей,
Несомел запыленным гуртом,
Там нет она, цель сумасшедших
ночей,
Конец путешествия—юрты!
Колодец. За это прохладное дно
Мы все отдадим, что угодно,
Но слово надолго запомним одно,
Узнав навсегда—«безысходность».

Стихии и здесь торжествует над человеком, фатальная обреченность которого подчеркивается со всей настойчивостью, имеющейся в распоряжении поэта.

4

Такова идейно-творческая устремленность первой книги стихов Юрия Инге. Охарактеризованными творческими свойствами определяется основная качественная тенденция поэтического развития Инге, несомненно ведущая в плен к идеалистическому творческому методу, т.-е. выражающая опасность правого перерождения некоторых звеньев нашего поэтического молодняка.

Противодействовать дальнейшему скату на враждебные пролетарской поэзии позиции может лишь последовательный и решительный пересмотр установок первой книги, не имевшей, как теперь выясняется, никакого права на присвоенное ей высокое наименование. Достаточно реальных признаков этого пересмотра мы еще не имеем, однако о возможности его свидетельствует третий и последний раздел «Эпохи», пренебрежительно озаглавленный «Текущие дела» и действительно-ни в какой мере не определяющий лицо сборника.

В этом разделе, помимо традиционной, а потому и никого не ранящей борьбы с обоями, абажурами и прямусами, содержится и известная доля самокритики, заключенная в несколько патетическом, но в целом, вполне трезвом стихотворении «Девушка права»:

Значит старые песни не в счет,
Значит жизнь начинается снова,
И в стране я не создал еще
Ни поэмы, ни песни, ни слова.

Эта третья линия в творческом развитии Инге, судя по последним стихам («Резец»), может стать знаменем подлинной мировоззренческой перестройки. От успеха этой перестройки будет зависеть дальнейшая творческая судьба автора «Эпохи».

Пока же «Эпоху» нельзя считать состоявшейся. Ни настоящей песни, ни поэмы Юрвем Инге еще не создано. Что же касается старых песен, то их нельзя просто сбросить со счетов—их нужно перешагнуть.

ЛЕВ ЛЕВИН

На учебе у пятилетки
„Инженеры" н. Сидоренко

Н. Сидоренко учится видеть мир в «становлении», в сдвигах, меняющих пейзажи провинциального захолустья, где горизонт разлучает с рекой романтические мастеровые и поэтому провинциальную «лиру», мятущуюся за «неукротимый рейс» на тихой местковой посудине.

Первая книга «Разрушенная тишина» еще была пропитана созерцательностью, пассивным любованием природой.

Напьяв не любить и полесья свои,
Где в море черемух
Победно и просто
Июльскою ночью
Трепят соловьи...

Стихи о природе, о любви, о женщине, о революции, о труде, о творчестве — все это было пронизано настроением, которое можно определить как «лирическое любование». Это любование было не только формой восприятия, но и формой познания. Поэт не столько познавал, сколько любовался. Поэтому его стихи были лишены познавательной ценности, они не давали ни знания, ни эмоционального заряда, ибо любование, как форма познания, не может ни знать, ни заражать.

В «Инженерах» дан организующий поэта борьбы за завод (главы «Пляж легендарных Кузнецы», «Митинг в цехе»). Хорошо обрисован облик нового инженера, в котором воплощена большевистская воля к победе.

Сквозь перегат
Папиросного дыма
Я наблюдаю
Петровы брови.
Напрепко заминута в них решимость,
Которой не жалко
Ни кости, ни крови...

В «Инженерах» много лиризма, но лиризма иного качества, чем в «Разрушенной тишине». Если в первой книге Н. Сидоренко лирическое переживание было самоцелью, то теперь оно стало средством. Лирическое переживание стало средством познания, средством создания образов.

Но в «Инженерах» Н. Сидоренко еще не может справиться с материалом. Он еще не может найти такой формы, которая бы позволила ему с наибольшей полнотой и силой выразить свое отношение к материалу. Поэтому в «Инженерах» мы видим ряд противоречий, которые мешают Н. Сидоренко создать произведение, равное по силе его замыслу.

Н. Сидоренко учится видеть мир с классовых позиций, но он еще не может с этих позиций подойти к материалу. Поэтому он не может отобрать из материала самое существенное, самое характерное, самое типическое. Поэтому он не может найти такой композиции, которая бы позволила ему с наибольшей полнотой и силой выразить свое отношение к материалу. Поэтому он не может найти такой формы, которая бы позволила ему с наибольшей полнотой и силой выразить свое отношение к материалу.

Н. Сидоренко учится видеть мир с классовых позиций, но он еще не может с этих позиций подойти к материалу. Поэтому он не может отобрать из материала самое существенное, самое характерное, самое типическое. Поэтому он не может найти такой композиции, которая бы позволила ему с наибольшей полнотой и силой выразить свое отношение к материалу. Поэтому он не может найти такой формы, которая бы позволила ему с наибольшей полнотой и силой выразить свое отношение к материалу.

* «Молодая гвардия». 1931 г. № 3.

Перед всесоюзным совещанием еврейских пролетарских писателей

Об оппортунистических установках тов. Литвакова *

В ряде номеров минского журнала «Штерн» за последнее время были помещены статьи, большой фактический материал которых показывает, что литературно-политическая и методологическая линия тов. Литвакова к вопросам литературы и искусства имеет многочисленные националистические и антимарксистские установки. Об этом неоднократно говорили на совещаниях и конференциях.

Совсем недавно, на минской конференции еврейских культ-активов была широко развернута критика литературной деятельности тов. Литвакова. Литваков честно пытался замазать свои ошибки и только под напором делегатов конференции и ее партийно-го руководства он был вынужден пойти на признание «некоторых» из них. Тов. Литваков тогда же торжественно обещал, что он широко и развернуто даст критику своих ошибок. Но время показало, что он не проявил способности и желания использовать предоставленные ему возможности для самокритики, чтобы перевооружить себя для правильной и большевистской работы. Вместо самокритики тов. Литваков занимается сейчас «примечаниями» к статьям других товарищей и серией своих статей «об одной карикатуре врагов». В этих статьях он совершенно замазывает свои ошибки, сочетая эту тактику с атакой против тех товарищей, которые пытаются его найти на неправильную для него путь самокритики.

Литваков — дореволюционный еврейский критик меньшевистски-националистического толка — привлек в пожелтевшую еврейскую литературную критику со значительным грузом национал-меньшевизма и эстетизма. Ярко выражение этой концепции представляет литературно-критический сборник Литвакова «Ин умруг» (том I), вышедший в 1918 г. в бытность его меньшевиком. Казалось бы, что вступив в большевистский период своей литературно-критической деятельности, Литваков прежде всего подвергнет жесткой критике свою меньшевистски-националистическую книгу, до сих пор не изжитую из обращения. Однако Литваков счел возможным, не подвергая книгу критике, выпустить в 1926 г. книгу литературно-критических статей под старым названием «Ин умруг» и зачислил ее вторым томом, подчеркнув этим преемственность старой литературной деятельности. В эту книгу Литваков включил ряд статей своего меньшевистского периода, ограничившись в предисловии, что «ему пришлось изменить некоторым образом фразеологию, более уточнить социальную целеустремленность, но не по существу». То же самое Литваков повторил в своей книге «На два фронта», выпущенной в 1931 г. По поводу тех же статей меньшевистского периода Литваков пишет, что «они могут при некоторых изменениях фигурировать в коммунистическом сборнике».

А ведь в этих статьях Литваков развивает многочисленные положения интуитивистского, найдемократического и формалистического порядка. Для иллюстрации приводим лишь несколько цитат из второго тома «Ин умруг». Цитаты эти можно было бы умножить. Вот они:

«Берегъзем инвестэйну совпадения часто художественных символов — он охватывает таинственный круг душевных движений, он видит «иррациональное» продолжение душевных основ. Его фигуры уже не находятся в его распоряжении,—они ведут самостоятельное существование и становятся иным достоянием, прежде чем художник определил свое отношение к ним» (стр. 63).

Яркие интуитивистские и переверзевские положения! Дальше:

«У Переца еврейские художественные мэнеры перевоплощают-он...

... В еврейском языке живет дух утвержденной тонины».

Теория самобытности «еврейских художественных манер», положение о революционной сущности еврейского языка «в себе», смазывание классовой борьбы в вопросах преодоления культурного наследства и пр. — все это являет собой яркое воплощение национортунизма. В духе этих положений даны многочисленные установки в книге «о Гассете».

* Печатается в порядке дискуссии.

Эти теоретические положения, к которым прибавляется еще ряд формалистических уклонов, находили свое применение в практике т. Литвакова.

Вышедшая в 1926 г. книга Литвакова «Штерн» было следующим образом оценено Литваковым, который неоднократно ссылается на свою резолюционную практику:

«Штерн» возник как временное убежище всех членов молодой литературы, как своего рода знаменитый, до тех пор, пока каждый из них (из еврейских писателей — Ред.) завершит свой идеологический круг. И именно в этом состоит положительный смысл «Штерна» и его великое литературно-историческое значение» (стр. 99).

В этой же статье первая ячейка организованной еврейской пролетарской литературы—киевская секция МАПП,—вступившая в жестокую борьбу против националистических и эстетских элементов еврейской литературы, получает следующую оценку:

«Объединив несколько основных участников этой группы крупных не из рядов пролетариата и не являющихся коммунистами, — это есть явление, которое, поскольку оно современем должно рассеяться, вызовет новую дифференциацию» (стр. 204).

Так Литваков определил свое отношение к основным, враждующим между собой, течениям в еврейской литературе, определив «течение» за сторону противников пролетарской литературы.

Боевое в оценке Литвакова к пролетарской литературе получило свое наиболее яркое выражение в оценке предшественников еврейской пролетарской литературы (эту литературу Литваков квалифицирует как «деланную», а не органическую) и в оценке одного из крупных произведений пролетарской литературы — «Железного потока» Серафимовича, о котором Литваков говорит, что оно является

«подобным средством в революционной агитации и пропаганде, в котором мы очень нуждаемся, но не такие произведения создают художественное наследие и нашей революции для будущих поколений» (стр. 183).

Свое отношение к реакционному символизму и к национал-романтике Литваков выразил, оценивая символиста Пинтера как художника, который «никогда не перестанет ориентироваться на народные массы» (стр. 183). Он же разгалделствовал по этому поводу, что «лишь писатель нашей революционной эпохи не имеет в еврейской литературе нового источника для нового стиля кроме Пинтера» (стр. 166).

Уже в последней своей книге «На два фронта» Литваков отрицает литературную политику от литературного творчества, развивая положение, что первые боевые годы еврейской пролетарской литературы являются годами «субъективных деклараций принципов писателей» и это «представляет явление литературной политики, но не литературного творчества» (стр. 7).

Оппортунизм в литературной теории и практике Литвакова выступает ярко и его своеобразной теории «исторических перспектив». Это своеобразное извращение марксистско-ленинского метода служит ему для оправдания всяческих совершенных ошибок. Литваков, дескать, не ошибается, и если его накрывают с поличным, он находит себе оправдание в «исторической перспективе».

Большевистская самокритика должна стать методом всей нашей работы. Мы считаем, что в еврейской пролетарской литературе должна быть по-большевистски собладена установка на консолидацию коммунистических сил, чтобы, преодолевая культ личности и литературный беспринципный выполнять коллектив, который беспощадно дерется за политическую литературно-политическую и творческую платформу, на основе генеральной линии партии.

Еврейская пролетарская литература и марксистско-ленинская критика крепнут со дня на день. Еврейская пролетарская литература должна продолжать беспощадную борьбу с оппортунистическими и эклектическими теориями И. М. Пулькова, Ш. Эпштейна и пр. — одновременно она должна бороться против всякой «левой фразы», против всяких «левых» нарывов, подвергая самокритике ошибки в собственных напостовских рядах.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА «ШТЕРН», ЦЕХОВАЯ ЯЧЕЙКА КП(б)Б. РЕДАКЦИЯ «ОКТЯБРЬ». ЕВРЕЙСКАЯ СЕКЦИЯ БЕЛАПП.

С. ДИНАМОВ

„Фома Клешнев" мих. слонимского

1

Место интеллигенции в революции — вот генеральная тема всей попутнической литературы. Мелкобуржуазная интеллигенция, переделываемая (а иногда и тонимая) революционной действительностью, пытается ответить на основные вопросы, которые ставит перед ней практика ее класса. Но эта практика — лишь частный случай более широкого и общего всей практики революции. Проблемы мелкобуржуазной интеллигенции не могут быть правильно решены, если их взять изолированно, в разрыве с классовой борьбой в стране: классовые группы не расположены неизменными вертикалями. Отсюда — срыв ряда попыток художников, не видевших этих связей, индивидуализировавших общественные процессы, не понимавших тех общественных сил, которые передвигают интеллигенцию, освобождая ее от мелкобуржуазного и буржуазного плена, превращая ее в союзника пролетариата («Записки» Олеши, например).

Закономерно угасание этой темы за последние годы: писатели-попутчики начинают все чаще и чаще обращаться к подлинно генеральной теме всей нашей литературы — к социалистической стройке, стараясь, однако, чаще всего к ней больную тему внешать тему об интеллигенции. Этот процесс спайки двух тем означает по существу освобождение от первой темы — об интеллигенции; она становится соподчиненной, обретает свой настоящий смысл, конкретизируется, теряет свою изолированность, врастает в более широкое и актуальное; сами художники вырастают на этой новой почве; их искусство сращивается с новой реконструкцией, само превращается в оружие реконструкции. «Гидроцентраль» Мариэтты Шагинян — яркое свидетельство этих огромных сдвигов в творчестве писателей-попутчиков, ставших верными союзниками рабочего класса, осуществляющего развернутое социалистическое наступление.

Мих. Слонимский несколько задержался на позициях этой «тускнеющей» темы о месте интеллигенции в революции, одновременно опережая эту тему и прорываясь через ее пределы, оставшиеся нерасторгнутыми у Олеши, Лидина и др. Этот бросок за ленточку тематического «финиша» Мих. Слонимский совершает тем, что берет мелкобуржуазную интеллигенцию не как единственное, но как одно из явлений революционного периода. Слонимский, отставая, догоняет, ибо разрывает привычную тему об интеллигенции замкнутость.

2

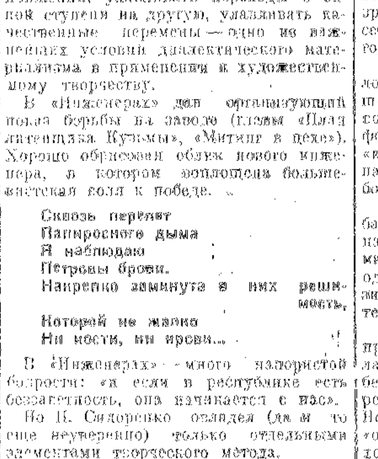
Психологизация и индивидуализация общественных явлений — одна из форм буржуазного влияния на нашу литературу. Индивидуальное сознание, конечно, никогда не есть только индивидуальное сознание, оно есть и индивидуальное только потому, что оно есть общественное, вне последнего оно не существует, гибнет, разрушается, не возникает. Никакой буржуазный художник не может воспроизвести исчерпательно индивидуальное мышление, но он может довести общественное до последнего предела уточнения и искажения, бесконечно «уточняя» личное. «Я» проходит бесконечные циклы развития, подвергается бесчисленным делениям, оно проходит множество превращений, теряет всякое подобие общего—и в этой сложности пропадает классовая основа характера, действительность предстает искаженной, ее нужно искать и обнаруживать. Творчество Пруста, Джойса строится именно по таким законам. Действительное развитие человека выпадает, действительное движение жизни не вскрывается, хотя форма мышления внешне кажется стремительной и взволнованной. «Ультиланс» Л. Леонова есть явление подобной психологизации мира: люди в «Ультиланс»—смятенные и полные тревоги, но сам Ультиланс — мирок, неподвижен, неколебим, огромные события обтекают его, не затрагивая. «Список благодеяний» и «Записть» Олеши тоже есть психологизм и застывший мир, скованный именно этой мятущейся формой психологизма.

Мих. Слонимский решительно стремится освободиться от этого психологизма. Люди Мих. Слонимского — это сгусток общественных отношений; художник именно это отмечает в них прежде всего, на это он бросает наиболее яркие краски. Действительность раскрывается через героев Слонимского, он не хочет ее понять за характерами, но хочет ее понять через содержимое его жизней. Отсюда — резкость типов «Фомы Клешнева»: нет лишних фигур, нет ненужных героев, в каждом образе выявлена его общественная природа. Какая-то эстетская точность отличает роман Мих. Слонимского: мысль плотно пронизает все его поры, не выпирая углами, не выступая нарочито. Эта «плотность» романа — редкое в наше время явление, когда количественная сторона произведения сделает его качество, когда здание произведения увеличивается во все стороны, не будучи туго стянуто единой темой замысла. Вик. Успенский в одном из своих писем из Парижа бросил фразу, что из его темы для одного романа Дюма сделал бы двадцать книг. Эта гордость Ник. Успенского—хорошая гордость стремления к сжатости, к силе выражения, к идейной насыщенности. Некоторым нашим писателям не мешает вспомнить оценку «Нынокомов» Тэккерея Чернышевским: великий критик обвинил этот роман в 1041 стр. не—романом, ибо в нем «нет содержания». Только М. Горький в «Климе Самгине» дал в наше время гениальное соединение качества и количества—и огромность «Клима Самгина» нам кажется действительно огромной, ибо она закономерна, необходима, спаяна с большим содержанием, создана им.

Мих. Слонимский сдержан в точении: нимало не писатель, а токарь по литературе! Эта сдержанность—от целеустремленности: Слонимский знает, чего хочет, материал его не захлестывает, но покорно укладывается в рамки произведения.

3

К пролетариату! — Вот что движет роман т. Слонимского. Классовое расслоение интеллигенции совершается в романе именно на почве отношения к диктатуре пролетариата. Художник смел и последователен. Он не беспристрастный созерцатель явлений действительности, не летописец, он вмешивается в жизнь, строит ее. Роман «Фома Клешнев» — произведение художника, который полностью принимает диктатуру пролетариата, который является верным союзником рабочего класса и с этих определенных позиций оценивает интеллигенцию. Она представлена рядом образов.



титульный лист романа мих. слонимского

Проф. Будный—представитель буржуазной науки, сломленный революцией, осуждающий ее и ею осужденный. Он тих и благодушен, он напрягает по своему обычаю, но автор разрывает благодушие Будного, он ставит резкий вопрос: с кем Будные, за кого? И отвечает: с врагами! Мих. Слонимский вместе с тем показывает, что проф. Будный представитель враждебного класса, вынужден переоценивать ценности, господствующие его класса и сила пролетариата разламывают его, некогда столь любимую, мудрость. Будный начинает сомневаться в себе самом, ибо он смят революцией: «Может быть, этот величественный циклон хранит всего только громоду случайных заблуждений, бездарных ошибок, торжественного непонимания и высокомерной глупости. Эти многочленные клише, переведенные чуть ли не на все европейские языки, может быть обозначают только хорошее развитие типографского дела на земле—не больше того». Мих. Слонимский нисколько не умаляет образа проф. Будного, это — сложный образ врага в добродушной личине мыслителя.

Его сын — молод, как плотва. Не Мих. Слонимский, правда нежну юношам, несколькими штрихами, показывает, что эта буржуазная «плотва» дает кадры для интеллигентов и белогвардейцев.

Юрий Лавров — представитель сребреной интеллигенции, качающейся между буржуазией и пролетариатом и сегодня с тем, где больше платят. Писатель беспощаден к этому представителю беспозвоночных. Для Юрия Лаврова жить советской действительностью — это значит «становиться лунцем». Рядом деталей Слонимский разоблачает этого интеллигентного мотыльна. Так на одном вечере, когда хвалят его диссертацию, он обнаруживает, что «этот строй может оказаться подходящим и даже высоким для него». Но: «На утро он проснулся с несколько другими ощущениями и к вечеру, не раздумывая, зачем он это делает, забежал к Будному. Профессор ласково принял его, и Юрий вернулся домой, успокоенный, удовлетворенный и готовый вновь слушать и поддерживать революционные рассуждения Григория».

Борис Лавров—резкая противоположность своему брату. Но и он не схема, которую столь любят некоторые окололитературные рисующие интеллигентов-союзников розовыми красками. «Фома все же лучше, — говорит он. — Для него все эти люди всегда были чужими, а для меня—нет, все-таки и кровно связан с ними, и надо рвать, рвать до бесконечности и давить, не сомневаясь. Сейчас это особенно трудно. Это даст такие, как я, прибойную усталость». Вот эта «прибойная усталость» мелкобуржуазной интеллигенции, привыкшей к пролетариату, и раскрывается в романе через образ Бориса Лаврова. Он хочет жить «просто и откровенно», без дум «о вредном». «Надо жить просто. Какой ты есть, такой и есть. Что считаешь правильным, то и делай. А если при этом выходит, что ты - жестокий человек, то не беспокойся, что тебя таким считают. Живи с этим, не теряй только покоя». Эти рассуждения полностью выражают основное в Борисе Лаврове: он принял и диктатуру пролетариата, принял ее, но не окупает еще себя чистью этой диктатуры, ее оружием и орудием. Отсюда — эта вторая «простота», попытка спрятаться за рабочий класс, уйти от сомнений через бездумье. Роман разоблачает эти теории. Борис Лавров именно вынужден думать и действовать, он вынужден, как и Григорий Жилкин, стать определенно в общественном смысле. Роман показался тем, что Борис Лавров обесоружает сына проф. Будного, приведшего застрелить Фому Клешнева. Выбор сделан: «Движением, которым он сунулся вчера профессорского сына, он разрешил для себя всю сложность и недосказанность теоретических его отношений с Клешневым — у них общее дело, общая цель, и это—главное».

Фома Клешнев — коммунист, не устоявший по развитию интеллигенции, с которой ему приходится работать, знающий ее, умеющий ее перевоспитать и, если нужно, разбить.

«Все, что полезно для дела, хорошо, все, что вредно, плохо—такому принципу подчинял Клешнев все свои действия и потому готов был погубить жизнь другу или, напротив того, подтверждать деликатнейшие отношения с врагом, если этого требовали интересы дела. А дело было какое, ради которого он не усомнился бы бросить себя на смерть вместе со всеми своими мыслями и желаниями. Это дело выполняло его жизнь, вытесняя все остальные заботы. Он однако не автомат, не машина для работы, во человек своего класса, умеющий и к личному подойти так, как это нужно делать большевику (разрыв с Лизой, отношения с Борисом, к которому ушла Лиза, самокритика за отношение к бывшему большевику Жилкину, который мог по приятя к нам обратно из-за его холодности, отношения к старому революционеру Сергею Митрофановичу). Мих. Слонимский стремится преодолеть схематичность изображения большевика и в какой-то мере это ему удается. До конца ли? Нет.

Я уже говорил, что Слонимский отстает, хотя и обгоняет отстающих. Психологизм как форма непреодоленной до конца мелкобуржуазности еще сидел в творчестве и этого писателя, одного из наиболее близких к нам. Классовое в романе выявляется (недостаточно, конечно), через размышление, разговор, но не как практика, не как работа, не как действие. Обилие разговоров, встреч, митингов, вечеров и бесед вытекает именно из того, что Слонимский совершенно недостаточно обращается к классовой практике. Труд и работа Фомы Клешнева, Бориса Лаврова, Юрия Лаврова и всех остальных героев романа—в тени, мы не видим их деятельности, дается лишь ее отражение. Эта «отраженность» романа — его основной и крупнейший недостаток, свидетельствующий о том, что художник еще не схватывает событий в их диалектике, что он отрывает еще личность от целого, хотя и стремится дать ее как общественное явление. Фома Клешнев, как и другие герои романа, так и остался лишь наброском, ибо он насильственно отторгнут от класса, от практики революции, его движение — есть имманентное самодвижение.

«Фома Клешнев» — второй роман из задуманного Слонимским цикла. Писатель имеет все данные, для того чтобы преодолеть недостатки своего художественного метода, чтобы в своем творчестве встать на позиция, еще более близкие к пролетариату.

без помещений, без программ, без пособий

Так мы воспитываем литературные кадры

от редакции

Учебные заведения Советского союза готовятся к новому учебному году. Этой подготовке естественно уделяется максимум внимания и со стороны органов просвещения, и со стороны печати, и со стороны тех хозяйственных и культурных учреждений страны, которые на этапе завершения постройки фундамента социалистической экономики испытывают острую нужду в новых кадрах.

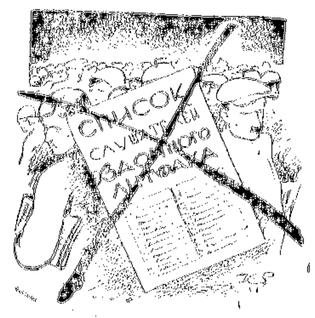
Недостаток рабочих рук болезненно ощущается не только на промышленных стройках. Нехватка человеческого материала дает себя чувствовать и на культурном фронте и, в частности, на его литературном участке. В самом деле разве мы в повседневной работе не сталкиваемся ежечасно с недостатком литературных работников, квалифицированных редакторов и издателей?

Казалось бы вновь созданному Редакционно-издательскому институту должно быть обеспечено общее внимание, — и со стороны Наркомпроса, и со стороны литературных организаций, и со стороны наших издательств.

Между тем обследование РИИК'а, проведенное бригадой «Литгазеты», показало, что в подготовке литературных кадров сильны неразбериха, кустарщина и безответственность.

Если издательства в лице ОГИЗ проявляют какую-то заботу о новом литвузе, то писательская общественность и в частности РАПП до сих пор ничего не сделала, чтобы помочь развертыванию его работы. Мы уже не говорим о Наркомпросе, который с явной небрежностью относится к выращиванию литературных кадров.

Печатая сегодня материалы первого рейда бригады «Литгазеты», обследовавшей положение дел в РИИК'е, мы требуем резкого перелома в отношении к нему со стороны Наркомпроса и литорганизаций, РАПП — в первую очередь.



«заочное решение»

первый рейд бригады „Литгазеты"

Литературный факультет I МГУ передан в ОГИЗ. На базе Литфака создан РИИК — Редакционно - издательский институт ОГИЗ.

Сейчас пока в новом институте происходит прием новых студентов. Переданные в РИИК студенты бывшего Литфака проходят производственную практику.

В апреле этого года Т. Г. уже начала с неудачной постановки производственной практики студентов Литфака.

и в тесноте, и в обиде...

Сейчас, хотя дело и улучшилось, в нем все же есть большие недостатки. Студенты, посылаемые на практику, в издательства, в которых студентам предлагается проходить, не имеют твердых указаний о порядке, методах, установленных производственной практики студентов.

Это происходит потому, что МГУ, выделив Литфак, не выделил фактическую часть (суммы, ассигнованного ОГИЗ, предназначаются для преподавателей учебного года). Поэтому РИИК не имеет специального руководителя практикой. Во время практики студенты не знают, о чем именно надо им заниматься и вместо практики обычно не отчитываются в проделанной работе.

Не вызывает доверия и та обстановка, в которой РИИК готовится к новому учебному году.

Библиотека института до сих пор не имеет самых необходимых книг. В жалком состоянии пребывают и учебные кабинеты. На авторском и критическом отделениях кабинетов вообще не существует. Кабинет редактуры имеет только 6 глазея (даже не образцы) трех шрифтов и... больше ничего.

Учебно-производственный план к предстоящему году разработан и утвержден только по отделению редактуры. Учебные программы и планы литературного отделения находятся в зачаточном состоянии.

Еще хуже обстоит дело с заочным литературным обучением.

ОГИЗ, принимая Литфак от I МГУ, должен был принять от него и заочное обучение. До последнего времени этого сделано не было, несмотря на то, что состав массового образования I МГУ, в ведении которого находится заочное литературное образование, не раз обращался в РИИК с просьбой о скорейшем принятии от него студентов-заочников. Лишь на днях этот вопрос получил положительное разрешение и все дело заочного литфака передается в РИИК.

Заочное литературное образование со дня своей организации прочно делового творческого духа и сейчас находится в тупике.

Сначала заочные литературные курсы были организованы при ГАХН. Вскоре выяснилось, что учебная программа курсов идеологически неприемлема. Курсы были переданы в ЛИИ Коммакадемии. Произведена была перерегистрация заочников, выработана новая программа, разосланы новые задания. Эти «заочные курсы по литературоведению» просуществовали с осени 1930 года по январь 1931 г., когда они были переданы в I МГУ. Опять была выработана новая программа, опять шла перерегистрация, опять учет и т. д.

За время существования курсов при ЛИИ заочники получили 3 лекции по литературоведению, 3—10 фольклору, несколько лекций по истории, 5—10 по диамату и учебную программу по политэкономии. МГУ за подготовкой первого своего руководства заочниками удосужился выслать только две лекции по диамату.

А в июне заочное отделение литфака I МГУ разослало слушателям открытки. В них 775 слушателям сообщалось, что высылка лекций прекращается совершенно в связи с переходом всего литературного обучения в ОГИЗ. Время возобновления занятий указано не было...

***

Нужда в литературных кадрах очень велика. Это хорошо известно и Наркомпросу, и ОГИЗ, и РАПП. Однако только ОГИЗ оказывает очень слабую редакционно-издательскому институту реальную помощь. ОГИЗ обеспечил его финансовой базой, выделив 500 тысяч рублей, и дал новому институту основных руководящих работников из своего аппарата. РАПП только «обещает» свою помощь в Наркомпрос до сих пор не дал еще официального распоряжения о переходе Литфака из МГУ в ОГИЗ, чем самым сильно тормозит развертывание работы в новом институте.

В мае литературный факультет II МГУ был передан в ОГИЗ. Кроме всяких отделений: редактуры, авторского, критики и рабфака при институте создан «надцуз», рассчитанный на двухгодичное обучение. В «надцуз» будут приняты члены партии — врачи, инженеры, агрономы с производственным стажем. Основная установка «надцуза» — подготовить кадры ответственных редакционных работников по специальным отраслям знания.

Завалившийся прием обеспечит РИИК значительной партийно-комсомольской прослойкой. В числе принятых 120 человек — 95 проц. партийцев и комсомольцев, рабочих-ударников и колхозников. Большинство их имеет законченную техническую или политическую подготовку.

Горком писателей обязан разрешить главнейшую задачу — выполнить задание о доверии лицом к производству и указание тов. Сталина — «по-новому работать, по-новому руководить».

Оргбюро утвердило срок созыва общемосковской конференции (начало ноября). Немедленно должна быть начата массовая работа по подготовке к конференции. Структура горкома, задачи профессиональной организации писателей, все наиболее актуальные вопросы работы должны быть обсуждены писательской общественностью. «Литературная газета» должна в корне изменить свое отношение к профорганизации и развернуть беспощадную самокритику недостатков и ошибок, помочь оргбюро в подготовке конференции, в мобилизации писательских масс на разрешение задач социалистического строительства.

Литературно-политические организации (в особенности ФОСП), до сих пор в большинстве своем стоящие вне всякой связи с профсоюзами, должны добиться такого положения, при котором профорганизация писателей Красной столицы не только существовала бы, но и занимала в работе профсоюзов одно из почетных мест.

Оргбюро ГКП положило в основу своей работы развертывание совместно с ФОСП производственно-творческой работы, социалистического соревнования, организацию производственно-литературной учебы и борьбы за кадры. Намечено сосредоточить в профорганизации все вопросы социально-бытового обслуживания писателей, вопросы снабжения, питания, медицинской и денежной помощи. Здесь предстоит большая работа над координацией и увязкой всех вопросов с литорганизациями, над разгрузкой последних от несвойственных им функций. ФОСП должно решительно пойти по линии создания Молитфонда, тесно связав работу последнего с специально-бытовым сектором горкома. Единый план должен объединить все планы отдельных организаций, создать условия для действительно полного удовлетворения культурных запросов писателя.

До сих пор совершенно не обсуждались конфликты личного характера. Профорганизация должна пойти не только по линии юридической помощи, но и по линии непосредственного разрешения ряда вопросов в области взаимоотношений с издательствами и редакциями: разработка определенной системы этих взаимоотношений, наиболее расчетная книжка, создание единого выплатного пункта.

Наконец горком должен вместе с литорганизациями поработать над осуществлением задачи привлечения ударников в литературу и мобилизовать крепкие идейные силы для связи с заводами, цехами, бригадами и отдельными ударниками, призванными в литературу. То же самое нужно будет проделать и по линии колхозов.

Вот некоторые моменты перестройки писательской профорганизации.

ЛЯШКЕВИЧ

в мосгоркоме писателей

Ближайшим мероприятием Мосгоркома писателей по линии развертывания профессиональной работы среди писателей является привлечение писателей к участию в составлении издательских планов на четвертый год пятилетки.

Мосгорком обратился производственно-творческому вопросу писатель и Гвоздилом для ознакомления с конкретными нуждами издания художественной литературы.

Для обследования работы отдельных издательств создана специальная бригада. Кроме того писатели примут активное участие в в разработке контрольных цифр и в составлении перспективных планов издательств ГИХЛ, «Федерация», «Московское товарищество писателей», Детиздата.

***

При Мосгоркоме писателей создана литературно-массовая секция, вокруг которого будет организован писательский актив. Основными задачами секции должно развертывание соцсоревнования и ударничества среди писателей, работа с пролетарскими писателями с местными литгруппами, проведение массовых творческих вечеров и докладов конкретной кампании при проведении хозяйственно-политических кампаний.

больше внимания НАШИМ ДЕТЯМ

Профсекретарь Литфонда намечает организацию медико-педагогической консультации для детей советских писателей. Обратился в совхоз С. Багаева, С. Р. Бланкой и Ф. Г. Корневой приступил к учету детей дошкольного возраста. Запись в секторе (Клуб ФОСП) совместно с И. до 1 числу дет.

Предполит разработать данно изучений вопрос об организации детского сада (желательно совместно с предприятиями полиграфической промышленности, т. к. большинство писателей состоит в профессии печатников). На лето 1932 года необходимо заблаговременно позаботиться для детей-дошкольников пребывание за городом (детский лагерь), а для школьников — санаторных лагерь.

Не исключена возможность — при дружной поддержке писательской общественности и органов опеки — участие родителей-писателей принять дети в устройстве своего детского сада. Необходимо особое внимание горкома писателей и Мосгорсовета подготовительных мер по обслуживанию детей-писателей.

Теперь ближайшей своей деятельности.

С. БЕЛЯЕВ

Создадим массовую песню для культпохода

Центральный совет всероссийского общества «Долой неграмотность» обратился в Российскую ассоциацию пролетарских музыкантов с предложением написать музыку для культпохода. Пролетарские композиторы приняли это предложение. Но для музыки, которая будет написана в виде марша, песен, частушек и т. п., нужны выдержанные тексты. Их должны создать наши пролетарские поэты.

Центральный совет об-ва «Долой неграмотность» обращается к рапповцам — организовать творческое соревнование между поэтами — для создания массовых культпоходных песен.

Мы ждем, что пролетарские и советские поэты в ближайшее же время включатся в творческую работу по обслуживанию массового движения за культурную революцию.

хроника искусств

⁂ Сектор искусств Наркомпроса, Центральный комитет рабиса и Центральный совет трамов открывают 1 октября в Москве заочный университет искусств. Задача университета — вооружение работников искусства марксистско-ленинской теорией и ознакомление их с важнейшими проблемами марксистского искусствоведения. В текущем году заочные занятия будут вестись на театральном факультете с тремя курсами и агитпробригадном отделении. Срок обучения на театральном — 2 года. Все справки о приеме можно получить в Секторе искусств Наркомпроса: Москва, Чистые пруды, 6). Совет заочного университета утвержден в следующем составе: Афиногенов, Бояджи, Ивин, Литовский, Луначарский, Фельш, Подгаецкий и Чижов. Тромзаочное и агитпробригадное отделение расчитаны на руководителей трамов и бригад, режиссеров, бригадиров, бригадников и т. п. Прием на тромзаочное отделение — по разверстке ЦС трамов, при ЦК ВЛКСМ и по командировкам организаций. Срок обучения на отделении — 1 год.

⁂ Для укрепления общественно-политического совета при Секторе искусств Наркомпроса и его бюро постановлено включить квалифицированных работников всех отраслей искусства. Второй пленум совета обсудит конкретный план по всем видам искусства на 1932 год, основные установки перспективных планов на 1932 — 1937 год, а также задачи обслуживания искусством новостроек, кампаний, фронтовых и социалистического сектора деревни.

⁂ Радиоцентр и Центральный дом самодеятельного искусства им. Крупской организуют — с 15 августа по 1 октября — радиосмотр-соревнование лучших центральных и местных художественных агитбригад и музыкальных коллективов. Все соревнующиеся коллективы должны строить свои выступления на тематике осенне-посевной и хлебозаготовительной кампаний.

⁂ Учебно-творческой группой при секции малых форм Всероскомдрама организовано при производственных кружках драматургический, поэтический и смешанный. В работу кружков втягивается вся авторская масса. Задача их: творческая учеба, работа над методом, анализ и обсуждение авторской продукции. Первый творческий вечер состоится 21 августа — в конференц-зале Дома Герцена. Будет зачитано авторам обозрению «Шиссе энтузиастов» И. Дальского. После чтения диспут.

⁂ Артист театра им. МОСПС — **В. Цапин**, в сотрудничестве с драматургом Б. Дальним, написали пьесу «Съемщик» — о борьбе бригады ивановских ударников на небольшой суконной фабрике, возникшей в прорывах. Идея пьесы: социалистические методы труда — даже на самых отсталых предприятиях, в условиях кошмарного бытового окружения — взламывают и рассеивают мелкособственническую стихию, способствуют перелому в сознании масс, борющуюся волну трудового энтузиазма, способствуют наряду с перестройкой работы на предприятии, коренной перестройке людей, обслуживающих это предприятие.

⁂ Художественно-политический совет московского театра оперетты принял к постановке политическое обозрение Н. Адуского и Гурева «Чек мистера Гульда». Обозрение посвящено взаимоотношениям СССР и Америки. Сюжет развертывается вокруг приезда в нем двух американских делегаций: группы капиталистов и делегации рабочих. Авторами использован материал из производственного быта наших изобретателей и инженеров. В американской части обозрения выдвинута тема о положении безработной армии безработных и страхе капитализма. Постановка оперетты поручена режиссеру А. Д. Дикому. Музыку заказали композитору Красеву.

⁂ «Межрабпомфильмом» начаты съемки кинокартины «Университет» — о предвыборной кампании в университет через вузы. Съемки ведутся ударной группой в составе — директора А. Добржанского, режиссера А. Ледащего, ассистента Е. Кольцовой, оператора М. Магидсона и др. В картине будут заснятые площади, спецсеминарии и профклубы. Съемки намечены в Ленинграде, на Автозаводе и в Крыму.

общественный суд над бахарем-волжанчным

Во Всероскомдраме состоялся общественный суд над актером малых форм т. Бахарем-Волжанчным.

Бахарь — работник эстрады. Его произведения формально грамотны, по художественной ценности не представляют. Тем менее можно говорить о политическом их качестве.

Обстоятельства дела, разбиравшегося в практике Бахаря, таковы: он явился в лекторский отдел Всероскомдрама с требованием лекции, в котором ему заново было отказано. Разъяснивший актеру смысл решения по этому делу, он получил заверение, что впредь его лекции будут в таких формах. Этим дело ограничилось, однако актер в официальном документе заявление о его отношении Всероскомдрама к происшедшему.

Главный представитель той части сцены, которая свое отношение к организации актеров все еще строит исключительно на личных интересах, Бахарь органически не был чужд и к производственной работе. Его общественный суд с привлечением широкой общественности, в частности и Всероскомдрама, должен был иметь значение.

Общественный суд председатель Н.-Мосчасток, обвинитель т. Ермолин постановил Бахаря из числа членов Всероскомдрама исключить и возбудить перед профорганами вопрос об исключении его из состава их членов.

Отделение Бахаря от членства руководства Всероскомдрама решено передать в прокуратуру для соответствующего установления характера его заявления по суду.

прогулка писателей и ударников, призванных в литературу

17 августа по инициативе МАПП и редакции журнала «Рост» было организовано однодневное пароходное гуляние-прогулка ударников, призванных в литературу.

В гулянье кроме т. Кирпотин, Авербаха, Халатова, Сейфуллиной, Огнева, Селивановского, Макарьева, Суркова, Лукьянова и др. приняли участие 250 молодых, призванных в литературу ударников.

Благодаря хорошо проведенной подготовительной работе, программа гулянья, рассчитанная на обмен опытом ударных литрядов, на усиление руководства ими, вполне оправдала себя. По прибытии парохода «Красный пахарь» в Коломенское был организован митинг-дискуссия о дальнейших перспективах работы с ударниками-литераторами, на котором выступили тт. Бескровная, Кирпотин, Сейфуллина, Авербах, Огнев, Сахаров (Северные ж. д.), Свидерский (МАПП), Халатов и Халатов.

После митинга был организован смотр-игры литрядов, на котором играли литрядов заводов «Сталь», «Динамо», «Электрозавода» и др. делились своими впечатлениями.

Приходится сожалеть, что МАПП и «Рост» были вынуждены ограничиться столь небольшим числом товарищей, принявших участие в гулянье. Большой интерес, проявленный рабочей общественностью к гулянью - прогулке, целиком удовлетворил их.

литературное сегодня

⁂ Секретариат РАПП утвердил оргбюро Северной областной ассоциации пролетписателей. В состав оргбюро вошли: тт. Сидоренко, Щубин, Новосельский, Матвеев, Зорин, Демидов, которым поручено начать подготовку к областному съезду пролетписателей, созываемому в сентябре.

⁂ При Ленобщепитполоме создана постоянная комиссия по улучшению быта писателей. В состав комиссии вошли: тт. М. Рафаил (ЛОКАФ), Назаренко (Госиздат-ком), представитель литорганизаций, редакций и изд. крупнейших заводов, Зенкевич, ЛСПО и общежитий.

⁂ Вышел первый номер научно-литературной газеты Ленобщепитпрома «Газета выходит в центре Новой жизни».

⁂ На пленуме (вечернем президиума ВССП подробно) обсуждению вопросы чистки состава ВССП. По предварительному списку намечено к чистке около 30 процентов всего состава. Президиум ВССП избрал комиссию для детальной проработки материалов о каждом писателе, выходящем в список. Включение комиссии будет основываться на оценке творческой и литературно-общественной работы писателя и ее соответствия литературно-политическим задачам ВССП. Комиссии поручено закончить работу в декадный срок.

⁂ Месячник пропаганды писателей и отношения читателя их продуктами и произведениями к рабочей группе литера «А».

⁂ При Ленинградском к массовой секретариата ФОСП. Мастерам писателей обучается в Свердловском РОБРТ с проектом практики аспирантуры ОГИЗ нового законопроекта об авторском праве, не обсужденного писательскими организациями.

⁂ Центральный литкружок союза бумажников и печатников приступил к проведению суда над плохими писателями на предприятиях. Первое заседание, посвященное в литкружке литературе «Нева повязания», прошло очень удачно, вызвав большой интерес со стороны кружковцев и рабочих типографии. После вступительного слова редактора газеты «Наша неделя» т. Живодеров, с докладом выступил руководитель литкружка т. Бромман, отметив, быстрый рост молодого пополнения писателей и вместе с тт. Буйного, Кузнечого, Коровина и др. После доклада т. Бромман был проведен перекрестный смотр.

⁂ На последнем заседании ЦС ЛОКАФ Д. Либерман указал на отсталость отдельных участков литкружков ЛОКАФ изза отсутствия учебных программ. Предложение программы устарели и нуждаются в серьезной переработке. ЦС ЛОКАФ избрал комиссию в составе тт. Данилова, Маршака и Субботского, которой поручено немедленно приступить к переработке и дополнению литературных планов для литкружков.

⁂ Московская группа РАПП «Кузница» и массовый сектор журнала «Пролетарский авангард» провели месяц смотра литературных выступлений о героях пятилетки. Были просмотрены кружки только что вышедшие из печати очерки членов «Кузницы» Д. Касимова, В. Зазубрина, И. Лацко и др. В ближайшем решено регулярно проводить такие смотры, при непременном участии самих кружковцев. Кроме того, выездные редакции будут специально отправляться на предприятия и там проводить обсуждение новых книг. В приводе отдаленные места отзывы будут посылаться на письменные отзывы. Такие отзывы об очерках И. Лацко от рабочих Бежицкого завода уже получены. Они представляют собой очень ценный критический материал.

известия

⁂ 20 августа — 17 ч. — в редакции газеты «Пушкинский крестьянин» (Ямская ул., Ямгородок, комната №, собрание творческой группы чувашской секции МАПП. Доклад т. Танкова об итогах расширенного пленума ЧАПП. Приглашаются члены чувашских рабочих литкружков.

⁂ 20 августа — 19 ч. — в клубе ФОСП — собрание белорусской секции МАПП.

⁂ 21 августа — 19 ч. — в клубе ФОСП созывается совещание секретарей заводских литкружков. Повестка: 1. Доклад секретаря правления МАПП. 2. Занятия кружка завода Владимира Ильича. 3. Разное.

⁂ 22 августа — 19 ч. — в клубе ФОСП кружковцы-прозаики завода ДКВФ организуют вечер журнала «Бич» (Ямская, ДКВФ). Доклад читает т. Голубой и Зубинский.

⁂ 23 августа — 18 ч. — в Ленинском укрбюро Ленинградского района (Шпалерная, 60) занятия кружка завода Владимира Ильича. 1. Разбор стихов и очерков. 2. Разбор творчества прозаика Бессонова.

Ответственный редактор: С. ДИНАМОВ.

РЕДКОЛЛЕГИЯ: Н. Асеев, С. Динамов, И. Жига, Л. Ильинский, И. Катаев, Г. Коренев, Н. Огнев, А. Селивановский, И. Сельвинский, М. Слонимский.

ИЗДАТЕЛЬ: Акционерное изд. о-во «Огонек».

Изд-во ОГИЗ
„ФИЗКУЛЬТУРА и ТУРИЗМ"
(Москва, 12, Ильинка, 15, телефон 1-44-83)
объявляет
ШИРОКИЙ КОНКУРС
на лучший физкультурно-спортивный ОЧЕРК, РАССКАЗ, СТИХотворение
Для премиров. лучших works сверх установлены премии:
ЗА ОЧЕРК и РАССКАЗ: первая — 400 р., вторая — 300 р., три третьих — по 200 р., три четвертых — по 100 р.
СТИХОТВОРЕНИЕ: первая — 200 руб., две вторых — по 100 руб., и три четвертых — по 50 руб.
Последний срок представления рукописей — 1 декабря 1931 г.
ТРЕБУЙТЕ ПОДРОБНЫЕ УСЛОВИЯ КОНКУРСА

СОЦЭКГИЗ
ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛ
Библиотека
РЕВОЛЮЦИЯ И ЯЗЫК
Орган Научно-Исследовательского Института Языкознания
Отв. редактор М. Бочачер
РЕВОЛЮЦИЯ и ЯЗЫК
ведет непримиримую борьбу за ленинский этап в лингвистике, против идеалистических и меньшевистских направлений в науке о языке, против механизма и эклектизма, против великодержавничества и национального ницианизма, а также со всеми проявлениями правого и «левого» оппортунизма на лингвистическом фронте.
РЕВОЛЮЦИЯ и ЯЗЫК
занимается разработкой методических и практических вопросов пятилетки.
РЕВОЛЮЦИЯ и ЯЗЫК
популяризирует проблемы пятилетки среди широких масс рабочих, культработников и учащихся.
РЕВОЛЮЦИЯ и ЯЗЫК
ставит задачей концентрацию вокруг себя молодых кадров марксистов, лучшей части старых ученых.
Журнал рассчитан на лингвистов, словесников, студентов - «культурников» партийный и комсомольский актив.
Подписная цена: на год (за 4 №№) — 7 руб., на 6 мес. (за 2 №№) — 3 р. 50 к.
Подписку сдавайте в местные магазины и отделения КНИГОЦЕНТРА, их уполномоченным, на почту и письмоносцам.

ОГИЗ ОБЪЯВЛЯЕТ ПРИЕМ НА 2-ГОДИЧНЫЕ РЕДАКТОРСКИЕ КУРСЫ при
РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКОМ ИНСТИТУТЕ
С ОТДЕЛЕНИЯМИ:
ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИМ, НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИЙ и ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНОМ
Принимаются чл. ВКП (б), со стажем не менее 5-ти лет.
Разверстка и условия приема разосланы Областкомам, Крайкомам и ЦК национальных республик.
По Москве условия приема узнавать в Управлении кадров ОГИЗ'а, (Кузнецкий мост 16, комн. 38, тел. 5-80-53).

СОЮЗКИНО
В БЛИЖАЙШЕЕ ВРЕМЯ ВЫПУСКАЕТ НА ЭКРАН НОВЫЙ ЗВУКОВОЙ ФИЛЬМ
„ОДНА"
ЗВУКОВАЯ ПЬЕСА В 6 ЧАСТЯХ
2200 МЕТРОВ
Сценарий и постановка — Г. М. КОЗИНЦЕВА, Л. З. ТРАУБЕРГА
Музыка Д. Д. ШОСТАКОВИЧА
Оператор А. Н. МОСКВИН
Звуко-оператор И. Ф. ВОЛК
Художник К. Е. ЕНЕЙ
Дирижер Н. С. РАБИНОВИЧ
В картине участвуют: Е. НУЗЬМИНА, М. БАБАНОВА, С. ГЕРАСИМОВ, Н. СОБОЛЕВСКИЙ, ВАН ЛЮИ-СЯН
Сценочный коллектив С. ГЕРАСИМОВ, В. ЛОКШИНА, А. МИНЬКИН
БОЛЬШОЙ САЧЕК... ЭТО НЕ ТОЛЬКО КАРТИНА СОВРЕМЕННЫХ ХУДОЖНИКОВ, НО КАРТИНА ХУДОЖНИКОВ, СОЗНАТЕЛЬНО ИДУЩИХ В СОВРЕМЕННОСТИ НАДЕЖНЫЙ МАТЕРИАЛ ДЛЯ СВОЕГО ТВОРЧЕСТВА (журнал «За пролетарское киноискусство»)
Производство Ленинград. к/ф-ки Союзкино

РАПП и ИНСТИТУТ ЛИТЕРАТУРЫ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ
ВЫПУСКАЮТ НОВОЕ ИЗДАНИЕ
„ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО"
Под редакцией Л. АВЕРБАХА, И. МИЛЬШТЕЙНА и Ф. РАСКОЛЬНИКОВА
„ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО" — исходит в своей работе из ленинского указания о необходимости критического пересмотра и переработки культурного наследства прошлого. „Л. Н." разрабатывает с марксистско-ленинских позиций, под углом зрения современности, узловые вопросы истории русской общественной мысли, истории литературы и истории журналистики.
„ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО" — публикует неизданные материалы и документы по истории литературы и истории общественной мысли. Особое внимание „Л. Н." уделяет разысканиям и публикациям неизданного и затерянного литературоведческого наследия классиков марксизма. В центре внимания будут стоять публикации материалов и документов, относящихся к истории и предыстории пролетарской литературы.
„ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО" — впервые в литературе ставит задачу систематической и плановой разработки истории пролетарской печати, причем внимание „Л. Н." будет заострено на усвоении традиций большевистской журналистики и изучении роли Ленина как редактора.
„ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО" — вводит отдел критических обзоров, которые будут знакомить читателя со всеми литературными новинками, относящимися к кругу вопросов, разрабатываемых нашим изданием. Особое внимание будет уделено анализу мемуарного наследия прошлого, в настоящее время выпускаемого. Для обзоров систематически будут привлекаться историко-литературные издания Союзных республик, а также Запада и Америки.
ИЗДАНИЕ БОГАТО ИЛЛЮСТРИРОВАНО.
Акц. изд. о-во „Огонек"

Уполн. Главлита В8865. Типография (39) изд. «Мосполиграф», пр. им. Свердлова-Степанова, д. 2.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

орган федерации об'единений советских писателей рсфср

москва 25 августа 1931 г. № 46 (145)

РЕДАКЦИЯ:
Москва, Тверской б. 25, Дом Герцена. Телефон 2-80-12.

ИЗДАТЕЛЬСТВО:
Акц. о-во «Огонек»; Москва, б. Страстной б., 11. Телефон 5-51-69.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА:
На 12 м. 3 р. 50 коп.
На 6 м. 1 р. 75 к.
На 3 м. - р. 90 к.

С'ЕЗД ПОЛЬСКИХ ПРОЛЕТАРСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

21 августа в Минске закончился первый всесоюзный с'езд польских пролетарских писателей. Созванный на границе СССР и фашистской Польши, с'езд имел крупное политическое значение как демонстрация успехов ленинской национально-культурной политики, как демонстрация интернационального единства пролетарских литератур народов СССР. (На с'езде выступали белорусские, еврейские пролетписатели, с'езд приветствовали пролетлитературные организации Украины, представители рабочих организаций). Минский с'езд является первым в истории польской пролетарской литературы вообще. На нем присутствовала, в лице представителя т. Станде, лишенная элементарных возможностей работы, фактически загнанная в подполье пролетарская литература Польши Пилсудского, где широко применяются методы фашистской расправы над революционной культурой и колониальный режим по отношению к культуре нацменьшинств.

С'езд вылился в форму политической демонстрации против фашистского террора, против политики физического уничтожения революционеров, заключенных в многочисленных тюрьмах. Делегаты с'езда подчеркивали задачу партийности польской пролетарской литературы, тесной увязки польского пролетлитературного движения с классовой практикой пролетариата, с борьбой за социализм и за советскую Польшу. С'езд бурно приветствовал представителя подпольной компартии Польши.

Работы с'езда показали значительный литературно-политический, теоретический и творческий рост кадров молодого польского пролетарского литературного движения, закаленных в классовой борьбе, воспитанных в духе напостовского боевизма и непримиримости по отношению к идеологическим уклонам и извращениям линии партии.

С'езд дал решительный отпор попыткам оппортунистического извращения проблемы усвоения культурного наследства, заключавшегося в механистическом перенесении элементов наследства в современную литературу и в формалистическом понимании сути наследства.

В то же время с'езд осудил «нигилистическое» отрицание наследства, так же как и капитулянтские теории о невозможности развития польской пролетарской литературы в СССР вне рамок «этнографической Польши».

С'езд подчеркнул, что только в стране диктатуры пролетариата, в условиях успешного строительства социализма и роста культурной революции возможно в полном об'еме развитие творчества пролетарских и революционных крестьянских масс, которые в фашистской Польше всячески эксплоатируются.

как живет и работает пролетарский писатель в польше...

С'езд по-большевистски осудил недооценку опасности классово-враждебной сути зарубежной социал-фашистской литературы (творчество Каден-Бандровского), выявившуюся на с'езде в оппортунистически-путаных «теориях» т. Донского, так же как и затушевывание различий между буржуазно-шляхетской литературой прошлого и особенно классово-действенной, непосредственно направленной против революционного пролетариата, литературы современного социал-фашизма, иногда тонко замаскированной внешним «радикализмом» и оперирующей специфическим теоретическим методом, соответствующим методу фашистской социальной демагогии в области политики.

Польское пролетарское литературное движение сделало много, но далеко не все необходимое. Перед польским отрядом ВОАПП стоят сложные и ответственные задачи закрепления существующего актива и максимальной мобилизации его сил, решительного оробочения движения, упорной борьбы за качество продукции, за большое искусство большевизма, непримиримой борьбы на два фронта в области литературной политики и национально-культурного строительства, борьбы против всех и всяческих проявлений буржуазной опасности, укрепления интернационального единства пролетарских литератур, как и единства с пролетарской литературой зарубежной Польши.

Польское пролетарское литературное движение с этими задачами справится.

Б. КОВАЛЕНКО

ПОЛЬСКИЕ ПРОЛЕТАРСКИЕ ПИСАТЕЛИ ПРОТЕСТУЮТ

ПРОТИВ ПРАВИТЕЛЬСТВА *ГОЛОДА И ИНКВИЗИЦИИ*

Всесоюзный с'езд польских пролетарских писателей выражает свой острый протест против дикого разгула террора в отношении политзаключенных фашистской Польши.

Стремясь физически уничтожить наиболее ценные элементы пролетариата города и деревни, борцов революции, брошенных в тюрьмы,—польский фашизм, путем неслыханных жестокостей, кровавых оргий, издевательств, убийств, хочет сломить их физически и морально. Десяти тысячам политзаключенных диктатура Пилсудского несет смерть.

Новый фашистский тюремный устав, который приравнивает политических и уголовным, имеет целью разоружить жертвы фашизма и окончательно отдать их в руки тюремных палачей. Известия, которые приходят из-за решеток фашистских тюрем, вызывают тревогу у каждого рабочего, колхозника, крестьянина — бедняка и середняка у каждого революционера, которому дорого дело трудящихся. Известия эти говорят о том, что застенки Луцка, Кораново, Вронки, Лукишек, Пинска не являются исключением. Садистические издевательства, выкручивание рук и ног, обливание каром, вливание мочи в нос, убийства, изнасилования политзаключенных женщин, умышленное заражение венерическими болезнями, — ВСЕ ЭТО ФАКТЫ, перед которыми бледнеют образцы средневековой инквизиции. Некоторые политзаключенные сходят с ума, ряд их замучен на смерть.

ПОЛЬСКИЕ ПРОЛЕТАРСКИЕ ПИСАТЕЛИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА ВЗЫВАЮТ К ЛИТЕРАТУРНОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ ЕВРОПЫ ВЫСТУПИТЬ ПРОТИВ РАЗБОЙНИЧЕСКОГО ФАШИСТСКОГО ТЕРРОРА.

С'езд с возмущением отмечает равнодушие так называемых «литературных польских сфер» к судьбе политзаключенных. Фашистские писатели, как Каден-Бандровский — певец фашистского кнута и ему подобные, своим творчеством и своей деятельностью помогают зверскому белому террору. Большинство представителей современной польской литературы, за исключением революционных писателей, с холодным равнодушием глядят на то, что происходит за стенами острогов. «Невмешательством в политику» эти писатели оправдывают свое недопустимое молчание в этом деле.

Неужели же из последние драконовские законы правительства Пилсудского, которые (законы) нишают политзаключенных Польши элементарных прав, которые не осмеливался даже отбирать царизм, — НЕУЖЕЛИ НА ВСЕ ЭТО НЕ ОТКЛИКНЕТСЯ В ПОЛЬШЕ НИ ОДИН ИЗ ТЕХ ПИСАТЕЛЕЙ, КОТОРЫЕ ТАК МНОГО КРИЧАТ О ГУМАНИЗМЕ И ДЕМОКРАТИИ?

Участники с'езда берут на себя обязательство — всемерно помогать жертвам белого террора и их семьям. Вместе со всей советской общественностью, польские пролетарские писатели заявляют политзаключенных, что они в борьбе со своими палачами—не одни.

На покушение фашизма на жизнь политзаключенных массы трудящихся ответят тысячными ударами против правительства безработицы, голода и жестокости.

МЫ, ПОЛЬСКИЕ ПРОЛЕТАРСКИЕ ПИСАТЕЛИ СССР, ОБРАЩАЕМСЯ С ПРИЗЫВОМ К МАССАМ ТРУДЯЩИХСЯ ПОЛЬШИ, ЗАПАДНОЙ УКРАИНЫ И ЗАПАДНОЙ БЕЛОРУССИИ — ТЕСНЕЕ СПЛОТИТЬСЯ ПОД ЗНАМЕНАМИ КАМПАРТИИ И НА ПОКУШЕНИЕ ФАШИЗМА НА ЖИЗНЬ ПОЛИТЗАКЛЮЧЕННЫХ ОТВЕТИТЬ ТЫСЯЧАМИ УДАРОВ ПРОТИВ ПРАВИТЕЛЬСТВА БЕЗРАБОТИЦЫ, ГОЛОДА И ИНКВИЗИЦИИ, ПРАВИТЕЛЬСТВА ЛУЦКОВ И ПАВИАКОВ.

ПРОЧЬ КРОВАВЫЕ РУКИ

от зарубежных наших братьев

резолюция, принятая на интернациональном вечере

Объединенное собрание белорусских писательских организаций совместно с Всесоюзным с'ездом польских пролетарских писателей и рабочими массами Минска, которые присутствовали на собрании, решительно протестует против неслыханного упиения и издевательств со стороны польского фашизма над трудящимися массами и политзаключенными Польши, Западной Белоруссии и Западной Украины.

Польские палачи, заслуженные мастера средневековых пыток и издевательств бросают в тюрьмы лучших сынов революции, лучших представителей рабочего класса и трудящегося крестьянства.

Польские палачи думают бешеными издевательствами задушить социальное и национально-освободительное движение трудящихся масс. Разгромы и массовое закрытие белорусских школ, посещение члена ЦИК Федора Мартуся, неслыханные издевательства в Лунце, Пинске, Городне—все это свидетельствует, что польский фашизм умирает, что эта агония кончится смертью.

Мы, пролетарские и революционные писатели, заверяем рабочий класс и коммунистическую партию, что под ее руководством мы готовы каждую минуту выйти из литературных баррикад на баррикады активной борьбы с оружием в руках, против врагов пролетарской революции, против польского кровавого фашизма.

Прочь кровавые руки от зарубежных наших братьев!

Все на защиту Советского союза!

Да здравствует ВКП(б)—единый вождь и организатор трудящихся масс!

Да здравствует КПП, КПЗБ, и КПЗУ!

От имени президиума собрания:

Бруно Ясенский,
Михаил Лыньков,
Принц,
Коваленко,
Свиш,
И. Харик,
В. Сташевский,
Кузьма Черный,
А. Сологуб,
М. Лужанин,
Мыслинский,
Сливинский,
Теодор,
Неймаи,
Недведский,
Квитинский,
Бровко,
Моряков.

НА С'ЕЗДЕ

* Всесоюзный с'езд польских пролетписателей происходил 17—21 августа в минском «Доме рабпрос», в присутствии многочисленных представителей минских предприятий.

* В президиуме с'езда — тт. Чернушевич, ЦК ВКП(б), Коваленко (ВОАПП), Платун (Наркомпрос БССР), Бруно Ясенский, Станде, Лыньков, (БелАПП), Мыслинский (Польский БерАПП), Нейман, Принц (редактор газеты «Оркан», представители РККА и рабочих.

* От имени ЦК ВКП(б) с'езд приветствовал т. Чернушевич, от МОРП — Б. Ясенский, от ВОАПП — Б. Коваленко, от БелАПП — т. Лыньков, от Еврсекции БелАПП, еврейской газеты «Октябрь» и журнала «Штерн» — т. Лунец. С приветствием с'езду выступил также прибывший из Польши представитель польских пролетписателей т. Ст. Р. Станде.

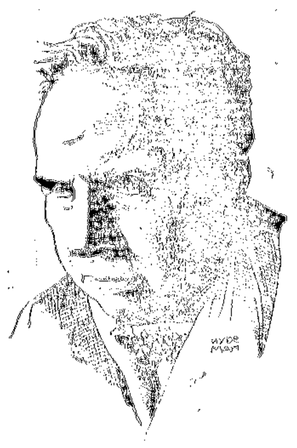
* С'езд открылся речью ответственного редактора Всесоюзной польской газеты «Трибуна Радзецкая» т. Неймап.

* С'езд заслушал доклады Б. Коваленко — о задачах пролетарской литературы, тт. Каменецкой и Маленького — о задачах польской пролетлитературы, большой доклад Б. Ясенского о международной революционной литературы и доклады с мест.

* На заключительном заседании утверждены резолюции по всем докладам и избрана всесоюзная комиссия по делам польской литературы при ВОАПП. В комиссию вошли десять польских пролетписателей. С'ездом принята также резолюция об упрощении польского правописания.

27 августа Теодору Драйзеру исполняется 60 лет

привет нашему американскому другу!



В прошлом году в Нью-Йорке вышла книга «Гуманизм в Америке». Этот толстый том явился манифестом фашистской интеллигенции, которая выступает против науки и пытается «дополнить» ее религией. Католицизм—вот что предполагает гуманисты, вот что они противопоставляют современной анархии буржуазного общества. Католицизм—консервативная религия, именно поэтому и берут ее гуманисты, особенно напирая на то, что в католицизме религиозность выступает как особая форма дисциплины. Гуманисты так же, как французские фашисты Жюльен Бенда и Поль Рив, как идеолог немецкого фашизма Розенберг, выступают как тренировщики нового поколения буржуазии, цельного и сильного, морального и боевого. Но линии творческой гуманисты проповедуют интуитивизм и классицизм, усиленно в то же время подчеркивая, что задачи литературы—это воспитание читателя, что литература должна создавать моральные законы.

Теодор Драйзер ответил гуманистам в журнале «Мыслитель» (июль 1930 г.), статьей «Новый гуманизм». Гуманисты выступили с жестокой критикой Драйзера (в сборнике «Гуманизм и Америка» этому посвящена специальная статья Шеффера «Американская трагедия»). Драйзер отрицается гуманистами за то, что он видит в жизни главным образом лишь отвратительное и плохое, они рекомендуют ему отвернуться от противоречий действительности и прикрашивать ее.

Драйзер правильно схватывает сущность гуманизма, как явления начинающегося капитализма, с одной стороны, и роста революционного движения—с другой. «Среди сверкающих жизнь, встал будет также—пишет Драйзер,—у которых не хватит силы смотреть—хотя бы только смотреть—на ее темные, грубые стороны, и такие, которые будут даже участвовать в проявлениях некоторых из ее более буйных и необузданных энергий».

Выступление Теодора Драйзера против гуманизма—факт безусловно положительного значения, ибо оно направлено против фашистского реакционного крыла американской интеллигенции.

Это выступление Драйзера против фашизма стоит в непосредственной связи со всей эволюцией его общественных взглядов за последние три года. Идеолог мелкой буржуазии, выступавший с очень слабой критикой крупного капитала в таких его воплощениях (Кунсфурд в «Финансисте» и «Титане»), проповедовал индивидуализм, противник коммунизма—Теодор Драйзер в наше время становится революционным публицистом, принимает участие в продолжающихся коммунистической партией широких агитационных кампаниях, выступает с резкой критикой капиталистической системы и с горячей защитой СССР.

Даже в 1927 г. еще ничто не предвещало этого нового Драйзера. В письме от 5 января 1927 г. он пишет: «Я не имею никаких теории относительно жизни или какого-либо средства разрешить экономические или политические проблемы. Жизнь, как я вижу ее, есть грандиозный процесс, в отношении которого мне в качестве свое бедных ног». До тех пор, пока интеллектуальное развитие не переделает природы человека, до этих пор, я думаю, будут сохранять наиболее приспособленные, будет ли это монархия Англии, демократия Америки или Советской России». В заключение письма Драйзер пишет: «Я знаю очень мало правды об условиях в России, так что не осмеливаюсь дать свое мнение как окончательный результат, но я надеюсь, что дело прекрасное и большое и долголетнее выйдет из этого». В письме от 11 марта 1927 г. Драйзер опять возвращается к теме об СССР, отмечая, что он очень интересуется всем у нас происходящим и, в частности, отмечая, что он особенно заинтересовался колхозным делом капитализма опытом лэди Астор с рабочим Мерлис. Драйзер пишет, что этот случай, конечно, свидетельствует, что наши общественные условия лучше, чем в Англии.

Осенью того же 1927 г. Драйзер приглашается в СССР на празднование 10-летия Октябрьской революции. Драйзер проводит в СССР отпущенный ему срок, объезжает ряд районов страны, посещает деревни, фабрики, совхозы, рабочие жилища, клубы, дома заключения и по возвращении в Соединенные Штаты опубликовывает книгу «Драйзер смотрит на Россию». Свои общие выводы от посещения СССР он сам формулирует в этой книге следующим образом: «Первое. Советские вожди—как теоретики, так и практики, понимают, что лучшая вещь для всякого—это работа в той или иной физической или духовной, форме и что худшая вещь—это леность, вольная или невольная; советские вожди поставили своей задачей заботиться о работе и искоренять безделье. Всем своим сердцем я одобряю это.

Следующее. Они понимают, что об'ем работы каждого должен быть таков, чтобы ее хватало на то, чтобы дать возможность очень далеко поднятой впереди стране иметь все удобства и привилегии, какие, которая экономически, художественно, интеллектуально и социально должна стать прилной и может быть прекрасной. После этого отдельный человек может делать со своим временем все, что он хочет».

В-третьих, Драйзер отмечает огромную работу по интеллектуальному воспитанию, что ведет «человека от ницшеты и невежества к знанию и счастью». Драйзер с удовлетворением затем отмечает, что в Стране советов не дают развиваться стремлениям к личному обогащению». Особенное одобрение вызывает у Драйзера тот факт, что в СССР труд полностью свободен. Особо Драйзер отмечает положительность нашей системы образования, направленной на воспитание не индивидуалистов, а коллективистов. Подлое равенство женщины с мужчиной тоже берется Драйзером как один из тех фактов, которые должны быть противопоставлены буржуазному Западу. Трудно перечислить все те стороны СССР, которые вызвали одобрение Теодора Драйзера, хотя вместе с тем художник все время подчеркивает, что он не коммунист, не индивидуалист, что он старается видеть и отрицательное в советской действительности.

Есть в книге ряд мест, вызывающих недоумение или обнаруживающих, что связь с буржуазным обществом мешала Драйзеру понять некоторые явления, но в общем вся книга была вполне дружественной, и не случайно, что белогвардеец П. Н. Милюков счел своим долгом в одной из лекций в Нью-Йорке выступить против этой книги.

После своего посещения СССР Теодор Драйзер начинает замечать в американской действительности те ее стороны, которые он раньше не видел или видел недостаточно ясно. Великий художник становится воинствующим публицистом. Все чаще и чаще берется он за перо журналиста, чтобы атаковать американский капитализм. Так, в июле 1928 г. Драйзер выступает в журнале «Национ» со статьей, в которой подвергает критике ряд самых «священных» институтов буржуазной демократии.

«Я уже не раз замечал,—так начинает статью Драйзер,—что американские газеты и журналы весьма неохотно печатают за своих страницах тех, кто способен дать живую и правдивую критику нашей американской жизни. Убийственное благодетельное повергает большинство американцев в какое-то почти спящее равнодушие ко всему материальному, за этому тому, что тревожит и волнует неблагополучное меньшинство».

Капитализм,—продолжает Драйзер,—останавливает развитие культуры, заменяя ее комфортом. Нужно видеть, что представляет демократия—чистая иллюзия, ибо Америкой управляет «сотня-другая тузов, отдельный «свободный человек» становится игрушкой в руках этих диктаторов. Теперешняя Америка—это страна, чуть дышащая при современном неравенстве и все больше и больше ограничивающая человека в его праве свободно мыслить».

В этой статье Драйзер намекает, что есть «спасение», не указывая его, однако. Во всяком случае, даже в этой статье писатель уже начинает прощаться со многими своими иллюзиями. В частности, он уже резко формулирует, что буржуазная демократия—это ширма, скрывающая диктатуру финансового капитала. Подобные позиции Теодора Драйзера не могли не поставить его в несколько особое положение среди других крупных писателей. Буржуазная пресса, еще не начиная открытой кампании против него, все же пытается тем или иным способом уколоть его. Подозрения мною от Драйзера его переписка с газетой «Нью-Йорк Уорлд» приоткрывает уголок этой закулисной борьбы с художником, откололшимся от буржуазного мира.

Драйзер был запрошен воскресным редактором этой газеты Полем Пальмером в связи с началом печатания в этой газете серии статей по поводу проекта конгресса социальных реформ, требующего свободы развода. Драйзер согласился, написал статью, вставил в нее фразу о том, что католическая церковь—есть «величайшая в мире действительно государственная организация». Эта фраза послужила камнем преткновения, но Драйзер отказался исправлять статью. Это мелкий эпизод, но он в то же время очень характерен для всей линии поведения Драйзера за последние годы: художник ни на дюйм не отступает от своих убеждений, категорически отказывается вносить хотя бы самые ничтожные коррективы в свое поведение в угоду буржуазной морали или политике.

Разразившийся летом 1929 г. кризис, подмывший под собой мнимое процветание, обнаживший противоречия капиталистической системы, и с другой стороны, успехи социалистического строительства в СССР резко сдвигают Теодора Драйзера влево. Художник делает решительные шаги в революционную сторону. Этот этап развития Теодора Драйзера начинается несколько раньше, когда писатель обязан, что на президентских выборах он будет голосовать только за коммунистов, ибо это единственная партия, которая действительно борется с капитализмом. Размерзшее выступление Драйзера относится к лету 1930 года, когда он послал приветствие имени Джона Рида открытое письмо в ответ на предложение клуба высказаться по поводу преследований, которым подвергается в Америке свобода политических и экономических убеждений.

Это письмо великолепного художника Америки, датированное 10 июня 1930 г., представляет исключительный интерес. Драйзер отмечает всю ненормальность положения, когда перепроизводство, избыток продуктов, ведет к их отсутствию, к безработице, к голоду. Правительство, демократия—это только оружие в руках правящего класса,—говорит Драйзер. «Вы можете убедиться, насколько положение стало угрожающим, если при правительстве, самой конституцией своей гарантирующем свободу собраний, слова и мнений, никто не смеет даже упомянуть о социализме, или коммунизме, или о каких-либо государственных недостатках». «Настает новый период вещей,—продолжает он,—и мы убеждаемся в этом на примере Германии: в России делается попытка осуществить новый строй и, несмотря на все препятствия, она удается. В Англии же, где такой попытки нет,—нищета».

Вместе с тем художник с огромными трудностями пробирается сквозь строй мелкобуржуазной идеологии. Кажется все сознание—не пальто, его легко не сбросишь. Драйзер даже в этой статье идет еще, что путь реформ может все-таки дать что частичные изменения отмена наследства, национализация без революций) могут гарантию обеспечить страдания эксплоатируемого большинства.

Через месяц, в том же 1930 году, Драйзер пишет в Международное бюро революционных писателей письмо, в котором выступает против готовящихся военных авантюр на СССР, против интервенции.

Зимой 1931 г. он приезжает в СССР, несколько статей, опубликованных в Америке, в которых наглядно отражается дальнейшая эволюция писателя вле-во. В статье «Право на революцию» Драйзер на конкретном примере «революции» в Панаме (произведенной по приказу американских финансистов, мечтающих таким способом получить от нового президента Ароземена и поглавших «нового человека» доктора Арнаэ) показывает практику американского империализма, защищая право на революцию со стороны трудящихся.

В большом очерке «Безработный Нью-Йорка», напечатанном также в Германии и «Вельтбюне», Драйзер дает ряд зарисовок жизни безработных, обобщая свои наблюдения. Писатель и в этой статье не забывает подчеркнуть что только в СССР нет безработицы. Набрасывая жуткие образы безработных и безработных, сломленных длительным отсутствием работы и столь же длительным отсутствием действительной помощи, Драйзер пишет: «Путем скупых пожертвований вельми жизнь жизненную энергию и стремящее нашей государство. Нам нужен полный переворот всей нашей экономической системы и государственного строя». На Драйзер отмечает всю ненормальность и в этой статье Драйзер опять платит дань своему наивному, заканчивал статью обращением к правительству, когда как безработица, как и войны и кризисы, есть неизбежное следствие капиталистического строя и путь устранения безработицы—это путь революционного ниспровержения буржуазного строя.

В статье «Дело Муни и Америка» Драйзер выступает с горячей защитой т. Муни, уже в течение 15 лет находящегося в тюрьме по ложному обвинению, приводя ряд других подобных же фактов. Теодор Драйзер неоднократно выступил за защиту восьми негритянских рабочих, осужденных к смертной казни в Скоттсборо.

Когда пишутся эти строки, американская пресса приносит сведения о новой работе Теодора Драйзера над сценарием рабочего класса. В нашумевшей серии «Нью-Йорк телеграмм» опубликовано краткое интервью «Обвинительная пресса» интервью с Драйзером. Из этого интервью мы знаем, что он возглавил комитет в составе Джона Дос Пассоса, Малькольма Каули, Роберта Дейна, Мари Хитон Ворс и др. Этот комитет займется обследованием ужасного положения горняков в зоне Пенсильвании, Огайо и Западной Виргинии. Сам Драйзер поехал в Кентукки и беседовал с бастующими горняками и их женами. В своем письме в среду компартии «Дейли уоркер» Драйзер подробно излагает факты произвольной жестокости полиции и предпринимателей. Теодор Драйзер выступил с резкой критикой социал-фашистской Американской федерации труда, что вызвало совершенно неубедительный, по общий ответ руководителя АФТ Грина. Теодор Драйзер уже опубликовал несколько очерков о своих впечатлениях. Эти очерки—не пассивное фотографирование (как, например, построена книга «Картины великого города»), они проникнуты боевым духом. Художник выступает как участник борьбы горняков.

Рождается новый Теодор Драйзер. У американского рабочего класса, у нашей страны появился новый неутомимый друг, возвращающий капитализму свою мировую славу и получающий от мирового пролетариата. Теодор Драйзер—на верном пути. Дальше и вперед, Драйзер!

С. ДИНАМОВ

МОРП—Теодору Драйзеру

Дорогой товарищ! От имени революционных писателей всего мира приветствуем вас в день вашего шестидесятилетия.

Как все честные и последовательные противники империалистической войны, угнетения народов и эксплоатации рабочего класса, вы примкнули к революционному пролетариату. Мы высоко ценим ваше сотрудничество и верим, что мы будем бороться вместе, какие бы события в мире ни произошли. Мы счастливы, что можем назвать вас своим товарищем. Желаем вам долгой, сильной творческих сил жизни, столь ценной для мирового пролетариата.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ОБ'ЕДИНЕНИЕ РЕВОЛЮЦИОННЫХ ПИСАТЕЛЕЙ

СКАПП ОТВЕЧАЕТ

По поводу письма инициативной группы АПП Кабардино-Балкарии, помещенного в № 44 «Литгазеты», секретариат СКАПП сообщает, что нам только им было получено известие об организации группы секретариат СКАПП поручил члены РАПП т. Максимову связаться с инициативной группой и оказать ей помощь.

Максимов не выполнил данного поручения за что и понесет ответственность.

Не снимая и с себя ответственности за работу по организации писателей Кабардино-Балкарии, секретариат СКАПП в ближайшее время примет меры и усилению руководства в нацобластях.

СЕКРЕТАРИАТ СКАПП

НАШУ РАБОТУ ПОД КОНТРОЛЬ РАБОЧЕЙ ОБЩЕСТВЕННОСТИ

ИСПОЛБЮРО ФОСП НА ЗАВОДЕ ИМ. ИЛЬИЧА

Как мы уже сообщали в последнем номере «Л. Г.», Исполбюро ФОСП на своем заседании, проведенном 15 августа на заводе им. Владимира Ильича, заслушало доклады всех объединяемых ФОСП литературных организаций об их работе по художественному показу героев пятилетки.

После краткого вступительного слова т. Щаткина (культорг партхома завода им. Ильича), констатировавшего недостаточную связь между шефом—заводской общественностью завода им. Ильича и подшефными литорганизациями ФОСП, с докладом выступил ответственный секретарь РАПП Ив. Макарьев.

Свое сообщение о работе РАПП по художественному показу передовиков рабочего класса т. Макарьев увязал с вопросами практического осуществления шефства, взятого заводом им. Ильича над ленинградской советской писателей.

— Коллектив «ильичевцев» недостаточно работал по шефству над ФОСП. Знакомы ли рабочие завода с теми художественными очерками о героях пятилетки, которые в последнее время были напечатаны? Вряд ли. Отсюда политическая пассивность заводской массы в литературных вопросах еще очень не велика. Между тем для нашей литературы работа по показу героев пятилетки является способом преодоления отставания литературы от задач современности.

Для успешного выполнения этой работы нам надо осуществить постоянный, систематический рабочий контроль над литературной продукцией; произведения писателей должны обсуждаться рабочими, должны быть взяты под наблюдение рабочих. Именно этим путем должно быть конкретно осуществлено шефство завода им. Ильича над советскими писателями.

Последующие выступления—Г. Тарпана (РОПКИ), С. Канатчикова (завод «Федерация»), П. Арского (Всероскомдрам) и С. Вашенцева (ДОКАФ) явились краткими репортажи литературных дискуссий о том немногом, что сделано ими до сих пор по показу героев пятилетки.

Особое внимание привлекло выступление представителя ВССП—И. Евдокимова, который, высказав ряд чрезвычайно спорных литературно-философских положений, заявил, что хотя по показу героев пятилетки ВССП «сделано пока чрезвычайно мало» и «грызть нас есть за что (обломовская медлительность и т. д.)», но медленность эта объясняется, дескать, тем, что писатели ВССП считают возможным показать героев пятилетки только в крупных произведениях, требующих значительного времени, а что «ряд видных писателей работает над такими крупными произведениями, в которых герой пятилетки занимает стержневое место». В заключение И. Евдокимов заявил, что «мы хотим уподобиться меткому стрелку, а художественное творчество это прежде всего—меткий глаз».

Поэтому, зачитав И. Евдокимову, его попытка обойти вопросы мировоззрения подверглись жестокому обстрелу в прениях. Н. Шушканов правильно отметил, что концепция «меткого глаза» перекликается с известным «искусством» Волжского «видеть мир».

П. Слетов как руководитель творческой секции ВССП, вынужден был заявить, что И. Евдокимов не выражает мнения правления союза и что «исполкомание ВССП в работе по показу героев пятилетки объясняется организационными ошибками (вопрос ни разу не ставился на обсуждение правления ВССП), так и недостаточной разработанностью творческого метода и вопросов мировоззрения. В конце концов и сам И. Евдокимов поправился «отмежевался» от своего первого выступления, сомкнулся на то, что его «неправильно поняли».

***

Подводя первые итоги работы литературинции по показу героев, Г. Коремев отметил, что значительное количество писателей не поняло всей глубины этой задачи, рассматривая ее как очередную кампанию. Именно этим можно объяснить то, что во многих творческих работа эта сейчас пошла на убыль. Другим проявлением этого непонимания является отношение докладов о показе героев: писатели вторглись рвутся по заводам и чуть ли не становятся в очередь на «описание» ударника-краснознаменца.

Многие писатели понимают задачу показа героев пятилетки как задачу только очерковую. Но тема о герое труда—одна из важнейших, центральных тем периода социализма: она должна разрабатываться во всех жанрах. Между тем, за исключением поэмы И. Сельвинского «Электрозавод» у нас например совсем нет стихов о героях пятилетки, нет и произведений о героях социалистической перестройки деревни, о героях культурного фронта. До сих пор нет еще и серьезной критики первых произведений о героях.

В ряде выступлений в прениях были отмечены отдельные промахи, допущенные при показе героев пятилетки в литературе. Г. Никифоров указал, в частности, на бульварное творчество М. Алексеева, т. Натанов (а-д им. Ильича) — на очень слабые очерки Вл. Бахметьева—печатавшиеся в «Рабочей Москве», т. Кивович (а-д им. Ильича) — на техническую неграмотность писателей, которая зачастую отталкивает внимание читателя от того или иного литературного произведения.

Тов. Гехтман (быткружок а-да им. Ильича) указал на то, что в литературе о героях труда часто повторяется ошибка «Аллеи ударников», возникшей недавно в Парке культуры и отдыха: героев труда показали вещи, поверхностно, а вовсе не как людей, для которых труд стал делом чести; хотя именно этот специфический признак делает их героями нашего времени. Тов. Гехтман говорит далее о неработоспособности ряда писательских бригад, которые ФОСП направляет на заводы-шефы и отмечает плодотворную работу отдельных писателей—Н. Шушканова, В. Ильенкова, А. Исбаха, Б. Колычева, прикрепленных на завод им. Ильича по собственной инициативе.

Д. К.

ЗА ХУДОЖЕСТВЕННУЮ ПРОПАГАНДУ

ТЕХНИКИ

В связи с постановлением ЦК ВКП(б) от 5 августа 1931 г. о технической пропаганде секретариатом ФОСП принято решение об участии писателей в реализации этой директивы партии.

Ряд ближайших литературных декадников ФОСП, возобновляемых с 10 сентября, будет посвящен научно-технической вопросам. В качестве докладчиков привлекаются виднейшие деятели техники и науки. Доклады будут застенографированы и изданы в виде специальной серии.

ФОСП приступает к разработке плана ознакомления писателей с проблемами науки и техники путем организации поездок и экскурсий на постройки и предприятия СССР. В низовых литкружках будут организованы популярные доклады, к проведению которых привлекаются квалифицированные писатели и научно-технические силы.

Писатели примут активное участие в литературном оформлении массовой технической литературы, выходящей в новом научно-техническом издательстве ВСНХ. Писатели примут участие и в создании киносценариев на технические темы.

При каждой литорганизации будут созданы ячейки технической и научной пропаганды. Издательству «Федерация» предложено приступить к изданию сборника художественных произведений, отражающих достижения науки и техники. К составлению сборника привлекаются как писатели, так и научно-технические работники. Сборник будет выпущен к концу текущего года.

Решительно преодолеть отставание пролетарской литературы от практики социалистического строительства

АПП Средней Волги — в полосе застоя

сегодня открывается краевой с'езд АПП письмо из самары

Более двух лет отделяют ассоциацию пролетарских писателей Средней Волги от первого краевого с'езда и более года — от времени правления крайАПП.

За это время РАПП в целом стала уже основной ведущей организацией пролетарской литературы, осуществляющей на деле генеральную линию партии. Неуклонно пробивалась к ней молодая, пролетарская литература, шаг за шагом, в боях за ленинское мировоззрение, завоевывает и закрепляет новые позиции.

Приход рабочих-ударников в литературу, включение в практику социалистического строительства (РАППовские бригады на предприятиях, показ героев пятилетки), развертывание творческой дискуссии, повышение общественной и идейно-творческой активности, укрепление связей со смежными областями искусства, с организациями марксистско-ленинской философии — все это является конкретным выражением перестройки РАПП, необходимой для преодоления отставания пролетарской литературы и для построения большого искусства большевизма.

Рост АПП и ее рабочего ядра и связи с развернутым призывом рабочих-ударников в литературу несомненен. Несомненно также и организационное укрепление существующих в крае ассоциаций (Самара, Ульяновск). Возникла в строительстве в крае Ассоциация—Чапаевская, и последние дни организационно оформляется ячейка—в Оренбурге. На предприятиях края создан ряд новых рабочих литкружков.

В области творческой работы членов АПП мы наблюдаем ощутительный и крутой поворот в сторону большей актуальности тематики. Помимо целого ряда произведений членов АПП, выведших отдельным изданием, мы имеем широкий выход творческой продукции наших АППовцев в журналы, сборники, альманахи. Нельзя пройти мимо двух сборников СамАПП «Штурм ударных» и «Ударники литературы», составленных по произведениям рабочих-ударников РАППовского призыва.

Однако, рассматривать всю работу наших АПП исключительно в свете этих немногочисленных и порою шатких и некрепких достижений — значит закрыть глаза на общее состояние, в котором находятся наши ассоциации. А общее состояние — тревожное. Существенные прорывы в работе крайАПП сигнализируют о неблагополучии по всем линиям.

Основной порок в работе наших АПП — тот, что имеющиеся достижения, во-время не закрепляются, а потому оказываются в плетнями и в дом рано случаем перерастают в прорывы.

Качественный рост комиссий не был своевременно закреплен и развит, не было заботы о качестве. В результате — рост приостанавливается, застыл (Самара, Пенза), созданные кружки частью до сих пор также организационно не закреплены (Самара — автотехникум, судостроительный и др.), частью работают без руководства, особенно по линии идейно-политической.

Основную долю ответственности за такое состояние работы секретариат крайАПП в первую голову принимает на себя. Руководство крайАПП не приняло ряда своевременных и решительных мер в отношении организаций, положение которых не настолько тревожно и может быть особо-ударными, двигающими руководства. Такое положение дольше существовать может, например, в СамАПП, правление которой проявило чрезвычайную беспечность в ряде важнейших организационных и фактических вопросов призыва ударников в литературу. Таким образом, вместе со секретариатом крайАПП, руководство и состав местных ассоциаций все в меньшей степени поспевают за теми прорывами, с которыми мы приходим к нему.

Залогом в деле конкретного участия членов АПП в разрешении хозяйственно-политических задач края. Известно ли о более или менее активной работе бригады Самарской АПП на СамГРЭС, литбригада завода № 42, литбригада театра «Темп». Однако — даже счет этой работы не вычесть за дверь бригад, не стал достоянием всей организации, не был проверен.

Выпущее всего неповоротливость и нерасторопность крайАПП проявилась и реагирования на обращение секретариата РАПП о художественном показе героев пятилетки. До сих пор эта работа почти не двинулась с мертвой точки.

Творческая продукция членов АПП при количественном и известном качественном росте, в значительной своей части еще не стоит на высоком уровне тех требований, которые к ней предъявляются. Многие — даже из числа творческого актива — еще далеко не вникли в свое боевое мировоззрение пролетариата, не овладели сложным методом диалектического материализма в творческой практике. Так, произведения одного из наиболее творчески выявившихся членов АПП К. Горбунова еще носят явный налет механистических тенденций, увлечения авантюрностью, бытовизмом, местами облаженным и шаблонным схематизмом, идущими все от тех же механистических влияний и свидетельствующими о далеко неполном овладении автором методом диалектического материализма («Чайная», «Уют»). Отголосок механистических влияний — еще и книжка Л. Львовой «Связь стерта», некоторые произведения Л. Правдина и др. Приходится также отметить недопустимую слабость критического крыла наших ассоциаций.

Отсутствие высококачественной конкретной критики не дает необходимых условий к правильного направления творческой работы наших АППовцев. Следует подчеркнуть, что за неудовлетворительное почти существование красного литературно-художественного журнала — в условиях РАПП на него не было не одной реплики, тогда как творческая инициатива членов АПП занимает в этом журнале преобладающее место. О том, как наши критики «способствуют» повышению идейного уровня местных АПП, говорят хотя-бы статьи А. Красильникова: «3 боя за ленинское литературное движение» («Штурм» № 6) — путаная, поверхностная и — местами — бессодержательная. Из этой статьи мы узнаем, что реакционнейшая боронщина есть не что иное, как... «левый уклон»! Автор так и пишет: «боронщина — «левый» уклон».

В свое время СамАПП дала жесткий отпор кулацкой вылазке в пролетарско-колхозной литературе нашего края. Речь идет о рассказе быв. руководителя крайОПТИ, члена СамАПП А. Михайлова — «Проводы».

Чтобы успешнее и быстрее ликвидировать эти прорывы, надо в первую очередь знать их причины. Они, конечно, «субъективны» и имеют свое имя, отчество и фамилию. Основное — чрезвычайная слабость деятельного повседневного руководства секретариата крайАПП в отсутствие тесной связи и обмена опытом между организациями.

Наряду с этими причинами секретариат крайАПП в своем предсъездовском письме выдвигает следующее:

1. Организационно ослабленное руководство со стороны секретариата РАПП.

2. Плохой подбор руководящего состава наших организаций.

3. Отсутствие жесткого разоблачения имевшихся правого и «левого» оппортунизма в практике АПП, отсутствие четкой массовой борьбы на два фронта за генеральную линию партии в художественной литературе.

4. Слабое развитие критики и самокритики в организациях, вследствие чего не развернута с должной силой борьба с элементами «Литфронта» — проваливающего блока, несомненно сохранившимися в нашем движении и тормозящими его.

5. Недостаточная забота об укреплении рабочего руководящего ядра в АПП.

6. Отсутствие должной связи с парторганизациями. Время организациями АПП не было оценено, как следует, известная резолюция крайкома ВКП(б) о мерах содействия призыву ударников.

7. Недостаточно использована крайАПП краевая печать для пропаганды вопросов пролетарского литературного движения.

8. Недооценка со стороны краевого ОГИЗ роли печатного органа — журнала «Штурм», в котором руководство принадлежит АПП.

9. Отсутствие материальной базы для развертывания крайАПП.

Все эти причины переплетаются, все они исходят от одного отправного пункта — от исландения руководства как в крае, так и на местах. **Ни одну из них мы не можем признать «об'ективной».**

Н. ЧИБУРАЕВ

КНИГИ УДАРНИКОВ И ОБ УДАРНИКАХ

Почин Иваново-Вознесенцев

ПАВЕЛ ЛОСЕВ — «От черной к красной доске». ОГИЗ Иваново-Вознесенск. Обл. отд. Стр. 39. Тираж 10.000. Ц. 12 к. В. ПОЛТОРАЦКИЙ — «Трубку стеклодува в архив». ОГИЗ. Москва — Ив.-Вознесенск. Стр. 31. Тираж 8.000. Ц. 15 коп.

Перед нами две небольшие книжки, написанные иваново-вознесенскими пролетписателями и изданные Иваново-Вознесенским отделением ОГИЗ.

Лосев немного показывает, как передовым рабочим-ударникам приходилось ликвидировать прорыв на крупной текстильной фабрике «Командарм», прорыв, образовавшийся в результате оппортунистического руководства, бюрократизма, зажима рабочих изобретений, подрядничества, лжеударничества и пр. Умостно пользуясь цифровыми показателями, Лосев живо рассказывает о том, как «Командарм», еще недавно бывший на черной доске, становится в ряд передовых предприятий Союза.

Основной недостаток книжки Лосева — схематизм, выразившийся в том, что автор дает лишь остов, слишком быстро переберая с одного предмета на другой и совершенно недостаточно, вместе с тем, уделяя внимание людям.

Показывая коллектив, автор не дает характерных передовых представителей этого коллектива, лишь зарисовывая о них, называя только их фамилии. Тем не менее, книжка все же удачна.

Удатна и книжка Полторацкого, дающего на протяжении 31 стр. очень сжатую, но выразительную историю стеклодувного завода им. Дзержинского в Гусь-Хрустальном за сто лет. Первые 15 страниц посвящены дореволюционным годам завода, остальные рассказывают о том, как благодаря энтузиазму и энергии большевиков удалось восстановить и реконструировать огромный завод, заставив машины выполнять изнурительную работу, бесспорно превалировавшую до этого ядерных рабочих в инвалидов.

Не впадая в ложный пафос, В. Полторацкий сопоставляет работу на заводе до революции и теперь, показывая зарождение ударничества и соцсоревнования, застрельщиками которого были комсомольцы.

По некоторый схематизм в неумение дать яркие портреты передовиков свойственны и Полторацкому. Кроме того есть и еще один довольно значительный общий недостаток. И Лосев, и Полторацкий слишком мало внимания уделяют специалистам, вопросу овладения техникой, и созданию новых специалистов из рабочей среды.

Почин иваново-вознесенцев следует горячо приветствовать.

ЛЕВ ГЛАДКОВ
КРУЖОК КРИТИКИ «РОСТ».

Книга показывает нового человека

Ю. КОКОРЕВ. «Над растет новое». ЛАПП, ГИХЛ, 1931. Стр. 56. Тираж 5.000. Ц. 60 к.

Автор-ударник, призванный в литературу, взял темой для своей первой книжки борьбу комсомольского коллектива Сталинградского Тракторного за полное социалистическое формы труда на производстве и в быту, борьбу, в непосредственном участником которой был он сам.

Мобилизованные на Сталинградский тракторный завод, комсомольцы, преодолевая ряд трудностей, создают производственно-бытовую коммуну, цехи-ударники, завоевывают технику, получают технических специалистов. Серьезным и трудным оказывается и преодоление отсталости и производственных навыков рабочих, поступивших на завод. Автором показано, не только положительное значение коммуны, но и ее недостатки, которые, впрочем, не могут заслонить общего положительного значения коммуны.

Автором показано не только положительное значение коммуны, но и ее недостатки, которые, впрочем, не могут заслонить общего положительного значения коммуны.

Автор показывает, не только положительное значение коммуны, но и ее недостатки, которые, впрочем, не могут заслонить общего положительного значения коммуны.

Автором показано

творческая дискуссия в ВССП

М. КОЗАКОВ

О самокритике и о самом себе*

Когда я слушал моих товарищей,—Тихонова, например, Каверина, Кукаркина или Никитина и других,—я каждый раз ждал осуществления ими права «говорить о себе» в связи с докладом «Борьба за мировоззрение», но почти каждый раз я «фрагментически» ошибался. Я думал, что хорошо поступили бы и другие товарищи, поделившись о нами своим творческим опытом и собственной, хотя бы краткой, оценкой своего литературного пути, наметив его дальнейшие перспективы.

Надо устранить опутанное «обывательскую боязнь самокритики. Это относится в первую очередь к целому ряду молодых писателей, членов нашего союза. Писатели эти, еще далеко не зрелые, относятся к нашей дискуссии «политически» именно потому, что она требует от всех нас самокритики. В свое время я уже говорил о явной порочности такого отношения к нашей дискуссии. Кулуарная проповедь «гражданского мира», этот литературно-общественный нацифизм, вредившее непонимание самой сущности искусства, которое всегда должно потерпеть ущерб, как только опутается на мертвой зыби застоя.

Движущееся вперед искусство отбрасывает точками своего развития в сторону прогресса и новаторства волнует течки взрыва. Искусство поэтому вооружает всех нас, писателей, гранатами литературного антагонизма, и прежде на антагонизм художник должен применять не только в отношении своих своей в литературе, но и в отношении самого себя.

Самокритика поэтому — неотъемлемый элемент любого незамыкающегося в себе творчества.

В нашей дискуссии самокритика—это отнюдь не расслабленное покаяние, не предание анафеме самого себя, отнюдь не зачеркивание, не «физическое» уничтожение своих работ, всего себя как писателя, отнюдь не самоистребление на глазах у нашего читателя. Самокритика, вскрывая ошибки нашей творческой работы, тем самым помогает нам осмыслить ее характер и сущность. Делать это тем более необходимо, что в какой-то степени мы несколько повысили, занозным громадную брешь на фронте отсутствующей конкретной критики. И, хотели сказать, критические высказывания во время нашей дискуссии — не критиков — Н. Фрауна, М. Слонимского, И. Тихонова, М. Чумандрина, Елены Данько, Ю. Либединского и других—дословили «вдруг» их безусловное преимущество перед тем, кто считаются критиками-профессионалами.

Перехожу к конкретным высказываниям о себе самом.

Пытаюсь говорить только об ошибках—устанавливать и правдивать их недостатки не в туманной темноте имеющихся критических высказываний обо мне, а в свете всей моей сегодняшней речи, посвященной другим моим товарищам.

Каковы главные мои ошибки и чем они обусловливались?

Я—так же, как и целый ряд других моих товарищей,—пришел в революцию и литературу из мелко-буржуазной интеллигентской среды, и теперь я вовсе не хочу быть Иудой, не помнящим родства. Мое общественное поведение и моя литературная практика—это прямое возмездие от той социальной дивергенции, которая дала мне начало мировоззрению чуждую жизнь—точный слепок этой пресловутой. О положении таких людей я говорил уже в сегодняшней речи, до нее — весьма кратко останавливался в своей новой книге «Человек и его дело», а еще раньше начал весьма подробный разговор о своем романе «Десять тетрадей», задуманном, как трилогия-биография мелко-буржуазной «гуманитарной» интеллигенции.

Инерция «интеллигентского» отношения к действительности, равно как и постепенное крушение ее (инерции), люд действием прямых лучей социальной логики нашли свое соответствующее фиа и в моей литературной работе. Вначале я сережил детскую болезнь того самого «бессмысленного» орнаментализма, о котором так верно говорил М. Слонимский. Первая моя книжка, которую я перешлю и не перешлю, в том же виде, в каком она вышла—первый мой «Лицевой счет», и то же время бесспорное овладельство творчного, объективного к ним отношения. Книга была написана вычурным «китайским», мало кому понятным языком, отягощенным почти полным неудачными неологизмами и пр.

Почему это произошло? Я чувствовал потребность писать, она созревала еще с юношеских лет (ничего не получалось).

Так «начинается» писатель...), у меня уже был ряд наблюдений и способность к сочинительству, и я начал пользоваться изобразительных средств. Но где и как я их искал? Теперь я могу осмыслить этот вопрос.

Это не были поиски «формального», —это было «подсознательного» стремление выстроить наспех блиндаж, укрытие для своих смятенных чувств. Вот как, товарищи, «подсознательное» вылилось о голубой сосчастливое»... К моим услугам оказалась «нейтральная» в те годы орнаментальная школа. Я понял и ее двери, чтобы скрыть за пафту ля малоуспевающей «кампатее». Выступавший здесь «мастерий» приверженец этой школы Николай Наумович заявил, что я никогда, собственно, не был орнаментальным, а только пытался им стать. Немедленно признаю это заявление Никитина весьма авторитетным и веским: может быть, отсюда и говорит нечольно в мою пользу. Я рад, что не оказался органическим орнаментальным, что не смог быть приверженцем орнаментализма как самодовлеющей системы изобразительных средств.

Итак, я ушел из обители этой школы. Но куда? В том же направлении, в каком пришел и та среда, социальную суть которой я, как сказал выше, разделял. Для всего ее разодранной и глубоко прирыли «механических гражданок», среди всех глубоко неверным в целом расчетов в то же время, страдая социальной обывшей, не поспевал за революцией, старался кричать ей вслед о своей устало. Так в некоторых моих дальнейших произведениях начинались ноты «демократического» гуманизма («Повесть о царевне Мавсе», некоторым примат вершин). Но мои ошибки, вызвав правильную, суровую оценку, создали мне примитное положение «правого оппортуниста», силящего в руководстве Сопрочной в приближения к мировоззрению современности и в поисках изобразительных средств. Но и в то же время, во время вторых фазы моей литературной работы, я еще сколоси был объединить самому себе, что упрямый набор таких горбов, как слепцы, горбуны и пр. есть только средство отграничить себя от литературных соседей, есть только внешний элемент в моем творчестве, есть только мой лейтмотив, звучащим своим передающий наиболее острые коллизии и биологических процессах жизни.

В моем творчестве, как и в творчестве громкого бульмашества «попутчиков», была ложность, загипнотизирующая мировоззрения, но очень многие из нас демонстрировали ее только в своей литературной работе, соблюдая заведомое молчание в общественно-литературной жизни. Я же, в силу — что он — своего «темперамента», был очень часто на «линии огня» наших сторон и тем самым рельефней, оказывается, сигнализировал моим противникам выгнутую загипнотизированную орбиту «попутнического» пути. Так, например, в 1923 г., выступая по докладу тов. Керженцева о задачах советской литературы, я заявил, что искусство имеет право на сомнение, «право на уклон». Эту грубейшую ошибку я вскоре же осознал, но уже в следующем, 1929 году, допустил подчу. Я имею в виду тот «Дневник писателя», который был написан мной для с потешной года назад и прочитан тогда же на ленинградском собрании писателей в Доме печати. «Дневник» остался глубоко неверным в целом ряде своих положений. И уже отметил это в книге «Человек и его дело».

У меня еще были ошибки, как были они, конечно, у всех нас, — у того же Либединского, Фадеева, Никитина и у других товарищей. Но мои ошибки, вызвав правильную, суровую оценку, создали мне примитное положение «правого оппортуниста», силящего в руководстве Сопрочной в приближения к мировоззрению современности и в поисках изобразительных средств. Но и в то же время, не зная еще

наши дети будут жить в социалистическом обществе

художественная книжка должна воспитать их коммунистами

за пролетарскую детскую книгу

Участок детской книги на литературном фронте укреплен слабее других.

Если пролетарские писатели еще не завоевали творческой гегемонии в художественной литературе «для взрослых», то в области детской книги ими сделаны лишь первые шаги. Если в общей литературе мы жалуемся на слабость, на недостаточность квалифицированной марксистской критики, то в детской литературе и жаловаться не на кого: критики нет вовсе...

Детская книжка до последнего времени делалась в значительной мере руками либо открыто буржуазных писателей, либо халтурщиков, приспособленцев, случайных людей, которые на данном этапе развития советской литературы уже не смогли найти применения своим «талантам» в литературе «взрослой».

О значении детской книги говорилось много. Не к чему еще и еще раз повторять, что многомиллионная армия советских ребят, которым предстоит быть строителями и современниками социализма, должна быть обеспечена хорошей, яркой, увлекательной, интересной большевистской книжкой, что лозунг борьбы за большое искусство большевизма должен быть поднят и здесь, на участке детской литературы.

Но лозунгов, деклараций, обещаний было дано много. Мало было сделано для их реализации. В частности призыв «взрослых» писателей в детскую литературу фактически проведен не был. Между тем нет надобности говорить о том, какую пользу принесло бы современной детской литературе участие в ней крупнейших, опытных и квалифицированных мастеров художественного слова.

От широковещательных деклараций, от пышнозвучных обещаний пора перейти к делу: к творчеству детской книги, к конкретной критике этого творчества.

Лучшие советские писатели должны поработать для огромной, любознательной, благодарной детской читательской аудитории. Лучшие марксистские критические силы должны взяться за критику детской книги, воспитывая новые кадры пролетарских детских писателей.

«Литературная газета» сама до сих пор не уделяла должного внимания вопросам детской книги, касаясь их лишь случайно, эпизодически. «Литгазета» со своей стороны берет на себя обязательство восполнить этот пробел, освещать систематически на своих страницах изложение на фронте детской литературы, и в первую очередь давать конкретную критику новинок детской и юношеской литературы.

нужны сценарии для детских фильм

овладеть искусством сценария

открытое письмо детским писателям*

Товарищи!

Как бы много ребята ни получали от наших книжек, вы, детские писатели, нередко слышите от них: «а я кино это было бы еще интереснее».

Товарищи, это прямой призыв к вам! Вам необходимо овладеть новейшей подойкой к кинематографии для детей.

Кто делал и делает детские фильмы? Чаще всего—люди случайные, далекие от детской литературы, от советского коммунистического движения, от советского педагогики, люди, не знающие ребят, делающие фильмы на основе воспоминаний из своего детства, протекавшего 20—30 лет назад. В результате—появление на экранах бесцельных, часто вредных детских фильм, фальшивых, приспособленческих, просто аполитичных, вызывающих в ребятах неудовлетворение и законное негодование.

В плане Совкино 1931 года детские фильмы составляли 10 процентов общей продукции; в 1932 году, по постановлению коллегии НКП, детских фильм должно быть не менее 25 процентов общего числа художественных фильм, т.-е. 50—60 НАЗВАНИЙ. Требуется, следовательно, создание полутора хороших политически выдержанных и художественно ценных сценариев для детских фильм. Значительная часть их должна быть заказана фабрикам уже с осени.

Мы ждем, что, осознав важность и значение детского кино, этого наиболее мощного орудия коммунистического воспитания, детские писатели примут активнейшее участие в создании художественных фильм для детей.

Поскольку прихоть детских писателей в детскую кинематографию—дело совершенно необходимое и безотлагательное, необходимо, чтобы детские секции всех писательских объединений поставили это наше письмо на обсуждение и выработали формы совместной работы писателей с производящими кинорганизациями.

ГРУППА ПО ПРОИЗВОДСТВУ ДЕТСКИХ ФИЛЬМ СОЮЗКИНО
СЕКЦИЯ ДЕТСКИХ ФИЛЬМ АРРК

* Печатаем с сокращениями.

Когда спрашиваешь кого-либо из писателей, почему он не работает для кино, то обычно слышишь два мотива: первый—«я не умею писать сценарии, это ведь не книга, не рассказ»; второй—«не охота связываться с кино, напишешь что-нибудь, а потом другие своей работой воспользуются; бывали ведь такие случаи...»

Если начать со второго мотива, то надо сказать, что в настоящее время писатель уже не стоит беззащитным одиночкой лицом к лицу с фабрикой: его интересы защищаются Всероссекцдрамом, свою заявку на тему он делает в правление Совкино, где она включается в тематический план; наконец, специально в области детского кино писателю обеспечена защита детской секцией АРРК.

Другое серьезное возражение—о времени писать сценарии. Сценарий есть совершенно своеобразный вид литературного произведения: научиться писать сценарии, пригодные по своей форме для постановки, можно путем настойчивого изучения сценарного дела, анализа выпущенных фильм, усвоения требований кино-сценариста.

Ясно, что писатель, пока он не изучил сценарного дела, не может дать готового сценария. Но существуют две предварительные стадии в создании сценария—тема и либретто,—и здесь писатель может чувствовать себя более вооруженными. Тема представляет собою краткое содержание будущей фильмы—основную проблему, дополнительные проблемы, наметку сюжета. Уже такая тема, если она имеет политическую и художественную («выдумка») ценность, может быть приобретена киноорганизацией и потом писатель может сам развить ее в либретто, т. е. в тот сценарий-рассказ, из которого путем развития отдельных эпизодов и «разветвлений» получится сценарий. В либретто должны быть даны: характеристики действующих лиц, все сюжетные узлы, отдельные эпизоды и пр. Профессионалу-сценаристу остается только разработать этот материал.

Чем отличается либретто от любого рассказа? Главным образом тем, что при писании либретто автор должен иметь в виду те зрительные образы, в которые будет воплощен его замысел. Либретто должно быть сжатым, динамичным, насыщенным действием.

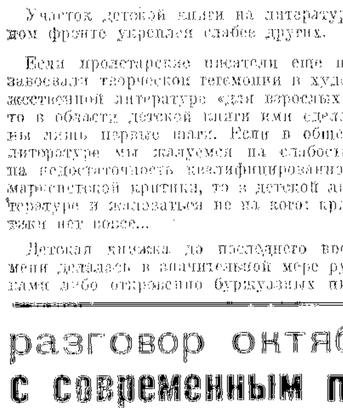
Детские писатели, которые для своей литературной работы несомненно держат крепкую связь с пионерскими отрядами и руководящими организациями, следят внимательно за пионерской и комсомольской печатью, посещают детклубы, пионердома, лагеря, технические станции и т. д., имеют четкое представление о детском движении и стоящих перед ним проблемах, такие детские писатели весь свой запас знаний, опыта, наблюдений с успехом могут перенести в детскую кинематографию, которая так в этом нуждается.

Б. ПЕРЕС

разговор октябренка мишки с современным писателем

Когда солнце падет на крыши,
задевая верхушки труб,—
писатель детский,
разгладив чуб,
садится, книжонки пишет.
А Мишка, вздохнув в тиши,
берет разноцветные карандаши,
садится всерьез на стул,
проводит черту по листу,
проводит другую,
выводит круг,
но скучно проходит
вечерний досуг:
не слушается его рука—
где не довел,
где позабыл.
Не выходит у Мишки никак
всамделишный автомобиль.

Рис. К. Г.

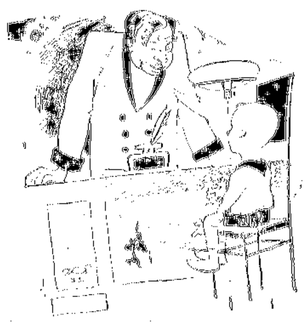


Вот почитать бы
неплохо Мишке,
Да больно дрянные книжки.
Хоть папа у Мишки с усами,
а вкусу ни капли нет—
накупил с барахлом наравне...
Да вот несудите сами:
«А-ду-ду-ду-ду-ду-ду.
«Сидит ворон на дубу,
«Он играет во трубу
во серебряную...
«Бум-тум
ти-ли-ли-
прилетели соловьи,
воздух пеньем залили»...
И так далее.
Канарейка в клетке
да лиса бездарная,
ни о пятилетке, ни о Красной армии.
Мишка думает:
— Ну, и стих.
Как у обывателя...
И как это совесть
мончит у них, у советских писателей?
Нет больше терпенья, нет!
Ну-ка, писатель, давай ответ

*

— Здравствуйте, писатель!
— Здорово, малыш...
Ну, как, пузатый,
небось, шалишь?
Читать, друг, надо,
читать, писать,—
И так
запоем
на полчаса.
Но Мишка ожил
и гаркнул так:
— Читать? О чем же?
О стаях птах,
о сивке-кличе,
которая плачет?
О Горбунке, что силен и мил?
Его же трактор опередил!
А где же ипассы?
Борьба и массы?
О них давно бы писать пора,
а между тем
из советской кассы
вы похищаете гонорар...
Нам подсела
за обе корки
читать слюнявящие поговорки...
Я—представитель
от миллионов,
от самых юных
и оскорбленных.
Ведь вы ж писатель!
У вас имеется
даже виза
гулять в редакциях ОГИЗа.
И вы обязаны ребятишкам
дать не «Лебедушку у колодца»,
а призывающую бороться,
коммунистическую книжку,
чтобы свободный ребячий полдень
был вашей книжкой заполнен,
чтоб заменить
пустоту и нечисть...
Крыть Мишку было нечем.
(Хоть мал,
а чисто сказал.)

Рис. К. Г.



Писатель привстал насмерть,
оглянулся.
Пообещал...
— .....
И до сих пор
ничего не сделал.

СЕРГЕЙ ВАСИЛЬЕВ

мы живем на берегу белого моря и о нас ничего не пишут

письмо пролетарским писателям

Мы, пионеры и школьники далекого севера, пишем вам письмо.

Мы живем на берегу Белого моря.

Наши родители—рыбаки, занимаются рыбной ловлей, и у нас есть рыбацкий колхоз.

Мы спрашиваем, почему нет совершенно книг о рыбаках и жизни рыбацких ребят в школе и в пионер-отряде?

Мы просим писателей обратить на нас серьезное внимание. Мы просим писателей описать рыбацкую жизнь и работу.

Дайте нам книжку о рыбаках.

Мы также просим печатать о рыбаках в газетах и журналах.

Шлем вам пламенный привет.

Ждем книг.

Наш адрес: АКССР, село Княже-губа, Кандалакшского района.

ПИОНЕРЫ И УЧАЩИЕСЯ КНЯЖЕГУБСКОЙ ШКОЛЫ I СТУПЕНИ

прошло четыре месяца... писатели не держат слова

«Взрослые» писатели неоднократно присылались в детскую литературу. Не раз привлекали их откликнуться на запросы многомиллионного маленького читателя написать нашу художественную актуальную детскую книжку.

Весной этого года было сделано очередная попытка привлечь «взрослых» писателей к созданию книги для советских ребят. Почином эта была сделана «Пионерской правдой», которая командировала в пучины Кольы и Беломорье специальную «литературную» бригаду. Юнея бригада в составе тт. Берштейн и Галанова энергично взялась за работу. Бригада посетила крупных писателей и от многих из них получила твердое обещание присущить к работе над детской книгой.

К сожалению все дело ограничилось одними обещаниями.

Напомним о них писателям.

Демьян Бедный—дал такой ответ пионерской бригаде:

От пионеров мне заказ:
«Напиши пионерский рассказ».
Товарищи пионеры,
Я приму все меры,
Не пожалею труда,
Но что напишу я когда,
Не могу сказать вам в точности.
Есть дела неотложной срочности.
АВОСЬ «ПИОНЕРЮСЬ» ЛЕТОМ.
С товарищеским приветом...
Демьян Бедный.

Лето на исходе, а Демьян...

Н. АСЕЕВ заявил:

«Списки своих долгов я предпочитаю не обнародовать. Обещаю не позже 15 мая представить книгу о пионерах, который имеет в этой из моей квартире и на моих глазах из дерева, захудалого малонадежного материала превратился в прекрасный, важного и стойкого инструмента».

Сегодня—25 августа, т. Асеев! А вы еще в марте считали своим долгом...

БРУНО ЯСЕНСКИЙ—тоже в числе должников:

«Понимая всю ответственность того важнейшего отдела нашей работы, каким является детская литература, я признаю себя виновным в том, что сделал в этом области слишком мало. Чувствуя себя в долгу перед советскими ребятами, я честно обещаю поработать для них в ближайшем будущем.

Доделаю и за Вс. Иванова.

Вс. Иванов—еще в марте писал:

«Считаю своим долгом написать книгу для детей. Но книга будет не скоро. Жизнь детей—будущих строителей коммунистического общества—должна быть отражена всеми средствами, какими обладает художественная литература. Обязуюсь написать книгу о детях в гражданскую войну и о детях и реконструктивный период».

А. БЕЗЫМЕНСКИЙ—ответил пионерской бригаде:

«Занят. Ничего не могу сделать. Но что-нибудь дам. В третий год пятилетки сделаю для детской литературы дать книжку».

Так. Безыменская! Если вы хотите дать детскую книжку еще в четвертом тресте вам пригодится—«второпятилетка». Трудящиеся Советского союза, как известно, ждут-не дождутся книжку досрочно...

Я. ШВЕДОВ—старый пионерработник. Поэтому особый интерес представляет его обязательство, которое он «не вместил принять на себя перед нами четыре».

«Обязуюсь написать повесть о рыбах—«Разоленые рабы». В повести мне хотелось бы показать работу пятилетства, которые от лозунгума переходит к работе в больших рыбопромысловых».

Прекрасно, т. Шведов, хорошо знающий жизнь и быт зверобоев, собирается писать не о пионерах, а о рыбах, но... и о рыбах не напишет для пионеров.

И. СЕЛЬВИНСКИЙ в свое время справедливо жаловался на то, что

«со стихами для детской литературы вообще дело обстоит плохо. Что для взрослых, чем для самого творчества. Лично я два раза пытался написать что-то для детей, но оба раза погибал в детских «вариациях» комиссии и подкомиссий.

Я рад, что в это дело вмешалась наша общественность. Думаю, что за этот раз мне, как и многим другим поэтам и писателям, у нас найдется время для своего творчества до визгерского читателя».

Прошло больше четырех месяцев. Где же наши обещания, т. Сельвинский?

А. ЖАРОВ отобщал: написать кому-то об отдыхе на тихоходе пионерам. Он был очень перегружен работой, но перегрузил.

«Однако это вовсе не значит, что я вовсе отказываюсь свое произведение. Не позже июня я приступлю к обработке этой темы».

И... обещал.

В. ЛИДИН попросту попытался отписаться:

«К сожалению, писать для детей для меня задача очень трудная, почти невозможная».

С таким ответом советского писателя тоже вряд ли можно согласиться, когда речь идет о создании книжки для огромной читательской аудитории советских ребят.

С. КИРСАНОВ заявил:

«И заключительную «Молодой гвардии» на 1931 год и новинку свою детских книжек».

Но и «заключительная» не помогла...

М. КОЛЬЦОВ в апреле сказал, что сильно загружен работой и в течение ближайших двух месяцев не сможет ничего написать для ребят.

Прошло четыре месяца...

письмо в редакцию

Американская буржуазная еврейская газета «Форвертс» печатает из моей книги о Биро-Биджане «Заря в сайге».

Газета указывает, что делает свои переводы из ежемесячного журнала американских писателей «Менорр».

Отрывки, при всем, подобраны тенденциозно. Из всей книги выхвачены описания политических сцен жизнь трудящейся прослойки Биро-Биджанского строительства, ничего не говорится о победах над этими трудностями. К тому же материалы 1928—29 гг. представлены, как факты сегодняшнего дня. Очерки сопровождаются реакционной антисоветской, которая искажает мои основные установки.

Я не сомню чи газеты, печатающей отрывки, ни журнала американской интеллигенции, из которого газета берет отрывки. Поэтому письмо—поставить в известность об этом возмутительном факте нашу советскую общественность.

ВИКТОР ФИНК

оздоровление работы литфонда

Новым руководством Литфонда приняты меры к урегулированию взаимоотношений со всеми отделениями (в Ленинграде, Баку, Ростове и пр. городах). Президиум установил пропорциональный порядок распределения сумм Литфонда соответственно численности и составу каждого отделения. Приняты меры к исполнению кассы Литфонда, к немедленному получению ассигнованных правительственными учреждениями сумм для современения накопившейся задолженности, вплоть отсутствия средств, лечебной кампании. Наибольшая часть денег на очередных поступлений переходится на оплату путевок на курорты, в санатории и дома отдыха.

Выясняются взаимоотношения с издательствами, за которыми числится огромная цифра долга по просроченным гарантиям, под которые Литфондом выданы отделившимся писателям ссуды. Часть этих ссуд одновременно удержала издательствами с авторов, но Литфонду не возвращена. Некоторые гарантии не имеют характера твердых обязательств, и значительные суммы по ним висят в воздухе по году и более, загромождая баланс Литфонда и нарушая его смету.

извещения

* 25 августа — 18 ч. — при ЗИЛ Комитете открываются курсы руководящих лидеркомов МАПП. (Остоженка, 53, дудинский 2).

* 26 августа — 18 ч. — в помещении «Пролетарского авангарда» очередное собрание «Объединения рабочих писателей-ударников» при журнале «Наш свободный».

* 26 августа — 19 ч.—в помещении МАПП (Остоженка, 53,ход через ин. магазин)—совместное заседание секретариата МАПП, ВАПМ, АРРК и РАПК для обсуждения плана совместной работы.

* 27 августа — 19 ч. — общее собрание «Кузнецкой секции МАПП — в редакции «Кузнецкий путь».

* 27 августа — 18 ч. — в клубе ФОСП — открытое партсобрание, посвященное с бригадным письмо. Доклады: 1—о речи т. Сталина и художественной литературе, 2—о работе «Кожевники и вопросах рабочего снабжения писателей.

* 28 августа — 17 ч. — в конференц. — зале Дома Герцена — массовое горком писателей с активом. Прием членов в писатели и торжество писателей производится от 12 до 15 ч.

* 28 августа — 17 ч. — в МАПП (Твердыня, 50) — совещание руководителей литгрупп.

* 28 августа — 18 ч. — в помещении редакции «Бумажник и печатник» (Дворец Труда, 3, 2-й) — расширенное заседание центральной литгруппы бумажников и печатников, посвященное обсуждению вопросов творческого метода. На повестке: 1) о общем отчете о «Гизрыбцентре» — Шапошник (доклад т. Бронмана) и об «Инпе» — Митрофанова (доклад т. Жиндерова).

* 28 августа — 18 ч. — в клубе ФОСП — собрание секции детских писателей МАПП. На повестке — план работ на октябрь. Присутствие всего актива обязательно.

Ответственный редактор: С. ДИНАМОВ.

РЕДКОЛЛЕГИЯ: Н. Асеев, С. Динамов, И. Жига, Л. Ильинский, И. Катаев, Г. Коренев, Н. Огнев, А. Селивановский, И. Сельвинский, М. Слонимский.

ИЗДАТЕЛЬ: Акционерное изд. о-во «Огонек».

ОППОРТУНИСТЫ из радиоуправления

в роли «казначичеви»

В № 23—24 журнала «Говорит Москва», издающегося под редакцией начальника Радиоуправления М. И. Смирнова, помещены возмутительные по тону и по содержанию статьи К. Ивничкова, «Советы» и «Фокстанцы», полные недопустимых выпадов против пролетарских композиторов тт. Белого и Давиденко, а по существу против РАПМ в целом.

В виду того, что журнал «Говорит Москва» является официальным органом Радиоуправления, группы музыкальных работников Радиоуправления считает необходимым самым резким образом отмежеваться от позиции редакции «Г. М.», поместившей указанные статьи.

Авторы статей, в своих попытках дискредитировать пролетарское творчество, не брезгают никакими подобранными средствами. Вакханалия вне всякой связи отдельные кусочки мелодий из произведений пролетарских композиторов, авторы статей, на основе чисто внешнего и приблизительного сходства с обрывками музыкальных фраз из образов меньшевистской музыки, пытаются приписать пролетарским композиторам эпигонство музыкального мышления.

Открывая статьями этими обсуждение вопросов пролетарского творчества, редакция «Г. М.» с места в карьер помещает материал, авторы которого прикрываются ярлыки халтурщиков пролетарских композиторов, порядки коих редакция изначальски почему-то здесь же с соответствующими подписями.

В настоящий момент обострения классовой борьбы на музыкальном фронте, попытки недобросовестной дискредитации Ассоциации пролетарских музыкантов, ведущей музыкально-общественной организации нашего Союза, попытки опорочивания пролетарских композиторов методами подтасованных обвинений в плагиате и сходстве с меньшевистской музыкой, такие попытки могут квалифицироваться лишь как прямая атака на пролетарское творчество вообще, атака, всецело поддерживаемая руководством Радиоуправления (см. передовку в указанных статьях).

Будучи уверенными, что эти выпады встретят отпор всей пролетарской общественности и подвергнутся разгромной критике на страницах советской прессы, мы настоящим выражаем решительный протест против самого факта помещения этих статей в журнале «Говорит Москва», против подобной «критики».

БРУН, В. ФЕРЕ, Н. КАЗАНСКИЙ, Ф. КЛИМЕНТОВ, К. СЕЖЕНСКИЙ, В. ТАРАНУЩЕНКО, В. ЭККЕ, М. ЙОРДАНСКИЙ, Н. КРЮКОВ, Б. ПОНИЗОВСКИЙ, М. ЧЕРЕМУХИН, В. ГУРЗТЕЙН

ОТ РЕДАКЦИИ:

Поменная письмо группы музыкальных работников Радиоуправления, редакция «Литературной газеты» с своей стороны констатирует недопустимость тех чисто фокусмических методов «выявления» пролетарских композиторов, какими подбазуются в своих статьях авторы-разоблачители, наглецкие столь беспринципный прием организации органа Радиоуправления «Говорит Москва». Подобное тестирование руководства Радиоуправления по отношению ко всем тем, кто искренно готов дискредитировать молодых пролетарских композиторов, не является, конечно, неожиданным для редакции «Литературной газеты». Вся политика Радиоуправления, в лице его руководства, активно направлена против усиления за последнее время влияния на радиовещательность Радиоцентра сил пролетарского искусства: литературы, театра, музыки.

Печатаемое нами письмо дополнительно характеризует оппортунистическую линию руководства Радиоуправления.

ГИХЛ НН. ГОЦЕНТР вышла из печати

Л. АВЕРБАХ

ЗА ГЕГЕМОНИЮ ПРОЛЕТАРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Стр. 111. Ц. 40 к.

Заказы направлять во все отделения и магазины КНИГОЦЕНТРА и КООПКНИГИ

ОГИЗ ОБЪЯВЛЯЕТ ПРИЕМ НА 2-ГОДИЧНЫЕ РЕДАКТОРСКИЕ КУРСЫ при РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКОМ ИНСТИТУТЕ С ОТДЕЛЕНИЯМИ: ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИМ, НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИМ и ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНОМ

Принимаются тт. ВКП (б), со стажем не менее 5-ти лет.

Развернутые условия приема разосланы Областкомам, Крайкомам и ЦК национальных республик.

По Москве условия приема узнавать в Управлении кадров ОГИЗа, (Кузнецкий мост 12, комн. 38, тел. 5-30-53).

ВСЕ О ФОТОЗАИМЕ

Читай в новой массовой ежедневной газете

ФОТОКОР

ОРГАН СОЮЗФОТО и ОЗЫКОР

Подписка на почте.

ОГОНЕК

САМЫЙ РАСПРОСТРАНЕННЫЙ В СССР ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ

РЕДАКТОР МИХ. КОЛЬЦОВ

... 1932 г. „ОГОНЕК" усиливает перестройку журнала в сторону еще большего отражения в своих очередях заданиях и других материалах всех задач нашей социалистической борьбы во всем мире

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

«ОГОНЕК» без приложений год—3 р. 50 к., 6 мес.—1 р. 75 к., 3 мес.—90 к. «Огонек» с 1/IX по 31/XII с бесплатной премией романа Ил. Ильфа и Евг. Петрова «12 стульев» 1 р., «Огонек» с Библиотекой «Огонек»—12 мес.—10 р., 6 мес.—5 р. 50 к., 3 мес.—3 р.

Подписка принимается в ближайшем почтовом отделении, местном почтальоне, а также непосредственно в конторе издательства по следующим адресам:

Акц. Изд. О-во «ОГОНЕК»

СОЮЗКИНО В БЛИЖАЙШЕЕ ВРЕМЯ ВЫПУСКАЕТ НА ЭКРАН НОВЫЙ ЗВУКОВОЙ ФИЛЬМ

ОДНА

ЗВУКОВАЯ ПЬЕСА В 6 ЧАСТЯХ 2200 МЕТРОВ

Сценарий и постановка—Г. М. КОЗИНЦЕВА, Л. З. ТРАУБЕРГА

Музыка Д. Д. ШЕСТАКОВИЧА

Оператор А. Н. МОСКВИН

Звукооператор И. Ф. ВОЛК

Художник К. Е. ЕНЕЙ

Дирижер Н. С. РАБИНОВИЧ

В картине участвуют: Е. КУЗЬМИНА, М. БАБАНОВА, С. ГЕРАСИМОВ, Н. СОБОЛЕВСКИЙ, ВАН ЛЮИ-СЯН

Съемочный коллектив: С. ГЕРАСИМОВ, Х. ЛОКШИНА, А. МИНКИН

Производство Ленинградск/ф-ки СОЮЗКИНО

РАПП и ИНСТИТУТ ЛИЯ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ ВЫПУСКАЮТ НОВОЕ ИЗДАНИЕ

„ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО"

Под редакцией Л. АВЕРБАХА, И. ИППОЛИТА и Ф. РАСКОЛЬНИКОВА

„ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО"—исходит в своей работе из Ленинского указания о необходимости критического пересмотра и переработки культурного наследства прошлого. „Л. Н." разрабатывает с марксистско-ленинских позиций, под углом зрения современности, узловые вопросы истории русской общественной мысли, истории литературы и истории журналистики.

„ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО"—публикует неизданные материалы и документы по истории литературы и истории общественной мысли. Особое внимание „Л. Н." уделяет разысканиям и публикациям неизданного и затерянного литературоведческого наследия классиков марксизма. В центре внимания будут стоять публикации материалов и документов, относящихся к истории и предыстории пролетарской литературы.

„ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО"—впервые в литературе ставит задачу систематической и плановой разработки истории пролетарской печати, причем внимание „Л. Н." будет заострено на усвоении традиций большевистской журналистики и изучении роли Ленина как редактора.

„ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО"—вводит отдел критических обзоров, которые будут знакомить читателя со всеми литературными новинками, относящимися к кругу вопросов, разрабатываемых нашим изданием. Особое внимание будет уделено анализу мемуарного наследия прошлого, в настоящее время выпускаемого. Для обзоров систематически будут привлекаться историко-литературные издания Союзных республик, а также Запада и Америки.

ИЗДАНИЕ БОГАТО ИЛЛЮСТРИРОВАНО.

Об'ем каждой книги до 300 страниц.

Подписная цена 7 р. 50 к. за 3 книги, цена отдельного номера в розничной продаже—2 р. 75 к.

Подписка принимается почтой и письмоносцами.

Редакцией „Л. Н." и Издательством „Огонек" (Москва 6, Страстной бул., 11) принимаются заявки на выписку с выпуском наложенным платежом за 7 р. 50 к. Пересылка за счет Издательства).

Акц. изд. о-во „Огонек"

* Лит. Главлита В 8866.

Материалообъем (5½) тип. «Мосполиграф», пр. им. Свердлова-Степанова, д. 4.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

орган федерации объединений советских писателей рсфср

москва

30 августа 1931 г. № 47 (146)

РЕДАКЦИЯ:
Москва, Тверской б. 25, Дом Герцена. Телефон 2-80-12.

ИЗДАТЕЛЬСТВО:
Акц. о-во «Огонек»: Москва, б. Страстной б., 11. Телефон 5-51-69.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА:
На 12 м. 3 р. 50 коп.
На 6 м. 1 р. 75 к.
На 3 м. - р. 90 к.

За боевые рапповские лозунги

Сегодня собирается очередной пленум правления РАПП. На повестке дня пленума стоит исключительно деловые, «текущие» вопросы проверка выполнения решений о показе героев пятилетки, первые итоги призыва ударников, сообщение о творческой дискуссии в ВССП.

Но пролетарское литературное движение всегда было сильно тем (именно поэтому оно побеждало), что оно всегда связывало любую из своих очередных задач с общими перспективами развития, а эти перспективы всегда брало в тесной связи с общими задачами пролетарской культурной революции, с общими задачами социалистического строительства. «Очередные» вопросы порядка дня созывающегося на переломе к зиме пленума дают возможность развернуть и обсудить все ОСНОВНЫЕ вопросы, стоящие перед пролетарской литературой на новом этапе ее развития.

Пленум подведет итоги первого этапа ответственнейшего политического экзамена, поставленного перед РАПП: выполнения решений секретариата — показа героев пятилетки, — экзамена, помастящему проверяющего степень перестройки организации, проверяющего степень ее включения в практику социалистического строительства.

Каковы эти первые итоги?

Несомненно, что три с половиной месяца, прошедшие после решения секретариата, были месяцами значительного развертывания этой работы. Вышел ряд отдельных книжек и сборников. Все без исключения центральные и местные журналы выходят с очерками о героях пятилетки. В работу включились сотни пролетарских писателей.

И все-таки работа эта развертывается недостаточно равномерно и такими темпами, какие совсем не к лицу боевой пролетарской организации. Можно указать не только отдельных писателей, но и целые организации, напр. Средне-Волжское, которые почти ничего не сделали для выполнения решения секретариата.

Пленум должен дать четкую оценку таким фактам, как правлению прямого оппортунистического пренебрежения важнейшими задачами, поставленными партией перед РАПП.

Пленум должен также дать оценку работы по показу героев и в свете развертывающегося в РАПП нового цикла творческой дискуссии.

Многие полагают, что показ героев не приносит ничего нового в творческие споры в РАПП. Эти люди сводят вопрос лишь к тематике, игнорируя постоянно подчеркивающуюся РАПП неразрывную связь тематики с мировоззрением, игнорируя рапповскую постановку вопроса о том, что вопрос о теме есть вопрос об ОСМЫСЛИВАНИИ и РАЗРЕШЕНИИ темы, а не просто вопрос о том, О ЧЕМ ПИСАТЬ.

Уже появились теорийки неразоблаченных литфронтовцев о том, что показ героев пятилетки возможен только в очерках, — теорийки, являющиеся поступками лакировки и приспособленчества.

А рядом с этим появляются теорийки слабо ориентирующихся в современность писателей, о том, что «малые жанры не действуют», что спасение только в больших полотнах, — теорийки, являющиеся лозунгами отступления и правооппортунистического балласта.

Пленум должен ударить и по тем и по другим теорийкам, твердо и четко заявив, что лозунг показа героев неразрывно связан с лозунгом борьбы за большое искусство большевизма, неразрывно связан с борьбой за мировоззрение, неразрывно связан с борьбой за диалектико-материалистический метод, неразрывно связан с творческими лозунгами напостовства, под которыми оно шло в бой и побеждало.

Первые итоги призыва ударников, первые шаги их творчества лишний раз подтверждают правильность этих старых лозунгов, проверенных практикой всего пролетарского литературного движения, несмотря на то, что некоторые из них страдали неполнотой и были преходящи. Творчество рабочих-ударников, страдающее на первых порах теми же болезнями, какие были у всей пролетарской литературы на первом этапе ее развития, подтверждает правильность и СЕГОДНЯШНЮЮ АКТУАЛЬНОСТЬ таких лозунгов, как лозунга «срывания всех и всяческих масок», надетых на действительность классовым врагом, лозунг, направленный против литфронтовских установок на штамп и лакировку, лозунг, призывающий пролетарского писателя показывать действительность во всей ее сложности и противоречиях.

Все эти лозунги были и остаются составной частью генерального лозунга пролетарской литературы — за диалектико-материалистический художественный метод, за большое искусство большевизма.

Призыв ударников меняет лицо организации, раскрывает перед пролетарской литературой невиданные горизонты, но было бы нелепым отрицать связь (в том числе и творческую) ударников со всем прошлым этапом пролетарской литературы. Творчество ударников не есть творчество Иванов, не помнящих родства. Оно неразрывно связано с творчеством пролетарских писателей первого призыва, связано с творческой историей РАПП, в которой определяющими и ведущими всегда были творческие лозунги напостовства. Иная точка зрения означала бы прямое отрицание всей прошлой истории РАПП, всей ее борьбы и работы.

Все эти вопросы должны быть широко развернуты не только по первым двум пунктам повестки дня пленума, но и по докладу «о развертывании творческой дискуссии в ВССП».

Постановка этого вопроса на пленуме РАПП приобретает тем большее значение, что она совпадает с развертывающейся — вслед за Ленинградом — дискуссией среди попутнически-союзнических писателей в Москве. Начата говорить о той роли, которую призвана играть творческая дискуссия в происходящем сейчас и ВССП размежевании, в ускорении перехода советских писателей-попутчиков в ряды литературных союзников пролетариата, в постановке во всей широте вопроса о необходимости овладения марксистско-ленинским мировоззрением для каждого попутнического и союзнического писателя.

Мы уверены, что пленум правления РАПП пройдет под боевым рапповским лозунгом борьбы ЗА БОЛЬШОЕ ИСКУССТВО БОЛЬШЕВИЗМА, являющемся не лозунгом примиренья, а ЛОЗУНГОМ, ЖИВУЩЕЙ ЗАДАЧАМИ СВОЕГО КЛАССА, БОЕВОЙ ПРОЛЕТАРСКОЙ, ПАРТИЙНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Международный пролетариат должен знать героев пятилетки

Возьмем на себя конкретные обязательства перед международным пролетариатом к 14-й годовщине октября

всем членам ВОАПП и федераций объединений советских писателей в союзных республиках

Дорогие товарищи!

Вы знаете, что пролетарские и революционные писатели всех стран ведут постоянную борьбу против опасности империалистической войны в защиту Советского союза. Они разоблачают и клеймят позором военные приготовления империалистических держав, вскрывают, какую гнусную роль играет Второй интернационал в деле подготовки войны против Советского союза. Пролетарские писатели всего мира в непрерывной борьбе пером, живым словом и действием отстаивают отечество всех рабочих.

В этой борьбе они широко используют самое действенное оружие: художественный показ победоносных боев пролетариата Советского союза, показ грандиозных результатов социалистической стройки и тех колоссальных сдвигов, которые произошли революцией в жизни и сознании широких слоев рабочего класса. Но даже лучшее из того, что создано иностранными писателями в этой области, не может заменить того, что вами, товарищи, еще не сделано, — или сделано в недостаточных размерах.

Товарищи! Мы знаем, какая большая работа была вами проведена на всех этапах пролетарской революции. Мы глубоко ценим ваши достижения и учимся у вас. Но именно потому, что вы сделали очень много в борьбе за победу пролетариата и в борьбе за социалистическое строительство — нас не может удовлетворить то, что вы даете рабочему классу и ведущему пролетариату капиталистических стран и колоний. Почти во всех капиталистических странах переведены книги Серафимовича, Гладкова, Огнева, Либединского, Фадеева, Сейфуллиной, Панферова, Караваевой, постановки всех Киршона и Билль-Белоцерковского, стихи Демьяна Бедного, Маяковского и Безыменского, фельетоны Кольцова производят огромное впечатление. Это доказывает, каким грандиозным оружием в борьбе за массы, за мобилизацию масс вокруг лозунга защиты Советского союза является пролетарская, пролетарско-колхозная и союзническая литература СССР. НО ЭТО ОРУЖИЕ ДОЛЖНО БЫТЬ ПРИСПОСОБЛЕНО К УСЛОВИЯМ ЭТОЙ БОРЬБЫ. Этого к сожалению не делается. Вы воодушевлены огромными результатами социалистического строительства и активно работаете над осуществлением лозунга: страна должна знать своих героев. Но знать героев социалистического строительства должна не только их страна: их должен знать весь мир, рабочие всего мира, потому что эти герои — герои мирового пролетариата. ГОВОРЯ ОБЪЕКТИВНО, ВЫ ДЛЯ РАЗРЕШЕНИЯ ЭТОЙ ЗАДАЧИ ДЕЛАЕТЕ ОЧЕНЬ МАЛО. Вы забываете, что многое, само собой разумеющееся для победоносного пролетариата СССР, до сих пор не стало ясно рабочим капиталистических стран. Они до сих пор слышат и читают в тысячу раз больше позорнейшей лжи о Советском союзе, чем правды о нем. Все время происходит то же самое: рабочие-коммунисты, которые уже в течение ряда лет вели борьбу в защиту отечества всех рабочих, приезжая впервые в СССР, неизменно удивляются: «Такие прекрасные и таким могучим мы себе не представляли ваше отечество».

Товарищи! Вы тоже виноваты в том, что иностранные рабочие недостаточно идеологически вооружены для боев в защиту СССР, в том, что они не имеют верного представления ни о трудностях социалистического строительства, ни о том, каким образом и с каким самоотверженьем пролетариат СССР под руководством ВКП(б) — устраняет эти трудности и победоносно идет вперед. Вам нужно найти время и силы, чтобы помочь пролетариату капиталистических стран и колоний идеологически вооружиться для этих боев. Именно потому, что политическая подготовка рабочих, живущих под гнетом капитализма, не может быть такой высокой, как подготовка рабочих Советского союза, вы должны рассказать иностранным рабочим, о завоеваниях революции, о результатах социалистического строительства не теми словами, с какими вы обращаетесь к рабочему читателю Советского союза. Руководящие органы РАПП, ВУСПП, ЗапАПП, БелАПП, Федерации советских писателей, должны позаботиться о том, чтобы вы получили подходящую подготовку, чтобы быть в состоянии работать для пролетариата и беднейшего крестьянства капиталистических стран и колоний. Вы должны с большевистской энергией отдаться работе, которая будет проводиться под лозунгом:

РАБОЧИЕ ВСЕХ СТРАН ДОЛЖНЫ ЗНАТЬ ГЕРОЕВ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА!

Мы с полным правом требуем от вас этой работы, так же как вы с полным правом можете требовать от нас, чтобы мы вам помогли в работе своим опытом.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ РЕВОЛЮЦИОННЫХ ПИСАТЕЛЕЙ.

Москва, 27 августа 1931 г.

Постановление секретариата ВОАПП и РАПП

1. Полностью присоединиться к обращению секретариата МОРП о показе героев пятилетки в международной печати.

2. Вопрос о проведении кампании под лозунгом «Международный пролетариат должен знать героев пятилетки» поставить на расширенном исполбюро ФОСП не позже первой декады сентября.

3. Поручить всем организациям ВОАПП и РАПП немедленно начать кампанию по районным активам и низовым кружкам.

Обязать каждую организацию пролетарских писателей уточнить кампанию, поставив перед собой ряд конкретных заданий к XIV годовщине Октябрьской революции.

4. Совместно с секретариатом МОРП выработать план прикрепления отдельных АПП и конкретным органам зарубежной коммунистической печати и организациям МОРП.

5. Предложить всем органам всесоюзной печати широко популяризировать кампанию.

6. Ответственность за проведение кампании и осуществление в ней связи с МОРП возложить по ВОАПП на т. Б. БУАЧИДЗЕ и по РАПП на т. Д. МАЗНИКА.

Предложить республиканским организациям ВОАПП и краевым и областным организациям РАПП выделить таких же ответственных за кампанию товарищей, сообщив их фамилии в секретариат МОРП, ВОАПП и РАПП.

СЕКРЕТАРИАТ ВОАПП И РАПП

Мы увидели грандиозный размах социалистического строительства

Рапорт интернациональной писательской бригады секретариату ВОАПП

Окончив свою полуторамесячную работу по изучению южной металлургии, мы, первая интернациональная писательская бригада «Известий ЦИК» и ВОАПП, считаем своим долгом рапортовать боевому штабу пролетарской литературы — ВОАПП — о нашей работе.

Мы посетили и ознакомились с Харьковским тракторостроем, с Днепростроевскими заводами им. Петровского и Ленина, с Ленинским и Октябрьским рудниками Криворожского района, с Днепростроем, с Запорожским заводом комбайнов, макеевским заводом им. Томского, шахтой «Сифья» в Макеевке, заводом им. Андреева в Таганроге и Керченским заводом им. Войкова.

Маршрут, как можно заключить из этого, дан был очень большой, а времени было мало, особенно если учесть, что мы должны были детально ознакомиться не только с процессом работы, с составом данного предприятия и выполнением промфинплана, но также и с живыми людьми, с героями и энтузиастами заводов, новостроек и шахт. Мы поэтому часто не имели возможности углубить и дополнить сведения, получаемые нами от заводских организаций и техперсонала, дополнить своими наблюдениями, своим опытом.

Нужно со вниманием, что по прибытии на место мы всегда терпем день (а иногда и больше) для получения комнаты, пропусков, и проч., что переезды с одного предприятия на другое отнимают много времени, мы убедились в наличии большого разрыва между маршрутом и располагаемым временем. Бригада уже в самом начале поездки исключила из маршрута такие важные промышленные центры, как Константиновка и Сталино, где мы пробыли только один день и лишь экскурсионным порядком ознакомились с основными цехами заводов.

Мы считаем большим недостатком слишком слабое участие секретариата ВОАПП в организационной работе при формировании бригады.

Препятствий было много, но тем не менее материал, собранный нами за эти полтора месяца, огромен. Большинство членов бригады впервые увидели и ознакомились с нашими металлургическими гигантами. Мы увидели грандиозный размах строительства, проследили непрерывный рост наших заводов. По пути нашего следования, во всех пунктах, где мы останавливались, мы видели новые рабочие города, абсолютно не похожие на города, которые мы знали. Мы ощутили живой социалистический быт, который с каждым днем все больше и глубже внедряется в гущу рабочих масс. Мы ознакомились с живыми героями — энтузиастами грандиозного строительства. Оставаливаемся на заводах, где выполнение плана часто отстает от намеченных темпов, мы изучили причины отставания, ненормальности, неполадки, которые, несмотря на героическую работу бесчисленных ударных бригад, все же вырастают иногда преградами и тормозят напряженные планы.

Богатейший материал, собранный нами в беседах с рабочими и специалистами, дает нам надежную зарядку в дальнейшей нашей литературной работе. Уже сейчас членами бригады написано много очерков (Зарьян — о Макеевском заводе, Идельсон — о герое труда — шахтере Николае Булахе, Ибрагимов — о социалистическом быте горняков Криворожья, Зарицкий — о легендарном руднике, Гурьян — о строительстве шестой домны на Макеевском заводе) и систематизируется материал для других очерков, которые пойдут в центральную и местную печать. Товарищи помимо этого приступают к работе над большими поэмами, повестями и над целым циклом стихотворений.

Считаем, что почин ВОАПП и редакции «Известий» имеет колоссальное значение для дальнейшего развития пролетарской литературы национальных республик и национальностей. Этот почин должна приветствовать вся литературная общественность Союза ССР.

Чем больше таких мероприятий со стороны наших литературных организаций и всей большевистской печати, тем крепче ряды пролетарской литературы!

Первая интернациональная писательская бригада «Известий ЦИК и ВЦИК СССР» и ВОАПП: НАИРИ ЗАРЬЯН (АПП Армении), АРОН ИДЕЛЬСОН (еврейская секция БелАПП), МИРЗА ИБРАГИМОВ (АзАПП), АЛЕСЬ ЗАРИЦКИЙ (БелАПП), ТАТУЛ ГУРЬЯН (Армянская секция АзАПП).

Пленум правления РАПП

30 августа, в 6 ч. вечера, в клубе ФОСП им. М. Горького открывается очередной пленум правления РАПП. В повестке дня пленума:

Доклад ИВ. МАКАРЬЕВА — О художественном показе героев пятилетки;

доклад В. КИРШОНА — О первых итогах призыва рабочих-ударников в литературу;

доклад А. СЕЛИВАНОВСКОГО — О попутничестве и союзничестве;

доклад ИКП литературы и искусства;

обсуждение плана зимней работы РАПП.

Напишем „историю гражданской войны"

* В первые же дни работы редакцией «Истории гражданской войны» получено свыше 300 писем, небольших статей и заметок. Материал в большинстве случаев очень ценен, но недостаточно обработан. Редакцией ИГВ разослано около 150 ответов, в них даны развернутые указания о характере работ над материалом, который должен быть представлен в редакцию ИГВ.

* Ряду научных учреждений ИГВ (вузы Уральский обком ВКП(б), Институт красной профессуры, Институт философии, Колхозцентр, «Красная газета» и др. Истпарт обкома ЦПО сделал обширную компиляцию и памятки ряд мероприятий, направленных к содействию работе редакции ИГВ (вечера на место, вечера воспоминаний и т. п.).

* Нижегородская и Северокавказская АПП и редакции местных толстых журналов берут на себя специальные отработки, поддержанные секцией ИГВ. Политкомиссия газеты «Правда» создала специальный кружок по оказанию помощи редакции ИГВ.

* При журнале «ЛОКАФ» создается специальный отдел «История гражданской войны», в котором будет помещаться часть материала, присылаемого в редакцию ИГВ.

* В ближайшие время ЛОКАФ созывает совещание писателей, на котором будет заслушан доклад секретаря ИГВ о ходе и формах работ по созданию «Истории».

**

Журнал ЦК ВЛКСМ «Ударник полей» обратился во всем молодежным журналам и газетам Союза с призывом развернуть работу по оказанию помощи редакции ИГВ.

Одновременно журнал «Ударник полей» берет на себя обязательство привлечь к участию в создании «Истории гражданской войны» сельскую молодежь СССР.

Оперативным полем журнала «Ударники полей» дана конкретные задания. Выездным редактором, специальным корреспондентам, бригадам, писателям инструкторам, уезжающим на периферию, поручено сбор задания и от редакции ИГВ.

Сотрудники редакции «Ударников полей» взяли на себя обязательство описать не менее 3 эпизодов гражданской войны.

**

Ленинград (наш. корр.). ЛАПП и ЛенбалтЛОКАФ приступают к призыву участников гражданской войны в литературу. Призыв проводится на заводах и фабриках, в красноармейских частях, военных школах, на судовых батальонах.

При секретариате ЛАПП создана бригада проверки выполнения по призыву. При райАПП организуются творческие группы участников гражданской войны.

Будем крепить крылья советов

Построим самолет „ударник пролетлитературы"

По инициативе литкружка фабрики «Ливерс» президиум МАПП открыл среди московских пролетписателей подписку на постройку самолета «Ударник пролетарской литературы». Президиум призывает всех членов МАПП принять активное участие в постройке самолета. Для руководства кампанией по сбору средств выделен т. Вихнович.

Литкружок завода «Ливерс» внес 170 рублей и вызывает литкружки заводов «Самоточка», «Динамо», «Мосэлектрик», 22 завода, Электрозавода и Тормозного завода.

**

В. КИРШОН вносит на постройку самолета «Ударник пролетарской литературы» 500 рублей и вызывает А. Афиногенова, А. Безыменского, А. Жарова, А. Караваеву и Ф. Панферова последовать его примеру.

Н. Боровой, А. Абольников, С. Фридман, и Т. Вихнович вносят на постройку самолета 100 рублей и вызывают И. Макарьева, Н. Шушланова, А. Сурикова, Г. Корабельникова, Е. Ковальчик, М. Колосова, Е. Троценко, А. Митрофанова, М. Згарта, А. Фадеева и В. Сутырина.

Самолет „укрлокаф"

по телефону из харькова

Писатели — члены ЛОКАФ Украины, находящиеся на курсах переподготовки, внесли предложение о постройке самолета «УкрЛОКАФ». Инициаторы предложения — тт. Пилипенко и Макитенко — подписались по тысяче рублей каждый. Другие писатели-локафовцы подписались на суммы от 600 до 100 рублей. За три дня по Харькову подписалось 64 человека на сумму в тринадцать тысяч рублей.

УкрЛОКАФ вызывает организации ЛОКАФ в Москве, Ленинграда и других городах на соцсоревнования по сбору средств на постройку эскадрильи самолетов «ЛОКАФ».

Не декларация, а конкретные обязательства

Сегодня мы публикуем обращение секретариата МОРП к советским писателям, напоминающее им об их непосредственной интернациональной обязанности.

Выдвинутый РАПП лозунг художественного показа героев пятилетки сейчас приобретает интернациональное значение: международный пролетариат должен знать героев пятилетки СССР, победителей социалистической стройки.

Международная буржуазия не может уже отрицать успехов выполнения пятилетнего плана в СССР, ибо эти успехи очевидны и бесспорны для всех. Но она пытается обмануть пролетариат капиталистических стран, утверждая, что хозяйственное развитие СССР происходит за капиталистических путях, что социализм тут не при чем, что все последние мероприятия советского государства представляют собой возврат к капитализму.

В этих условиях пропагандистская работа по разъяснению социалистического характера пятилетки приобретает огромное значение. Очень важную роль в такой работе играет художественная пропаганда. Известно, с каким напряженным вниманием встречается за рубежом каждое правдивое художественное слово о Советском союзе. Задача советского писателя заключается тут в создании таких художественных произведений, которые дадали бы ясное представление о том, что цифры 513 и 1949 означают завершение построения фундамента социалистической экономики, что постройка новых заводов, фабрик, совхозов, машинотракторных станций означает победу социализма.

Советские писатели (и пролетарские писатели в первую очередь) не могут признать, что они сколько-нибудь удовлетворительно выполняют свои интернациональные обязанности.

Отставание советской литературы от практики и запросов социалистической революции находит здесь особенно яркое выражение. Реализация обращения секретариата МОРП должна решительно изменить существующее положение и повернуть советского писателя (пролетарского — в первую очередь) лицом к обслуживанию запросов международного пролетариата.

Здесь можно и нужно использовать уже отработанные формы, методы, каналы работы. Речь идет о книгах, газетах и журналах. Речь идет о переводе уже написанных для советского читателя произведений, о переработке их для зарубежного читателя, о создании новых произведений. Здесь необходимо с самого начала установить обязанности и работе, чтобы каждый писатель знал, куда он посылает свои произведения, кто их будет читать, какой характер запросов данного слоя читателей. Необходимо установление через МОРП постоянных связей определенных групп писателей с конкретными органами зарубежной коммунистической и революционной печати. Пролетарское литературное движение должно усвоить опыт рабселькоровского движения, организующего шефство и другие формы постоянной интернациональной связи с зарубежными рабкорами. Такого опыта еще ни одна пролетарская литературная организация не имеет. Правда, на второй харьковской конференции МОРП в ноябре 1930 г. представители московской ассоциации пролетарских писателей торжественно заявили о том, что они берут шефство над одной из организаций союза пролетарских и революционных писателей Германии. Около десяти месяцев прошло с тех пор, но МАПП ничего не сделала для выполнения своего обязательства. Мы спрашиваем московскую ассоциацию: что она предполагает делать для выполнения этого обязательства?

Мы должны в то же время внести гораздо большую конкретность в лозунг: «Международный пролетариат должен знать героев пятилетки». Пролетариат должен знать не только героев пятилетки, но и героев Октябрьской революции. К этой годовщине, используя оставшиеся два месяца, должно быть приурочено выполнение рядом писателей и кружков на предприятиях совершенно точных и конкретных обязательств. Каждая литературная организация, каждый кружок на предприятии, каждый писатель обязаны теперь же определить, что они сумеют дать международному пролетариату к 14-й годовщине Октября.

Особенно большие возможности открываются здесь перед рабочими-ударниками, пришедшими в пролетарскую литературу. Художественная история своего предприятия, очерк, посвященный борьбе за пятилетку, к показу лучших и т. д. — вот боевые задачи, стоящие перед кружками на предприятиях.

Здесь будет происходить соревнование между Москвой и Ленинградом, Ростовом и Свердловском, Украиной и РСФСР, Закавказьем и Средней Азией.

Здесь будет проверяться способность каждой организации, каждого кружка и каждой творческой группировки выполнить свои интернациональные обязательства, превратить свою работу в организованное звено международного пролетариата и революционного литературного движения.

Польская пролетлитература в Польше и в СССР

Беседа с тов. Ст. Р. Стандэ, делегированным на минувший съезд пролетарскими писателями Польши

— Я приехал на Первый всесоюзный «Литературный ежемесячник». Начиная с 1925 года в Польше существует группа писателей, связанных единой идеологической платформой; их творческая связь связано с борьбой рабочего класса Польши.

Польские пролетарские и революционные писатели отображают в своих художественных произведениях героическую борьбу рабочего класса с его злейшим врагом — фашизмом и социал-предателями.

В последнее время у нас почти отсутствует возможность печатать революционной пролетарской литературы. У нас нет своих издательств, и мы не имеем тех больших возможностей издания и продвижения художественных произведений в широкие массы трудящихся, какими обладает польская пролетарская литература в СССР. Почти весь свой материал мы печатаем в «Литературном ежемесячнике», который кстати сказать, чрезвычайно часто конфискуется полицией.

На вопрос о том, насколько преследуются польские пролетарские и революционные писатели в Польше, т. Стандэ говорит, улыбаясь:

— Я сам имел «удовольствие» не раз знакомиться с польской тюрьмой. В обычное время моя квартира довольно часто «посещают» представители полиции, и после каждого такого «визита» мне приходится «отдыхать» в дефензиве.

Пролетарская литература в Польше, несмотря на преследования и всякие ограничения, с каждым днем растет, как количественно, так и качественно — в идейном отношении. За последнее время мы наблюдаем огромный рост пролетарского отряда польской литературы за счет рабочего молодняка, мы наблюдаем также глубокие симпатии к пролетарской литературе в среде мелкобуржуазных писателей.

Первый номер журнала «Литературный ежемесячник» вышел в 1930 году. Журнал ставит своей задачей объединение вокруг себя всех пролетарских писателей Польши, которые стоят на платформе революционной борьбы.

Чрезвычайно интересны отдельные экспонаты: чехо-словацкая газета «Руде право», изукрашенная белыми нитями — следами цензуры; фото, изображающее двух немецких пограничников в полицейской форме: они стоят «на посту»... в дверях книжного магазина, где продается революционный журнал «Линкскурве»; очень интересны нити, иллюстрирующие рост международной рабкоровской связи.

К сожалению выставка оформлена довольно небрежно. Наличный этикетаж мелок, неразборчив, часто относится не к тем экспонатам, под которыми помещен: на нескольких нитях от отсутствует вовсе. Многие экземпляры газет испорчены: они кажутся приклеены гуммиарабиком к деревянным щитам. В числе таких «жертв» интереснейшие экземпляры чехо-словацкой «Руде право» и революционных газет Индии и Колумбии. Экспонаты размещены довольно бессистемно и беспорядочно. Исключение составляет, пожалуй, стенд революционной печати Германии. Здесь работа «Роте фане» показана более четко, по тематическим разделам: «Роте фане» разоблачает предательство социал-фашизма», «Роте фане на страже Советского союза» и т. д. К числу немногих положительных качеств оформления выставки нужно отнести наличие на каждом выставленном щите соответствующих географических карт.

Перестроенная и дополненная выставка мировой революционной печати могла бы быть очень интересной для массового посетителя. Тема выставки заслуживает того, чтобы сделать выставку стационарной и организовать при ней массовую работу с посетителем.

Д. К.

Выставка международной революционной печати

В культбазе Парка культуры и отдыха развернута выставка международной революционной печати, организованная интернациональным сектором «Дома печати».

На выставке представлен богатейший материал — газеты, журналы, фабрично-заводская печать, книги, плакаты, фото, иллюстрирующие бурный рост революционной прессы пяти частей света. В этом плане выставка производит большое впечатление: здесь собраны листки революционной печати Китая и Мексики, Индии и Канады, Австралии и Скандинавии. Прорывается оковы рогатки фашистской цензурщины и цензуру бразильских банкиров, пламенные строчки газет и листовок ведут пролетариев всех стран к революционной борьбе.

лицом к ударнику

опыт работы западного областного литературного кабинета ударника

Подлинный размах пролетарского литературного движения требует оперативного руководства им, систематического изучения серьезной учебы. Организация учебы должна ориентироваться не только на рабкоров, не ударников, признанных в литературу, но и на широкие трудящиеся массы. Опыт создания и работы литературного кабинета ударника Западной области критический и редакция Запобллита, его достижения и недостатки, его организационная структура и методы работы — наш интерес.

Кабинет стоял вначале особняком, с облитом, центральной библиотекой, с облпрофсоюза. Это дает возможность согласованно вести работу в области массового пролетарского литературного движения. Это дает возможность лучше использовать силы просвещения, больше получить помощи от местных профсоюзных организаций, органов ОНО, библиотек. Договора с областными и районными газетами предусматривают обслуживание консультацией всех связанных с редакциями начинающих писателей, руководство их творческой и самообразовательной работой, выезд в область и помощь литературно-массовой работы. Редакции, со своей стороны, должны влиять в среде рабкоров и ударников, привлекать их к участию в литературно-массовой работе. Редакции, со своей стороны, должны помочь работнику-ударнику правильно ориентироваться в окружающей обстановке, найти путь к преодолению трудностей в творческой работе. Они должны ознакомить ударников с историей и опытом пролетарского литературного движения, повысить качество его творческой продукции».

Задача курсов — не только охватить литературной учебой всех ударников, признанных в литературу, всех начинающих писателей, но и удовлетворить интерес к литературе товарищей, еще не втянувшихся в непосредственную работу. На курсы уже принято 290 человек, в числе которых—46 проц. рабочих и 16 проц. колхозников — — —

В программе курсов включает 13 дисциплин: литературная политика партии, массовая работа литкружка, теория и практика литобъединений, современные литнаправления, творческий метод пролетарлитературы, текущая политика, основы диамата, методология литературоведения, вопросы технологии творчества, литература и техника, текущие вопросы консультации.

Нужно бороться за реальные результаты, за действительное приближение кабинета к действительным рабочим массам, к предприятиям. Работу на местах в течение ближайшего периода нужно связать с подготовкой к августовскому пленуму РАПП, к осенней конференции ЗОАПП и областному партийному совещанию по вопросам художественной литературы.

Условия работы кабинета оставляют во многом желать лучшего. Заочные курсы, например, представляющие новый опыт рапповского обучения, не имеют никакой помощи со стороны секретариата РАПП, не обречены квалифицированными силами со стороны Ин-та Комакадемии. Больше того: прошло больше двух месяцев, как мастам руководящим рапповским писателям и критикам была послана просьба поделиться опытом писательской работы, провести письменные беседы об учебе, о значении рапповского воспитания, о призыве ударников в литературу, об актуальных вопросах рапповского движения в настоящий момент. И до сих пор ничто не сошло с этой точки. Отсутствует какая бы то ни была помощь со стороны массового сектора и литературной консультации ГИХЛ. Довольно пассивное участие принимает в работе кабинета основной зоапповский актив

ИС. КАЦ

Должно складываться мнение, что нет недостатков, что все нужные участки охвачены. Еще мало гибкости, мало реальных результатов.

Нужно практиковать выезды консультаций на предприятия, связать работу кабинета с выполнением промфинплана на предприятиях, наладить творческие отчеты ударников в своих цехах. Нужно по примеру бежицкого отделения развернуть стационарные филиалы в Рославле и других районах области. Более опытной и реальной нужно сделать помощь Редизлату.

Обязательно нужно подготовить несколько сборников, показывающих творческое лицо и рост пришельцев по области. Необходимо на более высокую ступень перевести работу с выявившимся творческим активом, устраивать вечера отдельных писателей. Необходимо связаться с кабинетом рабочего автора и издательством ВЦСПС.

нельзя забывать:

герои пятилетки рождаются коллективно

Е. ТВЕРДОВ—«Бригадир Борисов». А. ШВЕДОВ.—«Сквозь сердце». «Молодая гвардия», 1931. Серия «Страниц должна знать своих героев».

Основной грех нашей литературы, показывающей героев пятилетки—увлечение голым «биографизмом»—неумение найти диалектическое единство личности и коллектива.

Этот грех налицо и в книге Е. Твердова «Бригадир Борисов», рассказывающей о слесаре Борисове (дело Московско-Нижегородской ж. д.).

О Борисове Твердов пишет много, перечисляя подробно все награды и премии, которые он получил, но о бригаде Борисова мы ничего, кроме фамилий работающих с ним товарищей, не узнали. Лицо ударников не вымерено—их отношение к труду остается для нас неизвестным.

Твердов не сумел раскрыть и показать лицо классового врага на производстве. Мы знаем, что «Глухов и Клещев работают, как сонные тарантулы, то они рвали, но их социальная природа темна и непонятна.

Вот как не нужно писать о работе бригады: «Бригада чувствовала свои силы, чувствовала хорошее руководство. Энергия била через край.

— Дайте темпы!
— Темпы нам!

— Удар сильнее!
— Волю нам!».

Вместо всей этой дешевой риторики надо было показать отдельные конкретные моменты в работе бригады.

Книжка Я. Шведова «Сквозь сердце»—об ударнике, вальцовщике завода «Серп и молот», Гладышеве—художественно совершенное произведение. Здесь уже—не одно регистрационное перечисление заслуг и добродетелей Гладышева, а попытка дать синтетический рассказ о производстве.

Правда, и Шведов не избежал излишней «биографизации» (рассказ о прошлом Гладышева), но у него уже есть показ быта и жизни рабочих в целом.

Шведов очень хорошо показывает отношение к труду различных групп рабочих, но при этом опять-таки забывает дать отдельные типы ударников бригады Гладышева.

Несомненной ошибкой является также отсутствие показа роли партийной ячейки на производстве.

Недостатки обеих книжек более или менее сходные, несмотря на различную степень художественной зрелости их авторов.

Все ошибки и недочеты в показе «Молодой гвардии» нужно учесть при издании новых книжек о героях нашей страны.

ИГ. ЗУБКОВСКИЙ

посевная ночь в типографии

Директор сказал: дело требует... двигай!
Нам дан заказ—посевная книга,
А дело важное—знаешь сам,
Срок—24 часа.

Инструктор сказал: наступает весна.
Под галочьи крики, под писки весла,
Под ласки черемух, зуд мандолины,
Под искренность ветра, под ветреность ливней
Земля обозрелась, набухла, вспотела.
Ну, словом, у нас—посевное дело
Дело важнее—ясно без слов,
А срок—18 рабочих часов.

Я бригадир. Я сказал: бригада,
Нам это заданье не тяжесть—награда.
К станкам становись, чтобы время летело.

У нас идет посевное дело.
А дело важное (ясно без слов)
Срок—7½ часов.

Мне говорить о себе не надо,
Вместе в клубе спыхали доклад и
Вместе на этом докладе не спали
И резолюцию принимали.

У книжки—тираж тысяч на 300
А это—тысячи тракторитов...
И встала бригада —5 человек,
Чтоб время летело упрямо, как бег,
Чтоб время летело
(не зря летело),
У нас идет посевное дело.

И этому севу наш долг помочь.

Над цехом нависла коротная ночь,
Над цехом, гремя, стрекоча и стеная,
Громадой нависла ночь посевная.
Сверху — трансмиссий надорванный свист.

Ударнику кажется—он тракторист.
И ветер весенний в широкие спины,
И трактором рвутся к победе машины,
Чтоб выполнить план, чтобы спасибо
крикнул
Взрывая цементную целину,
Чтоб утром в печатный:
— Набор готов!
На книгу потрачено 7 часов!

ЯР. СМЕЛЯКОВ

Наборщик 18 типографии Сельколхозгиза

среди книг

пушкин и *грушкин*

к „триумфам“ горбачевской школы

мальчишка фебу гимн подчас:
охота есть, да мало мозгу
пушкин

Ученик и единомышленник нашего маститого ленинградского профессора т. Е. Горбачева, весьма достойный молодой человек, А. Грушкин написал книгу «К вопросу о классовой сущности пушкинского творчества». «Наш мастер» свободы ее предисловием, в котором, ссылаясь на необыкновенную молодость автора, с снисходительной терпимостью отметил, что толкования книги слишком смелы, формулировки слишком резки, выводы слишком печальны, а впрочем, работа заслуживает серьезного внимания. Что верно, то верно, внимания наша заслуживает.

Автор решил восполнить досадный пробел в марксистском литературоведении: найти незыблемый социальный эквивалент пушкинского творчества и раз навсегда покончить со спорами вокруг этой темы. Тем самым он помог решить вопрос об отношении А. С. Пушкина к современности, о художественном наследстве, учебе у классиков и т. д., и т. п. Автор выполнил задание с превышением. Он полностью разоблачил вылазки классового врага, пытающегося приписать великого поэта к своему паразитному дворянскому классу. Столь же находчиво опроверг автор тщетные усилия Пушкина, — якобы он был выразителем буржуазных тенденций.

Тов. Грушкин доказал, что—ничего подобного—Пушкин никогда не был с эксплоататорами и кровопийцами, а совсем наоборот, он был «народник 30-х годов». Оказывается, Пушкин был «разночинец, мелкобуржуазный интеллигент, тоскующий о мелкобуржуазном укладе русской деревни», и им «скорые с русской литературе» художественно сформулирована проблема «борьбы с капитализмом».

Борец с капитализмом, Пушкин, натуральное, был ренегатским сторонником Октябрьской революции, которую он ее свойственной ленью прокорпел ть, предсказывал задолго до того, как она разразилась: «У него мы встречаем гениальное предвидение и заната капитализма, предчувствие того второго потопа, когда пролитые по воле капитала слезы, пот и кровь восстанут и отомстят за себя» (см. «Домик в Коломне», а также «Скупой рыцарь» и сцену из «Фауста»).

Да что там! Ведь дело дошло на библиотеку, то Пушкин был конечно пролетарским писателем: например «в области историческої диалектики он делал то же, что делает современная пролетарская литература, и подход к целому ряду эпох был у него тот ж».

Как же не согласиться с т. Горбачевым, что книга заслуживает внимания? При случае мы еще окажем ей внимание, тем более что не разделяем основных ее мыслей, несмотря на риск навлечь на себя обвинения со стороны тов. Грушкина в немарксистском подходе к автору «Евгения Онегина». Но сейчас, нам кажется, заслуживает внимания позиция т. Горбачева, без благословения которого книга едва ли увидела бы свет.

Тов. Горбачев отмежевывается от ряда утверждений автора, считая их частью «не совсем» зрелыми, частью «дискуссионными». Но, критикуя отдельные выводы автора, т. Горбачев ни одним словом не касается его методологии. Метод исследования Грушкина не возбуждает его сомнений, это не удивительно, если вспомнить, что он имеет дело со своим верным учеником. В том и состоит конечный смысл рецензии т. Горбачева, что т. Грушкин способный ученик, делающий честь своему учителю: он хорошо усвоил его взгляды и показал, что может применять их самостоятельно.

Тов. Горбачев, в свою очередь, вполне заслужил «особую признательность», в которой ему печатно засвидетельствовал аспирант.

Поздравляем их обоих! Они стоят друг друга!

И. ИППОЛИТ

„мучные короли“*

Илья Святенко и обиду себя не давал. Спасаясь от налогов, продразверстки, он уходил в город жаловаться на неправильные действия станичных властей. Первый богач и кулацкий с делавой суровостью громил станичный совет, который, потеряв классовое чутье, «обкладывал» таких, как Святенко, «бедняков». Для большей убедительности Святенко облекался в ветхую рубаху и жалкие лохмотья. Это помогало. Но в один из своих очередных визитов Святенко разоблачил себя. Вернее его разоблачил секретарь станичного совета, который случайно столкнулся с ним в кабинете предисполкома.

«В одно мгновенье ветхая рванина-стерка оказалась содранной с костистых плеч Святенки. На нем оказалась хорошая сатиновая рубаха, перехваченная добрым кавказским ремнем с серебряными побрякушками».

Так разоблачается классовый враг — хитрый и маскирующийся. Заслуга Брыкина в том, что он показывает это его подноготную. И если в приведенном случае этот показ проявляется упрощенно, то в других случаях он находит более сложные выражения.

Кулак Яроп (бывший врангелевец) подает совместно с группой кулаков заявление с просьбой освободить его от земли, так как «не может при трудовой советской власти оплатиться труд земли (большие налоги, хлеб забирают, жить не дают)». Этим приемом Яроп хотел напугать местную власть и смягчить тем самым налоговую политику («Волынская игра»). Но вот кулак Гацук — он не отказывался от уплаты хлебного налога, но тем не менее хлеб Гацука долго не поступал в элеватор. В чем же дело? Оказывается Гацук хотел, чтобы власть сама взяла у него хлеб. Отлично зная, что на'атие хлебных излишков действует отрицательно на некоторую часть середняков и несознательной бедноты, он хотел властвовать себя в глазах станицы «мучеником», «поборником мужицких интересов».

В этом же рассказе мы узнаем о существовании хлебного братства, которое ставило своей целью нехватку хлеба. «Штраф плати, а хлеб держи» — такой был девиз этого братства. И горе было тому, кто отступится от братства. Его преследовали, его имущество расхищалось и уничтожалось («Хлебные братья»).

Трудно исчерпать все те приемы, которые характеризуют политику наступления кулака в условиях обострившейся классовой борьбы. Скажем лишь, что для понимания характера современного кулачества, природы классового врага, маскирующегося и хитрого — книга Брыкина дает чрезвычайно много.

Брыкин разрушает штампы, шаблонный шаблон, которым многие до сих пор руководствуются в некоем кулаке. При этом мы видим не отдельных кулаков, действующих врозь, «каждый за себя», а целые группы, кулацкие партии, движимые ненавистью к советской власти, выступающие против нее единым фронтом.

И все же, «Мучные короли» свидетельствуют о том, что в мировоззрении Брыкина имеются большие изъяны. Брыкину недостает глубины в раскрытии процессов классовой борьбы, широты социального диапазона. На поля зрения Брыкина совершенно выпали бедняки и середняки. Мы не видим их участия в классовой борьбе. Классовую борьбу осуществляют отдельные партийцы-станичники, действующие изолированно от бедноты и середячества. В «Хлебной кедре» представляется возможность показа бедноты, массы, но эта возможность автором тщательно обойдена.

Политически заостренная против кулачества книга Брыкина учит классовой непримиримости. Тем досаднее, что на 61-й странице автор сообщает:

«Я говорил (кулаку—М. Б.) как живут

* П. Брыкин. ГИХЛ. Ц. 1 р. Стр. 146, тир. 10.000.

тех властвовать себя в глазах станицы «мучеником», «поборником мужицких интересов».

В этом же рассказе мы узнаем о существовании хлебного братства, которое ставило своей целью нехватку хлеба. «Штраф плати, а хлеб держи» — такой был девиз этого братства. И горе было тому, кто отступится от братства. Его преследовали, его имущество расхищалось и уничтожалось («Хлебные братья»).

Трудно исчерпать все те приемы, которые характеризуют политику наступления кулака в условиях обострившейся классовой борьбы. Скажем лишь, что для понимания характера современного кулачества, природы классового врага, маскирующегося и хитрого — книга Брыкина дает чрезвычайно много.

Брыкин разрушает штампы, шаблонный шаблон, которым многие до сих пор руководствуются в некоем кулаке. При этом мы видим не отдельных кулаков, действующих врозь, «каждый за себя», а целые группы, кулацкие партии, движимые ненавистью к советской власти, выступающие против нее единым фронтом.

И все же, «Мучные короли» свидетельствуют о том, что в мировоззрении Брыкина имеются большие изъяны. Брыкину недостает глубины в раскрытии процессов классовой борьбы, широты социального диапазона. На поля зрения Брыкина совершенно выпали бедняки и середняки. Мы не видим их участия в классовой борьбе. Классовую борьбу осуществляют отдельные партийцы-станичники, действующие изолированно от бедноты и середячества. В «Хлебной кедре» представляется возможность показа бедноты, массы, но эта возможность автором тщательно обойдена.

Политически заостренная против кулачества книга Брыкина учит классовой непримиримости. Тем досаднее, что на 61-й странице автор сообщает:

«Я говорил (кулаку—М. Б.) как живут рабочие. Не хотелось верить, чтобы человек не понял человека».

Эта «гуманная» фраза звучит нелепым диссонансом в устах пролетарского колхозного писателя.

Касаясь художественных достоинств рассказов Брыкина, отметим их сюжетную напряженность и композиционную сложенность. Сюжетность рассказов Брыкина в значительной мере обусловлена описаниями в них конфликтами, напряженностью ситуаций.

Брыкин экономен. У него нет лишних загромождающих конструкцию деталей, метафорических излишеств. Вместе с тем в рассказах Брыкина чувствуется недостаток художественной изобразительности, художественной культуры.

Несмотря на указанные недостатки, книга Брыкина ценна, и прежде всего своей политической заостренностью.

МИХ. БЕККЕР

украинская советская энциклопедия

Подготовительная — организационная и редакционная — работа по выпуску первых томов Большой украинской советской энциклопедии—сейчас в полном разгаре. Недавно выпущен бюллетень энциклопедии (УРЭ), освещающий ход этих работ. В отделе несколько десятков редакционных совещаний по каждому из отделов энциклопедии. Заканчивается составление словника.

Энциклопедия рассчитана на 40 томов по 60 печатных листов в каждом. При подготовительной работе участвуется опыт большой и малой советской энциклопедий и их недостатки. Особое внимание украинская советская энциклопедия будет уделять освещению жизни и быта народов СССР, и в первую очередь—украинскому советскому строительству. Главный редактор энциклопедии — наркомпрос УССР тов. Скрыпник, заместители редакторы—А. Речицкий и И. Гетлер. Отделом «Литература и языки» энциклопедии заведует т. А. Хвиля.

Выход первого тома энциклопедии предполагается в мае 1932 г.

А. СЕЛИВАНОВСКИЙ

обтыкивая виза

I

От многое видел и передумал этот русский в кармане, бегущий от своей страны, но чувствующий себя полностью на чужбине. Маринут его скитания чужбине через Германию и Францию, через Швейцарию и Афины, через Египет, Подсарматскую Русь, Швецию. Но его профессиональный туризм — не от бездельи и не от желания убедить в нем в сегодняшней жизни человечества: переделывать в пространстве, он хочет найти почти к перестижению во времени, куда в прошлое или в будущее,—потому что сегодняшний день истории страшит его и чужд ему.

Однако магнина времени Уэллса никем не изобретена, можно руководить временем и управлять его темпами, но нельзя вырваться из его объятий,—и в дневник скитаний заносятся горькие строки: «Ты видишь, мы в хвосте истории». Это замечательно и это великолепно... Время вяжет наши ноги крепче, чем земля. Можно уехать из Берлина, испытав уехать от своего времени. Оно, по всей вероятности, то мне: ведь я презираю этот механический комфорт—и я получусь за ним, как за мерилом с пришлым: мне противны безукоризненность, дрожь сердец и духовых ламп, кафе дрессеной трухи, именуемый «мировым ренессансом»,—я не могу жить без этого, как не может жить европеец без двух—трех привычных ремочек. Дезертировать в прошлое могут только археологи или старые девы. Прибежище в будущее? Милый друг, мы ведь проболели это! Для этого нужны безумные истерии или кастрюли на них точно или до меньшей мере чья-нибудь партийная виза. Увы, безумье стало истерией! Притом мы не ученые и не старые девы. Нам остается бродить по этим длинным проспектам» (курсив везде мой.—А. С.).

II

Литературу знает большое количество путешественников—Ежа Воота, Хулио Хуренито,—да мало ли их было еще?

Речь идет на сей раз об Илье Эренбурге, чьи путевые впечатления (а точнее, размышления по поводу этих впечатлений) за ряд лет собраны и книгу «Виза времени» *

В предисловии к этой книге Ф. Раскольников пишет: «своими романами из советской жизни... Эренбург примыкает к буржуазной литературе. Здесь у нас нет общего языка... Другое дело — произведения Эренбурга, посвященные Западной Европе. Тут у нас имеется общая платформа. Мы сходимся с ним в чувствах ненависти к капитализму, и беспощадной критике зол и противоречий капиталистического режима».

Так ли однако обстоит дело? Есть ли у нас с Эренбургом общая платформа? Сходимся ли мы с ним в беспощадной критике зол и противоречий капитализма? Не говоря уже о том, что критика Эренбурга происходит с позиций, неприемлемых для нас и враждебных нам (как мы увидим дальше), — Эренбург в основном не столько обнажает разложение капитализма, сколько затушевывает их.

Эренбург делает это отнюдь не потому, что он выступает в роли защитника и апологета капитализма, — отнюдь. Его ненависть к капитализму не может вызвать никаких сомнений. Ряд глав его книги (в особенности, посвященных Германии, Польше, Бретани), являются памфлетами, направленными, гиперболе, не столько против основ капиталистической эксплоатации, сколько против буржуазной культуры и буржуазного быта. Иной раз Эренбург — стихийно так сказать — прорывается и к проблемам капиталистической эксплоатации, таковы к примеру глава о Бретани, о бретанских рабочих, о силах химического вооружения их труда. Но такие прорывы — не часты, случайны и непоследовательны. Свой аналитический талант Эренбург использует для вскрытия капиталистической культуры ради, парадоксальных ее внешних черт и не проникновения в ее сущность.

Многого Эренбург не видит и не понимает. Он, например, констатирует хаос жизни послевоенной Европы. Бесперспективность этой жизни, неумеренность в завтрашнем дне, пессимизм и смертельную тревогу, ту самую, которая выражена в своей доктрине книге «Техника и человек» Освальд Шпенглер. Но ему, Эренбургу, недомыслие, какие же социальные закономерности обусловили изображаемый им хаос, какие же силы формируют завтрашний день истории. Возможность уяснения этих глав, подчинения времени сознательному плану, ему кажется ему сама по себе нелепостью фантазией, имеей маниака. Время это — ведь это кажется, самое редкое на всего, что можно встретить, блуждая по великолепным проспектам современной столицы».

Какое... скромное и какое.. трудно осуществимое мечтание!

III

В «Визе времени» собраны очерки, самый ранний из которых помечен 1922—23 годом. Эренбург посетил большинство государств центральной, западной, северной и южной Европы. Он видел промышленные страны — метрополии и аграрные полуколонии, столицы и заброшенные деревушки, буржуазные проспекты и окраинные переулки, фашистов и коммунистов, профессоров и рабочих. Начало, расцвет и конец относительной стабилизации послевоенного капитализма прошли перед его глазами. Но в «Визе времени» есть все, кроме ожесточенных схваток классов, — кроме обострения политической борьбы. Здесь Эренбург и надевает маски на действительность, «лакирует» противоречия капиталистической действительности.

Вот Германия, переживающая империалистическую войну, поражение, 1923 год, план Дауэса, — переживающая период господства фашизма, — страна отчаянных политических размежеваний,—страна, пролетариат которой создал самую сильную коммунистическую партию Западной Европы. Что же увидел в Германии 1927 года Эренбург? «Люди здесь мнятся мне типографским шрифтом, я дни — образцовой работой огромного типотипа. Даже идеологические и политические страсти напоминают перебранку маниакально-исполнительных корректоров.»

Гамбург 1923 года, Вандинг, красный плебисцит, борьба компартии против всех видов фашизма, борьба каких героических товарищей по международному объединению революционных писателей против буржуазной литературы Германии, — это какого Эренбургу...«перебранкой»... «маниакально-исполнительных корректоров». Что же это — идеалистическая метафора, искажающая мысли в угоду слепой конструкции (что нередко делает Эренбург), или же это — двойственный канал автора на существо политической борьбы? О том, что мотивы здесь не при чем, свидетельствуют другие листы книги Эренбурга в той же цитате. Ему кажется, будто в Испании «политикой занимается исключительно молодежь». В Польше, в Варшаве, в разгар политических споров, ему трудно понять «почему сторонники колеблются». В Швеции — по Эренбургу — «не присущинаясь к решениям парламентов, легко начать гимнастический митинг за академическое заседание. И сказал уже, что у шведов время характера много маниальных привычек». Немногочисленные упоминания о коммунистах носят в «Визе времени» тот же снисходительно иронический характер. Польские коммунисты — «романтичны». Шведские коммунисты — идеалисты, витающие в области отвлеченных вопросов: «надо еще выправить статью: опасность войны. Где? В Лапландии? Нет, по соседству — в Мальмбурге», — иронизирует Эренбург. Конечно, классы существуют, между ними идет борьба, но не в этом видит Эренбург главное. Вот, в Подкарпатской Руси коммунисты победили на выборах. Крестьянство отдало им много голосов. Почему? Потому, об'ясняет Эренбург, что «голосуют они за «своих» — русских, т.-е. за крестьян, а они голосуют опять-таки за «своих», т. е. «За Москву».

Итак борьба классов не играет решающей роли. Определяет все — борьба наций, борьба рас. Расовую теорию Эренбурга Ф. Раскольников назвал «основным недостатком книги», вопреки тому, что «у нас имеется общая платформа». Подчинив классовое национальному, сводя национальное к биологическому, Эренбург перестает бить даже поверхностным кризисом капитализма и становится обеими ногами на почву буржуазных теорий. Его попытки раскрыть «дух народа» или «гений нации» не лишены отдельных метких наблюдений, но они порочны в своей основе и не представляют ничего принципиально-нового (сколько уже было таких попыток!), мешая видеть всю сложность многогранность, противоречивость действительности. С этим — национальным мерилом—Эренбург подходит и к оценке литературных явлений, и тогда польский социал-фашистский писатель Каден-Бандровский оказывается у него в одном ряду с революционным поэтом Броневским, тогда — это не преувеличение — у буржуа и рабочих оказываются общие интересы.

Вот окончание одной из глав, посвященных Польше: «Конечно, фабриканты и рабочие думают о разном. Но глаза у них направлены в одну сторону. Глухо заколочена граница. Ни лика, ни голоса. Но уже всем (А. С.) ясно, что там — за Столбцами — великан, скрытый ложью и пакетом, но все же среди всех семейных драм и драм, — любимая страна».

Почему же все объединяются на любви к СССР (забудем, что нескольких страницами дальше Эренбург сообщит небезынтересные наблюдения об антисоветской работе польского фашизма — такие «непоследовательности» обычны для автора)? А вот почему: автор «Хулио Хуренито» и «Рвача» выступает перед нами в облачении славянофила. «Душа» польского народа характеризуется у него такими чертами, как «простота, сердечность, глубина, духовная сила вместо механической выучки, — словом все то, что присуще различным племенам от Сибири до Варшавы, и от Архангельска до словацких деревень». В сегодняшней фашистской Польше причудливо сочетаются линии критики с позиций мелкобуржуазного гуманизма и линии критики с позиций великодержавного смеховехства. Эренбург выступает в своей книге другом СССР, потому что в СССР он со свойственной ему склонностью создавать иллюзии — видит победу принципа великодержавного, великорусского мессианства, «русской» «души», «славянства». Есть в «Визе времени» отвратительный душок великодержавного свинства (например, в высказываниях о Белоруссии).

Да, сдается, великая Россия, великая русская литература... «Русская литература — это прежде всего литература всечеловеческая. Таков ее национальный склад, ее традиция и пафос, смысл ее существования».

Что же, великодержавный вариант западного смеховеховства есть законный наследник буржуазной теории борьбы рас и наций.

IV

Но и это не дает опоры сознанию Эренбурга. Позади идет из Варшавы в Германию. «Темнота. Позади легенды, позади романтика, «мессианизм», героические жесты повстанцев — все, все позади. И победа: реакция, чужие территории, бесполезь, ренатчные окна «Паники», страх, сон. Узкая полоса снега».

В руках Эренбурга очерк—острейшее орудие художественного активного реагирования на явления современности—превратился в дневник беспорядочных мыслей, в пассивный сейсмограф событий, страз, встреч: лучшее предостережение тем, кто у нас любит говорить об авангардистской роли очерка в отрыве от вопросов мировоззрения и метода художника.

Эренбург обладает фальшивой визой: время ему этой визы не дает. Отказ в этом об'ясняется и тем, что Эренбург был случайным гостем, туристом из любопытства и от нечего делать в рабочих кварталах: о них — несколько бледных страниц. Но Эренбург был внимательным посетителем центра столиц, крупных городов, промышленных городишек, заброшенных сел, пустынных берегов. Там он познавал «дух народа»— в таком «познании» можно обойтись и без общения с пролетариатом! Ему кажется, будто жизнь такой страны, как Италия, можно понять при беглом ознакомлении с «другим городом», несколькими встречами, множеством офицеров в различных мундирах, мулами, небом него нет

Только два исхода нашел Эренбург? Но есть еще другие исходы: можно поступить на путиловский вскоре и СССР Никитинский завозил,— и лучший и то время, когда Форд заложил свои предприятия в Детройте. Можно управлять автомобилем. Мало ли есть иных исходов? Эти метафоры сохраняют силу и для художника. Но у Эренбурга — социальная катарсата—и не у него одного. Убыстрение жизни многое ломает в характере искусства (разумеется, реалистам остается социальное качество этого убыстрения). С западно-европейского конца Эренбург подошел к тем же вопросам, которые поставили для себя у нас — Олеша, Пастернак, Ольга Форш.

Пастернак, Форш, а частично и Олеша, зарождение социалистического реализма считают концом всякого искусства.

Эренбург приходит к тем же выводам, наблюдая распад западно-европейского буржуазного искусства.

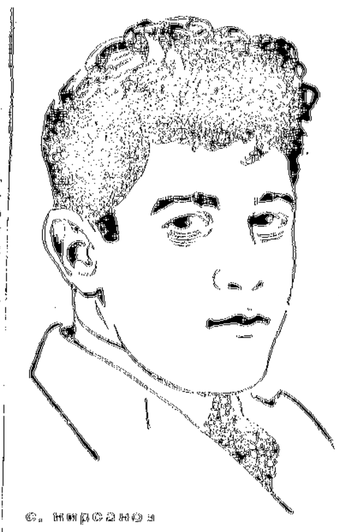
Все они сходятся на общих идеалистических представлениях о природе художественного творчества.

Так на частном примере — на вопросе об искусстве — Эренбург еще раз показал, что подлинной визы времени у

ДИСКУССИЯ *по творческим вопросам поэзии*

ТРУДНОСТИ *перестройки*

С. КИРСАНОВА



С. КИРСАНОВ

1

Первые выступления С. Кирсанова были характерны своеобразным сплавом конструктивизма, изощренной экспериментаторской техники, изобилия ритмического блеска. Новой для его поэзии оказалась объективно-механической, смешавшейся с буржуазной («Стихи предоставляются Кирсанову» и «Последний Современник»).

С тех поры утекло много воды.

Взлет поэта приходился уже не «Мореплавщицы», по поводу которых можно использовать цирковой виртуозности стихи. С. Кирсанов знает почему и зачем, «ударному кварталу» посвящен его последний сборник.

Тематический поворот обязывает к перестройке и творческого метода. Средства выражения (ритмов интуитивно, ритмов удвоенно кварталог не могут совпадать с ощущениями, навеянными ритмом завода. Об ударниках нельзя писать, опираясь на слезливо-сентиментальные, истрепанные, использованные применительно к теме «Мореплавщицы».

Но в словарь, в метрику, в методологию образы имеют своим истоком изменившуюся действительность творчества, переплетается и классовой психо-идеологии поэта.

Освобождаясь от наследства чуждых пролетариату влияний в своем творчестве, надо прежде всего зачеркнуть, преодолеть вещизм, ложное питаемое чуждыми классовыми корнями, в своем идейном багаже. Овладеть искусством революционной поэзии нельзя, не вооружившись ведущими идеями рабочего класса, не приобщившись к сокровищнице марксистско-ленинской теории. Только правильно усвоив угол зрения, можно видеть мир не плоским, не ограниченным, не дробящимся в призме мелких ощущений, а собранным в исторически достоверную картину, в которой противоречия и контрасты составляют ткань выражения глубочайшего смысла исторического процесса, в основе которого может непримиримая борьба классов.

С. Кирсанов начал, но не довел до конца эту трудную перестройку. Вот, вывод, который дает право сделать его книга стихов «Ударный квартал».

Для теоретически исчерпанного уже периода попутничества до социалистической реконструкции было характерно принятие революции при сохранении нетронутыми идейных основ своей мелкобуржуазной революционности. Писатель мог не соглашаться к революции как целое к целому. Слова Пильняка о «самом» явлении художника» наиболее глубоко выражают эту тенденцию к «автономии творческой личности».

Перестройка покупила в сознании означает постепенное вытеснение этих явлений о паритетности в отношениях писателя и революции. Писатель стремится не остаться в революции, взять в руки ее непосредственных участников, бороться бок-о-бок с рабочими, строителями социализма.

В чем состоит трудности при этом?

Часть писателей пытается просто раствориться в «миллионах». Отсюда декларативность, неспособность, часто без критической переработки того, что включено в творческий кругозор при переменке позиции. Писатель, чувствующий себя чужим рупором чуждых лозунгов, настроений, закладок, не перестраивается внутренне. Естественным последствием этого является лакировка действительности, замазывание противоречий, политическая фальшь в расхваливаемых и честь пролетариата гимнах.

Другая часть писак не может освободиться от преувеличенного представления об удельном весе «творческой личности». Писатель ищет контакта с пролетариатом, но этот контакт он мыслит как вручение писателю маршальского жезла, как право поучать, а не обязанность учиться.

Сумел ли С. Кирсанов избежать этих подводных камней и вынести свое творчество в широкий фарватер подлинно-советской литературы? Книга С. Кирсанова в той своей части, которая показывает неполноту перестройки поэта, как раз и выражает инфантилизм колеблющий художника, пытающегося найти «середину» между этими двумя тенденциями, питаемыми старо-попутнической идеологией.

2

Поэт чувствует себя в «светлой ладони» комсомола. Он хочет, чтобы его песня могла «в это плавное тесто всем телом врасти костяком». Он хочет, чтобы биения его сердца совпадали с биением сердца шахтера Кочуры. Это, вообще говоря, правильная позиция, законные устремления. Но С. Кирсанов не понимает, что «растворяться», «врасти» мало. Оттого в ряде стихотворений он ограничивается декларацией без художественного, творческого преодоления материала.

Трансляционная головщина революции! С. Кирсанов провозглашает:

«Четкие формы,
быстрые темпы,
Стань сам сталь!»

Он повторяет: «труд, труд, труд», «темп, темп, темп». Домны вспыхивают, прожекторы укажут, «штурм» пестрит в каждой строфе. Но поразительно, что люди борьбы, ударники, остаются в стороне, поразительно, что в стороне оказывается классовая борьба сегодня, сегодняшние трудности.

«Знаем один изумительный праздник,
Труд, труд, труд!»

Явления даны плоскостно. Лозунг не раскрыт в специфике данного исторического этапа. А отсюда Кирсанов без всякого колебания пускает в ход ту же эксцентрику звуков, что и в первые дни своей творческой работы. Однако эффектное расчленение:

«Дви-
Про-
Дуй»

никоим образом не влечет за собой конкретного выявления облика Днепростроя. Остается звукопись, в общем мажорная, но отнюдь «за сердце хватающая». То же можно сказать о «Военной песне», где звуковые повторы составляют, так сказать, душу стихотворения.

Что может дать для познания комсомола масса звонких слов вроде: «лава меньшей силы», «стальная масса», «светлая лавина»?

Сказанное не есть доказанное. А эпитеты, метафоры, звуковые ухищрения С. Кирсанова и стихах «Четкий зал» недостаточны, потому, что они не раскрывают классового содержания провозглашаемых лозунгов. Задача поэта никоим образом не может быть сведена, так сказать, к поэтической аранжировке лозунга. Лозунг должен быть не эстетизирован — укрепительство затемняет, а не раскрывает смысл лозунга. — а раскрыт с помощью образного мышления поэта.

С. Кирсанов пишет: «песня играет меч». Это определение очень удачно. От образного мышления поэт отходит к игре образами. Искусство — игра; это назрел ли упадется самому Кирсанову. Таким образом первый ряд неудач Кирсанова состоит в неумении подчинить идейной направленности свою формальную работу. Вместо творческого вскрытия идей, составляющих основу лозунгов ударного квартала, вместо художественного показа закономерностей, определяющих развитие классовой борьбы на данном этапе, вместо отображения качественного многообразия действительности — эстетизация лозунга, изосковское изображение явлений социалистической стройки. В этом отношении примечательны стихи «Песня о реке Урал».

Это — вид «с птичьего полета». Аэросъемка. Мы видим вначале, как «плавится голой серебряной Урал-река», а затем коротко излагается биография плотины и вместе Урал-реки: «искрами стреляя в кошки берега пойдет река стальная»—Чугун-река». Дана техническая перемена, показано изменение в использовании производительных сил страны. Это очень хорошо. Но где социалистическое содержание этих перемен? «Ударники» упомянуты, и только. Специфика нашей стройки опять ускользнула.

3

Второй ряд неудач лежит по линии своеобразного «качества». Тут уже нет помпезов об «автономии» творческой личности, характерной для старопопутников. Но автор, выслушав пайщы, что «я хочу, чтоб в наших облаках... вплавь серый сторож возник», полагает, что это заявление убеждает. Он говорит о том, как его стих «интригует» за Атлантическим океаном. Шахтера Кочуру он поучает, что «ведь сталью этих движимых нами пружинящих рифм и пружинящих рук Октябрьское время заведено навек».

С. Кирсанов чувствует себя уже в роли учителя. А это определяет недостаточную борьбу с грузом ошибок лефовского порядка. Раз уже сейчас «стих мой» обладает столь значительной действенностью — к чему переоценивать прошлое?

Было бы неправильно утверждать, что поэт не ведет такой перестройки. В стихах о вредителях («Вопрос ставится на НР», «Подсудимые встать»), в сатирическом очерке «Комсомолец-очковтиратель» замечается переход к диалектическому раскрытию явлений и показу явлений не в схеме, а в конкретных образах. Но темпы перестройки еще медленны.

Здесь следует упомянуть о статье А. Македонова в № 20—21 «На литературном посту», которая квалифицирует всю книгу С. Кирсанова как формалистическую трескотню и утверждает, что Кирсанов допускает «формалистическое извращение перестройки» и что его книга «Ударный квартал» продолжает линию «Последнего современника» и книгу «Слово предоставляется Кирсанову». Проникновение в творчество Кирсанова тенденций, унаследованных от прошлого периода, тенденций, ослабевающих и находящихся накануне смятия (ведь сам А. Македонов заявляет что в книге имеются «элементы подлинной революционности») дальнейшим ходом развития поэта, А. Македонов приписывает в главную струю кирсановского творчества. Такая критика в ряде мест стала А. Македонова переходящей в «заискательство», может только затруднить идейно-творческий рост Кирсанова и дезориентировать читателей. С. Кирсанов несомненно движется вперед. Речь идет о том, чтобы ускорить его движение.

Что должно форсировать перестройку?

Главное — в отказе от «играющего пения», от эстетизации лозунга, от плоскостного изображения действительности. Главное — в подчинении идейной направленности всей своей стилистической аппаратуры.

Достичь этого возможно только при условии, если С. Кирсанов будет с большей настойчивостью изучать (не пугаться этого слова!) социалистическое строительство, классовую борьбу не с птичьего полета, а с большевистских корней. Поэт должен от «ударников», у которых «руки ударника — клещи», перейти к познанию подлинного живого образа ударника наших дней. От «кинофильмы» о тридцати годах Октябрьской революции к идейному осмыслению всего исторического содержания этих лет. От изящных комплиментов по адресу комсомола к раскрытию в образах «будней» комсомольской работы. Словом, вместо плоскостной «зарисовки» надо поставить себе задачей — дать жизнь в рельефе, в выпуклостях, в динамике подлинных противоречий. Надо уметь показать, как снимаются эти противоречия диалектикой классовой борьбы.

Перестройка возможна лишь на основе подъема на высшую ступень мировоззрения художника.

Отдельные стихи в книге С. Кирсанова свидетельствуют, что такая работа им начата.

В добрый час!

Н. ОРУЖЕЙНИКОВ

О ПОПУТНИЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ

на докладе в. саянова в ВССП

от нашего ленинградского корреспондента

Доклад тов. Саянова ожиданий не оправдал. Докладчик обещал на анализе конкретного материала наметить основные тенденции развития попутнической поэзии. Но обещание свое он выполнил в очень незначительной части.

Прежде всего, как мы уже отмечали, («Л. Г.» № 46), он обошел молчанием творчество большинства ленинградских поэтов: Н. Тихонова, В. Эрлиха, Е. Полонской, В. Рождественского, Риплатта, Корнилова и др. Саянов упомянул «вскользь» только о единичных ленинградцах — например об Н. Брауне. К. Вагинове,—именно тех поэтах, развернутую каркенстскую критику творчества которых дал первый докладчик О. Малахов.

В. Саянов говорил, главным образом, о московской попутнической поэзии. Но и «московский» творческий материал, которым оперировал докладчик, нельзя признать удачным. Трудно, например, творчество В. Наседкина признать характерным для сегодняшней попутнической поэзии. Между тем большую часть своего доклада В. Саянов уделил... именно В. Наседкину.

Докладчик начал с воспоминаний о старой «Нике», на страницах которой «плакали скрипки», послышались красоты осенних вейлажей и «романтическая любовь». Эти скрипки и звуки рояля, играющие в наше время особенно реакционную роль, недавно еще «звучали» в сборниках печальной памяти Союза поэтов, ныне распущенного. Пышный расцвет реакционной тематики «красивых стихов» В. Саянов находит сейчас в творчестве «кулацких певцов»—С. Клычкова, П. Орешина, В. Наседкина. Перелистывая книгу стихов Наседкина «Ветер с поля», В. Саянов замечает:

— В буржуазном обществе, когда не о чем было говорить, говорили о погоде. Так же поступает поэт Наседкин: большинство его стихов—о погоде. Неожиданное «пресуществление» от природы —«ведущая идея» книги. Это—абстрактная схематическая поэзия, маловыразительная лирика природы.

Подобно двухтактовцам из старых французских грамматик—«каждое время года приносит нам новые радости»—в стихах В. Наседкина смена времен года влечет смену настроений поэта—независимо от нашей борьбы и строительства, от общественного бытия. Поэт прославляет деревню единоличников. Он противопоставляет ее советскому городу. Он не замечает движущих сил классовой борьбы. «Ветер с поля» — документ буржуазной вылазки на фронте поэзии.

— Под сильным влиянием буржуазной поэзии,—продолжает В. Саянов,—все еще находится и бывшие «костромольцы»—молодые конструктивисты. Разбору творчества Лаврова докладчик уделяет также значительное время. В. Саянов подчеркивает классово-неосмысленный биологизм в творчестве Лаврова, ведущий поэта к «эмпирическому восприятию действительности», к «перевальским» установкам бесклассового общества и «всечеловечного гуманизма». «Поиски попытки учебы у буржуазных поэтов» В. Саянов находит наконец у М. Тарловского.

Переходя к другому полюсу попутнической поэзии, В. Саянов возражает против понимания перестройки как пассивного процесса. Такое понимание выражено, например, в обращении В. Луговского к резолюции:

Возьми меня в передовку
И двинь, грохоча, вперед.

— Наиболее последовательно,—говорит затем В. Саянов,—приближается к пролетарской литературе Николай Браун. То, что Браун сегодня еще не в РАПП—случайный факт. «Вылазка в будущее» Н. Брауна в «Пятилетке» С. Кирсанова — по мнению докладчика, — творческие документы, характерные для перестройки поэзии.

— Переставая критиковать поэта во время перестройки, мы оказываем плохую услугу поэту. Критика должна помочь перестройке. И отталкиваясь от этих утверждений, В. Саянов переходит к критике Кирсановской «Пятилетки». Попутно он указывает на ошибочность существующего в Ленинграде мнения о Кирсанове, как о «поэте-трещотке».

— Кирсанов,— говорит В. Саянов,— одаренный поэт, творчество которого, однако, не лишено серьезных недостатков. К их числу относится и частности «левизна». «Пятилетка» Кирсанова—выросла без людей. В описании людей С. Кирсанов не идет дальше упоминаний фамилий. Но если нет людей, —нет и классовой борьбы; в поэме Кирсанова классовая борьба показана очень куцо: с одной стороны, пафос пятилетнего строительства, с другой—гротесковые «фокстроттирующие» враги.

В. Саянов отмечает также у Кирсанова целый ряд «загибов» в представлении о будущем коммунизме, религиозную трактовку пятилетки, схематизацию мировоззрения. Но вместе с тем он подчеркивает достоинство поэмы, как одного из первых поэтических произведений, пытающихся впервые войти в тематике реконструктивного периода.

Прения по докладу были перенесены на следующее дискуссионное собрание. Центральным выступлением на нем оказалось короткое «слово» К. Ваганова, согласившегося в общем с критикой его книги, данной С. Малаховым, и декларировавшего новый этап в своем творчестве.

Об этом—в следующем письме.

Ленинград.

Б. РЕСТ

МАССОВЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ БЕЗ МАСС

ПОДМОСКОВНЫЙ И ПСКОВСКИЙ СИГНАЛЫ ДОЛЖНЫ БЫТЬ УСЛЫШАНЫ ЦС РОПКП

Надо энергично ликвидировать прорывы в отдельных звеньях пролетарско-колхозной литературы

СИГНАЛ ИЗ МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Перед нами стоит задача: использовать первые победы, полученные в итоге призыва ударников в пролетарско-колхозную литературу для дальнейшего орабочения организации, для укрепления литературного кружка в колхозе, как основного звена всей организации.

Иначе, при других литературно-политических показателях призыв был бы сведен до уровня очередной кампанейской шумихи, когда много аппаратного шума, но мало результатов.

Такая опасность снижения всего призыва для РОПКП существовала и по-прежнему существует. Эта опасность для нас многие забыли: организация не имеет крепкого актива, аппарат организация по силе своих связей с массами слишком еще слаб, между тем как мелкобуржуазные влияния за нее еще достаточно сильны. А ведь именно мелкобуржуазная беспринципность обычно и приводит к тому, что серьезное дело подменяется шумной реноме, а результаты — разговорами и отключенными оценками.

Об этой опасности мы вынуждены вновь напомнить всем нашим организациям. Мы вынуждены вновь напомнить, что не только существует эта опасность, но что имеются факты развала кружков, возникших в результате призыва.

Мы имеем в виду некоторые примеры из практики нашей Московской области.

Совсем недавно специальная комиссия, созданная центральным советом РОПКП, произвела обследование МОПКП.

Комиссия утверждает, что в Московской области:

или часть кружков в совхозах и колхозах распалась, будучи предоставлена самой себе,

или эти кружки вообще были только на бумаге и поэтому при первом тщательном обследовании их попросту не оказалось.

В том и другом случае в результатах похода по этой области внесена серьезная поправка со знаком минус.

МОПКП в самое последнее время провел семинар по подготовке руководителей низовых литературных кружков (пример Москвы в этом отношении должен быть подхвачен всюду и другими краевыми и областными организациями РОПКП), и это несомненно ценное мероприятие должно явиться мощным средством к укреплению имеющихся литературных кружков в колхозах и совхозах, оружием проверки этих кружков и опорные базы нашего дальнейшего роста.

Но факты из практики Москвы должны послужить всем организациям сигналом для самопроверки. Нужно внимательно пересмотреть, что реально для нам призвать, что систематически делается для проверки жизненности и творческой организационно-политической правильности и всей работы и нет ли бумажных кружков, не было ли где-нибудь шумных призывов превращено в позорную погоню за цифровыми эффектами?

Должны быть тщательно продуманы и уже сейчас подготовлены такие мероприятия, чтобы осень и зимой можно было развернуть действительно массовую работу по укреплению нашего основного звена—литературного кружка в совхозе и колхозе.

Не плавать и анализировать, в какой мере московская организация и ее руководство ответственны за умалишение числа кружков в области, не разбирая сейчас все мыслимые причины и размеры распада, мы со всей силой настаиваем на бесспорный факт. что слабое руководство кружками, неприятие специальных мер к организационно-творческому укреплению кружков ни к чему другому не могут привести, кроме как к распаду; что распад хотя бы одного кружка призывно-ударного есть удар по всей организации, есть брешь в ее политико-политической линии.

Результаты проверки не только в цифровые) должны быть главнейшим «измерителем» политической зрелости и организационной прочности организации и ее руководства.

Все низовые организации приняли шумную декларацию центрального совета РОПКП о призыве. Эта декларация по существу определила линию нашего развития. Сейчас мы должны и будем судить об отдельных организациях по по их словесным признаниям правильности декларации (в этом сейчас уже никто не нуждается), а по их конкретным делам, по тому, как эта декларация осуществляется на деле.

Этим проверяется линия, этим испытывается работники.

Н. ОСТРОГОРСКИЙ

РАСПУЩЕНО ПСКОВСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ РОПКП

ЛЕНИНГРАД, (наш корр.). Бригадой областного совета ЛОПКП выявлено искажение литературно-политической линии в псковском отделении РОПКП.

Бюро псковского отделения РОПКП в течение долгого времени обманывало областную организацию. Вместо массовой работы, многочисленных бонхомо, колхозных литкружков, о которых сообщали из Пскова, обследовательская бригада обнаружила лишь один кружок при Елизаровской ШКМ. Остальные кружки только числились на бумаге, фактически они не существовали. Псковская организация никакой помощи совхозно-колхозным кружкам не оказывала. Даже в колхозе, находящейся в 1 км. от Пскова, никто из псковских «колхозных» писателей никогда не заглядывал. Вместо массовой организации в Пскове оказались группа писателей, замкнувшихся в узком кругу «творческих интересов», путем представления ложных сведений отвлекавшихся от политических задач, осуществляемых обществом пролетарско-колхозных писателей.

Секретариат ЛОПКП поставил за правооппортунистическую практику и искажение литературно-политической линии РОПКП дело псковского отделения немедленно распустить. В псковской организации РОПКП проводится чистка.

...И С ПЛЕЧ ДОЛОЙ

Дновское отделение ВОПКП, создав в марте литкружки при с.-х. коммунах «Новый труд», «Красный путиловец» и при колхозах «Дновский рабочий», «Красный треугольник» им. Ленина—на этом успокоились, полагая, что кружки сумеют существовать и развиваться без руководства. Ни разу не заглядывали отчета приверженных к кружкам тт. Агефонова, Капустина, Бодрикова и Буланского. Последние, пользуясь отсутствием контроля, явно саботировали. Литкружки были предоставлены самим себе.

ДЕКЛАШЕВСКИЙ

Александр Гатов

ПОЭТЫ парижских баррикад*

Работая над переводами французских революционных песен, стремясь создать адекватные русские стихи, я рассматриваю эту работу как пропаганду литературного жанра, который в совершенстве владели некоторые «шансонье» (авторы песен) 19 века. Злободневный материал, поднятый в песне на большую публицистическую и художественную высоту, продолжал еще долгие годы работать на революцию. «Интернационал» Потье—типичное произведение пропагандируемого нами жанра,—песня национальная (французская) по форме, социалистическая по содержанию и международная по своему значению, прекрасно иллюстрирующая мысль Сталина об искусстве, которое нам нужно.

Наша поэзия держит равнение на Демьяна Бедного, на диалектику. Французские шансонье, зачинатели массовой пролетарской песни, предшественники Д. Бедного, также могут иметь значение в укреплении нашей литературной боеспособности. Но пропагандируя песню, мы считаем необходимым критическое в свете истории—усвоение боевого опыта революционных шансонье.

пьер дюпон

Пьер Дюпон (1827—1870) был одним из популярнейших людей эпохи 1848 года. Его «Хлеб» и «Песня работих», явившиеся предвестниками революции, знали все. Они были переведены и на иностранные языки (на немецкий — Фрейлигратом). Республиканская студенческая молодежь, союзница рабочих в их революционных, баррикадных боях, несла поэта на руках (буквально!). Когда Дюпон являлся в какой-нибудь из распространенных в то время демократических клубов, ему уступали трибуну, и он вместо речи пел одну из своих популярных песен.

Этот огромный массовый успех длился несколько лет и оборвался внезапно. Произошло это после 2 декабря 1851 года, «декабрьского преступления», когда президент Луи Бонапарт об'явил себя императором, узурпировав народные права. Арестованный среди других революционных деятелей и осужденный на ссылку, Дюпон дрогнул, просил помилования и получил его. С этих пор Дюпон потерял все симпатии в революционных кругах, и разрыв еще углублялся реакционным характером, какой приобрело творчество Дюпона с первых лет Второй Империи. Дюпон, правда, посвятил семейным товарищам теплое послание, но ни это «мужайтесь!» младенца, ни личные качества Дюпона не занимали перед изгнанниками и их единомышленниками на родине малодушного ренегатства поэта.

* Фрагменты из книги «Пропаганда песня».

Не надолго хватало у Дюпона и мирного пафоса, декларированного неоднократно:

В последний раз прольется кровь,
И, меч о меч разбив, родится
Из разрушения любовь...

Как только началась крымская кампания, бывшая, как известно, соревнованием империализмов российского и западного (французского, английского) и сопровождавшаяся в Париже бешеной биржевой спекуляцией, в которой участвовал двор Наполеона III,—Дюпон запел сугубо-патриотическую песенку, во-дни в день трезвонил стихами, призывал мир поддержать Францию и Англию в их «справедливой» войне против «царя белого медведя», и ничем по существу не отличался от монархиста Анполона Майкова, воспевавшего «справедливость» и праздничного солдатиков умирать за «царя-батюшку».

Когда же Дюпон касался трудовых тем, он трактовал их вполне буржуазно. Например, в песне «Иголка», где прекрасно показана пролетарская, тяжелая работа швеи, поэт утешает работницу тем, что она в награду за трудолюбие найдет хорошего жениха, и добрый муж будет ей утешением в горестной трудовой жизни...

Дюпон и во время Второй Империи по инерции откликался на республиканские темы, но только в международном масштабе (стихи «Вентерскому революционеру Кошуту», «На раздел Польши» и др.), проявляя абсолютную благонадежность в отношении дел своей родины. Теперь он перешел к темам своей юности—розам, бабочкам, ласточкам, девушкам и пр., которыми он оперировал кулацкую Францию и привлек внимание многих знаменитостей (Гюго, Готье, Сент-Бева, Бодлера).

Как же произошло, что интернациональный революционный шансонье, поэт-трибун, так опустился? Какие социальные и биографические объяснения мы ни находили бы этому факту, приходится считаться с двумя резко размежеванными обликами Дюпона. Подчеркнем, однако, ущербленность пролетарской идеологии даже Дюпона-революционных лет, вследствие чего и современная поэту аудитория не могла принять его безоговорочно.

Дюпон, сын ткача (а по другим источникам—сын лионского кузнеца), был воспитан священником, родственником отца, после пробыл некоторое время в семинарии. Пусть он оттуда сбежал, чтобы обратиться к литературным занятиям—воспитание не прошло бесследно: Дюпон остался религиозным, и проматривши его сборник, мы повсюду встречаем «бога» и божественные аксессуары. Даже в своем боевом «Хлебе» Дюпон не обошелся без бога в пятой строфе, которую французские социалисты обычно исключали, распространяя этот отличный агитационный текст.

В 1860 году Дюпон выпустил собрание песен, выходивших до того отдельными выпусками. В предисловии к этой итоговой книге подувшийся уже поэт, пытаясь сохранить достоинство в ренегатском падении, представляется читателям только патриотом. Он предлагает критикам подумать, «не было ли долгом француза следовать за движением, которое должно сохранить Франции самостоятельность и запретить в мире триумф справедливости».

Сказанное не помешает однако зачислить Дюпона в ряды тех песен, которые дали основание В. М. Фриче видеть Дюпона «рабоче-крестьянским поэтом», наследие которого было бы несправедливым. «Песня рабочих» была предшественницей «Интернационала» в мировом рабочем движении. «Хлеб», посвященный голодным беспорядкам 1845—1846 годов, когда крестьяне были усмирены виселицами и расстрелами,—это песня еще не раз вспоминалась на родине, когда социалистические министры расстреливали рабочих и крестьян.

пьер дюпон

ПЕСНЯ РАБОЧИХ

(1846).

Мы под сводом иступленный
Пробуждаясь, день за днем
В кузнице и у машины
От рассвета спины гнем.
Рука, ноги — в напряженьи,
Бьемся мы весь день-деньской,
И низойдало виденье
Старости на костной.

Так сплотимся — все равно,
Даже в ночь пороховую —
Выпьем чашу круговую
За одно —
За свободу мировую!

Руки тянутся к победе,
Вся земля, пядь для пядь.
Украшенья и снеди —
Все в товар превращено.
Жемчуг, камни и металлы,
И дары полей — за труд.
Мы ж беспомощны, усталы.
Пес, как сядло, обстригут.

Так сплотимся — все равно,
Даже в ночь пороховую —
Выпьем чашу круговую
За одно —
За свободу мировую!

Что же нам дает работа,
Кроме скорбящей спины?
Наши полны — полны пота.
Мы машиной стать должны.
Вавилонской башни мовой
Строим чудо день и ночь.
Но лишь в улье мед роковый —
Пчел хозяин гонит прочь.

Так сплотимся — все равно,
Даже в ночь пороховую —
Выпьем чашу круговую
За одно —
За свободу мировую!

Отпрысков дворян тщедушных
Кормит наших жены. Честь
Ей погов — великодушно
Разрешит он рядом сесть...
Право первой ночи—острым
Бьет о тем до сих пор.
Пусть бедняк нашим сестрам
От насильников помор.

Так сплотимся — все равно,
Даже в ночь пороховую —
Выпьем чашу круговую
За одно —
За свободу мировую!

Мы в домовых, мы без крыши,
В мусорницах, в бурьяне
Совы и ночные мыши
Реют в воздухе сыром.
Только кровь ручьем горячим
В жилах катится быстрей.
И порой мы горько плачем
В темной ледяной ночей.

Так сплотимся — все равно,
Даже в ночь пороховую —
Выпьем чашу круговую
За одно —
За свободу мировую!

Всякий рад, как бурно прянул,
В мире — кровь на мостовых,
Это — праздник для тиранов,
Это — заработок их.
Но союз наш их сильнее,
Мы тесней сомкнемся вперед,
Бойня, что, свободой вея,
Снова ветру запоет.

Так сплотимся — все равно,
Даже в ночь пороховую —
Выпьем чашу круговую
За одно —
За свободу мировую!

жан-баптист клеман

Клеман (1837—1903) в юные годы обучался ремеслу и увлекался творчеством Беранже, Моро, Дюпона. Потом, метнув о карьере шансонье, пробился к известности, как автор популярных романсов («Время вишен»). Биографию Клемана до 70-х годов можно характеризовать словом «неизвестность». Автор песен, пользующихся широкой публикой, никогда не затрагивавших политических вопросов,—Клеман в эти самые годы его мещанской популярности был одним из наиболее левых деятелей, подготовлявших конец Второй Империи. В Парижской Коммуне Клеман принимал видное участие, как член комиссии по религиозным делам, по просвещению, как член мерии 19 округа. Поэт был сторонником якобинского-бланкистского большинства, был одним из инициаторов и проводников принятого Коммуной декрета об отделении церкви от государства (2 апреля), сражался на баррикадах. Лишь когда выяснилось, что сопротивление напрасно и через несколько минут версальцы будут в Париже, Клеман, изменив внешность, скрылся на несколько дней у доброжелателей и затем, без паспорта, рискуя быть арестованным, перешел германскую границу в Аахене, откуда тотчас же уехал в Лондон. Здесь наряду с другими коммунарами-бланкистами, Клеман принял участие во французской секции I Интернационала.

О своем превращении из салонного автора в поэта-социалиста Клеман писал: «Находясь в изгнании в Англии, думая о причинах поражений, о кровавых днях и ночных сражениях, о тридцати сьезжих тысячах убитых коммунарах, о моих друзьях, из которых одни расстреляны, другие — в Новой Каледонии, и почувствовал, что более не в состоянии сочинять незначительные куплеты. Я захотел поставить песню, начинающуюся одним из могущественных средств пропаганды, на службу делу побежденных. И с тех пор я работаю в этом направлении».

С 70-х годов начинается социалистический Клеман, основная идея которого, сформулированная им самим: «Нет виновных; общество, в котором мы живем,—вот единственный подлинный виновник». Против всего буржуазного строя вооружается Клеман:

Когда мы взрывами и точим
Основы системы гнилой,
Ответ ваш—картечью сухой,
Ответ ваш — цензурой рабочим.
Мечтать о работе — бесплодно.
Хлеб дорог и отнят нуждой.
Вчера только на мостовой
Свалился и умер голодный...
Свобода,
Равенство,
Братство.

В дальнейших строфах песни поэт переходит три этих ложно-декоративных слова на язык пролетарского быта. Они оказываются: «Безработицей, Голодом, Самоубийством».

Основной задачей Клемана, как пропагандиста французской социалистической партии (гедисты-марксисты) —было разбудить классовую сознательность рабочих, в массе своей неимущих сознательных убеждений:

В загон идут бедняки
Покорно, как овцы, сами.
Пусть жизнь их—одни туманы,
Пусть их гонят стадами,—
Поют и плящут—все, как прежде,—
И утешаются в надежде.

Клеман является также одним из пионеров классового пролетарского интернационализма («Люди без отечества»).

Клемана как поэта обычно ставят рядом с Потье. Этьен Бело говорит: «Лиризм Клемана сияет его книгу лучшей ясности и добродушия, которое отсутствует у Потье, у которого больше драгоценного, пекинировского». Здесь проявляется и социальная оценка. Потье дал беспощадные карикатуры капиталистического ада и буржуазного паразита; Клеман пел о том же, но часто менее мужественно, с меньшей диалектической глубиной. В стиле Клемана еще чувствуются сентиментальные нотесы мелкобуржуазного романса. С ними Клеман порвал, но не вполне от них избавился.

Как гражданин, Клеман выступает во всех воспоминаниях безупречным коммунаром и партийцем-социалистом, которыми все силы, вся жизнь отдал рабочему классу. Таким он запечатлен и в надгробных стихах Клеман Хаго:

Ты кричал: «Поднимайся, пролетарий!
Прочь хозяина, бога с вершины долой!»
Твои зерна взошли, в целом мире горят.
И горячий твой стих ты пронес через бой.

По камням, спотыкаясь, будил бедняков
Подрывать мирички, разрушая свой план,
Чтобы буржуазию прогнать, как попов,
Из тенистых, зеленых Арденн.

М. Б. Мелкий

люди без отечества

Родясь в лесу, в сторожке из соломы,
И видя только вышину кругом,
Не знают, что такое кровь, дом,
И с колодезной хорошо знакомы.
И солнце щедрого земного мая
Не озарит их пасмурные дни.
Вот почему, бунтуя и страдая,
Без всякого отечества они.

Богатый замок — горы яств и вина,
И ближе село виллу, под ним.
Сгада дородные по запашкой.
Сады и рощи, пышные долины.
Земля и солнце. Жизнь полна до краю.
Несчастным же — голодные огни.
Вот почему, бунтуя и страдая,
Без всякого отечества они.

Родясь на чердаках и в норах темных,
Сыны предместья, дети мостовой,
В цеху глотая полчых огневой
И в шахте—армии рабов наемных—
И обидах беспощадных нищеты,
Они бесплодны против запятых.
Вот почему, бунтуя и страдая,
Без всякого отечества они.

Придут, почуя в поле голодают.
Сухую корку платят им за труд.
Когда ж, полученные, увядут,
Их, как бродяг, с прирезными зарежают
И сука примет их земли сухая.
Растопчут злостных колосков глупцы.
Вот почему, бунтуя и страдая,
Без всякого отечества они.

И к бесконечность устремив взгляды,
Когда зари на травах золотых,
Они решают — счастье не для них,
К ним родина и люди—без пощады.
Мечты давно рассеялись, как стая.
Всечу конец! Лишь ноги протяни!
Вот почему, бунтуя и страдая,
Без всякого отечества они.

Они озверенны землей и небом.
Проходит жизнь, им горестям благ не дав.
Они сражаются за корку хлеба.
Но без оружия, без сил, без прав.
Жизнь пробегает, их не замечая,
И гасит смерть так рано их огни.
Вот почему, бунтуя и страдая,
Без всякого отечества они.

СМЕСТИ *хлам и мусор* с советской эстрады

искусство эстрады должно стать верным помощником партии в борьбе за социализм

1. об отсутствующих критиках и любимцах энской публики

Произведения малых форм, подаваемые в эстрады, имеющие огромное число слушателей, до сих пор не могут ни одного обстоятельного критического разбора. В результате такого положения на эстраду попадает—и до сих пор попадает—непроходимая пошлятина, от которой здорового человека тошнит.

Не отрицая резкого отпора в печати, эта литературная макулатура нашим чистым рецензиям в репертуаре актеров, в особенности актеров-гастролеров, кочующих по необъятному нашему Союзу, выступающих в кино между двумя сеансами, в садах, на эстрадах, в театрах. Миллионы слушателей вынуждены воспринимать безграмотную пошлятину безграмотных авторов.

Автору этой статьи, побывавшему в театрах многих промышленных городов, приелось не раз присутствовать на выступлениях «любимцев энской публики». Так например—на Сталинградском тракторном заводе, в день 10-й годовщины Октябрьской революции, в концерте, посвященном годовщине, выступал один из таких «любимцев-артистов» Пони. Выступивал негодяй-артист Пони. Выступивал негодяй-артист Пони. Выступивал негодяй-артист

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

орган федерации об'единений советских писателей рсфср

москва, 5 сентября 1931 г. № 48 (147)

РЕДАКЦИЯ:
Москва, Тверской б. 25, Дом Герцена. Телефон 2-80-12.

ИЗДАТЕЛЬСТВО:
Акц. о-во «Огонек»; Москва, б. Страстной б., 11. Телефон 5-51-69.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА:
На 12 м. 3 р. 50 коп.
На 6 м. 1 р. 75 к.
На 3 м. — р. 90 к.

постановление цк вкп(б)

от 15 августа 1931 года по докладу огиз

об издательской работе

Гигантский рост политического и культурного уровня рабочих и колхозников, происходящий на основе увеличения и расширения «материальной базы социализма», предъявляет все новые требования на книгу во всех областях знания.

Неизмеримо возросла потребность в произведениях классиков марксизма; задачи всемирных кадров требуют увеличения выпуска учебной литературы; подъем и активной политической жизни новых слоев трудящихся увеличивает спрос на массовую политическую книгу; особенно возрастает в период социалистической реконструкция потребность в технической литературе самого типа; развертывание культурной революции повышает всю специальную роль художественной литературы.

За последние годы в издательской работе достигнуты значительные успехи как количественные, так и качественные продукция ОГИЗ (учитывая и издательства, что в подведомстве в ОГИЗ) возросла с 500 млн. экземпляров в 1929 г. до 56% млн. экземпляров в 1930 году; в 1931 г. продукция ОГИЗ составляет не 800 млн. экземпляров. Издание сочинений Ленина в текущем году должно составить около 6 млн. экземпляров, т.-е. в два раза больше, чем в 1930 г.; издание технической книги увеличивается до 40 млн. экземпляров против 11 млн. в прошлом году; литература для всех видов школ и всеобщего обучения за последние два года возрастает до 150 млн. экземпляров; широко развернулось издание массовой литературы, в особенности сельскохозяйственной.

Вместе с тем ЦК ВКП(б) считает, что подъем издательского дела отстает от быстро растущих потребностей масс, в особенности с увеличением пролетариата и его культурным ростом, развертыванием колхозного движения, созданием кадров пролетарской интеллигенции. В самом издательском деле имеются недостатки, препятствующие своевременному и правильному удовлетворению культурных запросов: издание классиков марксизма ведется и недостаточных темпах; работа по созданию технической и производственной литературы развертывается с большим запозданием и недопустимо медленно; издательства не проявляют должной активности в привлечении и организации авторских кадров; качество книги также еще значительно отстает от предъявляемых к книге серьезных требований, что объясняется как недостаточным вниманием издательств к этому вопросу, так и плохим подбором редакторских кадров; книгораспространение поставлено бюрократически и не удовлетворяет своевременно и правильно спрос на книгу.

Борьба за дальнейший подъем культуры широких трудящихся масс, за воспитание каждого рабочего и колхозника как борца за социализм выдвигает перед издательствами ряд больших и новых задач.

Издательства должны своевременно учитывать потребность в книге со стороны разных слоев рабочих, колхозников, интеллигенции и учащихся различных специальностей и квалификаций и дифференцированно обслуживать их.

Характер и содержание книги должны целиком отвечать задачам социалистической реконструкции: книга должна быть боевой и актуально-политической, она должна вооружить широчайшие массы строителей социализма марксистско-ленинской теорией и техникой производственными знаниями. Книга должна явиться могущественнейшим средством воспитания, мобилизации и организации масс вокруг задач хозяйственного и культурного строительства; качество книги должно отвечать все возрастающим культурным запросам масс.

Тип книги, ее содержание, язык должны отвечать специальному назначению ее, уровню и потребностям той группы читателей, для которых она предназначена.

I
организация издательского дела

Ввиду того, что массовая пропаганда марксистско-ленинской теории приобретает все большее значение, и также в виду важности на данном этапе задач овладения техникой и распространения технических знаний, обе эти литературы должны быть поставлены в особое положение.

ЦК ВКП(б) постановляет:

1. Выделить из системы ОГИЗ государственное техническое издательство (Гостехиздат), передав его в ведение ВСНХ.

2. Выделить из системы ОГИЗ массовое партийное издательство (Мас-паркниг) и из государственного издательства социально-экономической литературы (Соцэгиз) издание массовой партийной и теоретической литературы по марксизму-ленинизму, образовав издательство партийной литературы (Партиздат), находящееся под непосредственным руководством Культ. прома ЦК ВКП(б).

3. Реорганизовать Государственное издательство социально-экономической литературы в Государственное издательство экономической литературы, сосредоточив в нем издание специальной экономической литературы, литературы по вопросам экономической географии, по труду, кооперации и снабжению, экономике отдельных отраслей хозяйства, а также экономических учебников. Оставить это издательство в системе ОГИЗ.

4. В виду того, что на местах, как правило, уже имеются необходимые условия для развертывания через местные национальные издания литературы на национальных языках, а также для приближения к обслуживанию литературой национальных меньшинств материальной и организационной базы ОГИЗ и крупнейших специализированных издательств перестроить дело издания литературы на национальных языках (Центрсельдат) на следующих началах:

а) передается по указанию бригады ЦК на места—в национальные издательства—выпуск литературы на родном языке, по сих пор медленнейшей Центрсельдатом;

б) предложить ОГИЗ и выделенным специализированным издательствам организовать издание литературы для обслуживания национальностей, не имеющих своих национальных издательств; для этого в частности организовать, во всех основных издательствах (ОГИЗ, Партиздат, Гостехиздат и др.) национальные сектора;

в) предложить ОГИЗ широко использовать для выпуска национальной литературы краевые издательства, входящие в ОГИЗ.

5. Все другие издательства, входящие в ОГИЗ в настоящее время, остаются в системе ОГИЗ.

Издательства, остающиеся в системе ОГИЗ, должны иметь полную издательскую самостоятельность, работая на хозрасчете, иметь свои средства и свой баланс, полностью отвечая за качество всей продукции. Вся свою работу в рамках ОГИЗ, издательства должны специализировать с тем, чтобы согласовывать издание литературы, сметной по своему характеру для нескольких издательств.

Правление ОГИЗ должно стать действительным руководителем единой издательской продукции, сосредоточив у себя общее руководство и планирование учебных отделов издательств и книгораспространения, подготовку и распределение кадров, организацию научно-исследовательской работы над книгой. ЦК особенно подчеркивает, что основное внимание издания ОГИЗ должно быть сосредоточено на борьбе за качество книги и на разработке всей совокупности вопросов, связанных с изданием литературы, отвечающей задачам развернутого социалистического наступления.

II
о задачах издательской работы

В своей работе издательства ОГИЗ, Партиздат и Гостехиздат должны обеспечить:

1. **Партиздат:** издание классиков марксизма в таких, обеспечивающих массовость маркистско-ленинское воспитание партийных и комсомольских кадров, а также рабочего и колхозного актива. Необходимо в 1932—33 г. полностью удовлетворить спрос на собрания сочинений Маркса, Энгельса и Ленина, несколько изданий Ленина и «Вопросы ленинизма» Сталина. Организовать выпуск на национальных языках основных произведений Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина.

В течение 1931 г. поставить издание популярной серии по ленинизму, рассчитанной на массовых читателей и на новые слои рабочих и колхозников.

Организовать издание массовой политической и социально-экономической литературы по вопросам партийного, хозяйственного и культурного строительства, классовой борьбы и марксистско-ленинской теории.

В ближайшее время создать специальные библиотечки для широкого рабочего актива: историко-революционные и для самообразования. Библиотечки эти должны в живой и популярной форме ввести читателя в круг основных вопросов марксистско-ленинской теории и истории классовой борьбы.

2. **Гостехиздат.** Поставить издание как теоретической литературы, в частности освещающей технические достижения других стран, для квалифицированных хозяйственных и технических кадров, так и учебников для втузов и производственно-технической литературы для широких масс рабочих.

Производственно-техническая литература должна быть особо специализирована по отраслям производства и приспособлена к уровню тех групп читателей, для которых она рассчитана. Гостехиздат должен организовать издание переводной технической литературы и справочников по различным отраслям производства и техники. Гостехиздату свою работу вести в тесной связи с научно-исследовательскими институтами.

3. **ОГИЗ.** Обратить особое внимание на издание сельхозлитературы для широких колхозных масс, к особенности литературы, передающей колхозный опыт социалистического переустройства деревни и вооруженной колхозно-колхозный актив необходимым с.-х. техническим знаниям.

Необходимо удовлетворить по-настоящему учебными пособиями школы различных типов и решительно улучшить качество учебных пособий. Учебники для школ I и II ступени должны составляться в основном на красном материале.

Художественная литература, играющая громадную воспитательную роль, должна гораздо более глубоко и полно отображать героизм социалистической стройки и классовой борьбы, перестройку общественных отношений и рост новых людей—героев социалистической стройки. Издание художественной литературы должно быть в известной мере специализировано в ГИХЛ по отдельным секторам (как, например, наряду с отечественными художественно-историческая литература, художественная сельскохозяйственная литература, художественно-индустриальная, классическая литература—русская и переводная).

Рост и активное участие в политической жизни рабочей и колхозной молодежи требуют исключительного внимания к делу издания литературы для молодежи и детей.

Обслуживание национальностей высококачественной силой по всем отраслям знания (особенно учебной литературой) на родном языке должно быть одной из основных задач ОГИЗ и всех специализированных издательств.

Вся издательская работа должна вестись под усиленным воздействием широких масс читателей, выражая реакцию «Правды» быстрее и чаще, чем это делается теперь.

— Пролетарским писателям сделано немало, — сказал в заключение т. Авербах, — но от нас требуется еще гораздо больше, чтобы быть достойными звания литературного отряда партии Ленина и Сталина, чтобы разрешить генеральную задачу — задачу создания большого искусства большевизма.

***

После выступления Л. Авербаха именем приветствовал от имени МОРП **Дж. Джерманетто** и от имени пролетарских писателей Польши — **Ст. Стандж. Дж. Джерманетто** указал на то огромное революционное значение, какое имеет для иностранного читателя показ героев пятилеток в художественной литературе.

— Пролетарские писатели зарубежных стран ждут от пролетписателей Советского союза и от их ведущего отряда — РАПП — перевода их книг, — говорит т. **Стандж.** — Показ героев и призыв в литературу — совершенно меняет лицо литературы, так же как содержание и ударничество изменяют прежние формы труда и быта.

А. Фадеев

III
периодическая литература

Отмечая, что качество издаваемых журналов все еще находится на низком уровне, что журналы нередко не являются боевыми изданиями, не имеют твердых планов работы, дублируют друг друга, страдают от недостатка авторских кадров, не выходят в сроки и т. д., ЦК считает, что улучшение качества периодических изданий (в частности техники оформления, иллюстраций) становится одной из ближайших задач ОГИЗ, Партиздата и Гостехиздата, научно-исследовательских институтов и наркоматов. Дело периодической журнальной литературы особенно ответственно. ЦК считает необходимым пересмотреть сеть журналов, сохранить число их, улучшить состав редакционных коллегий.

IV
об авторских и редакционно-издательских кадрах

Гигантский рост страны, сопровождающийся быстрым политическим ростом рабочего класса и колхозников, выдвигает новые сотни и тысячи талантливых писательских сил как в области теоретической, так и в области художественной и технической. Все это ставит перед издательствами боевую задачу—собрать и организовать вокруг себя все новые растущие авторские силы, помочь им подняться на более высокую ступень культуры, знания и специализации.

Издательства должны отбирать наиболее талантливые писательские силы, всячески помогая им и поощряя их как созданием необходимых материальных условий, так и предоставлением возможностей учебы.

В виду того, что система оплаты авторов имеет большое значение для улучшения качества издаваемой продукции, необходимо дифференцировать эту оплату и установить такую систему гонорара, которая бы стимулировала выдвижение наиболее талантливых авторов, особенно это необходимо в отношении ударного труда в тех видах литературы, которые имеют для данного периода особо важное значение.

Так как в настоящих условиях освещение опыта социалистического строительства и лучших образцов работы на различных участках социалистической стройки (предприятие, цех, бригада, совхоз, колхоз) имеет исключительно важное значение, все издательства (прежде всего Гостехиздат, Сельхозгиз, «Молодая гвардия») должны обратить особое внимание на выдвижение новых авторов из передовых рабочих и колхозников, хозяйственников и административно-технических сил.

Для работы с новыми авторскими кадрами при всех издательствах в месячный срок организовать специальные консультационные бюро или кабинеты, в которых должны даваться отзывы и советы авторам всех поступающих в издательства рукописей (независимо от принятия их в производство).

Большое внимание должны обратить издательства на лучший подбор и повышение квалификации редакторских кадров. ОГИЗ и специализированные издательства должны организовать сеть различных курсов (в том числе и заочных) для обучения и повышения квалификации авторских и редакционных кадров в различных областях знания.

V
критика и библиография

Борьба за идейно-политическое качество продукции, за соответствие ее требованиям развернутого социалистического наступления и современному уровню научной мысли должна стоять в центре внимания издательств. В этом отношении, наряду с издательским отбором художественных и авторских кадров, огромное значение приобретает рецензирование и библиографирование книжной продукции. ЦК отмечает, что центральная пресса до сих пор не поставила должным образом этого важнейшего дела, не выработала такой системы библиографирования, которая обеспечила бы авторитетное и своевременное ознакомление широких кругов читателей с литературой как общественно-экономической и художественной, так и особенно технической, и практически помогла бы издательствам в деле улучшения качества продукции, отбора и привлечения авторских сил. Неудовлетворительно поставлена библиографическая работа и в самом ОГИЗ.

ЦК ВКП(б) поручает ОГИЗ разработать мероприятия по реорганизации библиографического института с тем, чтобы он стал центром всей библиографической работы в стране.

Библиографические отделы в газетах и журналах должны в большей мере давать тематические обзоры по отдельным видам литературы. Наряду с этим необходимо создать специальный библиографический журнал, который освещал бы для читателей книжную продукцию и помогал бы воспитанию авторских и редакционных сил.

VI
полиграфбаза

Прежний исключительное значение полиграфической базе и техническому, что она отстала и не удовлетворяет растущие культурные потребности страны, ЦК поручает ОГИЗ, Наркомпросу и Гостехиздату совместно с ВСНХ СССР в 2-месячный срок разработать вопрос о дальнейшем развертывании полиграфической базы и оформления хозрасчетного полиграфического промышленности.

VII
бумага

Учитывая совершенно недостаточный рост производства бумаги (недостаточительная работа фабрик, медленное освоение нового импортного оборудования и особенно отсутствие нового строительства в последние годы), что задерживает необходимое развитие издательско-газетного дела, бытового и промышленного потребления бумаги в стране,—ЦК считает необходимым форсировать развитие бумажной промышленности как за счет рационализации и полного использования мощности существующих предприятий, так и путем строительства новых бумажных фабрик и комбинатов.

ЦК ВКП(б) поручает ВСНХ и Госплану СССР представить в месячный срок в Политбюро доклад о развертывании бумажной промышленности в течение ближайших лет под углом удовлетворения культурно-просветительных, промышленных и бытовых потребностей страны в бумаге и бумажных изделиях.

VIII
книгораспространение

Организовать вместо нынешней практики распределения книг книготорговлю, ориентирующуюся на изучение спроса и фактической потребности мест. Органы книгораспространения должны перестроить всю свою работу на началах живой связи с основными группами потребителей книг, тщательно изучая культурный и хозяйственный профиль обслуживаемых районов, и такие запросы различных групп потребителей книг.

Реорганизовать Книгосиндикат в Книготорговое об'единение государственных издательств (синдикатского типа) в системе ОГИЗ, с тем, что оно является основным аппаратом книгораспространения.

Поручить ОГИЗ и Культотделу ЦК разработать в соответствии с этим положение о книготорговле.

***

ЦК считает, что выполнение всех намеченных задач требует укрепления издательств квалифицированными и выдержанными работниками, обеспечивающими успешную борьбу с буржуазной и мелкобуржуазной идеологией, борьбу за генеральную линию партии.

ЦК ВКП(б).

4 пленум правления рапп

обсуждает основные вопросы пролетлитературы

за большое искусство большевизма! — *этот лозунг определяет и всю работу пролетарских писателей по показу героев пятилетки. первый опыт показа лучших подтверждает правильность творческих установок и теоретической линии рапп, которые обеспечили* **идейный разгром воронщины и литфронтовщины.**

но рапп еще плохо показала героев пятилетки

за качество показа лучших!

за развертывание творческой дискуссии и соревнование творческих группировок рапп!

Очередной расширенный пленум правления РАПП — последний шаг перед созываемой всей всероссийским и всесоюзным съездом пролетарских писателей, — открылся в переполненном зале клуба ФОСП им. Горького большим вступительным словом Л. Авербаха.

— Наш пленум должен послужить рычагом ускорения темпов дальнейшей перестройки нашего движения, перевода перестройки на новую, более высокую ступень, успешной творческой размежевки в нашем движении; он должен послужить толчком к более углубленной борьбе за ленинский этап в литературной теории, где до последнего времени действует «за неимением лучшего» — сказал т. Авербах, характеризуя задачи пленума.

— Журнал «На литературном посту»,—отмечал далее т. Авербах,—совершил ошибку, оторвавшись от самым острым образом итогов прошедшего пленума, с удовлетворением констатировав отсутствие на нем какой бы то ни было оппозиции. Для успешного творческого размежевания, для углубления творческой дискуссии нам обязательно нужны оппозиции, разногласия, прения по творческим вопросам. Только атмосфера творческих споров обеспечит дальнейшее развертывание творческой самокритики, обеспечит рост пролетарского литературного движения, — рост, тесно связанный с борьбой за ленинский этап в литературоведении.

Констатируя успешное развитие пролетарского литературного движения, тов. Авербах отмечает, что пролетарская литература, завоевавшая себе звание литературного среднего калибра, приближается к себе за последние годы значительно внимание советской общественности и партийных органов.

Выражением этого внимания является, в частности, ряд резолюционных статей по литературным вопросам, которые появились в течение последних месяцев на страницах ЦО партии «Правды». За это внимание т. Авербах, поблагодарив редакцию «Правды» быстроту и чуткость ее откликов, выразил надежду, что «Правда» будет и впредь помогать РАПП.

— Пролетарским писателям сделано немало, — сказал в заключение т. Авербах, — но от нас требуется еще гораздо больше, чтобы быть достойными звания литературного отряда партии Ленина и Сталина, чтобы разрешить генеральную задачу — задачу создания большого искусства большевизма.

***

После выступления Л. Авербаха именем приветствовал от имени МОРП **Дж. Джерманетто** и от имени пролетарских писателей Польши — **Ст. Стандж. Дж. Джерманетто** указал на то огромное революционное значение, какое имеет для иностранного читателя показ героев пятилеток в художественной литературе.

— Пролетарские писатели зарубежных стран ждут от пролетписателей Советского союза и от их ведущего отряда — РАПП — перевода их книг, — говорит т. **Стандж.** — Показ героев и призыв в литературу — совершенно меняет лицо литературы, так же как содержание и ударничество изменяют прежние формы труда и быта.

С большим докладом **о показе героев в художественной литературе** выступил затем **Ив. Макарьев.**

— В вопросе показа героев переплетаются все основные творческие вопросы, — отмечает т. Макарьев. — Почти переходящую тему пролетарской литературы; он бьет по отдельным темам нашей работы, по сомкнутому и бесформенному показу, по предрассудкам, барства и приспособленчеству.

Буржуазия тоже описывает своих героев. Но если мы найдем разницу между героями буржуазии и героями социалистического труда, то тем самым мы поймем и всю близость художественного показа героев пятилетки. Поймем, насколько этот показ является условием победы.

И. Макарьев рассказывает о том, как зарубежная буржуазия проводит своеобразный показ героев: один французский писатель описывает инженера на сельских парижских похоронах за то, что последний обходится по-мужски и пошел вместе с своих клиентах; «Берлинер Тагеблат» в очерке, посвященном приезду американской миллиардерши, совершенно серьезно умиляется по поводу людей, подобных героям ее очерка,

«...прогоняющих эту кучу мятежной пыли и безрассудно...».

Герои империалистических войн, герои авантюризма, грабежа и захвата — вот герои буржуазной литературы.

— Обращение МОРП, брошенного лозунг «Международный пролетариат должен знать героев пятилеток», или указания Дж. Джерманетто и Ст. Стандж. объясняет нас показать в литературе героя, которых не знает Запад: героев ...строительства, производственной работы.

И. Макарьев отмечает далее, что задача художественного показа героев социализма в документе большого исторического большевизма, а этот лозунг в свою очередь, тесно увязывается со стержневыми лозунгами пятилетки, в частности, с лозунгами сращения всех и величения масс.

Нарочитая и характерность тех описателей, с которыми писатели сталкиваются в работе по показу героев социалистического труда, И. Макарьев приводит ряд примеров халтуры, в которым он относит напечатанное стихотворение А. Мишина «Говорит ударник», напечатанное в четвертой книжке «Красной нови», и очерк из «Вышки», в котором описывается нефтяной пожар.

Других авторов, честно пытающихся дать художественный образ героя труда, держит в плену факт, биография. Такие авторы уже создали определенную штампованную схему: очерки их обязательно начинаются с описания социального происхождения героя, потом следует детство, затем непременно «гражданская война», дальше идет созидание героя на завод и годы разрухи (обязательно напоминает «Цемент» Гладкова), затем восстановление завода и, наконец, награждение орденом.

Нередко встречается и лакировка, ходульность, граничащая с анекдотом.

К нежелательным анекдотам приводит подчас обилие простоты, красивость, которая одного писателя побудила, например, назвать своего героя-ударника, ни больше, ни меньше, — «инженом сознательности». Нередко ощущается безыдейность, бесцельность очерков: многие из них не перерабатывают никакого опыта, ничему не учат, не поднимают читательскую массу. Дает себя знать и обезличка: во многих произведениях не ярко людей, фигурируют только фамилии; некоторые доходят до прямого отрицания индивидуальности, исходя из того «принципа», что у нас, дескать, героем может быть только коллектив, а не отдельная личность, хотя бы и выросшая в коллективе и им поддержанная.

Иногда чех людьми, о которых говорится в произведении, делает техника. Этим именно недостатком страдает даже такая ценная книга, как «Гидроцентраль» Марлотты Шагинян. Между тем, подчеркивая проблему овладения техникой, мы должны говорить о технике так, чтобы она не заслоняла людей.

Другое явление — разрыв показа техники и показа людей — видит т. Макарьев в очерках Ф. Панферова и Б. Ильенкова, о конце.

Сопоставляя далее очерк Ф. Панферова и В. Ильенкова, «Колхозная победа» и очерк Ю. Либединского «Цепь Горбунихи», И. Макарьев отмечает очень бочкой налет натурализма, беспроблемность и вялозвенность в очерке Ильенкова и Панферова. У Либединского, наоборот, «все сильно и яркими

Е. Кибальников

узлы, все сцепы». Но весь его очерк производит элегической лирической теплотой, которую т. Макарьев считает излишней.

***

Эта оценка И. Макарьевым очерков Ю. Либединского, Ф. Панферова и Б. Ильенкова вызвала ряд возражений и широко развернувшихся прений.

Ю. Либединский назвал, например, эту оценку, в значительной степени личной на основе вкусовых ощущений. Ю. Либединский указал на неправильность такого противопоставления его очерков очеркам Панферова и Ильенкова, которое, оставляя в стороне изучение всей сложности, всей совокупности недостатков и качеств обоих произведений, напоминает ошибочное противопоставление «Выстрела» «Рождению героя» в начале творческой дискуссии и не показывает истоков и направления писательского творчества. **А. Исбах** также упрекнул И. Макарьева в недостаточе материала, привлеченного им к докладу, и не согласился с его отрицательной оценкой очерков Ф. Панферова и В. Ильенкова, показывающих ту группу писателей, которая за последнее время работала над показом героев социалистического труда. В своем выступлении А. Исбах, однако, к сожалению, ничего не сказал о творческих установках группы Панферова, о линии ее творческого размежевания с чешским пролетарской литературы, представляемым А. Фадеевым, Ю. Либединским, В. Кирпотиным и другими. Не выступил на эту тему никто из остальных членов панферовской группы. Тем самым дело основное ряду выступивших в прениях товарищей указать на неясность творческих позиций этой группы, что отмечал и сам Панферов в своем заключительном слове т. И. Макарьев.

— Если вы ось представите как точную ось, — говорит т. Бухарин, — она никакой оси не будет, она превратится в прямую палку.

Далее т. Бухарин призывает пролетарских писателей помочь развитию технического движения так же, как в свое время они помогали рабселькоровскому движению. Предлагая пролетписателям создать серию книг по истории отдельных типичных заводов, строительств, железных дорог, т. Бухарин в качестве основных разделов этих будущих книг намечает историю техники и экономико-описываемого предприятия, проявления классовой борьбы, характеристику людей и влияния предприятия на округу.

М. Чумандрин

мающую периферию. Характеризуя выходящее в предприятии, — его эмиссаров, его агентов на периферии. Само собой разумеется, все эти моменты должны быть тесно и органически связаны между собой. «Героями» этих произведений должны быть не все заводы, а те предприятия, которым свойственны особые типичные черты, особая роль в революционном процессе. Для успешной работы писателей в области т. Бухарин предложил установить постоянную организационную связь между РАПП и руководящими научно-техническими учреждениями.

***

Центром внимания всей работы пленума явилось выступление Максима Горького, которого участники пленума встретили шумной овацией.

М. Горький конкретно поставил перед РАПП историческую для всего пролетарского литературного движения задачу создания истории отдельных заводов Союза советов.

Выступление М. Горького и доклад А. Селивановского см. на 4-й полосе.

завтра—17 международный юношеский день

КОМСОМОЛ ДОЛЖЕН ИМЕТЬ СВОЮ БОЛЬШУЮ ХУДОЖЕСТВЕННУЮ ЛИТЕРАТУРУ!

боевые ДНИ зарубежной молодежи

Г. КРАУС — «Приключения Фридриха Крона в Средней Европе», стр. 40. Ц. 20 к. Тираж — 15.300.

«Если вновь загремит барабан». Сборник, составил А. Берг. Стр. 61. Ц. 20 к. Тираж 15.000.

«На опасной работе». Очерки из жизни комсомола в Финляндии. Составитель Эльга Штрем. Стр. 32. Ц. 15 к. Тираж 15.000 Все три книжки — издательства «Молодая гвардия». Москва. 1931 г.

Три книжки — о делах зарубежной рабочей молодежи, о днях ее напряженной борьбы с полицией и жандармерией «демократических» стран Западной Европы, выпущенные «Молодой гвардией» в серии «Дела и дни КИМ», являются скорее публицистическими документами, ярким, благодаря новизне содержания, и незаезженным по форме.

Мы имеем очень смутное, туманное представление о комсомольском движении на Западе. Эти книжки поднимают, правда не до конца, завесу тумана, скрывающую от нас дела комсомольцев «капиталистических стран.

В каких условиях приходится им работать? Их существование полулегально, над ними постоянно — знаменитая резиновая дубинка, с которой мы встречаемся на страницах всех книжек. И не только дубинка. Частые мобилизационные митинги, собрания рассеиваются предательским свистковым дождем. Приходится прибегать к строгой конспирации, приходится проявлять сверхчеловеческую находчивость в беспрерывной борьбе с полицией. Это требует от комсомольцев огромной смелости, и она у них есть.

«Узлы были залиты чернилами», — доносит Георг Краус, — Горели пьянки. Отдельными знаками назначались на дебе названия товаров, фирм и марок». Прага, столица Чехо-Словакии, веселится, и веселье это разбивает фашистский выстрел, когда через несколько страниц мы видим, как смелая девушка, не задумываясь ни минуты, с опасностью для жизни уходит от бирже труда, агитирует в пререканиях с полицией, организовывает голодание, требования хлеба и работы». Фальшивый блеск туманит, когда через несколько страниц мы видим, как смелая девушка, не задумываясь ни минуты, с опасностью для жизни уходит от биржи

7-го начинается дискуссия в московском отделе вссп

РОСТ союзника

В обзоре поэзии за 1928 год, помещенном в «Ежегоднике литературы и искусства» (изд. Комакадемия. Москва, 1929 г.) в числе полутуманной, несущих на своем творчестве тяжелый гнет влияний буржуазной идеологии, я указал, мимоходом, на поэта Николая Брауна. Действительно, его тогдашний «творческий этап», зафиксированный книгой «Новый круг», свидетельствовал о трезвычайно болезненных симптомах. Вся книга, за исключением некоторых стихов, даже тематически отрывала от современности. Нейтральная, пейзажная лирика, бытовая лирика, дающая быт в плане отвлеченных картин, ничем не характерных для эпохи («Газетчик», «На улице», «Конокрады», «Вокзал» и т. д.) — стилизация обычного для старых поэтов «похода к городу и деревне» («Ночная страда», «В дороге» и др.) и — больше всего — описание творческого процесса.

Остановимся на последнем факте, поскольку он отчетливее всего вскрывает творческий метод тогдашнего Брауна.

В стихотворении «Корабли», открывающем книгу, Браун трактует творческий процесс, как неведомое плаванье. Сравнивая свои стихи с «неучтимыми» и «чистыми» кораблями, Браун говорит:

Не знаю, где их родина,
Не я их вывожу...

Роль поэта Браун сводит к безразличному и пассивному созерцанию этих, не по его воле протекающих, фантасмагорий:

Не только ночь напомнится —
И я уже спешу...

В представлении раннего Брауна, поэт—днищ мелиум, который является посредником между непередаваемыми силами и причинами людьми. Поэзия—плаванье свыше. Она — сверхъестественна и надземна. Она «проливает» по Брауну, как гуманевское «слово»—пламеносящим облаком с вышине,

Над спящими,
Над падшими,
Над стуком торгашей,
НЕСЛЫХАННЫМИ БРЫЗГАМИ
Для темных человечиков
Загубленных ушей...

Полнит, в этом толковании Брауна, —бальмонтовское волшебство звука, сказочные «ключи тайн», открывающие двери в сверхъестественное.

Такое идеалистическое обожествление поэзии нельзя не признать не случайным для Брауна периода «Нового круга». Это подчеркивает ряд других стихотворений этой книги. Укажу здесь только на два из них:—«Будни» и «Мастеру». В первом Браун противопоставляет будням, погрязшим в «духоте мелочей», обволакивающее, опьяняющее стихиями поэтическое слово:

На низменем поздняя,
Но города знамением,
Словом вот этим,
Что светит со дна,—
Мы размышаем пеной ходы...

В стихотворении «Мастеру» Браун уподобляет поэта почти пушкинскому пророку, обращаясь к нему со словами:

Вдохни закал в захолодевший камень,
Возьми язык, и сырец, и учи
Спагать речей поющие клинки...

Здесь и пушкинское «вырви грешный мой язык» и тютчевское уподобление поэзии «вещему волнующим клобам» и «захолодевшие камни», одухотворяемые искусством, сдвигом — полный арсенал идеалистического обожествления искусства, дрянью страшный, разумеется, в руках советского писателя-искусника. Браун проводит последовательно идеалистический метод в этом стихотворении до конца. Реальный мир кажется Брауну прибежищем чуть ли не сатанинских замыслов:

Ты видел мир? Он начерно и наспех
Сырым плакатом взят на полотно...

И вот этот несовершенный замысел реальной земли ждет спеца подлинного творца, которым, по мысли Брауна, является именно поэт.

Он ждет тебя. Ты старый мастер.
Не у тебя ль запрятаны в запястьи
и пазг, и свист, и бубенец,
и солнц играющие свасти,
и вымуштрованный резец?
Кромсай же заново и чертежи и нарты,
Вся поступь мира начисто разбей...

Целый ряд стихов «Нового круга» поэзии является неприятие реального мира, от противоречий которого поэт спасается в колоссальном, созданном собственным воображением. Это неприятие объективного мира имеется и в книге раннего Брауна, причем выражается оно не только в бегстве в поэтизированный нереальный мир искусства, но и в прямых мотивах отрицательно-мессианического отношения к действительности.

Реальная действительность вообще часто наводит поэта на мысли о смерти. Так, описание летнего дня, идущего к концу, и зарисовка на его фоне рыболова-старика, Браун заканчивает следующей безнадежной сентенцией:

И слушая я, и понимая я,
Что все к концу тропа моя,
И что еще один закат
Не повернет стопы назад.

Было бы неправильно однако все творчество Брауна периода «Нового круга» свести исключительно к указанным мотивам. Браун все же и на первом этапе, несмотря на отмеченные прорывы в идеалистический—в основном — творческий метод, являлся попутчиком пролетарской литературы. Сочувственное, хотя и недостаточно оформленное отношение к ней, запудренное ложным идеалистическим методом, проскальзывает все же в ряде стихов. Еще в «Новом круге» намечается некоторые сдвиги и в общем отношении поэта к действительности. Сквозь упадочные идеалистические мотивы ухода от действительности в мир поэзии и мечтаний прорывается иногда отчетливое тяготение к этой реальной действительности:

А мне вот тесно на рассвете,—
Я не слыхал страны моей,
Я не видал, какой заботой
Оживы березняки,
Как свежий бит через болота
Перебирает тростники...

Что подобная передвижка в сторону реального мира и социально-правильного его осмысления, возможная лишь в союзе с классом, перестраивающим этот мир, не осталась для Брауна только словесной декларацией, как это было со многими другими писателями, показывает его новая книга «Вылазка в будущее». Вместо смутных намеков на сочувствие пролетариату той перестройке мира, которую он несет с собой, мы видим в новой книге Брауна совершенно раскрытое, ничем не затушеванное приятие этого класса и его отношений. Больше того. Это уже не просто пассивно-сочувственное приятие со стороны. Сознание того, что он, поэт, является активным строителем нового мира и его новых отношений, проникает книжку Брауна. В программном стихотворении «Вылазка в будущее», открывающем книжку и являющем ей название, Браун не только осознает побеждающий социализм, но прямо ставит вопрос о роли и участии поэта в социалистической стройке:

И каждая дыра, изи под спина:
Сверять инженеру куски чертежа,
Красноармейцу — границы беречь,
Агроному — борозды гнать по пескам,
А мне, командиру словесных сил —
Переделывать заново человека...

Для прежнего Брауна можно было бы опасаться идеалистического понимания этой «переделки» человека с помощью искусства. Новый Браун не дает никакого повода для таких сомнений. И свою собственную передельку и роль своего поэтического оружия в деле переделки других Браун ставит в связь с социалистической практикой пролетариата, идейное подчиняет материальному, а не наоборот, как это было раньше.

Выполняя программу, намеченную в первом стихотворении, Браун уже не просто признает свое сочувствие социализму, а борется за его осуществление оружием поэтического слова. Это слово обращено своим острием прежде всего против поэтов прошлого, мешающего строить новое. Браун не ограничивается одной лефовской борьбой с «канарочной отравой» старого быта—он ставит вопрос о политических врагах пролетариата вообще и внутри Советского союза. В стихотворении «Русский иностранец» поэт направляет оружие лирики, насыщенной сатирическим духом, против «вошек николаевского образца» и «зарубежных дел ходоков», мечтающих о своем возвращении в Россию к ожидающему их с хлебом-солью кулачеству под звон колоколов и колыхание «белых платов».

В стихотворении «Слово к интеллигенту» Браун ставит перед советским специалистом, потомком радикальной мелкобуржуазной интеллигенции, террористов и народников—вопрос об окончательном и бесповоротном выборе. Внесмеховая мессианские, великодержавные по существу традиции возвеличивания старой России, Браун противопоставляет ей новую страну, создающую на обломках бывшей империи. Противопоставляя живое дело строящегося социализма пропащие традиции мелкобуржуазной радикальной интеллигенции, Браун делает правильный вывод:

Значит лучшие из живых —
На участках передовых,
Значит время встряхнуть костяк
Лучшей юношеской тоски —
За республики каждый сдвиг,
За судьбы ее черноки.

В ряде стихотворений Браун ставит вопрос о роли подлинно-советской молодежи в революции. То, что поэт не выделяет из общей массы рабочую и колхозную молодежь, показывает, что и в этих стихах Браун, как поэт, еще не пролетарский, решает судьбу своего социального поколения—советской молодой интеллигенции, искренне идущей с пролетариатом строить социалистическую страну и передельвать свою собственную природу.

Брауну чужда троцкистская оценка этой молодежи как «барометра революции», но он не дорос еще до поэтического показа ведущей роли пролетарской молодежи. Однако он уже решает судьбу своего поколения и своей социальной среды в плане полного подчинения их лозунгам пролетарской революции.

В этом отношении Браун чаще всего решает вопрос о двух направлениях, пропитанных одной идеей служения пролетарской революции. Это—либо (как в стихотворении «Вылазка в будущее») —активное и сознательное участие подлинной советской интеллигенции в социалистической стройке на участке своей специальности, либо демонстрации боевой готовности защищать эту стройку от белых и иностранных интервентов, постоянно угрожающих Стране Советов.

Понимая, что борьба будет не шуточная, что она будет решаться и беспощадной, что здесь одними «пилками не заживешь»,—поэт специально выделяет мотивы боевой стойкости советских бойцов, умеющих, если надо, как это показала стычка с китайскими генералами, мужественно и «чойно» умереть за революцию:

Выбьют оружие — зубом прой,
Вышибут зубы — стиснем десны,
Выйдем к стене и сильнее пробь...

Резко изменился подход Брауна к разработке и таких «действенных» тем, как общие вопросы жизни, смерти, отношения к природе и т. д. То же самые факты, которые раньше являлись проводниками пессимистического отношения и действительности, в творчестве нового Брауна подчеркивают диалектически мотивы оптимистического приятия жизни, являющегося следствием сознательства с побеждающим классом.

Так, в стихотворении «Диалектика», беря старую тему неизбежного умирания отдельных живых организмов, приходящую раньше поэта к пессимистическим выводам, Браун кончает так:

Но покуда мир болеет
Самодельной истиной,
Надо, взяв еще пеале,
До отказу выстоять...

Иначе решается и проблема искусства. Я уже показал выше, как поэзия из самодели становится для Брауна орудием классовой борьбы, средством борьбы за социализм. Соответственно с этим решением меняется и творческий метод поэта, его подход к действительности. Если раньше искаженные отражения действительности в зеркале идеалистического метода ставились на этом выше действительности реальной, рассматриваемой, как продукт поэтического сознания, то теперь та же проблема решается совершенно иначе. Самая ценность поэзии определяется ее соответствием объективной действительности, происходящей социальной практикой класса. Действительность иллюзорная снижается в своей роли, ей предпочитается реальная жизнь. В стихотворении: «Разрубленная сказка» поэт разрушает иллюзии идеалистического подхода к действительности сквозь призму детских сказок и их воспроизведения на стенах ковре:

И я сам не хочу их уступок,
Лучше клык, ударяющий в лоб,
Лучше дерево голый обрубок,
Чем суконная роща стволов.

Что поэт отрицает здесь не великое искусство, как это делают лефовцы, а только иллюзорное, искажающее действительность, показывают другие стихи, подчеркивающие социальную действительность поэзии («Мое оружье—это слово и слово действию равно»...).

Необходимо сказать несколько слов и о недостатках творческого метода Брауна. Браун, овладевая в поэзии методом материалистическим, еще далеко не овладел материалистической диалектикой. Для него характерно зачастую механистическое решение проблемы двух систем. По одну сторону, стоят интервенты, армии капиталистических стран и остатки белого движения, предатели и агенты капиталистической реставрации, кварцевая отрава меньшевизма, пессимизм, упадочничество, гнилые традиции буржуазной культуры, по другую—армия побеждающего социализма, рабочие и красноармейцы, дома культуры, оптимизм, бесстрашие, готовность в любую минуту встать на защиту социалистической стройки и т. п.

Такое, не всегда уходящее от схемы, решение проблемы двух миров свидетельствует в безусловном субъективном устремлении Брауна к пролетарской литературе, но вместе с тем обнажает недостаточность творческого метода поэта, необходимость дальнейшей его борьбы за овладение марксистско-ленинским мировоззрением, без которого художник не может дать произведения, достойные социалистической реконструкции.

Идя по линии общей демонстрации оптимистического мироощущения, поэт иногда не выходит за уровень лефовского радикализма в своем желании и «после смерти» попасть «хотя бы на черные» впереди (механическая точка движения только с количественной стороны), «взять еще левее» и т. п.

Перечисленные недостатки творческого метода приводят иногда Брауна к прямым политическим ошибочным установкам. Так его великодушная и своей революционной готовности красным армии—опора молодежи по возрасту и социально дифференцированная по составу. Не выделяя ведущей роли рабочего и партийного ядра в ней, игнорируя проверенных в гражданской войне бойцов и руководителей. Иногда эта замена выглядит почти как асеевская армия молодых в «Пастушьем». Правда у Асеева эта армия более абстрактна и в своей функции (она сражается против «старых» вообще). Браун отличается тем Асеев видит конкретных врагов Красной армии, связь ее с социалистической стройкой, ее непосредственные задачи и т. д. но уже то, что классовую эта армия недостаточно дифференцирована — большой политический недостаток военных стихов Брауна. Умолчание о той внутренней Красной армии, резерв которой представляет рабочий класс, и ее руководстве — комиерами самих капиталистических стран, — это умолчание дает неверный политический тон и всей концовке упомянутого стихотворения.

Есть в новой книге Брауна и ряд других менее крупных ошибок и просто спорных вещей, есть ряд нейтральных, мало действительных социальных стихов. Несомненной ошибкой является перепечатка из старой книги упадочного «Заказа», хотя и помещенного в газете «Диктатура». Но все это не может снять высокой оценки новой книги Брауна, книги доподлинно революционной, свидетельствующей о перестройке поэта из «попутчика» в союзники, с тенденциями дальнейшего перерастания в поэта пролетариата.

С. МАЛАХОВ

Н. Браун

В прениях по докладам

письма с дискуссионных собраний вссп в ленинграде

от нашего специального корреспондента

[illegible] четвергом [illegible] с речью [illegible] В. Саянов [illegible] на примере [illegible] Н. Браун. [illegible] Н. Тихонов, [illegible] Браун [illegible] Браун [illegible] Браун

создание истории заводов
такова важнейшая задача пролетлитературы
на ее решении будут проверяться
организации пролетписателей и творческие группировки
МАКСИМ ГОРЬКИЙ на пленуме правления рапп

— Обычно историю писали до Маркса так, как церковь писала «жития святых», — сказал Горький. — Это была история личностей и их влияния на ход исторических событий. Случилось так, что теперь историю делает вся масса, весь народ, которым руководит партия. Начальником истории всегда был человеческий труд, — это самое благородное дело на земле. Существует такое слово: «благородство». Его захватили себе дворяне и мы их земле это значит «хорошо родившийся», хотя, как известно, все рождаются одним и тем же путем...

Великое благо рождается трудом людей. Значит действительно благородными являются люди труда, производящие блага жизни.

— Мне кажется, — говорит дальше Горький, — что наша трудовая масса все еще не усвоила огромного решающего значения труда, значения этого факта, что человеческая энергия создает все, все на земле, начиная от пуговиц и кончая фабриками. Тут — в этой неуклюжести — есть что-то такое, что мы должны искоренить.

Мы не только должны разъяснить всемирно историческое значение труда, мы должны ему сказать о том, что масса трудится для себя.

Хорошо ли мы знаем то, что делается на фабриках, заводах, в шахтах нашей страны? Мы крайне плохо знаем, что производится в Советском союзе; энергией инженеров.

Наша церковная литература еще не справляется своего назначения: она отстает от темпов социалистического строительства.

Рабочие создали завод: они же будут писать историю своей работы.

Организационными центрами этой новой работы должны быть низовые ячейки РАПП, которые должны использовать местные архивы, применять опросы старых рабочих и работниц. Нужно рассказать о влиянии данного техничного завода на всю область, где он работает, надо уделить внимание и вопросам быта, связи с деревней, отношениям заводских рабочих с техперсоналом.

В результате мы должны получить книги, которые явятся своего рода энциклопедией нашего строительства, захватывая его историю с момента его возникновения и до наших дней. Для издания этих книг при ГИЗИ уже образована специальная редакция.

* * *

— Алексей Максимович, — сказал выступивший затем **Л. Авербах**, — ставит перед нашей организацией большую и сложную задачу, может быть самую сложную, какая когда-либо перед нами стояла. Мы должны взять на себя ее выполнение и тем самым показать, что пролетарское литературное движение быстро растет и успешно справляется с все более и более сложными задачами.

Пленум РАПП с большим подъемом принял предложение М. Горького.

Выступившие далее **Ю. Либединский, М. Жига, С. Фридман** (з-д «Самотека»), **В. Киршон, Дж. Джерманетто** и **Евсеев** (сталинградская фабрика «Скороход») единодушно отмечали историческое значение новой задачи, поставленной перед пролетарским литературным движением.

— Перед вами стоят большие, трудные задачи, — сказал М. Горький, подводя итог этим выступлениям. — Но чем труднее — тем лучше: от трудностей крепче человек становится.

— Вы умеете работать. И чем дальше, тем лучше будете работать. Так вам и следует, — улыбается Горький, — на это вы обречены...

рапп отвечает за положение на всем литературном фронте
крепнет отряд литературных союзников пролетариата
вне идей коммунизма не мыслим
подлинный под'ем художественного творчества

После заключительного слова Ив. Макарьева пленум заслушал большой доклад **А. Селивановского** «О попутничестве и союзничестве».

А. Селивановский указывает на то, что в первые годы восстановительного периода попутничество выступало как основной отряд советской литературы. Несмотря на свою разнородность, оно выступало тогда единым фронтом, нередко обращая этот фронт против пролетарской литературы.

Реконструктивный период принес значительный перелом: попутничество уже не занимает в нашей литературе центрального места, все больше и больше углубляется дифференциация его рядов.

С начала 1924 года группа писателей обратилась с письмом в отдел печати ЦК партии; смысл этого письма заключался в выступлении против пролетарского литературного движения. И под этим письмом подписи таких писателей, как В. Иванов, С. Клычков, А. Толстой, стояли рядом с подписями М. Слонимского и М. Шагинян.

В 1931 г. эти подписи уже не могли бы стоять под одним и тем же документом.

Чем было попутничество в восстановительный период? Это было сотрудничество мелкобуржуазной интеллигенции с пролетарской революцией до тех пор, пока революция не начала выкорчевывать корни капитализма.

Нельзя отделить искусство от классовой борьбы была господствующей доктриной в общественно-политических построениях попутничества того периода.

Непонимание движущих сил революции, элементы снисходительства, расчет на классовый мир сближали попутническую литературу с литературой буржуазной, приводили к стремлению обосновать единый путь «всей литературы и стремлению, навредному в частности слое выражение в известной теории перевальца Д. Горбова о «едином потоке».

Последние годы восстановительного периода, начало выкорчевывания корней капитализма в нашей стране, вызвали период длительных колебаний в среде попутничества.

После «Барсуков» Л. Леонов отходит к «Пильняку» прежде чем дать «Соть» и «Саранчуки»; Вс. Иванов пишет в это время «Особняк» и «Тайное тайное»; И. Сельвинский — «Пушторг». Одновременно активизируется и «Перевал», выпуская известный сборник «Рождения»; развивается и система взглядов конструктивизма.

— Во всех этих колебаниях попутнической писательства, — отмечает А. Селивановский, — немало повинны проповедники буржуазных идеалистических меньшевистских теорий в литературе (воронщина, перевершдизм, формализм). Однако, преодолевая эти влияния, преодолевая сомнения и колебания, значительная часть попутчиков совершает решительный поворот к пролетариату; все больше и больше углубляется дифференциация, хотя многими она еще и не осознается.

Сегодня попутническая литература уже принуждена говорить о своих возможностях не только с пролетарским крылом, но и в своих отношениях с все растущим союзническим отрядом, к которому примыкают и наши постоянные союзники, — пролетарско-колхозные писатели.

— Значительное укрепление левого фланга попутнической литературы не подлежит для нас, — говорит А. Селивановский, — с лучшими из них писателей мы укрепляли организационные постоянные связи и течение ряда лет.

Пролетарское искусство будет перерастать в искусство социалистического общества. Это с особой остротой ставит перед каждым попутническим писателем вопрос о его литературном будущем. Как известно, отрицание возможности перестройки свойственно не одному В. Ф. Переверзеву; оно проявляется и в известных кругах ВССП.

А. Селивановский приводит ряд примеров его проявления.

На с'езде сибирских писателей Ис. Гольдберг в прошлом году пытался доказать, что попутчики могут быть только «в обозе» революции, «санитарами на поле битвы»; на лето социалистической стройки могут, дескать, итти только пролетарские писатели.

Другим выражением этих настроений является известное стихотворение Б. Пастернака, в котором он говорит:

«...Но или мне быть
с моей грудною клеткой»... и т. д.

Третий пример — повесть Як. Рыкачева «Величие и падение Андрея Осокина», деликом направленная против идеи возможности социалистической перестройки мелкобуржуазной интеллигенции.

Все эти сомнения опровергаются не только марксо-ленинской теорией, они опровергаются и практикой, в частности, — практикой Маяковского, который пришел в литературу мелкобуржуазным сатириком, а умер пролетарским поэтом.

Перестройка, конечно, возможна, и она происходит на наших глазах. Но с ней задач пролетарских писателей. А. Селивановский отмечает, что ленинградский этап творческой дискуссии впервые для организованное выступление наших литературных союзников — М. Слонимского, Н. Тихонова и других.

Основным лозунгом нашей работы с союзничеством должен быть сейчас лозунг борьбы за идейную литературу, включенную в практику социалистического строительства, за литературу умную, насыщенную идейным содержанием. Только осуществляя эти лозунги, союзнические писатели будут приближаться к тому, чтобы стать писателями пролетарскими.

РАПП должен поставить перед собой ряд неотложных задач в области работы с попутническими и союзническими писателями: нужно активизировать работу рапповцев внутри ВССП, улучшить качество нашей конкретной критики, сурово бить по ее ошибкам, отказаться от своеобразной обезички — одинакового подхода к самым разнородным писателям.

Нужно выработать ряд мер, сближающих попутническо-союзнические кадры с повседневной практической работой рапповцев,—в частности в области работы с приходящими в литературу ударниками; надо превратить ФОСП в подлинное орудие совместной работы пролетарских и попутнических писателей; наконец, нужно, чтобы областные и республиканские АПП при учете специфических местных и национальных условий поставили бы во всю ширину вопросы попутничества и союзничества в национальных литературах.

— Широкие круги нашего писательства, — говорит в заключение А. Селивановский, — должны постоянно помнить, что с каждым годом и месяцем на РАПП возлагается все большая ответственность за положение на всем литературном фронте, и мы заинтересованы в том, чтобы каждый сколько-нибудь ценный в творческом отношении писатель был сохранен для социалистической революции.

В прениях по докладу А. Селивановского приняли участие т.т. Малахов, Подобедов (НЧО), Малбиш-Веров, Сосфиев, Залесский, Сапрун, Ясенский (ЛО ВССП), Македонов, Инц. Сутковский и Гумер-Галиев (Татреспублика).

После заключительного слова А. Селивановского пленум заслушал доклад В. Киршона об итогах первого этапа призыва ударников в литературу.

Отчет о нем будет помещен в следующем номере «Литературной газеты».

Д. К—м

международный пролетариат
должен знать героев пятилетки
секретариат цс локаф откликнулся на обращение морп

На обращение МОРП к литературным и писателям СССР секретариат ЦС ЛОКАФ откликнулся постановлением. Секретариат считает необходимым усилить работу всех организаций ЛОКАФ по показу героев Красной армии и флота под лозунгом: «Рабочие всех стран должны знать героев социалистического строительства, героев укрепления обороноспособности СССР».

Вопрос о реализации этого лозунга секретариат ЦС предлагает обсудить на совещаниях руководящих органов местных организаций ЛОКАФ и на шир-роких собраниях членов ЛОКАФ и кружковцев. Их решения должны быть немедленно отражены во всей работе по показу героев ударничества-красноармейцев, краснофлотцев, командиров, политработников, лучших по боевой и политической готовности частей, лучших по укреплению тайной обороноспособности предприятий и колхозов.

Всем организациям ЛОКАФ предлагается разработать ряд конкретных мероприятий, направленных к тому, чтобы работа над выполнением этого постановления дала реальные результаты уже к XIV годовщине РККА.

Секретариат ЦС разработает и проведет в жизнь план привлечения отдельных организаций ЛОКАФ к органам зарубежной коммунистической печати.

Персональную ответственность за проведение и осуществление начатого и за связь с МОРП возложены вх т. М. Ольха. Всем организациям ЛОКАФ предложено выделить ответственных товарищей на местах, сообщив их фамилии в секретариат ЦС и МОРП.

издать альманах о героях пятилетки
на главнейших европейских языках
постановление секретариата вссп

1. Признать, что показ социалистического труда в начала капиталистических стран имеет актуальнейшее политико-воспитательное значение для зарубежного движения и должен осуществляться всеми советскими писателями, входящими в ВССП.

2. Через секретариат ФОСП связаться с РАПП в целях совместного проведения кампании под лозунгом «Международный пролетариат должен знать героев пятилетки».

Совместно с секретариатами ФОСП и РАПП наметить конкретные формы участия писателей ВССП в коммунистической печати зарубежных стран.

4. Войти в секретариат ФОСП с предложением об издании на главнейших европейских языках специального альманаха о героях пятилетки, к составлению которого должны быть привлечены писатели всех организаций, входящих в ФОСП.

5. Для совместной с РАПП и ФОСП работы по проведению кампании выделить тт. Киршона и Свенсена, на которых возложить ответственность за вовлечение в работу максимального числа писателей ВССП.

СЕКРЕТАРИАТ ВССП.

литературное сегодня

* Ввиду участившихся жалоб подписчиков на неполучение ими изданий РИКН, создана комиссия в составе тт. Бархаштова («Красная новь»), Вандецкого («Пролетарский авангард») и Вермук («На литпосту») по обследованию работы Книгоцентра. Комиссия детально ознакомится с порядком рассылки тиража подписчикам. К работе комиссии приступила 26 августа.

* Правление ВССП поручило бюро секции науки и беллетристики организовать ячейку техпропаганды (в связи с решениями исполбюро ФОСП). Ячейка должна связаться через ФОСП с комиссией техпропаганды при ВСНХ. Руководителем ячейки техпропаганды при ВССП назначен т. К. Зелинский.

* Правление ВССП постановило провести разделение функций внутри секретариата и хозяйственной комиссии. Предполагается организовать хозяйственную коллегию с секторами: питания (П. Евдокимов), управления домами отдыха (В. Шишков), книжной торговли (Козырев) и распространения (Тихонов). Работа творческого сектора (клубов) будет находиться в ведении секретариата.

* М. Борисоглебский, исключенный из ВССП, подал заявление о признании ЗО ВССП с признанием ошибочности своего поведения и выступлений на заводе «Красный треугольник».

Борисоглебский формально ошибки признал, но его выступления на «Красном треугольнике» связаны с другими известными (в ряде документов), в которых Борисоглебский также пытался опорочить ЯЮИ и его руководство (ошибочность этих документов Борисоглебским на заседании президиума признана). Президиум решил от восстановления Борисоглебского воздержаться до проверки его в творческой и общественной работе.

хроника театров

зимний сезон в малом

Малый театр открыл зимний сезон 1 сентября—«Ревизором».

Полный репертуар, осуществление которого намечено в сезоне, включает пять пьес: «Ясный луг» К. Тренева, первую представленную которой—15 сентября; «Эмма» Гете, «Донской-Тишка»—Жюль Ромена и новая пьеса—Э. Афиногенова, которая по уговору с театром должна быть готова к весне 1932 года, и К. Романова—об обороне страны. «Отцы» будет поставлена в связи с исполнившимся в этом будущего года столетием со дня смерти Гете. «Донской-Тишка» Жюль Ромена находится в стадии переделки: в пьесу будут включены политические инсценировки на тему «СССР и буржуазный мир».

В финале театра первой новой постановкой будет «Третья скорость» К. Фина и И. Волконского. В репертуаре,—кроме того,—пьеса Н. Шпаковского «В дальней фактории», «Гроза» Островского и пьеса на современную тему.

Летом, впервые за время своего существования, Малый театр выезжал на Урал в полном составе, с полным декоративным оформлением спектаклей. Гастрольные спектакли сопровождались докладами о театре, лекциями артистов, экскурсиями и встречами театра с уральскими рабочими организациями.

Уральская рабочая общественность приняла весьма сердечно гастрольную поездку театра. С другой стороны и коллектив театра многое извлек из этой поездки, наблюдая и изучая картину грандиозного строительства на Урале.—Рабочие Верхне-Нейвинского завода постановили считать Малый театр культурным шефом завода.

репертуар мхт

Сезон в МХТ откроется спектаклем «Хлеб» **П. Кирилова**. Спектакли малой сцены» временно передаются в театр им. Вахтангова, где они будут продолжаться до 29 сентября.

Репертуар МХТ складывается следующим образом: новая пьеса А. Афиногенова «Страх» будет поставлена в конце октября. Обычно руководящая постановкой принадлежит В. И. Немировичу-Данченко. В декабре-январе будет дана новая инсценировка «Мертвых душ», прикадлежащая М. Булгакову. В репертуаре также пойдет еще новая пьеса Ю. Олеши «Смерть Кавлка» и два возобновления классики: «Тартюф», в постановке В. И. Немировича-Данченко, и «Плоды просвещения» — в постановке К. С. Станиславского.

На малой сцене в октябре будет дана пьеса И. Потапина «Дедовск»; в декабре—«Хороший человек» А. Назарова. В производственный план включены также: «Мечер Горького» («Челкаш», «Отдых-мордастый», «Мать» и др.) и «Хождение Гольдаста».

камерный театр

Сезон откроется «Линией огня»—2 сентября. Первой новой постановкой в сезоне явится пьеса украинского драматурга Кулиша «Патетическая симфония». — Театром организуется драматургическая мастерская, в которую войдут писатели, либо или совсем не работающие для сцены.

сто сборников литкружков

Секретариат МАПП приступил к реализации постановления первого областного пленума МАПП об издании ста книжек-сборников литкружковцев рабочих литкружков.

Издание сборников имеет своей целью создать творческое ядро машинных литкружков и явится итогом годовой работы с ударниками, призванными в литературу.

Каждый сборник будет включать в себя творческий материал одного литкружка. С рядом кружков (при заводах «Серп и молот», «Динамо», ЦАРМ, з-де Мясищева, ф-ке им. Балакирева, в Подольске и др.) редколлегиями уже ведет работу по отбору и редактированию материала.

Секретариат МАПП предлагает всем литкружкам Московской области приступить к работе над сборниками и немедленно связаться с редколлегией по адресу—Москва, Тверская, 5, МАПП, редколлегия ста книжек.

письма в редакцию

Дорогой товарищ редактор!

Продолжительное отсутствие в Москве не дало мне возможности держать корректуру книжки «Публицистическая хрестоматия», вышедшей в издательстве «Огонек». В силу этого, в книжке оказался ряд корректурных и типографских погрешностей, искажающих смысл и язык печатаемых произведений. Например: в стихотворении «Проблема хорошего», вместо «Мундштук сна», напечатано «Мундир сна», вместо «окрепнут», напечатано «окрепут», заглавие статьи «Война и Мир», в заголовке произведения снижены два предложения: вместо «и т. д., и т. п. и т. п.» напечатано «и т. д., и т. п. и т. п.». Например в стихотворении «Песни старого рассчета», в свое время сделанная редакционным работником одной газеты (вместо «Я вел на Зимний бронепоезд» — «Я вел на Смольный бронепоезд»), также оказалось механически перенесенной в книжку «Публицистическая хрестоматия».

Сами, какое это может доставить удовлетворение и внешнее «изобилие» бородавок, считаю необходимым предупредить читателя через вашу газету.

С поэтическим приветом

ИОСИФ УТКИН

31 августа 1931 г.

* * *

Изд-во «Молодая гвардия» издало в количестве 25.000 экземпляров (на хорошей бумаге, с иллюстрациями) всемирно-известную песню тов. Эрих Вайнерта «Песня красного Веддинга». Тов. Эрих Вайнерт, один из значительнейших поэтов мирового пролетариата, случайно получив экземпляр этого издания. Он по этому поводу написал секретариату МОРП следующее: «Я ничего не имею против, чтоб массовые песни издавались без имени автора, но тогда, по моему мнению, и остальные имена тоже не нужны». Да, трудно верить, но факт: в книжке отсутствует имя автора текста. Напечатаны ноты, но отсутствует имя их компилятора — т. Эйслера. Зато фигурируют фамилии переводчика, иллюстратора и того, кто записал и аранжировал ноты.

Если бы это был первый случай пренебрежения со стороны «Молодой гвардии» к произведению иностранного пролетарского писателя, мы не обратились бы по этому поводу к советской общественности. Но мы должны открыто протестовать против применяющихся «Молодой гвардией» методов. Аналогичный случай — издание недоброкачественного сборника по материалам МОРП без указания источника.

В заключение отметим то существенное обстоятельство, что, несмотря на то, что «Красный Веддинг» был несколько раз хорошо переведен, «Молодая гвардия» воспользовалась новым, крайне неудовлетворительным переводом, ничуть не передающим всей силы подлинника.

Москва 1/IX—31 г.

СЕКРЕТАРИАТ МОРП

в сентябре—октябре три дискуссионных доклада

ЛЕНИНГРАД (НАШ КОРР.). Штаб творческой дискуссии в Ленинградской парторганизации в сентябре-октябре три дискуссионных доклада: об историческом романе (докладчик А. Седых), о наследии классической литературы (докладчик Ю. Тынянов) и о детской литературе.

извещения

* 5 сентября—18 ч.—ЛИЛ Комакадемии (Остоженка, 53, 3-й этаж)—очередное занятие курсов-руководств МАПП и машинного актива.

* 5 сентября—19½ ч.—Огонек» (Страстной б., 19) организует очередной литвечер.

* 6 сентября—18 ч. — РОКИН организует в помещении редакции «Комсомольской правды» (комната 24) доклад И. Замойского о поездке в колхоз.

* 6 сентября—17 ч.—в помещении МАПП (Тверская, 53)—заседание штаба транспортных бригад МАПП.

* 6 сентября—19 ч.—в редакции «Пролетарский авангард» (Тверская, 35)—очередное собрание Об'единения рабочих писателей-ударников при журнале.

* 6 сентября—18 ч. — в Новой кузнице (Тверской б., 25) — открытие литобъединений. Поэт-рап-Прибой читает отрывки из «Пушмил».

* 7 сентября—18 ч. — в клубе ФОСП им. Горького МОКИН организует вечер с докладом т. Дорогойченко о творческом методе.

* 8 сентября, в 19 час., в помещении клуба им. Горького Я. З. Гирингори сделает сообщение о новых ставках авторского гонорара, выработанных по поручению СНК РСФСР Комитетом по делам печати. Проект касается не только гонорара за издание литературных трудов, но и оценки публичного исполнения драматическо-музыкальных произведений.

* 8 сентября—17 ч.—в конференц-зале Дома Герцена—расширенное заседание горкома писателей с представителями МК ВКП(б). Цель и обязанности союза писателей в бумажной и ленинградских писателей.

* 8 сентября—18 ч.—в клубе ФОСП им. Горького на чтении МОКИН т. Федоровых читает свою пьесу «Шестнадцать самоваров».

* МАПП предлагает всем членам пацеклиц МАПП пройти перерегистрацию у т. Рабиновича (Тверская, 54, 3-й этаж) с 12 до 15 ч. Секретари секций обязаны сообщить все сведения о товарищах, числящихся при МАПП.

поправка

В № 45 «Л. Г.» от 20 августа в статье О. Дымшица «Фома Клешнев» (вторая полоса, вторая колонка) фразу «до последнего предела уточнения» нужно читать «до последнего предела уточнения».

Ответственный редактор: С. ДИНАМОВ.

РЕДКОЛЛЕГИЯ: Н. Асеев, С. Динамов, И. Жига, Л. Ильинский, И. Катаев, Г. Коренев, Н. Огнев, А. Селивановский, И. Сельвинский, М. Слонимский.

ИЗДАТЕЛЬ: Журнально-газетное об'единение («Огонек»).

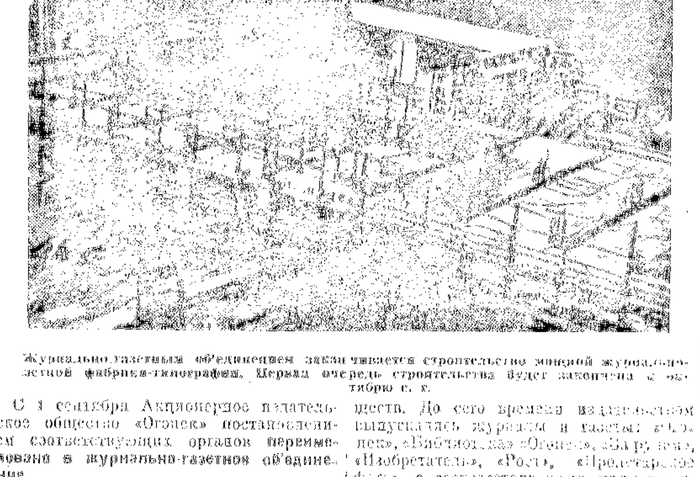
журнально-газетное об'единение

укрупнение и переименование из-ва „огонек"

новая журнальная фабрика

выполнить указания цк вкп(б)

овладеть журнальной техникой для большевистской журнальной периодики



Журнально-газетным об'единением заканчивается строительство мощной журнально-газетной фабрики-типографии. Первая очередь строительства будет закончена к октябрю с. г.

С 1 сентября Акционерное издательское общество «Огонек» постановлением соответствующих органов переименовано в журнально-газетное об'единение.

Переименование это знаменует собой уже давно происходивший процесс расширения издательской деятельности «Огонька», ставшего в настоящее время типизированным издательством по массовой периодике. В систему издательства к моменту переименования входит около тридцати массовых журналов и газет, являющихся органами крупнейших наших культурных, литературных, технических и др. об'единений и добровольных обществ. До сего времени издательством выпускались журналы и газеты: «Огонек», «Библиотека «Огонька», «Затейник», «Изобретатель», «Роса», «Пролетарское фото», с соответствующими приложениями, «Литературная газета», газета «Кино», «Вестник кукольника» (Объединение техников»), «Друг детей», «Журналист», «Красная Бессарабия» и др. В ближайший момент к издательству переходят газета «Радио в деревне» и журнал «Радио-фронт». Цель, какие ставятся перед журналами, переходящими к нам, — борьба за выпуск новых журналов и газет: «Борьба классов», «Литературная учеба», «Социалистический город», газеты «Физкар» и «На фронте культа». О свое место в работе издательства занимает периодическая литература для иностранного читателя: для немецких и англо-американских специалистов—«Москауер Рундшау» и «Москау Ньюс», для англо-американских рабочих—«Уоркерс Ньюс», для иностранных изобретателей предназначен журнал «Изобретательство в СССР».

Журнально-газетным об'единением запланировано создание мощной технической базы; сейчас будет пущена первая очередь вновь построенной журнальной фабрики (на Сокольском валу), оборудованной новейшими ротационными машинами. Сугубое внимание уделяется подготовке новых кадров для журнальной фабрики. Для этого открыты особые курсы.

В своем отзыве об издательстве «Огонек» **М. Горький** отметил «...энергию и бескорыстие советских работников, их умение осуществлять производственные задачи быстро и распространять идеи социализма». На всем этом — для укрепления уже достигнутых тиражей и удержания «взятого пятилетки» — издательством широко применяется метод создания мобилизаций по распространению печати с массово-политической работой. Все начальники по массово-политической работе с улучшением отдела журнальной продукции назначаются под руководством образованного совета редакторов.

При журналах, как и при газетах, входящих в систему Журнально-об'единения, созданы группы и активы из рабочих-ударников. Литкружки ударников привлечены в литературу, работающий при редакции журнала «Огонек», ведет систематическую работу литкружков над своими произведениями с учебой, а также с редакционной и рецензентской практикой. Систематически работает актив при газете «Кино», практикующий периодические выезды редакции на кинофабрики. С октября начинают работать курсы рабочих-авторов при трудах технических журналов.

Для более сильной постановки редакционной работы издательством организуется сеть об'единенных корреспондентских пунктов по СССР, а также фотокоров и спецкоров. Создается центральная справочная библиотека, фотоархив, просмотровый зал и т. д. Для сотрудников организуется загородный дом отдыха при совхозе, предназначенном для снабжения рабочих и служащих издательства. Запланировано **перевод всех отдельных частей издательства и отдельных редакций на хозрасчет.** Расширена первоначальная ответственность на каждом отдельном участке работы.

Благодаря специализации издательства исключительно на выпуске массово-типажной периодики, его может считаться теперь наиболее передовым и рационализированным издательством, приспособленным для регулярного, календарного выпуска массовой журнально-газетной продукции. Однако, по словам **председателя правления Жургазоб'единения т. Мих. Кольцова**, перед издательством стоит еще целый ряд серьезнейших задач в деле проведения в жизнь постановления ЦК ВКП(б) об массовой работе. ЦК отмечает в своем постановлении, что «роль периодической журнальной литературы особенно ответственна», и считает необходимым «пересмотреть сеть журналов, сократить их, улучшить состав редакционных коллегий». Издательству нужно на базе полного овладения западно-европейской и американской издательско-типографской техники обслужить широчайшие массы пролетарского, колхозного, красноармейского и учащегося читателя потоком политически острой массовой, классово направленной, литературно, технически и идеологически грамотной большевистской журнально-газетной периодики, которая, быстро и своевременно появляясь под рукой, служила бы надежной помощью в деловых буднях строительства социализма.

ИЧ.

МОСКОВСКОЕ ТОВАРИЩЕСТВО ПИСАТЕЛЕЙ

НОВЫЕ КНИГИ

АШУКИН Н. — Литературная мозаика, стр. 212, в папке 1 р. 80 к.

ЕЗЕРСКИЙ М. — Самоядь. Роман, стр. 265, цена в папке 2 р. 20 к.

ЖИЛКИН Я. — Ганочка. Роман, стр. 438, цена в папке 3 р. 80 коп.

ЗАВАДОВСКИЙ Л. — Таежники, стр. 292, цена в папке 2 р. 20 к.

ЕГО ЖЕ. — Избранные рассказы, стр. 210, цена в папке 2 р. 20 к.

КИРИЧЕВ Я. — По казачьим колхозам. Очерки, стр. 148, цена 1 р.

НИЗОВОЙ И. — По нехоженым путям, цена в папке 2 р. 40 к.

НИЗОВОЙ И. и НЕФЕДОВ М.— По избам Черноземья. Очерки, стр. 140, цена 90 к.

ПРАВДУХИН В. — Годы, тропы, ружье, стр. 412, с иллюстрациями, цена в папке 2 р. 40 к.

ПЕРЕГУДОВ А. — Человеья весна, пов., стр. 230, цена в папке 2 р. 60 к.

ЕГО ЖЕ. — Степь, фабрика, кустари. Очерки, стр. 110, цена 90 к.

ПЕТРОВ-ГРУМАНТ М. — Соломой крытые фабрики, очерк, стр. 132, цена 1 р.

СИВАЧЕВ М. — Прокрустово ложе, стр. 300, цена 2 р. 40 коп.

СУББОТИН А. — Кружева, очерк, стр. 60, цена 25 к.

ТЕЛИЦОВ П. — Литературные воспоминания, стр. 170, с илл. и. в папке 7 р. 80 к.

ШОЛОХОВ М. — Лазоревая степь, стр. 330, цена в папке 2 р. 40 к.

ШИЛОВ С. — Чад. Роман, стр. 232, цена в папке 2 р.

ФИНИХ Д. — Лисье мясо, стр. 206, цена в папке 2 р. 20 к.

Печатаются.

ГРИНЕВСКИЙ П. — Железо и хлеб. Очерки.

ЕВДОКИМОВ И. — Закоулки.

КРЕНТОВСКИЙ Д. — Времена. Роман.

НОВИКОВ-ПРИБОЙ. — Две повести. (Ухабы).

ПЕТРОВ-ГРУМАНТ М. — Марганцевая ярмарка. Роман.

ЧУШКОВ В. — Моряк с обезьяной. Роман.

РОЙЗМАН М. — Эти господа. Роман.

СЕЙФУЛЛИНА Л. — Избранное.

Готовятся к печати.

СБОРНИК об ударниках и героях пятилетки под ред. И. Сазарова.

СБОРНИК о социалистическом строительстве, под ред. И. Гриневского.

СБОРНИК, посвященный десятилетию окончания гражданской войны, под ред. К. Соколова-Стратова.

ГЛАДКОВ Ф. — Три повести.

ЛУНАЧАРСКИЙ А. — Статьи. (Б. Шоу, Р. Роллан и др.).

НИЗОВОЙ И. — Очерки о Магнитогорске.

НОВИКОВ-ПРИБОЙ А. — Цусима. Роман.

НИКСАНОВ И. — Критические статьи.

Заказы адресуйте: Московскому товариществу писателей. Москва, центр, Большой пер., 11

КАТАЛОГ ИЗДАНИЙ ЗА 15-КОП. МАРКУ

Уполномоченный Главлита В-5569

Интернациональная (33) тип. «Мосполиграф», пр. им. Скворцова Степанова, д. 3.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

орган федерации объединений советских писателей рсфср

москва, 10 сентября 1931 г. № 49 (148)

РЕДАКЦИЯ:
Москва, Тверской б. 25, Дом Герцена. Телефон 2-80-12.

ИЗДАТЕЛЬСТВО:
Акц. о-во «Огонек»; Москва, б. Страстной б., 11. Телефон 5-51-69.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА:
На 12 м. 3 р. 50 коп.
На 6 м. 1 р. 75 к.
На 3 м. - р. 90 к.

перестройка продолжается

Закончившийся на-днях пленум правления РАПП, к работе которого в течение пяти дней было приковано внимание всей литературной общественности, явился новым крупным шагом в перестройке пролетарского литературного движения, новой значительной вехой на пути ликвидации отставания литературы от требований реконструктивного периода.

Характерной особенностью пленума явился самый состав его делегатов, большинство которых представляло собой новый, рабочий рапповский актив. Уже одно это достаточно говорит о процессах, происходящих в пролетарском литературном движении в связи с призывом в литературу рабочих-ударников, составляющих сейчас до 80 процентов организации. От одного из литературных мужиков к массовой десятитысячной организации, связанной с фабриками и заводами страны — таков путь РАПП. Это изменение лица ведущей пролетарской литературной организации, продолжающийся прилив рабочих-ударников — одно из лучших свидетельств, происходящей в РАПП перестройки.

Однако не одними лишь количественными показателями измеряется эта перестройка. Новое в РАПП заключается в том, что растущая количественно творческая продукция рабочих-ударников все более и более повышается качественно, а в ряде местных ассоциаций занимает уже ведущее место. На литературном участке создаются кадры новой интеллигенции из среды рабочего класса.

Успехи в призыве ударников были бы значительно большими, если бы был устранен ряд недостатков, подвергшихся на пленуме жесткой самокритике. К ним относятся: слабость учебы ударников, ненапряженность творческой помощи им, часто наблюдающийся общий, «обезличенный» подход к ударникам, как к сплошной массе, счет на тысячи, неумение по-горьковски внимательно, повседневно, любовно следить за творчеством отдельных рабочих-писателей и помогать им.

Такая помощь не была, например, достаточно оказана при решении пролетарскими писателями поставленной перед РАПП партией и рабочим классом задачи — художественно показать героев пятилетки. Выдвигая эту важнейшую задачу и правильно подчеркнувши ее значение, секретариат РАПП недостаточно—как правильно отметил пленум—ее конкретизировал, недостаточно контролировал ее выполнение, недостаточно проявил внимание критики к помощи писателям и особенно рабочим-ударникам в решении этой задачи. Достаточно сказать, что до сих пор ни в одном журнале, — несмотря на то, что после решения секретариата РАПП о показе героев пятилетки прошло уже четыре месяца, — нет ни одной конкретно-критической статьи о произведениях, посвященных показу героев пятилетки.

Наметив пути исправления этих недостатков, пленум вместе с тем подчеркнул, что задача показа героев пятилетки является не временной, частной задачей, а неразрывно связана с борьбой за большое искусство большевизма. Показ героев вносит в лозунги движения то новое, что он впервые со всей отчетливостью ставит вопрос о герое труда — передовике соревнующегося коллектива, как о генеральной теме пролетарской литературы, качественно отличающей ее от литературы прошлых классов (вера вопрос тематики в единстве с вопросами мировоззрения). Вот почему степень решения этой задачи определяет степень перестройки РАПП, вот почему на решении этой задачи проверяется вся организация и каждый писатель.

Под'ем пролетарского литературного движения на высшую ступень, которую знаменует собою пленум, выражается в том, что вопросы чисто организационного порядка занимали на пленуме незначительное место. Развернувшаяся широкая дискуссия по творческим вопросам, характерная для выступлений на всем трех докладам, свидетельствовала об успешно идущей перестройке РАПП по пути сделанного ею партией указания о повороте к идейно-творческим вопросам.

Пленум явился крупнейшим шагом в действительной творческой размежевке в организации, размежевке, без которой не может успешно развиваться работа по выработке диалектико-материалистического художественного метода. Большинство выступлений на пленуме характерны прямотой постановки вопроса о конкретном творчестве, пишь на основе которой возможно развертывание действительного творческого соревнования и рост творческих группировок, об'единяющихся на действительно принципиальной основе.

Пленум четко поставил вопрос как об опасностях, идущих со стороны «внутреннего попутничества» в РАПП, так и об опасности снижения стоящих перед пролетарской литературой задач по линии недооценки борьбы за большое искусство большевизма, по линии противопоставления темпов работы ее качеству. Лозунг борьбы за большое искусство большевизма (всегда понимавшийся РАПП как боевой, конкретный, а не абстрактный, все примиряющий лозунг) пленум подверг дополнительной конкретизации и уточнению и подчеркнул его связь и преемственность с частными творческими лозунгами движения на прошлых этапах его развития, в частности, с лозунгом «сомкнания всех и всяческих масс», который надевает на действительность классовый враг.

Обсуждение пленумом вопроса о попутническо-союзнической литературе имеет громадное значение для развернувшейся сейчас в Москве творческой дискуссии в ВССП. Произведенная в выступлениях на пленуме четкая дифференциация советских писателей, основанная на приявлении всей основной союзническо-попутнической творческой продукции последнего времени, отчетливая постановка вопроса о мировоззрении, заострение вопроса о борьбе с буржуазной опасностью, — несомненно будут способствовать дальнейшей размежевке в ВССП и переходу лучшей части попутчиков в ряды литературных союзников пролетариата.

4-й пленум правления рапп

первые итоги призыва ударников в литературу

доклад в. киршона

В своем докладе о первых итогах призыва ударников в литературу В. Киршон подчеркнул, что приход ударников в пролетарскую литературу обусловлен гигантским ростом активности рабочего класса, решающими успехами культурной революции, которая выдвинула ряд новых форм воспитания рабочего класса. Тенденция к стиранию границ между физическим и умственным трудом логически привели к тому, что и в области литературы рабочий класс послал больше активное подкрепление.

— С помощью этого пополнения,— говорит В. Киршон,—наша организация выступает застрельщиком в целом ряде общественно-политических кампаний и почти всегда—верным помощником в кампаниях, проводимых партией, комсомолом, профсоюзами.

Тов. Киршон иллюстрирует это положение литературно-художественными сборниками «Под контроль масс» и «Штурм большевистский», выпущенными Западной и Уральской ассоциациями пролетписателей и рядом примеров борьбы за реконструкцию транспорта (Московская и Западная ассоциации, художественного обслуживания торфоразработок (Орехово-Зуевская АПП) и т. д. Касаясь недостаточности работы рапповского руководства с комсомолом, т. Киршон указывает, что вина здесь лежит на обеих сторонах.

— Некоторые товарищи из комсомольских организаций фигаят, что если парень занимается литературой, — он отрывается от общественно-политической работы: «дадим-ка ему одну-две лишних нагрузки по комсомольской линии, чтобы выбить из него дурь». Ассоциация пролетарских писателей не получает необходимой поддержки и со стороны некоторых местных партийных и профсоюзных организаций, которые слепо и рядом недооценивают политического значения пролетарского литературного движения.

— Есть известная недооценка значения призыва и в нашей среде,—говорит т. Киршон.—Но таким настроениям надо бить, ибо они являются откровенными проявлениями правого оппортунизма в нашей организации. О значении призыва ударников в литературу, о размахе той перестройки, которую РАПП совершила в связи с проведением призыва, убедительно говорят приведенные докладчиком цифры: вместо полутора тысяч членов РАПП насчитывает сейчас в своих рядах около 10.000 человек, из которых 80 процентов составляют рабочие-ударники. Вместе с тем В. Киршон отмечает, что руководящие органы РАПП и вся система ее работы еще недостаточно повернулись лицом к работе с ударниками; многие рапповские организации не сумели в достаточной мере закрепить результатов призыва ударников, не обеспечили их пособиями и достаточными кадрами руководов. В результате кое-где произошел значительный отсев литпризывников.

начинается третий этап работы

— Сейчас, после первого этапа призыва, после второго этапа—его закрепления, начинается третий этап нашей работы—этап непосредственной работы с сохранившимся у нас ядром. Нужно всерьез продумать формы и методы работы, которые нужно применить к призванным в литературу ударникам. Нужно прежде всего, ликвидировать своеобразную обезличку в подходе к ударникам-литпризывникам, нужно наладить индивидуализированную работу с ними.

Тов. Кагановнч в своем докладе на с'езде ВЛКСМ говоря относительно работы комсомольцев: «Надо считать не только тысячу, две тысячи, миллион и т. д., а надо изучать каждого Ивана, Сидора, Петра и т. д. Каждый имеет свои особенности. Нужно уметь познать их, знакомясь с крупными московскими предприятиями, домами-коммунами, рабочими клубами, Болшевской коммуной ОГПУ.

Завтра, 11 сентября. Андерсен-Нексе будет принят председателем ВОКС Ф. И. Петровым. Вечером состоится встреча Нексе с представителями писательской общественности и издательств.

12 сентября Андерсен-Нексе выезжает в Нижний-Новгород, где осмотрит автозавод, затем поедет Сталинград, Ростов-на-Дону (совхоз «Гигант»), Днепрострой. Нексе ознакомится с хозяйственной и культурной жизнью Харькова. Здесь будет организована встреча Нексе с украинскими писателями. В заключение Нексе посетит Ленинград.

АН.

почему я приехал в ссср

беседа с Андерсеном-Нексе

Я хотел получить личное, непосредственное представление о тех переменах, которые произошли в Стране советов за 8 лет, протекших со времени моего последнего приезда сюда. Должен сказать, что на всем пути от границы до Москвы я наблюдал огромные перемены, поистине разительные по сравнению с эпохой голода и разрухи, которым я был свидетелем в прежние приезды.

В Советском союзе я пробуду около месяца.

Скандинавская, в частности датская литература находится в состоянии упадка, ярко отражающего маразм капиталистической системы. В литературе преобладает индивидуализм, мистицизм, беспочвенное и беспельпов эстетство. Пролетарская литература находится еще в зачаточном состоянии. Единственный, заслуживающий внимания в настоящее время—пролетарский писатель Дании—Эрлит Кристенсен.

**

Мартин Андерсен-Нексе осмотрел в Москве фабрику-кухню. В дальнейшем он ознакомится с работой ряда клубов, детских садов, яслей, но нужно уметь выявить таланты каждого в отдельности».

Тов. Каганович говорил это о комсомольской работе. Но как вырастает этот лозунг по отношению к нам, имеющим дело с определенной творческой индивидуальностью, с творческими особенностями каждого призванного в литературу ударника! По отношению к нам лозунг ликвидации обезлички должен явиться основным лозунгом, пронизывающим всю нашу работу.

Соответственно этому должна перестроиться и наша критика: нашей конкретной критике пора отойти от «обзоров» творчества ударников, где 60 строк занимают названия книжек и 20 строк уделено на рецензию, пора перейти к серьезному анализу произведений ударников.

Рассматривая творческую продукцию рабочих литпризывников, т. Киршон отмечает, что большинство их произведений написано на одну и ту же тему: о заводе, о борьбе за промфинплан на своем предприятии, в большинстве—это произведения о своем цехе, о своем станке.

При этом В. Киршон делает интересное сопоставление: писатели старой «Кузницы», среди которых было много рабочих, в свое время тоже писали главным образом на темы о заводе и о станке. Но в «Песне о железе» В. Гераскимова, в «Заводе» Александровского, в «Шахтере» С. Обрадовича, в «Рубщике» В. Калина совершенно отсутствовало коммунистическое отношение к труду; эти поэты относились к труду даже не так, как относились к нему индустриальные рабочие при капитализме.

В их творчестве проявлялась идеология ремесленников, они целиком находились во власти мелкобуржуазных традиций, и описывая станцию или рубанок, они искали эстетской красивости, описывая труд, применяли старую терминологию.

призванные в литературу ударники усваивают лучшие традиции рапповской работы

В приказе противоположность этим писателям, призванные в литературу ударники выступают в своих произведениях как певцы коммунистического труда, не абстрактного, а целеустремленного, подчиненного общеполитическим задачам класса, который сознательно и уверенно строит социалистическое общество. Ударники пишут о труде, как о подлинном деле чести, доблести и геройства. И они находят свои образы, свой язык, им не приходится прибегать к старым мелкобуржуазным штампам. Таковы в частности стихи т. Сидорова, токаря механического завода им. Сталина т. Зерзова, рабочего 31-го завода т. Моргунова и др.

Вместе с тем во многих случаях в творчестве рабочих-ударников весьма сильно сказываются и влияния мелкобуржуазной литературы. В качестве примеров таких чуждых влияний на творчество призванных в литературу ударников, В. Киршон приводит стихи т. Вылегжанина из Иваново-Вознесенска и ударницы т. Рындовской. Но основная масса литпризывников высоко держит знамя партийности литературы, ее политической и классовой направленности.

— Мы с гордостью можем сказать,— отмечает В. Киршон,—что призванные в литературу ударники усваивают лучшие традиции рапповской работы и создают по-настоящему большое искусство большевизма.

Однако, нельзя, подобно «литфронтовцам», удовлетвориться одной только актуальностью тематики, политической направленностью основной массы творчества рабочих ударников. С точки зрения идейного и художественного качества их произведения еще часто находятся на таком низком уровне, что они не в состоянии дать представление об исключительно интересных стройках, производстве, людях, которые они пытаются описать.

учиться, учиться и еще раз учиться

— Проблема усвоения диалектического метода, проблема борьбы за мировоззрение, за уровень мировоззрения стоит с совершенной отчетливостью перед движением ударников, и на творчестве ударников лучше всего подтверждается, что дело не только в актуальности, не только в политической направленности, а в уровне мировоззрения, в идейном и художественном качестве, повышение которого и значение которого прямо пропорционально тому политическому и общественному значению, которое будет иметь произведение.

В этой связи т. Киршон указывает на чрезвычайно низкий общеобразовательный уровень той рабочей молодежи, которая составляет большинство литпризывников: очень немногие из них окончили школу первой или второй ступени, а чаще всего—не окончили вообще никакой школы: 90 процентов всей массы членов рапповской организации нуждаются в самой серьезной учебе, без которой немыслим дальнейший творческий рост призванных в литературу ударников. В. Киршон выдвигает вопрос о создании вечерних университетов и курсов, где литературные вопросы сочетались бы с общеобразовательной программой. Нужно переработать и рапповские программы для литкружков, сочетая в них вопросы литературной политики, с вопросами творчества и учебы. Нужна конкретно расшифровать и лозунг учебы у классиков: мало призывать ударников к учебе у классиков и говорить, что надо их критически усваивать; надо на практической работе показывать, как и каким образом надо учиться у классиков. Вопрос об учебе и усвоении опыта старого литературного поколения соприкасается и с вопросами о необходимости передачи палостовских творческих методов новому рабочему палостовскому поколению. Между тем опыт истекшего года говорит о безобразном отношении выявившихся писателей старшего поколения к работе с ударниками-призывниками. Как часть общей воспитательной работы с новыми кадрами должна РАПП рассматривать и консультационную работу, которую нужно об'единить и организовать так, чтобы конкретная критика в литературной консультации не отрывалась от общих творческих задач и лозунгов. Одной из наиболее важных задач в области литературного воспитания рабочих-ударников является задача конкретной критики.

не хлопать по плечу, не захваливать

Прежде всего,—критика не должна быть захваливающей.

— Рабочий-ударник,—говорит В. Киршон,—не выносит, ненавидит ту критику, которая барски захваливающе похлопывает его по плечу. У нас часто встречается такая установка критики: «написал ты, может быть, дескать, и не важно, но раз ты рабочий-ударник—все сойдет».

— Если парень вступает в комсомол и начинает выполнять свои комсомольские обязанности,—к нему не пристает два скульптора, четыре очеркиста, пять фотографов, и никто не начнет писать о том, что Иван Михайлов вступил в комсомол, выполняет свои обязательства и т. д. А стоит парню вступить в литературный кружок, как ему говорят, что он создает собственный жанр в литературе, что ему нечему учиться, что его портрет нужно напечатать, а ему нужно издать сборник. Если он говорит, что у него пока есть только одно стихотворение, ему говорят: «ничего, пока займет сборник, ты остальное допишешь».

Это не только вредно с точки зрения творческого роста этого парня, но и потому, что это искусственное делание писателей заставляет многих литкружковцев более халатно относиться к производству, а иногда и уходить с производства, заставляет чувствовать себя писателем на заводе, а не рабочим в литературе.

Вопрос о том, нужно ли специализироваться и уходить с производства, встает перед многими вновь вступающими в ряды пролетарских писателей. Будет, по всей вероятности, целый ряд таких литкружковцев, которые будут совсем переходить в литературу. Но есть ли в основном необходимость для только-что начинающего писать товарища, уходить с производства?—ставит вопрос т. Киршон, и со всей решительностью отвечает на него отрицательно:

— Нет противоречия между активной работой на заводе, участием в социалистической стройке и творчеством в наших условиях; нет необходимости отрываться от производства. И я думаю, что пялки новые палостовские кадры с заводов не уйдут. Наоборот, создавая новые литературные форпосты на заводах, повлекая в пролетарское литературное движение новых товарищей, они сделают заводские литкружки основной базой большого искусства большевизма.

**

После доклада В. Киршона с большой речью выступил секретарь ВОАПП Б. Ковалепко, охарактеризовавший многообразные проявления классовой борьбы в национальных литературах.

воспитать ударников в духе боевого, воинствующего напостовства

Последний день работы пленума—4 сентября—заняли прения по докладу В. Киршона. Выступавшие в прениях А. Исбах, А. Сурков, М. Юрин, М. Чумандрин, Б. Ильенков, И. Гроссман-Рощин поделились опытом своей работы с призванными в литературу рабочими-ударниками; представители местных АПП тт. Исетский (Урал), Стальский (Северный Кавказ), Муратов (Нижний-Новгород), Подобедов (ЦЧО), Боровой (МАПП), Левчук (Нижний) и др. рассказали о проведении призыва на местах. Основные положения доклада В. Киршона нашли полное подтверждение в выступлениях участников прений. Тов. Стальский (Северный Кавказ) и т. Подобедов (ЦЧО) указали на ряд случаев бездушного бюрократического отношения местных проф- и культорганизаций к работе ассоциаций пролетписателей и в частности к проведению призыва ударников в литературу.

Мысль В. Киршона о необходимости повышения общеобразовательного уровня литпризывников поддерживают тов. Муратов (Нижний-Новгород) и тов. Тяжомонов. На недостаточную помощь литпризыву со стороны печати указывает т. Безымянный (Восточная Сибирь).

М. Юрин, затронув вопрос о недостаточной помощи начинающим рабочим-писателям со стороны рапповской критики, иллюстрирует это положение на собственном примере: за 9 лет своей творческой работы, результатом которой явились 6 книжек, М. Юрин не получил ни одной критической оценки своих произведений со стороны пролетарской критики.

Не обеспечивают достаточной творческой помощи и наши литературные консультации.

Вот, например, что пишет Петр Орешин, в качестве литконсультанта ГИХЛ, одному писателю:

«Дорогой товарищ, ваше поэтическое дерзание совершенно исключительно по силе чувств. Читать ваши стихи без волнения невозможно. Красота и глубина чувств—основные качества подлинной лирики и основные качества вашего дарования».

Но вот образец того дарования, которое привело консультанта П. Орешина в состояние лирической экзальтации. Называется это произведение—«Предсвадебное послание». А вот и первое его четверостишие:

Легкий трепет на сердце волной НАБЕГАЕТ,
Замирая аккордом от счастья.
Оттого ли, что завтра любовь отнимет
Для меня первый день сладострастья...

М. Чумандрин затрагивает вопрос об обезличенном подходе к ударникам в литконсультациях. Каждое новое произведение начинающего автора попадает обычно на отзыв к другому литконсультанту и последний не имеет таким образом никакого представления о творческом лице ударника, о тенденциях и особенностях его творческого роста.

Н. Боровой привел ряд высказываний, которые говорят о правильном понимании большинством призванных в литературу рабочих-ударников, стоящих перед ними задач учебы, усвоения опыта старшего поколения пролетписателей и повышения уровня своего мировоззрения и указал на необходимость воспитать новые кадры писателей-ударников в духе боевого воинствующего напостовства.

Затрагивая вопрос о замалчивании группой Панферова, Ильенкова, Исбаха и др. своих творческих установок, А. Сурков подчеркивает особую важность четкости позиций каждой группировки в связи с наступлением нового этапа призыва ударников, когда от общих вопросов классовости литературы и овладения литературной грамотой, переломные группы рабочих-ударников начинают проявлять свою творческую индивидуальность, тяготея к той или иной творческой группировке и рискуя быть уведенными по ложному пути

**

Пленум уделил значительное внимание вопросам совместной работы РАПП и обновленного философского руководства, от имени которого пленум приветствовал представитель общества воинствующих материалистов-диалектиков т. Юдин.

выступление Л. авербаха

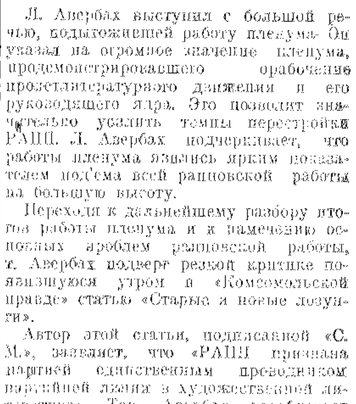
Л. Авербах выступил с большой речью, подытожившей работу пленума. Он указал на огромное значение пленума, продемонстрировавшего орабочение пролетлитературного движения и его руководящего ядра. Это позволит значительно усилить темпы перестройки РАПП. Л. Авербах подчеркивает, что работы пленума явились ярким показателем под'ема всей рапповской работы на большую высоту.

Переходя к дальнейшему разбору итогов работы пленума и к намечению основных вопросов рапповской работы, т. Авербах подверг резкой критике появившуюся утром в «Комсомольской правде» статью «Старые и новые лозунги».

Автор этой статьи, подписавшей «С. М.», заявляет, что «РАПП признана партией единственным проводником партийной линии в художественной литературе». Тов. Авербах разоблачает комчванский смысл этого заявления, а также и другого заявления этой статьи, состоящего в том, что якобы, если раньше перед пролетлитературой стояла задача догнать уровень классики, то теперь перед нею стоит задача перегнать этот уровень. Тов. Авербах указывает не только на комчванский смысл этого заявления, но и на его величайшую незрелость и «антикультурность».

Тов. Авербах с удовлетворением констатирует участие в работах пленума представителя ОВМД и выражает надежду, что товарищи из ОВМД будут иметь возможность по-настоящему ознакомиться с вопросами литературы, что даст им возможность оказывать реальную помощь пролетлитературному движению. — Разумеется, — указывает т. Авербах,— проблема воспитания партийных кадров в области философии есть столь же трудная задача, как и формирование кадров в области литературы, и пролетлитературное движение должно оказать помощь философскому участку.

Подчеркнув, что пролетлитература должна перейти в наступление по всему тематическому фронту, т. Авербах указывает, что главной темой пролетлитературы должны явиться новая эпоха пятилетки и история фабрик и заводов, работу по созданию которой под. жен возглавить М. Горький. Л. Авербах подробно останавливается на вопросах творческой дискуссии, на лозунге большого искусства большевизма, на вопросе о внутреннем попутничестве, об оживлении в творческой практике пролетлитературы, тенденциях эклектства, техницизма и пр., в связи с чем т. Авербах указывает на далеко недостаточную политическую заостренность постановки вопроса о технической пропаганде в некоторых выступлениях т. Бухарина.



М. Авербах

Л. Авербах подвергает критике теорию «двух струй» в пролетлитературе, выдвинутую некоторыми товарищами из группы «Залка», и указывает на близость этой теории к положениям «литфронта» и на об'ективно вредный смысл этой дискуссии, состоящей в замазывании действительной сложности размежевки внутри пролетлитературы, а также в замазывании тех опасностей, которые связаны с влияниями творческой практики внутреннего попутничества. Тов. Авербах указывает на то, что все группы пролетарских писателей должны дать ответ на вопрос об их отношении к теории «двух струй», ответ, необходимый для нормального и товарищеского развертывания дискуссии.

Указывая на ту сплоченность внутри РАПП, которая нашла выражение в прениях пленума, и на то, что творческая дискуссия перешла на новую, высшую ступень дальнейшей творческой дифференциации, т. Авербах отмечает правильность генеральной линии РАПП в борьбе с формализмом, вороншизмом, лефовщиной, «литфронтом», и призывает к дальнейшей борьбе за эту генеральную линию, за линию партии в художественной литературе.

**

Д. К—М.

Пленум констатировал в составе правления РАПП тт.: Муратова (Нижний-Новгород), Чебуракова (Средняя Волга), Македонова (ВОАПП), Рязанова (Иваново-Вознесенск), Мазнина, Стальского (Северный Кавказ), Акопяна (Нижняя Волга), С. Фридмана, Кирьянова (МАПП), Евсеева, Миттельмана (Ленинград), Дегтярева (ЛОКАФ), Юдина (ОВМД), Камрада (ЦК ВЛКСМ), Косарика и Бучацкого (ВОАПП).

датский писатель мартин андерсен нексе в москве

7 сентября в Москву приехал по приглашению ОГИЗ датский революционный рабочий писатель Мартин Андерсен Нексе. На Московско-Белорусско-Балтийском вокзале писателя встретили представители МОРП, ВОКС, ОГИЗ, ГИХЛ.

**

Мартин Андерсен Нексе родился в 1869 г. в бедной рабочей семье. С малых лет он вынужден был добывать средства к существованию. В поисках работы он странствовал с бездельными сломя пролетариата.

Литературную деятельность Андерсен Нексе начал в качестве сотрудника рабочей прессы. В 1897 году он выпускает первую книжку рассказов «Тени» в которых изображает жизнь пасынков капиталистического строя.

Лучшие произведения Нексе «Пелле Завоеватель», «Пассажиры пустых мест», сборник новелл переведены на русский язык и знакомы советскому читателю. Андерсен Нексе — рабочий писатель. Жизнь и борьба рабочих кварталов в датской столице Копенгагене заполняет содержание большинства его произведений. Он хорошо знает быт пролетариев капиталистических стран, не по наслышке, не как посторонний наблюдатель, а как внимательный из рабочего класса писатель, рожденный на окраине большого города.

Тяжелая жизненная школа, которую ему пришлось пройти, не помешала ему увлекаться чтением. Он меняет ремесло довольно часто, и под конец становится работником умственного труда: поступает учителем в школу, заводит дружбу с литераторами, революционерами, общественными деятелями. Потом Нексе оставляет Данию и путешествует по Европе.

В первом сборнике новелл «Тени», он только бытописатель, только изображает безвыходное положение мелких тружеников, но он не делает выводов, не показывает, как из этого тупика выйти. Он пессимистичен. Однако, выйдя городским по натуре, жизнерадостный и полный энергии, Андерсен Нексе скоро отходит от этих унылых настроений, и второй период его творчества уже знаменуется оптимистическими настроениями.

Нексе ценен не только с художественной, но и с политической точки зрения. Он в свое время приехал в СССР в тяжелую для советского пролетариата пору, и один из первых писателей Запада приветствовал Октябрьскую революцию. Как результат его впечатлений явилась его бодрая и жизнерадостная книга «Навстречу молодому дню».

Андерсен Нексе — социалист. Но это не мешает ему понимать, к какому разложению чистого социализма во всем мире. Живя в последнее время в Германии, он неоднократно убеждался в гнусности социал-демократии, в ее предательских действиях во время крупнейших конфликтов труда и капитала.

И вот теперь Андерсен Нексе снова приезжает в Советский союз, чтобы познакомиться с новыми достижениями в области индустриализации страны, социалистического переустройства деревни и в области культурной революции. Мы приветствуем в его лице не только художника слова, но и испытанного друга Советского союза.

Л. Д.

Андерсен Нексе

В день приезда М. Андерсена Нексе МОРП и ВОКС организовали товарищескую встречу советских и иностранных революционных писателей с Нексе. Присутствовали: Бруно Ясенский, Дж. Джермануетто, Л. Авербах, Л. Леонов, В. Ермилов, В. Соловьев, Стр. Станде (Польша), т. Курелла (Германия), Отто Люри (Норвегия), Поль Вайян-Кутюрье (Франция), Б. Менье (зам. ред-пом иностранных рабочих). Цитильмарк (ВОКС), Соболевский, Зенкевич (ГИХЛ), Урманский (ОГИЗ), Гайнц-Коган (МОРП), Займовский (секция переводчиков при ФОСП) и др.

Бруно Ясенский в своем приветствии от имени МОРП отметил, что Мартин Андерсен Нексе является одним из первых пролетарских иностранных писателей. Андерсен Нексе известен всему пролетариату как истинный друг СССР. Он всегда боролся с клеветническими выступлениями капиталистической прессы против СССР. После ознакомления с гигантской социалистической стройкой в СССР, Нексе, вернувшись к себе на родину, будет еще более страстным борцом за социалистическое строительство, еще более ярым врагом и разоблачителем всех интервенционистских замыслов империализма против первого пролетарского государства.

Л. Леонов приветствовал М. Андерсена Нексе от имени ФОСП.

Интересный факт, характеризующий Андерсена Нексе как искреннего друга СССР, привел в своем выступлении переводчик произведений Нексе т. Займовский.

В 1921 году во время голода в Поволжье Нексе была выпущена книга—протест против империалистической бойни (сборник рассказов «Пассажиры незанятых мест»), переведенных почти на все европейские языки. Крупный гонорар от этих изданий Нексе целиком отдал в фонд голодающих Поволжья. Кроме того, в Самаре на его средства был организован детский дом, который он и впоследствии материально поддерживал.

Тов. Соболевский от имени ГИХЛ приветствовал в лице Нексе революционных писателей Запада. После приветственных выступлений Поль Вайян-Кутюрье, Ст. Р. Станде, Дж. Джермануетто и Курелла, М. Андерсен Нексе в своем ответном слове сказал, что он испытывает большую радость по случаю приезда в СССР, который стал родиной не только русского пролетариата, но и пролетариата всего мира.

— Писатель должен быть революционным бойцом, — заявил Андерсен Нексе, — писатель, который пишет только ради писания,—не писатель, а бумагомарака. В своих произведениях я всегда отображал жизнь пролетариата. Писательский мир Запада не любит меня за то, что я всегда говорю и пишу правду об СССР. Только в СССР,—отметил Нексе,—меня правильно оценивают, что является для меня большой радостью. Поблагодарив товарищей за теплую встречу, Мартин Андерсен Нексе обещал оправдать те надежды, которые на него возлагаются, как на революционного писателя.

**

Мартин Андерсен-Нексе осмотрел в Москве фабрику-кухню. В дальнейшем он ознакомится с крупными московскими предприятиями, домами-коммунами, рабочими клубами, Болшевской коммуной ОГПУ.

Завтра, 11 сентября. Андерсен Нексе будет принят председателем ВОКС Ф. И. Петровым. Вечером состоится встреча Нексе с представителями писательской общественности и издательств.

12 сентября Андерсен-Нексе выезжает в Нижний-Новгород, где осмотрит автозавод, затем поедет Сталинград, Ростов-на-Дону (совхоз «Гигант»), Днепрострой. Нексе ознакомится с хозяйственной и культурной жизнью Харькова. Здесь будет организована встреча Нексе с украинскими писателями. В заключение Нексе посетит Ленинград.

АН.

Встреча Нексе на московско-Белорусско-Балтийском вокзале

На русский язык переведены следующие книги М. Андерсена Нексе, выпущенные различными издательствами: «Пассажиры незанятых мест» («Новая Москва», 1924 г.), романы в трех книгах—«Пелле завоеватель» (ГИЗ, 1923 г.), «Пролетарские новеллы» (изд-во и Петрограде, 1923 г.), рассказы «Пролетарские дети» («Молодая гвардия», 1924 г.) роман «Великая борьба или Неблагословенный» (изд-во ВЦСПС, 1924 г.), рассказы «Солнечные дни» (ЗИФ, 1926 г.), «Кровяные кочки» (ГИЗ, 1927 г.), рассказы «Смена» (ЗИФ, 1930 г.).

истинный друг ссср

В Москву прибыл известный датский писатель Мартин Андерсен Нексе.

Его роман «Пелле завоеватель», «Пассажиры пустых мест», сборник новелл переведены на русский язык и знакомы советскому читателю. Андерсен Нексе — рабочий писатель. Жизнь и борьба рабочих кварталов в датской столице Копенгагене заполняет содержание большинства его произведений. Он хорошо знает быт пролетариев капиталистических стран, не по наслышке, не как посторонний наблюдатель, а как внимательный из рабочего класса писатель, рожденный на окраине большого города.

Тяжелая жизненная школа, которую ему пришлось пройти, не помешала ему увлекаться чтением. Он меняет ремесло довольно часто, и под конец становится работником умственного труда: поступает учителем в школу, заводит дружбу с литераторами, революционерами, общественными деятелями. Потом Нексе оставляет Данию и путешествует по Европе.

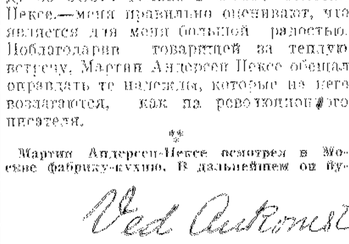
В первом сборнике новелл «Тени», он только бытописатель, только изображает безвыходное положение мелких тружеников, но он не делает выводов, не показывает, как из этого тупика выйти. Он пессимистичен. Однако, выйдя городской по натуре, жизнерадостный и полный энергии, Андерсен Нексе скоро отходит от этих унылых настроений, и второй период его творчества уже знаменуется оптимистическими настроениями.

Нексе ценен не только с художественной, но и с политической точки зрения. Он в свое время приехал в СССР в тяжелую для советского пролетариата пору, и один из первых писателей Запада приветствовал Октябрьскую революцию. Как результат его впечатлений явилась его бодрая и жизнерадостная книга «Навстречу молодому дню».

Андерсен Нексе — социалист. Но это не мешает ему понимать, к какому разложению чистого социализма во всем мире. Живя в последнее время в Германии, он неоднократно убеждался в гнусности социал-демократии, в ее предательских действиях во время крупнейших конфликтов труда и капитала.

И вот теперь Андерсен Нексе снова приезжает в Советский союз, чтобы познакомиться с новыми достижениями в области индустриализации страны, социалистического переустройства деревни и в области культурной революции. Мы приветствуем в его лице не только художника слова, но и испытанного друга Советского союза.

Л. Д.



Ved Automaten tæt mit
Fødeland - alle Proletarers Fædre
Lad-mig-se-jeg Sejdrioland
Atleder, Haanders og Aanders
Et Kæmpeværk i Tilsen
Martin Andersen Nexø

Прибыв в свое отечество — отечество всех пролетариев — я шлю через „литературную газету" товарищеский привет рабочей и литературной общественности — рабочим рук и рабочим духа

МАРТИН АНДЕРСЕН НЕКСЕ

москва 7 сентября 1931 г.

ПОЭТ-РЕВОЛЮЦИОНЕР Г. ЛАХУТИ

НАГРАЖДЕН ОРДЕНОМ ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ ТАДЖИКИСТАНА

Постановлением президиума ЦИК Таджикской ССР поэт-революционер Гасем Лахути награжден орденом Трудового красного знамени Таджикистана.

Лахути родился в 1887 г. в Керманшахе в семье батрака-башмачника. В 1905 году молодой Лахути включается в революционное движение на Востоке, а в 1909 г. принимает участие в походе революционных отрядов на Тегеран и в свержение персидского шаха Мамед-Али. За отказ подчиниться режиму англо-царских оккупантов т. Лахути в 1914 году приговаривается к расстрелу. Ему удается бежать на родину в Германию. Здесь, после Октябрьской революции т. Лахути организовал первую рабочую организацию. Весной 1922 года, вернувшись в Персию из Турции, т. Лахути поднял подавленное потом восстание против персидского правительства. За организацию восстания т. Лахути был объявлен вне закона.

Эмигрировав в СССР т. Лахути принимает активное участие в социалистической стройке. В 1926 г. он был избран членом ЦИК Таджикской ССР.

Тов. Лахути известен кругам писательской и рабочей общественности как революционный поэт. Им написан ряд поэм, отдельными изданиями и в печати, и составлены сборники, посвященные Октябрьской революции и классовой борьбе на Востоке.

тов. лахути о награждении его орденом трудового красного знамени
цик тсср тов. максуму

Честь Трудового красного знамени принадлежит пролетариату Таджикистана, одержавшему за последние годы под руководством компартии ряд решающих побед. Сердечна благодарю. Принимаю награду орденом как знак того, что пролетариат сам создает, выдвигает из своих рядов и награждает тех, кто без колебаний и до конца участвует в его героической борьбе.

Я знамена труда всю жизнь мою слагал;
Труд — орден Знамени на грудь мне возложил.
Рабочей армии и ленинскому стягу
Мою железную вновь приношу присягу:
Покуда кровь мой, горячий сок груди,
В моих артериях останется, — всегда
Тому же знамени служить я также буду,
Чтоб класса след оно смело посеяло.

ЛАХУТИ

Перевел с персидского
ГЕОРГИЙ ШЕНГЕЛИ

О НАШИХ ТВОРЧЕСКИХ РАЗНОГЛАСИЯХ

выступление тов. либединского на пленуме правления рапп*

В смысле прямоты постановки вопроса доклад тов. Макарьева нужно приветствовать потому, что если говорить о той задаче, которую тов. Авербах ставил во вступительном слове,— о прекращении китайских церемоний и об откровенном высказывании того, что думаешь по творческим вопросам,— то доклад Макарьева — первая прямая постановка вопроса. Но она, конечно, дискуссионна в том смысле, что затрагивает дискуссионные творческие вопросы в РАПП, и если кто-нибудь захочет увидеть в его докладе линию секретариата, то это будет напрасной попыткой. Должен заявить, что я с основными установками тов. Макарьева согласен, хотя оспариваю то, как он, отправляясь от этих наших общих установок, оценивает литературную практику.

Тов. Макарьев всей второй частью своего доклада демонстрировал то, о чем он говорил в первой части, а именно: как трудно быть критиком сталкивающихся видов и жанров советской литературы.

Смешение и изменение жанров литературы, обусловленное никогда невиданными изменениями общественного бытия (реконструкция индустрии, коллективизация сельского хозяйства, культстройка и т. п.), происходит все время на наших глазах и однако не поспевает за этими изменениями.

За изменениями литературных жанров должен поспеть критик: он должен осознать те процессы, которые подчас писатель не осознает, указать тенденции развития и т. д. Отсюда целый ряд субъективистских ошибок тов. Макарьева, который действовал на основе своих писательских ощущений. Эти ощущения лежат в основе всякой оценки, но если критик стоит только на уровне этой оценки, то он еще — не критик.

В частности я не согласен с той оценкой, которую дал Макарьев моему произведению.

Конечно, очень приятно, когда тебя хвалят, особенно после того, как тебя беспощадно ругали. Но суть не в этом. Я обращаю ваше внимание на эти стихийные волны переоценивания и переругивания. Нужно понять, что они идут не от злой воли людей, а отсюда, что каждое наше произведение есть факт формирования классового сознания. Когда критик выступает на основе вкусовых ощущений, она — не критика, но читатель может выступать на этой основе. За оценкой читателя большей частью скрывается: «мне это нравится или не нравится», т. е. мне это помогает видеть мир, бороться и т. д. или не помогает. Отсюда-то и иногда слабое художественное произведение в роде «Пети Гордюшенко» встречает такое теплое отношение читателя.

Откуда идет успех «Пети Гордюшенко»?

Мы до такой степени безобразно отстали от наших, которые сами себе поставили, что если мы хоть что-нибудь сделаем в нужном направлении, читатель говорит «хорошо». На самом же деле еще не «хорошо», а очень мало, и по сравнению с теми задачами, которые стоят перед нами, почти ничего. Анализируя недостатки моей вещи, я прежде всего вижу, что это в значительной мере недостатки, характерные для всего нашего движения при переходе на новый этап. *

В своей работе на Сталинградском тракторном заводе я почувствовал, в какой степени устарела сейчас старая классификация жанров. Старые жанры, наполнялись новым содержанием, видоизменялись настолько, что нуждаются в новых определениях.

Обычно писатель приезжает к месту действия и смотрит, узнает, изучает. Он сочувствует. Строится коммунизм — писатель сочувствует. Герой труда — писатель восхищается этим героем, он его фиксирует в своих произведениях. Это может быть очень умно, очень полезно и все-таки это еще не то, что нам нужно. В подобном описании еще нет того единства субъекта и объекта, которое может быть только у пролетарского писателя, описывающего коммунистическую революцию, являющегося участником ее, являющегося голосом этой революции, ее сердцем и речью. Это — общий недостаток очерков. Яркое выражение он получил у Панферова и получил именно потому, что Панферов стоит на сравнительно высоком уровне изображения.

На прежде чем говорить об очерках тт. Панферова и Ильенкова, разрешите покритиковать постановку вопроса Макарьевым, который, с одной стороны брал мой очерк, с другой — брал очерки Панферова и Ильенкова и их противопоставлял. Это неверный метод критики. Так делали в прошлой дискуссии, когда брали «Рождение героя» и «Выстрел» и противопоставляли друг другу. Мы против этого протестовали. Нужно привлекать все богатство материала. Нужно брать все в гораздо более широком масштабе и нельзя вести критику на противопоставлении двух, трех вещей. Если бы тов. Макарьев использовал в докладе весь наш творческий опыт, он смог бы ответить на те вопросы, которые нас интересуют: «Либединскому надо так-то развиваться при его линии развития, а Панферову угрожает какая-то опасность». Так вопрос поставлен не был.

Это отнюдь не значит, что я отказываюсь от критики Панферова. Я буду критиковать Панферова так, как я понимаю его творчество, иначе я был бы лицемером. И пишу не так, как Панферов, и не буду писать так, как пишет он. Почему?

Искренее коммунистическое чувство у Панферова есть. Когда я читал его очерки, они меня волновали. И все эти очерки читал с интересом. Они пропитаны коммунистическим чувством. Все явления, которые он воспринимает, он ощущает органически, как человек, который хочет строить коммунизм и стремится их выражать. Но этого ведь мало. Само по себе это чувство — еще только первое условие для творчества коммуниста.

Дальше идет вопрос о коммунистическом сознании, о большевистски мыслящем разуме, на уровень которого должно быть поднято чувство. Тов. Макарьев прав, когда ставит вопрос о цельности и единстве каждого художественного произведения, тем более очерков. Художественное произведение есть факт сознания, оно есть конкретное воплощение какой-то идеи. Различные стороны действительности, которые поверхностное восприятие считает разобщенными и разнодушными друг другу, большевистский мыслящий разум заставляет до существенных различий, до противоположностей, находящихся в единстве. У нас с Панферовым — целый ряд общих платформенных положений. Мы стоим на точке зрения такого отображения действительности, которое помогает коммунизму. Но мне кажется, что Панферов, напрягая богатый эмпирический материал, не поднимает задачи его осмысления, его доведения до остроты противоречий, воплощенных в конкретности. Он надеется на свое коммунистическое чувство, и до некоторой степени он прав. Это не так натуралистам, которым мы знаем по буржуазному искусству.

Но прямы те товарищи, которые, критикуя Панферова, требовали дифференцирования людей внутри бригады, внутри коллектива при его показе. Мы не просто воспроизводим действительность в ее «жизненной правде». Мы требуем, чтобы действительность была дана во всем ее сложном и противоречивом движении к коммунизму. Владимир Ильич говорил о раздвоенности единого в познании противоречивых частей его. Это первое условие диалектики. Хорошо уже то, что у Панферова есть восприятие единого, что у него есть восприятие ведущей линии нашей действительности. Но этого мало. Тов. Макарьев почувствовал этот недостаток и у меня в очерке «Пети Гордюшенко», когда говорил об избытке личности. И правильно почувствовал. Но мне кажется, что этот недостаток свойственен мне в меньшей степени, чем Панферову. Я сам, очевидно, в большей степени осознал преодоление этого недостатка, как проблему нашей литературы. Все дело в том, что наши ударники будут многими обстоятельно воспринимаемы, как возможность ухода от темы классовой борьбы. Я уверен, что многие рады избавиться от этой досадливой и опасной в смысле возможности попасть в уклон темы классовой борьбы и удалиться в область нафоса и восхищения. Это есть, с лжереволюционной, антидетинской и враждебной нам установки. Нам нужно показать ударника с того момента, как он формируется в ударника, как он отталкивается от старого. А старое — это доканчаловское время, это — мелкобуржуазная психология. Без этого показать ударника — героя соцсоревнования—нельзя.

Ударник должен быть показан во всей сложности классовой борьбы, которая идет в Советском союзе, во всем сложном ее переплете, а также вещи нельзя показывать натуралистическим методом, показывать на основе положительных фактов, которые сами за себя окажут. Это — пассивистская установка, которая никуда больше, как в стихию от пролетариата, привести не может. Для еще не преодоленной нами пассивистская установка приводит еще к одному крупному пороку. Наши герои очень слабо показаны с точки зрения их нафоса, их активности в пролетарской революции. В этом — слабая сторона натуралистического метода. Будучи не в состоянии дать за видимостью перестраивающейся в сторону коммунизма действительности ее нафоса, ее самодвижения, он вынужден переносить весь нафос на воспринимающего, на писателя. Нам нужно показать процесс формирования нового сознания под знаком нафоса, действенного напора классовой активности, товарищеской солидарности, под знаком яростной и радостной борьбы с прошлым, с рабством, с боженькой, с экзистенциями.

У нас нередко наблюдается показ ударничества как чего-то силошного, который если и доходит до тонкости, то только до утверждений того, что есть, мол, ударники и есть лжеударники.

Если вы возьмете ударничество, которое есть в действительности на «Красном путиловце», в Сталинграде, то весь это же не сплошное явление. Вы найдете там людей, которые вовлечены в ударничество стихийно, найдете таких, которые являются прекрасными ударниками, которых мы премируем, нашем выдающихся героев большевистских темпов.

Если вы внимательно посмотрите на ударническое движение, то вы встретите ведущих, тех, кто ведет от стихийности к сознательности, тех, кто превращается в настоящих, деловых профессиональных революционеров, т. е. тех, у которых есть полное и ясное понимание коммунистического дела, которое они делают. Они хотят есть и ведут за собой ударническое движение. Внутри одного и того же явления мы имеем две стороны, и не показать это нельзя. Вот возьмем Петю Гордюшенко. Очевидно со стороны его интимности, мне он удался. Все хорошо представляют себе этого парнишку, но я отнюдь не считаю, что задачу показа героев, которая стоит перед всеми нами я уже выполнил.

Я пока сознательно отказался взять такого замечательного большевика и ударника на «Красном путиловце», как тов. Каримов, которого описывает Чумандрина потому, что изобразить его мне не по силам. Показать Костю Каримова, великолепного переводчика и ударника со всей сложности его психологии, очень трудное дело.

У Чумандриной в «Путиловских дневниках» Каримов более удачно показан, чем у Галина. У Галина совсем не раскрыта сущность этого замечательного человека, у Чумандрина — больше, но все же недостаточно. Можно сказать определенно, что задача показа лучших, показа ударников еще вся впереди. И надо сказать, что перед нами стоит и еще более серьезные задачи. Когда мы говорим о генеральной теме пролетарской литературы, о показе истории заводов от его начала до его пятилетки, то показ социалистических героев—совершенно ясно для нас — только начало. Когда удастся описать бригаду во всей сложности ее формирования, то это будет довольно основательным подступом к нашей генеральной теме. Я сейчас стою перед собой — эту цель показа бригады, но не знаю, удастся ли мне справиться с этой задачей.

Мы нередко не учитываем, что наш герой — это не буржуазный герой. Наш герой в процессе своего роста сам начинает говорить о себе. Здесь получается довольно своеобразная вещь. Наши лозунги — показ героев и прием ударников в литературу — это две стороны одного и того же процесса культурного подъема рабочего класса.

Работая над показом бригады Кубасова на Сталинградском тракторном, я в процессе разговоров, встреч, наблюдений убедился, что было бы неправильно описывать это действие от себя, что процесс создания бригады надо описать, подчеркивая переходную коммунистическую линию развития бригады, говоря как бы голосами составляющих ее людей. И вот теперь я вижу, что был прав. И за Сталинграда получаю книгу и вижу рассказ, автором которого является сам Кубасов, он говорит о себе и своей бригаде, и в этом рассказе несомненно есть элементы художественного творчества.

Найдутся может быть люди, которые на основании этой книжки скажут: «вот, мол, прием ударников в литературу, а кто, писатели, пора и на покой». Коллективизировать с такими людьми не приходится, потому что надо ясно видеть, что прием ударников в литературу — новая волна, но находящаяся пока еще на низком уровне, что как бы это ни было желательно, но сейчас наши герои сами без нашей помощи о себе сказать не могут. Мы уже говорили об ударничестве в литературе, как о новой волне пролетарских писателей. Мы говорили о том, что этот прием должен обозначить какое-то новое качество. Теперь уже можно говорить о том, какое же это качество? Нужно не только признавание литературы ударниками, а совместная с ними работа над выявлением в герое его активной линии, той линии, которая его формирует, как строителя социализма. Так я и брал материал. Я записывал, что говорит товарищ, все время стараясь подчеркнуть рабочий характер и отмечать место этого характера в коллективе. Я заставлял их говорить от своего имени. Конечно, то, о чем они говорили, еще недостаточно, но в этом было много субъективности, поверхностности. Вот здесь и начинается подлинная работа художника-диалектика, выделение существенного, его подчеркивание и показ через внимание и конкретное. Отсюда-то и встает перед нами вопрос о создании новых кадров и о разрушении соотношения субъекта и объекта, которое достается нам от буржуазного реализма и которое особенно жестоко проявляет себя в очерках. Когда мы получаем «это» жанр в его старом виде, то мы должны его переоценить. Нигде, чтобы герои начали говорить своим голосом, мы должны говорить голосом ударника. Наш показ героев и прием ударников есть одновременно и прием героев, и показ ударников. Это совершенно единое явление, идущее под одним знаком, которое ни в какой литературе, кроме пролетарской, не могло никогда возникнуть.

В этой связи я хочу сказать о работе нашего театра, о нашей самодеятельной театральной работе. Она идет как раз по тому же самому принципу. Мы имеем агитровинеску на материале «Скорохода». Мы берем ударника со «Скорохода», имеющих тяготение к тому, чтобы работать в области театра. Мы рассказываем ребятам тему и заставляем их импровизировать, т. е. рассказывать о себе в конкретно-сценической форме. Мы стенографируем эти сцены, указываем, где они дают правильную установку, а где неправильную и поверхностную. Они импровизируют снова, все время экспериментируя. Потом мы, драматурги, берем этот материал и соответственно общему замыслу углубляем идейное содержание пьесы. Этот метод указал нам Горький в письме о задачах рабочего театра.

Его указания это—поэтому всего театра за совершенно иную принципиальную основу. Правда, это ставит и перед драматургами гораздо большие требования. Драматург должен быть большевиком в театре. Таким образом театральная сцена явится экзаменом для целого ряда людей, и целый ряд драматургов будет не в состоянии заниматься подобного рода работой.

Нодупло следует остановиться еще на одном моменте, связанном с приемом ударников в литературу, а именно на том, как своеобразно отразились призывы ударников в литературу и показ героев писателя на интеллигентском крыле нашей пролетарской литературы. Тут мы имеем два уклона. Первый состоит в том, что люди говорят: «в ударники и рабочий класс не знаю, зачем они о нем пишут? Но я могу принести пользу, основательно зная интеллигенцию, мелкую буржуазию. Зачем же мне переходить на материал, от которого я классово отличен?». Тут не трудно проследить старые корни перерождения, теорию, принижающую роль сознания. Второй уклон: «я происхожу из буржуазии, я знаю свой класс, но это знание корочно, это нехорошее знание. Я не буду говорить о нем, пусть он сохранится в тайниках моей души. Надо писать о рабочем классе, и я исключительно о нем буду писать». Но так как подобного типа люди носят в себе не преодоленную буржуазную и мелкобуржуазную сущность, то, приходя к рабочему классу, они ритуал его поворно, хотя это и сопровождается смехотворной уверенностью, что он «понимает» рабочий класс, что рабочий класс им «открыл». Ведь может же человек дойти до такой смехотворности!

Приходится и нередко слышать такого рода разговоры и приходится к ним относиться, как говорил Владимир Ильич, с брезгливостью.

Особая трудность показа героев рабочего класса состоит в том, что эти люди, познающиеся на работе с рабочего класса, сами еще не умеют сказать о себе и своем классе во всей его новизне и глубине и потому-то и нам трудно об этом сказать. В отношении этих двух уклонов мы ставим вопрос категорически: мы ни одному слову нашего движения не позволим сказать, что он остается при своем знании буржуазия и будет описывать только мелкую буржуазию и буржуазию вообще. А что делается с ударником, с героями рабочего класса, это его не касается. Пришлу десять лучших сил, и они займутся этим делом.

Мы, большевики, никогда не надеялись на какую-то фатальную силу и требовали от каждого бойца за коммунизм (тем более, если он пришел не из рабочего класса), чтобы он отдавал нашему делу всю свою силу, отличался не в процессе классовой борьбы и овладения материалом, переделываясь в этом процессе и переделывая других.

Мы также никогда не говорили, что знание буржуазии является чем-то почетным для пролетарского писателя. Наоборот, эта знания должны быть поставлены на службу рабочему классу, и тот человек, который откреплается от такого знания мелкобуржуазной среды — откреплается и от знания негативной стороны нашей действительности, а оно должно быть мобилизовано для показа и разоблачения наших врагов, чтобы обрисовать действительность во всей ее сложности, в ее движении к коммунизму.

международный
пролетариат должен знать
героев пятилетки

издательское товарищество иностранных рабочих в ссср приступило к практической работе

Издательское товарищество иностранных рабочих в СССР откликнулось на обращение МОРП специальным постановлением.

Издательское товарищество присоединяется к призыву секретариата МОРП о показе героев пятилетки международному пролетариату.

Для осуществления лозунга «Рабочие всех стран должны знать героев социалистического строительства» Издательское товарищество уже приступило к выпуску на иностранных языках лучших произведений советских пролетарских писателей (романы, повести, очерки и т. д.).

Одновременно Издательское товарищество ставит себе задачей показать участие иностранных рабочих-ударников в социалистическом строительстве, и уже приступило к изданию серии брошюр и книг, написанных иностранными рабочими-ударниками.

Правление поручает своему литсектору ускорить издание серий «Героем пятилетки».

Издательское товарищество призывает всех пролетарских писателей, пролетарские литературные организации и кружки установить тесный контакт с ним для осуществления задачи показа героев пятилетки международному пролетариату.

РОПКП покажет
героев совхозно-колхозного строительства

Российское об'единение пролетарско-колхозных писателей в ответ на обращение МОРП о показе героев пятилетки, постановило: поручить всем отделениям и кружкам РОПКП провести кампанию по разъяснению значения этого обращения под лозунгом «героев совхозно-колхозного строительства должны знать не только рабочие и крестьяне СССР, но и трудящиеся всего мира». Обязать органы печати РОПКП как в центре, так и на местах, и в первую очередь журналы «Земля советская» и «Комбайн» широко популяризовать эту кампанию, рассматривая ее не как временную меру, а как постоянную задачу по укреплению интернациональной связи трудящихся всего мира. Обязать все организации РОПКП срочно наметить ряд конкретных мероприятий для подготовки к XIV годовщине Октябрьской революции.

Осуществление связи с МОРП возложить на тт. И. Касаткина, А. Богданова, М. Карпова. Для более организованного проведения кампании по показу героев пятилетки выделить при МС специальную редколлегию в составе тт. И. Тарханд, А. Дороленчика, И. Астахова. Такие же редколлегии предлагается выделить и всем местным организациям РОПКП.

МАПП откликнулась
на призыв морп

Московская ассоциация пролетарских писателей на последнем заседании секретариата возложила на члена секретариата МАПП А. Грудскую общее руководство работой по популяризации и проработке обращения МОРП на местах. Секретариат выпускает специальное обращение к литкружкам и писателям МАПП.

напишем
„историю гражданской войны"
начало положено

Черниговское объединение комсомольских писателей (ЧОКП) совместно с культсектором губернского комитета, организовало общегородской литературный вечер, посвященный постановлению ЦК ВКП(б) о создании «Истории гражданской войны». Доклад на тему «Литература и оборона страны» сделал член ЦК ЛОКАФ т. А. Небыл. Старые большевики, красногвардейцы-партизаны выделились с выступлениями. Партизан - красногвардеец Лунаков рассказал много интересных фактов, рисующих активную борьбу духовенства против красноармейских отрядов. Все материалы вечера будут обработаны и отправлены в редакцию «Истории». Решено выделить специальный отдел в печатном альманахе ЧОКП «Будуемо», где будут помещаться литературно-оформленные материалы о гражданской войне на Черниговщине.

Об'явлен призыв ударников-партизан и участников гражданской войны в литературу.

Белорусская ассоциация пролетписателей и беллонаф еще ничего не сделали

Постановление ЦК ВКП(б) об издании «Истории» до сих пор не популяризировано среди рабочих Белоруссии. БелАПП и БелЛОКАФ ничего не сделали, чтобы мобилизовать пролетарскую общественность советской Белоруссии на скорейшее выполнение постановления партии.

А ведь советская Белоруссия чрезвычайно богата яркими фактами гражданской войны в результате борьбы трудящихся с белополяками и бандитскими шайками Махно, Савинкова, Булак-Балаховича и пр. атаманов.

БелЛОКАФ должен немедленно и по-боевому взяться за популяризацию постановления ЦК ВКП(б) среди трудящихся Белоруссии, за организацию на крупнейших предприятиях клубов действия, за выявление активных участников гражданской войны, за сбор материалов, документов, воспоминаний, монографий и проч.

истории перекопской дивизии

ВЕРА ИНБЕР, по декабрь с. г. четыре Красной армии, взяла на себя обязательство написать «Историю Перекопской дивизии в песнях».

Новое произведение Веры Инбер, работу над которым она сейчас заканчивает, будет состоять из героического эпического цикла в 12-14 песен, всевозможных отрывках прозы; оно явится художественным отображением всего исторического пути, пройденного славной Перекопской дивизией, начиная с ее первых боев с белыми и годы гражданской войны и до «Перекопского субботника». Во время своей подготовки к созданию «Истории гражданской войны». Для журнала «ЛОКАФ» Инбер готовит к опубликованию серию очерков о сегодняшних буднях Перекопской дивизии.

Вера Инбер находится сейчас в Одессе, изучает обширный архивный, документальный и картографический материал, пользуется консультацией старых «перекопцев».

И. Инбер приписано также деятельное участие в сборе подготовительных материалов для «Истории гражданской войны». В первых числах сентября ею организуется большой вечер воспоминаний участников гражданской войны — перекопцев, выступления которых будут застенографированы и подвергнуты литературной обработке.

среди книг
нет, не таково лицо красной армии

ГЕОРГИЙ ПАВЛОВ — «Эпопея Петра Куницы». «Федерация». 1930. Стр. 219. Тираж 5 000. Ц. 1 р. 35 к.

Книгу т. Павлова составляют три рассказа о Красной армии. В первых двух автор показывает Красную армию во время гражданской войны, в третьем — во время событий на КВЖД летом 1929 года.

В «Очерках потрясения мира» (так называется первый рассказ Павлова) мы хотели видеть отображение красноармейской массы в Октябрьской революции, взаимоотношения красноармейцев между собой, их психологию. Но это автору не удалось. Красная армия у него аморфная масса, неорганизованная, или вовсе организованная, слепо идущая за своими вожаками. Обычный смысл анализа с классовой жилкой таков, что красноармейцы — это мужики и рабочие в Красной армии, Павлов неглубоко рассматривает ее, сколько в преимущественно по поверхности событий.

Переделка человека — очень трудная тема, и нужно очень осторожно подходить к ней, чтоб не скатиться к интеллигентскому душеустройству. Автор недостаточно внимательно отнесся к теме, и рассказ получился неубедительным. Если в первом рассказе Павлов показывает массу, совсем не индивидуализирует людей, не показывает типичных, характерных представителей этой массы, то во втором рассказе автор, рисуя своего героя, не показывает красноармейского коллектива. Это неумение сочетать показ отдельной личности с показом коллектива — в значительной мере преодолевается в третьем рассказе, («Перекалившийся топор»), лучшем в книге.

Но, лучший в книге, он все же недостаточно силен. Показывая переделку мелкобуржуазной психологии крестьянина в Красной армии, Павлов неглубоко рассматривает ее, сколько в преимущественно по поверхности событий.

К крупным недостаткам книги следует отнести некритическую учебу ее автора у других писателей. В частности Гладкий слишком часто заслоняет собой творческое лицо Павлова. Пристрастность, сказавшаяся и в названии книги и в названиях рассказов, часто приводит автора к дешевому эстетству к вычурным фальшивым образам, как, напр., «Земля засыпала западинкой селезенкой», или «страна исходила, как чирьями, фронтами и фронтовиками».

Книга показывает, что Павлову нужно очень много работать над собой, над своим творческим методом, над своим мировоззрением, если он хочет идти в ногу с пролетарской литературой.

ЛЕВ ГЛАДКОВ

Больше бдительности!
книга Андрея новикова
„гоночное поле"

Вот книга, которая вновь и вновь ставит вопрос, о чем думают люди, ответственные за качество нашей художественной книги, чем они руководствуются, издавая не только ненужную, но и явно вредную книгу. Речь идет об очерках Андрея Новикова «Гоночное поле», изданных в серии «Социалистическое строительство» медгизовским «Федерация».

В предисловии книги автор признается: составлялись очерки в порядке непосредственного авторского впечатления... Автор рассказывал движение (колхозное) по людям, стройкам и задерживающим колхозное строительство».

Мы вправе были ожидать от автора показа живых тенденций социалистической перестройки сельского хозяйства, известную обобщенность этого грандиозного процесса. На этом пути автора могли постичь неудачи, могло не хватить сил, умения, глаза, чтобы охватить будущее, сделать широкое обобщение, дать синтез. В этом случае книгу надо было бы критиковать по линии метода, по линии выявления тех причин, которые помешали автору показать общие тенденции великого социалистического движения.

Однако, книгу приходится критиковать не за отдельные недостатки, не по линии творческих вопросов, не в пределах художественного анализа. Критиковать эту книгу надо по политической линии, за искажение нашей действительности, за неверные обобщения.

Одно дело, когда автор художественно не справился со своей задачей (здесь нужна критика внимательная, помогающая автору в творческом отношении), другое, — когда мы видим явное заключенную политическую тенденцию, обобщение, выводы, противостоящие нашему отношению к действительности. «Гоночное поле» — вредная книга по своим ясно выраженным кулацким мотивам.

Не спасают книгу и такие «политические» места: «Мое сердце учащенно колотилось в груди, обливалось горячей кровью радости: кулацкий дом поступил в законное наследство детей», ибо в десяти других случаях авторский «эффект» покрывался тенью сомнения, скепсиса.

Тема социалистического строительства в деревне, тема ликвидации кулачества как класса, для многих писателей явилась и является той лакмусовой бумагой, которая показывает действительный цвет внутренних симпатий автора.

Несомненно, что и в данном случае тема вскрыла действительную тенденцию в творчестве Андрея Новикова, тенденцию враждебного восприятия великих явлений нашей действительности. Правда, эта тенденция не всегда видна, в некоторых случаях она скрыта под внешним утверждением нашей действительности. Но в таких рассказах, как «Кратник» или «Точная агрономия», эта тенденция выпирает наружу, показывая лицо пролетарствующего «душевного бедняка». Мы уже не будем говорить о местах книги, напоминающих корреспонденции «следующих» лиц из Риги, напечатанные в «Форвертс» (на стр. 16 книги Новикова читаем: «В качестве колхозов приглушали лиц, осужденных судом за мелкие проступки и отбывающие трудовое принуждение на местных общественных базах»).

Рассмотрим образ кулака в очерке «Кратник», где собственно и раскрывается настоящее отношение автора к этой социальной категории деревни, или второй—по меланхолическому заключению Андрея Новикова—«время действительно оказалось безжалостным». Кулак в этом очерке называется «кратником». Автор встречается с ним в вагоне. «Кратник» едет в деревню после безрезультатной жалобы в центре на действия местной власти. Автор внешне как-будто отгораживается от этой фигуры, но прочитав этот очерк, читатель станет почти жалеть «кратника». Чем он плох или вреден, этот человек? Хлеба не скрывал, колхозному строительству не противодействовал, наоборот, в точности выполнял все приказы советской власти. Гарнцевый сбор сдал в точности, посевов не сократил, на пустырях засеять пустующие земли «кратник» отозвался первым, налог заплатил молчаливо. Не классовый враг, а божья кротость, примерный селянин! И совершенно непонятно, за что этот «милый человек» подвергается несправедливости, за что над ним «глумятся» сельсовет.

В этом очерке кулак резко противопоставлен советской власти, ее представителям. Кулак степенен, прямолинеен, не саботажник. Советская же власть выглядит головотяпской, несерьезной, несправедливой.

— Жаль «кратника», Макара Фомича, право жаль! Разжалобил автор читателя, сильно разжалобил.

В этом же очерке дается предварительное представление о колхозной действительности. В житове стук в колхозы: аферы, между ними и инструктором молочной кооперации начинает разговор о молоке, яйцах, сливочном масле. Грозное будущее ожидает бедных активов в колхозах: ни молока, ни яиц, ни масла им не получить,—все законтрактовано и распределено по нормам. Выходит так, что активов ожидает чума или не голодная смерть.

В очерке «Точная агрономия» показывается другая черта колхозной действительности. Автор сходит, в конторе. Начинается разговор с бедным учительницами о достижениях советской педагогической системы. Что же оказывается? «Дети, оканчивающие школу, через два года нуждаются в ликвидации неграмотности. За эти годы они забывают письмо и правильность произношения слов в чтении».

А дальше идет сплошное издевательство над «культурой», пробивающейся «наперекор, как родничок из-под почвы». Другая учительница утешает автора тем, что «презрение к элементарности в грамоте» в советской школе, комментируется «знанием политических вопросов и стройным пением революционных песен». Точно так же клевещут кулаки и попы на нашу школу.

Вообще автор немалого мнения о наших культурных силах: «это жилистые жерди, колхозные ветрюки».

На странице 33 А. Новиков показывает колхозника-активиста Ивана Емельяновича. Весьма любопытно его предложение — выращивать для колхозников. Для этого предлагается, «чтобы бедняк в продолжение этих лет работал там, где категорически разряду выше он начинается». Это предложение по существу означает — потихонечку перетащить отсталую в сторону фигуру середняка, т.-е. сделать как раз то, что кулаку желательно.

Остановимся еще на том, как показывает автор перерождение активистов, коммунистов. Вот, например, «партиец-избранный «специальные коммунисты», окончивший вместе с ним, как товарищ, по которых идет слава по предприятиям, может, тысячелетий. Бог — Мутовчин, заведующий кратковременными батрацкими курсами. Кто он? Гарный, типом человек, живая карикатура на претендента пролетарского города в колхозной деревне. А вот—вчерашний, окончивший институт партийных знаний и «отравленного чтения заболеваний умственным расстройством».

Вот эта галерея достаточно ясно говорит о том, как представляет автор наши партии в деревне. В основе этого представления — кулацкая идеология, вредное, искажающее нашу действительность.

Интересен и стилевой прием. Он напоминает стиль пресловутой повести «Вирок» Андрея Платонова. Туманные обороты, явные погрешности против синтаксиса, претендующие на стилизацию речи простого,—все это, очевидно, призвано затушевать скудный действительное лицо книги.

Но это не удается. Книга разоблачает автора.

Б—Р.

ТРИБУНА ТВОРЧЕСКОЙ ДИСКУССИИ ВССП

7-го сентября, в Москве открылась творческая дискуссия

первый день

от попутничества к союзничеству

ДОКЛАД ТОВ. СЕЛИВАНОВСКОГО

Вечером 7 сентября, в конференц-зале дома им. Герцена открылась вступительным словом т. Слетова творческая дискуссия Московского отделения ВССП.

В повестке дня — доклад т. Селивановского «От попутничества к союзничеству».

Тов. Селивановский говорит о длительных колебаниях в среде попутничества, возникших в то время, когда началось развернутое наступление рабочего класса на капиталистические элементы страны, выкорчевывание корней капитализма при переходе от восстановительного к реконструктивному периоду. При этом мы не наблюдали прямого пути развития. У Леонова от его первых произведений до «Саранчука», у Вс. Иванова от его «Бронепоезда» до «Бегущей бригады», Синикина» — переломный путь, путь зигзагами. И эти колебания — не случайное явление. В период обострения классовой борьбы они были свойственны значительным слоям всей нашей интеллигенции.»

— Попутничество не было всегда, во все времена, единой сплошной массой,— говорит далее т. Селивановский.— В нем всегда были разнообразные оттенки, но до последнего времени, до образования союзничества, союз выступал как единое целое.

Но ленинградская дискуссия уже обязала в попутнической литературе два творческих полюса. Это конечно не означает, что размежевка уже завершена, что этим исчерпываются все линии деления. Если в пролетарской литературе мы уже доходим до ряда конкретных специфически-творческих вопросов, то в попутнической литературе творческая размежевка и дискуссия ВССП началась вокруг одного из первоначальных вопросов: что такое искусство, каковы его черты? При этом осужденные теории вероникиев, формалистов, перезаложенные до сих пор пользуются рядом попутнической литературы известным кредитом. Докладчик останавливается на вышедшем в 1924 году сборнике «Писатели об искусстве и о себе», где высказывания писателей (в частности, А. Толстого в статье «Задачи литературы») вскрывают творческие установки самых разнообразных прослоек, обнаруживающие при этом общие черты. Характеристика творческого процесса, как сна, решительное противопоставление логического и образного мышления, противопоставление искусства разуму, искусства науке, попытки узаконить автономию искусства от политики — вот что являлось характерными чертами высказываний того времени.

Но сегодня то же повторяет Вс. Замятин, апеллируя к психологии словесного творчества («Как мы пишем»). Не представляет большого труда применить, что то, о чем говорит Замятин, есть вариация известной установки Воронского («Искусство видеть мир»).

В сборнике, вышедшем несколько лет назад, вся совокупность идеалистических высказываний была характерна для большей части попутничества. Теперешние высказывания характерными для большей части попутничества назвать нельзя. Но тем не менее...

Докладчик останавливается на высказываниях поэта Б. Пастернака сначала в его стихотворении «Определение поэзии», в котором из формулировки сущности поэзии совершенно выпадает указание на идейность (черта характерная, впрочем, не для одного Пастернака), а затем — в его «Охранной грамоте», где Пастернак уже говорит о теме искусства, о специфике искусства, устанавливая последнюю в чувстве, противоположном разуму.

Докладчик приводит ряд примеров, характеризующих этот полюс, как нельзя явно враждебный творческим установкам пролетарской литературы. Останавливаясь на Олеше, как на писателе, который еще не решает вопроса о тине искусства, а только ставит его, т. Селивановский переходит к книге Ольги Форш «Сумасшедший корабль», в которой автор искусству идейному противопоставляет искусство интуитивное, в которой автор проводит ту мысль, что художественная литература есть способ ухода от мира социальной действительности, мира классовой борьбы, и в которой автор приводит ряд рассказов о том, как сила искусства уводит внимание от злобы сегодняшнего дня.

Совокупность подобных высказываний каждого антимарксистична.

О формалистической линии в литературе, о ее основных установках, о борьбе с нею, докладчик говорит, беря в качестве примера жесткого применение двух приверженцев этой книги — В. Каверина и В. Шкловского. Формализм говорил о развитии литературы имманентным путем. Мы прозевали, к чему ведет такая установка на последних произведениях Каверина и Шкловского. «Прозаик» Каверина, целиком сведенный по формалистскому методу, принес автору жестокую расплату за его формалистические грехи и установки.

— «Поиски оптимизма» — итог не только Шкловского, — заканчивает эту часть своего доклада т. Селивановский, — прииллюстрированную убийственной выдержкой из книги Шкловского (о Зеленом городе).—это итог всей формалистской литературы, это — художественный маразм, это — судьба целого течения.

Далее докладчик переходит к характеристике другого полюса, намечающегося в творческой дискуссии в рядах ВССП — полюса союзнической литературы, приближающейся к постановке вопросов в той плоскости, в какой ставят их пролетарские писатели. Как документы, говорящие о приближении к нам известной части писателей, т. Селивановский приводит выдержку из речей М. Слонимского и Н. Тихонова, произнесенных на дискуссионном собрании в Ленинграде. М. Слонимский говорит о закономерности разоблачения цветистых одежд, о гибели бессмысленного орнамента, об обнажении и повышении роли мысли в литературе. Вопрос о новаторстве Слонимский рассматривает как вопрос о новаторстве мысли, новаторстве мировоззрения. «Мы должны учиться вскрыть объективную диалектику действительности так, чтобы служить делу социализма». Ник. Тихонов говорит: «Для меня ясно, что сейчас я не могу написать ни одного произведения, которое не предусматривало бы политического содержания. Мне кажется, что произведения без политики сейчас быть не может».

— Вот два высказывания, решительным коренным образом противопоставленных высказываниям первого полюса. Проблема новаторства правильно стоит как проблема пролетарской мысли, мировоззрения. Эпигоническое скольжение по поверхности, приносящее к нам от традиций старой литературы. До сих пор еще остается уделом некоторых писателей. В качестве наиболее яркого примера эпигонства буржуазной литературы докладчик приводит книгу С. Буданцева «Повесть о страданиях ума».

При зарождении нового стиля — закономерны заражения писателя. Но как раз анализ попутнической литературы показывает, что в таких произведениях, как «Севастополь» Малышкина, «Саранчуки» Леонова, «Гипроцентраль» Шагинян, «Фома Клешнев» Слонимского и др. поражения нет, а есть подъем, продвижение вперед. Творческая программа социзического отряда показывает, что на труднейшем пути развития происходят наибольший расцвет творчества. Художественное мастерство, подъем, ценимый именно для писателей, перестраивающихся в сочувствии, и разброс — искусство, вырождение, обеднение характерны для писателей, смыкающихся с буржуазной литературой.

Мы в РАПП объем по так называемым «настроениям утильсырья». Подобные настроения ощущаются не только в среде пролетариев, но и в среде попутчиков и сочувствующих. В «Литературной газете» было недавно напечатано стихотворение В. Кириллова, которое наглядно отображает настроения «Утильсырья». Творческая практика союзнической литературы наголову разбивает весь смысл этих теоретических высказываний. В союзнической литературе происходит огромное расширение тематики; писатель перестает жить в застойном мирке, прорывает его и видит, насколько богата жизнь. И это есть рождение новой литературы.

— Но почему,— спрашивает докладчик,— эту группу мы не можем назвать пролетарской, а только резервом пролетарской литературы?

Здесь т. Селивановский возвращается к последним произведениям сезонников, анализируя их отдельные недостатки. Отвлеченное культурничество, преувеличение роли интеллигенции, техницизм в «Гипроцентрали» Шагинян; параллелизм линий и параллелизм тем, отсутствие сочетания темы социальной с темой личной в «Саранчуках» Леонова; своеобразное проявление гуманизма, стремление понадить своих героев в произведениях Малышкина и др.,— все это своеобразное давление прошлого наследия. Для сезонника еще характерно движение толчками. Нет закрепленности, есть оглядка назад. Чтобы обеспечить благоприятную обстановку для дальнейшего роста, для большего овладения диалектическим материализмом — нужна действенная товарищеская критика.

Спимается ли вопрос о попутничестве?

Нет.

Тов. Селивановский подтверждает сказанное примерами, взятыми из практики Тынянова («Восковая персона»), Огнева и Вс. Иванова (последние его три книжки: «Компромисс Наль Хана», «Путешествие в страну, которой еще нет» и «Повесть бригадира Сеченова»).

— Сейчас для огромного количества наших писателей,— заканчивает свой доклад т. Селивановский, — встает вопрос о литературном будущем, о судьбах искусства в реконструктивный период. Такие с неизбежностью переделки интеллигенции и попутничества в резолюции глубоко вскрывают. Зарождение союзнической литературы мы рассматриваем не как прекращение прежней линии творчества писателя. Несомненно, что в самом факте наличия союзнической литературы мы имеем новое социальное качество.

Наша задача заключается в том, чтобы, не затушевывая трудностей перестройки, решительно бороться против приспособленчества и кривой халтуры, любезного разгрома буржуазных сил в литературе, не отсекать писателя, а сохранять его, передвигать его мировоззрение.

Продолжение дискуссии и прения по докладу т. Селивановского — 10 сентября в 19 часов в конференц-зале дома Герцена.

АЛ. ЛЕЙТЕС

ПРАВО НА *ОПТИМИЗМ*

«...больше нельзя отмучиваться. Мы пытались обмучить современность, но крепким оказался тот, которые не мутился.
В. КАВЕРИН («Скандалист»)

I

Когда-то Виктор Шкловский в позе «обстрелянного» литератора, давно привыкшего к ругани, со снисходительно-самодовольной миной писал:

«Сейчас это делается так: начинают ругать человека, на чем свет стоит. Причем обычно кричат: талантлив, но вреден. И начало фразы всеми запоминается».

Хотя мы собираемся «ругать», т.-е. полемизировать крайне отрицательной оценке творческую практику Шкловского, в частности, его последнюю книгу «Поиски оптимизма,* нам отнюдь не хочется строить эту оценку в духе формулы «талантлив, но вреден».

Вредность психологических установок Шкловского слишком очевидна и ее не стоило бы широко распространять. «Поиски оптимизма» тем и интересны, что показывают, как идеологическая вредность его установок и первую очередь нанесла вред его таланту, катастрофически опустошив его. Очередной сборник остроумен, анекдотов и вносказаний Шкловского — это поучительный «человеческий документ», подводящий итог предыдущим беллетристическим и автобиографическим опытам формалистского мастера. Это один из документов краха формалистского мироощущения. Мы подчеркиваем: мироощущения, а не мировоззрения. Формалистское мировоззрение в своих основных чертах давно разгромлено. От него отмежевались и сами формалисты. Но формалистское мироощущение еще крепко живет в определенной писательской прослойке, среди правых попутчиков и «литературных отровитян». Ряд писателей самодовольно разграничивает «талант» и «идеологию» в духе вышеприведенной формулы Шкловского. Они рассматривают свой талант, как охранную грамоту, как нечто незыблемое. Они не осознали социальную функциональность самого понятия — талант. Талантливость их может вполне мирно и загородировать в зависимости от того социального применения, какое они ему дают. В этом плане тема о Шкловском — и его творческой практике — становится крайне своевременной.

II

В своих последних полубеллетристических сборниках Шкловский шутит и пронизирует по инерции. По его собственному старому определению, он «заговорчив как женщина, которая говорит много, чтобы не перестать говорить».

Больше нельзя отмучиваться! — это-то не может не созвучать Шкловскому, даже в минуты умирания своим красноречием. Продолжая автоматически шутить, страдая перманентным недержанием иронии, он в последнее время теоретически отмежевывается от своего острословия. «Не хочется острить», — заявляет он еще в «Третьей фабрике». В дальнейшем он выражается еще категоричнее: «Ирония — дешевый способ быть умным» («Гамбургский счет»), «Мое остроумие — это след некоторой недоработанности» (Сборник: «Как мы пишем»). «Кончено шутить, Марко, иступил я в смерть», — мрачно восклицает и в «Поисках оптимизма». Эта последняя книга тем и интересна, что наглядно показывает, как беспринципное зубоскальство известной писательской прослойки вступает в прекомерную фазу.

В сборнике «Поиски оптимизма» никакого оптимизма, никаких исканий и поисков нет. Это — крайне пессимистическая по настроению и кинетическая по установкам книга, сплошь перенасыщенная лирическими вздохами, жалобными автопризнаниями. «Мы ведь знаем, что жизнь неполная. Мы не знаем, как перестроить свои корабли... Ничего не решено... Путь не найден!» — этими фразами открывается первая страница сборника. Вплоть до последней главы никакого оптимизма автор не обретает. Недаром. Особенно умно звучит эпиграф сборника. «Какая утомительная вещь литература!» — восклицает Шкловский. «Она так тяжела, жизнь»... «Милый прохожий, я боюсь тебя, когда ты читаешь мою книгу в трамвае». В общей литературной походке Шкловского чувствуется явная усталость. Недаром книга заканчивается странной жалобой на толкающихся. («Толкаются все, даже старухи») и тоскливым призывом к «спокойствию инкубатора».

Этот призыв к спокойствию — и единственный лозунг в сборнике. Не толкайтесь!.. — звучит в устах Шкловского, беспокойного литературного фланера и скандалиста, довольно никчемно и знаменательно. В остальном эта книга удручающе повторяет все прежде написанное им. На произведения довольно большого промежутка времени от «Третьей фабрики» через «Гамбургский счет» — «Поденщину» до «Поисков оптимизма» композиционная и стилистическая манера Шкловского окончательно стабилизовалась настолько, что Шкловский автоматически переносит отдельные главы из одной сборника в другой (например, из «Гамбургского счета» в «Поиски оптимизма»). Однообразие покажется особенно удивительным, если вспомним, что Шкловский за десять лет, особенно в монтаже абзацев обычно проявляет крайнюю изобретательность. В самом деле. Покуда читатель знакомится с Шкловским «в малых дозах», не выходя из пределов одного сборника, он по крайней мере впечатляется неожиданностью и специфической яркостью авторского несентиментального мышления, головокружительными сигналами его сравнений, его прыжков от метафоры к метафоре. Но любопытная вещь! — достаточно прочитать к более систематическому чтению Шкловского — не «от фразы к фразе», а «от книги к книге», как сразу же обнаруживается удивительная однотонность всех его сборников, высказываний. Нахлынувшей похожей литературного фронта он неизменно грузит вокруг себя. Все то же умиротворенное остроумие и суесловие, все то же зубоскальство, потребляемое немерянными сентиментами, все та же принципиальная беспринципность и неизменное «обыгрывание» мотива личной судьбы.

Шкловский слишком злоупотребляет своим правом на автобиографию. От «Сентиментального путешествия» до «Поисков оптимизма» он — единственный основной герой своих книг.

Но если в «сентиментальном путешествии» он мог рассказать о богатых событиями годах своей жизни, то сейчас бедность событий он искупает богатством образов и сравнений.

Каких?

Вот, например, пять лет тому назад в «Третьей фабрике» Шкловский лаконически выразился о себе: «Живу тускло, как в прозаттике». Эту фразу, многие приличествующему литературному послесловию розановщины, он привел в главе, многозначительно названной «Что из меня делают».

Пятое Шкловского — «поденщина заслав» — столь «красноречиво» орнаментированное, ничем по существу не отличается от прежнего, комически-высокомерного ворчания Андрея Белого, насчет «арены ежедневности», «мешающей» ему создавать большие полотна.

Чем более ярок талант Шкловского в этом направлении, тем настоятельнее обнаруживается, как безгарна, как тусклая и как убога социальная природа такой талантливости.

III

Было бы большой наивностью взяться всерьез за разбор отдельных мыслей и высказываний Шкловского, как бы они задорно и вызывающе не звучали. Следовать за его мыслями — наука отнюдь не занимательная и занятие время не поучительное. Он принципиально беспринципнее. С цинизмом, доходящим до гениозности, он на каждом шагу противоречит себе, восходя и канон назидательное отношение к вопросам мировоззрения. «Какое мне дело до идеологии», — с неподдельной искренностью воскликнул он когда-то, рецензируя Всеволода Иванова. Он готов проповедывать что угодно — «скрещивание» художника с новым революционным материалом», «вторую профессию» — только не необходимость мировоззрения. Ему кажется, что идеология снизошла выполнить его специфический заказ.

Разве не характерно, что наиболее реакционное крыло или в литературе, которое, отталкиваясь принципиально от постановки всяких идеологических вопросов, предпочитает культивировать и фетишизировать «таланты вообще» — окружает писательскую фигуру Шкловского особым ореолом.

Года два назад Борис Эйхенбаум поместил ему краткий, но чрезвычайно выразительный панегирик: «Шкловский не только писатель, но и особая фигура писателя... его положение и роль достопримечательны... Он человек, воплотивший в себе дух своего поколения» («Мой временник»).

Каково же то литературное поколение, дух которого столь блистательно выражает Шкловский и качестве особой писательской фигуры? Это — литературное поколение буржуазии, воспитанное в атмосфере «литературного распада» апофеоза беспочвенности и розановского хихиканья. Это категории тех «умных ненужностей», тех «литературных денди», на появление которых с таким ужасом реагировал Александр Блок.

Разумеется, сам Шкловский причисляет себя к другому поколению. И хронологически в порядке своей творческой литературно-кружковой работы он связан с футуристским движением: «Я представитель поколения, сруганного наколюжу», — печально говорит о себе Шкловский, связывая себя с рядами футуристами. Но и эти лирические воспоминания Шкловского о раннем периоде русского футуризма с дополнительной ясностью вскрывают реакционность его фигуры.

Футуристское движение он превратил в тему кэтминг-бытовых воспоминаний, сентиментальных и мрачных разглагольствований. В частности на классное разоблачение отдельных эпизодов личной жизни Маяковского (глава «Случай на производстве») хочется реагировать стихами Маяковского: «Кому это интересно, что — ах, вот, бедненький, как он любил и каким он был несчастным?» («Приказ № 2 по армии искусств»).

В самом деле, кому это интересно? Кому нужно преподносить образ Маяковского в таком контексте? Мещанству, разумеется. Только мещанину, обывателю хочется положить Маяковского на мотивы душещипательного романса и старательно затушевать его революционную значимость. Значительно честней и логичнее Шкловский в том месте воспоминаний, где говорит: «не будем итти под ряд с Малковским». Действительно, историк никогда не поставит в один ряд путь Маяковского и пермаментную лирическую бесплотицу Шкловского. Но если Шкловский чувствует, что с Малковским он не может итти рядом, то с представителем другой линии футуризма, с закоренелым лефовцем С. Третьяковым он не хочет итти. Почему? Видите ли, потому что тот слишком плотную приближается к революционным фактам. «Между тем, дорогой, — обращается к нему Шкловский, — фактов не существует». «Ты так дорого заплатил за проезд в факту, — продолжает зубоскалить Шкловский, — что тебе жалко изменять его». Мы не сомневаемся, что Шкловский значительно «дешевле» отделывается от революционной тематики. «Мне легче описать смешной город Березовку, чем третью конференцию колхозниц»,—об'ясняет он в «Поисках оптимизма».

Шкловский никогда всерьез не подъезжал к революционной тематике, предпочитая объезжать ее на своем критическом коньке. Что мудреного, если он вконец заездил свою кровью?

IV

Художественной безвкусицей, лирической денежей отмечено большинство глав «Поисков оптимизма». Когда Шкловский говорит о писателе, несущем живую птицу-сердце в руках, и сравнивает сердце то с голубем, то с курицей—такие сравнения звучат не столько слабо, сколько безвкусно. Это еще хуже, чем сравнивать свою жизнь с прерванным. Количество таких безвкусиц в последних сборниках Шкловского нарастает в прогрессивной качественный показатель всей его творческой манеры.

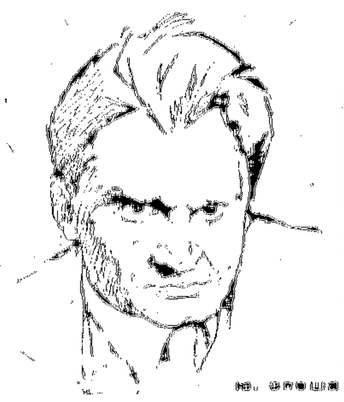
В книге «Гамбургский счет» Шкловский откровенно заявил: «Я так устал от сравнений, что следующий раз, когда мне придется описывать облака, я напишу так: «Над нечистыми заводами или прежде описанные облака»...

В уже упомянутой краткой статье Б. Эйхенбаум писал о Шкловском: «В другое время его назвали бы «властителем дум». В наше строгое, скупое время его, пожалуй, назовут «властителем фразы». Трудно сказать, как назвало бы Шкловского «другое время», по которому тоскует Эйхенбаум, несомненно лишь, что наше «строгое, скупое» время его «властителем фразы» не назовет. Не столько автор «Поисков оптимизма» властвует над фразой, сколько фраза властвует над ним.

Ощущая свой талант на утерю, но не понимая корней этого, Шкловский давно уже платонически мечтает сломать свою манеру письма, «проснуться, перемениться». Но как перемениться? Как избавиться от зуда остроумия? Этого Шкловский не знает. Характер своего остроумия он об'ясняет то «технологически» (в сборнике «Как мы пишем»), то психофизиологически. Он не хочет видеть единственно об'яснения своей творческой манере — социологического корней той психоидеологии буржуазного фланера и фрондера, какую Шкловский столь блистательно выражает.

Но у нас социальная почва, питающая таких фланеров, все более и более истощается — вот откуда идут истоки его нынешнего пессимизма. Это более и более редеет та аудитория, которая до сих пор аплодировала зубоскальству нашего «властителя фразы». Отсюда и его стоны перед новым читателем: «Милый прохожий, я боюсь тебя, когда ты читаешь мою книгу в трамвае».

Пусть эти пессимистические настроения, охватившие Шкловского, эта обязательная ущербность его творческой практики послужат залогом бодрости для тех, кто в борьбе за новый тип писателя-практика и участника социалистического строительства решение вопросов своей творческой перестройки начинает с борьбы за четкость своих идеологических позиций.



корнелий зелинский

„ЗМЕЯ В БУКЕТЕ“,

или о существе ПОПУТНИЧЕСТВА

Вчера я видел Олешу во сне. Он шел «забрикий», тридцатидвухлетний, втянув голову в плечи—материализованный плагиат из «Вишневой косточки» — и смотрел на меня сзади, углом глаза, как трактирщик Дантова ада в изображении Густава Доре. За писателем тесилось множество явлений мира. Сияющих, мокрых. «Внезапные муравьи», легкая листва, точно девушка в зеленом платье, просеченном солнцем, «раки водопроводного цвета», лампа с желтым шарфом лучей, плоды, чувства. Сзади, и должно кто-то бросил полосатую подушку (это Иван Бабичев — мельканул в тумане). Она лопнула с шумным вздохом, упав на тротуар. Оттуда посыпались косточки. Прапорщик вишневых и сливовых косточек.

Олеша прижался к ним, любовно нагибаясь. И косточки вспыхивали от этих прикосновений розовыми кронами деревьев, рождественскими елками с игрушками и подушками. Подушки в материалых цветах на тоненькой ножке.

— Вы хотите попасть живым в рай,— закричал мне Олеша. — Получайте!

И он бросил в меня горсть вишневой пролисей.

Тут я должен был бы проснуться, чтобы рассмотреть случившееся при свете критического анализа. Но потом я подумал, что сон тоже может быть идеологически выдержанным и не обязательно находиться во владении Замятина и других туземцев подсознательного. Я хотел также сразиться с теорией Зигмунда Фрейда, который об'ясняет сны действием половых гормонов, почти бесконтрольно бегающих по телу и занимающихся мистификацией и провокацией. В этот момент из подушки выпрыгнул попутчик нормального восстановительного» и, собрав в один букет все метафорическое производство Олеши, которое он рассыпал по косточкам, поднес мне к носу.

— Это есть искусство. Вдыхайте его ароматы.

— Остановитесь! Там, внутри враждебная идеология, «змея в букете», — сказал фонарщик, выпадший на знакомый голоса из Дома Герцена. В руках он держал распространенный критический инструмент — метлу, и говоря так фальцетно и колюче, как будто бы это был сам Родов.

— Я не хочу знать, — вмешался Олеша. — Я устал не умереть или вытащить. Я тоже хочу быть идеологичным, как все.

— Что же вы хотите?

— Я хочу при этом остаться художником. Я хочу, чтобы мне оставили мои метафоры, мои изобразительные средства.

— Это мы вам оставим — милостиво смягчившись сказал прапорщик. — Прекратите только вашу буржуазную идеологию.

— Позвольте заметить, — сказала подушка, похожая на попутчика нормального образца, — ведь Олеша имеет внутри полный набор чужой идеологии. У него же внутри сидит Зубило. Вы не слыхали про Зубило? Не так давно это имя гремело среди читателей газеты «Гудок», двух миллионов железнодорожников. Это знаменитый боевой рифмач, маэстро подшесного райка. Зубило был вооружен стопроцентной пролетарской идеологией. Его имя, как воинский клич, могло двигать людьми и подчас заменяло уголь в паровозах. Чуть ли не каждую станцию носит его имя. Автором этих стихов был человек, ставший впоследствии писателем Олешей.

— Какой же отсюда вывод?

— А вывод такой, что попутчику легче догнать и перегнать пролетарского писателя, нежели наоборот. Идеология — дело наживное. И при том простое. Как часы-ходики. Тик-так. Это не так, а это так. А вот, попробуй, создай художественную литературу, найди свою творческую походку, изобразительные средства, ритмический жест. Тут нужно кое что, — и подушка показала комбинацию из трех метафор.

— Не залучается, — сказал метельщик. — Мы вашу «литературу» забираем у вас или у классиков, у Грибоедова там или Толстого,—а начинку вашу. Поняли? Важно кировоззрение, идея, а вашу художественную метафору мы реквизнем и в дело пустим. Перебьетесь.

— Слушайте, а куда же девался Зубило, когда родился Олеша,—спросил я,—куда же девались правильные его идеи?

Тут подушка замерцировалась внутренно и победоносно шепнула, чтоб все слышали:

— А в том-то и дело, что искусство не ужилается с правильными пролетарскими идеями. Идеи стопроцентные — пепел не художественная. Написано сильно — непременно уклон. А вы не думаете, что может при социализме-то искусству вообще — каюк?

— Каюк, — повторила «вишневая косточка», грустно и сомнамбулически.

Страшные ругательства метельщика прервали рассуждения подушки. В самом деле — их классово враждебный смысл был уже чересчур явен.

— Погодите, — сказал я метельщику. — Давайте разберемся. Мы вступили сейчас в лабиринт, где проблемы существа искусства переплетаются с проблемами существа попутничества. Разделим эти вопросы. Во-первых, мы должны ответить на вопрос о том, как возникает метафора, образ, где начинается искусство. Можно ли ее отделять от идеи, от смысла произведения, от мировоззрения автора? Если можно, то правы вы, что попутчик—это «змея в букете», которую полагается в литературных трагедиях. Если нет, то мы должны найти другую формулу.

— Но кто же будет спорить с этой азбучной истиной, что нельзя разделять логику и метафору, образное и логическое мышление?

— А вот Олеша разделяет.

— Искусство имеет к сердцу свою дорогу, — сказал Олеша.

— Это правда, но в каком смысле? Искусство захватывает «куском жизни», конкретностью, отображенной в образах, как говорил Энгельс. Но разве эта конкретность лишена смысла? Разве, положен, образ не порождается всем организмом осмысливания человеком мира, то есть его мировоззрением и мироощущением, работающими одновременно?

— А может вас захватить идеологически чуждое произведение? — со злорадством в голосе спросила меня подушка. — Любил же Ленин иногда «слушать» бетховенскую для отдыха.

Что здесь понимать под словом «захватить»? В известном смысле может художественно совершенное произведение, образно сильно впечатляющее, даже, так сказать, внутренний разрыв сил через эстетическую эмфазу, завлекает игрой образного «механизма», повинующегося связанного с природой образования у нас условных рефлексов. И здесь, действительно, лежит не только сила, но и опасность искусства, которое может давать «иллюзию» примирения с действительностью. Но мы можем упражнять свою потребность в действии «образного механизма», потребность в ощущении конкретности, не захлестывая этим свой внутренний идейный строй. Так, скажем, я читал Ленин чужимую беллетристику. Но кроме того он, вероятно, и накапливал попутно опыт. жизненный материал. В большом идеологическом аппарате эти процессы проходят как бы подсобно, привычно.

— Ага, — обрадовался Олеша, — значит вы признаете за мной правду художника?

— Да, я признаю эту «правду». Но тем опаснее мне кажется ваша философия дуализма, растворенная в метафорах. Именно потому, что мы сильны в образном воздействии, именно потому не-

верная мысль устраивается в своей силе.

— Но я хочу идейно быть с пролетариатом тоже. Я хочу поспешать «за гремящей бурей века».

— Это значит изменить свое искусство, найти новый ряд возникновения образов, новый творческий метод. Это значит включить ток пролетарского мировоззрения в свое художественное «производство», сделать идею и художественно формующим началом. Если хотите, включить Зубило в Олешу.

— Это легко давать советы. А вы вот покажите, как это сделать.

— Да, да, как это сделать! — накинулись на меня все сразу.

— Что вы хотите от меня — отмычки в «рай», что ли? Диалектико-материалистический метод ищут сейчас все. Не только литература попутническая и сезонническая, но и пролетарская. Путь к нахождению нового стиля, нового искусства пролетариата лежит, по-моему, через отчеканное классовое осмысление не только темы, но и всего того, что мы условно называем изобразительными средствами. Показать это может и писатель — на художественном материале, создав произведение, где бы интонация его класса звучали во всей образной структуре этого произведения. Может помочь и критик, продвинув теоретический анализ в самый стиль, извлекая классовые выводы из самой художественной конкретности.

— Вот именно! Со мной разговаривают, как с Зубило, а я есть Олеша.

— Что же, по-вашему, критика виновата, что не умеет разговаривать с писателем и помогать ему? У нашей критики есть свои беды. Но не равняйте их со своей виной. Это вещи несоизмеримые. О том и о другом я сейчас скажу. Попутчик нерастраивается. Критика, марксистское литературоведение только строится. Писатель-попутчик должен отсекать старое, идущее от буржуазии, критик — марксист — открывать дороги к литературной науке пролетариата.

— И вести классовую борьбу — сказал попутчик.

— И вести классовую борьбу в литературе. Но вся разница—чем? Чем сражаться, метлой или другими более тонкими и действительными средствами? Я понимаю следующим образом наши задачи: выражаясь плехановским языком—соединить эстетику и социологию. Общая беда нашей молодой марксистской критики — ее идеологическая отвлеченность, прохождение мимо индивидуального, единичного, конкретного. А ведь «схватить и изобразить индивидуальное и составляет истинную жизнь искусства», — говорит Гете. Так же, как этикетка на бутылке, марка вина еще не дает истинного представления о его вкусе, так и отвлеченная идеологическая характеристика произведения, записанная по готовым социологическим рубрикам не дает подлинного понимания его внутренней жизни. Читая статьи об Олеше, Пастернаке, Сельвинском, Слонимском, Всеволожском, Либединском, я часто начинал задавал себе вопрос: а что если бы идеи, против которых полемизируют критики, были бы изложены в точной публицистической форме, а не в виде поэтического произведения—изменилось ли что-либо в аргументации и манере критики? Ведь критик часто разговаривает с художником, как будто он находится с ним в одной плоскости, как будто он имеет перед собой, как объект критики логические формулы. Когда мы говорим о своеобразной дороге искусства к сердцу человека, это конечно, повторяю, отнюдь не означает, что эта дорога не пронизана по теологию разума. Именно так. Но искусство — вид социальной человеческой деятельности, отличный, однако, от непосредственного логического выражения трудовых интересов. И мы должны исследовать его художественную функцию как социальную функцию. Но не забывать его художественной природы. Не и его омертвением, логизированием вяле, а в его внутренней игре—тогда, когда поэтическое произведение дает свой «образный ток». Так динамо-машина в холодном, недвижном состоянии—это один предмет. И это совсем другая вещь в движении, когда электричество бежит в металле. Уже в ней не подойдешь так просто. Мы должны исследовать художественное произведение именно так, как оно «крутится» в голове читателя, включаясь в его «образный ток». Для этого критику, впрочем, нужна проста, но не часто встречающаяся вещь — художественное чутье.

Мы, разгромив формалистов... забыли о художественной форме, как будто бы занимаемся ею было только их привилегией, а наше дело — «социологию». Такое противопоставление совершенно ложно. Перечтите письма Ленина к Горькому. Какой замечательный образец чуткости к художественным интересам Горького. Ленин страстно, непримиримо, «зверски» вовет с Горьким, когда находит в последнем идеологические скаты в буржуазному мировоззрению. И вместе с тем — постоянная забота о своеобразном восприятии художника, поправка на человека искусства, где — «там туг и все карты в руки».

— Ну вот, ну вот, — подхватила подушка, — Олеша же и говорит, что с ним разговаривают, как с Зубило. Где же ваша поправка на художника?

— А весь напрасно начал я с вами разговор о критике.

— Почему напрасно?

— А потому, что для таких как вы это запелка, чтобы увлекаться от обсуждения в тысячу раз более важной для нас темы: о нашей перестройке, о перестройке попутничества. В сущности говоря, попутчик вообще писатель не пролетарский — это значит писатель, в какой-то доле еще отражающий в своем творчестве идеи, подсказанные капиталистическими отношениями. Но что значит «перестроиться» для писателя? Это значит не только заместовать головным образом идеи пролетариата — как это только делал, вероятно, Зубило — не только писать на «революционные темы», но и уловить идеи и походку большевика в каждом своем творческом акте. Сейчас есть немало таких писателей, которые считают, что если они внутренно и свою уместившую квартиру Зубило, если «в два счета» могут сохранить нужную идеологию, то все в порядке, и можно, попутчик, после окончания романа сдавать его в «идеологический цех» для наведения на лик пролетарской улыбки.

— Что же, по-вашему, и Олеша такой?

— Нет, Олеша, конечно, писатель другого порядка. Но я считаю, что Олеша сейчас мятется во многом типической фигурой для отставших попутнических слоев. Хочет он того или не хочет, но фактически своей «Вишневой косточкой», «Синеком благодетелей» он бьет брешь пролетарской идеологии на самых важных для перестройки позициях—на позициях искусства, по вопросу о сущности искусства, о существе творческого метода. Вот почему разнить утверждения Олеши (а это правильно и по-товарищески сделал Селивановский в своем письме к Олеше — «Литгазета», № 35, 30 июня) важно для всех нас, важно для прояснения и ускорения процесса перестройки попутнически-союзнических рядов. О каком новом, пролетарском искусстве может итти речь, когда для Олеши искусство это—«третий мир», царство потустороннее, вне тем, где скрещиваются мечи логики. Ведь по Олеше борьба капиталистов и пролетариев—это борьба логик, борьба, происходящая только в логическом мире.

— А почему же так разошлась Олеша и Зубило?

— Тот класс та социальная прослойка, что породила Олешу,—она заставила бежать Олешу от «Зубил», наступающих сейчас по всему фронту. Олеша бежал в «ощущения», в мир метафор (не в стилистическом, а шире—философском смысле). А на самом деле сквозь барочный узор его метафор просвечивает транспарант, схема: расцупов и чулков, логика и искусство. Пьютон и живая природа. Он тянется к метафоре не только от своей «производственной» силы, как художник, но и от своей социальной слабости. Как нищий к богатству, Гончарова к Европе, калека к здоровью.

Главная и в сущности единственная тема Олеши — это чаплиниада. Образ нищего, потрёпанного человека и его «трагической судьбы» походит через все творчество Олеши. Иван Бабичев, Кавалерин, Чаплин, Елена Гончарова, нищий из «Вишневой косточки» — это все двоюродные братья и сестры, это одно семейство «униженных и оскорбленных» с обеих сторон, двумя классами — и буржуазией и... пролетариатом. По свою социальную слабость Олеша хочет сделать нищенством гарантии личного счастья. «Пусть ты сир и нищ на земле, но огромное покрывало тонких чувств окутывает тебя — как бы говорит Олеша. — Подними метафору, вот она лежит у твоих ног, как выигрыш в двести тысяч». Но ведь метафора может быть пролетарской, но может быть и буржуазной. Нет бескорыстной метафоры. Вот что надо понять. Вот где, по-моему, путь преодоления очень многих заблуждений, которые владеют нашими писателями. Вот почему абсолютно безразлично какие «изделия» талантливого попутчика, как «змея в букете». Змею — чудную идеологию удалить—букет останется. Это фарш. Идеология в театре и есть этот самый «букет», его запах.

— Но тогда же, синако, поправка на художника?

— Вот в этом и сущность «поправки». Некоторые поправку воспринимают как уступку, уступку в идеологии. Ничего подобного. Никаких уступок. Наоборот: большая идеологическая классовая требовательность, распространяемая на самую художественную конкретность. Я думаю, что великий лозунг Сталина об овладении техникой может и должен быть положен литературным не только как сигнал к овладению техническими знаниями, но и в том смысле, что к самим великим литературы мы должны подходить не отвлеченно, общеидеологически, а и «производственно», со стороны образных, «технологических (разумеется в кавычках) процессов. Пафос «производство» насквозь не реплетается с политикой, диалектически взаимосвязано. Художник живет шестью чувствами, поскольку он и «политик», то есть поскольку идея творит его «производство». Но и его политика — идея — обнаруживается в своей действенной силе лишь постольку, поскольку она претворена и этом «производстве», в том, что мы пока начерно (и научным смысле) называем спецификой искусства.

— Но имеет ли смысл говорить об этом всерьез в обществе подушки?

Мы переглянулись. Бабичев, Олеша понял меня. И я, поклонив подушку, вроде удался.

начался двухдекадник помощи радио

внимание радиофронту!

Состояние радиовещания и радиохозяйства в СССР не только явно отстает, но во многом и противоречит требованиям и задачам периода развернутого большевистского наступления.

Сигналы партийной и советской общественности и печати (постановления Краснопресненского райкома ВКП(б), секретариата ВЦСПС, фракции секретариата РАПП, АРФ, ОДР и т. д., материалы, опубликованные в газетах «Правда», «ЗКП», «Литературной газете», «Труд», «Радио в деревне», «Комсомольская правда», «Советское искусство» и в журналах «На литературном посту», «Рост», «Радиофронт», «Радиодекада»), вскрыв оппортунизм в практике радиовещания, требуют решительной большевистской перестройки радио, мобилизации общественного внимания к вопросам его проверки и реконструкции.

Несмотря на первые итоги проверки радиофронта, оппортунизм в радио еще силен, еще не сбит до конца с занимаемых позиций и является серьезнейшим тормозом в большевистской реконструкции радио.

Проверку и изучение всей суммы вопросов радиовещания и радиохозяйства сейчас проводит группа ЦКК НК РКИ.

Советская общественность должна не только продолжать большевистскую критику состояния радио, продолжать беспощадную войну с оппортунизмом в радиовещании и его конкретными носителями, но и мобилизоваться для конкретной повседневной помощи радиовещанию, помощи практической работой.

Этой задаче и должен отвечать проходящий сейчас «двухдекадник смотра и помощи радио».

«Двухдекадник», сам по себе являющийся кампанией, охватывающей весь советский союз, должен положить начало активному и постоянному участию общественности в борьбе за пролетарское радиовещание. «Двухдекадник» должен создать перелом среди пролетарской литературной общественности.

РАПП активно содействует работе Центрального штаба смотра. Надо, чтобы и вся рапповская периферия включилась в смотр через центральную и местную печать путем изучения работы местных радиоцентров, радиоузлов, действенной помощи им, особенно по линии укрепления радиосвязей и литературно-художественного вещания.

Радиосвязи РАПП и ассоциация работников резолюционного радиофронта организуют широкое производственное совещание для разработки конкретных производственных задач художественного радиовещания на основе борьбы за пролетарскую идеологию в нем, на основе его коренной перестройки. Кроме того проводится ряд докладов, диспутов, радиоперекличек.

АРФ совместно с ОДР организует по всей системе общества друзей радио секции радиовещания, что связало с перестройкой работы ОДР, поворотом его лицом к вопросам радиовещания, не обладала вниманием к вопросам радиотехнической базы.

Создание секции радиовещания в ОДР, создание мощного движения радиокагитпропбригад, обслуживающих местное низовое радиовещание привлечение к микрофону рабочего-ударника, расширение и укрепление сети рабкоров-радиолюбителей, ведущих повседневную борьбу за повышение качества радиовещания — все эти серьезнейшие задачи должны быть реализованы при непосредственном участии пролетарской литературной и музыкальной общественности.

Большую роль могут сыграть и профессиональные организации работников искусств, которые, кстати сказать, до сих пор не определили достаточно четко свои позиции в вопросах перестройки радио.

Художественные силы, объединяемые профсоюзом, могут и должны взять на себя обслуживание «выпуска» радиопередач по основным промышленным предприятиям, где радиоузлы зачастую молчат потому, что местную самодеятельность некому объединить и возглавить.

Настоящая большевистская работа над овладением всеми возможностями радио, борьба за подчинение радио целям и полностью интересам и требованиям реконструктивного периода социалистического строительства должна быть развернута по всему фронту.

ЗАЙЦЕВ

всесоюзный двухдекадник смотра и помощи радио

Центральный штаб Всесоюзного смотра радио организован бригадой из семи пролетарских писателей, в состав которой вошли тт. Строгович, Лежнев, Кузнецов, Макаров, Ясенск, Воробьев и Галицийский. Члены бригады выехали на новостройки, крупнейшие заводы и фабрики с целью привлечения общественного внимания к двухдекадному смотру радио. Членами бригады будут на местах организованы штабы и проведены лекции и беседы.

В центральный штаб по радио поступило свыше тридцати телеграмм от местных, партийных, комсомольской и профессиональных организаций о подготовке к двухдекадному смотру.

В центральный штаб по радио поступило свыше тридцати телеграмм от местных, партийных, комсомольской и профессиональных организаций о подготовке к двухдекадному смотру.

радио включается в радиосмотр

1 сентября начался Всесоюзный смотр радио, ставящий своей целью проверку и помощь радиоделу во всех его отраслях.

РАПП в специальной телеграмме, разосланной всем организациям РАПП и ассоциациям пролетписателей национальных республик, сделал на необходимость включиться в смотр и проверку художественного радиовещания пролетарскими писателями и литературными предприятий, совхозов и колхозов. Совместно с радиоцентрами и радиоузлами организации пролетписателей должны организовать конференции радиослушателей. Материалы по проведению радиосмотра должны быть использованы в местной печати и посланы в штаб смотра радио (Москва, Воздвиженка, 8, «Крестьянская газета»).

организация секции критиков всероскомдрама

7 сентября состоялось организационное собрание секции критиков Всероскомдрама. О сообщением о задачах новой тех- кино и музкритики выступил т. Эфрос.

Развитие творчества невозможно без участия и помощи критики, несущей организационную и воспитательную роль. Важнейшая задача—организация художественной критики по всему сектору искусств, начиная с организации рабкоровской сети.

Художественная критика настолько отстала от практики, что не только не руководит работой наших творческих кадров, а наоборот дезорганизует их.

Этому пора положить конец.

Работа секции критиков должна вестись при помощи наших искусствоведческих теоретических центров—Комакадемии и РАНИ.

В президиум секции избраны тт. Л. Либединский, Подольский, Авлаговели, Эфрос, Радек, Егоров, Млечин, Чемоданов, Шумяцкий, Бескин и Литовский.

Президиум должен в ближайшее время разработать положение, устав и план работы секций.

К. С.

к "всесоюзному совещанию" по вопросам искусств

Открытие всесоюзного совещания по вопросам искусства назначено на 10 декабря.

При Наркомпросе под председательством т. Эфроимсона состоялось собрание оргбюро, в которое вошли тт. Литовский, Цельмс, Этингоф, Шумилов и др. Оргбюро поручило сектору искусств немедленно начать подготовку к совещанию, привлекая для этой цели наши методические центры искусствознания (Комакадемию, РАНИОН), а также РАПП, ВАПМ, РАПХ и другие творческие организации.

На совещании будут поставлены вопросы о положении и задачах театра, музыки, кино, об организации и планово обслуживании масс, о самодеятельном искусстве и т. д.

Тезисы по всем намеченным темам должны быть разработаны и представлены в Наркомпрос к 15 октября.

письма из ленинграда

квартира? не будет квартиры!

столовая? закрыть столовую!

бытовые условия ленинградских писателей требуют улучшения

Директивы центральных органов партии и правительства об улучшении бытовых условий советского писателя до сих пор не нашли соответствующего отклика в ленинградской практике. Более того, в последнее время приходится сталкиваться с новыми фактами, говорящими о недопонимании некоторыми организациями творческого труда советских писателей и рабочих-ударников, призванных в литературу.

Ленинградская закрытая столовая писателей еще недавно приводилась как пример хорошо поставленного общественного питания. Но «счастье длилось не долго». Несколько месяцев назад директор треста пищевых предприятий ЛСПО заявил, не имея на то никаких оснований, о расторжении договора с горсомом писателей. Трест согласился сохранить столовую только на новых условиях (из'яти из договора пункт о том, что закрытая столовая писателей не является коммерческой столовой). Трест действовал правдой и неправдой, нередко используя методы, явно не подходящие для советской организации, чтобы принудить писательскую общественность «покориться».

Только вмешательство партийных организаций и облРКИ помешало немедленному закрытию столовой писателей. По решению соответствующих органов столовая была передана Ленинцентору. Но... прикрываясь постановлением ЦК партии об улучшении общественного питания, секция партиздата ЛСПО приостановила передачу столовой. Столовая осталась без хозяина. Происходит своеобразный футбольный матч между трестами ЛСПО, Ленинцентром и другими объединениями и организациями. Писательская столовой перебрасываются, как футбольным мячом.

Столовая — не единичный пример. Как известно, в Москве писатели в отношении снабжения приравнены к индустриальным рабочим. В Ленинграде к 1-й категории А приравнен общественно-творческий актив писателей, но фактически кроме выдачи талонов 1-й категории и прикрепления талонов к закрытому распределителю ничего существенного и снабжения писателей не изменилось. Несмотря на неоднократные письма наркомснаба т. Микояна, ленинградские кооперативно-снабженческие организации до сих пор не удосужились открыть закрытый распределитель для писателей. Специальные директивы центра о создании этого распределителя положены под сукно. Такое же обстоит дело с промтоварами и другими фондами.

Совершенно катастрофически обстоит дело с улучшением жилищных условий писателей. Московский совет в свое время издал постановление: «жилплощадь писателей, переезжающих в дома нового жилкооперстроительства, закрепить за жилфондом ФОСП для распределения среди нуждающихся писателей». Ходатайство ленинградской федерации писателей (с ссылкой на московскую практику) секретариатом Ленсовета было отклонено, хотя речь фактически шла о десятке комнат. Впрочем, и эти немногие комнаты должны были оказаться предметом какого-то будущего, ибо жилищестроительство писателей законсервировано.

РЖСКТ омбят «Здоровое жилище», получившее специальную дотацию на строительство ряда квартир для писателей-пайщиков, пока что может преподнести писателям только неутешительные обещания. Жилстрой, который должен был еще в прошлом году сдать кооперативу четырехэтажный жилой дом и пятиэтажный дом-коммуну инженеров и писателей, едва ли закончит работу и этом строительном сезоне. Снабженческие организации ничего не предпринимают для обеспечения этих строек (в том числе и первого в СССР дома-коммуны инженеров и писателей) колостающими стройматериалами.

Лед равнодушия ленинградских организаций сковывает и массовую культурно-политическую работу писателей. В Ленинграде — крупнейшем литературном центре, насчитывающем тысячи писателей-литкружковцев, до сих пор нет клуба. Писательские организации ходатайствовали о предоставлении под клуб дома, занятого сейчас Ленторгом. Ходатайство писателей было поддержано наркомпросом т. Бубновым, зам. председателя Совнаркома РСФСР т. Рыскуловым и другими авторитетными товарищами и организациями. Но в предоставлении этого дома клубу ЛО ФОСП пока что отказано.

Попрежнему великолепный особняк занят складами, а ленинградская ассоциация пролетарских писателей работает в проходной комнате. Для библиотеки-читальни в кабинета писателя места не находится.

Отсутствие жилищной базы особенно сказалось в проведении творческой дискуссии ССП. Кстати, в разгаре дискуссии была попытка выселить Ленсовет ВССП из занимаемого им тогда помещения.

В Ленинграде сейчас образована комиссия по улучшению быта писателей. Но комиссия только образована и не работает. Необходимы решения улучшения бытового и культурного обслуживания ленинградских писателей обсудить в центральных организациях. Ленинградская литературная общественность ждет от партийных и правительственных организаций указаний на неприемлемость недооценки работы советского писателя.

Б. Р.

литературное сегодня

* **Г. Корнеев** по личной просьбе освобожден от обязанностей орсекретаря ФОСП. Тов. **О. Колесникова** введена в состав делегации РАПП в исполбюро ФОСП и избрана орсекретарем исполбюро.

* Председатель Кургазоб'единения **Мих. Кольцов** послал телеграмму председателю Совнаркома Армении **Тер-Габриэляну**, в которой сообщил, что среди читателей «Огонька» и других журналов, входящих в систему Журнально-газетного об'единения, собрано **120.760 руб. в пользу пострадавших от землетрясения в Армении.**

* Общее собрание киносекции МосЛОКАФ постановило провести сбор средств среди киноработников СССР **на постройку самолета «Военный киноработник».**

* Киносекция МосЛОКАФ выделила для участия в маневрах РККА семь человек.

* Немецкий пролетарский писатель т. Курелла, вернувшийся недавно в СССР из поездки по Италии, написал первую книгу очерков о фашистской Италии под названием «Муссолини без маски». Эта книга выходит в ближайшее время из печати в ОГИЗ.

* Секретариат МАПП постановил организовать 16 сентября собрание об-московского актива, на котором будет заслушан доклад В. Ермилова, посвященный проработке итогов пленума РАПП. До этого во всех райбюро будут проведены собрания районных активов.

Также же собрания должны быть проведены до 20 сентября в областных АПП и в литкружках.

* Редакции журналов «Рост» и «Резец» в начале октября организуют в Ленинграде совместное совещание с докладами о своей работе и перестройными докладами о работе редакций этих двух журналов. Предварительное совещание состоялось недавно в МАПП с участием ленинградских товарищей, присутствовавших на пленуме РАПП.

* К 15 сентября будут сданы в печать новые учебно-методические программы для литкружков, разработанные «Начальной бригадой» МАПП в составе тт. Сосновского, В. Ермилова, Назарова, Трошенко и др.

красноармейскую литературу

на службу боевой подготовки

ленбалтлокаф на новом этапе

Президиум ЦС ЛОКАФ заслушал доклад П. Свирина о работе Ленинградско-Балтийского отделения ЛОКАФ.

600 красноармейцев-ударников, призванных в литературу, 150 граждански писателей в рядах ЛОКАФ — вот с чем пришел ЛенБалтЛОКАФ ко второму году своего существования. Большие количественные достижения не шли за счет качества работы. Правда, в первый период некоторые литпоставки ЛенБалтЛОКАФ были оторваны от задач боевой подготовки. Наблюдались организационная обезличка в работе литкружков, отсутствие живого руководства, слабое внимание писателей к общей работе ЛОКАФ. Проверочный творческий смотр показал незначительные творческие результаты красноармейского литмолодняка. Однако ЛенБалтЛОКАФ преодолевает эти недочеты. В лагерных сборах были применены систем актива военкоров и литкружковцев, в которых принимал широкое участие и высший командный состав частей. В лагерях работали писатели. Выпускались специальные литературные бюллетени.

Сделаны успехи и в области вовлечения граждански писателей. ЛенБалтЛОКАФ тесно связался с литорганизациями Ленинграда (за исключением ЛОКИФ) и вовлек в свои ряды значительное число начинающих и писателей-попутчиков, принял активное участие в дискуссии ВССП.

ЛенБалтЛОКАФ вступил в новый этап работы. Прямое участников гражданской войны в литературу, новые отрасли работы (радио, кинофотоформы, научно-исследовательская работа), поставили перед организацией задачу приступить к новым методам работы, используя речи т. Сталина. Основное внимание будет уделено укреплению и активизации секторов организации.

Оживлению работы ЛенБалтЛОКАФ содействовало внимание к литературным вопросам со стороны Ленинградского ПУОКР. ЛенБалтЛОКАФ установил связь с агитмассовым сектором ПУОКР, где был поставлен доклад о работе организации. В результате этого совещания, ПУОКР в специальном постановлении дало оценку работы ЛенБалтЛОКАФ и приняло ряд практических мероприятий, направленных к развертыванию его деятельности.

В заключение т. Свирин отметил общее оживление руководства ЦС ЛОКАФ, но как недостаток подчеркнул отсутствие конкретных указаний в работе отделений ЛОКАФ. До сих пор нет еще программ для литкружков и пособий к началу зимней учебы. В результате ЛенБалтЛОКАФ принужден был сам приступить к разработке программ литкружков.

Выступившие в прениях тт. **Либерман, Мирин, Родионов** (нач. агитпропотдела ПУОКР), **Рейзин, Еф. Зозуля, Головин, Гребенников**, отметили общие успехи в работе организации.

Тов. Родионов в своем выступлении указал на необходимость большого поворота ЛОКАФ к творческим задачам. Произведения красноармейских писателей слабо увязаны с задачами боевой подготовки РККА. Надо усилить воспитательную работу с красноармейцами-призывниками. Бригадэль ЛОКАФ в своем творчестве должен выработать правильный методологический подход и отношение задач, стоящих перед Красной армией, должен понять классовую сущность РККА, ее современный быт, изучить марксистско-ленинское учение о войне.

До сих пор драматическое оборонное творчество отстает от всех других видов литературы. Между тем театр Красной армии и другие театры испытывает колоссальную потребность в оборонных пьесах. Здесь сказывается отставание в темпах работы Всероскомдрама.

А. КР.

первый всесоюзный конкурс локаф

ЦС ЛОКАФ и редакция газеты «Красная звезда» объявили всесоюзный конкурс на лучшую повесть, рассказ, пьесу, инсценировку (малые формы), очерк и стихи о современной Красной армии и Красном флоте. Срок конкурса—**с 10 сентября 1931 года по 10 февраля 1932 г.**

Задача конкурса—мобилизовать творческие пролетарских и советских писателей на художественное отображение генеральных проблем и практических вопросов строительства Красной армии и Красного флота, помочь художественному росту красноармейцев, краснофлотцев и командиров-ударников, призванных в литературу, и тем самым ускорить процесс ликвидации отставания пролетарской литературы от требований социалистической стройки и реконструктивного периода строительства РККА.

Лучшие произведения писателей, независимо обычной оплаты их (за печатание) в журналах «ЛОКАФ», «Залп» и газете «Красная звезда», по окончании конкурса (к 14 годовщине РККА), будут премированы и изданы отдельными сборниками.

Установлено **пять первых премий** за лучшую повесть, рассказ, пьесу, очерк, инсценировку и стихотворение — **от 500 руб. до 2.000 руб. и 8 вторых премий — от 300 руб. до 1.500 руб.**

В состав жюри конкурса вошли: тт. А. Фадеев, В. Ставский, И. Макарьев, В. Луговской, А. Новиков-Прибой, Еф. Зозуля, М. Ланда, М. Субоцкий, С. Рейзин, М. Головин, Н. Свирин и Е. Ленский.

Рукописи на всесоюзный конкурс ЛОКАФ должны направляться по адресу: Москва, ул. Воровского, 52, клуб им. М. Горького, редакция журнала ЛОКАФ, на первый всесоюзный конкурс ЛОКАФ.

„академия" нуждается в перестройке

Секретариат ФОСП заслушал доклад представителя ФОСП и редсовете издательства «Академия» А. Эфроса о положении редакционной работы и издательстве. Редсовет издательства, состоящий из представителей Комакадемии, ФОСП и других организаций, образован только в последние месяцы. Между тем состояние работы издательства таково, что и по сейчас не устранен ряд больших недостатков, следующими вниманию писательской общественности. Издательство, выработавшее сейчас интересный тематический литературно-издательский план, содержащий около шестисот названий лучших образцов мировой литературы, должно было давать полноценную в научной и художественном отношениях продукцию, удовлетворяющую запросы молодой научной интеллигенции — рабочего, передового рабочего.

Однако, дело обстоит, а отчасти обстоит и сейчас, неблагополучно. Оторванность издательства от рабочей и писательской общественности все еще чувствуется. Свой план издательство не выносит на обсуждение общественности. Аппарат издательства работает с крайней замкнутостью, механически редактору сравнительно станить свою планирующую и контролирующую работу. Особенно вредно сказалось на продукции издательства отсутствие ответственности за качество и своевременность выхода продукции. Более или менее нормальная внешность и высокая цена часто прикрывали недоброкачественное содержание. Это наиболее заметно сказывается в переводимых, задача которых дать марксистскую оценку выпускаемых книг, но которые сплошь да рядом не удовлетворяют ни с методологической, ни с фактической стороны.

Много лучшего оставляет желать и техническая сторона изданий. Плохо поставлена корректура. Внешнее оформление книги стоит ниже ныне должного уровня. Встречаются примеры полного разрыва иллюстрации с текстом.

Мало удовлетворительна связь с авторами, случайны нормы гонорара. Были случаи предложения авторам оплаты ниже законного минимума. Задолженность авторам достигает почти 30.000 рублей. В обращении с авторами наблюдается грубость — следствие все той же оторванности издательства от общественности.

Неоправданно растянуты сроки выпуска изданий. Средний срок прохождения книги равен девяти месяцам. Некоторые книги печатаются свыше двух лет.

По докладу А. Эфроса секретариатом ФОСП принята резолюция, в которой указано предлагается поставить на расширенном собрании писателей доклад о работе издательства с созывом представителей ФОСП в редсовете. На секретариате ФОСП будет заслушан очередной отчет представителей ФОСП и Комакадемии в редсовете о работе издательства.

Е. ПЕЛЬСОН

письма в редакцию

Сектор искусств ГИХЛ задал мою пьесу «Кабалье» после полугодичного маринования в своем портфеле.

Посмотреть, с какой была писана пьеса, принеся к тому, что я, несмотря на неоднократные мои просьбы, не имел возможности просмотреть ни первую, ни вторую корректуру. В результате пьеса изобилует таким количеством пропусков, искажений, сломаных, перепутанных строк, что становится вообще сомнительным — правился ли он вообще корректура.

Ознакомившись с контрольным экземпляром, я потребовал от ГИХЛ задержать выпуск пьесы и дать возможность с экземпляра (каковое существенных поправок — четыре страницы, отпечатанных на машинке). Мне было обещано исправить мое требование, однако пьеса поступила в продажу.

Я вынужден заявить категорический протест против подлого способа «ударно», за счет качества, издавать пьесы. Такая ударность компрометирует и издательство, и автора, и редакторов, поставивших свою фамилии на обороте титульного листа. Одновременно я снимаю с себя всякую ответственность за текст вышедшей ГИХЛ пьесы.

Г. ГАЙДОВСКИЙ.

*

В двух сборниках «Рабочий призыв» напечатаны в качестве произведений рабочих-ударников стихи и очерки Н. Богатырева (он же — С. Ежин). Между тем Богатырев никогда рабочим-ударником не был.

Происходя из крестьянской семьи, он уже давно оторвался от деревни, занимаясь на рабфаке. В течение трех лет он работает в газетах. В литорганизацию Богатырев вступил задолго до призыва ударников в литературу, и еще два года назад в Воронеже была издана книга его стихов.

Этот факт характеризует не только недобросовестность Богатырева, но и небрежную, чтобы не сказать больше, работу аппарата ГИХЛ, систематически тенденциозно такие сомнительные вещи.

ПРАВЛЕНИЕ АПП ЧЧО.

театр-мастерская актуального рабочего зрителя

По инициативе и на средства культсектора Мособлкоопсоюза в Москве начинает работать театр-мастерская актуального рабочего зрелища — «Театр МАРЗ». Основная задача мастерской — создание нового рода зрелища, в котором «публика» принимала бы, в известные моменты, активное участие в спектакле, обсуждая совместно с действующими лицами пьесы злободневные вопросы производства, текущей политики и рабочего быта. Это требует репертуара нового типа, в котором бы сценическая интрига органически сочеталась с основными задачами политико-просветительной, производственной и культурно-бытовой пропаганды. Включение в ткань пьесы театрализованных производственных совещаний, митингов, торжественных заседаний и т. п., во время которых зрители вовлекаются в обсуждение указанных вопросов, конкретизация этих вопросов применительно к аудитории данного вечера, таковы намечаемые театром МАРЗ методы решения этой задачи.

Театр заказал уже ряд пьес, предназначенных для обслуживания рабочего зрителя и в первую очередь низовой кооперации. Мастерская укомплектована молодежью за театром и из драмкружков с производства. Во главе мастерской как художественный руководитель ее стоит В. П. Раскольников. Мастерская будет работать в специальном помещении — Бол. Харитоньевский пер., 24 и на клубных площадках. Открытие предполагается в середине октября пьесой «Тормаз» — Ю. Потехина (борьба с рвачеством и вредительскими настроениями на производстве). По ходу действия, как моменты непосредственного участия в ходе спектакля зрителей, в пьесу включены тетрализованный суд над дезорганизатором производства и обсуждение тезисов речи т. Сталина о новых задачах руководства.

работа мтюз летом

Московский театр Юного Зрителя летом провел большую выездную работу. Одна группа два с половиной месяца играла в Белоруссии и в ЦЧО. Всего было дано 110 спектаклей и обслужено 50.000 зрителей. Проведен ряд конференций по художественной самодеятельной работе и созданию местных ТЮЗ.

Три другие группы МТЮЗ'а обслуживали пионерские лагери Московской области. Причем охвачены были самые отдаленные районы. Всего было дано 171 спектакль и обслужено 89 лагерей или 45.000 зрителей.

Помимо спектаклей группы везде выпускали газеты, проводили массовые игры и самодеятельные вечера у костра. Театр старался об'единить лагеря с местными колхозами.

В настоящее время МТЮЗ ведет усиленную подготовку к зимнему сезону. В первую очередь будут поставлены пьесы Н. Смирнова и С. Нелина «На штурм» (борьба за политехизм в школе), Г. Акульшина «Петька-Лохмач» (пионеры в колхозе) и антирелигиозная пьеса Н. Шестакова.

советские кино-режиссеры за границей

эйзенштейн возвращается в ссср

Кинорежиссер С. Эйзенштейн после двухлетнего пребывания за границей (Америка и Германия) в СССР. С. Эйзенштейн вместе со своим помощником Г. Александровым и оператором Э. Тиссе закончил съемки большой фильмы из жизни южных штатов Мексики. Эту картину Эйзенштейн снимал по заданию его американских друзей во главе с Эптоном Синклером.

По приезде в СССР Эйзенштейну будет поручена постановка одной из самых крупных фильм, связанных с пятнадцатой годовщиной Октябрьской революции.

дзига вертов в берлине

В Берлин приехал кинорежиссер Дзига Вертов. Общество друзей «Новая Россия» устроило доклад Вертова о советских тонфильмах, который был прослушан с большим интересом. В ближайшие дни Д. Вертов сделает большой доклад о советской кинематографии.

писатели-краеведы в районах строительства

Краеведческая секция ВССН послала в районы строительств, совхозы и колхозы около 20 писателей. Недавно, на расширенном заседании секции писателей-краеведов тт. И. Сухотин, П. Ширяев (Исецк-Кульский совхозхоз), П. Скосырев (Проблема Терека), Д. Стонов (Магнитогорск) отчитывались в своей работе.

Писатели участвовали в технических изыскательных и исследовательских работах, им поручались отдельные участки работ строительств, они выступали на собраниях с докладами, организовывали на строительстве профичейки, работали по специальности (агрономами, врачами и т. д.).

Тов. Карпач, выступивший от имени общества краеведов-марксистов при Комакадемии, отметил положительные результаты работы краеведческой секции ВССН. Нехватки писателей в районы, изучение края, участие в строительстве — это есть одна из основных форм творческой перестройки советского писателя. Тов. Карпач указал, что бюро краеведческой секции ВССН должно руководить посадками писателей по-новому—планово, чтобы избежать таких случайности и любительства, которые еще наблюдаются. Для этого секция должна связаться с Госпланом и общественным краеведческим марксистов при Комакадемии, которое по договоренности с издательством «Федерация» выпустит в результате поездок писателей краеведческий альманах.

Заседание краеведческой секции ВССН постановило включить т. Карпача в состав президиума секции. Признано необходимым поставить доклад секции писателей-краеведов ВССН и ОКРАМ (общество краеведов-марксистов при Комакадемии), а также заслушать доклад ОКРАМ на совещании краеведческой секции ВССН.

КР.

извещения

* **10 сентября**—10 ч.—в клубе ФОСП им. Горького (ул. Воровского, 52)—собрание писателей детской секции МАПП. В повестке: 1. Распределение сил по пяти районам. 2. Работа над творческим документом. 3. Творческие планы секционеров.

* **10 сентября**—20 ч.—в клубе ФОСП им. Горького—секретариат МАПП созывает общемосковское собрание актива писателей. Неявка на собрание без письменного уведомления о причинах, будет рассматриваться как нарушение обязанностей члена МАПП.

* **11 сентября**—18 ч.—в клубе ФОСП им. Горького—расширенное заседание комиссии по перерегистрации членов коллектива писателей при Горьком по выдаче справок на рабочие снабжения.

* Деньги по подписке на постройку самолета «Пролетарий-ударник» следует направлять в сберкассу при Октябрьском отделении Госбанка, текущий счет № 6187 Тверской, 36, тел. 4-80-60.

ПОПРАВКА

В № 48 «Л. Г.» от 5 сентября в статье П. Орловского «Неиспользованные резервы кампании «Молодой гвардии» (вторая колонка, седьмая строка, второй абзац, четвертая строка) следует читать: «Но о комсомоле они умалчивают или говорят в космически-декларативном тоне».

Ответственный редактор: С. ДИНАМОВ.

РЕДКОЛЛЕГИЯ: Н. Асеев, С. Динамов, И. Жига, Л. Ильинский, И. Катаев, Г. Корнеев, Н. Огнев, А. Селивановский, И. Сельвинский, М. Слонимский.

ИЗДАТЕЛЬ: Журнально-газетное об'единение («Огонек»).

РАПП и ИНСТИТУТ ЛИЯ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

ВЫПУСКАЮТ НОВОЕ ИЗДАНИЕ

„ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО"

Под редакцией Л. АВЕРБАХА, И. ГИППОЛИТА и Ф. РАСКОЛЬНИКОВА

Издание богато иллюстрировано

Об'ем каждой книги 300 страниц

Подписная цена 7 р. 50 к. за 3 книги, цена отдельного номера в розничной продаже—2 р. 75 к.

Подписка принимается почтой и письмоносцами

Редакцией «Л. Н.» и журн.-газетн. об'единен. (Москва 6, Страстной бульвар 11) принимаются заявки на высылку 3 выпусков наложенным платежом за 7 р. 50 к. Пересылка за счет издательства

ЖУРН.-ГАЗЕТНОЕ ОБ'ЕДИНЕНИЕ

«ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО» — исходит в своей работе из ленинского указания о необходимости критического пересмотра и переработки культурного наследства прошлого. «Л. Н.» разрабатывает с марксистско-ленинских позиций под углом зрения современности узловые вопросы истории русской общественной мысли, истории литературы и истории журналистики.

«ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО» — публикует неизданные материалы и документы по истории литературы и истории общественной мысли. Особое внимание «Л. Н.» уделяет публикациям и републикациям неизданного и затерянного литературоведческого наследства классиков марксизма. В центре внимания будут стоять публикации материалов и документов, относящихся к истории и предыстории пролетарской литературы.

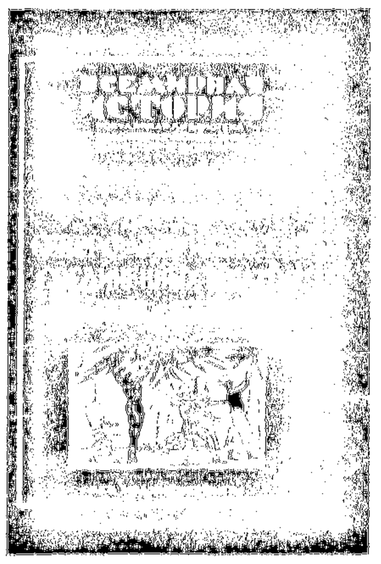
«ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО» — впервые в литературе ставит задачу систематической и плановой разработки истории пролетарской печати, причем внимание «Л. Н.» будет уделено не установлению традиций большевистской журналистики и изучению роли Ленина как редактора.

«ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО» — вводит отдел критических обзоров, которые будут знакомить читателя со всем литературным новинками, относящимися к кругу вопросов, разрабатываемых нашим изданием. Особое внимание будет уделено анализу мемуарного наследия прошлого, в частности время выпускаемого. Для обзоров систематически будут привлекаться историко-литературные издания Союзных республик, а также Запада и Америки.

ПОПУЛЯРНАЯ ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ БИБЛИОТЕКА

„ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ"

Под общим руководством М. Н. ПОКРОВСКОГО



Заканчивается печатанием и на днях будет разослана подписчикам книга № 3

Е. О. ЗАГЛАВСКИЙ.

„Очерки истории Северо-Американских Соединенных Штатов XVIII и XIX в.в."

В книге 227 стр. + 55 иллюстраций.

Заканчиваются печатанием и в ближайшее время выйдут в свет следующие книги:

№ 4—Н. М. ПАКУЛЬ и В. Ф. СЕМЕНОВ «Ранние буржуазные революции».

Н. М. ПАКУЛЬ—«Нидерландская революция XVI в.»

В. Ф. СЕМЕНОВ—«Великая английская революция».

№ 5—6 В. В. ГРАВЕ, М. В. НЕЧКИНА, А. М. НАНКРАТОВА, К. Ф. СИДОРОВ и М. С. ЮРОВ «Очерки истории пролетариата СССР».

Подписчикам на «Всем. ист.», не внесшим очередного взноса к 1 сентября по «Огоньку» - 3 р., «Объявлениям»—4 р. и «Борьба классов»—2 р. 50 к., во избежание прекращения высылки изданий, надлежит немедленно внести пропущенные взносы.

Журн.-газетное об'единение

ТРЕБУЕТСЯ

„КОЛОКОЛ"—ГЕРЦЕНА

и др. заграничная изд. того времени. Приобретем комплекты, отд. №№ любой сохранности. Москва, Красная пл., 17, кв. 24, С. Л. Штраух, тел. 1-34-95.

РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ при ОГИЗ'е (РИИ)

с 5 сентября с. г. об'являет прием на заочный сектор на отделения:

1) общественно-политической редактуры;
2) редактуры художественной и детской литературы и критики;
3) авторское.

Заочный сектор готовит специалистов по учебным планам и программам РИИ. Лица, окончившие заочный сектор, получают дипломы и дипломы и приравниваются по своим правам и знаниям, окончившим стационарный РИИ.

На отделение общественно-политической редактуры принимаются исключительно члены ВКП(б) с трехлетним стажем. На остальные отделения, преимущественным правом зачисления пользуются члены ВКП(б) и ВЛКСМ, работники-ударники, призванные в литературу, члены пролетарско-колхозных писательских организаций и работники редакционно-издательского дела (до кандидатского не моложе 18 лет.

Подробные правила приема и краткий проспект высылаются по первому требованию с приложением двух 15-коп. марок.

АДРЕС: Москва, Мясницкая ул., 21/3. Редакционно-издательский институт при ОГИЗ'е. заочный сектор.

Дивизия РИИ

Уполном. Главлита № 72.

Интернациональная (59) тип. «Мосполиграф», пр. им. Скворцова-Степанова, д. 3.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ФЕДЕРАЦИИ ОБЪЕДИНЕНИЙ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР

МОСКВА, 15 СЕНТЯБРЯ 1931 г. № 50 (149)

РЕДАКЦИЯ:
Москва, Тверской б. 25, Дом Герцена. Телефон 2-80-12.

ИЗДАТЕЛЬСТВО:
Акц. о-во «Огонек»; Москва, 6, Страстной б., 11. Телефон 5-51-69.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА:
На 12 м. 3 р. 50 коп.
На 6 м. 1 р. 75 к.
На 3 м. - р. 90 к.

издательское дело на новом этапе

как издательства реализуют постановление цк вкп(б) по докладу огиз

К ДИСКУССИИ

В МОСКОВСКОМ ОТДЕЛЕ ВССП

В Московском отделе ВССП началась дискуссия по основным вопросам предстоящей Всероссийской конференции союза. Дискуссия эта привлекла к себе внимание не только членов ВССП, но и всех писательских организаций Москвы. ИТОГИ дискуссии подводить еще рано—тем более, что уже первые ее дни сломали первоначальный план ее проведения: она будет значительно длительнее, чем это предполагалось вначале.

Но ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ВЫВОДЫ о ее ХАРАКТЕРЕ, о КРУГЕ поднятых на ней ВОПРОСОВ, о намечавшихся в ней ТЕНДЕНЦИЯХ можно и необходимо сделать уже сейчас. Прежде всего—как и следовало ожидать — МОСКОВСКИЙ этап дискуссии разительно отличается от ЛЕНИНГРАДСКОГО. Если основные кадры ленинградского отдела ВССП вошли в дискуссию после длительной подготовки, с продуманными выводами и с отчетливыми положениями, то московские товарищи — в большинстве случаев — оказались застигнутыми врасплох. Если дискуссия в Ленинграде характеризовалась привлечением сравнительно большого количества конкретного материала, то первые два дня прений в Москве (за редким исключением) отмечены отвлеченной постановкой вопросов, либо обсуждением небольшого, узкого количества произведений. Если в Ленинграде происходило организованное выступление союзнических групп, державших развернутую, платформенную постановку основных проблем литературного развития, то в Москве (по крайней мере в первые дни прений) голоса союзников звучат разрозненно и недостаточно организованно. Если, наконец, в Ленинграде литературно-политические и творческие вопросы рассматривались в их неразрывном единстве, то в Москве — со стороны известной части союза — проявилось завуалированное стремление отстранить творческие вопросы и отвести дискуссию исключительно в русло литературной политики.

Все отмеченные выше особенности начала московского этапа дискуссии наглядно вскрывают общее неблагополучие в Московском отделе союза, явно запоздавшего с перестройкой своих рядов, о чем наглядно свидетельствовал еще майский пленум правлений ВССП. Такое запоздание в темпах перестройки методов и форм своей работы и в процессах внутренней размежевки естественно обусловило и то обстоятельство, что московский отдел не сумел своевременно дать отпор реакционным настроениям в своих рядах. Выступления И. ЕВДОКИМОВА на дискуссионном собрании 12 сентября представляет собою РАЗВЕРНУТУЮ ОБЪЕКТИВНО-РЕАКЦИОННУЮ ПРОГРАММУ ДЕЙСТВИЙ. Чего стоит его нападение на Л. Леонова и М. Шагинян, его утверждение, что эти писатели — союзники, пишущие о социалистическом строительстве, «увлеклись не своей темой», взяли «подсунутые темы»! Чего стоит его утверждение, что подлинный художник не имеет права иметь в своем художественном словаре такие слова, как колхоз и совхоз! Чего стоит его попытка дискредитации пролетарской литературы, его заявление о том, что из призыва рабочих-ударников ничего не выйдет, как «не вышло ничего» из ставки на рабкоров!

Первые дни дискуссии показали правильность положений пленума правления РАПП (см. печатаемую ниже резолюцию) о том, что наличие союзнической литературы не снимает проблемы попутничества и предполагает необходимость усиления борьбы с буржуазными тенденциями в литературе.

Дискуссия в московском отделе ВССП будет только в том случае плодотворной и только в том случае приведет московскую организацию подготовленной к Всероссийской конференции союза, если в ней (в дискуссии) прояснятся — наподобие Ленинграда — линии внутреннего размежевания в союзе, если иллюзия «монолитности» союза будет разрушена и если поэтому, союзническому крылу союза удастся более четко определить свое место и свои позиции в развернувшейся на дискуссионных собраниях борьбе.

Именно в этом направлении необходимо в ближайшие же дни добиться РЕШИТЕЛЬНОГО ПЕРЕЛОМА в ходе дискуссии, подняв обсуждение вопросов на большую высоту и внеся ясность в ряд запутанных положений дискуссии.

Нужно иметь в виду, что дискуссия происходит по КОРЕННЫМ вопросам путей и перспектив попутнически-союзнической литературы, и что в этой дискуссии московский отдел держит ЭКЗАМЕН перед лицом всего союза и всей писательской общественности.

В ОГИЗ

Всю работу по реорганизации издательского дела ОГИЗ проводит под основным лозунгом борьбы за качество книжно-журнальной продукции. На заседании правления ОГИЗ проработавшего практические мероприятия, которые в ближайшее время должны обеспечить организационную и идеологическую перестройку издательского дела.

К 1 октября будет оформлено выделение из системы ОГИЗ партийных, как самостоятельного отдела. Отчисленные из издательских Партиздата и Гостехиздата и типографии ОГИЗ и Полиграфкомбината будут заключены договоры и соглашения, обеспечивающие за этими издательствами соответствующую полиграфбазу и распределительный аппарат.

Для осуществления постановления ЦК ВКП(б) о перестройке дела издания литературы на национальных языках образована комиссия из представителей издательств, управления полиграфпредприятиями и Госцентра, под председательством т. Халатова.

Одновременно создана комиссия под председательством Арт. Халатова по вопросам реорганизации ГИХЛ. Управлению делами ОГИЗ поручено срочно разработать мероприятия по укомплектованию отделов издательств квалифицированными идеологически выдержанными редакторами. 21 сентября на правлении ОГИЗ будет заслушан доклад управлений делами о мероприятиях, обеспечивающих реализацию постановления ЦК.

Издательствам и передаточному, входящим в систему ОГИЗ, даны задания проработать вопрос о сокращении сети периодических и улучшении качества оставшихся журналов и пересмотре состава редакторий журналов. ОГИЗ обратит серьезное внимание на улучшение полиграфического оформления и повышение качества иллюстрационного материала в журналах, а также на четкость и своевременность выхода периодических изданий.

Для всесторонней проработки практических мероприятий по 5-му разделу постановления ЦК «Критика и библиография» ОГИЗ образовало специальную комиссию под председательством тов. Вольфсона с участием представителей Киевцентра, Библиографического института и всех заинтересованных издательств. К участию в работе этой комиссии приглашены также представители Комакадемии, академии им. Ленина, Наркомпроса, Научно-исследовательского института ВЦИК, редакций основных газет и журналов.

Управлению полиграфпредприятиями поручено совместно с Партиздатом, Госиздатом, ВЦИК СССР и Научно-исследовательским институтом ОГИЗ в месячный срок разработать вопрос о дальнейшем укрупнении полиграфбазы и организационном оформлении хозрасчетных полиграфобъединений.

Правление ОГИЗ заслушало и обсудило доклад т. Большакова о реорганизации Книготреста в книготорговое объединение государственных издательств и поручило тт. Арт. Халатову и З. Кассаконову окончательно отредактировать проект положения. Выработанный Книготрестом проект устава книготоргового объединения (Книгторг) передан издательствам на рассмотрение и будет обсужден на заседании правления ОГИЗ.

Правление ОГИЗ признало необходимым доставить доклад ОГИЗ в ГИХЛ о работе издательств и задачах художественной литературы в связи с постановлением ЦК ВКП(б) на расширенном заседании секретариата РАПП.

Во второй половине сентября будет созвано расширенное заседание правления ОГИЗ совместно с ЦК и Мособлотделом союза бумажников и печатников. Заседанию будет посвящено новым задачам издательской работы и участию в ней профорганизаций.

Правление ОГИЗ решило созвать в 4-м квартале Всесоюзный с'езд издательских работников.

В ГИХЛ

Правление ГИХЛ организовало комиссию в составе тт. Харсеевской (председатель), И. Макарьева, Егоршиной и ряда работников ГИХЛ, которой поручено выработать положение о коренной реорганизации ГИХЛ.

В основу разработанного проекта входит организация ряда новых секторов ГИХЛ (сектор синтетической литературы, индустриальной, сельскохозяйственный сектор, сектор классической литературы, сектор переводной литературы, сектор детской литературы, искусства и языка, сектор национальной книги, сектор ударно-химической литературы). Издание поэтической литературы будет передано во все сектора (по темам) либо будет сосредоточено в одном специально организованном секторе.

Для обеспечения рапповского влияния во всех секторах будет укреплена и взята систематическая работа редколлегии пролетарских новинок. Такое же положение предусмотрено и в работе редколлегии «Новинки пролетарско-колхозной литературы».

Для усиления влияния ВОАПП на работу ГИХЛ будет создана редколлегия «Новинок воапповской литературы».

Отделы массовой литературы, как самостоятельный сектор, ликвидируются. Массовая книга future основной литературой в каждом секторе.

Для развертывания массовой работы ГИХЛ на местах будет создана сеть литконсультаций на периферии (при помощи членов местных писательских групп, выезжающих в командировки, рабкоров-ударников, крестьянских и колхозных газет, а также при крупных фабриках и заводах намечено организовать ячейки рабочего редсовета ГИХЛ, в которых будут обсуждаться редакционные планы ГИХЛ, рукописи и готовая литпродукция издательства.

Создаваемый при ГИХЛ институт совместителей (представители 10 предприятий уже работают в качестве совместителей в ГИХЛ) расширяется. По линии производственного сектора перестройки будет включаться в выделяемых секторов для работы в редсекторах. Выпускаемые книжки ГИХЛ будут постоянно находиться в типографиях.

Для улучшения качества продукции в ближних предложения книги намечено выделить ряд типографий, которые будут выпускать газетным образом художественную литературу.

При ГИХЛ будет создан художественный совет оформителей книги, куда войдут представители графического отдела, техники и ответственные редактора. Графический отдел прорабатывает новый стандарт серийного оформления выпуска литературы.

Разработанный проект реорганизации ГИХЛ был рассмотрен на общем партсобрании издательства, на рабочем редсовете, на заседаниях редколлегий и пленумах издательства. Вся работа по реорганизации ГИХЛ должна быть закончена к 1 октября. Вопрос о реорганизации вуза будет поставлен на днях на заседании секретариата РАПП, на секретариатах ФОСП и РОПКП и на заседании правления ОГИЗ.

В „МОЛОДОЙ ГВАРДИИ"

Чтобы выполнить важнейшее постановление ЦК партии издательство организует на крупнейших заводах СССР около 20 постов «Молодой гвардии». Задача этих постов — дать издательству более сотни молодых авторов из рабочих-ударников. Издательские посты должны будут проверять в цехах и бригадах качество содержания рукописей рабочих-ударников, метод их работы над материалом и помогать им в творческой работе.

В порядке выполнения постановления ЦК ВКП(б) о подготовке авторских кадров в издательстве «Молодая гвардия» организует кабинет-консультацию рабочего автора. Кабинет рабочего автора окажет помощь рабочей молодежи, призванной в литературу, и членам рабочего редсовета издательства.

Вся выпускаемая продукция будет предварительно просматриваться и обсуждаться на заседаниях рабочего редсовета. Издано не выпустит из печати ни одной книги, которая предварительно не будет одобрена рабочим редсоветом или обсуждена на массовых рабочих собраниях читателей. Помимо рабочего редсовета художественной литературы при издательстве организована и начинает работать редсовет комсомольской, научно-популярной детской и пионерской литературы.

ЦК партии в своем постановлении указывает, что в самом издательском деле имеются недостатки, предопределившие сегодняшнему и прошлому руководителям культурных фронтов читателей. Для улучшения качества работы издательского аппарата «Молодая гвардия» организует кабинет-консультацию рабочего автора, в помощь рабочей молодежи, призванной в литературу, и членам рабочего редсовета издательства.

Вся выпускаемая продукция будет предварительно просматриваться и обсуждаться на заседаниях рабочего редсовета. Издано не выпустит из печати ни одной книги, которая предварительно не будет одобрена рабочим редсоветом или обсуждена на массовых рабочих собраниях читателей. Помимо рабочего редсовета художественной литературы при издательстве организована и начинает работать редсовет комсомольской, научно-популярной детской и пионерской литературы.

ЦК партии в своем постановлении указывает, что в самом издательском деле имеются недостатки, предопределившие сегодняшнему и прошлому руководителям культурных фронтов читателей. Для улучшения качества работы издательского аппарата «Молодая гвардия» организует кабинет-консультацию рабочего автора, в помощь рабочей молодежи, призванной в литературу, и членам рабочего редсовета издательства.

Вся выпускаемая продукция будет предварительно просматриваться и обсуждаться на заседаниях рабочего редсовета. Издано не выпустит из печати ни одной книги, которая предварительно не будет одобрена рабочим редсоветом или обсуждена на массовых рабочих собраниях читателей. Помимо рабочего редсовета художественной литературы при издательстве организована и начинает работать редсовет комсомольской, научно-популярной детской и пионерской литературы.

литорганизации отстают в выполнении постановления цк

В связи с постановлением ЦК партии об издательской работе секретариат МОРП на заседании от 6 сентября постановил расширить в издаваемых им журналах библиографические отделы, ввела рецензирование и аннотирование наиболее интересных книг, выходящих на иностранных языках.

Для обслуживания библиографических отделов в журналах МОРП устанавливает тесный контакт с вновь организуемым Институтом иностранной библиографии и привлекает к работе аспирантов института ЛИИ Комакадемии.

МОРП организована бригада в составе Нонова («Международная книга»), Брумо Ясенского (МОРП), Уманского (ОГИЗ) по обследованию типографий Москполиграфа с целью обеспечения твердой полиграфической базы, могущей гарантировать своевременный выпуск журнала «Литература мировой революции».

На первом заседании секретариата ФОСП (после опубликования постановления ЦК партии) было принято решение выделить представителей ФОСП для работы на творческом и редакционно-издательском отделениях и в правлении РВПИ. Постановлено также выделить трех представителей ФОСП для работы в комиссии Библиографического института по проработке рецензий до их опубликования в печати.

Кроме того оргсекретарь ФОСП тов. Колесникова договорилась с председателем правления ГИХЛ тов. Соловьевым об участии ФОСП в работе по реорганизации ГИХЛ, а также о разработке методов систематического участия ФОСП в работе государственного издательства.

***

ЦС ЛОКАФ поставит вопрос о неправильной издавна политике МОРП и о создании гибкой и четко работающей полиграфической базы, гарантирующей своевременный выпуск военно-художественной литературы.

ЦС ЛОКАФ предполагает помимо выходящего журнала «ЛОКАФ» и издаваемой ГИХЛ серии «ЛОКАФ» выпускать новый тонкий двухнедельный журнал «МосЛОКАФ».

***

ЦС РОПКП принял в соглашение с представителем Библиографического института тов. Зедерст о включении трех представителей РОПКП в комиссию по рецензированию и аннотированию книг.

ЦС РОПКП выделил тов. Егоршина в комиссию по реорганизации ГИХЛ.

***

ВССП также выделил двух кандидатов в Библиографический институт для работы в комиссии рецензирования и аннотирования книг. По реорганизации ГИХЛ—ВССП будет принимать участие совместно с ФОСП.

***

РАПП и МАПП до сих пор не предприняли никаких конкретных мер для реализации постановления ЦК партии.

А между тем, Реакционно-исследовательский институт обратился в РАПП с просьбой выделить кандидатов для руководства авторским отделом РВПИ. На одном из заседаний секретариата МАПП руководители института сделали обстоятельный доклад о работе РВПИ и поднял ряд конкретных предложений, мероприятий выделить своих МАПП в институт. МАПП от проведения конкретных мероприятий воздержалась и ограничилась обещанием взять в печать с соответствующим обрезанием. Однако до сих пор ни выступления МАПП, ни выделения ожидаемых кандидатур РАПП не последовало.

на районных собраниях коммунистов-издательских работников

Дзержинский райком ВКП(б) созвал 18 сентября в клубе типографии «Красный пролетарий» партсобрание коммунистов — издательских, полиграфических и книготорговых ячеек и ячейки Союзбумсети.

Зам. ОГИЗ т. Арт. Халатов выступил с докладом, в котором развил основные положения постановления ЦК ВКП(б) от 15 августа «об издательской работе».

В конце своего доклада т. Халатов указал, что все задачи в области издательской работы будут успешно выполнены только при условии активной и ударной работы всей партийной части работников издательств.

После доклада развернулись прения, в которых выступавшие коснулись и вопросов оплаты труда. ЦК ВКП(б) по докладу ОГИЗ принятия ряд вопросов и недостатков в отдельных звеньях издательского аппарата.

На партсобрании была принята резолюция, в которой конкретизированы план и намеченные сроки улучшения и реорганизации издательского дела.

за рубежом

АРЕСТЫ ЛЕВЫХ ПОЛЬСКИХ ЛИТЕРАТОРОВ В ВАРШАВЕ

Политической полицией арестована в Варшаве по обвинению в коммунистической деятельности группа левых польских литераторов и публицистов: Ян. Гемель, поэт Владислав Броневский, редактор литературного сатирического ежемесячника Александр Ватт, публицисты Ицхак Кацизне и Вл. Под сильным конвоем все арестованные переведены в тюрьму.

Полиция оповещает, что арестованные входили в состав редакционного комитета ЦК партии. Арест литераторов, как и подписавших недавно протест против введения нового тюремного регламента, является попыткой терроризировать левые литературные круги.

помогите вырвать

БОРЦОВ РЕВОЛЮЦИОННОЙ МЫСЛИ ИЗ РУК ФАШИСТСКИХ ОПРИЧНИКОВ

Протест польской секции против ареста польских и литовских писателей в Варшаве

Фашистские власти капиталистической Польши совершили новое кровавое: арестовали писателей, сгруппировавшихся вокруг варшавского «Литературного ежемесячника». Арест произвели под провокационным предлогом, будто писатели составляют редакционный комитет ЦК польской компартии. Эта гнусная ложь необходима фашистскому правительству для того, чтобы прикрыть какой-нибудь видимостью исход против пролетарской литературы. Беспомощные перед тяжелым хозяйственным кризисом и перед ростом революционного движения, дрожа перед моральным влиянием, какое производит на массы в Польше победоносное строительство социализма в СССР, фашистское правительство боится малейшего проявления деятельности пролетариата даже в чисто культурной области.

Польская секция МАПП протестует самым решительным образом против этого нового акта фашистского террора и призывает пролетарских писателей СССР и всех стран поддержать ее протест и мобилизовать общественное мнение трудящихся всего мира для борьбы, чтобы вырвать борцов революционной мысли и революционного слова из рук фашистских опричников.

ПОЛЬСКАЯ СЕКЦИЯ МАПП

Москва, 12 сентября.

откликнулись лишь немногие

обращение морп о показе героев пятилетки международному пролетариату реализуется слабо

● В МОРП поступили уже произведения Чумандрина, Либединского и четыре очерка группы «Комсомольской правды». Заключен договор с Третьяковым на представление ряда очерков рассказов. Все материалы, поступающие в МОРП, будут затем продвинуты в иностранную коммунистическую печать.

● «Белый камень» Чумандрина сдан для перевода на французский, немецкий и английский языки и будет напечатан в журнале МОРП «Литература мировой революции». В журнале открывается специальный раздел — «Показ героев пятилетки». В ближайшем номере будут напечатаны рассказы и очерки ударников, призванных в литературу.

● Члены литорганизаций, которым поручен учет и собирание материалов для МОРП, и работе еще не приступали.

● ЦС ЛОКАФ до сих пор не получил никаких сообщений с мест (Ленинград, Харьков, Киев, Минск и т. д.) в ответ на свое обращение.

НАРОДЫ СССР БУДУТ ЗНАТЬ о стройках-гигантах...

РАПОРТЫ ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНЫХ БРИГАД ПИСАТЕЛЕЙ — ВОАПП

НОВАЯ СИБИРЬ

Первое, что хочется нам, одной из интернациональных писательских бригад, побывавших в Кузбассе, сказать, это то, что опыт посылки таких бригад на крупные стройки Союза, предпринятый ВОАПП с «Известиями», вполне себя оправдал.

На новостройках Кузбасса, в каменноугольных шахтах, в колхозах и совхозах этого богатейшего края пролетарскому писателю есть чему поучиться. Здесь писатель увидит, чего может человек достичь, когда он свободен, когда он работает для себя, когда он строит величайшее здание социализма. Здесь пролетарский писатель воочию увидит, что может сделать героизм рабочего класса, руководимого партией большевиков.

На обширных степях Кузбасса, на берегу Томи, где два года назад пасся скот, теперь воздвигается такой гигант, как Кузнецкий металлургический завод. Возле новый город с 120-тысячным населением. В Прокопьевске, Ленинске и Кемерове закладываются величайшие шахты-гиганты, которые вместе со старыми шахтами дадут в 1936 году 120 млн. тонн угля, т. е. в два раза больше союзной добычи 1930 г. Кузбасс начинает развивать свою собственную местную металлургию, и 1 января 1931 г. вырезан пущен Беловский цинковый завод и 5 дистилляционными печами (первая очередь). Кузбасс богат углем, но кузбассцы лелеют мечту о собственной руде, которая питала бы не только первый Кузнецкий металлургический гигант, но и второй завод, который будет построен в 80 километрах от первого. В районах Тельбесса, Темир-Тау, с теним Кендоме, Малый Таз и Мрасс раскинуты полтора десятка изыскательных партий, и местные работники уверены, что руда будет найдена.

Вырастают не только новые мощные предприятия, не только новые социалистические города, растет новый человек, который борется за социализм, за новую жизнь, человек, для которого труд является «делом чести, делом доблести», который показывает чудеса большевистского труда, достигая в работе мировых рекордов.

Ударники Кузнецкстроя Морозов (Ивлиев, Ободовский, Самарин и многие другие—это прообразы нового отношения к труду; эти герои Кузнецкого завода войдут в энциклопедию наших героических строек, как одни из первых.

Что нас особенно поразило при встрече с рабочими Кузбасса, как и вообще Сибири—это неукротимая жажда найти, вырвать из недр земли все новые богатства природы, которыми так изобилует Сибирь. Местные работники чувствуют, что под их ногами лежат несметные богатства угля, железа и др. минералов и металлов. Но не всегда они в состоянии справиться со всем. Часто отсутствует подготовленность, отсутствуют нужные люди, нужные знания. И эти люди поэтому болеют новой сибирской болезнью—нетерпеливостью—нетерпеливостью они и полны очень часто иногда справедливых упреков по адресу учреждений и работников центра за невнимательное отношение к проблемам Кузбасса.

Бригада ВОАПП, сошедшая в карьер и беседующая с рабочими-ударниками Кузнецкого металлургического завода

Мы собрали богатый материал о жизни строек Кузбасса, о героизме рабочих, инженеров и техников в той классовой борьбе, которая идет вокруг строительства, в нашей ближайшей задачей будет: на пяти национальных языках (в нашей бригаде представлены 5 разных национальностей) рассказать о Кузбассе, художественно осветить опыт величайшего строительства, показать героев пятилетки. Конкретным результатом нашей поездки на следующий день являются следующие работы:

1. Г. Сарьян (на армянском языке). Очерк «Доменный цех». Материалы для книги очерков о Кузбассе. Материалы для поэмы о соцстроительстве.

2. Г. Ахундли (на тюркском языке). Очерк о жизни национала на стройке. Материалы для книги очерков.

3. А. Шиян (на украинском языке). Очерки: «Течет расплавленная чугун», «На большевистских пластах» (о ленинских шахтерах). Материалы для книги очерков о Кузбассе.

4. Д. Чепурный (на украинском языке). Материалы для книги стихов: «Песни о великом Кузбассе», которую автор готовит к печати.

5. А. Абчук (на еврейском языке). Очерки: «Два Кузнецка», «В поисках сказочной руды» (Тельбесс—Темир-Тау), «Прокопьевск». Материалы для книги очерков о Кузбассе.

6. Г. Гупперт (на немецком языке). Очерки: «К финишу», «Новосибирск и Новая Сибирь». Очерк об иностранных рабочих и специалистах на стройке. Материалы для книги очерков о Кузбассе.

Кроме того бригадой подготовляется сборник очерков о Кузбассе, который будет издан на русском языке.

ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНАЯ БРИГАДА ПИСАТЕЛЕЙ: А. АБЧУК (ЕВСЕКЦИЯ—БУСПП, КИЕВ), Г. АХУНДЛИ (АЗАПП—БАКУ), Г. ГУППЕРТ (МОРП), Г. САРЬЯН (АРМ. АПП), Д. ЧЕПУРНЫЙ (БУСПП—МОЛОДНЯК, КИЕВ), А. ШИЯН (БУСПП—МОЛОДНЯК, КИЕВ)

ТРАКТОРОБУД

Интернациональная бригада писателей «Известий» и ВОАПП в составе грузинских и узбекских писателей за 1 месяц пребывания на Харьковском тракторном заводе, непосредственно была включена в темпы индустриального строительства Советского союза.

Харьковский тракторный завод является одним из величайших заводов всесоюзного значения, который в год должен выпускать 50.000 тракторов.

Все члены бригады прикреплены были к литейному, механо-сборочному, кузнечному и другим цехам и непосредственно изучали процесс и характер производства, жизнь и быт на самом производстве. Члены бригады принимали участие в выпусках стенных газет, помогая отдельным товарищам из цеховых комитетов как в сборе и подготовке материалов, так и в оформлении самой газеты.

Для лучшего ознакомления и изучения быта и жизни рабочих завода вне работы, на досуге, мы жили в бараке одного из поселков завода, принимали участие в проведении вечера, что помогло к сближению некоторой части рабочих.

Мы вмешались в центре бурной социалистической жизни, в центре борьбы рабочих-ударников и инженерно-технического персонала за выполнение промфинпланов, за досрочную сдачу и пуск завода, за соцсоревнование, за полное уничтожение прорывов.

Члены бригады собрали много материалов для своих будущих творческих работ. Некоторые из них уже начинены, например, Усман Насиров—поэма «Тракторобуд», Элизбар Полумордвинов—сборник «Обрезали первых тракторов», Уйгун—серия стихов.

ЧЛЕНЫ 5-й ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОЙ БРИГАДЫ ПИСАТЕЛЕЙ «ИЗВЕСТИЙ» ЦИК и ЦИК» И ВОАПП. ЭЛИЗБАР ПОЛУМОРДВИНОВ (ГРУЗАПП), БОРИС ЧХЕЙДЗЕ (ГРУЗАПП), УСМАН НАСИРОВ (УЗБЕКСКАЯ АПП), УЙГУН (УЗБЕКСКАЯ АПП), МИХАИЛ РОДИОНОВ (РУССКАЯ СЕКЦИЯ УЗАППА)

в секретариате фосп

ЗА КАЧЕСТВО ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Постановление ЦК ВКП(б) об издательской работе в разделе «Критика и библиография» отметило, что «огромное значение приобретает рецензирование и библиографирование книжной продукции».

Между тем работе Библиографического института за последнего времени совершенно не была оказана с писательскими организациями (ФОСП, РАПП и др.). В Институт приходили писатели только в том случае, если они были недовольны той или иной рецензией Института на свою книгу.

— Теперь Библиографический институт намерен привлечь широкую писательскую общественность к своей работе, — заявил представитель института т. Резкин на секретариате ФОСП.—Работа комиссии художественной литературы института займет большое место в общей работе института, издательств, литорганизаций, библиографов, студентов-практикантов института. Эта комиссия будет давать отзывы о книгах писателей еще до выхода их из печати. Задача комиссии — выявить, какое количество явно халтурной литературы выпускается издательствами при бумажном кризисе, чтобы вместо нее дать качественно лучшие произведения художественной литературы.

Тт. П. Скосырев и О. Колесникова отметили необходимость почаще собираемости ФОСП с Библиографическим институтом. Последнему надо усилить «воспитательную» работу среди писателей. Для этого должна быть обеспечена широкая возможность для работы представителей литературной общественности в институте.

ЗА ПЯТЬ ДНЕЙ

Постановление ЦК и действия

Постановление ЦК партии поднимает издательскую работу на новый, высший этап. Выполнение это постановление, издательства будут работать с большей планомерностью и эффективностью, достигнут очень качественных показателей, только выполнив его, они дадут читателю нужную, хорошую книгу и притом в срок. Мероприятия в отношении ведущих издательств обеспечивают реализацию основных установок партии в отношении марксистско-ленинского воспитания, борьбы за технику и т. д. Перестройка книгораспространения, реконструкция ГИХЛ по-новому ставит вопрос об издании художественной книги.

Судя по первым данным, ОГИЗ и издательская общественность энергично взялись за выполнение директив ЦК. Конечно, сейчас нет еще возможности говорить о результатах—пока что проведены лишь организационные мероприятия, но темпы взяты нужные.

В отношении наиболее близкого нам издательства—ГИХЛ—начинается его коренная реконструкция. Публикуемая нами схема этой реконструкции берет курс на специализацию отдельных участков работы, что должно помочь ликвидировать обезличку, повысить квалификацию работников, обеспечить быстрое прохождение рукописи. В основном принципы правильные. Однако, нужно помнить об основном, что любое, самое гениальное изменение структуры ГИХЛ дела еще не решает. Нужно изменить всю систему руководства и работы издательства, наполнить ее новым качественным содержанием. Это всем ясно и достаточно показано, хотя об реконструкции критикой работы ГИХЛ со стороны литературной общественности весной этого года.

Уже в последнее время мы замечали известный перелом в линии ГИХЛ к лучшему. Намечаемые мероприятия должны пройти под знаком этого перелома, поворота в сторону общественности, под знаком новых задач художественной литературы с учетом расстановки сил на литературном фронте и всех процессов, имеющих место в писательских организациях.

Необходимым условием усиления перестройки ГИХЛ является привлечение основных кадров издательства, т.-е. писателей, к участию во всех реорганизационных мероприятиях. Но сегодня это еще сделано недостаточно, в чем, конечно, повинна и сама литературная общественность. Ряд дискуссионных выступлений о намечающихся мероприятиях, имевшее их обсуждение в «Литературной газете»—совершенно необходимы. Нужно пожелать, чтобы Мосторком писателей был активно представлен в работе по реализации постановления ЦК. Для писательской профсоюзной организации, для каждого члена писательского коллектива—это должно быть одной из основных задач.

Декларации и дела

Почти одновременно перед писателем поставлены две большой важности политические задачи — участие в работах по созданию истории гражданской войны и показ героев пятилетки международному пролетариату. И в том и в другом случае в литературной общественности предлагаются совершенно конкретные требования — в таком-то срок, по такому-то направлению развернуть работу. Скажем, в отношении истории гражданской войны писатели должны быть массовиками-организаторами сбора материала на предприятиях, вербовки авторов, групповодами и т. д.

Еще более определенно задание по показу героев пятилетки международному пролетариату. МОРП требует от советских писателей выполнить эту задачу к 14 годовщине Октябрьской революции.

От нас требуют дела — в кратчайший срок и высокого качества.

Как же писатели отвечают на эти требования? Насколько энергично мы взялись за выполнение этих двух почетных задач?

Ответы самые неутешительные. Редакция ИГВ жалуется, что пока она не видит помощи от писателей, не ощущает их участия в работе. Между тем в первый этап развертывания работы пока еще не создан широкий актив. Нужно продолжать популяризацию самой идеи создания истории гражданской войны, эта помощь особенно нужна. Где же боевая показательность писателя?

Еще хуже обстоит дело с реализацией призыва МОРП. Вместо мобилизации на эту ударную работу всех организаций, мы имеем лишь индивидуальные отклики, притом в очень незначительном количестве.

Перетяг ВССП. А между тем обращение МОРП дает ему прекрасную возможность сочетания дискуссии о перестройке с практикой этой перестройки.

Такое положение с участием писателей в работе по созданию ИГВ и показе героев пятилетки международному пролетариату — результат неорганизованной и писательских организациях обезлички, вопиющей безответственности и расхлябанности, которые стали чуть ли не «подсознательным» качеством писателя. Это — результат отсутствия проверки исполнения. Обязательства на себя берем, громко и красиво об этом декларируем, а выполнять... Об этом заботы мало.

Пора уже начать учиться работать по-новому. Взятые обязательства каждая организация должна разделить между своими членами и каждодневно следить за работой последних. На безответственное отношение к заданиям нужно немедленно общественно реагировать.

ТВОРЧЕСКАЯ ДИСКУССИЯ ВССП

за четкое размежевание В РЯДАХ ВССП

второй и третий день дискуссии в москве

Прения по докладу А. Селивановского открывались выступлением Л. Леонова, подчеркнувшего своевременность дискуссии, но и заявившего, что — «я слову не верю; перестройка должна быть прежде всего в практической, деловой работе, а не в дискуссионных разговорах».

Двурогий шлем нумизматов

А. СЕЛИВАНОВСКИЙ

— Назрела потребность в реконструкции писательского стана. Писателю необходимо больше знать. К сегодняшним проблемам с голыми руками, с пустой головой, с невооруженным глазом так просто не подойдешь.

Л. Леонов говорит об очерке, в отношении которого одно время наблюдался, по его словам, большой перегиб («помните, когда очерк был произведением чуть ли не единственных жанров»), о бегстве в прошлое, характерном для значительной части попутчиков, о том, что если требовать большого, а не фамусовского искусства — нельзя торопиться и, наконец, о независимости своем с докладчиком, когда тот «иронически относится к роли интуиции в творчестве». Л. Леонов заявляет, что он верит в человеческий разум, но нельзя интуицию объявлять вне закона, так же, как нельзя отвергать необходимость боковых деталей в произведении. В заключение Л. Леонов обращается к критике с указанием на необходимость проявлять побольше такта в своих определениях и выводах. Нельзя отказываться даже от ошибающегося писателя. Нужно заставить его понять новое, переродиться, нужно действовать на писателя прямыми заданиями, темами. Писатель и то же время должен знать, что поезд революции ускоряет свой ход, что тот, кто не желает перестроиться, рискует очутиться у него под колесами. Нет и не может быть у нас колебаний в выборе места в истории.

И. Сельвинский не согласен с тем, что попутчик, перестав в союзника, сразу же растет в художественно. Подобные утверждения могут только дезориентировать перестраивающегося писателя. Ведь писатель-союзник еще не вполне овладел идеологией пролетариата, на позициях которого он переходит, а это отражается на качестве творчества. Разумно попутчик брал боковую тему, теперь же он берет генеральную, которая во много раз труднее.

— Нужно четко сказать, — добавляет И. Сельвинский, — что исходя мы как следует не сможем диалектикой, пока мы сами не сможем сплавлять термины и формулы — творчество наше не будет сужаться.

— У Селивановского — метафизическое понимание перестройки попутчика. У него — перегородки. Доходит — попутчик, отходит — союзник. Но ведь могут быть такие случаи, когда попутчик перерывает через союзника прямо в ВССП, тем самым «юрлически» обор ряды пролетарской литературы. В каждом из нас заложены огромные возможности — «гениальность есть максимальная работоспособность».

И. Сельвинский отмечает огромную роль РАПП в воспитании попутнически-союзнических рядов.

После выступления П. Сиксвяра, избранного объектом «Гидроцентраль» Шагинян, «Сеть» Леонова, восхищение произведениями Вс. Иванова и призывающего попутничество к ускорению перестройки («попутничество — краткий этап, если заимствовать — спотыкаться»), слово взял Л. Сейфуллина.

— Вопрос сегодня стоит гораздо глубже, чем это думают некоторые товарищи, — говорит Л. Сейфуллина, — вопрос стоит вообще о советской литературе, а не только о попутчиках.

Л. Сейфуллина говорит, что почему-то Шагинян взяли только в «Гидроцентраль». Шагинян вообще хорошая писательница, но почему именно «Гидроцентраль» плохое произведение, приближающееся к пролетарскому и почему начинают с «Гидроцентрали» — это можно это понимать, как непонимание и то, что, когда говорят о Леонове как о союзнике, начинают с «Сети». Почему именно с этих вещей они стали союзниками? Для некоторых, в для меня в том числе, «Барсуки», даже «Унтиловск» звучат убедительней, чем «Сеть». А «Фока Клешнев» Сейфуллиной? Кто объявляет художественно полноценным произведением. Почему? Не перетягивают ли чаши весов?

Л. Сейфуллина говорит дальше о том, что торопиться в литературе опасно. Принять рабочих-ударников в литературу возможно писателями. Вот тебе тома — говорит она: пролетариат, пятилетка... пишет. И в результате мы нередко имеем произведения не художественные, бледные, граничащие с халтурой.

Последние выступления второго дискуссионного дня — выступление Вяч. Полонского, красноречие которого сильно и рядом весьма «занятные» тона. Полонский упорно отстаивал свою прошлую статью «Конец и начало», покоящуюся сплошь на содержании аудитории. Построение речи Полонского может навлечь хотя бы такой небольшой с отрывок.

— О статье Гольцева в «Литгазете». Конференция Гольцева свалилась вот к чему: развивалась советская литература. Советские писатели не начинали, что происходит. Были журналы, были редакторы, были критики. Где же были эти критики, когда писатель не понимал? И выходит, что виноваты не писатели, а критики. Но писатель же не ребенок, который потянулся к бутылке с видом, а когда пришел или, сказал: где же ты был, на чем ты смотрел?

Я был критиком. Виноват ли я, что Гольцев не сделался пролетарским писателем?

Вся литературная критика — это не что иное, как история ошибок. Если Вяч. Полонский принимает эту тираду и на мой...

*

А. Эфрос, открывший своим выступлением второй день прений, квалифицировал недопустимое отставание Москвы от Ленинграда. Но, совершенно правильно определив объективный смысл выступления москвичей, как «удар разжатыми пальцами», А. Эфрос, перейдя к существу вопроса, сам повернулся к нему спиной.

«Гвоздем» третьего дискуссионного дня, расколовшим атмосферу непосредственности, явилось выступление писателя Ивана Евдокимова. Евдокимов к резкой и категорической форме продемонстрировал с трибуны дискуссии свою принадлежность к правому крылу ВССП, тем самым «юрлически» обор мне свое враждебное противостояние идеологии пролетариата, установкам пролетарской литературы.

И. Евдокимов не верит в совпадение ряженья писательского творчества именно с моментом перехода писателя на рельсы советчества. Исходя из этого, он дает оценку последним произведениям Л. Леонова, М. Шагинян и Вс. Иванова: «Сеть» — это не под'ем, это стабилизация и даже хуже. Чудесная леоновский язык пропал. Пахучий обязательный леоновский мир исчез. Леонов понимая, что самая лучшая и блестящая пролетарскую вещь — это вещь без бытовых терминов и слов: революция, пролетариат, колхоз. Но вот рапповцы буквально вопсували Леонову «Сеть», эту чужую для него тему. «Сеть» высказана на языке замечательного художника, но надел жертв остается пальцем.

Шагинян, взявшись за «Гидроцентраль», тоже увлекалась не своим делом. Тема «Гидроцентрали» скучна, сера... Это искусство для немногих. Масса не прочтет и не оценит.

Распространяясь о произведениях союзников в «осуди» утверждение докладчика, что в самом факте наличия союзнической литературы мы имеем новое социальное качество (путь художника от попутничества к союзничеству — по мнению И. Евдокимова — ограничен и «незыжим художнику, несмотря на все ошибки, отказываться от

рис. и. ванякова

А. ЛЕОНОВ

полного собрания своих сочинений»), Евдокимов переходит к следующему вопросу:

— Я на старости лет усомнился в своей ведущей отряда литературы. Беря в основу своих высказываний формулу: по-моему художник — это такой человек, в котором «мир в себе» посредством слова выражает «мир во вне», он говорит, что все рапповцы были во власти тематики и приняли слепо «технологическую» слабость. И, наконец, Евдокимов договаривается до утверждения необходимости самотека.

— По-моему, — говорит Евдокимов, — самотек решит все. Самотека бояться не нужно. Рапповцы оказывают от нас пожарного выполнения промфинплана. Но ведь это же не хлебозаготовки! Литературу нельзя строить так, как Днепрострой и Магнитострой.

— Сначала рапповцы проповедовали, — говорит Евдокимов, — что литературу сделают пекаря и рабкоры. Это не вышло. Теперь рапповцы говорят, что погоду сделают ударники, призванные в литературу. Но ведь ударники эти те же рабкоры.

И хотя Евдокимов заявляет, что «я перо в ударное движение», он, тем не менее, говорит прямо и без обиняков:

— Попутчики и союзники были сильны и, по-моему, будут сильны. Если поэзия и проза еще не мокнула, то только благодаря попутчикам. И вот я думаю, что советский отряд будет ведущим отрядом. Но пригрел ли Селивановский змею на груди?

Оценку речи П. Евдокимова дал И. Нусинов.

— Когда Леонов, — говорит Нусинов, — писал о социалиме уптиловским языком — это Евдокимову нравилось. Теперь же когда Леонов заговорил по-пролетарски, Евдокимов выступает с осуждением. Капитальная постановка вопроса власти Евдокимова не может. Литература все таки строится, и вопрос о ведущей роли в литературе стоит так: кто кого перерожает, обыграет? Я убежден, что не Леонов перерождается, а Леонова перерождают. Ведущая роль определяется новым мировоззрением, новой идеологией, и потому-то ведущий отряд — это пролетарская литература.

Следующее выступление — Л. Гроссмана — в значительной части прошло под знаком призыва к всеобщему объединению литературных сил.

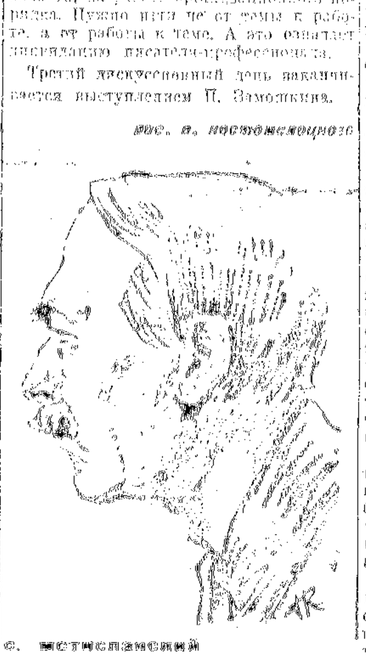
Укоры по адресу марксистской критики, «преимущественно суровые» отнесшейся к Оксне и Тынянову, в творчестве которых «нет регрессивного хода от идеологических позиций»; указание на сущность утонченные формы письма попутчиков и их старую культуру, как ручательство против ошибочного и чуждого определения социального пути автора, — к этому в основном сводится речь Л. Гроссмана, к этому сказать, повсеместного аудитории, что «Виза времени» Н. Оренбурга — советское произведение.

— Тяжелое чувство в итоге двух дней, — говорит следующий оратор С. Мстиславский. — Дискуссия пошла не по своему пути. Вопрос о творческих методах — вот основное и дискуссии, и обсуждения этого вопроса нужно придерживаться.

С. Мстиславский говорит, что сила старого, которое якобы доплет над попутником, многими преувеличивается, ибо груз старого наследства у рядя писателей не так уж велик. Нельзя, продолжая одну рукопись, в заметил опечатку, допущенную машинисткой вместо «мировоззрение» было напечатано «мимовоззрение». И вот на практике нам очевидно придется больше бороться с «мимовоззрением», чем с наличием крупных старых «мировоззрений». Писатель не прилеет внимания тому, насколько сильна мысль в художественном образе. Сила и убедительность художественного образа определяется четкостью мировоззрения. Отделение материалом и выработка мировоззрения именно только на конкретной работе писателя в той или иной области, на работе организационного порядка. Нужно идти не от темы к работе, а от работы к теме. А это означает специально писательско-профессиональную.

Третий дискуссионный день заканчивается выступлением П. Замошкина.

рис. в. поставникова



И. СЕЛЬВИНСКИЙ

о тучах *на безоблачном небе*

1.

Осенняя конференция ВССП совпадает своевременно, потому что наступил момент, когда многим членам ВССП следует поговорить о том, почему они не пишут.

Сейчас, в дни конструктивизации ломки, произошла небывалая литературная метаморфоза: беллетристика, особенно бытовая, загадочно, стала дефицитной. Писатели прекратились в литераторов. Темпы реконструкции обгоняют их писал. В анналах истории многим именам суждено расположение в буквальном смысле. У писателя начала выпадать борода не из-за того, а в душе,—то, что раньше толкало его вперед, стало оборачиваться против него. От разных своих частей. Время, суровое и беспощадное, предлагает ему: «Или со мной». Он отстал на шаг, и шаг этот грозит его в тот туман, в котором надо честно и прямо говорить теперь, перед съездом конференция.

Традиция конференций — это конференции людей, растерявшихся, ищущих и плавающих. Процесс творческого переформирования когда так мучительно не осознается как в среде ВССП. Все вопросы, представляющие обсуждению, это вопросы огромной важности, связанные с тысячелетними судьбами большинства писателей.

На площади революции за столом большого дома было ранее пятнадцать человек.

— «Реконструкция это — вихрь, опрокидывающий назад всех ему сопротивляющихся».

Если за данном отрезке времени заменить слово «революция» словом «реконструкция», то основа станет лучшая характеристика многих людей, отмеченная термином «попутник». Мне кажется, что конференция должна будет проходить под таким знаком, основной вопрос ее занятий будет линия отражения от этого термина, так от лозунга, конференции сейчас по всем вопросам — от отношения к классикам.

Литературное наследство в первую очередь больше ударило тех, кто вчера еще себя, недавно родился в литературе. Есть люди, для которых первая их книга оказалась и последней. Перемещена ценностей сделала ее вещью. И недаром сказано, что писатель должен вращаться в творческих вопросах, сразу же был оторван от всех сторон,—от отрыва от времени. Струны его не звучат. То, что было вчера звучащими в момент написания книги стало вещными, книга вышла.

Одному металлому росту посчастливилось. После выхода первой его книги все сказали, прочли записки, что он — продолжение, который делает. Эту характеристику он получил с благодарностью, усвоил ровно десять лет и двадцать. При встрече с близкими, на вопрос «Как живем?», он неизменно и гордо отвечал:

— Пишу!

В одном месте вышло, многотиражировано и квалифицированных писателя, получив очень при таком сверхстандартном отказе:

«Не подходит, потому что наибольшее число процентов книги падает на 1929 год, а 1931 году уделено внимание только на 12 процентов».

Пусть эти курьезы иллюстрируют мою мысль о том, как принципиально подходит многое к пресловутому лозунгу о социальном заказе времени. Заказ этот, не понятый многими, механически воспринятый, и в результате привел к тому, что он не фильтр, задерживающий и выпускающий воду, не фотообъектив, не блокнот, указывающий и приближающий предметы. Вокруг идет о хронологии, кризисом которого болеют сейчас попутники, члены ВССП, организация, объединяющей преимущественно писателей-попутчиков.

Большинство из них выражают себя субъективную просьбу изменения всех планов. Это «интеллигенты без партии», без классовых зе'ек, без умных дедушек, детских, фамильных портретов, сахарного весничка и пятилетней Сабуровки. Это — только, затертые слои деятелей в той же области единого социального переворота, как и пролетариат. Они осознали себя в новых условиях, они хотят работать для этой организации, обеспечивающей писателей-интеллигентов, высказывания свое мировоззрение без помощи наследственных реликвий.

Эту мысль резко и заканчивал врагам и мобилизацию внимания к той категории попутчиков, которая заслужила на это право. Они требуют не механического внимания ни отдельной дозы, не временной поддержки, как у трамвая, номер которого выбрасывается только же. Внимание к попутчикам должно быть органическим, от книги к книге.

2.

Возвращаясь к тучам, которые видит писатель на безоблачном небе. Откуда это происходит? Так. Селивановский говорил о грузе традиции и узких пределах, тормозящих над творчеством писателя это что сознание. У большинства попутников нет никаких традиций. Идя прошлого они взяли в себя не больше, чем пролетарские писатели. Здесь происходит взаимное возникновение. Актуальным и сиюминутным эпоха может быть подлинно историческое произведение, нельзя сужать тематику в отвлеченный круг современного и недавнего. Дело не в теме, а в мировоззрении писателя и классово-верном освещении фактов. Ясно, что реакционным может быть произведение и откликающееся на злободневность и подлинно передовым может быть произведение, трактующее о далеком прошлом.

Но нашо так стремятся, что писатель, растеряв весь свой накопленный творческий багаж, считает отказаться на «зов эпохи», уходя в колхозы, совхозы, на машинно-тракторные станции, на всякие стройки. Там эпоха настигает на него кинематографом и гомбайнами и он, окончательный, отказывается от нее фотографическими очерками, умирающими на следующий день по напечатании, потому что очерк зафиксировал не типическое явление, а один только день. Эта же опасность переносится и на крупные по размерам художественные произведения. Больше всего пренебрегают «фотографическими» техниками, о которой говорил т. Сельвинский. Здесь нечего... Не будет органических книг на творческие темы. Вот бы можно напомнить писателям о гражданской войне, «Фомой» и «Тихим Доне» нашей новой гражданской войны, тогда, когда время предъявило уже другие требования, и все же вещи эти долго еще будут актуальными. У нас смешивают два разных понятия—подлинность и современность. Злободневными были памфлетические романы на шестидесятников, написанные Лесковым, Писемским, Клюшниковым и Вельмезовым Крестовским. Их не читают. Помимо их реакционности, они написаны быстро, не в каждой строке, а в сильном творческого восприятия окружающей действительности. А реакционные и гениальные «Бесы» остались в литературе навсегда, произведение же это—одной направленности с указанными. Они живут и до сего времени, потому что написаны медленно, в том смысле, как я говорю, что вообще Достоевский писал быстро.

«Севастополь» Малышкина—актуальное произведение, хотя не трактует ни об удариичестве, ни о социалистовании, ни о героях пятилеток. «Гидроцентраль» Шагинян писалась медленно. «Фома Клешнев» Сейфуллиной задумал до, сформировался. Любопытна «Сеть» Леонова. Эта вещь написана с большой художественной выразительностью и почти не уступает «Барсукам», по-равне героем Леонова сказалась и в ней. Вещь, тяготящая с постройке в лесах бумажного комбината, написана частично не без влияния... Достоевского. В «Норе» это не так чувствуется, но в «Сети» сначала и спать, куда приходит большинство Уваловых, начала настоящими целых старых Карамазовых в «Братьях Карамазовых». Большинство Уваловых, как и другие герои книги из «Сети», рождены, как мы сказали, подлинной достоверностью. О чем это говорит? Говорит это о том, что художник, перестраивающийся, ломающий старое свое мировоззрение, все еще медленно, еще не совсем свободен от прошлых творческих навыков, и поэтому это о том, что такой художник нуждается здоровым творчеством организующего процессы, происходящие в нем — воспитанны, жизненны и медленны.

Наиболее художников, дано с изящным творческим диапазоном, следует не слушать критическим, разбирать, чтобы собрать им в руки боевые смогло нервы, а прислушаться к движениям их души достоевскую трубку и внслушивать в них. Лишь на основании изученного анализа возможны разговоры о переходе попутчиков к союзничеству и дальше — в стан пролетарских писателей. Никто будет предъявлять разговоры к поперечному будет спешить от их бытовые вопли:

— О чем писать?

— Как перестроиться?

— Как уйти от самих себя?

В голосах всех слышны наши нотки. Голова мы одинаки. Их не спишешь даже литературный сезам, убо ВССП нарядка печатает писателя в колхозы и на стройки, мало интересуется творческими результатами поездок. И писатель, предоставленный самому себе, лишенный коллективной обстановки, запутывается во времени, как в трех соснах, не находя своей дороги к общей дороге, по которой надо пойти дальше всем вместе.

ДАВИД ХАЙТ

А. СЕЛИВАНОВСКИЙ

два творческих полюса
в попутничестве и союзничестве *

Большое количество попутников серьезно занимает сейчас вопрос о судьбах искусства в реконструктивный период, о судьбах искусства при социализме. Этот вопрос волнует многих наших писателей непосредственно соприкасаясь с вопросом, который занимает значительные слои мелкобуржуазной интеллигенции, — с вопросом о судьбах личности при социализме вообще и методах убыточного общественного развития.

Тут есть много общего с настроениями, распространенными в рядах западно-европейской мелкобуржуазной интеллигенции. Мы видим тут известное сходство.

Один из ведущих теоретиков экспрессионизма, а затем экстрессионизма — Герман Бар — писал следующее: «Никогда не было такого времени, пустынного таким ужасом, таким смертельным страхом. Никогда мир не был так мертвенно нем. Никогда человек не был так мал. Никогда он не был так раб. Никогда радость не была так дешева и свобода так мертва. Никогда волки, человек волку своей душе, время сделалось концом культуры. Искусство присоединяет свой вопль в темноту, оно вопит о человеке, оно взывает свой дух».

В книге «Письмо времени» Илья Эренбург говорит почти то же самое. Его страшит то, что «в нашем обществе нет места для человеческой, для пети для обыкновенной фантазии... Трудно сказать о том, что будет чувствовать наши дети. Может быть, в отрет эта дома со всем их комфортом и со всей их неуютной красотой. Может быть, в новых домах, сделанных в пустых, слово» нашего найдут они, что жизнь без нрого плена равносильна небытию». И еще одно признание: «Мы склонны мечтать о живых людях—ведь это казется самое редкое из всего, что можно встретить, служащее по великолепным проспектам современной столицы».

Мысль западно-европейской мелкобуржуазной интеллигенции в эпоху наступления капитализма, устремленная в будущее, не видит там никаких перспектив для развития личности и искусства, подменяемых бездушной автоматизацией капиталистической клики. Стихи Германа Бара — это бессильный вопль протеста против капитализма.

Постановка аналогичного вопроса в наших условиях приобретает иное значение, ибо здесь речь идет не о внеклассовой личности против автоматизма капиталистического общества — здесь непрерывный спад колебаний мелкой буржуа в идеологии обратившегося против социализма, ему кажется, будто в социалистическом планомерно свободное развитие личности и искусства, в то время как именно социализм обеспечивает и полное развитие личности, и небывалый расцвет искусства.

Так же Эренбург пишет следующее о своей между темами» общественной жизни и искусством: «Этим летом я Абрамцеве я сидел на клены сада и на покойные кресла. Вот у Аксенья было время, чтобы подумать об этом. Его переписка с Гоголем — это исторический опыт души и эпохи. Что остались мы после себя? Расписки: «получил сто» (прочерк), через марки). Нет у нас ни кленов, ни кресел, а отдыхаем мы от опустошающей суеты ранений и передних в купе вагона или на палубе. В этом, вероятно, свой правда. Время обновилось теперь быстроходной машиной. А автомобилю нельзя крикнуть: остановись, я хочу размышлять тебя колесами. Можно только сказать про белый свет его огней. Можно,—и это тоже исход,—отчаяться под его колесами.

Не останавливаясь подробно на позициях Ю. Олеши, поскольку Олеша в «Вишневой косточке» только отошел по-

* Отрывок из доклада на пленуме правления РАПП.

дискуссии в ВССП поставлен в один ряд с «Восковой персоной» Ю. Тынянова. При всей уязвимости «Восковой персоны» — это явление другого порядка. «Сумасшедший корабль» ставит ту же проблему, что и Эренбург: бесчестол, без гнездового тепла, без возможности ухта, без запрещения быть искусство невозможно. Значит она невозможно в наши дни, конечно, целесообразно и полезно, то, что имеется у нас на «начальной стадии культуры» (так формулирует Ольга Форш наш культурную революцию, не надо, что культурная революция, развертывается не только вширь, но и вглубь, и в этом ее смысл). Но эта «целесообразность», по ее мнению, означает гибель и конец искусства. «Сумасшедший корабль» Форш — подробное рыдание над больной русской литературой, последние дубы которой — в изображении Ольги Форш — были срублены во время революции. Я не говорю уже о том (это дело специальной статьи), что книга в целом представляет собою маразм идеализма: об антиматериалистических тенденциях с попутничестве я буду говорить дальше.

Рассмотрим высказывания Бориса Пастернака в «Охранной грамоте». Мы в РАПП сумели дойти (или доходим) до ряда конкретных вопросов, которым с порядок нашей творческой дискуссии ставится. А в дискуссии в ВССП нам приходится начинать с азов, с первоначальных вопросов: что такое мировоззрение, что такое искусство и т. п.

Пастернак дает свое определение искусства. Оно сводится к следующему:

«В отличие от науки, берущей природу в разрезе светового столба, искусство интересуется жизнью при прохождении через него луча силового. Понятие силы я взял бы в том же первоначальном смысле, в каком берет его теоретическая физика, с той только разницей, что речь шла бы не о приложении силы, а о ее голосе или о ее присутствии. Я полагал бы, что в рамках самосознания сила называется чувством».

Тема ни (классических произведений — А. С.) — тема силы.

Из этой силы и рождается искусство. Оно более односторонне, чем думают. Его нельзя направить по произволу, куда захочется, как телескоп. Наставление на действительность, смещаемую чувством, искусство есть запись этих смещений». («Охранная грамота», «Новый мир», № 4 за 1931 г., стр. 11. С точки зрения этого определения искусства Б. Пастернак подходит и к оценке творческого пути Маяковского).

Здесь у Пастернака мы имеем возвращение до лечического предела субъективно-идеалистическое противопоставление образного мышления (которое имеет право и обязано «смещать» все свойства и качества объекта) логическому мышлению, которое, очевидно, ему действительность фиксирует, причем такое мышление должно соответствовать тому, что объективно существует. Но ведь субъективный идеализм (каким является талантливейший поэт Б. Пастернак) не может тягаться об объективно существующей действительности!

Мы обязаны, далее, сосредоточить внимание на другом ходе идеалистических установок в творчестве — на формализме. Мы еще мало внимания уделяли тому, как формализм проявляется в творческих установках и в творческом методе писателя (а не в теории, которую ему так и не удалось создать). При разборе «Бориса Годунова» формалистическое извращение Б. Каверина представляет для нас большой интерес.

Каверин говорит о том, как создавалась его повесть «Скандалист», исходя из основных формалистических положений. Он говорит о борьбе между влиянием литературных традиций и отталкиванием от них. Оказывается, при создании «Скандалиста» «идея» боролась с «материалом», причем «материал» нередко побеждал «идею», видоизменяя последнюю и т. д. К таким и аналогичным формалистским определениям сводятся все высказывания К. Каверина.

Писатель искал ранняла за формализм. В. Каверин написал произведение о сюжете под названием «Пролог». произведение, созданное методом по формалистскому методу. Оно построено на «обыгрывании» сюжетного материала, и это обыгрывание ведется на второстепенных, обходных путях — так, что никакого сюжета в «Прологе» Каверина не существует, и есть лишь последовательная деталь: гуси летели над совхозом и не узнали прежней земли. Каверин убежден, что «деталь» может спасти целое произведение. Напрасное утешение! Купринитися продолжает эту «деталь»: гуси летели над «Прологом» Каверина и совхоза там не увидели.

Поэтому, готовые я привел, свидетельствуют о том, что вопрос о типе и характере социалистического искусства является таким вопросом, над которым надо уже сегодня думать, в середняком мне попутчикам к давая каких-нибудь первоначальные заметки его решения.

Что было свойственно искусству буржуазного общества в тот период его развития, когда началась эпоха загнивания капитализма? Уничтожая, конечно, неравномерность развития капитализма и искусства капиталистического общества (вспомним, например, сеть натуральных фламандской литературы и т. д.) и имея в виду основную тенденцию развития, мы можем сказать, что последнее заключается в решении, в том, наиболее адекватно с данной эпохой мировоззрение, которое позволяет писателю, не выходя из рамок буржуазного общества, наиболее правдиво изобразить действительность, в изменении разрыва между мышлением в образах и мышлением в понятиях.

В искусстве последовать, на которое шире от искусства социалистического — изменением взаимоотношения чувственного и логического. При сохранении специфического образного мышления, в искусстве происходила принципиальная, коренной анализ вкуса и искусства уничтожается. Тут такого анализа нет. Искусство основывается на мировоззрении, на разуме, оно становится разумным.

Характерно то, что именно те писатели буржуазного общества, которые идут к нам (Шоу, Дрейзер, Роллан и другие) являются мастерами, для которых неизбежная тенденция наименее характерна.

Идеалистические установки, отрицание или сомнение в возможности развития искусства или сохранение, уровень ситуационизма в действиями, сосредоточенной в понятиях установки искусства от познания, представляет собой главную опасность в творческой дискуссии, развернувшейся в ВССП, по которой в первую очередь нужно будет ударить.

Основная творческая доминанта писательских групп, противостоящих пролетариату в специфике искусства, характеризуется именно всем антиматериалистичностью, разгулом идеализма, который мы наблюдаем в ряде высказываний об искусстве и творчестве, в ра-

дискуссии в ВССП, книг, статей и выступлений. Я этому вовсе не хочу сказать, что во всех диалектики нельзя крыло попутнического сильно. Наоборот! Здесь в лучшем случае есть игра в диалектику, либо маскировка диалектикой отъявленной метафизики (как у Андрея Белого). Но (ух так и быть) с диалектикой, которая использовалась во-настоящему, эти писатели готовы примириться. С материализмом же они на ножах и на ферме и по существу.

В творческой дискуссии это и есть один полюс творческого размежевания (второй, разумеется, предполагает ряд дополнительных линий размежевания и вовсе не исчерпывает их). Другой полюс, который намечался совершенно отчетливо в высказываниях тт. Сосницкого и Тихонова,— в разном недопонимании и ошибок (как например у Тихонова в вопросе о революционизме),—шаг по линии приближения к нашим творческим установкам.

Я привел два высказывания из выступлений тт. Сосницкого и Тихонова. Надо иметь в виду, что эти высказывания не являются отвлеченной декларацией, а уже реализованы в творческой практике.

Сосницкий говорит: «Что же мы имеем в литературе на сегодняшний день? Прежде всего, нарождается, совершенно конечно закономерно, в связи с изменившейся социальной обстановкой, разбалансирование цветистых очагов. Обязательность мысли, поднявшая ее роль в литературе. «Бессмысленный» орнамент гибнет и, по-моему, это хорошо... Совершенно по-новому должен стать вопрос о повествовании... Теперь вопрос о повествовании стоит совершенно ясно, как о новаторстве мысли, как о новаторстве мировоззрения. Характерны сатиризм, отрицательные моральные моменты, ведущий ситуационизма в субъективизм, сосредоточенность в понятиях установки искусства от познания, представляет собой главную опасность в творческой дискуссии, развернувшейся в ВССП, по которой в первую очередь нужно будет ударить.

Основная творческая доминанта писательских групп, противостоящих пролетариату в специфике искусства, характеризуется именно всем антиматериалистичностью, разгулом идеализма, который мы наблюдаем в ряде высказываний об искусстве и творчестве, в ра-

Вот, товарищи, два отчетливо обозначенных полюса.

РАПП ОТВЕЧАЕТ за все участки литературного фронта

резолюции 4-го пленума правления РАПП

о показе героев пятилетки

резолюция по докладу ив. макарьева

1. Постепенная гибель в рабочем классе перед РАПП задача художественного показа героев пятилетки, имеющего на ударном участке работу в ряде пролетарских организаций (Москва, Ленинград, Зап. область, Сев. Кавказ, Урал, ЦЧО, Нижний), выполняется все еще не достаточными темпами. Важность этой работы не осознана еще в ряде организаций; есть настроения, сводящие показ героев и «временной кампании». Наблюдается нехватка в системе мобилизации отдельных АПП (отставание АПП Нижней и Средней Волги, Ивано-Вознесенской области, Сев. Кавказа, Республики). Во многих случаях еще и выполняющую своих задач в области единого произведения о героях пятилетки рапповская критика.

Пленум считает, что продолжение работы — лишь начало, основная работа — впереди.

2. Пленум отмечает, что секретариат РАПП, своевременно поставивший задачу показа героев и правильно мобилизовавший на ее разрешение основные силы, не сумел достаточно конкретизировать и недостаточно систематически проводил ее на местах работ. Пленум обращает внимание секретариата на необходимость усилить в дальнейшем контроль над работой по показу героев, выделяя передовые организации, перенося опыт их работы, реализуя решение о постановке отдела в «На литературном посту» и оперативной работы отдельных организаций.

3. Пленум особо подчеркивает значение работы по показу героев для ускорения темпов перестройки организаций, усиления связи РАПП с практикой социалистического строительства, являющейся всех пролетарских писателей в поисках фабрик и заводов, отмечение «северной темы пролетарской литературы — показ передового социалистического строительства, героев социалистического соревнования, глубокое обобщение и осмысление опыта их борьбы, практики перехода ими мировоззрения, непосредственно связанного с работой (»Правда», 21 августа 1931 г.).

Должна быть обнажена самая решительная борьба, правооппортунистической недооценке, поставленной партией перед РАПП задачи, все еще неизжитым среди отдельных частей организации предрассудкам барства, выражающимся в преобразительном противопоставлении общих задач пролетариата в литературе этих, якобы, «скучных» фактов, и недооценке очерка, как «недооценке газеты. В то же время необходимо дать решений отпор противопоставлению работы по показу героев труда задачу борьбы за большое качество большевика, противопоставлению темпов работы ее качеству и в связи с этим сужению поставленной партией задачи и определению ее только рамками малых жанров, механическому разрыву непрерывной практикой, когда описание техни-

тематики от вопросов мировоззрения, исполнение всей сложности борьбы за диалектико-материалистический художественный метод. Особый отпор должно получить своеобразная теория «чтиво», логически ведущая к отрыву писателя социально почвенной пролетарской литературы и переключающейся с меньшевистской литературной концепцией Троцкого.

Пленум правления РАПП рассматривает и рассматривает задачу показа героев пятилетки как сегодняшнюю часть борьбы за большое искусство большевизма, за диалектико-материалистический метод, как проверку, контролирующую правильность основных лозунгов пролетарского литературного движения, проверку, двигающую вперед выработку метода, обогащающую общепартийную творческую платформу. Именно по этой линии — борьбы за мировоззрение, за диалектический материализм в художественном творчестве (а не только по линии количественных показателей) — должен быть развернут творческое соревнование между творческими группами и отдельными писателями в РАПП. Это возможно лишь при условии максимального развертывания творческой дискуссии вокруг конкретных произведений пролетарской литературы и максимальной свободы творческих высказываний в произведениях любого течения.

4. Задачи борьбы за большее качество большинства — вчерашнего сегодня с прошлыми лозунгами пролетарского литературного движения, неизменными ставками и выработке диалектического материалистического художественного метода и направленными против штампа, схемы и лакировки действительности, против шаблонного, совершенного отношения к ней, против всех мелкобуржуазных влияний, формализма в творческой практике и пр.

Качественно выписки (за немногими исключениями), имеющиеся уже продукции по показу героев пятилетки отстают с всей силой необходимость достигнуть и упорной борьбы за марксистско-ленинское мировоззрение, за диалектико-материалистический метод.

Для многих очерков еще характерны штампы и удовлетворение, неумение показать передового ударника социалистической стройки как живого человека, приводящее или к отрыву отдельного ударника-передовика от коллектива, или, наоборот, к потере «обличия», к показу коллектива, как сплошной безликой массы. Это приводит в ряде очерков к тому, что вся сложность переделки человека, происходящей в действительности, заменяется грубым схематизмом. Для некоторых очерков характерно увлечение голым техницизмом, когда техника заслоняет людей, не связана с их социальной практикой, когда описание техни-

ческого процесса дается изолированно, как самодель, когда художественно не воспроизводится качественная особость социалистической технической реконструкции, когда техника дается не в разрезе классовой борьбы. Одной из важнейших причин этого является все еще недостаточное внимание пролетарских писателей к вопросам техники, недостаточное овладение ею.

Все это сказывается на снижении идейности произведений и понижает их действенность, подтверждая, что все эти недостатки идут по линии отклонения от диалектико-материалистического метода, подтверждая также необходимость для пролетарского художественного оружия борьбы за углубление марксистско-ленинского мировоззрения.

5. Пленум ставит перед секретариатом РАПП и перед всеми местными организациями следующие задачи дальнейшего развертывания работы по показу героев пятилетки:

а) Секретариат РАПП немедленно должен обеспечить повседневный контроль за этой работой, проверку исполнения и оказать деловую помощь организациям и отдельным писателям, ведя систему выездов бригад и отдельных АПП с докладами на секретариат, расширяя соревнование между отделами АПП, шире практику местных взаимообследований отдельными организациями друг друга.

б) Редакции журналов и «Литературной газеты» должны обеспечить помещение регулярных критических обзоров выходящей продукции по показу героев пятилетки, безжалостно гнать халтуру и разоблачать приспособленчество.

в) Перед критическими кадрами РАПП вновь встает задача широкого развертывания конкретной критики произведений о героях пятилетки и глубокую тематическую разработку на основе ее ряда встающих перед движением творческих проблем.

г) Вся работа по показу героев пятилетки должна быть неразрывно связана с предпринимаемой по инициативе тов. Горького работой по созданию «Истории заводов». Пленум поручает секретариату РАПП в кратчайший срок разработать конкретные задачи каждой организации и отдельным писателям по их участию в этой работе, с тем, чтобы добиваться максимального качественного творческой и критической работы в организациях (в частности, усилив взаимопроверку отделов писателей и писательских бригад в установке контроль за их работой).

д) Особое внимание всей организации пленум обращает на необходимость сдачи в кратчайший срок реализации требований, поставленных перед РАПП международным обязательством революционной литературы — «Показать героев пятилетки международному пролетариату».

о попутничестве и союзничестве

резолюция по докладу А. СЕЛИВАНОВСКОГО

Переход пролетариата к развернутому социалистическое наступление поставило так называемую попутническую литературу перед необходимостью четкого определения своего места в происходящей классовой борьбе, вскрыла со всей остротой социальную двойственность и исторически ограниченность попутничества восстановительного периода.

2. Значительная часть попутничества уже совершила, или совершает, на ряду с основными вехами старой технической интеллигенции, решительный поворот в сторону рабочего класса, выступая в качестве литературных союзников пролетариата в период выкорчевывания корней капитализма. Пролетарское литературное движение, руководствуясь указаниями тов. Сталина об отношении к интеллигенции и вытекающей из них литературно-политической линией РАПП в вопросах попутничества, обязано обеспечить все необходимые условия для закрепления и усиления этого поворота. Одной из необходимых предпосылок этого является борьба против тенденций «непримиримых», заключающихся в капитулянтских попытках изобразить линию партии в вопросах художественной литературы, как призыв к прекращению классовой борьбы на литературном фронте, проведение механической аналогии между условиями и обстановкой гражданской перестройки попутничества и общественно-политического сдвига кадров старой технической интеллигенции и т. д. Необходимо учитывать классовый смысл и неравномерность темпов перестройки попутничества, наличие в последнему различных социальных прослоек.

3. Поворот основных кадров попутничества в сторону пролетариата происходит после длительных колебаний в их среде. Попутничество на прежнем этапе проявило стремление мелкобуржуазной интеллигенции сотрудничать с пролетарской революцией, поскольку последняя еще не начинала экспроприацию корней капитализма. Обострение классовой борьбы в реконструктивный период вызвало появление значительной части попутничества, которое начало выражать и усиливать реакционных, буржуазно-кулацких тенденций, проявляющихся в различных вариантах в предреволюционные годы. Среди этих вариантов наибольшее значение имеют: уход от современности, идеализация дореволюционного прошлого, ставка на техническую интеллигенцию, как на основную и ведущую социальную силу, буржуазно-демократические тенденции, проповедь буржуазного гуманизма, тема единого человека в революции как государственная, аналитико-биологическое объяснение общественных явлений, идеализация «вечной личности» буржуазного общества и пр. Давление буржуазной идеологии, как результат обострения классовой борьбы проявилось не только на правом фланге попутнической литературы (некоторые представители которого покинули свои ряды литературной клиентуру буржуазии), но и на левом фланге со всеми своими

понимания подлинной социальной актуальности творчества и т. д.

Механическое копирование перестройки попутничества объективно смыкается с настроениями обывательщины, приспособленчеством и черствой халтурой, которые являются одними из наиболее опасных разновидностей деятельности буржуазной агентуры в литературе.

Линия решительной и бескомпромиссной критики мелкобуржуазных шатаний и вместе с тем дружеской помощи в подлинной перестройке на пути сближения с пролетариатом — таковы должна быть линия пролетарского литературного движения по отношению к писателям, еще остающимся на сегодняшний день попутниками, но могущим приблизиться к позициям пролетариата.

С агентами буржуазии в количестве в литературу или с пролетарской литературой — так стоит вопрос перед каждым сегодняшним попутчиком.

Всякая попытка закрепиться на позициях прежнего этапа попутничества и игнорирование значения темпов и качества перестройки означает в условиях сегодняшнего дня форму давления буржуазной идеологии и могут привести к буржуазному перерождению.

4. Творческая дискуссия, развернувшаяся в ВССП перед всероссийской конференцией, выявляет уже основные линии творческого размежевания. Искусство, включенное в практику социалистической революции, как искусство для искусства, — искусство, основанное на объективном познании действительности—наш искусство, являющееся плодом освободной игры фантазии индивидуального субъекта, искусство—прием или искусство—«прием» — таковы полюсы творческого размежевания в ВССП.

Искусство социалистическое, вырастающее из пролетарского искусства, характеризуется—в противоположность основным тенденциям развития буржуазного искусства периода его упадка и загнивания (безидейность, интуитивизм, подчеркнутый субъективизм и пр.) все большим повышением уровня идейности и уничтожением принципиального разрыва науки и искусства при сохранении специфичности образного типа мышления. Известная часть попутничества (в том числе и некоторые попутчики, весьма близкие к советской литературе), обвеянная ношами и веяниями буржуазной идеологии, отстаивает тезис несовместимости искусства и социализма, принципиальность антагонизма между логическим и образным мышлением, рассматривает по-формалистски вопросы перестройки в отличие от ведущей роли мировоззрения, тем самым переключаясь с ликвидатора, на искусство «слепых» (типа Кушнера). Такие установки отражают давление буржуазной идеологии и непосредственно примыкают к реакционным высказываниям Замятина и Пильняка в сборнике «Как мы пишем». Эти установки представляют собой главную опасность в вопросах творческой дискуссии в ВССП и знают свою опору в теоретических устаревших идейно-разоруженных, но еще до конца не разоблаченных формализма и вороншины.

Одним из видов давления буржуазной идеологии на попутническую литературу нужно также признать буржуазно-демократическую фетишизацию техники, рассматривающую процессы технической реконструкции в отключении от социалистического характера этой реконструкции, рецидивы реминисцентно-формалистских тенденций деборинщины (бывшей в целом, хотя и ошибочной в своей основе, платформой части революционно-попутнической литературы на определенном этапе ее развития и т. д.

Совершенно закономерна постановка в центре творческой дискуссии вопросов мировоззрения и творческого метода как основных и решающих, от которых и нужно двигаться во всей совокупности вопросов жанра, стиля, статистики и т. д., ибо до сих пор во всем пирите и дискуссии не затрагивались. Именно проблемы мировоззрения и метода выдвигаются на первый план советским строем в ВССП, теоретическим высказыванием и творческой практикой которого, хотя и неравномерно, диалектически борются и его движения в сторону принципиальных установок пролетарского литературного движения.

За литературу, пронизанную знанием идеями социализма, являющуюся орудием практики социалистического строительства и стоящую на высоком художественном уровне, против всех и всяческих попыток ликвидировать искусство вра социализме или представить это искусство как прямое продолжение линии буржуазной литературы и специфики творчества, свойственной буржуазному искусству,—так определяются лозунги, реализуя которые писа-

тель-союзник будет переходить в ряды пролетарской литературы.

7. Исходя из этих общих положений и задач, пленум правления РАПП постановляет:

а) считать работу членов РАПП в ВССП на основе линии РАПП, политически ведущей и развернутой платформы большевизма, первоочередной и важнейшей работой. Привлечь к активному участию в различных областях работы ВССП ряда членов РАПП, до сих пор в ней работой не связанных. Устранить окончательную отсталость членов РАПП, работающих в руководящих отделах ВССП перед секретариатом РАПП.

б) Критикам, членам РАПП в своей критической работе руководиться основными положениями настоящего постановления. Отметить значительную активизацию рапповской конкретной критики, занимающейся вопросами попутнической литературы, при одновременной отсталости этой активизации (отсутствие как явно незначительное количество конкретно-критических статей о попутчиках и союзниках в ряде органов РАПП и в органе ФОСП «Красная новь»). В плане теоретической работы РАПП включить издание серии книг, посвященных истории и практике попутнически-союзнической литературы. Отметить, как малоценную, большей частью рапповской критики о попутчиках и союзниках, ее схематизм, отвлеченность, недостаточное понимание специфики искусства, измерение явлений искусства крупном культурно-политической позиции, отсутствие дифференцированного подхода к отдельным группам писателей и к отдельным писателям, неумение установить конкретные особенности, отличающие творческий путь каждого из них.

Усилить борьбу с право-эмиграционистскими извращениями в вопросах попутничества, наиболее ярко проявляющимися в настоящее время в выступлениях Вяч. Полонского и находящимся еще отражение и в части рапповской критики. Примиренческое отношение и классово-враждебным тенденциям в литературе, отсутствие активной поддержки советских писателей, отсутствие критики мелкобуржуазных колебаний и элементов мелкобуржуазной ограниченности в творчестве писателей-союзников и попутчиков, неумение определить подлинный маршрут их дальнейшего продвижения и сторону практики, движение формализма, вороншины, эмпрессионизма и пр.). Одновременно решительно осудить «левацкие» перебои, частые в практике критической работы и выражающиеся в администраторском, бюрократическом окрике, безответственных нападениях на писателей, близких пролетариату, изображении писателей-союзников или попутчиков, совершенно в пределах своей органической перестройки тут или иного отдельного писателя и т. д.

Наиболее яркие случаи как право-оппортунистических, так и «левацких» извращений линии РАПП в отношении попутничества и союзничества—должны особо отсекаться специальными постановлениями секретариата РАПП, основывающимся на дате и доводиться до сведения всей организации.

8) Борясь за продвижение попутчика и союзника на позиции пролетариата, РАПП в целом обязана усилить свою борьбу со всеми попытками классово-враждебных пролетариату сил в литературе использовать трибуну искусства для пропаганды своих идей (что например имело место в «хронике» А. Пантелеева «Впрок»), добиваясь полного разгрома этих сил.

г) Секретариатам РАПП и местным АПП разработать и провести ряд мер, направленных на активную писательскую-союзников и непримиримую работу организаций пролетарских писателей (учебе и производственных конференциях РАПП, организация ряда специальных собраний и совещаний формы привлечения писателей-союзников к работе в кружках рабочих-ударников, в более постоянному сотрудничеству в органах рапповской печати и пр.).

д) Усилить работу по перестройке ФОСП по ее превращению в организацию, помогающую укреплению социалистического отряда и переосмыслению попутчиков и вливанию борющихся с буржуазной литературой и буржуазными тенденциями в литературе. Развернуть через ФОСП работу по улучшению материально-бытового положения писателя. Считать в интересах время преодоления отказ от принципа федеративности, положенного в основу работы ФОСП.

е) Предложить всем АПП национальных республик и областей РСФСР поставить во всю широту вопрос о попутнической и союзнической литературе применительно к особенностям литературной обстановки данной национальной республики или области.

о первых итогах призыва ударников в литературу

резолюция по докладу В. КИРШОНА

1. Призыв ударников в пролетарскую литературу, организованный РАПП совместно с ВЦСПС, является одним из показателей громадного роста активности широких рабочих масс в обстановке развернутого по всему фронту социалистического наступления.

Выражая собой социалистическую тенденцию к стиранию грани между умственным и физическим трудом, призыв ударников в литературу обусловлен значительными успехами культурной революции, приобретающей под руководством партии все более широкий размах в нашей стране. Вместе с тем призыв ударников свидетельствует о начавшейся подлинной перестройке РАПП на пути ликвидации отставания от темпов социалистической реконструкции, об overбесчении к большевизации рядов пролетарской литературы, росте кадров писателей-ковша-тельства по сравнению с литературой предыдущих эпох.

2. Исходя практики РАПП констатирует, что уже сейчас, когда не прошло и года с момента объявления призыва ударников, количественно измеряемость даже организация (массовость движения, рост рабочего ядра до 50 проц.), повысилась роль массовых ячеек РАПП на предприятиях на основе их участия в борьбе за промфинплан, выдвинулись и укрепились ассоциацией кадры рабочих-ударников и т. п. Вместе с тем должны быть отмечены крупные недостатки в ходе призыва, выражающиеся в том, что в ряде мест недооценивалось значение призыва как одной из форм культурно-политической активности рабочего класса, слабо участвовали в этой работе профсоюзные и комсомольские организации, вся в целом РАПП еще недостаточно повернулась во всей своей деятельности лицом к ударнику. В частности до сих пор еще не изжита «боязливая» в отношении работницы-ударников и практикуется так называемый «отпускной» подход. Это особенно сказалось на том этапе призыва, когда встала задача закрепления призывников в литкружках и организации учебы. По ряду ассоциаций отсев превысил нормальные размеры (в Туле, напр., отсеялось 60 проц. призывников), что объясняется не только летними условиями, но прежде всего слабой организационной работой, недостаточной работой по подготовке руководителей литкружков, неумением организовать творческую помощь, отсутствием учебно-методических программ и пособий. Следует отдельно отметить, что отсев значительного количества призванных представляет собой нормальное явление, так как происходил за счет случайных элементов и движения зачислений. Цифры отсева, что в некоторых ассоциациях, в частности в наших областях, призыв ударников не был достаточно развернут, что свидетельствует о полном непонимании руководством этой всей важной задачи, поставленных партией перед пролетлитературой.

3. Для творчества ударников характерна стремление к действенной, обслуживающей боевые задачи класса литературе, к реализации генеральной темы пролетлитературы — показу передовиков класса, страдающего социализм, и рабочего коллектива в целом, показ роста коммунистического отношения к труду, целеустремленности труда на соцсоревнования и т. д. Произведения ударников в массе своей посвящены разрешению актуальных политических и хозяйственных задач, стоящих перед их предприятиями.

Одновременно в творческой продукции новорожденных на новой основе некоторые недостатки, свойственные первым этапам пролетлитературы, в ряд специфических болезней, свойственных новому поколению рабочих-писателей и обусловленных низким уровнем мировоззрения и культурного развития призванных рабочих-ударников. (Узость и ограниченность тематики, схематизм, элементы натурщины и созерцательности, некритическая учеба, подражательность и пр.). В отдельных произведениях сказывается классово-враждебные влияния, крайне низок уровень художественного качества. Это со всей остротой ставит вопрос о повышении культурного уровня рабочего писателя в борьбе за овладение марксистско-ленинским мировоззрением.

4. В основе творчества ударников подтверждается преемственность и правильность старых творческих лозунгов РАПП и подчеркивается необходимость усиления работы над передачей творческого опыта старых кадров пролетписателей призывникам.

Пленум правления констатирует, что подавляющее большинство вливающихся писателей-ударников за сих пор еще не включилось по-настоящему в творческую работу с кадрами рабочих кадрами РАПП. Поэтому считает усиление от работы с призывниками-ударниками опортунистической недооценки значения перестройки РАПП и ассоциации рабочего ядра пролетлитературы.

4. В качестве основной на данном этапе призыва ударников пленум выдвигает перед всеми АПП борьбу за творческий рост вовлеченных в кружки ударников, борьбу за повышение идейного и художественного уровня их продукции, за овладение диалектико-материалистическим творческим методом.

В основу работы с ударником должен быть положен индивидуальный подход к творчеству каждого. Организации должны перестроить свою работу вот лицом творческой помощи творческому кадру ударников, организуя по всех местных авторитетные консультации, творческие вечера, личные творческие дела ударников, позволяющие следить за их ростом.

Пленум отмечает совершенно неудовлетворительную постановку учебно-воспитательной работы с ударниками. Составленные в отрыве от практической работы ударников программы, не популярны и страдают литературщиной, так как фактуре преимущественно вопросы литературной политики. Вся учебно-воспитательная работа в дальнейшем должна способствовать усилению, наряду с литературными творческими вопросами, основ марксизма-ленинизма, философии, борьбы классов и т. д. Вся учебно-воспитательная работа должна проводиться на основе литературно-творческой практики ударников.

Одновременно должна продолжаться и стать системой работы низовых ячеек РАПП вербовка лучших ударников в литературу. Участие пролетписателей в создании истории гражданской войны и истории фабрик и заводов должно быть всемерно использовано для вовлечения в ряды РАПП старых кадровых рабочих и участников гражданской войны (это особенно важно, учитывая тот факт, что в составе призывников находится главным образом рабочая молодежь).

5. Пленум поручает секретариату РАПП обеспечить выполнение следующих задач, связанных с борьбой за творческий рост ударников, призванных в литературу.

Всем ассоциациям немедленно приступить к творческой работе ударников (организации творческого актива, проведение творческого смотра, создание творческих ядер ударников, издание сборников выявляющегося творческого ядра и отдельных оружия предприятий и т. д.):

а) поставить вопрос о создании сети вечерних литературных университетов, где бы литературная учеба сочеталась с общеобразовательной программой;

б) выработать новые программы для инструктов различных типов, учитывая неоднородный состав организаций, и организовать систематический выпуск брошюр для инструктов по темам программы (для журнал-учебник);

в) поставить вопрос о создании в Москве единого консультационного центра, установив повседневный контроль за качеством консультационной работы и организовать в краевых и областных АПП кабинеты ударников;

г) создать заочные курсы литературной учебы ударников;

д) для изучения лица организаций, дифференциация учебно-творческой работы и избежания проникновения в литкружки чуждых пролетлитературе элементов, местные АПП должны организовать изучение и проверку состава кружков.

6. Пленум подчеркивает, что решающим условием дальнейшего продвижения пролетарской литературы на пути к гегемонии, на пути к созданию большого искусства большевизма является помощь внимания всей организации к идейно-воспитательной работе с призывниками-ударниками. Пленум обязывает критические кадры РАПП и редакцию рапповских журналов обеспечить систематическую критику творчества ударников.

проект нового положения об авторском праве

на первом пленуме мосгоркома писателей

Лишь небольшая часть, сгруппировавшаяся вокруг Мосгоркома писателей, приняла участие в работе пленума. Литературщина, пассивизму все еще исключительно роль профессиональной организации, остались безучастными к пленуму. Весь интерес и внимание сосредоточились вокруг вопросов финансового и бытового положения, писатели проявляют весьма слабый интерес к профессиональной и массово-творческой работе Мосгоркома.

Первый день пленума был посвящен докладу представителя комитета по делам печати т. Гиршфельда — о новом положении об авторском праве.

Подробно останавливаясь на вопросах оплаты авторского труда, т. Гиршфельд заявляет, что Комитет по делам печати, прорабатывая эти вопросы совместно с массовой ФОСП, руководствовался постановлением ЦК партии, создание условий, стимулирующих писательский труд, исключающих произвол и уничтожающих уравниловку и в дифференциации оплаты авторского труда в полной зависимости от художественного и идеологического качества произведения.

Докладчик подчеркивает, что проект, представленный ОГИЗ и согласованный им без участия писательской общественности, предусматривал лишь хозяйственные интересы издательств, тогда как Комитет по делам печати внес значительные улучшения в новое положение об авторском праве. Но только частично устранило, что

общая сумма авторских расходов по изданию книги в десятки раз превышает сумму оплаты авторского гонорара, составляющего авторский расход по изданию.

По улучшению положения писателя указывают выступления, необходимые также бороться с безответственностью авторов, требовать от них современной сдачи материалов в редакцию и точного выполнения всех пунктов и сроков, предусмотренных договорами.

В широко развернувшихся прениях по докладу т. Гиршфельда выступавшие товарищи единодушно отмечали несомненные преимущества нового положения об авторском праве по сравнению с действовавшими до последнего времени законом 1928 года. Было внесено несколько конкретных предложений, в частности — по вопросу об оплате произведений национальных авторов, чьи рукописи переводятся на русский язык, по будущим мапрам на национальном языке и т. п., по вопросам утверждения оплаты детской драматургической продукции (тт. Акульшин и Соковский) и художественных произведений, используемых для учебников средней школы (т. Гвездин). Следует отметить также чрезвычайно интересное предложение т. Кирпотина (Центрдетский горсовет писателей и создание при горсоветах писателей ревизионно-оплатных комиссий, которые должны вы разрешением спорных вопросов о оплате авторского труда.

Второй день пленума был занят докладом представителей Сектората писателей тт. Вольпина и Ромова. Самый факт постановки на пленуме доклада ленинградских товарищей должен быть отмечен как положительное явление, свидетельствующее о готовности ленинградской и московской профессиональных организаций после работу в тесном единстве.

Выступавшие в прениях товарищи отметили деятельность докладчиков (т. Тихонова), отсутствие симпатии и слабую постановку культурной работы (т. Сейфуллиной), отсутствие единства и непрерывности в изучении и удовлетворении запросов читателя (т. Марсакий).

Выступивший затем т. Лившиц осветил в кратких чертах работу Мосгоркома писателей, подчеркнув, что работа в контакте с Ленгорклубом сможет предотвратить писательские профтравмы от некоторых ошибок и позволит путем постоянного обмена опытом поставить профсоюзную работу на должную высоту.

В заключение, между Московским и Ленинградским горклубом состоялось принципиальное соглашение о заключении договора на соцсоревнование. Точные условия и конкретные договоры будут выработаны в ближайшее время специальными комиссиями.

будем крепить крылья советов

построим самолет „ударник пролетарской литературы"

По инициативе литкружка фабрики «Динамо» секретариатом МАПП была открыта подписка на постройку самолета «Ударник пролетарской литературы». Литкружком фабрики «Динамо» и персонально В. Киршон, И. Боровой, А. Абальмасов, С. Фридланд и Т. Виленкин внесли различные суммы и издали другие литераторы и отдельные писатели последовать их примеру (см. № 47 «Литгазеты»). Однако до сих пор этот список остался без ответа. Подписка на постройку самолета может оказаться серьезной.

Редакция «Литературной газеты» предлагает массовому сектору Мосгорома писателей провести перекличку среди писателей на постройку самолета «Ударник пролетарской литературы».

всесоюзное совещание писательских профорганизаций

ЦК профсоюзов и печатников созывает в октябре всесоюзное совещание профессиональных организаций. Для подготовки к этому съезду происходят ряд предварительных совещаний писательских профорганизаций в крупнейших литературных центрах.

Состоялось совместное совещание московского и ленинградского отделов писателей, для ознакомления с профработой на местах. Мосгорком предполагает послать в Ленинградскую и на Северный Кавказ, а Ленгорком писателей—на Украину (Харьков, Киев).

Всесоюзное совещание ставит своей задачей перестройку и развитие работы профорганизаций писателей. На повестке дня совещания — доклад ФОСП о художественной литературе, доклад ОГИЗ о кадрах, доклады Мосгорома писателей об опыте организационно-творческой работы и доклад Ленгорома писателей об опыте социально-бытовой работы.

почему писатели в стороне?

работа по созданию „истории гражданской войны"

В РЕДАКЦИЮ ИГВ

Редакцией ИГВ разработана инструкция по собиранию и обработке материалов «Истории гражданской войны».

Для содействия редакции «Истории» гражданской войны» в областных, краевых и республиканских центрах будут созданы комиссии из представителей истпартов, обществ краеведения, ОблГИК, ОблОНО, крайкомов, нац. ЦК, отделений общества историков-марксистов, областных или республиканских архивов политсекторов РККА, комиссий по делам быв. красных партизан и красногвардейцев, ассоциаций пролетписателей в областных газет.

Задача комиссий осуществить руководство и помощь в работе низовых ячеек содействия изданию «Истории», организуемых при партколлективах фабрично-заводских предприятий, совхозов, колхозов, интеллигентский, архивов, музеев, учреждений и общественных организаций.

Комиссии организуют кабинеты и уголки по истории гражданской войны, консультационную помощь участникам гражданской войны, работникам архивов, музеев, учреждений и общественных организаций.

Инструкция отмечает, что «История гражданской войны» должна быть построена на точно проверенных фактах, что она должна дать полное и правдивое освещение событий 1917—1922 гг.

Комиссии должны собрать для редакции ИГВ всю имеющуюся большую научно-историческую и художественную литературу о гражданской войне—книги, сборники, статьи и воспоминания, напечатанные ранее отдельными изданиями или в периодических органах. В центральных и местных архивах и музеях должна немедленно начаться работа по выявлению и обработке документов, относящихся к гражданской войне. Для этой работы на места будут командированы авторы, работающие над «Историей».

Собирание и обработка материалов ИГВ будет проходить в ударном порядке, чтобы ее можно было закончить к 1 января 1932 г.

ПИСАТЕЛИ НЕ ПОМОГАЮТ В СОЗДАНИИ «ИСТОРИИ»

За первый месяц работы редакции «История гражданской войны» уже поступило несколько сотен рукописей. Основной кадр авторов—бывшие красные партизаны—участники гражданской войны. Присланный материал представляет в основном воспоминания об отдельных событиях и эпизодах гражданской войны. Материал рисует действия отдельных частей РККА и партизанских отрядов, действия белогвардейских банд, контрреволюционных частей, деятельность интервентов.

Просмотренные рукописи авторов-участников гражданской войны, показывают большое желание передать богатый фактический материал и помочь созданию «Истории», отвечающей действительности. В отношении литературной квалификации этот материал очень слаб.

Редакция ИГВ ждет помощи со стороны писательского актива и литорганизаций в литературной обработке присланных материалов, а также помощи наиболее авторам в создании произведений по «Истории гражданской войны». Между тем до сих пор как писатели, так и литорганизации как следует этой помощи редакции не оказывают.

*

Правление ОГИЗ, обсудив вопрос об издании «Истории гражданской войны», приняло на себя это издание и постановило организовать в системе ОГИЗ секретариат редакции ИГВ. Заведующим редакцией «Истории гражданской войны» утвержден И. М. Дзинилов.

А. М. ГОРЬКИЙ НА СОБРАНИИ УЧАСТНИКОВ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

В Центральном доме Красной армии 10 сентября было проведено совещание объединений всех землячеств—видных участников гражданской войны. В этом совещании принял участие Максим Горький.

На совещании были заслушаны доклады начальника музея РККА тов. Трофимова и председателя одного из землячеств т. Гаро, которые сообщили, как землячества предполагают принять участие в создании «Истории гражданской войны».

А. М. Горький в своем выступлении рассказал о значении издания ИГВ и о тех причинах, которые вызвали необходимость его издания и о практической работе, которая сейчас развертывается редакцией «Истории».

Совещание землячеств постановило обратиться ко всем участникам гражданской войны с призывом принять участие в разработке и составлении материалов гражданской войны.

КОМСОМОЛ ВКЛЮЧАЕТСЯ В РАБОТУ ПО СОЗДАНИЮ ИГВ

ЦК ВЛКСМ предложило всем комсомольским организациям немедленно приступить к популяризации решения ЦК ВКП(б) об издании «Истории гражданской войны» и принять активное участие в подготовке этого издания.

Участники большую роль, которую играл комсомол в гражданской войне, ЦК ВЛКСМ признал необходимым отразить во всех изданиях ИГВ участие комсомола и рабоче-крестьянской молодежи в гражданской войне и включить в план издания особую тему: «Комсомол в гражданской войне».

Секция юношеского движения Института Ленина поручено организовать сбор и обработку материалов, отражающих участие комсомола в гражданской войне. При секции создана группа содействия в помощь редакции ИГВ. Этой группе поручено привлечь к своей работе комсомольцев-участников гражданской войны. Аналогичные группы содействию созданию «Истории» будут организованы при местных комитетах и ячейках комсомола, которым предложено взять на учет бывших участников гражданской войны—комсомольцев и вечернюю молодежь для привлечения их к собиранию и записанию материалов по ИГВ.

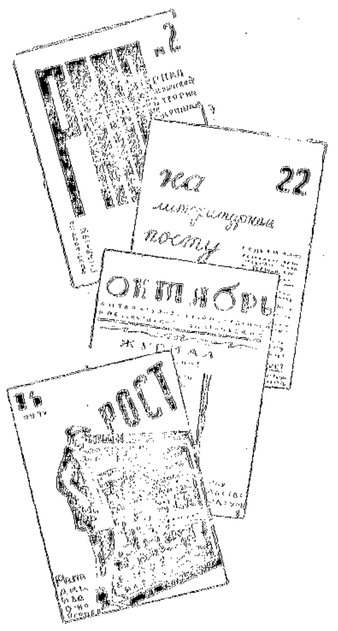
В музеях революции, домах культуры и на предприятиях организуются беседы по участию комсомола в гражданской войне.

ЦК комсомола предложил всем комсомольским газетам и журналам, помимо освещения задач издания ИГВ, организовать сбор материалов по «Истории гражданской войны» и участию в ней комсомола.

обзор печати

конкретная критика в рапповских журналах:

на литпосту, рапп, рост, октябрь



Пленум правления РАПП (февраль 1931 г.) в решении по докладу т. Авербаха «...считает необходимым, чтобы во времени Всероссийского с'езда пролетписателей специальные критические органы РАПП посвящали конкретной критике уже не менее половины всего печатающегося материала. Критические отделы художественных журналов должны быть преимущественно отведены под конкретную критику. Отмечая крайнее однообразие и бедность наиболее часто «практикуемых» критических «жанров», пленум предлагает наряду со статьями об отдельных писателях и произведениях вводить в широкую практику тематические и проблемные обзоры, читательские и писательские анкеты, коллективные отзывы и пр.».

Надо констатировать, что из четырех центральных органов РАПП—трем это решение выполняется пока неудовлетворительно.

Примером четкого проведения в жизнь лозунга «лицом к конкретной критике» является только «На литпосту». Журнал этот понял слова резолюции: «со времени Всероссийского с'езда пролетписателей» не формально. Результаты налицо. Уже в № 8 (март) до опубликования вышеприведенной резолюции, конкретная критика занимает 19 страниц из 45, т. е. около половины, в № 11 (апрель)—20 страниц, в № 18 (июнь)—24 страницы. В других номерах конкретная критика занимает меньше места, но все же является центральным узловым отделом, каким она и должна быть в массовом журнале марксистской критики. При этом отнюдь не страдают вопросы литературной политики, методологии, смежных искусств. Большое накопление удачного творческого опыта, делается опыт новообразующим рычагом, преобразующим и культуру, уделяется большое место иностранной пролетарской и революционной литературе. Вводятся новые «жанры»: обзоры журналов; проводится писательская анкета, дающая интересный материал как о старом и новом типе писателя, так и о творческой жизни современных писателей; помещен коллективный отзыв литгруппы, являющийся групповым обзором; наконец, статьи и рецензии нередко сопровождаются карикатурами и эпиграммами, усиливающими их действие. О ряде крупных произведений пролетлитературы помещено по нескольку статей.

По нераду с этим надо отметить, что журналом смазаны дискуссия о «Последнем из удэге» А. Фадеева: помещены две статьи, содержание—особенно второй—ряд неправильных положений, и на этом дискуссия оборвалась.

Необходимо указать и другие недостатки журнала: политический лицемер, снизивший такую большую положительную роль в истории нашей литературы, в этом году почему-то упразднен. Вместо него помещены короткие рецензионные «заметки», но и они скоро выпали. Определенно неудачна информация библиографического института. Рецензионные обзоры начали после пленума прекратились. По главной методической «На литпосту», как и всех критических журналов, состоит в том, что не налажена проверка исполнения. Вот два факта: в № 3 изымание легкой кавалерии ОГИЗ предлагался вопрос: почему ГИЗ и «Федерация» одновременно выпускают 15-томное собрание сочинений А. Толстого. В № 4 рецензент требует взять книгу С. Григорьева «Революция на рельсах». Но из дальнейших номеров журнала читатели не узнают о результатах этих требований.

При всех этих недостатках «На литпосту» все же показал себя действенным видом формы работы, передовым журналом, по которому должны равняться остальные рапповские журналы. К сожалению, они этого пока не делают. Возьмем для выявления номера «РАПП». Она содержит чрезвычайно ценные материалы и является несомненным достижением, знаменующим новый этап в развитии нашей теоретической мысли. Но... где конкретная критика? Она представлена в журнале очень ограниченным количеством статей.

«Рост» поместил ряд ценных материалов. Следует отметить подборки, посвященные поэтическому и театральному вещанию, (а очерковое почему обойдено?) и др. Но наряду с этим проявляется и слабость конкретной критики. Правда, еще в № 2 (январь) журнал поместил обзор молодежной литературы—тема актуальная и освещена хорошо. Но уже статья Лункарского о Достоевском и Гейне не может удовлетворить массового читателя. Статья Небаха о Фурманове содержит ряд интересных замечаний, но не претендует на характеристику творчества Фурманова. Ничего общего с марксизмом не имеет высокопарная статья Когана о Р. Роллане. Редакция оторвалась даже писательские с целью положений автора и этим ограничилась. Но «Рост» рассчитан на массового читателя, и для того чтобы этот читатель не принял на веру неправильные утверждения автора статьи, надо было дать тут же развернутую критику этого «ряда положений».

Сравнительно богат конкретной критикой № 7 (апрель). Здесь есть статья о «Последнем решительном», и о творчестве Иллеша, и статья Селивановского о помещенном тут же стихотворении Сурикова (к сожалению, за него получаем это единственный случай, когда вместе с произведением печатается его разбор). Но уже в № 8 мы находим только кропотливый обзор серии «На фронтах пятилетки» (заметка о Малюгином не дает анализа его творчества). В специальном горьковском номере (№ 9) нет ни одной статьи о творческом пути Горького, о «Климе Самгине». Зато есть только статья о Малыгине. Признаки перелома появляются в № 10 (май), когда вводится «страницы о литгруппах»—мероприятие, которое можно только приветствовать. В № 11 (июнь)— дала обстоятельная редакционная статья о Демьяне Бедном и рецензии на стихи Де-Хевеши-Сафи и на антологию М. Кольцова. Но в № 12 к новеллам Вальфа дана статья о его личности, а не о творчестве. В том же номере, помимо статьи Караваевой о том, как она работает, в новый ее рассказ (новидимому отрывок из «Бизня» или «Молинска»), редакция не догадалась дать здесь же статью о творчестве Караваевой или об ее последних произведениях.

Журнал прошел мимо таких принципиальной пролетлитературы, как «Трагедийная почта», «Хлеб» «Разбег». «Последний из Удэге» и др.

Перейдем именно к «Октябрю». На семи мат «моем только две конкретные критические статьи. Это статьи Авербаха о «Жизни Клима Самгина» и статья Малыгина о «Тихом Доне». Кроме того есть одна литпортрет—статья Шиллера о Верте, сопровождающая переводы стихов Верта (№ 1—5) и статьи Бакулева о болгарских революционных писателях, сопровождающая переводы болгарских поэтов. Эти сопроводительные статьи—хорошее начинание, но оно проводится журналом весьма робко: помещены статьи только о переводных статьях, да и то не о всех. Но вот библиографический отдел. Очень хорошо, что «Октябрь» вводит в широкое употребление «жанр» групповых обзоров. Но нельзя же ликвидировать как жанр рецензии об отдельных произведениях. В результате этого «перегиба» никакого освещения в журнале не получили книжки рабочих-ударников, не говоря уже о произведениях, печатавшихся в «Октябре» частично или полностью: «Рождение героя» Либединского, «Анфиса» Иллеша, «Последние из Удэге» фадеева, «Гавана» Караваевой, «Проба» Колосова и Герасимовой, «Большевикам доступны и весны» Луговского, «Самотрой» Медведского, «Разбег» Ставского, «Гнездо горит» Иллеша и др.

Таким образом в работе критического отдела «Октября» на лицо прорыв, скорейшая ликвидация которого должна быть делом чести для «Октября».

об'явление

Согласно постановления секретариата ФОСП и президиума горкома писателей выходные дни Федерации писателей, входящих в состав ФОСП, литературных организаций и горкома писателей переносятся, начиная с 13 сентября с. г. на вторые и седьмые числа. «Литературная газета» с октября месяца будет выходить по 2-м и 7-м числам.

темплан кинофабрики союзкино

Кинофабрики об'единения Союзкино подготавливают темплан с выделением группы ведущих фильм, которым будет уделено особое внимание. В числе этих ведущих фильм намечаются следующие: «Брезиль», «Смольный», «Последняя русская царица» (по книге Балаева «Большевики в государственной думе»), «Разбойник из Багдада», «Ставка Николай II», «Пересыльный лагерь», «Отрыв», «Вулкан». По целому ряду этих фильм заключены уже договоры и пишутся сценарии.

успех советского фильма в америке

В Нью-Йоркском театре Камео демонстрируется с большим успехом советский фильм «Закон гор».

Печать отмечает появление этого фильма многочисленными рецензиями, в которых действие режиссера и фотографии об'являются первоклассными. Фильм идет под учетом аншлаг.

гастроли театра пролеткульта

1-й Рабочий театр Московского пролеткульта в гастрольной поездке по маршруту Харьков—Запорожье-Каменское, Днепропетровск и Одесса провел большую массовую культурно-политическую работу. Концертная работа на местном материале.

Бригадой театра обслужены целый ряд заводов: в Харькове — Харьковский тракторный, паровозостроительный, электромеханический, в Запорожье-Каменском — металлургический им. Ф. Дзержинского, в Днепропетровске — металлургический им. Петровского, в Одессе — судостроительный им. Марти, сельмашстрой им. Октябрьской революции.

Коллектив театра ударники металлургического завода имени Ф. Дзержинского вручили красное знамя.

бригада камерного театр в цчо

Бригада Камерного театра в составе 12 человек под руководством режиссера С. А. Марголина, выделенная для работы по хлебозаготовочной кампании в ЦЧО, возвратилась в Москву.

В течение месячного срока бригада обслужила 43 колхоза, 3 совхоза и одиннадцать единоличников Грайворонского и Хворостянского районов.

В 18 разных пунктах было дано 21 спектакль — пьесы «Поповоръ» Фабрики и 20 концертов.

указания „литгазеты" в действии

В № 34 от 25 июня «Литгазета» дала обзор печати литстраниц «Ореховой правды», указав на совершенно неудовлетворительную работу Орловской АПП.

В статье работника ОрлАПП М. Кореева в «Орловской правде» сообщается.

«Актив ОрлАПП, проработав своевременные указания «Литгазеты», решил перестроиться... ОрлАПП со всей энергией должна взяться за реализацию этой установки (цитата из обзора «Литгазеты»).

На днях ОрлАПП созывает широкое литературное совещание. В нем должны принять участие представители профорганизаций печатных заводских газет, рабкоры-ударники..." и т. д.

«Литературная газета» ждет от Орловской АПП—конкретной реализации решений ОрлАПП о перестройке работы.

нам пишут

* Энциклопедия, являющаяся справочником и высшим авторитетом для читателя, должна быть тщательно проверенной и давать действительно научный материал. Литература зачастую допустила целый ряд ошибок и промахов, прежде мелких, но тем не менее существенных. Так например: в статье XVIII века Некрасова звали не Ефимом, а Ефимьей. Неправильно отчество критика Измайлова, равно как и дата его первого произведения (не 1796, а 1795 г.). Неправильны названия критика Крамер-Фельда. Приписана Белинскому книга под названием «Среди литературы и учебных», которая является работой Б. Глинского.

Минск. Б. СИНЬКО

* Орган Ленинградского облгорфронта журнал «Ударник» ведет большую воспитательную работу среди рабочих и ударников ленинградских предприятий. Журнал умело, что об во-время поднимает и мобилизует внимание читателя к вопросам сегодняшнего дня и дает место творчеству рабочих-ленинградцев в литературе. Сильным местом журнала является его критический отдел. В лучшем случае дается краткий пересказ набранной книги с указаниями, следует или не следует ее читать. Руководству критической страницей следует подумать о повышении качества работы.

Ленинград. Г. Ф.

извещения

* 15 сентября — 17 ч. 30 м. — в помещении редакции журнала «Молодая гвардия» (б. Чернышевский пер. 6) — очередное совещание творческого актива Сокольнического районного МАПП.

* 15 сентября — 18 ч. — в клубе ФОСП состоится МАПП созывает экстренное собрание всего писательского актива МАПП. 1. Обсуждение писателей об их работе по подготовке первой пятилетки. 2. Обсуждение вмешательства в МАПП творческой продукции по показу лучших. Выступления тт. Зелка, Кириленко, Плавтинкин, Жига Гладков, Лункин, Колосов, Чуркин и Богданов, Гидаш, Уткин, Алтаузен, Б. Иллеш и В. Герасимова Ремизов, Тарасов - Родионов, К. Миндек, М. Алексеев, М. Светлов Багрицкий, Кудрейко, Сикорский. Присутствовать тт. Панферов, Ильенков, Исбах, Юрий Тарин, Таманцев, Луговской, Шишков, Шагинян, Ольдерогге, Виноград, Медведев, Мария Белкиевский В. Лемке, Бронштейн, Сельвинский, Поляк, Ермилов.

* 16 сентября — 18 ч. — в клубе ФОСП — собрание критической бригады МОСПОКАФ.

* 17 сентября — 19 ч. — в «Новой кузнице» — очередное литобследование. Доклад т. Москвина «Композиция рассказа».

* 19 сентября — 19 ч. — в клубе ФОСП — критический сектор ФОСП организует доклад М. Кольцова о поездке героев социалистического труда.

* 23 сентября — 18 ч. 30 м. — в клубе ФОСП — общесоюзный актив МАПП. Доклад т. Ермилова об итогах пленума РАПП.

* Заседания секретариата ФОСП (проводящие 4, 14 и 24 каждого месяца), — закрытые. Представители писательского актива приглашаются принимать деловое участие в работах секретариата.

ЧУ ПРАВДЕ?

В «Литгазете» от 5 сентября в отчете о прениях по докладам Сазонова и Малахова приводится в Ленинграде напечатано:

«Если теперь Штейнману, если другие поэты полностью разоблачены и разоружены, декларация действительно не нужна» следует читать так:

«Можно ли теперь Штейнману это правые почти полностью разоблачены, что декларация действительно не нужна? Нет, это далеко не так».

Ответственный редактор: С. ДИНАМОВ.

РЕДКОЛЛЕГИЯ: Н. Асеев, С. Динамов, И. Жига, Л. Ильинский И. Катаев, Г. Коренев, Н. Огнев, А. Селивановский, И. Сельвинский, М. Слонимский.

ИЗДАТЕЛЬ: Журнально-газетное об'единение («Огонек»).

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ФЕДЕРАЦИЯ"
ВЫШЕЛ ИЗ ПЕЧАТИ
ВОСЬМОЙ НОМЕР
„ЛОКАФ"
ежемесячного литературно-художественного журнала Литературного об'единения Красной армии и флота

В номере:

Ден СЛАВИН—«История одного стрелка» (рассказ). Л. ЛЕЙТЕЙЗЕН—«Кочубей» (из романа «Шагают массовики»). Фр. БАЙСКОЙФ «Вчера и завтра» (главы из романа). Э. МЕЛОВ и Б. ЛАЗИН—«Походная» (стихи). Павел ДЫБА—«Стахэ» (очерк). РАВНЕНИЕ НА ЛУЧШИХ: С. ВАНЮШЕВ—«Адмирал». П. ЧЕРЕМЫСИН—«Винтовка». Н. СИНЕЛЬНИКОВ—«Из записной книжки». НА ФРОНТАХ ЛИТЕРАТУРЫ: Мих. БЕККЕР—«За обычную лояльную позицию». ТРИБУНА ЛОКАФ: В. ЛУГОВСКОЙ—«Современность и писатель». БИБЛИОГРАФИЯ: Ф. ЭВОЛЬДИН—«Пока горит Вена» В. Алексеев, А. БУБНОВ—«В дому в огне» В. ЛЕБЕДЕВ—«Белогвардейщина». ХРОНИКА ЛОКАФ: Разворачиваем агитационную работу на местах. Обращение ПС ЛОКАФ.

Условия подписки: на год — 12 руб., на 3/4 года — 7 руб., цена отдельного номера—1 руб. 25 коп.

Подписка принимается во всех почтовых отделениях: на весь 1931 г. (комплектом, начиная с № 1), на 2-е полугодие (начиная с № 7).

Адрес редакции: Москва, ул. Воровского, 52, клуб ФОСП им. М. Горького.

ЗА создание большого искусства большевизма.
ЗА сплочение всех революционных сил на фронте литературы.
ЗА осуществление гегемонии пролетарской литературы.
ЗА новые кадры, приходящие в литературу из недр рабочего класса и колхозного крестьянства.
ЗА преодоление литературой отставания от напряжения социальной действительности.
ЗА интернациональную связь советских писателей всех наций СССР с революционными писателями мира.
ЗА литературу, крепящую оборону СССР.

БОРЕТСЯ
ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА
орган Федерации об'единений советских писателей
ВЫХОДИТ РАЗ В ПЯТИДНЕВКУ
Цена номера 5 коп.

Подписная цена: 3 м.—3 р. 50 к., 6 м.—7 р. 75 к., 9 м.—10 р. 50 к.

Подписку сдавайте только почте

Подписка принимается до определенного срока, указанного номер, местной почтой. О его выходе до дня переподписки на следующий месяц.

Журн.-газетное об'един. („Огонек")

УДАРНИКАМ, призванным в литературу, показывающим страницы великой героической стройки социализма в нашей стране нужна документальная фотография. Вспомните блестящие выразительные фотоснимки, сделанные писателем С. Третьяковым к очерку „Сознания жизнь". Каждый писатель, поэт, очеркист, удачник, призванный в литературу, должен изучить технику фотографии, научиться владеть фотоаппаратом. Как снимать, чтобы фото были действенны, политически и художественно насыщены? На эти вопросы дает ответ

„ФОТОКОР"
новая массовая ежедневная газета — орган Союзфото и ОЗПКФ
ОТКРЫТ ПРИЕМ ПОДПИСКИ С СЕНТЯБРЯ МЕСЯЦА
Приложение „Библиотека Фотокора" (3 книжки в месяц)
ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:
газ. „Фотокор" — 12 м.—3 р. 50 к., 6 мес. — 1 р. 75 к., 3 мес. — 90 к.
Газ. „Фотокор" с приложением библиотеки „Фотокора" 12 м. — 12 руб., 6 м. 6 руб., 3 мес. — 3 руб.
Подписка принимается исключительно почтой и письмоносцами
Цена отдельного номера газеты—10 коп.
ТРЕБУЙТЕ ВО ВСЕХ КИОСКАХ И У ГАЗЕТЧИКОВ
Журнально-газетное об'единение „Огонек")

РАПП и ИНСТИТУТ ЛИТЕРАТУРЫ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ
ВЫПУСКАЮТ НОВОЕ ИЗДАНИЕ
„ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО"
Под редакцией Д. АВЕРБАХА, И. ГИППОЛИТА и Ф. РАСКОЛЬНИКОВА

«ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО» — исходит в своей работе из ленинского указания о необходимости критического пересмотра и переработки культурного наследства прошлого. «Л. Н.» разрабатывает с марксистско-ленинских позиций под углом зрения современности узловые вопросы истории русской общественной мысли, истории литературы и истории журналистики.

«ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО» — публикует неизданные материалы и документы по истории литературы и истории общественной мысли. Особое внимание «Л. Н.» уделяет разысканиям и публикациям неизданного и забытого литературно-печатного наследия классиков марксизма. В центре внимания будут стоять публикации материалов и документов, относящихся к истории и предыстории пролетарской литературы.

«ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО» — впервые в литературе ставит задачу систематической и плановой разработки истории пролетарской печати, причем внимание «Л. Н.» будет уделено на условиях грядущей большевистской журналистике и изучению роли Ленина как редактора.

«ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО» — имеют отдел критических обзоров, которые будут знакомить читателя со всеми литературными новинками, относящимися к кругу вопросов, разрабатываемых нашим изданием. Особое внимание будет уделено анализу немарксистского наследия прошлого, в настоящее время выпускаемого. Для обзоров систематически будут привлекаться историко-литературные издания Союзных республик, а также Запада и Америки.

Издание богато иллюстрировано

Объем каждой книги 300 страниц

Подписная цена 7 р. 56 к. на 3 книги, цена отдельного номера в розничной продаже—2 р. 75 к.

Подписка принимается почтой и письмоносцами

Редакцией «Л. Н.» и журн.-газ. об'един. (ОГИЗ) (Москва 6, Страстной бульвар 11) принимаются заявки на высылку 3 выпусков наложенным платежом за 7 р. 50 к. Пересылка за счет издательства

ЖУРН.-ГАЗЕТНОЕ ОБ'ЕДИНЕНИЕ («ОГОНЕК»)

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ БОЕВОЙ ПЕЧАТИ

ЖУРНАЛИСТ

Выходит пятые 10 дней
Приложение — библиотека „Журналиста" стр. 4 печатных в год

«Журналист» освещает текущую работу печати, дает руководящие обзоры газет, организует обмен ценным опытом газетной работы. Печатает статьи по истории, теории, технике печати. Сообщает новости полиграфии и печати за границей

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:
1 мес.—6 р. 50 к., 6 мес.—3 р. 50 к., 3 мес.—2 р.
С приложением библиотеки: 12 мес.—10 р., 6 мес.—5 р. 50 к., 3 мес.—2 р. 75 к.
(с библиотекой подписка прин. только пожизненно)

Подписку принимает только почта. Сдавайте подписку заблаговременно до следующего срока, установленного местной почтой
ЖУРНАЛЬНО-ГАЗЕТ. ОБ'ЕД. ОГИЗ. «ОГОНЕК»

ЧИТАЙТЕ „Литературную газету"

ПРИЕМ ОБ'ЯВЛЕНИЙ В „ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ" ПО ТЕЛЕФОНУ № 1-43-96

ТРЕБУЕТСЯ „КОЛОКОЛ" — ГЕРЦЕНА и др. заграничные изд. того времени, прошу сообщить комплекты, отд. №№ по ней сохранности, Москва, Красная пл., 17, кв. 13, С. Л. Штейн. тел. 1-34-9

РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ при ОГИЗе (Москва)

с 5 сентября с. г. об'являет прием на заочный сектор на отделения:

1) общественно-политической редактуры;
2) редактуры художественной и детской литературы и критики.
3) издательское.

Заочный сектор готовит специалистов по учебным планам и программам РИИН. Лица, окончившие заочный сектор получают право и диплом и приравниваются по своим правам к лицам, окончившим стационарный РИИН.

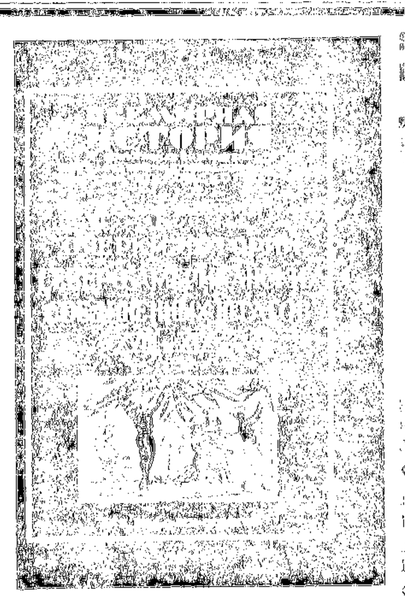
На отделение общественно-политической редактуры принимаются исключительно члены ВКП(б) с трехлетним стажем. На остальные отделения преимущественным правом зачисления пользуются члены ВКП(б) и ВЛКСМ, рабочие-ударники призванные в литературу, члены пролетарско-колхозных писательских организаций и рабочих редакционно-издательского дела (по командировке) не моложе 18 лет.

Подробные правила приема в институт высылаются по первому требованию с приложением двух 15 коп. марок.

АДРЕС: Москва, Мясницкая ул., 21/5. Редакционно-издательский институт при ОГИЗе, заочный сектор.

Секретарь РИИН

ПОПУЛЯРНАЯ ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ БИБЛИОТЕКА
„ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ"
Под общим руководством Е. В. ТАРЛЕ



Заканчивается печатанием и на днях будет разослана подписчикам книга № 3

Е. О. ЗАСТАВСКИЙ
„Очерки истории Северо-Американских Соединенных Штатов XVIII и XIX вв."
В книге 227 стр. + 45 иллюстраций.

Намечаются печатанием и в ближайшее время выйдут в свет следующие книги:

№ 4—Н. М. НАКУЛЬ и В. Ф. СЕМЕНОВ
«Ранние буржуазные революции».

Н. М. НАКУЛЬ—«Нидерландская революция XVI в.».
В. Ф. СЕМЕНОВ—«Великая английская революция».

№ 5—6 Б. В. ГРАВЕ, М. К. ПЕЧЕНКИНА, А. М. ПАНКРАТОВА, Б. Б. СИДОРОВ и М. С. ЮГОВ
«Очерки истории пролетариата СССР».

Подписчикам на «Всем. ист.», не внесшим очередного взноса к 1 сентября по «Книжку» — 3 р. «Огонек»—техника»—4 р. и «Борьба классов»—3 р. 50 к., во избежание прекращения высылки изданий, надлежит немедленно внести просроченный взнос. Впредь же очередные взносы также просим вносить почтовым переводом.

Журн.-газетное об'единение («ОГОНЕК»)

Уполн. Главлита В 4871.

Типография (39) им. «Мосполиграф», пр. им. Сверчкова-Столыпина, д. 3.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

орган федерации объединений советских писателей ссср

МОСКВА, 20 сентября 1931 г. № 51 (160)

РЕДАКЦИЯ:
Москва, Тверской б. 25, Дом Герцена. Телефон 2-80-12.

ИЗДАТЕЛЬСТВО:
Журнально-газетное об'единение («Огонек»): Москва, 6, Страстной б. 11. Телефон 5-51-69.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА:
На 12 м. 3 р. 50 коп.
На 6 м. 1 р. 75 к.
На 3 м. - р. 90 к.

долой террор буржуазии!

ко всей трудящейся интеллигенции мира

МОРП уже не раз мобилизовал широкое общественное мнение в защиту жертв белого террора и буржуазного классового правосудия. Протест писателей всего мира, организованный МОРП, освободил из тюрьмы латышского писателя-революционера Линарда Лайцена, открыл дверь дофтанской тюрьмы перед румынским пролетарским писателем Мозешом Кахана, освободил из-под ареста венгерского революционного писателя Аладара Тамаши и предотвратил процесс, которым немецкая буржуазия хотела закрыть рот выдающемуся пролетписателю Германии Иоганнесу Бехеру.

Сегодня уже не против того или другого единичного факта преследования революционного писателя необходимо мобилизовать общественное мнение, но против сверхсистемы преследований революционных писателей во всех капиталистических и колониальных странах.

Углубление экономического кризиса, неразрывно связанного с самой капиталистической системой, и рост революционного движения масс способствуют росту пролетарской литературы в капиталистических странах, ее значения как оружия классовой борьбы. И это заставляет мировую буржуазию с особенным остервенением преследовать представителей этой литературы и стремиться к их физическому истреблению.

Невозможно перечислить все отдельные случаи кровавых расправ с революционными писателями в гоминдановском Китае, где палачи Чан Кай-ши, путем массовых убийств, надеются уничтожить пролетарскую литературу. Единственный путь оказания реальной помощи истязаемым китайским писателям-революционерам, — мобилизовать широкое общественное мнение для борьбы против правительств тех империалистических держав, которые поддерживают и финансируют кровавую власть гоминдановских палачей.

Не лучше положение революционных писателей и в Палестине, Египте, Индо-Китае, Индии.

В центре цивилизованной Европы, в Германии, господствует широкая система последовательного уничтожения революционной литературы, пролетарской печати и всех представителей революционной мысли. Общеизвестен факт конфискации романов пролетарских писателей Мархлицы и Нейкранца, рисовавших роль социал-демократии в борьбе против революционного пролетариата Германии; известно, что с.-д. президент и полиция закрыли почти все пролетарские газеты Германии, но не всем известно, какими грубыми методами борется немецкая буржуазия со всеми теми революционными умами, которые протестуют против ее произвола и разоблачают ее бесчинства.

Когда Иоганнес Р. Бехер выступил с протестом против кампании подогретых, устарелых клевет против СССР, проводимой радиообществом «Немецкая волна», ему запретили раз навсегда говорить по радио на территории Германии. Когда новые писатели и лучшие представители немецкой трудовой интеллигенции собрались в закрытом помещении, чтобы протестовать против антисоветской кампании «Немецкой волны» и против мер, принятых в отношении Иоганнеса Бехера, собрание это было разогнано полицией, ворвавшейся в помещение. Комитет борьбы за свободу литературы заявляет, что специальные декреты, издаваемые правительством, используются социал-демократией для невиданных до сих пор преследований революционной печати и революционной литературы.

В ноябре прошлого года Международная конференция революционных писателей, собравшаяся в Харькове, призвала писателей мира к борьбе против польского фашизма, разоблачая перед всем миром бесчинства режима Пилсудского, как в оккупированных землях Западной Украины, так и Западной Белоруссии. Не так давно общественное мнение всего мира было потрясено новыми сообщениями из Польши о так называемом умиротворении Западной Украины, а вслед за тем о зверских пытках, которым подвергали в Луцке арестованных рабочих и крестьян, в числе которых находились пролетписатели Западной Украины. Сейчас опять доходят до нас вести, относящиеся уже не к отдельным лицам, а к тысячам политических заключенных, заполняющих тюрьмы Польши. Лучшие представители рабочего класса, крестьянства и интеллигенции не только поляки, но и украинцы, белоруссы, евреи, а также представители всех прочих угнетаемых в Польше народностей, люди, единственным преступлением которых является борьба за новый мировой порядок, борьба с капитализмом, фашизмом и угрозой империалистической войны, борьба и защиту первого в мире социалистического государства — стоят под угрозой физического истребления.

Правительство маршала Пилсудского полностью осуществило изданный еще в 1928 г. фашистский тюремный устав, приравнивающий политических заключенных к уголовным. Те права, которые кровью поколений завоевали себе политические заключенные еще в царские времена, права, нарушать которые не осмеливался даже царизм,—отменяются сейчас фашистским правительством, состоящим в большинстве из бывших социалистов, апеллировавших некогда и сочувствию международного пролетариата и культурных верхов. Ежедневно мы получаем сообщения из всех польских тюрем (из Пшемышля, Лодзи, Седлеца, Петрикова, Пинска, Фордона, Вильны и т. д.) о принудительном введении одежды уголовных, об отмене прогулок и права на передачи продовольствия, об избиениях и измывательствах над заключенными, о размещении их в камерах для уголовных, которые играют роль палачей в руках тюремной администрации.

Завершением этой системы является факт введения в последнее время военно-полевых судов, что равняется введению во всей стране военного положения. За малейшее проявление протеста против варварских продолок фашизма, против подготовки войны, за участие в демонстрации протеста против безработицы, растяжимый декрет о военно-полевых судах угрожает 10—15-годами каторги или расстрелом. В последнее время арестована и брошена в тюрьму группа польских пролетарских писателей, тт. Броневский, Ват, Гомпель, Сталэр, за то, что писатели эти осмелились протестовать в открытом письме против зверских истязаний политических заключенных. По донесениям польской печати, пролетарские писатели в силу нового декрета будут поставлены перед полевым судом. Правительство Пилсудского, перед лицом катастрофического кризиса и роста революционного движения, не останавливается ни перед какими мерами.

В Эстонии брошен в тюрьму крупный пролетарский писатель т. Иоганн Лауристин, отбывший только-что 8 лет тюремного заключения в казематах эстонской буржуазии. Тов. Лауристин, редактор журнала «Юный пролетарий», арестованный в 1923 г., присужден был в 1924 г. к семи годам каторги по измышленному обвинению, единственным «вещественным доказательством» которого было подложное письмо, найденное будто бы в кармане члена ЦК КП Эстонии, тов. Креуиса, убитого охранкой. Отбыв свой срок заключения, тов. Лауристин всего неделю находился на свободе и был вторично брошен в тюрьму по новому провокационному обвинению, на основе нового подложного письма. Эстонская буржуазия мстит т. Лауристину как непримиримому революционному борцу и пытается сломать его физически, ибо нет сомнения, что после 8-летнего пребывания в тюрьме, осужденный на новые 12—15 лет тюремного заключения, т. Лауристин не выйдет живым из пут эстонских палачей.

Только массовый решительный протест всех писателей мира может повлиять на исход, назначенного в ближайшее время процесса.

В Финляндии среди сотен политических заключенных сидят семь писателей: Отто Ойнонси, Рудольф Парвиайнен, Арман Эйкие, Каарло Валли, Тату Вяярайнен, Антти Тимонси и Анни Сувино. Главным преступлением этих революционных писателей было их выступление против подготовки империалистической войны против СССР.

В Чехо-Словакии арестован пролетарский писатель Фучик.

Из Испании был выслан австрийский пролетарский писатель Эрих Фрейдман.

Из Австрии был выслан пролетарский писатель Иосиф Бейзер.

Все эти факты и тысячи других, которые перечислить здесь нет возможности, являются составными звеньями единого организованного похода мировой буржуазии против революционной литературы и революционной печати. Поход против пролетарской литературы является, в свою очередь, составной частью похода международным буржуазии против пролетариата, составной частью подготовки войны против Советского союза, одним из средств обеспечить себе тыл.

Пролетарские и революционные писатели, обороняйтесь! Всеми средствами разоблачайте настоящую причину наступления против вас буржуазии, стремящейся сбросить тяжесть кризиса на спины пролетариата и ищущей выхода из кризиса в готовящейся войне против Советского союза. Организуйте широкое общественное мнение для отпора наступлению буржуазии!

Писатели, журналисты, художники, сочувствующие революционному пролетариату, не солидаризирующиеся с бесчинствами мировой буржуазии, примите активное участие в этой борьбе.

Наша борьба — составное звено в борьбе мирового пролетариата против подготовки империалистической войны с Союзом советских республик, за первое в мире социалистическое государство, за освобождение трудящихся и эксплоатируемых всего мира, за освобождение угнетенных народов.

СЕКРЕТАРИАТ МЕЖДУНАРОДНОГО ОБ'ЕДИНЕНИЯ РЕВОЛЮЦИОННЫХ ПИСАТЕЛЕЙ

радио на службу пятилетке

основное звено перестройки художественного вещания

Двухдекадник смотра и помощи радио (продленный сейчас до 1 октября) вызвал большую волну общественно-политической активности вокруг радиовещания во всем Советском союзе.

Наиболее существенная задача, которая стоит перед литературными организациями, в первую очередь перед всей рапповской периферией, в связи с двухдекадником,—это оказать реальную помощь в перестройке художественного вещания, возглавить борьбу за переключение его на рельсы пролетарской идеологии.

Сейчас происходит коренной перелом в системе руководства радиовещанием, в том числе и художественным. Создание комитета радиовещания, объединение руководящих в секторах центрального вещания и в ряде местных радиоцентров, разворачивание самокритики работников, изучение ряда реакционных оппортунистических теорий, производившихся прежним руководством радиовещания, и т. п. — все это создает достаточные предпосылки для большевистской реконструкции всей радиоработы, для подтягивания радиовещания на уровень и требованиями периода большевистского наступления.

И для центрального радиовещания, и для мест основными практическими путями большевистской перестройки в художественной работе являются установки, выдвинутые практикой работы Ассоциации работников революционного радиофронта и практикой литературно-художественного вещания.

Организация производственной работы художественного вещания до прямую бригады как первичной производственной ячейки в полном закреплением обязанных и хозрасчетных методов работы, построение сетки радиопередач с учетом запросов массового рабочего колхозного слушателя; развертывание широкой работы по пропаганде культурного слушания радиопередач; массовая работа с радиослушателем; повседневная проверка качества радиовещания путем органической связи редакций с движением рабкоров-рецензентов; развертывание мощного движения радиобригад, организующих и обслуживающих низовое радиовещание; борьба за пролетарские творческие кадры в художественном радиовещании; борьба за создание марксистско-ленинской теории радиовещания, за пролетарский творческий метод —все эти установки и являются практическими путями создания пролетарского радиоискусства.

Ассоциация работников революционного радиофронта организует сейчас в системе ОДР сетку радиовещания, поворачивая тем самым ОДР лицом к вопросам радиовещания. В дальнейшем Общество друзей радио, охватывая массовую рабочую-рецензентов, движение радиобригад, организуя актив вокруг каждого радиоузла и радиоточки, должно стать основным каналом участия широкой пролетарской общественности в перестройке радиовещания.

Для разработки ряда творческих и теоретических вопросов, связанных с задачами перестройки художественного вещания, в конце сентября созывается производственное совещание АРФ. Оно займется, главным образом, вопросами производственного плана художественного вещания на 1932 год в Москве и на местах, вперые широко проработает положение студийной техники и ее перспективы и проблему дальновидения, обсудит задачи теоретической работы в радиовещании, формы и методы развертывания творческой дискуссии и критической критики вокруг творческих документов художественных радиопередач, в первую очередь литературных. Ведь именно они, эти передачи, дают основной творческий опыт и являются ведущим звеном перестройки всего художественного вещания, превращения его в пролетарское радиоискусство.

И. ЗАЙЦЕВ

пролетарскому радиоискусству почетное место у микрофона

выкорчевать корни оппортунизма из художественного радиовещания

Каковы пути перестройки художественного радиовещания? На эту тему Центральный штаб массового двухдекадника смотра радио организовал 17 сентября диспут, транслировавшийся по радио. В диспуте приняли участие представители РАПП, ВАПМ, Ассоциации работников революционного радиофронта, ОДР, советской печати и рабочей общественности.

Представители штаба смотра радио и художественного сектора Радиоцентра тт. Перельман и Гельперин во вступительном слове отметили общее отставание художественного вещания от задач, поставленных партией и советской властью. В связи с этим ЦК партии решил организовать при Наркомпочтеле самостоятельный комитет по радиовещанию под председательством Ф. Я. Кона.

А. Сурков в своем докладе охарактеризовал положение, в котором находилось художественное радиовещание при старом руководстве, и новые задачи, стоящие перед радиоискусством.

Практика художественного радиовещания показала всю безответственность людей, руководивших этой важной отраслью искусства. У старого руководства не было четкости в определении задач художественного вещания. Ряд работников радио даже не пытался разобраться в том, что является настоящей пролетарской линией в искусстве.

Работник Радиоцентра Ланцицкий, и по сей день руководящий научно-теоретической работой в области радиоискусства, пропагандирует реакционные теории.

— Искусство есть товар (!), и как всякий товар—продажный, а по тому, надо равняться за вкусы потребителя (то бишь, мещанина—А. К.),—заявил, примерно, «теоретические» высказывания Ланцицкого.

Лопанов, руководящий оперной частью в радио, говорил, что линия партии в области музыки—это курс... на мелодическую музыку.

Вместо того чтобы привлекать к работе в радио пролетарских музыкантов, руководители художественного сектора строили свою работу на принципах конкуренции в музыке и терпели антисоветских работников, лишь бы только они были советски настроены».

Т. Сурков привел примеры, доказывающие, что в оперной и музыкально-декламационной грубые художественного сектора была установка на развлекательность, на старую пошлятину музыку.

В цикле исторических музыкальных передач радиослушатель преподносилось такие перлы, как «Революция нарских тонов в творчестве Римского-Корсакова». К старому содержанию опер бесцеремонно привинчивались советские ярлыки.

И такие люди годами держались на руководящей работе и определяли политическую линию художественного вещания. Эти люди не были связаны с пролетарской общественностью и даже боролись с ней, не учитывали запросов миллионов радиослушателей.

Единственно светлым пятном на общем темном фоне художественного вещания была литературная часть, потому что здесь был стык с пролетарской общественностью.

В январе рапповский журнал «Рост» начал критику постановки художественного вещания. Эта критика начала широкое отражение и на страницах центральной печати.

Старое руководство художественного радиовещания не признало своих ошибок и безусловно выступило с дикими обвинениями на страницах радиожурнала «Говорит Москва», против работников РАПМ и других работников пролетарского искусства.

Теперь пролетарская общественность должна взяться за искоренение позорных явлений в радио. Надо оказать практическое содействие перестройке художественного радиовещания, обеспечить творческую атмосферу и самокритику в рядах работников художественного сектора.

Секретарь Ассоциации работников революционного радиофронта (АРФ) т. Зайцев осветил новые задачи, стоящие перед художественным вещанием, в частности перед литературно-художественным сектором, который должен быть и в дальнейшем ведущим участком на фронте художественного вещания. Надо изжить имеющиеся еще прорывы в культуру и дать образцы высоко-художественных радиопередач. В радиоработу должны быть вовлечены не только рабочие литкружков, но и рабочие самодеятельных художественных кружков.

Все выступавшие работники художественного сектора Радиоцентра—тт. Гачев, Никигин, главный режиссер оперного вещания Судаков, художественный руководитель литературного вещания Волконский, Ренар и др.—говорили о необходимости коренной реорганизации художественного вещания. Рабочие-радиослушатели тт. Смазов (по-пичная Радиоцентру деловская фабрика), Шанева, Скорлупкина и дп. внесли на эту мелкими радиослушателей свой счет:

— Рабочие-радиослушатели ждут от радиовещания художественного отображения социалистической стройки. Радио должно помочь рабочему классу в выполнении пятилетки в 4 года.

— Мы хотим слушать по радио свое пролетарское радиоискусство.

А. КРУПНОВ

двухдекадник в белоруссии

письмо из минска

Белоруссия включилась во всесоюзный смотр радиовещания. «Двухдекадник смотра и помощи радио» проводится здесь с 10 по 30 сентября. В Минске организован штаб по проведению «двухдекадника».

Секретариат БелАПП, обсуждая вопрос о включении беспартийных в «двухдекадник», постановил организовать при белорусском радиоцентре литературно-художественный совет, который должен обеспечить идеологическую выдержанность и высокое художественное качество передач. Местным АПП предложено назначить систематические литературно-художественные передачи по радио с местных трансляционных узлов. Решено также организовать во время «двухдекадника» при радиоцентре (Минск) литературно-художественную творческую группу.

скапп в стороне от радиосмотра

Бригада штаба всесоюзного двухдекадника радио обследовала работу северокавказской АПП и красной печати по участию в смотре радио.

Ни СКАПП, вопреки постановлению и директивам ВАПП, еще не включилась в двухдекадник радиосмотра. Красная газета «Молот» даже не удосужилась упомянуть о двухдекаднике. Смотр радио на Северном Кавказе проходит плохо.

Пролетписатели должны немедленно оказать конкретную помощь проведению смотра радио.

дом печати включается в смотр

При московском Доме печати организована секция работников радиопечати, которая участвует в двухдекаднике радиосмотра.

Сегодня, 20 сентября, в Доме печати состоялся диспут на тему «Какой должна быть радиогазета». В диспуте примут участие председатель комитета по радиовещанию Феликс Кон, редактора печатных и радиогазет, представители печати западных радиозаводов.

ближе к творческим задачам

за решительную перестройку работы фосп

Работа органов ФОСП во многом страдала от того, что больше занимались хозяйственными и жилищными делами, чем непосредственно творческими вопросами. Сейчас исполбюро Федерации постановило перед собой задачу поворота лицом к творчеству.

Об этой перестройке и говорилось в докладе тов. О. Коменичковой («О плане работы ФОСП в четвертом квартале», заслушанном на последнем заседании секретариата ФОСП 14 сентября.

Выступавшие в прениях по докладу тт. Коменичкова, тт. Мебах, Лившиц, А. Богданов, Либерман, Эфрос, Зелинский, Мстиславский подчеркнули необходимость решительной перестройки ФОСП.

Крепче нужно связаться с издательствами на линии создания и продвижения книги. Вполне одобрился метод перестройки — организации секторов с соответственными исполнителями по каждой отрасли работы ФОСП.

До сих пор наблюдается отсутствие творческой связи между РАПП и политическими литорганизациями. Этот разрыв надо устранить на заседаниях ФОСП, при обсуждении крупных произведений должны участвовать рапповцы, пролетарско-сочувствующие и попутнические писатели. Необходимо усилить критическую работу ФОСП, нужно устранить обезличение решений на книги писателей.

Опыт взаимного шефства ФОСП и завода им. Владимира Ильича фактически провалился. Попытка ФОСП ожить это шефство (выезд на завод, приглашение писателей) потерпела неудачу. Никто из писателей на заводе не работает. Помощи рабочим-ударникам в создании «Красной книги» истории завода им. Владимира Ильича писатели не оказывают, несмотря на имеющееся постановление секретариата ФОСП (Мебах).

После обсуждения плана работы ФОСП на четвертый квартал 1931 г., секретариат ФОСП в основном этот план утвердил, внеся в него некоторые дополнения и уточнив его.

каким должен быть клуб фост им. горького

Клуб ФОСП еще не сумел перестроить свою работу и стать центром писательской общественности как в отношении воспитания кадров, так и в отношении культурного отдыха писателей.

Намечен в основном предполагаемый план работы клуба, секретариат ФОСП постановил в 5 октября передать управление клубом в перестроенную организационную структуру и систему руководства клубом. План работы клуба ФОСП будет подвергнут широкому обсуждению на общем собрании писательского актива Москвы.

Мы предлагаем писателям и рабочим-ударникам высказаться на страницах «Литгазеты» по вопросу, как должен работать и перестраиваться клуб Федерации советских писателей, в соответствии с новыми задачами, чтобы он стал действительно на уровень роста и наблюдателем и клубе, а его активным участником строителем.

Напишем „Историю гражданской войны"

НА СЛЕТЕ КРАСНОГВАРДЕЙЦЕВ И КРАСНЫХ ПАРТИЗАН ОКТЯБРЬСКОГО РАЙОНА.

Состоялся слет красногвардейцев, красных партизан и дружинников баррикадных 1905 года Октябрьского района.

Когда докладчик о реализации постановления ЦК ВКП(б) об издании «Истории гражданской войны» участники слета выступили с возражениями.

Выступление на слете М. И. КАЛИНИНА и Ем. ЯРОСЛАВСКОГО были встречены бурными аплодисментами. Октябрьский районный слет в принятой резолюции приветствует постановление ЦК ВКП(б) об издании «Истории гражданской войны» и инициатора — Максима Горького.

Слет обратился ко всем красногвардейцам, красным партизанам и дружинникам баррикад 1905 года с призывом стать активными участниками в составлении «ИГВ».

Собравшиеся на слет просят приехать т. СТАЛИНУ и т. КАГАНОВИЧУ. Принято решение — ходатайствовать перед ЦК комсомола о представлении к ордену Красной звезды МК комсомола и Москомхозяйства за их большую работу по внедрению военных знаний в широкие массы трудящейся молодежи.

художественная литература и реконструкция транспорта

В ОГИЗ состоялось совещание с участием руководителей транспортных писателей и работников Госиздательства об издании транспортной литературы. В числе прочего, для оттормажения от художественной литературе борьбы за реконструкцию транспорта и быта транспортных рабочих, решено организовать в ГИХЛ отдельное специальной серии художественной литературы. В ближайшие дни по этому вопросу будет созвано ОГИЗ специальное совещание совместно с РАПП, РЕМП, НКПС, Наркомвод и ЦК транспортников.

Наркому поручено проработать вопрос об издании вкладных листов и технических чертежей.

на секретариате рапп

продвинуть нашу пролетарскую книгу за рубеж. — шефство ассоциаций пролетписателей над международной коммунистической печатью.—какой должна быть советская сатира?

На заседании фракции секретариата РАПП, 16 сентября, т. **Бруно Ясенский** выступил с докладом о показе героев капиталета в революционной литературе Запада.

Рабочие-читатели капиталистических стран предъявляют большой спрос на произведения пролетарской советской литературы. Между тем не во всех капиталистических странах широко популяризируются произведения пролетписателей.

Во Франции, из произведений пролписателей переведены только «Недра» Н. Либединского, «Железный поток» А. Серафимовича, «Цемент» Ф. Гладкова и «Бруски» Ф. Панферова. В Германии, предъявляющей значительный спрос на советскую литературу, издательства доли больше произведений правых попутчиков, извращающих советскую действительность. Например, прекрасно изданный немецким издательством роман Б. Пильняка «Волга впадает в Каспийское море» рекламировался в Германии как лучший роман о пятилетке (!).

Только в Японии переводится пролетарская, советская литература в больших размерах. За последние месяцы журнал МОРП «Литература мировой революции» сумел продвинуть в читательские круги Запада произведения таких писателей, как Киршон, Чумандрин, Либединский и др.

Эту работу нужно усилить, так как мы должны знать, как буржуазия и социал-фашисты стараются дать ложные представления о СССР, умело используя произведения правых попутчиков. Сейчас на Западе нет ни одного журнала, ни одной газеты, от правой до социал-фашистской, где не помещались бы статьи и очерки о Советском союзе, о социалистическом строительстве, о социал-фашистской печати освещении.

Касаясь вопроса о реализации лозунга МОРП о показе международному пролетариату героев социалистического строительства, т. Ясенский указывает на необходимость наладить плановое обслуживание всей коммунистической печати материалами о Советском союзе. РАПП должна взять шефство над заводской коммунистической печатью. Надо собрать всю имеющуюся готовую литпродукцию (очерки, рассказы и т. д.), примерно за последний год, и отправить ее в МОРП для просмотра и соответствующего отбора.

К 14 годовщине Октябрьской революции МОРП должен дать в своем журнале для всей коммунистической печати Запада и Востока широкий материал о социалистической стройке.

Фракция секретариата РАПП признала необходимым поставить доклады о работе МОРП во всех крупных ассоциациях пролетписателей. В ближайшие дни секретариат РАПП совместно с МОРП рассмотрит вопрос о шефстве ассоциации пролетписателей над коммунистической печатью и наметит список отдельных организаций РАПП, прикрепленных к литераторам и журналам отдельных стран.

Секретариат заслушал затем доклад ответственного редактора журнала «Крокодил» т. **М. Мануильского** о путях советской сатиры. На заседании присутствовали видные писатели-сатирики: **Демьян Бедный, Мих. Кольцов, М. Зощенко, А. Архангельский и др.**

В прениях выступили тт. **И. Ситников, Г. Никифоров, М. Кольцов, В. Сутырин, Б. Волин, И. Нусинов, К. Елисеев, А. Мебах** и др.

К чему сводилось обсуждение? Наша сатира должна бичевать и разоблачать врага. Проблема сатиры — борьба за высокое передовое пролетарское мировоззрение. «Крокодил» еще очень слабо отвечает этим требованиям. Секретариат РАПП должен дать задание своим теоретическим кадрам заняться разработкой проблемы сатиры, юмора и комедии. Пролетписателям надо больше уделить внимания сатирическому жанру.

Мих. Кольцов в своем выступлении отметил низкое качество журнала «Крокодил», который создается небольшой группой писателей и журналистов-профессионалов. К работе в журнале не привлечены пролетписатели и рабочие-ударники. Этот журнал — единственный монополист. И это плохо. На необходимость создания нового сатирического журнала указывал на пленуме РАПП и Максим Горький.

О высоких требованиях к советской сатире говорит **Б. Волин.** Наши кадры должны учиться на образцах подлинно большевистской пролетарской сатиры Демьяна Бедного и М. Кольцова.

— Забвение заветов сатиры — это игнорирование классовой борьбы, — говорит т. **Л. Авербах.** Сатира является одним из острейших оружий литературы. Мы к сатире и юмору подходим как к самостоятельному и высокому жанру.

В наших сатирических журналах мало чистоплотного большевистского ума, нет пламенной большевистской страстности. Это относится и к журналу «Крокодил». Нам нужна не безобидная, а острая, злая сатира, направленная не только против врага, но и против наших недостатков. При РАПП должна быть создана секция сатиры и юмора. Надо развести сатиру в чин большого искусства.

Секретариат РАПП постановил организовать при РАПП секцию сатиры и юмора и избрал комиссию в составе: **Демьяна Бедного, Мих. Кольцова, В. Сутырина, М. Мануильского и И. Ситниковского** для разработки теоретических и практических вопросов сатиры.

А. К.

20 сентября — 18 ч. 30 м. — в клубе ФОСП — общемосковский актив МАПП. Доклад *Ермилова* об итогах пленума РАПП

за пять дней

готовящийся призыв ударников

20 сентября исполняется год со дня объявления РАПП совместно с ВЦСПС призыва ударников в пролетарскую литературу.

Лишь недавно пленум правления РАПП подвел итоги первому этапу призыва рабочих-ударников. Они говорят сами за себя. Ударник уже стал центральной фигурой литературного движения; за счет ударника должно расти и шире, и вглубь. На многие сотни выросли рапповские организации, новым содержанием наполнилась их работа. Призыв ударников дал новый размах борьбе за пролетарскую литературную среду, за новый тип писателя. Приход ударников в РАПП и РОПКП также означает рост творческих кадров пролетарской и пролетарско-колхозной литературы — воспитывается писатель, неразрывно связанный с делом своего класса.

Значение призыва ударников таким образом грандиозно. Оно выходит за литературные пределы, ибо он, призыв, обусловлен величайшими успехами культурной революции, приобретаемой под ленинским руководством партии все более широкий размах в нашей стране» (Из резолюции пленума правления РАПП по докладу тов. Киршона).

Всех этих фактов и положений, как принципов, не отрицает никто. Исключение составляют лишь наши враги, ибо объективно, может быть и не желая этого, отражающие их взгляды (выступление Ив. Евдокимова на творческой дискуссии РССП).

Понятно, им не задержать роста пролетарского литературного движения. Оно будет двигаться вперед, но путь к гегемонии, к созданию большого искусства большевизма.

Однако, было бы величайшей ошибкой представлять себе дело таким образом, что этот рост может итти самотеком. Нет, призыв ударников должен иметь настоящее руководство, с новыми кадрами нужно по-настоящему работать. В РАПП идет подлинная перестройка, ее достижения очевидны, однако, но мало еще и недостатков. Пленум правления РАПП фиксировал на них внимание организаций: недостаточное внимание к призыву профсоюзных и комсомольских организаций, а также некоторых АПП, слабая творческая помощь ударникам и ненапряженность их учебы и т. д. Пленум наметил конкретные меры для устранения этих недостатков.

День годовщины призыва как раз и нужно использовать для развертывания этой работы. Очень мало будет пользы, если местные ассоциации отчитаются к данному юбилею, как к «празднику». Нужно использовать его для мобилизации внимания к призыву общественности, для вербовки в свои ряды новых ударников, для развертывания и фактического выполнения указаний пленума правления РАПП.

Годовщина призыва ударников должна быть использована каждой АПП для широкой общественной кампании под боевыми общепролетарскими лозунгами.

вмешаться в радиосмотр

«В течение года печать и пролетарская общественность сигнализируют о неблагополучии на Творской, 17. Руководство радиоуправления на слово не ответило на эти сигналы. Художественное вещание пропитано халтурой, формализмом, приспособленчеством. «Мы требуем реконструкции радиоработы»,—такой лишь дала «Литературная газета» над страницей, посвященной контролю радио, в номере от 5 июля. Вместе со всей пролетарской общественностью мы притуждены были о необходимой резкостью поставить вопрос о глубоком кризисе в радиовещании, в частности на художественном его участке.

У нас не было недостатков в фактах для подтверждения этого положения. Руководители радиовещания сделали все возможное для того, чтобы свести его с правильного пути, привили оппортунистические и буржуазные теории, открывая двери студии для халтурщиков и т. д. Эти факты знают и сегодня, они являются исходными для той перестройки художественного радиовещания, к которому сейчас приступило руководство.

Перестройка эта мыслима прежде всего при искоренении всего того чуждого, антипролетарского, что было до сих пор в радиовещании. Именно такова первая задача двухдекадника смотра радиоработы, намечающегося перелома в радиовещании, результатом которого должна быть подлинная реконструкция радиоработы, создание большевистского радиоискусства, переключение радио на службу задачам пятилетки.

Неблагополучное положение, создавшееся в радиовещании, в частности художественном, в известной степени является следствием слабого внимания к этой работе со стороны общественности, в частности литературной. Хотя литературная группа в отделе искусств радиоуправления являлась наиболее благополучной, и рапповцы, работавшие там, проводили единственно правильную линию,—все же успехи могли бы быть значительно большие, если бы литературные организации и их творческий актив больше помогали радиоработникам.

Нужно запомнить этот пробел сейчас. В двухдекаднике смотра радио литературная общественность должна принять самое активное участие. Нужно вербовать актив для работы в радио, нужно участвовать в перестройке художественного радиовещания, в искания его и новых путей и методов.

Мы требуем реконструкции радиоработы. Мы сами должны бороться за реконструкцию.

творческая дискуссия ВССП

четвертый и пятый день

Четвертое дискуссионное собрание, происходившее в обстановке более оживленных прений, более четких и рельефных высказываний, все же не создает настолько окончательного перелома в сторону четкого определения позиций попутничества и размежевания в рядах ВССП. Более того, можно легко установить, что в значительной мере дискуссионную «погоду» на этот раз делают выступления представителей пролетлитературы, поднимших ряд вопросов на принципиальную высоту, явившихся весьма дискуссионных углов и тем самым разрядивших атмосферу неопределенности и застоя.

Шагинян и Леонов, «Гидроцентраль» и «Соть». Эти два имени и эти два названия фигурируют в течение всей дискуссии в различных комбинациях и самых разнообразных сочетаниях с другими названиями и именами. «Соть» оруженосец. «Гидроцентраль» строит теорию. Шагинян и Леонов — это без малого основная ось, вокруг которой вертятся копья дискуссий. И можно проследить, как именно на этой оси обнажается иногда общая идейная установка выступающего, его отношение к важнейшим политическим задачам дискуссии.

В. Гольцев, обрисовав сдвиги и изменения в рядах ВССП за последние три года и доказав, что ни о каком единстве в попутнических рядах говорить не приходится (вся история ВССП — четыре длительных, местами глубоко критических процесса творческого и идейного размежевания), высказывается против коллегий, выдвинутых тов. Вардиным. В. Гольцев подвергает критике отдельные моменты доклада А. Селивановского и переходит затем к анализу творчества ряда писателей.

Прорывается частями и не всегда удачными: реализмом Всеволода Вольпе, Гольцев говорит о четкости методов борьбы, о каких больших прорывах на дискуссии Полонский заявил, что «острых критик — это острота спасенных ошибок». **Зачем же тогда существует критика да и сам Полонский?** Четкого отмежевания от Воронского Полонский еще не сделал, хотя формально отмежевался несколько раз. В результате В. Полонский остался на позициях генерала без армии, на позициях «единоличника». **А сейчас «единоличной» быть нельзя. И если в художественной литературе попутчики еще могут существовать, то в критике попутчиков быть не может.**

— Когда в Ленинграде выступил Каверин с реакционной речью, — говорит выступивший затем С. Рейзин (ЦОКДО), — то лучшая часть попутничества сама, сразу же разоблачила Каверина. У нас, в Москве, выступил Н. Евдокимов с обвинительно реакционной речью, и вновь попутчики обходят это молчанием. Факт в некоторой степени знаменательный. Могу утешить Евдокимова. Белогвардейский «Руль» говорит о творчестве Л. Леонова в таких же выражениях, в каких высказывался здесь с дискуссионной трибуны Иван Евдокимов. «Руль» сходится с Евдокимовым даже в том, что тема последней вещи Леонову «надрывна».

Исходя из фактов реакционного выступления Н. Евдокимова, из наличия враждебных тенденций, выявившихся на дискуссии в Ленинграде и уже выявляющихся в Москве наряду с такими серьезными выступлениями, как выступления Н. Тихонова и М. Слонимского, С. Рейзин делает совершенно правильный вывод, что единство в рядах ВССП—только кажущееся.

— Многие из выступавших здесь, — говорит далее С. Рейзин, — пытались доказать Селивановскому, что «в литературе не так просто все делается», что «в действительности все обстоит сложнее, запутанней». И характерно, подобными разговорами занимались, если не исключительно, то главным образом наши «теоретики» — Эфрос, Полонский. Эфрос в своем выступлении не сумел ему только задавал вопросы — «как быть с попутнической критикой?», «о чем нам кушать диалектический материализм?» А ведь задача Эфроса—самому дать ответы на все эти вопросы. Эфрос говорил понятно и членораздельно только тогда, когда пытался установить какую-то особую тематику для попутчиков (писать только для советской интеллигенции). Эфрос позабыл, что советская интеллигенция у нас выделяется, растет из недр рабочего класса.

А выступление Полонского! Разве Полонский вообще дискуссии? Его задача, задача коммуниста, была вскрыть свои собственные ошибки и показать на своем опыте, как не нужно работать. Полонский же пытался взять здесь право на ошибки. Он не случайно заговорил о безумствах лирики в наши дни. Я открыл книгу Троцкого и вижу, что по вопросу о лирике Полонский говорит то же, что Троцкий говорил о пролетлитературе.

Пильняковский говорит о происхождении своей книжки «В поисках оптимизма», написанной, по его словам, года полтора назад, вскоре после смерти Маяковского.

— Личная жизнь блестит страниц,— говорит В. Шкловский, — страшно любим хоккеем. У Пушкина в отношении его произведений так забыта хоккейная сторона.

С большой и крупной речью выступил затем М. Левидов. Он старается быть в своих высказываниях «объективным» выступая на основе доклада, но в то же время стремясь подвести итоги дискуссии — критике литературы попутчиков.

Оратор часто сбивается на показ «великой силы» — положительного. Так, например, он говорит: «Пусть помнит Селивановский, как в истории литературы умолк литературы был как раз в пункте разума нам недостаточным и, наоборот, — решает литературу в отчаяние непосредственного разумом». Или: «Иногда психограмма (то, что в большей степени писатель дает) остается победительницей над идеограммой (то, что писателем в большей степени завоевывается). Даже у пролетарских писателей иногда первое побивает второе. У равнолеев, которые кричат только либо романы, либо рассказы и которые хотят во что бы то ни стало делаться новеллистами «идеограммы» — даже у них только Киршон и Любимский — люди замка и правильно рассказывают солдатиков».

М. Левидов недоумевает: «Неужели же лицо беллетриста можно определить по теоретическим высказываниям. Разве Сельвинский не видит, что когда Зазубрин говорит о новом, «состоянии пролуска» — он просто балуется? Разве Селивановский не знает, что Зазубрин — писатель, целиком исходящий из власти разума?»

Зазубрин и рядом с ним Н. Ляшко

В. Шкловский

М. Левидов недоумевает: «Неужели же лицо беллетриста можно определить по теоретическим высказываниям. Разве Сельвинский не видит, что когда Зазубрин говорит о новом, «состоянии пролуска» — он просто балуется? Разве Селивановский не знает, что Зазубрин — писатель, целиком исходящий из власти разума?»

Пятое собрание (16 сентября) начинается с выступления П. Слетова.

— Нам важно, чтобы перед нами были пути движения вперед, — говорит оратор. — Поэтому, когда мы говорим о необходимости добиться приближения к пролетарской литературе, мы протестуем, если нам ставят в качестве идеи сегодняшние произведения пролетарских писателей. Протестуем потому,

Друзья и враги тов. Селивановского

М. Левидов

что произведения пролетарских писателей не то далеко не совершенные. Дайте нам, когда мы станем и мы — пролетарские писатели образцовые вещи РАПП. Мы тоже есть, что показать, что именно как единое целое РАПП—наша гордость РАПП.

Попутчики — это не враги. Они могут быть нашими союзниками. Но они должны идти с нами, а не в стороне.

Выступление Ефима Зозули сделало в основном и принципиально попытку подвести итоги творческих и идейных размежеваний в рядах ВССП. «Мы слишком часто старые рецепты старого советского писателя, воспитанного умеющего пользоваться не устаревшими еще и полных рефлексов на прошлое, РАПП бы говорят, что если чувствуют себя сейчас благополучно, то это только потому, что они не сидятся в атмосфере ВССП. Если М. Шагинян написано «Гидроцентраль», то это только потому, что она оттуда уехала.

В таком же примерно, плане строит свою речь и выступивший в конце второго дня Н. Огнев.

Пятое дискуссионное собрание посвящено трем докладам — П. Шкляра, Л. Авербаха и М. Серебрянского. Серебрянский констатирует, что разговоры о необходимости «учебы» тем и более время не есть разговоры отвлеченных лиц. На дискуссии — это чувствуется давно. Призывы к «единым» земли и всем попутчикам заключены ряда вопросов конкретной политики. Но это еще не делало, и худшей из ошибок. Недооценка политику от литературы — задача будущего. Диалектическим материалом должен пользоваться единственно и известно.

Что означает, какое значение отличается и откуда от этого зависит? П. Сотников идет в своем докладе «Повесть о странных умах» С. Буданцева. Буданцев принадлежит к числу писателей, колеблющихся между диалектическим материализмом. Для него «Повесть о странных умах» человеческая борьба и борьба в классах дуги. Но — диалектика стихией, а идеей чужой рожденной силой. Это — причина полного художественного бессилия, этим неподвижным, почему это «странное», «бессмысленное» действует именно так, а не иначе? Таким образом мотив определяет творческие возможности художника.

ШЕСТОЙ ДЕНЬ.

18 сентября в последнем дне прений по докладу т. СЕЛИВАНОВСКОГО участвовали: тт. ЗЕЛИНСКИЙ, ХАИТ, ГОРОДЕЦКИЙ, НИКИФОРОВ, ГОРОВОЙ (МАПП), КИРИЛЛ ЛЕВИН, ПАВЛЕНКО, выступление которого было одним из интереснейших и наиболее продуманных.

Последним в прениях выступил секретарь ВОАПП т. ЮЗОВАЛЕНКО.

Сегодня в 7 часов вечера—заключительное слово т. СЕЛИВАНОВСКОГО.

На этом первый тур дискуссии заканчивается. Подробный отчет о собраниях 18—20 сентября будет дан в следующем номере.

накануне *театрального сезона*

на заседании президиума всеросскомдрама

На последнем заседании президиума Всеросскомдрама т. Литовский сделал доклад о перспективах репертуарного сезона.

Исходя из всех данных нынешнему сезону, по мнению докладчика, предстоит стать в истории советского театра как [illegible] и [illegible] театральных увлечений, [illegible] и [illegible] театра. Театр должен в [illegible] и политическую жизнь страны, участвовать [illegible] и политических кампаний. Само понимание [illegible] должно существенно [illegible] и театр должен [illegible] в области [illegible], Московские и ленинградские театры работают [illegible] не в полную силу, [illegible] СССР. И все, установившееся [illegible] должен получить [illegible].

— Одним из самых печальных достижений в области театрального [illegible] является [illegible] репертуара [illegible] театра. Не менее печальным [illegible] является [illegible] [illegible] пьесы, [illegible] [illegible] [illegible]

среди книг

против вульгаризации

И. НОВИЧ. **В боях за пролетарскую литературу.** Массовая критическая библиотека «На литпосту». ГИХЛ. 1931. Стр. 120. Ц. 45 к.

И. Нович сообщает в предисловии, что им взят «лишь основной круг вопросов и фактов» исторического развития «пичелитературы» от ее дооктябрьской предыстории и до призыва ударников. На рабочих-ударников и рассчитана брошюра. Остальные ее недостатки — «вульгаризации ряда положений, в выкопировании из истории пролетарской литературы ее богатого идейного содержания, в серьезных принципиальных ошибках, в любимых лунача рских формулировок.

Не будем останавливаться на мелких неточностях и ошибках (к примеру, борьба с группой «Настоящее», прозванная в 1929—30 году, отнесена к самому концу эпохи социалистической реконструкции; автор развитие русской пролетарской литературы характеризует как «литературное развитие в РСФСР»; сообщается, что в ВОАПП на пленуме в сезде вошла Туржменская АПП, в то время как она вошла в ВОАПП к моменту выхода в свет книги И. Новича, в июне 1931 г., и т. д.). Перейдем к основному.

И. Нович пытается дать историю пролетарской литературы и писательства в отрыве от творческой практики. В этом — основной методологический порок брошюры. Ограничиваясь перечислением фамилий писателей и их произведений, либо говоря о последних несколько незразумительных фраз, И. Нович тем самым лишает литературно-политическую и теоретическую борьбу ее богатого внутреннего смысла, определяемого единством литературно-политической, теоретической и творческой борьбы. Характерно, например, что напостовское определяется им как «идейно-теоретическая основа пролетарского литературного движения» без единого слова о напостовстве, как творческом направлении. В брошюре опущены важнейшие творческие лозунги, выдвинувшиеся напостовством. «Перевал» — по Новичу — был разгромлен напостовством «на участке непосредственно литературно-политическом» — о творческом разгроме «Перевала» Нович снова умалчивает.

Такой отрыв теории от творческой практики при наличии в брошюре вульгаризаторских тенденций приводит к тому, что брошюра через превращается в плохой пересказ революций, напоминая ту журнальную трескотню, о которой в свое время писал Ленин. Делаются там говорится о буржуазной литературе, о «колеблющихся» попутчиках, о «запивающем» «Перевале» и на воду не сказано, в чем же проявляется буржуазная идеология в литературе, «колеблющихся» попутчиках и «запивающем». Две страницы уделены перезрелищам, но никакого определения сущности перезрелищ не дано.

Но еще хуже того, Нович дает путаные и вредные определения. Неубедителен, по его мнению, «Перевал», но этого мало, непосредственная активная реакция группы коммунистов-литераторов на появившиеся тогда статьи Л. Троцкого. Кстати первый номер журнала «На посту» вышел до появления статей Л. Троцкого. Во и в целом ряде этого верхом вульгаризации является объяснение возникновения «идейно-теоретической основы пролетарского литературного движения» «непосредственной активной реакцией» на статьи Троцкого. Не будь Троцкого — не было бы напостовства? Своеобразное представление о напостовстве существует у Новича.

Характеризуя ошибки напостовства первого периода, Нович ничего не говорит о взглядах богдановщины и предшествующих на «левых» — Вардина, Леонтьева и пр. Механически-объективистское перерождение и упадничество «Кузницы» в начале нэпа он называет «ново-троцкизмом, хотя никакой «ленинской» фразы в «кузнечной» поэзии того времени не было.

Один основной упрек адресован в редакции «Массовой библиотечки»: рабочие-ударники обязаны получать квалифицированные книги и брошюры.

А. СЕЛИВАНОВСКИЙ

движение назад

КАВЕРИН. — Черновик человека. — Л. Издательство писателей в Ленинграде. 1931. Стр. 198. Ц. в пер. 2 р.

Новая книга Каверина знаменует возвращение автора к своим старым позициям формальной эстетики.

В «Черновике человека» весьма социологическая канва книги только для наглядного обнажения формальных приемов, как бы для подчеркивания того, что законы литературной техники имеют самодовлеющее значение, не зависящее от законов социальных.

В коротких главах-фрагментах автор дает бледный контур героя (отсюда эллипсис), рядом с которым возникает еще более бледный контур — его друга. Действие начинается с одновременного появления на свет обоих: главного героя — Александра, родившегося в буржуазной еврейской семье, и другого Александра — незаконного сына пианиста первого и кузнеца Кузнецова. Второй отрывок «Юность» посвящен выходу из гимназической жизни двух друзей. Ведущая роль здесь принадлежит Александру, бунтарски настроенному по отношению к религиозной системе воспитания. Его задорная вспышка и ведет к исключению из гимназии Александра и по всем с ним сольному Кузнецова. Этим, казалось бы, автор предопределяет сходность судьбы их в дальнейшем. Однако автор поступает со своими героями согласно не пролетарским законам формалистического экспериментаторства. Ничем не мотивируя и не обусловливая поступков своих героев, и искусственно делает Александра участником гражданской войны в ряду красных, а Кузнецова в качестве поручика в рядах белых («Юность»).

Тут наступает на сцену якобы социальные причины их дальнейшего поведения. Автор, почти с происхождением Александра, подчеркивает его классовую близость ко всему происходящему. («Мы умрем в этих проклятых лагерях от сифилиса»). Социальное же происхождение Кузнецова заставляет автора как бы извратить его общественную линию, победить случайность (по всем данным) его пребывания у белых и перебросить поручика в красные. Этим автор отдает дань причинам социального порядка, вымененно упрощая и даже шаржируя их. Наконец, — последний эпизод («Прощание с юностью»), где оба героя находят себя: Кузнецов получает три ромба, а Александр становится почему-то врачом хотя мечтал о медицине Кузнецов.

Все эти эпизоды совершенно невесомы, так как слеплены из элементов, которые легко заменить любыми другими. Само собой разумеется, что ни какой социальной проблемы автор в не ставит, оперируя некоторыми категориями общественного порядка, как своеобразными эластическими фоном для нарочито условной конструкции своих кукольных героев. Основной же «фокус» книги заключается в том, что судьба Александра в отличие от простой и ясной жизненной линии Кузнецова (человека с несложной конструкцией) развивается в более «утонченных» условиях, центральной пружиной которой являются психо-биологические мотивы.

С юношеских лет Александр ненавидит людей «сероглазых», с большими челюстями.

Гипнотизм с подобной конструкцией способствует его возвышению из гимназии, делает к походному за гимназии красноармейцу на фронте чуть не делает его убийцей и, наконец, отражение к человеку, находящемуся в ближних отношениях с его женой, так же обладающим выше указанными физическими способностями, заставляет Александра окончательно изменить свой жизненный уклад и отдаться любимой науке.

И вот поставив своего героя в зависимость не от социальных причин, а от биологических, Каверин, тут же вступивший и свою «биологическую» кляузу, высмеивает «биологию» в конце книги в разговоре двух себе считающих критиков), которые спорят о ненадобности социального и биологического в жизни людей.

Придавая этим как бы не серьезный тон «конституционной кляузе» «Черновика человека», Каверин здесь «обезоружает» приемы, давая понять читателю, что в его переживаниях — величины ничего не доказывающие, и вся концепция книги сконструирована лишь по спаду замкнутых в себе литературных приемов, нимало не зависящих от реальной действительности.

Приемы творчества Каверина грозят превратить его книгу в развлекательное и беспредметное чтение. «Черновик человека» является показателем того, что Каверин терпит полный крах, сходя культивируя методы формалистов.

Ф.

потомки не примут этого рапорта

ФЕДОР ПШЕНИЧНЫЙ. «Рапорт потомкам». «Молодая гвардия». 1931. Стр. 108. Тир. 5.000. Ц. 65 к.

В книжке Ф. Пшеничного, носящей претенциозное название «Рапорт потомкам», мы найдем только перекалканные протоколы, выписки из наследий коммунистов, обильное количество лозунгов и цитат, объединенных из газет, письма в редакцию, резолюции. Словом все, кроме художественного показа и раскрытия тех событий, которые привели к некоторому прорыву на Ижевском заводе.

Такое крупное событие для Ижевска, как пуск мартена, Пшеничным изображается жизнь с точки зрения чеховского репортера.

Пшеничный не забывает упомянуть о том, что сердце, сухой математик, почтовый отец семейства, инженер — записал поэму:

«О, муза!
Ижевскую сталь
Надо охарактеризовать
Как сталь
Исключительно качественную!
Пою про мягкую сталь!»

Но стоило ли трудиться, чтобы воспеть такую сталь?

Идея ленинского партийного руководства массами, идущего против опортунистической стихии на самотек, против отдачи себя во власть стихии, против пренебрежения требованиями масс. Идея непрестанной классовой однительности, борьбы с приспособляющимся классовым врагом, проникающим в наши ряды (Казанок-отец и сын) и т. д.

Уже сказанного выше (не делая сейчас попыток установления центральной идеи романа) достаточно, чтобы назвать «Последний из Удэге» одним из актуальных произведений реконструктивного периода. Фадеев стремится осмыслить громадный опыт борьбы рабочего класса в свете его всемирных исторических задач.

Не случайно и «Последнем из Удэге» охвачен гораздо шире, чем в «Разгроме» круг классовых взаимоотношений (рабочие, крестьяне, капиталисты, интеллигенты, люди родового строя и пр.). Если сравнивать последний роман с «Разгромом» по линии художественного мастерства, то разница бросается в глаза каждому. Нельзя не отметить, хотя бы такой частности, как исчезание словесного мусора, от которого страдало многое в «Разгроме».

И все же первое ощущение при чтении «Последнего из Удэге» такое — что-то уж больно неповоротливый, малоподвижный роман! Бросается в глаза некоторая статичность, медлительность развертывания действия, исчезающая только на самых последних страницах.

Фадеев вновь «одержим» стремлением к разоблачению романтических представлений о действительности. Носителем ложных романтических представлений на этот раз является сын врача Сережа Костенецкий. Как разновидность романтика-индивидуалиста, Сережа отличается от Мечика своей активностью (в гимназии был организатором ученической забастовки, выступает на крестьянских сходах), в нем много еще наивно-ребяческого, мальчишеского, его характер не сложился еще в такой степени, как у Мечика, подвержен значительной ломке. Сережа — материал для революционного воспитания. Ему нужна суровая школа: «Людей и его только нужно больше ругать, а вы его хвалите», — говорит Сурков Сене Кудрявцеву.

Фадеев с педантичной аккуратностью следит за каждым шагом Сережи, разоблачает каждую красивую мечту его, иронизирует над ним. Но насколько последовательно срывает Фадеев маски с романтика Сережи?

Мало показать субъективно-идеалистическую основу подхода Сережи к явлениям жизни, ложность и непримиримость такого подхода для пролетарского революционера (этого Фадеев в известной мере достигает), надо вскрыть, интересы какого именно класса скрываются за туманной дымкой, окрашенных мечтаний о том, что люди, окружающие его,—это «то внешнее, что создано для того, чтобы украшать его жизнь, оттенять его чувства и преклоняться перед его поступками»?

Ответ как будто бы напрашивается в романе. Мы вспоминаем однотипные корни в характеристике Семки Казанка — приемного сына кулацкого батрачника и мясоторговца. Капиталистическая эксплоататорская сущность индивидуализма Семки ярко выражена в романе:

«...Ты должен признать меня таким единственным, неповторимым, каким я сам привык свои... Да, да, ты должен считаться передо мной, — говорил его светлые, дерзкие глаза».

«Единственный и неповторимый» признает себя Семка Казанок. «Единственным и неповторимым» хочет стать Сережа Костенецкий. По Казанок видит смысл жизни в том, чтобы стоять над людьми, потому что он представитель капиталистического класса, эксплоататор. А Сережа не замечает, что влияние именно этой буржуазной идеологии поражены его такие, по внешней видимости, лово-красочные мечтания (хочу наделить всех людей и быть поставленным ими»), совершенно далекие на первый взгляд от какого-то отвратительного барышничества и мясоторговли.

Линия начала классовой сущности индивидуалистических устремлений Сережи намечается в романе (шаг вперед по сравнению с Мечиком). Но это, надо признать, дается крайне смутно, посредством глухих малозаметных намеков. Образы Казанка и Сережи почти не сталкивались, и от читателя требуется большая дополнительная работа для сопоставления их. Главное все же заключается в том, что влияние буржуазной идеологии на Сережу не разоблачается в действии, в конкретных фактах. Хотя бы один поступок Сережи был показан так, чтобы в нем сказались элементы классово-враждебной ему идеологии. Нет ни одного такого действия. Но это означает, что у Фадеева нехватило политической последовательности в срывании маски с Сережи. Романтизм Сережи критикуется с добродушно-иронических позиций, не на много выше той критики, которую Сережа сам может дать себе. Но не говорит ли все это, что элементы романтизма, которые мы видели в «Разгроме» и которые в значительной степени продолжены в «Последнем из Удэге», все же до конца не выветрены из творческого метода Фадеева?

Чтобы подтвердить, что внимание Фадеева сосредоточено исключительно на внутреннем мире Сережи, только на том, какие реакции и его сознании вызывает видимое и услышанное (идеалистические черты такого психологизма ясны сейчас для каждого), установим, как показала практика Сережи, его участие в классовой борьбе. Что делает Сережа? Выступает на крестьянских сходах. Как именно? Не показано. Дальше нам известно, что он мечтает, волнуется, прислушивается, спрашивает, рассказывает немного о себе. Вот и все его «дела».

Какое же тут «познание человека в действии»? Повесили окончется статичный неизлоценный портрет. А так как этот портрет занимает немало места в романе, то он усугубляет отмеченную выше композиционную статичность первой части романа.

Наиболее удачно, на мой взгляд, раскрыта в первой книге романа образы Семки Казанка и удачника Сарла.

Семка Казанок — тип хитрого, пронырливого, приспособляющегося классового врага, который рискует своей жизнью, чтобы добиться доверия партизан. Он ярко напоминает о сегодняшней реальной опасности проникающего в колхозы кулачья, которое готово итти на все, чтобы изнутри подрывать колхозное строительство. Актуальность образа Семки для наших дней классовой концентризации таким образом очевидна и в этом одном уже не малая заслуга романа. Семка для по всеобщим своей маскировки, он устраивает в опасные для него моменты от разоблачения перед лицом всех партизан. В противоположность тому мелю (с которым Фадеев подходил к анализу Сережи, Семка раскрывается в действии, в целом ряде очередностей и связей (Бутырь, Сеня Кудрявый, рулоком Сумкин, Казанок-отец, Лена и пр.) и шаг за шагом последовательно разоблачается эксплоататорская сущность его, начиная от незначительных поступков и кончая его взглядами на мир.

С такой же глубиной обрисован любимейший образ удэгейца Сарла—человека из первобытно-родового строя, прошедшего школу шахт и тесно связанного с большевиками.

Образы основных классов страны — рабочего класса и крестьянства—даны в «Последнем из Удэге» более четко, чем в «Разгроме». По существу, в «Разгроме», кроме нескольких штрихов набросанного портрета Бубрака, не было персонажа, олицетворяющего участие крестьянства в партизанском движении, крестьяне в отряде не были представлены дифференцированно. В «Последнем из Удэге» мы имеем такие фигуры, как бедняк Иосиф Шпак («Борцин»), агент кулака—Лоза, партизан Федор Шпак, майфудинский охотник, командир отряда Глазких, имеющие каждый свое лицо. Я уже не говорю о деревенской буржуазии, которая совершенно не фигурирует в «Разгроме» и которая представлена в «Последнем из Удэге образами Гарита Казанка и его сына Семки. Глубже и только очерчены в «Последнем из Удэге» также образы рабочих: Мартемьянова, Сени Кудрявого и Суркова. Образцы эти, к слову говоря, совершенно не новыми и написаны т. Б. Александровым в его противоречивой статье («Литературная газета», «На Литературном посту»), как не нового мы и многое другое в романе.

Мартемьянов выражает собою крестьянские истоки формирования рабочего класса. В Сене Кудрявом мы видим отпечаток той цеховщины, которой заражена известная часть рабочего класса. Для их характеристики именно эти социальные корни являются определяющими. Конечно, крестьянское в Мартемьянове почти целиком вытеснилось за годы работы на рудника, но порой вторгаются все же в них остатки индивидуалистических чувств, в которых «он сознался признаться даже самому себе». Но разве эти моменты «заслоняют, — как пишет т. Александров, — его подлинную классовую основу»? Наоборот, эту классовую основу они только подчеркивают. «Абсолютно чистых» классовых черт, т. Александров, не бывает, класс не живет в абсолютной изолированности!

То же самое и с Сеней Кудрявым. От их семьи потомственных мастеровых «И это, братец ты мой, такая цеховщина, что мельниковых и не-зрое у нас сколько хочешь».

Но т. Александрову мало Фадеева является методом раскрытия человеческой сущности за все надоевшим — на классовую и просто человеческую. Ну уж в таком случае Фадеев ленивый «вольщик», перекалякал и что хотите, но только не наш пролетарский писатель!

Тов. Александрову хочется видеть абсолютно «чистые линии»: ну, какой Сеня пролетарий, если он такой сентиментальный, жалостливый к своим и даже врагам хотел на жалость поглядеть по-своему? Ну, какой же он рукоположить, если порою проявляет нерешительность и терпеть и выходит между требованиями масс и директивами высшего руководства. А ведь все эти черты вполне объяснимы классовой сущностью Сени, неискоренимыми в его мышлении элементами психологии, классово-враждебной в Сено нет, а если уж употребить этот термин, то есть классово-чуждая «половинка». А Сеня сам сознает необходимость самовоспитания: «она, брат, отсюда нам — кость эта», — говорит он о жалости к врагу ее-ру.

Опять, как и в «Разгроме», мы видим, что в таких рабочих, как Мартемьянов, Сеня Кудрявый и, наконец, Сурков выражаются различные ступеньки классового сознания. Только то, что в «Разгроме» было показано бегло — здесь более широко развернуто.

Я говорил о Семке Казанке, что Фадеев разоблачает его эксплоататорскую сущность, начиная от незначительных поступков и кончая его наиболее широкими взглядами на мир и на свою роль в этом мире. Но стремление охватить единство всех сторон человека — и практики его, и психики, и идеологии (философии и тем числе) характерно не только по отношению к Казанку — это одна из отличительных черт метода Фадеева, которую можно обнаружить почти в любом образе романа. Наиболее реализована эта творческая установка Фадеева, кроме Казанка, в Сарле, в Мартемьянове, Сене Кудрявом, Бокрине, недостаточно реализована в Сереже, Гладких, Суркове.

Почти всегда отрицательные персонажи в характерстике того или иного действующего лица для Фадеева является ответ на вопрос: каковы предпосылки данного человека о цели его жизни, о смысле его существования? Так для Казанка целью жизни является подчинение, эксплоатация других, для Сережи — поиски необыкновенного, неповедянного, слава, преклонение окружающих перед его поступками, для Мартемьянова — борьба «за наше право и счастье и наших, так сказать, детей» — борьба за социализм, для старого удэгейца Кимуньки — сохранить все по традициям отцов — «в лучшему не стремиться, сиденье — сама жизнь» и т. д.

Несмотря на ряд достижений Фадеева в «Последнем из Удэге», все же нельзя говорить, что новый роман означает победу в смысле полного овладения материалистической диалектикой. До этого еще далеко. Правда, во много раз ближе та тема, над которой работает сейчас Фадеев, но мы имеем право потребовать хотя бы того, чтобы допущенные в «Разгроме» ошибки не повторялись.

Мартемьянов, Сеня, Гладких, Сурков — все это руководители партизанского движения. Среди главных действующих лиц романа нет образа рядового партизана. Федор Шпак и Бусыря — лица эпизодические и органически в сюжет романа не включены. Значит опять Фадеев ограничивается показом масс через отдельных ее руководителей, не вскрывая тем самым значительно ее многообразия. Но, с другой стороны, там, где масса выступает как коллектив, мы не видим уже сеня, подобных сцене у трясины или при прорыве казачьей засады в «Разгроме», где между ко-романтическим абсолютно противопоставлены масс. Это во-первых. А во-вторых, большим успехом Фадеева в «Последнем из Удэге» следует признать то мастерство, с каким показан живой коллектив отряда при встрече с хунхузами. Поэтому своей большой роли в смысле обнаружения интернациональных основ революционного движения, эта картина, с точки зрения овладения методом, представляет качественно более высокую ступень по сравнению с «Разгромом», ибо такого показа масс в «Разгроме» найти нельзя.

ДМ. МАЗНИН

„литература мировой революции"

Я ознакомился с содержанием нескольких номеров «Литературы мировой революции»—центрального органа Международного объединения революционных писателей, выходящего на четырех языках: русском, немецком, французском и английском. Мне неизвестно, насколько широк круг его читателей, но не подлежит сомнению, что журнал этот должен стать и станет одним из популярных литературных журналов среди трудящихся масс СССР, среди рабочих и трудовой интеллигенции Запада.

Международная конференция революционных писателей в Харькове отчетливо в своих директивах, что и. о. МОРП должен стать руководящим, теоретическим и творческим органом международного революционно-пролетарского литературного движения. Уже первые номера «ЛМР» доказали, что этот руководящий теоретический и творческий орган стал отзовучением и организующим центром, группирующим вокруг себя не только молодые кадры пролетарских писателей, но и наиболее ценные из среды левой мелкобуржуазии и интеллигенции. Все новые и новые крупные писатели из Франции, Америки, Японии заявляют о принятии ими платформы МОРП и о своем желании сотрудничать в его центральном органе и руководствоваться его директивами. Надо принять во внимание, что в основу литературно-политической платформы МОРП положена борьба с угрозой империалистической войны и защита социалистического строительства в СССР, то громадное политическое и культурное значение такого органа общепризнается со всей полнотой.

«Литература мировой революции» является своевременно и мощным фактором укрепления международного единства пролетарской литературы, органом международного обмена творческим опытом, ускоряющим темп строительства международной пролетарской культуры.

На основе вышедших в свет шести номеров русского издания, трех номеров немецкого, двух французского и одного номера английского, можно уже сегодня отметить, что журнал в значительной степени справился с задачами, поставленными на него харьковской конференцией.

Шесть номеров русского издания знакомят советского читателя с лучшими произведениями пролетарской и революционной литературы всего мира за истекший период. С целым поколением пролетарских писателей, выросших за последнее время из рабкоровского движения, «Литература мировой революции» знакомила советского читателя впервые. Произведения этих писателей дают широкую картину революционного движения. Произведения немецких пролетарских писателей — Гетцина, Мархлицы, Турека, Вайнерта, Вольфа, Бахе, Нейкранца и многих других — дают нам полное представление о современной пролетарской Германии и ее борьбе за дальнейшее нелегального строя.

Волжские рыбаки узнают, как живут и борются рыбаки в «демократической» немецкой республике, горняк Донбасса укрепляет свою волю к социалистическому строительству сознанием солидарной борьбы горняков Рура, социалистические ударники советских заводов знакомятся с живым заводов в условиях капиталистического строя. Немецкий агитатор Вайнерт одинаково близок и понятен пролетариям всех стран. Но выдающимся событием в мировой пролетарской литературе является прежде всего монументальная поэма И. Р. Бехера «Великий план». Никто до сих пор не вложил в художественном произведении с такой полнотой всемирного значения пятилетки, никто с такой ясностью не показал единства социалистического строительства с международным революционным движением.

Из небогатой пока что революционной французской литературы следует отметить поэму Арагона «Красный фронт», одно из первых произведений во французской литературе, воспевающее пятилетку и призывающее к борьбе с готовящейся империалистической интервенцией.

«Литература мировой революции» впервые познакомила советского читателя с молодой революционной литературой Америки (роман Мэри Хита-Рисс «Стачка», очерки Калара, Кредена, Фальковского), с пролетарской литературой Чехо-Словакии (Ольшанский), с несчастливой литературой современной Испании (Сито Сагойтья), с новым призывом пролетарских писателей Польши (Выгодский, Грот, Э—орм. Сельм), богатой пролетарской литературой Японии (прекрасный роман Такэучи Наоси «Улица без солнца», Киси Сандзи и др.), показала нам зачатки пролетарской литературы Китая (Лю Чжи-цин, стихи Сяо). Богатая международная хроника в каждом номере знакомит читателя с политической ситуацией и культурной жизнью отдельных капиталистических стран. Ряд теоретических статей и обзоров — Агеева, Селивановского, Малейка (СССР), Бихи, Егера, Нейкранца, Балка, (Германия, Мацуямы (Япония), Майкл Голда (Америка), Шилова (Польша) — дают анализ продукции пролетарской, фашистской и социал-фашистской литературы в капиталистических странах.

Несмотря на некоторые недочеты, к которым прежде всего следует отнести отсутствие обширной библиографии, журнал за первое полугодие дал разностороннюю картину роста пролетарской литературы в ряде важнейших стран. По сравнению с «Вестником иностранной литературы» новый и. о. МОРП сделал большой шаг вперед в направлении приближения к массовому читателю, в руки которого журнал должен попасть, — только в этом случае он сыграет свою роль мощного средства воспитания масс в духе интернациональной солидарности и выполнит основную задачу, поставленную перед ним харьковской конференцией. В первую же очередь русское издание «Литературы мировой революции» должно пошевелить во все рабочие литературные кружки, где опыт зарубежной пролетарской литературы должен быть внимательно проработан. Такие произведения, как «Улица без солнца» Токунага, как новый немецкий пролетарский роман, как стихи Сяо, Вайнерта, Броневского, на которых может и должен воспитываться рабочий-ударник, призванный в литературу.

Задания «Литературы мировой революции» на иностранных языках, знакомят впервые зарубежного читателя с трудом но проникших еще за границу пролетарских писателей СССР, как: Бушиевской («Первая конница»), Фадеева (Китайское поселение), Ошалов («Болтовня»), Ивенской («Умыч»); в ближайших номерах обещаны Кирпон («Хлеб»), Чумандрин («Белый камень»), Сивицкий (очерки), Никитенко («Дело чести»), Либединский, Панферов (очерки) и много других. Таким образом и. о. МОРП, являясь, с одной стороны, связующим звеном между советским читателем и международным революционным движением, с другой стороны, связывает трудящиеся массы капиталистических стран с социалистическим строительством первого пролетарского государства.

Новая ударников, героев социалистического труда, является в настоящий момент задачей не только пролетарских писателей СССР, но и всей международной пролетарской литературы. Обращение секретариата МОРП, расширяющее лозунг «Страна должна знать своих героев» до лозунга «Пролетариат всего мира должен знать своих героев» — имеет огромное значение для всего дальнейшего развития международной пролетарской литературы. Ударники пролетарской революции и капиталистических странах, стоящие на передовых постах революционного движения на заводе, в штольне, в деревне, являются в свою очередь не только героями зарубежного пролетариата, но и героями пролетариата, строящего социализм.

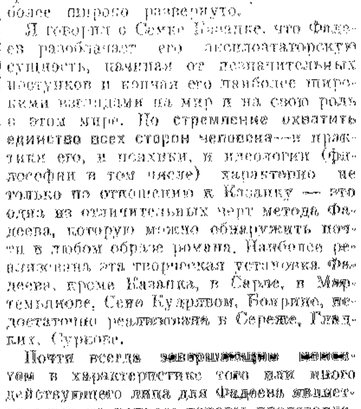
Уже опыт первых номеров на иностранных языках свидетельствует о том, что реакция отдает себе четкий отчет в стоящих перед нею задачах. Классовая борьба в капиталистическом мире и классовая борьба в стране пролетарской диктатуры за победу социализма, красной тематической нитью проходит через все произведения, напечатанные в этих номерах.

На что редакция должна обратить суровое внимание в отношении к немецкому изданию журнала, это на плохое качество многих переводов, печатаемых в этом издании.

Со страниц иностранных изданий «Литературы мировой революции» вперемешку со всей голью зарубежной пролетарской литературы писателем от станка, не имеющим никакой возможности легально печататься в своей стране. Четкая литературно-политическая линия журнала дает гарантию того, что иностранные издания «Литературы мировой революции» станут лучшей школой для приобщающихся к рам мелкобуржуазных попутчиков, которых единственно серьезная критика их мелкобуржуазных шатаний может привести в ряды пролетариата.

К сожалению, как мне кажется, советская общественность слишком мало еще обращает внимания на это новое необыкновенного значения явление в развитии международной пролетарской культуры. Чем же другим можно объяснить такой факт, что, несмотря на все усилия редакции и секретариата МОРП, иностранные издания этого журнала появляются в свет крайне не регулярно, что до сих пор вышел лишь один номер английского журнала и только два номера французского, что отдельные номера ложат в производстве по шесть месяцев? Трудно поверить, чтобы в СССР, где выходят сотни и тысячи томов и журналов, где работают сотни и тысячи иностранных рабочих-специалистов и издаются для них специальные газеты, — не нашлось возможности для бесперебойного издания журнала такого огромного международного значения.

ст. р. СТАНДЕ



о тайном призыве в литературу и о победе над большевистской весной

обзор печати

„колхозная правда" иловлинский район, нижне-волжского края

Первые две литературных страницы, выпущенные Иловайской РОПКП, вряд ли смогут заинтересовать и приклечь внимание читателей к вопросам литературы.

Одной из важнейших задач литературной страницы является постоянная работа по проведению призыва ударников в литературу и руководство им; особенно это относится к первым литстраницам в газете, которые должны дать литературную постановку вопроса о призыве. Но в литстраницах «Колхозной правды» нет никаких материалов о призыве, за исключением одной «заметки» — «Ударник — центральная фигура пролетарской литературы».

В письме в «Литгазету» ответственный секретарь Иловлинской РОПКП т. Ласкин пишет об организации в районе литкружков при двух МТС и в колхозах. Неужели призыв в литературу идет в районе тайком, в стороне от общественности? Это совершенно недопустимо. Необходимо добиваться того, чтобы литработа шла не «самотеком и не стихии, а широко освещалась в литстраницах», чтобы местные, партийные и профессиональные организации помогали и руководителей литработой.

Литстраница «Колхозной правды» сделала попытку показать героев труда, однако не справилась с ней.

Художественное качество материала о героях не на высоте.

В очерке «Шестнадцать» текторов А. Лапуновой, посвященном показу лучшего бригадира тракторной колонны, есть все, что угодно — и сценарное сочинение, и «Интерь», но не показано главное — в чем же конкретно выражены героизм бригадира Николая.

Фотографический снимок почетного выезда трактористов, обобщенное заключение автора — вот и все, что относится к работе бригадира Николая. Как удалось бригадиру добиться 16 текторов на трактор, — об этом автор не сообщает.

В поэме В. Колхозного «Бригадир Рогожин» рассказано о премированном районхозсоюзом бригадире второй полевой бригады Заборского колхоза—Рогожине. Автор или «пишком терзается» или же не владеет художественными средствами. Мы имеем добросовестный, обширный рассказ, но начинающий рифмовать прозаическим языком, к тому же неточно грамотным.

Иван Рогожин
Больше
Нет
Лишь он возьмет
И руки бригаду
Решит колхозный так совет—
Не пожалев потом ни разу.

Недостаточно идейный и культурный уровень автора, которому надо много еще учиться (литгруппа должна ему помочь!), сказывается и в совершенно непродуманных, политически-вредных высказываниях в стихотворении «Победный путь».

Так разбили мы кулачьи перегудки.
ЛИКВИДИРУЯ ЕГО КАК КЛАСС.
Не обманешь,
Не сорвешь, нет дудки,
Мы ТЕПЕРЬ УМНЕЕ стали вас!

Ну, а политика партии в обстановке усиления перехода отдельных эксплоататорских тенденций кулака, это что же — ошибка, глупость? — так получается у автора.

«Победили большевистскую вторую», пишет автор, можно сказать, что побеждена большевистская весна.

Все эти промахи объясняются вероятно тем, что редакция «Колхозной правды» не интересуется литературой, считая ее «не своим» делом и не контролирует помещаемый материал.

Литгруппа Иловлинского района должна по-боевому, вести работу по призыву ударников, поставить эту работу под контроль и помощь местных организаций, систематически оснащать работу кружков района в литстранице.

Литгруппа должна бороться за высокое идейно художественное качество показа в пролетарской и пролетарско-колхозной литературе героев социалистического труда.

на фабриках книги

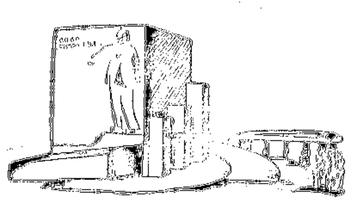
* Роман П. Слетова «Цыганятам республика» и повесть И. Чертовой «Горькие» печатает выходит в отделе современной литературы ГИХЛ.

* В ГИХЛ выходит политический сборник «Перекличка», в который войдут произведения членов московской, ленинградской, северокавказской и др. ассоциаций пролетписателей.

* В ГИХЛ в серии «На фронтах пятилетки» выходят очерки Е. Кригер о Донбассе «Шестнадцатый горизонт», очерк Г. Хариотонова «Завод знаменосец» и книга Ленина и Герасимовой «В поисках индивидуального труда».

* В издательстве «Академия» выходит стихотворения Тургенева в прозе. Среди них — 24 стихотворения найдены профессором А. Мазоном в архиве семьи Виардо печатаются на русском языке впервые.

к постройке
ДВОРЦА СОВЕТОВ



Проект арх. Ладовского.

— Управление строительством Дворца советов получило от 1.300 архитекторов и представителей архитектурных организаций извещение о согласии участвовать в конкурсе.

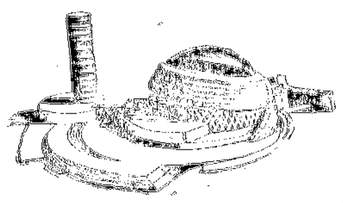
— Управлением строительства даны заказы известным заграничным архитекторам Германии, Франции, Италии, Америки и Швеции. Французские архитекторы **Корбузье и бр. Перре** дали свое принципиальное согласие на составление проектов Дворца советов.

— В совет строительства поступает много рабочих предложений, касающихся постройки и оформления Дворца.

— Архитектурная общественность организовала из представителей архитектурных организаций Москвы («АСНОВА», «САСС», «ВОПРА», «АРУ» и др.) общественный комитет содействия строительству Дворца советов.

— С 15 по 20 января 1932 г. будет открыта выставка проектов для общего обозрения. Участок постройки Дворца советов СССР будет полностью освобожден к февралю 1932 г. Строительство Дворца советов намечено закончить в течение двух лет.

— Общественный комитет содействия строительству на днях организует широкое обсуждение вопросов, связанных с проектом сооружения Дворца советов.



Проект инж. арх. арт. «Аснова».

ленинградские письма
от нашего корреспондента

Ударный полуторамесячник

Сентябрьский пленум РАПП—огромный момент в жизни литературного Ленинграда. Решения пленума приняты литературной общественностью, как боевая программа для дальнейшей работы. Сложные проблемы и задачи, поставленные перед пролетариями писателями и всей советской литературой, встретили живой отклик ленинградского актива, рабочей массы литкружковцев. Оживлению массовой литературно-политической работы ЛАПП содействовал и приезд бригады секретариата РАПП (В. Ермилов, М. Лузгин, П. Шушкинов), которая провела в Ленинграде большую и интересную работу.

Проработка решений пленума РАПП на рабочих литкружках крупнейших предприятий и обмен опытом с бригадами РАПП и МАПП подняли рабочую тему активности, и сейчас для аккумуляции этой активности решено провести ударный полуторамесячник проверки и закрепления всей работы Ленинградской ассоциации пролетарских писателей.

У Ленинградской ассоциации имеется большой опыт весеннего творческого смотра. Районирование ассоциации (организация районных АПП), создание первых творческих групп-ячеек, организация новых литкружков на фабриках и заводах, продвижение рабочих ударников в литературу, организация ряда критических кружков и центральной рабочей критической группы, создание рабочей литературной газеты «На посту»,—все это—главные итоги творческого смотра. Но смотр проводился весной, за весной наступает лето с иными традициями «летнего затишья».

Было бы неверно утверждать, что летом работа ЛАПП была совершенно свернута. Мы имеем в мы «затишья» достижения (укрепление связи с комсомолом, рост лапповского театра и т. д.). Но надо признать, что много звеньев в системе массовой, пролетарской литературной организации в последние месяцы расшатались, развинтились. Примером этого может служить работа ленинградской критической группы «На литературном посту». Как показало последнее собрание этой группы, проведенное совместно с московскими товарищами, группа еще не поставила массовую рабочую критику, лапповская критика еще не достаточно оработана и даже недостаточно связана с организацией.

Другой пример-группа «Рекен», работа которой в последнее время тоже отстает от общелапповских темпов. Не всегда крепка связь с отдельными низовыми кружками и самого руководства ЛАПП. На «Красном выборжце» в литературном кружке все еще катает дух руководства Г. Горбачева. Примеров много!

В ударный полуторамесячник на основе широкой массовой самокритики, на основе критики широкой рабочей общественности, будет проверена вся работа ЛАПП—от низовой ячейки на фабрике и заводе, до отдельных творческих групп, отдельных секций, ассоциаций, руководящих органов.

Ударный полуторамесячник должен будет закрепить связи Ассоциации пролетарских писателей с другими литорганизациями (сейчас очень тесна связь с РОПКИ и ЛОКАФ) со смежными областями искусства, с массовой художественной самодеятельностью.

Решение о проведении ударного полуторамесячника горячо поддерживается активом ассоциации. Сейчас прорабатываются показатели и методы предстоящей работы.

Б. РЕЕТ

украинские письма
от нашего корреспондента

В ВУСПП накануне творческой дискуссии

Литературная общественность советской Украины готовится к празднованию двух юбилеев — пятилетия всеукраинской организации комсомольских писателей «Молодняк» и пятилетия всеукраинского союза пролетарских писателей ВУСПП.

К пятилетию ВУСПП издательство художественной литературы Украины («ДИМ») выпускает ряд сборников, освещающих работу отдельных национальных секций ВУСПП, и обширную монографию, посвященную развитию литературы на Украине.

Юбилейные дни будут проведены под знаком борьбы за дальнейшую перестройку всей работы ВУСПП и «Молодняка», за закрепление результатов прорыва удармков в литературу и более решительный поворот организаций к творческим вопросам, к задачам овладения диалектическим материализмом. С этой точки зрения намечающаяся на осень творческая дискуссия обещает быть чрезвычайно интересной. Осенью молодняк, кстати, предполагает в расширенном составе пленумом и расширенном составе пленумом и расширенном составе пленумом и

год назад в литературу пришел ударник

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ФЕДЕРАЦИИ ОБ'ЕДИНЕНИЙ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР

МОСКВА, 25 СЕНТЯБРЯ 1931 Г. № 52 (151)

РЕДАКЦИЯ:
Москва, Тверской б. 25, Дом Герцена. Телефон 2-80-12.

ИЗДАТЕЛЬСТВО:
Журнально - газетное об'единение: Москва, 6, Страстной бульвар 11. Телефон 5-51-69.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА:
На 12 м. 3 р. 50 коп.
На 6 м. 1 р. 75 к.
На 3 м. - р. 90 к.

ПРИЗЫВ УДАРНИКОВ — ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ВОПРОС РАППОВСКОГО СЕГОДНЯ

проработка решений пленума правления РАПП

Собрание общемосковского актива по МАПП, посвященное проработке итогов пленума РАПП, как бы завершило цикл аналогичных собраний, проведенных МАПП во всех районах Москвы, а частично и области, куда члены секретариата МАПП выезжали с докладами.

Докладчик **В. Ермилов,** подводя итоги работы пленума РАПП, говорит, что этот пленум лишний раз подтвердил, что РАПП является политико-массовой организацией. Лучшее доказательство этому — призыв ударников, способствующий не только количественному (50 проц. всего состава РАПП — рабочие), но и качественному росту рядов Российской ассоциации пролетписателей. Сейчас перед нами стоят две основных задачи, неразрывно между собой связанные: развертывание и закрепление призыва ударников и показ героев большевистских темпов.

Общие высказывания по теме о показе героев свидетельствуют, что дальнейшее развертывание творческой дискуссии при правильной, большевистской, напостовской постановке вопроса лучшей формой передачи опыта выдвинувшихся писателей недостающими нам. Неверный подход к показу героев неизбежно обнаруживает механические единства противоречий, порождающее лакировку, схематизм, описательство, фетишизацию техники и все те основные недостатки, которыми отмечены многие произведения, посвященные героям пятилетки.

Переходя к критике теории «трех кусков» Ю. Либединский критикует группой «Залап». В. Ермилов подчеркивает, что эта теория, делавшая проповедниками пролетарских писателей на «активно-действенных» и «пассивно-созерцательных», смазывая отдельные отрицательные и положительные стороны произведений, приводит в корне к неправильному обобщению. Благодаря этой теории смазывается в частности такая опасность, как внутреннее попутничество, элементы которого встречаются и в «Тихом Доне» Шолохова, и у В. Гроссмановой, и в книжке В. Лезина «Жили три товарища», и у А. Малтрофанова в повести «Июнь—июль» и т. п.

В заключение В. Ермилов отмечает, что пролетарское литературное движение находится на ответственном этапе, когда оно должно на основе большевистской самокритики провести генеральную проборку предыдущей работе и закрепить достигнутые достижения.

Тов. Шушканов, в своем выступлении частично дополнил доклад В. Ермилова, рассказав собранию о результатах поездки бригады РАПП в Ленинград. (В следующем номере «Л. Г.» будет дана статья об итогах этой поездки).

В прениях выступили также тт. Фадеев, Гроссман-Рощин, Евдокимов, Мстиславский, Шведская (зав. «Дикомо»), Сахаров (Северная лавка), Власов и др.

ЛЕНИНГРАД, 20. (Наш корр.). Обсуждение итогов пленума правления РАПП собрало многолюдную аудиторию ленинградского актива и членов других литорганизаций. Докладчик т. Ю. Либединский, остановившись на основных вопросах, затронутых пленумом, дал развернутую характеристику процессов, происходящих в попутнической, союзнической и пролетарской литературе.

Переходя к вопросам творческой дискуссии, Ю. Либединский критикует «Залап» за «теорию двух струй».

Заключительную часть своего доклада Ю. Либединский посвящает проблеме показа героев пятилетки, на основе которого,—говорит он, — должна итти творческая разметка, в связи ЛАПП с ленинским комсомолом.

Выступившие в развернувшихся по докладу прениях тт. Я. Калнынь и Н. Владимиров («Залап») заявили об ошибочности формулировок Н. Воронова в его статье о «двух струях» в пролетарской литературе.

Затем выступил **В. Ермилов.** Считая, что в работе ЛАПП достижения очень значительны, В. Ермилов указывает на то, что эти достижения все же плохо закрепляются. Обдумываемый сейчас пятидесятичасовик проверки закрепления ленинской работы должен высоко поднять волну рабочей литературной активности, вокруг пролетарского литературного движения и внутри его, он должен вылиться в отчет пролетарской литературы перед своим классом.

Большую речь произнес тов. **Л. Авербах.** Он отвечает на записку, поданную в президиум, о месте Ленинградской ассоциации в пролетарском литературном движении. — Наша эпоха чрезвычайно богата фактами исключительного исторического значения. Мы, надо прямо сказать, избалованы событиями, из которых каждое грядет в историю борьбы пролетариата. — в широкую историю нового, социалистического общества. На наших глазах происходят гигантские сдвиги социально-политических отношений, сдвиги и идеологии трудящихся, в быту. Пролетариат овладевает руководством в области науки, техники, искусства и литературы, и мы присутствуем при рождении нового пролетарского автора.

Вступление в решающую фазу борьбы за гегемонию пролетарской литературы определяется прежде всего перестановкой социальных сил. С изменением и ростом задач художественной литературы, которая сегодня призвана не только отображать события, но и реконструировать социально - экономические отношения, идеологию и быт трудящихся, — с изменением и ростом политических задач в литературу приходят новые социальные силы.

В науку и искусство вливается лучший творческий актив пролетариата, ставит новые темы и задачи, насыщает науку и искусство пролетарской идеологией, придает литературному производству новую форму, выводит своих героев — строителей социализма.

За истекший год советская литература развивалась по линии включения своих сил в практику социалистического строительства, и чем больше будут появляться из рядов актива пролетариата, чем больше будет изменяться ее социальный профиль, тем быстрее, полнее и идеологически совершеннее будет она разрешать свои прямые литературно-политические задачи в реконструктивный период.

В этих условиях совершенно исключительное значение для развития литературы приобретает призыв ударников. «Ударный приход» в литературное творчество носителей идей и практики социалистического строительства. Этот приход ударников в литературу был своего рода встречным творческим планом, который актив пролетариата предъявил советской литературе. Призыв ударников ускорил процессы дифференциации, происходившие в рядах советских писателей: он был логическим развитием борьбы пролетариата на фронте культурной революции и наглядным доказательством творческой зрелости пролетариата для передачи в художественной форме своего революционного опыта массам трудящихся.

Лучшая часть нашей интеллигенции так и оценила приход ударников в литературу. Если остатки старой, недостроившейся интеллигенции по сей день пытаются сохранить свое место обособленной касты, то передовые слои советской интеллигенции сознательно идут на установление органической связи с пролетариатом. На фоне этих событий особое значение приобретает выступление И. Гронского на творческой дискуссии в ВЦСПС, в котором он совершенно открыто показал, что он не то что недооценивает призыва ударников в литературу, а оценивает его «по-своему», т.-е. классово нам враждебно.

В самом деле, что значат слова И. Гронского: «Сначала рапповцы проповедывали, что литературу сделают селькоры и рабкоры. Это не вышло. Теперь рапповцы говорят, что погоду сделают ударники, призванные в литературу. Но ведь ударники — это то же рабкоры». Не будем напоминать И. Гронскому имена писателей, которые вышли из рядов рабкоров и селькоров,— таких много. Но неужели И. Гронский не понимает, что в литературу, науку идет новый, пролетарский автор, выдвигаемый всем ходом социалистического строительства, — автор ударнической культурной революции?! Слова И. Гронского являются ничем иным, как желанием псевдо-попутчика повернуть литературу назад.

Юбилейная дата призыва ударников в литературу требует от нас подвести краткие хотя-какие итоги того, что сделано в этой области нашими издательствами. Какие задачи стоят перед издательствами в работе с ударниками? Их в основном две: во-первых — воспитательная работа с ударниками, теоретическая и практическая учеба рабочего молодняка, и во-вторых — выпуск произведений ударников.

Надо прямо сказать — ни издательства, ни литорганизации по сей день не сумели поставить по-настоящему, по-серьезному воспитательную работу с ударниками. Недомыслием и по линии ОГИЗ, и по линии отдельных организаций приходилось указывать на совершенно недостаточные темы работы с ударниками, на то, что эта работа велется бессистемно, случайно. Неоднократно приходилось также отмечать, что некоторые товарищи придают этой работе кампанейский характер, не понимая, очевидно, что воспитательная работа с ударниками является составной частью деятельности нашей организации. Мы по-сей день не сумели создать, несмотря на очевидную необходимость, самых элементарных условий учебы ударников, — методологическую литературу. Издано мизерно мало и качественно мало удовлетворительно.

В частности ГИХЛ работу с ударниками проводит главным образом в своей литконсультации, но эта работа нас никак не удовлетворяет. Литконсультация не обеспечена квалифицированными работниками, а без них, конечно, немыслима правильная помощь молодым авторским кадрам.

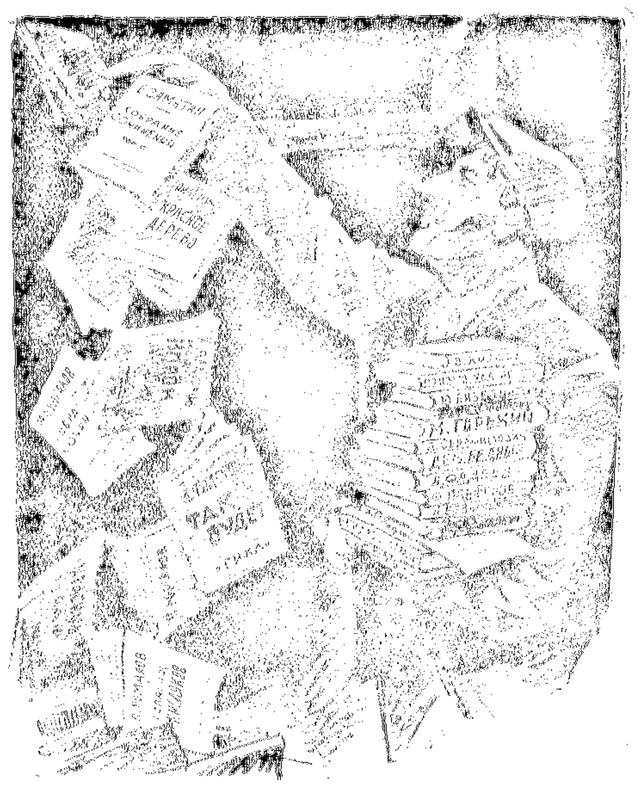
Работа с новыми кадрами авторов приобретает в настоящее время исключительное значение. Об этом совершенно четко говорится в резолюции ЦК об издательской работе: «добиться в организовать вокруг себя новые растущие авторские силы, помочь им подняться на более высокую ступень культуры, знания и специализации». Практически это осуществимо путем «организации при издательствах специальных консультационных бюро или кабинетов, в которых должны даваться отзывы и советы авторам всех поступающих в издательство произведений (независимо от принятия их в производство). Формальную такую консультацию в ГИХЛ, однако, новорежет, качество ее работы не обеспечивает реализации задач, поставленных Центральным комитетом партии. Неизбежному созданию литконсультации, которая отвечала бы этим требованиям, является в этой области самой важной задачей, которую ОГИЗ разовьет при реорганизации своего аппарата. Непременным условием является также выработка единой программы — работы с ударниками, обязательной как для литконсультаций ГИХЛ, так и для всех работников литкружков.

Во-вторых, надо без промедления пересмотреть и отчасти создать заново издательские планы по выпуску необходимых пособий для ударников. Никакая серьезная учеба кружковцев немыслима без соответствующей методологической литературы. Эта задача должна быть разрешена ОГИЗ — ГИХЛ совместно с ЛИЯ Комакадемии и РАПП.

Несколько лучше обстоит с осуществлением второй задачи по призыву ударников в литературу, с выпуском произведений ударников. Тут кое-что сделано. Укажем в частности на сборники «Рабочий призыв», некоторые книжки серии «На фронте литературы», «Страна должна знать своих героев» Молодой гвардии, очерки и рассказы, помещенные в журналах, и—не в последнюю меру — на серию, выпускаемую Профиздатом. В авторском составе ОГИЗ надо рабочего актива, пришедшего в литературу, науку, технику, на сегодняшний день уже достаточно значительно: мы насчитываем, примерно, до 2.000 рабочих авторов. Это то ядро новых авторских кадров, которые выделяются гигантским ростом страны, строящей социализм, закончившим культурным под'емом рабочих и колхозников. Работа с этими молодыми авторскими кадрами и расширение рабочего авторского ядра в ОГИЗ — наша насущная задача на ближайшее время.

В ознаменование юбилейной даты, **ОГИЗ учреждает особый фонд имени призыва ударников в литературу для премирования лучших произведений рабочих и колхозников, пришедших в литературу.**

Краткий перечень задач, которые стоят перед нами, говорит о том, что лишь при большой продуманной систематической работе мы сумеем не только количественно расширить кадры рабочих писателей, приходящих в литературу с произведения и из колхозов, но и закрепить достигнутые результаты, т. е. прежде всего обеспечить ударников всем необходимым для их теоретической и практической учебы. Работа с ударниками — это борьба за новых авторов; мы должны помочь им подняться на более высокую ступень культуры, знания и специализации. Осуществление этих задач ведет по пути борьбы за гегемонию пролетарской культуры, по пути борьбы за большое искусство большевизма.



смена героев...

ЧЕМУ УЧИТ ПЕРВЫЙ ГОД

29 сентября 1930 г. секретариат РАПП постановил провести совместно с ВЦСПС призыв рабочих-ударников в пролетарскую литературу.

Призыв был начат в тот период, когда пролетарское литературное движение испытывало значительные трудности при перестройке своих рядов для разрешения задач, выдвинутых перед пролетарской литературой начальным периодом социализма; когда обнаружилось особенно отчетливое отставание пролетарской литературы от практики социалистического строительства в целом; когда трудности перестройки были использованы капитулянтами из «Литфронта», прикрывавшимися «левой» фразой для развернутой атаки на основные принципы пролетарской литературы, для атаки на напостовство.

Призыв рабочих-ударников сыграл решающую роль в разоблачении капитулянтской сущности «Литфронта». Совершенно закономерной явилась та растерянность, которую призыв вызвал в рядах «Литфронта», — закономерным оказался субботник работы по призыву, которым «Литфронт» встретил первые отряды призывников, явившихся в РАПП. Призыв ударников и разгром «Литфронта» неразрывно связаны между собою, выражая единство процесса подъема пролетарской литературы на высшую ступень, выражая собою начало преодоления трудностей перестройки.

Капитулянты справа и «слева» рассчитывали на то, что кадры призывников противопоставят себя старым кадрам пролетарской литературы, что волна призыва захлестнет РАПП, передний край литературно-политической фракционной борьбы. Как показали итоги первого года, все эти расчеты жестоко биты жизнью. Кадры призывников органически вошли в пролетарское литературное движение, органически сомкнулись со старыми кадрами, восприняли основные лозунги нашей борьбы, за эти лозунги дрались и будут драться.

Секретариат РАПП расценил недооценку призыва рабочих ударников как начальное проявление правого оппортунизма в движении. С этой недооценкой на протяжении истекшего года — как со стороны отдельных организаций, так и со стороны отдельных пролетарских писателей — приходилось сталкиваться неоднократно. Кое-кем из числа тех, что барски - пренебрежительно отнеслись к призыву, пролетарское литературное движение распрощалось. Но недооценка существа призыва на практике имеет место в отдельных случаях и сейчас. Она выражается в отгораживании группок вытянувшихся писателей от рабочих-ударников, в нежелании делиться с последними опытом своей работы, в безразличном регистрозании на ту критику, которую кадры ударников развертывают по всему фронту рапповской работы. Рабочий-ударник на деле стал хозяином в организации пролетарских писателей. Рабочие-ударники не являются сплошной, безликой массой, которая пассивно обучается, воспитывается и обрабатывается в РАПП. Усваивая накопленный опыт пролетарской литературы, борясь за повышение идейно-художественного уровня своего творчества и преодолевая недостатки мировоззрения и художественного мастерства, рабочие-ударники все в большей мере приходят к руководству всей работой организации, выступают застрельщиками в самокритике, перестегивают отстающих, ведут движение вперед. В частности, в той новой полосе творческой дискуссии и творческого размежевания, которая открыта последним пленумом правления РАПП, кадры рабочих-ударников сыграют решающую роль. Только по творческим направление в пролетарской литературе будет жизнеспособным и будет гарантировано от процессов загнивания и вырождения, которое будет опираться на рабочих-ударников и расти за счет последних.

Сказанным определяется и значение призыва ударников для всей советской литературы. Среди некоторых групп попутничества существует мнение, будто призыв является «внутренним делом» пролетарской литературы, не оказывающим непосредственного воздействия на общий ход развития всей советской литературы перед рядом сложных и еще нерешенных задач. Речь идет о дальнейшей борьбе за выражение в художественной литературе успехов социалистического строительства, за мировоззрение, за выработку диалектико - материалистического творческого метода, как за предпосылки создания большого искусства большевизма. Речь идет о показе лучших, в создании истории заводов, об участии в создании «Истории гражданской войны», в технической пропаганде, об ознакомлении международного пролетариата с борьбой за социализм в СССР, как о первоочередных практических задачах. В первую годовщину призыва ударников мы обязаны прежде всего помнить об этих нерешенных задачах. Мы обязаны мобилизовать все силы для того, чтобы улучшить работу с рабочими кадрами пролетарской литературы, чтобы обеспечить все возможности для их постоянной и планомерной учебы, чтобы дать им квалифицированную учебную книгу и учебно-творческое руководство.

Иными словами — вся РАПП должна научиться работать по-новому — так, как об этом говорит постановление секретариата РАПП по поводу речи тов. Сталина.

К ГОДОВЩИНЕ ИСТОРИЧЕСКОГО РЕШЕНИЯ

I.

Еще и сейчас находятся люди, которые не прочь позубоскалить по поводу призыва ударников в литературу, обозвав его призывом «безударников». Совсем на-днях на творческой дискуссии в ВЦСПС один из известных писателей-попутчиков в своем выступлении обвинил, что из призыва ударников в литературу ничего не выйдет, так же, как не вышло ничего (!) из «возни» РАПП с рабкорами и селькорами. Еще живы теоретики о том, что «мы—не против ударничества, но к литературе оно отношения не имеет, литературу делают 50—60 человек «избранных».

Эти теории еще живы. Но настолько, защищающих такие теории, становится все меньше и меньше, и не случайно, что носители этих теорий одновременно являются наиболее реакционными представителями правого крыла попутничества. Не случайно это потому, что этим подчеркивается массовый смысл призыва ударников, линию раз подчеркивается то, что призыв ударников есть проявление классового наступления пролетариата на фронте культурной революции.

На литературном участке создался мощный отряд интеллигенции рабочего класса, вышедший из рабочего класса, отрос, все более и более крепнущий, завоевывающий все новые и новые позиции. Приход рабочих-ударников в литературу, явившись показателем громадного роста активности широких рабочих масс в обстановке развернутого по всему фронту под руководством ленинской партии социалистического наступления, выражает собой все усиливающуюся «социалистическую» тенденцию к стиранию грани между умственным и физическим трудом» (из решений последнего пленума РАПП).

II

Что нового внес призыв рабочих-ударников в пролетарское литературное движение?

Прежде и раньше всего призыв рабочих ударников явился могучим ускорителем перестройки РАПП, перестройки мощной по линии ликвидации отставания пролетарской литературы от требований, которые ставит перед ней реконструктивный период.

Еще еще в прошлом году РАПП выставляла такие лозунги, как «РАПП — на предприятия!» — то сейчас эти лозунги — уже давно пройденный этап, то что же сейчас мыслит себе РАПП иначе, как не на предприятиях?

В результате призыва ударников РАПП стал массовой пролетарской рабочей организацией, очагом-школой, базой которой стал литературный кружок на предприятии, организация, представляющая собой один из мощных отрядов пролетарской культурной революции.

Расширению и изменению состава организации сопутствовало изменение (но все еще недостаточное!) развертывание организации в РАПП, все более и более преобразующейся за этот год из кружка из литературных единомышленников в ведущую литературную организацию, проводящую партийную линию на литературном фронте. Этому способствовало произведение в связи с призывом изменение руководства почти во всех звеньях РАПП.

Но не только изменения в составе организации принес призыв ударников. Изменилось творческое лицо организации. В ряде организаций уже сейчас творчество рабочих-ударников является ведущим, определяющим творческое лицо всей организации. Если еще в прошлом году ударник был редким гостем в наших литературно-художественных журналах, то сейчас многие из них выходят с литературными отделами, принадлежащими целиком перу рабочих-ударников.

Десятками выходят книжки рабочих-ударников, посвященные показу героев, передаче своего опыта, описанию заводов.

III

Творчество рабочих-ударников еще не стало, конечно, ведущим во всей пролетарской литературе (ведущая роль остается пока у выдвинувшихся пролетарских писателей первого призыва), но уже сейчас невозможно решать никакие встающие перед РАПП творческие вопросы, обходя творчество ударников.

Пришедший в литературу рабочий-ударник принес с собой свою основную тему, — являющуюся в то же время **генеральной темой пролетарской литературы** — тему о заводе, о соревнующемся трудовом коллективе, о себе—одном из участников этого соревнования. Активный участник практики социалистической стройки на фабрике и заводе, он, придя в литературу, сделал новый шаг для ликвидации отставания литературы от этой практики.

И поэтому таким подготовленным застали РАПП поставленные партией перед литературой задачи показа героев в создания истории завода. Эти задачи свалились на РАПП не внезапно, не «сверху» (как это произошло с некоторыми организациями), они были подготовлены приходом ударников, они совпадали с основной темой, принесенной ударниками. Вот почему эти задачи стали перед РАПП, не как «временные кампании», а как **составная и неотъемлемая часть борьбы за большое искусство** большевизма. Было бы неверным и ненужным противопоставлять (а на первом этапе приход начинает и такие «теоретики») рабочих-ударников уже выдвинувшимся пролетарским писателям первого призыва. Ударники, десять, настоящие пролетарские писатели, а те — не настоящие, те — отходят на задний план. Перед ударниками, десять, не стоят те проблемы, которые стояли и стоят перед остальными пролетарскими писателями.

Это изображение рабочих-ударников надеялись, непонимающими родства, это «рабочелюбство» бек-тоомовского типа на деле вело к смазыванию важности работы над мировоззрением ударников, не говоря уже о том, что оно зачеркивало весь предыдущий путь развития пролетарской литературы.

Первые же творческие пяти рабочих-ударников опрокинули эту «теорию», показав, что нельзя искусственно разорвать призыв ударников от всей подготовленной его историей РАПП. В частности, призыв ударников, в творчестве которых повторялись многие их тех болезней, которыми болела пролетарская литература на первых этапах ее развития, лишний раз подтвердил правильность основных творческих установок РАПП, выработанных пролетарским литературным движением, в борьбе с воронщиной, лефовщиной, формализмом, литфронтовщиной, перерезвинской, установок, идущих по линии борьбы за марксистско-ленинское мировоззрение, за углубленный показ действительности во всей ее сложности и противоречиях, за диалектико-материалистический художественный метод.

IV

Было бы неправильным, если бы мы ограничились в головокружении призыва ударников лишь дифирамбами по их адресу. Значение призыва было бы тогда большим, если бы мы лучше с ударниками работали.

До сих пор мы еще не ликвидировали общего, «сплошного», «обезличенного» подхода к ударникам, все еще (как правильно говорил об этом на последнем пленуме РАПП т. Киршон) продолжаем «счет на тысячи».

Мало у нас любовного, внимательного отношения к творчеству ударников, изучения этого творчества, **индивидуальной помощи начинающим рабочим писателям.**

Вот умонья работать с ударниками так, как работает с начинающими писателями Максим Горький.

Говорим мы об этом много и уже давно, но перелома какого следует тут еще не произошло (за исключением разве Москвы).

Поэтому — первый и основной наш вывод в годовщину призыва — **прекратить «обезличку» по отношению** к ударникам.

Плохо дело с учебой ударников. Если на-за плохой, неналаженной учебы много ударников, разочаровались, ушло от нас. Надо как следует использовать эту зиму. Кружки на предприятиях, заочные курсы, кабинеты ударников, консультацию при издательствах — все это надо наладить, проверить, привести в движение.

Почти не оказывают помощи ударникам выдвинувшиеся пролетарские писатели, мало общаются с ними, почти не делятся опытом работы. Надо прекратить это совершенно безобразное положение. За зиму надо устроить десятки собраний, дать серию книжек для ударников с передачей опыта старших писателей. Это предохранит ударников от случайной и часто вредной литературной учебы (есть уже и сейчас подражания... Северянину и раннему Блоку).

Лицом к творчеству ударников надо повернуть нашу критику. Здесь пока — позорное отставание и барское пренебрежение. Ни одного номера рапповского журнала без статьи о творчестве ударников! Ни одного рапповского критика, не занимающегося творчеством ударников! — таковы должны быть наши требования, адресованные критикам.

Работой над решением этих задач должны мы встретить первую годовщину исторического решения о призыве рабочих-ударников в литературу. Проверкой того, как выполняются эти задачи, должны мы ознаменовать наш рапповский праздник.

И. МАКАРЬЕВ

НАПИШЕМ «ИСТОРИЮ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ»

Центральное бюро бывших латышских стрелков при ЦС Осоавиахима на расширенном заседании в присутствии московского актива приняло обращение ко всем своим членам. В обращении говорится:

Латышские стрелки, имя которых покрыто доблестью на всех фронтах гражданской войны в борьбе за диктатуру пролетариата и которые дают лучшие образцы ударной работы на заводах, фабриках и на полях совхозов и колхозов, должны быть активными участниками укрепления обороноспособности Страны советов, активными участниками в работе по созданию «Истории гражданской войны».

Популяризировать идею написания «ИГВ» среди трудящихся, всесторонне осветить героическую борьбу латышских стрелков на страницах «истории» — такова наша задача. Особое внимание должно быть уделено сбору и разработке материалов для «истории» и организации широкого обсуждения этих материалов среди участников гражданской войны.

Необходимо усилить темпы сбора и разработки материалов для «Истории латышских стрелков».

Состоялся массовый вечер участников гражданской войны, организованный Нарвским районным комитетом ВКП(б) и Ленинградским отделом ФОСН. С докладом выступил т. Ю. Либединский. К вечеру Нарвский райком ВКП(б) и ЛОФОСН выступили с воззванием, в котором говорят о необходимости быстрейшей реализации постановления ЦС ВКП(б) о создании «ИГВ».

Нарвский районный партийный актив призывает участников гражданской войны записываться в заводские литкружки ЛАПП и группу участников гражданской войны при районной АПП. Работа группы ведется под руководством районной комиссии по созданию «истории гражданской войны». Комиссия организована Нарвским райкомом.

А. САЛОВ, рабочий зав. АМО. Ударник-краснознаменец. Изобретатель-рационализатор. Один из первых ударников в литературе. Автор книги «Рождение цеха».

ВЫРВАТЬ ИЗ ФАШИСТСКИХ РУК НОВЫЕ ЖЕРТВЫ

Писательская общественность Белоруссии протестует против ареста и предания военно-полевому суду польских революционных писателей

Секретариат Белорусской ассоциации пролетписателей, ее польская секция, белорусская ФОСП и литературное об'единение «Узвышша» выпустили обращение, в которых призывают пролетарскую и всю писательскую общественность Белоруссии и протесту против предания военно-полевому суду революционных писателей.

Общее собрание писателей и литераторов, об'единенных в белорусскую федерацию об'единений советских писателей, горячо протестует против неслыханных действий польского фашизма.

Секретариат БелАПП, получив известие об этом неслыханном поступке озверевшего польского фашизма, призывает революционных писателей всего мира поднять свой могучий голос протеста в защиту арестованных товарищей.

У МОРЯ

Там, где море
синими боками
Раскачало толщи валуна,
Я стоял
И думал,
Как веками
здесь о камень
Бьет
и бьет волна.
А вдали —
навстречу курсу норда,
Разрывая межи шалых вод,
Примином
уверенно и гордо
Шел широкогрудый теплоход.
И по зыби —
вижу — тем же смазан,
Чем и я, —
Навстречу друг спешим.
Черт возьми!
Да как же,
как же сразу
Не узнал я поднятый бушприт?
В этом шуме волн
И мокрой гальки гуляй
Не узнал.
Не слышал я —
ей-ой!—
Шум винта,
чеканенный форсункой,
В трюме
жирных бойких дизелей...

Стук машины
крепок и уверен.
Так станина, значит, не сдала,
Так не зря буры резцом зверем,
Прогрызая ребра штанг!
А когда
он только что был начат,
С первого железного листа, —
То с какой упорною отдачей
Шли заклепки в черные борта!
И сшивая
этот самый кузов,
По два ряда нам пришлось клепать,
Чтобы он под массой твердых грузов
К камбалам,
к медузам
не упал.
...Ход уверен...
Я заклепки щупал
Под слоями краски и смолы.
Силу гиля
бортовых уступов
Щупали упругие валы, —
Но от них
кругом пятна ваты,
Поднимаясь на зеленый вал...
Мне казалось,
будто близкий брат мой
С теплоходом этим уплывал.

В. ГЕЗЬЧИКОВ
работник-ударник з-да «Каучук».

В БОРЬБЕ ЗА НОВОГО АВТОРА

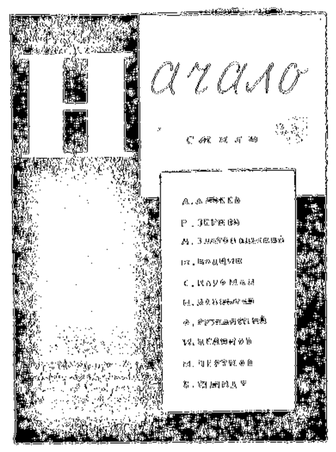
беседа с зав. ОГИЗ тов. ХАЛАТОВЫМ

творчество рабочего писателя отдано делу своего класса

песни под'ема

Сборник стихов «Начало»* вышел в Ленинграде, в серии «Призыв ударника». В сборнике — 10 авторов: все они — токари, фрезеровщики, формовщики ленинградских заводов, представители в пролетарской поэзии призыва рабочих-ударников.

О труде, машинах, заводах писали поэты «кузнечного» периода пролетарской поэзии, обучавшиеся в студиях пролеткультов и вступавшие в литературу под явным поэзия Кириллова, Герасимова, Гастева. Отличие их поэзии от поэзии «начальных» (со многом характерной для всей поэзии рабочих-ударников) не только в том, что «кузнецы» писали о заводе вообще, а «начальные» пишут по большей части о конкретном заводе, — различие не только в степени отвлеченности или конкретности художественных образов. «Кузнечная» поэзия труда вообще, труда как такового, и притом даже нередко не индустриального, а ремесленного, поэзия, которая была в значительной мере оторвана от политики пролетариата и не выражала сущности его борьбы,—эта поэзия сейчас сменяется поэзией социалистического труда, все определеннее революционные мотивы сменяются мотивами осознанно-политическими. В таком изменении существа рабочей поэзии — от сборников 1920—21 годов до «Начала» — проявляется весь могучий динамизм рабочего класса: пролетарской поэзии по пути ее превращения из поэзии класса в себе в поэзию класса для себя (не забудем, что и «Начало» представлены рабочие-поэты, впервые выпускающие сборник своих стихов).



Таково то новое, что приносит с собою уже сейчас поэзия рабочих-ударников. И это же новое позволяет отметить на ближе к путях развития пролетарской лирики, поставленных в частности Б. Кацем в «Литмаксе» (стих. «Другу-пирожку»).

В. Кириллов вырвался с достаточной полнотой изображения людей, овладевших социалистической индустриализацией; начал тут может быть лирика, если сам «быт тяжелым золотом» век наш электрический?.. Где уж тут до Шумана! Где уж тут до Тютчева! Пролетарское поэт — представитель класса, который культурно завоевывает мир, — класса со все более усложняющимся комплексом мыслей и чувств, ещо вполне не переданных в искусстве — и в лирике в том числе. Подлинно-пролетарская лирика ступила в двери искусства сегодня. И мы, учитывая в сборнике «Начало», видим, какие богатые, еще почти не реализованные возможности открываются перед нею.

Цех завода «Большевик» А. Алфеев, пишет:

Мой номер повешен.
Влюблю я юность
В большой водоем заводского двора!

Целая поэтическая сейчас взывает своим юность и зрелость в «большой водоем заводского» социалистический завод, ядро на центров культурной революции, где в более будет стираться грань между физическим и умственным трудом, найтся для них единый знаменатель, где будет осмысливаться мир, где будет формироваться человек нового строя — социалистического общества. Отсюда исходит новая лирика, здесь будут и то и новые музыки — Глазуновы, Шумаи и Тютчев не найдут здесь продолжателей своей творческой линии.

Но в то же время и «Начало» поэзия лирика звучит еще неуверенно.

В узком ряду мотивов следует отметить очень сдержанное чувство, боязнь эмоционального «переполя», искусство прочтут сухость обрыва. Откуда она, эта сухость, эта боязнь раскрытия своего чувства, этот уход от того, что придает искусству огромную впечатляющую силу? Думается, что это — в ряде случаев — неумение найти форму выражения своего чувства. Во всяком случае вал силы развитой эмоциональной тональности творчества ряда наших ударников не следует приписывать всерьез.

Социалистический труд, преодоление трудностей, утверждение ясности в классовом коллективе, рождение и закрепление социализма — вот основные тематические мотивы «Начала».

«В конце пятилетки ты сделаешь отчет целиком,—пишет тов. Р. Зернов, токарь металлического завода им. Отделил, обращаясь к бригаде.

Но все-таки это начало работы.
Весеное утро идет налегке
В визжаньи работы и громе...

Однако далеко не всегда отмеченная выше идейная устремленность авторов «Начала» вытекает из действительно продуманного, глубокого мировоззрения. Нужно отметить как основной недостаток большинства поэтов «Начала» — недостаток мировоззрения: знаменуя собой новую ступень в поэзии рабочего класса, пролетарской поэзии, их творчество в то же время нередко несет стихийно отражает правильные пути, а нередко обнаруживает прорывы, сквозь которые устремляются чуждые классовые влияния. Именно отсюда — из слабости мировоззренческого фундамента — возникает беспомощность иных перед фактами наличной действительности, неумение их обобщить, отбор случайного и второстепенного материала (таковы, например, стихи М. Кадкина, черноработего завода им. Ильича), или отвлеченная декларационность других (стихи фрезеровщика зав. Марти Л. Златопольского: обнаружив неплохое начало технической выучки, они в то же время сильно уклоняются в отвлеченной декламации об «ударном времени великих работ»). Нередко также в основу стихотворения кладется ложная идея явно непролетарского происхождения.

Вот, например, «Стихи о факте» Р. Зернова, написанные не без влияния тихоновской баллады о синем пакете. Тиски зажали руку рабочего Хинейко. Руку можно спасти, но Хинейко отказывается: будет испорчена деталь, заказ не будет выполнен в срок. В результате — тиски искорежили пальцы Хинейко, но —

Диск не испорчен и к сроку готов.
Заменяя левую руку твою,
Другие ребята на стройку встают.

Л. Левин в предисловии к «Началу» упрекает Р. Зернова в том, что Зернов не показал читателю «классово-политическое измерение» поступка т. Хинейко. Но ведь не в этом же суть ошибки Р. Зернова. Ошибка его в том, что он романтически преувеличил безрассудный героизм Хинейко. Хинейко пожертвовал рукой, чтобы не испортить деталь заказа. Такая жертва вытекает из субъективно-хороших побуждений, но она приносит делу, за которое т. Хинейко борется, не пользу, а вред: Хинейко выбыл из строя. Никакой нужды в этом не было.

Но уровень Л. Левина в вскрытости классового содержания явлений действительности сохраняет свою силу для других авторов. В «Начале» мы встречаемся с фетишизацией техницизма («Технические стихи» Б. Шмидта, формовщика завода № 5 им. Ленсе), с влиянием ложной романтики и пр. У того же, в целом очень «чистого» поэта Б. Шмидта есть стихотворение «Рождение войны». Влияние философии Киплинга прошло через поэзию Прокофьева и достигло огромных размеров у Шмидта. Война здесь предстает перед нами в ложном экзотическом блеске. Но кроме того Б. Шмидту почему-то понравилось, наверно сцену к войне из инстинктов конечного человека, само происхождение войны отнести к периоду возникновения капитализма:

Потом пришла лихорадка золота и серебра,
По всем неизвестным видам поиски новых стран.
Алхимики долго возились с пробирками из огня,
Докапывались до сины болотных невозможных камней,
Чтоб в золото обращались осиная
медь и свинец...
В такое опасное время вынянчилась война.

Стихи «Начала» могут и должны быть подвергнуты серьезной критике и в области их формальных недостатков (хотя «Начало» несомненно, как вопрос формальный минимум, с которым рабочий поэт входит в поэзию, по сравнению с предшествующими годами).

Но, подвергая поэзию рабочих-ударников критике, мы должны видеть то новое качество, которое — в неразвернутом виде — эта поэзия с собою приносит.

Творчество ударников не возникает на голом месте, оно впитывает в себя богатый опыт вчерашнего и сегодняшнего дня пролетарской литературы. Но этот опыт оно обогащает новыми свойствами, особенно ценными в области пролетарской поэзии. Осознать такое явление — это значит определить путь движения вперед, к тому, чтобы пролетарская поэзия стала именно такой, какой она является в «Стихах о песне» Р. Зернова:

...Как проходили гранатные ночи,
Так эти бетонные годы пройдем,
С руками тяжелыми, с песней рабочей,
Ее пронося на стропильный под'ем.

А. СЕЛИВАНОВСКИЙ

* «Начало». ЛАПП. ГИХЛ. 1931.

на призыв партии

СБОРНИК. Изд. ВЦСПС. М. 1931. Стр. 120. Тир. 25.000. Ц. 80 к.

Этот сборник имеет целью показать, как реализовали, как реагировали рабочие-ударники на сентябрьское обращение ЦК партии. В книге собраны очерки авторов, работающих в различных отраслях промышленности. Тема всех очерков — общая, с некоторыми, правда, отклонениями, но качественно они (очерки) значительно отличаются друг от друга.

У **Пшеничникова** рабочие говорят «хором». Показывая зарождение ударничества на бакинском кожзаводе, Пшеничников делает такую расстановку сил: с одной стороны — ударник Шапиро, повышающий нормы и снижающий расценки, с другой — этот ненавистный «хор». «Работы нет»,— хором отвечали ударники. «Правильно», — ответили хором рабочие. «Здорово», — шутили рабочие... и т. д.

Пшеничников недостаточно хорошо увязывает сложную обстановку завода, и потому у него и ударничество, и поход на учебу, и рационализаторское движение носит на себе отпечаток стихийности и проходит, как будто без руководства партийных и профорганизаций.

Отождествлять ударничество с бесплатной сверхурочной работой заведомо ошибочно. Ударничество — это коренное изменение методов и форм труда, а не удлинение, хотя бы и добровольное, рабочего дня. Вот это, а также и то, что **Вартанов, Микульшин и Ручимская** на четырех страничках очерка «Пятьдесят тостей — комсомольский» умудряются именно умудряются и о летунах, и о нелояльности инженеров, и о контрактации делают этот коллективный очерк схематичным и слепым.

Бледен и очерк **Ал. Шейдлина**, рассказывающий о перековке/квалификации черноробочих. Шейдлин никак не может освободиться от власти схемы. Молодежь у него — это лишь «шумная ватага», «молодые голоса».

М. Хозин — участник выездной редакции «Красного горняка»; очерк его называется «Горящий сентябрь», но мы не видим в нем «горячки» ликвидации прорыва в Криворожье. Автор не показывает и даже не описывает борьбу шахтеров за выполнение плана; он просто перемешивает разговоры об оперативном плане с кличками цифрового итога.

Павел Нежной — герой очерка Л. Первцева «У новых машин» — живет фабрикой, отдает ей все силы. На примере Павла, Первцев убедительно показывает, что ударничество становится необходимостью; что этот вопрос волнует рабочих не только в течение трудового дня, но и за пределами фабрики.

Мы видим ударников Д. Первцева за работой, и это также надо отнести к достоинствам очерка. Ремонтировщик Никулов видит, как его товарищ угробил машину; им овладевает чувство хозяина и он кричит: «Отдай молоток, сука. Ты лучше себе в морду ударь, а по машине не смей».

Язык Первцева перегружен еще балластом ненужных слов, но это не мешает ему местами уже быть крепким и острым.

Работает над языком и П. Грибков («Ответная ударная»). Классовый враг в облике Никишки Круглова — поджигателя, мешает, но не может остановить победного движения ударной бригады; Никишка не встречает ни у кого ни жалости, ни поддержки. Грибков показывает в Никишке всю гниль остатков кулачества и говорит о нем решительно и брезгливо. Ударничество — это высокосознательный труд; это проходит красной нитью через очерк Грибкова, приближающийся к рассказу.

Н. Добровольский — «Схватка» — экспрессивен, но не всегда хорошо владеет материалом. Он разбрасывается, глаза его «разбегаются»; не успев договорить об одном, он уже заговаривает о другом; он мечется по огромному цеху Сормовского завода, пытаясь слить и проникнуть во все противоречия его кипучей жизни; но потому, что Добровольский не ограничивает себя определенной темой, в его очерке больше описательства, чем показа.

Добровольский не дорисовывает ни одного лица. В очерке выведены Цесахин — секретарь комсомольской ячейки, Лебедев — молодой изобретатель, комсомолец Минеев — летун и рвач, старик-слесарь Андрей Яковлевич Акимов; но все они вырваны из коллектива и показаны в неподвижности. Мы не видим, как руководит ячейкой Цесахин, мы не можем проследить пути изобретателя Лебедева или ухватова-летуна Михеева. Бросая их на полдороге, Добровольский возвращается к обезличенному коллективу.

И все же, несмотря на свои недостатки, Добровольский — один из способных авторов сборника.

Очерк **Ив. Князева** «Ермило на переломе» читается с интересом. Ермило — его шахта, которую «превратили в грязную помойку» и которая, в результате штурма шахтеров, становится в ряды лучших.

Прогулы волокут шахту к прорыву, бойкие Зубов пьянствует, его штрек пустует. Но под влиянием редактора газеты «За уголь» и секретаря ячейки в Зубове вспыхивает борьба, кончающаяся победой пролетарского сознания: «Не могу остаться врагом пятилетки». Своим примером Зубов вскрывает других, помогает властям прокурора в сознательной работе. Так, Князев подчеркивает правильность идеи перевоспитания преступников. С этого начинается перелом в шахте, весь ход которого — от обезличения шахты до листовок и фамилий прогульщиков на паровозных коробках — рапортах и последовательно показывает Князев.

Для **И. Павлова** характерны, на ряду с ясностью поставленной темы, некоторая лозунговость. Тон его очерка — боевой, деловитый, в нем нет слюнявого сюсюкания. Вот ответ на обращение ЦК «и переделной тоже быстрее, чем вчера. Растут столбы переплетенных учебников и др. книг, уже готовых к отправке. Сильнее ревут проволочно-спиральные машины, опутанные строго рассчитанные звуки «крылаток», чаще выделяется щум то одной, то другой автоматической резальной машины».

В большинстве произведений ударников можно встретить, как правило, одно-два-три несколько собраний и заседаний. Они строятся всегда по одному образцу, они показаны в литературе тысячу раз.

Отсутствие иллюстраций, фото - не идет на пользу сборнику.

Н. СЕРГЕЕВ

может ли быть природа пролетарской

о книжке т. Водолазко „Фабрика мяса"*

Среди других книг авторов-ударников книжка т. Водолазко (при наличии в ней ряда недостатков и существенных ошибок) выделяется своим художественным, образным характером. Одной из ее особенностей является, между прочим, то, что в ней очень большое место занимают образы природы. Первая вводная глава целиком посвящена описанию степей, — места возникновения будущего совхоза. Вопрос об образах природы в пролетарской литературе у нас совсем еще не ставился и не обсуждался, а между тем он имеет не маловажен. Книжка т. Водолазко дает интересный материал в этом отношении. Природа, пейзаж, в пролетарской литературе как бы несколько отстранены и своем месте и значении по сравнению хотя бы с дворянской литературой. Но не в количественных масштабах дело. Образы природы будут входить и должны входить как существенный элемент в общую систему пролетарского стиля. Дело в качественно новом отношении к природе, в новом методе ее изображения.

Для буржуазной и дворянской литературы (вспомним, к примеру, Тургенева) характерно созерцательное отношение к природе, как к предмету эстетического наслаждения, как к месту душевного отдохновения, самоуспокоения, приобщения к таинственным корням всякой жизни. Природа — что-то вроде теплой ванны для вымученного, измотанного, уставшего человека. На фоне этого общего созерцательного, эстетизирующего отношения создаются, и в образах выражаются, различные понимания природы как «субъективно-идеалистического, так и объективно-идеалистического типа. Из пестрых образной системы художники создают разный узор, отводя разное место природе и по-разному ее связывая с человеком. Пантеистически - одухотворяющее изображение дает Тютчев:

Они не шепчут и не спешат,
Живут и сеют мир, как цветы.
Для них и осень, дождь, не диктат
И жизни нет в морских волнах.

Луч к ним и душу не сходил,
Весна в груди не пела,
При них леса не говорили
И ночь в звездах не была.

И маленькие песенные,
Волнуя реки и леса,
И ночь не совещалась с ними
В беседе дружеской гроз.

Пучок «подробностей», связанных с единством субъективного переживания, пишет Пастернак:

Облака под запашными фасонах,
Оболакивая даль, перетрафили.
Пастухи, как холодные кафли,
Город кладет шеломя к плесам.

Своеобразные опыты «научного» пейзажа находим мы в поэзии конструктивистов:

Черкнув горизонтом таинственный круг
Из красного солнца и снежного пыла,
Земля опускала багровый взгляд
Терпеливо, неудержимо.
(Сельвинский)

Пролетарская литература подходит к природе, исходя из практики пролетариата, с точки зрения диалектико-материалистического мировоззрения. Должна ли она исчезнуть в пролетарской литературе тема биологической, животной связи человека с природой? Нет, конечно. Природа, как источник здоровья, как естественная среда, воздействующая на человеческий организм, должна найти свое отражение. Но эта связь есть лишь момент в более конкретной связи, в которой человек противостоит природе как член общества, как член производственного коллектива, как член классового коллектива. Такое изображение есть задача пролетарской литературы. И вот в этом отношении книга т. Водолазко дает очень интересный пример.

Как даны образы природы и ней? Объект описания — прикасписские степи. Можно было бы много наговорить о красотах пейзажей, о восходах и закатах и о прочем. Но не это попадает в поле внимания автора. Глава «В калмыках» начинается с описания местного населения — кочевников, их внешнего вида, условий жизни, занятий. Затем идет описание природных условий. И эти природные условия рисуются прежде всего с производственной точки зрения. Автор полон своеобразной «жилистости»: вот сколько добра лежит и пропадает зря, ожидая человеческих рук!

«В озерах и заливах водится громадное количество рыбы: сазан, щука, судак, тарань, местами даже белуга и севрюга. Калмык служит для кочевников поплавком, на рыбу же они выменивают муку в соседних крестьянских селах. Камыш этих степей славится прочностью, крепостью и длиной. Он мог бы быть прекрасно использован для строительства, но был издавна только украшением природы в необозримых степях. Десятилетиями, столетиями расширяется и укрепляется он на тысячах километров, наполняя всю степь своей шипящей песней».

Дальше идет описание животного населения этих мест. Автор все время описывает природу, как производственную среду, как возможный материал человеческого труда. Природа включается в систему общества, как производственного коллектива.

Но это еще не все. Если бы автор этим ограничился, здесь еще не было бы ничего специфически пролетарского. Но он включает природу и в систему производственных отношений, показывая, из кого и как она «работала» прежде и на кого и как «работает» она теперь. «Главным хозяином этих раздолий до революции был князь Мусса-Аджи, с острым вкусом, как бы помягче назвать, с долгих, угрюмый и хитрый. Он выстроил для кочевников две мечети и прослыл за это благочестивым. Он сушил опиум чай, оставшийся у него в больших количествах, и раздавал его кочевникам. Он «позволял» им пасти скот на участках, отведенных ему царским правительством. За все это они беспрекословно несли его несчетные стада и считали его «святым»... Дальше дается картина эксплоатации пастухов и описок, характеризующий ожесточенную классовую борьбу, идущую в этих степях. «И вот во время этих немерянных степных приволий организовался осенью 1925 года совхоз-гигант «Сватовой», — заключает автор главу, переходя далее к рассказу об организации совхоза.

С. ТАРАСЕНКО, рабочий завода АМО, командирован на учебу в I МГУ с использованной синекдохой им. Ильинского. Автор книги «Деловая».

Книжка т. Водолазко показывает, что и картины природы — этот скрепный» аксессуар романа о черняках «это» и «все» — могут тоже взять на борьбу и зарядить творческим поте-лом.

Н. ВИНОГРАДОВ

* Изд-во ВЦСПС. Стр. 46. Ц. 9 к.

чей это голос?

На дискуссионном собрании в Московском отделе ВССП писатель И. Евдокимов заявил: „в литературе ничего не вышло с рабселькорами, ничего не выйдет и с ударниками".

Растерявшийся обыватель выразил мысли врагов пролетарского литературного движения.

Мы печатаем ныне отклики ряда товарищей и организаций по поводу заявления И. Евдокимова, сделанного в канун первой годовщины призыва рабочих-ударников.

В связи с годовщиной призыва ударников в литературу президиум ЛО ВССП принял постановление, в котором отмечает, что год работы ленинградской организации ВССП с рабочими-ударниками, призванными в литературу, показал ведущую роль передовиков рабочего класса не только в массовом литературном движении, но и в перестройке попутнического отряда советской литературы. Ряд книг, издаваемых бригадами рабочих-ударников и членов нашего союза, участие членов ВССП в рабочих редсоветах издательств, творческая работа наших писателей на заводах — в тесной связи с рабочими литгруппами, — все это свидетельствует о том, что рабочие-ударники — основное ядро массового пролетарского литературного движения — уже сегодня «делают погоду» в литературе.

Считая нужным занять об этом и годовщину исторического решения РАПП и ВЦСПС о призыве ударников в литературу, президиум ЛО ВССП вместе с тем подчеркивает, что работу союза с ударниками все еще нельзя считать удовлетворительной, недротив того, она требует значительно большего внимания, чем это было до сих пор.

Касаясь выступления на дискуссии члена МО ВССП И. Евдокимова в части его отношения к призыву ударников, президиум ЛО ВССП подчеркивает, что высказывания на дискуссии в МО ВССП т. Евдокимова никак не совпадают с основной литературно-политической линией всего союза советских писателей и решительно осуждаются президиумом ЛО ВССП. Такого рода тенденции должны быть преодолены в дальнейшей углубленной работе советских писателей с ударниками с тем, чтобы вся организация ВССП в литературно-политической и творческой работе оказалась наиболее тесно связанной с ударным движением пролетариата.

Н. ЛЕОНОВ
ВЕСЬ

Призыву ударников в литературу лично я придаю большое значение не только как политическому фактору, в крупной мере повышающему общий удельный вес пролетарской литературы, но и как фактору, в равной степени активизирующему всю советскую художественную литературу привлечением своих, молодых товарищей и лучших бойцов за социалистическую литературу.

С. ФРИДЛАНД
ЛИЦО

Речь Евдокимова на творческой дискуссии ВССП не только ошибочна. Она главным образом клеветническая. Не вызывает никаких сомнений, что большой размах призыва ударников в литературу, творческий рост рабочих-писателей известен Евдокимову, но полностью им игнорируется.

Евдокимов злобно шипит:

— Из призыва рабочих-ударников в литературу ничего не выйдет.

А знаете ли вы, «товарищ», что вовсе что уже вышло? И даже порядочно!

Разве создание огромной сети литстраниц в нашей фабрично-заводской печати — не прямой результат призыва рабочих в литературу? Разве издание многих серий книжек рабочих-авторов о нашей грандиозной стройке — не результат призыва?

Чувствуя собственное творческое ослабление, И. Евдокимов пытается свою беспомощность поддержать надеждой, что из большого, нового, стремительно растущего движения «...ничего не выйдет, как не вышло из ставки на рабкора».

Какие надежды!

Им. САХАРОВ
ЛИТ-ГРУППА СЕВЗАПБЮРО Ж. Д.

«...На призыва рабочих-ударников в литературу ничего не выйдет, как ничего не вышло из ставки на рабкора», — говорит провидец, «подлинный художник пера» И. Евдокимов. Если бы сказали рабкору перед Октябрем: не рыпайся, ничего у тебя не выйдет, как ничего не вышло в 1905 г. — не поздоровилось бы такому пророку.

Ставка на рабкора и призыв ударников в собственной практике я ощущаю вполне как различные этапы движения, сообразные с временем. Если с грамотностью, полученной от сельского начального училища, я мог лять в 1926 году в стенгазету заметку в форме глагольных частушек - вавирушек, то дальнейшая практика товарищеской учебы в литературном кружке помогла мне в 1929—30 гг. напечатать рассказ и несколько стихотворений в журналах и газетах массового издания.

В нашем клубе моей песни назвали сегодня и вижу отсутствие нужного и досадный факт наличия лишнего. Это — признак роста авторского сознания.

Л. СУББОТИН
ЦК ДОНУ

Призыв ударников-рабочих и колхозников в литературу дал огромные положительные результаты как в смысле подготовки новых кадров писателей, так и в смысле творческого роста литературного пролетарского молодняка.

Только оторвавшись от нашей действительности, от успешно выполняемых задач социалистического строительства, можно отрицать значение призыва. Среди призванных ударников—рабочих и колхозников — мы имеем людей, не только желающих писать, но людей, уже далеко художественно ценные и актуальные произведения.

Вскрое выступление против призыва, подобное выступлению Ив. Евдокимова, я считаю выражением классово-враждебных настроений элементов, пытающихся так или иначе подменить организованное массовое литературное движение писателей «самотеком», проповедующих отрыв литературы от масс, от непосредственной борьбы за коммунизм.

Наша литературная общественность должна резко осудить выступление И. Евдокимова.

П. СЛЕТОВ
ВЕСЬ

Как бы ни развивалось искусство, литература, каков бы ни был подъем эстетической культуры, эта культура социально бессмысленна, если она не расширяет ряды, способные жить ее интересами, если она замкнута кругом потребителей из высшей культурной прослойки.

Мечта каждого подлинного художника — сделать искусство достоянием широких масс, знать, что в бюджет времени каждого труженика искусство вошло не случайным гостем, а постоянным собеседником, видеть, что отсталые массы овладевают грамотой не только для того, чтобы подписать свою фамилию, прочесть газету или учебник, но и для того, чтобы приобщиться к огромному миру образов, воссоздающих жизнь в искусстве, стать творцом в этом мире.

Никогда еще не ставился с такой социальной широтой и смелостью вопрос об эстетической культуре, как он поставлен движением, развернутым под лозунгом призыва ударников в литературу. Помощь начинающему писателю, проводившаяся раньше отдельными художниками, такими как Горький, как ни значительна она была, оставалась разрозненной. Именно нахождение организованные формы этого огромного дела. Впервые рождение нового художника доверено не случаю, а движению, идущему ему навстречу. Новый художник может и должен знать, что перед ним писательская общественность наших дней ищет этой встречи, поддержит и оценит его творчество раньше, чем кто бы то ни было, вопреки отдельным голосам, ставшим под сомнение первые биения его сердца.

Е. МОРОЗОВ
ЛИТКРУЖОК НАВИЧНОЙ Ж. Д.

Бурный рост нашей социалистической промышленности, ликвидация кулачества как класса вызывает бешеное сопротивление классовых врагов по всему фронту — и в области экономики и в области идеологии.

Решительные сдвиги в области культуры, обусловливающие призыв рабочих-ударников в литературу, вызывают пропорциональное сопротивление классовых врагов в литературе.

С этой точки зрения, именно с этой, я и расцениваю выступление Ивана Евдокимова 12 сентября на дискуссионном собрании.

Будучи рабочим-ударником на производстве, отдавая все силы на выполнение промфинплана, относясь с полным доверием к производственно-технической интеллигенции, честно работающей вместе с нами, я в тоже время беспощадно борюсь с теми, кто стремится дезорганизовать нашу работу. Чутко относясь к тем непролетарским писателям, которые своими художественными произведениями помогают рабочему классу строить социализм — я не менее зорко буду сражаться с теми, кто в области идеологии протаскивает враждебные рабочему классу идеи.

Л. ГАЛИЦКИЙ
ЦК ВИРУЮЩ СОЮЗ

В результате призыва наша организация окрепла не только количественно, но и качественно. Сейчас МАПП на восемьдесят процентов состоит из рабочих-ударников, призванных в литературу. Все попытки со стороны явно враждебных писателей типа Евдокимова помешать дальнейшему развертыванию и укреплению призыва—обречены на неудачу.

Сейчас, когда развитие пролетарской литературы характеризуется активизацией массового читателя — Евдокимов заявляется с дискуссионной трибуны ВССП проповедовать, что «тема Гидроцентрали Шапиян скучна, сера. Это искусство для немногих. Масса не прочтет и не оценит».

Иначе говоря, Евдокимов считает, что романы, описывающие социалистическое строительство, жизнь и борьбу на заводах и в совхозах — серы и скучны. Евдокимову не нравится наша тематика потому, что она художественно разоблачает ею враждебность литературе, помогающей строить социализм.

призыв ударников и попутчики

Призыв рабочих-ударников в литературу, начатый год назад, был воспринят в попутнической среде далеко неодинаково. Лучшая и наиболее активная, «сезонническая» часть писателей, входящих в состав Всероссийского союза советских писателей, оценила призыв, как факт огромного положительного значения. Они поняли, что возникло мощное, исторически оправданное, движение, направленное к созданию особого типа пролетарского писателя, новой литературной среды, к социальному преобразованию советской литературы.

Другая прослойка писателей-попутчиков отнеслась к призыву ударников скептически. Целесообразность включения новых пролетарских кадров в литературное движение ставилась под сомнение. Раздавались голоса, что писателей такими путями и такими темпами создать невозможно, что это — очередная «алоба дня», которая рассеется в недалеком будущем. Подобные настроения проявились отчасти и во время только-что закончившегося первого московского цикла творческой дискуссии ВССП.

Наконец, в недрах союза нашлись писатели, воспринявшие призыв совершенно панически и культурно, как личное и немедленное управление чуть ли не всех писателей-профессионалов. Капитулянтам такого рода казалось, что писателю-профессионалу, вышедшему из старой интеллигентской среды, очень скоро нечего будет делать в советской литературе.

На этом примере мы можем лишний раз убедиться в том, насколько не соответствуют реальной действительности все либеральные разглагольствования о так называемом «единстве» ВССП. Несомненно, что призыв рабочих-ударников в литературу послужил новым поводом для политической дифференциации и размежевания в попутнической среде.

В настоящее время все литорганизации, оглядываясь на пройденный год, подводят итоги работы, проверяют, что сделано ими для того, чтобы привлечение новых пролетарских сил в литературной деятельности и помощь им претекали наиболее планомерно, интенсивно и успешно. И если РАПП имеет право сказать, что ее выделяла в этом отношении огромная, хотя и недостаточная, работа, то ВССП, к сожалению, похвастаться нечем. Надо признать, что невзирая на то, что в союзе числится много высококвалифицированных писателей, которые должны были поделиться с ударниками своим художественным опытом, за весь год ничего мало-мальски значительного и серьезного сделано не было. Правда, отдельные писатели, входящие в состав Всероссийского союза советских писателей, кое-какую работу в ударной среде как будто бы провели. Но это были лишь разрозненные, индивидуальные, лишенные всякой плановости опыты.

Еще на майском пленуме ВССП немало говорилось о необходимости наладить товарищеский контакт и совместную работу с РАПП. С другой стороны, недавно на сентябрьском пленуме РАПП отмечалось, что работа членов РАПП в ВССП является первоочередной и важнейшей.

Поэтому я считаю необходимым поставить вопрос о совместной работе ВССП и РАПП по проведению дальнейшего призыва ударников. Ряд писателей, входящих в состав союза и обладающих определенной творческой квалификацией, должен активно включиться в ту постоянную работу, которую уже целый год ведет РАПП. По одному или два писателя-«попутчика» надо прикрепить к существующим рапповским кружкам. Едва ли найдутся серьезные основания сомневаться в том, что писатели из ВССП, при разумном руководстве, могут принести большую пользу ударникам, делясь с ними своим творческим опытом и повышая их писательскую квалификацию. Все детали и методы предстоящей работы следует обсудить на совместном заседании секретариата МАПП и правления ВССП.

Для писателей-попутчиков работа с ударниками, пришедшими в литературу, будет прекрасной общественной школой, одним из лучших путей перестройки.

ВИКТОР ГОЛЬЦЕВ

ОТ РЕДАКЦИИ

«Литературная газета» поддерживает предложение т. Гольцева об организации в ближайшее время совместного совещания правления ВССП и секретариата МАПП по вопросу о работе писателей-попутчиков в ударных бригадах.

ударная книжка

МИХ. РЕЗНИК. «Записки нормировщика». ВЦСПС. 1931 г. Стр. 47. Тираж 100.000. Ц. 10 к.

Автор книжки рабочий-нормировщик завода «Электропровод». Темой произведения он взял борьбу на своем предприятии за внесение нормы выработки, за качество продукции и правильное регулирование расценок.

В результате косности и недооценки партийными и профессиональными организациями новых форм и методов труда, социалистическое соревнование и ударничество на заводе встречались в штыки. Новым кадрам выдвиженцев не оказывалось никакой поддержки и помощи. Рабочие относились к автору, выдвинутому на должность нормировщика, не доверяли. Некоторые занимались подтрунниванием, насмехались и старались снизить норму выработки.

После смены партруководства изменяется лицо всего заводского коллектива. Правильным руководством и соответствующей расстановкой сил быстро повернут всю заводскую машину секретарь партячейки Игонин.

«Запестрилась ячейка комсомольскими запумела, загудела цеха весенним половодьем, закипела бригады». После проведения ряда массовых мероприятий стали расти ударные бригады. Выдвигается встречный промфинплан, увеличивается выработка. Ликвидируются прогулы. Завод выполняет план 2-го года досрочно.

Ценность произведения заключается в том, что автор Резник на живой конкретной действительности не только показал, но и доказал, что ударничество и соревнование являются бесспорным источником уплотнения труда, повышения производительности.

Резник просто, без прикрас, но ярко изобразил, как соцсоревнование и ударничество выковывают нового человека.

Книжка читается легко.

Автор, начинающий писатель, пришел в литературу по призыву. Естественно, что в его работе есть немало недочетов: нет яркой художественной изобразительности, чувствуется слабость художественной культуры. Слишком много нагромождено второстепенных фактов. Резник не мог хорошо справиться с материалом и как следует его организовать.

Но в рассказе чувствуется искренность, ясность, классовая направленность и стремление показать новых людей, борющихся за новые формы труда.

Ф. ДУДИН

С 1 октября начинает выходить газета МАПП „ударник литературы“

привет новому соратнику в борьбе за большевистское искусство!

Вы обязаны организовать учебу ударника

Помощь должна быть настоящей

о работе литературных консультаций

Приход рабочих-ударников в литературу является исторической вехой пролетлитературного движения и характеризует не только количественный и качественный рост нашего движения, но и огромный культурный рост трудящихся масс страны.

Но зная это, на деле не оказывать рабочему, пришедшему в литературу, достаточной помощи в его творческой работе — это значит умалять значение призыва и не чувствовать той большой ответственности, которая легла на плечи нашей организации с первого дня призыва.

А что мы еще недостаточно уделяем внимания рабочему-ударнику, призванному в литературу, — об этом свидетельствует опыт первого года нашей работы с ударником.

Мы не сумели дать рабочему-ударнику ни соответствующей литературы для его учебы, ни удовлетворительной критики, ни удовлетворительного занятия к руководству в рабочих литкружках. Наши журналы еще плохо перестроились в плане помощи рабочему-ударнику, наша критика почти не уделяет внимания конкретной творческой продукции ударников. Только отдельные АПП начинают перестраиваться в этом плане.

Возьмем такую важнейшую область, как литературную консультацию—здесь у нас царит полнейший хаос. Никаких единых методов работы, никакого обмена опытом, никакой согласованности. Каждая литконсультация, даже каждый отдельный литконсультант, работают на свой риск и страх, и ничего нет удивительного, если одна литконсультация рекомендует начинающему писателю—«выражать свою мысль, как на картине», другая, объясняя разницу между замесной, очерком и рассказом, в большом методическом письме пишет:

> «В заметке автор описывает факт или событие, происходящие в самом деле. На путь от заметки к рассказу стоит очерк. Автор очерка не только сообщает факт, но и дает ему определенную оценку. В рассказе точность факта не обязательна, автор может сочинять, лишь бы это походило на то, как бывает в жизни».

Ясно, что такие объяснения не помогают начинающему рабочему-писателю, а только запутывают его голову и сбивают его с толку.

А такие письма ведь не исключения, а, к сожалению, массовое явление.

Передо мной—ряд писем самых различных литконсультаций: РАПП, ФОСП, ЗИФ, ГИХЛ, ряда журналов и газет, и все они являются яркой иллюстрацией того, как плохо еще мы работаем в этой области.

Приведу несколько примеров:

> «Каждый художественный образ должен прежде всего отвечать действительности, а у вас получается наоборот. Например, вы пишете:
>
> Речь у Ивы льется
> Путями-словами,
> Если ж улыбается —
> Солнце меж зубами.
>
> Почему именно «путями-словами»? Ведь Ива—существо нежное, и потому ее слова должны ласкать, радовать и нежить, а «путями-словами» можно только убивать.
>
> Дальше вы пишете:
> Исполнит Ивка иные
> Трактором сердитым,
> Парня Петьку к Ивке
> Тянет, как магнитом.
>
> Почему именно «трактором сердитым». Разве трактор может сердиться, потому что им управляют женщина, а не мужчина. Все это свидетельствует о том, что вы мало работаете над словом и что вам культурный уровень стоит очень низко».

И вот это считается помощью начинающему писателю, между тем как такая вреднейшая и безграмотная чепуха калечит, озлобляет и выбивает его из творческой колеи.

Возьмем второй пример:

> «Последнее ваше стихотворение «Шахтер»; в нем есть совсем неплохие строки, вроде:
>
> Он знает, этот человек,
> К чему, к руду кирзовний слизист,
> Что этот вот сланцовый век
> Сулит отличной новой жизни.
>
> Мы думаем, что в этой строфе лучше заменить свинец хотя бы железом, как более значительным металлом».

Вот и все указания и советы молодому писателю: замените свинец железом. А то, что шахтер прирос к руде слизнем,—на это не обращается внимание.

Можно было бы привести массу таких примеров, но и этих достаточно, и они ярко характеризуют положение. Можно еще отметить тот разнобой, который парит в области рекомендации начинающему писателю пособий для его работы и образцов литературного творчества, по которым должен он развиваться.

Тут фигурируют: Томашевский и Бескер, Шкловский и Исотов без какой бы то ни было дифференциации и учета общей и политической грамоты начинающего писателя. То же самое и с образцами: рекомендуются и классики, и попутчики, и пролетарские писатели без разбора. В области поэзии рекомендуются: Герасимов и Безыменский, Демьян Бедный и Пастернак, Казин и Сельвинский.

А начинающий писатель пишет с горечью:

> «Вы пишете—«В стихах нет поэтических образов, отличающих поэтическую речь от прозаической»: скажу вам откровенно, я не знаю, что такое поэтические образы и что такое речь поэтическая и прозаическая».

Бывает и еще один сорт отзывов. Тов. Косых из Семипалатинска пишет в литконсультацию ГИХЛ, что он получил в свое время из редакции «Всемирный следопыт» ровно десять слов:

> «Ты неграмотный, брось писать, не перегружай неграмотными рассказами». И я думал, — добавляет т. Косых, — что в наших редакциях евоюи буржуи».

Действительно, такой барский подход, кроме озлобления у начинающего писателя вызвать не может.

Нужна коренная реорганизация работы литературных консультаций. Нужно скорее создать единый методический центр, который смог бы руководить всей этой повседневной работой, нужна тщательная проверка состава литературных консультантов.

Литконсультацией ГИХЛ кое-что по этой линии проделано. Центральная литконсультация ГИХЛ сколотила небольшой актив внештатных литконсультантов из товарищей, имеющих кое-какой опыт работы в этой области, а также небольшой актив из более подготовленных кружковцев МАПП. Налажено производственные совещания штатных и внештатных литконсультантов, на которых происходит обмен опытом работы отдельных литконсультантов и проработка общих вопросов. ГИХЛ проводит эти совещания созывать совместно с литконсультациями других редакций, но ничего не вышло).

Литконсультация ГИХЛ завязала небольшую связь с заводами и отдельными рабочими кружками. Были поставлены доклады на секретариате МАПП и РОПКП. Теперь налажена тщательная взаимная проверка писем всех литконсультантов и проработка отрицательных и положительных писем на производственных совещаниях.

Но всего этого далеко еще недостаточно, и в работе той же литконсультации ГИХЛ имеются значительные недочеты: связь с заводами, колхозами и совхозами недостаточна, не налажен еще учет того основного состава начинающих писателей, с которыми приходится работать литконсультации, плохо обстоит дело с методической и методологической стороной работы. Работа зачастую идет самотеком и недостаточно учитывается.

В резолюции последнего пленума РАПП по докладу т. Киршона и в решениях секретариата МАПП, по докладу центральной литконсультации ГИХЛ имеется ряд конкретных практических предложений. Необходимо эти решения немедленно реализовать и поставить всю работу литературных консультаций на более научно-методический базис. Иначе наши повседневные разговоры о помощи начинающему писателю останутся только разговорами.

МИХ. ЮРИН

НАЙЛОВ, рабочий 3-й типографии Транспечати, автор книги «Бригада наборщиков». Член ВКП(б).

Шенгели и Крайский воспитывают призывников нашей литературы

дайте ударнику популярную марксистскую книжку

ударникам учебную литературу

— Хотим учиться! — об этом ярко говорят тысячи ударников, пришедших в литературу, и этому требованию должно быть уделено сейчас самое пристальное внимание.

На чем сегодня воспитываются боевые пополнения нашей литературы? На талмудических мудрствованиях Томашевских, на упражнениях Шенгели и Крайских. А ведь на одних амфибрахиях и дактилях далеко не уедешь.

Ударников волнует множество вопросов, на которые они ждут четкого убедительного ответа.

Скажем, вопрос о классиках. Влияние классиков на начинающих писателей огромно. В творчестве ударников мы сталкиваемся с двумя крайностями — с голым, некритическим подражанием классикам и с голым отказом от них. Задача сводится в том, чтобы дать ударнику простую, популярную книжку, где на основе конкретного разбора произведений классиков (Толстого, Гоголя, Достоевского и т. д.) и сопоставления с творчеством ударников сказать — чему и как учиться у классиков.

Попутно с этим встает вопрос о влиянии и помощи современных пролетарских писателей начинающим товарищам. Если не считать известного выступления Маяковского, до сих пор почти никто из современных писателей не открыл еще для ударников лаборатории своего ремесла, своего творческого метода. Нельзя же в самом деле воспитывать их на идеалистических высказываниях Замятина (творчество как вдохновенный сон) или на терапевтических рецептах А. Толстого об очищении желудка, как главного условия творческого успеха. Нужно, чтобы наши зрелые пролетарские писатели, влияние которых на призывников особенно заметно (Д. Бедный, Безыменский, Панферов, Фадеев, Либединский, Ставский и др.), рассказали конкретно о процессе своей работы над произведением (выбор темы, сюжет, зарисовки людей, работа над языком и т. п.).

Другой вопрос, интересующий призванных в литературу, — это вопрос о человеке и вещи в произведении. В творчестве многих ударников, отражающих наше социалистическое строительство, нередко замечаются две тенденции: с одной стороны — целиком в духе Кушнера подается голая машина, техника, реконструкция и исчезает человек — ударник, строитель, с другой, — дается этот последний, но выпадает социалистическая техника. Надо научить ударников избегать этих ошибок.

В решениях пленума РАПП есть совершенно справедливое указание, что конкретная критика ударников не должна жить отрываться от общих творческих задач и запросов пролетарского литературного движения. В этой связи особое значение приобретает широкая популяризация борьбы напостовства с разоблачениями им теориями Троцкого и Воронского, формалистов, Перегерзева, перозальцев, «Литфронта», о которых литучебник не имеет часто даже самого общего представления. Ударник до сих пор лишен необходимой популярной литературы по всем этим вопросам.

Редакция литературоведения ГИХЛ в самое ближайшее время предпринимает издание серии «Литучеба ударника». В основу этой серии кладется журнальный материал реорганизованной «Литучебы», выходившей под редакцией М. Горького, и специальный материал по плану редакции литературоведения. Уже на 1 января 1932 года намечено к выпуску 10 брошюр (объемом в 1—3 печатных листа): «Что такое формалисты», «Какая нам нужна лирика», «Чему и как учиться у классиков», «Партийна ли литература?», «Человек и вещь в произведении», «Горький о литературном ремесле», «Ленин о литературе», «Долой рабочее творчество (меньшевики и Троцкий о рабочем творчестве)» и т. д. Кроме того, намечается выпуск сборника писателей «Как мы пишем» при участии: Панферова, Гладкова, Фадеева, Либединского, Киршона, Безыменского, Галина, Суркова и др., справочника «Спутник литударника», а также брошюр, помогающих работу консультаций и литкружков.

В производственном плане редакции литературоведения ГИХЛ литература в помощь учебе ударника занимает около 75 проц. всей продукции. Уже одна эта цифра говорит о всей серьезности и требовательности, с которой приступает к этой работе ГИХЛ. Но на одних разлиновочных планах ГИХЛ далеко, конечно, не уедешь. Нужно строжайшее и систематическое руководство этой работой РАПП, Комакадемией, ГАИС, широкое участие писателей и критиков. К этой работе должны быть привлечены и литкружки, особенно молодые начинающие критики.

Мы высказываемся за созыв в самое ближайшее время специального широкого совещания при РАПП по вопросу об издании учебной литературы для ударника.

Мы выказываемся за срочное выделение лучших руководящих и методических сил для составления, написания и редактирования этой литературы.

Мы высказываемся за выделение на эту работу ряда писателей старого напостовского поколений.

Н. РОЗИН

Письмо литконсультанта Колпикова

Начинающий мелитопольский поэт тов. Ю. прислал в литконсультацию московского ГИХЛ свои стихи.

Чудак! Он надеялся, что к ним отнесутся внимательно и даже полагал, что ему пришлют авторитетный и подробный разбор. Он ждал не напрасно.

Мы полностью приводим письмо московского литконсультанта, полученное тов. Ю., сохраняя во всем блеске синтаксис и орфографию:

> Вцелом недостоток, не нужно забивать и о многих достижениях на всех фронтах социалистической стройки, в том числе и на транспорте. Вы собрали целый букет разнопланов, голословных, с перечислением того, что они допустили лучше всего в таких конкретных случаях писать в газету с Указанием всех виновников. Помощи такой материал хотя бы и стенгазете, би уже этим принесливы большую пользу, советской общественности. Частники? у Вас получаются недурно, но только не этих частушках. Для более полной оценки, пишите другой материал.

ЛИТКОНСУЛЬТАЦИЯ ГИХЛ
Литконсультант М. КОЛПИКОВ
(№ 6417 от 11 августа 1931 г.).

ПЕТР ОЙФА

Письмо в секретариат РАПП

Мы, литкружковцы фабрики «Парижская коммуна», заслушав доклад представителя ГИХЛ об издании серии книг в помощь литучебе ударника, обращаемся в РАПП с просьбой поддержать большое и нужное начинание ГИХЛ.

Мы хотим простых и понятных книг, которые рассказали бы нам о литературных течениях, об их истории. Нам нужны также книги, в которых сами мастера художественного слова — Л. Бедный, Панферов, Фадеев и др. поделились бы с нами своим опытом, научили бы нас новому в творчестве человека — строителя социализма.

Оказание помощи ГИХЛ в издании серии для ударников должно быть задачей РАПП, разрешимой в самое ближайшее время.

Бюро литературного кружка: КОГАН, КОЗЫРЕВ, КИРЬЯНОВ.

Н. ЛОРОНОЙ, рабочий-ударник, секретарь МАПП.

обзор печати

„о практических штанах“, „политической рубашке“ и вреде неграмотности

Печатная газета ДГТФ «Голос от станка» в № 94 за 5 августа 1931 года напечатала отрывок из поэмы Петра Нероде — «За третий рецепций».

Только чудовищной литературной неграмотностью, только безответственным отношением к литературному материалу, только отсутствием критического отношения к задачам воспитания рабочих писателей можно об'яснить появление данного отрывка.

«практические штаны» п. нероде

рис. н. алексеева

В своем стихотворении, посвященном «Третьему, решающего году пятилетки», автор хотел показать хозяйственный рост Советского союза, переход от гражданской войны к восстановительному периоду и в дальнейшем развертывание социалистической реконструкции нашего хозяйства на основе выполнения пятилетки в 4 года. Параллельно этому автор хотел показать читателю постепенный рост своего классового самосознания.

Но литературная и политическая неграмотность П. Нероде превратили это нужное по замыслу стихотворение в издевательство над революционной тематикой.

Автор с самого начала ограничивает читателя своей откровенностью. Он пишет:

> «Я в революцию нагим пришел.
> Без политической рубашки (?)
> Без практических штанов (?)
> Внутрь движения вошел,
> И не мог остановиться (?!!)»

Дальше он рассказывает опломбированному читателю, что его (автора) «революция в спину бомбила, указав на дерево вспышки», и что он, надев «политические штаны» и «практическую рубашку», стал «партийно сознательным».

Дальше Петр Нероде подряд разражает читателя целую обойму «оригинальных формулировок». Вот, к примеру, определение пролетариата и его роли в революции:

> «Дорогу свободной стихии,
> Мы не барщины нежные сыны,
> Мы зародыши от царевой
> России (?)
> Под нагайной в крови
> рождены (!!!)».

В дальнейшем автор развертывает перед читателями не менее интересные политические определения.

«Фундамент предрешен экономикой СССР» (?) — Что значит «предрешен фундамент» — понять, конечно, очень трудно.

«Успех строительства грызется кишкой» (?).

И, наконец, как бы в порядке заключительного аккорда, автор говорит: «Вопросы, кто кого СЕЙЧАС (!!) пред нами встали».

Если примеры обыкновенной безграмотности, умножение на политическое верхоглядство, прибавить к уже отмеченным нами принципиальным ошибкам, то станется совершенно ясным выход.

Редакция газеты «Голос от станка» совершила серьезнейшую литературно-политическую ошибку, напечатав это неорганизующее читателя малограмотное, политически ошибочное стихотворение.

Наша низовая заводская печать должна извлечь из этого печального факта полезные для себя уроки.

Со стороны некоторых заводских газет до сих пор наблюдается крайне безответственное отношение к призыву ударников в литературу, к литературным принципиальным вопросам, к литературному оформлению своей текущей газетной работы.

Редакциям наших заводских газет нужно понять, что вопросы литературы — это вопросы политики; нужно понять, что рассказ, рецензия, стих — это не «предметы роскоши», а неотъемлемая органическая часть любой боевой газетной подборки.

Организационным выводом из данного примера должно явиться усиление внимания редакции стенных, цеховых и печатных заводских газет к вопросам пролетарской литературы.

Л. ШИМШЕЛЕВИЧ

Дальше он рассказывает опломбированному читателю, что его (автора) «революция в спину бомбила, указав на дерево вспышки», и что он, надев «политические штаны» и «практическую рубашку», стал «партийно сознательным».

Дальше Петр Нероде подряд разражает читателя целую обойму «оригинальных формулировок». Вот, к примеру, определение пролетариата и его роли в революции:

> «Дорогу свободной стихии,
> Мы не барщины нежные сыны,
> Мы зародыши от царевой
> России (?)
> Под нагайной в крови
> рождены (!!!)».

В дальнейшем автор развертывает перед читателями не менее интересные политические определения.

«Фундамент предрешен экономикой СССР» (?) — Что значит «предрешен фундамент» — понять, конечно, очень трудно.

«Успех строительства грызется кишкой» (?).

И, наконец, как бы в порядке заключительного аккорда, автор говорит: «Вопросы, кто кого СЕЙЧАС (!!) пред нами встали».

Если примеры обыкновенной безграмотности, умножение на политическое верхоглядство, прибавить к уже отмеченным нами принципиальным ошибкам, то станется совершенно ясным выход.

Редакция газеты «Голос от станка» совершила серьезнейшую литературно-политическую ошибку, напечатав это неорганизующее читателя малограмотное, политически ошибочное стихотворение.

Наша низовая заводская печать должна извлечь из этого печального факта полезные для себя уроки.

Со стороны некоторых заводских газет до сих пор наблюдается крайне безответственное отношение к призыву ударников в литературу, к литературным принципиальным вопросам, к литературному оформлению своей текущей газетной работы.

Редакциям наших заводских газет нужно понять, что вопросы литературы — это вопросы политики; нужно понять, что рассказ, рецензия, стих — это не «предметы роскоши», а неотъемлемая органическая часть любой боевой газетной подборки.

Организационным выводом из данного примера должно явиться усиление внимания редакции стенных, цеховых и печатных заводских газет к вопросам пролетарской литературы.

Л. ШИМШЕЛЕВИЧ

„Яналиф“ должен подтянуться

Одним из «узких» мест в татарской литературе является призыв ударников в литературу и работа с ними. Ни один литературный журнал (из пяти издающихся), ни одна из газет, в том числе и рабочая, до сегодняшнего дня не понимали серьезно вопроса о вовлечении ударников в литературу и работе с ними.

Остановимся пока лишь на одном литературно-художественном и общественно-политическом журнале — «Яналиф» (Казань), как о самом издательном, серьезном, представляющем татарскую литературу.

В шести вышедших за этот год номерах журнала не найти ни одной статьи о призыве ударников, не говоря уже об их (ударников) продукции. Журнал в стороне от ударничества, в стороне от боевого вопроса сегодняшнего дня.

Вследствие с апрельской книжки «Литературная консультация для начинающих писателей» явилась очень полезным мероприятием, но она осталась консультацией вообще, консультацией и для начинающих и для кончающих.

Прорыв в татарской литературе не участие работы с ударниками должен быть ликвидирован. Журналы обязаны мобилизоваться на работу с ударниками. В частности, обязан перестроиться «Яналиф».

К. АЛЬТОВ

Опыт первого года

Двухтысячная организация ударников МАПП за год

Призыв рабочих-ударников в пролетарскую литературу закономерно вытек из литературно-политической, творческой и теоретической линии РАПП. Призыв поднял движение на качественно новую ступень, обогатил его новыми источниками творческой энергии.

Вопреки антифронтовому кликушеству, вопреки злопыхательским заявлениям реакционной части попутничества, ударники по-настоящему, вместе с пролетписателями первого призыва, перестраивают пролетлитературные организации, составляют их основное ядро. На примере мооковской организации можно очень ярко продемонстрировать количественный и качественный рост движения.

Еще только год назад Московская ассоциация имела незначительную группу оторванных от производства, зачастую варящихся в собственном соку, районных кружков. Ни творческие показатели, ни размах работы кружков, ни их удельный вес в культурно-созидательной работе не могли удовлетворить и не соответствовали генеральной линии развития РАПП и задачам культурной революции. Но еще сентябрьский пленум РАПП (1929 года) во весь рост поставил вопросы перестройки, ориентации в большевизацию движения. Этот курс совершенно последовательно нашел свое развитие в призыве рабочих-ударников.

И вот что мы имеем сейчас. По Москве организовано сто с лишним литкружков. На 85—90 процентов орабочена организация. Все крупные предприятия («Динамо», АМО, «Электрозавод», ЦАГИ, завод Ильича, «Мосэлектрик» и др.) имеют свои литературные цеха. Голос литкружка—это голос рабочего хозяина фабрики, завода, болеющего за свое производство.

Для призванных ударников вопросы непосредственного участия в практике социалистического строительства не стоят так, как они стояли и стоят перед пролетписателями первого призыва. Все ударники — вчерашние в своем цеху, бригаде, производстве. Они — ударники ударных и ночных бригад и борьбе с прорывами, они — зачинатели целого ряда боевых мероприятий, обеспечивающих выполнение пятилетки в 4, 3, а по некоторым предприятиям и в 2½ года.

Было бы бахвальством и абсолютным забвением специфики нашей организации констатировать только количественные достижения. В том то и сила нашего движения, сила напостовства, что вопросы литературы всегда им ставились и ставятся в непосредственной связи с общими процессами, происходящими в стране, с проблемой культурной революции. Призванные ударники не только количественно изменили лицо организации, они дают совершенно реальные творческие показатели. По Москве каждое предприятие, где есть литкружок, имеет свою, систематически выходящую в печатной газете литстраницу. Издание ряда сборников, материалы в периодических изданиях подтверждают несомненный творческий рост новых кадров рабочих писателей. Уже сейчас можно говорить о смене поколений творческих группировок МАПП. «Напостовская смена», в частности, имеет в своих рядах таких, скажем, товарищей, как Сидоров, Резчиков, Подделков, Брейдель и др. На заводе Ильича растут — Бессонов, Рабинович, Зубов, Путилкин; в Туле — Ромачов, Дубиллер; в Коломне — Семенков; на заводе Дзержинского — Абросимов; в Первой образцовой типографии—Марголис; на «Электрозаводе» — Прохоров, Шапалов, Башмачниковка «Динамо»— Железа, Яшкин; на «Мопсе» — Бутурлин и др. Можно было бы назвать еще не один десяток фамилий, творчески крепнущих, творчески растущих, неизвестная на все реакционные карканья Бедакимовых.

Произведения ударников-напостовцев уже сейчас позволяют говорить о них, как о творческих индивидуальностях, уже сейчас ставят во всей широте вопрос о ликвидации обезлички, о ликвидации сплошного подхода.

Этому творчеству, незваному, правда, многого.

Мне хочется петь,
Но рука безкультурья
Заковала напрокат крылья стиха.

Эти строки из стихотворения А. Суркова наиболее красноречиво, пожалуй, определяют основное, что нужно преодолевать ударникам. Бескультурье — по линии ухода и ограниченности мировоззрения, по линии явно недостаточного общекультурного уровня.

Можно по-разному относиться к трудностям. Можно пасовать, можно сдавать позиции и можно по-большевистски эти трудности преодолевать. Ударники своим опыт работы на заводе переносят в литературу, переносят не механически, а с учетом всех особенностей литературы. На одном из недавних творческих активов МАПП был поставлен широкому обсуждению вопрос о перспективах роста ударников. И надо отметить четкое представление актива о путях этого роста. Развертывание учебно-творческой работы, усвоение опыта борьбы напостовства, опыта массового пролетлитературного движения, усвоение творческой линии развития РАПП, борьба за марксистско-ленинское мировоззрение, — таким образом линия наименьшего сопротивления — так мыслит свой дальнейший рост ударники.

Ударники налетную подошли к руководству движением. Секретариат МАПП возглавляется рабочими-выдвиженцами; в районных бюро по г. Москве и районам по области основные кадры руководителей состоят из призванных ударников. Редколлегии рапповских и мапповских журналов и газет также включают в свой состав ударников. Причем это руководство сейчас наиболее действенно, наиболее боеспособно и за год работы уже проверено в боях.

Сентябрьский пленум РАПП текущего года поставил перед движением ряд новых задач. Он поднял движение на новый этап. Реализация решений пленума возможна при условии мобилизации всей организации. В первую очередь необходима ликвидация недостатков, резко проявивших себя на первом этапе призыва: недостаточительных поставовка учебной работы, отсутствие сколько-нибудь сносных программ, учебных и методических пособий для ударников, недостаточное внимание комсомольских и профессиональных организаций, обезличка, сплошной подход критики и, наконец, игнорирование выявившимися писателями работы с призывниками, нежелание передать им свой опыт. Этот последний факт в Москве приобретает сейчас особое значение. Можно назвать ряд известных фамилий, обладатели которых с ударниками не ведут никакой работы. Рассматривать это иначе, как опортунистическую недооценку значения призыва, культурный «вождизм» — нельзя.

Секретариат МАПП развертывает сейчас большую работу. Проводятся курсы городского и областного актива руководителей, началась издаваться газета «Ударник литературы», перестраивается работа мапповских журналов, произведено прикрепление писателей консультантами к райбюро и районам, регулярно работают творческие активы, намечена серия производственных совещаний и докладов писателей об их «промфинпланах».

МАПП борется за реализацию решений последнего пленума РАПП. Единством усилий призванных ударников и писателей первого призыва задачи, стоящие перед движением, будут разрешены.

С. КИРЬЯНОВ

Ударные цехи книжных фабрик

В ленинградские издательства пришли авторы — ударники цехов. Это было год назад. Об этом известили широко рабочего читателя печать, печатные слова, брошюры и книжки, выпущенные издательством ВПСПС. Сегодня этих книг — многие десятки. Их насчитывает в своем активе любое издательство. И ударники-литературники, придя в издательство, дали не только произведения на актуальные темы социалистического строительства и борьбы за пятилетку, но и создали новые формы и методы редакционно-издательской работы, создали ударные цеха фабрик книг.

В этом отношении показательна работа ленинградского отдела профиздата ВЦСПС, собравшего вокруг себя сильное ядро рабочих авторов, а в последние месяцы — творческий актив рабочих-краснознаменцев.

Более двадцати книг рабочих авторов — годовая продукция профиздата.

В ответ на обращение РАПП о показе героев пятилетки, ленинградский профиздат организовал актив краснознаменцев, пишущих книги о своей работе, о своем опыте. Интересно отметить, что работа эта ведется ударниками-краснознаменцами в порядке соревнования. Краснознаменцы «Красного Путиловца» вызвали, например, на соревнование героев московских заводов.

Что характерно для книжек о героях, написанных самими героями? Прежде всего высокий уровень мировоззрения, отсутствие индивидуализма. Товарищи стараются остаться в тени, показывая главным образом, опыт ударной работы, работу всей бригады, всего краснознаменного цеха, всего краснознаменного завода. Уже вышли в свет книги краснознаменцев тт. Петрова (завод «Светлана»), Болотова (завод им. ОГПУ), Дега («Электрик»), Косарева (фаб-ка им. Бокарьского) и др. Ряд книг находится в производстве.

Было бы неверно утверждать, что книги краснознаменцев — это совершенные произведения о героях. Мы подчеркиваем, что всем ударникам-авторам профиздата предстоит большая литературная учеба.

Гибкость и ударность в работе Ленпрофиздата — результат анализа ударников. Издательство немедленно откликнулось на призыв МОРП (о книгах для иностранных рабочих). Сборник, написанный десятью иностранными рабочими заводов им. Сталина, «Электросилы». «Электроаппарата» и 4-го Госстроительства, переведен на ряд европейских языков и сдан в производство. Надо упомянуть и о работе рабочих-ударников над созданием «книги показа опыта», посвященной реализации шести условий тов. Сталина. Профиздат, совместно с литгруппой ЛАПП, партийным комитетом и всей заводской общественностью, сумел придать работе над книгой характер большой политической кампании.

Профиздат — не единственное издательство. Рабочие авторы-ударники в ЛенГИХЛ превратили массовый сектор издательства в ударный цех, который возглавляет сейчас все боевые кампании; пролетарская литература и критика; выполнение всех боевых заданий (собрание материалов для «НиВ» и пр.). Массовым сектором ЛенГИХЛ в последнее время выпущены произведения ударников-литераторов: «Начало» (сборник стихов). «Штурмовые дни» А. Войтова, Е. Кельнера, А. Минакова — о борьбе за план на заводе им. Ленина, около десяти книг находятся в производстве. Даже в «Издательстве писателей», как известно, еще недавно пользовавшемся неважной репутацией, рабочие-ударники добились значительных успехов в его перестройке.

Книги, выпускаемые литударниками — их с каждым днем все больше и больше — документы творческого роста призывников, документы перестройки советских издательств.

Р.

Л. КЕЛЬНЕР, работница фаб. Трехгорной мануфактуры. Кандидат ВКП(б). Ленинградскими кружковцами выбрана в члены ЦИК Таджикистана. Написала книгу «Моя жизнь».

Мюдовский призыв ударников в белоруссии

Минская городская комсомолия в дни смотра выполнения своих интернациональных обязательств, накануне XVII МОД, уделила исключительное внимание призыву рабочих-ударников в пролетарскую литературу, борьбе за партийность литературы.

На вечере встречи минской комсомолии с пролетарскими писателями-минчанами заключен социалистический договор на проведение месячника мюдовского призыва рабочих-ударников в пролетарскую литературу.

МинАПП и минпромом ЛКСМБ обязались при каждой фабрично-заводской многотиражке организовать литературные кружки или литбригады с вовлечением в них комсомольцев и всех молодых рабочих. Коллективы заводов им. Ворошилова, «Коммунар», «Первомайлочник», «Большевик», типографии им. Сталина, фабрики «Октябрь», ФЗУ инвалидов взяли на себя обязательство принять все меры к обеспечению бесперебойной работы существующих здесь рабочих литкружков.

Комсомольские организации должны в течение двух месяцев проработать в ячейках такие вопросы: белорусская и национальная пролетарская литература в реконструктивный период; проявление великодержавного шовинизма и контрреволюционного национализма в белорусской и национальной литературе и т. д.; пролетарская литература и критика; пролетарская литература и борьба за попутчика. Проработка этих вопросов включена в систему комсомольского политобразования. Комсомолия обязалась изучить лучшие образцы белорусской пролетарской литературы и популяризировать их среди широких рабочих масс.

ЛКСМБ совместно с минпромом проводит в ноябре общегородскую конференцию ударников, призванных в литературу.

Комсомольская организация Минска обязалась в течение полутора месяцев очистить с помощью МинАПП все библиотеки от классово враждебной литературы, пополнить их белорусской и национальной пролетарской литературой. Для проведения смотра библиотек при горкоме ЛКСМБ организована специальная комсомольская бригада.

МинАПП обязалась обеспечить литкружки и бригады руководителями, мобилизовав для этого необходимое число минапповцев, и обеспечить их программами и постоянным методическим руководством.

МинАПП обязалась в течение 6 месяцев издать книжку произведений минапповцев об участии комсомола Минска в борьбе за социалистическое строительство.

Минская организация ленинского комсомола звала на соревнование витебскую и гомельскую организации ЛКСМБ, а секретариат МинАПП — витебскую и гомельскую АПП.

Творческая дискуссия ВССП

шестой и седьмой день

В шестом дне дискуссии участвовали тт. Зелинский, Хаит, Пазленко, Городецкий, Никифоров, Боровой, К. Ленко и Коваленко.

Тов. Зелинский говорит, что его не удовлетворяет ход дискуссии. Товарищи не умеют ставить и разрешать вопросов, для них характерна «производственная» беспомощность.

Основной, центральный вопрос дискуссии это перестройка. Ее смысл должен заключаться в выкорчевывании корней буржуазного сознания и усвоении мировоззрения пролетариата.

Следующий оратор Хаит посвящает свою речь критике сегодняшнего состояния ВССП и хода дискуссии, которая отражает это сегодняшнее состояние.

Присоединяясь к основным положениям доклада, а также к данной в нем оценке отдельных произведений, т. Хаит возражает против такого обсуждения творческих вопросов, когда не принимается во внимание творчество большого количества писателей, называемых «попутчиками второго призыва». Хаит считает, что именно эти писатели определяют сегодняшнее лицо ВССП, ибо они давно уже осознали себя союзниками и реализуют это сознание в своем творчестве.

Выступление т. Пазленко по праву может быть названо одним из наиболее интересных. Он так же как и многие другие считает, что время не позиты за большую принципиальную высоту.

— Если говорили об интуиции, то одинаково скучно, в то время, как докладчик охарактеризовал свое отношение к интуиции совершенно ясно. Мне кажется, что за интуицию цепляются потому, что это знакомо издавна, с этим свыклись. И получается нежелание такой простой вопрос, как интуиция, додумать, вдохновение — есть функция сознания. Существует путаница в решении вопроса о новаторстве в искусстве. Как нужно решать этот вопрос? Чем шире и смелее задачи художника, тем они новее. При решении новых задач старые творческие формы изменяются или становятся совершенно непригодными.

— Здесь выступал Замошкин и говорил, что я написал пролетарскую книгу «Пустыня». Однако, несмотря на это, меня, десять, не будут называть пролетарским писателем потому, что я состою членом ВССП. К сожалению, я не написал пролетарского произведения. Этому много причин: и пережитки эстетизма, и непригодный метод.

Я не написал пролетарской вещи, но я не могу стоять на точке зрения Замошкина, что я никогда не буду пролетарским писателем. Я думаю, что я пролетарскую вещь напишу, и тогда никакой союз писателей не помешает называть меня пролетарским художником. Вообще, если у писателя сегодня еще не пролетарского, нет этого категорического стремления быть пролетарским художником, то у него нет никакого будущего, ему нет смысла писать, его творчеству нет пути.

Следующее выступление — С. Городецкого — состояло из мнимо-объективного и субъективно-реакционного определения творческих направлений в современной литературе. Для характеристики высказываний С. Городецкого достаточно указать на то, что он поставил в один ряд Леонида Леонова и Клычкова.

П. ПАЗЛЕНКО.

Городецкому достаточно убедительно ответил тов. Боровой (МАПП), который также говорил о реакционности выступления Бухарина, ошибках Полонского, явно враждебной позиции Клычкова и необходимости решительного расслоения и размежевания отдельных групп союза писателей. На этом же заседании выступили т.т. Никифоров, резко критиковавший пристраивающихся к «красному» халтурщиков, К. Левин и, наконец, Б. Ковалинов (ВОАПП). Тов. Ковалинов расширил рамки дискуссии за счет постановки вопросов напостальщины, литературу, задач, стоящих перед советским писателем в области освещения опыта национального культурного строительства, борьбы с великодержавным шовинизмом и т. д.

*

20 сентября по программе намечалось заключительное слово А. Селивановского. Однако, ряд товарищей пожелали дополнить или уточнить свои выступления.

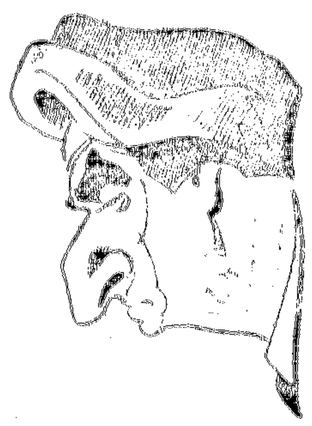
Первое слово взял Вяч. Полонский, пообещавший еще на четвертом собрании выступить с рассказом и критикой своих ошибок. Однако, его полуторачасовая речь была занята совсем другим, при этом уже в самом начале он заявил, что его желание «покаяться» вызвано репортажем «Литературной газеты».

Тов. Полонский в качестве исходного положения берет как раз отчет о дискуссии в «Л. Г.», который он считает «возмутительным», «продолжающим систему травли В. Полонского», и пункт резолюции последнего пленума РАПП по докладу А. Селивановского, в которой литературные взгляды его, Полонского, характеризуются как «рапповские». Полонский заявляет, что это неправда.

— Какой же я правый оппортунист если в редактируемом мной журнале появились и «Сота», и «Гидроцентраль», характеризуемые как лучшие советские произведения, если я первый выступил против Лефа, боролся против «Перевала» и т. д.

Затем значительное время В. Полонский посвящает «критике на критику» А. Селивановского статьи Полонского «Начало и начала».

Наконец, в конце речи Полонский переходит к характеристике своих ошибок, оговариваясь, что, во-первых, «указанных ошибок не меньше», а во-вторых — что факт формального признания им своих ошибок до сих пор нужно отнести лишь за счет того, что он «не любит писать часом в редакцию». Каковы эти ошибки по мнению их автора? Политическое, отмеченное в известной резолюции ЦК о художественной литературе, непризнание гегемонии пролетарской литературы. При этом Полонский заявляет, что его ошибки это «ошибки той социальной прослойки, которая существует в партии и которая, не являясь рабочей по происхождению, впитала в себя классовую культуру прошлого».



Вяч. ПОЛОНСКИЙ

Вслед за В. Полонским выступил В. Шиловский. Он ничего не прибавил к своему предыдущему выступлению, лишь повторил его «более кратко, чтобы было понятнее». Типичен характер всего выступления Эфроса, подробнее разъяснившего свой каприз на необходимость для союзничества «собственной» интеллигентской тематики в Шиляре.

Аудитория с интересом ждала повторного выступления И. Евдокимова. Многие очевидно предполагали, что он понял вредность и ошибочность своего первого выступления. Однако Евдокимов сразу рассеял эти предположения, заявив, что он ни от чего отказываться не собирается, что все им высказанное он считает абсолютно правильным.

Последним в прениях выступил И. Макарьев. Он остановился на выступлениях Евдокимова, Полонского и, частично, Шиловского.

Подтверждая оценку выступления И. Евдокимова как реакционного, т. Макарьев останавливается на том, что Евдокимов внес в него новое. Евдокимов поправил свое выступление так, что совершенно запутался. Оставаясь на прежней позиции в отношении «Гидроцентрали» и «Сота» и того, что РАПП не играет ведущей роли, Евдокимов на вопрос, кто же является ведущим отрядом, отвечает: «союзники». Эта вредность — лучшее доказательство того, что Евдокимов задумался, хочет попытался (несмело) замазать свою позицию обходным путем.

Что сделал Полонский? Вместо четкой постановки вопроса он все пытался свести к тому, что его травят, что «вы (рапповцы) сами ошибаетесь» и т. п. В общем — вместо анализа своих ошибок — новая попытка увильнуть от их признания.

Выступление Полонского было, в сущности говоря, выступлением против РАПП, зауалированным нелепейшей формулой, что «я борюсь не против РАПП, а против рапповцев».

Ваша работа проверяется на творческой практике

заключительное слово тов. селивановского

А. Селивановский начинает свое заключительное слово с определения основных отличий московской творческой дискуссии от дискуссии в Ленинграде. Дискуссия в Москве только начинает по настоящему период размежевания в ВССП, тогда как ленинградская дискуссия уже подготовила предварительные итоги размежевания.

Более четкое обозначение профиля классовой борьбы в Москве А. Селивановский обнаружил наличием здесь более глубоких корней вопросов.

В ряде выступлений мы имели попытку связать классовую борьбу. Многие пытались представить союз как единое целое, движущееся по единому пути. Тростник говорил о сообщении нам вождя нашей партии тем, которые, что путь наш — путь ленинизма к социализму. Выступление Тростника подвинуло идеологическую базу всех выступлений И. Евдокимова. Так получилось.

К речи И. Евдокимова мы увидели развернутую платформу самых реакционных настроений. В чем заключается наиболее характерные лозунги правого крыла попутнической литературы? В утверждении мифического единства попутничества, в утверждении качественной неизменяемости последнего, в эпельмовании той группы писателей, которая приближается к позициям пролетарской литературы, в дискредитации пролетарской литературы, в попытках пересечь провал призыва удлиняков в литературу. И эту платформу Евдокимов развернул. Во втором своем выступлении он пытался отмежеваться от тех, кто выражал ему сочувствие, высказывались о его выступлении, как о смелом героическом подвиге. Это сочувствие и эти похвалы Евдокимов назвал сочувствием и похвалами «обывателя». Так ли это? Приходится сомневаться. Сочувствовали и хвалили люди, которым Евдокимов мобилизовал своим выступлением. Другими словами — Евдокимову сочувствовал классовый враг.

Но разве не означает того же выступление М. Лежнева, настойчиво развивавшего здесь ту мысль, что классовая борьба в литературе происходит не между литературными отрядами, а в душе каждого писателя? Вспомним, как он говорил, что в душе писателя — от Бухарчиева до Фадеева — живут одновременно и буржуа, и попутчик, и пролетарий.

Нужно выбирать с кем мы: с пролетариатом или с Евдокимовыми? Если мы говорим так, то очевидно вопрос этот для многих еще не решен и, стало быть, проблема преодоления колебаний попутничества не снимается.

Переходя к вопросу о перестройке писателя и останавливаясь на обывательском спокойствии в выступлении Е. Зозули и на заявлении И. Евдокимова — «для меня вопросы мировоззрения решены», — А. Селивановский говорит, что начинать перестройку нужно именно с мировоззрений, что мировоззренческие вопросы — вопросы, которые мучают сейчас любого писателя — и попутчика, и рапповца.

Далее Селивановский останавливается на высказываниях товарищей, которые выступали против переделки своего прошлого. Цитируя Гете, Ромен Роллана и последнюю статью эмигранта Святополк-Мирского, он говорит:

— Перед нами — различные люди. Им от разного приходится отказываться. Им разное приходится перерабатывать. А здесь Евдокимов заявляет: «мы ничего отказываться от полного собрания сочинений!» Задача переоценки ценностей своего прошлого встает перед художником как первоочередная задача.

Выступление В. Шиловского интересно с точки зрения вопроса о типе писателя: какой тип писателя создаем мы и какой ему из смеси приходит? Разнообразие социальных, имеющихся в виду определенным писательским кругам, налицо особенное яркое отражение в выступлении Шиловского. Первое свое выступление он назвал серьезно, а кончил автоматическими шутками. Это болезнь раздробленного сознания, болезнь индивидуалистического человека, «писателя, не приникшего к людям» (слова Шиловского). Я этим не хочу сказать, что Шиловский для нас потерян. Его второе выступление — первое литературное выступление без шуток. Оно показывает, что Шиловский переживает сейчас драму, быть может — драму перелома».

А. Селивановский останавливается на необходимости для попутнически-советской литературы обогащаться опытом пролетарской литературы, в частности, на необходимости учиться предвидеть и понимать закономерность движения революции. Слова И. Сельвинского об устарении материала — не только слова Сельвинского. Н. Огнев ставит в «Литгазете» такой же вопрос. Возникает «философия неожиданности» — тот или иной поворот в стране является неожиданностью для многих писателей.

Никакой «материал» не может устареть, если писатель понимает то, что происходит вокруг него.

Докладчик говорит о кризисе больших тем как о кризисе мировоззрения. Никогда еще перед писателем не было такого огромного количества неразработанного и неисследованного материала, такого богатого набора тем, как сейчас. Некоторые пытались противопоставить «конструктивные» темы «вечным» темам. Совершенно понятно, что классовый гегемон ничего решает так называемые «вечные» вопросы жизни. На сегодняшний день положение попутнической и всей литературы такое, что она допускает огромное отставание от практики революции и по линии «вечных» тем и по линии тем социальной революции, которые на сегодня являются решающим звеном.

Один из интересных вопросов дискуссионного очерка — вопрос о двух творческих методах. М. Левидов, выступая, говорил, что в каждом писателе происходит борьба «психограммы» и «видеограммы», что между ними происходит постоянный конфликт и что «психограмма» всегда при этом побеждает. Утверждать наличие этой борьбы — значит по обывательски подходить к вопросам литературы. Ведь литература пролетариата движется вперед отнюдь не этим методическим коэффициентом. Для отражения в литературных союзников характерно именно то, что он научается подчинять свой творческий опыт ведущей роли разума, мировоззрения. В то же время со всех точек зрения вся «прелая» попутническая продукция говорит о разложении, об умирании.

Примерами, подтверждающими рост качества художественной продукции союзников, А. Селивановский отвечает П. Сельвинскому на его теорию «убывающего художественного плодородия», на его указания о «захватанности тем» и словаре революции. После этого он переходит к вопросу о критике.

— Наша критика плоха — говорит Селивановский. — Шиловский жаловался здесь на вульгарность рецензий и критики его «В поисках оптимизма». Но как бы плоха критика ни была, «обыватель» писатель должен подумать, — чем вызывается одностороннее в отрицательной оценке? Задача писателя — перерасти даже плохую критику на свой взлет. Задача критики — не уступая попутчика врагу, говорить ему правду в глаза и вести при этом маршрут движения писателя, чтобы можно было осмыслить особенности работы данного писателя в свете общих задач, стоящих перед нами. С этой точки зрения критика В. Полонского является оппортунистической.

Позиции В. Полонского на протяжении всех лет его работы характеризуется промежуточностью и двойственностью. Полонский, который называет себя критиком-марксистом, всегда противопоставлял себя пролетарской литературе.

Борясь против теории Тюпкого — Воронского, мы — в числе прочего — боремся и против Полонского, против его оппортунистического влияния и правооппортунистических ошибок.

По каким линиям идет сегодня спор с Полонским? По линии «оттенков», как думает он? Нет. По линии главных и основных вопросов, вопросов о задачах культурной революции, о том, возможно ли снижение языка - художественного уровня искусства. Полонский утверждает неизбежность такого снижения на ближайший период. Тем самым он поощряет настроения «утильсырья» и дискредитирует лозунг борьбы за большое искусство большевизма.

В заключение, обращаясь к итогам первого круга дискуссии, А. Селивановский говорит:

— Задача писателя — не в том, чтобы ограничиваться резолюционными декларациями. Вы — писатели и ваша работа проверяется на творческой практике. Тут был прав тов. Леонов. Мы убеждены, что с рядом товарищей из ВССП мы будет работать в общем творческом коллективе писателей социалистической страны.

И. ЕВДОКИМОВ

шарж К. ЕЛИСЕЕВА

М. Горький в Ленинграде

В Ленинград приехал Максим Горький. В театре ЛАПП имени Горького была устроена встреча. В беседе приняли участие тт. Авербах, Либединский и др.

Горьким было созвано совещание ленинградских писателей по вопросу изучения истории гражданской войны. Ленинградскому Большому драматическому театру Горький передал две постановки своей новой пьесы «Егор Булычев».

На целом ряде предприятий в обеденный перерыв были сделаны сообщения о приезде Максима Горького в Ленинград. Собрания рабочих послали свои приветствия любимому писателю. Краснопутиловцы и сталинцы послали Горькому приглашение посетить их заводы.

23 сентября Максим Горький выступил в Выборгском Доме культуры на собрании издательских работников, писателей, рабкоров и рабочих ударников.

В Ленинграде Горький пробудет несколько дней.

Нам пишут

Почему вас плохо кормят в столовой ВССП

Столовая ВССП при доме Герцена обслуживает писателей и их семья. К сожалению, эта единственная писательская столовая не выполняет как следует общественное питание.

Качество обедов очень низкое. Кухня в писательской столовой находится в антисанитарном состоянии. Помещение кухни совершенно не приспособлено для работы. Штат столовой и буфета ВССП чрезмерно раздут. Отсутствие четкого контроля со стороны хозяйственной комиссии ВССП над столовой создало почву для злоупотреблений, приведших к значительным убыткам.

Эти факты были установлены обследованием РКИ Краснопресненского района. Заведующий столовой Я. Рохталь, за допущенные злоупотребления снимается с работы и привлекается к ответственности.

ВССП совместно с горкомом писателей должен перестроить работу столовой Дома Герцена, превратив ее из коммерческой столовой в столовую закрытого типа для писателей и их семей. Трест общественного питания, совместно с ВССП, обсудит вопрос о существовании столовой.

Открытое собрание ячейки ВКП(б) при ФОСП 21 сентября заслушало в связи с решением ЦК ВКП(б) об общественном питании доклады тов. Лившица и Тарасова о состоянии общественного питания писателей и поручило бюро ячейки совместно с горкомом писателей принять срочные меры для его упорядочения.

Почему вас плохо кормят в столовой ВССП

Столовая ВССП при доме Герцена обслуживает писателей и их семья. К сожалению, эта единственная писательская столовая не выполняет как следует общественное питание.

Качество обедов очень низкое. Кухня в писательской столовой находится в антисанитарном состоянии. Помещение кухни совершенно не приспособлено для работы. Штат столовой и буфета ВССП чрезмерно раздут. Отсутствие четкого контроля со стороны хозяйственной комиссии ВССП над столовой создало почву для злоупотреблений, приведших к значительным убыткам.

Эти факты были установлены обследованием РКИ Краснопресненского района. Заведующий столовой Я. Рохталь, за допущенные злоупотребления снимается с работы и привлекается к ответственности.

ВССП совместно с горкомом писателей должен перестроить работу столовой Дома Герцена, превратив ее из коммерческой столовой в столовую закрытого типа для писателей и их семей. Трест общественного питания, совместно с ВССП, обсудит вопрос о существовании столовой.

Открытое собрание ячейки ВКП(б) при ФОСП 21 сентября заслушало в связи с решением ЦК ВКП(б) об общественном питании доклады тов. Лившица и Тарасова о состоянии общественного питания писателей и поручило бюро ячейки совместно с горкомом писателей принять срочные меры для его упорядочения.

Всероссийская конференция ВССП переносится на декабрь

издается сборник творческой дискуссии

Президиум ВССП признало необходимым издать сборник творческой дискуссии совместно с собранием критических статей по конкретным произведениям писателей — членов ВССП. Помимо доклада В. Полонского «Интуиция и творчество», в программу работ творческой дискуссии ВССП входят доклады: И. Аксенова о поэзии, Н. Огнева о творческом методе, К. Зелинского «Творчество и техника». На заседании президиума ВССП совместно с писательским клубом будет заслушан доклад Б. Бялика о работе Гослита. Кроме того, ВССП организует ряд дискуссионных вечеров по краеведческой линии и вечера рабочей критики (разбор повести Вс. Иванова «Бригадир Семецкий» и др.).

Для более тщательной подготовки к конференции Союза писателей президиум ВССП избрало новый секретариат в составе: К. Большакова, В. Гольцева и Н. Сытова. Признано необходимым перенести созыв всероссийской конференции Союза писателей на декабрь.

От секретариата МАПП

19 сентября секретариат МАПП рассмотрел дело о членах МАПП тт. Шапошникове, Колосове, Чуркине и М. Алексееве, взятых на себя обязательство по показу героев труда и его не выполнивших. Секретариат МАПП решил: поставить всем товарищам на вид невыполнение взятых на себя обязательств и, несмотря на ряд вызовов, даже неявившихся в МАПП для объяснений. Секретариат МАПП решил фамилии вышеуказанных товарищей опубликовать в печати.

В Литфонде

На заседании президиума Литфонда РСФСР решено принять срочные меры к упорядочению выдачи ссуд и пособий.

Прежде всего решено немедленно взыскать с должников ссудами литфонда просроченные ссуды. Неплательщики будут предъявлены судебные иски, должникам — членам Литфонда будет предложено урегулировать вопрос об их задолженности в течение сентября. Исчезнам Литфонда новых ссуд решено не выдавать, если за ними числится просроченная задолженность. Членам Литфонда при просроченной задолженности выдавать новые ссуды лишь в экстренных случаях и при строгих гарантиях (в крайнем случае под личные обязательства). Поставлено также немедленно урегулировать вопрос о погашении издательствами задолженности к 1 октября.

*

Образовано московское областное отделение Литфонда. Отделению переданы дела о ссудах и пособиях московским товарищам в лечебной помощи и в доме отдыха в Малеевке.

*

Новым руководством Литфонда приняты меры к упорядочению взаимоотношений со всеми отделениями (в Ленинграде, Казани, Ростове и др. городах). Президиум установил предельный годовой перерасход разрешенной суммы Литфонда соответственно производительности и составу каждого отделения. Приняты меры к повышению кассы Литфонда, к немедленному получению задолженностей правительственными учреждениями и т. д., для обеспечения назначенных сумм на отсутствие средств лечебной кампании. Наибольшая часть денег из отчетных поступлений переходится в оплату путевок на курорты, в санатории и дома отдыха.

Извещения

— 25 сентября — 18 ч. — вечер «Серп и молот» (помещение редакции «Молодновка»)—собрание литкружка «Вальцовка». В повестке: 1. Разбор материала сборника «Вальцовка». 2. Читка т. Шишковым очерка «Пылающий цех».

— 26 сентября — 17 ч. — собрание чувашской секции МАПП, назначенное на 25 сентября.

— 26 сентября—18 ч. — в помещении редакции журнала «Пролетарский штычок» (Тверская, 25) — общее собрание московской литературной группы РАПП «Кузница». В повестке: 1. Итоги IV пленума правления РАПП (доклад т. Макарьева). 2. О молодых авторских кадрах «Кузницы» (доклад т. Карпов). 3. О внутренней консолидации «Кузницы».

— 27 сентября — 19 ч. — «Новая кузница» (Тверск. б., 25). Очередное литобеседование. Читает т. Васильевич А. Ф. повесть «Деревенская быль».

— 29 сентября — 19 ч. — Новая кузница» — доклад т. Ефимовича М. М.—«Авторы как читатели произведений друг друга».

— 29 сентября — 19 ч. — в клубе ФОСП — собрание литкружка «Комсодиф».

— 29 сентября — 19 ч. — в клубе ФОСП — собрание литкружка бригады МосДОДиФ. Доклады т. Шатровой «Художественная литература о Красной армии и о будущей войне» и «За пожарную литературную книгу».

— Этот номер «Л. Г.» — последний за сентябрь. Во избежание перерыва в выходе газеты назначение очередного «номера» по отдельного срока. Подписка, поступившая сегодня, начнется с первого будущего месяца.

Следующий номер «Литературной газеты» выйдет второго октября. С октября «Литературная газета» будет выходить по 2 и 7 числам, то-есть 2, 7, 12, 17, 22, 27 каждого месяца. Выходные дни в редакции «Литгазеты» перенесены на 2 и 7 числа. 27 сентября выходной день редакции «Литгазеты».

Ответственный редактор: С. ДИНАМОВ.

РЕДКОЛЛЕГИЯ: Н. Асеев, С. Динамов, И. Жига, Л. Ильинский, И. Катаев, Г. Коренев, Н. Огнев, А. Селивановский, И. Сельвинский, М. Слонимский.

ИЗДАТЕЛЬ: Журнально-газетное об'единение.

ВАЖНО культсектор ам профсоюзов, клубам, школам, киноклубам

КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ КИНОФИЛЬМ,

выпущенных и выпускаемых в 1931 году с отзывом Главреперткома и рабочей общественности о каждой кинофильме, даст картотека кинофильм, выпускаемая об-вом «За пролетарское кино и фото» (ОЗПКФ). Комплект 250 аннотационных карточек с высылкой Д Б Р раза в месяц по 32 карточки стоит 12 руб. 50 коп.

Высылка картотеки производится по получении полной стоимости комплекта журнально-газетным об'единением, Москва, 6, Страстной бульвар, 11.

1 ОКТЯБРЯ НАЧИНАЕТ ВЫХОДИТЬ НОВАЯ ГАЗЕТА

УДАРНИК ЛИТЕРАТУРЫ

(орган МОПП, ИЗД: „РАБОЧЕЙ МОСКВЫ“)

Выходит один раз в пятидневку

УДАРНИК ЛИТЕРАТУРЫ рассчитан на массового работника читателя.

УДАРНИК ЛИТЕРАТУРЫ ставит своей задачей вести систематическую литературно-воспитательную работу с ударниками, привлекшими и литературу, и обобщать опыт ударников-литкружковцев.

УДАРНИК ЛИТЕРАТУРЫ будет драться за литературно-политическую и теоретическую линию РАПП против правой и «левой» опасности в литературе

В УДАРНИКЕ ЛИТЕРАТУРЫ примут активное участие кадры МАПП (пишущиеся писатели, поэты и критики) и ударники, призванные в литературу.

В УДАРНИКЕ ЛИТЕРАТУРЫ примут ближайшее участие тт. Авербах, Гурская, Караваева, Ольский, Серебрянский, Сурков, Авербах, Фадеев, Макарьев, Ермилов, Селивановский, Панферов, Сутырин и др.

Подписная цена:
1 м.—25 к., 3 м.—75 к., 6 м.—1 р. 50 к., 12 м.—3 р.

Цена отдельного номера—5 к.

Подписка принимается всеми почтовыми отделениями и письмоносцами.

ВЫШЕЛ В СВЕТ И РАССЫЛАЕТСЯ ПОДПИСЧИКАМ № 5 ЖУРНАЛА

БОРЬБА КЛАССОВ

СОДЕРЖАНИЕ:

ЕМ. ЯРОСЛАВСКИЙ — Учение Ленина о войне
Письмо РОМЕН РОЛЛАНА
КАРЛ РАДЕК—Версальская система
Н. ЛАПИНСКИЙ—Разрушенная легенда
Ф. ЦЕТОВИЧ—Французские социалисты и царизм
Л. РЫКЛИН—Партия 4 августа
Воспоминания ШЕЙДЕМАНА
Л. ШЕЙНМАН—Война и религия
В. ХВОСТОВ—От переговоров о разоружении к войне
Ложь во время войны (из книги ПОНСОНБИ)

Документы:

Переписка Милюкова и Терещенко с послами временного правительства
МАССЫ ТВОРЯТ И ПИШУТ ИСТОРИЮ
Что вспоминают рабочие об империалистической войне
МАРКС—ЭНГЕЛЬС—ЛЕНИН
Неопубликованные письма Фридриха Энгельса к Клейну и Молю
Ф. ЛЮБЕЛЬ
Энгельс по поводу его участия в Эльберфельдском восстании в мае 1849 г.
Ф. ЭНГЕЛЬС о войне
ИЗ ИСТОРИИ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ
ГАЙ ГАЙ—В красном лагере в Германии
ИСТОРИЯ В ИСКУССТВЕ
И. Е. Рабинович—Мировая война и искусство
КАК ЗАНИМАТЬСЯ ИСТОРИЕЙ
В. Альтман—что читать о мировой войне
БИБЛИОГРАФИЯ
ПО ИСТОРИЧЕСКИМ УЧРЕЖДЕНИЯМ

Подписная цена „Борьба Классов" без приложения: год—10 руб., 6 мес.—5 руб. 50 коп., 3 мес.—3 руб.

„Борьба Классов" с 1 октября с приложением 24 книг „Библиотеки „Всемирная История" (с 1 января по 31 декабря комплектом)—20 р. 50 к.

При подписке—16 р. 50 к. и к 1-му ноября—4 рубля

Подписчики на „Борьбу Классов" с приложен. „Всемирной истории", внесшие по подписке в рассрочку только 1 р. 1 взнос, должны немедленно внести четвертый взнос — 5 руб. 50 коп.

Не внесшим очередного взноса, высылка журнала с № 7 прекращается.

Подписку сдавайте заблаговременно и только почте. Подписка принимается до определенного срока, устанавливаемого местной почтой. Опоздавшая подписка принимается на следующий месяц.

Журнально-газетное об'единение

ПИСАТЕЛЯМ, ОЧЕРКИСТАМ, ПОЭТАМ, УДАРНИКАМ,

призванным в литературу, показывающим страницы великой героической стройки социализма в нашей стране

нужна документальная фотография.

Сотрудничество фотолюбителей-писателей в журнале „ФОТОКОР" — новом массовом еженедельном органе Союзфото и ОЗПКФ

Открыт прием подписки.

Приложение „Библиотека Фотокора" (3 книжки в месяц)

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: газ. „Фотокор"—12 м.—3 р. 50 к., 6 мес.—1 р. 75 к., 3 мес.—90 к. Газ. „Фотокор" с приложением „Библиотеки Фотокора" 12 м.—12 руб., 6 м.—6 руб. 3 мес.—3 руб.

Цена отдельного номера газеты—15 коп.

ТРЕБУЙТЕ ЕГО ВСЕХ КИОСКАХ И У ГАЗЕТЧИКОВ

Подписка принимается исключительно на почте с рассрочкой установленного местной почтой

Журнально-газетное об'единение

РАПП и ИНСТИТУТ ЛИТЕРАТУРЫ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

ВЫПУСКАЮТ НОВОЕ ИЗДАНИЕ

„ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО"

Под редакцией Л. АВЕРБАХА, И. МИЛЬЛИТА, Ф. РАСКОЛЬНИКОВА

Издание богато иллюстрировано

Об'ем каждой книги 300 страниц

Подписная цена—7 р. 50 к. за 3 книги, цена отдельного номера в розничной продаже—2 р. 75 к.

Подписка принимается почтой и письмоносцами

Редакцией «Н. Н.» и журн.-газ. об'единением (Москва 6, Страстной бульвар 11) принимаются заказы на высылку 3 выпусков наложенным платежом за 7 р. 50 к. Пересылка за счет издательства

ЖУРНАЛЬНО-ГАЗЕТНОЕ ОБ'ЕДИНЕНИЕ

„ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО" — выходит в свою работу из ленинского указания о необходимости критического пересмотра и переработки культурного наследства прошлого. «Л. Н.» разрабатывает с марксистско-ленинских позиций под углом зрения современности узловые вопросы истории русской общественной мысли, истории литературы и истории журналистики.

«ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО» — публикует неизданные материалы и документы по истории литературы и истории общественной мысли. Особое внимание «Л. Н.» уделяет разысканиям и публикации неизданного и забытого литературно-критического наследия классиков марксизма. В центре внимания будут стоять публикации материалов и документов, относящихся к истории и предыстории пролетарской литературы.

«ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО» — наряду с литературоведческими статьями ставит задачу систематической и плановой разработки истории пролетарской печати, уделяя внимание «Л. Н.» будет вестись по линии традиций большевистской журналистики и изучения роли Ленина как редактора.

«ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО» — входит отдел критических обзоров, которые будут знакомить читателя со всем литературным новинками, относящимися к кругу вопросов, разрабатываемых нами изданием. Особое внимание будет уделено анализу мемуарной литературы, недавно прошлого, в настоящее время сильно растущего. Для обзоров систематически будут привлекаться историко-литературные издания Союзных республик, а также Запада и Америки.

Упол. Главлит Б-№ 71. Типография (10) им. «Мосполиграф», гр. ул. Скворцова-Степанова, д. 4.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ФЕДЕРАЦИИ ОБ'ЕДИНЕНИЙ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР

МОСКВА. 2 октября 1931 г. № 53 (152)

РЕДАКЦИЯ:
Москва, Тверской б. 25, Дом Герцена. Телефон 2-80-12.

ИЗДАТЕЛЬСТВО:
Журнально - газетное об'единение: Москва, 6, Страстной бульвар 11. Телефон 5-51-69.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА:
На 12 м. 3 р. 50 коп.
На 6 м. 1 р. 75 к.
На 3 м. - р. 90 к.

ударник стал центральной фигурой пролетарского литературного движения

к годовщине призыва ударников в литературу

Год назад—29 сентября 1930 г. — Российская ассоциация пролетарских писателей (РАПП) об'явила совместно с ВЦСПС призыв рабочих-ударников в литературу, начатый и проведенный впоследствии всеми организациями ВОАПП в союзных республиках.

«Гигантский под'ем активности рабочего класса, успехи культурной революции, достижения пролетарской литературы и увеличения роли ее в практике социалистического строительства исключительно увеличили внимание широчайших слоев трудящихся и фронту литературы и усилили выделение из среды рабочих писательских кадров. Секретариат РАПП приветствует предложение издательства ВЦСПС об об'явлении призыва ударников в литературу, считая, что осуществление его должно сыграть и сыграет исторически поворотную роль в пролетарском литературном движении». (Из постановления секретариата РАПП от 29 сентября 1930 г.).

Пролетарское литературное движение всегда рассматривало себя как отряд ленинской культурной революции, оно всегда боролось за осуществление на участке художественной литературы завета Ленина: «Литературное дело должно стать частью общепролетарского дела». Рабочее ядро пролетарской литературы, вышедшее в основном из рядов рабселькоровского движения, годами складывалось в РАПП и ВОАПП. Но только мощное развертывание культурной революции в стране, вступившей в период социализма, только успехи развернутого социалистического наступления по всему фронту вызвали волну призыва рабочих-ударников в литературу, сделали ударника центральной фигурой пролетарского литературного движения, обеспечили все необходимые предпосылки для превращения рабочего ядра в ВЕДУЩИЙ отряд РАПП и ВОАПП.

Призыв рабочих-ударников, выражая, собою все усиливающуюся «тенденцию к стиранию граней между физическим и умственным трудом» (из решений последнего пленума правления РАПП), означает создание в литературе новых кадров пролетарской интеллигенции, о которых говорил в своей речи на совещании хозяйственников тов. Сталин, и является решающим толчком к борьбе за эти кадры в остальных областях искусства — в театре, кино, музыке, радио и пр. Открывая собою новую главу в развитии пролетарского литературного движения, призыв является наследником и продолжателем богатого опыта, накопленного пролетарской литературой в предшествующие периоды. ВОАПП и РАПП превратились в организации, ставшие второй партией на литературном фронте в результате многолетней борьбы с различными видами буржуазной и мелкобуржуазной идеологии, с различными видами оппортунизма и капитулянтства, правого и «левого», от богдановщины и литературного троцкизма («воронщины») до меньшевистской теории Переверзева и литфронтовской ликвидации искусства. Призыв был начат в тот момент, когда пролетарское литературное движение стояло перед трудностями перестройки своих рядов и когда генеральная линия РАПП подвергалась ожесточенным атакам со стороны блока право-вацетских литературных капитулянтов из «Литфронта». Призыв сыграл решающую роль в идейном разгроме «Литфронта», разоблачив его капитулянтскую сущность и став основным рычагом в деле дальнейшей перестройки пролетарской литературы, в деле борьбы за ликвидацию ее отставания от практики социалистического строительства. Рабочий-ударник не противопоставляет себя старым кадрам пролетарской литературы, создавшим организацию и боровшимся за ее линию (как не это надеялись противники пролетарской литературы), он работает и будет работать вместе с ними на общей платформе, под общими литературно-политическими, теоретическими и творческими лозунгами. Рабочий - ударник не об'является сам врагом литературных спецов и попутчиков пролетариата (как об этом говорят буржуазные литераторы и литературные обыватели), он, как и все пролетарское литературное движение в целом, борется и будет бороться за переход союзников и попутчиков на идейно-художественные позиции пролетариата и против буржуазной агентуры в литературе. Будущее пролетарской литературы, ее завтрашний день, когда будет создано большое искусство большевизма, — в ее рабочем ядре, в кадрах рабочих-ударников. Первый год, прошедший после об'явления призыва, превратил РАПП в 10-тысячную организацию (теперь на 60 проц. состоящую из рабочих) и орабочил руководящий состав ассоциаций пролетарских писателей.

В десятках и сотнях книжек, выпущенных издательством ВЦСПС и другими издательствами СССР, в сотнях и тысячах произведений, напечатанных в различных журналах, ежедневных газетах, многотиражках и т. д., передают рабочие-ударники в художественной форме опыт своей борьбы за социализм миллионам строителей социализма. Проходящие призыв ударников союзников и колхозников в пролетарско-колхозную литературу. Вслед за рабочим автором художественной книги, растущим в рядах РАПП и ВОАПП, появляются кадры рабочих авторов, дающих политическую, техническую и т. д. книжку.

Исключительное значение этих книжек—в том, что они, описывая лучший опыт организации труда на отдельных предприятиях, показывают передовика рабочего класса, героев социалистической стройки, воспитывают массы «на живых, конкретных примерах и образцах» (Ленин), являются мощным оружием социалистического соревнования.

Свое отчетливое выражение в призыве находит новый тип писателя. Это не созерцатель со стороны, а активный участник классовой борьбы пролетариата.

Те огромные задачи, которые сейчас выдвинуты перед художественной пролетарской литературой,—показ героев пятилетки, создание истории заводов, участие в создании «Истории гражданской войны», художественная передача опыта строительства социализма в СССР зарубежному пролетариату и проч. — успешное разрешение которых будет означать овладение решающими подступами к большому искусству большевизма, требуют особенного внимания к творческой работе рабочих-ударников, к обеспечению всех условий для их идейно-художественного роста.

Новое содержание, приносимое творчеством рабочих-ударников в пролетарскую литературу, еще не находит художественно полноценного выражения. Этому творчеству в ряде случаев еще присущи многочисленные «дефекты»— недостаточно высокий идейно-художественный уровень, некритическая учеба у писателей других эпох и классов, схематизм, простое описательство, фотографирование и т. д. Все это снижает общественное - художественное значение творчества рабочих-ударников и ослабляет классовую функцию их произведений. Дальнейший творческий рост рабочих-ударников требует от них борьбы за углубление их мировоззрения и за овладение творческим методом диалектического материализма.

Все ли сделано для обеспечения ударникам необходимых условий их идейно-творческого роста? Нет, далеко не все. Организации пролетарских писателей должны научиться работать по-новому. К ним целиком относятся слова тов. Кагановича: «Нужно уметь ворочать тысячами, но нужно уметь выявлять таланты каждого в отдельности». Такого умения «выявлять таланты каждого в отдельности» еще в значительной степени не хватает организациям пролетарских писателей вообще, а в их работе с рабочими-ударниками — в особенности. Тут еще в ряде случаев господствует обезличка, особенно ярко проявляющаяся в работе марксистской критики, мало и плохо занимающейся творчеством рабочих-ударников, схематизирующей это творчество, либо захваливающей его, не научившейся по-настоящему работать с каждым рабочим-писателем в отдельности, не давшей ему по сих пор необходимой, достаточно квалифицированной учебной литературы. В ряде случаев наблюдается пиэмзя или замаскированная оппортунистическая недооценка значения работы с призывниками-ударниками, их нажитые еще тенденции цехового замыкания, отрыва отдельных писателей от массового движения и вытекающая отсюда боязнь самокритики, идущей со стороны рабочего ядра пролетарской литературы. Закончить поворот лицом к ударникам по всему фронту — такова задача ВОАПП, РАПП, всех марксистских литературоведческих сил во второй год призыва.

Точно так же не закончен поворот лицом к ударнику рядом других организаций. Несмотря на то, что призыв был об'явлен совместно РАПП (а затем ВОАПП) с ВЦСПС и что ВЦСПС неоднократно указывал на важность призыва для массово-культурной работы профорганизаций, значительная часть последних на местах отнеслась к призыву формально, не удержала ему должного внимания, не превратила его в органическое звено своей повседневной деятельности. Ошибочно думать, что профсоюзы должны были только содействовать самому призыву и могут от него отойти, когда он закреплен в организациях пролетарских писателей. Профсоюзы обязаны и на дальнейшее время неустанно заботиться о выдвижении литературных кадров во все области искусства, помогая им в их творческом росте, помогая организациям пролетарских писателей в их воспитательной работе.

Значительное большинство призывников — молодежь, прошедшая школу комсомольской выучки. Из рядов этой молодежи будут и в будущем непрерывно приходить в литературу кадры рабочих писателей. Пролетарское литературное движение выросло в постоянной связи с ленинским комсомолом, и эта связь должна быть особенно закреплена сейчас, когда намного возросла роль художественной литературы в культурной революции, когда должна быть создана высококачественная художественная литература для молодежи, когда организации ВОАПП и РАПП в своей значительной части превратились в организации, воспитывающие тысячи комсомольских писателей. Отсюда перед всем комсомолом, всеми его комитетами и ячейками встает задача повышенного внимания к вопросам художественной литературы, к работе с призывниками-ударниками.

Издательства художественной литературы, за редким исключением, еще не перестроили своей работы для обслуживания рабочих-ударников, их выдвижения и творческой помощи им. Из постановления ЦК ВКП(б) по докладу Оргиза для этих издательств следует вывод о необходимости решительного преодоления формально-бюрократического подхода к рабочим-ударникам, о развертывании борьбы за рабочие авторские кадры.

В постановлении ЦК ВКП(б) по докладу Оргиза говорится о необходимости «собрать и организовать вокруг себя новые растущие авторские силы, помочь им подняться на более высокую ступень культуры, знания и специализации». Эта задача выполнима прежде всего путем обеспечения этих новых авторских кадров—и в первую очередь ударников, призванных в литературу, —всеми необходимыми условиями для их наиболее плодотворной теоретической и творческой учебы: создание соответствующих пособий, методологической литературы, организация авторитетных литературных консультаций. Работа с молодыми авторскими кадрами и расширение рабочего ядра Оргиза и других издательств — насущная задача, стоящая перед всеми нами.

Второй год призыва ударников в литературу должен стать годом решительной борьбы под руководством ленинской партии и ее ЦК за качество работы с рабочими-ударниками. Будем беспощадно разоблачать оппортунизм и «левачие» заскоки в деле призыва ударников, будем беспощадно бороться с недооценкой призыва, с нежеланием действительно «работать по-новому». Будем укреплять тесную связь с ВОАПП и РАПП профессиональных, комсомольских, научно-исследовательских и издательских организаций. Будем бороться за большое искусство большевизма, за писателей-ленинцев, за художников-большевиков.

ВОАПП. РАПП—Л. АВЕРБАХ
ВЦСПС—АНЦЕЛЕВИЧ
ОГИЗ—ХАЛАТОВ

в годовщину призыва

в театре им. вахтангова

29 сентября в театре им. Вахтангова состоялось собрание, созванное РАПП, ВЦСПС, и ОГИЗ, посвященное годовщине призыва ударников. В президиум собрания избраны: секретариаты РАПП и МАПП, президиум ВЦСПС, ряд рабочих ударников, тт. Стецкий, Кесарев, Мехлис, Халатов. Собрание открыл секретарь МАПП т. Боровой. Выступали: тт. Стецкий, Анцелевич, Халатов, Лецинер, Бухаркин, Авербах.

Он молод этот юбиляр — признанный в литературу ударник. Ему как литератору—всего один год. Поэтому естественно, что на юбилейном собрании больше говорилось о том, что ожидает призыв ударников завтра, какие задачи стоят перед организациями его проводниками. Собрание было вместе с тем в значительной мере самокритическим — на нем прямо признавались — и это хорошо, что внимание к призыву ударников до сих пор было недостаточным.

Но тон деловой самокритики, преобладавший на собрании, ни в какой мере не затушевывал основного, главного:

Призыв ударников в литературу—свидетельство победоносного наступления пролетариата на культурном фронте, явление, поднявшее пролетарское литературное движение на новую, высшую ступень, превратившее РАПП в мощную массовую организацию.

И т. Стецкий, приветствовавший ударников от Центрального Комитета партии, имел все основания для такого вывода:

— Нас в ближайшие годы,—сказал он,—ждет расцвет полный и пышный пролетарской литературы.

И тут так же, как и во всех областях хозяйства, культуры, быта, у нас резкий контраст с капиталистическим миром. В СССР—рост пролетарской литературы, общее развитие пролетарской культуры, а на Западе—упадок, разложение смерть.

Так обстоят дела у буржуазии. Пролетариат же СССР занимает гегемонию на фронте литературы.

Но завоевать литературу не так просто. Создать произведения, достойные нашей эпохи, «похода» нельзя. Для этого нужно много работать, нужно учиться.

— Учеба должна стать основным лозунгом для призывников ударников, для всех пролетарских писателей,—заявляет свою речь т. Стецкий, и эта же мысль проходит красной нитью через речи всех остальных ораторов.

— Мы стали хозяевами организации, мы по-настоящему руководим ею,—говорит рабочий-ударник т. Боровой, секретарь МАПП. Тов. Боровой расшифровывает лозунг учебы, устанавливая связь призыва ударников с историей пролетлитературного движения, преемственность литературно-политической и творческой линии напостовства.

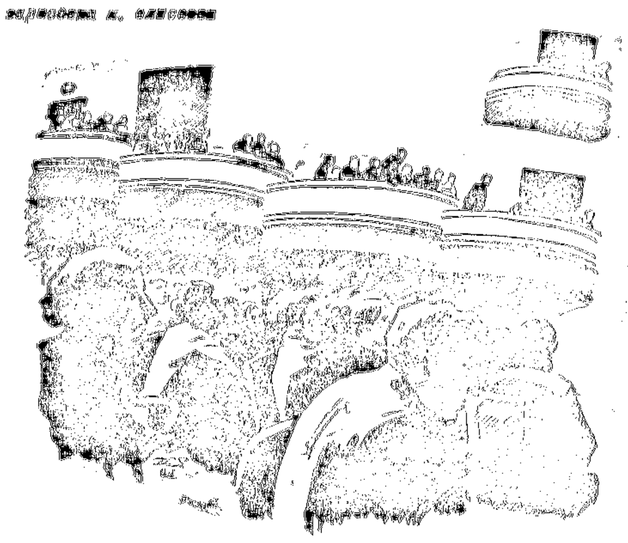
Центральное место на собрании по праву заняло выступление секретаря ВЦСПС т. Анцеловича, которое, нужно думать, откроет новый этап в совместной работе РАПП и профсоюзов.

Тов. Анцелович характеризует громадный размах культработы союза, сообщает колоссальные цифры из бюджета и сравнивает эти данные с мизерным количеством литкружков и слабой помощью им. 40 ЦК Союзов кичего не сделали для помощи ударникам! Многие кружки остаются безнадзорными.

Т. Анцелович делает из этих данных самые решительные выводы и под аплодисменты собрания заявляет:

— Профсоюзы должны оказать и окажут призыву ударников всяческую поддержку, призыв ударников должен занять определенное место во всей массовой работе союзов.

Вторую часть своего выступления тов. Анцелович посвящает памятке задач пролетарской литературы. Он предъявляет своеобразный счет массовых организаций рабочего класса—профсоюзам—пролетарской литературе.



ВЕЧЕР ГОДОВЩИНЫ ПРИЗЫВА В ТЕАТРЕ ИМ. ВАХТАНГОВА

— Призыв ударников,—говорит тов. Халатов,—встречный творческий план пролетариата советской литературе. Тов. Халатов решительно заявляет, что издательства пока что очень мало сделали для помощи призыву. Он намечает практические мероприятия—перестройка литконсультаций, выпуск пособий и т. д. В заключение т. Халатов сообщает об организации ОГИЗ фонда имени годовщины призыва ударников для премирования рабочих-ударников.

К сожалению, выступление представителя ЦК комсомола т. Лецинера нарушило общий тон собрания. К удивлению собравшихся т. Лецинер вместо того, чтобы говорить о помощи, оказанной комсомолом призыву (а она до сих пор была явно недостаточной), и о дальнейших задачах этой работы, вдался исключительно критикой РАПП за то, что пролетарская литература слабо обслуживает запросы молодежи. Никто не спорит, что для таких упреков есть основания, но полная выступление комсомола на собрании в годовщину ударников ограничивать только ими.

На это совершенно справедливое было указано в заключительной речи т. Авербаха, выразившего уверенность, что второй год призыва будет годом новых достижений и побед и закончит пролетарское литературное движение, как крепкий воинствующий большевистский отряд на фронте литературы.

по-новому работать, по-новому руководить

после постановления цк вкп(б) по докладу огиз

реорганизация библиографического института

Постановление ЦК партии об издательской работе ставит перед Библиографическим институтом ответственнейшие задачи, выполнение которых превратит институт в центр всей библиографической работы в стране.

Проект реорганизации института намечает значительное усиление научно-исследовательской, методической и массовой работы в организациях, ведущих библиографическую работу; развитие широкой массовой критики путем организации кружков при библиографических отделах прессы, на предприятиях, в колхозах и совхозах.

Вопросы подготовки и мобилизации кадров институт предполагает разрешить путем использования существующих уже учебных заведений (РИФИ, Институт библиотековедения, Институт журналистики и др.).

Проект намечает оказание помощи библиографическим отделам местной печати, выработку совместно с центральной печатью определенных методов рецензирования, а также создание методического руководства или библиографических отделов при издательствах. Предусматривается также методическое руководство библиографической работой в книготорговле и комплектовании библиотек. Во всех автономных и крупнейших областях РСФСР и в союзных республиках должны быть созданы библиографические центры.

Проект реорганизации, представляемый Библиографическим институтом, и вопросы структуры и финансовой базы будут подробно проработаны на заседаниях рабочей комиссии и утверждены специальной расширенной комиссией по реорганизации института.

***

Правление ОГИЗ, учитывая специфику и важность работы отдела иностранной библиографии, предложило Библиографическому институту выделить от дела иностранной библиографии в самостоятельный институт.

Представленный т. Аксельродом на утверждение ОГИЗ проект Института иностранной библиографии предусматривает организацию рецензирования и аннотирования на русском языке всех крупнейших образцов иностранной литературы и реферирование и аннотирование на иностранных языках русской литературы.

Журнал «Иностранная книга», имевший три раздела — научно-технический, социально-экономический и литературно-художественный, — значительно расширяет свои задачи, увеличивая об'ем (с 5 до 8 печатных листов). Журнал будет выходить один раз в месяц. Предполагается также издание трех новых журналов на немецком, французском и английском языках, рассчитанных на иностранного читателя и дающих аннотации и рецензии о русских литературных произведениях и авторах.

за бумагу хорошего качества

Проблема бумаги имеет несколько сторон. Нужно всячески форсировать развитие бумажной промышленности и таким образом увеличивать выпуск бумажной продукции. Нужно умело и рационально расходовать каждую наличную тонну бумаги на действительно ценные издания, изгонять халтуру, макулатуру и т. д.

Наконец, есть и еще одна задача — это борьба за качество бумаги.

Мало добиться подъема выпуска бумаги, количественного выполнения промфинплана бумажных фабрик — за последнее время в этом отношении улучшение есть, хотя и недостаточное. Необходимо, чтобы бумага вырабатывалась доброкачественно по качеству и именно того сорта, в которых ощущается наибольшая необходимость. Этого-то условия мы как раз и не имеем. На бумажных фабриках брак еще очень высок. Основное же заключается в том, что в результате не развернутой борьбы за качество наблюдается нелепая выработка высших «культурных» сортов бумаги, в производстве которых как раз нуждается художественная книга.

Из последнего ясно, что участие в борьбе за качество бумаги является самой непосредственной задачей литературной общественности. По этому поводу есть специальное решение секретариата РАПП. Когда, в свое время, мы развертывали энергичную кампанию за бумагу, используя ФОСП, намечено ряд практических мероприятий по участию писателей в этой работе. Там был и пункт об участии в работе бумажных фабрик.

Однако эта решения использованы не реализованы. Отсутствие проверки исполнения сказалось и на них.

Частный же вопрос, которой мы ставим особо, — это реализация решения о борьбе за качество бумаги, например через участие писателей в работе бумажных фабрик, через построение связи с ними.

Нужно нейтральное нефтяное (формально его закончить не обязательно, ибо в этом суть) литературных и бумажными фабриками; отдельные писатели обязаны стать своими, родными людьми на фабриках.

Ведь мы же по-настоящему не знаем положения на Балахне Качезе и др. фабриках, не знаем их нужд, побед и поражений! Как же без этого знания можно бороться за бумагу?

Писательский коллектив вместе с рабочими бумажниками должен бороться за бумагу, за качество бумаги.

М.

прорывы, прикрытые бумагой

от нашего корреспондента

В ленинградском ГИХЛ проходит чистка. Проверка аппарата одной из крупнейших фабрик художественной книги совпадает с перестройкой издательства для работы по-новому. Комиссия ОблРКИ при помощи всей советской общественности вычерит ход производственного механизма ГИХЛ.

Бумагой сейчас принято прикрывать все прорывы, большие и маленькие недочеты. Нет слов, бумажные затруднения чрезвычайно мешают работе. Но все же бумага—не единственный тормоз. Немало помех скрывается и в самой системе, и в людях.

***

За первое полугодие ЛенГИХЛ значительно снизил удельный вес массовых изданий. По плану этим изданиям было предоставлено 40 процентов всего листажа. Фактически они получили лишь 19 процентов.

Массовые, наиболее низкие по цене издания игнорируются. Вся бумага расходовалась на прибыльную литературу. Не трудно об'яснить расхождение между ценностными и количественными показателями в выполнении плана и еще более резкое расхождение с показателями политическими.

***

Неверная установка в соотношениях издаваемых об'ектов еще в большей мере отразилась на таком участке работы издательства, как заключение договоров. В то время как у издательства по некоторым сериям—«Библиотека малограмотных» и др.—совершенно пустые портфели, по другим, менее нужным в данный момент сериям, материала заготовлено уже на весь 1932 год. На оплату ненужных запасов израсходовано несколько десятков тысяч рублей. Мертвые тысячи, кстати,—одна из основных причин апрельского финансового прорыва в издательстве.

В опозданиях и задержках—всеобщее соревнование. Авторы, сдающие рукописи с годовым опозданием, перестали быть редкостным явлением. Отсрочки авторам стали традицией, неаккуратность авторов—правилом.

Неаккуратность типографий отягощает промфинплан. С одной стороны, повышение авторского гонорара за счет плановой себестоимости, с другой—повышение ставки типографских работ (в результате высокой авторской корректуры) дали за полгода перерасход в 11.000 руб. только по пяти периодическим изданиям. О сроках же выхода периодики страшно говорить. В течение шести месяцев вышло... 2 номера «Литературной учебы». Из предполагавшихся 5 книг приложений—ни одна не вышла.

Мы не собираемся «отпевать» ЛенГИХЛ. Мы даже подчеркиваем наличие некоторых достижений в его работе. Но плюсы не могут вычеркнуть минусов.

С издательскими и редакционными кадрами положение в Ленинграде обостряется с каждым годом, если не с каждым месяцем. Учебные заведения, готовящие редакционно-издательских работников, не обеспечены преподавательским составом, не имеют программ и едва ли дадут в ближайшее время пополнение издательствам. Издательства вынуждены «самообеспечиваться» кадрами. Заслуживает внимания интересная мысль, возникшая у группы работников «Молодой гвардии» (Г. Ветрова и др.)—об'единить одно из типизированных издательств опытной базой для подготовки редакторских кадров.

По примеру существующих заводов предлагается создать издательский ВТУЗ для углубленной теоретической учебы и практической работы. Кадры слушателей должны быть завербованы из числа рабкоровского актива, коммунистической части студентов литературных и газетных учебных заведений.

Б. РЕСТ

протест германских товарищей против террора пилсудчиков

польскому посольству в берлине

Только что мы узнали, что четыре польских писателя: БРОНЕВСКИЙ, ВАТ ГЕМПЕЛЬ и СТАВАР, арестованы и что им грозит военный полевой суд. Мы протестуем от имени молодого и передового немецкого поколения писателей против этого поступка польской юстиции и призываем всех писателей протестовать вместе с нами против этого неслыханного образа действий.

ИОГАННЕС Р. БЕХЕР, БЕРТ, ЭРНСТ ГЛЕЗЕР, ЭГОН ЭРВИН КИШ, АННА ЗЕГЕРС, ЭРНСТ ТОЛЛЕР, ЛЮДВИГ РЕНН, КУРТ КЛЕБЕР, КАРЛ АВГУСТ ВИТФОГЕЛЬ.

Отбарабанив срок немалый,
Почти отбыв уж свой черед,
Поэт не юный и усталый,
Гляжу с надеждою вперед.

***

В литературе и на сцене
Предвидя гениев расцвет,
Писательской РАБОЧЕЙ смене
Шлю мой восторженный привет.

ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ

деловой контакт писателей с „правдой“

на производственном совещании писателей-очеркистов в редакции «правда» 29 сентября

Редакция «Правды» провела 29 сентября производственное совещание писателей-очеркистов. Задача совещания—укрепить связь писательского актива с «Правдой» и обеспечить плановую работу писателей-очеркистов в ЦО партии.

Тов. редколлегии и отв. секретарь редакции «Правды» т. Мехлис в своем докладе ознакомил писателей с основной работой, проводимой сейчас редакцией «Правды», и теми требованиями, которые ставит «Правда» перед писателями-очеркистами.

Каково положение с работой писателя в «Правде» сегодня? Поступающий в «Правду» художественный материал часто бывает по качеству, случаи и показывают нередко оторванность писателя и поэта от производства. Характерной чертой присылаемых в «Правду» очерков является поверхностное отношение к общим политическим задачам, недостаточное знакомство с предметом и т. д.

Какие требования «Правда» предъявляет к очерку? Он должен быть на высокой принципиальной политической высоте. Писатель-очеркист должен не поверхностно, а глубоко показывать как отрицательные, так и положительные стороны производства и помогать его работе.

Редакция «Правды» предоставит писателю все необходимые условия для работы в НО. Поездки будут обеспечены помощью консультации сотрудников, командировочные совещания и т. п. По специально разрабатываемому плану, писатели будут командированы в различные районы СССР. Ежемесячно «Правда» будет созывать производственные совещания писателей-очеркистов, на которых будут обсуждаться помещенные очерки, разрабатываться темы очерков и даваться указания в этой работе писателей.

Тов. Резников («Правда») сообщил писателям о разработанном плане—темах очерков, фельетонов и статей и тех об'ектах строительства, куда писатели должны будут выехать. План охватывает не только вопросы: новой техники промышленности, сельского хозяйства, культуры и быта, партийной жизни, показа героев труда и т. д. Как правило, «Правда» предполагает помещать очерки писателей еженедельно.

Выступившие в прениях писатели: В. Ставский, С. Третьяков, Бруно Ясенский, Л. Сейфуллина, М. Эгарт, А. Дороченко и др. приветствовали почин «Правды».

А. К—Б

почин „правды“

Теперь уже нет, во всяком случае явных, проповедников пренебрежительного отношения к работе писателя в газете из тех основания, что, дескать, эта работа «признак, что это «не искусство», «дисквалификация» и т. п. Совершенно бесспорно, что работа в газете обязательна и необходима для каждого писателя, что газета помогает приобщению писателя к практике социалистического строительства, повышает его политическую квалификацию, ускоряет темпы его перестройки.

Сейчас встал другой вопрос. Писателю надо подняться до газеты. Это значит, что сейчас, при недостаточном знакомстве писателя со всем многообразием нашей действительности, при весьма распространенном, поверхностном подходе к описанию производства, фабрик и колхозов, маличный литературный материал не может удовлетворить газету, с ее сегодняшними задачами.

Этот вывод же нов — достаточно вспомнить, по какой линии шла в идет критика писательских бригад.

И вот в борьбе за новое качество в писательской работы, за писателя общественника, писателя — активного участника социалистического строительства, писателя-борца, мероприятия, проводимые редакцией «Правды»,— имеют крупное значение.

Уже одним тем фактом, что предоставляется возможность большому кругу писателей органически участвовать в работе ЦО, писательство получает новый действенный толчок к перестройке, к работе новыми методами. Но редакция «Правды» не только просто предоставляет эту возможность писателям, а и организует их участие в газете. Работа писателей в «Правде» будет проходить по определенному плану, в наиболее благоприятных условиях, дающих все возможности для действительно серьезного, настоящего дела.

Таким образом мы имеем дело с фактом большой литературно-политической важности.

Приглашение в «Правду» является для писателя экзаменом. Оно обязывает к большой и серьезной работе над собой, к тщательному отбору материала, оно поднимает ответственность за художественное слово. На этом экзамене каждый писатель будет по-настоящему проверяться.

Почин «Правды» должен быть подхвачен и другими газетами он должен быть началом решительного сдвига в дело связи пролетарских и советских писателей с большевистской печатью.

перед пленумом

пленумом цс ротик

В сегодняшнем номере «Литературной газеты» (см. 3-ю страницу) помещены статьи и заметки работников пролетарско-колхозной литературы, посвященные созываемому в ноябре этого года пленуму Центрального совета РОПКП. Культурная революция поднимает все новые и новые кадры ударников совхозных и колхозных полей, идущих в литературу. Последнее обращение центрального совета РОПКП говорит о появлении новой волны призыва. Нет сомнения и том, что РОПКП имеет все предпосылки для дальнейшего количественного роста. Задача сегодняшнего дня заключается в том, чтобы в свете большевистской самокритики определить слабые места в работе РОПКП, мешающие укреплению этого, наиболее близкого пролетарской литературе, литературного отряда.

Таким слабым местом является прежде всего разрыв между количественными и качественными показателями работы. Именно поэтому первая волна призыва дала такой большой процент отсева, такое большое количество «бумажных» ударников. Об этом в свое время писала «Литературная газета», говоря о сигналах Москвы и Пскова. Об этом говорят и помещаемые нами сегодня статьи. В отдельных звеньях пролетарско-колхозной литературы до сих пор не изжиты увлечения «бумажными успехами», стремление «догнать и перегнать» со стороны организации по возникновению кружков и об'единениям и них людей без задержания времени, без улучшения качества работы, без требующегося учебно-творческого руководства. Необходимо помнить о том, что должна запрещаться каждый шаг призыва. Без этого неминуемы будут новые прорывы и новая волна отсева.

Задача борьбы за качество работы стоит во всех областях работы организации пролет.-колхозных писателей. Пролетарско-колхозная литература имеет за последнее время известные творческие достижения. Но из этих достижений, в силу слабости общетеоретической и конкретно-критической работы, не извлекаются в полной мере уроки, на которых могло бы учиться все движение. Еще недостаточна борьба с вне пролетарско-колхозной литературой. Только за последнее время в РОПКП началась дискуссия по основным вопросам творческого метода пролетарско-колхозных писателей. Первый этап дискуссии уже показал, насколько необходима постановка этих вопросов и какая путаница в последних существует у отдельных писательских групп РОПКП.

Разумеется, целиком правы товарищи, указывающие на то, что РАПП до сих пор не реализовала своих многочисленных резолюций о помощи пролетарско-колхозной литературе.

За решительный поворот лицом к ударникам полей! За качество работы! За теснейшую связь РАПП и РОПКП!

За пять дней

М. ГОРЬКИЙ

Ставьте дело широко и твердо

письмо в театр лапп

Прежде чем приступить к оценке импровизационной работы «рапповского театра», разрешу себе несколько общих замечаний. У нас, в Союзе советов, всякое дело рассматривается как движение по пути к социализму. Так это и надо. Значит, и в деле, начатом вами, необходимо взять направление на высокую цель, потому что назвали с высокой точки, отчетливее видны недостатки и ошибки практики.

Цель «рапповского театра» кратко определяется как борьба за культурную революцию и против старого, мещанского быта, против всех его явлений. Его работники хотят итти к этой цели через театр, путем искусства. Искусство всегда «типизирует», т. е. обобщает, оно берет характерные черты многих, приписывает их одному и дает нам типы, напр., скупого отца Гранде — Бальзака, Скупой рыцарь—Пушкина, Плюшкин— Гоголя. Так же оно делает лишенца, или мечтателя, или индивидуалиста, которые стремятся к достижению личного блага, личных удобств жизни, утверждают свое «право борьбы против всех» или же, подчиняясь учению церкви, утверждают свое право на «святость» и удаляются от мира в пустыню каких-либо умозрений, выдумок, в келью каких-либо идей, кои ограничивают свободу роста критически исследующего ума. «Грехи мира—дела его», мир грешен, я хочу быть праведным и новому ужасу из мира,—вот суть философии индивидуалиста.

Искусство преувеличивает и «добро» и «зло». Это его социально педагогический «прием», и это его право. Сатана и бог — не что иное как две формы типизации противоборствующих начал: сатана — свободно исследующий критический настроенный разум, бог — внеразумное, покорное преклонение пред явлениями природы и социальной жизни. Эти фигуры, типизируя разум и веру, создали церковь теми же приемами, какими пользуется искусство. Следует ли нам опасаться преувеличения в наших попытках изобразить действительность, показать сегодняшнего человека? Не следует. Почему? Потому что наши достижения и творчество новой жизни будут иметь тем более глубокое и реальное воспитательное значение, чем более ярко и определенно мы подчеркнем положительные и отрицательные факты нашей действительности.

Затем: сценическое, театральное искусство строится на человеке и на слове, причем в комедии и драме слово имеет гораздо более веское и внушительное значение, чем в романе, в повести. Работники «рапповского театра» должны очень хорошо понять огромнейшее значение слова в их работе.

***

В статье «За социалистическое наступление на театр» сказано: «мы против рабского копирования жизни», но в работе «рапповского театра» над импровизацией «Сапог» это заявление нарушено.

Прежде всего, из этой работы выпал такой политический момент: плохой сапог не показан как хорошее средство контрреволюционной агитации против партии и советской власти. Необходимо помнить, что великой небрежной работой, каждой дурно сделанной вещью мы даем врагам партии и советской власти козырь в их игре против нас. Рабочий класс, завоевав политическую власть и хозяйство страны, не имеет права работать на себя хуже, чем он работал на капиталистов. Это должно быть сказано, ибо это—основной стержень импровизации «Сапог». «Брак», небрежную работу надобно рассматривать как социальное вредительство, хотя бы и бессознательное. Работники «Мастерской театра» должны усвоить, что и драму, и комедию можно сделать из сапога так же, как из толстуха, из юбки, из убийства кулаками селькора, и что вообще нет такого факта, который не был бы достоин служить темой для искусства. Затем они должны помнить очень хорошую пословицу: «Взявшись за гуж — не бай, что не дюж». Сапог — плохой сапог — надобно показать на ноге красноармейца и на ноге щеголя. Представьте, что у красноармейца оторвался задник, в этом случае, в ответ на его жалобу, может быть сказано: «Не хочет парень показать врагу пятки». Можно отлично высмеять щеголя, у которого лопнул сапог. Показать кустаря, который привык работать на определенную реальную ногу, и рабочего, который работает на миллионы ног. Можно—и следует—дать ряд комических трюков и коллизий. Вообще — тему «Сапог» следует разрабатывать комедийно, тогда она и может быть «высококачественной агитпрописью», как хочет т. Любошинский и как это действительно нужно.

Николай Браун советует «нити от целого к мелочам». Это—не совсем верный путь. Пьеса строится не так, как дом, а несколько иначе. План дома создается архитектором, затем на место постройки свозят кирпич и другой строительный материал. Работники «мастерской» рапповского театра работают без архитектора, ибо каждый из них — архитектор, и строительный материал они подбирают, — находят сами. Даже более того: каждый из них в некоторой степени сам же и является материалом пьесы. Как это? А вот как: прежде чем приняться за работу развития любой темы в театральное представление, каждый из импровизаторов должен ясно для себя определить свое отношение к теме, к факту. Отношение это может и должно быть различным: гневным, комическим, здоровым, легкомысленным, угрюмо-безнадежным и т. д. Установив эти различные отношения, вы этим самым создаете характеры действующих лиц, т. е. каждый из вас намечает для себя определенную роль в пьесе. В дальнейшем столкновение различных оценок факта служит одновременно и всестороннему освещению, развитию, углублению темы, т. е. факта, и в то же время развитию каждого задуманного характера, каждого «лица». Таким образом все импровизаторы, создавая пьесу, играют сами собой, как материалом пьесы. Иными словами: импровизатор является актером, артистом и материалом. «Целое» же, о котором говорит тов. Браун, может и должно быть понято как общая для всех цель дела: борьба за социалистическую культуру, борьба против всех и всяческих проявлений враждебного нам.

Н. Браун относится к работе мастерской несколько излишне «умозрительно», философски. Следует помнить, что мы не об'ясняем мир, как философы, а создаем его, как рабочие. Все наши идеи коренятся в фактах трудовых процессов, а потому — как можно больше внимания характернейшим фактам старой, враждебной нам действительности, как можно более резко подчеркивать разноречие старого и нового.

А с другой стороны, тт. Спасская и Смарагонская (работницы «Скорохода») слишком детализируют. Я, разумеется, не знаю процессов работы «Скорохода», но я чувствую в словах Спасской и Смарагонской излишек технических мелочей, и они затемняют основную суть дела. Здесь требуется наличие чувства меры, это чувство должно постепенно выработаться. В общем же я обязан сказать, что работа идет правильно, — поскольку могу судить об этом по стенограммам. Мне нужно побывать на занятиях мастерских, что я и сделаю.

***

Теперь о языке.

Говорят импровизаторы — плоховато, языком однообразным, не характерным, не индивидуализированным. Отчасти это потому, что импровизаторы еще не определяли разнообразия своего отношения к теме, не знают, как им держаться. Выше указана необходимость сразу же установить эти отношения и разобрать тональности по фигурам. Пьеса делается, как симфония: есть основной лейтмотив и различные вариации, изменения его. О факте невозможно говорить всем «действующим лицам» в одном тоне и одним языком, как это чувствуется у вас. Плохой сапог должен вызвать насмешку и гнев, озлобление и грусть. Кроме того: каждый говорит на свой лад. Поэтому, когда т. Урбанович сказала: «оркестром не позволяет мне работать в такой бригадной работе», это — язык живого человека, и я — вижу человека, который так говорит. Очень рекомендую почитать Лескова, отличного знатока живой речи, а также познакомиться с былинами, пословицами. Надо учиться декламации, ставить голоса, следовало бы поучиться и хоровому пению, призвать хормейстера. Ставьте дело твердо и широко, направляя его в высокой и новой цели, к сознанию рабочего, революционного театра импровизаторов.

Сентябрь 1931 г.

М. Горький в театре лапп

Первый вечер М. Горького прошел в Ленинградском театре госдрамы, на спектакле «Страх» А. Афиногенова.

Второй вечер Алексея Максимовича был посвящен Ленинградскому театру РАПП. За работой этого театра М. Горький следит давно, по регулярно получаемым стенограммам занятий мастерских театра. В последнем письме, отрывки из которого печатались в этом № «Л. Г.», Алексей Максимович обещал лично познакомиться с работой. Горький обещание выполнил.

М. Горький дал театру ряд указаний и советов в работе над революционной импровизацией. В связи с постановкой театром РАПП инсценировки повести Горького «Мать» Алексей Максимович посоветовал просмотреть работу над литературным текстом Московского художественного театра, который, по сообщению А. М., ставит ряд его рассказов, в том числе и «Отрывки-Мордасты». По предложению Л. Авербаха 5 ударников из работников театра будут командированы в Москву для ознакомления с работой МХТ.

Алексей Максимович передал театру РАПП для постановки свою пьесу «Егор Булычев».

А. Халатов в Ленинграде

23 сентября на общем собрании рабочих и служащих ленинградской типографии «Печатный двор» тов. Халатов выступил с развернутым докладом о постановлении ЦК ВКП(б) от 15 августа об издательской работе. Внимание аудитории тов. Халатов сосредоточил на вопросах качества работы полиграфических предприятий, печатающих главным образом сочинения Ленина. В частности докладчик остановился на вопросах мобилизации всех внутренних ресурсов типографии, чтобы превратить «Печатный двор» в крупный полиграфический комбинат.

***

25 сентября тов. Халатов посетил Красногородскую бумажную фабрику и ознакомился с состоянием производства. На фабрике — прорыв. Производственная программа не выполняется на 25 проц. Принято постановление, согласно которому Ленинград берет шефство над этой фабрикой. Конкретно шефство должно выразиться в развертывании массово-политической работы, в улучшении рабочего снабжения и в дооборудовании фабрики.

Среди книг

повести *бригадира* *в. в. иванова*

Весной прошлого года литературная бригада «Известий», в которую входили лучшие писательские силы, совершила большую поездку по Туркменистану. В результате этой поездки наша советская литература обогатилась рядом интереснейших художественных произведений.

Вместе с другими участниками бригады в Туркмении побывал и В. В. Иванов. О значительности и яркости его литературного дарования, о его писательской квалификации даже не стоит говорить. То, что Всеволод Иванов принадлежит к крупнейшим мастерам художественного слова, не подлежит никакому сомнению. Заслуги автора «Партизан» и «Бронепоезда», как одного из «зачинателей» послеоктябрьской литературы, также не приходится оспаривать.

Но за последние годы творчество Вс. Иванова претерпевает очень сложную и рискованную эволюцию. Оставаясь в стороне от литературно-общественной жизни и не проявляя особого интереса к ней, он тянет к описанию, чисто индивидуалистическим, лишь ему одному ведомым путем. Последние произведения Вс. Иванова не могут не вызывать серьезных опасений именно у тех, кто особенно любит и ценит его великолепное дарование. Сюда относятся и «Путешествие в страну, которой еще нет», и его туркменские повести, вышедшие не так давно в Ленинградском издательстве писателей *.

Читатель, внимательно следящий за творческим развитием Вс. Иванова, прочитав «Повести бригадира М. Н. Синицына», вправе выразить свое недоумение.

Неужели В. В. Иванов, совершив бригадную поездку по советской Туркмении, не смог найти более актуальных и, скажем прямо, более значительных, более достойных своего таланта тем? Ведь во всех его туркменских повестях нет ни слова не говорится о том колоссальном социалистическом строительстве, которое развертывается сейчас в Средней Азии, врезавшейся ее из самой отсталой, полу-феодальной окраины б. Российской империи в передовую страну с развитой индустрией.

Приходится констатировать, что туркменские повести Вс. Иванова, при всех формальных достоинствах, совершенно незначительны и пустопорожни в идеологическом отношении. Если замалеванные туркменские очерки другого участника бригады — Николая Тихонова — дали известный повод Корнелию Зелинскому упрекнуть его в недостаточном внимании к национальной проблеме, то у Всеволода Иванова мы ее, эту проблему, не усматриваем вовсе. Никакого показа соцстроительства в плане культурно-бытовом и экономическом, никакого представления о том, как осуществляется в далекой Туркмении ленинско-сталинская национальная политика, посетив записанные бригадиром В. В. Ивановым, не дают советским читателям. Правда, кое-где автором сообщаются отрывочные сведения об озеленительных разработках или о выполнении хлопковой программы, но эти данные носят совершенно случайный характер, похожи на какую-то «отписку» и остаются невключенными в общую ткань повествования. Об ожесточенной классовой борьбе, о рядовых взаимоотношениях в Туркменистане Вс. Иванов по существу почти ничего не поручил нам устами своего бригадира М. Н. Синицына.

Кстати следует сказать несколько слов об этом «бригадире», которого творческая воля автора избрала в качестве некоей реальности, которая поедет по Средней Азии и расскажет потом всей Советской стране о его «борьбе» за выполнение пятилетнего плана.

Образ М. Н. Синицына выделяется очень ярко и отчетливо. Это — пожилой рабочий с большим стажем, главарь московской бригады, бригады отнюдь не литературной, а наделенной большими полномочиями, производящей досрочные чистки и т. д.

Беды повествования от его имени. Вс. Иванов снизил все его слова в плане сатирическом и даже народном. В результате положения такими приемами создается образ анекдотического, чрезвычайно примитивного и даже лубочного человека, выражающегося не так давно в Ленинградском издательстве писателей *.

Читатель, внимательно следящий за творческим развитием Вс. Иванова, прочитав «Повести бригадира М. Н. Синицына»

пролетарско-колхозная литература — лицом к ударникам полей!

за воспитание новых кадров, за качество работы, за более тесную связь с рапп!

На высшую ступень

за дальнейшее развертывание призыва в литературу ударников полей

Речь тов. Сталина «О новой обстановке и новых задачах хозяйственного строительства» заостряет в частности внимание на вопросе о производственно-технической интеллигенции рабочего класса. Тов. Сталин говорит:

«Наша страна вступила в такую пору развития, когда рабочий класс должен создать себе свою собственную производственно-техническую интеллигенцию, способную отстаивать его интересы в производстве, как интересы господствующего класса».

В приложении к условиям работы и задачам, стоящим перед организацией пролетарско-колхозных писателей, это значит, что мы должны уделить исключительное внимание вопросу выдвижения в литературу новых молодых кадров сельскохозяйственного пролетариата и колхозников.

В этом направлении работа была начата год назад. Проведенный в 1930—31 г. призыв в литературу ударников полей, дал возможность РОПКП улучшить свой социальный состав. Организация выросла примерно в четыре раза и сейчас насчитывает в своих рядах около 5.000 человек, в подавляющем большинстве ударников (в их числе около 1.000 чел. партийцев и комсомольцев). На основе призыва, РОПКП смогла развернуть массовую культурно-воспитательную работу и организованно включиться в борьбу за выполнение генеральной линии партии.

В совхозах, МТС и колхозах открылись сотни новых литературных кружков. Работа организации в области художественного творчества сейчас перестроена на новые рельсы. Кромо литературных кружков организованы творческие группы, в которых со всей серьезностью ставятся вопросы учебы, овладения марксистско-ленинской методологией, повышения политической, научной и культурной грамотности.

Успешное завершение третьего, решающего года пятилетки создает благоприятную обстановку для дальнейшего развития пролетарско-колхозного литературного движения. Это развитие должно итти как по линии закрепления имеющихся достижений, так и по линии окрепления влияния новых кадров сельскохозяйственных рабочих и колхозников. В связи с дальнейшим ростом совхозов и МТС, в связи с новой волной крестьян-бедняков и середняков, вступивших в колхозы, следует ожидать нового прилива ударников полей в литературу. Учитывая стоящие перед организацией задачи, ЦС РОПКП в своем обращении перед расширенным пленумом центрального совета говорит:

«К окончанию колхозных работ всем отделениям пролетарско-колхозных писателей необходимо вновь и еще шире развернуть работу по призыву ударников в литературу. При этом не следует полагаться на самотек. Нужно направить важнейшие совхозы, колхозы, МТС и в согласии с местными отделениями союзов сельхозрабочих и райсоюзами колхозов, под руководством парторганизаций и в плановом порядке проверить работу старых кружков и провести работу по организации новых».

Чтобы успешнее провести новый призыв в литературу, нужно прежде всего добиться создания на местах крепких опорных пунктов. Такими пунктами должны стать районные отделения РОПКП и существующие литературные кружки. ЦС рекомендует всем областным и краевым отделениям РОПКП «поставить себе задачей создание районных отделений пролетарско-колхозных писателей».

Весьма важное значение в закреплении работы кружков имеет правильно поставленный инструктаж, постоянное живое руководство. Для этого нужно каждому отделению ввести в систему посылку на места специальных представителей, инструкторов. Одновременно следует практиковать прикрепление наиболее выдержанных товарищей к районным газетам. Серьезно внимание следует обратить на закрепление уже существующих литкружков. Проведенное истекшим летом обследование работы литкружков Московской области показало, что многие кружки не понимают стоящих перед ними задач. Это объясняется следствием плохо поставленного инструктажа и отсутствием достаточно руководства со стороны МОПКП. Примерно половина кружков за летний период совершенно развалилась, остальные работали самотеком. В некоторых случаях обнаружен отрыв литературной деятельности кружков от производственных планов совхозов и колхозов, склонность отрываться «легким затиранием» или прикрываться другими «объективными» причинами.

В ряде литкружков области был обнаружен уклон в сторону полной приостановки литературной деятельности кружковцев на том основании, что наступила горячая пора сенокоса, хлебоуборки, молотьбы и т. д. Нужно помнить, что кружковцы должны выполнять не только свои задания по производственной специальности, но и проводить массовую культурно-политическую работу: выпуск литстраниц, стенгазет, устройство литературных вечеров и т. д. Литературная работа кружковцев не должна срывать работу производственную. Наоборот, — производственная работа должна помочь кружковцам наиболее верно подойти к отображению всех процессов действительности.

Мобилизуя силы литкружковцев вокруг вопросов производства, мы тем самым поможем успешному выполнению великих задач пятилетки и одновременно обеспечим рост пролетарско-колхозной литературы.

Литкружков же, существующих на бумаге, нам не нужно. А существующими «на бумаге» следует признать все совхозно-колхозные литкружки, не включившиеся органически в практику социалистического строительства, не развернувшие теоретической учебы и производственной практики, не выполняющие задач, стоящих перед организацией пролетарско-колхозных писателей в целом.

Вступление в литкружок рабочего или колхозника вовсе не означает, что данный товарищ сразу же делается писателем. Многие из кружковцев впоследствии могут отсеяться.

Поставить под сомнение идею призыва ударников в литературу могут только такие писатели, как П. Евдокимов. Только рапповцы могут утверждать, что «в литературе ничего не выйдет с рабселькорами, ничего не выйдет и с ударниками».

Творческая продукция ударников полей, как и ударников фабрик и заводов, по художественным своим признакам слаба и несовершенна, вместе с тем обладает одним весьма ценным качеством. Она актуальна и политически насторожена на задачах сегодняшнего строительства. Крушение истекшего летом обследование работы литкружков Московской области показало, что многие кружки не понимают стоящих перед ними задач. Это объясняется следствием плохо поставленного инструктажа и отсутствием достаточно руководства со стороны МОПКП. Примерно половина кружков за летний период совершенно развалилась, остальные работали самотеком. В некоторых случаях обнаружен отрыв литературной деятельности кружков от производственных планов совхозов и колхозов, склонность отрываться «легким затиранием» или прикрываться другими «объективными» причинами.

В ряде литкружков области был обнаружен уклон в сторону полной приостановки литературной деятельности кружковцев на том основании, что наступила горячая пора сенокоса, хлебоуборки, молотьбы и т. д. Нужно помнить, что кружковцы должны выполнять не только свои задания по производственной специальности, но и проводить массовую культурно-политическую работу: выпуск литстраниц, стенгазет, устройство литературных вечеров и т. д. Литературная работа кружковцев не должна срывать работу производственную. Наоборот, — производственная работа должна помочь кружковцам наиболее верно подойти к отображению всех процессов действительности.

Мобилизуя силы литкружковцев вокруг вопросов производства, мы тем самым поможем успешному выполнению великих задач пятилетки и одновременно обеспечим рост пролетарско-колхозной литературы.

Литкружков же, существующих на бумаге, нам не нужно. А существующими «на бумаге» следует признать все совхозно-колхозные литкружки, не включившиеся органически в практику социалистического строительства, не развернувшие теоретической учебы и производственной практики, не выполняющие задач, стоящих перед организацией пролетарско-колхозных писателей в целом.

Вступление в литкружок рабочего или колхозника вовсе не означает, что данный товарищ сразу же делается писателем. Многие из кружковцев впоследствии могут отсеяться.

Поставить под сомнение идею призыва ударников в литературу могут только такие писатели, как П. Евдокимов. Только рапповцы могут утверждать, что «в литературе ничего не выйдет с рабселькорами, ничего не выйдет и с ударниками».

Творческая продукция ударников полей, как и ударников фабрик и заводов, по художественным своим признакам слаба и несовершенна, вместе с тем обладает одним весьма ценным качеством. Она актуальна и политически насторожена на задачах сегодняшнего строительства. Проведенное истекшим летом обследование работы литкружков Московской области показало, что многие кружки не понимают стоящих перед ними задач. Это объясняется следствием плохо поставленного инструктажа и отсутствием достаточно руководства со стороны МОПКП. Примерно половина кружков за летний период совершенно развалилась, остальные работали самотеком. В некоторых случаях обнаружен отрыв литературной деятельности кружков от производственных планов совхозов и колхозов, склонность отрываться «легким затиранием» или прикрываться другими «объективными» причинами.

В ряде литкружков области был обнаружен уклон в сторону полной приостановки литературной деятельности кружковцев на том основании, что наступила горячая пора сенокоса, хлебоуборки, молотьбы и т. д. Нужно помнить, что кружковцы должны выполнять не только свои задания по производственной специальности, но и проводить массовую культурно-политическую работу: выпуск литстраниц, стенгазет, устройство литературных вечеров и т. д. Литературная работа кружковцев не должна срывать работу производственную. Наоборот, — производственная работа должна помочь кружковцам наиболее верно подойти к отображению всех процессов действительности.

Мобилизуя силы литкружковцев вокруг вопросов производства, мы тем самым поможем успешному выполнению великих задач пятилетки и одновременно обеспечим рост пролетарско-колхозной литературы.

Литкружков же, существующих на бумаге, нам не нужно. А существующими «на бумаге» следует признать все совхозно-колхозные литкружки, не включившиеся органически в практику социалистического строительства, не развернувшие теоретической учебы и производственной практики, не выполняющие задач, стоящих перед организацией пролетарско-колхозных писателей в целом.

Вступление в литкружок рабочего или колхозника вовсе не означает, что данный товарищ сразу же делается писателем. Многие из кружковцев впоследствии могут отсеяться.

Поставить под сомнение идею призыва ударников в литературу могут только такие писатели, как П. Евдокимов. Только рапповцы могут утверждать, что «в литературе ничего не выйдет с рабселькорами, ничего не выйдет и с ударниками».

Творческая продукция ударников полей, как и ударников фабрик и заводов, по художественным своим признакам слаба и несовершенна, вместе с тем обладает одним весьма ценным качеством. Она актуальна и политически насторожена на задачах сегодняшнего строительства. Крушение истекшего

отъезд
мартина андерсена нексе

29 сентября Мартин Андерсен Нексе, после трехдневного пребывания в СССР, выехал в Ленинград, а оттуда в Данию.

Секретариат ФОСП и правление ГИХЛ организовали 29 сентября перед отъездом Нексе его встречу с писательской общественностью в Доме Герцена.

Писателя-революционера Нексе приветствовали: тт. И. Нусинов, П. Когак, Бела Иллеш, Матэ Залка, т. Лернер от ВОКС.

Мартин Андерсен Нексе, отвечая на приветствия, заявил, что он считает большим счастьем принадлежать к той части человечества, которой предстоит будущее. Тов. Нексе подчеркнул то большое впечатление, которое на него произвела поездка по районам СССР.

мои впечатления о советском союзе

беседа с м. андерсеном нексе

— Трудно рассказать об этом в короткой заметке. Мне, как и всем другим иностранцам, побывавшим в Союзе, приходится говорить те же, стершие почти трафаретными, слова: я потрясен всем виденным, потрясен так же, как бывают потрясены все гости советской страны.

Вернулся, лично меня не столько интересовали сами конструкции, эти грандиозные сооружения, вырастающие теперь буквально растения из семени индустриальных фабрик. Для меня самым замечательным явилось знакомство с самими творцами этого строительства, с живыми создателями социалистической страны. И видел и чувствовал тот счастливый дух, которым заражены пролетарии Советского союза. Я увидел воочию создание нового человечества с доселе невиданной психологией.

На Западе, особенно в такой небольшой стране, как Дания, настроение граждан сейчас невероятно подавленное. Для меня явилось давно неизведанным зрелищем победное пролетариса советской страны. Я видел здоровье, бодрые лица, видел всюду улыбки, слышал смех.

Конкретными носителями, выразителями этого нового духа являются советские писатели, а также те иностранные революционные писатели, которые живут в СССР. Я видел молодых писателей Хавькина — это смелые борцы за создание нового человечества! В этом заключается большое счастье революционных писателей Советского союза — быть рупором, выразителем и идеологическим вождем того великого, созидающего и преобразующего процесса, который переживается ими в Советском союзе.

Как я использую свои впечатления? Прежде всего я пишу все виденное, слышанное и пережитое в ряде статей, очерков и докладов. Может быть мне удастся создать из этих впечатлений вторую книгу о Советском союзе. А главное — я чувствую, что теперь я могу закончить своего «Педле — завоевателя», ею часть этой трилогии — «Новое поколение» (это пока еще не окончательное заглавие) и задумал посвятить проблеме создания нового человека в новых социальных условиях и с обязательной концовкой. Только теперь после всего виденного в Союзе, я в состоянии написать эту вещь.

международный пролетариат должен знать героев пятилетки

Что сделано литорганизациями:

ВУСПП.

В МОРП присланы первые рукописи Петра Панча — «Сексарь из депо», Микитенко — «Дело чести», которые будут переведены на иностранные языки. Кроме того ВУСПП в ближайшие дни посылает в МОРП произведения украинских писателей Ивана Ле, Эпика, Кузьмича, П. Панча и др.

РАПП и МАПП

Секретариат РАПП выделил своего представителя т. Храпченко в МОРП. Кроме тт. Чумандрина и Лабединского, в МОРП сдал свой роман («Ведущая ось») т. Ильинков, и очерк—В. Ставский.

Тов. Боровой написал статью об итогах призыва ударников в литературу. Фридман, по поручению группы ударников, написал статью «Что дал РАПП призывнику-ударнику». Обе статьи будут переданы для напечатания в журнал МОРП «Литература мировой революции».

В ближайшее время МАПП сдаст ряд очерков ударников о героях заводов.

РОПКИ и МОПКИ

МОПКИ послал в районы Московской области пять пролетарско-колхозных писателей, которые в конце октября напишут очерки о героях колхозов и совхозов и перешлют их в МОРП.

Лучшие очерки о героях пятилетки, помещенные в советской печати, МОРП пересылает для использования в коммунистическую прессу и журналы капиталистических стран. Сейчас МОРП приступил к подбору материалов для литературно-художественных сборников о соцстроительстве. Сборники эти будут изданы для иностранных рабочих, проживающих в СССР. Частично они будут напечатаны и в ряде немецких и американских издательств. Всего будет выпущено 6 таких сборников.

***

Данные о реализации обращения МОРП неудовлетворительны. Делается явно-недостаточно. Ничего не предпринял ВССП. Организации ВОАПП, за исключением РАПП и ВУСПП, не откликнулись на обращение.

До 14 годовщины Октября остался один месяц. Его нужно максимально использовать. Никто не имеет права дезертировать от своих международных обязанностей!

зерна

Здесь шумел непроглазный камыш.

Сюда приходили тигры подстерегать кабанов. Люди запирались в хижинах раньше чем зайдет солнце, чтобы сумерки не застигли их в камышах. Это была глушь. Джунгли.

Их выжгли, вырубили.

В камыши, в джунгли сошли люди, из которых многие не были уроженцами этого края. Их облекали сытые, тесные дешевые одежды, их покрывал черный размазанный по лицу жир. Кабаны и тигры уходили из джунглей пахнут. А с севера выходили, громыхая, тупорылые, как кабаны, хрюкающие тракторы.

Весна шла стихией. Неудержимой. Быстрой. Северяне сошлись сюда помочь самой южной республике, которой нехватает рабочих рук.

Никогда раньше не знали столь стихийной весны. Ее сева не упустили.

Но в самый решающий момент пришли машины, пришел человек. Человек сеял машины в плуги и бороны. Человек повел их на целину, нетронутую сохой и быком. И погнался за машиной целый ураганный весенний, как кидаются преследовать зверя.

В джунглях, в долинах он настиг сорок. Вспахал сотни тысяч га.

У края вспаханных полей, как на берегу океана-колхозы. Под лемехом осыпались пласты земли. Пласты корчились, задушенные корнями камышей. Вилась по целине, уползала забудущенная змея.

Испахав, трактористы ушли в ремонт.

В сеялки вправили быков. Быки тащили сеялки медленно—поля были велики, а между тем каждый пропущенный день мог отозваться на росте хлопка.

Тогда на белом коне, в белой чалме, белобородый, приехал бай, он кричал:

— Эй, братья! Эй, колхозные братья! Я встречаю приход весны! Я зову вас на праздник! Будем драть козла! Приходите!

— Нет, — ответили ему, — у нас есть дело.

— Я зову вас радоваться. Зачем вы говорите о труде?

Бай усмехался смущенный.

Белобородый не понимал, что труд, неведомый ему, дает радость.

Колхозники шли за быками. Держали ручку сеялки, как дети держатся за руку матери.

Из африканских пустынь налетел «афганец», серый холодный ветер. Грозно дождями и холодом. Но весна наступала.

В дмах, возле арыка, замочили мешки семян. Они вспухли в воде набухая. Ночная птица кричала до рассвета в степи.

Остроборода хищник в эту ночь исклевал, искромсал, растрепал по земле мешки. Широким ножом была изрезана их холстина.

Поутру печего было сеять в полях.

Никто не приезжал в этот день звать на праздник, драть козла. Баю незачем было отвлекать людей, раз и без этого сев затормозился. Расставили руки, как крылья, белобородый весь день ходил по кишлаку, прислушиваясь к человеческой речи.

Снова замочили в дмах мешки.

Вечером кричала птица. И через темноту сна, рассекая поля, ярых. А на рассвете возле арыка нашли, исколотого, как мешок, белобородого бая.

Зерна набухли. Мешки взвалили на ослов и отвезли в поле. Сеялкой их рассыпали по бороздам. Семена взошли.

И теперь, когда на стеблях уже созревают плоды урожая, не забыт, не вырублен из памяти мешок, исклеванный у воды.

Таджикистан.

ТАТЬЯНА ДУБИНСКАЯ

накануне театрального сезона
малый театр оказался в тупике
он должен быть и будет из него выведен

Малый театр сезон уже начали. В Малом открытие было назначено прежде на половину сентября. В филиале им. Сафонова уже идет «Третья скорость».

Каковы же планы, перспективы Малого театра; как предстоящий сезон отразится на нем; куда и какими путями он пойдет; как на практике звучит в Малом слова о «реконструкции театра»?

Беспельные вопросы. Театр не в состоянии на них ответить. Он в творческом тупике. Его руководители растерянны и беспомощны.

Планов нет никаких. Их заменяют «примерные предположения», часто не имеющие под собой никакой почвы. Театр вступает в сезон фактически без репертуара. В работе две пьесы — «Ясный лог» и «Третья скорость». Но они ведь остались еще с прошлого года. А дальше? Неизвестно. Обещал пьесу Романов. А есть ли она? Обещал Афиногенов. Наверное не даст! — едва ли так скоро за «Страхом» последует новая вещь.

Потом: какая гарантия, что драматурги отдадут свои пьесы в Малый театр? Ведь театр не имеет своих кадров писателей, связанных с ним общностью творческого метода, трактовки темы и т. д. Репертуар Малого театра поэтому случаен уже несколько лет, однако до сих пор ничего не сделано для того, чтобы было иначе.

В общем сегодня в наличном портфеле театра нет ни одной современной пьесы.

Не отличается особой театральностью и выбор театром классиков. Никто не оспаривает того положения, что Малый театр должен играть классиков. Но только с критическим отношением к наследству, с его продолжения, новаторства, что мы должны знакомить массы с теми классическими произведениями, которые, с одной стороны, дают наиболее полное представление о своей эпохе, а с другой — наиболее актуальны с точки зрения сегодняшнего дня — остается в полной силе и для Малого театра.

А разве есть что-нибудь похожее на такое отношение к классикам в том, что филиал Малого театра в месяц дает 20 спектаклей классиков. Плохо, когда кричат «Долой классиков», но ведь это уже похоже на «Долой современников»!

Для характеристики выбора классических пьес достаточно привести такие примеры: к 100-летию со дня смерти Гете почему-то выбирается «Эгмонт», наименее сегодня злободневный. В юбилейный же репертуар, почему-то включается Жюль Ромен. Это — новость!

Наконец планирование ограничивается пока только наметкой названий пьес и авторов. На режиссерских планов, на специальных предположений по работе над текстом нет. При таких условиях лишен критической переработки наследства едва ли осуществим.

Какой вывод можно и нужно сделать из всех этих фактов? Единственно — тот, что система работы Малого театра нуждается в пересмотре, и что в этим пересмотром медлить нельзя.

Именно так и поступил художественно-политический совет, принявший по докладу директора театра резолюцию, в которой отмечены все те пробелы, о которых сказано выше. Совет правильно оценил современное положение театра и причины, которые к нему привели. Основная из них — самотек в репертуаре, в результате которого за последнее время срыв следовал за срывом («Ярмо», «Выгон», «Смена героев», «Горячие будни») и безрепертуарье. Неудовлетворительно сложилась ситуация в театре и работы над ними ХПС подвергла примерами из сегодняшней практики театра, указав, что пунктуально и обязательно в трактовке классических пьес «Мудрец», «Лес») и сценическое оформление («Ревизор», «Без вины виноватые»).

ХПС наметил практические мероприятия для улучшения работы театра — плановое составление репертуара, привлечение кадра постоянных драматургов, налаживание связи с пролетарским отделом литературы и привлечение его к работе дирекции театра, пересмотр классиков (это намечено в руководством театра) и т. д.

Можно было думать, что весь коллектив театра с полной ответственностью отнесется к решениям художественного и окружит большим вниманием работу по улучшению и реконструкции своей работы.

Однако руководство театра и та часть коллектива, которая имеет наибольший стаж работы в театре, к сожалению как раз те, которые должны бы наиболее болеть за судьбы театра — не только не поддержали здоровой самокритики ХПС, а встретили ее в штыки как «тенденциозно и намеренно отражающую действительное положение вещей в театре». Было написано соответствующее заявление в комиссию по редактированию резолюции ХПС, но уборщым пришли обязательные разговорчики о вреде вынесения сора из избы и т. д.

Насколько неправильна и антиобщественен тот путь, по который встали товарищи, можно видеть из того, что они ничем не опровергают выводов ХПС, не противопоставляют его предложениям своей положительной программы, а на специальном совещании в Наркомпросе вынуждены были признать правильность указаний ХПС.

Что же побудило их вступить в конфликт с ХПС? Очевидно, только старые худшие традиции цеховщины, только антиобщественные навыки, ложный стыд за «честь театра» и т. п.

Мы полностью присоединяемся к позиции ХПС Малого театра и думаем, что это сделают все, действительно желающие дальнейшего расцвета театра, имеющего одни из лучших в нашей стране художественных коллективов. Мы уверены, что товарищи, вступившие на тяжкий антиобщественный путь, осознают свою ошибку и пойдут вместе с ХПС. Они должны понять, что старыми способами, старыми методами больше работать нельзя.

Нужно понять и то, что основной путь преодоления отсталости Малого театра лежит в четком понимании им своего творческого лица, своего творческого метода, в преодолении элементов творческой эклектики и эпигонства. Только тогда возможно постоянное сотрудничество с театром определенных драматургов, только тогда станет ясно, какие пьесы должен ставить театр и как он их должен ставить.

Именно с таких принципиальных позиций и возможен свой о путях Малого театра. Мы охотно предоставим для него страницы нашей газеты.

В заключение мы с удовлетворением констатируем, что основные кадры театра уже созревают необходимый поворот. Это залог успеха работы по реконструкции Малого театра.

творческая дискуссия ВССП

доклад в. полонского
„интуиция и творчество"

28 сентября в доме Герцена с большим докладом «Интуиция и творчество» выступил В. Полонский.

Подчеркнув, что тема об интуиции и творчестве является узловой темой творческой дискуссии в ВССП, ибо все наши дискуссионные споры есть споры мировоззренческого порядка, В. Полонский останавливается на высказываниях отдельных писателей беллетристов — Б. Пильняка, О. Форш, Евг. Замятина и пр. — в сборнике «Как мы пишем», а также на выступлениях Воронского, Переверзева и приходит к выводу, что теория примата подсознательного в творчестве и по сей час представляет целым течением.

Теория Фрейда оставила у нас известный отстой. Явление это, конечно, не случайное. Все это — от старого мировоззрения, от которого писатель не освободился до сих пор.

Говоря об ошибках, допускаемых теоретиками в толковании подсознательного и определении его роли в творчестве писателя, докладчик останавливается, в частности, на высказываниях А. Воронского, написавшего много статей в защиту резервуара вещей, лежащих за порогом сознания, как важнейшего резервуара творчества.

Проанализировав понятие бессознательного, докладчик останавливается на вопросе об интуиции.

— Нельзя отрицать, что есть нечто, что поднимается над логической работой ума и рассудка. Возьмем термин «вдохновение». Как бы мы его не понимали, в художественном творчестве он будет играть ту же роль. Зощенко развивает в книге «Как мы пишем» целую теорию вдохновения. Он говорит, что вдохновение — это сила, с помощью которой пишется хороший рассказ. Понимается это так, что вдохновение есть состояние, которое «снисходит» на человека, а которого, дескать, надо ждать.

В. Полонский доказывает, что «вдохновение» приходит не до творческого процесса, а в результате творческого процесса. Когда писатель работает на материале, который он знает и любит, который захватывает все его существо,— тогда приходит такое состояние, которому можно дать название — восторг. Маяковский надеялся над вдохновением, но он говорил, что «я работаю с громадным душевным под'емом».

Вот этот душевный под'ем и есть «вдохновение».

Вся заключительная часть доклада «Интуиция и творчество» в основном сводится к утверждению, что интуитивистские теории по существу являются теориями мистическими, что эти теории смыкаются с религиозным мистическим мировоззрением.

2 октября состоится обмен мнений по докладу В. Полонского. Оказывается выступления ряда писателей, которые, в свою сказать, присутствовали на докладе в очень незначительном числе.

итоги гастролей московского госета и перспективы сезона

Гастроли московского Госета порепли с мая по август. Было дано 134 спектакля в Ленинграде, Смоленске, Воронеже, Харькове, Киеве, Белой Церкви и Витебске. Во время гастрольной поездки театр провел большую общественно-политическую работу. Театром дано 27 культмассовых и целый ряд шефских работ на крупнейших предприятиях Донецкого бассейна, Красный путиловец» «Тракторострой» и др.). Коллектив театра принял активное участие в отправлении воинских частей имени Ворошилова и Смоленске, в кампании по реализации займа «Третьего реконструктивного». В Харькове был дан специальный утренник в пользу фонда по постройке дома культуры в Калашниодорфе.

***

Открытие сезона в Московском Госете намечено на первые числа октября. В октябре театр покажет новую постановку «Юлия Цезаря» (постановка С. Радлова, и С. Михоэлса оформление Н. Рабиновича, музыка Л. Пульвера). Второй постановкой намечена новая пьеса И. Добрушина и И. Пуссиной на тему о советской индустрии. В репертуар Московского Госета кроме этого включены еще две новых постановки Переца: «Марианна» и «Орлинка».

история русской поэзии
новый ежегодник „день"
предложения м. горького

Совместно с М. Горьким состоялось заседание президиума Издательства писателей в Ленинграде. По предложению Алексея Максимовича «Издательство писателей» будет издавать новую серию книг, план которой в основном был разработан М. Горьким. Это — серия поэтов, предназначенная главным образом для начинающих писателей. Серия включит лучшие образцы русской поэзии, начиная с 18 века. По существу, эта новая серия явится историей русской поэзии.

М. Горький подчеркивает огромное значение поэтической серии для литературной учебы.

Каждая из книг поэтической серии, по мысли Горького, должна содержать в статьи технологического и исторического порядка. Вступительную статью для всей серии пишет М. Горький.

Кроме русских поэтов М. Горький считает нужным включить серию лучших поэтов народов СССР, языки которых родственны с русским. При чем произведения этих поэтов будут печататься не в переводах, а на языке данной народности (украинском, белорусском); к каждой книге будет прилагаться краткий словарь.

В редколлегию серии поэтов вошли М. Горький (ответ. редактор), Н. Груздев, В. Саянов, А. Селивановский, Н. Тихонов, Ю. Тынянов, Б. Пастернак.

М. Горький предложил Издательству включить в план 1932 года аналогичную «историю прозы». — «Когда мы создадим этот материал,— говорит М. Горький.— можно будет на его основе начинать работу над историей русской литературы».

Чрезвычайно интересно и третье предложение М. Горького, сделанное им в «Издательстве писателей в Ленинграде». Это — издание ежегодника с примерным названием «День», в котором должна быть сосредоточены наиболее интересные для данной страны события, факты — из быта и общественно-политической жизни. Произведения эти — считает Горький — должны быть высокой квалификации и принадлежать лучшим мастерам мировой литературы. В частности М. Горький привлекает в сотрудничеству Ромен Роллана, Стефана Цвейга и др. Редактирование сборника М. Горький берет на себя. (НАШ. КОРР.)

литературное сегодня

❖ Заканчиваются переговоры с Малым сельхозторгом о передаче в его ведение столовой ВССП. Столовая реорганизована в закрытую столовую повышенного типа.

❖ 16 ноября начинается трехдневная писательская конференция, посвященная перезыборам Месторкома писателей.

❖ Организация закрытых распределителей для писателей подходит к концу. На Тверской найдены помещения для продуктового и промтоварного распределителей. Промтоварный распределитель открывается в первых числах октября. Открытие продуктового распределителя несколько задерживается из-за ремонта.

извещения

❖ 3 октября — 17 ч.—чувашская секция МАПП (Никольская, 10, Центрпечат, комн. 6) — продолжение творческого смотра. Доклад о творчестве Викторова (докладчик Ломоносов).

❖ 4 октября—18 ч.—в помещении Центрпечата (Никольская, 10) — общее собрание Татарской МАПП. В повестке дня — разнертывание творческой дискуссии.

❖ 5 октября — 18 ч. — в помещении Литфонда (Тверской б., 25) — заседание президиума Литфонда РСФСР.

❖ 5 октября — 17 ч. — очередное занятие литкружка МАПП — «Вальдшнепа» (вход «Серп и молот»). Разбор произведений для сборника.

❖ 6 октября — 18 ч. в редакции «Молодой гвардии» (Б. Черкасский, 6, комн. 2)— совещание писателей молодежи-рабочих и актива рабкоров МАПП. В повестке: 1. Организация писчей помощи со стороны пролетписателей Московской кинофабрике. 2. Работа бригады отдела очерка журнала «Молодая гвардия». Информация руководителя т. Сашиной.

❖ 6 октября — 19 ч. — «Новая кузница» (Тверской б., 25) — очередное литературное собеседование. Доклад т. Красильникова — Поэзия «Новой кузницы».

❖ 7 октября — 18 ч. — в помещении конференц-зала Дома Герцена открываются занятия учебно-творческого сектора секции малых форм лекцией т. Афиногенова на тему «Творческие установки РАПП в драматургии».

Редколлегия выделает в секретариат МАПП тт. Жарова, Ситковского, Пасынка, Шишкова, Федотова, Панферова, Пильняка, Сухарева, Юркина, Гусева и Долматова. Редколлегия работает ежедневно с 12 до 15 ч., кроме 2 и 7 чисел.

письмо в редакцию

В № 5? «Литгазеты» в заметке «Бляхе в творческим задачам» была допущена неточность: бригада ФОСП на заводе действительно не работала. Исключение составляет т. Осип Колычев, принимающий активное участие в творческой работе газеты «Ильичевец».

РЕДАКЦИЯ ГАЗЕТЫ «ИЛЬИЧЕВЕЦ» З-ДА ИМ. ИЛЬИЧА

Ответственный редактор: С. ДИНАМОВ.

РЕДКОЛЛЕГИЯ: Н. Асеев, С. Динамов, И. Жига, Л. Ильинский, И. Катаев, Г. Коренев, Н. Огнев, А. Селивановский, И. Сельвинский, М. Слонимский.

ИЗДАТЕЛЬ: Журнально-газетное об'единение.

Читайте ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ
Требуйте везде

Т. САУБЕ (Москва)
ПИСАТЕЛЬ и КРИТИКА
Кратк. содержание: С. Есенин, Л. Сейфуллина, И. Бабель, С. Малашкин, А. Неверов-Скирмой, М. Слонимский, Н. Низовой, М. Фроман, Ф. Гладков, Д. Фурманов, Б. Пильняк. 150 стран. ц. 1 р. 50 к.

ПАВЛОВ-ИЛЬИНСКИЙ
СЛОВАРЬ СИНОНИМОВ русского литературного языка (10.000 слов).

Проф. Ушаков
ПАМЯТЬ
ее недостатки и меры к их устранению
Новое изд. (1930 г.) под редакц. проф. ШЕБАЛИНА
14-ю рисунками. Цена 2р. 25 к.

Проф. Т. И. ЮДИН
ЕВГЕНИКА
Учение об улучшении природных свойств человека. 1. 3 р.

Высылает немедленно книжный магазин ВНИМИ (Москва, ул. Моховая, 26.

УДАРНИКАМ нужна документальная фотография. Вы знаете блестящие выразительные фотокадры, сделанные в дни ударных работ. Вы знаете, как оживает фотографией ваш очерк. Каждый писатель-ударник, очеркист-ударник, призванный в литературу, должен научиться фотографии, научиться владеть фотоаппаратом.

Как снимать, чтобы это были действенны, политически и художественно насыщены? На эти вопросы даст ответ „Фотокор" — новая массовая еженедельная газета-орган Союзфото и ВЦСПС.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПРИЕМ ПОДПИСКИ
Приложение «Библиотека Фотокора» (4 книжки в месяц)
ПО ПОНИЖЕННОЙ ЦЕНЕ:
газ. «Фотокор»—12 м.—3 р. 50 к., 6 мес.—1 р. 75 к., 3 мес.—88 к.
Газ. «Фотокор» с прил. библ. «Фотокора» 12 м.—12 р., 6 м.—6 р., 3 м.—3 р.

Подписка принимается исключительно почтой и в сельских местностях не ниже уездного города почтой срочно.
Цена отдельного номера газеты — 10 коп.
ТРЕБУЙТЕ ВО ВСЕХ КИОСКАХ И У ГАЗЕТЧИКОВ
Журнально-газетное об'единение

ГИХЛ
ИЗОГИЗ
МУЗГИЗ
КНИГОЦЕНТР
ЧИТАЙТЕ и ПОДПИСЫВАЙТЕСЬ НА ЖУРНАЛЫ

ОКТЯБРЬ
Ежемесячный литературно-художественный и общественно-политический журнал.
ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: с 1/VII—на 6 мес.—6 руб.
Отд. номер 1 р. 10 к.
Выходит № 9

НА ЛИТЕРАТУРНОМ ПОСТУ
Массовый еженедельный журнал
ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: с 1/VII—на 6 мес.—5 руб.
Отд. номер—35 коп.
Выходит № 27

РАПП
Двухмесячный журнал марксистско-ленинской и литературной критики и теории.
ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: с № 2 — до конца года—(5 книг) 4 руб. 20 коп., на 6 мес.—2 р. 50 к. Отд. номер—1 р.
Выходит № 4

ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО
Еженедельный журнал
ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: с 1/VII—на 6 мес.—7 руб. 50 коп.
Отд. номер—1 р. 50 к.
Выходит № 4

ЗЕМЛЯ СОВЕТСКАЯ
Орган ВОКПа
Ежемесячный журнал
Подписная цена: с 1/X—на 3 м.—2 руб.
Отд. номер—60 коп.
Вышел № 9

КОМБАЙН
Орган ЦК Союза Сельхозрабочих, ВОКПа и Колхозцентра
Массовый, обществ.-но-политический и художественно-бытовой иллюстрированный двухнедельный журнал
Подписная цена: с 1/X—на 3 м.—50 коп.
Выходит с 19

ПРОЛЕТАРСКИЙ АВАНГАРД
Ежемесячный журнал
Подписная цена: с 1/VII—на 6 м.—3 руб. 50 коп.
Отдельный номер—50 коп.
Выходит № 8

СОВЕТСКИЙ ТЕАТР
Ежемесячный журнал
ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: с 1/VII—на 6 мес.—3 руб.
Отд. номер—60 коп.
Выходит № 9

ПРОЛЕТАРСКОЕ КИНО
Ежемесячный журнал
ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: с 1/VII—на 6 мес.—2 руб.
Отд. номер—75 коп.
Вышел № 9

БРИГАДА ХУД. ЖИВОПИСЦЕВ
Орган федерации объединения работников пространственных искусств.
Ежемесячный журнал
ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: с 1/IX—на 3 мес.—1 р. 50 к., на 6 мес.—3 р.
Отд. номер—1 р.
Вышел № 4

СОВ. ГОСУДАРСТВЕННЫЕ МУЗЕИ
Орган сектора музеев Наркомпроса
Двухмесячный журнал
ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: с 1/VII—(с № 3) на 6 мес.—3 р.
Отдельн. номер—1 р. 60 коп.
Выходит № 4

ЗА ПРОЛЕТАРСКОЕ ИСКУССТВО
Орган Российской ассоциации Пролетарских художников
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: с 1/VII—на 6 м.—2 р. 50 к. Отдельный номер—50 коп.
Выходит № 8

30 ДНЕЙ
№ в месяц, с номером журнала и 4 книги библиотеки советских писателей.
Подписная цена с 1/VII—на 6 мес.—6 р.
Цена одного номера журнала, 2 книги библиотеки советских писателей и 2 книги собран. сочинен. Сытина-Щедрина (№ 13—24). Выпускаются. Цена 4-го номера, состоящего из 4 книг библиотеки советских писателей, 2 книги собран. сочинен. Сытина-Щедрина (№ 13—24). Выпускаются. Цена 4-го номера, состоящего из 4 книг библиотеки советских писателей, 2 книги собран. сочинен. Сытина-Щедрина (№ 13—24). Выпускаются. Подписная цена с 1/IX—на 3 мес.—1 р. 50 к.
Выходит № 10

ЗА ПРОЛЕТАРСКУЮ МУЗЫКУ
Орган ВАМПа
ДВУХМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
В каждом номере печат. в виде нотных приложений произведения классиков и современной пролетарской музыки
Подписная цена с 1/IX—на 3 мес.—75 к.
Отдельный номер—15 коп. Выходит № 14

КНИГА—СТРОИТЕЛЯМ СОЦИАЛИЗМА
Библиотека библиограф. инструкций
Еженедельный журнал
ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: с 1/VII—на 6 мес.—3 руб.
Выходит № 21

ПРОЛЕТАРСКИЙ МУЗЫКАНТ
Орган ВАМПа
Выходит 10 номеров в год
ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: на 6 мес.—(5 номеров)—3 р. Отдельный номер—75 коп.
Вышел № 5

КРАСНАЯ НОВЬ
Ежемесячный литературно-художественный научно-публицистический журнал
ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: с 1/IX—на 3 мес.—3 руб.
Отдельный номер—1 р. 10 коп.
Выходит № 9

ВНИМАНИЮ ЖЕСТКОНОВ ЗРЕЛИЩНЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ РАБОТНИКОВ ИСКУССТВ!
МАТЕРИАЛЫ МОСКОВСКОГО КЛУБА ТЕАТРАЛЬНЫХ РАБОТНИКОВ
СТЕНОГРАММЫ ДИСПУТОВ и ДОКЛАДОВ
ВЫПУЩЕНО В СВЕТ:
1. Генеральный секретарь Профинтерна А. Лозовский. «Международное рабочее движение и задачи рабочего театра».
2. А. Н. Сапров. «Кризис театра в Западной Европе и в Южной Америке».
3. В. М. Городинский и Б. М. Филиппов. «Год борьбы за новый актерский. Предисловие Ф. Н. Кона.
ГОТОВИТСЯ К ПЕЧАТИ:
1. «Новые задачи театрального строительства»—проработка на открытых собраниях дискуссионного клуба теххозяйственников. Речи т. Сталина.
2. А. В. Луначарский. «Театр и диалектический материализм».
3. В. И. Киреев. «Как я работаю над спектаклем».
4. Общественный суд над драматургами В. Катаевым, Ю. Олешей, Е. Ивановым.
Стоимость выпусков от 50 к. до 1 р. 50 к.
Материалы высылаются исключительно по подписке на всю серию, после получения денег в сумме не менее 5 руб.
Заявки и деньги направлять адресовать: «Москва, Старо-Пименовский пер., д. 7-б, клуб театральных работников Мособлместпромбыта.

ПЯТИДНЕВНАЯ ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ГАЗЕТА КИНО
БОЕВОЙ ОРГАН ОЗПКФ, ведущий борьбу за превращение кино в оружие коммунистической пропаганды, за новые кадры кинопромышленности, за политпросветительную работу среди киноработников и за мобилизацию киновнимания вокруг кино.
Режиссеры, сценаристы, актеры, операторы, киномеханики студенты киноучебных заведений, члены ОЗИКФ, все киноработники ДОЛЖНЫ СТАТЬ ПОДПИСЧИКАМИ ГАЗЕТЫ «КИНО».
ПРОДОЛЖАЕТСЯ прием подписки с текущего месяца.
УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ: 12 мес.—6 р. 50 к., 6 мес.—3 р. 75 к., 3 мес.—2 р. 00 к.
Подписку сдавайте заблаговременно и только по почте. Подписка принимается до определенного срока, устанавливаемого местной почтой. Опоздавшая подписка принимается на следующий месяц.
Журнально-газетное об'единение.
Каждый кинозритель должен стать читателем и подписчиком газеты «Кино»

прозвека результатов творческих командировок писателей

Президиумом ВССП было принято решение: все писатели, уезжающие в творческие командировки по возвращении должны отчитываться о результатах своих поездок перед правлением ВССП.

Впервые реализация этого решения началась с бригады — тт. Дубинская и А. Сарыджан,—ездившей в Таджикистан и Сеитово Азию.

К сожалению этот «почин» не вполне отвечал требованиям предъявляемым к такого рода отчетам. Краткие доклады тт. Дубинской и Сарыджана свелись главным образом к политико-географическому описанию виденного. Но даже весьма краткие доклады отчитывающихся товарищей обнаружили большую и серьезную работу, проделанную ими в таджикских колхозах. Участие бригады в культурно-массовой работе, выполнение заданий партийных организаций и поручений политпросветсовещания подтверждается удостоверением и отзывом, выданным бригаде Советом народных комиссаров Таджикистана.

Дирекц. Харьков. В изд.

Центральная (39) тип. «Мосполиграф», пр. им. Скворцова-Степанова, д. 4.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

орган федерации об'единений советских писателей рсфср

москва, 7 октября 1931 г. № 54 (153)

РЕДАКЦИЯ:
Москва, Тверской б. 25, Дом Герцена. Телефон 2-80-12.

ИЗДАТЕЛЬСТВО:
Журнально - газетное об'единение: Москва, 6, Страстной бульвар 11. Телефон 5-51-69.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА:
На 12 м. 3 р. 50 коп.
На 6 м. 1 р. 75 к.
На 3 м. - р. 90 к.

Первые уроки дискуссии в ВССП

Первый этап дискуссии, начатой в московском отделе ВССП, отчетливо выявил процесс глубокой дифференциации, происходящей в среде старого попутничества. В отличие от ленинградской дискуссии дискуссия в Москве отличается — на первых порах — значительно МЕНЬШИМ снижением к ХУДОЖЕСТВЕННО ТВОРЧЕСКИМ вопросам и значительно БОЛЬШЕЙ остротой споров по вопросам ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКИМ. Эта характерная черта московской дискуссии находит свое об'яснение, наряду с другими причинами, и в том, что дискуссия в Москве только НАЧИНАЕТ процесс осознания различными группами своих литературно-политических позиций,— в то время как ленинградская дискуссия уже подводила ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ внутренней борьбы в союзе. Насколько неотчетливо представляют себе пути размежевания группы писателей в ВССП, показывает выявившаяся на дискуссии попытка провести это размежевание по линии ТЕМАТИКИ, или по линии ПОКОЛЕНИЙ в союзе. Между тем, такое размежевание происходит и будет происходить вокруг вопросов МИРОВОЗЗРЕНИЙ, как решающих и основных. Не о голом декларировании мировоззренческих принципов идет речь. Речь идет о ПРОВЕРКЕ КРИТЕРИЕМ ТВОРЧЕСКОЙ ПРАКТИКИ тех принципиальных установок, которые та или иная писательская группировка, тот или иной писатель выдвигает.

Этот критерий позволяет решить и вопрос, поднятый на дискуссии, в том, СУЩЕСТВУЕТ ЛИ ОБ'ЕКТИВНО СОЮЗНИЧЕСКИЙ ОТРЯД в литературе, или же употребление терминов «союзник» и «попутчик» сводится к некоему бессмысленных «ЯРЛЫЧКОВ». Литературное союзничество является путем перехода литературы мелкобуржуазной интеллигенции на мировоззренческие позиции пролетариата — путем, разумеется, неизбежно сложным, а нередко и мучительным. Следовательно, отрицание наличия союзнической литературы в настоящее время может быть обосновано ЛИБО тем, что попутчики НЕЧЕГО менять в своих прежних мировоззренческих установках, ЛИБО тем, что никакого поворота в сторону пролетариата в кадрах старого попутничества не происходит. Именно к такому обоснованию и скатывались в дискуссии некоторые представители ВССП под прикрытием пышных фраз о «великих идеях эпохи». На дискуссии в ВССП происходит не только в форме ораторского турнира. Дискуссия ведется ОРУЖИЕМ ТВОРЧЕСКОЙ ПРАКТИКИ. Литературное союзничество не есть уже только ЗАДАНИЕ, оно есть ДАННОСТЬ, реализованная в серии художественных произведений. Именно этим обстоятельством и об'ясняются попытки реакционных элементов в союзе дискредитировать творчество союзников и помешать их дальнейшему движению по пути сближения с пролетарской литературой. Именно этим обстоятельством и об'ясняются заявления о том, что темы борьбы за социализм кем-то «подсунуты» писателям-союзникам.

Давая непримиримый отпор реакционным элементам в союзе, мы должны в то же время решительно бороться против ВУЛЬГАРИЗАЦИИ содержания перестройки попутничества, против НЕДООЦЕНКА ТРУДНОСТЕЙ, встающих на путях этой перестройки, против тенденций ПРИСПОСОБЛЕНЧЕСТВА. На дискуссии в числе прочего выявилась своеобразная теория отпадания приспособленчества. Суть ее сводится к следующему: ПОДОБНО тому, как в эпоху господства символизма «НЕЛЬЗЯ» было не быть символистом, — ПОДОБНО ЭТОМУ и сейчас «НЕЛЬЗЯ» быть по впадке с «великими идеями эпохи». Характерно, что подобная теория исходит из круга, отрицающих классовую борьбу в литературе. «Нельзя» было не быть символистом? Но ведь во времена под'ема символизма были и Горький, и Серафимович, начинал свою работу Демьян Бедный, существовали группы рабочих-писателей. «Нельзя» быть сейчас вне «великих идей эпохи»? Но ведь сейчас существует буржуазно-кулацкая литература. Нетрудно понять, что подобная теория, исходящая из отрицания необходимости идейного перевооружения попутничества, ведет — в «лучшем» случае к оправданию приспособленчества и «красной халтуры».

Начало московской дискуссии в ВССП, обнажившее со всей остротой картину внутренней борьбы в союзе, в то же время обязывает московский отдел союза к РЕШИТЕЛЬНОМУ ИЗМЕНЕНИЮ МЕТОДОВ И СОДЕРЖАНИЯ СВОЕЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ. Московский отдел в настоящее время отнюдь НЕ является ТВОРЧЕСКОЙ писательской организацией. Московский отдел является в своем нынешнем виде суммой писателей единочек, МЕХАНИЧЕСКИ зарегистрированных в союзе. НЕ несущих на деле ответственности за положение дел в союзе и работающих в атмосфере взаимной ТВОРЧЕСКОЙ ИЗОЛЯЦИИ. Характерным для положения в союзе является тот факт, что за последнее время руководящие органы союза не обсудили ни ОДНОГО литературно-политического и творческого вопроса, целиком отдав свое внимание так называемым «ХОЗЯЙСТВЕННЫМ» вопросам.

Уроки дискуссии должны быть учтены руководством союза. Без решительного изменения методов и содержания работы союза невозможно будет вывести организацию из полосы застоя, столь выгодного для реакционных элементов, усилить процесс внутреннего размежевания и укрепить позиции союзнического отряда.

За единую организацию пролетарских писателей на Украине

Об'единение ВУСПП и „Молодняка" укрепит связь всей пролетарской литературы Украины с комсомолом

Привет харьковским „молодняковцам"

Мы печатаем ниже резолюцию харьковской организации «Молодняк», ставящую вопрос об об'единении ВУСПП и «Молодняка» в единую организацию пролетарских писателей Украины. Мы имеем сведения, что точке зрения харьковской «Молодняка» разделяется и товарищами из ВУСПП. Таким образом после ряда лет обособленного существования двух организаций пролетарских писателей на Украине, ослабляющего общий фронт пролетарской литературы, сейчас создаются необходимые предпосылки для реализации на Украине лозунга ВОАПП: «Единая всеплановая организация в каждой союзной республике».

И ВУСПП и «Молодняк» являются испытанными всеплановскими отрядами. И ВУСПП и «Молодняк» имеют — при главной, с конструктивистско-«литфронтовской» точки зрения, ошибке — и тем, что «Молодняк», будучи боевой организацией, на ходе с начала постановским руководством всегда давал решительный отпор не только вредным пролетарско-литературного движения, но также и уклонистом внутри «Молодняка».

Мы дали отпор группе Момота-Масенка, которая старалась противопоставить «Молодняк» ВУСПП и комсомолу, и, потерпев поражение, нашла приют в обломке «Литературного ярмарка», а потом стала составной частью «Пролитфронта».

Мы разгромили организованный Первомайским бесфракционный блок «Наступ», литфронтовскую суть которого, в украинской модификации, теперь доказывать не приходится.

Мы боролись с великодержавным и местным шовинизмом, с прозой опасностью в литературе, как главной, в частности, внутри «Молодняка» (выступление Петровского, Фомина, развернутая критика творчества Бойка и друг.), а также с «левым» загибом.

В частности харьковская группа разоблачала и проводила решительную борьбу с решениями «Молодняка-литфронтовцами» внутри «Молодняка» (группа Кольцова-Колесника) с попытками этой группы расколоть «Молодняк», дискредитировать нынешнее руководство «Молодняка» и этим ослабить всеплановский фронт пролетарской литературы на Украине.

Дав развернутую характеристику ошибок и недостатков в работе «Молодняка», резолюция ведет за тем говорит:

«Харьковская организация «Молодняка», отметив большую историческую роль «Молодняка», как боевого напостовского отряда в борьбе за гегемонию пролетарской литературы на Украине, считает, что сейчас, в связи с коренными изменениями на литературном фронте и достижениями пролетарской литературы, и связи с новой обстановкой и новыми задачами, существование «Молодняка» как отдельной организации нецелесообразно.

Объединение двух воапповских организаций, «Молодняка» и ВУСПП, уничтожит практически организационного перегиба, мешающие движению украинской пролетарской литературы вперед к дальнейшим победам.

Существование единой пролетарской литературной организации ВУСПП еще больше укрепит связь донецкого комсомола со всем фронтом пролетарской литературы и самым решительным образом будет содействовать повороту украинской пролетарской литературы лицом к комсомолу.

Перестройка ГИХЛ

увязла в резолюциях

издательские работники мобилизуются на реализацию постановления ЦК

на собрании издательского актива в ЦДКА

Правление Огиз созвало 1 октября в ЦДКА широкое собрание актива издательских и полиграфических работников, писателей и рабочих-ударников, посвященное реализации постановления ЦК ВКП(б) об издательской работе.

С большим докладом «Издательское дело на новом этапе» выступил Арт. Халатов, который отметил основные недостатки издательской работы.

— Качество выпускаемой издательствами продукции — низко. Издательства еще не подготовили нужные редакторские и авторские кадры. До сих пор слабо связь издательств с рабочей, колхозной научной общественностью. Массовая работа издательств стоит не на высоте. Обозначился прямо вопиющий разрыв между издательской работой и системой издательской работы.

Тов. Халатов наметил основные пути, по которым должна пойти перестройка, и подробно остановился на вопросах художественной литературы.

— ГИХЛ еще не стал центром творческой работы писательского актива и не играет еще ведущей организующей роли в этом деле. Рабочий литературный кружковец, ставший РАПП в массовую пролетарскую организацию. Он забывает большую ответственность за издательство и его работу с нашим рабочим автором.

Новые задачи, стоящие перед издательской работой, требуют перестройки писателя, его общественной активизации.

В заключение т. Халатов призывает писателей и издательских работников решительно бороться за улучшение библиографии, за размещение заказов полиграфической промышленности (поездки писательских бригад на фабрики), за перестройку книгораспространения.

Выступивший в прениях Н. Макарьев от имени секретариата РАПП взял на себя ряд обязательств перед Огизом в области реализации пролетписателями постановления ЦК ВКП(б). РАПП окажет помощь Огиз в его работе с начинающим рабочим-автором и всей работе по перестройке ГИХЛ. Головков развернул конкретную критику выходящей продукции издательства и наведут еще более улучшенную работу над перестройкой литературщиков, над включением пролетписателей в практику соцсоревнования.

Рабочие-ударники типографий Огиз тт. Корчагин (Ленинградский «Печатный двор»), Гаврилов (Ленинградская 20-я типография), Машкин, (1-я образцовая типография, Власов (3-я типография «Красный пролетарий») рапортовали Огиз о своих достижениях и участии в реализации постановления ЦК.

Член рабочего резервата ГИХЛ рабочий-ударник т. Щеголев приветствовал собрание от имени 17.000 членов изд-ва им. Сталина и сообщил, что на заводе организован коллектив ликвидаторов-рабочих, которые начинают перестройку стрелять завод. В этой работе рабочие ждут помощи писателей.

Л. Леонов зачитал приветствие собранию от Максима Горького, которому не было об'явлено об открытии этого пленума. Собрание послало приветствие т. Сталину и рабочим и администрации тех технических предприятий, которые взяли на себя шефство над ГИХЛ.

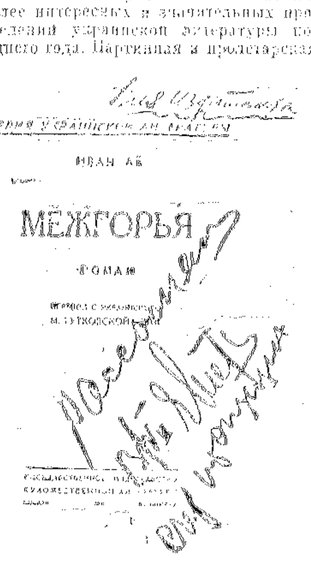
А. КР-ОВ

перестройки нет

Полтора месяца прошло с момента опубликования постановления ЦК ВКП(б) об издательской работе, но никаких изменений в работе ГИХЛ не произошло. Реорганизация издательства завязла в резолюциях и декларациях. До сих пор нет никаких конкретных деловых мероприятий. Комиссия, созданная для проведения реорганизации на основе постановления ЦК ВКП(б), проявляет поистине черепашьи темпы. Проект реорганизации до сих пор не утвержден ни Огиз, ни правлением ГИХЛ.

Почему?

Роман украинского писателя Ивана Ле «Межгорье» при всей своей спорности, является безусловно одним из наиболее интересных и значительных произведений украинской литературы последнего года. Партийная и пролетарская



обложка книги Ив. Ле.

общественность Украины с большим вниманием отнеслась к роману Ив. Ле. Он послужил материалом для оживленной дискуссии, вокруг него разгорелись большие споры и т. п. Достаточно сказать, что в украинской печати роману Ле была посвящена не одна статья, в том числе роман подвергся пристрастному разбору со стороны зав. культпропом ЦК партии в Харькове.

«Межгорье» были переведены на русский язык и правлены ГИХЛ для серии украинской литературы. 16 мая роман был сдан в производство и таким образом... если бы дело было не в ГИХЛ и если-бы русский читатель мог бы познакомиться с интересным произведением Ле.

Но дело было как раз в ГИХЛ... А потому: 29 июня было дано распоряжение о рассылке набранного и сверстанного романа. Через 11 дней эти операции были проведены. Все эти данные читатель может почерпнуть из выше помещаемого клише внутренней обложки романа Ле.

Уже самый факт рассылки набранной книги в несколько сот страниц — лишний штрих для характеристики «темпов» гихловской работы, «экономного расходования» средств и т. д.

Но речь сейчас не об этом. Интересно, какими причинами руководствовались при рассылке набора «Межгорья»? Обычно так поступают с устоявшимися книгами или с неизвестными. К «Межгорью» не относятся ни то, ни другое определение.

Что же это? Очередная опечатка?

М.

Почему?

Привет М. Горького Собранию работников Огиз

«Дорогие товарищи. Сожалею, что из-за болезни я лишен возможности вместе с вами принять участие в обсуждении доклада тов. Халатова «Об издательской работе на новом этапе». Я считаю, что задача всей армии культурных работников — издателей и полиграфистов, авторов и редакторов — в том, чтобы точно и возможно скорее выполнить постановления ЦК коммунистической партии по этому вопросу. Вам необходимо напрячь все силы на их выполнение и тогда — коллективным разумом и железной волей культурной армии — будет создана литература, достойная строителей нового бесклассового общества.

За дело, товарищи. Я целиком с вами в нашей общей работе.

М. ГОРЬКИЙ

Союзпечать в союзе с бюрократизмом

газета отпечатана, журнал сброшюрован... через три недели вам их пришлют...

Покончить с безобразием в органах распространения

В последнем постановлении ЦК о работе издательства значительное место отводится распространению книжной и журнальной продукции.

Делает ли Книгоцентр что-либо, чтобы изучить и воспитать своих подписчиков-читателей? Может ли Книгоцентр в такою распределять свою продукцию на основании изучения читателя?

Бригада, созданная ГИХЛ, выяснила, что ничего этого у Книгоцентра нет.

Не будем перечислять случаев головотяпства и бюрократизма, имевших в свое время место в работе Книгоцентра. Вернемся лучше к фактам, характеризующим общую расхлябанность в распространительных органах, фактам, которые Книгоцентр считает «вполне нормальными».

Как правило, журналы рассылаются подписчикам и поступают в розничную продажу не раньше как через 2 недели после окончания брошюровки (когда же журнал доходит до подписчиков отдаленных районов!). Например, тираж журнала № 8 «Пролетарское село» был готов 24 августа. На склад Книгоцентра тираж поступил 30 августа, 31 августа Книгоцентр получил от склада извещение и лишь 7 сентября дал складу разверстку по рознице. 11 сентября в Москве журнал еще не продавался. В общей сложности на все процедуры потребовалось 18 дней.

В результате журналов по периферии процветает еще большая перезабрака. Возьмем, для примера, «На лицпосту». На курорте Сухуме в июне этого года можно было видеть в киосках ровно пятнадцать федеральских номеров, это—в то время, когда в Одессу посылается 1 экземпляр, а в Смоленск и в ряд других центров не посылается ни одного экземпляра.

В получении складом тиражей — большая путаница. Никто из органов распределения не следит за тем, готов тираж того или иного журнала или нет. О готовых тиражах узнают разными путями. Персональной ответственности на это дело никто не несет. Вся процедура разверстки и распределения тиражей происходит после того, как Книгоцентр получит от склада извещение об их приемке (стало быть, еще несколько дней проволочки). Кроме того склад не может четко работать по той причине, что имеет лишь 2—3 грузовых подуточных машины, а возлишний насчитывается не менее 500 («Огонек» — одно из благополучных изданий в смысле распространения, имеет 2 автомашины на 25 машиний и все-таки не совсем хорошо справляется с работой).

Союзпечать и Книгоцентр — параллельные организации. Союзпечать ведает киосками, а Книгоцентр — магазинами. У них параллельных организаций нет никакой согласованности в работе, что приводит к тому, что иногда в один город шлют журналы и Книгоцентр и Союзпечать, а в другой — не посылают ни тот, ни другой.

Надо четко учитывать действительную потребность городов. А эти организации руководятся мертвой бухгой, сообразуясь лишь с заявками с мест, которые или не доходят или приходят с опозданиями.

Так обстоит дело с распространением. Приведенных фактов вполне достаточно, чтобы представить себе всю неразбериху и безответственность, царящие в органах распространения.

В наших условиях вся издательская продукция должна быть использована с максимальной пользой для читательских масс. В этом одна из ответственнейших задач культурной революции. Необходимо добиться минимальных сроков и четкого распределения розницы на местах. Это вполне реальное и выполнимое требование. Постановление ЦК должно быть срочно реализовано.

Книгоцентр — это только одна сторона дела. Есть и другая сторона, не менее важная. Мы имеем в виду работу Госгазета, этого достойного соратника Книгоцентра в деле распространения.

Журнал «Комбайн» имеет тираж в 23.000 экземпляров. Вот что происходит с 12 номером этого журнала: печатает пост перезаверстку Книгоцентра заявку на 23.382 экземпляра. Через несколько дней он возвращает обратно 1.500 экз., как лишние, а потом, учтя свои ошибки, просит прислать еще 1014 экз., как недостающие. Газета «За пролетарское искусство» на 1 августа имело 5388 подписчиков. С номером произошел аналогичный казус. Печатает потребовал для рассылки 5343 экз., и через несколько дней первых 709 экз. как лишние. Газета, пролежав на почтамте, потеряла свое значение. 709 экз. пришлось выбросить в утильсырье.

Печатает рассылает журналы с запозданием, которые в большинстве случаев так плотно отпечатаны, что разобрать на них адрес почти не представляется возможным. Поэтому журналы иногда возвращаются обратно, как не известно кому принадлежащие. Почтовая эпопея журнала работает небрежно и безответственно.

Все эти недопустимые безобразия крепят большому делу. От редакции журнала «На лицпосту» бригада получила ряд писем с жалобами местных несознательных и отдельных подписчиков на безобразное распространение журнала.

Бригада ГИХЛ:
В. ВАРМУШ
БАРАХВОСТОВ

творческая дискуссия в МОПКП

прения по докладу тов. Корнева

Доклад т. Корнева о показе героев пятилетки вызвал оживленные прения с участием творческой дискуссии МОПКП.

Тов. Астахов подчеркивает, что наличие типичных недостатков в очерках об'ясняется узостью кругозора начинающих писателей, тем как некоторые критики готовы усмотреть в нем элементы литфронтовщины. Это — грубая ошибка.

Т. Бакшер подчеркивает чрезвычайный примитив в описании героя, которого надо непременно наградить богатырским сложением и неимоверной физической силой. Говоря об эмпиризме и фактографии, т. Бакшер об'ясняет эти недостатки желанием авторов чрезмерно выпятить трудности, происходящие из механистического подхода к показу героев. Задача пролетарского писателя дать такой показ положительного человека, при котором он, оставаясь реальным и типичным, не превратился бы вместе с тем в конфетного героя.

Тов. Ольмин констатирует неудовлетворительные результаты и отсутствие настоящих сдвигов в создании высококачественных произведений пролетписателей. Секретарская часть этого сбора, — говорит Ольмин, — в своем последнем обращении отметила, что организация недооценивает значения показа героев труда. Но видим ли мы, каком либо сдвига сегодня?

Недооценка генеральной темы пролетлитературы об'ясняется недостатком микровосприятия писателя.

Выступивший затем т. Остроторский дал об'яснение ряду сомнений, высказанных героев социалистического труда, сей, встречающихся у писателей в описаниях героев социалистического труда, и подробно остановился на вопросах жанра, на «кризисе» поэзии и состоянии критики.

— У некоторых писателей сложилось такое мнение, — говорит т. Остроторский, — что показ героев труда — монопенсия очерка, в перед остальными жанрами эта проблема вообще не поставлена. Это абсолютно неверная постановка вопроса. Герой труда должен быть героем всей литературы.

С задачей показа героев не справились ни писатели, ни критики. Отсюда надо сделать все организационные и политические выводы.

Тов. Романенко заостряет внимание на двух опасностях, заключающихся, с одной стороны, в схематизме и упрощенчестве, а с другой — в искусственном вычитании, в преувеличении и идеализации героя.

Много внимания в прениях уделено вопросам критики (Астахов, «Колос»), теории «Литьекгря» (т. Раковский), личным трудностям в походе к создании произведения о героях (тт. Богданов, Минаев), отсутствию четких установок и конкретных критических указаний со стороны критики и квалифицированных писателей (тт. Андронов, Дальний, Андреев, и др.).

Е. П.

Решение харьковской организации „Молодняк"

На собрании харьковской литгруппы пролетарских комсомольских писателей «Молодняк» об об'единении «Молодняка» с ВУСПП в единую пролетарскую литорганизацию из Украине — ВУСПП.

В конце сентября 1931 г. принята следующая резолюция (приводим ее в выдержках):

«Победы, достигнутые ВУСПП и «Молодняком» под руководством ЦК КП(б)У в борьбе за гегемонию пролетарской литературы, новая обстановка и новые задачи, выдвинутые периодом социалистического строительства, именно сейчас решительно подчеркивают необходимость реализации воапповского принципа о существовании в каждой союзной республике единой воапповской литорганизации, ставят вопрос о максимальной консолидации сил пролетарской литературы... Охарактеризовав успехи пролетарской литературы на Украине (ВУСПП и «Молодняка»), резолюция говорит:

Достижения «Молодняка» за пятилетие своего существования обусловлены тем, что «Молодняк» был боевым напостовским отрядом, который вел борьбу за генеральную линию партии, за ленинизм, за пролетарскую литературу, за ее гегемонию, за ее руководящую роль в литературном процессе, за ее ведущую роль в социалистическом строительстве, за ее руководящую роль в борьбе с правой опасностью, с троцкизмом, с национализмом, с буржуазными влияниями в литературе, с попутничеством, с вульгаризаторством, с рапповщиной, с рапповскими пережитками в творческой практике, с рапповскими пережитками в руководстве, с рапповскими пережитками в организации, с рапповскими пережитками в теории, с рапповскими пережитками в критике, с рапповскими пережитками в области художественной литературы, с рапповскими пережитками в области литературной критики, с рапповскими пережитками в области литературной теории, с рапповскими пережитками в области литературного строительства, с рапповскими пережитками в области издательской работы, с рапповскими пережитками в области литературной учебы, с рапповскими пережитками в области литературного воспитания, с рапповскими пережитками в области литературного наследства, с рапповскими пережитками в области литературной политики, с рапповскими пережитками в области литературного руководства, с рапповскими пережитками в области литературного планирования, с рапповскими пережитками в области литературного учета, с рапповскими пережитками в области литературного контроля, с рапповскими пережитками в области литературного снабжения, с рапповскими пережитками в области литературного обслуживания, с рапповскими пережитками в области литературного ремонта, с рапповскими пережитками в области литературного транспорта, с рапповскими пережитками в области литературного хозяйства, с рапповскими пережитками в области литературного бюджета, с рапповскими пережитками в области литературного кредита, с рапповскими пережитками в области литературного страхования, с рапповскими пережитками в области литературного пенсионного обеспечения, с рапповскими пережитками в области литературного медицинского обслуживания, с рапповскими пережитками в области литературного санаторно-курортного лечения, с рапповскими пережитками в области литературного отдыха, с рапповскими пережитками в области литературного туризма, с рапповскими пережитками в области литературного спорта, с рапповскими пережитками в области литературного физкультурного движения, с рапповскими пережитками в области литературного ГТО, с рапповскими пережитками в области литературного ГСО, с рапповскими пережитками в области литературного ГЛО, с рапповскими пережитками в области литературного ГЛТО, с рапповскими пережитками в области литературного ГЛТСО, с рапповскими пережитками в области литературного ГЛТСОО, с рапповскими пережитками в области литературного ГЛТСООО, с рапповскими пережитками в области литературного ГЛТСОООО, с рапповскими пережитками в области литературного ГЛТСООООО, с рапповскими пережитками в области литературного ГЛТСОООООО, с рапповскими пережитками в области литературного ГЛТСООООООО, с рапповскими пережитками в области литературного ГЛТСОООООООО, с рапповскими пережитками в области литературного ГЛТСООООООООО, с рапповскими пережитками в области литературного ГЛТСОООООООООО, с рапповскими пережитками в области литературного ГЛТСООООООООООО, с рапповскими пережитками в области литературного ГЛТСОООООООООООО, с рапповскими пережитками в области литературного ГЛТСООООООООООООО, с рапповскими пережитками в области литературного ГЛТСОООООООООООООО, с рапповскими пережитками в области литературного ГЛТСООООООООООООООО, с рапповскими пережитками в области литературного ГЛТСОООООООООООООООО, с рапповскими пережитками в области литературного ГЛТСООООООООООООООООО, с рапповскими пережитками в области литературного ГЛТСОООООООООООООООООО, с рапповскими пережитками в области литературного ГЛТСООООООООООООООООООО, с рапповскими пережитками в области литературного ГЛТСОООООООООООООООООООО, с рапповскими пережитками в области литературного ГЛТСООООООООООООООООООООО, с рапповскими пережитками в области литературного ГЛТСОООООООООООООООООООООО, с рапповскими пережитками в области литературного ГЛТСООООООООООООООООООООООО, с рапповскими пережитками в области литературного ГЛТСОООООООООООООООООООООООО, с рапповскими пережитками в области литературного ГЛТСООООООООООООООООООООООООО, с рапповскими пережитками в области литературного ГЛТСОООООООООООООООООООООООООО, с рапповскими пережитками в области литературного ГЛТСООООООООООООООООООООООООООО, с рапповскими пережитками в области литературного ГЛТСОООООООООООООООООООООООООООО, с рапповскими пережитками в области литературного ГЛТСООООООООООООООООООООООООООООО, с рапповскими пережитками в области литературного ГЛТСОООООООООООООООООООООООООООООО, с рапповскими пережитками в области литературного ГЛТСООООООООООООООООООООООООООООООО, с рапповскими пережитками в области литературного ГЛТСОООООООООООООООООООООООООООООООО, с рапповскими пережитками в области литературного ГЛТСООООООООООООООООООООООООООООООООО, с рапповскими пережитками в области литературного ГЛТСОООООООООООООООООООООООООООООООООО, с рапповскими пережитками в области литературного ГЛТСООООООООООООООООООООООООООООООООООО, с рапповскими пережитками в области литературного ГЛТСОООООООООООООООООООООООООООООООООООО, с рапповскими пережитками в области литературного ГЛТСООООООООООООООООООООООООООООООООООООО, с рапповскими пережитками в области литературного ГЛТСОООООООООООООООООООООООООООООООООООООО, с рапповскими пережитками в области литературного ГЛТСООООООООООООООООООООООООООООООООООООООО, с рапповскими пережитками в области литературного ГЛТСОО, с рапповскими пережитками в области литературного ГЛТСООО, с рапповскими пережитками в области литературного ГЛТСОО, с рапповскими пережитками в области литературного ГЛТСООО, с рапповскими пережитками в области литературного ГЛТСОО, с рапповскими пережитками в области литературного ГЛТСООО, с рапповскими пережитками в области литературного ГЛТСОО, с рапповскими пережитками в области литературного ГЛТСООО, с рапповскими пережитками в области литературного ГЛТСОО, с рапповскими пережитками в области литературного ГЛТСООО, с рапповскими пережитками в области литературного ГЛТСОО, с рапповскими пережитками в области литературного ГЛТСООО, с рапповскими пережитками в области литературного ГЛТСОО, с рапповскими пережитками в области литературного ГЛТСООО, с рапповскими пережитками в области литературного ГЛТСОО, с рапповскими пережитками в области литературного ГЛТСООО, с рапповскими пережитками в области литературного ГЛТСОО, с рапповскими пережитками в области литературного ГЛТСООО, с рапповскими пережитками в области литературного ГЛТСОО, с рапповскими пережитками в области литературного ГЛТСООО, с рапповскими пережитками в области литературного ГЛТСОО, с рапповскими пережитками в области литературного ГЛТСООО, с рапповскими пережитками в области литературного ГЛТСОО, с рапповскими пережитками в области литературного ГЛТСООО, с рапповскими пережитками в области литературного ГЛТСОО, с рапповскими пережитками в области литературного ГЛТСООО, с рапповскими пережитками в области литературного ГЛТСОО, с рапповскими пережитками в области литературного ГЛТСООО, с рапповскими пережитками в области литературного ГЛТСОО, с рапповскими пережитками в области литературного ГЛТСООО, с рапповскими пережитками в области литературного ГЛТСОО, с рапповскими пережитками в области литературного ГЛТСООО, с рапповскими пережитками в области литературного ГЛТСОО, с рапповскими пережитками в области литературного ГЛТСООО, с рапповскими пережитками в области литературного ГЛТСОО, с рапповскими пережитками в области литературного ГЛТСООО, с рапповскими пережитками в области литературного ГЛТСОО, с рапповскими пережитками в области литературного ГЛТСООО, с рапповскими пережитками в области литературного ГЛТСОО, с рапповскими пережитками в области литературного ГЛТСООО, с рапповскими пережитками в области литературного ГЛТСОО, с рапповскими пережитками в области литературного ГЛТСООО, с рапповскими пережитками в области литературного ГЛТСОО, с рапповскими пережитками в области литературного ГЛТСООО, с рапповскими пережитками в области литературного ГЛТСОО, с рапповскими пережитками в области литературного ГЛТСООО, с рапповскими пережитками в области литературного ГЛТСОО, с рапповскими пережитками в области литературного ГЛТСООО, с рапповскими пережитками в области литературного ГЛТСОО, с рапповскими пережитками в области литературного ГЛТСООО, с рапповскими пережитками в области литературного ГЛТСОО, с рапповскими пережитками в области литературного ГЛТСООО, с рапповскими пережитками в области литературного ГЛТСОО, с рапповскими пережитками в области литературного ГЛТСООО, с рапповскими пережитками в области литературного ГЛТСОО, с рапповскими пережитками в области литературного ГЛТСООО, с рапповскими пережитками в области литературного ГЛТСОО, с рапповскими пережитками в области литературного ГЛТСООО, с рапповскими пережитками в области литературного ГЛТСОО, с рапповскими пережитками в области литературного ГЛТСООО, с рапповскими пережитками в области литературного ГЛТСОО, с рапповскими пережитками в области литературного ГЛТСООО, с рапповскими пережитками в области литературного ГЛТСОО, с рапповскими пережитками в области литературного ГЛТСОО

гиганты социалистической индустрии

требуют полноценного художественного отображения

ИЗ ПОЭМЫ „УКК“

«За эти годы СССР сделал такие успехи, которые нам иной раз немногда даже испугают. И на-ходу, не замечая, мы обгоняем по производству чугуна Англию, для нас эти и подобные факты становятся повседневным бытовым явлением. Советская страна бешено идет вперед, не замечая тех гигантских достижений, которые у ней накапливаются» (Г. Лэмзе).

Кузнецкий и Магнитогорский гиганты металлургии — предприятия, о которых американская инженерная компания отзывается как о «самой крупной отдельной строительной программе, которую пытались осуществить в мировой стальной промышленности за последние 25 лет».

Предлагаемые вниманию нашего читателя стихи, представляют собой отрывки из поэмы Константина Митрейкина об Урало-Кузнецком комбинате.

Стеклянные дворцы. Гостиная. Неуверенно
Поступаю на деловой манер... Куда же?
И вот мы катимся на пятую вершину,
То есть на пятый этаж.

Кабинет Томова. Длинный стол.
Зеленое сукно течет по краям...
Карта Сибири шестнадцать листов
Выбухает из рамы.

Зашарили стулья. Затем тишина
Почетным караулом стояла здесь,
Потер нервался в раскрытый окна...
Томов открыл заседание.

Что здесь было—не суть.
Но честности было здесь?
Кто говорил: Бажутин?
Жюль-Верн? Или Кольцов?

В железных рядах пьянеет «кузнец»
Пользуясь, как город Кузнецк.

Вирою вытягивал тень, хрипел: «Кварц»...
Я подошел, я спросил... а когда
Он закончил, взлетел: «Кварц»...
Я прокричал: «Кварц... агалит».

* *
*

В одной из телеграмм, посланной на
Урал
В семнадцатом году (годы восстаний),
Владимир Ильич протягая
Разработать проект совпадения:

«Единой хозяйственной организации,
Охватывающей область горно-метал-
лургической

Всемерно развивая эту базу
И в дальнейшем,
Начать вместе с тем
Немедленно создавать вторую
Угольно-металлургическую базу.
Этой базой должен быть
Урало-Кузнецкий комбинат
Сочетание кузнецкого
Коксующегося угля
С уральской рудой».

Слово вождя—это не слово,
Это уже полдела.
Оно проклятия обгоняло,
На крыльях газет страну облетело.

Оно поднималось на бронь трибун,
Спускалось в цеха, не боясь исчачаться,
Оно растапливало! Подымало бури
Среди обывательской спячки.

Его, с муками, и висеть легло,
Оно изматывало было с возвышений,
Оно, как скелет, обросло
Мясом предложений.

И вот, когда уж лед был сломан,
И первой полой вести загудел —
Это бесплотное слово
Превратилось в живое дело.

Оно вдруг искусств струну,
Мобилизовало комсомольцев,
Оно поскупчило всю страну,
Взбудоражило, как солнце!

И вот — в горах, в лесу
Вискапывают землю выбранят...
С кровью, с корнями, как зуб,
Обломовщину выкорчат.

И там, где случайно, когда-то,
Лесь обронил топоро —
Выросли фабрики, города —
Полустанки нового быта.

Приматрились к ним компании,
Сунулся и пречистая —
Американская инженерная компания
Начнет друзьям, заключением:

«Мы предупреждаем вас, чтобы вы
Не недооценивали и не преуменьшали
Величину кузнецкого предприятия...
(перевожу на русский: «не теряйте
головы,
дорогие приятели!)

Оно является самой крупной
Отдельной строительной программой,
Которую пытались осуществить
В мировой стальной промышленности
За последние двадцать пять лет».
(перевожу: «Из ус напоказ» —
Ясно без комментария)

И вот, это слово пожгло
И бой ведет миллионы,
Оно проходит заочной дождя
В засушливые районы.

Оно трубит—словно
Клич о самом главном—
Оно проходит заочной дождя
На заседании Госплана.

Но что в нем было по сути,
По честности было там,
О чем говорил Ильич,
Вычитывая по голам?

Тычет карти. И линя
Бьет пафр чурта.
Но они поглощения таблица
УКК.

Вот она, тайна тени.
Рентгены хрустальных матерьи.
Жить сами выдвигает плану.
В оригинальнейшую из форм.

Промышленности Урала и Кузнецкого
Каменноугольного бассейна».

Ни что завершает один большевик,
Та —
трибуну снимая прожженной рукой,
не в силах сдержать пламенных слов—
Кузнецк исполнить другой.

Бурные годы взвились в вопросы...
Они шли трибунами выросли...
И вот, на шестнадцатом перегоне
Рвал ленту Сталин.

Слова бьются в стены, в сукно,
Запомните даты на рождения...
Слова перекалывают через рамки стихов
Как танки—через проволочные заграждения.

«Новое в развитии нашего народного
хозяйства
Состоит, между прочим, в том,
Что мы база
Стала для нас недостаточной.
Новое состоит в том,
Чтобы,

Здесь, вместо бесполезных слов,
Верстовых, как клюквы в цирке
Скерцовцем сверхмерки песне
Грацные глыбы цифр.

Я задыхался! Мне казалось,
Что это слишком... Недоумевалась
брови...

Я видел, как судорожно сжались
Ваши кисть, держа перо.

Я тогда не стерпел, кажется,
Я спросил вас, папеньки:
— Илья Львович, вам не кажется,
Что вокруг—сумасшедшие фантазеры?

А цифры, звеня, как рубли,
Кружились, металась по комнате...
Они убежали, вернулись, рубили
Кого-то, что-то... помните?

Цифровой тир набухал, густел,
Он развернулся на четыре кадры...
Я обернулся, видом сидел,
Потирая мизинцем висок поседелый,
Иван Гаврилович Александров.

Я не стерпелся! Я поднялся его костюм:
Подлинный? Он ли? Живой ли?
А цифры трещали, взрывался костры,
Раздувались гигантской полей.

Графин расчих и внадфотный куб,
На нем, кажется, обезьянили Обломо-
вых...

Я напомнил добродушный
иронический мизинец губ
Что-то крикливого Ломова.

Я вынул тогда! Я задыхался!
Кажется падали дома?.. Высота ли
Падала так?.. Я горькая галстуха...
Но легче не стало!

Такси свистящей сетей пыльно
Обдуло меня. Я отпрянулся, Жив!
Кругом нарастали, вдыхали, бахая
Железные фонтаны цифр.

На Красной — бойцы причалы: «Ура!
А я повторял: Урал... Урал.

Москва 1931 г.

встреча ударников, призванных в литературу, с журналистами-рабкорами

Дом печати совместно с редакцией «Рабочей газеты» и МАПП организовал в субботу вечер, посвященный годовщине призыва рабочих-ударников в литературу.

И. Макарьев в своем докладе подвел итоги годичных прямых и отметил недочеты, стоящие перед фабрично-заводской печатью на литературном фронте.

— Фабрично-заводская печать еще не повернулась лицом к задачам призыва ударников в литературу. Нередко заводские газеты продолжительно отвечают на вопросы литературы и к работе литкружка не привлекают.

Выступавшие в прениях рабочие-ударники, призванные в литературу, сообщили, что редколлегии заводских газет недостаточно творчески ударников. Квалифицированные писатели также мало помогают творческому росту ударников, призванных в литературу.

Об этом же говорили и своих приветствиях Арс. Коваленко и В. Филов.

В литературно-художественной части вечера выступили с чтением своих стихов рабочие-ударники, прочитавшие произведения об ударниках. На вечере выступил А. Безыменский, который прочитал свою поэму «Трагедийная песня» и отрывки из своей «Стихи делают сталь».

среди книг

социалистические предприятия

в кривом зеркале халтурщиков и приспособленцев

больше классовой бдительности в работе издательств!

литературные упражнения

„украинского робитника“

О Днепрострое написано много. Однако — тема днепровского строительства за немногим исключением до сих пор не нашла достойного воплощения в художественном произведении. До сих пор находятся люди, которые пишут о Днепрострое или чепуху, или классово-вражденные книжки.

Мы говорим о брошюрах Сидельникова и Демина, изданных в 1931 году «Украинским робитником».

Судя по названию—«За 500.000 кубометров» — И. Сидельников пытался дать очерки о первом встречном, о 1930 годе — его весне и лете. Когда в котлованах среднего полова на берегах и на ГЭС рвались сутки 500.000

Но Сидельников не сумел показать большевистского Днепростроя. В книге говорится о пьяницующих бутаках, о разгильдяйских бюрократах, о прогулах вокруг Днепростроя, словом, — о человеческом шлаке, который, по мнению автора, и есть основная масса строителей.

В первой главе автор очень просто решает вопрос о темпах:

«Не драйфить перед трудностями» — сказала реорганизация Днепростроя.

«Всегда готовы» — ответила двухтысячная армия комсомола.

25-тысячная армия Днепростроя дала обещание энергично бороться со всеми трудностями, добиваясь выполнения стройплана.

Но Сидельникову, сегодня партия дает знак, завтра массы бросаются в бой. Гром победы, автор доволен, все хорошо. Получив изображаемый паспорт на 100-процентную идеологичность, когда сначала берется за армию строителей, разоблачает ее и превращает в армию летунов, рвачей и чужаков.

В следующей главе — «На строительстве» — Сидельников рассказывает, что строить социалистический город и фабрики-гиганты едут сезонники со всех концов СССР, но кто они — сознательно. Затем мы узнаем, что среди них «есть и комсомольцы». Буквально одна строчка! Зато, как хорошо перечислены все типы чуждых элементов. Кузьму Куприяновича отведена почти целая глава. Немало говорится о забастовке кулаков на скале «Дерючей». О том же, как велась классовая борьба на строительстве и как чужаков со строительства выбрасывали — ни слова.

В следующей главе вместо описания, как живут и работают строители Днепростроя, сказано, что «то население интересуется только каруселью».

«Ребята, дети, старички... все идут туда, где грохочет барабан, где катерина играет: «Цыганский девичек», где конокрад (?) жил-ты». (Стр. 16).

В конце книги, вместо вывода, автор дает такой диалог:

«Весело жизнь началась».

А ну ее... надоело. Шпаганка да карусель. Ну-ка?... Пенал?

Кием в Вознесенку и пивную».

Любопно, с полным знанием дела описано, как инвентарят в Вознесенске.

Кто виноват? — «Кулькомитета разложила строителей стоит в стороне от масс» (стр. 23). «Потом рабочие задыхались в четырех стенах клопов и т. д. Все это делал профессор. «В результате — пьянство» (стр. 25).

Итак, на одном из лучших строительств, на глазах у всего СССР, профсоюз издевается над рабочими, морит их в четырех стенах клоп, душит шпаной и толкает пьянку в пивную. Но автор не смущается. У него рабочие пьянствуют даже в столовых и банках.

Далее автор объясняет, что в банках сильно простуживал, в десяти такой пьяный: «Вот нутро быта сезончиков».

Правда автор делает попытку вопрос, заявляя, что так было в 1929 г.

Автор сознательно умалчивает о том, что во все годы строительства на участках были открыты кино и бывшее помещение использовалось только, как дополнительная площадь. Он не говорит о том, что на каждом участке существуют десятки барачных бараков, что свыше 40.000 рабочих обучаются в различных школах и кружках; он на слова не говорит о том, что в 1930 году 90 процентов населения Днепростроя все лето, днем и ночью, ликвидировало прорыв.

Нигде автор не показывает, как с помощью рабочих ячеек, черных касс и массово-политической работы были ликвидированы прогулы.

В своей брошюре автор выводит себя, как комсомольского вожа Лодовского (сам автор из села Подовка). Правда, он помещает стишки, но никогда не был настоящим комсомольцем. Сидельников-Подовский был вожак со строительства, как лжегударник, как чужак, волящий тесную кампанию с кулацкими элементами. За то он был исключен из партии.

— «Вредная книжка — сказали днепрогэсовцы Днепростроя, — мы требуем немедленно изъять ее из продажи».

Другой автор, А. Демин, написал книжку о бывшей Гомольше. Да только он часто не почему-то назвал себя «рабочим-строителем», хотя никогда не работал на производстве, и в ударниках не числился.

Брошюру о бывшем надо расценивать, как документ об отсталой работе, о дурных людях, о сволочах организации труда и т. д.

Но книга эта не может быть документом, потому что она сплошь библиотека. Взгляд Романько не был лучшей комсомольской бригадой, как это пишет Демин. Лучшими были бригады Бесединка, Стояновского и Ткаченко, в которых на человека приходилось за смену от 40 до 48 кубометров бетона, тогда как в бригаде Романько 27.

Неоднократно наш журнал бригады Романько подвергал в 1930 г. газета «Комсомолец Украины» и вела комсомольскую общественность в заблуждение.

На первых восьми страницах помещено обращение комит-та ЛКСМУ. На девятой странице помещается Женя Романько. Ее за коллективным прилавком ведут осенние мысли:

— «Очи чорные, — какую пользу он дает, особенно девушке? Не вместе с этим — индустриала! Темны... Что делать? Так родилась идея — создать бригаду».

Потом — «энтузиазм на плечи», безголовье райкома, затем поход на бетон. Песня на бетоне, опять песня только наперебой.

Итак, на одном из лучших строительств, на глазах у всего СССР, профсоюз издевается над рабочими, морит их в четырех стенах клоп, душит шпаной и толкает пьянку в пивную. Но автор не смущается. У него рабочие пьянствуют даже в столовых и банках.

Далее автор объясняет, что в банках сильно простуживал, в десяти такой пьяный: «Вот нутро быта сезончиков».

Правда автор делает попытку вопрос, заявляя, что так было в 1929 г.

Автор сознательно умалчивает о том, что во все годы строительства на участках были открыты кино и бывшее помещение использовалось только, как дополнительная площадь. Он не говорит о том, что на каждом участке существуют десятки барачных бараков, что свыше 40.000 рабочих обучаются в различных школах и кружках; он на слова не говорит о том, что в 1930 году 90 процентов населения Днепростроя все лето, днем и ночью, ликвидировало прорыв.

Нигде автор не показывает, как с помощью рабочих ячеек, черных касс и массово-политической работы были ликвидированы прогулы.

В своей брошюре автор выводит себя, как комсомольского вожа Лодовского (сам автор из села Подовка). Правда, он помещает стишки, но никогда не был настоящим комсомольцем. Сидельников-Подовский был вожак со строительства, как лжегударник, как чужак, волящий тесную кампанию с кулацкими элементами. За то он был исключен из партии.

— «Вредная книжка — сказали днепрогэсовцы Днепростроя, — мы требуем немедленно изъять ее из продажи».

Другой автор, А. Демин, написал книжку о бывшей Гомольше. Да только он часто не почему-то назвал себя «рабочим-строителем», хотя никогда не работал на производстве, и в ударниках не числился.

Брошюру о бывшем надо расценивать, как документ об отсталой работе, о дурных людях, о сволочах организации труда и т. д.

Но книга эта не может быть документом, потому что она сплошь библиотека. Взгляд Романько не был лучшей комсомольской бригадой, как это пишет Демин. Лучшими были бригады Бесединка, Стояновского и Ткаченко, в которых на человека приходилось за смену от 40 до 48 кубометров бетона, тогда как в бригаде Романько 27.

Неоднократно наш журнал бригады Романько подвергал в 1930 г. газета «Комсомолец Украины» и вела комсомольскую общественность в заблуждение.

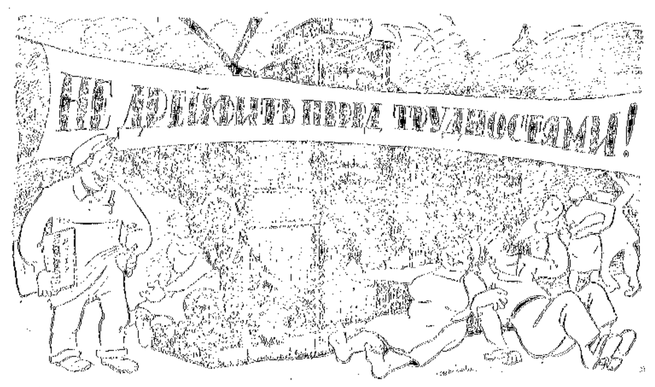
На первых восьми страницах помещено обращение комит-та ЛКСМУ. На девятой странице помещается Женя Романько. Ее за коллективным прилавком ведут осенние мысли:

— «Очи чорные, — какую пользу он дает, особенно девушке? Не вместе с этим — индустриала! Темны... Что делать? Так родилась идея — создать бригаду».

Потом — «энтузиазм на плечи», безголовье райкома, затем поход на бетон. Песня на бетоне, опять песня только наперебой.

„весела жизнь началась“... или

рис. н. олинова



что сидельщиков сгадит,
то благонамеренный лозунг сгладит

(стр. 20—22—24), потом хор ребят «басом в унисон» (?) и т. д.

У Демина люди говорят, что-то думают, поют, но не работают.

Если бы на обложке брошюры и в предисловии автор не указал, что дело происходит на Днепрострое, читатель ни-

как об этом не мог бы догадаться.

Книжку Демина нельзя было издавать без серьезной переработки. Это сырой недоработанный оцинкованный материал, над которым надо было еще много работать.

ВЛ. ВАГИН
И. НАРАКОВИЧ

смеяться мало

о книге м. ладыгина

„свирьстрой — в 4 года“*

М. Ладыгин выпустил книгу, которая, безусловно нужна книга, которая должна была бы рассказать пролетариям Советского союза о Свирьской гидростанции.

В предисловии книги указано, что автор преследовал цель рассказать о «задачах ленинградского комсомола в строительстве Свирьской ГЭС. Поэтому автор скромно берет на себя задачу дать «общие показатели размеров Свирьстроя».

Забудем на время. Мы правильно поражены многочисленными открытиями автора. Одним ударом пера он заставляет Свирь течь «из Ладоги в Онежское озеро» (стр. 5), тогда как практика показывает совершенно обратное. Затем «открытием» идут не менее поразительные открытия в области техники. На той же странице автор, захлебываясь от восторга, увеличивает о «высокой перемычке из металлических свай, плотно прижатых одна к другой и вплотно проникающих, на дерево, камни и песок». Оказывается металлические сваи могут быть только металлическими, а не из дерева, камня и песка. На 7 странице автор сообщает, что Свирьская ГЭС даст ленинградским заводам 80.000 киловатт электроэнергии, а на 9 читаем:

«На станции будут установлены 50 огромных генераторов, 4 из них по 30.000 киловатт и 1 в 37.500 киловатт».

Простой арифметический подсчет показывает, что мощность станции выразится в 157.000 киловатт. По ладыгинской «математике» мощность ее обнаруживается в 80.000 киловатт.

Помимо этих крупных ошибок в книге не мало и более мелких. Отметим

Из заявлению Ладыгина, на Свирьстрое работает 17 «единственных в СССР дерриков», привезенных с Днепростроя (стр. 31). Между тем дерриков установлено уже не 17, а 24 (будет 32), с Днепростроя привезено только 2 деррика, а не 17, неверно, деррики не единственные в СССР, они имеются и на других строительствах.

Ладыгин выдумывает какой-то несуществующий «хвост плотины» и заставляет больной экскаватор, забравшись в котлован, углублять дно реки (стр. 10).

Книга Ладыгина неправильно ориентирует комсомол Ленинграда о Свирьстрое. Она полна стилистических погрешностей. Она не показывает героической борьбы комсомола Свирьстроя за темпы.

Не меньше ошибок и в директивной части книжки. На странице 24 сказывается, что «прорывом сроки сдачи 35 пионерных ворот». Между тем ребятам известно, что на Свирьстрое будет один шлюз с двумя воротами. На 25-й странице говорится, что «Красный путиловец» по сей книжке нарисовал шлюзы, а шлюза-то всего один.

Как будет руководствоваться этой книжкой комсомол Ленинграда в борьбе за своевременное окончание станции — неизвестно?

Сейчас на Свирьстрое над книжкой Ладыгина смеются все от мала до велика. Комсомольские ударные бригады Батьянка и Никеварада, которым посвящена эта книга, с досадой отмахиваются от книги. Но смеяться мало. Надо, чтобы в практике работы наших издательств не было подобного брака.

И. АГАФОНОВ, В. ТЯМКОВ.

* Изд. «Молодая гвардия», 1931 г.

корнелий зелинский

как творится новый человек?

о повести а. митрофанова „июнь-июль“

«Повесть «Июнь—июль» — это не «новинка пролетарской литературы». Это новинка литературы пролетариев, где также сталкиваются большие «старики», всякие подлинной воли.
Так определяет К. Зелинский новую повесть А. Митрофанова.
Прав ли он? — спрашиваем мы критиков, писателей и читателей, знакомых с повестью А. Митрофанова.

Ну, как бы так сказать о Митрофанове, чтобы сразу стало ясно, в чем дело? Словом — этот потомственный пролетарий, большевик, типографщик прошел «университет» крепкой комсомольской работы, наконец, рапповец, — по всем анкетным категориям человек, казалось, крепко сидящий на партийном крючке и привлекший к ногтю всякие сентименты и «детали».

Ан, оказывается Митрофанов все эти геометрические «пространства — времена — пространства» — не игнорировал — о «классической пролетарии». Написал он повесть «Июнь-июль». Повесть в высшей степени перспективную, со всеми тем отрицательными характеристиками и всеми художественными отказами. Когда новость показалась впервые в печати (журнал «Октябрь»), она произвела даже своеобразную «отдачу» в интеллигентских слоях.

— Ой, Митрофанов, — говорили удачливому писателю, — что-то ты черствеешь, все поучаешь и поучаешь. Вспомнил-ка, что Бебель говорил о похвале чужих?

Но не этим почесть (теперь выпущена отдельным изданием в ГИХЛ) вызывает на дискуссионные разговоры. Эта небольшая повесть поэт маленького объема заслуживает, по моему, стать в центре нашего внимания по следующим мотивам: 1. Ее замысел — формирование нового человека в рабочем классе, человека, обладающего разной и сложной культурой. 2. В разрешении своей темы Митрофанов обнаружил качественные художественные качества, сюжету, обращающую на себя внимание одаренность. 3. Но одновременно Митрофанов идеологически неправильно с точки зрения задач своего класса, тому нужно человека, отталкивался, стал при ее разрешении на порочный путь. 4. Наконец новые высокие художественные качества, глубокие творческие поиски и вместе с тем серьезнейшие идеологические просчеты обнаружились в почтенном, выходном из самых рядов рабочего класса, из рядов его авангарда, в прошлом нового попыка, пред отчетливо смыкающегося с целой ударников, пишущих в литературу.

Все это должно быть отмечено. От Митрофанова не отмахнешься так просто, не сбросишь его со счетов, не пройдешь мимо. Недаром Л. Авербах назвал его одним из интереснейших пролетарских писателей.

Митрофанова легко «угробить» единым идеологическим махом, так как в повести его идеологически чрезвычайно уязвима. Митрофанова легко воинственно «закидать» — десять, пятнадцать-двадцать, помножено современного, любящего помечтать, который, пройдя школу строй самых разнообразных чувств, становится более революционным к «злым» большевиком».

Но формулируя начало повести всего ли является этот «рабочий парень» Ольшанин. В каждого «более злого большевизма» читатель из повести не поверит. В основе ее лежит совсем другая вещь. Недостаточная интонация созерцателя, который каждое явление или впечатление жизни оценивает и переоценивает, смакует, любуется им или «пренебрежительно», со скукой, от него отвращается — вот, что является характерной отличной чертой повести.

В этом художественном скупые мирт, и убедился его оттенков, серых звуков и красок Митрофанов показывает первоклассное мастерство. Вот, например, воспоминание о детстве:

...«Мать подымалась со снизу, на раскрывала рот, чтобы крикнуть что-то в попутному под деревьями, неполосовавшую синицы. Платья он шумело; ветками, она закрывала спиной, рукавами, своей добротой — весь мир.

...Или неистовствовал тогда ветер. Сучья бодались в свистящей синеве. Тень от бегущейся листвы бросалась к дому, метаясь по комнатам, цеплялась в углу под тяжелым креслом. Обширный, обширный мир! Возможность выбора любого из путей! Это жизнь звала вся за собой — осиянная синева синяя неудержимой и огромной, — голос ее прекрался от волнения — воздух напоен от пыли, наступало затишье и, колеблясь, на лужайку падал дубовый лист».

Или вот кусок такого чувства:

«От дома напротив было прохладой и запахом извести. Подвода, груженная мешком, загородила мне угла с внезапностью обвала. Стремянное вздрогнул, словно его ни-ожиданно и громко уличили в чем-то постыдном».

Или «обыгрывание» тропинки, пейзажа:

Е. Митрофанов

«У ветхого забора в глубине двора пробилась меж камней и пышно разрослась, добравшись до середины площадки, густая трава — совсем как в глухом захолустье. Узкая тропинка, желтевшая у его окна, казалась утомительной и скучной, потому что, пробегая под зеленым флигелем, где по вечерам хрипел граммофон, и, дальше, огибая расхлюстую кадку, она сама Ольшанина все настоячивей и одному и тому же — и испытанному и горькому одиночеству».

Прекрасно написанные, отдельные характеристики, определения, данные Митрофановым. В них всегда присутствует время. Культура впечатления при одновременно выразительном стремлении оценить, дать квалификацию. Все почуяв, вся природа, частей тела, неодушевленные предметы участвуют в психологических событиях, что развертываются у героев повести. «Ольшанин заложил руки за шею, укоризненно болтнул ногой и дал слюной на подоконник». Или «сквозь продолжающие люки трамвая», «добросовестное, лаже, пожалуй, приятное лицо» и т. д.

Непрайльно будет отмахнуться научество от этой работы Митрофанова, успокоив себя—интеллигентика, «настеранись», фальшивая глубина. Нет, не только фальшивая глубина. В орнаменте, в образных узорах Митрофанова очевидно настоящий творческий материал осмысления, умение захватить новое и художественно его запечатлеть. Для пролетарской литературы такое умение обрасти «вгрызаться» в мир было бы шагом вперед, а не назад. Сравните хотя бы построение образа Сидуктом на какой-нибудь иной теме, например, изображения пресовы) у Митрофанова и у Ставского. Беда, допустим, Ставский составляет свою метафору чаще всего путем простого сопоставления (стая) пресса на берегу, как большая хищная птица. слова считалась—у нужна. Выделено—как тяжелая операция пушек), то Митрофанов стремится дать не только жалобись (рев или фрагмент в собственном смысле слова), но заставить метафору углубить мысль, перекинуть ее на детали внешней действительности.

Но что делает у Митрофанова в ландшафт это стоит? Пока мы показали, как он ловко «стряпает на контовом», но куда стремит эта винтовка? И вот здесь умению видеть классовую мишень Митрофанову не мешало бы поучиться хотя бы и у Ставского. Митрофанов ошибается, когда книга в окончании к своей повести, что он, «увлекшись детальными пейзаж, не сумел до конца разоблачить «стремянникощих» и противопоставить ей со всей силой настоящих героев социалистической стройки». Неудовлетворительная поточность повести лежит гораздо глубже, — она в самом созерцательном стиле, в интонации «осмысления мира», а не перехода его, в плане художественной описательности, в идеологическом оригинальности.

Совершенным делом, любовное преодоление всего этого настроения, и в шести является один из рабочих — Стремянников. Он спартиец, человек напряженный, цельный, влюбленный на творческую работу, но классово пассивный, грамматический, скисший в условиях «мирного» строительства социализма, идеологическая брюзга. Стремянников — друг Ольшанина по заводу и по общежитию — рассказывает в качестве «очевидца» (стр. 5) и с «мягкой добротой» (стр. 6) о своих разговорах партийцу совете своих товарищах. Собственно говоря, «философии» у него особой нет. Обыкновенные четверть — «хорошая середина кончилось, — говорит Стремянников, — новым темным, простым, обрастаешь, вместе с ним». Нет «Правду» теперь, обвеяна людей, загнать их в прокрасть мир. Приобретение гайки, да еще собачьи — всем и кроме — в Днепрострой, оставшая сильной ругательной. «Дерьмо фигляй»... «Только дурак или полудурный ненавидит машины. Но бо наступила она время уважать их» и т. д. Стремянников высказал бодро бы «здоровый» смысл идеологической печатуры проповедовать. Он говорит — «сложной меня натаскай». Или — «товарищ, сын Гомера» — «ни пьянствует с подворотни как нельзя лучше после организованной службы. — благородно, стерва», и т. д.

На политическом языке все эти дополненные «философии» и настроения называются троцкизмом. Ложная «революционность» Стремянникова, классово-враждебное его «бунтарство» против внедрения социалистических «пасек», прочие любы населения «профбюрократов» в повести Митрофанова не имеет насколько противопоставления или отпора. Наоборот, все герои не говорят и двигаются в этой макаре мелкобуржуазного оригинальничанья, и в людях подчеркивается не их классовые черты, а индивидуалистическая особность, утверждается право на замкнутость душевной жизни. В если Стремянников говорит, что «ему надоело переделать великолепные костюмные жизни на плоскость марксистское пересеку», что «жизнь не обсчитана, почка и обильна, — это отрывается его жору и смыслах новых потребностей», — то ведь именно так оно, жизнь, открывается и Ольшанину и Митрофанову. И сам автор очень часто предпочитает «сосиальничек», игру с смысловые оттенки, съезжанию вам даже попытки, чтобы свивать эти оттенки звучало «наречие» его класса.

Установка на бесперерывное осмысливание причем на осмысливание личное, индивидуалистическое, а не классовое — ведет на стезю Митрофанова отличное субъективизма, иногда натянутости. Например, Вот читаем (начало, что все это говорится о рабочих): «Он сумел шасть и отчаяние заключено и тонко»... «Тени с кедменной устал-сти» посмотрел на свои ногти»... «Ротационно обращение глаза царственно презрительным движением»... «Несмотря на все с благоговейным отвращением»... «Он был предельно и хитро прицеливающейся степенности» и т. д.

«Напряженность» и «презрительность» оказываются предметами психологического обихода у... советских рабочих, да еще коммунистов. Сомнительно, чтобы эта «обрастенная» категории была характера для пролетарского стиля. Затем эти вязанно нелепающие друг друга по смыслу определения: благоговейно и отвращение, степенность и печаль, за еще хитрый — все это от интеллигентского косноязычия, все это чужие нарочно мысли. Наконец, немало всяких «словечек», даже дурной семичарности мы встретим в разговорах рабочих у Митрофанова. Например, «глаз бы ее не видел», пока двух синяпенмудрой и «ненависти еще не совсем бежал от тебя» и т. д. Тут крыпня не спасет.

Все это не что иное, как «наименее «стременникощина» Гипозиционный субъективизм, разлитая в стиле, чужие, не наши, не пролетарские этапки, не интонации. А ведь оттенки часто те же, что и определяющий классовый смысл этой фразы. Это очень точно сказал Ленин. В одном письме к А. Кинтовой Ленин пишет об поводу реакционности ею идеи в России «Материализма и эмпириокритицизма»: «Пожалуйста, не спешай ничего на мест против Богданова. Луначарского и К°. Незазможно смягчать. Ты выкинула, что Чернов более «честный» противник, чем они, и это очень жаль. Оттенок вышел не тот. Соответствия во всем характере моих обвинений нет. Ведь гвоздь в том, что наши каяжеты нечестные, подло-трусливые врали марксизма и философии».

Оттенок выбирает идеи, мысль. И недостаток «оттенка» есть недостаток мысли. Таким образом тропинский пузырь стременниковщины получается не случайно, а закономерно на позе всего стиля повести «Июнь — июль».

Разумеется нельзя адресовать стременниковщину непосредственно автору. Но из всего сказанного вывод — повесть «Июнь—июль» это не «новинка пролетарской литературы». Это пока что «новинка литератора-пролетария», где часто сталкиваются большие «старики», нежели подлинной воли. О чем же говорит появление ее? Внутренний строй, определяющий все художественное построение повести, носит на себе нестерпимую печать глазения чуждой пролетарию идеологии. С этой стороны мы могли бы рассматривать книгу, как продукт отсталых «сокоробочих» настроений. Несомненно в известной доле это так и есть. Почти эти настроения в Митрофанова и сомкнулись в творчестве его через различные наносные литературные влияния «осенне-пастернаковского» порядка. Отсюда идет на книге интеллигентщины, игры в действительно пожилую глубину. Статичность, идеологическая «стременниковщина» отягощает книгу. Но она преодолена. В ней есть и здоровые элементы, настоящий здоровый творческий темперамент и сила освобожденной культуры.

Разумеется, повторю в заключение, пролетарий это не зрительский «усовершенствованный коммунистический человек», с дурной расположенной, как николаевская будка. По сложности, культурная обогащенность много выше это есть качество принципиально иное порядка «Бубновая масть» художественной мысли Митрофанова показывает довольно высокий класс работы, но в значительной мере еще старыми интеллигентскими методами. Понимают ли все это сам Митрофанов? И думаю, да. Хотя и не считаю его предпосылку самокритику исчерпывающей в этом смысле, но он имеет все необходимое и достаточное, чтобы решительно переключить свое творчество. Митрофанов обещает следующую вещь «написать реконструктивней и прозрачнее». Ну, что ж, расценим его «вогтаки» (в классовом смысле) выступление в «Нове—нигде как своего рода «запасные дни», дополняющиеся поражением, но показавшие силу, и будем ждать его «октября». Теперь же мы должны быть Митрофанова в крепкий критический перелет. И это будет лучшей немощью читателю его повести и самому талантливому, обещающему автору.

творческая дискуссия по вопросам поэзии

почему голос революционной поэзии звучит приглушенно?

неудача „семейной хроники“

Основная мысль «Семейной хроники», как мыслит Сапнов в предисловии к ней, сводится в том, чтобы показать историю мелкобуржуазной, полупролетарской семьи, ее разложение, крах мелкобуржуазных путей и «победу пролетарского начала, закрепленного у лучших людей семьи». Кроме того, в «Семейной хронике» ставится еще один важный вопрос, переплетающийся с первым,— это вопрос о «пролетарской крови», вопрос о самом типе семьи и «семейственности», взаимоотношении биологического и социального с нашей точки зрения, в отличие от старых дворянского и мелкобуржуазного укладов.

Постановка всех этих вопросов вполне конечно законна и нужна, и разрешение их, на первый взгляд, Сапнов дает совершенно правильно. Сапнов демонстрирует гибель «лилей», пришедших по пути мелкобуржуазного бунтарства и отщепенства. Сапнов декларирует о правильности пути большевика—«отца», линию которого, разрушая старые семейные традиции, вплоть сын и дочь, символизирующие преемственность поколений, как социальную преемственность:

Я знаю, вам теперь розарта нету.
Ранешь, строй, штыки, палаборда.
Из рук отцов мы взяли эстафету,
Чтобы, как вихрем, дунуться вперед.

Сапнов подчеркивает наконец прямые социальных связей над биологическими (откуда типичный сапновский мотив: победа ощущения социальной молодости над биологической старостью, мотив, играющий большую роль во всех его стихах последних лет).

Как будто все правильно

Мало того. Эту правильность Сапнов пытается облечь в плоть и кровь, сделать подлинно художественно правильной. Он пытается избежать пустого схематизма и декларативности. Его лирический голос не противополагает голову революция, он не прячет внутреннюю гниль под покровом ортодоксальных фраз. Сапнов пытается говорить «со всех голосов». Сапнов пытается дать конкретные образы представителей семьи в их движении.

Это показывает, что Сапнов, изучивший и пролетарское литературное движение, поэт, пытается шагнуть раскрыть в точки зрения пролетариата закономерность нашей действительности.

И все же все эта правильность оказывается при ближайшем рассмотрении связанной с грубой неправильностью, порочностью не только отдельных кусков мировоззрения, но и целой системой неизжитых мелкобуржуазных тенденций.

Прежде всего бросается в глаза отсутствие истории изображаемой Сапновым семьи от широкой общественной практики.

В «Семейной хронике» по сути дела, несмотря на то, что говорится и об участии масс и солдатских бунтах, и о буржуазно-демократических революционерах, и о революционерах-пролетариях, не нарастание буржуазной разложения, не своеобразие буржуазного развития в связи с борьбой «русских» и «европейских» тенденций, не роль пролетариата и буржуазной демократической революции, не, наконец, «формирование революционного сознания масс». Эта хрупкая поверхностность переходит в генеральную плоскую беспомощность, в вид прямых политических ошибок.

В стихотворении «Дед» Сапнов выводит террориста, но разбивает его только уже в обстановке всего Брестского мира, а его деятельность до этого периода представляется в абстрактно-романтических, патетических тонах:

Ты в воле не тонул, ты в окне не горел,
Ты смеялся от пуль и калил,
Ты бомбистом всходил на промозглую зарю,
И губернии падали навзничь.

Сапнов, по сути, совершенно не сумел показать спецификум пролетарской революционности, ибо та, по существу-то есть расплачивая схематичную декларацию, которой конкретен «Встречи братьев», детей в счет не может. Показательно стихотворение «Отец».

Основной порок этого стихотворения лежит, что называется, в невооруженному глазу. В нем дана в сущности лишь отдельные романтические моменты биографии революционеров, но за исключением обронного на счет «мелких буржуа» словечка, нет ничего, чтобы показать классовое качество процесса создания личности в стране, вступившей в период социализма, отступившей в период реконструкции. Уже это дает основания констатировать искажение самого процесса. Ленточка Кольча делается не так, как ленточка Олексина! Этого нельзя творчески осмыслить, оставаясь в рамках фетишизации техники.

Но может быть Сельвинскому удалось правильно изложить взаимодействие и техники в прошлое создания личности? Все сказанное выше предопределяет ответ на этот вопрос. Фетишизация техники не может быть совмещена с действительным пониманием того, как отношения между людьми органическим образом включает в свою систему отношения людей к машинам. Поэтому, когда Сельвинский пытается найти за предела порочного эмпирического восприятия тех потребностей процесса создания личности, которая дает основания констатировать искажение самого процесса, он не может показать факты чарого отношения к труду (рабочее изобретательство), происходит потому, что проблема социальной плодотворно применяется наиболее технической. Так родился из созерцательности сумел изобретения, «сидящего электричества». Мальчишка, Чайковского и Вагнерам. Конечно Сельвинский не забывает упомянуть о том, что этот сидел «горный пахарь» «понять—перестань» машинам на лей», но это общее место заслоняется совершенно конкретным детальным разбором технического значения изобретения электричества:

Среди драгоценных складовых рас,
Не он ли для вселенной шеф лей?
Он творит чудеса в каждый раз
И во сколько же раз дешевле.

Именно понятно, что в идейно-творческой системе этих людей воспринимается с точки зрения их технической функции (работай ходит вал, шкерет—кусок из льда, усилит в тонне вопрос, освобо силу тока). Живая индивидуальность человека, его главное, классовое существо — все это заступается чудовищным автоматом («Сон - Изия, Елизар яла Тит. С честью займет свое место»).

Этот примат техники над человеком весьма своеобразно, преломляется в цикле «Типы рабочих-сварников», следующем в новой книжке Сельвинского после поэмы «Как делается лампочка». Стремление раскрыть психологию живого рабочего приводит к самой недвусмысленной лакировке:

А после работы, вымывшись,
Надевши серую пару,
В парткабинете у Клишушева
Читает Ленина парень.
А то сочиняет о сварщих
Чувствища стихотворений...
Да здравствует же комсомольский
ударник,
Любимец нашего времени!

Дело разумеется вовсе не в том, что комсомолец-ударник не одевал серую пару и не читал Ленина. Дело в том, что воспроизведение всего облика ударника ведет у Сельвинского под знаком безудержной лакировки. «В математических жестах — синкопа и четыре-два», «в 12 под вязью радио заметен в стеганке» — о чем все это говорит, как не о лакировке?

Какова же значение новой книжки стихов Сельвинского и общей творческой эволюции автора «Рекордов», «Записок поэта», «Уманлеминых», «Цунгорита», «Декларации прав поэта»?

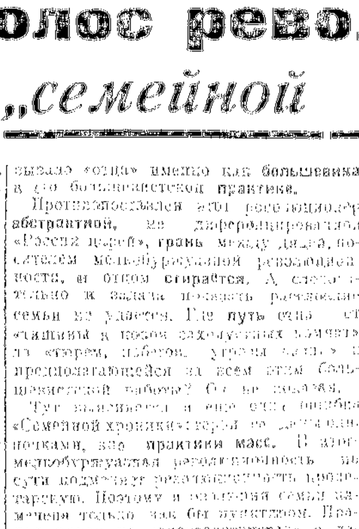
Зачисляя решительный тематический сдвиг, новые стихи Сельвинского заставляют с новой силой подчеркнуть неразрывность вопросов тематики и вопросов метода—мировоззрения. Осмысление новой тематики требует мировоззренческой перестройки, требует нового угла зрения.

Новая книжка Сельвинского демонстрирует неизбежный крах попыток воспринести тематику сегодняшнего дня, оставаясь в основном на мировоззренческом уровне политической литературы. Также и качество перестройки Сельвинского из попутчиков в сознательной определится тем, насколько скоро и глубоко поэт сумеет осмыслить вопросы перестройки как вопросы творческого метода и мировоззрения.

ЛЕВ ЛЕВИН

---

* И. Сельвинский. «Как делается лампочка». Заб-ка «Огонек», 1931 г.



шарж н. олисова

Я, признаться, люблю
(может статься, что это немного)
Постоять на заре
У ограды старинного сквера.
Иней в глухом сентябре
Неподвижен, туманен, багрян,
И один к одному
Здесь лежат пожелтевшие клены.
Из «Семейной хроники».
В. САЙНОВ

лампочка делается не так

Нет никаких сомнений в том, что Илье Сельвинскому, взявшемуся воспеть создание техникой, которая «вчера» (период реконструкции) решает «сегодня» (сталинская пятилетка) задачи «завтра», нельзя отказать в детальном знакомстве с ее конкретной литературой, как и с техническим материалом, положенным в основу произведения. Сельвинский с несомненным знанием дела говорит о создании вольфрамовой нити и о том, как медленно на паровой мельнице вольфрам, как огонь взаимодействует на него серу, мышьяк и фосфор, как он смешивается с содой и пресной водой, как он проходит целый ряд сложнейших химических превращений, для того чтобы вырвать последнюю форму кварцеобразного порошка, заполняющего в литочной банке. Сельвинский с большой интенсивностью рассказывает читателю о том, что «электрическая лампочка» состоит из баллона, цоколя и вольфрамовой спирали, и о том, что «вакуум» в баллоне должен быть создан при помощи ртутного насоса

за творческую дискуссию на трамовском фронте

Статьей тов. Прокофьева и тов. Егорова «Литгазета» открывает обсуждение творческих вопросов трамовского движения. Это обсуждение должно помочь последнему преодолеть свойственные ему болезни и недостатки и еще более сблизить его с пролетарским литературным движением.

Трам не может считать свой творческий метод, отличным от пролетарского творческого метода, хотя он и должен иметь некоторые специфические оттенки, вызываемые материалом славой Трама.

Борьба за трамовский метод—борьба за творческий метод пролетариата. Эта борьба не может ограничиться узко-трамовскими рамками. Подобная узкая точка зрения, поскольку она имеет место, сводит на-нет огромный опыт борьбы пролетарских отрядов на смежных участках искусства и литературы и заставляет трамовское движение вариться в соку собственных ошибок.

В то же время эта точка зрения содержит в себе опасность **противопоставления трамовского движения другим пролетарским организациям** и литературе и искусству, как это уже имело место в действительности (блок Дельградского трама с Леттронтом фактически был направлен против генеральной линии РАПП).

Не изолируя и не противопоставляя себя пролетарскому движению литературы, а наоборот, на основе большевистской самокритики, вместе с ним, используя его ценный опыт, бороться за создание большого искусства большевизма — вот одна из основных задач трамовского движения.

Использование опыта, накопленного в борьбе за пролетарскую литературу левой пролетарской организацией, как РАПП, нужно и необходимо трамовскому движению, хотя бы и потому, что ошибки и болезни, которые тысячи-кого-то этой организацией, нередко находят свое построение в Траме.

Капитализация трамовского движения с РАПП вовсе не означает примиренческого отношения к ошибкам и болезням пролетарского литературного движения.

Отдельные представители РАПП могут и теперь занимать в некоторых вопросах ошибочные позиции.

Трам должен со своей стороны помочь преодолеть эти ошибки.

В частности по линии пролетарского театра стоит задача разоблачения некоторых идеалистических высказываний т. Афиногенова в его работе «Творческий метод театра». Однако, наряду с преодолением влияния деборинщины, нельзя забывать, что трамовское движение, в лице своих ведущих трамов, не освободилось еще из плена ошибок механистического порядка.

Нужно помнить, что механизм остается главной опасностью, ибо он является методологией правого уклона в партии.

Если в пролетарской литературе идут и идут бои по вопросам творческого метода, если мы там имеем такой положительный факт, как письмо секретариата о развертывании творческой дискуссии в РАПП, в основном правильно подводящее итог всем предшествующим дискуссиям, то этим еще не может похвастаться трамовское движение.

Споры по творческим вопросам на I всесоюзной Трамконференции и пленумах ЦС трамов, не переключились в повседневную творческую работу ядра трамовского движения, не втянули и не заинтересовали всю массу трамовцев, в первые десяти лет существования отличавшуюся, скептический характер, отталкивавшую от непосредственной творческой практики трамов.

Со стороны **руководства Трамдвижения** мы не только не видим **повышения творческой самокритики, драи и дискуссий,** но наоборот, сильный и разлагающийся **искусственное** торможение дискуссии, опасение, с помощью упорядочить в своих узких масштабах на трамовскую ортодоксию, чего бы и в ущерб общетрамовскому делу.

Попытки некоторых товарищей в, в частности, т. Подольского в статье **«Творческое развитие трамовского движения»** («Советский театр» № 5—6), представить его развитие **одной сплошной линией,** идущей от Ленинградского Трама, вредны для трамовского движения.

На протяжении долгого времени, больше или меньше, постоянно или эпизодически, продолжается **упрощенное,** часто ошибочное, формалистически-механистическое сведение сложных установок Ленинградского трама, всему трамовскому движению.

Попытки некоторых трамов выбить свой творческий облик, отличающийся от всех ошибочных установок, всегда встречали сопротивление со стороны руководства. Первый раз началась борьба за переключение творческих разногласий в плоскость **организационную** и **материальную** бывшего Леноблтрама. Так **Районный Московский Ленинский трам,** один из сегодняшних трамов, на протяжении **сезонных** лет **сохраняет систематическую** линию, **дезориентирующую,** отход в **субъективизм.**

Дискуссия должна **вовлекать** всю массу трамовцев, **всегда** занимая **основных** проблемах творческого метода.

До сих пор еще много **путаницы** и **непонимания** в проблеме спектакля, в проблеме образа, в вопросе **единства** субъекта и объекта, в проблеме актера и других элементов в трамовском спектакле, в вопросах **монтажных** литературных и т. д. и т. п. Вопрос **«монтировщины»** в сейчас еще корень зла в трамовской практике **«ведущих»** (как у нас принято называть Ленинградский) трамов. Монтировка спектакля как **«драматизированного доклада»,** «заводного рассуждения по поводу», **элементная** система правды, противопоставление **явной** объективно-механического характера явлениям **реального** порядка (впрочем, некоторые в **вопросах** другой форме у т. Подольского) все не изжили своего **упрощенного** и преодоления. Хотя все это и является **наследием Пиотровского** *.

Статья т. Подольского, кроме попытки представить творческое развитие Трама **абсолютно однородным, без всяких творческих** разногласий, хватается старые, еще не совсем осознанные грехи некоторых трамтеоретиков, пытаясь представить творческую линию трама ортодоксальной от начала до конца, за исключением жанр внутреннего **вредительства Пиотровского.** Попытка **связать Пиотровского «козлом отпущения»,** попытка замазывания ошибок отдельных руководителей трамовского движения, **является вредной.** Она не помогает, а наоборот скрывает корни **дистрибуции** в трамовском движении и, в особенности, в среде его отдельных руководителей. Об этом говорит и хвалебная оценка т. Подольского спектакля МДТ **«Тревога»,** спектакля, скомпрометированного **на практике** все творческие пороки творческого метода Ленинградского и Московского центральных трамов.

Только путем широкой творческой дискуссии Трам сумеет преодолеть болезни роста.

За развертывание творческой дискуссии, за самокритику!

ПРОКОФЬЕВ
М. ЕГОРОВ

* Настоящая статья не ставит своей задачей разбор и характеристику указываемых ошибочных установок, а лишь заостряет внимание на них. Разбор этих ошибок см. статью «Трамы» Калашникова и Ростоцкого. «Советский театр» № 5, 1931 г.

Театр по-большевистски овладеть оружием советской сатиры!

по всем правилам буржуазного „мюзик-холла"

салон „св. Магдалины"

Что это? Как это вообще можно назвать? Театр? Цирк? Варьете? Мюзик-холл? Все вместе взятое? Затрудняюсь дать определение. Для подобных явлений «Салон св. Магдалины» дает сколько угодно материала.

Нижних скоро вовсе закроют. Зрелищами Мюзик-холла они и быть не может. Совершенно ясно, что его безудержная реклама, на которую **не** жалеют средства, энергия, время.

Конечно, в «Салоне» есть номера, отдельные удачные места, вроде фельетона Соколовского, однако это не может затушевать даже самую маленькую из всех тех лиц, художественного и идеологического порядка, которыми начала эта постановка.

И чем больше эффектности и скорости, чем больше вещи Дельмас и Мосмюзик-холл—тем больше надо их убирать вон.

И прежде всего. Актеры не только не должны быть **рабами** своей обязанности, но и просто не нужны. Их нельзя вывести на сцену только затем, чтобы они продемонстрировали свои данные, умение петь или танцевать, **чтобы** они **могли** продемонстрировать

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ФЕДЕРАЦИИ ОБЪЕДИНЕНИЙ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР

МОСКВА 12 октября 1931 г. № 55 (154)

РЕДАКЦИЯ:
Москва, Тверской б. 25, Дом Герцена. Телефон 2-80-12.

ИЗДАТЕЛЬСТВО:
Журнально - газетное об'единение: Москва, 6, Страстной бульвар 11. Телефон 5-51-59.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА:
На 12 м. 3 р. 50 коп.
На 6 м. 1 р. 75 к.
На 3 м. - р. 90 к.

ПРИВЕТ ГАЗЕТЕ „ТЕХНИКА"

«9 октября вышел первый номер новой газеты «Техника», созданной в порядке реализации решений ЦК партии о технической пропаганде. Роль этой новой газеты определена в приветствии ей от тов. Сталина: «Газета «Техника» должна стать могучим орудием широких масс рабочих, хозяйственников и инженерно-технических работников в деле овладения техникой».

Советские писатели должны стать активными участниками борьбы за овладение высотами технической мысли. Поэтому наше приветствие «Первой большевистской технической газете» является вместе с тем и обязательством.

Советский писатель обязан быть постоянным сотрудником этой газеты, органически войти во всю ее работу. Выход «Техники» должен стать для нас стимулом широкого развертывания похода за технические знания художественными средствами. Советская литература должна отобразить грандиозный процесс овладения техникой трудящимися массами, показать различие нашей социалистической техники от техники капиталистической.

В лице новой газеты, мы уверены, литературная общественность приобретет помощника в этой своей работе. Одновременно она должна быть и нашим постоянным «контролером». «Техника» вместе с марксистской критикой должна бороться против увлечения писателей голым техницизмом, против абстрактного подхода к этой теме, против проникновения в художественную литературу по технике чуждых, буржуазных влияний.

Мы горячо приветствуем новую газету. Мы вместе с ней будем бороться за выполнение ее задач.

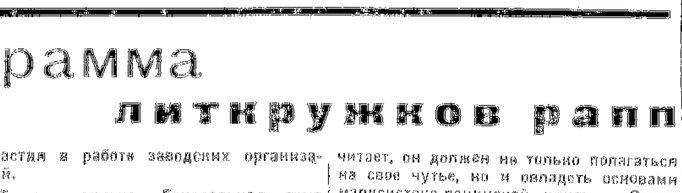
Эти задачи должны быть и будут выполнены, ибо «Нет таких крепостей, которых большевики не могли бы взять».

борцу за осуществление сталинского лозунга

«Техника в период реконструкции решает все». Секретариат РАПП приветствует создание новой газеты «ТЕХНИКА», борца за осуществление сталинского лозунга, за вооружение техническими знаниями строителей социалистической промышленности и желает ей успехов на фронте борьбы с косностью и отсталостью, на фронте овладения командными высотами технической мысли.

В этой борьбе пролетарские писатели обещают газете «ТЕХНИКА» свою помощь и поддержку.

СЕКРЕТАРИАТ РАПП.



заголовок газеты „Техника"

НОВАЯ ПРОГРАММА ЛИТКРУЖКОВ РАПП

Мы чрезвычайно запоздали с выработкой новой программы литкружков РАПП. Старая программа единодушно признана неудовлетворительной. По ней вообще ни один кружок не проводил занятия, а там, где пытались последовательно проводить ее в жизнь, результаты получались самые плачевные.

Только на-днях секретариат РАПП утвердил перечень тем новой программы, но работа над конспектами и методразработками еще не закончена.

Нам нужна программа литкружка, которая действительно помогала бы творческому росту ударников, призванных в литературу, была неразрывно связана с сегодняшней практикой пролетлитературного движения, учитывала бы уровень знаний кружковца, толкала к работе над мировоззрением, мобилизовала каждого кружковца на участие в выполнении боевых задач рабочего класса. Нельзя сказать, что всем этим требованиям отвечает полностью новая программа литкружка, но безусловно, что она является значительным шагом вперед по сравнению со старой.

Первое занятие «Призыв ударников и задачи пролетлитературного движения»,—составленное на основе решений последнего пленума правления РАПП об итогах призыва, должно помочь кружковцам осмыслить новый этап нашего массового движения, подчеркнуть роль призывников в РАПП и роль самой РАПП в системе организаций рабочего класса.

Второе занятие «Речь т. Сталина и задачи РАПП» введет кружковцев в курс тех обязательств, которые берет на себя РАПП в борьбе за «шесть условий победы», на этой основе кружок сумеет наметить конкретный план своего участия в работе заводских организаций.

Третье занятие—«Генеральная тема пролетлитературы»—должно дать кружковцам понимание нашего лозунга «наступления по всему тематическому фронту» и основного звена в этом наступлении—показа героев и истории заводов. Разбор творческой продукции по показу героев должен подчеркнуть необходимость работы над качеством произведений, над усвоением всего творческого опыта пролетлитературы.

Под этим углом зрения будет организован ряд следующих занятий. Три занятия (четвертое, пятое и шестое) посвящены тому, как выковывались творческие лозунги РАПП в неразрывной связи с творческой практикой и литературно-политической борьбой и как теперь развертывается творческое соревнование в борьбе за большое искусство большевизма.

В прошлом учебном году кружковцы справедливо требовали ознакомления с основами литературной грамоты, чего не было в старой программе. Опасность формалистического истолкования литературных «приемов» несомненно велика. Но мы уже достаточно выросли, чтобы суметь дать конкретно-историческую оценку тем или иным сторонам так называемой «литературной техники». Надо надеяться, что мы сумеем, исходя из определяющей роли идеи произведения, роли мировоззрения и метода, осветить по-нашему изобразительные средства писателя. Вопросам овладения литературной техникой отведены седьмое и восьмое занятия (проза и поэзия).

Ударник, призванный в литературу, должен научиться критически подходить к тем произведениям, которые он читает, он должен не только полагаться на свое чутье, но и овладеть основами марксистско-ленинской критики. Этому отводится девятое занятие, которое будет построено главным образом на материале ленинских высказываний о литературе (о Толстом и Горьком).

Десятое занятие—«Культурное наследство и пролетлитература»—помимо общей постановки вопроса о нашем отношении к культурному наследству, наметит основные линии, по которым должна идти учеба начинающих рабочих писателей у классиков.

Наконец, одиннадцатое занятие—«Как складывалось напостовство»—даст, на основе уже имеющихся у кружковца знаний, исторический обзор борьбы напостовства с врагами пролетлитературы.

Следующие занятия должны ввести кружковцев в курс всей борьбы на литературном фронте. На двенадцатом занятии будет рассмотрена классово-враждебная и попутнически-сменовеховская литература, на тринадцатом—пролетарско-колхозная литература, на четырнадцатом—«зональная» пролетлитература народов СССР, на пятнадцатом — международная пролетлитература. Опыт показывает, что нецелесообразно намечать программу, в которой было бы больше тринадцати—пятнадцати тем, потому что помимо занятий по программе у кружка много времени требуется на разбор продукции кружковцев и обсуждение очередных задач.

Необходимо наметку новой программы немедленно же обсудить на литкружках, с тем, чтобы все имеющиеся замечания кружковцев своевременно прислать в секретариат РАПП—сектаду работы с ударниками.

Д. М.

ЗАДАЧИ РАПП на театральном фронте

Секретариат РАПП обсудил творческий документ о театре

А. ФИНОГЕНОВ

Заседания секретариата РАПП носят все более общественный характер, привлекают внимание не только активистов, но и дружковцев, и писателей-попутчиков. В результате заседания секретариата РАПП превращаются в целые конференции, на которых присутствуют по 60—50 человек.

Особенно большое число участников собрало последнее заседание секретариата РАПП, центром которого являлось обсуждение нового творческого документа РАПП по вопросам театра.

Тов. Афиногенов в своем докладе о разработанном проекте документа РАПП по вопросам театра подчеркнул, что документ дает анализ состояния советского профессионального и самодеятельного театра и сопоставляет положение театра в СССР и капиталистических странах. Документ РАПП о театре подытоживает опыт рапповской борьбы на театральном фронте.

Касаясь вопроса борьбы РАПП за пролетарскую драматургию, т. Афиногенов отмечает, что, несмотря на укрепление в драматургии пролетарского сектора, наблюдается отставание пролетарской драматургии от темпов социалистической стройки. Ведущей тематикой в пролетарской драматургии должна явиться проблема реконструкции страны, переделки людей, создания нового социалистического человека. Задача ближайших драматургов — перенести весь опыт пролетарской литературы в театр.

На основе анализа оценки двух ведущих систем в театре (МХТ и театр им. Мейерхольда) документ РАПП дает оценку современного положения на театральном фронте.

Значительное место уделено самодеятельному искусству и драме. Проникновение классово-чуждых влияний и приспособленчества в самодеятельном искусстве требует со стороны РАПП решительной борьбы за создание новых кадров художественной интеллигенции из среды рабочих-ударников, за создание нового репертуара для рабочей и колхозной сцены, за организацию руководства работой самодеятельных кружков и драмов.

Документ дает оценку состояния и положения пантеатров в Советском союзе и указывает на необходимость взаимодействия пролетлитературного движения и театрального движения в национальных республиках.

Основные задачи, стоящие перед РАПП на фронте театроведения и театральной критики, т. Афиногенов в заключение освещает в вопросе о создании театра РАПП. Театр РАПП должен стремиться стать в театре тем, чем стремится стать пролетлитература во всей советской литературе.

Характерной чертой обсуждения проекта тезисов-документа была единодушная положительная оценка его как боевой программы действий, платформа для развертывания наступления пролетариата на театральном фронте.

Ю. Либединский в своем большом ряде подробно остановился на вопросах самодеятельного искусства. На примере пролетариата, где объединена работа литкружков и писателей-профессионалов, РАПП должна создать единый фронт работы массового самодеятельного театра и профессионального театра. Самодеятельный театр не представляет до сих пор единой организации и руководится всякими людьми, не имеющими отношения к пролетарской революции, протаскивающими в самодеятельное искусство вредные и путаные идеи и «теории» (наволочкина). Надо коренным образом изучить и реорганизовать трамовское движение, где также не мало пробралось своими «теоретическими» высказываниями один из руководителей самодеятельного театра Адриан Пиотровский.

Самодеятельное искусство должно строиться как массовое движение рабочего класса.

Подытожив опытом работы 1 мая (спектакли им. Горького (театр ЛАПП), т. Либединский говорит, что в основу работы театра РАПП должно быть положено самодеятельное искусство. Путь таков. Надо подробно остановиться и на пролетарского театра от малой формы к большой — подобен пути от рабселькоровской заметки к роману. Театры РАПП должны быть организованы во всех крупных промышленных центрах. Вокруг этих театров РАПП должна сплотить рабочий литмолодняк.

Присоединяясь к оценке данной документом РАПП системе МХТ, т. Литовский предлагает произвести расчленение этой системы на примере МХТ 2. В документе необходимо шире развернуть отдел о классическом наследстве в театре. Касаясь вопроса подготовки художественных кадров, т. Литовский говорит о том, что все недостатки, указанные в постановлении ЦК ВКП(б) о начальной школе, имеют место и в художественной школе. Надо решительно взяться за выдвижение и воспитание художественных кадров из рабочих масс.

Тов. **Чичеров** считает необходимым дать в документе РАПП более четкую оценку проблеме самодеятельного рабочего театра и проблеме взаимодействия профессионального и самодеятельного искусства. Должны быть также главы рапповские установки в системе художественного воспитания и подготовки художественных кадров.

М. Россовский отмечает, что в документе надо дать более развернутую характеристику современного состояния театра, в частности национального театра.

ОБ ИЗДАНИИ „ИСТОРИИ ЗАВОДОВ"

Постановление ЦК ВКП(б) от 19 октября 1931 года

1. Одобрить предложение т. М. Горького и приступить к изданию серии сборников «Истории заводов».

Сборники эти должны дать картину развития старых и возникновения новых заводов, их роль в экономике страны, положение рабочих до революции, формы и методы эксплоатации на старых заводах, борьбу рабочих с предпринимателями, бытовые условия, возникновение революционных организаций и роль каждого завода в революционном движении, роль завода и изменение отношений на заводе после революции, изменение типа рабочего, ударничества, соцсоревнование и под'ем производства за последние годы.

К составлению «Истории заводов» должны быть привлечены как сами рабочие, так и хозяйственники и инженерно-технический персонал.

2. Утвердить редколлегию «Истории заводов» в составе тт.: Горький, Каганович Л., Постышев, Андреев А. А., Енукидзе, Стецкий, Бухарин, Пятаков, Шверник, Косарев, Цихон, Богушевский, Вс. Иванов, Авербах, Гронский, Гастев, Панкратов, Мехлис, Попов Н., Жига, Либединских, Колпаткин, Терехов, Сапожков, Суников, Чумандрин, Зайцев, Писарев А., Кривов, Циперович, Сейфуллина.

3. Издание «Истории заводов» возложить на ОГИЗ.

ЦК ВКП(б).

ИЗДАТЕЛЬСТВА ДОЛЖНЫ РАБОТАТЬ ПО-НОВОМУ

о новой роли редактора и критика

Как бы ни была высока активность рабочего класса — ее нужно организовать. Одними разговорами о гегемонии нельзя обеспечить победу литературного дела пролетариата.

На первый план выступают сейчас меры организационные. В частности выпадающую роль в организации литературного сотрудничества широких слоев рабочего класса — в связи с последним постановлением ЦК об издательской работе — должен приобрести редактор.

Всем известна, что основным работником аппарата наших издательств является редактор. Постановление ЦК указывает, что «издательства не привлекают должное активности в привлечении и организации авторских кадров» и что качество книги отстает от предъявляемых к ней серьезных требований, что объясняется в частности «плохим выбором редакторских кадров».

Возникает вопрос, каким должен быть редактор в наше время? Тип редактора, который

Все входящие
сразу
и печатает
в журнале
в исходящем.

изжил нас не удовлетворяет.

Редактор, который сидит в кабинете и ждет, что ему принесут рукопись домой — это или оппортунист или архивный чудак.

«Должность» редактора в эпоху реконструкции, в эпоху призыва перестает быть неподвижной «средней». Наоборот. Его роль — роль разведчика. Много общего она приобретает с функцией газетного репортера. Прославутая редакционная корзина уходит в область преданий. Постановление ЦК предлагает организовать отзывы и сводки «авторам всех поступающих в издательства рукописей, независимо от принятия их в производство».

Ближе к источникам «сырья», к массам, к станку, лицом к писателю — таков лозунг современной литературной эпохи. Будущее определит — из этого должно исходить — новый тип писателя, который очень долго время будет литератором по совместительству, литератором, который не порывает с производством.

Издательство должно интересоваться по существу той отраслью жизни, которую оно отражает в своих книгах. Редактор должен подходить к материалу и к работе с автором не только с литературной точки зрения, но и активно следовать в жизнь предприятия. У нас в этом отношении есть прекрасный, недавний опыт рабочих бригад, боровшихся с прорывами и писавших книги. Нам он уже забыт?

Организованная связь между издательством и социалистическим производством продвинет нас дальше по пути реального соединения физического и умственного труда, сможет хозяйство и культуру, как сообщающиеся сосуды, дать производству во-время нужные книги, даст фабрикам книги талантливых пролетариев-авторов.

Кабинетных редакторов должно становиться все меньше (за исключением редакторов-руководителей и техредакторов). Нужно обязать каждого редактора вести читательский кружок на предприятии. Указания ЦК об организации библиографии ставит по-новому вопрос об учете массовых отзывов.

Читательский кружок — это только наименее обязательная форма связи редактора с жизнью завода. Чем глубже к многообразное внедрение литературного разведчика в общественную жизнь того или иного производства, чем более заинтересован в культурном сам этот разведчик, тем больше возможности своевременного снабжения материала, тем больше шансов на повышение политической квалификации самого редактора.

Скажем попутно два слова и о критиках с этой точки зрения. Наши критики привыкли к нескольким книгам рабочих-ударников и высасывают из них сенсационные обобщения. Сидение редакторов concentрируется в комбинациях перекраивать, перемазывать, сокращать, дополнения в нового легкого новаторского использования уже вымышленного материала и авторского кадра.

Но ведь неразрешенного и в этой области гораздо больше в нашей стране, чем высказано и открыто. И вторая пятилетка задуша над злом безответственности и перед тем геологической разведки, должна двинуть глубочайшие пласты литературных возможностей рабочего класса.

Нашим критикам, вместо того чтобы сидеть и ритом заниматься словесностью, которая применяется ассортимент общих фраз, гораздо полезнее было-бы в практику подготовки новых явлений пролетарской литературы непосредственно, так сказать процедуры их, условия их рождение, организационно формируя в дополнение к общему культурно-воспитательному развитию. В самом деле, кряд ли кого может удовлетворить роль свидка при литературе в эпоху призыва, в такое время массового литературного творчества, как наше, время.

В спорах 1924 года о литературе молодые пролетарские писатели противопоставляли теории фаталистической установки Воронского, что новый писатель явится сам по себе, стихийно — придет, сделать, не медленно берет. Одним из центральных пунктов спора был вопрос о роли организации в появлении нового писателя.

«Мещанья бургота» теперь — новостройки. Туда, на периферию должна прийти организационная помощь. Чем больше размах нашего строительства, тем больше роль пролетарской литературной организации и ее передовых творческих разведчиков в призыве и воспитании новых литературных кадров.

В. ПЕРЦОВ

ОБ ИЗДАНИИ „ИСТОРИИ ЗАВОДОВ"

Постановление ЦК ВКП(б) от 19 октября 1931 года

1. Одобрить предложение т. М. Горького и приступить к изданию серии сборников «Истории заводов».

Сборники эти должны дать картину развития старых и возникновения новых заводов, их роль в экономике страны, положение рабочих до революции, формы и методы эксплоатации на старых заводах, борьбу рабочих с предпринимателями, бытовые условия, возникновение революционных организаций и роль каждого завода в революционном движении, роль завода и изменение отношений на заводе после революции, изменение типа рабочего, ударничества, соцсоревнование и под'ем производства за последние годы.

К составлению «Истории заводов» должны быть привлечены как сами рабочие, так и хозяйственники и инженерно-технический персонал.

2. Утвердить редколлегию «Истории заводов» в составе тт.: Горький, Каганович Л., Постышев, Андреев А. А., Енукидзе, Стецкий, Бухарин, Пятаков, Шверник, Косарев, Цихон, Богушевский, Вс. Иванов, Авербах, Гронский, Гастев, Панкратов, Мехлис, Попов Н., Жига, Либединских, Колпаткин, Терехов, Сапожков, Суников, Чумандрин, Зайцев, Писарев А., Кривов, Циперович, Сейфуллина.

3. Издание «Истории заводов» возложить на ОГИЗ.

ЦК ВКП(б).

„МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ" НЕ СПРАВЛЯЕТСЯ СО СВОИМИ ЗАДАЧАМИ

На последнем секретариате МАПП был заслушан доклад т. Гребенникова о работе литературно-художественного отдела изд-ва «Молодая гвардия». Отказываясь сгладить все острые углы, которых в работе издательства больше чем достаточно, т. Гребенников сделал несколько общих замечаний о работе руководимого им отдела, причем самокритика в его докладе совершенно отсутствовала.

Бедность самокритики докладчика с лихвой компенсируется высказываниями в прениях. В кратком, но весьма обоснованном разборе продукции тт. Швецов и Целинский дают весьма отрицательную оценку книгам, выходящим в серии «Страна должна знать своих героев».

— Темы издания этой серии полезны за счет ее качества,—говорит С. Кирьянов.—Если МАПП уделяет мало внимания работе «Молодой гвардии», то само издательство проводит свою работу осторожно, от пролетлитературного движения. Массовая работа литудотделов поставлена плохо, связи с литкружками нет.

Не лучше обстоит дело в «Серии новичков комсомольской литературы». Выпускаемая продукция стоит на низком качественном уровне; часто появляется переиздаваемая литература («Мастерство» — Собченского, «Комсомольские будни» — Бутковского и др.). Издательство не справляется со своими задачами.

Секретариат МАПП признал необходимым организовать творческую группу комсомольских писателей при журнале «Молодая гвардия» и выделить литкружковцев в рабочий редсовет литудотдела издательства.

Е. П.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „АКАДЕМИЯ" НА НОВЫХ ПУТЯХ

На днях под председательством т. Халатова состоялось совещание по вопросу о реорганизации издательства «Академия». К совещанию привлечен участие М. ГОРЬКИЙ, ИОНОВ, ПЕВЗНЕР, СТРАУМЕ, ТИХОНОВ и др. Совещание заслушало отчет т. ЕЖОВА о выполнении производственного плана издательства на 1931 г. и наметило практические мероприятия, направленные к перестройке издательства в соответствии с директивами партии о созданием специального издательства, входящего в систему ОГИЗ и к основной работающего для эксперта советской книги.

М. ГОРЬКИЙ подчеркнул в прениях огромное значение организации такого издательства.

«Следует издавать книги для заграницы,—сказал М. Горький. — предварительно исследовать спрос на них у нас. Следует давать книги, отображающие наши достижения, наше строительство, наш литературный быт. Почему бы не дать для заграницы в приличном художественном оформлении, скажем былину о Васюке Буслаеве с рисунками Рябушкина, или например «Конька-горбунка» с иллюстрациями Афанасьева? Заслуживает серьезного внимания издание Истории живописи. За границей — большой интерес к нашей этнографии, и это нужно учесть нашему издательству. Кстати, почему бы не издать ненаданные рисунки Боголюбского, находящиеся в Новгородском музее (к роману «В лесах»), или рисунки Соколова?»

Тов. ИОНОВ развернул проработанный план издательства. Кроме изданий русских классиков, историко-литературных и мемуарных книг, необходимо включить в план серию книг мировой литературы, дополнить план широким разчетом по искусству, книгами о кино, театре, книгами, посвященными культуре народов СССР, революционным праздникам и т. п.

Тов. ХАЛАТОВ сформулировал конкретные пути перестройки «Академии». С октября издательство начинает работать в новом плане.

СОВЕЩАНИЕ ИЗБРАЛО М. ГОРЬКОГО ПРЕДСЕДАТЕЛЕМ РЕДКОЛЛЕГИИ ИЗДАТЕЛЬСТВА «АКАДЕМИЯ».

ЛИТФРОНТОВИЦИНА ЗА ШИРМАМИ ЛОПКП

от нашего ленинградского корреспондента

ленинградские письма

Традиционными и двухгодичными цифрами, статистикой роста числа кружков, тиражами районных сборников и литгазет—всем этим руководство ЛОПКП долгое время маскировало свою гнилую литературно-политическую линию, свои вредные литфронтовские установки в руководстве массовым пролетарско-колхозным литературным движением.

Последний литературный год прекратил областное общество крестьянских писателей, объединявшее 150—200 литераторов—профессионалов, в массовую организацию пролетколхозных писателей, в ряды которой вошли свыше 1000 ударников полей, в организацию с 25 районными отделениями и сотней литкружков в совхозах и колхозах.

Однако недостаточная идейно-воспитательная работа с призывниками, погоня за внешними эффектами привели к отливу литкружковцев, к низкому идейно-творческому уровню районных изданий.

Один из основных прорывов в практической работе—прорывы в призыве ударников в литературу—явился следствием литературно-политических ошибок руководства ЛОПКП. И «следуя» ошибкой надо признать «добрососедские отношения» части секретариата ЛОПКП с «Литфронтом».

Во время борьбы с «Литфронтом» (в прошлом году) руководство ЛОПКП блокировалось с «Литературным фронтом». Этот блок поддерживался очень долгое время. Достаточно вспомнить II областную конференцию ЛОПКП, на которой соскалячигом о творческом методе в прозаической литературе выступил идеолог «Литфронта» Г. Горбачев (!).

Ряд вопиющих ошибок содокладчика Г. Горбачева остался на конференции неразоблаченным. Более того, доклад Горбачева был затем напечатан (как статья) в органе ЛОПКП—журнале «Перелом». Правда, в редакционной сноске указывалось, что «редакция вернется к обсуждению статьи», но... прошло 9 месяцев, к статье редакция не вернулась.

Характерная иллюстрация «запрыганий» с «Литфронтом»: к первому в СССР областному слету литературных-ударников полей секретариат ЛОПКП составил поэтку из докладов... А. Горохова, А. Камегулова. Только перед самым слетом удалось отменить этот «парад» литфронтовских вождей. Эта иллюстрация не единственная. И совершенно верно бюро комфракции ЛОПКП на одном из последних заседаний квалифицировало литературно-политическую линию группы руководящих товарищей из секретариата ЛОПКП как линию «сотрудничества с «Литфронтом».

Эта линия привела к совершенно ненормальным взаимоотношениям ЛОПКП с Ассоциацией пролетарских писателей. Руководство ЛОПКП в повседневной работе стремилось не к сращиванию с ЛАПП, а к созданию какой-то обособленной «крестьянской писательской республики».

Во всей работе ЛОФОСП ЛОПКП также занимало позиции, ведущие к отрыву от ЛАПП. Эта антирапповская позиция была проиллюстрирована обилием фактов и примеров на последнем собрании актива (расширенный секретариат) ЛОПКП. Превалирующе любопытным было выступление А. Чистякова — актера «Бороды», «бокового хода» и др. (бывшего «опоремленца») членом ЛОПКП и членом ЛАПП. Чистяков посещал занятия литкружковой творческой группы «Дружба». Ответственный секретарь ЛОПКП И. Брыкин предложил ему прекратить «хождения в ЛАПП» под угрозой вынесения вопроса о нем на секретариат ЛОПКП (!).

Другое, еще более вопиющий факт. Представители ЛАПП в свое время предложили секретариату ЛОПКП провести руководство литкружками в латышских колхозах. Н. Брыкин повел кампанию против перехода колхозных литкружков в ЛОПКП. Он усмотрел в этом «политику»: **«Не передается ли кружки для укрепления пролетарского влияния в колхозной литературе?»**

Абсолютно неверная линия руководства нашла отражение и в творческой практике ленинградских пролетарско-колхозных писателей. Большинство выпущенных книг, даже наиболее творчески выдержанных писателей, находится на явно низком художественном уровне. Творческому отставанию содействовал подлый запрет самокритики в организации. «Перелом» занимался «захваливанием» своих писателей. Если же по незнанию критики в статье попадалась отрицательная оценка, редакция критического отдела секретаря ее до минимума.

Постановлением секретариата ЛОПКП Н. Брыкин и Яцинов из состава секретариата и редколлегии «Перелома» выведены. Но это не решает еще дела.

Они могли проводить свою линию потому, что отражали настроения **определенной части организации.** Поэтому особенное значение имеют те мероприятия по оздоровлению ЛОПКП и установлению контакта с ЛАПП, которые намечалось провести.

С другой стороны, «стиль по Ленинграду» заставляет познакомиться с работой других организаций пролетарско-колхозных писателей и всего РОПКП в целом.

Б. РЕСТ

на секретариате ФОСП

ПРИЗЫВ ИНОСТРАННЫХ РАБОЧИХ-УДАРНИКОВ В ЛИТЕРАТУРУ

Секретариат ФОСП заслушал доклад Бруно Ясенского о показе героев пятилетки международному пролетариату и участии в этой работе писательских организаций.

Выступавшие в прениях тт. **П. Скосырев, О. Колесникова, Л. Ларский, А. Виноградов, А. Субботин, П. Сухотин, А. Зорос отметили,** что художественный показ социалистической стройки и ее героев иностранным рабочим является задачей не только МОРП, но и всей писательской общественности. Каждая литорганизация должна выделить писателей для взаимного создания очерков о героях пятилетки, очерков, которые будут помещаться в зарубежной коммунистической печати.

При показе героев пятилетки наша литература должна отображать и представителей иностранных рабочих, участвующих в социалистической стройке. Надо привести призыв иностранных рабочих-ударников в литературу и привлечь их к созданию произведений о героях пятилетки. Необходимо реализовать имеющееся предложение ВСПП, об издании альманаха на четырех иностранных языках.

Секретариат ФОСП избрал постоянно действующую комиссию из представителей литорганизаций и МОРП, которая будет вести всю организационную работу (под руководством МОРП) по собиранию литературного материала для зарубежной печати. Решено выпустить специальный сборник на четырех иностранных языках.

Совместно с МОРП, Федерация советских писателей организует собрание иностранных рабочих Москвы с докладом о задачах показа героев пятилетки. К организации иностранным рабочим-писателям ФОСП привлекает квалифицированных писателей-переводчиков. Секретариат ФОСП и МОРП будут выпускать еженедельные бюллетени с отзывами о наиболее интересных книгах, выпускаемых за границей.

АН.

ПРОФИЗДАТ ПЕРЕДАЛ МАПП 13 УДАРНИКОВ

на расширенном заседании редсовета профиздата

Расширенное заседание редсовета призыва ударников в литературу, заседание, на котором присутствовали представители профорганизаций и многочисленные рабкоры авторы-активисты профиздата, открылось докладом т. А. Виталок.

Охарактеризовав истекший год, как год большой и плодотворной работы издательства с ударниками-рабочими-авторами, т. Виталок говорит, что многие рабочие авторы профиздата не ограничивались в своем общении с издательством одной писательской работой. **Многие из них работают в издательстве.** (Тарасевич, Боронин, Павлов). Под их редакцией уже вышел целый ряд книжек.

— Многие авторы-призывники,—говорит докладчик,—растут в сторону художественной литературы. Наша задача — помогать этому росту, стимулировать этот рост. Но именно здесь профиздат не располагает всеми необходимыми средствами. Именно здесь должны выступить на помощь рапповские организации, с которыми всем нам надлежит работать в теснейшем контакте.

Подчеркнув далее необходимость самой активной и действенной помощи ударникам-призывникам в литературу со стороны профорганизаций, т. Виталок заканчивает свой доклад сообщением, что **профиздат совместно с профсоюзами и газетой «Труд» подготовляют всесоюзное совещание рабочих-очеркистов.**

Выступавшая с приветствием от имени секретариата РАПП т. Селивановский указала на большие успехи РАПП в закреплении призыва. Большую часть своего выступления т. Селивановский посвятил критике слабых мест в работе РАПП с призывниками.

Мы еще не научились работать с каждым призывником в отдельности. Еще плоха постановка учебы. Между тем в свете задач создания большого, большевистского искусства задача учебы стоит сейчас остро, как никогда.

Отметив значение речи т. Ашпелюзина (в годовщину призыва) для усиления поворота профсоюзов лицом к пролетарской литературе и большую работу, проведенную издательством ВЦСПС, т. Селивановская заканчивает свое выступление указанием на необходимость более тесной связи РАПП с профсоюзами.

Ударники-призывники тт. Жуковский (Первомайские мастерские), Шейнкин (Московский), Радин (село Ильина), Павлов, Самсонов и др.—в своих речах основное место отвели критике недостатков работы с призывниками, критике распорядительного аппарата, по вине которого литературная продукция призывников часто приходит в канцелярских дебрях, не доходя до рабочего читателя. Центральная тема всех выступлений—необходимость упорной и хорошо налаженной учебы.

Основным моментом заседания явилась передача редсоветом профиздата 13 лучших ударников-призывников кружков МАПП. Тов. А. Виталок, передавая ударников МАПП, заявил:

— Мы неразрывно связаны в своей работе с работой РАПП. Передача лучших авторов литкружков МАПП—яркое доказательство этому. Мы передаем их для дальнейшей работы, для дальнейшей учебы. Разновидные организации выкупят из них подающих свойских бойцов за пролетарскую литературу.

К. Боронин, С. Тарасевич, И. Павлов (завод им. Ленина), И. Павлов (5-я типография Трехгорного), Уваров, Шейн, Ф. Радин, Резник, Веневцев, Лернер, Каграманов, Юханов, Селянко — вот имена товарищей, переданных профиздатом в МАПП. Ударников-призывников вручила тов. Боровой.

В заключение состоялось премирование лучших рабочих авторов.

БЕСЕДА А. ХАЛАТОВА С УДАРНИКАМИ-ЛИТКРУЖКОВЦАМИ

Состоялась беседа тов. А. ХАЛАТОВА с группой ударников, призванных в литературу.

— Работа литкружка на предприятии, — сказал т. Халатов, — может и должна быть широко использована издательствами и их массовым сектором. Литкружок должен взять на себя обсуждение продукции, выпускаемой ГИХЛ.

Предложение т. Халатова было принято кружковцами с большим удовлетворением. Литударники обратились к т. Халатову с просьбой увеличить выпуск пособий для литкружков, для творческой учебы ударников.

Детальному вопросу об учреждении фонда имени призыва ударников в литературу для премирования рабочих-авторов, т. Халатов предложил всю работу по конкретизации этого вопроса вести МАПП. ОГИЗ предлагает включить в число премий 1.000 комплектов «Вопросов ленинизма». Сталина; тысячу комплектов «Шестнадцатилетие Ленина»; туристские поездки на крупнейшие строительства; организацию бригадной поездки за границу командировки на учебу, в отдельных случаях командировки за границу и т. д. При РАПП должна существовать специальная комиссия, которая будет присуждать премии как литкружкам, так и отдельным товарищам.

Е. П.

ФИЛИПП СУПО

В Москву приехал французский писатель Филипп Супо, один из главных организаторов французского сюрреализма. Он договорился для крупного издательства книгу об индустриализации СССР и коллективном движении.

Л. АВЕРБАХ

ИЗ РАППОВСКОГО ДНЕВНИКА

является ли рапп единственным проводником партийной линии в художественной литературе?

Стоит ли ставить такой вопрос? Да, стоит. Посмотрим, что пишет на эту тему тов. С. М. в «Комсомольской правде» (№ от 4 сентября 1931 г.): «Для нас лозунг большого искусства большевизма не представляет собой нежизненной смены курса пролетарской литературы. Этот лозунг отмечено сформулирован в такой момент развития пролетарской литературы, когда основная организация пролетарских писателей — РАПП — признала партией единственным проводником партийной линии в художественной литературе».

Так ли обстоит дело? На это ли претендует пролетарское литературное движение? И случайны ли те построения, которые вылились в приведенной выше формулировке тов. С. М.?

РАПП не ставил и не ставит перед собой никаких задач, кроме тех, которые диктуются партией коммунистам, работающим на литературном фронте. РАПП воспитывался и воспитывается в борьбе против традиций и навыков литературных кружков, ликвидированных указанием Ленина на то, что литературное дело должно быть частью общепролетарского дела. РАПП боролся и борется (не малом недостаточно, со многими упущениями, с ошибками и промахами) против различных уклонов от линии партии — боролся и борется в основном успешно, потому что за линию партии он боролся и борется под руководством партии. РАПП'у удалось консолидировать большую и лучшую часть коммунистически писательских кадров на основе развертывания массового рабочего литературного движения. Из всех литературных организаций именно РАПП является опорой литературной политики партии. Но это отнюдь не означает прекращения РАПП'ом единственного проводника литературной политики партии. Больше того. Превращение РАПП в такого **единственного** проводника означало бы непонимание условий и характера работы в области литературы, означало бы предпочтение **сужение** форм и методов работы широкой идейно-воспитательной организации, какой должен быть РАПП. Ничего общего с линией партии это, конечно, не имеет. Партия никому — в том числе и РАПП — **не передоверяет** проведения своей линии. Партия никому — в том числе и РАПП — не дает монополии на выступления от имени партии. Партия не ограничивает число проводников своей литературной политики одним РАПП. Разве «Правда» не проводник литературной политики партии? Разве издательства и редакции журналов не должны быть проводниками литературной политики партии?

Откуда же идут характеристики РАПП, как единственного проводника литературной политики партии? Они идут из среды рапповцев, у которых в результате еще очень скромных, по сути дела, успехов, уже закружилась голова.

Они идут из среды стремящихся проникнуть в, наверное, частью уже проникших в РАПП мелко-буржуазных молодчиков, желающих «сделать карьеру» на нынешней «модной» литературе. Они идут из среды бывших литфронтовцев, желающих сегодня демонстрировать свою по-зицию пролетарского искусства.

о классиках и уровне мировоззрения пролетароких писателей

Тот же тов. С. М., в той же статье писал следующее: «Если ранее перед пролетарскими писателями стояла задача — **подняться** до уровня литературного мастерства классиков, то теперь поставлена задача—**превзойти классиков**» (курсив мой. Л. А.).

Это положение было подвергнуто резкой критике на пленуме правления РАПП. В числе прочего оно было охарактеризовано, как **неверное** и антикультурное. На нашу критику в «Комсомольской правде» ответил тов. **С. Медведев**, утверждая, что «тов. Авербах придавал ей (статье С. М. — Л. А.) смысл: «догнать и перегнать классиков», тогда как в статье было сказано о том, что перед пролетарскими писателями стоит задача **не только подняться** до уровня литературного мастерства классиков, но и **превзойти** этот уровень мастерства». Тов. С. Медведев имеет право толковать статью тов. С. М. как ему, Медведеву, угодно. Однако нужает интерпретацию (т. е. истолкование) с фальсификацией (т. е. искажением) по большей части именно антикультурный человек, а не просто малокультурный. Сначала обе приведенные цитаты. В первой цитате идет речь о том, что **раньше** стояла задача **подняться** до уровня классиков, а **теперь** поставлена задача **превзойти**. Это делая точка зрения: мы так изобрели, что сменяем раньше стоявшую задачу — догнать, т. е. подняться до уровня, на какую задачу — перегнать, т. е. превзойти. Во второй цитате уже безотносительно к условиям места и времени («раньше» и «теперь») идет речь о задаче **не только подняться**, но и **превзойти**.

Здесь, следовательно, уже вовсе нет речи о том, что раньше перед нами стояла задача догнать, т. е. «подняться до уровня» — здесь эта задача **продолжает** стоять, и таким образом, убирается как раз то, что прежде всего являлось предметом критики на пленуме правления РАПП. Первая формулировка тов. С. М. представляла собой оценку современного уровня пролетарской литературы. Вторая формулировка тов. С. Медведев противопоставляет собою увиливание от ответа на этот вопрос и попытку замазать или убрать тот ответ, который был заключен в первой формулировке. Вместо **признания** ошибки тов. С. Медведев пытается ее вовсе отрицать. Делает он это приемом, употребляемым отнюдь не невежественными литераторами, но, наоборот, литераторами грамотными — по части передержек, искажений и словесного шума, рассчитанного не на обманывание читателя, сперва спора, в на опустошение читателя. С этой точки зрения тов. С. Медведев не невежественен — то-есть, на деле и по существу, он невежественен вдвойне.

Нам интересно, однако, не то, как «маневрирует» т. С. Медведев, спасая тов. С. М. Нам интересна показательная, отнюдь не случайная, весьма для некоторых характерная мысль, высказанная тов. С. М. и далее тов. С. Медведевым по вопросу об уровне классиков и об уровне современной пролетарской литературы. Этот вопрос настолько важен и интересен, что им следует специально заняться.

Идет ли пролетарская литература по пути к гегемонии? Безусловно. Значительны ли ее творческие достижения? Несомненно. Осуществляет ли РАПП ведущую роль по отношению ко всем другим литературным организациям? Да, все более начинает осуществлять не только на словах, но и на деле. Но мы еще далеко не преодолели **отставания** пролетарской литературы от тех требований, которые предъявляются ей сегодняшним этапом пролетарской революции. Наши пролетарские писатели еще далеко не перестроились. Ряд важнейших тем ими или не разрабатывается вовсе или разрабатывается очень плохо — как, например, плохо у нас обстоит дело с **комсомольской** тематикой, на что справедливо нам указывают комсомольские работники и комсомольская печать — и в чем с ними всегда солидарны рабочкоры и организации РАПП.

Писатели-классики гораздо больше, чем большинство наших пролетарских писателей, стояли на уровне идей своего класса, куда более важные для их класса вопросы ставили, куда более умело осуществляли влияние их класса на массы читателей, куда более соответствующую форму выражения своих идей они выработали, куда более глубоко и развернуто служили они практике своего класса — в том числе и тогда, когда пропагандировали святое искусство, независимость от политики, чистую красоту, немыслимую ничем утилитарным. Роль литературы и искусства у нас не сравнивается со сравнима с местом искусства в буржуазном обществе. Искусство у нас уже расцветает — и расцветает, как нигде и никогда раньше в человеческой истории. Поэтому наши требования к пролетарским писателям не снижаются, а повышаются по сравнению с тем, как классики отвечали на требования своего класса (или, точнее, своих классов).

Тов. С. Медведев, продолжая «интерпретацию» т. С. М., пишет: «По уровню мировоззрения пролетарский писатель стоит неизмеримо выше классиков. Если у Толстого были элементы стихийного материализма, то пролетарский писатель владеет сознательным диалектического материализма. И здесь соревноваться с классиком или догонять и перегонять их нечего. Учиться же у них литературному мастерству, конечно — надо. Надо и превзойти технику классиков. Об этом и было сказано в статье «Старые и новые лозунги».

Известно из приведенной в начале первой цитаты, что не об этом было сказано в статье т. О. М. Но поверим т. С. Медведеву, что именно об этом хотел написать т. С. М.

В с очень просто — «по уровню мировоззрения пролетарский писатель стоит неизмеримо выше классиков». Это как раз та простота, которая граничит с воровством. Что понимает тов. Медведев под уровнем мировоззрения? И можно ли мерить уровень мировоззрения Пушкина и Овалова, или Гете и Жарова тем, что Пушкин и Гете не знали марксистской теории классовой борьбы, а Овалов и Жаров ее более или менее знают, тем, что Пушкин и Гете не участвовали в стройке социализма, а Овалов и Жаров в ней участвуют, тем, что Пушкин и Гете не были пролетарскими революционерами и членами большевистской партии, а Овалов и Жаров ими являются? Но правильнее ли уровень мировоззрения определять сравнением уровня Гете и такого идеолога прусской государственности, как Гегель, Пушкина и декабристов, с одной стороны, и Овалова—Жарова (фамилии можно заменить, они взяты только к примеру) и вождей большевизма, с другой стороны? Не правильнее ли к характеристике уровня мировоззрения подходить, сравнивая Гете с рядовым немецким борцом его времени и Жарова—Овалова с рядовым рабочим-ударником или партийным работником? И не ясно ли, что тов. Медведев путает уровень мировоззрения с качеством мировоззрения, ибо понятие об уровне предполагает собою понятие о разработанности, о разветвленности, о степени охвата таким-то качественно определенным мировоззрением. Пролетарское мировоззрение «неизмеримо выше» мировоззрения буржуазного. Но пролетарским мировоззрением можно владеть по-настоящему, глубоко и сознательно, а можно владеть им неглубоко, поверхностно, внешне. Гете и Пушкин по-настоящему владели мировоззрением своего класса. Овалов и Жаров (Фадеев и Панферов, Кирпотин и Безыменский, Караваева и Афиногенов, Горбунов и Либединский и т. д.) владеют мировоззрением своего класса в разной мере недостаточно — одни больше, другие меньше, но все недостаточно. Конечно, Фадеев и Небах отличны даже качественно, по сравнению их — не нас всех! — уровень с уровнем М. Горького. В этом суть дела. И естественно, что поскольку именно это суть дела—ее не понимает тов. С. Медведев.

«Пролетарский писатель заявляет себя сознательным сторонником диалектического материализма, в то время как у Толстого были элементы стихийного материализма». Заявляют себя пролетарские писатели сознательными сторонниками и т. д.? Да, заявляют — любой и каждый. Тов. Медведев это констатирует с удовлетворением, и все дело тем легко и просто. Речь идет теперь, дескать, только о литературном мастерстве, т. е. о технике классиков, но в области мировоззрения мы с классиками не соревнуемся. Здесь, опять-таки, день ошибок. В основе ее лежит формалистическое представление о литературной технике. Мастерство, то-есть, техника, — это одно из важнейших позорных воплощений буржуазного течения, именуемого формализмом. Это положение живет в своей крайней и дефицитной разновидности литфронта по линии творческих лозунгов. Дескать, суть дела не в мировоззрении, мировоззрение нам дано классом, писателями которого мы являемся, он дает заказ, наше дело его выполнить, как его выполнить, литературная техника — вот, где, дескать, суть дела для писателя. Это довольно стройное рассуждение. Дедеологизация литературного мастерства, рассмотрение литературного мастерства отрезанно от вопроса об мировоззрении и уровне этого мировоззрения, сведение литературного мастерства к технике, к приемам оформления материала — такова центральная антимарксистская мысль этого стройного рассуждения. В этой же мысли исходит и тов. Медведев в своих рассуждениях, отнюдь не представляющих собой, однако, системы стройной и привлекательной.

В литературном мастерстве классиков ничего не понять тому, кто вместо изучения их творческого метода будет развивать их технику. Учиться у классиков следует тому, как вырабатывали они свои творческие методы — т. е. тому, как умело и умно, исследовательски и талантливо реализовывали они в художественной практике мировоззрение своих классов, создавая соответствующую этому мировоззрению формы его художественного выражения.

Разное мировоззрение — разные творческие методы. Разные подходы к действительности — разные системы ее осмысливания, и художественной обработки, разные критерии оценки литературного прошлого, разная литературная учеба, разная «литературная техника», — вплоть до разного отношения к слову и разного обращения с ним. Не существовало и не существует никакого универсального и единого творческого метода — творческий метод писателя классово обусловлен и историчен, в свою очередь обусловливая определенную литературную технику.

Говорить об учебе литературному мастерству, т. е. технике классиков без постоянных указаний на идеологический характер «литературной техники» — значит толкать молодежь на пути формалистического перерождения (по которому идут некоторые из молодых писателей), значит классово разоружать молодые пролетарские кадры, которые должны критически учиться у классиков буржуазной и дворянской литературы. Пролетарскою писателю должны создать и начали создавать новый литературный стиль. Они вырабатывают — еще только начинают вырабатывать — новый творческий метод, метод диалектического материализма в художестве, новые формы выражения нового мировоззрения,—руководствуясь новыми представлениями о художественном. Они подходят к истории литературы не как к процессу непрерывного количественного развития литературной техники, но как к процессу смены и борьбы классовых литературных стилей. Рассматривая свою деятельность как этап истории литературы, пролетарские писатели понимают, что этапом в истории литературы они будут именно при условии совершения ими качественного скачка в литературной истории.

Поведут они советам тов. С. Медведева — и не войдут они в историю, а клинут они в историю, в печальную историю неудач на пути культурного формалистического социологизма.

Именно потому, что к литературному мастерству классиков мы подходим **идеологически**, мы можем очень многому у них научиться, не подменяя критическое наследование ученическим усвоением их техники и некритическим подражанием их мастерству. Мы не отрицаем преемственности в истории литературы, — мы знаем, что человечество идет по пути познания объективной истины,—но мы знаем также, что формой нашей преемственности является революционное, пролетарское, ленинское отношение к наследию и опыту прошлого.

Потому «элементы стихийного материализма у Толстого» оцениваются нами по-иному, чем оцениваются ими тов. Овалов и Жаров уже «зачислившие себя сознательными сторонниками» диалектического материализма!) Сторонниками-то себя заявляют, как отмечалось уже выше, любой и каждый, но насколько эти сторонники **сознательны**, насколько эта их сознательность сказывается в **художественном творчестве**, насколько органически реализуется в их произведениях **основные идеи** пролетариата, под руководством большевистской партии строящего социализм? Это, опять-таки, суть дела, суть вопроса об уровне мировоззрения и, следовательно, суть ошибок тов. С. М. и С. Медведева.

Раньше стояла задача «подняться» до уровня — теперь стоит задача «превзойти». Это — главное непонимание того этапа пути к гегемонии, на котором находится пролетарская литература. Это — комическая переоценка уровня пролетарской литературы. Это — «теоретическое» обоснование и оправдание малокультурности и нежелания учиться тех из наших писателей, которые самодовольно производят себя в своих друзей в классиков пролетарской литературы. **Все это — невежественная и антикультурная болтовня, левацкая и обывательская болтовня, претенциозная и развращающая болтовня**[1].

[1] Тов. С. Медведев пытался неправдоподобно исказить нашу критику его рассуждений о классиках тов. Ермилову. Сделал он это довольно распространенным, и сомнительным, приемом: из цели мыслей выдергивал одна цитата, приобретающая смысл иногда даже противоречащий контексту.

Приведем из статьи тов. Ермилова цитату в полном виде: «У отдельных писателей, в отдельных звеньях движения встречается иной раз совершенно неправильное, метафизическое, по сути дела, нигилистическое отношение рапповских вложений об учебе у классиков, о необходимости для пролетарской литературы стремиться к тому, чтобы превзойти художественный уровень высших образцов классической литературы. Эти положения о «необходимом» «соревновании с классиками» попросвещали вульгаризируются. Иные сторонники трактовать их как некоторую догму для творческой работы пролетарского писателя: пиши и сравнивай—у того «лучше» — у тебя или у Тургенева, у Пушкина, у Толстого, у Шекспира.

Разумеется, сводить к этому рапповский лозунг учебы у классиков — значит канонизировать извращение. Главная поверка всей работы пролетарского писателя является то, в какой мере, с какой полнотой и глубиной его произведения выражают практику класса, стройного сознанием. Чем полнее и глубже выражается в художественных произведениях эта практика, тем ближе пролетарский писатель к осуществлению лозунга «догнать и перегнать» классиков, тем ближе пролетарская литература к созданию большого искусства большевизма. И у классиков мы должны учиться прежде всего тем сторонам в их творческом методе, которые давали им возможность с наибольшей полнотой и глубиной выражать социальную практику их классов».

Это очень верно — и все это есть в статье Медведева заранее разоблачило. Медведев, будущие выступления «Догнать и перегнать» классиков, к тому же, самим тов. Ермиловым было в печати—это время! — как **некритическим** и неправильным переложением в область литературы положения до-

Нужно усиление борьбы против элементов администрирования и комчванства в нашей работе. Нам нужна полная ликвидация самомалейшего **копирования** в РАПП и механического перенесения в него методов руководства в других организациях. Нам нужна величайшая гибкость и ревность в работе с очень многими — уже не десятками, и даже не сотнями писателей, входящих в РАПП. Нам нужно усиление идейной, принципиальной, творчески развернутой борьбы за линию партии. Помогает ли всему этому теория единственного проводника? Не ведет ли она к окостенению и оказенению РАПП, к защите тех наших недостатков, которые должны быть изжиты, к несознательному умению таких методов руководства, которым не должно быть место в РАПП?

Теория «единственного проводника» проповедуется в настоящее время не только в литературе. В более или менее отчетливой форме такие построения выявляются и в среде пролетарских музыкантов, пролетарских художников и т. д. Не везде построения такого характера находят достаточно резкий отпор на практике — кое-где и кое-когда эти настроения накладывают на практику той или другой организации ясный отпечаток. Это приводит к зажиму идейной борьбы и самокритики, к администрированию и во-вне, и внутри, к стремлению подменять соответствующие государственные или партийные организации, к установке на командование, нажиму и в ущерб решающим моментам идейно-воспитательного характера, к поддержу авторитета данной организации в среде тех попутчиков, которых следует вести за собой и перевоспитывать...

Теория «единственного проводника» представляет собой левацкую программу монополистического загнивания организаций пролетарского искусства.

о религиозных предрассудках и смерти как „творческой программе пролетарской литературы"

Тот же т. С. Медведев в статье «Новое в творческой дискуссии», пишет: «Тов. Фадеев пытался найти проблемы «всемирно-исторического значения», в свете которых должна быть решена задача показа героев. Цитируя Стендаля о мировых целях, питающих подлинное искусство, т. Фадеев выдвинул проблемы нового отношения людей к религии и смерти, в свете которых и должны показываться герои. Конечно, эту задачу можно решать и в свете крушения религиозных предрассудков, и в свете нового понятия о смерти, и нового отношения к ней. Но объяснить эти проблемы творческой программой пролетарской литературы по меньшей мере смешно. С нашей точки зрения было бы гораздо правильнее, если бы т. Фадеев поставил перед собой задачу так, чтобы все проблемы, перечисленные им на пленуме, **осветились через животрепещущие проблемы непосредственного социалистического строительства**».

Очень может быть, что тов. Медведев действительно так понял тов. Фадеева. Это нисколько не удивительно—разбор рассуждений тов. Медведева о классиках уже подготовил нас к спокойному восприятию того, как в кривом зеркале т. Медведева отразилась речь тов. Фадеева. Весьма вероятно, что тов. Медведев излагает так, как он понял, но как мало понял, как искажен то, что удалось ему ухватить, как принизил и опошлил он ту напостовскую точку зрения, которую в своей речи на пленуме излагал тов. Фадеев!

Тов. Медведев не приводит цитат — хотя бы из неправленной стенограммы. Это даже может быть воспринято, как признак наличия у тов. Медведева некоторых элементов самой примитивной литературной культурности. Стенограмма, дескать, неправленная! Но вот, например, тов. Медведев упоминает о цитате из Стендаля, приводившейся тов. Фадеевым. Он, тов. Медведев, не счел для себя обязательным хотя бы прочесть положения Стендаля еще раз. Ежели я, дескать, могу по-своему излагать живого Фадеева, то почему бы мне не «излежать» покойного Стендаля? Проверим на изложении Стендаля уровень понимания тов. С. Медведева—мы одновременно подойдем к сути некоторых творческих разногласий.

Вот то замечательное место у Стендаля, которое цитировал тов. Фадеев: «Итальянское искусство упало с высоты вовсе не потому, как обычно полагают, что его покинуло «великое дыхание средневековья», что ему недостает гениальных творцов,— это неверно, так как гений всегда живет в среде народа, как искра в кремне,— необходимо лишь стечение обстоятельств, чтобы эта искра вспыхнула **на мрачную** душу. Исчезло искусство потому, что нет в нем той широкой мировой концепции, которая толкала на путь творческой работы прежних художников. Детали формы и мелочи сюжета, как бы художественны они ни были, еще не составляют искусства, подобно тому, как и они, хотя бы и колоссальные, еще не дают писателю права на титул, гений или талант. Чтобы им стать, надо свести круг воззрений, который захватил бы в кокцентрической всю мир современных идей и включил бы их одной живой господствующей мысли. Только тогда овладевает писателем фанатизм идеи, т. е. та живая определенная вера в свое дело, без которой ни в искусстве, ни в науке нет истинной жизни. У старых итальянских художников эта вера была, и потому они были действительными творцами, а не копировщиками, не жалкими подражателями уже отживших образцов. Кроме того, я никогда не отделял художника от мыслителя, как не могу отделить художественной формы от художественной мысли».

Что понял из этой цитаты тов. Медведев?

То, что у Стендаля идет речь о некоих мировых идеях, питающих подлинное искусство, т. е. именно, о тех самых проблемах «всемирно-исторического значения», которые занимали тов. Фадеева и его речи. Не вдумавшись в приведенную выше цитату, тов. Медведев не смог понять, с какой целью тов. Фадеев цитировал Стендаля. За художника **мыслителя**, против художника **копировщика**, за художника больших идей и больших **обобщений**, против художника деталей формы и мелочей сюжета, за художника фанатика идеи, против художника без «широкой мировой концепции», т. е. художника—без «идейных отображателей» — вот что подчеркивает цитатой, взятой Стендалем, вот что отстаивал в своей речи тов. Фадеев.

Какой смысл вкладываем мы в лозунг «большое искусство большевизма»? Нам нужно **большое** искусство, нам нужна не бытовщина, не фотосемка, не поверхностная зарисовка, не сюжетно-бессвязные эмпирические наблюдения,—**нет**, нам нужно искусство глубокого **осмысливания**, искусство подлинного познания действительности, искусство исключительной творческой силы, искусство патетической и эмоциональной насыщенности, искусство, раскрывающее кругозор, искусство, сочетающее трезвость с бешеной страстностью, искусство неизменно высокого художественного качества. Нам нужно большое искусство **большевизма** — не искусство сторонского любования, не искусство кассовой регистрации, не искусство холодного созерцательства, не искусство бесцветное,— нет, нам нужно искусство рабочего класса, искусство социалистического наступления, искусство воинствующего большевизма, искусство партийное вплоть до «деталей формы» и «мелочей сюжета».

Мы хотим, чтобы все «малые» формы, а это **великая** сила! — были у нас **большим** искусством. Мы хотим, чтобы художественное произведение на любую тему было бы органически большевистским — выражало, отражало и, в свою очередь, формируя рост нового человека, человека социализма, человека большевистской эпохи.

Некоторые буржуазные газеты немецкая из последнее время характеризуют положение в Советском союзе. Раньше было: хозяйственный развал, экономический кризис, голод, холод,—теперь, на первых весенних, наиболее хозяйственный рост, экономический подъем, успехи строительства. Но, при всем этом, одно **но**,— нельзя, в Советском союзе,— **новая Америка**, своеобразный гохштаплер, пусть даже хозяйственное благополучие, во сколько, не социалистическое! Вихлявляние или отрицание **социалистического** хозяйственной стройки, игнорирование или принижение того **качественно нового**, что строилось и растет в новой стране— вот куда обращают свое главное внимание эти газеты. И разве не могут они перекачивать у себя (и уже перекачивают), некоторые из произведений наших писателей,—где—даже при самых лучших и частных коммунистических намерениях — чувствуется та интонация, которую недостаточно чувствуется его классовая сущность, как социалистический поход за новую технику оборачивается голым (и значит, приспособленным и для буржуазии) техницизмом, где большевизм—только фразеология, или авторское отступление в тексте, идущем рядом своим путем, отличным от фразеологии и не похожим на авторскую вставку?

Задача нашего искусства и заключается в том, чтобы сделать это качественно новое, то, что мы называем в период социализма, то, что у нас пожинает коммунистический труд, становясь содержанием жизни, то, что, перестраивая мир, перестраивает себя миллионы трудящихся. Пролетарское искусство не должно бежать от мучительности, трудности пролетарский нашего движения вперед. Оно должно отразить качественно новое не только как **результат**, но и как **процесс** — борьбу за это новое. Оно должно ломать схемы, мелкобуржуазной лакировке, приспособленческой суетливости противопоставить бесстрашный охват всех сторон действительности, объективизм классовой борьбы, выражаясь словами Ленина, проникновение вглубь, — т.-е. показ **значительности** сложных, значительности социалистического, значительности качественно нового геологического изменения облика страны и человеческой психики.

У нас некоторые показывают ударников просто, как трудолюбивых и старательных рабочих — вот дельтер и прорабник, вот он вырабатывает столько то, а вот честный и примерный — он вырабатывает столько-то и даже вот то-то и то-то придумал. Конечно, и это на своем месте — полезно и необходимо. Но разве не является задачей нашего искусства вскрытие того, как рабочий становится ударником, как беспартийный ударник становится большевиком, как молодой большевик становится партийным активистом — как они растут, что в них вновь растет, что новое появляется в их отношениях между собой и в их отношении к миру? Этот их рост легко обеднить, упростить и схематизировать. Легко прикрыть этот легкий подход к действительности «левыми» разговорами о массе, массах и массами, «лефией» наименьшей пяти проблемами «всемирно-исторического» значения, «всемирно-историческими» теориями и лозунгами литфронта (у которого, кстати, были и иные правые лозунги и теории). Трудно показать все это так, чтобы перед читателем оказалась не «художественная» сводка поверхностного, но реальные живые люди, дело которых художником понято и прочувствовано, которые даны такими, которые запоминаются, образ которых заставляет думать и волноваться, живые и конкретные люди не по правдоподобию деталей и случайных примет, но по их типичному и характерному, живые и конкретные люди, **значительные значительностью нового**. Об этом говорил тов. Фадеев, приводя как пример отношение человека, нашего человека, пролетария - ударника, — к смерти или к религиозным предрассудкам.

Об этом очень хорошо говорил тов. Кирпотин: Нам нужно,—говорил он,—чтобы зритель после спектакля не восклицал, что все было, **как в жизни**, а, чтобы зритель говорил: насколько это яснее, серьезнее и глубже, чем поверхностное представление о жизни, насколько спектакль помог мне по-большевистски понять жизнь и бороться за большевистскую жизнь!

Не случайно все это не понял тов. Медведев. И его непонимание, опять-таки, симптоматично. И его непонимание неизбежно сочтено с системой неправильных представлений о творческих задачах пролетарских писателей. Имеющий поэтому разбор его «непонимания» может иметь отчасительный интерес.

«Конечно, эту задачу (показа героев, Л. А.) можно решить и в свете крупных религиозных предрассудков и т. д.», пишет тов. С. Медведев. Это весьма занятное замечание. Не курс ли возможно более всесторонних показ героя, но выбор одной из возможных точек зрения: хочешь—с точки зрения вопроса о религии, хочешь—с точки зрения вопроса о смерти, хочешь—с точки зрения и «с света» чего-либо другого!

Не осмысленные объективной действительности и встречные ее закономерностей а подбор эмпирического материала для определенной субъективной точки зрения — это и есть мелкобуржуазный субъективизм литфронта, приводящего к **панировке** действительности из боязни действительности! И Фадеева т. Медведев может в соответствии с литфронтовской методологией—дескать, Фадеев хочет в свете вопроса о смерти показывать, а он, Медведев, больше жизнью интересуется и желает, чтобы «все проблемы, перечисленные им (т. Фадеевым) на пленуме, осветились через животрепещущие проблемы непосредственного социалистического строительства». Какой сухой и омертвленный схематизм скрывается — **нет**, вовсе не скрывается, наоборот — гордо-во раскрывается! — в представлении о художественном творчестве, как освещении проблем «фадеевских» через его, Медведева, проблемы животрепещущие!

«Против вульгаризации, как подчеркивалось на пленуме, пролетарские писатели достаточно вооружены. Методы «литфронта» разоблачены и в значительной степени разгромлены в среде пролетарских писателей», — утверждает тов. Медведев. А между тем на пленуме и подчеркивалось как раз то обстоятельство, что **схематизм не только не изжит, не даже в новых формах возрождается** и что масса новых писателей, в том числе на среды рабочих-ударников, отнюдь не вооружена против схематизма, а наоборот, чрезвычайно легко им «тронит» и «злоупотребляет». Методы «литфронта» также еще не разоблачены в должной мере. Медведев теоретически объявить методы «литфронта» разоблаченными — для меня, Медведева, дескать, все с «литфронтом» ясно,— а на деле сколько этой литфронтовщины **мы еще сохранились у тов. Медведева!**

Вот еще один пример. Тов. Медведев рассуждает о диалектике и о противоречиях: «Очень часто сторонники живого человека любые изыскуют (человека вообще или вообще клянутся? — Л. А.) диалектикой, на каждом шагу кричат о противоречиях. Но как далеко стоит он (противоречия?!—Л. А.) от действительных задач пролетарской литературы. Как далеко от диалектики окажется тот, кто диалектически захочет (Л. А.) на поисках только противоречий, ибо найти противоречия — это еще не выйти за рамки культурных представлений о действительности. Надо найти переход от одного к другому (чего? Противодействия? Представления? Действительности?! —Л. А.): «обычное» представление схватывает различие и противоречие, но **не переход от одного к другому, а это самое важное**», — торжествуя и сам себе удивляясь, цитирует Ленина Медведев. Однако, предметом удивления должна быть не «ученая» способность т. Медведева привести цитату, а то, что он обрывает ее на самом интересном месте. Что пишет Ленин дальше?

2) Острумие и ум. Остроумие сходствует противоречие, **высказывает его**, приводит речь в отношении друг к другу заставляет «понятие свиваться через противоречие», но не **выражает** понятия вещей и их отношений.

3) Мыслящий разум (ум) заостряет противоречия различие различного, иногда разнообразие представлений, до существенного различия, до противоположности. Лишь познавши на вершину противоречия, разнообразны становятся подвижными и живыми по отношению одного к другому, — приобретают ту негативность, которая является **внутренней** пульсацией самодвижения и жизненности».

Медведев не понимает, что самый переход вовсе не обходится без противоречий. Медведев не понимает, что найти противоречия, это еще вовсе не значит только констатировать различия. Медведев не понимает, что для того, чтобы найти действительные противоречия требуется не «обычный» рассудок и не остроумие, но «мыслящий разум». Медведев не понимает, что ленинское указание на переход, как самое важное — есть указание на взаимопроникновение противоположностей, как генеральный момент материалистической диалектики. Медведев не понимает, что выйти за рамки культурных представлений о действительности можно только при условии понимания различий, противоречий, противоположности и при умении выделить, схватывать, находить в единстве противоположностей противоположность ведущую.

Но Медведев еще очень многого не понимает. Остановимся на том, что он понимает, или точнее, на том, что кажется ему самому понятным.

Медведеву думается, что он выступает против смакования противоречий, против превращения ударника в рефлектирующего интеллигента, против изображения ударника раздвоенным. Против всего этого выступать следует, выступать полезно, выступать необходимо. Это — выступления против реальной опасности, на которую не раз указывали напостовцы и весь РАПП. Было бы не вредно, ежели бы т. Медведев это еще раз повторил в меру своих сил и возможностей. Но ведь неправильной критикой противника можно ему только помочь. Ошибки можно критиковать с правильных позиций и можно эти же ошибки критиковать для вида защиты и проповеди других ошибок. К сожалению, так произошло с тов. Медведевым.

Дескать, интеллигент, конечно, мучается вечными тем проклятыми и всемирно историческими вопросами, а рабочий-ударник человек волевой и целеустремленный, он, дескать, строит и действует, а не философствует. И в результате, под гнетом трескучих фраз, ударника изображают бездушным делягой, обходя социалистическое существо его работы.

Ударник строит и действует — именно поэтому перед ним стоят вопросы куда более интересные, сложные и волнующие, чем все познания старых интеллигентов и глубинах той мусорной ямы, которую они именуют своей тонкой и крупной душой.

Медведев разоружает: больше или меньше противоречий—но это обывательская постановка вопроса!

Схематизировать и обеднять ударника, отбирая освещение одних проблем через другие проблемы «в свете» той или другой субъективной точки зрения, лакируя и иррагинируя ударника — или осмысленная все богатство и разнообразие сложности социалистического человека, всю сложность и противоречия его пути, создавать большевистский образ рабочего-ударника, большевистское искусство, как орудие перестройки мира. Это — **две линии**. Это — линия **«литфронта» и РАПП**. Это — линия **наименьшего и наибольшего сопротивления**.

В полном соответствии со своими рассуждениями о классиках, тов. Медведев признает, упрощает, вульгаризирует творческие задачи пролетарских писателей. Он их перехимичивает, потому что подходит к их произведениям с химическими критериями. Он не ставит вопроса об уровне мировоззрения наших писателей, справедливо полагая, что их уровень более чем достаточен для разрешения задач, стоящих перед ним, Медведевым. И ежели Медведев рассчитывает и дальше учить пролетарских писателей, то предпосылкой успешности его деятельности является отказ пролетарских писателей от какой-либо учебы вообще и забвение ими всего того, чему они когда-либо учились.

Обеднять проблемы смерти и крахи религии программой пролетарской литературы по меньшей мере смешно, — укоризненно качает Фадееву головой тов. Медведев. И действительно, по меньшей мере **умилительно** понимание Медведевым всего говорившегося на пленуме правления РАПП!

Разработка вопросов комсомольской тематики с особой силой вскроет ложность творческих установок тов. Медведева.

Известна роль комсомола в развертывании ударничества и социалистического соревнования. Известна роль рабочей молодежи в создании атмосферы энтузиазма строительства на наших предприятиях. Известна роль комсомола в социалистическом переустройстве деревни.

Молодежь дала и дает многих героев коммунистического труда. В среде молодежи особенно сталкиваются противоречия нашей обстановки, переплетение элементов старого с побеждающими ростками нового, диалектика социалистического развития. Участвуя в практике классовой борьбы, и на ее основе, молодежь закладывает фундамент той коммунистической нравственности, о которой говорил Ленин. Учась у старых кадров большевизма, наша молодежь показывает примеры полного разрешения во всех тех сложнейших вопросов, которые встают перед человеком в период формирования его характера.

Можно ли все это отразить в художестве и помочь всему этому средствами искусства — беря курс на ставшего нетактичным бравого комсомольца с расхлыстанной кожаной и лихую комсомолку с каменским значком и в красном платке? Не ясно ли, что здесь литфронтовская лакировка сутуго вредна? Не понятно ли, что здесь упрощение действительности прямо граничит с надсмешкой над происходящим? Не следует ли именно здесь с особенной силой учитывать те ленинские мысли, которые изложены и приведенной выше и не понятой т. Медведевым цитате? Не здесь ли прямо-таки обязательна для художника способность мыслить диалектически? Не показывает ли разбор произведений комсомольских писателей и вообще произведений с комсомольской тематикой, что наши писатели очень еще недостаточно вооружены против «образа схемы»?

Именно на комсомольской тематике опытно-показательно демонстрируется, что чем более «животрепещущая» проблема берется писателем, тем большее количество встает перед ним всемирно исторических вопросов.

У «литфронта» была ясность — строим социализм, нам не до большого искусства, наша задача — обслуживать день! Нужды нет, что именно большое искусство по-настоящему обслуживает день!

Нужды нет, что стахановский лозунг тогда всерьез служит дню, когда он большое искусство! Нужды нет, что литфронтовская «ясность» прямиком смыкается с троцкистским отрицанием пролетарского искусства, вовсе — дескать, —при диктатуре пролетариата не до искусства, пройдут бои, и в мирной, спокойной комфортабельной обстановке родится социалистическое искусство.

Партия дала по рукам литфронтовским ликвидаторам пролетарского искусства. Одни литфронтовские ликвидаторы убрали руки, переменили одежду, заменили фразеологию, стерли острые углы, притерлись вихры, подкрасились; загримировались, изменили походку и повадки, научились искусству маскировки, специализировались на изучении защитных цветов — но дело свое продолжают. Другие литфронтовские ликвидаторы декларировали отмежевания, признание ошибок, признание недостаточности предыдущих признаний, они уговорили некоторые полемические выпады по вопросу литфронта, они может быть, даже всерьез думают, что ими обрублены старые литфронтовские хвосты. И имеются новые литфронтовские ликвидаторы — сами не понимающие, что говорят литфронтовской правой. Еще не выкорчеваны корни литфронтовщины, еще очень возможны рецидивы литфронтовщины, еще сказываются ее влияния!

Окончание см. стр. 3

среди книг

создадим „историю гражданской войны“ в художественных документах

литорганизации, реализуйте свои обещания по игв

удачная попытка

В. ЦЫКУНОВ и Н. ЧЕРТОВА. «Огненная земля». Изд. «Федерация». 1931 г. Стр. 235. Ц. 1 р. 70 к.

Книга В. Цыкунова и Н. Чертова является первой попыткой в реализации предложения М. Горького о создании истории гражданской войны.

«Огненная земля»—это записки рядового участника партизанского движения на Алтае т. Цыкунова, литературно обработанные сибирской писательницей Н. Чертовой.

В предисловии к книге Н. Чертова пишет, что рукопись партизана была отослана в недрах сибирского гепгарда и что, хотя эта рукопись была необычайно скучна, она «уже со второй-третьей страницы почувствовала неожиданную увлекательность повествования. В тексте, наряду с ценными подробностями и рассуждениями, мелькали сентенции, написанные свежо и оригинально, сибирской партизан здесь был показан любовно, изнутри, с жесткой товарищеской откровенностью».

Положительная черта записок Цыкунова заключается в том, что он дает партизан с плотью, с кровью, с их настоящими помыслами и делами. Эти записки изобилуют такими деталями, которые не смог бы придумать даже опытный писатель.

Вот например прощание с лошадью, которую автор записок отпускает после разгрома партизанского отряда.

«Ну, милая,—сказал я, отпуская Гнедого, столько раз выносившего меня из беды.

Гнедой долго не отходил от меня. Я удалялся от него в сторону, и он несколько раз трогался мимо, обнажившись стог. Затем он поднял голову и пошел по направлению нашей заимки.

Я вышел из своего убежища, весь осыпанный соломой, чтобы еще раз взглянуть на Гнедого, который после минутной остановки двинулся дальше, с жадностью хватая зеленую отаву. Я почувствовал себя совершенно одиноким. Мысль о том, что я обрезан теперь на скитания, заставила меня искочить на ноги. Бессмысленно посмотрев на все стороны, я бросился бежать. Я бежал пустырями, спотыкаясь о кочки...»

Но не в этих живых подробностях ценность записок В. Цыкунова. Автору удалось показать, правда, несколько схематично, те социальные силы, которые поднимали преступное Забайкалье на борьбу с колчаковщиной.

Цыкунов — рядовой партизан. В этом смысле он очень типичен.—этот потомственный, почетный батрак, который через солдатчину, через работу в солдатских комитетах, пришел к большевизму, к большевистскому подполью, к вооруженной борьбе с контрреволюцией.

Интересное замечание: до сих пор считалось, что партизанское движение в Сибири было движением преимущественно крестьянским. Цыкунов своей книгой подтверждает ошибочность этой точки зрения. Конечно, крестьянские массы составляли партизанские отряды, но организаторами партизанского движения почти всегда были рабочие—большевики-почтовики.

Среди немногочисленных произведений, посвященных сибирской партизанщине, книга В. Цыкунова и Н. Чертовой дает более или менее правильное представление о героической борьбе за власть советов в Сибири».

М. С.

не пора ли положить конец

СТ. ШИЛОВ—«В Вайгуле Пади». Изд. «Московское т-во писателей». Стр. 225. Ц. 1 р. 60 к. Тир. 5.000.

Большая часть рассказов Ст. Шилова относится по времени действия к гражданской войне. В этих рассказах автор пытался показать преступность, что отношение к двум сражающимся сторонам, его участие в партизанском движении. Но Шилов совершенно не удовлетворительно разрабатывает эту сложную и ответственную тему.

Герой рассказов Шилова «простьяне». Отнюдь у Шилова преступность—слишком стихия, изумительная сила, нежным (и кумачовым?) цветом белых пятнам. Это более «злые», чем красные. Эта очень голубая политическая оценка почвенной Шиловым и другой, также очень серьезной, ошибке: к идеализации крестьянства, к смазыванию основных противоречий, заложенных в бедняцких и середняцких массах.

Вообще у автора все сводится к тому, что белые—«злые», а красные—«добрые».

По этой же наивно-либеральной трактовке, как только узнает, что за писарь, какую-нибудь жестокость белых, становятся атеистами.

Рассказ «У нестра» принадлежит к разряду обычных плохих «охотничьих» рассказов. Сюжет рассказа крайне несложен. Несколько охотников проводят ночь у костра, рассказывая разные небылицы. Внезапно выясняется, что это старые большевики. Они вспоминают о том, как были спасены их жизнь во время гражданской войны в Сибири, благодаря бутылке водки (!). Что этим хотел сказать автор—неизвестно.

Серые образы, сухой, а порой и бессмысленный язык делают книгу крайне скучной и неудобочитаемой.

Автор безобразно коверкает языки. Такие словечки, как «трелска» (вместо трелка), «ячино», «ледрена палка», «хлобычно» (?) встречаются в огромном количестве на каждой странице. Все герои книги говорят одним и тем же безграмотным языком.

Неумеренное употребление местных словечек делает смысл многих форм просто не понятным.

Издание книги «В Вайгуле Пади»—одна из многочисленных загадок в деятельности «Московского товарищества писателей».

ЛЕВ ГЛАДКОВ

рис. к. елисеева

на литературной улице

Литорганизации не выполняют своих обязательств

Редакция «Истории гражданской войны» получила за 1 октября около 600 рукописей от участников гражданской войны. Просмотрены пока только 100 рукописей. Подавляющее большинство их (около 65 проц.) будет использовано при создании «Истории».

Прошло уже два месяца со дня опубликования постановления ЦК ВКП(б) об издании «Истории гражданской войны». Многочисленные слеты красногвардейцев, красных партизан — участников гражданской войны выделили своих представителей для работы в секретариат редакции «Истории».

Как это ни странно, но ни одна пар-литорганизация не включилась еще в эту важнейшую работу. Секретариат ЦС ЛОКАФ почти месяц назад вызывал доклад представителя редакции «ИГВ» и взял на себя ряд обязательств. Однако ни одно из взятых обязательств ЛОКАФ не выполняет.

ФОСП, РАПП и МАПП также не участвуют в работе по созданию «Истории». Ни одна из этих литорганизаций не сочла нужным связаться с редакцией «ИГВ».

три товарища

о книге б. левина „Жили два товарища“*

Б. ЛЕВИН — «Жили два товарища». ГИХЛ, 1931 г., цена 1 р. 25 к., стр. 175.

Жили два товарища. Вместе были в гражданской войне. Потом поступили в вуз. Один на заводе во время производственной практики влюбился в дочь инженера-американца и уехал с ней в Москву. Там он запил, он за скандал и нечаянное убийство попал в дом. А за это время другой товарищ, вернувшийся в Москву, сошелся с его женой. Между приятелями вышло что-то вроде дуэли, но потом они помирились. Жизнь новой пары тоже не заладилась. Он был слишком индивидуальный, неверующий человек. У него все больше и больше подтачивала связь с окружающим, вследствие чего усиливалась психастения. На чистке его исключили из партии за неустойчивость. Потом ушла жена. Он застрелился. А другой уехал на завод работать.

Вот и вся несложная сюжетная схема повести Б. Левина «Жили два товарища». Повесть написана интересно, увлекательно. Но она несет на себе печать недостатков метода, в какой-то мере типичных. Все это заставляет отнестись к ней особенно внимательно.

Два основных образа проходят через всю повесть: студент-химик Корчагин и его приятель Дебен. Поль Аббат—тот, которая по очереди была их женой—играет вспомогательную роль. Она — что-то вроде психологического рефлекса. Фон — ряд эпизодических фигур, картины университета, Москвы. В книге—два этапа: семнадцатилетие для и дни пролью. дни гражданской войны.

Несколько даже претенциозная, автор вообще, как в парикмахерской заведующий, очищающийся старым знакомым Корчагина, начинает вспоминать об всех днях. И вот первые же эпизоды оживляют, оживляют очередь. Идет поэтому пишется живописная и загадок живописен, загудел огонь воспоминаний. И фраза «с почина?»—является нечто вроде ключа для всего ряда фигур.

Вся эта расстановка и противопоставление действующих лиц, вся эта обрисовка фона говорит, что через нами старая тема столкновения романтики гражданской войны и будней строительства, тема расцвета и гибели носителя этой романтики, оказавшегося недостаточно устойчивым в новых отношениях, и следовательно недостаточно крепко связанным с революцией.

Эту тему—с акцентом на разных ее моментах—разрабатывали уже многие писатели. Совсем недавно не только сюжетная проблема, но и сходные пути ее разработки были даны в повести Митрофанова «Июнь—июль». Такой же контраст в части из тем же линиям двух приятелей. Аналогичная женская фигура. И больше: в той и в другой повести та же полемика литературного романтического течения, в значительной мере смещающая и показывающая подлинные линии и цвета действительности. Уже в том, какие фамилии дает автор «двум товарищам»—Дебен и Корчагин — начинается их противопоставление. В Дебене есть элемент экзотики, странности, необычности. Корчагин — прост, обыкновенен. Он сам себя аттестует как «среднего человека». Роман с прекрасной американкой — Полли — прошел по его жизни, только потревожив ее течение, но не изменив ее основного направления.

Дебен—фигура уплощенная, недораскрывшаяся, политически зеустойчивая. Как раскрывает автор ее социально-политическую сущность? И вот тут нет ряд грехов, зающих в сумме нерочный результат. Дебен начинается в повести с восторженных рассказов о нем Корчагина. Он еще не перестукал пороха, а романтика, которой его окружили Корчагин, уже звучит. Затем неожиданный контраст. Во время заключения Корчагина в Донре Дебец сходится с Нель.

Правда, здесь самый контраст—романтический. Герой, предмет преклонения, вдруг обернулся своим разрушительным, «злобейским» лицом. Но все же Дебен после этих событий (а особенно после неловой дуэли) начинает обрисовываться как человек «с трещиной».

Уловив эти первые штрихи, с интересом начинаешь ждать, как углубит их автор до существенной социальной характеристики. Может быть Дебен будет показан в своих глубоких социальных связях? Может быть и Корчагину «достанется» от автора за его героизацию Дебена? Может быть автор покажет, откуда идет эта падость на внешнюю героику?

Но продолжение повести не оправдывает этих ожиданий. Глава 11 легко и просто разрешается с трудной художественной проблемой. В пуле производит плотничья чистка. Дебен рассказывает свою автобиографию. Ну и, конечно, оказывается, что дед его по матери—немец-колонист, отец—француз, учитель гимназии, что после смерти отца мать вышла замуж за офицера, что сам Дебен был офицером и т. д. Дело не в том, что эти факты не характерны.

Нет, они объясняют многое, но объясняют, так сказать, за пределами повести. Это расчет на привычные ассоциации: польского происхождения, бывший офицер,—ну, теперь ясно, почему он так неустойчив, почему он увлечен.

Для художника это бегство от своей прямой задачи: **показать закономерность всего склада и изменения данной личности.**

Ну, а как живет, как ведет себя Дебен в пределах повести, чем определяется он авторскую биографическую справку? Если бы нужно было подвести итог всем тем жестам, образным чертам, в каких раскрывается образ Дебена, то можно только сказать: это больной (у него психастения), но сколько дурной, сколько несчастный человек, в принципе помещательства, кончающий жизнь самоубийством.

Социальные причины и следствия, «социальное поведение» заслоняются бытовыми, биологическими, узко-психологическими схемами.

До сих пор мы говорили о частностях. Но здесь можно назвать и то общее, что определяет у Б. Левина эти частности. Это более своеобразное **гуманистическая романтика**, с легким оттенком юмора и сочувствия по отношению к человеческим слабостям, ко всей той путаной дороге, по которой идет человек.

На протяжении от 14 до 19 главы Дебен тоскует, болезненно нет застой нет собой и над другими, бессильно порываясь куда-то, и, наконец, с отчаянно-самоуверенностью, стреляется. В этом промежутке происходит «программный» разговор двух приятелей, в котором каждый излагает свое credo. «Я—романтик революции. — заявляет Дебен: — я пошел бы на смерть за советскую власть, за революцию, но рыться в помойных ямах скучно».

Столь же программны и заявления Корчагина: «Я не претендую на какие-то необыкновенные качества... Сейчас нужны обыкновенные нормальные люди». Такие программные высказывания автора не раз. Задача их раскрыть замысел — противопоставление внешней романтики гражданской войны и пафоса созидательной работы. Но, как я уже говорил, это не находит подкрепления в обвинном развертывании повести. Дебен не углублен, не раскрыт до его подлинной сущности, не показана закономерность его пути и конца.

Гуманистическая романтика сочетается с объективизмом. Налет объективизма особенно ясно выступает в главе «О чем говорили по дороге в крематорий и обратно». Глава смонтирована из отзывов о Дебене его товарищей и знакомых. «Я же великолепно знал Дебена. Мне сам как-то рассказывал—он с шестнадцатого года ни разу не охнул. Ведь люди же не железные. Мы не умеем беречь людей. Его надо было б немного полечить, подлечить, он мог бы работать. И еще как бы работал». Раздается и другой голос. «Чего молчать. Я знал этого Дебена. Он всегда над всем иронизировал. У него ничего не было, чтоб дорого. Он казался умней других, а на самом деле это был просто малообразованный человек. Кроме ран от революции, он ничего не воспринял».

Может быть автор хочет, чтобы последние слова звучали, как плод его, авторского, отношения. Может быть он имеет противоположный замысел, чтобы еще раз уже в логической форме показать его ограниченность, несостоятельность, плоскость. Может быть и так. Но сам характер Дебена, как он нарисован автором, говорит другое. В лучшем случае он дан в плохом колебании между сожалением и осуждением.

В образе Корчагина должна быть развернута положительная линия, линия социальной и психологической стойкости. Но здесь в новом круге исчерпается прежнее движение. Корчагин тоже пасынок романтики, и эта романтика автором не разоблачена.

Как раскрывается образ? В первой главе Корчагин вводится через такую подробность. Самая любимая книга Корчагина—**«10 дней, которые потрясли мир»** Джона Рида. Раньше ему нравился Уот Уитмен. С книгой Уитмена «Листья травы» он когда-то уехал на германский фронт. Эта смена любимых книг должна изображать собой внутреннюю эволюцию Корчагина. «10 дней» Джона Рида оказывается ступенью в день обновленной Корчагина с Полль.

Любовь Корчагина приходит в столкновение с интересами производства, на котором он работает. Тут один из наиболее ярких эпизодов, характерных для мягко-лирической и задумчивой, но нейтральной тональности автора. В дело вмешивается ячейка. Корчагину велят: не разжалобливаться, отца Полль, порвать свои отношения с Полль и уехать. Корчагин упирается. Как отнестись к этому, как дать эту сцену? Автор дает в тонах мягкого юмора. Столкновение горячности горячности влюбленного Корчагина и забавной прямолинейности (так она дана в повести) членов бюро не разрешается автором ни в ту, ни в другую сторону. В конце-концов как будто каждый по-своему прав. Корчагин не сдается и уезжает с Полль. О постановлении бюро в повести больше не упоминается. Весь качаешься и остановишься в равновесии.

Дальше начинается цепь событий—Москва, жизнь с Полль, скандал. Донр, разлука с Полль. Ряд сцен показывает Корчагина в общественном окружении, в университетской работе. Но эта его работа только слегка намечена. Корчагин тоскует о Полль. Корчагин вызывает Дебена на дуэль, образ Корчагина вписывается из его сложную ткань университетских взаимоотношений, борьбы за перестройку вуза. Корчагин переживается с места на место, подчеркивается, на него навязывается ряд встреч и разговоров. Но это общественная полоска обрисовала мало. Кончается все тем, что Корчагин после самоубийства Дебена едет работать на завод.

Последняя короткая глава показывает Корчагина в заводе спинки. Поезд уносит его на работу, на химический завод. Эта глава должна свидетельствовать о торжестве положительного, творческого, социалистического начала.

Но вот за романтические мечты, на любовь, на дуэль, на терзания Корчагина автор потратил так много места и красок, а это положительное, творческое дано лишь в виде скупой с зеркалом полки и начавшейся от движения поезда головы Корчагина. Поезд, красный сон—это обещание. Работать Корчагин будет за пределами повести.

Корчагин, как он обрисован в повести, это порядком путающийся, спотыкающийся, но в общем «добрый малый»—и только. Опять самое интересное заглано в разговоры в обобщающие ремарки. А крупным планом показаны все те же старые, т. е. непросту ждал, а не всякая. Чего—не знаю». «Несоответствие во мне какое-то, чувствую как будто призвали лошади, а ноги—цицлейка»...

Эти слова, указывающие на сложность переживаний Болотова, как будто обязывают автора вывести и показать социальную психологию своего героя; однако они остаются лишь пустой фразой оторвавшейся, не подтвержденной ни образами, ни действиями, ни даже внешним описанием каких-либо событий.

Но довольствуясь утверждением субъективизма героя, автор еще усугубляет его конфликт с действительностью, подчеркиванием фатальных настроений.

Подсчитав номера трамваев, пролетит т. д. Болотов зубоскальный любимой цифрой, отправляется с рукописью в редакцию издательства, где его произведение подвергается беспринципной критике. Заставляя своего героя переживать дальнейшие неприятности («Он собирал мусор с лестниц»), автор подводит нас к последнему эпизоду, ко жизни.

обложка книги б. левина с портретом автора

Здесь полностью раскрывается вдеологическая сущность произведения. Подлинная крушение жизненного пути Болотова, автор, акцентирует на том моменте, что и социальная атмосфера советской России так же губительна для чуткой натуры интеллигента, как «лига любви», немецкий плен и т. д. «Болотов понял, что он во власти не железа и большой воли, а в распоряжении начальника и начхоза Маркера, крадущего электрическую арматуру». Случайные неполадки в советском учреждении возводятся в общее закономерно-отрицательное явление, влияющее на мироощущение Болотова.

Последний, решающий фактом, приведшим Болотова к самоубийству, является поведение партколлектива учреждения, где он служил. Совершенно отрешенный от общественности, от процесса социалистического строительства, Болотов именно сейчас начинает ощущать политический смысл окружающей его обстановки под влиянием выступлений партийцев на собрании. Но его «перерождение» неожиданно прерывается репликой: «Товарищи, я сейчас скажу в чтических словах. Прошу беспартийных удалиться».

Совершенно неуместный любовный поворот для удаления беспартийных с собрания использован автором как «эффект», позволяющий подчеркнуть грубую насмешку партколлектива над высокими чувствами героя. И этот случайный факт становится для автора закономерным в ряде причин гибели Болотова. Так, скользя по поверхности событий, скорбя вместе с героем всех его неудач, автор не заметил одного «пустяка»—конкретную действительность, в которой таятся бесчисленные возможности для действительного перерождения Болотовых.

Осудив именно эту конкретную действительность, а не своего ключевого героя, автор дополнил **реакционность своего творческого метода**, исполнителем выражением художественного сознания худшей части, условно настроенной мелкобуржуазной интеллигенции, до сих пор не осознавшей задач современности и поэтому не сумевшей найти в ней свое место.

Остальные рассказы крайне поверхностны, местами сладко-сентиментальны и ничего нового не дают для характеристики творческого лица автора.

А. КОТЛЯР.

признаки перелома

АЛЕКСАНДР ЧАЧИКОВ—«Далекие сестры». Рассказы. «Федерация». 1931. Стр. 115, тираж 5.200. Ц. 75 к.

Не так давно (5 июня т. г.), в «Литгазете» получила заслуженную оценку книжка стихов Чачикова за период 1918—1926 г. («Тысяча строк»), в которой сбивающийся на поэзость автор преобразил Восток «по буржуазным поэтическим канонам как страну любви, роскошных пейзажей и экзотики». «Самый факт печатания в 1931 г. стихов с 5—13-летней давностью» и притом «не имеющих ни политического, ни художественного значения» «Литгазета» прямо квалифицировала как проявление гомосотчества.

Рассматриваемая и настоящей рецензии новая книжка Чачикова представляет собой следующий этап его творчества—1927—1928 г. Она содержит четыре небольших рассказа: «Зеленый гребешок», «Коричневый бунт», «Страшнее смерти» и «Дауда». Эта книжка говорит о некоторых положительных сдвигах в творчестве писателя, его идейном и творческом росте.

Тематика Чачикова в общем осталась прежняя—Восток,— но изменился во многом подход к теме.

В первых двух рассказах («Зеленый гребешок» и «Коричневый бунт») автор прибегает еще к очень простому способу расстановки своих героев. На одну сторону положительные—угнетенные рабочие и крестьяне, по другую—отрицательные—угнетатели—хозяева колоний, сарторщик, главным образом англичане. Автор не умеет еще показать своих героев в развитии, в движении.

Художественные средства Чачикова в этих рассказах еще слабы. Характеристики даны поверхностные, посредством внешних приемов.

Революционеров-туземцев, их революционные порывы и боевую готовность к борьбе автор характеризует иной раз набором громких слов, воспринимаемых механически, но художественно не впечатляющих. Язык действующих лиц скорее язык самого автора. Этим, а также отсутствием колоритности, в равной мере страдают все четыре рассказа.

Для всей же книжки характерно, что угнетатели—англичане и голландцы, неизменно плоны и из бутылочного стекла похлопывают обольщением туземных девушек. Портрет европейца в колониальном, трубка в зубах, стек в руке. «Шофер трубка в зубах—приложит руку к шлему; англичанин-надсмотрщик живет смотреть занимающихся девушек «понтрывая стекло».

Но если изображение эксплоататоров осталось почти таким на всем протяжении книжки А. Чачикова, то характеристики основного ее героя—революционизирующейся женщины Востока—в других двух рассказах—«Дауда» и «Страшнее смерти» (1928 г.). показывают, что автор идет вперед. Он пытается дать развернутую картину жизни и развития женщины, ее включение в сферу революционного движения и формирование работницы и революционерки.

Так, в рассказе «Страшнее смерти» показано как 13-летняя бухарская девочка Зайнеб прошла через социальное и бытовое угнетение, через гарем, полюбила, выросла в сильную и мужественную женщину-большевичку, командира Красной армии.

В этом рассказе есть определенно художественно убедительные и даже захватывающие места (например глава: «Фронт против фронта»).

В заключение о верности автора: на 5 странице написано: «бутылочные тыквы», в то время когда бывают наоборот: тыквенные бутылки. На стр. 79—примечание: «Эмир—наместник царя в Бухаре», хотя на самом деле эмир, записочный от русского царя, не был его наместником, а был сам царем.

Впрочем, это легко устранимые недостатки.

Главное же, автор обнаруживает несомненное улучшение в своем творчестве.

Е. Н.

в тупике

Г. СОРОКИН.—«Примечание к судьбе». Изд. писателей в Ленинграде. Стр. 100. Ц. 1 р. 60 к. в пер. Основной рассказ в сборнике «Угол падения».

«Угол падения»—непрерывный ряд бед и несчастий некоего интеллигента Болотова.

Начало рассказа сразу должно показать первый этап падения, ту разлагающую атмосферу, в которой протекают гимназические годы героя.

Исключенный из гимназии Болотов попадает на фронт и в плен. Обстановка плена изображена лишь со стороны физиологических переживаний—доминирующий любовь и надругательств немцев над пленными. Через показ страданий героя автор высказывает свое возмущение грубостью и жестокостью немцев, насколько не пытаясь проникнуть в социальный смысл войны.

В дальнейшем, абстрагируя героя от каких бы то ни было общественных проблем, т. Сорокин тычется безразличным его к противопоставляет окружающему миру, как личность, наделенную особыми душевными качествами.

«Падение» Болотова продолжается и после окончания войны.

«За годы войн, гражданских метаний, и университетские времена я стал иным, т. е. непросту ждал, а не всякая. Чего—не знаю». «Несоответствие во мне какое-то, чувствую как будто призвали лошади, а ноги—цицлейка»...

Эти слова, указывающие на сложность переживаний Болотова, как будто обязывают автора вывести и показать социальную психологию своего героя; однако они остаются лишь пустой фразой оторвавшейся, не подтвержденной ни образами, ни действиями, ни даже внешним описанием каких-либо событий.

Но довольствуясь утверждением субъективизма героя, автор еще усугубляет его конфликт с действительностью, подчеркиванием фатальных настроений.

Подсчитав номера трамваев, пролетит т. д. Болотов зубоскальный любимой цифрой, отправляется с рукописью в редакцию издательства, где его произведение подвергается беспринципной критике. Заставляя своего героя переживать дальнейшие неприятности («Он собирал мусор с лестниц»), автор подводит нас к последнему эпизоду, ко жизни.

Здесь полностью раскрывается вдеологическая сущность произведения. Подлинная крушение жизненного пути Болотова, автор, акцентирует на том моменте, что и социальная атмосфера советской России так же губительна для чуткой натуры интеллигента, как «лига любви», немецкий плен и т. д. «Болотов понял, что он во власти не железа и большой воли, а в распоряжении начальника и начхоза Маркера, крадущего электрическую арматуру». Случайные неполадки в советском учреждении возводятся в общее закономерно-отрицательное явление, влияющее на мироощущение Болотова.

Последний, решающий фактом, приведшим Болотова к самоубийству, является поведение партколлектива учреждения, где он служил. Совершенно отрешенный от общественности, от процесса социалистического строительства, Болотов именно сейчас начинает ощущать политический смысл окружающей его обстановки под влиянием выступлений партийцев на собрании. Но его «перерождение» неожиданно прерывается репликой: «Товарищи, я сейчас скажу в чтических словах. Прошу беспартийных удалиться».

Совершенно неуместный любовный поворот для удаления беспартийных с собрания использован автором как «эффект», позволяющий подчеркнуть грубую насмешку партколлектива над высокими чувствами героя. И этот случайный факт становится для автора закономерным в ряде причин гибели Болотова. Так, скользя по поверхности событий, скорбя вместе с героем всех его неудач, автор не заметил одного «пустяка»—конкретную действительность, в которой таятся бесчисленные возможности для действительного перерождения Болотовых.

Осудив именно эту конкретную действительность, а не своего ключевого героя, автор дополнил **реакционность своего творческого метода**, исполнителем выражением художественного сознания худшей части, условно настроенной мелкобуржуазной интеллигенции, до сих пор не осознавшей задач современности и поэтому не сумевшей найти в ней свое место.

Остальные рассказы крайне поверхностны, местами сладко-сентиментальны и ничего нового не дают для характеристики творческого лица автора.

А. КОТЛЯР.

неиспользованные возможности

ПАВЕЛ ДАЛЕЦКИЙ. «Тихоокеанский форпост». ГИХЛ. 1931. Стр. 118. Тираж 5.000. Ц. 70 к.

«Тихоокеанский форпост» «зыкинан» П. Далецким тщательно, в нем хорошо распланирован материал, язык прост и легко доходит до читателя. Изложение событий—ясно и точно, как того и требует очерк. Но очерк, как бы хорошо стилистически он сделан не был, теряет свое значение, если не заострает темы предельно, не мобилизует все внимание читателя на основных рычагах общественно-политических явлений.

«Я шел, и к моим думам о Китайской революции применялись мысли о Владивостоке, о красоте его заливов и бухт»... Эти «мысли о красоте» приписываются у автора ко всем думах и размышлениях его книгу той значимости, которую она должна была бы иметь.

Ни одна из описок автор не сумел поднять на принципиальную и политическую высоту, не вскрыл его внутреннего пружины, не показал, каков этого представляет он собой в области социальных взаимоотношений и расстановке классовых сил.

Советский работник открывает новый путь для добычи золота. Ему приходится предприятия сквозь тайгу водопуты и бюрократизм. Но это набросано детскими наивными мазками пастели.

По советской земле, в таежный чащобе, вооруженными магическими амулетами, ходят старик, искатель чудодейственного корня жень-шеня. Старик бежал из Китая, он пропает свое дедие тяжко советской конверсии, и сын у него коммунист. Почему же он подал в стихе пастораль? И где его место среди борющегося китайского пароды?

С японского парохода сбежали двое японских рабочих. Что именно, кроме сытой жизни, заставило их остаться в Совке? И отчего английский лейтенант Гастингс, отсидев девять месяцев в советском исправдоме, остался работать у большевиков? Поющая целую главу борьбе воды, он не говорит о борьбе и классовых жителей тундры, побережий, поморья.

Вот почему «Тихоокеанский форпост», несмотря на прекрасный материал скользит только по перхам явлений восточного побережья.

С. К.

признаки перелома

АЛЕКСАНДР ЧАЧИКОВ—«Далекие сестры». Рассказы. «Федерация». 1931. Стр. 115, тираж 5.200. Ц. 75 к.

Не так давно (5 июня т. г.), в «Литгазете» получила заслуженную оценку книжка стихов Чачикова за период 1918—1926 г. («Тысяча строк»), в которой сбивающийся на поэзость автор преобразил Восток «по буржуазным поэтическим канонам как страну любви, роскошных пейзажей и экзотики». «Самый факт печатания в 1931 г. стихов с 5—13-летней давностью» и притом «не имеющих ни политического, ни художественного значения» «Литгазета» прямо квалифицировала как проявление гомосотчества.

Рассматриваемая и настоящей рецензии новая книжка Чачикова представляет собой следующий этап его творчества—1927—1928 г. Она содержит четыре небольших рассказа: «Зеленый гребешок», «Коричневый бунт», «Страшнее смерти» и «Дауда». Эта книжка говорит о некоторых положительных сдвигах в творчестве писателя, его идейном и творческом росте.

Тематика Чачикова в общем осталась прежняя—Восток,— но изменился во многом подход к теме.

В первых двух рассказах («Зеленый гребешок» и «Коричневый бунт») автор прибегает еще к очень простому способу расстановки своих героев. На одну сторону положительные—угнетенные рабочие и крестьяне, по другую—отрицательные—угнетатели—хозяева колоний, сарторщик, главным образом англичане. Автор не умеет еще показать своих героев в развитии, в движении.

Художественные средства Чачикова в этих рассказах еще слабы. Характеристики даны поверхностные, посредством внешних приемов.

Революционеров-туземцев, их революционные порывы и боевую готовность к борьбе автор характеризует иной раз набором громких слов, воспринимаемых механически, но художественно не впечатляющих. Язык действующих лиц скорее язык самого автора. Этим, а также отсутствием колоритности, в равной мере страдают все четыре рассказа.

Для всей же книжки характерно, что угнетатели—англичане и голландцы, неизменно плоны и из бутылочного стекла похлопывают обольщением туземных девушек. Портрет европейца в колониальном, трубка в зубах, стек в руке. «Шофер трубка в зубах—приложит руку к шлему; англичанин-надсмотрщик живет смотреть занимающихся девушек «понтрывая стекло».

Но если изображение эксплоататоров осталось почти таким на всем протяжении книжки А. Чачикова, то характеристики основного ее героя—революционизирующейся женщины Востока—в других двух рассказах—«Дауда» и «Страшнее смерти» (1928 г.). показывают, что автор идет вперед. Он пытается дать развернутую картину жизни и развития женщины, ее включение в сферу революционного движения и формирование работницы и революционерки.

Так, в рассказе «Страшнее смерти» показано как 13-летняя бухарская девочка Зайнеб прошла через социальное и бытовое угнетение, через гарем, полюбила, выросла в сильную и мужественную женщину-большевичку, командира Красной армии.

В этом рассказе есть определенно художественно убедительные и даже захватывающие места (например глава: «Фронт против фронта»).

В заключение о верности автора: на 5 странице написано: «бутылочные тыквы», в то время когда бывают наоборот: тыквенные бутылки. На стр. 79—примечание: «Эмир—наместник царя в Бухаре», хотя на самом деле эмир, записочный от русского царя, не был его наместником, а был сам царем.

Впрочем, это легко устранимые недостатки.

Главное же, автор обнаруживает несомненное улучшение в своем творчестве.

Е. Н.

в тупике

Г. СОРОКИН.—«Примечание к судьбе». Изд. писателей в Ленинграде. Стр. 100. Ц. 1 р. 60 к. в пер. Основной рассказ в сборнике «Угол падения».

«Угол падения»—непрерывный ряд бед и несчастий некоего интеллигента Болотова.

Начало рассказа сразу должно показать первый этап падения, ту разлагающую атмосферу, в которой протекают гимназические годы героя.

Исключенный из гимназии Болотов попадает на фронт и в плен. Обстановка плена изображена лишь со стороны физиологических переживаний—доминирующий любовь и надругательств немцев над пленными. Через показ страданий героя автор высказывает свое возмущение грубостью и жестокостью немцев, насколько не пытаясь проникнуть в социальный смысл войны.

В дальнейшем, абстрагируя героя от каких бы то ни было общественных проблем, т. Сорокин тычется безразличным его к противопоставляет окружающему миру, как личность, наделенную особыми душевными качествами.

«Падение» Болотова продолжается и после окончания войны.

«За годы войн, гражданских метаний, и университетские времена я стал иным, т. е. непросту ждал, а не всякая. Чего—не знаю». «Несоответствие во мне какое-то, чувствую как будто призвали лошади, а ноги—цицлейка»...

Эти слова, указывающие на сложность переживаний Болотова, как будто обязывают автора вывести и показать социальную психологию своего героя; однако они остаются лишь пустой фразой оторвавшейся, не подтвержденной ни образами, ни действиями, ни даже внешним описанием каких-либо событий.

Но довольствуясь утверждением субъективизма героя, автор еще усугубляет его конфликт с действительностью, подчеркиванием фатальных настроений.

Подсчитав номера трамваев, пролетит т. д. Болотов зубоскальный любимой цифрой, отправляется с рукописью в редакцию издательства, где его произведение подвергается беспринципной критике. Заставляя своего героя переживать дальнейшие неприятности («Он собирал мусор с лестниц»), автор подводит нас к последнему эпизоду, ко жизни.

Здесь полностью раскрывается вдеологическая сущность произведения. Подлинная крушение жизненного пути Болотова, автор, акцентирует на том моменте, что и социальная атмосфера советской России так же губительна для чуткой натуры интеллигента, как «лига любви», немецкий плен и т. д. «Болотов понял, что он во власти не железа и большой воли, а в распоряжении начальника и начхоза Маркера, крадущего электрическую арматуру». Случайные неполадки в советском учреждении возводятся в общее закономерно-отрицательное явление, влияющее на мироощущение Болотова.

Последний, решающий фактом, приведшим Болотова к самоубийству, является поведение партколлектива учреждения, где он служил. Совершенно отрешенный от общественности, от процесса социалистического строительства, Болотов именно сейчас начинает ощущать политический смысл окружающей его обстановки под влиянием выступлений партийцев на собрании. Но его «перерождение» неожиданно прерывается репликой: «Товарищи, я сейчас скажу в чтических словах. Прошу беспартийных удалиться».

Совершенно неуместный любовный поворот для удаления беспартийных с собрания использован автором как «эффект», позволяющий подчеркнуть грубую насмешку партколлектива над высокими чувствами героя. И этот случайный факт становится для автора закономерным в ряде причин гибели Болотова. Так, скользя по поверхности событий, скорбя вместе с героем всех его неудач, автор не заметил одного «пустяка»—конкретную действительность, в которой таятся бесчисленные возможности для действительного перерождения Болотовых.

Осудив именно эту конкретную действительность, а не своего ключевого героя, автор дополнил **реакционность своего творческого метода**, исполнителем выражением художественного сознания худшей части, условно настроенной мелкобуржуазной интеллигенции, до сих пор не осознавшей задач современности и поэтому не сумевшей найти в ней свое место.

Остальные рассказы крайне поверхностны, местами сладко-сентиментальны и ничего нового не дают для характеристики творческого лица автора.

А. КОТЛЯР.

стоило ли медведева брать всерьез?

Еще в резолюции 1925 г. партия указывала пролетарским писателям на опасность зазнаться. Против капитулянства и против комчванства — мобилизовал пролетарских писателей центральный комитет.

Эта директива сохраняет все свое значение и сегодня.

Разбор статей Медведева — борьба против комчванства, против самодовольного успокоения на достигнутом, против навежественной похвальбы нашим уровнем, против антикультурного похлопывания по плечу классиков, против превращения РАПП из живой, массовой, идейно-воспитательной организации в административное управление по литературным делам, против рецидивов литфронтовщины.

В пролетарское литературное движение пришли тысячи рабочих-ударников. Они сталкиваются — и еще столкнутся—с величайшими трудностями. Они все более понимают, что литературная работа — дело крайне сложное, требующее специфических способностей и большой культуры. Они учатся и хотят учиться. Но и в их среде — особенно среди молодежи, побывшей на фабрике или заводе всего один—другой год — есть люди, отнюдь не расположенные к упорному труду, к систематическому самообразованию, к длительной большевистской учебе. Для них статья Медведева — программный документ. Именно поэтому неверные решения должны быть отброшены пролетарским литературным движением.

Медведевские ошибки связаны с опасностями иного этапа. В этом определение того, что мы отнеслись к Медведеву всерьез.

P. S. Эта статья была направлена мною в «Комсомольскую правду». Я рассчитывал на то, что и. о. комсомола достаточно заинтересован в развертывании творческой дискуссии. Тов. Трошкого, к сожалению, нет в Москве. Его заместитель, тов. Бубекин, заявил мне об отказе в печатании статьи. Мотивировка? Слишком велика! Ладно, думаю я, ну, конечно, все дело в размерах — и я предлагал т. Бубекину напечатать только две первые главки статьи. Это не вызывает у тов. Бубекина ни самомалейшего удовлетворения, и, в результате, он оказывается принужденным заявить, что статья отклоняется вследствие несогласия с нею редакции.

После того как «К. П.» отклонила мою статью, ознакомились с нею, тов. С. Медведев в номере «К. П.» от 7 октября печатает письмо в редакцию с признанием ошибочности теории «единственного» проводника. Разумеется, т. С. Медведев ни словом не упоминает о том, что его побудило или, точнее, что его заставило признать эту теорию ошибочной.

Мы, в статье, характеризовали взгляды тов. Медведева. Тов. Медведев ни-чем в редакцию «К. П.» счел необходимым дать читателям дополнительный материал для характеристики своего мировоззрения. Выяснилось, что проблема эта хотя и «животрепещущая», но весьма грустная, безотрадная и неблагодарная.

Однако, исправляя свою ошибку, т. Медведев успешно продолжает линию непонимания сути дела и сути нашей критики его статей. С. Медведев не понимает, что его теория «единственного» проводника неразрыв

Покажите лицо гибнущего капитализма

покажите победоносное социалистическое строительство

Секретариат МОРП обратился с воззванием ко всем пролетарским и революционным писателям мира, ко всей творческой интеллигенции, в которой призывает их принять участие в издающейся МОРП к 1 января 1932 г.—началу четвертого и последнего года пятилетки—специальной газете-однодневке на немецком и русском языках: «Капиталистический кризис и социалистическое строительство». В этой газете на конкретном художественном материале (должно быть сделано противопоставление гибнущего капитализма и строительства социализма, должна быть отражена эта «грандиозная картина нашего времени».

«В противовес глубокому, небывалому в истории кризису, охватившему все страны капитализма,—говорится в воззвании, — в противовес капиталистической системе, опирающейся на обнищание и рабство трудящихся масс колониальных и полуколониальных стран, в СССР мы видим под'ем во всех областях человеческого творчества, который не имеет себе равного в истории».

Пролетарские революционные писатели должны все это художественно показать широчайшим трудящимся массам СССР и всего мира. Осуществление писателями капиталистических стран задач разоблачения и показа искаженного кризисом истинного лица капитализма, а писателями, живущими в СССР, героического строительства социализма,—будет в числе прочего наилучшим средством борьбы, против опасности интервенции, против готовящегося нападения на СССР.

Все революционные писатели, художники-интеллигенты, живущие как в Советском союзе, так и капиталистических странах, должны принять деятельное участие в выпуске газеты-однодневки МОРП.

Все материалы должны быть присланы к 16 НОЯБРЯ 1931 года в Международное об'единение революционных писателей: МОСКВА, ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК 850.

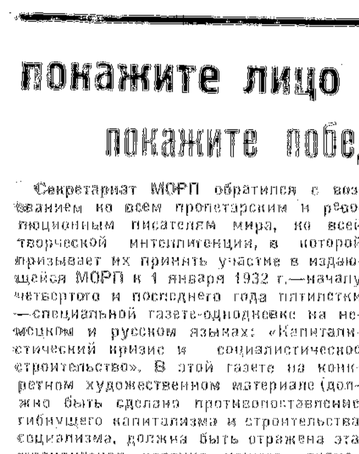
Театр

Что же дальше?

о премьере в малом театре „ясный лог“

Рожденная с большими затруднениями постановка Малого театра «Ясный лог» С. Третьякова снова заставляет задуматься над дальнейшими пу-

вис. в. постоялоцкого



Березовый — арт. ольховский

тями этого театра, располагающего великолепным актерским материалом.

Премьера «Ясный лог»—двойная неудача и режиссера, и драматурга.

Драматург С. Третьяков не сумел провести диалектики классовой борьбы в обстановке решительного наступления социалистических элементов в деревне. Это привело к поверхностному, а иногда неправильному показу классовой борьбы, к упрощению стихийной работы над организованным, сознательным, в каждом данном историческом периоде, в разрезе сегодняшнего дня, характером для условий второй большевистской весны (1931 г.).

Поставленная пьеса «Ясный лог» осуждена в режиссерском воплощении, которое местами не исправило ошибку драматурга, а кое-где не устранило недостатки, данные в неудовлетворительной сценарной разработке.

Сама идея схемы «Ясного лога» не нова и уже достаточно использована в современной литературе.

Изображение деревни делится на два лагеря: пятидворцев и тех, кто ранее организовался в колхоз. «Ясный лог» располагает лучшей землей, в нем сильным элементом «живучая прослойка». Кулацким элементам не хочется упускать из своих рук жирную землю, свое экономическое влияние, живой и мертвый инвентарь. Классовый враг хитер и упорен. Он ложным маневром пользуется часть бедняков «Ясного лога», использует свою агентуру в стане противника, через «окно» он влияет на все дела сельсовета и фактически единоторствует «советскую власть» в лице секретаря сельсовета Федора. Силен кулак в «Ясном логе», силен своей хитростью, опытом, силен глупостью сельсоветчиков и добровольцев колхозников. И неизвестно, что бы произошло во «вторую большевистскую весну», если бы не бедняк Жолудь, раскрывший происки врагов колхоза. Хитрый был бедняк Жолудь,—все считали его придурковатым, принижением своей собственной жизнью, и вот на примере кулацкого гнезда. Всех провел дядя Жолудь. Где чувством, где предусмотрительностью, а где простой «случайностью» бедняк Жолудь сумел вывернуть в хитроумный план врагов колхоза.

Жолудь является «ведущей осью» в четвертой пьесы. Однако его общественная роль не нарисована картины деревни, даже в самом финале зритель узнает, какое значение имел этот проделок-бедняк для судьбы колхоза. Не автор, надевши розовые-романтические добавочностями бедняка Жолудя, тем самым снял всю ситуацию пьесы к случайному моменту,—а что стало бы с колхозом, если не Жолудь? Страшно подумать.

Перейдем к расстановке социальных групп «Ясного лога». **Колхозники** в большом борьбовании со сторонних наличия в них элементов стяжательства, индивидуализма.

И хотя действие происходит в 1931 году (история большевистской весны) для колхозников совершенно незаметным прошел опыт первой большевистской весны. За это время они почему-то научились, в них непрерывному сильнее инстинкты индивидуализма, стяжательства.

Совершенно не ясно обрисована группа середняков, она растворяется среди колхозников и единоличников.

Роль партии первоначально «организация» бывшего Егору По «объединяющая» роль Егора плохим образом сведена к заданиям в сельсовете и к агитации Наташе: бросить своего мужа-жестокого середняка Корнея. Совершенно не ясно, что делает комсомольская ячейка, хотя в пьесе о ней несколько раз упоминается.

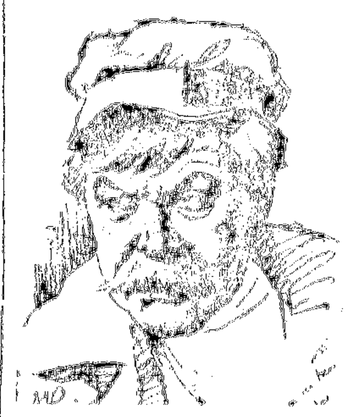
Общественная роль различных прослоек деревни не отмечена, запутана. Несмотря на то, что ключ к разрешению искусственно созданной ситуации пьесы находится в руках Жолудя, несмотря на внесение в пьесу элементов детектива, настоящего сценического действия в пьесе нет. Все дело сведено к силовым разговорам. Разговаривают все, и все говорят много лишнего, искусственного, затягивающего действия.

В пьесе нет крепкого стержня, развития действия намечено.

Таковы и основные недостатки этой пьесы. Единственно, что героя спасает пьесу—это отличительный язык диалога, и хорошо разработанные отдельные бытовые сцены.

В постановке немало грубых промахов. Наиболее крупные в сцене с «психологическим» разоблачением Березовского.

вис. в. постоялоцкого



Жолудь — арт. ст. кузнецов

го во время молебна кулака Грача. Действие протекает в двух планах: на колхозном дворе и в церкви. Когда дьяконом провозвестил имя Цуды, Березовой завинчена полевно-тяжелому Мефистофелю. Плохо) и достаточно пошло!

И несмотря на все отмеченные трудности пьесы и недостатки режиссерской работы интересный коллектив мастерски справляется с положением.

В Малый театр—советская драматургия должна дать лучшие свои образцы.

ЗАЛЕССКИЙ

„Закал“ осудил теорию „двух струй“ в пролетарской литературе, но полной ясности

в позиции „закала“ еще нет

за большевистскую напостовскую линию рапп

Заслушав сообщение т. Громова об этапах пленума РАПП, творческая напостовская группа «РАПП — «Закал» приветствует решение пленума и в своей повседневной работе и в творчестве будет проводить их в жизнь.

Группа решительно осуждает теорию о «двух струях» в развитии пролетарской литературы, выдвинутую т. Селивановским в журнале «На литпосту» № 15—16, стр. 61, в статье «Брусья» Панферова», и членом нашей творческой группировки т. Вороновым в вечерней «Красной газете». Теория эта вредна, ибо примитивно ставит вопрос о развитии пролетарской литературы, смазывает всю глубину и сложность овладения методом диалектического материализма и обходит сторонкой ряд вопросов, в частности опасность внутрипролетарского нетупичества, рецидивов литфронта и т. д.

Данная теория «двух струй», взятая в таком разрезе, как у т. Селивановского и т. Воронова, имеет тенденцию сползания к творческим установкам «Литфронта».

Не снимая с себя ответственности за выступление т. Воронова как члена нашей творческой группировки, мы считаем необходимым заявить, что наша творческая группировка всегда была против теории «двух струй» и в своих выступлениях члены группы, критикуя эту теорию, совершенно ясно и недвусмысленно присоединялись к резкой критике этой теории на пленуме РАПП и на активе РАПП, и поэтому сказать т. Воронова, к тому же не обсуждавшаяся на группе, никоим образом не может служить документом творческой платформы группы «Закал».

Рабочая творческая литгруппа «Закала», как и ряд других творческих групп РАПП, не имеет еще своей вполне оформившейся творческой платформы, вырабатывая ее на основе литературно-политической и творческой платформы РАПП. Выработка такой платформы —есть длительный процесс овладения методом диалектического материализма членами группы в процессе их учебной учебы, творческой работы и жаркого соревнования с другими творческими группами РАПП.

Рабочие писатели и рабочие кружковцы, объединенные в группе «Закал», обратились с «Литфронтом» за частую напостовской большевистской линии, литературно-политической и творческой линии РАПП, и дальше будут проводить эту линию в своей работе и в своей борьбе со всеми врагами пролетарской литературы, за утверждение гегемонии пролетарской литературы, за создание «большого искусства большевизма».

ЧЛЕНЫ ГРУППЫ.

необходима полная ясность

Группа «Закал» осудила теорию «двух струй» в пролетарской литературе. Эта теория, выдвинутая, как известно, «скальцами», утверждала, что в пролетарской литературе борются две творческие струи: «массово-созерцательная» (Фадеев, Либединский, Чумандрин и др.) и «активно-действенная» (Панферов, Ильенков и др.). Полобная теория, черпая свою аргументацию из старого «двухфронтовизма» врачевала, обнимала содержание творческого соревнования в пролетарской литературе (в которой существует ряд творческих направлений), упуская в частности из виду наличие творческих установок большевиков, с одной стороны, и «внутреннего полупутчика»—с другой, и тем самым давала неверную перспективу дальнейшего развертывания соревнования творческих группировок в РАПП.

Осуждение «Закалом» этой теории и признание ее литфронтовского характера, вносит ясность в [illegible] вопросах творческой дискуссии и помогает освобождению последней от излишних накладных расходов.

К сожалению, резолюция «Закала» вводит новую путаницу. «Закал» утверждает, что теория «двух струй» впервые декларирована в моей статье о «Брусьях» Панферова («На литпосту», № 15—16 за 1930 год.

В этой статье я писал: «огромный и достаточный материал для... понимания двух творческих линий в пролетарской литературе дает творческая практика, продукция пролетарской литературы последних лет. О чем шла в моей статье речь? О том, что «литфронтовскому» течению (как одному полюсу) противостоят творческие установки огромного большинства пролетарских писателей. Так было в было в творческой дискуссии прошлого года. Против «Литфронта» и за творческую программу, изложенную (через месяц после опубликования моей статьи) в письме секретариата РАПП в развертывании творческой дискуссии, боролись Фадеев вместе с Панферовым, Либединский вместе с Ильенковым, Ставский вместе с Чернецко.

«Но,—писал я далее,—полная ограниченность указанием за общность позиций огромного большинства пролетарских писателей. На новом этапе творческой дискуссии задача марксистской критики заключается не только в отыскании того **общего**, что об'единяет огромное большинство пролетарских писателей, но и того **особенного**, что отличает друг от друга различные, уже сейчас складывающиеся «платформации» в одной господствующей творческой «фракции» пролетарской литературы» (стр. 61).

Таким образом в моей статье была дана следующая схема: «Литфронту» по творческой линии противостоит огромное большинство пролетарских писателей. С другой стороны, среди последних существуют и существуют различные творческие «платформации» (струи). Это сумму, не имеющую ничего общего с теорией «двух струй», и считаю крайней и не вижу основания пересматривать ее.

Почему же «Закал» изобразил меня родоначальником теории «двух струй»? Либо он был рабом в заблуждении (тогда необходимо это заблуждение рассеять), либо он не согласен с тем, что в борьбе с «Литфронтом», Фадеев, Киршон, Панферов, Либединский, Чумандрин при всем отличии их творческих установок были объединены общностью творческой программы, формулированной в письме секретариата РАПП. Но такое несогласие вызывает законный вопрос: значит—со мнением «Закала»—письмо секретариата РАПП о развертывании творческой дискуссии не являлось и не является творческой платформой всего пролетарского литературного движения (кроме товарищей, примкнувших в то время к «Литфронту»)?

«Закалу», необходимо иметь элементарную ясность и свою позицию.

А. СЕЛИВАНОВСКИЙ

разрыв с „перевалом“— решительный шаг

к возвращению в ряды революционной литературы

Ефим Вахров и Андрей Новиков цехом в редакцию «Литературной газеты» сообщают о своем выходе из «Перевала». Один за другим уходят писатели из группы, называющей себя попрежнему «содружеством писателей революции», но на деле являющейся оплотом воронщины, противопоставившим себя всей революционной литературе, заведшим в тупик идейно и художественно запившейся. Для писателя-«перевальца», желающего бороться оружием художественного слова за социализм, нет иного пути, кроме решительного разрыва с «Перевалом».

Вместе со всем «Перевалом» тт. Вахров и Новиков совершили крупную ошибку. Особенно велики ошибки, совершенные А. Новиковым («Причины происхождения гуманностей» «Горячее поле»). Но товарищи, являющиеся членами коммунистической партии, сделали сейчас тот шаг, который является единственно-возможным для коммуниста, подходящих итоги деятельности «Перевала».

Так или иначе, в 1931 году «Перевал» перестал существовать в качестве сколько-нибудь весомой литературно-политической и творческой группы. Задача нашей революционной литературы и коммунистической критики остается дальнейшее развертывание борьбы за разоблачение идейных установок воронщины.

Письмо в редакцию „литгазеты“

«СОДРУЖЕСТВО ПИСАТЕЛЕЙ В РЕВОЛЮЦИИ «ПЕРЕВАЛ».

Просим сообщить, что мы выходим из Содружества писателей революции «Перевал», так как не разделяем его основных общественно-творческих установок.

ЕФИМ ВАХРОВ, АНДРЕЙ НОВИКОВ
5 октября 1931 г.

НАМ ПИШУТ

Бурято-монгольская литература совершенно бесперспективна. Последнее собрание Бурлит было в апреле. Постановление РАПП о переводе учащихся и литературу не проведено в жизнь. Литературные кружки «Бурято-монгольская правда» не выявляются.

ЛИТУДАРНИК

**

В таком крупном промышленном районе Северного Кавказа, как Шахтинский, насчитывающем до 25.000 рабочих-шахтеров, только по прямым ударникам и литературе не ведется. Единичные литературные объединения разбросаны. Шахтинская газета «Рабочий Донбасс» также не уделяет внимания Союзу на неправильно занимает такое отношение к прессе. Не только литературные остаются неудовлетворительным.

За семь месяцев при газете «Красный шахтер» выпущена только одна литстраница. Необходимо правление Союза потребовать лицом к прессе указаний ударников-шахтеров в литературу.

***

Казахстанская организационная спит. Последнее заседание секретариата РАПП о положении дел на местах не рассматривало. Даже само постановление РАПП до сих пор никто не обсуждалось. Правление Казахстана — живой труп.

В связи с безобразнейшим руководством правления распалась бригада Семипалатинской организации. Существовавшая литгруппа в Усть-Каменогорске: на краю расстался литкружок завода «Риддера». Кольцевую литкружок завода «Риддера». Кольцевую

Извещения

* 12 октября — 17 ч. — в помещении МАПП (Тверская, 52) — общее собрание кандидатов МАПП.

* 12 октября — 20 ч. — собрание первой секции ФОСП (Тверской б., 25, Дом Горького). В повестке дня работа за 1931—32 гг. Доклад Рязанова. Инобр. Шер.

* 13 октября — 20 ч. — в помещении бетонного клуба (Арбат, 50) — общее собрание бригады МАПП.

* 13 октября — 18 ч. — клуб ФОСП им. Горького — собрание критической секции и бригады МосПИКАФ. Доклад Данилина о задачах критической секции и обсуждение плана работ.

* 13 октября — 20 ч. — в Доме Герцена — собрание кружка очеркистов «Новой кузницы». Читает Тев. Сотобелин — «Колхозники на тракторах».

* 14 октября — 18 ч. — первое организационное творческое объединение коллектива писателей МАПП при журнале «Молодая гвардия» (В. Чернецкий, Б. Прицкер, Ю. Корнеева, Кольцов, Нейман, Ермилов, Бородин, Горбатов, Шишков, Панферов, Афиногенов, Карпинский, Авдеенко, Кетлинская, Караваевников, Абрамович, Полонская, Гран, Маргулис, Сидоров, Жаров, Корнеев, Мезенцев, Луковский, Гусев, Мирбах-Вейс, Поповский, Розенгольц, Шкапов, Зазубрин, Чумандрин, Пейгин, Я. Михайлов, Вейс, Добровольский, Медведь, Кац, Гусева, Кемрад, Сурков, Трошенко, Уткин, Безыменский, Шегалов, Кубальков, Матвеев, Галин, Ильин, Потапов, Бромлей, Самсонов, Зазубрин, Ляпкина, Новобранец, Инодиев, Дубов).

* 16 октября — 20 ч. — «Новая кузница» (Дом Герцена) — очередное литературное собрание. Отчитает по роману «Творчество» читает т. Г. Никифоров.

Ответственный редактор: С. ДИНАМОВ.
РЕДКОЛЛЕГИЯ: Н. Асеев, С. Динамов, И. Жига, Я. Ильинский, И. Катаев, Г. Коренев, Н. Огнев, А. Селивановский, И. Сельвинский, М. Слонимский.
ИЗДАТЕЛЬ: Журнально-газетное об'единение.

литературное сегодня

● Писательская общественность ещене вовлечена в борьбу за качество книги. При Мосторгоме писателей организован при писательско-товарищеский суд, которому будут даны все права товарищеского суда на предприятии на основе имеющихся законоположений. В производственно-показательный суд МОРП вошли тт. Н. Шушканов (председатель), П. Арский, П. Павленко, П. Скосырев, Егорошкин и А. Исбах.

Набрана единая комиссия Мосторгома писателей и ФОСП в составе: Д. Алтаузена (председатель), Фридмана, Г. Тарана, О. Колесниковой, П. Сметова, П. Арского, Пяшкевича, Наседкина и Бронштейна.

● При ленинградской федерации писателей открыта справочная библиотека для писателей и рабкоров-ударников, приезжающих в литературу.

● В этом году исполняется десятилетие существования журнала «Красная новь», организованного по инициативе В. И. Ленина и Н. К. Крупской. «Красная новь» был первым литературно-художественным журналом, вышедшим после революции. В писательских кругах ведется подготовка к юбилею.

● В рукописном отделении библиотеки Академии наук в Ленинграде обнаружено несколько неизданных до сих пор автографов Пушкина. Найденные автографы представляют исключительный интерес. Среди них обнаружено несколько великолепных рисунков поэта, его автопортрет начала 1820 г., плана романа «На кавказских водах», небольшой отрывок из поэмы «Видение», а также переписанный Пушкиным в 1814 г. сборник стихотворений лицеиста «Жертва Музе или лицейская антология». Экспертизой установлено, что весь сборник переписан рукой Пушкина.

● Секретариат РАПП выделил Пролетарский район Москвы как опытно-показательный район рапповской работы.

● К открытию всероссийской конференции ВССП будет организована выставка литературных писателей — членов ВССП за 1930 — 31 гг. Сейчас проводится сбор материалов к выставке.

● Литературно-творческий кружок МОПИН Люберецкого завода сельскохозяйственных машин работает над коллективной книгой «Люберецкая комсомолия». В книге будет отражена борьба комсомола за производственную 5000 люберецких.

● На секретариате МАПП был заслушан доклад представителя массового сектора ГИХЛ т. Павлова о плане работ на 4-й квартал. Обсуждался вопрос о совместной работе массового сектора ГИХЛ и МАПП. Секретариат МАПП постановил выделить для работы в редсовете ГИХЛ двенадцать кружковцев-литкружковцев.

производственное совещание очеркистов

8 октября состоялось производственное совещание пролетарских очеркистов, на котором В. Ставский читал отрывки из новой книги «Зарница», являющейся продолжением «Разбега». В обсуждении прочитанного приняли участие тт. Гинзбург (И. К. Н.), Жига, Кирьянов и ряд литкружковцев. В выступлениях было отмечено, что, несмотря на ряд недостатков, новая книга В. Ставского свидетельствует о дальнейшем росте писателя и продвижении его вперед после «Разбега».

В. Ставский заявил, что необходимость творческой среды совершенно очевидна, что только при наличии ее возможно организованное и активное творчество, что высказывания товарищей чрезвычайно помогают ему в работе, и что он разумеется примет их к сведению.

Совещание избрало постоянное бюро очеркистов в составе В. Ставского, И. Жига и А. Кирьянова. Бюро поручена разработка конкретного календарного плана работ и систематическое руководство совещаниями очеркистов. Решено в течение ближайшего времени прочесть и обсудить произведения пяти очеркистов, проработать доклады творчества Глеба Успенского, Николая Успенского, Чехова, Ларисы Рейснер, Решетникова и др. Для теоретических докладов решено привлечь работников ЛИЯ Комакадемии. Занятия производственного совещания очеркистов будут производиться по 8, 18 и 28 числам каждого месяца.

Е.

на фабриках книги

— В ГИХЛ выходят в октябре следующие книги: «Вчера и сегодня» — альманах бывших беспризорников и правонарушителей с предисловием М. Горького; книга С. Мирер и Б. Боровик «Революция», написанная по устным рассказам уральских рабочих о гражданской войне, повесть А. Малышкина «Севастополец» (сборник стихов В. Луговского, в которой войдут избранные стихотворения периода 1923—1930) года.

— Книга очерков Мих. Кольцова «Действующие лица» выходит в серии «Помним вчерашний литературный». Книга В. Ермилова «Гоголь и мещанство и литературной критики» выходит в серии «История литературы и критики».

литературное наследство

органа РАПП и Института литературы Комакадемии

под редакцией: **Ф. Гвербаха, И. Иппонита и Ф. Раскольникова**

«ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО» исходит в своей работе из ленинского указания о необходимости критического пересмотра и переработки культурного наследства прошлого. «Л. Н.» разрабатывает с марксистско-ленинских позиций, под углом зрения современности, узловые вопросы истории русской общественной мысли, истории литературы и истории журналистики.

«ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО» публикует неизданные материалы и документы по истории литературы и истории общественной мысли. Особое внимание «Л. Н.» уделяет разысканиям и публикациям неизданного и материального литературоведческого наследия классиков марксизма. В центре внимания будут стоять публикации материалов и документов, относящихся к истории и предыстории пролетарской литературы.

Издание будет богато иллюстрировано.

Объем каждой книжки до 300 страниц.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА 7 руб. 50 коп. за три книги. Цена отдельного номера в розничной продаже 2 руб. 75 коп.

Подписка принимается всюду почтой и письмоносцами.

Журнально-газетное об'единение (Москва, 6, Страстной бульв., 7/9), принимает заявки на получение 3-х книг «Литературного наследства» с доплатой за 3 книги 7 руб. 50 коп. (пересылка за счет об'единения).

ЖУРНАЛЬНО-ГАЗЕТНОЕ ОБ'ЕДИНЕНИЕ.

Открытое письмо

в производственный сектор журнально-газетного об'единения и в заводоуправление интернациональной типографии

Уважаемые товарищи!

Редакция «Литературной газеты» вынуждена обратиться к вам с этим открытым письмом, так как неоднократные наши попытки разрешить вопрос другими путями ни к чему не привели.

Речь идет о том, что «Литературная газета» имеет из рук вон плохую корректуру. Опечатки, нередко искажающие смысл, засоряют газету и каждом номере нашей газеты по единицам, а десятками. Нет нужды приводить факты, так как каждый наш читатель знает их множество.

Мы, вместе со всеми нашими читателями, требуем принять самые срочные меры к улучшению корректуры газеты и правки ее.

Одновременно необходимо принять меры и к улучшению печати «Литературной газеты». Сейчас качество печати таково, что мы совершенно лишены возможности помещать фотографии, да и целый ряд штриховых рисунков также выходит обезображенными.

О предпринятых для устранения этих недостатков вами просим немедленно нашим читателей в ближайшем номере «Литературной газеты».

Редакция ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ.

г. ОКУЛОВСКИЙ

ПИСАТЕЛИ и КРИТИКА

Кратк. содержание: С. Есенин; Л. Сейфуллина, г., Бабель С. Малашкин, А. Новиков-Прибой М. Слонимск Т. Низовой, М. Федин Ф. Гладков, Д. Фурманов, Н. Дорохов. 180 стран. Ц. 1 р. 50 к.

ПАВЛОВ-ШИШКИН

СЛОВАРЬ СИНОНИМОВ

русского литературн. языка (10.000 слов)

Д-р НИФАНТОВ

ПАМЯТЬ

ЕЕ НЕДОСТАТКИ и МЕРЫ к ИХ УСТРАНЕНИЮ

Вновь 2-е издание 13-1 г.

Под редакцией проф. Щ. НАЛЬБА. в 14 рисунк. Цена 2 р. 25 коп.

Проф. Т. М. ЮДИН

ЕВГЕНИКА

Учение об улучшении природных свойств человека. Цена 3 руб.

Высылает наложенным платежом магазин ПРОСВЕТЛЕЙ Москва, 9, Мясницкая, 26

ПОРЫВАЙ СВОЮ ТЕХНИЧЕСКУЮ КВАЛИФИКАЦИЮ. ОВЛАДЕВАЙ ПОСЛЕДНИМИ ДОСТИЖЕНИЯМИ ТЕХНИКИ.

Читай иллюстрированный научно-технический популярный журнал

„ОВЛАДЕЕМ ТЕХНИКОЙ“

орган Всесоюзного о-ва «ОВЛАДЕТЬ ТЕХНИКОЙ» и ВЦСПС

«ОВЛАДЕЕМ ТЕХНИКОЙ»

организует широчайший поход миллионных трудящихся масс за изучение и техникой — Борется за техническое переустройство промышленности, сельского хозяйства и транспорта. — Помогает техническому самообразованию трудящихся. — Но большевистски ставит и освещает вопросы науки и техники.

НАРОДНЫЕ 10 ДНЕЙ вместо двух раз в месяц будет выходить «ОВЛАДЕЕМ ТЕХНИКОЙ» в 1932 году.

Впервые при журнале в 1932 году дается ежемесячное иллюстрированное приложение «ТЕХНИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА» 12 книг в год по 3 печатных л. т.а.

ОТКРЫТ ПРИЕМ подписки на 1932 год.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:
из журнал «Овладеем Техникой»
12 мес.—6 р. 50 к.; 6 мес.—3 р. 25 к.; 3 мес.—1 р. 75 к.; 1 мес.—60 к.
с прилож. Библиотеки:
12 мес.—10 р.; 6 мес.—5 р. 25 к.; 3 мес.—2 р. 70 к.; 1 мес.—90 к.

Подписку сдавайте местной почте не позже установленного ею срока.

ЖУРНАЛЬНО-ГАЗЕТНОЕ ОБ'ЕДИНЕНИЕ.

В СКОРОМ СВЕТЕ ИЗДАТЕЛЬСТВА „МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“ выйдет, от при кабинете ра очета а тора издательства ОРГАНИЗОВАНА ЛИТЕРАТУРНАЯ КОНСУЛЬТАЦИЯ ПО МОЛОДЕЖНОЙ И ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

В качестве консультантов приглашены редактора и заведующие издательства „Молодая Гвардия“ тт. Безыменский, Белугин, Колос, Галин Гребенщиков, Гершензон, Грин, Жаров, Желобинский, Марков Милославский, Морщинер, Полетаев, Осалов, Рамм, Резник, Строгова, Татерин Шабад, Шер.

Консультация производится ежедневно (кроме 2-х и 7-х чисел) с 18-ти до 14-ти и с 18 ти до 20-ти час. в помещении библиотеки Издательства „Молодая Гвардия“ (Новая пл., 6/8).

Зав. массовым сектором издательства «Молодая Гвардия» Б. Ольминский

ГОТОВИТСЯ К ПЕЧАТИ ПЕРВЫЙ СБОРНИК ИЗДАНИЯ

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО

ОРГАН РАПП и ИНСТИТУТА ЛИТЕРАТУРЫ КОМАКАДЕМИИ

под редакцией: Ф. Гвербаха, И. Иппонита и Ф. Раскольникова

«ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО» исходит в своей работе из ленинского указания о необходимости критического пересмотра и переработки культурного наследства прошлого. «Л. Н.» разрабатывает с марксистско-ленинских позиций, под углом зрения современности, узловые вопросы истории русской общественной мысли, истории литературы и истории журналистики.

«ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО» публикует неизданные материалы и документы по истории литературы и истории общественной мысли. Особое внимание «Л. Н.» уделяет разысканиям и публикациям неизданного и материального литературоведческого наследия классиков марксизма. В центре внимания будут стоять публикации материалов и документов, относящихся к истории и предыстории пролетарской литературы.

Издание будет богато иллюстрировано.

Объем каждой книжки до 300 страниц.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА 7 руб. 50 коп. за три книги. Цена отдельного номера в розничной продаже 2 руб. 75 коп.

Подписка принимается всюду почтой и письмоносцами.

Журнально-газетное об'единение (Москва, 6, Страстной бульв., 7/9), принимает заявки на получение 3-х книг «Литературного наследства» с доплатой за 3 книги 7 руб. 50 коп. (пересылка за счет об'единения).

ЖУРНАЛЬНО-ГАЗЕТНОЕ ОБ'ЕДИНЕНИЕ.

К сведению подписчиков на „ВСЕМИРНУЮ ИСТОРИЮ“

ВЫШЛА ИЗ ПЕЧАТИ И РАССЫЛАЕТСЯ ПОДПИСЧИКАМ ТРЕТЬЯ КНИГА „ВСЕМИРНОЙ ИСТОРИИ“

ЗАСЛАВСКИЙ

„ОЧЕРКИ ИСТОРИИ СЕВЕРО-АМЕРИКАНСКИХ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ“

Кроме этой книги по первому взносу абонементной подписки на „ВСЕМИРНУЮ ИСТОРИЮ“ будет выслана еще одна 4-я КНИГА

Под печатью, уплатившие только первый взнос по абонементной подписке на журнал «Огонек» или «Овладеем техникой» («Вокруг света»), или «Борьба классов» с приложением «Всемирной истории», могут подписаться на следующие книги «ВСЕМИРНОЙ ИСТОРИИ» в виде приложения к журналу «Огонек» или «Овладеем техникой» при условии полной подписки на один из этих журналов с доплатой в 14 руб., а к журналу «Борьба классов» — при подписке с доплатой в 15 руб. 75 коп.

Новую подписку на полный комплект 24-х книг «ВСЕМИРНОЙ ИСТОРИИ» можно принимать за доплату 17 р. 75 к. в качестве приложения к любому изданию Журнально-газетного об'единения («Огонек») с текущего месяца.

ЖУРНАЛЬНО-ГАЗЕТНОЕ ОБ'ЕДИНЕНИЕ

ВЫШЕЛ ИЗ ПЕЧАТИ № 2 ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЙ МАССОВОЙ ГАЗЕТЫ

„ФОТОКОР“

орган Союзфото и ОЗПИФ

ЧИТАЙТЕ В НОМЕРЕ:

ЦКК ВКП(б) проверяют состояние фотодела.

1-го октября начинается подписка на фотозаем.

Норма отпуска проявителя снижена.

Цена № 10—коп. Требуйте во всех киосках.

Открыт прием подписки.

Журнально-газетное об'единение

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА на газету „ФОТОКОР“: 12 мес.—3 р. 50 к., 6 мес.—1 р. 75 к., 3 мес.—99 к.

На „Фотокор“ с прил. библиотеки (3 книги в месяц): 12 мес.—10 руб., 6 мес.—5 руб., 3 мес.—2 руб. 50 коп.

Подписку сдавайте исключительно почте до установленного ею срока.

условий приема на заочно-консультационное отделение института красной профессуры литературы, искусства и языка при комакадемии цик ссср

1. Открывающееся заочно-консультационное отделение института Красной профессуры литературы, искусства и языка обслуживает заочников 3 категорий: а) преподающих по общую программу института, б) готовящихся к поступлению на очередное отделение ИКП ЛИЯ и в) консультирующихся по определенным вопросам по линии парткома и преподавателей вузов, комвузов и сотрудников исследовательских институтов.

2. В число заочников первых двух категорий А и Б принимаются члены партии работою с б. 7-летним, крестьяне и единицы с 5-летним партстажем для всех обязательна стаж общественно-массовой работы).

3. Комплектование заочников в ИКП ЛИЯ будет производить непрерывно.

4. Срок прохождения заочного обучения устан авливается в 4 года, при чем тов. принятые, успешно прошедшие первые 2 курса заочного отделения и оказавшие себя как научные работники, зачисляются на последний год в действительно слушатели ИКП ЛИЯ (на 3-й курс). Для отличившихся за учебу организациями поселение сохраняется в договоре при его подписании.

5. Командирующие учреждения и организации высылают средства на оплату материальных расходов за учебу командированных тт. в размере 200 руб. в год на каждого слушателя первой категории (согласно заключаемых с ВКО Комакадемии договоров).

6. Заочный ИКП ЛИЯ будет производить прием на следующие отделения: газетно-редакторское, литературно-критическое и отделение искусств) с разделами — кино, муз. самодеятельное искусство и массовая художественная работа театр, музыка, радио).

7. Для приема на заочное отделение по категории А товарищи должны доставить в ИКП ЛИЯ следующие документы:

а) заявление о приеме с указанием отделения на которое предполагает поступать кандидат;

б) заполненную анкету слушателя ЗКО ИКП, измеренную печатью организаций;

в) командировку ЦК ВКП(б), обкома, крайкома или ЦК нацкомпартий и командирующую организацию, берущей на себя расходы по обучению слушателя;

г) подробную характеристику-аттестацию, утвержденную райкомом, с справку о партстаже и социальном положении;

д) документы об образовании для лиц, окончивших вузы или комвузы и 1929 — 1931 гг.;

е) печатные труды, если таковые имеются.

8. Для приема на заочное отделение по категории Б кроме перечисленных документов и в параграфе 10 (за исключением командировки организации, берущей на себя расходы по обучению), необходимо доставить документы об отношении к воинской повинности и справку о годе рождения.

9. Заявления и документы необходимо направлять в мандатную комиссию ИКП ЛИЯ (Москва, Остоженка, 53).

10. Товарищи утвержденные поставленным условием и допущенные мандатной комиссией ИКП ЛИЯ (б), присылают краткие аннотированные работы по 3 письменным: диалектическому материализму, политической экономии и ленинизму (темы будут рассылаться по рассмотрении заявлений).

11. Зачисленные и число заочников ИКП ЛИЯ по категории А проходят программу, тождественную с программой основного отделения (см. «Бюллетень заочного обучения ИКП» № 9 и следующие), присылают на консультацию краткие планы по темам и докладов по разделам. Учебно-производственные конференции для заочников категории А будут созываться 2 раза в год, для участия в которых заочник вызывается иногородними отделом по месту работы с сохранением содержания своих нормального отпуска (согласно пост. ЦК ВКП(б).

12. Минимум литературы, требуемой для поступающих на заочное отделение, определяется основному отделению в журналах «Большевик» № 16 и «Литературном посту» № 20—21, «Бюллетень заочного обучения ИКП» № 6 за 1931 год.

Примечание: Заочники категории Б проходят указанный минимум литературы на протяжении всего учебного года.

ДИРЕКЦИЯ ИКП ЛИЯ.

Уполн. Главлита В 105359

Международная (29) тип. «Мосполиграф», пр. им. Свердлова-Свердлова, д. 1.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ФЕДЕРАЦИИ ОБ'ЕДИНЕНИЙ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР

МОСКВА 17 ОКТЯБРЯ 1931 Г. № 56 (155)

РЕДАКЦИЯ:
Москва, Тверской б. 25, Дом Герцена. Телефон 2-80-12.

ИЗДАТЕЛЬСТВО:
Журнально - газетное об'единение: Москва, 6, Страстной бульвар 11. Телефон 5-51-69.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА:
На 12 м. 3 р. 50 коп.
На 6 м. 1 р. 75 к.
На 3 м. - р. 90 к.

О КОНСОЛИДАЦИИ СИЛ ПРОЛЕТАРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ НА УКРАИНЕ

Ноябрьский пленум совета ВОАПП поставил перед украинскими товарищами задачу в возможно очень короткий срок создать на Украине ЕДИНУЮ организацию пролетарских писателей путем вхождения «Молодняка» (организации комсомольских писателей) в основную всеукраинскую организацию на Украине—ВУСПП. Ликвидация разногласий по отдельным литературным вопросам между ВУСПП и «Молодняком», дальнейшая борьба за гегемонию пролетарской литературы, необходимость осуществления полного единства всех сил пролетарской литературы в классовой борьбе, происходящей на литературном фронте, — все это подтверждает актуальность решения последнего пленума совета ВОАПП.

В настоящее время вопрос о вхождении «Молодняка» в ВУСПП может считаться в принципе РЕШЕННЫМ и не вызывающим никаких возражений с чьей бы то ни было стороны. Все дело заключается в СРОКАХ об'единения, в конкретных ФОРМАХ его, в той ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ РАБОТЕ, которая должна предшествовать формальному завершению об'единения. При этом вопрос о сроках ПОДЧИНЯЕТ вопросу о качестве и содержании предварительной работы, предшествующей об'единению.

Сейчас в комсомоле поднимается ВОЛНА ВНИМАНИЯ К ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ. Комсомол имеет все права на высококачественную художественную литературу, отвечающую возросшим идейно-художественным запросам молодых поколений рабочего класса. Значительно более активное участие комсомола во ВСЕЙ работе организации пролетарских писателей поможет пролетарской литературе подняться на высшую ступень и преодолеть трудности, возникающие перед ней. Пролетарская литература должна более решительно осуществить лозунг ПОВОРОТА ЛИЦОМ К КОМСОМОЛУ. Мы печатаем в сегодняшнем номере сообщение об организации в Москве мапповского об'единения комсомольских писателей при «Молодой гвардии». Создание такого об'единения должно взяться не единственным, но лишь одним из шагов на пути к практической реализации связи с комсомолом со стороны организаций пролетарских писателей. И ВОАПП, и комсомол в его литературной работе руководствуются линией партии в вопросах художественной литературы. Поэтому необходимо максимальное укрепление связи между пролетарским литературным движением и комсомолом.

Вхождение «Молодняка» в ВУСПП — значит, что комсомол Украины — через группы комсомольских писателей — становится активным участником всей работы пролетарских писателей, об'единенных в ВУСПП. Но мы уже сейчас можем констатировать на сегодняшний день наличие сколько-нибудь КРЕПКОЙ связи между ВУСПП и комсомолом? Нет, такая связь до сего времени была крайне СЛАБА. Поэтому первой и основной предпосылкой для завершения вхождения «Молодняка» в ВУСПП является СРАБОТАННОСТЬ МЕЖДУ ВУСПП И КОМСОМОЛОМ.

Второй необходимой предпосылкой является АКТИВИЗАЦИЯ САМОГО «МОЛОДНЯКА» В ПОСТАНОВКЕ КОНКРЕТНЫХ ТВОРЧЕСКИХ ВОПРОСОВ комсомольской литературы. «Молодняк» вырос и окреп как боевая литературная организация комсомола Украины, в основном правильно проводившая и проводящая линию ВОАПП, воспитывавшая и воспитывающая молодые напостовские кадры. Но за последнее время вокруг вопросов консолидации пролетарской литературы на Украине создалась во многом и нездоровая атмосфера. «Молодняковские» собрания ограничивались принятием резолюций ЗА вхождение в ВУСПП (в то время, как нужно было измочать КОНКРЕТНЫЕ ФОРМЫ И ПУТИ этого вхождения). Имея за последнее время значительные достижения в области комсомольской ТЕМАТИКИ, «Молодняк» ослабил борьбу за качество продукции, за постановку ряда НОВЫХ творческих проблем, за увязку художественного творчества комсомольских писателей со всей ПОВСЕДНЕВНОЙ ПРАКТИКОЙ ЛЕНИНСКОГО КОМСОМОЛА. Теперь, когда принцип консолидации не вызывает никаких споров,— теперь особенно необходимо решительно переключить энергию «Молодняка» на творческую работу,— необходимо, чтобы «Молодняк» стал ЗАСТРЕЛЬЩИКОМ в постановке перед комсомолом и ВУСПП всего круга вопросов комсомольской литературы,— необходимо, чтобы он более энергично связал свою деятельность со всей практикой комсомола Украины. Единство взглядов на вопросы консолидации пролетарской литературы на Украине, существующее сейчас между комсомолом Украины, «Молодняком» и ВУСПП, позволит усилить руководство «Молодняка» и его групп со стороны организаций комсомола, сделает это руководство более гибким и предотвратит на местах какие бы то ни было тенденции подмены руководства грубым администрированием.

Такова совокупность основных условий, необходимых для того, чтобы вхождение «Молодняка» в ВУСПП было осуществлено в возможно более короткий срок.

Опыт же «Молодняка» должен быть передан всей пролетарской литературе СССР, которая производит сейчас поворот лицом к комсомолу.

участие в создании „истории заводов" — ответственный экзамен

для пролетарской и всей советской литературы

1500 авторов и 100 редакторов

ЛЕНИНГРАД (от наш. корр.). На заводах комбината «Красный треугольник» по инициативе литгруппы ЛАПП приступлено к работе над книгой об истории «Красного треугольника». К созданию этой книги будет привлечено 1.500 рабочих комбината из числа «стажировок» завода, участников рабочего движения, лучших производственников. Образуется широкая редакционная коллегия из 100 старейших рабочих, представителей партийных, комсомольских и профсоюзных организаций и литгруппы ЛАПП. Работа над созданием книги ведется под руководством директора комбината т. ЧИКАЛОВА.

Рабочие «Красного треугольника» решили обратиться в подшефный союз советских писателей о прикреплении к редакционной коллегии в качестве литературных практикантов тт. М. СЛОНИМСКОГО, Б. ЛАВРЕНЕВА и др.

На фабрике «Скороход» работой по составлению истории руководит бригада напостовского призыва.

на заводе им. владимира ильича не приступили к реализации постановления цк вкп(б)

вносим предложение

фосп должен в порядке шефства послать на завод писательскую бригаду помощи

Взятое шефство ФОСП и завода им. Владимира Ильича продолжает оставаться камнем преткновения в работе ФОСП и заводских организаций. «Литературная газета» не раз писала, что шефство это не выходит за пределы совместных (и скажу сказать, очень редких) совещаний, разработки планов, что живой, практической работы совершенно не видно. Нельзя же в самом деле считать шефской работой пусть даже частые восещения завода двумя (только двумя!) членами ФОСП!

Прорыв в шефской работе особенно четко определился в последние дни, после постановления ЦК партии о создании «истории заводов», определился на конкретном примере. Если на других предприятиях (харьковский ГЭЗ, ленинградский «Красный треугольник», «Скороход», завод и др.) рабочая общественность приступила к практической работе сейчас же после обращения М. Горького, то на заводе им. Владимира Ильича, надо сказать, это шефство ФОСП могло бы создать особенно благоприятные условия для дела этой работы, фактически еще ничего не сделано для реализации постановления ЦК ВКП(б).

Тов. Данилов (сектор массовой работы сарткома) в беседе с сотрудником «Литературной газеты» заявил, что заводские организации уже сделали первые шаги к перестройке шефской работы. 10 октября на заседании шефской комиссии был разработан и утвержден предварительный план работ комиссии, план, который помимо всего прочего предусматривает также развертывание работы по написанию истории завода. — Комиссия,— заявил т. Данилов,—поставила в XIV годовщину Октября организовать совместно с ФОСП рабочее собрание и обсудить на нем все важнейшие вопросы шефства, а также вопросы создания книги истории.

Может ли удовлетворить нас такое заявление?

Нет, не может.

Не может уже по одному тому, что ни о чем другом, кроме как об ориентации на очередную отсрочку, оно не говорит. Разве для выполнения постановления ЦК партии обязательно нужны торжественные собрания, приуроченные к годовщине Октября? Разве нельзя проводить практическую работу уже теперь?

Завод им. Владимира Ильича—завод с большой историей, завод, достойный книги истории. И приступить к подготовительной работе нужно уже теперь. Заводские организации должны начать эту работу с ценурализации и поставить дело так, чтобы в ближайшее время можно было приступить к написанию книги.

Почетная роль помощника и сотрудника заводских организаций в этом деле принадлежит Федерации советских писателей. ФОСП, связанный с заводом конкретными обязательствами шефства, не может оставаться в стороне от этого важнейшего начинания. Выполняя постановление ЦК партии по своей линии, ФОСП обязан в первую очередь помочь рабочей общественности завода им. Владимира Ильича в разрешении ее очередной задачи.

Конкретно: ФОСП должна теперь же выделить специальную бригаду писателей и направить ее на завод для постоянной, повседневной практической помощи заводским организациям в реализации постановления ЦК ВКП(б). Задача этой бригады — не только развивать и давать указания рабочим-авторам истории в процессе их творческой работы, но и организовывать материал и систематизировать его, и подготовить его соответствующей литературной обработке.

Желательно было бы обсудить это предложение на расширенном заседании секретариата ФОСП, 18 октября.

ВЛ.

история заводов на страницах „борьбы классов"

ПРИМЕР ДОСТОЙНЫЙ ПОДРАЖАНИЯ

Журнал «Борьба классов» — орган общества историков-марксистов при Комакадемии — отвел на своих страницах место для отображения хода социалистического строительства на заводах-гигантах. В № 3—4 журнал поместил «Историю завода АМО» рабочего заводов. Шихеева. В живой и популярной форме автор описывает борьбу за социалистический гигант. Перед нами проходит вся история завода от первых дней машин, профинансированных 7 ноября 1924 года на Красной площади, до выпуска 25.000 машин в тот, когда по оборудованию завод обогнал Германию, а в отдельных случаях и Америку. Всю эту историю творили массы и такие передовики АМО, как Макура, Кочергин, Поваляев, Тарасевич, Салов, Семин, Понадопуло, Белоусов, Шаймович, Никопов, Башлевский.

Журнал «Борьба классов» взял совершенно правильную линию. В следующем номере журнал обещает открыть свои страницы для истории завода «Серп и молот».

Начинание «Борьбы классов» нужно горячо приветствовать.

А. ЛЕРМОНТОВ

Первый отдел АМО

первые сообщения с предприятий

* Радиогазета «Комсомольская правда» обследовала четыре крупнейших предприятия Москвы (АМО, «Динамо», Электрозавод, завод им. Владимира Ильича), чтобы установить, как готовятся эти предприятия к созданию «истории». Выяснилось, что только на «Динамо» рабкоровские и литературные кружки проводят большую разъяснительную работу по цехам. На других предприятиях рабкоры и литкружковцы совершенно ничего не делают, чтобы сосредоточить внимание масс на этой важнейшей задаче. Особенно плохо обстоят дела на Электрозаводе.

БЕЛЬМАСОВ

* Литкружок Ижорского завода, имеющего огромный опыт в формировании отрядов рабочего класса, решил написать книгу «истории». Ижорский завод заслуживает этой книги — на его долю выпала честь выпустить первый советский блюминг.

Уже сейчас к созданию «истории» привлекаются рабочие-ударники и специалисты. Почетное место отведено старикам, участникам былых боев, свидетелям прошлого.

Все новое, написанное для книги «истории», читается на расширенном собрании активистов. Материалы обсуждаются непосредственно в цехах самими рабочими. Приехав в книгу «История Ижорского завода» почти наполовину, литкружковцы и рабочие-ударники заявляют, что они будут драться за окончание этой книги так же, как дрались за первый советский блюминг.

В. НАЛИВАХИН

***

* Кружок рабочих авторов при мехсекции фабрики № 2 (Москва) приступил к собиранию материала для написания книги «История фабрики». К созданию книги привлекаются рабочие-литкружковцы, инженерно-технический персонал, старые рабочие и весь фабричный актив.

М. КАР

***

* Завком ленинградского завода «Электроприбор» после выступления А. М. Горького на пленуме РАПП предложил приступить к созданию истории завода. «Электроприбор»—детище резолюции. Он начал существовать в 1926 году, когда на Вульфовой 5 появились первые корпуса пылящего гиганта, оборудованию по последнему слову европейской техники. Рассказать в книге «истории» есть о чем. Завод родился в борьбе и в борьбе выполняет свою производственную программу, воспитывая кадры стойких и выдержанных бойцов. Рабочие завода предложили созвать совещание старых производственников, чтобы детально обсудить план коллективного труда. Ясно, что писаться со старыми рабочими, которые сейчас работают на других предприятиях.

Б.

от нашего ленинградского корреспондента

ленинградские письма

социалистический дом советской литературы

Строительство первого в мире клубно-жилищного комбината советских писателей — Ленинградского дома советской литературы — выходит из кабинетов архитекторов и конструкторов. Первая вехта проекта передается на обсуждение широкой писательской общественности. Программа уже обсуждалась расширенным советом ленинградской ФОСП с участием инженеров и архитекторов.

Столица сейчас во главе директората строительства Б. Лавренев познакомил членов совета ФОСП с основными принципами строительства и качества его материальную базу, состоящую из домовой прачечной-бани, ВНОПС, Осоавиахима и других организаций.

Программу проекта изложил инженер-конструктор И. Филиппов. Дом советской литературы предполагается построить в виде комбинированного комплекса помещений: клуб писателей — со зрительным залом, комнатами для кружковой и творческой работы, библиотекой-читальней,—помещения, предназначенные для удовлетворения нужд живущих (ресторан, прачечная, парикмахерская, ясли и ясли, медпункт и т. д.), помещения для литературных организаций и редакций литературно-художественных журналов и газет и, наконец, жилая часть, которая рассчитана на излишение в 500 человек взрослых и 100 детей.

Дом советской литературы будет огромным зданием (но не выше трех этажей), в оборудовании и планировании которого предполагается применить последние достижения техники. Стоимость строительства определяется в 2.900 тыс. руб. Конкурс на составление проекта проводит Ленинградский облпрофсовет.

Большинство членов совета ФОСП высказалось против размещения редакций в здании комбината, мотивируя это тем, что, с одной стороны, нельзя отрывать редакции от издательской базы (!), с другой, замечали они, — наличие редакций в комбинате окончательно прекратит общение писателей с широким миром (!) и превратит комбинат в какую-то «консервную банку».

Так ли это?

Доводы защитников первого варианта программы сводятся к справедливым замечаниям, что одной из задач комбината, являющегося по существу клубно-жилищно-производственным комбинатом, — наиболее рационально перестроить жилищно-бытовые и производственные условия писателя, социалистически рационализировать их, чтобы в ближайшее время писатель богател по реализации и литорганизациям была сведена до минимума.

Менее спорными оказались жилищные пункты программы.

Директорат строительства и ленинградская ФОСП перед опубликованием программы проекта предполагают организовать большой диспут.

Б. Р.

литературный новосибирск

* С 4 августа в Новосибирске начались литвечерники, посвященные творчеству членов ВОАПП. Порядок вечеров: после краткое сообщение автора о своем творческом пути, о главнейших этапах творчества и методике творчества, затем небольшой доклад официального рецензента и, наконец, прения. Подводят подведение итогов и анализу прений делал писатель.

* Перед творчеством приехали широкое внимание. К сожалению, совершенно индифферентно отнеслись к литдекаде члены АПП и ВОАПП.

* Сибирская ФОСП организовала ряд поездок писателей по Сибири. В результате местным ОГИЗ выпущено несколько брошюр о строительстве Западной Сибири. Не менее 20 писателей было послано на заводы, в совхозы, колхозы и МТС для выявления героев пятилетки.

книги восточно-сибирской апп

Восточно-Сибирская АПП передала в Госиздат ВУЗ литературно-художественный сборник «Буреломы», посвященный гражданской войне в крае, брошюру Эм. Прилукского «В первых литературных боях» и книжку того же автора о забастовке рабочих концессии «Ленаголътфильзе» (Больбо).

Спасется в печать литературно-художественный альманах Восточно-Сибирской АПП.

совещание критиков рапп

Состоявшееся недавно совещание критики РАПП, посвященное подготовке к предполагавшемуся совещанию критиков РАПП (открывшемуся в Москве 10 ноября), предложило организовать смотр критико-библиографических отделов журналов. Специально создана бригада, которая займется изучением критического материала о пролетарской и политической литературе, беллетристике и научно-критических работах последней литературы, а также органу по изучению критических обзоров писем рабочих читателей и критической работы журналов.

курсы руководов литкружков мопки

МОПКИ совместно с шеффото организует при ИКП ЛИЯ Комакадемии полуторамесячные курсы руководов районотделений и литкружков. Занятия начнутся с 25 октября. Заведующими курсами назначен тов. Астахов преподавателями — тт. Астахов, Ольман, Коренев, Еголин и Плиско.

В ударном периоде разработана программа для пишмых литкружков. Программа срочно рассылается на места вместе с методической библиотекой.

история мотора — история завода

Над идеей создания истории завода литкружок ГЭЗ работает уже около шести месяцев. Намечен широко развернутый показ своего предприятия, литкружок отказывается от использования популярных и дилетантских книжек, посвященных заводу. Все эти книжки, в частности «Электрический гигант» и «Бойцы за индустриализацию на ГЭЗ», выпущенные украинскими издательствами, отличаются не только туристским подходом к теме, но и отсутствием противопоставления теперешнего заводского быта—дореволюционному.

Задумывая историю завода, литкружок ГЭЗ решил организовать вокруг «истории» широкий коллектив, чтобы, с одной стороны, воспользовавшись воспоминаниями старых рабочих, показать бытовую обстановку на дореволюционном ГЭЗ (бывший ГЭК, завод «Всеобщей электрической компании»), с другой — шире представив технологическую процессы на заводе, по затушевать показа живых людей в живой борьбе с бюрократизмом, рвачеством и прогулами на заводе.

Наиболее трудными для кружка являются композиционные вопросы. Руководящая группа вусповской литячейки предлагает создать историю своего предприятия в виде истории одного мотора, выпущенного заводом. Показать сборку мотора, процессы этой сборки — рассуждают литкружковцы,—это значит дать картину жизни завода. «Истории мотора» будет писаться непосредственными участниками производства.

А.

литературный отряд мировой революции

доклад тов. ясенского о работе морп

На этом же заседании секретариата был заслушан доклад т. Бруно Ясенского о работе МОРП. Он изобиловал интереснейшими фактами, позаимствованными с одной стороны, рост и укрепление международного революционного литературного движения, и с другой—фашизацию литературы, провоцируемую мировой буржуазией, мобилизацию ее для подготовки похода против СССР.

— Буржуазия,—говорит т. Ясенский,—стремится максимально использовать литературу как средство завоевать массы мелкой буржуазии, а также рабочего класса. С этой целью проводится фашизация литературы, но притом очень хитрыми методами. Это делается под лозунгом преодоления тематики, под лозунгом перехода на социальную тематику и, например, французские фашисты в литературе называют себя «неореалистами» («народниками»). Максимально активизируется социал-фашистская литературная агентура капитализма. Социал-фашистами создается так называемая «пролетарская» литература, они печатают и коммунистов-писателей, но ставят своей задачей удовлетворение читательских потребностей всех групп населения — и рабочего и мелкого лавочника. Они говорят, что им важно не мировоззрение писателя, а его социальное происхождение.

Характерной формой всего подхода буржуазии к перевооружению буржуазной литературы, является создание целого ряда псевдо внешне-революционных, внешне-дружелюбных по отношению к Советскому союзу, а на деле отражающих контрреволюционную роль. Таков к примеру голландский журнал «Фронт», русский отдел которого прикрывается маркой ВОКС и ФОСП. Появился целый ряд выходящего, крепнущее международное фашистов, «попутников» строительства в СССР, чрезвычайно умело и хитро проводящих свою контрреволюционную работу.

В качестве характерного примера этого, т. Ясенский подвергает разбору выступления Пьера Доминика, побывавшего в прошлом году в Советском союзе. Они сводятся к тому, что, восхищаясь строительством в СССР, Доминик старается доказать, что путь пролетарской революции закономерен в СССР, но совсем не нужен и не обязателен для пролетариата Запада. Кроме того Доминик устанавливает, по примеру Дюамеля, «особые черты русских» (инертность, лень) и все успехи советского строительства объясняет диктатурой партии. Доминик считает, что из многих путей для Запада наиболее целесообразным будет путь соответственного следования примеру России, тоже установления диктатуры, но... фашистской.

Аналогичны высказывания Филиппа Лемура в журнале «Фронт». Он говорит о «молодых революционных народах», которым принадлежит будущее. Сюда он причисляет и СССР, и Италию и говорит, что противоречия между ними «чисто внешние»—опять пропаганда фашизма.

Чрезвычайно интересные данные привел т. Ясенский о совпадении взглядов фашистов на искусство с рядом литфронтовских высказываний. Так, вождь германских фашистов Гитлер, выступает против психологизма и за литературу лозунгов на том основании, что никаких глубоких вопросов рабочие не поймут.

Такова политика буржуазии. Что ей противопоставит пролетариат? Развивающееся, крепнущее международное революционное литературное движение. Оно находится в разных стадиях, на разном уровне, но везде оно по-настоящему включается в практику коммунистических партий, все больше становится серьезным орудием классовой борьбы. Харьковская конференция пришла для развития мировой революционной литературы громадные результаты, которые сейчас мы ощущаем со всей силой.

В Германии мы имеем постепенную ликвидацию прошлых ошибок, укрепление наших организаций, привлечение новых сил, в частности таких крупных писателей, как Берт Брет, революционный рост Глезера и т. д.

Во Франции четкая критика позиции Барбюса также сыграла положительную роль. Барбюс письмом в МОРП признал свои ошибки... однако он продолжает их делать. Но мы имеем организацию вокруг «левой» группы «Юманите», здоровые элементы которой могут быть нами использованы положительным образом. Ошибка этой группы заключается в том, что она держит курс на мелкобуржуазную интеллигенцию и кроме того, стремится привлечь в свои ряды даже социал-фашистов.

Конференция способствовала ликвидации «левого» уклона в Америке, выявившегося в преображении работой с попутчиками. Там идет перестройка клуба Джона Рида, по его инициативе организуется Федерация культорганизаций.

В Японии мы добились разрыва социал-фашистской агентуры «Литературный фронт» (переписка МОРП с этой группой была опубликована в «Литгазете»).

Дав обзор положений в других странах, т. Ясенский в качестве выводов из своего доклада призывает РАПП организовать передачу международному литературному движению своего творческого и теоретического (что особенно важно) опыта.

Но предложению т. Авербаха секретариат создал большую комиссию для проработки всей суммы вопросов, связанных с работой МОРП, ставшей, по его выражению, большой политической международной организацией.

В том же заседании секретариат заслушал сообщение т. Халатова о фазе времяпровождения ударников и доклад т. Резника о работе библиографического отдела.

на секретариате рапп

поднять массовое движение, мобилизовать организацию на создание „истории заводов"

15 октября секретариат правления РАПП по докладу обсуждал вопрос о создании «Истории заводов» и участии в этой новой важнейшей работе пролетарских писателей и всего пролетлитературного движения. Несмотря на то, что обсуждение этого вопроса было развернуто на секретариате РАПП уже в этом году очень широко, как правильно отметил т. Авербах, оно носило лишь предварительный характер. Всю сумму вытекающих из этой задачи вопросов можно будет поставить несколько позднее, когда будет проделана большая подготовительная организационная, практическая и теоретическая работа.

Член главной редакции «Истории заводов» т. Жига в кратком сообщении информирует секретариат о задачах и намечках работы главной редакции, а также охарактеризовал роль РАПП в деле создания «Истории заводов».

— «История заводов»,—говорит т. Жига,—будет составляться на основе строго проверенных фактических данных, причем здесь возможно применение самых разнообразных жанров. На каждом заводе, где будет писаться «история», будут созданы редколлегии во главе с ответственными организаторами. Оплата расходов, связанных с их содержанием, возлагается на предприятия. Группирование объектов решено производить по территориальному признаку. Это делается для того, чтобы легче было руководить всей работой. В первую очередь будет составлена «история» 95 заводов, список которых уже определен.

Каковы задачи рапповской организации? Наши литературные кружки на предприятиях должны активно двинуть всю работу по созданию «истории». Нам необходимо сейчас же проверить состояние наших кружков всех предприятий, которые включены в список 95 и укрепить их. Если на некоторых из этих предприятий кружков нет, следует их немедленно организовать.

В работу по созданию «истории» нужно вовлечь возможно больше рабочих. Отсюда—задача расширения на этих предприятиях призыва ударников.

В качестве конкретных мероприятий, в ближайшие дни предполагается издать рапповскую брошюру с первыми инструктивными материалами, а также организовать совещание организаторов создания «истории» на предприятиях.

В прениях говорили о том, что задача создания «Истории заводов» является гражданским опытом создания новой литературной формы, что при разрешении ее должен быть использован весь творческий и практический опыт рапповского движения, что она непосредственно связана и вытекает на другой больной задачи—показа героев, что вопрос заключается не в эмпирическом подборе материалов, а в глубоко идейном, диалектическом осмысливании всего опыта рабочего класса нашей страны.

Практическая часть прений сводилась к следующему. Товарищ **Сурков**, отметив недостаточную подготовленность писательских кадров к делу создания «истории», слабое знакомство многих с тем материалом, с которым придется иметь дело, предложил включить группу писателей для прохождения специальной подготовки, ибо ведь нам придется по-настоящему руководить всем этим делом. Тов. **Корабельников** обвинил от имени творческого объединения «Ижорская семья», что объединение целиком включается в задачу создания «истории» и прикрепляется к предприятиям Пролетарского района. Тов. **Виталок** предложил основное внимание уделить планированию работы на местах. Тов. **Горбунов**, считая необходимым увязать предстоящую работу по созданию «истории» с уже начатой, указал на необходимость использования, например, готовых коллективов, организованных ГИХЛ.

Тов. **Боровой** сообщил о том, что уже предпринято МАПП.—«Выделение опорных точек, за которых будет сосредоточена работа, предположение о писании рабочими литературными кружками предприятий и т. д.

Эта работа, предпринятая нами МАПП, была охарактеризована в заключительном слове т. **Авербаха**, как явно недостаточная. Надо все внимание бросить сюда, на эту границную, качественно новую задачу пролетарской литературы. —Мы должны поднять для этой работы и книть в наше движение новые громадные кадры.

— Задача создания «Истории заводов», — говорит далее Л. Авербах, — делится на две части. Первая—сбор материала: здесь и опрос рабочих, и сеанс совещаний, использование архивных материалов и т. д. и т. д. Вторая—использование этих материалов, обработка их. В этом необходимо максимальное участие наших кадров и в частности старых писателей. Одна сторона дела—поднять массовое движение; другая—использовать профессиональные кадры.

Во всей этой работе нужно как следует подготовиться, по-настоящему ее осмыслить. Одно из важных мероприятий,—проведение краткосрочных курсов-семинаров, для которых нужно взять с каждого предприятия примерно по два рапповца.

Для подготовки текста обращения секретариата РАПП, а также разработки подробного плана участия РАПП в создании «Истории заводов», секретариат РАПП выделил комиссию в составе тт. **Виталока, Корабельникова, Жиги, Шушканова, Суркова, Фридмана и Горбунова.**

маап приступает к работе

В ответ на постановление ЦК ВКП(б) об издании серии сборников «История заводов» МАПП выделила пролетписателей Ф. Гладкова, Р. Азарх, Н. Шушканова для участия в составлении истории «Динамо», Электрозавода и завода им. Владимира Ильича. Кроме того, МАПП выделяет в помощь литкружкам ряд слушателей курсов марксизма-ленинизма.

В ближайшее время МАПП созывает совещание литкружков этих трех заводов совместно с прикрепленными писателями и представителями партийных и профсоюзных организаций, на котором будет подробно разработан план работы литкружков по написанию коллективных книг «Истории».

МАПП организует также выездные заседания секретариата на заводах. К участию в заседаниях привлекаются пропутнические писатели. Опыт работы литкружков трех предприятий будет затем перенесен МАПП в литкружки других заводов.

злотоустовское отделение огиз — на волне самотека

о постановлении цк вкп(б) здесь знают понаслышке

рейд бригады пролетарских писателей златоуста

Как выполняет Златоустовское отделение ОГИЗ постановление ЦК партии об издательской работе?

Бригада Златоустовской АПП выяснила, что за собранных коллектива работников ОГИЗ постановление ЦК ВКП(б) не прорабатывалось. Отделение ничего не сделало для его реализации. Массовая работа отделения в нонешнем загоне. На механическом заводе до 15 мая существовали киоски — эти опорные пункты массовой работы,—но так как киоскеры не отвечали своему назначению и никакой массовой работы не вели, киоски пришлось закрыть. На металлзаводе киоски также были закрыты. Организованные в феврале курсы киоскеров развалились. Пропаганда книги в цехах не велась.

Ни цеховая, ни городская печать на радио не были использованы. Месячник массово-политической книги, который решено было провести с 1 июля, провалился. Реклама поставлена плохо. Работа с иногородними кадрами никуда не годится. Вчера книги не проводятся. Пропаганда специальной литературы для ударников сведена к организации выставки в магазинах. Отделение ОГИЗ все свою работу свело к простой продаже книг. Изучением спроса конечно никто и не подумал заняться.

А какова хозяйственная деятельность отделения? Областное отделение отгрузил Златоустовскому на все расходы 6,5 процентов с его оборота (самый низкий процент по союзу). Если к этому добавить, что литература получает не полностью (в августе например получено только 29 процентов полагающегося), то станет понятным заявление зав. отделением Захарова, что он «еле-еле выкручивается». Низкий уровень зарплаты (60—80 руб.) вызывает большую текучесть продавцов.

До сих пор в работе практикуется обезличка: отдельные группы книг не учитываются, учета затоваривания нет, бухгалтер сообщил приблизительную цифру затоваривания—15.000 р. В магазине № 2 нет даже сведений о выполнении плана.

В результате всего этого общий план в июле выполнен на 58,5 проц., в августе—на 57,8 проц., а по литературе: в июле—на 50 проц. и в августе — на 38 проц.

План подписки на периодические издания выполняется только на 50 процентов.

Партийным и советским организациям необходимо обратить внимание на деятельность Златоустовского отделения ОГИЗ и принять срочные меры к его оздоровлению и перестройке.

Бригада Златоустовской АПП—
Н. КУШТУМ, И. СЕДЛОВ,
А. ГУСЕВ

ленинскому комсомолу

высокохудожественную пролетарскую литературу

комсомольские писатели—напповцы будут бороться

за теснейшую связь рапп и комсомола

на собрании об'единения „Молодая гвардия"

13 октября при журнале «Молодая гвардия», впервые после значительного перерыва, состоялось открытое собрание творческого об'единения комсомольских писателей МАПП «Молодая гвардия». Собрание привлекло большое количество комсомольцев-ударников, призванных в литературу. Присутствовало около 70 человек.

— РАПП всегда, — говорит, открывая собрание, редактор журнала «Молодая гвардия» тов. **Кирьянова**, уделяя и уделяет большое внимание вопросам комсомольской тематики. РАПП в своем большинстве состоит из писателей, выросших в комсомоле; в их творческой практике жизнь и борьба комсомола занимает большое место. Сейчас, когда комсомол превращается в многомиллионную организацию, требования к пролетарской литературе значительно возрастают. На основе борьбы за линию партии в литературе, за напостовство, творческое об'единение комсомольских писателей МАПП, решительно расправляясь и борясь с остатками литфронтовщины (Медведев, Авалов), с проявлениями воронщины и гребенщины, будет «создавать художественную литературу, достойную героического комсомола.

Секретарь МАПП тов. **Бороздин**, указав на необходимость развернутой борьбы с отклонениями от линии РАПП, считает совершенно своевременной организацию творческого об'единения комсомольских писателей МАПП и созывает собрание в соответствующем ремонте, вынесенном на этот счет секретариатом МАПП.

Разрабатывая план второго года работы «при заводе ударников», мы на совещании МАПП месяц назад особое внимание решили уделить вопросам комсомольской литературы и наметили ряд мероприятий, как то: возобновить работу творческого об'единения комсомольских писателей «Молодая гвардия», окрепла ее основой массой комсомольцев, призванных в литературу, заслушать доклады журналов, издательства и газет, ведущих работу в этом направлении, и т. д.

Тов. **Плакидин** (2-й часовой завод) своим выступлением ярко продемонстрировал, что ударники, призванные в литературу, условия творческие лозунги напостовства и никакими оваловско-медведевскими декларациями их с правильного пути не сбить. Ударники считают, что новая борющегося комсомола может быть осуществлена при условии борьбы с лакировщиками, упрощенцами, а также воронщиками и гребенщиками.

Тов. С. Кирьянов подчеркнул, что всякое об'единение тогда жизненно, когда организуется на принципиальной основе, и поэтому нам прежде всего необходимо отмежеваться от того, что мы считаем неправильным. В частности, Медведева и Авалова, Воронского и Мейлаха, в «Комсомольской правде», являющихся литфронтовскими наскоками на основные, испытанные в борьбе лозунги РАПП, лозунги напостовства, — должны вызвать жесткий отпор. Такого же порядка высказывания были в свое время и в статьях Пира и Чернявского в пору жарких боев с Литфронтом. Это дает право ставить вопрос о некотором неблагополучии в литстранице «Комсомольской правды». Наше об'единение будет бороться за литературно-политическую, творческую и теоретическую линию РАПП, основного проводника линии партии, а значит и комсомола, в литературе.

Меерзон (завод Маленкова) отметил своевременность возобновления «Молодой гвардии», которая теперь, на новом уровне и на новом этапе, должна будет бороться за комсомольскую тематику и со всякими литфронтовскими отклонениями от боевой линии напостовства.

С большой речью выступил тов. **Авербах**. Он начал с заявления о том, что некоторым хотелось бы представить, что между комсомолом и РАПП возникли глубокие разногласия по вопросам литературы. Это ведущая. У комсомола нет и не может быть иной линии в вопросах художественной литературы, кроме линии партии, которую РАПП призвана осуществить. Речь идет об отдельных нефевских отклонениях, об отдельных статьях, напечатанных в «Комсомольской правде», неизменно, политфронтовски использовавших некоторые основные лозунги РАПП.

Далее тов. Авербах подробно останавливается на задачах творческого об'единения комсомольских писателей МАПП, подчеркивает трудности, стоящие перед пролетарскими писателями, берущимися за овладение диалектико-материалистическим художественным методом.

Следующий оратор **Иосиф Уткин** попытался проанализировать причины отставания комсомольской литературы от задач реконструктивного периода. Останавливаясь на своих ошибках, тов. Уткин подчеркнул, что они являются следствием незрелости его мировоззрения.

Резкой критике со стороны Уткина и всех выступавших подверглась дефективная практика Киргизова, генерализуемая «Комсомольской правдой».

Все выступавшие отмечали крайнюю своевременность возобновления творческого об'единения комсомольских писателей. Приехали тов. **Гребенникова** (делегатка от ударников-комсомольцев Ленинградского завода «Электросила»), которая сообщила, что ударники-комсомольцы с нетерпением ждут создания своей писательской организации.

Тов. **Корабельников** в своем выступлении совершенно правильно указал, что об'единение комсомольских писателей МАПП должно будет исходить прежде всего из задачи подъема своего идейного уровня. Только высокий идейный уровень поможет писателям комсомола отобразить его героическую борьбу.

Со странной речью выступил т. **Горбатов**. С одной стороны, признал правильность критики отдельных отклонений «Ком. правды», он с другой стороны высказал сомнение, нет ли в критике отдельных отклонений «Комсомольской правды» противопоставления РАПП комсомолу. Выступление Горбатова вызвало всеобщее возмущение и получило общую оценку, как политически ошибочное.

Комсомольский поэт **Джек Алтаузен** в своей речи, отвечая Горбатову, заявил, что только литературные обыватели и люди, которые никогда не стояли на позициях партийности, могут изобразить борьбу с отдельными отклонениями от правильной литературно-политической линии «Комсомольской правды» как борьбу РАПП с комсомолом. Тот, кто противопоставляет РАПП комсомолу, кто желает поднять руку на этом противопоставлении, должен получить и получит самый решительный отпор и от РАПП и от комсомола. Далее тов. Алтаузен остановился на отклонениях в линии «Комсомольской правды», охарактеризовав эти отклонения. Правильность литературно-политической линии «Комсомольской правды» несомненна, и чем скорее будут выправлены отдельные отклонения, тем будет лучше.

Комсомольский писатель **Марк Колосов**, сравнивая настоящее собрание с первыми собраниями группы «Молодая гвардия» в 1923 году, отмечает значительное различие между уровнем и широкой задачей, которые ставили себе тогда члены группы, и теми, которые поставлены сегодня. Высказывания комсомольских ударников, призванных в литературу, подтверждают, что эти задачи ими осознаны. Это как нельзя лучше доказывает исторически огромное значение призыва ударников в литературу, проведенного напостовским руководством РАПП, совместно с ВЦСПС. Останавливаясь на вопросе тов. Горбатова обвинить собрание в том, что на нем отсутствуют товарищи из «Комсомольской правды», тов. Колосов указал на всю надуманность и необоснованность этого утверждения, так как в том же объявлении, напечатанном в «Литгазете», по которому пришел на это собрание Горбатов, приглашены тт. Троицкий, Кемрад и др. Тов. Горбатов тут же вынужден был признать, что отсутствие приглашенных товарищей является целиком их виной.

Из всех выступлений было ярко подчеркнуто необходимость борьбы за мировоззрение, за идейно-художественный рост. В частности, выступление всех называлось на недостатках Жарова, которые имеются не случайная для последнего этапа твоего творчества эта ошибка?

Во-первых, от основного, от твоей безграничной творческой методологии, от низкого уровня твоего мировосприятия именно низкий уровень мировосприятия мешает тебе и многим комсомольским писателям правильно художественно расшифровывать политические формулы, ориентировать наш класс во всех осложнениях, реальных переплетениях действительности». Не чем иным, как тем же уровнем мировосприятия можно объяснить другое твое стихотворение «Высшее признание». Здесь еще раз подтверждается мысль, что поверхностное отношение художника к действительности неизменно влечет за собой неверное ее в его творчестве.

В стихотворении «Высшее признание», ставя вопрос о трудовом героизме рабочего ударника, ты, по существу, противопоставляешь пролетарскому гегемону западноевропейского «маленького, тщущегося в величии».

Именно сейчас, когда одним из основных рабочих лозунгов является показ лучших конкретных переживаний социалистического строительства, когда по сейчас, когда партия, комсомол и советская власть решительно отмечают героизм отдельных личностей в борьбе за построение социализма, потому что в этом героизме отражается героизм класса, именно в этот момент ты противопоставляешь «обезличку» в походе к коллективу, ты зачеркиваешь силу примера отдельной личности. Ты топишь ее в коллективе.

Тушись, на молчанье по сетуй,
Оно в мирадах огней
Взорвется, взовьется ракетой
Над первой мостройкой твоей.
Ты скажешь: да как же, зароющешься,
Тебя, голубок, (?) не поймут,
В котел человечества, общий
Твой труд, не смущаясь, вольмут.
Его не забудут наверно.
На временном подвиге твоего,
И ваше такого примерно
Нет на земле ничего. (?!).

Итак, вещь, которую ты сделал, будет жить, а ты «трудись, не молчанье не сетуй, потому что тебя, голубок, (словечко какое ласковое), не поймут и, мало того, имя твое забудут. Одним словом, в котел общечеловеческой похлебки (вопрос от которой находится неизвестно в руках какого класса) пойдет твой труд. Но разве, это закономерно, подчинять этой пассивной закономерности. Какая безнадежность, какая безрадостная перспектива у поэта, значительна «солнца и юности». Какая печаль была поставлена вопроса о человечестве, куда вольется труд героя-ударника. Вот, Саша, «высшее признание» со всей убедительностью свидетельствует о пониженном уровне мировоззрения его автора.

Оно показывает, насколько неосновательно ты представляешь себе взаимоотношения личности и коллектива, когда «конкретно борющиеся личности, являющиеся частью коллектива», ты это, вычеркнуть нельзя. Он мучительно борется со своими мелкобуржуазными микробами. Его поделения вошли «Путь» (сатирическая лирика) являются полным умерщвлять эти микробы в кипящей воде. Но он ошибся, большому с высокой температурой его кажется воспаленным, он не почувствовал, что воздух-то холодный, а в холодной воде микробы не дохнут — они плодятся. Перестройка Уткина еще не стала перелитературу, попытку генерализировать свой творческий путь, как единственный правильно отражающий героическую борьбу комсомола.

Так ли это? Действительно ли твой творческий метод включает в себя все средства диалектического материализма, необходимое для того, чтобы стать писателем, шумным в авангарде пролетарской литературы? Действительно ли ты поднялся на новую, более высокую идейную и художественную ступень? Действительно ли стало твое творчество художественным проводником коммунистических идей, и оказался ярким, выразительным средствами, ты стал своим творчеством не только об'яснять действительность, но и активно изменять ее».

На все эти вопросы можно получить недвусмысленный ответ, разобрав хотя бы несколько обратно, и не сказал бы, слишком обильной продукции последнего этапа твоего творчества.

Что характерно для этого последнего этапа? Во-первых, характерен чрезвычайный идейный и художественный упадок. Характерно удивительно бездумное, граничащее с легкомыслием отношение к самой высокой, сложной и умной действительности. Характерна страшная творческая неразборчивость, возведенная в принцип, в канон. Характерно систематическое оперирование готовыми схематическими формулами. И вместо художественного раскрытия этих политических формул, вместо показа их диалектического проявления в жизни, их практическое претворение в действительность, для тебя обычно абстрактное изложение этих поэтических формул с неизменным их искажением, или тебя обычно поверхностное агитирование вместо углубленной, художественной пропаганды.

Вспомни знаменитый куплет из твоего «Марша ударных бригад»:

Работай, работай, работай,
А отдых—потом, потом.
Ударники наших заводов
Должны быть всегда впереди.

В этом куплете прежде всего сказалось, что безразличное отношение к нашей умной действительности всегда связано с вложением ее, несет за собой непонимание процесса, происходящих в ней. Пытаясь в данном случае аналитически раскрыть политическую форму о понятии производительности труда, ты немедленно возвращаешь эту политическую формулу, при попытке ее художественно расшифровать.

Работай, работай, работай,
А отдых потом, погодя.

Мы знаем, что нам еще рано отдыхать, что нам еще придется, выражаясь твоими словами:

«Врать барьеры тысячи препятствий».

Вместе с тобой, в свое время мы боролись против «рыцарей глупости», незначащих «свиданий» своим возвышенным у «тихой речки», проповедующих «отдых и покой» «под этим мирным небосводом». Мы не обольщаемся, мы знаем, как порою трудно преодолевать нам инерцию и техническую отсталость. Но наш мозг, наши мышцы неустанно работают в одном направлении. Мы думаем о том, как скорей освободить пролетариат всего мира от ига буржуазии, как ускорить процессы построения социализма. Нас не пугают никакие препятствия, никакие трудности, никакая затрата сил, по разу, несмотря на все это, партия когда-нибудь выбросила лозунг «Работай без отдыха», разве при всей нашей напряженной и мужественной борьбе за индустриализацию и коллективизацию страны, при всем нашем «социалистическом темпе» и желании ускорить процесс построения социализма, мы когда-нибудь становились на позиции удлинения рабочего дня, сокращения отпуска, зарплаты и т. д., и т. п.? Разве не есть наш «социальный эгоизм» тот «эгоизм сердца», о котором говорил Энгельс, и разве не требует он бережного отношения к самим себе, к человеческому материалу, строящему социализм?

Именно этим руководствуемся мы, предоставляя лучшие условия тем, кто лучше работает, кто больше закладывает кирпичей в фундамент социализма. Из этого исходим мы, когда недостатком ударникам харьковцам Кыма и Казбека, когда даем им возможность путешествовать вокруг Европы. Из этого исходим мы, сокращая рабочий день до семи часов, тем самым давая рабочему классу — самим себе — возможность использовать как можно больше времени для поднятия своего культурного уровня, для восстановления израненной энергии.

А ты противопоставляешь — «Работай, я отдых—потом, погодя». Именно, дескать, не чем это отличается от постановки вопроса «о счастье в царствии небесном» в духе священного «работай и за воздам». Этим культом ты, неправильно расшифровывая формулу о понятии производительности труда, отдаляешь перспективу построения социализма, подменяя конкретную, ежечасную перспективу улучшения положения рабочего класса абстрактной мечтой отдыха и награды в отдаленном будущем.

Может быть ты скажешь — «это поэтическая вольность, оговорка». Тем хуже для тебя: если это вольность, то она только подчеркивает твое легкомыслие, когда ты во имя этой вольности искажаешь идею.

Откуда проистекает, какими корнями

* В порядке обсуждения.

привет товарищам

Творческий актив ударников МАПП приветствует организацию творческого об'единения комсомольских писателей МАПП.

РАПП всегда во всей своей практике комсомольской тематике отводил большое место. Из комсомола выросли пучшие напповские кадры. Новое об'единение в МАПП, включая в себя старых комсомольских писателей и новые кадры ударников-комсомольцев, сумеет еще больше, еще активнее обеспечить создание высокохудожественной литературы о ленинском краснознаменном комсомоле.

ЦК ВЛКСМ

Творческое об'единение комсомольских писателей МАПП «Молодая гвардия», возобновляя после длительного перерыва свою работу, шлет горячий привет Центральному комитету ленинского комсомола, лучшему помощнику партии, боевому руководителю рабочей молодежи.

Комсомол всегда понимал огромную роль художественного слова как орудия классовой борьбы и дела коммунистического воспитания многомиллионных масс, в деле выковывания марксистско-ленинского мировоззрения у подрастающего поколения.

Комсомол оставался и будет оставаться позиции боевой партийности передового отряда культурной революции — пролетарской литературы. Вместе с тем комсомол, с одной стороны, всегда боролся и будет бороться против буржуазного и мелкобуржуазного влияния на художественную литературу — влияния, иногда просачивающегося и в пролетарскую литературу, против всяких попыток снизить действенную роль художественного слова — проводника коммунистических идей.

И с другой стороны, комсомол боролся и будет бороться против рецидивов литфронтовщины, в последнее время нашедших свое выражение в ряде статей Медведева, помещенных, к сожалению, на страницах «Комсомольской правды». Эти статьи исподтишка бьют идеи сложности задач, стоящих перед пролетарской литературой, упрощают, вульгаризируют и извращают их, с литфронтовских позиций критикуют пролетарское литературное движение, зачеркивая роль мировоззрения в художественном творчестве.

Творческое об'единение комсомольских писателей МАПП «Молодая гвардия» в основном состоит из комсомольцев-ударников, призванных в литературу Московской ассоциацией пролетарских писателей. Оно ставит своей задачей отобразить борьбу комсомола за овладение диалектико-материалистическим творческим методом пролетлитературы. И в этих спорах и борьбе мы заверяем секретариат ЦК, что всегда останемся верными проводником идей боевого напостовства, наиболее полно, наиболее правильно выражающего генеральную линию развития пролетарской литературы.

ТВОРЧЕСКОЕ ОБ'ЕДИНЕНИЕ
КОМСОМОЛЬСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ
МАПП «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

секретариату рапп

Творческое об'единение комсомольских писателей МАПП «Молодая гвардия» возобновление свою работу, горячо приветствует руководителя массового пролетарского литературного движения—секретариат Российской ассоциации пролетарских писателей.

Творческое об'единение «Молодая гвардия» считает основной своей задачей отображение в своем творчестве героической борьбы ленинского комсомола на переломных этапах его социалистической стройки, способствовать коммунистическому воспитанию рабочей и колхозной молодежи. Вместе с тем творческое об'единение отдает себе отчет в тех трудностях, которые стоят на пути осуществления всех этих задач.

Мы стоим целиком и полностью на позициях боевого напостовства, на позициях борьбы за большое искусство большевизма, на позициях борьбы за такую художественную литературу, которая бы была на уровне передовых идей нашего времени, была бы достойна нашей партии, нашего комсомола, нашего класса.

Мы хотим не только познавать об'ективную действительность, но и способствовать делу изменения этой действительности. Мы будем бить всех тех, кто попытается противопоставить нас боевому напостовству.

Мы будем способствовать расцвету творческого соревнования в РАПП и МАПП. Мы будем бороться против буржуазного и мелкобуржуазного влияния на художественную литературу, против враждебных писателей — агентов классового врага. Мы будем бороться против лакировщиков, затушевывающих действительность, против медведевщины, являющейся не чем иным, как проповедником разложенческого литфронтовства, против всех тех, кто попытается сузить задачи, стоящие перед пролетарской литературой, снизить ее идейный и художественный уровень.

Комсомольские писатели хотят и обязаны держать на уровне творческих дискуссий, развертывающихся в РАПП вокруг создания диалектико-материалистического творческого метода пролитературы. И в этих спорах и борьбе мы заверяем секретариат, что всегда останемся верными проводником идей боевого напостовства, наиболее полно, наиболее правильно выражающего генеральную линию развития пролетарской литературы.

ТВОРЧЕСКОЕ ОБ'ЕДИНЕНИЕ
КОМСОМОЛЬСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ
МАПП «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

генеральному секретарю ЦК ВЛКСМ т. КОСЫРЕВУ от ударников-комсомольцев, призванных в литературу

Призыв рабочих-ударников в пролетарскую литературу является огромным фактором культурно-политической активности рабочего класса, и РАПП, осуществляющая под руководством партии призыв, добилась в этом больших достижений.

Руководство и воспитание призыва—задача не одной РАПП, в ней должны принять живейшее участие и комсомол, и профсоюзы.

Наличие в призыве огромного количества молодых ударников-комсомольцев особенно ставит задачу перед комсомолом воспитывать, руководить и помогать комсомольским кадрам в пролетарской литературе. И дело, конечно, не в одной литбригаде им. Демьяна Бедного и других нужных, но мелких мероприятиях. Вопрос стоит значительно шире и глубже. Наличие трех четвертей комсомольцев в призыве дает возможность действительно создать книги и художественные произведения, отображающие огромную борьбу комсомола на всех участках социалистического строительства. Лучшие небольшие рассказы, очерки и стихи ударников в большинстве своем построены именно на комсомольской тематике и показывают комсомол в борьбе за социалистическое строительство.

Но это творчество ударников еще художественно слабо, не поднимается до больших обобщений, до большого показа. И поэтому для действительного создания молодежной литературы необходимо обеспечить ударникам все условия для роста, учебы и творчества. И счет, предъявленный комсомолом пролетарской литературе, будет выполнен.

Неправ был т. Лацинер, выступавший на вечере недавнего призыва, ограничивавшийся только предъявлением счета РАПП, не говоря о помощи и руководстве призыву, которые до сих пор были очень не велики.

И тов. Авербах правильно заострил вопрос на том, что призыв нуждается со стороны комсомола в усилении руководства, для создания большого искусства большевизма, огромную часть в котором займет пока комсомол. А о том, что комсомольские организации еще мало участвуют в работе с призывом, лучше всего говорят факты.

На целом ряде предприятий, уже не говоря о помощи, работа в литкружках не оценивается как комсомольская работа (в частности на заводе Ильича секретарь завкома комсомола считает, что литературная работа — это уход в тихую гавань). Интересная работа МАПП по показу работы комсомольских ячеек в небольших институтах проводится при отсутствии помощи со стороны комсомола. Почти во всех районах МАПП действительное руководство осуществляется только партийными организациями, при отсутствии руководства со стороны районных комсомола.

Годовщина призыва ставит задачу перед всеми комсомольскими организациями действительно усилить руководство и помогать призыву ударников в литературу.

Создание комсомольской художественной литературы—задача огромной важности, ее нужно выполнять, и мы ее выполним.

Мы, комсомольцы-ударники, призванные в пролетарскую литературу, поддерживая выступления товарища Авербаха, который правильно заострил вопрос на необходимости борьбы с неправильно поставленным вопросе о помощи и усилениях руководства со стороны комсомольских организаций, для создания комсомольской литературы, обещаем во всей своей работе драться за создание комсомольской художественной литературы, воспитывающей пролетарский комсомол в большевиков-ленинцев, строителей социалистического общества.

Мы просим тебя, тов. Косырев, помнить наших ребят для беседы с тобой по вопросам создания комсомольской художественной литературы и усиления руководства в нашей работе со стороны комсомольских организаций.

Подписи к письму.

ПЛАКИДИН—2-й часовой завод, АНДРЕЕВА—Бауманские рабочие МАПП, АБОЛЬНИКОВ — КИМ, ГР. ГРИН — Завод им. 1905 г. МЫШАСТЫЙ — Завод М. В. АСТАХОВ — ФЗУ Сев. ж. д. КОГАН — ф-ка «Парижская коммуна». БИЛИН — Электрозавод. ДАРШАН, ШЕЛУХИН, ЗИЗО — рабфак Бухарина. ПЕРЕКУНИН — завод «Красный пролетарий». ПОЛЕССКИЙ — Орехово-Зуевская ткацкая ф-на № 1. ВЕСЕЛОВ — ФЗУ, з-д «Красный пролетарий». ПУТАНКИН—Завод Ильича. ФРУМОВИЧ — Электрозавод. ШУСТОВА—Озеры. БЕССОНОВ — 1 образц. типография. ЗУЕВ — Рязань, рабочий МЖ. ж. д. ШЕВЕЛЕВА — завод «Динамо». ЛАРИЧ—Рязань, завод Рязсельмаш. ПОДДЕЛКОВ — фабрика Лизере. КРЮКОВ. ЛЕБЕДЕВ — Серпуховская АПК. КУБЛАНОВ—Ленинск, райбюро МАПП. БЕСПОЛОВ — зав. [illegible] — МОГЭС. МАТВЕЕВ, ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ — завод «Красный пролетарий». МАКЕЕВ—МОГЭС. ЗУЕВ — Зав. Ильича. БЛАГОВА—фабрика «Труд». ГРУЗИНОВ, ВАГИН, ЕВСТИГНЕЕВ, ЧЕРНОБИЧ, ПОШИН — фабрика Лизере. ДМИТРИЕВА, КРЫЛОВ, РЕЗЧИКОВ, ЖИСНИНА — «Каучук». МАРГОЗ — фабрика Свердлова, ЧЕЛЯБИНИН—Богатка. КАРАСЕВ—«Динамо». САРУХАНОВ — МЖБ ж. д. ГАРГАЛИС-1 образцовый. ПОТАПУЕВ — КИМ, СОЛНЦЕВ — Перовское райбюро МАПП. ДУДКИН — [illegible] скворцовское райбюро МАПП. КРАВЧЕНКО — завода «Шестерка».

Джек Алтаузен

дважды два—четыре*

ПИСЬМО КОМСОМОЛЬСКОМУ ПОЭТУ Александру Жарову

Дорогой Сашa!

Мне кажется, назрела необходимость нам, комсомольским писателям, поговорить начистоту о себе, о своих творческих позициях. Это тем более необходимо, если учесть, что пролетарская литература в целом и ее комсомольское крыло в частности значительно отстают от тех высоких требований, которые предъявляет каждому из нас реконструктивный период, создавший новые классовые соотношения в стране, новые процессы во всех областях общественной жизни, в том числе и в литературе.

На разобраться в этих процессах, отмахнуться от требований, предъявляемых жизнью, значит очутиться в хвосте у партии, у комсомола, у пролетарской литературы.

Комсомол явно вырос из «коротких штанишек», он завоевал неоспоримый авторитет у рабочего класса всего мира, он стал самым верным помощником партии. Возросли требования, предъявляемые к комсомолу, и в то же время неизмеримо выросла ответственность комсомола за свою работу.

Соответственно с этим выросли задачи и ответственность, стоящие перед нами, комсомольцами-писателями. **Вот почему возникла настойчивая необходимость** самокритически пересмотреть творческую практику и литературные позиции каждого из нас, проанализировать, что из нашего наличного творческого арсенала способно содействовать дальнейшему росту и что является тормозом в нашем продвижении вперед.

Это тем более необходимо, так как уже начались товарищами, пишущими борьбу с конструктивистами, с «Перевалом», с «Перекопом» и эстетами, которую вели комсомольские писатели под руководством ЦК комсомола на страницах «Комсомольской правды», подсекнуть, во многом, **не отмежевавшееся** нефевские ошибки в начавшейся (как естественное следствие) политически правильной борьбе, а наоборот, углубили эти ошибки.

Кроме того это самокритическое отношение к творчеству каждого из нас необходимо еще и потому, что нашлись «доброжелатели» вроде Волкова и Мейлаха, напечатавших статью о комсомольской литературе (см. один из номеров «Комсомольской правды»), где вместо прямого анализа причин отставания комсомольской литературы от реконструктивного периода, вместо анализа корней твоего творчества, в частности, мы находим попытку выдать тебя за единственного писателя комсомола, идущего в авангарде пролетарской литературы, попытку генерализировать свой творческий путь, как единственный правильно отражающий героическую борьбу комсомола.

Так ли это? Действительно ли твой творческий метод включает в себя все средства диалектического материализма, необходимое для того, чтобы стать писателем, шумным в авангарде пролетарской литературы? Действительно ли ты поднялся на новую, более высокую идейную и художественную ступень? Действительно ли стало твое творчество художественным проводником коммунистических идей, и оказался ярким, выразительным средствами, ты стал своим творчеством не только об'яснять действительность, но и активно изменять ее».

На все эти вопросы можно получить недвусмысленный ответ, разобрав хотя бы несколько обратно, и не сказал бы, слишком обильной продукции последнего этапа твоего творчества.

Что характерно для этого последнего этапа? Во-первых, характерен чрезвычайный идейный и художественный упадок. Характерно удивительно бездумное, граничащее с легкомыслием отношение к самой высокой, сложной и умной действительности. Характерна страшная творческая неразборчивость, возведенная в принцип, в канон. Характерно систематическое оперирование готовыми схематическими формулами. И **вместо художественного раскрытия этих политических формул**, вместо показа их диалектического проявления в жизни, их практическое претворение в действительность, для тебя обычно абстрактное изложение этих поэтических формул с неизменным их искажением, или тебя обычно поверхностное **агитирование** вместо углубленной, художественной **пропаганды**.

Вспомни знаменитый куплет из твоего «Марша ударных бригад»:

Работай, работай, работай,
А отдых—потом, погодя.
Ударники наших заводов
Должны быть всегда впереди.

В этом куплете прежде всего сказалось, что безразличное отношение к нашей умной действительности всегда связано с вложением ее, несет за собой **непонимание процесса, происходящих в ней.** Пытаясь в данном случае аналитически раскрыть политическую» форму о понятии производительности труда, ты немедленно возвращаешь эту политическую формулу, при попытке ее художественно расшифровать.

Работай, работай, работай,
А отдых потом, погодя.

Мы знаем, что нам еще рано отдыхать, что нам еще придется, выражаясь твоими словами:

«Врать барьеры тысячи препятствий».

Вместе с тобой, в свое время мы боролись против «рыцарей глупости», незначащих «свиданий» своим возвышенным у «тихой речки», проповедующих «отдых и покой» «под этим мирным небосводом». Мы не обольщаемся, мы знаем, как порою трудно преодолевать нам инерцию и техническую отсталость. Но наш мозг, наши мышцы неустанно работают в одном направлении. Мы думаем о том, как скорей освободить пролетариат всего мира от ига буржуазии, как ускорить процессы построения социализма. Нас не пугают никакие препятствия, никакие трудности, никакая затрата сил, по разу, несмотря на все это, партия когда-нибудь выбрасывала лозунг «Работай без отдыха», разве при всей нашей напряженной и мужественной борьбе за индустриализацию и коллективизацию страны, при всем нашем «социалистическом темпе» и желании ускорить процесс построения социализма, мы когда-нибудь становились на позиции удлинения рабочего дня, сокращения отпуска, зарплаты и т. д., и т. п.? Разве не есть наш «социальный эгоизм» тот «эгоизм сердца», о котором говорил Энгельс, и разве не требует он бережного отношения к самим себе, к человеческому материалу, строящему социализм?

Именно этим руководствуемся мы, предоставляя лучшие условия тем, кто лучше работает, кто больше закладывает кирпичей в фундамент социализма. Из этого исходим мы, когда недостатком ударникам харьковцам Кыма и Казбека, когда даем им возможность путешествовать вокруг Европы. Из этого исходим мы, **сокращая рабочий день до семи часов**, тем самым давая рабочему классу — самим себе — возможность использовать как можно больше времени для **поднятия своего культурного уровня**, для восстановления израненной энергии.

А ты противопоставляешь — «Работай, я отдых—потом, погодя». Именно, дескать, не чем это отличается от постановки вопроса «о счастье в царствии небесном» в духе священного «работай и за воздам». Этим культом ты, **неправильно расшифровывая формулу** о понятии производительности труда, **отдаляешь перспективу построения социализма, подменяя конкретную**, ежечасную перспективу улучшения положения рабочего класса абстрактной мечтой отдыха и награды в отдаленном будущем.

Может быть ты скажешь — «это поэтическая вольность, оговорка». Тем хуже для тебя: если это вольность, то она только подчеркивает твое легкомыслие, когда ты во имя этой вольности искажаешь идею.

Откуда проистекает, какими корнями литается **не случайная** для последнего этапа твоего творчества эта ошибка?

Во-первых, от основного, от твоей безграничной творческой методологии, от низкого уровня твоего мировосприятия именно низкий уровень мировосприятия мешает тебе и многим комсомольским писателям правильно художественно расшифровывать политические формулы, ориентировать наш класс во всех осложнениях, реальных переплетениях действительности». Не чем иным, как тем же уровнем мировосприятия можно объяснить другое твое стихотворение «Высшее признание». Здесь еще раз подтверждается мысль, что поверхностное отношение художника к действительности неизменно влечет за собой неверное ее в его творчестве.

В стихотворении «Высшее признание», ставя вопрос о трудовом героизме рабочего ударника, ты, по существу, противопоставляешь пролетарскому гегемону западноевропейского «маленького, тщущегося в величии».

Именно сейчас, когда одним из основных рабочих лозунгов является показ лучших конкретных переживаний социалистического строительства, когда по сейчас, когда **партия, комсомол и советская власть** решительно отмечают героизм отдельных личностей в борьбе за построение социализма, потому что в этом героизме отражается героизм класса, именно в этот момент **ты противопоставляешь «обезличку»** в походе к коллективу, ты зачеркиваешь силу примера отдельной личности. Ты топишь ее в коллективе.

Тушись, на молчанье по сетуй,
Оно в мирадах огней
Взорвется, взовьется ракетой
Над первой мостройкой твоей.
Ты скажешь: да как же, зароющешься,
Тебя, голубок, (?) не поймут,
В котел человечества, общий
Твой труд, **не смущаясь**, возьмут.
Его не забудут наверно.
На временном подвиге твоего,
И ваше такого примерно
Нет на земле ничего. (?!).

Итак, вещь, которую ты сделал, будет жить, а ты «трудись, не молчанье не сетуй, потому что тебя, голубок, (словечко какое ласковое), не поймут и, мало того, имя твое забудут. Одним словом, в котел общечеловеческой похлебки (вопрос от которой находится неизвестно в руках какого класса) пойдет твой труд. Но разве, это закономерно, подчинять этой пассивной закономерности. Какая безнадежность, какая безрадостная перспектива у поэта, значительна «солнца и юности». Какая печаль была поставлена вопроса о человечестве, куда вольется труд героя-ударника. Вот, Саша, «высшее признание» со всей убедительностью свидетельствует о пониженном уровне мировоззрения его автора.

Оно показывает, насколько неосновательно ты представляешь себе **взаимоотношения личности и коллектива**, когда «конкретно борющиеся личности, являющиеся частью коллектива», ты это, вычеркнуть нельзя. Он мучительно борется со своими мелкобуржуазными микробами. Его поделения вошли «Путь» (сатирическая лирика) являются полным умерщвлять эти микробы в кипящей воде. Но он ошибся, большому с высокой температурой его кажется воспаленным, он не почувствовал, что воздух-то холодный, а в холодной воде микробы не дохнут — они плодятся. Перестройка Уткина еще не стала перелитературу, попытку генерализировать свой творческий путь, как единственный правильно отражающий героическую борьбу комсомола.

Так ли это? Действительно ли твой творческий метод включает в себя все средства диалектического материализма, необходимое для того, чтобы стать писателем, шумным в авангарде пролетарской литературы? Действительно ли ты поднялся на новую, более высокую идейную и художественную ступень? Действительно ли стало твое творчество художественным проводником коммунистических идей, и оказался ярким, выразительным средствами, ты стал своим творчеством не только об'яснять действительность, но и активно изменять ее».

На все эти вопросы можно получить недвусмысленный ответ, разобрав хотя бы несколько обратно, и не сказал бы, слишком обильной продукции последнего этапа твоего творчества.

Что характерно для этого последнего этапа? Во-первых, характерен чрезвычайный идейный и художественный упадок. Характерно удивительно бездумное, граничащее с легкомыслием отношение к самой высокой, сложной и умной действительности. Характерна страшная творческая неразборчивость, возведенная в принцип, в канон. Характерно систематическое оперирование готовыми схематическими формулами. И вместо художественного раскрытия этих политических формул, вместо показа их диалектического проявления в жизни, их практическое претворение в действительность, для тебя обычно абстрактное изложение этих поэтических формул с неизменным их искажением, или тебя обычно поверхностное агитирование вместо углубленной, художественной пропаганды.

Вспомни знаменитый куплет из твоего «Марша ударных бригад»:

Работай, работай, работай,
А отдых—потом, потом.
Ударники наших заводов
Должны быть всегда впереди.

В этом куплете прежде всего сказалось, что безразличное отношение к нашей умной действительности всегда связано с вложением ее, несет за собой непонимание процесса, происходящих в ней. Пытаясь в данном случае аналитически раскрыть политическую форму о понятии производительности труда, ты немедленно возвращаешь эту политическую формулу, при попытке ее художественно расшифровать.

Работай, работай, работай,
А отдых потом, погодя.

Мы знаем, что нам еще рано отдыхать, что нам еще придется, выражаясь твоими словами:

«Врать барьеры тысячи препятствий».

Вместе с тобой, в свое время мы боролись против «рыцарей глупости», незначащих «свиданий» своим возвышенным у «тихой речки», проповедующих «отдых и покой» «под этим мирным небосводом». Мы не обольщаемся, мы знаем, как порою трудно преодолевать нам инерцию и техническую отсталость. Но наш мозг, наши мышцы неустанно работают в одном направлении. Мы думаем о том, как скорей освободить пролетариат всего мира от ига буржуазии, как ускорить процессы построения социализма. Нас не пугают никакие препятствия, никакие трудности, никакая затрата сил, по разу, несмотря на все это, партия когда-нибудь выбрасывала лозунг «Работай без отдыха», разве при всей нашей напряженной и мужественной борьбе за индустриализацию и коллективизацию страны, при всем нашем «социалистическом темпе» и желании ускорить процесс построения социализма, мы когда-нибудь становились на позиции удлинения рабочего дня, сокращения отпуска, зарплаты и т. д., и т. п.? Разве не есть наш «социальный эгоизм» тот «эгоизм сердца», о котором говорил Энгельс, и разве не требует он бережного отношения к самим себе, к человеческому материалу, строящему социализм?

Именно этим руководствуемся мы, предоставляя лучшие условия тем, кто лучше работает, кто больше закладывает кирпичей в фундамент социализма. Из этого исходим мы, когда недостатком ударникам харьковцам Кыма и Казбека, когда даем им возможность путешествовать вокруг Европы. Из этого исходим мы, сокращая рабочий день до семи часов, тем самым давая рабочему классу — самим себе — возможность использовать как можно больше времени для поднятия своего культурного уровня, для восстановления израненной энергии.

А ты противопоставляешь — «Работай, я отдых—потом, погодя». Именно, дескать, не чем это отличается от постановки вопроса «о счастье в царствии небесном» в духе священного «работай и за воздам». Этим культом ты, неправильно расшифровывая формулу о понятии производительности труда, отдаляешь перспективу построения социализма, подменяя конкретную, ежечасную перспективу улучшения положения рабочего класса абстрактной мечтой отдыха и награды в отдаленном будущем.

Может быть ты скажешь — «это поэтическая вольность, оговорка». Тем хуже для тебя: если это вольность, то она только подчеркивает твое легкомыслие, когда ты во имя этой вольности искажаешь идею.

Откуда проистекает, какими корнями литается не случайная для последнего этапа твоего творчества эта ошибка?

Во-первых, от основного, от твоей безграничной творческой методологии, от низкого уровня твоего мировосприятия именно низкий уровень мировосприятия мешает тебе и многим комсомольским писателям правильно художественно расшифровывать политические формулы, ориентировать наш класс во всех осложнениях, реальных переплетениях действительности». Не чем иным, как т

без борьбы за марксистское мировоззрение нет настоящей творческой перестройки

как умирает беспартийное

Л. ЛЕОНОВ. — «Саранчуки». ГИХЛ. 1931 г.

Перестройка попутчика и союзника происходит не по универсальной схеме. Несмотря на наличие известного качественного сходства в общей мировоззренческой основе таких идущих к пролетариату писателей, как М. Шагинян, Тихонов, Сельвинский, их маршруты глубоко отличны; их произведения, посвященные в ряд, будут пестрить многообразием творческих обликов.

Мужественное спокойствие Тихонова и культурнический пафос М. Шагинян ведут к познанию действительности с разных концов героики нашего строительства. Сосредоточенный вихрь Сельвинского приковал к изменениям в культурной ткани общества, к смене культурных традиций и связей. Это путь философского осознания эпохи и класса, определяющего ее профиль.

Л. Леонов пронес суровую мунтиру у Достоевского, отвлеченно и портретно пытающегося человеческого сознания, мельчайших и уродливейших падений, прозрений и безумных в своем ослеплении вспышек сознания человека-одиночки, терзаемого сомнениями, волнующего но к классовой борьбе, а к фантому «правды-справедливости».

Это до сих пор, несмотря на быстрое накопление у Леонова одежды с чужого плеча (немецким соседям угрожает влияние Лескова), оказывается на пути творческого развития писателей-попутчика в союзника.

Еще в «СЗТИ», в трактовке образа Виссариона, в показе Увальева можно было видеть, как писатель идет к познанию социальных качеств общественного строя от отвлеченных качеств человеческого материала в иное сюре. Главное — в сопоставлении людей, в борьбе характеров, в результате которой и утверждается величественный образ победившего строительства. Виссарион показан с мучительной попыткой заглянуть на «чуждое дно», и, осужденный, получивший моральный приговор, он все же в отдельных эпизодах

преображают, формулируют внутренний облик человека.

«Саранчуки» показательным обнажением того же пути. Революция, ее героика даны как речь в тысячеградусной температуре, в которой, под воспламенительным дыханием мелкобуржуазной среды, плавятся характеры, обогащаемые чертами нового класса, таким образом, что возмещаются все лишения и тяготы.

Ничто, кроме революции, кроме стихийности сознания, не может очищать, оплодотворять человеческие бытие, — вот вывод, который напрашивается после прочтения повести о молодом парне, случайно оказавшемся борцом против саранчи и здесь ощутившем зрелость.

«Пожалуй, здесь-то и произошла его собственная линька из второго возраста, в третий, рослый и кудрый. А он-то, чудак, думал, что тотчас же за горизонтом юности начинается его закат»...

Эти заключительные строки повести отнюдь не случайны. Марионов, который был назван «пустым сундуком» (пресный, умеренно-почтительный к борьбе с саранчой), похожим в повести не только как объединяющий количественным весом людей эпизодов, но и потому, что он только яснее выражает недавний себя революционному делу без остатка. Вы видите, как именно здесь он выявляется, как отношение к революции сочетается со «беспартийностью» становится отношением крайне сказочного с ней революционера. «Линька» Марионова — это не только явление текста. Новый «возраст» Марионова обладает новыми социальными качествами.

«И вдруг ему в память пришли рассказы Мозеля о классовой борьбе и расслоениях, объясняющие все рассказы, на которые он ускользал тогда с недоверием беспартийного».

Разумные Марионова рождено непосредственным столкновением с инородными для него пластами сарапча и здесь ощутимым зрелость.

В повести развернут не только подлежащему образ Марионова. Мелочь, муха Илья, которую любит несчастной любовью брат Марионова, вычеркнута очень решительно. Илья, расточительная себя в ленивых жирных и вместо с тем высокомерных признаниях к елену «любовь», напрягает убедительный женский образ. Верно, Илья, необходимый для отрезвления Марионова по линии его романтических представлений о жизни, может без и не существовать. Она необходимая для социальной зрелости Марионова.

Таким образом тема «Саранчукова» отнюдь не локальна и не этнографична. Это по сути дела ответ на основные вопросы марксизма.

Но ответ неполный.

Мы видим зависть (в хорошем смысле этого слова) к наличию вообще, но не видим конкретных черт действительности. Л. Леонов идет к утверждению принципы классовой практики и теории пролетариата от познания средней ему интеллигентской, мелкобуржуазной среды. Этот путь хорош лишь на отрезочном приближении. «Саранчуки» тут не развивает базы «Сотэ», где хотя и без полной победы, но все же были сделаны попытки проникнуть в психологически облик большевика.

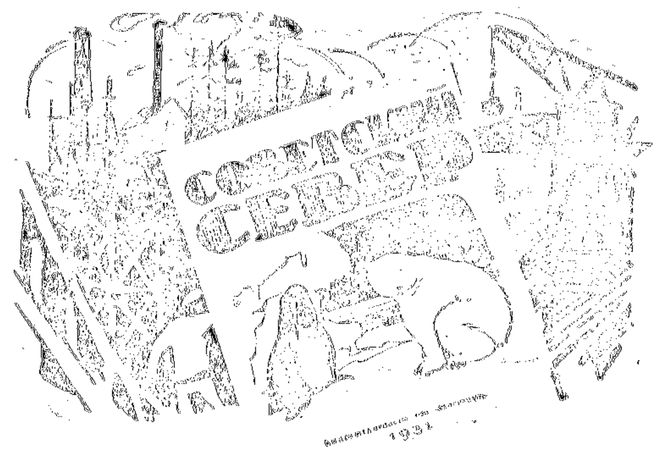
Это — печальный порок повести. Он, несмотря на это своеобразно творчества Л. Леонова, сближает его с рядом других «попутчиков», еще с большой работой подлежащих в свое творческое хозяйство образы рабочих-большевиков.

Н. ОРУЖЕЙНИКОВ

богатейшие окраины СССР предъявляют счет советской литературе

Север ждет

рис. Н. Елисеева



как раскрывают север советские писатели

Север, суровый и непривлекательный для жительства, покрытый лесами и болотами, постепенно превращается в богатый промышленный край. Если еще недавно лес валили на старых с плохим оборудованием заводах, оставленных беглыми хозяевами за границу, то теперь на севере вырастают новые лесозаводские гиганты. Растут колхозы и совхозы. Возникает охотничья и рыболовные промыслы, животноводство и пчеловодство. Растет столица севера — порт Архангельск.

Край перерождается.

Несмотря на то, что на севере переполнено много писателей, выстоявший, правдиво показывающий край, литературы почти нет.

Особенно это чувствуется, если говорить о сегодняшнем дне края. По-прежнему взоры писателя устремлены за Ледовитый океан с айсбергами, белых медведей, пустынные снежные тундры и тому подобную экзотику.

«Это и вдохновение нагонает и писать об этом легче и интереснее, — так вероятно думают многие писатели. А ведь, писателей на северо бывало много: Вальтин, Незовой, Яковлев, Лидин, Акульшин, Чапыгин — все они видели север. Но дали они о нем северо очень мало.

Есть и «свои» писатели севера — Чапыгин, Иван Молчанов, — но и они мало пишут о настоящем своего края.

Молчанов обещал поэму.

«Я лучшую из них отдам
Тебе, меня, родимый север».

Но со нет и неизвестно когда будет.

Если порыться в старых сборниках и журналах, можно найти очерки и рассказы о севере. Но что это? — сплошной плач о больших поморах или вранье, дуташина и сусальность.

Как же пишут о севере?

Возьмем Куликова. Поверхностный очерк о лесозаводской промышленности. «Северная сокровищница», весь в «бирках», «сеффаже», «кубе», «шоколаде», и «зальсах». Когда же дело доходит до сделок, то последние оказываются «грязными, покрытыми нефтью». Откуда да силами вывозить столько нефти, чтобы покрыть плоты бревен?

У Куликова в Соломбале в 1929 г. строились 21 лесопильных и 5 целлюлозных заводов, в то время как в Соломбале (рабочий район Архангельска) и сейчас всего один лесозавод (№ 5), да и то старый. Соломбалу Куликов отодвинул от Архангельска на 6 километров. На самом же деле Соломбала от Архангельска отделена лишь рекой, которую перейти (в зимнее время по льду, летом — мост или перевоз) можно в 5—9 минут. Но Куликову работа на лесозаводах кажется только с мах. Интересно, как же там работают ямой? С прохладцей или совсем не работают?

Один писатель прискал в Архангельск, побыл полтора дня на лесозаготовках. За это время он собрал материал для повести (а может быть и написал ее) и уехал. Интересно, какою это должна быть произведение при таких «скоростях»?

В северном отделении ОГИЗ издал сборник стихов В. Цеконина «Северный ветер». Почти весь сборник посвящен новой тематике, но это его не спасает. Часто встречаются промахи, нелепица и даже «семейные» места. Воспевание «розового экспортного леса» (розовый — лес бракованный), вспеты «лебедок». Каково же было бы удивление команды парохода, если бы в воздух взлетели цилиндры, барабан и все другие части лебедки (автор вероятно хотел сказать о стреле, на которой поднимают груз). «Оградки колхозов» — все это снижает достоинство сборника.

Автору свойственен поверхностный подход к материалу.

Север ждет своего подлинного показа.

ЕВГ. КОКОВИН

только фактическая информация *

«Советская Канада» * — книга очерков о Карело-Мурманском крае, его экономике, хозяйственной жизни и перспективах.

Очерки А. Зорича характеризуют современное положение вещей в отдельных отраслях Карело-Мурманского хозяйства (лес, рыба, ископаемые, земледелие, ловля жемчуга, оленеводство) и те блестящие экономические перспективы, которые открываются перед этим богатым, но малоизученным краем.

Литературный облик книги несколько необычен для современного очеркового жанра. Очерковый материал почти не подвергнут художественной разработке. Написанные строго по-деловому, очерки А. Зорича больше всего подходят к типу серьезной газетной информации. Они изобилуют богатым фактическим материалом, исчерпывающими цифровыми данными, тщательно подобранными и проверенными сведениями об экономической действительности **«Советской Канады»**, сведениями и отчетливую и убедительную систему. Точность и богатство фактов,— основное достоинство книги, которое выделяющее ее в ряду лучших, появившихся, советских очерковых книг о советском Севере, вроде несколько известного сборника **«Сквозь ветер»**.

Но параллельно в «Советской Канаде» сделана серьезная ошибка. Фактический материал не разработан Зоричем в свете определенных политических предпосылок. Социальная жизнь края, его конкретная качественная действительность в книге не затронуты (исключение — очерк о Ленинградском колхозе). В ней отсутствуют люди — она оперирует абстрактными экономическими величинами.

Политическая недостаточность книги А. Зорича, акцентирующей на большие хозяйственные масштабы и рациональное использование неисчерпаемых естественных богатств края, разоблачающей ошибки и недочеты местного руководства, не очень. Классовый смысл фактов не вскрыт. Вопросы планирования, рационализации хозяйства, технической реконструкции разрабатывается автором «Советской Канады» оторвано от больших политических задач.

В тех же случаях, когда автор говорит о людях, с неимоверным трудом пробивающих себе дорогу в диком, лесном и озерном краю, в его словах звучит скорее пафос Джек-Лондоновского Клондайка, чем «общественной» доблести и мужеству, чем конкретное классовое осмысление героики советского строительства. С особой отчетливостью это сказывается в очерке о хибинских апатитах.

Вот почему за книгой А. Зорича в советской литературе остается значение только прекрасной фактической информации.

БОР. МАЗУРИН

* А. Зорич. Советская Канада. «Федерация», М. 1931 г. Ц. 1 р. 95 к.

тематика не спасла

Недавно выпущенная издательством «Федерация» первая книга стихов П. Вячеславова «Уровень» * является блестящим примером того, как неправильно понятая попытка овладеть новой тематикой при коренных пережитках мировоззрения, при отступлении в сторону от пролетарской идеологии.

Поэт пишет о «северо-востоке»—о богатой лесами и пушниной стране Коми, об агрономе, о лесосплаве, о комбайнах, жнейках и колхозах. Эта тематическая линия с необыкновенной настойчивостью проходит через первые две главы книги и является сама по себе явление отрадной. Поэт с гордостью строителя-победителя развенчивает природу, как предмет эстетических наслаждений и душевного успокоения; поэт относится к природе, как к источнику естественных богатств, подлежащих переделке при помощи производительных сил.

По звонким кедрам дятлов перестук
В угоду топорам, прокладывающим дорогу,
Весна идет,
стремительно по тропу
Порывом творческим занесена
Над сумятохой знойной лесосплава,
В процессе изыскательных работ.
(стр. 12).

Нарочито скрепленная образы природы с образами и атрибутами нашей черновой сегодняшней работы, поэт явно снижает и солнце, и небо, и «жемчужное головки» цветок, так высоко поднятые дворянской созерцательной поэзией. Природа у него «хлопала движущую силу земотдела», сентябрь встает «в желтом халате уборщицы», земля «вымывает колхозу зеленые орлеры» и т. д.

Но присмотримся поближе к этим стихам, трактующим о колхозном труде, о социалистическом земледелии.

Развивая идею нового хозяйственного производственного отношения к природе, П. Вячеславов безапелляционно и нетомимо описывает процесс окультивания землей. Комбайны и тракторы, удобрения и топоры, плуги и с.-х. наука — все это двинулось сплошной стеной на природу, все это выкачивает потребительные ценности. Но кто привел в движение комбайны и науку? Во имя чего стучат топоры в недрах северо-востока? Кому служит техника, покоряющая эти грандиозные богатства? Все эти вопросы остаются авторской тайной.

Вот, например, стих. «Удобрение»:

Мы знаем солей плодоносные свойства:
Современной слазой взбухают колосья.
Как тина запутан,
но в росте налорист
Горох разгоняет курчавую поросль.
И множит картофель добрые клубни,
Глотая крахмал из пресыщенной глуби,
Слять сухопарая осень встает.
Живейку пера отирзвить в поход... и т. д.
(стр. 26).

Точно так же в стихотворении «Нарма» поэт ограничивается описанием рубки леса, в стихотворении «Моя весна» —описанием лесосплава, в «Четыре времени года» — описанием различных хозяйственных работ.

Замечательно, что вся эта борьба техники с природой проходит при полном отсутствии человека — активного переделывателя мира, при полном отсутствии людей, организованных в классы. Стихи П. Вячеславова лишены целеустремленности, ибо в них совершенно не подчеркнут социалистический характер нашего труда и наших технических завоеваний. Поэт совершенно забывает, что это овладение естественными богатствами при помощи технических усовершенствований и есть один из участков борьбы за социализм. Поэт воспевает грандиозными завоеваниями техники и на этом ставит точку.

И. Вячеславов с удивительной выдержкой на протяжении всей книги умалчивает о делении общества на классы. Трактор способствует производству хлеба, а его внедрение в сельское хозяйство вовсе не есть акт классовой борьбы...

Редкие экземпляры живых людей, приведенные в сборнике «Уровень» — агроном, краевед и студентка ГИЗС, и они полностью иллюстрируют обезличенную художественную аполитичность стихов.

Земля испытана... науной,
Земная выверена стать.
Ты взял ее, как на поруки,
Растить,
Лелеять
и питать. (стр. 15).

— так описывается агроном.

И ты проходишь своей страной
Дорогами
Оберта,
Коха.
И враг этот,
выданный с головой,
Лег под обстрел твоего микроскопа.
(стр. 50).

— так описывается студентка-медичка.

Наряду с этим бросается в глаза незлостное, животное любование к неживыми естественными богатствами природы. Стихи Вячеславова переполнены описанием уже готовых продуктов труда и предметов естества. И это изобилие вещами богатствами при полном игнорировании вопросов конкретной борьбы за производственные участки, полное замалчивание перечитка в целой работы классового человека являются существенными признаком статичного подхода к действительности. Нет перехода с одной скрипки на другую; есть готовый сегодняшний день со всеми его трафиями. Единственное, что неожиданно контрастирует — это резкий контраст между старым и новым. Но это вигнуть не есть различие двух классово-исторических эпох: это есть не больше, но меньше, чем любование детей над отпавшим. Сегодняшнее является почему исключительно работой молодежи (стихотворение «Запев молодости»). И совсем поэтому неудивительно, когда автор заявляет:

Отцы наши ратуют за бепота,
Спешные удушливые газа.
И если старость голосует против,
То молодость откликается за (стр. 23).

От корки до корки — откровенным правым оппортунизмом звучит вся книга, проходящая мимо классовой борьбы пролетариата, мимо его боевых социалистических задач. А третий раздел книги «От первых листьев до первого снега» знаменует еще более глубокие идеалистические провалы у автора. Мир, земля, день, ночь, солнце, — вот вместо социальных проблем, вместо все их конкретного соотношения с классовой практикой человека, занимают здесь автора.

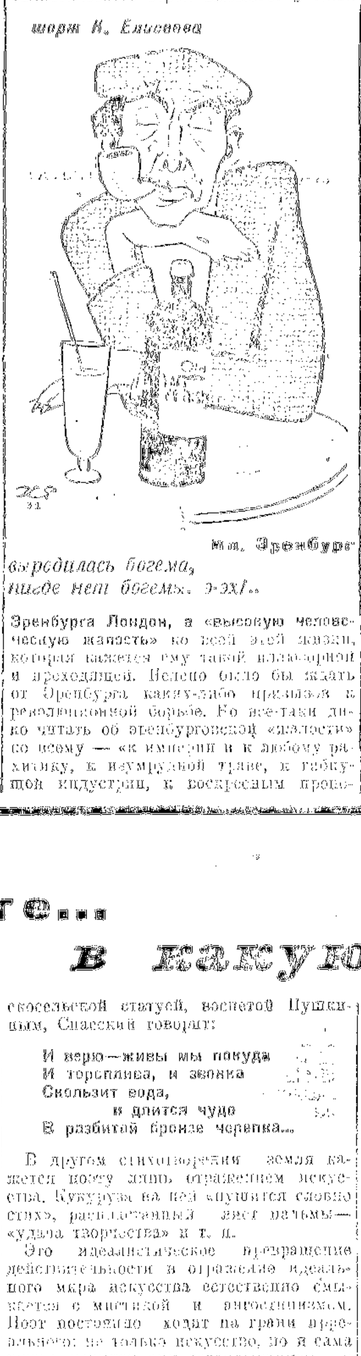
Помимо всего прочего, художественные средства автора весьма убоги и примитивны.

ЭВЕНТОВ

* Павел Вячеславов. «Уровень». Изд. «Федерация». Москва. 1931. Стр. 91. Цена 1 р.

Англия Ильи Эренбурга

шарж К. Елисеева



Куда ни сунься — всюду скука,
Всюду мерзость, всюду вздор.
Уехала богема,
Нигде нет богем. Э-эх!..

Эренбурга Лондон, в «высокую человеческую жалость» ко всей этой жизни, которая кажется ему такой иллюзорной и преходящей. Нелепо было бы ждать от Эренбурга какого-либо призыва к революционной борьбе. Но все-таки дико читать об эренбурговской «жалости» ко всему — «к империи и к любому работнику, к изумрудной траве, к гибкой индустрии, к воскресным прогулкам, к их «спасенной душой» или же «загубленной революции» (стр. 15).

Ведь нельзя же всю сложность буржуазных «ценностей» гуманизм Ильи Эренбурга, как выражал подлинный классовый представитель в конкретной социальной действительности буржуазии-полуобразованной дельцы к абстрактному человеку «вообще».

Далее Эренбург лечает несколько сенсационных «открытий» относительно специфических особенностей Англии. Оказывается, что понятие «общественность» для британца совершенно не реально и звучит, как нечто метафизическое.

По своей природе англичане настолько плохи и жестоки, что их «общественность» следует объяснить не волчьими законами, да и не тупостью, но только вот этой робостью» («Палка о двух концах»). Все джентльмены увлечены цветом своих подтяжек» («День джентльмена»). Любому англичанину можно преподнести самый «идиотический билль»: он лишь «вздохнет и подчинится».

Продолжая распространяться в таком же духе о каком-то англичанине, Эренбург бесапелляционно заявляет: **«никогда не придет ему в голову, что можно протестовать».** Вообще писатель все время старается уверить нас в том, что англичане — народ чрезвычайно мирный, всякий, замахнувшийся и на какую социальную революцию неспособный.

Автор «Англии» изображает рабочего вялым, аполитичным, тихо посасывающим свою трубку и пьющим плохое, черное пиво. Мало того, Эренбург клеймит на английских горьких, когда делает попытки доказать, что и им свойственна вся та же рабская покорность и полное непонимание задач революционной борьбы. «Слова о мировом кризисе и о борьбе пролетариата их как бы пугают... Они сегодня продолжать свою покорность».

В этих высказываниях Ильи Эренбурга проявляется прекрасное непонимание движущих сил английского рабочего движения, полнейшая неспособность писателя разобраться в реальной расстановке политических сил.

И мы убеждены, что Эренбург очень недалеко ушел в своих оценках от буржуазных проповедников «мира в промышленности».

Книга Эренбург, как мы уже отмечали выше, отвлечет нужным материалом, говорить о промышленном кризисе, о «судорогах безработных» и о мрачном будущем, которое ясно или подсознательно ожидает старую Англию. Он даже предсказал взрывы некоторой стихийной истерической «возмущение», которое, как типичный грач, улетит когда-нибудь на головы достопочтенных джентльменов. Он очень охотно говорит о завоевании Англии Америкой. Но и только!

Мы знаем, что реальная действительность не имеет ничего общего с той пасторалью английской жизни, которую пытается изобразить Илья Эренбург. Изумрудную траву Гайд-парка, которая так восхитила писателя, немного помяли 100.000 рабочих, когда выламывали прутья решетки перед уэлсдэнским участком с полицией. Мокнище 50-тысячные демонстрации рабочих происходят на улицах Манчестера, казавшегося ему таким уютным. В Южном Уэльсе, как раз в том угольном центре — Силиси, который столь идиллически описал Эренбург, и в других городах Англии происходят массовые демонстрации против «национального» правительства. Недавно волнения в английском военном флоте также не служат иллюстрацией к теории Эренбурга о **несознательности английского пролетариата на революционную борьбу.**

Отдельные наблюдения, сравнения и образы Ильи Эренбурга удачны и остры. Но на встречающиеся кое-где «левые» фразы, ни одна полная сатира на буржуазное общество **не спасают** книги Эренбурга. Они нечисты реакционны, и ничего общего не имеет с нашей эпохой. Они свидетельствуют о глубоком отрыве писателя от литературного движения советской страны. И напрасно Эренбург уверяет, что «богемы больше нет нигде». Увы, — он сам остается до сих пор типичнейшим представителем буржуазной богемы.

ВИКТОР ГОЛЬЦЕВ

С. МАЛАХОВ

на повороте... в какую сторону?

На первый взгляд последняя книга С. Спасского «Особые приметы» («Изд. писателей в Ленинграде», 1930 г.) свидетельствует о субъективной близости поэта к революции, о его стремлении понять ее и отобразить.

Но вся книга показывает лишний раз, как недостаточно в творческой области одних прокламаций, каким длительная и упорная работа по переделке своего мировоззрения и творческого метода необходима попутчику, желающему стать советским пролетарием.

Чрезвычайно существенным фактом в книге С. Спасского является наличие разрыв с политическим, но мало убедительными художественно, декларациями, значительно более органических в художественном отношении стихов, обнаруживающих творческий метод, мало пригодный или объективного понимания и творческого воспроизведения идей и обстановки пролетарской революции. Так, в последнем стихотворении книги, носящем собственный «стихам», Спасский определяет свое творчество, как бесспельную запись неосознанных эмоциональных и даже биологических движений организма:

Оно вполне бесцельно—право
Зачеркивать свой путь, свой жест...

Но может быть никакого сомнения во взглядах Спасского на творческий процесс, как на неведомое, неподконтрольное рассудку влияние мистических сил, пронизывающих поэта и определяющих голосом которого говорит потусторонний мир. Идеалистическая основа этих установок дана сама по себе.

Вместе с тем Спасский противопоставляет искусство материальной действительности как единственную реальность. Так, сравнивая поэзию с царскосельской статуей, воспетой Пушкиным, Спасский говорит:

И верю—живы мы покуда
И терпелива, и звонка
Скользит вода,
и длится чудо
В разбитой бронзе черепка...

В другом стихотворении земля кажется поэту лишь отражением искусства. Кукушка на ней «пучится словно стих», расцвеченный лист пальмы—«удача творчества» и т. п.

Это идеалистическое превращение действительности в отражение идеального мира искусства естественно смыкается с мистикой и эпигонизмом. Поэт постоянно ходит на грани прекрасного: не только искусство, но и сама жизнь кажется ему загадыванием в потусторонний мир.

Город с мертвенным Спасскому странным и бледным видением:

Мне даже площадь неизвестна.
Она пустынна, словно дно
Расплеснутого водоема...

и даже собственная комната поэта, из которой он только что вышел, почти теряет свою речьность, а вместе с ней смещается в прекрасный план и вся действительность.

Иногда идеалистическое отстранение мира Спасский мотивирует реалистически, например, ночной обстановкой и бессонницей.

Остается лишь вопрос — зачем нужно такое описание. Ответ Спасского квалифицирует всю реалистическую мотивировку:

Бессонница — поэзия поверенница
И замыслов утерянных сестра.
Захлебыванье музыкой...

Итак бред, мотивированный бессонницей, сам оказывается мотивировкой иррационального процесса, на котором не может разумеется не отразиться, бредовое состояние поэта. Поэзия оказывается «поверенницей» ночного бреда и «сестрой» «утерянных замыслов», а «музыка» стихотворного ритма, в которой захлебывается поэт, несет на себе отпечаток того безумия, которое считал ее извечным свойством бывший теоретик конструктивизма Корнелий Зелинский (см. его книгу «Поэзия, как смысл»). Словом все оказывается «на своих местах», только места эти свидетельствуют о перевернутом сознании идеалиста.

Наряду с нейтральной, традиционной, небольшой и любовной лирикой, не свидетельствующей об особых сдвигах поэта в ту или другую сторону, мы встречаем у Спасского такие стихи, как «Украина» и «Лазарь», которые, будучи поставлены в один ветер с традиционным для старой великодержавной поэзии восприятием Украины в качестве красивой провинции России, являются объективно стихами реакционными. Поэт, который в одной из крупнейших республик, освобожденных от великодержавного гнета царской России, не увидел ничего, кроме «кнелских куполов» и «головьей песенной дремы», поэт, который для молодой возрождающейся страны, входящей в пятилетку социалистического преобразования (стихи датированы 1929 годом, а напечатаны в 1930 году), не находит другого сравнения, кроме «муда языческого», — такой поэт заслуживает того, чтобы, глядя в нем, вспомнили великодержавные стихи А. Толстого с его «Ты знаешь край, где все обильем дышет?»

Сергей Спасский не чужд совершенно пролетарской революции, но враждебен ей прямо и политически. Мелкобуржуазная революционность свойственна до известной степени Спасскому, но его поэзия в целом представляет явный пьедестал буржуазных влияний, отражением, идеалистическим светом которых является творческий метод поэта, приводящий его к противоречию с собственными декларациями.

Если брать весь творческий путь Спасского в целом, учитывая предшествующие последней книги поэмы, стихи и прозаические произведения, наиболее характерной вещью для всего предыдущего этапа, вещью, вносящей окончательную ясность в оценку настоящего этапа его творчества, является поэма «Неудачники», изданная «Никитинскими субботниками» в 1929 г.

«Неудачники» воспроизводят социальную коллизию, характерную и для других крупных вещей Спасского. Уже само название поэмы символично и этим смысле. «Неудачниками» называет Спасский мелкобуржуазную интеллигенцию, оказавшуюся, как в тисках, между борющимися классами—буржуазией и пролетариатом. Спасский берет как раз ту слою этой интеллигенции, которые еще не самоопределились. Они оторвались от старого мира и даже тянутся к новому, но пуповина, соединяющая их со старым, еще не перерезана: по ней идут соки этого прошлого, отравляющие их сознание и вселяющие в них неуверенность.

Вот что пишет Спасский в заключительной приписке к поэме:

И все?
Зачем путь строчек долог?
Зачем, подобные ручью,
Вились они? НЕ ИДЕОЛОГ,
Я просто — вижу и пою...

А несколько выше, вначале заключительной главы поэмы, Спасский на тот же недоуменный вопрос о цели своего творчества признается:

Звон красок, мятых наугад,
Набор желаний, мыслей склад,
Идей не прожитая единой...

Зачем же тогда начата поэма? В чем же все-таки цель творчества? Выше мы сталкивались с определением творческого процесса как бесцельной, бессмысленной растраты сил, вызванной неотвратимым влечением неведомого. Признание самоцельности творческого процесса раскалывает и в «Неудачниках».

Однако еще Плеханов справедливо указывал, что даже за каротным отрицанием тем или другим поэтом идейности своего творчества, даже за произведениями, одетыми в тогу бездейственности и «чистого искусства», следует искать определенных социальных идей. Какова же идеология Спасского? Каковы основные идеи его произведений вплоть до самых последних?

Показав довольно убедительно, несмотря на самочельный будто бы звон рифм своих героев, «неудачников» на перепутье как мелкобуржуазную интеллигенцию, нормальную правда еще нерешительно с пуповиной, связывающей ее со старым миром и пытающуюся встать на новый путь рядом со строителями социализма, Спасский не доводит своего повествования до конца. Вспомним: внезапно, что он «не поспел», Спасский возвращается к своим «рифмам», бросая героев на полпути самих разделаться со своей судьбой:

Мои герои? я в пустыне
оставлю вас.
Счастливый путь.
Пусть в обтоманную земли
И без меня найдете вы.

Необходимо подытожить выводы. Отказ Спасского отчетливо наметить социальную судьбу своих героев как раз на пороге их решительного перелома показывает, что автору самому неясен этот новый путь. Разобщенные же стихи последней книги обнаруживают ложе тенденции возвращения назад, бегства писателя от социалистической современности как раз в период обострения классовой борьбы, в «нейтральный мир «чистого» искусства.

расправа с автором

о бюрократизме в молодежном издательстве

«...Рост и активное участие в политической жизни рабочей и колхозной молодежи, требует исключительного внимания к делу издания литературы для молодежи и детей».

(Из постановления ЦК ВКП(б) об издательской работе).

Батраченок, беспризорный, затем красный партизан, рабочий-изобретатель — товарищ Шибалин — написал повесть своей жизни — яркой и богатой, полной борьбы с трудностями и лишениями.

Свою рукопись — это было в феврале 1929 года — Шибалин принес в издательство «Молодая гвардия». Рубежом написать «первые двадцать лет». Она была написана такими красками, что редакторы отказались ее прочесть.

Собственную биографию было предложено «сделать» начинающему писателю. Сделать «сделать» свой рассказ на занятиях кружка. Шибалину было предложено «сделать» свой рассказ Шибалину было бы надо.

Наконец, после долгих споров «дело» было передано на компетентное усмотрение самого председателя правления издательства. «Молодая гвардия» рискует перегнуть рукопись беспризорника-рассказчика на в собственном машинном бюро.

Ознакомившись с перепечатанной рукописью, я узнал, что дело идет о произведении, представляющем значительный интерес для массового читателя. Рукопись требовала смелой, тщательной редакционной обработки.

Опустим подробности этой «обработки» в редакционном и производственном секторах: она заняла **два с половиной года.**

За это время начинающий автор успел и на фронте, и на заводе, и в литературной учебе, и, конечно, не получить.

Год назад повесть «Высокол» попала в ГИЗ, а затем в молодежный сектор ГИХЛ. Там она мариновется до сих пор.

Я оставляю в стороне качество моей рукописи. Оно, конечно, не весьма высоко, но не похоже ли отношение московских товарищей, связанных со злосчастной моей повестью, на мягко выражаясь, полное пренебрежение к работе начинающего писателя, имя же примечательного? Мне жаль, что я не сумел в себе умение более легко смотреть на это дело, но, говоря открыто, история с «Высокомом» здорово на меня повлияла. Я несколько отвлекся, не веря в успех своей работы.

Мне показалось, если даже то из моей работы, что на первый взгляд возможно снимается, так легко похоронено, то что же могу я дать в дальнейшем? Не рискую ли я срока напороться на таких помощников, какие преследуют цель, выплатят гонорар и... замолчат, как рыбы и замену речь о творческой учебной помощи советом, словом, оценкой...».

Нужно ли комментировать это письмо т. Снежина?

М. Снежин исправ только в одном: напрасно верить в бескорыстие группы бюрократов, но недоразумению терпимых в советском издательстве, пролетарский писатель не может и не должен впадать в пессимизм и отчаиваться в успехе своей дальнейшей работы.

*

В Издетгизе чрезвычайно сильны всякого рода административные восторги, плохое благополучие, тупое бюрократическое самодовольство. Руководители издательства необычайно гордятся тем-нами издания «злободневных» книг, отвечающих злобную дня.

Но они не понимают всей отвратительности красной халтуры, которую они подчас торопливо пекут под видом актуальной книги; они не видят, что рядом действительно ценных и художественно написанных книжек ролями маринуется в дебрях издательства; они, видимо, полагают, что количество издаваемой продукции «диалектически» переходит в ее качество...

Они, наконец, не видят и того, что в погоне за пресловутой «злобой дня» в ущерб идейному и художественному качеству, они в строй практической работы проводят основные идеи «Литфронта», разгромленного пролетлитературным движением.

Зайдя на дверях каждого из отделов издательства вы можете увидеть аккуратно расписанные таблички с указанием процентов выполнения редплана.

Журналы, выпускаемые издательством детской и юношеской книги «Молодая гвардия» доставлены в такие условия, что они фактически лишены возможности вести какую бы то ни было массовую работу: чтобы получить 25—30 рублей, необходимых для проезда куда-нибудь с совещания, редакция журнала должна обойти огромное количество инстанций науки аппарата издательства; под отчет она не может получить ни копейки.

В то же время недавно было бухнуто по выборочке на ветер около 80 тысяч рублей, затраченных на издание «Детской советской энциклопедии», материал которой оказался совершенно непригодным.

Существует в издательстве специальный бюрократический Клык — массовый сектор (общий для издательства и для всех журналов), в котором 4 штатных инструктора не знают с чего начать, не понимая, что неправильно само построение сектора, парализующее инициативу журналов и обесценивания их массовую работу.

Бюрократизация массовой работы дала себя знать и при попытке издательства создать посты Юнгстила на местах: в частности, недавно созданные в Твери три поста сейчас же распались.

Издательство юношеской и детской литературы ничего не предприняло для установления связи с массовым литературным движением, а вокруг тех отдельных работников, которые в свое время пытались эту связь наладить, была создана такая атмосфера, при которой они были лишены возможности проводить свою работу в равновесии.

В поисках внутренних ресурсов бумаги руководители издательства бесспорно сохраняют детям журнала «Молодая гвардия» — хотят сделать единственного крупного литературно-художественного журнала из числа выпускаемых издательством и вообще единственного во всем издательстве листа, которым руководят писатели-марксисты.

Журнал «Молодая гвардия» непрерывно подвергается всякого рода ущемлениям: из двухлистового он превращен в ежемесячный, объем его с 13 печатных листов сокращен до 8. И это в то время, когда его 15-тысячный тираж расходится полностью при неудовлетворенном спросе, а значительное количество тиража других журналов издательства — систематически остается нераспроданным, загромождая склады.

*

Низкое качество книжной продукции Юдетгиз «Молодая гвардия» стало общеизвестным. В течение последних месяцев оно все чаще привлекает к себе исключительное внимание критики, печати. Уже не раз высказывалось мнение о том, что частые срывы в работе центрального молодежного издательства проистекают вследствие системы ошибок, пересаженной специфическими методами работы, принятыми в Издетгизе. «Специфику» эту нужно квалифицировать как **оппортунизм на практике, прикрываемый громкой фразой.**

Сейчас работу издательства обследует специальная комиссия ЦК ВЛКСМ — и, которая подытожит слова и дела руководителей издательства. Мы не имеем достаточно полного материала, чтобы сделать окончательные выводы о работе издательства. Но и те отдельные, достаточно характерные факты, о которых рассказано выше, не оставляют сомнения в том, что в практике издательства свил себе гнездо опортунизм, — что издательство требует капитальной перестройки и решительного укрепления его кадрами ведущего отряда пролетарской литературы.

Без помощи РАПП и без активного участия в работе по изданию детской и юношеской литературы, Юдетгиз не сумеет справиться с теми огромными задачами, которые поставлены перед ним решением ЦК партии об издательской работе.

Д. КАЛЬМ

„О механическом предателе" и живых пошляках

Все критики, рецензирующие первую журнальную карикатуру «Межрабпомфильм — «Механический предатель», — останавливаются в недоумении перед вопросом:

— Как можно было дойти до такого убожества?!

Действительно, как? Вот мы видели эту «предательскую» (в отношении ее творческо-фильму собственными глазами. Сомнений в том, что она существует — нет. И все же верится с трудом...

Как можно, живя в СССР, в Москве, читая (или хотя бы просматривая) газеты, в какой бы то ни было степени (хотя бы в микроскопической) впитывая пульс нашей жизни,—остановить свое внимание на такой жалкой теме (да и тема ли это?), как стрекот какого-то немца в эпоху кризиса и сахара. И не только остановить внимание, но и средства найдены, немецкой типографии заработать, валютно создать международный издательский тип «предательского» журнала из числа выпускаемых издательством и вообще единственного во всем издательстве листа, которым руководят писатели-марксисты.

Журнал «Молодая гвардия» непрерывно подвергается всякого рода ущемлениям: из двухлистового он превращен в ежемесячный, объем его с 13 печатных листов сокращен до 8. И это в то время, когда его 15-тысячный тираж расходится полностью при неудовлетворенном спросе, а значительное количество тиража других журналов издательства — систематически остается нераспроданным, загромождая склады.

*

Низкое качество книжной продукции Юдетгиз «Молодая гвардия» стало общеизвестным. В течение последних месяцев оно все чаще привлекает к себе исключительное внимание критики, печати. Уже не раз высказывалось мнение о том, что частые срывы в работе центрального молодежного издательства проистекают вследствие системы ошибок, пересаженной специфическими методами работы, принятыми в Издетгизе. «Специфику» эту нужно квалифицировать как **оппортунизм на практике, прикрываемый громкой фразой.**

Сейчас работу издательства обследует специальная комиссия ЦК ВЛКСМ — и, которая подытожит слова и дела руководителей издательства. Мы не имеем достаточно полного материала, чтобы сделать окончательные выводы о работе издательства. Но и те отдельные, достаточно характерные факты, о которых рассказано выше, не оставляют сомнения в том, что в практике издательства свил себе гнездо опортунизм, — что издательство требует капитальной перестройки и решительного укрепления его кадрами ведущего отряда пролетарской литературы.

Без помощи РАПП и без активного участия в работе по изданию детской и юношеской литературы, Юдетгиз не сумеет справиться с теми огромными задачами, которые поставлены перед ним решением ЦК партии об издательской работе.

Д. КАЛЬМ

об издании серии „мировой революционной поэзии"

Издание серии «Мировая революционная поэзия» имеет целью дать представление массовому читателю о том совершенно необследованном наследии в литературе, которое оставили нам революционные эпохи в различных странах, начиная с XVI столетия.

Так как разыскивание и обследование такого наследства является делом, никогда еще не осуществлявшимся, следует иметь в виду большие трудности поставленной задачи. Но тем необходимее за эту задачу взяться, чтобы эта первая попытка ее разрешения могла послужить хотя бы основанием и заявкой для более обширных изданий в будущем. Издание это только осуществиться не в виде строго законченном, а главным образом противопоставления и апостроф наиболее типичных произведений литературы, заслонившей собой целиком эту вторую, взятую с рынка и на внимание пролетарского читателя лишь—общественной лирики.

Исследовательский характер работы по подготовке этой серии должен дать целый ряд новых имен авторов, вызвать к жизни целый ряд несправедливо забытых книг. Поэтому, намечая предварительно к изданию таких авторов, как Вейнерт, Фрейлиграт, Гервег, Прутц (Германия), Потье, Жиль, Жуткинсин, Морис Бука (Франция), Додж, Эллиот (Англия), Дэвид Гилл (Америка), Курочкин, Трезделев (Россия), редакция вовсе не ограничивается вышеназванными авторами и странами, приводя их лишь как начальный список, предполагаемый к изданию.

Совещание по вопросам подготовки такого издания созывается в издательстве «Федерация» 18 октября, в 6 час. вечера.

что скажет на это ГИХЛ

В «Литературной газете» от 25 августа (№ 46), в статье бригады ГИХЛ, рассказывающей о своей поездке в Баку, между прочим говорится, что бригадой была начата работа по созданию рабочего редакционного совета в азербайджанском государственном издательстве «Азернешр», что президиум редсовета ГИХЛ послал «Азернешр» все материалы, касающиеся организации рабочего редсовета и что теперь ГИХЛ держит с «Азернешр» тесную связь. Об этом же говорится и в № 8 ежемесячного бюллетеня ГИХЛ «Художественная литература».

К великому сожалению приходится констатировать, что материал по организации редсоветов ими до сих пор не получен, несмотря на то, что со времени пребывания бригады в Баку прошло уже около четырех месяцев. Заодно следует сказать, что по существу между ГИХЛ и «Азернешр» до сих пор никакой связи нет.

МАГНЕТИТЕЙН

состав жилкомиссии мосгоркома

В последнем номере «Литературной газеты» в списке жилкомиссии Мосгоркома вкралась неточность. Поэтому приводим список заново.

Состав объединенной жилкомиссии Мосгоркома следующий: АЛТАУЗЕН (председатель), БРОНШТЕЙН (секретарь), РЯШКЕВИЧ, БИЛИНКИН, СЛЕТОВ, НАСЕДКИН, СУББОТИН, ФРИДМАН, ШАХТЕР.

в мосгоркоме писателей

— Дом отдыха «Малеевка» на зимний сезон переоборудуется в дом творческого и продуктивного типа с 30 человек. К 1932 году будет построен второй этаж, что увеличит пропускную способность дома до 60 человек в месяц.

— Медицинское обслуживание писателей с 15 октября будет производиться поликлиникой № 2 МСУ.

— Мосгорком совместно с ФОСП организовал бригаду писателей бригад в составе А. Исбаха, Н. Скосырева, М. Розенсона, Тарпан, Воденского и Лукьянова.

письма в редакцию

изумительная рецензия

В № 243 «Вечерней Москвы» помещена под крупнейшим заголовком «НОВЫЙ РОМАН О 1905 ГОДЕ» рецензия некоего «С. Б.» о вышедшей в издательстве «Федерация» первой части моего романа «ВИХРИ». Мой критик развивает роман с точки зрения отображения эпохи 1905 г., и эта цифра встречается чуть не на каждой строчке.

Но в ПЕРВОМ РОМАНЕ О 1905 ГОДЕ Я НЕ ПИСАЛ, и в «Вихрях» нет НИ ОДНОЙ СТРОЧКИ, ОТНОСЯЩЕЙСЯ К ЭПОХЕ ПЕРВОЙ РЕВОЛЮЦИИ...

Так пишутся рецензии...

ДМИТРИЙ СВЕРЧКОВ

Бюро секции переводчиков ФОСП весьма присоединяется к общественной оценке факта заявления т. И. М. Зуеманова об ошибочной информации в газету «Литгазета» — оценке, которая была дана в письме организатора МОРП тов. Бела Иллеш («Литературная газета» от 30 июля).

Вместе с тем, ознакомившись с представленными т. Зуеманову материалами, бюро секции считает нужным отметить, что данный факт является первым, известным бюро, случаем невнимательности в общественной работе т. Зуеманова, успешно проводимой по командировке ФОСП поездку по Германии. Заполнение было обусловлено срочностью ударной работы, выполняемой т. Зуеманову в СП рабочих земельческих союзов по проведению последней уборочной кампании.

БЮРО СЕКЦИИ ПЕРЕВОДЧИКОВ ПРИ ФОСП.

извещения

* 18 ОКТЯБРЯ — 18 ч. — в Доме Герцена — расширенный секретариат МОПКП с активом. Повестка дня: 1. О творческой группировке т. Батрака (Батран). 2. Учебно-творческая работа практического сектора МОПКП (т. Астахов). 3. О журнале «Комбайн» (т. Колос). 4. Подготовка к годовщине призыва ударников в литературу (т. Динер). 5. Разное.

* 17 октября — 17 ч. — собрание киносекции МАПП (Тверская, 51).

* 17 октября—18 ч.—в «Новой кузнице» (Тверской б., 25) — продолжение общего собрания членов объединения.

* 18 октября — 19 ч. — в помещении Комакадемии (Волхонка, 14, комната 327-й) — очередное методологической секции. Доклад т. Шестера «Литературное наследство Мехринга».

* 18 октября — 18 ч. — в редакции журнала «Прожектор» (Тверская, Настасьинский пер., 8, во дворе, 2-й этаж) — очередное производственно-совещание редакции. Тов. Жига читает очерки—главы из своей новой книги о Донбассе.

* 20 октября — 19 ч. — клуб ФОСП им. Горького — доклад т. Ольмана «О состоянии и задачах критики пролетколтовской литературы».

* 20 октября — 19 ч. — клуб ФОСП — очередное занятие кружка «Комбайн».

* 21 октября — 17 ч. — Дом Герцена — закрытое партсобрание ячейки ВКП(б) ФОСП.

* 22 октября — 18 ч. (помещение МАПП, Тверская, 51) — собрание творческой группы МАПП «Напостовская смена» с обсуждением повести Матрофанова «Июнь — июль». Докладчик Кирьянов.

* 24 октября — 20½ ч. — в Политехническом музее — вечер поэтов с участием А. Архангельского, Дж. Алтаузена, А. Жарова, С. Кирсанова, Ив. Молчанова, М. Светлова и Н. Утехина.

***

Покупаем книги по вопросам литературы, искусства и смежным вопросам. Предложения адресовать: ул. Воровского, 52, клуб ФОСП им. Горького, кабинет ударника, Б. Кирсену, по телефону 3-14-32, с 13 до 15 ч.

***

Редколлегия по художественному показу героики пятилетки извещает всех членов МАПП и т. т. Фридмана (Тверской, 51) т. Чужака, Б. Галина, И. Жигу, Н. Богданова, И. Полетаева, Б. Шебалина, Е. Фишера, М. Залка, Н. Сергеева, З. Ткача, М. Волжского, П. Маштакова, А. Елки, Петрухина, А. Мутатова, П. Афраменка. Ежедневно с 12 до 15 ч. кроме 2 и 7 числа.

на борьбу за мировоззрение

„Жизнь меняется" в театре б. корш

Много ушлой воды с тех пор, как в театре типа «Проходная комната». Ее сменили «Высоты», «Земля», «Парлтраф 218». Но вскрыла традиции искусства. Так театр б. борьбе и в корне чем ощущается то сих пор.

Театр перестраивался с большим трудом и неудачный новый путь. Нельзя сказать, что эти изменения были беспочвенны. Уже тот факт, что в театр пришел пролетарский драматург Юр. Либединский, говорит о серьезных сдвигах в работе. Из «Высоты» Юр. Либединского не сли-

рис. А. Костомолочного

Волошин—арт. Леонтьев

рала роты переломного этапа. С «Высоты» мерно улизнул «Болото» — Подъем.

Театр не боролся за внутреннее единство подмостроение, за обычно-классического мастерства, старого актера-реалистическим содержанием. Также большие актеры, как Н. Радин, застыли в своем идейном росте.

К годы от старых кадров потребовалось новое отношение к театральному обряду, когда остов театральной техники был бы был на силе высоко) оказаться недостаточно, театр идейно обеднялся и стала очевидна его духовная бедность.

Выход стали искать в тематике. Но смена тематики положение не исправила, а наоборот, еще больше подчеркнула это остальное. Правда, в таком положении находится не один б. корш-ский театр. В таком же положении и Малый и ряд других театров.

Какой же выход? Несомненно, что лихорадка отдельных театра возможна лишь только на путь освоения новой тематики. Он в этом деле не 14 году Октябрьской революции, но на путях решительной перестройки и переделки мировоззрения театра, его коллектива. Если мы со всей категоричностью предъявляем требования нашей драматургии перестроиться, стать на уровень высокого идейного содержания нашей эпохи, то тем же требованиям должно быть предъявлено и актеру, и режиссеру. И тот, кто не может или не хочет не сумеет по-настоящему волноваться и зрителя, яркие, сценные образы нашей действительности. Одно мастерство здесь бесплодно!

Но это худо будет, если вместо трудной, упорной борьбы за перестройку мировоззрения стать на путь приспособления, на путь приспособления, подлаживания. И исключительно на такой путь пытался увлечь актеров заведующий литературной частью театра т. Тамариков, когда пытался только тематику проблему «Строителя Сольнеса» как проблему современных задач (см. статью Тальникова).

Мы потому так подробно остановились на общем лице театра, что без его характеристики больше правильно разобраться в последней работе театра **«Жизнь меняется».**

Этой постановкой началася земной сезон.

«Жизнь меняется» — история борьбы за одну из многих электростанций СССР.

Сюжет несложен. Есть честные строители, есть вредители, есть просто усталые. Побеждают те, кто тверд на своем пути, кто верит в победу, кто не сибирится под гнетом жизни. Понятно, инженер Борисов, и легко Волошин—зам. нач. строительства. А почему это правильно? Также понятно, — Борисов, несмотря на свою обывательскую, несмотря на «необходимое» домашнее окружение, оказался способным через плечо через препятствия. И понятно, почто Волошин, несмотря на свою картонность, прежние заслуги и «хорошее» домашнее окружение.

Пьеса «Жизнь меняется», если мы не ошибаемся, принадлежит перу молодого автора, из профессии инженера. Это и отразилось на образе центральной фигуры пьесы — инженера Борисова. Как Борисов получился наиболее жизненным, наиболее ярким. Мы видим перед собой не схему «благородного» инженера, типа Мерца, а действительно живого участника борьбы! Этому в значительной степени способствовала игра арт. **Зражевского,** сумевшего в основном дать правильное толкование роли.

Плохо обстояло с коммунистом Волошиным. Если как фигура-образ того человека по его общественному поведению, передвижения тип **спортсмена.** Но автор боится это открыто заявить. С этой целью он старательно подыскивает его мучительный путь сомнений, колебаний, эгоистических побуждений, тщательно замаскированных в «благородных» рассуждениях о долге, о чести и т. д. Автор явно старался оправдать Волошина, но эти попытки неудачны. Не ясно, как изменился положение, автор подменяет Волошина несчастному случаю на производстве.

Волошин — весь ал психологических ходулях, а артист Леонтьев с большой добросовестностью это передает.

Еще менее удачен образ вредителя инж. Брауна. Перед нами заштампованный образ вредителя, ничего нового не дающего для психологического саморазоблачения этой породы гуталинерчивых людей. К тому же у автора или постановщика есть грубейшая политическая неувязка, когда устами Бориса заявляется, что вредительство в наши дни —анахронизм.

Из удавшихся типов надо отметить мать Волошиной (в прекрасном исполнении арт. Блюменталь-Тамариной), Корнакина, секретаря ячейки. Но совершенно неверно изображены, в таких схематичных, внешних чертах, создающих только «сумасшоху» на сцене, новые кадры, в лице комсомольца Володи.

Вывод: пьеса «Жизнь меняется» не принадлежит к тем драматургическим явлениям, которые оказались бы на высоте положения, сегодняшних требований. Эта пьеса нами оказала. Но тем не менее — мы не имеем основания, как делают это некоторые театралы, квалифицировать эту пьесу как **приспособленческую.**

В отношении игры надо отметить, отсутствие художественного ансамбля, невысокое проникновение в психологическое содержание персонажей.

Здесь и сказывается то обстоятельство, что актеры театра б. Корш чувствуют себя далеко не в своей тарелке, когда им приходится воплощать в образы простых людей сегодняшнего дня.

Совершенно неудачным надо признать художественное оформление спектакля. Эти занавесочки из Мюзик-холла мало влияют с внутренним содержанием пьес. Борисова, да и со всей обстановкой строительства.

О постановке сказать можно только то, что она наивно эклектична, без стержня, без внутреннего единства, хотя ряд сценических мест разрешен не плохо.

Театр б. Корш должен встать на путь действительной борьбы за свое собственное лицо, за действительное идейное перевооружение.

В. ЗАЛЕССКИЙ

Нам пишут

Ударники, приглашенные в литературу, зачастую не имеют бумаги. Предлагающие писательские машинки, как правило, бумаги не продают. Товарищам начинающим литераторам я посылаю тетрадь. Необходимо выпускать дешевый формат для подшивальных анкетов.

АЛ. ЮЖНЫЙ

организуется театр поэта

При секции малых форм Всероссекцентра создана творческая группа работников искусств. К работе в творческой группе привлекаются Н. Молчанов, А. Жаров, А. Безыменский, Н. Сельвинский, И. Ассеев, Г. Гаянков, Н. Адуев и др.

Творческая политическая группа Всероссекцентра намечает организацию в Москве специального Театра поэзии, который явится базой для его работы. По поручению группы Н. Сельвинский уже приобретал репертуар этого театра. Для театра написан ряд стихотворений.

Состав редакции журнала „Пролетарская музыка"

Ответственный редактор Л. Мазель. Члены редакции: Ю. Бахрушин, Ю. Вейсберг, Г. Гинзбург, Г. Дубинский, Ю. Кремлев, Г. Ломакин, Г. Нейгауз, Н. Пейко, Г. Прокофьев, Г. Рабинович, Г. Ройзман, Г. Столяров, Г. Фейнберг, Г. Шнеерсон, Г. Эйгес.

Ответственный секретарь редакции Ю. Кремлев.

Издательство «Федерация»
выпускает массовую серию «Строители пятилетки»
В ближайшее время выходят из печати

КОЗИН, В.—Вожак.
ГУГА ГУЛЬБЕРТ—За новую родину.
ДАЛМАТОВ, Н.—Стальной уз л.
СТРОГОВА, Е.—Из биографии в рояль.
ЩУКОВ, А.—На казахстанском метру.
ГЕЛЬБЕРГ, Н.—Герои Черепбасса и пр.

Кроме того готовится к печати сборник очерков «Строители пятилетки».

В очередном номере
(выходит 20 октября с. г.).

СТРОЙКА

ОЧЕРКИ. РАССКАЗЫ. СТАТЬИ. СТИХИ. КОРРЕСПОНДЕНЦИИ. ФОТО. РИСУНКИ.

На улицах Гамбурга.
Город Ленина с высоты.
Днепрострой.
Литдарчники.
Маневры Красной армии.
Современная Германия.
Новое Дно.
Харьковский Тракторный.
Бунт английского флота.
Азария французского самолета
Выставка С. Кольцова.
Театр.
Окно в мир
и др.

Бернард Шоу.
К. Ломатидзе.
Поль Вайян Кутюрье.
Ефим Зозуля.
И. Гехкин.
С. Сапрыдов.
С. Подделков.
Кирилл Левин.
Ал. Гатов.
Л. Зарьбертейм.
Е. Вигонт.
Я. Смеляков.
П. Марков.
А. Шайхет.
Б. Игнатович
и другие.

Гос. Изд-во
Молодая Гвардия

В КОНЦЕ ОКТЯБРЯ ВЫХОДИТ ИЗ ПЕЧАТИ, ПОСТУПАЕТ В ПРОДАЖУ И РАССЫЛАЕТСЯ ПОДПИСЧИКАМ

№ 19—20

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОГО, ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОГО ЖУРНАЛА

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

Орган ЦК ВКП(б) и ЦК ВЛКСМ.

В НОМЕРЕ:

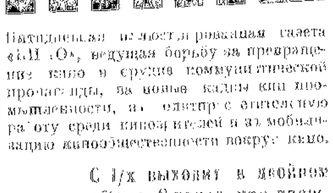
Либединский—Мечта о машине (рассказ). **В. Луговской**—Простое вступление, смерть, пропасть.—Обь-иноли. **М. Шолохов** — Призванье (повесть). **З. Александровская**—Мои поверенные. **М. Кожевников**—П. В. К.—Д. Хант—Гор. **Н. Зарянов**—Жить можно. **П. Железнов**—Поттитскому перу и др. **А. Эрлих**—Бетон, машины, люди. **Е. Бермонт**—ВАХИ. **Залесский**—Стойкость и организованность. **М. Мирницкий**—За подлинную музыку пролетариата. **Н. Бобров**—Пробуждение болот. **Я. Шведов**—От Страстного до Андроньевского монастыря. **Пен-Пай**—Красный Хайфон. **А. Кожарин**—Е. Сно. «Англо-американская горьба в пролива Тихого океана». **Б. Кузьмин**—Митрофанов. «Июнь—июль». **Н. Сомнер**—О. Форш. «Сумасшедший корабль».

Требуйте во всех киосках и магазинах. ЦЕНА НОМЕРА 1 р. 20 к.

Продолжается подписка на 2-е полуг. 1931 г., а также переходящая подписка на 1932 г. ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: на 6 м.—5 р. 75 к., на 3 м.—3 р. 90 к. С 1/VII по 31/XII 1932 г.—15 р. 35 к. На 1932 г.: на год—9 р. 60 к., на 6 м.—4 р. 80 к., на 3 м.—2 р. 40 к.

Подписку спасайте в местном отделении и магазине Книгоцентра, их уполномоченным, на почту и письмоносцам.

Все о кино, о кинопромышленности, киноискусстве — в газете



Пятидневная всесоюзная рабочая газета «Б. Ф. О.», ведущая борьбу за превращение кино в орудие коммунистической пропаганды, за новые кадры кинопромышленности, а также с отсталостью в области киноискусства, с антисемитизмом в кинопроизводстве, с мобилизацией кинообщественности вокруг кино.

С 1/х выходит в двойном объеме, 8 полос, при прежней подписке и розн. цене. Предлагается время подписки с текущего месяца.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: 3 мес.—93 коп., 6 мес.—1 руб. 75 коп., 12 мес.—3 р. 50 к.

Подписку сдавайте только на почту не позже установленного ею срока.

Цена отдельного номера — 5 коп.

ТРЕБУЙТЕ во всех киосках и у газетчиков

Журнально-газетное об'единение

Берется электрическая фотография, сопрягает трогаться фотоаппаратом

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

„ПРОЛЕТАРСКОЕ ФОТО"

Орган Союзфото и ОЗИКФ

Начиная с № 3 (ноябрьского) в журнале печатается

ВЫСШИЙ КУРС ФОТОТЕХНИКИ

ДЛЯ ФОТОГРАФОВ И ФОТОРЕПОРТЕРОВ

Без отрыва от работы. Без выезда в Москву. Без посещения лекций. Без отрыва от работы. Без выезда в Москву. Без посещения лекций.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ФЕДЕРАЦИИ ОБ'ЕДИНЕНИЙ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР

МОСКВА 22 октября 1931 г. № 57 (156)

РЕДАКЦИЯ:
Москва, Тверской б. 25, Дом Герцена. Телефон 2-80-12.

ИЗДАТЕЛЬСТВО:
Журнально - газетное об'единение: Москва, 6, Страстной бульвар 11. Телефон 5-51-69.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА:
На 12 м. 3 р. 50 коп.
На 6 м. 1 р. 75 к.
На 3 м. - р. 90 к.

о борьбе за большое большевистское искусство

В последние дни «Комсомольская правда» печатает полемические статьи, посвященные ряду вопросов работы РАПП. Эти статьи заслуживают специального подробного разбора. Повышение внимания центрального органа комсомола к вопросам литературы нужно всячески приветствовать. Однако, во-первых, плохо то, что «Комсомольская правда» за последнее время систематически обходит молчанием важнейшие вопросы классовой борьбы на литературном фронте, не замечает внимания на деятельности буржуазно-кулацкой агентуры в литературе, не дает своей оценки процессам, происходящим в попутническо-союзнических рядах, не интересуется проблемами пролетарско-колхозной литературы. Во-вторых, нужно отметить, что в своей полемике против ряда основных установок РАПП «Комсомольская правда» неправильно ориентирует своих читателей.

Около года назад пролетарская литература разоблачила капитулянтскую сущность «Литфронта». Значительная часть бывших «литфронтовцев» вернулась в ряды пролетарской литературы, на деле исправив свои прежние ошибки. Не РАПП и ВОАПП всегда подчеркивали, что КОРНИ «литфронтовщины» еще далеко НЕ ВЫКОРЧЕВАНЫ и что РЕЦИДИВЫ ее возможны в новых условиях и в новых формах проявления. События последнего года подтвердили ПРАВИЛЬНОСТЬ таких предостережений. Вышел в свет ряд «литфронтовских» книжек. В ряде органов печати были «литфронтовские» выступления. Наконец, одним из ярчайших проявлений деятельности остатков «Литфронта» явились недавние события в ленинградской организации пролетарско-колхозных писателей, которая была превращена — до смены руководства — в опорную базу бывших «литфронтовцев», не только не отказавшихся от своих ошибок, но и углубивших последние.

В 1931 году пролетарская литература сформулировала основной лозунг своей работы: БОРЬБА ЗА БОЛЬШОЕ БОЛЬШЕВИСТСКОЕ ИСКУССТВО. Этот лозунг полемически заострен НА ДВА ФРОНТА. С одной стороны, он направлен против тех тенденций в пролетарской литературе, которые выражают непонимание большевистской направленности в творчестве пролетарских писателей и переносят в последнее традиции и навыки, свойственные буржуазному типу искусства. С другой стороны, он направлен против установок, стремящихся линчевидировать большое искусство пролетариата, сузить его задачи, ежеминутно его к голому отображательству, к лефовской фактографии, и умалить значение борьбы пролетарских писателей за большевистское мировоззрение в их творчестве. В чем заключается ГЛАВНАЯ опасность в пролетарской литературе? В непонимании (или недостаточном понимании) принципа партийности в литературе, в непонимании (или недостаточном понимании) качественного отличия самого типа пролетарского искусства от искусства других классов. Но успешность борьбы с этой опасностью предполагает борьбу с упрощенством, вульгаризацией и ликвидаторством «слева».

Четвертый пленум правления РАПП в сентябре 1931 года выработал развернутую программу действий, сделав все ЧАСТНЫЕ задачи, стоящие перед пролетарской литературой, с задачей создания большого большевистского искусства. Разрешение этой задачи означает ЛИНИЮ НАИБОЛЬШЕГО СОПРОТИВЛЕНИЯ. Вокруг решений 4-го пленума правления РАПП сплотилось огромное, подавляющее большинство пролетарских писателей.

Некоторые статьи, появившиеся в «Комсомольской правде» за последнее время, и выражают НЕПОНИМАНИЕ НОВОГО ЭТАПА в развитии пролетарской литературы,— этапа, определяемого борьбой за большое большевистское искусство. Эти статьи об'ективно смазывают ведущую роль мировоззрения, то есть большевистского осмысливания пролетарским писателем явлений действительности, отводя внимание пролетарских писателей от вопросов идейно-художественного качества их продукции. Нетрудно установить, что по существу полемика развертывается не вокруг ОТДЕЛЬНЫХ положений, выдвинутых ОТДЕЛЬНЫМИ товарищами из РАПП, а вокруг ряда ОСНОВНЫХ положений, формулированных последним пленумом правления РАПП. Ошибки, совершаемые «Комсомольской правдой» в вопросах литературы, приобретают тем большее значение, что они МЕШАЮТ пролетарской литературе усилить борьбу против ОСНОВНОЙ опасности, которая определена выше.

Околопитературные и внутрилитературные обыватели и сплетники, следя за дискуссией между «Комсомольской правдой» и РАПП, определяют смысл этой дискуссии как борьбу комсомола и РАПП по основным вопросам литературы. Но у КОМСОМОЛА и РАПП (как это неоднократно подчеркивала сама «Комсомольская правда») НЕТ И НЕ МОЖЕТ БЫТЬ РАЗЛИЧНЫХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ПОЗИЦИЙ. Их позиции определены линией партии в вопросах литературы. Поэтому в интересах пролетарской литературы, в интересах наибольшей взаимной связи РАПП и комсомола, в интересах создания высококачественной литературы, удовлетворяющей возросшие художественные запросы комсомола, необходимо, чтобы «Комсомольская правда» возможно скорее исправила ошибки, допущенные в отдельных статьях, помещавшихся на ее страницах, в частности и в особенности в статьях бывших «литфронтовцев». От РАПП же требуется, чтобы организация пролетарских писателей уделила значительно большее внимание вопросам комсомольской литературы и на деле совершила во всех областях своей работы поворот лицом к комсомолу.

от редакции

В редакционной статье по вопросам литературы, помещенной в «Комсомольской правде» за 19 октября, «Литературная газета» отнесена к рапповским органам печати.

Редакция «Л. Г.» разъясняет редакции «Комсомольской правды», что «Литературная газета», не имея никаких расхождений с литературно-политической линией РАПП, является органом Федерации об'единений советских писателей. Подмена Федерации РАПП, очевидно, объясняется небрежностью формулировки в редакционной статье «Комсомольской правды».

после возвращения из лагерей на вечере писателей-локафовцев

Несколько дней назад секретариат МосЛОКАФ организовал в Центральном доме Красной армии вечер, посвященный итогам пребывания писателей-локафовцев в лагерях и участия их в тактических учениях.

Открывая вечер, тов. Д. Либерман, между прочим, сообщил, что 1 ноября МосЛОКАФ открывает для писателей курсы, которые широко ознакомят курсантов с жизнью и учебой красноармейцев. Писатели-локафовцы тт. Ф. Гладков, А. Новиков-Прибой, Б. Левин, П. Низовой, П. Парфенов, С. Мстиславский, Е. Петров, Е. Сергеева, Е. Зозуля, Л. Славин, Златова и Красноставский рассказали собравшимся о своих впечатлениях, вынесенных от поездки в лагеря и на тактические учения. Все выступившие в прениях отметили большой культурный и политический рост красноармейца и краснофлотца. В заключение писатели указали на необходимость дальнейшего ознакомления с техникой военного дела, на необходимость конкретного участия писателей в работе РККА.

— Для этого локафовцы должны быть на длительные сроки прикреплены к частям, — сказали писатели. — ЛОКАФ должен обеспечить автору серьезную консультацию по всем военно-политическим и военно-техническим вопросам, чтобы облегчить творческую работу писателя.

Тов. Родионов, подытоживший все выступления, подчеркнул, что работа писателей в лагерях и на тактических учениях принесла им несомненную пользу. Пора приступить к творческой работе. ЛОКАФ должен организовать творческие вечера на тему—как писать о Красной армии.

А.

литературное сегодня

* Для участия в работе МОРП по показу героев пятилетки международному пролетариату ВОСП выделил специальную комиссию в составе: И. Огнева, Е. Кольцова, А. Селивановского, Л. Славина и И. Сельвинского.

* 10 ноября созывается критическое совещание РАПП. Совещание заслушает доклады о положении и задачах критики, об основных принципах марксистско-ленинского анализа художественного произведения, о массовом читательском движении и рабочей критике. На совещании предполагается выступление редакций журналов с отчетами о своей работе в области критики.

* На последнем заседании расширенного секретариата МОРПИ, заслушав доклад т. Астахова об учебно-творческой работе, Секретариат МОРПИ утвердил т. Астахова руководителем учебно-методического сектора и заведующим курсами по подготовке руководителей работодателей РОПКИ и литкружков пролетарско-колхозных писателей.

* В систему ОГИЗ создано бюро иллюстрационного фонда, куда поступают отработанные оригиналы — карты, портреты, фотоснимки, чертежи, технические рисунки — от всех издательств ОГИЗ. Автор, не затрачивая много времени, может выбрать все нужные иллюстрации для изучения той или иной новой книги. Использование каждого экземпляра снимет расходы по изданию. Бюро помещается в проезде Художественного театра — дом 5, помещение 2, телефон 1-39-21.

* Драматург Б. П. Бирюк, в свое время первым откликнувшийся пьесой «Ледокольный» на прорывы и аварии железнодорожного транспорта, сейчас заканчивает новую пьесу «Буржуаз». Пьеса написана на тему героев пятилетки — рабочих молжского флота.

новый журнал ВОАПП „Пролетарская литература"

Журнал Российской ассоциации пролетарских писателей «РАПП» реорганизовал в новый журнал марксистско-ленинской литературной критики и теории, в орган ВОАПП «Пролетарская литература».

Журнал предположено издавать на русском, украинском языках и на одном из языков Закавказья.

создание „истории заводов" должно быть делом широчайших пролетарских масс

ленинградские гиганты приступили к созданию „истории"

массовый сектор лингихл показывает лучшие образцы работы

Еще 26 сентября массовый сектор ЛенГИХЛ начал работать над организацией творческих бригад и редакционных коллегий на крупнейших предприятиях Ленинграда. «Красный путиловец», «Красная заря», заводы им. Ленина, им. Карла Маркса, им. Сталина, им. Ломоносова, «Красный треугольник» и Ижорский завод — вот основные точки массовой работы ЛенГИХЛ. В творческие бригады, созданные из литераторов-коммунистов, вошли и старые производственники, активно помогающие сбору архивных материалов и воспоминаний. В состав редколлегий вошли представители партийных, профессиональных, комсомольских организаций и работники местных истпартов. К каждому заводу прикреплены работники массового сектора ГИХЛ, консультирующие всю организационную работу.

За истекший месяц сделано очень много. На «Красном путиловце» создана творческая бригада (бригадир Мительман), которая провела два производственно-творческих совещания совместно с представителями редколлегии. Каждый член редколлегии персонально собирает материал, поступающий от старых производственников, и попутно знакомится с архивными материалами местного истпарта.

На заводе «Красная заря» создана бригада под руководством Суховилова, вокруг которой группируются старые производственники. Проведено три производственных совещания.

На заводе им. Ленина создана бригада под руководством тов. Львова, на Ижорском заводе — бригада под руководством тт. Наливкина и Данецкого. Бригада ижорцев установила места нахождения заводского архива, рассказала товарищам, работавшим ранее на заводе и знающим поэтому его историю, установила с ними живую и систематическую связь. Организованная бригадой группа товарищей — старых коммунистов, подпольщиков (в Москве) — провела вечер воспоминаний. Застенографированные речи ижорцев войдут в «историю завода». Вся работа бригады кереносена в партпрофкабинет. Уже получены первые материалы об «истории» предприятия.

Такая же работа проведена и на всех остальных предприятиях. Массовый сектор ГИХЛ разъясняет авторам истории, как писать «историю завода». Застенографированы беседы с административно-техническим персоналом предприятий, с представителями партийной и профессиональной организаций, со старыми производственниками и ударниками. Весь этот материал будет помещен в специальном, третьем номере «Литучебы», посвященном «истории».

Помимо всего этого проведено методическое совещание с руководителями бригад и бригадирами. Это совещание поставило ряд сложных вопросов, которые разрешаются сейчас совместно с представителями Комакадемии, литературных организаций истпарта, музея Революции и Центрархива.

Проведены специальные производственные совещания с историками-марксистами. В процессе всей этой работы выявился ряд вопросов организационного порядка. Выяснилось, например, что не все товарищи, работающие над созданием «истории», представляют себе задачи в том разрезе, в каком они были даны в постановлении ЦК ВКП(б). Массовый сектор ЛенГИХЛ совместно с ЛАПП вплотную подошли к необходимости большой воспитательной работы среди будущих авторов «истории». Выявлена необходимость создания кружков, консультаций, семинариев с проработкой основных вопросов истории классовой борьбы, истории партии и т. п.

24 октября вопрос о создании «истории» будет разрешаться на пленуме ЛАПП. Все организации, работающие над созданием «истории», должны проводить работу под единым руководством, под таким руководством, которое обеспечило бы успешную реализацию постановления ЦК ВКП(б).

МИРОШНИЧЕНКО, АВРАМЕНКО, ИВОЛГИН, СИДОРЕНКОВ, САЯНОВ, КОРОБОВА, ЧЕВЫЧЕЛОВ, ВЕРХОВСКАЯ, ЕВСЕЕВ

писатели в редсовете „Красного треугольника"

ЛЕНИНГРАД. (Наш корр.). На «КРАСНОМ ТРЕУГОЛЬНИКЕ» широко развернулась работа по созданию «Истории завода».

Редсовет Истории выпускает красочные плакаты - воззвания. Состоялся массовый вечер рабочих. Вечер собрал около 500 старых производственников. Присутствовали также руководители Ленгиза и представители писательских организаций. После доклада тов. М. РАФАИЛА, обрисовавшего задачи создания «Истории», выступили старожилы завода. За товарищескими чаем Б. ЛАВРЕНЕВ от имени ЛО ВССП — подшефной «Красному треугольнику» писательской организации — сообщил о формах участия писателей в работе над созданием «Истории».

Президиум ЛО ВССП постановил прикрепить к редсовету «Красного треугольника» М. СЛОНИМСКОГО, Н. ТИХОНОВА и Б. ЛАВРЕНЕВА.

*

На постановление ЦК партии откликнулись работники завода «Большевик». Созданы заводская комиссия. Организуются вечера воспоминаний.

в белоруссии начало положено

По инициативе комсомольских организаций и минской АПП на крупнейших заводах Белоруссии приступили к созданию «Истории» заводов. Еще месяц назад на заводах «ОКТЯБРЬ», «ДЕРЕВООБДЕЛОЧНИК» им. ВОРОШИЛОВА и др. созданы специальные рабочие редколлегии. Вся работа заводских литкружков, как и вся работа минской ассоциации пролетписателей перестраивается в соответствии с задачами, выдвинутыми постановлением ЦК ВКП(б) об «Истории» заводов. ЛУЧШИЕ УДАРНЫЕ БРИГАДЫ ПРИСТУПИЛИ К ВЕДЕНИЮ СПЕЦИАЛЬНЫХ ДНЕВНИКОВ.

ГАК

в правлении ОГИЗ

Издание специальной серии очерков по «истории заводов» будет сосредоточено в ОГИЗ. Образована тройка под председательством Арт. Халатова для разрешения всех организационных и редакционно-издательских вопросов.

При разработке плана бумагоснабжения ОГИЗ на 1932 г. будет предусмотрено нужное количество бумаги для издания серии очерков по «истории заводов».

«Спартак», Тракторный завод в Сталинграде, завод «Красный Профинтерн» в Бежице — все это также только в мечтах, только в наметках. Правда, на-днях на эти предприятия выезжают инструктора. Правда, на некоторые предприятия инструктора уже даже выехали, но достаточно ли этого для реального воплощения планов в жизнь?

Где плоды, где реальные результаты этой правильно ориентированной работы?

Сегодня их еще нет.

Москва отстала от Ленинграда. Если в Ленинграде на некоторых предприятиях уже получены первые материалы для «истории», то в Москве только разработаны первые планы.

Каковы причины отставания?

ложный курс на узкую авторскую группу

Массовый сектор ЛенГИХЛ, как ведущий на приведенной выше корреспонденции, широко развернул работу по созданию истории крупнейших ленинградских предприятий. Естественно, возникает вопрос, а каково положение в массовом секторе московского ГИХЛ?

Массовый сектор ГИХЛ разработал специальное типовое соглашение (своего рода издательский договор), в котором говорится, что «авторский коллектив такого-то завода обязуется в художественной форме написать историю завода и передать издательству исключительное право на ее издание и переиздание. Затем сектор написал нечто вроде инструкции «Как работать над «историей завода», инструкции, в которой преподается ряд полезных уроков (как организовать авторский коллектив на заводе, каким должен быть план «истории завода», какие материалы нужно собирать и обрабатывать, какие могут быть типы книг «истории» и т. д.), но которая ло сих пор не утверждена и поэтому неразослана по предприятиям.

Массовый сектор считает, что в его активе есть еще ряд практических мероприятий. По посмотрим, что они на себе представляют.

На Ростовском сельмаше заключен договор с группой, руководимой тт. Сафроновым и Коненко (правильна ли линия ГИХЛ, заключающего договоры с отдельными немногочисленными группами и тем самым сужающего большое массовое дело?).

На-днях (на-днях!) инструктор массового сектора тов. Песковский выезжает в Пензу на мотофабрику «Маяк революции», чтобы начать там подготовительную работу.

На заводе АМО инструктор массового сектора провел совещание с литкружком. На совещании, по признанию своего инструктора Песковской, «как будто ни до чего конкретного не договорились, ибо кружок сам не знает какую-то особую линию».

Разработанный массовым сектором план предусматривает развертывание работы в совхозе «Гигант».

Разработанный план намечает развертывание работы на рамненской фабрике «Красное знамя».

Нижегородский автозигант, завод

советские писатели, вашей помощи ждут рабочие литкружки!

организовать участие членов ВССП в рабочих литкружках

советский писатель — в рабочий кружок!

Сама по себе идея участия впередовских литературных сил в работе литкружков на предприятиях не нова. Такая практика уже имелась. Некоторые писатели-попутчики с давних пор работали в литкружках; во время поездок писательских бригад они связывались с кружками и даже пытались организовывать новые; наконец, многие строятся использовать предприятия для творческой работы, в частности, для обучения литкружковцами в вообще рабочими своих новых произведений.

Но каков был до сих пор характер всей этой практики? На нем не только лежала сильный отпечаток случайности, но он представлял собою своеобразное «хождение в народ», с вытекающим отсюда сугубо - интеллигентским подходом к работе. Причем подчас в роли руководов оказывались и наименее для этого пригодные люди из правого крыла ВССП.

Предпринимаемая сейчас попытка наладить организованное участие советских писателей в работе литкружков качественно отлична от прошлых попыток. Это нужно усвоить прежде всего.

Речь идет о включении наиболее близких пролетариату писателей в помощь массовому пролетарскому литературному движению, внитанию в себя за последний год громадные массы рабочих-ударников. Призыв ударников совершенно изменил лицо литературных кружков, он по-новому поставил задачу воспитания литкружковцев, их творческой учебы. Поэтому и перед писателем-интеллигентом, идущим в кружок, стоят новые задачи. Он должен органически войти в систему воспитания рабочих-литкружковцев.

Рабочий-кружковец к приходящему в кружок квалифицированному мастеру предъявляет совершенно конкретные требования о передаче творческого опыта и навыков работы. Кружковец хочет учиться у писателя литературному мастерству, однако эта учеба будет совсем иной, чем та, которую прививали некоторые из попутчиков, ранее руководившие кружками. Ибо во-первых, она будет частью общей системы воспитания ударников, а во-вторых, основана на критической проработке полученных знаний с позиций марксизма-ленинизма.

Наш кружковец настолько вырос, чтобы именно так относиться к предмету.

Таким образом, — это нужно заявить сразу, — работа в рабочем кружке накладывает на советского писателя большую ответственность, она требует систематической подготовки и работы над собой.

Но зато она принесет большую пользу и самому писателю. Постоянное общение с рабочей литературной средой поможет ликвидации интеллигентского индивидуализма, «кабинетных» навыков и т. д.

Предпринимаемая работа будет удачна лишь при условии ее хорошей организации. ВССП вместе с рапповскими организациями должен провести широкую кампанию писателей-советников и лучшей части попутчиков в кружки, создать специальные совещания по этому поводу, организовать несколько бесед руководящих работников с товарищами, желающими работать в кружках, обеспечить им постоянную консультацию и контроль за их работой.

ступень к перестройке

с. мстиславским

Помощь РАПП творческой перестройке писателей-попутчиков и союзников пролитературы должна выразиться в содействии размещению в рядах попутнических писателей и ликвидации писательской семейственности в ВССП.

Как на образец товарищеской помощи РАПП надо указать на участие рапповца в творческой дискуссии ВССП. Благодаря этой действенной помощи со стороны РАПП была вскрыта отсталость и убогость мировоззрения ряда писателей—членов ВССП.

Дифференциация в рядах ВССП должна способствовать включению всех ближних пролетариату писателей в практику социалистической стройки. Привлечение писателей-попутчиков в союзников к сотрудничеству с рабочими-ударниками и краснокомейцами-литкружковцами внятен идеологической школой перевоспитания попутнических писателей.

Основной вопрос—это участие старых квалифицированных писателей в подготовке литкадров. Надо широко поставить вопрос об организации творческих мастерских при ФОСП, где должна быть сосредоточена подготовка новых литкадров (в основном кружководов). К руководству творческими мастерскими должны быть привлечены рапповцы.

п. пензенко

К литкружкам МАПП на заводах и фабриках, которыми руководят рапповцы, надо, наконец, прикрепить и ряд членов ВССП. Попутнические и союзнические писатели должны быть прикреплены и к фабрично-заводским газетам путем включения их в редколлегии газет.

Следует практиковать посылку на предприятия смешанных бригад из рапповцев и союзнических писателей. Эти бригады должны помогать литкружкам в работе по созданию коллективных книг истории заводов и фабрик. Необходимо также перенести творческие вечера ФОСП и ВССП (литдекадники) на предприятия.

в стороне от важнейшего дела

Многие московские писатели — члены ВССП—выражают готовность на деле помочь РАПП в ее работе с ударниками, в учебе ударников-кружковцев. Однако большинство литературников фактически еще очень мало сделали для подлинной перестройки писателей-попутчиков в этом направлении.

В свое время МАПП обратилась в ФОСП с предложением выделить писателей для работы с ударниками, прикрепленными к литературе. ФОСП формально отнесся к этому важному предложению.

Сейчас ФОСП как будто исправляет свои ошибки. Однако сделаны пока только первые шаги. ВССП привлекается к практическому участию в работе МОРП по показу героев пятилетки международному пролетариату. Писатели-соцстроники будут использованы для литработы на предприятиях с иностранными рабочими, привлеченными в литературу. Совместно с РАПП федерация советских писателей намечает ряд практических мероприятий, направленных к совлечению писателей - соцстроников в работу с литкружками. На заседании секретариата ФОСП будет заслушан доклад РАПП о методах работы с ударниками.

Но все это — дело будущего. Пока только редкие единицы писателей-попутчиков помогают работе фабрично-заводских литкружков. Москва в этом отношении намного отстает от Ленинграда, где писательские организации сделали значительно больше.

Сравнительно благополучно обстоит дела в ЛОКАФ, который по существу является чуть ли не единственной литорганизацией, сумевшей сплотить вокруг писателей-попутчиков и союзников и бросить его в помощь литучебе начинающим красноармейским писателям. Такие писатели и поэты, как Н. Брауи, П. Дорохов, Е. Сергеева, Рождественский, Оксенов и др., непосредственно руководят работой красноармейских литкружков и принимают деятельное участие в работе низовой красноармейской печати. На заседании секретариата МосЛОКАФ уже слушались доклады писателей-попутчиков (П. Дорохов, Е. Сергеева) об их работе в литкружках Красной армии.

Около 50 советских писателей в ближайшее время начнут проходить курсы МосЛОКАФ по военизации. Каждый писатель—слушатель курсов—будет прикреплен к литкружкам частей РККА для оказания помощи красноармейскому литературному молодняку. Такая же примерно работа будет проведена в Ленинграде и на Украине.

Кстати об Украине. Здесь вопрос

решение правления ВССП

ВССП до последнего времени совершенно не участвовал в работе РАПП с работниками-ударниками, призванными в литературу. Теперь попутнические и союзнические писатели—члены ВССП будут привлечены к работе с ударниками. ВССП уже договорился по этот счет с РАПП.

На последнем заседании правления ВССП обсуждался вопрос о совместной работе ВССП и РАПП с ударниками-литкружковцами. Намечен список писателей — членов ВССП, прикрепляемых к рапповским литкружкам. В ближайшие дни (до 1 ноября) будет созвано совместное заседание секретариата МАПП и ВССП по этому вопросу. Такое же совместное совещание (ЛАПП и Ленгрупа ВССП) проводится в Ленинграде.

ликвидировать остатки *литфронтовщины*

уроки ленинградской организации ропкп*

Вся работа Ленинградского отделения РОПКП, несмотря на некоторые достижения, была смазана неправильной литературно - политической линией ЛОПКП.

Вместо литературно-политической линии было беспринципное дельчество, блок с остатками разбитого «Литфронта», отсутствие работы с национальными кружками, игнорирование работы с попутчиками и, как результат всего этого, неправильные взаимоотношения с ЛАПП, одной из крупнейших пролетарских литературных организаций.

На Ленинградской областной конференции, в конце прошлого года, по творческим вопросам выступили докладчиком Ревякин и содокладчиком Горбачев. Уже на конференции был отмечен целый ряд неверных, антимарксистских установок того и другого. Причем теория Горбачева о кризисе пролетарской литературы, прозвучавшая с трибуны конференции, была понята как эклектическая, трепетская теория и получила самый резкий отпор в лице ораторов от ЦС РОПКП, ЛАПП и обкома партии.

В принятой резолюции по этим докладам конференция не только отмежевалась от «Литфронта», но и требовала дальнейшего разоблачения антимарксистских установок «Литфронта».

Казалось бы, вопрос ясен. А что получилось на деле?

В примечании редакции к очерку Н. Журбы «Ударный курс» о Ленинградской конференции, помещенном в № 1 «Перелома» за 1931 г., сказано: «В своей речи Горбачев допустил несколько ошибочных суждений о пролетарской литературе. В следующем номере редакция поместит критике ошибки Горбачева». На в том же номере и на той же 42 странице (!) П. Яцынов в статье к итогам той же конференции, под названием «Вступаем в третий год пятилетки», пишет: «Конкретизация диалектико-материалистического метода в советской художественной литературе получила свое яркое выражение в очередных докладах т. Ревякина и тов. Горбачева». Сразу, одним росчерком пера Яцынова, Горбачев и Ревякин превратились в «классиков» марксизма в области литературоведения. Причем, по Яцынову, оказывается, что сложность овладения методом диалектического материализма «для крестьянского писателя вытекает из неоднородности социальных взглядов общества».

Ни в этих философских перлах, ни в грамматике. И все дело не механически народнические ряды классов, но их неуч- ет в социальном прогрессе и историческом активном роли (т. е. о субъекте) каждого из них в отдельности. Ни звука о том, что трудности для крестьянского писателя в деле овладения методом диалектического материализма, марксистско-ленинским мировоззрением заключаются в мелкобуржуазной природе этого писателя, во влиянии на него враждебных пролетариату идеологий, а не в чем ином.

Так, пока редакция «Перелома» собиралась «подвергнуть критике ошибки Горбачева», на страницах журнала показались торчащие уши переперчайки.

Во втором номере редакция должна была выполнить уже обещание. Открываем второй номер и видим: статья Горбачева «Пролетарско-колхозные писатели в третьем году пятилетки», а под ней новое редакционное примечание: «Статья т. Горбачева печатается в порядке дискуссии». Редакция в одном из ближайших номеров вернется к неверным положениям статьи».

Но критического разбора ошибок Горбачева, несмотря на двукратное обещание, так до сих пор и не появилось, хотя с февраля прошло солидное время.

Понятно, что Яцынов, признанный критик журнала «Перелом», имея у себя в учителях Горбачева, не мог провидеть в своих писаниях правильной литературно-политической линии РОПКП.

Так, в статье «Повысим творческую активность», помещенной в № 5 «Перелома», Яцынов пишет: «Передача, сжатие, процессов колхозной стройки до сих пор указалась в большинстве случаев благодаря тому обстоятельству, что обострение классовых противоречий достигло такой отчетливости и очевидности, что достаточно было лишь строго и точно передать событие или факты—и мы имели относительно - правильное его освещение автором. Диалектика самой жизни обусловливала диалектико-материалистический показ в произведении». Правильное материалистическое освещение нередко шло помимо осознанного автором восприятия такого явления». Наши признания - писатели, давшие не плохие произведения, были в некоторой степени, если угодно, «стихийными материалистами».

Здесь что ни слово, то перл. Выходит, что достаточно об'ективистского созерцательства, и дело в шляпе. Не надо бороться за овладение методом диалектического материализма. Все это само собой великолепно делается. Это же сплошная апология стихийничеству.

При этом характерно, что во главу угла пролетарско-колхозной поэзии Яцынов поставил Заводчикова, взяв у лефовских творческих приемов этого поэта и канон художественного творчества.

На конференции ЛОПКП неоднократно выступал Ревякин. И поэтому, когда апрельский расширенный секретариат ЦС РОПКП вынес резолюцию «О состоянии и задачах критики РОПКП», в которой были осуждены теоретические ошибки т. Ревякина формалистско-эклектического, главным образом, механистического порядка, об'ективно отражавшие давление классового врага—кулачества, «Перелом» обязан был поместить ее у себя и дать по этому поводу комментарии в ряд статей. Но это не было сделано.

При этом надо отметить, что в переломовой «Перелома» № 6 за 1931 год допущена грубая политическая ошибка, но уже иного порядка. В ней говорится, что кулачество «во многих районах перестало уже существовать как класс». Эту ошибку нельзя иначе назвать, как правооппортунистической.

Такими халатные ошибки журнала «Перелом», за которые несет ответственность не только редакция, но и все руководство Ленинградского областного отделения и ЦС пролетарско колхозных писателей, недостаточно четко руководившими низовыми организациями.

К чести ленинградской организации надо сказать, что по поводу этих ошибок часть руководства сама забила тревогу. В всем этим ошибкам дана была большевистская, единодушная оценка.

Но нам важно, чтобы урок ленинградской организации не пропал даром.

Прежде всего, какой политический смысл этих ошибок? В чем политический гред литфронтовства в условиях пролетарско - колхозной литературной организации? Он заключается в том, что литфронтовские теоретические установки, враждебные пролетарскому литературному движению, отрывают пролетарско-колхозные литературные движения от РАПП и противопоставляют ему.

Для того чтобы взаимоотношения с РАПП как ведущей пролетарской организацией были правильными, необходима единая, принципиально выдержанная, большевистская литературно-политическая линия. Это—первое и основное, что должен усвоить себе из ленинградского урока каждый член организации пролетарско-колхозных писателей. Необходима дальнейшая борьба со всякого рода рецидивами литфронтовства, переверзианства и воронщины.

Затем о попутничестве.

Работа с попутчиками в таких крупнейших центрах пролетарско-колхозного литературного движения, как Москва, Ленинград и Новосибирск, является одной из важнейших задач пролетарско- колхозной литературной организации. Но эта работа должна вестись не изолированно от РАПП, а совместно с ним и под его руководством.

Наконец, одним из важнейших и, пожалуй, центральных вопросов является работа с пролетарско-колхозными литкружками и перестройка организации.

Разработка новых программ в пособий для литкружковцев безобразно затянулась. В результате—разрыв целого ряда литкружков. С этой стороны работа со стороны ЦС была крайне недостаточна, плоха, явно отставала от жизни. А старая программа, пущенная в оборот как проект больше года назад, напичкана значительной дозой формалистской дребедени, ненужной и даже вредной, поскольку она неправильно ориентирована литкружковца.

Но дело заключается не в одной только программе.

Нам надо добиваться такого положения, чтобы марксистско-ленинская критика, работающая на участке пролетарско-колхозного литературного движения, одной из первых откликалась на все вопросы, которые выдвигает перед нами жизнь в этой области, и не только откликалась, но и вплотную шла вслед этого движения, чтобы ни одно произведение, касающееся деревни, под какой бы маркой и где бы оно ни появилось, не прошло незамеченным нашей критикой. Борьба с ревизионизмом, со всеми видами извращения марксистско-ленинской критики в примиренческим отношением к ним, должна быть поднята на должную принципиальную высоту.

Борьба за качество художественных произведений за качество нашей критики, за качество всей нашей работы должна быть в центре нашего внимания.

Величайшие успехи в колхозном движении, когда крестьянин-колхозник стал не только опорой советской власти в деревне, но и «центральной фигурой земледелия», выдвигает перед нами новые, еще более серьезные задачи: рука об руку с РАПП — основной пролетарской ведущей организацией — отобразить в литературе героические достижения рабочего класса, успехи социалистической реконструкции сельского хозяйства, классовую борьбу, показать творцов нового, социалистического общества, со всей идейно-психологической зарядкой, показать ведущую передовую часть бойцов в нашем социалистическом строительстве. От художественной биографии надо переходить к искусству, достойному нашей великой эпохи. Здесь мы наблюдаем явную недооценку важности показа героев пятилетки, теорию распорядня тематики со стороны целого ряда писателей. Это—несомненно опасность правого порядка.

И. БАТРАК

* Статья полностью помещается в «Земле советской».

Дать доброкачественную учебную литературу и программы ударникам

тревожные сигналы

Опыт годовой работы с новыми кадрами, с призванными в литературу рабочими-ударниками наглядно показал, что без серьезно организованной учебы, без учебных программ и доброкачественной учебной литературы — все дело призыва, воспитания и творческого роста новых кадров поставлено под угрозу.

Материал, помещаемый в сегодняшнем номере «Литгазеты» наглядно это иллюстрирует. Между тем и в нынешнем году, особенно ответственном, в связи с пополнением в ряды литературных организаций серии и тысяч рабочих-ударников, мы имеем заполнение в организационной учебе. В тот момент, когда учебы в литкружках должна была уже развернуться, учебные программы, метод разработки только еще составляется. Не имея на руках новых программ, руководители литкружков вынуждены «импровизировать» в учебе.

Проделанные методразработки оказались настолько неприглядными, что мы перестали пользоваться еще в прошлом году. Эти методразработки имели тот существенный недостаток, что они мало или совершенно не учитывали запросов и потребностей новых кадров, были оторваны от конкретной, боевой обстановки дня, к тому же плохо ориентировали литкружковцев в вопросах по философии, диалектическому материализму. Пользоваться этими методразработками сейчас невозможно.

Поэтому сейчас с учебой не клеится. Поэтому литкружки, не видя новых программ, еще не развернули настоящей работы по воспитанию новых кадров, поэтому руководы ежедневно на свой страх и риск, в меру своих способностей и знаний, «импровизируют».

Но ни для кого не секрет, что теоретическая подготовка руководов литкружков заставляет желать много лучшего. С этой стороны совершенно правильно поступила МАПП, когда организовала курсы для руководов. К сожалению, однако, надо отметить, что к вопросу комплектования курсов не все местные ассоциации и райбюро отнеслись одинаково серьезно. Среди тех, посланных на учебу, имеются такие элементы, которые не понимают ответственности перед организацией, которые не стремятся использовать весьма ограниченный срок учебы с наибольшей для себя пользой. Эти товарищи не должны быть допущены к руководству литкружком.

Но если с подготовкой кадров руководов в центре кое-что сделано и в ближайший месяц часть литкружков получит новые кадры руководов, то на местах, в провинции положение значительно хуже. В отдельных ассоциациях (напр., Витка) мячего не сделано с организацией учебы. До сих пор еще не проснулись от «летней» спячки. Как общее явление, местные организации выехали с развертыванием учебы в ожидании учебных программ от секретариата РАПП. А пока эти программы составляются, часть литкружков (как, напр., на Северном Кавказе и в других местах) распадается.

Еще хуже обстоит дело в обществе пролетарско-колхозных писателей, где также вышли с программами. Составленная наспех «программа литкружков ВОПКП» признана неприемлемой и сейчас перерабатывается.

Аналогичное положение в ЛОКАФ.

Все эти факты говорят об одном, что литературные организации, имеющие дело с новыми кадрами, недопустимо запоздали с составлением программ. Начальные уроки прошлых лет не были учтены и в этом году.

Дальнейшее промедление недопустимо.

новые кадры требуют новых методов работы

В Краснодаре ликвидировался литкружок на заводе Сельхозмаш. На предприятиях Сельхозмаша в гор. Орджоникидзе литгруппа значится на бумаге. Замерла литературная работа на крупных шахтах «Артем» и «Октябрьская революция». Всюду надо создавать организацию на старых промыслах Грозного.

Эти факты говорят сами за себя. Несмотря на достижения ряда отдельных районных организаций Сев. Кавказа, **общее положение** с учебой, закреплением призыва ударников **серьезное.** Многие кружки не развернули работы с ударниками, призванными в литературу, не сумели охватить их идейно-воспитательной учебой.

Вот почему на сегодня для ассоциации пролетарских писателей Сев. Кавказа главное — это **повернуть внимание всех организаций лицом к учебе.**

Но пока сделано мало.

Основное препятствие — отсутствие программ и пособий. В магазинах ОГИЗ и Книгоцентра нельзя найти даже книжек «Смены» с рапповскими программами, не говоря уже о возможности подбора библиотечек.

А потребности растут, жизнь выдвигает новые, более сложные формы организации учебы и творческой работы ударников, призванных в литературу.

Прошлый год на Ростовском сельмаше имени т. Свердлова литгруппа занималась по одной программе. Но сейчас эти «начальные» занятия уже не удовлетворяют литкружковцев. С октября на заводе работают кружки: очеркистов и прозаиков, поэтов, критиков, драматургов. Кроме того по инициативе семи рабочих-ударников организован кружок по изучению диалектического материализма. Таким образом на одном Ростовском сельмаше будет 9—10 литературных кружков.

Выработаны ли программы для этих литературных кругов? Изданы ли пособия? Таких программ и пособий нет.

А учеба началась. Активность литкружковцев значительно возысилась, требования с каждым днем возрастают.

Такое же положение и на заводах им. Ленина, «Красном Аксае», на фабриках—им. Микояна и на ДГТФ. Такое же положение и на заводах Краснодара и на промыслах Грозного. Отовсюду поступают требования, запросы на книги, пособия.

Лучше обстоит дело с преподавательским составом. В Ростове, Краснодаре ко всем литгрупным заводов прикреплены рапповские бригады писателей. В бригады включены научные работники: профессора, доценты и аспиранты институтов по кафедре литературы и языка.

За последнее время также заметно улучшилось отношение к литгруппам и заводских организаций. На Ростовском сельмаше и на обувной фабрике им. Микояна профсоюзы ассигновали средства на оформление в клубах комнат ударников-литераторов.

Во все организации АПП Сев. Кавказа выезжают руководящие работники краевой организации. Но нужна немедленная помощь.

От секретариата РАПП организации ждут новых программ для литкружков материалами. Таким образом на одном Ростовском сельмаше будет 9—10 литературных кружков.

Выработаны ли программы для этих литературных кругов? Изданы ли пособия? Таких программ и пособий нет.

А учеба началась. Активность литкружковцев значительно возысилась, требования с каждым днем возрастают.

Такое же положение и на заводах им. Ленина, «Красном Аксае», на фабриках—им. Микояна и на ДГТФ. Такое же положение и на заводах Краснодара и на промыслах Грозного. Отовсюду поступают требования, запросы на книги, пособия.

Лучше обстоит дело с преподавательским составом. В Ростове, Краснодаре ко всем литгрупным заводов прикреплены рапповские бригады писателей. В бригады включены научные работники: профессора, доценты и аспиранты институтов по кафедре литературы и языка.

За последнее время также заметно улучшилось отношение к литгруппам и заводских организаций. На Ростовском сельмаше и на обувной фабрике им. Микояна профсоюзы ассигновали средства на оформление в клубах комнат ударников-литераторов.

Во все организации АПП Сев. Кавказа выезжают руководящие работники краевой организации. Но нужна немедленная помощь.

От секретариата РАПП организации ждут новых программ для литкружков различного типа, ждут выпуска брошюр по темам этих программ, ждут ударного выполнения решений пленума.

ОПВ же обязан — скомплектовать библиотечки с необходимыми пособиями для учебы ударников и выслать на место.

А. АЛЕКСЕЕВИЧ

где забыли о литучебе с ударниками в районных АПП

Как обстоит дело с литучебой ударников? Как работают литкружки, созданные в результате призыва РАПП?

Возьмем районы Московской области. Что мы видим на практике? До сих пор в ряде районов призыв рабочих-ударников в литературу не только не закреплен, но фактически даже не проведен (Серпухов).

Там же, где призыв дал известные количественные показатели, в результате слабых темпов в работе местных АПП и слабой помощи профсоюзных и парторганизаций, многие литкружки ударников распались (Тверь). Руководителя ряда ассоциаций пролетписателей (Рязанский, Тульский АПП), вместо того чтобы заняться серьезной учебой с ударниками, обеспечить их творческий рост, фактически бросили работу в своих организациях.

Секретарь Рязанской АПП тов. Корнеев бросил работу с ударниками и занялся только своей творческой работой.

Неважно положение с работой АПП в Туле. Секретарь Тульской АПП тов. Бычков (он же зам. редактора газеты Оружейного завода «Ударник») не занимается работой в организации. Секретариат и правление Тульской АПП не собирались... с весны 1931 г. (!?). Новый состав Тульской АПП, избранный после призыва, неработоспособен.

Знает ли МАПП о положении в Тульской ассоциации?!

Руководство Серпуховской АПП не сумело мобилизовать свои силы на проведение призыва ударников в литературу. Только в августе с. г. по инициативе некоторых членов АПП удалось организовать 3 литкружка, в которых вовлечено до 30 ударников.

До сих пор мы наблюдаем неудовлетворительную работу на предприятиях со стороны фабрично-заводских организаций. Например, предфабкома I Орехово-Зуевской ткацкой фабрики т. Купинов дал вам литкружководам:

— Уходите с литкружком подальше. Это нас не интересует. У нас из фабрике прорыв, а вы занимаетесь литературой (?).

Когда литкружок фабрики выпустил к пленуму МАПП газету, богатую заслуженную литературными материалы ударников, отражающими жизнь производства, фабком отказался заплатить за печатание этой газеты.

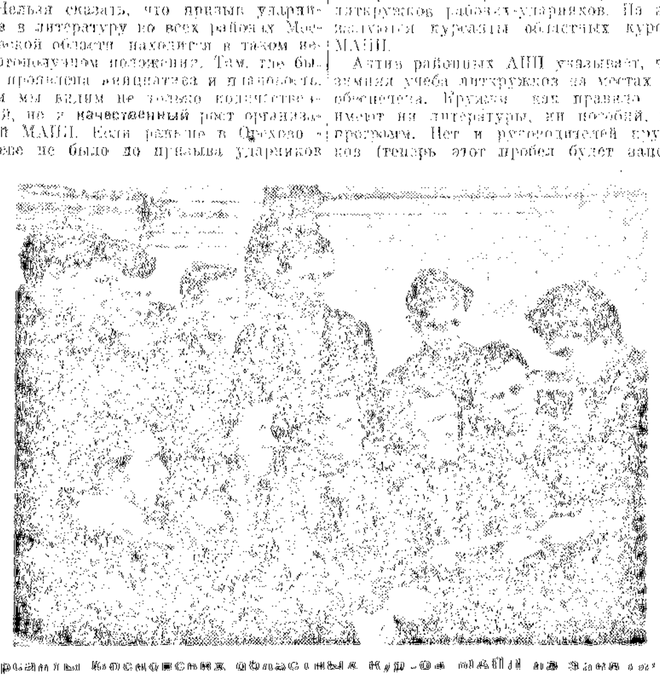
Заклубом Казанской ж. д. (Рязань) т. Пеньков на просьбу литкружка о помещении ответил:

— Идите заниматься, куда хотите!..

Литкружок сунулся в библиотеку, но и оттуда его выгнали. Наконец, после долгих мытарств литкружок нашел помещение в техникуме путей сообщения.

Но это не единственные случаи преступнического пренебрежения работой с ударниками, призванными в литературу. На этой недооценке надо бить со всей решительностью.

Нельзя сказать, что призыв ударников в литературу во всех районах Московской области находится в таком неблагополучном положении. Там, где была проявлена инициатива и настойчивость, там мы видим не только количественный, но и качественный рост организаций МАПП. Если раньше в Орехово-Зуеве не было до призыва ударников ни одного рабочего литкружка, то теперь организовано 8 литкружков в городе и 2 в районах Орехово-Зуева. В кружки вовлечено 120 рабочих-ударников. Крепкий литкружок на Обольяновской красильной фабрике. Литкружок Тульского оружейного завода включился в работу заводской газеты, выпустил маленькую «Призыв», специальный номер газеты, посвященный героям гражданской войны. В газете «Тверская правда» печатаются произведения ударников литкружка Тверской пролетарской текстильной фабрики.



Кружковцы Коломенских обувных курсов МАПП на занятиях

Но до сих пор большинство районных и заводских газет недооценивает творчества рабочих-ударников, не печатает их произведений. Редколлегии заводских газет слабо привлекают литкружки для работы в заводской печати.

С другой стороны МАПП недостаточно проявляет внимания районным литкружкам рабочих-ударников. На это жалуются курсанты областных курсов МАПП.

Актив районных АПП указывает, что зимняя учеба литкружков на местах не обеспечена. Кружки как правило не имеют ни литературы, ни пособий, ни программ. Нет и руководителей кружков (теперь этот пробел будет заполнен курсами МАПП).

Многие районные АПП находятся без средств.

Вышеприведенные факты говорят о неблагополучном положении в некоторых районных ассоциациях пролетписателей Московской области.

МАПП должна немедленно ликвидировать образовавшиеся прорыв в работе с литкружками на местах. Нельзя допустить дальнейший уход из литкружков рабочих-ударников.

А. КРУПИН

задержка в программах ВУСПП

ВУСПП развертывает подготовку к зимней учебе.

Методбюро КУСПП, под руководством т. Щупака, сейчас разрабатывает программы. Прежние учебные программы отличались не только хаотичностью и принципиальной невыдержанностью, но и оторванностью от конкретных запросов литкружковцев. Новое методбюро разрабатывает программы дифференцированного типа для низовых заводских литкружков, для центральных студий ВУСПП, и, наконец, наиболее широкая программа вырабатывается для открывающихся в ноябре-мце курсов ВУРПС — ВУСПП (центральных курсов всеукраинского совета профсоюзов).

Если открытие курсов ВУРПС намечается на 1 ноября, то работа центральных харьковских студий ВУСПП (и русской и украинской секций) производилась революционно весь летний период без всяких каникулярных перерывов.

Подготовка программы, широкая проработка их и в вусповском активе и среди активистов-студийцев — дело, которое отлагательств. Призыв ударников в литературу, который на харьковских заводах и новостройках дал ощутимые результаты, теперь настоятельно требует его закрепления путем систематических организационной учебы.

А.

ударить по спящим

Вятская АПП в течение лета бездействовала. Никаких собраний не проводилось. Кружки на производстве находятся в «летней спячке». Литстраница в «Вятской правде» выпущена всего один раз. В рабочих газетах, а их в Вятке 14, литстраничек нет.

Члены РАПП не мобилизовались на проведение политических кампаний.

В Вятке сильно развита кустарная промышленность, но среди кустарей никакой литработы не ведется.

Срочно ждем помощи со стороны Нижегородской АПП. В первую очередь нужна помощь в учебе.

А. ЛИТВИН

главный упор — на творческий рост ударника

самотеком большого большевистского искусства не создадим

Есть у некоторых рапповцев застарелый «самотечного» порядка: призвали ударников в литературу, они несут с собой качественно новое в нашем движении, они обеспечат новые большие большевистского искусства, мировоззрение у них крепкое, устойчивое, нет только литературных мастеров среди них, да и не надо, а в остальном «работа не волкачет».

Настроения самотека больше всего могут повредить организации нашей учебы. Если не будет осуществлен поворот всех АПП лицом к учебе ударников, мы будем иметь замедление роста новых писательских сил, отход от организации ряда товарищей, не получивших того, чего они ожидали от нее.

«В качестве основной задачи на данном этапе призыва ударников» нам-ум выдвигает перед всеми АПП борьбу за творческий рост включенных в кружки ударников, борьбу за повышение идейного и художественного уровня их продукции, за овладение диалектико-материалистическим творческим методом». Этой задаче должны быть подчинены все занятия литкружка. Стержнем новой программы литкружков является именно борьба за творческий рост призывника.

Учебу в кружках мы должны строить, учитывая сегодняшний идейно-художественный уровень творчества призывников, сосредоточивая основной упор на недостатках произведений ударников, чтобы помочь кружковцам на более высокую ступень в борьбе за создание большого большевистского искусства, помочь действенность их произведений, подчиненных боевым задачам рабочего класса.

В своем решении о первых итогах призыва секретариат пленума правления РАПП отмечен в числе недостатков творческой продукции ударников: «узость и ограниченность тематики, схематизм, элементы цеховщины и созерцательности, некритическая учеба, подражательность и пр.»; отметил также, что «в отдельных произведениях сказываются классово-враждебные влияния».

Однако у нас находятся товарищи, успевшие прочитавшие три-четыре книжки профессата и уже готовые делать глубокомысленные обобщения, поучать соответствующим образом критические кадры.

Есть основания считать в числе таких товарищей Н. Глаголева. В своей статье «Творчество ударников и задачи пролетарской критики» («На литературном посту» № 23) т. Глаголев пишет: «В нашу классовую борьбу на данном этапе нашей теоретической литературе еще и теперь иногда можно встретить упрощенно-классовый подход к тому, что они отражают в своих произведениях, как даже цеха, что отсюда связи, вскрываемые ими в фактах действительности, неизбежно односторонни, недостаточно широки. Несостоятельность этой точки зрения очевидна».

Где это в рапповской критике ставился вопрос о том, что узость, односторонность неизбежна, если ударник ограничится в произведении пределами цеха? Глупо говорить о подобной неизбежности. Ударник, даже не выходя за рамки цеха, может вскрыть связи завода со всей страной, поставить, например, проблему о новом этапе во взаимоотношениях двух основных классов страны — пролетариата и крестьянства и т. д.

Но много ли призывников умеют в художественных образах вскрывать эти связи? Говоря об элементах цеховщины и об ограниченности тематики, последний пленум правления РАПП подчеркнул как один из основных недостатков в творчестве ударников неумение многих из них художественно выразить связь интересов цеха с интересами всего класса, неумение расширить показательную роль литературы за пределы отдельного завода или цеха, дать широкое художественное обобщение.

Тов. Глаголев, воюя с выдуманным противником, **обходит этот существенный недостаток** в творчестве ударников, смазывает и—даже больше того—значительно **отрицает** его, считая «особо новым упрек ударникам в том, что они не умеют связать изображаемое ими с общими политическими задачами, поставленными партией».

Конечно борьба за промфинплан, за перевыполнение ударничества является политической задачей. Но многим ли ударникам удается художественно выразить связь борьбы за промфинплан с развернутым по всему фронту социалистическим наступлением на остатки капитализма в стране, дать образное выражение того, что мы—«ударная бригада мирового пролетариата».

Тов. Глаголев совершенно **удовлетворен сегодняшним уровнем овладения ударниками специфической литературы.** По крайней мере он вполне доволен тем, как в произведениях ударников обрисованы образы рабочих-партийцев: они, дескать, «обрисованы несколькими колкими штрихами, но в самом образе подчеркнуто основное, существенное с точки зрения роли данного участника коллектива: как бойца на фронте социалистической стройки». (Единственно, чем недоволен т. Глаголев,—локализм переделки прогульщиков в ударников). И опять т. Глаголев затушевывает такой крупный недостаток в творчестве призывников,—«такие черты,—говорит он,—как безразличное описательство, натуралистичность в показе социальных явлений, отсутствие определенной точки зрения, чужды творчеству ударников, классово целеустремленному в своей основе».

Такое утверждение основано на абстрактном представлении об ударниках как о законченных, совершенно сложившихся новых людях, по уровню сознанию чуть ли не выше партактива. Недаром **ни одним словом т. Глаголев не упоминает о задачах борьбы с классово-враждебными влияниями,** которым могут поддаваться многие ударники, если мы предоставим дело самотеку, не будем работать над тем, чтобы призывники овладели марксистско-ленинской теорией, и еще более высококачественно обслуживали художественным словом пролетариат.

Если бы т. Глаголев более обстоятельно познакомился с творчеством призывников на предприятиях, он увидел бы **довольно пеструю картину,** обусловленную отнюдь не монолитным **составом** ударников; он обнаружил бы такие, например, вещи, как нетерпимое благодушие, неумение разглядеть элементы классовой борьбы на заводе, схематичность, натуралистичность, подражание случайно прочитанным образцам буль-варной литературы и целый ряд проявлений классово-враждебных влияний.

Конечно, не подлежит сомнению классовая целеустремленность произведений основного ядра ударников-призывников, но это не опровергает того, что в той или иной степени недостатки, указанные в решении пленума присущи подавляющему большинству призывников.

Тот, кто захлебывается первые опыты ударников или не замечает их крупных изъянов, тот содействует самотеку, мешает самим ударникам подняться на более высокую ступень. Самотеком большое большевистское искусство мы не создадим. Понять это—значит обеспечить успех зимней учебы.

Д. МАЗНИН

консультанты МАПП

Секретариат МАПП для работы и творческой помощи ударникам прикрепил писателей к райбюро и райАПП в качестве консультантов в следующем порядке:

Подольск — Тодинер, Мих. Юрин; **Рязань** — Чужин; **Тула** — Митрофанов, **Тверь** — Усиевич, Обрадович; **Серпухов** — Грасмен-Рощин; **Озеры** — Арк. Сергеевский; **Коломна** — Вечер, Харченко; **Зарайск** — Зайцев, Санников; **Орехово-Зуево** — Гуляшки; **Заторги** — Ломинадзе; **Реутово, Мытищи** — Симонов; **Перово** — Кулешов; **Крапивенское** — Никитин; **Бобрики** — Б. Левин; **Павшино** — В. Герасимова; **Сходнено** — Гидаш; **Щелково** — Пастернак.

Фрунзенский район: Трощенко, Перелешин; **Замоскворецкий:** Мейснер, Недзвецкий, Сельвинский; **Ленинский:** Шушпанов, Ф. Гладков, Д. Алтаузен, Б. Дружин; **Пропетарский:** Бромлей, Серебрянский, Игнатьев, Шведов, Багрицкий; **Сокольнический:** Колосов, В. Гусев, Гельфанд; **Октябрьский:** Луговской, Безыменский, Горбатов, Афиногенов; **Красно-Пресненский:** Эгарт, Кирпотин, Жаров, Никифоров; **Сталинский:** Мазнин, Кацев, Гидаш; **Бауманский:** Ильенков, Шипачев, Кольцов, Уткин, Власов; **Дзержинский:** Кожевников, Горбунов, Исаковский, Попьяев.

создать условия для учебы и творчества

Литературные кружки становятся одним из основных звеньев культурной работы на заводе. Литкружки, ячейки РАПП на предприятиях становятся литературными ударными бригадами в борьбе за промфинплан и за решение партии. Литкружки на заводах становятся пропагандистами литературы как могучего оружия партии и пропагандистами пролетарского искусства среди широких рабочих масс. Роль и задачи литкружка огромны. На всей работе каждой из кружковцев должен расти, учиться и развиваться. Но для всей этой огромной работы литкружку зачастую нехватает времени, а ведь нужно еще следить за творчеством каждого из кружковцев. Каждый кружковец требует, чтобы его творчество зачитывалось, обсуждалось, все это загромождает занятия кружков и они превращаются в постоянную читки стихов. И отсюда ударники делают вывод: нужно организовать маленькую консультацию, которая разгрузит работу кружков и поможет кружковцам в разборе творчества.

И другое: наши кружковцы еще не стоят на достаточно высоком уровне, чтобы дать действительно правильную и полную оценку творчества своего товарища и часто получается, как рассказывает Зарубин (М.-Б.-Б. лк. д.).

— Нашему стихотворение я показывал ребятам.

Один говорит — хорошо. Другой говорит плохо.

Пряду домой и думаю: А кто же прав?

Иногда в кружках из-за слабой культуры, незнания лучших литературных образцов, неплохое, но ученическое и требующее большой работы, стихотворение возводится в перл. Парень начинает ходить в заводских цехах и думает, что ему уже незачем учиться и расти. Его печатают в газете, его признают. Начинается головокружение от «успехов».

Поэтому консультация нужна литературная, включающая в себя хороших писателей и критиков. Консультации, вообще говоря, много и даже чересчур. Каждый журнал и издательство, в порядке массовой работы создает консультацию «по образу и подобию своему». Разговоры о консультациях стали самыми веселыми местами на пленумах, активах и т. д., ибо большинство консультаций вместо помощи только вредят и мешают работать ударникам. Значит стоит задача создать консультационный центр, который методически руководил бы и направлял работу всех консультаций. Таким центром будет кабинет ударника МАПП. В второе: спустить консультации вниз, в районы и низовые кружки. Организация групп консультантов при райбюро, из писателей и критиков, прикрепление писателей к райАПП сыграют в этом большую роль. Консультанты должны быть прикреплены к определенным кружкам, на которые систематически будут приезжать, консультировать и следить за творческим ростом кружковцев.

В повестке дня работы с ударниками ставится задача организации кабинета ударника. Вполне условия и отсутствие нужных книг и пособий мешают многим усиленно писать и учиться. Значит нужно создать такой кабинет, в который после работы ударники могли бы приходить писать и читать, где можно было бы достать книги, которых нет в библиотеках, где по всякому вопросу и по всякой книге можно было бы получить справку и консультацию. Необходимо также добиться творческих отпусков для ударников и организации дома творчества. Осуществление всех этих мероприятий обеспечит действительный рост и воспитание ударников.

ликвидировать обезличку

— Надо не только считать 1000, 2000, 3000, 500 000, миллионами, а и научить каждого Прана, Петра, Сидора и т. д.,— каждый имеет свои особенности.

— ...Мы работаем зачастую как оптовые купцы: вошел в лавку, посмотрел—смотрите, какие богатства! А посмотрел ли каждого в отдельности и только тогда и увидел бы настоящее богатство. Когда ты видишь, не просто хлоп, когда ты будешь считать не по головам, а когда будешь читать, что в этой голове находится, тогда увидишь, что ты гораздо богаче.

Эти слова т. Кагановича на IX с'езде комсомола, относящиеся к комсомолу, еще более звучат, еще более актуальны и важны для нашей организации, специфика которой, прежде всего требует индивидуализации и ликвидации обезлички в подходе к ударникам-писателям.

Мало знать, что в таком-то районе у нас столько-то кружков, в таком-то кружке у нас столько-то кружковцев.

Нора знать, что в таком-то районе у нас есть такие-то ударники, которые тем-то растут, имеют такие-то особенности и затруднения. И лишь зная каждого индивидуально, мы сможем руководить, помогать и направлять рост.

Мы начали организацию во всех районо «личных творческих дел» каждого из активов ударников. В этих творческих делах должно быть сохранено все творчество. В этих творческих делах должен быть виден весь путь творчества и рост каждого ударника.

Ликвидация обезлички обязывает к работе с каждой группой ударников по-особому, на иной основе. Это обязывает к созданию районных активов из бывших-ших рост и общемосковского ударного актива, в которой войдет бы творческая головка ударников нашей организации. Собрание, о котором говорилось выше, было уже таким типа.

Этот актив создаст здоровую творческую обстановку, и будет, это особенно важно, заниматься не только литературно-творческими делами, а прорабатывать и вопросы диамата, философии, истории, культуры и ленинизма. На активе будут ставиться творческие беседы писателей, доклады научных инструкторов и т. д. Работа с выдвинувшимся активом на новой основе, совместно с выдвинувшимися кадрами писателей, во многом разрешит вопросы учебы и роста.

***

Это собрание актива ударников МАПП является литературно-политическим и творческим документом огромной важности. Оно свидетельствует о том, что ударники действительно становятся хозяевами организации, в полном смысле этого слова. Хозяевами ударника становится не только потому, что находится в руководстве всей организацией, или отдельного звена, а и потому, что уже понимает литературно-политические и творческие задачи пролетлитературы, принимает активное участие в их разрешении—своей работой, своим творчеством и ставит очередные задачи работы с призывом.

Выполнение этих задач возможно лишь при условии активного участия выдвинувшихся кадров писателей и призыве, в руководстве им.

Это нужно для того, чтобы лучше и правильной воспитывать и растить призванных ударников. Это создаст взаимосвязь и уничтожит непроницаемые «этажи» между начинающими и выдвинувшимися.

Основной лозунг: За творчество, учебу и рост! Проверять работу всех на творчестве. Проверять работу каждого кружка не количеством собраний, а количеством и качеством художественных произведений, помогающих партии и рабочему классу в строительстве социализма.

н. боровой

На под'еме

«Сколько заданий, сколько вопросов
Мне задают каждый день корпуса.
Ну, а я еще только наброски
Могу все-как написать».
(СИДОРОВ, завод «Динамо»)

пусть каждый расскажет о себе

— Я очень завно не говорил так, как говорю сегодня. Здесь мы все товарищи. Вы можете меня осудить за мое выступление, можете и поправить, но чтобы не свернуть с правильного пути, я выскажу здесь свое мнение. (МАКИЛИН, 2-й часовой завод).

Так выступали, так говорили ударники на этом исключительном собрании актива ударников МАПП, где впервые так широко и развернуто были поставлены вопросы творческого роста и трудностей в работе, не в общем целого кружка или группы, а каждого ударника в отдельности.

За год призыва из массы ударников выросли и выделился творческий актив, с которым нужно работать не так, как с только призванными в РАПП, он предъявляет повышенные требования. У каждого свои трудности, свои сомнения, у каждого свой индивидуально творческие особенности. И вот мы собрали этот актив для того, чтобы наметить разрешение всех этих вопросов, наладить такие формы работы, которые помогли бы развиваться и расти кадрам призывников-ударников.

На нем сами ударники обширно и развернуто поставили все наболевшие вопросы роста, предъявили требования к организации, которые она должна выполнить на новом этапе призыва.

по линии наибольшего сопротивления

В период ожесточенной борьбы с «Литфронтом» пришли в пролетлитературу сознательно ударники, новые бойцы за большое большевистское искусство. Придя в РАПП, ударники помогли разгромить и идейно разбить «Литфронт».

После успешного проведения первого этапа призыва некоторые активисты «Литфронта» (Белый, Кетлинская, Саборов) позволяют говорить, что призыв зойдет по путям «Литфронта» и оправдает его творческие лозунги. Спустя год после разгрома «Литфронта», после призыва, выступления ударников на творческом активе МАПП, лучше всего показывают, что массы ударников шли и идут в основном ядром напостовства против «Литфронта» и против вытекающих извращений линии напостовства. Эти массы ударников хотят работать, как напостовцы, по линии наибольшего сопротивления.

Организация правильно понимает, что не должно быть «никаких божков, никакого обожествления отдельных писателей», но вот появляются люди (в частности ленинградская творческая группа «Закал»), которым все «групынраздрай», которые считают, что вообще «не должно быть никаких авторитетов и никаких вождей» (хотя часто под этим голым отрицанием и скрывается желание выдвинуть своего собственного божка). И ударники в своих выступлениях на активе прямо били по таким «умникам».

— Плевать на всю литературу, которая была до нас, и говорить, что лучшего до нас не было — это по меньшей мере крайне неумный урод. Это не верно. (ПРОХОРОВ, Электрозавод).

— Мы хозяева в своей организации. Никакой доцентик не придет и не будет за нас работать. Но не мы первые начинали пролетарскую литературу. Есть ведущее напостовское ядро пролетписателей, и мы должны у них учиться перенимать весь накопленный ими опыт. (ЗИРЗОН, завод им. Маленкова).

Мы дрались с «Литфронтом» за показ социалистической стройки во всей сложности. Во всем многообразии, за показ живого человека, живого ударника, строящего социализм и перестраивающего себя в этом строительстве. «Литфронт» рвбит, но сейчас еще есть люди, в частности некий С. М., выступивший к пленуму РАПП со статьей в «Комсомольской правде», которые говорят, что лозунг «живого человека» в показе психологии снят и не нужен движению. Неверно и глупо. Эти лозунги, данные на первом этапе пролетарской литературы, сейчас, придя, выросли и оформились в качественно новый лозунг большого большевистского искусства. Но в частности они и сейчас стоят перед движением и особенно перед новыми начинающими писателями, и ударники подтверждают это. Ударники хотят бороться за показ живого человека, живого ударника, героя большевистских темпов, против литфронтовского нарочитого схематизма и рационалистов в распределении людей по номерам и полочкам.

— Я очень много писал о герое, но боюсь как-то показывать это, и вот почему боюсь. Как у нас пишут о герое? «В цехе прорыв. Засучил рукава, он прорыв ликвидировал» и т. д. Я не хочу так писать. Вернее, я хочу не так писать. (МЕЛЬНИК, завод «Динамо»).

— Сейчас начинают героев пятилеток, но так нет людей как быстрейших дают, как скучно. Есть цехи, но нет людей. Нужно помочь борьбу против схематизма и отрезвлением от людей. (ПОДЛЕСНОВ, фабрика «Ленгрес»).

И ударники будут бороться против схематизма и против отталкивания от людей. Высказывания в творческая работа доказывают это. И в своей работе будут действительно отгораживаться от всяких литфронтовцев и «С. М.».

На творческом ударников лежат следы замкнутости, цеховщины, неумения выйти за пределы своего цеха, своего завода. Это мешает обобщению действительности и заставляет плавать в своем личном опыте, без учета и познания опыта других заводов и всей страны. Без ликвидации цеховщины и замкнутости не может быть роста, не может быть больших пролетарских художников.

— Ты выдвинь цех, — отмечает его, и выйдешь за цех, покажешь, что есть в другом цехе, в другом заводе, — то на это получаешь нам, ударникам, нехватает ученья, нет сметости. Начинаешь рваться даже в другой цех. А ну, как не так? А нужно, как некоторые писатели из прошлого века, которые выходили из узких рамок и обобщали действительность. Нужно выходить за свой кругозор и за свой узкий круг знания действительности. (БУЗОВ, завод Цесса).

Недостатки, слабости и срывы в творчестве ударников глубоко понимаются самими ударниками. Они протестуют от недостаточно крепкого мировоззрения, от слабых знаний лучших литературных образцов, от недостаточной культуры и от малого творческого опыта. Эти недостатки нужно уничтожить, а для этого надо много учиться и много работать над произведениями и над собой.

— Большинство наших ребят мечут таким образом: что-то такое ему пришло на ум — и он сразу все бухнул, записал. Потом второе, третье—напромолотил кусков, а построить, дать связь между отдельными зарисовками — эта сторона у него хромает. Мы еще не научились как следует это делать. (ФРИДМАН, завод «Сантехника»).

— Учеба нам необходима в овладении техникой, а также и в отношении языка. Я например писал в нашу сейчас повесть, и одна из самых трудных вещей для меня—это язык. Каждому нужно дать своеобразный язык, исходя из его характера и поступков, а это такая вещь, которую с воздуха не скинешь, а нужно этому учиться. (РАБИНОВИЧ, завод Мельца).

— Больше 30 лет, школы современных пролетарских писателей очень много растут и совершенно не работают над собой. Человек написал книжку и думает, что его работа уже закончена. Он не пытается разрешать вопросы, как писатель, который должен непрерывно желать, и решает их самым примитивным образом. Ему мешают слабые знания, недостаточное мировоззрение, ему мешает то, что он оставляет «зеленой» книгой культурный для писателя. Этим я хочу сказать, что он оставляет работу над собой. Нужно бороться с отрезвлением от людей. (ПОДЛЕСНОВ, фабрика «Ленгрес»).

Все эти высказывания говорят, во-первых, о том, что основная масса ударников правильно понимает творческие лозунги напостовства, вытекающие отсюда задачи и будет бороться за эти лозунги; что мы правильно воспитывали организацию, доводя до самых широких масс творческие напостовские лозунги и веля ударников по линии наибольшего сопротивления, против «Литфронта» и других литературно-политических и творческих извращений. И, во-вторых, что для успешного роста ударников в подлинных пролетарских писателей, надо в организации создать обстановку и все условия для учебы и продуктивной творческой работы.

роль руководителя

— У нас есть руковод. Когда товарищи обращаются к нему и говорят: у нас есть материал, мы хотим что-то писать, что-то имеем, но не знаем, как взяться за это дело, то он отвечает: «Делайте как хотите». Он не дает определенного направления. Некоторые товарищи напишут что-нибудь,—он говорит: «Неправильно, переправьте. И приходите, еще раз почитайте». И больше ничего. (ЛИПМАНОВИЧ, типография «Правда»).

Ударника приходит в кружки. У них огромное количество материала о социалистическом строительстве, о большевистских темпах, о новых людях—героях пятилетки. Перед ними стоит новый ряд вопросов и трудностей: как оформить материал, как написать. Они приходят к руководству за помощью, а тот им вместо совета говорит: «Делайте, как хотите». Нужен ли такой руководитель?

Или есть такие типы руководов, которые совершенно не готовятся к занятиям кружков, для которых работа в кружке—пристегнутая нагрузка и лишняя обуза. Такие руководы приходят на кружки и каждый раз на занятия в развитие говорят: «Прочитаем стихи, что ли». А есть и такие руководы, которые сегодня рассказывают кружковцам о Гоголе, а завтра о Фадееве и т. д.

— Нужны ли такие руководы?—спрашивают ударники.

Такие руководы действительно имеются. Такие руководы неединичны. Но это не значит, что нам не нужен руковод. И это еще больше не значит, что самому по надо работать без руковода. Без большой самостоятельной работы ударник не овладеет всех знаний и всех вопросов. У нас в кружках очень часто, надеясь на руководителей, сами не работают, не учатся и не читают. Плохим и ничтожным писателем будет тот, кто сам много не учится. А руководитель должен направлять, должен указывать. «Роль руководителя заключается в том, чтобы помочь работать самому». (Киршон.)

Но руковод нужен хороший, сознающий всю ответственность своих задач как основного звена воспитания ударников. Руковод не может быть только специалистом по литературе. Руковод должна быть боевым организатором-пропагандистом и идейным воспитателем. Руковод должен знать завод, на котором он работает, людей и производственные отношения. Руковод должен жить всеми радостями и печалями каждого кружковца в отдельности, все его трудности и болезни. Только такой руковод сможет нам обеспечить рост и творческие достижения ударников.

А таких руководов, которые могли бы удовлетворить по всем линиям — очень мало. Значит стоит задача создать и воспитать своих руководов. Для этого мы организовали курсы руководов и низового актива, которые значительно ликвидируют недостаток в руководах и одновременно теоретически подкуют наш актив ударников, дав ему большую зарядку для творческой работы.

создать условия для учеб. и творчества

Литературные кружки становятся одним из основных звеньев культурной работы на заводе. Литкружки, ячейки РАПП на предприятиях становятся литературными ударными бригадами в борьбе за промфинплан и за решение партии. Литкружки на заводах становятся пропагандистами литературы как могучего оружия партии и пропагандистами пролетарского искусства среди широких рабочих масс. Роль и задачи литкружка огромны. На всей работе каждой из кружковцев должен расти, учиться и развиваться. Но для всей этой огромной работы литкружку зачастую нехватает времени, а ведь нужно еще следить за творчеством каждого из кружковцев. Каждый кружковец требует, чтобы его творчество зачитывалось, обсуждалось, все это загромождает занятия кружков и они превращаются в постоянную читки стихов. И отсюда ударники делают вывод: нужно организовать маленькую консультацию, которая разгрузит работу кружков и поможет кружковцам в разборе творчества.

И другое: наши кружковцы еще не стоят на достаточно высоком уровне, чтобы дать действительно правильную и полную оценку творчества своего товарища и часто получается, как рассказывает Зарубин (М.-Б.-Б. лк. д.).

— Нашему стихотворение я показывал ребятам.

Один говорит — хорошо. Другой говорит плохо.

Пряду домой и думаю: А кто же прав?

Иногда в кружках из-за слабой культуры, незнания лучших литературных образцов, неплохое, но ученическое и требующее большой работы, стихотворение возводится в перл. Парень начинает ходить в заводских цехах и думает, что ему уже незачем учиться и расти. Его печатают в газете, его признают. Начинается головокружение от «успехов».

Поэтому консультация нужна литературная, включающая в себя хороших писателей и критиков. Консультации, вообще говоря, много и даже чересчур. Каждый журнал и издательство, в порядке массовой работы создает консультацию «по образу и подобию своему». Разговоры о консультациях стали самыми веселыми местами на пленумах, активах и т. д., ибо большинство консультаций вместо помощи только вредят и мешают работать ударникам. Значит стоит задача создать консультационный центр, который методически руководил бы и направлял работу всех консультаций. Таким центром будет кабинет ударника МАПП. В второе: спустить консультации вниз, в районы и низовые кружки. Организация групп консультантов при райбюро, из писателей и критиков, прикрепление писателей к райАПП сыграют в этом большую роль. Консультанты долж

к десятилетию творчества александра жарова

А. Жаров

За завтрашний день жарова

Александр Жаров принадлежит к тому поколению пролетарских поэтов, которое — лет десять назад — решительно выступило против творческих установок «думной» поэзии годов военного коммунизма, против ее модульности, напыщенности, отвлеченности и схематизма. За революционную бодрость, за молодежную жизнерадостность, за революционную направленность голосуют (при отдельных, хотя и не случайных ошибках и срывах) десять лет поэтической работы Жарова. Именно поэтому поэзия Жарова была всегда враждебна поэзии буржуазного эстетизма и упадочности. Именно поэтому пять лет назад мы слышали из чужого лагеря крики: «Долой жаровщину!» Именно поэтому Жаров был и остается пролетарским поэтом.

Десятилетие творческой работы комсомольского поэта — это конечно не «юбилей». Это лишь начало творческого пути. Период творческой зрелости Жарова — еще впереди. Но чем более вредно всякое захваливание Жарова, которое наблюдается со стороны ряда критиков и органов печати. Нужно определить дальнейший маршрут движения его творчества и в соответствии с этим установить слабые стороны в нем. Слово приветствия поэту в десятилетие его поэтической работы неотделимо от слова суровой товарищеской критики.

Жаров—комсомольский поэт. Д. Алтаузен прав, когда говорит, что возрастание требований, предъявляемых комсомолом к художественной литературе, прежде всего увеличивает ответственность перед комсомолом самих комсомольских писателей. В борьбе с «Литфронтом» (и в противовес «Литфронту») мы всегда подчеркивали, что основной признак отставания пролетарской литературы от предъявляемых к ней запросов нового этапа социалистической революции является сравнительно низкий мировоззренческий уровень писателей. Особенно низок этот уровень в пролетарской поэзии. Вот почему пролетарская поэзия на переломе к реконструктивному периоду встала перед рядом значительных трудностей, далеко не преодоленных ею к сегодняшнему дню.

Большим достоинством поэзии Жарова является ее постоянная связь с практикой комсомола. Но мы не можем сказать, что творческие преимущества этой связи в полной мере использованы Жаровым. Нет, они использованы далеко не достаточно. Жаров горячо декламирует свои стихи, посвященные борьбе за социализм, но он плохо и поверхностно раскрывает в художественных образах социалистическую действительность во всей ее глубине и полноте, в ее противоречивом движении, в присущей ей «борьбе оттенков». Выступив десять лет назад против схематизма, Жаров еще не сумел преодолеть схематизм в собственном творчестве, особенно отчетливо, произвившийся в годы реконструктивного периода. «Простота» и «понятность» его стихов еще очень далеки от той подлинной художественной простоты, которая достигается высоким идейным уровнем в искусстве, — они являются результатом известного обеднения действительности в его творчестве. Он разрабатывает злободневную тематику, тематику сегодняшнего дня, — но никакой злободневный «материал» сам по себе не гарантирует от поверхностности, если он не осмысливается глубоко, не продумывается, не пронизывается систем мировоззрения. В поверхностном скольжении по действительности, в схематизме и заключаются слабые стороны поэзии Жарова, которые препятствуют ее росту и подъему на высшую ступень, которые ослабляют ее силу.

А между тем Жаров обладает данными для того, чтобы недостатки своей поэзии устранить и покончить с ними. Товарищеская критика (которая не имеет ничего общего с критикой, в своей основе враждебной пролетарской направленности жаровской поэзии) и является борьбой *за завтрашний день* Жарова, то-есть лучшей помощью ему.

Будет хорошо, если Жаров поймет это и начнет серьезно относиться к своему творчеству. Будет хорошо, если он сможет свою творческую работу с основными принципиальными вопросами творческой дискуссии в пролетарской литературе.

А. СЕЛИВАНОВСКИЙ

начало поэтической работы*

— Десять лет. Это — мой литературный возраст. Это возраст целой плеяды, целого пролетарского призыва, вместе с которым я пришел в литературу.

Десять лет — это этап, а не праздник. Праздновать особенно нечего...

Никакой нужды у нас с вами ни в фимиамах, ни в остановках хотя бы и не предсмертных — нет. Нам надо расти, двигаться вперед крепче перестраиваться, лучше учиться, злее работать.

«Для нас
юбилей —
ремонт в пути, —
постояла —
и дальше буди!..»

Пройденное нами десятилетие — канун нового исторического периода пролетарской литературы. Только в таком плане можно говорить о десяти годах каждого из нас, начинавших, примерно, в 1920—1921 гг., подходить к литературе. От комсомольской группы «Молодая гвардия» к «Октябрю», к МАПП, к напостовству, — вот путь первых лет этого периода. Либединский, Авербах, Безыменский, Жаров, Артем Веселый, Малахов и еще несколько человек (это только по Москве) — вот люди, начинавшие этот период.

10 лет — это этап, который следует подытожить, осмыслить, обобщить не только всему движению в плане общетеоретических установок, но и каждому участнику движения в плане осмысливания конкретного творческого пути, творческого опыта. Это нужно не только и не столько для нас самих, сколько для новых кадров, идущих и приходящих в литературу ударников рабочего класса. Потому что эти кадры, их и наши теперешние творческие установки — есть различно (при критическом пересмотре) основных установок и творчества кадров, к которым за прошедшее десятилетие принадлежали все мы.

В 1921 году кончался первый этап моей комсомольской работы, «организационный» ее период. С 1921 года я, будучи еще членом бюро Московского комитета, работал зав. отделом печати МК, редактором «Юношеской правды», затем — секретарем отдела печати ЦК ВЛКСМ и членом редакции «Юного коммуниста». Одновременно с этим я, в конце 1921 г., поступил учиться в 1-й Московский университет на отделение литературы и языка. И вот об этом моменте, с которого началась и моя творческая работа и параллельно ей моя творческая учеба, я и хочу сначала сказать несколько слов.

Я учился по линии поэтической под непосредственным руководством В. Я. Брюсова. Стихов до этого времени не писал, вернее — почти не писал. Пробовал несколько раз, но получалось крайне плохо.

Впрочем, была даже одна относительно удачная попытка. Летом 1919 г. приехал я из Можайска на заседание губкома комсомола. Поэтом в то время здравствующий т. Авербах. Он был тогда редактором «Юношеской правды».

— Сейчас выпускаю боевой номер «Юношеской правды». Все есть. Вот стихов только нет. Хорошо бы стих этакий призывной, зазывистый.

— Хорошо бы!.. — отвечаю я.

— Но у вас же никто стихов не пишет. Очень жаль...

— Очень жаль... — отвечаю я.

— Ну?

— Что ну?

— Ну, напишете стих?

— А причем же тут я?

— А я слышал, что ты поэтствовал...

— Так это всякий поэтствовал... И ты, наверно...

— Ну, так как же? /

— Что как же?

— Напишешь?

— Если надо, напишу!

Немного попотел — и написал. Правда, написано было очень несамостоятельно, сильно под Демьяна Бедного... но в общем подходяще... Напечатали.

Любопытно, что во время призыва ударников в литературу немало разговоров, подобных приведенному, было у меня с некоторыми из ударников. Парень упирался сначала, не хотел писать, говорил, «какое я, собственно, к этому отношение имею» (а так сам по себе поэтствовал, и это было известно всему цеху). Потом сдался и писал. И дел начала не плохо... Мы начинали хуже, чем начинают сейчас многие из литударников.

И тогда, в 1919 г., так расчувствовался от напечатания стиха в столичной газете, что... бросил писать, чтобы впечатления не испортить. А, по-правде говоря, некогда было заниматься этим делом. Практическая комсомольская работа засасывала.

Так было до 1921 г., до момента первого серьезного «грехопадения». Случился этот первый творческий эпизод, о котором я скажу, следующим образом:

В. Я. Брюсов всем, работающим в его семинаре, дал практическое задание: написать к определенному сроку стихи на любую тему, в любом жанре, любым размером, с рифмой или без рифмы и т. д.

Раздались возгласы: «значит мы все, участники семинара, станем теперь поэтами?»

— Поэтами всем быть необязательно, — ответил В. Я., — но написать стихи должен уметь каждый литературно-образованный человек.

Это была точка зрения Брюсова, и я думаю, что эта точка зрения в основе правильна. Написать стихи, очерк, рассказ должен уметь каждый грамотный человек. Он может, конечно, не быть поэтом в большом смысле этого слова, потому что для того, чтобы им быть, должны быть еще некоторые специфические предпосылки. Но во всяком случае предрассудок, — что я, мол, рабочий, как это я за перо возьмусь, — является предрассудком, который мы должны вместе с вами искоренить. Если не стихи, так фельетон, очерк, заметку каждый грамотный рабочий должен уметь написать и относиться к этому, как к серьезной помощи общественности.

Итак — начали писать почти все участники семинара, и в том числе. Срок был дан, кажется, двухнедельный...

— О чем же писать? — вот первый вопрос, который стоял передо мной. Я на этот вопрос не мог точно ответить.

Надо было подумать, прежде чем написать. Я рассказал о моем злоключении товарищам. Товарищи сказали: «пиши о том, что тебя больше всего волнует».

— Хорошо, — подумал я, — а если меня волнует то, что мало волнует других, общество, к которому я принадлежу, моих читателей, хотя бы я воображаемых — ясно, что никаких иных читателей тогда у меня быть не могло. Следовательно, из всех волнений самых разнообразных надо выбрать такое, которое было бы не только моим волнением, но и волнением общественным, особенно острым в такой-то, данный момент...

В тот период наиболее волнующим событием был голод в Поволжье. Это событие волновало не только каждого партийца и комсомольца (а я был и тем и другим), но и любого трудящегося. Значит надо писать о поволжском голоде.

И я написал длинные-предлинные стихи — «Слово о Поволжье», которые и считал поэмой. Почему «Слово»? Вероятно потому, что мы тогда разбирали «Слово о Полку Игореве». Почему — считал поэмой — потому что длинно было. Все это, конечно, заблуждения, которые не чужды и вам. Длинные стихи — потому что, начав их писать, я долго никак не мог остановиться. Казалось, что все, желучее в это время в голову, необходимо было зарифмовать, чтобы не пропало. Казалось, что каждый эпитет, образ, словесный оборот, подвертывающийся и данную минуту, надо обязательно вставить в стихотворение, иначе, мол, этот эпитет, образ — пропадут за-зря. Жаль было потерять таких «ценностей»...

Подобная жалость присуща почти всем начинающим писателям, так же как и тяга к писанию длинных произведений. И это понятно. Отсутствие мастерства и познания секрета формы делают краткость слишком тесной для того, чтобы в пределы ее влить «все, что накопилось». Обязательно все — и никак не меньше.

Итак, я написал это свое первое произведение, которое было потом даже напечатано.

В общем написал очень плохие символистско-кузнецкие стихи.

Но стихи были сделаны по моде — много образов, вместо полнозвучной рифмы обязательно безвкусный ассонанс, затем — добрая дюжина аллитераций и т. д.

Вот начало этого стихотворения:

«Молотками падают подковы
На стальных проселочных дорогах»...

Казалось, что это очень хорошо по двум причинам: 1) образно и 2) по-пролетарски. Мчатся лошади. И, видите ли, подковы их лог — это молотки, а проселочные дороги, видите ли, стальные... Образно, по-пролетарски — прямо по рецепту «Кузницы», на собрании мотористов и иногда похаживал.

Между тем подобная образность — безобразна и бессмысленна. Ни с какой стороны проселочная дорога на станок не похожа. В самом деле — какой это станок? Ни зрительной, никакой другой ассоциации у проселочной дороги со станком быть, конечно, не может. Подковы тоже ни зрительно, ни как-либо иначе не напоминают молотков. К тому же нигде не видно, ни на одном производстве, чтобы молотки падали на станки. Мне это было отлично известно, но написал все-таки. И некоторые из писателей «Кузницы», которым я читал стихи о Поволжье, особенно хвалили эти надуманные строки:

— Вот, говорили,—правильная структура образа! Образ хорош, когда в нем трудовой процесс преломляется... («Процесс» — это то, что молотки падают на станки). И я, подобно многим из нас, «кузнецов», на первых порах так вот, механически преломлял «трудовой процесс».

В назначенный день В. Я. Брюсов, скрестив на груди руки, принимал наряд стихов на своем семинаре. Надо заметить, что в то время в вузах много еще училось буржуазных дочек и сынков, а на литературном отделении их почему-то больше всего было. Поэтический семинар был на 90 проц. из очень кисейных барышень и очень бархатных кавалеров. Коммунистов и комсомольцев в семинаре человека 3 было. Из них—я и Малахов. И вот — одна за другими поднимались на кафедру стихи. Стихи — о герцоге, о гейше, о кимоно, об одиноком журавле, о банзаях Сингапура, о рождении Христа по-холам, о страусовых яйцах и о кадетском профессоре Кизеветтере... Это точно у меня в записной книжке записано.

Стихи были чистенькие, гладенькие, хорошенькие, красивенькие. Почти не к чему было придраться, и все-таки они стихами не были. И вы поймете, почему. Надо сказать, что В. Я. был не только умным, но и добродушным человеком, чтобы не придраться к стихам. И он не придирался.

Я, товарищи, оказался героем дня, потому что я взялся времени больше всех. С большим пафосом прокричал я о пожарах и смертях, в голоде-разбойничье «с кистенем в мерцающей руке», о времени Поволжью хлебом, о том, что в Поволжье пало:

«Зардеется скучающее поле
Золотыми пригорошнями ржи,
Чтоб взрастить поволжское приволье,
Воскресить утратившую жизнь»...

И я имел неожиданный успех. Успех у Брюсова, а это было самое ближнее для меня. Он сказал, правда, что технических погрешностей у меня больше, чем у других, что моя поэма — вовсе не поэма, но я все-таки — поэт...

У т. Жарова есть общественный пульс, есть жизнь, а это главное, — есть и поэтический темперамент... У него много оснований работать над собой всерьез...

Вот точный приговор Брюсова, который не мог на меня не подействовать, и он явился для меня решающим толчком к дальнейшей и основательной работе в поэзии.

А. ЖАРОВ

* Первая часть бесед с литударниками на собрании бригады им. Демьяна Бедного.

джек алтаузен

*дважды два — четыре** (окончание)

письмо комсомольскому поэту александру жарову

В тесной связи с твоим творческим бюджетом лежит и твой теоретический бюджет, счастливо вытекающий из своей, так сказать, «творческой психологии».

В самом деле, обратимся к твоим высказываниям. Вот, например, ты напечатал недавно «Слово в прениях», или речь на пленуме ВОАПП. Это твое выступление показало, насколько вульгаризаторски в данный момент ты понимаешь обязанности пролетарского писателя и пролетарскую литературную движения. Оно показало, что тебе совершенно непонятен смысл позунга борьбы за большое искусство большевизма.

Не этот раз ты, чувствуя себя обремененным почетным саном воспитателя и руководителя ударниками, призванными в литературу, вопреки, к сожалению, свойственной твоей творческой методологии, «разрешаешь» узловые вопросы пролетарского литературного движения.

Ты начинаешь с самого кардинального. Вопрос о творческом методе, — говоришь ты, «решается прежде всего материалом».

Мягкое, наивное, не по возрасту, заблуждение. Многое ли нужно было бы с этой точки зрения для того, чтобы стать пролетарским писателем.

Если бы пролетарского писателя определяло не ленинское осознание явлений, а материал, то, пожалуй, вопрос о творческой перестройке для многих бы отпал сам и навсегда. Он заменился бы вопросом приспособления художника к материалу. О, насколько это неизмеримо легче и проще!

Наступила бы тогда уже, наконец, момент, когда счастливые вожделения вождя конструктивизма Ильи Сельвинского, с одной стороны, и фактников-лефовцев, с другой—осуществились бы осуществленными. Они были бы и, в частности, Илья Сельвинский, зачислены в штат на звание и довольствие пролетарских писателей. Потому что материал, над которым работает последнее время, в частности Сельвинский, является материалом, с твоей точки зрения, в высшей степени пролетарским. Он написал поэму «Электрозавод», «Как сделана книга», «Пушторг», «Челюскин», «Умка — друг человека», «Записки поэта», «Пятилетка», «Рассказ о многих», «Ночь», «Ленин», «Ленинградский цех», «Ленинградская поэма», «Ленинградская тетрадь», «Ленинградская поэма», «Ленинградская тетрадь», «Ленинградская поэма», «Ленинградская тетрадь

К ДИСКУССИИ О ТРАМ

Не ходите в одиночках

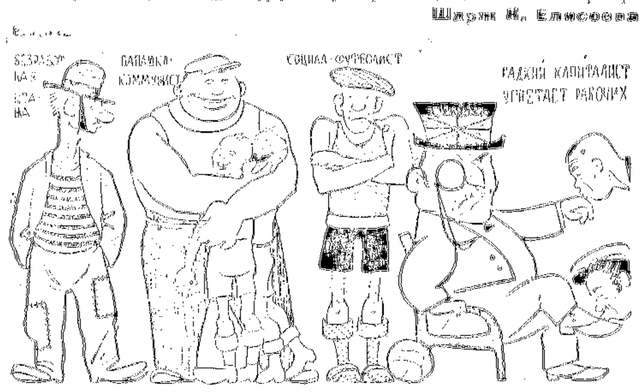
Для начала я задам своего рода литературно-театральную загадку.

Перед вами отпрыск российский золоторотец в классической волосатой фуфайке, опорках, грязном котелке (чуть под Чаплина) с выдержанными жестами и оборотами из Киперлиевского «Конца Хазы». Рядом темно-серые личности в шарах, рождающие ассоциации: РКСМ, 1918—19 гг., Затем—атлетический дядя в кепке, журящий сынков за их проделки и заключающий их сейчас же, при их раскаянии, в объятия. Все эти люди постоянно вертятся в мраке необычайного норта. Для контраста выведены парам в малиновых футбольных фуфайках, фетрах и в галифе, затем—господа в плохо сшитых сортуках, офицеры в диких формах. Время действия: ужастно 1920—1931 г.

Спрашивается, что это такое. Как вы думаете? «Молодежь во время гражданской войны?»—Нет. Трудно ответить? А-а, вы, я вижу, догадываетесь.—«Гм... Наука,—речь идет о театре... Так, так, та-ак...» — Нашли?—«Трам».—Правильно.

Но что это за трам, как вы думаете? Это — английский пролетариат сегодня, сегодня к.. персональному подкупу нашего дня и его врага. Золоторотец и одиночек-рабочих. На фоне этого пестрого—это безработные, а люди в фуфайках (куда рабочему дали ломик в рассрочку

Шарль К. Елисеева



Современная мистерия по Трам

ках—это идущие за реформистами рабочие. Спокойно, спокойно—не волнуйтесь. Мы не то еще видывали...

Перед вами последнее произведение Ленинградского Трама — спектакль «Враль, Британия». Тема — вскрытие борьбы компартии за овладение массами в борьбе с реформизмом и фашизмом на фоне экономических осложнений.

Вы вправе критически настроиться, ибо уже выведений страшный тираж. Вы находите этому объяснение: «А—это и революционно-шиворотное начетничество: «рабочий парашка должен играть только самого себя»—плюс безграмотность «автора».

Вина, как видим, громадная, буквально вопиющая тема: Англия.

Как она развернута?

Компартия представлена одним этаким членом, который предъявляет все сам, —очевидно считая разбирательством: организацию, партсомитет, партийную прессу и т. п. Этакий пилсудско-письменский «фукциунций» бодрился. О том, что такое компартия Британии—ни, даже при пытливом и серьезном отношении к спектаклю, не узнаете. Это тем более странно, что в Траме есть много партийцев. Они знают, должны знать основы партийной комитетировской работы, ее формы, масштабы и т. п., знают о лозунге большевизации братских компартий и т. д. В творчестве же почему-то «вдруг» забыли.

Как показаны классовые враги? Опять дезориентирующий, снятый с плаката социал-предатель, прислуживающий капиталисту. (Неповятно, почему вообще не происходит на Западе революции, если там такие сознательные и читающие реформисты? Где тогда мозги у западного пролетариата?)

Товарищи,—это совершенно очевидно,—не научили громадных материалов конгрессов Коминтерна, пленумов ИККИ. не уяснили себе подлинного облика реформизма. Показывая снижанный, жалкий образ, трамовцы бесконечно далеки от диалектического его вскрытия. Вредная система «масок» закрывает от зрителя знать, не дает понимания сложности и опасности его, не срывает с него маски теории «меньшего зла», «малых зол» и т. п.

Мало того—в недостаточно компетентном (в данной теме) понимании трамдраматургов и постановщика (т. Соколовского) вся практика реформистов сводится к.. персональному подкупу нашего дня и его врага. Золоторотец и одиночек-рабочих. На фоне этого пестрого,—это безработные, а люди в фуфайках (куда рабочему дали ломик в рассрочку — развернута вдобавок «треугольная любовь».

Представления о британской специфике,—о ней писал Ленин, можно было бы сречесть,—странны. Рабочие, просят не увольнять их, позволят публично по земле, и.... подают кочи хозяина (?!!). Это британский-то рабочий! Громящий сейчас полицейские участки, хотя и сохранивший в сознании черты национального высокомерия? — Вершиной достижения специфики является показ полиции как специфики является показ полиции. Вместо сжеженных бобби, мы видим фигуры статистов в балахонах и надевающих бы вдвое шлемах.

Весьма странно изветение фашистов. В Англии собственно фашистов итальянского типа начинающая дела. Работает «пока» старая организация трех партий, причем, наиболее опасны лейбористы. Не понимая этого, Трам дает монументальные статуарные образы чернорубашечников. Они над всем. Они царят. Они неумолимы, злодейски мрачны и все на одно лицо. Они появляются из-под земли. Откуда? Кто они? Неизвестно. Они линчуют одного рабочего и устраивают ночные авантюры.

Капиталисты даны—по Дуни и Моору. Но многолетняя привычка играть «царишек» ужасно мешает. Надо быть капиталистом. Имеются: солидность, коленно—сигара, монокль. Но актер и тут обивается на показ этакого совтрестовика. Меняет система траммасок, ничего не понимаешь.

Язык в пьесе «выдержанный»—англичане говорят: «головка союза», «сокращение» (о том, что в Англии есть такое слово «локаут» трамовцы забыли).

В пьесе,—лейт-мотив **вооруженное восстание** * В ломбардный атлетический коммунист неведомо откуда достает винтовки с оружием и ночью тайно раздает его безработным (золоторотцу и др.). Англия представлена в том, как партия готовится к вооруженному восстанию—опрокинуты. Трам капитально резинует установки Ленина против бланкизма и цугцвана. — Вооружение войск, но выступление происходит. «Урра»! Показан потом эффектный разгром рабочих («замедленная съемка»).

Понятие перспективы!

У трамовцев нет умения показать, как правильно надо было бы развернуть частичный бой того типа, который сейчас мы наблюдаем в Германии и Англии. (См. об этом в решениях последнего пленума ИККИ). И пометить общую перспективу борьбы.

Как быть? Здесь может «выручить»,—предельте себе, тт. из Трама,—только диалектический творческий метод. Призмы литфронтовской агитки, «масок»—никак не годны. В них—печальное и нетерпимое отсутствие партийной, марксистской глубины.—Можно было многое понять и многому научиться, сделал «хотя бы» за тем, что делает РАПП. Лектрам этого не сделал.

Он упрямо виляет в свои мелкокаркасы времен 1924 г., по-старинке, темы, которые сейчас требуют глубины, разработки и новых форм. Трам был прогрессивен. Но не забывайте, что не иди вперед или идя медленно, в определенный момент можно превратиться в собственную противоположность и отрицание. Это печально, но «самостийный» драмконсерватизм грозит этим.

В Ленинграде напишет театральные, которые... воспели «Враль, Британия» (Цимбал, Голубов и др.). Пьеса, не бывшая, до работы над ней театра, на обсуждение товарищей, знающих Англию (английская секция Коминтерна, редакция «Moscow News», Комакадемия, ВОКС, работники Мер. Академия и т. д.), на обсуждение английских рабочих, работающих у нас, на обсуждение литературно-театральной пролетарской общественности, которая могла бы указать ошибки, помочь,—путешествует по сценам СССР, дезориентируя тысячи людей. Отказ от общественной проверки характерен для замкнутого Трама.

Мы считаем спектакль **поражением Трама—неизбежным и закономерным. Метод надо менять.** Надо побольше самокритики и меньше некорректного отворачивания от рапповской драматургии, которая упорно стремится преодолеть и преодолевает—не без серьезных трудностей—старые недостатки и накапливает ценный опыт.

ВС. ВИШНЕВСКИЙ

P. S. Будет уместно, если тт. трамовцы заметят, что речь идет о них, и дадут ответ.

В. В.

* ЛОКАФ обязан взяться за «Правь, Британия!».

Творческое размежевание должно быть принципиальным

О творческих группировках РЭПП

Вслед за РАПП и Российская организация пролетарско-колхозных писателей приступила к созданию в своих рядах творческих группировок. Расширенный секретариат МОПКП заслушал на-днях доклады первых двух творческих группировок пролетарско-колхозных писателей.

Тов. **Завалишин** выступил от имени группировки, которая носит пока условное название «Переплав» и в которую входят: Ив. Батрак, Завалишин, Егорославлев, Калегичков, Чицкий, Ильинский, Кетемка и др.

Тов. Завалишин указал, что этих писателей объединяет **не общность творческого метода**, а единство тематики сегодняшнего дня, в которой они берут основную установку на «все то, что переплавляется» (отсюда и название группы—«Переплав»), на отображение социальной переделки крестьянина в колхозника, сезонника в рабочего, рабочего в пролетарского интеллигента, и т. д.

Группа «Переплав» считает для себя обязательной разработку тем индустриального города, наравне с вопросами колхозного строительства. Значительное внимание «Переплав» уделяет производственным условиям работы своих соседов.

Следующим был заслушан доклад другой творческой группировки, возглавляемой Н. Острогорским. В отличие от «Переплава» эта группа более ясно осознает свои творческие позиции и объединяется не только общностью идеологии, но и общностью колхоза к творческому материалу. В группу входят Н. Острогорский, Мих. Кашкин, Шухов, Тургов, Вс. Макаров, Неслобин, Романенко и другие; тяготеет к ней и Н. Замойский, однако еще не принимая участия в практической работе группы.

Группа присвоила себе название «Опора», стремясь быть тем основным стержнем, опираясь на который весьма неоднородная в социальном отношении организация пролетарско-колхозных писателей сможет развиваться в направлении сближения с пролетарской литературой.

Своей основной творческой задачей «Опора» считает всестороннюю показ героев эпохи. Однако при обсуждении творческих планов внутри самой группы наметились некоторые разногласия. Вс. Макаров, например, высказал мысль о том, что задачей писателей «Опоры» должен явиться не только показ героев труда, а художественное отображение «интересного человека нашей эпохи вообще».

***

При обсуждении докладов творческих группировок члены секретариата МОПКП подвергли основательной критике принципы создания группировки «Переплав» или, вернее, отсутствие принципиальной установки в ее создании. При этом справедливо указывалось на отсутствие у этой группировки каких-либо единых творческих признаков, на разнородность творческих течений писателей, объединяемых «Переплавом».

В самом деле, в эту творческую группировку входит и Ив. Батрак, в чьем творчестве основной является публицистическая струя, и Егорославлев — бытовик-реалист, и, наконец, ряд товарищей, никак себя творчески не проявивших.

Это дало повод Н. **Острогорскому** упрекнуть группировку Батрака — Завалишина в том, что она создалась по «административному принципу», ибо в нее вошли все основные руководящие члены Центрального бюро.

Несколько иную оценку дали группе Батрака выступавшие в прениях тт. **Федосеев и Астахов.** Тов. Федосеев указал на общность публицистических черт в творчестве Батрака и Завалишина, как на достаточное основание к объединению этих писателей в одной творческой группировке. Тов. Астахов высказал мнение о том, что неоформленность создания творческой группировки не должна вызвать нуждь, как в печатном в ней творчески не выявившихся писателей, ибо последним именно пребывание в творческой группировке поможет быстрее творчески себя выявить.

***

Секретариат МОПКП предложил творческим группам разработать свои творческие платформы и более четко наметить линии творческого размежевания отдельных группировок.

Нужно особо отметить принятое на этом же заседании строгое решение секретариата МОПКП о прекращении творческих командировок в совхозы, колхозы и МТС в **первую очередь** членам творческих группировок.

Д. КАЛЬМ

40-летний юбилей
литературной деятельности А. Свирского

Исполнилось сорок лет литературной деятельности А. Свирского.

40 лет назад было закончено первое произведение А. Свирского «По-господски», запрещенное царской цензурой. После Октябрьской революции «По-господски» было издано Госиздатом под названием «Из мрака прошлого» и выдержало несколько изданий. «Записки рабочего», выпущенные в 1907 году, были конфискованы и сожжены царским правительством и увидели свет лишь после Октября, выдержав свыше 20 изданий на русском языке и по нескольку изданий на немецком, украинском и японском языках. «Рыжий», «Хорошее время», «Черные люди», «Стальное сердце», выпускаемые теперь повторными изданиями, выходят также на французском, английском, немецком, чешском и еврейском языках.

В ГИЗ, помимо отдельных книг, издано полное собрание сочинений А. Свирского. На-днях ГИХЛ выпустило новую книгу А. Свирского «История моей жизни».

Решение ЦКК ВКП(б) по заметке „Уголовные дела старого руководства Литфонда"

30 августа 1931 г. в «Литературной газете» была помещена заметка, обвиняющая пролетарских писателей, членов партии, тт. Алексеева М. А., Иванова И. А., Ширина-Юрневского, Тришина и беспартийных: тт. Гольцу и Струве в умышленных преступлениях за период пребывания их в руководстве «Литфонда». Партколлегия ЦКК ВКП(б), проверив это обвинение, постановила:

1. Признать, что заметка «Литературной газеты» — «Уголовные дела старого руководства «Литфонда» в отношении тт. Алексеева, Иванова, Ширина-Юрневского, Тришина, Гальцу и Струве является клеветнической.

2. Указать редакции «Литературной газеты», что она поступила неправильно, поместив эту клеветническую заметку.

3. Настоящее постановление опубликовать в «Литературной газете».

„Город энтузиастов" — вредная книга

Специальная комиссия ЦСКП в составе К. Большакова, К. Зелинского и П. Скосырева, образованная в связи с протестом П. Кремлева-Сосина против решения по книге М. Кольцова и И. Кремлева-Сосина «Город энтузиастов», помещенной в «Литгазете» от 15 августа (№ 44), дала ответ в этом духе. Комиссия пришла к еще более резким выводам чем помещенная в «Литгазете» решения.

— Книга М. Кольцова и И. Кремлева-Сосина, — говорится в постановлении комиссии, — грешит не только потребительской мелкобуржуазной обывательщиной в изображении рождения путей социалистической реконструкции нашей страны. «Город энтузиастов» есть последовательно троцкистская по существу своих основ строительства социализма. Это свое качественно книга сохранит даже и при том условии, что все и все сгниют в ней отнюдь не к тому, что сто лет через 20 лет, а даже к сегодняшнему дню.

Роман М. Кольцова и И. Кремлева-Сосина по своему существу самым тесным образом расходится с общесоциалистическими установками всего союза писателей в целом.

Письма в редакцию

В редакционной статье «Комсомольской правды» от 19 октября с. г. «За лозунги» комсомольскую работу в РАПП» констатируется, что «рапповцы печать («Литгазета», «Литературный критик», «Рост», «ЛЦНК» и др. журналы) не комментируют ни одной статьи на тему о комсомоле и комсомольской тематике».

***

Как стало мне известно из «Литгазеты» № 36, в начале апреля на собрании группы писателей, происходившем 13 октября при «Молодой гвардии», в орбиту этой группы.

«Отнюдь заявить, что никакого отношения к данной группе писателей не имел и не имею и работать в данном органе не буду» до тех пор, пока экскурсия из указанной группы писателей будет стоять на платформе, принятой нами 13 октября и напра-

вленной в противопоставление себя коллективу и его ЦО — «Комсомольской правде».

Ответственный редактор газеты «Комсомольской правды» А. ТРОПИКОВ

От редакции

Редакция отмечает полную безобразательность оценки позиции группы комсомольских писателей «Молодая гвардия», данной в письме т. Тропикова.

Группа «Молодая гвардия», являющаяся творческой группировкой МАПП, работающей на основе общей линии РАПП, ставит своей основной задачей усиление борьбы за новую РАПП линию к комсомолу и за теснейшую связь комсомола и РАПП. Поэтому утверждение т. Тропикова, что группа противопоставляет себя комсомолу и его ЦО является по меньшей мере безобразательным.

Извещения

— 22 октября — 19 ч. — в помещении Комакадемии (Волхонка, 14) — пленум методологической секции.

— 23 октября — 17 ч. — в помещении МАПП (Тверская, 50) — совещание по вопросу плана серии изданий. Персонально приглашаются тт.: А. Алексеевский, И. Аферовец, А. Баев, П. Демьянов, И. Жига, П. Иванов, Ф. Киселев, А. Коженевников, Л. Куликов, Н. Москвин, А. Мусатов, А. Пасынков, Л. Прокофьев, А. Сальский, Ф. Туркельтаб, Чернихов, Кочин, Мезинский, Чуркин, Гагин, Гюман, Лазаминский, Богданов, Михайлов, Сигловский, В. Русин, Пластов, Зозер, Трей, Знаменский, Гасс, Шкодин, Юрин, Мрозовский, Подделков, Сидоров, Шиваков, Скорохотов, Астахов, Рогинский, Морозов, Арк. Коган, Ефимов, Кальянов, Фин, Янцин, Сергеев, Резников, Мишин, Самодин, Хрюков, Волжский, Гюм, Петрушин, Посынок, Зальк, Володин, Шпаго, Грицкевич.

— 24 октября — 17 ч. 30 м. клуб ФОСП, улица Воровского, 52, первое занятие кружка драматического искусства под руковод. А. К. Шнейдера.

— 24 октября — 18 ч. — дом пионеров-ленинцев (Потешная, 6) — Ленинский райбюро МАПП совместно с районным комсомолом созывает семинар литературных работы.

— 25 октября — 19 ч. — дом Герцена — собрание детских писателей всех групп. О новейших организациях детского детских писателей при горкоме.

— 26 октября — 19 ч. — клуб ФОСП им. Горького (ул. Воровского, 52) — собрание секции детописателей МАПП. Доклад тов. Грудской — «Рабочий автор о детской литературе».

— 26 октября — 19 ч. — Институт дня Комакадемии — вечер на тему «Методологическая концепция В. М. Фриче».

— 26 октября — 19 ч. — «Новая кузница» (Творческая 6, 2/3) — очередное литобъединение. Романы «На стыке» читает т. Н. Дементьев.

Опечатка

В номере «Л. Г.» от 12 октября вкралась опечатка. При докладе литкуля «Молодая гвардия» на секретариате МАПП и чтении мерекомендованной литературы ошибочно названа книга «Комсомольские будни» — Бутковского.

Ответственный редактор: С. ДИНАМОВ.
РЕДКОЛЛЕГИЯ: Н. Асеев, С. Динамов, И. Жига, Л. Ильинский, Н. Катаев, Г. Коренев, Н. Огнев, А. Селиверстовский, М. Сельвинский, М. Спирин.
ИЗДАТЕЛЬ: Журнально-газетное об'единение.

В РИИН забыли
об интернациональном воспитании
великодержавники антисемиты распоясались

Редакционно-издательский институт при Отиз РСФСР — новое учебное заведение, открытое в этом году.

РИИН должен воспитать в своих стенах **авторов, критиков, редакторов политической и художественной литературы**, работников ответственнейшего участка идеологического фронта, вооруженных мировоззрением марксизма-ленинизма.

Но в числе прочих недостатков работы надо указать на то, что вопросам национальной политики картин в стенах РИИН **не уделяется** должного внимания как со стороны партийной и комсомольской организации, так и со стороны руководства РИИН, несмотря на многонациональный состав института (16 различных национальностей).

Во время приема в этом году были допущены грубейшие ошибки со стороны приемной комиссии РИИН, а именно: ряд товарищей, командированных из национальных республик, **не были зачислены в число студентов** РИИН. Пришлось вмешаться в это дело и вышестоящим организациям.

На общепартийном институтском отчетном собрании тов. Шуйский (директор РИИН), говоря о задачах партприемной кампании в учебном году, на слова не скупился об интернациональном воспитании студенчества и, больше того—допустил ряд «формулировок» великодержавного характера:

— Национальные республики умело вливали нам (РИИН) партийную и рабочую прослойку, присылая комсомольцев и служащих, которых мы должны были под нажимом вышестоящих организаций (читай: ВОАПП и РАПП) принять, но без них (читай: без комсомольцев, командированных из национальных республик) мы могли бы, выражаясь говоря, обойтись.

Характерно, что эти слова не нашли должного осуждения со стороны партсобрания, значительная часть которого встретила их смехом.

Точка зрения тов. Шуйского опровергается первым номером газеты «Рининец» (печатная газета РИИН), где в передовице сказано: «Мы имеем вполне удовлетворительный набор новых студентов». В том же номере, в статье «Итоги подготовки к новому учебному году» пишется: «Мы имеем блестящие результаты приема — 74 проц. рабочих, 10 проц. колхозников. Большинство служащих, принятых в этом году, — с большим партийным стажем. Общий итог приема по партийности—87,5 проц. ВКП(б), 8,1 проц. ВЛКСМ и 4,4 проц. —беспартийные».

В постановлении институтского бюро ВКП(б) о проведении отчетно-перевыборной кампании парторганизации цитата нет о борьбе за ленинскую национальную политику, против великодержавного шовинизма как главной опасности и местного национализма всех оттенков. Молчат об этом и «Рининец», и такие бодрости, которые сейчас выпущены в РИИН в стиле с кампанией перевыборов партийной и комсомольской организаций. Между тем за несколько дней учебы в стенах РИИН имели уже место факты искажения национальной политики партии. Так, преподаватель тов. Вольфсон, говоря о различных языках, сказал: «В молодости мне пришлось побывать в одной из деревень Белоруссии. Признаюсь, что я там ничего не понимал, **ибо они** (то есть белоруссы) **пыкают, мыкают**, ничего не разберешь» (?!).

Выступление т. Вольфсона не встретило осуждения со стороны аудитории, а вызвало даже смех со стороны части студенчества.

Среди части студенчества имеют место **факты проявления великодержавного шовинизма**, скрытого и открытого антисемитизма и местного национализма. Студент второго курса литорского отделения **Ретюнский** долгое время систематически издевался над студентом-евреем тов. Мальзиным. Когда издевательства дошли до **крайних пределов, только тогда** об этом начали говорить и коммунисты, и комсомольцы той комнаты, где живет Ретюнский, и вопрос был поставлен на обсуждение профкома. Газета «Рининец», описывая факт возни антисемита Ретюнского, этот вопрос **поднята** на принципиальную высоту. Газета требовала организовать вал антисемитом Ретюнским общественно-политический суд. Профком не согласился с требованиями газеты «Рининец», потому что «свет времени» (!?). Профком не дал **политической** оценки выпаду классового врага в стенах РИИН, а ограничился только тем, что на своем заседании от 19 октября исключил антисемита Ретюнского из членов союза и поднял вопрос перед дирекцией РИИН о пребывании его в стенах института. На заседании профкома некоторые члены профкома (школьников), Пятницкий (коммунист), Шнейер (комсомолец) выступали в защиту антисемита Ретюнского. Профком **не осудил** защитников, правых оппортунистов.

Несмотря на то, что факт вылазки классового врага в стенах РИИН имел место около недели назад, ни партийная, ни комсомольская, ни профсоюзная организации не мобилизовали еще вокруг этого факта внимание масс студентов. Такие факты не единичны.

В № 4 газеты «Рининец» в передовице отмечено: «В работе наших организаций начиная от директора, кончая низовыми организациями, указания тов. Сталина **не являются** боевым руководством в повседневной практической работе».

Партийная и комсомольская организации РИИН, в своей основе идеологически здоровые, должны повысить свою классовую бдительность для борьбы за четкое проведение ленинской национальной политики, за интернациональное воспитание пролетарского студенчества.

ИВАН ШКАДАРЕВИЧ
АЛЕКСАНДР БЕЧКО

ТЫ ПРОЧТЕШЬ в № 17
МАССОВОГО-КУЛЬТУРНО-БЫТОВОГО И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОГО ЖУРНАЛА
РОСТ

Комсомол на боевом посту—рассказ Г. Днепрового об участии комсомола в гражданской войне. О комсомольцах—героях „Рыковского рудника" подмосковного каменноугольного бассейна рассказывает А. Куцей в очерках: Д. Силоенков и „Первая девушка, спустившаяся в шахту". Очерк М. Гадалина «ОСНАЩАЕТСЯ» об организации комсомола на Украине и первых днях его боевой работы вспоминает С. Абобиников.—Боевые дни. Бригада комсомольца казака-добоя „Победила в соревновании стариков колхозников" — бригада Аделая и Шухова. Напостов нне заседания, пролетарские писатели. Стихи „Вторжка" и „В поезде". В. Садоров. Заметка о себе „Так я за отам" — статья А. Сурова о стихах Сидорова. Чуц на первая Со итска: фабрика кинопленки, не обождающая нашу киноторговлю от иностранной зависимости СОВЕТ АЯ КИНОПЛЕНКА. Очерк Колонилова и Фефера. Страница в Литературе. Журнал выходит на-днях.
Цена отдельного номера—15 коп. Требуйте во всех киосках

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПРИЕМ ПОДПИСКИ
ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:—12 мес.—3 руб., 6 мес.—1 руб. 50 коп., 3 мес.—75 коп.
Подписку сдавайте только почте по установленного ею срока
Жургазобъединение

Издательство „ФЕДЕРАЦИЯ"
ВЫШЕЛ ИЗ ПЕЧАТИ девятый номер
„ЛОКАФ"
Ежемесячного литературно-художественного журнала Литературного Об'единения Красной армии и флота

В номере: И. РАХИЛЛО «Счастливый город» (повесть); АЛ. ИСБАХ — «Человек с винтовкой» (из записной книжки); А. ОРАНОВ — «Красноармейские ударники» (про и дела армейского повара); В. ВЫОГИН — «Комунна пархеевских красноармейцев»; БЕЛА ИЛЛЕШ — «О творчестве Э. Малараса»; Э. МАДАРАС — «Чайка», «Комендант Лешов» (стихи); НИК. ХАРИТОНОВ — «История гражданской войны» (статья).

За рубежом: М. СКАЧКОВ «Арсенал Средней Европы» (о военных заводах Чехо-Словакии).

На фронтах литературы: А. СЕНИВАПОВСКИЙ — «Попутничество и сменовеховство»; В. СВИРИН — «Против идеалистических тенденций в советской литературе».

Трибуна ЛОКАФа: С. МИХАЙЛОВ — «Пути и барьеры» (заметки о творческой работе); М. ВИТЕНСОН и Э. ТАНИНА — «Итоги творческого смотра ленинградских литературных кружков».

Библиография: Н. СВИРИН. О книге Б. Лавренева — «Так держать!»; О. БЕРЕЗОВ. О сборнике «Разведка» (литкружок ПУОСа); М. ГОЛОВИН. «За седьмую сверхсрочную» (Средне-Ах. ЛОКАФ).—Хроника ЛОКАФ и др.

ОТ РЕДАКЦИИ: Условия подписки: на год — 12 руб., на 3/4 года — 7 руб.; цена отдельного номера 1 р. 25 к.
ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ во всех почтовых отделениях: на весь 1931 г. (комплектом, начиная с № 9); на второе полугодие (начиная с № 7).
АДРЕС РЕДАКЦИИ: Москва, ул. Коровского, 2, клуб ФОСП им. М. Горького.

С НОЯБРЯ МЕСЯЦА ВЫХОДИТ НОВЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
„ЗА МАТЕРИАЛЬНУЮ БАЗУ ПЕЧАТИ"
Орган Госплана СССР и Комитета по делам печати РСФСР и УССР по вопросам издательской, полиграфической и бумажной промышленности и планирования печати.
ОТКРЫТ ПРИЕМ ПОДПИСКИ
Подписная цена: 12 мес.—10 р., 6 мес.—5 р. 50 к., 3 мес.—3 р., в ноября месяца на 14 мес. — 12 р. Розничная цена номера — 1 р.
Подписка принимается всюду почтой и письмоносцами. Следите за подробностями в следующих номерах газеты.
Журнально-газетное об'единение

ВЫШЕЛ ИЗ ПЕЧАТИ № 1
ежемесячного творческо-методического и научно-технического ЖУРНАЛА
„ПРОЛЕТАРСКОЕ ФОТО"
(орган Союзфото и ОЗИКФ)
Читайте в номере:
Передовая. — За большевистскую перестройку фотографии.
С. К. ЕВГЕНОВ — Фотография помогает строить социализм. Д. МЕЖЕРИЦКЕР и С. ФРИДЛЕНД — На борьбу за творческий метод пролетарской фотографии. Я. Н. — Фотоиллюстрация в районной печати. БОГДАНСКИЙ-ОЗИКФ на путях перестройки. А. ГРУЗ — Развитие фотохимической промышленности — важнейшее звено социалистического наступления.
В номере дан большой отдел фототехники.
Журнал богато иллюстрирован.
С № 3 в журнале «Пролетфото» начинает печататься:
ВЫСШИЙ КУРС ФОТОТЕХНИКИ
для фотокоров и фоторепортеров
Заочники высшего курса фототехники пользуются правом на ПРЕИМУЩЕСТВЕННОЕ ФОТОСНАБЖЕНИЕ
Журнал «ПРОЛЕТАРСКОЕ ФОТО» высылается всем всем подписчикам журнала «СОВЕТСКОЕ ФОТО».
ОТКРЫТ ПРИЕМ ПОДПИСКИ ДО КОНЦА ГОДА И НА 1932 г.
ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:
Журнал «Пролетарское фото»
12 мес.—6 руб., 6 мес.—3 руб. 25 коп., 3 мес.—1 руб. 75 коп.
Журнал «ПРОЛЕТАРСКОЕ ФОТО» с приложением Фотобиблиотеки.
12 мес.—13 руб., 6 мес.—6 руб. 50 коп. 3 мес.—3 руб. 50 коп.
Подписку сдавайте только почте не позже установленного ею срока
Журнально-газетное об'единение

ПЕЧАТАЕТСЯ № 6—7 ЖУРНАЛА
„ОБЪЯ КЛАССОВ"
СОДЕРЖАНИЕ: ЕМ. ЯРОСЛАВСКИЙ — Международное значение Октябрьской революции. Ф. ЭНГЕЛЬС — Европейские рабочие в 1877 г. (произведение основателя научного социализма). АЛЬБЕР-АРНОТ — Из истории великой стачки в Англии. Г. ЗИНОВЬЕВ — 15 лет истории рабочей партии Англии. ЛЮДОВ — Пути германской революции. В. ПИК — 9 ноября 1918 г. (воспоминания). Документы. История борьбы за «Фон и деньги». Воспоминания рабочих и красноармейцев об Октябре и другие статьи, посвященные Октябрьской революции, Англии и Германии.
Журнал богато иллюстрирован.
Подписная цена: 12 м. — 10 р., 6 м. — 5 р. 50 к., 3 м. — 3 р.
ПОДПИСКУ СДАВАЙТЕ ТОЛЬКО НА ПОЧТУ.
Журнально-газетное об'единение

Все о кино, о кинопромышленности, кинопроизводстве — в газете
КИНО
Единственная иллюстрированная газета «КИ..О», ведущая борьбу за превращение кино в орудие коммунистической пропаганды, за новые кадры кинопромышленности, за политпросветительную работу среди колхозников и за мобилизацию общественности вокруг кино.
С 1/X выходит в двойном об'еме, 8 полос, при прежней подписн. и розн. цене.
Продолжается прием подписки на текущего месяца.
ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: 3 мес.—90 коп.
Подписку сдавайте только на почту не позже установленного ею срока.
Цена отдельного номера — 5 коп.
ТРЕБУЙТЕ во всех киосках и у газетчиков
Журнально-газетное об'единение

400.000 фотообязательств выпущено по фотозайму. 400.000 фотокоров впервые возьмут в руки фотоаппарат. Но мало иметь фотоаппарат, надо уметь им владеть. Полный курс фотографии для начинающих будет напечатан в газете „Фотокор".
Каждый подписывающийся на фотообязательство должен подписаться и на газету „Фотокор", чтобы прежде чем получить фотоаппарат научиться им владеть.
ОТКРЫТ ПРИЕМ ПОДПИСКИ.
Подписная цена на массовую еженедельную газету «Фотокор» при Союзфото и ОЗИКФ:
12 м.—1 р. 50 к., 6 м.—1 р. 25 к., 3 м.—30 к.
На газету «Фотокор» с приложением «Библиотеки фотокора» 3 книжки в мес.
12 м.—10 руб., 6—5 руб., 3 м.—2 руб. 50 к.
Подписку сдавайте почте не позже установленного ею срока
Журнально-газетное об'единение

ГОТОВИТСЯ К ПЕЧАТИ
ПЕРВЫЙ СБОРНИК ИЗДАНИЯ
ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО
ОРГАН РАНИ И ИНСТИТУТА ЛИТ. КОМАКАДЕМИИ
под редакцией: Авербаха, Ипполита и Раскольникова

«ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО» исходит в своей работе из ленинского указания о необходимости критического пересмотра и переработки культурного наследства прошлого. «Л. Н.» разрабатывает с марксистско-ленинских позиций, под углом зрения современности, узловые вопросы истории русской общественной мысли, истории литературы и истории журналистики.
«ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО» публикует исчерпывающие материалы и документы по истории литературы и истории общественной мысли. Особое внимание «Л. Н.» уделяет разысканиям и публикациям неизданного и забытого литературоведческого наследия классиков марксизма. В центре внимания будут стоять публикации материалов и документов, относящихся к истории и предыстории пролетарской литературы.
Издание будет богато иллюстрировано.
Объем каждой книжки до 300 страниц
ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: 7 руб. 50 коп. за три книги. Цена отдельного номера в розничной продаже—2 руб. 75 коп.
Подписка принимается всюду почтой и письмоносцами.
Журнально-газетное об'единение (Москва, 6, Страстной бульв., 1), принимает заявки на высылку 3-х книг наложенным платежом по 7 р. 50 к. (пересылка за счет об'единения).
ЖУРНАЛЬНО-ГАЗЕТНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ

Уполн. Главлита В 105362.
Типография (50) тип. «Мосполиграф», пр. им. Скворцова-Степанова, д. 3.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ФЕДЕРАЦИИ ОБЪЕДИНЕНИЙ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР

МОСКВА 27 ОКТЯБРЯ 1931 Г. № 58 (167)

РЕДАКЦИЯ:
Москва, Тверской б. 25, Дом Герцена. Телефон 2-80-12.

ИЗДАТЕЛЬСТВО:
Журнально - газетное об'единение: Москва, 6, Страстной бульвар 11. Телефон 5-51-69.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА:
На 12 м. 3 р. 50 коп.
На 6 м. 1 р. 75 к.
На 3 м. - р. 90 к.

травля теодора драйзера началась

Последние два года была для великого американского писателя Драйзера поворотными годами. Вернувшись из СССР, писатель увидел неизбежность гибели капитализма, он пошел к рабочему классу, обратился к практике борьбы рабочего класса с капитализмом, связался с коммунистической прессой и на ее страницах сделал ряд смелых выступлений против буржуазной Америки и против американского капитализма («Право на революцию», статьи о забастовке горняков и т. д.).

Американский капитализм не может, конечно, простить великому писателю такую близость к революции. Когда Синклер Льюис дал обвинять Теодора Драйзера в плагиате в связи с опубликованием им книги «Драйзер смотрит на Россию»[1] и Драйзер, поторопившись, захватил ему две пощечины — буржуазная пресса широко раздула этот скандал, с явной целью дискредитировать художника-бунтаря, в отличие от Синклера Льюиса, не отступившего перед капитализмом на колодках. Органы немецкой компартии «Роте Фане» дала совершенно правильную оценку этому факту в номере от 20 августа 1931 г. Газета писала: «Вызванный скандал и готовность буржуазных кругов общества тотчас же обрушиться на Драйзера объясняется более глубокими причинами: упорный бой против неоспоримых меркантилистов резко поворачивает влево, гораздо левее, чем это допускается американскими дискуссионными клубами».

ТЕОДОР ДРАЙЗЕР

Продавший «радикал» Броун тоже ликует Драйзера оплевал комплетом, обвиняя в «Нью-Йорк Уорлд Телеграмм» 7 августа, что Драйзер — это только «бестящий романист второго разряда»...

Буржуазная истерия истерзалась, пытаясь Теодора Драйзера, когда он обратился к ней за помощью в связи с изъятием в Англии его «Американской трагедии» в фильме под тем же названием. 26 июня с. г. Драйзер обратился с письмом к фирме «Парамоунт паблико корпорейшн» и дошел до ее сведения, что сделанная по фильма «Америкэн» сильно тенденциозна и имеет то общее с его романом не имеет, что фирма не обращала на никакого внимания на его замечания в процессе работы, стремясь превратить социальный роман в уголовное «чтиво». Драйзер приводит в письме отзывы судей присяжных и общественных деятелей о фильме, полностью подтверждающих его оценку (доктор Г. Э. Барнес, И. Кирш, доктор Брилл, Карл Ван Доурен). Нью-Йоркская газета «Нью-Йорк Уорлд Телеграм» за несколько недель до этого письма писала, что писатель надеется получить широкую поддержку американских интеллигентов. Никакой «щедрой поддержки» художник не получил, и 1 августа текущего года суд в иске ему отказал, причем в числе доводов было приведено, что фильм, дескать, более выдержанный, чем роман, ибо не возбуждает никаких симпатий к герою романа Клайду Гриффитс, кончающему жизнь на электрическом стуле.

[1] Между прочим я лично наблюдал работу Драйзера над книгой о Советском союзе, видел, как тщательно он собирал материал для нее. Конечно, по о каком плагиате не может быть и речи, приведенные в свое время женой Синклера Льюиса, Дороти Томсон, примеры, говорят только о том, что были совпадения в использовании справочных работ о СССР.

Ее («Нью-Йорк Геральд Трибюн» от 2 августа 1931 г.). В той же «Нью-Йорк Уорлд Телеграмм», оповестившей о намерениях Драйзера обратиться к суду, помещалась вышеназванная карикатура на Драйзера. Так буржуазная Америка отвечала на попытку писателя найти «справедливость»...

Английское «рабочее» правительство не отстает от американской буржуазной истерии. Пьеса, основанная на той же «Американской трагедии», не была разрешена к постановке и была поставлена в Лондоне несколько месяцев назад лишь для узкого круга, на закрытой сцене. Говорящий фильм «Американская трагедия» также запрещен в Англии. Даже американское правительство не дошло до этого. социал-фашисты оказались более буржуазными, чем сама буржуазия. «Дейли Геральд», орган «рабочей» партии, комментирует эти факты с явным спокойствием, фактически защищая английскую цензуру, для которой даже такие безидейные в социальном смысле вещи, как «Американская трагедия», кажутся преступлением. («Дейли Геральд от 10 октября 1931 г.).

Орган английской компартии «Дейли Уоркер» в противовес социал-фашистским позициям «Дейли Геральд» правильно расценил действия английской цензуры как проявление сущности капитализма, ставящего художника в нищенское положение (№ от 12 октября).

Небезызвестный Л. Шеффер использовал процесс Драйзера против «Парамоунт» для новых анти-советских выходок, обнаружив полную слепоту и глупость («Берлинер Тагеблат» от 13 августа). По Шефферу выходит, что общественные условия в СССР и в Америке одинаковы, ибо у тех считается действительностью измышленная «мелкобуржуазная эротика». Потрясающее открытие, делающее «честь» и специалисту по эллиптическим измышлениям и «Берлинер Тагеблат», печатающей подобную галиматью!

Шестидесятилетие Драйзера было встречено капиталистической прессой очень своеобразно. «Франкфуртер Цейтунг» и другие немецкие газеты усердно подтрунили на немецкое происхождение писателя, что, по их мысли, обусловило его талантливость. Но все эти газеты обходили полным молчанием последние его революционные выступления (может быть, и их нужно связать с «немецким происхождением»?!). «Франкфуртер Цейтунг» вместе с тем правильно видит, что Драйзер много сумел понять в СССР потому, что он критически относится к «американизму» (статья Фрица Шоттофера в номере от 28 августа с. г.). Кратчик «Дейче альгемейне цейтунг» Ганс Мартин Эльстер специально подчеркивает «немецкую кровь» Драйзера, осчастливившую его мистицизмом, обойдя полным молчанием все последние выступления писателя.

Нечего говорить о том, что правильные позиции была заняты лишь коммунистической прессой. В «Вельт ам Абенд» (Берлин) была напечатана телеграмма Мекраброма за подписью В. Мюнценберга, в которой последний отмечает, что Драйзер связал свою судьбу с трудящимися массами Америки. «Дейли уоркер» (Нью-Йорк) отмечала шестидесятилетие Драйзера очень тепло и дружественно. В номера от 27 августа была напечатана краткая заметка с рядом приветствий (так пролетарская культурная федерация приветствует Драйзера, называет его — «великим писателем и храбрым другом угнетенных масс и Советского союза»). На следующий день в газете была напечатана статья коммунистки-критика А. Магалл, который пишет:

«Резолюционные американские рабочие приветствуют нового Теодора Драйзера и надеются, что он пойдет дальше. Они считают его другом и храбрым борцом. Он потерял немногих буржуазных льстецов и приобрел тысячи друзей, которые являются наследниками великих культурных достижений прошлого и строителями культуры будущего... Люди, читавшие Драйзера, и Ромену Роллану, отбрасывают тени истерии. Они более великие, чем великие художники, ибо они находятся в рядах бойцов за новый мир».

Тов. Биха в вещей «Роте Фане» совершенно правильно соединил вместе три мертвых змеи: Ромен Роллан, Бернард Шоу, Теодор Драйзер (номер от 9 августа с. г.).

«Мы приветствуем этих союзников, — заявил т. Биха, — уже служивших нашему делу немых писателей. И на широком пути развития эти старые бойцы опять идут впереди и помогают срывать маски с превратившихся в ловушки клеевых буржуазных...»

Драйзер еще не переступил окончательно. Его статьи в сборнике «Живые философии», в известной мере показывает, что он еще стоит на своих позициях философских позициях, своеобразного сочетания биологизма с социологией, фатализма с реализмом и материализмом. Но движение вперед начато решительно. Рвутся последние связи с буржуазным миром. Драйзер-художник сращивается с рабочим классом, занимает свое место в общей борьбе пролетариата. Новая среда заставляет читать великого писателя. Нужно Драйзера к революции еще ближе. Возможны ошибки. Возможны повороты. Но невозможен уже старый Теодор Драйзер: есть новый художник с новыми трудностями и новыми творческими победами.

С. ДИНАМОВ

руководить „не в общем и целом", а каждым кружком, каждым кружковцем в отдельности

в райбюро мапп

Допустимо ли, что в самом конце октября приходится говорить о подготовке к учебному году, которым должен был начаться в литорганизациях не позднее 1 октября? Остановка за небольшим: нет учебно-методических программ для литкружков.

Программы, о составлении которых говорят чуть ли не с начала августа, до сих пор не спущены в районы и головные литкружки Москвы.

В итоге литкружки до сих пор лишены необходимой основы для планомерной работы. Дело доходит до того, что отдельные райбюро — Краснопресненское, Свердловское, Бауманское составляют свои временные программы в ожидании обещаных.

Далеко неблагополучно обстоит и вопрос о руководстве литкружками.

Пролетарское райбюро МАПП объявило аспирантский общественно-показательным районом. Но что сделало руководство для того, чтобы Пролетарский район стал действительно показательным?

На трех самых литкружков, насчитывающих в Пролетарском районе только семь обеспечены руководами. Райбюро, объединяющее литкружки крупнейших московских предприятий — АМО, «Динамо», «Серп и молот», «Красный газ», «Шарикоподшипник» и др., не имеет в числе руководов ни одного человека из аппарата. Пригородный в прошлом «Заказ» (завод «Серп и молот») т. Тарасов-Родионов читает все время заводской кружок в предместьях Москвы. Но кружкам, обладающим таким крепким творческим активом, нужны квалифицированные творческие имена.

Прикрепленные к райбюро консультанты тт. Ермилов, Правдухин, Сергеичевский могли бы оказать очередную помощь кружкам, но с сожалению они еще не включились в работу.

Не лучше обстоит дело и в Бауманском районе, где имеется шесть обеспеченных кружков. Причина — недостаток кадров? Но ведь МАПП изыскивала все возможности?

Нет.

И уже одна из них месяца полтора назад обратилась в ФОСП с просьбой выделить группу писателей-консультантов для привлечения их к работе в кружках. ФОСП обещал выделить группу писателей. Но так по сие время и не выполнил. Почему же МАПП, испытывая такой острый недостаток в квалифицированных руководителях не проявила нужной настойчивости в этом вопросе? Ведь отсутствие руководства такого типа как литкружка, как и отсутствие программы

без пособий

Почти во всех кружках наблюдается одно и то же недостаток: нетождество со стороны партийной и профессиональной (кружки типографий «Искра революции» и завода «Латвия», обучающие костяка с многотиражной (кружки фабрики им. Маркова, «Красная звезда» и др.). Кроме того, повсюду остро стоит вопрос о методических пособиях. Почти нет кружков, создавших собственную библиотеку. В подавляющем большинстве случаев кружки пользуются книгами заводских библиотек, которые очень им мало удовлетворить их нужды, вследствие бедности методической литературы. Ведь, как правило, литкружки не принимают активного участия в комплектовании библиотеки, а потому не учтут с ней нехватки книг. Поэтому спешно и рядом литературу, необходимую для занятий кружка, доставляют часто случайным способом.

Необходимо, чтобы МАПП немедленно занялась всеми этими вопросами. Эта непосредственно должна оказать руководство всем районам, не ограничиваясь заседаниями

пленум правления лапп

ЛЕНИНГРАД, 25 (Наш корр.). Открылся пленум правления ЛАПП. Заседание доклад т. Ермилова о задачах ЛАПП в связи с итогами пленума РАПП.

Пленум продлится 5 дней.

Будут заслушаны доклады о ходе массовой проверки работы ЛАПП (ф. Ежевеки), о работе Выборгской и Московской районных АПП, доклады литкружков «Большевик», «Красного путиловца», «Красного треугольника», имени Марти и Северной судостроительной верфи. Кроме того на пленуме будет заслушан доклад о крестьянско-колхозной литературе.

требуем помощи!

ТЕЛЕГРАММА ИЗ ЛЕНИНГРАДА

В течение трех месяцев продолжается нетерпимая канитель с открытием писательской столовой в Ленинграде. Несмотря на содействие руководящих органов, исполнительные организации в лице ИВАНОВА Ген. КОЛЕСНИКОВА, ЗАХАРОВА и СОКОЛОВА недоступные и безответственно тормозят дело. Убедительно просим оказать срочное содействие, иначе пятнание писателей в эту зиму будет гораздо.

ЛОФОСП ВЕЛИКИН

против вредных „теориек"

без учебы нет мастерства

Движение ударников в пролетарскую литературу находится сейчас на таком этапе, когда творческие задачи, задачи учебы встают во весь рост. Если по своей роли в организации призванный ударник стал ведущей фигурой пролетарского литературного движения, то в творческом отношении этого еще нельзя сказать. Предстоит проделать большую работу, устранить большое наследство.

Интеллигентским самодурством было бы замалчивание задач и трудностей, вставших перед ударниками на пути их роста в подлинных художников пролетариата. Только правильно организованная организация, только замечательно четкие пути учебно-творческой работы, можно добиться положительных результатов.

Но неправильно также отрывать учебно-творческие задачи от литературно-политического роста ударников. Все еще мы уже имеем проявления такого рода тенденции. Утверждают, что призванному ударнику заниматься литературной политикой не след, что не его дело и (даже!) мешает его росту. Надо со всей решительностью разоблачать такого рода «старателей» за судьбу ударников.

С другой стороны не менее вредна теория «тихой гавани», имеющая довольно распространенное хождение в литературных кружках Москвы. Утверждают, что развертывание учебно-творческой работы в кружках освящает уход в «тихую гавань», что это есть бегство от действительности. Можно ли утверждать, что в практике мы не будем иметь таких фактов? Нет, нельзя. Такие факты возможны. Они будут по существу проявлениями влияний классово-враждебных реакционных сил. Но следует ли сейчас говорить о перенесении загоновского поворот ударников лицом к учебно-творческой работе, расценивать как уход в «тихую гавань». Безусловно, нет. Только люди, ничего не понимающие в содержании нового этапа работы с ударниками, могут утверждать это.

Московская ассоциация пролетарских писателей, реализуя решения сентябрьского пленума РАПП, вместила и проводит ряд мероприятий, могущих обеспечить более или менее удовлетворительные условия учебно-творческой работы ударников.

В этом плане большое место принадлежит открывшемуся 25 октября кабинету ударника МАПП.

Кабинет ударника будет центром учебно-творческой работы с ударниками. Здесь будет собрана хорошо подобранная библиотека, организовано консультирование специалистами, больница творчества, где товарищи не получение работать дома по личным бытовым условиям, найдут место и помощь. Будет развернута постоянная выставка со сменным материалом.

Помимо текущей работы на выставке создается уголок — «В творческой лаборатории писателя», где будет отражен процесс творчества отдельных словесников пролетарских писателей. Это особенно важно потому, что без передачи творческого опыта вышедшихся кадров пролетарских писателей говорить о темпах и соответствующем качестве их роста.

Сейчас же, к слову говоря, практическая помощь выдвинувшихся писательских кадров ударникам безусловно неудовлетворительна. Невзирая на решения пленумов РАПП, МАПП, указания секретариата МАПП по этому поводу — абсолютное большинство писателей ограничивается отговорками или невыполняемыми обещаниями.

До сих пор существует явная недооценка работы с призванными.

Видимо, напоминания о том, что решения пленума рассматривают такую практику, как правооппортунистическую, уже не являются действенными. Назревает вопрос о необходимости, как-то в общественном порядке навлекать на писателя из наиболее легких представителей правооппортунистической практики.

Кабинет ударника обязан втянуть писателей, и это составит одну из основных линий его работы.

С. КИРЬЯНОВ

в клубе фосп

открылся кабинет ударника

23 ОКТЯБРЯ в клубе ФОСП им. Горького открылся кабинет ударника. На открытии кабинета присутствовал актив рабочих-ударников, призванный в литературу, и работники МАПП.

Вступительное слово о задачах литучебе и работе кабинета ударника сказал т. КИРЬЯНОВ.

Б. КИРЕЕВ охарактеризовал предстоящую работу кабинета ударника, как работу учебно-творческого центра ударника, призванного в литературу.

При кабинете будет открыта специальная библиотека, в которой ударники начинающие рабочие писатели—найдут нужную им для учебы литературу. В библиотеке будет сконцентрирована фабрично-заводские газеты, литстраницы национальных кружков, получающих из всех периодических журналов СССР.

Постоянная выставка кабинета будет обслуживать кампании МАПП. Смотр литкружков, обследование творчества отдельных писателей, выпуски сборников произведений ударников, высылы на предприятия — вот это стоит перед выставкой ударника МАПП и массовые первоочередные задачи.

Кабинет ударника установит тесную связь с издательствами и редакциями и окажет им помощь и работе с начинающими писателей, в продвижении в печать их произведений. Особое внимание будет уделено работе с национальным автором.

Кабинет ударника помимо этого явится центральной литконсультацией, где будет сосредоточено руководство работой литконсультаций издательств и литгазет. Центральная литконсультация будет оказывать помощь редакторам литстраниц фабрично-заводских газет и литкружкам и составлении и выпуске сборников.

Вокруг кабинета ударника объединяются методические силы РАПП. Для этого кабинет через научно-методический центр МАПП связается с ЛИФ Комакадемии. Организ. КИЖ. Будет проведено рецензирование всех имеющихся пособий и литературы по теории и технике писательского труда.

В ближайшее время кабинет созовет первое совещание литконсультаций для обмена опытом работы.

Выступившие в прениях члены МАПП и рабочие-ударники: Б. ФРИДМАН, И. ГРОСМАН-РОШИН, ШНЕЕРОВ, ГРИШ, АСТАФЬЕВ, ГУТЕНБЕРГ, ЛЕОНОВСКИЙ, МЕЛЬЗАКИН и др. приветствовали открытие кабинета и внесли ряд конкретных предложений.

В рамках рабочих ударников литературу с членами секретариата МАПП

за ясность в дискуссии

«Комсомольская правда» поместила 24 октября редакционную статью под названием: «Еще одна попытка не допустить самокритику в РАПП». Статья эта является ответом на передовую статью в «Литературной газете» за 22 октября.

Основным положением ответа является протест против «подмены творческой дискуссии надуманным литературно-политическим спором». Такая подмена, по мнению «Комсомольской правды», производится «Литературной газетой» и «некоторыми безответственными элементами в рядах РАПП, зараженными беспринципной групповщиной». Если бы это было так, «Комсомольская правда» была бы если не полностью, то в основном права в своем протесте против передовой статьи «Литературной газеты».

Но в чем же, однако, шел и идет спор? «Литературная газета» 22 октября, дав определение содержания лозунга борьбы за большое большевистское искусство, указала на то, что «некоторые статьи, появившиеся за последнее время в «Комсомольской правде», выражают непонимание нового этапа в развитии пролетарской литературы, — этапа, определяемого борьбой за большое большевистское искусство». Мы указали на наиболее крупные из этих ошибок (смазывание ведущей роли мировоззрения, непонимание значения борьбы за идейно-художественное качество творческой продукции). Мы констатировали, что тем самым — «полемика развертывается... вокруг ряда основных положений, формулированных последним пленумом РАПП». Мы спрашиваем: где и когда мы упрекали «Комсомольскую правду» в неправильности ее литературной линии, где и когда мы противопоставляли ей «политические обвинения»?

Но может быть «Комсомольская правда» имеет в виду иные указания на литфронтовский характер ошибки, допущенных в некоторых печатавшихся ею статьях? Однако такое толкование возможно лишь в двух случаях: либо признается, что «Литфронт» был только литературно-политической организацией, либо между литературно-политическими и творческими взглядами «Литфронта» ставится знак равенства. Но и то и другое глубоко неверно. Сама «Комсомольская правда» в свое время указывала на неразрывную связь литературно-политических и творческих ошибок «Литфронта» и одновременно на недопустимость их отождествления. «Литфронтовщина» в своем существе глубоко враждебна основным принципам пролетарской литературы. Но ренегаты «литфронтовщины» возможны внутри РАПП в новых условиях, в новой обстановке, в новых формах проявления. Например, теория «утильсырья», или теория «двух струй», осужденная ныне ленинградской группой «Заказ», имеет явно литфронтовский характер. Значит ли это, что спор со сторонниками этих теорий имеет непосредственно литературно-политический характер? Нет. Но есть ли здесь опасность перехода творческих разногласий в литературно-политические? Да. Именно поэтому пленум правления РАПП, для того, чтобы эту опасность ликвидировать, подчеркнул указанные теории ренегатской критики.

Мы привели эти примеры для того, чтобы на них разъяснить «Комсомольской правде» путаность ее представлений о «литфронтовщине» и продолжаем ее просить культивировать дискуссию дискуссией литературно-политической. Но «Комсомольская правда» идет эти тенденции не там, где их нужно искать. А искать их нужно прежде всего в редакционной статье «Комсомольской правды» за 24 октября.

«Комсомольская правда» заявляет, что последние статьи в ней по вопросам пролетарской литературы были посвящены исключительно творческой дискуссии. И она же обвиняет ранапповскую группу комсомольских писателей «Молодая гвардия» в изготовлении «платформы, противопоставляющей «Комсомольской правде» комсомол». На каком основании? Очевидно на том, что «Молодая гвардия» не согласна с некоторыми статьями «Комсомольской правды» по творческим вопросам. Но ведь эти статьи посвящены вопросам творческой дискуссии и выражают точку зрения одного из творческих направлений внутри РАПП? Тогда почему же и с каких пор для комсомольских писателей является обязательной поддержка одного из творческих направлений? Не правильнее ли будет, если «Комсомольская правда» превратится самой себе обвиняя в «зажиме самокритики», «в бюрократизме», в «администрировании» и пр.? Характеризуя платформу «Молодой гвардии», «Комсомольская правда» обвиняет ее с «антипартийными тенденциями». Такое обвинение не является даже литературно-политическим, оно является партийно-политическим обвинением. Мы не брали под защиту дискуссионную платформу «Молодой гвардии» в целом. но мы берем ее, эту группу, работающую на основе линии РАПП, под решительную и категорическую защиту против тех недопустимых обвинений, которые выдвигает против нее «Комсомольская правда». Вот о чем идет речь. Вот кто выдвигает в творческой дискуссии прямые политические обвинения против комсомольцев по творческим вопросам. Вот кто — как оказывается — объективно препятствует развертыванию творческой дискуссии в РАПП.

Редакционная статья «Комсомольской правды» носит название: «Еще одна попытка не допустить самокритику в РАПП». Это название в самом себе содержит прямое литературно-политическое обвинение против руководства РАПП (которое дипломатически определяется как «некоторые безответственные элементы»). До сих пор «Комсомольская правда» говорила о слабом и недостаточном развертывании самокритики в РАПП. Теперь она заявляет, о том, что в РАПП самокритика не допускается, противопоставляя руководство РАПП всей РАПП. Есть ли это прямое (пусть явно неверное и голословное) литературно-политическое обвинение? Двух ответов тут быть не может.

«Комсомольская правда» признала правильной нашу постановку вопроса о главной опасности в пролетарской литературе («непонимание (или недостаточное понимание) партийности в литературе, непонимание качественного отличия самого типа пролетарского искусства от искусства других классов»). Но «Комсомольская правда» ничего не сказала о том, согласна ли она с нами в необходимости «борьбы с упрощательством, вульгаризацией и ликвидаторством» сегодня, — несмотря на то что передовая «Литгазеты» ясно указывала на наиболее именно по этой линии ошибок в статьях (Осипова, Мечедева, Вонсяцкого, Меклина), помещавшихся в «Комсомольской правде». Не все из названных товарищей в прошлом году печатались «Литфронте». Но все они сейчас являют ошибки литфронтовского характера. Вина газеты здесь не в давлении на пролетарской литературе, не в давлении на его элементов внутреннего попутничества, а в напостовских высказываниях ряда товарищей, в обойти молчанием такое указание на вторую опасность, «Комсомольская правда» тем самым подтвердила правильность нашей критики ошибок, допущенных в некоторых ее частностях, в названных нами» положениях по статьях.

«Комсомольская правда» заявляет о своем желании выступать в дискуссии с «полным единодушием со всем пролетарским литературным движением». Но это желание остается фразой до тех пор, пока «Комсомольская правда» не перестанет подменять творческую дискуссию надуманным литературно-политическим спором, канонизировать эту группу пролетарских писателей, противопоставляя ее всей остальной массе пролетарских писателей, и заявить о том, что в РАПП самокритика не допускается.

Мы за комсомольскую самокритику. После выступления т. Косарева на пленуме ЦК ВЛКСМ с критикой РАПП за явно недостаточное внимание, уделяемое РАПП работе с комсомолом, «Литгазета» неоднократно опубликовала редакционную статью (не напечатанную одновременно в «Комсомольской правде»), в которой полностью солидаризировалась с речью т. Косарева. С тех пор «Литературная газета» регулярно (в ряде статей, заметок и пр.) проводила кампанию за поворот РАПП лицом к комсомолу. Мы и теперь считаем, что РАПП нуждается в решительной самокритике за слабую связь и слабую работу с комсомолом. Нам необходима активнейшая помощь комсомола не только в этой, но и во всех областях нашей работы (поэтому неправильно делает «Комсом. правда», отмахиваясь от основных вопросов классовой борьбы на всем литературном фронте, ссылаясь на то, что она участвует не отмежевать увлекаться вопросами «Литературной газеты»).

У нас нет никаких оснований сомневаться в том что необходимая организаторская связь в работе комсомола и РАПП будет осуществлена — в частности при содействии «Комсомольской правды». Что же для этого нужно? Нужно, во-первых, чтобы «Комсомольская правда» перестала исповедовать, прекратила попытки администрирования в творческой дискуссии. Нужно во-вторых, чтобы были сняты все принципиальные вопросами творческой дискуссии партии, и сама дискуссия была поднята на необходимую принципиальную высоту.

творческая дискуссия вссп в ленинграде

какая книжка нужна детям

от нашего корреспондента

Третий тур творческой дискуссии в ленинградской организации ВССП — дискуссия о детской литературе. Начался третий тур докладом Е. Данько.

Е. Данько делает экскурсию в прошлое детской литературы. Она указывает, что в дореволюционной России детской литературы никогда не существовало, были лишь дурные традиции лубочных книг. Книги уводили ребенка в мир мистических созерцаний и бредовых иллюзий, отделенных от реального мира толстой стеной идеалистических условностей. Вопросы социального воспитания детской литературы стали во всю ширь только после Октября.

В. Маяковский, Н. Тихонов, Е. Полонская, И. Груздев и др.—авторы детских книжек первых лет. И в этих книжках была твердая установка на ребенка. Правда, это не был еще адрес ребенка пролетарского, но результаты этой установки несомненны. Выработался, например, простой и точный язык, выработалось умение конкретизировать понятие, сообщать те или иные сведения, скажем, научные сведения в ярких образах и красках. Вторая особенность советской детской литературы — это познавательная установка, создание книги на тем областям знания. Третья особенность — работа над жанрами для детей самых, особенно сказавшихся в творчестве Маршака, Житкова и др.

Но эта линия развития попутнической детской литературы не была общей линией для всей продукции детских писателей.

Крупной фигурой первых лет в детской литературе является К. Чуковский, книги которого показали всем формальную качественную литературного произведения. Для творчества К. Чуковского характерно умерщвление специфического мира ребенка, отрешенного от мира взрослых. Чуковский писал не языку буржуазной детской. Описку Чуковского — стилка на биологизм — повторила в той или иной мере детская попутническая литература.

Задача детской книги, как фактора воспитания мировоззрения, отходит на задний план. Главное для писателя — рассказать литературный вкус, литературное чутье. Литературное качество тянет классовую направленность.

Тот же «общечеловеческий» характер носила «познавательная» литература. Вместо умения заинтересовывать читателя производством, техникой, научным исследованием, по классовой направленность производства, науки, техники, их роль в нашем строительстве — оставались непонятными (например, книга о Волховстрое «Река в упряжке», выходная под редакцией Б. Житкова, книга Ильина «Как автомобиль учился ходить» и др.).

Первым шагом перестройки был не-

реход попутчиков на темы, близкие к социалистическому строительству. Число мировоззренческих, проблемных книг сразу увеличилось. Но выбор тем еще не решает вопроса. «Обогатившееся» рассмотрение явлений ведет к ложному разрешению поставленных задач. Е. Данько иллюстрирует этот тезис творчеством ряда писателей. Она подробно разбирает, например, творчество плодовитой писательницы О. Гурьян. В частности она останавливается на книге Гурьян и Коваленского «Октябренок первый», в свое время принятой многими, как достижение в советской литературе. Но достаточно более внимательно вглядеться в содержание этой книги, чтобы увидеть в ее героях добродетельных «маленьких Сюзаан» из старых французских хрестоматий.

Продолжая разбор крупнейших произведений детской литературы последних лет, К. Данько приводит как пример перестройки книгу Будогорской «Санитарка», книгу Кожевникова «Демину Пашницу» и, наконец, «Рассказ о великом плане».

Близко от «Рассказа о великом плане» стоит «Борьба с Днепром» С. Маршака. Е. Данько возражает против «приятных разговоров» о том, что «Рассказ о великом плане» и «Бойцу с Днепра» можно было бы написать и на Западе, и она так же звучали бы, как гимн технике. По мнению Е. Данько, пафос не может опуститься на Западе, где капиталистический мир накануне своей гибели и лицемерия царит в умах, в литературе, в детской книге. Докладчик полемизирует затем с т. Карповой, которая в статье о С. Маршаке признает только формальное мастерство этого писателя. Творчество С. Маршака — считает Е. Данько, — всегда находилось на передовой линии попутнической литературы.

**
*

Прения по докладу открываются выступлением Мих. Чумандрина. Крупной ошибкой Е. Данько он считает отсутствие критики собственных вчерашних установок докладчика. Недостаточен удар направо. Об одной из разобранных книг Данько, например, заявляет, что книжка «блестящая», что образы великолепны, но что автор совершил ошибку, доказавшись до аналогии кулака. Ничего себе «ошибочка»!.. Для зачисления в революционные писатели недостаточно одного эмоционального восприятия действительности.

Книгой, вокруг которой должна развернуться дискуссия, по мнению М. Чумандрина, — «Рассказ о великом плане» Ильина. Эта книга в значительной степени живет под знаком беспартийного отражательства линию строительства. Эта «беспартийность» еще в худшем виде скатывается за творчество других писателей. Например строительство Турксиба, описанное Полянской («Поезд в Бизанкасай»), заканчивает «Железную дорогу» Некрасова.

— Сегодня С. Маршак, Ильин, — заканчивает М. Чумандрин. — ведущие писатели для тех, которые не поспевают за ними. Но если они несомненно близкие нам попутчики, то такие писатели, как Введенский, Хармс и другие, — цели, приведшие с буржуазных позиций и отживающиеся в детской литературе. Е. Данько многим резала уже «марксистские дипломы», которые они не оправдывают в творческой практике.

**
*

Доклад т. Т. Богдановича был посвящен «Теме строительства в детской литературе». Но докладчик справился с этой темой в такой же мере, как и детская литература.

Т. Богданович еще в большей мере, чем первый докладчик скользила по поверхности. Так, верно отметив т. Серебряников.

Серебряников подчеркивает, что главная опасность в детской литературе — это описность «общечеловеческого гуманизма», уводящего от классовой действительности. Этим грозом занимаются «научные книжки» Житкова, Хармса, Ивина, Гернета, научность которых пытались защищать Богданович.

Не только в научности засадил Ильина. Путь Ильина — это путь лучшей части технической интеллигенции в литературе. Ильин пришел к социализму. И мы вправе требовать сейчас от Ильина книжки о второй пятилетке, как будут устранены недочеты «Рассказа о великом плане». Разбирая детские технические книжки, т. Серебряников относит таких авторов, как В. Житков, к правому крылу детской попутнической литературы. Анализируя творчество Житкова, он приходит к выводу, что этот писатель... боится техники. Основная тема творчества Житкова — это гибель корабля, гибель аэроплана, авария дирижабля, подводной лодки. Безысходность пронизывает все эти книги.

По продовольственной книжке остановился следующий оратор, т. Гроденский. Считая этот разрез одним из важнейших в детской литературе, т. Гроденский разоблачает псевдо-научность материала целого ряда книг. У Незнамова, например, «Бабочки пожирают крошки в домойках (!) лучше санитаров». Но разобрав интересные примеры научной безграмотности, т. Гроденский ничего не сказал о том, что все эти «букашки-таракашки» часто оказываются проводниками враждебной идеологии.

— Когда писатель говорит о перестройке, — заявляет Ольга Бергольц, — он должен отмежеваться от прошлых своих ошибок. Этой отмежевки нет в докладе Данько, которая считает, например, положительной роль выпущенного сборника о детской литературе. Между тем в ряде статей этой книги дегустало идея защиты буржуазных методов и буржуазных традиций (статья Бухштаба), панегирики Житкову (статья Причаловой). Эта книга полна рецептов приспособленчества. В большинстве статей она — из вредных формалистских позиций. В этой книге участвуют и напостовцы, но надо признать, что детская секция ЛАПП еще не является ведущим отрядом в детской литературе.

Писатель и теоретик Бухштаб не понимает своих ошибок. Бухштаб возражает против критики Бергольц, ибо статья написана два года назад (сборник издан в 1931 году. Б. Р.) и в ней имеются лишь некоторые следы недавнего формализма». Но дальнейшие высказывания Бухштаба подтверждают его «органическую пораженность формализмом».

Третий пункт дискуссии заканчивается выступлением т. Западова. Он отмечает низкий уровень докладов и прений. Поношения правое крыло детской попутнической литературы творчеством Лесника, чающею будет помещичьей идеологии (заболание природой, охотой, преувеличение трудом). Западов разоблачает и левое крыло. К нему он относит творчество Пантелеева, Бенных, Лесника, Богданович и др.

Выступавший на последнем собрании т. Василевский пытался утвердить в отношении детской книги лозунг «хорошее, да свое», как «отличающий боевой лозунг напостовства». Это выступление лишний раз подчеркнуло низкий теоретический уровень, характерный для всей дискуссии.

В ответ на критику сборника о детской литературе, данную М. Чумандриным, О. Бергольц и др. ораторами, выступила некоторые авторы сборника. Богданович сообщила, что она не придает большого значения публичным признаниям, а Пришвина откровенно заявила о своем отказе от покаяния в старых ошибках. Е. Данько также больше критиковала своих критиков, чем свои прошлые ошибки.

Первый этап творческой дискуссии закончен. К активному участию в дискуссии основные кадры детской попутнической литературы привлечены не были. Дискуссия сползла скорее к библиографическим отзывам и редакторским замечаниям, чем к постановке творческих проблем перестройки детской попутнической литературы.

Б. РЕСТ

О партийно-политическом воспитании рапповских кадров*

доклад л. авербаха

на заседании секретариата рапп 25 октября

За воспитание новых кадров

Внимание, которое РАПП уделяется вопросам литературно-политического воспитания, недостаточно.

В борьбе против Вардина, Леонтьева, Безыменского, в дискуссии 1926 г., мы отстаивали ту точку зрения, что наша организация должна быть более близкой к типу профсоюзной организации, чем к типу организаций партийного характера. Под этим углом зрения нужно осмотреть сейчас на работу нашей организации,— насколько она в системе всех других рабочих организаций своеобразно выполняет функцию «школы коммунизма».

РАПП вырастал в борьбе с литературным троцкизмом, с воронщиной, с бухаринской школой, с Леонтьевым и Вардиным, с «Литфронтом». Рядовые пролетарские товарищи рассматривали эту борьбу как литературную склоку. Сегодня же каждому ясен идейный смысл и партийно-политическая направленность этих столкновений. Во всех наиболее важных дискуссиях мы отстаивали линию, соответствующую общепартийной линии. Все это прекратило нас сейчас в оборону нашли за литературном фронте, все это выдвинет перед нами задачи усиления партийно-политической воспитательной работы — и в то же время требует изменения форм и методов нашего руководства.

Мы неоднократно говорили о трудностях перехода от положения кружка к положению руководства широким литературным движением, но еще не все выводы отсюда сделаны.

Наше движение — за последние годы в особенности — очень сильно выросло вширь. Нужно при этом обеспечить нашему подлинный рост вглубь. Достаточно ли он у нас? Нет, он недостаточен.

Речь идет не только о повышении творческого уровня всех наших кадров на основе участия в практике классовой борьбы,— рост движения вглубь означает и повышение требований к пролетарской литературе в соответствии с новыми, более трудными задачами классовой борьбы.

Первая часть задачи заключается в том, чтобы на кружках, на активах, во всех наших организациях гораздо чаще и глубже ставить партийно-политические вопросы, организовать учебу наших кадров у Маркса, Ленина и Сталина.

Вторая часть задачи (с моей точки зрения — наиболее важная, потому что наиболее трудная) заключается в углублении политического осмысливания нашей работы, под углом зрения борьбы наших против всех ее врагов.

Сейчас организация обновилась. Рапповцы призыва даже 1929 года — это незначительное меньшинство в организации. Организация на девять десятых состоит из новых людей. Новые рабочие кадры приходят после больших побед РАПП, на основе крупнейших достижений пролетарской литературы, не порывая корешков связи с рабочим классом, не уходя с производства, демонстрируя самым фактом своего прихода начало смены «вида духовного производства», о чем говорил Маркс. Но нужно учесть, что они приходят с малыми знаниями области литературы, со смутным представлением о ее специфике и об опыте предшествующей борьбы за пролетарскую литературу. Даже о «Литфронте» многие из них знают только по названию.

А в то же время в среде новых кадров мы сталкиваемся еще с проявлениями мелкобуржуазной молодежи, которая, проработав год-два на заводе и найдя потом в литературное движение, проносит нежелание осознать трудности литературной работы. Среди них-то мы и встречаем элементы социальной демагогии, которыми живет, литфронтовщина, которыми живет, которые эксплуатирует и выражает Медведев.

За оздоровление литературной среды

Мы делаем сейчас упор на борьбе с комчванством. При этом и при атаке против комчванства учебой мы сталкиваемся иногда с настроениями известной успокоенности на имеющихся достижениях, с чванством и самодовольством.

Тов. Косарев говоря в своей речи на пленуме ЦК ВЛКСМ о том, что наши пролетарские писатели начинают задеть и за живое и в своих товарищах классовое, в числе примеров, которые тогда вторым секретарем РАПП, выступая в 1930 году от имени секретариата РАПП программу для литкружков. В разделе «творческий метод пролетарской литературы» чрезвычайно интересным являются два пункта, которые я вам напомню:

«Творческий метод в связи с опытом прошлого исторического развития пролетарской литературы (Д. Бедный, Серафимович, Фурманов, Фадеев, Либединский, Безыменский).

«Друзья» Панферова как наиболее яркое приближение к творческому методу пролетарской литературы».

Тут М. Горький вовсе не упоминается, а Д. Бедному, Либединскому, Безыменскому, Фадееву как прошлому пролетарской литературы противопоставляются «Бруски» Панферова. Это есть не что иное, как попытка канонизировать творческие установки одного писателя в противовес опыту всей пролетарской литературы. Такие случаи бывают неоднократно. Поэтому, когда товарищ Косарев говорит относительно попыток создания из пролетарских писателей «классиков», то я приветствую это выступление. Весь комсомол, в духе большевистской самокритики, исходящей из знания существа дела, на основе документов, на основе материалов, на основе чтения произведений, подойдет и уже подходит к нашим делам — и это может оздоровить литературные нравы.

Такие «классические» настроения идут вразрез с развертыванием творческой дискуссии. Можно привести десятки примеров того, как малейшая попытка критиковать того или иного товарища воспринимается в плане личной обиды, организационных мероприятий, «тактического маневра» и всего прочего, на придумывание чего горазды обиженные.

Мы под творческой дискуссией понимаем в числе прочего коллективную самокритику всех пролетарских писателей. Творческая дискуссия и коллективная самокритика в этом плане взаимосвязаны. Что значит — в каких условиях — **правильно развернуть творческую дискуссию? Это значит — возглавить повышение требований пролетариата к своей литературе.** Такое повышение связано с общим повышением культурного уровня трудящихся масс и успехами социализма.

Грех нашей творческой дискуссии состоит в том, что мы со всем пылом сравнительно небольшим количестве произведений, не приводили к обсуждению огромной массы произведений в наших пролетарских, которые уже сейчас имеются и с которыми мы еще плохо и мало работаем. Мы должны, борясь с предрассудками отстаивать, **осмысливать весь творческий опыт нашего движения.** При этом, чтобы понять изменение тенденции пролетарской литературы, нужно осмыслить весь прошлый опыт, с новыми критериями пересмотреть его.

Развертывание творческой дискуссии включает в себя преодоление и ломку навыков старой литературной среды. Тов. Косарев этому вопросу в своей речи на пленуме ЦК ВЛКСМ уделил большое внимание — и бы сказал непропорционально большое по сравнению с непосредственными творческими задачами пролетлитературы, вопросом о герое нашего времени и литературе. Его мысли по вопросу о «герое» правильны и совпадают с нашими установками, которые мы давали в более развернутом виде с указанием литературного материала и определением всех искажающих тенденций. Совершенно прав т. Косарев и комсомол в целом, указывая на плохое положение с комсомольской тематикой и показом молодого строителя социализма — молодого рабочего-ударника. **Этот счет комсомола к пролетарской литературе мы всячески приветствуем и принимаем.**

Наиболее работать **группа «Молодая гвардия»** должна особое внимание обратить на немедленную разработку ряда мероприятий по работе РАПП в этом отношении.

У т. Косарева при правильных указаниях на бесперспективность и групповщину, на кичливость, на обывательщину и мещанство в литературной среде было недостаточно указаний на то, что в пролетлитературной среде имеет место не только бесперспективная групповщина, не только драка тех или иных самолюбий; все это есть, но все это является наносным, и нужно уметь за всем этим найти основную линию; нужно уметь отметая шелуху склоки, найти принципиальное содержание. Мы бы могли напомнить т. Косареву, что когда было в прошлом проходили идейные принципиальные размежевания в среде комсомола, то некоторые товарищи со стороны говорили: «Вы мальчишки, вы просто не можете договориться между собой, не можете по-настоящему работать, это все чепуха», мы только деретесь между собой, «власти не щелкали» и пр. Тов. Косарев в отношении нашей организации поставил себя в положение людей, говорящих все эти слова о комсомоле в период серьезных дискуссий в его среде.

Нужно понять разный характер критики литературной среды. **Критика тов. Косарева исходит из правильных предпосылок и помогает исправлению имеющихся недостатков; но было бы полезно, чтобы все товарищи, разоблачающие в литературной среде, учли, что эту среду критикуют по-разному.** Некоторые критикуют в целях борьбы за принципиальность, другие же критикуют литературу лишь для прикрытия нечистых дел: «Черт их знает, все литераторы,— значит, наверное склока»; третьи критикуют, не желая вовсе быть принципиальными («у нас все такие»), ругательствами по адресу литераторов хотят оправдать свою собственную беспринципиальность. Некоторые же критикуют для того, чтобы зарядом скорочитки характер критики, который направляется против них самих.

О содержании и качестве самокритики

Как же обстоит дело у нас в РАПП с самокритикой? Нельзя ли в целом партийно-политическом воспитании говорить, отрываясь от самокритики.

Мы знаем, как 27 октября «Комсомольская правда», оценивая положение с самокритикой в РАПП. Заголовок редакционной статьи об этом был дан такой: «Еще одна попытка не допустить самокритику в РАПП».

Тут речь идет даже не о зажиме самокритики, а о том, что вообще нет никакой самокритики. Я должен сказать, что эта оценка характеризует не наличие самокритики в РАПП, а тот безответственный тон, которым взяла «Комсомольская правда» в этом вопросе.

Происходит ли в РАПП развертывание самокритики, или свертывание, или ее вовсе нет? Без тов. поставить вопрос, то мне кажется, что мы с **полным основанием, ни в малой мере не преувеличивая, не говоря, что дело обстоит хорошо (дело далеко не обстоит хорошо),— можем сказать, что у нас самокритика развертывается.** Это происходит еще очень недостаточно, она занимает **недостаточное** место во всей системе и навыках нашей работы, но линия нашего движения не на свертывание и зажим, а на развертывание самокритики. И это не декларация, а реализующаяся на практике линия.

Возьмите критику произведений писателей. Мы говорим о недостаточности конкретной критики — это правильно, но мы на деле и здесь за последнее время двинулись вперед. Появилось большое количество конкретных критических статей, большое количество произведений взято в проработку. Идет дискуссия вокруг Митрофанова, Ленина, вокруг фадеевского «Удэге». Идет обсуждение творческих работ ударников.

Мы заняты сегодняшними вопросами, разрешением новых задач. Верно, что не удалось достаточного внимания тому, чтобы весь опыт прошлой работы пересмотреть под углом зрения отношения имеющихся ошибок, под углом того, чтобы научить наши кадры не делать этих ошибок. Мы не отрицаем, что на наше движение оказывала известное влияние деборинская школа. Но указание мне хоть одну отрасль идеологической работы, где бы не было в какой-то степени влияния деборинской школы. Нужно указать, что мы все время дрались с деборинщиной по вопросам культурной революции — **возьмите** статьи о взглядах Ионова, Луппола, Воронщикова, которые редактировались или, во всяком случае, санкционировались самим Деборином. Нам нужно, главным образом, ясно поставить вопрос на счет деборинского типа ошибок, которые бывали и у меня и у Фадеева, Либединского и у ряда других товарищей. Эти ошибки нужно исправить, но они совершались в процессе нашего движения, роста теоретической мысли нашего движения. Людей безгрешных нет, ясное дело сопровождается ошибками и указания на наши ошибки нас не обижают. Но этот вопрос нужно проработать гораздо более организованно, не в порядке выпячивания отдельных цитат, как это делает Рожков или Медведев (хотя Медведев и этого не может сделать). Нужно осмыслить нашу пропущую работу не по «приват-доцентски», а в связи с творческой практикой пролетлитературы, в тесной связи с ней. Всякая помощь, которая будет нам оказана, в частности и в особенности со стороны нового философского руководства, не вызовет с нашей стороны ни-

Мы не выдвигаем обвинения в боязни и в нелюбви самокритики по адресу комсомола,— мы знаем, что линия ленинского комсомола правильна вообще, и в частности в области литературы. Это вещи всем известные. Но мы имеем полное право критиковать те или иные ошибки в практике проведения правильной литературно-политической линии комсомола.

Чтобы поднять самокритику и углубить ее, нужно подойти ко всему этому под углом зрения партийно-политических задач. Активизация нашей литературно-политической работы есть одно из важнейших, серьезнейших условий партийно-политической воспитательной работы.

Некоторые говорят: РАПП не партия и поэтому там может быть кто угодно. Кто угодно может стоять на какой угодно точке зрения и все могут быть приняты в РАПП, но РАПП хотя и не партия, но и не литературный АХР. Тот, кто проголосует за платформу Воронского, Горбова, Полонского — в РАПП мы будем считать нарушителями нашего единого и литературно-политической фракционности (по нелепой линии он был солидарен с блоком Сырцова-Ломинадзе), но и не роем пропасти между ними.

— Возьмем теорию «Двух струй». Сколько товарищей говорило: «Ах, какая неприемлемость, ах, зачем так резко высказал! Это — личный зажим творческой дискуссии» и проч. А кто оказался прав? Мы. Именно потому, что мы резко, с принципиальной непримиримостью подошли к вопросу о содержании этой теории — именно потому ее защитники так быстро и с ясной полной для всей пролетарской литературы от нее отказались и признали ее литфронтовский характер. Вот поэтому такое грубое дело совершали те, кто отмахивался по поводу этой теории. Но за поддержку теории «Двух струй» мы никого не выдвигали товарищей за нашего движения.

При том, что главной опасностью является воронщина, переоценщина, формализм неизбежны и реальны литфронтовщина, если под борьбой с литфронтовщиной мы будем понимать длительную борьбу по линии творческих указаний и лозунгов, а нужно сказать, что быть сторонником творческих лозунгов «Литфронта» вовсе не значит находиться в партийно-политическом плане.

Когда тот или иной творческий лозунг «Комсомольская правда» от имени комсомола объявит сравнительным или направильным, когда в редакционной статье «Комсомольской правды» объявляется, что т. Фадеев «механистический субъективист», то это есть **зажим творческой дискуссии.** Некоторые товарищи доходят до того, что заявляют: «Если вы критикуете то или иные статьи «Комсомольской правды», значит, вы критикуете комсомол, значит вы критикуете Центральный комитет комсомола, значит вы нападаете на пятимиллионный ленинский комсомол, значит вы нападаете на партию, поскольку партия руководит комсомолом». Вопрос, какого рода такая «критика». Вместо недопустимо резкий тон некоторых статей «Комсомольской правды», поэтому что мы можем поспорить, но ведь все равно должны дружно работать, так как разных линий у нас нет.

Мы занимаем упрек в недостаточной самокритике и не «обижаемся» на то, что комсомол критикует РАПП. Мы рядовые организации, и не предполагаем критиковать комсомол по линии комсомольской работы, мы за то, чтобы комсомол нас критиковать нас и нашу работу, но со своей стороны критиковать те или иные ошибки в «Комсомольской правде» мы обязаны.

Речь идет не о линии комсомола. Линия ЦК комсомола правильная. Линия «Комсомольской правды» в основном правильная. Речь идет об ошибках, которые имеются в «Комсомольской правде» и которые были в некоторых органах комсомольской печати.

Ленинградская «Смена» в прошлом году вела антипролетарскую политику. Тифлисская газета «Молодой рабочий» также вела литфронтовскую линию. Вот о чем идет речь.

У нас в движении сейчас, иной раз стихийно, идет культурный литфронтовщина, происходящая от недооценки специфики искусства, идет она по различным линиям — и еще долго будет шагать. (На фронте исторической науки, кстати, тоже был особый «литфронт», находились люди, которые — по сути дела — отрицали необходимость истории как науки, сводя все только к текущему моменту.)

Все это являются факторами роста, родителями развития движения вширь. Все эти трудности преодолеваются в самом процессе роста. С неизбежной трудностей учебы, с успокоением на достигнутых мы еще будем сталкиваться. Дискуссия с некоторыми статьями «Комсомольской правды» поможет нам осознать и углубить борьбу по линии творческих лозунгов. **Заканчивая старую дискуссию, мы сейчас начинаем новую,** перед нами встают новые творческие вопросы.

Развитие пролетлитературы, естественный процесс размежевки, творческая дискуссия, выявляет ущербность отдельных писателей, приводит к возникновению новых творческих направлений и новых вопросов, за которых всем нам нужно учиться. Чем больше будет таких дискуссий, тем лучше. Но чем больше будут те или иные группы на сообщений литературной политики и тактики сорвать от движения то или иное свое явление, тем хуже. Почему внутри РАПП не может быть творческой группировки, которая ставит себе задачей вскрытие явного положительного фейербахианства» Фадеева? Почему об этом нельзя говорить на любой литературной творческой дискуссии? Ведь у нас идет дискуссия, и товарищи, высказывающие различные взгляды, тоже имеют для товарищеских споров. Но когда тот или иной товарищ стоит на такой-то точке зрения, то не высказывает ее, то это-то и создает неправильную обстановку.

Тов. Косарев употребил выражение: «из рапповцев сделать большевиков». Увы есть в РАПП очень много товарищей, которые не являются большевиками. Мы дали лозунг большевизации пролетлитературы, но **этот лозунг в формулировке т. Косарева является грубым, явно вредным, незаслуженным выпадом против нас.**

Да, мы из рапповцев хотим делать и будем делать настоящих большевиков, будем драться за то, чтобы работа каждого большевика, который имеется в РАПП, была бы такой партийно-политической воспитательной работой, которая бы укрепила его как большевика и воспитывала в борьбе со всякими отклонениями от генеральной линии партии против оппортунистов всех мастей, мы за то, чтобы ставить вопрос об усилении партийно-политической воспитательной работы, чтобы быстрее шли темпы большевизации пролетлитературы, чтобы кадры наши скорее из беспартийных становились комсомольцами или партийцами, из комсомольцев,— кандидатами партии, из кандидатов партии — членами партии, чтобы все наше движение по-большевистски работало, по-большевистски воспитывало кадры. Но мы и не рое проводить между литературно-политической и творческой линией. Когда речь идет об усилении партийно-политической работы, мы должны учить наши кадры, чтобы к творческим лозунгам они подходили с политическими критериями.

Тов. Киршон в «Правде» защищает следующие, совершенно правильные мысли «Именно в этом смысл его протеста против художественного натурализма, происходящая от недооценки специфики искусства, пред она из различными линиями — и еще долго будет шагать. (На фронте исторической науки, кстати, тоже был особый «литфронт», находились люди, которые — по сути дела — отрицали необходимость истории как науки, сводя все только к текущему моменту.)

Все это являются факторами роста, родителями развития движения вширь. Все эти трудности преодолеваются в самом процессе роста. С неизбежной трудностей учебы, с успокоением на достигнутых мы еще будем сталкиваться. Дискуссия с некоторыми статьями «Комсомольской правды» поможет нам осознать и углубить борьбу по линии творческих лозунгов. **Заканчивая старую дискуссию, мы сейчас начинаем новую,** перед нами встают новые творческие вопросы.

Развитие пролетлитературы, естественный процесс размежевки, творческая дискуссия, выявляет ущербность отдельных писателей, приводит к возникновению новых творческих направлений и новых вопросов, за которых всем нам нужно учиться. Чем больше будет таких дискуссий, тем лучше. Но чем больше будут те или иные группы на сообщений литературной политики и тактики сорвать от движения то или иное свое явление, тем хуже. Почему внутри РАПП не может быть творческой группировки, которая ставит себе задачей вскрытие явного положительного фейербахианства» Фадеева? Почему об этом нельзя говорить на любой литературной творческой дискуссии? Ведь у нас идет дискуссия, и товарищи, высказывающие различные взгляды, тоже имеют для товарищеских споров. Но когда тот или иной товарищ стоит на такой-то точке зрения, то не высказывает ее, то это-то и создает неправильную обстановку.

Тов. Косарев употребил выражение: «из рапповцев сделать большевиков». Увы есть в РАПП очень много товарищей, которые не являются большевиками. Мы дали лозунг большевизации пролетлитературы, но **этот лозунг в формулировке т. Косарева является грубым, явно вредным, незаслуженным выпадом против нас.**

Да, мы из рапповцев хотим делать и будем делать настоящих большевиков, будем драться за то, чтобы работа каждого большевика, который имеется в РАПП, была бы такой партийно-политической воспитательной работой, которая бы укрепила его как большевика и воспитывала в борьбе со всякими отклонениями от генеральной линии партии против оппортунистов всех мастей, мы за то, чтобы ставить вопрос об усилении партийно-политической воспитательной работы, чтобы быстрее шли темпы большевизации пролетлитературы, чтобы кадры наши скорее из беспартийных становились комсомольцами или партийцами, из комсомольцев,— кандидатами партии, из кандидатов партии — членами партии, чтобы все наше движение по-большевистски работало, по-большевистски воспитывало кадры. Но мы и не рое проводить между литературно-политической и творческой линией. Когда речь идет об усилении партийно-политической работы, мы должны учить наши кадры, чтобы к творческим лозунгам они подходили с политическими критериями.

Тов. Киршон в «Правде» защищает,

В. ЗАЛЕССКИЙ

ГУГЕНОТ ИЗ ТЕРИБЕРКИ НА ФРОНТАХ ПЯТИЛЕТКИ

О ПОВЕСТИ В. ПРАВДУХИНА

«Земля наша теперь совсем неплодной станет. Лно у моря по всему побережью нарушено, травы с корня стрижуты — чем рыбе жить? А эта сволочь, травлер, бела чистая. Всю рыбу шерстуем дубят, не выросшую! Не стесь хлаживают, столь загублиают. Не стало ни зубешай, ни кулебной рыбы-то... Отневался бог на всеодолимых упрелителей. И старяются они, и корабли строят, и людей стоимют на берегу со всех концов России, а рыбы нет и нет. Сказано и писанно: «Погиль люди есль будут перед последним днем своим».

Так рассуждала Февронья Ивановна, дочь Устиньи Редькиной, первой поселенки на Мурманском берегу, в тот момент, когда «Гугенот из Териберки», Николай Николаевич Лилье, находился на смертном одре.

Но оставим слепую, выжившую из ума старуху, посмотрим, как рассуждали и думали зрячие, находившиеся в здравом уме, рыбаки из Териберки в осеннюю путину 1930 года.

В этот год, по свидетельству автора, **«рыба не шла к берегам, качуя в невсдомых просторах океана».**

Так что же тогда говорили? А вот что:

«Ну да, — думал с пятуго промышленник Егор Куимов: — идет борьба не на живот, а на смерть. Взяли за глотку мужика крепко, грушобик сто но как!— некуда ему полаться. Многие хотят перечтитуться в стан врагов. А те, посиная, строят общественные заики, моторные боты, мастерские, морозилки для наживки. В Мурманске растет число трауперов. Железные дороги бегут и глубь, в тундру. Появился порт, новые верфи. На полях родится каждый день новые фабрики, заводы, совхозы, электростанции, радио. Странно случаг колесный трактором. Рауг землю поносэд. Железо, сталь и корне глушит живое, природное, машины ЛУШАТ кустарный промысел, которым жили отцы. Сколько соблазнов, дьявольских призаков!»

Несколько иначе думал ссыльный уральский казак Ешнатр Хрулев. Когда «Гугенот» Лилье предложил Хрулеву бежать в Норвегию, Хрулев так отвечал:

«Гонсй будет, если мы сами в своей семье сладимся. Оно, конечно, танерь мы — побежденные. Что пенапрасну баить? Но мы и при Екатерине лишались вольности, и Лик у нас она отняла, а потом обошлось. Казаком звлорнно свое отечество чужими руками побеждать, — мы это дели так понимаем!»

Так думали и рассуждали представители враждебных социальных групп в становище Териберки в путину 1930 г.

Из всех этих дум и разговоров ясно **одно:** в становище Териберки идет острая классовая борьба.

Однако в повести мы не видим четкой расстановки боровшихся сил. **Мы не видим тех сил, которые победили в борьбе с классовыми врагами.** Ведь нельзя же всерьез предполагать, что комсомолец Ванька или рабочий Борисов — это та сила, которая решительно сломачила Егора Куимова, разоблачила существо представления об истощении и оскудении края, в основе которых лежали вредительские измышления, кулацкая агитация.

«Представитель» рабочего класса ленинградского пролетариата Борисов показан настолько «застенчивым», настолько ясно, что в взрослеющей классовой борьбе его никак нельзя принимать всерьез. Этот «вождь», взявшись, по свидетельству автора, от тайного (?!) стыда, агитирован представителей береговых колхозов сменить «лишнего холостинного конягу» на стального водяного коня. Но что сдулась эта агитация, когда... тут мы дадим слово самому автору:

«Рыбаки выбивались из сил. Они с ненавистью глядели на мачты, на огни траулеров, русских, иностранных — безразлично. Мрачно плевались в их сторону. Траулеры без учета возраста ничтожали рыбу. Они угоняли ее от берегов, губили океанские пастбища, вырывая целые травы, морские леса со дна. Ешбе нечем было питаться».

«Рыбаки знали, что ручным неводам, переносным ярусам, снюковым блеснам полезал, парусным елам, карбасам, пинкам всегда дорогам — всему кустарному промыслу — готовится гибель».

Самостоятельно эти две цитаты, в позиция автора просвечиват.

Причина недолова, причина невыполнения программы осенней путины 1930 года заключается в «хищническом» ведении рыбного хозяйства механическими способами. Траулер — вот кто виновник мелких рыбаков из сталовища Териберки. **Траулер,** разрушающий консервативные, многолетние способы ведения рыбного хозяйства — зло! **Траулер,** облегчающий тяжелый труд промысловиков, — **губит** рыбное хозяйство! **Траулер** — причина падения единоличного хозяйства!

— Хорошенькая постановочка вопроса!

Но точно так же говорили и говорят наши враги.

И коль новые способы, новая техника борьбы с природой, плановое начало отменяется достижением широких масс, когда уничтожается основа капиталистической эксплоатации, в этот момент можно взять. Бьется старый помещичий волк, гугенот из Териберки, волнуют те, кто годами и десятилетиями хищнически пользовались технической беспомощностью поморов, кто хищнически истребляли рыбные стада северных морей, кто проклинал «зверя капиталистическому наступлению» на Севере. **Эти элементы против траулеров, против коллективизации, против вооружения отсталого ловецкого дела техникой, научными способами борьбы.**

На этой линии проглядывается фронт классовой борьбы, по этой линии происходит расстановка классовых сил в Териберке. На одной ее стороне капиталистические элементы, кулаки, ненавистные, типа «Гугенота». По другую — бедняцко-середняцкие массы поморов, рабочий класс.

Что же мы видим в этой повести? — Массы, как таковые, выпадают из поля зрения автора.

В повести выведена одна довольно яркая фигура раскулаченного бромышленника Егора Куимова. Егор органически против коллективных форм и рыболовном хозяйстве. Это у него «биологически-врожденное», от отца. По Егор ненавидит новое потому, что это новое отняло у него бот «Канис», потому, что это новое несет «жизнь без бога, без достатка, без церушиной семьи, крепкого хозяина «запорами отдельного дома». Логическая нить представляний о действительности у Егора вполне закончена и определена. Он как кулак ненавидит действительность и потому дает согласие Лилью бежать вместе с ним из «пустыря, мертвого Гуманта», России.

Портрет Егора настолько определенен, настолько убедителен, что бегство его вполне подготовлено.

Однако Егор не бежит за границу, он нарушает свое обещание взять «право гуля». Егор возвращается из экспедиции на акул почти «перерожденным», почти «готовым» вступить в колхоз, жениться на Фросе. Почему? Что случилось на борту «Канис»? А собственно говоря, ничего не случилось, если не считать жмарии с судном во время шторма.

Так почему же мы видим Егора резко изменившимся? Ответ на этот вопрос мы найдем в следующих словах:

«Бежать нельзя. Нельзя уходить от родины, особо в тяжелую годину».

Эта своеобразная «философия» смеповеховского толка — **нельзя жить без родины русскому человеку** и призвала обратно бот «Канис» в Териберскую сухую. Однако эта философия имеет очень мало общего с органическим изменением отношения Егора к колхозу, к коллективизации, ко всему тому, новому, что раньше решительно отрицал Егор.

Правда, в одном месте автор говорит о пробуждающемся «классовом инстинкте» Егора. Но какой классовый инстинкт может быть у раскулаченного? Во всяком случае не тот, который враждебен Лилью.

Автор приводит Егора в Териберки тема же путями, которыми идет казак Ешнатр Хрулев (нежели русскому казаку бегать за чужой помощью). Эта «нетипично - русская», «патриотическая» точка зрения побеждает и у Хрулева и у Егора. Они оказываются патриотичнее «Гугенота»—Лилье.

Но так же рассуждает известная часть классовых врагов, не приходящих в особый восторг от помощи французов и англичан.

Так разрабатывает автор пути «примирения» Егора с действительностью.

Но обратимся к основному герою повести, к личности И. П. Лилье, последнего «гугенота».

Лилье б. купец первой гильдии, потомок настоящих гугенотов, показан в тонах глубочайшей авторской симпатии и сочувствия. Перед нами умирающий лев, благородный в своих побуждениях, гордый в несчастьи. Это—сломленная, побежденная сила, но все-таки это сила, но все-таки это благородство!

В иные годы, в тот период, когда отец Лилье, либеральный сенатор вместе с Александром Вторым «освобождал» крестьян от земли, как гугенот с «утренней наивностью» комментал о коренном преобразовании России. Гром парижских баррикад 1871 года пригнал Лилье на «поденщ». Он бежал от стыда в родную Францию, но случайно женился и Архангельске и отсел на Мурманском востоке. Однако и в дальнейшей жизни Лилье Парижская коммуна настолько тревожила его сознание, **что время шло, а «отсалась» борьбы сменилась идеалами примиренчества, обволакивания, эксплоатации поморов.**

Лидуния революции 1789 года **«Свобода равенство и братство»** соответствующим образом были растифрованы в практической деятельности «гугенота».

Но не стихийность заставило Лилье грабить и вакапливать «предметы» к людям, — вот что бросало его на этот путь. Благородство, желание, стойкость гугенота не позволяли в счетах торговой фирмы И. П. Лилье, купца первой гильдии.

А как героически И. П. Лилье спосил все удижения от «хамов», от своих поморов за годы революции? Вожль гугенотов, Генрих Наварский, внезимий в сильные купец первой гильдии, мог гордиться своим «потомком».

В великому терпению приходят одни!

Но вытес гугенот из Териберки «ужасов» увлечения основ эксплоатации частного индивидуального способа хозяйства. «Свободы» — закричал гугенот — и решил занять высоты Валюрик, забытые в 1871 году лейтенантом Лилье.

Но тут-то произошла осечка. **Высоты оказались давно занятыми, но не потомками французских тограшей и стяжателей, а прямым наследником французского пролетариата 1871 года — российским рабочим классом.**

Однако крик Лилье: «свобода» чрезвычайно симптоматичен. Так кричат наши враги тогда, когда побеждает социалистические начала. Но кулацкий крик «свобода» почему-то звучит у автора так, как кричали на парижских баррикадах 1871 года. **Странно, но факт. Нигде ни словом автор не разоблачает той социальной неправды, которую нес с собой класс Лилье.**

Но вернемся снова к путине 1930 г. Теперь совершенно понятно, почему в описании борьбы за большевистскую путину автор прибегает к приемам шишковского изображения действительности.

Посмотрите, как описывает В. Правдухин картину этой борьбы.

«На Москву, Ленинграда, через Мурманск, Архангельск, из Мурманска, Архангельска, Петрозаводска каждый день на берег плыли тюки, мешки и члены правлений с желтыми портфелями, инструктора с толстыми пачками, ученые с банками, наполненными спиртом и фирмашами, бригады знаменитых и незнаменитых, пролетарскому и непролетарских писателей, юркие корреспонденты, буйные ударники, веселые комсомольцы, безработные кинорабочие, тихие физкультурники, мрачные статистики, молодые инженеры и старые техники. Если они, чтобы увеличить улов, «ликвидировать зияющие прорехи плана», как писали в «МУРМАНСКОЙ ПРАВДЕ», уничтожить прорыв на рыбном фронте, искоренить рабские навыки в работе, вспахать промысел на страницах газет, в рассказах, повестях, в ученых трудах, показать в кинотеатрах, построить в ударном порядке мастерские для ремонта ботов, вечерние в этом крае морозилки для хранения наживки в летнее время. Прибывали партиями рабочие на пеные постройки, ссыльные кулаки, астраханские, уральские казаки-рыболовы».

— Но рыба упрямо не шла к «берегам»!

Да и как она пойдет к берегам, когда траулеры стальными сетями ее ловят. Ведь это «противоестественно» рыбьей природе(?!).

Но не в образах Лилье или Куимова заключена основная идея произведения. Ее надо искать между строк. **И заключается она в том, что автор изображается над сознательным, организованным началом. Он пытается показать, как бессмысленна борьба против стихии, ее могущественных, неведомых сил, как жалка и бесплодна борьба науки, плана, организованного начала против «великого» стихии.**

И хотя профессор, коммунист, директор Госпа вычислил, что рыбы в океане не вычерпать и за сотню лет, что работы хватит и для трехсот траулеров, намеченных к постройке «Севгосрыбтрестом», неведомые силы природы парализуют все усилия науки заставить ловиться рыбу. Это «бесспорно» организованного начала подчеркивается на протяжении всей повести, и в заключительной главе хоз рыбы столь же **внезапно,** сколь непонятно в первых главах ее отсутствие.

Это стихийное начало утверждается в лице Куимова. Лилье, в лице тех, кто органически враждебен нашей действительности.

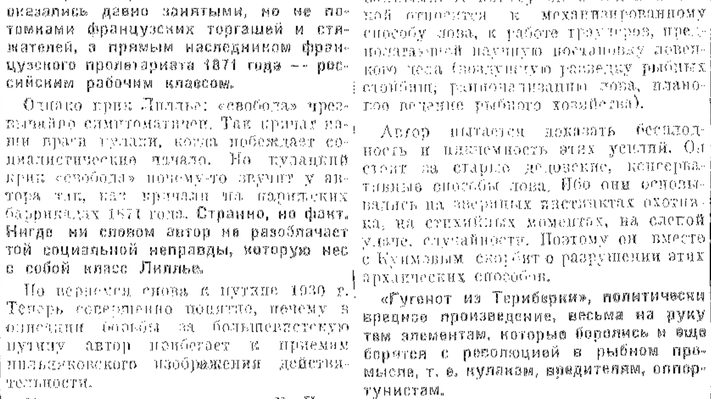
Автор на каждом шагу подчеркивает торжество стихийных сил над организованными. И поэтому он с такой холодной отчетливостью к механизированному способу лова, к работе траулеров, представителей научную почтительную ловецкую часа (воздушную разведку рыбных стаек, равномерящую лова, планное ведение рыбного хозяйства).

Автор пытается показать бесплодность и ничтожность этих усилий. Он стоит за старые дедовские, консервативные способы лова. Ибо они основывались на звериных инстинктах охотника, на стихийных моментах, на слепой удаче, случайности. Поэтому он вместе с Куимовым скорбит о разрушении этих архаических способов.

«Гугенот из Териберки», политически вредное произведение, весьма на руку тем элементам, которые боролись и еще борются с резолюцией в рыбном промысле, т. е. кулакам, вредителям, оппортунистам.

Интересно еще одно обстоятельство. Каким образом это идеологическое увидело свет в журнале «Ленинград», который педантируется рапповской редколлегией, и как эта редакция решилась его печатать в отделе «На фронтах пятилетки»?

ПРОИЗВОДСТВЕННОЕ СОВЕЩАНИЕ ПИСАТЕЛЕЙ В РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА „ОГОНЕК"



23 октября редакция журнала «Огонек» организовала первое производственное совещание писателей и рабочих-ударников, призванных в литературу. Выступавшие тт. Матэ Залка, К. Левин, Виноградов, Д. Либерман, Карцов и др. поделились с ударником и опытом работы над рассказом.

А. ФАДЕЕВ

ТРИБУНА ПИСАТЕЛЯ

О РОМАНЕ Л. СЛАВИНА „НАСЛЕДНИК"

Роман Л. Славина «Наследник» должен был отмечен нашей критикой. Во-первых, потому, что произведение это несомненно талантливое. Во-вторых, потому, что произведение это типично **попутническое** и недостатки его, коренящиеся в недостатках мировоззрения автора, характерны для целого слоя писателей. В-третьих, потому, что произведение это было не понято и осуждено т. Серебрянским, одним из видных критиков РАПП (см. его статью «Нерочитое наследство» в № 45 (144) «Литературной газеты»), а ошибки критиков РАПП, ведущей сейчас литературной организации, особенно вредны для дела развития пролетарской и советской художественной литературы.

Тов. Серебрянский, к сожалению, не сумел в данном случае выполнить основной задачи марксистской критики — раскрыть через систему художественных образов основную ведущую **идею** произведения для того, чтобы понять и обнажить его генеральную почву и его социальную функцию. Нас, например, всегда отличало и от Воронского, и от Переверзева, и от Лефа (и от невозможных опустов и последышей тех, и другого, и третьего) то, что мы во всякой художественной **специфике** стремились вскрыть борьбу **идей** и мировоззрений как специфическое идеологическое выражение борьбы **классов.** Ничего у т. Серебрянского на прямо ни косвенно не определена и не формулирована основная ведущая **идея** произведения т. Славина. Ничего у т. Серебрянского нет ответа на вопрос, какая **социальная почва** породила это произведение. Откуда же т. Серебрянский набрался смелости для того, чтобы определить социальную функцию этого произведения как произведения **враждебного** рабочему классу. На основании каких данных?

Может быть то обстоятельство, что произведение написано как бы от лица его героя, Сергея Иванова, дало т. Серебрянскому основание отождествить идеи и настроения **героя** с идеями и настроениями **автора?** Может быть, далее, социальное происхождение **героя,** Сергея Иванова (один дед—бородач, другой—граф), показалось т. Серебрянскому достаточным для характеристики социального лица автора?

Но почему автор художественного произведения должен страдать от того, что тот или иной его критик еще не полностью овладел методом марксистской критики?

Если бы т. Серебрянский внимательно и правильно разобрал всю систему образов произведения Славина, он прежде всего заметил бы, что Славин не утверждает своего героя как положительного, а, наоборот, стремится вскрыть, разоблачить, разложить его перед читателем во всех его, доступных пониманию автора, пороках и недостатках. Далее т. Серебрянский заметил бы, что пороки и недостатки героя не являются чуть ли личными его пороками и недостатками, а характерны для целого слоя мелкобуржуазной интеллигенции. Так, если бы т. Серебрянский рассмотрел произведение Славина в ряде других подобного рода произведений (прежде всего повести Ю. Олеши «Зависть» и отчасти повестей Мариэтты «Февральский снег» и «Сенастополь»), он без труда определил бы, что герой произведений Славина — родной брат Кавалерова («Зависть») и двоюродный — Шелехова («Февральский снег» и «Севастополь»).

За «душу» героя боролся в повести не силы или два мира — мир его душевных, мир Гуревичей, Третьяковых, Мартыновских, Духовных, т. е. мир сытой и праздной материально-обеспеченной жизни, мир буржуазного индивидуализма, личной карьеры, вопиющего эпикурейства и снобизма, с одной стороны, и мир той социальной среды, которую в жестокой борьбе, освобождающей миллионы, ведет рабочий класс и его партия. Герой повести Сергей Иванов, болезненно рефлектирующий на все и вся, многими корнями связан со старым миром, прикрывающим свою мелкость, ничтожность и лживость замечательными для героя романа словами о «творческих» замыслах. Но лучшими сторонами своей натуры он чувствует и сознает эксплоататорскую природу этого мира, скучность и лживость его идеалов и стремится сбросить его с себя, прорваться к социальной правде рабочего класса, бороться вместе с миллионами за **«свое» счастье для миллионов».** Повесть Славина — есть история колебаний Сергея Иванова между этими двумя силами, причем основная мысль идеи Славина состоит в том, что только или с рабочим классом, люди, подобные Сергею Иванову, могут сд-ти свое место в жизни, иначе им предстоит моральное разложение, распад личности,—то, к чему пришел Кавалеров в «Зависти».

В период Октябрьской революции, когда историл с необычайной резкостью и прямотой поставила вопрос: «ты с кем?» — Сергей Иванов пренебрег пулся к рабочему классу и вместо с ним начал громить мир своих недугов и старые свои привязанности. Но и здесь у т. Славина хватило понимания показать (вспомните хотя бы встречу с Гуревичем), что это не означает, что Сергей Иванов до конца освободился от старых навыков и навыков. — нет, он еще несет в себе возможность измены, зерно измены. Оно может захлахнуть, но может и начать прорастать.

Почему повесть Славина не является буржуазным, враждебным нам произведением? Потому, что Славин решает вопрос о «судьбах» мелкобуржуазной интеллигенции на путях к рабочему классу, а не против него. Потому, что такое решение вопроса Славин дает сейчас, когда стадия величия в период социалистической реконструкции (повесть говорит о прошлом, но ведь написана она сейчас).

Почему повесть Славина не является пролетарским произведением? Потому, что к пролетарской революции Славин подходит не под углом ее конечных задач и целей, а под углом судьбы и душевного устройства отдельного узкого слоя мелкобуржуазной интеллигенции. Потому, что силы старого мира не до конца осознаны, разоблачены и возненавидены им, а силы нового мира воспринимы им еще в достаточной степени абстрактно, они не стильно прочувствованы, сколько декларированы.

Именно поэтому повесть Славина является типичным **попутническим** произведением. Оно полезно рабочему классу, но в нем **еще** есть **«зерно измены».** Славин должен найти в себе силы, чтобы не дать зерну прорасти, а загрызить его.

СРЕДИ КНИГ

ПРЕПЯТСТВИЯ ПРЕОДОЛЕНЫ НЕОКОНЧАТЕЛЬНО

„РВЫ" ЛЕВМАНА *

Актуальная и деловая своей идейной направленностью проблема поставлена в центр повести. Это — идеологии интеллигента, его общественная полезность в наши дни развернутого строительства социализма.

Герой — молодой советский спец, инженер Мальцев, работающий на одном из огромных строительств — Магнитострое. С первых же страниц повести Мальцев представлен как человек с двойственной природой. Он — энтузиаст строительства без примеси голого делячества; он понимает социальный смысл строительства и его конечные цели, но он еще чрезвычайно далек от того, чтобы по-настоящему глубоко осознать конкретные пути достижения этих целей: последние ему рисуются еще очень абстрактно, оторванно от реальной практики.

Вопрос о связи с пролетариатом решен для Мальцева. По как и в какой мере решен, до какого пункта Мальцев принимает окружающую его действительность и откуда начинается его бунт против этой действительности, или вернее не отдельных сторон?

Значительные мысли о напряжениях «пятилетних лет», о том, что «разве не прокладываем мы для человечества путь к полюсу, к новому обществу», — все время перемежаются у Мальцева с чувством какой-то обиды, претензий к окружающему.

Эти два лейтмотива повести: романтический пафос созидания, с одной стороны, и с другой — неудовлетворенность и даже злость к живущим в большом городе, к «мнлому счастливчикам, имеющим возможность посидеть в ложе театра», — определяют основное настроение Мальцева.

Кульминационным моментом этого раздвоения является центральный эпизод повести, когда страстная приверженность Мальцева к своему делу теряет для него всякий смысл из-за того, что его новому, недовыполняющему производственный план, другой цех берет на общественный буксир.

Мальцев считает, что советская общественность нанесла огромный урон его делу, в то время, как решающее значение здесь имеет его самолюбие эгоцентриста. Мальцев ошибся. Рабочая бригада соседнего цеха пришла и помогла, с ее товарищеской помощью дома, руководимым Мальцевым, перевыполнил план. Отсюда начинается решительный перелом Мальцева. Огромный производственный эффект общественного буксира, этой нашей новой ватаги простой и столь обычной в наших условиях формы социалистической солидарности, перерождается в сознании Мальцева с рядом других фактов. Эти факты: раскрытие вредительства главного инженера; глубокое сознание ошибочности своего ухода с завода мастера Желябы (обрви, играющий вспомогательную роль для более полного раскрытия образа Мальцева), бросившего работу по тем же приблизительно мотивам, по каким хотел это сделать Мальцев, социалистический субботник и др. Здесь мы подходим к решению классовой проблемы повести.

Романтический пафос строительства в сознании инженера вступает в борьбу с его интеллигентским самоутверждением, с его полубытовскими мечтами.

Побеждает **созидательная** практика рабочего класса, который берет на буксир не только отстающую домну Мальцева, но и его мелкобуржуазную психику, отсеивая со всей классовой классе-гегемона все лишнее, мешающее Мальцеву стать полноценной общественной личностью.

Эту сложнейшую задачу показать своего героя как представителя интеллигенции, не способной на самостоятельную историческую роль и в своей основной и лучшей части подчиняющейся ведущей роли пролетариата, — **автору не удалось разрешить в полной мере.** Рабочая масса или коллектив почти совсем **отсутствует,** действие происходит как бы за сценой, читатель ее почти не ощущает и узнает о нем только постфактум порядком. Основное — переход Мальцева от созерцательства, от эгоцентризма от романтических представлений к действенному осознанию живой действительности, к включению в практику этой действительности — все это только намечено, но не осуществлено в повести.

Увлекшись **психологизированием** героя как бы законным в раскрытии его сущности — интеллигента индивидуалиста, автор не сумел преодолеть индивидуалистический психологизм при показе **нового качества идеологии** героя. Психологические категории во многом заслонили категории социалистической практики, натянутая таким образом реальные соотношения сил, приведшие Мальцева к правильному осознанию своей роли в стране строящегося социализма.

В композиционном отношении несколько надуманной является фигура Петра, друга Мальцева, приехавшего к нему и умирающего от туберкулеза.

Неудачны также женские образы, не ставшие органичными для повести.

«Рвы» Лемала, при всех своих недостатках, входят в число ощутимого потока нашей советской литературы. Эти недостатки типичны для писателя, еще не овладевшего пролетарским мировоззрением. Но, судя по этой повести, есть все основания предположить, что автор сумеет в дальнейшем творчестве более диалектически подойти к своему материалу.

А. ИОТЛЯР

* Альманах. ЗИФ. № 12.

В. ИЛЬЕНКОВ

СЛОВО К ПОРЯДКУ *

Прочитав статью Мазнина — «Фадеев и Панферов» («Литгазета» от 2 октября 1931 г.), напечатанную в порядке дискуссии, я беру это слово не в порядке дискуссии, а **к порядку дискуссии.** Это необходимо сделать для того, чтобы в связи со статьей Мазнина, которой «Литгазета» открывает дискуссию, поставить перед рапповской критикой вопрос о том, как нужно и как нельзя дискуссировать.

Роль критики — ответственная роль, однако очень часто некоторые критики забывают об этом и с непростительной, — больше того — **преступной** легкостью берутся за перо. Вот почему, прежде чем обсуждать творчество Фадеева и Панферова по существу, необходимо поговорить о характере таких «критических» высказываний, как статья Мазнина. Если мы хотим добиться действительно боевой и действенной критики творчества пролетарских писателей, то это в первую очередь обязывает нас бороться с приемами, подрывающими ее авторитет и мешающими рационализации творческой дискуссии.

Мазнин пишет не первый раз о творчестве Панферова. Меньше года назад в сборнике «Борьба за метод» была напечатана его статья «Творческий метод Ф. Панферова». Простое сопоставление высказываний Мазнина о Панферове в «Литгазете» с его же высказываниями в «Борьбе за метод» (а перед тем в журнале «На литпосту») показывает, что Мазнин в течение года одному и тому же произведению «Бруски» умудрился дать два диаметрально противоположных, исключающих одна другую оценки. Конечно, Мазнин год назад мог ошибиться и теперь, скажем, решил признать свою ошибку. В таком признании ничего худого не было бы. Но в своей последней статье (в «Литгазете») Мазнин, упоминая о своей первой статье, **не отказывается** от своей оценки «Брусков», данной год назад, и лишь указывает, что она **страдает** недопетой. Следовательно, в основе первая статья признается правильной.

Однако это только не очень искусный прием замазания следов, ибо последняя статья Мазнина целиком противоречит первой. Мы это сейчас продемонстрируем, предоставив читателю судить о «критике» Мазнина и характере его поистине «критических» «методов».

1. Мазнин в своей первой статье писал:

«Почему злободневный, актуальный, действенный «Брусок»? Здесь дело **не только в тематике.** Здесь дело в том, что Панферов **как диалектик - материалист** подходит к действительности, видит материальные связи, преобразующие деревню, **видит движущие силы исторического процесса,** которые неминуемо приведут деревню к социализму, знает ростки нового, их борьбу и победу над старым в деревне. Уметь разглядеть ростки нового, оценить их устойчивость, перспективу их развития в борьбе со старым **может только последовательный материалист-диалектик. Вот почему Панферов может предвидеть,** дать деревню «какой она должна быть», не гадая на кофейной гуще, а трезво **отбирая из суммы своих** богатых впечатлений о современной деревне то, что, являясь сейчас единичным, станет завтра всеобщим».

Ныне Мазнин пишет:

«Но разве в «Брусках», построенных на актуальном материале, не снижается действенность, вследствие того, что Панферов **еще не овладел методом диалектического материализма?»**

С одной стороны, **«последовательный диалектик-материалист»,** с другой — **«не овладел** методом диалектического материализма». Как же это понять? Или одно или другое. Ведь что значит «последовательный диалектик-материалист»? Очевидно это тот писатель, который глубоко овладел этим методом. Где же вы, т. Мазнин, говорили правду? Как вас прикажете понимать?

Год назад Мазнин писал: Панферов «видит движущие силы исторического процесса», а поэтому умеет и предвидеть.

Сейчас Мазнин пишет: «Панферов стремится итти по этой же линии (т.-е. вслед за Фадеевым, который, по мнению Мазнина, единственно глубоко осмысливает действительность), но в его творческие силы еще **тенденции к тому, что может быть противопоставление глубокому осмысливанию** (нельзя, — это образец мазнинского «глубокомыслия»!), — сказаны в ряде моментов тенденции к отображательству, **без глубокого проникновения в закономерности исторического процесса»...**

Как же вас прикажете понимать, т. Мазнин? Одно из двух — или Панферов «видит движущие силы исторического процесса», «как диалектик-материалист подходит к действительности» или Панферов — **отображатель,** не умеющий глубоко проникнуть в закономерности исторического процесса? Вы только подумайте, как же писатель Панферов, «не умеющий глубоко проникнуть в закономерность исторических процессов», мог, по вашим же словам, **предвидеть** и дать деревню «какой она должна быть»? Когда же вы, т. Мазнин, говорили правду? **Вчера или сегодня? И что вы скажете завтра?**

Год назад Мазнин писал, что Панферов «трезво отбирает из суммы своих богатых впечатлений о современной деревне то, что, являясь единичным, станет завтра всеобщим». **А сегодня Мазнин пишет:** «Не трудно обнаружить, что некоторые части романа обличены значительным количеством случайного, несущественного материала». Другими словами, Панферов — эмпирик, не умеющий отобрать факты действительности и их осмыслить.

Какому Мазнину верить прикажете?

2. Год назад Мазнин писал: «Панферов избежал в показе быстро изменяющейся деревни лефовско-механистических ошибок. Он показывает борьбу противоречий, но вместе с тем показывает и их единство».

Сейчас Мазнин пишет, что в романе имеются «элементы механистичности и показе крестьянской массы» и что «из элементов эмпиризма и механистичности Панферова» могло бы вырасти «своеобразное проявление фактографии лефовщины», причем эту опасность Мазнин считает **«мнимой вероятностью».**

Или Панферов как диалектик-материалист **«избежал** лефовско-механистических ошибок», как это утверждал Мазнин год назад, или он совершает эти ошибки, как сейчас пишет Мазнин.

Как вас понимать, т. Мазнин? Сегодня вы ищете эмпиризм там, где вчера видели последовательный диалектический материализм!

Год назад Мазнин писал: «Брусков живут, выдерживают испытание, крепнут и т. д... Потому что и в борьбе с кулачеством, и в борьбе с мелкобуржуазной стихией внутри колхозов, и в борьбе со стихией природы помощь «Брускам» **приходит из города, от рабочего класса.** Вспомните получение первого трактора и нержавеющую Чухлому... вспомните возвращение Карьки Жаркина с завода в момент развала колхоза, вспомните, наконец, помощь завода «Брускам после грабежа»...

Помним, т. Мазнин! Но вспомните теперь, **что написано вами же сегодня:**

«Надо сказать, что элементы эмпиризма наиболее ощутимы в первой книге «Брусков» (вспомним показ деревни и почти полной изолированности от города). Но и во второй книге Панферов **не преодолел этот большой недостаток своего метода»...**

Вчера вы художественные достоинства «Брусков» видели в том, что «Бруски» **«первое в нашей литературе** произведение реконструктивного периода, в котором ставится проблема: город — колхоз». В этом **особенная ценность** «Брусков». — писали вы, а сегодня вы видите эмпиризм Панферова в том, что он, якобы, оторвал город от деревни.

3. Год назад Мазнин писал: «Кулаков рисовали и художники-попутчики... Но никто из попутчиков не поднимался при этом до такого изображения кулака, которое предвосхищало бы переход к политике ликвидации кулака (не кулака, а кулачества, — пора бы это усвоить, т. Мазнин) как класса. Насколько в этом отношении выше попутчиков оказался Панферов», — восклицали вы год назад.

А сегодня вы, т. Мазнин, пишете: «Ограниченность воздействия «Брусков» (политическая также) может быть объяснена именно недостатками в осмыслении темы, недостатками его художественного качества». Или Панферов сумел подняться выше попутчиков, а значит и повести их за собой, указать им путь, или Панферов не сумел подняться. Что же вы, т. Мазнин, выбираете из своих двух радикально противоположных утверждений?

4. Год назад Мазнин писал: «С полным правом мы можем сказать, что «Бруски» являются реализацией и убедительным подтверждением творческих лозунгов напостовства, что этот роман показывает **успешные попытки** Ф. Панферова применить в специфической области литературного творчества метод диалектического материализма», что **«такие** большевистские произведения, как «Бруски», **содействуют ускорению** большевизации всей пролетарской литературы, **показывают пример многим** нашим писателям, **что значит быть** большевиком в литературе».

Помните, как это вы же писали, т. Мазнин, или вам неприятно вспоминать об этом сегодня? Помните, как некто другой, а именно вы, Мазнин, писали тогда же:

«Творческий метод Панферова должен быть внимательно изучен всеми нашими пролетписателями, особенно молодежью, которая еще не нашла в себе творческие лозунги напостовства... потому что «Бруски» принадлежат к тем произведениям, которые, несмотря на все свои ошибки, **нащупывают** столбовую дорогу пролетарской литературы».

Это вы писали, т. Мазнин!

А сегодня вы, Мазнин, пишете:

«Сейчас уже ясно, что «Бруски», находясь в ряду наших передовых произведений, **не заняли на данном этапе** пролетлитературы такую роль, какую в свое время имел «Разгром»... т. е. ведущего значения для пролетарской литературы».

Вы пробуете маскировать, т. Мазнин, — «передовое, но не ведущее». Мы привыкли понимать неведомых как ведущих, а вы, очевидно, понимаете иначе? Ваше личное дело! Но не путайте на глазах миллионов читателей «Брусков»! Вчера вы утверждали, что Панферов — дающий пример писателям—большевик в литературе, а сегодня вы же утверждаете, что этот самый Панферов — механист, лефовец, эмпирик и т. д., и т. п. Вам, по вашему мнению, в понятие «большевик в литературе» входит и эти «качества»?

Довольно шутат! Все ясно! Вчера вы считали «Бруски» примером для пролетарских писателей и особенно для молодежи (и во многом тогда были правы!), а теперь развенчиваете. Кому это нужно и выгодно? И для чего это делается?

А теперь — **по существу** вашей последней статьи.

Три четверти своей статьи вы отвели для доказательства того, что панферовские «Бруски» **не помогают** рабочему классу и партии найти правильное разрешение проблемы перерастания артели в коммуну. Вы утверждаете, что **«никакой закономерности такого** перехода читатель ни в коем случае не **уловит».** Вы считаете, что этот «вопрос немаловажный» и т. д. Вы видите в этом результаты эмпиризма, который давит на писателя Панферова. Вы смело утверждаете, что «Бруски» не отображают того пути, **«по которому идет** колхозное строительство в нашей стране **под руководством** партии».

Это утверждение настолько ответственно, что оно обязывало вас как критика и коммуниста десять раз отмерить, прежде чем... резать «Бруски».

Что вы проделываете для доказательства своего тезиса? Вы приводите то место в романе, где Панферов показывает момент перехода артели «Бруски» в коммуну, и устанавливаете, что для автора перейти от артели в коммуну — «раз плюнуть». Одним словом, по вашему толкованию, Панферов извратил нашу действительность в важнейшем моменте социалистического строительства на селе. Что же на самом деле имеется в «Брусках»? Как Панферов дает этот момент перехода от артели к коммуне? Да, дело прошло слишком быстро: «я только бабы поглумела, когда у них отбирали утварь, горшки, перестилала всю эту домашнюю рухлядь на колюшню». И разве вы, т. Мазнин, не видите, что здесь речь идет об именно таком месте на определенном этапе колхозного строительства «левом», загибе, когда обобществили рухлядь?

Вы хотите навязать Панферову то, чего он не хотел и не думал показывать на тех страницах, которые вы ему ставите в вину?

Даже школьники, не занимающиеся специально литературной критикой, но которые изучают «Бруски» и по ним учатся осмыслять нашу действительность, скажут вам, т. Мазнин, что Коммуна Огнева держалась и могла держаться лишь известное время и лишь до тех пор, пока сам Огнев руководил ею. — достаточно было стойти Огневу в сторону, и коммуна стала распадаться. Почему? Да потому, что внутренний производственный строй ее был организован неправильно Огневым-единоличником, который цыпался сразу прыгнуть в коммунизм, игнорируя остатки мелкособственнической стихии. Огнев сменяет Жаркина не случайно, не по прихоти автора, а потому, что система Огнева при проверке жизнью не выдержала испытания и крахнула, а победила система Жаркина, которая своими корнями уходила в массы колхозников. Жаркин сорвался, умел. — но коммуна не развалилась, **потому что** была организована правильно. А вы, т. Мазнин, основываясь на идеи «Брусков» и не поняли! Или делаете вид, что не поняли?

Вы, т. Мазнин, или плохо читали роман «Бруски» или плохо знаете действительность, и то и другое для критика, который берется поучать других, непростительно.

Итак, даже там, где вы, т. Мазнин, переходите от общих, необоснованных утверждений к «конкретной» критике, вы у всех на глазах грубо искажаете идеи и содержание романа. Очевидно это вам нужно для того, чтобы любыми средствами доказать, что «Брусок» не большевистское и не напостовское произведение, искажающее советскую действительность, не имеющее права быть в ряду ведущих передовых произведений пролетарской литературы. Это вам не удалось и не удастся никакому другому критику.

Вы, конечно, попытаетесь найти какое-нибудь оправдание. Вы скажете: «Я не метафизик, а диалектик, и для меня все течет и все изменяется...». Что ж, послушаем ваши рассказ о том, что изменилось и что же в действительности произошло с «Брусками» с того момента, когда вы писали свою первую статью.

* В порядке обсуждения.

„ИЮНЬ—ИЮЛЬ“ Митрофанова на „напостовской смене“

творческая дискуссия на новом этапе

Работа творческих группировок МАПП тогда будет наиболее эффектна и тогда будет давать наиболее положительные результаты, когда она будет носить массовый характер и вовлечет в сферу своего влияния большое количество начинающих и литературно уверенных. До сего времени большинство творческих группировок по Москве вертится в собственном соку и есть даже такие, которые ограничивают их новой основе худшие образцы конвертации «Кузницы» прошлого периода.

«Напостовская смена», одна из наиболее дееспособных творческих группировок МАПП, строит свою работу на основе широкого привлечения к обсуждению своих вопросов, связанных с литературой, и писателей других группировок.

23 октября состоялось массовое собрание «Напостовской смены», привлекшее большое количество ударников и писателей. На повестке дня стояли творческий отчет т. Сталина и его план работы на ближайшее время. Тов. Сталинский, как известно, издал в этом году большую книгу «Завод», печатает оперативные очерки в «Прожектор», «Красном перце» и других газетах, ведет регулярную работу в журнале «Прожектор» и имеет рассказы на тему—борьба партийных течений. Сейчас усиленно работает над третьей книгой «Сталинск», посвященном «Азовстали».

Затем на собрании была подвергнута широкому обсуждению повесть А. Митрофанова «Июнь—июль».

Во вступительном докладе т. С. Кирьянов указал, что творческая дискуссия в РАПП назначена сейчас на такое время, когда происходит творческое размежевание между творческими группировками, а также и внутри их.

— «Напостовская смена», — говорит далее т. Кирьянов, — борется и борется за напостовские творческие позиции в рядах объединения писателей, работающих в этом направлении, но с различными творческими особенностями.

В этой связи Митрофанов занимает интересное место.

Он пока написал одну повесть. Это большое творческое произведение, имеет ряд достоинств, и их т. Кирьянов сознательно определяет так: а) анализом живых людей, б) большой эмоциональной насыщенностью, в) свежестью, г) отсутствием суесловия и холодности и новизною производства, д) большими формально-художественными достижениями.

Но было бы крайне вредным замалчивание ошибок Митрофанова. «Июнь—июль» страдает рядом таких недостатков и ошибок: 1) незаконченность произведения, 2) неорганичность отдельных тонов, 3) натуралистическое смакование, засоренность формы и умерло содержание, 4) иступленизм в поведении и поступках героев, 5) переоценка роли подозрительного автором, и в то же время элементы разоблачительства.

Далее т. Кирьянов подробно разобрал произведение и аргументировал недовольство им комсомола, указав, что ошибки Митрофанова идут по линии отсутствия чувства времени. На этом же материале т. Кирьянов наметил вопрос о внутреннем полутоне стиле.

По докладу развернулись оживленные прения.

Тов. С. Маркович, соглашаясь с положительными показателями, на ряде конкретных примеров показал все недостатки Митрофанова. Виктор Гусев остановился на вопросе о идейности замысла Митрофанова и плохом его выполнении. Тов. Сурков согласился с тем, что повесть Митрофанова и плохом его выполнении. Тов. Сурков согласился с тем, что повесть Митрофанова схематично образы повести Митрофанова.

С большой речью о задачах «Напостовской смены», о ошибках и новых этапах дискуссии выступил Л. Авербах.

Обсуждение повести Митрофанова не закончено и перенесено на 1 ноября.

Р. К.

ошибки и достижения „фэксов“

за деловую принципиальную критику

«Одна»—Козинцева и Трауберга, со-терпению очевидно, будет предметом оживленной дискуссии. Уже одно это показывает большую значимость фильмы. Но какова эта значимость, положительная или отрицательная?

Если согласиться с **Мих. Лоэидовым** («Речь на предлогином диспуте»—«Вечерняя Москва» № 247), то «Одна» может не вразиться только «лакировщикам», обывателям и наконец эстетам-двурушникам. Правда, и сам Лендов обращается к авторам фильмы с весьма такими упреками, но упреками лишь частного порядка (хотя они и назвали значительными»).

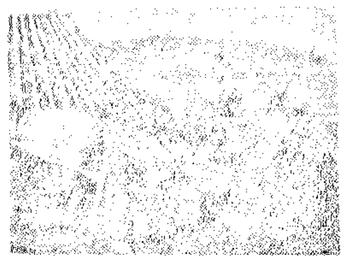
«Левидов—первый полюс дискуссии, полагаем принимающий фильму «Фэксов». Место на другом же полюсе по праву принадлежит **Б. Розенцвейгу.** В своей рецензии («Комсомольская правда», № 290), написанной по принципу «обухом по голове» (против чего так расторопно выступил т. **Безыменский** на юбилее Жерова), этот критик заявляет, что немалые усилия потрачены напрасно, что «Одна» **ненужная фильма** («в лучшем случае»).

Другим, более доказательным путем, и тем же и даже более резким выводом приходит решение «Советского искусства» **Б. Алперс** (84). По его мнению, «Одна»—фильма ущербная, искажающая лицо нашей действительности» и глубоко **пессимистическая.**

Так ли все это? И если не так, то прав ли Левидов?

Не отступая «Фэксы» свой концерт к революционной тематике начинают с «Осени». Это — столь известное у художников-интеллигентов стремление решать **свою судьбу, судьбу интеллигенции. Ю. Олеша** для этого создал Елену Гончарову; «Фэксы» — Елену Кузьмину. В основу этой проблемы **«судьбы»** кладется необходимость для интеллигенции быть с **«ним-то»**

Кардинальная **ошибка** Козинцева и Трауберга, из которой проистекают все остальные их ошибки, заключается **в постановке** этой проблемы, как и у Олеши, с индивидуалистически-кичливой «Фэксы» — фэксцы» экзентрического



кадр из фильма «Одна»

для Кузьминой решено окончательно, и когда ее, обмороженную, увозит аэроплан в Ленинград, зритель верит ей, что она **вернется.**

«Фэксы» с большой силой чувства раскрывают процесс перелома мелкобуржуазной психологии, рождения нового человека. Они смело показывают то старое, что мешает этому процессу и созданию новой жизни. Они сумели поднять на большую принципиальную и художественную высоту «вопрос о бараках» как вопрос о социализме.

Со всех этих точек зрения «Одна»—положительное явление, **сюжетический** документ, особенно для «Фэксов», если учесть всю их прошлую работу.

И те критики, которые, подобно Розенцвейгу, говорят о том, что в фильме нет никакой политической заостренности, что она «мирная», что Кузьмина остается той же, или как Алперс заявляет о глубоком пессимизме «Одной»—делают вредное дело. Это — неправое охаивание художников, сделавших большой шаг по пути полезной перестройки.

Но в чем правы критики «Одной» и почему не прав ее адвокат Левидов?

Мы отвечали на этот вопрос уже вначале, указав на порочность **постановки** «Фэксами» проблемы интеллигенции. Следствием основной этой ошибки весьма значительные.

Так учительницы Кузьминой, хотя и не характерен, но возможен в советских рядах, изображения ее обязательного быта одновременное разоблачение его, и не плохо, что авторы фильмы избрали для этого пути наиболее сопротивления. Следовательно суть не в этом. Она в том, что в наших условиях Кузьмина **не может быть одна,** что нельзя отрывать героя от окружающих его условий, от влияния среды. Козинцев и Трауберг не только сделали это, но и нечестно старяются подчеркнуть этот неверный тезис целым рядом художественных приемов (телефонный разговор, звуки большого города, преследующие **одиночку** Кузьмину и т. д.). **Общественность выпала из фильмы.**

Авторы фильмы продолжают эту линию во всей картине: они до самого печального момента подают Кузьмичу как **героиню,** а не как постепенно активизирующегося, может быть даже имеющего большее значение, чем она, чтобу другой, по **участника коллектива.**

В основном тип оппортуниста-подкулачника председателя сельсовета—райдел. Партия и советская власть борются и бозится против таких «руководителей» и не стесняются их открыто разоблачить. По усилению «Фэксами» этот тип **утрирован.** И это опять-таки сделано **сознательно,** для того чтобы еще больше подчеркнуть **роль** Кузьминой.

Таким образом мы видим большую **непоследовательность** в ошибках авторов «Одной». Ее причина все та же — непонятая **постановка** проблемы интеллигенции, перелома ее роли, непонимание всей диалектической сложности нашей действительности.

Козинцев и Трауберг сделали очередной **шаг** назад по сравнению с **вечер**

а. жарова

21 октября в Колонном зале Дома союзов состоялся вечер-собрание московского комсомола, посвященный 10-летию творческой деятельности **А. Жарова.**

Вступительное слово сделал редактор «Комсомольской правды» т. **Троицкий.** Он охарактеризовал Жарова как одного из наиболее близких комсомолу поэтов. Несмотря на большие недостатки в творчестве Жарова, отдельные значительные срывы, он имеет все данные для того, чтобы продолжать расти и стать большим художником.

А. Жарова приветствовали представители Главискусства, РАПП, ГИХЛ, ударники московских заводов, поэты—**Безыменский** и **Молчанов.**

Отвечая на приветствия, А. Жаров заявил, что все его творчество принадлежит рабочему классу, партии, воспитавшему его комсомолу.

Закрывая собрание, секретарь горкома ВЛКСМ т. **Перец** выразил уверенность, что этот вечер будет способствовать дальнейшему повороту комсомола лицом к пролетарской литературе.

МОСЛОКАФ

ОРГАНИЗОВЫВАЕТ КУРСЫ ВОСПИТАНИЯ ПИСАТЕЛЕЙ

Курсы рассчитаны, примерно, на три месяца, начнутся с ноября, и будут проводиться в клубе ФОСП им. Горького. Занятия будут максимально приспособлены к тому, чтобы не срывать основной работы курсантов.

В программу курсов входят вопросы военного искусства, структуры и принципов строительства вооруженных сил СССР, основы политико-воспитательной работы в РККАФ, изучение принципов военной политики и практики коммунистической и советской власти, изучение на этой основе учения Маркса—Энгельса—Ленина о войне и армии и т. д.

К преподаванию на курсах привлечены специалисты и политработники РККАФ.

Окончательно программа курсов и условия их работы будут утверждены после обсуждения этих вопросов на собрании широкого актива МосЛОКАФ в конце октября.

Запись желающих проходить курсы объявляется с 15 по 30 ноября. После 30 ноября на курсы никто приниматься не будет.

МосЛОКАФ ждет от нас исключения о желании посещать курсы на основе точного и аккуратного выполнения всех правил обучения на них, а также просит сообщить наши предложения по работе курсов к созданию актива МосЛОКАФ.

ОРГМАССОВЫЙ СЕКТОР МОСЛОКАФ

1-й ВСЕСОЮЗНЫЙ КОНКУРС ЛОКАФ

Центральный совет Литературного объединения Красной армии и флота (ЛОКАФ) и редакция газеты «Красная звезда» объявляют Всесоюзный конкурс на повесть, рассказ, пьесу, инсценировку, очерк и стихи о современном Красной армии и Красном флоте.

I. ЗАДАЧИ КОНКУРСА.

1. В художественной форме показать, как огромные успехи социалистического строительства, характеризующиеся вступлением СССР в период социализма и завершением в текущем году построения фундамента социалистической экономики, гигантски подняли и подымают обороноспособность Советского союза и боеспособность Красной армии, как орудия пролетарской диктатуры.

2. Мобилизовать творчество пролетарских и советских писателей для художественного отображения генеральных проблем и практических вопросов строительства Красной армии и Красного флота, помочь художественному росту красноармейцев, краснофлотцев и командиров-ударников, пришедших в литературу, и тем самым усилить процесс ликвидации отставания локафовской литературы от требований современного этапа социалистической стройки и реконструктивного строительства Красной армии и Красного флота.

II. УСЛОВИЯ КОНКУРСА.

3. Повести, рассказы, пьесы, очерки, инсценировки, стихи, представленные на конкурс, должны показать Красную армию и Красный флот сегодняшнего дня во всем их многообразии, показать успехи и строительные недостатки их, достигнутые под руководством коммунистической партии, путем мобилизации творческой активности начсостава, красноармейских и краснофлотских масс на выполнение и перевыполнение задач новой пятилетки и преодоление трудностей боевой учебы.

4. Произведения должны раскрывать руководящую роль начсостава, политорганов и партийных организаций в строительстве Красной армии и в художественной форме отображать пути и методы перестройки организующих сил Красной армии, в связи с новыми и сложными требованиями, выдвигаемыми перед армией, ее техническим оснащением и культурным ростом прихотливых сейчас в казарму бойцов.

5. Произведения должны рассказать о могучей, преобразующей силе социалистического соревнования и ударничества, делающих еще более почетной, доблестной и славной службу в Красной армии.

6. Привлекшиеся на конкурс произведения должны также рассказать и о таких важнейших темах, как проблема внедрения военного комиссара — твердого, смелого, боевого руководителя своей части; о путях выполнения лозунга т. Сталина «Большевики должны овладеть техникой», имеющего сейчас самым боевым лозунгом и практике армейской работы; о командирской учебе, как средстве повышения знаний и политической квалификации начсостава; о железной, революционной дисциплине в Красной армии и об авангардной роли коммунистов и комсомольцев; о красноармейских ударниках и рабочих и колхозниках; о процессах формирования социалистического сознания у красноармейцев, приходящих в Красную армию из деревни; о Красной армии, как первоклассной политической школе, о партийно-политической и культурной работе в ней, о классовой и интернациональной сущности Советской армии и флота.

7. По размеру присланные на конкурс повести, рассказы и пьесы не должны превышать 3-х печатных листов, очерки и инсценировки (малые формы) — не более полутора листов и стихи — не более 200 строк. Произведения на конкурс могут быть присланы на любом языке национальностей, входящих в СССР, должны быть написаны четко, на одной стороне листа, от руки или на машинке, с указанием фамилии и местожительства автора и полного адреса.

8. Присланные на конкурс произведения должны быть отмечены словами: «На 1-й всесоюзный конкурс ЛОКАФ».

9. Присланные на конкурс и премиальные для печати повести, рассказы, очерки и стихи будут печататься в журналах «ЛОКАФ» (Москва), «Залп» (Ленинград) и в газете «Красная звезда» (Москва), и таким образом в период до оглашения конкурса пройдут через массовые обсуждения их читателями. Окончательное решение о качестве представленного на конкурс произведения принадлежит жюри.

10. Срок конкурса — с 10 сентября 1931 г. по 10 февраля 1932 г. Присланные на конкурс рукописи после 10 февраля 1932 г. в конкурсе участвовать не будут.

11. Лучшие произведения, помимо оплаты их за печатание в журналах «ЛОКАФ», «Залп» и газете «Красная звезда», по окончании конкурса (к 14-й годовщине Красной армии) будут премированы и изданы отдельными сборниками. Установлены такие премии:

Одна первая премия за повесть и рассказ	2.000 р.
Одна вторая премия за повесть и рассказ	1.500 р.
Одна первая премия за пьесу	2.000 р.
Одна вторая премия за пьесу	1.500 р.
Одна первая премия за очерк	1.000 р.
Две вторых премии за очерк—каждая по	750 р.
Одна первая премия за инсценировку (малую форму)	750 р.
Две вторых премии за инсценировку—каждая по	500 р.
Одна первая премия за стихотворение	500 р.
Две вторых премии за стихотворение—каждая по	300 р.

В состав жюри конкурса вошли тт.: А. Авдеенко, В. Отдаевский, П. Маторин, В. Луговской, А. Новиков-Прибой, Ефим Зозуля, Лацда М., Мих. Субботский, С. Гайдин, М. Голодный, Н. Свирин, Б. Лебедев.

Ответственность за проведение конкурса ЛОКАФ рукописи направлять по адресу: Москва, ул. Воровского, 52, клуб им. М. Горького, редакция журнала «ЛОКАФ» — «На 1-й всесоюзный конкурс ЛОКАФ».

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ СОВЕТ ЛОКАФ
РЕДАКЦИЯ ГАЗЕТЫ «КРАСНАЯ ЗВЕЗДА»

готовим кадры руководов на курсах маш

Курсы машиностроительного актива по подготовке руководов литкружков работают два месяца. За этот короткий срок проделана значительная работа.

На конференциях выступают почти все слушатели, и это вполне понятно, поскольку партийно-комсомольская прослойка составляет на курсах девяносто процентов всех слушателей.

Усвоение материала происходит лабораторным методом на бригадных занятиях. Семьсот берут состоящих на буксир. Однако некоторые из отстающих несерьезно относятся к учебе. Кто они? — **Черстов, Грошев, Мошков, Глух, Шаров и Резвов.**

Заключены договоры по соцсоревнованию. Ленинский район соревнуется с Сокольническим, во вот бригадир Ленинского района — секретарь райбюро Г. **Бессонов** перестал являться на курсы и этим сорвал соревнование.

Почти месяц назад секретарем МАПП постановил, что его секретари райбюро являются бригадирами на курсах и каждый из них ответственен за свой район. Но до сих пор в работе на курсах не включились секретаря: Фрунзенского, Сталинского и Замоскворецкого районов.

Кроме вечерних занятий московских ударников, на курсах ведутся и утренние занятия с ударниками районных ЛПП.

На областные курсы руководов кампанейщины ударники Тулы, Орехова-Зуева, Рязани и пр. Однако и среди этой части курсантов находится товарищи, недобросовестно учебу (тт. **Дудников, Лебедев, Сигаев** (Тверь) и пр.).

Тормозом в работе курсов является отсутствие учебных пособий. Нехватает сочинений Ленина, Плеханова.

Несмотря на все трудности в учебе, на курсах уже сложилось крепкое ядро. Это — товарищи: **Рыбаков, Коробко** (Орехово-Зуево), **Зудов** (Рязань), **Никольский** (Тула), **Сахаров, Морозов, Коган, Радимова, Планидин, Бидин, М. Бессонов** и др.

Радуемся, что эти товарищи после окончания курсов сумеют проделать дальнейшее развертывание призыва ударников в литературу.

По поручению бюро курсов МАПП
Л. АГЛИЦКИЙ

красный воздушный флот— в художественную литературу

Журнально-газетное об'единение созвало совещание, посвященное проблеме отражения в художественной литературе жизни авиации.

— Писатель, который хочет служить задачам обороны страны, должен изучить вопросы авиации и осветить ее работу в современной художественной литературе, — сказал в своем докладе МИХ. КОЛЬЦОВ. — Заграницей выходит много романов, очерков, мемуров об авиации. У нас в этом отношении — провал. Мы должны показать в литературе новый тип рабочего пролетария, тип авиатора, летчика-наблюдателя. В «Истории гражданской войны» должна быть представлена история Красного воздушного флота.

— Центральной задачей ЛОКАФ, — говорит затем выступивший представитель ЛОКАФ т. РЕЙЗИН, — является привлечение писателей к вопросам авиастроения. Среди писателей мы имеем ряд писателей.

Выступившие в прениях тт. Д. ЛИБЕРМАН, Б. ЛЕВИН, ЕФИМ ЗОЗУЛЯ, МАЦА, ЗАЛКА, МИНОРАДОВ указали на необходимость привлечения писателей к авиазаводам, на что товарищ Л. ДЕЙЧЕРЕВ ответил обещанием немедленно включить писателей в практическую работу по ознакомлению с жизнью воздушного флота.

Совещание постановило выпустить специальное обращение в летчикам и писателям о создании произведений об авиации, организовать в авиачастях литкружки, выпустить специальные альманахи и сборники. Для разработки практических мероприятий избрана специальная комиссия, в которую вошли тт. АЛКСНИС, М. КОЛЬЦОВ, Л. ДЕЙЧЕРЕВ, Б. ЛЕВИН и Л. ЛИБЕРМАН.

дом творчества ВССП

ВССП получил в долгосрочную аренду б. имение Молостова, находящееся в ста километрах от Казани, на берегу Волги.

Через три месяца в этом имении будет открыт Дом творчества ВССП. Каждый писатель, предоставивший туда для работы, получает отдельную комнату для жилья и занятий и полный пансион. Дом творчества будет снабжен специальной рабочей библиотекой и всевозможными справочными пособиями и инвентарем. Уже приступлено к ремонту помещения, вместимость которого несколько свыше 12 человек. К весне приемочная способность будет доведена до 50 человек. К управлению домом творчества будут привлечены представители различных литорганизаций, которые наравне с ВССП будут производить отбор писателей.

ВССП обязуется создать в этом имении огородное хозяйство и молочную ферму.

ВССП принял шефство над местным колхозом. На постройку школы колхоз союзом отчислено 2½ тысячи рублей, учреждены стипендии на 15 лет для колхозников.

„книга и пролетарская революция“

новый критико-библиографический журнал

В ближайшее время начинает выходить новый ежемесячный критико-библиографический журнал ЦК партии «Книга и пролетарская революция». Журнал явится руководящим органом библиографии и будет обслуживать партийный, профессиональный, научный и советский актив.

Журнал состоит из двух частей. В общую часть входят статьи по вопросам марксистской критики и библиографии, рецензии и обзоры, библиографии библиографий и хроника. Специализированная часть состоит из отделов: социально-экономической литературы (редактор т. Тель), партийной и массовой литературы (Л. Перчик), художественной литературы и искусства (С. Динамов), технической (Ш. Рубинштейн), естественных и точных наук (В. Егоршин) и военно-оборонной литературы.

Журнал будет выходить конференционированными выпусками с таким расчетом, чтобы подписчики по своему выбору могли получать или журнал в целом, или обязную часть с каким-либо специальным вкладом.

Ответственным редактором журнала назначен **А. С. Бубнов;** заместителем редактора—**А. И. Гусев;** ответственным секретарем—**И. А. Вальден.**

Первый номер журнала выйдет в январе. Объем 10—12 печатных листов.

Е. П.

„Молодая гвардия“

с начинающим летом

не отстает

от почему

Очерки и рассказы

книги о героях пятилетки

Литературно-художественный отдел издательства «Молодая гвардия» организовал ряд встреч ФЗУ завода «Серп и молот» с авторами книг об этом заводе, выпущенных издательством, в серии «Строим заводы». Намечено устроить своих героев. Литературно-художественный отдел издательства получил большое количество писем, где ребята, работающие на заводе рассуждают также о прочитанном, высказывают свои пожелания, недостатки книг. Недочеты книг можно и нужно критиковать, и этим не только не повредить авторам книг, но, наоборот, помочь им в их работе. Среди «Серпа» должна жить книга о себе, помогающая ему в борьбе за новый быт, формирующая в людях нового человека, читать которую будут многие поколения рабочих. Издательство «Молодая гвардия» и организует такую книгу, хотя бы частично отвечающую всем этим требованиям.

Сейчас отдел дал выступление в крупных тт. Чистова, Тартаковская, Михайлова, Японская ФЗУ завода «Серп и молот», Бистенюк (Первая образцовая типография), Бронфман (завод «Гудок»), Шведов (МАПП) и др.

— Начинающему писателю, — говорит издательство в ответах, — не обязательно ни специальной техникой, ни опытом, нужно большое желание со стороны издательского отдела «Молодая гвардия» помочь ему в его работе, но это желание должно быть обоюдным. Издательство ждет от писателя, чтобы он был в курсе всех этих вопросов современной действительности. Сейчас в издательстве организуется комиссия ЦК ВЛКСМ, которая займется от литературных и политических консультантов по всем этим вопросам.

Е. П.

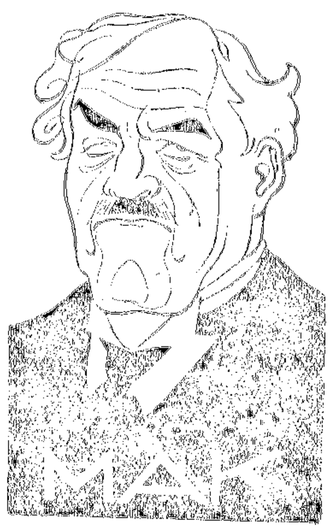


рис. Н. Анисова

Англия — классическая страна реформизма. Промышленная монополия в прошлом позволила английскому капиталисту создать значительную прослойку рабочей аристократии. Промышленная монополия была обеспечена управлению, по «выражению» его вождей, по остаткам (Ленин). Однако, чем ближе к нашему времени, тем больше надежд английский капиталист, тем меньше у него остается возможностей для создания рабочей аристократии. Пример Англии для социал-реформизма принципиально укрепление Советской власти, что особенно ясно видно в третий период, когда социал-фашизм тесно смыкается с капиталистическим государством.

«Рабочая партия Англии в области культуры исходила и исходит из усвоения Маркса, что рабочий класс может быть только потребителем, а не творцом культуры».

Литературная политика, основанная на этих (связано со всей его практикой и теоретическими установками в области культуры. Наиболее ярко это выражается это на взгляде Макдональда [illegible] с классовым и классовым социализме» и в других своих трудах он обычно с марксизмом, с пролетарством, это явление, благодаря которому художественное сознание станет возможным, — это не человек экономической формации, характеризуемой классовым сознанием. Так возникает теория школы, свободной от каких бы то ни было политических партий. Мы отмечаем это только потому, что даже рабочие колледжи, в особенности им. Рескина в Оксфорде, оказываются сознательно освобождение от марксизма и очень необходимыми от самой ремиссионной буржуазной философии.

Макдональд, как и Сноуден, любит помечать об искусстве солидизма, которое и его представления выглядит «скромным и естественным». Это ему нужно для того, чтобы выгравить у пролетариата самую мысль о том, что искусство может быть использовано для классовой борьбы. В предисловии к стихам Керри Макдональд выражает такие положения: красота и действительность — несовместимы, искусство должно успокаивать, оно должно внести в действительность примирение, уничтожить тем самым ее противоречия (теория примирения). Сажение—и рыцарем идеализма». Точно такие же положения выдвигает один из видных либералов Джеме Хэнн в предисловии к книге «Товарищи» по мастерской Ст. Хайто. Мэклональд не только теоретик, но и художник.

Тов. Динамов анализирует книгу очерков Макдональда «Пробуждение Индии» и показывает, что «идеализм Макдональда — это самое откровенное идеализация империализма и колониальной политики Англии. В этой книге Макдональд показывает как покорный лакеирует его величество, от него и усиленно отрекается английский империализм, он набрасывается на него частью, он начинает его через головы рабочих».

Обращаясь к литературно-критическим отделам «Дейли Геральд» и «Нью Лидер», т. Динамов показывает, что эти либерально-газеты неуклонно проводят линию на принижение своим читателям отношения с буржуазной культуре, как к существенно-ценностной культуре выбирают такие откровенно-буржуазные жанры, как детективный роман. Тов. Динамов приводит ряд данных о театральной политике «рабочей» партии.

В издательстве „федерация“

В связи с необходимостью перестроить работу издательства «Федерация» согласно последнему постановлению ЦК партии об издательской работе, Исполбюро ФОСП в ближайшее время заслушает специальный доклад правления «Федерации». В помощь перестройке «Федерации» секретариатом ФОСП создана бригада, которая немедленно обследует работу издательства и выступит с докладом на Исполбюро ФОСП.

В состав бригады, руководимой О. Колесниковой, вошли тт.: Н. Аггеев, Арутюнов (ОГИЗ), А. Вязалок (Профиздат), А. Грузинская (МАПП), Э. Казьми (Литгазета), Н. Лященко (Горком писателей), В. Остроградский (ВОКПИ), Резник (полиграфический институт), Уманский (ОГИЗ), Шварцман (рабочий редактор ГИХЛ) и С. Штрайх (Сибфонд).

С НОЯБРЯ МЕСЯЦА ВЫХОДИТ НОВЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

„ЗА МАТЕРИАЛЬНУЮ БАЗУ ПЕЧАТИ“

Орган Госплана СССР и комитетов по делам печати РСФСР и УССР.

Журнал ставит себе целью: борьбу за улучшение качества полиграфической продукции, за рациональное использование действующего оборудования и внутренних ресурсов всего хозяйства печати, за увеличение капитального строительства, организацию и насаждение полиграфического и бумажно-машиностроения, за поднятие технического уровня издательской полиграфбазы, за правильную организацию книжно-газетного распространения.

ОТКРЫТ ПРИЕМ ПОДПИСКИ

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

12 мес.—10 р., 6 мес.—5 р., 3 мес.—2 р. 50 к. С ноября месяца на 14 мес.—12 руб.

Единичный нумер номера 1 руб.

Подписка принимается только в почтах не позже установленного им срока

ЖУРНАЛЬНО-ГАЗЕТНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ

К СВЕДЕНИЮ ТЕАТРОВ и КЛУБОВ

ОТДЕЛ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ВСЕРОСКОМДРАМА выпускает к ОКРЯБРЬСКИМ дням специальный сборник ЭСТРАДНОГО РЕПЕРТУАРА на тематику 14-й годовщины.

В сборнике произведения: МАЯКОВСКОГО, АРГО, АРХАНГЕЛЬСКОГО, БОБЫЛЕВА, ГАЛИЦКОГО, ВЕР. ГРОМОВА, ГОРОДЕЦКОГО, ДАНТИНА, ИРКУТОВА, МАССА, МЕЙЕРА, ПУСТЫНИНА, СИТКОВСКОГО, ФУРМАНСКОГО и других.

ЦЕНА СБОРНИКА 12 р.

Иногородние заказы следует направлять по адресу: Тверской бульв., 25; там же Гирея — Отдел Распространения Всероскомдрама.

ИЗВЕЩЕНИЯ

* 27 октября — 19 ч. — в Институте ЛИЯ Комакадемии (Волхонка, 14, Комната 327)—пленум литературной секции. Доклад т. Перминовой «О творчестве Федина».

* 27 октября — 20 ч. — В Толстовском музее (ул. Кропоткина, 11) — доклад Л. И. Гроссмана «Достоевский и правительственные круги 60-х годов».

* 27 октября — 19 ч. 30 м. — в Доме Герцена (Тверской 6, 2а) — собрание детской секции ВССП. Доклад Добиньского «Пионеры-читатели школы и детской литературы».

* 27 октября — 18 ч. — МАПП и «Рост» (Тверская, 52, вход во двора с Б. Бронной) созывают первое организационное совещание актива критиков при журнале.

* 28 октября — 19 ч. — клуб ФОСП (ул. Воровского, 52) — собрание критической секции и инструктив МосЛОКАФ. Доклад т. Гладкова о творчестве Шиллера.

* 28 октября — 18 ч. — в помещении журнала «Прожектор» — очередное занятие производственного совещания очеркистов.

* 29 октября — 18 ч. — в Краснопресненском районном комсомола (Вдовьевская, 20) —собрание актива МАПП Октябрьского района. В повестке: 1. Состояние и перспективы работы в районе. 2. Выборы райбюро.

* 30 октября — 19 ч. 30 м. — клуб ФОСП им. Горького — перевыборы правления клуба. Отчет правления и ревизионной комиссии. Планы работ будущего года. Концерт.

* 30 октября — 19 ч. — в помещении ПО РОППКИ — доклад т. М. Беккера «О творчестве ударников».

* 30 октября — 20 ч. — второе производственное совещание советских писателей при журнале «Огонек» (Страстной б., 10).

* 30 октября — 19 ч. — в Доме Герцена (конференц-зал) — годичное общегородское собрание драматургов. Повестка дня: 1. Очередные задачи работ драмсекции (т. Рассомахин); 2. Отчет бюро драмсекции (т. Шувалов); 3. Выборы бюро. Там же в 18 ч. — фракция ВКП(б).

* 30 октября — 19 ч. — в Институте ЛИЯ Комакадемии (комната 325) — пленум литературной секции. Доклад т. Анисимова «Поэзия социалистического литературного Запада».

* 31 октября — 19 ч. — в Институте ЛИЯ Комакадемии (комната 204) — диспут по докладу «О пролетарско-революционной литературе».

* В связи с исполнением двей празднования XIV годовщины Октября — открытие занятий на семинаре МОПКИ для руководов литкружков переносится с 1 ноября на 10 ноября.

* Литературная секция московского совета ГИХЛ устраивает четверговые читки по 1, 3, 5, 6, 8, 9, 11, 13, 15, 16, 18, 19, 21, 23, 25, 26, 28, 29, 31 числам каждого месяца от 11 до 18 часов. В эти остальные дни консультация будет работать с 11 до 16 часов. По записям литкружков будут высылаться консультанты выездами на предприятия. Запрос направлять: улица 25 октября, дом № 10/2, ГИХЛ. Заведующая консультация.

НОВЫЙ РЕДАКТОР „ЛИТГАЗЕТЫ“

Тов. С. С. Динамов освобождается Исполбюро ФОСП от обязанностей ответственного редактора «Литературной газеты» в связи с переходом его на другую работу (заместителя директора ГИХЛ и Комакадемия).

Ответственным редактором «Литературной газеты» утвержден тов. А. П. Селивановский.

Ответственный редактор: А. СЕЛИВАНОВСКИЙ.
РЕДКОЛЛЕГИЯ: Н. Асеев, С. Динамов, И. Жига, Л. Ильинский, И. Нусинов, Г. Корнеев, Н. Огнев, А. Селивановский, К. Сельвинский, М. Слонимский.
ИЗДАТЕЛЬ: Журнально-газетное об'единение.

Молодая гвардия
ИЗОГИЗ ЦЕНТР

„МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“

В номере:

ЛЮБОВЬ КОНЬЯЛОВА — Черная крыша — повесть.

Н. КУЗЬМИН — Крыши — очерк из отмочек.

ВЕС. ИМЕРЛИНГ — Митрини и его окрестности—очерковая повесть.

П. ЛОГИНОВСКОВ — На стройке — рассказ.

ЭЗЕЛЬ ДОТЬЕ, пер. А. ГАТОВА — Социальная анкетация и др. стихи.

А. ФАРЬЕР — Мои биографии — стихи.

Ф. ФОЛОМИН — Деревня — стихи.

Г. ШТЕЙГАК — Декада — стихи.

В. СИДОРЕНКО — Ветер с Невы — стихи.

В. ГУСЕВ — Гибель экскурсии — стихи.

О. Я. КОН — 14 лет в капиталистическом окружении.

В. К. ЕРУШСКАЯ — Десять лет тому назад и сейчас.

А. КУРЕЛЛА — В фашистском застенке — очерк.

О. ФАЛЬК — Образы рабочей Германии — очерк.

О. ЕЛИТИНСКИЙ — Эпизоды из Октябрьских дней Него года.

НЕВИЛЬ — Красный Кавказ, пер. А. Ивича (окончание).

М. МИРОНОФ — История двенадцати. Доклад «Комсомол и художественная литература».

КОНСУЛЬНИК Е. — За высокохудожественную литературу о комсомоле.

К. КУЗЬМИН — О конгокольском очерке.

Г. БРОНМАН — Молотые ударники в пролетарской литературе.

В. Л. НАЗАРОВ — Заметки о театре эпохи гражданской войны.

Н. ХОДЕЛКО — Великий транссибирский ледяной путь — очерк.

А. АЛЬСОНИЙ—Новая победа советской науки—очерк.

А. ВЕЛЬТАКОВ — И. Поздков «Линейный корабль и бой».

М. ЛЕВИН — В. Луговской «Большевики пустыни и песков».

М. ЛЕВИН — С. Бытовой «Улица сказок».

В. ЗАЛЕССКИЙ — В. Инклонский «Новый оптимизм».

Требуйте во всех киосках и магазинах.

Цена отдельного номера 1 р. 20 к.

Принимается подписка на II полугодие 1931 г. и первое полугодие 1932 г.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА.

на 1931 г.

на 6 мес.—5 р. 75 к., на 3 мес.—2 р. 90 к., с 1 июля по 31 декабря—10.50 г.—12 р. 75 к.

на 1932 г.:

на год 9 р. 60 к., на 6 мес.—5 р. 90 к., на 3 мес.—2 р. 40 к.

Подписка принимается во всех отделениях и магазинах Книгоцентра, на почте и письмоносцами.

В середине ноября выходит из печати, поступает в продажу и рассылается подписчикам № 21/22 литературно-художественного и общественно-политического журнала, выходящего на партийной молодежно-комсомольский актив, передовые слои рабочей и колхозной молодежи.

Уполн. Главлита № 105361.

Литературная газета (39) изд. «Мосполиграф», пр. им. Серпова-Станкова, д. 3.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ФЕДЕРАЦИИ ОБЪЕДИНЕНИЙ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР

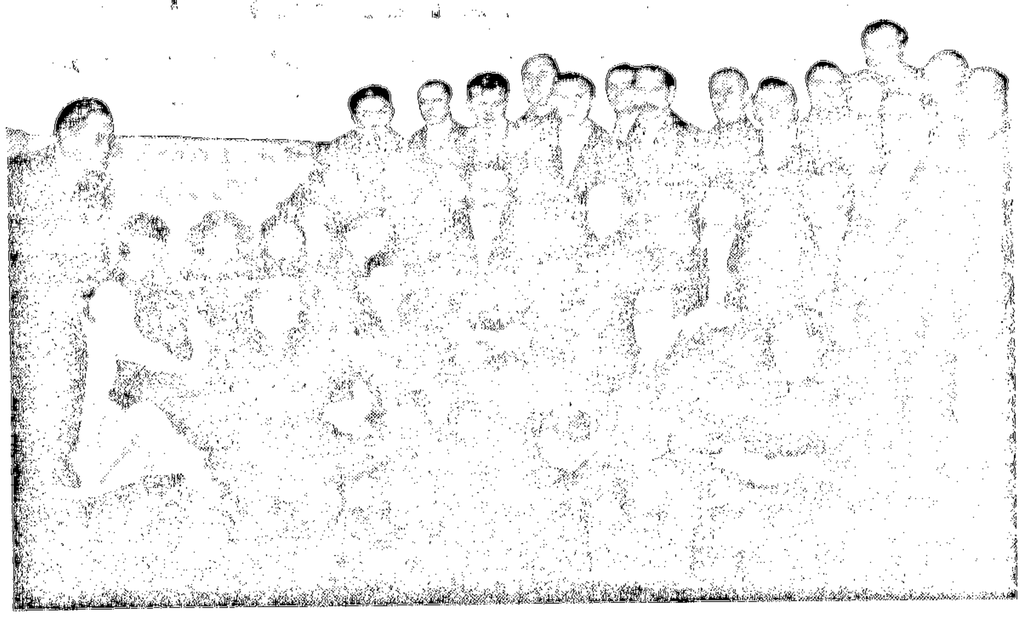
МОСКВА — 2 НОЯБРЯ 1931 Г. № 59 (158)

РЕДАКЦИЯ:
Москва, Тверской б. 25, Дом Герцена. Телефон 2-80-12.

ИЗДАТЕЛЬСТВО:
Журнально - газетное об'единение: Москва, 6, Страстной бульвар 11. Телефон 5-51-69.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА:
На 12 м. 3 р. 50 коп.
На 6 м. 1 р. 75 к.
На 3 м. - р. 90 к.

ДЕЛЕГАЦИЯ ПИСАТЕЛЕЙ У ПРЕДСОВНАРКОМА СССР т. В. М. МОЛОТОВА



1 РЯД — сидят на полу: Афиногенов, Лавренев, Луговской, Малышкин. 2 РЯД — сидят: Огнев, Сейфуллина, Караваева, Колесникова, Олеша, председа Совнаркома Союза ССР т. Молотов, Авербах, Селивановский, Горбунов; стоят: Мих. Кольцов, Вс. Иванов. 3 РЯД: Арт. Халатов, Слонимский, Л. Леонов, Соловьев, Митрофанов, Никифоров, Ставский, Замойский, Ив. Батрак, Ляшко, Шушканов, Макарьев.

Двадцатого октября с. г. председатель Совнаркома СССР тов. МОЛОТОВ В. М. принял делегацию в составе сорока московских и ленинградских писателей. Делегация состояла из авторов, в основном об'единяемых Оргизом, из членов РАПП, РОПКП, ВССП, Всероссекомдрам. В ней приняли участие: тт.: ХАЛАТОВ, СОЛОВЬЕВ, ЛЕОНОВ, ТИХОНОВ, МИХ. КОЛЬЦОВ, СЛОНИМСКИЙ, ЛАВРЕНЕВ, ОЛЕША, ОГНЕВ, СЕЙФУЛИНА, АВЕРБАХ, СЕЛИВАНОВСКИЙ, АФИНОГЕНОВ, КАРАВАЕВА, КОЛЕСНИКОВА, БАХМЕТЬЕВ, ЛЯШКО, ЗАМОЙСКИЙ, БАТРАК и др.

Членам делегации затронули в беседе с т. Молотовым ряд культурно-бытовых и творческих вопросов, назревших в писательской среде. Обеспечение наиболее правильного воспитания новых творческих кадров ударников, вопросы создания подготовленных сил для руководства этой работой, необходимость создания специального литературного вуза, вопрос более тесного соприкосновения квалифицированных писательских кадров с кадрами ударников, вопросы углубления марксистско-ленинских знаний в среде сознательных писателей, вопросы большего сближения писательской общественности с рабочей общественностью и руководящими органами Союза были заострены в ряде выступлений членов делегации. Многие писатели обращали внимание т. Молотова на то, что затруднения с бумагой как в количественном, так и в качественном отношении — приводят к угрожающему разрыву между потребностями трудящихся масс в художественной литературе и выпускной способностью издательств. Кроме того кризис с бумагой начинает создавать в среде писателей известную творческую депрессию.

Большое внимание было уделено материально-бытовым вопросам. Несмотря на некоторые улучшения за последнее время в этой области, все еще налицо жилищные затруднения, не налажены медицинская помощь и отдых писателей, не разрешены вопросы питания, вопросы нового строительства домов-комбинатов для писателей, домов творчества, санаторий и домов отдыха.

В своем ответе писателям т. Молотов согласился с тем, что поднятые делегацией вопросы требуют к себе большего внимания и будут им в ближайшее время поставлены на обсуждение соответствующих органов. Тов. Молотов отметил наряду с этим тот несомненно здоровый политический и творческий сдвиг в среде писателей, который произошел за последние годы и ту большую сплоченность литературных организаций, которой способствовало создание Федерации писателей.

Вместе с тем т. Молотов заострил внимание писателей на необходимости повысить их политическую активность и в творчестве своем стремиться не только к тому, чтобы политически правильно и художественно полноценно осветить основные проблемы действительности сегодняшнего дня, но и суметь заглянуть вперед, обозначить перспективы развития и нового человека, и нового соотношения общественных сил.

О КОНКРЕТНЫХ СЛУЧАЯХ ПРОЯВЛЕНИЯ БУРЖУАЗНОЙ ОПАСНОСТИ В ЛИТЕРАТУРЕ

Классовая борьба в стране, обостряющаяся в связи с победоносным наступлением социализма на капиталистические элементы, ликвидацией кулачества, как класса, на базе сплошной коллективизации, усилением темпов социалистического строительства, — понятно не могла не найти своего отражения и в литературе.

Если сейчас значительная часть творчески наиболее ярких писателей-попутчиков резко повернула в сторону органического слияния с пролетарской революцией и сторону решительной перестройки и переделки своего мировоззрения, постепенно превращаясь из попутчика в союзника пролетариата, то ДРУГАЯ ЧАСТЬ писателей, менее значительная, творчески находящаяся на ущербе, либо застыла на старых попутнических позициях, либо превратилась в агентуру классового врага.

Многие из попутчиков первого призыва пытались отыграться на «злободневности» тематики. Но «злободневность» без перестройки мировоззрения писателя превращалась в свою противоположность, — в приспособленчество, халтуру, в злую карикатуру на действительность.

Есть ли польза от подобных писаний, от механического ПРИСТРАИВАНИЯ и действительности без решительной борьбы за идейное перевооружение? Нет.

Если от этого кто и выигрывает, так только классовый враг, которому весьма выгодно всякое искажение нашей действительности, всякая на нее карикатура.

Но с другой стороны, мы видим и прямое идеологическое смыкание известной части писателей с классовым врагом. Те, кто раньше думали и мечтали о неизбежности буржуазного перерождения нашей революции, сегодня, на новом этапе, «поостыли» против социалистического наступления, стали оправдывать нашу борьбу, сгущать краски, преувеличивать наши трудности.

Такие произведения, о которых говорил т. Авербах в своем выступлении на секретариате РАПП, как роман Ларри «СТРАНА СЧАСТЬЯ», «ГОЛОВОРЕЗЫ» — Гумилевского, «ТЕРИБЕРКА» В. Правдухина, «СКАЗОЧНОЕ ИМЯ» — Сергеева Ценского, «ВПРОК» — Платонова и целый ряд других вещей, появившихся за последнее время на страницах наших журналов, изданных советскими издательствами, говорят о реальном проявлении классовой борьбы в литературе. Почему? Потому что в этих произведениях совершенно реально прощупывается влияние буржуазных «идеек», «теорий», давлению классово-чуждых настроений. Такие мысли, как например,—партия— это чиновники, страну строит стихия, стихийные люди, или — строительство социализма уничтожает людей, или — при социализме нет места красоте, искусству, культуре, — вредные, враждебные нам мысли, принесенные из буржуазных, кулацких представлений о революции, социализма, о новом обществе.

Задача нашей марксистской большевистской критики давать беспощадный отпор подобным взглядам, разоблачать клевету классовых врагов на нашу действительность.

Задача наших издательств, редакций журналов осторожно подходить к приему произведений, в которых проскальзывают подобные взгляды, подобные настроения. Нужна максимальная бдительность в этом отношении.

Но что же мы видим в действительности? Ослабление классового чутья, примиренчество, либерализм, елейнейшее мягкосердечие у тех, кто поставлен партией на ответственные посты литературного фронта, на работу в наших издательствах.

Пример с издательством «ФЕДЕРАЦИЯ» наглядное тому доказательство.

В работе этого издательства проявилось примиренчество и забвение буржуазной опасности в литературе. Классовая бдительность, принципиальность, идейная непримиримость нередко подменялись беспринципным «срабатыванием» с худшими элементами в писательской среде. В практике работы руководства издательства проявлялся недопустимый либерализм, примиренчество по отношению классово-вредных произведений.

Из 144 названий, выпущенных издательством в 1931 году, около 30 произведений, т. е. ПЯТАЯ ЧАСТЬ БЫЛА ЗАБРАКОВАНА БИБЛИОГРАФИЧЕСКИМ ИНСТИТУТОМ КАК ПОЛИТИЧЕСКИ ВРЕДНАЯ ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Вместо планомерной работы с новыми литературными кадрами, вместо привлечения лучших союзнических писателей, вместо принципиального срабатывания с близкими нам попутчиками, мы видим самотек, беспринципность, печатание таких произведений, как «Головорезы» — Гумилевского, «Ортодоксы» — Тарасова, «Навстречу смерти» — Дюбина. Вместо мобилизации писательской общественности на борьбу за социалистическое строительство, мы видим развращение этой общественности выпуском заведомой халтуры, дешевки, классово-враждебной литературы. И это делается в то время, когда каждый килограмм, каждая тонна бумаги дорога, когда ее не хватает на издание других, неравнимо более нужных и полезных произведений.

30 негодных названий в течение 10 месяцев! А сколько уже готовых книг не увидело света по причине идеологической непригодности!

Но разве только одна «ФЕДЕРАЦИЯ» выпускает подобную продукцию? К сожалению, нет! К сожалению, такое издательство, как «МОСКОВСКОЕ ТОВАРИЩЕСТВО ПИСАТЕЛЕЙ» может соревноваться (только не в социалистическом порядке!) с издательством «Федерация».

Случай с издательством «Федерация» в первую очередь говорит об ослаблении классовой бдительности в руководстве этого издательства.

Мы должны потребовать отчета, от тех, кто «апробировал» появление книг с клеветой на нашу действительность.

Издательство «ФЕДЕРАЦИЯ» должно превратиться в один из идеологических форпостов партии на литературном фронте.

НАШЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ: „ИСТОРИЯ ЗАВОДОВ" СОГЛАСОВАТЬ ДЕЙСТВИЯ, ДОБИТЬСЯ ПЛАНОМЕРНОСТИ

На ряде предприятий, в различных организациях и в издательствах Ленинграда наблюдается недопустимый параллелизм в работе по составлению «Истории заводов». Литературные кружки ЛАПП еще не на каждом заводе нашли свое место в общей системе работы, изолируют себя от партийных, профессиональных и других заводских организаций. До тех пор, пока мы не усвоим себе четкого, организационного принципа, мы не добьемся согласованности действий и планомерности в работе.

Так как «История заводов» и материалы к «Истории» будут печататься при ГИХЛ, необходимо именно там создать штатную обязательную редакционную коллегию из пяти человек, куда войдут представители ЛАПП, Комакадемии, Союза советских писателей и издательства. Общее руководство редколлегия должна получать от обкома ВКП(б).

Оперативная редакционная коллегия в первую очередь намечает тяжелые заводы, о которых будет написана «История». Работа эта проводится совместно с районными партийными комитетами, при которых создаются комиссии содействия. На заводах, которые будут отобраны как типичные, организуются редколлегии из представителей парторганизации, литкружка, редакции заводской газеты, фабкома. НТР и также из представителей заводских старожилов. Вокруг этих редколлегий формируются беседы из широкого рабочего актива, пишущего, организующего и собирающего материал. При этом в каждом цехе редколлегия имеет своего бригадира, через которого и проходит всю работу.

Центральная оперативная редколлегия обеспечивает заводские коллегии и бригады организационной помощью. Коллегии на заводах составляют планы работ, делают расстановку сил и средств, намечают стержневые вопросы. Редколлегии заводов обработанный материал направляют в литературно-техническую редакцию при ГИХЛ.

Все издательства Ленинграда и области, начавшие работу по созданию «Истории» по рабочим цехам системы, согласовывают все намеченные мероприятия с центральной редакционной коллегией. Этим самым будет изжит ориентализм на одиночек-литераторов, предлагающих им свои услуги. Издательства должны помнить, что это прежде всего, коллективная работа, за которую отвечают и партия, и профсоюз, и литературные организации.

Под руководством центральной редколлегии «Истории заводов» систематически устраиваются совещания заводских редколлегий и бригад для обмена опытом, а также общегородские конференции рабкоров и представителей литсрезвычаек с докладами практически консультационного порядка.

Ассоциация представителей организуют при своем президиуме самостоятельный сектор истории фабрик и заводов. Ясно, что план работ ассоциации разрабатывается совместно с оперативной редколлегией при Оргизе.

Чем должен заниматься этот сектор?

Он подбирает наиболее работоспособный актив из выявившихся рабкоров, с помощью которого проверяет работу в районных ассоциациях, в кружках и бригадах; он дает директивы районным ассоциациям, которые должны обеспечить заводские газеты материалом, сигнализирует ход работы по созданию «Истории» и организацию этого дела; он дает назначение представителям союза советских писателей, промышленным секциям бюро краеведения, ИЗОГАМ, Всероссекомдрам, — на какой завод отправиться и какой работой заняться. При ассоциации прочитываются производственные совещания литературных групп по вопросам «Истории».

Консультационная работа приобретает исключительное значение. При ГИХЛ нужно создать поэтому дежурный кабинет по оказанию консультационной помощи рабочим авторам и бригадам. В работу этого кабинета должны привлечь участие студенты литературных университетов, силы Комакадемии вуза, ЛИЯ Комакадемии, Музея революции, Истпарта, Истпрофа. При ассоциации необходимо организовать семинар для литкружковцев и бригадников по вопросам истории и рабочего класса и истории партии.

Нужно бороться за темпы, бороться за качество не противопоставляя одно другому. Мы знаем, что выпускаются литфронтовцы, которые будут заявлять, что при «таких темпах не может быть обеспечено необходимое качество. Но чем сильнее бичевое напряжение изменит огонь по пустякам в газетах. Тем сильнее оно будет бороться за возглавление РАПП, всего нашего «угольщырья», за большее большевистское искусство».

Г. МИРОШНИЧЕНКО

Ленинград.

КНИГА, КОТОРОЙ НЕТ НА ЗАВОДЕ

Обслуживание иностранных рабочих, живущих в СССР, художественной литературой до сих пор не налажено. Издательство иностранных рабочих шесть месяцев занимается разработкой планов. Писательские организации должны притти на помощь МОРПу и издательству в их работе с иностранными рабочими.

ПЛАНЫ, ТОЛЬКО ПЛАНЫ...

«Издательское товарищество иностранных рабочих в СССР» организовано около полугода назад. Еще первые месяцы своего существования издательство обещало широко развернуть массовую работу. Но обещания пока что остаются обещаниями. Читательские конференции, рабочий редсовет, кабинет рабочего автора, литконсультация — все это до сих пор только в перспективах.

Сейчас в соответствующих организациях подготовляются к призыву иностранных рабочих-ударников в литературу. Что делает издательство в этом направлении? Ничего. Оно считает его «преждевременным».

На ноябрь назначена первая издательская конференция в Москве, вслед за которой намечено провести такие же конференции в Ленинграде, Харькове, Ростове-на-Дону и в крупнейших промышленных центрах Урала. Бригада издательства приступила к подготовительной работе, наметив созыв конференции в первую очередь на московских предприятиях (Электрозавод, АМО, 2-й часовой завод и др.). Решено также сейчас же после конференции приступить к организации рабочего редсовета. Намечен и обширный издательский план.

Но гарантирована ли реальность всех этих планов? Практика издательства, качество работы, темпы ее не обеспечивают этого.

Нужно ли говорить, что все это объясняется именно оторванностью издательства от рабочей общественности?

Е. П.

ПРИЗЫВ ИНОСТРАННЫХ РАБОЧИХ В ЛИТЕРАТУРУ

Культурное обслуживание иностранных рабочих на московских предприятиях поставлено очень слабо. Рабочие клубы, красные уголки, заводские организации уделяют незначительное внимание работе с иностранными товарищами.

Среди немецких рабочих, представляющих наиболее многочисленную группу в Москве, уже выявлены первые начинающие писатели-ударники (к примеру, немецкий рабочий-ударник «Шарикоподшипника» Макс Мильке). Немецкая секция МАПП организовала несколько литбригад: на Электрозаводе, Шарикоподшипнике и Книжной фабрике Центриздата. В задачу бригад входит составление коллективных книг о героях пятилетки — советских и иностранных рабочих, помощь немецким заводским стенгазетам на крупнейших предприятиях, выявление начинающих рабочих-писателей, к предстоящему призыву иностранных рабочих в литературу.

*

Особенно плохо обслуживаются иностранные товарищи художественной литературой как советской, так и иностранной, революционной. Не этим ли объясняется тот факт, что многие немецкие рабочие вынуждены «самоснабжаться» художественной литературой — им присылают книги из Берлина, книги, среди которых немало вредного мелкобуржуазного, мещанского барахла?

Необходимо со всей резкостью подчеркнуть, что даже маниловские русские литкружки не уделяют внимания литработе с иностранными рабочими-ударниками, что ни ФОСП, ни ВССП не могут похвалиться хорошо налаженной работой в этой области.

МОРП готовится к проведению призыва иностранных рабочих-ударников в литературу. В первую очередь решено провести призыв немецких рабочих. На предприятиях со второй половины ноября будут организованы литературные вечера, к участию в которых привлекаются пролетарские и советские писатели. Помимо этого намечено организовать на московских заводах выставки немецкой художественной литературы, изданной в СССР, и переводной литературы напреступник. Сейчас немецкие литбригады работают над выявлением общего числа немецких рабочих, находящихся в Москве, над выявлением их политического, партийного и общественного лица. В этой работе бригадам помогает ежедневная немецкая газета «Дейче Центральцейтунг», выпускающая специальные литературные страницы.

Несомненно, что успех этого большого и нужного дела будет обеспечен только в том случае, если МОРП встретит со стороны ФОСП, РАПП, ВССП и других литературных организаций действенную и практическую помощь. Помощь эта конкретно может выразиться в организации специальной бригады писателей, которая установит связь с МОРП и с издательством иностранных рабочих, с иностранными газетами, выходящими в СССР, и с рабочими-иностранцами, работающими на наших предприятиях.

А. КРУПНОВ

БЛИЖЕ К МАССАМ!

Работа издательства иностранных рабочих все еще очень слабо развернута среди немецких товарищей на Электрозаводе. Давно уже поговаривают о созыве читательской конференции и создании рабочего редсовета, в который наше иностранное бюро выделило пять кандидатов. Но пока не видно никаких конкретных шагов в этом направлении.

Можно было бы составить список рекомендованной политической и художественной литературы, в которой мы очень нуждаемся. Устройство литературных вечеров и читательских собеседований несомненно принесло бы большую пользу. Следовало бы также организовать выставку книжной продукции.

ЗАМЕР (инструктор партийного и заводского комитета по интернациональной работе)

ПРИЕЗЖАЙТЕ К НАМ!

Наше издательство работает еще плохо.

Советских книг для нас издано очень мало. Пока, кроме «Брусков» Панферова, мы ничего не имеем. При издательстве до сих пор не организован рабочий редсовет. А ведь это следовало бы сделать в первую очередь.

Призыв иностранных рабочих в литературу необходим. Среди немецких товарищей-электрозаводцев уже выявлены начинающие писатели. На предприятиях следовало бы организовать литвечера, посвященные призыву. Квалифицированные писатели должны показывать в них и помочь иностранным рабочим в повышении их общего культурного уровня и овладении писательским мастерством.

Мы ждем писателей у себя на заводе. Пусть приезжают к нам!

ГУСТАВ БРАНДТ (бригадир литбригады немецкции МАПП при Электрозаводе)

НОВАЯ РОДИНА

За сводом озер,
за средним оврагом и рытвин
Осталась твоя Рита,
до стона губу прикусив.
В синеватом тумане
стоит безработная Рита,
у которой ни денег,
ни хлеба,
ни сил.
Но прощальное слово
Давно повода отсидели...
Механический цех
удивительным утром расцвел.
Он хрустит чугуном
и порошит крупинками стали,
С толкотней фрезеровщиц
водит удалое родство.
Так привычно и густо
кучерявится небо дымами,
И ложится на крышах продымленная
заря...
Неужели не жаль тебе
старых кварталов Германии, —
Где росли твои деды,
берлинские слесаря?
О, родина, Deutschland!
В такую рассветную пору
по серым кварталам
шагают к заводу друзья,
На Ганса и Фрица
Встречает приказом контора,
что сильным трудиться
в Германии больше нельзя
О, родина, Deutschland!
(Стих)
под расплавленным солнцем
За то, чтобы биржуазу

Жрали и пили вино,
волочит обрубки
войной искалеченных ног.
О-о, родина.
Ещь он вернется, вернется
Советские флаги
нести над умершей страной.
А здесь, где атака
идет в пневматическом треске,
Где люди в труде
забывают семью и покой
Ему поручают
рабочие планы и места,
включает в шеренгу
плечистых кадровиков.
Слова незнакомы,
и люди еще незнакомы,
Но простая улыбка
на лицах у слесарей.
Да и как передать —
Комаров, председатель цехкома,
молодое пожатье, шоночий ладони
твоей!
Производственный день
разрастается
Яростно жгучий,
И сочное солнце
мелькает во-всю на шкивах...
Принимай его, родина,
ставшая первой и лучшей—
Он приходит к тебе,
до локтей засучив рукава!

ЮРИЙ ЧЕРКАССКИЙ

Член организации ВУСПП в Донбассе — «Забой»

В ГЛАВНОЙ РЕДАКЦИИ „ИСТОРИИ ЗАВОДОВ"

При редколлегии «Истории заводов» образован секретариат в составе М. Горького, Стецкого, Мохнача, Халатова, Авербаха, Крючкова, Тихонова, Шушканова, Панкратьева, Бегушевского, Кривова и Рафаила.

23 октября под председательством А. Халатова, состоялось заседание секретариата. В ближайшие дни в газетах будет напечатана статья М. Горького, касавшаяся общественно-политических задач «Истории заводов», а также инструкция, составленная редакцией. Кроме этой инструкции, имеющей предварительный характер, редакция «Истории заводов» предполагает в ближайшем будущем выпустить специальную брошюру, в которой будет изложена методология составления сборников, подробная их программа, инструкция по собиранию материала и библиографии.

Организационная структура издания вкратце такова:

В центре издением руководит главная редакция и ее секретариат; в областных центрах организуются представительства редакции и при них — комитеты содействия. На заводах создаются заводские редакционные комитеты, которые и ведут всю работу по собиранию материала и составлению сборника. После утверждения главной редакцией сборник печатается в Оргизе.

Список заводов, включенных в программу издания, вырабатывается в редакции совместно с областными представительствами и будет опубликован позже.

В первую очередь должны быть напечатаны несколько десятков монографий наиболее значительных предприятий СССР. Монографии остальных заводов будут издаваться во вторую и третью очередь.

Сборники, касающиеся заводов, расположенных на территории РСФСР, будут печататься на русском языке. Сборники об истории заводов, расположенных в национальных республиках, будут печататься на национальном и русском языках одновременно.

При составлении сборника могут быть использованы все виды и жанры литературы, основанные на точно проверенных фактических данных. Чисто беллетристические произведения, посвященные заводам (романы, повести, этюды, пьесы и пр.), составят особое приложение к основной серии сборников.

В течение ближайшего времени секретариат организует ряд докладов в литературных и общественных организациях и на рабочих собраниях наиболее крупных предприятий.

от нашего ленинградского корреспондента

ПЛЕНУМ ДЕЛОВОЙ ПЕРЕСТРОЙКИ

Под знаком деловой перестройки и широкой самокритики всех звеньев работы проходит пленум правления ЛАПП.

— Старые методы дают осечки, — заявил, открывая пленум, ответственный секретарь ЛАПП т. Ю. Либединский. — Старые организационные формы мы не соответствуют размаху сегодняшнего этапа пролетарского литературного движения, новым задачам, стоящим перед ассоциацией пролетарских писателей.

Основной доклад В. Ермилова посвящен задачам ленинградской ассоциации, в связи с итогами сентябрьского пленума РАПП.

Успехи ЛАПП несомненны. Об этом говорят хотя бы количественные показатели. Вместо 4 кружков в 1928 г. ЛАПП насчитывает сейчас 60—70 заводских литгрупп, об'единяющих тысячи рабочих-ударников. Рантет рабочее ядро и в творческом активе ЛАПП. Если в 1928 г. в журнале «Звезда» сотрудничало всего 16 лапповцев (среди них не было ни одного рабочего), то в этом году среди сотрудников «Звезды» 42 проц. пролетарских писателей и половина из них — рабочие. Наряду с этим наблюдается и качественный рост рабочего ядра. Именно поэтому в ЛАПП впервые широко развернулась творческая дискуссия, получившая всесоюзное значение, и именно поэтому в Ленинграде произошел разгром «Литфронта». Но оснований для самодовольства нет. В ЛАПП еще не преодолены отставания, развинченность, расхлябанность.

В. Ермилов развивает план конкретных мероприятий лапповской работы под углом зрения борьбы за превращение ударников и хозяина пролетарского литературного движения.

Выступления В. Ермилова и следующего докладчика, орграсекретаря ЛАПП Ф. Евсеева, иллюстрировали интересными фактами секретари районных ассоциаций, Г. Файвилович и П. Евсеев, представители заводских кружков, доклады которых впервые ставятся на пленуме ЛАПП, и широко развернувшиеся прения, в которых подавляющее число состояло из рабочих-ударников.

Новые кадры рабочих-ударников слабо охвачены идейно-воспитательной работой и руководством. Целый ряд литкружков изолирован от заводской жизни. Например, на заводе им. Лепсе заводской кружок в дни прорыва на заводе занялся обсуждением проблем: как совместить личное с общественным, как относиться к девушкам и т. д.

Кружки не обеспечены квалифицированными руководителями.

Центром подготовки кадров для руководства кружками сейчас является рабочий литературный университет, о работе которого сообщил на пленуме тов. Шнейдер. Информацию Шнейдера дополнил ударник завода им. Марти т. Корытов. Он подчеркнул, что перестройка РВУ все еще идет черепашьими темпами. Университет не обеспечен преподавателями, методическими учебными пособиями. Еще не проработаны методы учебы.

Ряд авторов указывал на недооценку заводскими, в частности некоторыми партийно-комсомольскими организациями литературной работы. Если завкультсектором Московского райкома партии т. Гаврилов принимает активное участие в руководстве работой ассоциацией, то, скажем, культсектор парткомитета «Электросилы» т. Кисляк считает, что литературными вопросами «заниматься некогда». Такое же отношение к литкружкам мы имеем и со стороны некоторых комсомольских ячеек. Впрочем, на некоторых заводах инициаторами литкружки, «засекречивающие» свою работу от заводской общественности (фабрика им. Анисимова).

Слабое руководство, недостатки идейно-воспитательной работы, низкий теоретический уровень рабочих-литкружковцев привели к тому, что ряд заводских кружков допустил литературно-политические ошибки и даже кратковременную защиту «Литературного фронта».

Тт. Рязанов («Большевик»), Егоров («Северная верфь») и Руженцев («Красный выборжец») рассказали о деформаторской деятельности в кружках профессора Горбачева.

— Когда проф. Горбачев, — заявил выступивший т. Сидоренко («Красный путиловец»), — клялся диалектическим материализмом, мы верили ему. Мы считали литфронтовскую линию правильной. Более глубокие напостовские установки нам не были разъяснены. В результате — литфронтовское влияние, которое ощущается в произведениях некоторых кружковцев до сих пор.—ЛАПП в первый этап призыва ударников в литературу, — говорит т. Наумов, кочегар-ударник «Красного путиловца», — не обеспечила нас качественной учебой. Наша критика недостаточно остро подошла к творчеству ударников, ограничиваясь «похлопыванием по плечу». Некоторые из нас зазнались, имело место «головокружение от успехов».

— Я написал два имени, но не знаю, правильно ли написал? Я отлично знаю свой котел, но не могу осмыслить тех или других явлений котельной. В результате неподготовленности, я и попал в группу «Заказ». Я скрипел зубами, когда один из руководителей «Заказа», т. Веронов, на активе ЛАПП подал записку о выходе из группы. Теперь оказываемся вышли из группы и остальные руководители — Чарменко и Владимиров. Но в своем заявлении они пишут, что в ошибках «Заказа» виновата вся группа. Значит мы остаемся «козлами отпущения». Я публично заявляю о своем выходе из «Заказа». Я буду бороться за напостовскую линию, за рапповскую линию, за большее большевистское искусство.

Взаимоотношениям лапповцев и комсомола было уделено на пленуме большое место. Прочная совместная работа с комсомолом — один из основных лозунгов, под знаком которого прошел пленум. Эти вопросы были затронуты и в вступительном слове т. Либединского и во всех докладах и выступлениях. Подчеркивая то, что комсомол начал интересоваться вопросами литературы, и считая, что ЛАПП для рабочего комсомола сделала еще очень мало, указывалось на неправильную постановку целого ряда вопросов «Комсомольской правды».

На пленуме выступали редактор «Смены» т. Жив и заведующий ОБ ВЛКСМ т. Желдин. Им отвечал т. Либединский, сказавший: «По основным вопросам у нас разногласий нет».

Приехавший на пленум ответственный секретарь РАПП т. Л. Авербах в своей речи остановился на вопросах партийно - политического воспитания рабочих кадров, вопросах самокритики и совместной работы РАПП с комсомолом.

Между прочим т. Авербах сказал:

— Развертывание самокритики упирается в необходимость усиления конкретной критики. Здесь у нас неблагополучно. Мы хорошо провели кампанию против «гнилого дерева» и «Мы». Но теперь указать еще одну такую кампанию против буржуазных влияний в литературе. Плохо мы ведем борьбу и с красной халтурой. Главный недостаток конкретной критики — политическая незаостренность. Такой политической беззубостью можно характеризовать рецензии о книге Я. Лари «Страна чудес» в «Литературной газете» и в «Смене». У нас ничего не писалось о таком наглом реакционном произведении, как «Сказочное имя» Сергея Ценского в № 5 «Нового мира». Не проработаны высказывания Ольги Форш и Ю. Олеши об искусстве будущего. Недостаточна критика «Хамовиной халтуры» Борисевичевского, которого следует «административно выслать за пределы идеологического труда».

Б. РЕСТ

4 НОЯБРЯ В 19 ЧАС. В КЛУБЕ ФОСП
созывается МОСКОВСКИЙ АКТИВ ЧЛЕНОВ МАПП
ДОКЛАД Л. АВЕРБАХА
„О новых формах классовой борьбы в литературе"
Вход по билетам, которые можно получать в МАПП (Тверская 25), и в райбюро.

СЛУЧАЙНЫЕ ПРОРЫВЫ *ИЛИ СИСТЕМА ОШИБОК?*

О ПРОДУКЦИИ ИЗДАТЕЛЬСТВА „ФЕДЕРАЦИЯ“

В своей речи на пленуме ВОАПП, говоря о буржуазной опасности в „красной халтуре“, Л. Авербах указывал: „Что мы делаем для того, чтобы по-настоящему выжечь эту сорную траву? Давайте меньше говорить и больше делать... С этим мы должны бороться и поднимать на это массы“...

В связи с работой издательства „Федерация“ мы спрашиваем РАПП — ведущий отряд литературного фронта:

— Что им сделано для выполнения этих задач?

Вырезывание корней капитализма в нашей стране, ликвидация, на базе сплошной коллективизации, последнего капиталистического класса — кулачества сопровождается обострением классовой борьбы. Классовый враг бешено сопротивляется наступающему и побеждающему социализму всеми доступными ему методами. Проявления этой борьбы весьма разнообразны: начиная от обреза,—до такого тонкого рода оружия, как художественное слово.

Пленум правления РАПП в сентябре 1931 года правильно характеризовал пролетарском участке классовой борьбы: обострение классовой борьбы в реконструктивный период вызвало колебание значительной части попутничества, которые нашли свое выражение в условиях реакционных, буржуазно-кулацких тенденций, проявляющихся в различных вариантах и в предшествующие годы. Среди этих вариантов наибольшее значение имели: уход от современности, идеализация дореволюционного прошлого, ставка на техническую интеллигенцию, как на основную и ведущую социальную силу, буржуазно-либеральные течения, проповедь буржуазного гуманизма, тема «лишнего человека в революции», как господствующая, вульгарно-биологическое объяснение общественных явлений, идеализация «сильной личности» буржуазного общества и пр.».

Вся политическая обстановка сегодняшнего дня и, в частности,—указания пленума РАПП обязывают каждого работника литературного фронта к максимальной классовой бдительности, к непримиримой борьбе с буржуазной опасностью в литературе. Тем более это относится к нашим организациям, работающим в литературе, и особенно, с таким организациям, как издательства. Мы, систематически оценивая продукцию наших издательств, неоднократно констатировали политические прорывы и выпуск классово-враждебных, политически-вредных и ненужных книг. От этих прорывов, к сожалению, не свободно ни одно издательство.

В отношении издательства «Федерация», о котором будет итти речь в этой статье, мы имеем дело с целой системой ошибок.

Издательство «Федерация» весьма своеобразно понимало свою роль общественного писательского издательства и вместо борьбы за большевистское искусство наводняет книжный рынок вредными и ненужными книгами.

Мы будем «перировать фактами. В 1931 году «Федерация» выпустила 144 названия. **Мы будем говорить о подавляющем большинстве из них.**

Начнем с изданий, характеризующих отношение издательства к вопросам литературной политики. О пролетарской литературе одна «толстая» книга, и эта книга принадлежит... **С. Родову.** Именно его, всю литературную деятельность которого является сплошной историей ошибок, кто «с наибольшей нотой» искажал партийную линию и литературе и, наконец, бесславно погиб на баррикадах «Литфронта», понадобилось издать «Федерации».

Другая теоретическая книжка, вышедшая в «Федерации» — **«За марксистское языкознание»** — Полянцева —совершенно вульгарно-марксистская, насквозь эклектическая. Ее вред еще усиливается тем, что марксистская литература по вопросам языкознания очень ограничена.

Зачем также понадобилось без редактурного разбора печатать символистско-«сектантские» сочинения Чулкова?

Но история с Родовым, Полянцевым и Чулковым — лишь незначительные эпизоды по сравнению с другими «подвигами» издательства.

Остановимся на издании тех книг, где пожинается наша деревня.

Вот перед нами книга Дальнего «Ручьи». Герой этого произведения Диков приходит к мысли о необходимости организовать коммуну. Весьма интересно «идеологическое» обоснование этого шага Дикова.

Автор пишет: «Перед Дьяковым вырисовывалась опасность, что в порыве разрушения крестьянство останется без сложных машин и погрязнет в первобытной дикости. Вынашивая в себе эти тревожные думы, Диков, наконец, пришел противодействие. Это был план организации коммуны». Но план «героя», несмотря на энергию и смекалку, приходит в отчаяние, ведь по его представлению: Валятся все. Ты строишь, а оно валится».

Другой автор, названный «Федерацией», М. Аличенко, описывая борьбу за колхоз в деревне Лобки, откровенно присоединяется: **«Ничего не понимаю».** И действительно, автор не умеет осмыслить действительность. Видя то в Лобкой конторе то в кузнице, он искажает действительность, подчеркивая мысль об особом привилегированном положении городского пролетариата, смазывая роль партийного руководства процессом социалистического строительства в деревне.

М. Аличенко не прочь записать и чисто деревенских «активистов» — попа, толстовца, полоумного пьяницу Кузьму.

Зачем это понадобилось автору, догадаться трудно?

Еще большее недоумение вызывает издание по серии **«социалистическое строительство»** очерков Андрея Новикова **«Гончие поле».** Эти очерки не только искажают нашу действительность, но и клеветут на нее. Если по отношению к кулаку «Странику» у автора находится добродушная кровинка, теплота, сожаление, то деревенские коммунисты-активисты выведены или отъявленными идиотами, или тупыми ограниченными людьми. Немало находится у Новикова злобных слов по адресу «культурных» сил нашей деревни. По мнению Новикова это — «жеваные жерди, большевиком петром».

Почти любая книга о пореволюционной деревне дает искаженную социальную характеристику путей ее развития.

В произведении Шкляра **«Запозданное место»** кулаки выступают одновременно и как сторонники старых традиций, и как «сторонники... передовых идей. В «Запоздалом месте» оказывается не мало «передовых» кулаков, горящих желанием отдать себя и свое имущество советскому государству. Классовая борьба подменяется мнимой борьбой внутри кулацкой прослойки деревни. В результате этой борьбы часть кулаков мирно «растет» в социализм, переходя на сторону советской власти. Мы уже не будем говорить о том, как бульварно-фальшиво, основной герой произведения — красноармеец Роман.

Не лучше обстоит дело и с **«Поэмой о 1000 га»**—В. Трушкова. Автор в рассказах на тему о реконструкции сельского хозяйства умудрился пройти мимо основных противоречий современной деревни; мимо классовой борьбы.

В основном произведении этой книги, в «Поэме в 1000 га» выведен некий агроном, перегруженный своими любовными похождениями.

Врач он стремится назвать роман Петровского **«Денис Кочубей»**, произведение явно путаное и приспособленческое.

В достаточной степени описания классовая борьба на Кубани, колхозное строительство в казачьих станицах и в произведении **«Станицы в огне»**—**П. Кофанова.**

На первом плане здесь — романтические и вермантические похождения отдельных героев, разделенных на два резко противоположных лагеря (герои светлые» и герои «прицательные). В книге совершенно выпадает основная масса крестьянства — середняки. Получился какой-то дедективный роман, да еще написанный в слюнявых, сусальных тонах, происходящий неисчислимым количеством стилистических небрежностей и прямо безграмотных мест.

Совершенно непонятную позицию занимала **«Федерация»** в отношении книжек Дюбина. «Забурунный край» Дюбина был оценен рапповской критикой, как приспособленческое, халтурное произведение. Другой оценки ему дать не может. Роман Дюбина извращает задачи сплошной коллективизации, смазывает классовую борьбу. Дюбин проявляет полное непонимание классовой борьбы, не видит настоящих врагов колхоза и т. д., хотя и перечисляет, не понимая и извращая их, партийные лозунги.

И вот этот-то роман издан «Федерацией» в массовой серии, издан и переиздан. Никакие указания («Л. Г.» в частности) в расчет приняты не были.

А Дюбин продолжает «фукцировать». От халтурно-приспособленческого **«Забурунного края»** он переходит к повести: **«Навстречу смерти».** Это — еще более вредная книжка, ибо она представляет белогвардейцев в мелодраматически-сочувственных тонах. Автор так и не определяет свою цель словами одного из героев. Автор явно пристрастен к белым. Он так же, как и Булгаков (только далеко более бедными средствами), хочет уверить читателя, что белогвардейщина — явление положительное.

И снова эта книжка вышла в «Федерации».

«Человеческое» отношение к белогвардейцу достаточно проявлено в произведениях Н. Колоколова — **«Повелитель».** Сохраняя «объективизм», автор фактически сочувствует своему герою.

Но если бывшие белогвардейцы выводятся в симпатичных тонах в произведениях, издаваемых «Федерацией», то за то Красной армии не везет. Среди немногочисленных книг, посвященных этой теме, мы встречаем **«Эпопея Петра Кузнецова»** — Георгия Павлова. Молодой автор дал явно неверное изображение первых этапов организации Красной армии. На многих местах книги вместо влияния Бабеля, приводящее к неверному показу действительности, создающее безрадостную картину. Дурная манерность, вычурность языка, наряду с материалом Кузнецова—все это вряд ли можно записать в актив автора.

«Федерация» попыталась ответить своей продукцией и на партийно-политические темы. Попыталась... пером врага, злобствующего обывателя. Вместе со своими авторами она **изменяет на партию** на потребу классового врага.

Речь идет об **«Ортодоксах»** Тарасова и **«Иной жизни» Турчиновича** *.

Образы Тарасова ничего общего с подлинными партийцами не имеют. Выведенные им партийцы, учащиеся в сознартиколе — это бесяки, хулиганы и т. п. Все они — или тупицы и лентяи, или ловеласы, или гнилые интеллигенты. Учеба в сознартиколе дана, как мертвая дубрежка, а сама школа, как старая **«бурса».**

Не отстает от Тарасова в клевете на партийные кадры и Турчинович. Его герой это фантастическую борьбу изображает в виде склоки. Автор никак не **разоблачает** клеветнические измышления своего героя о том, что якобы выдумывают уклоны, чтобы замазать трудности.

Отвратительная разнузданная обывательщина!

Выпуск только этих двух книг — и то уже достаточно говорит о положении в **«Федерации».**

Показательно, для качества работы **«Федерации»** изданию **«Англии»** Эренбурга. Мы не должны вообще отказываться от издания Эренбурга. В наблюдениях этого талантливого наблюдателя над жизнью капиталистического Запада есть много для нас любопытного. Писатель подчас верно говорит о кризисе буржуазной культуры, о капиталистическом загнивании. Не умея до конца разоблачить капитализм и противопоставить ему другую решающую силу — революционный пролетариат, Эренбург дает все же злую иронию над буржуазным «раем». Но это нельзя отнести огульно ко всему творчеству Эренбурга. В частности, «Англия» в этом плане значительно уступила в качестве нам интересна. В ней Эренбург эволюционизирует в обратную сторону. «Англия» пронизана не иронией, а «человеческой жалостью», «внеклассовым гуманизмом», она — реакционна (достаточно вспомнить эренбурговские характеристики рабочих).

И именно это издала **«Федерация».** Вопиющая политическая близорукость!

Не является лавров и всех издательства и выпуск таких книг, как **«Головорезы»** Л. Гумилевского и **«Повесть о страданиях ума»** С. Буданцева.

Ряд мест в **«Головорезах»** Гумилевского просто вызывает злобу у каждого честного советского гражданина — настолько они — бессовестный, наглый поклеп на наших детей, которые, по Гумилевскому, интересуются главным образом «половыми проблемами» (!).

Попутно развиваются и некоторые другие мысли: о том, что всякая толпа —зверь, стадо глупых животных и т. п.

Что собою представляет **«Повесть о страданиях ума»** Буданцева? Ее тема — столкновение разумного со стихийным. Как же он разрешает эту тему? С точки зрения типичного интеллигентского хлюпика. Вульгарная философия автора находит свое прямое выражение в объяснении всего процесса развития героя —патологическими явлениями. Этот герой — крупный ученый — мучающийся этим одиночеством, в сущности просто обыватель, резонно оберегающий себя и «науку» от вторжения внешнего мира. Тоскующий, колеблющийся в себе обыватель — такой герой Буданцева.

* *

Конечно, не всей продукции «Федерации» нельзя подходить с одной мерой. Среди ее изданий есть и хорошие книги (к сожалению, очень мало!) и, в лучшем случае, терпимые. Мы говорили о большом количестве **явно-вредных.** Но кроме них, не следовало бы издавать и следующие книги.

К чему потребовалось выпускать явную халтуру **Вячеславова** — «Уроженка», или «Тысяча строк» Чичикова, или «С добрым утром» **И. Приблудного** (которого вообще, ни при каких условиях не следовало издавать). Издательство умудрилось переиздать также «Анну Кальмову» Поповского, достаточно известную со своей антихудожественности и вредным политическим установкам. Возьмем далее «Путешествие по Конго» Жида. Книжка допустимая, но почему именно на ней при отборе переводной литературы остановило свой взор издательство, чем она, значительна? Ведь немало было чего, сообразуясь экономии бумаги и, соответственно этому, тщательного отбора изданий — должны бы руководить издательствами. Этого не видно.

Список книг будет не полон, если мы не укажем на сборник **«Большая Балканиа».** Нет нужды его разбирать — «Литературная газета» занималась им достаточно.

Естественно, что издательство несет немалую долю ответственности за выпуск этой искаженной нашу социалистическую действительность книги.

* *

Положение дел в издательстве «Федерация» таково, что им должна немедленно заинтересоваться вся советская писательская общественность. ФОСП необходимо активно вмешаться в работу своего издательства, в частности требуется ускорить работу комиссии ФОСП **по обследованию издательства «Федерация».**

Очевидно, придется также поставить вопрос и о руководстве издательства: его освежении и оживлении.

Издательская канцелярия должна быть сломана. На ее место должно притти издательство писательской общественности.

В. З—ий
МИХ. Ц.

* К разбору книжки Турчинович «Л. Г.» еще вернется. **Ред.**

* А. К. Воронский. «Искусство видеть мир». Стр. 10, 14, 24.

ТРИБУНА ПИСАТЕЛЯ

ЕЩЕ РАЗ О „НАСЛЕДНИКЕ“

Л. СЛАВИНА

ОТВЕТ ТОВ. А. ФАДЕЕВУ

Известно, что автор не отвечает за речи своих героев, но так или иначе выявляет свое отношение к ним в системе идей, которая является основой художественного произведения.

В **«Наследнике»** идея сюжетно развертывается в форме рассказа героя о себе, о своей социальной судьбе. Автор — в стороне. Он — максимально об'ективен. И этот мнимый об'ективизм, по нашему мнению, допустил тов. Фадеев. Необходимо категорически отвести то утверждение тов. Фадеева, будто по социальному происхождению героя, в устанавливал социальное лицо автора. Ставить нет! Хотя, кстати сказать, та неизвестность-случайная, т.-е. **метафизическая** биография, которую дал своему герою тов. Славин меньше всего способствует об'яснению закономерностей перехода интеллигенции на сторону рабочего класса.

В чем основной, решающий порок романа? В упрощенчестве и лакировке явлений, в утверждении в образе Сергея Иванова хорошо или плохо осознанной мысли о **«вечном попутничестве»** интеллигенции.

Революция перемалывала, перекореживала людей вопреки классовой теории. Путь к коммунизму у различных социальных слоев и групп отличается своими специфическими трудностями, колебаниями, сомнениями и встречными особенностями. Культурный, пот-рнхийный возврат художника к этому процессу часто в конечном счете вскрывает полное непонимание самой сути социальных явлений. Но это дело—изображать этот процесс как грубую и рат каждого данную и потому, фактически ложную схему, другое—вскрыть и показать во всей его исторической значительности и об'ективной реальности тот действительный и часто мучительный путь, которым приходит к рабочему классу представители различных социальных групп. Только последним способом может быть раскрыта глубокая внутренняя связь с многомиллионным кругом, о неизбежности социально-психологической передачи мелкой буржуазии в условиях диктатуры пролетариата.

Помогает ли роман тов. Л. Славина глубокому разоблачению и глубокому осмыслению идеи о «вечном попутничестве» интеллигенции? Помогает ли это утверждению другой мысли,—возможности органического усвоения лучшей частью интеллигенции мировоззрения пролетариата и перехода представителей определенной социальной группы на сторону рабочего класса? Мы остаемся при том убеждении, что изложено художественное субъективные измерения автора определенно расходятся с об'ективным содержанием романа.

Почему образ Сергея Иванова — образ ложный и неверный? Потому, что автор **«Наследника»** никак не существует не показывает во всей их глубине и об'ективности ни трудностей борьбы, ни серьезности тех влияний старого мира, которых необходимо было преодолеть Сергею Иванову.

Именно отсюда, из слишком **легкомысленного** отношения Л. Славина к трудной художественной задаче, ставшей перед ним, вытекает и **опошление** действительности, и ужасающее **измельчание** большой и серьезной темы.

Тов. Фадеев говорит, что Сергей Иванов **болезненно** рефлектирует на все и вся, на пошлость и лживость старого мира. К величайшему сожалению это далеко не так. Та легкость и быстрота, те снегоподобные темпы (и в этом один из моментов, привлекших автора к творческой неудаче), с которыми Сергей Иванов проголосовал свои сомнения и колебания, убедительнее всего подчеркивают неправильность основного образа романа, неизбежно опошленного методом нотной или неполной лакировки. Отсутствие или непонимание трудностей процесса социального становления Иванова не могло дать иного результата.

На всем протяжении романа образ Сергея Иванова, изменяясь внешне и механически, по существу всегда себе равен и неизменен. Он один и тот же человек, никак не переходящий фактически к новое и высшее качество.

Разоблачение пороков и недостатков Сергея Иванова в романе дано лишь внешне, поверхностно и крайне недостаточно. Нет в нем также подлинного показа таких изменений в психологии героя, когда какие-то отрицательные черты «снимаются» и преодолеваются на новой и более высокой ступени.

А тов. Славин утверждает своего героя как положительного, тогда как на самом деле этот «честный попутчик» тип, не вырвавшегося из кокуи своей мелкобуржуазной ограниченности.

Само собой разумеется, что мы вовсе не предъявляем требование к автору дать какую-то метафизически законченную фигуру. Мнимый об'ективизм автора в том-то и заключается, что он (автор), страшно упрощенно и на редкость поверхностно показывая путь развития своего героя, скрадывает все трудности и противоречия об'ективного процесса и осмысливает их приблизительно так же, как и главный герой романа.

Какое же тут разоблачение пороков и недостатков Сергея Иванова, когда и автор, и его герой с исключительной легкостью и простотой разделываются с георгиево-каиталистическим миром и нелепыми корнями прошлого в сознании Иванова? А ведь **«наследник»** действует в 1917 году! Написан-то и напечатан роман в 1930—31 году! Условия места и времени к чему-то ведь обязывают автора! Разве **сегодня** перед писателем-попутчиком не ставим мы более высоких и трудных задач? Не предъявляем разве требований иного, более глубокого осмысления действительности, ее трудностей и противоречий?!

Тов. Л. Славин несомненно **талантливый** писатель. Именно сейчас, когда происходит идейно-политическая дифференциация в попутничестве, когда лучшие из **писателей-попутчиков** переходят в ряды **союзников** рабочего класса, нужно со всей остротой указать писателю на его творческие и политические срывы и ошибки. И прямо указать писателю на те **опасные** тенденции, которые заложены в его произведении, основная обязанность критика-коммуниста, рапповца.

С нашей точки зрения тов. А. Фадеев в какой-то мере **недооценивает** серьезную опасность тех тенденций, которые об'ективно присущи первому произведению тов. Славина.

М. СЕРЕБРЯНСКИЙ.

ОТ РЕДАКЦИИ:

Редакция отмечает, что т. Серебрянский в своей статье о «Наследнике» Славина не считает это противоречие в классово-враждебной пролетариату художественной продукции и в основном дал роману правильную характеристику.

Но в то же время т. Серебрянский допустил ряд резких и неточных выражений и формулировок, в силу чего его статья приобрела и некоторых частях характер нападения на т. Славина, а не последовательной товарищеской критики его романа, какой и должна иметь всякая критическая статья о творчестве союзников и попутчиков, приближающихся к мировоззрению пролетариата с колебаниями и ошибками.

„МАЛЫЕ ФОРМЫ“ **НЕДОСТОЙНЫЕ** БОЛЬШОЙ ДАТЫ!

Всесоюзномдрам выпустил к XIV годовщине Октября сборник репертуара малых форм. Его назначение — обеспечить художественную часть клубных вечеров.

XIV годовщину Октября рабочий класс СССР проводит под знаком грандиозных строительства, небывалого подъема творческого энтузиазма, под знаком новых сложнейших задач. Насколько же авторы малых форм сумели отобразить великие события 14-го года пролетарской революции, способны ли их произведения закрепить и возбудить трудовой энтузиазм, мобилизовать ли они на разрешение новых задач? На все эти вопросы приходится ответить **отрицательно.**

Тематически сборник включает в себя все эти моменты — и это, несомненно, **положительная** его черта. В нем большое внимание уделено производственных, ударничеству и ударникам, «новой деревне», строительству, реконструкции городов, международным темам. Ничто не забыто, «октябрьское меню» — полное. Но именно **«меню».** На всем материале лежит отпечаток поверхностности, легкомысленности, ни один вопрос не взят всерьез, глубоко. Слабость, а нередко и отсутствие всякого мировоззрения, не позволяют участникам сборника уйти от трафарета, понять суть явлений, проникнуть за кору действительности.

Сборник открывается монологом А. Мейера. «Письмо в ответ»—на темы индустриализации и переустройства деревни. Но это не диалог, а как диалог, который «несется по ветрам»; мы не боремся за темпы, а критикуем «размах давно сильней» и т. д. и т. п.

Следующим в сборнике помещен «Октябрьский монолог» А. Архангельского. Приближается к нему по типу и «Новый Октябрь» Арго. Обе эти вещи выгодно отличаются от остального материала своей простотой, вниманием к «мелочам», удачной формой (почтизированный рапс). Но и у них существенные недостатки. Прежде всего — обилие словесной шелухи (у Арго, например, вступление занимает половину фельетона). Архангельский и Арго бьют по недостаткам: первый — общехозяйственным; второй — бытовым. Дело нужное, но почему они уходят от показа положительного? Откровенно **приспособленческой** халтурой является лубок Д'Актиля «Новая деревня». В готовую старую форму вложено будто бы «новое» содержание. Вот некоторые перлы этого «творчества»:

Не хочу я
В лес за елкой
В слякоть
Непролазную...
Запелась,
Комсомолкой,
Рождества
Не празднуя.

Сие — должно означать «антирелигиозную пропаганду».

Ну, а если слякоти непролазной на «рождество» не бывает (и действительно не бывает. гр-н Д'Актиль)? Тогда как? Можно за елкой поехать?

Впрочем в следующей же частушке Д'Актиль исправляет эту «слабость мировоззрения» и становится весьма сознательным. Он восклицает:

Что мне
Сахар-мармелад,
У меня в четверг
Доклад!

Самый злобствующий обыватель не придумает худшей издевки и над антисоветской-колхозницей и над нашими трудностями.

Международные темы (перемешанные с внутренними) в сборнике представлены ораторией Мих. Пустынина, «155-ю хлопов», его же речевкой «Безработная дипломатия» и «Черной песней» Б. Агапьцева. Тут опять-таки **халтура** бесспорна.

Но все же промахом помимо. Так, в ораторию Пустынина, в основном удачной, особенно благодаря методу сравнения «У нас и у них», совершенно вышла посторонняя опасность как развязность. Она составлена по принципу: «Нам все нипочем», «Шапками закидаем».

Об ударнике-строителе пишут Я. Апушкин и Арк. Ситниковский. Здесь — пожалуй самый большой провал сборника. Я. Апушкин написал **«Балладу о рождавших Октябрем».** Там есть все — и отец-боец, и война, и сын, продолжающий дело отца. Нет **«только»** одного — Октября. Почему отец — красный воин, а не казак? Где качественные отличия? Оказывается вообще война, а не классовая.

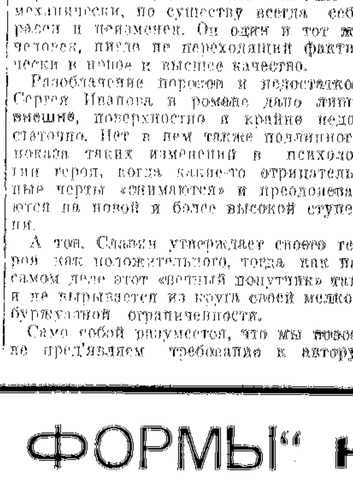
Стихи А. Ситниковского **«Путь ударника»** показательны своей претенциозностью и пустой бессодержательностью. В них, конечно, сказано о дореволюционном житье, о «сияющих днях Октября», о гражданской войне и обо всем прочем. Но пошлая путь, попятно, из этого никак не получается. У поэта для характеристики ударной работы в своем поэтическом арсенале не находится ничего лучше — такой строфы:

«Нажмем-поднажмем,
не подгадим
И перекрытия не отдадим».

Наконец, о **«Яблоне»** С. Городецкого. Нам думается, что стихотворение попало в сборник только потому, что его символическая сложность затушевала понимание его простого **реакционного** смысла.

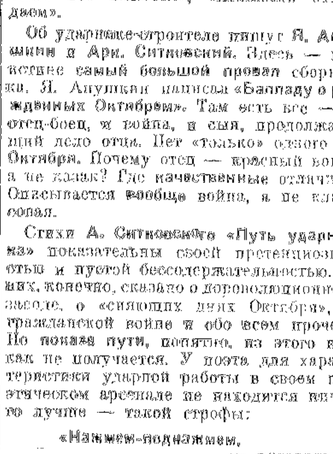
Заключается этот смысл в подходе к нашему строительству, как к **«яблоку для будущего»** (для красоты плода замечен **ленестками яблони, по суть от этого не** меняется). При этом себя поэт готов

СОНФ И ЛИС



ЧТО МНЕ САХАР-МАРМЕЛАД, У МЕНЯ В ЧЕТВЕРГ ДОКЛАД...

СОНФ И ЛИС



ПОСЛЕДНИЙ... „ПУТЬ УДАРНИКА“

принести **«в жертву»** в качестве **«угля»** для огня грядущего.

Городецкий не ограничивается вышеуказанными мнениями. Он их **«развивает»** в том плане, что **«высоко ли взлетит всей силы ток»,** что **«в листьях лишних сокол нет»,** что плод растет **«из соли пота»** и т. д.

Вот так рецептуар для рабочих клубов!

ИНК.

Н. ОРУЖЕЙНИКОВ

КРУШЕНИЕ МЕТОДА

Воронщина в теории была разбита.

Объективизм, противопоставляемый классовой направленности, смазывание функции, особой, действенной роли искусства, ставка на «бессознательное» — отрицающее идеалистическую концепцию А. К. Воронского — были также в достаточной мере скомпрометированы творческой практикой «Перевала». Сейчас в области художественного творчества перекочевал сам мэтр школы.

Перед нами книга **«Глаз урагана».**

Тематически она как бы служит продолжением известных мемуарных очерков **«За живой и мертвой водой».** В роли большевика выступает все тот же Валентин, мелкобуржуазная рефлексия которого, подлинность внешним эмоциональным нарывом стоит в резком контрасте с подлинным обликом революционера-рабочего, с обликом революционера по профессии.

Но если в первых мемуарных частях вершиной несомненно страдает описательный материал, дающий интересные фактические штрихи истории, ей-ные судьбы героя, несмотря на всю изумительную живость самой эпохи (1917 год), заслоняет показ среды, показ исторического фона.

— Стихия урагана, — об'ясняет Воронский устами Э. Реклю, — моряки называют осевое пространство, появляющееся в самый разгар бури, посреди облаков.

Очевидно эпиграф из Реклю должен дать ключ к художественному произведению, вышедшему из-под пера Воронского.

Мы готовимся увидеть пантр, узловое сечение тержущих сил «урагана» 1917 года, концентрированный образ революционной бури.

Но перед Воронский когда-то писал: «Искусство — преимущественно забытье мирное. Искусству трудно оставаться в эпоху войн, битв, острых классовых столкновений и напряженной борьбы». Тему 1917 года Воронский не может рассматривать, как материал для вооружения сознания сегодняшних борцов за социализм, как активно-звучащую тему классовой борьбы. Ведь **«художественное чувство, благодаря обобщающей силе образа, подобно сновидению».**

Полная вещь Воронского — это не вооруженное ленинским зрением большевика раскрытие природы борьбы классов в дни Февраля и Октября, а перенесение сновидческих образов, почерпнутых из углубленного анализа психики мелкобуржуазного попутчика большевизма. Воронский, как известно считает показ психологического, иррационального в человеке важнейшим средством дать художественно-правдивый образ. Мало того, в самом процессе художественного творчества бессознательное должно играть огромную роль. Ведь как указывала «научная психология» (читай Фрейд и иже с ним) «помимо сознательно переживаемых человеком состояний существует темная, таинственная бессознательная жизнь и, что еще более важно, она обладает высокой активностью: сплошь и рядом наше сознание является только послушным орудием бессознательного». Эти цитаты, взятые из программной статьи Воронского «О художественной правде»*, являются определяющим для творческого метода Воронского — беллетриста.

С чего начинается повесть?

Валентин попадает на фронт, стремясь укрыться от окопки в Земском союзе, где у него имеются кое-какие связи. Он становится свидетелем возвращения бомбардировки.

Писатель старательно выписывает детали, рисующие психику Валентина в этот напряженный момент.

Что он переживает? Ему «страстно и тоскливо хотелось что-нибудь сделать: защищаться, стрелять, рубить». Самое страшное, что переживает большевик, глядящий на картину империалистической войны, это «чувство беспомощности, бездеятельности».

В психике возникает **«таинственное, подсознательное».** Но вот к Валентину начинает возвращаться способность анализировать предметы. Он видит женщину и окно офицерской чайной. Он начинает понимать, что следовало бы куда-то укрыться. Правда, встреча с женщиной очень похожа на сновидение: «В улыбке Валентин нашел страх, дружелюбное, человеческое участие, доверие. Он принял все это, как нежданный, трогательный подарок и чае ужаса».

Но вдруг: «За оскалом ее зубов, за застывшими мускулами лица померещилось ему что-то смертное, будто через этот оскал он увидел голый череп и черные впадины глазниц». И в мыслях у Валентина родилось приятное сознание, что он видит войну, а сам жив.

Начинает возникать недоумение: где же большевик, где же борец, революционер?

Неприятные тревоги.

Вся повесть А. К. Воронского построена не на выяснении классовых характеров, не на показе в художественных образах борьбы идеологий, а на игре **«подсознательных движений».**

Демоническая женщина на ступени встречается Валентину в сопровождении офицера из контрразведки. Он влюблен в ней шпионку и вместе с тем «бессознательно» мучается влечением к ней. Между ними разыгрывается забавный поединок, так как случай сводит их вместе в одну канцелярию. Он старался не встречаться с Вандой... В то же время, стыдясь, осуждая себя, он создавал мир жаркий, мучительный и страстный. Ванда стояла перед ним неотступно. Едва он просыпался в полудреме, в первых неясных восприятиях действительности возникал ее образ, запечатленный с выразительностью видений. «Он был уже влюблен в подобие Ванды».

А пауну Валентин стремился приблизиться к Ванде, пока она наконец не потребовала, чтобы ее перевели в другое учреждение.

Но разве может демоническая женщина сойти со страниц романа?

Ванда появляется снова. В бурные дни революции раз'ясняется, что она не была шпионкой, а просто занималась кутежами, чтобы забыть о контузии и лишилась рассудка после казни.

Конечно, Ванда оказывается героической участницей революции. Она и заключает собой повесть. В дни Кронштадтского мятежа мечтает Валентин «увидеть Ванду только один, единственный раз такой, какой он видел ее в ночь после поездки в Оболоны, когда он уронил портсигар. Тогда можно быть и убитым. И все будет хорошо и оправдано».

Где же «глаз урагана»?

В книге имеется описание нескольких солдатских митингов, несколько отрывков из солдатских разговоров, но книга фактически посвящена таинственной, каломанной, но чарующей женщине, в которой глаза, как «черные звезды». Бессознательная, таинственная сила влечет Валентина к Ванде, и автор теряется записи на бумагу тончайшие извилины его переживаний.

Получился роман в духе Вербицкой.

Охватчивый жанровой описаний, Воронский, — описывая фронтовую канонаду, — не преминул упомянуть, что Валентин «бессознательно позвонился непонятному, темному инстинкту». Когда речь заходит о революции, то на первый план выступает «человеческое». Валентин горд слиянием с толпой солдат, еще недавно отделенных от него всем бытом, войной, прошлым. Странное откровение для большевика, который должен был чувствовать себя отделенным от верхних этажей армии. Но это и понятно: революционер Валентин является до дня революции, ничем не показывает своей революционности, кроме поделки списков, получавших отсрочки, в целью спасти нужных партийных товарищей. Оттого после революции он идет к солдатам, как бы в новый, неизведанный мир.

Где же «глаз урагана»?

Но вот на 193 странице автор помещает неожиданно свой эпилог. Оказывается в глазе урагана, глядящем через войну, — раскрывается космос, роковая сила обнаженных стихий капитализма. Люди начинают понимать, что, не справившись с этой стихией, они погибнут. «Если человечество не справится с этой стихией, жить дальше нельзя, людское общество погибнет». Это откровение Валентина является, очевидно, и авторским высказыванием. Классовая критика империалистической войны подменяется критикой от гуманизма.

Неожиданное раскрытие смысла «глаза урагана» как бы сводит тему о революции и ее непосредственном становлении. Но вся суть в том, что поэма у Воронского совсем не раскрыта. Глухой генерал, несколько батальных картин даны бегло и занимают гораздо меньшее место, чем описания революционных эпизодов.

Воронского погубил его метод.

Он уверен, что «тайна искусства — в воспроизведении самых первоначальных и опущений и впечатлений». Отсюда настойчивые попытки обойти в повести сложные политические проблемы, развивающиеся в дни, захваченные книгой, или, по крайней мере, свести их к неизменному ведению искусства «первоначальным и непосредственным ощущениям». Отсюда изворачивание идей и жалкое пристрастие к показу эмоций. Отсюда смутное, туманное описание всего, что лежит за кругом «первоначальных и непосредственных впечатлений» автора. **Раздробленность и инфантичность впечатлений художника,** для которого нить художественного замысла не имеют прочной мировоззренческой основы, — **А. Воронский пытался об'яснить непреложным законом искусства.** Сущность нашего диалектико-материалистического метода, конечно, глубоко отлична. «Первоначальные впечатления» должны выдержать испытание при поверке мировоззрением, они только материал для художественного осмысливания.

А. Воронский пошел по пути «непосредственных впечатлений». Они оказались впечатлениями мелкобуржуазного гуманиста, мелкобуржуазного радикала. И они, снизив идейный уровень произведения, обрекли его на художественную неудачу.

Банальная красивость, претенциозно выспренной фразой, апелляция к «библейским видениям» прикрывают плоский сюжет о бесплодной любви. Если учесть, что весь интерес психологического облика Ванды в ее «трехсилении», то становится ясным, в какую глубокую лужу пошлости толкнула А. Воронского его страсть к «подсознательному».

«Глаз урагана» — несомненно полезная книга, ибо нет лучшего способа разоблачить негодную теорию, как вскрыть последствия ее практического применения.

А. Воронский потрудился над саморазоблачением с достаточным успехом.

* А. К. Воронский. «Искусство видеть мир». Стр. 10, 14, 24.

ЛИКВИДИРОВАТЬ ОСТАТКИ ЛИТФРОНТОВЩИНЫ, РЕВЯКИНЩИНЫ, ВОРОНЩИНЫ В ПРОЛЕТАРСКО-КОЛХОЗНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

УСПОКОЕННОСТИ БЫТЬ НЕ МОЖЕТ!

В ряде документов и статей руководящих товарищей из РОПКП констатировано отставание пролетарско-колхозной литературы от требований современности.

Величайшие качественные и количественные сдвиги, происходящие в сельском хозяйстве, знаменующие собой перестройку всего уклада деревенской жизни, несущие в себе тенденцию постепенного стирания различий между городом и деревней,—все это предъявляет повышенные требования к пролетарско-колхозной литературе.

Основные причины отставания заключаются в слабых темпах перестройки организации, в слабости мировоззренческих позиций пролетарско-колхозных писателей, в плохой работе с новыми кадрами — призывниками, в недостаточно развернутой самокритике, в организационной расхлябанности.

Правда, за последнее время мы видим сдвиги в работе ЦС РОПКП, сближение с Рапом, усиление борьбы с остатками литфронтовщины, воронщины, ревякинщины. Общую литературно-политическую линию ЦС также надо признать правильной.

Не так давно ЦС РОПКП пришлось констатировать провал в ленинградской организации ЛОПКП.

До последнего времени (до смены руководства) во всей работе ленинградского отделения РОПКП наблюдалось фактическое потворство литфронтовским элементам. Один уже тот факт, что в идейных «вождях» организации ходили Г. Горбачев и его ленинковский выкормыш Лившиц, говорит о неблагополучии с теоретическими кадрами. А между тем ленинградская организация ЛОПКП считалась образцовой, вполне. О ней не беспокоились, ее хвалили. Этот факт говорит об излишнем доверии и успокоенности некоторых товарищей из Центрального совета. Спрашивается, если эти товарищи были так спокойны за положение дел в Ленинграде, то знали ли они о том, что в органе ЛОПКП «Перелом» в числе «постоянных сотрудников» состояли Г. Горбачев, А. Каметулов, М. Майзель, бывшие и настоящие литфронтовцы.

Перед нами последний номер журнала «Перелом» — № 8 (журнал получается с большим опозданием).

В тот момент, когда в Псковской организации обнаружился прорыв, журнал счел необходимым отозваться на него передовой статьей. Однако эта статья, под названием «Два урока», не поднимает вопрос о Псковской организации на политически-принципиальную высоту. Вместо развернутой самокритической оценки, статья старательно обходит все скользкие места и всячески старается выгородить руководство ленинградской организации. На слова самокритики по адресу ЛОПКП. Во всем виновато псковское руководство! Но вот, чтобы не получилось неправильного впечатления, чтобы читатель сам не сделал своих выводов, автор передовой, соблюдая закон светотени, три четверти статьи посвящает «достижениям» другой группы.

Разве так воспитывают организацию, разве так понимают самокритику? Нельзать успокоенности, благодушия, печать самодовольства и самолюбования лежит на всей статье.

В этом же номере, наряду с политическими ошибками, встречаются ошибки теоретического, и творческого порядка.

Резолюции ленинградской организации отмечает, что **«одной из причин, усугубивших ошибки секретариата ЛОПКП, является недостаточная четкость руководства со стороны центрального руководства РОПКП».**

Расшифруем термин **«недостаточная четкость руководства».**

В чем она заключалась?

В том, что в течение долгого времени по существу не было развернутой критики перегибского болтона, эклектика, механиста Ревякина, холопского «теоретизирования» пролетарско-колхозной литературы. Критика Ревякина была — **«стрельба дозвуком».** Это «самокритическое» мероприятие не замедлило сказаться на практике ленинградской организации, в частности — журнала «Перелом», где ревякинщина пустила глубокие корни. Но разве только в Ленинграде, разве и «Земле советской» не чувствовалось влияния ревякинщины.

Вопиющий другой вопрос.

Известную часть вины за прорыв в ЛОПКП несомненно несет и ЛАПП, не обеспечивший своевременной помощи ЛОПКП. Точно так же нужно признать явно недостаточным внимание РАПП в целом к вопросам пролетарско-колхозной литературы.

Положение с закреплением признан ударников. Здесь, в Московском областном отделении, под боком ЦС, процветала (при ответственном секретаре тов. Алексеевой) практика лакировки и благополучия. Вместо мобилизации организации на помощь развертывающимся колхозным кружкам, козыряли пустыми цифрами, занимались пустым перестраховством и протежерством. Запоздалое обследование ЦС целиком это подтвердило.

Но есть товарищи, которые на эти факты отвечают: у нас есть и достижения. Надо о них говорить.

Да, достижения есть! Да, о них нужно говорить!

Но в тот момент, когда прорывы вскрываются один за другим (Москва, Псков, Ленинград), когда необходима мобилизация организации на борьбу с отставанием пролетарско-колхозной литературы, когда необходима реальная помощь колхозным кружкам — убаюкивать себя разговорами о достижениях — беспринципная маниловщина, пустозвонство. Эти разговоры по существу направлены к смазыванию трудностей перестройки, направлены против развертывания самокритики.

Сейчас, в отходящий до пленума ЦС отрезок времени, необходимо всемерно мобилизовать организацию на борьбу с болезненными явлениями в отдельных звеньях организации, необходимо развернуть самокритику и критику всех ошибок Ревякина и его последователей. Выкорчевать остатки литфронтовщины, воронщины и т. д.

На этом надо воспитывать новые кадры. Промедление нетерпимо.

В. ЗАЛЕССКИЙ

ПРОТИВ ГОРБАЧЕВЩИНЫ

Во втором номере ленинградского журнала «Перелом» (орган ЛОПКП) напечатана статья т. Горбачева «Пролетарско-колхозные писатели в третьем году пятилетки», а под ней редакционное примечание: **«Статья Горбачева печатается в порядке дискуссии. Редакция в одном из ближайших номеров вернется к неверным положениям статьи».**

По критического разбора ошибок Горбачева так до сих пор и не появилось!

К чему сводились эти ошибки? Статья т. Горбачева **«Пролетарско-колхозные писатели в третьем году пятилетки»** подытожила итоги областной конференции ЛОПКП (бывшей в конце прошлого года), но она их так подвела, что от этих итогов остались рожки да ножки.

После огромного перечня различных организационно-политических вопросов, т. Горбачев подытоживает:

«И в крестьянской литературе нужна политическая актуализация творчества, преодоление пассивного отражательства внутренних переживаний человека, господство общественных интересов и продуманного мировоззрения над непосредственными впечатлениями и стихийными настроениями. **Необходимо развитие гибких, злободневных, публицистических жанров»** (разрядка наша.—И. Б.).

Гора родила мышь. Но эта мышь, то бишь литфронтовская творческая платформа, принадлежит к породе весьма вредных грызунов. В этой статье, между прочим, ни звуком не упомянуто о неверной, антиленинской, троцкистской теории кризиса в пролетарской литературе, которую Горбачев после хотел подправить тем, что добавил «роста» (т.-е. «кризис роста»). По сути этого не изменилось.

Но если в результате «продуманного мировоззрения» т. Горбачев пришел к таким выводам, как «разжать» рябинку, злободневных, публицистических жанров», то это означает, что он ничего, не говоря этого прямо и открыто, отнюдь не отказывается от художественную литературу, безнадежно скатываясь на лефовские позиции.

Мы не против «гибких, злободневных, публицистических жанров».

Мы за развитие всех литературных жанров.

Но мы против подмены художественной литературы «публицистическими жанрами».

Таким образом сложнейший вопрос художественного воспитания ударников-призывников подменяется рационалистическим упрощенчеством, а по сути дела ликвидацией художественной литературы, т.-е. вырывается из рук пролетариата одно из сильнейших орудий в классовой борьбе. Но зато это орудие оставляется в руках у тех, кто вовсе не признает «публицистических жанров» и хочет уйти от современности под прикрытием «подсознательного», «интуиции» и т. п., чтобы в замаскированном виде вернее бить по незащищенному участку пролетарской идеологии.

Но лозунг «продуманного мировоззрения» в свете еще добавочных рецептов т. Горбачева приобретает уже совсем иное значение. Так, в конце той же статьи т. Горбачев пишет:

«Стиль же крестьянской литературы должен в своем развитии избрать все ценное на каждом этапе данного развития в специфических моментах деревенского словаря, образности, музыкальной стороны речи.—ценное и для воздействия на сельского читателя, и для передачи жизни, и для обогащения будущего социалистического стиля опытом деревни, сливающейся с городом, опытом, более непосредственного трудового общения с природой, и притом живой».

Но ведь все эти оценки будут производиться с точки зрения классовой идеологии писателя, т. е. его мировоззрения. Но, какой тогда смысл в подобной бессмертной формулировке, когда известно, что организации пролетарско-колхозных писателей недосмотрела в социально-классовом отношении? Только тот, что она затушевывает классовую борьбу в художественной литературе. При этом выходит, что у деревни в социалистическом стиле получаются кое-какие даже преимущества по сравнению с городом, потому что «непосредственней трудовое общение с природой, притом живой».

По «трудовое общение с природой» крестьянина не более непосредственно, чем общение каменщика, углекопа, нефтяника и вообще любого рабочего.

У т. Горбачева получается таким образом явно неверный, формалистский подход, выпячивание деревни перед городом.

Отбрасывая ленинский классовый критерий в подходе к пролетарско-колхозной литературе, Горбачев тем самым незаметно скатывается на старую, давно всем знакомую и давно РОПКП разоблаченную, географическую точку зрения Положения о вопросе о крестьянской литературе. Но у Горбачева есть нечто и свое: это элементы неонародничества.

И это вовсе не случайно. Во вводной теоретической части той же статьи так и сказано, что наша эпоха **«делает жизнь деревни едва ли не более напряженной и насыщенной творческим трудом и борьбой, чем даже жизнь социалистического города, при всем строительном, боевом и культурном размахе последнего».**

Получается **«продуманное мировоззрение»,** но только не большевистского, а другого порядка, потому, что упускается из виду основное, что именно **рабочий класс застрельщик и руководитель социалистической перестройки, что именно он своей энергией при поддержке бедняцко-середняцких масс делает всю жизнь «напряженной и насыщенной творческим трудом и борьбой»** и в первую очередь **в городе.**

Как же можно противопоставлять одно другому эти два явления. Только механистическая точка зрения т. Горбачева и могла привести его к такому явно вредному, явно антибольшевистскому утверждению, которое превращается в крупную политическую ошибку.

Если же горбачевскую точку зрения, сорвав классовую принципу, перенести на взаимоотношения между двумя литорганизациями РАПП и РОПКП, а статьи Горбачева практически касается именно этой области,—то это означает не только противопоставление РОПКП РАПП, но и перенесение центра тяжести на РОПКП.

Ошибки т. Горбачева в этом вопросе несомненно являются ошибками правого порядка и представляют главную опасность для нашей организации.

В этом вопросе очень часто делается некоторыми критиками как внутри, так и вне нашей организации обратная ошибка, т.-е. недооценка участка пролетарско-колхозной литературы, желание стричь ее под попутническую гребенку. Это несомненно вредная «ленькая» ошибка, ибо она смазывает вопросы пролетарско-колхозного литературного движения, являющегося вторым отрядом по своей идейности, массовости и широте после пролетарского.

Какие же вытекают политические и практические выводы из всего этого для нашей организации? Тот факт, что статья Горбачева, хотя и помещенная в дискуссионном порядке, долгое время не находила себе отпора, означает, что партийный лозунг борьбы на два фронта с прозым, как главной опасностью на данном этапе развития, и «левым» оппортунизмом и примиренческим отношением к нему, нами плохо усвоен, плохо проводится в жизнь.

И поэтому первый и основной вывод: заострить внимание всей организации на лозунге борьбы с прозым и «левым» оппортунизмом и примиренческим отношением к нему и под этим углом зрения, в порядке творческой дискуссии и большевистской самокритики, пересмотреть все наши писания, всю художественную и всю критическую продукцию.

На почерках литфронтовщины, воронщины, ревякинщины и наших собственных ошибках надобно с двойной силой бороться по-настоящему с двойной кулацкой опасностью и здесь и «левым» троцкистским загибам, скрывать борьбой с примиренческим отношением к какому бы то ни было оппортунизму в повседневной практической работе нашей организации.

ИВ. БАТРАК

РИС. СОЙФ И ЛИС

ГОРБАЧЕВСКАЯ „ШКОЛКА" В НОВОМ... ЗДАНИИ

ЛИТФРОНТОВСКАЯ ВУЛЬГАРИЗАЦИЯ

Борьба за ленинский этап в литературоведении и критике, за чистоту партийных позиций в литературе отражается в критико-библиографическом отделе журнала **«Земля советская»**—весьма слабо.

Журнал (орган РОПКП) до сих пор не развернул борьбы против перерожденческих взглядов Рязанина; недостаточно борется с проявлениями воронщины в творчестве отдельных писателей пролетарско-колхозной литературы; не подвергает критике лефовско-литфронтовские взгляды В. Красильникова, выступавшего недавно с недопустимыми выпадами против РАПП, наконец, **вообще не ведет никакой систему литфронтовской вульгаризации, в так называемых «заметках» Д. Амурского, «бывшего» литфронтовца.**

Для статей Амурского, которые обычно идут без всяких применений редакции, характерно прежде всего трезвыйческое упрощенчество, схематизм, поверхностное толкование основных вопросов литературы и литературного движения.

Так, например, Амурский **«объясняет»** призыв рабочих-ударников «походом в деревню на производство» («Земля советская» № 5, стр. 118), лишь недооценивая решающие сдвиги в рабочем классе, в базисный рост активности и трудового энтузиазма в широчайших слоях рабочего класса, развертывание культурной революции и т. д.

Творческие ошибки в литературе «Перелома» происходят, по мнению Амурского, **«главным образом** от недостаточного овладения техникой литературного мастерства и от некультурности» («З. С.» № 9, стр. 121). Подобными утверждениями (а они неоднократно повторяются) Амурский снимает необходимость борьбы за **овладение марксистско-ленинским мировоззрением во всей глубине и широте,** не понимая, что в овладении литературной техникой для рабочего-ударника мыслимо лишь **на основе** мировоззрения.

«Нет никакого сомнения в том, — пишет далее Амурский,— что **своим приходом** призывники-колхозники **ликвидируют идеологов кулачества и в литературе»** («З. С.» № 9, стр. 126). Ставить вопрос о ликвидации кулацкой идеологии оторванно от ликвидации кулачества как класса, оторванно от всего процесса классовой борьбы — это ли не политическая нелепость?

Отмечая появление сборников «Роста», «Донбасс красный», серии «На фронтах пятилетки», книги Безыменского «Стихи делают сталь», Д. Амурский пишет:

«Ясно, что это только первые пастеньки начинающегося великого стана. Это капли в море «семейно-бытовых» романов, где не перевелись еще фальшивые герои с их вечной двойственной, рыхлящей психологией».

Так, Д. Амурский однако оканчивает прошлое пролетарской литературы. Следуя «Литфронту», Д. Амурский, выдвигает очерк как жанр, которым по смыслу положений Л. Амурского должен стать **основным и единственным жанром** пролетарской литературы.

Д. Амурский пишет:

«Развитие отдельных родов литературы состоит только в том, что очерк есть четкая и резкая формулировка того, что требует представитель данного класса» (стр. 118. Разрядка наша).

Кто же будет возражать против «резкой и четкой формулировки» в художественном произведении требований класса? Логический вывод из положений Д. Амурского — выпячивание очерка **как единственно достойного жанра** пролетарской литературы.

Отметим в заключение, как Д. Амурский оценивает фронт пролетарско-колхозной критики.

Оказывается, все ошибки пролетарско-колхозной критики есть не что иное, как **«проявление меньшинствующего идеализма в критике»** («Земля советская»).

Между тем, квалифицируя на языке философии классовую борьбу на фронте критики, никак нельзя обойти молчанием необходимость борьбы с главной опасностью — механицизмом. Но этого принципиальному не замечает критик Д. Амурский.

Необходимо подчеркнуть, что ошибки Амурского далеко не случайны, представляя собой систему литфронтовщины, проявляющуюся **в новых условиях, на новом этапе** литературного движения.

Весьма странно, что вся эта литфронтовская вульгаризация **«принялась»** на страницах журнала **«Земля советская»,** протащил таким образом на представительство литературно-политической и теоретической линии РОПКП, но не имея на это никаких оснований.

И. ДСТАХОВ
Б. ДРУГОВ

ОБЕЗЛИЧКА В КОЛХОЗНОЙ ПОЭЗИИ

А. ТВАРДОВСКИЙ. «Путь к социализму». Молодая гвардия, 1931 г.

Недавно поэт Твардовский посетил коммуну и оставил своим посещением дозолен. В коммуне поэту жилось хорошо, привольно: чистый воздух, домашний уют, и на закуску — получил колхозный мед. От такого житья поэт пришел в восторг.

В поповской шапке и постоянно белом
Брожу среди общественных угодий
И занимаюсь пустяковым делом
По доброй воле, по своей охоте.

А. Селивановский правильно отчитал поэта за столь легкомысленное творчество, в котором сказалось барство и злой «советской» формации (Барчук или пролетарский поэт? — «Рост» № 4, 1930 г.).

По ориентации с этим стихотворением — «Путь к социализму» является знаком вперед. Поэт вырос. Праздничный масштаб отошел. Поэт увидел трудности, испытанные колхозом, классового врага, живых людей. Однако поэма «Путь к социализму» мало что прибавляет к тому, что имеется в колхозной поэзии.

Сама попытка дать поэму о колхозной стройке заслуживает внимания и поощрения. Эта работа прежде всего предполагает развернутый показ людей и общественных отношений. Но этого как раз нет в поэме Твардовского. Обезличка **помножена на схематизм.** Вот Михайлов — председатель колхоза. По ряду деталей легко заключить, что Михайлов — хороший, преданный, работящий («На дверях записка: «Товарищ Михайлов сейчас на лугах. Если что нужно, то это самые обычные — на шарком, на бугах»).

Михайлов производит соревнование, берется с лодырями, раскулачивает Кулачина, Михайлов ведет и ведет, но живого образа нового человека, строителя социализма все же не получилось. Михайлов — образ без лица, алгебраический знак, лишенный конкретного арифметического содержания. Объясняется это тем, что Твардовский пользуется косвенными характеристиками. Михайлов не показан в действии. Характерно, что на протяжении всей поэмы Михайлов произносит единственную одну фразу.

Печать обезлички лежит и на колхозе.

Васнль Алексеич,
Иезнь, какие-нибудь, Митрофаньим,
Григорий, там, Андреичи,
Григории, скажем, Иванычи.

Так аттестует колхозников А. Твардовский. Поистине: «фамилии даны, а человека не дали». Твардовский приписывает колхозников под одну гребенку.

В поэме Твардовского говорится о запрещении, помощи колхозников единоличникам, раскулачивании, готовности колхоза ответить врагам на случай войны и многом другом, но почти нехватает глубины, динамики, элементов подлинной диалектики. Так, по Твардовскому выходит, что до коллективизации кулак был доволен советской властью, что сопротивляться он начал только с момента раскулачивания...

В художественном отношении поэма Твардовского не выдержана. Твардовский имеет хорошие поэтические данные, — это совершенно бесспорно. Запомнилается место, где говорится о «раскулаченных» машинах.

Одна за другой
Машины стоят от ворот,
Похожна на сундуки, на коляски.
Можно попробовать.
Штучку любую потрогать,
Потрогать,
Подержать,
Подвинуть,
Полакать!..

Много неряшливости и простоты в обращении колхозников к Михайлову, в связи с его «переходом» на другую работу.

Товарищ Михайлов,
И все мы с тобой
Вместе всегда
На работе любой.
Пахали с тобой,
Убирали с тобой.
Вставали с тобой
И ложились с тобой.
От весны и до осени
Работали здесь.
Теперь отсюда вас перебросили,
Значит повсюду колхозы есть!..
Значит, нужны руководители
И нужно дело дальше вести.
А если мы чем-нибудь вас обидели,
То ты, Петрович, забудь и прости.

Твардовский удачно использовал разговорные интонации, да и вся его деликатная чуткая условных «красивостей» и формалистических «штучек».

Вместе с тем поэма страдает в ряде мест схематизмом и излишней прямолинейностью. Соревнование, классовая борьба, производственные моменты,— все это, в сущности говоря, нераскрытые тематические задания, формулы, нуждающиеся в конкретном наполнении.

МИХ. БЕККЕР

ЕФ. ДОБИН

В ПОРЯДКЕ ОБСУЖДЕНИЯ

О ЛОЗУНГЕ „СРЫВАНИЯ МАСОК"*

ЛОЗУНГ «срывания всех и всяческих масок» — один из лозунгов творческой программы напостовства, программы «большого большевистского искусства». Он принадлежит к числу генеральных, основных творческих лозунгов пролетарской литературы.

Известно, что литфронтовцы именно против этого лозунга откатились наиболее далеко. «Провозглашая этот лозунг «срывания и всяких», напостовцы **извращают историческую перспективу, господствующие политические и хозяйственные тенденции нашего развития».** Так писал Каметулов, этот наиболее крупный теоретик излияний покойного «Литфронта». Словом, как говорил Иван Иванович Ивану Никифоровичу, обходя знаменитую мировоззренческую лужу: «Берегитесь, ибо здесь нехорошо!». Сей творческий лозунг не больше, но меньше, как... политический уклон.

Но ведь слова о срывании всех и всяческих масок принадлежат Ленину. Это не мешало им запугивать всех литфронтовских воек против этого лозунга. Один Каметулов нашел простой выход из положения. Он пишет: «Категорическое заявление Авербаха (?) о срывании всех и всяческих масок **отличается крайним невежеством».** («На литературном фронте» стр. 96).

Но оставим Каметулова. Всякий, не зараженный фракционностью до прямой литературной хулиганщины, всякий, не ослепленный кружковщиной, поймет, что слова Ленина о срывании масок—не случайно обронченная фраза. Для этого достаточно внимательно прочесть статью Ленина о Толстом.

Имеется еще одно любопытное свидетельство, доказывающее это. Мы имеем в виду «Воспоминания об Ильиче» Марии Скрипник.

«Ильич, — пишет М. Скрипник, — всякое двоедушие, со скучающим видом слушал докладчика, произносившего трескучие революционные слова. Мало того, он с досадой смотрел на товарища, если последний свою неумелые попытки практически делиться образом к вопросу прикрывал революционным пылом.

Не раз он на заседаниях Совнаркома безжалостно срывал покровы романтики, которой прикрывали суровую действительность».

Ленинизм, как Ильич работал, как он относился к своим сотрудникам и их работе, как он учил и воспитывал их, М. Скрипник употребляет именно эти слова—«со срыванием покровов романтики». Это убедительно свидетельствует, что они в определенной мере характеризуют самую атмосферу и стиль работы Ильича, его оценку окружающей действительности.

Кончина «Литфронта», казалось бы, должна была ликвидировать споры об этом лозунге. Читатель, которому попадется на глаза № 3—4 «Литературы и искусства», убедится, что у последней «Литфронта» хватило мяса выражаться, безответственности, чтобы утверждать о разгроме (!) теории «срывания масок».

Нельзя не выразить сожаления, что товарищи Митин, Рахлеевич и Юдин также сочли должным выступить против этого лозунга.

В своей статье **«На новом этапе»** эти товарищи обнаружили **непонимание** лозунга «срывания масок», что, естественно, и привело их к весьма существенным ошибкам.

Правда, т. Юдин в своем выступлении на пленуме РАПП фактически снял свои возражения против лозунга «срывания масок». Тов. Юдин заявил, что он полностью солидаризируется с тем вниманием этого лозунга, которое дано в резолюции секретариата РАПП о шести условиях тов. Сталина.

/

«Когда строй общественного развития, процесса ведет продуктом свободных сознательных действий людей и будет находиться под их социальным и национальным контролем, он сбросит с себя мистическое, туманное покрывало» (Карл Маркс, предисловие к т. I «Капитала»).

Пролетариат использует свою диктатуру для сознательного планомерного воздействия на общественными отношениями, пролетарская диктатура свободна от мистического, туманного покрывала. Следовательно... следовательно, лозунг «срывания масок» неприменим к условиям диктатуры пролетариата? Следовательно, сигнализируя категорическое возражение т. Митина и др. против «нелепого» перенесения (этого лозунга) в нашу обстановку, в условия диктатуры пролетариата?».

Так рассуждать, значит именно не понимать **диалектики** исторического процесса.

Маски товарного фетишизма **не существуют** одни по себе,—их носителями являются определенные классы. Формы появления этих масок—суть формы проявления классовых отношений в классовой борьбы. Но ведь путь к бесклассовому обществу идет не по дорожкам **затухания** классовой борьбы, а через ее **обострение.** Ведь при диктатуре пролетариата выкорчевываются корни капитализма, но этот процесс еще не завершен, ведь еще существует классовая борьба.

Но трудно понять, что говорить о **непримиримости** лозунга «срывания масок» в условиях диктатуры пролетариата—значит **отрицать** классовую борьбу в наших условиях.

Так именно и поступает Л. Овалов.

«До сих пор еще находятся критики,— пишет Овалов, — пытающиеся **клеймить** данным-давно снятый (?) (слепость мнений необоснованна — Е. Д.) по отношению к показу **социалистической действительности** лозунг о «срывании масок». Каких масок? С кого? **С героев социалистической стройки?** Понятно, эти люди не ведают, что говорят».

Умри, Денис, лучше не напишешь! Тов. Овалов с готовой вылил свое вульгарное представление о социалистической действительности. Лозунг «срывания масок» с социалистической действительности целиком и безоговорочно снят (Оваловым, который из скромности умалчивает о своем великом подвиге), потому что с героев социалистической стройки срывать масок не нужно. Значит, по мнению Овалова, в нашей социалистической действительности существуют **только** герои социалистической стройки. Выспренний бюллетеньный пафос («Поистине, эти люди не ведают, что говорят») понадобился Овалову для того, чтобы **замазать, затушевать** наличие классов и обостренной классовой борьбы в наших условиях.

Нужно ли добавлять, что «теории», подобные Оваловским, разоружают пролетарскую литературу в ее классовой функции, в ее борьбе за классовые задачи пролетариата?

В приведенной нами тирате Овалова есть еще одно, совершенно неслыханное, утверждение.

«Надо ли срывать маску с пролетарской диктатуры? Нет, конечно. Классовая сущность пролетарской диктатуры для всех ясна, и мы всем существом ни от кого не скрываем. Надо ли срывать маску с пролетарского суда? Конечно, нет. Мы прямо говорим, что наш суд классовый. Но надо ли у нас в когда-либо срывать маску? Конечно, надо. С кулака, предателя, бюрократа. Превращению лозунга «срывания масок» во всеобщий является искажением Ленина.

Прежде всего ясно, т. Овалов довольно странно истолковал наш лозунг. Вместо лозунга «срывание всех и всяческих масок», т. е. тех и там, где они имеют место, он подставил в качестве мишени под свои удары другой, им же вымышленный,—«срывание масок со всех и отовсюду». Именно отсюда произошла курьезная формулировка предметов спора. «Надо ли срывать маску с пролетарской диктатуры» или, вернее, не надо?

Как будто на пролетарской диктатуре, в пролетарском суде, в пролетарской морали, героях социалистической стройки обнаружено есть маски?

Когда речь идет о срывании масок с кулака, предателя и бюрократа, очень вредно было бы упрощать вопрос, отказываясь от всей сложности и противоречивости нашей действительности.

Творческая практика некоторых пролетарских писателей дает нам образец непонимания всей **сложности** задачи срывания масок. Такие писатели, в показном желании бичевать классового врага, идут по линии наименьшего сопротивления. Они выводят на сцену примитивных, которые при помощи длинных монологов популярно и пространно доказывают, что мы, дескать, подлецы и оппортунисты. В действительности однако классовый враг сам с себя масок не срывает. И те пролетарские писатели, которые идут по этому пути непонимания трудности и сложности дела разоблачения врагов рабочего класса, объективно не содействуют мобилизации рабочего класса для такой борьбы.

Упрощение нашего лозунга идет еще по такой линии.

«Срывание масок» означает не только искрение действительных движущих закономерностей классового общества, но срывание масок и с тех представлений, ложных и искажающих действительность, которые составляют собой неотъемлемую сущность эксплоататорских классов капиталистического общества и межеумочных его слоев, т. е. речь идет о срывании тех масок, которые они — эти классы — надевают на действительность *.

Но вопрос ведь усложняется тем, что кроме идеологических масок, которые надевает классовый враг на социалистическую действительность, носящих на себе открытую его печать (кондратьевщина, сапронщина и т. п.), мы имеем еще влияние непролетарского окружения на рабочий класс, на отдельные неустойчивые звенья партии. Это влияние выражается в форме различных идеологических уклонов, в той или иной мере отражающих идеологию враждебных классов. Достаточно привести примеры с меньшевиствующим идеализмом, с «чаяниями друзьями», перерожденцами и т. д. и т. п.

Перейдем к вопросу, очень тесно связанному с лозунгом «срывания масок», — к вопросу об отношении к противоречиям действительности. Придется (мы извиняемся перед читателем) опять цитировать статью Овалова **«Довольно успокоительных речей».**

«До сих пор еще находятся писатели, занятые разрешением проблем двойственности человека, подменяя ее что бы ты ни сказал нам в новых людях остатки светлого Адама, пытающиеся наделить подавляющее новых людей — строителей социализма — всеми пороками и психологическими противоречиями, составляющими неотъемлемую принадлежность непрактических героев дореволюционной литературы».

Прежде всего, т. Овалов, почему тебя обезличка? Почему т. Овалов, так смело поучающий пролетарскую литературу, пред'являющий ей ряд обвинений, так глухо говорит о конкретных виновниках? Кто они, эти писатели?

Но откройте **«На крутом переломе»** Лидии Тоом, стр. 22, и вы найдете там те же самые обличения в мелкобуржуазной двойственности, адресованные **всему основному творческому ядру** пролетарской литературы.

У Лидии Тоом эти обвинения весьма естественно вытекали из политически-вредной, ошибочной концепции о кризисе пролетарской литературы.

Не потому ли т. Овалов не дает конкретного адреса своих обвинений, поэтому что и в этом (в адресе обвинений так же, как и в содержании их) они полностью представляют собою перепевы из Л. Тоом?

Тов. Овалов и Л. Тоом знают только **противоречия,** присущие интеллигенту, и поэтому, когда они видят художественный показ противоречий, свойственных и рабочему, они кричат: «Караул! Тут не рабочий (который прост и лишен противоречий), а непрактический интеллигент!» Овалов не понимает (а может быть даже и не слышал) о разнице между антагонизмом и противоречием. Психологические противоречия интеллигентов — это антагонистическое противоречил, отражающее межеумочное положение этой классовой прослойки. Рабочий класс лишен этих противоречий («составляющих неотъемлемую принадлежность непрактических героев»).

Не лишен ли он вообще противоречий? Стать в этом вопросе на точку зрения Овалова и Л. Тоом, об'являющих противоречия монополией непрактического интеллигента, значит окончательно порвать с диалектическим методом, с ленинской постановкой вопроса о единстве противоречий, как о всеобщем законе бытия и мышления, а не как о сумме примеров.

Психологические противоречия новых людей—строителей социализма—совсем **не те,** которые были присущи непрактическому интеллигенту. Но только мелкобуржуазный интеллигент, вульгарный лакировщик, боящийся противоречий, не видит, что психология нового человека, новое отношение к труду, как к делу доблести, делу славы и геройства, рождается в движении противоречий, в той борьбе, о которой говорит Ленин.

«Это начало переворота, более трудного, более существенного, более решающего, более коренного, чем свержение буржуазии, ибо это победа над собственной (подсознательную имя —Е. Д.) косностью, распущенностью, мелкобуржуазным эгоизмом, над этими привычками, которые проклятый капитализм оставил в наследство рабочему и крестьянину» (В. И. Ленин. «Великий почин»).

«Не с каких пор большевики стали бояться правды?» (Сталин).

Пролетарский художник, художник-большевик обязан вскрывать и художественно осветить все противоречия в движении вперед, если он хочет помочь преодолению этих противоречий.

Нет противоречий только там где нет движения, развития, движения вперед. Художник, который будет изображать новых людей в стройке социализма, лишенных противоречий, согласно мудрым советам Овалова, сумеет создать только «образы», подобные известному «Сергею-пролетарию» из популярной песенки.

Рыцарям печального образа схематизма, «теоретикам», сделавшим противоречивую литературу от «диалектического» не мешало бы поразмыслить над словами Ленина о «разделении единого и познания противоречивых частей его, как о сути диалектики».

«К собственному смыслу диалектики есть изучение **противоречия** в самой **сущности предмета»,** — говорит Ленин (12-й Ленинский сборник, стр. 184).

В процессе практики социалистической стройки, сплетаясь новых социалистических отношений, ломки старых и нарождения новой психологии, вскрываются те противоречия, о которых говорил Ленин в приведенной нами цитате из «Великого почина». Нужно замечать и вскрывать данные конкретные противоречия, остатки тех прошлых, которые остались работать в нашем капитализм. Но и для будущего не смыкнется точка зрения Овалова—Тоом. В развивающемся социалистическом обществе будут сами собой возникать новые противоречия. «Антагонизм исчезает, противоречия остаются при социализме» (Ленинский сборник 11-й. Заметка Ленина на бухаринскую экономику переходного периода).

Борьба за наше понимание лозунга «срывания масок» это — борьба на два фронта.

Борьба с противниками лозунга «срывания масок» — это борьба с мелкобуржуазными лакировщиками, с теми, кто мнит противоречия и конфликты нашей действительности.

* Экономические отношения в готовом виде, как они обнаруживаются на поверхности капиталистического процесса производства, в их реальном существовании, а следовательно и в тех представлениях, при помощи которых стараются разобраться в этих отношениях их носители и агенты, оказываются очень различными, совершенно неожиданными и противоположными по сравнению с их внутренним существенным, но скрытым ядром, и соответствующим последнему понятиям (Капитал», т. III, т. I).

* Отрывок из статьи, печатающейся в журнале «На литературном посту».

„ЛОВКОСТЬ РУК и никакого мошенства"

К развернувшейся вокруг ряда ошибочных положений С. Медведева творческой дискуссии примазываются явно нежелательные элементы. Не разбираясь в существе споров, элементы эти вносят в дискуссию много вздорного, много вздора, сплетен, слухов, разговоров. Будучи обывателями, элементы эти обывательски представляют себе дело так (я представление это распространяют в распускаемых ими слухах и сплетнях), что «происходит драка между комсомолом и РАПП» и с нетерпением ждут, кто же кого «победит».

Обыватели, как всегда, останутся, конечно, в дураках. И комсомол и РАПП стоят на партийных позициях в области литературы и разногласий между ними нет, не будет и быть не может.

Но обывателей этих надо разоблачать и вытаскивать за ушко да на солнышко, ибо и своем рвении «погреть руки» они иногда проявляют проворство невероятное.

Приведу один пример такого проворства и «ловкости рук».

15 октября мне пришлось, по поручению секретариата РАПП, делать доклад о задачах пролетарской литературы на пленуме Нижегородской краевой АПП. В ряду других вопросов я остановился в докладе на задачах работы РАПП по созданию комсомольской литературы, отметив слабое внимание и недостаточную работу РАПП на этом участке, отметив, что имеющаяся продукция не может удовлетворить тех требований, которые предъявляет комсомол, и т. д.

В числе других делегатов по моему докладу выступил т. Рябчиков от местной комсомольской газеты «Ленинская смена», солидаризировавшийся с основными положениями моего доклада, подвергший критике статью С. Медведева в «Комсомольской правде» и заявивший о согласии со статьей Авербаха «Из рапповского дневника», посвященной ошибкам С. Медведева.

17 октября я уехал из Нижнего-Новгорода. Стенограмма моего доклада не была еще расшифрована, и я ее не просматривал. На днях мне товарищи ее прислали.

Но одновременно я довольно «оригинальным» способом получил второй экземпляр стенограммы. Я получил его напечатанным в краевой комсомольской газете «Ленинская смена» от 25 октября с «комментариями» того же Рябчикова.

Удивлению моему не было границ. Что заставило товарищей печатать неправленную стенограмму, когда я еще умирать не собирался и мог бы, просмотрев стенограмму, отвечать за нее, а не перекладывать авторство на нижегородских стенографисток? И с какой поры вошли в практику нашей печати такие «методы»? Тут, думаю, что-то не так!

Внимательно просмотрев творчество нижегородских стенографисток. Обычная неправленная стенограмма, неудобная для чтения, местами путаная. Зачем ее помещали — так и не понял.

Но прочитал помещенные на той же полосе «комментарии» Рябчикова и — понял. Понял и восхитился «ловкостью рук», с какой описанный выше обыватель «фукнирует» в литературе.

В «комментариях» Рябчикова прямо сказано о «явно-оппортунистическом заявлении т. Макарьева, что РАПП требование ЦК ВЛКСМ удовлетворить не может».

Ознакомившись с обвинением меня в оппортунизме, я с ужасом стал искать в неправленной стенограмме то место, где я говорил о комсомольской литературе и требованиях комсомола. Вот оно, это место, со всеми «красотами стиля», пояснявшими по штату всякой неправленной стенограмме:

> «Мы недостаточно этому фронту (комсомольской литературе) придавали значение, есть у нас произведения, которые показывают комсомол, передают его борьбу и т. д., но требования, которые предъявляет ЦК, мы удовлетворить не можем. Вопросы комсомольской тематики и создания комсомольской литературы нужно поставить как следует, это одна из наших основных задач».

Думаю, что каждому умному человеку ясно, в чем тут дело. Но так как на свете существуют, кроме них, еще и Рябчиковы, то для них сообщаю, что если бы я правил стенограмму, то слова «мы удовлетворить не можем» исправил бы на: «они» (т. е. эти произведения) удовлетворить не могут. Именно об этом и говоря в докладе, именно это следует из контекста даже неправленной стенограммы.

На зачем все это Рябчиковым понадобилось? Зачем проделывать такие фокусы, дискредитирующие газету и приводящие в конечном счете к довольно конфузному положению самих Рябчиковых? Зачем издеваться над читателем (а ведь газета-то для него) и печатать отрывок (3 страницы из 24) из неудобочитаемой неправленной стенограммы, когда можно было дать доклад по живой записи?

Продолжается все это потому, что Рябчиковы по-своему «поняли» дискуссию и решили принять в ней «участие».

Не случайно в «комментариях» Рябчикова заявляется об «острой и глубокой дискуссии между ЦК ВЛКСМ и некоторой частью руководства РАПП».

Такой дискуссии нет, уважаемые! И не будет, как бы вам этого ни хотелось.

Что же касается творческой дискуссии в пролетарской литературе, то принимать в ней участие — малости просим, хотя это для нас и трудно, судя по вашим «комментариям», в которых вы говорите о «контрреволюционном литфронте» (бедный член партии Рожков!), о «вечных проблемах любви» у Федосеева и тому подобных новых открытиях.

На одной «ловкости рук», проявленной вами по отношению к моей стенограмме, в литературе выехать трудно. Тут требуется кое-что еще.

Кстати о неправленной стенограмме: дарю ее в полную частную собственность т. Рябчикова и прошу редакцию «Ленинской смены» выписать ему за нее гонорар (как я установил, он в ней кое-что сокращал, вероятно, для удобства литпитания. А всякий труд надо уважать). Стенограмма же, за которую я отвечаю, послана мною для напечатания в журнал Нижегородской АПП «Штык».

И. МАКАРЬЕВ

ОТ РЕДАКЦИИ: Нами получено постановление президиума секретариата Нижегородской АПП от 25 октября по затронутому т. Макарьевым вопросу. В постановлении помещенная в «Ленинской смене» статья Рябчикова характеризуется как клеветническая.

„ЧЕСТЬ МУНДИРА" ГРАЖДАНИНА ЛУГИНА

Союз советских писателей в литературно-политически и творчески перестраивается. Эта перестройка идет недостаточно быстрыми темпами, перевооружение писателей-попутчиков проходит с большими трудностями, оно встречает на своем пути массу препятствий, основное из которых то, что писатели не овладели еще пролетарским мировоззрением. Не последнюю роль среди этих препятствий играет и влияние старых навыков цеховщины, «честь мундира» и прочие атрибуты буржуазной литературной среды.

Но несмотря на все это, перестройка ВССП — очевидный факт. Увеличивается отряд писателей-союзников, за ними, но их дороге идет основная масса членов союза писателей.

Но есть среди членов ВССП и значительное число таких, которые не только упорно не желают перестраиваться сами, но и стремятся воспрепятствовать перестройке союза в целом. Им хочется, чтобы все было «по-старому»...

И когда союз открывает окна, чтобы освежить атмосферу, проветрить воздух, стряхнуть с себя мышь и освободиться от балласта, вся истошно кричат: «Нельзя!» и мобилизуют все свои когда-то сильные средства, чтобы остановить, не впустить свежий ветер.

Предлог им не важен. Они ухватываются за первый попавшийся. В данном случае, о котором идет речь, таким предлогом явилась проводящаяся проверка состава союза и исключение из него среди прочих ненужных и чуждых советской литературе людей немецкого Ап. Лугина.

А. Лугин — в прошлом Беленсон, человек, имевший самое непосредственное отношение к желтой прессе. В настоящем — он никак не связан с писательской общественностью и вообще писательским трудом. Он подвизается в Совэкспорте в качестве сотрудника журнала «Мясной фронт». Само по себе — дело полезное, хотя, несмотря на авторитетный отзыв одного из членов правления этой организации, мы сомневаемся, что человек с вышеприведенными данными Лугина способен быть его активным и сознательным участником. Но если бы даже так, то при чем здесь художественная литература? И почему Лугин должен кроме соответствующего профсоюза состоять еще и союзе писателей? Ведь такое издание, как желтый журнал «Стрелец», к которому он в прошлом имел самое близкое отношение, оснований для этого не дает.

Однако Лугин не преминул откликнуться на постановление правления ВССП об его исключении протестующим заявлением. Впрочем так поступает каждый исключаемый, хотя не каждый вырождается в своей апелляции факты: Лугин заявляет, что он был послан в Совэкспорт по путевке ВССП, хотя на самом деле ничего подобного не было.

Не нас интересует не самый факт подачи Лугиным заявления, а обстановка, которой это сопровождалось.

Совершенно неожиданно в судьбе Лугина приняла живейшее участие большая группа писателей. Под заявлением Лугина сделана приписка: «Настоящим просим правление восстановить в правах члена ВССП т. Лугина, исключение которого считаем неправильным». И подписи: О. Руноза, Ю. Олеша, А. Киргетен, Файко, С. Гехт, Б. Пастернак, П. Антокольский, Арго, Давид Хаит, Як. Окунев, Сергей Буданцев, Ап. Балагин, С. Бройде, С. Штрайх, Л. Сейфуллина.

Писатели самых различных творческих направлений и общественных позиций трогательно обеспокоились за судьбу Лугина, причем собрали они этого совсем неподходящий и советской действительности способ — демонстративное давление. Среди подписавшихся под ним мы видим даже члена правления союза, как будто бы имеющих достаточно возможностей непосредственно поставить этот вопрос на пленуме, как, впрочем, и все остальные, так как это предусматривается установленным порядком проверки. Свою руку здесь приложили и те, которые не раз рядом выступали против старых навыков, за новую литературную среду. Как сочетаются у них эта декларация с таким сею антиобщественным поступком, воскрешающим самые худшие традиции старого союза писателей? Как согласились они, и все другие, на этот акт круговой поруки, на то, чтобы прикрыть своим авторитетом человека, которого уличают их, как оказывается, просто не знают (например, Ю. Олеша, С. Буданцев и С. Штрайх, заявили, что они были введены в заблуждение, и свои подписи сняли).

А под знаменем этого заявления уже развертывается «боевая работа». Люди, не эря опасающиеся, что проверка действий и до них, пытаются вообще дискредитировать эту акцию и требуют отменить все решения персональной комиссии. Возглавляет эту комиссию А. Киргетен, подавший соответствующее заявление в правление союза и и данное время собравшийся подписями по листу коичество подписей для требования о созыве общего собрания союза.

Мы не сомневаемся, что Киргетенам не удастся задержать перестройку союза, повернуть союз вспять, не впустить свежий ветер.

Мы не сомневаемся и в том, что те из подписавших заявление Лугина, кто чувствует себя действительными участниками советской писательской организации, откажутся от своей антиобщественной позиции.

Но экстренный наш факт этим не исчерпывается. Он свидетельствует о реальной опасности рецидивов навыков и «признаков» старого союза писателей, о недостаточной общественной ответственности некоторых (в том числе и безусловно честных) членов союза.

Ну и конечно в первую очередь он подтверждает своевременность и необходимость проверки союза ВССП.

АЛ.

ИТОГИ ПЕРЕРЕГИСТРАЦИИ ЧЛЕНОВ ВССП

Закончилась перерегистрация членов ВССП. Специальная комиссия ВССП просмотрела весь список членов союза. В результате перерегистрации из состава членов ВССП выбыло 115 чел. (около 25 проц. всего состава союза).

Изъятие из ВССП разбито на 5 категорий. В 1-ю категорию — искусствоведы, в 2-ю — писатели, члены секционных бюро ФОСП и ФОПП, с предложением остаться в составе Федерации пролетарских писателей, с оставлением некоторых из них в составе секционных бюро. Вторая категория литературоведов, критиков и художественных редакторов, с оставлением их в составе союза писателей. Третья категория — историки литературы, искусства, правления союза по типу революционных и исследовательских. Четвертая категория — историки литературы, искусства, правления союза по типу революционных и исследовательских. Четвертая категория — писатели, выпустившие книги, но не имеющие связи с ВССП и с писательской общественностью. Пятая категория — переводчики, писатели-переводчики, писатели-переводчики, писатели-

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Орган Федерации Об'единений Советских Писателей РСФСР

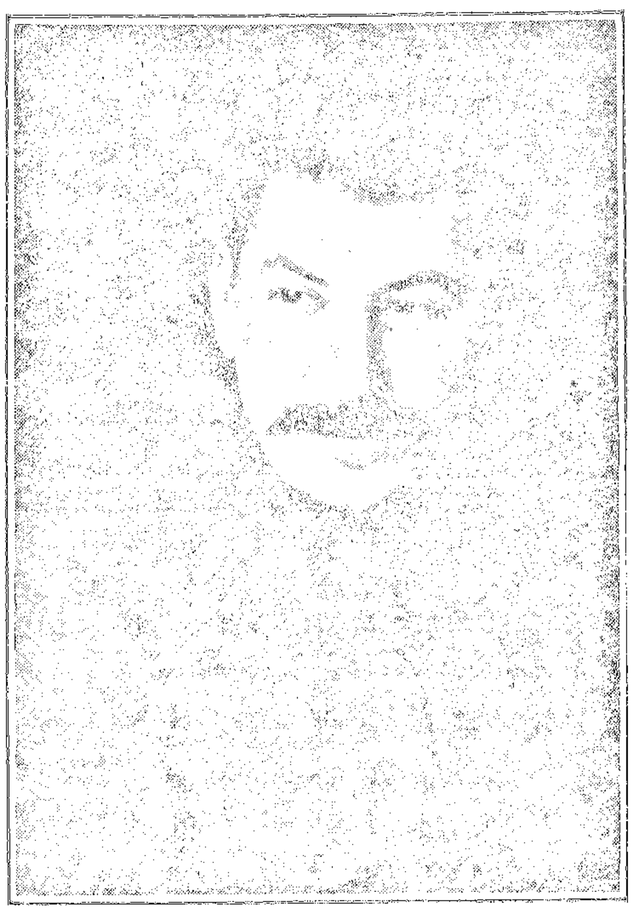
МОСКВА 7 НОЯБРЯ 1931 г. № 60 (159)

Октябрь идей большевистской стяжки, пафос творческого горения, догоняй темпы и сталинские!

СОЗДАЕМ ЛИТЕРАТУРУ МИРОВОЙ РЕВОЛЮЦИИ

ТОВАРИЩУ СТАЛИНУ, ВСЕМ ТРУДЯЩИМСЯ СССР

РАПОРТ



Год назад, в 13-ю годовщину Октябрьской революции, в столице Красной Украины — Харькове собрались делегаты революционных и пролетарских писателей 22-х стран, чтобы выработать план действий единой организации мировой революционной литературы.

Харьковская конференция поручила нам, руководству Международного об'единения революционных писателей, выполнить следующие обязательства:

1) Собрать и организовать все силы мировой революционной литературы на защиту СССР против империалистической интервенции и на борьбу против фашизма, социал-фашизма и белого террора.

2) Организовать передачу творческого и организационного опыта пролетарской литературы СССР революционным писателям всего мира, а также организовать обмен творческим опытом между революционными литературами отдельных стран.

3) Призвать в мировую пролетарскую литературу новые рабочие кадры и помочь писателям, выходцам из среды мелкобуржуазной интеллигенции, перейти на новые рельсы и включиться в борьбу против капитализма совместно с революционным пролетариатом.

4) Дать в руки рабочим всего мира вместо чужой и враждебной литературы литературу мировой революции.

МЫ РАПОРТУЕМ О ВЫПОЛНЕНИИ

1) К 14-й годовщине Октября организованы секции МОРП в следующих капиталистических странах:

Германии, Америке, Японии, Китае, Польше, Западной Украине, Финляндии, Латвии, Чехо-Словакии, Венгрии, Австрии, Болгарии, Испании.

Организованы инициативные группы: в Англии, Франции, Литве, Швеции Юго-Славии. Все эти секции и инициативные группы ведут систематическую работу по защите Советского союза как в рабочей печати, так и в печати левой интеллигенции. Принимают участие в повседневной революционной практике пролетариата и его авангарда.

В этом году за проведение этой работы были арестованы десятки членов национальных организаций МОРП. Двое пытками доведены до сумасшествия, шесть казнено в Китае.

Но ни на одну минуту не ослабевала борьба революционных писателей всего мира за защиту СССР против империалистической интервенции.

Кроме большого числа очерков, статей, стихотворений о социалистическом строительстве (Людвиг Ренн, Анна Зегерс, Эрнест Глезер, Карл Грюнберг, Эгон Эрвин Киш, Мартин Андерсен Нексе, Мейнк Гета, Джемуха Кинаты, Лун Лозовик, А. Е. Магин, Г. А. Потамкин, Поль Вайян Кутюрье, Эмиль Медзрас, А. Габор, А. Гергель, А. Гидаш, Э. Фабри, В. Клементис, В. Вацлавек, Л. Лайцен, Э. Сяо, Хамди Селям, Вайнерт, Кацумото, Ст. Р. Станде и мн. др.), вышли следующие крупные произведения: И. Р. Бехера «Великий план», Арагона «Красный фронт», Вайскопфа и Глезера «Книга о Советском союзе», Кацумото Сейтиро «Через красный фронт», Лиза Тицнер «Ганс Уриан» (для детей).

Кроме того, выходят две книги 1-й и 2-й интернациональных бригад МОРП, посетивших и изучивших отдельные области строительства СССР (в бригады эти входили представители Германии, Франции, Польши, Америки, Венгрии, Австрии, Норвегии).

Во время процессов промпартии и меньшевиков члены МОРП организовали в рабочей и частично даже буржуазной печати большую кампанию против интервентов (Витфогель, Глезер, Зегерс, Реми, Кахана, Гогд, Потемкин, Габор, Иллеш Ясинский).

МОРП приступил к организации показа героев социалистического строительства мировому пролетариату. До сих пор нами снабжена печать разных стран примерно 50 очерками.

МОРП выпущена в 1931 году специальная однодневная интернациональная газета «1-е августа».

Наши секции в Японии и Германии успешно провели под руководством МОРП разоблачающую дискуссию с меньшевистскими и троцкистскими течениями в литературе.

Вся повседневная работа МОРП ведется под лозунгом «борьбы с империалистической войной и интервенцией и защиты СССР».

2) Центральный орган МОРП, журнал «Литература мировой революции», выходящий параллельно на четырех языках: немецком, английском, французском и русском, впервые начал передавать опыт пролетарской литературы СССР мировому литературному революционному движению и продолжает за рубежом работу, которую в пределах СССР проводит РАПП и ВОАПП, т. е. дает марксистско-ленинскую оценку мировому литературному движению, открывает путь десяткам и сотням писателей всего мира к пролетарской литературе, вооружая их методом диалектического материализма. Надо отметить, что, не имея опыта в такой огромной и сложной работе, а также не располагая достаточно подготовленными кадрами, журнал имеет в своей работе на сегодняшний день ряд недочетов, которые в ближайшее время должны быть выполнены.

МОРП ведется проработка таких проблем мирового литературного движения, которыми до сих пор марксистская критика систематически не занималась. (Взаимоотношение пролетарских и мелкобуржуазных писателей в капиталистических странах на нынешнем этапе классовой борьбы. Культурное банкротство социал-демократии. Взаимоотношение рабкоровского движения и пролетлитературного движения в капиталистических странах и т. д.)

3) В ряде стран, по инициативе МОРП, рабкоры и пролетарские писатели ведут совместную работу. «Старая» гвардия пролетписателей кладет много усилий, чтобы поднять квалификацию начинающих рабочих-писателей, стараясь в то же время привлекать и перевоспитывать писателей, выходцев из среды мелко-буржуазной интеллигенции (примером может служить Германский Союз пролетарских и революционных писателей).

4) Наши задания — дать пролетарскую революционную книгу в руки рабочим всего мира — выполняет редакционно-издательский отдел МОРП, организованный после харьковской конференции. Отдел снабжает не только рабочие журналы и издательства, но и лево-буржуазные литературные журналы и издательства произведениями международной революционной литературы, в первую очередь произведениями пролетарской литературы СССР. С какими трудностями приходится сталкиваться в этой работе можно судить по опыту нашей работы в СССР, где нам помогает партия, РАПП, ВОАПП и широкая советская общественность и где все же наш план 1931 года не удалось выполнить, и из отобранных нами произведений издательство выпустило всего 20 проц. представленной нами продукции. Мы были недостаточно настойчивы и не смогли принудить издательство выполнить свои обязанности. Однако опыт работы редакционно-издательского отдела показал, что имеются огромные возможности осуществить поставленную перед нами задачу.

Признаем, что на отрезке радио, кино и театра нами почти ничего не сделано.

МЫ ОБЕЩАЕМ:

К 15-й годовщине Октября создать революционные писательские организации, секции МОРП, в Англии, Франции, Румынии и организовать федерации: Балканскую, Прибалтийскую, Скандинавскую и Латино-Американскую.

Сделать из журнала «Литература мировой революции» подлинный руководящий орган мировой революционной литературы. Создать во всех странах, где имеются секции МОРП, печатные органы этих секций. Издать на всех основных языках все ведущие произведения пролетарской литературы СССР и историю роста и борьбы за гегемонию пролетарской литературы Советского союза. Издать на языках ряда народов СССР ведущие произведения международной революционной и пролетарской литературы.

Организовать ряд интернациональных бригад революционных писателей для ознакомления их с социалистическим строительством, чтобы они могли передать о достижениях героического рабочего класса СССР — о выполнении пятилетки в четыре года — трудящимся всего мира.

К 1 августа будущего года мобилизовать все революционные международные литературные силы для сплочения вокруг выступления в защиту СССР против империалистической интервенции, но независимо от этого вести борьбу за защиту СССР изо дня в день, мобилизуя вокруг этой центральной задачи все более широкие массы трудящихся и мелкобуржуазной интеллигенции.

Во всех крупнейших странах, где имеются секции МОРП, организовать, по инициативе этих секций, об'единения всех разрозненных рабочих культурных организаций, крепкие спаянные федерации пролетарского искусства.

К 15-й годовщине Октября созвать в столице мировой революции — Москве, Третью международную конференцию МОРП, которая к этому времени будет представлять настолько крупную организационную, теоретическую и творческую силу, что под его руководством, совместно с братскими организациями других видов искусства, смогут быть заложены основы Интернационала революционного искусства.

По поручению секретариата международного об'единения революционных писателей:
БЕЛА ИЛЛЕШ, БРУНО ЯСЕНСКИЙ, ЛЕОПОЛЬД АВЕРБАХ, АНАТОЛЬ ГИДАШ

Москва, 7 ноября 1931 г.

ЗА РАБОТУ НАД „ИСТОРИЕЙ ЗАВОДОВ"

РЕЗОЛЮЦИЯ АКТИВА МАПП ПО ДОКЛАДУ тов. ШУШКАНОВА ОТ 4 НОЯБРЯ

ЦК ВКП(б) своим постановлением 10 октября 1931 года одобрил инициативу тов. Горького и предложил приступить к созданию «Истории заводов», поставив задачей: «Дать картину развития старых и возникновения новых заводов, их роль в экономике страны, положение рабочих до революции, формы и методы эксплоатации на старых заводах, борьбу рабочих с предпринимателями, бытовые условия, возникновение революционных организаций и роль каждого завода в революционном движении, роль завода и изменение отношений на заводе после революции, изменение типа рабочего, ударничество, соцсоревнование и подъем производства за последние годы».

Показать огромный исторический путь пролетариата от капиталистической кабалы до вступления в период социализма, показать наши новостройки — мощные базы социалистического строительства, показать сотни заводов, фабрик, шахт, осуществляющих идеи ударничества и социалистического соревнования, пылающих тысячи героев большевистских темпов, героев коммунистического труда, — это чрезвычайно ответственная задача, огромное политическое значение которой совершенно ясно.

Работа над «Историями заводов» — это отнюдь не уход от современности, это прежде всего показ современности в сравнении с прошлым, это — изучение прошлого для глубокого осмысливания происходящей сейчас классовой борьбы, это — помощь нашей сегодняшней социалистической стройке, это — показ исторического развития ленинизма, показ путей в будущее. Величайший исторический процесс, «Истории заводов» острием своим должны быть и будут направлены на решение задач современной борьбы рабочего класса. Только поставив «Историю заводов» лицом к современности, только рассматривая дело написания «Историй заводов» в свете генеральных задач нашей партии, в свете задач мировой пролетарской революции, мы создадим большевистские «Истории заводов». А нам нужны только большевистские истории,—истории, которые будут воспитывать новые поколения рабочего класса, которые будут служить делу социалистического строительства, которые будут иметь революционизирующее значение для мирового пролетариата, служить делу мировой революции.

В «Истории заводов» должна быть показана роль партии. Надо показать партийные организации на заводах — эти крепости социализма, крепости революции, показать, как строились, как создавались эти крепости, как они вооружены, как боролись, как росла их мощь, их связь со всей массой рабочего класса, с экономическими массами трудящихся. Надо показать, как в борьбе с троцкистскими течениями, со всеми видами оппортунизмом, в борьбе на два фронта, в борьбе с примиренчеством вправо и окрик большевизм. Без показа этой борьбы партийной организации «История завода» не будет большевистской.

Надо показать роль нашей партии в классовой борьбе пролетариата, надо показать все богатейшее разнообразие, богатейший опыт этой борьбы, показать рабочее движение во всей его сложности.

Надо показать беспримерное рабочего класса, жесточайшую эксплоатацию его при капитализме. Надо показать героическую борьбу рабочего класса против помещиков и капиталистов.

Надо показать свободный труд в СССР, героическую борьбу пролетариата нашей страны за построение социализма.

Пленум РАПП (1—3 сентября 1931 г.), заслушав предложение М. Горького о написании «Истории фабрик и заводов», оценил эту задачу, как задачу огромного политического значения. Российская ассоциация пролетарских писателей частично эту задачу ставила перед собой уже на сентябрьском пленуме 1929 г.: «Мы рассматриваем всю эту работу (пролетарских писателей) как выпуск всего к основной теме нашей пролетарской литературы, к изображению завода и фабрики, показу производственного коллектива живых, диалектически развивающихся людей, показу его в коммунистической передовке мира, переделке самого себя и создании нового, коммунистического человека» (доклад тов. Ю. Либединского о рабочей тематике). Сформулировав эту задачу, начав на ряде предприятий подготовку к написанию истории этих предприятий, РАПП сделал до самого последнего времени не справлялась с осуществлением этой задачи на практике.

В настоящее время пролетарское литературное движение окрепнет и вырастет и основным на литературном фронте будет,—по-большевистски большевизирующейся и ориентирующейся, пополняющейся и растущая армия ударников писателями новых типов организации — рабочих-ударников, в то время как основной ударной задачей — создание «Истории фабрик и заводов».

Подступом к этой работе является широко развернувшаяся в настоящее время работа рационализаторских организаций по пересмотру социалистического труда на наших предприятиях. Задачи создания «Истории заводов» — это дальнейшее развертывание задания о показе героев.

Секретариат РАПП, вынося специальное постановление * о показе героев пятилетки, поставил эту задачу перед всеми пролетарскими писателями, в это требование обусловило органическое включение огромного количества рационализаторов в повседневную жизнь заводов и фабрик, обусловило решительную перестройку работы всей нашей организации.

Постановление ЦК обязывает привлечь к составлению «Истории заводов» как самих рабочих, так и хозяйственников и инженерно-технический персонал. Работа рационализаторов по созданию «Истории заводов» — рука об руку с лучшими ударниками, с хозяйственниками, с лучшими специалистами, — означает новый этап в перестройке наших организаций, в деле органического включения пролетписателей в повседневную жизнь фабрик и заводов, в деле формирования нового типа писателя — профессионального революционера, писателя-строителя социализма.

На рационализации в деле создания «Истории заводов» падает большая и ответственная роль. Рационализатор должен выступить в роли активного помощника партии, как организатор-редактор выявляемый рабочих, пишущих историю своего завода, рационализатор должен быть литературным редактором, и вместе с тем рационализатор должен явиться и помощником редактора-инженера и экономиста, по большевистски овладевая здесь техникой, по-большевистски развертывая здесь целую систему политехнического воспитания рационализаторских кадров в всех участников создания «Истории заводов».

«История заводов» даст для партии огромный ряд все условий, для того, чтобы в огромной степени усилить работу по партийно-политическому воспитанию рационализаторских кадров, для того, чтобы рационализация действительно стала школой делового воспитания пролетарского писателя.

Организация МАПП должны немедленно взяться за работу по созданию «Истории заводов», понимая эту работу не узко-литературно, не сочетая задачи «Истории» с насущными, актуальными задачами социалистического строительства, рассматривая задачи «Истории» в свете генеральных задач партии и рабочего класса. Только такой подход к работе покажет роль пролетарской литературы в деле социалистического строительства, принесет прямую практическую помощь в деле осуществления наших планов, в борьбе за большевистские темпы и большевистское качество работы, и поднимает пролетарскую литературу на новую ступень.

«История заводов» — не бесстрастная летопись, не написание совершенного, не прошлое ради прошлого, не большевистский показ прошлого, большевистское осмысливание его.

«История заводов» — большевистское произведение, орудие борьбы пролетариата, осуществляющего социализм.

«История заводов» — еще один удар по остаткам антипартийных оппозиций и блоков, удар по правым и «левым» оппортунистам — документ борьбы за генеральную линию партии.

В области литературной «История заводов» должны быть новым ударом по воронщине и лефроитовщине, по ползучему эмпиризму, по отображательству, по приспособленчеству, по лакировке и штампу, по красной и всякой иной кальтуре.

Чрезвычайная ответственность работы по созданию «Истории заводов», огромное ее своеобразие на каждом заводе требует от маповских организаций самой тщательной разработки вопроса, организации вокруг этого дела всех культурных сил завода, согласования планов работы с парторганизациями, с местными издательствами, с организациями Общества историков-марксистов, с руководящими литературными организациями — и обязательно—с главной редакцией «Истории заводов».

Рационализация организации должны обеспечить большевистское качество работы над «Историями заводов», для этого требуется тщательнейшее собирание материала, строжайшая проверка и исследование материала, глубокое марксистское осмысливание и высококачественная литературная обработка его.

Чрезвычайная сложность работы над «Историей заводов» требует величайшего внимания к делу обмена опытом, к перенесению опыта лучших кружков в литературу отстающие, требует осмысливания, обобщения каждой частицы ценного опыта и передачи его всей организации.

Рационализация на «Истории заводов» держит новый труднейший экзамен на звание организации пролетарских писателей страны, вступившей в социализм.

Актив МАПП заверяет руководство РАПП и всю пролетарскую общественность в том, что мы большевистской работой над «Историей заводов» выдержим экзамен на звание передовой организации РАПП.

* 4 мая 1931 года.

ШАРИФ РАБЕХИ

Перевод с таджикского Б. ЛАПИНА и З. ХАЦРЕВИНА

РЕВОЛЮЦИОННАЯ КЛЯТВА В СТАЛИНАБАДЕ

Я шел пыльным бульваром —
Одной из дальних аллей,
Вдоль слабой, тонкой рассады
Младенческих тополей.

Внизу, за желтой оградой,
Ревел верблюжий базар,
И птицы в кустах звенели:
«Дия-дия-дильзар!»

Людьми, пролетками, стуком
Кипел вчерашний кишлак.
И вот я вышел на площадь,
Где вился траурный флаг.

Недавно здесь похоронен
Один мой старинный друг
Рахим из Ком-и-Бодома,
Партиец и политрук.

Я видел его в работе,
Являясь в горный райком,
На-днях он найден убитым,
С дырой под левым ребром.

Мы все его хоронили,
Под речи и крики труб,
И каждый из нас поклялся,
Целуя остывший труп:

«Рахим из Ком-и-Бодома
«Убит кулацким ножом,
«Но мы его не забудем
«И честь его сбережем.

«Тело Рахим-Джана
«Лежит в чёрной зоне,
«Но слово Рахим-Джана
«Бежит по ясной земле.

«Тело Рахим-Джана
«Распалось в тесном гробу,
«Но молодость Рахим-Джана
«Ведет за собой судьбу.

«Ноги Рахим-Джана
«Гниют в воде арыков,
«Но поступь Рахим-Джана
«Стучит в походе полков.

«Руки Рахим-Джана
«Навек прижаты к груди,
«Но дело Рахим-Джана
«Звездой горит впереди.

«Зубы Рахим-Джана
«Крошатся в раскрытый рот,
«Но песня Рахим-Джана
«Зовет нас в новый поход.

Имя Рахим-Джана
«Сотрется, как край горы,
«Но слава Рахим-Джана
«Гремит, шагая миры.

«Пускай незаметный всадник
«Упал — и умер герой,
«Но конница скачет дальше,
«Смыкая неровный строй».

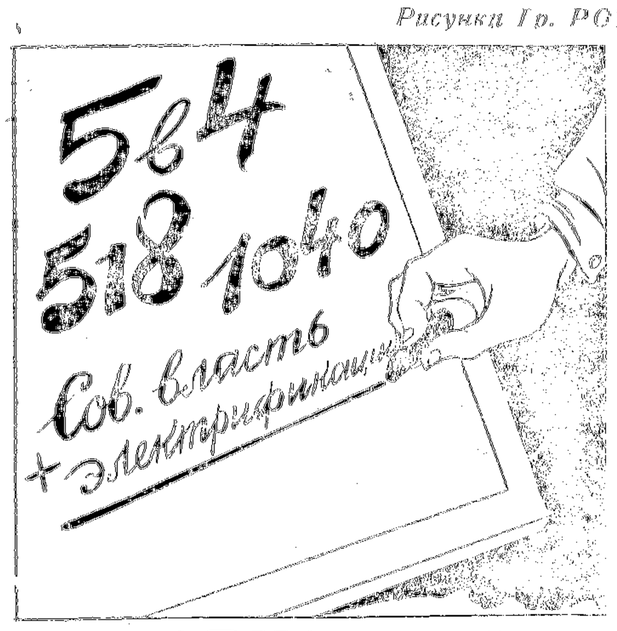
В ЗАЩИТУ ПОЛЬСКИХ РЕВОЛЮЦИОННЫХ ПИСАТЕЛЕЙ

Генеральный секретарь МОРП Белла Иллеш получил сообщение от Анри Барбюса и Ромэн Роллана о том, что ими посланы в Варшаву две телеграммы — польскому министру внутренних дел и «Пен-клубу», в которых они горячо протестуют против ареста польских революционных литераторов: Владислава Броневского, Александра Ватэ, Яна Гемпеля, Ставара.

«Европейское общественное мнение осуждает эти репрессивные меры. Требуем их освобождения».

ТРУДОВАЯ ШКОЛА ДЛЯ ДЕТЕЙ... ПИСАТЕЛЬСКОГО ВОЗРАСТА

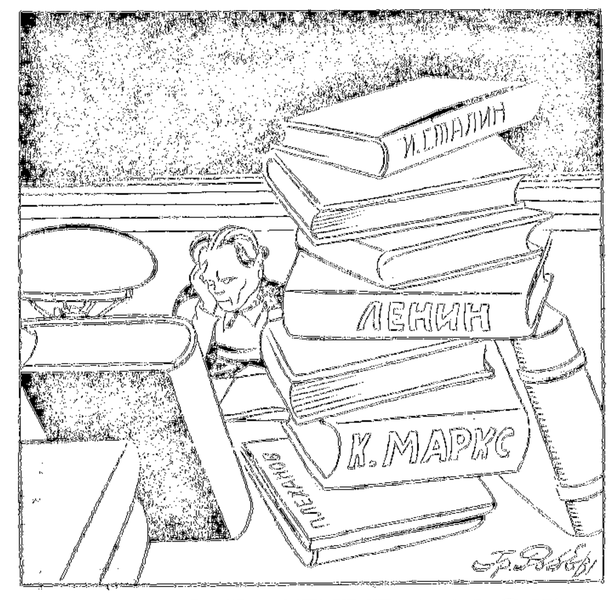
Рисунки Гр. РОЗЕ



АРИФМЕТИКА

ИСТОРИЯ

ГЕОГРАФИЯ



ПОЛИТГРАМОТА

ДА ЗДРАВСТВУЕТ XIV ГОДОВЩИНА ОКТЯБРЯ!

ПОД ЗНАМЕНЕМ БОЛЬШЕВИСТСКОЙ ПАРТИИ, ЕЕ ЛЕНИНСКОГО ЦК, —ВПЕРЕД К НОВЫМ ПОБЕДАМ!

ДА ЗДРАВСТВУЕТ ГРЯДУЩИЙ МИРОВОЙ ОКТЯБРЬ!

ВЫШЕ ЗНАМЯ МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКОЙ ТЕОРИИ!

НАУКУ, ЛИТЕРАТУРУ И ИСКУССТВО—ВСЕ ДОСТИЖЕНИЯ КУЛЬТУРЫ—НА СЛУЖБУ РАЗВЕРНУТОМУ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМУ НАСТУПЛЕНИЮ!

ЗА ЛЕНИНСКИЙ ЭТАП ЛИТЕРАТУРНОЙ НАУКИ*

Теория Сталина неоднократно ставила вопрос о том, что наша теория решительно отстает от практики, что наша теория не охватывает социалистического производства, что наша теория не находится на уровне тех задач, которые ставит перед ней рабочий класс, которые ставит перед ней наша партия.

Из сегодня этих указаний тов. Сталина, на основе всей практики нашей партии и за ленинского ЦК был произведен решительный поворот на всем широком фронте нашей теории. Мы имели дискуссии: экономическую, педагогическую, историческую, философскую и, наконец, дискуссию литературную. Конечно, этих дискуссий был отражением политики наступления рабочего класса на фронте теории. Наша теория предательски отставание от практики, приблизилась и сизизировалась с социалистической практикой, пропитала в эту практику, двигала ее за собой, и свою очередь насыщаясь актуальным боевым содержанием нашей социалистической стройки. Произошло выравнивание теоретического фронта. Но это подтягивание к высотам партийным, политическим, к высотам социалистической стройки не было мирным. Это не было эволюционное развитие, этот путь подтягивания к практике был путем классовой борьбы. Нужно было рабочему классу отсечь целый отряд враждебных теоретиков — буржуазную и меньшевистскую агентуру. Нужно было ударить также по правым и по «левым» уклонениям от линии партии в вопросах теории. Это был процесс классовой борьбы и основой классовой борьбы была ленинская теория, был ленинизм.

Таким образом в результате общего решительного сдвига по всему фронту теории мы подошли к ленинскому этапу развития наука об искусстве и литературе.

Однако, мы еще не имеем конкретной разработки ленинского этапа искусствознания, мы еще не имеем ясных целей, ясных задач в этой области. Нужна очень большая работа, нужны большие работы, нужен большой труд, нужны большие труды, чтобы этот ленинский этап по-настоящему осмысленно был воспринят, чтобы этот ленинский этап дал нам толчок к решительному преодолению отставания нашей литературной теории от всей практики рабочего класса. Здесь мы осилили только самую первоначальную ступень. Мы еще находимся, к сожалению, на том уровне, когда мы должны еще систематизировать высказывания тов. Ленина. Мы это наследство только начали разрабатывать, ибо до этого длительная борьба с переверзевщиной, с воронщиной, с буржуазными влияниями в этой области отвлекала от этой работы над ленинским наследством (это не снимает, конечно, вины с критики, сильно запоздавшей с разработкой ленинского наследства). Нужно отметить большую роль ВОАПП и РАПП в деле приближения ленинского этапа искусствознания и литературоведения. Именно РАПП первая под руководством партии взялась за разработку вопросов ленинской культурной революции, именно РАПП ленинский лозунг о массовости и искусства положила в основу своей практики, именно РАПП ленинскую литературную и партийность искусства сделала лозунгом всего пролетарского литературного движения, именно РАПП ленинскую установку в отношении диалектического метода сделала установкой всего фронта пролетарской литературы в СССР (хотя у отдельных работников ВОАПП и РАПП имеется ряд ошибок, ими признанных).

Ленинский этап ставит перед нами ряд новых вопросов, новых методов, новых задач. Он нагоняет на весь коммунистический отряд сложнейшие обязанности. Мы приблизились к самой крутой ступени нашей теории на всем протяжении революции. Здесь мы должны быть непримиримыми до конца ко всякого рода отступлениям от ленинской теории, ко всякого рода уклонениям от ленинской теории, ко всякого рода извращениям.

Какие же вопросы сейчас ставятся перед нами этим ленинским этапом? Прежде всего на нас лежит обязанность разработать ленинское учение о диалектике применительно к искусству, применительно к литературе. Речь идет не просто о том, что мы берем ленинское положение и сравниваем его с практикой нашего искусства. Это было бы очень малой нашей задачей. Речь идет о другом. Нужно понять самую диалектику развития литературного процесса, нужно понять самую диалектику природы искусства, практики искусства. Не путь простых аналогий, а познание диалектики развития искусства и литературы на основе ленинского учения.

Исключительное значение в деле применения ленинского учения о диалектике к вопросам искусства и литературы имеют работы тов. Сталина.

Выступления т. Сталина дают нам образцы применения ленинской диалектики к практике пролетарской революции.

Ленинское учение о партии опять-таки нами не положено еще в основу работы, у нас еще понимание партийности в искусстве сводится к тому, что говорят художник выносит своим искусством приговор над жизнью, критик своей оценкой произведения дает также приговор над художественным произведением. Суть не только в этом, этого мало, это еще сказать в достаточной степени просто, легко уловить такого рода партийность. Не в этом только дело. Речь идет о том, что нужно в самом искусстве, как и в критике, видеть борьбу партий, нужно видеть, как в одном стиле, в стиле одного класса мы имеем сталкивающиеся течения разных социальных групп, разных партий.

Если мы с этой стороны посмотрим на развитие нашей теории, то мы увидим, насколько мы беспомощно критиковали, скажем, Переверзева. Ведь только в этом году мы поняли, после большой дискуссии, которую мы в Комакадемии провели с меньшевистской критике, — что переверзевщина — это один из отрядов меньшевистской критики, что это есть разведка меньшевистской партии в нашей литературной теории (хотя именно на это указывали работники РАПП, в частности т. Либединский, первый поставивший вопрос о меньшевизме Переверзева).

Но дело не только в этом, вопрос стоит гораздо шире. Сейчас наша очередная задача и в отношении литературы СССР, и в отношении литературы Запада—пересмотреть самое развитие литературы у нас и на Западе под углом зрения ленинско-сталинского учения о партии. Нужно, скажем, связать наше литературное и художественное движение с развитием нашей партии, с момента ее возникания и, в особенности, со послеоктябрьский период, нужно посмотреть, как же теория и практика партии, в том числе и партийное строительство (эту часть работы партии мы особенно часто забываем) сказывается с теорией и практикой в области искусства, нужно посмотреть, как борьба партии со всякого рода враждебными группировками, с враждебными классами, как директивы нашей партии, как работа съездов партии преломляются по всему фронту нашей теории и нашей художественной творческой практики.

Нужно весь фронт искусства, весь фронт литературы не просто механически привязывать к этим партийным решениям, партийным директивам, партийным оценкам положения, но нужно понять развитие искусства и литературы в тесной связи с развитием партии. Такой подход — это крепость для большевистской коммунистической критики и это проверка крепости этой критики.

Если мы посмотрим на западную литературу, то мы увидим, что до этого года наша критика еще не научилась брать в ленинском свете вопросы развития искусства на Западе. Здесь было сделано огромное количество ошибок. Эти ошибки делал Фриче, эти ошибки делал Луначарский, эти ошибки делал и я в своих статьях (о Корри, о Уэллсе, Сичклере), эти ошибки делал почти весь отряд нашей критики, который работал на западном материале. Ленинская теория не была положена в основу этой работы, а именно эта теория открывает перед нами огромнейшие и широчайшие перспективы.

Взять хотя бы ленинскую теорию империализма. Ленинское учение об империализме еще только начинает применяться к западной литературе и к западному искусству. Ленинские установки, что империализм есть высший этап капитализма, этап монополистического, финансового капитализма и одновременно этап загнивания капитализма, гибели капитализма, эпохи пролетарских революций во всем мире, — эта двойственность капиталистического развития в эпоху капитализма бросает прямой свет на самую практику искусства. Мы здесь увидим, как из рядов империализма выходят воинствующие, орудующие оружием милитаристские художники (Юнгер, например) или поэты колоссального треста и трестов (Сефер и др.), мы видим рядом другой отряд, представленный Прустом, Цвейком, Моргом, Гергеймером, — это рантьерская литература, литература загнивания, умирания капитализма. Эти два крыла империализма, взаимно и соединяясь, дают нам картину гибели капитализма. Если в свете ленинской теории мы посмотрим на литературу Запада и свяжем ее развитие с теми оценками, которые давал Коминтерн, с той работой, которую проводил Коминтерн, которую проводили его секции, с работами т. Сталина, то мы увидим, что по-новому встает целый ряд вопросов, мы увидим, что мы в сущности не поняли до конца, как эти вопросы нужно ставить.

Ленинская теория культурной революции также еще совершенно недостаточно, крайне недостаточно разрабатывается литературной критикой. Если РАПП по этой линии кое-что делал (тоже недостаточно, тоже мало), если мы имеем ценные работы тов. Авербаха, то критика в целом этими вопросами почти не занималась. А сейчас эти вопросы встают по-новому. Скажем, творчество ударников. Творчество ударников имеется огромного значения контрольным ленинской теории культурной революции, творчество ударников это есть конкретное осуществление учения о партии. Нужно, скажем, связать наше литературное и художественное движение с развитием нашей партии, с момента ее возникания и, в особенности, со послеоктябрьский период, нужно посмотреть, как же теория и практика партии, в том числе и партийное строительство (эту часть работы партии мы особенно часто забываем) сказывается с теорией и практикой в области искусства, нужно посмотреть, как борьба партии со всякого рода враждебными группировками, с враждебными классами, как директивы нашей партии, как работа съездов партии преломляются по всему фронту нашей теории и нашей художественной творческой практики.

Нужно весь фронт искусства, весь фронт литературы не просто механически привязывать к этим партийным решениям, партийным директивам, партийным оценкам положения, но нужно понять развитие искусства и литературы в тесной связи с развитием партии. Такой подход — это крепость для большевистской коммунистической критики и это проверка крепости этой критики.

Если мы посмотрим на западную литературу, то мы увидим, что до этого года наша критика еще не научилась брать в ленинском свете вопросы развития искусства на Западе. Здесь было сделано огромное количество ошибок. Эти ошибки делал Фриче, эти ошибки делал Луначарский, эти ошибки делал и я в своих статьях (о Корри, о Уэллсе, Сичклере), эти ошибки делал почти весь отряд нашей критики, который работал на западном материале. Ленинская теория не была положена в основу этой работы, а именно эта теория открывает перед нами огромнейшие и широчайшие перспективы.

Взять хотя бы ленинскую теорию империализма. Ленинское учение об империализме еще только начинает применяться к западной литературе и к западному искусству. Ленинские установки, что империализм есть высший этап капитализма, этап монополистического, финансового капитализма и одновременно этап загнивания капитализма, гибели капитализма, эпохи пролетарских революций во всем мире, — эта двойственность капиталистического развития в эпоху капитализма бросает прямой свет на самую практику искусства. Мы здесь увидим, как из рядов империализма выходят воинствующие, орудующие оружием милитаристские художники (Юнгер, например) или поэты колоссального треста и трестов (Сефер и др.), мы видим рядом другой отряд, представленный Прустом, Цвейком, Моргом, Гергеймером, — это рантьерская литература, литература загнивания, умирания капитализма. Эти два крыла империализма, взаимно и соединяясь, дают нам картину гибели капитализма. Если в свете ленинской теории мы посмотрим на литературу Запада и свяжем ее развитие с теми оценками, которые давал Коминтерн, с той работой, которую проводила

ЧТО ВЫ ДАДИТЕ

АНКЕТА „ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ"

ПРОЛЕТАРИАТУ К ПЯТНАДЦАТОЙ ГОДОВЩИНЕ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ?

РЕДАКЦИЯ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ» ОБРАТИЛАСЬ К РЯДУ ПИСАТЕЛЕЙ С ВОПРОСОМ — «ЧТО ВЫ ДАДИТЕ РАБОЧЕМУ КЛАССУ К ПЯТНАДЦАТОЙ ГОДОВЩИНЕ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ?» — НИЖЕ МЫ ПЕЧАТАЕМ ПОЛУЧЕННЫЕ ОТВЕТЫ.

ОТВЕТЫ ПИСАТЕЛЕЙ

Наш вопрос — «Что вы дадите рабочему классу к 15-й годовщине Октября», — обращенный к ряду советских пролетарских писателей и рабочих-ударников, имел целью проверить творческую готовность советской литературы, ее возможный баланс в великую дату первого пятнадцатилетия пролетарской диктатуры.

Мы получили многочисленные и разнообразные ответы, которые, как нетрудно заметить, находятся в полном соответствии с общественно-творческим положением того или иного писателя, отражают процессы, развивающиеся в писательской среде.

Было бы легкомыслием, на основе этих ответов, делать обобщающие выводы о положении советской литературы и ее перспективах. Хвостная форма, сама по себе, не дает для этого достаточного материала, а во-вторых, нель пока речь идет только о творческих планах. По некоторые выводы мы сделать можем.

Первый из них свидетельствует о том, что советская литература находится в процессе роста и подъема. Не только не кризис, о котором пытаются говорить наши открытые враги, или помогающие им реакционные писатели-одиночки, не только не творческий тупик, а бодрый рост, настоящий подъем!

И этот рост, этот подъем идет, не говоря уже о пролетарском, но и с попутнического крыла, как раз по той линии, на которую указывали в своих решениях последний пленум РАПП. Это — линия приближения основной массы советских писателей к пролетариату, линия органического слияния с революцией и политически, и творчески.

Доказательством здесь служит характер темников писателей-попутчиков и союзников, при большом их разнообразии. Темы социалистического строительства занимают в них основное, решающее место. Характерно также для возрастающей политической активности писателей, внимание, уделяемое ими международным и оборонным темам, «локализация литературы» — лозунг, находивший свое практическое осуществление.

Еще более определенно мы можем говорить об ответах пролетарских писателей. Они недвусмысленно говорят о резком курсе пролетарской литературы на ликвидацию отставания от темпов реконструкции, о том, что лозунг большого большевистского искусства становится основным лозунгом пролетариата и его творчества. Мы имеем, с частностей, судя по ответам, уже непосредственный результат творческой дискуссии — творческие планы писателей отражают основные творческие лозунги РАПП.

Следует отметить и всемерно приветствовать усиление внимания пролетарских писателей к комсомольской тематике. Можно надеяться, что в следующий год пролетарской революции отставание пролетературы на этом участке будет в значительной мере ликвидировано.

Наконец, один из важнейших положительных выводов, который позволяет сделать наша анкета, тот, что на дню — большой творческий рост ударников. Из рабочих-«самодеятельников» выдвигаются десятки и сотни новых писателей, закаленных настоящей, серьезной творческой работой. Нет сомнений, что уже в ближайший год они дадут немало ценных произведений.

Наша анкета со всей остротой ставит вопрос об обеспечении условий творческой работы. Описания ряда пролетписателей-ночлежников (Веселый, Афиногенов и др.), что перегрузка общественной работой не оставляет им времени для творчества — совершенно реальны. Должен быть немедленно и окончательно разрешен вопрос о льготном предоставлении творческих отпусков.

ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ

ПЬЕСА ДЛЯ МИЛЛИОНОВ

Я хотел бы написать такую пьесу, которую исполняли бы в 15-летие Октября на Красной площади.

БЕЛА ИЛЛЕШ

КНИГУ ОБ СССР ИНОСТРАННЫМ РАБОЧИМ

В течение ближайших месяцев я закончу третий и последний том романа «Тисса горит». Параллельно с этим я работаю над повестью из жизни иностранных рабочих в СССР, которую обязательно напишу до XV годовщины Октября.

Я был в Германии и Австрии и не видел ни одного рабочего, который бы не спрашивал, как живут иностранные рабочие в СССР. Я обещал им написать целую книгу и это обещание выполню.

Н. ТИХОНОВ

КРАСНАЯ КАВАЛЕРИЯ

В год пятнадцатилетия Октябрьской революции я кончу работу над двумя книгами, из них одна — «Клинки и тачанки» — посвящена строительству Красной армии (красной кавалерии) — вопросам быта и боевой подготовки. Вторая книга — «День отдыха» — заключает в себе цикл рассказов, посвященных перестройке т. н. психологического героя в условиях нашей действительности.

Кроме того в 1932 году будет начата работа над историей гражданской войны в Туркмении и большой роман, обнимающий во всей сложности вопросы социалистического строительства одной из республики Союза советов.

В работе над этими книгами я буду стремиться к выработке сжатого и ясного языка, к книге, понятной наиболее широким слоям пролетарского читателя!

В. ИСТРАТОВ

СТРОИТЕЛИ КУЗНЕЦКОГО ГИГАНТА

К XV годовщине будет закончена книга «КОМСОМОЛЬСКАЯ ПОБЕДА», в которой будет показана борьба комсомола за темпы на Кузнецкстрое и по стройке комсомольского цеха. Закончу также книжку стихов о Кузнецкстрое. Кроме того, по договору с Гостехиздатом выпущу книгу «РАЦИОНАЛИЗАЦИЯ СТРОИТЕЛЬНЫХ РАБОТ».

НИК. АСЕЕВ

КАТОРГА И СОЦИАЛИЗМ

В этом году перед Октябрем комсомольцы предложили мне участвовать в оформлении октябрьского номера «Комсомольской правды». Идея у них была такая, чтобы дать Владимирский тракт в его прошлом каторжном значении и в настоящем — строительстве социализма. Для этой полосы, задуманной очень не плохо, мной сделано стихотворение «Владимирский тракт». Из всего этого материала мы думаем бригадой сделать сценарий к 15-й годовщине. Композитором Шостаковичем мне предложено написать текст для симфонии, которую он пишет к пятнадцатой годовщине Октября.

А кроме того думаю, что напишу стихи к пятнадцатой не хуже, чем ко всем прошедшим.

Ф. ГЛАДКОВ

„ЭНЕРГИЯ"

Я сейчас работаю над романом «ЭНЕРГИЯ», который закончу к 15-й годовщине Октября. Роман, посвященный социалистической стройке, будет напечатан полностью в журнале «Новый мир» и выпущен отдельным изданием в 2-х томах.

ВЛ. СТАВСКИЙ

МЫ ВСТУПАЕМ В ПЕРИОД СОЦИАЛИЗМА

Сейчас пишу 3-ю книгу о Кубанской станице. Заданье «Мы вступили в период социализма» (Сталин). Конкретно: показать нарастание тех новых разумных и прозрачных отношений между людьми, о которых мечтал Маркс, показать борьбу за это новое, за социализм, борьбу против старого.

Материал: Кубань за время 1928 — 1931 гг. Это трудно. Надо глубоко продумать всю книгу. Но тем сильнее творческий жар.

Лозунг РАПП о большом искусстве — конкретное выражение и моих мыслей, и чувств, и всего жара.

Кроме того пишу — заканчиваю книгу рассказов из времени гражданской войны.

М. СЛОНИМСКИЙ

СОВРЕМЕННЫЙ ЗАПАД

Готовлю роман, охватывающий годы 1924—28. В роман этот (о ленинградской оппозиции) переходят некоторые персонажи «Лавровых» и «Фомы Клешнева». Одновременно с этой работой, в органической связи с ней, готовлю книгу рассказов и очерков о нашем строительстве и о современном Западе. Обе эти работы надеюсь закончить уже к лету будущего года. Добиваюсь в этих двух книгах простоты и ясности мысли, точной целеустремленности.

П. ЗАМОЙСКИЙ

НОВОЕ ОТНОШЕНИЕ К ТРУДУ

Напишу 3-ю и 4-ю книгу романа «Лапти».

Будет показана внутриколхозная жизнь, работа, укрепление колхоза, новые формы труда, новое отношение к труду и переделка психологии человека, переделка его из собственника в колхозника.

ВС. ИВАНОВ

ЧЕЛОВЕК ДОЛЖЕН ЖИТЬ КРУПНО

— И самое главное, — прервал меня мой герой, — исчезнет теснота и в мыслях и в домах. Человек должен жить крупно, открыто, широко сообщая всем свои мысли, должен быть весел, говорлив и опрятен. Конечно, противодействия и чепуха, вредной и низкой, много, но не зря же существуют «герои труда» и не зря же всякое дело, свежее и отважное, даже само требует противодействия, так как человек не любит и не уважает все легко дающееся, все легко доступное. Какой-то писатель сказал: «Спокойные народы не имеют истории», исходя из этого, нужно думать, что наша страна будет самой богатой для работ историков. Посмотрите на эти новые дома, на эту другую Москву. Так же как форма минарета поцарила от киварисов до всевышних египетской колонны — от пальмы, так и новая архитектура идет от машин. Вглядитесь в эти новые дома, повторяю я вам. Разве это не отблеск вали Кремля, разве это не тени ротаций, бумагоделательных машин, домен?.. машина человеком притиснута вплотную к его сердцу, и кузов автомобиля разве не отразился в ферме новых домов и разве балкон, который был такой редкостью в прежних московских строениях, разве он не вынесут сейчас в простор улицы, как стекло перед лицом шофера, как подножка, через которую пролетариат вступает в свое существование?..

Вот о чем будет мой роман «У».

Все же я надеюсь, что великая тень 15-й годовщины Октября будет лежать на его рубчик страницах.

С. ПОДДЕЛКОВ

Ф-КА «ЛИВЕРС»

КОМСОМОЛ БОБРИКОВ

Пишу поэму о комсомоле на материале, собранном во время поездки на Бобриковский химический комбинат, затем — цикл стихов об ударниках фабрики «Ливерс» и цикл стихов о гражданской войне (по рассказам участников гражданской войны — рабочих фабрики «Ливерс»).

А. ГИДАШ

ГЕРОИ-УДАРНИКИ

Будет написана поэма о социалистическом строительстве и революционной борьбе на Западе. В поэме будут действовать живые люди — 20 героев-участников социалистической стройки и революционной борьбы.

ЭГОН ЭРВИН КИШ

СОВЕТСКИЙ ТАДЖИКИСТАН

Важнейшей задачей писателя-революционера в настоящее время — показать во взаимном противопоставлении строительство Советского союза и развал в капиталистических странах.

Но поскольку литература о новой Москве, об РСФСР, о пятилетнем плане сейчас в Германии уже так велика, что в силу всеобщего интереса одна книга нагоняет другую,— я намерен комплекс вопросов поставить для Германии с новой стороны, написав о тех изменениях, которые принесла Октябрьская революция бывшим царским колониям.

Я был этим летом в советском Таджикистане и собственными глазами видел, какой, поистине, изумительный путь проделал Таджикистан от полуфеодального хозяйства и социализму. Теперь я изучаю ряд относящихся к этому вопросов: бухарскую революцию, хлопководство, шелководство, роль басмачества и Ислама и, в первую голову, культурное строительство. Я работаю над книгой о Таджикистане.

А. МАЛЫШКИН

КОЛХОЗЫ И МАГНИТОСТРОЙ

Напишу повесть о сезонниках на фоне большого строительства. В основу лягут материалы, собранные во время поездок в колхозы и Магнитострой.

А. АФИНОГЕНОВ

КРАСНЫЙ ФЛОТ

Написать очень хочется, и тема — о Красном флоте — лежит во мне очень плотно. Но осуществить ее смогу лишь при условии продолжительного творческого отпуска.

Э. БАГРИЦКИЙ

НОВОЕ ВОСПРИЯТИЕ МИРА

Напишу ряд стихов, которые составили бы третью книгу. Стихи о новом восприятии мира.

Я. ГУТЕРМАН

ЗАВОД «ДИНАМО»

В течение 1932 года думаю написать небольшую поэму о перевоспитании бывшего беспризорного в заводской среде. Помимо этого напишу стихи.

ВИШНЕВСКИЙ

ВОЙНА

Дам «Войну» (один отрывок — уход преображенца на войну — был в «Литературной газете» 30 июля 1930 г.). Отзывы М. Горького и Теодора Драйзера о «Первой конной» и их совет взяться за новую большую тему — подвинули меня. Это книга является ответом на «Огонь» А. Барбюса, «На Западном фронте без перемен» Э. М. Ремарка, на книгу Джон Дос Пассоса об американцах на войне и на наши произведения о войне, в частности «Тихий Дон» Шолохова и «По следам войны» Войтоликого.

Каждый понимает, что в двух-трех десятках строк, да еще автору — трудно что-нибудь сказать о произведении в 35—40 печатных листов, являющемся результатом 20-летних военных и политических наблюдений. Книга покажет Россию 1912—1917 годов, пути ее, казармы, РСДРП(б), Ленина, Сталина, заводы, корабли, людей, делающих по-разному жизнь; массовые глубы событий; тончайшие тайные движения мозга; вещи с разных точек зрения (как видят Петербург А. Белый, Ю. Тынянов, А. Толстой, и как видим мы — «нижние чины» — большевики — в разное время); мир литературный, диванстию, окопы, немцев, Зимний...

Форма? Неустановленная критикой. Форму устанавливают художники (в форме: война — борьба — поневоле с нашими противниками в области искусства, философия...).

Объем указан. Готовность на 3 ноября 1931 г. — 75 процентов. Работаю два года. Заготовки дальние.

Задание ясно: дать книгу нового качества. Переписывать Льва Николаевича Толстого, сколь это ни великолепно, — не стоит. Не правда ли?

Теперь спросите ГИХЛ: что он подарит пролетариату в пятнадцатой годовщине Октября? Какими сроками он поздравит пролетариат и тех, кто даст новые произведения?

БАТУРЛИН

МОГЭС

КОНКУРЕНТЫ СОЛНЦА

Дам поэму «Конкуренты солнца». Это — о героях пятилетки МОГЭС.

«Со знаменем Ленина победили мы в боях за Октябрьскую революцию.

Со знаменем Ленина добились мы решающих успехов в борьбе за победу социалистического строительства.

С этим же знаменем победим в пролетарской революции во всем мире.

Да здравствует ленинизм!»

И. СТАЛИН

М. КОЛОСОВ

НОВЫЕ КАДРЫ

В течение ближайшего года напишу повесть и пьесу о том, как вырастают в нашей стране новые кадры пролетарских специалистов (проблема большевистской интеллигенции), цикл рассказов, охватывающих различные стороны роста и формирования комсомольцев (подготовка комсомолом организаторов, руководителей, практиков нашего социалистического и культурного строительства). Думаю над исторической повестью о комсомоле, где хотел бы дать важнейшие этапы развития комсомола, связав это с историей нескольких персонажей, взяв за основу подлинных людей, но дав большое разнообразие типов и характеров в свете их соотношения тем требованиям, которые предъявлял комсомолу Ленин (речь на третьем с'езде комсомола).

Эту работу думаю проделать не один, а при содействии старых и новых комсомольцев и коллективно с несколькими молодыми писателями.

Г. НИКИФОРОВ

ТВОРЧЕСТВО МАСС

В начале 1932 года в журнале «Новый мир» пойдет мой роман «ТВОРЧЕСТВО». Сюжет романа — крестьянство в реконструктивный период, рост и перестройство деревни на новых социалистических началах. Речь идет о творчестве масс, о трудностях борьбы и о новом человеке.

Роман закончен, что дает мне возможность работать в 1932 году над новым романом «ВОПРОСЫ ПОБЕДЫ», в котором я попытаюсь развернуть широкую картину нашего строительства.

С. ТРЕТЬЯКОВ

„МОСКВА"

Ближайший выпуск — книга очерков о загранице.

За последнее время у меня обозначились два русла совместных работ: одно — с иностранными работниками искусства, коммунистами, другое — с советскими ударниками в литературе и журналистами.

По первому руслу — совместная работа с композитором Эйлером — специальная музыкально-текстовая вещь «Три пятилетки» (смотр к 15-летию) и — с ним же — музыкальная пьеса на германскую тему «О безработных руках и безработных мозгах».

Вторым руслом — начата работа с бригадой газеты «За индустриализацию» над Ангарстроем.

Будет продолжаться работа над группой колхозов Северного Кавказа.

Приступлено к работе над книгой «Москва». Эта книга будет сделана совместно с ударниками великого похода за превращение Москвы в образцовый социалистический город.

ДМ. САХАРОВ

СЕВЕРНАЯ Ж. Д.

ЗА РЕКОНСТРУКЦИЮ ТРАНСПОРТА

Несколько очерков, стихотворений, отображающих борьбу за выполнение транспфинплана и достижения на фронте строительства — вот, что я собираюсь дать к пятнадцатой годовщине Октября.

Н. ПЛАКИДИН

НА ПОЛЬСКИЙ ФРОНТ

Напишу роман из истории гражданской войны, периода набора на польский фронт. Дам также очерк о комсомольской ячейке 2-го часового завода.

ВЕРА ИНБЕР

„ТРИ ПЯТИЛЕТКИ"

Трудно сказать, что напишешь через год. Это тем труднее, чем ответственнее дата.

К 15-й годовщине революции я думаю написать поэму «Три пятилетки». Пятилетка первая — гражданская война, вторая — нэп, третья — реконструктивный период. Все это должно быть показано на примере одного какого-нибудь завода. В конце каждой части должна быть песня. Огромность темы требует предельного напряжения творческих сил. Страшно наобещать и не выполнить. Я приложу все силы, чтобы этого не случилось.

С. КИРСАНОВ

ДВЕ ПОЭМЫ

Помимо газетно-журнальной работы, которая и в этом году останется основной, я закончу поэму «ЗОЛОТОЙ ВЕК» и начну поэму «КАРЛ МАРКС». Хочется писать пьесу, конечно комедию. Кроме этого напишу несколько стихотворений, ни на что не похожих.

К пятнадцатилетию революции готовлю новую газету «ПЯТИЛЕТКИ» — на своем языке.

БР. ЯСЕНСКИЙ

АМЕРИКАНСКИЙ ИНЖЕНЕР И ТАДЖИКИСТАН

К 15-й годовщине Октября, если в течение будущего года получу творческий отпуск, закончу большой роман «Вандозы» из жизни польских эмигрантов-горняков в северном угольном бассейне Франции.

На основании материалов, собранных мною во время моей поездки по советскому Таджикистану со второй интернациональной бригадой МОРП, закончу — обязательно к пятнадцатой годовщине — сборник рассказов о героической борьбе таджикских дехкан под руководством коммунистической партии за хлопковую независимость Советского союза.

Кроме этой книги, начал писать и думаю закончить в будущем году другую книгу о советском Таджикистане. Вещь эта задумана мною в форме записок американского инженера, посетившего Таджикистан. В путевых заметках моего героя хочу дать, с одной стороны, развернутую картину нашего социалистического строительства на рубеже колониальной Азии, с другой, — хочу показать, как незаметно, но последовательно гигантский процесс нашей стройки перестраивает психику мелкобуржуазного специалиста, как она малую вовлекая его в ряды сознательных строителей нового мира.

Если творческого отпуска (чего не смогу и выполнить этих обязательств, я не буду в состоянии, то со всякой частью приложу все свои силы, чтобы на доверенного мне журнала «Литература мировой революции» (ц. о. МОРП) сделать: 1) из русского издания — подлинный орган интернационального воспитания масс, 2) из иностранных изданий сделать подлинный руководящий орган всем мировым революционным и пролетарским литературным движением.

МИХ. КОЗАКОВ

РОМАН О БУДУЩЕМ

Уже полтора года я занят работой, являющейся для меня, за все время литературной деятельности, самой увлекательной, трудной и ответственной. Может быть только это обстоятельство и тема произведения позволяют мне принять участие в нашем общем ответе на высокий, весьма высокий и сильный вопрос нашей газеты: «Что ты даешь рабочему классу к 15-й годовщине Октября?»

Я пишу роман о будущем. О будущем, от которого нас отделяют, примерно, два десятилетия. О будущем, уходящем своими корнями в социальную почву Октября и наших дней выполнения плана великих работ. Мой роман — о жизни социалистического общества, созидаемого уже сейчас в первой стране диктатуры рабочего класса. Часть моих героев — ровесники автора, его старшие и младшие современники, другая часть — только сейчас нарождается. Мы совершим с читателем путешествие во времени, нашим компасом будет предвидение и предуказание марксистской науки и живая действительность нашей революционной эпохи. И еще: ко всему, что видит фантазия и грезы вдали, мне хочется повести читателя путями «значимательной» фабулы.

До издания романа мне хочется ознакомить с ним рабочую читательскую общественность и некоторых товарищей из Комакадемии, и эта встреча будет устроена «Издательством писателей в Ленинграде», выпускающим мой роман.

Н. ОГНЕВ

ЖИЗНЬ НАШЕЙ ШКОЛЫ

Мой творческий план обширен, и вряд ли его выполнение уложится в год времени. Помимо окончания начатых уже печатанием произведений — «Три измерения» и «Книга ЕИР» (Человек с пугачом) — думаю в предстоящем году дать повесть о жизни современной реконструируемой школы и ряд рассказов на материале Красной армии в мирный период ее развития.

Отдельно следует упомянуть сценарий для Союзкино «Ракета Д 1» и ряд очерков из жизни школы, которые будут закончены еще в текущем 1931 го-

БОР. ПИЛЬНЯК

КАК ВЫГЛЯДИТ КАПИТАЛИСТИЧЕСКАЯ АМЕРИКА

За эту зиму я напишу книгу об Америке, где хочу рассказать, как в газе и на вопрос выходят капиталисты — и также напишу роман, где покажу, как шла (и идет) история капиталистических стран и СССР, [illegible] дения СССР (и Версальского мира) по дни пятилетки и мирового кризиса.

Пролетарии и угнетенные народы всего мира! Сильнее удар по загнивающему капитализму! За диктатуру пролетариата! Да здравствует Коминтерн — боевой штаб мировой пролетарской революции!

торые дают Пуанкаре и Тардье современному экономическому кризису, переживаемому капиталистическим миром, свидетельствуют о полной беспомощности этих господ и звучат, как произведения «экономистов первой ступени». У Пуанкаре один ответ: «всему виновато наше большевистское», доказывающее всем видно, что почтенный государственный муж возвращается к методам мышления своего младенчества. Тардье, когда его спрашивают, почему углубляется кризис, знает в ответ только одно: завершение кризиса в этом не виноват и за это не отвечает».

— В чем заключается разница между двумя системами — советской и американской?—спрашивает г-н Валуа. Обобществление крупных орудий производства, по его мнению, «производится самым капитализмом» (согласно предсказаниям марксизма). Основная разница по-ему Валуа не в этом, а в том, что социализм хочет создать «экономику, превосходящую капитализм, — не сознавая тех резких различий в заработке, которые на всех ступенях жизни являются действующим стимулом». И это ему не удается.

Вот тут-то и спрятан крючок. Ведь по мнению г-на Валуа, социалистическая система и отличается от капиталистической только «урезниловкой» заработков. Тем самым введение сдельщины, временный отказ от уравнения заработков на низшей ступени для того, чтобы уравнять их на более высокой ступени, по мнению г-на Валуа и подобных ему «поклонников» СССР, — снимая эту единственную разницу, доказывает, что советская система не есть система социалистическая, а лишь более усовершенствованная система «организованного капитализма».

Так спутан путь восторгов г-на Валуа к СССР и его достижениям приводит нас к должному ложе замаскированному отрицанию социалистического характера нашего строительства, т. е. к треугольному лозунгу сегодняшней борьбы с СССР и подготовки интервенции новыми, более совершенными методами. Отсюда, уже не далеко до другого лозунга: о принудительном труде в СССР.

«Конечно, террором можно добиться некоторых результатов, как можно добиться результатов и костылем положением, в условиях постоянной угрозы смертной казнью». «Советская система будет держаться, пока будет существовать диктатура; упраздните диктатуру — капитализм сразу же перехватит 75 процентов технических сил... и хорошим кнутом». (Валуа «случайно» забывает, что капитализму некуда девать обычно с свою собственную техническую интеллигенцию, которая в эпоху углубляющегося кризиса в Европе приезжает на работу и там, в СССР).

В дальнейшем мало-по-малу выясняется, что г-ну Валуа не нравится, что у нас нет свободы печати, что у нас есть крепкая Красная армия и многие другие вещи. Впрочем, дальнейшие выводы «знаменитого друга СССР» для нас не представляют интереса. Они раскрывают только картину. Из под маски восторгов по поводу достижений СССР, выясняется классовая карл интервенции.

Другой идеолог французской буржуазии, Пьер Домэнж, «полностью» повторяет Валуа и создает теорию о «системных развитиях» западных демократий и СССР [2], рекомендуя трудящимся массам Запада фашизм, как тот «особый» путь, которым они в отличие от азиатского пути России придут к социализму.

Пропагандой этой теории, кроме упоминавшегося уже журнала «Нувель ажа», носящего весьма, сходящий в этом году толстый и весьма «революционный» журнал «Планэ». «Планэ» борется за плановую организацию хозяйственного общества и человеческой продукции. По мнению редакции этого журнала, сущность Октябрьской революции заключается в том:

«...что в уничтожении буржуазии и собственников, — на этом пути ей предшествовали другие революции,— и в повышении порядка, дисциплины, продуктивности».

«Планы» в конечном счете ставят знак равенства между коммунизмом и фашизмом и проводят фашизм, как «особый путь» трудящихся масс. Больше ли в том же достижении, какие трудящимся СССР дала диктатура пролетариата.

Подобные теории проповедует в Америке «инженер» Кальвертон [3].

Наша писательская общественность, отзывчивая на призыв МОРП показать зарубежному пролетариату героев социалистического строительства, не всегда и недостаточно отдает себе отчет в новых методах борьбы классового врага за рубежом с нашим победным строительством. Сколь ни рядом существует еще представление, что клевета и выдумка являются непременным единственным оружием мировой буржуазии в ее борьбе с СССР. Многие произведения наших писателей, продвинутые в зарубежные читательские массы, бьют мимо цели, ломятся в открытую дверь, мимо тех их зарубежная буржуазия использует непосредственно как доказательство своих, а не наших положений.

Не забудем, что враг (по крайней мере его социал-фашистская агентура) не отрицает больше Октябрьской революции, наоборот, «принимает» ее и утверждает (в пределах России), как мировую историческую необходимость. Врг отбрасывает сегодня ёго старый лозунг единого фронта с «шестерками большевиков» и речи другими интервенции. Враг признает, что по признанию с нашим режимом четырнадцать лет пролетарской диктатуры противник наше хозяйство на целые века вперед и неизмеримо поднял материальное благосостояние масс. Враг признает, что в области культурных мероприятий мы уже обогнали Америку. Враг признает огромный рост нашего народного хозяйства. Отрицает «только одно»: что наше строительство есть строительство социалистическое.

Чем объяснить, например, такой трезвый факт, это тот же г-н Валуа, в подтверждение своих теорий, выпустил недавно специальный номер «Нувель ажа», под заглавием «СССР в 1931 году», в который вошли исключительно очерки советских писателей и при том отнюдь не правых попутчиков (Тихонов, Сейфуллина, Третьяков, Демидов, Михайлов, Лацис и ряд других) о различных областях социалистического строительства, снабженные тесторекламным предисловием белого эмигранта Б. Поznера?! Нам кажется, возможность такого факта объясняется только тем, что упомянутые писатели в приведенных произведениях не дали правильной картины нашего строительства, не показали именно того, что в нем есть качественно отличного, того, что в нем есть социалистического. В этом отношении несомненно оценка классового врага бросает новый свет и является непосредственным ответом на вопросы, поставленные руководством РАПП в повестку для дискуссии о творческом методе пролетарской литературы.

Классовая практика врага является тем крупным зеркалом, в котором отражается каждая наша мельчайшая ошибка. В этом контексте небезынтересно упомянуть, что литературная теория наших и зарубежных литфронтовцев нашла последний отклик в лагере германских фашистов. Никто иной, как сам Гитлер в своей статье «Пропаганда», помещенной в прошлом году в «Дейче Альгемейне Цейтунг» следующим образом характеризует задачи пропаганды, в том числе и художественной, произведений:

«Воспринимательная способность широких масс очень ограничена, их сообразительность небольшая, зато их забывчивость колоссальна. Исходя из этого, всякая действенная пропаганда должна ограничиться лишь очень немногими пунктами и в виде лозунгов. Не пытаясь за этими лозунгами, чтобы достичь многосторонности, нельзя добиться каких-нибудь положительных результатов, так как масса не сможет ни осознать, ни усвоить преподносимый ей материал». (подчеркнуто нами — Б. Я.).

Итак, Гитлер тоже против большого искусства, которое он считает несоответственным оружием в классовой борьбе, против многосторонности, которая не нужна, и меняет мобилизовать активность масс в желательном направлении, — за голый лозунг. Кстати сказать, это руководящее Гитлера извлечено наше временное движение критиков-троцкистов от художественного изображения художественной продукции и назад — рабочих театров, являющееся прямым отражением теории «Литфронта».

Советская писательская общественность слишком мало изучает опыт борьбы зарубежной пролетарской литературы с методами классового врага на идеологическом фронте, слишком мало изучает эволюцию методов борьбы классового врага с пролетарской идеологией. А между тем ее прямая обязанность помочь молодой зарубежной пролетарской литературе в ее трудной борьбе.

Огромный почин в этом направлении может и должен стать осуществление лозунга МОРП о показе пролетариату капиталистических стран плана пятилетки. Конечно, при том условии, что писатели наши, вопреки рецептам Гитлера, сумеют всесторонне показать нашу советскую действительность в ее движении, в ее диалектических противоречиях, срывая с нее маски романтической экзотики. Показ героев пятилетки зарубежному пролетариату будет в этом отношении экзаменом для всей нашей пролетарской литературы. Способствующим в мере овладения ею творческим методом диалектического материализма.

---

[1] См. статью в «Правде» от 23 сентября «Осень по-русски».

[2] См. статью «Чей Фронт» в «Литературе мировой революции», № 7.

ИЗ АЛЬБОМА ХУДОЖНИКА ДЕНИ

НА АКТИВЕ МАПП

ПРОТИВ ЛЕВАЦКОГО ВУЛЬГАРИЗАТОРСТВА

В клубе ФОСП им. Горького состоялось 4 ноября собрание актива МАПП, на котором **Н. Шукаков** выступил с докладом о задачах создания «Истории заводов».

Докладчик начал с обзора статьи т. Сталина «О некоторых вопросах истории большевизма» («Большевик» № 19-20, «Пролетарская революция» № 6), посвященной разоблачению троцкистской контрабанды, которую при либеральном попустительстве редакции некий «историк» Скурихин протащил в журнал «Пролетарская революция».

Разоблачив троцкистских контрабандистов Скурихина и Волковича, справившись с ними мигом, т. Сталин заключает свою статью следующим указанием:

> **«Задача редакции состоит, по моему, в том, чтобы поднять вопросы истории большевизма из должную высоту, поставить дело изучения истории нашей партии на научные большевистские рельсы и заострить внимание против троцкистских и всяких иных фальсификаторов истории нашей партии, систематически срывая с них маски».**

— Это указание Сталина, — говорит докладчик, — относится не только к редакции «Пролетарской революции», но также и к историкам партии, по всем большевизм, работающим на историческом фронте. Это относится и к нам, начинающим работать над большевистской «Историей фабрик и заводов».

Постановление ЦК партии о создании «Истории заводов» вызвало громадное массовое движение. Сотни заводов начали подготовительную работу. В Ленинграде, в частности, уже начата работа на «Красном путиловце», «Красном треугольнике», «Большевичке», Кировце, «Красном выборжце», Балтийском и Ижорском заводах, на заводах имени Сталина и имени Марсель Кашен работа в полном разгаре. Начат сбор материалов, работают уже сотни будущих авторов. На одном только «Красном треугольнике» работает 12 очек содействия партшколе «Историк заявляет: они обязуются до 500 будущих авторов.

Т. Шукаков подробно останавливается на тех трудностях, которые встречаются в работе, на ошибочных и вредных тенденциях, которые будущим авторам «истории» необходимо преодолевать и разоблачать. Чтобы не оказаться в плену враждебных теорий, необходимо значительно усилить работу по овладению марксизмом-ленинизмом.

— Все-что для создания «Истории заводов» делалось и раньше — и в Комакадемии, и в РАПП. Но все это совершенно недостаточно по сравнению с тем, что от нас требуется сейчас. Принципиально новое состоит сейчас в том, что «Историю заводов» начали писать массы.

Показ героев и призыв ударников мы рассматриваем, как две стороны одного процесса, — величайшего культурно-политического подъема рабочего класса, как процесс слияния газет между физическим и умственным трудом. Создание «Истории заводов» в этом смысле — новый, громадной политической важности, этап в развитии этого процесса.

При создании «Истории заводов» возникают много трудностей, которые очень многих поставляют на сочинение всяческих рецептов. Мы должны бороться против подгонки этого нового живого дела под мертвые схемы, под старые казоны. Дело не может ограничиться изданием одних только сборников с очерками и воспоминаниями, хотя это на первых порах будет основной формой истории. На задачи истории надо смотреть с точки зрения задач большевистского искусства, давая решительный отпор лефовско-литфронтовскому толкованию, всяческому вульгаризаторству и халтуре. Мы должны видеть то принципиально новое качество, которое представляет собой «История заводов», несет новое содержание.

«История заводов» должна быть свободна от литературщины и от исторического академизма. Из сборников, заключающих ряд разнородных материалов о том или ином заводе, она должна вырасти в систематическую историю заводов, как часть общей истории рабочего класса. РАПП будет работать над «Историей заводов», как над генеральной темой пролетарской литературы. РАПП должна и будет сдирать маски с фальсификаторов истории, будет бороться и разоблачать отдельные исторические ошибки, допущенные в тех или иных литературных произведениях.

*

После доклада Н. Шукакова развернулись оживленные прения, в которых ряд представителей заводских литкружков, в частности — т. Шешолева (завод «Динамо») и т. Матыев (Красный пролетарий») подчеркнули необходимость усиления обмена опытом создания «Истории заводов» между отдельными предприятиями и литкружками.

*

Создание «Истории заводов» — новая громадная задача для РАПП. При ее разрешении еще раз повторяются основные рыночные лозунги. Это побудило ряд товарищей затронуть в прениях вопрос о правильности этих лозунгов, в этой связи — коснуться и полемики между «Комсомольской правдой» и рапповским руководством.

Особый интерес нашего актива вызвала неоднократно прерываемая аплодисментами речь **В. Киршона**, которая чрезвычайно убедительно и напрямик говорила об ошибках «Комсомольской правды» и об истинном характере этих ошибок.

— Дискуссия с «Комсомольской правдой», — говорит В. Киршон, — показывает тем, что она не дает ничего вполне нашему движению и заставляет РАПП некоторые работать старые, давно решенные вопросы.

В чем сводятся обвинения рапповского руководства со стороны «Комсомольской правды»?

Первое: в РАПП недостаточно самокритики. Это утверждение **верно**: самокритика в РАПП еще не достаточно развернута.

*

Это неоднократно указывалось в длинном ряде устных, письменных, печатных выступлений руководства РАПП. Но самокритика все более и более развертывается в рядах РАПП и на местах и в центре! И в области литературно-политической, и в области организационной, и в области творческой никогда не было в РАПП такой развернутой самокритики, как именно сейчас. Но и сейчас РАПП признает недостаточным самокритику, считает нужным ее усилить, углубить.

Какой же смысл об этом дискутировать? С кем, из-за чего спорить?

Второе обвинение: пролетарская литература недостаточно отражает жизнь комсомола. **И это верно.** И это неоднократно признавалось руководством РАПП. И не только это: в ряде документов РАПП гораздо более широко и более резко ставился вопрос о недостаточном отражении жизни партии, Красной армии, социалистического строительства. Именно в этом и проявляется отставание пролетарской литературы, отставание, о котором говорят и пишут, которое глубоко волнует всю рапповскую организацию на протяжении многих месяцев. О чем же тут спорить? Где тут суть дискуссии?

Суть дискуссии в том, что в статьях Медведева и в редакционных статьях «Комсомольской правды» по целому ряду существенных творческих вопросов явно выражена литфронтовская тенденция.

— В редакционной статье «Комсомольской правды» от 19 октября — говорит В. Киршон — мы видим то же положение, что и в творческой платформе «Литфронта».

«Литфронт» призывал от большого, проблемного искусства к «жилотрепещущей», «актуальной» халтуре.

«Комсомольская правда» в редакционной статье от 15/X пишет:

> **«... мы критикуем т. Фадеева за подмену животрепещущих проблем, которые стоят перед большевизмом, «вечными» проблемами религии и смерти».**

(Речь идет о выступлении А. Фадеева на последнем пленуме РАПП, где он предлагал при показе героев социалистического труда описывать их не схематично, не плоскостно, а показать, как у героев в процессе социалистического строительства, сломав величайшие идеями марксизма-ленинизма, отбросы дает враждебные нам идеи, разоблачает их,—отбрасывает, например, многовековую идею христианства, по-новому трактует проблему смерти, по-новому решает проблему поколений и т. д. Это выступление А. Фадеева было, как известно, одной из самых содержательных и глубоких оценок литературного показа героев социалистического труда).

«Комсомольская правда» коверкая эту мысль А. Фадеева по своему:

> **«...Тот, кто навязывает передовому рабочему колоссальные противоречия вокруг вечных проблем, механически вкладывает в его голову противоречия, свойственные расщепленному интеллигентскому хлюпику»...**

Почему же «К. П.» думает, что, если раскрыть психологию ударника, он непременно окажется расщепленным хлюпиком?

В. Киршон правильно указывает на этот пример, как на повторение кушнеровско-«литфронтовской» линии на принижение идеологии большевизма, на упрощение и схематизацию величайших задач, стоящих перед пролетарской литературой.

Это рецидив «Литфронта», ошибочно приписанный авторитетом «Комсомольской правды».

Характеризуя беспринципность С. Медведева, одного из полемистов, выступавшего на страницах «Комсомольской правды», В. Киршон рассказывает о том, как ему пришлось быть свидетелем совместного выступления С. Медведева с А. Зониным, когда Медведев развернуто декларировал свою принадлежность к «Литфронту». Через несколько месяцев т. Киршон присутствовал на заседании секретариата МАПП, когда Медведева принимали в МАПП и он публично заявил о своем отказе от литфронтовских позиций. И наконец, сейчас Киршон с удивлением наблюдает, как С. Медведев, «потрясая кулаком и жирным шрифтом», заявляет о себе:

> **«... прекрасно известно, что автор этих строк всегда вел и будет впредь вести непримиримую борьбу с «Литфронтом» и всяческими проявлениями и рецидивами его». («К. П.», от 20/X).**

*

Лозунг о живом человеке, как и лозунг срывания всех и всяческих масок, никогда не был так актуален, как сейчас.

В самом деле, разве старый общеизвестным случай с семьей московского рабочего Филиппова, о жизни которого рассказала немецкая «Ильюстрированная рабочая газета», не подтверждает правильность лозунга о живом человеке? «ИРГ» показала серию фото, изображающих условия труда и быта московского рабочего. Какой интерес они возбудили среди рабочих читателей, в частности зарубежных! Сколько делегаций, посетителей, писем обрушилось на т. Филиппова! Фотография заинтересовала, **но не удовлетворила читателя.** Он заинтересовался целым рядом подробностей деталей, оттенков, которые могут дать более полное представление о жизни московского рабочего.

Лозунг о «живом человеке» призывает бороться с схематизмом, с упрощенчеством, с пакировкой. Именно так мы его понимаем! Как можно утверждать, что он не актуален? Особенно в пору призывов к литературе работ-ударников, первые произведения которых сильны и рядом грешат схематизмом?

Можно, конечно, начать доказывать, что «живой человек» должен быть классовым. Но ведь это давно известно, неклассового человека вообще не существует. Кому нужны такие споры?

Товарищи пытались оспаривать совершенно правильный ленинский лозунг срывания масок. Это—лозунг борьбы с **оппортунизмом, с приспособленчеством, с враждебными тенденциями и влияниями.** Это лозунг проведения большевистской линии в литературе. Любители спорить умудряются превратить этот лозунг в лозунг срывания масок с партийной политики, с пролетарской диктатуры! Но разве пролетарская диктатура, ее органы, большевистская партия носят какие-нибудь маски?

Как и в случае с «хлюпиком», которого некоторые так боятся «обнаружить» в рабочем, здесь естественно возникает мысль о саморазоблачении наличие остроклассовых товарищей, очевидно представляющих себе диктатуру пролетариата... в маске?...

— Именно потому—говорит в заключение В. Киршон—что ленинский комсомол нам близок и дорог, что мы сами входим в его ряды,—мы должны потому голосом говорить и исправлять ошибки, допущенные «Комсомольской правдой». Ничего безразличного не замалчивая, мы исправим эти ошибки, проводя общую линию.

**

После В. Киршона выступил Л. Авербах. Он не согласен с Киршоном в том, что дискуссия РАПП с «Комсомольской правдой» не дает ничего нового. Эта дискуссия явно обнаруживает наличие литфронтовских тенденций, но она доводит их до полной отчетливости, ибо некоторые старые вещи в новой обстановке неизбежно рождает новую их оценку.

Характеризуя статью Медведева в «Комсомольской правде», как нелицензированную вульгаризаторство, Л. Авербах подчеркивает, что основной по-прежнему остается правая опасность.

В недавней резолюции ЦК партии о школе было указано, что условием разоблачения правых тенденций является продвижение левых активов в вопросах коммунистического воспитания. Левацкое вульгаризаторство в литературе, наиболее ярко представленное Медведевым, создает в литературе положение, аналогичное охарактеризованному в резолюции ЦК о школе.

Пролетарская литература поднялась на новую высоту и ей, как всегда, надлежит выбрать одну из двух линий: или меньшего вред наибольшего сопротивления. Творческая дискуссия есть новое решение в выборе одной из двух линий. В этом идейное содержание дискуссии.

Под углом зрения новых задач нужно пересмотреть, переоценить весь опыт пролетарского литературного движения.

Именно в этом в первую очередь и должна выражаться **самокритика.** Именно поэтому мы можем и должны давать сейчас новые оценки таким произведениям, как «Разгром» А. Фадеева, «Брусянки» Ф. Панферова, «Хлеб» В. Кирпотина, «60 и 1931 году мы не можем подходить к «Разгрому» с оценкой 1926 года или к «Брускам» с оценкой 1928 года.

— Однако—при общем одобрении непримиримого зала говорит Л. Авербах—опасность «медведщины» в том, что она «возится около литературы», она подменяет творчение вопросы литературно-организационными склоками. Надо скорее отбросить всю эту шелуху, все склочные моменты и заняться дискуссией по настоящим, основным вопросам, работая рука об руку с комсомолом.

Провокацией называет Л. Авербах все разговоры литературных обывателей о «драке РАПП с комсомолом». Интересно, что разговоры эти непосредственно перекликаются с передовой статьей, появившейся на днях в нашумевших «Последних новостях». В этой передовой эмигранты очень радуются по поводу того, что рапповцы «переругались», дескать, с комсомолом из-за того, что ни те, ни другие не проводят линию партии.

Напрасно радуются!

ВЛКСМ и РАПП проводят единую линию партии в вопросах литературы. Тут нет никакого конфликта. Дискуссия проходит и пройдет с пользой для РАПП, ибо привлекая внимание партии и комсомола к литературным вопросам, она тем самым помогает двигать дальше вперед дело борьбы за пролетарскую литературу, за создание большого искусства большевизма.

Д. КАЛЬМ

* Собрание актива МАПП послало приветствие секретариату РАПП, секретариату ВОАПП и ЦК ВЛКСМ.

* Секретариатом МАПП на собрании актива премированы лучшие литкружки и наиболее активные рабселькоры. Литкружки завода «Серп и молот», Завода № 2 им. «Динамо», завода им. Ильича, завода им. Мосинкина, фаб. «Пионер» и завода им. Лепсе получили по экземпляру произведений Ленина, «Вопросы ленинизма» И. Сталина и по 100 рублей книжных бон ОГИЗ.

* Кружковцы тт. Бугаенки (МОГЭС), Сахаров (Сев. ж. д.), Медведев («Динамо»), Резников («Каучук»), Кесин фаб-ки «Пионер» (бывш. коммуна), Васильева фаб-ки «Пионер», Сидорова («Динамо»), Пендюков («Пионер»), Бубнов (зав. Ильича), Мерзляков (зав. им. Молотова), Лапина («Серп и молот»), Клавдиев (2-й часовой з-д), Крылин («Мосстроитель»), Гуторович («Динамо»), Евстигнеев («Пионер»), Зарубин (М.-К.-В. ж. д.), Комаров (Гуж), Ваниградова (Орехово), Беседина (1 Образцовая типография) и Маркелов (1 Обр. типография) получили поощрительные премии Ленина и по 25 рублей книжных бон.

ПИСЬМО М. А. НЕКСЕ

„Я—СЛОВНО АККУМУЛЯТОР, КОТОРЫЙ ЗАРЯЖЕН ЗАНОСО"

Товарищ А. Халатов получил от датского писателя Мартина Андерсена Нексе, недавно приезжавшего в СССР, письмо следующего содержания:

Многоуважаемой дорогой т. Халатов!

И вот уже неделю снова дома и читаюсь привести в порядок тысячи своих впечатлений. Это нелегко: они жили еще единым ощущением, чтобы я мог изложить их в художественную форму. Пока что я лишь несколько интервью. Две крупные столичные газеты — среди них «Социал-демократ» — а также одна руководящая провинциальная газета, любезно передали интервью со мной.

Эти интервью обходят сейчас скандинавскую прессу, обращая на себя внимание и дают положительный результат. Я получил много предложений прочесть доклады. К сожалению, я был вынужден в течение нескольких дней оставаться в постели, но теперь я до известной степени восстановился и отправлюсь в конце недели в поездку с докладами, в первую очередь, в Германию. В начале ноября я смогу начать писание статей для газет о моих впечатлениях от поездки, и вскоре — после рождества, надеюсь, — книга о советской России будет готова.

В связи с этим обращаюсь к вам с простой просьбой: чтобы мне выслали фотографии, причем не только индустриальных объектов, но и красивых пейзажей с природы, деревень и городов (Москва, Ленинград и т. д.), а также о новом культурном строительстве: рабочие клубы, дома писателей, школы и пр.

В настоящее время на Западе выходит много книг о пятилетке и хочу попытаться построить мою книгу на более широкой основе.

Надеюсь, что мне удастся, несмотря на короткое время, которое я на этот раз могу провести в Советской России, — передать читателям о моих впечатлениях. Я — словно аккумулятор, который заряжен занозо. Хочу высказать вам и государственному издательству еще раз свою благодарность за то, что вы сделали для меня возможной эту прекрасную и интересную поездку! Большое спасибо!

С товарищеским приветом, преданный вам
МАРТИН АНДЕРСЕН НЕКСЕ.

Гиллерод, 14 октября 1931 г.

ТВОРЧЕСКИЙ СМОТР ПРОДУКЦИИ ВССП

К пленуму ВССП в клубе ФОСП будет открыта (15 декабря) большая выставка советской продукции советских писателей за 1930-31 годы. Выставка явится мощным общественным смотром — творческого своего и общественно-политического лица советского писателя.

На пленуме ВССП каждый советский писатель будет индивидуально отчитываться перед общественностью по своим своей творческой продукции. Писатели — члены ВССП Москвы, Ленинграда и Сибири предполагают дать свои произведения, напечатанные за почти за полгода (1/2-2 года), отсель же будет представлен весь критический и рецензионный материал с произведениях.

ЗА РЕЗКУЮ ДЕЛОВУЮ КРИТИКУ ПРОТИВ ТРАВЛИ

Литкружок и рабочие завода «КРАСНЫЙ ПРОЛЕТАРИЙ» обратились в редакцию «Литгазеты» с письмом, подписанным в числе других тт. САКОНОВЫМ, ПАНТЕЛЕЕВОЙ, А. МАТВЕЕВЫМ, Г. БОГУНЕВЫМ, ПУГАЧЕВЫМ, В. МАТВЕЕВЫМ, ТИМОФЕЕВЫМ, КАЛМЫКОВЫМ, ГРИЦ, ФЕДУЛОВЫМ, СЕРГЕЕВЫМ, МАРКИРОВЫМ, СТАРКИНЫМ, ТРУНИНЫМ, ПЕРЕПИНЫМ, РУМЯНЦЕВЫМ, ОРЛОВЫМ и КАПОНСКИМ (КУЛЬТПРОП КОМИТЕТА ВЛКСМ).

В этом письме члены литкружка и рабочие завода заявляют о своем категорическом протесте против попытки обливать комсомольского поэта ДЖЕКА АЛТАУЭНА поэтом женщины, героем литературных склок, помещая, написанный место на страницах «КОМСОМОЛЬСКОЙ ПРАВДЫ», где А. ЖАРОВ в своем стихотворении ставит ему памятник «от благодарного человечества».

— Тов. Жаров, — говорится в письме — вместо того чтобы исправить свою бестактность встал на позицию дальнейшего улюлюканья по самых широких масс на предприятиях и в деревне агитационного и пропагандистского материала партии.

В связи с приездом делегации в Дом печати открывается выставка массовой литературы КПГ.

* Агитштаб «Красной пятерки» УМЗП к октябрьским дням покажет с передвижной автомобильной кукольное представление «У них и у нас», посвященное Октябрьской годовщине.

* Театр Революции готовит новую политпремьеру, на материале завода «АМО». Художественные агитбригады театра будут обслуживать обеденные перерывы и собрания на фабриках и заводах. В фойе театра открывается выставка, посвященная работе «Электрозавода».

* Театр малых форм УМХП готовит срочную постановку — кинодействие, «14 Октябрей» и драматический этюд в 1 действии — «Вне закона».

* Первый рабочий театр Сокольнического района вводит в плеяду «Москва» (пройдет 7 и 8 ноября) литмонтаж на тему об Октябре.

ДЕЛЕГАЦИЯ ЛИТЕРАТУРНЫХ СТАРОСТ КПГ

4 ноября в Москву прибыла I делегация литературных старост коммунистической партии Германии в составе 13 человек.

В делегацию входят главным образом рабочие крупных предприятий, лучшие пролетарские-массовики низовых организаций КПГ. Делегация пробудет в Москве несколько дней, после чего поедет по СССР для ознакомления с социалистическим строительством и ближайшей массово-пропагандистской работы на предприятиях.

Ожидаемая делегация с результате полученного революционного соревнования между низовыми партийными организациями и отдельными лучшими показателями и доверенными рабселькорами.

МОСКВА В ОКТЯБРЬСКИЕ ДНИ

* Для обслуживания иностранных делегаций, приехавших в СССР на октябрьские торжества, Наркомпрос оборудовал обширную выставку достижений культурного строительства Советского союза. После октябрьских торжеств выставка будет отправлена за границу. Текст ее переведен на французский и английский языки.

* Наркомпрос совместно с научным методическим обществом «Красный стадион» приступил к научному изучению праздников XIV годовщины Октябрьской революции. В качестве объектов изучения взяты по два района каждого района Москвы. Ленинская библиотека, Музей революции и агитфарфоровый завод.

* К октябрьским дням в Доме правительства (ул. Всехсвятской и Каменного моста) открывается самый большой кинотеатр в СССР «Ударник». Кинотеатр построен по последнему слову техники и рассчитан на 2000 мест. Оборудование кинотеатра приспособлено для звукового и немого кино.

ПРИЕЗД АМЕРИКАНСКОЙ ХУДОЖНИЦЫ ЕВЫ ГЕРЛАНН

В Москву приехала известная революционная американская художница ЕВА ГЕРМАНН. Американское издательство Эрих Поссельт выпустило на печать ее книгу-сборник гравюр на американских писателей.

В задачу поездки Евы Германн в СССР входит ознакомление с культурным строительством Советского союза. Кроме этого, американская художница хочет создать цикл гравюр на советских писателей.

НА ФАБРИКАХ КНИГИ

В ближайшее время в ГИХЛ выходит альманах «Земля и фабрика» № 13. В сборник вошли: повести А. Дроздова «Кохиэн IV»; С. Левмана «Линия горизонта»; стихи М. Зенкевича и В. Яснева.

Сборник избранных стихотворений «Мне 10 лет» выходит в связи с 10-летним юбилеем литературной деятельности А. Жарова.

В серии «На фронтах пятилетки» выходят очерки Е. Кригера «Уралкузбасс», В. Санчеса «Колхоз Кзыл-Аскер» (о коллективизации в Средней Азии), Е. Твердов «На стальных путях». Готовится к выпуску очередная стенограмма отчета второго пленума совета ВОАПП «Пролетарская литература на новом этапе».

ГИХЛ выпустил новый роман Г. Уэллса «Самодержавие мистера Парэма». Роман дает фантастическую картину будущей мировой войны Америки с Англией до самых широких масс на предприятиях и в деревне агитационного и пропагандистского материала партии.

В связи с приездом делегации в Дом печати открывается выставка массовой литературы КПГ.

* Агитштаб «Красной пятерки» УМЗП к октябрьским дням покажет с передвижной автомобильной кукольное представление «У них и у нас», посвященное Октябрьской годовщине.

* Театр Революции готовит новую политпремьеру, на материале завода «АМО». Художественные агитбригады театра будут обслуживать обеденные перерывы и собрания на фабриках и заводах. В фойе театра открывается выставка, посвященная работе «Электрозавода».

* Театр малых форм УМХП готовит срочную постановку — кинодействие, «14 Октябрей» и драматический этюд в 1 действии — «Вне закона».

* Первый рабочий театр Сокольнического района вводит в плеяду «Москва» (пройдет 7 и 8 ноября) литмонтаж на тему об Октябре.

ПРИЕЗД АМЕРИКАНСКОЙ ХУДОЖНИЦЫ ЕВЫ ГЕРЛАНН

В Москву приехала известная революционная американская художница ЕВА ГЕРМАНН. Американское издательство Эрих Поссельт выпустило на печать ее книгу-сборник гравюр на американских писателей.

В задачу поездки Евы Германн в СССР входит ознакомление с культурным строительством Советского союза. Кроме этого, американская художница хочет создать цикл гравюр на советских писателей.

СОВЕЩАНИЕ ПО ВОПРОСАМ ИСКУССТВ

— Всероссийское совещание по вопросам искусств назначено на 10 декабря 1931 года. В совещании будут участвовать около 100 делегатов от всех художественных организаций и общества. В повестку дня совещания включены доклады: «Театр и борьба за тематику реконструктивного периода» (т. Литовский), «Основные вопросы в области изо» (т. Масленников), «Главнейшие вопросы музыкальной политики» (тов. Лебединский), «О художественных качествах» (т. Эттингер), «Проблема самодеятельного искусства» (т. Исаков), «Состояние художественной критики» (т. Динамов), «Об организации и планом обслуживания масс» (т. Бозрежий).

ИЗВЕЩЕНИЯ

* 7 ноября в демонстрации участвует колонна московских писателей. Сбор всех членов и кандидатов в Головом в 12 ч. в Доме Герцена.

* 9 ноября — 18 ч. — возобновляются занятия курсов МАПП (Тверская 53, ИКП, аудитория № 15). Тема: проработка решений октябрьского пленума ИК ВКП(б).

* 10 ноября — 18 ч. — клуб ФОСП им. Горького — литкружок «Комбайн». Доклад тов. Батрака о задачах ударников, призванных в литературу.

* 10 ноября — 18 ч. — заседание президиума центрального правления Литературного фонда ГСФСР. В повестке дня: смета отчислений и центрального правления на 1932 г.

* 10 ноября — 18 ч. — в клубе ФОСП им. Горького — Московском писателей созывает пролетарии всемом Горького писателей. В повестке: 1. Обсуждение и утверждение положения печатных признаков при Горьком писателей. 2. Выборы бюро печатного. 3. Разное.

* 10 ноября — 18 ч. — литкружок «Вальцовщик» (завод «Серп и молот»). Шуршалин-кандидаты тт. Шестаков, Яковлева, Пахаров, фуллатор читают стихи и очерки на общекультурные темы.

* 11 ноября — 19 ч. — кружок переводчиков. Руководитель Я. Усов.

* 13 ноября — 18 ч. — кружок переводчиков. Руководитель Рем.

* 11 ноября — 19 ч. — писатели ЦИЗ Комсомола организуют проработку в кружке спп о пролетарско-колхозной литературе. Ответственный тов. Сурабеков, Сурабеков и др.

* 12 ноября — 18 ч. — заседание президиума Литературного фонда ГСФСР. В повестке дня: смета отчислений и центрального правления на 1932 г.

* 13 ноября — 18 ч. — при журнале «Молодая гвардия» (Мал. Черкасский, 6) — собрание творческого объединения МАПП «Молодая гвардия».

КАЛЕНДАРЬ РАБСТУДА ЛУБА ФОСП

9 ноября — 19 ч. — собрание литгруппы «Красная звезда». Т. Данилов о Ленинском этапе в творческой дискуссии в РАПП. 2. Доклад т. Залетной о творчестве Голсмина.

11 ноября — 17 ч. — кружок по изучению рабочего класса. Руководитель Густав Бек.

12 ноября — 19 ч. — кружок переводчиков. Руководитель Я. Усов.

16 ноября — 20 ч. — кружок переводчиков. Руководитель Рем.

Ответственный редактор: А. СЕЛИВАНОВСКИЙ.
РЕДКОЛЛЕГИЯ: Н. Асеев, С. Динамов, И. Жига, Л. Ильинский, И. Катаев, Г. Коренев, Н. Огнев, А. Селивановский, И. Сельвинский, М. Слонимский.
ИЗДАТЕЛЬ: Журнально-газетное об'единение.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ФЕДЕРАЦИЯ
ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ НОВЫЕ КНИГИ

АНОВ Н. Награда. Рассказы. 256 стр. Ц. 2 р. 10 к., пер. 45 к.
БОЛЬШАНОВ М. Покорение Днепра. Очерки. 174 стр. Ц. 1 р. 25 к.
БРАЖНЕВ-ТРИФОНОВ Е. Буйный хмель. Стихи о каторге. 1905—1931. 64 стр. Ц. 70 коп.
ГУБЕР Б. Несущие. Повесть о борисоглебском лесосовхозе. 295 стр. Ц. 1 р. 70 к., пер. 45 к.
ДОБРЫНИН М. Против механистов и эклектиков. 232 стр. Ц. 2 р.
ИОЗИН В. Вожак. Очерк. Серия «Строителя пятилетки». 32 стр. Ц. 18 к.
КОЧИН Н. Почти починок. Очерк о колхозе-гиганте им. Сталина. 78 стр. Ц. 65 коп.
ХАДЖИ МУРАТ МУГУЕВ. Ингушетия. Очерки. 141 стр. Ц. 85 к.
НАША ЖИЗНЬ. Библиотека «Новой Кузницы» РАПП. Сборник № 4. 142 стр. Ц. 1 р. 25 к.
НИЗОВОЙ П. Юбилейный день. Рассказы. 224 стр. Ц. 1 р. 65 к., пер. 45 к.
РАКИТИН Н. Записки комармейца. 230 стр. Ц. 1 р. 75 к., пер. 45 к.
СЕРАФИМОВИЧ А. 1905 год. Собрание сочинений. Том IV. 342 стр. Ц. 2 р. 90 к., пер. 45 к.
ТАЙГИН И. Японские силуэты. 197 стр. Ц. 1 р. 25 к.
ТИМОФЕЕВ Л. Проблема стиховедения. Материалы к социологии стиля. 231 стр. Ц. 2 р. 75 к., пер. 85 к.
ШНЕЙДЕРОВ В. Эль-Йемен. Очерки. 208 стр. Ц. 1 р. 65 к., пер. 45 к.
ШУХОВ И. На Казахстанском ветру. Очерк. Серия «Строители пятилеток». 24 стр. Ц. 15 коп.

ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ В КНИГ ЦЕНТР ОГИЗ'а
Москва, центр, Богоявленский пер. 4

ПЕЧАТАЕТСЯ № 6—7 ЖУРНАЛА
БОРЬБА КЛАССОВ
СОДЕРЖАНИЕ: ЕМ. ЯРОСЛАВСКИЙ — Международное значение Октябрьской революции. Ф. ЭНГЕЛЬС — Европейские рабочие в 1877 г. (неопубликованная статья). ПЕЙДЕЛЬ-АРНОТ — Из истории заводской стачки в Англии. Г. ЗИНОВЬЕВ — Из истории рабочей партии Англии. ЛИНДЕ — Пути германской революции. В. НОВ — 9 ноября 1918 г. (воспоминания). Документы. История завода «Серп и молот». Воспоминания рабочих и красногвардейцев об Октябре и другие статьи, посвященные Октябрьской революции, Англии и Германии.
Журнал богато иллюстрирован.
Подписная цена: 12 м. — 30 р., 6 м. — 16 р. 50 к., 3 м. — 8 р.
ПОДПИСКУ СДАВАЙТЕ ТОЛЬКО НА ПОЧТУ.
Журнально-газетное об'единение

ЧИТАЙТЕ
ЛИТЕРАТУРНУЮ
ГАЗЕТУ

ОТКРЫТ ПРИЕМ ПОДПИСКИ на 1932 год
Ежемесячный творческо-методический и научно-технический журнал
„ПРОЛЕТАРСКОЕ ФОТО"
Орган Союзфото и ОЗПКФ
«Пролетарское фото» — боевой руководящий орган пролетарского фотодвижения, борется за классовую пролетарскую фотографию, за максимальное использование фото во всех областях социалистического строительства. Вооружает трудящихся фотознаниями. В течение всего года в журнале будет вестись
ВЫСШИЙ КУРС ФОТОТЕХНИКИ
для фотокоров и фоторепортеров
при участии лучших мастеров советского фоторепортажа. Наиболее успевающие заочники зачисляются платными фотокорреспондентами Союзфото. Заочники высших курсов фототехники имеют право на
ПРЕИМУЩЕСТВЕННОЕ ФОТОСНАБЖЕНИЕ
Приложение — творческо-методическая и техническая «Библиотека Пролетфото» — 12 выпусков в год.
ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:
Журн. „Пролетфото" — 12 мес. — 7 р., 6 мес. — 3 р. 50 к., 3 мес. — 1 р. 75 к. Журн. „Пролетфото" с прилож. „Библиотеки Пролетфото" — 12 мес. — 13 р., 6 мес. — 6 р. 50 к., 3 мес. — 3 р. 25 к.
Подписку сдавайте местной почте не позже установленного ею срока.
Журнально-газетное об'единение

ЗА БОЛЬШОЕ ИСКУССТВО БОЛЬШЕВИЗМА
в театре, музыке, кино, пространственных искусствах.
За подчинение всех видов искусства задачам социалистического строительства.
За рост и укрепление художественной самодеятельности ударной бригады советского искусства.
За пролетарские кадры в искусстве.
За марксистско-ленинскую теорию против механистических и идеалистических ее извращений
борется газета
„СОВЕТСКОЕ ИСКУССТВО"
Газетные 5 дней разнообразная информация о жизни искусств, корреспонденции, рецензии, статьи, фельетоны по политическим, творческим и практическим вопросам искусств. Новые постановки и пьесы. Выставки. Самодеятельное движение. Зарубежная хроника. Фот-видов. Зарисовки. Карикатуры.
Драматурги, оперные, балетные, режиссеры, актеры, художники, музыканты, кружковцы, массовики, агитбригадники.
НИ ОДНОГО РАБОТНИКА ИСКУССТВ БЕЗ ГАЗЕТЫ
„СОВЕТСКОЕ ИСКУССТВО"
Открыт прием подписки на 1932 год.
ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: 12 мес. — 3 р. 60 к., 6 мес. — 1 р. 80 к., 3 мес. — 90 коп.
ПОДПИСКУ СДАВАЙТЕ местной почте не позднее установленного ею срока.
Журнально-газетное об'единение.

С НОЯБРЯ МЕСЯЦА ВЫХОДИТ
НОВЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
„ЗА МАТЕРИАЛЬНУЮ БАЗУ ПЕЧАТИ"
Орган Госплана СССР и Комитетов по делам печати РСФСР и УССР
Журнал ставит себе целью: борьбу за улучшение качества издательской продукции, за рациональное использование действующего оборудования и внутренних ресурсов всего хозяйства печати, за усиление капитального строительства, организацию и расширение полиграфического и бумажного машиностроения, за поднятие технического уровня издательской полиграфбазы, за правильную организацию книжно-газетного распространения.
Открыт прием подписки
Подписная цена: 12 мес. — 10 руб., 6 мес. — 5 руб., 3 мес. — 2 руб. 50 коп. С ноября месяца — на 14 мес. — 12 руб. Розничная цена номера — 1 руб.
Подписка принимается только не позже установленного ею срока.
Журнально-Газетное Об'единение

ТЫ ПРОЧТЕШЬ
В 1932 году журнал «РОСТ» будет выходить в значительно увеличенном об'еме с приложением «БиБлиОГЕКИ РОСТ» из новых произведений пролетарской литературы, 2 книги в месяц.
ОТКРЫТ ПРИЕМ ПОДПИСКИ НА 1932 ГОД
Условия подписки: Журн. «Рост» (24 №№ в год) 12 мес. — 4 руб., 6 мес. — 2 руб., 3 мес. — 1 руб.
Журн. «Рост» с прилож. «Биб-ки Роста» (2 книги в месяц): 12 мес. — 7 руб. 50 коп., 6 мес. — 3 руб. 70 коп., 3 мес. — 1 руб. 85 коп.
Подписку сдавайте исключительно почте, не позже установленного ею срока.

В № 19 МАССОВОГО КУЛЬТУРНО-БЫТОВОГО И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОГО ЖУРНАЛА
„РОСТ"
«Москва должна стать образцовой столицей»—(т. Каганович) — Задачи коммунального строительства Москвы и их выполнение в статье тов. Поповых-Сибиряка.
МОСКВА—ПРИМЕР ГОРОДАМ СОЮЗА
Новый опыт нового социалистического поселка завода АМО им. Сталина в очерке «Жильцы 1» Фелева проезда» т. Канавина, т.т. Поповалов и Фейер—очерк «Больная вода». «Мокрицкий меняет имя» — рассказ В. Кожевникова. Очерк—«Снегарь Никитин» В. Григорьева.
КЛАССИКИ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Виктор Гюго — статья Шишмаревой. Неудачная инсценировка романа А. Фадеева «РАЗГРОМ» на экран.
ТВОРЧЕСТВО РАБОЧИХ ЛИТКРУЖКОВ.
Цена отдельного номера 15 коп.
ТРЕБУЙТЕ ВО ВСЕХ КИОСКАХ
ЖУРНАЛЬНО-ГАЗЕТНОЕ ОБ'ЕДИНЕНИЕ

Укол. Глазлит. В набор. Интернациональная (м) оп. «Мосметр», гр. пл. Свирнова-Степанова, д. 3.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Орган Федерации Объединений Советских Писателей РСФСР

МОСКВА 12 НОЯБРЯ 1932 г. № 61 (186)

РЕДАКЦИЯ:
Москва, Тверской б. 25, Дом Герцена. Телефон 2-80-12.
ИЗДАТЕЛЬСТВО:
Журнально - газетное об'единение: Москва, 6, Страстной бульвар 11. Телефон 5-51-69.
ПОДПИСНАЯ ПЛАТА НА 1932 г.
На 12 м. 3 р. 50 к.
На 6 м. 1 р. 80 к.
На 3 м. — р. 90 к.

К ПОРЯДКУ ДИСКУССИЙ

Чем характеризуется нынешний этап в развитии пролетарской литературы? Он характеризуется новыми качественными, непрерывно возрастающими требованиями к литературе, вытекающими из развернутого социалистического наступления, которое рабочий класс, под руководством партии, успешно ведет по всему фронту. Именно из этих требований, из культурного под'ема масс вырос такое явление пекинской культурной революции, как призыв рабочих ударников в пролетлитературу, вырос лозунг большого большевистского искусства, отчетливо сформулированный последним пленумом РАПП.

Перед пролетлитературой в этих новых условиях еще решительнее стоит задача максимального развертывания творческой дискуссии и творческой самокритики, борьбы за марксистско-ленинское мировоззрение на основе преодоления отдельных теоретических ошибок, имевших место в рядах РАПП, прежде всего, давая одновременно решительный отпор пассивному вульгаризаторству, рецидивам литфронтовщины. Все это должно сопровождаться качественным и количественным улучшением всей системы работы РАПП.

Практика пролетлитературного движения показывает, что оно правильно поставило свои задачи, по-большевистски мобилизует организацию на преодоление трудностей, развертывает самокритику и творческое соревнование. Бесспорно однако, что в отношении самокритики и творческой дискуссии РАПП еще не достигла нужных темпов и качества. Поэтому всякие указания на необходимость более решительного проведения творческой дискуссии и самокритики являются правильными и своевременными.

В чем сущность вопроса о творческой дискуссии? В том, что эта дискуссия должна мобилизовать организацию на борьбу с проявлениями правой опасности, выражающейся в рецидивах верхоглядства, во влечении чуждой идеологии. В этой связи совершенно правильно поступил последний пленум правления РАПП, поставивший вопрос о внутреннем попутничестве. Элементы внутреннего попутничества—это и есть одно из конкретных выражений давления буржуазной идеологии, проявление правой опасности. Но совершенно бесспорно, что борьба с правой опасностью предполагает и решительное выкорчевывание остатков литфронтовщины. В историческом постановлении ЦК партии о школе указывается на то, что борьба с правой опасностью требует решительного удара по всяким «левым» загибам. Это указание ЦК партии применимо в нашей литературной действительности. В чем сущность дискуссии в отношении произведений основного ядра пролетарской литературы? В том, чтобы предостеречь от ползучего эмпиризма творчество отдельных писателей от снижения идейной глубины творчества, от влияния различных вульгарных теорий вроде «образа схемы».

Так надо понимать существо творческой дискуссии в рядах пролетарской литературы.

Партийно-пролетарская общественность уделяет все большее внимание пролитературе, оказывая РАПП существенную, решающую помощь в ее работе. В частности, это относится к пекинскому комсомолу, в последнее время внесшему подлинную подвижность в вопросах пролетлитературного движения, поставившему перед последним ряд важнейших проблем. Указания т. Косырева на неудовлетворительное положение в области молодежной тематики, аналогичные указания «Комсомольской правды», а также постановка ею ряда творческих вопросов—свидетельство этого поворота комсомола лицом к литературе.

В статье т. Г. Васильковского, помещенной в ЦО «Правда», выдвигалось, наряду с другими, совершенно правильное требование максимального внимания к практическим выводам со стороны РАПП из выступлений представителей комсомола. Это требование не может встретить никаких возражений и должно быть всячески поддержано.

Дискуссия, развернувшаяся между работниками РАПП, с одной стороны, и «Комсомольской правдой», с другой —ничуть не противоречит этой основной установке. Наоборот, она призвана сыграть большую положительную роль в развитии пролетлитературного движения, подвергая проверке творческие установки РАПП, раз'ясняя отдельные разногласия по творческим вопросам, содействуя развертыванию творческой дискуссии и самокритики. Решающее качество этой дискуссии заключается в том, что у РАПП и комсомола одна линия в вопросах литературы — линия партии.

И поэтому дискуссию нужно продолжать и развивать. Единое понимание творческих задач пролетлитературы может быть достигнуто только на основе принципиального разрешения всех спорных положений.

В чем эти спорные положения заключаются? «Комсомольская правда» в статьях тт. Медведева, Овалова и др., а затем и в некоторых реперкуссионных статьях, поставила следующие вопросы: в лозунге срывания масок, об уровне и качестве мировоззрения, об образе-схеме, наконец, круг вопросов, поднятых т. Фадеевым на пленуме РАПП. В этих статьях рапповская точка зрения на затронутые темы подвергалась критике. С точки зрения «Литературной газеты» и товарищей из РАПП эта критика и постановка творческих вопросов, данная в статьях «Комсомольской правды», была в определенной части неверной и содержала рецидивы литфронтовских творческих положений. Это в первую очередь относится к статьям Л. Овалова и С. Медведева, а также к тем моментам редакционных статей «К. П.», где целиком ошибочная концепция этих товарищей брались под защиту.

Мы считаем неправильной постановку вопросов о проблеме классического наследства, об уровне и качестве мировоззрения пролетарской классической литературы, вопроса о том, что со стороны образа-схемы пролетарский писатель защищен, мы считаем неверным обвинение т. Фадеева в мелкобуржуазном субъективизме (последующее разъяснение «К. П.» не внесло необходимой ясности в этот вопрос).

Вот по этим вопросам необходимо продолжать дискуссию! Они остаются спорными! Что же касается вопроса о самокритике, о теоретических ошибках отдельных работников рапповского движения, то, понятно, они ни в какой мере не должны смазываться, но ставиться не абстрактно, не вторично, а в непосредственной связи с творческими вопросами.

Между тем в процессе дискуссии были сделаны ненужные, вредные отклонения от существа споров. Здесь, в первую очередь, мы должны признать свою ошибку, правильно отмеченную т. Г. Васильковским и его статье в «Правде». Эта ошибка заключается в том, что в редакционной статье «Л. Г.» от 22 октября «Комсомольская правда» необоснованно и неверно обвинялась в замалчивании важнейших вопросов классовой борьбы на литературном фронте. Мы целиком снимаем эту политически ошибочную формулировку.

На, с другой стороны, мы еще раз должны подчеркнуть недопустимость некоторых методов полемики и со стороны «Комсомольской правды», неверность некоторых ее заявлений. К ним относятся обвинения РАПП и «Литературной газеты» в зажиме самокритики (речь именно идет о зажиме самокритики, а не о недостаточности ее, что признается и РАПП, и «Л. Г.»), попытка противопоставить (в статье «За дружную, совместную работу с РАПП») местные организации РАПП его руководству, недопустимый тон критики в отношении т. Фадеева (мелкобуржуазный субъективизм), а также «Л. Г.» («мелкобуржуазная развязность и чванство передовиков из «Л. Г.», «художества» «Литгазеты», «непартийная шумиха» и т. д.), квалификация творческой группировки «Молодая гвардия», как «беспринципной группочки, противостоящей комсомолу». Неверной является защита со стороны «Комсомольской правды» т. С. Медведева, о чем свидетельствует печатаемое нами решение бюро ячейки ВКП(б), ИКП ЛИЯ.

От всех этих наносных моментов дискуссию нужно освободить. Она должна продолжаться под лозунгом внесения принципиальной ясности во все вопросы творческого порядка, она должна помочь РАПП выполнить основную его задачу:

«Создать произведения, достойные нашей эпохи» (Правда).

ТРАВЛЯ ЭРИХА ВАЙНЕРТА

ВСЕМ РЕВОЛЮЦИОННЫМ ПИСАТЕЛЯМ МИРА

Как нам уже давно известно, в течение последних недель в Германии проводится систематическая кампания травли против пролетарского поэта Эриха Вайнерта, прекрасно владеющего искусством декламации своих произведений. В нескольких городах Германии, вследствие постоянных полицейских придирок, т. Вайнерт не имел возможности выступать. Получалась странная картина: Вайкерт стоял на трибуне, но его произведения читали другие. Теперь кампания преследований завершилась тем, что прусская полиция окончательно запретила ему выступать в пределах Пруссии.

Мы призываем всех революционных писателей и передовую интеллигенцию всего мира протестовать вместе с революционным пролетариатом против этого, выходящего за пределы всех рамок законности, акта полицейского гнета против пролетарского поэта.

МОРП, РАПП, ВУССП, БЕЛАПП
ЗАКАПП

* * *

Ромэн Роллан сообщил в письме т. Б. Иллеш о том, что он присоединяется к протесту МОРП по поводу запрета выступлений Эриха Вайнерта в пределах Пруссии.

* * *

Генеральный секретарь МОРП т. Бела Иллеш получил от Эриха Вайнерта письмо. Несмотря на преследования, Вайнерт посетил свыше 30 городов в разных районах Германии.

На вечерах Э. Вайнерт рассказывал о своем путешествии в Советский союз, читал актуальные, сатирические и агитационные стихи.

«Интереснее всего отметить, — пишет Вайнерт, — что мои вечера в последнее время посещались людьми, которых до сих пор нам не удавалось видеть на наших собраниях, а именно — мелкой буржуазией, студентами, интеллигентами. В последнюю неделю, — рассказывает Вайнерт, — я был в Верхней Силезии, где районное партруководство организовало пять вечеров Вайнерта. Неожиданно получили приказ обер-президента о том, что устройство вечеров поводу запрещено. Мотивировка показывает всю беспомощность и страх властей. Далее цитирую из официального буржуазного органа: «Запрещение декламации известного писателя Эриха Вайнерта, который должен был лично принять участие в вечере, последнее-предупреждением доказывает тем, что политические стихи Вайнерта, так же как и его личное выступление с сатирическими примечаниями, являются опасными для общества».

Из концертзала из Верхней Силезии Вайнерт был арестован (в 6 часов утра, в постели). Арест был вызван пацистским доносом.

„Я — ВАШ ПОДПИСЧИК"

Ромэн Роллан прислал Бруно Ясенскому письмо, в котором дает отзыв на присланные ему французские номера «ЛИТЕРАТУРЫ МИРОВОЙ РЕВОЛЮЦИИ».

— Журнал произвел на меня большое впечатление, — пишет Ромэн Роллан. — Прошу считать меня его подписчиком. Я сумел оценить—как по содержанию, так и по художественным достоинствам — ряд произведений, опубликованных в 1 номере,—прежде всего «Китайские новеллы» Эрдберга, которые, по моему мнению, быстро завоюют автору широкую известность. Меня обрадовала также четкий и верный рассказ товарища Бела Иллеш, имеющий оттенок мужественной горечи. Мне понравился юмор «Денег» Лайцена.

Что касается материалов второй международной конференции революционных писателей, то они являются замечательным историческим документом и вместе с тем глубоко поучительным для всех нас.

РОМЭН РОЛЛАН

ПАМЯТИ т. ВИГАЛОК

10 НОЯБРЯ УТРОМ — ПОСЛЕ НЕПРОДОЛЖИТЕЛЬНОЙ БОЛЕЗНИ — ВОСПАЛЕНИЯ ЛЕГКИХ — УМЕР РУКОВОДИТЕЛЬ ПРОФИЗДАТА, ЧЛЕН СЕКРЕТАРИАТА РАПП АЛЕКСАНДР ЯКОВЛЕВИЧ ВИГАЛОК

Умер тов. Вигалок. Смерть так не вяжется с образом этого молодого, подвижного, всегда бодрого и жизнерадостного товарища, умевшего вкладывать во всякое порученное ему партией дело столько инициативы, проникновенности и созидательного воодушевления.

Косность, инерция, бюрократизм, самотек — все то, что душит живую жизнь и творческую мысль, вступало перед энтузиазмом и неисчерпаемой энергией тов. Вигалока. Всякое дело, с которым он приходил в соприкосновение, оживало, приобретало революционную целеустремленность, включалось в общий мощный поток социалистической стройки.

С 1919 года, со времени вступления в коммунистическую партию, тов. Вигалок — на ответственных революционных постах: в армии, на партийной работе, в профдвижении. Сначала в Казани, затем в Москве он неустанно боролся за наиболее эффективное осуществление профсоюзами их роли как орудия коммунистического воспитания масс.

Будучи членом президиума ЦК союза работников просвещения как раз в период перелома политических настроений в рядах учительства, тов. Вигалок своими книжками, статьями и особенно своей практической работой среди просвещенцев немало содействовал закреплению совершавшегося в то время поворота сельского и затем городского учительства в сторону пролетарской диктатуры. Политико-воспитательная работа Союза работников просвещения, которой непосредственно руководил тов. Вигалок, сначала в качестве зав. культотделом ЦК, затем председателя правления изд-ва «Работник просвещения» и впоследствии редактора «Учительской газеты», памятна широким массам учительства.

В последние годы тов. Вигалок работал в ВЦСПС в качестве руководителя Профиздата. В эту работу Александр Яковлевич внес особенно много творческого почина. Он сумел сделать это издательство важным и действенным орудием связи ВЦСПС непосредственно с массами. Он преодолел прежнюю бюрократическую неповоротливость этого издательства, отражавшего все черты оппортунистического отставания старого руководства профдвижением от насущных задач социалистического строительства.

Он сумел превратить издательство в орган, чутко улавливающий богатейший творческий опыт передовиков-энтузиастов социалистической реконструкции и делающий этот опыт достоянием миллионов. Он был одним из организаторов дела огромной политической важности — призыва ударников в литературу, проводимого ВЦСПС совместно с РАПП. Он выступил борцом за пекинскую идею — превратить литературное дело в часть общепролетарского дела—и организатором этой идеи на практике. И у издательства ВЦСПС, первого издательства рабочих книг, вырос крепкий рабочий актив добровольцев, крепкий рабочий редакционный совет, неизменным председателем которого был т. Вигалок, всегда и всюду проводивший мысль о необходимости теснейшей связи с широкими рабочими массами.

Характерной чертой тов. Вигалок было то, что он был чужд кабинетности. он никогда не замыкался в узкие пределы своего круга обязанностей. Понимая эту обязанность раньше всего как обязанность коммуниста, он всю свою работу подчинял интересам партии и рабочего класса. Поэтому он сам и издательство, которое он возглавлял, были связаны с пролетарскими литературными организациями и со всей пролетарской общественностью.

На работе тов. Вигалок горел. Он не щадил своего здоровья. Ему некогда было подумать о себе. Он работал сверх своих сил, не чувствуя в то же время усталости и заражал своей энергией товарищей по работе. Он заболел и в семь дней буквально сгорел.

Смерть пресекла молодую, полную сил жизнь революционера, жизнь, которая могла бы еще так много дать для партии, для профдвижения, для социалистического строительства.

ВЦСПС.
СЕКРЕТАРИАТ РАПП.
ПРОФИЗДАТ
РАБОЧИЙ РЕДСОВЕТ
СЕКРЕТАРИАТ МАПП
СЕКРЕТАРИАТ ФОСП

ОТ ДЕКЛАРАЦИИ К ТВОРЧЕСКОЙ РАБОТЕ

Чем живет писатель, как он творчески работает, насколько он связан с общественностью — этим руководство ВССП до последнего времени интересовалось мало. Многочисленные заседания правления ВССП (в Москве) были перегружены хозяйственными вопросами. В Союзе писателей отсутствовала подлинно творческая среда. По существу ВССП является не Всероссийским объединением советских писателей, а в основном — московской организацией. Отделения ВССП в Восточной и Западной Сибири работают без руководства. Не было сделано попытки к установлению обмена опытом в работе отделений ВССП Москвы и Ленинграда. Отсутствие информации и тесной связи между отделениями союза писателей и издательствами привело к тому, что руководить Козырева и Кремлева-Свэна «Город энтузиастов», забракованная издательствами в Ленинграде, была издана Московским товариществом писателей.

До сего времени еще не установлена связь советских писателей с рабочей общественностью и заводами. Правление ВССП приняло постановление о созыве (до 1 ноября) совместно совещания ВССП и МАПП по вопросу о работе с ударниками, но это решение еще не выполнено.

Творческая дискуссия — сдвиг в работе ВССП. Но и здесь правление ВССП не сделало всего, что можно было сделать. Оно отнеслось к дискуссии, как обективный наблюдатель. Итоги дискуссии до сих пор не проработаны.

ВССП должен начаться разрешением трех основных задач: созданием «Истории заводов», «Истории гражданской войны» и художественным показом героев пятилетки. Правление союза должно четко определить свое отношение к процессам размежевания в рядах писателей и уже сейчас сделать выводы из первого круга творческой дискуссии.

Все эти вопросы перестройки Союза писателей были обсуждены на секретариате ФОСП, который заслушал доклад о работе ВССП. Секретариат ФОСП принял практические решения, направленные к оживлению и перестройке работы ВССП.

А. КР—ОВ

ПОКАЖЕМ МЕЖДУНАРОДНОМУ ПРОЛЕТАРИАТУ ГЕРОЕВ МАГНИТОГОРСКОЙ СТРОЙКИ

ГОД РАБОТЫ ЛИТГРУППЫ „БУКСИР"

Литгруппа «Буксир» организовалась 5 сентября 1930 года при редакции газеты «Магнитогорский рабочий». Пять нахлынувших писателей с производства из 26 человек служащих и учащихся — таков первый социальный состав «Буксира».

Вначале литературная учеба занимала центральное место в работе группы. Выполнялись «промфинпланы» творческих вечеров и выступлений в бараках, красных уголках, в цехах и по радио. Связь с газетой закреплялась регулярным выпуском литературной страницы, участием актива группы в оперативной работе редакции. Трудности при этом заключались в слабости руководства и помощи со стороны партийных, комсомольских и профессиональных организаций, в отсутствии средств, литературы и кадров марксистски подготовленных организаторов и руководителей пролетлитературным движением на Магнитострое. Впервые доклад о работе литгруппы «Буксир» был заслушан профсоюзной организацией в феврале текущего года. Благодаря настойчивости «на процветание пролетарской литературы» было отпущено 700 рублей!

К этому времени литгруппой уже была развернута работа по реализации постановления РАПП и ВЦСПС о привлечении рабочих-ударников в пролетарскую литературу. Социальный состав литгруппы резко изменился, обогатившись за счет нескольких десятков новых рабочих писателей, ударников с решающих участков великой стройки. К весне литгруппа «Буксир» насчитывала в своих рядах до 75 человек. В период весны и лета учебно-воспитательная работа с призывниками почти не велось. Ослабла связь группы с практикой социалистической стройки. Широкая литературно-массовая работа не была проникнута большевистскими темпами. Вскоре «утечка» вывела из организации часть действительно рабочих-ударников, не удовлетворенных постановкой учебы, и часть случайного элемента.

В литгруппе имели место классово-чуждые настроения и влияния, которым был дан жесточайший отпор (рассказ Афанасьева «Любовь Зиночки»). Исключение из группы разложившихся элементов (Шутиков, Рудин, Пелевский) оздоровило организацию и сплотило для дальнейшей работы.

На сегодня литгруппа «Буксир» насчитывает в своих рядах только 45 человек. Из них более 20 человек по месту работы состоят членами литбригады «Стальмоста» и Коксохимкомбината.

За год своего существования литгруппа выдвинула на творческие ноги целый ряд молодых пролетарских писателей и поэтов (**Сержантов, Ворошилов, Хорунжий, Лагарин, Ручьев, Хабаров и др.**). Стихи, рассказы и очерки этих товарищей печатаются в магнитогорском журнале «Буксир» и уральском — «Штурм», а также в газетах «Магнитогорский рабочий», «Магнитогорский комсомолец», «На смену» и другие.

В издании библиотечки «Смена» вышел сборник произведений членов группы «Весна Магнитостроя».

Некоторые из «буксировцев» пишут сейчас книги очерков и рассказов о лучших ударниках магнитогорской стройки, представленных к орденам Ленина и Трудового красного знамени. Правда, произведения их находятся еще на очень низком идейном и художественном уровне, диалектический метод в их творчестве едва начинает применяться, но тридцати с огромной жаждой берутся сейчас за учебу, за овладение марксистско-ленинским мировоззрением.

К боевой реализации лозунга партии и РАПП «**Страна должна знать своих героев**» магнитогорские писатели еще не поднялись вплотную. Трудная задача художественного показа героев пятилетки, ударников героев пуска магнитогорских домен может и должна быть большевистским штурмом разрешена!

В ближайшие дни литгруппа «Буксир» выпускает большой **сборник, посвященный художественному показу героев Магнитостроя.** Очередные номера журнала «Буксир» служат той же цели.

Наряду с показом героев литгруппа развертывает работу по созданию **«Истории заводов» и «Истории гражданской войны».**

Следует отметить, что за исключением «Магнитогорского комсомольца», многотиражки, и «Магнитогорского рабочего» работу пролетарского писателя по художественному отображению социалистического строительства в настоящее время не окружают вниманием, литбригады и литгруппы в целом не привлекают к борьбе за большевистские темпы стройки.

В. МАКАРОВ
Магнитогорск.

КУЗНЕЦКСТРОЙ УДАРНЫЙ ПУНКТ РАППОВСКОЙ РАБОТЫ

РЕЗОЛЮЦИЯ СЕКРЕТАРИАТА РАПП

1. Значение и работа КузАПП, как организации, работающей на новостройке, имеющей ведущее значение в индустриализации страны, огромно. Секретариат РАПП отмечает в то же время, что помощь и внимание, уделяемое секретариатом работе КузАПП, явно недостаточны.

2. Новое руководство КузАПП основное внимание в своей работе должно в первую очередь обратить на ликвидацию недочетов и ошибок, сделанных прежним руководством, для которого характерна была правооппортунистическая практика и извращенное организационно-политическое и творческое жало РАПП (замкнутость ассоциации, боязнь широкого включения в ряды АПП рабочих-ударников, обезличивание материала рабочих-ударников в напостовском сборнике, игнорирование работы в цеховых рабочих литкружках и т. д.).

Руководство КузАПП должно шире развернуть только что начатую работу по призыву рабочих-ударников в литературу, создать литкружки во всех основных цехах и начать систематическую учебу литкружковцев, увязывая текущую работу кружков с общественно-политическими и хозяйственными кампаниями, проводимыми партийно-комсомольскими и профсоюзными организациями Кузнецстроя.

3. Кузнецстроевская АПП должна стать опорной и передовой организацией пролетарских писателей в Западно-Сибирском крае. Громадный коллектив строителей одного из крупнейших заводов, беспримерный героизм и энтузиазм отдельных рабочих-ударников и целых ударных бригад, громадная тяга рабочих к культуре и т. д. дадут и дают возможность для успешного развертывания данной работы и укрепления АПП.

Секретариат ЗапсибАПП, зная о положении в КузАПП, не оказал молодой организации достаточной помощи, и поэтому членов ЗапсибАПП в помощь КузАПП не прислал большой реальной пользы. Не сказали существенной помощи КузАПП и приезжавшие на площадку писатели — члены МАПП и РАПП.

4. Считая работу по проведению содержательной КузАПП с организацией пролетарской Магнитогорска — важнейшей и центральной работой КузАПП на ближайший период — указать КузАПП и Магнитогорской ассоциации на слабость этой работы. Для практической помощи КузАПП послать не позже 15-го ноября бригаду секретариата в составе тов. Новолоцкой, В. Гусева и представителя ЗапсибАПП на срок не менее месяца. Поставить на одном из ближайших заседаний секретариата доклад Магнитогорской АПП.

5. Придавая большое значение шефству над КузАПП объединения рабочих-писателей «Рабочей газеты», поставить перед редакцией «Раб. газеты» вопрос о практической помощи со стороны этого объединения КузАПП.

6. Обязать тт. Шутаева, Новолоцкую, В. Гусева, Кавалерова и Калиша, ездивших в бригадах РАПП и ЗапсибАПП на площадку Кузнецстроя, — поддерживать регулярную связь с КузАПП, периодически отчитываясь в этой работе перед секретариатом РАПП.

7. Считать необходимым в ближайшее же время созыв курсов-конференции АПП новостроек Урала и Сибири, подчинив содержание работы этой конференции главным образом обмену опытом и конкретной помощи местным АПП в развертывании учебной и воспитательной работы АПП новостроек. Конференцию провести в Свердловске. Поручить орг-инструкторскому сектору согласовать с секретариатом УралАПП все вопросы, связанные с проведением этой конференции.

СОЗДАДИМ БОЛЬШЕВИСТСКУЮ „ИСТОРИЮ ЗАВОДОВ"

ДОКЛАД т. ШУШКАНОВА НА ПЛЕНУМЕ ЛАПП

ЛЕНИНГРАД. (Нат. корр.). На закрывшемся пленуме ЛАПП последним докладчиком выступил тов. Шушканов по вопросу об «Истории заводов».

— Уже сейчас,—говорит Шушканов — при первых шагах работы некоторые товарищи обнаружили непонимание задач, поставленных партией перед рабочей общественностью, и в первую очередь, перед пролетарской литературой и перед историками. «Историю заводов» некоторые товарищи пытаются копировать с классических образов буржуазных летописей, где мелочи и второстепенные факты, произвольно взятые и произвольно обобщенные, загромождают и исключают основное — социальную сущность событий и явлений.

Для чего мы пишем «Историю гражданской войны», «Историю заводов»?

В «Истории гражданской войны» ясно сформулированы задачи новых историй, создаваемых рабочим классом: задачи исследования опыта гражданской войны, исследования тех или иных операций мы сочетаем с насущными задачами сегодняшнего дня, задачами усиления боевой подготовки трудящихся к грядущим классовым битвам. Так же мы должны подходить и к «Истории заводов».

На заводе «Красный треугольник» недавно происходила оживленная дискуссия: как писать «Историю заводов». Будет ли это систематическая история, раскрывающая исторический процесс или это будет освещение в исследование отдельных проблем: зарплата, проблема охраны труда и т. д.? Надо обратить огромную заслугу директора комбината тов. Чекалова, возглавляющего эту работу. Но для того чтобы использовать опыт этого передового завода, надо критически к нему подойти. В этом опыте есть ряд опасностей. Как известно, дискуссия завершилась торжеством второй точки зрения. Появилась ли эта? По существу дискуссия, проводившаяся на «Красном треугольнике», не новая, она показывает, что часто мы открываем давно открытые Америки: все эти вопросы являлись объектом дискуссии у историков-марксистов и давно решены. Задачи марксистской «Истории» не исчерпываются изучением отдельных вопросов, как, например, зарплата, охрана труда и т. д. Само собой разумеется, эти вопросы должны изучаться, но более важно изучать методы и формы капиталистической эксплоатации в зависимости от той или иной стадии капитализма и свободный труд, рост коммунистических форм труда у нас, в СССР. Именно таким образом определялись задачи и программа «Истории заводов» тов. Кагановича на заседании редакционной коллегии «Истории заводов».

«История» оживила кабинеты. Массы пишут историю. И здесь чрезвычайно важно избежать опасности обезлички. То громадное массовое движение, которое сейчас началось — это ни в какой мере не заготовка угольщика, организованные по всесоюзном масштабе. Массы готовят не угольщика, которое пойдет в переработку на «большие фабрики» больших писателей или историков. Создавая «Историю», мы используем весь разнообразнейший богатейший материал высказываний рабочих. Надо обеспечить органическое включение всех этих материалов в общий план «Истории», сохранив стиль и язык отдельных рассказов рабочих, но обязательно проверив и осмыслив этот материал на уровне методологии марксистско-ленинской истории классовой борьбы.

Историю пишут массы. Мы — организаторы «самодеятельности». И это не значит, что и систематическая история, а не только сборники воспоминаний, должна быть написана с использованием всего материала рабочих воспоминаний. В использовании здесь должно быть не обезличивающее. Мы должны добиваться и добьемся органической включенности этого материала в общий план истории, в самый текст истории.

На «Истории заводов» — не механическое объединение более или менее литературно-обработанных воспоминаний, не самотек воспоминаний, статей, документов, вылившихся в книгу, не мозаика документов, сырых, живых впечатлений.

Нет! Мы прежде всего должны видеть здесь новое содержание, новое качество.

Мы против недооценки массовости. Без большого коллектива мы не напишем «Истории заводов». Коллектив рабочих действительно пишет историю. Но мы—за разделение труда, за высокое качество работы, за глубочайшее осмысливание материала!

Огромный материал высказываний рабочих уже в процессе отбора на всех стадиях работы должен осмысливаться, подвергаться научной идейно-художественной обработке. Огромнейший материал необходимо осмыслить глубочайшим образом, обобщить и вскрыть исторический процесс.

Надо давать жесточайший отпор лефовско-литфронтовскому толкованию этой задачи. Товарищи, требующие реконструкции и делающий этот опыт достоянием миллионов. Он был одним из организаторов дела огромной политической важности — призыва ударников в литературу, проводимого ВЦСПС совместно с РАПП. Он выступил борцом за пекинскую идею — превратить литературное дело в часть общепролетарского дела—и организатором этой идеи на практике. И у издательства ВЦСПС, первого издательства рабочих книг, вырос крепкий рабочий актив добровольцев, крепкий рабочий редакционный совет, неизменным председателем которого был т. Вигалок, всегда и всюду проводивший мысль о необходимости теснейшей связи с широкими рабочими массами.

Характерной чертой тов. Вигалок было то, что он был чужд кабинетности. он никогда не замыкался в узкие пределы своего круга обязанностей. Понимая эту обязанность раньше всего как обязанность коммуниста, он всю свою работу подчинял интересам партии и рабочего класса. Поэтому он сам и издательство, которое он возглавлял, были связаны с пролетарскими литературными организациями и со всей пролетарской общественностью.

На работе тов. Вигалок горел. Он не щадил своего здоровья. Ему некогда было подумать о себе. Он работал сверх своих сил, не чувствуя в то же время усталости и заражал своей энергией товарищей по работе. Он заболел и в семь дней буквально сгорел.

Смерть пресекла молодую, полную сил жизнь революционера, жизнь, которая могла бы еще так много дать для партии, для профдвижения, для социалистического строительства.

ВЦСПС.
СЕКРЕТАРИАТ РАПП.
ПРОФИЗДАТ
РАБОЧИЙ РЕДСОВЕТ
СЕКРЕТАРИАТ МАПП
СЕКРЕТАРИАТ ФОСП

ОТ ДЕКЛАРАЦИИ К ТВОРЧЕСКОЙ РАБОТЕ

Чем живет писатель, как он творчески работает, насколько он связан с общественностью — этим руководство ВССП до последнего времени интересовалось мало. Многочисленные заседания правления ВССП (в Москве) были перегружены хозяйственными вопросами. В Союзе писателей отсутствовала подлинно творческая среда. По существу ВССП является не Всероссийским объединением советских писателей, а в основном — московской организацией. Отделения ВССП в Восточной и Западной Сибири работают без руководства. Не было сделано попытки к установлению обмена опытом в работе отделений ВССП Москвы и Ленинграда. Отсутствие информации и тесной связи между отделениями союза писателей и издательствами привело к тому, что руководить Козырева и Кремлева-Свэна «Город энтузиастов», забракованная издательствами в Ленинграде, была издана Московским товариществом писателей.

До сего времени еще не установлена связь советских писателей с рабочей общественностью и заводами. Правление ВССП приняло постановление о созыве (до 1 ноября) совместно совещания ВССП и МАПП по вопросу о работе с ударниками, но это решение еще не выполнено.

Творческая дискуссия — сдвиг в работе ВССП. Но и здесь правление ВССП не сделало всего, что можно было сделать. Оно отнеслось к дискуссии, как обективный наблюдатель. Итоги дискуссии до сих пор не проработаны.

ВССП должен начаться разрешением трех основных задач: созданием «Истории заводов», «Истории гражданской войны» и художественным показом героев пятилетки. Правление союза должно четко определить свое отношение к процессам размежевания в рядах писателей и уже сейчас сделать выводы из первого круга творческой дискуссии.

Все эти вопросы перестройки Союза писателей были обсуждены на секретариате ФОСП, который заслушал доклад о работе ВССП. Секретариат ФОСП принял практические решения, направленные к оживлению и перестройке работы ВССП.

А. КР—ОВ

ПОКАЖЕМ МЕЖДУНАРОДНОМУ ПРОЛЕТАРИАТУ ГЕРОЕВ МАГНИТОГОРСКОЙ СТРОЙКИ

ГОД РАБОТЫ ЛИТГРУППЫ „БУКСИР"

Литгруппа «Буксир» организовалась 5 сентября 1930 года при редакции газеты «Магнитогорский рабочий». Пять нахлынувших писателей с производства из 26 человек служащих и учащихся — таков первый социальный состав «Буксира».

Вначале литературная учеба занимала центральное место в работе группы. Выполнялись «промфинпланы» творческих вечеров и выступлений в бараках, красных уголках, в цехах и по радио. Связь с газетой закреплялась регулярным выпуском литературной страницы, участием актива группы в оперативной работе редакции. Трудности при этом заключались в слабости руководства и помощи со стороны партийных, комсомольских и профессиональных организаций, в отсутствии средств, литературы и кадров марксистски подготовленных организаторов и руководителей пролетлитературным движением на Магнитострое. Впервые доклад о работе литгруппы «Буксир» был заслушан профсоюзной организацией в феврале текущего года. Благодаря настойчивости «на процветание пролетарской литературы» было отпущено 700 рублей!

К этому времени литгруппой уже была развернута работа по реализации постановления РАПП и ВЦСПС о привлечении рабочих-ударников в пролетарскую литературу. Социальный состав литгруппы резко изменился, обогатившись за счет нескольких десятков новых рабочих писателей, ударников с решающих участков великой стройки. К весне литгруппа «Буксир» насчитывала в своих рядах до 75 человек. В период весны и лета учебно-воспитательная работа с призывниками почти не велось. Ослабла связь группы с практикой социалистической стройки. Широкая литературно-массовая работа не была проникнута большевистскими темпами. Вскоре «утечка» вывела из организации часть действительно рабочих-ударников, не удовлетворенных постановкой учебы, и часть случайного элемента.

В литгруппе имели место классово-чуждые настроения и влияния, которым был дан жесточайший отпор (рассказ Афанасьева «Любовь Зиночки»). Исключение из группы разложившихся элементов (Шутиков, Рудин, Пелевский) оздоровило организацию и сплотило для дальнейшей работы.

На сегодня литгруппа «Буксир» насчитывает в своих рядах только 45 человек. Из них более 20 человек по месту работы состоят членами литбригады «Стальмоста» и Коксохимкомбината.

За год своего существования литгруппа выдвинула на творческие ноги целый ряд молодых пролетарских писателей и поэтов (**Сержантов, Ворошилов, Хорунжий, Лагарин, Ручьев, Хабаров и др.**). Стихи, рассказы и очерки этих товарищей печатаются в магнитогорском журнале «Буксир» и уральском — «Штурм», а также в газетах «Магнитогорский рабочий», «Магнитогорский комсомолец», «На смену» и другие.

В издании библиотечки «Смена» вышел сборник произведений членов группы «Весна Магнитостроя».

Некоторые из «буксировцев» пишут сейчас книги очерков и рассказов о лучших ударниках магнитогорской стройки, представленных к орденам Ленина и Трудового красного знамени. Правда, произведения их находятся еще на очень низком идейном и художественном уровне, диалектический метод в их творчестве едва начинает применяться, но тридцати с огромной жаждой берутся сейчас за учебу, за овладение марксистско-ленинским мировоззрением.

К боевой реализации лозунга партии и РАПП «**Страна должна знать своих героев**» магнитогорские писатели еще не поднялись вплотную. Трудная задача художественного показа героев пятилетки, ударников героев пуска магнитогорских домен может и должна быть большевистским штурмом разрешена!

В ближайшие дни литгруппа «Буксир» выпускает большой **сборник, посвященный художественному показу героев Магнитостроя.** Очередные номера журнала «Буксир» служат той же цели.

Наряду с показом героев литгруппа развертывает работу по созданию **«Истории заводов» и «Истории гражданской войны».**

Следует отметить, что за исключением «Магнитогорского комсомольца», многотиражки, и «Магнитогорского рабочего» работу пролетарского писателя по художественному отображению социалистического строительства в настоящее время не окружают вниманием, литбригады и литгруппы в целом не привлекают к борьбе за большевистские темпы стройки.

В. МАКАРОВ
Магнитогорск.

КУЗНЕЦКСТРОЙ УДАРНЫЙ ПУНКТ РАППОВСКОЙ РАБОТЫ

РЕЗОЛЮЦИЯ СЕКРЕТАРИАТА РАПП

1. Значение и работа КузАПП, как организации, работающей на новостройке, имеющей ведущее значение в индустриализации страны, огромно. Секретариат РАПП отмечает в то же время, что помощь и внимание, уделяемое секретариатом работе КузАПП, явно недостаточны.

2. Новое руководство КузАПП основное внимание в своей работе должно в первую очередь обратить на ликвидацию недочетов и ошибок, сделанных прежним руководством, для которого характерна была правооппортунистическая практика и извращенное организационно-политическое и творческое жало РАПП (замкнутость ассоциации, боязнь широкого включения в ряды АПП рабочих-ударников, обезличивание материала рабочих-ударников в напостовском сборнике, игнорирование работы в цеховых рабочих литкружках и т. д.).

Руководство КузАПП должно шире развернуть только что начатую работу по призыву рабочих-ударников в литературу, создать литкружки во всех основных цехах и начать систематическую учебу литкружковцев, увязывая текущую работу кружков с общественно-политическими и хозяйственными кампаниями, проводимыми партийно-комсомольскими и профсоюзными организациями Кузнецстроя.

3. Кузнецстроевская АПП должна стать опорной и передовой организацией пролетарских писателей в Западно-Сибирском крае. Громадный коллектив строителей одного из крупнейших заводов, беспримерный героизм и энтузиазм отдельных рабочих-ударников и целых ударных бригад, громадная тяга рабочих к культуре и т. д. дадут и дают возможность для успешного развертывания данной работы и укрепления АПП.

Секретариат ЗапсибАПП, зная о положении в КузАПП, не оказал молодой организации достаточной помощи, и поэтому членов

ОБЫВАТЕЛЬСКАЯ БОЛТОВНЯ

О КНИГЕ Ф. ТУРЧИНОВИЧ „ИНАЯ ЖИЗНЬ"

Начать можно издалека.

Не постигнешь тайны одному из отрядов пролетариата в СССР.

Много ли у нас произведений, показывающих, как боролись и борются текстильщики за революцию, как формировались и формируются кадры текстильного пролетариата, как в горниле классовой борьбы эти кадры выделяли из своей среды подлинных людей революции (скромным хотя бы М. Фрунзе)?

К сожалению, таких произведений немного, к сожалению и в тех произведениях, которые разрабатывают эту тему, мы не видим удовлетворительного известия, мировоззренческой высоты, глубины.

Правда, мы имеем такое блестящее произведение из эпохи гражданской войны, в котором сказана железная поступь батальонов ивановского пролетариата, как «Чапаев» — Дм. Фурманова, но основная линия этого произведения посвящена показу иных событий. Что же касается остальной художественной литературы, надо совершенно решительно признать, что произведений, стоящих на уровне фурмановских дневников-очерков, мы не имеем.

Перед тем, что будет писать и редактировать историю наших фабрик и заводов, кто практически в художественном произведении отвечает на требование — «страна должна знать своих героев», перед теми — немытый край работы.

**

Полной загадкой представляется издание «Федерацией» книги Ф. Турчинович «Иная жизнь», посвященной как раз той теме, о которой мы говорили в нашем вступлении.

«Иная жизнь», представляющая собой по форме обыватальный дневник работницы-активистки текстильной фабрики, посвящена весьма значительному и интересному периоду в развитии текстильной промышленности, периоду перехода от восстановительного к реконструктивному.

Текстильная промышленность, изобилующая предприятиями и отпорудованием как промышленность, в которой почти неизжиты радиолизация, реконструкция, за последние годы (1926—1931 гг.) дала образцы большевистской энергии в перестройке и передала всего того старого, консервативного начала, что досталось ей в наследство от старых «хозяев».

Решительное улучшение рабочего дня, сопровождавшееся радиолизаторскими нововведениями, облегчившими труд текстильщика, предыдущий период с 2-х станков на 6, с одновременным разделением профессии ткача на несколько специальностей, введение автоматов, разделение труда завершены и т. д., и т. п.—все это обусловило собой изменение трудового профиля текстильщика, изменение его культурного лица.

Эти процессы протекали и протекают в обстановке обостренной классовой борьбы. Формы ее выражения весьма разнообразны, начиная от работы вредителей на «промпартию» и кончая поломкой станков, выпуском брака, порчей машин, кулацкой агентурой.

К сожалению, Ф. Турчинович, автор книги «Иная жизнь», автор маленькой, почти по линии механического сопротивления отдельных, часто весьма противоречивых фактов, но линии весьма культурного понимания основных творческих лозунгов пролетарской литературы.

Результаты такого отношения к материалу, результаты столь легкомысленного отношения к перу не замедлили сказаться.

Перед нами неуклюжая, политически-бестолковая, художественно-беспомощная речь, в отдельных своих частях грешащая на грани политического искажения нашей действительности. И только тем удивляешься тем легкомысленным редакторам, которые выпустили эту книжку, давали ей «путевку в жизнь».

**

Что обратимся к фактам, обратимся к написанному.

Повествование ведется в форме дневниковой записи от первого лица выступает ткачиха — партийка Бойцова. На на первом плане оказывается не Бойцова, а не подруга Марийка Ченцова, молодая девушка, весьма активная, отзывчивая, энтузиастка работы, посредница. Центральная литературная

«Ты думаешь, разговоры об уклонах — чистое дело? Не будь на них. В огромной партии были и будут несознательные. Иначе не может быть, и не в этом дело. Уклоны потому появляются, что они необходимы, — понимаешь, необходимы — для руководящей головки. Когда случаются промахи, которые бьют по массам, вожди выдумывают уклоны. Займутся, дескать, разбиратель ством уклонов и забудут об ошибках. Трудно с выполнением промфинплана, нелегко с коллективизацией, — готово, слепли правый уклон. И покатились по ячейкам, по рейкомам, обкомам, конференциям, разговоры, разговорчики, разбирательства... Пожара потушат руки, дело сделано»...

На есть же слова Марийки (о напружинивании хвостов) в какой-то степени аберрацией маленьких рассуждений о необходимости «выдумывать» уклоны, чтобы «накручивать» партию, работой класс. Несомненно так. Несомненно то, что у Марийки выразилось бессознательно, у прохвоста Малинина высказано цинично.

Эта чудовищная тирада Малинина по недопустимой вредности автора не находит почти никакого отпора. Малинин никак не разоблачен. Ведь не эта же «глубокомысленная» фраза: «Житейская мудрость приспособленчества — когда тебе придет конец!»—разоблачает Малинина.

Слова Малинина бьют по автору, бьют без промаха.

Но не только по автору, но и по тому простодушному редактору, который не заметил авторской ошибки.

Мало того, эта тирада политически дискредитирует и партийку Бойцову, от чьего имени ведется повествование.

На слова Малинина Бойцова только и выходит, что сказать: «Много ты, Малинин, думаешь. Уходи, не мешай».

На чудовищную клевету Малинина у партийца нет других слов, кроме — «не мешай»!?

И в дальнейшем (Малинин еще несколько раз появляется в книге) мы не видим полного разоблачения этого прохвоста.

Но не в этом еще основной порок книги.

Основные персонажи: директор фабрики, секретарь парторга, предфабкома показаны пусто, бесцветно. Они у автора—и «хорошие партийцы», и махровые оппортунисты, бабники, примиренцы, головотяпы.

Как вначале показывается директор фабрики Попов, предфабкома Замков? Попов — примерным хозяйственником, партийцем, Замков — хорошим общественником. Показывается это через отношение Попова к ремонту станков, Замкова — к общественной советской работе (вспомним хотя бы отношение к чему старой производственницы Дерюгиной).

Дальше авторская точка зрения на Попова и Замкова передается через отношение к ним Марийки Ченцовой. И выходит, что они... прохвосты! Мало того, Попов просто чужой партии человек, спутавшийся с женой белогвардейца, занимающийся хумовством, пользующий свое служебное положение.

Но в конце книги опять показывается, что Попов «просто устал». Попов, который оппортунистически сопротивлялся переходу на четыре станка, «по-человечески устал».

Мы не видим у автора политической четкости.

Посмотрим, как выглядит руководство партийной организации фабрики.

Секретарь парторга Грязнов как будто твердый партиец, верно осуществляющий линию партии, по крайней мере, так сказано у автора. Но посмотрим его дела.

Попов вводит индивидуальный учет выработки ткача, на фабрике начинается буза. Ячейка и ее секретарь отмалчиваются в хвост, в неделении.

Попов отдает приказ о пересмотре расценок. Ячейка и ее секретарь опять в неведении. Предфабкома Замков обделывает свои грязные делишки, а Грязнов как телепок довертав к нему и ничего не замечает и т. д. и т. п.

Дальше ячейка совершенно пассивно относится к тому, что администрация и фабком для дискредитации правила избирают путь наименьшего сопротивления, — фактически заставляя рабочих работать сверхурочно на две смены.

В книге не раз встречаются указания о перестройке работы на фабрике. А только так и не удается узнать, была ли эта перестройка и сколько раз.

А как проводятся соцсоревнования? Подмастерья Лызлова, старого производственника, отличного рабочего буквально «тянут» в ударники. Если бы у нас ударничество насаждалось путем психологического нажима, вряд ли из этого что-нибудь получилось. Разве дела соцсоревнования в том, что Лызлова «мастовики» подпишет договор на соцсоревнование.

Сила, т. Турчинович, в другом, и вы это обязаны знать! И путать здесь непростительно!

Эта книга, претендующая на показанной действительности, должна давать правильную политическую перспективу. А дает ли она ее? Нет. Взрослое в борьбе с прорывом оппортунизмом смазан, пошлое в борьбе с классовым врагом смазан. Лицо партийной организации извращено, классовый враг не разоблачен.

Вот, например, на фабрике начинается летучее предательство. Автор говорит об этом в главах X. XI. А раскрывает ли он лицо предателей? Нет. Мы не видим разоблаченных врагов. Мы видим только темную невежественную массу ткачей. А тех, кто толкает их на предательство, мы не видим, они не находятся в поле зрения автора. Даже старая ткачиха Перевалка как-то устраивает от автора.

В книге достаточно и стилистической и композиционной неряшливости. Что стоит, например, история с биллиардом.

Есть и просто ляпусы, например, с рабочей силой: то рабочих разгружают с фабрики, то «на бирже нет свободной рабсилы» для фабрики?

Полное недоумение вызывает и название книги «Иная жизнь». Что этим хотел подчеркнуть автор?

Книга заканчивается так: «По вечерам гудят станками фабрика, шумят рабочие собрания, плещутся в клубе ворики и сих молодежи и творится вокруг, неслыханное дело. Растет иная жизнь. Но, к сожалению, этих «неслыханных дел» и какие не происходили. Нет, к сожалению, они подменены оргзаседаниями, вялыми подруг, их эмутными переживаниями.

В. ЗАЛЕССКИЙ

P. S. Поначе, грубейшие ошибки автора «Иная жизнь», о которых мы писали выше, не дают основания квалифицировать произведение Ф. Турчинович как произведение, написанное «чуром врага, злобствующего обывателя, как это ошибочно написано в «Литгазете» от 2 ноября. Но тем не менее произведение Ф. Турчинович ошибочное, вредное произведение.

В. З.

ЛИТЕРАТУРНОЕ СЕГОДНЯ

* После перерегистрации в ВССП состоит свыше 500 человек. Правление ВССП приняло постановление, согласно которого каждый член союза писателей должен вести какую-либо общественную нагрузку. В отношении писателей, игнорирующих это постановление, правление ВССП будет ставить вопрос об исключении из союза.

* МосЛОКАФ предложил к зимней учебе 4 литературных литкружков. В частности МЮ будет организовано свыше 40 литкружков. Для руководства литкружками МосЛОКАФ выделяет до 50 писателей-локафовцев. Кружководы пройдут в конце специальный краткосрочный семинар.

* В связи с предстоящим критическим совещанием РАПП, 14—20 ноября МАПП проводит специальные собрания районных активов, посвященные совещанию.

* При издательстве «Молодая гвардия» организован кабинет рабочего автора. При кабинете будут работать семинары по вопросам теории методологии и техники литературы. В семинарах будут привлекаться и консультироваться в печати рукописи авторов слушателей семинаров. Намечена также организация несколько семинаров специально для авторов детской книги, для авторов популярной научной брошюры и популярной научной книги.

* МосЛОКАФ организовал центральную литгруппу «Красное знамя», объединяющую до 20 писателей-локафовцев. В задачу литгруппы входит разработка учения Маркса и Ленина о войне и армии, вопросов пролетарского движения, обсуждение творчества писателей ЛОКАФ. До 1 января 1932 г. будут организованы пять выездов творческих бригад в части РККА и на предприятия. Центральная литгруппа «Красное знамя» выехала на творческое соревнование с центральной литгруппой Ленинграда ЛОКАФ «Красная звезда».

* Сегодняшний №201 заканчивает доклад Л. Леттерена о задачах ЛОКАФ. — Тема, связанная с военной опасностью, — сказал докладчик, — тема, разоблачение капиталистическую подготовку Англии к войне, еще не затронула писателями ЛОКАФ. Выступление и прения указывают, что МОКАФ предполагает организовать литературные бригады, которые должны изучать жизнь Красной армии и написать ряд очерков об РККА для помещения в центральной печати. Секретариат МОКАФ предложил своему издательскому отделу составить два сборника: «Интернациональные революционные писатели о Красной армии» и «Пролетарские писатели об армиях капиталистических стран».

* Центральный совет ЛОКАФ утвердил планы поездки писателей на работу в авиочасти. В ближайшие дни в различные районы СССР выезжают С. Третьяковский, К. Большаков, Е. Ланна, Виноградов, А. Бобунов, Гайдар, Мария Гонта. К авиочастям в Москве прикрепляются для работы по совместительству И. Ильф, Евг. Петров, Б. Левин и Татьяна Тэсс.

* В группе «Кузница» РАПП закончена проработка творческих установок. Декларация о творческой платформе будет на-днях подробно изложена в печати.

* В группе «Кузница» РАПП начался цикл докладов о творческом членов группы. Доклады имеют целью выявить недостатки и достоинства писателя с точки зрения установок «Кузницы». Вместе с тем доклады эти являются практическими памятниками для выступающих писателей, принимающих участие в обсуждении.

ПРИВЕТСТВИЯ АКТИВА МАПП

СЕКРЕТАРИАТАМ ВОАПП И РАПП

Творческий актив Московской ассоциации пролетарских писателей шлет боевой привет секретариатам ВОАПП и РАПП.

Сентябрьский пленум РАПП, прошедший под знаком развертывания творческой дискуссии, под знаком развертывания большевистской самокритики — исторический пленум рапповского движения. На нем с небывалой силой были поставлены все принципиальные вопросы нашего движения, и принятые решения недвусмысленно устанавливают единство литературно-политической творческой и теоретической линий РАПП.

Пленум поставил перед движением ряд новых и сложных задач. Развертывание учебно-творческой работы с ударниками, форсирование творческой дискуссии, показ героев, создание «Истории заводов», еще большее усиление борьбы с враждебными, буржуазными проявлениями в литературе, боевая партийность в работе, борьба за большевистское искусство — содержание этих задач. Выполнение их возможно при условии последовательного развертывания творческой дискуссии и самокритики в РАПП, борьбы с воронщиной, при условии разоблачения рецидивов литфронтовщины (Медведев, Авалов и др.), при условии жесткой борьбы с ячеством, мелкобуржуазным индивидуализмом, вождизмом, опасно влияющими на ход творческой дискуссии.

Творческий актив заверяет секретариаты ВОАПП и РАПП, что под их руководством, обеспечивающим проведение партийной линии в литературе, наша организация будет по-большевистски драться за выполнение задач, возложенных на нас партией и рабочим классом.

ЦЕНТРАЛЬНОМУ КОМИТЕТУ ЛЕНИНСКОГО КОМСОМОЛА

Творческий актив МАПП шлет горячий привет Центральному комитету ленинского комсомола. Под руководством ВКП(б) РАПП борется за художественную литературу, стоящую на уровне идей Маркса-Ленина-Сталина, за литературу — могучее оружие рабочего класса в борьбе за социализм. В этой борьбе большое место принадлежит освоению комсомольской тематики. До сего времени внимание этим вопросам со стороны писателей, об'единяемых РАПП, было недостаточно.

МАПП уже сделала первые шаги. Его воссоздано творческое об'единение комсомольских писателей МАПП «Молодая гвардия». Творческий рост писателей первого призыва и призванных ударников идет по линии преодоления отставания пролетлитературы от темпов реконструктивного периода.

Актив МАПП, приветствуя усиление внимания комсомола к вопросам литературы, заверяет ЦК ВЛКСМ в своей готовности драться за большое большевистское искусство. На основе развертывания творческой дискуссии и самокритики в РАПП, направляя главный огонь борьбы напрево против воронщиков всех мастей и оттенков; борясь с проявлениями буржуазных и мелкобуржуазных влияний в литературе; разоблачая левацких вульгаризаторов, литфронтовцев, — МАПП будет проводить в жизнь решения последнего пленума РАПП, четко определившего задачи нашей организации.

В ПОРЯДКЕ ОБСУЖДЕНИЯ

ВЫ РАЗОБЛАЧИЛИ СЕБЯ, т. ИЛЬЕНКОВ

Вы, т. Ильенков, можете гордиться своей победой. Вы мужественно и бесстрашно сорвали «все и всякие маски» с Малинина. С какой беспощадной иронией обрушились вы на него, цитируя цитатами и перефразируя их, в статье «Слово к порядку» («Литгазета» № 58). Как выпад нифе нашего негодования! Еще бы! «Малинин в течение года одному и тому же произведению «Брусков» умудрился дать две диаметрально-противоположных исключающих друг другу оценки». Надо негодовать! Надо жестоко бить таких критиков!

Но бить надо, как говорится, в точку. Продуманно. Безошибочно. Честно. К этому и прежде всего призываю вас, т. Ильенков.

Действительно ли я дал сейчас оценку «Брускам» диаметрально-противоположную той, которую дал год назад? Это, конечно же, чушь. Противоречат ли я что год назад в статье «Творческий метод Панферова» я говорил об «успешных попытках Панферова применить в специфической области литературного творчества метод диалектического материализма» тому, что в его романе тем не менее «сильны в ряде моментов (только в ряде моментов,—т. Ильенков!) тенденции (сенденции,—т. Ильенков!) и отобразительству». Разве я говорю в последней своей статье, что Панферов «отобразитель, эмпирик, лефовец»? Надо же, т. Ильенков, понимать, что такое элементы эмпиризма, что такое «струи эмпиризма» в творчестве того или иного писателя.

Всякий легко убедится, что в новой статье «Фадеев и Панферов» я, говоря о «Брусках», опираюсь замечаниями, взятыми, как цитаты, из моей же первой статье о Панферове (первым является само слово «шаг» в переходе артели в коммуну). Но год назад в статье о Панферове был ряд безоговорочных формулировок, отнесть на вытекающих из конкретно критического разбора «Брусков», имевшегося в той же статье. Отдельные описные формулировки были явно ошибочны, так как они противоречили моим же указаниям на недостатки романа.

Например, я давал читателю повод думать, будто бы я считаю Панферова «последовательным материалистом-диалектиком» в художественном творчестве. Но в той же статье—и это каждый может проверить, — год назад я говорил о механистических ошибках Панферова (показ крестьянской массы: показ Шапки, Ждаркина и пр.). Можно ли было в таком случае безоговорочно утверждать, что Панферов «последовательный материалист-диалектик», можно ли было безоговорочно утверждать, что он полностью «избежал дефектов механистических ошибок»? Нет, нельзя было.

Или, например, была такая формулировка, особенно нравившаяся т. Ильенкову: «Брусков»... показывает пример местам живым писателям того, что значит быть большевиком в литературе». Это очень высокая оценка. Давая ее, мне надо было говорить более точно. Мне надо было учесть то, что сам же я писал в этом же абзаце о художественном качестве «Брусков»: «на данной ступени развития пролетлитературы мы вправе были бы требовать большего». Нельзя было разрывать идею автора от уровня их образного выражения. Мне надо было учесть, что показывать действительно безоговорочный пример-то, что значит быть большевиком в литературе, можно лишь, борясь за идеи партии и произведения высокого художественного качества. Мне надо было тогда же перечеркнуть опасность комчванства, сказать свои указания на узлы художественного качества «Брусков» с общей оценкой романа».

Вы спрашиваете, т. Ильенков: что же изменилось за год после написания моей первой статьи о «Брусках»? А по нашему, так-таки ничего не изменилось? Разве, например, за этот год не повысились во много раз требования партии и рабочего класса к нашей литературе? Разве не встала за этот год во всей остроте проблема художественного качества наших произведений?

В последней своей статье «Фадеев и Панферов» я ставлю вопрос о тенденциях эмпиризма в творческом методе Панферова. Но и в первой статье, из употребления этой терминологии, я говорил о том же. Вы, т. Ильенков, в «Слове к порядку» пытаетесь ввести читателя в заблуждение, утверждая, будто в первой статье я не говорил об ошибках Панферова в показе взаимоотношений города и деревни. Я говорил тогда, что «первая книга «Брусков», как известно, характерна показом несколько изолированной от города жизни села и колхоза». Об этом же я говорю во второй статье, квалифицируя этот факт, как отклонение от нашего метода: «надо сказать, что элементы эмпиризма наиболее ощутимы в первой книге «Брусков» (вспомним показ деревни в почти полной изолированности от города)». Не надо клеветать, т. Ильенков!

Я говорил в статье «Творческий метод Панферова», что вторая книга «Брусков» — это «первое в нашей литературе произведение реконструктивного периода, в котором ставится проблема: город-колхоз», но тут же подчеркивал, что «город больше дается с «собезонской» точки зрения (подарки завода) и меньше — как организующая сила». А разве это не связано с тенденциями эмпиризма? Подумайте-ка, получше, т. Ильенков! Разве сумел Панферов развернуто показать новые формы смычки рабочего класса с крестьянством?

Вы пытаетесь, т. Ильенков, опровергнуть мое утверждение в последней статье о том, что «Бруски» не являются таким произведением, которое помогает «пути перехода из артели в коммуну, которое показывает, как сейчас в артель хлынет перестраивание ее в коммуну». Но годилось бы опровергнуть. Вам приходится подменить вопрос о перерастании артели в коммуну вопросом об организации труда внутри коммуны (на основах сдельщины). Почему нельзя связывать эти вопросы в одну кучу? Потому, что мы сейчас в артелях проходим сдельщину, но это не значит, что сейчас можно все артели перевести на устав коммуны. А по-вашему можно вероятно по-левацки прерывать артели в коммуны, установить сдельщину и все будет идти, как по-писанному.

Как объясняет Панферов рывок коммуны, когда заболел Огиев? У него коммуна развалилась не потому, что [illegible] Огиев по-сталински перепрыгнул эти артели и «обобществил рухлядь», — вы хочет сесем не на этой ошибке, — а только потому, что Огиев не сумел организовать труд в коммуне на основах сдельщины, строил хозяйство «на словах, на уговоре». При его «едоцкой системе» могла бы развалиться и артель, на переходя на устав коммуны. Сам по себе левацкий переход к коммуне на вызывает у Панферова возражений — вот ведь в чем дело, т. Ильенков. Этого вы не хотите заметить.

Если бы Панферов был убежден в том, что сам факт перехода артели за уставе коммуны был прежде всего, был проявлением левацкого загиба Огиева, он показал бы то, что делать в действительности нашим парням в таких случаях: роспуск коммуны, переход на устав артели, подготовка к переходу на высшую ступень на основе организационно-хозяйственного укрепления колхоза на его артельной стадии. В том-то и беда Панферова, что проблему перерастания артели в коммуну он всегда обощал в «Брусках»; для него она (эта проблема) не существует, он замечает только, что Огиев неправильно организовал труд, но «не заметил», что он позволяет перерыхнуть этап артели. Вот почему на вопрос: «помогает ли нам случай с «Брусками» изменить разрешение проблемы перерастания артели в коммуну?» — я отвечаю, еще раз: нет, не помогает.

В заключение мне хочется горячо поблагодарить вас, т. Ильенков. Не за то, что вы указали ошибки моей первой статьи о «Брусках». Я их хорошо и сам вижу. И не за то, что вы взяли ряд моих утверждений. За это вас надо особо «благодарить». Поблагодарить я вас вскрыв хочу за то, что наконец-то вы, как представитель творческой группы Панферова, ознакомили нас с некоторыми вашими установками, относительно которых мы были в скромном неведении.

На первый взгляд ваша статья «Слово к порядку» показывает ваше желание высказаться по существу дискуссии. Но это только на первый взгляд. Каждый, кто внимательно прочтет «Слово к порядку», обнаружит, что вы коренным образом не согласны с поправками моей статьи «Фадеев и Панферов», что тем самым вы, наконец-то, активно выступили в дискуссии.

Ведь каждому бросается в глаза, что вам явно «не душе» ошибочные формулировки моей первой статьи о Панферове. Глубокая скорбь звучит в ваших словах, обращенных ко мне: «вчера вы считали «Бруски» примером для пролетарских писателей и особенно для молодежи (и до многом тогда были правы), а теперь развенчиваете».

Значит, я тогда был, по-вашему, прав, и мои ошибочные положения о том, что Панферов—«последовательный материалист-диалектик», что он «избежал дефектов механистических ошибок», что он «показывает пример того, что значит быть большевиком в литературе», — являются вашей сегодняшней позицией, т. Ильенков?

Значит вы не хотите признавать элементы эмпиризма и механистичности в творческом методе Панферова, не хотите признавать того, что от «Брусков» по части художественного качества «на данной ступени развития пролетлитературы мы вправе были бы требовать большего»?

Значит вы не согласны с тем, что эти недостатки снижают действенность и ведущее значение «Брусков»?

Значит вы не согласны с тем, что «путь Панферова в дальнейшем должен заключаться не в возведении в добродетель недостатков своего метода, а в упорном преодолении остатков кустарской ограниченности, в осознавании того, что «внутренний враг» его именно здесь, в элементах эмпиризма, мешающих подлинному широкому художественному обобщению, глубокому осмысливанию действительности»?

Нет, вы с этим, как я вижу, не согласны. Так и только так надо понимать ваше «Слово к порядку». Но какое поверное в таком случае ваше слово. Какое неприятное комчванство звучит в вашей обульной защите творчества соратника по творческой группе. Поверьте вы пытаетесь казаться и сам «классик пролетлитературы». Ведь хоть какой-нибудь намек на самокритику отсутствует в вашем «слове». Или ваши творческие группировки создаются для ограждения «вождей» групп от критики?

Жду, с нетерпением, жду обещанного вами «слова по существу», где вы может быть более членораздельно скажете о своем отношении к дискуссии. Правда, вы уже и сейчас сказали много существенного. Вы пытаетесь разоблачить Малинина, но по оплошности разоблачили собственное комчванство. Спасибо и за это.

Д. МАЗНИН

ВСЕМ АПП

Издательство писателей в Ленинграде печатает в ВКПЗ. 5. Год вступления и ассоциации пролетарских писателей. 6. Участие в гражданской войне. 7. Рабочий стаж. 8. Связь с производством.

предприняло издание книги под названием:

«ПРОЛЕТАРСКИЕ ПИСАТЕЛИ»

Книга эта должна охватить всех выявившихся пролетписателей и должна содержать их биографию и библиографию.

Книга будет представлять собой ценное справочное пособие по истории пролетлитературы и предназначается для широкого кругозора читателя и для книжного работника.

Издательству нужны следующие материалы:

I. Автобиография размером не более ½ листа.

Автобиографии безусловно должна содержать следующие моменты: 1. Время и место рождения. 2. Социальное происхождение. 3. Образование. 4. Партийность, год вступления и ассоциации пролетписателей. 6. Участие в гражданской войне. 7. Рабочий стаж. 8. Связь с производством.

II. Библиографии: самом выпедшем виде (указать год издания, название издательства, город, количество страниц, цена), тираж каждого названия.

III. Указать где и когда были помещены статьи и рецензии о книгах (название журнала, газеты, номер, год).

IV. Фотографическая карточка (по использовании будет возвращена).

Книгу предположено выпустить в кратчайший срок, поэтому просьба к товарищам присылать материалы по возможности немедленно.

Материалы присылать заказным письмом с указанием на конверте: для книги «Пролетарские писатели» по адресу: Ленинград, проспект 25 Октября, 15, кв. 4 писателей.

ВОПРОСЫ ПРОЛЕТКОЛХОЗНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

КУДА ВЕДУТ ПЕРЕВЕРЗЕВ И ГОРБАЧЕВ?

Вновь началась борьба против буржуазных и мелкобуржуазных теорий в теории, разработка проблем пролетколхозной литературы на основе живых классовых схваток, новой обстановки и, прежде всего борьбы **за ленинское учение** о пролетколхозной литературе — вот задачи, которые ставятся весь рост перед марксистской критикой.

Этот вопрос должен привязать нашего внимание еще и потому, что процесс борьбы вокруг перестройки пролетколхозной (советской) литературы тормозился и тормозится всевозможными меньшевистскими, механистическими, а отчасти и откровенно кулацкими «теориями» и «теоретиками», выступающими в процессе основным своим установкам сформулировать свое «отношение» к пролетколхозной литературе.

Вот, Надоненский, провозглашавший в «теории» откровенно кулацкую теорию «единого потока крестьянской литературы в ее коммунистическом синтезе» вокруг всех классовых групп села (в том числе и кулака) — характерен тем показать классово-враждебный смысл их теоретического фронта в период нашего перехода от восстановительного периода к реконструктивному.

Иные времена — иные песни. Сейчас обострилась классовая борьба на идеологическом фронте, усилились бешеные вылазки «меньшевиствующих» идеалистов, «умеренных» и кулацких теорий (Бескинский, Гольцев, Полуянский и др.) устлали дорогу всяким формам классового сопротивления марксистско-ленинскому учению об искусстве, о классах переходного периода и т. п. Основная черта этих новых теорий — лакировка под марксизм, ультра-«левизна», уже реакционным.

Однако это — внешность, верхняя оболочка: классовая сущность этих теорий остается сущностью троцкизма и объективно отражает классовое сопротивление кулачества и буржуазии нашему победоносному социалистическому наступлению.

Что стоит в этих отношениях до настоящего времени окончательно неразоблаченный критик пролетколхозной литературы А. Резников? Стоя на мелкобуржуазно-идеалистических позициях, «нейтрального» (сверхклассового) образца, относя пролетколхозную литературу к кругу классово ограниченных литератур, дав образцы поверхностного соединения лефовско-формалистических положений с откровенным переверзевством, — Резников допомогал до недель, которые в сегодняшней обстановке нужно весьма отчетливо отделить от агентурной роли антипролетарского кулачества.

А. Резников делает прекрасную услугу врагам социализма, когда, разбирая роман Н. Мальцева «Стальные ребра» (сплошной кулацкой литературы), представляет собой путь коллективизирующейся деревни, как путь мучительной рефлексии, тяжелой внутренней раздвоенности, путь кровавых мук.

В фашине Гурьева («Стальные ребра»), подвергшемся давлению собственнических инстинктов и сделавшегося их жертвой.—А. Резников видит не частный случай, указывающий на реальность классовой борьбы в деревне, а «внутренний облик», мировоззрение, социальное бытие центрального образа крестьянской литературы.

«Осторожный и упрямый строитель колхоза, стальных ребер скажет он,—говорит далее Резников, — не может итти в ражиру со всем, не способен разрушить свою личность коллективу, он чувствует свое единство с тем, что коллектив — реальное личество; он переживает и мучительно переживает, и в жестоком, в страшном разрыве, раздвоенности своих чувств и неустойчивости, измученный и больной — он уходит от жизни».

Вот она, ухватка ключ Филиппа Гурьева, колхозника, по Резникову, в сем все крестьянство, становящееся на путь коллективизации.

Разве это не откровенно кулацкий подход к одной из основных проблем социалистического строительства?

Разве это имеет что-нибудь общее с речью т. Сталина на XVI партсъезде, данного глубочайшую ленинскую характеристику о годе великого перелома и массовом движении крестьянства в колхозы?

Резников в данном случае, вслед за Переверзевым, обходя борьбу классов, вопросы активной роли классового сознания, вопросы ведущей роли пролетариата в переходный период, пытается доказать, что данная форма жизни — «вне непосредственной борьбы за жизнь, воспроизводит свойственную ей систему поведения, свойственный ей характер» (Переверзев, «Литература и марксизм», 1929 г., № 2).

Перед нами предельная меньшевистская попытка построить антиленинскую концепцию пролетколхозной литературы.

В этой теории есть очевидные рецидивы писателя к механистическому отображательству, здесь налицо переверзевская теория замкнутых изолированных классов.

Кроме того, здесь не поставлен вопрос об идеологическом взаимодействии пролетарской и крестьянской литературы, взаимодействии, вытекающем из определенной расстановки классовых сил в эпоху диктатуры пролетариата, преследующей цель «преградить пути капитализму, его эксплуатируемое большинство, из резерва буржуазии, каким оно было во время буржуазных революций Запада, в резерв пролетариата, в его союзника» (Сталин).

В журнале «Перелом», № 7 (Ленинград, 1931 г.), литфронтовец и перевертыш (сочетание закономерное) Н. Яцков пишет:

«Чем больше возрастает гражданское самосознание и политическая ориентация крестьянства и основной класс переходного периода — середнячество — осознает себя, тем массе остается и мелкая для «мужикующей деревенщины» в литературе. На этапе перестройки в пролетколхозную литературу современное крестьянство становится перед осознанием своего творческого метода, перед формированием своего «я».

Что есть общего между этим утверждением о крестьянской литературе и ленинским учением о классах в переходный период? Какой объективный смысл имеют рассуждения Яцкова о «гражданском самосознании крестьянства», о том, что основной класс переходного периода — середнячество — осознает себя» и в связи с этим о «своем творческом методе пролетколхозной литературы», «своем стиле» и т. п.?

Это — давно знакомая нам проза из классово-оппортунистических и троцкистско-зиновьевских «учений» о переходном периоде, которые, смыкаясь с меньшевизмом II Интернационала и «Социалистического вестника», играют вперед кулацкому учению о пролетариате как гегемоне пролетарской социалистической революции и всячески разыгрывая роль «мелкособственнической крестьянской стихии» в СССР.

Такие утверждения Яцкова об'ективно способствуют нашему классовому врагу, поскольку тут же остается места для известной формулы т. Сталина о диктатуре пролетариата («Диктатура пролетариата есть: 1. Неограниченное насилие в отношении капитализма и помещиков. 2. Руководство пролетариата в отношении крестьянства. 3. Строительство социализма в отношении всех классов общества»).

Перегерзев с его «об'ективистскими» намерениями и отколом писателя в активной роли сознания привел того же Н. Яцкова и в другому предельному, кулацкому тезису.

Разбирая книгу Н. Брыкина о Кубани («Мучные кормы»), в которой показаны бедняки и середняки, в классовая борьба подмочена противопоставлением кулаков советскому аппарату, Яцков пишет:

«Брыкин все же не сумел показать другую сторону явлений—деревню бедняцко-середняцкую. Правда, это во многом обусловлено особенностью самого материала — своеобразием Кубани».

Тут при явно неверном по с политической, ни с фактической стороны утверждении об отсутствии на Кубани бедняцко-середняцкой прослойки имеем перевертышески-формалистический вывод о том, что писатель—лишь бесстрастный «об'ективатор» действительности.

Перед нами таким образом переверзевщина на практике, в области пролетколхозной литературы. Ее реакционная, антиленинская сущность очевидна. Она об'ективно ведет на разрыв между пролетариатом и крестьянством, на изолированное учение о пролетарской и крестьянской «ограниченных» литературах, на невозможность колхозному писателю перейти на идеологические позиции пролетариата.

Показательно еще одно обстоятельство: как и ранее, в пролетколхозной литературе переверзевщина идет рука об руку с «Литфронтом», разбивая марксистскую ленинскую теорию о непримиримости и чистоте теоретико-творческих установок «Литфронта», якобы не связанных с право-левацкой его практикой.

Именно здесь с пролетколхозной литературе и Полонский, и Резников, и Гольцев, и Майзель, и П. Яшнов, и С. Медведев — все откровенно правые и мнимо-«левые» сошлись во многих вопросах.

Как ни странно показалось бы Родову, но Горбачев подает руку Вит. Полонскому, когда, не заметив классовой характеристики стиля пролетколхозной литературы, говорит о «непосредственном трудовом обличии крестьянского писателя с природой и при том живой» связи. «Перелом», 1931 г.).

Ранее мы привели пример архимеханистического понимания Резниным крестьянской литературы, но тот же А. Резников выступал в ряде статей как непревзойденный литфронтовский агитатор за лозунги горбачевско-бескинского блока: тут вам и составленная по литфронтовскому об'ективистскому рецепту публицистичность литературы вместо ленинского учения о партийности, тут и явное согласие с С. Медведевым, ложные почины ленинской ложки о срывании масок, тут и крепчайшее представление о колхознике как о «слепом пятне», который не может упомниться без эпитета «передовой» и который должен дать литературе только элитист, «положительный» образ.

Борьбу за марксистско-ленинское мировоззрение эти литературные «рыцари» подменили борьбой за очерковый жанр вместо «покличного», за литературу факта, за лакировку действительности, замазывание ее диалектических противоречий.

Тот факт, что это покоилось на рыхлом, мелкобуржуазно-перевертышском фундаменте и пытались по-литфронтовски истолковать процессы пролетколхозной литературы, заставляет марксистскую литературную критику быть сугубо внимательной к этому участку пролетколхозной литературы.

При активном участии РАПП нужно вести дальнейшее разоблачение меньшевистско-кулацких тенденций в пролетколхозной литературе, обеспечив последней последовательную борьбу за ленинскую партии, за большое искусство большевизма.

Ф. БУТЕНКО
И. СМИРНОВ

ОБСУЖДАЕМ ВОПРОСЫ публицистической поэзии

ТВОРЧЕСКИЙ МЕТОД **ЧУБА**

В 1929 году И. Сельвинский написал трагедию в стихах под названием «Командарм». В этой трагедии развертывались борьба между Чубом и Окоянным. Чуб был командармом, стратегом пролетарской революции, Окоянный — мелкобуржуазным авантюристом, захватившим командный пост и едва не губившим армию.

Но отвлечемся от социально-философской проблематики «Командарма», будем о сюжете трагедии. «Командарм» интересует нас сейчас как переход от «Улялаевщины», «Записок поэта» и «Пушторга» к «Электрозаводской газете»[1]. В этом разрезе мы увидим в борьбе Чуба и Окоянного, борьбу двух творческих начал, двух творческих методов, двух стилей. Чуб — олицетворение рассудочности, рационализма, «экспромта», Окоянный — олицетворение чувственности, порученности и сложнейшую игру переживаний, «глюки». Окоянный — творческое прошлое Сельвинского, Чуб — его сегодняшний день. «Командарм» же — произведение, где две линии скрещиваются, где побеждает Чуб, но все художественное внимание сосредоточено на Окоянном.

Из «Электрозаводской газеты» Окоянный начнет. В этом смысле «Электрозаводская газета» представляет собою своеобразное отражение определенного этапа творческой эволюции Сельвинского, попытку преодоления им конструктивизма.

По каким путями пила и идет его творческая перестройка, насколько правильны эти пути, насколько они расчищают перед поэтом большие перспективы? Рассмотрим внимательно «Электрозаводскую газету».

«Газета» это включает в себя все обычные отделы газеты: передовую, телеграммы, лозунги, «подвал», отчеты о собраниях, литературную страничку, фельетон, хронику, даже шахматный отдел, даже извещения, даже объявления. Все четыре полосы, написанные стихами, посвящены заводу, его борьбе за социализм, описанию им питается и живет с головокружения. Сюда — внимание поэта, сюда — творческий маршрут, — таков приказ Сельвинского.

«Электрозаводская газета» бесспорно является сознанием произведением. Старый конструктивизм преодолевается в творческой практике, — это особенно важно подчеркнуть.

Но как? Всегда ли? Во всем ли?

Наиболее легко (потому что это наиболее бросается в глаза) критиковать «Электрозаводскую газету» за ее интеллигентский характер. «Газета» пишет о работе, но для интеллигентов, — и более того: для интеллигентов, искушенных в тонкостях различных экономических наук и поэтических направлений. «Учность» ряда статей и ней — внешняя, нетальная, терминологическая. Да и по всему прочему: вряд ли за рабочего читателя рассчитаны также например вопросы «электоглины»: «Какого отчества демона?», «Какого числа и падежа — Крученых?», «Какой стихотворец российский в России стал иностранным поэтом?». Такая линия критики законна (если она не вульгарна), ибо перед нами, во-первых, электрозаводская газета, в во-вторых, результаты работы самого завтра на Электрозаводе.

Однако не такая линия критики является решающей, основной, главной. Наиболее существенным пороком «Газеты» является фетишизация техницизма, которая сближает «Газету» с конструктивистским «Бизнесом»[2] и показывает, что конструктивистское бизнесменство еще живуче в Сельвинском.

В самом деле: теория «Бизнеса» заключалась в буржуазной апологетике техницизма, машины как таковой. Эта апологетика была прекрасно связана с общественно-политическими тенденциями конструктивизма, которые сам Сельвинский охарактеризовал (на дискуссии в ВССП) как попытку «самостоятельной политики интеллигенции по отношению к пролетариату».

Сегодня Сельвинский признает ведущую роль пролетариата. Здесь он перестал быть конструктивистом. Но он не преодолел в себе фетишизации техницизма. Его увлекает строительно-технический размах реконструкции. Но полагать, в чем же проявляется социалистический характер ее, он еще не умеет.

В «подвале» его «Газеты», имеющем название «Как делается пятилетка», характерно прежде всего **отождествление технического процесса и революции:**

Вот как делается революция!..
Тебе-бинь это... лапша.

Такое отождествление неправомерно само по себе. Техника на современный день является решающим звеном, — но лишь звеном в процессе построения социализма. Длинно и подробно прослеживая процесс превращения сырья в фабрикат, Сельвинский делает ряд отступлений — от машин к людям, от лампочки к рабочим, вдохновляющим ее. Но отступления эти, во-первых, являются механическим довеском к основному мотиву, а не его органической частью. И во-вторых, именно в них-то с особенной силой проявляется непонимание социалистического существа дела.

Кто они — «Ивалы, Епифаны или Титы», делающие лампочку? Как представляет себе Сельвинский хозяев страны, рабочий класс? Как подходит он к социалистической переделке человеческого материала? Поглядим.

Вот, например, «в газ пропузыривается углерод», горючий продукт. Что делать? Опустить руки?

Но есть ли где хозяйственней масса,
Чем пролетарий своей страны?
Повыбросив рак, другой и третий,
ЗАДУМАЛИСЬ ОН ЗА ОБЕДОМ:
«Нельзя ль обратить пораженья эти
В путь к дальнейшим победам?..»

Нетрудно догадаться, что через пару-другую строф без большого труда посрамятся бюрократизм и завод получает нужный ему газ.

Откуда же у рабочего такая упорность в борьбе с препятствиями? Она — по Сельвинскому — от физического тренажа, от физкультуры.

Вот комсомольцы. Вот один из них — Вася.

Он знает план, верит в темп,
Осваивает, что нужно,
Что он в бою, а между тем,
Точен и спокоен...
ОН ФИЗКУЛЬТУРНИК, ГЛАВНОЕ —
ДОЛОЙ СУЕТЛИВОСТЬ И НУДЬ!
В самом процессе плавания
Умей-ка отдохнуть.
СПОРТИВНЫЕ ЖЕ НАВЫКИ
ПЕРЕНЕСЕМ В ТРУД,
ТАКОЙ СПОКОЙСИ НА-ВЕКИ,
И годы не сотрут.

Хуже всего то, что Сельвинский безудержно лакирует действительность, что в его изображении пропадает вся острота борьбы за план, за социализм, что советский завод становится в «Газете» лубочным и эстетизированным. Не угодно ли подойти к воротам завода к моменту окончания работы?

Речь идет о бодлетере сопоставления цехов. Да, перед отдыхом сюда идут и глядят на итоги дня. Но как у Сельвинского этот, уже стертый обычаем для нарочитых слоев пролетариат поступок приближен, взлущен, эстетизирован! Похожие на валерии работницы — это ведь просто всего-навсего **художественная безвкусица!** Но она выражает общую установку Сельвинского на «идеализацию» «положительных героев» нашего сегодня. Есть у Сельвинского и «отрицательные герои». Для их изображения Сельвинский не щадит черных красок. Но первых он «начистоо» противопоставляет вторым. Между ними — пропасть. «Уродик»? Вот он: «встает? Это как прилетел. Захочет — найдет. И цехе дуется вполсталь, **балдея, как идиот**». А вот — ударник:

В глазах его ДЕТСКИ-ТОРЖЕСТВЕННЫХ
БЕЗОБЛАЧНАЯ ПОГОДА;
В математических жестах
Питерка с четыре года:
Он слов чувства вычитания
На цели экзегезиса —
Огонь горчит, как выгурка,
В безоглядейское сердце...

Тут все так ясно и просто, что не над чем размышлять художнику: ударника нужно возвеличивать, «уродика» — уничтожать. Но ведь действительность сложна. Следовательно, действительность запланирована у Сельвинского. Но искусство не терпит нарочитого обеднения действительности. Вот почему — думаем мы — «Электрозаводскую газету» постигает идейно-художественный провал как результат ошибочного метода и изъянов мировоззрения.

Сельвинский проявляет максимум художественной наблюдательности в изображении технических процессов производства. Но увлечение техникой у него — языки дань его технической отсталости. Техника для него становится экзотикой. И здесь вскрывается явная художественная беспомощность той оголенной фетишизации техницизма, которая характерна для сегодняшнего Сельвинского.

Мы начали статью с упоминания о «Командарме». Сельвинский стремиться убежать от усложненности Окоянного. Но последнему он противопоставил жизнеобильного схематика Чуба. Он сделал это зря. Искусство живо тогда, когда ему доступна «бездна оттенков» живой действительности. Ни Окоянный, ни Чуб не видят ее, — первый потому, что он видит только самого себя, второй потому, что ему доступен лишь грубый чертеж жизни. Окоянного нельзя в творческом процессе победить Чубом, ибо рассматриваемый в этом плане Чуй есть **оборотная сторона Окоянного.**

Сельвинский написал сознательное произведение (если решающей чертой последнего считать самоопределение пролетариата на стороне пролетариата в период окончательного выкорчевывания корней капитализма), таящее в себе груз конструктивистского прошлого. Но оно оказалось художественной неудачей.

На дискуссии в Союзе писателей Сельвинский защищал своеобразную теорию убывающего художественного злодеяния. Она сводилась к тому, что на известное время попутчик, переходящий на мировоззренческие позиции пролетариата, будет терять в художественном качестве. Но мера глубины и органичности мировоззрений есть для данного писателя и мера его художественного качества. «Закон» Сельвинского неприменим ко всему потоку сознательной продукции, но он безусловно применим к самому Сельвинскому не потому, конечно, что он начал движение к мировоззрению диалектического материализма, а потому, что он пошел по ложному пути рассудочности и фетишизации техницизма.

А. СЕЛИВАНОВСКИЙ.

[1] И. Сельвинский «Электрозаводская газета». Изд. «Федерация», 1931 г., цена 10 коп.

[2] Смотрите статью т. Медведева в «Комсомольской правде» и редакционную статью «За дружную, сомкнутую работу с РАПП» там же.

МОБИЛИЗОВАНЫ ЛИ **СТИХИ?**

Тов. Безыменский издал вторую книгу отчетов о своей работе на Сталинградском тракторострое, называется она «Стихи мобилизованные». Нет надобности говорить и писать о всей важности и большом значении непосредственного участия пролетарского писателя в практике социалистического строительства. РАПП это сознала и считает своим основным лозунгом. Еще на сентябрьском пленуме (1929 г.) во всем объеме был поставлен лозунг «РАПП — на предприятие». Большевизация пролетлитературного движения немыслима без выполнения этого основного лозунга. И теперь, когда мы имеем массовый приход рабочих-ударников в пролетарскую литературу, работы на предприятии, организаторское участие в практике социалистического строительства — содержание работы литературных кружков в пролетарских писателей. Трудно найти сейчас такого «чудака» в нашей среде, который выступил бы против такого пути в работе РАПП и отдельных пролетписателей, хотя на практике многие его игнорируют.

Тов. Безыменский здесь Америки не открывает, и напрасно он в виде эпиграфов к книге берет трескучее провозглашение: «Мобилизуйся, РАПП!» с указанием на разные даты, их происхождения (август 1930 г., январь 1931 г., февраль 1931 г.). Это никак не свидетельствует о том, что в РАПП лет лишил на боевое участие в практике класса. И даже недвусмысленная строфа:

Пусть одни
не имеют ответа,
У других
есть ответ боевой.
И писатели и поэты
давно пересели
в сегодняшний бой!

из известного стихотворения, направленного в свое время против руководства РАПП, фигурирующим в числе прочих эпиграфов, также ничего не говорит читателю. В этой декларативной части Безыменский сильно переборщил. И сейчас уже можно говорить о практике не одного только Безыменского, а и Либединского, скажем, и Чумандрина, и Ставского, и Ильенкова, и Молчанова, и целого ряда других писателей. Это нисколько не умаляет значения практики Безыменского.

Многим писателям, недооценивающим значение участия в практике социалистического строительства, перестройки не осуществить, здесь кабинеты не помогут. И таким писателям надо учесть опыт Безыменского, иначе они попадут со «свиты» пролетарской литературы.

Но все ли так благополучно у самого т. Безыменского?

Нам кажется — нет. Нет, потому что Безыменский в творческой практике стремится, упрямо стремится осуществить творческие лозунги Литфронта. Сейчас уже общеизвестно, что борьба РАПП с Литфронтом шла не только по линии литературно-политической, но и по линии творческой. Но существу шла борьба с эпигонами искусства.

И Безыменский, к месту и не к месту, кричал о том, что творческие лозунги Литфронта победили, и в качестве аргумента иллюстрирует это своим творчеством, делает для себя большой вред.

В № 27 журнала «На литературном посту» за 1931 год, один из боевых друзей Безыменского по Литфронту — Гельфанд так определяет творческую линию Литфронта:

> «Направляющая тенденция (имеет, О. К.) заключалась в абстрактной действенности, в суперсюжетном направлении большевистского понимания партийности искусства. На проверку же объективным классовым содержанием этой прославленной литфронтовской действенности оказывался типичнейший мелкобуржуазный активизм.
>
> Мы, — пишет далее т. Гельфанд, — совершенно сознавали необходимость для пролетарского писателя также и умения по-большевистски ориентироваться на отдельных конкретных участках классовой борьбы, умения самому, опираясь на весь коллективный большевистский опыт, присмотреть до корней диалектику, до корней данного явления, самому разоблачать конкретный маневр классового врага... Творческий метод непритупляющего массового регистраторства, — заканчивает это положение т. Гельфанд.

Совершенно правильно! Гельфанд последователен. «Стихи мобилизованные» — яркая иллюстрация к выдвинутым им положениям. Они развиваются в плане метода «воинствующего пассивного регистраторства». Оба стихотворных отдела в книге: «Похождения верблюда» и «Стихотворное наступление» — «воинствующее пассивное регистраторство» прокатов и неполадок на Сталинградском тракторном заводе. Читатель ошеломлен. С каждой страницы можно почерпнуть такую уйму отрицательных фактов, что у непосвященного может создаться очень неверное впечатление и о нашем строительстве и о людях, которые этим строительством руководят. Автор пошел по линии наименьшего сопротивления. Не художественное вскрытие причин недостатков, не «прослеживание до корней диалектики», не художественное обобщение процесса борьбы, а **рифмованная фиксация фактов.**

Возьмем большое стихотворение «Верблюд бродит по поселку». Автору надо показать, что в поселке «безобразия в области отношения к быту и отдыху рабочих». И вместо того чтобы вскрыть все эти безобразия, показать, откуда они происходят, кто виновен (не сказать об этом, а художественно вскрыть), почему рабочие так инертно к этому относились, и затем далее, как возникла борьба с непорядками и к чему привела,—вместо всего этого Безыменский пускает своего верблюда по улицам и устанавливает:

Хранит работа комсомола.
О нем профсоюз наш заидео.
И футбол сыграл бы —
нет футбола.
И кино пошел бы —
нет кино...
Эх, частота!
Красотка пятая.
Ты—украшение клетчатых мест.
Где был асфальт — там мыт напр,
Которая сама вне сет,
и т. д. и т. д.

Надо сказать, что предпосланное этому стихотворению изложение его содержания в прозаических строчках гораздо отчетливее передает суть дела, чем само стихотворение. Автор, работающий напряженным методом, дальше рифмованной констатации недостатков не пошел. Но чтобы устранить результаты, он в небольшом заметке сообщает, что «на этом месте создается при заводском партбюро комиссия проверки исполнения мер...» Там, где надо развивать, автор ставит точку. Тов. Безыменский не может художественно обобщить перелом, наступивший в цехах, он его обозначает только внешним перебоем и переходит напыщенной риторикой.

Сейчас в нашей критике увлечено обсуждается вопрос о создании положительного героя. Мы утверждаем, что творческим методом Литфронта его создать нельзя. И это совершенно бессмысленно. Там, где идет разговор об отрицательных явлениях и типах, там писатель, работающий методом Литфронта, могут и конкретизировать, находя живые краски и даже... живых людей. Но как только дело доходит до положительных типов, до положительных явлений, там у этих писателей абстракция, схема, художественная беспомощность, обеднение. Вспомните «Выстрел» Безыменского, «Последний, решительный» Вишневского.

«Стихи мобилизованные» вполне в этом отношении удали от «Выстрела». Тов. Безыменский в каждом стихотворении начинает столько отрицательного, без художественного осмысления, что просто диву дашься. Здесь процветают беспросветная безобразия.

В ЕРИЗ отсортировсты, там
... вещи на дно.
Исчезли темп, лидер, инициатив...

В школе ФЗС
Политехникум — основа быта.
И вожак слесарной мастерской
Большинт по системе ЦИТа:
«Сам-ли — корабль!» — и торт с тобой...

В завкоме комсомола
О, чудо! Как у них тепло!
Все чудесно,
спокойно,
слышно...
Как прежде, муха монотонно
Лениво бьется об стекло.

В цехах
Отливки на сборке оценили.
А здесь такая соль в лесе,
Что делают за три недели,
Все то, что можно сделать в день.
и т. д. и т. д.

Оппортунисты, ротозейство, разложение, безобразия, крепительство! Читатель вправе спросить: «Почему все это произошло, где причины? Почему на передовом предприятии СССР творились незамеченными до приезда бригады с т. Безыменским такие безобразия? Где была партийная организация завода, где была рабочая общественность, наконец!» Ведь т. Безыменский—художник, и он как художник обязан был вскрыть существо дела. Ведь на заводе какая-то борьба происходила, развертывались какие-то процессы. Не вскрыть через художественные образы все содержание этой многообразной, сложной и противоречивой действительности мог только писатель, работающий по своим творческим установкам Литфронта.

Такому писателю линия наибольшего сопротивления не по плечу, куда проще зарифмовать недостатки,—это может быстро дойти и—достаточно. Хочет нам не хочет этого Безыменский, не объективно так получается.

Кроме этой главной ошибки, у Безыменского налицо ряд частных ошибок, не менее существенных по своему содержанию. Пожтся большие диафрамбы социалистическому строительству, победам и пр., и очень часто забывается человек. Вот, например:

Мамина!
Ты будешь ручницею нашей,
Тебя посылает
Советский союз
Колителем
бильменизации пашни,
работы,
и темпов,
и мыслей,
и чувств.

Что это, как не власть вещей над людьми. Что это, как не рабское подчинение «работы, темпов, мыслей и чувств» загадочной силе машины.

Откуда это идет? Это идет от низкого уровня мировоззрения. Это идет от поверхностного подхода к явлениям действительности, от «конституционного пассивного регистраторства». Ухватчча поверхностная видимость явления, не вскрыты социальные закономерности, отсюда — неудачи, прокат. Неудачи тем страшнее, когда они идут от сознательного игнорирования диалектики действительности, диалектики классовой борьбы.

«Стихи мобилизованные» — яркая иллюстрация литфронтовских творческих установок.

«Большевистская партийность в искусстве, предполагающая раскрытие всех противоречий действительности, вычленение основных тенденций развития последней, парчивающей, заключающаяся в теснейшем неразрывном единстве революционной практики пролетариата с максимально глубоким и всесторонним познанием на основе этой практики процесса объективной действительности, — сказали мы словами бывшего соратника Безыменского — Гельфанда, здесь подменяется субъективной оценкой действительности без противления и оплата всей объективной диалектики развития».

Мы заранее стводим от себя обвинение в непонимании практики т. Безыменского. Наша точка зрения на это ясна. Мы—за непосредственное участие писателя в практике социалистического строительства, мы—против кабинетных писателей,—она пролетариату не нужны. Здесь не может быть двух мнений.

Но мы — против творческого метода Литфронта, метода, который при всей своей «революционной» окраске является по существу «воинствующим пассивным регистраторством».

С. КИРЬЯНОВ

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАРОДИИ

1. С. КИРСАНОВ

Торжествуй, металл!
Гудки
ре-вут.
Ударники фабричные
Вас
зо-вут.
И я зову — ё
Ассе-е-ву!
Пропагтор
В литературу
Э-эз-эз-эзр!
Прежних дней
карнасини
Сданы в ар-хив!
Маститые классики
В пыли—
АП-чхи!
Я им могилу вырою.
Ножите
в гроб!
Я рифмами
жонглирую—
Алэ — оп!
Вверх,
вниз.
Вниз,
вверх.
За-
тянись,
Гу-вер.
Гувер, за-
тянись.
Со-ци-
А-лизм!

А. АРХАНГЕЛЬСКИЙ.

Из альбома художников КУКРЫНИКСЫ

Из лирического **ШКАФА***

Иосиф Уткин явно стремится преодолеть мелкобуржуазную эстетическую узколобость. Он хочет «повернуться лицом к политике», он берет злободневные актуальные темы, он хочет писать стихи чрезвычайно боевые: «Мне говорит: пройна борьба прямая и я буду тарахтеть обычная арба. Ах, чудаки! Они не понимают, что именно теперь и началась борьба».

Такое стремление можно только приветствовать. И задача критики — всемерно помочь ему.

Но именно задача серьезного, внимательного отношения ко всякой попытке перестройки заставляет сказать, что подлинной перестройки, в новых стихах Уткина нет. Уткин повернулся к новым темам, но остался на старом мировоззренческом уровне. Это движение в одной плоскости, «бег на месте» в мировоззренческом отношении, а не подъем вверх.

Основные темы книжки — сельскость войны, предательство как выражение обострившейся классовой борьбы внутри страны, социалистическое строительство. Особое и немаловажное место занимает тема поэта, его места, роли во всем сложном переплетении действительности. Уткин хочет осмыслить задачи поэта в строительстве и борьбе. Он записал:

...спирический
Твой миллион.
Среди небоскребов,
Поэт,
Напиши фруктовую песню.
Продано:
Прорвался — и газом вех...
Эпоха желает
Огонь и железо:
Любовь с другого конца,
Чтобы печь понимались
Глаголом жечь.
Как Пушкин сказал, — сердца.

Ясно, что «глаголом жечь сердца» может только тот поэт, который стоит на уровне передовых идей нашего времени, который пишет свое лирическое слово мыслью и чувством пролетариата.

Но, Уткин не ушел от своего лирического подхода к действительности. Он берет злободневные темы, но хочет писать стихи чрезвычайной боевитости: «Мне говорит: пройна борьба прямая и я буду тарахтеть обычная арба. Ах, чудаки! Они не понимают, что именно теперь и началась борьба».

Такое стремление можно только приветствовать. И задача критики — всемерно помочь ему.

Но именно задача серьезного, внимательного отношения ко всякой попытке перестройки заставляет сказать, что подлинной перестройки, в новых стихах Уткина нет. Уткин повернулся к новым темам, но остался на старом мировоззренческом уровне. Это движение в одной плоскости, «бег на месте» в мировоззренческом отношении, а не подъем вверх.

Основные темы книжки — сельскость войны, предательство как выражение обострившейся классовой борьбы внутри страны, социалистическое строительство. Особое и немаловажное место занимает тема поэта, его места, роли во всем сложном переплетении действительности. Уткин хочет осмыслить задачи поэта в строительстве и борьбе. Он записал:

...спирический
Твой миллион.
Среди небоскребов,
Поэт,
Напиши фруктовую песню.
Продано:
Прорвался — и газом вех...
Эпоха желает
Огонь и железо:
Любовь с другого конца,
Чтобы печь понимались
Глаголом жечь.
Как Пушкин сказал, — сердца.

Ясно, что «глаголом жечь сердца» может только тот поэт, который стоит на уровне передовых идей нашего времени, который пишет свое лирическое слово мыслью и чувством пролетариата.

Но, Уткин не ушел от своего лирического подхода к действительности. Он берет злободневные актуальные темы, он

...А ВОЗ И НЫНЕ ТАМ

„ИСТОРИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ" СОЗДАЕТСЯ БЕЗ УЧАСТИЯ ПИСАТЕЛЬСКИХ ОРГАНИЗАЦИИ

Два квартала отделяют ФОСП и другие литорганизации Дома Герцена от редакции «Истории гражданской войны». Но, оказывается, иногда трудно преодолеть расстояние и в два квартала.

Практическая работа писателей над созданием «Истории гражданской войны» ограничилась созданием различных комиссий ВССП, ЛОКАФ, РОПКП. К юбилею ВССП. Потрога месяцы тому назад он организовал комиссию содействия созданию «ИГВ», в которую вошли: **Вс. Иванов, Леонид Леонов, Вера Инбер, К. Большаков, П. Скосырев.** Комиссия эта до сих пор ни разу не собиралась. Только один из членов комиссии (В. Инбер) выступил на районном слете красногвардейцев и партизан.

РОПКП пошел по тому же пути: комиссия создана — чего же еще? ФОСП.

— Что вы сделали для создания «Истории гражданской войны?»

— Видите-ли, этим делом занимается ЛОКАФ. Мы заслушали доклад ЛОКАФ об участии в создании «Истории». Но и у них, кажется, неблагополучно — говорит оргсекретарь ФОСП.

Действительно неблагополучно.

Создали в ЛОКАФ комиссию содействия. Решили начать призыв ударников и бывших партизан в литературу. Дали директивы организациям ЛОКАФ, указав на необходимость связаться в работе с местными парторганизациями. Работа, однако, подвигается туго.

— Все-таки мы больше декларировали, чем работали — сказал представитель ЛОКАФ т. **Д. Либерман** на докладе в ФОСП.

Вся беда в том, что работа писательских организаций в этой области не централизована. ФОСП надо создать одну объединенную комиссию содействия созданию «Истории гражданской войны», дать этой комиссии определенную установку. Руководить работой комиссии ФОСП должен ЛОКАФ. Надо немедленно провести общемосковское собрание писателей с докладом редакции «ИГВ». На этом собрании, где встретятся представители всех писательских организаций и секретариата редакции «ИГВ», надо думать, удастся окончательно наметить конкретные пути участия писателей в создании «ИГВ».

КР.

НА МЕСТАХ

По инициативе новгородского архива начата работа над созданием «Истории». Организуется районный слет участников гражданской войны.

Новгородский архив издает брошюру «Как писать воспоминания о гражданской войне». Уже найдены материалы боевой истории ряда частей РККА. Проведены доклады и беседы на конференциях ячеек РОПК, на предприятиях, в колхозах. Составлены списки участников гражданской войны и начат сбор воспоминаний бойцов.

***

В Тамбовской АПП много говорили о сборе материалов для «Истории гражданской войны». Но этому делу дало была вынесена резолюция. Но практической работы не видно. А ведь в пределах бывшей Тамбовской губернии оперировали в свое время Мамонтов и крупнейший бандит Антонов. Для «Истории» это—ценнейший материал.

О МЕТОДАХ ПОЛЕМИКИ
т. ВЯЧ. ПОЛОНСКОГО

Недавно проведенная творческая дискуссия ВССП в Москве явилась новым большим этапом в жизни союза советских писателей. Она прошла под знаком литературно-политического и творческого размежевания, под лозунгом и флагом лучшей части попутничества на реальных сломанных рабочего класса. Во время творческой дискуссии дождались резкой критике (со стороны докладчика **А. Селивановского**, ряда рапповских товарищей, а также членов союза писателей) неправильные литературно-политические и творческие высказывания, не только не способствующие осуществлению новых лозунгов ВССП, но и дезорганизующие его, тянущие союз назад. Почти все выступавшие на дискуссии единодушно критиковали объективно-реакционную речь **И. Ездокимова**, а также позицию (позднее, не тождественные) В. Шкловского, Мих. Лозинского, А. Эфроса и др.

Развернутую критику получила, в числе других, и вся литературная деятельность **Вяч. Полонского**, а в частности, его поведение во время дискуссии, когда, вместо обещанного признания своих ошибок, полочки все свои прошлые высказывания и выставил на их правильности.

Вяч. Полонский — отв. редактор журнала «Новый мир». В последнем (№ 10) этого журнала значительная часть отдела «Литература и искусство» (42 страницы) посвящена «Дискуссии в ВССП», но и дезорганизующее его, естественно такое большое внимание одного из основных наших «толстых» журналов к этой дискуссии. Но... не успеваете вы раскрыть журнал, как снова приветствия застывают у вас на устах.

Вы ожидали увидеть развернутую постановку вопросов попутничества. Вы ожидали, что «Новый мир» развернет критику реакционных и буржуазных теорий.

Ничего этого в «Новом мире» нет.

Нет даже просто об'ективного изложения хода дискуссии. Журнал, редактируемый **Вяч. Полонским**, не дал ни одного выступления рапповцев, не слова из доклада **А. Селивановского** под тем предлогом, что он, дескать, был сравнительно недробно изложен в «Литгазете». Даны лишь выступления тт. **Леонова, Сейфуллиной, Слетова и Павленко**, занимающие, в общей сложности, 13 страниц и две речи **Вяч. Полонского, занимающие 29 страниц.**

Комментария излишни. Читателям «Нового мира» запрещается знать о каких-либо мнениях, кроме мнения Вяч. Полонского.

Он редактор — он непогрешим!

Он... «признает ошибки».

***

Нельзя всерьез разбирать этот пигмей белыми нитками прием Вяч. Полонского, настолько он не гнется с общепринятым способом ведения дискуссии. Право, т. Полонский, это даже... не умно!

Однако реагировать на такую «самокритику» все же надо. Мы вдем от редколлегии «Нового мира» недвусмысленного ответа на вопрос: согласен ли он с таким методом «участия» в творческой дискуссии?

Правлению же ВССП следует выявить свое отношение к такому недопустимому использованию материалов дискуссии, использованию, извращающему ее основной смысл.

М.

ПОВЕРНУТЬ АКАДЕМИЧЕСКУЮ РАБОТУ К ПРАКТИКЕ ПРОЛЕТЛИТЕРАТУРНОГО ДВИЖЕНИЯ

НА СОБРАНИИ МАПЛОВЦЕВ — АСПИРАНТОВ КОМАКАДЕМИИ

В Институте ЛИЯ Комакадемии 28 октября и 2 ноября состоялись собрания коммунистов-маповцев, работающих в качестве аспирантов в Институте ЛИЯ Комакадемии. Собрание заслушало доклад секретаря РАПП т. И. Макарьева об итогах последнего пленума РАПП.

В своем докладе тов. Макарьев подробно остановился на намеченных пленумом дальнейших задачах работы с приваченными в литературу ударниками, на усложняющихся задачах РАПП на фронте попутнически-сменовеховской литературы, на задачах работы по заказу героев и созданию «Истории заводов», отметив ряд недостатков в этой работе и медленность темпов перестройки пролетарского литературного движения.

Характеризуя правые тенденции и «левые» загибы в области литературы, с которыми РАПП, проводя партийную линию, принялось выдержать жестокую борьбу на протяжении последних лет, т. Макарьев подробно остановился на разворушившейся на страницах «Комсомольской правды» и «Литературной газеты» дискуссии вокруг итогов пленума и связи со статьями С. Малышкина в «Комсомольской правде», представляющими собой воспроизведение литфронтовских творческих установок. Особенно это сказывается в трактовке Медведевым вопроса о классиках, в литфронтовской аргументации против ряда творческих установок РАПП, в рецептах, по которым рабочего-ударника нельзя показывать как живого человека, в культуризации Медведевым (а за ним и «Комсомольской правдой») речи тов. Фадеева на пленуме РАПП и в объявлении творческих установок Фадеева «мелкобуржуазными» и «субъективистскими». Именно в этих вопросах — суть спора, а вовсе не в вопросах организационно-политического порядка, по которому у РАПП нет и не может быть разногласий с Комсомольской правдой».

Великие указания о дальнейшем развертывании самокритики, об изживании кружковщины в РАПП, о большой **партийности** во всей работе, — воспринимаются и будут восприниматься нами с благодарностью. Эти вопросы не являются предметом спора.

Выступивший в прениях тов. **Глаголев** указал на то, что Медведев признал не все свои ошибки. Так, до сих пор он не признал ошибки, выражавшейся в фактическом снятии вопроса о необходимости борьбы за мировоззрение пролетарского писателя, в подмене вопроса об овладении методом диалектического материализма — освоением только литературной техники, художественного мастерства и т. д.

Тов. Глаголев говорит далее о том, что Медведевы отводят нас в сторону от основных вопросов творческой работы своими попытками противопоставить РАПП комсомолу.

М. Серебрянский считает, что основное в дискуссии состоит в том, что мы имеем сейчас «стихийное расширение» распространение старой литфронтовской методологии в области искусства», проявляющееся на страницах «Комсомольской правды». Тов. Серебрянский подчеркивает, что у РАПП нет и не может быть никаких разногласий с комсомолом в литературно-политических вопросах.

По некоторые статьи, печатающиеся в «Комсомольской правде», служат плохую службу пролетарской литературе. К таким статьям, кроме статей С. Медведева, относится редакционная статья «К. П.», бередущая Медведева под защиту, называющая Фадеева мелкобуржуазным субъективистом.

Следующий оратор, **Е. Трощенко**, подвергая разбору высказывания С. Медведева, в которых он пытался «предостеречь» РАПП от опошления лозунга показа героев, характеризует тот низкий теоретический уровень, с которого Медведев пытается поучать пролетариат в литературное движение.

Эту мысль подчеркивает в своем выступлении **А. Астахов.**

Выступивший на собрании **С. Медведев** фактически обошел понятие в докладе вопросы, а также не дал критики своих ошибочных утверждений. Речь его свелась к справкам автобиографического порядка о том, что он не состоял в Литфронте и к личным нападкам на рабочкинов РАПП, каким самокритик со стороны которых, якобы, выражается в бездоказательном «приписании» ярлыков.

Эти слова Медведева приобретают особый интерес в связи с заявлением **М. Бочачера**, которое было оглашено на собрании. В этом заявлении М. Бочачер выражает удивление по поводу того, что Медведев отрицает свою принадлежность к Литфронту: М. Бочачер (как и В. Кирпич,—см. отчет о собрании актива МАПП в № 60 «Л. Г.») в свое время был свидетелем совместного выступления С. Медведева с А. Зониным на совещании в МК ВКП(б), где Медведев защищал литфронтовские позиции.

Интересно в этой связи и заявление выступавшего на собрании т. **Ф. Левина:**

— Я не знаю, состоял ли Медведев членом Литфронта. Я тоже не был членом Литфронта, но у меня был определенный крен в сторону Литфронта, и я знаю, что точно такой же крен был у Медведева. Это легко было на ряде разговоров и выступлений Медведева. Не признать этого, окрестить факт сочувствия Литфронту—значит быть нечестным.

Выступавшие на втором собрании—2 ноября—тт. Белкин, Ольман, Сурков, Храпченко, Ситковский, Корабельников и др. подчеркнули необходимость подъема дискуссии на более высокий теоретический уровень и освобождения стоящих в центре дискуссии творческих вопросов от не имеющей отношения к ним шелухи, на необходимость исправления отдельных ошибок доброжелательного тона в высказываниях отдельных рапповских работников, на необходимость установления более тесной связи РАПП с ЛИЯ и с ОПМЛ (т. Войтинская), на необходимость решительного поворота академической работы аспирантов ЛИЯ к практике литературного движения.

После заключительного слова т. Макарьева собранием единогласно принимается резолюция, выдержки из которой мы печатаем ниже.

И.

НА ФАБРИКАХ КНИГИ

В ГИХЛ по серии «Новинки мировой революционной литературы» в ближайшее время выходят книги:

Иоганнес Бехер — «Великий план». Поэма является первым произведением Бехера о Советском союзе. В ней отражены процессы «Промпартии», строительство гигантов, исторические мероприятия советской власти, успехи СССР и укрепление революционного движения во всем мире. Поэма печаталась в отрывках в «Литературе мировой революции».

Вилли Бредель — «Машиностроительный завод Н. и К.» — роман германского пролетариата-эмигранта, принесенного в литературу через революционное движение. Этот роман написан и принесет Бределю, как Бредель и настоящее время отбывает тюремное заключение за свою революционную деятельность. Но своим художественным качеством роман Бределя окажется значительным шагом вперед к развитию германской пролетарской литературы.

Апри Барбюс — «Что было, что будет». Роман об опасности империалистической войны.

Мери Хитон Борс — «Стачка» — роман американской писательницы (близкого нам попутчика) о стачке питейских текстильщиков.

Марчанда — «Штурм Эссена» — роман германского пролетария-рабочего о революционных событиях 1919—1920 гг. в Рурской области.

М. Кахана — «Акционерное общество Тапционной литературы» в ближайшее время выходит книга:

Ярослав Гашек — «Похождения бравого солдата Швейка во время мировой войны». Роман чешского писателя-коммуниста, ставший классическим произведением мировой литературы. Книга Гашека, написанная в форме рассказа солдата Швейка, является сатирой на империалистическую войну, на австрийскую военщину, на буржуазную государственность.

Ванда Василевская — «Земля». Роман польской писательницы, посвященный жизни украинской деревни.

Ян Вольный — «Ветер с востока». Роман польского писателя-коммуниста, посвященный борьбе польского пролетариата с фашизмом.

Ян Тарас — «Борьба Павла Зигайты» — рассказ о рабочей революции и жизни рабочих политэмигрантов после ее поражения.

Нейбриц — «Баррикады Нединга» — роман, отображающий героическую борьбу пролетариата Берлина в майские дни 1929 г. Немецкое издание романа конфисковано полицей-президиумом Гржезинским.

Сборник 1-й интернациональной бригады МОРП: очерки Вайяна Кутюрье, Карла Гроноберга, Дж. Конноли и Эмиля Мадарьяга о совхозах и колхозах Северного Кавказа и социалистическом строительстве Закавказья. Готовится к печати:

Токунага Наоси — «Улица без солнца» — роман японского пролетарского писателя о рабочем движении в Токио.

Эрнст Глезер — «Мир» — роман одного из ближайших попутчиков германской пролетарской литературы, показывающий послевоенную Германию и процессы расслоения в среде интеллигенции.

Бредель — «Розенгофштрассе» — роман об одной из пролетарских улиц Гамбурга, повествующий о борьбе уличной ячейки КПГ с банками, сгонку квартиронанимателей, деятельность коммунистов на выборах и т. п.

Брехтовский — «Избранные стихи».

ХРОНИКА РОПКП

— ЦС РОПКП организовал редколлегию «Истории совхозов и колхозов». Создана комиссия по сбору и обработке материалов для «Истории гражданской войны».

— Одновременно с исчезновением ленинградского филиала РОПКП и выводом из состава секретариата тт. Брыкина, Горбачева, Яльцова, Ревякина, Камчадалова ЦС РОПКП постановил вывести с Брыкина из состава ЦС, секретариата ЦС и из редакции журнала «Земля советская». Ревякин выведен из состава ЦС РОПКП. Алексеев — из редакции журнала «Земля советская».

— Результаты творческого показа членов РОПКП читателей: **А. Богданова, А. Демидова, Ярового, Чанкого, Закалинина и Ильинского.** А. Богданов работает над историей колхоза и коммуны Средне-Волжского края, где имеется 30 лет назад всех исключенных работу, и над мемуарами «Жизнь и события на Дальнем Востоке» (из истории гражданской войны). Демидов заканчивает большой роман «Лес», написанный на материале, собранном им время поездки по Волжской зем. Яровой работает над книгами из жизни пролетарской войны. Чанкий — над второй книгой «Нелегкие», Закалинин — над двумя книгами, из которых одна (об овладении техникой) будет закончена к маю. Ильинский намерен написать большую вещь об оренбургских казаках. Ильинский готовит сборник очерков и рассказов и работает над повестью о кадрах.

ОТ РЕДАКЦИИ

При верстке прошлого («Октябрьского») номера «Л. Г.», по техническим условиям недвершась значительным сокращением статья т. Л. Дегтарева «Октябрьский рапорт ЛОКАФ», а именно, раздел о работе ЛОКАФ среди народов СССР, развернутое описание руководства творческой работой писателей, яблок, подчеркивающий роль ЛОКАФ в социалистическом перевоспитании попутчиков, а также раздел об условиях, способствовавших успехам ЛОКАФ, где, между прочим, было подчеркнуто, что «в грядущих боях за партийную линию в области художественной литературы организации ЛОКАФ будут бороться плечом к плечу с РАПП, широко развертывая самокритику и творческую дискуссию».

Считая все эти вопросы, оказавшиеся не по ею вине неосвещенными в статье т. Дегтарева, «Л. Г.» предполагает развернуто поставить их в специальных статьях.

РЕШЕНИЕ БЮРО ЯЧЕЙКИ ВКП(б) ИКП ЛИЯ

Бюро ячейки ВКП(б) ЛИЯ разбирало заявление т. С. Медведева о выдаче ему справки о непринадлежности к Литфронту.

В своем решении по этому вопросу бюро ячейки указывает:

Из материалов и опросов тт. Соболева, Волошина, Успенич, Суркова, Плиско и др. следует, что:

1. Медведев членом Литфронта, как оформленной группы, не состоял.

2. Вместе с тем т. Медведев разделял и разделяет ряд творческих установок Литфронта.

3. До раскрытия связи Литфронта с право-«леваческим» блоком, т. Медведев ничего и никому не выступал с критикой Литфронта, выступив на процессе Литфронта после установления этой связи, когда борьба с Литфронтом была широко развернута в ячейке.

4. Констатировать, что заявление тов Медведева на заседании бюро ячейки о том, что он разделял и разделяет ряд творческих установок Литфронта (а именно беспринципную критику лозунга «срывание всех и всяческих масок» и установку о романтизме и реализме)—**противоречит** утверждению его письма в «К. П.» от 10 ноября, о чем довести до сведения «Комсомольской правды».

ИЗВЕЩЕНИЯ

* **13 ноября** — в Комакадемии — производственная конференция Института ЛИЯ Комакадемии. Повестка дня: Основные установки единой научной и учебной работы Института ЛИЯ на 1932 г. Доклады руководителей секций Института ЛИЯ о плане работ на 1932 г. и выступления представителей ВОАПП, РАПП, ФОСП, МОРП, ОПМЛ, АРКР, РАПМ, РАПМ, ЦК самодеятельного искусства, ЦС металлистов, ЦК транспортников, ЦК горнорабочих и др. организаций. Регламент от 19 до 16 ч. и от 19 до 23 ч.

* **14 ноября** — **19 ч.** — общее собрание рабкоров-мухортовцев Всероссекомдрама (Сверная 8., 25, 3-й этаж). В повестке дня: 1. О работе секции драматургов ВРКП за последнее время и плане работы на ближайшее время (доклад т. Залесского). 2. Распределение членов секции по бригадам (т. Клейнер). 3. Прием новых членов в секцию. 4. Разное.

* **14 ноября** — **18 ч.** — в помещении МАПП (Тверская, 51) — творческий актив ударников МАПП. Обсуждение книги Шкапской, ударника завода «Серп и молот».

* **14 ноября** — **18 ч.** — в Комакадемии (Волхонка, 14) — доклад т. Храпченко — «Творчество Сейфуллиной».

* **16 ноября** — **19 ч.** — в Доме Герцена (Тверской 6., 25) — очередное литературное бюро: «Мы вступили в период социализма».

Ответственный редактор: А. СЕЛИВАНОВСКИЙ.
РЕДКОЛЛЕГИЯ: Н. Асеев, С. Динамов, И. Жига, Л. Ильинский, И. Катаев, Г. Коренев, Н. Огнев, А. Селивановский, И. Сельвинский, М. Слонимский.
ИЗДАТЕЛЬ: Журнально-газетное об'единение.

ФЕДЕРАЦИЯ ОБ'ЕДИНЕНИЙ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ И ГОРКОМ ПИСАТЕЛЕЙ
извещают о смерти
активного работника литературной общественности товарища
Александра Яковлевича БИГАЛОК,
последовавшей 10 ноября

СЕКРЕТАРИАТЫ РАПП и МАПП
извещают о смерти товарища
БИГАЛОК Александра Яковлевича,
члена секретариата РАПП, активного работника пролетлитературного движения, одного из организаторов призыва рабочих-ударников в литературу

Рабочий Редакционный Совет Профиздата
извещает о смерти
АЛЕКСАНДРА ЯКОВЛЕВИЧА БИГАЛОК,
стойкого большевика-ленинца, боевого организатора призыва ударников в литературу, чуткого и отзывчивого товарища и друга

400.000 фотообязательств выкуплено по фотозайму. 400.000 фотокоров впервые возьмут в руки фотоаппарат. Но мало иметь фотоаппарат, надо уметь им владеть. Полный курс фотографии для начинающих будет напечатан в газете „Фотокор"!

Каждый подписывающийся на фотообязательство должен подписаться и на газету „Фотокор"!

чтобы прежде чем получить фотоаппарат научиться им владеть.

ОТКРЫТ ПРИЕМ ПОДПИСКИ.

Подписная цена на массовую еженедельную газету «Фотокор» орган Союзфото и ОЗПИФ:
12 м.—5 р. 62 к., 6 м.—2 р. 80 к., 3 м.—90 к.
На газету «Фотокор» с приложением «Библиотеки фотокора» 3 книжки в месяц
12 м.—10 руб., 6 м.—5 руб., 3 м.—2 руб. 50 к.

Подписку сдавайте почте не позже установленного ею срока
Журнально-газетное об'единение

БОРЬБА ЗА ПЯТИЛЕТКУ
АВТОТРАКТОРНОГО И ДОРОЖНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА
ТЕХНИЧЕСКАЯ ПРОПАГАНДА
В ПОДГОТОВКА КАДРОВ ШОФЕРОВ ТРАКТОРИСТОВ ДОРОЖНЫХ РАБОТНИКОВ
ПРОПАГАНДА ИДЕИ АВТОДОРА
В МАССАХ РАБОЧИХ И КОЛХОЗНИКОВ
УЧЕТ ОПЫТА
МЕСТНОЙ АВТОДОРОЖНОЙ РАБОТЫ
ВСЕСТОРОННИЙ КОНТРОЛЬ
НАД АВТОТРАКТОРНЫМИ И ДОРОЖНЫМИ НОВОСТРОЙКАМИ
СОДЕЙСТВИЕ ПОВЫШЕНИЮ
ТЕХНИЧЕСКОЙ МОЩИ РЕЙСА
ОСНОВНЫЕ ЗАДАЧИ ГАЗЕТЫ «АВТОДОР»
Орган Ц. Автодора (Выходит 2 раза в мес.)
ОТКРЫТ ПРИЕМ ПОДПИСКИ на 1932 г.
Каждый автодоровец должен стать подписчиком газеты «АВТОДОР»
Подписная цена: 12 мес. 2 р. 4 к., 6 мес. р. 10 к., 3 мес.— к. Подписку сдавайте местной почте не позже установленного ею срока.
Журнально-газетное об'единение.

„УЛУЧШАТЬ БЫТОВЫЕ УСЛОВИЯ РАБОТЫ—ТАКАЯ ЗАДАЧА" (*И. Сталин*)
Единственный в СССР массовый еженедельный бытовой журнал
„КУЛЬТУРА И БЫТ"
Орган ВЦСПС, комиссии по улучшению труда и быта трудящихся при ЦИК СССР и об-ва борьбы с алкоголизмом ведет борьбу за перестройку быта трудящихся на социалистических началах в соответствии с решениями июньского пленума ЦК ВКП(б) и указаниями тов. Сталина, сделанными на совещании хозяйственников.
Каждый рабочий - ударник, каждый культурно-бытовой работник должен читать журнал
„КУЛЬТУРА И БЫТ"
С ноября месяца „Культура и быт" издается Журнально-газетным об'единением
Подписная цена: 12 мес.—4 р. 80 к., 6 мес.—2 р. 40 к., 3 мес.—1 р. 15 к.
Подписку сдавайте местной почте не позже установленного ею срока.
Журнально-газетное об'единение

МУЗГИЗ Книгоцентр
Открыта ПОДПИСКА НА 1932 ГОД НА ЖУРНАЛЫ:

ЗА ПРОЛЕТАРСКУЮ МУЗЫКУ
Двухнедельный массовый иллюстрированный журнал пролетарского движения. (Орган Российской Ассоциации пролетарских музыкантов (РАПМ).
ПОДПИСНАЯ ПЛАТА: на 1 год — 3 р., 6 мес.—1 р. 50 к.
Цена отдельного номера — 15 к.

ПРОЛЕТАРСКИЙ МУЗЫКАНТ
Ежемесячный орган Российской Ассоциации пролетарских музыкантов (РАПМ).
ПОДПИСНАЯ ПЛАТА: год — 3 р., 6 м.—2 р. 50 к.
Цена отдельного номера — 30 к.

Подписка принимается во всех местных отделениях и магазинах Книгоцентра, их уполномоченными, всюду на почте и письмоносцами.

ГИХЛ Книгоцентр
на 1932 год
ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЫ

Художественная литература, играющая громадную воспитательную роль, должна гораздо более глубоко и полно отобразить героизм социалистической стройки и классовой борьбы, переделку общественных отношений и рост новых людей—героев социалистической стройки.
(Из постановления ЦК ВКП(б) от 15/VIII—1931 г.)

КРАСНАЯ НОВЬ
Ежемесячный литературно-художественный и научно-публицистический журнал.
(Орган Федерации Объединения Советских писателей)
Подписн. плата: год—12 р., 6 м.—6 р.
Цена отд. номера—1 р. 10 к.

ОКТЯБРЬ
Ежемесячный литературно-художественный и общественно-политический журнал
(Орган Всероссийской и Московской Ассоциаций Предст. Писателей).
Подписн. плата: год—12 р., 6 м.—6 р., 3 м.—3 р.
Цена отд. номера—1 р. 10 к.

РАБОЧИЕ ДОСТИЖЕНИЯ
Ежемесячный журнал под редакцией М. Горького.
Журнал в литературной форме знакомит с нашими достижениями на фабриках, в колхозах, совхозах, во всех областях науки и техники культуры и быта трудящихся.
Подписн. плата: год—5 р., 6 м. 2 р. 5 к., 3 м.—1 р. 2 к.
Цена отд. номера—50 к.

ЗА РУБЕЖОМ
Еженедельный массовый журнал, освещающий в литературной форме борьбу и жизнь трудящихся Запада и Востока.
Отв. редактор М. Горький.
Подписн. плата: год—6 р., 6 м.—3 р., 3 м.—1 р. 50 к.
Цена отд. номера—60 к.

ЛИТЕРАТУРА МИРОВОЙ РЕВОЛЮЦИИ
Ежемесячный массовый интернациональный журнал (Центральный Орган Международного об'единения революционных писателей (МОРП). Издается на четырех параллельных языках: русск., немецк., английск. и французск.
Подписная плата для каждого журнала: год — 10 р., 6 м. 5 р., 3 м.—2 р. 50 к. Цена отдельн. номера—1 р.

СОВЕТСКАЯ СТРАНА
Ежемесячный общественно-политический и литературно-художественный журнал народов СССР.
Подписная плата: год—10 р., 6 м.—5 р.
Цена отдельного номера—1 р.
Подписка на 1931 г. переносится на 1932 г. Все подписчики 1931 г. будут получать журналы в 1932 г. соответственно сроку их подписки.

НА ЛИТЕРАТУРНОМ ПОСТУ
Ежедекадный массовый журнал марксистской критики.
(Орган Российской Ассоциации Пролетарских Писателей «РАПП»).
Подписная плата: год—10 р., 6 м.—5 р., 3 м.—2 р. 50 к. Цена отдельного номера—35 к.

ПРОЛЕТАРСКАЯ ЛИТЕРАТУРА (б. РАПП)
Двухмесячный журнал Марксистско-Ленинской литературной теории и критики.
Орган Всесоюзного Об'единения Ассоциации Пролетарских Писателей. (ВОАПП).
Подписная плата: год—7 р. 50 к., 6 м.—3 р. 75 к.
Цена отдельного номера 1 р. 50 к.

МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКОЕ ИСКУССТВОЗНАНИЕ (б. „ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО")
Ежемесячный орган института литературы, искусства и языка (ЛИЯ) Комакадемии.
Подписная плата: год—12 р., 6 м.—6 р.
Цена отдельного номера—1 р. 25 к.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА
Ежемесячный информационный и культурно-просветительный бюллетень Государственного издательства художественной литературы при участии МАПП.
Подписная плата: год — 3 р., 6 м. — 1 р. 50 к.
Цена отдельного номера—30 к.

ЗЕМЛЯ СОВЕТСКАЯ
Литературно-художественный и общественно-политический ежемесячник.
(Орган Российской организации пролетарско-колхозных писателей «РОПКП»).
Подписная плата: год — 9 р., 6 м. — 4 р. 50 к.
Цена отдельного номера—90 к.

30 ДНЕЙ
Первый в СССР художественный литературно-общественный и научно-популярный иллюстрированный журнал в красочной обложке.
Подписная плата: год — 6 р., 6 м. — 3 р. Цена отдельного номера—60 к.

КОМБАЙН
Двухнедельный массовый общественно-политический и художественно-бытовой иллюстрированный журнал.
(Орган Российской организации пролетарско-колхозных писателей ЦК союзов рабочих совхозов, МТС и батрачества.
Подписная плата: год—2 р., 6 м.—1 р.
Цена отдельного номера—10 к.

ПРОЛЕТАРСКИЙ АВАНГАРД
Ежемесячный иллюстрированный, литературно-художественный, научно-популярный и общественно-политический журнал Московской Творческой группы РАПП «Кузница».
Подписная плата: год — 6 р., 6 м. — 3 р., 3 м. — 1 р. 50 к.
Цена отдельного номера—60 к.

ПРОЛЕТАРСКОЕ КИНО
Двухнедельный иллюстрированный журнал по вопросам кинематографии.
(Орган Ассоциации работников революционной кинематографии „АРРК").
Подписная плата: год—7 р. 50 к., 6 м.—3 р. 75 к. Цена отдельного номера—35 к.

СОВЕТСКИЙ ТЕАТР
Ежемесячный общественно-политический журнал по вопросам театра и марксистского театроведения.
Подписная плата: год—6 р., 6 м.—3 р.
Цена отдельного номера—60 к.

РОМАН-ГАЗЕТА
Ежемесячный массовый журнал художественной литературы.
Подписная плата: год—3 р. 60 к., 6 м.—1 р. 25 к.
Цена отдельного номера—25 к.
К сводному подписчиков 1931 г.: номер 1—2 «Роман-газеты» в настоящее время печатается и будет разослан в ноябре—декабре этого года. Дальнейшие номера подписчики 1931 года будут получать в 1932 г. соответственно срокам их подписки.

Подписка принимается во всех местных отделениях и магазинах КНИГОЦЕНТРА, их уполномоченными, всюду на почте и письмоносцами

Уполном. Главлита. В 106866. Типография (59) пл. «Мосполиграф», пр. им. Сверцова-Сапожкова, д. 2.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Орган Федерации Об'единений Советских писателей РСФСР

МОСКВА 17 НОЯБРЯ 1931 г. № 62 (161)

РЕДАКЦИЯ:
Москва, Тверской б. 25, Дом Герцена. Телефон 2-80-12.

ИЗДАТЕЛЬСТВО:
Журнально - газетное об'единение: Москва, 6, Страстной бульвар 11. Телефон 5-51-69.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА НА 1932 г.
На 12 м. 3 р. 60 к.
На 6 м. 1 р. 80 к.
На 3 м. — р. 90 к.

ЗА БОЛЬШЕВИСТСКУЮ ПРЯМОТУ В ДИСКУССИИ

История дискуссии нередко помогает понять ее содержание. В ходе спора некоторые из противников меняют свои позиции, второстепенное выдвигают на первый план, первостепенное отодвигают в сторону, бывшее спорным объявляют бесспорным, а бесспорное пытаются превратить в объект дискуссии. Так произошло в нашем споре с творческими установками «Комсомольской Правды».

С чего **началась** дискуссия? К пленуму РАПП «КП» без каких-либо редакционных примечаний опубликовала статью С. Медведева—откровенный документ лефацкого вульгаризаторства. Этот рецидив литфронтовщины был подвергнут критике на пленуме. В ответ на эту критику «К. П.» опять-таки без каких-либо редакционных оговорок печатает статью С. Медведева, повторяющую дальнейшему развитию и обоснованию его ошибок. Тот, Авербах в специальной статье разоблачает «теорию» Медведева и устанавливает их литфронтовский характер. «К. П.» отклоняет эту статью, напечатанную у нас в «Литгазете». Больше того, «КП» выступает с редакционными статьями, в которых с каждым разом все **менее** уверенно и все **более** неопределенно пытается защищать ряд медведевских положений.

Творческая дискуссия началась борьбой против лефацкого вульгаризаторства под знаменем, выступавшего вопреки «Комсомольской Правде». Эта борьба была и остается **идейным** содержанием нашей **творческой** дискуссии. Какова **сегодня** позиция «КП» в этом вопросе? В статье т. Васильковского в «Правде» сказано: «Тов. Авербах правильно критиковал ошибки в статьях Медведева, напечатанных в «Комсомольской Правде». «КП» заявляет о своем согласии со статьей т. Васильковского. Но тем самым «КП» признает правильным нашу критику и нашу **характеристику** ошибок Медведева, т. е. тем самым «КП» обязывается к определенной **самокритике.** Где же эта самокритика? В данном случае «КП» ясно не расположена самокритиковаться — для этого, например, бывшее спорным объявляется бесспорным. В последней редакционной статье «КП» мы читаем: «...«Литгазета» хочет ставить вне спор по поводу образа-схемы», т. е. туда, где у нас **нет совсем и не может быть с нею спора».** Конечно «КП»-курсив вместо аргументации, курсив для ради пятницкой убедительности! Но ведь именно **с этого** начинались споры! Но ведь теория: «образа-схемы» — являлась одно время **общей** собственностью Медведева и редакции «КП», печатавшей Медведева без примечаний! Но ведь между нами «нет совсем» споров об образе-схеме», то это в **результате** наших споров и произведенного нами разгрома взглядов Медведева. Это должно быть сказано и признано со всей **необходимой большевистской** прямотой!

Также неловко **отступает** «К. П.» и в вопросе об оценке речи т. Фадеева. Вот три **редакционных** отзыва «КП», помещенные в хронологическом порядке: «больное искусство большевизма не будет расти на чужой истребленной почвой фадеевских «новых проблем»... мелкобуржуазные субъективистские представления тт. Ермилова и Фадеева» («КП» от 19 октября); «...пусть т. Авербах не пытается принимать нам вместо того т. Фадеев мелкобуржуазный субъективист. Мы писали о том, что представления т. Фадеева об извечных проблемах смерти и религии являются «субъективистским» («КП» от 2 ноября); «мелкобуржуазным субъективизмом мы т. Фадеева не считали и не считаем» («КП» от 14 **ноября**). Мы рады такой **эволюции** «К. П.»—внутренней эволюции, эволюции под нажимом, эволюции по необходимости. Но ведь объявление взглядов Фадеева мелкобуржуазными и субъективистскими было не случайной оговоркой—дословно, это было лаконическое выражение той **системы взглядов**, которую защищал Медведев и определенное время поддерживала его «КП». Нельзя снять обвинение т. Фадеева в мелкобуржуазном субъективизме, сохраняя всю систему взглядов, развивающуюся Медведевым и редакционными статьями «К. П.». Там же, где снимается формулировка о Фадееве и не подвергается критике та линия, которая неизбежно и обязательно приводит к таким формулировкам, там в лучшем случае недоумение, а в худшем случае — дурное мешенничество.

В той же последней редакционной статье «К. П.», представляющей собой попытку подведения итогов дискуссии, заявляется: «Мы ставили вопрос о создании положительного образа ударника-большевика в литературе. Этот вопрос «Литгазета» замалчивает. Мы ставили вопрос о партийности писателя. Этот вопрос «Литгазета» спрятала в карман. Эти вопросы были встречены в штыки тт. из руководства РАПП и «Литгазеты».

«Мы» ставили! **Претенциозность** этого заявления по существу явно определила его **развязную** форму. Разве не известно, что вопрос о показе героев большевистских темпов был поставлен и перед РАПП и перед комсомолом **партией**? Разве не известно, что в ответ на указание партии именно **РАПП** начала практическую работу в этом направлении? Разве не известно, что уже на сентябрьском пленуме правления РАПП стоял специальный доклад о показе героев труда в плане создания положительного образа? Разве не известно, что «Литгазета» занималась этим вопросом куда больше, чем «КП» —и должна этим больше заниматься и занималась же еще недостаточно?!

Но если первое «мы ставили» легко разоблачается фактами и должно быть отнесено за счет отсутствия должной скромности, то второе «мы ставили» заслуживает иной **политической** квалификации. Оказывается, что товарищи из руководства РАПП встретили в штыки вопрос о партийности писателя! «КП» угодно говорить о возмутительных обвинениях. Мы не против таких разоворов, даже когда они—это зависит от положения!—ведутся в жалобном тоне. Второе «мы ставили» представляет собою возмутительное, безответственное только **врагу** выгодное и полезное обвинение. Заявить, что товарищи из руководства РАПП встретили в штыки вопрос о партийности писателя—значит сделать **фашистский** намек на то, что у руководства РАПП нет ничего предосудительного в критике лозунга «на рапповце сделать фашистского» или в кривом смехе Шопена (!) шести в рабочем клубе). И сказал ли пролетлитературному движению критики его работы, дышавшие в речи т. Косарева? Безусловно! Хотел ли кто-нибудь об этом спорить? Да, все кто хотел. Кто именно? Тот, кто был заинтересован в переводе творческой дискуссии из рельс вопросов организационно-политического характера. Чтобы превратить спорное по творческим вопросам в бурю бесспорное, стали бесспорное по организационно-политическим вопросам выдавать за спорное! Таковы именно и цели и задачи заявления «Литгазеты» о том, что надо развивать дискуссию между комсомолом и РАПП, «севером и югом». Все значение этого места в последней редакционной статье «КП» не может быть адекватно учтено теми, кто не ознакомится с напечатанным в № 30 «На литпосту» письмом группы секретариатов ВОАПП в РАПП по поводу редакционной статьи «КП» от 19 октября. Это письмо «Комсомольская Правда», ретушируя за дискуссию и выхолащивая, не напечатала. Но на это письмо, на те **обвинения** «КП», которые в нем заключены, на те мысли, которые в нем развиты, отвечает настоящая редакционная статья «КП».

Это фракция секретариатов ВОАПП и РАПП указала «КП» на то, что за **живым** дискуссии является создание такого положения, при котором на деле тот или иной творческой группировки в пределах РАПП ставится штамп комсомола—все равно положительный или отрицательный! Это фракция секретариатов ВОАПП и РАПП указали «КП» на то, что у РАПП и «КП» должна быть и в **основном** общая творческая линия! Это в числе прочих секретариат этот вместил специальный раздел под названием: «Могут ли между РАПП и комсомолом быть творческие разногласия?» Мы рады, что «КП» становится на точку зрения, изложенную в этом письме. Мы сожалеем, что «КП» не сообщает читателю о том, откуда она заимствовала эту точку зрения.

Послей статей Медведева и после отвеса ему т. Авербаха появилась в печати речь т. Косарева. Оздоравливая у нас правильность **основных** положений его выступления? Вступил ли против **основных** установок, изложенных в речи т. Косарева, кто-либо из основных работников ВОАПП и РАПП? Нет, речь т. Косарева—положительный факт не только с точки зрения выражения его исторического поворота комсомола к вопросам литературы, но и по существу его основных высказываний (хотя, конечно, нет ничего предосудительного в критике лозунга «на рапповце сделать фашистского» или в кривом смехе Шопена (!) шести в рабочем клубе). И сказал ли пролетлитературному движению критика его работы, дышавшая

ИДЕЙНАЯ ЯСНОСТЬ — ОСНОВА ТВОРЧЕСКОЙ ДИСКУССИИ

РАЗГРОМ ЯВНЫХ ИЛИ СКРЫТЫХ ЗАЖИМЩИКОВ СОРЕВНОВАНИЯ И РАЗМЕЖЕВКИ — ПРЕДПОСЫЛКА РАЗВИТИЯ ТВОРЧЕСКИХ ГРУПП

ЗА БОЛЬШЕВИСТСКУЮ САМОКРИТИКУ В РАПП!

Л. АВЕРБАХ

ЗЛОБОДНЕВНОЕ ПОСЛЕСЛОВИЕ*

Мы боремся за линию наибольшего сопротивления. Мы требуем подхода к произведениям наших писателей все более строгими и суровыми требованиями. Мы считаем, что большое искусство создается только там, где работникам искусства ставятся большие задачи.

Большие задачи искусству ставит большевизм. Его искусство должно быть большим искусством. И только большевистское искусство может быть в наше время большим искусством — потому что, строя пролетарскую литературу, мы совершаем скачок в художественном развитии человечества, революцию в литературной истории, историческое в эстетических представлениях.

Большое искусство эпохи, вступившей в период социализма, делает еще свои первые шаги. Успехи пролетарских писателей, возглавляемых Горьким, неключительно велики. Все больше — сегодня советская литература — самая значительная литература в мире. И однако главные трудности еще впереди. С каждым днем становится все более ясным, что мы еще только в начале пути. Достижения свидетельствуют не только о росте, но и о том, что все эти достижения еще только ростки завтрашних подлинных побед. Отстаивание еще не пройденного — героизм социализма имеют право за лучшее искусство!

С ошибками, со срывами, иногда не последовательно, часто глухо или даже путая, мы, пионеры, боремся за линию наибольшего сопротивления. Но есть у нас, в пролетарской литературе, и такие, которые хотят работать по линии наименьшего сопротивления. В дискуссии с «Литфронтом» мы столкнулись с первым блоком, выражающим мелкобуржуазную пашку перед новыми задачами, протест против новых критериев оценки, сопротивление курсу на большое искусство большевизма. В этом блоке отбрось не все были мелкобуржуазными элементами: блок был разнороден, в нем были и пролетарские писатели, в том числе и не плохие, в нем были писатели отнюдь не всегда и отнюдь не все работающие в соответствии с творческими установками «Литфронта». Мы дрались с «Литфронтом» в частности потому что решительно и непримиримо, что хотели — и не безуспешно! — кое-кого оторвать от «Литфронта» и повести по пути, предполагающему как более быстро и безболезненно ведущим к действительной выработке метода диалектического материализма в художестве.

И сегодня мы деремся с разными противниками, которые могут соединяться в самые разнообразные, причудливые и даже на первый взгляд неожиданные блоки. Наш курс на линию наибольшего сопротивления неизбежно означает — хотя бы на короткий срок! — наших противников из самых различных лагерей. Против наших творческих лозунгов восстает и дикорастущий, сусальный романтик, и начетчик, безыдейный эмпирик, и рационалист, сухой схематик, и интуитивист, «непосредственный» созерцатель, и эпик, выступающий нередко с «сверхортодоксальным» обличьем, расслабленные приспособленцы, и свой — слабодушничающий, колеблющийся, не разобравшийся. В наиболее острые моменты дискуссий, протекающих часто блокируются. Воспоминания о прошлых разногласиях, традиции, сегодняшние расхождения, взаимное недоверие — все это отбрасывается, прячется в сторону, убирается за пазуху! Торжествует логика общей борьбы за линию наименьшего сопротивления!

* К сборнику статей «Из рапповского лагеря».

У нас часто линией наименьшего сопротивления считалось только левацко-культурничество. А между тем правый уклон (боровщина, перерождение, формализм, конструктивизм и т. д.) — такова линия наибольшего сопротивления — это линия классовой опасности, а реставраторства, непартийного подхода, это линия буржуазного перерождения, и это линия — главная опасность сегодня!

Чем беспредметнее была, обращаясь с лозунгом «ни рыба ни мясо», вчерашняя дискуссия, чем примиреннее, казалось, глазах у всех говорить о всем понемножку и тем или иным произведениям, к тем или иным писателям подходить, в том или ином творческом лозунге,—тем более ты способствуешь творческому разложению, творческим группировкам! Наконец-то кое-кто из перестал

УСИЛЕНИЕ БОРЬБЫ
С ЛЕВАЦКИМ ВУЛЬГАРИЗАТОРСТВОМ — УСЛОВИЕ ОКОНЧАТЕЛЬНОГО РАЗГРОМА ПРАВЫХ, КАК ГЛАВНОЙ ОПАСНОСТИ!

ДОВОЛЬНО ПУТАТЬ!

«До сих пор еще находятся критики, пытающиеся канонизировать давным-давно снятый по отношению к нашему социалистической действительности лозунг о срывании масок. Каких масок? С кого? С героев социалистической стройки. Понятно эти люди не водятся, что говорят».

Кто писал? Когда? — спросите вы, — в каком тоне правоверной цитаты. Писал т. Овалов в «Комсомольской правде» 30 сентября сего 1931 года.

Лозунг «срывания масок» в социалистической действительности целиком и безоговорочно снят (сказано... Значит, по мнению Овалова, в нашей социалистической действительности существуют только герои социалистической стройки. Высокий библейский пафос (понятие эти люди не водятся, что говорят) используется Оваловым для *того, чтобы затушевать влияние классов и обострение классовой борьбы в наших условиях.*

Кто писал это, кто разоблачал, срывал маску, покрывал (вернее чистил) и суть лицемерства Овалова и отношение этого лозунга пролетлитературы?— Тов. Добин в «Литературной газете» от 3 ноября 1931 г.

«Естественно, что в связи с успехами социстроительства классовый враг будет прибегать к новым формам маскировки. Поэтому ответственность литературы в деле срывания масок повышается еще более. Если отрицание необходимости срывания масок приводит к лакировке действительности и по существу оказывает классовую борьбу, то «теория» о наличии масок на всех, и считает положительных явлениях действительности, есть отрицание или непонимание крупных успехов, а иногда и попытка опорочить нашу действительность».

Кто пишет? Добин? — Нет, Овалов. Когда? Спустя декаду после разоблачающей его статьи Добина.

Что же значит это второе выступление т. Овалова («Комс. правда» от 14 ноября 1931 г.). по вопросу о срывании всех и всяческих масок? Оно может значить только одно: маска сорвана, и Овалов, паническ отступая, пытается балет другую. Я-де не только не ликвидировал «лозунг о срывании всех и всяческих масок», оказывая тем самым наличие классовой борьбы, я-де, напротив, — именно я, Овалов, стою на почве этого лозунга, именно я веду борьбу в защиту этого лозунга, на 2 фронта,—против вскрываемых (уклонистов, пытающихся затушевать, смазать наличие новых форм классовой маскировки, повышающуюся ответственность литературы в борьбе с ними.

Таково именно назначение новой статьи т. Овалова в «Комсомольской правде», утомительно рыхлой, удивительно по-оваловски путаной, — такое это нечистый маневр.

Что же, удается т. Овалову этот маневр? Нет, не удается. Пользуясь удобным случаем, попробуем установить классовую революционную тесноту момента т. Добина, (для того чтобы замаскироваться, он должен оказался на ней) посмотрим, что вырочем и следовало ожидать.

Сильнее нажимать должно одна форма классовой борьбы, именно борьба с классовым врагом — троцкизмом, зиновьевщиной, правизной, меньшевиствующим идеализмом, бюрократизмом, — сознательно пробольшевизирующимся и маскирующимся в интересах классовой борьбы. Соответственно ему изменяется только один случай социалистической стройки, случай нетактичного партийного одергивания масс—лишь, обмана партии в советской власти—в целях борьбы против партийной линии, против политики советской власти.

По т. Овалову поэтому, например, «помогать людям» (имеется в виду новые люди—ударники освобождаться от коросты прошлого.—значит делать почти принципиально прочно общего с срыванием всех и всяческих масок не имеющее. «Да, у них (у этих людей) есть отрицательные качества и привычки, порожденные жизнью в капиталистическом обществе», — пишет т. Овалов.—Да, они не лишены психологических противоречий. Но суть дела в том, что эти отрицательные качества и привычки никакого отношения к классовой борьбе не имеют, что они противоречия на в какой мере не являются классовым противоречием, — это просто «хорошее» и «плохое» — «стороны существа» — но «хорошее» больше, чем «плохого», и участие в советском строительстве способствует развитию «положительных качеств», способствует освобождению от «плохого».

Мы не знаем, какие именно «плохие» и «хорошие» качества имеет здесь в виду т. Овалов, но какими бы они ни были, существенно здесь то, что Овалов понимает их абстрактно, формально, вне-классовым их социальную определенность, их классовую суть: конкретно, какие качества, психологию, какие противоречия, это противоречия и качества «просто так», противоречия и качества «вообще». Поэтому, что только при этих условиях можно, говоря о противоречиях, способствующих рабочему-ударнику, представлять эти противоречия, как механическое сосуществование «плохого» и «хорошего», представлять их только как количественное, а простое уменьшение или увеличение, забывая об их диалектическом единстве, забывая, что противоречия существуют не «вне», как в форме одного вещества противоречия, забывая, что рабочий-ударник есть такой рабочий, в развитии которого произошел качественный скачок, есть рабочий, который сделал существенный шаг вперед, в деле преодоления грязи старого общества, что качественные грани старого общества, что качественные силу противоречия - суть противоречия на вполне определенной классовой, классовой основе, на вполне определенном классовом уровне, имеют вполне определенный социальный смысл. Потому, что только при этих условиях можно забыть о тех слоях рабочего класса, которые еще только начинаются в ударное движение, которые еще не перешагнули через ступень, пройденную рабочим-ударником, и стало быть противоречия и качества, свойственные им, зиждятся на иной основе, чем у рабочих-ударников. Потому, что только при этих условиях можно забыть о многомиллионных массах колхозников, — этой прочной опоре советской власти — переделка, перевоспитание, переработка мелкобуржуазной природы которых не заканчивается, а начинается вступлением в колхоз. Потому, что только при этом условии можно забыть, что «помимо ожесточенной борьбы с эксплоататорскими инстинктами и безнадежно потерянными их сопротивления Ленин выделял, как новые формы классовой борьбы при диктатуре пролетариата, руководство со стороны пролетариата со-знательной — организованной, сознательной, антисоветской, беспощадно-истребительный лозунг!

Как известно, абстрактность, формализм, эклектичность, отрывом от классовой практики характеризуется добролюбовщина, меньшевствующий идеализм. Поэтому добролюбовскую ошибку совершают те товарищи, которые не умеют или хотят понимать лозунг «срывания всех и всяческих масок», как и любой лозунг пролетарского (диктатурного) воспитания, формально, неконкретно. Поэтому добролюбовского типа неспособность допустили и т. Митин, Юдин и Ральцевич, когда они, понял лозунг «срывания всех и всяческих масок», абстрактно, формально ограничились, что он не подходит, например, к задаче художественного изображения диктатуры пролетариата, пролетарского суда, пролетарской морали. Он и не может подойти ко всем этим явлениям, поскольку он является лозунгом конкретным, диалектико-материалистическим, поскольку он не исчерпывается и не претендует на то, чтобы исчерпать все то не может претендовать ни один лозунг) всего богатства, всех возможностей диалектического материализма в изучении всего богатства классовой борьбы пролетариата, всех его завоеваний», как единства противоположностей, поскольку он сам является оружием в руках пролетарской диктатуры, пролетарской морали в борьбе с классовыми врагами пролетариата за пролетарскую диктатуру, за пролетарскую мораль, за уничтожение классов, за уничтожение противоположности города и деревни, за социалистическое строительство. Ясно поэтому, что об не имеет и не может иметь ничего общего, например, с тем потешно-меньшевистской теорией «самодвижения», которое исповедуют Бухарин и Стэном. Ясно поэтому, что когда т. Юдин «сошел на позицию РАПП, что он согласен с тем определением лозунга «срывания всех и всяческих масок», которое дано в постановлении секретариата РАПП от 12 августа, опубликованном в № 24 журнала «На литпосту» 1931 г. то он тем самым отрекается от своих ошибок и к той формулировке, которую ранее он отвергал на страницах «Правды» дал т. Киршон.

Тов. Овалов взял об этом заявления т. Юдина, тем не менее он счел необходимым в своей статье заявить, что он полностью согласен с позицией лозунга «срывания всех и всяческих масок», которое было выражено т. Юдиным, Ральцевичем, Митиным в их статье, более того счел необходимым заявить, что если бы он развивал свое собственное понимание лозунга, то сделал бы это так же, как сделали тт. Митин, Юдин и Ральцевич в упомянутой статье.

Таким образом очевидно, что т. Овалов полностью солидаризирует позицию лодырей тт. Митиным, Юдиным и Ральцевичем, и не согласен с тем всем известным положением, которое сделал на пленуме ГАПП т. Юдин. Это произвело у т. Овалова тяжкому, что лозунг «срывания всех и всяческих масок» он понимает абстрактно, формально, не исторически, отрывает «от конкретной классовой практики. Это значит, что т. Овалов совершает здесь добролюбовскую ошибку, лежащую в основе всех его путаных и беспомощных высказываний по вопросу о лозунге «срывания всех и всяческих масок», подменяя конкретное историческое содержание лозунга пролетлитературы абстрактным пониманием его, как «срывания маски со всех и от всего». Именно об этом и говорил т. Добин т. Овалову в своей статье. Имеющееся здесь у т. Добина указание как это очевидно для каждого, как это совершенно очевидно и для Овалова, излишне понятно, необязательно и оттого

ИЗ РЕЗОЛЮЦИИ ЯЧЕЙКИ ВКП(б) ЛЕНИНГРАДСКОГО ИНСТИТУТА ЛИЯ

Собрание считает правильным решение пленума и целиком одобряет тт. Далю в резолюции дается развернутая постановка вопросов признака ударников, показа героев, воинствующего (Ред.).

Собрание считает правильным разоблачение пленумом теории «двух струй» в пролетарской литературе, выдвинутой рапповской творческой группой «Звено». Отмечая левые нотки «Звена» от своей прошлой теории, собрание подчеркивает необходимость ячейки в массах членов РАПП широкую работу по разоблачению этой теории, которая сущность ее как рецидива литфронтовщины. Основополагающая творческая платформа многие обозначения творческого соревнования литературных групп по линии овладения диалектико-материалистическим художественным методом.

Ячейка Института ЛИЯ имеет со всем пленумом правления РАПП считает непримиримым противопоставление лозунга показа героя труда лениниому лозунгу «срывания всех и всяческих масок», содержанием которого является установка пролетарской литературы на показание действительности во всех ее существенных и ведущих противоречиях, связях и переходах, в который составляет органическую часть генерального лозунга борьбы за большевистское искусство.

Задача пролетарской литературы беспощадно срывать маски с классового врага, с его ложных и шпионских теорий, с правооппортунистов, плехановщ и либеральщины. Лозунг «срывания масок» по существу совпадает с лозунгом партийности в искусстве.

Далее резолюция говорит о необходимости продолжения борьбы с остатками непролетарщины, влияние которой в частности чувствуется среди литейских и механических цехов.

Ячейка решительно осуждает поведение группы людей «Литфронта» (Безыменский, Кашгулов и др.), которые вместо того, чтобы после идейного разгрома «Литфронта» честно покаяться и разоблачить малодушную сущность своих антимарксистских теорий и своей практической работой исправить вред, нанесенный ими пролетарской литературе, предпочитают отмалчиваться, оказались вовне от рядовой работы, в частности ячейка отмечает недопустимое отношение т. Безыменского, уклоняющегося от участия в работе пленума РАПП.

Вызывает недоумение также поведение

---

* Резолюция отмечает, что этот пункт резолюции может стать использован, как требование декларации со стороны т. Панферова. Ничего подобного, конечно, не имеет, от имени общего с ней большой ячейки РАПП. Известно, что руководство РАПП до пленума и на пленуме правильно требовало признания тех требований творческого документа от группы тов. Панферова. Известно, что последняя

руководителей творческой группы т. Панферова. Ими ряд творческих разногласий с основным творческим ядром РАПП, тт. из «Звена» не воспользовались трибуной пленума, для того, чтобы перед всей организацией четко поставить вопрос о своих разногласиях, придерживаясь тактике отмалчивания. Учитывая, что руководители этой творческой группы до сих пор не сформулировали с достаточной полностью своих творческих позиций, считать необходимым и интересах творческой дискуссий и наикратчайший срок добиться у группы т. Панферова открытого и четкого определения творческих позиций группы *.

Решения пленума должны стать составным звеном работы Института ЛИЯ ЛОКА, найдя отражение в планах работы секций.

Горбачевщина, как антимарксистской, наивной эклектической теории, хотя и нанесен основной удар, но она еще не разоблачена до конца и многими правооппортунистами в литературных кругах широким кругам студенчества как «организованная» марксистская» литературная наука. Необходимо продолжать беспощадную борьбу с этой лже-марксистской теорией, совместившей в себе право-оппортунистические и «левацкие» троцкистские концепции в литературоведении. Разоблачение должно вестись как на собраниях литературных организаций, так и в печати. Пленум выставил только на одном ответе на вопрос об отношении группы т. Панферова к этой «двух струй».

Т.е. потеряло правых уклонов за то, что идейная ценность является преждевременной полного развертывания творческой дискуссии. Но такая оценка по может допускаться организационными нажимом.

РЕД.

ПОЛНОСТЬЮ ПОДДЕРЖИВАЕМ РЕШЕНИЯ ПЛЕНУМА РАПП

ИЗ РЕЗОЛЮЦИИ КОЛЛЕКТИВА МАПП и КП ЛИЯ

— Перед пролетарским литературным движением стоит задача, — не прекращать ни на минуту, — повышать идейный облик, повышать идейный рост писателя. Для разрешения этой задачи необходимо дальнейшее усиление партийно-пролетарской работы среди рабочих кадров по борьбе за пролетарскую линию партии, против оппортунизма и особенно правой, как главной опасности на данном этапе, и против «левых» загибов, проявляющихся в попытках механического и вульгарного переноса.

— Партийно - политическое воспитание связано с развертыванием и расширением самокритики, являющейся важнейшим необходимым условием организационного укрепления. На основе развертывания самокритики и принципиально проводимой литературно-политической и теоретической линии РАПП добилась значительных успехов в деле укрепления коммунистических сил на литературном фронте. РАПП все более становится центром притяжения коммунистов, разошедшихся из других участков искусства.

— В духе большевистской самокритики РАПП признала правильность указаний комсомола на недооценку творческих возможностей комсомольской тематики и о показом молодого пролетариата. Комитет комсомола обвинения РАПП все основные темы обвинения и ускоряет поворот пролетарских писателей лицом к комсомольской тематике. В частности одним из существенных недостатков работы института ЛИЯ является отсутствие внимания к разработке проблем молодежной тематики.

— Только при условии дальнейшего развертывания самокритики, глубокого внедрения ее во весь систему и повышения литературной работы возможно осуществление комсомолом всех прошлых опыт пролетарской литературы и теории связи с ее творческой практикой, дать развернутую критику имеющихся оценок, чтобы подвергнуть критике и преодолеть все ошибки. Эта задача требует усиления борьбы с влиянием добролюбовской школы на пролетарскую литературу и теорию, разбивания имеющихся у отдельных товарищей по РАПП ошибок добролюбовского типа.

— Участие пролетарской литературы, писания и творчество рабочих-ударников полностью соответствует в основном творческих и творческих установок РАПП, выявленных в борьбе с воронщиной, переверзщиной, формализмом и литфронтовщиной. Эти установки идут по линии борьбы против всяческих ликвидаторов пролетарского искусства, борьбы за искусство глубокого осмысливания действительности во всей сложности и противоречиях, за искусство, сливающее все и всяческие массы с классового врага, пытающегося скрыть и замазать сущность социалистической диктатуры, за большое большевистское искусство, служащее проводником генеральной линии партии. Большим вредом, который может быть нанесен творческой дискуссии, явились бы попытки, откуда бы они ни исходили, канонизировать творческие установки одного человека или одной группы и противопоставить всей пролетарской литературы. Такие попытки ведут к затормаживанию борьбы с буржуазными влияниями, к затормаживанию темпов развития творческого искусства, к замедлению темпов социалистического строительства (вспомним, кроме того, как художественная литература, выражающая в широком смысле, должна показать качественные изменения, характеризующие крупное социалистической перестройки трудящихся масс.

— Собрание коллектива МАПП считает правильной и целеустремленной характеристику речи председателя правления т. Фадеева на состоявшемся пленуме РАПП, руководящей творческие установки РАПП как межпролетарский субъективизм.

— Собрание коллектива МАПП считает неправильным оценку «Комсомольской правды» факта необновления работы литературного объединения «Молодая гвардия», стоящего задачи разработки комсомольской тематики как проявление вещизмовщины группировки и антипартийности. Такого рода заявления объективно ведут к сужению творческой дискуссии и переводу ее на литературно-политические рельсы.

— Собрание коллектива МАПП уверено, что в результате совместной работы комсомола и РАПП, на основе внедрения линии партии в литературе, будет достигнут перелом творческой дискуссии на высшую ступень, соответствующую тем задачам, которые поставлены партией и рабочим ударничеством перед пролетарской литературой.

ГЛАВНЫЙ ОГОНЬ НАПРАВО!

ДАТЬ ОТПОР ЛЕВАЦКОМУ ВУЛЬГАРИЗАТОРСТВУ!

ИЗ РЕЗОЛЮЦИИ БЮРО ЯЧЕЙКИ ВКП(б) ЛИЯ ЛОКА

— Пленум отчетливо продемонстрировал количественный и качественный сдвиговый и творческий рост основного рабочего ядра ЛАПП, являющийся результатом работы по проведению приема рабочих-ударников в литературу и укрепления ведущей роли этого ядра.

— Рост пролетарского литературного движения и пролетарской литературы, втягивание пролетарской литературы в основные процессы социалистического строительства вызвало повышение внимания и требований пролетарской общественности к пролетарской литературе. В этой связи ячейка приветствует поворот внимания комсомола к пролетарской литературе, обозначающийся включению наиболее передовых слоев пролетарской молодежи в строительство пролетарской литературы.

— Борьба за большое большевистское искусство требует решительной борьбы на два фронта, против правой опасности, как главной на данном этапе (проявление ворошиных, формализма, поверхностных, принижение роли мировоззрения, отсутствие классовой заостренности и т. д.), так и против «левацких» уклонов (проявление литфронтовщины, лакировки действительности, вефошины и т. д.).

— В процессе развертывания творческой дискуссии должен быть дан отпор и проявлениям левацкого вульгаризаторства, имевших место в статьях о литературе в «Л. П.» (в особенности в выступлениях Медведева и Овалова).

ПО ЛИТФРОНТОВСКОЙ ДОРОГЕ

«ПУТЬ В ЗАВТРАШНИЙ ДЕНЬ» Л. ОВАЛОВА

Пролетписатель Овалов, весьма-таки по отношению к «молодому поколению рабочих-писателей», к «рабочему ядру» пролетарской литературы», выпустил новую книжку «Путь в завтрашний день».

Книга эта — примечательное явление, характерное к тем застарелым творческим сборам, которыми сегодня не необходимости вынуждено заняться пролетлитературное движение. Она представляет собой творческую реализацию лозунгов «Литфронта», которые сейчас реставрируются Медведевым, Рожковым и рядом других товарищей. И это тем более печально, что «Болтовня» Овалова явилась другой путь творческого развития!

У всех на памяти—многочисленные теперь, по еще совсем недавно злобные большие статьи — лозунги Куллера, данные в печальной знаменитой статье «О причинах отставания». Теория Куллера была продуктом дефицитных и диалектически упрощенных, она была простым воплощением эмпиризма.

Более четко, нежели у Куллера, эта программа была сформулирована «напостовцами»: «Мы хотим сшибать факты лбами» («Бо всем и всем» — передовая Курса и журнале «Напостовец» № 1, 1928 г.); «не сшибе читатель готовых мыслей... проколите его на фактах... факты бродят по жизни... накидай на мозги из-за угла, сотрясая, обворачивая, ломая перспективы» (тот же Курс в 1930 г.). Воинствующий полуучет эмпиризм отказывался здесь от марксистско-ленинской методологии, восставал против диалектики, против всестороннего изучения предмета во всех его опосредствованиях; восставая против осмысления эмпирического материала, — тем самым против партийности литературы.

И Куллера, и Курса, и теоретиков «Литфронта» характеризовало прежде всего непонимание необходимости бороться за глубокое марксистское мировоззрение писателя, непонимание роли мировоззрения и художественном творчестве.

Художественный метод понимался ими как применение технического мастерства писателя к материалу (в порядке выполнения нульевого пошлого социального заказа), «Факты бродят по жизни»... «Мы хотим сшибать их лбами»... «Факты бродят», накидая на мозги из-за угла, сотрясая, обворачивая, ломая перспективы»... По Курсу, не требуется совместимость их — факты живут, факты думают.

Книга Овалова как будто специально написана по этим указаниям. Его книга загромождена огромным количеством бессвязных, застывших фактов, произвольно противопоставленных. А такой подход характеризует не художника марксиста-диалектика, а метафизика, не умеющего понять процесса развития явлений, их взаимную связь, противоречия и движение. Метафизик берет их как застывшие, бессвязные, мертвые.

Овалов не изучает явления, не изучает их действительную связь, а не выдумывает искусственную и в этой искусственной, надуманной, механической связи противопоставляет их. Но эти «застывшие» в произвольные позиции факты» не живут, не думают.

Задачей автора было написать историю Керченской аглоиерационной фабрики, работники которой буржуазных историков Керчи и опубликовавших современных писателей:

> «Печально талантливых и всесторонне образованных современных писателей представляют рассказчики пролетарской молодежи в норах Митридатах, всячески выбирающих рассказов о советских фабриках. Но остановитесь грациозно бывший частичный инспектор. Ваше время истекло. История агломерационной фабрики должна быть рассказана».

Одну из глав книги Овалов посвящает «Смотри исподлобья Витязя», истории буржуазной истории Керчи. Не пытаясь изобразить Витязя в самом процессе работы и производстве прокомментировать эту работу, Овалов в задачей не справляется и приходит к очень печальным результатам: следуя за Витязем по его тексту, пытаясь иронически прокомментировать этот текст, Овалов целиком остался в пределах этой буржуазной истории Витязя, в пределах ее «исторического» материала, простенькими, примитивными, произвольно взятыми фактами преимущественно курьезного характера. Автор, в противовес буржуазной истории Витязя — кошелке курьезов, анекдотов и измышлений,—должен был дать нам действительную историю Керчи как историю классовой борьбы в ней. Но Овалов ограничивается только пересказом курезов Витязя, противопоставив в исторической концепции Витязя, оставаясь в пределах его материала.

Овалов не смог разоблачить Витязя, не смог разоблачить капиталиста, при котором произвола Керчь, — автора одолел старый буржуазный историк Витязь.

«Разоблачение» таким образом со старой историей, автор рисует Керчь советскую:

> «В Керчь приходят поезда, никогда не читавшие рассказов господина Витязя. Город преобразуется. Экскаваторы сыплят на железных руднички. Огребенная рыба наполняет колхозные баланды. Молодые инженеры буравят в недрах нефть. Миллионы кирпичей выгружаются на винное табачная фабрика. Если пыль оседает на известных ее-

> ...ходит. Тысячи балок занимаются на винтовой фабрике. Пароходы нагружаются блестящей солью. Октябрята мечтают об экскурсии на сахарный завод. Город преобразован!!!»

Овалов видит здесь только техническое преобразование города. Но этот технический сдвиг, нафос технического довольства еще не отличает пролетарского писателя от буржуазного художника, воспевающего техническое преобразование. Этот технический нафос приводит Овалова при обрисовке ударников к таким формулировкам: «комсомольцы должны работать, как машины, машины должны работать, как комсомольцы».

Автор усиленно обыгрывает сравнение керченских комсомольцев с ветрами, работающими на американских агломерационных фабриках, — с ветрами Сахарры. Это, по мысли автора, должно подчеркнуть интернациональное значение нашего социалистического строительства. Но из сопоставления, недостаточно осмысленного, читатель не получает представления о социалистической фабрике, так как автор не вскрывает отличия социалистической фабрики от капиталистической: условия труда на нашей фабрике по Овалову те же, что и на капиталистической, отличие состоит лишь в том, что комсомольцы работают самоотверженно, жертвенно. Автору представляется, что такой характеристики нашего соцстроительства вполне достаточно для того, чтобы противопоставить в художественных образах две системы: капиталистическую и социалистическую.

Овалов в одном месте делит вертикальной линией страницы своей книги на две половинки и противопоставляет на этих половинках произвольно взятые факты, призванные характеризовать два мира — прошлое и настоящее. Но и в других местах книги, где нет этого деления страницы, по существу вертикаль остается.

Овалов снабжает факты лбами, подобно тому, как некоторые умники снабжают горох со стопой. Факты отскакивают друг от друга, а читательские «лбы» начинают болеть от бессмыслицы и механического нагромождения фактов.

Если бы Овалов подошел к фактам как диалектик, тогда факты были бы отобраны и осмыслены, они бы увязались в произведении органически и их противоестественное закономерно выпекало бы из содержания произведения. В этом смысле совершенно характерно противопоставление качества работы у нас и «качества работы» в царской России (лодо с волчьих хвостах).

Диалектика процесса Овалова совершенно тематически выбрасывается, пренебрежение к задаче осмысливания, к мировоззренно приводит автора к целому ряду ошибок, неточностей, двусмысленностей.

> «Коллектив рабочих фабрики (комсомольской агломерационной) дрался за улучшение работы в ПОЛНОМ ОТЧИНЕЧЕСТВЕ. «Прорвало чугунок детку в доменной печи—кто виноват? Фабрика. Томасовский лист перегрузу много брака—кто виноват? Фабрика. В велосопровалочной вышел на работу пьяный рабочий—кто виноват? Все она, фабрика. Фабрика злюка, фабрика там, и черти ее вообще забрали эту фабрику. Люди, разбивающие на фабрике, вообще не люди...».

Овалов рисует отношение всех и вся к комсомольскому коллективу, к комсомольской фабрике как отношение к чему-то враждебное. Это заявление о полном отличие комсомольского коллектива, это подчеркивание его обособленности единственно его революционной роли, это отсутствие в произведении партийной организации есть безусловное проявление настроений эклектизма.

Перед автором стояла задача показать трудности организации фабрики и трудности в ее работе. Но автор не показывает ни того, ни другого, он обходит сторонкой показ противоречий роста и их снятия героической работой комсомольского коллектива.

Эта болезнь диктует автору сугубо поверхностный и лакировочный подход, при котором действительное содержание трудностей и действительное содержание побед фабрики из произведения выпадает.

Рассказав «Дело о волчьих хвостах», Овалов так характеризует строй помощников и капиталистов: «нет страна, даже те немногие, чьи интересы тогда властвовали и защищались, противостояла государственному чиновничьему аппарату. Весьма своеобразное представление о дореволюционном строе!

«Восточка» была значительным произведением, ценность которого определялась не только важностью тематики, но и тем, что Овалов обнаружил в ней в основном правильный подход к творческим задачам пролетарской литературы, он понимал необходимость глубокой мировоззренческой работы. Тов. Селивановский в «На литературном посту» в общем верно оценил это произведение как крупное литературное явление на столбовом пути развития пролетарской литературы. «У тов. Овалова есть элементы мировоззрения, дающего необходимую ориентацию в многообразных явлениях действительности». Мы писали о том «Восточке» свидетельствует об ошибках, подстерегающих пролетарского писателя на пути к диалектико-материалистическому творческому методу» (перволначальные черты «всепрощенства», сумбурная, душевная размагниченность Морозова и др.).

«Путь в завтрашний день» в творчестве Овалова — движение вспять, это отступление перед трудностями, которые встали перед Оваловым после «Восточки». Овалов пошел не по линии наименьшего, а по линии наименьшего сопротивления.

Отходя от напостовских творческих установок, на основе которых была дана «Болтовня», Овалов совершает крен в творческих установках «Литфронта». «Путь в завтрашний день» — тяжелый срыв в творчестве Овалова и относительно — прямое свидетельство пригодности влияния творческих установок «Литфронта», их разоблачение.

Отсутствие литературщины, влияние которой было заметно даже и в «Болтовне», еще больше—в «Братом и черном». — в разбираемой книге чрезвычайно усилилось.

Назад фабрика у Овалова по-литфронтовски проста:

> «Кружат крупинками грязи и желтый агломерат в приемочные вульмоны. Из-под грязей летят бесконечные снопы золотистых и белых искр, сверкающих лучше вечного искусственного фейерверка».

Литературщина в полности кажущаяся больше места в книге:

> «Как всегда, перед истиной содержалось в народной легенде о царе Мидасе. И глубоко горы накопили пар. И золотом вооружения, на украшение золотой конь, стоит он в глубоком подземелье. Невиданное количество золота хранит гора, названная его именем. ЭТО ПРАВДА».

> «Утреннее сияние излучается на свободу множество блестящих драгоценностей, называемых советскими людьми».

> «Фабрика обнажена, как куполовидная из сахаровой скорлупы...».

> «Небо ласково, как синие глаза любимой девушки».

> «Ужас горит в сердце высокомерного, как черта так же ярко, как электрическая лампочка».

> «Оранжевый закат тает, точно виноградное мороженое».

Лучшее и наиболее ценное в книге Овалова — очерки самих ударников, которые и следовало положить в основу истории Керченской фабрики.

Ценой на Овалова: «Но остановиться, прислушаться внимательно к пульсу времени. Ваше время истекло. Истребленная фабрика должна была рассказана», — может начинаться будущая книга по истории Керченской фабрики — Овалов этой истории не написал.

Н. ПУШКАРЕВ

КОНФЕРЕНЦИЯ ИНСТИТУТА ЛИЯ КОМАКАДЕМИИ

Производственная конференция Института ЛИЯ, происходившая 13 ноября, открылась докладом С. Динамова о плане работ Института на 1932 год. План построен на докладе 12 основных темах, охватывающих основные вопросы, стоящие перед литературой и искусством, и ряд ближайших задач, выдвинутых письмом т. Сталина в журнале «Пролетарская революция».

— Искусство и литература, — говорит С. Динамов, — должны дать историю партии и Коминтерна в образах. Надо констатировать, что на сегодняшний день художники плохо справляются с этим требованием. Задача Института ЛИЯ — дать методологию овладевания в литературе и искусстве роли партии, образа большевика и комсомольца — строителя гражданской гвардии в своем истоке гражданской гвардии фабрик и заводов.

Эта методология должна быть построена на основе непримиримой борьбы на два фронта, борьбы против замалчивания и скрывания действительности, за сильное средство всех творческих масс. Литературная теория отстает от литературной практики, в свою очередь отстающей от действительности. Ведь совершенно недостаточно дать критику небольшевистской истории литературы и искусства. Надо дать анализ, которые вскрывали бы эрелую литературу, заняли бы ее место на библиотечных полках. Необходимо также более зорко следить за работой некоторых «либеральных издательств», пропускающих вредную и полную контрреволюционную литературу (см. меньшевистское выказывание Подвойского («Федерация», 1931 г.), «Опыт современной эстетики» Волькенштейна, «Искусство народов СССР» Тухачевского (Госиздат 1930 г.), книги Лаврова и — «Кулак» и др.

Институт ЛИЯ должен широко развернуть работу по разоблачению социалистических установок в литературе и искусстве, провести ревизию концепции Фриче, Воронского и т. д.

Выступивший затем И. Ситковский рассказал конференции о перспективах учебной работы на 1932 год. План учебной части ИКН построен в тесной увязке с научно-исследовательской работой Института ЛИЯ.

В работе конференции приняли участие представители всех секций Института ЛИЯ.

Е. ПЕЛЬСОН

ЗАЯВЛЕНИЕ тт. ЧЕРНЕНКО И ВЛАДИМИРОВА

в президиум ЛАПП

1. Участвуя в создании творческой группировки «Октябрь», мы, подписавшие настоящее заявление, не считаем своим самым ту антипролетарскую среду, которая является непосредственной базой опор в ЛАПП и РАПП и которая, на данном этапе развития пролетарской литературы, крайне необходима для успешного и правильного роста пролетарских писателей.

2. На протяжении полугодовой работы «Октября» мы достаточно ознакомились с творческим кругозором каждого члена группировки и пришли к заключению, что творческая разнохарактерность и разнонаправленность поисков и устремлений, которая наблюдается на сегодняшний день в произведениях «Октября», послужила главной помехой к созданию истинно творческой среды.

3. Это привело нас к необходимости выйти из «Октября» это и заставляет нас поставить перед руководством ЛАПП и РАПП, частью которого является и наш, задачу создания марксистско-творческой среды в нашей организации. Одной из мер для разрешения этой задачи мы считаем организацию такой новой творческой группировки, которая объединила бы членов ее на творческих принципах единства и роста и которая одновременно включила бы в себя критические силы для того, чтобы последние, помогая расти писателю, росли бы сами, осмысливая конкретный творческий материал.

Мы будем создавать такую творческую группировку на основе единой литературно-политической и творческой линии РАПП, на основе критического осмысливания и преемственности всего богатейшего опыта пролетарской литературы, на основе разработки и применения в творчестве ленинского этапа культурной революции и глубокого осмысливания обеспеченной действительности в свете марксистско-ленинской философии.

4. Дальше считаем нужным заявить, что ошибочность теории «двух струй» и пролетарской литературе «Октября» признана недостаточно; что теория «двух струй» — не только ошибка т. Воронова, это — ошибка всей группы, каждого «октябриста» в отдельности и в особенности руководящего ядра группировки, частью которого были и подписавшие настоящее заявление. Белоговорочно осуждая эту теорию, мы заявляем, что она объективно перекликалась с «Литфронтом».

П. ВЛАДИМИРОВ
АЛ. ЧЕРНЕНКО

21 октября 1931 г.

ЛИТЕРАТУРНОЕ СЕГОДНЯ

* Большой вечер, посвященный 13-й годовщине коминтерна Востока, устраивает 21 ноября в Клубном зале Дома союзов расширенная секция МОРП, расширенная секция Интернационального клуба писателей революционных стран и Бюро секции пролетарской литературы Всесоюзного общества культурной связи с заграницей. В программе вечера — доклад т. Бела Куна, выступления поэтов А. Гитлина, Э. Мараса, А. Безыменского, В. Луговского, Барта, Герцеля, А. Суркова и писателя-коммуниста Вендта.

* **Мартин Андерсен Нексе** прислал из Голландии (Скеве) письмо в «Рот-Фронт», в котором он сообщает, что его доклады о поездке в СССР слушали за границей большой интерес. Интервью с Нексе, напечатанное большими заголовками газетой, перепечатывается буквально всеми голландскими газетами. Нексе сообщает, что он приступает к работе над книгой о поездке в СССР. В первую очередь этот материал Нексе думает напечатать в журнале МОРП «Литература мировой революции».

* Творческая группа «Опора» (РОПКП) оформленно оформилась в таком составе: тт. М. Карпов, Ив. Макаров, М. Исаковский, И. Недобрин, И. Шухов, И. Островский, Ив. Трусов, Д. Ромоченко, Ж. Кудашев, Ив. Васильев и Цивилеев.

* 23 ноября при клубе ФОСИ открывается кабинет краснознаменного автора. Кабинет является методической базой работы с красноармейцами-ударниками, призывными в литературу.

* На истекший конкурс ЛОКАФ поступило свыше 50 рукописей, главным образом от начинающих красноармейских авторов.

* В центральной красноармейской литгруппе МоскОКАФ «Красное знамя» начались обсуждения творческой работы. Группа подготовила доклад Н. Данилова. Вслед докладу развернулась прения. Прения перенесены на заседание собрание 30 ноября, которое состоится в клубе ФОСИ.

* «Литературный и газетный мир Америки» — на эту тему сделает доклад Бор. Вольный с показом на вечере в Доме печати. Вечер устраивается сектором ЛИЯ Дома печати.

СОЗДАЕТСЯ ИНСТИТУТ ИЗО-СТАТИСТИКИ

Совнаркомом СССР принят 12 сентября постановление, в котором указывает на большое значение применения земских карт для широко развернутой статистики для нужд производственной пропаганды и для школьной и внешкольной учебной работы.

Для реализации этого постановления Оргкомитет наш границы директора Венского этнографического музея д-ра Нейрата и его сотрудников, которые недавно приехали в Москву. Они будут работать в организуемом при Оргкомитете изобразительном отделении.

Институт предполагает развернуть работу по изданию диаграмм и картограмм. В первую очередь будут изданы диаграммы, иллюстрирующие наши достижения в области социалистического строительства и мирового экономического кризиса.

При содействии Института в Москве будет организован специальный музей для показа достижений московского хозяйства. К настоящему времени (для этого музея диаграмм и картограмм) Институт уже приступил.

ДЕСЯТЬ ЛЕТ ТЕАТРА имени ВАХТАНГОВА

Свой десятилетний юбилей вахтанговский театр отметил представлением «Турандот». Спектакль этот в свое время вызвал кое у кого недоуменное замечание, что на сцене советского театра могла бы фигурировать героиня метерлинковского символического произведения в чем, спрашивается, перемены октябрьских дней оказались бы более на месте, чем халтурно-эпигонская пьеса Гоцци. Или даже Тимур или принц Казаф, или даже ретивая Адельма. Веселая игра и разнузданные мужчины искусства не есть ли это дезертирство от революционной улицы?!

Трудно подлежать это недоумение. И не потому, конечно, что у нас принцы могут соперничать с матросами, а потому, что бесшабашную сказку венецианского графа детей Вахтангова сумел превратить в революционный спектакль, который театр смог и сейчас ряды расположительного зрительства. Защита спектакля мотивировалась целым приемом на театральность и восстановление народной комедии масок, но, как всякая формалистская отмычка, она шла с революционной сценой, улучала высокое идейное звучание «Турандот».

Энгельс заметил как-то, что такие понятия, как любовь, красота, истина, добро вполне способны изменяться, изменяясь, как изменяется сам человек, но что все же имеются некоторые моральные принципы, которые являются настолько общими, что даже проявляются могут только практически. Русская буржуазная интеллигенция мещанским сознанием окружала эти понятия, вложила духовный уклон, откровенно таила Владимира Соловьева, канонизировала Вентуровская оценка истории литературы, как истин добра и красоты, элементы того же у Станиславского и, короче же, у Вахтангова — с его тогдашними идеями и мистическими мечтаниями. Всему этому прошлому, себе Вахтангов дал резкий, веселый ответ «Принцессой Турандот».

Принципное противопоставление, о котором говорил Энгельс, осознавали Вахтанговцы, получила в спектакле выразительную театральную интенсивность.

Калаф, готовый умереть от любви в первый же момент сценического монолога, патетически выкликающий мочалке туфель, и Адельма, неслыханно обрекающая свое страстное признание презрительной скороговорке: «я страдаю, прости, бедняжка», хан Тимур, призывающий указать старость, встречающий большевистским потопом, заменяющим ему бороду, и много, многое другое прозвучало чарующим пафосом, непосредственным восторгом, оборвано выходками по всем сценическим мужчин. И в то же время из всем спектакле — живая солнечная песнь радостной жизни, как надежда, как уверенность в добром будущем.

Вахтангов — на путях от Станиславского к Мейерхольду — использовал приемы комедии дель'арте, характерной тем, что актер все время остается самим собой, не сливается с образом, а «прячется за ним», чтобы в любую минуту «выйти», показать свое отношение к образу. Так театральность получила свое идеологическое оправдание. Значит, дело не в праве на театральность вообще, на самодельную игру масок, — скучная могла бы получиться реставрация! Об этом никогда нельзя забывать.

Более поздний спектакль, где зазвучали турандотовские ритмы — «Заговор чувств». Принцесситься в сюжете: речь это «Принцесса Турандот». Во время спектакля мы все время ощущаем, что автор чувств имеет много планов на учет и что гражданский мир Андрея Бабичева в любую минуту может гатель на воздух. Весь это явная выдумка, что «сталь, полная цветов и цветов», над которой так развязно-пошло хохочет коммунист Бабичев, будет выбрасывать в помойную яму победившим социализмом. Нет, эта сталь будет украшена на самом видном месте. Досуг об отмеченной любви и нежности пролетариата не будет. Не и Иван Бабичев, человеческий, как знамя, подушку, символ культурных семейных интерьеров, забудет в «состоянии» «чувств» против «семей», то — чуждый нам миф.

Этот метафизический порок талантливейшей пьесы Одина театр пытался сегодня турандотовским приемом. Практически вышли из «Турандот» в разных местах советских театров: Ленинградская Андрея, воспетые Пилъняк; злость, стремительность — наивные условные декорации утрированные костюмы и гитлеровщина как бы неприличного зад себя Ивана Бабичева, все время повторяющегося неслучае и вдохновенное «О, Каталерум!», изменили приемлемость в любовниках, запомнившемуся месть: «убью, ревную, ненавижу, убью!» — неожиданно обрамляющая пронзительной деловитостью. — «возьмите нож»... (Возьмите Адельму).

Использование вахтанговской театральности имело здесь социальную функцию, — не знаю большого идейного результата, — но закономерную. Это заставляет усиленно подчеркивать коловейным Вахтанговым.

«Надо, — говорит он в своем дневнике, написанном еще в духе канонизированно-романтической терминологии, — освободить народ всем творческим существом. Надо заниматься искусством для рабочего удовольствия». Надо, значит, продолжать самодеятельность театральность искусства ради него.

Можно ли сказать, что этот подход навсегда забавляется вахтанговским театром после смерти его основателя, что в него тогда в отвлеченной эстетической жестикуляции, хотя бы в шикарном спектакле? Говорим мы это в обычные дни не из полярства. Из любви.

С другой стороны, преодоления театральность почему-то улучшались в самом неожиданном случае. Отчего, например, были так благородны, так красиво-несчастны буржуазные герои «Лейтенанта Кижа»? Благородство возможно подходит им с точки зрения «интеллигентщины и любви к каждому ребенку». но не театру Вахтангова, значительному об общественном отношении к обществу. Зависит этого рода — общественное, классово-мировоззренческое.

В творческом опыте вахтанговского театра выросло большое мастерство, высокую культуру которого сознательно не заметить. Практически сценически это — «Леся» и одиночек, но в целом это культура всего коллектива. Эта культура, проверенная на революционной советской тематике «На дне» «Разлом», «Виринея», «Барсучья», «Бронепоезд», на спектаклях, получивших признание рабочего зрителя, показали, как современный материал усвоился и подготовляет силу театра. Особенно замечательно искусство врача и утонченного та-

Е. Б. ВАХТАНГОВ

нца. Вспомним блестящую галерею «Из огня» или сегодняшнюю «Темпа».

Но семилетняя случай с последней постановкой — с «Путиной». Речь — не о художественной безнадежности этого спектакля, не будем отдавать театру то, что принадлежит залу. Интересно, как случилось, что театр с таким художественным вкусом, с явным чутьем, неожиданно обнаружением, пришел к столь явно-плоскому «Путина страница?!

Вахтангов в 1930 году не принял бы к постановке «Путину». В книге об основателе театра Б. Сахновского сообщает, что в программе художественного актерского театра общественные задачи были формулированы с вахтанговской народнической терминологией, что произведения самим Е. Вахтанговым «несколько устарелым», но нужным, в виду «временного авторитета» названные самим самого Е. Б. Вахтангова. «Вероятно, — продолжает Б. Захава, — теперь Е. Б. Вахтангов, если бы был жив, назвал бы другие свои произведения... не столь ранние». Вот это «новое» следовало формулировать вахтанговцам самим. «Предательство живого дела Вахтангова!» — утверждает Захава. Предательство? Не назад — к Вахтангову, но «живого» имя вокруг него, а безоговорочное продолжение его дела так, как он сам все бы его, умея предвидеть пройдет, четвертый и беспощадный к своей общественной чуткости, — говорит к Вахтангову.

Вот в наиболее общих чертах путь вахтанговского коллектива, подчиненного за скромный сезон до большого революционного театра.

Пожелаем ему дальнейших побед. Последняя, чтобы следующие «Принцессы Турандот» занимали более строгие задачи, какие ставит перед искусством эпоха.

Ю. ЮЗОВСКИЙ

НА СОБРАНИИ ТЕА-КРИТИКОВ

Состоялось общее собрание секции театральных критиков Всероссоюза. На собрании заслушан отчет о работе, проведенной за два месяца, и планы работ секции.

Отчет показал бездеятельность бюро секции, в котором из 16 членов фактически работало два.

Органы, помимо бригады не дали никаких конкретных результатов работы.

Что касается планов работ секции, то в них намечены следующие основные моменты, которые предполагается обсудить на общем собрании с целью дальнейшего развертывания работ — на основе общих производственных установок и задач сезона. Вопросы мероприятия, общего сценического содержания, которые надо считать самыми неотложными, проблемы кадров, проблемы клубного творчества и т. п. — все это не нашло отражения в плане. В результате прений в план внесены существенные изменения и дополнения.

В целях повышения работоспособности перезабрано бюро секции, персональный состав которого через два месяца работы оказался у исходной точки.

Меня удивляет последность редакции «Комсомольской правды», реабилитирующей Медведева до объективного разбора дела.

С ком. приветом

В. КИРШОН

Утверждение «Комсомольской правды» (№ от 19 октября), что товарищи Медведев и Волков никогда не принадлежали к «Литфронту» по меньшей мере странно.

Как известно, после роспуска «Литфронта» отдельные бывшие литфронтовцы «побежали в кусты», не желая нести ответственности за совершенные ими ошибки. К этим последним, как видно, относятся товарищи Медведев и Волков. Но факты — упрямая вещь. Факты «голосуют» против Медведева и Волкова.

На совещании при секторе печати МК ВКП(б) от 21 октября 1930 г. под председательством тов. Зазулинской, на котором присутствовали тт. Кирпон, Нейман, Мате Залка, Вовси, я и другие, присутствовал и тов. Медведев, который выступил в защиту позиции «Литфронта» и Зонина.

На собрании группы «Литфронта» от 17 ноября 1930 года в клубе ФОСП по докладу т. Рожкова выступил с антипартийской речью т. Волков. Стенограмма (правда не выправленная) этого собрания имеется у меня. Я не думаю, чтобы т. Волков осмелился это отрицать.

Если память мне не изменяет (к сожалению, у меня нет под рукой номера «Литгазеты» от 15 ноября 1930 г.), в коллективном письме за подписью «девяти» о роспуске «Литфронта» имеется и подпись тов. Волкова.

С ком. приветом

М. БОЧАЧЕР

ЗАЯВЛЕНИЕ тов. УСИЕВИЧ

Усиевич была принята в МАПП одни день с С. Медведевым. Она присутствовала на заседании, на котором Медведев признавал свои ошибки.

На вопрос относительно того, раздел ли признавал за творческие кадры «Литфронта» т. Медведев, отвечал:

1. При приеме нас в МАПП т. Медведев действительно заявил, что разделяет творческих установок «Литфронта».

2. На вопрос т. Зонина относительно того, держал ли Зонин его одном собрании Медведев ответил, насколько я помню, что его выступление там действительно имелось и обвинялось поддержка Зонина в потому было политически ошибочным.

Одновременно в интересах объективной истины, считаю долгом заявить, что после разоблачения правооппортунистической группы Медведева выступил за роспуск «Литфронта».

Е. УСИЕВИЧ

23 ноября 1931 г.

ПРОТИВ БЕСПРИНЦИПНОГО МАНЕВРИРОВАНИЯ

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ФРАКЦИИ СЕКРЕТАРИАТА МАПП

Ознакомившись с письмами тт. Кирпона и Медведева в «Комсомольской правде», фракция секретариата МАПП констатирует:

1. На заседании в Отделе печати МК, осенью 1930 года, Медведев солидаризировался с литфронтовским выступлением Зонина. В своем выступлении Медведев уверял, что у «ЛИТФРОНТА» С РАПП ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ РАЗНОГЛАСИЙ НЕТ, что РАПП ЗАЖИМАЕТ ПОЛЕЗНУЮ, НЕ ДЕЛЬЗЯ-ЛИТФРОНТОВЦЕВ НА РУКОВОДСТВЕ БРАЖКАМИ, что РАПП ВЕДЕТ ЕРМИЛОВСКУЮ ЛИНИЮ, что ЕРМИЛОВЩИНА — СИСТЕМА РАППОВСКИХ ВЗГЛЯДОВ и С ЕРМИЛОВЩИНОЙ ВМЕСТЕ ОН РАБОТАТЬ НЕ БУДЕТ.

Фракция отмечает также, что тов. Кирпон, отвечая литфронтовцам—Зонину и др., солидизировал с ними заявлением печати МК т. Залупинским, персонально занимавшим в тот период нечестную и неверную позицию по отношению к борьбе с «Литфронтом».

2. При приеме в МАПП, осенью 1930 года, на вопрос т. Кирпона Медведеву, приглашает ли он свою речь на совещании в секторе печати МК литфронтовской и антипартийной, Медведев заявил, что речь была действительно литфронтовская, неправильная и он от нее отказался.

3. На основании заявлений тт. Бочачера, Полонского, Усиевич и др., и постановления бюро ячейки ВКП(б) ИКН ЛИЯ, устанавливается, что Медведев разделял и разделяет основные творческие позиции «Литфронта».

4. Медведев заведомо ложно информирует пролетарскую общественность о своей позиции.

5. Опубликовать постановление о О. Медведеве и печати.

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

К моему письму о С. Медведеве, выступившем с литфронтовской речью в Отделе печати МК, а затем отказавшемся от этой речи, признавшем ее ошибочной, теперь же отрицающем все эти заявы, редакция «Комсомольской правды» сочла необходимым сделать примечание, в котором моя справка объявляется неправильной. В доказательство приводится письмо бывшего зав. сектором печати МК, т. Захаловича, заявившего, что речь Медведева не была литфронтовской. Меня не удивляет заявление т. Захаловича, персонально занимавшего в тот период нечестную и неверную позицию по отношению к «Литфронту» — может быть с его точки зрения в речи С. Медведева и не было ничего литфронтовского.

Ильича, Электрозавода, Мясокомбината, «Шарикоподшипника», Трехгорки.

* 20 ноября — в помещении переселенческого кооперативного товарищества «Хлопковод» (Кузнецкий мост, 11) — открывается выставка американского пролетарского художника Джона Гартфильда.

* 20 ноября — (3 ч. — плеарное заседание секции газетоведения и публицистики Комакадемии ЛИЯ (Волхонка, 14). Повестка дня: доклад «Печать на новостройках» (докладчик тт. Соболев, Полонский и бригада КИЖ).

* 21 ноября — 18 ч. — в конференц-зале Дома Герцена — общее партийное собрание ячейки ВКП(б) ФОСП.

В КЛУБЕ ПИСАТЕЛЕЙ

* 17 ноября — 19 ч. 45 м. — дискуссионный просмотр нового кинофильма.

* 17 ноября — 19 ч. — творческий вечер секции малых форм СРД. Доклады тт. Аго и Иркутова.

* 19 ноября — 20 ч. 30 м. — концерт Б. Крейна (виолончелист) при участии засл. арт. респ. К. А. Эрдели, В. И. Гольдин Евг. Цинка. Билеты в клубе.

* 20 ноября — 19 ч. — открытие семинара районных отделений и кружков РОПКП.

* 20 ноября — 19 ч. — общее собрание кружков переводчиков.

* 20 ноября — 20 ч. — кружок «Час байт».

* 21 ноября — 19 ч. 45 м. — А. Б. Деман. Доклад «Промахи мастеров». Бабель, Бунин, Гоголь, Горький, Гумилев, Достоевский, Есенин, Куприн, Лермонтов, Надеждин, Пильняк, Сергеев-Ценский, Л. Толстой А. Тренев, Тынянов, Чехов. Балеты в клубе.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Основная ошибочность общественно-методологических установок «Перелома», постоянно заявляю о своем уходе из этой литературной организации.

ВАЛЕНТИНА ДЫННИК

Москва, 10 ноября 1931 г.

Ответственный редактор: А. СЕЛИВАНОВСКИЙ.
РЕДКОЛЛЕГИЯ: Н. Асеев, С. Динамов, И. Жига, Л. Ильинский, И. Катаев, Г. Коренев, Н. Огнев, А. Селивановский, И. Сельвинский, М. Слонимский.
ИЗДАТЕЛЬ: Журнально-газетное об'единение.

БОРЬБА ЗА ПЯТИЛЕТКУ АВТОТРАКТОРНОГО И ДОРОЖНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА
ТЕХНИЧЕСКАЯ ПРОПАГАНДА
и подготовка кадров шоферов, трактористов, дорожных работников.
ПРОПАГАНДА ЗНАНИЙ АВТОДЕЛА в массах рабочих и колхозников. УЧЕТ ОПЫТА местной автодорожной работы. ОБЩЕСТВЕННЫЙ КОНТРОЛЬ над автотракторными и дорожными новостройками. СОДЕЙСТВИЕ ПОВЫШЕНИЮ технической мощи РККА,
ОСНОВНЫЕ ЗАДАЧИ ГАЗЕТЫ „АВТОДОР"
Орган ЦС Автодора. (Выходит два раза в месяц)
ОТКРЫТ ПРИЕМ ПОДПИСКИ на 1932 год
НАЖДЫЙ АВТОДОРОВЕЦ должен стать подписчиком газ. «Автодор»
Подписная цена: 12 мес.—2 р. 40 к., 6 мес.—1 р. 20 к., 3 мес.—60 к.
Подписку сдавайте местной почте не позже установленного его срока.
Журнально-газетное об'единение

„Москва должна быть и будет победительной, куда ясно со всего Союза поехали бы изучать опыт стахановцев" сказал т. Орджоникидзе на июньском пленуме.
Новый журнал Моссовета
„СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ГОРОД"
будет обобщать опыт великой стройки сталинского Советского союза. Канал, Дон, Днепр, опыт челюскинцев, внутригородской транспорт, благоустройство, перестройка, внутреннее оборудование рабочего жилища, перестройка столицы, работа кварталы на Западе — отделы журнала «СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ГОРОД», в котором принимают участие рабочие-строители, крупнейшие советские и иностранные инженеры, архитекторы, планировщики экономисты, работники коммунального хозяйства, писатели, журналисты и художники.
Первый номер журнала выйдет в ноябре.
ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: 12 мес. — 20 р., 6 мес. — 10 р., 3 мес.—5 р.
Подписку сдавайте местной почте не позже установленного его срока.
ЖУРНАЛЬНО-ГАЗЕТНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ.

СОТНИ МИЛЛИОНОВ РУБЛЕЙ ЭКОНОМИТ СССР
благодаря изобретениям и рационализаторским предложениям рабочих, техников и инженеров
ТЫСЯЧИ ТРУДЯЩИХСЯ СТАЛИ ИЗОБРЕТАТЕЛЯМИ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ МАССОВОГО ИЗОБРЕТАТЕЛЬСТВА И РАЦИОНАЛИЗАЦИИ «ИЗОБРЕТАТЕЛЬ»,
орган Всесоюзного комитета шефства печати над изобретательством и органов Всесоюзного о-ва изобретателей при ВЦСПС
ОБУЧАЕТ, ОРГАНИЗУЕТ, МОБИЛИЗУЕТ РАБОЧИХ ИЗОБРЕТАТЕЛЕЙ
ОТКРЫТ ПРИЕМ ПОДПИСКИ на 1932 год
ведет борьбу с оппортунистической недооценкой изобретательства при журнале
КОНСУЛЬТАЦИЯ ДЛЯ ИЗОБРЕТАТЕЛЕЙ
в каждом номере журнала
ЗАОЧНЫЙ ПОЛИТЕХНИКУМ ИЗОБРЕТАТЕЛЯ
в 1932 г. журнал „ИЗОБРЕТАТЕЛЬ" дает в качестве приложения известную энциклопедию изобретательства в 24-х томах.
ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: Журнал „ИЗОБРЕТАТЕЛЬ" с книгой библиотеки: 12 мес.—4 р., 6 м. с.—2 р., 3 мес.—1 р. Журнал „ИЗОБРЕТАТЕЛЬ" с книгой библиотеки: 12 мес. — 12 р.; 6 мес. — 6 р., 3 мес.—3 р. 50 к. Подписку сдавайте местной почте не позже установленного его срока.
Журнально-газетное об'единение

ДОЛОЙ С ЭКРАНА
«Забытых мужчин» и «Актрису в снегу» с Монт Бенсами
ДОЛОЙ ЗАГРАНИЧНУЮ ХАЛТУРУ!
Дадим советскому кинозрителю советскую картину. Покажем удивительное производство, героев пятилетки на экране кино. За превращение кино в мощное орудие коммунистической и технической пропаганды, организатора социалистической культуры и нового быта, орудие интернационального воспитания трудящихся масс, за лучшее обслуживание зрителя, за социалистический быт кинопромышленности, за новые кадры кино, за производство кинофильм, их изучение и оценочное кино борется газета „КИНО".
МАССОВЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ОРГАН СОВКИНО И ОЗПКФ.
Каждые 5 дней в увеличенном формате будет выходить газета «КИНО» в 1932 г.
Впервые в 1932 году при газете приложение (2 книжки в месяц) популярно-техническая библиотека «Кино», освещающая вопросы техники кино и техники звукового и цветного кино
Открыт прием подписки на 1932 год
ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: газ. «КИНО»: 12 м.—3 р. 60 к., 6 м.—1 р. 80 к., 3 м.—90 к. газ. «КИНО» с прилож. библиотеки: 12 м.—7 р. 60 к., 6 м.—3 р. 80 к., 3 м.—1 р. 90 к.
Подписку сдавайте местной почте не позже установленного срока.
Журнально-газетное об'единение

ОТКРЫТ ПРИЕМ ПОДПИСКИ на 1932 год
РОСТ
Массовый культурно-бытовой и литературно-художественный журнал. Ежемесячно 6 книг
КУЛЬТУРА — БЫТ — ЛИТЕРАТУРА
ТЕАТР — КИНО — МУЗЫКА — БОЛЬШОЙ ОТДЕЛ — «СТРАНА ДОЛЖНА ЗНАТЬ СВОИХ ГЕРОЕВ».
В 1932 году журнал «РОСТ» будет выходить в значительно увеличенном об'еме, с приложением «БИБЛИОТЕКИ РОСТА» из новых произведений пролетарской литературы, 2 книги в месяц.
УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ:
журнал «РОСТ» (24 №№ в год) — 12 мес. — 4 руб., 6 мес. — 2 р., 3 мес. — 1 р.,
журнал «РОСТ» с прилож. «БИБЛИОТЕКИ РОСТА» (2 книги в месяц): 12 мес. — 7 р. 40 к., 6 мес. — 3 р. 70 к., 3 м. — 1 р. 85 к.
ПОДПИСКУ сдавайте исключительно почте, не позже установленного ею срока.
Журнально-газетное об'единение

400.000 ФОТООБЯЗАТЕЛЬСТВ ВЫПУЩЕНО ПО ФОТОЗАЙМУ
400.000 ФОТОКОРОВ СВЕРВЫЕ ВОЗЬМУТ В РУКИ ФОТОАППАРАТ
„ФОТОКОР"
Мало иметь фотоаппарат, надо уметь им владеть. Полный курс фотографии для начинающих будет напечатан в газ.
Каждый, подписывающийся на фотообязательство, должен подписаться и на газету «ФОТОКОР», чтобы прежде чем получить фотоаппарат научиться им владеть
Открыт прием подписки до конца года и на 1932 г.
12 мес.—3 р. 60 к., 6 мес.—1 р. 80 к., 3 мес.—90 к. На газету «Фотокор» с приложением «Библиотеки фотокора», 3 книжки в месяц: 12 мес.—10 р., 6 м.—5 р., 3 месяца—2 рубля 50 копеек.
Подписная цена на массовую ежедневную газету «Фотокор»—орган Совфото и ОЗПКФ
Подписку сдавайте почте не позже установленного ею срока.
Журнально-газетное об'единение

ВЫШЛА ИЗ ПЕЧАТИ НОВАЯ КНИГА
КНИГОЦЕНТР
Проф. И. А. ХЕЙФЕЦ
АВТОРСКОЕ ПРАВО
СОДЕРЖАНИЕ: Сущность авторского права на Западе. — Развитие и сущность советского авторского права. — Об'ект и суб'ект права. — Имущественные права автора. — Личные права автора. — Издательский договор. — Постановочный договор. — Кино-авторское право. — Международная охрана авторского права. ПРИЛОЖЕНИЕ: Действующие авторские законы европейских и других крупных государствах и основная литература по авторскому праву.
М., «СОВЕТСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО» 1931. Стр. 216. Ц. 3 р.
ТРЕБУЙТЕ во всех магазинах и отделениях КНИГОЦЕНТРА. Почтовые заказы направляйте без задатка Москва, 64, «КНИГА-ПОЧТОЙ».

КОНКУРС НА БОЕВОЙ АВТОДОРОВСКИЙ МАРШ
ЦС Автодора, об'являя КОНКУРС НА БОЕВОЙ АВТОДОРОВСКИЙ МАРШ, ставит условием, чтобы в содержании МАРША отразились:
а) успехи в области автомобилизации и тракторизации СССР;
б) дорожное строительство;
в) вопросы моторизации Красной армии;
г) массовое овладение авто-мото-техникой;
д) роль автодорожной общественности в разрешении этих вопросов.
Материалы представляются в обычном для конкурса порядке: текст и ноты с надписью «НА КОНКУРС» с девизом, а в отдельном конверте, с тем же девизом,—адрес, фамилия автора и композитора. Могут быть также посылаемы тексты и ноты, не переложенные на музыку (имея в виду специальный заказ музыки).
Кроме обычного гонорара, устанавливаются 3 премии:
для маршей, переложенных на музыку: 1-я 1.200 р., 2-я 800 р., 3-я 500 р.
за тексты маршей без нот: 1-я 700 р., 2-я 450 р., 3-я 250 р.
Одобренные, но не премированные марши будут изданы Центральным Советом Автодора и оплачены обычным гонораром. Последние сборки представления материалов назначается 30 декабря 1931 г. Направлять по адресу: Москва, Садово-Кудринская 17, ЦС Автодора с надписью конкурс.

„МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ" КНИГОЦЕНТР
КАЖДЫЙ КОМСОМОЛЕЦ, МОЛОДОЙ РАБОЧИЙ
ЧИТАЙ, ВЫПИСЫВАЙ, РАСПРОСТРАНЯЙ СВОЙ ЖУРНАЛ
СМЕНА
Готовится к печати специальный номер 34/35 (декабрьский) с полного иллюстрированного литературно-художественного и общественно-политического журнала рабочей молодежи
СМЕНА
Посвященный вопросу формирования комсомольской художественной литературы.
ЧИТАЙТЕ В НОМЕРЕ СТАТЬИ: За комсомольскую литературу. Творческий путь А. Жарова. Комсомольская литература Украины. Призывники-ударники в комсомоле. О «Крутом спуске» — Гарднеровой. Новинки комсомольской литературы. Анкеты писателей. Очерки. Стихи. Рассказы о комсомоле.
ЗАКАЗЫ на этот номер направлять в ближайшие отделения и магазины Книгоцентра, на почту и письмоносцам и киоскам «Союзпечати».
Цена отдельного номера — 35 коп.
Продолжается подписка на 2-е полугод. 1931 г. и переходящая подписка на 1932 г.
ПОДПИСНАЯ ЦЕНА на 1931 год с приложением с июля месяца до конца года — 3 р. 50 к., на 3 мес.—1 р. 75 к. Без приложения с июля мес. до конца года — 2 р., на 3 мес. — 1 р. С 1/VII—1931 г. по 31/XII 1932 г. — 7 р. 80 к. На 1932 г., на год—5 р. 80 к., на 6 м. — 2 р. 90 к., на 3 м.—1 р. 45 к. (без прилож.)

Уполн. Главлита Б 105367.
Литературная (59) тип. «Мосполиграф», пр. им. Скворцова-Степанова, д. 8.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Орган Федерации Об'единений Советских писателей РСФСР

МОСКВА 22 НОЯБРЯ 1931 г. № 63 (862)

Редакция:
Москва, Тверской б. 25, Дом Герцена. Телефон 2-80-12.

ИЗДАТЕЛЬСТВО:
Журнально - газетное об'единение: Москва, 6, Страстной бульвар 11. Телефон 5-51-69.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА НА 1932 г.
На 12 м. 3 р. 60 к.
На 6 м. 1 р. 80 к.
На 3 м. — р. 90 к.

ИОГАННЕС БЕХЕР

ПУТИ РАЗВИТИЯ ГЕРМАНСКОЙ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ПРОЛЕТАРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Немецкая пролетарская революционная литература достигла больших результатов: из литературы отдельных писателей она в течение относительно короткого срока (1927—1931 гг.) превратилась в широкое литературное движение. Из этого литературного движения, являющегося движением революционных масс, возникли произведения, которые сумели пробудить несознательных товарищей, а сознательных вдохновить и укрепить в их классовом сознании. Классовый враг упустил нас высокой оценки: он запретил ряд наших произведений, подвел нам под следствие и привлек к суду за государственную измену. Мы с гордостью можем указать на то, что наши товарищи, передовые борцы нашей литературы, еще и сейчас сидят по тюрьмам. Из этих преследований выросла наша литература, и выросла не только в теоретическом отношении, но и в практическом.

Влияние немецкой пролетарской революционной литературы не ограничивается одной Германией, а простирается далеко за ее пределы. При братской солидарности, связывающей революционное литературное движение во всем мире, само собой понятно, что наши успехи — это успехи всего красного литературного интернационала и что успехи революционных литератур других стран являются и нашими успехами. Однако мы считаем своим долгом предостеречь от излишнего самодовольства. Трезво исследуя результаты нашей литературной деятельности, мы принуждены отметить тот факт, что наша продукция **значительно отстает от революционного движения.**

Как раз в последнее время, когда новые значительные массы примкнули к движению, отставание сделалось настолько чувствительным, что надлежит открыто заявить: наша литература еще не стоит на высоте ее задач. В настоящее время мы не в состоянии хотя бы сколько-нибудь удовлетворить потребности масс в материале для чтения. Надо создать литературу для женщин, для юношества, для детей. Надо привлечь новые читательские круги и завоевать для нашей литературы такие области, которые еще не были нами заняты или которыми завладел наш классовый враг, хотя эти области должны были по своему социальному характеру принадлежать нам.

Да, в этом отношении мы застыли, мы недостаточно изобретательны в применении новых форм малого искусства, т. е. листовок с коротенькими рассказами, стихотворных листовок и т. п. Часто нам не хватает выдумки.

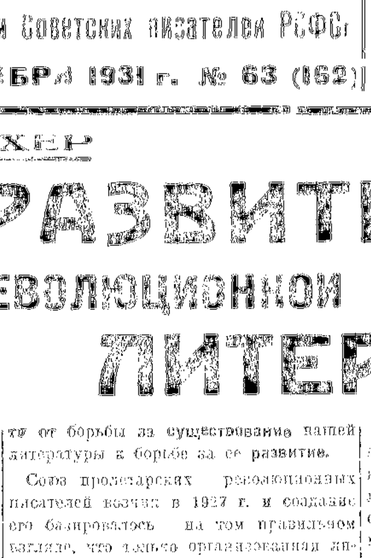
Наш союз как организация пролетарской революционной литературы должен посвятить лицом к массовой работе, если не хочет обречь себя на безнадежную изоляцию и на превращение в мелкобуржуазную секту. Мы остановились. И так как всякая остановка означает шаг назад, то мы должны сделать все от нас зависящее, чтобы преодолеть эту мертвую точку в нашей работе.

Нам своевременно сигнализировали эту установку, указывая на недочеты, кравшиеся в нашу работу. Но мы еще не поняли, что в нашем движении передышка недопустима.

Начинается новый этап в процессе создания пролетарской революционной литературы. Мы достигли решительного, поворотного пункта и должны перейти от борьбы за существование нашей литературы к борьбе за ее развитие.

Союз пролетарских революционных писателей возник в 1927 г. и создание его базировалось на том правильном взгляде, что только организованная литература в силах осуществить свои задачи. Наша литература должна руководствоваться твердым планом. Нам, как писателям, надлежит выработать творческий метод.

При повороте к массовой литературе нужно энергично бороться на два фронта. Необходимо дать решительный отпор вредным воззрениям, заключающимся в пренебрежении к массовой литературе, в презрительной недооценке читательских масс. Эти воззрения ведут к утрированному забеганию вперед. Сторонники этих взглядов думают, что они «опередили» свое время, тогда как на самом деле они от него отстают. Сюда же относятся и такие положения, как механическое отмежевание писателя от участия в революционном движении (писатель должен только писать, нужны годы, чтобы создать роман), пристрастие некоторых товарищей к буржуазной критике. Сюда относятся переоценка эксперимента, преувеличение значения формы и взаимное обвинение: «агитка», «пропаганда». Сюда относится полемика теории о «языке литературы» или представление о писателе, как о специалисте, как об инженере от литературы, который в своей мастерской монтирует произведения, для которого революционное движение нечто вроде учебного плана. Такие взгляды принижают нашу литературу к степе и заражают ее «благородной хлорью».



ПРОТИВ ТРАВЛИ ЭРИХА ВАЙНЕРТА

Международное рабочее театральное об'единение обратилось к протесту Международного об'единения революционных писателей больше в 1927 г., и создание против преследования и ареста пролетарского поэта Эриха Вайнерта.

Германской секции, руководимой социал-фашистами, не удается затянуть рот пролетарской поэзии. Голос Вайнерта будет подхвачен массой многочисленными участниками антитеатральных, рабочих революционных театров.

Международное рабочее театральное об'единение предложило Германскому рабочему театральному союзу включить в репертуар всех трупп стихотворения Вайнерта.

СЕКРЕТАРИАТ МРТО

Другая, не менее вредная точка зрения, также стремящаяся изолировать от масс, заключается в легкомысленном отношении к произволству массовой литературы. Нельзя работать по методу наименьшего сопротивления, подмазывать красной краской халтуру и порнографию и считать, что этим все сделано.

Надо раз навсегда понять: **массы хотят итти вперед.** Пролетарский революционный писатель, который остановился в то время, когда массы идут вперед, может стать столь же опасным, сколь и враг, открыто выступающий против пролетариата. Эта теория халтурного производства массовой литературы способна в кратчайший срок лишить нас раз навсегда возможности стать лицом к массам.

Неоднократно высказывалось мнение, что действенная пролетарская литература может быть создана только при том условии, если мы неразрывно будем связаны с жизнью и борьбой масс. Этот столь часто повторяемый лозунг подвергся участи некоторых само собой понятных истин: эти истины были так пошлы, так сверхпонятны, что забывали переоценить их фактическое, материальное содержание. Для нас совершенно ясно, что связь с массами состоит в **активном участии** в революционном движении.

Довольно? Совсем не довольно. Эта связь состоит не только в тесных соприкосновениях с революционным авангардом пролетариата, она должна быть налицо со всеми прослойками и течениями всего класса, ибо мы, нашей массовой литературой обращаемся ко всему классу.

Достаточно этого? Ни в коем случае. Эта связь не только должна быть связью с пролетарской жизнью, но также связью с пролетарскими буднями (без лицемерия и прикрас) с их теневыми сторонами, противоречиями и различиями, в чем самым прежде всего с классовым языком.

Изучить язык масс, сделаться понятным массам, вести их за собой и не пять под дудку мелкобуржуазного читателя, а помочь преодолеть мелкобуржуазные иллюзии — именно в этом и заключается наша связь с массами, связь, которую мы должны установить теперь во всей ее ширине и глубине. Чтобы наладить связь с массами, надо привлечь рабочие кадры, наладить длительную совместную работу с рабкорами, ориентироваться в нашей работе на заводы и биржи труда, усилить выступления наших товарищей повсюду, где они могут встретиться с массами. Рабочие кадры — не только резерв, но и ядро нашей литературы.

По новое направление работы может дать благотворные результаты только в том случае, если мы решительно изменим характер нашей критики. Она не должна заниматься только общими литературными проблемами, она должна дать ответ на каждое литературное произведение. Наша критика должна касаться не только общих интернациональных явлений литературы, поучительных и важных для нашего литературного развития, но и таких областей политики, экономики, науки и культуры, которые в состоянии обогатить нас в литературном отношении. Новое направление расширяется на критику и в том смысле, что литература может развиваться только при условии жесткой и беспощадной критики. Нет ничего вреднее, и особенности для нашей литературы, как расслабляющая и подрывающая энергию атмосфере взаимных восхвалений.

Отсталость нашей литературы от революционного развития показывает отсталость наших товарищей в области тех революционных знаний, которые заключает в себе марксизм-ленинизм. Подспудное нашей литературы за революцией означало бы, что мы стали считателями и образованными марксистами и научились разбираться в людях и событиях.

Наше новое направление не ограничится, конечно, только упомянутыми здесь пунктами. Мы не станем дожидаться, пока писатели и потребная нам литература явятся «сами собой». Мы должны создать своих писателей и свою литературу. Если наша литература овладеет массами, то она станет материальной силой и сможет в значительной мере способствовать перестройке мира.

Союз немецких пролетарских революционных писателей является наравне с об'единением пролетарских писателей Советского союза наиболее мощной секцией революционного литературного интернационала. Мы обладаем большим опытом в области революционной литературы до захвата власти пролетариатом. Мы должны научиться понимать, что это значит и к чему это нас обязывает.

Мы должны итти в авангарде.

В ПОРЯДКЕ САМОКРИТИКИ

Международное об'единение революционных писателей.—МОРП—за год своей работы добилось ряда серьезных успехов.

Мы имеем не только количественный, но и качественный рост революционной пролетарской литературы за рубежом.

Мы видим, как все больше и глубже революционная идеология пролетариата проникает в творчество мало-мальски честных писательских элементов.

Мы видим рост и самой пролетарской литературы в странах, где капиталистическая система еще господствует на сегодняшний день.

Успехи социалистического строительства СССР, приток и затягивание капиталистического мира усиливают процесс роста и перехода мелкобуржуазных писателей на позиции пролетариата.

Сегодня «Литературная газета» признает, что недостаточно полно информировала советского читателя о росте, успехах и трудностях зарубежной пролетарской литературы.

Ближе одной из задач органа МОРП «Литература мировой революции» является особое творческое лицом отдельных отрядов революционной пролетарской литературы, что задача «Литературной газеты» должна передать опыт таких секций МОРП, как РАПП и ВОАПП. Всему мировому революционному пролетарскому литературному движению. Год назад на харьковской конференции был решен вопрос о шефстве отдельных национальных отрядов пролетарских писателей над зарубежными литературными объединениями. Но в осуществлении этого решения реального почти ничего не сделано. Наша задача — неотложно организовать, наконец, шефство о своих обязательствах. Но мы это делали плохо и недостаточно.

В нашей критике почти отсутствует оценка литературных произведений зарубежных товарищей. Плохими издательствами является очень мало книг зарубежных товарищей. Советский читатель плохо осведомлен о достижениях международной революционной литературы.

Задачи «Литературной газеты»—более активно, более последовательно помогать МОРП в его ответственной работе.

Наконец, наряду с вопросами литературно-политическими и творческого характера мы должны усилить разработку вопросов теории международного революционного пролетарского литературного движения. Мы должны более решительно и последовательно пересмотреть теоретические высказывания о зарубежной литературе. Надо не забывать, что метод диалектического материализма—единственный метод литературы мировой революции.

Сегодня «Литературная газета» приветствует в лице МОРП литературу мировой революции.

СОЗДАДИМ ЛИТЕРАТУРУ МИРОВОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Беседа с членами секретариата МОРП т.т. Б. Иллеш, Бр. Ясенским и А. Гидаш

Какую работу проделало Международное об'единение революционных писателей за год после харьковской конференции?

Две основные директивы конференции — упор на выдвижение рабочих писателей на рабкоровского актива и широкое привлечение в ряды МОРП левых попутчиков, на основе принципиальной критики их ошибок, МОРП в основном выполнил.

Своими достижениями на фронте пролетарской и революционной литературы МОРП обязан последовательной борьбе на два фронта.

МОРП вел решительную борьбу с правооппортунистическими стремлениями передвинуть строительство пролетарской литературы и культуры до захвата власти пролетариатом мелкобуржуазным попутчикам (видный представитель этого уклона—**Анри Барбюс**), а также с ультра-левым сектантским уклоном.

Представители этого уклона предлагали ориентироваться исключительно на рабкоровское движение, как на единственный резервуар пролитературы, и отказывались от воздействия на революционно-настроенную мелкобуржуазную интеллигенцию, тем самым отталкивая ее в лагерь фашизма (некоторые элементы этого уклона наблюдались в союзе пролетарских и революционных писателей Германии, а также в американской и болгарской секциях МОРП, где эти ошибки уже преодолены).

Вырос немецкий союз пролетарских и революционных писателей, союз, который уже сейчас насчитывает 450 членов и на 80 процентов состоит из рабочих. Германская секция МОРП вовлекла в свои ряды немало новых ценных пролетарских писателей.

В Японии, где секция МОРП насчитывает до 250 членов также наблюдается поворот секции лицом к производству. Японская федерация пролетарского искусства перестроилась в массовую федерацию пролетарской культуры и привлекла в свои ряды все пролетарские культурные организации Японии.

Лозунг—поворот лицом к производству—особенно решительно осуществлен в австрийской секции МОРП, состоящей на 90 процентов из рабочих. Этот же лозунг выполняется и чехословацкой секцией МОРП. Бригады чехословацких писателей выезжали в горняцкие районы, охваченные забастовкой, и проводили там большую массовую работу.

Американская секция МОРП из клуба нью-йоркской левой интеллигенции выросла в революционную писательскую организацию САСШ. Новые филиалы клубов возникли в Бостоне, Филадельфии, Чикаго и Детройте. Поворот американской секции МОРП лицом к массовой работе выражается и в факте организации общеамериканской федерации рабочих культурных организаций, охватывающей около 200.000 рабочих.

За истекший год МОРП организовал ряд новых секций и инициативных групп. В августе 1931 г. была создана испанская (иберо-американская) секция МОРП, в которую вошло около 30 писателей-коммунистов и левых попутчиков писателей.

В испанской секции намечается творческая дискуссия. Несомненно, дискуссия отсеет из рядов секции чуждые элементы и поможет в выработке четкой идеологической платформы.

Английские делегаты на харьковской конференции (Хезлоп и Боб Элис) организовали в Англии инициативную группу.

Во Франции, на основе платформы, выработанной харьковской конференцией, возникла революционная литгруппа «Кризис» (Поль Низан, писатель-коммунист—один из видных ее организаторов).

Выросла и окрепла печать отдельных национальных секций МОРП. Журнал американской секции МОРП «Нью-Массес» сумел преодолеть свои ошибки и превратиться в боевой подлинно-революционный журнал.

Японская секция МОРП, кроме своего органа—журнала «НАПФ», организовала массовую литературную газету, выходящую 2 раза в месяц.

Немецкая секция МОРП перестроила свой журнал «Линкскурве» в более массовый орган и привлекла к участию и руководству журналом рабкоров. В настоящее время журнал начинает развертывать широкую творческую дискуссию вокруг проекта новой программы союза пролетарских и революционных писателей Германии. Эта программа будет окончательно принята на всегерманском съезде пролетарских и революционных писателей в феврале 1932 г.

Орган болгарской секции МОРП «РАФ» («Рабочий литературный фронт») и журнал группы польских революционных писателей «Литературный ежемесячник» (сейчас этот журнал запрещен польским правительством) широко привлекла к своей работе рабкоров.

Теперь—о наших недостатках.

МОРП мало сделал в области отображения других отраслей искусств. Фотография, обслуживающая искусства, существует пока только в Америке и Японии. В международном масштабе работа со смежными искусствами сейчас не налажена. Очень мало сделано для объединения революционных писательских сил колониальных стран, где рабочее МОРП сталкивается с огромными трудностями.

В застойном состоянии находится и работа в об'единениях пролетарских писателей.

Созванный на основании решений харьковской конференции руководящий орган МОРП «Литература мировой революции», выходящий из 4 номеров, не выполняет полностью тех задач, которые перед ним поставлены. Между тем интерес, проявляемый к журналу «ЛМР» за границей, говорит о широких возможностях его распространения и воздействия на массы. К сожалению развитие журнала тормозится целым препятствий чисто издательского порядка, без преодоления которых ЦО МОРП не сможет справиться со своей основной задачей—стать **боевым руководителем революционного литературного движения в капиталистических странах.**

Руководящим отрядом МОРП по праву являются РАПП и ВОАПП. Перед РАПП стоит ответственейшая задача —передать зарубежным пролетарским писательским организациям богатейший опыт борьбы за гегемонию пролетлитературы. Поставленный ВОАПП вопрос о шефстве отдельных национальных отрядов ВОАПП над отдельными зарубежными ассоциациями пролетписателей несомненно сыграет огромнейшую роль в развитии международной пролетлитературы. Сильным толчком в этом направлении явится передача опыта РАПП в области привлечения ударников в литературу зарубежным пролетарским литорганизациям. Организуемый сейчас приезд иностранных рабочих в СССР в пролетарскую литературу должен быть осуществлен при непосредственном участии ВОАПП, РАПП и их местных организаций.

Какие основные задачи стоят сейчас перед МОРП?

В течение этого года мы работали над выполнением тех задач, которые поставила перед нами харьковская конференция. Теперь все силы МОРП должны быть мобилизованы на выполнение задач, которые ставит перед нами письмо т. Сталина **«О некоторых вопросах истории большевизма».** Выполнив директивы т. Сталина, мы сумеем на третьей международной конференции пролетарских и революционных писателей, которую МОРП предполагает созвать 6 ноября 1932 г., создать интернационал пролетарского искусства.

РЕВОЛЮЦИОННАЯ ЛИТЕРАТУРА КИТАЯ В НЕПРИЯТЕЛЬСКОМ ОКРУЖЕНИИ

БЕСЕДА С ЧЛЕНОМ ЛИГИ ЛЕВЫХ ПИСАТЕЛЕЙ КИТАЯ, ЧЛЕНОМ ПРЕЗИДИУМА МОРП т. СЯО

2 марта 1930 года на нелегальном собрании в Шанхае, где участвовало свыше 50 пролетарских писателей и попутчиков, была оформлена лига левых писателей, объединившая пролетарских и революционных писателей Китая. Центром работы лиги левых писателей является Шанхай, но теперь отделение лиги организовано и в Пекине. В настоящее время в состав лиги входит более 100 пролетарских и революционных писателей.

По инициативе Китайской лиги левых писателей в сентябре 1930 года была организована Всекитайская федерация пролетарских и революционных культурных организаций, объединившая левых писателей, художников, артистов, рабочих книжных магазинов и представителей ряда левых революционных организаций Китая. Лига левых писателей принимает непосредственное участие своей общественной и творческой практикой в революционном движении страны. В издаваемых левых журналах — «Массовая литература», «Южная страна», «Партизан», «Авангард» и др — пролетарские и революционные писатели и критики выступают за расширение влияния пролетлитературы на массы, за создание идеологически выдержанной марксистской критики.

На страницах этих журналов, кроме произведений левых китайских писателей, помещаются переводы произведений иностранных пролетарских и советских писателей (М. Горького, А. Серафимовича, А. Фадеева, Ф. Гладкова, Ф. Панферова и пр.).

Гоминдановское правительство не дает возможности легально существовать пролетарским и революционным литературным группам. Деятельность левых писательских организаций в Китае проходит в подполье, подвергается жестоким преследованиям. Ряд левых писателей перешли в лагерь контрреволюционного Гоминдана. Лига, выбрасывая этих ренегатов, привлекает в свои ряды лучшую часть революционной китайской интеллигенции.

В настоящее время Гоминдан, опираясь на буржуазную и реакционную мелкобуржуазную литературу, выдвинул лозунг «национальной литературы». Это реакционное литературное течение возглавляется ни кем иным как палачом китайских рабочих Чан Кай-ши. Второе реакционное литературное течение Гоминдана прячется под лозунгом «Суньяссеистская литература» и возглавляется правым гоминдановцем Ху Хэ-гимом (центр в Нанкине). Руководители этих реакционных литгрупп издают ежемесячный журнал «Авангард» и литературный ежемесячник.

Движение пролетарской литературы в Китае развивается под лозунгами: «Марксистская теория в литературе», «пролетарский реализм», «массовая литература», «против троцкизма в литературе»...

Недостатком лиги левых писателей является незначительное привлечение в ее ряды рабочих. Это объясняется трудностями овладения китайскими рабочими старой иероглифической письменностью.

Основная задача лиги левых писателей — непримиримая борьба с классовым врагом, повышение культурного и политического уровня пролетариата, политпропагандистская работа в массах.

ПРОТИВ ПРОВОКАЦИОННЫХ ЗАХВАТНИЧЕСКИХ ДЕЙСТВИЙ ЯПОНСКОГО ИМПЕРИАЛИЗМА

ПРОТЕСТ ЯПОНСКОЙ СЕКЦИИ МОРП

Японская секция Международного об'единения революционных писателей прислала секретариату МОРП телеграмму-протест:

— Мы самым решительным образом протестуем против провокации войны японским империализмом, против наглого выступления японского генерального штаба, против оккупации Маньчжурии и фактической подготовки раздела Китая.

Мы организуем массовый протест. Сплотите все силы левых писателей и художников для борьбы с японским империализмом, с опасностью войны. Все силы на защиту СССР — отечества трудящихся всего мира!

ПРОТЕСТ ВОСТОЧНОГО СЕКРЕТАРИАТА МОРП

— Восточный секретариат Международного об'единения революционных писателей глубоко возмущен наглой провокацией и захватническими действиями японского империализма в Маньчжурии. Восточный секретариат призывает всех революционных и пролетарских писателей организовать массовые протесты против японского империализма и стать на защиту Страны советов — родины пролетариата всего мира—и китайской революции, дающей толчок к освобождению всего колониального мира от векового гнета мирового империализма.

Руки прочь от Советов!

Да здравствует мировой Октябрь!

ЭМИ СЯО, ЭС-ХАБИБ-ВАФА, ХАМДИ, СЕЛЛЯМ, КАН-НАГАТА, ЛАХУТИ, ЦОЙХОРИМ.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ СЕКРЕТАРИАТА РАПП

ОТ 16 НОЯБРЯ 1931 г. О СТАТЬЕ „СМОТР КОМСОМОЛЬСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ" („КОМСОМОЛЬСКАЯ ПРАВДА" № 310, ОТ 14 НОЯБРЯ 1931 г.)

1. Полностью присоединиться к проведению творческого смотра комсомольской литературы, выдвигаемому статьей «Комсомольской правды» и являющемуся большим шагом вперед в налаживании дружной совместной практической работы комсомола и ВОАПП и РАПП.

2. Поручить критическому сектору секретариата РАПП выделить в трехдневный срок специальную бригаду критиков в распоряжение редколлегии «Комсомольской правды».

3. Обязать редакции «На литпосту», «Пролетарской литературы», «Роста», «Октября» и местных аппповских журналов включиться в смотр и вообще усилить внимание к вопросам комсомольской литературы. Поставить об этом же вопрос и перед «Литературной газетой».

4. Поставить перед «Комсомольской правдой» вопрос о необходимости созыва специального совместного совещания «Комсомольской правды» с рапповскими журналами, комсомольскими писателями и критическими кадрами по вопросам смотра.

5. Предложить всем местным АПП, договорившись с местными комитетами ВЛКСМ, принять участие в проводимом «Комсомольской правдой» смотре.

ТВОРЧЕСКИЙ СМОТР КОМСОМОЛЬСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

24 ноября в 19 ч. вечера в пом. редакции «Комсомольской правды» (М. Черкасский пер. д. 3) ЦК и МК ВЛКСМ и «Комсомольская правда» созывают совещание по вопросам смотра литературы о комсомоле.

Вызываются: культпропы РК ВЛКСМ, секретари райбюро МАПП, районные работники по печати, представители культотдела ВЦСПС и МОСПС, редколлегии журналов «Молодая гвардия», «Смена», «РАПП», «Октябрь», «Рост», «Красная новь» и «Земля советская», бригада критиков, выделенная РАПП, литбригада им. Д. Бедного, тт. АВЕРБАХ, БАТРАК, Д. БЕДНЫЙ, БЕЗЫМЕНСКИЙ, ЖАРОВ, ИОЗАХ, ИЛЬЕНКОВ, НОВИЧ, ПАНФЕРОВ, ПЛАТОШКИН, СЕРАФИМОВИЧ, ФАДЕЕВ, КЕМРАД, командармы: АЛЕКСАНДРОВ, ОЛЬМАН, БАТМАНОВ, КОРНЕЕВ, КОСТИЦЫН, секретарь и культпропы ячеек ВЛКСМ и редакторы молодежных стражичек заводов: им. Сталина, Электрозавод, «Серп и молот», Динамо, Трехгорная мануфактура, Каучук, Котлоаппарат, Лейка и др.

ЦК ВЛКСМ. МК ВЛКСМ. КОМСОМОЛЬСКАЯ ПРАВДА».

ЗАВОДСКИЕ БИБЛИОТЕКИ ДЛЯ ИНОСТРАННЫХ РАБОЧИХ

Массовый сектор государственной библиотеки иностранной литературы развернул работу по обслуживанию художественной и общественно-политической литературой иностранных рабочих на предприятиях и новостройках СССР. Филиалы библиотеки иностранной литературы организованы на заводах им. Сталина (б. АМО) и «Каучук». Кроме того, библиотека снабжает иностранной литературой до 20 передвижек в Москве и 11 передвижек на заводах и новостройках Союза.

На московских предприятиях библиотека выпускает ежемесячные литературные стенгазеты на русском и иностранных языках.

Выставка книг германского пролетарского кооперативного издательства «Универзум Бюхерай» в Берлине, посвященная пятилетию издательства

РАЗОБЛАЧИТЬ МАСКИРОВКУ КЛАССОВОГО ВРАГА

Вступление страны в период социализма, гигантские успехи социалистического строительства на всех фронтах сопровождается бешеным сопротивлением классового врага. Классовый враг маневрирует, приспособляется, маскируется, в том числе взяла революционной фразой, чтобы протащить свою враждебную идеологию. Нужна величайшая бдительность и зоркость марксистской критики, задача которой разоблачать маскировку, срывать покровы, какими пытается прикрыться враг.

Буржуазные клеи конструктивизма разоблачены марксистской и рапповской критикой на фронте литературы. Конструктивизм разбит, но не добит. И если ряд таких конструктивистов и пролаз, как Сельвинский, Пикер, Зелинский и другие вчерашняя развернутой критике свои конструктивистские установки и пытается играть перестроить свою творческую работу, в соответствии с требованиями эпохи, то есть в такие, которые пытаются сохраниться на прежних конструктивистских позициях, в замаскированном виде пытается протащить свои клеи. Так группа молодых «конструмольцев»: Уральский, Щеглов, Асеанов укрепились на фронте детской книги. Как известно этот участок всего менее обеспечен квалифицированными кадрами редакторов, а наша рапповская организация уделяла ему недостаточное внимание.

Политехнизацию школы требует политизации литературы — это центральное звено в деле подготовки коммунистической смены, в деле воспитания коммунистического отношения к труду. Книга Уральского «Электромонтер» — это попытка полемизировать идею политехнизма — идеей гимна техницизма, голого культа техники профессии вне производственных социалистических отношений, полезом отсталой техники, отсталых форм и методов труда.

В резком противоречии с задачами политехнизации автор буржуазно-либерально трактует проблему политехнизма.

«Электромонтер» — это вполне отвечающая профессия. Одна из задач книг о политехнизме: воспитание серьезного отношения к профессии, к труду. Эрельский дает картину, изображающую электромонтера: «Он ходит по городу взад и вперед, и важный монтер к себе зовет. Смотри — его нет. Запригорячился сверх, но вот он пришел и опять хорошо». Создается впечатление, что электромонтер просто разгуливает по улицам, дожидаясь, пока его тот или другой позовет на работу. Труд его индивидуален и зависит от случайной нужды потребителей электричества в быту. Никакого планового начала в регулировании труда электромонтера нет.

О самом предмете у автора нет серьезного представления. В детской аудитории автор пропагандирует случайность в мире законов движения материи: «ни с того, ни с сего повредился звонок, и никто его починить не мог». Что это значит? Почему автор заявляет, что «ни с того, ни с сего повредился звонок». Это заявление автора характеризует его незнание и идеалистически буржуазный характер его [illegible]. Явления в области электричества не в их причинной связи [illegible] мы не в их причинной связи, а [illegible] каприза развития, а как [illegible] чудесного явления.

[illegible] совершенно извратил [illegible] картину городского благоустройства [illegible] крупнейших городов СССР. [illegible] нет никакого представления о том, как о двигателе мощности [illegible] заводе фабрики, заводы, транспорт и [illegible] характеризуют производственный рост электричества, подчеркивает и сущность перспективы в [illegible] Автор [illegible] никому производственную [illegible] электромонтера вне [illegible] системы производственных отношений [illegible] Не показывая людей в [illegible] в процессе производства, взаимную [illegible] и обусловленность одной [illegible] производства другой.

[illegible] самая примитивная техника четырехлетки. Буржуазный конструктивизм [illegible] в области техники, в сферу [illegible] литературы, в сферу [illegible] тем. Пропаганда [illegible] вместо закономерности, [illegible] вместо политики, [illegible] вместо сферы производства — вот что определяет буржуазную направленность этой [illegible] книги, это определяет классовую [illegible] этой книги.

Как сам квалифицирует идею своей книги как идею пропаганды голого техницизма.

Книга Уральского с легковесностью — это книга, где автор в замаскированном виде протаскивает идею принудительного труда в СССР, хотя делает это, прикрываясь лозунгом революционного пафоса, революционного энтузиазма, вовлечения в пр. (на творческая частность, они сердятся, толкаются» и т. д. В книге есть прямые, враждебные клеветнические заявления по адресу нашего строительства и советской общественности. В тишине сегодняшнего утренника на [illegible] дальние песни, оживляешь, с просто надо терпеливо отдают свои силы, чтобы потом и сколь скоро пор запрасить бетон и цокают зданиях. Это прямой клеветнический заголовок о труде на социалистической стройке. Даже младенцам в СССР нет нужды объяснять, в каком чудовищном противоречии с действительностью находится [illegible] этого злопыхательства. Слушаем трудящихся масс бьет это заявление.

На странице 64 автор рисует картину полной беспомощности комсомольского и партийного коллектива преодолеть трудности строительства. На этих страницах автор выступает против большевистских темпов нашего социалистического строительства. Ряд мест в книге сходны с отдельными заявлениями Цветаева и его произведения «Винок». Борьбу коллектива за выпуск новой, лучшей машины, за выполнение и перевыполнение профинплана автор заканчивает следующим образом:

«Ибо мало выпустить новую машину. Надо еще выпускать ее лучшей и имеющей столько, сколько предположено по плану, и даже больше того. Ведь задача обучает свои планы ровно на один год. Они учатся делать и картинать Асеанову».

Эти последние слова автора только перефразировка известного места из произведения Платонова о днях детства в главе «Бедность», в главе «Грозы». Подобными заявлениями автор разоблачает свою природу злопыхателя-врага. Далее автор елеенет на коммунаров, показывая их, как людей, живущих в исключительно благоприятных бытовых условиях. Это утверждение находится в кричащем противоречии с действительностью. На странице 65 читаем: «Люди истекают черным потом, толкаются, бранят друг друга отборными словечками, каждый старается всеми силами ухватить материальную дерезинную кожу и отхватить кусок с полчищем мух желтой кожицы». Люди сердятся, и коммунары торопятся домой, где им обеспечено хорошее питание. Вот она откровенная сатира расположенного злопыхателя.

Автор далее фетишизирует: «человек состоит из различных материалов стократно не дороже полтинника каретой человек». Это уже прямо клеветническое заявление. Этот же прием [illegible] автора о том, что в колхозе существует сплошная [illegible] и обезлички, пропущен это рассуждениями об обобществлении курицы:

— Ешьте, куры —
Все, как одна.

В колхозе книга это звучит издевательски, утверждая колхозное строительство и куры, в лучшем случае, у дворов, очевидно — самое подтрежденных под одну гребенку людей.

Итак, книга Уральского — пропаганда голого буржуазно-либерального техницизма. Книга Асеанова — клевета на наше социалистическое строительство, клевета на коммунистический труд СССР, это вульгарная маскировка буржуазной, враждебной нам идеологии на участке борьбы за гиганты социалистической индустриализации. Книга Цветаева это — пропаганда [illegible] литературу, это — протаскивание классового врага на [illegible] фронте. Необходимо разоблачить его, сорвать все и всяческие маски, какими пытается он прикрыться.

Все приведенные примеры говорят о том, что конструктивистские идеи еще не добиты, огонь марксистской критики должен быть направлен на окончательное разоблачение конструктивизма и прочей враждебной идеологии и в художественном творчестве, какой бы разновидностью фразы не пытался прикрыться враг.

А тот факт, что группа «конструмольцев» — Асеанов, Уральский, Щеглов — устремились на участок детской книги и избрали его ареной своей халтурной [illegible] деятельности, что будет большой острота в борьбе с вылазками буржуазной контрреволюционной идеологии на этом участке, требует максимального усиления внимания со стороны РАПП этому фронту.

А. ГРУДСКАЯ

ГАД в «конструктивном» букете

«ЗАКОНЫ» ПРИРОДЫ СБИТАТЕЛЯ «СОБАЧЬЕГО ПЕРЕУЛКА»

«Головорезы» — так называется роман Л. Гумилевского *.

Не подумай, читатель, что речь идет о бандитах, погромщиках или героях Чубарова переулка. Нет! Головорезы—это... пионеры, те, кому, по словам автора романа, принадлежит будущее. Именно о них пишет на сей раз автор «Собачьего переулка».

Странное название... но, предположим, что дело—не в нем.

Похвальное в принципе дело — показать пионерскую жизнь, показать воспитание и рост нового человека, советскую школу и яркое явление наших дней — детские коммунистические движение. Дело в принципе возможное и для Гумилевского, если бы его новый роман свидетельствовал о творческой и общественной перестройке писателя, о том, что его отношение к действительности изменилось.

Сама тема обязывает ко многому.

И самом деле, это же может не хватать совершенно заново построенной системы воспитания детей в нашей стране, изменения социального состава школьников и новых, трудовых политехнических принципов обучения, ломка индивидуалистических психики ребенка и новых отношений в семье, влияние пионерской организации, привлекательной детям социалистические, коллективные навыки, политически воспитывающей ребенка, ребенка из него — маленького пролетария — строителя социализма и т. д., и т. д. Этого нельзя не видеть. Здесь с особой силой сказался Октябрь. Здесь уже почти камня на камне не осталось от старого мира. Мы видим горнистов нашей детворы, активно помогающей своим отцам в матерям, братьям и сестрам и в выполнения профинплана, и в борьбе за новый быт, и в борьбе за социалистическое сельское хозяйство, — примеров этой помощи можно привести десятки и сотни.

Вот показать эти новые качества наших детей и призван писатель.

Мы не думаем, чтобы автор «Головорезов» не понимал этого. Мы уверены даже, что у него хватит смелости утверждать, что он эти качества показал. Разве же нет, когда в его романе пионервожатыми оказываются «хорошие пионеры», если пионеры борются (а даже «успешно!») с «законами природы» (какими — об этом ниже), помогают бедной вдове-крестьянке, борются с хулиганством, сигнализируют деревенскую сестру. Что же нам еще? — спросит Гумилевский, а за ним, отечественно, и те «благословенные» редакторы и издатели, которым «красная» упаковка может вновь белое пугно!

Что же нам еще?.. Заглянем в путеводитель.

Половина книги Гумилевского посвящена школе.

Советской школе, судя по тому, что она не называется гимназией, в ней нет классных дам, парт с болтами в крышке парт, в ней учатся мальчики и девочки — это очевидно. Затем перечисляется с девочками и дружит с ними, и, наоборот, «женоненавистничает», организует тайные общества и т. д. Симпатии автора—на стороне передовых детей. Он против женоненавистничества и против тайных обществ, он за «хороших».

Но суть не в этом. Она в том, что школа Гумилевского не имеет ничего общего с пролетарской школой. Разве в школе наших ребят интересуют те «проблемы», которые для них выдумал Гумилевский? Ничего подобного! Это — тень и плевел. Не эти проблемы изучает пионер, не эти проблемы изучает комсомол руководит пионерами, именно их комсомол возложена партией задача коммунистического воспитания пролетарской детворы. Общеизвестно, что комсомол, под руководством партии, успешно справляется с этой задачей, и кроме того изучает участвует в школьном строительстве.

Но Гумилевский с этим считаться не желает. Он творит и неуклонно проводит свою известную роль.

Он клевещет и на комсомол. Вожатый Яша — это нечто. Он никем не руководит. Его, конечно, уважают как старшего, но руководит собой (как и в школе) сами пионеры. Вожатый же, в лучшем случае, повторяет мысли, ранее высказанные ребятами (Тихоходом). Такова «руководство»!

«Разделавшись» с комсомолом, Гумилевский разделает свой удар дальше, переходит к следующему моменту — взрослому.

Тут он нуждается в компетентных такие «перлы».

> «Взрослые, должными значительно детства, ходили по мир, как сноп в загоне, ленивыми глазами, и этого вся жизнь их казалась до крайности пустой и убогой» (стр. 139).

> «И когда ревел, уходя, и рев этот относился только к мальчикам, он напоминал глубокий творчества и живую жизнь. Взрослые его не слышали... Бесчудесная жизнь их становилась притворной своим однообразием, и многие украдкой завидовали мальчикам, как маленькие, взрослые, станут завидовать тем, кто станет маленькими возле за них» (стр. 143—144).

В этих отрывках заключена вся психология философия, вся убогая природа обитателя «Собачьего переулка» Льва Гумилевского.

Оказывается, наша жизнь скучна и неинтересна, оказывается, работающие крестьяне, колхозники, все мы — это скот в загоне.

Оказывается, всегда хорошо только детям. Вырастут они, и им будет скучно и неинтересно...

А мы-то думали, что наше время самое интереснейшее за всех других? А мы-то думали, что труднейшее СССР не «витает» мелкими целями на жизнь, а работает большевистскими темпами, строит социализм? А мы-то думали, что наши дети будут жить еще лучше и еще интереснее?

Зря. Все «суета сует». Вечен лишь один «Собачий переулок»...

●

Довольно хвалиться в этой комедийке!

Совершенно очевидно, что «Головорезы» Гумилевского представляют собой крайнюю вылазку на литературном фронте. Эволюция автора «Собачьего переулка» определена.

Но не она нас занимает, а самый факт выпуска этого сборника антисоветских анекдотов, свидетельствующих о совершенно недопустимом гнилом либерализме редакторов и издательства, о непонимании с их стороны буржуазной сущности и литературе.

Мы должны усилить свою бдительность. В частности в детской литературе и литературе для детей — одном из важнейших участков общего фронта.

МИХ. Ц.

А. ЕФРЕМИН

ТВОРЧЕСКИЙ ПУТЬ ЛЕОНИДА ЛЕОНОВА

В творчестве Леонида Леонова можно намечать три периода, три ступени восхождения. Начальный этап — пестрая экзотическими — ограниченная фантастическими, сказочными, бывалыми повадками, знаменующими рост писателя от социальной жизни. Пройденная его проникнуты сентиментальностью, «Туляга» до краев переполнен «сладкой тоской», а «Бубновый валет» — тоской сусальной. Их страницы в страшному сочетом тихой печали. Мир — юдоль страданий. Люди могут терпеть и переносить горе как неотвратимый рок. Но есть эти волнения протест «секреционных рук».

«Туляга» пестр и красочен, как восточный ковер. Но радость неуловима, волокно нетку. «Арбе, именины» [illegible] идет прямо и хорошо. Арба [illegible] его счастья имела только одну. Автор сеет намеки. Автор сурово сжимает рот всякий раз, как вспоминает «пролитие чужой крови» Горькие уроки обучают читателя зашитой немым. Кислый про поэта («Халиф») полный тайной горечи. В чем же тайна Халиевой смерти? Дальше не в силах человеческих разгадывать. Разгадка лежит и действительности сего смешна и уничтожена.

О каком разладе писала и действительности идет речь? Уж не советскую ли действительность имеет в виду автор?

Первый мистический рассказ — «Гибель Егорушки» — написан темной краской. В борьбе с суховей и непреклонной судьбой человек ощущает себя бесконечно одиноким: в поэзии сентябрьской страсти он даже и не вспоминает, что обещал ласкать на загробный мир, где «ангелочки порхают в поисках шелковых и золоты яблочки на серебряных древах растут».

Объективно эти фаталистические повадки в лексикон реакции. Неделит впрочем действительности, в силу быть к неприятно ее своеобразием же нельзя идти в ширпотреб редакции. Надлежит впрочем тут же отметить, что описанные настроения не оказались органическими для Леонова. Обиды поэта воспитали из раннего периода скудны и писателя в те социальные группы, выразителем настроений которых Леонов явился. Правда, фатум преследует творческую мысль. Леонид довольно долго. Фатальным характерны психологизированные почтальонов, линейных или социальных слоев и являются современный кризис буржуазной культуры.

Разные произведения Леонова проникнуты мистицизмом. Повесть «Гибель Егорушки» полна неких явлений и роковых знамений. Да и весь первый том полон сокровенными тайнами и мистериями. Во всех ключевых произведениях мы слышим отзвуки эпизодических намеков, просачивающихся в литературу под влиянием Андрея Белого. Из того же источника идут и мотивы мистического неонародничества. «Необыкновенные» рассказы о мужиках» с их преимущественно стихией, с доподлинной психологией, которая у городских масс, писавшемся в современных условиях человек в некоторого из городов, не имеет. От Андрея Белого идет и манера Леонова пересказывать «простонародно» философские тезисы. Скотопсы, марик Заварихин и Антей («Вор») — плотники, Пухов («Вор») — ралтинист и кисель; мо-

тивы Аггей («Гибель Егорушки») — великаны. Эсхатологическая концепция, сотрясения о конце мира, наложенные сознанием потрясениями Октября, родилась, с одной стороны, подчинения фазуму, а с других — этический напряжением. Вот где следует искать идеологию родословную леоновских фаталистов, скитников, цинизм. Отсюда — категорий бредовых, сумбурных представлений о стезях не идея воскрешены через страдание.

Леонов обнаружил большое мастерство в изображении мелкого человека, обитателя советского периода. Все эти техоходы: Еклер и Лихарев («Конец мелкого человека»), Ахамазикова («Пропащая история»), Корчкин («Сыновья инвалидов»), Чувилов и Гуга («Унгиловск»), Чикилев («Вор») — живые, устрашающие центр повести люди изображены весьма убедительно. До революции они стояли на различных ступенях социальной пирамиды. Но Октябрь разоблачил условность буржуазной культуры, и профессора, сельские интеллигенты и врачи оказались в одной луже с мелкособственными мещанами. Революция сорвала золотые покрывала, которыми украшали буржуазная интеллигенция свои классовые лавры. Сметена классовых основ дезорганизовано мелкобуржуазных натий. И вот одни взбесились (Гуга), другие опустились. Телесолютства и защитники «вечных причин», они утеряли руководящую «идею» свой фетиш (наука — для Лихарева, «Россия» — для Гуги, бог—для Волчкова, нажива—для Баландинкина). Жизнь стала бестельной, потеряла свой знаменатель. «Холил он (Лихарев) в тот день много., и все ему

пивах». И также автор добавляет коротко: «ель, сгорим». Причем автор совершенно не разоблачает, а противопоставляет «этого» «вечное» каково-то «вечного» [illegible] Время в [illegible] и [illegible] [illegible] [illegible]

НАКАНУНЕ *ПЕРВОГО ВСЕСОЮЗНОГО С'ЕЗДА ЕВРЕЙСКИХ ПРОЛЕТАРСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ*

РЕЗОЛЮЦИЯ СЕКРЕТАРИАТА ВОАПП

О ХОДЕ ДИСКУССИИ В ЕВРЕЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Успешное развитие социалистического наступления в условиях обострения классовой борьбы, достижения ленинской национальной политики, как составной части культурной революции в борьбе за социализм являются базой для бурного роста пролетарского литературного движения СССР, в частности его боевого отряда еврейской пролетарской литературы.

Еврейская пролетарская литература развивалась в активной борьбе против буржуазных течений и тенденций в литературе, против проявлений национализма, против национал-оппортунизма и примиренчества к буржуазной литературе, против влияний буржуазной литературы на попутническую и слоняющуюся часть пролетарской литературы (внутреннее попутничество). Еврейская пролетарская литература своевременно дала отпор реакционным выступлениям Кнута и Гофштейна против партийного руководства в литературе. Марксистская вальпгтовская критика своевременно выступила с разоблачением реакционной националистической сути творчества Нистера, Кипниса, Резника, Галкина и др., закрыла ряд надуманных буржуазно-идеалистических (сторонцина), полумещанских, формалистско-эстетских уклонов и ошибок в теории и творчестве; выступила с разоблачением оппортунистической недооценки буржуазной опасности и примиренчества к ним (национал-оппортунистическое и троцкистские теории фольдмана, антимарксистские установки и ошибки Нусинова, Зунделя и антимарксистские ошибки Литвакова); выступила против «левацких» загибов и перехлестываний (цюлика по поводу Галкина).

Идеологическая борьба и творческая работа в еврейской пролетарской литературе СССР содействовала классовой дифференциации еврейской литературы за границей и оформлению пролетарской и революционной литературы в капиталистических странах.

Правильная политика борьбы на два фронта, проводимая еврейскими секциями всяческих организаций, содействует переходу лучшей части попутнической литературы на позиции литературы советской, содействует ее творческой перестройке на основе последовательного преодоления буржуазных влияний, поворота к актуальной тематике периода социалистического наступления и работы над выработкой реалистического мировоззрения. Наряду с литературно-политическими достижениями в еврейской пролетарской литературе наблюдается значительный рост ее кадров, в частности кадров рабочих-ударников.

Еврейские секции политических организаций решительно становятся на путь массового роста, оработки своих кадров, на путь развития и закрепления призыва ударников в литературу. Еврейская пролетарская литература берет правильный курс на тематику социалистического строительства и на политическую действительность нового материала.

Стабильное в Минске (10 декабря 1931 г.) всесоюзное совещание еврейских пролетарских писателей должно подытожить успехи и недостатки еврейского пролетлитературного движения и наметить дальнейшие пути его развития. Совещание должно с максимальной активностью провести подготовку конференции. Нужно действовать через прессу, нужно поставить на собраниях секций, рабочих кружков, в рабочих и общественных организациях обсуждение основных вопросов движения.

Секретариат ВОАПП констатирует ошибки в проведении подготовительной (к конференции) дискуссии.

Дискуссия недостаточно широко охватила все основные литературно-политические и особенно творческие вопросы еврейского пролетлитературного движения, в значительной степени ослабило ее значение отсутствие на критике ошибок т. Литвакова. Секция ВсеАПП в журнале «Штерн» и газете «Октябрь» широко поставила и развернуто вела критику национал-меньшевистских концепций книги т. Литвакова «Ин умру» (том I), напечатанной до выступления тов. Литвакова в комиссии, а также критику значительных ошибок оппортунистического, формалистско-эстетского и националистического порядка, допущенных т. Литваковым в более поздних сборниках («Ин умру» — том II, «5 лет Ревсента»), изданных после выступления т. Литвакова в комиссии. И сотых членов секции ВсеАПП правильно отмечено примиренческое отношение т. Литвакова к его статьям меньшевистского периода, к отдельным произведениям буржуазных течений и писателей (оценка творчества Нистера, творчества Добрушина); взяты под обстрел теория расширенной ошибки, формалистско-эстетские ошибки и оценке Госкита, факты недооценки пролетарской литературы (отрицательное отношение к высотам МАПП в период ее организации, недооценка молодых кадров еврейской марксистской критики).

Секретариат ВОАПП отмечает неправильное отношение т. Литвакова к самокритике, что углубляет значение сделанных ошибок (в последней статье т. Литвакова в более развернутой форме не признает свои ошибок, вместо преодоления буржуазных влияний продолжает отрицать принципиальную основу критики этих ошибок со стороны членов секции ВсеАПП).

Критикуя ошибки т. Литвакова, члены секции ВсеАПП допустили, однако, политически-ошибочные обобщения и перехлестывания (обвинения т. Литвакова в том, что он подвел всю школьную буржуазную литературу, что он является знаменем националистических и оппортунистических элементов еврейской литературы и т. д.).

Эти перехлестывания, уменьшая ценность правильной критики ошибочных взглядов т. Литвакова, давали повод отдельным товарищам и даже организациям для оппортунистического смазывания ошибок тт. Литвакова и значения критики этих ошибок (резолюция одесской и киевской организаций ВУСПП, письмо в минводсов).

Вследствие допущенных перехлестываний и критике ошибок т. Литвакова не уделили внимания секции политических организаций и широкой пролетарской общественности и значительном отношении было отличено от обсуждения ряда других актуальных литературно-политических и творческих вопросов, что привело к сужению рамок дискуссии.

Секретариат ВОАПП отмечает ограниченность резолюции пленума правления ВУСПП, принятой по поводу дискуссии и проявленной пассивности борьбы на два фронта как против правого оппортунизма, основной опасности на данном этапе, так и против левацких загибов и перехлестываний. Осуждая последние, не следует в ходе дискуссии, так же как и отсутствие развернутой самокритики своих ошибок со стороны т. Литвакова, секретариат ВОАПП считает необходимым начать дискуссию на высшую принципиальную ступень и добиться развернутого обсуждения вопросов классовой борьбы в литературе, вопросов теории и практики еврейского пролетарского литературного движения. Необходимо развернуто поставить вопрос о борьбе со всеми разновидностями проявления буржуазной опасности в литературе и ее влияния на попутническую и неустойчивую часть пролетарской литературы, вопросы борьбы с оппортунистическими примиренческими к буржуазной опасности и к левацким загибам.

Пролетарская литература и марксистская критика должны вскрыть защитные вопросы перестройки лучшей части попутнической литературы, должны содействовать ее переходу на положение союзников. Необходимо широко развернуть творческую дискуссию, работу над выработкой диалектико-материалистического метода над овладением марксистско-ленинским мировоззрением, развернутую борьбу за большое большевистское искусство на основе конкретной критики творческих достижений, на основе тщательного изучения творчества ударников, всяческого содействия их творческому росту, вовлечения их во все области работы. Преодолевая старые ошибки в области критики на основе регулярной и последовательной самокритики, необходимо ставить перед движением задачу теоретические и творческие задачи, проверки движения на выполнение этих задач путем ведения борьбы на два фронта как по линии литературно-политических вопросов, так и по линии выработки творческого метода.

Всесоюзная конференция еврейских пролетарских писателей должна войти под знаком дальнейшего укрепления еврейского пролетлитературного движения, под знаком консолидации сил движения, на основе борьбы за линию партии, за большое большевистское искусство.

ПОЧЕМУ ЕВСЕКЦИЯ МАПП ОТСТАЕТ ОТ ТЕМПОВ ПЕРЕСТРОЙКИ

Еврейская секция МАПП переживает в настоящее время ряд трудностей. Являясь передовой пацекцией, борющейся за литературно-политическую линию РАПП, она все же еще очень слабо включилась в перестройку. Начатую РАПП и МАПП. Надо прямо сказать — евсекция отстает от темпов перестройки. Примеров, рисующих крайне слабую перестройку, столько, сколько угодно:

— неразвернутая, куцая работа по привлечению ударников в литературу;

— крайне незначительные творческая продукция по показу героев пятилетки;

— полнейшее отсутствие активности в работе;

— нередкие подмены деловой работы исключительно обсуждением ошибок Литвакова и так называемой «литвакщины».

По последнему моменту надо остановиться более подробно. Это тем более необходимо, что и связи с последними событиями в еврейской секции, ее стали перед фактом создания в секции двух групп, крупных ошибок всю работу в сборы вокруг ошибок т. Литвакова.

На секретариате МАПП это проявилось особенно ярко. Выводы прочены?

Прежде всего бюро и ряд товарищей из евсекции, совершенно правильно боровшихся против ошибок Литвакова, настолько увлеклись этой борьбой, что отвлекли внимание всей секции от основных вопросов пролетлитературного движения. Необходимо отметить, что сам тов. Литваков, очень долго тянувший с критикой собственных ошибок, дал повод к этим же широ к пире развернувшимся спорам. До сего времени в евсекции нет полной ясности в этом вопросе.

Это и побудило секретариат МАПП отметить в своем постановлении необходимость созыва специального собрания всех членов секции, на котором тов. Литваков дал бы развернутую критику своих ошибок и тем самым, раз и навсегда положил бы конец вредным настроениям и разговорам о «литвакщине».

До сего времени секция проходила мимо вопросов истории гражданской войны и истории фабрик и колхозов. Эти важнейшие вопросы еще не обсуждались.

Все эти недочеты являются крайней слабостью самокритики в работе секции и общей слабостью работы бюро. Кроме того в евсекции есть ряд товарищей (типа Черняка), которые никакого практического участия в ее работе не принимают, а только числятся.

Приближается всесоюзный съезд еврейских пролетписателей. Задача заключается в том, чтобы ускоренными темпами начать перестройку работы секции на основе последнего постановления секретариата МАПП; чтобы, ликвидировав вялое время работы большевистской самокритикой, своевременным и правильным реагированием на все вопросы движения, выйти к съезду с ясной в первых рядах организаций, борющихся за большое большевистское искусство.

Надо уже теперь начать проверку творческих сил евсекции. Надо уже теперь проверить, кто и как работает в евсекции. Надо тесно связаться с газетой «Дер эмес», надо постоянно освещать в ней всю работу секции. Возможности для перестройки есть. Добиться немедленного перелома — наша обязанность.

С. ФРИДМАН.

СЛОВО „ПОДСУДИМОГО" О ПОВЕСТИ „ГУГЕНОТ ИЗ ТЕРИБЕРКИ"

Отзыв о моей повести «Гугенот из Терибурки» В. Залесский заканчивает такими словами: «Гугенот из Терибурки», политически вредное произведение, весьма на руку тем элементам, которые бороться и еще борются с революцией в рыбном промысле, т.-е. кулакам, предателям, оппортунистам» [1]. Смысл приговора ясен: литературная смерть автору! Пощады сознанию? Их не так легко сформулировать по статье В. Залесского, но и с ним можно.

Первый вывод: «Мено одно: в становлении Терибурка идет острая классовая борьба». Я по стилю себе этого вывода в вину,—это было и моей целью: показать напряжение, в классовую борьбу. Моя вина заключается в том, что я рисую классовых врагов пролетариата «в тонах глубочайшей авторской симпатии и сочувствия». Критик, анализируя взгляды и переживания И. И. Лилье и Егора Кулмова, незаметно делает вывод подмену, приписывает их убеждения автору повести. В. Залесский пишет: «Никто не словом автор не разоблачает той социальной неправды, которую несет с собой класс Лилье». «Автор надеется на сознательные, организованным началом. Он пытается показать, как бесчеловечная борьба против стихии, ее могущественных сил, как жалкая и бесплодна борьба науки, плана, организованного начала против «темной стихии». «Это стихийное начало утверждается в лице Кулмова. Лилье и всех тех, кто органически враждебен нашей действительности».

Прежде, перед этим критик делает знаменательную оговорку: «Не в образах Лилье или Кулмова дескредена основная идея произведения. Ее надо искать между строк». И критик находит «между строк» повести то, чего в ней нет, не замечая того, чем она насыщена.

Я писал повесть с намерениями революционными. Иные я не имел. Приговор по этой линии для меня крайне неожидан. Но кстати, это бывает с авторами:

— Шел в комнату,
Попал в другую.

Попробуем основательно беспристрастно в обвинениях.

В. И. Лилье, слепую старуху Февронью Рязанину я имел писательски как мусор революции, и мне кажется, так и получилось. Где в повести образы и положения, дающие основание иному толкований? Разоблачение В. И. Лилье в самое сочувственное рассказе во всех страницах повести. Лилье с самого начала брошен всем, жалко одинок. Одни коты «сочувственно» мучат возле него, а никто как бы за него! Он пропитан злыми запахами, он заживо погребен. Социальная неправда класса Лилье выступает прежде всего в каждой строчке описания его прошлой жизни. «Всю Архангельскую округу он опутал тяжелым долгом». Фанатически отдался беспомощному делу накопления, стал скуп и т. д. Субъективные мечтания его никак не сказаны и не оправдывают даже в его собственных глазах, — напротив, с большой болью показывают его объективно-классовое бытие. Неправда его класса показана в картине штормового севера, в описании современного Парижа. «В тот момент В. И. с холодным страхом ревнующего ощутил, что жизнь, подлинная жизнь,—а есть такая!—прошла мимо него». Он, как и жадные французы-буржуа, оказался за бортом. Эта жизнь в советской России. «По чуду ли—и Азию—ушел прежний Париж?» Как видите, у автора был замысел показать ему неправду дело «в мировом масштабе».

И Егор Кулмов ясно и с ненавистью «прочел в нем опереживую, оперирующую хозяйскую власть, крепкой волной смывающуюся над ним», когда Лилье приказывает ему бежать в Норвегию. Художественное обвинение и самое беспощадное дано мною в образе сына Лилье—Алексея, этого обнаженного мерзавца, сбросившего с себя классовую и взявшего романтику своего родителя. Алексей говорит отцу: «А я, папа не изменился. Ваше воспитание во мне, как камень на дне моря, крепко сидит. Не потерпишь зубами». Ложь и обман класса Лилье и его лозунга «Свобода, равенство и братство» разоблачается устами того же Алексея. Разоблачение «доблестного» русского буржуа, терпевшего крушение дело во всей линии его жизни, в его жалкой, отвратительной смерти и, наконец, в речах толпы на его жалких похоронах:

— Ля ук сакель бы все до корка, чтоб от куликов и духу не осталось.

— Жалный был, как акула. Жил человеком и умер—неповойник.

Лилье никто не вспоминал уже на другой день. Его выбросили, как мусор. Наконец, но его ли класс осуждал кочегаров Ваньки, когда говорил о человеке-кукле в кубинке бога?

Мне кажется очень странным, что после всего этого Лилье вызывает-таки у читателя симпатию и сочувствие. Это надо отнести всецело за счет своеобразия эстетических эмоций самого критика.

Теперь о Кулмове. Прежде всего неверно, что он—раскулаченный, как и Егор Куликов. У него жалкое, бедное жилище. А бот пожалован Лилье его отцу за «прилежание» и «верность», оплатить его стоимости Кулмовы не смогли и в течение десятка лет. «Вместе с ботом Егор унаследовал и долг отца». Но даром же Лилье и в последний момент кричит: «Мой бот!» Егор—середняк и вследствие экономической зависимости—полукулачник. Это межеумочная социальная сила. Притом со способностью религиозной замкнутой и индивидуальными собственническими инстинктами в работе.

Я конечно не мог и не хотел сделать Кулмова сразу, в течение нескольких дней сторонником социализма, но к постановке его, как мне думается, в такое положение, в тиски между молотом и наковальней, что его крепкий инстинкт собственника, ярко вспыхнув в последний раз, все же оказался сломленным под напором невиданного в мире строительства. Об этом строительстве в достаточной яркостью, хотя и краткомерно, мыслит и сам Кулмов в начале второй части повести. Поставленный перед неизбежной дилеммой—бежать или не бежать за границу—Кулмов плюет со злостью в татарары своего старого бога, едва не убивает своего прежнего хозяина, с усмешкой смотрит на иконы, идет решительно к Фросе, чтобы без слов приголубить свою пугалку, и тайно, вместе с Фросей уже мечтает о сыне, который будет комсомольцем. Я описался обратного, не спешил ни насильно и резко и повезущий штурвальное колесо личности Кулмова. Егор в повести окончательно отходит от единоличного хозяйствования, работает в кооперативе с Рябчиковым. Завтра несомненно он придет в колхоз.

В. Залесский говорит, что у меня нет правильной расстановки классовых сил, и мой Борисов, ленинградский рабочий, ему не нравится. Но нравится ему и мой комсомольцы-ударники, которых я писал с любовью. Борисов робок, застенчив, конфузлив, внешне неинициативен. Я согласен, что не все люди хотят быть и коммунистами, должны быть внешне Геркулесами и железными Комиссарами. Это будет дубом и ложноклассической. Мой Борисов работает, не покладая рук, не досыпая ночей. С ним бедняга, колхозники, с ним Ванька, Ильяк, Василий. Революционную, молодую силу, не боящуюся и стихии, и классового врага, я воплотил здесь в лице комсомольцев-ударников. Они у меня победители Лилье и всего старого мира. Они победители и в борьбе со стихией. Их, повторяю, я действительно писал с глубочайшей симпатией. В этом убедится всякий, прочти одну главу о ловле акул.

Теперь последнее обвинение: «автор повести против плановости, он за стихию». Откуда это видно? Если Банькин рубает у меня с молодым задором оппортунистов-плановиков, то именно за бесплановость, за организационную неразбериху: в сроку не было привезено ни уд, ни кувков, ни проссей, ни наливки для ловли акул, хотя говорилось об этом о полном. И я именно за плановость, а не за анархию. И против показной шумихи и вредительской часто вначале импозантной пресплановости, которая была обнаружена и в рыбном промысле за 10 года. И не затушевывал трудностей борьбы для того времени, чтобы показать победу организованного начала и плановости в последней главе. Хотя и писал повесть, а не очерки и хроники, хотя я изменял лица и положения, но всякий, кто возьмет газеты того года, увидит с несомненностью, что исходил я из верных положений. Недаром же в 30 году было смещено руководство и Кавприбалкомола и Сенокосглавтреста.

В. Залесский говорит, что я против трудностей и против «стальных сетей». И мне кажется, что достаточно прочесть последнюю главу, чтобы увидеть что я и за трудности, и за плановость, и за победу новой индустриальной силы и никак не за невежественные сказки Февронья Ивановны. И с радостным художественным подъемом писал и о победе трудовой и иных и науки, о соревнования. Другого тона не найти и между строк. «Радостный гам чайков, слияние голоса комсомольцев, бетонные выкрики новостроечных рыбаков, веселая рабочая будоражь на болгах, радостные многоголосные огни судов, разгоняющие седую тоску окаянской пустоты, победно развлекаются, бьющегося огнем переходные знамя социализма и т. д.»—все это слова и определения никак не натуралистского тона, который на словах критика у меня имеется.

О Лилье никто не вспоминал, кончил старика Гугарена никто не слушал. Все охвачены борьбой со стихией. Все полны уверенности в победе. Бог «Блинсона блет з море. «А навстречу ему окаян прилетело и широко могучая большими синими проветами терибергского горного устья». И мне по совести кажется, что я никак не заслужил смертного приговора, произнесенного судебного исполнителем — и я просил бы его, более внимательного и справедливого рассмотрения моего выступления. А седой мох прошу читать не «между строк», а внимательно те строки, которые мной написаны.

ВАЛЕРИАН ПРАВДУХИН

[1] «Литературная» № 38, 27 октября 1931 г.

НЕУДАЧНАЯ ЗАЩИТА КУЛАЦКОЙ ТАРАБАРИНЫ

Итак, автор повести «Гугенот из Терибурки», В. Правдухин прошлое целого колхоза (свое, свое дитя!).

В. Правдухин полагает, что это произведение помогает его трудовому, и за плановость, и за победу новой индустриальной силы и никак не за невежественные сказки Февронья Ивановны. Я с радостным художественным подъемом писал и о победе трудовой и иных и науки, о соревнования. Другого тона не найти и между строк. «Радостный гам чайков, слияние голоса комсомольцев, бетонные выкрики новостроечных рыбаков, веселая рабочая будоражь на болгах, радостные многоголосные огни судов, разгоняющие седую тоску окаянской пустоты, победно развлекаются, бьющегося огнем переходные знамя социализма и т. д.»—все это слова и определения никак не натуралистского тона, который на словах критика у меня имеется.

О Лилье никто не вспоминал, кончил старика Гугарена никто не слушал. Все охвачены борьбой со стихией. Все полны уверенности в победе. Бог «Блинсона блет з море. «А навстречу ему окаян прилетело и широко могучая большими синими проветами терибергского горного устья». И мне по совести кажется, что я никак не заслужил смертного приговора, произнесенного судебного исполнителем — и я просил бы его, более внимательного и справедливого рассмотрения моего выступления. А седой мох прошу читать не «между строк», а внимательно те строки, которые мной написаны.

ВАЛЕРИАН ПРАВДУХИН

[1] «Литературная» № 38, 27 октября 1931 г.

«ГУГЕНОТ» ИЛИ «САДКО» И «РУСАЛКА»

Трактовка восстановительного периода дана в плане крестьянской интеллигентской стихии (Мальке—Вьюга) получила в творчестве Леонова дальнейшее диалектическое воплощение. Роман «Соть» поднимает жгучесовременно художественно более высокую ступень. Автор «Барсуков» должен был или остаться в тупике «объективизма» или подняться на высоту осознания современных задач. То или иное неизбежно обнаружилось бы при первом же остро-общественном толчке. Социалистическое наступление и явилось этим толчком. Идея «Соть-строй»—идея переключения индивидуалистической стихии в русло социализма... «Деревня расшевелилась, и из расщепа, все шире раздвигая его, полезла наружу жилая поросль». Процесс классового расщепления показан в «Соти» с большой художественной выразительностью. От «Петушиного пролома» через бурсачью жестко подобрано Леонов пришел к осознанию плодотворности классовой борьбы. Кулак получил свое натуральное обличье: место романтических героев (Семен, Бибилин) заняли шкуры дяди (Лумпик, основной хозяин-Василий). Изменился и состав интеллигенции. Вместо интеллигентных Лукачевых из Октября действует откровенные инженеры (Фаворов, Бурило). Художественный замысел решает живых партийцев: троицу Матвей («Вора») сменяет Увадьев. Наконец, вместе с творческим ростом Леонова сравнительно стройнее становится композиция романа. Центральное место романа занимает общественное значение романа Леонов в «Соти» еще не совсем освободился от плена прежнего Леонова: здесь можно встретить следы достоевщины (Сушилин), и гаворифирокинный психологизм (Увадьев), и утверженное рационализма, хотя бы напускное (Бурило), и ростки романтизма (Сушилин); сохранились в следы бредовой потерянности, в риторической подумчивости. Однако, если сопоставить художественное полотно «Сони» с лирическим живописанием прежних произведений, с эпически-картинным изображением нэпа («Барсуки», I ч.), кулаков и нэпманов («Вор»), с «надклассовым» гуманизмом некоторых ницшеевых персонажей, — только тогда станет ясно, насколько Леонов теперь вырос и созрел. Он познал тщетность многих иллюзий; попытки эстетического разрешения жизненных противоречий покорены в образе монаха Гервасия. Моральный пафос отвергает в лице погруженного Бухенвальда. Леонов переступает через категории «вечных истин» и стремится с себя истого четырехлика. Все это знаменует несомненный рост художника.

Восхождение Леонова фиксировано не только романом «Соть». Повесть «Скутаревский» свидетельствует о том, что Леонов—не случайный гость и ряда советских пролетарской литературы. «Скутаревский» — весьма симптоматичная для периода начальной индустриализации. Она привлекает внимание своей социальной остротой, своей попыткой дать художественное изображение современности. Она свидетельствует, что героическая база действительности отступила в обнаружении объема психического героизма. Столкновение стихий (в данном случае — стихии экономической) с организованной природной волей рождает ряд новых психических ситуаций и отношений. Энергия борьбы использует свою энергию в категориях «сильной страсти», в диапазон коллектива, в поле сосредоточит развернутые процессы. В противоположность прежним романам Леонова преимущественно заложена социальная основа конфликта. Инженер Скутаревский — не только носитель индивидуальной психологии, но и представитель определенной социальной группы. Его конфликт с окружающей средой — это конфликт с определенной социальной группой. Его конфликт с окружающей средой — это конфликт с определенной социальной группой. Его конфликт с окружающей средой — это конфликт с определенной социальной группой

НА ИСПОЛБЮРО ФОСП

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ФЕДЕРАЦИЯ» РЕОРГАНИЗУЕТСЯ

В № 50 «Литературной газеты» обратила внимание литературная общественность на многочисленные ошибки издательства «Федерация», вместительного за прошлый год большое количество попутных, халтурных, а иногда и явно вредных, реакционных книг.

В течение последних недель работу «Федерации» изучала и специальная бригада ФОСП, обследовавшая издательство, систему работы и хозяйственное положение издательства. 18 ноября доклад правления «Федерации» и доклады членов бригады ФОСП были заслушаны на заседании Исполбюро ФОСП.

Тов. Шульц, председатель правления издательства «Федерация» в своем кратком докладе не дал по существу развернутой критики ошибок руководства издательством. Тов. Шульц ограничился «самокритическим» признанием того, что по линии качества продукции «Федерацией» действительно допускен ряд ошибок, о которых убедительно говорит анализ книг.

Что же касается непорядков в хозяйственной работе издательства, в его товарной политике, договорной системе и т. п., то т. Шульц их отрицает и считает, что в этой плоскости в издательстве все обстоит благополучно. Вместе с тем он указывает, что идеологические ошибки издательства в значительной степени объясняются текучестью редакторского состава — в «Федерацию» сменялся за год 3 редактора,—неправильной системой работы издательства, обусловленной его организационной структурой. Режиссер издательства сам не консультативным органом, а фактически стоял над правлением, в целом ряде вопросов диктуя ему то или иное решение. Вопрос о принятии рукописи решался «техническим» приемом: простым поднятием рук. Сильно мешало работе издательства и недопустимо плохое и несвоевременное снабжение бумагой, сорвавшее редакционно-издательские планы.

*

Выступавшая после т. Шульца от имени бригады ФОСП А. Грудская в обширном докладе охарактеризовала продукцию издательства «Федерация» и методы его работы с писателем.

А. Грудская справедливо упрекнула т. Шульца в том, что он ничего не сказал о новых задачах, стоящих перед «Федерацией» в связи с директивой партии о перестройке издательской работы, и не охарактеризовал политической роли «Федерации», ленинского пятна и проведения литературно-политической линии ФОСП.

— Издательство «Федерация» было до сих пор хвостистом. Книги не влияли на писателя, не воспитывали его, оно тем самым не помогало работе литературных организаций.

Руководство издательства проводило линию грубого либерализма, не вело активной борьбы с враждебной идеологией на литературном фронте.

Это не замедлило сказаться на качестве продукции издательства, имевшей колоссальный процент идеологического брака. Из 95 выпущенных книг пришлось изъять по ходатайству библиографических институтов и печатью. Тоже и в рукописях 23 рукописи разобраны нецензурно вмешательство Главлита и 21 рукопись—по решению редсовета.

Издательство не дело никакой работы с авторами: отсутствовала литературная консультация. За редкими исключениями рецензии на рукописи давались формально и безучастно писались рецензии на руководящих. Напечатанным авторам давались краткие советы «кое-что поправить» и «почитать».

Ненормально проходила и движение рукописей в издательстве.

Далее т. Грудская перечисляет ряд серьезных промахов «Федерации» по линии книжной продукции. Сюда относится и книжка Д. Петровского «Ленин Кочубей», которая три года путешествовала по издательствам, всюду получая отрицательную оценку, и в конце концов была выпущена «Федерацией», и «Голодовка» Л. Гумилевского, являющаяся по существу изделкой над малой иллюстрацией, и явно классово враждебная нам книжка «Электромальчик» И. Ассеева «День начинается в 7 утра».

Грубейшей литературно - политической ошибкой издательства явилась и его «реставраторская» позиция в вопросах теории литературы. Это плохо выяснил федерантность выражались не только в том, что авторские отдельных несвязанных групп издательство на сумело подчинить интересам литературы в целом; она выражалась в полной беспринципности и эклектизме в вопросах литературной теории и в частности в таком эклектическом факте, как противопоставление стилистических приемов и книгам по теории литературы. Так например книга Л. Авербаха и книга Г. Родова спокойно одинаковым предисловием, суть которых сводится к тому, что «Федерация», дескать, не отвечает за взаимоисключающие авторами взгляды.

Ряд положительных книг, изданных за это время, — книги Первомайца, Шухова и др. не меняет общей неудовлетворительности работы издательства.

Бригада считает, что писательская общественность не может использовать издательству «Федерация» работать в прежнем составе и прежними методами. ФОСП и «Литвласть» должны уделить больше внимания издательству, РАПП должна выделить людей для работы и нем; до сих пор РАПП не уделила должного внимания рабочей «Федерации».

*

Доклад Н. Ассеева, работавшего в бригаде по обследованию поэтической продукции «Федерации», показал, что и по линии поэзии работа издательства не может удовлетворить читателя.

Н. Ассеев отмечает, что «Федерация» ориентировалась на посредственность, на политическую серятину, внешне подчищенную самотеку. Поэтому поэтическая продукция издательства выбивает стабилизацию предыдущими, обычательной безнадежностью.

Из 15 книжек стихов Н. Ассеев отмечает только 2 хорошие, 1 сносную и 12 беспорно плохих!

Несколько менее убедительно прозвучал доклад т. Ляшкевича о хозяйственном положении издательства, которое, вопреки всяким правилам, держало рукописи подолгу. Бригада разоблачает весьма неприглядную картину. Однако несомненно имеется факт недостаточно четкой гонорарной политики издательства и явно недоброкачественное отношение руководителей «Федерации» к проведению ряда хозяйственных операций, в частности при списании «Литературных субботников» с «Федерацией».

*

В широко развернувшихся прениях приняли участие Н. Сленкин, А. Яковлев, И. Остроговский, Р. Аварх, С. Мстиславский, т. Шкарлакин (рабочий рецензент), Д. Либерман, Богданов, М. Цейтлин («Литвласть»), А. Зуев, С. Штрайх, В. Гольцев и Замойский, Б. Зелинский, Е. Пермитин, т. Астафьев (рабочий рецензент), Б. Романов (Всероссийфильм), М. Алексеев, С. Юрин, О. Колесникова.

Товарищи единодушно отметили неслучайность ошибок в работе издательства, что организация обеспечила, должно ответственности (Н. Сленкин), где отсутствовала какая бы то ни было литературно-политическая линия даже в вопросах литературной теории (Д. Остроговский), где решающую роль играли семейственность, кумовство и прямой административный нажим (Б. Зелинский).

Выступавший в прениях ответственный секретарь «Литературной газеты» М. Цейтлин указал на то, что крупнейшие политические ошибки издательства — выпуск антифашистской книжки С. Родова «На пороге» и клеветнического романа Л. Гумилевского «Голодовка» — характерны для всей линии издательства «Федерация», линии гнилого либерализма по отношению к классово-враждебным влияниям.

Вместе с тем мы должны также признать правоту члена правления и рабочего редсовета «Федерации» т. Астафьева, который выступил на исполбюро ФОСП с резкой критикой по адресу «Литвласть» за то, что они своевременно не удержала достаточно влияние издательству и в частности не мобилизовала внимание литературной общественности вокруг тех недостатков его работы, на которые указывал А. Зуев в своей статье, напечатанной в «Л. Г.» несколько месяцев назад.

О недостатке внимания к издательству «Федерация» со стороны ФОСП, «Литвласть», РАПП и других литорганизаций говорит, подводя итоги прениям, и О. Колесникова.

— Бригада — подчеркивает т. Колесникова, — это не избавляет правление издательства от ответственности: фактически в издательстве не было руководства, ибо при прежней системе на идеологический отдел должен был отвечать редактор и правление должно было взять изменяющееся вопросы приема рукописей. Редсовет однако не обеспечил правильного руководства работой издательства. Но тем более энергично должно было правление добиваться оздоровления постановки дела в «Федерации».

О. Колесникова предлагает коренным образом реорганизовать издательство «Федерацию»: во главе его поставить компетентное работоспособное правление, которое будет ответственно за все реставрационные и хозяйственные функции издательства; создать редсовет из представителей литературной и рабочей общественности, приковать этому редсовету только консультативные функции, он не должен вмешиваться в оперативную работу издательства; создать литконсультацию для авторского методического обеспечить систематическое и действенное руководство издательством со стороны ФОСП и литорганизаций; и наконец, обновить и укрепить руководство издательством.

*

Исполбюро ФОСП признало правильным выводы бригады, обследовавшей «Федерацию» и приняло все предложения т. Колесниковой.

Секретариату ФОСП поручено в декадный срок осуществить реорганизацию издательства и доложить о ней Исполбюро ФОСП.

Д. К.

ТВОРЧЕСКАЯ ДИСКУССИЯ ВССП В ЛЕНИНГРАДЕ ВОЗОБНОВЛЯЕТСЯ

ЛЕНИНГРАД. (Наш корр.). Возобновляется творческая дискуссия в ленинградской организации ВССП. Ближайший доклад (1 декабря) — Б. Лавренева — посвящается задачам обороны СССР в художественной литературе. Следующие доклады распределены между А. Толстым (о языке современной прозы), Н. Никитиным (пролетарская в театре), Ю. Тыняновым, И. Груздевым и Ольгой Форш, доклад которой будет посвящен проблеме работы над современным материалом.

На последнем заседании президиума ЛО ВССП решено включить в план творческой дискуссии доклады о творчестве отдельных писателей.

ВПЕЧАТЛЕНИЯ ОТ ВПЕЧАТЛЕНИЙ БОРИСА ПИЛЬНЯКА ОТ АМЕРИКИ

В свое время Этон Эрвин Кинг имел честь представить нам американский рай».

Недавно из «американского рая» вернулся, провел там несколько месяцев, Бор. Пильняк. Вероятно в будущей книжке он по-своему представит его советскому читателю.

Пока бн устно делится своими впечатлениями об Америке. Недавно в АРПС Б. Пильняк рассказывал об американском кино; в Доме печати он говорил об американских журналистах и писателях.

Два зала—и вот, с эстрады которого говорил Пильняк, и тот, в который его речь транслировалась по радио,—по мести вместить всех желающих послушать Пильняка.

Пильняк рассказывал забавные вещи: как, в целях рекламы, нью-йоркская гостиница бесплатно предоставила ему роскошный номер, как он—на 33 этаже!—в нем жил; как безделничают американские журналисты; как скандалят писатели; так они обедают; как они—при «сухом» законе!—пили при встрече Пильняка, как пили на проводах; как—в промежуток.

Часто употреблял выражение «американский обыватель». Бор. Пильняк говорил о своих впечатлениях так, как если бы в Америке побывал... русский обыватель.

Разочаровавшая аудитория не услышала от Пильняка ни одного слова о кризисе, потрясающем ныне всю «просперити», о безработице, выбрасывающей на улицу тысячные массы голодных пролетариев, о забастовках, о взаимоисключающей классовых сил, о той американской действительности, которую знает любой московский репортер.

Журналистская аудитория знает эту действительность по газетам; она была вправе ожидать живого слова о ней от крупного писателя, живого свидетеля этой действительности.

Нельзя поэтому не согласиться с выступлением поэта Пильняка американцем, товарищем Кларк, сотрудником газеты «Уоркер Блюс», который высказал свое вполне справедливое недовольство докладом Пильняка, «удостоившего нас всех наиболее важные социальные явления современной Америки, расстановку и взаимоотношение ее классовых сил», отдельными которых, само собой разумеется, являются и американская литература.

*

Рассказывая о нью-йоркском писательском клубе, которым «вроде Дома Герцена, только без заседаний», Бор. Пильняк сделал интересное заявление о том, что:

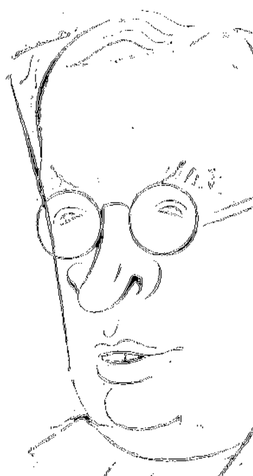
> «только у нас (в СССР—Д. К.) есть так много литературных организаций, к которым мы привыкли по своим склонностям и остроте зубов».

Оказывается, острота зубов является тем принципом, на котором строит свою работу наши литературные организации?

Оказывается, после всех своих ошибок и срывов, после жестокой их критики со стороны советской литературной общественности, Бор. Пильняк, так представляет себе ее принципиальность?

Посмотрим, как в своей книжке об Америке он представит нам «американский рай».

Д. КАЛЬМ



БОРИС ПИЛЬНЯК

Шарж для «Литгазеты» американской художницы ЕВЫ ГЕРМИН

ЛИТЕРАТУРНОЕ СЕГОДНЯ

* По заданию ЦК МЕС и затрачества редакция журнала «Комбайн» выехала в Днепропетровскую МТС (ДЧО) для выпуска специального номера. Номер «Комбайна» будет выпущен самым [illegible] в литературу.

* 17 ноября в Краснопресненском районном доме комсомола состоялось собеседование писателей М. Шагинян с рабочими московских предприятий. Темой своих докладов, организованного по инициативе массового сектора ГИХЛ, явился роман М. Шагинян «Гидроцентраль».

* ЛенФОСП и третьей декаде ноября организует встречу с рабочими Академии наук.

* Ближайший творческий вечер ЛенФОСП посвящается докладу А. Толстого о его работе над историей Петровского завода.

* Смотр ленинградских журналов — «Звезда», «Ленинград», «Резец» — проводит ЛАПП совместно с «Красной газетой».

* В связи с досрочным выполнением трехгодний пятилетки «Красный путиловец» получил приветственные телеграммы от РАПП и ЛАПП.

* В ближайшее время Дом-лет ВССП совместно с ЛАПП проводит совещание о работе военных кружков и военных кружках. Работа в литкружках должна вестись основным общественным нагрузкой писателя.

* Президиум ЛО ВССП избрала систему руководства ленинградской организации союза. Вместо секций (военных) председателей утверждены постоянный председатель (М. Слонимский) и его заместители (С. Семенов и М. Козаков). Этот порядок будет существовать до съезда правления ВССП, на котором будет выработана организационная схема союза.

* Москорком писателей в свое время направил ряд писателей на работу в прессе. Но до сих пор это бывшее дело не получило нужного развития. Не менее она собрать всех писателей и обсудить вопросы, связанные с работой в прессе.

* ГИХЛ совместно с сектором печати НКПР и Наркомпроса созывает 23 ноября совещание, на котором будет обсужден план издания военно-художественной литературы на 1932—33 год и план участия ГИХЛ в работе над вопросом о военно-гражданской войне.

* Марксистско-литературные курсы открыл Москорком писателей. Задача курсов — создать резерв творческих работников для печати и повысить общий культурно-политический уровень автора.

* 28 ноября МОПИ организует в Доме печати вечер — «Литература мировой революции». На вечере выступят тт. Бруно Ясенский, Эгон Эрвин Кинг, Вайян Кутюрье, Сио, А. Гидаш, Луговской, Сурков и др.

* При Москорком писателей основана детская библиотека для рабочих детей семей и школьного ученика — писателя, автора, художественного критика, детских библиотекарей и родителей. Основная задача объединения — борьба за реализацию решений XIX ВКП(б) об издательской работе и о школе.

ПОСТРОИМ САМОЛЕТ

— Начатая 1 сентября по инициативе литкружка фабрики «Ливерс» подписка на постройку самолета «Ударник пролетарской литературы» застыла на мертвой точке. Спустя некоторое время «Литературная газета» сигнализировала опасность срыва подписки и предлагала массовому сектору Москорком писателей взять проведение подписки под свое непосредственное («Литгазета» № 50). Однако до сих пор Москорком писателей остается в стороне от этого важнейшего начинания. Литкружки и отдельные писатели не ответили на вызов литкружка фабрики «Ливерс» и подписавшихся товарищей. Больше того, из пяти подписавшихся только В. Киршон и Фридман внесли деньги.

— Литкружок завода «Ливерс» внес 170 рублей и вызывает кружки «Самолеточки», «Динамо», «Мосэлектрика», 22 завода, Электрозавода и Тормозного завода.

— В. Киршон внес 500 рублей и вызывает А. Афиногенова, А. Безыменского, А. Жарова, А. Караваеву и Ф. Панферова.

Фридман внес 10 руб. и вызывает А. Суркова, К. Корабельникова, Е. Кольчики, М. Колосова, Е. Трощенко, А. Митрофанова, М. Этарт, А. Фадеева, В. Сутырина, С. Кирьянова, М. Цейтлина, Щупканова, Д. Лашкевича, И. Жигу, Д. Алтаузена и И. Макарьева.

— М. Пейтлин внес 25 рублей.

Деньги можно вносить на текущий счет № 6169 Октябрьского отделения Госбанка.

ПОСТРОИМ ЭСКАДРИЛЬЮ «ЛОКАФ»

По инициативе украинского ЛОКАФ Центральный совет ЛОКАФ начал сбор средств на постройку эскадрильи.

Украинский ЛОКАФ уже собрал 13 000 рублей, Таш.ЛОКАФ постановил отчислять 10 процентов гонорара от выпускаемой литературы, Северо-Кавказский ЛОКАФ организовал сбор средств через «Локафонд» (литературное приложение к газете «За индустриализацию и труд»). Но такие крупные литорганизации, как МосЛОКАФ и ЛенЛитЛОКАФ, отстают в сборе средств на эскадрилью.

Средства, собранные на эскадрилью «ЛОКАФ», надо направлять по адресу: Харьков, 89 почтовое отделение, сберкасса № 1259, текущий счет № 33677.

ОБ ИТОГАХ ПЛЕНУМА ЛАПП

РЕЗОЛЮЦИЯ БЮРО ЯЧЕЙКИ ВКП(б) ЛИЯ ЛОКА

В прошлом номере «Л. Г.» резолюция бюро ячейки ВКП(б) Института ЛИЯ ЛОКА была помещена со значительными сокращениями. Мы приводим ее в полном виде. Одновременно исправляем допущенную неточность при опубликовании (в том же номере) резолюции общего собрания ячейки ВКП(б) ЛИЯ ЛОКА; опубликована дата резолюции, принятой 24 часами назад.

Бюро ячейки института ЛИЯ ЛОКА, обсудив итоги пленума правления ЛАПП, считает:

Пленум правления ЛАПП еще раз констатирует правильность политической и литературно-политической линии и основных творческих установок РАПП.

Бюро ячейки одобряет работу пленума правления ЛАПП, как пленума начавшейся перестройки и развертывающейся самокритики.

Пленум отметил продемонстрировал количественный и качественный (идейный и творческий) рост основного рабочего ядра ЛАПП, являющийся результатом работы по проведению призыва рабочих-ударников и литературу и укреплением ведущей роли этого ядра.

Бюро ячейки считает, что ЛАПП должен для закрепления призыва и максимальной степени усилить качество идейно-воспитательной работы с ударниками, призванными в литературу, продолжить работу по дальнейшему развертыванию призыва, усилить прививание ленинского руководства по всем звеньям работы.

Бюро ячейки отмечает перенесение центра тяжести лапповской работы и вплотную литературной группе и создание районных организаций ЛАПП, являющееся результатом увеличения рабочего ядра ЛАПП и роста рабочих кружков, число которых превысило уже пятьдесят, и увеличивается дальше.

Рост пролетарского литературного движения и пролетарской литературы, изучение пролетарской литературы и основные процессы ее, строительства вызвало повышение внимания и требований пролетарской общественности к пролетарской литературе.

В этой связи ячейка приветствует поворот цензурия комсомола к пролетарской литературе, обозначающий включение наиболее передовых слоев пролетарской молодежи в строительство пролетарской литературы.

Усиление внимания пролетарской общественности к вопросам литературы является важнейшим фактором передовых пролетарско-литературного движения и преодоления отставания пролетлитературы от требований периода наступления и социализма.

Важнейшим условием преодоления этого отставания пролетлитературы является решительное развертывание самокритики по всех звеньях организации по всем линиям ее работы — творческой, теоретической, организационной, более развернутая творческой дискуссии, недостаточно еще развернутой в организации, стимулирование создания творческих группировок, выдвижение новых пролетарских кадров, борьба за овладение ленинско-партийным мировоззрением и диалектико-материалистическим художественным методом.

Борьба за большевистское искусство требует решительной борьбы на два фронта, против правой опасности, как главной на данном этапе (проявление вороньего, формализма, перверзионизма, принижение роли мировоззрения, отсутствие классовой заостренности и т. д.), так и против «левацких» уклонов (проявление литературщины, лакировка действительности, лефовщины и т. д.).

В процессе развертывания творческой дискуссии должен быть дан отпор и произведениям левацкого вульгаризаторства, имевшим место в статьях о литературе в «Б. и.» и особенности в выступлениях Медведева и Онилова).

Бюро ячейки считает обязательным активное участие всех членов ячейки в практической работе ЛАПП. Бюро ячейка считает необходимым в плане своей работы включить систематическую проверку выполнения обязательств, взятых на себя ее совместного заседания института ЛИЯ и президиума ЛАПП.

ПОМЕНЬШЕ ОТГОВОРОВ, ПОБОЛЬШЕ ДЕЛА

Во второй раз после первого пленума МАПП секретариат МАПП заслушал доклад т. Шухало о литфильмах работы, и во второй раз со всей четкостью вскрылась слабость работы на этом важнейшем участке. Выступавший в прениях А. Сурков справедливо отметил, что мы имеем принципиально правильное решение и плохое руководство, что мы имеем прекрасные сценарии, но слабое руководство написанием этих сценариев. На все это указало выступление в прениях тт. А. Сурков, С. Фридман, С. Кирьянов, Кольцов.

Секретариат МАПП принял резолюцию, в которой подчеркивает никакие темпы и низкое качество перестройки и намечает ряд конкретных мероприятий, направленных к укреплению связи между руководством МАПП и кадрами.

Е. ПЕЛЬСОН

НА ПОСТРОЙКУ АЭРОПЛАНА „СОВЕТСКИЙ АРТИСТ"

Вчера в филиале Большого Театра Союза ССР работники общественности чествовали артистку драмы Е. К. Красавину, проработавшую 30 лет в театре.

После 3-го акта «Ревизора» представители организаций и театров приветствовали юбиляршу.

Е. К. Красавина весь чистый сбор от спектакля передала на оборону страны—на постройку аэроплана «Советский артист».

ИЗВЕЩЕНИЯ

* 22 ноября—18 ч. — в кабинете Рабочего автора Профиздата (Солянка, 12, Дворец труда, комн. 278) — организационное совещание студийцев и преподавателей курсов для рабочих-авторов, издательского актива и рабочих-ударников с предприятий.

* 23 ноября — 19 ч. в Доме Герцена (комн. 36) — общее собрание писателей имени Горького писателей. В повестке — доклад о решениях пленума ЦК ВКП(б), выборы бюро ячейки, выборы делегатов на конференцию.

* 23 ноября в Доме Герцена собрание агитбригадников малых форм, сценаристов, драматургов, композиторов, переводчиков, детописателей. Повестка дня: итоги решения пленума ЦК ВКП(б) обсуждение плана работ на декаду.

* 24 ноября там же, в той же повестке дня собрание ленинской критиков и литературоведов.

* 24 ноября — 20 ч. — в Доме печати — совещание объединения по работе с детской литературы. Приглашаются представители издательств, литорганизаций и ЦБ юных пионеров.

* 25 ноября — 20 ч. — в Доме печати — вечер-диспут на тему: «Писатель и долг в книге». Вступительное слово—С. Третьякова. Приглашаются тт. Авербах, Макаренко, Киршон, Бела Иллеш, Гидаш, Ясенский, Панферов, Белый, Леонов, Асеев, Жаров, Лухтин, Сергеев, Уткин, Безыменский, Кирсанов, Кольцов, Гладков, Шагинян, Жига, Васильевский, Залесский, Зелинский, Вачнадзе, Медведев, Луговской, Брик, Ретюнин, Шубер, К. Ленц.

* 26 ноября — 20 ч. — в МТП (Большая Дм. 20) — расширенное заседание правления т-ва, реферата и выполнения с участием членов т-ва.

* 26 ноября — 19 ч. — в «Новой кузнице» (Пречистенский бул., 23) — очередное литературно-критическое собеседование. Доклад т. Шишкевича о повести Турчинович «Наша жизнь».

В КЛУБЕ ПИСАТЕЛЕЙ

* 22 ноября — 19 ч. — марксистско-литературоведческий семинар Горкома и МОБ организует вторую лекцию из цикла «Теория печати» — О. Брик.

* Там же — 20 ч. — вторая лекция из цикла «Основные проблемы техники» — инженер Жилинский.

* 22 ноября — 19 ч. 45 м. — дискуссионный просмотр нового кинофильма «На огневом».

* 23 ноября—14 ч.—совещание ПО ЛОКАФ по вопросу творческой мобилизации.

* 23 ноября — 19 ч. — вечер «Новой критики».

* 23 ноября — 19 ч. 45 м. — доклад Демьяна — «Промахи мастеров» (перенесен с 21 ноября).

* 23 ноября — 20 ч. — каб. ударника МАПП — собрание литконсультантов ГИХЛ, Федерация, Профиздата и др. В повестке о координировании работы литконсультации.

* 24 ноября — 17 ч. 30 м. — ораторский кружок. Руководитель — Шнейдер.

* 24 ноября — 18 ч. утра — областной слет пионеров-писателей.

* 24 ноября — 19 ч. 45 м. — первый литкружок художественного чтения. Народный артист республики В. И. Качалов.

* 25 ноября — воскресный сбор писателей.

* 26 ноября — 19 ч. 45 м. — первый вечер из цикла «Песни быта» с участием А. Загорской, проф. Пеменовой-Пуни, В. Верховского, Е. Лаппина. Доклад С. Бугославского.

* 26 ноября — 19 ч. — кружок переводчиков, руководитель—Шервинский.

Ответственный редактор: А. СЕЛИВАНОВСКИЙ.
РЕДКОЛЛЕГИЯ: Н. Асеев, С. Динамов, И. Жига, Л. Ильинский, И. Катаев, Г. Корячев, Н. Огнев, А. Селивановский, И. Сельвинский, М. Слонимский.
ИЗДАТЕЛЬ: Журнально-газетное об'единение.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ФЕДЕРАЦИЯ»
ВЫШЕЛ ИЗ ПЕЧАТИ
десятый номер
„ЛОКАФ"
ежемесячного литературно-художественного журнала Литературного об'единения Красной армии и флота
В НОМЕРЕ:
ПЕРЕДОВАЯ. М. Субоцкий, «К новым победам»; Ал. Яковлев, очерк, Гладун, рассказ; Ал. Карпов, «Рекорд», повесть; Ив. Рачялло, «Следственный город» (окончание).
СТИХИ: Виктор Гусев. «Октябрьский сюжет»; Мих. Головин. «Октябрь»; А. Прокофьев, «Песня уральских партизан»; Э. Фабри. «Хроника интернационального полка»; ЛАХУТИ. «Исполненное обещание».
СКАЗКИ: А. Никонов. «Четырехглазый» и взаимоотношения окружения».
ОЧЕРКИ: И. Рахтин. «После фронта».
НА ФРОНТАХ ЛИТЕРАТУРЫ: С. Ревзин. «За дальнейшее перевооружение воспитания писателя»; С. Мстиславский. «Долг и творческому зачину»; П. Павленко. «Искусство и пролетарское художественное»; Ан. Тарасенков. «Смотр поэтических сил Ленфеда ЛОКАФа».
БИБЛИОГРАФИЯ и др.
Условия подписки на год—12 руб., на ½ года—6 руб., цена отдельн. номера—1 р. 25 к.
ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ во всех отделениях Книгоцентра и в почтовых отделениях.
АДРЕС РЕДАКЦИИ: Москва, ул. Воровского, 52, Клуб ФОСП им. М. Горького.

ОТКРЫТ ПРИЕМ ПОДПИСКИ на 1932 г.
в 1932 ГОДУ ЖУРНАЛ
РОСТ
будет выходить в значительно увеличенном об'еме.
УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ:
Журнал «РОСТ»
(24 №№ в год)
12 мес.—4 р., 6 мес.—2 р.—3 мес.—1 р.
Подписку сдавайте исключительно почтой, не позже установленного срока.
Журнально-газетное об'единение.

22-го НОЯБРЯ С.Г.
1-й ГОСИППОДРОМ КОНЕВОДТРЕСТА СОЮЗА ССР
ПРАЗДНУЕТ
10-ЛЕТНИЙ ЮБИЛЕЙ
1921—1931 г.
В ЭТОТ ДЕНЬ ПРИНИМАЕТ УЧАСТИЕ В ИСПЫТАНИЯХ НАИЛУЧШАЯ ПРОДУКЦИЯ ЛОШАДЕЙ КОНЕВОДТРЕСТА
1) Демонстрация перед уходом в конесовхоз всесоюзного рекордиста ПЕТУШКА
2) Ряд юбилейных заездов с участием ипподромных резвачей и дистанционеров

ГИХЛ
КНИГОЦЕНТР
на 1932 год
ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ЖУРНАЛЫ

Художественная литература, играющая громадную воспитательную роль, должна гораздо более глубоко и полно отображать героизм социалистической стройки и классовой борьбы, переделку общественных отношений и рост новых людей—героев социалистической стройки.
(Из постановления ЦК ВКП (б) от 15/VIII—1931 г.)

КРАСНАЯ НОВЬ
Ежемесячный литературно-художественный и научно-публицистический журнал.
(Орган федерации об'единений советских писателей)
Подписн. плата: год—12 р., 6 м.—6 р.
Цена отд. номера—1 р. 10 к.

ОКТЯБРЬ
Ежемесячный литературно-художественный и общественно-политический журнал.
(Орган Всероссийской и Московской ассоциаций пролет. писателей).
Подписн. плата: год—12 р., 6 м.—6 р., 3 м.—3 р.
Цена отд. номера—1 р. 10 к.

НА ЛИТЕРАТУРНОМ ПОСТУ
Еженедельный массовый журнал марксистской критики.
(Орган Российской ассоциации пролетарских писателей «РАПП»).
Подписная плата: год—10 р., 6 м.—5 р., 3 м.—2 р. 50 к. Цена отдельного номера—35 к.

ПРОЛЕТАРСКАЯ ЛИТЕРАТУРА (б. РАПП)
Двухмесячный журнал марксистско-ленинской литературной теории и критики.
Орган Всесоюзного об'единения ассоциаций пролетарских писателей (ВОАПП).
Подписная плата: год—7 р. 50 к., 6 м.—3 р. 75 к.
Цена отдельного номера 1 р. 50 к.

РАБИС ДОСТИЖЕНИЯ
Ежемесячный журнал под редакцией М. Горького.
Журнал в литературной форме знакомит с новыми достижениями на фабриках, в колхозах, совхозах, во всех областях науки и техники, культуры и быта трудящихся.
Подписн. плата: год—5 р., 6 м. 2 р. 50 к., 3 м.—1 р. 25 к.
Цена отд. номера—50 к.

ЗА РУБЕЖОМ
Ежемесячный массовый журнал, освещающий в литературной форме борьбу и жизнь трудящихся Запада и Востока.
Отв. редактор М. Горький.
Подписн. плата: год—6 р., 6 м.—3 р., 3 м.—1 р. 50 к.
Цена отд. номера—60 к.

НА МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКОМ КОНТРОСТОЯНИИ (б. „ЛИТЕРАТУРА и МАРКСИЗМ")
Ежемесячный орган института литературы, искусства и языка (ИЛЯ) Комакадемии.
Подписная плата: год—12 р., 6 м.—6 р., 3 м.—3 р.
Цена отдельного номера—1 р. 25 к.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА
Ежемесячный информационный и культурно-просветительный бюллетень Государственного издательства художественной литературы при участии МАПП.
Подписная плата: год—4 р. 50 к.
Цена отдельного номера—30 к.

ЛИТЕРАТУРА МИРОВОЙ РЕВОЛЮЦИИ
Ежемесячный массовый интернациональный журнал Центральн. орган Международного об'единения революционных писателей (МОРП). Издается на четырех параллельных языках: русск., немецк., английск. и французск.
Подписная плата для каждого журнала: год—10 р., 6 м.—5 р., 3 м.—2 р. 50 к. Цена отдельн. номера—1 р.

ЗЕМЛЯ СОВЕТСКАЯ
Литературно-художественный и общественно-политический ежемесячник
(Орган Российской организации пролетарско-колхозных писателей «РОПКП»).
Подписная плата: год—9 р., 6 м.—4 р. 50 к., 3 мес. 2 р. 25 к. Цена отдельного номера—90 к.

30 ДНЕЙ
Первый в СССР художественный литературно-общественный и научно-популярный иллюстрированный журнал в красочной обложке.
Подписная плата: год—6 р., 6 м.—3 р. Цена отдельного номера—60 к.

СОВЕТСКАЯ СТРОКА
Ежемесячный общественно-политический и литературно-художественный журнал народов СССР.
Подписная плата: год—10 р., 6 м.—5 р., 3 м.—2 р. 50 к.
Цена отдельного номера—1 р.
Подписка на 1931 г. переносится на 1932 г. Все подписчики 1931 г. будут получать журналы в 1932 г. соответственно сроку их подписки.

КОМБАЙН
Двухнедельный массовый общественно-политический и художественно-бытовой иллюстрированный журнал.
(Орган Российской организации пролетарско-колхозных писателей, ЦК союза рабочих совхозов, МТС и батрачества.
Подписная плата: год—2 р., 6 м.—1 р.
Цена отдельного номера—10 к.

ПРОЛЕТАРСКИЙ АВАНГАРД
Ежемесячный иллюстрированный, литературно-художественный научно-популярный и общественно-политический журнал Московской творческой группы РАПП «Молодая гвардия».
Подписная плата: год—6 р., 6 м.—3 р., 3 м.—1 р. 50 к.
Цена отдельного номера—60 к.

ПРОЛЕТАРСКОЕ КИНО
Двухнедельный иллюстрированный журнал по вопросам кинематографии.
(Орган Ассоциации рабочих революционной кинематографии „АРРК").
Подписная плата: год—7 р. 50 к., 6 м.—3 р. 75 к. Цена отдельного номера—30 к.

СОВЕТСКИЙ ТЕАТР
Ежемесячный общественно-политический журнал по вопросам театра и марксистского театроведения.
Подписная плата: год—6 р., 6 м.—3 р.
Цена отдельного номера—60 к.

РОМАН-ГАЗЕТА
Ежемесячный массовый журнал художественной литературы.
Подписная плата: год—3 р. 50 к., 6 м.—1 р. 25 к.
Цена отдельного номера—25 к.
К окончанию подписчиков 1931 г.: номер — «Роман-газеты» в настоящем сроке печатается и будет разослан с декабре—декабре этого года. Дальнейшие номера подписчики 1931 года будут получать в 1932 г. соответственно срокам их подписки.

Подписка принимается во всех местных отделениях и магазинах КНИГОЦЕНТРА и их уполномоченными, всюду на почте и письмоносцами

Уполном. Главлита В 105368.
Интернациональная (39) тип. «Мосполиграф», пр. им. Сталина-Сталинск., д. 6.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Орган Федерации Объединений Советских писателей РСФСР

МОСКВА 2 НОЯБРЯ 1931 г. № 64 (163)

РЕДАКЦИЯ: Москва Тверской б. 25. Дом Герцена. Телефон 2-80-12.

ИЗДАТЕЛЬСТВО: Журнально - газетное объединение: Москва, б. Страстной бульвар 11. Телефон 5-51-69.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА НА 1932 г.
На 12 м. 3 р. 60 к.
На 6 м. 1 р. 80 к.
На 3 м. — р. 90 к.

ПАРТИЯ И РАБОЧИЙ КЛАСС ПРЕДЪЯВЛЯЮТ ПРОЛЕТАРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ СЧЕТ

ПРОЛЕТАРСКИЕ ПИСАТЕЛИ ДОЛЖНЫ ОТВЕТИТЬ НА НЕГО ПРОИЗВЕДЕНИЯМИ, ДОСТОЙНЫМИ НАШЕЙ ЭПОХИ

РАЗВЕРТЫВАЯ БОЛЬШЕВИСТСКУЮ САМОКРИТИКУ, ПОДНИМЕМ ПРОЛЕТАРСКОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ДВИЖЕНИЕ НА ВЫСШУЮ СТУПЕНЬ

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ СЧЕТ ДОЛЖЕН БЫТЬ ОПЛАЧЕН

Статья т. Мехлиса, перепечатываемая нами сегодня из «Правды», подводит основные итоги дискуссии, которая развернулась за последнее время между комсомолом и РАПП, между «Комсомольской правдой» и «Литературной газетой». Уроки этой дискуссии должны быть внимательно продуманы всеми пролетарскими писателями, — и не только ими, но и всей Федерацией объединений советских писателей. Современное правильная критика ошибок и недочетов руководства РАПП и «Литературной газеты» со стороны ЦО партии должна вызвать решительный перелом в перестройке рядов пролетарской литературы, должна быть положена в основу работы нашей газеты.

Мы были правы в критике ошибок по ТВОРЧЕСКИМ вопросам, допущенных в ряде статей, помещенных в свое время в «Комсомольской правде». Но, не говоря уже о ряде попемических перехлестываний с нашей стороны (вплоть до политических ошибочного, политически недопустимого обвинения «Комсомольской правды» в замалчивании не основных вопросов классовой борьбы на литературном фронте), мы, ни руководство РАПП не учли своевременно всей ОБЪЕКТИВНОГО СМЫСЛА тех серьезных критических указаний, которые были сделаны по адресу РАПП со стороны комсомола в выступлениях т. Кагановича и «Комсомольской правды» и которые сводились к тому, что РАПП медленно перестраивается.

Критика РАПП со стороны комсомола являлась отражением критики недостатков пролетарской литературы со стороны пролетариата. Комсомольский счет пролетарской литературе был частью общепролетарского счета. Недовольство темпами перестройки пролетарской литературы в комсомоле выражало рост идейно-художественных запросов МИЛЛИОНОВ на новом этапе социалистической революции. Вот в ЭТОМ было основное. Вот ЭТО нужно было понять. Вот на ЭТО нужно было опереться для создания необходимого перелома в темпах и глубине перестройки. Но этого сделано не было. Почему? В чем КОРНИ допущенных ошибок? Они заключались в данном случае в ОТРЫВЕ вопросов ТВОРЧЕСКОЙ дискуссии от ОБЩИХ ЗАДАЧ КУЛЬТУРНОЙ РЕВОЛЮЦИИ, в цеховом, узколитературном подходе к предмету спора, в давлении ЛИТЕРАТУРЩИНЫ. Между тем ясно само собой, что успешная борьба за принцип партийности в литературе предполагает решительное преодоление давления литературщины, предполагает проверку каждого шага, каждого лозунга, каждого высказывания в свете тех задач, которые ставит партия и класс перед пролетарской литературой.

Отсюда следует первый основной вывод из указаний, сделанных нам ЦО партии и статье т. Мехлиса: мы должны УСИЛИТЬ БОРЬБУ ЗА ПАРТИЙНОСТЬ В ЛИТЕРАТУРЕ, последовательно выправляя на практике литературной работы традиции литературщины. ЛИТЕРАТУРНОЕ ДЕЛО ЕСТЬ ЛИШЬ ОБЩЕПРОЛЕТАРСКОГО ДЕЛА.

Статья т. Мехлиса содержит в себе справедливую критику ошибок и недочетов в работе РАПП и ее руководства. Сюда относятся указания на элементы групповщины и администрирования, на недостаточность большевистской самокритики в РАПП, на недостаточное развертывание творческих дискуссий и соревнования творческих группировок, на отсутствие необходимого товарищеского отношения к отдельным, уже сложившимся творческим группировкам и т. д. Критику РАПП в значительной мере МЫ ОТНОСИМ И НА СВОИ СЧЕТ, ибо «Литературная газета» должна являться одним из ОРУДИЙ РАЗВЕРТЫВАНИЯ САМОКРИТИКИ в РАПП (как и во всех литературных организациях). Отсюда следует второй основной вывод из указаний ЦО партии: «Литературная газета» должна СТАТЬ таким орудием в большей мере.

В трудной работе в области литературы, в обстановке сложнейших форм проявления классовой борьбы, в условиях неразработанности ряда творческих проблем ВОЗМОЖНЫ ошибки, совершаемые работниками пролетарского литературного движения. Но возможность таких ошибок отнюдь не означает их НЕИЗБЕЖНОСТИ во всех случаях. Так, например, отнюдь не «неизбежной» была «ведомственная» позиция, занятая руководством РАПП в споре с комсомолом, ибо РАПП на протяжении ряда лет выстаивала в борьбе за партийность в литературе. Отнюдь не «неизбежны» были элементы групповщины и администрирования и прочие ошибки и недочеты в работе РАПП. Этих ошибок не было бы, если бы в РАПП была более последовательно развернута большевистская самокритика.

Лозунгу «право на ошибки» и извращенному истории марксистской критики как истории ошибок (а именно ТАК представляют себе дело литературные оппортунисты и стоящие за ними классовые враги пролетарской литературы) должен быть дан решительный отпор. Большевики исправляют свои ошибки, когда они их осознают и когда на них указывает партия. Партия сегодня указала организации пролетарских писателей на ее ошибки. Пролетарские писатели должны поступить, как большевики: ошибки признать и решительно ИСПРАВИТЬ ИХ НА ДЕЛЕ. Пролетарские писатели должны доказать, что они не только умеют успешно бороться со всеми и всяческими врагами и извратителями партийной линии в художественной литературе, но и ликвидировать недочеты в СВОИХ рядах. Именно этого ждем мы от пленума правления РАПП.

И здесь величайший вред могут принести ЗАМЕДЛЕНИЕ в темпах и глубине перестройки, самокритика с ОГОВОРКАМИ, чванливая боязнь ущемить чей-либо авторитет. Нет спора: классовые враги, следившие за дискуссией, ожидали РАЗГРОМА РАПП именно как организации ПРОЛЕТАРСКИХ писателей. Нет спора: буржуазная агентура в литературе может попытаться использовать итоги дискуссии для дискредитации линии РАПП. Но ведь из этого ничего не выйдет и НЕ МОЖЕТ ВЫЙТИ! Ибо значение тех указаний, которые сделала «Правда» РАПП определяется необходимостью исправления ошибок и ликвидации «узких мест» для более успешной борьбы за те установки РАПП, отстаивая которые РАПП стала ОСНОВНОЙ ОРГАНИЗАЦИЕЙ, ПРОВОДЯЩЕЙ ЛИНИЮ ПАРТИИ В ВОПРОСАХ ЛИТЕРАТУРЫ. Поэтому планы и расчеты противников РАПП, врагов проводимой ею ЛИНИИ партии, оборачиваются ПРОТИВ НИХ САМИХ. Ибо чем скорее и успешнее перестроит РАПП свои ряды, тем скорее заработает пролетарская литература права на гегемонию, тем в большей мере закрепится связь РАПП с литературными союзниками, тем успешнее будет происходить разгром буржуазных агентуры в литературе.

Нужно в то же время решительно ударить по тем капитулянтским и оппортунистическим элементам внутри РАПП, которые указания, данные партией основной организации пролетарских писателей, попытаются использовать в своих фракционных реваншистских интересах для того, чтобы опорочить основные установки РАПП.

Форсирование темпов перестройки РАПП будет проходить под руководством партии и в тесной связи с ленинским комсомолом. Прямым результатом дискуссии явится новая волна внимания и художественной литературе со стороны комсомола и усиление поворота пролетарской литературы лицом к комсомолу. Творческий смотр молодежной литературы, организуемый сейчас, является первой серьезной кампанией, которую комсомол и РАПП будут совместно проводить на основе указаний, сделанных партией.

Мы стоим перед огромной важности задачами в литературе. Сущность этих задач сводится для пролетарских писателей к созданию большого большевистского искусства, к созданию произведений, достойных класса, достраивающего в этом году фундамент социалистической экономики, к созданию литературных Магнитостроев. Сложнейшие задачи стоят также перед теоретиками пролетарского литературного движения. Их успешное разрешение требует сосредоточения всего внимания РАПП на проблемах творческой и теоретической работы. Тов. Мехлис правильно пишет, заканчивая свою статью: «подобно тому как в ответ на упрек в отставании сталинградцы отвечают тракторами, комбассовцы — углем, подобно этому ответ пролетарских писателей может быть только один — произведениями, достойными нашей эпохи. Социалистический счет должен быть оплачен».

Он должен быть оплачен художественными произведениями, теоретическими исследованиями, конкретной критикой. Другого ответа не может быть. А для этого требуется понять (и реализовать понимание в практике работы) особенности РАПП как идейно-воспитательной организации, особенности ее темпа и характера.

В новый этап своего развертывания вступает творческая дискуссия в пролетарской литературе — в пределах общих творческих установок РАПП, на основе литературной линии партии, проводимой РАПП.

Л. МЕХЛИС

ЗА ПЕРЕСТРОЙКУ РАБОТЫ РАПП

Не приходится доказывать того исключительного значения, которое наша ленинская партия придает революционной теории, идеологическому участку фронта классовой борьбы. Ленин неоднократно подчеркивал, что только партия, руководимая революционной теорией, может выполнить роль передового борца, изжить существующий капиталистический мир цутем пролетарской революции.

Марксистско-ленинская теория — то оружие, с помощью которого наша партия и Коминтерн разрешают сложнейшие вопросы строительства социализма и международного революционного рабочего движения. Только безнадежно запутавшиеся в своей фракционности оппортунисты типа Стэна — Шацкина могли выставлять обвинение об игнорировании партией теории о господстве «болтучего эмпиризма».

Но наша партия боролась и будет бороться против «теоретической» схоластики, оторванной от революционной практики. Еще Маркс отмечал как главный недостаток материализма дофейербаховского периода включительно то, что тот рассматривал действительность, предметный воспринимаемый внешними чувствами мир лишь в форме объекта или в форме созерцания, а не в форме конкретной человеческой деятельности, не в форме практики, не субъективно». Марксистско-ленинская теория — сильнейшее оружие в руках пролетариата для революционного преобразования общества, для построения социализма в нашей стране.

Наш опыт революционной практики, борьбы с оппортунизмом, борьбы за чистоту марксистско-ленинской теории имеет исключительное значение для международного рабочего движения. Однако теоретическое обобщение революционной практики отстает на ряде участков идеологического фронта. Это отставание мы имеем и на участке нашей пролетарской литературы.

РАПП неоднократно подчеркивала в своих документах отставание пролетарской литературы, необходимость поднять политический уровень наших пролетарских писателей и критиков на новую высоту, в соответствии с требованиями, которые предъявляет современный этап социалистического строительства.

Понятно факт сознания руководством РАПП того, что пролетарская литература и критика отстают, имеет большое значение для преодоления отставания. Но одного этого мало. Заклинаниями общими рассуждениями об отставании дело не ликвидировать. И на участке пролетарской литературы сейчас ничего кроме вреда, не принесет. Для преодоления отставания необходимо большевистское понимание новой обстановки, новых требований, которые предъявляются современной обстановкой к данному участку идеологического фронта. Для преодоления отставания необходима большевистская перестройка методов работы РАПП — основной организации, проводящей линию партии в вопросах литературы.

Наша партия показала блестящие образцы применения материалистической диалектики для анализа новых условий работы и перестройки соответственно с этим государственных, профессиональных, комсомольских и партийных организаций. Историческая речь тов. Сталина на совещании хозяйственников 23 июня с постановкой решающих вопросов работы в новых условиях, в связи с изменениями в расстановке классовых сил в стране, является образцом ленинского стиля в работе — соединении американской деловитости и русского революционного размаха. В своей речи тов. Сталин поднял основные вопросы социалистического строительства на большую принципиальную теоретическую высоту и дал исчерпывающий ответ, как практически эти вопросы разрешить.

РАПП необходимо на основе общей линии нашей партии на основе специальных указаний ЦК перестроить свою работу применительно к возросшим требованиям, предъявляемым к пролетарской литературе, применительно к тому новому, что мы имеем в литературном движении. Каждый день промедления в перестройке — тормоз в дальнейшем росте пролетарской литературы.

В самом деле, почему так остро стоит вопрос о необходимости немедленной перестройки работы РАПП?

Из небольшой напостовской группы Ассоциация пролетарских писателей превратилась в массовую организацию. Призыв ударников в литературу — показатель успехов РАПП в его руководства в проведении линии партии в вопросах литературы. Вырос читатель и он предъявляет к пролетарской литературе гораздо более высокие требования, чем прежде. Литература перестала быть делом узкого круга лиц, перестала быть делом «избранных». Мощный рост культурного уровня пролетариев и трудящихся нашей страны превратил дело культурной революции в в частности дело пролетарской литературы в дело миллионов. Выросла пролетарская литература, вырос и пролетарский писатель, хотя в целом пролетарская литература продолжает отставать от нужд и запросов масс.

Все это надо было руководству РАПП учесть. Все эти факты вступают в прямое противоречие с групповой обособленностью с элементами администрирования и руководстве массовой организацией пролетарских писателей. Это не может не тормозить развертывания творческих течений, творческого соревнования пролетарских писателей. Система взаимоотношений внутри РАПП должна быть кардинально изменена.

РАПП и ее руководство имеют бесспорно достижения в борьбе за линию партии в вопросах литературы, в разоблачении вороховцев, перерожденцев, литфронтовщины и их рецидивов. Но прошлым не может жить ни одна организация. Отставание и допущенные ошибки могут быть изжиты только на основе развернутой большевистской самокритики.

Что требуется для поднятия пролетарской литературы на высшую ступень, для ликвидации отставания?

Необходимо всемерное развертывание творческой дискуссии и самокритики в пределах единой партийной линии в пределах линии партии в вопросах литературы, проводимой РАПП. Уже свыше полугода назад указывалось на недостаточность развития самокритики внутри РАПП, на наличие элементов администрирования в работе, на частое игнорирование в практике того основного положения, что РАПП является литературно-воспитательной, а не государственно-административной организацией. РАПП указывалось на совершенно недостаточное развертывание среди пролетарских писателей творческих течений, на необходимость создания творческой атмосферы, для работы отдельных творческих групп, в частности, возглавляемого тов. Панферовым. Об этих недостатках в работе РАПП писала и «Правда» в редакционной статье «За пролетарскую литературу» (см. «Правду» № 108, от 19 апреля с. г.).

Что сделано РАПП в этом отношении? Очень мало, настолько мало, что выявившиеся противоречия между требованиями, которые предъявляются к пролетарской литературе, и методами руководства РАПП вылились в форму дискуссии между РАПП и комсомолом, «Литературной газетой» и «Комсомольской правдой». Это — не ведомственный спор, как некоторые себе представляли. Выступление тов. Косарева — свидетельство поворота комсомола к вопросам пролетарской литературы, свидетельство роста комсомола и усиления внимания ЦК ВЛКСМ к воспитанию молодых пролетарских кадров.

Дискуссия показала, что задачи перестройки работы РАПП больше чем назрели. Об этом свидетельствует (вернее, это одна из основных причин) острота постановки вопросов тов. Косаревым. Дискуссия показала что то, что партия из РАПП не сумели перестроиться, пытаются задержаться на старых позициях, старых методах работы, тормозящих движение пролетарской литературы вперед. Оказывать, отставать от требований, предъявляемых новой обстановкой, никому не позволено.

Поэтому товарищи из РАПП так остро расправляются сегодня с вопросом не умение перестроиться, желание продолжать работу методами кружковщины. Поэтому им не удалось полностью выполнить важнейшую директиву партии об объединении лучших кадров пролетарских писателей. Поэтому им все кажется что кто-то на них напал в дискуссии, ставит вопросы о смене рапповского руководства. Но это же смешно! Руководство РАПП правильно боролось с извращениями линии партии в литературе, хотя и допускало ошибки. Речь идет о том (этого не понимают до сих пор некоторые товарищи из РАПП) что возросшие партийные и пролетарские кадры, в частности комсомол, требуют и вправе требовать от пролетарских писателей, чтобы они шли с ними нога в ногу в полном развернутом социалистическом наступлении по всему фронту.

Какие недостатки должны быть изжиты немедленно?

Чтобы воспитать новые кадры писателей-ударников, призванных в литературу, чтобы поднять кадры пролетарских писателей на уровень ленинской непримиримости к оппортунистическим извращениям, надо развернуть развернутой критике, в первую очередь на страницах рапповской печати, ошибки, допущенные отдельными членами РАПП и в частности рядом руководящих товарищей.

Совершенно, например, недопустимо, что по линии не принципиальные соображения не подвергнут развернутой критике ошибочный лозунг «одемьянивания» пролетарской поэзии. Этот лозунг культивировался годами. Не кто иной, как тов. Авербах, яростно пропагандировал его. Он говорил по адресу своих оппонентов в этом вопросе:

«Пролетарским поэтам следует «одемьяниваться» — так писал я почти семь лет назад, в первом номере журнала «На посту». И это было всегда общей напостовской установкой всего РАПП.

Пролетарские писатели должны решительно бороться с теми, кто призыв «одемьяниваться» трактует, как «лефовщину» — вне зависимости от того, положительно или отрицательно относится «лефовщина» (Л. Авербах «Перестраиваемся», 1930 г.).

Канонизация пролетарского поэта Демьяна Бедного ничего, кроме вреда, Демьяну и пролетарской литературе принести не может. Она дезинтегрирует уровень роста писателя, игнорирует многогранность социалистического строительства, игнорирует новые требования, которые предъявляются к пролетарской литературе в том числе и к этому писателю, по существу берет под защиту допущенные им грубые ошибки («Связал в пучки» — огульное охаивание всего прошлого в русском народе; «Без пощады» — вненсторическая трактовка крестьянства; «Что дальше?» — антимарксистская оценка нашей позиции в империалистическом окружении Советской трудящихся Китая).

Дальше все это не обязывает РАПП, в частности т. Авербаха, по-большевистски развернуть критике лозунг «одемьянивания», а равно и те ошибки, которые Демьян допустил. Ведь только так можно воспитывать кадры писателей. Между тем до последнего времени в этом отношении не сделано все необходимое, чтобы массы поняли сущность ошибок в этом вопросе. Что это так, — свидетельствует и статья т. Гельфанда в журнале «Литература и искусство», № 4 от 1931 г., где творчество Демьяна некритически превозносится и лозунг «одемьянивания», в рядом в статье Луначарского неправильно оценивается творчество Горького.

Так обстоит дело с лозунгом «одемьянивания».

Или возьмем пресловутый лозунг «догнать и перегнать классиков буржуазной литературы». В этот лозунг как в дождь «одемьянивание». не выдумал «Комсомольской правды» он насаждался рапповскими теоретиками.

Резолюция актива Московской ассоциации пролетарских писателей опубликованная в журнале «На литературном посту», № 4 от 1931 г. гласит:

«Догнать и перегнать достижения художественной литературы буржуазии предшествующих литератур — таков должен быть лозунг пролетарского литературного движения в борьбе за качество в своей области».

Лозунг партии «догнать и перегнать» в технико-экономическом отношении передовые страны капитала механически переносится в область «культуры». Как будто по идеологии наш пролетарский писатель стоит ниже классиков! Наш рядовой рабочий борющийся сознательно за дело своего класса не перерушивший и боявший участвующий в социалистическом соревновании по-коммунистически относящийся к труду, осознающий свою работу по социалистическому строительству как часть международного рабочего движения — стоит на своей идеологии несколькими головами выше любого буржуазного ученого и писателя, находящегося в плену у «боженьки», у крохобства, верно служащего закабалению пролетариата капиталом. Пролетариат — самый угнетенный и эксплоатируемый класс в условиях капитализма — стал самым передовым по идеологии, осознав себя как класс. Это он создал Маркса и Ленина, это он вооружил методом диалектического материализма.

А ведь теория «догнать и перегнать классиков буржуазной литературы» имеет широкое хождение в рапповских кругах. Она давно насаждалась. Вот, например, что писал тов. Авербах гораздо раньше резолюции МАПП:

«И вот, в этот момент и момент, полное великой внутренней революции, такой метод, как метод Толстого, наиболее подходящ для нас» «Творческие пути пролетарской литературы». Подчеркнуто нами).

Оказывается, наши пролетарские писатели должны учиться у Толстого, методу диалектического материализма, ибо, как известно только этот революционный метод «наиболее подходящ для нас». Немалая путаница по вопросу «догнать и перегнать» у т. Ермилова, который сменит всегда первым сказать... «Э»

Выходит, что не «Комсомольская правда» культивировала ошибочный лозунг,* а указанные товарищи и притом на протяжении многих лет. Найдя они смелость раскритиковать свои ошибки — пролетарская литература в РАПП от этого только выиграли бы.

Тот факт, что эта и другие ошибки, в частности, тт. Ермилова и Либединского, а также немарксистские взгляды Гросман-Рощина, не подвергнуты развернутой большевистской критике и на сегодняшний день, свидетельствуют о серьезных недостатках в РАПП и деле самокритики. Не любят некоторые товарищи из РАПП самокритики! А между тем, как никогда РАПП нуждается в творческой дискуссии и развернутой самокритике, «ибо только так можно воспитывать действительные кадры» (Сталин).

Нелишне в самокритике и своеобразное ее применение сказываются и в том, что в ряде случаев ошибки одного по системе «круговой поруки» смазываются, а другого — раздуваются и иногда выдумываются. И это вытекает из элементов групповщины на того, что товарищи, возглавляющие массовую организацию пролетарских писателей не могут отораться... от собственной круговой поруки.

Вот одна из характерных моментов всеобъективной оценки произведений пролетарских писателей. Речь идет о «Брусках» Панферова. Это бесспорно крупное произведение имеет свои недостатки, которые надо разобрать в товарищеских тонах. Вначале начинается такое захваливание «Брусков», которое не может способствовать дальнейшему росту Панферова. Больше этого: при захваливании допускаются крупнейшие политические ошибки.

В 1930 г., в статье «Генеральная задача пролетарской литературы» Б. Либединский, защищая Панферова от Бескина и Тоом, писал:

«Да это (речь идет о помощи партии в борьбе с правым уклоном Л. М.) и есть то хвалить Панферова. Произведение «Бруски» Панферова способствует большевизации нашей партии. Мы с помощью «Брусков» пропагандируем нашу политику в деревне. Это признание всей нашей советской пролетарской общественностью». («На лит посту» № 2, 1930 г. Подчеркнуто нами). Это оценка — вернее, [illegible] их оговорок он тут не делает. Прямой [illegible] пропагандирует нашу политику в деревне. Но мы никогда не поднимемся выше того что «Бруски» большевизируют нашу партию. Ленинская большевистская партия воспитана в духе непримиримой борьбы с оппортунизмом и не нуждается в большевизации и частности со стороны «Брусков» или какого-либо другого художественного произведения, как бы оно значительно ни было. И если формулировка фигурировала в дискуссии «мы рапповцев сделаем большевиками» неправильна, требует уточнения, необходимо ставить вопрос об усилении партийного влияния в РАПП, — то тезис т. Либединского о «большевизации нашей партии» дол-

* Кстати сказать, РАПП должен снять, как ошибочный термин — «[illegible] нашей линии РАПП».

* У нее имелись в этой дискуссии свои недостатки: [illegible] данной статье Медведева была допущена ошибка: непримиримо [illegible] оценка творчества одного из крупнейших пролетарских писателей — Фадеева. Эти ошибки «Комсомольская правда» признала в своих редакционных статьях.

окончание смотри на 2 странице

МАКСИМ ГОРЬКИЙ

За работу!

1 октября 1931 г. в Ленинграде состоялось совещание массового сектора ГИКЛ по вопросам о приемах и формах работы над материалом по «Истории заводов». Прочитанная мною стенограмма совещания воспроизводит несколько очень длинных речей. Речи эти, должно быть, утомили участников собрания, и в конце его один из них,—вероятно, шутя,—сказал: «Горький заварил кашу, а мы расхлебывай ее». Шутка—хорошее дело, но «ничто не возникает без основания, почему оно возникло?», и на эту шутку я должен ответить: «извиняюсь», как говорят вежливые люди, но «кто заварил кашу» не я. Заварило ее стремление рабочего класса к самопознанию, т. е. к познанию своего исторического прошлого, что совершенно необходимо для осмысления смысла событий, творимых в настоящем, и уяснения прямых путей к целям будущего. Дороги в будущее у нас обильны, проложены довольно широко, пробуются и мостятся все шире, это—так. Но для многих молодых людей, которые не прошли суровой школы классовой борьбы и совершенно не знают условий жизни рабочего класса в «добре, старое время», все еще не исчезла опасность свернуть, незаметно для себя, в болото мещанского благополучия, — благополучия, основанного на крови их отцов. Болотце еще это не совсем осушено и оно имеет своих поселенников, защитников, поэтов. Отцы изгнали из своей страны капиталистов, но врагами рабочего класса были не только фабриканты и помещики. Мелкая буржуазия, городское мещанство, задержавшее их разнообразными идеями своей «психологии» и вовлекшая сотни рабочих в тепленькую тину сего болотца, увеличивая количество» заработков трудового народа. Это надо знать и это надо крепко помнить. Капиталисты, стремясь выжать из плоти рабочего класса как можно больше живого бесценного золота, которым они как будто скоро уже совсем подавятся, капиталисты распоряжались—и в Европе еще распоряжаются—плотью и кровью рабочих так же, как рабочие распоряжаются железной рудой и всяким сырьем, перерабатывая руду в сталь, сырье—в бесчисленное количество общественно необходимых вещей. Противопоставление этих двух деятельностей обнажает до костей и до корней идиотизм капиталистического государства. Этот идиотизм, анархизм и бесчеловечный цинизм с предельной ясностью изобличен В. И. Лениным человеком, чей гениальный разум еще в 1907 г., когда вожди социал-демократии Европы ходили по земле в приличных одеждах, предвидел, что эти вожди переродятся в лакеев классов капитала и предадут рабочий класс, что они и делают. Делают они это именно потому, что из психологии—мещанства — сильнодействующий яд, в классовой борьбе он играет роль отвлекающего газа.

Рабочий класс Союза советов — гигант, обладающий неисчерпаемым количеством трудовой физической энергии, которую до октября 1917 г. безжалостно и бесчеловечно грабили и растрачивали капиталисты России и Европы. Рабочий класс Союза советов пережил думы, которых не переживал пролетариат Европы. 9 января 1905 г. истребление рабочих, в 1905 1908 гг.—каторга для тысяч, каторжная работа на Амурской железной дороге, массовый расстрел на Ленских приисках,—все это только наиболее крупные эпизоды сплошной непрерывной трагедии. Возможно, что настанет день, когда пролетариат Европы позавидует, что он не пережил того, что пережито пролетариатом Союза советов, и что он не знает истории рабочих нашего Союза.

14 лет назад рабочий класс Союза, руководимый партией большевиков, воспитанных Лениным, взял в свои руки политическую власть и начал всесторонне хозяйствовать в своей стране быстро и все быстрее превращая физическую энергию сотен тысяч своих единиц в коллективную интеллектуальную творческую энергию. Могучий поток этой энергии, укрепляя диктатуру рабочих созидая чудеса в области индустриализации страны, с каждым днем все более и более обогащает ее. Самое великое, что сделано ее коллективным диктатором Союза советов, это— полное освобождение крестьянства из-под убийственной «власти земли», — освобождение десятков миллионов людей от вековых унизительных суеверий и предрассудков, от всей той древней тьмы, которая сделала царскую, дворянскую, кулацкую Русь самой темной, некультурной, нищей страной.

Как же случилось, что вот эта отсталая страна вдруг стала самой яркой точкой на земле, что на ней сосредоточены внимание, симпатии и надежды пролетариев всех стран? Как случилось, что запрещенный, замученный народ вдруг встал на ноги и пошел—один, первый—к великой цели пролетариата всего мира? Как развилась и выросла эта сказочная энергия? Сколько усилий затрачено рабочим классом старой, царской России для того, чтобы создать из плоти и крови своей партию большевиков, аккумулятор его энергии?

Вот это должна знать наша молодежь, и на эти вопросы обязана ответить ей «История заводов». У нас есть книги по истории партии, но они, рассказывая о политической борьбе труда и капитала, о росте партий, о ее битвах с меньшевиками эсерами—врагами пролетариата, почти или совсем не изображают бытовых условий, в которых развивалась эта борьба, не говорят о будничной жизни рабочих, о их культурном уровне до Октября, не касаются всей рабочей массы, как бесправного орудия капиталистов и в то же время фактического двигателя промышленности, обогатителя огромной страны.

Наша молодежь, а особенно крестьянская, т. е. большинство молодежи, совершенно не знает прошлого и поэтому недооценивает значения настоящего, не ясно видит цели будущего. Это надобно повторять тысячи раз и с этим нужно бороться до той поры, пока оно не исчезнет. Наша молодежь не колосится, как прежде, уродующему давлению чужого ей класса, он уничтожен вместе с его бывшей другом его охраной — церковниками, мещанской прессой и другим мусором, который создали капиталисты и на который опирались они. Мусор выметен, но не весь, и осталось очень много дурной пыли. Надо знать прошлое всем, его мрачном бытовом бесчеловечии, с его глупым цинизмом, с его изумительным лицемерием. Это необходимо для того, чтобы воспитать в себе органическое отвращение к капиталистическому прошлому, чтобы тонко чувствовать разлагающее влияние его пыли, чтобы научиться исторически мыслить, чтобы насытить боевую теорию ленинизма фактами и углубить ее, чтобы усвоить дух большевизма, его непримиримость, его гибкий разум, отточенный историей прошлого.

Все это нужно знать и потому еще, что хотя капиталистический мир и загнил, и разлагается, но в предсмертных судорогах своих он еще может ударить по Союзу советов. Мы уже столько сделали нового, что имеем полную возможность сравнить трудовые и бытовые условия прошлого с трудовыми и культурными успехами настоящего, с гигантским размахом нашей индустриальной, культурной, коммунальной стройки изменяющей лицо земли нашей. Молодежь должна понять, что она живет в годы, когда осуществляется, реализуется нечто гораздо более значительное, чем все благожелательные фантазии социалистов-утопистов.

На работе по «Истории заводов» литературная молодежь получает возможность научиться писать о живом, исторической деле ее класса. Учат факты. В Союзе социалистических советов созываются почти ежечасно небывалые факты величайшего напряжения энергии, воплощения ее в жизнь, в действительность.

На работе по «Истории заводов» должны образоваться кадры людей, которые со временем обязаны будут создать «Институт по изучению роста и развития социалистической промышленности в Союзе советов».

За работу, товарищи! Поменьше речей, красноречия, побольше дела. За работу по созданию большевистской «Истории заводов».

ИНСТРУКЦИЯ ПО СОЗДАНИЮ «ИСТОРИИ ЗАВОДОВ»

Главная редакция «Истории заводов» выработала инструкцию по созданию «Истории заводов». Основные пункты этой инструкции сводятся к следующему:

«История заводов» должна быть большевистским показом наиболее значительных промышленных предприятий СССР с момента их возникновения до наших дней. «История заводов» ставит перед собой прежде всего политические цели: воспитание на историческом материале новых рабочих и подрастающего молодняка; одновременно «История» должна стать концентрацией нашего социалистического опыта для международного пролетариата. Наконец, она будет лучшим ответом наймитам, маловерам и оппортунистам всех мастей, не верующим в творческие силы пролетариата.

Указывая, что для создания «Истории» громадное значение имеют последние указания т. Сталина и это статье о некоторых вопросах истории большевизма, инструкция намечает конкретные пути к написанию «Истории».

В сборниках заводов стержнем программы должен быть сравнительный показ в конкретное противопоставление капиталистической и социалистической систем. Поэтому весь материал состоит из двух основных частей: предприятие в условиях предкапиталистического и капиталистического режима с основным упором на показ методов и форм капиталистической эксплоатации и предприятие в условиях строящегося социализма, с четким и конкретным указанием того нового в рабочем классе, что создается социалистическими условиями производства, труда, быта, культуры и проч.

Материал каждого сборника следует располагать по основным этапам истории нашей страны: различные периоды крепостничества, капиталистического развития России, революционное движение империалистическая война февральская революция, Октябрь, период гражданской войны и военный коммунизм, нэп, восстановительный период, реконструктивный период. Желательно также указать перспективы дальнейшего развития заводов.

Главные темы при описании истории завода социально-экономическая и производственно-техническая характеристика завода, история революционного движения на заводе, история партии большевиков, борьба с меньшевиками и эсерами, культура и быт рабочих.

В основу второй части сборника, посвященной послеоктябрьскому периоду, следует положить описание организации, перестройки, реконструкции завода на новых социалистических началах, в процессе классовой борьбы.

Редакция подчеркивает, что ни одна схема однако не является стандартной, а должна быть использована как материал.

При написании «Истории» допустимы все виды литературного письма, но обязательно основанные на точно проверенных фактах. Чисто беллетристические произведения, посвященные «Истории заводов» (инициативу написания которых следует всячески поддержать), составят особое приложение к основной серии сборников.

Далее в инструкции приводится организационная структура органов по созданию «Истории заводов», в основном нашим читателям уже известная. Инструкция подчеркивает значение участия в работе по «Истории заводов» организаций РАПП и ВОАПП.

В ближайшее время будет издана специальная инструктивная брошюра.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ СЕКРЕТАРИАТА РАПП

21 ноября 1931 г. секретариат АПП принял постановление «О созыве пленума правления РАПП по вопросу о перестройке работы РАПП». В этом постановлении секретариат РАПП подводит итоги дискуссии между РАПП и «Комсомольской правдой», дает развернутую критику ошибок и недочетов в работе РАПП (на которые ЦО партии указывала еще в апреле 1931 г.) и формулирует основные вопросы перестройки и творческой дискуссии. Полный текст постановления будет опубликован в следующем номере «Литературной газеты».

1 декабря, в 12 часов — в клубе ФОСП им. Горького
Улица Боровского, 52

ОТКРЫВАЕТСЯ ПЛЕНУМ ПРАВЛЕНИЯ РАПП

ПОВЕСТКА ДНЯ:

1. Очередные задачи перестройки работы РАПП.
Докладчик Л. Авербах

2. Задачи РАПП в области [illegible]
Докладчик А. Афиногенов

ЗА БОЛЬШЕВИСТСКУЮ ЧЕТКОСТЬ В ЛИТЕРАТУРНОЙ ТЕОРИИ И КРИТИКЕ!

О БРОШЮРЕ т. БАТРАКА*

Вопросы платформы пролетарско-колхозных писателей освещались до последнего времени чрезвычайно слабо или совсем не освещались.

Выпущенная в прошлом году брошюра «Наши позиции» содержит немалое количество грубейших ошибок теоретического и литературно-политического характера. К сожалению ошибки брошюры «Наши позиции» не раскрыты нашей критикой. Брошюра Батрака, претендующая на систематическое разложение вопросов платформы РОПКП, не отвечает требованиям сегодняшнего дня. Помимо общей слабости теоретических обобщений, она содержит ряд неверных положений, которые нельзя обойти молчанием.

Основной вопрос, возникающий перед каждой литературной организацией, заключается в том, на какой политической базе она строится, какие цели она перед собой ставит, с какими позициями будет бороться.

Политической базой, на которой строит свою линию РАПП, является генеральная линия нашей партии. РАПП требует от всех своих членов борьбы за линию и цели нашей партии. Это требование является генеральным, оно определяет основную почтию линию организации и по всем другим вопросам.

В чем же видит базу своей организации (до момента вступления деревни на путь массовой коллективизации) т. Батрак? «База, на которую опиралась наша организация, — пишет т. Батрак, — была базой единоличного мелкого крестьянского хозяйства, по существу такого хозяйства, которое носит в себе мелкобуржуазный капиталистических элементов» (стр. 4).

На узаконении этой «базы», связанной с зародышами капиталистических элементов», неизбежно вытекает узаконение соответствующей идеологической «базы», а это, по существу говоря, означает узаконение мелкобуржуазной идеологии в рамках данной организации. Это снимает (или снимало) задачу борьбы за перевоспитание писателей, вышедших из среды крестьянства, задачу «перехода крестьянских писателей на рельсы пролетарской идеологии». Это неизбежно приводит и должно было привести к примиренчеству в отношении мелкобуржуазной идеологии.

В чем же видит т. Батрак новое качество нового этапа развития ВОПКП? Как отразилась массовая коллективизация деревни на старой «базе» организации?

«Старая социальная база, на которую опиралась наша организация, отошла и настоящее время постепенно отмирает, если можно так выразиться, поскольку крестьянин-единоличник превращается в колхозника» (9 стр.).

Из этого положения вытекает, что «единоличное крестьянское хозяйство» «отмирает», а вместе с ним «отмирают» «зародыши капиталистических элементов». Данное положение грубейшим образом искажает наличные установки. Разговоры об «отмирании» крестьянства — не наши разговоры. Крестьянство не отмирает, а переходит на социалистический путь переделки себя и своего хозяйства.

Еще более вредны разговоры об «отмирании» капиталистических элементов. Эти «элементы» не отмирают, а выкорчевываются в процессе обостренной классовой борьбы, в процессе наступления социализма по всему фронту, в процессе социалистической перестройки деревни.

Тов. Батрак своим утверждением недооценивает значения классовой борьбы, руководящего значения партии и рабочего класса, живучести капиталистических элементов, которые отнюдь не «сложили бы умирать по своей доброй воле». Но видно, что т. Батрак, начав развертывать свою позицию, решил довести ее до полной ясности. На стр. 11 он снова и со всей категоричностью утверждает: «Мы как организация крестьянских писателей опирались и должны были опираться на основную массу крестьянства».

По существу это означает, что прежнее ВОПКП «опиралось» в «главное было опираться» на середняцкие слои деревни, на их колеблющуюся мелкобуржуазную идеологическую «базу» и т. д. С точки зрения этой «базы» крепко трудно было рассмотреть классовое расслоение деревни.

Тов. Батрак пишет: «По отсутствие четкого классового расслоения в деревне мешало более четкой классовой дифференциации и в крестьянской литературе» (стр. 13). И. Батрак таким образом считает, что в крестьянской литературе до 1930 г. не было четкой классовой дифференциации. Может быть поэтому т. Батрак и не назвал в своей брошюре ни одного кулацкого писателя, который «четко» выражает классовую сущность кулачества. Может быть кулацкая литература и до сегодняшнего дня не вызвала с необходимой «четкостью» своей классовой «дифференцированности»?

Не останавливаясь на многих других положениях, неверных и глубоко спорных, не доискиваясь причин полного умолчания об опасности антифронтовщины, воронщины, перерезерщины и проч. враждебных нам течений, необходимо указать еще на одну мысль т. Батрака — о причинах отставания крестьянской литературы. «Отставание, — пишет т. Батрак, — есть не что иное, как влияние кулацкой идеологии на художественную литературу». Исходить причины отставания только в этому значит, что и т. Батрак как беспочвенец, и т. Замойский как безверник, и ряд других писателей отстают от темпов социалистического строительства, в силу того, что они находятся под «зычным» кулацкой идеологии.

Однако тов. Батрак должен знать, что причина отставания заключается не только в этом.

Неверные теоретические и литературно-политические положения этой брошюры необходимо подвергнуть развернутой критике и немедленно покончить.

И. АСТАХОВ

* Ив. Батрак. «К вопросу о платформе ВОПКП, стр. 39, изд. «Федерация», 1931 г.

НЕ ПОВТОРЯТЬ СТАРЫХ ОШИБОК

А. Гурштейн. Вопросы марксистского литературоведения. «Массовая критика». Книжная библиотека. Издание ГИХЛ.

Нужда в популярных работах, посвященных марксистской литературной теории, истории пролетарского литературного движения, анализу творчества ряда писателей как классиков, так и современников, очень велика. Но первые опыты в этом направлении нельзя признать удачными.

Книжка т. Гурштейна, сжато и доступно излагающая основные проблемы литературоведения, при наличии в ней ряда положительных свойств, страдает однако существенным пороком: она не стоит в целом ряде вопросов на уровне тех задач, которые на данном этапе встали перед пролетарской литературной теорией. Написанная, судя по дате под предисловием, еще в самом начале года, она исходит в основном из литературоведческого наследства Плеханова, механически относясь к нему, не следуя в этом отношении ошибке ряда марксистов-литературоведов.

Правда в книжке есть упоминания о значении ленинского наследства, тов. Гурштейн не раз ссылается на ленинскую работу, — однако проблема пересмотра Плеханова, проблема борьбы за ленинский этап в литературоведении им не поставлена.

Отметим главнейшие ошибки (частично они признаны и самим тов. Гурштейном в его письме, напечатанном в журнале «На лит. посту»).

В вечной главе не получил подлинно диалектического освещения вопрос о социальной функции литературы.

Автор приводит известную схему изменения социальной функции искусства, взятую им у В. М. Фриче: искусство как средство организации труда, искусство как средство умилостивления богов, искусство как средство социально-педагогического воздействия и т. д.

Но по отношению к этой схеме происходит давнишняя путаница, затемняющая истинную суть вопроса. Ясно, что в ней речь идет о той субъективной цели, какая ставилась искусству, а вовсе не об объективной функции (в самом деле, искусство например, никогда не было «средством умилостивления богов» за полным отсутствием последних в природе). Эти две вещи постоянно путают, что мешает изучить подлинную диалектику социальной функции.

Далее социальная функция искусства истолковывается автором в том смысле, что оно находит какой-то отклик в воспринимающем. Не достаточно подчеркнуто, что произведение искусства само в себе несет определенную практическую установку, что оно есть звено в цепи классовой практики. Когда мы говорим об искусстве как об единстве субъекта и объекта, то следует помнить, что субъект понимается нами как практический, действующий.

В главе 2-й, где автор специально останавливается на диалектике субъекта и объекта, есть неясность формулировок (по крайней мере, я не мог понять, что хочет сказать автор—И. В.). Тут же есть нераскрытая и опасная в своей неразборчивости формула: каждый класс осознает окружающую действительность «по образу и подобию своему» (20 стр.). Автор очевидно имеет здесь в виду, что класс создает действительность, исходя из своей классовой практики, но тогда эту формулировку нельзя признать удачной.

Неверно освещается в главе 3-й очень важный вопрос о стиле. Автор оперирует понятием «стиля эпохи» имеющим явно механический смысл. По его мнению «стиль эпохи» это совокупность черт, общих для всех классовых стилей, а к стилю класса мы можем притти путем простого сужения понятия. «Чем более мы будем сужать понятие, чем более мы его будем дифференцировать (уточнять, расслаивать), тем большее количество характерных признаков мы сможем обозначить в данном понятии, тем точнее станет понятие, приняв более определенные очертания. Так, от понятия стиля эпохи мы придем к более точному и конкретному понятию стиля класса» (36 стр.). Здесь совершенно сепаратистически ставятся стили в пределах социально-экономической формации, в механистическом понятии «единой эпохи» пропадает классовая борьба.

Ошибочна глава четвертая, говорящая о диалектике литературного процесса. Совершенно не поставлен вопрос о внутренней противоречивости стиля. Взаимоотношение стилей истолковывается в духе плехановских законов наследия и подражания далеких от диалектики.

Следует автор Плеханову и в вопросе о диалектике формы и содержания, принимая его абстрактную механистическую формулу развития: преобладание сохранения, гармония формы и содержания, преобладание формы над содержанием, признание возможности не оформленного содержания.

Таковы главнейшие ошибки брошюры. Отметим еще, что некоторые вопросы (как например об эпохе) могли бы быть поставлены сейчас более развернуто чем это сделано в брошюре.

От книжки по методологии литературы, выходящей в данное время, мало требовать, чтобы она не повторяла механических ошибок. Она должна дать критику этих ошибок, показать их философские и социально-политические корни. Псевдонаучный эклектизм, невежественное толкование диалектики, его логики, эклектики — должны получить развернутое освещение.

Эта задача ждет своего осуществления.

И. ВИНОГРАДОВ

ИЗ-ЗА РЕШЕТОК ФАШИСТСКИХ КАЗЕМАТОВ

ПИСЬМО ПРОЛЕТАРСКОГО ПОЭТА ВЛАДИСЛАВА БРОНЕВСКОГО ИЗ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ТЮРЬМЫ В ВАРШАВЕ

В начале сентября 1931 г. группа польских пролетарских поэтов и писателей, которые группируются вокруг журнала «Месячник литературы», подписала протест против введения в тюрьмах нового фашистского регламента, против бандитского покушения диктатуры санации на жизнь 10 тысяч заключенных революционеров.

Кроме этого пролетарские писатели опубликовали протест в литературной общественности, протестуя против варварских методов расправы фашизма над беззащитными пленниками капитала — политзаключенными.

Через пару дней после опубликования этого протеста телеграф сообщил об аресте его авторов. Польский фашизм со всей жестокостью расправился с теми, кто осмелился поднять голос протеста против его кровавых погромов и средневековых надругательств над революционерами.

Пять лучших представителей пролетарской литературы — В. Броневский, Иван Гемпель, Ставар, Ват и Новогрудский были брошены за решетки.

Письмо известного пролетарского поэта Владислава Броневского, которое мы помещаем ниже, хотя оно и первым является наглядной иллюстрацией «деятельности» польского фашизма, дает картину кошмарного положения лучших представителей рабочего класса и трудящегося крестьянства в застенках белопанской Польши.

**

— Уже десять дней, как мы — писатели — лишены свободы, а вместе с ней элементарнейших прав человека, лишены права иметь карандаш и клочок бумаги. Однако, вопреки тюремному регламенту, мы все же пишем о том, что мы увидели в застеночной тюрьме и в дефензиве. Пишем на бумаге, в которой нам принесли хлеб. Наши переживания тяжки морально и физически. Подтверждаются ваши протесты против судебных политических заключенных в Польше. Глубоко возмущены системой надевательств, в орбиту которых попали и мы. Но, как и все политические заключенные, мы не падаем духом.

Как нас арестовали?

10 сентября 1931 г. около семи часов вечера состоялось одно из многочисленных собраний редакции «Месячник литературы». Собрания эти происходили нормально, открыто на протяжении уже двух лет. В помещении Вата нас было пятеро: Ват, Гемпель, Броневский, Ставар и Новогрудский. В половине восьмого вошел к нам шайка шпиков, произвели обыск, а также забрав все редакционные материалы арестовали нас и увезли в дефензиву. Обвинены мы по статье 102 Уголовного кодекса, что, попросту, имеет в виду замаскировать действительные причины ареста и преследует помешать нам в легальной, но отчетливо классовой писательской работе.

Мы читали смешные клеветнические измышления, писанные уличными газетами, которые находятся на службе в дефензиве, о нашем аресте, о крупных суммах, которыми будто бы мы распоряжались, о «богатом компрометирующем материале» и т. д. Этой галиматье не будем заниматься. Дело не в этом.

Нас только пять среды тех многих масс политических заключенных в Польше. Освобождение нас, несмотря на все маневрации дефензивы, должно наступить!

В дефензиве мы пробыли пять суток. Четверо суток в маленьких камерах — пять на два с половиной метра, предназначенных на три человека, но в которых обычно находится до 20, а иногда и свыше 30 человек. Мы понали тогда как раз с период «усиленной тщательности» полиции, которая каждую ночь приводила около 200 арестованных.

Попасть в руки дефензивы — означает для каждого не менее двух, а часто и 10 дней трудных для описания физических и моральных мучений.

В каждой камере находится деревянные нары на три человека и параша — это вся мебель. Спать приходится на голом полу, зараженном и полном всяких нечистот. Если в камере находится более 12 чел., даже и в таком случае о сне нет разговора. Перед тем, как впустить в камеру, у заключенных отнимают все, включая потяжки, галстуки и подвязки. Остается только одежда, которая спадает с тела. Курить нельзя, что для многих тяжелее, чем недоедание. Пища три раза в день: плохой, а часто протянный суп и к этому кусочек хлеба. Посылок из дому получать нельзя. Наблюдатели и не начальство оставляют без ответа всякие просьбы и требования. Политических заключенных не отделяют от уголовных.

Нам пришлось четверо суток провести с ворами, альфонсами и т. д., в чрезмерной вони и крике, среди споров, драки, ругани и проклятий. Политические заключенные женщины сидят вместе с проститутками. Избиения — система. Одна из политических заключенных, с которым мы встретились позднее, был в дефензиве так искалечен, что дефензива была вынуждена отказаться от фотографирования его.

Вот картина тех ужасных мучений, которые терпят все те, кто имеет несчастье попасть в руки дефензивы.

Под конец четвертых суток со времени ареста нас перевезли в следственную тюрьму. Тюрьма — это высокое шестиэтажное каменное здание с маленьким двориком в середине, площадью около 10 метров. Камеры темные, тесные и вонючие, пол асфальтовый. Маленькие окошка находятся под самым потолком, закрытые железными решетками, которые едва пропускают немного дневного света. Солнце никогда сюда не доходит.

Несколько месяцев пребывания в такой камере достаточно, чтобы получить болезнь легких. В камере грязь, клопы, вошь в холод. Одеяла маленькие, мокрые, вонючие, совсем не греют. Тюфяки старые и грязные. Подушек совсем нет. Маленькая лампочка находится под самым потолком, — о чтении чтением нельзя и думать. Прогулка — час топтания на указанном дворике, среди тюрьмы и пара от недалекой кухни в темной бани. На этот дворик не долетает никакого веяния свежего воздуха. Ничего не видно, кроме маленького кусочка неба.

Пища, как и в дефензиве, — три раза в день: противная, едва приправленная елким салом.

Кроме этих физических издевательств царская власть применила также моральное мучение: лишила заключенных тетрадей, книг. Психическое состояние заключенного, который весь день ничего не делает, ничего не видит — можно себе представить.

Мы читали в этой тюрьме около 200 политических заключенных в прибыли как раз в период, когда проведенные до отчаяния такими условиями заключенные приступали к голодовке, требуя тетрадей и книг, сознания продолжительной прогулки, получасового свидания с родственниками и т. д. За эти требования мы будем бороться вместе со всеми политическими заключенными. Кроме того мы, пятеро, из «Месячника литературы» выдвигаем требования освободить нас сейчас же, ибо нет никаких оснований держать нас в тюрьме. За все это будем голодать.

Верьте, что здесь нет иного выхода, нет другого пути борьбы. Запертые в тюрьме мы можем убедиться, какими актуальными являются дела судебных политических заключенных.

Все эти дела должны до глубины поднять всех тех, которые существующее положение считают позорным.

ВЛАДИСЛАВ БРОНЕВСКИЙ

(Газета «Звезда» — орган ЦК КП(б) № 313/4219 от 20 ноября—1931 г.).

ЗАМКНУТЫЙ КРУГ

О РАССКАЗАХ В. ГЕРАСИМОВОЙ

Первое напечатанное, открывшее сборника рассказов В. Герасимовой «Пищевые и запасные», можно назвать словами Демьяна из «Выстрела»: «Пусть наш век могучий все изучит и научит нашу нежность беречь», но тут же чувствуется сомнение что нежность автора скорее похожа на брезгливость.

Когда перед читателя читатели вырисовываются образы Влади Гедеонова, Раммы Гармониус, «преподавателя математики», чувство нежности к классовому врагу переключается на чувство брезгливости, становится физически неприятно ощущать реальность этих фигур, хочется скорее перелистать страницы дневника Раммы Гармониус, появляется желание вымыть руки.

Почему?—Да потому, что те люди, которые показаны автором, вообще все нечистоплотны. Они вызывают то же самое чувство, которое вызывает при виде слизняка паразиты, спрута.

У читателя уже почти определилось отношение к этим людям, когда начинается самый процесс осмысливания героев рассказов В. Герасимовой, когда читатель начинает определять их социальную природу. И тут-то начинается противоречие между истинной идеей посылок автора — будить классовую ненависть к врагу, — и неверной фигуративной показом тех социальных слоев, в отношении которых автор мобилизует читателя.

В самом деле, кто выступает в «Пищеи и запасе?»

Вот Влада Гедеонов («Третье сословие»).

В. Герасимова заставляет его сказать «забрало», признаться, что он «рожден в социальной прослойке притворщиков», что «пищеи» из «книжной пухы» это — дешевая бутафория мелкобуржуазного игрока, которого естественно, «вечного» выделила из себя мелкая буржуазия.

Путь этих «притворщиков» ложный. Все те, что могло выработать из них социально полезных людей, умерщвлено «законами» их социального бытия.

Ложь, притворство, мелочность, амбициальность — их настоящая природа.

Герасимова со значительной художественной силой рисует социальную обреченность этих людей в условиях капиталистических отношений.

Капитализм уродует и уродует людей, сколько и создает сотни тысяч и миллионы искалеченных жизней, заставляя и заставляет своих рабов бунтовать иногда и бороться за существование. И то, о чем рассказывает Гедеонов, есть не что иное, как социальная мимикрия определенных прослоек мелкой буржуазии, в свою очередь являющихся одной из форм проявления классовой борьбы.

Но капитализм и то же время создавал из слоев мелкой буржуазии которые армии классовой борьбы — пролетариат. Он (пролетариат) борется и борется за изменение законов «безаконного существования» всего человеческого общества.

При этом ни на минуту нельзя забывать, что «мелкий буржуа находится в таком экономическом положении, его жизненные условия таковы, что он не может не обучаться от такого и не только от пролетариата, то к пролетариату. Самостоятельной «линии» у него экономически быть не может» (Ленин).

Мелкая буржуазия — социально-неустойчивый класс, находящийся в постоянном колебании, в неустойчивости, зыбучести и запутанности.

Но в условиях классовой борьбы, когда две основные классовые силы—буржуазия и пролетариат — ведут борьбу, весьма возможен и не только возможен но и неизбежен переход значительных масс мелкой буржуазии на сторону пролетариата, на сторону тех сил, которые разрушают узы капиталистических отношений. Ленин неоднократно подчеркивал возможность и неизбежность перехода масс мелкой буржуазии на сторону пролетариата.

А между тем этого выхода мелкой буржуазии у Герасимовой не чувствуется. Ее (мелкой буржуазии) удел нечто совершенно заданно капиталистического мира. Здесь намечается основное слабое место автора, здесь начинается разработка в художественных образах иной точки зрения на судьбу мелкой буржуазии, и в частности мелкобуржуазной интеллигенции, не имеющей ничего общего с пониманием пониманием путей мелкой буржуазии.

Как автор Гедеонов производит отталкивающее впечатление, — это слизь, человеческая грязь. Но вопрос не в нем. Вопрос в личности его «собеседника». Кто он? Словами Гедеонова автор так начинает описывать этого «собеседника»:

> «Поговорить с вас, дорогой мой. Вы молоды талантливы, чертовски живые натуры, вы активист, профессионал, несомненный член шестерки, опытный художник и прекрасный фиксатуар-ник. Но это пустяки. Вы уже известные мы поставили две картины одна из которых пропала с большим успехом. «Весна и победа», — вот в чем краеугольный камень этой второй картины, — начинались одна из решений. Наконец вы нашли возможным подать заявление о приеме вас в ряды членов ВКП...»

А дальше следует его разоблачение. Оказывается, этот малый, выросший в сложившихся как личность уже в период советской власти, когда социальное бытие мелкой буржуазии решительно изменилось, сохранил все основные черты «социальной прослойки притворщиков».

Автор дает очень яркую характеристику этого «притворщика», но мы не видим основного — объяснения, — почему почва Гедеоновых продолжает существовать дает новое пополнение, мы не видим политического обоснования этого опасного социального явления.

Так же как непонятна звериная приспособляемость и ненависть героя Грызкачева — Андрея Полозова, так же непонятно и приспособленчество «седоносной смены». Автор пытается найти объяснение в биологических факторах («наши врожденные способности подсказали нам избрать путь, на котором при наименьшем запасе настоящих знаний и при наименьшей затрате труда можно добиться наиболее эффектных результатов... Вы пришли уже обогащенным предшественниками опытом»).

Со слов Гедеонова известно, что социальная принадлежность этого молодого человека — та же мелкобуржуазная прослойка. Значит, эта прослойка в наших условиях рождает подобный человеческий материал, значит, эта прослойка, в силу «биологических законов» (причин политического порядка у автора нет), постоянно выделяет смену Гедеоновых, значит иного пути для мелкой буржуазии нет.

В своих рассказах автор отвечает нет.

Круг замкнут.

Возьмем другой рассказ: «День, проходящий мимо». В этом рассказе выведена некая Римма Гармониус. Здесь больше чем в других местах чувствуется авторская брезгливость (не ненависть, а именно брезгливость) к выходцу из той же мелкой буржуазии.

Бывший соратник Гармониус Бобло так характеризует эту социальную прослойку интеллигенции:

> «Так вот, мы — это жестокая ухватка и веселый цепучим прилипала интеллигенции из прослойки которая во время больших бурь, когда тонули броненосцы, как легкий мел как пена, подымалась на поверхность. И, подымаясь, именно в силу своей социальной неустойчивости пена эти какой-то краткий период казалась пенистой, пурпурной лавой, расплавленной в яростно грандиозного взрыва.
>
> Мы — пена мы жалкая клипкая пена пузырьков и пленочек и шариков, организованной домашними средствами».

Бобло беспощаден к Гармониус.

Но не трудно догадаться, что устами Бобло здесь говорит сам автор. Это—не сурово подходит жизненный баланс Гармониус это—и в лице Гармониус отбрасывает всю эту мелкобуржуазную прослойку в помойную яму, это — он, мелкий приказ Гармониус, фактически обрекает интеллигенцию на своеобразное политическое «перерезерщинство» (вращается в кругу своей собственной среды).

Гармониус—отрицательный тип человеческой слизи. Но и то же время ее фигура для автора глубоко символична. В ней заключен образ мелкобуржуазной интеллигенции обреченной на полное непонимание путей к пролетариату, путей в революцию.

Круг замкнут в выхода нет.

Но наибольшую меткость авторская точка зрения на судьбу интеллигенции приобретает в рассказе «Преподаватель математики».

«Преподаватель» математики рассказывает о злополучной судьбе некоего «эзэтэ» товарища. Много лет назад «товарищ» преподавателя, совершенно молодой человек, решил приобщиться к революции. Он как будто не-честному отрекался от семьи, выдал брата белополяка, бросил дом, мать, сестру и начал работу в ревтрибунале. Но в самый решительный момент у него получилась осечка; тогда, когда надо было по-настоящему действовать, он «спасовал, как главное в жизни, главное на земле: умротворенность».

Мелкая буржуазия колебнулась, это колебание—результат анемичности мелкого буржуа. Ленин так объясняет происхождение этой анемичности мелкого буржуа: «Анемичность чистых» установлено от революции, частью колебнувшегося и пытного от (социальной) природы мелкого буржуа».

Допустим, что случай с «товарищем» преподавателя вполне возможный, но все дело в том, что он типизируется, обобщается.

Это ясно подчеркивается в словах председателя ревтрибунала Дубянского:

> — «Я чего делал? Разоблачал! Классовый чутьем мелкая буржуазия!.. Занимались революционным самоусовершенствованием! Пропагата, где надо-жалезняка неприкасаемость. Исследовали не из интересов революции, а из высших принципов чистоты идей, нужных для вашего сущного самоуспокоения?.. А интересы революции — вот высший принцип, путь ты даже для него в классе вонял... вы-ли чувствовать с-семечками пачка. Классовая прозорливость».

«Товарищ» преподавателя сурово сбрасывает себя со счетов жизни, требует своего расстрела, но... в тут оседает: в решительную минуту он превращается в жалкого до жизни мелкого буржуа, который органически не способен на перестройку своей мелкобуржуазной природы.

В конце рассказа оказывается «товарищ» преподавателя тем самым преподавателем математики, который так неудачно «приобщался» к революции.

Круг опять завершен в карете семейного благополучия.

В последнем рассказе «Дальняя родственница» Герасимова как будто пытается найти какой-то выход из этого заколдованного круга. Но снова показывается галерея интеллигентов (профессора, их ассистенты), которые почему-то все весьма похожи на героев из промпарий. Среди всей этой прослойки интеллигентов мы не видим ни одной положительной фигуры. Опять замкнутое заколдованного круга.

V

Итак основная ошибка автора в неправильном, в вневременном понимании путей выхода мелкой буржуазии и интеллигенции на тех социальных высотах, в которых они находились в условиях капиталистического общества. Ошибка автора в том, что частные случаи она обобщает, и в этом обобщении встает на точку зрения социальной обреченности всей мелкой буржуазии. Авторское намерение показать приспособленцев наших врагов, заострить к ним немалость ослабляется тем, что автор не дает политического обоснования появления своих героев, сводя их в основном к биологическим моментам (наследования намечая В. Бахметьевым в «Преступления Мартына»).

Все эти моменты не дают права назвать произведения об «Пищеи и забрало» произведениями пролетарского писателя, автор решает вещи не с позиций пролетариата, не с позиций ленинской теории, а с позиции той самой мелкобуржуазной интеллигенции, которую он якобы развенчивает.

Рассказы В. Герасимовой заключают в себе ложную идею, в значительной степени оказавшей отталкивающее влияние на художественную ткань рассказов привнесшую в недумманности отдельных ситуаций что в свою очередь явилось оборотной стороной мелкой неустойчивости которая проявилась у автора в подходе к разрешению темы.

Проблема мировоззрения остро стоит перед автором.

В. ЗАЛЕССКИЙ

ЗА ПЕРЕСТРОЙКУ РАБОТЫ РАПП

НАЧАЛО СМОТРИ НА 1-Й СТРАН.Ц.

жен быть осужден как политически ошибочный.

Такова первоначальная оценка произведения Панферова. Это — в период, когда он еще не возглавлял творческого течения. А дальше — это уже известно из дискуссии. Дальше — все наоборот. Дальше — отдельные товарищи действуют по системе: «бац в морду».

По адресу Панферова сыплются обвинения в эмпиризме как основе его творческого метода. Начинают выискивать новый уклон. Тов. Либединский чрезвычайно пишет: «...В литературе предстоит вести серьезнейший спор с эмпиризмом» («На лит посту», № 21, 1931 г.). В другом месте: «...т. Панферов, напрямую богатый эмпирический материал, не понимает задачи его осмысливания, его доведения до остроты противоречий, воплощенных в конкретике» («На лит. посту» № 23, 1931 г. Подчеркнуто нами). Отдельными товарищами из РАПП выискивается нахождение что «эмпиризм» (вспахивание только слоя «ползучий» — тогда и Сталь был бы уклонистом) — главная опасность. Так необоснованная критика толкает отдельных товарищей на путь потери перспективы, на путь извращения линии партии в области литературы.

А конкретной критики, разбора произведения по существу нет или почти нет. «Рождение героя» — уклончивое произведение Либединского (у него имеются и хорошие произведения) не разобрано по существу, по большевистски не подвергнуто критике, не вскрыта до конца его гнилостная основа — мелкобуржуазный идеализм. Этот роман Либединского — образчик отрыва от вопросов социалистического строительства, поисков «вечной» проблемы:

«...Он (Шорохов. Л. М.) с небывалой силой почувствовал, что те главные мысли, которые его сопровождали всю жизнь, не только включены в его жизнь, но и он весь включен в волну этих новых мыслей, идущих в мир, и вы исчезнет, а эти мысли, — они звездятся-ся они на тех высотах, сейчас только открывшихся вершинах» (Подчеркнуто нами. Л. М.).

Или дальше:

«...Стихийно повторяющие себя извечные и неизменные формы жизни» (Подчеркнуто нами. Л. М.).

В этих положениях (и они являются основными у автора) мы имеем эмиграцию от классовых битв пролетариата к «вечным» проблемам, «вечным» законам развития общества. И такая идеалистическая дребедень косяком восхваляется (Ермилов и тут на посту!), как признак того, что автор освоил методом... диалектического материализма.

А «Литературная газета» вместо того чтобы подхватить этот роман развернутой критике, воспитать кадры на ошибках Либединского, занята довольно интенсивной «проработкой» Панферова.

Пора, давно пора кончать с такой системой воспитания кадров!

Перед РАПП стоят ответственнейшие задачи перестройки работы руководства упражнениями литературы РАПП должна создать обстановку, чтобы лучшие пролетарские писатели — Фадеев, Панферов, Серафимович, Сталь и др. — дали стране произведения, достойные нашей эпохи. Если не будет товарищеская атмосфера для работы отдельных творческих течений внутри РАПП (понятно, в пределах линии партии в области литературы), то пролетарская литература не сможет подняться на высшую ступень.

Перестройка работы РАПП требует не только всемерного развертывания творческого соревнования, самокритики и ликвидации элементов группещинизма. Это — основная задача, без которой крупнейшие вопросы пролетарской литературы не могут быть разрешены. Перестройка работы требует поворота писателей лицом к нуждающемуся читателям, к важнейшим проблемам социалистического строительства.

Показ героев социалистической стройки — бесспорно одна из крупнейших задач пролетарской литературы. На этом участке работа только начата и не может быть признана удовлетворительной. Критика тов. Кагановым пролетарских писателей бесспорно верна. Пролетарская литература на участке показа героев социалистической стройки делает только первые робкие шаги. В требованиях, предъявляемых к писателю и показе героев социалистической стройки, надо избегать схематичности постановки вопроса — показки или одного ударника или коллектив.

Эта сторона—выбор персонажей — зависит от особенностей навыков работы каждого писателя. Если в качестве сюжета берется один ударник, важно, чтобы он изображался не как «Робинзон», находящийся на изолированном острове, а как составная часть великой армии передовиков социалистической стройки, как «собирательный ударник». В. наоборот, при показе большой массы важно, чтобы этот коллектив отображал то многогранное в жизни, которое проявляют передовые ударники, то многогранное что проявляется в жизни и деятельности отдельных ударников в росте нового социалистического человека. Обезличка, трафарет и здесь больше чем опасны.

Психологические переживания отдельных передовиков-ударников, умело проанализированные, раскрывают те внутренние побуждения, не классовые пружины, которые двигают героизмом масс. Но такой показ психологических переживаний не имеет ничего общего, например, с «психологизмом» т. Либединского, отраженным в основной передовой «Рождение героя» — в «Шорохове», «Цементом» т. Либединского ведет его «героев» в мещанское болото и является иллюстрацией влияния вражеской пролетариату идеологии на отдельные участки пролетарской литературы.

Эти чуждые влияния скапливаются и в отставании пролетарской литературы. Нельзя объяснить отставание только недостаточным культурным уровнем большинства пролетарских писателей. Важнейшая причина отставания в том, что различные буржуазные теории и теорийки не изжиты полностью на участке пролетарской литературы, не преодолены до конца. Разгром верощины по перегерщинцы, литфронта — значительный шаг вперед в деле ликвидации отставания. Но РАПП предстоит еще колоссальная работа по дальнейшему разоблачению буржуазных и мелкобуржуазных влияний в пролетарской литературе, по борьбе за овладение пролетарскими писателями методом диалектического материализма. РАПП предстоит значительно шире развернуть работу по перевоспитанию лучшей части попутчиков, превращению их в надежных союзников и беспощадному разоблачению кулацкой идеологии некоторых писателей, прячущихся под маской попутничества. Это — актуальная задача РАПП. Разве трудно понять, что без непримиримой борьбы с буржуазными теориями на базе марксистско-ленинской теории невозможно добиться полной победы над классовыми врагами» (И. Сталин).

Полная победа над классовым врагом, задача ликвидации отставания пролетарской литературы требуют всемерного развертывания самокритики, ликвидации элементов группещинизма и перестройки работы РАПП. «Литературная газета» пытаясь замазать всю остроту назревшей перестройки работы РАПП, ошибочно сводит задачу развертывания творческой дискуссии, самокритики и т. д. к... «внелитературным» вопросам. Между тем, в разрешении этих задач — ключ к дальнейшему движению вперед пролетарской литературы, ключ к ликвидации отставания. Так и только так стоит вопрос! Поэтому «Литературная газета» допустила безусловно ошибку, не перепечатав своевременно крайнюю статью тов. Васильковского (см. «Правду» от 3 ноября с. г.).

Призыв ударников в литературу — отображение гигантского подъема, отображение культурной революции в стране. В призыве ударников — значительные заслуги руководства РАПП. Но именно этот факт — призыв ударников — еще острее ставит вопросы перестройки работы применительно к новой обстановке в стране. В развернутом наступлении должны участвовать одновременно все отряды нашей великой армии бойцов за социализм. РАПП не может отставать.

Перед РАПП партия поставила крупнейшие задачи. Пролетарским писателям предложен социалистический счет— непримиримым лицом к важнейшим проблемам нашего строительства. Надо поднять на высшую ступень идейно-воспитательную работу с ударниками, призванными в литературу. Допущенные ошибки, тормозящие развертывание творческого соревнования писателей, надо исправить, по-большевистски признать и воспитать на этом кадры пролетарских писателей. Партийность должна взять верх над «чистотой», личным самолюбием.

За перестройку работы РАПП надо взяться немедленно. Подобно тому, как в ответ на упрек в отставании сталинградцы отвечают тракторами, доменщицы — углем, подобно этому ответ пролетарских писателей может быть только один — произведениями, достойными нашей эпохи. Социалистическая сеть должен быть оплачен.

«ПРАВДА» № 323, 24 НОЯБРЯ 1931 ГОДА

РЕШЕНИЕ СЕКРЕТАРИАТА РАПП

ОТ 24 НОЯБРЯ 1931 г. О СТАТЬЕ т. МЕХЛИСА В «ПРАВДЕ» — «ЗА ПЕРЕСТРОЙКУ РАБОТЫ РАПП».

1. Согласиться со статьей т. Мехлиса в «Правде» от 24 ноября, правильно отмечающей ошибки РАПП и намечающей задачи дальнейшей перестройки РАПП.

2. Опубликовать статью т. Мехлиса в очередном номере «Литгазеты».

ЧТО ТАКОЕ ОБЛОМОВЩИНА?

К СЕМИДЕСЯТОЙ ГОДОВЩИНЕ СМЕРТИ Н. А. ДОБРОЛЮБОВА

Наряду со своими «обезьяничка» и «ураниловка», но гораздо раньше них, слово «обломовщина» вошло в современный большевистский обиход, как реальное политическое понятие, как символ одного из тягчайших зол, замедляющих рост социализма.

Все знают, как часто обращался Ленин к этому слову для того, чтобы с помощью заключенного в нем понятия бичевать нашу отсталость, наше неумение работать по-новому. Это слово постоянно мелькает в передовицах «Правды», оно составляет неотъемлемую принадлежность тех наших лозунгов, которые трактуют негодное, помогая строить новое.

Это слово взято нами из знаменитого романа, — из арсенала России феодальной, перестраивающейся в буржуазную. Роман Гончарова «Обломов» ставил проблему нового отношения к труду для того, чтобы переделать дворянско-феодальную российскую монархию в России буржуазно-капиталистическую по типу западно-европейских государств.

Он появился на рубеже двух эпох, накануне официального признания смерти дореформенной России (цензурный был напечатан в «Отечественных записках» в 1859 г.).

Это был резкий обличительный акт дворянству, не желающему и не умеющему обуржуазиваться, не понимающему исторической необходимости нового общественного уклада, иного социально-трудового поведения.

Направляя свой обличительный акт против инертности высших классов общества, Гончаров думал опереться на сознательность и самодеятельность дворянско-помещичьих, чиновничьих и буржуазных кругов. В то же время из его романа выступал с очевидностью тот факт, что формы отрицания и преодоления к труду, созданные дворянством как господствующим классом, распространяются и заражают собой и часть других общественных слоев. Чего стоит в этом отношении одна хотя бы фигура Захара — обломовского крепостного!

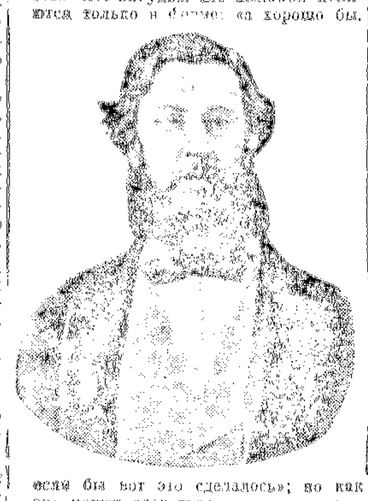
Это обстоятельство дало основание критику-разночинцу Н. А. Добролюбову выступить в «Современнике» — журнале, руководимом Н. Г. Чернышевским, — со знаменитой статьей «Что такое обломовщина», в которой он раскрывал историческое и обобщающее значение типа Обломова.

Упрек, который Гончаров обращал в романе к высшим классам общества, Добролюбов переадресовал в статье к демократическим общественным элементам, выражавшим настроения крестьянства. Ликвидация обломовщины для этих общественных слоев равносильна была — в общей сфере революционно-демократической пропаганды — решительному освобождению от всех крепостнических и кабальных отношений.

Заметательная статья Добролюбова представляет собой далеко не единственный в истории литературы случай, когда критик-публицист обращал действие художественного произведения, изготовленного господствующим классом в интересах класса революционного.

Добролюбов писал в этой статье:

«Обломов не привык делать что-нибудь, следовательно, не может хорошенько определить, что он может сделать и чего нет, — следовательно, не может серьезно, деятельно захотеть чего-нибудь... Его желания ограничатся только в форме: «а хорошо бы, если бы кто это сделал»; но как это может сделаться, — он не знает. Этого он любит помечтать и ужасно боится того момента, когда мечтанию придут в соприкосновение с действительностью. Тут он старается сказать дело на кого-нибудь другого, а если нет никого, то на авось...»



Безудержное прожектерство, сменяемое полной практической беспомощностью, — это одна из отличительных черт обломовщины. Второй важнейшей чертой обломовщины, превращающей ее в типично российское явление, обусловленное былым развитием отечественного капитализма, было отношение к работе. Добролюбов так характеризует эту сторону:

«Общее у всех этих людей то, — что в жизни нет им дела, которое бы для них было жизненной необходимостью, сердечной святыней, религией, которое бы органически срослось с ними, так что отнять его у них, значило бы лишить их жизни...

...Душа их не лежит к тому делу, которое наложено на них случаем. Если бы каждому из них таким предложили все внешние выгоды, какие им доставляются их работой, они бы с радостью отказались от своего дела. В силу обломовщины обломовский чиновник не станет хлопать в должность, если ему и без того сохранят его жалованье и будут производить в чины. Воин даст клятву не прикасаться к оружию, если ему предложат те же условия, да еще сохранят его красивую форму, очень подходящую в известных случаях. Профессор перестанет читать лекции, студент перестанет учиться, писатель бросит авторство, актер не покажется на сцену, артист изломает рояль и плавтру, говоря высоким слогом, если найдет возможность даром получить все, чего теперь добивается трудом».

Конечно, Обломов не просто лентяй, как особый психо-физиологический тип, нет — это конкретный, исторический лентяй. Гончаров заставляет своего героя поставить вопрос: «Отчего же я такой?» И автор романа отвечает на этот вопрос знаменитым «Сном Обломова». Натуральное дореформенное хозяйство, показанное здесь, раскрывает классовые корни обломовщины.

И вот после величайшей революции пролетариата элементы обломовщины остались еще в нашей жизни. Понятно само собой, что в условиях пролетарской диктатуры, конца, сверглись всех и всяческих эксплоататоров, трудящиеся стали работать на себя, обломовщина приобретает принципиально иное значение, хотя по внешнему виду эта двойственная зараза сохраняет свои прежние черты.

Замечательная характеристика, которую дал Ленин этому явлению, отмечает обобщающее значение типа Обломова и выменяет его страсть к составлению планов, из которых ничего не выходит и не может выйти:

«Был такой тип русской жизни — Обломов. Он все лежал на кровати и составлял планы. С тех пор прошло много времени, Россия проделала три революции, а все же Обломовы остались, так как Обломов был не только помещик, а и крестьянин, и не только крестьянин, а и интеллигент, и не только интеллигент, а и рабочий и коммунист. Достаточно посмотреть на нас, как мы заседаем, как мы работаем в комиссиях, чтобы сказать, что старый Обломов остался и надо его долго мыть, чистить, трепать, и драть, чтобы какой-нибудь толк вышел» (Речь на заседании комфракции Всероссийского съезда металлистов 4 марта 1922 г.).

Ленин в той же речи призывал:

«Против этого врага (вольности) и против этой обломовщины мы беспартийная рабоче-крестьянская масса пойдет поголовно за передовым отрядом коммунистической партии».

Этот призыв воплощается сейчас в создании реальных социалистических форм труда. Предшественники научного социализма в России — Добролюбов и Чернышевский верили своим предчувствием этих форм, в своей революционной непримиримости к рабским обломовским темпам.

Б. ПЕРЦОВ

«КОМПРОМИСС НАИБ-ХАНА» ВС. ИВАНОВА

В ТЕАТРЕ КРАСНОЙ АРМИИ

Сам Всеволод Иванов в журнале «Локаф» называет «сценами из пограничной жизни» описываемую им защиту от нападения банд, затерянного в пустыне, одного Афганской границы, кишлака Кабиль. В самом деле, можно ли назвать пьесой «наиб-хана» если даже принять в качестве компромисса заключенные в нем элементы драматической фабулы? В сознании зрителя пружина интриги выпадает, улетучивается впечатление целого, и пьеса распадается на ряд разрозненных, случайных эпизодов. Вспоминается: холодящее у телеграфного столба Гельды, или интригантный выход Курбана, или героический призыв Кельи, или идиотский смех Кашуша.

Да это скорее рисунки в альбом — одни мастерски написанные, другие блеклые, но все вместе обедненные элементарной скрепкой темы о пограничниках, о пустыне, о героизме, о жестокости, о смерти.

С подлинно-драматической силой, например, написан эпизод с двумя конвоями, или, правильнее, с двумя разведками, переделанными — один странником, другой — старухой. Больной ломовой смерть близка, револьвер бил направлен на странника, еще секунда и его не станет, но он играет свою роль до конца. И друг его, — затемненный прокаженной старухой, — молится на коленях, умоляет за жизнь Гельды — не смеет броситься на Рустема, или умереть рядом с товарищем, выдерживает до конца свою маску, чтобы не выдать себя, не погубить дела ради которого предпринята разведка? Запоминается сценка в Афганистане: созревание баев, врожденная властность Наиб-хана, фанатическая поэзия Куфеза, холодное презрение Измаил-хана. Или рассказанная с интонациями женщины Кабиля. Или Кель, восклицающий: «что такое оптимизм? Это значит, уметь стрелять».

Но все эти эпизоды собраны случайно, я бы сказал в беспечности, они накакиваются, подменяют, дублируют друг друга — сцена смерти Гельды вызывает сцену смерти Бармака и поэтому теряет в жизности и силе.

Отчего же все-таки отсутствует цельное, тот сквозь впечатлений, который должен составить спектакль?

Идеи нет в пьесе. Идея, которая организует, планирует события, мобилизует настроение зрителя, наносит удары, покоряет.

Какой идеи? — спросят нас. Хотя бы идеи Джали Бармака. Героически умер бедняк Джали Бармак, выдержал «все пытки Кипра, Гибета и Афганистана» Соблазнен его на предательство, бай обещает ему электрический фонарик. «Фонарик — и только?» — переспрашивает Джали Бармак, и в голосе его наивность и детский восторг пастуха перед чудесами культуры. Но в ту же минуту он кричит: «повесь ее на нос электрический фонарик...» Превосходно сказано. Героический подвиг. Но в стиле тех подвигов, которые имеют очень древнее происхождение. Разница здесь в том, что Джали Бармак увидел в «своих», в «единоверцах» врага классового врага. Это вот качество Джали Бармака, не его одного, но и Ораза Дурова, Гей, всех пастухов туркмено-колхозах. Их путь к этому подвигу, пробудился классового сознания, вражды, ненависти, вся картина социального существа, изменяющая любимые подзиги. — вот идея, которая бы облагородила, дала высокий идейный смысл событиям вокруг Кабиля. Но дежли в пьесе даже не чувствуешь, даже лица их трудно применить, — можно снять с декоран их восточные халаты, — никто ничего не заметит.

Мы эстетизируем героизм, храбрость, военные доблести, но не ради их самих. Мы не воспитываем воинских добродетелей самих по себе. Лишенные осмысляющей идеи, сцены пограничной жизни приобретают батальный характер военных сцен, отчего проступают на первый план биологические элементы борьбы, ненависти, смерти.

Еще идея, — идея союза Кабиль идея социалистического строительства. Вокруг этой идеи следовало концентрировать эмоциональный заряд, показать союз так чтобы он его стройка мобилизовали на борьбу и на защиту. Но союз представлен преимущественно в отвлеченной смене указаниями комиссара представителя Хлопкома за легкомысленной Халимой. Маловато!

Значительно больше этого уделяет внимания телеграфисту Чулбабаеву, о котором Кель говорит: «говорю у вас». — на участке № 2, — «умер телеграфист» Он умер, получив удар кинжалом от подкрадывается бая.

Телеграфист оставляет после себя долгое воспоминание, сожаление, го-речь. Почему? Потому что Всеволод Иванов всячески рекомендует его зрителю, интимно, дружески, тепло, рассчитает в его пользу. На другом конце телеграфной проволоки автор усаживает жену Чулбабаева, тоже телеграфистку, которая с трепетом ищет на каждой телеграфной ленте имя отправителя Чулбабаева. Перед смертью телеграфист говорит о своей жене. Он очень ее любит. Он живет с ней девять лет. Девять лет! — восклицает он восторженно и растроганно. Дети есть? Две. Девочка, когда родилась, весила десять фунтов. Мало? «Но ведь девочка», — напоминает он важно и гордо.

Этими личными, семейными, интимными нюансами завязываются у зрителя узлы симпатии, близости и после, естественно, возникает реакция сожаления и обиды, вызванная смертью. Но где эти узлы симпатии и близости, которые бы завязались у зрителя не к Чулбабаеву, а в Кабиль, к социалистическому облику, в пустыне, сожжу? Где узлы радости, тревоги, заботы, стыда, которые бы противопоставили внимание на совхоз так же, как они предшествовали вниманию на телеграфиста, чтобы есть об опасности совхозу вызвали пламенную реакцию? Нет их!

«Любимая жена!», «Деночка, которая при рождении весила девять фунтов!» Даже остроумных мелочей — апелляция к этим «милым чертам» имеет длинную биографию.

Пора, пора находить «милые черты» другого рода, пора чтоб волнующие произвели «милый Кабиль» или «родной гиндт».

Совершенно неожиданно среди наставлений и боевых приказов разлается революционные начальника обороны Хатма Кенеф. Что такое? Оказывается Кенеф ревнует свою жену Кель к другому, Гельде, и отказывается принять его военные советы. Почему же? Потому что, — замечает Курбан, — мужчины любят играть роль героев в глазах любимой женщины, и Кенеф не хочет быть ниже Гельды. Отсюда споры, сварливая болтовня, вредящая обороне. Биологическая стихия так сказать опрокидывает социальное начало. Возможно конечно, что двое мужчин любят одну женщину, ревнуют друг к другу и готовы играть в героев, но врад ли требуются особенные социальные коммунистические тормоза, чтобы эта ревность улетучилась в минуту смертельной опасности. Два соперника, рисуясь друг перед другом, отправляются в опасную разведку. — это что ли напоминания темы любви и смерти? Возможно, трудно сказать! Моменты ревности вообще звучат смутным неясным и нечужным нагоком. Они теряются в общей картине подъема и борьбы, в картине, которая, повторяем, все же носит характер батальности.

Нам нужно идейное искусство. Тем более — искусство посвященное теме обороны единственной в мире социалистической страны.

Театр шел по правильной линии, ослабляя все положительные мотивы, вроде истории с ревностью, бросая все свои в интерлюдии, в режиссерские краски в сцены обороны Кабиля. «Наиб-хан», как спектакль, лучший в театре Красной армии Отмечаем что театр за последнее время резко поднял свое художественное качество главным образом за счет актерской работы. Актерское исполнение, в частности игра Чернакова, Хохлова, особенно Алексеевой-Мелиховой, создавшей чрезвычайно, волнующий образ Кель, стоят базу для постановки новых пьес, которые принесет сейчас театру лучшие пролетарские и популистические драматурги.

Ю. ЮЗОВСКИЙ

РАЗВЕРНЕМ СМОТР КОМСОМОЛЬСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

В редакции «Комсомольской правды» состоялось 24 ноября совещание по вопросам смотра молодежной литературы, созванное ЦК и МК ВЛКСМ и «Комсомольской правдой».

Открывая совещание, отв. редактор «Комсомольской правды» т. А. Троицкий отметил, что дискуссия, прошедшая на страницах «Правды», «Комсомольской правды» и «Литературной газеты», явилась выражением тех процессов, которые происходят в пролетарской литературе и вокруг пролетарской литературы. Она означает в частности решительный поворот, смелое приближение комсомола к вопросам литературы.

Новые требования, предъявляемые к литературе, не могут быть удовлетворены без коренной перестройки работы пролетарских литературных организаций, без преодоления их кружковой замкнутости. Одним из звеньев этой перестройки должен явиться массовый смотр молодежной литературы, отображающей борьбу и участие комсомола в социалистическом строительстве.

— Смотр должен привлечь к нам не безразлично, — говорил далее т. Троицкий, — на основе литературно-политических установок партии, «руководящих РАПП — не беспартийно, а с большевистской непримиримостью ко всяким антимарксистским антиленинским отклонениям от линии партии.

Мы должны бороться с одной стороны против всяких элементов зажима творческой самокритики, с другой — против всех антимарксистских, антиленинских отклонений. Нужно учесть и те критические замечания по поводу тех или иных произведений или ошибок в их критической оценке, которые (замечания) прошли через узину партийную печать во время последней дискуссии.

Мы должны будем бороться с двумя отклонениями в и отношении творческом: против ухода писателя от действительности и стороны чистого психологизма и против схематизма, упрощенчества левацкого вульгаризаторства. Этой линией борьбы на два фронта мы должны руководствоваться при подходе к каждому произведению, оценивая его и с точки зрения выполнения задачи создания образа положительного героя пролетарской литературы.

Мы должны повести борьбу и с проявлениями «животрепещущих», в «актуальных» произведениях — «больших полотнах», подчеркивая необходимость взаимопроникновения и взаимосвязанности этих двух понятий.

— Весь комплекс этих вопросов, — говорит далее т. Троицкий — должен привести нас к повышению уровня марксистского материализма Поэтому мы рассчитываем провести смотр в целях выявить качество нашей литературы, помочь создать новых «Магнитостроев литературы».

А. Карцевская от имени редакции журнала «Молодая гвардия», Д. Амурский — от имени редакции «Земля советская» и представитель журнала «Смена» т. Лезин заявили о готовности предоставить в своих журналах значительное место дискуссионным статьям, разбору конкретных произведений — объектов смотра и всестороннему освещению хода смотра.

В. Сутырин отметил ценность смотра с точки зрения сближения читателя с писателем и изучения читательских интересов. А. Ибах подчеркнул, что продетарским писателям, большинство которых вышло из рядов комсомола, пора отучаться в своей работе перед комсомолом. А Безыменский указал на необходимость привлечения в качестве объектов смотра не только произведений крупных писателей многочисленные произведения начинающих писателей и ударников, пришедших в литературу, также не должны остаться вне смотра. При проведении смотра молодежной литературы мы должны уделить внимание критике творчества пролетарских писателей разоблачая врагов и помогая преодолению нетканых полутчиков в нашей критике комсомольских произведений.

Секретарь ВОАПП т. Бухарцев указал, что качество проведения смотра должна сыграть решающую роль в перестройке всей рапповской и вапповской литературы. Смотр — бычат заявил комсомола с пролетлитературой проверка выполнения его требований комсомола. Тов Бачурин поддерживает предложение А Безыменского о привлечении к смотру произведений ударников и предложение А. Твардовского об учете комсомольского писательского опыта в напечатанных литературах.

Секретарь РАПП т Макарьев указал на значительный рост роля комсомола в социалистическом строительстве, которая еще не получила достаточного отражения в художественной литературе. Выражением этого роста является и то внимание, которое комсомол уделяет вопросам литературы выражением этого роста является и статья т. Мехлиса в «Правде» от 24 ноября с которой секретариат РАПП целиком согласился.

Мы недоучли роли комсомола, в частности и роли комсомола в литературе Под влиянием изменившейся обстановки и повышенных требований к пролетарской литературе мы должны ликвидировать увлечение администрированием в своей работе, обеспечив полную свободу творческих группировок, но в тоже время бороться с теми тенденциями которые смыкаются с «Перевалом» или «Литфронтом». Проведение смотра молодежной литературы совместными усилиями РАПП, комсомола и «Комсомольской правды» должно привести не только к росту комсомольской литературы, но и к подъему всей пролетарской литературы нашей страны на новую ступень.

Секретарь МАПП т. Кирьянов сообщил о тех мероприятиях которые предпринимает МАПП для проведения смотра. Творческое объединение МАПП «Молодая гвардия» включается в смотр путем выделения 10 — 12 критиков из которых получено согласие выступить с докладами о молодежной литературе. Включается в смотр и печатный органо-давный кабинет ударника МАПП в журнале «Рост», который в ближайших номерах покажет, как осуществляется комсомольская тематика литературная а с расширением журнала — с 1 января — значительно усилит внимание конкретной критике комсомольских произведений.

А. Жаров подчеркнул, что предпринятый «Комсомольской правдой» смотр молодежной литературы является итогом повышенного внимания к вопросам литературы со стороны ЦК ВЛКСМ в лице т. Кнорина и «Комсомольской правды», которые поставили ряд конкретных требований и лозунгов.

На совещании создана комиссия по практическим смотра В состав комиссии вошли тт. Троицкий, Макарьев, Бухарцев, Ильин, Бачурин, Кравцов, Безыменский, Мехлис («Комсомольская правда») Диметман (МК ВЛКСМ), Ибах, Сутырин, Кирьянов и представитель ЦКП ЛКСМ.

НОВЫЙ РОМАН М. ЧУМАНДРИНА — «ЛЕНИНГРАД»

Новый роман М. Чумандрина — собственно первая часть романа — показывает героическую борьбу рабочих за выполнение программы тракторостроения на Путиловском заводе. В центре романа штаб по ликвидации прорыва — ударники-ударники (Малютков, Христов и др.), директор завода, партгрупорг Амелинов, секретарь одной из цехячек Надя, директор треста, рабочие и работницы.

Основная идея романа — показ того, как было преодолено в первой части оппортунистического руководства завода и треста — партколлективом во главе с секретарем партячейки и энтузиастами Ватагиным и Христовым, организовавшими ударную бригаду по ликвидации прорыва.

Чумандрин берет один из многочисленных субботников рабочих Путиловского завода, но он почитается в описании его до обобщения в художественной форме того энтузиазма, с которым рабочий класс переломных индустриальных центров борется за завершение плана индустриализации нашей страны: «На призыв парткома откликались все — вместе с партией поднялись на ликвидацию штурма бесхозяйные штаб работал круглые сутки, люди не спали по два-три ночи. Порк, пора начинать — заговорили они, и вот уже все громко с топотом, шутками, смехом начали выходит из помещения. Вирочем и в смехе, и в шутках, и в разнобойных выкриках меньше всего было беспечности и веселья вернее всего это была зарядка перед большим напряжением. Так шли рабочие на Ждановича в холодную слякоть и осенний мрак. Так, мобилизованные райкомами, из заводских ворот выходили они на улицу. Строились в роты и шли защищать большевистский Питер» (стр. 73).

В разгар субботника приходит телеграмма от т. Сталина. Смена слятности и любви коллектива к своему вождю — одна из самых ярких во всем романе. «Они (рабочие) стояли несокрушимой громадой, простирающейся прямо до дверей испытательной станции, далеко по самых ворот направо те самых с черными колпаками над ними. — всюду простиралась эта громада. И вдруг напряжение прорвало, раздался женский смех, радостные крики, ликующий гул, толпа заволновалась. Сталин... заснел среди всего этого возбуждения товарищ, взволнованный более. Толпы ходила и волновалась, прижимая между рядами уже испытанных тракторов, люди взбирались на сиденья, на колеса на порожние ящики из-под деталей. Людская масса гудела немолчным и победным голосом исполина». (стр 94).

В романе показана борьба партколлектива за налаживание производства лифитных блоков, вводимых из-за границы. Часть административно-технического персонала шла по линии наименьшего сопротивления — ввозить больше блоков из-за границы Партколлектив, опираясь на передовых рабочих-ударников и партийцев, возглавляет борьбу за победу «цал Фордов», за производство блоков на заводе. Эта борьба, большевистский напор, партийная истримимость в борьбе за линию «наибольшего сопротивления» хорошо показана Чумандриным в образах Нади и Христова. Впрочем автором намечены только контуры этой борьбы, реализация ее в художественных образах должна составить следующие части романа, задуманного в широком плане показа через один завод всего большевистского Ленинграда.

В романе, при всей его удачности, замечается много недостатков — главной из них сосредоточение мало внимания на отдельных лицах, без достаточного и полного раскрытия действий всей рабочей массы, ее настроений и переживаний.

Язык романа во многих местах страдает тяжеловесными оборотами Витчасенка и торопливость в обработке Нельзя в заключение не остановиться на совсем неудачном старании некоторых критиков сравнить пролетарского писателя М. Чумандрина с... Золя (С. Малахов). Такое сравнение, даже и частности (при описании массовых сцен) вряд ли закономерно. Голя буржуазной натуралистической школы Золя при всей художественной силе и убедительности в описании человеческого коллектива не мог подняться и не поднялся до описания пролетарского рабочего коллектива.

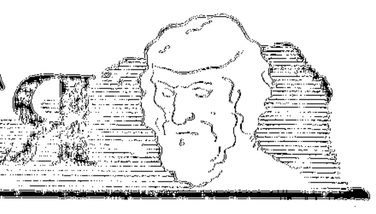
Такое некритическое сравнение, захваливание пролетарского писателя (ибо по уровню художественности Золя — выше Чумандрина) может только повредить ему. Это несомненно.

Н. СЛЕПЧЕВ

От редакции. Редакция в ближайшее время вернется к развернутой оценке нового романа М. Чумандрина.

Семен Кирсанов

ПОЛИТЕК



„ПОЛИТЕК" — ТРЕТЬЯ ГЛАВА „СВОЯ ПЛОТЬ" С. КИРСАНОВА „ЗА ЛЕВОЙ ЛЕЧЕЙ". ТЕМА ЕЕ — ОЖИВЛЕНИЕ ДЕЙСТВУЮЩИХ ЛИЦ ПЛАТОНА, ВЕЧНЫЙ СПОР, ЕГО НАЧАЛО И ДР. СОДЕРЖАНИЕ ПЕРВЫХ ДВУХ ГЛАВ: ЧЕЛОВЕК БОЛЬШЕ ЧЕМ ЧЕЛОВЕК, ЧЕЛОВЕК ЧЕЛОВЕКУ ВОЛК. В ЧЕТВЕРТОЙ ЗАВЕРШЕНА ЭКСПОЗИЦИЯ И ПЛАТОН, РАЗОЧАРОВАВШИЙСЯ ПЛАТОНОВСКОЙ ЛЕГЕНДЫ ДИОГЕНА И ГЕЛИОСА, ОПЯТЬ ВЫХОДИТ С ЗАЖЖЕННЫМ ФОНАРЕМ НА УЛИЦЫ.

Замер товар
в мучительной корче.
Кто зазывать
речистый сей? —
— Мастер моря рассказать, в бурях
испытанный кормчий,
Зевсоподобным лицом, царственный
муж Одиссей.

Кричу Одиссей,
на подмостом стал:
— Во..от
первосортный,
прекрасный мафр.
Щупайте руки,
смотрите бока,
в пасе заменит
осла и быка,
зубы в порядке,
семнадцать лет,
стоит драхму
и восемь пенсов.
А вот скиф!
Кому скиф?
Шупайте, пробуйте
мускула семь!
Хорош!
Сильны!
Бери,
Сипи...

Бронзовый гнанул
событиям в ому
и бросил Платону
горькое слово:
— Может и вовсе
не быть Золотому?
Спешно идем! —
не видать Золотого
(Видно одно
сквозь пустыни-гробы
ненависть
и гнетни сапогов —
в железных намордниках
жарят рабы
быков
для пиров олуторатов.
Дамас — ном.
Сам раб.
В ярмах долговых
без земель и прав
В ползучем хаосе
горькы-ханжы...)

— Платон, —
задыхаясь
промолвил Киевский,
Я устаю
на землю смотреть
на ужас ловлю,
продан
и боен —
О Золотом
рассказы,
мудрец,
как он устроен,
каков собой онт
Мы глазом остры, —
молвит весовой,
ты и зерно нас
по рассудку, —
Увидим, быть может,
отыщем его
по своему рисунку.

Дул от колоний
ветер соленый,
отдель уходили
годы Солона,
ядя навстречу
столетиям дующим,
начал Платон
речь о грядущем
«Город растет из нужды и крапивы,
дом и одежда,
в городе нашем живут земледелец,
портной и сапожник.
Ткани портному нужны — рождаются всякие оптом.
Прядям тяжелую шерсть с овец стригут скотоводы.
Если же в города нет, с центром вместе
белогорье,
с городом, равным себе, он благо на
благо меняет.
Труд отдается за труд, и все достоинья народа.
Женщина телом слаба — в ней почтем не
ниже мужчины,
брак и любовь святым сочетанием
с лучшими лучших...»

Глаз запускает
Каменный сдвиг
— Эта страна
не видна вы?

Но ни у Нила
и ни у Нигера,
Ни у Истрии
и ни у Инда,
ни у Ингрим
ни у Ильменя —
мира ниш его
не увидели.

Видели:
тучи орд,
легионов,
квадрат
фаланг
и других.
В Платон
разверзлась
призрачны город,
и, ступая по дням,
шли люди:

Мир
горизонтной дуги
как в кандалы
закован.
На известном варвар
отчаян,
в плену
у высокомерных
волчиц
тягостно сидит
иногу тащат,
по римским полям
волочится.
Устал
Голова волохатая свисла,
в щеки пережены
римские числа.
Буквы шипелявя
римлян проглотил
взгрыв его
А над позором
плебейским
горячка —
Платон
Политен,
как шел, разворочен.

Бронзовый гнанул
на рабьи гробы,
услышал скрип натуг
оттуда
Платон,
скажи,
в рабы
в твоем государстве
будут?
Вдумался в это Платон, и в мышцах
почувствовал тяжесть,
будто бы сам он тащил железные —
пасти паруса...
«Гражданин нашей страны дано управлять государством,
пробовать силы свои в искусствах,
науках, ремеслах,
ну... в физический труд не пленных
подлых колонии...»

— Значит,
и у тебя
будут еще
таким,
кто понесет
в цепях
руки свои
туго?..
И внизу услышим
философов речи
мятежи изгнаны
так растерзанность.
Ареопаг Рима
возле зверья:
Разве об этом пел?"
И вдруг
до подземному
шумы гудят

зверью
разодран
рот. —
На цирком Спартака
мдут гладиаторы
гель...
гуне...
гот...
На рисчей стрелой
пробита спина ему,
гонгоры подсолнй
в мире нет.
И двадцать тысяч
рабов распинаемых
гвоздей из подошв
не выронят.
А трое
шагают
в бескрайные степь.
мигают
полдни и полночи,
и с неба не сходят
равные звезды,
вам даны
в ладонях невольничьих.

ОТСТУПЛЕНИЕ

Пеш
по стопетым
бредут прародители
в поясах
райских кущей, —
буржуи орут
про труд принудительный
у нас

в эпоху текущей.
Мы,
лесоруб
внимут
за зуб
и собственноручно
волочит
зуб.
Моя,
закабаленной нади
гораздо —
работать не хочешь —
нагайка — цепь.
Социализму
сопутствует
рабство,
как предусмотрено
Платоном еще.
Я за Платона стречу
откуда ждать
Платону тогда,
что силу придут
сменить человечье
рабы механического труда?
Машина,
тяжелоум,
хитрая вещь —
на Западе нычче
машина — погонщик,
рабство двоичное
злей и потемьше,
машина — надсмотрщик,
нагубья хлещь.
Но в нашем,
ты знаешь, нимом
периоде,
над чертежами
под мегафоны,
чтоб силу давая,
вращались на приводе
тысячи наших рабов —
машин,
Чтобы не орали
разные умники —
не вину в этом
закупы.
Платон
ничего не не знал
ни о блтинге
ни об электро-плуге!
Спрячь, Аристотель,
критический жезл.
Предупреждаю:
Платона
не трогать.
Вопрос не исчерпан.
Не истинами дитанут,
интрант
поскорее свертелей,
вавирамся дальше —
ступенек углами
на вышку
тишь четверть.

НАПЕШЕМ „ИСТОРИЮ ЗАВОДОВ"

ИЗУЧИМ ОПЫТ ЛЕНИНГРАДА

От нашего ленинград ского корреспондента

„ЗАГОТОВКИ" БОЛЬШЕВИСТСКОЙ ИСТОРИИ

Первые месяцы работы ленинградских предприятий по реализации постановления ЦК ВКП(б) об издании «Истории заводов» показали, что лапповская ячейка на предприятии становится коллективным организатором тысяч производственников—авторов «Истории», вовлекла в литературное движение новые кадры ударников, инженеров, хозяйственников, старых большевиков.

На Ижорском заводе, история которого уходит в далекое прошлое, литгруппа ЛАПП уже давно работает над книгой «Истории». Весь собранный материал перерабатывается в соответствии с указаниями, данными в постановлении ЦК партии. Руководство всей работой передано широкой редколлегии, в которую вошли старые производственники, представители партийных и профсоюзных организаций, писатели, ударники, инженерно-технические работники. К созданию «Истории» ижорская редколлегия привлекла старых рабочих, выдвинутых в настоящее время на партийную и советскую работу и выехавших в связи с этим в Москву, и другие города. В Москве материалы этих товарищей собирает ижорское землячество. В Ленинграде был организован специальный вечер в Обществе старых большевиков.

Завод «Большевик» уже имеет некоторый опыт собирания материалов для «Истории». Недавно он выпустил сборник, посвященный годовщине Обуховской обороны. При партийном комитете завода создана редакционная комиссия. Такие же комиссии создаются и в крупных цехах. В мелких цехах выделяются уполномоченные. Каждый член комиссии руководит работой по сбору материалов, характеризующих тот или иной исторический этап, тот или иной период.

Сейчас редакционная коллегия завода дополнением и уточнением списка старых рабочих-обуховцев, работавших на заводе до Обуховской обороны.

Интересная работа развернулась на тракторном заводе «Красного путиловца», на котором работает 9.000 человек. Здесь заводская редакция «Истории» установила контрольную цифру сотрудников: 2.000 человек. Имеющиеся данные говорят, что в действительности эта контрольная цифра будет намного превышена.

Весь завод разбивается на 190 участков. По участкам проводится массовая работа: беседы во время обеденных перерывов, собрания и прот. На «стенографических вечерах» зачитываются тематические рассказы рабочих. Так, бригада, построившая первый трактор, рассказывает о своей работе, бригада инженеров рассказывает о том, как она овладела американской техникой, бригада краснознаменцев (а их на Тракторном — 15) рассказывает, за что именно краснознаменцы получили высшую награду. Всего на предприятии будет работать 15 таких бригад. В историю завода будут включены страницы — «как и почему портилось на заводе американское оборудование». Эти страницы напишет бригада рабочих, которая однажды испортила американское оборудование.

Не менее интересны международные темы, которые также решено включить в историю Тракторного. Как известно, в прошлом году некий немецкий пастор подробно описывал в германской печати... восстание на «Красном путиловце». Несколько номеров «Рур экко» вышли затем с материалами путиловских рабочих, разоблачавших клевету благочестивого отца, которому после опубликования разоблачительных материалов пришлось покинуть насиженное, пасторское место. Международный отдел «Истории» должен показать и работу иностранных рабочих и специалистов на «Красном путиловце».

Работа всех 15 ижорских бригад будет проходить в порядке социалистического соревнования.

Редакция «Истории» «Красного путиловца» предполагает использовать опыт сбора материалов по рассказам и воспоминаниям бывших меньшевиков и эсеров, работавших на заводе. Ижорцы думают получить ценные факты и сведения от бывшего своего директора генерала Волковского, управлявшего заводом до революции. Они специально разыскали его для «Истории».

Работа по созданию «Истории заводов» в Ленинграде развернулась. Областной редсовет уже наметил 14 предприятий первой очереди и 31—второй очереди. Областной редсовет на базе Ленотдела организовал широкую помощь рабочим-авторам и заводским редколлегиям: консультации, дежурства писателей и пр. Будет оказываться периодический бюллетень, с задачу которого входит организация обмена опытом. Уже издаются методические брошюры.

Б. РЕСТ

МОСКВА ОТСТАЛА

НА СОВЕЩАНИИ МАПП

Выступление представителей крупнейших московских предприятий (завод им. Сталина, «Динамо», «Серп и молот», завод им. Лепсе, ф-ка им. Бабаева) на совещании МАПП показали, что на этих предприятиях работа по созданию «Истории заводов» до сих пор протекает в узких рамках организационных совещаний. На ряде предприятий организация ограничивается созданием комиссий и проведением предварительных бесед со старыми рабочими. К практической работе, к собиранию материалов для сборника, к привлечению творческого актива заводские организации до сих пор не приступили. Литкружки МАПП остаются в стороне от этого важнейшего начинания.

Член редколлегии «Истории заводов» т. Жига ознакомил собравшихся с планом работ по составлению истории Электрозавода. Книга об Электрозаводе будет состоять из трех отделов: возникновение и развитие завода, культурно-бытовое и общественно-политическое лицо завода, роль парторганизации завода в его развитии. Сейчас на этом предприятии создана широкая редакционная коллегия. К участию в работе коллегии привлечены все культурно-политические силы завода. В ближайшее время будут созданы творческие бригады, к которым прикрепляются в качестве консультантов писатели и работники ЛИЛ Комакадемии.

Выступивший т. Шушканов, подчеркнул недопустимость отставания кружков МАПП в работе по созданию «Истории». Работа над составлением «Истории» многими товарищами упрощается и вульгаризируется. В известном смысле повторяется то, что было с показом героев пятилеток.

Совещание постановило провести в ближайшее время ряд тематических совещаний представителей тех предприятий, на которых пишется «История», и поручило кабинету ударников МАПП усилить свою консультационную работу на этих предприятиях.

А. К.

СОЗДАН ЛЕНИНГРАДСКИЙ ОБЛАСТНОЙ РЕДСОВЕТ «ИСТОРИИ»

Ленинградский обком ВКП(б) утвердил областной ред. совет «Истории фабрик и заводов». В состав редсовета вошли тт. Шверник (председатель), Рафаил (зам. председателя), Угаров, Вассерман, Алексеев (союз машиностроения), Думашкин (Облпрофсовет), Осинский, (завод имени Сталина), Петровский, Плотов (Общество старых большевиков), Царьков, Газа, Куллеля, Чумандран, А. Иванов, (обзоно), А. Шабанов, Л. Сырцов, Желдак, Гавриилов, Крайский (Северная верфь), Маврин (Промакс), Чекалов («Красный треугольник»), три директора ленинградских предприятий и писатели—Слонимский, Груздев, Н. Тихонов, Либединский, Лавренев, Форш, Евгеньев, Старчиков, Зайде.

В состав секретариата редсовета вошли тт. Шверник, Рафаил, Крайний, Вассерман (ответственный секретарь), Широпаев (ЛАПП), Алексеев и Куллеля.

Выделен ряд предприятий — первоочередных объектов «Истории». В число этих предприятий входят: «Красный путиловец», Ижорский завод, «Большевик», завод имени Ленина, фабрика им. Петра Алексеева, «Треугольник», «Скороход», «Вулкан-стройка», «Светлана», имени Сталина, «Электросила», имени Карла Маркса, «Красное знамя», № 1, Балтийский завод и др. Для работы на выделенных предприятиях мобилизованы писательские силы. Помимо писателей, будут привлечены силы Комакадемии, Института Маркса революции, Истпрофа и других организаций.

ОБ ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОМ ВОСПИТАНИИ И САМОКРИТИКЕ В РИИН

«Литературная газета» статьей тт. Школаревича и Сечко (№ 57 от 22 октября) поставила вопрос об интернациональном воспитании в редакционно-издательском институте.

— «В Риин забыли об интернациональном воспитании» — такой заголовок был дан статье тт. Школаревича и Сечко, и авторы целым рядом фактов доказывали справедливость этого вывода. Вероятно излишним, что речь шла об ошибках во время приема, выступлениях директора Института т. Шуйского и Вольфсона, о смазывании вопросов национальной политики газетой «Рининец», бюллетенями Института и в документах партийной организации, о примиренческом отношении к антисемитским вылазкам (случай с Ретюнским), нажиме о забвении важнейших партийных указаний и прежде всего «шести условий т. Сталина».

Авторы статьи, исходя из всех этих фактов, считали, что «партийная и комсомольская организации РИИН, в своей основе идеологически здоровые, должны повысить свою классовую бдительность для борьбы за четкое проведение ленинской национальной политики, за интернациональное воспитание пролетарского студенчества».

Таким образом мы имели дело с деловым и в основном правильным выступлением.

Организация РИИН, если бы она действительно хотела исправить недостатки в своей работе, по-большевистски признать допущенные ими ошибки и сделать из этого признания все необходимые выводы, имела для этого все возможности. Но товарищи предпочли стать на другой путь. Они, не считаясь с фактами, постарались представить дело таким образом, что в РИИН все благополучно, а авторы статьи в «Литгазете» клевещут на институт.

Редакция «Литературной газеты» даже специально предупреждалась организациями РИИН (бюро ячейки, профком и директор), что заметка Школаревича и Сечко была клеветнической, а потому, искать, нам необходимо заблаговременно отмежеваться.

Истинными вузбюро ячейки ВКП(б) РИИН от 23 октября (уже на другой день после помещения статьи!), констатировало «общий недопустимый тон статьи», искажение фактов и т. д. и т. д. Бюро ячейки считало, что с выполнением указаний т. Сталина в институте все обстоит благополучно, что к октябрю новому учебного года подготовились по-большевистски, что по отношению к антисемиту Ретюнскому примиренчества не было проявлено, во всяком случае организациями института. Постановление заканчивалось следующим безапелляционным приговором:

«Организационно-клиевые обвинения Школаревича и Сечко и солидаризировавшейся с ними «Литературной газеты» являются вичтожной клеветой».

Это постановление бюро ячейки понятно не было случайно. Оно вполне соответствовало той атмосфере, которая в частности в результате этого постановления была создана в институте после помещения статьи, атмосфере зажима самокритики и травли авторов статьи в «Литературной газете».

Лишь вмешательство парколлегии Сокольнической районной контрольной комиссии положило предел этому недопустимому отношению к самокритике со стороны организаций РИИН.

Парколлегия вынесла 9 ноября специальное постановление по делу РИИН, в котором признала заметку в «Литературной газете» «в основном правильной и своевременно мобилизующей общественность института на борьбу с великодержавным шовинизмом и антисемитизмом».

Далее в постановлении отмечено, что «выступления антисемитского и пошлистического порядка и примиренческое отношение к ним не встречают должного отпора со стороны парт. и профорганизаций; что «партийная организация РИИН не вела линии в институте борьбу на два фронта в национальном вопросе и допустила грубую политическую ошибку, выразившуюся в том, что вместо объективной оценки статьи и практических выводов на нее для мобилизации коллектива против опасности проявления антисемитско-шовинистических настроений, бюро ячейки своим постановлением стало на путь самооправдания, совершенно смазывая основную сущность статьи, помещенной в «Л. Г.».

— Ячейка, — говорится в постановлении парколлегии, — вместо того чтобы по-большевистски развернуть самокритику и признать свои недостатки по части непроработки 6 условий т. Сталина и постановления ЦК ВКП(б) об ОГПЗ в парторганизации, взяла под обстрел авторов заметки, становясь из двух взаимного благополучия. Далее постановление намечает ряд конкретных мероприятий для исправления всех этих ошибок и недостатков, в числе которых находится обследование института районным комитетом партии.

Наряду с этим парколлегия дезавуировала выступление авторов заметки в «Литературной газете» в части обвинения ими в великодержавном шовинизме тт. Шуйского и Вольфсона, как не имеющее оснований.

Партийные организации и вся общественность РИИН должны немедленно, по-большевистски взяться за выполнение указаний РайКК и в кратчайший срок исправить допущенные ими ошибки. **Решительное развертывание самокритики—непременное для этого условие.**

Последний номер газеты «Рининец» дает основания утверждать, что организация РИИН начинают правильно понимать свои задачи. В этом номере подвергнуты развернутой критике допущенные ошибки, безоговорочно признается правильность выступления «Литгазеты» и указывается:

«Уроки ошибок, допущенных нашими организациями, требуют решительной перестройки работы и методов подхода вплотную к реализации шести условий Сталина и постановления ЦК ВКП(б) об идеологической работе. Важнейшим условием этой работы является **большевистская самокритика, невзирая на лица**... Развернуть самую решительную борьбу с уклонами от линии партии в национальном вопросе, **главный огонь по великодержавному шовинизму, не забывая и местный национализм,** — важнейшая задача всех организаций института... Партийная организация должна **по-большевистски выполнить постановление контрольной комиссии».**

ПЕРЕСТРОИКА ПРОФРАБОТЫ СРЕДИ ПИСАТЕЛЕЙ

Новое руководство московского горкома писателей сумело за последние месяцы создать значительный перелом в работе горкома, привлечь к этой работе внимание широкого писательского актива. На днях был заслушан и обсужден доклад Мосгоркома писателей на секретариате ФОСП.

Докладчик т. Лившиц подробно охарактеризовал намечающийся поворот горкома писателей к усилению политического воспитания и культурно-бытового обслуживания писателей. Значительным достижением горкома является открытие совместно с ФОСП марксистско-литературоведческих курсов для писателей, а также писательского горкома для ликвидации задолженности издательствам. Отмечена задолженность пяти издательств ГИХЛ, «Молодая гвардия», Учпедгиз, Всекохудожник и ГИПИ должны авторам около полутора миллионов рублей. Материалы бригады направлены в ЦКК—РКИ. Значительную роль в оживлении работы горкома сыграла перестройка его структуры, ликвидировавшая профчасти по производственному признаку.

Принцип создания писателя (по жанрам или по принадлежности к литорганизациям) послужил предметом оживленного спора между участниками прений. Часть товарищей считает наиболее правильным применяемый сейчас принцип построения цехместь по жанровому признаку (цех поэтов, цех критиков и т. д.); другие, наоборот, находят более целесообразным объединять писателей по принципу их принадлежности к той или иной литорганизации, считая жанровый признак слишком расплывчатым и не связующим разнородные писательские группы.

Для устранения параллелизма и обеспечения плодотворной совместной работы горкома писателей и литературных организаций секретариат ФОСП постановил пересмотреть положение о горкоме писателей. Вопросы материально-бытового обслуживания писателей в Москве, вопросы творческой работы и проведения массовых кампаний, будут переданы в ведение горкома, по линии чисто деловой на выполнение решений ФОСП.

Для ведения культурно-воспитательной работы с писателем секретариат ФОСП постановил организовать объединенный культурно-производственный сектор горкома и ФОСП.

Л.

ПОСТРОИМ СЕБЕ ДОМ

Литературно-творческий кружок «Паровоз» Сокольей ж. д. просит на постройку самолета «Ударник пролетлитературы» 150 рублей и выполняет все литкружки Сокольнического района. Деньги внесли тт. Чиркин (100 р.) Сахаров (5 р.) Астахов (10 р.), Лапердинский (10 р.) Шалькевич, Кашин, Зотов, Кузьмин и Морозов (по 5 р.).

СОСТАВ РЕДКОЛЛЕГИИ „ЛИТГАЗЕТЫ"

Секретариат ФОСП 16 ноября утвердил новый состав редколлегии «Литературной газеты», а именно: К. Асеев, С. Динамов, В. Запесский, О. Колесникова, А. Малышкин, Н. Огнев, М. Розовский, А. Селивановский, И. Сельвинский, М. Слонимский, М. Субоцкий, С. Третьяков и Г. Тарян.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАРОДИИ

ДЖ. АЛТАУЗЕН

ОТРЫВОК ИЗ ПОЭМЫ

Ударник — друг!
Тебе —
Литература,
Иди
И пой
Индустриальный
Класс.
Пускай звенит
Стихов
Фактура.
Пускай гремит
Поэмы
Контрабас.
Пощупай пульс.
Сто
Пятьдесят
Ударов!
Текут стих
Длинно
Длинных
Рек.
И ты пиши
Не так,
Как пишет
Жаров.
Учись писать,
Как пишет
Старый
Джак.
Друзья мои!
Юнцы!
Ребята!
Парни.
Ному сегодня
Только
Надцать лет!
Стенольщики!
Стопяр!

ШАРЛ КУЗРЫПИСОВ

Вообще ударник
Моей поэзии
Вручаю вам
Кларнет!
Не надо плакать!
Пойдем
Отныне
Вместе.
Ударник — друг!
Клянусь,
Клянусь
Тебе!
В моем
Тысячи-
Строчном
Манифесте
Указан путь
К пианолайбам
И борьбе!

А. АРХАНГЕЛЬСКИЙ

КОЛЛЕКЦИЯ ПИСАТЕЛЬСКИХ ПРОМАХОВ

Такую коллекцию составил А. Дерман. Он демонстрировал ее в своем докладе «Промахи мастеров», читанном на днях в Толстовском музее и в клубе ФОСП им. Горького.

Доклад А. Дермана отличается чрезвычайно узкой и формальной трактовкой темы: к «промахам мастеров» докладчик относит лишь некоего рода синтаксические и стилистические ошибки и описки, в большинстве случаев мелочные и несущественные, оставляя в стороне идейный, классовый характер литературных произведений.

К «мастерам» А. Дерман на равном основании причисляет Горького и Куприна, Бунина и Гумилева, Надсона и К. Тренева и даже некоего «В. Ш.», автора заметки в журнале «Новый Леф» за 1928 г.

Эта крохотная работа несомненно не лишена интереса для специалиста-литературоведа, но и для него она может представить лишь сырым фактическим материал, требующим обработки, обобщения, выводов. Массовый же слушатель или читатель (статьи А. Дермана скоро появятся в «Новом мире») целиком воспримет работу Дермана, как безыдейную мешанину, лишенную какой-либо принципиальной установки.

Отсутствие такой установки проводит т. Дерман к высказываниям «чистым», которые с марксистской точки зрения ничего общего не имеют. Например, «Промахи мастеров» А. Дерман определяет, как своеобразное произведение **«несоответствие фактической действительности, оказывать** запечатлен голой фактографии.

В другом месте А. Дерман гуманно заявляет, что ошибкой писателя является несоответствие, которое художник несомненно исправил бы, если бы его заметил, и что «большие мастера всегда заблуждаются добровестно». Здесь кстати еще раз упомянуть, что в качестве «больших мастеров» для Дермана гении и Горький, художник революционного пролетариата и резонер, эмигрант Куприн.

«Добросовестные заблуждения» А. Дермана прочтут новидимому на того, что он и др. пытается последовать совету Пушкина, который в письме к Бестужеву о «Горе от ума» утверждал, что критиковать писателя следует только с точки зрения законов, им самим над собой установленных.

Но Дерман не понял, что эту мысль Пушкина мы должны применить... к злейшим «промахам» мастеров.

Л. КАЛЬЯ

ПИСЬМО т. СТАЛИНА И ЗАДАЧИ ФРОНТА ЛИТЕРАТУРЫ

Письмо т. Сталина «О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ИСТОРИИ БОЛЬШЕВИЗМА» ставит перед всем фронтом теории ряд новых повторных задач, в том числе для фронта литературы. Институт ЛИЯ Комакадемии провел производственную конференцию под углом зрения выполнений указаний т. Сталина, данных в его письме. Вместе с МОРП Институт разработал конкретный план применения письма к задачам международного пролетарского и революционного литературного движения.

28 ноября Институт ЛИЯ и секретариат РАПП устраивают большой вечер на тему — «ПИСЬМО т. СТАЛИНА И ЗАДАЧИ ФРОНТА ЛИТЕРАТУРЫ». С основным докладом выступит т. ДИНАМОВ, со вступительным словом, — т. Авербах. В прениях выступят тт. МАКАРЬЕВ, ЛУЗГИН, СЕРЕБРЯНСКИЙ, ИППОЛИТ, КАНАЕВ, НУСИНОВ и др.

МУЗГИЗ Москцентр ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1932 ГОД НА ЖУРНАЛЫ:

ЗА ПРОЛЕТАРСКУЮ МУЗЫКУ

Двухнедельный массовый иллюстрированный журнал пролетарского музыкального движения. (Орган Российской ассоциации пролетарских музыкантов (РАПМ).

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА: на год — 3 р., на 6 мес. 1 р. 50 к.

Цена отдельного номера — 15 к.

ПРОЛЕТАРСКИЙ МУЗЫКАНТ

Ежемесячный орган Российской ассоциации пролетарских музыкантов (РАПМ).

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА: на год — 5 р., на 6 мес. 2 р. 50 к.

Цена отдельного номера 50 к.

Подписка принимается во всех местных отделениях и магазинах Книгоцентра и уполномоченными на местах агентами «Книгоцентра»

ВСЕМ РАБОТНИКАМ ЦЕНТРАЛЬНОЙ, КРАЕВОЙ, ОБЛАСТНОЙ, РАЙОННОЙ И ФАБРИЧНО-ЗАВОДСКОЙ ПЕЧАТИ необходим

„ЖУРНАЛИСТ"

Ежемесячный журнал теории и практики большевистской печати.

«ЖУРНАЛИСТ» освещает текущую работу печати, организует широкий обмен опытом. Печатает тех вопросы статьи по важнейшим вопросам газетной работы и переписки с рабселькорами газет и журналов.

Приложение к журн. «Журналист» 6 книг в год.

ОТКРЫТ ПРИЕМ ПОДПИСКИ НА 1932 ГОД.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: 12 мес.—9 р., 8 мес.—6 р. 50 коп., 3 мес.—3 р. 25 коп., с приложением библиотеки журналиста: 12 мес.—13 р., 6 мес.—6 р. 50 коп., 3 мес.—3 р. 25 коп.

Подписку сдавайте местной почте не позже установленного срока.

Журнально-газетное об'единение

КЛУБЫ, КУЛЬТОТДЕЛЫ СОЮЗОВ ВЫПОЛНЯЙТЕ ПОКАЗЫВАЙТЕ РАБОЧИМ ПРИКАЗ ОДНОГО ИЗ ВСЕХ ЛУЧШИХ КИНОФИЛЬМЫ

Вы должны бороться за превращение КИНО в мощное орудие коммунистической и технической пропаганды, мощное орудие интернационального воспитания трудящихся масс, за превращение КИНО в организатора социалистической культуры и нового быта.

РАБОЧИЙ ГРОЗУЮ ЗВУКОВЫХ И ЦВЕТНЫХ КИНО-ФИЛЬМ

ВЫ ДОЛЖНЫ ОЦЕНИТЬ И ОЗВУЧИТЬ ПОКАЗЫВАЕМЫЕ ВАМИ КИНОФИЛЬМЫ В РАБОЧИХ КЛУБАХ

В ЭТОМ ВАМ ПОМОЖЕТ ГАЗЕТА

„КИНО" МАССОВЫЙ иллюстрированный орган СОЮЗКИНО и ОЗПКФ.

В 1932 году газета „КИНО" будет бороться за большой план 1932 года Союзкино, за три миллиона кинозрителей в 1932 году за 500 полнометражных фильм, за выпуск новых производственно-технических, детских и научных фильм, за новые кадры кинопромышленности за технику кино за лучшее обслуживание кинозрителя.

Каждые 5 дней в увеличенном размере в 1932 году будет выходить газета «КИНО». Впервые в 1932 году при газете будет дано приложение 24 книжки (2 книжки в месяц) популярно-техническая «БИБЛИОТЕКА КИНО», освещающая основы техники кино, проблемы и технику звукового и цветного кино.

ОТКРЫТ ПРИЕМ ПОДПИСКИ НА 1932 ГОД.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: Газ. «Кино» 12 мес.—3 р. 60 коп., 6 мес.—1 р. 80 коп., 3 мес.—90 коп. Газ. «Кино» с прилож. БИБЛИОТЕКИ 12 мес.—7 р. 60 коп., 6 мес.—3 р. 80 коп., 3 мес.—1 р. 90 коп.

ПОДПИСКУ сдавайте местной почте не позже установленного ею срока.

Журнально-газетное об'единение

РАПП И ИНСТИТУТ ЛИЯ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

ВЫПУСКАЮТ НОВОЕ ИЗДАНИЕ

„ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО"

Под редакцией Л. Авербаха, М. Ипполита и Ф. Раскольникова.

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО» — исходит в своей работе из ленинского указания о необходимости критического пересмотра и переработки культурного наследства прошлого. «Литературное наследство» разрабатывает в марксистско-ленинском освещении под углом зрения современности условные вопросы истории русской общественной мысли, истории литературы и истории журналистики.

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО» — публикует неизданные материалы и документы по истории литературы и истории общественной мысли. Особое внимание «Л. Н.» уделяет разысканиям и публикациям неизданного и забытого литературоведческого наследия классиков марксизма. В центре внимания будут стоять публикации материалов и документов, относящихся к истории и предыстории пролетарской литературы.

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО» — впервые в литературе ставит задачу систематической и плановой разработки истории пролетарской печати, при чем внимание «Л. Н.» будет уделено не условным традициям большевистской журналистики в изучении роли Ленина как редактора.

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО» — внесет отдел критических обзоров, которые будут знакомить читателя со всеми литературными новинками, отличающимися к кругу вопросов, разрабатываемых нашим изданием. Особое внимание будет уделено анализу мемуарного наследия прошлого и настоящее время выпускаемого. Для обзоров систематически будут привлекаться историко-литературные издания Союзных республик, а также Запада и Америки.

Издание богато иллюстрировано. Об'ем каждой книги—300 страниц. Подписная цена — 1 р. 50 к. за 3 книги, цена отдельного номера в розничной продаже—1 руб.

ЖУРНАЛЬНО-ГАЗЕТНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ

КОМСОМОЛ В БОРЬБЕ ЗА ПРОЛЕТАРСКОЕ КИНО

Бюро Центрального Комитета ВЛКСМ созывает 29 ноября ОБЩЕМОСКОВСКОЕ СОВЕЩАНИЕ по вопросу «КОМСОМОЛ В БОРЬБЕ ЗА ПРОЛЕТАРСКОЕ КИНО». В центре внимания предстоящего совещания — создание подлинной комсомольской фильмы.

Вопрос чрезвычайно актуален. Подлинной молодежной фильмы у нас нет, а те кинокартины, которые претендуют на звание таковых («Песнь о первой девушке», «Парижский саможник», «Встер в лицо» и др.), сосредоточивают внимание лишь на вопросах быта, поэтому исказили его не отражают борьбы и героики комсомола и не способны воспитывать молодые комсомольские кадры.

Кто же ответственен за это кризисное состояние молодежной фильмы?

Ответственны правления Межрабпомфильма и Союзкино, предоставляющие весьма незначительное место комсомольским фильмам при обсуждении тематического плана на 1932 г.) ответственен отдел кадров Союзкино, недавний выпускает новых кадры операторов и режиссеров, но не уделяет достаточной внимания их производственной практике.

С другой стороны — недостаточную инициативу проявляет и сама молодежь, не ведущая на этом участке организованной борьбы за отстаивание своих позиций. Комсомольское ядро кинематографии очень значительно, стало быть и потенциальная возможность оказания помощи пролетарскому кино имеется. Но нашу слабой организованности и распыленности сил, частично вызванной территориальной разбросанностью, эта потенция не реализуется.

Все эти моменты должны быть учтены на общемосковском совещании, к которому МК ВЛКСМ несет значительную подготовительную работу.

Е. П.

СБОРНИК ТВОРЧЕСКОЙ ДИСКУССИИ ВССП

Сборник, посвященный творческой дискуссии ВССП в Москве и Ленинграде, будет выпущен на печати «Издательством писателей в Ленинграде». В сборник включены речи, произнесенные на творческой дискуссии в Москве тт. Л. ЛЕОНОВА, Л. СЕЙФУЛИНОЙ, С. МСТИСЛАВСКОГО, И. ЕЛЬКИМОЙ, П. СЛЕТОВА, Э. ГРОССМАНА, Х. ХАИТ, П. НАЙДЕНКО, В. ПИЛЬНЯКА, Ю. ТИНЯНОВА, Н. МАКАРЬЕВА, А. СЕЛИВАНОВСКОГО (заключительное слово).

Выступления писателей на ленинградской дискуссии ВССП О. Чумандрина, В. Слонимского, Н. Никитина, Н. Тихонова, М. Козакова, Н. Брауна и В. Каверина) уже отредактированы ленинградской частью редколлегии сборника.

Ленинградской частью редакции поручено написать вступительную статью, подводящую итоги дискуссии.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

В ЛенотГИЗД вышел сборник «Писатели о труде» с моим предисловием. Благодаря небрежной правке и недопустимой поспешности предисловие, особенно в первых абзацах, заключает ряд грубых политических ошибок и источных формулировок. Две особенно грубых ошибки допущены по вине издательства. «Фундамент (социалистической экономики С. М.) достраивается» написано в листах, подписанных мною к печати, «фундамент заложен» напечатано в сборнике. Фраза «при опоре на бедноту, при неуклонном росте колхозов и совхозов, отказывается в восстановительному периоду, благодаря пропуску нескольких слов превратилась в алогичном тексте в политически вредную и безграмотную фразу: при опоре на бедноту колхозов и совхозов (?).

Ряд ошибок принадлежит отчасти и мне лично. В определении границ допущены вульгаризирующие формулировки («Ставка границ на кулацкую хлебную забастовку» на 1932 г.) ответственен отдел кадров Союзкино, недавний выпускает новых кадры операторов и режиссеров, но не уделяет достаточной внимания их производственной практике.

С другой стороны — недостаточную инициативу проявляет и сама молодежь, не ведущая на этом участке организованной борьбы за отстаивание своих позиций. Комсомольское ядро кинематографии очень значительно, стало быть и потенциальная возможность оказания помощи пролетарскому кино имеется. Но нашу слабой организованности и распыленности сил, частично вызванной территориальной разбросанностью, эта потенция не реализуется.

Все эти моменты должны быть учтены на общемосковском совещании, к которому МК ВЛКСМ несет значительную подготовительную работу.

Е. П.

ИЗВЕЩЕНИЯ

— 27 ноября — 18 ч. — в помещении Комакадемии (Волхонка, 14, комната 325) Институт ЛИЯ организует продолжение дискуссии на тему: Методологическая конференция Б. М. Фричё.

— 27 ноября — 20 ч. — Дом печати — антрепренерская с 25 ноября — вечер-диспут на тему: «Писатель и поэт в газете». Вступительное слово — С. Третьяков. Приглашены: тт. Авербах Макарьев, Кирпон, Бела Иллеш, Гидаш, Ясенский, Панферов, Вельтман, Зелинский, Асеев, Жаров, Лугини, Сосновский, Уткин, Безыменский, Кирсанов, Кольцов, Гехтман, Шагинян, Жига, Васильковский, Зазубрин, Зелинский, Качалов, Медведев, Лутоновой, Брик, Регинин, Инбер, К. Левин.

— 28 ноября — 17 ч. — в Доме Герцена (комната 10) — общее собрание цехпрофячейки малых форм.

— 28 ноября — 18 ч. — в Доме Герцена (конференц-зал) — общее собрание членов цехпрофячейки драматургов и переводчиков.

— 29 ноября — 17 ч. — в МАПП (Тверская, 51) — заседание секретариата МАПП с докладами об'единен и при газетах и журналах» «Огонек», «Рабочей газеты», «Печатник и бумажник», «Пионерка».

— 29 ноября — 18 ч. — в Комакадемии (комн. 327) — пленум литературной секции. Доклад т. Зинченкой.

— 30 ноября — 18 ч.—в помещении МАПП (Тверская, 51) — собрание творческого актива ударников МАПП. Читает К. Левин «Юный расскаж.

— 30 ноября — 18 ч. — в Доме Герцена (комната ПС РОСТА) — широкое собрание детских авторов.

— 30 ноября — 18 ч. — Комакадемия (Волхонка, 14, комн. 327) — доклад т. Мячейна по секции «Война и литература». Тема: Пролетарская диктатура в Венгрии в художественной литературе.

— 1 декабря — 18 ч. — в Доме Герцена (комната ПС РОСТА) — широкое собрание детских авторов.

В КЛУБЕ ПИСАТЕЛЕЙ ФОСП

27 ноября—10 ч. 45 м. — диктофонный просмотр новой кинофильмы Украинфильм «Их улица».

27 ноября—18 ч. — Инж. Бетонерная 6 техника.

27 ноября—10 ч. утра — всесоюзный с'езд эсперантистов.

27 ноября—17 ч. 30 м. — общее собрание всех записавшихся в мастерскую художественного чтения.

27 ноября — 18 ч. — О. Брик. Продолжение доклада о поэзии.

27 ноября—18 ч. 30 м. — выпуск куреятов-руководителей литкружков МАПП и творческий вечер. Выступают: Плавалин, Кетлинская, Сахаров и др.

29 ноября — 18 ч. 45 м. — повторение вводника художественного чтения В. И. Качалова (Л. Толстой, Достоевский, Пушкин, Блок, Маяковский Багрицкий, Тихонов).

29 ноября — 18 ч. — спектакль малых форм СРП для рабочих клуба «Арматурка».

29 ноября — 19 ч. — кружок переводчиков Руководитель Б. А. Грифцов.

30 ноября — 18 ч. — открытие пленума РАПП.

30 ноября — 19 ч. — кружок «Кольчуга».

30 ноября — 19 ч. — кружок переводчиков Руководитель Роскин.

1 декабря — 10 ч. утра — пленум РАПП.

1 декабря — 19 ч. 30 м. — образцово-показательного литкружка МОПКИ.

ОПЕЧАТКА

В прошлом номере «Литгазеты», в заметке «Заводские библиотеки для иностранных рабочих» вкралась опечатка. Следует читать: «библиотека обслуживает иностранной литературой до 20 переплетчиков в Москве и 148 переплетчиков на заводах и новостройках Союза».

Ответственный редактор: А. СЕЛИВАНОВСКИЙ.

РЕДКОЛЛЕГИЯ: Н. Асеев, С. Динамов, И. Жига, П. Ильинский, И. Катаев, Г. Кренев, Н. Огнев, А. Селивановский, И. Сельвинский, М. Слонимский.

ИЗДАТЕЛЬ: Журнально-газетное об'единение.

МУЗГИЗ Москцентр ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1932 год НА ЖУРНАЛЫ:

СССР НА СТРОЙКЕ

Ежемесячный журнал фотоиллюстрированного показа тов

Журнал по редактором фото показывает громадный размах строительства, сознательного пролетариата в Стране советов. В 1932 г. выйдет 12 номеров, «СССР на стройке» выходит в четырех изданиях: русск., английск., немецк. и французск.

Подписн. цена: год — 15 р., 6 м. — 7 р. 50 к.

Отдельный номер — 1 р. 50 к.

Журнал печатается способом ротационной печати на роскошной глянцевой бумаге. Лучшие фотокорреспонд., журналисты и художн. участвуют в журн. «СССР на стройке».

ЗА РУБЕЖОМ ТОРГОВЛЯ И ИСКУССТВО

Двухнедельный массовый иллюстрированный журнал (Орган Российской ассоциации пролетарских музыкантов (РАПМ).

Подписная цена: год — 7 р. 50 к., 6 месяцев — 3 р. 75 к.

Цена отдельного номера — 25 коп.

СОВЕТСКИЕ МУЗЕИ

Двухмесячный журнал, единый в своем роде, не имеющий музейной работы (Музеи Востока и Музеи изящных РСФСР).

Подписная цена: год—6 р., 6 м.—3 р.

Цена отдельного номера 1 р. 20 к.

Подписка в принимается во всех местных отделениях и магазинах Книгоцентра, их уполномоченными, а также на местах

Уполном. Главлита В 10330. Типография (22) тип. «Мосполиграф», пр. им. Свердлова-Степанова, д. 5.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Орган Федерации об'единений советских писателей РСФСР

МОСКВА 3 ДЕКАБРЯ 1931 г. № 65 (164)

РЕДАКЦИЯ: Москва, Тверской б. 25, Дом Герцена. Телефон 2-80-12.

ИЗДАТЕЛЬСТВО: Журнально - газетное об'единение: Москва, б. Страстной бульвар 11. Телефон 5-51-69.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА НА 1932 г.
На 12 м. 3 р. 60 к.
На 6 м. 1 р. 80 к.
На 3 м. — р. 90 к.

СОЗДАДИМ МАГНИТОСТРОИ ПРОЛЕТАРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ!

РЕШИТЕЛЬНОЕ УСКОРЕНИЕ ТЕМПОВ ПЕРЕСТРОЙКИ ПРОЛЕТАРСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ДВИЖЕНИЯ — ОСНОВНАЯ ЗАДАЧА РАПП

ЗДЕСЬ НУЖНО НЕ ДИСКУССИРОВАТЬ, А ДРАТЬСЯ!

Письмо т. Сталина в редакцию журнала «Пролетарская революция» «О некоторых вопросах истории большевизма» ставит перед коммунистами, работающими на теоретическом фронте, ряд важнейших задач.

Письмо написано по поводу напечатания в дискуссионном порядке статьи Слуцкого под названием «Большевики о германской социал-демократии в период ее предвоенного кризиса». В этой статье Слуцкий, клевеща на большевизм и извращая историю партии, пытался «доказать», что Ленин в довоенный период недооценивал опасности центризма. «Итак этом,— пишет т. Сталин,— предоставляется неискушенному читателю догадываться, что Ленин, стало быть, не был еще тогда настоящим революционером, что он стал таковым лишь после войны, после того, как «перевооружился» при помощи Троцкого».

Разоблачая клевету Слуцкого, т. Сталин пишет: «Троцизм есть передовой отряд контрреволюционной буржуазии.

Вот почему либерализм в отношении троцизма, хотя бы и разбитого и замаскированного, есть попустительство, граничащее с преступлением, изменой рабочему классу.

Вот почему попытки некоторых «литераторов» и «историков» протащить контрабандой в нашу литературу замаскированный троцистский хлам должны встречать со стороны большевиков решительный отпор.

Вот почему нельзя допускать литературную дискуссию с троцистскими контрабандистами».

И обращаясь в редакцию журнала «Пролетарская революция» и указывая на то, что выступление Слуцкого является не единичным фактом, т. Сталин пишет: «Задача редакции состоит, по-моему, в том, чтобы поднять вопросы истории большевизма на должную высоту, поставить дело изучения нашей партии на научные, большевистские рельсы и заострить внимание против троцистских и всяких иных фальсификаторов истории нашей партии, систематически срывая с них маски».

Основные положения письма т. Сталина, разумеется, касаются не только историков нашей партии (хотя к ним они обращены непосредственно), но и всех коммунистов, работающих на идеологическом фронте и разрабатывающих теоретические проблемы. «Прозные интересы большевизма» (Сталин) требуют от них повышения большевистской бдительности, усиления большевистской непримиримости по отношению ко всем теориям и концепциям явно или замаскированно — буржуазного, антимарксистского, оппортунистического характера, — усиления большевистского огня по всем и всяческим проявлениям «гнилого либерализма». Письмо т. Сталина, выдвигающее требование усиления борьбы за партийность в теории, имеет прямое отношение к коммунистам-историкам, и к коммунистам-экономистам, и к коммунистам-литературоведам.

Под этим углом зрения надо еще и еще раз проверить теоретическую работу в области искусства и литературы, проверить всю практику работы писательских организаций, литературных органов печати и художественных издательств. Все ли здесь благополучно? Нет ли здесь щелей, сквозь которые проникает классовый враг? Нет ли у нас фактов «гнилого либерализма»?

Бесспорно, что в области литературной теории за последнее время имеется ряд достижений, идущих по линии разоблачения и идейного разгрома буржуазных, антиленинских теорий. Бесспорно, что в этом отношении ряд крупнейших заслуг принадлежит боевой организации пролетарской литературы — РАПП (и ВОАПП), а за последнее время и кадрам марксистских литературоведов, об'единенных вокруг ЛИИ Комакадемии в Москве и Ленинграде. Бесспорно, что характернейшей чертой всей истории пролетарского литературного движения была сочетающая нетерпимость к классово-враждебным теориям и влияниям. Но в то же время можно без преувеличения сказать, что едва ли не наиболее неблагополучным участком, на котором наиболее часты прорывы классово-враждебных сил и проявления «гнилого либерализма», является фронт литературы и искусства. Эти прорывы в значительной степени становятся возможными ввиду утраты существа партийности в борьбе на идеологическом фронте со стороны отдельных коммунистов, работающих в литературе и искусстве, а также и отдельными случаями ослабления классовой бдительности со стороны некоторых работников РАПП. А между тем активный напор буржуазной агентуры требует здесь максимального усиления борьбы за партийность.

Письмо т. Сталина заострает внимание на борьбе с «троцистскими» контрабандистами, с агентами передового отряда контрреволюционной мировой буржуазии. В области литературы еще не разоблачены до конца троцистские и полутроцистские теории, которые, опираясь на идейный фундамент троцизма, дают антиленинское понимание культурной революции, антиленинскую схему развития русской (или иной) литературы, антиленинскую трактовку ряда литературных явлений. Нет например никакого сомнения в том, что теоретики типа Горбачева в своей теоретической работе непосредственно опираются на троцистскую методологию. Нет никакого сомнения в том, что более глубокий анализа литфронтовской теории обнаружит соприкосновение ее с методологией троцизма в некоторых существенных пунктах. Нет никакого сомнения в том, что литературный троцизм — в методологии, в истории литературы, в конкретной критике—является разновидностью меньшевизма, уже разоблаченного в значительной мере партией также и в области литературы. Влияние меньшевизма проявляется и проявлялось в литературной теории и в других формах, иногда с необычайной силой; достаточно например вспомнить, что основным препятствием в разоблачении руководством РАПП меньшевистской системы проф. Переверзева была группа коммунистов, в то время не только не позволявших себе «добрососедских» дискуссировать со своим «учителем», но и апологетически принимавших его учение. Здесь налицо место уже не гнилой *либерализм*, здесь налицо была явная капитуляция перед литературным меньшевизмом. Влияние меньшевизма в литературной теории проявлялось и проявляется у отдельных теоретиков также и в апологетическом отношении к плехановскому наследству, в сопротивлении борьбе за ленинизм в литературоведении.

Вот почему и коммунистам, работающим на литературном фронте, в полной мере применимы слова т. Сталина о необходимости заострить внимание против троцистских и всяких иных фальсификаторов, систематически срывая с них маски.

В равной мере применимы здесь и слова т. Сталина о гнилом либерализме. С этой разновидностью об'ективного пособничества классовому врагу в искусстве, классово-враждебным пролетариату теориям и произведениям литературы приходится до сих пор встречаться нередко. Речь идет о таких фактах, когда считается допустимой (и даже необходимой!) сожительство «академической» дискуссии с насквозь буржуазными теориями. Речь идет о таких фактах, когда редакция—даже органов пролетарской литературы!—предоставляют место таким произведениям, которые не вызывают сомнений в их классово-враждебной направленности (одним из последних проявлений такого гнилого либерализма являются известные случаи с напечатанием в ленинградском журнале «Ленинград» «Гугенота из Теребенки» В. Праздухина или кулацкой хроники А. Платонова «Впрок» в «Красной нови»). Речь идет о таких фактах, когда советские издательства пропускают заведомо реакционные, буржуазные, троцистские художественные произведения, не понимая или не придавая значения всей остроте классовой борьбы на литературном фронте.

Мы должны помогать тем, кто пытается приблизиться к позициям диалектического материализма, покидая свои прежние, враждебные марксизму-ленинизму позиции. Мы должны всячески поддерживать тех писателей, в творчестве которых в прошлом проявлялось давление буржуазной идеологии и которые сейчас, в связи с общими успехами социалистической революции, безусловно (или пытаются совершить) решительный поворот в сторону пролетариата. Но мы в то же время должны дать непримиримый отпор всем выпадам идеологов отживающих эксплоататорских классов в литературе и литературной теории, срывая с них маски и разоблачая гнилой либерализм по отношению к ним.

Международное об'единение революционных писателей (МОРП) явилось застрельщиком в осуществлении выводов из письма т. Сталина на своем участке работы. Здесь почин МОРП приобретает особенно большое значение в свете подчеркивания в письме т. Сталина международного характера большевизма и значения опыта классовой борьбы пролетариата СССР для всего международного пролетариата. В этом же направлении должны проверить планы своей работы прежде всего РАПП (и ВОАПП) и ЛИИ Комакадемии.

За большевистскую нетерпимость к троцистским и всяким иным литературным контрабандистам!

КАКОЙ ОЧЕРК НУЖЕН БОЛЬШЕВИСТСКОЙ ПЕЧАТИ

НА ВТОРОМ СОВЕЩАНИИ ПИСАТЕЛЕЙ-ОЧЕРКИСТОВ И ПОЭТОВ В „ПРАВДЕ"

30 ноября редакция «Правды» созвала второе производственное совещание писателей, очеркистов и поэтов.

Ответственный секретарь «Правды» т. Л. Мехлис в своем докладе ознакомил писателей с общими установками плана работы редакции «Правды» на ближайшие месяцы и с задачами очеркистов, вытекающими из этого плана.

Писатели должны дать в порядке показа итогов хозяйственного года такие очерки, которые послужили бы материалом к предстоящей всесоюзной партийной конференции. Писателям, очеркистам надо помочь газете и в проработке народно-хозяйственного плана на 1932 год. Группа очеркистов могла бы, например, выехать на длительный срок в колхозы и детально проработать производственный план того или иного колхоза на 1932 г. Внимание писателя должна привлечь и такая важная проблема, как нерентабельность второй пятилетки. Все эти задачи надо глубоко и серьезно осмыслить, чтобы содержание очерков было подлинно на большую принципиальную высоту.

Второе производственное совещание есть начало работы над об'единением лучших писательских сил вокруг ЦО партии. Редакция «Правды» об'единяет и организует коллектив работников теоретического фронта. При редакции создана специальная комиссия по теоретическим вопросам.

— Редакция «Правды» еще ближе подходит и к литературным вопросам,— говорит далее т. Мехлис. — РАПП — основная организация, проводящая линию партии в вопросах литературы. Проведенная дискуссия показала, что на этом фронте еще не изжиты ошибки теоретического порядка. Пролетарская литература и литературная критика еще не взяты под огонь большевистской самокритики. Редакция «Правды» усилит критическую работу, являющуюся наиболее слабым звеном на фронте литературы. «Правда» организует читательские бригады для оценки критической работы остальных журналов и газет. «Правда» будет помещать критические обзоры произведений пролетарской и попутнической литературы.

Редакция ЦО партии предъявляет счет писателям, очеркистам. За два месяца (со дня первого производственного совещания) в «Правде» напечатано 40 очерков. Нельзя сказать, что большинство из них было на достаточной высоте.

Надо привлечь больше пролетарско-колхозных писателей для широкого отображения в ЦО процессов реконструкции сельского хозяйства. Борьба за качество очерков — основная задача сегодняшнего совещания.

Развернувшиеся по докладу т. Мехлиса широкие прения в основном касались вопросов методов работы писателя, очеркиста и поэта в «Правде» и проблемы качества очерка.

А. Серафимович указал, что очерк должен брать кусок жизни, должен содержать конкретные факты. Между тем, ряд писателей работает «с налета». Нужна не только специализация, но и постоянная связь писателя, очеркиста с тем предприятием, колхозом, совхозом, который он описывает.

— Опыт двухмесячной работы «Правды» с очеркистами показал, что намеченный план в основном (в количественном отношении) выполнен — говорит тов. Б. Резников. — Однако ряд областей и вопросов, намеченных планом ЦО, мы не выполнили, т. к. писатели не дали высоко-художественных очерков на нужные темы. Основной недостаток очерков, напечатанных в «Правде»,—они расплывчаты, в них нет целеустремленности, взяты их недостаточно художественно. Мы требуем от писателей не только художественных очерков, но и критических статей и заметок.

— Писатели-очеркисты еще не разработали ни одной проблемы, выдвинутой т. Сталиным и речи на совещании хозяйственников — отмечает т. Б. Гиляни. — Эти проблемы надо отображать в художественных очерках на страницах «Правды».

Выступавшие в прениях товарищи говорили о том, что писатель должен бороться за культуру языка в газете. Надо привлечь писателя к литературе на благо газетного материала (С. Третьяков). Поэты, наряду с писателями, должны включиться в повседневную работу «Правды». Поэтам надо давать специальные задания и включить их в бригады «Правды» (А. Безыменский, С. Кирсанов). На страницах «Правды» должны найти место очерки на международные темы (Д. Заславский).

В прениях выступили также тт. Ивбах, Дорогойченко, Батрак, Элей, Агапов, Новиков и др.

***

Производственное совещание заслушало доклад В. Ставского об опыте его творческой работы.

Выступивший в прениях т. Панферов остановился на вопросе изучения писателем конкретной революционной практики.

Выступивший затем М. Кольцов указал, что писатели, которые хотят пойти работать в газету, должны овладеть методами журналистской работы. В писательской практике надо выработать такую методику, которая помогла бы писателю быстро и художественно реагировать на злободневные темы.

А. КР—В

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ФРАКЦИИ ВКП(б) ЦС ЛОКАФ ОТ 27 НОЯБРЯ 1931 г.—О СТАТЬЕ т. МЕХЛИСА В «ПРАВДЕ»

Согласиться со статьей т. Мехлиса в «Правде» от 24 ноября, в основном правильно отмечающей ошибки РАПП и излагающей задачи ее перестройки.

О ЗАДАЧАХ ЛОКАФ В СВЯЗИ С ИТОГАМИ ПОСЛЕДНЕЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ДИСКУССИИ

РЕЗОЛЮЦИЯ ФРАКЦИИ ВКП(б) ЦС ЛОКАФ

Заслушав сообщение т. Ставского и обсудив итоги последней литературной дискуссии, фракция ЦС постановляет:

1. Согласиться со статьей т. Мехлиса («Правда» № 328), подводящей итог дискуссии и правильно намечающей задача перестройки работы РАПП.

2. РАПП, являющаяся основным проводником партийной линии в литературе, добилась значительных успехов в борьбе за гегемонию пролетарской литературы, за большевистскую литературную политику. Разоблачение вредовщины, перверзианства, литфронтовщины и их рецидивов, борьба за диалектико-материалистический художественный метод—способствовали теоретическому росту основных кадров пролетарской литературы, завоеванию пролетарским отрядом ведущей роли в советской литературе, идейному размежеванию в лагере попутчиков и выделению его левого крыла. Приход ударников в литературу является ярким показателем этих успехов РАПП.

Однако в ходе последней дискуссии с полной ясностью выявилось недопустимое запаздывание с перестройкой работы РАПП, в соответствии с задачами и требованиями реконструктивного периода и с быстрым ростом культурных запросов широких трудящихся масс, недопонимание отдельными товарищами из руководства РАПП задач этой перестройки. Запаздывание выражалось прежде всего в недостаточном развертывании самокритики внутри РАПП, в недостаточном развертывании творческой дискуссии и творческого соревнования в пределах единой партийной линии, в элементах администрирования и групповщины в работе РАПП. Руководство РАПП не сумело обеспечить достаточного развития творческих течений среди пролетарских писателей, создания необходимой товарищеской атмосферы для отдельных творческих групп. Оно не вскрывало по-настоящему крупных ошибок, допущенных отдельными товарищами на руководства РАПП (лозунг «Осемьянивания» Киршона, лозунг «догнать и перегнать достижения художественной литературы буржуазии», ошибочные высказывания по вопросу о творческом методе товарищей Либединского, Ермилова и т. д.).

3. Важнейшая задача руководства РАПП на данном этапе — повышать решительную перестройку рационной работы, развернуть самокритику, обеспечить развертывание творческой дискуссии, рост творческих группировок, ликвидацию элементов администрирования и групповщины, создание пролетарской литературной среды. Именно в перестройке работы по-новому, в соответствии с возросшими требованиями к пролетарской литературе, и заключается основной смысл последней дискуссии.

Необходимо с еще большей настойчивостью и последовательностью разоблачать буржуазные и мелкобуржуазные влияния в пролетарской литературе, еще шире развернуть работу по переосвоению лучших кадров попутничества и разоблачению новобуржуазных и кулацких вылазок в литературе.

Фракция считает, что уроки и выводы дискуссии требуют критического пересмотра своей работы каждой из организаций советских писателей и что указания о необходимости перестройки и ее путях, данные «Правдой» в отношении РАПП обязательны для ЛОКАФ (с учетом особенностей ее работы, как литературной организации особого типа).

4. За полтора года своей работы ЛОКАФ вырос в массовую литературную организацию, развернул широкое литературное движение в Красной армии и флоте, провел в писатели ряд ударников в литературу, и объединил значительную часть советских писателей на дело художественного отображения задач обороны, боевой политической учебы Красной армии. Организация двух литературных журналов, выпуск ряда альманахов и сборников на оборонные темы, начало творческой мобилизации и появление ряда произведений о Красной армии сегодняшнего дня, широкое привлечение писателей на тактические занятия и маневры, рост движения ВОПРИ, в виде создания многочисленных организаций ЛОКАФ на местах — знаменуют продолжающийся рост локафовского движения.

Однако на современном этапе со всей силой обнаруживается отставание ЛОКАФ от современных требований социалистического строительства в укрепления обороны СССР, налаживание и перестройке работы, отставание в руководящей работе, особенно со стороны ЦС ЛОКАФ.

Фракция признает недостаточным развертывание самокритики в организации — ряд крупнейших вопросов локафовской работы не ставился на широкое обсуждение членов организации и кружковых кружков. В руководящую работу недостаточно вовлекались молодые и растущие кадры организации.

Фракция отмечает слабое внимание к развертыванию творческих дискуссий в ЛОКАФ и в особенности отставание на низкий уровень конкретной критики. Ряд произведений писателей попутчиков, ставивших проблемы войны в военной опасности, освещавших историю гражданской войны, ранее как и уже довольно значительное число произведений молодых локафовских кадров — не нашли должной марксистско-ленинской оценки. Не развернута беспощадная борьба с проявлениями красной халтуры и приспособленчества в произведениях с военной тематикой. Все еще недостаточен отпор рембрандту и пацифистским тенденциям в произведениях отдельных писателей, равно как и прямым извращениям классовой природы и интернациональной сущности Красной армии. Научная разработка проблем художественной литературы о войне и военной опасности, работа по освоению кадрами советского писательства марксистско-ленинского учения о войне — находится в зачаточном состоянии. Имеющиеся произведения о Красной армии и флоте сегодняшнего дня, о работе нацсектора, партотделения, комсомола не стоит еще на уровне современных требований слабо развернута работа по показу героев-ударников Красной армии и флота. ЛОКАФ как организация, принимает крайне недостаточное участие в создании истории гражданской войны.

Творческая мобилизация писателей, являющаяся почти в крайне положительным опытом планирования творчества, была проведена ЦС без достаточной целеустремленности, что особенно выразилось в недостаточном привлечении в творческую мобилизацию рапповского ядра писателей и в некритическом привлечении к мобилизации отдельных писателей, отходящих в лагерь буржуазной литературы, что является политической ошибкой.

Фракция считает недостаточными темпы развертывания прихода ударников в литературу. Руководство работой по воспитанию ударников и их творческим ростом все еще неудовлетворительно. Локафовские кружки в армии еще не имеют удовлетворительной программы, не поставлено изучение и направление творчества кружковцев.

Наконец недостаточна в работа ЛОКАФ среди кадров международной революционной литературы, имеющая первостепенное значение.

Фракция отмечает также отставание органа ЦС — журнала «ЛОКАФ» от растущих запросов литературного движения Красной армии и флота.

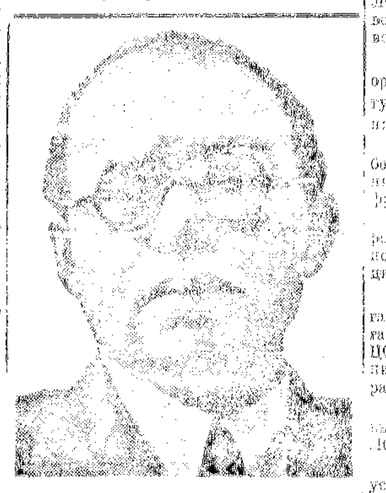
5. Исходя из задач перестройки работы, в соответствии с новыми требованиями к художественной литературе, фракция ЦС считает необходимым:

а) В середине января созвать расширенный пленум ЦС ЛОКАФ, посвященный началу, на основе настоящей резолюции, широкую подготовку к нему.

б) Поставить перед руководящими организациями и РАПП вопрос о безотлагательной необходимости укрепления ЦС и республиканских организаций минимумом освобожденных руководящих работников.

в) Пересмотреть под углом зрения новых задач значений плана работы ЦО ЛОКАФ.

6. Фракция ЦС считает необходимым усиление внимания со стороны ВОАПП и РАПП к вопросам растущего литературного движения в Красной армии и флоте, особенно по линии организации развернутой оценки прихода ЛОКАФ со стороны рапповской критики, выделения руководителей языковых кружками ЛОКАФ и оказания практической помощи по первоочередному выдвижению лучших кадров писателей-ударников.



ШАНДОР ГЕРГЕЛЬ

Шандор Гергель, один из выдающихся венгерских пролетарских писателей, после долголетней нелегальной работы в фашистской Венгрии приехал в СССР. Всесоюзная секция ИАПН торжественно приняла его в свои ряды.

БОРОТЬСЯ ЗА НОВЫЙ ТИП ПИСАТЕЛЯ

Через два дня открывается московская профессиональная писательская конференция, которая подытожит проведенную реорганизацию профработы среди писателей и наметит новый поворот. Задание всей конференции выходит за пределы очередной перевыборной кампании (которая сама по себе является большим политическим событием), она определяется тем практическим новым, что уже внесено в организационные формы профработы среди писателей и что мы должны внести в ее содержание.

Профессиональные союзы СССР, после смены «бухгалтерского» руководства, провели огромную работу по перестройке всех форм и методов работы. Они энергично и успешно реализуют указания XVI съезда партии, отчетливо сформулировавшего задачи профсоюзов в реконструктивный период. Всемерное развитие соцсоревнования и ударничества, активное участие в улучшении производства и выполнении промфинплана, повседневная передовая работа в руководстве своей производственной жизнью, работа с низшими кадрами рабочих, марксистско-ленинское воспитание миллионных сознательных масс, развертывание работы по улучшению бытовых условий трудящихся, повседневное участие во всем социалистическом строительстве, на каждом его участке и т. д.—вот какое содержание сегодняшней работы профорганизаций. Под руководством партии, в борьбе на всех фронтах перестройки решительно преодолевается имевшее место отставание.

Но коснулась ли эта перестройка писательской профорганизации? До самого последнего времени — нет. Мы имели жалкую оборонческую профорганизацию, оппортунистически «благополучную» прикрывавшую полнейшее игнорирование всех важнейших задач перестройки. Нечего и говорить о том, что не чувствовалось вовсе бы то ни было лозунга профорганизации по обслуживанию культурных, т.-е. производственную жизнь. По сей же линии сколько-нибудь удовлетворительно своих задач и в области бытового обслуживания писателей, общеполитических мероприятий и т. д. Следствием этого и явилась так называемая «водяная» реорганизация литорганизациями (ФОСП и др.).

Сейчас, в результате общественной критики работы бывшего месткома писателей (в том числе со стороны «Литературной газеты») наметились отчетливые сдвиги в профработе среди писателей. К ним должны быть отнесены мероприятия месткома в горком писателей, создание целевых производственных ячеек, развертывание работы по улучшению бытовых условий писателей.

Однако, совершенно очевидно, что это только начало. Пролетка в основном организационная перестройка, предстоит коренное изменение содержания работы.

Так понимает дело и сам горком писателей (см. статью т. Лящевича на 4 стр.), правильно намечающий основные мероприятия по развертыванию профработы среди писателей.

Из этих мероприятий и складывается новое содержание. Оно должно состоять в решительном повороте горкома писателей и его целевых ячеек лицом к производству, к творческой работе писателя, к издательствам и т. д.

Совершенно очевидно, что задачи горкома писателей не могут быть в своей основе отличными, во-первых, от задач всех профсоюзов и, во-вторых, от задач ФОСП. Борьба за линию партии в литературе, за большевистскую искусстве, за действительную реорганизацию, на основе решений ЦК, издательской работы—вот лозунги должны быть в определенной мере интегрированы в практику горкома писателей. Она, эта практика, должна состоять из целой системы мероприятий, направленных к повышению качества художественной книги.

Большая роль принадлежит горкому в деле работы с попутчиками и союзниками их общественной активизации. Горком писателей должен развивать в писательской среде новые социалистические формы труда—соцсоревнование и ударничество, бригады и т. д. Борьба за новый тип писателя—основная задача нашей профорганизации.

Из писателей, солидных общественников-середняков, борющихся за новый тип писателя, должны черпаться кадры актива, они должны составить руководящее ядро и т. д.

Развертывать работу по улучшению материально-бытовых и культурных условий писателей горком должен на основе тех же принципов, которые приняты на каждом социалистическом предприятии нашей страны. Бороться против уравниловки и обезлички в области труда! Организовать первоочередное и преимущественное снабжение, удовлетворение жилищем и пр. наиболее творчески ценных писателей, писателей-ударников и общественников!

Задача горкома писателей—добиться на своем участке реализации шести условий т. Сталина.

Перестраивающаяся профорганизация должна занять свое прочное и передовое место во всей литературной жизни. Помощь, помощь, но подмена литературных и постоянно учитывая свои отличия). Литературные организации (в первую очередь—ФОСП и РАПП), должны пер улучшение явно недостаточное внимание профработе среди писателей, и проявление обязательно недооценку этой работы, должны на деле исправить свою ошибку действенной помощью горкому писателей.

МАПРИ ОРГАНИЗУЕТ РАБОТУ С ПИСАТЕЛЕМ

МАПРИ реализует постановление ЦИК и СНК РСФСР о совместной работе с органами печати.

29 ноября в МАПРИ было проведено совещание писательского актива с выступлениями с докладом член президиума МАПРИ и руководитель селькоровской группы МАПРИ тов. Афанасьева указал на необходимость художественного показа в литературе лучших образцов работы колхозов и совхозов. Сельскохозяйственная группа МАПРИ решила выпустить на писателя и председателя правления ВССП (в декабре 1931 г.) серию писем, в которых должны быть отображены все лучшие образцы. МАПРИ организует ряд писательских бригад, в которые будут включены и начинающие колхозные писатели-селькоры.

При МАПРИ организуется группа писателей-рецензентов пролетарско-колхозной литературы. Писатели должны будут давать отзывы о художественном материале, помещаемом в различных газетах, и выпускаемых литературных брошюрах о колхозах и колхозах.

В заключение т. Афанасьев сообщил, что или Мостартком писателей и ФОСП МАПРИ создает свой контрольный пост.

Отметив большое значение организации контрольного поста, писатели (Слепнев, Громан, Шильдкрет, Кругов, Лавцов и др.) указали, что этот пост должен не только стоять за выполнением этого рода работ литорганизации, но и указывать какие писательские организации о необходимости перестройки и контролировать работу писателя и Мостарткома в области издания и содержания книги.

Совещание признало необходимым влить в организуемые бригады МАПРИ писательский актив.

ОТКРЫТИЕ ПЛЕНУМА ПРАВЛЕНИЯ РАПП

Вчера вечером, в переполненном зале клуба писателей им. Горького, открылся V пленум правления РАПП.

Отчет о работе пленума будет дан в следующем номере «Литературной газеты».

***

Пленуму правления РАПП предстоит принять развернутую резолюцию о задачах и путях перестройки РАПП. Резолюция будет помещена и «Л». Основные положения резолюции секретариата РАПП от 21 ноября, о которой мы сообщали в предыдущем номере, войдут в проект резолюции пленума.

КОНФЕРЕНЦИЯ МИНСКОЙ АПП

В Минске состоялась конференция пролетписателей. Повестка дня конференции—доклады: «IV год пятилетки и задачи пролетарской литературы», «Состояние пролетарской литературы и задачи минской АПП», «Первые результаты приема ударников в литературу», «Показ героев пятилетки в белорусской пролетлитературе».

С большой речью о перестройке работы ВОАПП и РАПП выступил т. Бучацидзе. По поручению секретариата МАПРИ конференцию приветствовал т. Фридман, подчеркнувший опыт московской ассоциации и рассказавший о мероприятиях в области перестройки работы МАПРИ.

К открытию конференции выпущены: сборник произведений 15 рабочих авторов и специальные страницы в заводских газетах на белорусском и еврейском языках. Организована выставка минской АПП.

МАПРИ ВКЛЮЧИЛСЯ В СМОТР КОМСОМОЛЬСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Секретариат МАПРИ, обсудив вопрос о включении в творческий смотр комсомольской литературы, поставивший председатель Б. Кузьмин, В. Залесский, М. Коган и др. Бригада критиков совместно с литотделом «Комсомольской правды» организовала совещание, на котором намечен конкретный план работы бригады. Райпавтам бюро поручено проработать вопросы смотра на литкружках и на собраниях районных творческих активов. Творческому об'единению МАПРИ «Молодая гвардия» поручено установить связь с литотделом газеты «Комсомольская правда», кабинету ударника, МАПРИ — организовать большой вечер и выставку, посвященные смотру. Решено также мобилизовать на проведение смотра кружки критики при журналах «На литературном посту» и «Рост» и сектор критики при творческом об'единении «Молодая гвардия».

Решение секретариата МАПРИ частично уже реализовано. Создана бригада критиков (из 15 человек), в которую в числе других вошли тт. Е. Трощенко, А. Корабельников, С. Кирьянов, всех организациях РАПП и РОПКП.

«И. Г. В.»

В Секретариат ЦС ЛОКАФ признал, что работа по собиранию материалов для «ИГВ» проводится отделениями ЛОКАФ медленно и бесплановано. Для преодоления отставания ЦС ЛОКАФ предлагает широко развернуть призыв участников гражданской войны—красноармейцев и партизан, проводящихся в частях Красной армии и во

ДЕСЯТИЛЕТИЕ ИНСТИТУТОВ КРАСНОЙ ПРОФЕССУРЫ

ТОРЖЕСТВЕННОЕ ЗАСЕДАНИЕ В БОЛЬШОМ ТЕАТРЕ

Первого декабря в Большом театре состоялось торжественное заседание, посвященное десятилетнему юбилею ИКП.

Бурными аплодисментами собравшиеся институты встретили бессменного своего руководителя академика М. Н. Покровского. В президиум собрания избраны тт. Покровский, Стецкий, Кнорин, Ярославский, Лепсеевич, Уханов, Осецьев, Малютин, Дзенис, Адоратский, Лумачарский и др. Избрание почетного президиума в составе тт. Сталина, Молотова, Кагановича, Постышева, Орджоникидзе, Куйбышева и др. вызвало горячую овацию.

— Возникновение ИКП, — сказал в своем докладе т. Поволоцкий, — было чрезвычайно последовательным шагом партийной политики. Еще в далекое дореволюционное время партия создавала кружки пропагандистов. Дальнейшее развитие этого дела привело к созданию нескольких партийных школ за границей (на острове Капри, возле Парижа). После революции многочисленные ряды

за ликвидацией фронтов гражданской войны, встал вплотную вопрос о создании школы пропагандистов высшей квалификации — института красной профессуры.

С восьмидесяти человек студентов первого приема ИКП вырос и сегодняшнему дню в 30 раз — до 2.400 чел. Соответственно выросла также научно-литературная продукция институтов.

ИКП пришлось выдержать ряд крупнейших теоретических дискуссий с троцистами, правыми оппортунистами право-левацким блоком, меньшевиствующей рубинщиной, деборинщиной и двумя всякими антиленинскими теориями. Институты вышли с честью из этих боев и являются крепким оплотом партии.

Институты начинают занимать передовые места не только в области теории, но и в области практики социалистического строительства. Сочетание теории и практики—прочная основа правильного проведения линии нашей партии.

— ИКП, — сказал выступавший с приветствием от имени Наркомпросса т. Бубнов, — боевой отряд большевистской науки и большевистской революционной теории.

Собрание заслушало приветствия от рабочих делегаций завода «Серп и молот» и Трехгорной мануфактуры, а также от политпредприятий отдельных академий. Кроме того поступили письменные приветствия от ВЦСПС, Академии наук СССР, Белорусской академии наук и др.

С БОЛЬШОЙ ПРИВЕТСТВЕННОЙ РЕЧЬЮ ОТ ИМЕНИ ЦК ВКП(б) ВЫСТУПИЛ ТОВ. КАГАНОВИЧ. Собрание постановило послать приветствие ЦК ВКП(б) и его вождю т. Сталину, ИККИ, МК ВКП(б), РККА, СНК и ЦИК СССР, ВЦСПС, а также редакциям газеты «Правда» и журнала «Большевик».

(ТАСС)

БЕЗ БОЛЬШЕВИСТСКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ТЕОРИИ НЕТ БОЛЬШЕВИСТСКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ПРАКТИКИ

К УРОКАМ ДИСКУССИИ

«В моих ошибках нет ничего исключительного: они характерны в наше время не только для меня лично, но и для ряда других товарищей. В том-то и дело, что наши ошибки не индивидуального происхождения. В них обнаруживаются столкновения тех воззрений, которые многие из нас восприняли от литературных теорий старого порядка, с теми новыми требованиями, которые предъявила нам пролетарская идеология. Изучающиеся нами факты нашей быстро имеют существенные поправки (!!—А. С.) в наше сознание,—это процесс необходимый и неизбежный. Поэтому-то я и подчеркиваю, что мои ошибки так же, как и наши ошибки не индивидуальные, это ошибки той интеллигентской прослойки, которая существует в нашей партии» (курсив мой—А. С.).

Так говорит Вячеслав Полонский в одной из своих речей, произнесенных на дискуссии в московском отделе ВССП («Новый мир», № 10). Отложим разбор этих речей в целом до более подходящего случая. Разберем мысли Полонского о характере его ошибок. Эти мысли приобретают особое значение в свете борьбы за марксо-ленинскую чистоту литературной теории, в свете борьбы за ленинское литературоведение, в свете борьбы за подъем теоретической мысли пролетарского литературного движения на новую, высшую ступень, в свете борьбы с гнилым либерализмом в теории и практике.

Как мы, непостовцы, ставим вопрос о теоретических ошибках, об извращениях марксизма-ленинизма, об антиленинских концепциях в литературной (как и всякой иной) теории? Мы выясняем прежде всего истоки тех или иных ошибок, мы устанавливаем их объективный смысл, мы определяем, куда они растут,—тем самым мы определяем масштаб ошибок и степень их опасности.

Попытался ли это сделать Вяч. Полонский в своих выступлениях? Попытался весьма оригинально, приняв все меры, чтобы устранить даже тень большевистской самокритики, чтобы узаконить свои ошибки и объявить их неизбежными,—чтобы возложить ответственность за них на часть партии,—чтобы тем самым увильнуть от ответственности.

Не ошибается тот, кто ничего не делает. Эти правильные слова Полонский использовал для создания целой теории неизбежности ошибок. Все ошибаются,—и я, Полонский, вместе с ними. В другой своей речи, помещенной в том же номере «Нового мира», Полонский замечает: «говорим ли мы о моих ошибках или ошибках Селивановского, или чьих-нибудь,—безразлично,—мы приходим к заключению, что критики без ошибок нет. Так что с этой стороны можно было бы сказать, что в известном смысле история критики есть история ошибок.

Но кто же ответственен за ошибки Полонского? Оказывается,—не большие, не меньше—интеллигентская прослойка, которая существует в нашей партии. Трудно себе представить более чудовищную клевету на большевистскую идеологию. Само собой разумеется, что в рядах интеллигентской прослойки в нашей партии находятся такие элементы, которым сродни ошибки Вяч. Полонского. Но почему за деятельность Вяч. Полонского должна отвечать старая гвардия большевистской интеллигенции—почему за них отвечает молодая большевистская интеллигенция, борющаяся за линию партии на всех фронтах—и в области идеологии в том числе? Так на каком же основании привешен за их спину гнилой либерал в литературе—Вячеслав Полонский?

За последнее время партия через свой ЦО указала на ряд слабых мест в работе РАПП. Как известно, руководство РАПП состоит в своем огромном большинстве из непостовцев, из представителей того течения, которое ряд лет возглавляло РАПП—я в частности именно в тот период, когда РАПП превратилась в основную организацию враждебных пролетарской диктатуре линию партии в художественной литературе [1]. Партия не первый раз указывает на ошибки и недочеты пролетарских писателей, тем самым обеспечивая им возможность более успешно бороться за гегемонию пролетарской литературы. Рост пролетарского литературного движения неизбежно сметет тех, кто не сделает для себя всех выводов из уроков дискуссии, что не сумеет перестроиться для разрешения задач, поставленных перед пролетарской литературой партией и классом, кто не продумает и не испытает свои ошибки и недочеты на деле. Но непостовцы к числу таких людей не относятся. Речь идет об оплате счета творческой и теоретической продукции,—вот о чем идет речь. И тем меньше у непостовцев оснований для боязни самокритики, что богатейший актив, накопленный непостовством в его борьбе, является отнюдь не регалиями «времен Очакова и покоренья Крыма», но сильнейшим оружием сегодняшнего и завтрашнего дня. Полонские путают, ошибаются, либеральничают на каждом шагу, но Полонские не принадлежат к числу руководителей пролетарской литературы. В этом смысле любая, самая незначительная ошибка непостовства приобретает значительно больший резонанс, чем все малые и крупные ошибки Полонских, всех мастей, вместе взятые и возведенные в куб. И это—несмотря на то, что деятельность Полонских объективно есть явное выражение давления классово-чуждой пролетариату идеологии. Но ошибки непостовства совершаются из-вышло пролетарской литературы.

Самокритика с оговорками, полуслепая и косноязычная, это—не наша самокритика. Это—не «стиль» нашей работы. Но в такой же мере «стилем» нашей работы не является примиренчество к критике с не-наших, кражебных и чуждых пролетарской литературе позиций. Мы опошлили бы понимание самокритики, если бы широко распахнули двери для критики с позиций литфронтовщины или воронщины. Мы дышись и будем дышать за напостовство в литературе. Преодолевая собственные недочеты, мы будем еще непримиримее относиться ко всякому извращению нашей линии, наших позиций, наших установок,—ко всяким попыткам опорочить их.

В самом деле,—разве не доказано жизнью, что в своей литературно-политической работе мы в основном правильно и успешно проводили линию партии? Разве не подтверждается жизнью (и на данном этапе социалистической революции в том числе) правота творческих установок напостовства? Бесспорно подтверждается, хотя здесь многое не отточено, хотя и здесь совершаются отдельные нередко крупные ошибки. Так в чем же дело? В чем наши слабые места? Главным образом—в методах нашей работы. Мы сейчас расплачиваемся за неумение работать по-новому. В этом основное. Этому нас учит сейчас партия. Не маленький кружок, а большая, массовая организация, — вот чем сейчас является РАПП. А от кружкового периода у напостовства остались и элементы кружковщины, и неумение по-настоящему правильно использовать все силы пролетарской литературы, и многое другое. Напостовство возглавляет РАПП. Значит оно несет на себе в первую очередь ответственность за положение дел во всей организации. Без разворачивания большевистской самокритики нельзя поднять пролетарское литературное движение на высшую ступень.

В числе указаний ЦО находится и указание на недостаточное развертывание творческой дискуссии и соревнования творческих направлений в РАПП, на отсутствие необходимой товарищеской атмосферы для отдельных уже сложившихся творческих группировок в РАПП. Указания ЦО все не выполнены, что например т. Авферов и сторонники его творческих взглядов должны быть поставлены в какие-либо преимущественное положение. Никаких привилегий для творческих направлений, работающих на основе общих установок РАПП, создайте товарищескую атмосферу для всех их, никого не канонизируйте, — вот смысл указаний ЦО в данной области. Весь ошибочность лозунга «одемьянивания» пролетарской поэзии в том и состояла, что задача большевизации пролетарской поэзии связывалась с именем одного поэта, творчество которого имеет для пролетарской поэзии огромную ценность, но который сам совершает крупнейшие ошибки и сам нуждается в последовательной большевистской критике. Пе-трудно установить (хотя бы на месте доклада на производственном поэтическом совещании — см. № 7 «На литературном посту» за 1931 г.), что лозунгом «одемьянивания» мы подменяли лозунг большевизации, в общем правильное определение последний.

«Смысл лозунга «одемьянивания», — говорил я в этом докладе, — заключается для нас в том, чтобы в неизменно большей мере насытить пролетарскую поэзию большевистской действенностью, чтобы придать ей (поэзии) классово-субъективную заостренность на основе объективного познания действительности, чтобы она (поэзия) могла в полной мере выражать чувства и мысли пролетарского авангарда, не отрываясь от масс и не плетясь в хвосте у них, чтобы она выработала художественно развитую форму, понятную и доступную миллионам».

Но как же можно было всерьез развертывать критику Д. Бедного, когда мы говорили об «одемьянивании» поэзии, тем самым вызвали Д. Бедного в особо-преимущественное положение в противопоставлении его другим пролетарским поэтам? [2].

Поэтому творческая дискуссия не завязывается, — наоборот, она развертывается. Творческие разногласия не замазываются, — наоборот, они должны быть проявлены.

Лицом к творчеству! — вот смысл указаний ЦО. Но борьба за партийность в этом позороте означает — в числе прочего — борьбу за теоретическую сработанность всех пролетарских писателей на основе указаний ЦО. Мы — товарищи, а не враги; против врагов мы выступаем обнаженным строем. Мы соревнуемся, спорим, деремся, — но мы не бьем друг друга по голове оглоблей. Ряд товарищей (и я в том числе) не согласен, к примеру, с творческими установками Бельчикова и с рядом творческих тенденций Авферова и считает необходимым развернуть последовательную критику ошибок Либединского. Творческая дискуссия будет развиваться по ряду линий, — и по этим также. Здесь творческие расхождения отнюдь не будут затираться, но обнаруживаться еще более ясно. Но мы вместе делаем общее дело, — об этом не нужно забывать.

Наши творческие споры разрешаются не голосованием резолюций, а творческой практикой. Нет еще Магнитостроя в пролетарской литературе. Успешная работа по его созданию предполагает продолжение борьбы на два фронта — против «левацкого» вульгаризаторства и против правой опасности, как главной. В этой работе определяется ценность того или иного творческого направления. По созданию Магнитостроев литературы невозможно без творческой дискуссии, как метода работы РАПП, без большевистской самокритики, как ее основы, без взимного, быстрого и последовательного исправления ошибок.

Нетрудно установить, что если бы напостовство не понимало сущности своих ошибок и недочетов, если бы оно воспрепятствовало — в той или иной мере — реализации указаний ЦО партии, оно стало бы тормозом в развитии пролетарской литературы, оно бы логикой событий стало (тем самым) проводником чуждоклассовых влияний на пролетарскую литературу.

Но напостовство проверялось годами, и любой шаг его подтверждал наших критиков. А это и значит, что, реализуя правильные указания ЦО партии и борясь за свои творческие установки, с новой силой дадим отпор «левым» и правым капитулянтам, паникерам, явным и скрытым воронщикам и «литфронтовцам» — как древнего, так и нового происхождения, — оно берется за напряженную основную работу, начиная на себя основную долю ответственности за весь ход создания Магнитостроев литературы и будучи убеждено, что поставленное руководство партии обеспечивает завершение пролетарской литературой пятилетки в кратчайшие исторические сроки.

А. СЕЛИВАНОВСКИЙ

[1] И. Макарьев в статье в № 4 «Литературы и искусства» (№ «Литгазеты» за 17 ноября) ошибочно пишет о том, что лозунг «одемьянивания» выдвигали отдельные товарищи РАПП. За этот лозунг несет ответственность все напостовское руководство. Так в литературно-политическом письме от 15 июля 1930 г. «Ко всем членам РАПП» секретариат РАПП к числу своих ошибок относит и «недостаточную борьбу за одемьянивание» пролетарской поэзии т.-н. за лозунг, выдвинутый напостовством еще семь лет назад».

[2] Я не подвергаю развернутой критике всей книги и всей работы Леснича. По отношению к этой работе надо говорить о явном либерализме. Произведя «гнилой либерализм» в свое отношении например, к формалистам, т. Леснич в целом стоит на антимарксистских позициях в вопросах литературы.

---

* Статью печатается в сокращенном виде, полностью она будет помещена в № 34 журнала «На литературном посту».

ЗА ЛЕНИНСКУЮ КРИТИКУ ВЗГЛЯДОВ ПЛЕХАНОВА*

В СВЯЗИ С КНИГОЙ С. ЩУКИНА „ДВЕ КРИТИКИ. ПЛЕХАНОВ-ПЕРЕВЕРЗЕВ"

«В своих возражениях Плеханов ни на одну ноту не отступает от учения Маркса, Энгельса. Надо ли это доказывать?»...

«За кем же пойдем мы? За Переверзевым или за Плехановым?»...

С. Щукин. «Две критики».

Овладение ленинским методом, борьба за большевистскую партийность — есть основная задача нашей литературной критики. Освоивши ленинское наследство, беспощадно разоблачая извращения марксистско-ленинской теории, критика справится с теми задачами, которые стоят перед ней в период развернутого социалистического наступления.

Письмо т. Сталина «О некоторых вопросах истории большевизма» со всей остротой ставит вопрос об ответственности, падающей на большевистскую литературную критику, вопрос о непримиримой борьбе за чистоту, отточенность нашего критического оружия.

Одной из первоочередных задач является переделка на основе ленинских положений взглядов Плеханова на искусство. В этом плане имеет существенное значение работа С. Щукина—«Две критики. Плеханов — Переверзев». Тов. Щукин использовал против Переверзева ценный материал Плеханова. Если задача «переворошить» весь наш теоретический опыт стоит по отношению ко всем моментам нашей книги, то по отношению к работе т. Щукина, полностью основанной на плехановских взглядах, эта задача особенно ложится.

Книга т. Щукина хлесткая, и нелегко отыскать ее основную линию. Но среди глав книги есть одна, на которую скорее всего можно опереться, выявляя структуру всего произведения — «роль классовой борьбы в развитии искусства». Начнем с этих вопросов.

Наш автор берет плехановскую формулу абсолютически, что мешает ему захватить основную порочность этой формулы. Не случайно на нее выпала классовая борьба, об объективистском понимании Плехановым здесь выпукло выразилось — идеологии рассматриваются Плехановым обособленно от практики, отрываются от политики. Режущими «нитчевщину» Щукин постоянно обращается к своеобразной «психологизации» идеологии, что затушевывает их активную роль в классовой борьбе.

Справедливо критикуя вульгарно-материалистическую формулу Переверзева, отождествляющего идеологии с производственными отношениями, т. Щукин впадает в другую ошибку, становясь на объективистскую точку зрения, где противопоставляются в их взглядах на классовую борьбу.

Неслучайно он забывает сказать о том, что искусство представляет форму классовой идеологии, в ограничивается указанием на то, что между производственными отношениями и искусством лежит общественная психология. — он мыслит искусство как обособленную от практики область.

Во взглядах на развитие идеологий Плеханов противостоит Марксу. Напомним некоторые страницы «Немецкой идеологии».

«Производство идей, представлений сознания вначале всего непосредственно вплетается в материальную деятельность и в материальные отношения людей—в язык реальной жизни. Представления, мышление, духовные сношения людей являются здесь еще прямым порождением их материальной языковой».

«Люди, развивающие свое материальное производство и свои материальные отношения, изменяют в этой своей действительности также свое мышление и продукты своего мышления». (Архив Маркса—Энгельса, книга I, стр. 215—216).

Нельзя скрыть противоположность этих определений и плехановской «нитчевщины». Нельзя у Ленина найти подтверждения плехановской формуле. Все работы Ленина учат нас понимать известную как порождение «реального языка жизни», как определенные формы классовой идеологии. Эта точка зрения обязывает нас рассматривать искусство в неразрывной связи с политикой, общественной практикой. Это и есть основа ленинского учения о партийности идеологии, партийности искусства.

Через плехановское объективистское понимание классовой борьбы Щукин, несмотря на все его хорошие намерения, привнес в поверхностной и в сущности аполитической характеристике взглядов Переверзева как классового явления. Но только искусство отрывает т. Щукин от политики, но и Переверзева он ухитрился оторвать от политики. Мы напрасно будем искать у него политической оценки взглядов Переверзева на классовую борьбу. Методология Щукина — об'ективистская, плехановская, это и мешает автору «Двух критик» дать развернутую, последовательную ленинскую критику взглядов меньшевиствующего литератора.

Тов. Щукин приводит в своей работе ряд конкретных исторических примеров — среди них привлекает особое внимание один — рассуждения о творчестве Толстого. Здесь особенно выпукло выявляется, как защищая Плеханова, автор «Двух критик» всей логикой своей позиции приходит к тому, что противопоставляет Плеханова Ленину.

Автор «Двух критик» полностью солидаризируется с абстрактным, отвлеченным от исторической действительности объяснением творчества Толстого, которое дал в своих статьях Плеханов. Сочувственно разбирает т. Щукин основную, абстрактную мысль Плеханова о противоречии между Толстым-художником и мыслителем.

Вся беднота критики, отрывающей Толстого от борьбы классов, схоластически сводящей все к противоречиям автора великого художника, слепой по отношению к тем связям, которые делают творчество художника формой классовой борьбы, — выступает в этих рассуждениях с полной ясностью. Тень меньшевиствующей об'ективистской концепции искусства ложит на этих абстрактных, выхолощенных рассуждениях.

Понять политическую основу оценки Толстого, которую дал Плеханов т. Щукину было легко, сопоставляя Плеханова с Лениным в этом вопросе. Конечно, Щукину были известны статьи Ленина о Толстом, когда книга писалась. Либо он считает что Плеханов и Ленин не расходятся в оценке Толстого? Это глубоко неверно. Либо т. Щукин считает ленинизирование Плеханова более верными, глубокими, ценными, чем ленинские?

Ленинские статьи о Толстом широко известны, они представляют образец большевистской партийной критики, рассматривавшей литературу как явление классовой борьбы, как политическую форму. В сопоставлении с высказываниями Ленина об'ективистская, абстрактная критика Плеханова разоблачается полностью.

В переоценках Плехановым ленинские статьи о Толстом представляют один из наиболее разящих аргументов, они учат, как, исходя из ленинских формулировок, надо строить большевистскую партийную методологию искусства. Грубая ошибка т. Щукина в этом вопросе особенно ярко разоблачает степень влияния на него меньшевистской методологии искусствования.

Боевая задача нашей критики — переоснастить, «переворошить» плехановскую методологию, опираясь на Ленина. Именно это должно сопрочить внимание на работе т. Щукина, представляющей образец апологетики меньшевиствующей теории искусства Плеханова, недооценку и непонимание ленинского наследства, непонимания противоположности между взглядами Ленина и Плеханова в вопросах искусства.

Критика Переверзева, т. Щукин подходит к нему с самых разнообразных сторон, но т. Щукин забывает сосредоточить внимание на таком основном вопросе, как отношение Переверзева к диалектике. Это требует своего объяснения. У т. Щукина было много времени и места для того, чтобы заняться этим вопросом. Не случайно он забывает о ведущем звене. Вся методология Щукина механистическая, чем и объясняется столь благорасное отношение к Плеханову. В подходе к явлениям действительности, в суждениях об искусстве т. Щукин стоит на механистических позициях. Он не случайно определяет мышление как «известную сумму идей о мире» (63). Он не случайно строит книгу как рассмотрение вопросов методологических «вниз-полю», не умея выделить ведущее звено. Не случаен догматический метод критики т. Щукина, целиком сводящийся к сталкиванию цитат двумя.

Вся работа Щукина носит черты механистичности, сам метод критики здесь показателен. Тов. Щукин построил работу на сопоставлении цитат из Плеханова и Переверзева, цитат, приведенных в огромном количестве и загромождающих всю книгу. Никто не следил за ходом рассуждения автора, за выводами, которые подчинялись самой фактологии цитат. Тов. Щукин, подходя к Переверзеву с позиций плехановских меньшевиствующих, не только не разбивает Переверзева до конца, но и сам расширяет механистических ошибок, извращающих марксистско-ленинскую теорию.

Книга т. Щукина сыграет ли известном этапе положительную роль, она помогла разобраться Переверзеву, но эта книга представляет образец некритического Плеханова, непонимания и неиспользования ленинского наследства — необходимо «переворошить» работу т. Щукина, вскрыть ее ошибки. Ошибка т. Щукина в отношении Плеханова не является исключительно его ошибкой, она была широко распространена в нашей критике, выполнив тогда как ошибочный лозунг «за плехановскую диалектику». Книга т. Щукина представляет не только наиболее развернутое, но и переработанное и отточенное выражение апологетики Плеханова, тесно связанное с игнорированием ленинского наследства. Вот почему на ней необходимо прежде всего сосредоточить наш анализ.

И. АНИСИМОВ

---

* 2-е ноября в Доме печати состоялся расширенный интересующий вечер, организованный журналом «Литература мировой революции».

Ответственный редактор журнала т. Бруно Ясенский сделал речь о значении ПО МАПП в международном пролетарском движении (выдержки, весьма интересные, будут подробно опубликованы в «Л. Р.»).

Поль Вайян Кутюрье рассказал о своей работе в интернациональных писательских организациях МОРП.

— Если по харьковской конференции, — сказал выступивший затем Эгон Эрвин Киш, — запущенное буржуазными писателями наблюдалось отрицание самого факта существования пролетературы, то теперь после того как живой МОРП проявил в ряде капиталистических стран большую творческую мощь, это право на существование пролетературы уже не подлежит сомнению. Но это не означает, что нам не нужно еще бороться за самое высокое пролетарско-ленинское понимание всех вопросов пролетарской литературы, чтобы пролетературу не превратить в мертвую схоластическую догму.

На вечере выступили тт. Бела Иллеш, венгерский пролетарский писатель Шангор Гергель, А. Гидаш, А. Сяо, Ас-Хабиб-Вафа.

ВЕЧЕР ЖУРНАЛА „ЛИТЕРАТУРА МИРОВОЙ РЕВОЛЮЦИИ"

М. ГЕЛЬФАНД

УСИЛИТЬ БОРЬБУ ЗА КРОВНЫЕ ИНТЕРЕСЫ БОЛЬШЕВИЗМА В ЛИТЕРАТУРНОЙ ТЕОРИИ

I

Письмо тов. Сталина в редакцию «Пролетарской революции» («О некоторых вопросах истории большевизма»—является важнейшим руководящим документом партии для всех без исключения большевиков, действующих на идеологическом фронте.

Указания т. Сталина обязывают нас, большевиков, действующих в литературе и искусстве еще в сто раз пересмотреть все звенья нашей творческой работы под углом зрения того, насколько плохо вскрывали и последовательно проводили в жизнь защиту «кровных интересов большевизма».

Борьба, что руководимый партией пролетарский орган литературы и искусства, в особенности ведущие его органы—ВОАПП и РАПП, правильно в основном проводят партийную линию, достигая все больших и значительных успехов в деле борьбы за два фронта, в деле разоблачения и разгрома ряда откровенно классовых и реакционных теорий—троцкизма, вульгаризаторства, перверзианства, деф. литфронтовщины. Это борьба еще не закончена и ее нельзя (и не должно) затягивать с бесконечной регистрацией. Надо развернуть последовательную критику и разоблачение установок и теорий меньшевиствующего идеализма в литературной искусствоведческой теории. Надо со всей серьезностью заняться решительным критическим переосмыслением плехановского теоретического наследства.

Факты самого последнего времени еще в сто раз подтверждают это. В частности роль разоблачения «гнилого либерализма» столь уничтожающе охарактеризованного т. Сталиным, до сих пор еще по сути дела отдельными членами партии, действующими в литературе и искусстве. Чрезвычайно яркие и законченные примеры такого «гнилого либерализма» мы находим прежде всего в последней книжке Г. Лелевича («Поэзия революционных разночинцев». ГИХЛ, 1931 г.), целиком построенного на троцкистской, архилиберальной «дискуссии» в буржуазной философской мысли

ОБЗОР ПЕЧАТИ

ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫЕ НЕДОСТАТКИ И ПУТАНАЯ КРИТИКА

«Литературная газета» в свое время била тревогу по поводу запаздывания РАПП с выработкой учебных пособий и программ для рабочих-ударников. Мы указывали на то, что вопрос об учебе рабочих-ударников, среди них в пролетарскую литературу, стоит с особой остротой, что именно в этом году должны быть обеспечены нормальные условия для этой учебы, что именно на этом — в числе прочего — проверяется умение РАПП работать по-новому.

Три с половиной месяца прошло после выступления «Литературной газеты». Сейчас декабрь, а РАПП еще не имеет разработок программы, а учеба в крупных проделок самотеком. Вот один из прежних примеров неумения работать по-новому!

Секретариат ленинградской АПП, не дожидаясь общесоюзных программ, выработал самостоятельную программу и издал ее вместе с методическими разработками по первым трем темам ее. Положительный факт! Но, по нашему мнению, работа секретариата ЛАПП нуждается в решительной критике и частичной переработке. Прежде всего далеко недостаточна тематическая увязка программы с конкретными задачами перестройки пролетарской литературы. Тем имеет исторический характер. Нужно изучать историю пролетарской литературы. Но плохо, если при этом за программой скрывается в качестве самостоятельных такие темы, как показ героев социалистического труда, как участие в создании «Истории заводов» и «Истории гражданской войны» и т. д. (Эти вопросы даны лишь как часть темы о борьбе за большое большевистское искусство).

Обращает на себя внимание также и абсолютное отсутствие тем, разрабатывая которые крупнейшие могли бы научиться «технологии» мастерства, работе над языком и пр.

Таковы важнейшие недочеты программы. Но дело не только в них. Из программы вычищено творчество М. Горького и А. Серафимовича (хотя в качестве материала привлекается продукция пролетарских писателей, начиная с членов пролеткульта и «Кузницы»). Не говорится вовсе о комсомоле. Налицо ряд отдельных, частных формулировок. Говоря об ошибочном истолковании лозунга «живого человека» и требования показа классовой психологии, не теоретическая разработка, во-первых, ошибки т. Ермилова в этом вопросе вводит к неверной формулировке о «гармоническом человеке», тем самым смазывая ошибки т. Ермилова в практическом лозунге «живого человека», а во-вторых, — ограничиваясь критикой «литфронтовства», не говорит в данном случае ничего об опасности справа, о тенденциях ворошиловщины, проявляющихся и здесь.

Есть и разработках и ряд других недочетов. Задача ЛАПП — подвергнуть их серьезной критике, устранить недочеты, выправить, переработать программу, в частности дополнительно обсудить вопрос о программе с рабочими-ударниками.

Но мы никак не можем согласиться с выступлением М. Волина в ленинградской газете «Смена» за 25 ноября под названием «Плановая система грубых ошибок».

М. Волин указывает на некоторые из ошибок и недочетов программы, отмеченные нами выше, забывая о важнейших. А наряду с этим М. Волин делает ряд путаных и незрелых критических указаний. В своем изложении критических замечаний М. Волин доходит до явной фальсификации читат. В программе написано: «Литфронтовское отрицание этого лозунга (игнорирование всех и всяческих масок» — ред.) ведет к смазыванию классовой борьбы в СССР. Такой же смысл имели и выступления Медведева и Овалова». М. Волин заменяет слова «литфронтовское отрицание» словами «литфронтовское определение» (мало, что смысла фразы существенно меняется) и пишет: «итак, программа направляет удар не по комсомольским, признанным в литературу, на «Комсомольскую правду» и считает, что ее статьи по литературным вопросам ведут к смазыванию классовой борьбы в СССР».

Итак М. Волин (без каких-либо критических примечаний «(Смены») берет безоговорочно под защиту статьи не только Овалова, но и Медведева, на литфронтовский характер ошибок которого указывал ЦО партии. Но этого мало: критику ошибок «литфронтовского характера у того же Медведева он определяет как направление ударников на «Комсомольскую правду»!

Больше всего напугал М. Волин в вопросе о срывании всех и всяческих масок. Ему, по-видимому, кажется, будто для писателей достаточно «положение диамата выражать так, как их выражали Маркс, Энгельс и Ленин» (как будто именно пролетарский писатель не обязан обличить как данное положение применяется в творческой практике искусства). Во-вторых, М. Волин передергивает, говоря о том, что авторы программы и разработок «вместо срывания масок с классового врага и его агентуры» требуют «беспощадно срывать те маски, которые надевает на действительность классовый враг» (хотя даже в цитатах, приводимых самим Волиным, говорится, что пролетписатель «должен до конца разоблачать классового врага, срывая маски с него»). В-третьих М Волин ничего не позволил в том, что классовый враг не только маскируется сам, но и пытается надеть маски на действительность, то-есть пытается затуманить сознание трудящихся масс.

Мы не подвергаем здесь критике ряд других положений в статье М. Волина. Мы констатируем здесь голословное, характеристика программы ЛАПП как «системы грубых ошибок». Мы видим объективный смысл статьи в попытке противопоставить комсомолу ЛАПП. Только такой смысл может иметь заявление М. Волина: «выпуск подобной программы не показывает поворота ЛАПП лицом к комсомолу, а демонстрирует стремление обособиться от него».

Нет смысла полемизировать с подобным утверждением, ибо ЛАПП находится в тесном сотрудничестве с комсомолом, которое нужно укрепить и углубить.

В том повороте лицом к комсомолу, который сейчас производит пролетарская литература, статья М. Волина, в целом необоснованная и путаная, может явиться лишь непужной помехой на ленинградском участке РАПП.

САМОКРИТИКА, НЕ ДОВЕДЕННАЯ ДО КОНЦА

В прошлом номере «Литературной газеты» было помещено письмо т. С. Малахова, в котором он признавал ряд ошибок, допущенных им в предисловии к сборнику «Писатели о труде». В редакционном примечании мы отмечали, что т. Малаховым признаны не все ошибки и без их политической квалификации.

Письмо т. Малахова напечатано также в «Ленинградской правде». Комментируя письмо, редакция «Ленинградской правды» пишет:

> «Признавая некоторые свои ошибки, т. Малахов однако о ряде ошибок совершенно умалчивает.
>
> Так, т. Малахов, говоря «о путях перестройки настоящего советского писателя, становящегося из попутчика пролетариата его союзником», упускает из виду, что подобная перестройка идет в процессе классовой борьбы.
>
> Характерную помещенный в сборнике отрывок из романа Чумандрина «Ленинград» т. Малахов в предисловии к сборнику пишет, что «места из отрывка Чумандрина подымаются до некоторых массовых сцен В. Зола, этого мастера в изображении человеческого коллектива». Не занимаясь здесь оценкой отрывка из работы т. Чумандрина по существу, редакция однако отмечает, что эта характеристика является образцом неслужного и претенциозного захваливания пролетарского писателя. Вместе с тем она может быть истолкована в том смысле что в изображении «человеческого коллектива» высших достижением является Золя и что «пролетарским писателям надо равняться по Золя.
>
> Предисловие т. Малахова отнюдь не помогает первоначитанию советских писателей-попутчиков в исправлению пренебрежительного читателя к нижнейшим вопросам советской литературы».

ОБ ОШИБКЕ Т. ДОБРЫНИНА

В номере от 30 ноября «Известия» дали большую подвальную статью т. Е. Ухапова, — «Боевые задачи пролетарской литературы». Статья подробно разбирает современное состояние пролетлитературы, ее ошибки и недостатки и перечисляет очередные задачи РАПП, на основе указаний ЦО партии.

Большое место в статье уделено вопросам теории. Выдвигая лозунг борьбы за ленинский этап литературной науки, предполагающей в частности «критический пересмотр плехановского литературного наследства, критику целого ряда положений искусствоведческой концепции Плеханова» (это тем более необходимо, что оно недавно раздавались голоса в защиту «плехановской ортодоксии»), «Известия» пишут:

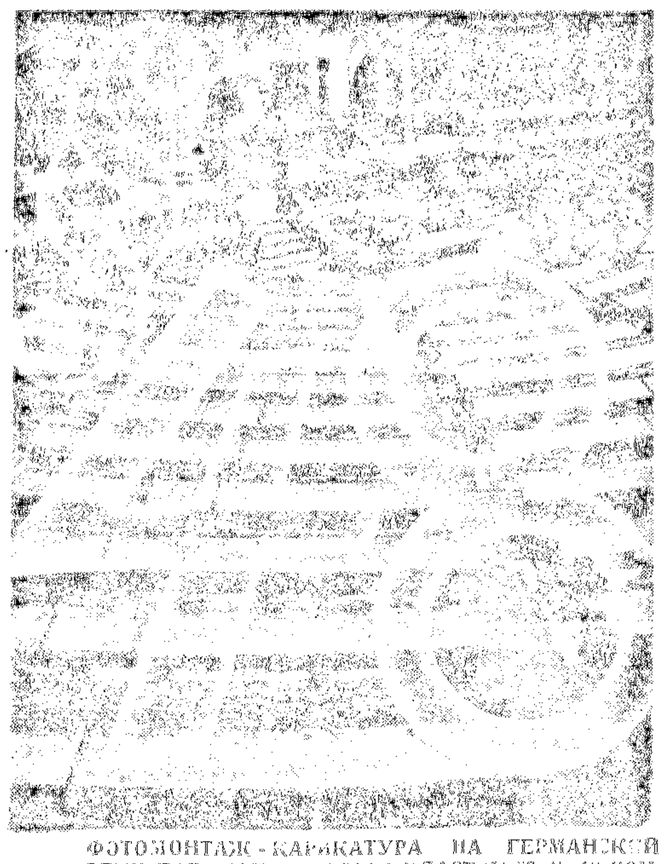
> «Пересмотр плехановских работ начался. Так например журнал «РАПП» № 3 уделил этому вопросу сольдное место. Однако качество помещенных статей заставляет быть строгому. В статье т. Добрынина, посвященной разбору плехановской методологии, имеются ценные места, которые искажают практику большевизма, являются по меньшей мере клеветой на Ленина. Разбирая борьбу Плеханова с махизмом, автор ставит вопрос «Чем же однако об'яснить тот факт, что Ленин преподнес «перья» философии от похвики, от фракционной борьбы»? И отвечает: «Об'яснется это конечно тактическими соображениями. Прежде всего тем, что в этот период еще не было выработано твердое партийное мнение (?). Когда же это партийное мнение было выработано, тогда произошел разрыв между большевиками-ревизионистами и Лениным».
>
> Выходит, что Ленин в период 1907—1908 годов из тактических соображений уступал принципиальные позиции марксистской теории; во-вторых, что Ленин в восьмом году еще совершенно не понимал, совместим ли марксизм с махизмом, что будто бы в этот период еще не было выработано твердое партийное мнение и отношения реакционной сущности махизма. Отсюда ясно, что только после критики Плеханова Ленин понял всю реакционность махизма. Так пишется, с позволения сказать, история.

Всякий, кто немного знаком с подлинной историей большевизма, с ролью Ленина в борьбе с махизмом, в том числе и с богдановщиной, тот знает, что Ленин решительно обрезал философию от политик «подправить» и «дополнить» ее махизмом. Именно Ленин давал резкий отпор подобным попыткам. В письмах к Горькому Ленин пишет, что еще в четвертом году он квалифицировал богдановскую философию как антимарксистскую, и в шестом году Ленин подверг критике («Об'единение и любение») шумную работу Богданова. Когда обнаружилось, что это не подействовало и Богданов продолжает углубляться в дебри махизма, Ленин в восьмом году пишет Горькому: «Искуп драку между большевиками по вопросу о философии и считаю совершенно ненужной» (Ленинский сборник I). В это же время Ленин критикует Плеханова за неумение (или нежелание) показать, какие социальные тенденции выражает богдановщина. (Статья Добрынина имеет ряд других ошибок, которых я здесь не буду разбирать).

Разумеется, такой пересмотр плехановского литературного наследства к добру не приведет, и редакция «РАПП» совершила безусловно ошибку, поместив эту статью в своем журнале. Преодоление плехановских ошибок, критическая переработка всего культурного наследства требуют поднятия теоретического уровня наших пролетарских писателей и критиков на новую ступень, соответствующую требованиям настоящего периода социалистического строительства».

Секретариат ВОАПП и РАПП нужно учесть эту критику и указать редакции журнала «РАПП» (теперь—«Пролетарской литературы») на необходимость исправить допущенную ошибку и подвергнуть критике положения т. Добрынина, грубо искажающие один из этапов истории партии.

НА ВЫСТАВКЕ НЕМЕЦКОГО ФОТО-МОНТЕРА ДЖ. ХАРТФИЛЬДА



ФОТОМОНТАЖ-КАРИКАТУРА НА ГЕРМАНСКИЙ РЕЙХ ТАГ, НАД КОТОРЫМ ВЛАСТВУЕТ § 48 КОНСТИТУЦИИ—О ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ ПОЛНОМОЧИЯХ ПРЕЗИДЕНТА И ПРАВИТЕЛЬСТВА

ПИСЬМА О ПЕРЕСТРОЙКЕ ЛАПП

1. ОБОСТРЕНИЕ КЛАССОВОЙ БОРЬБЫ НА ЛИТЕРАТУРНОМ ФРОНТЕ

Состояние ленинской работы на сегодняшний день характеризуется значительным разрывом между усложнением задач, стоящих перед ЛАПП, повышением ее ответственности и степенью ее перестройки.

ЛАПП приходится работать на ответственнейшем участке обостряющейся классовой борьбы в литературе. По сравнению с Москвой, в Ленинграде мы имеем гораздо большую отчетливость классовой размежевки в рядах Всероссийского союза писателей. Именно в этом заключается преимущество прошедшейся летом творческой дискуссии в ленинградском отделении союза писателей, по сравнению с московской дискуссией. Следует указать также, что ленинградская дискуссия отличалась гораздо более высоким идейным уровнем, гораздо большей принципиальностью и четкостью. Выступления ленинградских союзников пролетарской литературы—Н. Тихонова, М. Слонимского, Н. Брауна и др. находятся на неизмеримо более высоком уровне, чем выступление огромного большинства московских попутчиков. ЛАПП играла серьезную роль в этой дискуссии, признавая в ней активное участие и тем самым содействуя усилению классовой размежевки внутри попутничества.

После летней дискуссии протек довольно значительный срок. За это время ЛАПП не усилила, а скорее ослабила свою работу с попутчиками. Между тем ленинградская литературная действительность чрезвычайно усложняется. Мы имеем сейчас резкую активизацию буржуазных влияний в литературном Ленинграде. Только что вышел роман В. Каверина «Художник неизвестен» (назвать связать, редакция «Звезды» не сопроводила романа ни критической статьей, ни примечанием). Роман откровенно проводит мещански-реакционные взгляды на искусство, на роль художника. Сейчашние тенденции в мировоззрении Каверина разоблачаются с классовых позиций его произведением. «Пролог» Каверина, посвященный современному строительству, не содержит ни одного намека на социалистический характер тех изменений действительности, которые описываются в нем; поэтому двусмысленно звучит рефрен «Пролога»: «Да здравствует жизнь! Еще не таких, каковой она должна быть, но имеющая все основания стать такой, какой она должна быть!» Но из «Пролога» никак не ясно, какой «она должна быть», и чем, в сущности, заняты эти люди, работающие по 20 часов в сутки, как описывает Каверин, измученные и изможденные: социалистической революцией или буржуазно-демократическим реформаторством? И поэтому столь же двусмысленно звучит диалог автора с рабочим-иностранцем: «И я спросил: «Как себя чувствует здесь товарищ Джек?» И плотник ответил: «Как дома. Я из Небраски, штата Северная Дакота».

Каверину кажется остроумной эта двусмысленность? Но она может казаться ему остроумной только потому, что он не увидел и не доказал в своем «Прологе» таких явлений, которые отличают нашу действительность от действительности «Небраски, штата Северная Дакота». Каверин долго играл в литературные игрушки. И. Тихонов на летней дискуссии деликатно определил это занятие Каверина, указав, что Каверин «работал на условном материале». В «Прологе» же,—указывал Тихонов, он стал работать на безусловном материале, и его «методу» сторонней наблюдательности дали осечку. Иными словами—нельзя играть в игрушки, когда пишешь о социалистическом строительстве! Ведь такая игра самодовлеет лишь об усилении реакционных тенденций в творчестве писателя.

Еще более ярким примером этих тенденций является последнее произведения Алексея Толстого, неслыханную халтуру которого под названием «Необычайное приключение на волжском пароходе» только что выпустило ленинградское издательство писателей. «Пафосом» этого произведения является, повидимому, формула: «Товарищи все съедят».

Гениальные нетры и обольстительные злодеяния буржуазии, погубительно соблазняющие героев и интересы мировой буржуазии, всезнающие сыщики, ловкие международные шпионы, похищения морфелей и документов, драки и покушения на убийство,—эту потрясающую ерунду, для написания которой требуется только стенографистка и несколько часов свободного от «очищения желудка» (одного из основных методов творческой работы А. Толстого, согласно его сообщению в сборнике «Как мы пишем») времени, нужно было бы в этом пользующемся первом обсудить в ленинградском союзе писателей или на расширенном совете ленинградской ФОСП как в интересах литературной сегнизары и гигиены, так и в целях борьбы с одной из главных форм буржуазных влияний—халтурой и приспособленчеством.

В этом же плане следует отметить и творчество Борисоглебского, об одном из творений которого—«Бумажный кум»—писала «Правда» (в статье т. Нелтенко). Книжка Борисоглебского «Америка в Керчи» представляет собой отдушающую смесь дикорации нашей действительности с откровенно-буржуазными представлениями о ней. Подлога социалистической передачи языка рабочих решается автором с реакционной простотой: наши рабочие говорят «человеком за окончком комнаты» «пятки бесчинствовать». «Герои» социалка новички преображаются, «труд стахановцев спорится, состязаются» это так Борисоглебскому представляется социалистическое соревнование!). О классовой борьбе у автора нет и речи. По мнению Борисоглебского, керченские рабочие «неспешат, переделают, перерабатывают», и все это для того, чтобы... посадить в Керчи Америку. «Новое приходит к нему с запада,—заявляет автор,—его приводят немцы, французы, американцы». Работа ударных бригад, широкое движение рабочего изобретательства,—все это Борисоглебскому неинтересно...

Ленинская критика не умеет еще поднимать ярость масс,—культурно-практическая растущих, предъявляющих все более высокие требования,—против подобного рода явлений. О националистической утопии Ларри «Страна счастливых» в Ленинграде говорил только т. Авербах на последнем пленуме ЛАПП—ленинская критика никак не реагировала на этот факт. Нет статей о «Сумасшедшем корабле» О. Форш, о «Восковой персоне» Тынянова—произведениях, которые демаскируют одним вирано этих писателей. В Ленинграде сложилась целая группа писателей, тяготеющих к буржуазной литературе: Вагинов (в качестве эпигрофа, к произведениям которого лучше всего годится цитата из одного его произведения—«полудремотное существование—вот что осталось от меня»; творчество этого писателя отражает гибение определенных групп буржуазной интеллигенции), Спасский, Добычин и др. Отражает буржуазные влияния творчество Берзина, а в особенности последнее произведение Прадухина, напечатанное и журнале «Ленинград» (совершенно правильная оценка этого произведения и ошибки редакции «Ленинграда» даны в статье т. Селивановского в «Правде»).

Мы разумеется не имеем никакой возможности разобрать здесь эти произведения, как и ряд подобных явлений,—это дело специальных критических статей, для работы над которыми должна быть мобилизована сейчас ленинская критика. Мы только указываем на эти явления, дающие все основания с чрезвычайной резкостью ставить вопрос об активизации буржуазных влияний в литературной действительности Ленинграда, о необходимости действительного, а не словесного усиления борьбы с буржуазной опасностью в литературе.

Никогда еще партийно-советская общественность не уделяла такого серьезного внимания вопросам литературы, как сейчас. Поворот внимания к этим вопросам является фактом, значение которого не может быть переоценено. Мы имеем сейчас все возможности для того, чтобы в борьбу с буржуазными влияниями в литературе вовлечь широчайшие слои нашей общественности. И в этом направлении должна перестроиться ленинская критика, кадры которой должны быть усилены в результате призыва рабочих-ударников в критику.

Необходимо всерьез заняться проблемой внутреннего полутчества, являющегося одной из важнейших проблем ленинской работы (подробно о ленинградском внутреннем полутчестве—в специальной статье).

Непосредственная помощь полутчикам и союзникам, оказываемая ЛАПП, также чрезвычайно недостаточна.

Совершенно недопустимым нужно признать тот факт, что о творчестве такого крупного и близкого пролетариату художника, как М. Слонимский, до сих пор нет ни одной статьи, которая проследила бы весь творческий путь этого писателя. А какой фактический материал для понимания трудного пути наиболее сознательных, полезных пересутчиков могла бы дать такая статья, если бы она была вдумчивой, серьезной марксистской работой! Между тем Слонимский как грамотный перестройка его собственных произведений, таких повестей из «среднего проспекта», которой начинается тот или в образе Лапшинова, героя романа, написанного безобразно стало в последних произведениях Слонимского, или «Лавка» критики вроде Ю. Юзовского, умудрившегося в журнале «Ленинград» написать следующее:

«В «Фоме Клешневу» Слонимский подошел с большим опытом. В его творческом балансе к этому времени насчитывались две победы, которые являлись вместе с тем и неудачами. Или же две неудачи, которые можно назвать победами. Победы относились к художнику, неудачи—к общественнику».

Как будто возможно такое противопоставление «художника»—«общественника»! Как будто «Лапшины» и «средний проспект» не являлись и победами, и одновременно кое в чем неудачами Слонимского-общественника», все более органически входящего в пролетарскую общественность, и Слонимского-художника! Разумеется, Слонимский находится на гораздо более высоком идейном уровне, чем его критик—Полетика, и он не даст сбить себя той путаницы и вороншины, которую проводит в своей статье Полетика. Но ведь критик не имеет права находиться на более низком уровне, чем писатель, о котором он пишет!

Статья Полетики в «Ленинграде» — конкретное проявление лозунга, «активизации полутчинской критики», пользующейся популярностью в кое-каких ленинградских литературных кругах.

Нет статей о творчестве В. Тихонова, Н. Брауна, В. Лавренева, В. Пясчитной, ряда других писателей, идущих или всерьез желающих итти по пути социалистического.

Каким путем должна пойти перестройка ленинской критики, ленинской работы с полутчиками и союзниками, какие задачи стоят перед ленинской критикой по линии непосредственных вопросов самой пролетарской литературы, — все это является темами последующих писем о перестройке ЛАПП.

В. ЕРМИЛОВ

АВТОРЫ НЕ УЗНАЮТ СВОИХ КНИГ

РЕШИТЕЛЬНО УЛУЧШИТЬ ПЕРЕВОДЧЕСКОЕ ДЕЛО

НЕБЛАГОПОЛУЧНЫЙ УЧАСТОК

Качество переводов неоднократно уже подвергалось критике со стороны литературной и пролетарской общественности. Однако, мы не можем сказать, чтобы эта критика была достаточно резкой. В большинстве случаев указывалось на отдельные погрешности и небрежности, в между тем нужно прямо сказать, что все переводное дело находится у нас в совершенно неудовлетворительном состоянии. Эта квалификация должна быть отнесена ко всем без исключения областям переводной работы. В ближайшее время «Литературная газета» даст развернутую оценку переводческого дела. Сегодня мы обращаем внимание общественности на такой важнейший его участок, как переводы литературы народов СССР.

Приводимые нами письма тт. Зарина и Абчука сами по себе не нуждаются в комментариях. Эти товарищи имеют все основания возмущаться тем крайне недоброкачественным трудом, которое допустили переводчики, искажив их произведения, их творческий путь.

Но суть не только в отдельных, совершенно каких-либо, тт. Зарина и Абчука. Случаи, крайние с нами, к сожалению, являются отражением всей негодной системы организации переводов, в частности литературы народов СССР. Они свидетельствуют о совершенном неблагополучии с кадрами переводчиков: нередко переводами занимаются люди, имеющие очень слабое отношение к художественной литературе, подчас чуждые советской общественности (в особенности это относится к иностранным переводам), политически безграмотные.

С другой стороны, мы имеем совершенно недопустимую, возмутительную недооценку авторами переводного дела, его игнорирование издательствами и пролетарскими научно-литературными организациями. Отсутствие общественного контроля здесь сказывается самым пагубным образом.

Результаты налицо...

Помещая письма тт. Зарина и Абчука, мы подчеркиваем необходимость решительной проверки всего дела переводов, и в том числе, и в первую очередь — переводов литературы народов СССР. Этой проверкой должны заняться и общественность издательств, и ЛИЯ Комакадемии, и печать.

Пролетарские, революционные писатели народов СССР, писатели международного пролетариата имеют право на высококачественные, подлинно художественные переводы!

КАК ХОРОШЕЕ СТАНОВИТСЯ ПЛОХИМ

Из-книги я узнал, что русский перевод моей книги «Герой Шамиль» вышел на свет книг, рекомендованных в библиотеки. Это меня не особенно удивило, так как всегда до меня доходил перевод моей книги на русский язык, и ее не узнать: такое искажение текста, такой вульгарный перевод трудно себе представить (книга дана в сокращенном виде). И знал я за отдельными переводами литературы народов СССР. Отмечено в таких трудах и многократно сказано, как на то время, когда делался перевод моей книги, я принял ее всеми издательствами со стороны этого издательства на мой неоднократные просьбы сообщить мне в Кисловодск, кто переводит книгу, на мое требование прислать мне рукопись перевода для ознакомления, я никакого ответа не получил. И я теперь, безусловно, что-либо сделать.

Я хотел бы только отметить следующее: уже не раз в переводах литературы народов СССР, которые делает Отиз (или ГИХЛ), случается, что произведения, которые коммунистическая критика, рабочий читатель, вся пролетарская общественность данной национальности оценивают, как пролетарские, нередовые, после перевода превращаются в свою противоположность. В частности, моя книга была расценена критикой как большое достижение в деле овладения рабочей тематикой. «Прекрасное значение работает быта, богатый сочный язык делают эту книгу одной из наиболее «доходчивых» книг в нашей библиотеке».

И вот моя книга попадает в «перевод» и удивляется растенью, что ее ИЗЪЯЛИ ИЗ СПИСКОВ КНИГ РЕКОМЕНДОВАННЫХ В БИБЛИОТЕКИ.

Оставляю этот вопрос на суд пролетарской общественности.

А. АБЧУК

ПРИСТРАСТНЫЙ ВЫБОР?

В текущем году ГИХЛ издал переводную сборник стихов 3-х названием «Современная армянская поэзия», ответственным редактором которого являлся знакомый Гослитиздат ГИХЛ т. ЯКОВЛЕВ.

Не говоря о том, что во вступительной статье т. Кусикяна грубо искажено и неправильно характеризуется современная армянская поэзия (характеристика Аллазяна, Норенца и др.), не говоря о том, что составители сборника «забыли» таких весьма весомых поэтов как Геган Сарян, С. Таронци и др. что ряд поэтов представлен в сборнике неудачными случайными произведениями, но говоря о том факте, что ответственным редактором «Современной армянской поэзии» является человек, плохо знающий эту поэзию, — я считаю необходимым сказать несколько слов о следующем:

В сборнике помещены три мои триолета и отнюдь не из лучших по качеству, но являются характерными для моего творчества. Сказал я писал в самом начале моей литературной деятельности, когда я только что начал и идеологически и литературно самоопределяться. И решительно отказываюсь и от переводов, и от художественного метода этой поэзии. В этой области наблюдается антагонистическая непримиримость с нашей пролетарской революцией. Вторично публиковать эту поэтическую дрянь значит сознательно протаскивать этим материалом. Те которые вносили правки в мои стихи и включали эту газель, хорошо знают, что я не давал своего согласия. Несмотря на неоднократные телеграммы секретариата АПП Армении, ГИХЛ не послал сборник в адрес для ознакомления.

Н. ЗАРЯН

Член секретариата АПП Армении.

НА ВЕЧЕРЕ НЕМЕЦКОЙ СЕКЦИИ МАПП

Первый вечер, посвященный призыву немецких рабочих-ударников в литературу, организовала немецкая секция МАПП на Электрозаводе.

Красный уголок цинкового цеха, вмещающий около 250 человек, переполнен немецкими рабочими. В президиуме—секретарь немецкой секции МАПП т. ШЕЛЕНБЕРГ, ЭГОН ЭРВИН КИШ, редактор «ДЕЙЧЕ ЦЕНТРАЛЬ ЦЕНТУНГ» (центральная немецкая газета) т. КОММА и пять рабочих-ударников, решивших вступить в немецкую секцию МАПП. Вечер открывает т. ШЕЛЕНБЕРГ. В кратком вступительном слове он рассказывает собравшимся о задачах и значении призыва иностранных рабочих в литературу. Затем один за другим выступают с чтением своих произведений тт. З. ВИТТЕНБЕРГ (стихотворение «Двое»), М. МИЛЬКЕ (очерк о Шарлоттенбургском подшипнике), Г. КЛЕМ (фельетон «Слово и товарищи»), Э. МЮЛЛЕР (очерк «Мы и наши машины»), Э. МАТТЭ (стихи «Они чувствуют, мы знаем»).

Программа пополняется выступлениями тт. Г. БРАНДТ, ШНЕЙЛЕР, Г. ГУПЕРТ, П. ГОЛЬМ, ГОНЕР, ЭГОН ЭРВИН КИШ.

В заключение собравшиеся голосуют за прием тт. ВИТТЕНБЕРГ, МИЛЬКЕ, КЛЕМ, МЮЛЛЕР и МАТТЭ в ряды немецкой секции МАПП.

Вечер знаменуется выступлением «Колонны Линкс».

ДИСКУССИЯ ВССП

5 декабря возобновляется творческая дискуссия ВССП в Москве. С докладом о позиции выступит Н. АСЕЕВ. В середине декабря состоится доклад И. ОГЛЕВА после чего начнутся прения. Намечен ряд выступлений.

---

[8] Впрочем в книге «Западно-европейские литературы XX в. в ее главнейших проявлениях» 1929 год. 2-е). В. М. Фриче уже пробовал и этот термин. Но как? Опять таки — совершенно игнорируя Ленина по форме, выходящее с ним по существу, приближаясь скорее, скажем, к напыщенно-гуманистическому понимающему империализма как лишь полного войн и насилий вообще (см. стр. 19 и дальше).

[9] Сборник «Марксистское» искусствознание» В. М. Фриче. 1931 г., стр. 120.

[10] С большевистской нетерпимостью обязаны мы относиться также и к такому появлению большевистской терминологии, как мое здесь, например, т. Динамов и своем выступлении уже выступления в Комакадемии.

«Ленинское учение о партии, — говорит т. Динамов—опиралось всем не положение не еще в основу работы (см. «Шаги»?—Ред. Г.), у нас еще понимание партийности в искусстве сводится к тому, что говорят художник выносит своим искусством вопросов нам жизнью критик — своей оценкой применяется дает также приговор над художественным произведением. Суть не только в этом. Речь идет о том, что нужно в каком искусстве как и в критике, после борьбу партий нужно видеть, как в одном стиле, в стиле этого класса мы имеем сталкивающиеся течения разных социальных групп, разных партий» (подчеркнуто мною—М. Г.). Спрашивается: что общего у этой позиции с ленинским пониманием партийности? Конечно, ее, именно ленинские периоды!

О ДВУХ ТЕАТРАЛЬНЫХ ПРЕМЬЕРАХ

ЗЛОБОДНЕВНОЕ И АКТУАЛЬНОЕ

Быть злободневным — еще не значит быть актуальным.

Понятие актуальности в искусстве очень часто понимается только как понятие злободневности, тогда как последнее является элементом, входящим в понятие актуальности.

Искусство, театр, художественная литература должны быть прежде всего актуальными; их злободневность — не только в сегодняшнем дне, но и в завтрашнем. Здесь не может быть разрыва между актуальным и злободневным. Оба эти понятия находятся в диалектическом единстве. Вот почему действительно-художественное произведение живет не только в сегодняшнем дне, но и в завтрашнем.

На практике же мы часто видим, как «художественное» произведение, в котором понятие актуальности целиком подменено понятием «злободневность», быстро отживает, становится анахронизмом, давно «пройденным» этапом.

Где причины? Ответ на этот вопрос надо искать в низком уровне произведения, играющем решающую роль в дифференциальной стороне художественного произведения — в недостаточно конкретном, недостаточно опосредствованном. Недостаточная конкретность, [illegible] ведут к тому, что познаваемое явление (предмет) отражен очень поверхностно, схематично и не глубоко.

Между тем, большое большевистское искусство предполагает прежде всего глубину постановки вопроса, глубину познания предмета, явления, большое количество опосредствований. Если этого нет, значит нет глубокой идейной основы, нет достаточно высокого идейного уровня произведения.

И не из этой ли причины мы так часто наблюдаем неудачи в драматургии, в театре?

Возьмем например две последние постановки двух весьма различных театров; разберемся, почему в одном случае мы имеем актуальное, действительное явление искусства (даже при всех очень значительных недостатках), а в другом только «злободневное» представление, окрашенное своей серостью, однобокостью, «идейной» приглаженностью. Речь идет о двух премьерах: в Госет «Юлис» и в театре им. МГСПС «Мгла».

Мы не будем сравнивать приемы того и другого театра, мы не будем сравнивать тематику и ее разработку в этих пьесах. Остановимся только на вопросе нас интересующем, на вопросе, почему пьеса «Мгла» (Прозоровского) при всей своей тематической важности не является художественным явлением.

Ответ на этот вопрос следует искать в низком идейном уровне пьесы, в почти полном отсутствии опосредствований, в схематичном разрешении темы, наконец, в том, что все заранее известно, что все заранее (с первой же картины) решено. Пьеса не углубляет течения времени на уже известные явления, типы, характеры. Автор старается контролировать — даже не жалеть, а репортерскую судебную заметку.

Зритель, просмотрев пьесу «Мгла», пьесу о борьбе антисемитизма, ничего нового не найдет в ней, по сравнению с репортерским судебным отчетом.

И хотя тема пьесы «злободневна», но напрасно искать актуальности в пьесе нет. Слишком все взято мелко, поверхностно, примитивно.

***

Иное мы видим в «Юлисе». Этот спектакль (в отдельных своих частях очень спорный) — значительное событие на фоне целого ряда снижений провалов в нынешнем театральном сезоне.

Мы видим спектакль, где имеется глубокая, идейная основа.

К сожалению большинство критических отзывов об этом спектакле не отмечало основного — его идейной высоты, не раскрыло внутреннего смысла борьбы Юлиса и его товарищей.

Спектакль имеет глубокое интернациональное значение. Мы видим, как за вдову революции, за власть советов борются и умирают Юлис и его товарищи, как в классовой борьбе сплоченно выступают и виленский наборщик Станислав Брониовский, и профессиональный революционер Юлис Шимелевич, Людзик Ипуцкевич, и восставший солдат Афросьев.

По одну сторону баррикады классовой борьбой стоят: еврей Шимелевич, поляк Брониовский и русский крестьянин бедняк в солдатской шинели Афросьев. Им противостоят — буржуазец Гауп, полковой Богуславский, немецкий комендант. Здесь проходит линия классового фронта. На одной стороне — мозг сознательных, связанных пролетарской, сознательной дисциплиной борцов, на другой стороне — классовая солидарность всех тех, кто поднял красное знамя виленского совета, кто восстал против мира капитализма и подлости.

Мы видим, как преображается личность Афросьева, как растет классовая солидарность, как рождается герой. Мы видим, как в классовой борьбе срываются маски с врагов революции, эпатирующихся в одежды романтических «чувствий» «шута» шляхетской интеллигенции.

И хотя события, происходящие на сцене Госета, отделены от наших дней целой эпохой времени, они волнуют, они захватывают, они мобилизуют сознание и чувства зрителя. Авторы пьесы (Даниель, Мезоэль), постановщики спектакля (Михоэлс, Родлов) нашли глубокую форму выражения большой идеи.

Поэтому спектакль актуален, поэтому он по-настоящему злободневен.

Пьеса «Юлис» — новая страница в театре Госета, страница, которая вводит этот театр в круг актуальнейшей тематики, наполняет его пульсом нашей эпохи, подготавливает почву для создания героических образов борцов за социалистическое строительство.

Это победа театра.

Но победа еще не полноценная, еще переплетающаяся. Трудности налицо. Их надо преодолеть по линии еще большего проникновения в идейную глубину темы.

В этом спектакле еще сильны противоречия между сущностью и выражением идеи.

Юлис, Людзик — это еще не полноценные большевики, в них еще сильны элементы романтизма (Людзик), аффектации (Юлис). Но это не схема, не абстракции, это уже живые революционеры, классовые борцы (особенно это относится к образу Станислава).

Несомненным недостатком в слаженной концентрированной игре Михоэлса (Юлис) является печать обреченности. Вы впервые видите на улице появившегося Юлиса и уже чувствуете его трагический конец. Трудно дать такому большому актеру, после традиционного лангедама сразу свободно себя почувствовать в индивидуально профессионального революционера. Это достигается не сразу. Тут необходимо органическое слияние с новым образом. Но тем не менее Юлис Шимелевич в исполнении Михоэлса волнует, его героический облик наполняет сознание чувством величайшего уважения к его борьбе и мужеству.

Но в спектакле, как и в повести Даниэля, есть ряд неудачных мест. Вся история отношений Людзика и Анны Богдановой носит отпечаток мистической романтики интеллигентщины.

Второе замечание вызывает разработка массовых сцен с восклицаниями. Мы не видим обилия действительных причин недовольства возможностью сражаться за совет. Здесь нужно было сделать ударение не на их стремлении попасть домой (хотя и это имело значение), а на их классовой неоднородности, на наличие среди них элементов зажиточного крестьянства. От этого только выиграла бы политическая сторона спектакля.

Недостаточно отточена слабость самого совета, его известная разобщенность с рабочими окраинами Вильно. А между тем этот момент имел решающее значение на судьбу совета.

Из отдельных исполнителей нужно отметить, кроме Михоэлса (Юлис) и Зускина (Станислав), еще Чечика (Рауд), Финкельштейна (Афросьев), Гольдштейна (Богуславский).

В дальнейшем Госету необходимо еще большее углубление в идейную сторону темы, еще большее идейное перевооружение.

Б. З—КИЙ

ПЕРВОЕ КОМСОМОЛЬСКОЕ КИНО-СОВЕЩАНИЕ

В течение двух вечеров в Красном зале МК ВЛКСМ под председательством секретаря МК ВЛКСМ т. ПЕСЧИНА московская организация комсомола, представители и кинорганизаций и комсомольцы киносети провели обсуждение вопросы актуальные проблемы кинематографии от постановки перед нею задач, от тех широких требований, которые предъявляет к ней миллионная пролетарская аудитория, и в частности комсомол, героическая борьба которого за пятилетку, за строительство социализма не нашла почти никакого отражения в нашей кинопродукции.

В докладах председателя Союзкино (т. Б. СУ-ЛЬКЕВИЧ) и правления Межрабпомфильма (т. АЛЕКСЕЕВА-ЖЕМЧУГОВА) были отмечены те огромные количественные и качественные прорывы, с которыми наше кино приходит к концу первого года пятилетки, и была выражена уверенность в том, что с ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОЙ СМЕНОЙ ОППОРТУНИСТИЧЕСКОЙ «ТЕОРИИ» АВТОМАТИЗАЦИИ УДАСТСЯ В КРАТЧАЙШИЙ СРОК ОСУЩЕСТВИТЬ СОЦИАЛИСТИЧЕСКУЮ РЕКОНСТРУКЦИЮ СОВЕТСКОГО КИНО.

Зав. культсектором МГК ВЛКСМ т. ЛЮБИМОВ охарактеризовал и свои вскрыл многочисленные срывы и провалы в работе комсомола и указал на ту значительную роль, которую комсомол должен взять на себя в их ликвидации.

В итоге краткий обмениями принята обширная резолюция, намечающая конкретную программу социалистической реконструкции советского кино и план участия в ней комсомольских организаций.

От имени иностранных кинопролетариев, работающих в Межрабпомфильме, комсомольское киносовещание приветствовал известный немецкомунистический режиссер Голландер т. ЮРИС ИВАНС.

***

Совещание не разрешило ковечие всего комплекса вопросов, возникающих сейчас перед комсомолом в связи с задачей коренной перестройки советской кинематографии. И т. ПЕРСИН, подводя итоги докладов и прений, совершенно правильно отметил, что решения ВСЕХ вопросов сейчас не может быть дано, что необходимо создание при ЦК ВЛКСМ постоянно действующего органа, который будет заниматься вопросами кино, он же должен созвать второе совещание, которое должно будет уже конкретно решить ряд вопросов, в частности, он же должен поставить на очередь вопрос о подготовке новых кадров и организации специального совещания, которое МК ВЛКСМ в ближайшие дни дополнительно созовет.

Но огромное значение этого ПЕРВОГО комсомольского киносовещания несомненно, если учесть, что оно привлекло к вопросам кино внимание значительного актива комсомольцев и наметило те основные вехи, на которых должно пойти социалистическая реконструкция советской кинематографии.

Значение, проявленное комсомольскими организациями Москвы к первому киносовещанию является верным залогом того, что многомиллионный отряд комсомола энергично к нее включится.

Д. К.

ВЕСТИ ПАМЯТИ А. Я. ВИГАЛИК

28 ноября состоялся вечер памяти А. Я. Виталик, организовавшей Центральным домом работников просвещения. О воспоминаниями о т. Виталик выступили работники просвещения, сотрудники профиздата и рабочие авторы.

ТОВ. ЯКОВЛЕВ О ФИЛЬМЕ „ТОММИ“

17 ноября с. г. в «Рабочей газете» напечатана статья Яковлева «Распространять, поддерживать и развивать» посредством борьбы, Руси иным и Илюшиным. В этой статье тов. Яковлев с критикой кидком «Томми» и другими фильмами, которых коснулся тов. Яковлев, не согласен. Тов. Яковлев считает, что «Томми» — «правый» фильм, «примиренческий» фильм, «Правым» фильмом. Тов. Яковлев считает, что «Томми» — «правый» фильм, «примиренческий» фильм, «Правым» фильмом.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Орган Федерации объединений советских писателей РСФСР

МОСКВА 3 ДЕКАБРЯ 1931 г. № 66 (135)

РЕДАКЦИЯ:
Москва, Тверской б. 25, Дом Герцена. Телефон 2-80-12.

ИЗДАТЕЛЬСТВО:
Журнально - газетное об'единение: Москва, б. Страстной бульвар 11. Телефон 5-51-69.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА НА 1932 г.
На 12 м. 3 р. 60 к.
На 6 м. 1 р. 80 к.
На 3 м. — р. 90 к.

ПРОВЕДЯ В ЖИЗНЬ УКАЗАНИЯ ПАРТИИ, РАПП СОЗДАСТ МАГНИТОСТРОИ ЛИТЕРАТУРЫ!

Дневник пленума РАПП

ПЛЕНУМ РЕШИТЕЛЬНОГО ПЕРЕЛОМА

5-й пленум правления РАПП, который был созван после подведения основных итогов последней литературной дискуссии, должен был наметить пути решительного перелома в темпах и глубине перестройки пролетарской литературы. Эту свою задачу пленум в основном разрешил. Партия указала РАПП на недочеты и ошибки в ее работе. РАПП полностью приняла эти указания, положив их в основу плана своей перестройки. Комсомол предъявил пролетарской литературе социалистический счет, который является частью общепролетарского социалистического счета. РАПП приняла этот счет. Партия выдвинула перед пролетарскими писателями лозунг создания Магнитостроев литературы. РАПП пересматривает всю систему своей работы под углом зрения наиболее успешной реализации этого лозунга.

Белогвардейская эмиграция и классовые враги пролетариата в СССР, следившие за последними литературной дискуссией, рассчитывали на разброд в рядах пролетарской литературы, на разгром РАПП, на ослабление этого боевого отряда пролетариата на литературном фронте. Но они просчитались и на этот раз. Основные кадры пролетарского литературного движения уходят с пленума еще более сплоченными, чем раньше, установив — под руководством партии — причины, мешавшие ранее форсированному развертыванию борьбы за гегемонию пролетарской литературы. Единогласное принятие пленумом решения по вопросам перестройки является выражением единства взглядов основных кадров пролетарской литературы на пути и задачи перестройки.

Необходимой предпосылкой для реализации указаний партии должен был явиться решительный перелом в развертывании самокритики. Именно потому, что РАПП является не кружком, а основной организацией, проводящей линию партии в области литературы, — что она является ведущей организацией всего революционного фронта, искусства, — что перед нею стоят исторические задачи создания большого искусства пролетариата, осуществляющего социализм, — именно поэтому самокритика должна быть развернута значительно более последовательно и материально, чем до сих пор, превратившись в постоянный метод работы РАПП. Доклад т. Авербаха наметил основные линии развертывания самокритики, время по докладу дополнительно дали значительный материал, вскрывающий те или иные недочеты или ошибки в области творческой практики, в области теоретической работы, в области литературной политики и организационной практики РАПП. Опираясь на решения пленума и исходя из них, РАПП обязана проверить все участки своей работы, вскрыть все свои слабые места, выправить весь свой фронт для того, чтобы самокритика в ее рядах воспитала новые кадры, входящие в РАПП, — чтобы литературно-политическая, теоретическая и творческая линия РАПП не имела никаких отклонений, — чтобы борьба за ленинизм в литературе проходила успешно.

Пленум единогласно подтвердил правильность основной литературно-политической, теоретической и творческой линии РАПП, вырабатывавшейся под руководством партии. Тем самым дан решительный отпор правым капитулянтам и «левацким» вульгаризаторам, которые усомнились в правильности этой линии. Пленум одинаково решительно отмежевался от правых капитулянтов, которые пытались использовать ошибки РАПП для протаскивания своих оппортунистических позиций. Самокритика, развертывающаяся сейчас в РАПП, не имеет ничего общего с критикой, производимой с позиций воронщины или литфронтовщины. Развертывание самокритики в РАПП предполагает усиление борьбы с правой опасностью, как главной, и с «левацким» вульгаризаторством. На этой основе необходимо довести до каждого работника пролетарского литературного движения, до каждого кружковца понимание всей серьезности того испытания, которое держит сейчас пролетарская литература при под'еме на высшую ступень. На этой основе необходимо решительно преодолеть инерцию прежних методов и навыков работы, еще очень сильную во всей практике работы РАПП.

Партия указала пролетарским писателям на то, что их организация является по своему типу идейно-воспитательной организацией, что вопросы производственно-творческого порядка должны стоять в центре ее внимания. РАПП имеет свою творческую линию, выраженную в ряде документов. В рядах этой линии не только возможны, но и необходимы различные творческие группировки, выражающие различные стремления пролетарских писателей к овладению диалектико-материалистическим творческим методом, различные творческие направления, тенденции к формированию творческих школ. Чем больше будет таких школ, чем интенсивнее будет развертываться творческая дискуссия, тем скорее пролетарская литература заработает право на свою гегемонию. Выступление т. Безыменского, являвшееся одним из центральных моментов работы пленума, способствует большее положительное значение для сплочения основных кадров пролетарской литературы на принципиальной основе, — для такого сплочения, без которого невозможно по-настоящему развернуть творческое соревнование. Заявление о решительном разрыве с литфронтовщиной во всех ее вариантах, о желании творчески перестроиться, о согласии с основами линии руководства РАПП не только в литературной политике, но и в творческих вопросах, — вот самый ценный из всех ее вариантов, с которого необходимые предпосылки для возвращения т. Безыменского в ряды руководящих работников пролетарского литературного движения. На пленуме не были (и не могли быть) широко обсуждены вопросы творческой дискуссии. Но выступления ряда писателей — Либединского, Либединского и др. — достаточно показали, насколько назрела необходимость в ее широчайшем развертывании. Под таким углом — под углом производственно-творческих вопросов — при усилении партийно-воспитательной работы рапповских кадров и литературно-политической активизации всей РАПП — и должна после пленума начаться форсированными темпами перестройка РАПП.

Усиление борьбы за партийность — вот чем должна прежде всего характеризоваться эта перестройка. Внутри РАПП необходимо преодолеть отдельные ошибки деборинского и плехановского порядка, предлагать ненажитое до конца засилие «воронщины». В то же время пленум (в том числе и в обсуждении доклада т. Афиногенова) показал, насколько остро стоит вопрос, поставленный во весь рост письмом т. Сталина в редакцию «Пролетарской революции», об усилении большевистской нетерпимости в теоретической работе по отношению к гнилому либерализму и к троцкистским и всяким иным литературным контрабандистам. Пленум показал, что по отношению к таким теоретикам, как например Горбачев, недостаточно говорить об их троцкистской методологии, что в их теоретических работах непосредственно протаскивается троцкистская политическая концепция. Подняться на более высокий идейно-теоретический уровень, развернуть борьбу за ленинизм в литературной теории в тесном союзе с другими пролетарскими отрядами на теоретическом фронте — и прежде всего с ОБМД, — разоблачить до конца враждебные ленинизму литературные концепции, вывести на чистую воду троцкистских и иных контрабандистов, — таково прямое задание пленума всем теоретическим кадрам пролетарского литературного движения.

Пленум прошел после подведения на страницах ЦО партии основных итогов последней литературной дискуссии. Эта дискуссия, при наличии в ней известного количества ненужных элементов, сыграла большую положительную роль. Руководство РАПП, защищая правильные в основном творческие позиции, правильно ряд творческих проблем и уточнило их постановку. Дискуссия поставила перед РАПП задачу борьбы с дезинтеграцией литературщины, которое и помешало РАПП (а вместе с ним и «Литературной газете») увидеть все положительное значение критики РАПП со стороны комсомола. Выступление на пленуме т. Троицкого от ЦК ВЛКСМ и «Комсомольской правды» показало, что в итоге дискуссии завязывается теснейшая связь между РАПП и ленинским комсомолом.

Пленум правления РАПП сыграет значение переломного пленума только в том случае, если его работа явится только введением к перестройке всей работы РАПП снизу доверху, если единство кадров пролетарской литературы по основным вопросам движения будет подтверждено совместной практической работой. Пленум в этом смысле является только началом того испытания, которое держит сейчас пролетарская литература перед лицом своего класса. Социалистический счет принят, но не оплачен.

За развертывание самокритики!
За перестройку РАПП!
За партийность!
За Магнитострои литературы!

«Литературная газета» приветствует пленум ЦК ВЛКСМ Дружная совместная работа РАПП и комсомола обеспечит под руководством партии подъем пролетарской литературы на высшую ступень

МАПП ЗАПАЗДЫВАЕТ С ПОДГОТОВКОЙ СМОТРА МОЛОДЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

КАКОЙ СМОТР? — МЫ НИЧЕГО НЕ ЗНАЕМ!..

НА ПРЕДПРИЯТИЯХ ФРУНЗЕНСКОГО РАЙОНА К СМОТРУ НЕ ПРИСТУПИЛИ...

Секретариат московского горкома ВЛКСМ, одобрив план проведения смотра комсомольской литературы, предложил всем культурно-массовым районам и ячейкам комсомола связаться с райбюро МАПП и разработать конкретный план проведения смотра в районах и на отдельных предприятиях.

Секретариат МАПП в свою очередь предложил всем районным бюро немедленно включиться в проведение смотра и проработать вопросы смотра на литкружках.

Однако не все районные бюро МАПП отнеслись к этому важнейшему делу с должным вниманием. Так, например, на основных предприятиях Фрунзенского района (завод «Калужук», фабрика Мосполиграфа «Красная новь» № 13 и 7 типография «Искра революции») до сих пор к смотру не приступили. Больше того, о проведении смотра в этих районах еще никто ничего не знает. Литкружки, ячейки комсомола, фабрично-заводские многотиражки — все они пока в стороне от смотра.

Завод «Калужук» — это одно из крупнейших предприятий Фрунзенского района. Комсомольская ячейка насчитывает 800 человек. В литкружке занято — 20 человек и больше половины — комсомольцы.

— Как вы участвуете в смотре комсомольской литературы?

— В каком смотре? — удивленно спрашивает руководитель культмассового сектора ячейки т. Конина (она же член литкружка). — Ничего не знаю.

В аналогичном духе беседуем с активистом литкружка т. Резчиковым. Он тоже впервые слышит о смотре.

— В нашем литкружке, говорит он, — есть несколько комсомольских поэтов. Руководит кружком т. Васильев. Но до сих пор о смотре комсомольской литературы нам ничего не сообщали. Райбюро никаких указаний на этот счет не давало.

Безынициативен и заводской многотиражки «Резинщик». По крайней мере за сегодняшний день на его страницах не было помещено ни одной заметки о смотре.

Фабрика «Красная швея» № 13. Литкружок работает регулярно, однако о смотре комсомольской литературы здесь также ничего не знают.

— Никаких указаний о проведении смотра мы не получали, — говорит ответственный секретарь комсомольской ячейки т. Михина.

7 типография «Искра революции». Организованный при типографии литкружок распался. Сейчас кружка нет. О предстоящем смотре здесь также ничего неизвестно.

Что же делает райбюро МАПП Фрунзенского района? Ничего. Или почти ничего. И это «ничего» относится не только к смотру комсомольской литературы. В районе много литкружков на предприятиях. Некоторые из них работают активно. Но литкружкам нужно конкретное руководство, нужна повседневная помощь. Райбюро не оказывает этой помощи.

Райбюро МАПП находится в помещении Фрунзенского райкома партии. Стол и стул. Над столом надпись: «МАПП. Прием от 3 до 7 вечера». Мы пришли аккуратно в 3 часа. Ждем 10 минут, полчаса, час. Никого нет. Так было вчера, так было 30 ноября, так было 2, 3 и 4 декабря.

— Зачем ходить в райбюро, если там никого нет? — безнадежно машет рукой литкружковец.

После долгих ожиданий и поисков, наконец, удалось выяснить, что секретарь райбюро т. Хороманский «не то заболел, не то уехал», что его «как будто заменяет член райбюро т. Живодеров», но что «Живодеров тоже, кажется, куда-то выехал, и выехал еще в конце ноября».

В такой обстановке работа Фрунзенского райбюро МАПП смотр развивается не может. Необходимо живое руководство, конкретные инструктажи.

А. КР—ОВ

ХРОНИКА СМОТРА

* Дом печати и «Комсомольская правда» организуют 12 декабря (в Доме печати) вечер смотра комсомольской литературы. На вечере будут обсуждены две повести — «Болтовня» — Ошанова и «Июнь-июль» — Митрофанова.

* Мосторком писателей выделяет бригаду критиков, которая займется проработкой ряда молодежных произведений и произведений о молодежи. Консультационному бюро Мосторкома поручено написать ряд статей о молодежной литературе.

* Мосторком организует вечер встречи писателей с молодежью. Кроме того, в районных клубах и на заводах будут проведены творческие диспуты о комсомольской литературе.

* Пролетарская литературная группа Москольф «Красное знамя» организует обсуждение творчества членов А. Жарова, А. Безыменского, Дж. Алтаузена и Н. Уткина.

* Литературная секция «Красный пролетарий» совместно с комсомольской ячейкой в ближайшее время устраивает несколько вечеров комсомольских писателей. В перерывах между вечерами по темам обеденных перерывов будут проведены беседы на литературные темы. Заводская редколлегия «Фабзавуч» выпускает специальный номер, посвященный творческому смотру.

«СМЕНА» ПРЕДЛАГАЕТ

ЛЕНИНГРАД. (Наш корр.). Газета «Смена» выпускается в смотр комсомольской литературы. Газета посвящает смотру ряд литстраниц. Помимо произведений, перечисленных в «Комсомольской правде» от 14 ноября, «Смена» предлагает обсудить еще произведения: В. Пешехонова («Кочуга»), И. Бражнина («Их пятеро»), Христофорова («Фабзавуч»), Ф. Князева («На разбеге»), В. Хмары («Подземным ходом»), С. Свиридова («Комсомольцы»), а также серию очерков «Страна должна знать своих героев» и очерки, печатающиеся в комсомольских журналах и газетах.

Пленум правления РАПП избрал бюро правления в составе 37 чел. В состав бюро правления РАПП вошли тт. Авербах, Афиногенов, Бахметьев, Безыменский, Боровой, Бухарцев, Гурвич, Горбунов, Динамов, Ермилов, Жига, Мага Зядова, Ильенков, Вел. Ильин, Карпов, Кирпотин, Корабельников, Кожевников, Лугарь, Либединский, Макарьев, Митрофанов, Панферов, Селивановский, Серафимович, Ставский, Серебряный, Сапаров, Сурков, Суетин, Троицкий, Фадеев, Фритман, Чумандрин, Яковлев, Яновский, Исенский.

Кандидатами в бюро правления РАПП избраны тт.: Гидаш, Кибальчич, Колесов и Колечников.

В секретариат РАПП избраны тт. Л. Авербах, А. Фадеев, В. Кирпотин, Ф. Панферов, П. Макарьев.

Кандидатами в члены секретариата: Вел. Ильин, А. Селивановский, М. Лугарь.

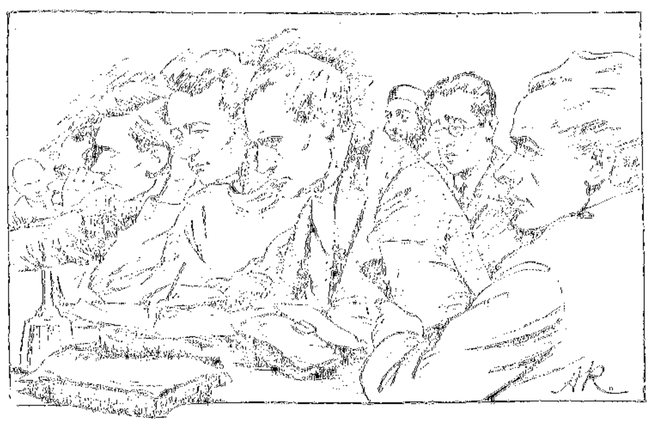
ВЫБОРЫ РУКОВОДЯЩИХ ОРГАНОВ ПРАВЛЕНИЯ РАПП

На заключительном заседании пленума избрано бюро правления РАПП из 37 чел.

Л. АВЕРБАХ ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ РАПП

Пленум правления РАПП утвердил ответственным секретарем российской ассоциации пролетарских писателей т. Л. АВЕРБАХА.

Рис. Костомолоцкого



В ПРЕЗИДИУМЕ ПЛЕНУМА ПРАВЛЕНИЯ РАПП

МЫ СОЗДАДИМ САМУЮ ЛУЧШУЮ, САМУЮ БОЛЬШУЮ ЛИТЕРАТУРУ

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ РЕЧЬ т. А. ФАДЕЕВА

При закрытии пленума с большой заключительной речью выступил т. А. Фадеев, который подчеркнул, что пленум является переломным в жизни рапповской организации.

— Мы выросли из небольшого кружка, группы — в массовое движение, вышли на мировую арену борьбы рабочего класса и являемся ведущим литературным отрядом не только литературы СССР, но и мировой пролетарской литературы. Нам противостоит весь мировой фронт буржуазной культуры и мы можем гордиться тем, что все враги рабочего класса, начиная с русских белогвардейцев и кончая буржуазной и мелкобуржуазной говорят о нашей организации.

Старые одежды кружка, группы, в которых мы когда-то росли, теперь обязанные нам тесны. Но мы, к сожалению, сохранили в нашей работе большую инерцию прошлого. В этом прошлом много было хорошего, все основное было хорошее, это была настоящая борьба за гегемонию пролетарской литературы. **Но теперь старые навыки, недостатки мешают нам двигаться вперед быстрыми большевистскими темпами.**

Мы спорим по творческим вопросам **и будем спорить дальше, но эти вопросы, являющиеся основными для нашей организации, являются в то же время второстепенными по сравнению с общими задачами борьбы рабочего класса,** и эту задачу борьбы за социализм мы должны поставить во главу угла, **именно исходя из нее,** должны суметь расположить все наши силы. Большевистский поставим фронт пролетарской литературы, ведущей наступление на классового врага.

Задачей нашего пленума, задачей нашей организации является коренное его перевооружение в организационно **идейно-воспитательного, творческо-производственного типа,** где каждый начинающий писатель сможет найти свое место, найдет товарищескую критику, помощь и внимание. Именно на таком основе мы построим наш фронт и будем удерживать все более и более решающие победы.

Но умение так расставить силы не означает, что мы должны утратить то качество, которое нас характеризовало уже тогда, когда мы были еще кружком, — качество **величайшей идейной нетерпимости ко всяким отклонениям от линии партии.** Необорот, став ведущим отрядом, мы будем развертывать творческую дискуссию, и при настоящей непримиримой борьбе с действительными врагами, будем все более основно ждать дискуссии от того именного, что характеризовало ее начало.

За целым рядом творческих вопросов мы последили жизненно важную тенденцию комсомола в создании пролетарской литературы. Мы признали эту вашу ошибку. Мы поняли сейчас, что именно многомиллионный комсомол, который пришел к нам на помощь, есть такая организация, которая уже по самому составу РАПП особенно близка и дорога нам. **Мы будем дальше работать в тесной связи с комсомолом.** Но это не значит, что мы снимем творческие разногласия, которые у нас могут быть с отдельными товарищами и из «Комсомольской правды». Несомненно, что по творческим вопросам в отдельных статьях «Комс. правды» были ошибки. **Мы будем вместе двигать дело пролетарской литературы, дискутируя по творческим вопросам и вовлекая все новые и новые кадры в эту дискуссию.**

Мы накопили большой опыт и у нас **есть достаточно большевистских сил для того, чтобы осуществить необходимую перестройку.** Мы являемся самой молодой литературой в мире, но у нас есть свойства, отличающие нас от других литератур, которые когда-либо существовали в мире.

Первая особенность нашей заключается в том, что мы в отличие от буржуазно-помещичьей литературы — первые открыто на весь мир сказали, что **которые есть у рабочего класса, у коммунистической партии.** Мы положили в основу нашей теории теорию рабочего класса, теорию марксизма-ленинизма.

Второй нашей особенностью является то, что мы создаем нашу литературу на основе массового движения рабочего класса, на основе творческих инициативных слоев рабочего класса в пролетарском литературном движении. **Именно те слои рабочего класса и крестьянства, для которых в прошлом каждый шаг общественно-культурной жизни был неизмеримо трудом, — именно эти люди, совершив пролетарскую революцию, берут в свои руки дело литературы.**

Третье отличие заключается в том, что наша литература строится на основе интернациональной солидарности и взаимного обмена опытом между всеми национальными отрядами рабочего класса.

Четвертое отличие наше от всех других литератур состоит в том, что, будучи самой молодой литературой, мы в то же время не сомневаемся, что создадим самую могучую, самую большую литературу, **которая когда-либо была в мире,** — говорят нам вандеи мечты нашего пленума т. Фадеев.

Несмотря на то, что мы еще находимся в детском периоде пролетарской литературы, имея эти наши особенности, мы берем на себя смелость сказать на весь мир, что та литература, которая будет создана нами, по своим идейной высоте, по своему художественному качеству не будет иметь равной себе, что она строится на социалистических частях, которые выражают самые передовые идеи человеческого общества. Об этом нам говорит большое количество полученных нами писем с просьбой прислать книги, с просьбой помочь, с просьбой указать, как писать, с просьбой разрешить вопросы, которые возникают в процессе творческой работы.

Мы уже не знаем, что нам делать с этими письмами, потому что их очень много. Мы не можем ответить на все эти письма, но мы будем отвечать на них в нашей печати, мы будем помогать нашим читателям, которые пишут нам, мы будем помогать им в их творческой работе.

Мы уже не говорим о том, что наша литература будет самой передовой литературой в мире, потому что она будет строиться на основе марксизма-ленинизма, потому что она будет строиться на основе самого передового мировоззрения, которое когда-либо существовало в мире.

— Да здравствует пролетарская социалистическая литература!

— Да здравствует наше руководство — коммунистическая партия!

— Выше знамена, товарищи!

На этот призыв весь пленум, стоя, отвечает пением «Интернационала».

Шандор Гергель В ГОСТЯХ У ПЕГОРЕЛОЙ

И спокойно хожу по улицам. Выходя из кают, не озираюсь направо и налево. Не ходу внезапно не оглядываюсь, как будто завидую бодимаки. Не раскланиваю последним в трамвай из знакомых, что за мной кто-то гонится. Нет, за мной никого нет. Но утром, перед воротами, не караулит сыщик. Моя дни и ночи текут без надзора, и если на улице из моих уст нечаянно вырвется мотив революционной песни, у меня не замирает сердце. Я уже две недели живу здесь в общежитии для рабочих.

Знаешь ли ты, товарищ, что это такое? Видишь ли ты разницу между Будапештом и Москвой, помимо их географической дальности? Наверно видишь и знаешь. Но не улыбайся, сочти за родственство то, что тебе расскажу о моем первом сильном впечатлении здесь, дома.

На польско-русской границе, в Негорелом, шел таможенный осмотр. Все выстроились в ряд с вещами. Возле меня стоял генеральный секретарь Международного объединения революционных писателей, а сзади нас, последним в ряду, член ЦКК и ЦК. Он должен был показать свои чемоданы. Мы ждали полтора часа, пока очередь дошла до нас.

Мой русский товарищ! В Венгрии стоит где-нибудь полиция министру или начальнику округа, порядок нарушается, полиция и жандармы суетятся и шныряют, служащие обливаются потом, поезд останавливается без расписания, а простых смертных разгоняет, чтобы нежданный вид толпы не оскорбил глаз барину. Я смотрел на членов ЦКК и ЦК. Лицо его было жабочено, он следил за руками таможенного. Вот таможенный что-то вынашивает: оказался резиновый крокодил. Он спросил: что, это? Для кого?

— Это игрушка... ребенку...

Таможенный уже не в конторе. Член ЦКК и ЦК стал нетально ждать. А я на это время смотрел в блаженном ощущении. Разве таможенный досмотрщик в Венгрии досмел бы задать в чем-нибудь важного государственного значения? А если бы он все-таки это сделал? Ну, тогда барин образумил бы забияку собственной элакторной ладонью, а затем несчастный слетел бы с места.

Пограничный досмотрщик вернулся и принес крокодила обратно. Член ЦКК и ЦК вздохнул с облегчением, он получил резиновое животное обратно. Таможенный сделал знак члену ЦКК и ЦК, как будто хотел сказать: хорошо, приятель, можешь итти.

В Венгрии он не стал бы делать знаков. Он и глазом не мигнул бы. Он стоял бы, как столб. Ну, а если бы все-таки он сделал знак? Тогда он получил бы две пощечины, точно же лишился бы чести и уже в основах разминался бы о своем преступлении против чести нации. Он освободил бы нацию уже тем, что **сделал знак** именитому ее представителю.

Товарищи! Я был воспитан в атмосфере «западной цивилизации». За последние десять лет делал гигантские усилия, чтобы избавиться от каждой мелкой механической культуры. Может быть здесь, в общежитии для рабочих, мне это удастся вполне. Может быть и то, что я написал сейчас сентиментальная лирика не оскорбит только-евреек и советский гражданин — разные люди.

Я писал роман и вдруг приостановил работу. Последняя фраза была такова: «венгерская пролетарская диктатура была героическим усилием венгерских рабочих». Я оглядел рукопись. Хотел ее бросить обратно. Я стал перечитывать с начала до конца, проходил полчаса. Опять сел. Зачеркнул фразу и написал слова так: «венгерская пролетарская диктатура была великим усилием венгерских рабочих, она была, **не героическим, но великим.** Потому что, если я напишу «героическим» — то будет «преступное восхваление». А «преступное восхваление» значит по меньшей мере год тюремного заключения, конфискацию книги...

Вы уже не знаете той насильственной организации, в которой солдат, запуганный господами офицерами и вымуштрированный ими в диком зверя, проявляет слепую преданность перед высшими и кровожадную жестокость к нашим. Поэтому не смейтесь над бежавшим к вам рядовым из среды тех работников, которые вынуждены вести нелегальное существование и работать с величайшим напряжением сил, если он расчувствовался от того смущения, в которое привели члена ЦКК и ЦК простые вещи таможенного.

Я уже две недели хожу по московским улицам. Я наслаждаюсь и смеюсь: мне весело. Я вижу развевающиеся красные флаги на зданиях, слышу красивую музыкальную речь. Шинок не гонится за улицами, и на улице я не должен бояться, когда называю своего друга товарищем. А вчера я сам себя удивил: я написал в молодежную газету и с трудом произнес русские слова: товарищ, как Петрушка?

Я назвал мужчину товарищем.

Мне кажется, что я действительно дома.

ПЯТЫЙ ПЛЕНУМ ПРАВЛЕНИЯ РАПП — ПЛЕНУМ НАЧАЛА РЕШИТЕЛЬНОЙ ПЕРЕСТРОЙКИ

ЗАДАЧИ ПЕРЕСТРОЙКИ РАБОТЫ РАПП

МЫ НЕ ОКАЗАЛИСЬ НА ВЫСОТЕ

ДОКЛАД т. Л. АВЕРБАХА НА ПЛЕНУМЕ ПРАВЛЕНИЯ РАПП 2 ДЕКАБРЯ 1931 Г.*

ТВОРЧЕСКИЕ УСТАНОВКИ РАПП И РАЗВЕРТЫВАНИЕ ТВОРЧЕСКОГО СОРЕВНОВАНИЯ

Наш пленум должен широко поставить вопросы перестройки работы РАПП. Речь идет не только об организационной перестройке, пересмотре устава, изменении структуры руководящих органов. Речь идет о коренной действительной перестройке всех сторон деятельности нашего движения на основе тех указаний, которые сделала партия.

Первые вопросы о перестройке были поставлены два года назад — на сентябрьском пленуме правления РАПП, в 1929 г. Мы поставили тогда вопрос прямо и резко. Мы говорили: если РАПП не отдаст себе отчета в величайших изменениях действительности и в конкретных требованиях рабочего класса, то она смолоет оказаться в таком положении, в каком очутились «Кузница» при переходе от военного коммунизма к нэпу.

Перестроились ли мы или два года назад? Да, мы перестраивались. Конечно, кто будет отрицать нашу перестройку и утверждать, что мы только сейчас начинаем перестраиваться, будет клеветать на нашу организацию. Но перестраивались мы совершенно недостаточно. Если поставить вопрос прямо, оказалось бы мы на высоте за эти истекшие два года, то надо заявить: **нет, на высоте мы не оказались.** Другие организации рабочего класса перестраивались гораздо успешнее, лучше, шире и глубже, чем пролетлитературное движение.

Именно из этого нужно исходить при оценке последней дискуссии. Дискуссия показала, что мы не отдавали себе должного отчета со всем значением и размерах необходимого сдвига. Темпы и содержание перестройки. Указания партии на недостатки нашего движения: слабое развертывание самокритики и творческих группировок, творческих дискуссий, указания партии на идейно-воспитательный характер, который должна иметь работа РАПП, на недопустимость элементов администрирования, командования, бюрократического зажима, организационных нажимов,— эти директивы партии нашим движением по-настоящему, в основном не реализованы. За это мы и расплачиваемся в последней дискуссии.

Вещными критериями творческих лозунгов, за которые мы будем драться в вперед, мы «схематически» использовали важнейшие стороны спора. Мы противопоставили, скажем, изучению Медведева, Мозгового, конечно, были правы, и были правы мы, отстаивая против чего

СОЗДАЕТСЯ «НОВЫЙ ВИД ДУХОВНОГО ПРОИЗВОДСТВА»

В связи с вопросом производственной перестройки, настойчиво поставим вопрос о положении искусства вообще. Если исходить из положений искусства в капиталистических странах, можно прийти к выводу, что искусство вообще умирает, что роль его в общественном сознании сокращается (и занимать им не представляет особой необходимости).

Особенно ярко проявляется кризис буржуазного искусства на примере литературы.

Это не снижает кризисность утверждения Ленина о том, что экономическое производство рождает некоторым отражением духовного производства, каковым — искусство и поэзия». Таким образом, мы имеем дело не только с кризисом буржуазного искусства как явлением, отражающим из общего кризиса капитализма, но и с более острым выражением основных закономерностей развития искусства при капитализме вообще.

Из этого следует вывод теории отмирания искусства, о том, что искусство отмирает вместе с классами.

Но, исходя из того, что искусство вообще при капитализме, что господствующие буржуазные направления искусства (и литфронтовская постановка вопросов о ликвидации искусства. Вальтер Фриче представляет собой в интеллектуальное приукрашивание действительной линии. И вульгаризаторы, и буржуазно-демократические представители об органичности мышления будущего человека — в противовес марксистско-ленинской установке на то, что социализм несет с собой гигантские всех сторон человеческой деятельности во всем ее многообразии. Фриче утверждает, что искусство господствует в художественной промышленности, мы же говорим, что вообще искусство точно сливается не исчезает, что при социализме будет такое высокое и исключительное искусство, какого никогда не знало еще человечество. Фриче ссылается на машинную технику, говоря, что машинная техника это и есть искусство человечества. На деле это тактовая теория, в художником не пахнет, о том, что не машина — для человека, а человек — для машины!

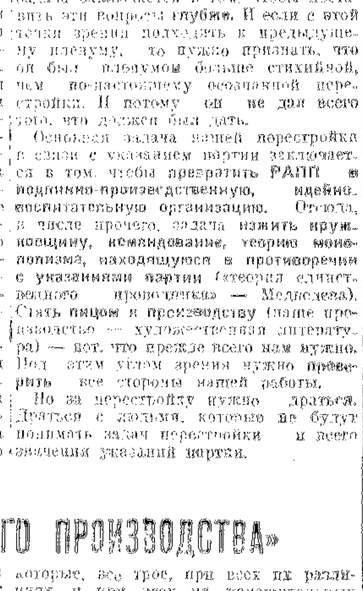
Когда читаешь подобные построения большевика Фриче, у которого мы многому учились и у которого должны учиться, поражаешься его контрастам. То тому учишься — до чего они тождественны у него с положениями буржуазного техницизма.

Будем слушаться во все эти рассуждения Фриче, то не станет ли нам ясно, откуда растет «Литфронт», какова его собственная программа? Разве не ясно станет, что именно с такого рода построениями связан курс на Маяковского — в литературе, Мейерхольда — в театре, Эйзенштейна — в кино,

* Доклад дается по живой записи, в сильно сокращенном виде.

которые, все трое, при всех их различиях и при всех их положительных качествах, так все разные, отличаются механистическим материализмом, непониманием диалектики, биологизацией социальных явлений, неизбежностью механистической методологией и недооценкой революционности. Аналогична им — это подмена задачи создания качественного нового, особо отличного, нашего искусства, — ориентировкой на крайнюю левую искусства интеллигентского, классово не нашего.

Мы должны заниматься этой критикой фриче (который в истории был нашим большевистским ученым) в частности потому, что в ошибочных своих взглядах — он не одинок. Возьмите теорию Кушнера. Чужака, заявляющего, что «бесстилистика — опиум для народа», Беспалова, по сути дела пропагандирующего такие же мысли. Можно встретить такие взгляды в самом неожиданном месте. Знакомясь например с материалами о библиотеках, я



т. СУСЕЕВ
КАЛМЫЦКАЯ АПП

столкнулся с «теорией» некоего Б. А. Лесного. Он заявляет: «долой искусство», исходя из того, что искусство — роскошь и предрассудок, а мы уже сорвали покрывало, и потому искусство нам не нужно.

Все это показывает, что мы, дравшись с Беспаловым, Кушнером, правильно говорили, что вопрос стоит так: противопоставление эстетики или ликвидация искусства. Но суть дела ликвидаторы возводят в закон и для социализма практику умирающего капитализма. Их «теория» — отражение трупным ядом современного искусства буржуазии.

Наша партия не так ставила и ставит вопрос об искусстве и литературе. Ленин говорил о том, что мы должны сперва буржуазную литературу для того, чтобы на ее месте построить литературу социалистическую. Мы знаем, какое внимание уделяется литературе и искусству т. Сталиным и всей нашей партией. **Мы опровергаем все ликвидаторские настроения не только теоретически, но и нашей практикой,** ростом нашего пролетарского искусства. Мы опровергаем эти теории практикой всех отрядов международного объединения революционных писателей. Мы опровергаем их также выращиванием кадров большевиков, работников фронта искусства.

Столь же резко мы ставим вопрос по отношению к тем, которые, признавая за искусством будущее, утверждают, что сейчас-то, в период стройки, острых боев и т. д. — время для искусства неподходящее. Я не буду говорить о Троцком, который в вопросах искусства всегда был самым худшим реформистом и представителем II интернационала. Но возьмите например Потоцкого, который сейчас занимает «странную левую» позицию и везде занимает в своей эротодоксальности, думая, что этим он компенсирует свои оппортунистические грехи. Вспомните его теорию — в статье «Концы и начала» — о том, что сейчас — не время для лирики, теорию, подробно разработанную А. Селивановским в «Литературной газете» и на творческой дискуссии ВССП. Вспомните стихотворение Кириллова «Другу лирику» («Литгазета» от 20 августа), в котором проводится та же мысль.

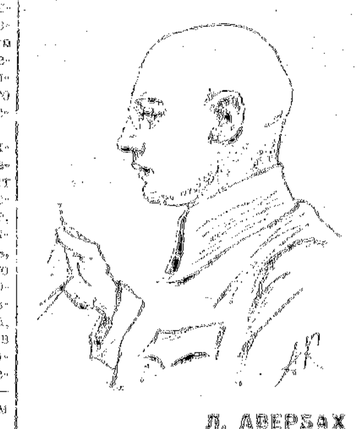
Линия этих людей, так же как и линия литфронтовцев — на «одновременную зятику», есть линия наименьшего сопротивления, линия капитуляции перед буржуазными и мелкобуржуазными влияниями, линия неверия в то, что рабочий класс может создать свое искусство.

Но еще распространеннее другая линия, гораздо более опасная, линия реставраторства. Реставраторы мыслят так: вот были Толстой, Бальзак, Шекспир, Фейбер... И нам нужны такие, только идеологически несколько выдержанные. Это — главная опасность, обнаруживающая непонимание того, что рабочий класс по-настоящему совершит переворот в художественном развитии всего человечества только тогда, когда революция будет произведена в самой литературе. Реставраторы ориентируются на старую буржуазную литературу, на подражательство. Это — главная, прямая опасность в нашем движении.

Многое из нас сами еще не осознает того громадного идеологического переворота, который происходит в нашей стране. Наше величайшее культурное развитие, осуществляемая генеральная линия культурной революции заключается в том, что у нас начинает сливаться противоречие между физическим и умственным трудом, что у нас происходит действительная смена вида духовного производства, о котором говорили Маркс и Энгель.

Именно с этой точки зрения, с точки зрения нового вида духовного производства, мы должны подойти к задачам нашего искусства, к задачам перестройки нашей литературы. Вот почему возрастают требования пролетарского читателя к нашей литературе, вот почему так редко ставится вопрос об отставании, вот почему рабочий класс и партия дают лозунг: «За Магнитострой литературы!»

Именно с точки зрения нового духовного производства мы должны ставить



Л. АВЕРБАХ

и такие задачи, как создание истории гражданской войны, создание истории фабрик и заводов. Между тем у нас наблюдается величайшая недооценка этих литературно-революционных начинаний, этого почина т. Горького.

В свете такой перспективы мы должны подходить к оценке уровня современной пролетарской литературы. И потому, что мы именно так ставим вопрос, в оборотном конверте лозунг «догнать и перегнать» (этот лозунг мы недавно критиковали, вскрыли его у Мегедова, и обнаружили затем, что такие же формалистические извращения и у нас в РАПП — у Крылова и в резолюции актива МАПП). Этот лозунг затушевывает классовую качественную особенность нашей литературы, преуменьшает ее задачи, принижает наши требования.

Поэтому в частности те производственные перестройки, о которой мы говорим, предполагает более строгие критерии. Мы должны критиковать себя глубже, пристрастнее, последовательнее, чем критикует нас наш пролетарский читатель.

Революция в искусстве уже началась. Мы уже создали такую литературу, которая является сейчас наиболее значительной литературой мира. А ведь это только первые шаги. Мы боремся за новое искусство действительно большевистского накала страсти, искусство — орудие не только правильного познания мира, но и коренной его перестройки.

Революция в искусстве, изменение его форм, изменение вида духовного производства некоторым кажется сломом искусства вообще. Именно в таком плане нужно расценивать настроения некоторых попутнических писателей (Ольга Форш «Сумасшедший корабль», Борис Пастернак, частично — Юр. Олеша и др.). Суть этих настроений заключается в том, что у нас нет места искусству, нет обстановки для творческой работы и т. д. Такой тип отрицания искусства имеет определенный политический эквивалент, и здесь мы будем драться непримиримо. Но и то же время необходимо с помощью самокритики и задач производственной перестройки сделать и тех писал, что мы должны больше работать с попутчиками, поставив перед ними развернуто и вместе с тем конкретно вопрос о художественном методе, вопрос об искусстве, и на этом их политически воспитывать. Творческое руководство попутчиками — есть непременное условие и составная часть нашей литературной политики по отношению к ним.

УСИЛИМ БОРЬБУ ЗА ПАРТИЙНОСТЬ В ТЕОРИИ

Вопросы художественной политики, творческого метода, творческого осмотра и соревнования должны стать основой жизни нашей организации.

Но постановка творческих вопросов, творческая дискуссия требуют более высокой и глубокой теории.

Наша теория всегда была связана с практикой. Творческие лозунги и творческая практика — основное содержание нашей теоретической работы. У нас есть полное единство литературно-политической, теоретической, творческой линии. **У нас одна линия: работа под руководством партии и по ее указаниям.**

Так стоит вопрос о теоретической линии нашего движения, мы отвечаем на это: у нашего движения, у РАПП, при всех больших ошибках, была в основном правильная теоретическая линия, задача нашей самокритики заключается в том, чтобы подойти к нашим ошибкам и дошибкам с точки зрения проверки теории в свете требований практики. Генеральная линия наших задач в области теории — овладение ленинским философским наследством. Вторая генеральная задача — сделать все выводы из статьи т. Сталина о Слуцком, из этой подлинной школы ленинизма в области теории.

Помогла ли наша прошлая борьба переходу к ленинскому этапу? Вот т. Динамов пишет в статье «за ленинский этап» в «Литературной газете» «длительная борьба с переверзевщиной, вульгаризацией, с буржуазными влияниями в этой области отделила от этой работы над ленинским наследством. А Безыменский-то? Ведь борясь с воронщиной, переверзевщиной, интерпретом, мы и работали над ленинском творчестве! И дальше мы предполагаем работать также: разрабатывать ленинское наследство, на основе практики и в связи с практикой.

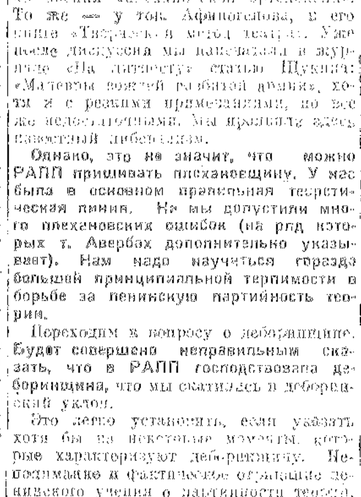
Мы должны пересмотреть нашу прошлую теоретическую работу под углом зрения новых задач, под углом зрения перестройки. Первый вопрос, который здесь перед нами встает, это вопрос о плехановском влиянии. Мы правильно [illegible] из ленинского учения о культурной революции, а не на ошибочной формулировке «за плехановскую ортодоксию».

Анализируя взгляды Воронского, «Перевала», переверзева, Беспалова, тов. Авербах показывает, что мы дрались за основу наследие идеалистических и меньшевистские взгляды Плеханова. Наш известный, хотя часто и недостаточно основательный отбор плехановских положений был результатом определенной практики своего времени. Но он не учитывал того, особого значения, которое это отношение занимало в системе Плеханова. М. Серебряковский, критикуя ошибки Лебединского, делал это все время с точки зрения «плехановской ортодоксии». То же — у тов. Афиногенова, в его статье «Тезисы к методу театра». Уже после дискуссии мы напечатали в журнале «На литпосту» статью Щукина: «Маленькие поэтики глубоких дыр», хотя и с резкими примечаниями, но все же недостаточными. Мы привыкли здесь известной либеральной.

Однако, это не значит, что можно РАПП приписать плехановщину. У нас была в основном правильная теоретическая линия. Но мы допустили много плехановских ошибок (на ряд которых т. Авербах дополнительно указывает). Нам надо научиться гораздо большей принципиальной терпимости в борьбе за ленинскую партийность теории.

Переходим к вопросу о деборинщине. **Будет совершенно неправильным сказать, что в РАПП господствовала деборинщина,** что мы скатились в деборинский уклон.

Это легко установить, если указать хотя бы на некоторые моменты, которые характеризуют деборинщину. Непонимание и фактическое отрицание ленинского учения о партийности теории, игнорирование и отрицание качественного своеобразия в практике и учении каждого класса и в связи со строительством социализма работы Сталина, разрыв между теорией и практикой, абстрактное легизирование и некритическое усвоение Гегеля. **Но деборинщина имела сильное влияние на известные участки пролетарского литературного движения.** Литературной агентурой деборинщины была большевиствующая



В. ГЕРАСИМОВА

(и формалистически имела место и у нас в РАПП — у Фриче и в резолюции актива МАПП). Этот лозунг затушевывает классовую качественную особенность нашей литературы, преуменьшает ее задачи, принижает наши требования.

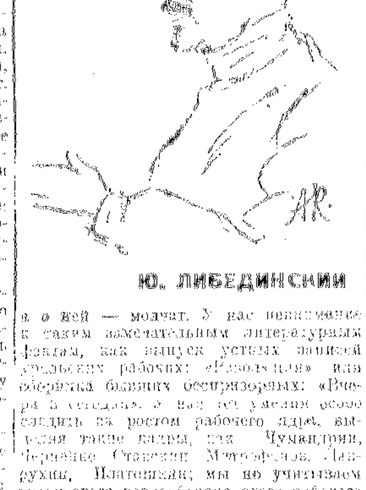
Поэтому в частности те производственные перестройки, о которой мы говорим, предполагает более строгие критерии. Мы должны критиковать себя глубже, пристрастнее, последовательнее, чем критикует нас наш пролетарский читатель.

Революция в искусстве уже началась. Мы уже создали такую литературу, которая является сейчас наиболее значительной литературой мира. А ведь это только первые шаги. Мы боремся за новое искусство действительно большевистского накала страсти, искусство — орудие не только правильного познания мира, но и коренной его перестройки.

Революция в искусстве, изменение его форм, изменение вида духовного производства некоторым кажется сломом искусства вообще. Именно в таком плане нужно расценивать настроения некоторых попутнических писателей (Ольга Форш «Сумасшедший корабль», Борис Пастернак, частично — Юр. Олеша и др.). Суть этих настроений заключается в том, что у нас нет места искусству, нет обстановки для творческой работы и т. д. Такой тип отрицания искусства имеет определенный политический эквивалент, и здесь мы будем драться непримиримо. Но в то же время необходимо с помощью самокритики и задач производственной перестройки сделать и тех писал, что мы должны больше работать с попутчиками, поставив перед ними развернуто и вместе с тем конкретно вопрос о художественном методе, вопрос об искусстве, и на этом их политически воспитывать. Творческое руководство попутчиками — есть непременное условие и составная часть нашей литературной политики по отношению к ним.

Большим недостатком является то, что творческая дискуссия ограничена несколькими именами. **Это недооценка действительного богатства пролетлитературы.** Творчество многих выдающихся и крупных писателей все еще вне [illegible] Афиногенов, Караваева, Нилин, Бахметьев, Лавренев, Горбунов, Мих. Бельков, Жига, Сурков, Исаенко. Преступное невнимание проявляется к молодым. Не обсуждается творчество таких товарищей, как Этаж Мезынский, Протас, Кашкин, Шухов, Чертов, Наумов и пр.

Мы много говорили о комсомольской тематике, и вот в Ленинграде вышла очень интересная книжка на комсомольском материале «Признав весна».



Ю. ЛИБЕДИНСКИЙ

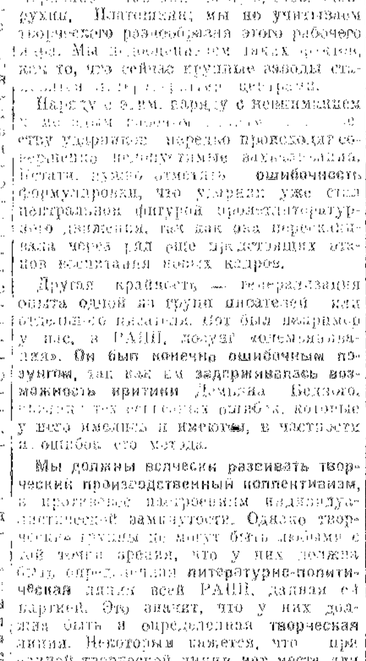
Мы поставили вопрос о творческих группах и дискуссиях еще на первом съезде, в мае 1928 г. Мы говорили: «Нечего не понимает тот, кто думает, будто наша организация должна строиться по партийному типу... Партия не может и не должна быть дискуссионным клубом, между тем, как мы можем и должны быть им временно... Дискуссионный клуб нам нужен вовсе не для последующего решения уже решенных организационно-политических вопросов. Нам нужны дискуссии раньше и прежде всего по вопросам нашей творческой работы. Чем меньше будет у нас в организации организационно-политических фракций, тем больше будет у нас не только нужных, но прямо-таки необходимых нам оформлений в группировки по творческой линии. Эту установку, представляющую изложение директив партии, **мы реализовали очень плохо.** Например всем качество недовольства группы, возглавляемой т. Либединским, отсутствием должной атмосферы в организации.

Мы, руководство, отвечаем за то, чтобы в организации не было такого положения, при котором та или иная группировка могла бы жаловаться на ненормальную обстановку в ее работе. И с тов. Безыменским нам нужно сработаться, — но для этого необходимо, чтобы он признал допущенные им грубейшие ошибки. У нас еще наблюдается отношение к товарищам, выделившимся в творческие группы, как к «ослобленным». Нет ничего вреднее этого!

Мы только начинаем дело размежевания, **поэтому самое вредное здесь — строго регламентировать, создавать уставы, и т. д.** Пусть пока группы сосуществуют, хотя бы по признаку общей тематики, для разрешения аналогичной задачи взаимного притяжения, борьбы за определенные творческие лозунги. В будущем размежевание будет усиливаться, и творческие группы превратятся уже в разные литературные школы. Этот процесс нащупывается уже сейчас. Например в драматургии: Афиногенов и Вишневский. Конечно нашей ошибки в вопросе о творческих группах заключается в том, что мы перепрыгиваем через ряд необходимых ступеней этапов создания таких школ.

Большим недостатком является то, что творческая дискуссия ограничена несколькими именами. **Это недооценка действительного богатства пролетлитературы.** Творчество многих выдающихся и крупных писателей все еще вне [illegible] Афиногенов, Караваева, Нилин, Бахметьев, Лавренев, Горбунов, Мих. Бельков, Жига, Сурков, Исаенко. Преступное невнимание проявляется к молодым. Не обсуждается творчество таких товарищей, как Этаж Мезынский, Протас, Кашкин, Шухов, Чертов, Наумов и пр.

Мы много говорили о комсомольской тематике, и вот в Ленинграде вышла очень интересная книжка на комсомольском материале «Признав весна».



Ю. ЛИБЕДИНСКИЙ

о ней — молчат. У нас невнимание к таким замечательным литературным фактам, как выпуск устных записей отдельных рабочих «Кузницы» или сборника бывших беспризорных: «Вчера и сегодня». У нас нет умения особо следить за ростом рабочего ядра, выдвигая такие кадры, как Чумандрин, Терешков Ставский, Метелкин, Лебедухин, Платонкин; мы не учитываем творческого разнообразия этого рабочего ядра. Мы [illegible] таких людей, как то, что сейчас крупные мазолы стали [illegible] центрами.

Наряду с этим, наряду с невнимательностью к таким замечательным литературным фактам, как выпуск устных записей отдельных рабочих «Кузницы» или сборника бывших беспризорных: «Вчера и сегодня». У нас нет умения особо следить за ростом рабочего ядра, выдвигая такие кадры, как Чумандрин, Терешков Ставский, Метелкин, Лебедухин, Платонкин; мы не учитываем творческого разнообразия этого рабочего ядра. Мы [illegible] таких людей, как то, что сейчас крупные мазолы стали [illegible] центрами.

Наряду с этим, наряду с невнимательностью к этому [illegible] мы должны отметить нередко происходящее [illegible] ошибочных установок, [illegible] ошибочность формулировок, что ударник уже стал центральной фигурой пролетарского движения, так как она переоценила меру для еще предстоящих этапов воспитания наших кадров.

Другая крайность — генерализация опыта одной из групп писателей или отдельного писателя. Вот был недавно у нас, в РАПП, лозунг «семьянинства». Он был конечно ошибочным по-нашему, так как им задерживалась возможность критики Демьяна Бедного, выдвигались его отдельные ошибки, которые у него имелись и имеются, в частности и ошибки его метода.

Мы должны всячески разоблачать творчески производственный конформизм, в противовес настроениям индивидуалистической замкнутости. Однако творческие группы не могут быть лишены своей темы зрения, что у них нет [illegible] должна определяться **литературно-политическая** линия всей РАПП, линия ее [illegible]. Это значит, что у них должна быть и определенная творческая линия. Некоторым кажется, что при единой творческой линии нет места для творческих групп. Мы считаем, что где-то нет единой творческой линии, нет РАПП вообще!

Каковы же эти линии сегодня? Это письмо секретариата РАПП о развертывании творческой дискуссии, резолюция о речи т. Сталина, решение о показе героев. Это широкая основа, это была для творческой размежевки, это поле, отграниченное от вопиющих, переверзевщины и деборинщины.

Когда мы говорим о линии РАПП, нужно отметить, что формулировка «генеральная линия РАПП была пятнадцатый и нередко указание на возможность поиска противопоставления этой формулировки линии партии.

У нас есть творческая линия и правильная творческая линия. Она пра-

продолжение смотри на странице 3

ТРИ ДНЯ ПРЕНИЙ ПО ДОКЛАДУ т. Л. АВЕРБАХА

ПЕРЕСТРОЙКА ОБЪЯСНЕНИЯ

В двухдневных прениях по докладу т. Авербаха приняли участие тт. Сусоев (Калмыцкая область), Крынкин (Ленинград), Мате Залка, Курчавов (Нижняя Волга), Чичеров (Пятигорск), Сурков, Стальский (Сев. Кавказ), Кирпотин (ЛЕФ, ЛОКА), Кушнарев (Ивановский МАПП), В. Герасимова, С. Динамов, Арк. Ситковский, Добрынин, Ив. Батрак, Васильев (Чувашия), Бутенко (ЛОКИФ), А. Караваева, Шестеркин (Нижняя Волга), В. Ставский, Ив. Макарычев, И. Нусинов, Ф. Евсеев (Ленинград), Назиф, Е. Кирьянов (МАПП), Васьков (Киргизия), Ермолаев (Сибирь), А. Исбах, С. Медведев, Ю. Либединский, П. Евсеев, Фридман (МАПП), А. Безыменский, А. Селивановский, А. Тронцкий (ЦК ВЛКСМ и «Комс. правда»), Буачидзе, А. Жаров, Коваленко, Канаев, Грудская, Рязанов (Ив. Вознесенск), Панферов, Корсельников, Костицын («Новая кузница»), Мазнин, В. Запесский, Н. Сляпкес, Г. Гриб (МАПП).

Ряд товарищей, выступивших в прениях (Крынкин — Ленинград, Стальский — Сев. Кавказ, Васильев — Чувашия, Анна Караваева и др.), отметили, что доклад т. Авербаха **не оставляет никакого сомнения в том, что необходимость перестройки понята руководством РАПП не формально, а глубоко, серьезно, не существу, и это является залогом того, что РАПП сумеет перестроиться.**

А. Жаров в противовес большинству участников прений заявил то мнение, что доклад т. Авербаха не является развернутым документом, который мог бы стать практическим пособием перестройки работы РАПП.

ВО РЯДЫ ПРОЛЕТАРСКОЙ ОЗНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Ряд вопросов пролетарско-колхозной литературы и взаимоотношений между РОПКП и РАПП осветили в своих выступлениях **И. Батрак (ЦС РОПКП)** в русском (Сталинградское ОПКП).

Тов. Батрак упрекнул руководство РАПП в недостаточном внимании к организации пролетарско-колхозных писателей, в недооценке ее роли и значения.

Тов. **Бутенко** (ЛОПКП) считает эти замечания т. Батрака сильно преувеличенными, указывая на ряд конкретных случаев помощи и поддержки РОПКП со стороны РАПП. Вместе с тем т. Бутенко признает РАПП в еще большей мере заинтересованности в участии пролетарско-колхозной литературы; разрыв правооппортунистического руководства МОКП, разоблачение реакционного «цеха писателей», меньшевиствующего эсера, разоблачение с помощью ЛАПП троцкистского руководства Грынька в ЛОКП, длительное пребывание в РОПКП меньшевистских теорий Резника, наконец, ряд грубейших политических ошибок в высказываниях Вл. Батрака, — все эти факты говорят о том, что положение в РОПКП неблагополучно.

ПРОТИВ ТРОЦКИСТСКИХ КОНТРАБАНДИСТОВ

Тов. **Крынкин** (Ленинград) говорит о необходимости **заострить внимание на рецидивах «Литфронта», опасность которых очень ярко ощущается в Ленинграде, где Горбачев руководит институтом новой русской литературы Академии наук и Клубом писателей, ведущим борьбу на своих троцкистских контрреволюционных теориях.**

— Если Горбачев — доказывает т. Крынкин (Нижняя Волга) — продолжает ворочать в Ленинграде с отсюда своим контрреволюционно-троцкистскими помыслами, то его достойные ученики на Нижней Волге стремятся продолжать его традиции: Друзин и недавно изъятый в Саратове «История литературы XIX и XX веков» добросовестно популяризирует ряд положений своего учителя.

Тов. **Кирпотин** (ЛЕФ ЛОКА) подвергает обстоятельному разбору троцкистскую сущность работы Горбачева, который в 1931 году в книге, выпущенной третьим изданием, пишет о Горьком: **«Это — писатель меньшевистского крыла российской социалистической партии, писатель мещанский, общедемократический в лучшем случае».**

Горбачев утверждает далее, что в годы революционного подъема «этот писатель был российскому пролетариату чужд по духу», но сейчас, когда в центре внимания вновь вопросы культурнической борьбы с нытиком и «неисчастьем масс», Горький очень становится актуальным. В другой книге, изданной в 1930 году и также выдержавшей три издания — «Капитализм и русская литература», для Горбачева является образцом удовлетворительным исходным пролиспыканиями для анализа творчества Толстого высказывания Ленина, Маркса, Энгельса, Плеханова, Луначарского, Овсянико-Куликовского и Кранихфельда. Ясно, что Ленин тут является маскировкой. Горбачев старательно подтверждает в любом случае свое согласие с Троцким. Анализ работ Горбачева показывает, что недостаточно говорить о его троцкистской методологии, а нужно говорить о троцкистском существе его политических взглядов.

Далее тов. Кирпотин говорит о необходимости своевременной критики ошибок писателя, о том, как теоретические ошибки писателя иногда создают тормоза в перестройке его творческой работы.

ПИСЬМО т. СТАЛИНА И НАШИ ЗАДАЧИ

Переходя к вопросу о троцкизме, т. Динамов устанавливает, что троцкизм в литературе выступает под маской вегетарианства (работы Горбачева и Леонтьева).

Критика Плеханова начинается с запрещением, и здесь уже сделаны ошибки статьи М. Добрынина в № 3 «РАПП». Представителями «механической ортодоксии» являются Леонтьев и Щукин, хотя влияние Плеханова сказывалось в ряде случаев и на рапповской критике — несмотря на то, что она в целом вела борьбу с меньшевиком Плехановым. Представителями линии меньшевиствующего идеализма в литературе являются Безелюк, Зонин и другие «партийные друзья». Перегрессивно, отрицание **механистичность в меньшевиствующим идеализмом.** Наиболее сильно влияние меньшевиствующего идеализма сказалось на работах Либединского и Афиногенова.

Далее т. Динамов подробно разбирает ряд допущенных им самим ошибок, затем дает свое выступление постановкой вопроса о необходимости последовательной марксистско-ленинской критики Мерлина, Люксембург, Варовского, Фрича.

Эту же мысль развивает в т. **Добрынин.** Тов. Добрынин говорит в частности о своих ошибках, допущенных при критике им Плеханова («РАПП» № 3) и характеризует промахи МАПП в прежних ошибках. К сожалению, нужно сказать, что наша организация мало помогает нам в этом деле, а следовало бы, чтобы она глубже и систематичнее критиковала нас.

Переходя к характеристике состояния нашей критики т. Либединский критикует в частности ошибку В. Залесского, допущенную им в рецензии о творчестве В. Герасимовой (см. «Литгазету» за 27 ноября).

— Дело перестройки — это большое и трудное дело. **Мы поставили его на пленуме, но надо сказать, что мы еще не сумели развернуть его в полной мере.** В докладе т. Авербаха необходимость перестройки поднята на большую принципиальную высоту, доклад содержит все отправные точки нашей перестройки, но мы в прениях еще не сумели в полной мере осветить этот доклад, да и я не думаю, чтобы мы на этом пленуме сумели это сделать: нам придется проводить колоссальную практическую работу по перестройке.

*

Тов. Сусоев (Калмыцкая область) и тов. **Васильев** (Чувашия) отметили недостаток внимания рапповской организации к вопросам национальных литератур и необходимость в частности выковать теоретические кадры национальных ассоциаций пролетарских писателей.

ПРОТИВ ЛИТФРОТОЧНИКОВ

С большим вниманием выслушал пленум выступление **А. Безыменского.**

— Руководство РАПП, — сказал тов. Безыменский, — несмотря на совершенную им и отдельными его товарищами ряд. костомолоцкого.

А. БЕЗЫМЕНСКИЙ

ошибки, правильно вело борьбу с различными уклонами от линии партии в области литературы. Это руководство в частности жестоко боролось и против моих литературно-политических ошибок, и несмотря на отдельные перегибы и кое-где неизжитые методы оплевания и дискредитации, — боролось правильно.

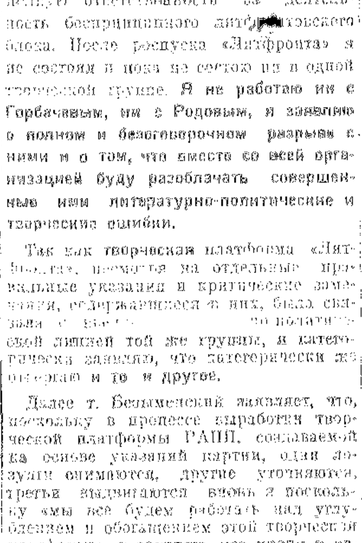
— Я был в «Литфронте». Я ответственен и перед партией и перед РАПП в том, что принимал участие в создании группы, которая с неправильных и вредных литературно-политических позиций именовала руководство РАПП, противопоставляя себя РАПП. Я несу целую ответственность за деятельность безраздельного литературного блока. После роспуска «Литфронта» я не состоял и пока не состою ни в одной творческой группе. **Я не работаю ни с Горбачевым, ни с Родовым, я заявляю о полном и безоговорочном разрыве с ними и о том, что вместе со всей организацией буду разоблачать совершенные ими литературно-политические и творческие ошибки.**

Так как творческая платформа «Литфронта», несмотря на отдельные правильные указания и критические замечания, содержащиеся в них, была связана с [illegible] политикой [illegible] линией той же группы, и категорически заявляя, что литературно жалею об этом и то и другое.

Далее т. Безыменский заявляет, что, поскольку в процессе выработки творческой платформы РАПП, основанной на основе указаний партии, одни лозунги снимаются, другие уточняются, третьи выдвигаются вновь и поскольку «мы все будем работать над углублением и обогащением этой творческой платформы, **я заявляю, что кладу в основу своей творческой работы письмо секретариата РАПП о развертывании творческой дискуссии.** В моей творческой практике были элементы схематизма и рапповщины. Я буду бороться с ними в своей творческой практике. Я прошу товарищей критиков по-товарищески помочь мне в этом.

Переходя к характеристике ошибок, т. Безыменский подчеркивает, что к возникновению этих его ошибок его привели товарищеская, дружеская и принципиальная атмосфера редакции и коллектива «Правды», их критика и их указания.

РИС. КОСТОМОЛОЦКОГО.



А. ИСБАХ

Вторую часть своего выступления т. Безыменский посвящает разбору ошибок т. Авербаха, считая, что ошибки, совершенные тт. Динамовым, Ермиловым, Либединским, Селивановским и другими, еще не подвергнуты достаточной критике со стороны рапповского руководства. Тов. Безыменский считает, что в докладе Л. Авербаха «не дано направления огня в смете дальнейшей партии».

*

Выступивший в прениях **С. Медведев** замечает о признании своих ошибок, допущенных в статьях, печатавшихся в «Комсомольской правде».

ОСОЗНАТЬ СЕРЬЕЗНОСТЬ ИСПЫТАНИЯ

Тов. А. Селивановский указывает, что основные кадры пролетарского литературного движения несомненно недооценивают серьезность того испытания, которое держит сейчас пролетарская литература, хотя те указания, которые партия дала сейчас пролетарским писателям для известных прослоек РАПП, были неожиданными и хотя инерция прежних методов работы еще чувствуется и будет чувствоваться в организации.

Партия не в первый раз исправляет ошибки и недочеты пролетарской литературы. В сегодняшних условиях не может быть аналогия тех ошибок, перед которыми мы стоим сейчас, с теми ошибками, которые, например, совершали пролетарские писатели в 1925 г. Но в то же время бесспорно, что сейчас РАПП как основная организация, проводящая линию партии за литературном фронте, держит гораздо более серьезное и ответственное испытание, чем то, которое пролетарская литература держала в 1925 г. Ибо РАПП сейчас является основной организацией, проводящей линию партии в литературе. Ибо пролетарская литература плохо выполнила те указания партии, которые были даны в апреле этого года.

Отмечая на выступление т. Безыменского, А. Селивановский говорит:

— Когда мы подвергали развернутой критике литературно-политические ошибки и творческие недочеты Безыменского, мы — несмотря на то, что в этой критике были переданы сильнейшие перегибы и перехлестывания — в основном вели борьбу за то, чтобы вернуть т Безыменского в состав постоянных руководящих работников пролетарского литературного движения. Основной вывод, который можно сделать из сегодняшнего выступления т. Безыменского, состоит в том, что **причины, которые мешали налаживанию нашей совместной дружной работе с Безыменским, сегодняшним выступлением т. Безыменского снимаются.**

Далее т. Селивановский подчеркивает необходимость помнить о том окружении, в котором мы работаем. Любой недочет и любая ошибка, совершаемая нами приобретает крупнейшее значение на фронте обостренной классовой борьбы.

— Это нас обязывает к развертыванию жесткой самокритики, тем более, что ряд работников нашего движения делал крупные, а иногда и крупнейшие ошибки.

ЗА ДРУЖНУЮ, СОВМЕСТНУЮ РАБОТУ КОМСОМОЛА И РАПП

Выступивший от имени ЦК ВЛКСМ и «Комсомольской правды» **А. Тронцкий** констатировал, что проведенная дискуссия принесла большую пользу пролетарскому литературному движению. Смысл ее в том, что старые методы, приемы работы РАПП вступили в резкое противоречие с требованиями нового этапа социалистического строительства. В итоге дискуссии с абсолютной ясностью выявилось, что работать по-старому нельзя.

Руководство РАПП еще не сумело поднять критику на должный уровень, более того — у него наблюдалось подчас даже нелюбовь к критике, — нелюбовь, которая является новейшим пережитком того времени, когда известная группа (все значение которой нужно признать) по существу представляла собой все пролетарское литературное движение. Сейчас движение стало более широким, и методы руководства уже не ужились со всем характером [illegible] литературного движения. Поэтому-то, то и по барски небрежительно относилась некоторые товарищи из РАПП и к критике со стороны комсомола.

— В этой дискуссии, — говорит тов. Тронцкий, — у нас были свои крупные недостатки: комсомол поздно повернулся к литературному движению (если бы это было сделано раньше, то и формы дискуссии были бы несколько иные). Промахом «Комсомольской правды» явилось и помещение статей тов. Медведева, который сделал ряд грубых ошибок, ошибка была допущена и при характеристике взглядов т. Фадеева как выходов мелкобуржуазно субъективистских.

— ЦК комсомола поручил мне сказать пленуму, что совместная работа комсомола и РАПП может быть достигнута нами только на основе высокой принципиальности, на основе указаний партии и развертывания жесточайшей большевистской самокритики.

Нельзя довольствоваться только перечислением декларативном совершенных ошибок. Нужно дать и развернутую их критику. Между тем т. Тронцкий указывает на наличие опасности фальши, подхалимства. В частности, отдельные выступления в последних номерах некоторых рапповских журналов, вышедших уже после дискуссии, будучи ЦК ВЛКСМ и «Комсомольской правде» опасения, что методы работы по-старому могут послужить элементом, затрудняющим дружную совместную работу комсомола и РАПП. Ближайшим практическим мероприятием этой совместной работы должно явиться рассмотрение смотра комсомольской литературы.

Совместная работа комсомола и РАПП должна строиться на базе принципиальности и самого добросовестного последовательного проведения в жизнь указаний партии в деле перестройки РАПП, в деле развертывания критики и существа литературных ошибок, имеющих место в отдельных звеньях РАПП. **Эта совместная работа должна привести к тому, чтобы быстрее могла быть осуществлена та задача, которую партия дала нашему пролетарскому литературному движению: создать Магнитострои литературы.**

ВСЕСОЮЗНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ДИСКУССИИ

По поручению секретариата ВОАПП большевистский привет пленуму РАПП т. Буачидзе, который подчеркнул, что последняя дискуссия имеет не только различное, но и всесоюзное значение. **Итоги дискуссии, которые подлежат на этом пленуме, должны быть подведены всеми организациями и во всех национальных республиках.** Выступление т. Пролетарского показало, что наши предприятия [illegible] этих решений комсомольской печати с пролетарским литературным движением.

Всесоюзное значение опыта борьбы РАПП подчеркивает в своем выступлении и секретарь ВОАПП тов. **Коваленко.** РАПП имеет ряд вдохновительных сигналов, но для того, чтобы конкретно руководить той или иной национальной литературой, нужно прежде всего знать эту литературу и по этой линии работу РАПП тоже нужно основательно перестроить. Тов. Коваленко выражает удовлетворение самокритической частью выступления А. Безыменского, но не знакомится с ним по поводу того, что РАПП якобы не помогала ему в освещении ряда его ошибок.

ЗА РАЗВЕРТЫВАНИЕ ТВОРЧЕСКИХ ГРУППИРОВОК

Тов. Ф. **Панферов** в своем выступлении подчеркнул, что свыше полтора назад РАПП указывалось за недостаточность развития самокритики, за наличие элементов администрирования, на частое игнорирование того положения, что РАПП является литературно-творческой, а не государственно-административной организацией.

— Однако мы не смогли по-большевистски выполнить эти указания, и по сей день эти вопросы стоят перед нами в той своей остроте. Сейчас большинство наших организаций осознало, что внутреннюю состановку работы РАПП нужно перестраивать. Это даст возможность быстро перестроиться, быстро двинуться вперед.

— Однако этого еще мало, нужно выработать **новые формы перестройки, новую систему.** В этом отношении т. Панферов почти соглашается с И. Макарычевым.

Говоря о строительстве на Кузнецстрое, т. Панферов указывает на высокий энтузиазм масс, как одну из отличительных черт нашего времени, **проявляющуюся и на Кузнецстрое, приняв из которого Сибирь, чтобы превратить в Сибирь социалистическую. Однако такая огромная тема не может быть решена** отдельным писателем и единолично, тут должен работать весь коллектив. По менее **близкими темами являются темы** участников хлебозаготовительной кампании, деятелей сельского переустройства, деятелей, темы разрушения семьи, как капиталистической ячейки.

Отразить в художественной форме идеи нашего времени, показать, как перестраивается человек, как перестраивается семья, — это и значит реализовать лозунг создания Магнитострое в литературе, это и значит на сегодняшнем большевистском материале дать великие идеи нашего времени.

В выступлении Панферова после фразы «на сегодняшнем изобретательном материале дать великие идеи нашего времени» тов. Панферов считает, что лозунг этот отличается от всегдашнего лозунга РАПП-ов лозунга создания больше по качества большевизма, не только количества, как это многие утверждают. Тов. Панферов считает, что лозунг большого искусства большевизма расширяется и на сегодня, и на вчера, лозунг же создания «Магнитостроя литературы» главный свой упор делает на сегодня.

— Либединский часто говорит — и хорошо нередко говорит — о том, что надо изучать культуру, надо изучать теорию. Но Либединский сам в своей творческой практике испытал разрыв между теорией и практикой: в «Рождении героя» теория была оторвана от практики, не была проведена практикой.

Каждому писателю надо об тканевыми руками прощупать жизнь — это значит **действительно изучить вопрос со всех сторон, изучить философию, науку этого дела. Одной из лучших форм такого изучения действительности, прощупывания ее, является течение, группа, или ступень к созданию творческой школы.**

Многие спрашивают, на каких началах создаются творческие группы. Надо четко и прямо поставить этот вопрос. В нашем творческом письме сказано, что группы создаются на определенных началах, и если в своей работе они переходят за определенную грань философских и литературно-политических вопросов, — они тем самым снимают себя изъятыми из рядов РАПП. Это общее положение. Поэтому, когда человек начинает требовать платформы от той или иной группы, — он не понимает существа дела.

В ближайшее время мы будем разрабатывать художественную платформу РАПП. Может быть следовало бы сделать так, чтобы та или иная творческая группа подготовила проект и мы развернули бы дискуссию о нем, но это не будет платформа данной группы. После того как создастся единая платформа, все творческие группы должны занимать ее, иначе если у каждой группы будет своя творческая платформа, — в РАПП возникнет еще десяток новых организаций.

Что даст творческая группа? Она создаст ту среду, которая могла бы взвесить новую книгу, проверить замысел, указать на ошибки писателя.

Группа, коллектив, ответственные за произведения своих членов, заставят писателя не печатать сырых, плохих произведений, заставят выносить произведение, сделать его настоящей большой книгой. Таким образом группа даст возможность не только разрабатывать теоретические вопросы внутри, но и возможность тщательной глубокой проработки художественной продукции. Создание творческих групп должно уничтожить и секретность в работе писателя.

Далее т. Панферов говорит о слабости нашей критики, которая еще реже отозвалась от практики рабочего класса, чем творческие работники пролетарской литературы.

Некоторые элементы пытаются под флагом самокритики взять реванш за то, что когда-то были разбиты РАПП. К числу этих элементов относится не только бывшие литфронтовцы, но и такие люди, которые в свое время стояли «как бы боком» к Литфронту. Их нужно самым жестоким образом убрать по рукам.

— Нужно по-настоящему перестроиться, сделать так, чтобы наши писатели по-настоящему писали и говорили на пленумах, с голосом книг.

МЫ ДОЛЖНЫ ОСУЩЕСТВИТЬ ПЕРЕЛОМ ВО ВСЕЙ НАШЕЙ РАБОТЕ

НАЧАЛО ДОКЛАДА т. АВЕРБАХА СМ. НА СТРАНИЦЕ 2

Борьба за ленинскую партийность есть, в частности, борьба за ленинский стиль работы, за культуру труда. Ядро в нашей работе должен заключать в себе помощь писателям материалом, помощь в овладении материалом, т.-е. помощь индивидуальной работе писателя, наше учеба.

Что в связи с творческими вопросами должна дать нам производственная перестройка? Она должна дать творческую дифференциацию АПП, выделение основных творческих кадров, создание организации, включенных в систему работы производственных совещаний, усиление конкретной критики.

Без конкретной критики нам не развернуть настоящую творческую дискуссию. А для кого, чтобы улучшить конкретную критику, нужно как следует проверить критические кадры, проверить в самом движении, в кружках, отбросить начетников, выдвинуть новые рабочие кадры. Нам нужно поднять теоретический уровень наших критиков в отношении борьбы за ленинскую партийность. Это не значит, конечно, что наша критика не растет; у нас за последние годы появились новые имена, но критика растет недостаточно.

Сегодня уже мы в силах иным ходом советскую литературу. В связи с этим нужно в значительно большей степени подвергать критике литературно-политическую линию РАПП. У нас слаба борьба с буржуазной литературой, с буржуазными влияниями в нашей организации. Вот, например, Д. Остров — член ЛАПП, в книге его «Герой будущего романа» это реакционное произведение, высказав принципиальное недоверие в то дело, которое мы делаем. И уже приходил в своих выступлениях ряд произведений, которые отражают буржуазное влияние. Известен факт, что контрреволюционная молодежь Ассонов, Цвелев, Уральский и др. встала на путь контрреволюционных группировок. **У нас либерализма в литературе еще сильно хотите, в то время как мы должны бить беспощадно враждебные влияния.**

Последняя дискуссия ВССП показала, что среди попутнических писателей есть очень много недоверных настроений. Некоторые выступали с «опровержениями», что нечего, мол, перестраивать: мы и без того — «стопроцентные»; другие заявляли, что попутчики должны в первой занимаются литературой, а не для массового пролетлитературного движения, для тех новых кадров, которые растут в организации и которые нужно воспитывать в каком-то определенном плане, под каким-то определенным углом зрения в понимании творческих задач.

Если мы учтем это, — станет закономерным требование о том, чтобы отдельные товарищи или творческие группировки не только писали произведения, но и осмысливали свой творческий опыт, чтобы в результате этого осмысления, в процессе творческого совершенствования в процессе отшлифования мыслей возникла возможность действительной выработки общих творческих установок РАПП.

А. Исбах указал на необходимость повышения качества нашей критики, которая в большинстве случаев говорит не по-существу, а не по существу произведений. Подходят к творчеству, к производству должен выразиться и в тщательном изучении творчества писателя.

Перестройка работы РАПП должна пойти и по линии создания, помимо учебного, производственно-творческих планов литкружков, — планов, увязанных с местными ячейками партии и комсомола, чтобы планы эти не были оторваны от жизни того предприятия, где работают кружки.

Выступившая затем т. **Грудская** указала на отсталое РАПП в работе над детской книгой и в разработке молодежной тематики. Как на пример гнилого либерализма в литературе т. Грудская указала на практику издательства «Федерация», которое выпустило за последний год целый ряд классово-враждебных книг.

Г. Корабельников подчеркивает, что перестройка РАПП заключается не в том, что РАПП не должна больше требовать деклараций от творческих группировок, а в том, что творческие группы в РАПП должны играть в этой перестройке огромную роль, превратившись из пассивного элемента в активно-функционирующие организации.

Принцип наших творческих группировок, принцип нашей творческой дискуссии является ленинским принципом самоуправления, при котором основное значение имеет гласность в работе с одной стороны, и показ примера — с другой стороны. **Этот пример в разработке творческих вопросов и должны называть наши творческие группировки.**

— Недостаток критики, — говорит в своем выступлении т. **Залесский**, — очень опустительна для большинства писателей, которым критики не всегда помогает осмыслить их пути развития, ошибки и достижения. Часто наша критика, исходя может быть из лучших стремлений, выносит приговор тому или иному произведению, и для писателя не возникают дальнейшие творческие перспективы. Такой может был правильно отмечен многими на выступлениях. В этом отношении ошибочность и в моей статье о В. Герасимовой. Очень часто критик, конкретно подходя к разбираемым им явлениям, не охватывает его основной тенденции. А. Селивановский, например, в противовес роману Горбатова «Непокоренные» не усмотрел его основного недостатка. Ошибочная оценка была дана и С. Динамовым пьесе Вишневского «Последний, решительный».

ПОВЕРНУТЬСЯ ЛИЦОМ К ТВОРЧЕСТВУ

Одна из основных ошибок РАПП, на которые правильно указала партия, — говорит выступивший затем **В. Герасимова**, — заключалась в том, что вместо действительного подхода к вопросам творческим наблюдался административный подход, метод административного оперирования, неумение разобраться в конкретных творческих вопросах.

Это администрирование имеет одной из своих причин то, что **к произведениям подходят не диалектически, а метафизически**, — не с точки зрения наличия тех противоречий, которые несет в себе данное произведение, а с точки зрения необходимости во что бы то ни стало приложить данное произведение на такую-то полочку.

Шедевром в этой области было в свое время генеалогическое «дерево литературы», по инициативе И. Нового, изображенное в одном из первых номеров журнала «На лит. посту». В нем Новичем литературу разместил по полочкам — листкам.

Такой «древесный», **метафизический, трюизный подход к критике литературных явлений должен быть раз навсегда уничтожен.**

Переходя к вопросу о творческих группировках, т. Ставский указывает, что для преодоления «самотека», для четкого творческого размежевания писательских сил необходимо широко развернуть дворческую дискуссию, в которой все основные кадры рапповской организации выступили бы с конкретной критикой произведений, статей, высказываний. Необходимо широко практиковать созыв писательских производственных совещаний, положительный опыт которых нечему-то совершенно не используется за местах.

— Нам нужно вдумываться, а следовательно — и учиться работу писателя, нужно установить, чтобы каждый писатель отчитывался в своей работе, чтобы он был на виду, чтобы организация отвечала за всю его деятельность и жизненную практику. Между тем у нас есть лодыри и прогульщики; они ничего не делают, прикрываясь необходимостью выработки глубокого марксистско-ленинского мировоззрения.

С. Фридман (МАПП) указывает на необходимость учета индивидуальных особенностей каждого пролетписателя, в частности ударников, призванных в литературу.

А. Сурков останавливается на вопросе о творческих группировках говорит, что неправильно приставать к той или иной группировке с требованием дать платформу или декларацию. По у некоторых творческих группировок существует такое мнение: мы, мол, пишем произведения, — вот наши декларации, по ним можете судить о наших творческих позициях. Но творческие группировки существуют не только ради себя, ради [illegible] и воспитания читателя.

Переходя к вопросу о творческих группировках, т. Ставский указывает, что для преодоления «самотека», для четкого творческого размежевания писательских сил необходимо широко развернуть дворческую дискуссию, в которой все основные кадры рапповской организации выступили бы с конкретной критикой произведений, статей, высказываний. Необходимо широко практиковать созыв писательских производственных совещаний, положительный опыт которых нечему-то совершенно не используется за местах.

— Нам нужно вдумываться, а следовательно — и учиться работу писателя, нужно установить, чтобы каждый писатель отчитывался в своей работе, чтобы он был на виду, чтобы организация отвечала за всю его деятельность и жизненную практику. Между тем у нас есть лодыри и прогульщики; они ничего не делают, прикрываясь необходимостью выработки глубокого марксистско-ленинского мировоззрения.

С. Фридман (МАПП) указывает на необходимость учета индивидуальных особенностей каждого пролетписателя, в частности ударников, призванных в литературу.

А. Сурков останавливается на вопросе о творческих группировках говорит, что неправильно приставать к той или иной группировке с требованием дать платформу или декларацию. По у некоторых творческих группировок существует такое мнение: мы, мол, пишем произведения, — вот наши декларации, по ним можете судить о наших творческих позициях. Но творческие группировки существуют не только ради себя,

НА ПЛЕНУМЕ ПРАВЛЕНИЯ РАПП

см. СТРАНИЦУ 3

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО т. Л. АВЕРБАХА

Тов. Авербах начинает свое заключительное слово с указания на то, что ход прений на пленуме является свидетельством того, что **основные кадры пролетлитературного движения поднялись к осознанию необходимости поворота.** Это не значит, конечно, что поворот уже создан полностью или что он совершен. Прения свидетельствуют только о **начале** поворота, причем этот поворот происходит со скрипом, у некоторых товарищей чувствуется **инерция прошлого,** недостаточное понимание всего значения задачи перестройки — и методов и содержания работы. Недостаток прений, в числе прочих, т. Авербах считает отсутствие перелома: опыты уже происходящей и происходящих перестроек, а опыт имеется и немалый. В этом смысле выводы являются **выступления новых рабочих кадров** ленинградского и московского актива — тт. Киселева, Фридмана и др.

Одно из основных положительных качеств работы пленума заключается в том, что он проходит под знаком гораздо большей консолидации, выявленной увеличением, в результате указаний партии, чувства классовой и партийной ответственности у рабочников нашего движения. В этом смысле речь т. **Безыменского,** признавшего свои главнейшие литературно-политические и творческие ошибки и правильность линии РАПП, **является подлинным документом творческой перестройки,** хотя в ней и были ряд ошибочных мест (отрицание своей эрзацности к теории «утилитаризма» и т. д.). **Выражением желания работать дружно, работать по-настоящему, подлинно совместно является** и речь т. Панферова.

Отметив, что т. **Макарьев** в своем выступлении правильно и подробно развил вопросы организационной перестройки, т. Авербах еще раз подчеркивает необходимость **решительной борьбы с элементами администрирования и командования,** необходимость развития новых методов и форм работы. Одной из задач производственной перестройки является установление гораздо большего **контроля** над работой пролетлитературного движения со стороны массовых организаций рабочего класса, необходимость гораздо большей связи в первую очередь с такими организациями как **комсомол и профсоюзы, не говоря уже о** партийных организациях, под руководством которых мы работаем и должны работать дальше.

В этом плане совершенно исключительное значение имеет выступление представителя ЦК комсомола т. Троицкого, свидетельствующее о том, что из дискуссии РАПП и комсомол вышли не поссорившимися, а сблизившимися. В практической работе нужно сделать такой вывод из этого выступления — усилить связь с комсомолом, по-настоящему включиться в творческий смотр молодежной литературы, вовлечь большое количество комсомольских кадров в руководящую работу РАПП. «У нас нет никакого сомнения в том, что в дальнейшем наша работа с комсомолом будет характеризоваться полной, действительно товарищеской, действительно дружной взаимопомощью и взаимопониманием». В ответ на речь т. Троицкого т. Авербах предлагает послать приветствие ЦК ВЛКСМ.

Тов. Авербах подчеркивает далее необходимость установления **повседневной деловой связи с редакцией «Правды»,** значение которой для пролетлитературного движения еще более подчеркивается в связи с указаниями т. Безыменского на ту громадную помощь, которую оказал ему в его работе коллектив ЦО. Тов. Авербах решительно отвергает попытки некоторых товарищей разбросать дела таким образом, что его критика некоторых положений т. Мехлиса будто бы носила «какой-то обидный характер».

Прения явились значительным шагом вперед в отношении **усиления самокритики** (выступления тт. Динзмова, Киртопина и др.).

К сожалению, выступление т. **Добрынина** не было столь же правильной критикой своих ошибок.

Еще раз отметив неудовлетворительное состояние конкретной критики, т. Авербах подробно останавливается на тех больших задачах, которые, в связи с этим, стоят перед созывающимся в скором времени совещанием критики.

Тов. Авербах останавливается на таких вопросах, как уточнение лозунга «За Магнитострой литературы» и толкования «напостовское руководство». По первому вопросу он полемизирует с т. Панферовым, сказавшим, что лозунг «За Магнитострой литературы» относится только к литературе, отображающей сегодняшний день. Правильно, что нужно делать упор-ение на тематику сегодняшнего дня, но этим отнюдь не умаляется значение и показа вчерашнего дня и таких важнейших задач, как создание «Истории заводов» и «Истории гражданской войны».

В отношении термина «напостовское руководство РАПП» т. Авербах считает правильным указание на то, что поскольку РАПП массовая беспартийная организация, в ней могут найтись такие элементы, которые попытаются противопоставлять этот термин партийному руководству. Поэтому следует от употребления этого термина отказаться, хотя напостовство всегда являлось синонимом основного проводника линии партии в РАПП (и в этом вопросе у нас нет разногласий с т. Троицким и «Комсомольской правдой», хотя напостовство проделало и проделывает огромную работу в движении, являлось основной частью руководства РАПП, проводившего линию партии и работающего по указаниям партии. Сказано же это—этот термин негоден теперь потому, что мы уже не кружок, не группа, что в наше движение и в руководство им пришли новые кадры, по связанные с напостовством, но до термине от этого ценности.

Существенной критике т. Авербах подверг выступление т. **Батрака,** который соотношение сил в литературе определил таким образом, что первой организацией является РАПП, второй — РОПКП. Это заявление, во-первых, имеет в себе элементы чванства, а во-вторых, как бы сбрасывает со счетов попутническую литературу. **Мы должны бороться за каждого писателя-интеллигента,** имеющего возможности для перехода в наши ряды, для того, чтобы служить нашему делу, а не дезорганизовать их такими заявлениями.

Тов. Авербах заканчивает указанием на то, что наряду с перестройкой РАПП, должны перестроиться все остальные отряды литературного фронта и что РАПП как ведущая организация, несет ответственность за перестройку всей советской литературы.

— **«Коллективная работа всего нашего движения поможет нам претворить в жизнь боевую, развернутую программу действий — указания партии, так, чтобы к следующему пленуму мы смогли рапортовать нашей партии о том, что РАПП по ее указаниям перестраивается, давая отпор всем тем, кто не понимает необходимости поворота, и всего гигантского значения задачи, поставленной партией — «За Магнитострой литературы».**

ВЫШЛО ИЗ ПЕЧАТИ:

ЗА РАЗВЕРТЫВАНИЕ ТВОРЧЕСКИХ ТЕЧЕНИЙ В ПРОЛЕТАРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Сборник статей с предисловием Л. Мехлиса. «Федерация». Стр. 47, п. 20 к.

СОДЕРЖ ПИЕ: Л. Мехлис.—За перестройку работы РАПП, Г. Васильковский.—Создадим произведения достойные эпохи. Митин, Ральдевич, Юдин, Кизер.—Пролетарскую литературу на высшую ступень!

Продажа во всех магазинах Книгоцентра

Издательское товарищество иностранных рабочих в СССР
Москва, Центр, улица 25-го Октября (бывш. Никольская, дом № 7

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ НА НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ:

ПАНФЕРОВ — **БРУСКИ**

ЦЕНА 4 РУБЛЯ

ФАДЕЕВ — **РАЗГРОМ**

ЦЕНА 2 Р. 50 К.

С ЗАКАЗАМИ ОБРАЩАТЬСЯ в Центральный Дом Книги Иностранных Рабочих в СССР, Москва, Тверская, 51 и во все его отделения, магазины и киоски Книгоцентра. Организован от о-ва «Книжочтя»

ГИХЛ
КНИГОЦЕНТР

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1932 год на

КРАСНАЯ НОВЬ

Ежемесячный литературно-художественный и научный публицистический журнал.

(Орган федерации Объединения советских писателей).
Выходит под редакцией Ф. ГОРОХОВА, Вс. ИВАНОВА, Л. ЛЕОНОВА, Б. СУТЫРИНА А. ФАДЕЕВА.

В 1932 году будут печататься новые произведения:

МАКСИМ ГОРЬКИЙ — Егор Булычев (повесть).
А. ФАДЕЕВ — Последний из Удэге (роман).
ВС. ИВАНОВ — «У» (роман).
Л. ЛЕОНОВ — Новый роман.
Ю. ТЫНЯНОВ — Обезьяна к колокол.
ВАЛЕНТИН КАТАЕВ — Роза ветров (роман).
А. ИКОВЛЕВ — Кольцо (роман).
Ю. ЛИЛЕЕВСКИЙ — Бригада Кубасова (повесть).
С. СЕРГЕЕВ-ЦЕНСКИЙ — Стремительное шоссе (повесть).
В.Т. БАХМЕТЬЕВ — (повесть).
Н. НИКИТИН — День и ночи (повесть).
К. БОЛЬШАКОВ — Маршал степного дня (повесть).
Л. СЛАВИН — Происхождение нефти (повесть).
Б. ЛЕВИН — Вот какая это была лошадь.
Х. М. МУГУЕВ — Чеченцы (повесть).

Журнал рассчитан на партийный комсомольский, профессиональный и колхозный актив и сочувствующую интеллигенцию.
ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: на год — 12 р., на 6 мес.—6 р. Цена отдельного номера—1 р. 10 к.
Подписка принимается в отделениях, магазинах, киосках Книгоцентра, их уполномоченными, везде на почте и письмоносцами.

ОТКРЫТ ПРИЕМ ПОДПИСКИ на 1932 год
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ТВОРЧЕСКО-МЕТОДИЧЕСКИЙ И НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ПРОЛЕТАРСКОЕ ФОТО

ОРГАН СОЮЗФОТО И ОЗПКФ

„ПРОЛЕТАРСКОЕ ФОТО" — боевой руководящий орган пролетарского фотодвижения; борется за классовую пролетарскую фотографию, вооружает трудящихся фотознанием. В течение всего года в журнале будет вестись

ВЫСШИЙ КУРС ФОТОТЕХНИКИ

для фотокоров и фотокорреспондентов при участии лучших мастеров советского фоторепортажа. Наиболее успевающие заочники зачисляются платными фотокорреспондентами Союзфото и имеют право на

ПРЕМИРОВАНИЕ: 1. ЛЕТНЕЕ ФОТОСНАБЖЕНИЕ

Приложение — „Библиотека Пролетфото" 12 выпусков.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА НА 1932 ГОД

Журн. „Пролетфото": 12 м.—7 р., 6 м.—3 р. 50 к., 3 м.—1 р. 75 к.
Журн. „Пролетфото" с приложением „Библиотеки Пролетфото". 12 мес.—13 р., 6 мес.—6 р. 50 к., 3 мес.—3 р. 25 к.

Подписку сдавайте местной почте не позже установленного ею срока.

ЖУРНАЛЬНО-ГАЗЕТНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ.

КНИГА ЗАСТРЯЛА В ПОДВАЛАХ КНИГОЦЕНТРА

Постановление ЦК ВКП(б) об издательской работе предусматривает между прочим организацию такой книжной торговли, которая опиралась бы на изучение спроса и фактической потребности в книге и тем самым совершенно исключала бы излишнюю прокладку распределения готовой продукции, так называемой «разверстки книги».

Можно ли сказать, что Книгоцентр и издательства осуществили этот лозунг постановления? Безусловно, **нет.** Книгоцентр как будто перешел на систему приема заказов на литературу от больших, на систему посылки мелким информации о книгах, находящихся в пути. В действительности же многие организации Книгоцентра продолжают навязывать литературу по-старинке, не дожидаясь заказов с мест; фактически переход областных отделений Книгоцентра на хозрасчет будет осуществлен — по словам работников Книгоцентра—не раньше 1 января 1932 г.

Попрежнему нет тесной связи между Книгоцентром и издательствами. Попрежнему издательства **не продают,** а **сдают** свою продукцию Книгоцентру. Книгоцентр принимает эту продукцию, **часто не имея заранее разработанных планов ее распространения, не имея заказов с мест.** Отсюда—все неполадки в работе издательств и Книгоцентра, неполадки, тормозящие продвижение книги на места, усложняющие взаимные расчеты, удорожающие книгу.

Основной потребитель книги—московская и ленинградская области, Северный Кавказ и районы Урала. Свой продукцией до **75 проц.** всей книжной продукции. продаются, по книгоцентр, не учитывая действительной потребности ближайшего района сосредоточил в Москве и Ленинграде запасы, превышающие реальную потребность в книге. На складах Книгоцентра в этих городах сосредоточено громадное количество литературы. Реализуются эти запасы очень медленно, а в это время на местах—главным образом в отдаленных центрах—потребность в книге нередко удовлетворяется только на 50—60 проц. Бесплановость и бесхозяйственность в работе Книгоцентра привели летом нынешнего года к глубокому прорыву, с самому активное сальдо в 5 миллионов рублей. С момента образования прорыва прошло 6 месяцев, а руководящие работники Книгоцентра успокаивают тем, что—

«Мы рассчитываем выбраться из прорыва лишь в течение четвертого квартала (зависит ли в Книгоцентре, что и 4 квартал уже подходит к концу?), и то лишь при условии, если издательства выполнят производственный план этого квартала».

Книгоцентр не без основания ссылается на издательства (хотя это ни в какой мере не оправдывает его ошибок). За первые 9 месяцев нынешнего года 16 издательств не додали Книгоцентру на **44 млн. рублей** книг. ГИХЛ и «Молодая гвардия» не додали художественной литературы почти на 5 с половиной млн. рублей. Производственный план издательств за этот период не выполнен на **20—30 проц.** Правда, октябрь дал некоторое улучшение. ГИХЛ, например, сдал литературы на 871 тыс. рублей вместо 995 тыс. руб.), а «Молодая гвардия» даже перевыполнила план на 11 проц. Но это не меняет положения, ибо «хвосты» до сих пор не ликвидированы и прорыв первых 9 месяцев все еще сказывается на работе издательств и Книгоцентра.

Книга попала в паровозный бюрократический круг. Если Книгоцентр ссылается на плохую работу издательств, то издательства ссылаются не только на плохую работу Книгоцентра, но и на плохую работу типографии. Так, например, ГИХЛ основную причину прорыва видит в том, что Первая образцовая типография и третья типография «Красный пролетарий» не справляются со своими заданиями.

Как бы то ни было, но факт остается фактов. Читатель отдаленных районов остается без книги.

Прорыв в Книгоцентре и издательствах больно ударил по автору. Уже в начале нынешнего года в издательствах начались частые задержки в выплате авторского гонорара. С течением времени задержки эти приняли систематический характер. Задолженность писателям, возросшая из месяца в месяц, достигла в ноябре (по пяти издательствам: ГИХЛ, «Молодая гвардия» и др.) суммы, превышающей 1.400 тыс. рублей. По издательствам художественной литературы—ГИХЛ и «Молодая гвардия» — задолженность составила около 300 тысяч рублей. В результате Месторком писателей и Мосгипрофбюро завалены просьбами о денежных ссудах.

Вмешательство профсоюзной писательской общественности помогло издательствам частично разрешить вопрос о ликвидации задолженности авторам. Если 16 ноября Книгоцентр должен был ГИХЛ 130 тыс. руб., то 28 ноября эта задолженность снизилась до 50 тысяч рублей. Если ГИХЛ еще недавно был должен авторам 250 тыс. руб., то уже в течение ноября авторам было выплачено 115 тыс. рублей. Главная бухгалтерия ГИХЛ обещает выплатить авторам в течение первой декады декабря еще до 60 тыс. рублей, а к 1 января 1932 г. должна задолженность до 125 тыс. руб.

В общем, если судить по заявлениям издательств, положение улучшается. Но говорит ли приведенные здесь цифры, что это улучшение есть результат маломерного улучшения во всех областях работы издательств и Книгоцентра? Приходится сомневаться. Уменьшение задолженности авторам обеспечится скорее тем, что после вмешательства писательской общественности издательства начали, попросту говоря, «поворачиваться», маневрировать, изыскивая средства. К тому же даже снизившаяся задолженность авторам продолжает оставаться все еще недопустимо высокой. Еще и теперь многие авторы не получили гонорара за вещи, вышедшие из печати несколько месяцев назад.

Общее состояние работы издательств и Книгоцентра говорит о том, что положение на книжном фронте продолжает оставаться крайне неудовлетворительным. Возьмем, к примеру, «Молодую гвардию». Издательство должно сейчас авторам 50 тысяч рублей. Оно сумело снизить задолженность по срочным платежам с 32 тысяч рублей до 4,5 тысяч, а между тем долг Книгоцентра этому издательству возрос к 29 ноября до 375 тысяч рублей. Нет никакой гарантии, что большая задолженность Книгоцентра не осложнит расчеты с авторами в дальнейшем.

Месторком писателей, заслушав доклад бригады, обследовавшей издательства и Книгоцентр, поручил президиуму Горкома выделить ряд товарищей для связи с основными издательствами и систематического ознакомления Горкома с состоянием расчета издательств с авторами.

Месторком включает писателей в бригады Книгоцентра, посылаемые на места для проверки реализации постановления ЦК ВКП(б) об издательской работе. Также будет создана специальная бригада Месторкома писателей для тщательной проверки работы Книгоцентра.

Бригада Месторкома Писателей: ГОМОНОВ, ИРКУТОВ, ШИЛЬДКРЕТ, КАРМЕН, ЛЕВИНА, ЛОВЦОВ, НИКОЛАЕВ, КРУПНОВ.

В КЛУБЕ ПИСАТЕЛЕЙ

8 декабря—18 ч. Открытие мастерской худ. слова. Вступительная беседа на тему: «Искусство — оружие», чтения и эпоху строительства социализма» и чтение образцов худ. литературы.

9 декабря—18 ч. Кружок переводчиков. Рук. Е. Тагер.

9 декабря—19 ч. Мастерская худ. чтения. Занятие 2-е. Заместителева—биография и библиография русского декабриста.

10 декабря — 19 ч. 45 м. Повторение первого домашнего худ. чтения. Пар. яр. рест. К. И. Качалов, Толстой, Пушкин, Достоевский, Блок, Маяковский, Багрицкий, Тихонов). Обмен мнений под председ. проф. А. К. Шлейдера.

10 декабря — 19 ч. В кабинете ударника МАПП вечер творчества Владимира Луговского.

10 декабря — 19 ч. Шахматный турнир.

10 декабря — 19 ч. Кружок «Комбайн».

11 декабря-18 ч. Конференция Месторкома писателей.

ИЗВЕЩЕНИЯ

8 декабря, в клубе ФОСП состоится очередное заседание центральной литгруппы МооПОКАФ «Красное знамя». В повестке дня: 1) доклад — итоги пленума правления РАПП. 2) обсуждение книги Федорова «Большевик».

* **9 декабря** — 17 ч. — в помещении Месторкома писателей (Тверской б., 25) — заседание комиссии писателей, выделенной МОКУ. Присутствуют тт. Сперанский, Штраних, Шильдкрет, Громан, Крутоус, Афросимова, Крупнов соответственно.

* **10 декабря** — 20 ч. — в конференц-зале Дома Герцена — третий вечер творческой дискуссии ВОСП. Доклад П. Аксенова «О романе».

* **10 декабря** — 19 ч. — в Доме Герцена — общее собрание, явка для членов и кандидатов партии обязательна.

* Согласно постановлению I Московской городской конференции писателей доводят до сведения делегатов о том, что открытие конференции, намеченное на 6 декабря, переносится на 11 декабря, 18 час.

ПОПРАВКИ

В № 65 «Л. Г.» от 3 декабря, в статье «Новый очерк нужен большевистской печати» первая полоса, третья колонка, второй абзац, напечатано: «Основной недостаток очерков не включенных в «Правду», надо читать: «Основной недостаток очерков не включенных в «Правду».

В том же номере в статье М. Гельфанда «Усилить борьбу за правовые интересы большевизма в литературной теории» (2 полоса 1 колонка 3 абзац) в конце абзаца вывала фраза: «Покуда существует классовая борьба не может быть и речи о каком бы то ни было ослаблении большевистской борьбы на идеологическом фронте».

Следующий номер „Литгазеты" выйдет 12 декабря.

Ответственный редактор:
А. СЕЛИВАНОВСКИЙ.

РЕДКОЛЛЕГИЯ: Н. Асеев, С. Динзмов, В. Залесский, О. Колесникова, А. Малышкин, Н. Огнев, М. Рессовский, А. Селивановский, И. Сельвинский, М. Слонимский, М. Субоцкий, С. Тарасевич, Г. Тарпан.

ИЗДАТЕЛЬ: „Журнально-газетное об'единение.

ГИХЛ
КНИГОЦЕНТР

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1932 ГОД

на единственный в СССР ежемесячный массовый интернациональный журнал.

ЛИТЕРАТУРА МИРОВОЙ РЕВОЛЮЦИИ

(Центральный орган Международного об'единения революционных писателей (МОРП).

Под редакцией Бруно Ясенского. Год издания 5-й.

«ЛМР» — журнал, всесторонне освещающий культурную жизнь Запада и Востока, систематический обзор мировой революционной литературы и искусства.

«ЛМР» дает развернутую картину революционного движения во всем мире, отражение его в художественной и революционной литературе всех народов.

«ЛМР» — боевой орган международной пролетарской и революционной литературы, боевой орган интернационального воспитания масс, общества в наиболее полном представлении как внутри мирового международного пролетарского движения, так и все его разоблачает литературные агентуры мирового социал-фашизма.

«ЛМР» должны читать рабочие-ударники, все работники культурного фронта, партийный советский актив, работники культпросветучреждений и отделов Народного образования, библиотекари и работники массового пролетарского движения, писатели и критики, преподаватели и студенты вузов, представители литературы на рабфаках, ФЗУ и трудовых школах и все интересующиеся современной зарубежной литературой и искусством.

«ЛМР» богато иллюстрируется рисунками революционных художников, всего мира, фотоснимками, карикатурами и т. п.

В 1932 году в русском издании журнала печатаются романы и повести: ТОКУНАГА ЯДОСИ — «Токио, город серебристых рыб»; КОБАЯСИ ТАКИДЗИ — «Конвейер фабрика» (с японского); ИЛЬЯ ВАЛЬЯХ — «Лес» (советского писателя, первая книга его писателя); БЕЛА ИЛЛЕШ — «Шесть горя» ч. 1-я; ЛЕАНДР ГЕРТЕЛЬ—«Ярмарка людей» (с немецкого); БРУНО ЯСЕНСКИЙ — «Бандиты» (с чешского); МАЙКЛ ГОЛД — «Джон Рид» (с английского); И. Р. БЕХЕР — «1933»; ВИЛЬИ БРЕДЕЛЬ — «Розбиг-фюртрассе»; БЕРТ БРЕХТ—«Партийная мера» (с немецкого); НЕЛЛА ПОЛЬ — «В Па-де-Кале требуются рабочие» (с французского); ДЖ. ДЕЛЬ-МАНЕТТО — «Фенькоттеро» (с итальянского) и мн. др.

Рассказы, очерки и стихи выдающихся писателей и поэтов Германии, Америки, Франции, Венгрии, Чехословакии, Австрии, Польши, Италии, Испании, Англии Болгарии Латвии, Финляндии, Латвии Японии, Китая, Египта, Бразилии, Перу и др.

В каждом номере печатается беллетризованный роман одного из виднейших иностранных и революционных писателей.

ПОСТОЯННЫЕ ОТДЕЛЫ: Художественная проза, очерки, статьи, обзоры, зарубежные рабкоровские корреспонденции, быт, международная хроника, книжное обозрение.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА — на год — 10 р., на 6 мес.—6 р., на 3 мес.—2 р. 50 к. Отдельный номер — 1 р.

«Литература мировой революции издается параллельно на языках:

Французском:
La littérature de la revolution movdiale

Немецком:
Literatur der weltrevolution

Английском:
Literature of the world revolution

и является лучшим литературно-художественным журналом на родном мне для иностранных рабочих СССР и всех изучающих иностранные языки.

Подписка принимается всеми отделениями, магазинами Книгоцентра, их уполномоченными на почте и письмоносцами.

Издательство ЦК ВКП(б) «ПРАВДА»

ОТКРЫТА ПОДПИСКА **на 1932 г.**

на журнал

РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКИЙ КОРРЕСПОНДЕНТ

центральный руководящий орган рабкоров, селькоров, военкоров и юнкоров

Выходит три раза в месяц с бесплатным приложением лекций, заочных курсов для редколлегий низовых, печатных и стенных газет, рабселькоров и ударников печати.

РАССЧИТАН на всех рабкоров, военкоров и юнкоров, на всех ударников печати, работников массовых отделов центральных и районных газет и журналов, на партийных, комсомольских и профсоюзных работников, непосредственно отвечающих за руководство низовой печатью и рабселькорами;

ДАЕТ руководящий, инструктивный материал по основным, наиболее важным и злободневным вопросам работы низовой печати и рабселькоров в социалистическом строительстве;

ПОМОГАЕТ партийным и профорганизациям наладить конкретное и жизненное руководство низовой печатью и рабселькорами;

ВЕДЕТ борьбу за ленинскую перестройку работы низовой печати и рабселькоров на основе указаний тов. Сталина, постановления ЦК ВКП(б) о перестройке рабселькоровского движения и решений всесоюзного совещания при «Правде»;

ПОКАЗЫВАЕТ положительный и отрицательный опыт работы;

ПОДНИМАЕТ И СТАВИТ НА ОБСУЖДЕНИЕ новые вопросы в области рабселькоровского движения;

ВЕДЕТ систематическую работу по повышению теоретической и практической подготовки работников редколлегий печатных и стенных газет, рабселькоров и ударников печати через свои специальные заочные курсы;

ОТВЕЧАЕТ на вопросы своих читателей.

«Рабочее-крестьянский корреспондент» должен быть повседневным руководством в работе каждого рабселькора и ударника печати, каждой редколлегии низовой печатной и стенной газеты.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА с приложением заочных курсов на 12 мес.—3 р., на 6 мес. 2 р. 50 к., на 3 мес.—1 р. 75 к., на 1 мес.—75 к.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ на почте, письмоносцами и киосками «РКК» при редколлегиях низовой печати.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1932 год

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

8-ой год изд.

НОВЫЙ МИР

8-ой год изд.

ПОД РЕДАКЦИЕЙ: И. М. Гронского, А. Г. Малышкина, В. П. Полонского (ответственный редактор), В. И. Соловьева

В 1932 году в журнале «Новый мир» будут напечатаны:

Ф. ГЛАДКОВ — ЭНЕРГИЯ, роман.
И. БАБЕЛЬ — РАССКАЗЫ: Иван да Марья. Аглая, Весна. Ан риан Мариенц. У Троцкого.
П. ПАВЛЕНКО — БАРРИКАДЫ, роман.
И. ГОРБУНОВ — КАМЕНЬ, повесть.
П. СЛЕТОВ — ШИРОКАЯ НАДЕ, роман.
АЛ. ТОЛСТОЙ — 1) ПЕТР ПЕРВЫЙ 1-я часть. 2) И. ОРСЕЙ. ЗАВОД, повесть.
ЮРИЙ ОЛЕША — 1) СМЕРТЬ ЗАНДА, сцены. 2) РАССКАЗЫ.
А. НОВИКОВ-ПРИБОЙ — ПУЛИМА, сцены из романа.
С. СЕРГЕЕВ-ЦЕНСКИЙ — СВИДАНИЕ, роман.
АРТЕМ ВЕСЕЛЫЙ — РОССИЯ КРОВЬЮ УМЫТАЯ, последние главы романа.
Г. НИКИФОРОВ — ПРОЧЕСТВО, роман.
Ф. РАСКОЛЬНИКОВ — В АГГЕЛИЙСКИЙ ПЛЕН, воспоминания.

И РЯД НОВЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ:

Н. Асеева, З. Багрицкого, А. Белого, К. Большакова, И. Евдокимова, М. Зенкевича, Л. Леонова, Вл. Лидина, А. Малышкина, О. Мандельштама, П. Низового, Н. Никандрова, Л. Никулина, Б. Пастернака, Б. Пильняка, А. Платонова, Вс. Пронина, В. Саянова, М. Светлова, С. Спасского, В. Ставского, Н. Тихонова, Н. Фирина, П. Ширяева и других.

ЛЮДИ И ФАКТЫ. ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО. ЛИТЕРАТУРНЫЙ АРХИВ. НАУКА И ТЕХНИКА. ЗА РУБЕЖОМ. КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА НА 1932 ГОД: — 1 год 10 р. 80 к. 6 мес.— 5 рублей, 40 коп. 3 мес.—2 р. 70 коп. 1 мес. - 93 коп. Подписку сдавайте исключительно ПОЧТЕ, организатору подписки письмоносцу.

ВНИМАНИЮ ПОДПИСЧИКОВ «НОВОГО МИРА»! В связи с недостатком бумаги, комплекты журнала «Новый мир» печатаются по будут. Поэтому издательство рекомендует всем подписчикам, желающим обеспечить себя журналом «Новый мир» с 1 января, сдать подписку местной почте ЗАБЛАГОВРЕМЕННО. ТОЛЬКО СВОЕВРЕМЕННАЯ СДАЧА ПОДПИСКИ гарантирует получение журнала АККУРАТНО С ПЕРВОЙ КНИГИ

В об'явлении, напечатанном в «Литературной газете» № 65 от 3 декабря 1931 года о журнале «Молодая гвардия»,—допущены ошибки. НАПЕЧАТАНО: С. Салтыков, Н. Бергавин, СЛЕДУЕТ ЧИТАТЬ: С. Салтанов, Н. Бирюлин.

В 1932 ГОДУ подписчики журналов „ОГОНЕК" и "РОСТ" получат приложением

24 ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЕ КНИГИ ПРОИЗВЕДЕНИЙ МИРОВОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ★ ПОД РЕДАКЦИЕЙ и со вступит. статьями М. ГОРЬКОГО и А. ВИНОГРАДОВА

„ИСТОРИЯ МОЛОДОГО ЧЕЛОВЕКА XIX СТОЛЕТИЯ"

В эту библиотеку войдут произведения: СТЕНДАЛЯ, БЕНИК. КОНСТАНА ШАТОБРИАНА, ФОСКОЛО, ВАЛЬРА, ГЕЙЕ, БАЛЬЗАКА, МЕССЕ, СЕНКЕВИЧА, БУРЖЕ, БУЛЬВЕР-ЛИТОНА, ЛЕРМОНТОВА, ТУРГЕНЕВА, ПОМЯЛОВСКОГО, СЛЕПОВА. Издание будет иллюстрировано лучшими художниками графиками.

В иллюстрировании принимают участие: АЛЕКСЕЕВ, БРУНИ, ДМИТРИЕВСКИЙ, КРАВЧЕНКО, ПАВЛИНОВ, СТАРОНОСОВ, СУВОРОВ, ФАВОРСКИЙ, ХЮЖИНСКИЙ, ШИЛЛИНГОВСКИЙ, ЮДОВИН и другие

ОТКРЫТ ПРИЕМ ПОДПИСКИ на 1932 год.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

„ОГОНЕК" выходит три раза в месяц) с приложением 24 книг «Истории молодого человека XIX столетия» в году 19 рублей.

Допускается рассрочка: к 1 января 1 марта, 1 мая и 1 июля по 4 руб 75 коп.

„РОСТ" (выходит два раза в месяц) с прил. 24 книг «Истории молодого человека XIX столетия». в году 19 р.

Подписчикам, уплатившим все взносы полностью, бесплатная премия — иллюстрированный альбом „Москва"

Подписка принимается только почтой не позже установленного ею срока

ЖУРНАЛЬНО-ГАЗЕТНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ

Уполном. Главлита В 10536. Интернациональная (39) тип. «Мосполиграф», пр. им. Самарова Стеванова, д. 3.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Орган Федерации об'единений советских писателей РСФСР

МОСКВА 12 ДЕКАБРЯ 1931 г. № 67 (166)

РЕДАКЦИЯ:
Москва, Тверской б. 25, Дом Герцена. Телефон 2-80-12.

ИЗДАТЕЛЬСТВО:
Журнально - газетное об'единение: Москва, 6, Страстной бульвар 11. Телефон 5-51-69.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА НА 1932 г.
На 12 м. 3 р. 60 к.
На 6 м. 1 р. 80 к.
На 3 м. — р. 90 к.

СМОТР КОМСОМОЛЬСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Одним из результатов последней литературной дискуссии является усиление внимания пролетарской литературы к проблемам комсомольской тематики, к задачам создания образа молодого пролетария-большевика, активного строителя и борца за социализм.

Это сейчас основное требование шестимиллионного ленинского комсомола к пролетарской литературе. Требования бесспорные, и оно должно быть выполнено в кратчайшие сроки. Героическая борьба комсомола на многочисленных фронтах пятилетки до сего времени (и это надо открыто признать) не получила всестороннего и глубокого отражения в пролетарской литературе. Это помятно не значит, что у нас нет произведений, посвященных комсомольской тематике. Такие произведения есть. Но их не так много. А главное то, что большинство из них или разрабатывают по существу вчерашний день комсомола, или показывают его по каким-то боковым линиям, или, что совершенно нетерпимо, искажают лицо комсомола, живущее на него, лгут. Здесь весьма защитительно, для комсомола в первую очередь, сказывается отставание пролетарской литературы.

Последний пленум правления РАПП, намечивший программу мероприятий по ускорению темпов перестройки пролетарского литературного движения, подчеркнул обязательства пролетарской литературы перед комсомолом. Основное, что должна сделать пролетарская литература в отношении комсомола — это создать произведения большой идейности высокого художественного уровня, в которых образ молодого строителя социалистического общества нашел бы наиболее глубокое раскрытие, наиболее сочное обобщение. Лозунг создания «Магнитостроев литературы» целиком относится и к литературе о комсомоле.

Путь к осуществлению этого лозунга — путь упорной работы над выработкой метода, работы по повышению уровня мировоззрения писателя. Большая ответственность лежит и на критике. И писатель и читатель часто бывают предоставлены самим себе. Критика часто безмолвствует. Возьмем хотя бы ту же область литературы, тематически посвященной комсомолу. На эту тему написано немало книг, а много ли из них получили хотя бы какую-нибудь оценку критики? Значительное меньшинство. А между тем среди них немало таких, в которых проскальзывает классово враждебная идеология. И на этом участке литературного фронта классовый враг пытается оказать сопротивление социалистическому наступлению. Характерным примером этого может служить история контрреволюционной богемствующей группки контрэмпирьцев («снайпинг»). С другой стороны, слабость нашей критики, беспланность ее работы очень часто приводят к тому, что литературные произведения не получают своевременной и правильной критики,—в результате писатель пишет наощупь, не получая необходимой ориентировки в своей творческой работе. Решительная перестройка критики — одна из важнейших условий быстрейшей ликвидации отставания литературы от задач социалистического строительства.

В свете всех этих задач огромное значение приобретает смотр комсомольской литературы, начатый по инициативе «Комсомольской правды».

Этот смотр подытожит все то положительное и отрицательное, что мы имеем в области комсомольской литературы.

Во-первых, смотр вскроет нашу критику лицом к комсомольской литературе.

Во-вторых, смотр будет способствовать сближению писателя и широких читательских масс. Вычесление на массовые собрания молодежи критической оценки произведений будет способствовать выяснению всех слабых и сильных сторон того или иного писателя. Он (писатель) получит возможность проверить свой творческий путь критикой тех, для кого и о ком он писал.

В-третьих, смотр даст новый толчок дальнейшему развертыванию творческой дискуссии.

Наконец смотр явится исходным моментом к новому притоку молодых пролетарских кадров в пролетлитературное движение.

Обсуждение произведений с комсомольской тематикой должно пойти по линии анализа и разработки следующих проблем: показа нового отношения пролетарской, комсомольской молодежи к труду, показа молодого энтузиаста социалистического преобразования деревни, показа комсомольского актива молодежи в Красной армии и т. д.

Вся пролетарская литературная общественность должна включиться в проведение смотра. Все организации МАПП, РАПП, ВОАПП должны немедленно совместно с комсомольскими организациями и органами комсомольской печати разработать и начать осуществлять конкретный план проведения смотра. В чем он заключается? В устройстве массовых собраний, посвященных разбору конкретных произведений о комсомоле, в организации специальных литературных страниц, в усилении конкретной критики в журналах, в постановке докладов литературных кружков, районных и областных АПП на бюро секретариатов и общих комсомольских собраниях, в привлечении новых кадров из комсомола в пролетарское литературное движение.

Серьезную роль должны сыграть в смотре творческие группировки РАПП. В смотр комсомольской литературы также должны быть включены произведения пролетарско-колхозных писателей и писателей ЛОКАФ.

Несмотря на то, что смотр об'явлен еще в конце ноября, большинство литературных организаций только начинает «раскачиваться». Это частично относится и к низовым комсомольским организациям. Такое начало не гарантирует успешное проведение смотра. Необходимо немедленно добиться перелома в подготовке смотра и фактически его начать.

Счет шестимиллионного ленинского комсомола должен быть оплачен сполна.

ДАДИМ ПРОЛЕТАРСКОЙ МОЛОДЕЖИ ВЫСОКО-ХУДОЖЕСТВЕННУЮ ЛИТЕРАТУРУ!

ПРОВЕДЕНИЕ СМОТРА КОМСОМОЛЬСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ БОЕВАЯ ЗАДАЧА ОРГАНИЗАЦИЙ ВОАПП и РАПП

В ЦЕНТРАЛЬНОЙ КОМИССИИ

* Центральная комиссия при «Комсомольской правде» выработала план РАПП-ВОАПП-ЦК ЛКСМ СМОТРА молодежной литературы.

* Творческий смотр проводится в течение трех месяцев (с 1 декабря 1931 г. по 1 марта 1932 г.) силами комсомола, ВОАПП, РАПП, РОПКИ и «ЛОКАФ». Общее руководство смотром возглавляет Центральная комиссия по смотру, в нее входят представители ЦК и МК ВЛКСМ, «Комсомольской правды», ВОАПП, РАПП и РОПКИ.

* Ячейки комсомола совместно с литкружками и редакциями молодежных страничек заводских и совхозных газет организуют вечера, посвященные смотру творчества отдельных молодежных писателей и членов местного литкружка и разбору произведений комсомольских писателей и поэтов.

* Районы комсомола совместно с местными АПП и отделениями РОПКИ проводят конференцию смотра в районе. Будут заслушаны доклады местных АПП под углом зрения ПРОВЕРКИ РАБОТЫ ассоциаций пролетписателей С ПИСАТЕЛЬСКИМ МОЛОДНЯКОМ, работы над МОЛОДЕЖЬЮ и КОМСОМОЛЬСКОЙ ТЕМАТИКОЙ. Районы комсомола совместно с местными АПП организуют обсуждение ОТДЕЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ МОЛОДЕЖНОЙ ТЕМАТИКИ (отношение молодежи к труду — соцсоревнование и ударничество, молодежь в РККА, комсомольский актив, колхозная молодежь и пр.).

* «Комсомольская правда» совместно с МК ВЛКСМ, МАПП и МОЛНС проведет собрание актива, посвященное задачам смотра и встречу на тему: «МОЛОДЕЖЬ В БУРЖУАЗНОЙ И ПРОЛЕТАРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ» и «КОМСОМОЛЬСКАЯ ПОЭЗИЯ» (Безыменский, Жаров, Молчанов, Сурков, Алтаузен и др.).

* На крупнейших предприятиях Москвы «Комсомольская правда» совместно с фабрично-заводскими комсомольскими ячейками и литкружками организует свыше 25 вечеров, посвященных обсуждению конкретных произведений комсомольских писателей и рабочих-ударников.

* В период смотра «Комсомольская правда» будет выпускать литстраницы (не реже одной литстраницы в декаду), посвященные смотру молодежной литературы, а также систематически освещать ход смотра, печатать рецензии, статьи, обзоры выходящей литературы о молодежи.

* Все местные отделения «Комсомольской правды» включаются в смотр. Совместно с комитетами комсомола и организациями пролетарских и пролетарско-колхозных писателей организуются вечера смотра творчества местных молодежных писателей. Особое внимание будет уделено смотру национальной литературы о молодежи.

*

Бригада критиков, организованная МАПП и газетой «Комсомольская правда» для проведения смотра молодежной литературы, отправилась в Ленинград. Цель поездки бригады — ознакомление с ходом смотра. На крупнейших предприятиях ленинградских фабрик проводятся вечера, посвященные обсуждению произведений молодых писателей. Бригада критиков, организованная МАПП, будет принимать деятельное участие в этих вечерах. «Комсомольская правда» и «Литгазета» будут печатать критические статьи о творчестве комсомольских писателей.

МОЛОДОГВАРД'ЕЙЦЫ» МОБИЛИЗУЮТСЯ

Творческое об'единение комсомольских писателей МАПП «Молодая гвардия» мобилизовало свои критические силы для участия в творческом смотре комсомольской литературы. Создана бригада, выработан план критических работ.

Т. Корабельникова пишет статью о повести «Конь-огонь» Митрофанова. Е. Кольцов критикует о творчестве ленинградских молодых поэтов Гитовича, Бытового, Лозина, Прокофьева, т. Кубанина — о «Крутой ступени» Караваевой, С. Кирьянов бьется о Платошкине («Отец», «Шорник»), т. Кузьмин — о Шоссове (повесть «О вольном братстве»), т. Брозман — о Бутковском («Девятое тринадцатый»), Згарге («Перекрасах») и Герасимовой (сборник «Пайщик» и «Зорька»), т. Левин пишет статью о Безыменском («Стихи мобилизованным»), Жарове (Стихи и утюг») и Молчанове (Тракторострой), М. Марков — о творчестве Маска Колосова.

В процессе смотра этот план будет дополняться конкретным критическим материалом, конкретными произведениями о комсомоле.

Комсомольские писатели-драматурги объединения «Молодая гвардия» (Безыменский, Караваева, Киселев и др.) примут активное участие в работах московских трамов.

„ТОНКИЕ" ЖУРНАЛЫ ГОТОВЯТСЯ К СМОТРУ

«СМЕНА»

Журнал «Смена» выпускает специальный номер (34—35), посвященный смотру комсомольской литературы. В этом номере помещена статья генерального секретаря ЦК ВЛКСМ т. Косарева «Комсомол на фронте литературы», статьи: «За комсомольскую литературу», «Комсомол в творчестве рабочих-ударников», критическая статья—«Творческий путь комсомольского поэта А. Жарова», статья — «Комсомольские поэты Украины».

Журнал «Смена» в ближайших номерах подвергнет разбору творчество И. Кириленко (Украина). И. Уткина, Дж. Алтаузена и др. На страницах журнала будет проведен смотр иностранной пролетлитературы, отражающей жизнь комсомола за рубежом.

«НА ЛИТПОСТУ»

Журнал «На литературном посту» отражает на своих страницах смотр новинок комсомольской литературы.

В журнале будут в частности помещены критические статьи о серии «Новинки комсомольской литературы», выпускаемой издательством «Молодая гвардия». Для этой работы выделена специальная группа критиков. Актив журнала «На литпосту» примет участие в совещаниях и дискуссиях, посвященных творческому смотру молодежной литературы.

«РОСТ»

Журнал «Рост» еще до постановления РАПП о развертывании смотра комсомольской литературы, начиная с № 12, систематически помещал обзор молодежной литературы. Были напечатаны обзоры творчества А. Митрофанова, А. Караваевой, А. Суркова, А. Жарова, А. Гидаша и В. Сидорова.

Критическому сектору журнала «Рост» поручено подготовить статьи о серии «Молодые герои пятилетки», издаваемой в «Молодой гвардии».

В № 24 журнала будет помещена статья т. Дудина о нескольких очерках этой серии. В следующих номерах будут помещены критические статьи о Г. Бутковском, В. Резчикове, А. Черненко, А. Сухареве, М. Голодном, М. Светлове, И. Молчанове и Дж. Алтаузене.

Редколлегия командировала одного из своих членов для проведения творческого смотра в подшефную «Росту» ассоциацию пролетписателей в г. Бежицу.

„КРАСНАЯ НИВА" ИГНОРИРУЕТ СМОТР

Из всех толстых журналов исключением является «Красная нива», не только не включившаяся до сих пор в смотр молодежной литературы, но и не ставившая перед собой этой задачи. Игнорирование важнейшей задачи, поставленной перед пролетарской литературой, объясняется, видите ли, перестройкой установки журнала, ориентирующегося теперь главным образом на проблемы сельского хозяйства.

Разве технический уклон в литературно-художественном журнале, каким по существу остается «Красная нива», дает ему право оставаться в стороне от кричащих литературных вопросов?

Не является ли для ответственного секретаря «технический уклон» лишь прикрытой завесой, скрывающей отставание журнала в серьезных литературно-политических вопросах?

В случае отставания в вопросах техники, не будет ли в «Красной ниве» затеваемое новое оправдание: «Красная нива» — модное чисто технический, а литературно-художественный журнал»?

ПЕРВЫЕ ВЕЧЕРА СМОТРА

* Сегодня СЕКТОР ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА «ДОМА ПЕЧАТИ» и «КОМСОМОЛЬСКАЯ ПРАВДА» устраивают в Доме печати первый вечер творческого смотра молодежной литературы. Обсуждаются молодежные повести о рабочих-печатниках: «ПОЛТОННЫ» Л. ОВАЛОВА и «ИЮНЬ—ИЮЛЬ» А. МИТРОФАНОВА. После докладов о задачах смотра, о творческие работах Митрофанова и прений авторами МХТ и театра Радиослушателя будут прочтены отрывки из повестей.

* Завтра «КОМСОМОЛЬСКАЯ ПРАВДА» СОВМЕСТНО С МАПП устраивает на Электрозаводе вечер смотра творчества ИОСИФА УТКИНА. В обсуждении творчества Уткина примут участие комсомольская и рабочая молодежь завода, писательский актив, выделенный Московским писателей, и актив МАПП.

* В Риги устраивает 15 декабря вечер, посвященный разбору ТВОРЧЕСТВА ЛИТУДАРНИКОВ. На дальнейших вечерах будут обсуждены произведения А. БЕЗЫМЕНСКОГО и А. ЖАРОВА. В качестве докладчиков привлекаются работники «Комсомольской правды» и журнала «Смена». Рижинская ячейка ВЛКСМ и ячейка МАПП проводят выездные вечера на предприятиях, где литгруппами руководят отделения Риги.

НЕ МЕЛОЧНЫЕ ПРИДИРКИ, А КОНКРЕТНАЯ ПОМОЩЬ

Комсомольской ячейкой Риги совместно с организацией месяц назад ячейкой МАПП проведен вечер смотра произведений комсомольских писателей-студентов авторского отделения Риги. Обсуждались очерки тт. Урацкого, Гольдберга, Вейса и Веледницкой.

Резко других была взята под острый критику т. Веледницкой «Ледяной худ-жник». Наиболее умелый с точки зрения недостатков марионеточного «рабфака» очерк страдает и этим основным, сказавшимся в описании возникновения и ликвидации прорыва на фабрике, в основном показ поведения передовых сознательных рабочих на более отсталых.

В очерке т. Веледницкой ударничество и соцсоревнование не основаны на социалистических отношениях к труду, а являются следствием личной комсомолки, целью стремлением рабочих «выскочить на первый план», затереть других. «Шестерой художник» страдает некоторым любованием восточной экзотикой, местами проскальзывают в нем элементы местного национализма, сказывающиеся в противопоставлении «наших женщин» «чужим женщинам».

«Путь фабзайца» Урацкого также страдает схематизмом, чрезмерной легкостью в разрешении сложных вопросов; центральный персонаж — комсомолка Людя Кожухова — дан больше в описании его отношения, нежели в психологическом разрезе. Но если у т. Веледницкой герои далеки выражением из коллектива, то у Урацкого Ковырина показана в окружении комсомольского молодняка, спаяно с ним.

Но в этих двух очерках, так и очерках Гольдберга и Вейса, не показан диалектический рост героя, не вскрыт процесс формирования социалистического отношения к труду. Напротив, в очерке Гольдберга «Вооружение завода» организация бригады ползет не на осознании рабочими полезности коллективного труда, а на материальной выгоде. Рост энтузиазма комсомольцев обусловлен формалистским обстоятельством — трагической смертью товарища-комсомольца, а не новым отношением к труду. У Вейса ведет завод к победе не энтузиазм рабочих, а «покупной вождь».

Общее для всех очерков недостаток обнаружен недостатками мировоззрения авторов, недостаточным овладением методом диалектического материализма. Четыре очерка, взятые из серии «Страна дочка» (издательство «Молодая гвардия»), не отвечают примером, как и вся серия, поставленным перед ними задачам.

Эти недостатки были вскрыты в докладчиком т. Никитиным и выступлениях тт. Шапиных, Сухаловых, Тарелкиным, Бабиным, Бирюковым, Гуревичем, Митиным, Тюриным, Корчевым, Фейгиным и др.

Авторы очерков частично согласились с критикой пытались, вместе с тем, оправдать наличие недостатков ограниченностью объема очерков (тт. Вейс и Веледницкая) и близостью к фактическим материалам (т. Гольдберг).

К сожалению вечер смотра произведений комсомольских писателей в Риге прошел в жеготовой атмосфере придирчивой, несознательной критики. Вместо помощи дальнейшему творческому росту товарищам, многие выступавшие сводились к мелким придиркам, к перебранке с автором, к бесплодствующим пасквилям, — к тому, что мы не терпим в нашей литературе.

В дальнейшем районным необходимо учесть недопустимость проведения творческого смотра молодежной литературы в подобной обстановке.

Е. ПЕЛЬСОН

ВЛАДИСЛАВ БРОНЕВСКИЙ

ШПИНК

Посмотрите в окно: бродит шпик в шубе фасона,
он с восьми тут слоняется праздником злобы,
мне еще, и войдет с полицейским от-рядом:
«Руки вверх! Замолчать! Не двигаться! Обыск».

Узнаю ту губу, что с неделю не брила,
шутко-серый, как стекла трактира в слободке,
подо всем хмурый глаз, не глядящий открыто,
узнаю когти зверя, злодея походку.

Был в охране с утра, в кофейне был вольной,
только эти слова я промолвил, он тут-как,
он товарищам вскользь: «Завтра митинг на Вольной»,
и товарищей завтра продаст между прутьев.

И потом будет, злясь, кулаком бить по морде,
так, что выбивает зубы как спустов крокодил...
Вдаст платит ему, он заслужит и орден,
шпик свободно сложится вольной Варшавой.

В кабачке будет вечером пить без забавы,
будет нечно твердить о общем единстве и мире,
не колеблясь, за денку заплатит сто злотых,
точно денег нудных часть небольшую.

Он является ухом стены и с уверенностью может всякому твердить о скороте собачьей,
пенициевый стих он кратет с почта,
слезы лживые шлет тем, кто в ссудище плачет.

О, измена, измена! Напрасно книгу я,
горестью сердце свое раздавая задаром,—
он куски лопит и есть, он считает лакеем,
и, как страшную бомбу, достанет жандарма.

Посмотрите в окно: осень бродит по миру,
единою ниже в сером драпе, безличный,
или глаза наши кроет, как стекла трактира,
и бросает нас юность — товарищ больничный.

Перевел И. ПОСТУПАЛЬСКИЙ

В ЗАЩИТУ ПРОЛЕТПИСАТЕЛЕЙ ПОЛЬШИ

Пролетарское студенчество Московского революционно-издательского института, в котором учатся пролетписатели 28 национальностей, обсудило на митингах письмо польского пролетарского писателя Владислава Броневского, заключенного в центральной тюрьме в Варшаве, и информацию польского пролетарского писателя т. Вандуровского.

Студенты РИПП вынесли резолюцию протеста против фашистской расправы над революционными писателями и требуют немедленного освобождения Владислава Броневского, Ив. Гемпеля, Вега, Старра и Новогрудского, томящихся в тюрьмах фашистской шляхтянки.

ВЫСТУПЛЕНИЕ Т. ФАДЕЕВА НА ПЛЕНУМЕ ЦК ВЛКСМ

В вечернем заседании пленума ЦК ВЛКСМ 10/XII с приветствием от имени секретариатов ВОАПП и РАПП выступил тов. А. ФАДЕЕВ.

ПОКАЖЕМ КРАСНУЮ АРМИЮ ЗАРУБЕЖНОМУ ПРОЛЕТАРИАТУ

на интернациональном вечере в ЦДКА

В ЦДКА состоялась 9 декабря устроенная ЦС ЛОКАФ четырехчасовая встреча писателей и литкружковцев «ЮАЗа» с бригадой иностранных пролетарских литераторов, работников издательства «Универзум-Бюхерай», прибывшей накануне из поездки по СССР.

После вдумчивой речи т. Матэ Залка, т. М. Субботицкий ознакомил иностранных гостей с ролью и значением ЛОКАФ.

— Одна из основных задач ЛОКАФ— художественным словом разоблачать долгожих империалистов к войне против СССР. Мы ждем от зарубежных пролетарских и революционных писателей яркого и правдивого отображения Красной армии в художественной литературе в противовес клевете, распространяемой об РККА в буржуазной литературе.

Лучшие советские книги в Красной армии периода гражданской войны и о современной РККА также должны быть переведены на иностранные языки и продвинуты в читательские массы международного пролетариата.

Руководитель издательства «Универзум-Бюхерай» и редактор немецкой рабочей иллюстрированной газеты «АИЦ» т. Леопольд, приветствуя ЛОКАФ от имени революционных писателей Германии, тов. Леопольд предложил писателям ЛОКАФ дать материал о Красной армии в специальный номер «АИЦ», который будет посвящен Красной армии.

На вечере выступали с приветствиями тт. Эгон Эрвин Киш, румынский пролетписатель М. Кохана, Вайян Кутюрье, В. Ставский.

Тов. Сяо прочитал поэму стихи «Память пантейской коммуны», посвященные четырнадцатой годовщине Октября.

Тов. Лединцер прочел стихи Эриха Вайнерта, запрещенные в Германии. Со своими произведениями выступили также писатели ЛОКАФ: тт. Щипачев, Харизоев и Жигилинский.

Тов. Ф. Родионов, закрывая вечер, подчеркнул:

— Эта интернациональная встреча говорит о том, что фронт локафовского движения ширится и что ЛОКАФ идет не пути превращения в международную организацию.

Приветствуя предложение т. Леопольда о выпуске специального номера «АИЦ», посвященного Красной армии, т. Родионов заявляет, что писатели ЛОКАФ могут и должны дать для него богатый материал о Красной армии.

А. КР—ОВ

ПРОИЗВОДСТВЕННО-ТВОРЧЕСКАЯ ПЕРЕСТРОЙКА — ЗАДАЧА ВСЕЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ОБЩЕСТВЕННОСТИ

НА ЗАСЕДАНИИ ПРАВЛЕНИЯ ВССП

Задача перестройки лежит к производству, к творчеству, во весь рост вставшая перед РАПП в результате последней дискуссии, является насущнейшей задачей и для других литорганизаций, для всей нашей литературной общественности. Не случаен поэтому тот интерес, который повсеместно проявляется к итогам последнего пленума РАПП намеченного пути производственно-творческой перестройки ведущей организации пролетарских писателей.

Симптоматично в этом смысле и то, что доклад т. А. Селивановского об итогах пленума РАПП на последнем заседании правления ВССП фактически вытеснил с повестки дня все остальные вопросы.

Общий тон прений, в которых приняли участие тт. П. Павленко, В. Лидин, В. Гольцев, А. Эфрос, Н. Огнев, Н. Шилар, А. Замошкин, П. Скосырев и П. Сметов, не оставляют сомнения в том, что руководство ВССП в принципе вполне осознает необходимость решительной производственно-творческой перестройки и в союзе советских писателей.

Вместе с тем надо сказать, что выступления отдельных товарищей из правления ВССП говорит о не всегда правильном понимании задач перестройки и конкретных путей к ней.

Нельзя например признать обоснованным паническое настроения по поводу отсутствия творческих группировок в ВССП.

С другой стороны, нельзя согласиться и с П. Скосыревым, который считает творческими группировками все секции ВССП (детскую, краеведческую, научно-техническую и т. д.). Такое понимание принципа создания творческих группировок приводит т. Скосырева к убеждению, что П. Павленко, А. Эфрос, Н. Шилар являются членами единой научно-технической творческой группировки».

Весьма бесплодными и пессимистическими т. Замошкина, утверждающего, что перестройке ВССП мешает «отсутствие взаимного интереса» писателей ВССП друг к другу и «довлеющий надо всем» термин «попутчик». Вряд ли прав и Н. Огнев в утверждении, что перестройка творческая и мировоззренческая никак не связана с организационной перестройкой союза писателей.

В итоге прений правление ВССП пришло к выводу о необходимости проработать вопросы организационной и производственной перестройки ВССП с тем, чтобы превратить правление союза в творческий центр, передав все дела материального и хозяйственного порядка хозяйственной комиссии.

Президиуму ВССП поручено учесть замечания, сделанные на реферируемом собрании, и на следующем заседании правления ВССП поставить на развернутое обсуждение вопросы перестройки ВССП в плане уничтожения «заседательской сутяги» за счет усиления идейно-творческой работы.

ДЕКА.

* * *

Третьего дня, в переполненном конференцзале Дома Герцена докладом т. Н. АСЕЕВА «О ПОЭЗИИ» начался третий тур творческой дискуссии московского отдела ВССП.

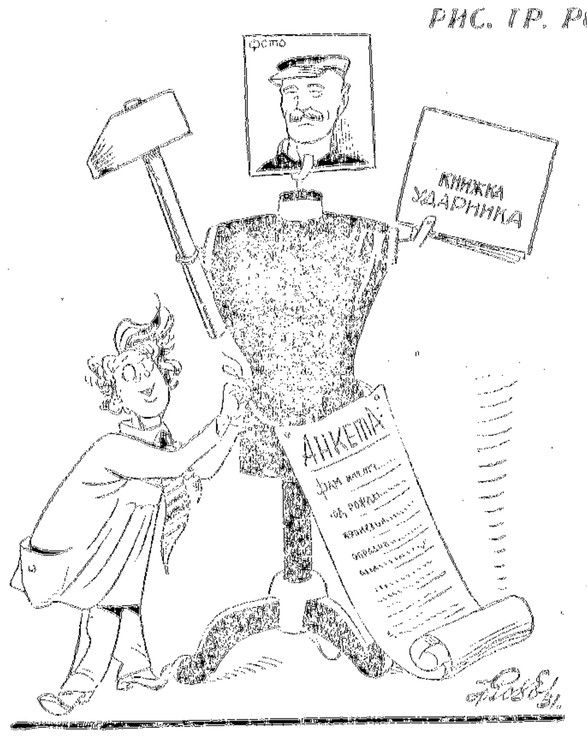
Отчет о нем будет напечатан в следующем номере «Л. Г.».

Продолжение творческой дискуссии состоится 13 декабря.

ПРАКТИКА ТЕОРИИ ОБРАЗА-СХЕМЫ

КАК МЯСТИЕ «ПОКАЗ»ВАЮТ» УДАРНИКОВ

РИС. ГР. РОЗЕ



РАЗВЕРНУТЬ ПРОЛЕТАРСКОЕ НАСТУПЛЕНИЕ НА ТЕАТР

ВОПРОСЫ ТЕАТРА НА ПЛЕНУМЕ ПРАВЛЕНИЯ РАПП

Последний день работы пленума правления РАПП был посвящен обсуждению вопросов театра, в связи с представленным секретариатом на обсуждение пленума развернутым документом о задачах РАПП в области театра. Главным докладчиком был т. Афиногенов.

По докладу развернулись оживленные прения, в которых приняли участие представители различных группировок творческих течений советского театра.

В итоге этого обсуждения подтвердилась правильность основных установок РАПП в области театра, изложенных в тез-документе. На театральной дискуссии на пленуме РАПП была еще более сближающейся с трамовским движением, еще раз подтвердилась несостоятельность и растерянность группки «Пролетарский театр», а также частей в Пролеткульте.

Выступления представителей первой рапповской театральной ячейки—театра ЛАПП — подтвердили основной тезис доклада т. Афиногенова о том, что РАПП сплотную подошла не только к вопросам драматургии, но и ко всему комплексу театральных вопросов, ставя своей задачей радикальную перестройку советского театра.

Современное состояние театрального фронта таково, что здесь еще в большей степени, чем в литературе, мы наблюдаем отставание от темпов реконструктивного периода. Рост пролетарского зрителя во много раз обгоняет темпы перестройки театра. Именно это и в частности проблема репертуара для профессионального и самодеятельного театра заставило секретариат РАПП выступить с документом по вопросам театра.

Этот документ требует единой принципиальной линии от пролетарских коммунистических сил на фронте театра, требует четко выдержанной партийности в теоретических и творческих вопросах, наряду с развертыванием творческого соревнования. Он подвергает суровой критике два порочных уклона в области самодеятельного театра: правый — капитулянтский, рассматривающий самодеятельный театр только как придаток к театру профессиональному и «левацкий» уклон, отрицающий всякую связь самодеятельного театра с профтеатром.

Документ подвергает критике ошибки трамовского движения: попытки реализовать линию «Ленинградского трама», который был заражен литфронтовщиной; отказ Трама от фабул и сюжета, разрыв трамовского движения с театром; отрицание необходимости профессионализации и наконец неверные теоретические установки и отсутствие в трамовском движении достаточной сплоченности. Последнее положение т. Афиногенов в своем докладе, а также ряд выступивших в прениях, подтвердили указаниями на то, что до сих пор не подвергнуты необходимой краткие ошибочные высказывания одного из руководителей Трама т. Чичерова вроде такого, что «МХТ вырос из самодеятельной игры буржуазной молодежи», а также реакционные теории А. Пиотровского, который доходит до утверждения, что всякое празднество (в том числе царское), всякая демонстрация (в том числе церемониальная) является проявлением... «самодеятельности».

Однако эта критика ошибок Трама не снимает того основного факта, что трамовское движение является наиболее близким РАПП, что с ним необходимо нападать, на основе четкой принципиальности, совместную дружную работу. Такая постановка вопроса о Траме в тез-документе РАПП и в докладе т. Афиногенова была подтверждена ходом прений уже на самом пленуме.

Многочисленные выступления трамовцев (тт. Гардин, Белинцев, Сусловин, Прокофьев, Соколов, Гацук) безусловно были наиболее ценными и с точки зрения того, что в них достаточно резко критиковались ошибки Трама, на основе тех указаний, которые сделаны в тез-документе, и с точки зрения наличия в них действительного стремления к совместной работе в РАПП. Это конечно не значит, что все разногласия уже сняты, товарищи подчеркивали, что в документе смазываются творческие достижения Трама, что РАПП недостаточно уделил внимания трамовскому движению и т. д.

Исключение из этого общего тона трамовских заявлений составило выступление т. Чичерова, который, хотя и признал свои ошибки и ошибки Трама, но сделал это недостаточно развернуто и решительно. Однако и это не отвлекает на задний план положительного значения дискуссии с трамовцами на пленуме РАПП. Представители РАПП — тт. Либединский, Сутырин и др. единодушно это подтвердили.

Нельзя сказать того же про группу «Пролетарский театр» и Пролеткульт. Выступления представителей последних (Вакс, Рейх, Мазин) отличались присущей им путаницей, отрицанием своих ошибок и повторением голословных нападок на РАПП. Товарищи говорили о консолидации, но не хотели признать того факта, что консолидация возможна лишь на основе единой принципиальной установки, не допускающей грубейших уклонов на основе критики собственных ошибок. А этого как раз и не было. Тт. Афиногенов, Сутырин, Либединский, Авербах, Фадеев рядом фактов подтвердили правильность критики этих групп в документе РАПП. Пролеткульт до сих пор не извлек должных выводов из этих указаний.

Обсуждение той части документа и доклада т. Афиногенова, которая относится к МХТ и Театру Мейерхольда, прошло в значительной мере под знаком самокритики. В тез-документе вскрывается идеалистические и метафизические корни системы Станиславского, основанной на противопоставлении внутреннего опыта человека его социальному опыту, субъективного — объективному, в механическом их противоположении (белое — черному, добро — злому). Внеисторичность и вневременность системы Станиславского находят свое отражение в сугубо ошибочном взгляде, что на основе этой системы в одинаковой степени могут говорить и буржуазный и пролетарский театры. Наконец мхатовская система построена на биологизации социальных явлений с точки зрения биологического равенства людей, она подменяет глубокий анализ роли внутренним ощущением ее актером.

Эти неправильные основы системы Станиславского нужно жестко критиковать и, в частности, подробно разобрать те ошибки, которые делались по этому вопросу товарищами из РАПП. Сутырин в выступлении на пленуме с критикой своих ошибок в данном вопросе.

Однако это не значит, что мы не должны брать из художественной практики МХТ то ценное, которое в ней имеется.

Такая постановка вопроса дана и в отношении Театра Мейерхольда, биомеханическая система которого в конечном результате приводит к тому же биологизму, что и система Станиславского, только с другого конца: человек рассматривается здесь как биологическое явление, организованное внешне, сведенное к мышечным, мускульным и техническим спортивным процессам. Но борясь с ошибочными принципами системы Мейерхольда, с ее апологетикой, мы не должны отрицать того ценного, что нужно взять у Мейерхольда.

Резюме, которое сделал т. Афиногенов в своем докладе в отношении тез-документа РАПП, можно отнести и к обсуждению его на пленуме.

Тез-документ РАПП — это об'явление борьбы за неразрывность задач театра от задач рабочего класса, задач социалистического строительства. Тез-документ РАПП борется за марксистско-ленинское мировоззрение, за диалектический творческий метод на театре. Он борется за ведущую роль пролетарской драматургии, за учет зрительских интересов, за увлечение разрыва между профтеатром и самодеятельным театром. Тез-документ дает отпор таким чуждым представлениям о роли актера, которые отождествляют его со светом и музыкой. Актер — основа театра. Тез-документ ясно и четко ставит вопрос о самодеятельном движении, об его активизации, об его дальнейшем развитии, на основе общих с РАПП марксистских лозунгов.

Мы должны развернуть творческое соревнование и самокритику в театре, мы должны овладеть спецификой театра, превратив основные кадры советского театра в наших союзников и построив свой мощный пролетарский театр.

А. АФИНОГЕНОВ

ОБ *ОЧЕРЕДНЫХ* ЗАДАЧАХ *ПЕРЕСТРОЙКИ* РАПП

РЕЗОЛЮЦИЯ ПЛЕНУМА ПРАВЛЕНИЯ РАПП ПО ДОКЛАДУ т. Л. АВЕРБАХА

1. Вступление страны в период социализма поставило перед всеми организациями рабочего класса задачу перестройки форм и методов их работы. Перестройка РАПП происходила и происходит недостаточно. Указания партии на недостаточность развития самокритики в РАПП, на наличие элементов администрирования в работе, на частое игнорирование в практике того основного положения, что РАПП является литературно-воспитательной, а не государственно-административной организацией, указания на необходимость изжития всех этих недостатков проводились в жизнь неудовлетворительными темпами, не всегда последовательно, с рядом ошибок. Между тем в РАПП с особой силой должна быть развернута борьба за большевистское содержание и большевистские темпы перестройки в связи с прекращением РАПП за отдельные из кружков и частью организаций, объединяющую всех пролетарских писателей, в организацию, являющуюся основным проводником линии партии в литературе, в ведущую организацию всего фронта пролетарского искусства, в организацию идейно воспитательного характера, в организацию, которая должна заниматься производственными вопросами своей области, не окололитературными делами, не спорами вокруг и по поводу литературы, но литературой по существу.

Такая перестройка РАПП являлась и является одним из важнейших условий борьбы за продолжение отставания пролетарских писателей от запада, ставшегося перед нами современным этапом классовой борьбы пролетариата, намечавшегося в обстановке нарастающего подъема мирового революционного движения, построения фундамента социалистической экономики СССР, покрытого СССР сетью новых социалистических предприятий и гигантов-новостроек, из страны мелкого и разрозненного частнособственнического хозяйства деревни создавшего страну крупного социалистического земледелия. Такая перестройка РАПП являлась и является одним из важнейших условий борьбы за продолжение отставания искусства от возросших требований читателей, требований, все более растущих в связи с величайшими темпами культурной революции, в связи с победоносным наступлением диалектического материализма во всех областях знания. Такая перестройка РАПП являлась и является одним из важнейших условий создания большого искусства, искусства подлинного познания действительности и средства ее революционного изменения.

2. Под углом зрения производственных задач РАПП как организации, обязанной обеспечить реализацию задач максимальной работы пролетарских писателей, обязанной наладить творческое соревнование между ними, их учебу и взаимопомощь, обязанной заботиться о подготовке и выдвижении новых литературных кадров прежде всего из среды рабочих кадров, должны быть пересмотрены все формы и методы и все содержание работы РАПП. Производственная перестройка РАПП должна охватить отнюдь не только вопросы организационного порядка, вопросы структуры РАПП и т. д., но в первую очередь и все вопросы ее творческой, теоретической и литературно-политической работы, на основе широчайшей самокритики, как непременного условия перестройки. Это относится конечно не только к РАПП, но и ко всем другим литературным организациям (особенно к организации пролетарско-колхозных писателей), самокритика в которых развита явно недостаточно, а положение с перестройкой в которых явно неблагополучно.

3. Последняя литературная дискуссия и выступление комсомола (речь т. Косарева) является свидетельством острых задач перестройки и необходимости немедленного поворота РАПП к методам работы по-новому. Главная правильная творческая позиция, руководство РАПП не поняло, что объективным смыслом дискуссии является взволнованное недовольство ленинского комсомола, как и всей пролетарской общественности, темпами и характером проведения РАПП в жизнь указаний партии о задачах пролетарских писателей и их организаций. Последняя литературная дискуссия, обнаружив со всей остротой недочеты и ошибки в работе РАПП, подобрела огромное положительное значение для пролетарской литературы, она должна явиться решающим толчком для перехода к работе по-новому. На эти (как и на ряд других) ошибки РАПП правильно указал ЦО партии «Правда» 28 ноября 1931 г. в статье т. Мехлиса, наметив перед РАПП задачи решительной перестройки ее работы.

Одним из основных выводов из дискуссии должен быть решительный поворот всей РАПП лицом к ленинскому комсомолу и налаживание действительной дружной совместной работы между комсомолом и РАПП. Этот поворот должен выразиться не только в декларациях, а главным образом в деловой работе, в первую очередь во включении всей организации и всей рапповской печати в начатый «Комсомольской правдой» смотр комсомольской литературы, проведении совместно с комсомолом смотра работы литературных кружков, преследуя цель еще большего приближения комсомола к вопросам литературы.

4. Советская литература является по своей идейной насыщенности самой значительной литературой в мире. Однако, несмотря на успехи и достижения пролетарских писателей, мы имеем только первые победы пролетарской литературы, которая должна стать «шагом вперед в художественном развитии всего человечества» и которая разрешит стоящие перед ней задачи лишь при условии упорной борьбы за повышение уровня идейного мировоззрения пролетарских писателей, гораздо более последовательной и критической работы пролетарских писателей над усвоением опыта всей литературы прошлого, а также осмысливанием и своего творческого опыта в революционной практике, увеличения подлинного и повседневного участия пролетарских писателей в практике социалистического строительства. РАПП должна усилить борьбу против элементов комчванства, нежелания учиться, зазнайства, против делячества, культуртрегерства. Без усиления такой борьбы невозможно во конце концов добиться главную — правую — опасность, выражающуюся сегодня не только в отрицании необходимости или возможности развития пролетарской литературы, но и в стремлении направить ее развитие по пути компромиссов, реставрации, вплоть до открытой капитулянтской защиты враждебных, антифронтовых, мелкотравчатых явлений, нередко прикрываемых фразами о «высоком качестве» и «культурности».

Пленум считает, что серьезной и последовательной самокритики, очищение правильной теоретической линии РАПП от любых больших и маленьких ошибок является непременным условием движения вперед. Нельзя, что ни одна ошибка не должна оставаться неразобранной и неопровергнутой. Пленум считает обязательным для каждого члена РАПП, для каждой группировки, для каждого литературного коллектива, для каждого критика, для каждого теоретика, для каждого редактора журнала, для каждого издательства, для каждого литературного консультанта, для каждого выступающего в печати, для каждого выступающего на собрании, для каждого выступающего на пленуме, для каждого выступающего на конференции, для каждого выступающего на совещании, для каждого выступающего на заседании, для каждого выступающего на диспуте, для каждого выступающего на докладе, для каждого выступающего на лекции

ЗА БОЛЬШЕВИСТСКУЮ ПЕРЕСТРОЙКУ РОПКП

«Производственная перестройка РАПП должна охватить не только вопросы организационного порядка, вопросы структуры РАПП и т. д., но в первую очередь и все вопросы ее творческой теоретической и литературно-политической работы на основе широчайшей самокритики, как непременного условия перестройки. Это относится, конечно не только к РАПП, но и ко всем другим литературным организациям (особенно к организации пролетарско-колхозных писателей) самокритика в которых развита явно недостаточно и положение с перестройкой в которых явно неблагополучно»

Из резолюции пленума правления РАПП

Печатаемая нами статья группы членов РОПКП является подтверждением правильности оценки данной пленумом правления РАПП положению дел в организации пролетарско-колхозных писателей

Мы ждем от руководства РОПКП развернутой самокритики и начала работы по созданию решительного перелома в перестройке рядов пролетарско колхозной литературы.

Партия правильно указала РАПП на отставание т. Батрака земляки эохи» и на то, что старые формы ее работы, не отвечающие новым задачам пролетарской литературы, являются основным препятствием к дальнейшему развертыванию творческой дискуссии, встречают в рядах противодействие с темы требованиями, которые предъявляет литературе современный этап социалистического строительства.

Как же относятся вопросы перестройки в пролетарско-колхозному литературному фронту?

Период развернутого социалистического наступления повышает значение и ответственность пролетколхозного литературного движения, обязанного сыграть огромную роль в качестве одного из важнейших культурно-политических факторов в деле дальнейшего вовлечения миллионных масс крестьянства в колхозы, в деле борьбы за новое социалистическое отношение колхозника к труду, за окончательную ликвидацию остатков капитализма в деревне на основе завершения коллективизации.

Вопросы руководства пролетарско-колхозной литературой, вопросы марксистско-ленинского воспитания растущего числа новых писательских кадров, изучения прямых ударников, литературной политики в целом — приобретают в этой обстановке важнейшее значение.

Не запоздалые протокольно-канцелярские мероприятия, не кондукторское руководство, не общие рассуждения о литературе, а живое организованное включение в процессы соцстроительства и подлинно-большевистское качество и то и то при проведении политики партии в литературе — вот задача, на основе которой должна участвовать каждая литературная организация в дело социалистического наступления.

За пролетколхозной литературой числятся ряда несомненных достижений (борьба с Вяч. Полонским, рост новых писательских кадров, появление целого ряда значительных произведений — Тофика, Пермитина, Шухова, Замойского, Ив. Никитина и др.).

Однако последние два года не дают оснований констатировать удовлетворительного состояния пролетарско-колхозного литературного движения, говорят о его хроническом отставании от задач и темпов соцстроительства, развертывающегося в нашей стране под руководством большевистской партии.

Раздутые контрреволюционного смеха индустриалов», употребляющегося для клеймения фразой, «литературистские прорывы» в МОПРЕ, нравы приятельской организации, право-клеваческое дело, раскрытые недавно в Ленинграде, — все это насущно потребляет, что классовый враг где-то упорно сопротивляется социалистическому наступлению и оказывает свое влияние на определенные участки нашего литературного движения, мешая задержать его перестройку.

Руководство РОПКП на период с момента принятия январских решений о перестройке бывшего общества крестьянских писателей в организацию пролетколхозных писателей далеко не всегда оказывалось на высоте задач, поставленных перед пролетарской литературой, новым этапом нашего развития.

Больше того, в работе руководства РОПКП можно отметить ряд фактов, указывающих не только на нечеткость, но и на искривление литературно-политической линии. Литературно-политическая линия РОПКП, будучи в основном правильно намеченной, в ряде решений пленумов, конференций, съездов РОПКП, не всегда правильно проводилась в деятельности руководства РОПКП, и это ослабляло темпы большевистской перестройки организации и ставило под сомнение успешную борьбу качество этой перестройки.

В чем заключаются основные ошибки руководства РОПКП?

В том, что центральный совет РОПКП оставался чаще всего сторонним свидетелем ряде крупнейших прорывов организации, а также в области теории оказавшийся запутанным красной. Так обстояло с малиновским правооппортунистическим делом, так было и с право-клеевской» практикой, обнаруженной недавно в Ленинграде.

В «Земле советской» № 10 и «Литературе» секретариатом ЦС РОПКП в его ответственном секретаре тов. Батраке даны политически неправильные формулировки о «попутнических» «белых» сказавшие правую сущность брянских и подменившие ее или суммой формалистско-лифпотических ошибок критического отдела журнала «Перелом» или сползанием на «литфронтовские» позиции, благодаря бесхарактерности.

Обратимся к фактам. Н. Брянцев, бывший ответственный секретарь ЛОРОПКП, крупный с Горбачевым и осколками «Литфронта», на протяжение ЛАПП о совместной работе с литераторами национальных республик и областей, реагировал следующим образом: «несерьезные что-то...», «все ничего и мирно...», «это не так тревожит», «не замечается ли тут дело» в таких уверения «практичанина».

Разве не скажет здесь на каждого сколь мягко-оппортунистическая, непрерывно враждебная антисоветская сущность?

А Центральный совет ЦС, обсудив вопрос местного содержания литературного дела, удалился от этого «дела» «неприятного» место рядом официальных бланков и протокольных постановлений, по мобилизации вокруг приспособленческих практики бывшего руководства ЛОРОПКП внимания всей организации, не сделал по этого необходимых для дела пролетколхозного литературного движения большевистских выводов.

Больше того, ответственный секретарь ЦС РОПКП т. Батрак, приехав в Ленинград по вызову группы товарищей, выступивших, под руководством партии и при активной помощи ЛАПП, против явного руководства ЛОРОПКП, не нашел нужной принципиальной позиции. Только свежачный фронт всей организации ЛОРОПКП вместе с ЛАПП и ЛИЯ ЛОКА при поддержке обкома ВКП(б) поставили вопрос ребром.

Ясно, что т. Батрак становится из-за линии правооппортунистических теорий о том, что кулацкая литература сталкивалась на раннем этапе с крестьянской (Мансвель, Сат Максимов).

«Наши позиции» однако имеют в другие ошибки. Последние заключены и в статьях А. Резникова (меньшевизм, механизм, перверзианщина, формализм), и в статье М. Беккера (литфронтовская эклектика), и в статье В. Бойченского (троцкизм и вопросах о лирической поэзии), и в статье М. Шишкевича (Формализм и буржуазный социологизм).

Таким образом в итоге приходится констатировать, что сборник «Наши позиции», ставя общую задачу — изжитие литературно-политических ошибок ВОПКП, «вымещает» их по-меньшевистски, по-перверзевски, по-формалистски и троцкистски, но никоим образом не на основе ленинского этапа в литературоведении.

В итоге нужно сказать: правый прорыв МОПКП, право-клеевская практика ЛОПКП, Исков, последние теории «отображения» РОПКП «от пролетариата» с одной стороны; неприступно-оборонительная работа ЦС РОПКП, находящая в ряде случаев до утраты им руководящей роли в организации с другой стороны, заставляют сосредоточить особо пристальное внимание на вопросах пролетколхозного литературного фронта.

Необходима кардинальная перестройка всей системы работы организации. Каждый день промедления в перестройке — тормоз в дальнейшем росте пролетколхозной литературы.

В основе перестройка работы РОПКП должны лечь указания, данные партией РАПП в заявлении выражение в работах декабрьского пленума РАПП. Огромную роль в перестройке РОПКП должны играть РАПП и ленинский комсомол, с которыми до сих пор не было обеспечено необходимого контакта. В центре внимания РОПКП должно быть создание подлинно-большевистских произведений о жизни деревне, борющейся за социалистическую переделку общественных отношений, показ нового человека, организующегося героем, ударника, героя соцсоревнования, героя сверхпроизводственных задач пролетколхозной литературы.

Задача партии о создании «Магнитостроя литературы» должен быть реализован пролетколхозными писателем, указания ЦО «Правды», сделанные РАПП, в недвусмысленно остальной литературе относится к контрреволюционной литературе.

За большевистскую перестройку РОПКП надо взяться решительно и немедленно!

ИВ. СМИРНОВ, Ф. БУТЕНКО, В. МАЛИНОВСКИЙ, Н. ОСТРОГОРСКИЙ, ИВ. НИКИТИН, А. ЧИСТЯКОВ, П. ЖУРБА, А. КАПУСТИН.

ХОРОШИЙ ПОЧИН

АЛЕКСАНДР ГАТОВ — «Пропагандная песня» (Революционные песенки). Библиотека «Огонек», 1931 г.

«Пропаганда песня» представляет собой разновидность и еще неразработанную литературоведением область революционной поэзии XIX века. По ней можно наметить преемственность и установить непрерывную линию французской рабочей поэзии от 30-х годов до мировой войны. За сих пор мы имели по эту тему только одну книжку «Песни революционного социализма» Ю. Стеклова.

А. Гатов использовал в своей работе новые и редкие материалы и иллюстрировал текст своими переводами из Дюпона, Фесто, Потье, Клемана, Сустра.

Большинство этих авторов по многим политическим, классовым причинам забыто у себя на родине. Эта — классовая месть революционным и пролетарским поэтам со стороны буржуазной Франции, третьей республики, как сказал один из этих поэтов «республики богачей».

Творчество Сустр, Клемана, Бувье и в особенности Потье, проникнутые ненавистью к капитализму и верящие в боевой пролетарский интернациональной солидарности, и сегодня произвели звучать с потрясающей силой.

Вот, например, отрывок из «Черни» Бувье:

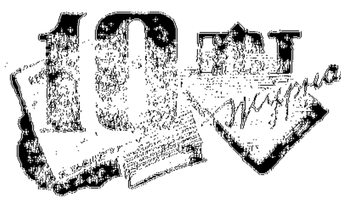
Мы коммуна, в девяносто третьем
Под Марсельезу дела пли,
Чтоб, позабытую столетьем,
Смести Бастилию с земли.
Они на приступ шли без драки,
Но выпуки в панике от слов:
«Вот черпь. Ну что ж.
И я готов.»
Их жизнь страшна, как в превосходней:
Надежда, голод и тревога.
И если в Франции сегодня
Дала им знамя и оружье
Они врагам сказали в то же:
— Давайте общих быть врагов—
Вот черпь. «Ну что ж,
И я готов.»

Так старые, укрепленные Гераклем традиции куплетной поэзии, став основной формой «Песенье», напоенных классовой борьбой и клейной примитивностью, не только не ретрадся за 50—60 лет, но и звучат до сих пор со всей напряженностью и злободневностью.

Стоящее на высоком идейном уровне публицистическое творчество «Шансонье» — авторов революционных песен может стать не бесполезным для современной пролетпоэзии. Надо только, чтобы наша марксистская критика тщательно проанализировала это наследство революционной поэзии. В вопрос о творческом методе пролетарской литературы это было бы крайне важным.

«Пропагандна песня» нуждается в самом широком распространении в литкружках, в школах на эстраде.

ДЖЕЙ АЛТАУЗЕН



10 лет журналу КРАСНАЯ НОВЬ

БЛИЖЕ К ЛИНИИ ОГНЯ!

Есть люди, готовые утверждать, что для нашего времени вообще закономерен уклон толстых журналов. Толстый журнал изображается ими как порождение сумрачной николаевской эпохи прошлого столетия, когда для общественной мысли литературное русло было единственной относительно легальной возможностью, а общественная писательская жизнь являлась достоянием сравнительно небольших замкнутых салонов. Читались орудием известной дисциплинации психики и культуры, высшему сословию импонировала и культурность, и элементарная осведомленность с разночинной интеллигенцией, толстый журнал отражал вместе с тем всю ограниченность русской общественной жизни, тем придавленность масс, всю казарменность государственного режима. Тонкому журналу противопоставляется газета, рассчитанная на миллионы, как крайний полюс демократизации формы печати. Эта логика точки зрения, исходящая из непризнания того, что указанные толстых журналов в начале XX века было симптомом для малокровности русской буржуазной культуры, представляющей собой типическую смесь «французского с нижегородским».

В наших условиях бурного роста литературных запросов миллионов, большевистских темпов культурной революции толстый журнал, представляющий собой анахронизм, тормозящий культурно-политической жизни в наиболее подвижный способ отображения читателей с фундаментальными художественными произведениями, имеет все данные для распада. Толстый журнал, ранее обычно являвшийся самостоятельным центром литературной политики дал той или иной литературно-общественной группировке, сейчас приобретает выдающееся значение инструмента литературной политики партии, ценнейшего оружия в классовой борьбе за литературу.

Действительно, истекшее со времени выхода первого номера «Красной нови» по сути дела исчерпывает возраст советской литературы вообще. Это делает особенно выпуклыми отрицательные и положительные особенности различных этапов развития журнала. Соотношение журнала и советской литературы можно иллюстрировать, обнажая тем самым слабости литературной политики, существующей журналом, и трудности, коренящиеся в самом уровне литературы. «Красная новь» возникла и развивалась писательскими кадрами журнала попутнического сектора. Сейчас журнал, будучи органом ФОСП, также ни в какой мере не может исключить влияния с попутчиками, составляющими весьма крупный отряд в советской литературе, отряд, многие звенья которого все ближе и ближе подходят к линии пролетарского мировоззрения, пролетарских творческих установок.

Журнал, каким является «Красная новь», должен стать оружием классово-дифференцированным на творческой основе, бьющим, мобилизующим отдельных писателей, бьющим за пределами цельности, прекращение бегства от современности, организатором творческого соревнования. Альманахи, регистрирующие очередную продукцию писателей, работающих в пространстве, нам не нужны.

Первые годы «Красной нови» надлежала магистром для советских литературных сил. На словах, на заседаниях пытались за столичные скобки выдвинуть литературные имена, будущий ведущий попутнической литературы восстановительного периода. Выдвигали Всев. Иванов, Пильняк, Лезнов, Сейфуллина. Первоначальный период работы журнала был периодом собирания разрозненных, разделенных сил. Опыт перерождающихся литературных сил. Опыт период должен был бы перерасти в организации разнообразных попутнических сил на основе передачи мелкобуржуазных воззрений на искусство, на основе борьбы с анархической разнузданностью в творчестве. Журнал должен был использовать для первоочередных писателя первые успехи пролетарской литературы. И единым обликом подчиняющиеся кадры марксистской критики.

А. К. Воронский пошел по другому пути. Он выдвинул в качестве ведущих, направляющих наиболее отрицательные черты буржуазного творческого метода —писсимизм, неприятие окружающей нас действительности, — постоянно себя в позицию резкого конфликта с большевистскими кадрами литературы и способствуя отрыву попутничества от классовой практики пролетариата. На этой почве сотрудничества воронщина, означавшая капитулянство перед буржуазными теориями и псо-буржуазной и кулацкой литературной практикой, служившая знаменем для всех, кто выступал против темпов развития пролетарской литературы и отрицал самую ее возможность. Отсюда —«Аэлиты» и «Гипнотизеры инженера Гарина», в изобилии фабрикуемые А. Толстым, возрождение стародедовского, поток переводных «гуманистический» поэзии, канонизация Есенина.

Если в первый период на страницах появились некоторые значительные произведения пролетарской литературы, то впоследствии «Красная новь» повернулась к пролетарским писателям спиной.

Уход А. К. Воронского из «Красной нови» не принес сразу к перелому журнала на нужные рельсы. Особенно тяжелым был период, когда в редакции журнала обосновались литфронтовцы. Если до того в журнале продолжали печататься вакхальные излишества Сергеева-Ценского («Обреченные на гибель»), халтура Хаджи-Мурат Мугуева («Огненная лава») и Попокского («Анна Калымова»), то с приходом в журнал литфронтовской группы (И. Беспалов) начались подлинная качка. От рыхлого попутничества до халтуры А. Дойских («Кровавая»)—таков размах художественных средств редакции. Отдельные ударные вещи кажутся случайными,—так, разрывает обвий фон «Саранчуки» Авилова.

Сумел ли журнал и текущем году покончить с затяжным недомоганием?

Первый номер, выходящий под маркой ФОСП заключил в себе целую серию спотворов: кулацкая, классовенная «Впрок», дум мышленная по философским установкам «Повесть о страданиях ума» Буданцева и ряд вполне известной бытовщины бригады писателей.

Это —несомненно, от которого не успело избавиться новая редакция. Такие спотворы больше не приносились [1]. Но журнал до сих пор не ликвидировал своего отставания от запросов социалистического строительства и, главное, от задач, которые стоят перед нами в области творческой перестройки попутнических кадров.

Чем может помочь такой журнал, как «Красная новь», творческой перестройке попутчиков, превращению их в большевиков?

Во-первых, заботливой поддержкой тех ростков советской литературы, которые как бы предчувствуют будущее писателем, искренне стремящимся к переходу на пролетарские позиции. Во-вторых, помощи (и путем помещения художественных произведений и путем систематического освещения творческих проблем) преимущества метода диалектического материализма в применении к искусству. В-третьих, решительной критической недопустимости мирного сожительства с чуждыми попутчиками, решительной борьбой за идейное вооружение каждого художника, претендующего предложить руку дня советского движения вперед.

«Красная новь» напечатала в текущем году несколько произведений, которые носят в известной мере двойственный характер. Таковы повести «Охранная грамота» Б. Пастернака. Автор, чьи знания изучения ее капиталистической философии, пытается очертиться на Канта в своем стремлении защитить для художника право на «ограниченность» понимания. Повесть Б. Пастернака в очень рафинированной форме, с подкупающим мастерством лейтмотивного анализа самого центрального кадра, выступает против марксизма, отвергающего приоритет художника на его специфических «прорезях», а из определенной классовой идеологии. В «Красной нови» напечатаны стихи М. Светлова «Нам дышется легко», с которых пал некоторое отражение обвинять классовый приоритет явлений вовне, стремясь по пути эстетизации тех-ников, сделал центральную фигуру социалистического энтузиаста-умельца.

Мы можем прочесть, наконец, «Список благодеяний» Ю. Олеши, занявший на театре взрыв дискуссий, выходящий далеко за пределы обсуждений творческого метода в драматургии. В пьесе поставлен во весь рост вопрос о роли интеллигенции в революции. Вопрос решен неправильно, с мелкобуржуазных позиций.

Дискуссионных произведений в «Красной нови» достаточно. Сошлемся на повесть Б. Ивтаева «Миллион терзаний», выражающий тенденцию свести сложности классовой борьбы, столкновения разных общественных идеологий к комнатно-семейным пустякам.

Словом, редакция «Красной нови» по праву считает за то, что у нее нет материала для постановки творческих вопросов. Между тем, в этой части в журнале—абсолютная пустынность. За весь год на страницах журнала не напечатано ни одной статьи, развернутой рецензии, разбирающей новое произведение. Нет ни одной «Охранной грамоты», недавно обещали заняться ее критикой, но об этом обещании забыли. О современной литературе за весь год напечатано лишь несколько заметок: заметки Ф. Раскольникова и Н. Ушакова о Тарловском, статья Мейлаха о Кирсанове и заметка В. Рассолотского о рассказах В. Ильенкова. Статья о М. Горьком дана в плане историко-библиографическом.

Где же отклик на крупнейшие явления попутнической прозы и поэзии? Где попытки сомкнуть попутнический фланг с опытом, накопленным в творческой практике пролетарской литературы? Для материалов, помещаемых в «литературных кварталах». Характерна следующая заметка: дважды вполне определенно указывается хронологическая. Так, например, статья Динамова о Б. Шоу и Аникеева о Р. Роллане в девятой книжке «Красной нови»—несомненно по инерции. Но почему в начале года на читателя свалился Тарловский, а к концу года читателя угощают Кирсановым, мишурой всю остальную поэзию?

Можно прямо сказать, что «Красная новь» еще не стала творческих проблем и по линии критики, еще ни в какой мере не стала ведущим органом, способствующим перестройке попутнических кадров. Редакция должна добиться того, чтобы на случайного, беспрецедентного отдела «литературные хроники» стало местом, где со всей настойчивостью оружием марксистской критики велась борьба за быстрейшее перерастание попутчика в союзника, в товарища в пролетарского писателя, борьба против буржуазно-индивидуалистических выпадов, которые имеют место в литературной теории и в литературной практике.

Но может быть материалы, помещаемые в журнале, сами по себе правильно ориентируют? В последних номерах мы отметили известный рост тематики, освещающей отношение к социалистическому строительству: «1930» Е. Габриловича, освещающего весенний сев, «На полях романа» В. Катаева, дающего живые картины большевика, «Победа-трип» Ив. Катаева, дающего обзор колхозных боев... Но, во первых, перечисленные вещи еще не отвечают даже задачам первых поисков овладения темой (в них еще мало от интеллигентского восхищения и мало от овладения себя в рядах борющихся). Во-вторых, за другой чаше весов—«Записки Мосолова», А. Толстого и П. Сухотина, «Фабрика снов» Эренбурга, «Голубой шесть» Дм. Стонова и т. д. и т. п. Все эти вещи—в стороне от основных проблем нашей эпохи. Некоторые не лишены и подобию. Толстой зауми с Сухотиным пудно и литературно-вежливо смакует прикленения немого алтаиста Кончака, который подтверждает связь с большевистским подпольем и является страшным дневника исторических интеллигентских настроений подчаковского эмбе. Стонов заинтересовался кустарем, решился по-глубже копти и рассказал, как этот мастер случайно работы на любителя. Рассудка, с таким умел воевать за Октябрь, потому что ему «рукам в руки» попало. Ю. Бессонов очень интересно нарисовал несколькими штрихами характера, организующего налет на СССР из Монголии. Он воскресает описание дефектной вещички золотошвейного заведения рассказ «Красный треугольник».

Где же произведения, которые могли бы стать ведущими, могли бы служить примером, определять линию роста попутчиков? Их пока нет. Редакция должна не только требовательней и настойчивей организовать работу писателей над тематикой современной классовой борьбы, современного этапа социалистического строительства, бороться с малоталантливым эпигонско-эклектическим «историзмом». Надо ро что бы то ни стало расширить охват писательских кадров. Журнал только тогда будет ведущим для попутничества, когда в нем будут печататься и пролетарские писатели.

Последние номера «Красной нови» показывают, что низкий художественный уровень, халтура и беспринципность со страниц журнала в основном изгнаны (произведения вроде «Записки Мосолова» тут являются исключением). Этого, однако, мало. Орган ФОСП должен суметь фундаментально развернуть обсуждение конкретных творческих вопросов, аргументируя не только статьями, но и высокохудожественными произведениями. А это значит, что произведения вроде «Красного треугольника» или «Записки Мосолова» должны оказаться за бортом.

Отдел поэзии в «Красной нови» не меняет общей характеристики журнала. В стихах Тарловского—версификаторство на современные темы. Стихи Ильичева, Пастернака, Ошанина—документы искания и неуклонно перестраиваться.

Кодайные наступления обычно кончают провозглашением «лозунгов». На этот раз, несмотря на очень медленное освобождение журнала от наследия воронщины и литфронтовщины, у нас есть все основания позвать журналу поздравить. Трактовка тут не при чем. Процесс творческой перестройки основных попутнических кадров продвинулся бы необходимость создания такого журнала, если бы не было «Красной нови». Поле деятельности для журнала достаточно широко.

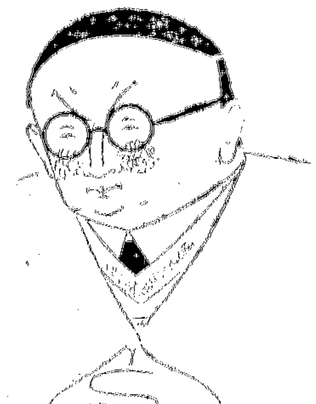
[1] Разумеется, как во ставим творчество Д. Стонова в полон в один ряд с творчеством А. Толстого.

Н. ОРУЖЕЙНИКОВ

ТРИБУНА ПИСАТЕЛЯ

ЕФИМ ЗОЗУЛЯ

МЫСЛИ ЗА РАБОТОЙ



Ефим Зозуля. Шарж из «Литгазеты». Рис. А. Мендельсона. Художник Е. Ефимов

Если бы кто-нибудь сейчас учил неграмотных старой орфографии, с ятями и твердыми знаками, это можно было бы квалифицировать как вредительство. Между тем, в головах рабочих-ударников, призванных в литературу, еще ретивые приверженцы старины, насаждают такое количество старых ятей, что иной рабочий, который несомненно мог бы сказать новое слово, путается в обязательности устоявшихся форм в языке всяких «измов» литературных традиций, либо совсем не пишет, либо беспомощно подражает кому-нибудь из первых попавшихся поэтов.

Думаете ли об этом товарищи, составляющие программы и пособий для литкружков, и если думают, то в какой степени?

● ● ●

Описывая героя пятилетки, ударника, нужно помнить прежде всего о том, чтобы не ГРАФИТЬ его: начни все то, что вы можете о нем писать, он весь сам может записать о себе. Если не умеет — наша задача помочь ему. Таким образом вам остается писать действительно чтобы НОВОЕ, СВОЕ О НЕМ, а не то, что вы вам скажет. Надо не быть посредником между ударником и читателем, а надо быть художником в этом — одна из трудностей задачи героев пятилетки, но трудность вполне преодолима для художника

● ● ●

Одним из законных следствий при описании завода у писателя должно быть «ЗНАКОМСТВО» описание. Ведь как всякий труженик, осветивший писатель в какой-то мере является ХОЗЯИНОМ любого советского завода, — естественно, описывая завод, он не должен ни на минуту забывать, что он описывает СВОЙ завод. Только тогда, когда он будет так чувствовать, — в очерке, в рассказе, в поэме будет правильный, не чужеядный тон.

● ● ●

Очерку предстоит огромное будущее. Но формы его еще не подготовлены к тому, чтобы вместить огромное новое содержание. Очерк сейчас похож на гостиницу, рассчитанную на сто человек, в которую насильно впихали тысячи или две тысячи. Теснота невероятная. Ночуют и в шкафах, на чердаках, в коридорах, на крыше. Дикие скандалы, недоразумения и пересборки на каждом шагу. Хозяин опозорился, растерян и бегает вокруг здания, хватаясь руками за голову...

● ● ●

Все причет, что не умеешь очерк. Что в тут удивительного? Можно подумать, что умеют романы, стихи или рассказы. В том, что другие всего этого не умеют, в том самом плохом очерке хоть какие-нибудь факты имеются, а в писаных и стихах часто просто дают пустое место. Какой-нибудь прочел хороший рассказ, повесть, стихи, роман? ПРОЧЕЛ? хорошие очерки по всякому случаю НЕ МЕЛЬКНУЛИ.

● ● ●

... Народился особый тип «командированного», «дальнего» писателя. От охотно едет писать в Сибирь, в пустыню Кара-Кум, куда угодно, только не в места описанные. Почему?

— О богатых заводах я наслышан, — говорит он, — писать не буду: дурацкое дело. Тут обязательно будут критики, «перегибания»... Там, подальше, пока долет, да пока прочтут...

● ● ●

Как грубо ошиблась своей мне другая бездушная легенда! Поэты, которые безумно нервничают на эстрадах, роняют свои истошные горькие признания, стоя на песке, размахивая руками, бурно играя глотой на все голоса и интонации, — теперь просто, в большинстве случаев, не смеют выходить. Читатель скучает немедленно.

● ● ●

«Жизнь» тоже в плохих очерках будет тот писатель, который умеет обивать. «Подлучей литературой» занимаются теперь нельзя. О, нет! Теперь писать надо так, записал, на очерк, как новое явление вещественное: чтобы было на что уложить рукава, расширить плечи и удлинить полы. Трудно! Да, трудно, но зато интересно.

● ● ●

«Движение ручек. Если какую хотят рудать, но она ИМЕЕТ успех у рабочих» — говорит:

— Мало ли что! Успех у рабочих! Это еще ничего не показывает! Разные бывают рабочие! Есть и отсталые рабочие — особенно выходы из деревни! Им даже попы еще нравятся. Мало ли что!

А если книга НЕ ИМЕЕТ успеха у рабочих, то какого еще второго

— Вот видите, рабочим наша книга не нравится.

Отсюда предстоит будущее. Но формы его еще не подготовлены к тому, чтобы вместить огромное новое содержание. Очерк сейчас похож на гостиницу, рассчитанную на сто человек, в которую насильно впихали тысячи или две тысячи. Теснота невероятная. Ночуют и в шкафах, на чердаках, в коридорах, на крыше. Дикие скандалы, недоразумения и пересборки на каждом шагу. Хозяин опозорился, растерян и бегает вокруг здания, хватаясь руками за голову...

● ● ●

Как мало мы знаем! И как всякое знание по-новому и расчено хочет в нас! очень часто взрослый человек, если он чуток, начинающийся из учебных заключенного или почерка, с огромным интересом и наслаждением прочитывает его Тайны языка.

● ● ●

Закон, формулированный еще Тургеневым — что, что другие всего этого не, в том сам виноват, — действует в полной тридцатых годах. Ни в литературе среды калужанки, в политике — мещане, в отношении — мещанство перед буржуазными творцами и псо-буржуазной и кулацкой литературной практикой. служившая знаменем для всех, кто выступал против темпов развития пролетарской литературы и отрицал самую ее возможность. Отсюда —«Аэлиты» и «Гипнотизеры инженера Гарина», в изобилии фабрикуемые А. Толстым, возрождение стародедовского, поток переводных «гуманистической» поэзии, канонизация Есенина.

Если в первый период на страницах появились некоторые значительные произведения пролетарской литературы, то впоследствии «Красная новь» повернулась к пролетарским писателям спиной.

Уход А. К. Воронского из «Красной нови» не принес сразу к перелому журнала на нужные рельсы. Особенно тяжелым был период, когда в редакции журнала обосновались литфронтовцы. Если до того в журнале продолжали печататься вакхальные излишества Сергеева-Ценского («Обреченные на гибель»), халтура Хаджи-Мурат Мугуева («Огненная лава») и Попокского («Анна Калымова»), то с приходом в журнал литфронтовской группы (И. Беспалов) начались подлинная качка. От рыхлого попутничества до халтуры А. Дойских («Кровавая»)—таков размах художественных средств редакции. Отдельные ударные вещи кажутся случайными,—так, разрывает обвий фон «Саранчуки» Авилова.

Сумел ли журнал и текущем году покончить с затяжным недомоганием?

Первый номер, выходящий под маркой ФОСП заключил в себе целую серию спотворов: кулацкая, классовенная «Впрок», дум мышленная по философским установкам «Повесть о страданиях ума» Буданцева и ряд вполне известной бытовщины бригады писателей.

Это —несомненно, от которого не успело избавиться новая редакция. Такие спотворы больше не приносились [1]. Но журнал до сих пор не ликвидировал своего отставания от запросов социалистического строительства и, главное, от задач, которые стоят перед нами в области творческой перестройки попутнических кадров.

Чем может помочь такой журнал, как «Красная новь», творческой перестройке попутчиков, превращению их в большевиков?

Во-первых, заботливой поддержкой тех ростков советской литературы, которые как бы предчувствуют будущее писателем, искренне стремящимся к переходу на пролетарские позиции. Во-вторых, помощи (и путем помещения художественных произведений и путем систематического освещения творческих проблем) преимущества метода диалектического материализма в применении к искусству. В-третьих, решительной критической недопустимости мирного сожительства с чуждыми попутчиками, решительной борьбой за идейное вооружение каждого художника, претендующего предложить руку дня советского движения вперед.

«Красная новь» напечатала в текущем году несколько произведений, которые носят в известной мере двойственный характер. Таковы повести «Охранная грамота» Б. Пастернака. Автор, чьи знания изучения ее капиталистической философии, пытается очертиться на Канта в своем стремлении защитить для художника право на «ограниченность» понимания. Повесть Б. Пастернака в очень рафинированной форме, с подкупающим мастерством лейтмотивного анализа самого центрального кадра, выступает против марксизма, отвергающего приоритет художника на его специфических «прорезях», а из определенной классовой идеологии. В «Красной нови» напечатаны стихи М. Светлова «Нам дышется легко», с которых пал некоторое отражение обвинять классовый приоритет явлений вовне, стремясь по пути эстетизации техников, сделал центральную фигуру социалистического энтузиаста-умельца.

Мы можем прочесть, наконец, «Список благодеяний» Ю. Олеши, занявший на театре взрыв дискуссий, выходящий далеко за пределы обсуждений творческого метода в драматургии. В пьесе поставлен во весь рост вопрос о роли интеллигенции в революции. Вопрос решен неправильно, с мелкобуржуазных позиций.

Дискуссионных произведений в «Красной нови» достаточно. Сошлемся на повесть Б. Ивтаева «Миллион терзаний», выражающий тенденцию свести сложности классовой борьбы, столкновения разных общественных идеологий к комнатно-семейным пустякам.

Словом, редакция «Красной нови» по праву считает за то, что у нее нет материала для постановки творческих вопросов. Между тем, в этой части в журнале—абсолютная пустынность. За весь год на страницах журнала не напечатано ни одной статьи, развернутой рецензии, разбирающей новое произведение. Нет ни одной «Охранной грамоты», недавно обещали заняться ее критикой, но об этом обещании забыли. О современной литературе за весь год напечатано лишь несколько заметок: заметки Ф. Раскольникова и Н. Ушакова о Тарловском, статья Мейлаха о Кирсанове и заметка В. Рассолотского о рассказах В. Ильенкова. Статья о М. Горьком дана в плане историко-библиографическом.

Где же отклик на крупнейшие явления попутнической прозы и поэзии? Где попытки сомкнуть попутнический фланг с опытом, накопленным в творческой практике пролетарской литературы? Для материалов, помещаемых в «литературных кварталах». Характерна следующая заметка: дважды вполне определенно указывается хронологическая. Так, например, статья Динамова о Б. Шоу и Аникеева о Р. Роллане в девятой книжке «Красной нови»—несомненно по инерции. Но почему в начале года на читателя свалился Тарловский, а к концу года читателя угощают Кирсановым, мишурой всю остальную поэзию?

Можно прямо сказать, что «Красная новь» еще не стала творческих проблем и по линии критики, еще ни в какой мере не стала ведущим органом, способствующим перестройке попутнических кадров. Редакция должна добиться того, чтобы на случайного, беспрецедентного отдела «литературные хроники» стало местом, где со всей настойчивостью оружием марксистской критики велась борьба за быстрейшее перерастание попутчика в союзника, в товарища в пролетарского писателя, борьба против буржуазно-индивидуалистических выпадов, которые имеют место в литературной теории и в литературной практике.

Но может быть материалы, помещаемые в журнале, сами по себе правильно ориентируют? В последних номерах мы отметили известный рост тематики, освещающей отношение к социалистическому строительству: «1930» Е. Габриловича, освещающего весенний сев, «На полях романа» В. Катаева, дающего живые картины большевика, «Победа-трип» Ив. Катаева, дающего обзор колхозных боев... Но, во первых, перечисленные вещи еще не отвечают даже задачам первых поисков овладения темой (в них еще мало от интеллигентского восхищения и мало от овладения себя в рядах борющихся). Во-вторых, за другой чаше весов—«Записки Мосолова», А. Толстого и П. Сухотина, «Фабрика снов» Эренбурга, «Голубой шесть» Дм. Стонова и т. д. и т. п. Все эти вещи—в стороне от основных проблем нашей эпохи. Некоторые не лишены и подобию. Толстой зауми с Сухотиным пудно и литературно-вежливо смакует прикленения немого алтаиста Кончака, который подтверждает связь с большевистским подпольем и является страшным дневника исторических интеллигентских настроений подчаковского эмбе. Стонов заинтересовался кустарем, решился по-глубже копти и рассказал, как этот мастер случайно работы на любителя. Рассудка, с таким умел воевать за Октябрь, потому что ему «рукам в руки» попало. Ю. Бессонов очень интересно нарисовал несколькими штрихами характера, организующего налет на СССР из Монголии. Он воскресает описание дефектной вещички золотошвейного заведения рассказ «Красный треугольник».

Где же произведения, которые могли бы стать ведущими, могли бы служить примером, определять линию роста попутчиков? Их пока нет. Редакция должна не только требовательней и настойчивей организовать работу писателей над тематикой современной классовой борьбы, современного этапа социалистического строительства, бороться с малоталантливым эпигонско-эклектическим «историзмом». Надо ро что бы то ни стало расширить охват писательских кадров. Журнал только тогда будет ведущим для попутничества, когда в нем будут печататься и пролетарские писатели.

Последние номера «Красной нови» показывают, что низкий художественный уровень, халтура и беспринципность со страниц журнала в основном изгнаны (произведения вроде «Записки Мосолова» тут являются исключением). Этого, однако, мало. Орган ФОСП должен суметь фундаментально развернуть обсуждение конкретных творческих вопросов, аргументируя не только статьями, но и высокохудожественными произведениями. А это значит, что произведения вроде «Красного треугольника» или «Записки Мосолова» должны оказаться за бортом.

Отдел поэзии в «Красной нови» не меняет общей характеристики журнала. В стихах Тарловского—версификаторство на современные темы. Стихи Ильичева, Пастернака, Ошанина—документы искания и неуклонно перестраиваться.

Кодайные наступления обычно кончают провозглашением «лозунгов». На этот раз, несмотря на очень медленное освобождение журнала от наследия воронщины и литфронтовщины, у нас есть все основания позвать журналу поздравить. Трактовка тут не при чем. Процесс творческой перестройки основных попутнических кадров продвинулся бы необходимость создания такого журнала, если бы не было «Красной нови». Поле деятельности для журнала достаточно широко.

[1] Разумеется, как во ставим творчество Д. Стонова в полон в один ряд с творчеством А. Толстого.

Н. ОРУЖЕЙНИКОВ

НЕ ЗАБУДЬТЕ ПОДПИСАТЬСЯ

НА ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ, ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТ ОСКОЙ И ГАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛ

„МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ"

1-Й №№ в год

на 12 мес.—9 р. 60 к., на 6 мес.—4 р. 80 к.
на 3 мес.—2 р. 40 к.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАРОДИИ

М. ГОЛОДНЫЙ

ШАРЖ КУКРЫНИКСОВ

АВТОМОСТ

Ежедневно меня бапамутит
Мой ин с чем несравнимый стих.
Он родился со мной в Бахмути,
Я — во-первых,
Он — во-вторых.

И поэтому он мне дорог
С той поры,
Как мать родила.
Но развитию Автодора
Не слова нужны, а дела.

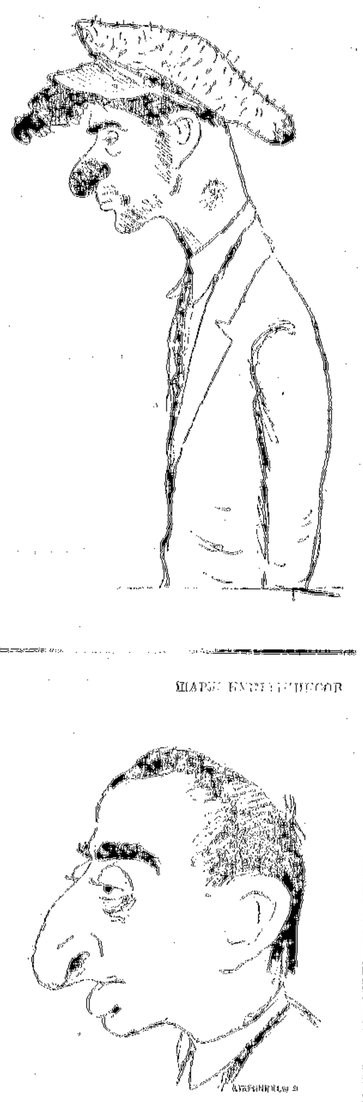
Почему не заняться делом
И найти подходящий пост?
И решил я —
В общем и целом —
Превратиться
В рифмованный мост.

Вот проходит один из тех, кто
Прилетатывает ногой —
Уважаемый фининспектор,
Проходи, проходи, дорогой.

Я лежу и подошвы считаю
Всех поэтов, идущих по мне.
И, рифмично скрипя, мечтаю
О конях и гражданской войне.

Я лежу умиленный, кроткий,
Давят ребра мне каблуки,
И от медленной их проходки
На щеках у меня синяки.

Лошадиный и пешеходный
Не дает мне покоя стук.
И с тобою, мой стих голодный,
Мы прости-и-имся на-а мо-осту-у-у.



А. ЧАЧИКОВ

ШАРЖ БУКРЫНИКСОВ

СЕЛЯМ-АЛЕЙКУМ

Пусть муэдзин на минарете
Поет: алла, велик алла!
Шамр[1] в московском чайхане
Творит перидские дела.

Его шербетные напевы
Восточно сладостны вполне,
Как смуглый стан рязанской девы—
Уржийской розы в чай-хане[2].

И он поет жанум глафиру,
В руках который самовар,
Пускай завидуют шамру
Гафиз, Саади и Омар.[3]

«О, ты, подобная джейрану,[4]
Иран-нишанну[5] и цветку!
Пишу, пою и не устану
Петь по вискгру[6] за стоюу!

Мне из Шираза канарей кум.
Привет ему! Привет весне!
И вообще омпет алейкум
Замоскворецкой чай-хане!»

АЛЕКСАНДР АРХАНГЕЛЬСКИЙ

[1] Рифмач.
[2] Замоскворечье.
[3] Кафе-столовая.
[4] Персидские гомозы.
[5] Газаночка.
[6] Звездули.
[7] Напевать.

АКТИВ ВССП ОБСУЖДАЕТ „ГОРОД ЭНТУЗИАСТОВ"

ВССП приступил к общественному смотру продукции членов союза писателей.

На первом творческом вечере актива ВССП 5 декабря была обсуждена книга М. Кольцова и Н. Кремлева-Сеня «Город энтузиастов».

К. Зелинский сообщил о выводах комиссии, образованной правлением ВССП. Комиссия была создана в связи с протестом Кремлева-Сеня против решения по книге «Город энтузиастов», помещенной в «Литгазете» от 15 августа. Комиссия ВССП в развернутом заключении дала резко отрицательную оценку книге Кольцова и Кремлева-Сеня.

Не менее суровую оценку встретила книга и со стороны выступавших на собрании писателей.

— «Город энтузиастов» — одно из самых позорных явлений советской литературы. В этой книге авторы протаскивают троцкистские идеи, стремясь исказить «разрыв» между нашими техническими достижениями и культурным «отставанием». — Издевательская действительность, книжка Н. Кремлева-Сеня и М. Кольцова становится классовым враждебным, явно контрреволюционной книгой, — говорит т. Резник.

— Роман «Город энтузиастов» — явно политически вредная халтура, с которой должен бороться ВССП, — указывает т. Панферов.

— Произведение Кольцова и Н. Кремлева-Сеня лишено какой-либо идейно-философской проблемы, оно написано по-обывательски и классово нам враждебно, — отмечает К. Зелинский.

Выступивший на собрании один из авторов М. Кремлев-Сеня, признав необходимость перестройки писателей, тут же пожалел нежелание перестраиваться. Он упрекал критиков в «неискренности» в личных выпадах и т. д. Ибобы ни собиралась написать свой роман и признал его идеологическую невыдержанность т. Кремлев-Сеня фактически пытался защитить его смехотворными ссылками на «образчики», которую Кремлев-Сеня считает результатом своего коллективного творчества совместно с Кольцовым на то, что мол «роман может быть бездарный, но не халтурный».

М. Кольцов, второй автор «Города энтузиастов», присутствовавший на вечере, на слова не вымолвил о своем романе, но в ответ на заданный ему по этому поводу вопрос, заявил о своем полном согласии с выступлением И. Кремлева-Сеня.

Собрание актива ВССП единогласно утвердило заключение комиссии.

А. К.

РОЖДЕНИЕ ДРАМАТУРГА

Первая пьеса т. Салова «РОЖДЕНИЕ ЦЕХА», напечатанная им по предложению театра «Синяя блуза», переработана автором из его очерка того же названия. Попытка т. Салова работать над новым жанром должна быть всячески поддержана, ибо его пьеса имеет ряд положительных моментов. Даже в том сыром виде, в каком она была зачитана на собрании литкружка завода «АМО», пьеса слушается с интересом. Некоторые переживания выступают ярко и выпукло, и многие моменты удались т. Салову лучше, чем в очерке.

Однако, наряду с этим т. Салов допустил и серьезные ошибки. Стесненный влиянием театра, требующего получасового зрелища, автор не сумел показать в пьесе процесс формирования своих отрицательных героев и положительные типы, не сохранил показа классовой борьбы, руководящей роли партии, воспитательного влияния печати, сыгравшей в создании нового инструментального цеха очень большую роль. Было также отмечено еще одна крупный недостаток пьесы: героя-ударника, в особенности сам т. Салов, выведенный в пьесе под фамилией Семенова, написаны бледно, живых и красочных, сухой, тогда как отрицательные типы даны значительно ярче и живее.

В заключение собрание приняло решение взять шефство над постановкой «Рождения цеха» театром «Синяя блуза».

Е. ПЕЛЬСОН

КАК Я РАБОТАЛ НАД ПЬЕСОЙ

На предложение театра переработать для постановки мой очерк я охотно откликнулся. Театр помог в моей работе.

Мне дали потребный разрозненный конспект, ряд свежих газетных заметок и сказали «пишите». В первый момент я не знал, с какого конца начать. Написал первую картину — не понравилась. Я ее по-боку, и начал снова. Вышло немного лучше. Стал предлагать, и тот второго ноября ночью закончил вчерне пьесу. Мешало в работе требование театра уложиться в восемь (8) страниц. Я работал над ней полтора месяца урывками и большей частью по ночам; иногда просиживал над ней до утра и приходил в цех, не ложась спать. Времени явно не хватало. Поэтому самая и—мастер инструментального цеха, член партийно-завкомского комитета, член бюро ячейки цеха, член Моссовета, член рабочего редсовета РИО ВЦСПС и посещаю литературные курсы рабочего актива ВЦСПС. Когда же писать? После такого уплотненного рабочего дня трудно сосредоточиться и найти нужные мысли и слова. И все-таки работал с большой охотой. Если бы мне теперь представилась возможность сесть за большую литературную работу, я, пожалуй, предпочел бы писать не роман или повесть, а пьесу.

А. САЛОВ

ВСЕМ АПП

Сектор пролетарской литературы ГИХЛ для более полного охвата изданием пролетарских писателей просит сообщить, какие произведения и какие авторы намечаются к изданию на 1932 год. Необходимо также указать тематику этих произведений, предполагаемый их листаж и срок, в который эти произведения будут присланы в ГИХЛ. Ответы на эти вопросы, а также и самые материалы надо присылать по адресу: Москва, центр, Никольская, 10/2—в ГИХЛ для серии «Новинок пролетарской литературы».

В М СГОРКОМЕ ПИСАТЕЛЕЙ

✻ При социально-бытовом секторе Моссоркома писателей организована детская секция. Секция займется организацией и будущему году детского сада, а до этого размещением детей писателей в районных детсадах. Секция организует детскую колонию в Кунцеве. В клубе ФОПП создается небольшая ритмическая группа, занятия которой будут проводиться в утренние часы.

ЛИТЕРАТУРНОЕ СЕГОДНЯ

✻ Анри Барбюс и Мартин Андерсен Нексе приехали в МОРП письмо, в котором присоединяются к протесту МОРП против преследований пролетарского поэта Эриха Вайнерта.

✻ Совнарком РСФСР назначил т. С. С. Иоффе председателем Комитета по делам печати при Совнаркоме РСФСР.

✻ ЦК союза писателей и журналистов выделил для Моссоркома писателей 5.000 рублей. Эти средства пойдут на культурно-политическую и учебно-производственную работу среди писателей.

✻ На активе МАПП Б. Лемин прочел поэмы рассказ «Одна радость». Основная идея рассказа: успех социалистического строительства — одна радость для всех, кто является его активным участником.

✻ Семинар рабочего автора при массовом секторе издательства «Молодая гвардия» начал работу. Первое занятие, проведенное т. Войтинским, было посвящено теме «Литература — оружие классовой борьбы», второе, проведенное В. Ставским—теме «Практика прозы».

✻ При массовом секторе издательства «Молодая гвардия» открыт кабинет рабочего автора. В кабинете проводится консультационная работа.

✻ Бюро Замоскворецкого райкома комсомола постановило выделить помещение и депутатить средства для организации кабинета ударника при Замоскворецком райкоме МАПП. Открытие кабинета ударника состоится в конце декабря.

✻ В центральном геодезическом техникуме состоялась первая встреча студентов-ударников с писателем В. Ставским. После краткого вступительного слова о значении и задачах пролетарской литературы В. Ставский прочитал свой новый рассказ «Путь Анки».

✻ В московской творческой группе ГАПП «Кузница» избрано новое бюро, в состав которого вошли: Б. Бахметьев, П. Липко, В. Вадецкий, Г. Максимов, Л. Касаткин, Б. Леонтьев и А. Карцев. Ответственным секретарем избран Г. Максимов.

✻ Творческая программа московской творческой группы ГАПП «Кузница» напечатана в № 10—11 журнала «Пролетарский авангард».

✻ На отчетном собрании центральной литгруппы Мослоткоф «Красное знамя» заслушал доклад т. Зубковского о книге И. Фетотова «Военные». Членом группы написан рецензию о первой очереди книги Фетотова местный клеточный характер. В дискуссии о «Краткосрочнике» Г. Кужиля.

✻ В НДКА 16 декабря открываются военизаторские курсы писателей Мослоткоф. Курсы ставят своей задачей изучение марксистско-ленинской оценки войны, ознакомление писателей с основами организации и боевой учебы РККА и основами военного дела.

✻ Кабинет рабочего автора организуется при Сокольническом рабкоме МАПП. Открытие кабинета ударника, для которого рабкомом комсомола выделено помещение и открыты средства намечено на первую половину января 1932 года. Занятия семинара, организуемого при кабинете ударника, будут проводиться силами студентов Рапп.

УМЕР ПОЭТ ТАТАРСТАНА ХАДИ ТАКТАШ

КАЗАНЬ, 8. (По телеграфу). Сегодня в шесть часов утра после непродолжительной болезни скончался известный татарский поэт Хади Такташ.

ТАПП
РЕДАКЦИЯ «КЗЫЛ-ТАТАРСТАН»

НА ФАБРИКАХ КНИГИ

И МОСКВЕ

✻ «Ударники полей» — новая серия, состоящая из очерков об ударниках совхозов, колхозов и МТС — будет выходить с начала 1932 г. в секторе пролетарско-колхозной литературы ГИХЛ. Первой книгой выйдет очерк К. Алтайского «Рассказ о [illegible] селе-гиганте Лапчинском».

✻ Ромэн А. Субботина «№ 29» и роман И. Дорохова «Зернаносов» сданы в издательство сектором пролетарско-колхозной литературы ГИХЛ.

В этом же секторе выходит:

✻ «Зоотрад» — Бюллетень о строительстве единственного колхоза племенных свиней на Северном Кавказе (С. Юрина: «Где шумит пшеница» (повесть о первой краснодарской МТС имени Шевченко) А. Фролова: «Солнкамские» (очерки) А. Субботина: «Крест» (роман) М. Острогорского: «Весна» (повесть) В. Опалова: «Индия в плену» (роман о крестьянском восстании в Индии) И. Макарьева.

В ЛЕНИНГРАДЕ:

✻ Раньше чем закончилось печатание романа В. Каверина «Художник неизвестен» в журнале «Звезда», этот роман выйдет отдельной книгой в «Издательство писателей в Ленинграде».

✻ «Пинг-понг» Л. Грабарь, «Бунт на коленях» М. Иванова поступлены этим же издательством. Последняя новинка сильно-рисованной серии «Издательство писателей —«Пустыня» Н. Пайсенко. Выпущена также повесть В. Шишкова «Житие архиерейского служки» — на материале XVIII века.

✻ «Неизвестный Петрище» — сборник под редакцией Ивалова-Разумника — издает «Издательство писателей». Некоторые произведения, вошедшие в сборник, публикуются впервые.

✻ «Голубая жизнь» М. Горького с трехцветными автолитографиями художника Кованевич выходит вторым в том же издательстве.

✻ «Из рапповского дневника» Л. Авербаха печатает «Издательство писателей». В книгу войдут статьи о футуризме, Горьком, Шагинян, Маяковском, а также последние статьи Л. Авербаха напечатанные в «Литературной газете».

✻ Вышла книга М. Лупгина «За бисовой художественный очерк».

ВС. ИВАНОВ ОКАЗЫВАЕТ „МЕДВЕЖЬЮ УСЛУГУ" РАБОЧЕЙ КРИТИКЕ

(ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ)

В № 65 «Литгазеты» Вс. Иванов напечатал поучительную и авторитетным тоном статью в числе трем рабочим ударникам: Егорову, Рубцову и Плохому, что они, выступая в «Рабочей газете» с критикой фильмы «Тонька», предварительно не познакомились с его произведениями «Партизаны» и «Бронепоезд».

«Дело в том, — пишет Вс. Иванов,—что ни в «Партизанах», ни в каком-либо иной моей работе нет эпизода с орудием, нет и подобие разговоров об англичанах, потому что их в Сибири не было (подчеркнуто мною. Л. П.). Вся сцена с орудием (и англичанами) выдумана режиссером Пудовкиным, автором «Потомка». В заключение Вс. Иванов советует и рабочей бригаде и т. Пудовкину впредь не браться за такое дело, с которым они совершенно незнакомы. Может быть, тт. Егоров, Рубцов и Плохой действительно не читали указанных произведений Вс. Иванова, и это, конечно, упущение с их стороны. Но это «упущение», по моему мнению, является совершенной мелочью по сравнению с тем вопиющим невежеством, которое обнаруживает в данном случае писатель Вс. Иванов.

Дело в том, что во времена гражданской войны, о которых идет речь, в Сибири, особенно близ линии много англичан, командовал ими известный генерал, называвших как из русских, так и на английском языках. В частности есть книга полковника Джона Вудса, бывшего члена английского парламента и бывшего командира особого английского полка на Уральском фронте, которая является настолько ценным документом об активном участии англичан и интервенции что наш Госиздат переиздавал ее не раз. Имеется в наличии книга французского генерала Жанена, бывшего главнокомандующего иностранными войсками в Сибири, которая также отводит много места англичанам и той силе, которая была у него с Вологом. Эта книга была даже использована Ермиловым во время недавнего процесса русских меньшевиков. Имеется и еще много книг, которые, в случае надобности, можно указать.

Весьма странно, что Вс. Иванов не только никогда не читал этих книг, но даже и не знал о таком важнейшем политическом факте, как участие английских войск в сибирской интервенции, хотя тематику гражданской войны использовал не раз в своих работах.

П. ПАНФЕРОВ

Чтобы получить газеты без перерыва с января 1932 г., необходимо немедленно сдать подписку.

Тираж газеты ограничен. Не сдавшие подписку во-время могут лишиться возможности ее получать.

Подписка принимается исключительно почтой до установленного его срока. Опоздавшая подписка переносится на следующий месяц.

ЖУРНАЛЬНО-ГАЗЕТНОЕ ОБ'ЕДИНЕНИЕ

В КЛУБЕ ПИСАТЕЛЕЙ

12 декабря — 20 ч. Просмотр нового кинофильма. После просмотра дискуссия.

13 декабря — 18 ч. Марксистско-литературоведческий семинар Моссоркома писателей. 1-я лекция С. И. Полозцева—«Диалектический материализм».

13 декабря — 20 ч. Лекция Б. Алперс — теория драмы.

13 декабря — 18 ч. Собрание литгруппы при альманахе «Вчера и сегодня».

14 декабря — 18 ч. 45 м. Второй доклад-ник худ. чтения. Арт. театр «Современник» В. И. Яхонтов—«Как мы работаем и почему мы так работаем» с демонстрацией фрагментов из композиций Ленин, Пушкин, Петербург, Онегин, «Горе от ума» (работа над текстом), Сталин (речь о технике).

14 декабря — 17 ч. 30 м. Ораторский кружок А. К. Шмидгера.

14 декабря — 19 ч. Доклад А. И. Михайлова о пьесе Афиногенова «Страх» и ее постановке в Ленинградском театре.

14 декабря — 19 ч. Собрание всероссийского.

14 декабря — 18 ч. Детская секция МАПП.

15 декабря — 17 ч. Открытие совещания Всероссомгрима.

15 декабря — 19 ч. Кружок переводчиков. Рук. А. Гаврилевский.

15 декабря — 19 ч. Продолжение шахматного турнира.

16 декабря — 18 ч. Немецкая секция МАПП.

16 декабря — 19 ч. Кружок переводчиков. Рук. Шершинский.

17 декабря Продолжение совещания Всероссомгрима.

17 декабря — 18 ч. Марксистско-литературоведческий семинар Моссоркома писателей. Вторая лекция т. Полозцева и т. Аперса.

17 декабря — 19 ч. Центральный лит. кружок МОПШ.

17 декабря — 20 ч. 30 м. А. И. Контратьев «Эволюция учения о библиографических редкостях».

ИЗВЕЩЕНИЯ

13 декабря — 17 ч. — в редакции «Молодая гвардия» (Б. Черкасский, 6) —общее собрание об'единения комсомольских писателей МАПП — «Молодая гвардия». Доклад т. Макарьева — «Итоги пленума РАПП и задачи об'единения».

15 декабря — 11 ч. утра — в кабинете Уринкого над-во «Крестьянская газета» (Колодезный 9) — расширенное совещание «Крестьянской газеты» с пролетарскими и пролетарско-колхозными писателями, посвященное реализации лозунга «Изгнать троцкистов из литературы». Выезжает тт. Панферов, Л. Воробьев, Кацров, Федосеев Ивашкевич, Зорский Ветлугин. Завойский, Шухов, В. Михайлов, Некрасов, М. Разин, Дубровин, Чалкин и приглашаются все желающие писатели и критики.

15 декабря — 17 ч. — в МАПП (Тверской, 51) к т. Мерзову вызываются следующие товарищи: Фрумович, Чалкин, Морозов, Арк. Коган, Атлантов, М. Сахаров, Бессонов, Бидин, Вланкман, Перцин, Аетахов, Рахимова, Нигуденская, Шевелева, Выпкова, Шишков, Шаров, Тынянкин, Розенталь и Гаух.

15 декабря — 19 ч. — в помещении Комакадемии (Волхонка, 14, комната 201) — институт ЛИИ совместно с секцией истории пролетариата Института истории Комакадемии организует вечер посвященный критическому обзорению литературы писателей-рабочих.

15 декабря — в помещении «Производственного журнала» (Солянка 12, комната 210) — очередное заседание литературного об'единения рабочих писателей (ЛОРП). Приглашаются рабочие ударники фабрик и заводов.

16 декабря — 17 ч. — на выставке работ Вл. Маяковского — доклад т. Пельс — «Маяковский-сатирик» и обсуждение доклада. Явка членов бригады Маяковского обязательна.

13, 14 и 15 декабря в горкоме писателей с 12 — 17 час. производится прикрепление к закрытому распределителю писателей.

Необходимо предоставить: справку домоуправления об имеющихся в декабрьской проткрточке для непрекрепившихся, или желающих открепиться.

Ответственный редактор:
А. СЕЛИВАНОВСКИЙ.
РЕДКОЛЛЕГИЯ: Н. Асеев, С. Динамов, В. Залесский, О. Колесников, А. Малышкин, Н. Огнев, М. Россиянский, А. Селивановский, И. Сельвинский, М. Слонимский, М. Субоцкий, С. Тарасевич, Г. Тарпан.
ИЗДАТЕЛЬ: Журнально-газетное об'единение

Следующий номер „Литгазеты" выйдет 18 декабря

„СВИСТОК!"

АВТОРУ НЕОБХОДИМ „ОСВЕЖАЮЩИЙ УРАГАН"

На диспуте в «Известиях» исполнился Н. Волковым... очередная ария под названием «Театр четырнадцати октябрей».

— О, советский театр, — поет Н. Волков, — ешел, как надо!..

— О, театр, сходил в валенках, но они выглядели вполне пристойными ботфортами!..

— О, «ясность чувств и желаний» драматургов!

— О, «поэтическая легкость творческой походки» режиссеров!

Кроме этих чисто колоратурных номеров, есть у Н. Волкова и серьезные философские сентенции. Его характеристика театра 1928—31 гг. — это опыт глубокого и длительного его размышления.

«Театр становится узлом, где связывается опыт прошлого, настоящая действительность и зерна грядущего».

«Зори грядущего» странно волнуют Н. Волкова. Трудность создания пролетарского театра у Н. Волкова называется так:

— «Здесь не все идет, как по маслу».

Почему же не все идет «как по маслу»? Н. Волков дает очень тонкое марксистское объяснение.

Видите ли, товарищи, «дорога истории вермени, а силы идущих по ней реально существ...

И все? Все!

Говорит об антагонизмах и вообще классовых противоречиях среди художественной интеллигенции в начале революции. — Ерунда-с, — утверждает Н. Волков. Дело обстояло вот как:

— В «театральном отделе Наркомпроса... впервые встретились верхи художественной интеллигенции прошлого с представителями советской власти. Встретились и начали совместную работу».

И все? Все!

Объяснение появления с одной стороны таких авторов, как Леонов и Сейфуллина, а с другой — Булгакова, — имеет в себе несомненное зерно истины. Вот его объяснение:

— «Театр был замалчен».

И все? Все!

Как отразилась в драматургии эпоха великого коммунизма и наоборот? А вот как:

— «Гражданская война мыслилась как штурм». О нэпе же «говорили как о затишье». Реконструктивный период характеризовал Волковым так:

— «Дух критики и самокритики несет чистой частью мира, как освежающий ураган. Старые слова Карлейля о том, что демократия приходит опоганная бурей, оправдались в наши дни. Пояс бурь был позади первых трех годов пятилетки».

Выходит, что раньше, к примеру, указанный пояс бурь отсутствовал. Почему? Потому, что не было демократии. Почему же не было демократии? Потому что, видно, не было критики и самокритики. Политический смысл этой тирады не требует особых комментариев.

Свободим о том, что «система театральных бригад стремится обслужить... тревожность (?) прорывом профинтерна». Н. Волков дает мозаичные характеристики пьес и авторов. О «Ревизоре» Мейерхольда, О, «Ревизор», разработанный, как сложная симфония! Об Олеше. О, «нервное творчество Олеши! О Билль-Белоцерковском, О, «темпераментный Билль»!

В заключение Волков рассуждает на тему о значении шести условий т. Сталина для театра.

«Две темы с особенной силой выступают из текучей речи». Первая тема, — это тема о роли личного фактора... Это то, что театр должен быть — куриком по-терминологии Н. Волкова — «НИКОЛОЙ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО НОВЕЛЛИЗМА».

Во эта формула существовала и во времена Есенина и Шекспира, и во времена Мольера и даже Аристотеля. Других характеристик однако Н. Волков не выдвигает, очевидно потому, что сменит сообщить о другой теме. Вторая тема — «это тема театра, как участка культурного снабжения».

В связи с этим Н. Волков говорит об отношении театра к зрителю, имея в виду очевидно ту мысль, что театр до сих пор недостаточно ориентируется на нового зрителя, не имея всегда перед глазами рабочего и крестьянина. Почему же это происходит, какие классовые элементы определяют такое положение вещей? Оказывается, что:

— «У театра ведь (!) есть склонность... отрываться от... окружающих его явлений». Почему это происходит?

— «Это происходит обычно не сознательно, но потому, что людям свойственно (?)... исконно терять представление о той... силе, какое имеет каждое дело... и системе других дел».

Закончив на этом — без всяких дополнительных комментариев.

Мы даем синтез.

Он предназначен для редакции «Известий» —прежде всего.

«Говорят, что трудно овладеть техникой, НЕВЕРНО, нет таких крепостей, которые большевики не могли бы взять» (Сталин).

ОВЛАДЕТЬ ТЕХНИКОЙ

своего производства, стать ударником-организатором и рационализатором производства — поможет рабочим, средне-техническому персоналу и хозяйственникам массовый иллюстрированный производственно-технический журнал, орган ВЦСПС и Всесоюзного общества «Овладеть техникой».

Журнал
ОВЛАДЕЕМ ТЕХНИКОЙ

передаст опыт новых методов большевистской работы лучших заводов, фабрик, шахт, цехов, бригад отдельных ударников и красных мастеров производства. ОРГАНИЗУЕТ работу на отстающих предприятиях, вливая их в ряды ударных предприятий, борется за социалистическую организацию и рационализацию производства, за техническую реконструкцию промышленности, сельского хозяйства и транспорта.

При журнале в 1932 г. дается ежемесячное приложение библиотека «Справочник ударника» 12 книг.

ОТКРЫТ ПРИЕМ ПОДПИСКИ на 1932 г.

Подписная цена: Журнал «Овладеем техникой» + 12 мес. — 6 р. 60 к., 6 мес. — 3 р. 30 к., 3 мес. — 1 р. 65 к., 1 мес. — 55 к.

Журнал «Овладеем техникой» с прилож. «Справочника ударника» — 12 мес.— 10 р. 20 к., 6 мес. — 5 р. 10 к. 3 мес. — 2р. 55 к 1 мес. — 85 к.

Подписку сдавайте местной почте, не позже установленного ею срока.

ГАЗЕТНО-ЖУРНАЛЬНОЕ ОБ'ЕДИНЕНИЕ

ПОДПИСЧИКАМ „ВСЕМИРНОЙ ИСТОРИИ"

(Приложение к журналам «ОГОНЕК», «БОРЬБА КЛАССОВ и «ОВЛАДЕЕМ ТЕХНИКОЙ».

Заканчивается печатанием и на-днях будет рассылаться подписчикам книга № 5—7 библиотеки «Всемирной истории»: В. В. ГРАВЕ, М. В. НЕЧКИНА, А. М. ПАНКРАТОВА, К. Ф. СЕДОВ и М. С. ЮГОВ

„ОЧЕРКИ ИСТОРИИ ПРОЛЕТАРИАТА СССР"

ПРЕДИСЛОВИЕ М. Н. ПОКРОВСКОГО. Редакция В. И. НЕВСКОГО и А. Е. ПАНКРАТОВОЙ.

В книге 400 страниц и свыше 100 иллюстраций.

Заканчиваются произведением книги:

М. Н. ПОКРОВСКИЙ. — «Очерки истории революционного движения в России».

А. Н. БЕРНШТАМ, Н. И. БОРИСОВСКИЙ, О. Н. БЫКОВСКИЙ, А. М. ЗОЛОТАРЕВ, С. В. ИВАНОВ, Е. Ю. КИРИЧЕНСКИЙ, А. А. ЛУКАЧЕВСКИЙ, Н. М. МАТОРИН, П. И. МЕНДЕЛЬЗОН, К. Б. ПИОТРОВСКИЙ, В. И. РАВДОНИКАС и А. Н. ШМИДТ — «Пережитки-коммунистического общества».

Из целого ряда причин, которые вкратце изложены в вкладке к третьей книге «Всемирной истории», ваше подписное издание на 1931 год выходит со значительным опозданием. Редакция библиотеки «Всемирная история» и «Журнально-газетное об'единение» принимают самые энергичные меры для скорейшего выпуска в свет этого издания.

Все обязательства перед подписчиками и отношении этого приложения будут выполнены полностью, и остающиеся книги «Всемирной истории» издательство надеется выпустить в первые месяцы следующего года.

ЖУРНАЛЬНО-ГАЗЕТНОЕ ОБ'ЕДИНЕНИЕ

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
КНИГОЦЕНТР

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1932 г.

на литературно-художественный, общественно-политический и научно-популярный журнал

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

Орган ЦК ВКП(б) и ЦК ВЛКСМ

Выходит раз в месяц—12 номеров в год. Год издания XI.

Ответственный редактор Анна Караваева.
Редакционная коллегия: А. Безыменский, Анна Караваева, С. Салтанов, Г. Киш, Н. Бирюлин и М. Колосов.

ЖУРНАЛ РАССЧИТАН на партийный молодняк, комсомольский актив, передовые слои рабочей и колхозной молодежи, студенчество, рабфаковцев и т. д.

ЖУРНАЛ ЗНАКОМИТ широкие слои молодежи с современной художественной литературой, выдвигает новые кадры пролетарских писателей, показывает молодых ударников социалистической стройки, освещает наиболее актуальные вопросы политической и культурной жизни СССР и за границей, освещает вопросы труда, быта и коммунистического воспитания молодежи, ведет борьбу за генеральную линию партии, против уклонов от нее против враждебных идеологических течений, против упадничества и меланхолии систематически знакомит с новейшими достижениями науки и техники, ведет критическую оценку новой выходящей литературы.

ЖУРНАЛ ГРУППИРУЕТ вокруг себя лучшие молодые силы пролетарского искусства талантливую молодежь из среды наиболее близких слоев пограничества и колхозничества, молодую красную профессуру и аспирантуру, научно-исследовательских институтов, талантливых молодых специалистов-новаторов и обретателей, ударников социалистического труда.

ПОСТОЯННЫЕ ОТДЕЛЫ ЖУРНАЛА:

проза, стихи, общественно-политический (политика-экономика культура) Показываем лучших. За рубежом. Из прошлого. Критика. (За большое искусство большевизма, дитучей, полна трибуна). Искусство (театр, кино, живопись, музыка). Научно-популярный. Библиография.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: на год — 9 р. 60 к., на 6 мес.—5 р. 80 к., на 3 мес.—2 р. 40 к. Цена отдельного номера — 1 р.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ ВО ВСЕХ ОТДЕЛЕНИЯХ И МАГАЗИНАХ КНИГОЦЕНТРА, ВСЮДУ НА ПОЧТЕ И ПИСЬМОНОСАМИ.

ЗНАТЬ ● ДОСТИЖЕНИЯ

социалистической стройки всего Советского союза, слышать заграницу, учиться, отдыхать—слушая музыку и пение лучших артистов, может каждый у себя дома, имея радиоприемник.

Как устроить радиоприемник, как наладить радиовещание на заводе и клубе, совхозе, колхозе и у себя дома, все теоретические и практические вопросы радио и радиотехники в популярной и общедоступной „РАДИОБИБЛИОТЕКЕ", выпускаемой ЦС ОДР (выходит 2 раза в месяц)

В каждой книжке законченное описание отдельного вопроса.

ОТКРЫТ ПРИЕМ ПОДПИСКИ на 1932 год

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: 12 мес.—4 р., 6 мес.—2 р., 3 мес.—1 р. Торопитесь подписаться, тираж ограничен

Подписку сдавайте местной почте не позже установленного ею срока.

Журнально-газетное об'единение

С НОЯБРЯ МЕСЯЦА ВЫХОДИТ

НОВЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

„ЗА МАТЕРИАЛЬНУЮ БАЗУ ПЕЧАТИ"

Орган Госплана СССР и Комитетов по делам печати РСФСР и УССР

Журнал ставит себе целью борьбу за улучшение качества печатаемой продукции, за рациональное использование существующего оборудования и внутренних ресурсов всего хозяйства печати, за усиление капитального строительства, организацию и расширение полиграфического и бумажного машиностроения, за поднятие технического уровня издательской полиграфазы, за правильную организацию книжно-газетного распространения.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:
3 мес. 1 руб.,
6 мес.—3 руб.,
9 мес.—4 руб. 50 к.
С ноября месяца на 14 мес.—12 руб.
РОЗНИЧНАЯ ЦЕНА НОМЕРА 1 руб

Подписка принимается только почтой не позже установленного ею срока

Открыт прием подписки

Журнально-газетное об'единение

I-й МОСКОВСКИЙ ИППОДРОМ

Ленинградское шоссе, 25. — Телефон АТС—Д 3-89-66.

ЗИМНИЙ СЕЗОН РЫСИСТЫХ ИСПЫТАНИЙ 1931-32 Г.

12 БОЛЬШИХ ДНЕЙ

Выступление рекордистов: ПРОВИНЦИАЛКИ, МОТОРА, ТРАЛЬЩИКА и ПОСЛЕДНЕЕ ВЫСТУПЛЕНИЕ в СЕЗОНЕ ИНТЕРЕСА.

БЕГА ПО НЕДЕЛЯМ ДОРОЖКЕ

ДЕКАБРЬ
(дни испытаний)
18, 24, 30
(Общие дни отдыха)

ВЫСТУПЛЕНИЕ РЕКОРДИСТОВ ВСЕХ ВОЗРАСТОВ!

ОТКРЫТА СПЕЦИАЛЬНАЯ КОНЮШНЯ ДЛЯ ЗАЕЗДКИ КОННО-ЛЫЖНЫМ СПОРТОМ

Начало в 2 часа дня
12, 15, 20, 22, 27
Начало в 5 час. веч.

БЕГА ВСАДНИКА С ЛЫЖНИКОМ — СКИЖОРИНГ — ЛОШАДЬ БЕЗ УПРАВЛЕНИЯ — ЛЫЖНИКИ — БЕГ ВОКРУГ ЗА ГОРОД—СОРЕВНОВАНИЕ НА ПРИЗЫ.

Ресторан. Оркестр

ТРИБУНЫ ОТАПЛИВАЮТСЯ.

В 1932 г. ОДНОСЧИКИ ЖУРНАЛОВ «ОГОНЕК» и «РОСТ» ПОЛУЧАТ В ПРИДАЧУ 24 ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЕ КНИГИ

24 ПРОИЗВЕДЕНИЙ МИРОВОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ под редакцией и вступительными статьями М. ГОРЬКОГО и А. Виноградова

„ИСТОРИЯ МОЛОДОГО ЧЕЛОВЕКА XIX СТОЛЕТИЯ"

В эту библиотеку войдут произведения Стендаля, Бенжамена Констана Шатобриана, Фенелона, Вальтера, Гете, Бальзака, Мюссе, Сенкевича, Бурже, Бульвер-Литтона, Лермонтова, Гуриелева, Помяловского, Слепцова. Издание будет иллюстрировано лучшими художниками-графиками. В иллюстрировании примут участие: Адлетсен, Брулл, Американский, Кравченко, Павлинов, Сварносов, Сухоруков, Финорский, Хижинский, Шиллинговский, Юганов и др.

Открыта подписка на 1932 г.

ПОДПИСНЫЕ ЦЕНЫ НА

ОГОНЕК	РОСТ
выходит 104 раза в месяц с приложением 24 книг „ИСТОРИЯ МОЛОДОГО ЧЕЛОВЕКА XIX СТОЛЕТИЯ" в год — 12 руб.	выходит два раза в месяц с приложением 24 книг „ИСТОРИЯ МОЛОДОГО ЧЕЛОВЕКА XIX СТОЛЕТИЯ" в год — 12 руб.

Допускается рассрочка: 3 руб. до IV, 3 руб. до V, 3 руб. до 1 р. 75 коп. Всем подписчикам, уплатившим все взносы полностью, БЕСПЛАТНАЯ ПРЕМИЯ—шелкотипированный плакат „МОСКВА"

Подписка принимается только почтой не позже установленного ею срока

ЖУРНАЛЬНО-ГАЗЕТНОЕ ОБ'ЕДИНЕНИЕ

Уполном Главлита В 16443

Центральная (39) тип. «Мосполиграф», пр. им. Сванидзе-Свердлова, д. 4.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Орган Федерации об'единений советских писателей РСФСР

МОСКВА 18 ДЕКАБРЯ 1931 г. № 68 (167)

РЕДАКЦИЯ:
Москва, Тверской б. 25, Дом Герцена. Телефон 2-80-12.

ИЗДАТЕЛЬСТВО:
Журнально - газетное об'единение: Москва, 6, Страстной бульвар 11. Телефон 5-51-69.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА НА 1932 г.
На 12 м. 3 р. 60 к.
На 6 м. 1 р. 80 к.
На 3 м. — р. 90 к.

ЗА ПРОИЗВОДСТВЕННО-ТВОРЧЕСКУЮ ПЕРЕСТРОЙКУ

Из критики недочетов и ошибок в работе РАПП, данной ЦО партии в статье т. Елехиса, должны сделать необходимые выводы все литературные организации СССР. Речь идет о такой перестройке методов и содержания работы литературных организаций, при проведении которой каждая из них превратилась бы в производственно-творческий коллектив, обеспечивающий нормальные условия творческой работы для входящих в него писателей и органически включенный в практику социалистического строительства.

Резолюция последнего пленума правления РАПП является основой наметкой практического плана перестройки, за конкретизацию и проведение в жизнь которого должны взяться все организации пролетарских писателей во главе с руководством РАПП. Значение этой резолюции определяется тем, что она ставит вопрос о необходимости решительного перелома в работе РАПП. Поэтому настойчивостью в преодолении инерции старых методов работы, в переходе на новые рельсы, в развертывании глубокой и последовательной самокритики будет измеряться деятельность каждой группы пролетарских писателей и РАПП в целом.

В свете работ последнего пленума правления РАПП необходимо пересмотреть практику работы всех литературных организаций и всей ФОСП. В какой мере они содействуют разрешению задач, поставленных новым этапом социалистической революции перед советской литературой? Оказывают ли они действительную производственно-творческую помощь массам писателей, входящих в них? Достаточна ли их связь с практикой социалистического строительства?

На эти вопросы может быть дан только один ответ: литературные организации (и ФОСП в целом) в их нынешнем состоянии ПЛОХО справляются с задачами, стоящими перед ними,—в их деятельности нередко проявляются элементы бюрократизации и настроения мещанско-обывательской успокоенности, затрудняющие развертывание борьбы с буржуазно-кулацкой агентурой в литературе.

Нельзя отрицать значительных достижений ФОСП в деле консолидации революционных сил в литературе. Но достаточно, к примеру, проследить за деятельностью ФОСП на протяжении последнего года, чтобы определить, насколько недостаточно реализует ФОСП благоприятные возможности, открывающиеся перед ней. Отсутствие большого перспективного плана работ, недостаточное разграничение функций ФОСП и функций профсоюза, инерция организационной суетни, обезличка в составе руководящих органов ФОСП, — все это привело к тому, что ФОСП об'ективно существовала по преимуществу в качестве ведомства по организационным вопросам литературы и по материально-бытовому обслуживанию писателей, — и тому, что ФОСП не стала в полной мере идейно-воспитательной организацией,— и тому, что ФОСП не сумела за этот период взять в основном — за редкими исключениями—привлечь внимание советских писателей и основным вопросам творчества и классовой борьбы, происходящей на литературном фронте. Постановка таких вопросов, как правило, производилась помимо ФОСП, инициативой той или иной литературной организации (в первую очередь РАПП).

Поворот к производственно-творческим вопросам литературных организаций отнюдь не означает, что в какой бы то ни было степени может быть ослаблена борьба с классово-враждебными пролетариату силами и тенденциями в литературе. Наоборот, именно производственно-творческая перестройка, стоящая в числе своих основных задач преодоление навыков индивидуалистически-богемной литературной среды, осуществление тесной связи советского писателя с практикой социалистического строительства и ликвидацию оргзаседательской суетни, позволит форсированными темпами усилить разоблачение откровенных и замаскированных буржуазно-кулацких и приспособленческих элементов. Поворот литературных организаций лицом к творчеству, к непосредственному творческому процессу, к самой литературе означает одновременно и удар по гнилой «литературщине» как одной из наиболее характерных черт буржуазной литературной среды, не преодоленных окончательно и теперь. Нам нужна не литература «вообще», нам нужна большая литература страны, приближающейся к началу второй социалистической пятилетки,—высокохудожественная литература, помогающая закреплять социализм и бороться с его врагами,— нам нужны магнитострои литературы. Вот смысл перестройки всех литературных организаций.

Вот почему нет никакого противоречия между производственно-творческой перестройкой и усилением общественно-политической роли ФОСП. Вот почему задача осуществления перелома в перестройке встает перед ФОСП и всеми входящими в нее организациями как первоочередная задача сегодняшнего дня.

Франция центрального совета ЛОКАФ уже сделала для ЛОКАФ выводы из указаний, данных ЦО партии Российской ассоциации пролетарских писателей (см. «Литгазету» за 3 декабря). Выступление группы членов РОПИП в предыдущем номере «Литературной газеты», со всей остротой свидетельствует о необходимости совершить крутой поворот в работе организации пром-транспортно-колхозных писателей. Обсуждение итогов пленума правления РАПП на правлении московского отдела ВОСП дополнительно вскрыло неправильность системы практической работы организации попутнически-союзнических писателей,—системы, которая не могла не мешать литературно-политическому и творческому размежеванию в рядах ВОСП. Со всей остротой стоят вопросы перестройки и перед Всероскомдрамом. Необходимо, чтобы на происходящем пленуме Всероскомдрама эти вопросы нашли реализацию в практических решениях пленума.

Причины отставания советской литературы от задач социалистического строительства разумеется не сводятся к плохой работе литературных организаций. Но такая работа не может не являться одной из существенных причин, способствующих отставанию, тормозящих его преодоление, а в иных случаях и усиливающих его.

Для различных литературных организаций вопросы преодоления отставания и перестройки встают по-особому. Но перед всеми ими во весь рост встает задача поворота лицом к творчеству — для создания произведений, достойных нашей социалистической эпохи, для окончательного разгрома литературной агентуры буржуазии и купечества.

ВОПРОСЫ ТВОРЧЕСТВА — *В ОСНОВУ ПРАКТИКИ* ЛИТЕРАТУРНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

НА АКТИВЕ АССОЦИАЦИИ ПРОЛЕТПИСАТЕЛЕЙ

ПЕРЕЛОМА В ПРАКТИКЕ РАПП ЕЩЕ НЕТ

Собрание актива МАПП, состоявшееся третьего дня в клубе ФОСП им. Горького, показало недостаточность темпов перестройки, взятых пока МАПП. Еще не развернуты практические мероприятия по перестройке работы МАПП в низовых литературных лицом к творчеству, к производству. Слабое, медленное течение перестройки подтвердилось и характером прений, на что правильно указал, подытоживая прения, М. Лузгин.

Докладчик, А. Сурков охарактеризовал итоги последней дискуссии и отметил ценность указаний партии на ошибки РАПП и внимания комсомола к вопросам литературы для ликвидации отставания пролетарской литературы от стоящих перед ней задач.

С. Кирьянов остановился на практических вопросах перестройки работы МАПП, подчеркнув, что центр тяжести всей работы должен быть перенесен в журналы, в центральный кабинет ударника должен стать центром всей учебно-воспитательной работы.

Б. Ставский правильно указал на необходимость строгой проверки работы каждого мапповца, контролирования его повседневной творческой работы. Говоря о развертывании самокритики и о повышении большевистской бдительности во всей работе, т. Ставский в частности подверг критике ошибку редакции «На литпосту», поместившей вредную статью Г. Никифорова (№ 39).

Одним из центральных выступлений в прениях была речь т. Дмитчтмана (Культпроп МК ВЛКСМ), который заострил внимание мапповского актива на вопросах комсомольской тематики и проведения смотра молодежной литературы.

Выступивший затем И. Макарьев подчеркнул особое значение овладения ленинской теорией пролетписателями в связи с ошибками, которые были совершены руководством РАПП.

Мысль о необходимости овладения теорией, расширения писательского кругозора нашла немедленное подтверждение в характере выступлений т. Вадецкого («Молодая гвардия»), проявившего непонимание сущности идейно-творческой перестройки, и т. Ф. Березовского, который вызвал возмущение аудитории заявлением о том, что пролетарский писатель, по аналогии с писателем-классиком, должен пренебрежительно относиться к своему «диалектическому нутру».

Кроме того, в прениях приняли участие тт. Мерам, Избах, Макеймов, Медынский, Шестова, Шилягин, Л. Аг.

НА ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОМ ПИСАТЕЛЬСКОМ ВЕЧЕРЕ ИДКА

СОЗДАДИМ МАГНИТОСТРОИ ЛИТЕРАТУРЫ

Собрание Магнитогорской АПП вынесло резолюцию, в которой отмечает, что развернувшаяся дискуссия между РАПП и комсомолом, «Литературной газетой» и «Комсомольской правдой» своевременно вскрыла противоречия, ошибки и недостатки в работе РАПП.

Для изжития недостатков в работе РАПП общее собрание магнитогорских пролетписателей считает необходимым по указанию и под руководством партии подвергнуть решительной и развернутой критике ошибки, допущенные рядом руководящих работников РАПП.

Магнитогорская АПП считает необходимым организационно и творчески повернуться к Урало-Кузбассу, в частности к Магнитострою:

— Магнитогорская ассоциация пролетарских писателей является одним из боевых отрядов РАПП, — говорится в резолюции. — Недостатки и ошибки РАПП имели и имеют место в работе нашей ассоциации.

До сего времени еще не стал центром нашей массовой литературной работы на стройке — рабочий барак, красный уголок, участок и цех. Литбригады Стальместа, Коксохимкомбината и Горы еще недостаточно активизированы, в стенгазетах и многотиражках слабо сказывается их участие. На других решающих участках Магнитостроя литбригады и кружки еще не созданы.

Отмечая слабое руководство со стороны УралАПП и РАПП, общее собрание считает необходимым:

перестроить работу Магнитогорской ассоциации пролетарских писателей соответственно с новыми задачами социалистического строительства и пуска первой очереди Магнитогорского завода;

усилить работу по привлечению рабочих-ударников в литературу, уделяя центральное место ударнику, марксистско-ленинскому воспитанию новых кадров пролетписателей;

направить творческое внимание членов ассоциации на художественный показ героев магнитогорской стройки, на создание «Истории Магнитогорского завода» и «Истории гражданской войны»;

коренным образом улучшить работу литературно-художественного журнала «Буксир», включив борьбу за высокое идейно-художественное качество в повседневную продукцию;

в ближайшее время подготовить и издать ряд книг в сборников творчества рабочих-ударников, призванных в пролетлитературу;

включиться в творческий смотр молодежной литературы, начатый и проводимый комсомолом и РАПП.

„ИСТОРИЯ ЗАВОДОВ"

В ГЛАВНОЙ РЕДАКЦИИ

* Для информации актива работников «Истории заводов» о ходе работы и обмена опытом секретариат главной редакции будет выпускать ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ БЮЛЛЕТЕНЬ «ИСТОРИИ ЗАВОДОВ». В бюллетене будет помещаться руководящий инструктивный материал, планы работ по составлению «Истории заводов», хроника. Первый номер бюллетеня сдается в печать 28 декабря.

* Секретариат редакции «Истории заводов» утвердил план выпуска изданий в 1932 году. Будет выпущено 15 названий по основной серии «Истории заводов», 8 дополнительных выпусков (по библиографии, методологии). 10 беллетристических книг и сборников, 12 номеров бюллетеня.

* Клуб-группа, возглавляемая режиссером т. ТУРИНЫМ, намечает создание ФИЛЬМА ОБ «ИСТОРИИ ЗАВОДОВ».

* В ближайшее время секретариат главной редакции организует ряд докладов, посвященных «Истории заводов» в Доме печати, клубе ФОСП им. Горького и в Деловом клубе.

* 28 декабря, в 6 часов вечера, в клубе ФОСП созывается собрание (ПРОИЗВОДСТВЕННОЕ СОВЕЩАНИЕ) заводских редколлегий по «Истории заводов», историков, писателей, литкружковцев, рабкоров, принимающих участие в работе по созданию «Истории заводов».

К порядке дня: информация главной редакции «Истории заводов» опыт «Серпа и молота» по работе над историей своего завода (доклад т. Меллер); сообщение о работе на Электрозаводе и др. предприятиях (доклад т. Жигн); доклады заводских редколлегий и литкружков о развертывании работы по истории заводов.

ВСЕУКРАИНСКАЯ КОМИССИЯ

ЦК КП(б)У утвердил всеукраинскую комиссию по изданию «Истории заводов» в составе: тт. Чувырина (председатель), Строганова, Чернявского, Терехова, Хвыли, Василенки, Тарана, Выргстикова, Дудника, Бойченка, Фосмана, Тиача, Орлова, Мининенко, Кириленко, Кушнарева, Шупака, Хвыльового, Усенка и Фефера.

ПУТЕВОДИТЕЛЬ

ЛЕНИНГРАД (наш корр.). Областным архивным бюро вместе с Ленотделением литературы готовится к печати «Путеводитель по архивным материалам фабрик и заводов». «Путеводитель» рассчитан на рабочих-авторов, работающих над «Историей заводов».

ПЕЧАТЬ ГОТОВИТСЯ К СМОТРУ КОМСОМОЛЬСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

„МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ"

«Молодая гвардия» провела еще в августе три диспута о комсомольской литературе (пресса, очерк, стихи).

Новая редакция журнала взяла установку на регулярный смотр комсомольской литературы.

В конце декабря «Молодая гвардия» совместно с представителями ленинградских комсомольских журналов организует в Ленинграде совещание комсомольских писателей, посвященное творческому смотру, вопросам комсомольской тематики, творческой дискуссии о комсомольской литературе. Совместно с творческим активом «Молодой гвардии» организуют выезды в Подмосковный угольный бассейн, Нижний-Новгород и на новостройки, для популяризации комсомольской литературы и творческого смотра.

В ближайших номерах «Молодой гвардии» будет помещен обширный материал на комсомольские темы.

„ЗЕМЛЯ СОВЕТСКАЯ"

На производственном совещании критического сектора журнала «Земля советская» были обсуждены вопросы творческого смотра молодежной пролетарско-колхозной литературы.

По поручению редакции «Земли советской» критическая бригада Гане и сектане 8 человек работает над произведениями молодежной пролетарско-колхозной литературы (Шерматин — «Котти», Свиридов — «Комсомольцы», З. Александрова — «Моя революция», Шухов — «Ненависть», Исаковский — сборник стихов «Мастера земли» и избранные стихи, И. Васильев — «В году под осень», Трушков — «Кадры», М. Карпов — «Непокорный», А. Тарасов — «Ортодоксы»).

В январском номере журнала «Земли советской» будут помещены: критическая статья т. Аскоченского о книгах: Свиридова «Комсомольцы» и П. Бессонова «Мы», произведения молодежных начинающих писателей-ударников-колхозников, призванных в литературу и др.

„НОВЫЙ МИР"

Обзор помещенных в «Новом мире» за 1931 год произведений показывает, что комсомольская тематика занимает в журнале очень незначительное место, за последний год в журнале напечатаны только два очерка о комсомоле: М. Этарта — о комсомоле Обратия и В. Ирсланского «Комсомольская» (о комсомоле Донбасса). В журнале помещены рассказы т. Лемана о молодежи, очерки молодых рабочих-ударников И. Воробьева, Турова и рабочих поэтов — Жемчужина, Семекина, М. Короткого.

В творческий смотр молодежной литературы «Новый мир» еще не включался. Об этом говорит и тот факт, что последние два номера (№№ 11 и 12) не дают ни одного произведения о молодежи.

„ПРОЛЕТАРСКИЙ АВАНГАРД"

В связи с проведением смотра перестроен план литературно-районных отделов (5 журналов), уже сданного в производство. В номер включены статья т. АРХАНГЕЛЬСКОГО о молодежной литературе и рассказ Н. ЛИЩЕВ об участии комсомола в социалистическом строительстве. В дальнейших номерах будет печататься развернутый обзор творчества комсомольских писателей.

„ЗА ДНЕИ"

Рабочий редсовет журнала «За дни», наделенный информационной делегацией Всесоюзного с развертывания творческого смотра комсомольской литературы, решил немедленно включиться в смотр. Из члена редколлегии С. Фридмана возложена персональная ответственность за проведение смотра журналом «За дни», в частности за проработку плана ближайших номеров журнала под углом зрения усиления внимания к комсомольской литературе и подготовки критических статей.

„ОКТЯБРЬ"

Журнал «Октябрь» с ближайшего номера включается в смотр комсомольской литературы. В январском номере будут напечатаны очерк т. Шушинова «Мичуринцы и мастера» (об участии студентов-комсомольцев в производственной практике), обзор серии «На фронтах пятилетки» и статья о творчестве В. Ставского. В № 2 журнала «Октябрь» помимо ряда очерков на молодежные темы, будет помещена специальная статья о комсомольской литературе.

* * *

Редакция журнала «Октябрь» совместно с ячейкой МАПП при Рапп организует 25 декабря в клубе ФОСП литературный вечер, посвященный передаче опыта ленинградскому молодняку. К участию в вечере приглашены: Ф. Панферов, В. Ильенков, В. Ставский, А. Сурков и А. Ибах.

„ЛОКАФ"

Журнал «ЛОКАФ» почетит ряд рецензий на произведения писателей-локафовцев, отражающих комсомольскую тематику, и несколько статей о военной тематике в молодежной литературе. Завтра на заседании редколлегии журнала будет обсужден конкретный план участия журнала в творческом смотре молодежной литературы.

„ПРОЛЕТАРСКАЯ ЛИТЕРАТУРА"

Двухмесячный орган ВОАПП «Пролетарская литература» проведет работу по теоретическому осмыслению опыта комсомольской литературы. На страницах журнала, в специальных статьях будут подведены итоги творческого смотра молодежной литературы не только РСФСР, но и всех братских республик.

„ОГОНЕК"

Журнал «Огонек» включается в смотр. Его конкретные мероприятия пока еще только в перспективе. В ближайших №№ будут помещены развернутые обзоры и критические статьи о комсомольской литературе. Смотру молодежной литературы будут посвящены собрания актива ударников при «Огоньке». В плане смотра намечены выездные редакции на «Шарикоподшипник», фабрику им. Бабаева, завод Ильича, на 2-й часовой завод и в подшефный полк.

„КРАСНАЯ НОВЬ" В СТОРОНЕ ОТ СМОТРА

На заседании редколлегии журнала (15 декабря) даже не ставился вопрос об участии «Красной нови» в творческом смотре молодежной литературы.

«Красная новь» совершенно не отражает на своих страницах молодежной тематики. В течение 1931 г. в журнале не помещено ни одного произведения на жизнь комсомола (если не считать одной повести Ив. Соколова «Конь и Казанова»). В портфеле редакции и сейчас нет произведений, показывающих рост и значение комсомола на фронте социалистической стройки и культурного строительства.

«Красная новь» — орган ФОСП—должна немедленно включиться в смотр молодежной литературы.

В РЯДОХ ЛОКАФ

Секретариат ЦС ЛОКАФ включается в проведение смотра молодежной литературы.

Если местными организациями ЛОКАФ ЦС рекомендовал включить в творческий смотр следующие произведения писателей-локафовцев: А. Ибах — «С винтовкой и книгой» и «Военные рассказы», Гамбоссон — «Эскадрон комиссаров», А. Дмитриев — «Есть вести корабль», И. Рахилло — «Счастливый город», И. Молчанов — «Военная молодость», А. Карцев — «Ромбы», С. Виноградов — «Пленный», Л. Славин — «История одного стрелка», Колбасьев — «Салажонок», Свиридов — «Особая Дальневосточная» и «Пять дней», Офсеенер — «Мир свежего», Д. Гольцман — «Поэма об агитаторе», Ф. Кнышов «На работе», Скоренко — «Дикая дивизия», Ян Калнынь — «Звездный пробег», Пожарский — «Люди ОКДИ» и «Особая Дальневосточная», Федотов — «Вредкоры».

ПЛАН ПРОВЕДЕНИЯ СМОТРА

Центральная комиссия по проведению смотра молодежной литературы при «Комсомольской Правде» выработала подробный план проведения смотра.

План будет в выдержках напечатан в следующем номере «Литгазеты».

ЛИТОВСКИЙ ФАШИЗМ душит ЛЕВЫХ ПИСАТЕЛЕЙ

В последнее время кровавый фашизм в Литве, ведет за преследованиями компартии и революционных рабочих организаций, вынесением новых смертных приговоров коммунистам (т. Клеперайтису), принялся за удушение всех литературных и культурных организаций, так или иначе противостоящих социал-фашистам.

Одной из таких организаций является группа молодых революционно-настроенных писателей «Третий фронт», издававшая свой журнал того же названия. До последних месяцев этот журнал стоял на социал-фашистских позициях, его участники являлись одновременно сотрудниками социал-фашистской печати, которая поэтому всячески их рекламировала, называя «Третий фронт» как представителей «Литовской пролетарской литературы»

Но как только более революционная часть «Третьего фронта» под влиянием общего полевения мелкобуржуазной интеллигенции начала более критически относиться к социал-фашизму народнического и социал-демократического толка и стала проявлять некоторый интерес к революционной и пролетарской литературе других стран, в частности к литературе СССР, к работе МОРП, как только они включили из своих рядов явных фашистских агентов и темных лиц — сейчас же эта печать подняла самую бешеную и крикливую кампанию против «Третьего фронта».

Группа «Третий фронт» и журнал были закрыты, последний номер конфискован и начались аресты третьефронтовцев.

Фашистская острастка обвиняет их в «коммунистической пропаганде», хотя в действительности третьефронтовцы не имеют ничего общего ни с компартией Литвы, ни с пролетарской литературой. Нельзя назвать их даже попутчиками, так как их «поворот налево» от открытого социал-фашизма сделан еще довольно робко, старые социал-фашистские установки не расколотываны и не осуждены, в творчестве до последнего времени преобладали мещанские черты, прикрытые левой фразой.

Однако для литовского фашизма и такая литературная организация оказалась нетерпимой.

Сейчас «Третий фронт» стал лицом к лицу с буржуазной реакцией. Поведение третьефронтовцев в данный момент покажет, насколько они преданы общей борьбе трудящихся масс Литвы против фашизма.

Мы решительно протестуем против новых попыток литовского фашизма задушить всякое революционное культурное и литературное движение в Литве и призываем присоединить свой голос протеста все революционные литературные организации других стран.

ЛИТОВСКАЯ СЕКЦИЯ МАПП

ОТ НАШЕГО ЛЕНИНГРАДСКОГО КОРРЕСПОНДЕНТА

СОТНИ КНИГ О МНОГОМИЛЛИОННОМ КОМСОМОЛЕ

В 1932 году исполняется 15-летие ленинградской организации ленинского комсомола. К исторической годовщине будет выпущена целая библиотека, посвященная истории комсомола города Ленина, борьбе вооруженного комсомола на гражданских фронтах, комсомола на фронтах социалистической стройки. В отображении всех этих тем художественная литература занимает почетное место.

Один только сектор художественной литературы ЛО «Молодой гвардии» наметил свыше 20 книг повестей, очерков, рассказов. Черно-той план литкружка ЛО «М. Г.» включает сюжетные исторические повести о первых годах пионерского комсомола и первых организаторах комсомола; отдельно будет издан сборник воспоминаний старых комсомольцев, повесть комсомольского писателя, пред. Ленинкомола тов. Скоренко о бронепоезде № 2 (о вооруженном комсомоле). Бригада литкружковцев «Красного путиловца» пишет повесть о путиловской комсомолии; подготавливается издание книг о комсомоле других индустриальных гигантов Ленинграда. Бригада литкружковцев «Красного треугольника» во главе с т. Поповкиным — ударником-метрострои-телем, автором комсомольской повести «Кочуй», — работает над повестью о ФЗУ резинового комбината. Книга о комсомольцах — инженерах, политорах, научных работниках, серия рассказов о комсомольцах-героях пятилетки, повести о комсомольских цехах и комсомольской МТС — дополняют план.

Отдельный план разработан и детсектором издательства. Пионерам и октябрятам расскажут о комсомоле «Книга о комсомольской программе в действии». В этой книге отдельные пункты программы комсомола будут проиллюстрированы рассказами из истории и практики комсомола. Детсектором намечен выпуск повестей об истории комсомола, о борьбе комсомола за новую школу и о знамени китайского комсомола, переданном комсомолу завода им. Карла Маркса; выпускается и биография первых комсомольцев.

Можно привести планы комсомольских журналов — «Юный пролетарий» и «Вокруг света». Но и перечисленного достаточно для уяснения «количественных показателей» комсомольского запроса пролетарской литературе. Качественные показатели определены декабрьским пленумом РАПП.

Пока темпы развертывания работы еще недостаточны, работа находится еще на этапе предварительных совещаний. За последнее время мы имели два совещания, созванных культпропом Ленобласткома ВЛКСМ.

На последнем совещании («Молодой гвардии», Истмола, ЛАПП) более или менее отчетливо намечена работа Ленинградской ассоциации пролетарских писателей над комсомольской тематикой. Представители ЛАПП на совещании подчеркнули, что роль ассоциации не может здесь ограничиться выделением литературных кадров. Это не соответствует задачам ЛАПП на комсомольском участке пролетарской литературы.

Тематический план, намечаемый к 15-летию комсомола — конкретная база, на которой должна закрепиться связь ЛАПП с ленинским комсомолом. Проблема создания художественной истории комсомола, должна быть включена в порядок дня всех творческих группировок, всех литературных кружков. Надо уже, с первых дней работы, мобилизовать лапповскую критику, все творческие силы ЛАПП на борьбу за качество сотен книг о многомиллионном комсомоле, которые выйдут в 1932 году.

Плановые наметки Истмола и ЛО «Молодой гвардии» относятся к комсомольскому политсектору и комсомольским журналам. Лапповцы ставят вопрос об участии и других издательств и литературно-художественных журналов в юбилейном показе ленинградской комсомолии.

Б. РЕСТ

РУКОВОДИТЬ АВТОРОМ, ПОМОГАТЬ ТЕАТРУ!

НА ПЛЕНУМЕ ВСЕРОСКОМДРАМА

Пленум совета Всероскомдрама, открывшийся 15 декабря в клубе ФОСП, заслушал доклад М. Рославского — о положении на театральном фронте и о методах перестройки работ Всероскомдрама.

На сегодняшний день, несмотря на наличие таких пьес, как «Хлеб» и «Страх», свидетельствующих о несомненном большом росте пролетарской драматургии, все еще приходится констатировать отставание театрального фронта от общих темпов социалистического строительства. Чтобы преодолеть это отставание, надо в первую очередь искрыть его корни. Главный и основной корень зла — в недостаточном овладении массой драматургов марксистско-ленинским мировоззрением. Не менее значительным фактором отставания является полная беспомощность их в области драматургии и театра. Ведь кроме трудов тт. С. Волконского — по теории театра и В. Волькенштейна — по теории драматургии нет никакой литературы. Книга Афиногенова, как это уже неоднократно отмечалось, содержит ряд политических ошибок. Плохо то, что эти ошибки были только констатированы, но до сих пор не раскритикованы по-настоящему. Неразрывно связаны в этом и слабость нашей театральной критики, которая попросту захламляет, например, — еще до постановки — «Последний, решительный» Вс. Вишневского, а затем, как бы по горячим следам, обрушивается на пьесу после спектакля, критик, которая дезориентирует молодых авторов — Фурманского и Розинова — «заполнением» первоочередных и «вещих» по поводу их, во всех отношениях неудовлетворительной, пьесы «Вая-Хо-Дун и Ваня Шубин». Естественно, что при таких условиях весьма сомнительна положительная роль и помощь критики драматургу.

— Всероскомдрам,—говорит докладчик, — литературная организация — ответственная за все эти ошибки и их закономерное следствие: за отставание в области театра, драматургии и еще больше в области музыки и кино.

Вместо того чтобы заниматься бесконечными организационными вопросами, вести учет многомиллионных заседаний, не учитывая при этом, какую они приносят пользу, Всероскомдрам как воспитательная организация должна была систематически помогать автору в его творческой работе, стимулировать его творческий рост, содействовать продвижению молодняка, активно противостоя таким образом разрешению вопросов кадров и репертуарного кризиса. Всероскомдрам имеет хорошо работающее ядро, но оно не вело плодотворной воспитательной работы с основной группой, составляющей организацию,—с новичками, как и с группой сознающих, начинающих авторов, рабочих-драматургов.

Организация не только отказалась от развернутого приема ударников в драматургию, но не вызвала даже драматургического ядра среди ударников. Не охватила своей работой также драматическое движение в самодеятельный театр.

На сегодняшний день во весь рост встает вопрос о необходимости настоящей углубленной перестройки всей работы Всероскомдрама.

Докладчик т. Сталина о работе по-новому, статья ЦО партии о перестройке работы РАПП вселяют уверенность в Всероскомдраму, требуя от него создания таких условий, которые могли бы обеспечить творческий рост драматургии, направить творческие силы драматургов-попутчиков, инсценировщиков, киносценаристов, путем полного поворота лицом к производственно-творческим вопросам.

Такова характеристика работы Всероскомдрама за истекший период, таковы выводы о необходимости коренной перестройки вперед, сделанные самим докладчиком т. Рославским.

Каковы конкретные пути и методы перестройки? В первую очередь — создание творческих группировок на основе общего творческого метода или общей тематики; создание бригад драматургов, прикрепленных к отдельным театрам, для ознакомления их с театральной техникой и в целях обеспечения пьесами того или иного театра; укрепление системы контрактации, позволяющей планировать творческие замыслы авторов в смысле охвата современной тематики; организация производственных совещаний по конкретным вопросам, которые должны стать лабораторией творческой мысли.

* * *

Выступивший в прениях драматург Вс. Вишневский резко критиковал доклад т. Рославского за его абстрактность, за отсутствие в нем конкретного анализа спектаклей и творчества отдельных драматургов. Рославский в своем докладе не дал, по мнению т. Вишневского, почувствовать «настоящего биения всесоюзной, московской, ленинградской театральной жизни, биения, которым было отмечено рапповское театральное совещание».

— В конце доклада т. Рославский говорил, что хорошо было бы, чтобы сюда пришли режиссеры, драматурги, авторы и рассказали о том, что их волнует. Почему же это не произошло?

Далее Вс. Вишневский рассказал о работе театра на театральном фронте в Ленинграде. Иллюстрируя эти срывы конкретными примерами («Больная жизнь», «Маневры Красной армии» и др.), Вс. Вишневский показал критику и рабочего-зрителя в борьбе с ними, путем полезных форм протеста во время спектакля, путем профилактической проверки настроения театра.

Надо больше уделять внимания творческому пути театра, чтобы понимать, случайны или закономерны такие явления, как постановка, например, «Стеклуха» в МХТ. Надо заставить театры рассказать о своих творческих установках, рассказать о пути, по которому они хотят итти, чтобы драматургу было легче работать.

Говоря о консолидации попутчиков, Вс. Вишневский рассказал о лесных Ю. Либединского — о театре Мейерхольда. По словам Вс. Вишневского, Ю. Либединский механистически противопоставляет Вс. Мейерхольду Евг. Вахтангова, называя последнего «первым попутчиком, крупнейшей ведущей фигурой в нашем театре».

Вс. Вишневский считает выступление Ю. Либединского не совпадающим с платформой РАПП, которая была дополнена Афиногеновым, и ведущим в разрез с тем, что необходимо для театра на сегодняшний день.

* * *

В прениях по докладу тов. Рославского в течение первых двух дней работы пленума выступили: Журо, Очеретков, Подольский, Шток, Клядев, Серебряков, Арсеньев, Эс-Хабиб-Вафа, Нестеров, Фатхулин, Берестинский, Соловьев, Успенский, Ермакин, Федоров и др.

Окончание отчета о 4 пленуме Совета Всероскомдрама будет дано в следующем номере «Литгазеты».

ПЕЛЬСКОЙ

ИСКУССТВО СОЦИАЛИЗМА И БУРЖУАЗНОЕ РЕСТАВРАТОРСТВО

БЕЗОТРАДНОЕ ПЛАВАНЬЕ*

О. Форш неслучайно, непосредственно после книги «Под куполом», где в сатирическом плане изображалась капиталистическая Европа, выпустила в свет «Сумасшедший корабль», в котором та же Европа представлена некиим ближневосточным уголком, и кроме того декларированы, весьма «приемлемые» положения, о которых речь пойдет ниже.

За небольшой период между появлением вышеназванных двух книг в советской действительности произошли большие изменения. И именно эти изменения вызвали столь различный поворот О. Форш к одним и тем же вопросам.

Из «Сумасшедшего корабля» стоит дата 1930 г. Это год огромного перелома, огромного опыта в нашей стране, огромных успехов развернутого социалистического наступления пролетариата, обостренной классовой борьбы. Это обострение классовой борьбы вызвало новое размежевание среди старых кадров интеллигенции, большая часть которых совершает теперь решительный поворот в сторону пролетариата, а другая часть перешла на классово-враждебные позиции по отношению к последнему.

В полуителлигентской среде расслоение в этот период выливалось в бешеную остроту.

В «Сумасшедшем корабле» отчетливо сказались настроения той группы интеллигенции, которая предпочел свой путь не с пролетариатом, а с его классовыми врагами.

Мелкобуржуазно-обывательскому сознанию не дано понять всю многообразие революционной действительности. Революция такой обыватель принимает только в пределах, не угрожающих его узко-личному мелкому благополучию. Но как только такая «угроза» появляется на горизонте—обыватель становится в позу «судьи» (обыватель-ща надевает подчас в очень «изысканные» одежды) и начинает творить над революцией свой суд.

К сожалению, именно в такой роли очутилась О. Форш. Основная идея книги—проблема искусства в революции, или, вернее, спасения» искусства от революции.

Хотя О. Форш пытается построить свою книгу по принципу «космической непрерывности жизни», «спецдан» границы пространства и времени и как бы создавая этим особый стиль и ритм, но в основном «тезисы» О. Форш об искусстве применялтся ею прежде всего к эпохе гражданской войны, когда «от чувства непрочности и напряжения обычных будней уже небыло, и сама жизнь стала новой не тем или иным накопленным фактом, а искусством эти факты прожить».

* О. ФОРШ.—Сумасшедший корабль». Издательство писателей в Ленинграде. Ц. 1р. 70 коп., переплет 30 копеек.

Что же это за факты?

Напрасно стал бы читатель искать в книге О. Форш хоть маленьких следов героики первых лет революции. Нелюбовью к современности (1930 г.) это отталкивает автора обрушиться на более отдаленные революционные годы, как бы представляя от имени русской интеллигенции» накопленные счеты революции, очевидно почему-нибудь развернуть свои творческие силы автору, «противопоставляя» нашему сдачу русской литературы и всего, что составляло былую русскую сталь» (оставим на совести автора «исключительно русское» в этом плане—русское).

Если доверить О. Форш, то в описываемые ею годы—люди, жившие в Советской России то и делали, что «спокойно жить» самообубйством (спорт, предупреждал «инфекционную» прыть читателя, уже сам сосчитал, что это в его последнее время «сержание с высотою»), или покупали под автомобиль и т. д.

Форш берет один из дней начала его «ужасами», и безапелляционно об'являет, что «непрецедентный этот день избран нами, как синтезирующий пример и, «беря обстановку тех лет, автор ее показал ее, делает только выпуклей».

Произошел реакционное искажение действительности, Форш искажает перспективы искусства у нас, в СССР.

«Сумасшедший корабль»—дом, населенный «жрецами» искусства—теми, кто, подобно автору романа, якобы призван «хранить заветы» русской литературы и продолжать ее традиции.

Именно в недрах «Сумасшедшего корабля» рождаются сложные концепции русской литературы, выраженные нелогом Сохатым, (прообразом, автора): «проследим родословное интеллигентское дерево. В сущности в «Пиковой даме» и в «Медном всаднике» день Пушкиным зачатки всех психологий»..., а «все психологии, данные Пушкиным, А. Белым, завершены до истощения питающего их мышления»...

Раскрывая свои литературные симпатии, Форш пытается определить закономерность литературного развития не борьбой классов, не определенной исторической обстановкой, но лишь абстрактными определениями надклассовых психологий (!). Идеалистический характер подобной концепции очевидец. Неоднократно по поводу того, что пролетариат посягает на литературу,—якобы начинающуюся неотъемлемой собственностью интеллигенции, правда Форш в реакционному насилию на роль пролетарского искусства.

«Я градущих колхозах он (молодой пролетарский писатель) предложит закрыть поэтессы, где творческий дар—великий рог-вот на учете—приспособлена будет для тракторов». «Те же цветаги, от работы которых не воспоследует передача сил в трактора от их оловес не пойдут, как профессионально себя не пятидневки, коэтированы будут в отдел ассенизации города». Это—один из многочисленных образчиков мировоззренческих «пьют» О. Форш.

Свои суждения об искусстве О. Форш подкрепляет именами различных великих людей: Леонардо да Винчи, Поля Верлена и др., забывая, что критерий искусства прежде всего различен в различные эпохи и всегда проявляется классовой борьбой на ее конкретном историческом этапе. Для полемики О. Форш предпочитает второстепенных писателей; например «Золотое», который смотрел на картину Рубенса и «элементарно плохим пожелел», она поручает ученику о том, что, «мы сейчас знаем искусство только с классовой точки зрения» и «мы пока заняты только тем, чтобы освободить человека экономически».

Так, снизив в основном задачи культурной революции уровнем «вирсоединого» и притом «вожделенного» вполне, О. Форш одерживает мнимую и потому бессмысленную победу, указывая на ущербность в том, что «вожделеть» перед произведением искусства нельзя, что оно «пробуждает глупую тяжесть» и т. д.

Представление О. Форш о сущности пролетарского искусства находит свое логическое завершение в поисках иной благотворной почвы для искусства. Форш находит эту почву в Европе, представленной отдельными мелкими, пасторальными картинками, предельно извращающими современное состояние Европы с ее жесточайшим экономическим кризисом, со миллионной армией безработных.

Вот одна из «пасторалей» О. Форш: «Завтра праздник роз у нас в Фонтене, и господин мэр поведет под руку самую красивую девушку-королеву роз». «За королем» роз все пойдут в старый парк, где в многовековом от окопок аллеях Луи XIV свое начальное образование получило все маленькое Фонтене. Ну что же с того, что один сейчас профессор в Сорбонне, другой сапожник своим огородом... Это привлекательность к месту при наименьшей затрате нервно-физических сил, без боли отрыва от семейного очага, это плодовое тепло, добровольность улыбок всего населения, со спасками о здоровье, успехах, дочерях, сыновьях, внуках—создают ту занятную атмосферу, которая, как солнце от растения, вытягивает из человека порой его силы и цвета».

И поэтому «великая разница — сознать ли в судорожном спехе историю ускоренной, как у нас или на западе». Так Форш размашисто расправляется с нашей историей, изменившей контуры нашей страны, психику наших людей, а в самом деле, «ускоренной» тем темпом социалистических побед, которые ведут к ликвидации классового общества, построенного на принципах эксплоатации и гнета.

Эта «ускоренность» безусловно не по душе О. Форш. Она жалуется. «Почему у нас еще обнаружить талант и охоту послужить стране чем можешь, как страна хватает тебе счет уж на всю полную меру». О. Форш жестоко заблуждается в том, что «страна»—СССР нуждается в «полном учете» использования людей, далеких и чуждых революции. Общественная позиция пролетариата такова, что его полная мера должна привести к наибольшему расцвету всех творческих сил тех, кто способен и хочет включиться в современность, понимая и воплотившись ее историческими задачами. Полную меру берет на себя не только пролетариат, но и значительные кадры интеллигенции, вступившей с ним в ногу. Эта полная мера—путь доблести, чести и геройства, путь исторического оптимизма для всех, кто осознал смысл пролетарской революции—а таких огромное большинство—и этот же путь отталкивает, отбрасывает прочь с дороги пережитки прошлого, многолунную обывательщину в ее различных видах.

Безотрадное плавание предстоит «Сумасшедшему кораблю».

А. КОТЛЯР

Мы вступили в социализм, преодолевая ожесточенное сопротивление классового врага. И этой силе достается фундамент социалистической экономики. В пресные дни XVI партконференции, созванной 20 января 1931 г., стоит вопрос в второй пятилетке. Но-новому при социализме встают вопросы культуры, и в частности — искусства. Речь идет не только о новой тематике — речь идет о создании НОВОМ ВИДЕ ДУХОВНОГО ПРОИЗВОДСТВА, когда широко развернутся все духовные силы человечества, когда и искусство поднимается на прежде недосягаемые для него вершины.

Только то искусство наших дней жизнеспособно, которое быстрее идет навстречу социалистической революции. Вокруг этого положения в литературе развертываются ожесточенные бои. Социализм не оставляет места для буржуазного типа искусства. Вот почему те писатели, для которых на сегодняшний день буржуазное искусство равнозначно новому искусству, ключевствуют в несвоевременности искусства и социализма.

Социализм убивает искусство! — плачутся они. — КАКОЕ искусство? — задаем мы им вопрос. Искусство империалистической эпохи — искусство упадка,—искусство обитателя или индивидуалиста, противопоставляющего себя обществу, т. е. искусство, выражающее на прожилах эксплоатации сотен миллионов горстей эксплоататоров? Да.

Кризис буржуазной культуры (и искусства)—у НИХ, развертывание культурной революции и рост искусства—у НАС,—таковы ЕДИ ЛИНИИ. Неизбежность буржуазного искусства при социализме означает одновременно широчайшие возможности для искусства социалистического.

Что же означают нападки на сущность и судьбы искусства, высказанные О. Форш («Сумасшедший корабль»), Б. Пастернаком («Охранная грамота»), В. Казариным («Хулиганы неизвестны») О. Форш и Б. Пастернак, о которых мы писали сегодня в «Литературной газете», являлись литературными попутчиками. На вопрос же «что, что их завлекло на сущность и судьбы искусства является попыткой БУРЖУАЗНОГО РЕСТАВРАТОРСТВА в искусстве, апологетической буржуазного искусства? Наши выступления против них не есть схоластический спор. Вопрос об искусстве и социализме является одним из важнейших узлов классового размежевания в литературе.

Есть одна дорога для писателей, указываемая, в частности О. Форш,—дорога к искусству эксплоататоров (чего стоят бы рассуждения Форш о современной Западной Европе). И есть другая дорога—дорога к искусству социализма.

Мы еще не слышали голоса многих из попутчиков по этому, имеющему столь непосредственное к ним отношение, вопросу о путях и судьбах искусства при социализме.

ОХРАННАЯ ГРАМОТА ИДЕАЛИЗМА*

«Охранная грамота»—проза поэта. Жанр этой скорее всего можно определить как вольное смешение и смешение различных жанровых образований. В «Охранной грамоте» несомненны элементы лирической повести, мемуаров, дневника, но в ней есть также ряд философско-эстетических отступлений, искусствоведческих формулировок, характеристик отдельных художников, поэтов. При всей видимой разобщенности отдельных кусков повести они представляют собою в единство в том смысле, что все они проникнуты отчетливым и единым в своей философской сущности мировоззрением. Такая форма избрана поэтом не случайно. Именно такой своеобразный, «гибридный» жанр дает автору наибольшую возможность субъективного произвола. Повествование, не связанное никакими сколько-либо определенными сюжетами, фабульными и жанровыми ограничениями, дает возможность произвольно развертывать лирические и философские отступления, вносить в образы изображаемых людей и событий максимум своего личного отношения.

Пастернак—один из крупнейших поэтов современности. Его стихотворная поэтическая система представляет собой выражение сознания слоев старой буржуазной и мелкобуржуазной интеллигенции, многие принципы пролетарскую революцию, но сохранивших до конца непоступным свое индивидуалистическое субъективистское мировоззрение. Вырастающий на этой основе импрессионистический художественный метод Пастернака есть по существу метод субъективного идеализма. Мир действительности преломился в сознании поэта в плане случайно сцепленных между собой групп субъективных переживаний.

Действительность для Пастернака—вализорна. На ее место встает сложный комплекс ощущений «прозрения». Художественная система Пастернака, обычно реализованная в его стихах, нашла себе почти тождественное выражение и в разбираемой книге прозы.

«Охранная грамота» — философское произведение. Именно поэтому она приобретает характер развернутого программного документа, характер творческой декларации. Пастернак в своем новом произведении занят решением основных для художника вопросов — об отношении искусства и действительности, отношении художника и мира. «Охранная грамота» есть по существу художественная платформа, выражающая настроения части попутничества, наиболее остро и болезненно реагирующей на необходимость идейно-творческой перестройки, но реагирующей в отрицательном или пассивном смысле.

* Б. ПАСТЕРНАК. — «Охранная грамота» с. т. д. Изд-во писателей в Ленинграде. 1931 г. 137 стр. 4 р. 50 к., переплет 50 коп. 6200 экземпляров.

«Охранная грамота» начинается с воспоминаний детства; образы немецкого поэта-символиста Рильке и композитора Скрябина — в общении с творчеством, а отчасти и личностями которых протекает детство Пастернака, занимают здесь центральное место. Уже с первых строк повести (это название к «Охранной грамоте» может быть применено весьма и весьма условно) мы сталкиваемся с определением поэта Рильке, образ которого воспринимается Пастернаком как «символ» всего в сущности непонятного. Он сразу входит таким образом «над» реальной действительностью. Но это не просто условный метафорический прием. Это прием, до конца осознанный, прием, который концентрирует в себе основное существо философии и творческого метода Пастернака. Что это так—подтверждает наличие дальнейших уже чисто теоретических формулировок о сущности искусства, по первой вагнал лежащее, а в действительности глубоко закономерно, — постоянно включающихся в лирическое повествование. Наряду с этим значительная доля внимания уделена процессам импрессионистического «видения» природы и вещей, окружающих сознание субъекта. Постижение природы у Пастернака оказывается опосредованным с его широко развернутой ниже философской концепцией:

«... в ощущении, напоминании «шестое чувство» Гумилева, открылась действительность природы».

«Для меня жизнь открылась там, где она (читатель А. Т.) сейчас подходит итогам, — так своеобразно формулирует Пастернак утверждаемый им подлинный «нал реальностью» интуитивизм. «Область подсознательного учения не подается обмеру», — из этого чисто идеалистического представления о сознании художника вытекает далее и определение музыки. Скрябин как явления искусства: «возвеличилось невымышленное лирическое жизнью, материальное равное всей, ему не сравнить переводной вселенной». Таким образом искусство Пастернаком трактуется как некая идеальная сверхреальность, преодолевающая «материальную эквивалентность». Это — идеализм, идущий в своей основе от Канта, согласного искусство единственным способом проникновения, интуитивистского постижения существа «вещи» в себе.

Интересна последовательность художественных и идеологических симпатий, возникающих у Пастернака, — здесь мы находим А. Белого, А. Блока — поэтов ушедших с идеалистическими творческими мотивами, философа-идеалиста Платона и школу кантианца Когена.

Последующие главы повести посвящены пребыванию автора в Марбурге, общению с Когеном, неоднократно Пастернаком борьбой против метафизики с позиций тривиального скептицизма. Здесь же дается развернутые определения искусства. — «Искусство, — говорит Пастернак, — интересуется жизнью при прохождении сквозь нее муча силовою» (под «силой» Пастернак разумеет «чувство»). И дальше: «Направленное на действительность, смещаемую чувством, искусство есть запись этого смещения». Таким образом искусство, — по Пастернаку, — неизбежно, в силу своей собственной специфики, призвано менять действительность, пришедшей, собственно говоря, даже за минимум реальность. Здесь, между прочим, Пастернак очень близок к формалистической теории «остранения», как сущности искусства. Это лишний раз подтверждает идеалистическое существо формалистического метода.

В полном соответствии с идеалистическим, иррационалистическим существом этих определений искусства Пастернак строит и образную ткань своего лирического повествования, отличающегося крайним субъективизмом определений реальности: «была ночь из тех, что с трудом добираются до ближайшего утра и, выбившись из сил, в угаре усталости свешиваются над землей». Точно так же и любовно-лирические переживания трактуются Пастернаком с точки зрения внутреннего, замкнутого в самом себе замкнутого психологического движения, начисто отрешенного от всего реального, земного.

Последние главы повести посвящены Маяковскому. Образ поэта рисуется Пастернаком как образ человека огромной внутренней силы и мощи. В соответствии с этим истолковывается и творчество дореволюционного Маяковского («Трагедия Владимир Маяковский», «Облако в штанах», «Флейта»). Индивидуалистические черты творчества Маяковского выделены Пастернаком, на них сделан акцент. Именно этими своими сторонами Маяковский оказывается близок Пастернаку.

В этом плане Пастернаком трактуется и весь творческий путь Маяковского как одной, неразрывной линии. Пастернак не смог увидеть противоречивости пути перехода Маяковского с позиции мелкобуржуазного анархиста-бунтаря на позиции пролетарского поэта. Пастернак не мог осмыслить смерти Маяковского как одного из узловых противоречий этого пути. Маяковский истолкован Пастернаком единственно с точки зрения его индивидуалистического субтерфуга. Пастернаку кажется, что весь путь Маяковского идет только под этим знаком. В результате этой глубоко-ошибочной (а значит в конечном счете опять-таки идеалистической) трактовки Маяковский в «Охранной грамоте» предстает перед нами искаженным, понятым ложно, неверно. Маяковский-революционер становится Пастернаку непонятным, чуждым. Об этом Пастернак откровенно заявляет, — со времен написания «150.000.000» происходит отчуждение. И потрясающе трагических тонах дана смерть поэта. Однако снять-таки в здесь полную идеалистическую трактовку Маяковского как гения, опередившего эпоху». При всем неоспоренном удивлении перед современной эпохой, истинным (и даже «радчайшим») гражданином которой Пастернак считает Маяковского, эта эпоха остается для Пастернака некой терра инкогнита. В повести закреплены крайне колебания крупного писателя-попутчика, не могущего еще преодолеть своих субъективно идеалистических мировоззренческих и творческих установок, целиком находящегося в плену «легкомысленного эпикурейца», идеалиста непримиримой буржуазной интеллигентности.

Пастернак—крупный художник. Именно поэтому мы должны со всей резкостью поставить вопрос о том что после поэм «1905 г.» и «Лейтенант Шмидт», в которых звучалось было, правда, неуверенное, но все же преодоление идеалистического субъективизма,—Пастернак снова не только возвращается к старым позициям «Позера барьера», но и затрудняет, углубляет и канонизирует свои ложные творческие установки.

«Спекторский» и «Охранная грамота» в этом смысле однозначны. Обе книги — уход в идеалистическое созерцательство, аполитизм, сопряженный в своем объективном развитии с уколом от пролетариата и стал его прямых врагов.

Пастернак — большой поэт. Именно поэтому критика его последних вещей должна быть решительной в существе своего анализа и своих выводов. Только реалии разрывом со всем прошлым и настоящим Пастернак может быть смысл для сегодняшнего дня, в сколько-нибудь смысл и для художника.

АН. ТАРАСЕННОВ

БИБЛИОТЕКА НАЧИНАЮЩЕГО ЧИСАТЕЛЯ

ЛЕНИНГРАД (спец. корр.). В издании ЛенГИХЛ вышла первая книга «Библиотеки начинающего читателя» М. Чумандрина «Матвей разводушный». Книжка (стр. 96, цена 15 к.) иллюстрирована тут. Сулимо-Самойло. В «Библиотеке начинающего читателя» в ближайшие время выйдут книги: А. Толстого — об Петровском времени, А. Неверова — «Андрон непутевый», Дж. Джеркинетто — «Записки спортсменки», Беллы Яллеша — «Люди огня» (в обработке Лапрунина и Сорокина) и книжки о героях социалистической стройки, о коллективизации сельского хозяйства, о Красной армии и гражданской войне.

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

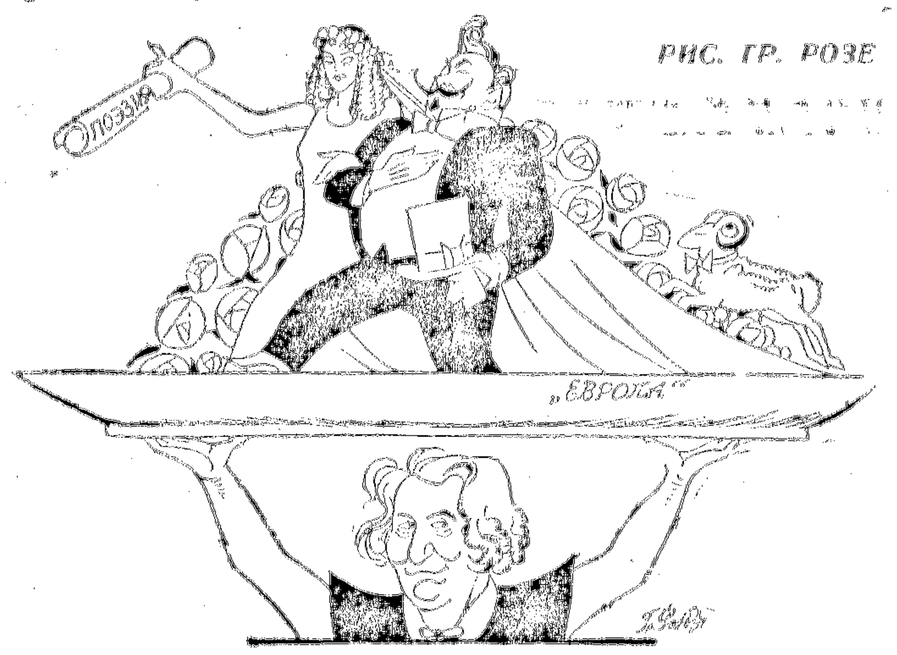
ЛЕНИНГРАД (спец. корр.). «Издательство писателей» приступило к практической работе над осуществлением предложения М. Горького об издании «БИБЛИОТЕКИ ПОЭТА». Первые книжки будут сданы в производство в январе 1932 г.

Первым выпуском «Библиотеки поэта» книга поэта, составленная из произведений ЛОМОНОСОВА, СУМАРОКОВА и ТРЕДЬЯКОВСКОГО. Тексты для этой книжки готовит АКАД. ОРЛОВ. В первой книжке будет помещена вступительная статья М. Горького ко всей «Библиотеке». Вторая книжка «Библиотеки» посвящается ДЕРЖАВИНУ. Вступительную статью к этой книжке пишет ВИКТ. САВИН.

В конце декабря «Издательство писателей в Ленинграде» сдаёт в первый производство «Библиотеки поэта».

„ФРАНЦУЗСКАЯ КУХНЯ" ОЛЬГИ ФОРШ

РИС. ГР. РОЗЕ



Н. ОСТРОГОРСКИЙ

ТРОЦКИСТСКИЕ „ОРТОДОКСЫ"

БЫЛО БЫ БОЛЬШОЙ ОШИБКОЙ предполагать, что троцкистская контрреволюция, пробравшаяся чуждых антисоциалистических идей имеет место только в отдельных теоретических и практических работах. Маскирующийся враг пытается использовать и непосредственно область художественной литературы. Яркий пример подобной троцкистской вылазки является выпущенная не так давно в издании «Федерация» роман А. Тарасова «Ортодоксы».

Тема «ортодоксов» — жизнь советских школ, подготовка партийных кадров. Когда читаешь заглавие этой картину учебы коммунистов, ее должен показать, как вся система учебы рассчитана на всестороннее развитие коммуниста, как у него воспитывается способность ориентироваться в окружающем, как привлекается навыка организатором, вождем масс высоко-идейный, политически-непримиримый. Партийная учеба не мыслима в обстановке казенщины она неизбежно с бумажностью, с серостью, с отрывом от живого дела, от классовой практики.

Каким же образом А. Тарасов показывает учебу социалистического? в какой обстановке и какими методами учатся «его» — Тарасова — коммунисты; как в романе «Ортодоксы» воспитываются партийные кадры, кто они по своим взглядам и в чьих руках находится их воспитание?

Наиболее многочисленной группой в романе является «бунтарей» против школьных порядков, возникшие вследствием интеллигентом, анархистствующим «босиком» Урвановым.

Активный слой на маяк, он всегда бунтовал против школьных порядков и был судим наказанием для некоторых мучеников (?) социалистической учебы. О себе он говорил так: «Я получил от природы все данные для того, чтобы быть несчастным: болезненную чуткость, впечатлительность, бунтующую душу. Что — дала внутреннюю оппозицию. Урванов вполне сознательно борется в школе против «официальной» линии руководства; у него есть свои принципы. Они сводятся в его отношении к учебе, к ее системе. «Знай, — говорит он своему товарищу, — что через полгода, после выхода отсюда, ты никого не будешь знать, кроме несколь-ких политических лозунгов, которые я буду выкрикивать везде и всюду, как механическая кукла».

Рядом с кучкой бунтарей, противопоставленная ей, едет целая группа «положительных» типов, так сказать актива, на который опирается в своей работе и заведующей школой и бюро ячейки.

Кто же они, эти активисты? Что они делают?

Матильдинова мучается над вопросом о том, нужно ли коммунисту учиться и дает для себя следующие правила: «Чтобы быть хорошим коммунистом, надо знать, что плохо в капиталистическом обществе. И таким вечером Матильдинова ведет занятия на тему: «Определение смысла жизни и практический подход к изучению характеров».

Единственными положительными, мыслящими самостоятельно, имеющими какое-то идеал, о чем-то мечтающими, кто-то чего-то борющимися, являются Урванов и Оленька со своей группой и слабохарактерный Соболев.

Но может быть, — предположит читатель, — автор сознательно «сгущает краски»; может быть он делает это для того, чтобы ярче подчеркнуть силу вещицких и тупости, может быть автор делает это для того, чтобы ярче стала роль тех положительных сил, которые потом совершат в школе «революцию»? Рассмотрим для этого еще одну центральную фигуру романа — заведывающего школой Хлыстикова.

Роль Хлыстикова в жизни школы очень высока. Он олицетворяет собою партийное и педагогическое руководство школой. Ему партия доверила воспитание новых руководящих кадров. Какой же этот Хлыстиков, в чьих руках находятся воспитание громадного коллектива будущих партийных работников? Как борется он с казенщиной, с массовым «производством» единиц, подхалимством, с психологией «шуруй, пока начальство?

«... маленький, сухонький — наша школы Хлыстиков, — вертится тут же. Хлыстиков сильно болеет за свою детище — школу. Своей мягкой вкрадчивой походкой этот человек везде поспеет, везде все успеет и, если увлит нарушение порядка, остановит курильщика, сладко улыбнется.

— Вы, товарищ, член партии?

— Да, — смущенно отвечает преступник.

— Гм... Знаете, любезнейший член партии, что я вам скажу (делает паузу, приготовляя несколько колючих фраз). Знаете, что я вам скажу. Вы уже под злым замечанием. Смотрите, всему есть предел. Ну, вот, видите!»

Для того, чтобы показать Хлыстикова на конкретном примере его взаимоотношений с коммунистами, приведем еще один факт: Урванов, — главный бунтарь» против однобокости, хлыстиковщины и вообще против некоторых, по его мнению, методов воспитания, поднимает на бюро ячейки. Его поступки обсуждаются в партийной организации. На бюро Хлыстиков произносит речь. Вот отрывок:

...«Витите ли, т. Урванов, у нас совершенно нет принудительной отдачи в наши советские школы, как это нелепым было при Петре Первом. В нашу школу идет только тот, кто желает учиться. Вы этого совершенно не учли. Совершенно не учли».

Или еще один пример:

«Ну вот, знаете что... (Это говорит Хлыстиков Соболеву, который начал маскировать занятиями. Он переживает большую внутреннюю борьбу, не знал, кто прав: Хлыстиков-ли со своей «системой» учебы, или Урванов, бунтующий школьную однобокость). Мне кажется,— продолжает Хлыстиков, — вы вообще слабоваты. Жидки вы... Вы послушайте, что говорит марксистская этика: «Сознанная как необходимость, так и современный смысл борьбы, этическая личность уже не может оставаться в жизни пассивной».

Речь Хлыстикова в таких же тонах продолжается довольно долго.

Вместо серьезного партийного разговора, суровой партийной оценки поступка Соболева — произносятся пустая, мышиная речь, без единого живого слова, без малейших попыток выявить причины, самые самое у коммуниста чувство интереса к учебе.

Для того, чтобы закончить характеристику оппортунизма, показанной Тарасовым, нелогично школы и ней система партийной учебы. Предоставим слово автору.

...«Лупетка сидит и тогда, когда дежурный приходит гасить огонь.

— Ложись! — кричит дежурный.

— Что чему предшествует — дух природе или природа духу?

— Ложись!

— Толкни, он у нас не слышит, — замечают с коек. Дежурный берет Лупетку за плечо. Тот некоторое время бессмысленно смотрит на него, затем опускает голову.

— Вся сторона вопроса об отношении мышления к бытию, мышления к бытию... Вся сторона...

— Тьфу!

Дежурный выключает свет. Лупетка снова ложится его.

— Поэтому отторать движение от материи невозможно.

— А вот сейчас мы это учинем. Гражук, лучи! В бритую голову Лупетки летит валенок»...

Перед читателем вырастает не советско-партийная школа, а какая-то бурса, где, преднамеренно убив здравые мышления, готовят слепых начетчиков, тупых, самодовольных, ограниченных людей, которые будут вершить большими делами, руководить сознанием других людей. Здесь налицо классово-враждебное контрреволюционное, троцкистское представление о наших кадрах, партийном аппарате, партийном активе. «Положительный» герой «ортодоксов» — Урванов, обрисовке которому автор уделил много внимания, сочувствия, вни-мания, совершенно не случайно говорит: «Ты специально проработаешь семьсот страниц сухого материала, по целым суткам не слышно живого человеческого слова, кроме «социализм», «коммунизм», «классов». Ты видишь неполную однобокость и неграмотность. Давай организуем «общество борьбы с однобокостью», — аллегорически смеясь, добавил он».

Классовый враг недоволен партийной учебой. Ему не нравятся «коммунизмы», «социализмы» и т. д. И этого явно-чуждого человека автор делает «героем» с однобокостью, с хлыстиковщиной.

Зайдя вместе с своими героями в тупик, А. Тарасов пытается разрешить напряженные «конфликты» чрезвычайно простым способом. Он исключает Урванова из школы, а затем заставляет его покончить жизнь самоубийством. Школа благополучно немедленно выпуск курсантов.

Хлыстиковщина торжествует.

Из своим разрешением конфликта автор как бы лишний раз хотел напомнить читателю о том, что мол, хоть Хлыстиков и тупица, партийный чиновник, но все наперекор логике сего романа приходится его «щадить», потому что он — представитель партийного руководства.

Значит хлыстиковщина и впредь будет существовать и развиваться, значит и впредь будет процветать система сдежи, тупого подхалимства, слепого выкрикивания заученных цитат на книги? Значит все это — нормально, терпимо?

— Да, — молчаливо кивает автор. И тут же делает дополнительный намек. Хлыстиковщина, мол, не только нормальна и терпима; хлыстиковщина отвечает интересам партии. Кадры школы: все эти Лупетки, Мительниковы, «марксисты». Быковы и т. д. — совсем не исключение, а вполне типичные представители партийных кадров. Поэтому-то и гибнет все живое, вроде Урванова.

В своем выпускном дневнике Путовкин (один из многих таких же Путовкиных) записывает о себе следующие строки:

«Больше я ничего не читал (воспитывался в библиотеке, весело сказать! Н. О.). Все, что было дано, проработано, и теперь не малое имею знания. Таких знаний довольно, чтобы быть одним из передовых секретарей комсомола».

Таким образом устами Путовкина Тарасов говорит: «Не только в школе учатся тупые, близорукие «человеки», голосующие куклы, но и там, много руководит партийной организацией не лучше. Если Путовкин будет одним из передовых секретарей комсомола», то каков тогда уровень этих секретарей?

Автор показал целую галерею партийцев, будущих партийных активистов, рабочих парткомов. Но как они показаны? Клеветически, извращенно. Разве все эти «ортодоксы» имеют хоть какое-нибудь отношение к тем, кто действительно строит, руководит, работает на многочисленных фронтах нашей борьбы за социализм? Разве эти «бурсаки» способны строить Магнитострои, перестраивать сельское хозяйство? Разве они хоть сколько-нибудь похожи на нашу коммунистическую партийную молодежь? Нет. Они не имеют никакого отношения к тем, чьими руками, чьими делами ведется социалистическое наступление.

Все, что написал Тарасов, от начала до конца, искажение, клевета на нашу действительность.

Итак, какие кадры дает в «Ортодоксах», чьи идеи пропагандирует А. Тарасов, какая объективная роль его романа?

«Ортодоксы» — антипартийное произведение, клеветически изображающее партийную школу.

«Ортодоксы» — это пропаганда классово-враждебного тезиса троцкизма о перерождении партийных кадров, о «безличности», о «голосующем» стаде.

«Ортодоксы» — классово-враждебное нам произведение.

«Ортодоксы» — лишний раз сигнал» нарушает нам об опасности проникновения идей контрреволюционного троцкизма на трибуну художественной литературы.

«Ортодоксы» — сигнал к повышению партийной бдительности на одном из важнейших участков идеологического фронта.

ПУТЬ А. СВИРСКОГО

к сорокалетию его литературной деятельности

Алексей Иванович Свирский относится к числу тех писателей, которые перешагнули на своем веку «не мало видов». Выходец из низовых низов, он рано познал нужду. 15 лет он считался по России, испробовал всевозможные профессии: выгружая баржи, поденничал в портах Черного моря, работал на виноградных плантациях, подносил шпалы на железных дорогах.

Спутниками Свирского были: бродяги, воры, авантюристы. Вместе с ними он делил «кровь», убежища и тихой пристани». Но кров свой А. Свирский находил в полицейских участках, в тюрьмах, чайных и всякого рода притонах. Неудивительно, что пришлось уплатить Свирскому те произведения, которые рисуют жизнь и быт «иногда низованных» слоев («Записки босяка», «Трущобы», «Рыжие» и др.). Свирский вывел на безмолвия целые общественные группы, выступающие под кличкой «отщепенцев».

Не впадая в идеализацию «уличной» жизни бездомных бродяг, Свирский срывает маску с капиталистического мира, показывает, что за праздничной жизнью «верхних десяти тысяч» скрывалась трущобы, вертепы, темные подвалы нищеты. Продукты перед читателем целых пластов, клочков, кусков, крестантов, он как бы говорит: «вот оно человеческое отношение, выброшенное на съедение голоду! Вот они пасынки общества, изуродованные капиталистической машиной, порожденные беспорядком, нуждой и безработицей»...

Свирский однако ограничивается констатацией социального зла. Он не указывает путей его преодоления. Умирая, Молфунта роняет на прощание Рыжику справедливое в своей обреченности слова:

— Вот я хочел жить... спустил... или домой, сделайся человеком. Трудись... Будь плохим другим. Бродяги не нужны миру.

В этих словах нет прямого ответа на мучительные вопросы. Преоборать труда в условиях капиталистического строя—разве это выход из положения? Необходимо однако иметь в виду, что писать написал в 1901 году, когда журналы вам вынуждены заполнялись поделками, слащаво-сентиментальными повестями. На фоне этой литературы «Рыжие» выделялся своей демократической направленностью.

Другой социальный слой, привлекший внимание Свирского,—это слой мещанства и буржуазной интеллигенции («Оригинал жизни»). Писатель жестоко издевается над тупостью и ограниченностью мещанства. В рассказе «День Чапиных» он обнаруживает наглость подлейшую сущность капиталиста типа — Вагима Александровича Чапина. В молодости Чапин учился в университете, бездельничал, бегал по урокам и мечтал о «великом народном восстании». Теперь он живет на проценты с капитала, полученного в наследство. В минуты «семейного счастья» Чапин говорит своей жене:

— «А я доволен. Ей богу... Живем не плохо. За квартиру платим исправно, швейцар с почтением и все такое прочее... А жаль мне как англичанин рабочих.

Последняя фраза подчеркивает со всей силой полноту и цинизм, свойственные «интеллигентам» типа Чапина. В другом рассказе «Привычная жизнь» Свирский издевается над «либеральной» интеллигенцией, сочиняющей «возможные мечты» с откровенной буржуазной пошлостью.

Ещё бы непрельстительно «прислушать» Свирскому проектируемую идеологию на основании этих произведений Шельмование мещанства никогда не было признаком глубокой революционности. Бунт против мещанства, по справедливому замечанию Плеханова, не дает «выхода» в политику. Он не взрывает самых основ буржуазного строя.

Сигнал, пусть и случайная, не глубокая, в рабочем классе сыграла положительную роль в развитии Свирского, помогла его работе над мировоззрением. В произведениях, появившихся жизни рабочего класса, Свирский поднимается на известную революционную высоту.

Правда, не все эти произведения находятся на нужном идейном уровне. Рассказ «Под сенью» отмечен печатью «со знаком», представляющего, в сущности говоря, разновидность меньшевиствующего либерализма. Свирский констатирует тяжелые условия работы угленосной — и только. Никаких выводов, никаких обобщений.

Разумеется, в условиях царского режима революционную ненависть имели далеко не рамки, которые ограничивались описанием безотрадного рабочего быта. Они углубляли пропасть между буржуазией и пролетариатом, способствовали накоплению рабочего гнева.

Революционные ноты начинают звучать в «Записках рабочего». Автор записок — молодой рабочий возмущался варварской начальства, теми безобразно тяжелыми условиями, в которых протекает труд рабочего. Но идея рассказа — идея «рефлюционизма». В теоретической беседе с рабочими Павел Васильевич заявляет: «Если б мне пришлось умирать и мне бы за минуту до моей смерти сказали, что русские получили те же права и льготы, что и иностранные рабочие, то клянусь, я бы умер с улыбкой на устах». Характерно, что в записках рабочих Франция является самой передовой и самой свободной страной.

Другое дело рассказ «Депутат». Этот рассказ рисует пролетариата в тот его период развития, когда из «класса в себе» он превратился в «класс для себя». Здесь мы видим пролетариат бастующим, исполненным революционного гнева.

*

Революцию Свирский приветствовал рядом повестей и рассказов. Интересен по своей идее рассказ «Мужик и капитал». На вопрос мужика: «Что у тебя на капушки такие?» Капитал отвечает:

— «Вот, когда ты лапти мои стачешь нот проливать, и весь твой пот в бриллианты превращу. А когда станешь за меня кровь свою на войне проливать — и кровь твою в рубли превращу»...

Далее описывается, как мужик вместе со своим братом—рабочим, устали воевать в интересах капитала, свергают царя.

...Гогда братья—рабочий и крестьянин—собрали на площади народ и такую речь повели:

— Слушайте, товарищи, сейчас мы показали дерево зла, дерево, на котором росли злые плоды. Но этого мало, отрежем сучья. И тогда-то нам покажется вырочезывать так, чтобы потомки наши не нашли того поганого места, где росло это дерево зла и зле.

Так, идея пролетарской революции находит аллегорическое выражение в этом рассказе, наивном, почти, в стиле сказок Щедрина.

В рассказе «Феликс» Свирский выступает, как друг советской власти глубоко убежденный в ее социальной и моральной правоте. Однако, защищая советскую власть от нападок некого Феликса, Свирский высказывает суждения, не способствующие политической ясности. Так, на слова Феликса: «Большевики — разбойники», Свирский отвечает: «Да, они разбойники, но знаете какие — сказочные. Вот как в сказке, где разбойники отнимают у богатых и бедным раздают».

От политической пошлости Свирский освобождается в «Стальном сердце». Это произведение целиком идет в русле пролетарской литературы. Свирский сумел показать энтузиазм и радость пережитые рабочими в связи с восстановлением завода. Слова изобретателя Матвеева — «русский человек сказал американскому: «извините, мы не хуже вас»—приобретает сейчас особую значимость и остроту.

По праву мы можем требовать от Свирского других произведений, отображающих борьбу рабочего класса за социалистическую пятилетку. Но этих произведений Свирский пока не дал. Образы юности, строчатся все еще лежат над сознанием писателя. Печатавшаяся в журнале «Октябрь» «История моей жизни» представляет собой художественную автобиографию Свирского. В ней писатель не без юмора, местами с больной детской теплотой, рассказывает о днях своего детства и отрочества, проведенных в условиях беспризорничества. Молодежи следует эту книгу знать. Пусть читает и знакомится с условиями, в которых протекало развитие личности при царском режиме пусть читает и оразнивает свои мышления в век минувший»...

*

В художественном отношении произведения Свирского далеко не равноценны. Многие его рассказы стереотипны и художественно мало выразительны.

Свирского величают бытописом, натуралистом. Это верно отчасти. Да, Свирский охотно описывает быт: плотный, материальный быт. От чувствительно-сентиментальных, придуманных выдумок, абстрактного сочинительства. Натуралистом Свирского изобилен и от одной его излишней детальности, выражающейся в обыденной, доходящей до цинизма, физиологичности. Это во-первых. Во-вторых: далеко не все произведения Свирского находятся во власти эмиграции. По мере овладения пролетарской идеологией Свирский освобождается от натуралистического плена («Стальное сердце», «Мудык и капитал», «Записки рабочего» и др.).

Языковые средства Свирского не отличаются большим разнообразием. От недостаточного экономно пользуется словом. Бессознательно все же одно: Свирский хороший рассказчик. Он знает «тайны» сюжетного рассказа, виртуозного построенного на эмоциональных интонациях. Но в искусстве описания, изображения внешнего мира, Свирский не достигает больших высот. В творчестве Свирского мы не видим зрелых произведений, но мы не видим больших изъянов, обесценивающих несильную художественную выразительность.

Недостатки формального порядка не отнимают однако общественно-художественной ценности произведений Свирского. Не случайно Свирский принят в ряды РАПП. Не случайно он передает свой опыт молодым удорникам, призванным в литературу.

МИХ. БЕККЕР

ВІОРОЙ ПЛЕНУМ Ц. С. ЛОКАФ

Во второй половине января 1932 года состоялся второй пленум Центрального совета ЛОКАФ. В повестке дня пленума: отчет секретариата ЦС ЛОКАФ, доклад о помощи Красной армии реконструктивного периода и художественной литературе и совещалась Моск[illegible] и Ленфил-ЛОКАФ о творчестве ударников-краснофлотцев и краснофлотцев.

До 10 января 1932 г. будут созданы расширенные пленумы местных республиканских (краевых) и окружных организаций ЛОКАФ.

ПОД МАСКОЙ УТОПИИ — ПАСКВИЛЬ НА СОЦИАЛИЗМ

ЧЬЮ ПОЛИТИКУ ДЕЛАЕТ ЯН ЛАРРИ?

В «Литературной газете» была уже помещена рецензия на книгу Я. Ларри «Страна счастливых» *. Это было сделано в стремлении против халтуры, в № 44 от 15 августа. Однако рецензент «Б.», в вместе с ним и редакция, подойдя к книге Ларри как к обычной халтуре, не дала отпора ее определенной писсовой направленности. Рецензия, помещенная в «Л. Г.», является политически негодной, ошибочной, вместо того чтобы с большевистской непримиримостью обрушиться на враждебные теории, которыми пропитана вся книга Ларри, она центр тяжести переносит на относительно второстепенный в книге факт — мысль о «рационализации» библиотек (хотя и он имеет определенный политический подтекст), лишь мимоходом касаясь антибольшевистского, антисоветского, национал-шовинистического существа книги. А суть дела именно в этом!

Чему «учит» Ларри? Тому, что мы, СССР, можем существовать вне всякой связи с окружающим — капиталистическим — миром, вне всякого влияния этого мира на нас и наоборот, что мы должны так существовать, предоставив капитализм своему «естественному развитию». Теория, аналогичная социал-фашистской.

Только у Ларри она выглядит еще более контрреволюционно, так как в его романе при существовании капитализма на 5/6 света с 1/6 его уже покончено общество.

Какие выводы должен сделать молодой читатель (на которого эта «утопия» рассчитана), если он поверит «Ларри? Бороться за мировую революцию, проявить интернациональную солидарность, помогать зарубежным братьям-пролетариям не нужно — обитатель «Страны счастливых» и знать не хочет про то, как угнетают пролетариев капиталисты. Бороться за оборноспособность страны — тоже не нужно: в «Стране счастливых» врагов нет, а добрые капиталисты на нас не нападают. Последователь Ларри сознание должен развить эту мысль и дальше: почему бы теперь не обходиться без обороны?

И наконец, Ларри призывает к тому, чтобы вообще бросить заниматься землей, а обратить свои взоры на луну — на землю, уже делать нечего, — хотя на пяти-шестых ее продолжает «мясо» вать капитал.

Что — основные политические идеи Ларри. Нетрудно догадаться, что бы по получилось уже на деле после их осуществления: нас бы просто сломя капитализм! Понятно поэтому, что книжку Ларри с охотой бы стали распространять среди советских читателей любое капиталистическое издательство. Она служит целям нашего классового врага, дезорганизуя, деморализуя нас.

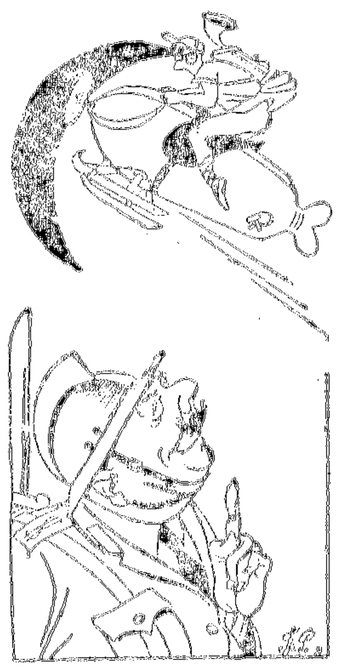
«Страна счастливых» Ларри — пасквиль, клевета на нашу политику, на линию партии. Международный характер нашей революции и ее неразрывная связь с международной борьбой рабочего класса — один из важнейших членов этой линии. Не может быть построено бесклассовое общество, управляемое исполнительным органом — диктатурой пролетариата, пока существует капиталистический мир и его враждебные влияния на страну социализма. Только уничтожив капитализм, мы уничтожим государство и классы, вместе с системой их породившей. За это нужно бороться здесь на земле, а не на луне.

Просто ли не понял этого Ларри? Случайно ли его «Люди будущего» не желают заниматься землей, бороться за мировую революцию, что-нибудь сделать с внешним миром? Нет. Здесь есть определенная система. Земная суета — тот ее обозначает новых людей с земли на луну. В «Стране счастливых» Ларри

* «Ленинградские областные издательство», стр. 192.

«Я ДУМАЛ ИЗ ЛЕВ...»

РИС ГР. РОЗЕ



Капитал: Будьте счастливы — вы на Луне, а с меня и ...з него шкуру сдают!

врежде всего ужасно скучно. Его люди очень немногим отличаются от обслуживающих их телевизоров (автоматов). В полном согласии с «теоретиками», которые (в противовес Марксу, Энгельсу и Ленину) утверждениям, что при социализме будет небывалый гармонический расцвет всех человеческих способностей) представляет себе будущих людей рационалистами-схематиками, для Ларри — социализм, это — только все техники — типичное буржуазное представление!

Какие же сдвиги происходят в психологии людей? Никаких. Вернее вот какие: в «Стране счастливых» нет больше как людей определенной формации, развивающейся, как известно, в такие этапы. Там есть только деляги, перенесенные из буржуазных столиц политики и т. д. Жизнь жителей «Страны счастливых» концентрируется вокруг старых, мелочных проблем — в частности, борьбы между молодыми — «детьми прогресса и стариками-консерваторами».

Наконец Ларри распространяется о еще одной вопиющей идеей разрешения национальных вопросов. Все многочисленные национальности СССР в конце концов останутся одни — русские. Достаточно характеризующая его черта — ...чным и самой отвратительной форме!

Вот что такое книга Ларри! Насквозь враждебная, не имеющая ничего общего с большевистским пониманием социализма, агитка классового врага (об субъективного или объективного — не в этом суть).

И вот к этой-то книге т. Глебов-Путиловский дал предисловие, в котором рекомендует ее «каждому гражданину СССР», считает реальной:

«Это перспектива СССР, которую автор видит, слышит и в которой уверен. Без твердой веры в развитие нашей страны, в рост ее социалистического строительства и культуры — такую книгу написать нельзя».

Тов. Глебов-Путиловский, очевидно окончательно потерял представление о том что он и где он, оправдывает «Ларри Советскую семью от всего мира:

«Он не берет весь мир, он обходит его. Он предоставляет «капиталистическое окружение» (почему в кавычках? Ред.) своему естественному историческому развитию, которое с железной необходимостью, все равно поздно или рано (?), через кровавую революцию приведет его к одному знаменателю с СССР».

*

Политической ошибкой было бы отнесение этой контрреволюционной болтовни просто к халтуре и т. д. Нет, это надо квалифицировать иначе.

Мы усиленно советуем Госиздату-гигантам устроить показательный суд над автором книги и издательством, напечатавшим эти страницы лжи и клеветы.

ИЗДЕВКА НАД НАШИМ СТРОИТЕЛЬСТВОМ

Правление ВССП, в связи с протестом И. Кремлева-Смена против печатания на книгу «Город энтузиастов» и «Литературной газете» была образована комиссия. Мы печатаем в ожидании вида заключение этой комиссии:

«Роман М. Кольцова и Я. Кремлева-Смена — «Город энтузиастов» (издательство и изд. Московского товарищества писателей) по замыслу авторов должен был представление о ближайших путях строительства социализма и нашей стране. В рамках книги (в первоначальное генерального плана) выполнена сценарь недостаточно ясно и социалистическая реконструкция—примерно конец второй или период третьей пятилетки.

Материалом романе служат описания бытового облика будущей Москвы, перспективный строительный комплекс новостроек. Какая же мысль вложена во все это? Как ни искать в романе, во всех его разделах мы наталкиваемся на этот вопрос, правильный литературы с большой внимательностью ни к каждые отношения сохранятся и в будущем и при социализме.

«То, что мы привыкли за десятилетие есть лишь известность, единственная известность в плохому фантастическому роману, неудовлетворяется десять лет назад на третьей полосе «Рабочей газеты» (стр. 130).

Прежде всего оказывается, что и в описываемое время мы будем иметь предприятия и учреждения. И тогда во главе предприятий будут трусы и кепки. И тогда голодающие будут главной особенностью советских служащих. С той же неотвратимостью, как люди, обязательно затрещит на голове (ну неприменимость указанных авторы романа) и «Коммунар» на ул. Дмитрова с батареей бутылок с известью Внешторга и Снабторга.

Чтобы сказать нелепую «политы книжки, советские власти придумывают ны более чем через устранимы... искусственные очереди у магазинов, чтобы таким образом подчеркнуть «политу» дневной жизни».

Какую область будущей жизни в современной стадии не вольнуты описывать авторы, только мы имеем право, исходя предпосылок, дать карикатуру на социалистическую действительность.

Единственный рабочий, фигурирующий в романе, Никита Ивич, хулиган и является выразителем самых чуждых классу настроений. Комсомольцы и рабочие делегаты изображены тоже карикатурно, все качества должны говорить о случайное — то, что является типичным, наблюдающимся каждый день процессах на подворотне (см. например стр. 65 и 66). За рамки в изображении Комдрева и Союза дело так:

«В заседательском было голно. Каждый комсомолец энергично верил в руках протоколы, исчезли выступления коллективов, говорили речь чертежами сухощавого человека в кожаной куртке, затянутой ремешком—Рабфак,—прошлого книжка жизнь уходящего первому человеку конторщика» (стр. 142).

Ясно, что никого действительно характеризующего тенденции строительства социализма, нарез на ликвидацию враждебных классов, на полное классовой энергии пролетариата, удорничества, на международное революцию и т. п. в романе нет и в помине.

Рецензия в «Литературной газете», характеризующая роман Кольцова и Смена как «в плохой смысловом», т. е. изображение социализма с обывательско-интеллигентской точки зрения, что налетом уже политически несостоятельной. Книга М. Кольцова и И. Кремлева-Смена грешит не только попытки большевистской жизнедеятельности общественной и изображения пути к социалистической реконструкции нашей страны. «Город энтузиастов» есть исследовательно практическое извращение самых основ плана строительства социализма, извращение классового врага враждебное.

К. ЗЕЛИНСКИЙ
К. БОЛЬШАКОВ
П. СКОСЫРЕВ

В ГАИС ТРАВЯТ НА МУРМАНСКУЮ БРИГАДУ

Летом 1931 года ГАИС совместно с рядом хозяйственных организаций (Рыбаколхозцентр, Совмарыба) организовала фольклорную экспедицию на Мурманские рыбные промыслы. В задачу экспедиции входило: собирание фольклорных материалов (песен, сказок, частушек, романсов и проч.), характеризующих рыбацкий быт и соцстроительство на Мурмане в изучение промыслового культа. За три месяца, проведенные на промыслах, экспедиция записала большое количество песен (93) и частушек (300), сказок и былинок, а также провела значительную работу по исследованию религиозных предрассудков, оставшихся в нынешнем рыбацком быту. Из фольклорных записей предполагалось при соответствующем отборе и обработке сделать рыбацкий песенник. Материалы по культу изучались тоже под определенным углом зрения: чтобы сделать политические выводы о дальнейшей антирелигиозной работе на Мурмане.

Однако напряженный плеса объем работы не удовлетворил экспедицию, когда она из-после приступила к выполнению плана. Недостаточными показались и старые академические методы собирания материалов: фонетические записи устных рассказов. Социалистическая стройка на Мурмане потребовала от экспедиции выполнения новых заданий, применения новых методов работы, и экспедиция постаралась, насколько это было в ее силах, на ходу перестроиться.

Еще в Москве она организовала передвижную выставку на тему «Пятилетка рыбного хозяйства СССР». Выставка эта обслужила за время работ экспедиции до пяти тысяч человек. Вместо того чтобы только записывать по-старинке рассказы и сказки рыбаков (впрочем, вначале не отрицая необходимости в большого значения записи устных сказов), экспедиция продвинула инициативу по прилову в литературу рыбаков-рабочих и колхозников с целью помочь им самим написать то, что прежде от них записывали другие. С приложением рабочими началась большая работа. Было предположено издать сборник, составив его из произведений начинающих авторов. Выработали план, организовали бригады. Одна бригада должна была дать очерк дореволюционной истории промыслов, другая — о советском и партийном строительстве Териберки и районе, третья — об экономике край, четвертая — о рыбной пятилетке и передовых рыбаков и обрабатывающей промышленности на Мурмане, пятая — о деятельности колхозно-кооперативных организаций шестая — о новом рыбацком быте и т. д. Стал кострять материал, который обрабатывался членами экспедиции (в экспедиции был представитель рабочего петкомата ПИУЛ) совместно с частными рабочими бригадами.

В октябре экспедиция приехала в Москву, чтобы сделать доклад о проделанной работе и наметить в порядок финансирую отчетность в дальнейшей. Материалы экспедиции по Мурманским промыслам, так как в местные отраслевые, советские, общественные организации и центральные хозяйственные учреждения, снабжение экспедиции особыми и ценными командировками, оказали неоспоримую помощь в выполнении экспедицией поставленных перед ней задач.

Фольклорный кабинет ГАИС встретил отпор руководителя экспедиции т. Линец в штыки. В прениях по ее докладу методологическая установка работы экспедиции была признана нефилософско-литфронтовской. Бригады по рыбакам по составлению сборников были объявлены востроцинизмами литературными мастерствами. Вся работа экспедиций по приему ударников в литературу была оценена как работа, якобы дискредитирующая РАПП (нашлись такие «доброжелатели» РАПП). Резкая критика т. Линец работы некоторых культурных бригад, связанных на север с авангардно-туристическими целями, была названа футуристическим хулиганством. Один (Сангер) говорил, что метод работы т. Линец «только отталкивает массу», другие (Чичеров),—что литературоведческие установки т. Линец в корне неверны. Представитель фольклорного кабинета Ю. М. Соколов заявил, что если бы он знал заранее о теориях докладчика он «не допустил бы постановки такого доклада». В результате была вынесена резолюция, резко подчеркивающая в своем первом тезисе, что т. Линец задачи экспедиции не выполнила.

Дальше прения переключались в другом направлении. Т. Линец — автор одной из хороших фольклорных работ последнего года («Жизнь потребляющая Василиной, рассказанная ею самой», ГИХЛ, 1931), была объявлена вредительской и безграмотной фольклористкой. Некая М. Боброва писала в стенгазете Гаис:

«Я решила т. Линец: переделать всех фольклористов в литераторов и... никаких гвоздей. В Мурманске на несколько градусов повысилась температура. Стали слышны голоса недоумевания: что за знамение? А как узнали, так все в бросились в «мастерскую» москички-чудесах. Там уже работа молилась. Введена была конвейерная система, каждый неофит по указаниям Главфольклорбюро от литературы изготавливал свою деталь. Задания раздавались по строгому принципу: до 19 лет, например, писали о всем строительстве, а сколь у тебя производственный стаж дореволюционного времени — имеешь полное право писать о старых временах. Но боже упаси тебя от всякой «экзотики». (Статья Главрыба или Гаис, стенгазета № 13).

Под маской борьбы с литфронтовщиной и вострогинщиной Боброва и подобные ей пытались дискредитировать массовую коллективную работу. Мастера начали сами писать истории своих фабрик и заводов, истории гражданской войны. На крупнейших предприятиях организованы бригады, вышут огромный рабочий актив. Что это, тоже вострогинщина, тоже дефектные литературные мастерские? Только дети, не понимающие необходимости новых навыков, только люди, враждебные новым методам работы, могут утверждать подобные вещи.

Это тем более печально, что среди состава Фольклорного кабинета есть целый ряд ценных работников, зарекомендовавших себя весьма нужными и важными для дела пролетарской литературы энтузиазме принятия ими работников в тесные мурманской экспедиции участия не принимали). Атака ценной книги, как и материал напечатанный в статье Н. Виф-фельза, Б. Гребя и В. Каменева «Против вульгаризаторского идеализма» («Советское искусство», № 60, 25 ноября 1931 г.) в теоретической работе «Лаборатория экспериментального искусствознания УЧПИ» — свидетельствуют о наличии ценнейшего материала, который в стенах Гаис и в рядах выбранных на руководящих работников этого научного учреждения.

Чем же иначе объяснить такой факт, как полнейшее игнорирование задания т. Линец с приказом о разоблачительстве ее дела? Протест не тех организаций Мурмана о прекращении всякой экспедиции значения Гаис не без ответа. Отдел экспедиция не только затормозился но может быть совсем. Напитая с большими трудностями работа на Мурмане может оказаться если это поднято не вернется во-время для ее проведения.

Надо смеяться и это безобразное дело и потребовать от бюрократов прекратились именем Гаис, немедленного ответа.

КОТОВ. СЛЕПНЕВ. МАЗИН. ИЕЗУИТОВ, СИМКОВИЧ

НЕ ЗАБУДЬТЕ ПОДПИСАТЬСЯ НА ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛ «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ» 12 №№ в год на 12 мес — 5 р. 40 к., 6 мес.—2 р. 85 к., на 3 мес.—1 р. 45 к.

Трибуна пролетариата

НЕ ОТСТАНЕМ!

Марксизм—оружие, огнестрельный метод, применяй умеючи

метод этот
В. МАЯКОВСКИЙ

ПОРА

УЖЕ ЗАГОВОРИТЬ о проблемах литературного мастерства, о проблемах формы.

Борьба за ленинское мировоззение, за ленинскую партийность литературы, против реакционного идеализма литературных мастей в рамках идет и должна продолжаться с неослабевающим упорством. Формулировочки типа «хороший писатель—всегда плохой политик» еще кое-кому из «творцов» нашего века». Однако удельный вес и влияние этих литературных единичков падает с каждым днем. Рост сил коммунистической революции во всем мире заставляет все упорно отмежевываться определить свое «за» и «против». Поляризация социальных сил расслаивает и наших литературных обитателей. Делят их так, что одни оказываются полном с нами, другие — целым рядом — открыто или вскользь — с нашим классовым врагом.

Культурный рост партийных и комсомольских писательских кадров, прямые удорники в литературу в корне изменили классовое лицо нашего писательства. Решительный удар совместному эпигонику выносит все более и более крепнущая практика социального заказа. («История гражданской войны», «История фабрик и заводов», «Эпопея героев социалистической стройки»).

Значит ли все это, что реакционный эпигонизм убит раз и навсегда? Нет, не значит.

Но это значит, что реакция новая стремится загнать — дать имеющимся уже пролетарским писателям кадрам высококачественное литературное оружие для борьбы на классовом фронте.

И вот тут-то далеко не все благополучно.

Какое место отводят наши ведущие литорганизации вопросам овладения литературной техникой?

В № 30 журнала «На литературном посту» опубликована новая программа для литкружков РАПП на 1931/32 учебный год—15 занятий. На них 13 посвящены вопросам литературной политики (иначе говоря, вопросам творческие лозунги РАПП в период военного коммунизма, как они эволюционировались лозунги РАПП в реконструктивный период», «как складывалось новостроительство» и т. д.). И только одно занятие из пятнадцати имеет темой «овладение техникой прозы» и одно — «овладение техникой поэзии».

В предисловии к программе говорится: «этих двух тем не было в старой программе, но опыт показывает необходимость отдельных бесед по вопросам литературной грамоты». Под «опытом» здесь следует очевидно разуметь настоятельные и вполне законные требования самих удорников.

Наличие маленьких брошюрок по этим вопросам литературной технике нет. А то, что предлагается под этим заглавием — или теоретические болтовня, вроде кордовских статей «О чем и как писать рабочему писателю», или унылая схоластика типа Аргашинов—Шелгали.

Разве это не болтовня?

«Рабочий автор на основании постепенной себе цели и своего чутья в каждом отдельном случае должен решать—применять ли ему то или другое наше указание, или же поступить совершенно иначе, и может быть так, как мы здесь и не предполагали». (В. Перцов «О том и как писать рабочему писателю», стр. 5). Или чеховское—«Пишите, пишите как можно больше. Не бойтесь, если у вас не сейчас выходит. Потом будет выходить лучше». (там же, стр. 3).

А это разве не схоластические шаржатство?

«Напишите стихотворение с крайне слабым развитием жанра: вертикаль (ул. высчет). «Напишите стихотворение с борьбой верхней и нижней горизонтали с одной стороны, передней и задней вертикали—с другой». «Напишите стихотворение полной «страсти». «Напишите стихотворение с повторением пробегальным задне-средненных, переплескивых и губных». «Напишите стихотворение трехстрочное строчками по вертикали сплошных; разноложные симметрично сходны от передне-задней вертикали вперед и назад» (А. Аргашинов и Г. Шелгали, «Энциклопедия стиховедения»).

Ни один из существующих литературных журналов не напечатал ни одной серьезной статьи, ни одной дельной заметки, которая могла бы хоть как-нибудь помочь писателю овладеть литературной техникой. Наоборот, писателей учат отдаляют от этих вопросов, клеймя «формализмом» всякую попытку автора подойти к проблемам формы. Борьба с формалистическими извращениями необходима, но нельзя же, сразу мозоли, отказываться ничего ноги.

А между тем проблематика формы уже ставится и ставится совсем по-новому.

Вот например великолепная работа товарища Ф. Шиллера о Гёте (Гёте, Шиллер и Гумбольдт в «Архиве К. Маркса и Ф. Энгельса», кн. 5-я. На странице 170, говоря об одном стихотворении немецкого рабочего поэта сороковых годов Викке, Шиллер пишет: «Оно (стихотворение) показывает, как актуально политический момент вызывает в психологии рабочего стремление к преодолению всяких традиций в поисках новых форм выражения».

Одно такое наблюдение уже отметило высокий метод марксистско-ленинского изучения проблемы литературной формы.

А наша литературная критика тщетно бьется над удовлетворением литературно-политических отзывов, пробиваясь такими неопределенностями, как «крен, визаж, поворот, перестройка, нажим-нажим», и в части технологической такими гуманностями, как ясно, ярко, колоритно красочно, сочно, выпукло», или обобщно, плоско, сухо» и т. п.

Именно это отставание в углублении анализа литературной формы не дает нашей критике возможности вскрыть подлинный смысл разбираемого произведения. И потому так часты политические промахи наших критиков.

Так товарищ Селивановский приписал чуть ли не ведущую роль в советской поэзии группе поэтов-конструктивистов (см. «Молодая гвардия» 1929 г., № 10).

Так, никто не обратил внимания на вредность очерка «Красная площадь в четырехдневный разъ», помещенного в одной из московских газет, — потому что ранее как вредное никто не решался назвать вольно.

— «Сменяемые церемониальные марши поезда войска мимо усыпальницы Ленина». — «Войска шагают церемониальным маршем несколько часов в каждом углубляет огромное пространство Красной площади штатными демонстрациями».

Вскрыв назвать мавзолей Ленина «усыпальницей», торжественный марш — «церемониальным» и обозвать рабочие демонстрации — «штатскими» может только пихой гусар в плацпарадном мундире. И только в таком же календарном которые можно рассматривать: «Так не нужно, так несовременен думы! Тут нужно солнце, сверкание полного дня, чтобы расплавились и расплавились золотые и серебряные кусты оркестровых труб-лилий!»

Не умея разобраться в природе литературного произведения, наша критика сваливает в одну кучу факты самого различного порядка, а потому не может успешно выполнить стоящие перед ней литературно-воспитательные задачи.

Не безразлично для литературно-воспитательного воздействия, написал ли человек строку «весенняя, как Чрезвычайка» (Селивановский, «Пушторг») от того, что он действительно считает Чека жестокой, или потому, что не сумел подобрать надлежащего сравнения. В первом случае надо бороться против контрреволюционного определения ЧК—«жестокая Чрезвычайка», во-втором, случае необходимо разъяснить несоответствие литературном построения мировоззренческой установке автора. Разница ясна такая же, как в преднамеренном или случайном убийстве. В первом — мы судим человека за преступление, во втором — ставим ему на вид неумение обращаться с оружием.

Неспособность отличить злого классового врага от промаха необученного товарища мешает нашей критике быть врагом и помогать товарищам. В результате товарищи эти перестают ждать от критики конкретной помощи, получая вместо нее очередной литературно-политический прыщик, враги получают передышку.

Углубленнейшее изучение проблем литературной формы насущно необходимо сейчас и писателям и критикам. Без этого знания нам не преодолеть отставания нашей литературы от темпов социалистического строительства.

Пролетарский писатель — активный строитель социализма. Ленинское мировоззрение должно быть усвоено им с максимальной полнотой. Только при этом условии он может вести свою писательскую работу как действительно нужный рабочим социалистического строительства.

Но есть наивные люди, которые воображают, что эта писательская работа может быть построена по механическому соединению ленинской идеи с обломками старых буржуазных литератур. Эти люди распевают литературу прошедших эпох апологетически. Они разносят в ней вечные литературные образцы, не понимая, что это прежде всего литературно-политические акты социальной борьбы. Эти люди канонизируют наиболее активные произведения классового врага и не замечают литературной практики забытых застрельщиков пролетарской литературы.

Странно видеть, как сегодняшний пролетарский писатель ищет своих предков среди Байронов, Гете и Толстых, вместо того чтобы искать их среди безымянных авторов революционных песен, прокламаций и памфлетов.

Без решительного разрыва капиталистической литературной традиции нельзя создать литературы и эстетической революции в рождающемся капиталистическом обществе.

Ясно, что пока не будут сломлены и выкинуты и наших домоносовский стих со всей его системой любов, эпитетов, сказкасиса и тематики,— до тех пор наши поэты не выполнят полученного ими исторического задания.

Ясно, что пока беллетристы не перестанут вычесывать проблематику пролетарской борьбы в обтезные рамки семейно-бытового романа с его сластями и драмами, до тех пор отставание нашей художественной прозы будет увеличиваться с каждым новым романом.

Ясно, что до тех пор, пока драматургия не перестанут показывать классовую борьбу на фоне любовных передряг, разыгрывая свой революционный пафос ружейной стрельбой на сцене и в публику,— до тех пор отставание театра будет увеличиваться с каждой новой постановкой.

Ясно, что до тех пор, пока наши очеркисты будут писать о социалистическом строительстве, балтиком увлекшись цифры профинтернцев с лирическими нейразистами и «крупинками» народной мудрости» — до тех пор они будут плестись в хвосте, отставший беллетристики.

И наконец, совершенно ясно и понятно, что пока наши критики не научатся бегло читать шифр литературной речи — они не сумеют руководить пролетарским литературным движением не сумеют помочь писателям, не сумеют отразить выпады классового врага.

Перед пролетарской литературой встала огромная технологическая проблема: найти плены социалистической революции полноценное литературное выражение.

Пора по-рабочему взяться за ее разрешение.

Н. АСЕЕВ, О. БРИК, В. КАТАНЬЯН С. КИРСАНОВ, П. НЕЗНАМОВ

НА ТВОРЧЕСКОЙ ДИСКУССИИ ВССП
О ПОЭЗИИ

Отставание литературы на поэтическом участке особенно заметно.

Поэтому третий тур творческой дискуссии в Московском отделе ВССП, посвященный вопросам поэзии, привлекает особое внимание. От поэтической творческой дискуссии мы вправе ждать толчка, помощи в преодолении отставания поэзии.

Поэтический тур дискуссии начат докладом **Н. Асеева «О поэзии»**. В этом докладе Н. Асеев говорил о назревшей необходимости сплочивания актива советских стихотворцев, которые, объединившись на платформе общего понимания первоочередных задач советской поэзии, определили бы ее основной характер и стиль.

Н. Асеев говорил о том, что главный интерес сегодняшнего поэтического дня — проблемы социалистического строительства во всей их бесконечной, сложной взаимосвязанной полноте и глубине, но это требование упрощенчески о «проблемах строительства делья отождествляется, как и нельзя противопоставлять их вечным темам» любви, верности, смерти, любви стоящим с ними в непременном противоречии.

Круг так называемых «вечных тем» вмещается в проблематику социалистического, освещенный новым светом трудовых человеческих взаимоотношений.

Подчеркнув первостепенную значимость «мировоззренческой» (почему не мировоззренческой? — Д. К.) установки поэта — участника соцстроительства, Н. Асеев указывает, что для участия в решении проблем соцстроительства, поэт должен найти соответствующий этим проблемам стихотворный язык.

Как же происходит поиски нового стихотворного языка соответственно этим задачам?

Перед тем, как доклад Н. Асеева, которая приводит его к постановке этого вопроса, почти не влияет возражения. Тут самым образом можно было бы поговорить о нечеткости формулировок (например, об упорной замене «мировоззрения» «мировосприятием» и т. п.).

Но вот Н. Асеев спрашивает:

— Как осуществляются попытки переделать мир в современной поэзии?

И при попытке ответить на этот вопрос докладчик совершает ряд ошибок. Н. Асеев «для деловитости и ясности представления тенденций современной советской поэзии» разбивает все поэтические силы на три группы, «безотносительно к их декларативным заявлениям, основываясь исключительно на практике их творчества».

К первой группе относятся «архаисты», ко второй — «новаторы» и к третьей — «эклектики».

Основную порочность установки на архаику Н. Асеев последовательно усматривает не в идейном ее содержании, а в том, что она «возвращает к формам и средствам (подчеркнуто мной. — Д. К.) поэтического выражения 30—40 гг. прошлого столетия». И уже только «формы и средства» обусловливают, по мнению Н. Асеева, мировоззренческий разрыв с творческой установкой.

Примерами этого разрыва изобилуют произведения В. Саянова, М. Тарасенкого, Заболоцкого, Введенского, Хармса.

Вторую обширную группу поэтов объединяет эклектизм творческого метода, «беспринципность средств», по определению Н. Асеева. Этой группе свойственно крохоборческое ученичество, мучительные для их творчества попытки скрестить новую советскую тематику с чуждым ей и не могущими ей служить символическим, словарем и иными компонентами стихотворного языка. Сюда Н. Асеев относит А. Суркова, А. Прокофьева, А. Чуркина, А. Гитовича, Б. Лихарева.

Жонглирование перестроившимся, выйти из этого замкнутого круга отрицательных влияний, Н. Асеев отмечает у В. Луговского, М. Зенкевича и особенно — у Н. Браунга.

Третьей группой Н. Асеев считает группу **новаторов**, бывших лефовцев, для которых «уже давно была ясна необходимость разрыва традиции, скачка, применения сальтовитального философского метода, перехода от эволюции буржуазного стиха к стиху — выразителю пролетарского мироосознания».

Перейдя далее к вопросам технологии и подчеркнув многим еще не осознанную ценность работы О. М. Брика, о ритме и синтаксисе стиха, Н. Асеев, говорит, что главные компоненты стихосложения — ритм, словарь, рифма, — являются решающими (?! — Д. К.) для нашей перестройки.

— Советской поэзии в целом и переломному ее пролетарскому отряду в первую очередь следует немедленно взяться за переоборудование технологии, которая неразрывно связана с тематикой, а значит с идеологией, и со всем комплексом проблем социалистического строительства.

Эта мысль Н. Асеева чрезвычайно характерна для всего его доклада. Формалистское движение к вопросам идеологии от «форм и средств», от «компонентов стихотворного языка», от «переоборудования технологии» привело Н. Асеева к игнорированию таких немаловажных «компонентов» современной поэзии, как, например, классовая борьба и ее отражение — в непосредственное и художественное — в поэзии или такое «переоборудование» поэзии, как приход рабочих-ударников в литературу.

Формалистская трактовка тем не позволила Н. Асееву поднять доклад в целом на достаточную принципиальную высоту. В этом смысле соответствует докладу и уровень прений (на собраниях 10 и 13 декабря).

Некоторые товарищи подвергли доклад Н. Асеева принципиальной критике, упрекнув его в непонимании и поэтапщизме и к сегодняшнему моменту о мировом (**Вера Инбер**), в умолчании о дезорганизующем влиянии «субъективных лозунгов лефовщины» на поэтическую молодежь (**групповой тост И. Ишенина**) в том, что метод «конкретной сортировки» Асеевым поэтов на архаиков, новаторов и эклектиков не имеет ничего общего с диалектико-материалистической, литературоведческой классификацией (**И. Гроссман-Рощин**).

Зато выступления Г. Шенгали, вполне серьезно обличавшего себя «представителем марксистского взгляда на литературу», или **М. Тарловского**, которого волнует «проблема» отличия поэта от стихотворца, выступления **П. Скосырева** при лучших намерениях, безнадежно путающегося в вопросах теории, или **Д. Морского**, скучно обличающего «малых поэтов» и оригинальничания, в ломке стиха ради увеличения гонорара, нажоген, сотворили апокалипсическую буржуазно-либеральную стихическую получилась «речь» **Л. Жданова**, — свидетельствуют о **мизерном принципиальном уровне итогового тура дискуссии ВССП.**

Особняком стоит выступление **Б. Пастернака**, который говорил о том, что «он-то не уполномочен говорящий».

Искусство остается хлебом как сам-мое загадочное и вечно существующее. Но у нас «потому также беспочвенно, что им хочется кричат: «Это надо», «то надо»! Но прежде всего нужно говорить о том, что нужно самому поэту: время существует для человека, а не человек для времени.

Если бы кто-нибудь другой выступил с такими реакционными мыслями, которые сквозь «дурой непосредственности» (выражение Б. Пастернака) можно отчетливо различить в выступлении Пастернака,— его бы осмеяли. Пастернаку в этих случаях многие аплодируют, тем самым дезориентируя самого поэта.

Недаром сам Б. Пастернак сказал в начале своего выступления:

— Я не понимаю того, что происходит: над многими из ораторов здесь смеялись, а я с ними многие согласен. А когда я говорю то же самое—мне аплодируют...

Хорошо было бы Б. Пастернаку задуматься о том, кто и почему ему аплодирует.

Д. КАЛЬМ

*

На дискуссионном собрании 16 декабря с большой речью о буржуазном реставраторстве в поэзии выступил **А. Селивановский.**

Заключительное дискуссионное собрание—завтра, 19 декабря в 20 часов.

СЕКСТОТ:

ИЗ АЛЬБОМА ГИМНАЗИСТКИ

Бедное дитя! Оно никак не предполагало, что эти «чужие многие» заставят его писать о таких грубых и вещественных вещах.

Революция... эволюция... идеология...

Все перепуталось в несчастной голове. Разве о том мечталось, когда был написан первый стих в альбом... Он... Стройный... Тонкий... С бельмом, нежными руками... Весна... Она стрекотала в его руках.

Но... об этом не пелись. А если так:

Мне хочется писать о революции,
Когда синее небо синеется
И в воздухе от весенних эволюций
(?)
Что-то вырастет, трепещет и вьется...
(??)
Мне хочется писать о стойком (?)
молоте
В руках мозолисто-упорных (?),
Когда кушается земля в горячем
золоте
И глаз хмелеет от ковров узорных...
И сеял в душах злых и тесных (?)
Меня осудят чудо-мичие, (?)
Я брошу им, что в наших песнях
Свой ритм, свой идеология... (!!).

— **Шёпчатель... Ура!—восклицала** газета Анна Датченко, ранящая журнал.

**

— Кто напечатал? Эту чушь? Не может быть!

— Чистое слово напечатал! В журнале «САПП» (Орган Ср.-Аз. АПП. № 1, 1931. Москва—Ташкент). Редактор—К. ГОЛОДОВИЧ.

**

В комментариях с чашей сторожь такая редактура не нуждается. Сексток рассчитан на то, чтобы его услышали в Ташкенте и различили «мольетно-упорному» редактору, что он... занялся не своим делом.

В ближайшее время мы хотим тему дополнительные доказательства, разобрав весь журнал (особенно «Отрезок на романа» Л. Волгина и «Героическую поэму» Е. Колесникова).

ПАСПОРТ — КАЖДОЙ КНИГЕ*

К БОРЬБЕ С ИДЕОЛОГИЧЕСКИ-ХУДОЖЕСТВЕННЫМ БРАКОМ В ИЗДАТЕЛЬСТВАХ

Одним из более ярких проявлений буржуазной опасности в литературе на сегодняшний день является гнилой либерализм к вылазкам классового врага в области художественной литературы и литературной критики и к различным антимарксистским теориям, уже разоруженным под руководством партии, пролетарской литературой (перверзенщина, лапфронтовщина, переверзиада и т. д.). Наши издательства (на первое место тут надо поставить «Московское товарищество писателей» и «Федерацию») умудрились за короткий срок издать большое количество произведений, или откровенно-буржуазных, или буржуазно-халтурных с приспособленческих, или мало и замаскированно антимарксистских.

Марксистская критика резко реагировала на страницах «Правды», «Литгазеты», «На литпосту», «Комсомольской правды» и т. д. на появление отдельных книжек из этого потока прямо враждебной или же откровенно-приспособленческой литературы. Однако только за последнее время выступления «Правды» и «Литгазеты» о продукции изд-ва «Федерация» поставили вопрос в целом не только об отдельных произведениях, но и о всей линии издательств художественной литературы.

В этой связи особое внимание заслуживает ничем не объяснимая практика наших издательств, выпускающих вредные книжки по вопросам партийно-литературной политики, не считаясь ни с какими общественными оценками. Так изд-во «Федерация» выпустило книжку С. Родова «На посту», докладывающую, что «Платформа», бывший в литературе созвучным «право-левацкому» блоку Сырцова—Ломинадзе, исторически оправдан, что «его лозунги победили» (?). К числу явно антимарксистских книг, выпущенных «Федерацией», принадлежит также книжка Полянова «За марксистское мышление». В ГИХЛ вышла в свое время пасквиль литфронтовская книжка Рожкова «Против меньшевиствующего идеализма», которую «Правда» охарактеризовала как явно вредную. Примеры легко умножать.

Пора окончить с обезличкой руководился. Как правило, принимая рукопись в изд-во, часто даже не спрашивают о ее паспорте, т.-е. не спрашивают, кто она уже побывала до этого, какой ей дали отзыв и в том или ином месте и т. д. и т. п. Как пример такой обезлички можно привести книжку С. Родова «На посту», которая была отвергнута ГИХЛ в Ленинграде и принята в Москве в изд-ве «Федерация». То же с книжкой Кожурина и Кремлева (Свена) —«Город энтузиастов», отвергнутой с резкой отрицательной оценкой в ГИХЛ, но принятой в изд-ве Московское товарищество писателей. Примеры и здесь можно легко увеличить в несколько раз. Разве далее терпимо такое безответственное отношение к качеству книги при остром недостатке бумаги?

Паспорт каждой книге!

Контроль организаций за качеством книжной продукции!

Ответственность литорганизаций за это качество!

Н. СЛЕПНЕВ

* В порядке обсуждения.

ХАДИ ТАКТАШ

Смерть поэта Такташа — очень большая потеря для татарской советской литературы. Роль Такташа в развитии пореволюционной татарской поэзии чрезвычайно велика. Он, особенно в последний период своей поэтической деятельности, умел исключительно воспринимать, понимать и воплощать те идеи, которые ставила великая пролетарская революция.

Во Такташ не сразу пришел к этому. Известно нам, как первое, его стихотворение «Аграрные декреты» датируется 1926 годом. В нем он, говоря о своей печали в настоящей и 1924 году войне, советует своему «милую бежать, бежать от этой земли крови и смерти, где царствует одна жестокость. Такташ сам не оставался от настоящей войны, смерти и крови, видел ужасы, но их он сознает свободу для человека.

Заметный перелом в поэзии Такташа и реальной тематике, в стихотворении действительной жизни начинается с 1931—32 годов. Такташ стремится осознать сущность великой революции. Он видит декларативное стихотворение под названием «Ленин умер», в котором он восторженно рассказывает, что она полна скорби жизни во всем социалистическом, коммунистическом молодняке, что он навсегда переходит к массовым борцам революции.

В стихотворении «Баллада» он беспощадно разоблачает татарскую националистическую буржуазную интеллигенцию. В большой поэме «Деревня сравнивается» (первая часть поэмы уже опубликована в журнале «Совет эдэбияты») Такташ показывает, как партия ведет борьбу в деревне с кулаком, с бедностью и середняком, с одной стороны, кулаков и муллы—с другой. Большое стихотворение Такташа, напечатанное после смерти Ленина, «Мать и младенец» является одним из лучших произведений татарской литературы, написанных по случаю смерти вождя.

Но на всех этих произведениях, наряду с большими достижениями, поэтом нетрудно было найти и большие недостатки, недостаточность, что тоже было в основном по линии отсутствия своего первого периода (абстрактность, мелкобуржуазная бунтарство, индивидуализм и т. п.), недостаточно понимает сущность нашей великой революции.

В 1930—31 году Такташ переживает особенно критические моменты. Отказывается в новых тематических темы.

Но реконструктивный период вносит в поэзию Такташа совершенно иное, свежее струю. Особенно характерно в этом перелом «Стихотворение «Мольба», которое уже по названию «Деревня сравнивается» показывает, что поэт более глубоко усвоил сущность классовой борьбы в нашей деревне и задачи по социалистической реконструкции.

Потом следуют другие стихотворения, так же показательные: что поэт постигается новое и былое, как по белой стороне тамбовских полей (поэт — уроженец бывшей Тамбовской губернии).

Последними большими произведениями поэта были несколько больших стихотворений под общим заглавием «Письма с будущего», в которых поэт старается во всю силу своего таланта показать, как будет выглядеть по-новому наша земля, как будут изменяться и измениться от этого люди, как будет изменяться вместе с ними борьба и будущее. Но весь этот цикл стихотворений остался незаконченным.

С первых же дней организации ТАПП, Такташ вступил в его ряды. Такташ был подлинно передовым и талантливым представителем того писательского слоя, который принял со полутностью к советскому строю.

ГУМЕР ГАЛИЕВ

О МЕНЬШЕВИСТСКОМ ИЗВРАЩЕНИИ
ИСТОРИИ БОЛЬШЕВИЗМА М. ДОБРЫНИНЫМ

Директорат Института ЛИЯ на декабря обсудил вопрос о статье М. ДОБРЫНИНА о Плеханове в № 8 журнала «РАПП» и постановление директората по этому вопросу от 1 декабря, которым вопреки правильно сам СНЯТ С НАУЧНО-ПРЕПОДАВАТЕЛЬСКОЙ РАБОТЫ в ИКП ЛИЯ и в Институте ЛИЯ Комакадемии. Но ошибки Добрынина и всех выдвигаемых ими лиц как ОТРАЖАЮЩИЕ ВЛИЯНИЕ меньшевизма, тогда как они являются ТИПИЧНО-МЕНЬШЕВИСТСКИМ ИЗВРАЩЕНИЕМ истории большевизма и ЛЕНИНОЙ на партию и на В. И. Ленина, якобы не имевших определенной линии в борьбе с махизмом. Кроме того, и эта вина исчерпывающая ошибка СМЯГЧАЛАСЬ указанием на то, что Добрынин пытался правильно противопоставить Ленина Плеханову. Партийная организация Института ЛИЯ совершенно правильно указала, что ДАННОЕ ПОСТАНОВЛЕНИЕ ЯВЛЯЕТСЯ НЕДОСТАТОЧНЫМ И ЛИБЕРАЛЬНЫМ.

Директорат Лия на заседании 15 декабря полностью согласился с данной оценкой, ПЕРЕСМОТРЕЛ СВОЕ ПРЕДЫДУЩЕЕ ПОСТАНОВЛЕНИЕ.

В том же заседании был снят с научной и преподавательской работы за допущение антипартийное выступление на семинаре ликвидирующий газетным отделением, руководитель семинара по ленинскому учению печати и председатель секции газетоведения С. ЗАКС-ГЛАДНЕВ.

*

В редакцию поступили письма редколлегии журналов «РАПП» и «Пролетарская литература» по вопросу об М. Добрынине. Они будут помещены в след. № «Лит. газ.».

ЛИТЕРАТУРНОЕ СЕГОДНЯ

Редакция «Известинской газеты» совместно с ЛОКАФ провела недавно совещание, посвященное рассказам писателей о создании жанр рассказов в литературе.

Практическая цель совещания — оружие редакции крестьянской газеты в целях оперативной помощи в работе над очерком, рассказом и художественным фельетоном. В выступлениях писателей, в обсуждении материалов были даны ценные указания начинающим писателям и корпусам, способы и методы работы над очерком, рассказом и фельетоном, конкретном учете практических ошибок писателей в работе «Крестьянской газеты» по линии повышения качества газеты и формы подачи материалов.

Ф. Панферов, выступивший с докладом от имени литературного отдела газеты, призывал писателей к серьезной углубленной работе не только над материалом для будущих литературных произведений, но и над очерком и над газетными заметками, к которым отдельные писатели относятся с необоснованным пренебрежением.

***

* ЦЕНТРАЛЬНЫЙ СОВЕТ ЛОКАФ предложил всем местным организациям ЛОКАФ проработать в литкружках и на широких собраниях актива местных ЛОКАФ резолюцию фракции ВКП(б) ЦС ЛОКАФ «О ЗАДАЧАХ ЛОКАФ И СВЯЗИ С ПОСЛЕДНЕЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ДИСКУССИЕЙ» («Литературная газета» от 2 декабря с. г., «Красная звезда» от 5 декабря с. г.) и резолюции пленума правления РАПП по докладу Л. Авербаха («Литгазета» от 12 декабря с. г., «Правда» от 8 и 9 декабря с. г.).

* В клубе ФОСП открыта выставка «Гражданская война в документах» по материалам Центрархива СССР.

СУББОТНИК ДОЛЖЕН БЫТЬ ПРОВЕДЕН

Постановлением общего собрания ячейки ВКП(б) на 14 декабря было назначено провести массовый субботник писателей литорганизаций, объединенных ФОСП и Горьковом писателей. Субботник намечался с целью сортировки картотеки в складе на Б тогалевском шоссе.

Расстояние ли отсутствие или другие какие причины помешали, но на субботнике явилось только 35 человек вместо 200.

Картотека восстала идет рабочей силы! Субботник надо провести! Партийцам необходимо показать пример! Писатели должны итти в ногу со всей остальной советской общественностью!

В КЛУБЕ ПИСАТЕЛЕЙ

18 декабря — 17 ч. Мастерская худож. чтения.

18 декабря — 19 ч. 45 м. Повторение декламации худож. чтения. Арт. театра «Современник» В. И. Яхонтов. Фрагменты из комедий: Сказки — дивертисментное слово на XVI перекрестке. Войны — лучший акт музыки: Бах, Дебюсси, Рэйель, Лермонтов—Глазунов, Лунный — Сен-Санс, Вакхана Таннгейзер, Ода любви — Чайковскому и Ю. Олеше. По окончании — вечер под пред. пред. проф. А. К. Шнейдера. Билеты в кассе с 4 ч.

19 декабря — 19 ч. Кружок переводчиков. Рук. Гринбов, Е.

19 декабря — 19 ч. Вечер творчества Виктора Гусева. (В кабинете ударника МАПП).

20 декабря — 20 ч. Вечер П. Ильинского, устраиваемый совместно РОКК, в фонд обороны страны (для декламации).

20 декабря — 19 ч. Кружок переводчиков. Рук. Ромм.

21 декабря — 16 ч. Актив МОПКП. Доклад тт. Астахова и Полехова — «О перестройке работы РОПКП».

21 декабря — 18 ч. Немецкая секция МАПП.

22 декабря — 20 ч. Дискуссионный просмотр нового кинофильма.

22 декабря — 18 ч. Семинар писателей.

22 декабря — 19 ч. Полехов — диалектический материализм.

22 декабря 20 ч. Алмере — теория драмы.

22 декабря 20 ч. Брик — теория поэзии.

22 декабря — 20 ч. Секция переводчиков с украинского поэт Р. М. Рильке.

24 декабря — 19 ч. Альманах «Вчера и сегодня».

25 декабря — 19 ч. 45 м. 3-й декадник художника Арк. Толстого (Пахомова Х. Н. 26 рисунков из детской жизни). Детская библиотека (в детском отд.) Местный колорит в Толстовской. Вечер. Маяковский — детский. Хорошо (для старших). Во весь голос. Домой — Записки Кожевника. Бобок — Мистер Пиквикский.

24 декабря — 18 ч. Детская секция МАПП.

ИЗВЕЩЕНИЯ

* 18 декабря — 18 ч. — в редакции журнала «Пролетарское кино» — очередное совещание авторактива.

* 20 декабря — 19 ч. — в Доме Горького (конференц-з) — общегородское собрание ячейки ВКП(б).

* 20 декабря — 18 ч. — собрание литкружка «Вальцовка» (завод «Серп и молот»). Чтение материала, посвященного 10-й годовщине выхода газеты «Мартеновка», и организационно-производственные вопросы.

* 20 декабря — 19 ч. 30 м. — в АРКК (ул. Горького, 19) — доклад т. Лисс «О тематическом плане Сценарного на 1932 г.». Приглашаются: МАПП, ОДИФ, Еврейская Комакадемия, Такс, ГОЦ, Всероскомтеатр.

* 21 декабря — 19 ч. — в кабинете краеведческого актива — творческий вечер С. Вашенцева. Чтение рассказа «Пасечный», из материалов современной Туркестанской армии.

ОТ РЕДАКЦИИ

Постановление ЦС РОПКП, в связи с опубликованной в «Л. Г.» от 12 декабря коллективной статьей «За решительную перестройку работы РОПКП», будет помещено в следующем номере «Л. Г.».

ПОПРАВКА

Статья «Вс. Иванов оказывает «медвежью услугу» рабочей критике», напечатанная в предыдущем номере «Л. Г.», принадлежит не Панферову, а П. Парфенову.

СЛЕДУЮЩИЙ НОМЕР «ЛИТГАЗЕТЫ» ВЫЙДЕТ 23 ДЕКАБРЯ

Чтобы получать «Литгазету» без перерыва с января 1932 г., необходимо немедленно сдать подписку.

Тираж газеты ограничен. Опоздавшие по месту жительства могут лишиться возможности получать По линии авторской и исключительно почтой до установления с 1 января.

Отставшая подписка переносится на следующий месяц.

ЖУРНАЛЬНО-ГАЗЕТНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ

Ответственный редактор: А. СЕЛИВАНОВСКИЙ.
РЕДКОЛЛЕГИЯ: Н. Асеев, С. Динамов, В. Залесский, О. Колесникова, А. Малышкин, Н. Огнев, М. Россовский, А. Селивановский, И. Сельвинский, М. Слонимский, М. Субоцкий, С. Тарасевич, Г. Тарлан.
ИЗДАТЕЛЬ: Журнально-газетное объединение

В 1932 г.
ПОДПИСЧИКИ ЖУРНАЛОВ «ОГОНЕК» и «РОСТ» ПОЛУЧАТ ПРИЛОЖЕНИЕМ 24 ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЕ КНИГИ ИЗ СОКРОВИЩНИЦЫ МИРОВОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ со вступительными статьями М. ГОРЬКОГО и А. ВИНОГРАДОВА
„ИСТОРИЯ МОЛОДОГО ЧЕЛОВЕКА XIX СТОЛЕТИЯ“
В эту библиотеку войдут произведения Стендаля, Бичер-Стоу Гюстава Флобера, Фенимора Купера, Золя, Бальзака, Мюссе, Теккерея, Бронте, Оскара Уайльда, Лермонтова, Тургенева, Новиковской-Одоевцевой. Издание будет иллюстрировано лучшими художниками-графиками. В иллюстрировании примут участие: Алексеев, Ерени, Дмитриевский, Кравченко, Павлинов, Старосельский, Суворов, Федоровский, Ходасевич, Шиллинговский, Юдовин и др.
ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1932 г.
ОГОНЕК: РОСТ
выходит 1 раз в неделю с приложением 24 книг „ИСТОРИЯ МОЛОДОГО ЧЕЛОВЕКА XIX СТОЛЕТИЯ“ (ИЗ) в год — 12 руб.
выходит ДВА раза в месяц с приложением 24 книг „ИСТОРИЯ МОЛОДОГО ЧЕЛОВЕКА XIX СТОЛЕТИЯ“ (ИЗ) в год — 12 руб.
Допускаются отсрочки с VII, XIII, XV, XVII по 6 р. 50 коп. Всем новым лицам, подписавшимся на журналы, БЕСПЛАТНО ВЫДАЮТСЯ — книга отсроченных томов „ЮСПЫ“
Подписка принимается всеми почтой на месте установленного срока
ЖУРНАЛЬНО-ГАЗЕТНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ

ВСЕМ РАБОТНИКАМ ЦЕНТРАЛЬНОЙ, КРАЕВОЙ, ОБЛАСТНОЙ, РАЙОННОЙ И ФАБРИЧНО-ЗАВОДСКОЙ ПЕЧАТИ необходим „ЖУРНАЛИСТ“
Ежемесячный журнал теории и практики большевистской печати.
«ЖУРНАЛИСТ» поможет вам поднять работу печати, организует широкий обмен опытом. Помогает разрешение вопросы по оперативно-массовой газетной работы и перестройки основам газетного дела.
Выписывайте журнал «Журналист» 1 книга в год. Отдельный ПУНКТ ПОДПИСКИ НА 1932 ГОД. ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: 12 мес.—6 р., 6 мес.—4 р. 50 коп., 3 мес.—3 р. 25 коп., с приложением бесплатно „Библиотека журналиста“ 12 мес.—15 р., 6 мес.—8 р. 50 коп. 3 мес.—5 р. 25 коп.
Подписку сдавайте местной почте на позже установленного ее срока.
Журнально-газетное объединение

Издательство „ФЕДЕРАЦИЯ“
ВЫШЕЛ ИЗ ПЕЧАТИ ОДИННАДЦАТЫЙ НОМЕР „ЛОКАФ“
ежемесячного литературно-художественного журнала Литературного объединения Красной армии и флота
В номере: С. Вашенцов «Шлепный», рассказ; С. Мстиславский «Смена подошли»; А. Гарцев «Бомбы», повесть (продолжение); А. Безыменский «Чужие», рассказ; Ст. Щипачев «Конь-огонь»; Б. Луговской «Погранстишки»; Ю. Морозов «Часовой»; Эдм. Райнерт «Тайное наследование»; Д. Борисов «Легенда»; И. Ильф и Е. Петров «Трудная тема»; Б. Гольцев «Конь в обороне». За рубежом: В. Гарлар «Гражданская война империализма»; Г. Брауз «Б. война империалистов».
На фронтах литературы: Б. Ясенский «Международный пролетариат должен знать о нашей мирной службе».
Трибуна ЛОКАФ: Шлемо краю армейцу роты связи т. Гольцеву.
Библиография: М. Зубковский «Глаз урагана» А. Воронского; Н. Гладков «Генерал и другие в поэзии» Н. Тарасенкова.
Хроника ЛОКАФ
Условия подписки: на год—12 руб., на полгода—6 руб., цена отдельного номера—1 р. 25 к.
Подписка принимается во всех отделениях и магазинах Книгоцентра и почтовых отделениях, а также у письмоносцев на 1932 г.
Адрес редакции: Москва, ул. Воровского, 52, клуб ФОСП им. М. Горького.

ВСЕМ
работникам комсомольской печати
всех рангов
членам редколлегий, бригад
по содействию газете
внештатным корам, рабкорам
селькорам, политграмотам
избам-читальням
библиотекарям
культпропам
ячейкам печати
Повседневную квалифицированную помощь оказывает руководящий журнал по вопросам молодежной печати «КНИГА МОЛОДЕЖИ».
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ КНИГОЦЕНТР
ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1932 год
НА ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ ПО ВОПРОСАМ МОЛОДЕЖНОЙ КНИГИ
КНИГА МОЛОДЕЖИ
ЖУРНАЛ рассчитан на работников комсомольской и молодежной печати, на комсомольских агитпропработников, на организаторов по печати штаб ВЛКСМ, ударников, призванных в литературу членов литературных и критических рабочих кружков, работников читален, библиотек, клубов, красных уголков изб-читален, культотделов, фабзавкомов и месткомов, политруков и пионервожатых.
«КНИГА МОЛОДЕЖИ» в 1932 году значительно расширит прорабатываемый журналом материал, включив в него помимо издания основной фабрики молодежной книги Госиздательства «Молодая гвардия» и предполагающих питеров для молодежи издания Мюспартгиза, Совкнига, ГИХЛ и др издательств.
«КНИГА МОЛОДЕЖИ» борется за боевую подлинно комсомольскую книгу, мобилизующую молодежь на активное участие в строительстве социализма. Борется за марксистско-ленинскую критику молодежной литературы. Борется за вооружение комсомольца-читателя, клубов, рабочих-читателей, сельских читален, избы-читальни партийным, классовым установок, политграмотой и пролетарским интернационализмом.
Укажет, что необходимо прочесть по актуальным вопросам социалистического строительства и по узловым вопросам текущей политики.
Указывает, какие крупные и полезные книги должны дать молодежи.
Борется за призыв комсомола и рабочей молодежи в литературу, борется за рабочие кадры авторов молодежной книги.
В отделе «Что читать для овладения техникой своего производства» печатает ряд статей, указывающих что должны читать молодые рабочие основных отраслей социалистической промышленности (уголь, нефть, транспорт, металлообрабатывающая, химическая, электропромышленность, машиностроение).
В отделе «Трибуна рабочего молодняка» систематически печатает отзывы рабочей молодежи о книгах.
В отделе «Смотр молодежной печати» систематически печатает обзоры молодежных журналов.
Значительнейшие внимание уделяет всей массовой работе с молодежной книгой.
В отделе «За пролетарскую детскую книгу» беспощадно борется с антимарксизмом в детской книге за новую, дооктябрьскую советскую детскую книгу. Дает развернутую критику детской литературы, борется за новые жанры и стиль, отвечающие задачам эпохи социалистического.
В каждом № журнала по 96 страниц.
ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:
на 12 мес.—4 руб.
на 6 мес.—2 руб.
на 3 мес.—1 руб.
Подписка принимается во всех отделениях и магазинах КНИГОЦЕНТРА, всюду на почте и письмоносцами.

ПЕЧАТАЕТСЯ И ВЫХОДИТ В БЛИЖАЙШИЕ ДНИ ПЕРВЫЙ СБОРНИК ИЗДАНИЯ
„ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО“
ОРГАН РАПП И ИНСТИТУТА ЛИЯ КОМАКАДЕМИИ
Под редакцией: Л. Авербаха, И. Гиполита и Ф. Раскольникова
Содержание 1-го сборника
ОТ РЕДАКЦИИ.
ФРИДРИХ ЭНГЕЛЬС О ЛИТЕРАТУРЕ (Накануне переворота в науке о природе. Предисловие Ф. Шиллера. ... Этюдов экономического содержания 90-х годов).
ИЗ НЕИЗДАННЫХ ПРОТОКОЛОВ РАСШИРЕННОЙ РЕДАКЦИИ «ПРОЛЕТАРИЯ» (проба пера с борьбой с большевизмом. Предисловие Н. Осинского. Ленин и первая фазная дискуссия 1908—10 гг.
НЕИЗДАННЫЕ И ЗАБЫТЫЕ ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЕ РАБОТЫ Г. В. ПЛЕХАНОВА (Предисловие ... писателя. Ленинский этап в литературоведении и литературное наследство Плеханова.
ЗАПИСКИ О КУПЦАХ, ГЛОЙ МАНУФАКТУРЕ, КРЕПОСТНОГО РАБОЧЕГО ЦЕНТРА БРОТОВ (материалы для «Истории фабрик и заводов»). Подготовлено А. Панцхавой. Страдала на истории крепостной фабрики.
«ВИВ СИТА» — ПРОКЛАМАЦИИ О ПАРИЖСКОЙ КОММУНЕ. Предисловие К. Виана.
Марксисты 90-х годов в письмах к П. К. МИХАЙЛОВСКОМУ. Публикация А. В. Буша.
М. Е. САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН. I. ИЗ ПЕРЕПИСКИ НИКОЛАЯ I С ПОЛЬСКОЙ КОРОЛЕВОЙ. II. ДОБРОЧЕСТНЫЕ ДЕТИ. Предисловие Д. Заславского. Комментарии С. Альшицкой и М. Янковской.
В. С. КУРОЧКИН, ПРИНЦ ЛУГОВОЙ. (Предисловие Демьяна Бедного. Комментарии А. Архипова.
Ф. М. ГЕЛЬСИНГФОРС. I. ТРУДНО ПОВЕРИТЬ. II. ФИЛАНТРОПИЧЕСКИЙ КОНФЕКТ. Предисловие и комментарии И. Бачелиса.
ОБЗОРЫ И СООБЩЕНИЯ.
ЗАБЫТЫЙ УЧЕБНИК ПО ИСТОРИИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. Обзор бригады Льва Лева. М. Бердников, Ф. Бугенко, Н. Грибоед, Л. Левин, Н. Лебедянский, С. Малахов и Т. Ухтомская.
НЕРАЗЫСКАННЫЕ ГОГОЛЕВСКИЕ ПЕРЕПИСКИ. Сообщение Н. И. Жинкина.
В СБОРНИКЕ ДО 70 ИЛЛЮСТРАЦИЙ.
Подписная цена: 7 р. 50 к. за 1 книгу. Цена отдельного номера с розничной продажи 3 руб.
Журнально-газетное объединение (Москва, Б. Страстной бульвар 13) принимает деньги за вышедшую 1-ю книгу наложенным платежом за 7 р. 50 к. с пересылки за счет издательства.
Журнально-газетное объединение

1-Й МОСКОВСКИЙ ИППОДРОМ
Ленинград. ко. шоссе, 25
Телеф. Д-3-39 66
18 ДЕКАБРЯ
ГАСТРОЛЬ ЛЕНИНГРАДСКИХ РЫСАКОВ
ВЕРНОС. НЕБЫТ, СТАЛЬНОЙ-ЛАМУЛЬ, ЛЮБИМЕЦ, ИЗЯЩНЫЙ-АЛЬКАД, СТАЛЬНЫЙ - ЗЕЛЕНЫЙ
Наездники: А. Г. ПЕТРОВ Ф. Е. МОСКВИН
СКАЧКИ ЗИМОЙ
ВПЕРВЫЕ В С.С.С.Р.
БОКО. ДРУЖБА, ТЕЛЕГРАФ, ДРАКОН, ЛАМБАРДИ, БЕРЕЗНЯК и др.
НАЧАЛО В 2 Ч. ДНЯ
Ресторан Оркестр
Трибуны отапливаются
АНОНС: Открытие конно-ледяной станции. Езда всадника с лыжником. Сапсанинг—лошадь под управлением лыжника. Бег здоровых после. Соревнование из призы. 22 дек. ВПЕРВЫЕ! Испытание северных олене на резвость.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Орган Федерации об'единений советских писателей РСФСР

МОСКВА 23 ДЕКАБРЯ 1931 г. № 59 (168)

РЕДАКЦИЯ:
Москва, Тверской б. 25, Дом Герцена. Телефон 2-80-12.

ИЗДАТЕЛЬСТВО:
Журнально - газетное об'единение: Москва, 6, Страстной бульвар 11. Телефон 5-51-69.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА НА 1932 г.
На 12 м. 3 р. 60 к.
На 6 м. 1 р. 80 к.
На 3 м. — р. 90 к.

ЗА РЕШИТЕЛЬНУЮ ПЕРЕСТРОЙКУ РОПКП

Указания партии РАПП на недостаточные темпы перестройки организации, на недостаточное развитие самокритики, на элементы групповщины, на слабость конкретной критики касаются ВСЕХ литературных организаций, входящих в ФОСП.

Все отряды советской литературы вслед за РАПП должны решительно пересмотреть практику своей работы в сторону более решительного и последовательного развития самокритики изменения методов работы, усиления борьбы со всеми искажениями литературно-политической линии, теоретической мысли, конкретной критики.

Однако надо со всей резкостью констатировать, что до сих пор на практике сделано ничтожно мало как в ускорении темпов перестройки, так и в развитии самокритики, в создании благоприятной творческой обстановки для быстрейшей организации лозунга — «СОЗДАТЬ МАГНИТОСТРОЙ ЛИТЕРАТУРЫ».

Недопустимое промедление в темпах перестройки проявляет такая крупная литературная организация, как РОПКП. Несмотря на ряд важнейших событий в этой организации (право-«левацкое» дело в Ленинграде, прорыв в МОПКП, в псковской организации), несмотря на выступления ЦО «Правды» по вопросам литературы, несмотря на прошедший пленум правления РАПП, наконец, несмотря на выступления группы членов самой организации РОПКП с критикой ошибок руководства,— до сих пор организация, ее руководство, в лице секретариата Центрального совета, БЕЗМЯТЕЖУТ. Такое положение в организации грозит дезориентировать и демобилизовать всю массу пролетарско-колхозных писателей, новых кадров ударников-призывников в литературу.

Между тем громаднейшие сдвиги, происходящие в сельском хозяйстве, решительные успехи в деле коллективизации и технического перевооружения деревни, невиданный рост политической активности колхозников, грандиозная тяга к культуре и учебе колхозных масс накладывают на пролетарско-колхозную литературу ряд ответственейших обязательств, выполнить которые организация сможет лишь в том случае, если медленно и решительно будет покончено с прежней, негодной практикой работы, если руководство организации существенно быстро (времени потеряно достаточно!) перестроиться.

Но то, что происходит за последние несколько месяцев в организации, ни в какой степени не свидетельствует о каких-либо сдвигах в перестройке.

Начнем с фактов. Систематическая, оппортунистическая работа прежнего руководства московского отделения РОПКП, последствием которой явились почти полный развал пятирукавников и потеря значительного количества призывников-ударников, не нашла достаточно глубокой и всесторонней проработки в организации. Секретариат ограничился лишь обследованием «сверху». Право-«левацкое» дело в Ленинграде, выразившееся в попытках противопоставить РОПКП - РАПП, в «срабатывании» руководства с троцкистской критикой в лице Горбачева, в пропаганде на страницах органа ЛАПП «ПЕРЕЛОМ» — переверзщины, питфроитощины, рапповщины прошло мимо организации, на уроках «брынцицины» руководство ЦС не сумело дать бой всем антибольшевистским, право-«левацким» настроениям в отдельных звеньях организации. На уроках Ленинграда руководство не сумело воспитать организацию. То же надо сказать и о Псковском деле.

С другой стороны, руководство организации не подвергло резкой критике грубейшие ошибки сборников и брошюр, выпущенных и апробированных ЦС. Руководство организации не вело последовательной борьбы с проявлениями антитроцкистских настроений в организации, не возглавило развитие самокритики со стороны группы членов РОПКП, подвергших критике ряд ошибок руководства,— наоборот, были сделаны всевозможные попытки опорочивания и дискредитации выступления этих товарищей. (Это, повидимости, не в какой мере не снимает необходимости критики отдельных ошибок у тех товарищей, которые подписали статью «За большевистскую перестройку РАПП», но в то же время эти ошибки не дают никакого права перенесения ОГНЯ с критики собственных ошибок на чужие). Руководство ЦС не сумело создать нормальной творческой обстановки для основных кадров выявившихся писателей.

Вопросы классовой борьбы не находили достаточного отражения в повседневной практике организации, наоборот, за последнее время значительно ослабела борьба с выпадами кулацкой агентуры в литературе. В ответственейших выступлениях мы встречаем такие например положения: «Нам на протяжении этих двух с половиной лет пришлось вести и победоносно закончить войну с кулацким крылом нашей литературы». Такими заявлениями снимается проблема борьбы с контрреволюционными произведениями, как «Ортодоксы» — Тарасова, «Гугенот из Териберки» — Правдухина и т. д. Правда, эта грубейшая ошибка признана, но признана с большим опозданием и в то же время не признаны еще многие другие ошибки, на которые в частности указывала «Литгазета».

Все эти недостатки и ошибки руководства до сих пор не нашли своего признания, до сих пор организация находится в полном неведении, что происходило за последнее время в ЦС.

Если пленумы и конференции РОПКП в основном правильно намечали литературно-политическую линию организации, то на практике, как мы это уже выше отметили, эта линия часто ИСКАЖАЛАСЬ.

В дальнейшем такое положение вещей нетерпимо, в дальнейшем всякое забвение указаний партии о перестройке — НЕТЕРПИМО.

Необходимо немедленное решительное вскрытие всех ошибок руководства, разоблачение до конца рвачишцины, остатков троцкизма, всех антипролетских, антипролетарских настроений в организации, дружественное срабатывание с ведущей организацией РАПП, решительное развитие самокритики, создание такой обстановки в организации, которая в кратчайшие сроки помогла бы созданию Магнитостроя литературы, помогла бы росту новых кадров и преодолению ошибок у таких писателей, как Дорогойченко и т. д.

Расширенный секретариат ЦС, назначенный на 27 декабря, должен обеспечить осуществление всех этих задач.

НИЖЕГРАЙКОМ КОМСОМОЛА О РАБОТЕ НИЖЕГОРОДСКОЙ АПП

Нижегородский краевой комитет комсомола провел первый ценный опыт практического срабатывания комсомольских и рапповских организаций. На-днях краевым комитетом заслушал доклад секретаря НАПП т. МУРАТОВА о работе Нижегородской ассоциации пролетарских писателей и обсудил его в свете итогов последней дискуссии и указаний, данных партией РАПП, а также решений последнего пленума РАПП о перестройке.

Этот опыт особенно ценен именно в Нижнем, т. к. там в выступлениях краевой комсомольской газеты «Смена» был допущен в критике РАПП ряд перехлестываний, отмеченных в свое время «Литгазетой». В порядке самокритики нужно тут же подчеркнуть, что в своих указаниях на эти перехлестывания («Литературная газета» № 62) мы допустили со своей стороны еще большие перехлестывания, назвав выступавших в «Смене» товарищей «охотнорядцами». После доклада АПП в крайкоме комсомола достаточно ценна будет помощь «Смены» в деле срабатывания краевых организаций комсомола и РАПП.

В результате обсуждения доклада т. Муратова бюро крайкома ЕЛКСМ констатировало бесспорные достижения НАПП, но отметило ряд значительных недочетов в проведении призыва ударников в литературу, в их воспитании и учебе. НАПП организовали курсы руководителей рабочих литкружков, практикуется прикрепление ударников и выявившимся писателям. Но плохо поставлена работа по показу героев труда, ассоциация мало занимается вопросами марксистско-ленинского мировоззрения писателей. Комсомол края, если не считать нескольких очерков и стихотворений, не нашел отображения в творчестве нижегородских пролетписателей.

В основном промышленном районе — Сормове, насчитывающем свыше 30.000 рабочих, литературный кружок об'единяет всего 30 человек.

Подчеркивая все эти недостатки работы НАПП, крайком комсомола указал на недостаточную помощь Ассоциации пролетарских писателей со стороны крупнейших комсомольских организаций в Сормове, на автозаводе, в Ижевске и др.

Крайком комсомола пред'явил социалистический счет НАПП — создать достойные комсомола произведения, и от имени всей краевой организации принял ряд конкретных обязательств, обеспечивающих дружную совместную работу нижегородского комсомола и НАПП.

ТЕАТР ВЦСПС и РАПП

Культсектор ВЦСПС созвал совещание заведующих культсекторами ЦС союзов, на обсуждение которых был поставлен вопрос о создании в Москве, по инициативе Российской ассоциации пролетарских писателей, театра ВЦСПС и РАПП. С развернутым докладом по этому вопросу выступил т. Афиногенов, которого в прениях дополнил Ю. Либединский, рассказавший о первом опыте театр. ТАПП.

Отношение участников совещания к созданию нового пролетарского театра было кратко сформулировано в речи представителя ЦК союза основной химии т. Жильберга, заявившего: «профсоюзы ни коим образом не должны изъять этого дела из своих рук». Современность театра ВЦСПС и РАПП были признаны и большинством других ораторов.

Содержание доклада Афиногенова, сообщение Либединского и основные высказывания участников совещания нашли свое отражение в приводимой резолюции.

«Несмотря на свой количественный рост и успехи в организации революционного сознания пролетариата, — говорится в этой резолюции, — самодеятельное театральное движение переживает глубокий кризис художественного качества и силу того, что, с одной стороны, профсоюзы, в системе которых находятся самодеятельное театральное движение, недоуделяют мало уделяли внимания этому вопросу, а с другой — влияние вражеских нам теорий формалистов всех толков тормозили развитие художественной самодеятельности. Профсоюзы должны повести решительную борьбу со всякими извращениями и уклонами в области пролетарского театрального движения.

Полный переход всего нашего театра на рельсы пролетарской идеологии может быть успешным только в том случае, если он будет опираться на массовое движение рабочего класса и области театра и будет находиться в постоянной связи со всей борьбой рабочего класса за его идеи.

Совещание считает необходимым создать под руководством профсоюзов и наиболее крупных промышленных центрах и новостройках, в первую очередь — в Москве, Ленинграде, Харькове и на Урале, опорные базы пролетарского театра, которые объединили бы все пролетарское театральное движение, где выковывались бы новые кадры будущих руководителей самодеятельного движения и которые росли бы на самодеятельных коллективов, ведя борьбу за перестройку всего советского театра.

Создание таких опорных баз мыслится только в тесном сотрудничестве с пролетарским литературным движением, имеющим уже богатый опыт, и под его творческими лозунгами».

«ИСТОРИЯ ЗАВОДОВ» БЕЗ ПРИКРАС

В ЛЕНИНГРАДЕ ПЛОХО РАБОТАЮТ НАД ИСТОРИЕЙ ЗАВОДОВ

Прошло два месяца со дня постановления ЦК об «Истории заводов». Доведена ли эта ключевая директива партии до цеха, бригады, до рабочего места?

Обследование ленинградских заводов в первой очереди установило, что на местах существует явная недооценка решения ЦК по «Истории заводов». Правда, на некоторых заводах, уже приступили к собиранию материалов, биографий рабочих, изучаются архивы. Но эта работа проводится по-кустарному, самотеком, без участия широкой общественности. До сих пор еще не на всех заводах созданы редколлегии, а там, где созданы, они зачастую в собственном соку. На таких заводах, как Электросила или им. Сталина, К. Маркса, на ф-ке Анисимова еще не удосужились создать руководящего ядра.

В некоторых партийных и заводских комитетах говорят: «Помилуйте, у нас прорыв, нам не до «Истории». Дайте сначала покончить с прорывом и тогда мы займемся «Историей заводов». С каких это пор большевики стали так подходить к выполнению решений ЦК? Такая постановка вопроса должна рассматриваться как проявления прямого оппортунизма на практике. Наоборот, за основе борьбы с прорывом, нужно писать «Историю заводов!» Именно в процессе составления истории надо шире поставить вопрос ударничества и соцсоревнования, на опыте борьбы перевоспитывать молодняк, на примере лучших из лучших выковывать стойких бойцов за социализм.

За мобилизацию масс вокруг «Истории заводов» в первую голову должна взяться печать. Между тем «Ленинградская правда», «Красная газета» и «Смена» до сих пор не поместили ни одной строчки об «Истории заводов». А казалось бы этим газетам надо в первую очередь заняться проверкой выполнения директивы ЦК партии. «Ленинградская правда» не только не напечатала инструкцию главной редакции, но даже не нашла нужным поместить хотя бы выдержки из нее.

Если областные газеты молчат, то что же делают на самых рабочих местах? Ограничились и литературные кружки? Просмотрите подшивки печатных газет 14 заводов первой очереди и вы увидите, что только на «Красном треугольнике», Балтийском и «Светлане» напечатано по одной заметке об «Истории заводов». На остальных заводах даже этого нет.

И зря т. Рест на-днях писал в «Литературной газете», что чуть ли не на всех заводах литературные кружки ждут 50 известного дела—ано, мягко выражаясь, грубое преувеличение, это дезорганизует. К сожалению опыта «Кр. путиловца» т. Рест положил вероятно в карман. Например он пишет, что вовлечено 2000 авторов и это только в тракторном отделе. Это неверно. Так же как неверно и то, что проведено 180 собраний. Это намечено в плане работ над «Историей завода» «Красный путиловец» и будет проводиться в будущем, а у Реста выходит, что все проделано.

Это никому не нужно.

Сейчас, как никогда, писатели и историки должны повернуться лицом к заводу, к ударнику. Дело за практической работе проверять людей: над «Историей заводов» будут работать главным образом молодые историки, которые получат здесь практическую и политическую закалку. Это касается и наших писателей. На «Истории заводов», они должны показать свое умение работать и выполнять указания партии о перестройке писательских организаций.

Пока что ни ЛАПП, ни ФОСП, а также и отдельные писатели не включились в работу над «Историей заводов». ЛАПП и ФОСП успокоились на том, что мобилизовали 30 писателей. Что делают мобилизованные на заводах—этим на ЛАПП, на ФОСП не интересовались. А проверка установлено, что писатели, прикрепленные к заводам, даже не являлись на завод.

ФОСП приглашает к своим достижениям организацию диспута о фильме «Златые горы», которая, по словам секретаря ФОСП т. Белинкина, заключает в себе «показ революционного движения на Путиловском заводе». Чепуха! «Златые горы» ничего общего с историей заводов не имеют, и в плане перелома опыта революционной борьбы страдает очень большими недостатками. Прав был т. Лавренев, который, критикуя бумажную мобилизацию ФОСП и диспут о «Златых горах», сказал: «Вместо всяких заседаний и диспутов лучше было бы, если бы те писатели, которые выделены для работы над «Историей заводов», предварительно прослушали бы группу докладов историка-марксиста Покровского о том, что такое марксистская история и как к ней подойти».

По линии организации историков также большой прорыв—ЛОКА к этому делу подошло формально. Многие товарищи ставят вопрос так: «Мы историки, мы занимаемся вообще (?!) составлением истории, а тут вы (?!) создайте «Историю заводов». Историки должны стать организующим звеном во всей работе по истории заводов!

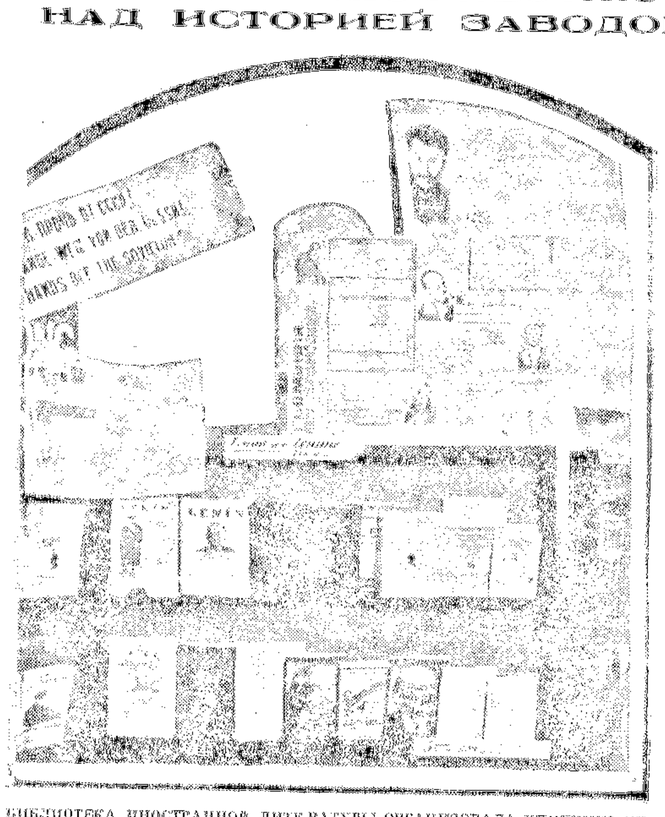
Наряду с писательскими организациями и историко-научными учреждениями должны также включиться в работу ленинградские профсоюзы и комсомол, они должны возглавить мобилизацию масс на выполнение директивы партии.

В особенности ленинградский комсомол—застрельщик соцсоревнования — должен был бы проявить особое внимание к «Истории заводов». Помимо изучения опыта борьбы рабочего класса, здесь должен бы сыграть роль и следующий момент. В 1932 году исполняется пятнадцатая годовщина ленинского комсомола. В «Истории заводов» должны войти страницы славной истории ленинградского комсомола! Между тем местные комсомольские организации ограничиваются только вылеплением своего представителя в редколлегию завода. Никакой активности, никакой инициативы! Облпрофсовет также не взялся как следует за «Историю заводов».

За «Историю заводов» и первую голову отвечают заводские партийные комитеты. Они должны мобилизовать и газеты, и историков, и писателей, которых прикрепили к заводу областная редакция. Заводские организации уже могут добиваться нужных темпов в выполнении профпрограмма, надо уметь и писать о том, как достигается это.

«История заводов» пишется для того, чтобы потом на основе этой истории учить массы.

Ленинград, завод «Кр. Путиловец».
А. НАУМОВ



БИБЛИОТЕКА ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ОРГАНИЗОВАЛА КНИЖНУЮ ПЕРЕДВИЖНУЮ ВЫСТАВКУ «ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И СОПРОТИВЛЕНИЕ ВОЙН И МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЕ». ВЫСТАВКА БЫЛА РАЗВЕРНУТА НА ЭЛЕКТРОЗАВОДЕ. ОНА ОБСЛУЖИТ ЕЩЕ СЕМЬ КРУПНЫХ МОСКОВСКИХ ПРЕДПРИЯТИЙ

ПИСАТЕЛИ ИГНОРИРУЮТ РАБОТУ ПО „ИСТОРИИ"

НА СОБРАНИИ В КЛУБЕ ФОСП

Писатели и литорганизации еще не приступили по-настоящему к практической работе по «истории заводов». Очень немногие пошли непосредственно на заводы, чтобы помочь местным организациям. В этом отношении характерно и первое собрание писательской общественности совместно с представителями заводских литкружков и главной редакции «истории заводов», созванное ФОСП 22 декабря в клубе писателей. Большинство известных писателей на этом собрании отсутствовало, не было видно рапповцев.

Член главной редакции «истории заводов» т. И. Жига в своем докладе осветил основные задачи, поставленные ЦК партии в создании «истории».

Касаясь методов работы писателей, т. Жига указывает, что задача писателя так подать материал, чтобы он не только рассказывал о тех или иных фактах, но и эмоционально воздействовал на читателя. Отдельные писатели индивидуально договариваются с заводами и самостоятельно пишут их «историю», просто используя воспоминания старых рабочих. Это никуда не годится. Писатель должен включиться в эту работу, как практический культработник-организатор. Участие в редактировании и литературном оформлении уже собранного на заводе материала, помощь литкружкам, работающим над историей своего предприятия, — вот те задачи, которые стоят перед писателями.

Выступавшие в прениях присоединились к этим предложениям о работе писателей по «истории». ФОСП должен выделить лучшие писательские силы для написания «истории заводов» — говорит т. А. Тихонов. Л. Сейфуллина предлагает произвести прикрепление писателей к определенным заводам на длительный срок; работать нужно оригинальным методом. Л. Ларский указывает на необходимость совместно работать с бытовиками, историками, экономистами.

При посылке писателей на заводы надо учитывать специфические особенности каждого писателя (Вера Инбер). Надо привлечь больше писателей к созданию истории завода им. Владимира Ильича, подшефного ФОСП (И. Зелинский).

Представитель завода «Красный богатырь» т. Берман указал на то, что главная редакция должна развернуть конкурс на лучшее создание «истории». Тов. Горев (Комакадемия) предлагает шире использовать при составлении «истории» заводские печатные и стенные газеты — они могут дать писателям большой материал.

А. КР—ОВ

ОЧИСТИТЬ РИИН ОТ ОППОРТУНИСТОВ

«Литературная газета» дважды (№№ 57 и 64) выступала по поводу положения в Риге, отмечая недостойные явления, имеющие место в институте (латышизмом, слабость самокритики, отсутствие работы по преодолению и жизнь «вместе условий» т. Сталина и т. д.). Эти выступления были правильными и должны сказать, что статьи и самое постановление секретариата РАПП.

Однако, как показало детальное обследование Рижи Свердловским РК ВКП(б), нами было вскрыто только часть (и при том небольшая) болезней института. В своем постановлении о положении в Риге, опубликованном в «Правде» 21 декабря, секретариат райкома отмечает:

— За последние месяцы в Редакционно-издательском институте имели место классово-враждебные вылазки великодержавных шовинистов и антисемитов, отдельных профессоров и преподавателей с антипартийными и буржуазными теориями (Щелкунова, снятого ранее с работы в КИЖ, Сережникова, преподавателя диамата, отвергавшего партийные установки в философии, ректора института Шуйского, выступившего в своей педагогической работе с богдановско-махистскими установками). А в самое последнее время в институте имели место и вылазки явно троцкистского характера.

— На об'единенном заседании кафедр истории, истории ВКП(б) и ленинизма письмо т. Сталина было политически недооценено, в результате чего принята делячейская резолюция. Бюро и директорат не приняли необходимых мер для обеспечения тщательной проверки содержания учебно-методической работы.

— Далее решение отмечает, что имевшие место в институте правооппортунистические, троцкистские и примиренческие выступления: Вопчинский, сделавший правооппортунистический доклад о решениях октябрьского пленума ЦК, Буйвин, примиренчески оценивший это выступление; Кошелев, предлагавший изучить как образцы русской речи памфлеты Троцкого; Гаев, сделавший на лекциях письма т. Сталина контрреволюционные, троцкистские заметки и ранее неоднократно выступавший с троцкистской клеветой на партию; Львовский, выступавший с троцкистской клеветой на партию и ее руководство — все эти вылазки не получили своевременно большевистского отпора; бюро не проявило к этим вылазкам явно примиренческое отношение.

— Рижи должен готовить редакторов общественно-политической и художественной книги, редакторов Гиза, Лита, вооруженных марксистско-ленинской теорией. В связи с тем, что выявленное руководство не обеспечивает перестройки института в соответствии с поставленными перед ним партией задачами, секретариат райкома постановил:

— Бюро ячейки, как не обеспечивающее больше-детского руководства, проявившее примиренчество к правому оппортунизму и троцкизму, потерявшее политическое чутье и партийную бдительность, немедленно и решительно освободить от руководства.

— Райком передал на рассмотрение парткомиссии РИК вопрос о привлечении к партийной ответственности остальных членов бюро: зам. директора Саложенкова, Смородинова, Гришина, Буйвола, Серединина и Львовского.

В ближайшее время мы развернуто осветим вопрос об учебной работе Рижи, дело с которой, по имеющимся у нас данным, обстоит явно неблагополучно.

ПРОТИВ ТРОЦКИСТСКОЙ КОНТРАБАНДЫ И ГНИЛОГО ЛИБЕРАЛИЗМА

Огромный интерес представляет организованное ЛИЯ ЛОКА собрание педагогов-литературоведов Ленинграда. Собрание продолжалось два дня.

После вступительного слова директора ЛИЯ т. В. Кирпотина, охарактеризовавшего значение письма т. Сталина в редакцию «Пролетарской революции» для марксистского литературоведения и подчеркнувшего необходимость самой решительной борьбы за партийность литературоведческой науки, против буржуазных влияний на литературном участке теоретическом фронте, в докладе т. С. Малахова и сообщениях Н. Лесючевского, К. Ровда, Ф. Бутенко были вскрыты антимарксистские, враждебные ленинизму установки «Истории русской литературы» Назаренко, переизданной ГИХЛ еще в 1931 г.; разоблачена троцкистская клевета на Ленина в последней книге Г. Лелевича «Поэзия революционных разночинцев» (ГИХЛ, 1931 г.), разоблачены также псевдо-марксистские работы Львова-Рогачевского и порочные антимарксистские взгляды С. Родова, Г. Майзеля и др.

В прениях по докладам выступил ряд литературоведов, в том числе и литературоведы, о которых упоминали докладчики. Если в выступлениях тт. А. Камегулова, Тамарченко, Бескиной и некоторых других замечания говорят о правильно ошибок, то речь Назаренко справедливо квалифицирована т. В. Кирпотиным, как деляческая, беспринципная, замазывающая ошибки «Истории русской литературы», являющейся рупором классово-враждебных сил в литературоведении.

УКАЗАНИЯ «ПРАВДЫ» ПРАВИЛЬНЫ

ШАГ ВПЕРЕД — ШАГ НАЗАД

«Халтурная саранча на бумажных полях» — под таким заголовком на целую полосу в № от 15 августа «Литературная газета» напечатала рецензию на утопический роман некоего Яна Ларри «Страна счастливых». Роман этот выпущен Ленинградским областным издательством в 1931 году в тираже 50.000 экземпляров и представляет собой контрреволюционную карикатуру на будущее коммунистическое общество.

«Страна счастливых» — это СССР конца XX столетия, это коммунистическое общество на одной шестой части земного шара. В романе общество это нисколько не забегается о прочих пяти шестых, где попрежнему господствуют капиталисты, и исключительно интересуется проблемой международных сообщений.

Впрочем, по Я. Ларри и капиталисты не очень интересуются коммунистической «страной счастливых», относится к ней вполне равнодушно и благодушно. Революционный же энтузиазм жителей «страны счастливых» направлен на «кровавую революцию»... в библиотеках, где предлагают «резать» сочинения... Маркса, Ленина, Сталина.

И вот в рецензии от 15 августа «Лит. газета» такую книгу оценивает лишь как литературную халтуру, не вскрывая ее классовых корней. Рецензия указывает, что «автор совершенно бинтует в ватку страну социализма» как троцкистское, — с халтурой рецензии и что этот «роман может быть расценен как образец враждебного социалистического строительства». Исчезло и говорить, что такая рецензия является прямым проявлением гнилого либерализма.

С большим запозданием (через 4 месяца) в последнем номере, от 19 декабря, «Лит. газета» решила признать, что первая рецензия «является политически неверной, ошибочной».

Но, пытаясь исправить прежнюю ошибку, редакция «Лит. газеты», к сожалению, в лучшем случае по примитивной, перпендикулярности, говорит две новых грубейших политических ошибки.

Во-первых, ошибочным является утверждение редакционной статьи «Лит. газеты», будто соц-фашисты стоят на позициях нормального капиталистического мира и социалистическое строительство в СССР. Это утверждение полностью опровергается всем ходом последних данных ГПУ. Достаточно напомнить Троцкого и Ко, чтобы понять, что этот тезис «Лит. газеты» представляет собой весьма незамысловатый пересказ одного из центральных пунктов троцкистской платформы, а именно пункта о невозможности построения социализма в одной стране.

Во-вторых, ошибочным является утверждение редакционной статьи «Лит. газеты», будто соц-фашисты стоят на позициях нормального капиталистического мира и социалистическое строительство в СССР. Это утверждение полностью опровергается всем ходом последних данных ГПУ. Достаточно напомнить Троцкого и Ко, чтобы понять, что этот тезис «Лит. газеты» представляет собой весьма незамысловатый пересказ одного из центральных пунктов троцкистской платформы, а именно пункта о невозможности построения социализма в одной стране.

«Правда», 21 декабря.

ОТ РЕДАКЦИИ

Последнюю в ближайшем номере исправить эти ошибки.

Выпуску последних данную «Правду» в номере от 21 декабря, редакция «Литгазеты» считает существенно правильной. Это обязывает «Литгазету» усилить борьбу со всеми вылазками и рецидивами контрреволюционного троцкизма, резко их и с проявлениями «гнилого либерализма» по отношению к нему.

СОВЕТСКУЮ ДРАМАТУРГИЮ — НА ВЫСШУЮ СТУПЕНЬ!

НА УРОВЕНЬ КУЛЬТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО РОСТА РАБОЧЕГО ЗРИТЕЛЯ!

IV ПЛЕНУМ ВСЕРОССКОМДРАМА

Пять дней длилась работа пленума Всероссомдрама. Самый факт, что пленум состоялся, свидетельствует о том, что накопилось много вопросов, требующих разрешения путем быстрейшей и серьезной перестройки организации драматургов кинематографистов и композиторов. В свете задач перестройки всплыли на поверхность все моменты, задерживавшие до сих пор развитие организации и тормозившие творческий рост ее членов. Основная беда была в засоренности состава, не оставлявшей времени для вопросов творческого порядка. Вокруг организации не сгруппировалось большого творческого актива.

— Засоряет секретариат, заведующий секцией,—говорит в своем выступлении т. Успенский, — каждый цепляется друг за друга, усиленно работает как будто, конечно, но все это проходит под стеклянным колпаком, изолировано, а потому — никого не интересует.

Драматурги, работая над пьесами, уходили от Всероссомдрама, который не сумел создать для них творческой обстановки.

В области воспитательной работы ленинградское отделение Всероссомдрама имеет некоторые преимущества над московским.

Выступление Н. Никитина обнаружило серьезный сдвиг в его мировоззренческих позициях, приближение к советскому облику драматурга.

***

— Рапповский документ, подчеркивая ведущую роль драматургии,—сказал в своем выступлении т. Подольский,—тем самым говорит, что и Всероссомдрам как организация авторов, приобретает чрезвычайно важное значение и несет на себе прямую ответственность за судьбы театра и его репертуара.

Всероссомдраму надо пересмотреть всю свою работу, покончить, наконец, отсталый театр. В актерском, режиссерском и драматургическом составах наблюдаются как и с проявлениями «гнилого либерализма» по отношению к нему.

А. Афиногенов говорил о поднятой во главу угла всей работы голой промфинплан — вне зависимости от его художественного и идеологического уровня, стремящегося «догнать и перегнать» чуждые картины по «занимательности» и «захвату» зрителя, приводит к выпуску далеко не доброкачественных фильм.

Систему консультантов при киностудиях нужно считать себя не оправдавшей. Низкий идейный и культурный уровень консультантов, являющихся, по словам т. Милькина, «кроликами с правами удава», не только не помог повышению качества продукции, но помешал работе киносценаристов.

Развернутый доклад о работе методцентра Всероссомдрама сделал т. Аксенов, подчеркнувший, что в процессе перестройки методцентр должен стать действительным центром всей организации.

Основной задачей перестройки работы методцентра должно быть: создание положительной творческой атмосферы для авторов, развитие творческих групп, усиление консультационной работы, укрепление связи автора с производством, создание таких условий, когда автору в творческой его работе трудно будет обходиться без помощи его организации.

Выступление драматурги в значительности предлагали на следующий отдельный счет и их критике, не справляющейся со своими задачами.

Идейно-творческое руководство начинающим автором и культурническими кадрами, искажение целого ряда теоретических и творческих ошибок осуществляются критикой из рук вон плохо.

В. Залесский отметил в своем выступлении непринципиальность, случайность, импрессионизм нашей критики. — Необходимо разоблачать все «кунтовые», псевдомарксистские моменты в критике,— говорит оратор,— вскрывать корни пустого краснобайства, беспринципности, «конъюнктурности» в ней.

***

В многочисленных и разнообразных заявлениях ораторов была одна «сквозная» линия — драматурги осознали необходимость перестройки.

***

Дискуссией явилось выступление ряда товарищей из РАПМ, продемонстрировавших перед пленумом непонимание задач перестройки Всероссомдрама. Не говоря уже о недопустимых подмигиваниях приемах, граничащих с простой бранью, тт. Белый, Беллый, Ферре и др. выступления с прямым обвинением Всероссомдрама в сознательной дискредитации рапмовского ядра в композиторской секции и в противопоставлении ему ядра пилучников. Начавшиеся выступлениями тт. Рафаловича и Гнесина дискуссия о теоретических вопросах музыки скатилась, из почве недостаточной принципиальности отношения, до мелочных придирок. Это также свидетельствует о непонимании задач перестройки, основным звеном которой должно стать идейное руководство РАПМ конкретными задачи композиторов в борьбы с враждебными идеями в музыке.

Ведущая роль РАПМ должна быть ей обеспечена, но это возможно в том случае, если рапмовское ядро отнюдь не административным путем, а творческим и идейным превосходством сумеет взять руководство в свои руки.

Е. ПЕЛЬСОН

***

В СОСТАВ СОВЕТА ВСЕРОССКОМДРАМА кооптированы: тт. Зощенко, Ю. Либединский, Колесников, Самсонов, Шебалин, Кикнадзе, Витоли и Залесский.

В СОСТАВ ПРЕЗИДИУМА вошли: Аксенов, Аренский, Афиногенов, Атоянынц, Белый, Бильбасов, [illegible]ний, Безыменский, Колесников, Ю. Либединский, Корнилов, Кочинский, Малышко, Никитин, Олеша, Рахманный, Рыжкин, Сметчков, Самсонов, Шебалин, Файко, Эттингер.

СЕКРЕТАРИАТ ВСЕРОССКОМДРАМА утвержден в следующем составе: тт. Афиногенов, Рогсовский, Никитин, Аренский, Аксенов, Штейн, Файко, Олеша, Белый,

ТВОРЧЕСКИЙ СМОТР МОЛОДЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ПЛАН ПРОВЕДЕНИЯ СМОТРА*

Центральной комиссией по проведению смотра молодежной литературы выработан подробный план развертывания смотра.

В плане указывается, что основными установками смотра являются поворот комсомола лицом к литературе и литературы лицом к проблемам комсомольской работы, практическая помощь пролетарским писателям, пишущим о молодежи и молодежным пролетарским кадрам путем развертывания общественной товарищеской конкретной критики их произведений.

Смотр должен пройти под лозунгами: разработки марксистско-ленинского диалектико-материалистического метода в литературно-художественном творчестве, борьбы со всеми антимарксистскими течениями в литературе и их рецидивами; особое внимание в смотре необходимо уделить ингушарцам и национальным молодежным пролетарским писателям.

Комсомольские организации и местные ассоциации АПП, РОПКП, ЛОКАФ и литкружки организуют на специальных собраниях и вечерах массовое обсуждение конкретных произведений молодежных писателей и произведений о молодежи. В результате массового обсуждения даются коллективные рецензии, статьи и отзывы. В орбиту смотра должны войти по возможности все произведения пролетарских писателей (Горького, Д. Бедного, Серафимовича, Фадеева, Панферова, Ставского, Безыменского и др.), в которых отражены борьба и быт молодежи.

В задачи смотра должны войти разоблачение враждебных и приспособленческих, а также критика попутнических и союзнических произведений о молодежи. В течение смотра особенно необходимо систематически следить за всей выходящей художественной литературой, систематически поднимать уровень смотра, выявляя лучшие произведения и лучших писателей.

К смотру должны быть привлечены все писательские и критические силы ВОАПП, комсомольские и пролетарские организации и комсомольская и пролетарская печать. («Рост», «На литпосту», «Октябрь», «Пролетарская литература», «Молодая гвардия», «Земля советская», «Литучеба» и др.).

Комсомольские организации и АПП в лице публубиток должны выявить смотр местных национальных молодежных писателей.

Срок проведения творческого смотра молодежной литературы устанавливается в 3 месяца: с 15 декабря 1931 г. по 15 марта 1932 г. Смотр проводится силами комсомола, ВОАПП, ГАПП, РОПКП и ЛОКАФ. Общее руководство смотром проведет комиссия по смотру из представителей ЦК и МК ВЛКСМ, «Комсомольской правды», ВОАПП, РАПП и РОПКП.

Вместе с литкружками и редакцией молодежной странички заводской, совхозной газеты ячейки ВЛКСМ устраивают вечера отдельных молодежных писателей, а также и литдуэлянков местного литкружка, организуя коллективные отзывы, рецензии, собирая предложения по работе авторов, по работе литкружка и т. д. В частности «Комсомольская правда» совместно с соответствующими литкружками и ячейками ВЛКСМ организует вечера следующих писателей, сдала на обсуждение произведения: Платонкина—«Прорыв», Уткина—«Публицистическая лирика», Терасимовой—«Паницырь и забрало», Сурикова — «Бытие», Жарова — стихи, Ленча — «Жили два товарища», Горбатова — «Подгород», Шкодова — «Обходы», «Два окна», Безыменского — «Трагедийная ночь» и «Выстрел», Караваевой — «Крутая ступень», Колосова — «Проба», Терасова — «Ортодоксы», Алтаузена — «Ведущий интеллект», Собакинского — «Наш питер». Трушкова — «Кадры», Молчалова — стихи, Пейка — «Порода», «С вечерной и книгой», Овалова — «Путь в завтрашний день», Митрофанова — «Июнь-июль», Кирилова — «Ударный квартал», «Пятилетка», Богданова — «Гигант пятилетки», Сидоренко — «Инженеры», произведения «Кирпичи: Рогинина, Сидорова, Шевелевой, Гутермана, Сабурина, Подлесковой, Филипова Г., Лунова, Белухина; очерки Г. Гина, книги А. Сидоренко — «Поволь», «Машинист Тоньков», Черкасова — «Расстрелянные годы», Федотова — «Военкоры», Рыбинсова — «Ленком комсоргов», И. Рахилло — «Счастливый город», очерки: Колбасьева — «Сельскохозяйственная». Свирилова — «Особая Дальневосточная». Обсмольер — «Мир освоен», Головина — «Поэма об агитаторе», Кудряшева — «Краснофлотские стихи» и т. д.

Смотр, однако, не может ограничиться указанным рядом произведений. Каждая организация должна наметить по своей специфические интересы и вопросы отдельных отрядов комсомольцев рабочей и колхозной молодежи, особенно же выделяя произведения местных и национальных писателей и ударников, пришедших в литературу.

Одновременно план намечает в проверку ячейками ВЛКСМ и литкружками работы библиотек, обслуживание молодежи художественной литературой.

Районы комсомола совместно с районными организациями АПП и РОПКП проводят кампанию смотра в районе — дают им указания, выделяют специальных инструкторов по проведению смотра, помогают организации вечеров и т. д. РК комсомола и МК ВЛКСМ организуют совещания с писательским молодняком, главным образом ударниками, работы над молодежной и комсомольской тематикой и пр. РК комсомола совместно с райбюро АПП устраивают речевые активы, на обсуждение которых должны быть поставлены проблемные доклады (например, как в художественных произведениях молодежи разрешаются проблемы: 1. отношения молодежи к труду (социалистическое соревнование и ударничество), 2. молодежь в Красной армии эпохи гражданской войны и периода вступления в социализм в комсомольский актив, 4. проблема кадров (учащаяся молодежь), 5. Колхозная молодежь и т. д.).

«Комсомольская правда» в продолжение смотра посвящает ему все литературные (не менее одной в декаду), систематически освещает ход смотра и выкладывает литературу о молодежи—рецензий, статей, обзоров.). В творческий смотр молодежной литературы должны включиться все рабочие и колхозные журналы. Конкретные планы по творческому смотру всех журналов, участвующих в проведении смотра, согласовываются с комиссией по смотру при «К. П.». Все комсомольская и рабочая печать должна организовать переводы лучших произведений о молодежи на национальные языки.

В днях участия писателей в развертывании смотра молодежной литературы план намечает проведение диспутов среди пролетарских и крестьянских писателей. Анкета состоит из следующих вопросов:

1. Как писатель думает включиться в смотр, чем помочь смотру? 2. Над чем работает писатель в данное время? 3. Как отражена молодежь, в частности, комсомол в его произведениях? 4. Что намечается писателем в дальнейшем по изображению в своих произведениях роли комсомола и молодежи?

План подписан: «КОМСОМОЛЬСКАЯ ПРАВДА», МК ВЛКСМ, изд-во «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ», ВОАПП, РАПП, ВОПКП, РОПКП, МАПП, МосЛОКАФ.

* Печатается в выдержках. Полностью опубликован в «Комсомольской правде», от 31 декабря.

ВЫЗОВ! НО КОМУ?*

Новая повесть Н. Богданова, автора «Первой девушки», заслуживает пристального внимания.

«Вызов» эту — рассказ о зарождении, развитии и причинах упадка комсомольской с.-х. коммуны. На этот раз Н. Богданов рисует комсомол не эпохи гражданской войны (как в «Первой девушке»), а комсомол последних лет, комсомол эпохи коллективизации, ликвидации кулачества как класса и внедрения в деревню.

Показать роль комсомола, художественно нарисовать те новые процессы, которые происходят внутри колхоза и с.-х. коммуны, поставить ряд новых жизнеспособных вопросов организации быта колхозников и коммунаров, — такова была задача автора.

К сожалению, переход писателя от романтики гражданской войны (первая книга автора так и называется «Романтическая повесть») к художественному обобщению и выявлению современной действительности, к ее осмыслению — идет по неправильной линии.

В центре повести комсомольский коллектив деревни, расположившийся на два лагеря: «боевиков» и «попутчиков». Каждый из — коммуны, старательно обрабатывающие землю коммуны, ушедшие от общественных интересов деревни, замкнувшиеся в себя кучка молодежи, постепенно вырождающаяся в кулацкую артель. Как бы в противовес им писатель выводит другую часть комсомольского коллектива, основанную на том, что вовлекшую в коммуну и подчеркивающую свое пренебрежение к коммунарам презрительной кличкой «кацапство».

Однако «боевики» меньше всего похожи на комсомольцев, призванных исправлять неверную линию коммуны, это — люди (Паранск, Лепилин), олицетворяющие лень, кабинетизм, бюрократизм. Деятели (секретарь ячейки) мечтают о том, как бы показать своих выдвиженцев людей в руководящей должности сельсовета; неверную линию коммунаров они пытаются исправить тем, что грозятся в коммунаров, командуют, орут и кричат. Вместо того чтобы разъяснить крестьянам, что, организуя коммуны, партия с согласия власть сажает не «своих людей на», как нарисовали кулацкие «деятели» за их зачуханность от деревни, обществ подрядчиков, а самих рабочих и коммунаров, ведет к ним недоверие и злые слухи.

Дело кончается разгромом коммуны.

А. Богданов таким образом не увидел в современной борьбе тех положительных сил (комсомол, партия, передовые колхозники), опираясь на которые партия достигла таких огромных успехов в деле коллективизации деревни. Коллективизация и деклассирование кулачества, которая происходит в ближайшие годы, в которой происходит ликвидация кулачества как класса, не нашли отражения в повести.

Автор не видит в самой деревне тех сил, которые сами нашли бы приемлемую дорогу к новой жизни. Председатель сельсовета Сосок, герой гражданской войны, больной и чудесный человек, мечтающий о будущем, ничего не делает для колхоза. За него все делает секретарь. Другой герой гражданской войны Сапун становится типичным кулаком, прячущим хлеб от советской власти. В конце концов за террористический акт против представителей советской власти, забирающих у него излишки хлеба, он попадает в тюрьму.

На правильный путь деревню может поставить только город, в деревне нет сил для проведения коллективизации,— такова основная мысль автора. Но и город, это руководство Волынов представляет очень примитивно и политически вперед.

Автор выводит в своей повести пенного Сорокоумова, приезжающего из города, десять коряков в коммуне, и инженера Пичугина, городского комсомольца, сменившего старого вожака коммуны Алексея. С приходом Пичугина и с приездом Сорокоумова в деревне все начинает мгновенно изменяться. Только Пичугин и Сорокоумов могут нанести правильную линию, только приезд их, «деревенщикам» игре этом остается немедленно радостно сознаться со всеми их продолжениями, ругать самих себя за неправильную линию и т. д. и т. д.

Так автор «разрешает» самые сложнейшие вопросы, стоящие сейчас перед коренной деревней.

Автентное резюме, выпавшее коренной перелом комсомольцев на коммуны «Вызов» в том, что они организовали отдельный отряд вместо того, чтобы вкрапливаться в общую армию, — ярко неверно. Пример наших ударных молодежных бригад ярче всего говорит об этом. Автору же кажется, что вся беда комсомольцев на коммуны «Вызов» в выделении из общей массы, а не в том, что они неправильно проводили классовую линию.

Автор проводит аналогию с Трифоном, вкладывая в уста Пичугина — нового руководителя коммуны, следующие слова:

«— Все это, конечно, печально,—сказал Пичугин, кладя руку на плечо Насти, — надо знать комсомольскую историю, а у нас ее не знают. Вы нам обязательно своим отчислением, обмолотом и себя (?!). Я вспомнил Трифона, оно было неизбежно. Это была высшая переломная точка нашей ложной романтики. Ведь до всех многие из горячих голов всерьез думали создать чуть ли не свою комсомольскую армию...

Нет, именно отбросив иллюзии — после бесславной гибели одного из лучших отрядов под Трифоном — все увидели — только в рядах взрослых бойцов может выявить себя молодежь» (стр. 206).

Эта аналогия лишь не верная в предпосылках, взятая автором для прикрытия своей антиисторической слабости, своей неспособности объяснить социальную, классовую подоплеку того процесса, который все время шел в коммуне и который привел ее на путь кулацкой артели

НА ПЕРВЫХ ВЕЧЕРАХ ТВОРЧЕСКОГО СМОТРА

МОЛОДЕЖНЫЕ ПОВЕСТИ О ПЕЧАТНИКАХ

„БОЛТОВНЯ“ И „ИЮНЬ—ИЮЛЬ“ НА СМОТРЕ

«...Граф был!т, а мерзав чахнет...»

Так передает один из персонажей Митрофанова содержание читаемой книжки.

Прочитан сформулированный Митрофановым мотив личных переживаний почти всегда служил основным мотивом литературы прошлого: был!т граф, чахла мерзавка...

А. Митрофанов поставил себе серьезную и интересную задачу: показать, что у строителя социализма личные переживания растворяются в общественных интересах, отступают перед ними на второй план, что для пролетария-большевика (Ольшанина) не может быть личной трагедии. В конце повести «Июнь—июль» Митрофанов сам подчеркивает, что «несмотря на старания автора трагедии не получилось».

Однако «несмотря на старания автора» трагедия все же неожиданно произошла: трагедия случилась с другим героем — Стремянниковым. И эта трагедия несколько «смутна» для самого автора.

Сначала Стремянников предстает перед читателем как враг, как человек, запутавшийся в оппортунистической фразе. Но дальше Митрофанов пошел по линии оправдания образа Стремянникова, все более и более смягчая его. И если бы Митрофанов довел по этой линии до конца, Стремянников стал бы в конце концов «выдержанным партийцем». Митрофанов сам ощущает ложность этой линии, и в поисках выхода из положения обрывает ее, заставляя Стремянникова покончить с собой.

Ряд ошибок допущен Митрофановым и в обрисовке положительного образа Ольшанина.

Ольшанин, как настоящий коммунист, отбирает партбилет у Стремянникова, запутавшегося в «игре в оппозицию», но потом, ломаясь Стремянникова, отдает ему партбилет. Ольшанин — не мягкотелый гуманист, и этот поступок воспринимается как момент срыва. Митрофанов заставил Ольшанина показать Стремянникова, как он жалеет его сам.

Другая ошибка — в обрисовке характеров сотрудников в типографии и тех мотивов, которыми стимулируется участие в нем Ольшанина. Сотрудничество идет из глубоко личных мотивов: оно является для Ольшанина ставкой на то, чтобы завоевать Тоню. В итоге трагедия у Ольшанина не получилась не потому, что личное растворилось в общественном, а потому, что общественное оказалось растворенным в личных мотивах.

Недостатки повести отчасти связаны и с самым стилем ее. Ясный, сочный, лексически богатый и бодрый язык имеет одним из своих источников «Кола Брюньона» Ромена Роллана. По этот стиль авторской экспрессивности у Митрофанова очень размельчается, превращаясь подчас в некое «психологическое» почесывание.

Это ведет к романтике конкретных деталей, к стремлению поймать читателя на интуицию, на веру к этим внезапным явлениям, за которыми автор кщет тайный смысл. Недаром один из митрофановских персонажей утверждает, что «некоторые формулы расшифровываются чувствами, как фальшивые». Отдавшись потоку потаенных чувств, Митрофанов пропадает социальные чувства своих героев, нежелательно возродив в своей повести некоторые атрибуты «перевальства». Но при всем этом у Митрофанова есть все данные к тому, чтобы написать следующую книгу «роман-эпопею» посредством включения в композицию Митрофанова, немедленно расшифровывает в общественно-бытовом плане; что даже второстепенные персонажи «Болтовни» полнее и вернее характеризуют действительных комсомольцев, чем образы молодежи у Митрофанова; что в то время, как язык «Июня—июля» — язык интеллигентский, часто с недорогими кокетками его эрабочения («паразитрования»), — Ольшанов — при немногочисленных срывах — характеризует настоящий рабочий литературный язык.

Выступили на вечере и авторы обеих повестей — А. Митрофанов и Л. Ольшанов, выразившие свое полное согласие с основными положениями докладчика.

Время, за поздним временем, пришлось отложить.

ДЕКА

СМОТР БЕЗ КРИТИКИ

Вечер, посвященный творческому смотру повести Б. Гусева, явился не только началом смотра молодежной литературы в кабинете ударника МАПП, но и вообще первой ростой квалифицированного писателя в кабинете ударника.

Ясно, что смотр нельзя проводить без участия конкретной критики, а между тем на вечере не только не было поставлено доклада о творчестве Гусева, но на собрании вообще отсутствовали критики, выделенные МАПП для проведения смотра.

Этот пробел пострадался исправить сам автор В. Гусев, который чтение своих отрывков сопровождал самокритического характера. Недостатки пройденного им этапа творческой работы, В. Гусев охарактеризовал свою перестройку как переход мелкобуржуазного писателя посредством включения в композицию «в процессе», как он и обещает это в предисловии к первой своей книге.

***

Такова основные тезисы доклада И. Бачелиса, которым открылся первый в Москве вечер творческого смотра молодежной литературы, проведенный сектором литературы и искусства Дома печати.

К сожалению, недостаток времени не позволил И. Бачелису также подробно охарактеризовать вторую повесть, поставленную в «порядок дня».

И. Бачелис отметил, что в «Болтовне» Л. Ольшанов есть ряд перекличек с Митрофановым; что язык «Болтовни» также восходит к «Кола Брюньону», но стиль «Брюньона» Ольшанов, в отличие от Митрофанова, не механически, а творчески перерабатывает, что Ольшанов не получилось не потому, что личное растворилось в общественном, а потому, что общественное оказалось растворенным в личных мотивах.

Недостатки повести отчасти связаны и с самым стилем ее. Ясный, сочный, лексически богатый и бодрый язык имеет одним из своих источников «Кола Брюньона» Ромена Роллана. По этот стиль авторской экспрессивности у Митрофанова очень размельчается, превращаясь подчас в некое «психологическое» почесывание.

Это ведет к романтике конкретных деталей, к стремлению поймать читателя на интуицию, на веру к этим внезапным явлениям, за которыми автор кщет тайный смысл. Недаром один из митрофановских персонажей утверждает, что «некоторые формулы расшифровываются чувствами, как фальшивые». Отдавшись потоку потаенных чувств, Митрофанов пропадает социальные чувства своих героев, нежелательно возродив в своей повести некоторые атрибуты «перевальства». Но при всем этом у Митрофанова есть все данные к тому, чтобы написать следующую книгу «роман-эпопею» посредством включения в композицию

ОБЗОР ПЕЧАТИ

МАРКС И ЭНГЕЛЬС ПЕРЕД СУДОМ „ПРИСЯЖНОГО“ ОБЫВАТЕЛЯ

РИС. ГР. РОЗЕ

МЕЛКИЙ БЕС ВОИНСТВУЮЩЕГО МЕЩАНСТВА

Есть у нас среди профессоров литературы, главным образом в провинции, распространенный тип «перестраивающегося обывателя». Моется его набить эклектической мешаниной, но профессиональный обыватель пытается из последних сил, чтобы доказать, что он марксист, безусловно марксист, ибо его рецензии печатают не где-нибудь, а в органе Ассоциации пролетарских писателей!

И не только рецензии — большие «научные исследования» «Маркс и Энгельс в работе над художественным словом», принадлежащие бойкому перу проф. Н. Н. Сретенского, напечатал северо-кавказский журнал «На подъеме» — орган краевой АПП.

Обыватель прочитал «Святое семейство» и «с позиции литературоведа» пошлепало похлопывает по плечу Маркса: дескать, вы, конечно, дилетант в вопросах литературы, но кое-какие возможности стать критиком у нас были. Только «возможности», — снисходительно роняет Сретенский.

Рассказанный в той критике, которой Маркс в «Святом семействе» подверг роман Эжена Сю «Парижские тайны», и оральная марксову критику с высказываниями Белинского о «Парижских тайнах», Н. Сретенский заявляет, что Белинский оказался «беспощаднее Маркса». Видите ли, Белинский считал романы Э. Сю бездарным произведением, а «Марс этого ни разу не отметил». Белинский «уберегся от каких-либо низкий насчет Сю», — пишет Сретенский. Иными словами, Белинский подарг Сю более последовательному, глубокому и правильному анализу, чем Маркс. А Маркс — выходит по Сретенскому — был скутан сетью каких-то иллюзий и поэтому оказался менее «беспощадным» к Э. Сю, чем Белинский, который, как известно, в то время гегелевский философский коктейль.

Классово-враждебной клеветой на Маркса и марксизм является утверждение, что Маркс «принял бой противника на поле и по методу той же (т. е. гегелевской) диалектики, только обеспечив успех... правильным материалистическим пониманием общественной действительности». Выходит, что Маркс не преодолевал, не перерабатывал материалистически гегелевскую диалектику, а взял ее в целом, присоединил каким-то образом к ней материалистическое понимание общества и назвал эту помесь мировоззрением пролетариата.

Распоясавшись с Марксом, Сретенский переходит к Энгельсу. Он по-свойму, по-обывательски констатирует образ рождой пролетариата: «В сравнении с Марксом — девятнадцать медлительности, кропотливым в изысканной обработке почти всех своих книжий — Энгельса отмечали черты журналиста по призванию, настойчивого, порывистого, быстро и легко отзывающегося на самые разнообразные темы». Так вот каковы они, «Диспуты научного социализма», как называет Маркса и Энгельса Сретенский! Один — педант, медлительный и кропотливый, для которого в обработке «Капитала» главное — выискивать стили, другой — типичный журналист, быстро и легко владеющий пером, легко подтягивающийся вслед за минутным порывам. Такой пошлости мы еще не встречали в нашей печати.

Не менее возмутительным является подход Сретенского к труду Энгельса «Положение рабочего класса в Англии».

Научная ценность «Положения рабочего класса в Англии» ставится Сретенским под сомнение. Сретенский неправильно подчеркивает, что в основу всего положений книги Энгельса берутся субъективные наблюдения, что Энгельс исчерпывал только «все-чем на пригущих ему способностей к микроскопической передачи непосредственных впечатлений», что книга «с избытком удовлетворяет требованиям своеобразного промежуточного жанра между социологическим трактатом и художественным произведением» и т. д.

«Полунаучный, полухудожественный очерк» — вот чем оказывается по Сретенскому книги, статьи, письма Энгельса.

«Подать» Марксу, «полунаучный очеркист» Энгельс — такие утверждения может вызвать лишь классовый враг.

Научная ценность «Положения рабочего класса в Англии» ставится Сретенским под сомнение. Сретенский неправильно подчеркивает, что в основу всего положений книги Энгельса берутся субъективные наблюдения, что Энгельс исчерпывал только «все-чем на пригущих ему способностей к микроскопической передачи непосредственных впечатлений», что книга «с избытком удовлетворяет требованиям своеобразного промежуточного жанра между социологическим трактатом и художественным произведением» и т. д.

«Полунаучный, полухудожественный очерк» — вот чем оказывается по Сретенскому книги, статьи, письма Энгельса.

«Подать» Марксу, «полунаучный очеркист» Энгельс — такие утверждения может вызвать лишь классовый враг.

Не менее возмутительным является подход Сретенского к труду Энгельса «Положение рабочего класса в Англии».

Научная ценность «Положения рабочего класса в Англии» ставится Сретенским под сомнение. Сретенский неправильно подчеркивает, что в основу всего положений книги Энгельса берутся субъективные наблюдения, что Энгельс исчерпывал только «все-чем на пригущих ему способностей к микроскопической передачи непосредственных впечатлений», что книга «с избытком удовлетворяет требованиям своеобразного промежуточного жанра между социологическим трактатом и художественным произведением» и т. д.

«Полунаучный, полухудожественный очерк» — вот чем оказывается по Сретенскому книги, статьи, письма Энгельса.

«Подать» Марксу, «полунаучный очеркист» Энгельс — такие утверждения может вызвать лишь классовый враг.

СПУСК К РЕВЯКИНЩИНЕ*

Совсем недавно вышел в свет сборник работников РОПКИ о крестьянской литературе «К новому подъему». При существующей в нашей критике явной недооценке вопросов пролетарско-колхозной (крестьянской) литературы появление такого сборника нужно было бы считать фактом положительного значения. Однако конкретное содержание сборника далеко не оправдывает своего названия и даже названия. Новый подъем пролетарско-колхозной литературы, связанный с колоссальным размахом культурной революции в нашей стране, почти не нашел в этом сборнике своего отражения. Новые явления современного литературного движения, затронутые частично в этом сборнике, весьма основательно извращены (особенно в статье Ревякина), а если не извращены, то освещены слишком поверхностно, не глубоко.

Остановимся на статье т. Батрака. Эта статья не лишена некоторых положительных моментов и части указаний, идейно-политических установок крестьянских (пролетарско-колхозных) писателей.

Из наряду с этим в статье т. Батрака имеется ряд спорных и ошибочных формулировок.

Грубой политической ошибкой, граничащей с недооценкой правой опасности в литературе, является утверждение, что нам «на протяжении этих двух с половиной лет пришлось вести и победоносно закончить войну с кулацким крылом нашей литературы» (подчеркнуто мной. — И. А.).

На этого утверждения логически вытекает необходимость прекращения борьбы с кулацкой литературой, поскольку с ней «победоносная война уже закончена».

Тов. Батрак после критики этой части своего доклада признал в «Литературной газете» ошибочность своего утверждения. Однако это не устраняет необходимости дальнейшей критики этой статьи.

Неточно например определение социальной базы попутничества, данное т. Батраком. Он пишет: «Если мы вспомним, что крестьянство представляет собой промежуточный класс то мы увидим, что именно эта самая почва и порождала «попутничество». Но это совершенно не верно, ибо попутничество в своей основе было литературным отражением мелкобуржуазной интеллигенции.

Тов. Батрак допускает серьезную ошибку, когда говорит о дифференциации писателей РОПКИ и совершенно упускает из виду кулацких писателей. Это необходимо подчеркнуть, потому что в настоящий момент в РОПКИ имеется чрезвычайно большая группа писателей, отражающих позиции кулацкого крестьянства, перестраивающего деревню на социалистических началах. Упустить это обстоятельство из вида — значит не понять того нового, что в настоящий момент является основным, решающим во всей организации РОПКИ *.

Особого внимания заслуживает статья А. Ревякина «О крестьянской драме», реставрирующего уже разоблаченные нашей критикой взгляды. Этот факт говорит о том, что Ревякин пересматривать свои кулацкие позиции не собирается. Формалистическая эстетская статья перемешана оценками, которые ничего общего не имеют ни с литературно-политической линией РОПКИ, ни с линией марксистско-ленинской критики в целом.

Начать хотя бы с того, что Ревякин до сих пор сваливает в одну группу, подходит под одну идейно-политическую мерку таких писателей, как Панферов, Л. Чижевский и С. Дальний. Для Ревякина не существует принципиально-политического, классового разграничения писателей. Исходным принципом при определении социального лица писателя Ревякин до сих пор неизменно считает «центральный образ». Поскольку у Панферова, Дм. Чижевского и С. Дальнего «центральным», по Ревякину, образом является образ крестьянина—значит все они—крестьянские писатели, значит творчество Панферова в социальном отношении равно творчеству Чижевского и Дальнего. То, что между ними существует глубокое идейно-политическое различие, что это различие необходимо постоянно подчеркивать для намечения путей преодоления крестьянской ограниченности некоторых из этих писателей (Чижевский, Дальний), Ревякиным совершенно замалчивается. Подведение крестьянских писателей под один идейно-политический уровень с пролетарским писателем Панферовым означает на деле замазывание идеологических недостатков крестьянских писателей, снимает задачу перехода крестьянских писателей на рельсы пролетарской идеологии.

На короткого, на первый взгляд, «сопоставления» отдельного сказанного в одну группу крестьянских и пролетарских писателей скрывает глубокое извращение литературно-политической линии. «Сглаживание» классово-идеологических граней имеет свой определенный смысл. Если мы вспомним заявление того же Ревякина в «Автодоклад» пролетарской литературе о том, что «между крестьянской и пролетарской литературой принципиально, по существу нет разницы», станет ясна та конечная точка, к которой подталкивает читателя Ревякин. Это точка зрения Горбова о «едином потоке» движения нашей литературы.

Установка Ревякина выступает в более обнаженном виде, когда он переходит к оценке кулачества и период реконструкции.

В «Автодоклад», как известно, Ревякин утверждал: классовая борьба в стране затухает, имевшее в 1927—28 г. обострение классовой борьбы—лишь отдельный случай; объективных данных для обострения классовая борьба в нашей действительности нет; кулачество «в силу своего сознания» уже не представляет эту свою позицию; кулацкая литература в соответствии с действиями своего класса «блекнет», «отцветает» и т. д., и т. п.

Что же мы встречаем в данной статье? В данной статье мы встречаем рассуждения, правда, весьма путаные, на тему о той же добровольной сдаче своих позиций кулачеству. Для подтверждения своей точки зрения Ревякин приводит один любопытный прием: на пьесы Лебедева, свидетельствующий якобы о том, что писатель видит не только классовую дифференциацию в деревне, но и борьбу.

— Один из героев пьесы Лебедева, «Доживали»,—пишет Ревякин, — услышав, что провозгласивший кулак, председатель кооператива, повесился, после недолгого раздумья говорит: «Этот неприятный случай служит нам ярким доказательством полного бессилия последних буржуа и кулаков. Они сами сознают свою неспособность к дальнейшей борьбе и сами себя уничтожают».

Напомним читателю, что пьеса Лебедева вышла в свет в 1927 г., о чем Ревякин из предосторожности умалчивает. Если, таким образом, еще в 1927 г. кулаки в нашей стране «сами осознали свою неспособность к дальнейшей борьбе и сами себя уничтожали», то чем объяснить факт резкого обострения классовой борьбы в деревне в период 1929, 1930 и 1931 гг.? Выходит, что это обострение классовой борьбы протекало без всякого сопротивления кулачества,—последнее сознательно себя уничтожало.

Эта дикая «теория» имеет явно кулацкое происхождение. Эта теория изображает кулачество в виде невинных агнцев, сознательно и добровольно кладущих свои головы на алтарь социализма. Эта теория есть теория идеализации кулачества, защиты его классово-враждебных нам позиций.

Спрашивается, где были коммунисты—Н. Острогорский, имена которых красуются на первой странице как имена редакторов этого сборника наравне, как имена участников сборника (кроме Калягичкого)? Почему эти товарищи пошли на сотрудничество в этом сборнике с защитником кулачества, врагом ленинской линии нашей партии? Может быть по незнанию основных установок нашей партии? «Может быть по незнакомству с историей большевизма? Может быть ради пущего либерализма? Довольно странный либерализм, провозимый за счет кровных интересов большевизма» (И. В. Сталин «О некоторых вопросах истории большевизма», журн. «Большевик», №№ 19—20,1931 г., стр. 11).

Вместо того чтобы занять к отпоснию Ревякина большевистски непримиримую позицию, редакторы-коммунисты решили Ревякина прикрыть хвалебными отзывами.

В предисловии к брошюре они заявляют: «читая статью т. А. Ревякина (нашим товарищам!—И. А.), снабженную большим иллюстративным материалом и подтверждающим этот материал серьезному критическому анализу, чрезвычайно нужной и ценной, однако, оговаривает спорность той части статьи, где автором дается «рецепты» технико-методологического характера».

Редакторы-коммунисты считают статью Ревякина «чрезвычайно нужной и ценной, подтверждающей материал серьезному критическому анализу». Эти товарищи оказались несостоятельными (!) лишь с «рецептами технико-методологического» характера, пропустив мимо ушей апологетику кулачества.

И. АСТАХОВ

* «К новому подъему». Сб. статей И. Батрака, А. Ревякина, А. Богданова, Н. Острогорского, стр. 89, изд. ГИХЛ, 1931 г.

* Более развернутая критика сборника и статьи т. Батрака будет дана в одном из ближайших номеров журнала «Литература и искусство».

ДОБРАЯ РЕДАКЦИЯ И ПЕРЕВАЛЬСКИЙ ТЕОРЕТИК

В только что вышедшем № 11 «Нового мира» напечатана (в дискуссионном порядке) статья «перевальского» теоретика И. Замошкина «О смежных и касательных сторонах диалектико-материалистического метода в литературе».

1) В самом начале статьи И. Замошкин делает примечательную оговорку, будучи не убежден в правильности и ортодоксальности своих мнений: «Ошибки неизменно сопутствуют всякому принципиальному обсуждению. Неэтому-то с ними надо заранее примириться, помня, что и она в какой-то степени «двигает вперед».

Насквозь оппортунистическое по своей политической сущности утверждение! Всегда за Волынским, выдвигающим на творческой дискуссии в ВССП положение о неизбежной необходимости ошибок, Замошкин пытается контрабандистски протащить старую троцкистскую релятивистскую теорийку, утверждая право на всякую ошибку, якобы «помогающую» движению вперед.

2) Замошкин пытается воскресить горбовскую теорию «единого потока» советской литературы: «До сих пор было так: худо ли, хорошо ли, но попутчик писал революционные произведения, твердо зная, что он за пролетарскую революцию * (конечно были исключения)». Оговорка об «исключениях» — только оговорка. Подобная сплошная характеристика попутничества, как сознательно стоящего за пролетарскую революцию, приводит к отрицанию классовой борьбы в попутнической среде.

3) Преодоление отставания советской литературы Замошкин видит в установлении «диалектического разновесия» (!!) между «впечатлениями» и «понятиями», считая, кстати говоря, образцом такого рода метода «Журавлиную родину» М. Пришвина. Вряд ли нужно доказывать грубую механистичность методологии Замошкина, столь удачно «уравновешивающейся» с его литературно-политическими симпатиями к реакционному творчеству Пришвина.

4) Замошкин контрабандистски протаскивает битый марксистской критикой тезис о «стихийной диалектичности» великих писателей прошлого, выдавая его к тому же за всеми признанную истину. Соответственно «стихийными материалистами» объявляются Достоевский, М. Пруст и Вс. Иванов в «Тайное тайных».

5) Под диалектикой Замошкин разумеет подвижность во времени, текучесть. Он прямо объявляет: «диалектика и время — понятия почти тавтологические». Ясно, что под таким определением скрывается любой буржуазный теоретик прогресса.

Однако в это не «удовлетворяет» Замошкина. Он объявляет «в основном правильной» следующую насквозь субъективно-идеалистическую формулу Алексея Толстого: «то, что мы называем пространством или бытием — есть наше восприятие времени».

Говоря о переживаниях старого в строе новых, возникающих в нашей стране социалистических отношений, Замошкин называет старое (например, колокольный звон) — «инертным бытием» и советует: «не принимайте инертное бытие за бытие полных и действующих форм, а только спокойно вспоминайте его» (курсив Замошкина).

Это — прямой призыв к отказу от активной борьбы с классовым врагом, грубейший рецепт «спокойных воспоминаний» о нем.

Редакция «Нового мира», напечатавшая статью Замошкина в дискуссионном порядке, даже не сопроводила ее своим ответом, лишний раз доказала свою беспринципность в основных вопросах литературы, свое примиренческое отношение к взглядам, явно враждебным марксизму-ленинизму

* Курсив Замошкина.

В. ГОЛЬЦЕВ

«ПУСТЫНЯ» П. ПАВЛЕНКО*

I

Недавно вышедшая повесть Петра Павленко «Пустыня» представляет собою интересное явление в нашей литературной жизни. Эта книга не только является показательством большого творческого роста молодого писателя, пришедшего в литературу еще совсем недавно. Она лишний раз свидетельствует об очень значительных и сложных сдвигах, происходящих в попутнической среде. В то время как в прошлом попутнической и творческая дифференциация ряд прежних литературных попутчиков революции объективно сходит направо, П. Павленко вместе с лучшими и передовым отрядом советских писателей завоевывает себе право называться литературным союзником пролетариата.

Формальное мастерство П. Павленко, его несомненное умение владеть литературной формой проявились почти с самого начала. Но первый период его творческой работы был отмечен рядом значительных идеологических изъянов. Представители пролетарской критики не напрасно упрекали автора «Азиатских рассказов» в эстетском мировоззрении и в недоброкачественном подражании образцам западной сенсационной литературы. В первой своей книге Павленко почти исключительно описывал старую, уходящую Турцию, а не Турцию наших дней. Он слишком внимательно относился к прошлому, слишком внимательно воспринимал экзотику Босфора и Золотого рога, живописных кофеен и древних мечетей. Он чересчур охотно говорил о таинственных особенностях Востока, расстилающего перед европейцем «свои экзотические откровения» (Orientalia»). Жизнь казалась ему непонятной, фантасмагоричной, линейной всех очертаний («Мастера Эйюба»), а искусство он уподоблял сновидению («Изображение вещей»). Социально-политические проблемы современного Востока были лишь бегло затронуты автором «Азиатских рассказов».

Перенимая в первый период своего творчества традиции французской литературы, посвященной Востоку, Павленко отнесся к ним некритически. Например, увлекаясь Пьером Лаффаром, являющимся одним из наиболее характерных представителей французского колониального империализма в литературе, он явно игнорировал классовую, буржуазную природу этого писателя. Несомненно, что далекая от современности тематика «Азиатских рассказов» свидетельствовала об ошибках мировоззренческого порядка, допущенных П. Павленко в начале его творческой деятельности.

Эстетическим уклоном его мировоззрения обусловливалась перегрузка небольшого и не очень сложного сюжета множеством украшающих повествование элементов. Увлекаясь сложной орнаментикой, Павленко нередко оставлял в своей повести яркий и своеобразный, но по существу ненужный образ.

Вторая книга Павленко «Стамбул и Турция» уже во многом отличалась от «Азиатских рассказов». И хотя она была помечена декабрем 1927 года, следует предположить, что она перерабатывалась автором значительно позже. Очерки, вошедшие в этот сборник, были написаны гораздо проще, сдержаннее и реалистичнее. Правда, «Занятие старинной», романтические события культурно-исторического порядка преобладали и в этой книге над остальным материалом. Слишком много говорилось в ней о деятелях прошлого, о разных мелочах и бытовых особенностях, лишенных большой социальной значимости. И совсем мало внимания Павленко уделял социально-освободительному движению кемалистской Турции, турецкой экономике и своеобразным формам классовой борьбы. Интересная политическая злободневность еще отсутствовала в «Стамбуле и Турции».

Но эта книга знаменовала собою переходный период в творческом развитии П. Павленко и свидетельствовала об очень важных сдвигах в его мировоззрении. Молодого советского писателя перестала удовлетворять прежняя эстетическая тематика. Применение новых стилистических приемов, овеществленная образа Павленко в сторону реалистической ясности объяснялись именно мировоззренческими сдвигами. Писатель пришел к выводу, что, говоря о прошлом нельзя жалеть о «красивых» сторонах его, а необходимо, напротив, беспощадно рассекать «симпатии к архаизмам в быту и сознании». Став на путь критической оценки и преодоления чуждых современности литературных традиций, Павленко стал приветствовать неизбежное «расплывание» экзотики.

II

Вслед за первым периодом творческого развития П. Павленко («Азиатские рассказы») и за вторым, переходным периодом начатого, но еще не оформившегося творческого перевооружения («Стамбул и Турция»), наступил третий период — упорной мировоззренческой перестройки и решительного преодоления «попутничества». Вернувшись из краткой поездки по Туркменистану, Павленко написал свои туркменские очерки и довольно обширную повесть «Пустыня».

По собственному заявлению Павленко, коллективная поездка писателей в Туркмению дала ему «ясное понимание линии классовой борьбы в деревне», в которой он имел раньше не конкретное, а «отвлеченно-теоретическое» представление *. Основное достоинство его туркменских очерков и повести «Пустыня» заключается именно в классовом подходе к действительности.

Нельзя сказать, что прежний романтический эстетизм Павленко и его стремление отыскивать экзотически необычные явления исчезли теперь до конца. Но во всяком случае лицо писателя оказалось обращенным не к прошлому Туркмении, а к ее настоящему и будущему.

* «Что дала мне поездка с бригадой в Туркмению. «Литгазета», 1930, № 25.

Преодолевая свой эстетизм, Павленко плодотворно подошел к национальным проблемам, к тематике классовой борьбы. В его туркменских очерках содержится много интересных сведений о том, как проводится на практике национальная политика партии в стране, еще так недавно представлявшей царскую колонию полуфеодального типа.

При всей своей писательской зоркости и остроте художественного зрения, проявившейся с самого начала, Павленко долгое время не проявлял достаточного внимания к проблемам социально-психологического порядка. Даже в туркменских очерках Павленко показал процессы, технологию и факты социалистического строительства, а не конкретных героев пятилетки.

Но он не случайно назвал на одном из писательских собраний, что «единая мировоззрения означает изменение отношения к людям». Повесть «Пустыня» чрезвычайно показательна в этом отношении. Оставаясь чужим «гуманизму», Павленко проявил пытливый интерес к человеку, но не к абстрактному «переделанному» человеку «вообще», а к строителю социализма, выразителю национальных и классовых настроений.

Очень хорошо, что Павленко разрушает традиционное экзотическое представление о пустыне как о бесприютных песках, как о редких верблюжьих караванах, пересекающих это безлюдье. В его повести, напротив, наглядно показана населенность пустыни. Развертывая свое повествование на фоне песчаных кара-кумских барханов, Павленко с большой художественной выразительностью заговорил о людях, живущих в пустыне и борющихся с ней. И если раньше он писал о человеке с эстетическим равнодушием, «без злобы и любви» [2], то теперь он дифференцирует своих персонажей с классовой заостренностью. Борьба советских работников с пустыней, со старым бытом, с басмачами, пытающимися сорвать социалистическое строительство, показана художественно и убедительно. Павленко не только дает запоминающиеся образы советских работников, инженеров-ирригаторов или красноармейцев-пограничников, но также показывает процесс выдвижения национальных низовых кадров.

Национальная проблема поставлена в «Пустыне» достаточно отчетливо.

III

Не имеет никакого смысла давать характеристики всех персонажей «Пустыни». Остановимся только на некоторых из них, чтобы уяснить замысел, лежащий в основе повести.

На первом плане изображен советский инженер Манасеин, настоящий образцовый каналоармеец и пользующийся огромной популярностью. От всей своей жизни мечтал осуществить грандиозный проект соединения Кара-Кумской пустыни путем переключения части вод Аму-Дарьи из Аральского моря в Каспийское. Но несмотря на всю свою энергичность и ученость, он не сумел даже приступить к осуществлению этого проекта, по-интеллигентски занятался в обстановке ожесточенной классовой борьбы и оказался если не банкротом, то по крайней мере неудачником.

Его антагонист — техник Максимов, которого автор характеризует как «очень увлекающегося, по слабохарактерного и порядочного человека», является сторонником «колодезной культуры». Представляя собой своеобразную социальную поправку на Манасеина, Максимов так отзывается об его проекте: «Грандиозный проект может быть, хотя гениальность—

* «Пустыня», стр. 173. Курсив мой. В. Г.

* Стр. 44, курсив мой. В. Г.

Преодолевая свой эстетизм, Павленко плодотворно подошел к национальным проблемам, к тематике классовой борьбы. В его туркменских очерках содержится много интересных сведений о том, как проводится на практике национальная политика партии в стране, еще так недавно представлявшей царскую колонию полуфеодального типа.

При всей своей писательской зоркости и остроте художественного зрения, проявившейся с самого начала, Павленко долгое время не проявлял достаточного внимания к проблемам социально-психологического порядка. Даже в туркменских очерках Павленко показал процессы, технологию и факты социалистического строительства, а не конкретных героев пятилетки.

Но он не случайно назвал на одном из писательских собраний, что «единая мировоззрения означает изменение отношения к людям». Повесть «Пустыня» чрезвычайно показательна в этом отношении. Оставаясь чужим «гуманизму», Павленко проявил пытливый интерес к человеку, но не к абстрактному «переделанному» человеку «вообще», а к строителю социализма, выразителю национальных и классовых настроений.

Очень хорошо, что Павленко разрушает традиционное экзотическое представление о пустыне как о бесприютных песках, как о редких верблюжьих караванах, пересекающих это безлюдье. В его повести, напротив, наглядно показана населенность пустыни. Развертывая свое повествование на фоне песчаных кара-кумских барханов, Павленко с большой художественной выразительностью заговорил о людях, живущих в пустыне и борющихся с ней. И если раньше он писал о человеке с эстетическим равнодушием, «без злобы и любви» [2], то теперь он дифференцирует своих персонажей с классовой заостренностью. Борьба советских работников с пустыней, со старым бытом, с басмачами, пытающимися сорвать социалистическое строительство, показана художественно и убедительно. Павленко не только дает запоминающиеся образы советских работников, инженеров-ирригаторов или красноармейцев-пограничников, но также показывает процесс выдвижения национальных низовых кадров.

Национальная проблема поставлена в «Пустыне» достаточно отчетливо.

III

Не имеет никакого смысла давать характеристики всех персонажей «Пустыни». Остановимся только на некоторых из них, чтобы уяснить замысел, лежащий в основе повести.

На первом плане изображен советский инженер Манасеин, настоящий образцовый каналоармеец и пользующийся огромной популярностью. От всей своей жизни мечтал осуществить грандиозный проект соединения Кара-Кумской пустыни путем переключения части вод Аму-Дарьи из Аральского моря в Каспийское. Но несмотря на всю свою энергичность и ученость, он не сумел даже приступить к осуществлению этого проекта, по-интеллигентски занятался в обстановке ожесточенной классовой борьбы и оказался если не банкротом, то по крайней мере неудачником.

Его антагонист — техник Максимов, которого автор характеризует как «очень увлекающегося, по слабохарактерного и порядочного человека», является сторонником «колодезной культуры». Представляя собой своеобразную социальную поправку на Манасеина, Максимов так отзывается об его проекте: «Грандиозный проект может быть, хотя гениальность—

* Стр. 44, курсив мой. В. Г.

солнца». И именно Ключаренков, который умеет осуществлять все, за что берется, представляет собою тип настоящего строителя социализма. И именно этот человек, с чьим участием на практическую работу в пустыню, является основным героем повести.

IV

Тот решительный сдвиг, который произошел в сознании П. Павленко, определил формальные особенности его последних произведений. Без сомнения, что повесть «Пустыня» существенно отличается не только от «Азиатских рассказов», но и от очерковой книги «Стамбул и Турция». Целостность и цельность выражений, упругость и точность изобразительных образов исчезли почти вовсе. Словесная орнаментика, ненужные любования красотой отдельной фразы сменяется желанием и умением рассказывать просто, ясно, сжато. Павленко стремится вернуться к традиционному русскому роману, к простым и ясным образам. Павленко отказывается в этом новом произведении, нужные нашей эпохе Павленко стремится точно не умолчать «фактического» факта.

Повесть «Пустыня» свидетельствует о новых, новых советских приемах, творческих удовлетворяющих автора и соответствующих современному этапу развития. Они не похожи на прежние приемы Павленко, обладавшие, несмотря на сложность ситуации и одной двигательной линии. В «Пустыне» линий повествования, те или иные параллельны, то пересекаются между собой. В силу этого о «Пустыне» можно говорить как об очень интересной попытке создать своеобразную форму очень сжатого и тематически увлекательного романа. Автор не пока еще не достиг стоящую перед ним задачу — найти новую литературную форму, которая позволила бы ему вернуться к традиционному русскому роману на обычную широкую и традиционную монументальную роман и простые взаимосвязи социальных явлений.

Перерабатывая старые литературные приемы и описывая новые, Павленко выступает в качестве новатора. Это повышение мастерства Павленко является следствием упорной и строгой художественной учебы. Если бы вышеуказанные утверждения могли вызвать возражения, то в этом случае можно привести примеры, нужные нашей эпохе Павленко стремится точно не умолчать «фактического» факта.

* П. ПАВЛЕНКО. «Пустыня». Издательство писателей в Ленинграде. 1931. Стр. 175. Ц. 3 р.

„СТРАХ" В ЛЕНИНГРАДЕ И „СТРАХ" В МОСКВЕ

ВПЕЧАТЛЕНИЯ ОТ ДВУХ СПЕКТАКЛЕЙ

Премьера «Страха» прошла в Ленинграде в начале лета. Спектакль явился большой политической демонстрацией пролетарского крыла драматургии. «Страх» поднял качество всей драматургии. После «Страха» трудно писать пьесы с нажимом-предателем, которого любят «они», раздираемые противоречиями и уходящая в сектантство ячейка; пьесы с хитрым толстым кулаком, с сержантом, который кокетлив до второго акта, и т. п. «Страх»—пьеса, обязывающая не только видеть, но и думать. «Страх», делающий ударение не на эпизодическом орнаменте, дает идейное напряжение, большее, чем «Список благодеяний» с его блестящим языком, то это—результат партийности пьесы. В диалоге, в эпизоде, в куске — Афиногенов умеет полемист. Мы видим наслоения партийно смысловой, напряженность партийных решений. Между тем, как часто у Олеши фигура самодовлеет («Моя тень ищет на камнях Европы» и т. п.). Прозрачная фраза Бородина в «Страхе»: «Нас не раскусачите, все здесь» указывает на свой «третий лишний» позитет обязательно в русло одного из двух главных социальных течений.

Пьеса является на данном этапе успехом не одного только Афиногенова, но следующей ступенью настойчиво идущих и работающих целой пролетарского крыла театра.

Как построена пьеса? Мы имеем пример подчинения всех сюжетных линий пьесы, всех ее образов — основной идейной установке. Значит ли это, однако, что мы можем умолчать о тех элементах некритического освоения чеховских приемов, которые в пьесе имеются? Значит ли это, что можно пробежать мимо вопроса о том, что новое содержание требует нового, качественно нового выражения? Конечно нет, и в этом смысле можно сказать, что новатором Афиногенов не является.

Однако он делает попытки разбить старые формы и достигает на этом пути в ряде моментов блестящих результатов: сцена доклада Бородина, которая в тростовке ленинградской госдрамы вызывает максимальный эффект: классовое расслоение зала. Это место — публицистическое место в лучшем смысле этого слова. Это не голая публицистика лефовско-литфронтовского толка, содранная с газетной полосы, это публицистика большой формы, органически вплетенная в ткань пьесы.

Как обстоит дело с постановкой в МХТ? Для МХТ этот спектакль означает движение вперед, перестройку, следующий шаг от «хлеба». Однако в силу своей системы МХТ вступает в борьбу с тенденциями автора. И груз старого мхатовского либерализма и «человечности» давит пьесу. Леонидов трактует Бородина как «добрика». Игнорным же в Ленинграде показан умный и опасный враг. В МХТ после фразы Бородина-Леонидова: «Что делается с людьми!» стоит хохот, в Ленинграде же чувствуется, что происходит ритуальный социальный процесс. Что действительно делается? Столкнулись классы. Что тут смешного?

Мхатты никак не дана коммунистка (Клара). Странный грубовато-жеманный персонаж. В ленинградской госдраме сильна и терпима Корчагина-Александровская: тут она наша старая гвардия.

Мы далеки от того, чтобы поднять на щит спектакль ленинградской государственной драмы. Этот спектакль, при всех своих положительных качествах, не дал всего. Он не раскрыл Кимбаева, он ослабил Боброва, а в финале перенес акцент на семейные дела.

МХТ же нашел один предельный образ почти человека: это Кимбаев. Роль сделана режиссурой и Лиговым с мелодраматической выразительностью, правдивостью и силой воздействия. Вообще актерский состав МХТ сделал очень много, чтобы донести пьесу до зрителя. Вычленив Добронравова, Тарасову, Мороса.

В целом мхатовский спектакль очень отделан, чист, высоко культурен, художественно-рельефно доносит идею пьесы, но в нем нехватает партийного огня, пролетарской злости, биения индустриального пульса.

В ленинградской прессе были отдельные попытки (Мокульский, Рафалович и др.) объявить «Страх» идеалом пролетарской драматургии, вершиной искусства, которая «уже достигла». Пьесе курили фимиамы.

«Страх» — достаточно значительная пьеса, и она не нуждается в подобных отзывах. Замазывание ошибок «Страха»: биологичность образа Чехового (голос крови является решающим), «схематичность Боброва, который не является достойным противопоставлением профессору Бородину, как и других ошибок, было бы вредным для роста самого Афиногенова.

Мы обязаны отметить здесь, что МХТ свой значительнейший спектакль за 14 лет готовил заминуто. Старая система ведущая рабочей общественности и критики работниками других театров (что необходимо в целях ознакомления, изучения и углубления критики) попрежнему имеет место в МХТ, как у Таирова и др. Откройте двери! Творческие споры, творческое познание невозможно без открытия «секретов» производства. Мы хотим знать, как и почему именно так, а не иначе, работал театр. Леонидов, Лиалов и другие.

В заключение — вопрос МХТ: полезет ли он, что после «Страха» так остро необходимо ставить «Самоубийцу» и «Мольера»?

БРИГАДА ВСЕРОСКОМДРАМА: С. АМАГЛОБЕЛИ, ВС. ВИШНЕВСКИЙ, Я. ГОРЕВ, Н. ЗЕЛЬЦЕР, НИК. НИКИТИН, В. РАФОЛОВИЧ, А. ШТЕЙН

ОТ РЕДАКЦИИ. В следующем номере «Литературной газеты» редакцией будет дана критическая статья о «Страхе» А. Афиногенова, в постановке МХТ.

РАБОЧИЕ ЗЕМЛИ И ЛЕСА БЕРУТ ШЕФСТВО НАД РОПКП

В связи с возрастающим значением пролетарско-колхозной литературы и особой важностью выявившимся недопустимым отставанием РОПКП от темпов социалистического строительства, центральные комитеты пяти профсоюзов — рабочих земледельческих совхозов, рабочих животноводческих совхозов, рабочих МТС и битраков, рабочих сахарной промышленности и рабочих лесной промышленности — постановили взять шефство над РОПКП.

В специальном постановлении отмечается слабое развитие самокритики внутри РОПКП, наличие элементов администрирования в работе, отрыванию недостаточное разоблачение творческих течений, недостаточная классовая бдительность.

Профсоюзные организации общественные организации должны принять самое активное участие в перестройке РОПКП, содействуя созданию наилучших обстановки для творчества писателей РОПКП, привлечения новых кадров рабочих и колхозных писателей, переоснащению колхозных писателей и перевода их на рельсы пролетарской идеологии.

В основу перестройки РОПКП должны быть положены указания, данные партией РАПП.

Особый пункт постановления предусматривает немедленное улучшение культурного обслуживания и бытовых условий пролетарско-колхозных писателей.

Ввиду наличия крупных недостатков в области проведения призыва ударников в литературу по линии РОПКП (почти за коллективом в умерб качеству, неумение закрепить призывников за организацией, отсутствие инструктажа и пособий для кружков) Центральные комитеты союзов, редакция профинтеза и Бюро секретариата РОПКП считают необходимым провести призыв ударников в литературу имени IX съезда профсоюзов СССР, обратив главное внимание на качественные показатели, учебу ударников и отбор наиболее талантливых рабочих и колхозных авторов для привлечения в литературу.

Центральные комитеты профсоюзов поручают дирекциям:

ознакомить широкие массы рабочих и батрачества с творчеством лучших представителей колхозных писателей и ударников, призванных в литературу (путем опубликования их произведений, коллективных чтений, библиографий, литературных портретов); издать серии книжек рабочих-ударников социалистического земледелия, призванных в пролетарско-колхозную литературу; организовать показ героев социалистического строительства в журналах; провести конкурс-соревнование на создание лучших историй совхоза силами работников-писателей РОПКП; установить систематическое командирование писателей РОПКП в совхозы МТС и на лесозаготовки для литературной работы; поручить культаппаратам совхозов усилить работу по организации кружков РОПКП и их руководству кружками для конкретной помощи организациям РОПКП и разгрузки их от организационной работы.

Центральные комитеты поручают местным профорганизациям, совхозным, заводским газетам и газетам МТС систематически давать доклады отделений и кружков РОПКП и устраивать в каждом случае практические формы шефской помощи.

ОШИБКИ ПРИЗНАНЫ

ИХ НУЖНО ПОДВЕРГНУТЬ РАЗВЕРНУТОЙ КРИТИКЕ

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ ЖУРНАЛА РАПП.

В помещенной в номере 3 журнала «РАПП» статье М. Добрынина «За ленинскую переоценку наследства Плеханова» содержится ряд грубейших политических ошибок, представляющих собой меньшевиствующую клевету на историю философской борьбы большевизма во главе с Лениным — попытка реабилитировать и защитить против махизма Богданова и других. М. Добрынин утверждает например, что для господствующих социал-демократов (из Добрынину, отчасти это также и для большевиков во главе с Лениным.—**Редколлегия** существенно расходится с таким положением, должны ли все социал-демократы держаться и в области философии взглядов Маркса и Энгельса.

М. Добрынин эклектически утверждает, далее, что, борясь вместе с Плехановым против махизма, Ленин якобы, на самом деле, «вел борьбу» против Плеханова, по существу, за ревизию философии от позитивизма, за фракционную борьбу. Добрынин клеветнически утверждает, что ее самом последовательно «непримиримом» отношении к Плеханову Ленин якобы не было выработано твердого марксистского мнения и вопросах философии.

Все эти сплошь клеветнические утверждения, грубейшим образом извращающие и фальсифицирующие действительную историю философской борьбы Ленина и большевиков, представляют собой—под флагом критики Плеханова — протаскивание меньшевистской контрабанды и вопросах истории большевизма, смыкаясь с аналогичными выпадами троцкистских контрабандистов типа Ступиного, Волосовича, Альперата и других, разоблаченных ранее и известном постановлении ЦК ВКП(б) от 25 апреля 1931 года «О журнале «Под знаменем марксизма» и решениях расширенного пленума ИКП.

Давая такую квалификацию М. Добрынину, отмечая другие не грубейшие ошибки его статьи, в том числе и его, якобы, «меньшевиствующую» критику стихийных и грязных элементов в творчестве Есенина, редколлегия РАПП считает, что, помещая статью М. Добрынина, она совершила грубую политическую ошибку, не проявив в данном случае необходимой партийной осмотрительности.

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ ЖУРНАЛА «ПРОЛЕТАРСКАЯ ЛИТЕРАТУРА» (б. РАПП).

Редколлегия «Пролетарской литературы» целиком присоединяется к квалификации статьи Добрынина, данной редколлегией РАПП, а также к оценке ошибки этой последней. Констатируя вышедшие на страницах «Н. Л.» редакцией извлечет в ближайшем номере статью, подробно разоблачающую меньшевиствующую клевету Добрынина.

ПОСТАНОВЛЕНИЯ РЕДКОЛЛЕГИИ ЖУРНАЛА «НА ЛИТПОСТУ»

I

О СТАТЬЕ Г. НИКИФОРОВА «РАЗРЕШИТЕ ВЫРУГАТЬСЯ» (№ 29).

1. Признать помещение статьи Г. Никифорова «Разрешите выругаться», представляющей собой скучнейшую классово-вредительную клеветку на коммунистическую литературную критику, — грубой политической ошибкой редакции.

2. Одновременно редакция признает своей ошибкой недопустимую задержку с реагированием на эту статью. В очередном номере журнала поместить редакционную статью о выступлении Г. Никифорова.

II

О ПРИМЕЧАНИИ К СТАТЬЕ т. БАТМАНОВА (№ 25).

1. Несмотря на то, что статья т. Батманова, критикующая книжку А. Гурвича «Вопросы марксистского литературоведения», содержит ряд ошибок и неправильных положений, — редакция считает совершенно недопустимым данное к статье т. Батманова редакционное примечание, составленное в нетерпимом тоне и содержащее безобразную аналогию между т. Батмановым и Нестором-Грузантом.

2. Одновременно ошибкой редакции является совершенно недостаточная критика книжки Гурвитейна, в которой содержатся апологетика и некритическое отношение к меньшевистским и капповским ошибкам Плеханова, к механистическим и богдановским положениям т. Фриче, неправильна ленинского этапа в литературоведении и т. д. Редакция в ближайших номерах журнала даст развернутую критику, как книжки Гурвитейна «Вопросы марксистского литературоведения», так и других его работ.

НА ТВОРЧЕСКОЙ ДИСКУССИИ ВССП О ПОЭЗИИ

Центром внимания поэтического тура дискуссии ВССП о поэзии выступление т. А. Селивановского, который подчеркнул, что время по локалу Н. Асеева пошли по неправильному пути. Основные вопросы сегодняшнего дня поэзии обойдены в них, как они обойдены и в самом докладе Н. Асеева.

— Интересно,—говорит т. Селивановский,—что вопросы размежевания, вопросы классовой борьбы в докладе были сведены только к влиянию литературных школ.

Нельзя «технологию» придавать второстепенное значение, по нельзя из нее исходить. При движении Н. Асеева от «технологии» к классовой направленности у него получилось «смешались в кучу кони, люди» и единой стилевой тенденции рассматривается, например, Пастернак, Сельвинский и Заболоцкий.

Указывая на недопустимость отрыва поэтической дискуссии ВССП от дискуссии о переходе от капитализма к социализму, т. Селивановский затрагивает вопрос о характере искусства при социализме.

В этой связи т. Селивановский подчеркивает беспредметность доклада Асеева о поэтическом мастерстве, если ему не будет сопутствовать выработкой нового типа поэта, поэзии и искусства вообще.

При постановке этого вопроса мы сталкиваемся с двумя, на первый взгляд резко противоречащими друг другу точками зрения, которые на самом деле явно перекликаются: мы сталкиваемся здесь с нефедовским ликвидаторством искусства, с одной стороны, а с другой — с тенденциями буржуазного реставраторства, которые особенно чувствительно проявляются на поэтическом участке.

Если в прозе от последних книг О. Форш, В. Каверина, И. Эренбурга прямые ниточки ведут к роману Е. Замятина «Мы», то в поэзии одним из наиболее ярких выразителей буржуазного реставраторства объективно является Б. Пастернак; содержимая вокруг него атмосфера постоянного подхалимажа мешает ему вернуться в русло революционной поэзии.

— Думал ли Пастернак сегодня над тем, выразителем чьих настроений и мыслей является его поэзия сегодня в нашей социалистической стране? Какие чувства будит и поднимает его поэзия и чья чувства, и какие чувства эта поэзия будет будить завтра или послезавтра, когда мы вступим во вторую социалистическую пятилетку?

— По старому миру мыслей и чувств, по буржуазному реставраторству в искусстве нужно крепко ударить. Значительная часть тех людей, которые, как нельзя, до сих пор считают себя «духовным знаменем мира» в очень малой степени понимает происходящее вокруг них.

***

То, что прения ушли в сторону от доклада, затемняя его цель—выяснить основные болезни советской поэзии,— отметил в своем заключительном слове и Н. Асеев.

Н. Асеев считает, что упреки в игнорировании им вопросов классовой борьбы необоснованными, поскольку, по его мнению, компоненты стиха, которым уделено основное место в его докладе, являются носителями классовой борьбы в поэзии. Н. Асеев говорит, что всякое упоминание о технологии постоянно сталкивается с «китайской стеной» непонимания, которое Пастернака, например, немедленно приводит к противопоставлению гениальности и посредственности.

Н. Асеев подчеркивает, что опасность имеющегося философского состояния Б. Пастернака усугубляется тем, что в сферу его творческого влияния попадают новые подрастающие кадры поэтической молодежи.

Пытаясь «спасать Пастернака», вывести его из этого имеющегося состояния, Н. Асеев в то же время утверждает, что когда Пастернак был близок к Лефу,—он создал данное произведение —«1905 год», но когда «разговор о технологии поэзии» заставил Пастернака отойти от Лефа,—он в «спектрологом» отошел от общественно-значимой темы.

***

Итоги поэтического тура дискуссии неутешительны.

Правление ВССП допустило ряд существенных организационных ошибок, которые привели к чрезвычайной засоренности аудитории случайными и окололитературными элементами при истолковании наличия поэтических кадров ВССП.

Это обусловило и стихийный самотек выступлений в прениях, которые благодаря этому прошли на чрезвычайно низком принципиальном уровне, не только не разнесли, но и почти не затронули основных проблем современной поэзии.

С другой стороны, заметно ощущалось и то, что в дискуссии не приняли участие представители РАПП за исключением т. А. Селивановского и т. Молчанова.

Уровень поэтического тура московской дискуссии ВССП побуждает еще раз указать на заметное отставание. Отставание это становится особенно нетерпимым в данный момент, когда перед всеми литературными организациями во весь рост встала задача коренной идейно-творческой перестройки всей работы.

В связи с этой задачей руководство ВССП должно со всей серьезностью учесть итоги закончившейся поэтической дискуссии.

Д. КАЛЬМ

ЛИТЕРАТУРНОЕ СЕГОДНЯ

* Пленум правления Московского областного комитета союза писателей и журналистов постановил издать книгу, посвященную истории пяти подшефных предприятий Московы: 1-й Окрваенсклад, 3-й, 16-й и 18-й лагерей ОГПУ и 7-й типографии Мособлполиграфа).

Редакционная комиссия Оргкомитета союза обратилась ко всем рабочим и служащим этих предприятий с предложением принять активное участие в сборе материалов по истории истории подшефных предприятий.

* В Доме печати И. Ассев повторит сегодня свой доклад на тему «Сегодняшний день советской поэзии», читавшийся им и последнем тре творческой дискуссии ВССП. К участию в прениях приглашены Дм. Алтаузен, А. Архангельский, Эд. Багрицкий, И. Вачелис, О. Брик, Н. Грослан-Рощин, В. Гусев, Вера Инбер, С. Кирсанов, Л. Озаров, М. Светлов, А. Сурков, И. Уткин и др.

* Пленум Всероссомдрама также решительно протеста против постановки в Париже пьесы «Царь Ленин», являющейся заведомым пасквилем на советскую действительность и представляющей ряд открытых протестов со стороны рабочих зрителей во время хода спектаклей.

* Международное революционное театральное объединение организует в Москве в 1932 году «Интернациональную театральную спартакиаду» — смотр рабочих революционных театров двадцати стран.

***

Секретариат МАПП наметил в ближайшее время провести на всех районах собрания активов, на которых будут доложены произведения: В. Герасимовой, А. Фадеева, Ф. Панферова, А. Митрофанова и литературников: Шевелевой, Арк. Когана, М. Бессонова и др.

На районных активах будут также конкретно разобраны дефицитные и вредоносные ошибки, допущенные руководством РАПП, а также то произведения пролетлитературы, в которых проявились влияния попрощайцев, литфронтовщины, лефовщины, либеральщины и т. д.

***

РИХЛ открывает 28 декабря в клубе ФОСП первую общемосковскую конференцию библиотекарей, рабочих-читателей и писателей. Конференция посвящена докладу «Роль и задачи художественной литературы и массовых и реконструктивный период и очередной план издания РИХЛ на 1932 г.» (т. А. Митрофанова), о смотре продукции РИХЛ за 1931 г. (т. Резник).

На конференции будет открыта выставка всей продукции РИХЛ за 1931 г.

ЛИТДЕКАДЧИКИ ПОЭТОВ

Клуб ФОСП (ул. Герцена) организует поэтические литдекадники, на которых поэты читают свои произведения и обсуждают свою творческую работу.

Первый литдекадник поэта Александра Безыменского состоится в клубе ФОСП 28 декабря. А. Безыменский выступит со стихотворным отчетом «Три года пятилетки». Вступительное слово «О воробьях литературы и о необходимости в литературе» скажет Г. Галь.

Литдекадник закончится обсуждением творчества Безыменского под председательством т. Васильковского.

КЛУБ ПИСАТЕЛЕЙ

23 декабря — 19 ч. — Альманах «Вчера и сегодня».

23 декабря — 20 ч. — Собрание белорусской секции МАПП.

23 декабря — 19 ч. 45 м. — 5-й декадник худож. чтения. Л. И. Журавлев. В программе: Пушкин — «Цыганы обрывки» из путешествий, Медный всадник (фрагменты). Лермонтов — Демон (с отрывка). Из чего сделан Хорошо (с отрывка). Из чего сделан Демон — Записки Клюкина. Бывель — Мертвый Иванченко. После программы обмен мнений под предс. проф. А. Г. Цейдлера.

24 декабря — 20 ч. — Дискуссия СРП. Тов. Мороков прочтет свою новую пьесу.

24 декабря 19 ч. — Детская секция МАПП.

25 декабря — 19 ч. Редакция журнала «Октябрь» и секция МАПП. Рецепт. Литвечер. Передача творческого отчета пролетарской молодежи. Уч.: Панферов, Ильенков, Стасенко, Инбер, Ильин.

25 декабря — 20 ч. — Совещание редактором журналов и литгрупп ЛОКАФ.

25 декабря — 19 ч. — В клубе ударников МАПП состоится расширенное заседание рабочего актива при издательствах ВПСПС. Молодая гвардия, Мос. рабочий, Сельхозгиз, Асс. при участии авторов: Ал. Сем. Серафимовича, Ф. Гладкова и др.

25 декабря — 20 ч. — Шахматный турнир.

26 декабря — 19 ч. 45 м. — 1. доклад поэта. А. Безыменский «Три года пятилетки» — отчет с чтением. Вступ. слово О перспективах литературы и о перелетье в литературе. Обмен мнений под предс. Г. Гаспаровского. Вечера проходятся в клубе с 4-х часов.

26 декабря — 18 ч. — Немецкая секция МАПП.

27 декабря — 19 ч. 45 м. — Литературный просмотр нового кинофильма.

27 декабря — 17 ч. — Семинар Мосгорсовета. Л. Леонов.—Как я пишу.

27 декабря — 19 ч. — Центральный литературный МОПРа.

28 декабря — 19 ч. — Конференция библиотекарей, читателей и писателей, созванная РИХЛ. Доклад т. Митрофанова.—Роль и задачи художественной литературы и реконструктивный период и очередной план издания РИХЛ на 1932 г. Доклад т. Резник — смотр продукции РИХЛ за 1931 г. По окончании концерт.

ИЗВЕЩЕНИЯ

23 декабря — 13 ч. — В редакции журнала «Молодой гвардии» (В. Чекасский, 6)—совещание членов литературных консультаций МАПП «Молодая гвардия».

23 декабря — 18 ч. — В редакции газеты «Коммунар» — общее собрание членов чувашской секции МАПП.

25 декабря — 17 ч. — Заседание оргбюро горкома писателей и бюро секций. Повестка дня: 1. О колхозной кампании. 2. Доклад о работе Московского т. Кучкова). 3. Отчет о работе исполнительных органов (т. Кучкова). 4. О втором МОПРовском «Вечере детства». 5. О организации литконференции. 6. О смете на 1932 г. 7. Об обмене с периферийными секциями.

25 декабря — 18 ч. — очередное заседание рабочего редсовета Профиздата (Солянка, 12, 3-й этаж, комната 258, вход с черного хода). Доклад т. Селивановского по тезисам У пленума РАПП.

25 декабря в 17 часов, в широком помещении обер-мастерских цеховых ячеек горкома, сектором Всероскомдрама и сотрудников коллективов Всероскомдрама и ФОСП проведется карнавального субботника. Для членов партии и кандидатов вход обязателен. Регистрация личности будет вести т.т. Шахтер и Турин.

25 декабря — 20 ч. — в клубе ФОСП (Самарский зал) творческий сектор секретариата ВСП ЛОКАФ обсуждает совещание редакторов журналов и заведующих литературными отделами газет по вопросу о военно-оборонной тематике и связи с реконструктивным периодом, который начнется с 1933 года.

27 декабря — 18 ч. — в помещении редакции «Вести Осоавиа», 5б, вход с Брянской-Товарищеский жетон МАПП — чит. журнала «Рост». Доклад т. Корабельникова о творчестве Метрофанова.

27 декабря — 18 ч. — в помещении секретариата ФОСП (Дом Герцена, комн. 10)—собрание членов клуба Всероскомдрама. Доклад т. Литовского «Разбор тез-документа РАПП о критике».

ПОПРАВКИ

По недосмотру корректуры в последнем номере «Литгазеты» вкрались грубые опечатки: в редакционной статье на второй полосе следует читать: «в повестке дня XVII партконференции, созывающей 30 января 1932 года».

В статье «Не отставем» на третьей полосе следует читать «...и рождающегося СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО общества». Исправляем также заголовок заметки на второй полосе: «БИБЛИОТЕКА НАЧИНАЮЩЕГО ЧИТАТЕЛЯ».

СЛЕДУЮЩИЙ НОМЕР „ЛИТГАЗЕТЫ" ВЫЙДЕТ 28 ДЕКАБРЯ

Ответственный редактор А. СЕЛИВАНОВСКИЙ.

РЕДКОЛЛЕГИЯ: Н. Асеев, С. Динамов, В. Залесский, О. Колесникова, А. Малышкин, Н. Огнев, М. Россовский, А. Селивановский, И. Сельвинский, М. Слесинский, М. Субоцкий, С. Тарасевич, Г. Тарпан.

ИЗДАТЕЛЬ: Журнально-газетное об'единение

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ФЕДЕРАЦИЯ" КНИГОЦЕНТР

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1932 г.

на ежемесячный литературно-художественный, общественно-политический журнал

ЛОКАФ

Орган Центрального Совета Литературного Об'единения Красной Армии и Флота.

Вступая во второй год издания, журнал «ЛОКАФ» будет продолжать свою основную линию по мобилизации общественного внимания на вопросах строительства и обороны, на вопросах обороны страны, завершающем построение фундамента социалистического общества.

В романах, повестях, рассказах, очерках, статьях — журнал «ЛОКАФ» будет помогать по-ударному участку оборонного фронта Советского союза, оружием художественного слова будет разоблачать замыслы империалистов, готовящих интервенцию против [illegible] помогать первому часовому Советского союза — Красной армии и ее боевой и политической учебе.

Особенное внимание «ЛОКАФ» отдаст современному состоянию Красной армии и флота, их боевой и политической учебе и быту, повседневному героическому труду [illegible] а также многим славным дням недавнего прошлого — боям гражданской войны.

В 1932 году в журнале «ЛОКАФ» БУДУТ НАПЕЧАТАНЫ РОМАНЫ, ПОВЕСТИ:

Л. Соболев — «Капитальный ремонт» (роман), Б. Лавренев — «Повесть о трехом флоте», С. Малашкин — «Черный год» (роман). Ф. Гладков—«Доходный» (роман), В. Гаврилов — [illegible] (роман), Э. Шпаро — [illegible] (роман, перев. с немецкого), [illegible] — [illegible] (повесть), А. Новиков-Прибой и И. Шуховой — Повесть о [illegible], К. Паустин — «Гарнизон» (перев. с татарского), Е. Брандис-Тубельская — «Красная тропа» (повесть), С. Вашенцев — «Комиссарская [illegible]», Н. Рыжков — «Фрунзе» (повесть), К. Виницкий — «Воймега», Л. Лагунин — «[illegible]» (повесть), А. Афиногенов — Пьеса о Красном флоте, К. Романов — Пьеса о Красной армии.

Кроме того, будут напечатаны рассказы, очерки, статьи советских и проле[illegible] писателей, [illegible] критиков и международных писателей.

В 1932 году в журнале «ЛОКАФ» будут напечатаны произведения, премированные на первом всесоюзном конкурсе «ЛОКАФ».

Подписная цена: на год—12 руб., на 6 мес.—6 руб., на 3 мес.—3 руб.

Цена отдельного номера—1 руб. 25 коп.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: во ВСЕХ ОТДЕЛЕНИЯХ, МАГАЗИНАХ и КИОСКАХ КНИГОЦЕНТРА, НА ПОЧТЕ И ПОЧТОНОСЦАМИ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1932 год

на ежемесячный журнал

МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКОЙ МЕТОДОЛОГИИ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА

ГИХЛ Книгоцентр

МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКОЕ ИСКУССТВОЗНАНИЕ

(Бывш. «Литература и Искусство»)

Орган Института литературы, искусства и языка (ИЛЯ) Комакадемии.

«МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКОЕ ИСКУССТВОЗНАНИЕ» ставит своей задачей использование огромного теоретического богатства ленинизма для построения пролетарской эстетики, для разработки теории и практики пролетарского искусства, для борьбы со всякого рода эклектическими и враждебными теориями, для развития марксистско-ленинской методологии литературы и искусства.

Основные проблемы, разрабатываемые журналом на 1932 год

1. Ленинское наследство и основные вопросы искусства и литературы.
2. Искусство социалистическое по содержанию, национальное по форме.
3. Газетные Комитерна и проблемы искусства и литературы на Западе.
4. Развитие ВКП(б), послеоктябрьский период и литературно-художественное движение в СССР.
5. История гражданской войны в искусстве и литературе.
6. История фабрик и заводов в искусстве и литературе.
7. Искусство и литература в борьбе за социалистическую технику.
8. Искусство и литература в борьбе за металл, уголь и транспорт.
9. Искусство и литература на службе Урало-Кузнецкого комбината.
10. Искусство и литература в школе.
11. Творчество ударников.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА: на год—12 руб., на 6 мес.—6 руб., на 3мес.—3 руб.

Цена отдельного номера—1 руб. 25 коп.

Подписка принимается всеми отделениями, магазинами, киосками и уполномоченными Книгоцентра, всюду на почте и письмоносцами.

УКРКНИГОЦЕНТР

Государственного Издательского Объединения УССР (УКП—ДВОУ)

ОТКРЫЛ в МОСКВЕ МАГАЗИН-ВЫСТАВКУ

всей украинской печатной продукции

Магазин устроен по принципу открытых полок, что дает возможность посетителю непосредственно ознакомиться с имеющимся ассортиментом.

Украинские газеты, журналы и справочные издания предоставляются всем желающим для бесплатного пользования в читальном зале при магазине.

Имеется консультационное бюро, которое ведет рекомендательную работу и дает справки по вопросам украинской библиографии.

Книга—почтой выполняет заказы наложен. платежом на издания УССР.

Заказы направлять по адресу: Москва, центр. Мясницкая, 3, нижнему магазину Укркнигоцентра ДВОУ. Тел. 4-39-05.

НОВЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ЗА МАТЕРИАЛЬНУЮ БАЗУ ПЕЧАТИ

Орган Госплана СССР и Комитетов по делам печати РСФСР и УССР

Журнал ставит себе целью: борьбу за улучшение качества и издательской продукции, за рациональное использование полиграфического оборудования и полиграфических ресурсов всего хозяйства страны, за усиление [illegible] органи[illegible] полиграфического машиностроения, за подъем технического уровня издательской и полиграфической промышленности, за повышение технического распространения.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

1 мес.—15 руб.,
3 мес.—5 руб.,
1 мес.—2 руб. 50 к.

РОЗНИЧНАЯ ЦЕНА НОМЕРА—1 руб

Подписка принимается только с начала установленного срока.

Открыт прием подписки

Журнально-газетное об'единение

ВСЕМ РАБОТНИКАМ ЦЕНТРАЛЬНОЙ, КРАЕВОЙ, ОБЛАСТНОЙ, РАЙОННОЙ И ФАБРИЧНО-ЗАВОДСКОЙ ПЕЧАТИ необходимый ЖУРНАЛИСТ

Ежедневный журнал теории и практики большевистской печати.

«ЖУРНАЛИСТ» окажет вашу работу печати, организует широкий обмен опытом. Печатные руководящие статьи по важнейшим вопросам советской работы и теоретические основы газетного ремесла.

Приложение «Библ. Журналиста» 4 книги в год

ОТКРЫТ ПРИЕМ ПОДПИСКИ НА 1932 ГОД

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: на [illegible] мес.—3 р., 6 мес.—4 р. 50 коп., 9 мес.—6 р. 25 коп., с приложением библиотеки журналиста на [illegible] мес.—15 р., [illegible] мес.—8 р. 75 коп.

Подписку сдавайте местной почте на позже установленного ею срока.

Журнально-газетное об'единение

ПЕЧАТАЕТСЯ И ВЫХОДИТ В БЛИЖАЙШИЕ ДНИ ПЕРВЫЙ СБОРНИК ИЗДАНИЯ

„ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО"

ОРГАН РАПП И ИНСТИТУТА ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА КОМАКАДЕМИИ

Под редакцией: Л. Авербаха, М. Ипполита и Ф. Раскольникова

Содержание 1-го сборника

От редакции.

ФРИДРИХ ЭНГЕЛЬС. О ЛИТЕРАТУРЕ. неизданная переписка с Каутским Эрнстом. Предисловие Ф. Шипвель. [illegible] и механистическое литературоведение этих годов.

ИЗ НЕИЗДАННЫХ ПРОТОКОЛОВ РАСШИРЕННОЙ РЕДАКЦИИ «ПРОЛЕТАРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ». Предисловие В. Юдина. [illegible] в классовую дискуссию 1905—06 гг.

НЕИЗДАННЫЕ И ЗАБЫТЫЕ ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЕ РАБОТЫ В. В. ВОРОВСКОГО. Предисловие и примечания, посвященные [illegible] в литературоведении и литературное наследство Плеханова.

ЗАПИСКИ О ХУДОЖЕСТВЕННОЙ МАНУФАКТУРЕ. КРЕПОСТНОЕ ТАЛАНТЛИВОГО ПЕРВА КРОТОВА (материалы для истории фарфора и эмалей). Предисловие А. Панкратовой. Страница из истории крепостной фабрики.

«ВОСКРЕСШИЙ» — ПРОБЛЕМАТИКА С ПАРИЖСКОЙ КОММУНЫ. Предисловие и [illegible].

МАТЕРИАЛЫ ПО ГОГОЛЮ В ПИСЬМАХ И П. К. МИХАЙЛОВСКОМУ. Подготовка к печати [illegible].

М. Е. САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН. [illegible] ИЗ ПЕРЕПИСКИ НИКОЛАЯ I С ШЕФОМ ЖАНДАРМОВ, гр. БЕНКЕНДОРФОМ. Предисловие Д. Заславского. Комментарии Б. Казанина и [illegible].

И. С. ЛЕСКОВ. ПЕЧАЛЬНОЙ ПОВЕСТИ ОКОНЧАНИЕ. Предисловие Дольника. Подготовка текста и примечания А. Ефремина.

Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ. ПУДОВ ДОВЕРИЛ. Предисловие и комментарии В. Виноградова.

ОБЗОРЫ И СООБЩЕНИЯ

ЗА ЛЕНИНСКИЙ «ЧЕЛЬНИК» ПО ИСТОРИИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. Обзор проф. [illegible] Лев Лопа [illegible], Переписка, Ф. Булгарин, [illegible] Н. Полевой, Н. Надеждин, О. Сенковский, Ф. Кони, Н. Некрасов, А. Ф. Писемский, Н. Лесков, А. Скабичевский, Ф. Достоевский, Г. Успенский, Н. Златовратский, А. Чехов, Н. Михайловский, Вл. Соловьев, Д. Мережковский, В. Розанов, Л. Шестов, А. Белый, Вяч. Иванов, Ф. Сологуб, А. Блок, Н. Гумилев, Вл. Маяковский, С. Есенин, Н. Клюев, Н. Асеев, Б. Пастернак, О. Мандельштам, Н. Тихонов, Вс. Иванов, Ю. Тынянов, Л. Сейфуллина, Ф. Гладков, А. Малышкин, Н. Огнев, Вс. Вишневский, А. Фадеев, Ю. Либединский, Л. Леонов, Вс. Иванов, Ю. Олеша, Е. Замятин, Б. Пильняк, А. Платонов, М. Зощенко, М. Булгаков, И. Эренбург, Вс. Рождественский, Н. Заболоцкий, Э. Багрицкий, М. Светлов, А. Безыменский, Н. Адуев, Вл. Луговской, Ник. Дементьев, Ник. Никитин

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Орган Федерации об'единений советских писателей РСФСР

МОСКВА 28 ДЕКАБРЯ 1931 г. № 70 (169)

РЕДАКЦИЯ:
Москва, Тверской б. 25, Дом Герцена. Телефон 2-80-12.

ИЗДАТЕЛЬСТВО:
Журнально - газетное об'единение: Москва, 6, Страстной бульвар 11. Телефон 5-51-59.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА НА 1932 г.
На 12 м. 3 р. 60 к.
На 6 м. 1 р. 80 к.
На 3 м. — р. 90 к.

ВЫПОЛНИМ УКАЗАНИЯ т. СТАЛИНА

Выступление тов. Сталина на конференции аграрников-марксистов 27 декабря 1929 г. имело всемирно-историческое значение, оно открыло новый этап политики партии в деревне.

«Характерная черта нашей работы за истекший год, — заявил т. Сталин, — состоит в том, что мы, как партия, как советская власть: а) развернули наступление по всему фронту против капиталистических элементов деревни, б) это наступление дало и продолжает давать, как известно, весьма ощутительные ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЕ результаты. Что это значит? Это значит, что от политики ОГРАНИЧЕНИЯ эксплоататорских тенденций кулачества мы перешли к политике ЛИКВИДАЦИИ кулачества, как класса. Это значит, что мы продолжаем проделывать один из решающих поворотов во всей нашей политике».

Троцкистско-зиновьевская оппозиция извязывала партии в 1926 - 1927 г. политику «опаснейшего авантюризма», подменяя действительное большевистское наступление на кулачество игрой в наступление, действительную борьбу с кулачеством, ликвидацию его как класса, пустозвонством и царапаньем. В то время мы не могли «ЗАМЕНИТЬ» кулацкое производство и кулацкий товарный хлеб производством и товарным хлебом колхозов и совхозов».

Тов. Сталин подверг жесточайшей критике также «теории» равновесия, самотека и «устойчивости» мелко-крестьянского хозяйства, направленных против ленинской политики на «СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ развитие деревни в ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЬ кулацкому КАПИТАЛИСТИЧЕСКОМУ пути развития», на строительство колхозов, представляющих «при наших условиях базу и очаг социалистического строительства в деревне», выросших «в отчаянных схватках с капиталистическими элементами».

В непримиримой борьбе с правым и «левым» оппортунизмом, в беспощадной борьбе с контрреволюционным троцкизмом и с «гнилым либерализмом», коммунистическая партия, руководимая ленинским ЦК во главе с т. Сталиным, добилась решающих успехов, определивших новый этап, когда «по-новому встал вопрос о нэпе, о классах, о темпах строительства, о смычке, о политике партии».

Развернутое наступление по всему фронту, невиданный рост социалистической экономики в городе и деревне, огромные успехи колхозного движения, об'единившего 62 проц. всех бедняцко-середняцких хозяйств СССР и 79 проц. всех крестьянских посевных площадей, создание новых гигантов индустрии, бурный рост ударничества и социалистического соревнования в индустрии, совхозах и колхозах — все это полностью подтверждает те положения, которые выдвинул т. Сталин два года назад.

«Если мы имеем основания гордиться ПРАКТИЧЕСКИМИ успехами социалистического строительства, — сказал тогда т. Сталин, — то нельзя то же самое сказать об успехах нашей ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ работы в области экономики вообще, в области сельского хозяйства в особенности. Более того, надо признать, что за нашими практическими успехами не поспевает теоретическая мысль, что мы имеем некоторый разрыв между практическими успехами и развитием теоретической мысли. Между тем необходимо, чтобы теоретическая работа не только поспевала за практической, но и опережала ее, вооружая наших практиков в их борьбе за победу социализма».

Эти указания т. Сталина подхвачены всем теоретическим фронтом. Была начата перестройка фронта теории, была развернута борьба с враждебной идеологией и извращениями марксизма-ленинизма в области экономики, философии, педагогики, истории, естествознания и литературы. Однако эта борьба была недостаточной, и письмо т. Сталина «О некоторых вопросах истории большевизма» указывает на это и на то, что «гнилой либерализм» и отсутствие партийной бдительности позволяет троцкистским и иным контрабандистам возвращать историю большевизма, клеветать на ленинизм, искажать борьбу большевизма с оппортунизмом и центризмом, фальсифицировать ленинскую постановку ряда важнейших вопросов пролетарской революции и ленинское учение о партии.

Это отставание теории от практики, это отсутствие партийной бдительности у некоторой части большевиков, этот «гнилой либерализм» имеют место и в области литературы и критики. Даже пролетарская и пролетарско-колхозная литература не могут похвалиться тем, что они вплотную подошли к выполнению задач, поставленных историческим выступлением т. Сталина на конференции аграрников-марксистов. Наша социалистическая действительность, борьба рабочего класса и колхозного крестьянства не нашли еще своего подлинно художественно глубокого отражения, не созданы еще произведения, в которых практика социалистического строительства нашла бы свое отражение во всей полноте и сложности. Разбиты теорийки «литфронтовцев» и лефовцев о подмене большого искусства агитками и голым «фактицизмом», проведена, хотя и явно недостаточно, борьба с неверными теориями, противопоставляющими боевую службу художника рабочему классу всеми формами искусства, задачам создания большого искусства. Но все же художественная практика весьма отстает от практики социалистического строительства, что вызывает законное недовольство широчайших масс рабочего класса и колхозного крестьянства, требующих ускорения перестройки литературного движения, требующих произведений, в которых их борьба нашла бы свое яркое выражение. Выступление т. Косарева и «Комсомольской правды» и было выражением этих новых требований новых читателей и участников литературного движения.

Лозунг партии «создать Магнитострой литературы» ориентирует литературное движение в направлении творческой перестройки, он требует от всего фронта литературы боевого вилючения в практику социалистического строительства.

Литературная критика еще более отстает от этой практики, указания т. Сталина ею не выполнены. Несмотря на некоторые успехи за эти два года (борьба с перверзевщиной и воронщиной, борьба с «Литфронтом», рост конкретной критики, борьба с нацдемщиной), наша литературная критика еще не стоит на необходимом высоком теоретическом уровне, она не проявляет в ряде случаев партийной бдительности, оставляет без отпора кулацкие и буржуазные вылазки, самая борьба сопровождается иногда неверными лозунгами (как это было с лозунгом «за плехановскую ортодоксию»). Большевистская непримиримость, воинствующая партийность, коммунистическая бдительность, марксистско-ленинская глубина должны быть неотъемлемыми качествами нашей критики, без чего она не может дать «практикам силу ориентировки, ясность перспективы, уверенность в работе, веру в победу нашего дела» (Сталин).

Двухлетие исторического выступления т. Сталина должно стать для всего фронта литературы и критики мощным стимулом к полному выполнению задач, поставленных руководителем ленинского ЦК, верным учеником Ленина, вождем мировой революции т. Сталиным.

ПИСЬМО т. СТАЛИНА И ЗАДАЧИ ВОАПП

ПОСТАНОВЛЕНИЕ СЕКРЕТАРИАТА ВОАПП

Письмо тов. Сталина в редакцию [illegible] ных вопросах истории большевизма» ставит во весь рост задачу усиления борьбы за партийность в теории, против всех и всяких враждебных марксизму-ленинизму систем и других гнилого либерализма по отношению к вопиющим. Письмо особенно заостряет внимание на новых формах маскировки троцкизма, этого передового отряда контрреволюционной мировой буржуазии. Рассказчики Случаях и Волосевичей, письмо показывает, как троцкизм пытается извратить историю большевистской партии, обелостать ленинизм, противопоставить ему идеологию троцкизма. Письмо учит нашей либеральным по отношению к троцкистским и иным классово-враждебным пролетарскую литературу вылазкам, происшим «за счет кровных интересов большевизма».

Указаны, данные т. Сталиным в его письме коммунистам, разрабатывающим историю партии, имеют самое непосредственное отношение ко всем [illegible] пролетариата, действующим на идеологическом фронте. Успехи развернутого социалистического наступления, решение внутри СССР вопроса «кто кого» в пользу социализма, завершение фундамента социалистической экономики, приближение второй социалистической пятилетки, развертывание культурной революции — выдвинуло оружие из рук классовых врагов пролетариата. Но тем ожесточеннее занимает классовый враг свои последние позиции (в том числе и на идеологическом фронте), пытаясь закрепить свои связи с международной контрреволюционной буржуазией, прибегая к новым, все более утонченным формам замаскированной, эксплуатируя еще непреодоленные трудности социалистического строительства, используя каждый случай недостаточной бдительности или грубого либерализма в том или ином отряде пролетариата.

Партия ставит перед пролетарским литературным движением задачу преодоления его отставания от задач социалистического строительства, осуществления решительного перелома в перестройке рядов движения, создания Магнитостроев литературы. Борьба пролетарской литературы за гегемонию предполагает усиление борьбы за ленинское мировоззрение, за повышение идейного уровня за идейно-художественное качество. Не может быть большевистской литературной практики без большевистской литературной теории. В свете письма тов. Сталина необходимо всему ВОАПП осмыслить новые задачи, встающие перед ним.

Всесоюзное пролетарское литературное движение имеет принципиально-теоретическую и литературно-политическую [illegible] [illegible] [illegible]

ПО БОЛЬШЕВИСТСКИ ДРАТЬСЯ ЗА КРОВНЫЕ ИНТЕРЕСЫ БОЛЬШЕВИЗМА!

УСИЛИТЬ БОРЬБУ ЗА ПАРТИЙНОСТЬ В ЛИТЕРАТУРНОЙ ТЕОРИИ!

ОБЗОР ПЕЧАТИ

ТРОЦКИСТСКИЕ КОНТРАБАНДИСТЫ и ИХ ПОКРЫВАТЕЛИ

Решением ячейки ВКП(б) ИНЯИ и партколка Академии наук СССР, Г. Горбачев как неразоружившийся троцкист, протаскивавший контрабанду в своих литературоведческих работах совершенно замаскированную троцкистскую концепцию, исключен из партии.

**
*

В связи с исключением Г. Горбачева из рядов ВКП(б) в «Ленинградской правде» помещена статья бригады ЛИЯ ЛОКА (О. Адамович, А. Дмитриев, Е. Дубин, Крикунович, И. Крицкий).

Считая, что горбачевщина должна рассматриваться «отнюдь не как узко литературное явление, а как контрабандная вылазка контрреволюционного троцкизма под знаком литературоведения», и что «в борьбе с горбачевщиной, как и со всеми другими проявлениями контрабанды врага, не может быть места никакому «гнилому либерализму», бригада ЛИЯ ЛОКА ставит вопрос о привлечении к ответственности руководства ячейки ИНЯИ, «проявившего не только «гнилой либерализм» в отношении Горбачева, но и прямое покрывательство его контрабанды».

Это утверждение бригады ЛИЯ ЛОКА иллюстрирует рядом фактов. Бюро ячейки ИНЯИ не только не участвовало в борьбе с горбачевщиной, но «с чрезмерной предусмотрительностью и положительной мягкостью спасало Горбачева от рядов политической критики». ИНЯИ был фактически штаб-квартирой горбачевщины (Горбачев — зам. директора, научные работники — Лелевич и Родов). После резолюции директора ЛИЯ ЛОКА о Горбачеве, бюро ячейки ИНЯИ принимает решение, где только «рекомендует тов. Горбачеву пересмотреть свои взгляды с точки зрения политической и методологической их выдержанности». Горбачев подает ряд заявлений одно лицемернее и помилованнее другого. Все эти заявления штампуются поставленным бюро «считать удовлетворительным». Такое постановление выносится и по поводу последнего заявления Горбачева от 3 декабря, т.-е. после письма тов. Сталина.

В «Ленинградской правде» приводятся выдержки из этого «разоружения» Горбачева:

«Искренне отойдя от отношения к началу 1931 года, отвергнув ее основные антимарксистские установки, признав принципиальным партийные решения, я, в момент передачи книги, еще не назвал некоторых троцкистско-либеральных взглядов. С этим связано и принятие мною общей троцкистами и правыми оппортунистами формулировки о замедлении темпа роста промышленности в начале конструктивного периода и ликвидаторски-пессимистического пролога по отношению к перспективам общественного развития сельского хозяйства на ближайшие годы».

Комментируя эту часть заявления, бригада ЛИЯ отмечает, что «такие положения, как против «уклонной кривой» промышленности, как ликвидаторски-пессимистический пролог и отношение общественного хозяйства, — это не «некоторые взгляды» и не отсебятина, а не хвосты троцкизма, а взятые с связи — троцкистская концепция, концепция «термидора».

— Политически вредным является отсутствие во втором издании книги, — пишет Горбачев, — политически отмежевания от первого издания и конкретной критики троцкистских взглядов, а лишь общие и слабые указания на необходимость борьбы не только с правым, но и «левым» оппортунизмом.

«Левый» оппортунизм! Мягко сказано о троцкизме, ставшем головным отрядом и идеологией контрреволюционной буржуазии.

Дальше. Такое отношение к передаванию привело, с точки зрения Горбачева, не больше как к... «объективной контрбазне идеологии троцкизма».

«Объективная контрабанда»! Опять довольно мягко и лицемерно сказано о политической троцкистской вылазке против партии.

«Ячейка инструкцию ЛИЯ ломаковцами к книге с обсуждением письма тов. Сталина привлечена к себе бюро ячейки ИНЯИ. Вопрос был поставлен ребром: мы обвиняем вас не только в либерализме, но и в прямом покровительстве Горбачеву и примиренчестве к нему. На партийном языке это известно, как известно, и оппортунизмом.

Что ответило руководство ячейки ИНЯИ?

Секретарь ячейки тов. Ухмылова, в своем первом выступлении оказалась с «объективные причины», вроде значительности и недостаточной подготовленности (!) ячейки, но затем выступления крайне странно объясняя формулировку «считать удовлетворительной» — «мы-де учитывали явление Горбачева как... партийный доступного». И тут же набросилась на товарищей, резко осуждавших линии, первое отсутствие линии у бюро ячейки — «вы наклеиваете нам ярлычки»... «мы и сами знаем, как это называется».

Только в третьем выступлении, уже к концу собрания, тов. Ухмылова признала, что ей вменило «партийное чутье», и обязалась завтра же собрать ячейку ВКП(б) для решения вопроса о дальнейшем пребывании Горбачева в партии.

Но на этом не собрались другие представители бюро ячейки т. Лемтуло (через которых подсознательно либерализма бюро рассказал, что в бюро были платформы (Немегулов, Родов) и что именно неизжитая платформенная групповщина обусловила сочувственное покровительство Горбачеву.

**
*

Выкорчевать из либерализма ячейки ИНЯИ одним исключением Г. Горбачева? Бригада ЛИЯ дает отчетливый ответ. Она приводит резолюцию собрания ячейки об исключении Г. Горбачева.

Исключая Горбачева, собрание считает, что он «не разоружился до конца», а то время как из последнего заявления Горбачева ясно, что он не хочет разоружаться. Оценивая линию поведения бюро, собрание квалифицирует ее, как «непростительную медлительность, переходящую границу либерализмом, граничащим с примиренчеством», фактически говорит о другом, о примиренческом и о прямом покровительстве... Собрание решило «считать необходимым бюро ячейки переизбрать». Этого мало. Мало переизбрать бюро ячейки. Надо до конца покончить с либерализмом, с остатками примиренчества и покрывателей принять и практические мероприятия.

Ячейка ИНЯИ еще не развернула широко разоблачения троцкистской контрабанды в литературоведении. О частности, она еще не рассказала, что в бюро были платформенцы (Немегулов, Родов) и тем именно неизжитая платформенская групповщина обусловила сочувственное покровительство Горбачеву.

**
*

Выкорчевать из либерализма ячейки ИНЯИ одним исключением Г. Горбачева?

ТВОРЧЕСКИЙ СМОТР МОЛОДЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

„ЭСКАДРОН КОМИССАРОВ" ГАНИБЕСОВА*

Повесть трактует о событиях, относящихся к 1929—30 годам (начало ликвидации кулачества как класса, начало развертывания колхозного движения, зарождение и утверждение социалистического соревнования). Ганибесов описывает бесхозяйственную жизнь кавалерийского эскадрона, классовое самосознание красноармейцев. Передовики подчеркивают отсталых, пытаются мобилизовать, пытаясь халатное отношение к службе, социалистическое соревнование становится повседневным методом борьбы за боевые успехи. Эскадрон растет, как мощная боевая и политическая сила. «В эскадроне был один комиссар, а теперь надо, чтобы был эскадрон комиссаров» (стр. 96). Сильный еврейский эскадрон — это только узкий тематический участок. На материале этой небольшой части Красной армии развертывается идея борьбы за оборону страны.

В чем положительные стороны повести? Автор сумел показать армию как классовый организм. Красная армия не представляет собой серого людского скопления. В отличие от всех других армий она классова вполне; она не представляет собой того воинского противоречия, которым является армия империалистическая, где лишен к лишу скопился классовые противники.

Но, с другой стороны, это не абсолютно

* В. ГАНИБЕСОВ. «Эскадрон комиссаров». ГИХЛ. Лен. Балт. ЛОКАФ. 1931 г. Серия «Литература и война». Ц. 2 р. Тираж 5.000.

чий человеческий скопляк. Передовики, организованные в партию, кандидаты и передовики, общим-передовики, от фонем, на которых развертывается повествование, до фигуры командующего эскадроном т. Ганибесова дают нам фигуры живых красноармейцев, борющихся за лучшее боевое знамя своих подразделений.

Но тем более интересно нам указать, где в творческой биографии автора мы должны указать на недостатки книги Ганибесова-комиссара.

Одна из схематизма и эмпиризма книги — это творческие ошибки автора, которые не дают их в действии: основной упор он делает на показе отдельных, не связанных между собой, не имеющих внутренней связи эпизодов, которые должны были показать сложность и напряженность классовой борьбы. Начальствующий состав зимин оказался фактически затененным. Говоря о командирах эскадрона (эскадрон — комиссаров), автор вместе с тем растворил самих комиссаров в гуще бойцов. Таким образом побеждает стихийность, теряется организующее начало.

В. Ганибесов, написавший о бывшем хорошую книгу о Красной армии, несет вместе с тем ее существенные недостатки.

Дальнейший творческий путь Ганибесова должен помочь действительное преодоление этих ошибок, претящих книге полученным средствам в его первой повести.

И. ЭВЕНТОВ

О СТИХАХ ФЕФЕРА*

И. Фефер появился в еврейской советской поэзии в годы гражданской войны. Эти годы застали поэта не только в комсомольском возрасте, но и с комсомольским мировоззрением. Образы классовых боев на Украине проникли в его сознание, резко повернули с бытовых мелкобуржуазных рельсов комсомольских стихов, с четкими и ясными классовыми позициями. Характерно, что одно из первых стихотворений, открывающих книгу стихов «О себе, подобных» поэт с юношеской откровенностью от них, кем порвут с прошлым и своим мелкобуржуазным другой стихи, от скорбно мудрствующих «лишенцев», отрывается от гражданской войны на полях советской родины, чувство близости с ней:

Я полон ясностью, она в крови. 9 стихах,
В моих словах.
Мне эта ясность с детства горячо друг.
И все, что мне вчера нарядно в песнях,
Сегодня на земле разбросано вокруг.
...Кричу и от имени сотен:
Бросьте лживость, — ясность вокруг.
(Перевод М. Голодного).

Вначале эта внешняя ясность простота, обусловлены и бесхитростно-прямолинейная тема с ясности пышет подозрительное к себе отношение. Нет ли здесь налета упрощенчества, умения и внешней гладкости? Более внимательный подход к текстам позволил рассеять это впечатление. Эта ясность Фефера подкупительна, как «формула перехода» к новой тематике, как закономерные ломки самоутверждения еврейской пролетарской лирики, знаменующейся не только от остатков местечкового мировоззрения, но и от влияния тех, кто свое «преодоление с прошлым», расставание с местечком и местечковым кругозором представил единым мышью расчесанных и черепу расплющенных лирических похорон.

«Лишь сам, — справедливо восклицает поэт, — бесам и зараженным детям, еврейским досталась расширять». Стихи Фефера на известном этапе представляли собой критическую демонстрацию решительного — как смотрел — разрыва со вчерашним, именно разрыва, а не символического расставания.

Надо было со всей резкостью рвать со стихией на национальную «лишенку» в поэзии, с приверженностью к узко национальной тематике, с остатками национал-демократических иллюзий, выходящих сознательно или в открытых идеологических высказываниях, так и в отдельных любовно смакуемых образах, — во всем этом чрезвычайно революционных, по существу чуждых и враждебных символах.

«Горе поэту, что лишь стремится», — воскликнул он в одной из своих ранних программных деклараций. Выспренность этих органически чуждых творческим установкам Фефера. И его стихи о годах, окрашенных пессимизмом, и его трехстишия (в двух первых книгах стихов) звучат отрывисто и грубо, как и встречается исключительно редко, напряженным в поэзии; лишь, в отличие от бытовой беспорядочной пальбы, предпочитающей только пустить звук в «лоб» и «висок» в ситуации бандитских перестрелок, поэзия Фефера — это целенаправленный выстрел, это — «в сердце».

Фактура его образов чрезвычайно проста. В частности фигуры лирического героя — в рамках еврейской поэзии — с ранней пролетарской поэзией мы имеем с виршами о ледоходах рифмы малыми, но это — с конкретностью без романтических реминисценций. Для лирики Фефера особенно характерно отсутствие внешней интернациональной классовой солидарности. Понимание он доказывает «себе и себе подобных» — еврейскую пролетарскую и полупролетарскую молодежь в годы борьбы за советскую Украину — рядом с «бронзовыми, степными» богунцами и тарашанцами —

— рука к руке, к плечу плечо,
нога к ноге, шинель к шинели...

И когда в последующих книгах своих стихов («Найденные некры», «Ремонт») Фефер переходит к тематике социалистического строительства, он знает также конкретно, как и раньше, о чем говорит:

Нет сожаленья! Но нет и абстрактных истерических эмоциональных перепрыгов с сторону этических зарисовок, связанной индустриализации. Нет легкого игнорирования конкретных вопросов, связанных с ростом нового советского местечка и жизнью еврей-кустарей. Нет отрицания этой еще неизжитой темы. И недаром Фефер возвращается к местечковому быту не только в поэме «Мусор поэтов», но и совсем недавно в книге «Ремонт» («Грузины»).

Беспомощная «пыльное местечковое детство, комы в небе, синяки и грязь» и сравнивая его с контурами нового местечка, поэт художественно сильно не там, где замечается перемещение отсебятины, а когда сознательно показывает лица «будничных и простых евреев» — бондарей и сапожников — всех этих рыцарей ножниц, топоров и пил», читающих москвичей «Эмес» и «сидящих по сие одесский черновик».

Наряду с этим передки у Фефера четкие обзоры. Его творческий путь не автобиографии и от времени до времени дает срывы. В частности тяга к «общим песням», кокетство в подборе метафор оставили налет рационализма и схематизма на всем его творческом облике. Будем надеяться, что это неудачные «зигзаги творческого роста» Фефера как пролетарского поэта, которые будут «сняты» дальнейшим ростом и что и всей еврейской пролетарской поэзии.

Этапы творческого пути Фефера интересны и тем, что довольно четко иллюстрируют взаимодействие еврейской и украинской советских литератур. Мы говорим не столько о некоторых формальных влияниях украинских советских лириков на Фефера (хотя иногда они особенно заметны — например, фефферовская строфа «длины вроде разбежались от страха» сразу же заставляет вспомнить о «разбежавшихся квартиралах» Тычины), сколько о взаимодействии общих тематических мотивов (Днепр, Днепрострой) и сближении отдельных образов украинского и еврейского фольклора, данных с одинаковой пронзительной интонацией.

С этой точки зрения можно говорить о Фефере как вусловском писателе — в широком смысле этого слова.

Сборник стихов Фефера, переведенный на русский язык, должен помочь нашему более конкретному ознакомлению русских читателей с еврейской советской поэзией, в рядах которой не мало талантливейших художников. Поэтому выпущенный ГИХЛ «Сборник еврейской советской поэзии» является на редкость неудачным по выполнению.

К сожалению, несмотря на удачу отдельных переводов Багрицкого, Светлова, Антокольского, Голодного, Кольцова, Бродского, в этот сборник Фефера в целом производит отнюдь не благоприятное впечатление. Не обошлось без отдельных кляксов и отсебятин. К тому же книжный из поэтов перевод еврейского лирика по своему: писателя, как бы растившим на кустах «Многоголосье» сборника лишает читателя единства творческого роста.

Коллегиальность в переводе одного поэта приводит к обезличиванию переводимого. Было бы значительно целесообразней поручать избранные стихи одного поэта под ответственность одного же поэта-переводчика, вместе с тем, так сказать, индивидуальное прикрепление.

А. ЛЕЙТЕС

Не преодоленный эклектизм

О „ЛИ ОКОЛЕ" А. СИТКОВСКОГО*

Аркадия Ситковского считают молодым пролетарским поэтом, хотя он пишет уже давно. За это время им выпущено несколько сборников стихов, мало замеченных как критикой, так и читателями. В чем тут вина, в читателях или в поэте?

Недавно в ГИХЛ вышла новая книга стихов Ситковского «Цоколь». Она подтверждает, что вина в поэте. Основное, что является общим пафосатом во всем творчестве Ситковского — это одинаково низкий политический и художественный уровень. В этом сборнике нет таких стихотворений, о которых можно было бы сказать, что они или политически сильны, а художественно слабы, или наоборот. У Ситковского мы видим все еще преодолевающийся, но не преодоленный эклектизм, соответствующий поверхностному мировоззрению.

Темы Ситковского — «Стройка», «Счастливые будни», «Здоровая молодость», «Труд», «Быт», «Воспоминания о гражданской войне». По своей тематике и построению он больше всего напоминает А. Жарова, хотя подражает не одному ему. В частности, сильно чувствуется Маяковский, особенно в стихотворении «Графу Толстому — непротивленцу». Очень ярко самое ребячье содержание Маяковскому:

«Граф Лев Толстой.
Вдумайтесь, что вышло:
Гибнь заглохла
Россию жгать в золу.
Как, скажите,
Их бы поступили:
Неужели
Не протянулись вы?
Вас бы первого
За эту добродетель
Кольцом
Пустили вроде в расход».

Или в конце этого стихотворения:

«Всех толстовцев,
Проповедай, сразу
Выпроваживай
Да на рога возьму.
Выгравий
Дырявую заразу
И сокровищайся ту!»

От Жарова Ситковский взял тему бодрости, оптимизма и молодости. Но он не сумел преодолеть отрицательные моменты в творчестве Жарова и использовать положительные. У Жарова например все достоинство есть одна большая достоинство: умение обобщить конкретные факты, конкретные темы так, чтобы они были частичными приемами, действенны и актуальны. У Ситковского же в сборнике нет ни одного стихотворения, в котором бы нам была подана на большой идейно-художественной основе, обобщена и вылита бы сыграть действующую роль.

Общественная значимость стихов Ситковского падает на значимость его языка, часто вдобавок и языка неряшливого, иногда просто эстетски-безразличного, а иногда и просто эстетски-вкусового. В таком стиле написано большинство его стихов. Вот, например, одно из стихотворений Ситковского:

«... Без всякой
Вашей любви,
И более
Не буду просить.
Я вычеркнул
Вас сегодня
Из строчек моих».

Дух Ситковский считает, что дело отдельной жизни и любви, а быт поэтом не замечен. Интересно и здорово он решает свои темы:

«Здесь встретишь пахот
И дерзких дел
Кругом, больше стонов
От ваших забот».

Поэтому он и пишет:

«И спасибо и любви!)
И это мелочи...
... Они разрушают
И бьет всем
мое сердце
И кровь
...

Задачи не социально-классовые, условия времени диктуют быт, а мелочи быта, а мелочи.

Далее Ситковский считает возможным публиковать стихотворение, написанное в 1924 году в совершенно ином духе.

Получилось что-то вроде такого студенческого философского вопроса:

«Процесс диалектики
Крут и извилист.
Свободы нечего,
И сам народ,
Так гибнут мифы
И родятся на пятом».

Таким образом, за четыре, почти за шесть лет ничего нового не произошло. Мир и жизнь ухнули в пятый! И родился из этого Ситковский! Стоило ли ради этого писать?

Не менее показательны стихи из «Мексики», где Ситковского, восточную тематику. Автор романтично бродит среди «серых мексиканских скал, где на тонких ребро задирают бубенцы» и внезапно «вдруг» появляется «Он стоит на глиняном полу дома» и дальше вдруг поэт:

«Стог сена выходит по утрам.
Ты счастливая из всех
сна таких,
Твой привет дороже янтарей.
У тебя глаза
две спелых сливы.
Ты теперь не окунешься с ним
рук...
Ты теперь свободная чинам
И стреляешь умеешь из винтовок».

Нужно отдать справедливость поэту. Он, несмотря на традиционно-восточный жанр своей песни, оказался революционно Ситковского. Удивительное дело! Неужели на Кавказе нет других тем, нет новых героев и характеров. Вернее, наоборот. Их нового, их хорошего нет у самого Ситковского.

На схематизм, упрощенство, изолированность, даже на самый бестемный лозунг падает тень на ударных. Графомания стали серьезнее и строже. Надо их удостоверить повышенным качеством. Для этого требуется не только внимание литературного мастерства, но и умение применение его в творческой практике.

Г. ТИХОМИРОВ

РЕПЕРА СМОТРА НА ПРЕДПРИЯТИЯХ

* «Комсомольская правда» совместно с массовым сектором издательства «Молодая гвардия» организовала на предприятиях ряд вечеров, посвященных творческому смотру молодежной литературы.

* На Тушинской текстильной фабрике проведен вечер смотра творчества ИВ. МОЛЧАНОВА. После доклада т. ГРЕБНЕВОЙ и отзывах смотра и о творчестве Ив. Молчанова с критическим обсуждением произведений Молчанова выступили рабочие фабрики. Вечер смотра закончился выступлениями т. Молчанова и рядом ударников с чтением своих произведений.

* В клубе ФЗУ учебного комбината завода «Серп и молот» проведен вечер смотра творчества А. Безыменского. На вечере выступил т. Безыменский, который рассказал о своем творческом пути.

* Дзержинский райком комсомола совместно с райбюро МАПП и «Комсомольской правдой» организовал 24 декабря в театре им. Зарайского коллективный просмотр пьесы М. БОЛОСИНА и В. ГЕРАСИМОВОЙ «Проба». Обсуждение пьесы будет проведено на одном из предприятий Дзержинского района.

* В ближайшее время «Комсомольская правда» совместно с МАПП организует вечера творческого смотра молодежной литературы на следующих предприятиях: на заводе «Самотечка» будут обсуждены произведения Н. БОГДАНОВА — «Вылов». «Первая девушка». «Гигант пятилетки», на заводе «Красный пролетарий» будут разобраны произведения Д. АЛТАУЗЕНА; на заводе «Динамо» — книги М. ПЛАТОНОВКИНА и книги М. ЮРИНА — на заводе Маленкова.

* В начале января «Комсомольская правда», совместно с РАПП организует вечер пролетарских очерков на тему «Пролетарский очерк и молодежь» (очерки Ф. НАБОКОВА, В. СТАВСКОГО, В. ИЛЬЕНКОВА, А. ИСАХА, М. ЮРИНА и др.).

* МК комсомола, «Комсомольская правда», МАПП и МОПС организуют 7 января в Доме союза большой вечер, посвященный смотру молодежной литературы. Вступительное слово скажет зав. редактор «Комсомольской правды» т. А. ТРОЦКИЙ. После доклада А. ФАДЕЕВА «Молодежь в буржуазной и пролетарской литературе» выступят поэты: Д. ЖАРОВ, А. БЕЗЫМЕНСКИЙ, Л. АВЕРБАХ, И. МОЛЧАНОВ, А. СУРКОВ, С. КИРСАНОВ, Д. АРХАНГЕЛЬСКИЙ и др.

* На днях «Комсомольская правда» выпускает первую литературную, посвященную смотру молодежной литературы. В литературе будут подвергнуты критическому разбору произведения Б. ЛЕВИНА («Жизнь для товарища») и А. МИТРОФАНОВА («Июль — июль»).

СМОТР ПО РАДИО

Литературно-художественное вещание Радиоцентра включается в творческий смотр молодежной литературы. На днях с чтением новых стихов по радио выступили молодежные поэты: А. СУРКОВ, В. ГУСЕВ и С. ШИНКАРЕВ. Ближайшие радиопередачи будут посвящены творчеству шахтов-рабочих-ударников, творчеству А. Митрофанова и других молодежных авторов.

Каждые пять дней в литературно-художественной радиопередаче «На литературном посту» дается информация о ходе смотра.

* И. ФЕФЕР. — «Сборник стихов». ГИХЛ. 1931 г.

КАК „НОВЫЙ МИР" ИЗВРАТИЛ ХОД ДИСКУССИИ В ВССП

ИЗ ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПРАВЛЕНИЯ ВССП

Правление ВССП заслушало сообщение т. И. ОЛЕНИЧА о выводах комиссии, созданной в связи с неправильным освещением журналом «Новый мир» (№ 10 за 1931 г.) хода творческой дискуссии в ВССП.

Материал о творческой дискуссии в ВССП, помещенный в № 10 журнала «Новый мир», не дает правильного представления о дискуссии и докрывшихся в ходе ее очень крупных и острых боях на Украине проникли в его идейное сознание, резко повернуть с бытовых мелкобуржуазных рельсов комсомольских стихов, с четкими и ясными классовыми позициями. Характерно, что одно из первых стихотворений, открывающих книгу стихов «О себе, подобных» поэт с юношеской откровенностью от них, кем порвут с прошлым и своим мелкобуржуазным другой стихи, от скорбно мудрствующих «лишенцев», отрывается от гражданской войны на полях советской родины, чувство близости с ней:

Я полон ясностью, она в крови. 9 стихах,
В моих словах.
Мне эта ясность с детства горячо друг.
И все, что мне вчера нарядно в песнях,
Сегодня на земле разбросано вокруг.
...Кричу и от имени сотен:
Бросьте лживость, — ясность вокруг.
(Перевод М. Голодного).

Вначале эта внешняя ясность простота, обусловлены и бесхитростно-прямолинейная тема с ясности пышет подозрительное к себе отношение. Нет ли здесь налета упрощенчества, умения и внешней гладкости? Более внимательный подход к текстам позволил рассеять это впечатление. Эта ясность Фефера подкупительна, как «формула перехода» к новой тематике, как закономерные ломки самоутверждения еврейской пролетарской лирики, знаменующейся не только от остатков местечкового мировоззрения, но и от влияния тех, кто свое «преодоление с прошлым», расставание с местечком и местечковым кругозором представил единым мышью расчесанных и черепу расплющенных лирических похорон.

«Лишь сам, — справедливо восклицает поэт, — бесам и зараженным детям, еврейским досталась расширять». Стихи Фефера на известном этапе представляли собой критическую демонстрацию решительного — как смотрел — разрыва со вчерашним, именно разрыва, а не символического расставания.

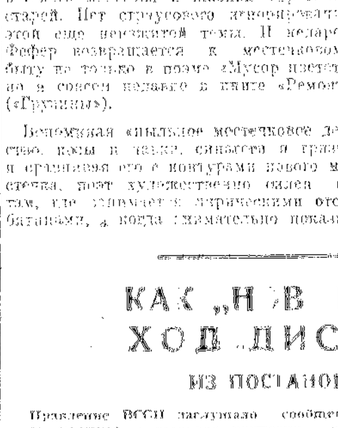
Надо было со всей резкостью рвать со стихией на национальную «лишенку» в поэзии, с приверженностью к узко национальной тематике, с остатками национал-демократических иллюзий, выходящих сознательно или в открытых идеологических высказываниях, так и в отдельных любовно смакуемых образах, — во всем этом чрезвычайно революционных, по существу чуждых и враждебных символах.

«Горе поэту, что лишь стремится», — воскликнул он в одной из своих ранних программных деклараций. Выспренность этих органически чуждых творческим установкам Фефера. И его стихи о годах, окрашенных пессимизмом, и его трехстишия (в двух первых книгах стихов) звучат отрывисто и грубо, как и встречается исключительно редко, напряженным в поэзии; лишь, в отличие от бытовой беспорядочной пальбы, предпочитающей только пустить звук в «лоб» и «висок» в ситуации бандитских перестрелок, поэзия Фефера — это целенаправленный выстрел, это — «в сердце».

Фактура его образов чрезвычайно проста. В частности фигуры лирического героя — в рамках еврейской пролетарской поэзии мы имеем с виршами о ледоходах рифмы малыми, но это — с конкретностью без романтических реминисценций. Для лирики Фефера особенно характерно отсутствие внешней интернациональной классовой солидарности. Понимание он доказывает «себе и себе подобных» — еврейскую пролетарскую и полупролетарскую молодежь в годы борьбы за советскую Украину — рядом с «бронзовыми, степными» богунцами и тарашанцами —

— рука к руке, к плечу плечо,
нога к ноге, шинель к шинели...

И когда в последующих книгах своих стихов («Найденные некры», «Ремонт») Фефер переходит к тематике социалистического строительства, он знает также конкретно, как и раньше, о чем говорит:



Нет сожаленья! Но нет и абстрактных истерических эмоциональных перепрыгов с сторону этических зарисовок, связанной индустриализации. Нет легкого игнорирования конкретных вопросов, связанных с ростом нового советского местечка и жизнью еврей-кустарей. Нет отрицания этой еще неизжитой темы. И недаром Фефер возвращается к местечковому быту не только в поэме «Мусор поэтов», но и совсем недавно в книге «Ремонт» («Грузины»).

Беспомощная «пыльное местечковое детство, комы в небе, синяки и грязь» и сравнивая его с контурами нового местечка, поэт художественно сильно не там, где замечается перемещение отсебятины, а когда сознательно показывает лица «будничных и простых евреев» — бондарей и сапожников — всех этих рыцарей ножниц, топоров и пил», читающих москвичей «Эмес» и «сидящих по сие одесский черновик».

Наряду с этим передки у Фефера четкие обзоры. Его творческий путь не автобиографии и от времени до времени дает срывы. В частности тяга к «общим песням», кокетство в подборе метафор оставили налет рационализма и схематизма на всем его творческом облике. Будем надеяться, что это неудачные «зигзаги творческого роста» Фефера как пролетарского поэта, которые будут «сняты» дальнейшим ростом и что и всей еврейской пролетарской поэзии.

Этапы творческого пути Фефера интересны и тем, что довольно четко иллюстрируют взаимодействие еврейской и украинской советских литератур. Мы говорим не столько о некоторых формальных влияниях украинских советских лириков на Фефера (хотя иногда они особенно заметны — например, фефферовская строфа «длины вроде разбежались от страха» сразу же заставляет вспомнить о «разбежавшихся квартиралах» Тычины), сколько о взаимодействии общих тематических мотивов (Днепр, Днепрострой) и сближении отдельных образов украинского и еврейского фольклора, данных с одинаковой пронзительной интонацией.

С этой точки зрения можно говорить о Фефере как вусловском писателе — в широком смысле этого слова.

Сборник стихов Фефера, переведенный на русский язык, должен помочь нашему более конкретному ознакомлению русских читателей с еврейской советской поэзией, в рядах которой не мало талантливейших художников. Поэтому выпущенный ГИХЛ «Сборник еврейской советской поэзии» является на редкость неудачным по выполнению.

К сожалению, несмотря на удачу отдельных переводов Багрицкого, Светлова, Антокольского, Голодного, Кольцова, Бродского, в этот сборник Фефера в целом производит отнюдь не благоприятное впечатление. Не обошлось без отдельных кляксов и отсебятин. К тому же книжный из поэтов перевод еврейского лирика по своему: писателя, как бы растившим на кустах «Многоголосье» сборника лишает читателя единства творческого роста.

Коллегиальность в переводе одного поэта приводит к обезличиванию переводимого. Было бы значительно целесообразней поручать избранные стихи одного поэта под ответственность одного же поэта-переводчика, вместе с тем, так сказать, индивидуальное прикрепление.

А. ЛЕЙТЕС

Ю. ЮЗОВСКИЙ

„СТРАХ" АФИНОГЕНОВА в МХТ

Афиногеновский профессор Бородин оказался в положении мольеровского Журдена все время говорил грубой прозой классовой борьбы, полагая, что изъясняется возвышенными стихами чистой науки. Буржуазные Журдены в науке и искусстве не догадываются, или не желают вид, что не догадываются, об этой своей ошибке. Они окружали себя сплошным орехом отчужденности от враждебного быта. Они обслуживали при этом жертвенную манию спасать мир. Знаменитая башня из слоновой кости может иметь весьма прозаическое наименование, хотя бы — лаборатория физиологических стимулов. «Чистое искусство» звучит так же, как «чистая наука». Спасать мир красотой можно с той же целью, как и спасать его стимулами. Эта философия была и есть основной мотор классовой борьбы. Классовый враг подменяет маску чистой истины и была человечества для того, чтобы вернее нанести удар. Афиногеновская пьеса беспощадно срывает эту маску. Она раскрывает классовую стратегию этого мотора. Она поднимает актуальную, боевую на сегодняшний день идею.

Бородин производит, что человеческим обиходом управляют физиологические стимулы: голод, любовь, месть и страх, точно так же, как в животном царстве или в мире птиц. Собственно человеческое общество нужно Бородину. Он обрезается на биологических вершинах чистой науки, он готов спуститься вниз только в экстренных случаях и крайнем раздражении на шум жизни, мешающий ему сосредоточиться на вечных проблемах мироздания. Классовая борьба — «вздор!» — заявляет профессор Бородин. Он, профессор, спасет человечество средствами своей биологической науки. Он, профессор, сделал наблюдение над окружающими его людьми, поведение которых поразительно совпадает с поведением животных, которых он изучал всякого рода. Вечные стимулы господствуют в мире. Вздор — классовая борьба! Вот Афиногенов разоблачает своего Журдена!

Афиногенов разоблачает Бородина, раскрывая законы той лжи, на которой основан человеческий организм. Передовики, организованные в партию, кандидаты и передовики, общим-передовики, от фонем, на которых развертывается повествование, до фигуры командующего эскадроном т. Ганибесова дают нам фигуры живых красноармейцев, борющихся за лучшее боевое знамя своих подразделений.

Но тем более интересно нам указать, где в творческой биографии автора мы должны указать на недостатки книги Ганибесова-комиссара.

Одна из схематизма и эмпиризма книги — это творческие ошибки автора, которые не дают их в действии: основной упор он делает на показе отдельных, не связанных между собой, не имеющих внутренней связи эпизодов, которые должны были показать сложность и напряженность классовой борьбы. Начальствующий состав зимин оказался фактически затененным. Говоря о командирах эскадрона (эскадрон — комиссаров), автор вместе с тем растворил самих комиссаров в гуще бойцов. Таким образом побеждает стихийность, теряется организующее начало.

В. Ганибесов, написавший о бывшем хорошую книгу о Красной армии, несет вместе с тем ее существенные недостатки.

Дальнейший творческий путь Ганибесова должен помочь действительное преодоление этих ошибок, претящих книге полученным средствам в его первой повести.

И. ЭВЕНТОВ

О СТИХАХ ФЕФЕРА*

И. Фефер появился в еврейской советской поэзии в годы гражданской войны. Эти годы застали поэта не только в комсомольском возрасте, но и с комсомольским мировоззрением. Образы классовых боев на Украине проникли в его сознание, резко повернули с бытовых мелкобуржуазных рельсов комсомольских стихов, с четкими и ясными классовыми позициями. Характерно, что одно из первых стихотворений, открывающих книгу стихов «О себе, подобных» поэт с юношеской откровенностью от них, кем порвут с прошлым и своим мелкобуржуазным другой стихи, от скорбно мудрствующих «лишенцев», отрывается от гражданской войны на полях советской родины, чувство близости с ней:

Я полон ясностью, она в крови. 9 стихах,
В моих словах.
Мне эта ясность с детства горячо друг.
И все, что мне вчера нарядно в песнях,
Сегодня на земле разбросано вокруг.
...Кричу и от имени сотен:
Бросьте лживость, — ясность вокруг.
(Перевод М. Голодного).

Вначале эта внешняя ясность простота, обусловлены и бесхитростно-прямолинейная тема с ясности пышет подозрительное к себе отношение. Нет ли здесь налета упрощенчества, умения и внешней гладкости? Более внимательный подход к текстам позволил рассеять это впечатление. Эта ясность Фефера подкупительна, как «формула перехода» к новой тематике, как закономерные ломки самоутверждения еврейской пролетарской лирики, знаменующейся не только от остатков местечкового мировоззрения, но и от влияния тех, кто свое «преодоление с прошлым», расставание с местечком и местечковым кругозором представил единым мышью расчесанных и черепу расплющенных лирических похорон.

«Лишь сам, — справедливо восклицает поэт, — бесам и зараженным детям, еврейским досталась расширять». Стихи Фефера на известном этапе представляли собой критическую демонстрацию решительного — как смотрел — разрыва со вчерашним, именно разрыва, а не символического расставания.

Надо было со всей резкостью рвать со стихией на национальную «лишенку» в поэзии, с приверженностью к узко национальной тематике, с остатками национал-демократических иллюзий, выходящих сознательно или в открытых идеологических высказываниях, так и в отдельных любовно смакуемых образах, — во всем этом чрезвычайно революционных, по существу чуждых и враждебных символах.

«Горе поэту, что лишь стремится», — воскликнул он в одной из своих ранних программных деклараций. Выспренность этих органически чуждых творческим установкам Фефера. И его стихи о годах, окрашенных пессимизмом, и его трехстишия (в двух первых книгах стихов) звучат отрывисто и грубо, как и встречается исключительно редко, напряженным в поэзии; лишь, в отличие от бытовой беспорядочной пальбы, предпочитающей только пустить звук в «лоб» и «висок» в ситуации бандитских перестрелок, поэзия Фефера — это целенаправленный выстрел, это — «в сердце».

Фактура его образов чрезвычайно проста. В частности фигуры лирического героя — в рамках еврейской пролетарской поэзии мы имеем с виршами о ледоходах рифмы малыми, но это — с конкретностью без романтических реминисценций. Для лирики Фефера особенно характерно отсутствие внешней интернациональной классовой солидарности. Понимание он доказывает «себе и себе подобных» — еврейскую пролетарскую и полупролетарскую молодежь в годы борьбы за советскую Украину — рядом с «бронзовыми, степными» богунцами и тарашанцами —

— рука к руке, к плечу плечо,
нога к ноге, шинель к шинели...

И когда в последующих книгах своих стихов («Найденные некры», «Ремонт») Фефер переходит к тематике социалистического строительства, он знает также конкретно, как и раньше, о чем говорит:

Нет сожаленья! Но нет и абстрактных истерических эмоциональных перепрыгов с сторону этических зарисовок, связанной индустриализации. Нет легкого игнорирования конкретных вопросов, связанных с ростом нового советского местечка и жизнью еврей-кустарей. Нет отрицания этой еще неизжитой темы. И недаром Фефер возвращается к местечковому быту не только в поэме «Мусор поэтов», но и совсем недавно в книге «Ремонт» («Грузины»).

Беспомощная «пыльное местечковое детство, комы в небе, синяки и грязь» и сравнивая его с контурами нового местечка, поэт художественно сильно не там, где замечается перемещение отсебятины, а когда сознательно показывает лица «будничных и простых евреев» — бондарей и сапожников — всех этих рыцарей ножниц, топоров и пил», читающих москвичей «Эмес» и «сидящих по сие одесский черновик».

Наряду с этим передки у Фефера четкие обзоры. Его творческий путь не автобиографии и от времени до времени дает срывы. В частности тяга к «общим песням», кокетство в подборе метафор оставили налет рационализма и схематизма на всем его творческом облике. Будем надеяться, что это неудачные «зигзаги творческого роста» Фефера как пролетарского поэта, которые будут «сняты» дальнейшим ростом и что и всей еврейской пролетарской поэзии.

Этапы творческого пути Фефера интересны и тем, что довольно четко иллюстрируют взаимодействие еврейской и украинской советских литератур. Мы говорим не столько о некоторых формальных влияниях украинских советских лириков на Фефера (хотя иногда они особенно заметны — например, фефферовская строфа «длины вроде разбежались от страха» сразу же заставляет вспомнить о «разбежавшихся квартиралах» Тычины), сколько о взаимодействии общих тематических мотивов (Днепр, Днепрострой) и сближении отдельных образов украинского и еврейского фольклора, данных с одинаковой пронзительной интонацией.

С этой точки зрения можно говорить о Фефере как вусловском писателе — в широком смысле этого слова.

Сборник стихов Фефера, переведенный на русский язык, должен помочь нашему более конкретному ознакомлению русских читателей с еврейской советской поэзией, в рядах которой не мало талантливейших художников. Поэтому выпущенный ГИХЛ «Сборник еврейской советской поэзии» является на редкость неудачным по выполнению.

К сожалению, несмотря на удачу отдельных переводов Багрицкого, Светлова, Антокольского, Голодного, Кольцова, Бродского, в этот сборник Фефера в целом производит отнюдь не благоприятное впечатление. Не обошлось без отдельных кляксов и отсебятин. К тому же книжный из поэтов перевод еврейского лирика по своему: писателя, как бы растившим на кустах «Многоголосье» сборника лишает читателя единства творческого роста.

Коллегиальность в переводе одного поэта приводит к обезличиванию переводимого. Было бы значительно целесообразней поручать избранные стихи одного поэта под ответственность одного же поэта-переводчика, вместе с тем, так сказать, индивидуальное прикрепление.

А. ЛЕЙТЕС

Ю. ЮЗОВСКИЙ

„СТРАХ" АФИНОГЕНОВА в МХТ

Афиногеновский профессор Бородин оказался в положении мольеровского Журдена все время говорил грубой прозой классовой борьбы, полагая, что изъясняется возвышенными стихами чистой науки. Буржуазные Журдены в науке и искусстве не догадываются, или не желают вид, что не догадываются, об этой своей ошибке. Они окружали себя сплошным орехом отчужденности от враждебного быта. Они обслуживали при этом жертвенную манию спасать мир. Знаменитая башня из слоновой кости может иметь весьма прозаическое наименование, хотя бы — лаборатория физиологических стимулов. «Чистое искусство» звучит так же, как «чистая наука». Спасать мир красотой можно с той же целью, как и спасать его стимулами. Эта философия была и есть основной мотор классовой борьбы. Классовый враг подменяет маску чистой истины и была человечества для того, чтобы вернее нанести удар. Афиногеновская пьеса беспощадно срывает эту маску. Она раскрывает классовую стратегию этого мотора. Она поднимает актуальную, боевую на сегодняшний день идею.

Бородин производит, что человеческим обиходом управляют физиологические стимулы: голод, любовь, месть и страх, точно так же, как в животном царстве или в мире птиц. Собственно человеческое общество нужно Бородину. Он обрезается на биологических вершинах чистой науки, он готов спуститься вниз только в экстренных случаях и крайнем раздражении на шум жизни, мешающий ему сосредоточиться на вечных проблемах мироздания. Классовая борьба — «вздор!» — заявляет профессор Бородин. Он, профессор, спасет человечество средствами своей биологической науки. Он, профессор, сделал наблюдение над окружающими его людьми, поведение которых поразительно совпадает с поведением животных, которых он изучал всякого рода. Вечные стимулы господствуют в мире. Вздор — классовая борьба! Вот Афиногенов разоблачает своего Журдена!

Афиногенов разоблачает Бородина, раскрывая законы той лжи, на которой основан человеческий организм. Передовики, организованные в партию, кандидаты и передовики, общим-передовики, от фонем, на которых развертывается повествование, до фигуры командующего эскадроном т. Ганибесова дают нам фигуры живых красноармейцев, борющихся за лучшее боевое знамя своих подразделений.

Но тем более интересно нам указать, где в творческой биографии автора мы должны указать на недостатки книги Ганибесова-комиссара.

Одна из схематизма и эмпиризма книги — это творческие ошибки автора, которые не дают их в действии: основной упор он делает на показе отдельных, не связанных между собой, не имеющих внутренней связи эпизодов, которые должны были показать сложность и напряженность классовой борьбы. Начальствующий состав зимин оказался фактически затененным. Говоря о командирах эскадрона (эскадрон — комиссаров), автор вместе с тем растворил самих комиссаров в гуще бойцов. Таким образом побеждает стихийность, теряется организующее начало.

В. Ганибесов, написавший о бывшем хорошую книгу о Красной армии, несет вместе с тем ее существенные недостатки.

Дальнейший творческий путь Ганибесова должен помочь действительное преодоление этих ошибок, претящих книге полученным средствам в его первой повести.

И. ЭВЕНТОВ

РЕПЕРА СМОТРА НА ПРЕДПРИЯТИЯХ

* «Комсомольская правда» совместно с массовым сектором издательства «Молодая гвардия» организовала на предприятиях ряд вечеров, посвященных творческому смотру молодежной литературы.

* На Тушинской текстильной фабрике проведен вечер смотра творчества ИВ. МОЛЧАНОВА. После доклада т. ГРЕБНЕВОЙ и отзывах смотра и о творчестве Ив. Молчанова с критическим обсуждением произведений Молчанова выступили рабочие фабрики. Вечер смотра закончился выступлениями т. Молчанова и рядом ударников с чтением своих произведений.

* В клубе ФЗУ учебного комбината завода «Серп и молот» проведен вечер смотра творчества А. Безыменского. На вечере выступил т. Безыменский, который рассказал о своем творческом пути.

* Дзержинский райком комсомола совместно с райбюро МАПП и «Комсомольской правдой» организовал 24 декабря в театре им. Зарайского коллективный просмотр пьесы М. БОЛОСИНА и В. ГЕРАСИМОВОЙ «Проба». Обсуждение пьесы будет проведено на одном из предприятий Дзержинского района.

* В ближайшее время «Комсомольская правда» совместно с МАПП организует вечера творческого смотра молодежной литературы на следующих предприятиях: на заводе «Самотечка» будут обсуждены произведения Н. БОГДАНОВА — «Вылов». «Первая девушка». «Гигант пятилетки», на заводе «Красный пролетарий» будут разобраны произведения Д. АЛТАУЗЕНА; на заводе «Динамо» — книги М. ПЛАТОНОВКИНА и книги М. ЮРИНА — на заводе Маленкова.

* В начале января «Комсомольская правда», совместно с РАПП организует вечер пролетарских очерков на тему «Пролетарский оч

МОБИЛИЗАЦИЯ или ДЕМОБИЛИЗАЦИЯ?

РУКОВОДСТВО МОПКП НЕ ВОЗГЛАВИЛО САМОКРИТИКУ

НА АКТИВЕ МОПКП

Собрание актива МОПКП, состоявшееся 23 декабря в клубе ФОСП, открылось вступительным словом т. П. Батюка, именовавшим данным докладом И. Астахов. Трудно подыскать более подходящее определение для этого доклада, чем «длинный»,—в нем были сжалены в кучу все привычные высказывания И. Астахов, с которыми он выступал и на дискуссии в РОПКП, и в Комакадемии, и на открытии семинара МОПКП.

В докладе далеко не достаточно была вскрыта необходимость серьезной перестройки РОПКП и ее критической секции. Не было даны конкретные пути и наметки этой перестройки, не были даже вскрыты недостатки, тормозящие развитие организации. О самокритике, начатой т. Астаховым в самый конец доклада, упоминалось вскользь и только лишь в плане обращения к членам РОПКП, а не к самому себе. Лишь мимоходом докладчик коснулся некоторых своих ошибок, не подвергая их обстоятельному анализу, не вскрывая их корней; совершенно ими случайно он не упомянул о тех из них, которые обнаруживают в его творческие перевороченные в литфронтовские корни.

Критическая секция РОПКП в целом недопустимо мало занималась разбором пролетарско - колхозной литературы. Многие произведения, протаскивающие приклеенную идеологию, остались неразработанными, многие не получили должной положительной оценки. Брянский отдел журнала «Земля советская» не имел четкой линии, допускал грубейшие ошибки. Это говорит о прорыве в критической секции РОПКП, чего не смогли не признать выступавшие в прениях члены секции тт. Ольман, Корнев, Амурский.

Чрезвычайно знаменательным было выступление А. Ревякина. Потянув с себя груз совершенных ошибок, А. Ревякин в пылу «раскаяния» не заметил, как говорины ряд других, не менее грубых промахов. Прежде всего А. Ревякин не охватил всего большого круга своих ошибок, а коснулся лишь некоторых из них, не дав им достаточно развернутого анализа. Эти ошибки, по признанию самого Ревякина, свидетельствуют об «аклассовости мировоззрения», о **скатывании на позиции классового врага**», пугающем в самом подробном вскрытии их корней.

А. Ревякин, стремясь смягчить ответственность за свои ошибки, пытался спрятаться за спину ЦС РОПКП. Это было выступление «с пустыми руками», ибо не содержало разоблачения ошибок, не констатирования противопоставления пролетарской идеологии каких-либо положительных работ не последовало, что свидетельствует о нежелании А. Ревякина разоблачить и преодолеть свои ошибки.

Многие из товарищей, выступивших после Ревякина, пытались, но не сумели дать ему должного отпора, вскрыть последовательно и подробно всю несостоятельность его выступления. Тов. Ольман, например, не нашел ничего более убедительного, как пригрозить «не верьте ему, товарищи» и показать, что именно он, Ревякин, провел организацию в «конструктивистском болоте».

В течение двух заседаний в прениях выступали тт.: Львов-Марсильин, Некрасов, Андрианов, Гомалов, Дальский, Ольман, Куниосов, Динер, Амурский, Беккер, Кудагин (Самарское отделение РОПКП), Корнев, Горовец, Богданов и др.

Необходимо отметить выступление Е. Перминова, сосредоточившего основное внимание на вопросах творческого порядка. Композиция, форма и язык подавляющего большинства произведений пролетарско-колхозных писателей оставляют желать лучшего. Романы пишутся по установленной схеме, произведения не дают диалектического раскрытия образа, не насыщены пафосом строительства, героикой нашего времени; молодые писатели пишут с недетскими литературными вывертами, своего рода словесный «трюк», вместо того чтобы писать простым, понятным массам художественным языком.

В создании полноценных художественных произведений должна выливаться повседневная перестройка писателей и всей организации.

***

3-е заседание актива МОПКП было занято выступлениями тт. Замойского, Дорогойченко, Канторгина, Бронтозона, Грачева и других. Продолжение отчета будет напечатано в следующем номере «Литгазеты».

Е. ПЕЛЬСОН

«В МОПКП ВСЕ СПОКОЙНО»

Грандиозные успехи социалистического строительства выдвинули перед литературой лозунг: «Создать Магнитострои литературы», создать такие произведения, в которых была бы отражена вся мощь рабочего класса, размах социалистического строительства, организация нового общества. Осуществить этот лозунг литература сможет только в том случае, если в кратчайшие сроки будет ликвидировано ее отставание от задач социалистического строительства, если литературные организации сумеют так перестроить свою работу, чтобы создать наиболее благоприятные условия для творчества.

5-й расширенный пленум правления РАПП положил начало такой перестройке. Вслед за РАПП и другие литературные организации, входящие в ФОСП, начинают свою перестройку.

Только в организации пролетарско-колхозных писателей незаметно каких-либо существенных сдвигов в перестройке, не видно изменения методов руководства и воспитания новых кадров. Все идет по-старому, по инерции. Наглядным доказательством такого положения является практика работы МОПКП. В течение небольшого отрезка времени в МОПКП сменялось два руководства, но положение дел в организации от этого нисколько не улучшилось. Все также господствует гнилой, болезненный, а в последнее время и растерянность руководства перед задачами, стоящими на очередь дня.

МОПКП, являющемся одним из основных организаций Российского общества пролетарско-колхозных писателей, проходит мимо крупнейших событий на литературном фронте. Так, например, за время недавно прошедшей дискуссии между РАПП и «Комсомольской правдой» руководство МОПКП продолжало отмалчиваться. Заметно ослабел за последнее время борьба с классово-враждебными тенденциями в литературе.

В течение года издательство МОПКП не сдвинулось. Секретариат работает недопустимо слабыми темпами. За последние полгода фракция ВКП(б) почти не собиралась. После обследования ЦС было снято руководство МОПКП, но новый ответственный секретарь тов. Ігорошкин в работе организации почти не принимает слабое участие. Ответсекретарь тов. Динер, вызванный из Улан-Удэ, также почти не появляется слабо. Два инструктора работают без всякого руководства со стороны секретариата МОПКП.

Такое положение в руководящем крайне отрицательно отражается на постановке производственно-творческих конгрессов. Договор о соцсоревновании с Таганрогским отделением РОПКП не выполнен, литкружки существуют больше на бумаге. Отсутствие живого материальных пропусков действует расхлябанно на рабочих литкружков. Организационно количество, т. е. как существуют литкружки. Учебные методические пособия для литкружков отсутствуют.

До сего времени действует программа ЦС ВОПКП, содержащая в себе ряд грубейших ошибок. На 13 тем — 7 посвящено формальной поэтике. Добросовестно переписана вся теория литературы формалиста Томашевского и позаимствован Фадеев (!). Оказывается, в ленинском наследстве нет ничего подходящего для того, чтобы учить метод диалектического материализма! Зато в качестве пособий рекомендуются книжки статей Крайского, Резникова, Щукина, Рязанова, Плеханова. В первой теме, где разъясняется социальное значение художественной литературы, читаем: «она (литература) является средством познания жизни и фундаментом (?!) для ее перестройки в революционном порядке». Таким образом получается, что до реконструктивного периода литература не была средством познания и оружием перестройки мира. Проблема метода подменяется антиисторической проблемой языка. С другой стороны, в программе нет упора на овладение диалектико-материалистическим творческим методом, на вопросы мастерства. Но это далеко не все ошибки программы для удивления.

Новая программа еще нигде не опубликована.

Нет-нет, а здесь отсутствует руководство литературными районной печати. Творческая продукция писателей членов МОПКП — значительной части пролетариата, не находит должного отклика.

Работа с рабкорами поставлена из рук вон плохо. Ни одного литературного вечера, ни одной читательской конференции МОПКП не провел. Не организовано ни одного выезда в рабочие коллективы.

Не лучше обстоит дело и с работой среди начинающих писателей. Литературная консультация для молодых писателей, организованная при МОПКП, по существу не работает. Ее руководитель тов. Ермилов, занятый другими делами, проходит мимо организации, не ведется систематической работы с консультантами,— так, например, в докладе тов. Астахова на последнем собрании актива МОПКП (осень), созванного не руководством МОПКП, а секретариатом РОПКП) было названо только два (!) консультанта и самой организации.

Хотя в МОПКП насчитывается три творческих бригады, но фактического руководства этими группировками нет, организация не сумела создать творческой атмосферы для работы писателей. В практике организации можно отметить такие случаи, когда вместо творческой помощи и большевистской критики ошибок отдельных писателей, ошибшихся товарищей объявлялись **«классовой опасностью»** (например тов. Дорогойченко).

Но само руководство МОПКП прошло мимо ошибок товарищей из Центрального совета РОПКП, не мобилизовало организацию на борьбу и исправление этих ошибок, а наоборот, своим молчанием санкционировало их.

Организационный 25 декабря расширенный секретариат ЦС в числе вопросов, подлежащих рассмотрению, также должен рассмотреть положение в МОПКП и обеспечить такое руководство, которое на основе **развития самокритики, в кратчайший срок** поставило бы **МОПКП** на **творческую организацию пролетарско-колхозных писателей** в первые ряды РОПКП.

Г. ТАРПАН
В. ЗАЛЕССКИЙ

ПЕРЕДАДИМ МОЛОДНЯКУ ТВОРЧЕСКИЙ ОПЫТ

Создание литературного отделения Всероссийского совета по радиофикации и радиовещанию является крупным шагом на пути использования радио для широкой пропаганды художественной литературы. Вокруг отделения должны группироваться писатели, работающие по радио. Отделение должно помочь им в овладении специфическими особенностями радиовещания, в создании произведений, которые могли бы с успехом передаваться по радио.

Вокруг литературного отделения Всероссийского совета по радиофикации и радиовещанию